КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

ЯНВАРЬ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го декабря 1885 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIV. 1886 г.

Январь, 1886 г.

Февраль, 1886 г.

Мартъ, 1886 г.

Апрѣль, 1886 г.

Кіевская Старина.

Изд. 1882 г. (54 экз.)

Четыре тома, въ больш. 8°, до 160 печатныхъ листовъ, болѣе 2500 стр.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI ст., проф. *В. Б. Антоновича.* Паны Ходыки, воротилы городскаго самоуправленія въ Кіевѣ въ XVI и XVII ст., *его-же.* Уманскій сотникъ Ив. Гонта, *его-же.* Дневникъ Освѣцима, переводъ съ польскаго, *его-же.* Поѣздка въ Бѣлую Церковь, *Н. И. Костомарова.* Матеріалы для исторіи Коліивщины, *его-же.* Матеріалы для біографіи Шевченка, *Н. М. Бѣлозерскаго.* Люди Старой Малороссіи (Лизогубы, Милорадовичи, Миклашевскіе, Свѣчки), *А. М. Лазаревскаго.* Сулиминскій фамильный архивъ, *его-же.* Украинская деревня половины настоящаго ст., *Е. М. Крыжановскаго.* Малорусскій вертепъ (съ нотами и рисункомъ вертепнаго ящика), съ предисловіемъ *Г. П. Галагана.* Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія въ харьковской губ., *А. Л. Шиманова.* Старинный южнорусскій театръ, проф. *Н. И. Петрова.* Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей (литерат. памятникъ XVIII ст.), *его-же.* Забытыя иноческія обители (монастыри холмскій и замостьскій), *его-же.* Кіевское представительство прежняго времени, *N.* Князья Ружинскіе, *И. П. Новицкаго.* Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, проф. *Ф. А. Терновскаго.* Альбомъ М. А. Максимовича, *С. И. Пономарева.* Южнорусскіе архіереи XVI и XVII в., *О. И. Левицкаго.* Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси, *его-же.* Разсказы о крестьянскихъ волненіяхъ 1855 года въ кіевской губерніи, свящ. *А. Ковальскаго.* Изъ воспоминаній потерпѣвшаго, прот. *В. Сикорскаго.* Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова. *N.* Почаевская Успенская Лавра, кн. *Н. С. Голицына.* Образцы обличительной литературы въ Малороссіи, *П. С. Ефименка.* Ссыльные малороссіяне въ Архангельской губ. (1708—1802), *его-же.* Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши послѣ ея раздѣла, *Е. К.* Поляки и Русины (къ исторіи ихъ отношеній), *Л. Мацѣевича.* Архіерейскія печали, *К. Березы.* Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на русскій языкъ, *П. И. Житецкаго.* Внутренніе распорядки Запорожья, *А. А. Скальковскаго.* Умань и Софіевка, *А. Смоктія.* Переписка Румянцева о возстаніи 1768 г.—Кромѣ того до 50 библіографическихъ отзывовъ о вновь выходящихъ книгахъ по южнорусской исторіи и болѣе 100 разныхъ разсказовъ и замѣтокъ. Приложены портреты: Богдана Хмельницкаго, Гонты, Саввы Туптала и Петра Могилы и видъ Кіев. Академіи и ея студентовъ 1697—1702 г.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Кіевская Старина.

Изд. 1883 г. (148 экз.)

Три большихъ тома, 160 печатныхъ листовъ, 2566 страницъ.

Главнѣйшія статьи и матеріалы:

П. А. Кулишъ и его послѣдняя литературная дѣятельность, *Н. И. Костомарова.* Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в., *его-же.* Серапіонъ, митрополитъ кіевскій, проф. *Ф. Терновскаго.* Фрески кіево-кирилловской церкви XII в., проф. *А. В. Прахова.* Замѣтки объ украинской народной словесности, *М. Т—ова.* Письма Шевченка къ Брон. Залесскому, съ пред. *его же.* Двѣ южнорусскія интермедіи

начала XVII ст., съ пред. *его-же.* Записки Карла Хоецкаго, съ пред. проф. *В. Б. Антоновича.* Судьба одного галицко-русскаго дѣятеля (И. Н. Вагилевича), *Я. Головацкаго.* Печерскіе Антики (изъ воспоминаній о Кіевѣ), *Н. С. Лѣскова.* Неизвѣстный доселѣ гетманъ (Д. Барабашъ), проф. *В. Б. Антоновича.* Анна-Алоиза, кн. Острожская, монографія *О. И. Левицкаго.* Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ картъ и вида Дунавца), *Ѳ. Кондратовича.* Удѣльный періодъ и его изученіе, *Д. И. Багалѣя.* Генеральная опись Малороссіи, *его-же.* Займанщина въ лѣвобережной Украйнѣ XVII—XVIII ст., *его-же.* Галагановскій фамильный архивъ, *А. М. Лазаревскаго.* И. П. Забѣла, знач. войсковой товарищъ, *его-же.* Смѣна народностей въ Южной Руси, *И. Житецкаго.* Волынская революція первой четверти XIX ст. (обширный современный мемуаръ), Ириней Фальковскій, коадъюторъ кіевскій, *Г. Булашева.* Воспоминанія о Шевченкѣ, *А. Смоктія.* Картинки народной жизни, *его-же.* Записки барона Тодта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г., съ пред. *С. Е.* Украинскія женщины (съ польскаго), разсказы д-ра *Антонія І.* Страшный Іосифъ (съ польскаго), *его-же.* Г. Ѳ. Квитка, историко-литературный очеркъ, *Н. Маркова.* Харьковскій Вертеръ, *А. Барымова.* Происхожденіе думы о Самойлѣ Кишкѣ, *В. П. Науменка.* Колонизація Кубанской области, *Ф. Щербины.* Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи, *его-же.* Ребъ-Лейбъ-Суресъ (еврейскія легенды), *А. Тарнавскаго.* Украинскій Соломонъ (по фамильнымъ воспоминаніямъ), *С. Д. Носа.* Предсмертная поземельная борьба Запорожья, *А. Шиманова.* Судъ надъ вѣдьмами въ Малороссіи, *П. С. Ефименка.* Шпитали въ Малороссіи, *его-же.* Братства и союзы нищихъ, *его же.* Куплетныя формы южнорусской пѣсни, *Ц. Г. Неймана.* Семенъ Гаркуша, *К. Кошовика.* Новыя свадебныя малорусскія пѣсни, *Ѳ. Николайчика.* Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ, проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* Посѣщеніе Кіева В. Кн. Павломъ Петровичемъ (современное описаніе). Разновидности Марцѣпанни и Ганнусковой горѣлки. Херсонесъ Таврическій (по поводу юбилея), *В. Ястребова.* По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской Лавры. *А. Тарнавскаго.* Къ 300-лѣтнему юбилею Ив. Ѳедорова, перваго русскаго печатника, *В. Ястребова.* Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго, *В. П. Горленка.* Изъ бумагъ холмскаго архива. Допросъ Григ. Герцыка объ участіи его въ измѣнѣ Мазепы, съ пред. *А. П. Барсукова.* Переписка гр. Румянцева о возстаніи 1768 г., О Бугскихъ казакахъ, *А. Скальковскаго.* Запорожскіе выборы и порядки (по современ. описаніямъ), *А. Андріевскаго.* Покровская церковь въ Переяславлѣ, *А. Т.* Второбрачіе южнорусскихъ священниковъ, *С. Ц.* Кафельные памятники XVIII в. Національные типы въ украинской словесности. Малорусскія эпитафіи XVIII в., *А. Маркевича.* Клады въ кіевской губерніи. Гетманъ Ив. Куцковичъ, *А. С—ка.* О Кіевской Десятинной церкви. Кіевская пертурбація 1786 г. Анатолій Мартыновскій, архіепископъ могилевскій, д-ра *Пирожкова.* Восемь писемъ Т. Г. Шевченка къ разнымъ лицамъ. Письма Н. В. Гоголя къ В. В. Тарновскому. Письма С. Т. Аксакова, Мерзлякова, Раича, кн. Ѳдоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова и др. къ М. А. Максимовичу, Письма Г. Ѳ. Квитки, митрополита Евгенія Болховитинова и др.; помѣщены также письма князя Конст. Конст. Острожскаго и холмскаго епископа Якова Суши; до 150 рецензій и мелкихъ замѣтокъ по исторіи и этнографіи Малороссіи. Портреты: доселѣ живущаго запорожца А. Коломыйца, жены Гонты, кн. Конст.-Конст. Острожскаго, знаменитаго ревнителя православія, и жены его, княгини Софіи.

Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкой 10 р.

Содержаніе книжекъ журнала за 1884 и 1885 г. будетъ помѣщено въ февральской книжкѣ.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ [1].

8. КУЛЯБКИ.

1. *Илья Кулябка*, протопопъ лубенскій 1651—1653 г.
2. *Иванъ Кулябка*, лубенскій мѣщанинъ и «арендаръ» 1653 г.; «мешканецъ лубенскій» 1671—1679 г.
3. *Петръ*, значный войсковый товарищъ 1707—1736 г. Жена—*Анна*, дочь *Данила Апостола*, полковника миргородскаго, потомъ гетмана . 2
4. *Федоръ*, род. 1664 † 1735 г. По универсалу лубенскаго полковника Свѣчки 1699 г., «домы п. Федора Кулябки съ зятьями Корнѣемъ, Василіемъ и Фомою, по ходатайству миргородскаго полковника Апостола, освобождены отъ становискъ (постоевъ) всякихъ компанейскихъ и посланическихъ наѣздовъ, до ласки войсковой, также и хутора ихъ во всемъ вольными должны быть» 2
5. *Петръ*, сотникъ полковой лубенскій 1733 г.; бунчуковый товарищъ 1736 года 3
6. *Симеонъ*, въ монашествѣ *Сильвестръ*, р. 1704 † 1761 г., архіепископъ петербургскій 3
7. *Иванъ*, сотникъ полковой лубенскій 1736 г.; обозный лубенскій 1752 г.; полковникъ лубенскій 1757—1773 г. Жена 1, дочь Владиміра Григорьевича Максимовича; 2, *Марья Степановна Максимовичъ*, по первому мужу Корецкая 3
8. *Василій*, бунчуковый товарищъ; въ 1754 г. купилъ у брата Петра с. Шершневку 3

   Дочь. Мужъ—*Федоръ Ширай* 1733 г. 3
9. *Григорій*, писарь полковой лубенскій 1713—1714 г.; сотникъ полковой лубенскый 1715—1731 г.; бунчуковый товарищъ. Жена—дочь Василія Жураковскаго, есаула генеральнаго 4

[1]) См. «Кіевская Старина», 1885 г., майск. кн., стр. 1—21.

Родъ Кулябокъ происходитъ изъ Лубенъ. «Славны Лубны Кулябками, а Хороль Родзянками», говорила мѣстная поговорка. По купчей 1651 г., лубенскій житель Процикъ Бутенко продалъ о. Иліи Кулябкѣ, священнику святотроецкому, протопопу лубенскому хуторъ свой подъ Лубнами, на Плютиномъ балку. По другой купчей 1653 г., лубенскій мѣщанинъ Степанъ Цилюрикъ продалъ хуторъ свой на Плютинцахъ «славетному Ивану Кулябкѣ, мѣщанину и арендару лубенскому». По купчей того-же года «славетный Мартынъ, козакъ войска запорожского, обыватель лубенскій продалъ хуторъ, албо сѣчъ свою, славетному его милости о. Иліи (Кулябкѣ), протопопѣ лубенскому святотроецкому». По купчей 1671 г., «славетне урожоный п. Яковъ Засядко (бывшій въ 1659 г. полковникомъ лубенскимъ), товарищъ и житель лубенскій, продалъ ставилъ (прудовъ) двѣ въ Лысой Горѣ, на греблѣ, славетне урожоному п. Ивану Кулябцѣ, мѣщанину и обывателю лубенскому». Затѣмъ въ «листѣ» лубенскаго полковника Ивана Федоровича (Сербина)

1674 г. читаемъ: «п. сотниковѣ лукомскому, симъ нашимъ унѣверсаломъ ознаймуемъ, ижъ знаючи мы и видячи здавна п. Ивана Кулябку, значного мешканца (жителя) лубенского, которой во всемъ есть мѣстцу (городу, т. е. Лубнамъ) всему во вшелякихъ потребныхъ рѣчахъ и ни въ чемъ не закрытый и до того особливая его такъ противно (въ отношеніи) насъ, общихъ людехъ, якъ и всему мѣстцу явная щирость, теды съ респекту нашего, хотячи его и въ дальшій часъ въ таковой-же щирости заховати, а то ведлугъ прозби п. Ивана Кулябки, тотъ его млинъ съ двома колами, въ с. Александровцѣ, купленній у священника Орбжицкого, нѣмъ (пока) тотъ урядъ (полковничества) на себѣ мѣтиму, уволняемо, позволяючи зъ него (млина) ему самому пожитокъ мѣти, варуючи тое, абы такъ отъ старшины лукомской, якъ и отъ дозорцовъ нашихъ жадной не было перешкоды»... Кромѣ этихъ актовъ, извѣстны еще три купчія 1673, 1676 и 1679 годовъ, по которымъ Иванъ Кулябка скупалъ земли около Лубенъ [1]).

Въ этихъ актахъ видимъ двухъ Кулябокъ—Илью и Ивана; въ какомъ родствѣ они были между собою, неизвѣстно; едва-ли Илья не былъ отцемъ Ивана. Иванъ Кулябка былъ лубенскій мѣщанинъ, откупавшій въ 1653 году мѣстные шинки. Съ изгнаніемъ поляковъ, откупъ шинковъ, т. наз. «аренда», былъ уничтоженъ, но гетманъ Самойловичъ, не находя источниковъ на содержаніе компанейскихъ полковъ, возстановилъ эту «аренду», чѣмъ между прочимъ и возбудилъ противъ себя народъ. Въ 1692 г. Мазепа съ войсковою старшиною, обдумывалъ, «чтобы какимъ нибудь инымъ, а не арендовымъ способомъ сборъ денежный установить (на жалованье компанейцамъ и сердюкамъ), а аренду тую отставить, потому что та аренда въ малороссійскихъ городахъ не такъ налогами своими народу есть тяжелоносна, какъ самимъ именемъ (чаяти для того, что при польской державѣ жиды оною владѣли и многія вымышленныя отягощенія чинивали) есть досадна и полна безчестія и хулы» [2]). Этого рода аренды вѣроятно и дали возможность Ивану

---

[1]) Румянцевская опись Малороссіи, лубенская полковая сотня. Архивъ полтавской казенной палаты.—Хранившеюся въ этомъ архивѣ Румянцевскою описью мы пользовались лѣтъ пятнадцать назадъ; есть-ли она теперь, не знаемъ.

[2]) Чтенія въ московск. обществѣ исторіи и древностей, 1859 г., т. I, стр. 5.

Кулябкѣ нажить средства, на которыя потомъ онъ сталъ пріобрѣтать земли около Лубенъ. Интересно, что въ актѣ 1653 г. Иванъ Кулябка называется «мѣщаниномъ», а въ послѣдующихъ «славетнымъ паномъ» и «значнымъ мешканцемъ» лубенскимъ; это значило, что Кулябка при Хмельницкомъ не пошелъ въ козаки, оставшись торговцемъ, впослѣдствіи-же, когда старшина козацкая стала въ привиллегированное положеніе, зажиточное мѣщанство стало пробираться въ кругъ той-же старшины. Доступъ въ козачество былъ не труденъ, особенно для людей не бѣдныхъ. Изъ приведеннаго универсала Ивана Сербина видимъ, что за участіе Ивана Кулябки въ городскомъ лубенскомъ хозяйствѣ полковникъ нашелъ возможнымъ дать ему собственною властью ту привиллегію, которою собственно пользовалась войсковая старшина, т. е. освободилъ его водяныя мельницы отъ налога въ пользу «войска» [1]). Иванъ Кулябка былъ живъ еще въ 1691 г. и строилъ мельницы на р. Переволочнѣ [2]).

Сынъ Ивана Петръ является уже «значнымъ товарищемъ войсковымъ»; значитъ, онъ уже переписался изъ посполъства въ козаки. Да иначе и быть не могло: Петръ Кулябка своими достатками настолько выдѣлился изъ массы, что могъ жениться на дочери стараго миргородскаго полковника Апостола. Тесть, пользуясь своею властью и хорошими отношеніями къ гетману, надѣлилъ зятя маетностями, давъ ему въ своемъ полку села Шершневку, Радиловку, Шишаки и Клепачи (оба села хорольскаго уѣзда). А отъ своего полковника, Дмитрія Зеленскаго, Петръ Кулябка получилъ въ 1708 г. часть вольныхъ войсковыхъ лѣсовъ: «ознаймуемъ, ижъ п. Петро Кулябка, значный войсковый товарищъ, мѣючи свою власную въ

---

[1]) Доходъ каждой водяной мельницы («розмѣръ», извѣстная часть помола) дѣлился на три части: одна треть поступала въ пользу хозяина, а двѣ трети шли на «войско». Войсковая часть иногда отдавалась на откупъ, а чаще собиралась натурою, особыми «дозорцами». Войсковую часть гетмана, а иногда и полковника, часто отдавали козацкой старшинѣ, въ награду за службу; напр., въ универсалѣ Многогрѣшнаго 1669 г. читаемъ: «въ награду значныхъ услугъ п. Юрія Бурковскаго надалисмо ему млинокъ у Баклановой Муравейцѣ (село около Чернигова), съ которого млинка мѣетъ на себе отбирать двѣ мѣрочки войсковыхъ, опрочъ мелницкой» (третьей мѣрочки).

[2]) Записки черниговскаго губернскаго статистическаго комитета, кн. II, стр. 105.

селѣ Александровцѣ, на р. Слѣпородѣ, греблю, доноситъ намъ, что гатится она съ давнихъ временъ хворостами (фашинникомъ) жителей с. Александровки, а теперь просилъ насъ, чтобы мы ему п. Петру Кулябкѣ, для облегченія людей, позволили запять часть свободнаго лѣса; видя, что и другіе много уже заняли изъ тѣхъ вольныхъ и пустыхъ лѣщанокъ (лѣсныхъ участковъ), позволяемъ ему п. Петру Кулябкѣ, за вѣдомомъ ясневельможного п. гетмана, принять для своей потребы часть вольныхъ лѣщанокъ»...

Въ измѣну Мазепину тесть Петра Кулябки, какъ извѣстно, искусно выпутался изъ бѣды и тѣмъ спасъ отъ разоренія свою семью и отчасти семьи зятьевъ. Новый гетманъ Скоропадскій уже въ мартѣ 1709 г. не только подтвердилъ Петру Кулябкѣ с. Шершневку, но прибавилъ къ нему и другое—Калайденцы, а черезъ два года подтвердилъ ему Шишаки, Клепачи и Радиловку. Ставъ гетманомъ, Апостолъ подтвердилъ зятю всѣ эти маетности, но новыхъ не далъ, вѣроятно потому, что за зятемъ никакихъ войсковыхъ службъ не было. Маетности эти утверждены были царскою грамотою только въ 1736 г.; кромѣ селъ, грамота утверждала за Петромъ Кулябкою еще и купленные имъ хутора: Матишовку (теперь село), Очеретовое, на Омельнику и на Кагальнику.

Петръ Кулябка войсковой службы не несъ, потому, вѣроятно, что могъ получать маетности и безъ службы. Изъ дѣтей Петра Ивановича Кулябки (3) старшій сынъ Петръ (5) служилъ лубенскимъ полковымъ сотникомъ и пользуясь своимъ вліяніемъ по уряду, скупалъ земли у своихъ сотнянъ; особенно много земель скупилъ онъ въ с. Березнякахъ (хорольскаго уѣзда). У него былъ единственный сынъ Петръ-же (17), который учился гдѣ-то за границей; но ученіе это дорого обошлось отцу; въ купчей его записи 1754 г. читаемъ: «имѣючи я въ сотнѣ второй полковой лубенской маетность мою, село Шершнювку, по необходимости моей къ заплатѣ занятыхъ по векселямъ, сыномъ моимъ Петромъ, въ иностранныхъ училищахъ обрѣтаючимся, доброю своею волею и по письменнымъ того сына моего, единого наслѣдника оное (маетности), требованіямъ, продалемъ оное родному брату своему, бунчуковому товарищу, п. Василю Кулябкѣ за 1,500 рублей».

Изъ остальныхъ сыновей Петра Ивановича два: Семенъ и Иванъ сдѣлались замѣтными общественными дѣятелями. Первый

учился въ кіевской академіи и затѣмъ, съ согласія отца и дѣда Апостола [1]), въ 1727 г. поступилъ въ монахи, съ именемъ Сильвестра; въ 1740 году онъ былъ уже ректоромъ академіи, а черезъ десять лѣтъ, ставъ лично извѣстнымъ императрицѣ, поставленъ былъ архіепископомъ петербургскимъ. Другой сынъ, Иванъ (7), началъ службу въ 1725 году и былъ сначала сотникомъ въ Лубнахъ, а потомъ бунчуковымъ товарищемъ. Въ 1730 году онъ женился на внучкѣ барышевскаго протопопа Григорія Максимовича и получилъ за женою въ переяславскомъ полку с. Ерковцы и мельницу въ урочищѣ Чирскомъ (теперь хуторъ на р. Трубежѣ). Будучи внукомъ гетмана, Иванъ Кулябка успѣлъ получить на Ерковцы и гетманскій универсалъ, «яко въ приданое ему за женою доставшееся». При Разумовскомъ Иванъ Павловичъ получилъ урядъ полковаго обознаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и прибавку къ своимъ маетностямъ. Въ универсалѣ Разумовскаго читаемъ: «обозный полковой Кулябка, представляя о своихъ службахъ и яко чрезъ опыя остался въ скудости и въ содержаніи дому своего, а найвящше въ снабдѣніи дѣтей своихъ, изъ которыхъ три сына отправлены отъ него въ 1750 г. въ иностранныя училища и находятся въ Виттенбергѣ, а три меньшіе въ Кіевѣ латинскаго и нѣмецкаго языка обучаются, да еще два меньшихъ его сына поспѣваютъ также къ обученію, имѣетъ недостатокъ, просилъ о пожалованіи ему изъ свободныхъ войсковыхъ деревень до 50 дворовъ; и мы, гетманъ, опредѣляемъ ему, Ивану Кулябкѣ, въ вѣчное владѣніе, изъ свободныхъ войсковыхъ маетностей въ полку лубенскомъ, въ сотняхъ лукомской с. Березняки, да въ полковой сс. Засулье, Высшій Булатецъ и Губское». Урядъ лубенскаго полковничества Иванъ Кулябка получилъ въ 1757 году, видимо по предстательству брата своего Сильвестра, такъ какъ назначеніе это было сдѣлано по именному высочайшему указу, причемъ урядъ этотъ отнятъ былъ у прежняго полковника Петра Апостола, будто-бы за старость послѣдняго. «Пожаловали мы, гласилъ указъ, въ полковники въ лубенскій полкъ обознаго полковаго Ивана Кулябку съ принадлежащими на тотъ рангъ деревнями и другими угодіями, а полковника Петра Апостола за его долговременную и вѣрную

---

[1]) Письма ихъ объ этомъ къ Семеону см. «Кіевскія Губернскія Вѣдомости», 1856 г., № 20.

службу изъ особливой нашей монаршей милости жалуемъ въ бригадиры, и за старостью отъ всѣхъ службъ отставить».

Воспитаніе дѣтей въ Германіи обошлось Ивану Кулябкѣ еще дороже, чѣмъ брату его Петру; въ 1762 г. отецъ виттенберскихъ студентовъ писалъ: «всѣмъ извѣстно есть, что я по причинѣ трехъ сыновъ моихъ Ивана, Григорія и Данила, въ иностранныхъ государствахъ для пользы отечества и чести фамиліи находившихся, по ихъ самовольству въ долги такіе пришелъ, что не только оныхъ материнскія недвижимыя имѣнія, въ полку переясловскомъ имѣючіяся, съ согласія покойной оныхъ-же матки, а моей первой жены, на уплатку спродать мусилъ (долженъ былъ), но и за возвращеніемъ уже въ отечество, когда въ службу отданы, не мало долговъ своимъ легкомысленнымъ самовольствомъ и другими случаями прибавили, для которыхъ уплатку принужденъ и собственные мои дѣдизные и отческіе грунта продавать».

Можетъ быть такія крутыя обстоятельства заставили и Ивана Кулябку дѣлать тоже, что дѣлала сплошь и рядомъ современная ему старшина—отнимать, пользуясь властью, земли у своихъ полчанъ-козаковъ. При составленіи генеральной описи Малороссіи въ 1766 г., по распоряженію Румянцева, козаки с. Шершневки показали, что имѣли они при своемъ селѣ пахатной земли издревне козачей, доставшейся имъ по предкамъ ихъ, а именно: Федоръ Фесенко на 8 дней, Леонтій Макаренко на 3 дня, Захарій Морозенко на 6 дней, Яковъ Зѣнченко на 12 дней и т. д., которымъ полемъ владѣли они чрезъ многіе годы спокойно, которое поле и въ нынѣшнюю генеральную опись за собою показали; но полковникъ лубенскій Иванъ Кулябка, невѣдомо почему, усиливаясь всѣмъ тѣмъ клиномъ, гдѣ ихъ поле, завладѣть, первое оный вокругъ самовольно заоралъ, чему слѣдуетъ четвертый годъ, а потомъ черезъ посланныхъ своихъ владѣть тѣмъ полемъ имъ козакамъ запрещалъ; сверхъ того съ нихъ у Левка Макаренка и Захарія Морозенка въ прошломъ 1764 г. по парѣ воловъ заграбилъ за то, что въ томъ году они свою землю выорали и засѣяли, и держалъ два дня, пока они, по приказу его, какой-то ему, полковнику, подписки не дали; и хотя оные всѣ козаки и нынѣ тѣмъ полемъ владѣютъ, однако по чинимому отъ него, полковника, запрещенію, въ немалой опасности состоятъ...»

Лубенскимъ полкомъ Иванъ Кулябка правилъ до 1770 года, когда былъ смѣненъ родственникомъ второй своей жены, Степаномъ Петровичемъ Максимовичемъ.

Изъ дѣтей Федора Ивановича Кулябки (4) старшій сынъ Григорій (9) уже въ 1713 г. былъ полковымъ лубенскимъ писаремъ; за службу на этомъ урядѣ Григорій получилъ отъ своего полковника Василія Савича [1]) два села: Клепачи (лубенскаго уѣзда) и Новаки, которыя подтверждены были ему и гетманомъ. Затѣмъ Григорій Кулябка полковой урядъ промѣнялъ на сотенный, ставъ лубенскимъ сотникомъ; на этомъ урядѣ онъ оставался болѣе 15 лѣтъ (1715—1731) и нажилъ за это время не мало земель отъ своихъ сотнянъ. Покупалъ земли Григорій Кулябка преимущественно въ двухъ селахъ: Березоточи и Волчкѣ (лубенскаго уѣзда), которыми впослѣдствіи и завладѣлъ, съ помощью двухъ покупокъ. Въ какихъ размѣрахъ и за какую цѣну производились эти покупки, видно изъ слѣдующей интересной купчей записи 1731 года.

«Мы нижепоименованные объявляемъ, что помѣрки наши, лежащіе надъ рѣчкою Вовчкомъ, попродали въ вѣчность п. Григорію Кулябцѣ, сотнику полковому лубенскому, такою цѣною, какъ ниже сего противъ нашихъ именъ изображено: отецъ Алексѣй продалъ свой помѣрокъ за рубля; Дмитро Шолудченко продалъ свой помѣрокъ за золотыхъ четыре (80 коп.); Грицко и Каленикъ Кузменки продали свою пайку за рубля; Грицко и Феско Дзюгамы продали свою пайку за рубля» и т. д. Кромѣ лично пріобрѣтенныхъ имѣній Григорій Кулябка получилъ за женой въ глуховской сотнѣ село Полковничью Слободу.

---

[1]) Василій Савичъ не былъ роднею Савичей, происходящихъ отъ генеральнаго судьи Саввы Прокоповича, сынъ котораго Семенъ былъ генеральнымъ писаремъ при Скоропадскомъ (Ср. Сочиненія Максимовича, т. I, стр. 717). Василій Савичъ сначала былъ лубенскій сотникъ (1702—1708 г.), а потомъ, по измѣнѣ Дмитрія Зеленскаго, поставленъ на его мѣсто полковникомъ и правилъ полкомъ до 1714 г, когда и умеръ. Мать его Татьяна Гиркаловна вторымъ бракомъ была въ замужествѣ за Андреемъ Яковлевымъ, лубенскимъ судьею (1690 г.), имѣніе котораго Хорошки перешло къ дѣтямъ Василія Савича—Василію и Петру, служившимъ бунчуковыми товарищами. Послѣдніе и Хорошки, и другое свое село, Худолѣевку, продали Григорію Михайловичу Любистку, одному изъ бандуристовъ-слѣпцовъ императрицы Елисаветы.

Сынъ Григорія, Степанъ Кулябка (19) нашелъ нужнымъ почему-то переселиться въ материнское имѣніе, Полковничью Слободу. Рядомъ съ этимъ селомъ находилось другое Малая Слобода, которое Степанъ Кулябка сталъ по частямъ пріобрѣтать у двоюроднаго брата своего Михаила Матвѣевича Жураковскаго; въ 1765 г. куплена была имъ и послѣдняя (третья) часть Малой Слободы, за 2020 р. Когда малороссійскіе «полки» преобразованы были въ намѣстничества, Степанъ Кулябка выбранъ въ Глуховѣ первымъ предводителемъ дворянства. Въ это время у него было въ Полковничьей и Малой Слободахъ и въ с. Щебрахъ 645 крестьянъ и въ лубенскомъ уѣздѣ 60; остальныя отцовскія имѣнія, вѣроятно, были проданы. Отъ Степана остались два сына Иванъ и Петръ. Старшій воспитывался за границей и должно быть тамъ-же поступилъ въ одну изъ масонскихъ ложъ, такъ какъ, вернувнись домой, онъ уже считался масономъ. Въ молодости онъ служилъ въ Новгородъ-Сѣверскомъ земскомъ судѣ засѣдателемъ, а потомъ, выйдя въ отставку, переселился въ конотопскій уѣздъ; здѣсь онъ купилъ у князя А. К. Разумовскаго богатое имѣніе (село Подлипное) и поселился около него хуторомъ (хуторъ Скибенцы), который купилъ у Кандибъ. Въ Скибенцахъ онъ жилъ уединенно, занимаясь преимущественно украшеніемъ своего сада. Имѣнія его перешли къ побочной его дочери, бывшей замужемъ за маіоромъ Н. Константиновымъ. Младшій братъ Степана Петръ сначала служилъ въ военной службѣ, а потомъ жилъ въ Полковничьей Слободѣ. Имѣнія его перешли, за единственной его дочерью, въ родъ Писаревичей (въ п. Воронежѣ, глуховскаго уѣзда). Другой братъ Григорія Якимъ (10) благосостояніе своей семьи устроилъ женитьбою на дочери богатаго конотопскаго сотника Андрея Лизогуба. По окончательному раздѣлу Лизогубовскихъ имѣній на жену Якима Кулябки досталась половина села Кропивной (конотопскаго уѣзда) и половина с. Погребковъ (кролевецкаго уѣзда).

Получивъ за женою богатое приданое, Якимъ Кулябка тяготился службою и всячески уклонялся отъ нея. Когда бунчуковыхъ товарищей нарядили, по распоряженію Петра Великаго, въ гилянскій походъ (1724 г.), то Кулябка, желая избѣжать этого похода, рѣшился было перейти въ духовенство. Марковичъ въ своихъ запискахъ отмѣчаетъ: «посланъ листъ до старшины лубенской о

Якиму Кулябцѣ, жебы онъ сказку далъ о себѣ инакшую», т. е., что онъ готовъ будетъ въ походъ до Гилянъ, «а если, какъ слышно, поѣхалъ онъ въ Кіевъ для поповства, то жебы на вздогонъ послали за нимъ, чтобъ онъ того не дерзалъ чинити» [1]).

9. ЛОМИКОВСКІЕ.

1. *Василій Ломиковскій*, похороненъ въ монастырѣ Мильчецкомъ, около Дубна.
2. *Иванъ*, р. 1654 † 1714 г., хорунжій генеральный 1689 г.; есаулъ генеральный 1696 г.; обозный генеральный 1700 — 1708 г. Жена *Марья Карповна Мокріевичъ* 1
3. *Иванъ*, господарь гадяцкаго замка, † 1730 г. Жена *Татьяна Даниловна Апостолъ* 2
4. *Владиміръ* 2
5. *Михайло* 2
6. *Илья* 2
   Елена. Мужъ *Семенъ Мировичъ* 2
   Дочь. Мужъ *Данило Лаврентьевичъ Ханенко* 2
7. *Павелъ*, бунчуковый товаришъ; управляющій имѣніями гетмана Разумовскаго 1750 г.; судья земскій менской 1764 г.; подкоморій менской 1768 г., надворный совѣтникъ 1784 г.—Жена дочь протопопа нѣжинскаго Яворскаго 3
8. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1730—1761 г. 3
9. *Василій*, служилъ въ казанскомъ драгунскомъ полку 1744 г. 3
10. *Иванъ*, квартирмистръ гусарскаго Стоянова полка 1744 г. 3
   Дочь. Мужъ *Михаилъ Стояновъ*, полковникъ сербскаго гусарскаго полка.
   Настасья. Мужъ *Иванъ Андреевичъ Марковичъ*. 3
   Дочь. Мужъ *Иванъ Корицкій*, сотникъ опошанскій 3
11. *Яковъ*, р. 1742 г.; поручикъ 1772 г. Жена *Марья Васильевна Родзянко*. Имѣнія въ Милюшкахъ, Шафоростовѣ и Панасовкѣ . . . 8
12. *Павелъ*, р. 1743 г.; прапорщикъ 1782 г. Жена *Елисавета Ивановна Кулябка*. Имѣнія въ Милюшкахъ и Шафоростовкѣ 8
13. *Алексѣй*, ротмистръ 1798 г. Жена *Елисавета Раковичъ*. 10
14. *Николай*, поручикъ 1798 г. 10
15. *Иванъ*, маіоръ 1798 г.. 10
16. *Петръ*, хорунжій харьковскій 1798 г. 10

Ломиковскіе были волынскіе выходцы. Одинъ изъ нихъ Иванъ Васильевичъ Ломиковскій присталъ къ Ханенку и въ то время, когда послѣдній гетманствовалъ въ Умани, Ломиковскій былъ у

[1]) Изъ подлинника записокъ. Ср. въ печати, т. I, ст. 55.

него генеральнымъ писаремъ; а когда Ханенко отказался отъ булавы, Ломиковскій поступилъ на службу къ Самойловичу, въ число его «дворянъ». Службу Ивана Ломиковскаго Самойловичъ наградилъ въ 1680 г. селомъ Вишеньками: «вамъ войтови и всѣмъ громаднимъ посполитымъ людемъ, с. Вишенокъ обывателемъ, ознаймуемъ, ижъ съ респекту нашего рейментарского надалисмо п. Ивановѣ Ломиковскому, товаришеви войсковому, щоденне (ежедневно) при дому нашомъ на войсковыхъ услугахъ працуючому, у власть и въ завѣдованіе село Вишенки, до ласки нашой войсковой, отколь маетъ быти ему п. Ломиковскому до вспартя господарства (для хозяйства) всякая услуга и выгода»... Около этого-же времени Иванъ Ломиковскій и женился на дочери Карпа Мокріевича, бывшаго генеральнымъ писаремъ при Многогрѣшномъ. При Мазепѣ Ломиковскій сдѣланъ былъ сначала генеральнымъ хоружимъ, причемъ къ Вишенкамъ Мазепа прибавилъ ему село Вербу, въ понорницкой сотнѣ. Скоро затѣмъ Ломиковскій сталъ однимъ изъ близкихъ людей къ Мазепѣ, который выпросилъ ему у царя почетное званіе стольника, сдѣлалъ генеральнымъ есауломъ и далъ два богатыя села: Понорницу и Парафіевку. Да самъ Ломиковскій успѣлъ пріобрѣсти за это время покупкою не мало разныхъ мельницъ и грунтовъ. Всѣ эти маетности утверждены были за нимъ царскою грамотою 1702 г. Впослѣдствіи Ломиковскій получилъ отъ гетмана еще два села: Лавы и Топаль. Лавы онъ отдалъ старшему сыну Ивану, который въ это время былъ уже женатъ. А когда умеръ около этого времени Василій Борковскій, Ломиковскій получилъ высшій послѣ гетмана урядъ въ войскѣ—генеральнаго обознаго.

Когда Мазепа рѣшился на измѣну, Ломиковскій болѣе всѣхъ изъ приближенныхъ гетмана настаивалъ на неизмѣнности этого рѣшенія и вмѣстѣ съ полковниками Горленкомъ, Апостоломъ и Зеленскимъ предложилъ Мазепѣ поклясться передъ ними, что онъ не отступитъ отъ этого рѣшенія, на что «Мазепа и соизволилъ по долгомъ себѣ о томъ стужаніи и велѣлъ обозному Ломиковскому, абы онъ самъ такую, якая имъ угодна будетъ, клятвенную роту написалъ» [1]). Вообще въ дѣлѣ Мазепиной измѣны Ломиковскій игралъ едва-ли не первостепенную роль; его настоянія дѣйствовать

---

[1]) Основа 1862 г., № 10, 21.

рѣшительнѣе иногда выводили Мазепу изъ себя. Разъ Орликъ передалъ гетману желаніе главныхъ его совѣтниковъ не медлить извѣщеніемъ шведскаго короля о задуманномъ дѣлѣ; разгнѣванный Мазепа закричалъ: «знаю я, что не кто иншій тое переговариваетъ, токмо тотъ чортъ лысый Ломиковскій!»[1]). А когда 24 октября Мазепа приблизился около сосницкаго села Орловки къ шведскимъ войскамъ, Ломиковскій первымъ былъ посланъ къ Карлу съ извѣщеніемъ о приходѣ Мазепы.

Послѣ полтавскаго сраженія Мазепа бѣжалъ вмѣстѣ съ Карломъ; побѣжали за нимъ и его сторонники, потерявъ, кромѣ нажитыхъ богатствъ, и всѣ свои надежды. Бѣглецы остановились въ Яссахъ и не зная, куда и зачѣмъ бѣжать дальше, оселились здѣсь. Весною 1710 г. умеръ Мазепа; въ его мѣсто бѣглецы нашли нужнымъ выбрать новаго гетмана и выбрали Орлика; постановлены были при этомъ, какъ водилось прежде, и «статьи»[2]). Но мало вѣрили въ осуществленіе этихъ «статей» ясскіе бѣглецы, что лучше всего видно изъ духовнаго завѣщанія Ломиковскаго, которое онъ написалъ въ тѣхъ-же Яссахъ, въ 1711 г., будучи въ это время шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Распорядивъ свои маетности межъ дѣтьми, «если Господь Богъ милосердный дастъ прійти до зупольной ихъ поссесіи» (если имѣнія возвратятся въ дѣйствительное владѣніе), Ломиковскій съ ходатайствомъ за дѣтей обращается не къ Орлику, а къ Скоропадскому: «при доземномъ уклонѣ моемъ, покорне прошу ясневельможного его милости п. гетмана войскъ запорожскихъ, жебы изволилъ въ милостивой своей опецѣ и ласцѣ дѣтей мои держати». Опекунами надъ дѣтьми Ломиковскій просилъ быть Апостола, Полуботка, Семена Савича, Лукьяна Жураковскаго и Дмитрія Горленка, которые всѣ, не исключая и послѣдняго, ни о какомъ единеніи съ Орликомъ и не думали.

Составъ семьи и отношенія къ ней стараго обознаго видны изъ того-же завѣщанія: «всѣхъ сыновъ моихъ милыхъ—Іоанна старшаго, съ милою женою и кохаными чадами, родительско благословляю, Владиміра во всемъ и за все прощаю и, да проститъ его Господь Богъ и да благословитъ, отцевско зычу (желаю) и если

---

[1]) Основа 1862 г., № 10, стр. 23.

[2]) Чтенія Московск. общества ист. и древн. 1858 г., т. I, стр. 242—254.

прійдеть, по буйныхъ лѣтехъ, въ чувство и статечне (прилично) по Бозѣ житиметь, отъ лежащихъ (недвижимыхъ) добръ не чиню чужда, але родна сына и наслѣдника творю... Илью, яко повинующагося и послушнаго сына, сердцемъ благословляю. Коханую мою дочерь Елену Мировичевую, съ милымъ еи малжонкомъ и кохаными чадами, благословляю... Михайла сына юнѣйшаго, съ братіею и коханою сестрою, равному благословенію Божому вручаю».

Послѣ написанія этого завѣщанія, Ломиковскій жилъ еще года три, тамъ-же въ Яссахъ, и здѣсь же сложилъ онъ свои кости, а не въ печерской обители и не въ рыхловскомъ монастырѣ, какъ желалъ и писалъ въ своемъ завѣщаніи.

Богатыя маетности нажилъ Ломиковскій за тридцатилѣтнюю свою службу войску запорожскому, но не удалось ему передать ихъ своимъ дѣтямъ. Ломиковскій, бѣжавъ съ Мазепою къ Карлу, увелъ съ собою одного только сына Владиміра; остальныхъ сыновей, вмѣстѣ съ своею семьею, долженъ былъ везти за Днѣпръ старшій сынъ обознаго Иванъ. Послѣдній, женатый на дочери Апостола, повезъ сначала свою семью къ тещѣ, въ Сорочинцы, откуда всѣ, вмѣстѣ съ Апостолами, должны были ѣхать въ Крыловъ [1]). Современникъ, черниговскій обозный Павелъ Сангурскій разсказываетъ, что Иванъ Ивановичъ Ломиковскій захватилъ при этомъ съ собою и отрядъ козаковъ: «Иванъ Ломиковскій козаковъ сосницкой сотни ко Днѣпру за шведомъ было запровадилъ; а оные козаки по тракту ко Днѣпру, отъ Сосницы до Кременчука, гдѣ ночлеги были, взаперти за замкомъ содержались; а прибывши ко Днѣпру, когда началъ Иванъ Ломиковскій на тотъ берегъ Днѣпра съ дѣтьми и со всѣмъ домомъ переправляться, въ ту пору, за Божіею помощью, изъ коморъ взаперти будучіе козаки выбилися и кони свои за замкомъ бывшіе отбивши, заразъ повыводили и отъ нихъ измѣнниковъ бѣжали въ домы»... Но всѣ планы старшаго сына обознаго перемѣнились, какъ только онъ узналъ, что тесть его, бросивъ Мазепу, вернулся къ царю; нашелъ нужнымъ вернуться и зять, вмѣстѣ съ младшими братьями, Ильею и Михайломъ. Сначала Ломиковскіе оставлены были въ покоѣ; старшему изъ нихъ (зятю Апостола)

---

[1]) Молодикъ на 1844 г., стр. 71—75.

[2]) Чтенія моск. общества ист. и древн. 1858 г., т. I, стр. 153.

Скоропадскій нашелъ даже возможнымъ выдать подтвердительный универсалъ на село Лавы, а потомъ въ 1711 г. и самъ тесть далъ зятю въ своемъ полку два села—Ярмаки и Шахворостовку. Но въ 1712 г. «змѣнничихъ сродственниковъ» потребовали въ Москву; потребовали и Ломиковскихъ. За старшаго хлопоталъ тесть: «Апостолъ о зятю своемъ, Ивану Ломиковскому, принесъ челобитную до царскаго величества, ручаючись, подъ лишеніемъ живота своего, что онъ Ломиковскій съ отцемъ своимъ какъ прежде сего не имѣлъ, такъ и теперь никакихъ не будетъ имѣть кореспонденцій и ничего къ нему посылать не будетъ» [1]). Поручительство было принято. Младшіе Ломиковскіе, Илья и Михайло, оставлены были въ покоѣ за молодостію ихъ. Послѣ этого Апостолъ въ 1715 г. далъ зятю и третье село въ своемъ полку,—Милюшки. Но участь Ломиковскихъ все еще окончательно не была рѣшена; при Петрѣ II снова возникъ вопросъ объ ихъ измѣнѣ, «чтобъ ихъ Ломиковскихъ всѣхъ изъ Украйны побрать въ ссылку; и—взято Илью и Михайла, а Ивана объявили больнымъ близъ смерти и для того въ ссылку не взято; а Владиміръ въ турецкой области оженившись, въ Малороссію съ той области не возвратился». Такъ разсказывалъ въ 1739 г. тотъ-же Павелъ Сангурскій.—Илья и Михайло поселены были въ Москвѣ; первый изъ нихъ должно быть тамъ скоро и умеръ, а Михайло жилъ въ Москвѣ еще и въ 1729 г.; въ этомъ году онъ, вмѣстѣ съ другими ссыльными малороссіянами (Горленкомъ, Максимовичемъ и Гамалѣею), просилъ гетмана и старшину вызволить ихъ изъ Москвы: «мы-же кость отъ кости вашея, ибо единыя и тоеяжде матере отчизны малороссійской прибѣдные сынове, добровольно пришедшіе въ царского величества державу, четвертыйнадесять годъ въ Москвѣ пребывающе—и алчемъ, и жаждемъ, и скитаемся, и наготуемъ» [2])...

Успокоился старшій Ломиковскій, когда тесть его сталъ гетманомъ. Апостолъ прежде всего подтвердилъ въ 1729 г. за зятемъ право на три маетности: Шахворостовку, Ярмаки и Милюшки, которыя далъ ему, будучи миргородскимъ полковникомъ; потомъ Иванъ Ломиковскій назначенъ былъ «господаремъ гадяцкаго замка», т. е.

---

[1]) Чтенія моск. общ. ист. и древн. 1858 г., т. I, стр. 269.

[2]) Рукописи Н. А. Марковича, теперь въ румянцевскомъ музеѣ.

управителемъ тѣхъ селъ гадяцкаго полка, которыя изстари назначены были въ личное пользованіе гетмана. Эту должность всегда занимали люди близкіе къ гетманамъ, такъ какъ «господарь замка» всегда пользовался и самъ хорошими доходами. Положеніе Ивана Ломиковскаго, когда онъ былъ господаремъ замка, обрисовывается изъ слѣдующей записки тогдашняго гадяцкаго полковника Грабянки, которую онъ писалъ Апостолу въ 1729 г.: «его милость п. Іоанъ Ломѣковскій, господарь замку гадяцкого, мѣючи любезную панну дочерь свою, обѣщанну въ супружество п. Іоану Корицкому, сотникови опошанскому, явственнимъ вѣнчаніемъ, при благословеніи Божіи, въ сихъ числехъ окончити, до которого акту и мене ку услуженію, чрезъ писаніе свое и посланного, изволилъ востребовать, о чомъ ясневелможности вашой позволеня зъ нижайшою покорностю прошу».

Въ 1730 г. Иванъ Ломиковскій умеръ, оставивъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій Павелъ въ это время былъ уже бунчуковымъ товарищемъ. Первоначальную службу Павла генеральная канцелярія описывала такъ: «началъ служить съ 1725 г. и съ того года былъ въ низовомъ походѣ въ числѣ прочихъ бунчуковыхъ товарищей, въ продолженіи пяти лѣтъ; въ 1736 и 1737 гг., во время турецкой войны, у прикрытія границъ и у полоненія льду, имѣя подъ командою разныхъ полковъ козаковъ, обрѣтался; въ 1737 г. командированъ въ очаковскій походъ и тамъ при атакѣ и взятіи Очакова и въ сраженіяхъ обрѣтался; въ 1738 г. былъ подъ командою кн. Трубецкаго, въ покупкѣ на армію лошадей; въ 1739 г. былъ въ хотинскомъ походѣ и при взятіи турецкаго лагеря и въ сдачѣ города въ сраженіи съ непріятелемъ находился; въ 1740 г. былъ при заготовленіи провизіи и строеніи квартиръ, мостовъ, конюшенъ и прочихъ потребностей во время слѣдованія турецкаго посла чрезъ Малую Россію, а въ 1744 г., по указу сената, по челобитью борзенскаго жителя Игната Дудки, опредѣленъ былъ къ производженію комиссіи и въ оной цѣлый годъ обрѣтался». Подобную-же службу несъ и второй братъ Павла Петръ, начавшій службу въ 1730 году; онъ также участвовалъ во взятіи Очакова и Хотина. Третій братъ Василій служилъ въ казанскомъ драгунскомъ полку, а четвертый Иванъ служилъ въ гусарскомъ Стоянова полку, т. е. въ полку своего зятя.

Изъ четырехъ сыновей Ивана Ломиковскаго одинъ только Павелъ пробилъ себѣ дорогу и сталъ замѣтнымъ человѣкомъ въ современномъ ему обществѣ. Подѣлившись съ братьями, онъ взялъ себѣ сосницкое с. Лавы. Въ Лавахъ онъ велъ безконечный споръ съ своимъ сосѣдомъ черниговскимъ обознымъ Павломъ Сангурскимъ, за какую-то мельницу, устройство которой со стороны Сангурскаго находилъ для себя невыгоднымъ. Въ этихъ спорахъ Ломиковскій, по тогдашнимъ обычаямъ, добивался своего права преимущественно силою, обходя безсильный судъ. Сангурскій въ ноябрѣ 1736 года жаловался, что Павелъ Ломиковскій во время отсутствія его изъ дому «несносныя обиды, разоренія и грабительства ему починилъ», разъ «насылаючи своихъ служителей ночною добою (порою) гребли его, Сангурскаго, разорять», а въ другой, «насбиравши себѣ великое число легкомысленныхъ людей, воровски ночью напалъ и до остатку разорилъ греблю»; и «того ради», продолжаетъ Сангурскій, «въ дворахъ своихъ жадного человѣка, чрезъ его ґвалтъ и забойство, удержать не могу, потому что и недавно, ґвалтомъ наславши на домъ мой многолюдствіе, взялъ человѣка моего, мордовалъ и невѣдомо по сее число, гдѣ онъ его подѣлъ» [1]).

Въ гетманство Разумовскаго Павелъ Ломиковскій сдѣлался управляющимъ его имѣній, которыми правилъ отъ 1750 до 1764 г. За эту службу онъ получилъ 50 дворовъ въ Сосницѣ, да имѣлъ кромѣ того въ сс. Лавахъ и Хворостовичахъ 327 крестьянъ. Павелъ Ломиковскій мужскаго потомства по себѣ не оставилъ; у него было только семь дочерей.

А. Лазаревскій.

---

[1]) Архивъ генеральной канцеляріи.

КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ
греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу.

Къ серьёзному научному изслѣдованію народныхъ обрядовъ и пѣсенъ въ Россіи было приступлено лѣтъ тридцать назадъ, подъ благотворными западно-европейскими культурными вліяніями. Прежде всего обнаружилось стремленіе опредѣлить оригинальную, самостоятельную сторону народныхъ вѣрованій, сказаній, пѣсенъ и обрядовъ, раскрыть поэтическія воззрѣнія народа на природу, насколько они сложились въ древнюю эпоху его жизни, подъ свѣжимъ вліяніемъ религіозно-миѳическаго міросозерцанія, и сохранились въ обрывкахъ и обломкахъ до настоящаго времени въ памяти и бытѣ крестьянъ. Миѳологическая школа ученыхъ внесла цѣнные вклады въ науку о языкѣ и народной поэзіи: собрана была масса сыраго матеріала, объяснено много загадочныхъ явленій народнаго быта. Съ разъясненіемъ источниковъ предразсудковъ и суевѣрій естественно выиграло общественное развитіе и просвѣщеніе.

Въ новое время въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій и сказаній. Сначала теорія эта возникла, какъ поправка и необходимое дополненіе къ миѳологической теоріи, въ силу сознанной необходимости опредѣлить въ народномъ бытѣ и міросозерцаніи инородческія вліянія и иноземные элементы. Безъ такого выдѣленія постороннихъ элементовъ нельзя опредѣлить степень народнаго труда и своебразности въ области словеснаго и обрядоваго творчества. Результатомъ научныхъ работъ въ этомъ направленіи было болѣе или менѣе точное опредѣленіе греческихъ, монголотюркскихъ и финскихъ вліяній на русскую поэзію и бытъ.

Въ настоящее время ни одинъ изслѣдователь народнаго быта и поэзіи не можетъ обойтись безъ пособія той и другой теоріи, миѳологической и заимствовательной и, смотря по свойству изслѣдуемаго матеріала, становится то на точку зрѣнія натуралистическую, то на точку зрѣнія культурно-психологическую, то смотритъ на предметъ съ точки зрѣнія литературнаго или бытоваго заимствованія.

Сложныя группы обрядовъ и пѣсенъ, напримѣръ, свадьба, рождественскія святки, масляница, представляютъ гордіевъ узелъ изъ разнообразныхъ элементовъ, оригинальныхъ и заимствованныхъ, съ тѣмъ различіемъ отъ классическаго гордіеваго узла, что въ классической древности нашелся Александръ Македонскій, который однимъ ударомъ меча разсѣкъ этотъ узелъ, а въ области народоизученія не можетъ быть столь быстраго разрѣшенія спорнаго вопроса, и всѣ ученые, бравшіе на себя смѣлость давать категорическія объясненія народныхъ пѣсенъ, обрядовъ и вѣрованій, въ дѣйствительности большею частью вносили въ неразгаданную тайну явленій народной жизни свое личное заблужденіе и такимъ образомъ лишь затемняли предметъ изслѣдованія и затрудняли новыхъ изслѣдователей въ разысканіи истины.

Обстоятельное изученіе свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ славянскихъ народовъ приводитъ, во первыхъ, къ тому заключенію, что всѣ славянскія свадьбы въ основныхъ своихъ чертахъ сходны и могутъ быть возведены къ одному цѣльному древне-славянскому свадебному ритуалу, во вторыхъ, къ тому, что всѣ славянскія свадьбы народны, по связи своей со всѣмъ бытомъ народнымъ, по своей зависимости отъ общихъ народныхъ понятій о жизни общественной и семейной, общаго народнаго уровня духовной и матеріальной культуры. Признавая въ славянскихъ свадьбахъ своеобразность, оригинальность, нельзя однако не замѣтить присутствія въ нихъ инородческихъ началъ. Такъ, въ чешской свадьбѣ встрѣчаются нѣмецкіе обряды и термины, въ болгарской и сербской турецкіе, на сѣверо-востокѣ Россіи татарскіе.

Въ свадьбахъ восточныхъ и южныхъ славянъ, въ особенности въ болгарской и малорусской свадьбахъ, обнаруживаются черты и особенности греческаго и римскаго свадебнаго ритуала. Сопоставленіемъ сходныхъ фактовъ и явленій греческаго и малорусскаго

свадебнаго ритуала мы имѣемъ въ виду указать не столько на дѣйствительное вліяніе съ одной и заимствованіе съ другой стороны, сколько на возможность такого вліянія и заимствованія.

«Эта чудная сторона, говоритъ Тэнъ о Греціи, какъ-то радостно настраиваетъ душу и склоняетъ человѣка смотрѣть на жизнь, какъ на празднество... У грека самыя серьёзныя идеи и учрежденія принимаютъ смѣющійся оттѣнокъ; его боги—блаженные, никогда неумирающіе боги. Живутъ они на верхахъ Олимпа, которыхъ не покачнетъ никакой вѣтеръ, которыхъ никогда не мочитъ дождь, куда и не подходитъ снѣгъ, гдѣ открывается безоблачный эфиръ. Тамъ въ чертогѣ ослѣпительной красы, сидя на золотыхъ престолахъ, пьютъ они нектаръ и вкушаютъ амвросію. Вѣчный пиръ при полномъ освѣщеніи—вотъ небо грека; поэтому самая прекрасная жизнь та, которая всего ближе подходитъ къ такой жизни боговъ... Религіозные обряды не что иное, какъ веселый пиръ, которымъ остаются довольны сами боги. Главные праздники—чисто оперныя представленія. Трагедія, комедія, плясовые хоры, гимнастическія упражненія составляютъ часть богослуженія...» [1]) Древне-греческая свадьба имѣетъ характеръ величественной драмы, съ увлекательными, полными движенія актовыми дѣленіями.

Въ Одиссеѣ обнаруживаются уже всѣ главныя черты греческаго свадебнаго ритуала: обрядовое купанье, пиршество съ пѣніемъ, музыкой и танцами, торжественное провожаніе молодой въ домъ новобрачнаго (XXIII, 131, 133; IV, 3, XI, 415, XVIII, 279). Бракосочетанію предшествовало жертвоприношеніе Зевсу и Герѣ со стороны родителей жениха и невѣсты. Прототипомъ человѣческаго брака былъ небесный, бракъ Зевса—неба и Геры—земли, ежегодно прославляемый въ видѣ священнаго драматическаго дѣйствія въ храмахъ Аѳинъ и Кноса. Во время жертвоприношенія Герѣ желчь жертвенныхъ животныхъ выбрасывали изъ храма, чтобы жизнь новобрачныхъ не была горькой. Кромѣ высшихъ покровителей брака Зевса и Геры, на свадьбахъ жертвенное приношеніе получали еще богиня любви Аѳродита и разныя мѣстныя божества, — городскіе пенаты: въ Эфесѣ Артемида, въ Беотіи Эвклея, въ Мегарѣ Иѳиноя, въ Аѳинахъ Аѳина. Въ Аѳинахъ дѣвушки, выходя замужъ, посвя-

---

[1]) *Тэнъ*, Чтенія объ искусствѣ, стр. 311, 315.

щали часть своихъ головныхъ волосъ богинѣ Артемидѣ. Молодыхъ вели въ храмъ, гдѣ ихъ благословлялъ жрецъ, что служило одновременно религіознымъ освященіемъ и юридическимъ закрѣпленіемъ брачнаго союза. Однимъ изъ главныхъ проявленій древне-греческой свадьбы было обрядовое купанье, причемъ воду приносилъ мальчикъ, близкій родственникъ невѣсты изъ священнаго источника, въ Аѳинахъ изъ Каллироя, въ Ѳивахъ изъ Исмена. Въ день свадьбы вечеромъ невѣсту везли на повозкѣ въ домъ новобрачнаго, въ сопровожденіи жениха, женихова пріятеля (дружка), родственниковъ и знакомыхъ, въ яркихъ цвѣтныхъ одеждахъ, съ вѣнками на головѣ. Невѣста съ закрытымъ лицемъ сидѣла между женихомъ и дружкомъ. Впереди шли съ факелами, пѣніемъ и музыкой. Въ домѣ новобрачнаго слѣдовалъ брачный пиръ, во время котораго молодые ѣли хлѣбъ, спеченный съ медомъ; удалившись въ спальную комнату, молодые ѣли квитовыя яблоки,—мистическій символъ плодородія. Дружко становился около дверей опочивальни, а молодежь пѣла веселыя пѣсни. Послѣ первой брачной ночи молодая посвящала Герѣ свое брачное покрывало и получала отъ мужа и родныхъ подарки [1]).

Въ Греціи были мѣстные свадебные обряды, встрѣчавшіеся въ одной, двухъ областяхъ и неизвѣстные въ другихъ. Такъ, въ Аѳинахъ во время свадебнаго пира мальчикъ, родители котораго были живы, съ вѣнкомъ изъ дубовыхъ листьевъ на головѣ, совершалъ круговращательный танецъ съ хлѣбомъ въ рукахъ, причемъ говорилъ: все дурное я изгналъ и нашелъ все лучшее. Въ Беотіи сожигали оси той повозки, на которой была привезена невѣста, какъ-бы лишая ее такимъ образомъ возможности вернуться въ отчій домъ [2]). При сравнительномъ обзорѣ свадебныхъ обрядовъ, значительный интересъ представляетъ еще существовавшее въ древней Македоніи обыкновеніе разрубывать свадебный хлѣбъ мечемъ, за что молодые должны были платить [3]).

---

[1]) *Lasaulx*, Studien des classisch. Alterthums. 429—432; *Schoemann*, Griech. Alterth. II. 493, 496; *Rossbach*, Unters. über d. röm. Ehe, 213—228.

[2]) *Hermann*, Lehrbuch d. griech. Privatalterth. 239.

[3]) *Lasaulx*, Stud. d. classisch. Alterth. 434.

Греческій свадебный ритуалъ глубоко коренился въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа и потому естественно долженъ былъ отличаться большою устойчивостью и прочностью. Даже аѳиняне, народъ въ высшей степени причудливый и свободомыслящій, питали большое уваженіе къ древнимъ предметамъ и обрядамъ. Все, что отзывается древностью, по замѣчанію Фюстель-Куланжа, было священно для аѳинянина. У него были древніе сборники, въ которыхъ изложены были обряды, и никогда онъ не уклонялся отъ нихъ; если-бы жрецъ посмѣлъ ввести въ богослуженіе малѣйшую новость, его предали-бы смерти. Самые странные обряды соблюдались изъ вѣка въ вѣкъ... [1])

Главныя черты древне-греческой свадьбы: обрядовое купаніе невѣсты, обрядный хлѣбъ, обрядное присутствіе мальчиковъ перешли въ ново-греческую свадьбу. Въ настоящее время, какъ и въ древности, греческіе свадебные обряды различны по мѣстностямъ. Въ южной части Македоніи, населенной греками, въ особенности выдается обрядовое употребленіе на свадьбахъ хлѣба, при участіи дѣтей. Такъ, въ понедѣльникъ къ невѣстѣ собираются ея подруги и отбираютъ зерно для свадебныхъ пироговъ. Во время этой работы комната оглашается хохотомъ и пѣснями. Въ среду веселое общество снова собирается. Къ молодымъ дѣвушкамъ присоединяются родственники и друзья семейства, являющіеся вечеромъ, чтобы помочь мѣсить тѣсто. Въ комнату вносится квашня и наполняется мукою. На одномъ концѣ квашни укрѣплено сѣдло, на которое садится мальчикъ, опоясанный мечемъ; съ другаго конца становится дѣвочка, которая должна первая замѣсить своими маленькими руками тѣсто и опустить въ него кольцо и золотыя монеты. Эти дѣти выбираются изъ самыхъ веселыхъ и счастливыхъ малютокъ. Обычай этотъ указываетъ жениху на его обязанность заботиться, когда онъ будетъ мужемъ, о защитѣ семьи; невѣстѣ-же онъ напоминаетъ о томъ, что она должна радѣть о домашнемъ хозяйствѣ. Послѣ того, какъ дѣвочка мѣсила тѣсто, ее смѣняютъ болѣе опытныя руки; затѣмъ тѣсто оставляется до слѣдующаго дня, когда оно раздѣляется на нѣсколько частей и въ этомъ видѣ раздается всѣмъ присутствующимъ; каждый старается найти кольцо, которое

---

[1]) *Фюстель—Куланжъ*, Древнее общество, стр. 323.

было опущено въ тѣсто, и тотъ, кто находитъ, получаетъ впослѣдствіи подарокъ при возвращеніи кольца жениху. Послѣ этого тѣсто снова смѣшивается въ одну массу и изъ него дѣлается «пропкасто» (свадебный пирогъ) и множество другихъ печеній. Въ четвергъ «пропкасто» ставится въ сосудъ, наполненный водою, и вокругъ него, послѣ веселаго обѣда, молодежь обоего пола пляшетъ въ три пріема, распѣвая пѣсни. Затѣмъ пирогъ снимается, разламывается на куски и вмѣстѣ съ фигами и другими плодами его бросаютъ черезъ головы жениха и невѣсты. Дѣти, бросающіяся подбирать эти лакомства, прикрываются простынею. Фиги и куски пирога знаменуютъ изобиліе, а дѣти, прикрываемыя простынею, служатъ эмблемой плодовитости будущихъ супруговъ.

Изъ другихъ обрядовъ греческой свадьбы заслуживаютъ вниманія еще слѣдующіе: торжественное заплетеніе косы невѣсты, опоражниваніе кувшина воды въ воротахъ дома женихова отца передъ отправленіемъ жениха въ церковь, потчиваніе жениха кольцеобразнымъ пирогомъ, причемъ половину пирога съѣдаетъ женихъ, половину невѣста, торжественное опоясываніе жениха, осыпаніе молодыхъ конфектами, троекратное обхожденіе молодой на другой день послѣ свадьбы вокругъ колодца и бросаніе въ него мелкихъ денегъ и слѣдующее затѣмъ поливаніе воды на руки мужа [1]).

Нѣкоторые изъ обозначенныхъ выше обрядовъ соблюдаются у новыхъ грековъ въ большіе праздники, преимущественно въ Рождество Христово. Такъ, на Іоническихъ островахъ въ рождественскій хлѣбъ *куллуру* кладутъ золотую монету. «Куллура» — круглый хлѣбъ, съ отверстіемъ въ серединѣ въ родѣ вѣнка, приготовляемый изъ пшеничной муки съ изюмомъ и кунжутовыми зернами. Нашедшій золотую монету беретъ ее себѣ. «Куллуру» ѣдятъ торжественно домохозяева и даютъ ее скоту [2]).

Сношенія славянъ съ греками начались въ глубокой древности. Классическій орнаментъ на скандинавскихъ подѣлкахъ древняго желѣзнаго періода указываетъ на воздѣйствіе греческихъ колоній въ Скиѳіи [3]).

---

[1]) *Дочь и жена консула*, двадцать лѣтъ пребыванія среди грековъ, болгаръ, турокъ, т. II, стр. 66—70.

[2]) *Schmidt*, Das Volksleben d. Neugriechen, т. I, стр. 63.

[3]) *А. Н. Веселовскій*, въ Сборн. акад. наукъ, т. XXXII, стр. 103.

Во время великаго переселенія народовъ славяне проникли въ отдаленные углы элинскаго міра на европейскомъ материкѣ, въ Македонію, Эпиръ и Элладу. Въ восьмомъ вѣкѣ страны эти иногда прямо назывались славянскими, Terra slavonica. Названіе «Морея» считаютъ измѣненнымъ славянскимъ словомъ Морава. Византійскіе писатели VIII, IX и X ст. жалуются на славянизацію Греціи. Такъ, въ одной географической хрестоматіи этого времени сказано, что «весь Эпиръ и почти вся Эллада, Пелопонесъ и Македонія населены нынѣ скиѳскими славянами» [1]). При столь тѣсной связи грековъ съ славянами естественно происходило обоюдное вліяніе, грековъ на славянъ относительно культуры, повѣрій и обрядовъ, славянъ на грековъ преимущественно въ отношеніи физіологическомъ, по крови. Верхъ брала греческая сторона, какъ болѣе культурная, исторически выработавшаяся. «Носительница высшей культуры и христіанской вѣры, гордая сознаніемъ своихъ заслугъ, Византія имѣла для славянъ въ IX вѣкѣ такое же значеніе, какое имѣетъ въ настоящее время Россія на востокѣ. Не столько силой оружія, какъ дипломатіей и превосходствомъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, Византійская имперія привлекала подъ свое вліяніе южныя и восточныя славянскія племена, находившіяся тогда въ періодѣ перехода отъ племенной къ государственной жизни. Сила разнообразныхъ вліяній, которыя неизбѣжно распространялись отъ Византіи къ славянамъ, не ограничивалась ближайшими племенами Ѳракіи и Македоніи, но шла при посредствѣ ихъ къ сербамъ, болгарамъ и моравамъ, а черезъ Крымъ и къ русскимъ. Было-бы весьма ошибочно измѣрять область византійскихъ вліяній на славянъ протяженіемъ имперіи въ IX вѣкѣ. Точно также нельзя думать о способѣ распространенія византійской образованности въ границахъ опредѣленнаго періода. Византійзмъ дѣйствуетъ между славянами съ VI вѣка, постепенно приготовляя изъ нихъ культурные народы, предопредѣленные принять и развивать далѣе усвоенное отъ Византіи. Соприкосновенія между греками и славянами были разнообразны и не ограничивались извѣстнымъ мѣстомъ и временемъ» [2]).

---

[1]) *Cuno*, Forschungen in Gebiete d. alt. Volkerkunde, т. I, стр. 33.

[2]) *Ѳ. Успенскій*, въ «Кіевской Старинѣ», 1885 г., май, стр. 108.

Обращаясь ближайшимъ образомъ къ свадебнымъ обрядамъ, можно допустить, что переходъ греческихъ свадебныхъ обрядовъ въ южную Россію могъ совершаться или при посредствѣ южныхъ славянъ, преимущественно болгаръ, или непосредственно черезъ сношенія южно-руссовъ съ греками, не столько политическія, религіозно-церковныя и литературныя, сколько черезъ торговыя.

Посредствующее значеніе болгарская свадьба потому могла играть, что среди коренныхъ славянскихъ обрядовъ болгарской свадьбы находится довольно много обрядовъ греческаго происхожденія; напримѣръ, свадебный хлѣбъ «медиником» представляетъ почти полное повтореніе древне-греческаго «мединика» и ново-греческаго «пропкасто». У болгаръ Лѣсковца молодая кладетъ по краямъ колодца просо; въ Панагюриштѣ во время свадьбы кладутъ въ ведро золотую монету (Смотри мое сочиненіе о свадебныхъ обрядахъ, 101),—обряды, сильно напоминающіе греческій свадебный ритуалъ.

Торговыя сношенія южной Россіи съ Греціей, оживленныя и частыя въ первые вѣка русской исторіи, на время было ослабѣли, въ слѣдствіе татарскаго погрома. При Ягеллонахъ снова стали развиваться торговыя сношенія съ Греціей. Въ XV столѣтіи пшеница явилась важной отраслью внѣшней отпускной торговли литовской Руси. Изъ Малороссіи отправляли на югъ въ продажу много хлѣба, частью сухимъ путемъ, частью по Днѣпру, большею частью по Днѣстру и Бугу. Украинская пшеница шла въ Крымъ (въ Кафу), въ Грецію, въ страны, прилегающія къ Средиземному морю. Въ особенности процвѣтала южно-русская заграничная хлѣбная торговля въ двухъ черноморскихъ портахъ, въ Хаджибеѣ, находившемся между Днѣстромъ и Бугомъ, и въ Бѣлгородѣ, или Акерманѣ, при устьѣ Днѣстра. Въ этихъ пунктахъ, повидимому, происходилъ живой обмѣнъ товаровъ между малоруссами и греками. По свидѣтельству Длугоша, византійскій императоръ Мануилъ, тѣснимый турками, просилъ въ 1415 г. польскаго короля Ягелла оказать ему помощь хлѣбомъ. Ягелло приказалъ отправить пшеницу въ Хаджибей, гдѣ ее и забрали греки. Изъ Бѣлгорода при королѣ Казимірѣ Ягелловой династіи подольская пшеница вывозилась въ средиземноморскія страны до Кипра. Въ половинѣ XV ст. южно-русской хлѣбной торговлѣ благопріятствовало, между прочимъ, и то обстоятельства, что крымскимъ ханомъ въ это время былъ Девлетъ-Хаджи-

Гирей, питавшій къ Литвѣ хорошее расположеніе, и потому удерживавшій перекопскихъ татаръ отъ грабежа и разоренія литовской Руси [1]). Въ концѣ XV ст. политическое положеніе южной Европы измѣнилось въ очень неблагопріятномъ для южной Руси смыслѣ. Въ 1475 году Магометъ II отнялъ у генуэзцевъ Кафу, у литовцевъ Бѣлгородъ. Сынъ и преемникъ его Баязетъ II захватилъ въ 1485 г. Килію. Въ 1490 г. татары разорили Хаджи-бей и построили на его мѣстѣ укрѣпленіе Очаковъ. Такимъ образомъ турки явились полными хозяевами на берегахъ Чернаго моря. На южно-русскую торговлю не могло не оказать вліянія другое великое событіе конца XV ст., открытіе морскаго пути въ Индію и открытіе Америки. Центръ тяжести въ торговлѣ изъ южно-европейскихъ странъ, съ береговъ Чернаго и Средиземнаго морей перешелъ на сѣверъ Европы, на берега Балтійскаго моря. При всемъ томъ въ концѣ XV ст. и въ XVI ст. южно-русская торговля съ средиземноморскими странами продолжалась, хотя и въ слабой степени, продолжалась въ силу заграничнаго спроса на южно-русскую пшеницу, тѣмъ болѣе, что литовско-польская граница шла не далеко отъ береговъ Чернаго моря, и польскіе короли заключали съ Турціей договоры о свободномъ отправленіи торговли на сушѣ и морѣ.

Хотя не подлежитъ сомнѣнію, что болѣе или менѣе значительная часть южно-русской торговли XV и XVI ст. шла черезъ руки евреевъ, которые уже въ то время дѣйствовали съ помощью капитала и протекціи магнатовъ, однако въ барышахъ отъ торговли были и коренные жители, малоруссы, литовцы, поляки [1]). Живое торговое общеніе вело къ общенію бытовому въ обширномъ смыслѣ этого слова, относительно сказаній, повѣрій и обрядовъ. Общеніе народовъ греческаго и малорусскаго и перенесеніе сказаній и обычаевъ съ балканскаго полуострова въ южную Россію могло совершаться различными путями, въ значительной степени посредствомъ многочисленныхъ въ старинное время бродячихъ, шляющихся людей: странниковъ мірянъ, нищихъ монаховъ, мелкихъ торговцевъ, возвратившихся изъ турецкой неволи плѣнниковъ.

Вліяніе отдаленнаго Рима на славянскую, въ частности южнорусскую обрядность не можетъ быть отвергаемо. Вліяніе это шло

---

[1]) *Jaroszewicz*, Obraź Litwy, т. II, стр. 93—94.

отъ ближайшихъ къ славянамъ римскихъ поселенцевъ Дакіи, съ первыхъ вѣковъ христіанской эры, и повидимому было довольно значительно. Достаточно сильнымъ доказательствомъ обширнаго вліянія римскаго міра на славянъ въ древности служитъ названіе художественныхъ святокъ колядой, коледой, отъ латинскихъ январьскихъ calendae. Замѣна древняго народнаго названія праздника латинскимъ предполагаетъ непосредственное знакомство славянъ съ древне-римскимъ міромъ. По мнѣнію профессора М. С. Дринова, реченіе это было заимствовано славянами въ Дакіи и ея окрестностяхъ въ то время, когда нѣкоторыя изъ тамошнихъ славянскихъ племенъ приведены были во временную зависимость отъ римлянъ Траяномъ [1]). Греко-римскій элементъ въ славянскихъ святочныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ отчасти разъясненъ А. Н. Веселовскимъ въ VII части «Розысканій въ области русскаго духовнаго стиха». Указывая на замѣчательное сходство современныхъ европейскихъ святочныхъ обычаевъ, А. Н. Веселовскій замѣчаетъ: «многое можно объяснить единствомъ натуралистическихъ представленій, легшихъ въ ихъ основу; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ общемъ есть частности и совпаденія, невольно вызывающія вопросъ о возможности одного древняго культурнаго вліянія, распространявшагося разновременно и оставившаго слѣды въ очертаніяхъ новаго обряда» [2]). Далѣе, А. Н. Веселовскій разъясняетъ, что это было классическое вліяніе. Вс. Ѳ. Миллеръ въ изслѣдованіи о русской масляницѣ исходнымъ пунктомъ поставилъ древне-римскія празднества въ честь нарождающагося солнца, которыя начинались съ конца декабря и продолжались до половины марта. Маски и переодѣванія, бѣганья по улицамъ, конскія ристанія, зажиганіе огней въ храмѣ Весты, разгулъ, поминовеніе покойниковъ—таковы были существенныя черты древне-римскихъ солнечныхъ праздниковъ, перешедшія и въ западно-европейскій карнавалъ и отчасти проникшія въ русскую масляницу [3]). Разъ славянскіе обряды носятъ на себѣ черты вліянія римскихъ праздниковъ рожденія солнца, уже *a priori* можно при-

---

[1]) *Дриновъ*, Заселеніе балканскаго полуострова славянами, Москва, 1873 г., стр. 76.

[2]) *А. Веселовскій*, Сборникъ академіи наукъ, т. XXXII, стр. 103.

[3]) *Вс. Миллеръ*, Руская масляница и западно-европейскій карнавалъ, Москва, 1884 года.

знать возможнымъ вліяніе римскаго свадебнаго ритуала. Характерными чертами главнаго, патриціальнаго римскаго брака, *confarreatio,* были жертвоприношеніе богамъ животныхъ и хлѣба, обрядовое обхожденіе вокругъ алтаря съ огнемъ и водой, присутствіе мальчиковъ, гимны и молитвы—«Solemnia verba».

Жертвенныя животныя при confarreatio были свинья, корова, преимущественно овца. На шкурѣ зарѣзанной для жертвоприношенія овцы усаживали молодыхъ.

Главнымъ предметомъ жертвоприношенія при confarreatio, какъ видно изъ самаго названія этого священнодѣйствія, былъ пшеничный хлѣбъ, panis farreus, libum farreum. Пшеница въ глубокой древности составляла въ Лаціумѣ главный предметъ земледѣльческой культуры, была почти единственнымъ, употребляемымъ въ пищу, хлѣбнымъ зерномъ и потому заняла видное мѣсто въ религіозныхъ обрядахъ. Пшеничнымъ зерномъ осыпали алтарь и жертвенное мясо. Изъ пшеницы, съ примѣсью соли, приготовляли жертвенные хлѣбы, mola salsa, far pium. Римскій свадебный хлѣбъ приготовлялся съ медомъ и масломъ и по приготовленію и употребленію тождественъ съ болгарскимъ свадебнымъ медиnикомъ. По словамъ Сервія: liba sunt placenta de farre, melle et oleo, sacris aptae. Liba составляла предметъ жертвоприношенія земледѣльчеекимъ богамъ, Теллусъ, Церерѣ, на свадьбахъ и большихъ годовыхъ праздникахъ. Либу бросали въ огонь, пылавшій на жертвенникѣ.

Обрядовое покрываніе головы невѣсты краснымъ платкомъ (flammeum) составляло важную часть римской свадьбы. Обрядъ этотъ назывался nubere, obnubere. Замужняя женщина у римлянъ ходила всегда съ повязанной головой. Ярко-красный цвѣтъ фляммеума служилъ символомъ огня солнечнаго и домашняго очага.

Обрядовое употребленіе огня и воды составляло необходимую принадлежность римской свадьбы, безъ различія формы бракосочетанія и сословнаго положенія брачущихся. Обрядъ igni et aqua accipi совершался различнымъ образомъ: мальчики и дѣвочки приносили воду изъ священнаго источника, мыли невѣстѣ ноги, присутствовали съ водой и огнемъ въ рукахъ при обвожденіи молодыхъ вокругъ алтаря. Основное значеніе обрядъ этотъ имѣлъ при вступленіи новобрачной въ домъ мужа, какъ *domum deductio,* юридическое признаніе полноправности молодой замужней женщины въ распо-

ряженіи главными предметами домашней жизни, огнемъ и водой. Молодую встрѣчали на порогѣ съ огнемъ и водой: «ignis et aqua... nuptiis in limine adhibentur», по словамъ Варрона.

Обрядъ igni accipi состоялъ въ томъ, что передъ отправленіемъ невѣсты въ домъ новобрачнаго въ домѣ ея родителей зажигали факелъ и мальчикъ несъ его впереди поѣзда невѣсты въ домъ новобрачнаго. Это былъ fax in honorem Cereris,—факелъ во славу Цереры.

Значеніе aqua accipi заключалось преимущественно въ томъ, что невѣста переносила изъ родительскаго дома въ домъ мужа воду и здѣсь разливала ее, вѣроятно, на порогъ,—по словамъ Феста,—aqua aspergebatur nova nupta.

Важное значеніе въ римскомъ свадебномъ ритуалѣ имѣлъ мальчикъ, называемый Камилломъ (cammillus), который при переѣздѣ невѣсты въ домъ молодаго несъ cumerum—коробку съ хлѣбнымъ зерномъ [1]).

Древняя южнорусская свадебная обрядность неизвѣстна. Въ посланіи Владиміра Мономаха къ Олегу есть указаніе на обыкновеніе пѣть на свадьбахъ пѣсни: «А сноху мою послати ко мнѣ, писалъ Владиміръ Мономахъ, зане нѣсть въ ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны свадбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя» [2]).

Изслѣдователь украинскаго свадебнаго ритуала напрасно будетъ пересматривать объемистыя сочиненія кіевскихъ ученыхъ XVII ст., отыскивая въ нихъ документальныя указанія на малорусскую свадебную обрядность. Онъ найдетъ въ нихъ лишь сухія наставленія о святости брака, о супружеской вѣрности и т. п. Почти единственнымъ исключеніемъ въ данномъ случаѣ служитъ «Лиѳосъ» (1644 г.) Петра Могилы. Небольшой отдѣлъ Лиѳоса о бракѣ (стр. 164—170) заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на южнорусскіе свадебные обычаи первой половины XVII ст.—по-

---

[1]) *Rossbach*, Untersuchungen über die röm. Ehe. 100—117, 307—328, 361.

[2]) *Лѣтопись* по лаврент. списку, изд. 1872 г., стр. 244.

хищеніе дѣвицъ, подстриганіе волосъ у молодыхъ, пѣніе благодарственныхъ пѣсенъ послѣ свадебнаго обѣда и др. [1]).

Небольшія, но весьма цѣнныя замѣтки о малорусской свадьбѣ XVII ст. находятся въ «Описаніи Украйны» Боплана.

Впервые подробному описанію украинскіе свадебные обряды подверглись во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1777 г. въ Петербургѣ вышло «Описаніе свадебныхъ украинскихъ простонародныхъ обрядовъ въ Малой Россіи и въ слободской украинской губерніи», составленное Калиновскимъ [2]). «Описаніе» это перепечатано въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относительно до Россіи, изд. Калачова 1854 г., II, 2. Въ «Описаніи» Калиновскаго встрѣчаются любопытныя черты обрядоваго умыканія, покрыванія молодой, зажиганія костра, торжественнаго и обрядоваго присутствія дѣтей.

Недостатокъ старинныхъ записей вознаграждается многочисленностью сдѣланныхъ въ новое время записей малорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ. Большой въ этомъ отношеніи матеріалъ даютъ прежде всего сборники Чубинскаго и Головацкаго, затѣмъ этнографическіе сборники географическаго общества и южнорусскія Губернскія Вѣдомости.

Малорусская свадьба обнаруживаетъ сходство съ греческой свадьбой въ цѣломъ своемъ составѣ и въ частныхъ подробностяхъ, что однако не даетъ повода первую выводить изъ послѣдней. Такое производство уже потому мало убѣдительно, что слишкомъ широко. Можно говорить только о заимствованіи частныхъ случаевъ и подробностей классическаго свадебнаго ритуала, отвѣчавшихъ общему складу славянской свадьбы, заимствованіи, весьма возможномъ при общеніи народовъ между собою. Съ-чужа бралось то, что напоминало родное, и самое заимствованіе во многихъ случаяхъ состояло не въ механической приставкѣ чужаго къ своенародному, а въ органической ассимиляціи своего съ чужимъ. Бросающееся въ глаза

---

[1]) Подробности въ моей статьѣ «Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обрядовъ» въ Кіевской Старинѣ за 1883 г, т. III, стр. 510—514.

[2]) Читатели «Кіевской Старины» ознакомились съ этимъ «Описаніемъ» по небольшой библіографической статьѣ В. Г—ка въ I т. «Кіевской Старины», стр. 505—507.

сходство во всемъ строеніи классическаго и славянскаго свадебнаго ритуала удовлетворительно можетъ быть объяснено происхожденіемъ классическихъ и славянскихъ народовъ изъ одного общаго арійскаго корня и вытекающимъ отсюда племеннымъ родствомъ.

Выдѣляя изъ малорусскаго свадебнаго ритуала черты, напоминающія свадьбу древнихъ классическихъ народовъ, нужно остановиться на обрядномъ употребленіи факела и свѣчи, воды, овчины, на обрядномъ покрываніи головы молодой, отчасти на обрядномъ употребленіи коровая и хлѣбнаго зерна и также отчасти на обрядномъ присутствіи на свадьбахъ дѣтей.

Въ малорусской свадьбѣ igni accipi состоитъ въ торжественномъ обрядномъ употребленіи факела, свѣчи и костра. Въ липецкой слободѣ харьковской губерніи молодыхъ въ домѣ родителей жениха встрѣчаютъ съ зажженнымъ факеломъ, приготовляя его изъ вѣтви дерева, обернутой паклей и облитой дегтемъ [1]), обрядъ чисто классическій во всѣхъ своихъ подробностяхъ и по времени совершенія. Этотъ обрядъ въ Малороссіи встрѣчается однако рѣдко; въ иныхъ мѣстахъ онъ въ значительной степени варьируется, большею частью факелъ замѣняется свѣчей и время примѣненія обряда переносится въ середину свадьбы, къ пріѣзду молодаго въ домъ невѣсты. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія было уже въ ходу обрядовое уботребленіе восковой свѣчи «тройчатки» наканунѣ свадьбы, въ субботу, на дѣвичникѣ. Дѣвушка, подруга невѣсты, такъ называемая свѣтилка, сидя въ большомъ углу, держала на козацкой саблѣ, увитой калиновыми вѣтвями съ ягодами, зажженую восковую свѣчу «тройчатку». Женихъ, пріѣхавъ въ домъ родителей невѣсты, въ день свадьбы, становился съ свахой и съ свѣтилкой за порогомъ; къ нимъ на встрѣчу выходила мать невѣсты съ зажженой восковой свѣчей, зажигала находившуюся въ рукахъ свѣтилки на саблѣ свѣчу «тройчатку», цѣловалась черезъ порогъ и вводила жениха въ хату [2]). Почти тождественный обрядъ съ свѣчей «тройчаткой» встрѣчается и нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи: сестра жениха несетъ «квитку» съ тремя восковыми свѣчами. Когда придутъ въ хату

---

[1]) *Чубинскій*, Труды этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стран. 428.

[2]) *Калиновскій*, стр. 5, 9.

невѣсты, сестра жениха останавливается въ сѣняхъ; на встрѣчу выходитъ мать невѣсты съ восковой свѣчей. Обѣ они ставятъ свои правыя ноги на «синечный» порогъ, цѣлуются, и затѣмъ, по приглашенію свахи, входятъ въ хату [1]).

Значительную отмѣну обрядовое употребленіе свѣчи представляетъ при печеніи короваая въ с. Ждановкѣ полтавской губерніи. Когда уже окончено украшеніе коровая, тогда въ него съ четырехъ сторонъ втыкаютъ четыре восковыя свѣчи; потомъ берутъ большую восковую свѣчу и прикрѣпляютъ ее къ ножу, положенному на дно дижи [2]).

Въ малорусскомъ гаданьѣ встрѣча двухъ свѣчей, пущенныхъ на воду, означаетъ бракъ [3]).

Малорусскіе свадебные факелы и свѣчи настолько сходны съ классическими, преимущественно римскими свадебными факелами, что возникаетъ мысль о возможности въ данномъ случаѣ прямаго заимствованія этихъ обрядныхъ предметовъ въ древнее время отъ народовъ классическихъ. Правда, у римлянъ требовалось, чтобы при отправленіи молодой въ домъ новобрачнаго было непремѣнно пять факеловъ [4]). У малороссіянъ мы видимъ свѣчу «тройчатку», причемъ число три могло возникнуть въ позднее время подъ вліяніемъ христіанскаго ученія о св. Тройцѣ.

Обрядовое сожиганіе на свадьбахъ костровъ и прыганіе черезъ нихъ не имѣетъ связи съ обрядовымъ употребленіемъ свѣчей. Повидимому, въ классической древности ничего подобнаго не было, по крайней мѣрѣ на свадьбахъ. Обыкновеніе зажигать куль соломы при въѣздѣ новобрачной въ домъ родителей молодаго соблюдалось въ Малороссіи во второй половинѣ прошлаго столѣтія [5]) и нынѣ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ кіевской и волынской губерніи [6]). Во многихъ мѣстахъ этотъ обрядъ совершенно утраченъ, въ иныхъ мѣстностяхъ онъ сильно видоизмѣнился. Въ чигиринскомъ

---

[1]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 188.
[2]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 584.
[3]) *Чубинскій*, т. III, стр. 259.
[4]) *Rossbach*, 338.
[5]) *Калиновскій*, стр. 15.
[6]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 428, 581.

уѣздѣ кіевской губерніи, по выходѣ молодыхъ изъ коморы, въ случаѣ молодая оказалась цѣломудренной въ дѣвушкахъ, замужнія женщины раскладываютъ костеръ гдѣ нибудь въ оврагѣ и, обнажившись до пояса, прыгаютъ черезъ него [1]). Обрядный костеръ встрѣчается во всѣхъ славянскихъ странахъ или на свадьбахъ, или наканунѣ Ивана Купала, или на масляной недѣлѣ. Обрядный костеръ произошелъ изъ древне-славянскаго культа солнца и имѣлъ значеніе очистительное и предохранительное отъ колдовства.

Aqua accipi въ малорусскомъ свадебномъ ритуалѣ выражается такъ-же различно, какъ igni accipi, главнымъ образомъ въ формѣ выливанія воды на землю при въѣздѣ новобрачнаго съ молодой въ родительскій домъ, или въ формѣ обрядоваго купанья молодой, или наконецъ торжественнаго шествія молодой къ колодцу послѣ свадьбы, съ поднесеніемъ колодцу подарка.

Въ прошломъ столѣтіи мать невѣсты предлагала въ день свадьбы жениху горшокъ съ водою и овсомъ, и женихъ выливалъ воду на гриву лошади и бросалъ горшокъ на землю [2]). Въ настоящее время совершаются подобные обряды: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при встрѣчѣ молодыхъ обрызгиваютъ водой цѣлый поѣздъ или однихъ молодыхъ [3]). Такъ какъ обрядъ этотъ встрѣчается почти у всѣхъ славянъ, то можно принять его самостоятельное происхожденіе, независимо отъ римскаго ритуала, гдѣ подобнаго рода обыкновеніе, повидимому, имѣло мѣсто въ концѣ свадьбы, выражаясь въ обливаніи порога въ домѣ новобрачнаго [4]).

Обрядовое купаніе молодыхъ встрѣчается съ наибольшей обрядной полнотой у галицкихъ Лемковъ. На другой день послѣ свадьбы въ теплое время года молодыхъ ведутъ къ рѣкѣ. Омывшись немного, молодой беретъ новобрачную за руку и проводитъ ее впередъ и назадъ вдоль или поперекъ рѣки, потомъ, по выходѣ изъ рѣки, утирается сорочкой молодой, а молодая сорочкой молодаго [5]). Въ Великороссіи, сообразно съ ея суровымъ климатомъ об-

---

[1]) *Николайчикъ*, въ «Кіевской Старинѣ» 1883 г., т. I, стр. 395.

[2]) *Калиновскій*, стр. 7.

[3]) *Чубинскій*, IX 428; *Головацкій*, «Чтенія въ моск. общ. ист. и древ.». 1872 г., II. 254.

[4]) *Rossbach*, стр. 361.

[5]) *Головацкій*, «Чтенія» и проч. 1873 г. III. 364.

рядовое купанье молодыхъ въ рѣкѣ было замѣнено обряднымъ омовеніемъ въ банѣ. У Болгаръ невѣсту передъ свадьбой также водятъ въ баню; если нѣтъ бани, то ее замѣняетъ домашняя ванна[1]). Нѣчто подобное встрѣчалось въ древней Греціи: молодые въ день свадьбы брали ванну, причемъ воду приносили мальчики изъ священныхъ источниковъ. Троянскія невѣсты омывались въ водахъ рѣки Скамандра.[2]). У римлянъ общее обрядовое омовеніе молодыхъ было замѣнено частичнымъ омовеніемъ у нихъ ногъ: De qua (т. е. aqua de puro fonte) nubentibus solebant pedes lavari, по словамъ Варрона[3]). Вопросъ о заимствованіи обрядоваго купанія невѣсты славянами, въ частности русскими у грековъ остается открытымъ. Можно предположить, что обычай этотъ возникъ первоначально въ странѣ съ болѣе мягкимъ климатомъ и съ болѣе продолжительнымъ лѣтомъ, чѣмъ климатъ и лѣто южной Россіи.

Нужно замѣтить, что римскому обрядному омовенію ногъ молодыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи соотвѣтствуетъ обрядное мытье рукъ на рѣкѣ, вѣроятно, какъ замѣна общаго обряднаго купанья. Повидимому, независимо отъ свадебнаго обряднаго мытья рукъ, въ народной поэзіи мытье рукъ надъ рѣкой наводитъ дѣвушку на мысль о бракѣ.

Надъ ричкою стояла, стояла,
Били рученьки вмывала, вмывала.
Руки мои билыи, билыи,
А кому-жъ вы будете милыи, милыи?
Якъ будете молодому—дай Боже, дай Боже!
Якъ будете вдовцеви—брунь Боже, брунь Боже![4]).

Основная мысль пѣсни настолько проста и естественна для дѣвушки, что пѣсня могла возникнуть помимо реминисценціи, т. е. случайнаго и невольнаго воспоминанія о свадебномъ обрядномъ мытьѣ рукъ. Въ народной поэзіи для созрѣвшей въ физическомъ отношеніи дѣвушки напоминаніемъ предстоящаго замужества служитъ и постель бѣлая, и руки чистыя, и голосъ соловья въ рощѣ,

---

[1]) Чолаковъ, Болг. нар. сб., 13.

[2]) *Schoemann*, т. II, стр. 493.

[3]) *Rossbach*, цитир. на 364 стр.

[4]) *Чубинскій*, т. V, стр. 9.

и созрѣвшее жито, и много другихъ предметовъ внѣшней природы и домашняго быта. Шутливое выраженіе Беранже, что «барышни замужъ хотятъ», въ народной поэзіи находитъ полное раскрытіе и разъясненіе со стороны самихъ дѣвушекъ.

Обрядовое «скрываніе» молодой послѣ свадьбы возлѣ колодца, съ принесеніемъ колодцу подарка, представляетъ видоизмѣненіе обряднаго купанья. Молодая, вставъ съ постели, одѣвается и идетъ за водой, которую потомъ подноситъ умываться свекру. Когда онъ умоется, молодая даетъ ему свой рушникъ вытереться и потомъ вѣшаетъ его возлѣ иконъ. Если есть близко церковь, то молодыхъ ведутъ туда скрывать, а если церкви вблизи нѣтъ, то ихъ ведутъ для этой же цѣли къ колодцу и тамъ они сами скрываются слѣдующимъ образомъ: накрываютъ платкомъ молодаго и молодую; покрытые, они должны умыться и потомъ вытереться тѣмъ-же самымъ платкомъ, который прикрываетъ ихъ головы. Если молодая не потеряла своей дѣвственности до вступленія въ бракъ, то ее отъ колодца ведутъ съ краснымъ флагомъ, который несетъ старшій дружко, а свашки несутъ шишку, украшенную пучками калины [1]). Почти тождественный обрядъ существуетъ въ настоящее время среди грековъ, населяющихъ южную часть Македоніи [2]). Трудно сказать, идетъ ли этотъ обрядъ изъ классической древности и у македонскихъ грековъ представляется національнымъ, а у славянъ заимствованнымъ, или наоборотъ, идетъ изъ славянской древности и въ новое время заимствованъ греками отъ славянъ. Значительное сходство обрядоваго хожденія молодой къ колодцу у грековъ и малороссіянъ располагаетъ къ мысли о возможности въ данномъ случаѣ прямого заимствованія, опиравшагося на почвѣ общаго въ древности всѣмъ арійскимъ народамъ религіозно-миѳическаго почитанія рѣкъ и колодцевъ и принесенія имъ жертвъ.

Въ старинное время, по письменнымъ свидѣтельствамъ, въ Великороссіи въ XVII ст. и въ Малороссіи въ XVIII ст. [3]), и въ настоящее время въ Россіи почти повсемѣстно молодыхъ въ домѣ новобрачнаго встрѣчаетъ женщина въ овчинной шубѣ шерстью

---

[1]) *Чубинскій*, т. IV, стр. 592.

[2]) Дочь и жена консула, т. II, стр. 70.

[3]) *Калиновскій*, стр. 7.

вверхъ. Кромѣ того, въ Малороссіи и въ Галиціи молодую во время обрядоваго расчесыванія косы сажаютъ на разостланный на квашнѣ кожухъ [1]). Въ XVII ст. въ Москвѣ на царскихъ и боярскихъ свадьбахъ расчесывали косу невѣсты, посадивъ ее на собольи мѣха. Въ настоящее время обрядовое употребленіе овчины малороссіяне объясняютъ различно. «Якій кожухъ твій мохнатый, такій зять твій багатый», говорятъ въ Галиціи дѣвушки, обращаясь къ матери невѣсты [2]), или поютъ:

Выйди, матенонько въ кожусѣ
До горы вовнонькою,
И зъ счастенькомъ, здоровенькомъ,
И зъ доброю доленькою! [3]).

Въ другихъ мѣстахъ народъ встрѣчу молодыхъ матерью новобрачной въ вывороченной шубѣ объясняетъ желаніемъ свекрови напугать невѣстку или желаніемъ тещи напугать зятя. Такъ, въ малорусской пѣснѣ волынской губерніи:

Вывернула тещенька овчину,
Да на якую причину?
Щобъ зятенька злякати
И своеи дочки не дати [4]).

Въ хронологическомъ отношеніи первое объясненіе древнѣе, архаичнѣе. Обрядовое употребленіе овчины имѣетъ своимъ источникомъ жертвоприношеніе барана и овцы богамъ земледѣлія и брака, повидимому, практиковавшееся у всѣхъ арійскихъ народовъ въ древности, встрѣчающееся и въ настоящее время у кочующихъ народовъ сѣверной и средней Азіи. Молодыхъ усаживали на кожу животнаго, мясо котораго было принесено въ жертву богамъ. Въ особенности большое употребленіе обрядная овчина имѣла у древнихъ грековъ и римлянъ, не смотря на то, что ея основное религіозно-обрядовое значеніе было забыто этими народами въ глубокой древности. Такъ, римскій писатель Фестъ старался уже доискаться до основнаго значенія обрядной «pellis lanata» на свадьбахъ и

---

[1]) *Основа* 1862 г. т. IV, стр. 8.
[2]) *Тамъ-же*, стр. 37.
[3]) *Головацкій*, т. III, стр. 303.
[4]) *Этнографическій Сборникъ*, т. I, стр. 305.

предлагаетъ по этому поводу два объясненія: обрядное употребленіе овчины служитъ или остаткомъ того древняго состоянія быта, когда люди единственной одеждой имѣли мѣха животныхъ, или аллегорическимъ указаніемъ на обязанность замужней женщины заниматься пряжей [1]).

Во всякомъ случаѣ, обрядное употребленіе овчины у грековъ и римлянъ было настолько обширно, съ такой торжественностью исполненія и выработкой мелкихъ его подробностей, что, при общности обрядовой овчины всѣмъ арійскимъ народамъ, могло въ этомъ отношеніи обнаружиться частное вліяніе строго-опредѣлившагося и выработаннаго греко-римскаго свадебнаго ритуала на колеблющійся и слабый древне-славянскій свадебный ритуалъ. Въ настоящее время обрядовое употребленіе овчины съ наибольшей полнотой встрѣчается у южно-русскаго народа, въ однихъ случаяхъ напоминая древне-греческіе, въ другихъ случаяхъ—древне-римскіе обряды, преимущественно послѣдніе. Древніе греки приносили въ жертву Деметрѣ немытую овечью шерсть, очевидный остатокъ жертвоприношенія овцы, pars pro toto. Въ Аѳинахъ масличную вѣтвь обматывали овечьей шерстью и несли ее въ храмъ Аполлона [2]). У римлянъ во время бракосочетанія confarreatio усаживали молодыхъ на два рядомъ поставленные стула, покрытые одной овчиною, или прямо сажали на кожу, снятую съ принесенной въ жертву овцы [3]). Римляне имѣли обыкновеніе послѣ молитвы садиться, что дѣлали и молодые послѣ обхожденія вокругъ алтаря. Къ слову здѣсь можно припомнить сходное русское обыкновеніе садиться передъ молитвой, если кто уѣзжаетъ въ далекую дорогу.

Обрядовое покрываніе головы невѣсты платкомъ свойственно многимъ народамъ, не только индо-европейскаго корня, но и семитическаго, и даже народамъ монгольской расы. Объ обрядномъ покрываніи головы невѣсты я подробно говорилъ въ моемъ изслѣдованіи о свадебныхъ обрядахъ (стр. 157—167). Здѣсь собраны проявленія обряднаго покрыванія невѣсты у разныхъ народовъ и объяснено основное его символическое значеніе, какъ внѣшнее знаменованіе облачнаго покрова, облегающаго землю время отъ времени и изли-

[1]) *Rossbach*, стр. 324.

[2]) *Schömann*, т. II, стр. 201.

[3]) *Rossbach*, стр. 101, 324.

вающаго на нее благотворный дождь и какъ выраженіе подчиненнаго положенія женщины. Что основное значеніе обряда вполнѣ натуралистическое, видно уже изъ одного его латинскаго названія nubere, obnubere, очевидно, отъ nubes-облака. Еще болѣе ясное опредѣленіе натуралистическаго значенія обряднаго покрыванія невѣсты находится въ польской свадебной пѣснѣ, которую поютъ во время «очепинъ»:

Przykryło się niebo obłokami,
Przykryła się Marysia rąbkami [1]).

Не останавливаясь подробно на обрядномъ покрываніи головы невѣсты, достаточно замѣтить, что малорусское и болгарское обрядное покрываніе головы невѣсты, находя родственныя и сходныя явленія въ свадебныхъ обрядахъ всѣхъ арійскихъ народовъ, въ особенности близко стоитъ къ древне-римскому обрядному покрыванію головы невѣсты. Быть можетъ, и здѣсь на усиленіе славянскаго обряднаго явленія повліялъ римскій свадебный ритуалъ. Бопланъ (XVII ст.) говоритъ, что въ Малороссіи молодую послѣ свадьбы повязывали очипкомъ, что и въ настоящее время повсемѣстно бываетъ въ Малороссіи и въ другихъ славянскихъ странахъ, причемъ сходство съ римскимъ свадебнымъ ритуаломъ состоитъ главнымъ образомъ въ слѣдующихъ подробностяхъ: торжественномъ расчесываніи волосъ невѣсты, покрываніи головы невѣсты послѣ бракосочетанія и въ красномъ цвѣтѣ покрывала. У болгаръ и у буковинскихъ малоруссовъ головное покрывало невѣсты бываетъ красное, «черлене» [2]). У римлянъ свадебное покрывало невѣсты называлось flammeum, очевидно, отъ flamma—пламя, огонь.

Терещенко въ «Бытѣ русскаго народа» русскій свадебный коровай производилъ отъ римскаго far, libum farreum. Не смотря на большое сходство коровая по времени и способу приготовленія съ римскимъ libum farreum и съ ново-греческимъ «пропкасто», нельзя эти обрядные хлѣбы выводить одинъ изъ другаго, такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ весьма сложное, выработанное, глубоко-архаичное обрядовое явленіе, и малорусскій свадебный коровай представляетъ столь-же самостоятельный и цѣльный продуктъ

---

[1]) *Wojcicki*, Piesni ludu, т. II, стр. 77.

[2]) *Записки* юго-запад. отдѣла географич. общества, т. II, стр. 491.

древне-славянской жизни, какъ far—жизни римской. Коровай—первоначально жертвенный хлѣбъ, замѣнившій или дополнившій жертвенную корову; far—первоначально также жертвенный хлѣбъ, дополнявшій жертвенную овцу. Замѣчательное сходство въ способѣ приготовленія ново-греческаго «пропкасто» и малорусскаго «коровая» можетъ быть объясняемо вліяніемъ славянскаго, болѣе всего болгарскаго свадебнаго ритуала на ново-греческую свадьбу. Трудно судить, насколько ново-греческій «пропкасто» повторяетъ или сходствуетъ съ древне-греческими свадебными хлѣбами, за недостаткомъ письменныхъ свидѣтельствъ о способахъ приготовленія и употребленія хлѣба на древне-греческой свадьбѣ. Нельзя вполнѣ отрицать возможности перехода нѣкоторыхъ чертъ греческаго и римскаго свадебнаго хлѣба на свадебный хлѣбъ болгарскій и малорусскій, напримѣръ, круговращательнаго танца вокругъ вынутаго изъ печи свадебнаго хлѣба или вокругъ квашни, что бываетъ въ Греціи во время печенія «пропкасто», въ Болгаріи во время печенія «боговицы», въ Малороссіи во время приготовленія коровая, подниманія коровая выше головы и т. п. Въ классической древности въ свадебномъ ритуалѣ значительную роль игралъ сладкій хлѣбъ, съ примѣсью меда, у грековъ «мелипекта» и «плакунты», у римлянъ mustacea liba или просто mustacea,—пироги, замѣшанные на сладкомъ винѣ съ лавровымъ листомъ. Болгарскій свадебный «медипикъ», по способу приготовленія, напоминаетъ классическіе свадебные хлѣбы съ медомъ. Въ Малороссіи обрядный медипикъ не встрѣчается, но за то встрѣчается очень близкое къ нему обрядовое кормленіе молодыхъ хлѣбомъ и медомъ. Въ прошломъ столѣтіи въ домѣ новобрачныхъ на другой день послѣ свадьбы ставили на тарелкѣ паточный медъ, намачивали имъ калачи и потчивали ими молодыхъ и гостей [1]). Поднесеніе хлѣба съ медомъ молодымъ встрѣчается въ Малороссіи и въ настоящее время [2]). Обрядовое кормленіе молодыхъ хлѣбомъ и медомъ, по основной мысли предопредѣлить для молодыхъ сладкую, довольную, счастливую жизнь, на столько, такъ сказать, элементарно, просто, что можетъ одновременно возникать у разныхъ народовъ, внѣ какихъ-либо постороннихъ обрядныхъ или бытовыхъ вліяній.

---

[1]) *Калиновскій,* стр. 20.

[2]) *Чубинскій,* т. IV, стр. 461.

Обрядовое обсыпаніе молодыхъ сладкими плодами въ древней Греціи и хлѣбнымъ зерномъ у славянъ, обрядовое присутствіе мальчиковъ на греческой, римской и малорусской свадьбахъ—явленія общія многимъ народамъ и потому слишкомъ шаткія при рѣшеніи вопроса о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу.

Нѣтъ спора, что можно отыскать черты сходства малорусской свадьбы и съ свадьбой древне-индусской, и съ свадьбой древне-германской, черты, во всякомъ случаѣ ничего другаго не доказывающія, кромѣ отдаленнаго племеннаго родства всѣхъ народовъ арійскаго корня. Другое дѣло, сходство славянскаго, въ особенности малорусскаго свадебнаго ритуала съ свадебнымъ ритуаломъ древнихъ классическихъ народовъ, сходство во всемъ строѣ свадьбы и во многихъ мелкихъ ея подробностяхъ, сходство, доходящее въ нѣкоторыхъ частностяхъ до тождественности. Здѣсь естественно возникаетъ мысль, что между древними классическими народами и славянами, и въ особенности той отраслью славянскаго племени, отъ которой впослѣдствіи пошелъ южно-русскій народъ, было тѣсное общеніе и единеніе, не только племенное, по крови, но и духовное, культурное, общеніе сильное, глубокое, не уступающее по интенсивности общенію германскаго міра съ латинскимъ западомъ.

Сходство славянской, преимущественно малорусской свадьбы съ свадьбой древне-классической, преимущественно римской можетъ быть выражено въ наглядномъ сопоставленіи или параллеляхъ всѣхъ главныхъ ихъ частей, актовъ, въ ихъ послѣдовательномъ размѣщеніи въ самой жизни народа:

1) Coemptio . . .	1) Обрядная покупка невѣсты женихомъ или его родителями.
2) Mancipatio... imaginaria venditio.	2) Торгъ за невѣсту, плата ея отцу или брату, выкупъ мѣста около невѣсты и т. п.
3) Auspicii . . .	3) Гаданья въ началѣ свадьбы, преимущественно въ домѣ невѣсты.
4) Sex crines; hasta caelibaris.	4) Обрядное расчесываніе косы невѣсты.
5) Nubere flammeum.	5) Обрядное покрываніе головы молодой, очепины.

6) Pellis lanata . .	6) Обрядное сажаніе молодыхъ на овечій мѣхъ.
7) Verti circum aras .	7) Обхожденіе вокругъ стола, круговращательный танецъ вокругъ дѣжи или коровая.
8) Libum farreum, mustacea.	8) Коровай, кормленіе молодыхъ хлѣбомъ и медомъ.
9) Coena nuptialis .	9) Свадебный обѣдъ, пиршество.
10) Dextrarum junctio.	10) Обрядное соединеніе рукъ молодыхъ.
11) Domum deductio.	11) Встрѣча и пріемъ молодыхъ въ домѣ родителей жениха.
12) Aqua accipi . .	12) Обрызгиваніе и обливаніе молодыхъ матерью жениха; купаніе ихъ въ рѣкѣ или мытье рукъ у колодца.
13) Igni accipi . .	13) Встрѣча молодыхъ матерью жениха съ свѣчей въ рукахъ, переведеніе ихъ черезъ зажженный костеръ.
14) Puer felicissimus, Camillus.	14) Обрядное присутствіе дѣтей при печеніи коровая или во время пріѣзда молодаго въ домъ невѣсты.
15) Certa et solemnia verba.	15) Пѣснопѣнія, въ родѣ «Мисяць дориженьку освитывъ» (Чуб. т. IV, стр. 406).
16) Nuces pueris . .	16) Бросаніе дѣтямъ орѣховъ и сластей, осыпаніе молодыхъ хлѣбнымъ зерномъ.
17) Lecti geniales, qui sternuntur puellis nubentibus (въ атріумѣ).	17) Помѣщеніе молодыхъ въ коморѣ; брачная постель на снопахъ жита.
18) Посвященіе брачнаго покрывала Герѣ.	18) «Скрываніе» молодой въ церкви.
19) Repotia . . .	19) Пирушка въ домѣ родителей жениха нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ОСТРОВЪ ХОРТИЦА НА РѢКѢ ДНѢПРѢ.

(Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ).

„Грай, кобзарю! лый шинкарю!"
Козаки гукали.
Шинкарь знае—наливае
И не схаменетця;
Кобзарь вшкваривъ, а козаки,
Ажъ Хортиця гнетця,
Метелыци та гопака
Гуртомъ оддирають [1]).

Въ исторіи южно-русскаго народа съ именемъ Хортицы соединены воспоминанія о первыхъ временахъ славнаго нѣкогда «Низоваго войска». Здѣсь было первое укрѣпленное жилище запорожскихъ козаковъ, или «Сѣчь», и отсюда предпринимали они свои отважные походы противъ турокъ и татаръ.

Островъ Хортица—самый большой и самый величественный изъ острововъ Днѣпра на всемъ его протяженіи. Первыми свѣдѣніями объ этомъ островѣ мы обязаны греческому императору Константину VII Багрянородному (905—959). У Константина Багрянороднаго Хортица именуется островомъ св. Григорія: «Прошедъ крарійскій перевозъ [2]), они (руссы) причаливаютъ къ острову, который называется именемъ св. Григорія. На этомъ островѣ они совершаютъ свои жертвоприношенія: тамъ стоитъ огромной величины дубъ. Они приносятъ въ жертвы живыхъ птицъ; также втыкаютъ кругомъ стрѣлы, а другіе (кладутъ) куски хлѣба и мяса и что у кого есть, по своему обыкновенію. Тутъ-же бросаютъ жребій, уби-

---

[1]) Кобзарь Т. Шевченко. Спб., 1883 г., стр. 69.

[2]) Теперешній Кичкасъ.

вать-ли птицъ и ѣсть, или оставлять въ живыхъ» [1]). Въ русскихъ лѣтописяхъ имя Хортицы («Хортичъ») впервые упоминается подъ 1103-мъ годомъ, когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, отправился походомъ противъ половцевъ: «И поидоша на конихъ и въ лодьяхъ, и придоша ниже порогъ и сташа въ протолчехъ и въ Хортичимъ островѣ» [2]). Изъ русскихъ-же лѣтописей узнаемъ, что на островѣ Хортицѣ съѣхались всѣ русскіе князья и ихъ пособники, когда въ 1224 году отправлялись на первую битву противъ татаръ. Островъ назывался тогда варяжскимъ. «Придоша къ рѣцѣ Днѣпру, ко острову варяжьскому. И пріѣха ту къ нимъ вся земля половецкая, и черьниговцемъ приѣхавшимъ и кияномъ и смолняномъ, и инѣмь странамъ; а галичане и волынци кийждо со своими князьми, а куряне и трубчане и путивлици и кийждо со своими князьями, придоша коньми, а выгонци галичькыя придоша по Днѣпру и въидоша въ море; бѣ бо людей тысящи, и воидоша въ Днѣпръ, и возведоша порогы, и сташа у рѣки Хорътицѣ на броду у протолчи» [3]). Эрихъ Лассота (1594 г.) о Хортицѣ говоритъ, что она лежитъ въ полу-милѣ отъ Кичкаса, прекрасна, высока и пріютна, въ длину имѣетъ двѣ мили и раздѣляетъ Днѣпръ на двѣ равныя части [4]). Бопланъ (1620—1637 г.) называетъ Хортицу настоящимъ ея именемъ и говоритъ, что островъ очень высокъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженъ утесами; въ длину имѣетъ болѣе двухъ миль, а въ ширину около полумили, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и меньше того [5]). Изъ «Исторіи» Мышецкаго узнаемъ, что нѣкогда Хортица не была островомъ, а представляла лишь мысъ материка. «Сказываютъ, въ то время оный Хортицъ не былъ островъ, но соединенная степь, а ужъ потомъ отъ сильныхъ вешнихъ водъ въ низкихъ мѣстахъ сильною водою прорыло и учинило Хортицкимъ островомъ» [6]). Въ книгѣ Большаго Чертежа (1552—1600 гг.) Хортица именуется Хиртицей [7]), въ Путешественныхъ за-

[1]) De administr. imper., cap. IX, стр. 74—77. Издан. Бон.

[2]) Лѣт. по Ипат. списку. Спб. 1871 г., стр. 183.

[3]) Тамъ-же, стр. 495 и 496.

[4]) Путевыя записки. Одесса, 1873 г., стр. 30.

[5]) Описаніе Украйны. Спб. 1832 г., стр. 24.

[6]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса, 1852 г., стр. 24.

[7]) Книга, гл. Большой чертежъ. Москва, 1846 г., стр. 100.

пискахъ Зуева (1781 и 1782 г.) Хортицомъ [1]), въ атласѣ Днѣпра (1784 года) Хитрицкимъ островомъ, принадлежащимъ къ дачѣ свѣтлѣйшаго князя Потемкина [2]), у Ригельмана (1785—1786 г.) Хордецкимъ [3]). Объясненіе самаго названія острова находимъ у профессора Бруна. «Хортецкимъ онъ (островъ) могъ быть потому, что русы X вѣка имѣли обыкновеніе приносить на немъ жертвы своимъ богамъ, а подобными жертвами могли у нихъ служить, faute de mieux, молодыя собаки, которыхъ они легко могли назвать хортецами, т. е. именемъ, напоминающимъ финское слово hurtta, означающее волка и извѣстнаго вида собаку, извѣстную у эстовъ подъ названіе hart, у латышей kurts, у литовцевъ kurtas, у поляковъ chart, т. е. подъ именемъ нашихъ борзыхъ собакъ. Что эти именно собаки высоко цѣнились въ Россіи еще гораздо позже, это видно изъ описанія Герберштейномъ охоты, въ которой самъ онъ участвовалъ, въ присутствіи великаго князя Василія Іоанновича, mit reschen Hunden die sie Kurtzen nennen. По крайней мѣрѣ можно полагать, что австрійскій посланникъ (Герберштейнъ) подъ своимъ неразгаданнымъ словомъ Kurtzi просто разумѣлъ хортовъ» [4]).

Таковы первыя свѣдѣнія объ островѣ Хортицѣ. Къ этому нужно прибавить лишь то, что въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненія Багрянороднаго «Объ управленіи имперіей (De adminisitrando imperio)» Хортица именуется островомъ не Григорія, а Георгія. Но это или простая замѣна слова, которая показана уже въ нашихъ лѣтописяхъ (Георгій, Гюрга, Гюргій, Григорій) [5]), или-же звуковое измѣненіе произшедшее по извѣстному закону перехода буквы х въ г (Хорт+иц+а=Хорд+иц+а=Хюрд+иц+а=Гюрди=Гюрги=Георги=Георгій).

Для изучающаго исторію запорожскаго козачества Хортицкій островъ важенъ тѣмъ, что на немъ была первая по времени запорожская сѣчь. Впрочемъ, нельзя при этомъ не сказать о тѣхъ лѣтописцахъ и изслѣдователяхъ, которые полагаютъ, что до того времени,

---

[1]) Путеш. записки Василія Зуева. Спб. 1787 г., стр. 261.

[2]) Русовъ. Русскіе тракты. Кіевъ, 1876 г., стр. 132.

[3]) Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи. Москва, 1847 г., ч. I, стр. 20.

[4]) Путевыя записки Эриха Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 85.

[5]) Лѣт. по Ипат. спис. С.-Пб., 1871 г., стр. 187, 205, 208 и др.

пока запорожцы осѣлись на Хортицѣ, они имѣли будто-бы уже три сѣчи: въ Седневѣ, мѣстечкѣ, отстоявшемъ отъ города Чернигова на 30 верстъ, при р. Сновѣ, впадающей въ Десну, Каневѣ, теперь уѣздномъ городѣ кіевской губерніи, на правомъ бѣрегу Днѣпра, и Переволочнѣ, теперь мѣстечкѣ полтавской губерніи на лѣвомъ берегу Днѣпра [1]). Но противъ такого утвержденія говоритъ, во первыхъ, самая этимологія слова «запорожецъ». Запорожцами, запорожскими козаками, въ собственномъ смыслѣ, назывались только тѣ изъ днѣпровскихъ козаковъ, которые, оставивъ свою родину гдѣ нибудь въ Малороссіи, Литвѣ, Польшѣ или за предѣлами ихъ, селились, основывали себѣ жилища *за порогами* Днѣпра, начинавшимися, ровнымъ счетомъ, на восемь верстъ ниже бывшей у козаковъ деревни Половицы, у насъ губернскаго города Екатеринослава. Вотъ какіе изъ днѣпровскихъ козаковъ назывались и потому должны называться запорожскими козаками; тѣ-же изъ нихъ, которые жили выше днѣпровскихъ пороговъ, въ такъ называемой Старой Малороссіи, въ теперешнихъ губерніяхъ: кіевской, черниговской и полтавской, тѣ козаки носили названіе черкасскихъ (отъ города Черкасъ, кіевской губерніи, бывшихъ одно время ядромъ этого козачества), малороссійскихъ, гетманскихъ, украинскихъ, городовыхъ, реестровыхъ или семейныхъ козаковъ. А какъ Седнево, Каневъ и Переволочна находятся *выше днѣпровскихъ пороговъ*, то и считать ихъ *запорожскими* сѣчами едва-ли возможно. Если-же пребываніе запорожскихъ козаковъ въ означенныхъ мѣстахъ и допускается, то это интересно скорѣе въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ мѣсто возрожденія запорожскаго козачества: запорожцы не выходцы изъ Польши и не переселенцы изъ прикавказскихъ областей, какъ думали недавніе историки, а истые сыны Малороссіи, плоть отъ плоти и кость отъ костей ея. Впрочемъ, пребываніе запорожцевъ въ названныхъ мѣстахъ, хотя-бы то и не сѣчами, могло относится къ тому моменту ихъ историческаго бытія, когда они еще не обособлялись отъ малорусскихъ козаковъ и, живя

---

[1]) Мышецкій. Исторія о козакахъ запорожскихъ, 1852 г., Одесса, стр. 9. Ригельманъ. Лѣтопис. пов. о Малой Россіи. Москва, 1847 г., стр. 2.—Бантышъ-Каменскій Седнево совсѣмъ исключаетъ, полагая сѣчи въ Каневѣ, Черкасахъ и Переволочнѣ.—Исторія Малой Россіи, Москва, 1842 г., т. II, прикѣчаніе 20.

въ Старой Малороссіи, составляли съ ними одно цѣлое. Но кромѣ этого общаго соображенія, не позволяющаго назвать Седнево, Каневъ и Переволочну запорожскими сѣчами, мы не можемъ именовать ихъ такъ еще и потому, что не имѣемъ никакихъ документальныхъ подтвержденій о пребываніи въ нихъ запорожцевъ сѣчами. Документально извѣстною, и то лишь въ смыслѣ временнаго укрѣпленія или замка, становится только Хортицкая сѣчь. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ лѣтописецъ: «Того-жъ мѣсяца (сентября, 1557 года) пріѣхалъ (въ Москву) ко царю и великому князю Івану Васильевичу (Грозному) всея Русиі отъ Вишневецкагэ князя Дмитрія Івановича бити челомъ Михайло Есковичъ, что(бъ) его (т. е. князя Вишневецкаго) государь пожаловалъ и велѣлъ себѣ служить, а отъ короля изъ Литвы отъѣхалъ и на Днѣпрѣ на Кортицкомъ острову городъ постановилъ противъ конскихъ водъ у крымскихъ кочевищь. И Царь и великиі князь послалъ къ Вишневецкому дѣтеі боярскихъ Ондрѣя Щепотѣва да Нечая Ртищева, да того-жъ Михаіла съ опасною грамотою и зъ жалованнемъ» [1]. Объ этомъ-же самомъ «городкѣ» на Днѣпрѣ говоритъ и посланникъ германскаго императора Рудольфа II, Эрихъ Лассота. «Четвертаго іюля прошли мы мимо двухъ рѣчекъ, названныхъ Московками и текущихъ въ Днѣпръ съ татарской стороны... Затѣмъ пристали къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарамя» [2]. Съ свидѣтельствомъ Эриха Лассоты совпадаетъ и свидѣтельство Мартина. Бѣльскаго. «Есть и другой островъ, близь того (Kochanie), называемый Хорчика (Chorczyka), на которомъ Вишневецкій предъ этимъ жилъ и татарамъ очень вредилъ (na wielkiey przeczkodzie był), такъ что они не смѣли черезъ него такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже его въ Днѣпръ впадаетъ р. Тисменица, 44 м. отъ Кіева» [3].

---

[1]) Русская лѣтопись по Никонов. спис. Спб., 1791 года, томъ VII, стр. 272 и 273.

[2]) Лассота отправленъ былъ къ запорожцамъ въ 1594 г. Мѣсто сѣчи онъ полагаетъ на островѣ Малой Хортицѣ, по теперешнему Канцерскомъ островѣ; время-же возникновенія ея опредѣляетъ, очевидно, приблизительно.—Путев. записки. Одесса, 1873 г., стр. 53.

[3]) Лербергъ, Изслѣдованіе къ объясненію древн. россійск. исторіи, стр. 278.

Вотъ этотъ-то городокъ или замокъ на Днѣпрѣ, на Хортицкомъ островѣ, и слѣдуетъ считать первою по времени запорожскою сѣчью. «Онъ (т. е. островъ Хортица) высокъ, говоритъ одинъ изъ давнихъ русскихъ историковъ, берега его скалисты, неподверженъ наводненію и изобилуетъ дубовымъ лѣсомъ. Имѣя всѣ удобности къ заселенію, сей прекрасный островъ оставался очень долго необитаемымъ; орды кочующихъ народовъ, которые съ незапамятныхъ временъ бродили здѣсь по обѣимъ сторонамъ рѣки, полагали непреоборимое препятствіе всякому прочному наономъ заведенію. Въ началѣ токмо XVI ст., сколько намъ извѣстно, занятъ онъ запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ мѣстомъ для воспрещенія татарамъ переходить здѣсь» [1]). «На островѣ Хортицѣ, говоритъ другой, также очень давній историкъ, они (т. е. запорожскіе козаки) здѣлали себѣ укрѣпленное мѣсто, по ихъ Сѣчь называемое; но сіе мѣсто ихъ пребыванія иногда по обстоятельствамъ перемѣнялось» [2]). Князь Мышецкій считаетъ Хортицкую сѣчь также одною изъ древнѣйшихъ, хотя не первою по времени. «Противъ оныхъ трехъ рѣкъ Сухой, Великой и Нижней Хортицъ въ рѣкѣ Днѣпрѣ имѣется великій островъ, называемый Хортицъ, на которомъ издревле была запорожская Сѣчь» [3]). «Чтобы имѣть базисъ для наступательныхъ дѣйствій противъ Крыма, а вмѣстѣ съ тѣмъ защиту отъ татаръ, замѣчаетъ въ своихъ лекціяхъ о козакахъ профессоръ Антоновичъ, Вишневецкій строилъ передовыя укрѣпленія, далеко выдвигая ихъ въ степь. Первое такое укрѣпленіе временно было построено имъ на нижнемъ теченіи Днѣпра, на островѣ Хортицѣ, немного ниже пороговъ. Устройство этого укрѣпленія относится къ четвертому десятилѣтію XVI вѣка. Въ началѣ это укрѣпленіе не имѣло постоянныхъ жителей, сюда вводился гарнизонъ, когда была необходимость, обыкновенно лѣтомъ, а на зиму удалялся» [3]).

Кто-же былъ такъ часто называемый Димитрій Вишневецкій?— Димитрій Ивановичъ Вишневецкій происходилъ изъ волынскихъ

---

[1]) Zbiór pisarzow polskich. Częsć szosta. Tom XVIII. Warszawa. 1832, 191—193.

[2]) Миллеръ. Истор. сочин. о малоросс. нар. Москва, 1847 г., стр. 2.

[3]) Исторія о козакахъ запорожскихъ. Одесса. 1852 г., стр. 68 и 69.

[4]) Исторія малорусскаго козачества. Кіевъ. Читано въ 1882—83 акад. году.

князей Гедиминовичей; онъ былъ человѣкъ православной вѣры, владѣлъ многими имѣніями въ кременецкомъ повѣтѣ, каковы: Подгайцы, Окимны, Кушнинъ, Лопушна и другія и имѣлъ у себя трехъ братьевъ: Андрея, Константина и Сигизмунда. Имя князя Димитрія Вишневецкаго, въ началѣ не популярное, становится извѣстнымъ только съ 1550 года, когда онъ назначенъ былъ польскимъ правительствомъ на должность черкасскаго и каневскаго старосты (губернатора). Но должность эту Вишневецкій несъ лишь до 1553 года, когда получивши отказъ отъ короля Сигизмунда Августа въ какомъ-то пожалованіи, по старому праву добровольнаго отъѣзда служилыхъ людей отъ короля, ушелъ на службу къ турецкому султану. Тогда король, обезпокоенный тѣмъ, что турки пріобрѣтутъ въ лицѣ Вишневецкаго отличнаго полководца, какимъ онъ дѣйствительно и былъ, теперь врага польскому престолу, снова привлекъ князя къ себѣ, давъ ему опять тѣ-же Черкасы и Каневъ въ управленіе. Но владѣя этими городами, князь хотя и доволенъ былъ королемъ, но недоволенъ былъ собственнымъ положеніемъ: душа его жаждала битвъ, опасностей войны. И вотъ онъ приходитъ къ такой мысли: уничтожить крымскую орду и, если возможно, завладѣть черноморскимъ побережьемъ. Планъ свой Вишневецкій старался выполнить послѣдовательно съ 1556 года. Въ этомъ году Вишневецкій, вмѣстѣ съ русскими козаками дьяка Ржевскаго, запорожскими козаками атамановъ Млымскаго и Михайла Есковича и своими тремя стами черкасско-каневскими, ходилъ противъ татаръ и турокъ подъ Исламъ-Кермень и Воломъ Кермень «и тутъ кони и многую животину отгонили», затѣмъ добрался до Очакова «и у Ачакова острогъ взяли, и турокъ и татаръ побили, и языки поимали. А какъ пошли прочь и за ними ходили саінчаки очаковскоі и тягинскоіи со многими людьми, и дьякъ на нихъ учинилъ въ тростнику у Днепра подсаду и побилъ исъ пищалеі многихъ людеі, и самъ отшелъ подъ Исламкирменъ, и тутъ пришелъ къ Исламкирмени царевичъ Колга крымскоі, а съ нимъ весь Крымъ и князи и мурзы; и дьякъ сталъ противу его на острову, и бился съ нимъ исъ пищалеіи шесть днеі, да отогналъ ночью дьякъ у крымцовъ стада конные да на островъ къ себѣ перевезъ и по заднепрью по литовскоі сторонѣ

вверхъ пошелъ и разшелся съ царевичемъ дьякъ, далъ Богъ, здорово, а у царевича исъ пищалеі поранилъ и побилъ людеі многихъ» [1]).

Въ 1557 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Вишневецкій прислалъ къ Ивану Грозному Михаила Есковича съ выраженіемъ желанія поступить въ подданство къ московскому царю, на что и получилъ дозволеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ Вишневецкій извѣщалъ царя объ устройствѣ «на Днепрѣ, на Кортицкомъ острову города» [2]). Въ томъ-же году, 16 октября Вишневецкій чрезъ своихъ пословъ Андрея Щепотева, Нечая, Ртищева, князя Семена Жижемскаго да Михаила Есковича извѣщалъ царя Ивана Грознаго, «что онъ (т. е. князь Вишневецкій) холопъ царя и великаго князя, и правду на томъ далъ, что ему ѣхати ко государю, а пошелъ воевати крымскихъ улусовъ и подъ Исламъ-кирменъ, служачи царю и великому князю» [3]). Производя набѣги на татарскія области, князь Вишневецкій долженъ былъ наконецъ испытать тоже самое и отъ татаръ. Въ 1557 году, въ маѣ мѣсяцѣ Вишневецкій писалъ царю, что крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ сыномъ и со многими крымскими людьми приходилъ подъ его городъ, что на Хортецкомъ островѣ («Гордецкоі островъ»), осаждалъ его двадцать четыре дня; но Божіимъ милосердіемъ и именемъ и счастіемъ царя, государя и великаго князя, онъ, Вишневецкій, отбился отъ хана, побивъ у него даже много лучшихъ людей, такъ что ханъ пошелъ отъ Вишневецкаго съ великимъ соромомъ и на столько обезсилѣлъ, что Вишневецкій отнялъ у крымцевъ многія изъ ихъ кочевичъ [4]). Но уже въ 1558 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, ханъ снова подступилъ къ городу на Хортицѣ, причемъ онъ привелъ съ собою многихъ людей турецкаго султана («турскаго царя») и волошскаго господаря. Вишневецкій, какъ должно думать, долго отбивался, но наконецъ «зъ Днепра съ Хортицкаго острова пошелъ потому, что корму не стало у него и козаки отъ нег разошлися... И онъ кормомъ не сѣлъ въ городе, а пришелъ за Черкасы и Каневъ» [5]). Царь

---

[1]) Русская лѣтопись по Никонову списку. Спб. 1791 г., стр. 266.

[2]) Тамъ-же, стр. 272 и 273.

[3]) Тамъ-же, стр. 274.

[4]) Тамъ-же, стр. 284.

[5]) Тамъ-же, стр. 292 и 293.

понялъ положеніе Вишневецкаго и потому велѣлъ ему, оставивъ Черкасы и Каневъ, ѣхать въ Москву на службу. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-жъ года Вишневецкій прибылъ въ Москву; здѣсь царь назначилъ ему жалованье, далъ въ отчину городъ Бѣлевъ со всѣми волостями и селами, «да въ иныхъ городахъ государь назначилъ князю подклѣтныя села и великими жалованы устроилъ»; князь-же за все это клялся животворящимъ крестомъ вѣрно служить царю на вѣки и добромъ платить его государству [1]). Въ томъ-же 1558 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, царь Иванъ Грозный отпустилъ Вишневецкаго на крымскіе улусы, «да съ нимъ черкасскаго (черкесскаго) мурзу кабартинскаго Канклыча Канукова въ Кабарту въ черкасы (въ землю черкесовъ), а велѣлъ имъ собрався итти всѣмъ ко князю Дмитрею на пособъ, а отпущенъ въ черкасы на Казань да на Асторахань судномъ, изъ черкасъ имъ итти ратью мимо Азова; да со княземъ Дмитреемъ-же братъ отпустилъ... иныхъ атамановъ съ козаки да сотцкихъ съ стрельцы; а велѣлъ ему государь итти прямо, а опослѣ велѣлъ суды подѣлати и зъ запасы итти на Днепръ, и велѣлъ государь князю Дмитрею стояти на Днепре и беречи надъ крымскимъ царемъ, сколько ему Богъ поможетъ» [2]).

Въ томъ-же 1558 году, мѣсяца мая, Вишневецкій доносилъ уже и о самомъ результатѣ предпринятаго похода. Простоявъ подъ Перекопомъ и не встрѣтивъ ни одного врага—крымца, князь пошелъ къ Днѣпру, къ Таванской переправѣ, «которая находится на полтретьятцатъ верстъ ниже Исламъ-Кременя»; на перевозѣ онъ простоялъ еще три дня, а крымцы все не являлись къ нему, и это, говорили, оттого, что крымскій ханъ былъ въ осадѣ. Отъ Таванской переправы Вишневецкій поднялся къ Хортицѣ (Ортинскій островъ) и здѣсь соединился съ дьякомъ Ржевскимъ; встрѣтивъ его выше пороговъ, велѣлъ оставить всѣ коши съ запасами здѣсь-же, на Интрскомъ (?) островѣ; а изъ дѣтей боярскихъ, которые изнурены были походомъ, отослалъ къ царю, оставивъ у себя только небольшое число боярскихъ дѣтей, козаковъ да стрѣльцовъ, съ которыми отправился лѣтовать въ Исламъ-Кремень; цѣль князя была—захватить Перекопъ и Козлецъ. Самъ-же ханъ крымскій, извѣщен-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 295 и 296.

[2]) Тамъ-же, стр. 295 и 296.

ный о замыслахъ русскаго царя польскимъ королемъ, снялъ всѣ свои улусы съ Днѣпра и перенесся за Перекопъ. Такимъ образомъ Вишневецкій долженъ былъ проводить время въ бездѣйствіи, и потому царь, отправивъ посла къ князю съ жалованьемъ, самому ему велѣлъ ѣхать въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ Ширяя, Кобякова, дьяка Ржевскаго да Андрея Щепотева и съ ними немного дѣтей боярскихъ да стрѣльцовъ, да съ козаками Данила Чулкова и Юрія Булгакова» [1]). Это было въ 1558 году; но уже въ 1561 году Вишневецкій снова оказывается на Днѣпрѣ и хлопочетъ о томъ, чтобы опять передаться польскому королю. Что побудило князя къ этому, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, остановившись въ урочищѣ Монастырищѣ, между островомъ Хортицей и городомъ Черкасами, Вишневецкій отправилъ къ королю гонца съ просьбою, чтобы онъ снова принялъ его къ себѣ на службу и выслалъ-бы, по обыкновенію и прежде всего, такъ называемый «глейтовный», т. е. охранный листъ для свободнаго проѣзда изъ Монастырища въ Краковъ. Король охотно принялъ князя, и въ 1563 году Вишневецкій считался уже на службѣ польскому престолу; расположеніе короля къ Вишневецкому выразилось между прочимъ тѣмъ, что онъ прислалъ князю своего медика для излѣченія болѣзни, которою страдалъ князь еще въ юношескіе годы, отравленный какимъ-то ядомъ. Впрочемъ тотъ-же король при случаѣ не преминулъ освѣдомиться у русскаго царя о причинѣ отъѣзда князя Вишневецкаго изъ Москвы. «Пришелъ онъ, какъ собака и потекъ, какъ собака; а мнѣ, государю, и землѣ моей убытка никакого не причинилъ», отвѣчалъ царь Иванъ Грозный королю Сигизмунду-Августу. Въ это время Вишневецкій сдѣлался на столько дряхлъ, что едва могъ садиться на коня; но духъ героизма въ немъ не угасалъ. Такъ, находясь въ Краковѣ и подружившись тамъ съ польскимъ магнатомъ Ляскимъ, который владѣлъ молдавскою крѣпостью Хотинымъ и надѣялся и всю Молдавію присоединить къ Польшѣ, Вишневецкій, подъ вліяніемъ этого поляка, задался мыслью добиться молдавской короны. Съ этою-то цѣлью онъ и отправлялся въ 1564 году въ Молдавію; но этотъ походъ былъ послѣднею лебединою пѣснью князя. Дѣло въ томъ, что въ Молдавіи въ это самое время боролись два пре-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 308 и 309.

тендента за обладаніе престоломъ: господарь Яковъ Василидъ, иначе Ираклидъ, и бояринъ Томжа, иначе Стефанъ IX. Томжа осаждалъ Василида въ Сучавскомъ дворцѣ, когда явился передовой отрядъ Вишневецкаго и потребовалъ молдавской булавы для своего князя. Томжа повидимому охотно согласился на это притязаніе и лично пошелъ встрѣчать славнаго героя. Князь не ожидалъ такой скорой развязки и съ небольшой дружиной двинулся къ Сучавѣ, но здѣсь внезапно былъ схваченъ сторонниками хитраго Томжи и плѣненъ. Этого мало: плѣннаго князя Томжа передалъ туркамъ, злѣйшимъ врагамъ его, и тѣ рѣшили предать его жесточайшей казни: бросить живымъ съ высокой башни на одинъ изъ желѣзныхъ гаковъ (крюкъ), которые вдѣланы были въ стѣну у морскаго залива, по дорогѣ отъ Константинополя въ Галату. Князь былъ брошенъ, зацѣпился ребромъ за крюкъ и въ такомъ видѣ висѣлъ нѣсколько времени, оставаясь живымъ, понося имя султана и хуля его мусульманскую вѣру, пока не былъ убитъ турками, не стерпѣвшими его злословій. Народъ сохранилъ въ своей памяти величественный образъ князя и воспѣлъ его трагическую кончину въ готовой уже пѣснѣ о козакѣ Байдѣ. Пѣсня разсказываетъ, что Байда на столько былъ славенъ, что самъ ханъ предлагалъ ему свою дочь въ жены; но Байда на столько-же былъ преданъ православной вѣрѣ, что съ омерзѣніемъ отвергъ это предложеніе, глумясь надъ всѣмъ, что было священно и простому мослемину, и самому хану, и рѣшился даже убить этого послѣдняго. Жестокая казнь слѣдовала за этимъ глумленіемъ. Польскій писатель Нѣсецкій прибавляетъ [1]), что у повѣшеннаго князя было вынуто изъ груди сердце; предавъ его огню, турки всыпали пепелъ его въ кружки съ виномъ и выпили, желая отъ этого заразиться такимъ-же мужествомъ, какимъ отличался во всю свою жизнь князь Вишневецкій.

У Царьгради та на рыночку,
Тамъ пье Байда медъ-горилочку;
Ой пье Байда та не день не два,
Не одну ничку та й не годиночку;
Ой пье Байда та й киваетця,
На турецького царя похваляется;

---

[1]) Korona Polska, 1728—1748, т. IV, стр. 545.

Ой пье Байда, що разъ наливае,
А турецкій царь его пидмовляе.
—Ой ты, Байдо, та славнесенькій,
Будь мени лыцарь та вирнесенькій.
Покинь, Байдо, та пити-гуляти,
Бери дочку та йди царювати!
Бери въ мене та царивночку,
Будешь паномъ а на Украиночку!
—Твоя вира та проклятая,
А дочка твоя та поганая.
Ой крикнувъ царь та своимъ гайдукамъ:
—Визьмить Байду та добре въ руки,
Визьмить Байду, извяжите,
На гакъ ребромъ почепите.
Ой висить Байда та й не день, не два,
Не одну ничку та й не годиночку.
Ой висить Байда та й гадае
Та й на свого царя споглядае,
Та на свого царя молодого,
И на свого коня вороного.
—Ой, царю-жъ мій молодесенькій!
Подай мени лучокъ та тугесенькій,
Подай мени тугій лучокъ
И стрилочокъ цилый пучокъ!
Ой бачу я три голубочки,
Хочу я вбити для ёго дочки.
Де я мирю, тамъ я вцилю,
Де я важу, тамъ я вражу.—
Ой якъ стриливъ, царя вциливъ,
А царицю въ потилицю,
Его доньку въ головоньку.
Не вмивъ, царю, Байды бити,
За це-жъ тоби въ земли пріти.
Було-бъ Байди голову изняти,
Було-бъ ёго тило поховати,
А на воронимъ кони пидъизжати,
Хлопця ёго соби пидмовляти.

Такимъ образомъ Вишневецкій не удержался на Хортицѣ и основанный имъ притонъ или Сѣчь, для помѣщенія на островѣ козаковъ, также рушился: основавъ Сѣчь въ 1557 году, князь долженъ былъ оставить ее уже въ 1558 году. Прошло болѣе шестидесяти лѣтъ и Сѣчь на островѣ Хортицѣ снова возникаетъ. Теперь устройство ея принадлежитъ гетману малороссійскихъ и вмѣстѣ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ Петру Конашевичу-Сагайдачному. «Какъ поляки шли войною на Россію въ 1630 году [1]), замѣчаетъ князь Мышецкій, тогда запорожскіе козаки были подъ Польшею, и одинъ запорожскій воинъ, прозываемый Сагайдачный, на ономъ островѣ (Хортицѣ) построилъ фортецію, а по ихъ званію окопъ» [2]). «Въ началѣ XVI ст., сколько намъ извѣстно, пишетъ Лербергъ, занятъ онъ (Хортицкій островъ) запорожскими козаками и сдѣлался ихъ сборнымъ пунктомъ»... Но заселеніе это продолжалось не долго, столько-же мало, какъ и *бывшее въ 1620 году,* въ которомъ сіи козаки заложили здѣсь крѣпость (сѣчу); поелику Бопланъ, бывшій на островѣ въ 1639 году, совѣтуетъ сдѣлать здѣсь заселеніе» [3]). «Островъ сей (Хортицкій), пишетъ Устряловъ въ одномъ изъ примѣчаній переводимаго имъ «Описанія Украйны», извѣстенъ у Константина Багрянороднаго подъ именемъ острова св. Григорія. Тамъ древніе руссы, переплывъ благополучно пороги и отразивъ непріятелей, приносили жертвы; тамъ въ началѣ XVI столѣтія запорожцы имѣли Сѣчь свою, оставляли ее, въ 1620 году возобновили и вскорѣ вновь покинули» [4]). «Хортица, замѣчаетъ наконецъ Григорій Спасскій, одинъ изъ большихъ острововъ... Первыми поселенцами здѣсь были запорожскіе козаки... Въ началѣ XVII ст. гетманъ Сагайдачный приказалъ жилища ихъ обвести землянымъ окопомъ и деревяннымъ тыномъ или *засѣкою,* отъ чего, можетъ быть, получило тогда это укрѣпленіе и названіе *Сѣчи,*

---

[1]) Мышецкій впадаетъ въ небольшую погрѣшность: дѣло было въ 1618 или 1620 г., но ни въ какомъ случаѣ не въ 1630 г., такъ какъ Сагайдачный умеръ уже въ 1622 году.

[2]) Исторія о каз. запорож. Одесса, 1852 г., стр. 68.

[3]) Изслѣдованіе къ объясненію древн. рос. исторіи, стр. 278—279.

[4]) Бопланъ. «Описаніе Украйны». Спб., 1832 г., стр. 150, примѣч. 97.

сохранившееся и при переходѣ запорожцевъ на другія мѣста, до самаго окончательнаго ихъ разсѣянія»[1]).

Такова исторія острова Хортицы. Особенное вниманіе обратилъ я на него во время своей поѣздки по запорожскимъ пепелищамъ. Подыскавъ себѣ спутниковъ въ лицѣ двухъ стариковъ и учителя Трофима Евфимовича Дешки ближайшаго къ острову села Вознесенки, я направился внизъ по Днѣпру и прибылъ прямо къ сѣверо-западному углу острова. Здѣсь Днѣпръ островомъ Хортицей дѣлится на два рукава: новый Днѣпръ и старый Днѣпръ. Новый Днѣпръ охватываетъ островъ съ сѣверо-востока и идетъ къ городу Александровску, старый Днѣпръ, иначе Рѣчище, окаймляетъ островъ съ юго-запада и протекаетъ по-надъ колоніями Верхней Хортицы, Канцеровки, Розенгардъ, Бурвальде и нижней Хортицы. Мы направились по старому Днѣпру, или Рѣчищу. Тотъ-часъ при входѣ въ Рѣчище, у лѣваго берега Хортицы, я увидѣлъ небольшую разщелину и обратился къ одному изъ своихъ спутниковъ съ распросами о ней. Спутникъ отвѣчалъ, что это пещера запорожская, что названіе ея «Зміева», а называется она такъ отъ того, что въ ней водилось много змѣй.

Я полюбопытствовалъ спросить, пытался-ли кто пролѣзть въ эту пещеру.

— А вже-жъ! отвѣчалъ мой спутникъ. Годъ симьдесятъ тому назадъ, у цій печери найшли жертку, довгу та товсту таку, а на жертци десятокъ або два хамутивъ, зъ десятокъ недоуздкивъ,—усе, кажуть, запорожське; такъ потрюхло все: якъ визьмешься, такъ воно й сыпетця; такъ усе и поопадало.

Я скомандовалъ подвернуть къ пещерѣ, и лодка тотъ часъ-же причалила къ берегу. Пещера оказалась въ гранитномъ откосѣ лѣваго (островнаго) берега Рѣчища; она на столько возвышалась надъ уровнемъ воды, что безъ вспомогательныхъ средствъ къ ней не было никакой возможности докарабкаться. Тогда мы рѣшили сдѣлать такъ: я долженъ былъ стать обѣими ногами на плечи дѣду и такимъ образомъ добраться до пещеры, самъ же дѣдъ долженъ былъ укрѣпить возлѣ берега весло и по немъ долѣзть до пещеры.

---

[1]) Григорій Спасскій. Книга глаголемая Большой Чертежъ. Москва. 1846 г., стр. 258, прим. 125.

Къ послѣднему способу прибѣгъ и учитель Дешка. Скоро мы влѣзли, зажгли свѣчу и нашимъ взорамъ представилось довольно просторное углубленіе на подобіе корридора. Привыкши къ точности, я тотъ-часъ же прибѣгъ къ измѣренію: пещера оказалась высоты двѣ сажени, длины больше трехъ, полъ каменный, но засыпанный пескомъ, по-верхъ котораго набросаны были колюки «якирьци»; въ пещерѣ было множество комаровъ и мошекъ. Въ самомъ концѣ ея зіяла яма, изъ ямы же выдавались острые камни. Мы рѣшились спуститься и въ яму; испытавъ, что въ сапогахъ, по скользскимъ камнямъ далеко неудобно лазить, мы сняли сапоги и начали спускать одинъ другаго, при помощи веревки, въ яму. Яма оказалась глубокая, къ югу нѣсколько удлиненная и засыпанная много пескомъ; кромѣ птичьихъ гнѣздъ да тѣхъ-же колюкъ—«якирьцивъ» въ ней ничего не оказалось; говорятъ, впрочемъ, что въ очень недавнее время пещера служила мѣстопребываніемъ особенно большой змѣи, но мы не видали ея и благополучно вылѣзли изъ ямы, оставивъ затѣмъ и самую пещеру. Спускаясь ниже по Рѣчищу, я поражался необыкновенною высотой и скалистостью его береговъ; особенно величественъ берегъ лѣвый; онъ, какъ и правый, состоитъ изъ дикаго гранита, мѣстами спускающагося къ водѣ громадными террасами, мѣстами выдѣляющаго изъ себя огромнѣйшіе, очень острые отроги, мѣстами же представляющаго какъ-бы сплошную отвѣсную стѣну, возвышающуюся надъ уровнемъ водъ до 30 сажень. Издали берега рѣки кажутся черными массивной величины стѣнами, камни которой какъ бы давятъ одинъ другаго. Ничего подобнаго во всю свою жизнь я не видывалъ. Здѣсь Днѣпръ кажется такимъ дикимъ, грознымъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ величественнымъ и обаятельнымъ, что невольно приковываетъ вниманіе и взоръ человѣка, вселяя въ него въ одно время и страхъ къ себѣ, и какое то священное благоговѣніе... Но вотъ мы стали огибать сѣверный уголъ острова, особенно выдавшійся въ Днѣпръ. Я спросилъ моего спутника о названіи этого мыса и онъ отвѣчалъ: «Свиняча голова», пояснивъ притомъ, что и въ самомъ дѣлѣ мысъ похожъ на голову свиньи. Мы миновали и «Свинячу голову», спустились еще ниже. Вездѣ берега скалисты и высоки, особенно-же лѣвый. Спустились еще ниже; тутъ, съ правой стороны, надъ самымъ берегомъ рѣки, я увидѣлъ заливъ и у него небольшое жилье. Чичероне мой замѣ-

тилъ, что это «Царьска пристань», но отъ чего такъ называется, отвѣта дать не могъ. И не мудрено. Дѣло въ томъ, что наименованіе это идетъ, какъ кажется, съ довольно давняго времени, и именно если не съ 1738 г., то съ 1790 года. Въ 1738 году здѣсь стоялъ царскій флотъ, «россійская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, много время стояла»[1]), а въ 1790 году здѣсь останавливались царскіе плоты съ разнымъ лѣсомъ, который русское правительство присылало нѣмцамъ-колонистамъ во время переселенія ихъ въ бывшія запорожскія земли. «Настоящимъ именемъ своимъ, говоритъ Брунъ, эта мѣстность (Царская пристань) обязана, конечно, тому обстоятелкству, что именно тамъ была заложена адмираломъ Де-Рибасомъ въ 1796 г. такъ называемая Екатеринославско-днѣпровская верфь, назначенная для содержанія судовъ, чтобы перевозить соль изъ Крыма въ Одессу и Овидіополь»[2]). Такова причина названія пристани Царскою. Что касается жилья, расположеннаго возлѣ пристани, то это небольшой поселокъ или хуторъ, принадлежавшій прежде еврею Саксаганскому, а потомъ перешедшій во владѣніе двухъ нѣмцевъ, Роднера и Тиссена.

Отъ Царской пристани мы спустились ниже; берега рѣки постепенно опускались: слѣва тянулся тотъ-же островъ, справа шла земля колоніи Верхней Хортицы. Подвигаясь еще ниже, я увидѣлъ, съ лѣвой стороны, на берегу острова Хортицы, устье Куцой балки, а съ правой, отъ материка, мысъ Рогозы. Здѣсь мы пристали къ берегу; я вышелъ на материкъ и глазамъ моимъ представился цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія состоятъ изъ рвовъ, нѣкогда глубокихъ, но теперь на половину засыпанныхъ пескомъ, съ осунувшимися, но когда-то также высокими валами, расположенными звѣздообразно, въ водѣ ломанныхъ линій. Пройдя предварительно по всѣмъ укрѣпленіямъ, мы затѣмъ прибѣгли къ промѣру ихъ: оказалось, что весь кругъ укрѣпленій состоитъ изъ пятнадцати канавъ и равняется тремъ стамъ пятидесяти пяти саженямъ, причемъ первая канава (если стать лицомъ къ западу и взять правую сторону укрѣпленія) равняется сорока пяти саженямъ, вторая пятнадцати, третья девяти, четвертая сорока, пятая двѣ-

---

[1]) Мышецкій, Исторія о каз. запорож., Одесса, 1852 г., стр. 68.

[2]) Брунъ, Черноморье, т. II, стр. 365.

надцати, шестая десяти, седьмая двадцати, осьмая семи, девятая семнадцати, десятая и одинадцатая четырнадцати, двѣнадцатая восьмидесяти шести, тринадцатая пятидесяти четыремъ, четырнадцатая пяти и наконецъ патнадцатая двадцати саженямъ. Въ срединѣ укрѣпленія имѣютъ множество ямокъ, а по угламъ ихъ—квадратныя батареи, изъ которыхъ каждая сторона имѣетъ шесть саженей длины и состоитъ изъ канавы съ валомъ въ одну сажень высоты, съ пропускомъ, съ восточной стороны, для входа. Все укрѣпленіе расположено такъ, что концы сѣверной и южной линій его упираются въ самую рѣку, пропуская чрезъ середину дорогу, ведущую сперва на паромъ черезъ рѣку, а потомъ на островъ Хортицу.

Кто-же сооружалъ эти укрѣпленія?

Прямаго отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ; можно думать лишь, что сооруженіе ихъ принадлежитъ тѣмъ лицамъ, съ именами которыхъ связано и устроство самой сѣчи на Хортицѣ,—это князь Д. И. Вишневецкій и гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, который своимъ именемъ далъ названіе цѣлому урочищу на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ колоніи Кичкаса, между «Середней» скелей и «Попилищемъ» Сагайдака[1]).

Мы оставили укрѣпленія и пустились опять внизъ по рѣкѣ, держась все того-же направленія, съ сѣвера на западъ. Скоро мы миновали устье балки Наумовой, идущей съ острова къ лѣвому берегу рѣки, прошли мѣсто переправы (Ueberfahrt) черезъ рѣку съ материка на островъ[2]), оставили устье балки Громушиной, идущей отъ острова къ рѣкѣ, и накопецъ очутились у небольшаго островка Канцеровскаго. Островокъ находится почти у самаго берега рѣки съ правой стороны и отдѣляется отъ материка небольшимъ проливомъ Вырвой; длина Днѣпра отъ сѣверо-восточнаго угла Хортицы къ острову Канцеровскому равняется двумъ съ половиной верстамъ. Островъ Канцеровскій существуетъ съ давняго времени; онъ былъ извѣстенъ уже Эриху Лассотѣ, только подъ именемъ острова малой Хортицы. «Мы пристали, говоритъ Лассота, къ берегу (Днѣпра) ниже близъ

---

[1]) См. также Сбор. юго-зап. отд. г. геогр. общ. Драгоманова. Малор. пред. и разсказ., стр. 415.—Въ старину по урочищу Сагайдачному, по разсказамъ старожиловъ, пролегалъ шляхъ Сагайдаковъ, вѣтвь Муравскаго.

[2]) На берегу острова устроенъ для перевозчика небольшой домикъ.

лежащаго острова малой Хортицы... Близъ сего острова изливаются въ Днѣпръ съ русской стороны три рѣчки, которыя всѣ называются Хортицами, и названіе это онѣ передали обоимъ островамъ» [1]).

По разсказу старика Осипа Шута, Канцеровскій островъ былъ совсѣмъ маленькій: «одна скеля, а на ній крипость. По-за нимъ видъ праваго берега (отъ материка) бувъ тихододъ и вода далеко вризувалась въ балочку. Въ цимъ тиховоди була пристань, куды запорожци заводили свои байдаки; тутъ-же иноди стояли и царьски судна. Тутъ, якъ-бы ставъ копати землю, то ще й теперь найшовъ бы стари судна. Тамъ затоплени и царьски, и запорожьски. Ще й я зазнаю, якъ писля великои воды багато вымыло зъ-пидъ писку судивъ. А изъ самои воды, оце якъ хто пирне, то й вытягне або рушныцю, або списъ, або яке зализо» [2]).

Чтобы составить себѣ представленіе объ общемъ видѣ острова, я рѣшилъ объѣхать сперва весь островъ кругомъ и затѣмъ уже дѣлать изслѣдованія на немъ самомъ. Мы скоро объѣхали островъ и высадились на сѣверо-восточномъ углу его. Островъ оказался раздѣленнымъ на двѣ части: низменную, покрытую лѣсомъ, на западѣ, и возвышенную, поросшую травой, на востокѣ. Всей земли подъ островомъ—двѣнадцать десятинъ и тысяча двѣсти квадратныхъ саженъ; западный и южный края острова отлоги, а восточный и уголъ сѣвернаго возвышенны, скалисты и совершенно отвѣсны; средняя высота ихъ отъ уровня водъ до семи саженъ. Возвышенная часть острова имѣетъ укрѣпленія по сѣверной, южной и западной окраинамъ, состоящія изъ глубокихъ канавъ съ насыпными валами, отъ двухъ до трехъ саженъ высоты; въ общемъ видѣ укрѣпленія имѣютъ форму полу-круга или, точнѣе, подковы, сѣверная и южная стороны которой имѣютъ по сорока саженъ, а западная пятьдесятъ шесть, съ пропускомъ въ три сажени для въѣзда; внутри укрѣпленій находится до двадцати пяти глубокихъ ямокъ, по которымъ растутъ деревья. Спрашивается: кто-же сооружалъ укрѣпленія здѣсь, на Малой Хортицѣ? Если укрѣпленія, сдѣланныя на материкѣ, возлѣ Царской пристани, могутъ быть приписываемы одинаково какъ князю

---

[1]) По Мышецкому это Сухая, Великая и Нижняя Хортицы; въ настоящее время рѣчекъ этихъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ есть только сухіе овраги.

[2]) Изъ преданій, записанныхъ Я. П. Новицкимъ.

Димитрію Ивановичу Вишневецкому, такъ и гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному, то тоже можно сказать и относительно укрѣпленій на островѣ Канцеровскомъ или Малой Хортицѣ. «Мы пристали, говоритъ Лассота, къ берегу ниже, близь лежащаго острова Малой Хортицы, гдѣ лѣтъ тридцать тому назадъ былъ построенъ замокъ Вишневецкимъ, разрушенный потомъ турками и татарами» [1]. Здѣсь Лассота не говоритъ о Сагайдачномъ, но это потому, что Сагайдачный пребывалъ на островѣ позже Лассоты.

Но оставивъ и островъ Канцеровскій, мы спустились еще ниже, держась все того-же направленія, съ сѣвера на югъ. Предъ нами промелькнули слѣва устья балокъ: Каракайки, Генеральской, Широкой и Корнѣйчихи; справа земли колоній: Канцеровки (Розенталь), Розенгардъ, Бурвальдъ и Нижней Хортицы, среди-же самой рѣки мы оставили небольшой Корнетовъ островъ. Чѣмъ дальше мы подвигались къ концу острова, тѣмъ большая замѣчалась разница въ характерѣ мѣстности: русло рѣки, дотолѣ узкое, значительно расширяется; берега ея, до этихъ поръ скалистые и возвышенные, становятся отлогими, потомъ низменными и наконецъ переходятъ въ такъ называемыя плавни, т. е. низменныя мѣста, покрытыя травой и поросшія мягкой породы деревьями, какъ-то: осокоремъ, красной лозой, ивами и другими.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы выбрались къ самой оконечности южной части Хортицы. Здѣсь мы пристали къ берегу и вышли на островъ. Оказалось, что южная часть острова шире сѣверной, но за то значительно ниже ея; она обилуетъ многими озерами, покрыта высокой болотистой травой и разными деревьями, начиная отъ ивняка и кончая дубомъ. Въ общемъ это ни что иное, какъ очень большая плавня. Видъ отсюда на рѣку открывался величественный. Долго я любовался имъ, пока не приглашенъ былъ своими спутниками къ лодкѣ. Мы усѣлись и проплыли въ Новый Днѣпръ. Теперь путешествіе наше было затруднительно, такъ какъ намъ нужно было плыть противъ теченія.

— Примичайте, паничу: остривъ Просередъ, Капральскій Просередъ! сказалъ сопровождавшій меня старикъ.

---

[1]) Путевыя записки Эриха Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 53.

Я осмотрѣлся и дѣйствительно увидѣлъ небольшой островъ, наносный, песчаной формаціи, расположенный ближе къ острову, нежели къ материку, противъ устья балки Проризной, идущей съ острова. Мы поднялись выше. Справа показалась Александровская пристань, слѣва высокій мысь.

— Ото вамъ «Нижча голова», замѣтилъ дѣдъ и для ясности прибавилъ:

— Отто-жъ була вамъ Высча, або Свиняча голова, вûдъ горы, а ця буде Низча голова, бо вûдъ низу.

— Добре, диду! понимаю, отвѣчалъ я.

Мы поднялись еще выше, миновавъ съ лѣвой стороны на островѣ устья балокъ: Корніевой, Липовой, Костиной, Башмачки и Шанцевой, а съ правой на материкѣ деревню Слободку, село Вознесенку и среди рѣки островъ Разстебинъ.

Дѣдъ пояснилъ мнѣ, что это островъ недавній, что ниже его былъ другой островъ, называвшійся Дубовымъ, но что отъ него и слѣдовъ теперь не осталось.

— Какъ-же такъ? съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— А такъ, вода пидмыла, отвѣчалъ дѣдъ; тутъ це не диковина: оце стоитъ скилько литъ острывъ, коли гляди и загувъ за водою. На дубовимъ острови бувъ и лисъ, та ще великій, саме дубья, бувъ и шинокъ, и млинъ, такъ усе пишло за водою. Велику силу мае вода. Мабуть, годъ бильше десяти назадъ тому було. А великій острывъ бувъ: верстовъ зъ дви довжины.

Послѣ изъ плана, находящагося въ хортицкомъ волостномъ правленіи, я удостовѣрился, что такой островъ дѣйствительно былъ и что на немъ значилось 64 дес. земли.

— Вотъ ужъ гдѣ непримѣнимо понятіе о *недвижимой* собственности, подумалъ я.

Отъ Разстебина острова мы поднялись еще выше; скоро, вдоль лѣваго берега Днѣпра, на восточной окраинѣ острова Хортицы, мы увидѣли нѣсколько домиковъ нѣмцевъ-колонистовъ; они расположены въ ложбинѣ, искусственно углубленной и довольно живописной; множество вѣтвистыхъ, густо насаженныхъ вербъ, росшихъ у самаго берега рѣки, не позволяло мнѣ ясно разсмотрѣть нѣмецкія обиталища. Мы поднимались выше и скоро миновали Мартынову скелю, или мысъ, устья Ганновской, Малой Вербовой и Большой Вербовой

балокъ съ лѣвой стороны, на островѣ, Скотивскую, Великую скели или мысы и устье Блуквы балки, съ правой стороны, отъ материка, Но поднявшись еще немного вверхъ, мы добрались до мыса или скели Вошивой, съ лѣвой стороны, отъ острова.

— Ото вамъ, говорилъ дѣдъ, скеля Мартынова, друга Скотивська, а третя Вошива.

На вопросъ мой о происхожденіи сказанныхъ названій дѣдъ пояснилъ:

— Мартынова скеля видъ нимця Мартына: тутъ, противъ самои скели була у нёго хата; такъ-то спершъ усе казали: «скеля проти Мартиновои хаты», а потомъ уже прямо: «Мартинова скеля». А Скотивська, то ця вже видъ запорожця: Скотивець запорожець живъ коло неи. У нёго товару (рогатаго скота) була сила; якъ пригоне было ёго на водопой до Днипра, такъ Днипро ажъ стогне... Багатиня бувъ той Скотивець. Та довго, кажуть, и живъ винъ тутъ, уже якъ и запорожцивъ порозгонили видциля, а винъ усе живе та живе соби. Усякаго було й прыйме до себе: хто видкиль не визьметця, усе до нёго: винъ ёго сперше нагодуе, а потимъ и роботу найде. У слави великій бувъ Скотивець; отожъ одъ ёго и скеля Скотивською зветця, и балка Скотивська е.

— А Вошива? спросилъ я наконецъ.

— Тутъ, пробачайте, кажуть, запорожська голота нужу свою прудила, такъ одъ того й скелю такъ назвали.

Поднявшись еще выше отъ Вошивой скели, мы увидѣли, съ лѣвой стороны отъ острова, устья балокъ Молодняги, Холодной, Совутиной съ мысомъ того-же имени, скалу Пристинь съ правой стороны, и добрались до острова Дубоваго. Относительно Совутиной балки и скалы дѣдъ далъ характерное объясненіе, указывающее на то, что здѣсь было жилище какого-то разбойника.

— Балакають, шо то видъ запорожця Совуты. Противъ скели, у бальци, е богато печерь; у тихъ печеряхъ винъ и живъ. Страшный, кажуть, бувъ Совута той: очи въ ёго таки, якъ у совы, що въ ночи лучче бачать, якъ у день; у день, кажуть, винъ и не выходивъ изъ своихъ печерь,—тилько якъ ничъ настане, такъ вы-

скоче, ухопе, шо ёму треба, та вньять у свою нору и порина наче той звирь.

Добравшись отъ мыса Совуты до песчаной косы, у сѣверо-восточнаго угла острова, откуда мы и начали свой обходъ вокругъ, мы затѣмъ поворотили назадъ и пристали къ острову Дубовому. Любопытно было взглянуть на этотъ островъ. Островъ оказался небольшой; длина его едва доходитъ до одной версты; онъ на половину каменистый, на половину песчаный; вершина его покрыта невысокими деревьями, осокорнякомъ и шелюгой. Недавно, говорятъ, здѣсь росли и дубы; до 1845 года на островѣ видны были остатки отъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь укрѣпленій, смытыхъ потомъ сильнымъ вешнимъ разливомъ рѣки.

Теперь объѣздъ острова конченъ, и я возвратился назадъ, приставъ къ берегу острова, противъ средины колоніи, нѣсколько выше Мартыновой скели. Здѣсь я отпустилъ своихъ спутниковъ въ село Вознесенку, оставивъ при себѣ только учителя Трофима Евфимовича Дешку, и пѣшкомъ направился къ ближайшему на островѣ дому. То была школа, лучшее зданіе во всей колоніи; она стоитъ на возвышенности, обращенная параднымъ крыльцомъ на востокъ, къ рѣкѣ, и обсажена съ двухъ сторонъ, съ сѣвера и юга, высокими деревьями; къ ней вела широкая и довольно высокая лѣстница. Мы поднялись по лѣстницѣ. Дверь оказалась запертой. Начали стучать. Долго простучали мы, пока наконецъ не услышали раздавшагося въ сѣняхъ скрипа отъ шаговъ чего-то, повидимому, очень грузнаго. Шаги приближались къ намъ медленно. Наконецъ это *что-то* подошло къ двери и, не отворяя ее, окликнуло насъ по нѣмецки. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ и отвѣтовъ дверь отворилась, и на порогѣ показался мужчина нѣсколько ниже средняго роста, довольно полный, уже пожилой, съ круглымъ, безъ бороды и усовъ, лицемъ, въ туфляхъ на ногахъ. Это былъ учитель колоніи, Якубъ Якобовичъ Куппъ. Я обратился къ нему съ просьбою пріютить меня на ночь; но нѣмецъ, подумавши немного, почему-то отказалъ и предложилъ провести меня къ сосѣду его Петкау. Петкау даже не отперъ двери и не откликнулся, не смотря на нашъ стукъ. Что дѣлать? Идти еще къ кому нибудь или расположиться подъ открытымъ небомъ на холодной и сырой землѣ? Я склоненъ былъ на послѣднее.

— Да вы зачѣмъ пріѣхали къ намъ на островъ? спросилъ меня Куппъ.

Я объяснилъ ему цѣль моей поѣздки. Куппъ задумался.

— Ну, ужъ знаете, пойдемъ-те лучше ко мнѣ, сказалъ онъ наконецъ.

Нечего и говорить, что подобный оборотъ дѣла обрадовалъ меня несказанно. Мы возвратились назадъ, дошли до школы, поднялись по деревянной лѣстницѣ, вошли въ широкія сѣни и наконецъ очутились въ просторной комнатѣ, Studirzimmer (кабинетѣ) Куппа. Обстановка оказалась простая, но она изобличала въ хозяинѣ присутствіе хорошаго вкуса; столъ, стулья, диванъ, гардеробъ все какъ-то пріятно поражало своей новизной и лоскомъ; вездѣ замѣчалась безукоризненная чистота; полъ былъ вымытъ до удивительной бѣлизны. Чувствуя усталость, я тотъ часъ-же усѣлся на диванъ за столомъ,

— Не хотите-ли ѣсть? обратился ко мнѣ Куппъ.

— Да хочу, отвѣтилъ я безъ церемоніи, потому что дѣйствительно хотѣлъ ѣсть.

— Сію минуту прикажу подать вамъ, торопливо проговорилъ хозяинъ.

И точно черезъ минуту на столъ подано было молоко, масло и хлѣбъ. Ужинъ окончился скоро, и я, не смотря на свое утомленіе, вышелъ съ хозяиномъ посидѣть на крыльцѣ.

Ночь была теплая и тихая; небо все залито звѣздами; взошедшій высоко мѣсяцъ обливалъ всю окрестность своимъ мягкимъ свѣтомъ, передъ нашими глазами разливался Днѣпръ длинною, широкою полосою; онъ былъ совершенно спокоенъ, какъ-бы недвижимъ; отъ праваго берега его, покрытаго сплошною стѣной высокихъ зеленѣющихъ деревьевъ, вѣяло освѣжительной прохладой; отъ лѣваго берега его, совершенно обнаженнаго, усѣяннаго неимовѣрной величины скалами, то высоко вверхъ поднимающимися, то нависающими надъ водой или далеко выдающимися въ рѣку, вставали какія-то длинныя и причудливо-фантастическія тѣни, ложившіяся темными пятнами въ широкой рѣкѣ. Никого и ничего не видно, кромѣ большихъ лѣсныхъ плотовъ, которые длинною полосой протягивались вдоль лѣваго берега рѣки, остановленные на время ночи; только по плотамъ и то кое-гдѣ промелькнетъ темная фигура литвина, оставляющая отъ себя въ водѣ обликъ человѣка внизъ головою и къ верху ногами; только кое-гдѣ, на томъ-же плоту, вспыхнетъ

огонь на разложенныхъ кострахъ, погоритъ - погоритъ и опять затухнетъ... Повсюду тишина. Общее безмолвіе нарушается только отрывистыми звуками рѣчи да заунывной короткой пѣснью какого нибудь парня изъ тѣхъ-же литвиновъ... Словомъ, то была картина широкая, величественная, полная прелести и очарованія. Во всемъ этомъ было что-то такое, что влекло къ себѣ и мою мысль и мое сердце...

Слѣдующимъ днемъ я поднялся съ восходомъ солнца и тотчасъ-же отправился на экскурсію. На этотъ разъ я поставилъ себѣ задачею осмотрѣть сѣверную часть острова, дѣлящагося по самой природѣ на сѣверную, среднюю и южную части. Меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ Куппъ. Пройдя съ полъ-версты, половину пространства, занимаемаго всей колоніей, отъ школы до дома колониста Давида Янцена, мы сразу выбрались на песчаную возвышенную мѣстность, черезъ которую пролегала широкая дорога. Быстро зашагали мы по дорогѣ: очень скоро миновали балки Малую Вербовую, Большую Вербовую; прошли еще съ версту и наконецъ увидѣли цѣлый рядъ укрѣпленій (Schanzengraben). Рѣшено было сперва пройти по всѣмъ укрѣпленіямъ, чтобы составить себѣ общее представленіе объ нихъ, а потомъ уже прибѣгнуть къ измѣренію. Трудъ былъ немалый. Дѣло въ томъ, что длина всѣхъ укрѣпленій, если растянуть ихъ въ одну прямую линію, простирается, какъ оказалось, болѣе, чѣмъ до двухъ съ половиною верстъ: до 1,455 саженъ. Общій видъ ихъ напоминаетъ форму неправильнаго квадрата, состоящаго изъ одинадцати батарей, соединенныхъ между собою тринадцатью траншеями и расположеннаго какъ разъ въ сѣверо-восточномъ углу острова. Сами батареи представляютъ изъ себя небольшіе квадраты, въ которыхъ каждая сторона состоитъ изъ высокой земляной стѣны, доходящей до десяти сажень, причемъ одна изъ сторонъ, обыкновенно сѣверная или западная имѣетъ отверстіе, какъ видно, для входа; въ срединѣ батареи, внутри, выкопаны одна, двѣ, а иногда три и больше, ямки, быть можетъ, имѣвшія значеніе землянокъ для помѣщенія въ нихъ войска. Всѣхъ такихъ батарей въ сѣверной части острова восемнадцать. Траншеи представляютъ изъ себя большіе рвы съ насыпными при нихъ высокими валами, соединяющими каждую изъ батарей; найбольшая длина рвовъ—полтораста сажень, наименьшая восемьдесятъ пять;

maximum глубины рвовъ два аршина, *maximum* высоты валовъ полторы сажени. Съ юга укрѣпленія начинаются непосредственно отъ Днѣпра и идутъ по направленію отъ востока къ западу, отъ Вошивой скели къ парому; они состоятъ изъ трехъ траншей, соединенныхъ между собою столькимъ-же числомъ батарей; изъ нихъ первая траншея имѣетъ длины сорокъ пять саженей, а вторая и третья по сто пятнатцати. За третьей батареей линія траншей раздѣляется на двѣ, при чемъ первая идетъ къ юго-западу, къ балкѣ Каракайкѣ, и состоитъ изъ трехъ батарей, связанныхъ тремя траншеями, одна во сто, другая въ семьдесятъ и третья въ восемьдесятъ саженей длины, а вторая направляется къ сѣверо-западу, къ балкѣ Громушиной, и состоитъ изъ двухъ батарей съ одной траншеей, въ сто десять саженей длины. Но давъ отъ себя двѣ побочныя линіи, на сѣверо-востокъ и на юго-западъ, главная (восточная) линія даетъ еще и третью: прямо съ юга на сѣверъ; эта третья линія состоитъ изъ шести батарей, соединенныхъ между собою пятью траншеями [1]), изъ коихъ три сохранились вполнѣ, а двѣ только отчасти; при чемъ первая и третья траншеи имѣютъ по сто пятидесяти саженей длины, четвертая ровно сто, пятая восемьдесятъ, шестая также сто [2]). Шестою батареей эти укрѣпленія и оканчиваются. Отъ сѣверной окраины острова, по направленію съ запада на востокъ, укрѣпленій нѣтъ; они начинаются уже на другомъ, восточномъ, концѣ острова, по направленію съ сѣвера на югъ: здѣсь насыпаны четыре батареи, соединенныя столькимъ-же числомъ траншей, по полтораста саженъ каждая. Восточная линія укрѣпленій стоитъ особо отъ южной и западной, не соединяясь ни съ той, ни съ другой и прерываясь менѣе, чѣмъ на половинѣ всей восточной окраины острова.

Такова общая схема укрѣпленій въ сѣверо-восточномъ углу острова. Къ укрѣпленіямъ-же надо причислить и тѣ многочисленныя глубокія ямы, которыя расположены частью за чертой укрѣпленій, частью-же внутри, и которыя служатъ признаками бывшихъ

---

[1]) Была и шестая (по порядку *вторая*) траншея, имѣющая 150 саженъ, но теперь она засыпана пескомъ.

[2]) Пятая и шестая траншеи на половину также засыпаны пескомъ; прежде пятая имѣла 100 саженъ, а шестая 150.

здѣсь нѣкогда землянокъ. Ямы, расположенныя за чертой укрѣпленій, тянутся по прямой линіи, съ сѣвера на югъ, вдоль батарей и рвовъ въ два ряда и большею частью попарно, причемъ промежутокъ между каждою парою равняется двумъ саженямъ, также какъ и самый діаметръ пространства, занимаемаго каждой изъ ямъ. Кромѣ ямъ, расположенныхъ непосредственно возлѣ батарей и траншей, есть ямы, которыя находятся въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ отъ укрѣпленій, у западной окраины острова; эти ямы слѣдуютъ въ безпорядкѣ одна за другой, но за то онѣ и глубже и шире предшествующихъ. То-же самое можно сказать и относительно ямъ, расположенныхъ внутри укрѣпленій; число ихъ заходитъ за сто, но всѣ онѣ расположены очень неправильно и въ однихъ мѣстахъ нисходятъ до глубины сажени и болѣе того, а въ другихъ значительно менѣе этого. На сколько можно судить по ямамъ, сѣверная часть острова населена была всего болѣе съ восточной и западной сторонъ и только отчасти съ южной, сѣверная-же сторона не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ жилья. Видно также, что землянки, если только это были онѣ, располагались болѣе въ скрытыхъ мѣстахъ: балкахъ, углубленіяхъ, скалахъ, загроможденныхъ камнями и защищенныхъ деревьями; замѣтно также, что изъ двухъ населеннѣйшихъ сторонъ, восточной и западной, послѣдняя имѣла больше жильевъ, нежели первая, такъ какъ и до сихъ поръ на западной окраинѣ насчитывается 225 ямъ, кромѣ засыпанныхъ пескомъ, а на восточной 171.

Кто-же былъ виновникомъ сооруженія оставшихся теперь на островѣ Хортицѣ укрѣпленій?

Можно думать, что починъ сооруженія названныхъ укрѣпленій принадлежитъ сперва князю Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, какъ въ томъ убѣждаютъ насъ свидѣтельства лѣтописца [1]) и слова посланника Эриха Лассоты [2]). Но кромѣ Вишневецкаго, на островѣ Хортицѣ дѣлали укрѣпленія еще Яковъ Шахъ [3]), затѣмъ гетманъ

[1]) Русск. лѣт. по Никон. списку. Спб., 1791 г., стр. 272 и 273

[2]) Путевыя записки Эр. Лассоты. Одесса, 1873 г., стр. 53. См. также Карамзина Истор, госуд. рос. Спб., стр. 262; Бантышъ-Каменскій. М. 1842 г., томъ II, стр. 113; Маркевичъ, Исторія Малороссіи, М. 1842 г., стр. 1, 45.

[3]) Яковъ Шахъ, сперва генеральный есаулъ, а потомъ, съ 1582 года, гетманъ малорусскихъ козаковъ.— Семеновъ, Исторія Малороссіи, Москва, 1874 года, томъ I, стр. 71.

малорусскихъ козаковъ и кошевой атаманъ запорожскихъ, Петръ Канашевичъ-Сагайдачный въ 1618 и 1620 году [1]) и русскія войска въ 1738 году. «Въ 1738 году на Хортицкомъ островѣ сдѣланъ отъ россіянъ великій ретраншементъ, со многими редутами и флешами, на которомъ российская армія и флотилія, вышедъ изъ Очакова, долгое время стояла» [2]).

Кромѣ батарей, траншей и ямокъ въ той-же сѣверной части острова есть еще четыре кладбища, по преданію оставшіяся отъ времени пребыванія здѣсь запорожскихъ козаковъ. Одно изъ такихъ кладбищъ находится у восточнаго берега острова, надъ балкою Велика Молодняга, другое въ сѣверо-западномъ концѣ острова, надъ крутизной Рѣчища, третье и четвертое съ западной стороны, между Куцой балкой и переправой черезъ тоже Рѣчище на островъ.

Уже высоко поднялось солнце, когда мы оставили укрѣпленія и направились вдоль береговъ той-же сѣверной части. Но и берега пройдены; осталось сдѣлать нѣсколько экскурсій отъ береговъ къ укрѣпленіямъ, въ разныхъ направленіяхъ. Окончено и это. Оказалось, что вся сѣверная часть острова довольно возвышенна, особенно въ сравненіи съ южной, камениста и малолѣсна; деревья растутъ здѣсь то въ одиночку, то кустами и большею частью состоятъ изъ дикихъ грушъ, букса (Buchs-Boum), черноклена, шелюги, боярышника и рѣдко дуба. Есть впрочемъ цѣлыя аллеи такихъ деревъ; но онѣ растутъ лишь по канавамъ бывшихъ укрѣпленій. Также мало здѣсь и травы; только восточная половина этой части острова покрыта чаберомъ, молочаемъ, царскимъ скипетромъ и зеленымъ мхомъ; сѣверная-же, равно какъ западная и южная, представляютъ изъ себя почти голыя песчаныя пространства, лишь по мѣстамъ засаженныя красной лозой, называемой здѣсь шелюгой; таково, напримѣръ, большое песчаное пространство за южной и западной чертами укрѣпленій. Но за то, сравнительно съ другими частями острова, сѣверная часть представляетъ изъ себя едва-ли не самое величественное мѣсто на всемъ Днѣпрѣ, кромѣ развѣ весьма немногихъ мѣстъ между порогами на островахъ. Если стать на восточной окраинѣ сѣверной части острова и взглянуть вверхъ

---

[1]) См. выше указанія.

[2]) Мышецкій. Ист. о запорож. коз. Одесса, 1852 г., стр. 68.

вдоль рѣки, то картина представится по истинѣ обворожительная. Вотъ прямо среди рѣки, невдалекѣ отъ береговъ острова, высятся массивныя скалы «Стовпы» и «Стоги», а за ними выдвигаются громадные выступы «Дурна» и «Середня»; еще далѣе, справа, виднѣются верхушки зеленѣющихъ деревьевъ, исполиновъ дубовъ,— то урочище Сагайдачное, а слѣва выплываетъ, въ видѣ длинной ярко-зеленой ленты, колонія Кичкасъ, иначе Эйнлаге. Самый Днѣпръ имѣетъ здѣсь неизъяснимую прелесть: въ началѣ, освободившись отъ пороговъ и вырвавшись изъ узкаго русла у Кичкаса, онъ со страшною силою ударяется о гранитные острова и мысы, и шумитъ и бурлитъ и высоко вздымается, а затѣмъ, разлившись на множество струй, начинаетъ мало-по-малу принимать спокойный видъ, дѣлается чистымъ, какъ хрусталь, свѣтлымъ, точно золото и вмѣсто стона и рева издаетъ какой-то пріятный мелодичный звонъ. Но еще больше величія являетъ изъ себя Днѣпръ, когда взойдешь на одинъ изъ кургановъ острова и взглянешь на ближайшія окрестности. Языкъ нѣмѣетъ отъ восторга, душа наполняется благоговѣніемъ къ Тому, Кто сложилъ природу въ такой прекрасный узоръ...

Осмотрѣвъ сѣверную часть острова, я рѣшилъ возвратиться на этотъ разъ въ колонію, тѣмъ болѣе, что и спутникъ мой Якубъ Якубовичъ Куппъ давно уже подавалъ намеки на эту мысль. Скоро мы вышли на открытую дорогу и зашагали.

— А что, Якубъ Якубовичъ, давно-ли поселились ваши колонисты на Хортицѣ?

— О, да! Еще съ 1789 года.

— То есть, это, стало быть, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ паденія Запорожской Сѣчи.

— Ну, ужъ этого я не знаю, знаю только 1789 годъ.

— И много поселилось здѣсь вашихъ колонистовъ?

— Восемнадцать хозяевъ.

— Вы говорите хозяевъ: почему-же не дворовъ?

— Да потому, что у насъ счетъ ведется не по дворамъ, какъ у русскихъ, а по хозяевамъ, а хозяевами у насъ называются тѣ, которые имѣютъ, кромѣ домовъ и дворовъ, еще и землю; земля самое главное и безъ нея хоть имѣй и домъ, и дворъ, и скотъ, а хозяиномъ не будешь считаться; «безземельные» —вотъ какъ у насъ такіе называются.

— Такъ. Скажите-же, пожалуйста, много-ли на вашемъ островѣ въ настоящее время хозяевъ?

— И прежде было восемнадцать, и теперь столько-же.

— Какъ это такъ?

— А вотъ какъ; у насъ пока живъ отецъ, онъ не дѣлитъ своей земли между сыновьями; въ случаѣ-же его смерти, вся земля поступаетъ старшему сыну, а остальные сыновья довольствуются деньгами, скотомъ и разнымъ движимымъ имуществомъ, которое оставилъ имъ отецъ. Бываетъ, что и эти сыновья получаютъ землю отъ отца, но такая земля пріобрѣтается самимъ отцомъ гдѣ нибудь на сторонѣ.

— А какъ обширна ваша колонія?

— Вся площадь нашего острова, по плану, 2,547 десят. 325 саж., а линія, которою протянулись наши поселенія, равняется 870 саж., выходитъ почти двѣ версты; съ сѣвернаго конца крайній домъ Давида Янцена, а съ южнаго Абрама Петкау.

— А не знаете-ли вы, чему равняется окружность острова?

— Окружность острова равняется двадцати съ половиной верстамъ,—такъ у насъ показано на планѣ; видите-ли, въ длину каждая сторона острова имѣетъ по десяти верстъ, да въ ширину одна двѣ съ половиной, а другая двѣ, итого двадцать четыре съ половиною версты.

Здѣсь разговоръ нашъ прекратился: мы дошли до самой школы. Измѣреніе укрѣпленій и затѣмъ разговоръ во время пути заняли насъ такъ, что мы совсѣмъ позабыли о пищѣ; но теперь, когда вошли въ комнату, желудокъ сразу-же заявилъ о своихъ правахъ. Хозяйка не заставила себя долго ждать, и скоро на столѣ показались: ветчина, молоко, сыръ, хлѣбъ, супъ, жаркое и кофе. Изъ всего этого меня занялъ особенно супъ. Это такой сумбуръ, который могутъ выдумать только одни нѣмцы. Чего въ этомъ супѣ не было? Молоко, мука, изюмъ, говядина, вода, вишни и еще что-то такое неуловимое—все это составляло супъ, или, лучше сказать, снадобье, котораго непривыкшему человѣку и въ ротъ нельзя было взять. Хозяинъ нѣмецъ уплеталъ его съ удивительнымъ аппетитомъ, а я только глядѣлъ на него.

— Что-же вы не кушаете супу? спросилъ онъ меня.

— Благодарю васъ; я какъ-то усталъ, отвѣчалъ я, не желая сказать правду.

— Вамъ вѣрно нашъ супъ не нравится? Вы благородный человѣкъ, замѣтилъ хозяинъ.

Чтобы успокоить его, я занялся другими яствами, которыя больше приходились мнѣ по вкусу; особенно вкуснымъ мнѣ показался кофе. Но обѣдъ оконченъ, въ комнату вошла хозяйка. Я началъ благодарить ее, но забывъ, что я нахожусь въ нѣмецкой колоніи, заговорилъ по русски; нѣмка смотрѣла на меня спокойно и ни словомъ, ни движеніемъ не отвѣчала мнѣ; оказалось, что она ни одного слова не знаетъ по русски, не смотря на то, что прожила на островѣ уже чуть-ли не пятьдесятъ лѣтъ.

— Ich danke sehr, madam, поправился я тогда.

— Ich bitte, Herr, отвѣтила мнѣ хозяйка.

За обѣдомъ послѣдовалъ короткій отдыхъ и затѣмъ мы снова отправились осматривать островъ. Теперь мы избрали предметомъ своихъ изслѣдованій среднюю и южную его части. Пройдя нижнюю половину колоніи и поднявшись вверхъ, мы прежде всего наткнулись на огромный дубовый пень, въ окружности до трехъ саженъ, остатокъ отъ громаднѣйшаго дуба, существовавшаго нѣсколько сотъ лѣтъ, свидѣтеля паденія Запорожской Сѣчи и поселенія здѣсь нѣмцевъ. Еще не такъ давно подъ тѣнистыми вѣтвями дуба часто въ лѣтнее жаркое время, послѣ полевыхъ трудовъ, отдыхали нѣмцы-колонисты. Но вотъ уже лѣтъ двѣнадцать тому назадъ дубъ засохъ, оставивъ отъ себя лишь одинъ толстый пень. Нѣмцы такъ дорожили дубомъ, что и теперь высказываютъ сожалѣніе объ утратѣ его. «Лѣтъ пять тому назадъ, пишетъ въ 1876 году г. Новицкій, на островѣ Хортицѣ засохъ священный дубъ—эта замѣчательная древность острова—прожившій десятки вѣковъ. Онъ былъ вѣтвистъ и колоссальной толщины; стоялъ онъ въ ста пятидесяти саженяхъ отъ острово-хортицкой колоніи, на югъ, у самой дороги, направленной чрезъ островъ въ длину; въ настоящее время сохранился только пень дуба, по которому можно судить о его громадности... Преданіе говоритъ, что вѣковой дубъ былъ сборнымъ пунктомъ для запорожцевъ, гдѣ собиралась козацкая рада для обсужденія политическихъ и общественныхъ вопросовъ; подъ дубомъ когда-то лились и запорожскія молитвы, когда козаки брались за оружіе противъ непріятеля. Въ 1775 году, ‹по зеленихъ святахъ›, запорожцы въ послѣдній разъ отдали честь священному дубу, роспили

нѣсколько бочекъ горѣлки и въ послѣдній разъ отплясали запорожскаго козачка; раздавались пѣсни, лились слезы, козаки прощались, расходясь во всѣ концы—«хто на Динъ, хто на тихій Дунай, а хто до риднои осели доживать вику» [1]).

Посѣтовавъ у дубоваго пня о невозможности возвратить прошедшаго времени и воскресить умершихъ козаковъ, чтобы заставить ихъ поразсказать объ ихъ-же собственной жизни, мы поднялись еще выше и здѣсь, взявъ немного влѣво, наткнулись, какъ и въ сѣверной части острова на цѣлый рядъ укрѣпленій. Укрѣпленія находятся на югъ въ полуверстѣ отъ дома колониста Абрама Петкау, и тянутся поперекъ острова, съ востока на западъ, отъ Новаго Днѣпра къ Старому или Рѣчищу, или по направленію отъ с. Вознесенки къ колоніи Розенгардъ. Какъ на сѣверной части острова, такъ и здѣсь укрѣпленія состоятъ изъ батарей, соединенныхъ между собой траншеями; разница между тѣми и этими укрѣпленіями состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь укрѣпленія вытянуты въ одну прямую линію и, стало быть, совсѣмъ не такъ сложны, какъ сѣверныя. Всѣхъ батарей здѣсь четыре, траншей три. Какъ въ сѣверной части острова, такъ и здѣсь батарея представляетъ изъ себя правильный квадратъ, каждая сторона котораго равняется десяти саженямъ; траншея-же представляется глубокимъ рвомъ, который связываетъ батареи и по которому въ настоящее время растутъ разныя деревья. Изъ батарей первая сохранилась наилучшимъ образомъ; она имѣетъ входъ съ восточной стороны и въ самой срединѣ своей вмѣщаетъ яму, имѣющую шесть футовъ глубины и заросшую густымъ глотомъ; какъ и батарея, яма также имѣетъ входъ, съ восточной стороны. Высота валовъ первой батареи не восходитъ больше двухъ саженъ, глубина рвовъ больше полуторы сажени. За первою батареей слѣдуетъ сперва четыреугольная яма, по величинѣ меньше предшествующей, совсѣмъ почти осунувшаяся и разбитая, а за ямой уже начинается траншея. Траншея тянется на протяженіи ста пятидесяти саженъ, въ однихъ мѣстахъ она совершенно разбита, въ другихъ сохранилась хорошо, но заросла деревьями. За траншеей снова слѣдуетъ батарея, такой-же величины, какъ и первая, но

---

[1]) Я. Новицкій, Островъ Хортица на Днѣпрѣ, «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 55, стр. 2.

только нѣсколько ниже ея; она также имѣетъ съ востока входъ и въ серединѣ своей вмѣщаетъ двѣ ямы, въ полторы сажени въ окружности каждая; канавы и ямы заросли деревьями. За второй батареей слѣдуетъ вторая траншея, длиною въ сто саженъ, и больше, и лучше первой сохранившаяся и гуще заросшая деревьями. За второй траншеей слѣдуетъ третья батарея, такой-же величины, какъ и первая, но также осунувшаяся, какъ и вторая; въ ней три ямы, по величинѣ меньше предшествующихъ, со входомъ съ той-же стороны. Съ третьей батареей граничитъ, съ сѣверной стороны, балка Широкая (Rei Lecht). За третьей батареей идетъ третья траншея; она тянется сначала на сто саженъ, затѣмъ прерывается, но спустя 60 саженъ снова начинается и идетъ на пространствѣ также ста саженъ, при чемъ обѣ половины канавы, въ видѣ сплошной густой аллеи, заросли разными деревьями, преимущественно же грушами, берестомъ, черноклёномъ и глотомъ. За третьей траншеей слѣдуетъ четвертая и послѣдняя батарея; она также прекрасно сохранилась, какъ и первая, но вмѣщаетъ въ себѣ три ямы, изъ коихъ двѣ довольно большія и одна нѣсколько поменьше; какъ ямы, такъ и самые рвы батареи заросли деревьями, тѣми-же грушами, берестомъ, глотомъ и др. Четвертою батареей укрѣпленія въ средней части острова и оканчиваются: дальше, отъ батареи и до берега Стараго Днѣпра, или Рѣчища, укрѣпленій никакихъ нѣтъ: окраины острова оканчиваются низкимъ спускомъ, переходящимъ потомъ въ самый берегъ рѣки.

Осмотрѣвъ среднія укрѣпленія, мы направились затѣмъ вправо, къ сѣверу, имѣя цѣлью пройти балку Широкую и выбраться на засѣянныя поля. Балка оказалась дѣйствительно широкая изъ всѣхъ балокъ на островѣ; въ устьѣ она покрыта прекраснымъ дубовымъ лѣсомъ, между которымъ растетъ высокая трава. Увидя небольшой холмъ подъ вѣтвистымъ дубомъ, я уже готовъ былъ присѣсть на него, чтобы нѣсколько отдохнуть, но Якубъ Якубовичъ рѣшительно воспротивился этому.

— Вы и не думайте здѣсь садиться.

— Почему-же?

— Да потому, что здѣсь водится много змѣй. Недавно показывалась здѣсь страшная змѣя,—саженъ до трехъ, говорятъ; она перепугала одного нашего колониста, да вѣдь какъ? Несчастный лишился

было языка: недѣли двѣ не говорилъ; возили его и къ доктору, ничего не сдѣлалъ; потомъ уже само какъ-то прошло. Какъ онъ спасся отъ нея, Богъ его знаетъ. Колонисты не вѣрили ему, когда онъ разсказывалъ имъ о видѣнномъ имъ страшилищѣ; но вотъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на ту-же змѣю наткнулся охотникъ съ двумя собаками; одна изъ собакъ бросилась было къ змѣѣ, но была тотъ-же часъ задушена ею; самъ охотникъ растерялся и поспѣшилъ уйти.

Наслушавшись такихъ страховъ отъ Якуба Якубовича, я также постарался поскорѣе выбраться изъ балки. Мы поднялись вверхъ и вышли на ровное, прекрасное поле, колосившееся въ ту пору высокой пшеницей. Здѣсь-же, среди поля, нашему взору представились шестнадцать кургановъ, краснорѣчиво называемыхъ на русскомъ югѣ могилами.

— Не знаете-ли, Якубъ Якубовичъ, спросилъ я моего спутника, много-ли на вашемъ островѣ могилъ?

— Всѣхъ могилъ на нашемъ островѣ пятьдесятъ семь, отвѣчалъ онъ; но только двѣ изъ нихъ особенно большія, остальныя-же и меньше и ниже этихъ двухъ; впрочемъ, прежде и меньшія могилы казались большими, а теперь онѣ какъ-то поосунулись; въ старину на нихъ стояли каменныя бабы, чего теперь и не увидишь,—порастаскали. Въ 1882 году одну изъ большихъ могилъ раскапывалъ кіевскій ученый Беренштамъ; онъ нашелъ тамъ какія-то металлическія стрѣлки, горшочекъ, гвозди и много кое-чего другаго. Миновавъ могилы, мы прошли вершину Ганновской балки и добрались до кладбища (Kirchhof), гдѣ колонисты погребаютъ своихъ покойниковъ. Солнце давно уже зашло, и мы рѣшили возвратиться къ дому, тѣмъ болѣе, что и ноги уже отказывались служить намъ. Для сокращенія пути мы пошли черезъ огороды колонистовъ и скоро дѣйствительно добрались до жилищъ.

На слѣдующій день мнѣ предстояло осмотрѣть южную часть острова. Вставъ по обыкновенію съ восходомъ солнца, я тотъ же часъ отправился на поиски. И на этотъ разъ меня сопровождалъ Якубъ Якубовичъ. Мы избрали путь отъ колоніи вдоль лѣваго берега Новаго Днѣпра, къ плавнямъ. Скоро оставили мы за собой колонію, миновали среднія укрѣпленія, балки Шанцевую, Башмачку, Костину, Корніеву, Липову и наконецъ добрались до высокаго

кургана, на которомъ и усѣлись. Спутникъ мой объяснилъ мнѣ, что курганъ этотъ носитъ въ народѣ названіе Потемкина. Вспомнивъ, что самъ знаменитый князь у запорожцевъ назывался Потемкою, я понялъ, отъ чего курганъ называется Потемкинымъ, а не Потемкинскимъ. Мнѣ хотѣлось однако знать, отъ чего имя князя связано съ курганомъ, и я спросилъ объ этомъ моего спутника.

— Да говорятъ, отвѣчалъ онъ, будто на этомъ курганѣ князь Потемкинъ хотѣлъ построить дворецъ, отъ дворца черезъ островъ провести почтовую дорогу, а черезъ Днѣпръ устроить мостъ. Правда-ли этому, или нѣтъ,—не знаю; но возлѣ кургана росъ садъ, который называли тоже Потемкинымъ. Старые колонисты разсказываютъ, что когда пришли впервые на островъ ихъ дѣды, то застали еще здѣсь какого-то стараго солдата, сторожившаго Потемкинъ садъ; потомъ этотъ сторожъ здѣсь же и умеръ, а садовыя деревья повыкопаны были колонистами для ихъ питомниковъ.

Переданное моимъ спутникомъ преданіе подтверждается и свидѣтельствомъ бывшаго здѣсь въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія В. Зуева, который говоритъ, что на островѣ Хортицѣ «князь Григорій Александровичъ Потемкинъ особое для разведенія и украшенія сада прилагаетъ стараніе» [1]). Если это преданіе вѣрно, то нельзя не подивиться вкусу великолѣпнаго князя: мѣсто, облюбованное имъ, во многихъ отношеніяхъ превосходно. Потемкинъ курганъ высоко поднимается надъ поверхностью острова; самый островъ здѣсь гораздо болѣе открытъ, чѣмъ въ сѣверной части, которая далеко не такъ выдается изъ общаго фона поверхности; тамъ самый материкъ если не выше острова, то во всякомъ случаѣ на одномъ съ нимъ уровнѣ. Берега острова противъ Потемкина кургана и не такъ круты, и не такъ недоступны, и не такъ скалисты, обнажены и возвышены, какъ въ сѣверной части острова. Поверхность острова въ этой части носитъ характеръ не каменистый и песчаный, а степной, представляющій изъ себя весьма удобную планину какъ для сѣнокоса, такъ и для нивъ; а высота ея такова, что отсюда, какъ съ птичьяго полета, видны не только ближайшія поселенія: Вознесенка, Слободка, Александровскъ, Шенвизъ, но и отдаленнѣйшія крестьянскія селитьбы съ ихъ храмами, школами и волостями;

---

[1]) Пут. Зап. СПБ. 1787, 261.

тому способствуетъ относительная высота юго-восточной части острова при относительной низменности самаго материка противъ него.

Но мы оставили Потемкинъ курганъ, спустились къ скалѣ Нижней Головѣ и отсюда, пройдя немного по возвышенной части острова, очутились въ плавняхъ. Слѣдуетъ сказать, что въ 2-хъ верстахъ отъ мыса Нижней Головы возвышенная часть острова сразу переходитъ въ низменную, покрытую травой, лѣсомъ и множествомъ большихъ и малыхъ озеръ, что все вмѣстѣ и составляетъ плавни. Есть основаніе предполагать, что плавни эти сравнительно недавняго происхожденія и что образовались онѣ только подъ защитою самаго же острова. Дѣло въ томъ, что у нижняго конца острова сходятся оба рукава Днѣпра, раздѣленные выше, у сѣвернаго конца. Но сходясь здѣсь, каждый изъ рукавовъ, несущій своимъ теченіемъ песокъ, илъ и корни деревьевъ, здѣсь же и откладываетъ все это, такъ какъ въ этомъ именно мѣстѣ рѣка, дотолѣ стремительная, до извѣстной степени умѣряется въ своемъ теченіи.

Какъ каждая изъ другихъ частей,—сѣверная и средняя, служатъ для колонистовъ источникомъ ихъ пропитанія, такъ и южная доставляетъ для нихъ разный матеріалъ, необходимый для всякаго домохозяина и также служитъ жизненнымъ источникомъ. Дѣло въ томъ, что южная часть острова состоитъ изъ обширной плавни, покрытой большимъ лѣсомъ, изъ дубовъ, осокорей, ивъ, шелюги, обилуетъ разной дичью: дикими гусями, утками, дупелями, коростелями, поросла очень высокими травами, изрѣзана множествомъ озеръ: Лозоватымъ, Прогноемъ, Домахой, Карасевымъ, Подкручнымъ, Головковскимъ, Осоковымъ и другими, которыя обилуютъ разнаго рода рыбами и раками. Таковъ характеръ южной части острова Хортицы. Пробродивъ много времени по берегамъ озеръ, заливовъ, находившись вдоволь по зеленымъ полянамъ и бѣлымъ пескамъ, мы выбрались наконецъ на самую южную окраину острова и здѣсь на берегу, у водъ, усѣлись. Отсюда открывался видъ на Днѣпръ, одинъ изъ прекраснѣйшихъ.

Раздѣленная до этого мѣста островомъ Хортицей, рѣка отсюда снова соединяется и несетъ свои воды не по узкому жолобу, а по широкому, размашистому руслу, усыпанному крупнымъ пескомъ. Теченіе рѣки здѣсь такое плавное, спокойное, а сама вода такая

чистая и прозрачная, что кажется, будто передъ вами не рѣчныя струи, а отполлированный желтый янтарь.

— А что, Якубъ Якубовичъ, не пора-ли намъ домой?

— Я думаю, что пора.

Усталые, медленно возвращались мы домой. Не скоро мы улеглись въ постель, но за то пріятный, глубокій сонъ слѣдовалъ за нашимъ продолжительнымъ походомъ... Восходящее солнце слѣдующаго дня уже застало меня на ногахъ. На этотъ разъ я рѣшилъ познакомиться съ старожилами острова и порасспросить ихъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней. Мнѣ указали на единственнаго восьмидесяти восьми-лѣтняго старика Якуба Якубовича Гейнера. По моей просьбѣ старикъ явился въ школу и скоро между нами завязался разговоръ.

— Скажите, пожалуста, откуда переселились ваши предки на островъ Хортицу?

— Предки мои переселились на Хортицу изъ нѣмецкаго города Данцига.

— А давно-ли это было?

— Да, это давно таки было: больше ста лѣтъ; мой отецъ былъ однимъ изъ первыхъ поселенцевъ острова.

— Скажите-же, въ какомъ видѣ засталъ вашъ отецъ Хортицу? Не разсказывалъ-ли онъ вамъ о тѣхъ укрѣпленіяхъ, что въ сѣверной части острова?

— Разсказывалъ: говорилъ, что въ ту пору укрѣпленія были такъ высоки, что на нихъ и взойти нельзя было; изъ многихъ ямъ торчали толстыя дубовыя бревна и огромные дикіе камни. Канавы были широкія, а глубина такая, что упавшая туда лошадь тамъ и околѣвала.

— А что засталъ вашъ отецъ въ нижней части острова?

— Въ нижней, возлѣ озера Домахи, онъ видѣлъ какую-то казацкую хату. Хата, говорилъ, небольшая была, изъ тесаннаго дерева, съ маленькими окнами со ставнями; внутри стоялъ большой дубовый столъ, на срединѣ котораго вырѣзано было распятіе Христа, а на одномъ изъ угловъ просверлена дырка, въ которую, видно, вставлялась свѣча; кромѣ стола въ хатѣ были еще печь и лавы; съ наружной стороны, вокругъ хаты, разбросаны были тряпки, валялись черепья отъ посуды и насыпаны были кучи золы [1]).

---

[1]) Ср. Драгомановъ. Малор. пред., Кіевъ, 1876 г., стр. 425.

— Прекрасно. Скажите же, не засталъ ли вашъ отецъ кого-нибудь изъ запорожскихъ козаковъ на островѣ?

— На островѣ отецъ не видѣлъ никакихъ запорожцевъ, а вотъ возлѣ острова, гдѣ теперь Кичкасъ, тамъ видѣлъ какого-то запорожца.

— Не Дворяненкомъ-ли его звали? [1]).

— Кажется, что такъ.

— Что же, ничего не разсказывалъ отецъ вашъ о Дворяненкѣ?

— Разсказывалъ, какъ онъ укралъ у нихъ лошадь, когда они только что пріѣхали на островъ.

— Какъ же это было?

— Да вотъ какъ. Послѣ продолжительнаго, говоритъ, путешествія мы добрались наконецъ до рѣки Днѣпра противъ Хортицы; переправились на островъ черезъ рѣку и сейчасъ-же стали отдыхать. Но не успѣли мы еще прійти въ себя, какъ смотримъ, кто-то съ противоположнаго берега плыветъ къ намъ въ лодкѣ. Оставивъ лодку у берега, онъ направился къ намъ; пришелъ, сталъ и смотритъ на насъ, не говоря ничего; мы тоже смотримъ на него и тоже не говоримъ ничего: тогда мы еще по русски не умѣли говорить, да и онъ по нѣмецки не могъ. Онъ былъ босой, безъ шапки, въ одной сорочкѣ да штанахъ (дѣло было лѣтомъ), на очкурѣ которыхъ висѣлъ большой ножъ. Казалось, ему лѣтъ за 50 было; собой здоровый, плечистый... Такъ постоялъ и ушелъ. Мы скоро угомонились и улеглись спать, привязавъ своихъ лошадей къ повозкамъ. Утромъ поднимаемся, сейчасъ-же къ лошадямъ; смотримъ, одной лошади нѣтъ; искать—нигдѣ нѣтъ. Бросились къ мѣсту, гдѣ привязана была пропавшая лошадь, лежитъ ножъ, тотъ самый, который мы видѣли наканунѣ у приходившаго къ намъ человѣка. Поняли тогда, куда дѣвалась наша лошадь. Впослѣдствіи мы узнали, что этотъ человѣкъ былъ запорожецъ; онъ жилъ сперва тамъ, гдѣ теперь колонія Кичкасъ, а потомъ, когда въ Кичкасѣ стали селиться наши колонисты, перешелъ на противоположный берегъ рѣки

---

[1]) Зуевъ, проѣзжавшій по Новороссійскому краю въ 1781 году, говоритъ между прочимъ о томъ, что въ Кичкасѣ находится одна только избушка, въ которой живетъ запорожецъ.—Путев. зап. Спб., 1787 г., стр. 260. См. также Драгомановъ. Малор. предан. и разск. Кіевъ, 1876 г., стр. 423.

(съ праваго на лѣвый), въ балку; тамъ онъ построилъ себѣ курень, завелъ пасѣку и такъ жилъ до самой смерти... Онъ часто приходилъ къ намъ, научился говорить по нашему; какъ-то разъ мы и спрашиваемъ его: «зачѣмъ ты, казакъ, укралъ нашу лошадь, когда мы въ первый разъ пріѣхали на Хортицу»?—«То моя, говоритъ, такая вдача, безъ того я не могу жить»[1]).

— А не находили-ли вы на островѣ или въ рѣкѣ какихъ-нибудь остатковъ старины?

— Было и это: и самъ находилъ, и у другихъ видѣлъ. Вотъ, положимъ, былъ я еще 17-лѣтнимъ юношей, когда однажды пошелъ купаться къ Старому Днѣпру, въ то мѣсто, что противъ колоніи Канцеровки. Пришелъ на берегъ, смотрю, что за чудо? Стоятъ какія-то суда: длинныя, длинныя и хорошо сколоченныя, похожія на теперешніе дубы; считаю, оказывается семнадцать. Я платье съ себя, бросаюсь въ воду и давай осматривать ихъ. Оказалось, что они больше чѣмъ на половину занесены пескомъ и только верхняя часть ихъ выдавалась изъ воды. Нужно вамъ сказать, что за нѣсколько времени до этого въ Днѣпрѣ было большое наводненіе; вода повыносила много песку изъ русла рѣки и сама опала, тогда-то и показались суда, вѣроятно, очень давно затопленныя здѣсь. Осмотрѣвъ хорошо свою находку, я побѣжалъ сообщить о томъ своему отцу. Но что-же отецъ могъ сдѣлать съ судами? Посмотрѣлъ, повыдернулъ нѣсколько бревенъ изъ нихъ, тѣмъ дѣло и кончилось. Скоро вода снова начала прибывать и опять покрыла суда. Это давно было. А то въ 1845 году, послѣ большаго наводненія, я опять видѣлъ судно: это уже стояло въ Новомъ Днѣпрѣ, противъ Вошивой скели; передняя часть судна выходила на берегъ острова, а задняя затоплена была въ водѣ; судно было нагружено пулями да ядрами. Долго оно не покрывалось водой, и я часто лазилъ въ него, набиралъ пуль и ядеръ, но потомъ подошла вода и затопила. Такой-же величины я нашелъ судно въ Старомъ Днѣпрѣ, противъ устья балки Куцой; на это судно я наткнулся случайно: купался и началъ нырять. Судно сидѣло очень глубоко въ водѣ; я началъ

---

[1]) Преданіе это между прочимъ записано и Я. П. Новицкимъ; оно напечатано въ Малор. пред. и разск. Драгоманова. Кіевъ, 1876 г., 423; мы держались этой редакціи.

осматривать его и на самомъ днѣ нащупалъ пушку. Это меня заняло, и я нѣсколько разъ принимался осматривать: точно, судно и на днѣ его небольшая пушка. Ну что-жъ? Ни лодки нельзя было вытащить, ни пушки... А лѣтъ десять тому назадъ въ томъ-же Старомъ Днѣпрѣ видѣлъ судно одинъ мальчикъ, сынъ нашего колониста. Тотъ нашелъ въ немъ саблю и взялъ ее. Не знаю уже, куда онъ послѣ ее дѣвалъ, но я видѣлъ эту саблю; она не такъ велика, кривая, обдѣлана серебромъ и много поржавлена.

Много находили вещей въ Днѣпрѣ, а на самой Хортицѣ еще больше. Какъ-то я нашелъ въ Большой Вербовой балкѣ кривой кинжалъ, длинное ружье и стальную кольчугу; все было покрыто такой ржавчиной, что я едва отчистилъ ее. Однажды я нашелъ въ балкѣ Куцой нѣсколько монетъ; одна изъ нихъ такъ была тяжела, какъ шесть серебряныхъ рублей вмѣстѣ, другія—точно рыбья луска, а третьи такія-же, какъ теперь пятачки, но только разнятся тѣмъ, что у нихъ неодинаковая толщина по бокамъ: одинъ бокъ толще, а другой тоньше; на всѣхъ монетахъ были какія-то изображенія и надписи, на однѣхъ по русски,—какъ сейчасъ помню «Царь Борисъ», а на другихъ и не по русски и не по нѣмецки; на этихъ вылиты были львы, по три на каждой штукѣ. Случалось находить и другаго рода монеты съ однимъ лицемъ человѣка, или-же съ цѣльнымъ человѣкомъ, сидящимъ на конѣ. Всячину находилъ. Однажды нашелъ три большихъ острыхъ ножа, пять глиняныхъ съ высокими горлышками кувшиновъ, семь съ толстыми вѣнцами горшковъ. А то какъ-то выкопалъ нѣсколько штукъ картечи и цѣлый складъ свинцу; свинецъ бывало такъ и валяется по-верхъ песка, точно черепья: охотникамъ не надо было покупать; выжди только, пока пройдетъ дождь или поднимется вѣтеръ, тогда и собирай, сколько хочешь. Да, чего только за свой вѣкъ я не находилъ на островѣ?! Небольшія, трехгранныя метталическія стрѣлки, желѣзныя, серебряныя и стальныя бляхи, мѣдныя и бронзовыя пуговицы, большія и малыя пряжки, удила, кольца, ножницы, ядра, бомбы, пули—все это частію я самъ находилъ, частію-же у другихъ видѣлъ.

Однажды нашелъ тридцать шесть пуль вмѣстѣ; всѣ онѣ были надѣты на длинную палку, шестью рядами, причемъ каждый рядъ заключалъ въ себѣ шесть пуль. Нужно думать, что это дѣлалось

для удобства: чтобы не забивать въ пушку отдѣльно каждую пулю, нѣсколько ихъ нанизывали на палку и уже самую палку вкладывали въ пушку. Въ балкѣ Широкой случилось мнѣ найти удивительный замокъ, такихъ я никогда послѣ не видалъ; онъ отпирался безъ ключа; надо было составить извѣстное слово изъ буквъ, вырѣзанныхъ на желѣзныхъ кружечкахъ кругомъ всего замка; кружечки вертѣлись въ разныя стороны и такимъ образомъ составлялись разныя слова, но нужно было подбирать всегда одно извѣстное слово, и тогда замокъ отпирался самъ собою. На островѣ Канцеровкѣ (Малой Хортицѣ) я какъ-то наткнулся на человѣческую кость; сталъ копать; прокопавъ съ полъ-аршина земли, вижу—широкая яма, а въ ней семь человѣческихъ скелетовъ; на груди каждаго скелета лежитъ по нѣсколько мѣдныхъ, пустыхъ въ срединѣ, небольшихъ пуговицъ; видно было, что покойники одѣты были въ какіе-то суконные кафтаны, сукно было тонкое, пожелтѣвшее; всѣ скелеты сохранились очень хорошо, особенно черепа; на одномъ лишь черепѣ я замѣтилъ дырку, образовавшуюся не отъ гніенія, а, кажется, отъ удара въ голову человѣка чѣмъ-то острымъ, отъ чего, быть можетъ, онъ и умеръ.

Да, много таки мнѣ пришлось за свою жизнь и видѣть и слышать. Лѣтъ двадцать пять тому назадъ въ саду нашего колониста Якова Вибе найдены были двѣ пушки, одна мѣдная, а другая желѣзная; онѣ сложены были на-крестъ на глубинѣ не болѣе полутора аршина. А то какъ-то нашли цѣлый складъ оружія,—это на островѣ противъ колоніи Кичкасъ; теперь этого острова нѣтъ; онъ смытъ водой, а прежде мы пасли на немъ лошадей и видѣли повыкопанные рвы и батареи, одинъ изъ этихъ рвовъ шелъ прямо по направленію къ скелѣ «Воротамъ». Находилъ оружіе и на «Столпахъ»,—тамъ тоже были укрѣпленія, но они засыпаны пескомъ. Прежде на Хортицѣ можно было всякой всячины найти, а теперь колонисты научились подбирать всякую мелочь да продавать евреямъ, которые каждогодно навѣщаютъ для этой цѣли нашъ островъ. Мѣдныхъ и чугунныхъ вещей, особенно пуль, много пошло на заводъ [1]), гдѣ ихъ плавятъ и выливаютъ изъ нихъ разныя вещи. Ядра

---

[1]) Фабрика земледѣльческихъ орудій Леппа, въ семи верстахъ отъ острова Хортицы, въ колоніи Хортицѣ-Верхней, екатеринославскаго уѣзда.

и бомбы подбираютъ русскія бабы: онѣ идутъ имъ для разныхъ домашнихъ надобностей. Теперь многое подобрано людьми, а многое повынесено водой. Видите-ли, въ старые годы Днѣпръ былъ у́же, чѣмъ теперь, шелъ ближе къ Вознесенкѣ, чѣмъ къ острову; оттого наша Хортица и была шире; но съ теченіемъ времени Днѣпръ сталъ бросать свой лѣвый берегъ, отъ Вознесенки, и подаваться вправо, ближе къ острову, сталъ размывать окраины его, выносить изъ нихъ разныя вещи... Въ старину бывало, какъ пойдешь по разнымъ балкамъ на островѣ, то чего только не увидишь. Тамъ торчитъ большая кость отъ ноги человѣка, тамъ бѣлѣютъ зубы вмѣстѣ съ широкими челюстями, тамъ повывернулись изъ песку ребра, проросшія высокой травой и отъ времени сдѣлавшіяся жолтыми какъ воскъ. Задумаешь было выкопать ямку, чтобы что нибудь сварить или спечь, наткнешься на гвоздь или кусокъ желѣза; хочешь сорвать себѣ цвѣтокъ, наклоняешься, смотришь,—черепъ человѣческій, прогнившій, съ дырками, сквозь которыя выросла трава; нужно тебѣ спрятаться отъ кого нибудь въ пещерѣ, бѣжишь туда и натыкаешься на большой мѣдный казанъ или глиняную чашку, или еще что нибудь въ этомъ-же родѣ...

Да, много было кое-чего, да поздо хватились все это собирать.

— Да, это точно. Но скажите, не опасно-ли было вашему отцу жить впервые на Хортицѣ?

— Какъ не опасно? Даже больше того: разъ какъ-то едва не убили его. Тогда, видите, бродили вездѣ «лугари»,—это разбойники такъ назывались. Однажды лѣтомъ отецъ куда-то уѣхалъ съ острова; мы, дѣти, были въ плавняхъ, а мать одна оставалась въ колоніи. Сидитъ и чѣмъ-то занимается. Вдругъ входятъ къ ней три человѣка и просятъ продать имъ молока. Мать согласилась, спустилась въ погребъ и вынесла имъ молока, сколько они просили. Тогда одинъ подходитъ къ ней и начинаетъ торговаться, а другой подбирается сзади и бьетъ ее безменомъ по головѣ. Она, какъ снопъ, валится на землю. Разбойники забираютъ деньги, оружіе, лошадей, разныя мелкія вещи и уходятъ. Но не успѣли они еще и отойти отъ дома, какъ является отецъ и съ нимъ два сосѣда колониста. Они бросаются на разбойниковъ; произошла свалка, во время которой одинъ изъ разбойниковъ вышибъ отцу зубъ. Но тутъ къ разбойникамъ подошли еще два человѣка и порѣшили исходъ

битвы: отецъ и два сосѣда его были перевязаны, а разбойники, взявъ много добра, ушли благополучно» [1]).

Вотъ тѣ данныя о Хортицѣ, которыя добыты мной на мѣстѣ, уже на второй день по моемъ пріѣздѣ на островъ. Но я оставался на немъ еще нѣсколько дней, пока совершенно не освоился съ его мѣстностью и жителями; въ свободное для колонистовъ время я ходилъ по ихъ домамъ и осматривалъ тамъ разныя находки ихъ. Изъ такихъ находокъ меня заняли, между прочимъ, бомба и три ядра, находящіяся у старосты острова Гильдебрандта; бомба въ объемѣ имѣетъ аршинъ съ четырьмя вершками, а каждое изъ ядеръ по десяти дюймовъ; всѣ они набиты на пали частокола, которымъ отгороженъ у Гильдебрандта палисадникъ вокругъ дома отъ двора. Подобныя ядра, числомъ два, мнѣ пришлось видѣть также у колониста Ивана Классена, которыя онъ уступилъ мнѣ и изъ которыхъ одно еще и теперь заряжено.

Закончу свое изслѣдованіе о Хортицѣ словами г. Новицкаго: «Въ настоящее время островъ Хортица, это неприступное козацкое «кишло», принялъ совершенно другой видъ: курени [2]) заросли бурьяномъ, а въ иныхъ попадаются деревья, простоявшія десятки лѣтъ, черезъ нихъ проходятъ стада овецъ и табуны породистыхъ нѣмецкихъ коней; на поляхъ острова (въ средней и нижней частяхъ) красуются нивы, дающія чуть не ежегодно обильный урожай; тамъ-же зеленѣютъ бакчи, на которыхъ родятся вкусные арбузы и дыни; на восточномъ берегу острова красуется нѣмецкая колонія, утопающая лѣтомъ въ зеленѣющихъ садикахъ, гдѣ благоденствуютъ нѣмцы; на Днѣпрѣ, округлившемъ островъ, вмѣсто козацкихъ «чаекъ», плаваютъ десятки небольшихъ рыбачьихъ лодокъ, изъ которыхъ рыбаки забрасываютъ свои сѣти; тутъ-же проплываютъ и крупныя суда: барки, берлины, пароходы; а весною, во время разлива, и въ іюнѣ, весь Днѣпръ покрываютъ плоты» [3]).

---

[1]) Почти весь этотъ разговоръ записанъ по нѣмецки, авторъ предлагаетъ его въ русскомъ переводѣ.

[2]) Г. Новицкій называетъ ямы куренями; но были-ли это куреня въ козацкомъ смыслѣ, это еще очень сомнительно, равно и то, чтобы первое поселеніе козаковъ на Хортицѣ могло назваться въ строгомъ смыслѣ Сѣчью; «городокъ» — вотъ его названіе.

[3]) Я. Новицкій. Островъ Хортица. «Одесскій Вѣстникъ» 1876 г., № 55.

Было совсѣмъ за полдень, когда я, смоченный сильнымъ дождемъ, послѣ третичнаго осмотра укрѣпленій, возвратился въ школу къ Якубу Якубовича Куппу. Въ этотъ день, вечеромъ, я рѣшился оставить Хортицу, чтобы продолжать свой путь далѣе внизъ, ко второй Томаковской сѣчи. Собравшись и уложивъ свои вещи, я обратился къ хозяину съ щекотливымъ вопросомъ о вознагражденіи его за пріютъ и прокормленіе меня.

Якубъ Якубовичъ какъ-то задумался, что-то соображалъ; повидимому онъ колебался между чувствомъ гостепріимства и простою практическою разсчетливостію.

— Ну, что-жъ, Якубъ Якубевичъ, сколько-же я вамъ долженъ? повторилъ я.

— Одинъ рубль, отвѣчалъ онъ.

— Такъ мало?

— Довольно и этого.

Мнѣ понадобилась сумка, чтобы уложить нѣкоторыя изъ своихъ находокъ. Я обратился къ Якубу Якубовичу. Мнѣ подали.

— А сколько за сумку положите, Якубъ Якубовичъ?

— Ну, это тоже въ счетъ рубля.

Но и находки уложены; мы распростились. Уже давно ожидалъ меня лодочникъ, чтобы съ острова Хортицы переправить въ с. Вознесенку. Солнце было уже на закатѣ, когда я ступилъ на материкъ. Теперь мнѣ предстояло проѣхать с. Вознесенку, д. Слободку и г. Александровскъ, чтобы тамъ сѣсть на пароходъ и пуститься внизъ. Я рѣшилъ пройти все это пространство пѣшкомъ, отославъ свои вещи впередъ къ одному изъ обывателей Александровска.

Вознесенка оказалась большимъ многолюднымъ, но совсѣмъ не древнимъ селомъ. Она тянется на пространствѣ 3 — 9-ти верстъ, вдоль лѣваго берега Днѣпра, по каменисто-песчаному взгорью. Мѣстность ея нельзя назвать плѣнительною, но во всякомъ случаѣ она живописна; одна сторона села, набережная, окаймлена длинною рощею изъ деревьевъ мягкой породы, которая мѣстами смѣняется въ зеленыя долины; другая, противоположная часть граничитъ со степью, обращенной въ плодоносную ниву, усѣянную по мѣстамъ высокими курганами. За селомъ, на западѣ, открывается видъ на Днѣпръ съ его особенно каменистыми здѣсь берегами. Въ Вознесенкѣ есть церковь, волость и школа, учителю

которой, Трофиму Евфимовичу Дешкѣ, я такъ много былъ обязанъ въ дѣлѣ своихъ розысканій на островѣ Хортицѣ. Изъ Вознесенки я направился въ деревню Слободку, непосредственно за Вознесенкой, и отсюда уже добрался до г. Александровска. Здѣсь прежде всего я наткнулся на цѣлый рядъ укрѣпленій, расположенныхъ съ западной стороны города. Въ длину укрѣпленія занимаютъ не болѣе одной версты, въ ширину нѣсколько менѣе того и представляютъ изъ себя очень высокіе валы съ глубокими вокругъ нихъ рвами, расположенными звѣздообразно и сохранившимися превосходно и въ настоящее время; чрезъ самую средину укрѣпленій пролегаетъ ровная, но узкая дорога, по обѣимъ сторонамъ которой кое-гдѣ ютятся небольшіе крестьянскіе домики. Кому принадлежитъ сооруженіе этихъ укрѣпленій? По всѣмъ соображеніямъ они насыпаны не дальше: какъ въ царствованіе импер. Екатерины II, во время одной изъ войнъ русскихъ съ турками и, стало быть, суть дѣло русскихъ солдатъ, а не запорожскихъ козаковъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Въ церствованіи императора Николая, во время севастопольской войны, укрѣпленія были возобновлены, и потому такъ охрошо сохранились въ настоящее время.

Оставивъ укрѣпленія, я направился на востокъ, къ Александровску. Скоро я добрался до города и прошелъ его изъ конца въ конецъ. Городъ не представляетъ изъ себя чего-либо замѣчательнаго. Онъ небольшой, имѣетъ всего лишь двѣ церкви, ни одной гимназіи, лѣтомъ пыленъ, осенью и весной грязенъ, хорошихъ зданій въ немъ нѣтъ, исключая развѣ острога, зданія съ наружной стороны, прекраснаго. Мѣстоположеніе гораздо возвышенное, нѣсколько покатое къ югу. Коренные жители малороссы, пришлые евреи и нѣмцы. Съ восточной стороны къ непосредственно примыкаетъ нѣмецкая колонія Шенвизъ. Время возникновенія города относится къ 1771 году, ко времени царствованія императрицы Екатерины II, такъ много заботившейся о населеніи Новороссійскаго края. Въ 1770 году десятаго мая, государственная коллегія, по распоряженію императрицы, дала знать генералъ-поручику Деденеву о построеніи на рр. Московкѣ и Бердѣ такъ называемой Ново-Днѣпровской линіи съ городами и о содержаніи въ нихъ гарнизонныхъ батальоновъ. Въ 1771 году такая Ново-Днѣпровская линія дѣйствительно и была заведена: она начиналась у Азовскаго

моря крѣпостью Петровскою и оканчивалась на Днѣпрѣ, противъ острова Хортицы, крѣпостью Александровскою. Кромѣ того, на этой-же линіи предполагалось возвести крѣпости: никитинскую, григорьевскую, кирилловскую, алексѣевскую и захарьевскую [1]).

Указомъ 1770 г., въ тѣхъ видахъ, «дабы какъ Малороссія, такъ и слободская губернія навсегда отъ варваровъ обезпечена была», повелѣно было генералъ-маіору Щербинину учредить «новую днѣпровскую линію» крѣпостей отъ Азовскаго моря до Днѣпра. Въ крѣпости александровской, крайней къ Днѣпру, устроена была резиденція линейнаго оберъ-коменданта [2]). Вотъ время возникновенія крѣпости александровской, теперешняго уѣзднаго города Александровска. Александровскъ, на степени крѣпости, пользовался большою извѣстностью. Въ немъ стояли батальоны артиллерійскихъ и инженерныхъ командъ, множество разныхъ козацкихъ полковъ, жили тысячи посошныхъ рабочихъ людей и сотни разныхъ торговцевъ и промышленниковъ; сверхъ того, чрезъ Александровскую крѣпость уже тогда проложенъ былъ торговый трактъ изъ Великороссіи, чрезъ Малороссію, въ Крымъ [3]); въ городѣ устроена была даже таможня и содержался карантинъ.

Занимающагося исторіей запорожскихъ козаковъ заинтересуетъ въ Александровскѣ лишь то, что на одномъ изъ его кладбищъ покоится прахъ извѣстнаго кошеваго атамана, Осипа Михайловича Гладкаго, того самаго Гладкаго, который въ 1828 году, девятаго мая, возвратилъ запорожскихъ козаковъ изъ предѣловъ Турціи въ предѣлы искони родной имъ Россіи. Умѣстно припомнить здѣсь хотя въ общихъ чертахъ обстоятельства этого дѣла.

Въ 1775 году, по различнымъ политическимъ соображеніямъ русскаго правительства, уничтожена была Запорожская Сѣчь, находившаяся на р. Подпольной, въ мѣстечкѣ Красномъ Кутѣ. Запорожцамъ приходилось тогда плохо; большинствомъ голосовъ они рѣшили не поднимать оружія противъ своего брата «москаля», но вмѣстѣ съ тѣмъ и не даваться ему въ руки, а совсѣмъ оставить

---

[1]) Записки одесскаго общества исторіи и древн. Одесса, 1863 г., т. III. стр. 292.

[2]) Пам. кн. екатер. губ., 1864 г.

[3]) Ѳеодосій. Матер. для истор. стат. опис. екатер. епар. Екатеринославъ, 1880 г., II, 247 и 251.

свою отчизну въ Россіи и поискать себѣ пристанища у турка на Дунаѣ. И точно, многіе изъ нихъ нашли «ворота въ великую Порту». Но какъ-же больно и жутко было «низовымъ рыцарямъ» подчиняться тому самому бусурману, войну противъ котораго они считали святымъ дѣломъ и котораго ненавидѣли всею своею козацкою душою. Такъ прошло много времени. Духъ козацкій не ослабѣвалъ, сила запорожцевъ не оскудѣвала, да и сношенія съ родной Украйной не прекращались: многіе изъ молодыхъ украинцевъ покидали свои родныя «осели» и удалялись на тихій Дунай къ своимъ «бидолашнимъ братчикамъ» искать у нихъ новаго счастья. Между такими бурлаками былъ и Осипъ Михайловичъ Гладкій, чистокровный украинецъ, родомъ изъ с. Мельниковъ, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, третій сынъ головы [1]) Михаила Григорьевича Гладкаго [2]). Осипъ Михайловичъ и «одружился» уже на родинѣ: у него была жена Өеодосья Андреевна Мазуръ, по предкамъ полька, но по понятіямъ истая украинка. Но объ этомъ не вѣдали низовые братчики, какъ не вѣдали они и того, что Осипъ Михайловичъ, по благородному своему обычаю, прокутилъ все свое состояніе и, кромѣ жены, покинулъ на произволъ судьбы въ деревнѣ Краснохижинцахъ, той-же губерніи и уѣзда, еще четырехъ дѣтей: сына Василія, дочерей Елену и Наталію и сына Демьяна [3]). Обо всемъ этомъ запорожцамъ не было сказано, да и нельзя было: женатыхъ на Сѣчь не принимали. Прошло еще нѣсколько времени. Случилось, что греки, народъ подвластный туркамъ, вынужденные ужасными насиліями со стороны своихъ властителей, подняли противъ нихъ бунтъ. Надо было ихъ усмирить. Отъ султана Махмуда II пришелъ приказъ къ кошевому атаману запорожскихъ козаковъ выслать 500 добрыхъ молодцевъ, которые должны были присоединиться къ турецкимъ войскамъ и идти противъ возмутившихся грековъ. Отрядъ собрался подъ начальствомъ походнаго кошеваго атамана Мороза. Въ это время Гладкій былъ избранъ куреннымъ атаманомъ, а къ 1827 году онъ повысился уже

---

[1]) Михаилъ Григорьевичъ былъ 30 лѣтъ головою несмѣнно.

[2]) Два старшіе сына назывались: Аѳанасій и Максимъ.

[3]) Къ четыремъ дѣтямъ у Осипа Михайловича впослѣдствіи, когда онъ возвратился изъ-за Дуная въ Россію, прибавилась еще дочь Марія, въ замужествѣ— Слоновская.

до кошеваго атамана съ правомъ двухъ-бунчужнаго паши. Но вотъ затѣвается война Турціи съ Россіей; запорожцы, какъ подданные султана, должны были выступать противъ его врага, русскаго царя. Они призадумались. Созвали раду и порѣшили передаться природному своему государю. Главнымъ зачинщикомъ и орудователемъ этого дѣла былъ Гладкій. Приставшіе къ нему на 42 лодкахъ сѣчевики тайкомъ пробрались въ Измаилъ и предстали предъ лице государя. «Прости, великій царю!» — «Богъ васъ прощаетъ, отчизна прощаетъ и я прощаю. Я знаю, что вы за люди!» Осипъ Гладкій повергъ къ ногамъ государя свою булаву, саблю и шапку и въ замѣнъ того получилъ на Андреевской лентѣ золотую медаль, чинъ полковника, далѣе командира, затѣмъ кошеваго и наказнаго атамана сперва отдѣльнаго запорожскаго войска, названнаго потомъ дунайскимъ козачьимъ полкомъ и переименованнаго затѣмъ въ азовское козачье войско. Но прошло опять много времени. 1855 годъ. Осипъ Михайловичъ уже въ отставкѣ, теперь онъ генералъ-маіоръ, живетъ въ станицѣ Ново-Спасовкѣ, потомъ въ купленномъ имъ хуторкѣ (за 6 тысячъ рублей) Ново-Петропавловкѣ, александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи, между сс. Славгородомъ и Покровскимъ, на р. Солоной, въ шестидесяти верстахъ отъ уѣзднаго города Александровска. Теперь онъ уже не разлученъ со своей Ѳеодосьей Андреевной, ведетъ мирную жизнь помѣщика-хуторянина; дѣти его воспитываются: старшій, Василій, сперва въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ екатеринославской губернской гимназіи, которую кончаетъ съ серебряной медалью, имѣя съ тѣмъ вмѣстѣ уже и чинъ офицера, Демьянъ—въ александровскомъ царскосельскомъ малолѣтнемъ корпусѣ [1]), Наталья—въ полтавскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, Марія и Елена—дома, подъ надзоромъ самихъ родителей. Наступилъ 1866 годъ, роковой годъ для Осипа Михайловича. Лѣтомъ, въ іюньскую жару, въ день апостоловъ Петра и Павла, Осипъ Михайловичъ отправился въ г. Екатеринославъ по какимъ-то дѣламъ. Уже онъ оставилъ его; уже благополучно добрался до г. Александровска. Но тутъ внезапно почувствовалъ припадки страшной болѣзни—*холеры*, свирѣпствовавшей незадолго передъ этимъ въ г. Екатеринославѣ, и, послѣ непродол-

---

[1]) Онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1862 году въ званіи баталіоннаго командира.

жительныхъ страданій, пятаго іюля, покончилъ свое земное существованіе, проживъ 79 съ половиной лѣтъ. За нимъ послѣдовала и его супруга, безотлучно находившаяся при больномъ супругѣ и заразившаяся тою-же болѣзнью. Какъ и Осипу Михайловичу, Ѳеодосьѣ Андреевнѣ было также 79 съ половиной лѣтъ. Оба похоронены на городскомъ кладбищѣ Александровска. «Генералъ-маіору, бывшему кошевому атаману запорожскихъ козаковъ, Осипу Михайловичу Гладкому»,—такъ гласитъ надпись, сдѣланная на небольшомъ крестѣ, поставленномъ сыномъ усопшаго Василіемъ Осиповичемъ Гладкимъ на могилѣ отца.

Изъ всѣхъ дѣтей бывшаго кошеваго атамана запорожскихъ козаковъ въ настоящее время осталось только двое: Василій Осиповичъ, въ отставкѣ подполковникъ, и Наталья Осиповна.

Было около полуночи, когда я оставилъ г. Александровскъ и отправился на пароходную пристань. На палубѣ, упоенный прелестью ночи, задумчиво сидѣлъ пароходный слуга.

— Какой пароходъ?

— Князь Барятинскій.

— Когда отходитъ?

— Завтра въ одинадцать часовъ дня.

Я спустился въ каюту, тамъ не было ни души. Я осмотрѣлся по сторонамъ каюты: это была комната средней величины, съ невысокимъ потолкомъ, какъ вообще на рѣчныхъ пароходахъ, но такъ хорошо обставленная, такъ чисто, въ ожиданіи пассажировъ, прибранная и даже вентилированная, что въ ней чувствовалось въ одно время и удобно, и легко. Пароходъ чуть замѣтно покачивался на быстромъ теченіи воды. Пользуясь полнымъ просторомъ, я тотчасъ же все приспособилъ по своему вкусу, потушилъ лампу, открылъ окна, и расположившись на мягкомъ клеенчатомъ диванѣ, весь отдался теченію своихъ мыслей.

Настроенное въ теченіи нѣсколькихъ дней на одинъ тонъ мое воображеніе работало неустанно; я чувствовалъ изнеможеніе, усталость и не могъ побороть томившихъ душу воспоминаній; во мнѣ подпимался жаръ и я вышелъ на палубу, чтобы освѣжиться прохладою ночи. Стояла тихая, украинская ночь, воспѣтая безсмертнымъ Гоголемъ, съ ея чарующимъ дѣйствіемъ на все живущее. Предо мною, въ нѣкоторомъ отдаленіи, вырисовывался очерченный на поло-

вину гранитными скалами островъ,—прославленная поэтами и историками, измѣренная теперь и моими ногами Хортица. Вокругъ острова, во всѣ стороны, вверхъ и внизъ, широко разлился Днѣпръ-Славута. богатырь рѣка, и какъ-бы утомленный вѣковѣчною борьбою съ утесами, тихо катилъ въ безграничную даль свои могучія воды.

Эхъ ты Днѣпръ, ты мой широкій,
Днѣпръ широкій и глубокій,
Ты куда, родной, плывешь?

Луна въ полномъ блескѣ стояла въ небѣ и яркимъ, чарующимъ свѣтомъ серебрила и легкую, чуть примѣтную зыбь днѣпровскихъ водъ, и широко раскинувшійся на островѣ лѣсъ, полный величія, прелести, обаянія. А изъ лѣсу неслись безконечныя, едва уловимыя трели соловья, звонко раздаваясь внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Въ воздухѣ чувствовались та мягкость и нѣга, которыя ни на минуту не даютъ успокоиться вашимъ нервамъ и помимо воли настраиваютъ воображеніе на высокій мечтательный тонъ. Думамъ, мечтамъ моимъ, казалось, не будетъ конца: въ моемъ воображеніи толпами роились дивные, дорогіе, давно забытые образы. Глаза мои приковались къ острову, такъ богатому своимъ прошлымъ. Мысль стремилась раздвинуть таинственную завѣсу, наброшенную вѣками на это поэтическое и величественное мѣсто, и только суровая, неумолимая дѣйствительность охлаждала меня и разсѣевала мои мечты. Да, здѣсь была первая колыбель славной въ свое время низовой вольницы, рыцарей вѣры Христовой, враговъ ислама, сермяжныхъ носителей высшихъ идей свѣта и правды, свободы, равенства и братства. Въ формѣ грубой и дикой, условленной и самымъ дѣломъ и тогдашнею степенью культуры, стремились они къ осуществленію своихъ идеаловъ; но не суждено было имъ путемъ естественнаго самостоятельнаго развитія перейти къ болѣе мягкимъ и лучшимъ формамъ гражданственности и общежитія и, какъ-бы въ видѣ горькой ироніи судьбы, пришлый нѣмецъ, чуждый всякой связи съ колыбелью ихъ подвиговъ, флегматично бороздитъ упитанную ихъ кровью и пересыпанную остатками ихъ бранныхъ доспѣховъ землю, воспитывая традиціонный свой картофель и, быть можетъ, мечтая втихомолку о своемъ Faterland'ѣ, какъ избранный народъ Божій о своемъ Іерусалимѣ...

Стугонить Днипро по скеляхъ,
Бьетця объ пороги;
Все питае: «де-жъ вы, дити?
Де мои небоги?»
Стугонить Днипро зъ порогивъ,
Липе до Хортыци,
Каже: «Байдо, де-жъ твій городъ,
Стягъ и гакивныци?
Де та Сича, що якъ море,
Силою кипила;
Тая воля, що въ роздолли
Пекломъ клекотила?»
Розвалилися редуты
И ровы густою
Отъ низивъ и до вершины
Вкрылися травою.
Въ граняхъ Сичи спить нерушно
Камьяна планина;
Землю, славою покрыту,
Топче товарина.
На козачимъ вжитку нимци
Хатъ набудували,
Грунтъ пошарпали, побили,
Раломъ заорали.
Воля, ретязомъ повита,
Въ плавняхъ спочйвае;
Слава, кровью перелита,
По свиту литае...
А Днипро бижить до моря,
Все пита Хортыци:
«Де-жъ та Сича? де-жъ той Байда?
Стягъ и гакивныци?» [1])...

С. Петербургъ, 1885 г.,
20 октября.

Д. И. Эварницкій.

---

[1]) Изъ стихотвореній Я. И. Щоголева. Харьковъ, 1883 г., декабря 12.

ИЗЪ ЭПОХИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮГѢ РОССІИ.

(*Народные слухи и толки о волѣ и землѣ*).

Юридическое общество, состоящее при московскомъ университетѣ, возъимѣло благую мысль собрать матеріалы для исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи за истекающее двадцатипятилѣтіе. При этомъ оно имѣетъ въ виду возбудить ходатайство предъ правительствомъ объ изданіи къ предстоящему юбилею полнаго сборника матеріаловъ по поземельному и административному устройству крестьянъ всѣхъ наименованій. Инипіатива въ настоящемъ дѣлѣ принадлежитъ извѣстному земскому дѣятелю, дѣйствительному члену юридическаго общества Василію Юрьевичу Скалону.

Въ видахъ осуществленія настоящаго предпріятія, общество составило подробную программу изслѣдованія и вошло въ сношенія съ мѣстными дѣятелями и учрежденіями относительно участія ихъ въ проэктируемой работѣ.

Обращаясь къ программѣ изслѣдованія, мы видимъ, что она составлена обстоятельно и ставитъ вопросъ широко, обнимая собою разныя стороны предмета. Главнѣйшія категоріи программы суть слѣдующія: уставныя грамоты, поземельное устройство, выкупъ, административное устройство и крестьянскіе платежи.

Въ двухъ, изъ числа упомянутыхъ, отдѣлахъ программы есть вопросы, касающіеся такъ называемыхъ крестьянскихъ недоразумѣній. Именно въ отдѣлѣ объ уставныхъ грамотахъ упоминается о жалобахъ по введенію и утвержденію уставныхъ грамотъ и о военныхъ экзекуціяхъ по поводу ихъ введенія; въ отдѣлѣ крестьянскіе

платежи, по поводу перехода крестьянъ съ издѣльной повинности на оброчную, т. е. изъ разряда крѣпостныхъ въ временно-обязанные, спрашивается о мѣрахъ взысканія оброка и недоимокъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ; при чемъ подъ послѣдними мѣрами подразумѣваются: военныя экзекуціи, преданіе крестьянъ суду за упорство въ платежѣ и сопротивленіе властямъ, административная высылка въ другія губерніи.

При всей полнотѣ программы мы однако встрѣчаемъ въ ней одинъ серьезный пробѣлъ. Пробѣлъ этотъ заключается въ томъ, что упущенъ изъ виду важный вопросъ—о такъ называемыхъ «вредныхъ или опасныхъ слухахъ», ходившихъ въ народѣ во время освобожденія крестьянъ.

Этого рода слухи, охватившіе, въ первые годы эмансипаціи, все крѣпостное населеніе юга Россіи, принесли большой вредъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не были разсѣяны благоразумными дѣйствіями мировыхъ посредниковъ и другихъ начальствующихъ лицъ. До рѣшительнаго отказа отъ подписанія уставныхъ грамотъ и до экзекуцій дѣло доходило въ сравнительно немногихъ мѣстностяхъ. Но за то упомянутые слухи во многихъ мѣстахъ повлекли за собой отказы крестьянъ отъ части слѣдуемой имъ по закону земли, или-же вызвали согласіе крестьянъ перейти на такъ называемый даровой, четвертной или нищенскій надѣлъ.

Что-же служило почвой, благопріятной для распространенія въ средѣ южнорусскихъ крестьянъ нелѣпыхъ толковъ, тормозившихъ дѣло эмансипаціи въ интересахъ крестьянскаго сословія? Главнымъ образомъ народное невѣжество, безграмотность крестьянскаго населенія и непониманіе языка Положенія 19 февраля 1861 года.

Какъ можно судить по воспоминаніямъ бывшаго кіевскаго студента, Бориса Станиславовича Познанскаго объ эпохѣ эмансипаціи, помѣщеннымъ въ 1 № Кіевской Старины за минувшій годъ, крестьяне съ священнымъ уваженіемъ относились къ объемистой книгѣ «Положенія», но рѣшительно ничего не понимали въ ней, если только не было въ селѣ толкователей, подобныхъ автору воспоминаній. Авторъ добровольно оставилъ университетъ и пошелъ въ сельскіе писаря, чтобы служить меньшему брату. Но много-ли было такихъ личностей?

Правда, переводъ на малороссійскій языкъ «Положенія» о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, былъ сдѣланъ, но онъ погибъ во время пожара въ домѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и больше не возобновлялся. Разъясненія, которыя дѣлались въ циркулярахъ на малороссійскомъ языкѣ въ юго-западныхъ губерніяхъ и въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (напримѣръ въ прибавленіяхъ къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ 1862 года, подъ № 88, въ возваніи «Правды слово до селянъ та хуторянъ»),—такія разъясненія дальше волостныхъ правленій не шли.

Такимъ образомъ народъ у насъ не былъ знакомъ съ «Положеніемъ», хотя на столько, на сколько оно было извѣстно крестьянству сѣверныхъ и внутреннихъ губерній. Отсюда полный просторъ для возникновенія и распространенія среди южнорусскаго населенія самыхъ нелѣпыхъ слуховъ и тѣ печальныя послѣдствія, о которыхъ сказано выше.

Приводимъ нѣсколько выписокъ изъ особаго приложенія къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ, за 1861 и 1862 г., указывающихъ на дѣйствительное распространеніе у насъ упомянутыхъ слуховъ и разъясняющихъ, въ чемъ состояли эти народные толки и чѣмъ они были вызываемы.

Помѣщикъ Н. А. Зарудный въ статьѣ «Взглядъ на дѣйствія мировыхъ посредниковъ и на мировыя учрежденія вообще» (1861 г., № 116), между прочимъ, разсуждаетъ: «Присматриваясь ближе къ настоящему ходу крестьянскаго дѣла, нельзя не признать, что посредники почти вездѣ сдѣлали капитальную ошибку въ томъ, что на первыхъ-же мировыхъ съѣздахъ, при вступленіи въ отправленіе своихъ обязанностей, не установили общаго соглашенія въ единствѣ своихъ дѣйствій и не приняли одного общаго плана, какъ имъ дѣйствовать вообще при открытіи сельскихъ обществъ и волостей, такъ равно и вообще въ примѣненіи на практикѣ новыхъ положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Отсюда тотъ неизбѣжный и прискорбный хаосъ въ примѣненіи высочайше утвержденныхъ положеній и тѣ печальныя явленія, которыми этотъ хаосъ сопровождается: кажущееся непониманіе крестьянами ихъ новыхъ правъ и обязанностей, неповиновеніе ни помѣщикамъ, ни поставленнымъ надъ ними новымъ властямъ, часто даже

и распоряженіямъ самихъ посредниковъ, систематическое, хотя и прикрываемое наружнымъ выходомъ на работы, уклоненіе отъ исполненія временной издѣльной повинности за надѣленную имъ землю и вообще скрытое, пассивное, такъ сказать, противудѣйствіе требуемому отъ нихъ исполненію ихъ обязанностей, не говоря уже о дурно и уклончиво исполняемыхъ работахъ повсемѣстно... Крестьяне отъ такого разнообразнаго пониманія и неодинаковости взглядовъ, а слѣдственно и дѣйствій посредниковъ, приходятъ въ понятное и весьма естественное недоумѣніе и не знаютъ, гдѣ-же настоящее, совершенно правильное и законное примѣненіе положеній. Отсюда у нихъ и рождается то опасное и прискорбное недовѣріе, котораго потомъ уже никакими убѣжденіями не сломишь. Развѣ только военная сила можетъ убѣдить ихъ по своему; но хорошо-ли и справедливо-ли это? Положимъ, крестьяне и покорятся горькой необходимости, успокоятся повидимому и придутъ въ повиновеніе, но все таки недовѣріе остается въ полной и даже, можетъ быть, еще въ большей степени, а слѣдовательно и производимые ими вновь безпорядки, которые, конечно, еще болѣе удаляютъ дѣло отъ желаемой цѣли. Нельзя не принять во вниманіе, что и неповиновеніе крестьянъ, и уклоненіе ихъ отъ исполненія повинностей за землю и вообще недовѣріе ихъ и къ помѣщикамъ, и къ посредникамъ, проистекаютъ еще отъ вкоренившагося въ нихъ убѣжденія, что если дана имъ свобода, или, какъ они выражаются, воля, то какимъ-же образомъ съ нихъ требуютъ отправленія барщины или платежа оброка за землю,—тѣмъ болѣе, что они крѣпко увѣрены, что земля принадлежитъ имъ, а слѣдовательно съ нихъ непремѣнно требуютъ исполненія повинностей за ихъ-же собственную землю. Этому-же самому убѣжденію слѣдуетъ приписать и то постоянное упорство, съ какимъ крестьяне отклоняютъ отъ себя всякія попытки къ добровольнымъ соглашеніямъ съ помѣщиками, не смотря на всѣ уступки, дѣлаемыя имъ послѣдними. Само собою разумѣется, что искорененіе такихъ убѣжденій въ крестьянахъ и правильное и толковое имъ объясненіе ихъ повинностей лежитъ прямо на обазанности мировыхъ посредниковъ. Но что-же посредники могутъ сдѣлать, не только утративъ, но даже и не пріобрѣвъ ихъ довѣрія? А такое довѣріе только и можно было возбудить къ себѣ съ самаго начала

однообразіемъ и согласностью дѣйствія посредниковъ въ данныхъ случаяхъ и вообще въ толкованіи и примѣненіи новыхъ положеній».

Не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ по поводу настоящей тирады Заруднаго. Съ одной стороны говорится, что народъ нуждался въ правильномъ объясненіи и толкованіи «Положенія» со стороны мировыхъ посредниковъ, слѣдовательно самъ не понималъ «Положенія». Да и какъ онъ могъ понимать его, когда самые мировые посредники, по словамъ автора, не сходились между собой въ разумѣніи «Положенія» и приложеніи его на практикѣ. Съ другой стороны, заявляется, что непониманіе крестьянами ихъ новыхъ правъ и обязанностей есть только кажущееся. Не явное-ли это противорѣчіе? Кстати замѣтить, что дѣйствительно до эпохи эмансипаціи между южно-русскими крѣпостными существовало воззрѣніе, которое считало землю принадлежностью крестьянъ и было выражено въ ходившемъ между крестьянами выраженіи: *мы паньски, а земля наша*. Это воззрѣніе радикально расходится съ понятіями великорусскаго народа, который думаетъ, что земля принадлежитъ Богу и царю, а потому царь воленъ распорядиться землей, какъ хочетъ; напримѣръ, отобрать земли отъ дворянъ и роздать крестьянамъ. Впрочемъ подъ вліяніемъ эпохи эмансипаціи послѣдняго рода воззрѣніе перешло и къ малорусскому населенію и мѣстами вкоренилось въ немъ.

Въ 1861 году была помѣщена въ приложеніяхъ къ «Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» только одна статья, отрывокъ изъ которой мы привели, о недоразумѣніяхъ между крестьянами и помѣщиками; но въ слѣдующемъ году ихъ появляется много.

Въ генварѣ мѣсяцѣ 1862 года въ статьѣ о недостаткѣ свободнаго труда для хлѣбопашества въ большеземельныхъ уѣздахъ харьковской губерніи Е. Топчіевъ сообщаетъ: «сколько мнѣ извѣстно, въ харьковской губерніи волновались крестьяне только въ трехъ мнѣніяхъ, безъ малѣйшаго повода со стороны владѣльцевъ, увлеченные злонамѣренными людьми. Крестьяне одного имѣнія купянскаго уѣзда, благосостояніе которыхъ коритъ глаза сосѣднимъ государственнымъ крестьянамъ, уклоняются отъ подписи уставной грамоты въ ожиданіи со-дня на-день такого манифеста, которымъ будетъ предоставлена усадебная и полевая земля въ неотъемлемую собственность крестьянъ, безъ выкупа ея отъ помѣщиковъ, высо-

чайшею властію, на томъ-же основаніи, на какомъ даровано право свободы отъ крѣпостной зависимости, тоже безъ выкупа; кто-же подпишетъ условную грамоту, тотъ лишится *своего права на даровую землю.* Во всемъ прочемъ они покойны, остались къ помѣщику при прежнихъ отношеніяхъ, признаютъ его благодѣтелемъ своимъ, но не вѣрятъ ему, что не дождутся даровой земли, поддерживаемые въ своей надеждѣ однимъ изъ среды своей, Деркачемъ» (Харьковъ, № 9-й). Кажется, это самое обстоятельство было разъяснено владѣльцемъ с. Араповки Іосифомъ Клепацкимъ въ письмѣ къ редактору. Въ купянскомъ уѣздѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1861 года объявленъ Высочайшій Манифестъ 19-го февраля, въ іюнѣ вступили въ должность мировые посредники и открыты сельскія общества, въ августѣ образованы волости, и такимъ путемъ дѣло, высочайшею властью указанное и принятое дворянствомъ съ полнымъ сознаніемъ правъ человѣчества и съ самопожертвованіемъ своихъ интересовъ, поставило въ обязанность большинство владѣльцевъ объяснять крестьянамъ смыслъ «Положенія» и возможность на основаніи его сдѣлаться собственниками земли. Многіе крестьяне сознали истину ихъ пользъ и желаніе приступить къ выкупу угодій, но большинство препятствовало изъявленію общаго согласія, выжидая еще новой воли, и для достиженія своей цѣли, они начали разглашать разныя нелѣпости: «ежели кто перейдетъ на оброкъ, или приступитъ къ выкупу угодій, у тѣхъ послѣ смерти не будутъ печатать гробовъ 7 лѣтъ, живыхъ не будутъ 7 лѣтъ вѣнчать, а родившіеся останутся 7 лѣтъ безъ св. крещенія»; иные утверждали, что чрезъ два года дадутъ имъ землю даромъ. Между тѣмъ издѣльная повинность, барщина, почти во всѣхъ имѣніяхъ исполняется нерадиво, а это служитъ къ разоренію владѣльцевъ и къ утвержденію крестьянъ въ мнѣніи, что они могутъ самоуправно дѣйствовать, не разсуждая о томъ, что эти дѣйствія для нихъ-же самихъ приносятъ вредъ. Мировые посредники употребляютъ зависящія отъ нихъ мѣры къ вразумленію крестьянъ, но и это не вполнѣ оправдываетъ ожиданія. Напослѣдокъ слова, сказанныя государемъ императоромъ, въ проѣздъ его величества въ Крымъ въ 1861 году, въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ его величеству были представляемы старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, что «никакой другой воли не будетъ, кромѣ той, которая дана, и потому крестьяне

исполнять то, чего требуютъ отъ нихъ общіе законы и Положеніе 19 февраля» — принесли желаемый результатъ. Эти высочайшія слова, переданныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гг. начальникамъ губерній (отъ 2 декабря 1861 года въ циркулярѣ № 70) имѣли благодѣтельное вліяніе на крестьянъ на столько, что большинство изъ нихъ оставили нелѣпость прежнихъ мнѣній и начали разсуждать о своихъ истинныхъ пользахъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ Клепацкій, приводя тотъ фактъ, что крестьяне с. Араповки, сначала соглашавшіеся на его предложеніе перейти съ издѣльной повинности на оброкъ и выкупить, при содѣйствіи правительства, полный надѣлъ угодій, въ $4^{1}/_{2}$ десятины на душу, но потомъ отказавшіеся отъ подписи уставной грамоты подъ вліяніемъ лживыхъ наущеній, напослѣдокъ увѣрились, что имъ объясняютъ сущность и справедливость дѣла, болѣе-же всего убѣдившись вышеприведенными словами государя императора, 26 декабря 1861 г. изъявили согласіе и подписали выкупной договоръ» (№ 15, 9 февраля).

На упрекъ, высказанный въ одномъ изъ періодическихъ изданій, помѣщикамъ въ томъ, что они уклоняются отъ ввода у себя уставныхъ грамотъ изъ желанія долѣе пользоваться обязательнымъ трудомъ своихъ бывшихъ крестьянъ, землевладѣлецъ Топчіевъ отвѣчаетъ въ 76 № Харькова, отъ 1 августа, что не помѣщики уклоняются отъ ввода уставныхъ грамотъ, а крестьяне отъ подписи ихъ. «Очень немногіе помѣщики харьковской губерніи, объясняетъ онъ, не подали въ срокъ уставныхъ грамотъ, да и эти немногіе не подали, видя явное нежеланіе крестьянъ на узаконенную сдѣлку, въ родѣ слѣдующаго. Къ моему сосѣду пришли крестьяне въ полномъ составѣ домохозяевъ и откровенно сказали ему: «будьте ласкавы, пане, не утруждайтесь сами и не утруждайте насъ дарма! мы не согласны давать рукъ на подпись грамоты и ни якои другои бумаги, а останемся по прежнему—до слушного часу». Крестьяне эти уважаютъ, любятъ помѣщика, зажиточны, очень не глупы, за всѣмъ тѣмъ вѣрятъ одному манифесту, даровавшему имъ свободу отъ крестьянства, такъ отзываясь о Положеніи 19 февраля: «се паньска выдумка»; ихъ «слушный часъ» — ожиданіе новаго Положенія, чрезъ два года отъ объявленія манифеста—къ 19 февраля 1863 года. Въ такомъ заблужденіи, что скоро будутъ надѣлены

даровою землей и въ большемъ количествѣ всѣ тѣ, которые не согласятся дать рукъ на подпись уставной грамоты, находятся крестьяне многихъ имѣній; грамотные изъ нихъ—одного убѣжденія съ своими односельцами. Послѣ этого, есть-ли возможность помѣщику ввести у себя самому уставную грамоту»?

Недоразумѣнія между крестьянами и помѣщиками доходили до такой степени, что мировые посредники придумывали разныя мѣры, иногда даже незаконныя, чтобы заставить крестьянъ повиноваться. Такъ, напримѣръ, исправляющій должность мирового посредника 5 участка изюмскаго уѣзда, кн. Шаховской, вслѣдствіе замѣченнаго имъ со стороны временно-обязанныхъ крестьянъ упорства въ неисполненіи обязанностей по издѣльной повинности и непринятія мѣръ къ побужденію ихъ со стороны сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ, издалъ строгій приказъ объ обязаніи крестьянъ являться на барщину и о взысканіи, въ случаѣ неявки, въ теченіи той-же недѣли, положеннаго денежнаго штрафа; если-же виновный окажется несостоятельнымъ недоимщикомъ, то старшина долженъ подвергнуть тѣлесному наказанію 10 ударами, а состоятельнаго, но упорнаго въ уплатѣ взысканія, наказывать 20 ударами. Когда настоящій приказъ дошелъ до свѣдѣнія харьковскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, то оно отмѣнило его, признавъ ошибочнымъ, такъ какъ имъ предоставляется старшинамъ, въ противность 86 ст. Общаго Положенія право тѣлесныхъ наказаній, какого ни волостной старшина, ни волостное правленіе не имѣютъ (Харьковъ, 1862 г., іюнь № 58).

Другіе изъ числа мировыхъ посредниковъ предлагали болѣе крупныя мѣры. Такъ, напримѣръ, исправляющій должность предсѣдателя лебединскаго мироваго съѣзда, доводя до свѣдѣнія губернатора, что въ имѣніяхъ помѣщицы Хрущовой, въ д. Печищѣ, и В. Н. Кондратьева, въ с. Толстомъ, крестьяне отказываются отъ всякихъ соглашеній для составленія уставной грамоты, равно какъ и отъ принятія самой грамоты и выполненія по ней повинностей, ходатайствовалъ о назначеніи въ лебединскій уѣздъ военной команды, для предупрежденія могущихъ встрѣтиться безпорядковъ и для успѣшнѣйшаго введенія уставныхъ грамотъ, назначивъ для первоначальнаго квартированія команды толстянскую волость. По обсужденіи приведеннаго ходатайства, губернское присутствіе нашло, что въ виду

существующихъ узаконеній и не вполнѣ еще разсѣявшагося заблужденія крестьянъ относительно своихъ правъ и обязанностей, оно не можетъ признать справедливымъ склонять крестьянъ къ соглашенію иначе, какъ путемъ доводовъ и разъясненія ихъ собственной пользы и законныхъ обязанностей, такъ какъ только съ введеніемъ въ дѣйствіе уставной грамоты дѣлается обязательнымъ для крестьянъ отбываніе опредѣленныхъ въ ней повинностей, и только въ случаѣ явнаго и упорнаго со стороны крестьянъ уклоненія отъ исполненія своихъ обязанностей могутъ быть употреблены мѣры принужденія и законнаго взысканія (№ 63, іюнь).

Что препятствія къ прекращенію обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами носили серьезный характеръ, видно изъ слѣдующаго постановленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Въ апрѣлѣ 1862 года сумской мировой съѣздъ просилъ губернское присутствіе ходатайствовать у правительства о необходимости для пользы какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ выкупа крестьянами надѣленной имъ земли безъ предварительнаго перехода на оброкъ, такъ какъ крестьяне обнаруживаютъ нежеланіе перейти на оброкъ: волнуемые то злонамѣренными, то пустыми слухами, крестьяне видятъ въ оброкѣ новое средство закрѣпленія себя помѣщиками, а потому и отвергаютъ его даже и на самое короткое время; между тѣмъ какъ они согласны на всякіе платежи въ казначейство. Также и мировой посредникъ волчанскаго уѣзда Бекарюковъ сообщалъ присутствію, что въ предстоящее время легко предвидѣть постоянное столкновеніе съ владѣльцами собственниковъ и оставшихся на издѣльной повинности, что эти столкновенія не обѣщаютъ спокойствія края и что потому необходимо употребить всѣ средства къ приведенію крестьянъ подъ одинъ общій законъ, съ цѣлію устройства ихъ хозяйственнаго быта; для достиженія такой цѣли единственной мѣрой онъ считалъ ходатайство у правительства объ обязательномъ выкупѣ земель, предоставленныхъ крестьянамъ въ постоянный надѣлъ. Губернское присутствіе, вполнѣ раздѣляя основательныя мнѣнія сумскаго мироваго съѣзда и посредника Бекарюкова, сдѣлало опредѣленіе: увѣдомить всѣ мировые съѣзды, что на основаніи протокола дворянства харьковской губерніи, составленнаго 30 сентября 1861 года, во время губернскихъ выборовъ, присутствіе представило на усмотрѣніе высшаго начальства 4 по-

ября того-же года свое заключеніе: «издѣльная повинность равно пагубна для помѣщиковъ и для крестьянъ, а потому необходимо допустить выкупъ съ содѣйствіемъ правительства, безъ предварительнаго перехода съ издѣльной повинности на оброкъ, какъ по взаимному на то соглашенію помѣщика съ крестьянами, такъ и по требованію одного помѣщика, съ соблюденіемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ условій, выраженныхъ въ 35 ст. Положенія о выкупѣ». Это ходатайство присутствія было возобновлено губернаторомъ гр. Сиверсомъ 27 апрѣля 1862 года (іюнь, № 56).

Какъ извѣстно, настоящее ходатайство не было уважено правительствомъ и освобожденіе крестьянъ въ южной Россіи совершалось медленнымъ путемъ перехода ихъ съ издѣльной повинности на оброкъ. Такой переходъ въ значительной мѣрѣ поддерживалъ враждебныя столкновенія обѣихъ сторонъ. Для ослабленія враждебнаго настроенія крестьянъ, мѣстное начальство, между прочимъ, прибѣгало къ содѣйствію церковной проповѣди и даже печати. Священниками говорились поученія крестьянамъ, въ которыхъ доказывалось, что крестьяне думаютъ несправедливо, будто земля, принадлежащая помѣщикамъ, имъ доставшаяся по наслѣдству или ими самими купленная и закономъ утвержденная, должна принадлежать не владѣтелямъ, а крестьянамъ (Харьковъ, № 97-й 1862 г. Слово къ временно-обязаннымъ крестьянамъ).

Даже, чего не бывало дотолѣ и послѣ этого времени, оффиціально былъ употребленъ малороссійскій языкъ для вразумленія крестьянъ. Въ № 88 Харькова за 1862 годъ появилось «Правдыве слово до селянъ та хуторянъ». Цѣль слова выясняется съ первыхъ его строкъ. «Люде добри! Усюди теперъ помижъ вами ходить така поголоска, що буцимъ те Положеніе, що вамъ объявлене и по тому Положенію почались теперъ и уставни грамоты писатись— що те-бъ-то Положеніе матыме силу тильки на два годы. Балакають люде, що й сами у тимъ дили ничого не тямлять, нибы-то черезъ два годы выйде якась-то чиста воля и буцимъ-бы-то вамъ, що були прежде паньски, а теперъ временно-обязани, видступлена буде уся та панська земля, котрою вы орудували—та ще нибы-бъ то дадуть вамъ тую землю, такъ таки безъ усякои платы и праци, даромъ. Послухайте-жъ, люде добри, правдывои и честнои рады видъ тихъ людей, що дило розуміють и бажають вамъ добра. Усе те, що

росказують про якусь ще *иншу волю*—есть воно чиста брехня; росказують вамъ таке зъ дуру ти, що й сами не розуміють гараздъ того, що написано у Положеніяхъ, або-жъ таки не добри люде, що мають на мысли, абы засмутити народъ, та пидвести васъ на биду. Коли-жъ вы не хочете нажити соби биды и бажаете, що-бъ тая воля, що вамъ дана, зъ ласки царськои и панськои, що-бъ тая воля пишла на добро вамъ и вашимъ дитямъ, то не слухайте тихъ брехень, а памъятайте твердо тильки те, що у сій книжци далій написано». А далѣе разъясняются основанія Положенія и потомъ дается совѣтъ: «не діймайте виры тимъ, що за сорокивку, або за кварту горилки казатимуть вамъ не те, що написано у Положеніяхъ, а городитимуть яку-небудь несенитницю, абы васъ пиддурювати, а найбильшъ здавайтесь на вашого мирового посредника, бо винъ на те й поставленый, що-бъ видъ васъ правды не затаити и ваше право оберегати; ничого-жъ дожидати ани *слушного часу, ани ждати жданого*, бо те, що вамъ дано, по милости царській, того видъ васъ нихто ни заховати або утаити, ни видняти не зможе».

Но подобныя наставленія, хотя и преподанныя въ популярной формѣ, уже не достигали своей цѣли, и вотъ почему: между помѣщичьими крестьянами была повальная безграмотность, и печатныя наставленія не читались или и не распространялись далѣе волостныхъ правленій, а что самое главное—было уже поздно: слухи, благопріятные народнымъ вкусамъ, черезъ-чуръ широко распространились и глубоко запали въ душу крѣпостныхъ. Этимъ слухамъ болѣе давали вѣры, нежели написанному, еще и потому, что они исходили отъ самаго-же народа или отъ лицъ, близкихъ народу по положенію и воззрѣніямъ.

Такимъ образомъ мы подходимъ къ вопросу: кто-же были въ самомъ дѣлѣ распространители слуховъ о новой народной волѣ и «слушномъ часѣ»? Въ свое время одни обвиняли въ распространеніи вредныхъ толковъ интеллигентную молодежь, другіе приписывали ихъ самому народу. Пора, кажется, уже разъяснить этотъ серьезный вопросъ. Нужно снять съ интеллигенціи упрекъ въ разсѣваніи ею между народомъ такихъ ложныхъ слуховъ, которые въ результатѣ принесли лишь вредъ крестьянамъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне особенно были увлечены этими слухами.

Обвинявшіе ителлигенцію приписывали распространеніе слуховъ или соціалистамъ, или украинофиламъ. Но ни то, ни другое не вѣрно, и вотъ тому доказательства. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, также въ 1860 и 1861 году, на югѣ Россіи (разумѣемъ интеллигентные центры—Харьковъ и Кіевъ) соціализмъ въ средѣ учащейся молодежи извѣстенъ былъ только по имени и не существовало еще никакихъ соціалистическихъ кружковъ. Общерусскій либеральный кружокъ студента Я. Н. Бекмана, образовавшійся въ 1856 г. подъ вліяніемъ результатовъ крымской компаніи, вовсе не имѣлъ соціалистическаго характера. Въ 1858 году этотъ кружокъ перенесъ свою дѣятельность въ Кіевъ, перейдя туда почти въ полномъ составѣ. Даже въ столицахъ соціализмъ въ указанный періодъ только что зарождался въ средѣ интеллигентной молодежи, и то развиваясь просто какъ научная теорія, а не какъ практическое дѣло. Только въ концѣ 1861 или въ началѣ 1862 г. изложено было ученіе соціалистическаго кружка въ брошюрѣ «Молодая Россія». Но и тогда, какъ извѣстно, не начиналось еще хожденіе въ народъ, даже въ Великороссіи. Слѣдовательно, соціалисты и не могли пустить въ народъ слуха о «слушномъ часѣ».

Еще менѣе можно обвинять украинофиловъ въ распространеніи этого слуха. Въ Харьковѣ въ періодъ 1852—55 годовъ существовалъ украинскій кружокъ, руководимый студентомъ Неговскимъ, но онъ преслѣдовалъ лишь литературныя цѣли: собиралъ памятники народнаго творчества, составлялъ литературно-научный сборникъ, имѣлъ свою библіотеку, разрѣшеніемъ-же соціальныхъ вопросовъ онъ не занимался, какъ не занимались ими и малороссійскіе кружки, вновь возникшіе въ Харьковѣ въ 1861—62 годахъ. Также и въ Кіевѣ украинскій кружокъ, существовавшій въ 1858 и 1859 годахъ, имѣлъ лишь литературно-научныя цѣли. Кружокъ, возникшій тамъ въ 1861—62 годахъ подъ вліяніемъ направленія украинскаго журнала «Основы», ставилъ себѣ лишь тѣ-же національно-просвѣтительныя и научныя цѣли, какъ и этотъ журналъ.

Не смотря на свои совершенно невинныя цѣли, кіевскій украинскій кружокъ 1861—62 годовъ подвергся всякаго рода упрекамъ и инсинуаціямъ. Мѣстное общество, какъ правой, такъ и лѣвой стороны Днѣпра, будучи возбуждено совершившимся актомъ освобожденія крестьянъ и замѣчая въ украинофилахъ симпатію къ

народу, распускало о нихъ слухи самаго противуположнаго свойства, обвиняя ихъ въ одно и тоже время и въ соціализмѣ, т. е. принадлежности къ обществу «Молодая Россія», и въ національномъ сепаратизмѣ, и въ желаніи возмутить народъ противъ помѣщиковъ.

Эти неблагопріятные слухи побудили кіевскую молодежь помѣстить въ одномъ изъ періодическихъ изданій («Современная Лѣтопись», приложеніе къ «Русскому Вѣстнику» 1862 г., № 46) отзывъ, въ которомъ она излагаетъ свои воззрѣнія и задачи и опровергаетъ взводимыя на нее обвиненія. На отзывѣ подписей было 21, въ томъ числѣ и такихъ лицъ, которыя впослѣдствіи заняли видное положеніе въ научномъ мірѣ.

По поводу обвиненій въ вредномъ вліяніи на крестьянъ, въ этомъ отзывѣ говорится слѣдующее. «Другой упрекъ, продуктъ чисто мѣстной почвы, состоитъ въ томъ, что будто мы стараемся препятствовать принятію крестьянами уставныхъ грамотъ, да и не прочь были-бы отъ возбужденія ихъ къ рѣзнѣ. Богатый источникъ этого рода толковъ малоразвитое, непонимающее своего времени, мѣстное провинціальное дворянство обоихъ береговъ Днѣпра. Ведя жизнь праздную, закоснѣвъ въ кругу давно минувшихъ понятій, эти господа остались, къ несчастію, далеко за ходомъ какъ общественнаго развитія, такъ и историческихъ событій. Оглушенные реформою 19 февраля, видя уронъ своихъ прежнихъ правъ помѣщичьихъ, не будучи въ состояніи понять тѣхъ высоко-гуманныхъ побужденій, которыя руководили правительствомъ при совершеніи этого великаго акта, они считаютъ себя обиженными, смотрятъ съ ожесточеніемъ, словно на враговъ, на народъ, вышедшій изъ крѣпостной зависимости, да и на всѣхъ друзей новаго порядка вещей, и ожидаютъ отъ нихъ всѣхъ бѣдствій, какія только въ состояніи выбродить ихъ испуганное призраками, а по временамъ и не слишкомъ чистою совѣстью, воображеніе. Къ вамъ-то, господа, и обращаемъ мы эту часть нашего возраженія. Каждаго изъ васъ порознь покорно просимъ подумать немного надъ предлагаемымъ нами вопросомъ, да подумать чистосердечно, безъ гнѣва и предубѣжденія: почему вы заключаете, что мы возъимѣли желаніе нанести вамъ какой-либо вредъ? Не потому-ли, что мы знакомимся съ крестьянами, обходимся съ ними дружелюбно, стараемся учить ихъ дѣтей, да, пожалуй, иногда надѣваемъ ихъ костюмъ? Да неужели, господа,

вамъ неугодно повѣрить наши дѣйствія да разузнать, о чемъ именно мы говоримъ съ крестьянами? Честно-ли съ вашей стороны предполагать разбой и грабежъ тамъ, гдѣ люди ищутъ науки для себя, до возможности помочь развитію другихъ? Но вамъ угодно утверждать противное, вы полѣнились разузнать и сочли болѣе выгоднымъ сплетничать да распускать ложные анекдоты. Остановитесь, господа, еще время спасти ваше нравственное достоинство, а то роль ваша слишкомъ жалка, она изобличитъ вашу нравственную пустоту. Мы, господа, за васъ краснѣемъ. Лучше разрѣшимъ споръ честнымъ образомъ: если мы дѣйствительно злодѣи, если мы затѣваемъ рѣзню, разбой, грабежъ и т. д., такъ изобличите насъ, ради Бога, изобличите гласно и подробно, съ указаніемъ лицъ и мѣстъ, съ обозначеніемъ времени и обстоятельствъ. Пусть опала законная и проклятіе общества заклеймитъ наши преступленія. Но если ваши толки пустыя сплетни, одно лишь слѣдствіе вашего паническаго страха или, пожалуй, вашего невѣдѣнія, то откажитесь отъ нихъ, и все зло, вами намъ сдѣланное, мы готовы будемъ забыть по христіански, въ той надеждѣ, что общими силами съумѣемъ скорѣе и успѣшнѣе двинуть дѣло народнаго образованія. На счетъ уставныхъ грамотъ слухи еще нелѣпѣе: никто больше насъ не желаетъ успѣшнаго имъ хода, такъ какъ принятіе ихъ, по нашему мнѣнію, будетъ первымъ шагомъ къ гражданскому развитію народа; никто болѣе насъ не сострадаетъ надъ тѣмъ печальнымъ недоумѣніемъ, которое заставляетъ крестьянъ, опираясь на ложныя надежды, подвергаться вмѣшательству административному и военному и вынуждать насильныя мѣры. Вѣрно, господа, никто изъ васъ не болѣлъ столько сердцемъ надъ упорствомъ, непониманіемъ, бѣдствіями крестьянъ. Во избѣжаніе впредь всего этого и стараемся мы о распространеніи въ народѣ просвѣщенія. Въ предотвращеніе дальнѣйшаго разлада между вами и крестьянами стараемся и вамъ самимъ, господа, доказать, при возможности, необходимость измѣнить ваши отношенія, обстановку вашей повседневной жизни,—убѣдить васъ принять по отношенію къ народу роль друзей и руководителей, вмѣсто роли враговъ, въ которой вамъ угодно до сихъ поръ упорствовать. Гдѣже желаніе во всемъ этомъ повредить кому-бы то ни было, кромѣ рутинныхъ привычекъ, да барской спѣси,—гдѣ вы нашли желаніе

смущать ходъ благодѣтельной для народа свободы, а тѣмъ болѣе желаніе вызвать всеобщее преступленіе?»

Послѣ приведенія этихъ откровенныхъ и честныхъ заявленій нѣтъ болѣе надобности приводить какіе либо другіе аргументы въ защиту тогдашней украинофильской молодежи, на которую падали обвиненія самаго противуположнаго свойства.

Источникомъ народныхъ слуховъ, виновникомъ упорства крестьянъ въ неподписаніи грамотъ и т. п. былъ самъ народъ. При повальномъ невѣжествѣ крестьянъ среди народа всегда возникали и возникаютъ нелѣпые слухи, соотвѣтствующіе вкусамъ и потребностямъ массъ. Также крестьяне всегда болѣе довѣряютъ словамъ лицъ изъ своей среды или сословій близкихъ къ нимъ и рѣдко принимаютъ совѣты и указанія интеллигентныхъ лицъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что виновники толковъ и т. п. были крестьяне, отставные солдаты и т. д.

Мы уже приводили факты, почерпнутые изъ газеты Харьковъ, подтверждающіе наши слова. Тамъ даже упоминается фамилія крестьянина Деркача, который въ купянскомъ уѣздѣ побуждалъ крестьянъ своего села не подписывать уставной грамоты, увѣряя крестьянъ, что земля достанется имъ даромъ. Въ с. Непокрытомъ, харьковскаго уѣзда, мы недавно познакомились съ однимъ старикомъ крестьяниномъ, который по отзыву всѣхъ односельцевъ, да и по собственному признанію, былъ виновникомъ того, что крестьяне одного общества, перейдя на выкупъ, приняли всего 355 десятинъ, отказавшись отъ выкупа слѣдуемыхъ имъ еще 100 десятинъ. Теперь они проклинаютъ упомянутаго крестьянина, который отговорилъ ихъ отъ выкупа остальныхъ ста десятинъ. Тоже самое было сдѣлано и въ другомъ непокрытянскомъ обществѣ, все подъ вліяніемъ того самаго лица. Вѣроятно теперь, когда народъ считаетъ себя обманутымъ ходившими между ними слухами, можно было-бы константировать массу подобныхъ случаевъ.

Но у насъ подъ руками есть болѣе интересный и болѣе доказательный фактъ о роли крестьянъ въ распусканіи ложныхъ и нелѣпыхъ слуховъ. Въ 1862 году въ старобѣльскомъ земскомъ судѣ производилось дѣло о возмутительныхъ толкахъ, распространяемыхъ поселяниномъ Артемомъ Стародубцевымъ. Съ производ-

ствомъ настоящаго дѣла мы познакомимъ подробно читателей «Кіевской Старины» [1]).

15 января 1862 года исправляющій должность старобѣльскаго уѣзднаго предводителя дворянства Бутковъ сообщалъ уѣздному исправнику: «частными путями дошли до меня слухи, что старобѣлькаго уѣзда слободы Новой Боровой поселянинъ, называющійся между народомъ Артюхою, который занимается покупкой пуха, вощинъ и другихъ мелочныхъ предметовъ, разъѣзжая по помѣщичьимъ имѣніямъ, убѣждалъ крестьянъ слободъ Варваровки, Кудряшевки, Бѣлявки и прочихъ, чтобы они не приступали къ соглашенію съ владѣльцами на составленіе уставныхъ грамотъ, а ожидали-бы времени, когда послѣдуетъ повелѣніе объ истребленіи всѣхъ вообще пановъ, и что послѣ того всѣ земли должны поступить къ нимъ. Такого рода возмутительное толкованіе его распространяется почти по всему уѣзду и подрываетъ не только общественное спокойствіе, но и останавливаетъ ходъ дѣла по крестьянскому вопросу. Слухи распространяетъ поселянинъ Артюха секретно и только черезъ передачу ихъ между собою крестьянами дознано, что они произошли отъ него». Поэтому Бутковъ просилъ сдѣлать негласное дознаніе черезъ полицію и затѣмъ, по обнаруженіи виновности, Артюху предать суду.

Также священникъ с. Бѣлявки Алексѣй Юшковъ, вскорѣ послѣ передачи дознанія становому приставу (именно 29 января), донесъ послѣднему: «Къ производимому вами разслѣдованію о возмутительныхъ разсказахъ, распространяемыхъ поселяниномъ Артамономъ Стародубцевымъ, имѣю честь сообщихъ извлеченное мною изъ послѣдствій этихъ разсказовъ замѣчаніе, что крестьяне моего прихода, напитанные понятіемъ о томъ, что изъ дѣтей ихъ, поступающіе въ приходскую церковную школу, должны образоваться мальчики-кудрявчики, которые будутъ потомъ отдаваться въ службу на корабли и въ чужіе края, а затѣмъ должны быть истребителями пановъ, неохотно отдаютъ дѣтей въ школу, дабы они не были отчуждены отъ семействъ, а между тѣмъ черезъ это я лишаюсь возможности пріобрѣтать число учениковъ и тѣмъ оправдать ожи-

---

[1]) Дѣло это хранится въ архивѣ харьковскаго губ. статистическ. комитета.

данія правительства о столь важномъ предметѣ, какъ распространеніе между народомъ грамотности».

Становому приставу, производившему дознаніе, приходилось съ трудомъ добывать факты, потому что, какъ видно изъ его донесенія, временно-обязанные крестьяне, имѣя повидимому довѣріе къ подобнаго рода толкамъ, при всѣхъ убѣжденіяхъ къ обнаруженію толкователей, уклоняются отъ прямыхъ указаній о нихъ. Тѣмъ не менѣе ему удалось получить положительныя указанія отъ трехъ крестьянъ. Семидесятипяти-лѣтній крестьянинъ слободы Кудряшевки Никифоръ Лысенко далъ такое показаніе: «Разъѣзжающій по окружнымъ слободамъ и часто бывающій въ Кудряшевкѣ поселянинъ изъ слободы Новоборовой Артемъ Яковлевъ, для покупки мяты и другихъ мелочей, не помнитъ въ какое время, сошелся съ нимъ въ кузницѣ, гдѣ были и другіе люди, и разсказывалъ, что воли никогда не будетъ, что будутъ набирать изъ крестьянъ мальчиковъ-кудрявчиковъ, что они поступятъ на корабли, а потомъ, какъ выслужатся, воротятся сюда и будутъ истреблять пановъ, и не только будутъ убивать пановъ, а и тѣхъ, которые не захотятъ ихъ истреблять. Черезъ эти разговоры крестьяне не рѣшаются отдавать дѣтей въ школу». То-же самое подтвердилъ и крестьянинъ слободы Кудряшевки Иванъ Шумидубъ и бѣлявскій волостной старшина Григорій Лысенко.

При первоначальномъ допросѣ Артемъ Стародубцевъ отъ взводимыхъ на небо обвиненій отрекся; но, будучи уличенъ на очной ставкѣ упомянутыми выше крестьянами, сознался, что «это дѣйствительно говорилъ, но когда это будетъ, не утверждалъ, а что будетъ это, то сказано въ священномъ писаніи, и онъ такъ имъ разсказывалъ по писанію, о которомъ онъ слыхалъ отъ умершаго костоправа изъ Троицкой слободы».

По собраннымъ приставомъ справкамъ оказалось, что Артемъ Стародубцевъ имѣлъ 60 лѣтъ отъ рода, былъ неграмотенъ, хозяйствомъ занимался мало, а больше промышлялъ мелочной торговлей, въ 1834 году за кражу казеннаго овса былъ наказанъ розгами. Но при повальномъ обыскѣ односельцы одобряли его въ поведеніи и обвиненія въ распусканіи ложныхъ слуховъ не подтвердили.

Земскій судъ, по разсмотрѣніи настоящаго дѣла, 3 февраля 1862 года опредѣлилъ: «въ виду того, что толки, распускамые Стародубцевымъ, подрываютъ общественное спокойствіе и останавливаютъ

ходъ дѣла по крестьянскому вопросу и вообще подобные толкователи могутъ принести серьезный вредъ, а потому для преданія Стародубцева военному суду, на основаніи 24 п. 761 ст. XV т. Св. Зак., дѣло о немъ представить харьковскому военному губернатору». Въ то-же время судъ предписалъ полицейскимъ чиновникамъ своего уѣзда, чтобы они, при исполненіи своихъ обязанностей, старались разузнавать о толкователяхъ, подобныхъ Стародубцеву, и при малѣйшемъ подозрѣніи въ распространеніи кѣмъ либо вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ, немедленно, не смотря ни на какое лице, брали таковыхъ и подъ строгимъ карауломъ представляли въ земскій судъ.

Рѣшеніе дѣла вышло благопріятное для Стародубцева: 13 іюля 1864 года, т. е. черезъ два съ лишнимъ года, харьковскій гражданскій губернаторъ предписалъ старобѣльскому полицейскому управленію «оставить дѣло это безъ дальнѣйшаго производства». Такимъ образомъ Стародубцевъ поплатился лишь двухлѣтнимъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ.

Сообщая приведенные выше факты, мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы между крестьянами указанной эпохи не было такихъ, которые не понимали-бы «Положенія» и даже не старались-бы воздерживать свой собратій отъ излишнихъ и напрасныхъ увлеченій. Такія личности были, но они составляли каплю въ морѣ. Не можемъ не привести здѣсь одного случая, оффиціально опубликованнаго въ свое время и подтверждающаго вышесказанное нами.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1861 г. крестьяне с. Мезиновки, ахтырскаго уѣзда, оказали упорное нежеланіе принять уставную грамоту, не смотря на неоднократно повторенныя уѣзднымъ предводителемъ дворянства и мировымъ посредникомъ Пассекомъ убѣжденія сознать законность соглашеція на грамоту и отказаться отъ преступныхъ толкованій и ожиданій. Тогда мировой посредникъ приказалъ волостному старшинѣ Кириллу Супруну и волостному писарю Степану Залавскому вновь сдѣлать попытку къ соглашенію, для чего были собраны зажиточные домохозяева и объяснена была имъ вся пагуба военной команды, обѣщанной предводителемъ, и ея постоя. Попытка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, и общество, для выраженія своего раскаянія, послало депутацію съ испрошеніемъ извиненія у посредника и у владѣльца, а вмѣстѣ съ тѣмъ сознало необходимость

и пользу уставной грамоты и приступило къ составленію ея съ полной готовностью. По донесенію посредника, случившееся въ Мезиновкѣ ясно доказываетъ, что единственно Супруну и Залавскому, ихъ способностямъ, усердію и сознанію своего долга, мезиновское общество было обязано освобожденіемъ отъ наказанія и военнаго постоя, а правительство избѣгло необходимости обратиться къ безпокойному и непріятному употребленію военной силы для прекращенія безпорядковъ и искорененія преступныхъ толкованій высочайшей воли. Также и въ слободѣ Славгородѣ ясныя и здравыя толкованія Положенія тѣмъ-же писаремъ и настойчивое исполненіе старшиною своихъ обязанностей, не смотря на насилія надъ нимъ и видимую опасность, остановили безпорядки, которые, по словамъ посредника, могли-бы развиться до размѣровъ, степень и качество которыхъ трудно опредѣлить. Кромѣ примѣрныхъ дѣйствій старшины и писаря, къ ограниченію и задержанію безпорядковъ, до прихода военной команды, весьма много послужило поведеніе славгородскаго временно-обязаннаго крестьянина Василія Майстренка, который подалъ собою блистательный примѣръ сознанія и исполненія законности: подъ угрозой насилія и опасности жизни со стороны взволновавшагося общества, онъ смѣло убѣждалъ его раскаяться, предупреждалъ въ предстоящихъ, тягостныхъ для общества, послѣдствіяхъ, настойчиво утверждалъ, что власть общества безсильна предъ властію начальства и тѣмъ болѣе предъ волею Государя, и тогда только прекратилъ свои, три раза повторенныя и три раза прерванныя убѣжденія, когда принужденъ былъ къ тому силою и угрозами. За эти дѣйствія мировой посредникъ просилъ исходатайствовать въ награду Супруну и Майстренку почетные кафтаны, а Залавскому медаль для ношенія въ петлицѣ. Губернское Присутствіе о награжденіи вышеозначенныхъ лицъ съ своей стороны представило г. министру внутреннихъ дѣлъ (Харьковъ, 1862 г., мартъ, № 28).

Мы свели лишь голые факты. Цѣль этой сводки—обратить вниманіе на необходимость, съ одной стороны изученія, съ другой составленія воспоминаній и записокъ о великой эпохѣ освобожденія крестьянъ и о предшествовавшемъ ей крѣпостничествѣ. Съ каждымъ днемъ все это отодвигается въ область исторіи; старѣются и вымираютъ люди,—дѣятели и борцы той эпохи. Каждая смерть уноситъ съ собой безвозвратно матеріалъ для характеристики этого грандіоз-

нѣйшаго момента всей новой русской исторіи, этого поворотнаго пункта, съ котораго наша исторія идетъ какъ-ни-какъ, а все таки тѣми путями, которые обусловливаются именно этимъ поворотнымъ пунктомъ. Важно, чтобы теперешніе старики—тогдашніе зрѣлые дѣятели, помня и цѣня важность той своей исторической роли, не полѣнились оставить въ назиданіе потомству свои воспоминанія и записи; необходимо также записывать разсказы старыхъ крестьянъ объ эмансипаціи и объ эпохѣ крѣпостничества, которое они еще помнятъ. Позаботясь своевременно о матеріалахъ, мы окажемъ большую услугу будущей исторіи. Желательно, чтобы Кіевская Старина открыла свои страницы для воспоминаній и изученія этой эпохи. Изученіе-же спеціально народныхъ слуховъ, ходившихъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, имѣетъ значеніе еще и потому, что выясняетъ воззрѣнія крестьянъ, которыя именно складывались и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ поземельной реформы. Эта-же сторона имѣетъ и свой практическій, жизненный интересъ. Всѣмъ извѣстно, какъ распространены въ народѣ слухи на разныя соціально-аграрныя темы и какую роль они играютъ и могутъ еще съиграть въ ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ въ постановкѣ важнѣйшихъ изъ нашихъ соціальныхъ вопросовъ.

П. Е.

Отъ редакціи. Страницы нашего изданія всегда были открыты для такихъ воспоминаній и записей, теперь-же мы можемъ только присоединиться къ высказанному почтеннымъ авторомъ мнѣнію относительно ихъ необходимости и значенія въ научномъ и практическомъ отношеніяхъ. Обращаемся затѣмъ ко всѣмъ видѣвшимъ великій день освобожденія южнорусскаго народа, ко всѣмъ дѣятелямъ, участникамъ и свидѣтелямъ осуществленія и веденія этого дѣла, съ просьбою сообщать намъ свои воспоминанія объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ это приснопамятное событіе и тѣхъ впечатлѣніяхъ, стремленіяхъ, слухахъ и толкахъ, какіе были имъ вызываемы. Такія воспоминанія могутъ имѣть особенный интересъ у лицъ, которымъ въ эту великую эпоху пришлось жить и дѣйствовать въ предѣлахъ юго-западнаго края, гдѣ народъ сохранилъ до того великаго дня вѣру въ историческую и нравственную неестественность своего рабства.

ДВѢ ПОѢЗДКИ СЪ Н. И. КОСТОМАРОВЫМЪ.

Лѣто 1883 года Н. И. Костомаровъ проводилъ въ полтавской губерніи въ имѣніи своей жены, селѣ Дѣдовцахъ, подъ Прилукой. Познакомившись съ нимъ года за два передъ тѣмъ въ Петербургѣ и живя отъ Дѣдовецъ въ 40 верстахъ, я ѣздилъ къ нему, когда позволяли обстоятельства. Въ тѣхъ мѣстахъ я былъ, кажется, единственнымъ изъ посѣтителей его петербургскихъ «вторниковъ». Эти вечера, въ квартирѣ его на 9 линіи Васильевскаго острова, гдѣ онъ прожилъ двадцать пять лѣтъ, останутся всегда памятны посѣщавшихъ ихъ. Въ этомъ уютномъ уголкѣ, откуда безчисленныя книги почти вытѣсняли хозяина, все въ перваго взгляда напоминало родину: и образъ ахтырской Богоматери, посреди стѣны въ кабинетѣ, и портреты давнихъ дѣятелей Украйны, и родная рѣчь, и интересы родной народности. Въ зимній вечеръ, когда морозъ крѣпчалъ надъ Невою и скрипѣли полозья саней, гостепріимный свѣтъ въ оконцахъ третьяго этажа манилъ къ себѣ. Тамъ чудился какъ-бы уголокъ далекаго родного края.

Лѣтомъ 1883 года Николай Ивановичъ былъ еще сравнительно бодръ и здоровъ, много работалъ, а все свободное время проводилъ въ прекрасномъ дѣдовецкомъ саду, который исходилъ своей старческой походкой тысячи разъ вдоль и поперекъ. Это было его послѣднее свѣтлое и радостное лѣто. Чудесный май того года онъ засталъ еще въ Дѣдовцахъ въ полномъ блескѣ. Прилетъ птицы и цвѣтенье яблонь, лунныя ночи въ роскошной тополевой аллеѣ, все это безконечно радовало его. Онъ жалѣлъ, когда косили молодую траву, и клалъ цвѣты въ петлицы платья и на шляпу. Иногда онъ

ѣздилъ такъ и въ сосѣдмюю Прилуку, къ великому изумленію уѣздныхъ зѣвакъ. Кромѣ ближайшихъ сосѣдей и нѣкоторыхъ крестьянъ села Дѣдовецъ, у него не было тамъ почти никакихъ знакомствъ. Интересы мѣстныхъ помѣщиковъ мало могли его занимать. Не много любопытнаго представляло также хожденіе ихъ «партій» вокругъ земскаго пирога. На это печальное зрѣлище глаза его насмотрѣлись достаточно и въ исторіи ихъ предковъ.

Въ статьѣ Д. Л. Мордовцева «Подъ небомъ Украйны» чрезвычайно отразились впечатлѣнья этого лѣта. Тамъ описаны искусной рукой и прогулки по тополевой аллеѣ, и этнографическія экскурсіи на Бакумову гору, и всѣ «событія» несложной деревенской жизни обитателей Дѣдовецъ. Авторъ статьи пріѣхалъ въ Дѣдовцы прямо изъ Испаніи и совершенно искренно говорилъ, что ему больше по сердцу площадь предъ церковью с. Дѣдовецъ, чѣмъ Paerta del sol. Кто хочетъ увидѣть покойнаго историка въ его ежедневной житейской обстановкѣ, кто хочетъ познакомиться съ его благороднымъ образомъ, долженъ обратиться къ этимъ воспоминаніямъ его друга и только что обнародованнымъ, полнымъ жизни и таланта его-же замѣткамъ о послѣднихъ десяти годахъ жизни Костомарова. Даніилъ Лукичъ пробылъ въ Дѣдовцахъ около мѣсяца и уѣхалъ въ Петербургъ въ іюлѣ.

Въ то лѣто, кромѣ историческихъ работъ, Костомаровъ писалъ свою драму «Эллины Тавриды». Эта пьеса не была оцѣнена по достоинству и даже не могла появиться въ журналахъ. Кромѣ ясности и широты письма, рукою истиннаго художника очерченъ въ ней главный характеръ политическаго интригана и честолюбца. Чтобъ освѣжить въ себѣ «греческое настроеніе», Николай Ивановичъ перечитывалъ древнихъ авторовъ и Грота. Впрочемъ чтеніе его было всегда самое разнообразное, причемъ исключалась почти совершенно только современная беллетристика. Лучшихъ поэтовъ онъ зналъ буквально на память. Не говоря о пьесахъ Гейне и Шиллера, онъ могъ цитировать наизусть цѣлыя страницы Гоголя. Его начитанность въ народной поэзіи извѣстна всѣмъ, и Бодянскій называлъ его не даромъ раскрытой этнографической книгой. Онъ терпѣть не могъ большинства прославленныхъ французскихъ авторовъ, начиная съ псевдоклассиковъ и, подобно Стендалю, считалъ главную силу французскаго генія въ сатирѣ и шуткѣ. Любимыми

его поэтами были не тѣ, что блистали красотою формы, но великіе душевными силами, какъ Шекспиръ, Мицкевичъ, Байронъ, Гоголь. Его богатая память служила ему въ работахъ драгоцѣннымъ подспорьемъ. Онъ могъ легко и быстро дѣлать то, что у другаго потребовало-бы множество времени на справки. Особенно изумительнымъ было его знаніе священнаго писанія и церковныхъ службъ. Причтъ церкви села Дѣдовецъ не на шутку приходилъ въ смущеніе, когда, съ наступленіемъ лѣта, онъ дѣлался постояннымъ ея посѣтителемъ.

«Эллины Тавриды», занявъ все его время, отвлекли его отъ другаго плана, который онъ хотѣлъ осуществить именно этимъ лѣтомъ—малорусской драмы изъ жизни Хмельницкаго. Незадолго передъ тѣмъ напечатанный дневникъ Освѣцима, дополнивъ во многомъ свѣдѣнія о той эпохѣ, нѣкоторыми страницами бросилъ новый свѣтъ на лице ея главнаго героя. Николая Ивановича поразилъ презрительный разсказъ польскаго мемуариста о семейной трагедіи въ жизни Хмельницкаго. Это тотъ «забавный случай», который Янъ Казиміръ разсказалъ въ своемъ лагерѣ за ужиномъ, незадолго передъ самымъ Берестечкомъ: Хмельницкій велѣлъ своему сыну Тимошу повѣсить мачиху, вторую жену свою, рожденную Чаплинскую, узнавъ о связи ея съ какимъ-то часовщикомъ изъ Львова, котораго онъ оставилъ, отправляясь въ походъ, смотрителемъ дома. Эта женщина, которую по свидѣтельству исторіи страстно любилъ Хмельницкій, сильно занимала воображеніе нашего историка. Ея вліяніемъ онъ склоненъ былъ объяснять всѣ, неразгаданныя исторіей и непонятныя, уступки Хмельницкаго полякамъ со дня Пилявской битвы. Въ этой-же семейной драмѣ онъ видѣлъ узелъ того трагическаго поворота, который съ тѣхъ поръ наступилъ въ душевной жизни Богдана и котораго не могли заглушить новые подвиги. Сценарій этой пьесы былъ уже совсѣмъ обдуманъ. Первое дѣйствіе должно было происходить въ 1649 году во время торжественнаго въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ.

На вершинѣ славы, при звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ козацкій вождь, чрезъ полуразрушенныя Ярославовы ворота, въѣзжаетъ въ древнюю столицу. Блистательный, великій походъ, разрушившій на Украйнѣ польскій аристократическій порядокъ, оконченъ. Гетмана встрѣчаетъ съ крестомъ іерусалимскій патріархъ Паисій,

московское посольство и несмѣтная народная толпа. Изъ этой толпы выдѣляется и львовскій часовщикъ и, напоминая Хмельницкому о какой-то оказанной ему въ походѣ услугѣ, просится къ нему на службу. Гетманъ переживаетъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда душа раскрыта передъ цѣлымъ міромъ и когда высшая ея потребность— дѣлать кому нибудь добро. Онъ беретъ пришельца въ свой домъ, а самъ идетъ молиться вмѣстѣ съ народомъ въ софійскій храмъ.

Дальнѣйшій ходъ пьесы долженъ былъ заключать развитіе коварнаго обмана, роковую вѣсть и казнь и великое нравственное потрясеніе гетмана, отъ котораго онъ ищетъ забвенія въ новыхъ подвигахъ.

Еще зимой, въ Петербургѣ, рѣшено было, что во второй половинѣ лѣта я пріѣду къ Николаю Ивановичу и мы совершимъ вмѣстѣ экскурсію въ какой нибудь уголокъ Лѣвобережья, оставившій по себѣ память въ прошедшемъ. Костомаровъ всегда и прежде старался посѣщать мѣста, о которыхъ шелъ разсказъ въ его изслѣдованіяхъ. Въ молодости онъ изъѣздилъ всю Волынь вдоль и поперекъ и сдѣлалъ вообще тысячи верстъ по южному краю. Когда онъ работалъ надъ «Мазепой», то посѣтилъ Батуринъ, Бахмачъ и окрестныя мѣстности, потомъ онъ ѣздилъ съ Ѳ. Г. Лебединцевымъ въ Бѣлую Церковь и раньше совершилъ большое путешествіе съ покойнымъ П. П. Чубинскимъ. На этотъ разъ мы остановились на Лубнахъ, куда выѣхали въ концѣ августа. Второй и послѣдній разъ мы путешествовали черезъ годъ въ Переяславъ. Настоящая замѣтка есть нѣсколько словъ очевидца этихъ послѣднихъ экскурсій историка, которыя прочтутся, можетъ быть, тѣми, кому дорога его память.

Мы выѣхали раннимъ утромъ, въ большой «колесницеобразной» коляскѣ, по веселой пирятинской дорогѣ. Подъѣзжая къ славному городу Пирятину, невольно вспомнили Алексѣя Поповича, кажется единственнаго героя, котораго произвела эта мѣстность. Дума извѣстна была, конечно, Костомарову наизустъ. Мнѣ сейчасъ слышится голосъ его, скандирующаго наивные, прекрасные стихи:

Ой не есть то, панове молодци, супротивна хвиля стыхае,
Есть то отцева-матчина молитва зо дна моря выймае...

Нашему возницѣ дано было наставленіе, чтобъ онъ «малыхъ дитокъ и старыхъ женъ копытомъ у груди не ростурчавъ», а проѣзжая

«мимо церковъ, мимо святого Мыколы», памятуя мораль думы, мы набожно сняли *шлычки*.

Въ степной мѣстности, за Пирятиномъ, во время перепряжки лошадей, Николай Ивановичъ гербаризировалъ. Онъ очень любилъ никѣмъ не саженные, простые полевые цвѣты и въ двухъ изъ своихъ малорусскихъ стихотвореній «воспѣлъ» скромные viola tricolor и convolvulus.

Задача найдти квартиру въ Лубнахъ разрѣшилась кое-какъ единственнымъ чистымъ постоялымъ дворомъ. Особенно тревожила Николая Ивановича перспектива появленія на постели «враговъ рода человѣческаго», какъ называлъ онъ обычную принадлежность провинціальныхъ заѣзжихъ домовъ и гостинницъ. Къ вечернѣ мы ѣздили въ мгарскій монастырь.

Прекрасный храмъ, съ его чуднымъ стариннымъ иконостасомъ, съ портретами малорусскихъ святителей Іосифа Тукальскаго и предка моего Іоасафа, очень полюбился историку. Архива при монастырѣ не оказалось. На всякій случай Костомаровъ захватилъ съ собой изъ дому свой членскій билетъ археографической комиссіи.

Полюбовавшись и на другой день величественными мгарскими дубами, грабами и ясенями, мы рѣшились направиться къ Солоницѣ. Передъ нами развернулась широкая долина Сулы и экипажъ по песочку покатилъ къ прославленному кровавой памятью полю.

Тутъ триста лѣтъ назадъ кипѣла дикая, отчаянная борьба. Полчища Наливайка, Лободы, полудикіе герои, возставшіе противъ гнетущаго рабовладѣльческаго строя, дали здѣсь врагамъ своимъ послѣднюю ставку. Преслѣдуемые по пятамъ польскимъ войскомъ, изъ Переяслава, послѣдняго убѣжища, забравши женъ и дѣтей, они двинулись въ степи, надѣясь въ безлюдномъ краю найти свободу. Ихъ вытѣснили изъ Лубенъ, окружили, придвинули къ болоту. Безчисленные возы огородили таборъ; копали рвы, сыпали валы. На ровной, какъ ладонь, мѣстности не было удобныхъ для обстрѣливанія пунктовъ: въ козацкомъ таборѣ строили деревянные срубы, насыпали ихъ землею и тамъ утверждали орудія. Чтобъ нанести уронъ врагу, они дѣлали вылазки ночью, рыли ямы близъ польскаго лагеря, забирались въ нихъ и стрѣляли оттуда. Голодъ, упадокъ духа, вызвавшій междоусобія, и пушки Жолкѣвскаго взяли свое. Трупъ

лежалъ на трупѣ, остатки войска были уничтожены и храбрый вождь взятъ врагами.

Не осталось слѣда ничего этого теперь на мирной равнинѣ. Мы объѣхали почти всю мѣстность, которую можно было считать стоянкою лагерей, съ цѣлью нагляднѣе представить себѣ взаимное положеніе воюющихъ сторонъ, но не могли утвердительно остановиться ни на какихъ внѣшнихъ признакахъ. Послѣдующія-ли военныя событія, театромъ которыхъ была эта мѣстность, приходившіе-ли сюда разъ шесть поселенцы, или плугъ земледѣльца измѣнили видъ ея, но слѣды того далекаго времени сгладились такъ радикально, какъ будто-бы дѣло происходило не здѣсь, а на другой планетѣ.

Сейчасъ подъ горой за Лубнами лежитъ село Засулье, а маленькія села Войниха и Солоница, гдѣ мы сдѣлали привалъ, лежатъ верстъ на пять дальше. Здѣсь мы хотѣли взять проводника, по возможности подревнѣе, помнящаго если не Наливайка, то по крайней мѣрѣ то время, когда въ народѣ хранились еще преданія о старинѣ.

Въ лѣтнее воскресенье, послѣ обѣда, наши села представляютъ идеально мирную картину. Почти все взрослое населеніе, *писля Божои службы и обида*, поголовно спитъ,—кто въ садку, кто на огородѣ,—дозволяя себѣ роскошь, недоступную въ теченіи трудовой недѣли. Кой гдѣ только мелькнетъ молодыця въ чистой сорочкѣ, чѣмъ-то уже озабоченная изъ своей вѣчной работы, или хозяинъ выкотитъ возъ, собираясь ѣхать на ночь по снопы въ поле. Мы напрасно ходили отъ хаты къ хатѣ, вездѣ встрѣчая то-же безлюдье, пока не набрели на одну, растворенную настежь, гдѣ была въ сборѣ вся семья. Хозяинъ по недосугу отказался сопровождать насъ, но братъ его, Иванъ Сахно, Москальчукъ по прозванію, отправился съ нами.

Намъ пришлось больше объяснять Москальчуку, на что все это намъ нужно, чѣмъ услышать указаній и разсказовъ отъ него. Мы объѣхали двѣ группы степныхъ могилъ,—Кондрацьки и Головины по мѣстному названію,—и узнали что въ Войнихѣ нашли когда-то въ землѣ затонувшую древнюю пушку. Узнали также, что сюда пріѣзжали «якись нимци», искатели кладовъ (къ этой категоріи конечно причислилъ мысленно Москальчукъ и насъ). «Пры-

ихали верхи, затрубили у трубы и передъ îми одкрывся кладъ. Забрали—и зразу счезли, такъ шо нихто ихъ и не бачивъ!» Въ разстояніи верстъ пятнадцати отсюда, по словамъ Москальчука, есть цѣлая цѣпь могилъ, расположенныхъ полукругомъ. На этихъ могилахъ иногда свѣтятся огни. Если мы пріѣдемъ когда нибудь еще, то онъ «запряже воза и повезе насъ туды». Тогда мы сами эти огни увидимъ и перестанемъ улыбаться.

Мы всходили на нѣсколько могилъ, что Николаю Ивановичу досталось не безъ труда, такъ какъ былъ одинъ изъ тѣхъ солнечныхъ, но страшно вѣтряныхъ дней, которые обычны въ концѣ августа. Въ это время Москальчукъ усердно разспрашивалъ о чемъ то нашего возницу. Николай Ивановичъ предсказывалъ тогда-же, что мы, въ родѣ тѣхъ «нимцивъ», сдѣлаемся героями легенды. Потомъ я слышалъ, что въ Солоницѣ дѣйствительно циркулировали разукрашенные разсказы о томъ, какъ «прыйздыло якихъ-сь двое,—старе и молоде, и допытувались про клады».

На обратномъ пути подъ Лубнами мы встрѣтили стараго лирника, шедшаго изъ монастыря. Это былъ вполнѣ убогій представитель искусства, знавшій только «Ісуса» и «Варвару». Костомаровъ вспомнилъ замѣчательную встрѣчу такого рода изъ своей молодости. Въ сороковыхъ годахъ, въ екатеринославской губерніи, на пути въ Запорожье, онъ встрѣтилъ на почтовой дорогѣ стараго кобзаря. Перекладная была остановлена, записная книжка раскрыта. Отъ этого кобзаря, въ числѣ прочаго, онъ записалъ тогда двѣ неизвѣстныя думы: первая «О Грицькѣ Зализнякѣ», кошевомъ запорожскомъ, воспѣвая это лице, описывала внутренніе порядки Запорожья; вторая «Объ атаманѣ Грачѣ» изображала разореніе Сѣчи Текеліемъ. Обѣ эти думы онъ послалъ тогда-же для напечатанія Погодину въ «Москвитянинъ», къ несчастью не оставивши списковъ. По какимъ-то, ничего общаго съ наукой не имѣющимъ соображеніямъ, Погодинъ этихъ думъ не напечаталъ. Николай Ивановичъ былъ однако убѣжденъ, что его списки сохраняются въ числѣ безчисленныхъ погодинскихъ бумагъ въ публичной библіотекѣ. Покойный ревнитель нормандской теоріи былъ педантически аккуратенъ и не уничтожалъ ни одной рукописи, поступавшей въ редакцію. Если-бы кому нибудь изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ удалось открыть эти думы въ погодинскихъ бумагахъ, то это было-бы подви-

томъ вполнѣ достойнымъ памяти нашего историка, такъ страстно любившаго народную словесность.

Въ печати, по поводу этнографическихъ трудовъ Костомарова, было высказано, что онъ былъ болѣе изслѣдователемъ, чѣмъ непосредственнымъ собирателемъ этнографическаго матеріала. Мнѣніе это произошло вѣроятно отъ того, что покойный историкъ не выступалъ ни разу издателемъ самостоятельнаго сборника. На дѣлѣ онъ былъ однимъ изъ самыхъ раннихъ и ревностныхъ собирателей, и не могъ имъ не быть, какъ человѣкъ слишкомъ живой, котораго одни кабинетныя занятія удовлетворить не могли, когда подъ рукой сама жизнь давала столько новыхъ данныхъ. Въ Харьковѣ онъ занимался собираніемъ думъ и пѣсенъ вскорѣ послѣ Срезневскаго, съ тою разницею, что ему и въ мысль не могли никогда прійдти поддѣлки, какими переполнена «Запорожская Старина». Тамъ добылъ онъ варіанты думъ, которыя сообщилъ впослѣдствіи въ своемъ изслѣдованіи о поэзіи козацкой эпохи. Въ собраніи Чубинскаго помѣщено имъ не менѣе 500 пѣсенъ изъ губерній харьковской, полтавской и воронежской и болѣе 200, собранныхъ на Волыни, въ «Саратовскомъ Сборникѣ». Въ тѣхъ-же «Трудахъ» Чубинскаго есть цѣнные его списки семейно-бытовыхъ думъ и обрядныхъ пѣсенъ, а въ «Лѣтописяхъ русской литературы», сборникъ пѣсенъ великорусскихъ. Вообще отъисканный имъ матеріалъ и численно очень замѣтенъ, и его вклады въ разные сборники могутъ быть опредѣлены въ цифрѣ никакъ не меньшей 2,000 номеровъ.

Съ засульской низменности мы поднялись на гору и проѣхали на окраину города, къ мѣсту, гдѣ стоялъ замокъ Вишневецкаго. Оно теперь подъ городскимъ выгономъ и только съ одной стороны застроено усадьбами. Слѣды фундаментовъ и окоповъ отчетливо видны и теперь. Въ сосѣднихъ усадьбахъ, копая землю, находили куски мраморныхъ колоннъ и другіе обломки. Вмѣстѣ съ прилегавшими постройками, замокъ, стоявшій надъ обрывомъ горы, занималъ, надо думать, обширное пространство.

Съ горы открывается дивный видъ. Сула извивается внизу синей змѣей, а къ ней, то тутъ, то тамъ, жмутся купы вербъ, лѣски и какъ на планѣ разбросанныя села. Мельчающими въ тридцативерстной дали точками бѣлѣютъ церковки и уходятъ ровной лентой за горизонтъ старыя вербы хорольской дороги. Эта возвышенность,

господствующая надъ обширной долиной, эти даль и ширь, сіяющія подъ солнечнымъ лучемъ, не могли не быть по душѣ властолюбивому князю Яремѣ. Стоя почти въ центрѣ его ураинскихъ владѣній, крутоярые Лубны были любимымъ его мѣстожительствомъ. Но «хлопъ» Хмельницкій поднялъ войну за свободу, пристали къ нему тысячи недовольной «сволочи» и съ Лубнами пришлось проститься! Князь заплакалъ, покидая, съ горсточкой слугъ, это мѣсто. «Лучше умереть, чѣмъ позволить властвовать надъ собой невѣрнымъ и негодяямъ!» кричалъ онъ и сорвалъ первый гнѣвъ въ Немировѣ адскими муками и тысячами казней.

Такъ, взглянувъ только на мѣста событій и не найдя никакихъ вещественныхъ памятниковъ старины, возвращались мы изъ Лубенъ во свояси. Въ Дѣдовцы надо было поспѣть къ имянинамъ ближайшаго сосѣда Николая Ивановича, почтеннаго А. П. Савченка. Была еще важная причина, торопившая Костомарова ѣхать въ Петербургъ. Онъ остался безъ работы, а при его привычкѣ къ ежедневному, непрерывающемуся труду это было почти невыносимо. Взятые имъ съ собой матеріалы для монографіи объ императрицѣ Аннѣ были разработаны. Его тянуло въ ту «храмину спасенія» (публичную библіотеку), гдѣ онъ провелъ такъ много дней. Кромѣ этой статьи онъ предполагалъ, для послѣдняго выпуска своей «Русской Исторіи», написать еще два очерка о Ломоносовѣ и о времени Елисаветы Петровны. Все это требовало источниковъ, справокъ, работы. Монографію о Елисаветѣ историку удалось окончить; она осталась послѣ его смерти въ рукописи.

Выѣхавши изъ Лубенъ передъ вечеромъ, на разсвѣтѣ мы были въ Прилукѣ. Ночной путь освѣщалъ намъ далеко видный пожаръ огромной помѣщичьей экономіи. Это была привычная въ селахъ въ августѣ мѣсяцѣ картина: горѣло гумно со множествомъ скирдъ. Въ первыхъ числахъ сентября Костомаровы уѣхали въ Петербургъ.

Въ ту зиму въ состояніи здоровья Николая Ивановича произошелъ рѣзкій и тяжелый поворотъ, а несчастный случай, когда онъ былъ сбитъ съ ногъ лошадьми на улицѣ и чуть не убитъ, еще усилилъ его болѣзненное состояніе. Думали сначала, что переѣздъ въ Малороссію слишкомъ утомитъ его. Но на сторонѣ деревни было безконечное преимущество климата, и въ концѣ мая Николай Ивановичъ опять былъ въ Дѣдовцахъ. Я изумился про-

исшедшей въ немъ перемѣнѣ, когда въ первый мой пріѣздъ онъ вышелъ на встрѣчу съ своимъ обычнымъ радушіемъ. Онъ очень исхудалъ, щеки запали, волосы противъ обыкновенія были коротко острижены. Его мучилъ кашель и донималъ общій упадокъ силъ. Онъ часто ложился, такъ какъ ему запрещено было движеніе, что особенно было ему непріятно. Тѣмъ не менѣе, по его желанію, рѣшено было, когда ему сдѣлается лучше, повторить нашу прошлогоднюю экскурсію, избравъ или Гадячъ, памятный по эпохѣ руины, или древній Переяславъ. Въ концѣ іюня онъ сообщалъ мнѣ неутѣшительныя свѣдѣнія о себѣ. «У меня открылось кровохарканье, писалъ онъ, и безпокоило недѣли три. По взятому прежде врачебному совѣту я осудилъ себя на недвижность, терпѣлъ муку невыносимую, но болѣзнь какъ-то играла надо мной: вдругъ дня два нѣтъ припадковъ; я думаю—прошло, но тутъ снова возобновляется»! Поѣздка предположена была въ самомъ началѣ августа, но помѣшалъ неожиданно наступившій холодъ. Спрашивая о причинѣ замедленія, Николай Ивановичъ писалъ: «Мы, сколько помнится, окончательно не остановились на томъ, куда намъ ѣхать... Была у меня мысль, не проѣхать-ли намъ изъ Переяслава на другой берегъ Днѣпра и посѣтить Умань, гдѣ я не былъ и вы, кажется, тоже. Но остановиться на этой мысли я не могъ, тѣмъ болѣе, что и дороги туда не знаю, а карты здѣсь не достанешь. Вѣроятно есть путь черезъ Днѣпръ отъ Переяслава: ѣздили-же когда-то такъ козаки». При мысли о тогдашнемъ состояніи историка, это сопоставленіе съ козаками получало осебенно грустный смыслъ.

8-го августа мы отправились въ Переяславъ въ томъ-же «колесницеобразномъ», но помѣстительномъ экипажѣ. Николай Ивановичъ былъ очень слабъ и утомлялся дорогой, и безпокойство за него жены его не было нисколько напраснымъ. Тѣмъ не менѣе у насъ шла бесѣда о разнообразныхъ предметахъ. Зашла какъ-то рѣчь о далекомъ прошломъ, о сороковыхъ годахъ. Кирилло-Меѳодіевское братство, Кіевъ, Шевченко, арестъ и петербургская крѣпость... развернулись предо мной и изъ богатой драматизмомъ его жизни живо предстали тѣ дни въ его прекрасномъ разсказѣ. Надо надѣяться, что недалеко время, когда подлинное «дѣло» братства обнародуется и сдѣлается достояніемъ исторіи. Подробности его сохранятся во всякомъ случаѣ въ запискахъ историка, разумѣя

подъ этимъ не отрывочные наброски, обнародованные г-жей Бѣлозерской, а еще не напечатанную большую автобіографію его. Изъ малоизвѣстныхъ подробностей отмѣчу утрату двухъ законченныхъ литературныхъ произведеній той эпохи: малорусской драмы «Косинскій» и разсказа «Римская монета». Обѣ эти вещи сохраняются вѣроятно въ архивѣ бывшаго Ш-го отдѣленія. Дѣйствіе разсказа «Римская монета» происходитъ въ Россіи, въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, но эта монета, одна изъ тѣхъ, которыя утаилъ Ананія, одинъ изъ первыхъ послѣдователей апостольскихъ, продавшій имѣніе и принесшій деньги апостолу Петру. Это нарушеніе святаго довѣрія, того братскаго союза, въ которомъ были «сердце едино и душа едина», кладетъ печать проклятія на самый металлъ, какими-то судьбами попавшій въ далекую землю. Переходя изъ рукъ въ руки, монета становится источникомъ несчастія и для лицъ, къ которымъ попадаетъ.

Костомаровъ не разъ и потомъ обращался къ сюжетамъ съ тѣмъ оттѣнкомъ фатализма и неразгаданныхъ вліяній, которыя тревожили воображеніе многихъ поэтовъ. Въ легендѣ «Сорокъ лѣтъ», отчасти въ «Кудеярѣ» видны слѣды этого настроенія. На одной изъ остановокъ я читалъ ему изъ записной книжки нѣсколько народныхъ разсказовъ о запродажѣ души чорту изъ-за разныхъ мотивовъ, между прочимъ изъ-за любви. Одинъ изъ нихъ, слышанный имъ въ народѣ и раньше, очень занялъ его. Онъ повелъ рѣчь о драмѣ или поэмѣ въ лицахъ на этотъ сюжетъ, гдѣ такимъ оригинальнымъ, живымъ лицемъ могъ-бы явиться чортъ, украинскій Мефистофель, пытливый духъ, надѣленный своебразнымъ и ѣдкимъ малорусскимъ юморомъ и несокрушимымъ здравымъ смысломъ народа. Мы тащились по безконечной греблѣ надъ Супоемъ въ Яготинѣ. Спустившійся вечеръ, съ едва загорѣвшимися звѣздами, съ выплывающей надъ яготинскимъ озеромъ луной, съ рядами вербъ почтовой дороги на горизонтѣ, вся эта окружающая природа была необыкновенно подходящей обстановкой для такихъ мечтаній. Этой грезѣ такъ и суждено было исчезнуть въ сумракѣ того вечера и не увидѣть осуществленія.

Дѣловая сторона «поѣздки въ Переяславъ» исчерпывается вполнѣ только что начертанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подъ тѣмъ-же заглавіемъ, статьей покойнаго историка, представля-

ющей подробнѣйшій сводъ историческихъ данныхъ о переяславской старинѣ и древностяхъ. Первою заботою его, на другой день пріѣзда, былъ осмотръ успенской церкви, гдѣ въ 1654 году присягали царю Хмельницкій и войсковая старшина. Вслѣдствіе неосновательныхъ заявленій объ остаткахъ старой церкви, постройка новаго храма, на мѣсто пришедшаго въ ветхость, была пріостановлена. По справкамъ оказалось, что существующая на томъ мѣстѣ ветхая церковь есть третья, считая отъ первоначальной, сгорѣвшей до тла въ 1761 году. Протоіерей Терлецкій, сопутствовавшій намъ въ успенскую церковь, показалъ подлинный актъ пожара, напечатанный имъ впослѣдствіи дословно, по совѣту Николая Ивановича, въ «Кіевлянинѣ». Изъ городскихъ церквей въ своей статьѣ историкъ отмѣчаетъ михайловскую, основанную въ XI вѣкѣ, покровскую и вознесенскую, построенную Мазепой, гдѣ почиваютъ мощи погибшаго геройскою смертью, во время Хмельнищины, св. мученика Макарія. Въ покровской церкви намъ показывали икону съ изображеніемъ императора Петра и лицъ отъ малороссійской старшины, тогда еще бывшую въ Переяславѣ.

Передъ тѣмъ, какъ совершить объѣздъ церквей, мы посѣтили переяславскаго старожила, друга Шевченка, почтеннаго А. О. Козачковскаго. Самый городъ, не живописный и грязный, Николаю Ивановичу не понравился. Онъ былъ въ немъ когда-то проѣздомъ, ѣхавши на почтовыхъ изъ Харькова въ Ровно, гдѣ служилъ тогда учителемъ; но это было ночью и о городѣ у него не сохранилось никакого воспоминанія; этотъ-же Переяславъ выбралъ онъ мѣстомъ дѣйствія для свой юношеской трагедіи «Переяславска Ничъ», поставивши его у самаго Днѣпра. Въ своей статьѣ, въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о городѣ, по благодушію своему, онъ ничего не сказалъ о гостинницѣ Симонова, гдѣ мы были жертвами «враговъ рода человѣческаго» и гдѣ насъ чуть не отравили рыбой.

Въ кладбищенской церкви хранятся ризница и утварь старой Успенской церкви. Тутъ находятся Евангеліе и крестъ, на которыхъ присягали Хмельницкій и старшина. Къ нимъ набожно приложился историкъ эпохи Хмельницкаго. Ризница очень замѣчательна одѣяніями и тканями большой древности. Съ цвинтаря этой церкви открывается видъ на далекія синія горы праваго днѣпровскаго берега.

Окончивъ обзоръ, мы двинулись вечеромъ въ обратный путь. По обыкновенію ѣхали всю ночь, которая была очень холодна. Но убѣдить Николая Ивановича остановиться для отдыха не было никакой возможности. Онъ едва позволилъ закрыть себя плэдомъ, хотя, разъ закрытый, переставалъ протестовать, согрѣваясь немного. Онъ чувствовалъ себя очень худо и очевидно страдалъ. Чтобъ разсѣять его, я разсказывалъ разныя, приходившія въ голову, смѣшныя исторіи, зная его склонность ко всему веселому и шутливому. Я съ удовольствіемъ вспоминаю теперь, что мои выдумки вызывали иногда у него самый искренній смѣхъ.

Черезъ день я уѣзжалъ изъ Дѣдовцевъ. Такъ какъ экипажъ мой остался въ городѣ, то Николай Ивановичъ подвезъ меня туда на своихъ лошадяхъ, отправляясь за покупками въ Прилуки. Его «покупки» были, впрочемъ, всегда очень не сложны, ограничиваясь бубликами, которые онъ заѣзжалъ брать къ извѣстному всему уѣзду, очень замѣчательному въ своей спеціальности артисту, Джигилю. Здѣсь, пока добросовѣстныя хозяйки суетились у печки *биля самыхъ свиженькихъ*, Николай Ивановичъ или бесѣдовалъ по просту съ ними или уходилъ въ маленькій, лежащій при домѣ, садикъ. Въ этомъ мѣщанскомъ садикѣ, съ развѣсистыми фруктовыми деревьями, съ узенькими желтыми дорожками, съ высокими купами любистку и цвѣтущими астрами, чернобривцями, трояндами и мальвой, мы и простились послѣднимъ прощаньемъ... Передо мной портретъ его, снятый въ гробу: измученныя страданіемъ черты, разметавшіеся волосы вкругъ высокаго лба, покой и холодъ смерти... Но въ моей памяти онъ сохранился инымъ: онъ видится мнѣ въ цвѣтущемъ садикѣ, въ минуту прощанья, когда онъ въ послѣдній разъ пожалъ мнѣ руку, съ обычнымъ ему чарующимъ и искреннимъ душевнымъ порывомъ.

В. Горленко.

Дневникъ новгородскаго подсудка Θедора Евлашевскаго.

(1564 — 1604 года).

Подлинная рукопись записокъ Θедора Евлашевскаго хранится въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки графовъ Потоцкихъ въ Вилянове; судя по списку *fac-simile*, приложенному къ той копіи, которою мы пользовались для нынѣшняго изданія, подлинникъ писанъ весьма неразборчивымъ почеркомъ XVI столѣтія, чѣмъ и объясняются пробѣлы и неточности текста, встрѣтившіеся въ данной копіи. Копію эту мы нашли въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки института Оссолинскихъ во Львовѣ, гдѣ она внесена въ каталогъ подъ № 2,444. Составляя списокъ, нынѣ предлагаемый для печати, не смотря на крайнее желаніе, мы не могли сохранить вполнѣ правописанія рукописи, такъ какъ переписчикъ, списывавшій рукопись изъ оригинала, очевидно самъ не соблюлъ точности въ воспроизведеніи его правописанія. Мы совершенно отказались удержать начертанія ѧ и ꙗ, которыми изображается звукъ *я*, а также начертаніе ѡ, которымъ въ копіи часто замѣняется *о*; начертанія эти переписчикъ, а можетъ быть и самъ составитель дневника, употреблялъ безразлично, не руководясь никакимъ твердо установленнымъ правиломъ правописанія и употребляя то тѣ, то другія начертанія въ одномъ и томъ-же словѣ. Остальныя особенности правописанія рукописи мы сохранили совершенно почти въ такомъ видѣ, въ какомъ встрѣтили ихъ въ копіи института Оссолинскихъ, а именно: вездѣ удержаны нами *кг* для изображенія звука *g* и *г* для изображенія звука *h*, сохранены также *ы* и *и*, какъ употреблялъ ихъ первый переписчикъ, и сдѣлано незначительное отступленіе

лишь относительно *ъ* и *ь*. Знаки эти въ рукописи, которою мы пользовались, то опускаются, то ставятся. Не видя въ употребленіи или опущеніи ихъ чего либо опредѣленнаго и существеннаго, мы, для удобства чтенія, вставили эти знаки и тамъ, гдѣ въ рукописи, съ которой мы списывали, они опущены.

Записки Евлашевскаго не были понынѣ изданы въ русскомъ текстѣ подлинника; 25 лѣтъ тому назадъ онѣ появились только въ польскомъ переводѣ г. Евгенія Цѣмневскаго [1]); вслѣдствіе этого онѣ мало извѣстны въ русской исторической литературѣ, между тѣмъ записки эти составляютъ одинъ изъ интересныхъ памятниковъ, поясняющихъ исторію западной Руси во второй половинѣ XVI столѣтія и сообщаютъ многочисленныя черты для обрисовки быта, культуры и міросозерцанія дворянскаго сословія этого края.

Авторъ записокъ—русскій дворянинъ новгородскаго воеводства, Ѳедоръ Евлашевскій, родился въ 1546 г. и проживалъ въ окрестности мѣстечка Ляховичъ (нынѣ слуцкаго уѣзда минской губерніи); онъ получилъ неблестящее образованіе, единственно возможное, по его словамъ, въ половинѣ XVI столѣтія въ западной Руси; оно состояло въ знаніи русской и польской грамоты, и въ умѣніи читать письмена еврейскія, впрочемъ безъ пониманія еврейскаго языка; другія знанія: счетоводство, изученіе законовъ и т. п. авторъ пріобрѣлъ впослѣдствіи, въ то время, когда занимался уже практическою дѣятельностію, частію при помощи лицъ, съ которыми сталкивала его судьба, частію личнымъ трудомъ, самоучкою. Тѣмъ не менѣе, не смотря на довольно скудный запасъ знанія, авторъ причисляетъ себя къ передовымъ людямъ своего времени; онъ въ запискахъ старается обобщать отдѣльные, описываемые имъ, факты и по временамъ вставляетъ въ свой дневникъ философскія разсужденія: о пользѣ вѣротерпимости, о промыслѣ Божіемъ и т. п. Изъ біографіи автора видно, что современники признавали дѣйствительно Евлашевскаго человѣкомъ умнымъ и развитымъ; не смотря на довольно скромное имущественное положеніе, онъ пользовался почетомъ и уваженіемъ; знатные паны цѣнили его юридическія познанія и довѣряли ему свои дѣла—онъ велъ, по большей части

---

[1]) Pamiętnik Teodora Jewłaszewskiego, Nowogrodzkiego podsędka. Wydał T. X-ze L. Warszawa. 1860.

съ успѣхомъ, въ качествѣ адвоката, процессы во всѣхъ инстанціяхъ, въ томъ числѣ и въ задворномъ королевскомъ и въ сеймовомъ судѣ, пользовался благосклоннымъ пріемомъ при королевскомъ дворѣ и избирался своими согражданами на разныя общественныя должности, исполненіе которыхъ требовало болѣе обширныхъ юридическихъ познаній.

Евлашевскій былъ человѣкъ глубоко религіозный; онъ принадлежалъ къ семьѣ искренно преданной православію; отецъ его, овдовѣвши, принялъ духовное званіе и умеръ въ санѣ православнаго пинскаго и туровскаго епископа. Не смотря впрочемъ на семейныя преданія, самъ авторъ записокъ не остался вѣрнымъ православію: 19-ти лѣтъ отъ роду, проживая въ Вильнѣ, онъ увлекся проповѣдію протестантскихъ пасторовъ и сдѣлался поборникомъ ихъ ученія. Этотъ переходъ къ новой церкви не нарушилъ его добрыхъ семейныхъ отношеній ни къ родителямъ, ни въ послѣдствіи къ женѣ, искренно преданной православію. Впрочемъ переходъ Евлашевскаго въ протестантизмъ не свидѣтельствуетъ вовсе о сильномъ развитіи въ авторѣ религіознаго раціонализма; не смотря на свои близкія отношенія къ протестантскимъ богословамъ, Евлашевскій сохраняетъ глубокую вѣру въ разныя суевѣрныя, языческаго происхожденія, миѳическія существа и предразсудки: онъ не разъ въ теченіи жизни видитъ какого-то, преслѣдовавшаго его, огненнаго человѣка, который является ему, лишь только онъ подвергнется горячечному бреду; онъ признаетъ существованіе «лятавцевъ» и «инкубусовъ» и серьезно увѣренъ, что появленіе послѣднихъ вызываетъ «повѣтріе», т. е. эпидемію; онъ глубоко вѣруетъ въ пророческое значеніе сновъ, во всевозможныя предсказанія «ворожбитовъ» и предзнаменованія. Евлашевскій усвоилъ изъ протестантскаго ученія развѣ только понятія о предопредѣленіи: онъ глубоко вѣруетъ, что самъ онъ лично пользуется особеннымъ, исключительнымъ покровительствомъ Провидѣнія, и очень тщательно отмѣчаетъ факты, изъ которыхъ, по его мнѣнію, явствуетъ, что строгая кара Господня, иногда даже слишкомъ тяжелая, должна постичь всякое лице, нанесшее ему какую либо обиду или оскорбленіе. Записывая каждый такой случай, онъ приноситъ Господу благодарность за то исключительное покровительство, которымъ онъ пользуется.

Въ отношеніяхъ общественныхъ симпатіи Евлашевскаго сложились согласно занимаемому имъ въ обществѣ положенію. Въ качествѣ бѣднаго дворянина, онъ постоянно долженъ прибѣгать къ протекціи и пребывать на службѣ у знатныхъ и богатыхъ пановъ, потому онъ и высказываетъ постоянно благоговѣніе и преданность по отношенію къ лицамъ, высоко поставленнымъ въ дворянской средѣ того времени и съ особеннымъ уваженіемъ относится къ членамъ рода Ходкевичэй, у которыхъ находится на службѣ въ продолженіи всей своей жизни; не смотря на польское право, нивелировавшее de jure всѣ слои литовскаго шляхетства послѣ 1569 года, Евлашевскій глубоко убѣжденъ въ превосходствѣ «пановъ» надъ шляхтичами и съ большей гордостью говоритъ о своемъ званіи слуги Ходкевичей, чѣмъ о земскихъ судейскихъ должностяхъ, которыя ему достаются по выбору, какъ члену независимаго и полноправнаго сословія.

Записки Евлашевскаго носятъ исключительно личный автобіографическій и мѣстный областной характеръ, вслѣдствіе этого онѣ изобилуютъ бытовыми подробностями и содержатъ весьма мало извѣстій о крупныхъ политическихъ, современныхъ автору, событіяхъ; о послѣднихъ онъ по большей части упоминаетъ вкратцѣ, прибавляя притомъ замѣчаніе, что желающіе ближе познакомиться съ ними найдутъ гораздо болѣе подробностей въ другихъ сочиненіяхъ. Событія эти очевидно интересуютъ автора живѣе только въ такомъ случаѣ, если они непосредственно касаются его околотка; но авторъ обитаетъ въ одномъ изъ центральныхъ воеводствъ великаго княжества литовскаго, до территоріи котораго внѣшнія событія достигаютъ рѣдко; этимъ обстоятельствомъ, вѣроятно, можно объяснить то, что изъ всѣхъ политическихъ событій, упоминаемыхъ авторомъ, подробнѣе другихъ описанъ набѣгъ Наливайка на литовско-русскія области, такъ какъ набѣгъ этотъ коснулся литовскаго Полѣсья, въ которомъ жилъ самъ авторъ.

Евлашевскій писалъ свои записки, какъ это видно изъ его собственныхъ словъ, въ концѣ жизни, именно занимался составленіемъ ихъ въ 1603—1604 годахъ, но при этомъ онъ несомнѣнно пользовался краткими замѣтками, которыя составлялъ въ теченіи всей жизни, такъ какъ время упоминаемыхъ имъ событій онъ всегда

опредѣляетъ весьма точно, обозначая не только годъ, но также мѣсяцъ и число, когда они случились.

Записки написаны на западно-русскомъ языкѣ, напоминающемъ языкъ литовскаго статута и грамотъ XVI столѣтія; впрочемъ воспитаніе, а также частыя посѣщенія Евлашевскимъ столицы и многочисленныя связи съ польскими панами отразились на его рѣчи; она подверглась, какъ намъ кажется, въ большей мѣрѣ польскому вліянію, чѣмъ рѣчь другихъ письменныхъ памятниковъ XVI стол.

В. Антоновичъ.

Самому пану Богу мому зо всякихъ добродѣйствъ его насветное милости нехъ зостава вечна честь и хвала, за которого презренемъ и я, Федоръ Евлашевскій, уродилемсе отъ выше помененыхъ родичовъ моихъ въ Ляховичахъ въ року отъ нароженя сына Божого 1546, мѣсяца февраля 7 дня, въ неделю, ночи пришлое, около полночи, а дано ми име ведля свята руского, которое было на онъ часъ въ понедѣлокъ, мѣсеца февраля 8 дня, а у римляновъ положено естъ мѣсеца марца 2 дня—Теодора, гетмана отъ Лициннуша змучоного. А яко меломъ ведомость отъ родичовъ, же въ рокъ по уроженю моемъ, промовилемъ до отца моего «абба», зъ чого се они урадовали; але я намней потомъ не мовилъ, ажъ въ полъчварта року отъ нарожиня моего почаломъ мовить, а въ пятомъ року почато мне бавити наукою рускою, кгдыжъ въ тыхъ часехъ въ той нашей стороне не было еще иншихъ наукъ, и для того пришло ми зостати зъ рускою и полскою наукою; и по жидовскый написати умеломъ, але тое письмо ихъ потребуе умеетности языка ебрайскаго, або хоть немецкого, кгдыжъ вже теперъ библия жидовская немецкимъ езыкомъ, а литерами ихъ выдана, чогобъ полскимъ езыкомъ учинити бы се не могло для ортокграфеи, якей въ иншихъ языкахъ не машъ. А потомъ, удавши се на службу, трафяли ми се таки паны, которые ме оборачали до браня поборовъ и чиненя личбъ, порозумевши на то зъ натуры способного; и панъ Богъ былъ завше зо мною.

А потомъ, за наступленемъ и поднесенемъ войны отъ короля его милости Жикгимонта Августа зъ кнеземъ Иваномъ московскимъ, року 1564 мѣсеца генваря 27 (*былемъ въ битвѣ*) на Иванымъ полю надъ рекою Улою, а потомъ—то и до вприкреня были ми частые язды на

тые войны: а яко оттеразъ упатрую, мало потребные, бовемъ же и речи посполитой пожитку не веле те войны приносили, а мне паметне зостали для утерпеня великихъ пригодъ, трудностей, шкодъ и невыповеденыхъ невчасовъ. Самому пану Богу хвала, же ме зо всихъ ихъ выбавять, а праве на некоторыхъ местцахъ чудовне охранять рачилъ, давши ми праве у вшиткихъ людей вдячность, ласку и учинность надъ надее мое, а неприятелей, которые некгды зъ задрости повставали и головы свои подносити хотели, значными пляксами отврачаючи, а упорныхъ и дивными припадками зъ света зглажаючи, жемъ тою праве толко ласкою Божою не толко убезпечоный, але и розпѣщоный будучи, никгдымъ се ку оборонѣ отъ неприятелей моихъ не готовалъ, анимъ се за слова ихъ бралъ, очекиваючи власне помсты Божой, котра тежъ никгды не омешкала, а некгды и ве мне са́мымъ ажъ плачъ и велике порушене въ духу чинила, уважаючи такъ вшехмоцного и великого Бога незапаметане мне, межи незличонымъ людомъ, яко робачка малого, и непожаловане тратити можнейшихъ надъ мене ку обороне моей.

Року *1565* мешкалемъ въ месте виленскомъ, выбираючи поборъ, названный покгловный, гдемъ мелъ великую втеху, слухаючи слова Божого ве зборе хрестианскомъ за министровъ вчоныхъ: Вендрокгорского и Костеницкого, а противнымъ зась обычаемъ зналемъ великую ласку мужа годного памети, кнезя Яна Маковецкого, архидиякона варшавского, кустоша и каноника виленского, писаря въ скарбе короля его милости, который ме барзей въ те то личбы вправилъ и доброго ме пожитку набавилъ и веля людямъ въ знаемость подалъ и залецилъ; бовемъ на онъ часъ разность веры не чинила наймнейшой розности приятелской, для чого самого тамтотъ векъ золотымъ ми се видилъ отъ нинейшого веку, кгде южъ и межи одной веры людьми облуда все аступила, а покготовю межи розными веры ани се пытай о милость, щирость и правдиве добре захoване, а навенцей межи свецкими станы. Помню бовемъ и недавно прешлыхъ часовъ, когды дисейший папежъ Клеменсъ еще кардиналомъ былъ у короля его милости Стефана въ Вилне, седилемъ у столу кнезя Балтромея Недызвицкого, каноника виленского, зъ преднейшыми слугами (влохами) его, тые же се кгды доведели, жемъ евангеликъ, дивовались барзо, яко ме смелъ кнезь каноникъ на обедъ свой взывати, а кгды имъ онъ преложилъ, же въ насъ

зъ того жадна ненависть не быва и милуемосе яко зъ добрыми приятылы, хвалили то влохи, мовечи, же ту Богъ живе; а ганили свои домовы права а роднии неснаски. О Богъ бы то далъ, абы и теразъ ласкавше веки наступить могли, жебы хрестияне, хоть въ частяхъ або обычаехъ веры порознени, але еднакъ хрестияне, преложеного и навышшого монархи хрестиянского, отца папежа, въ лепшимъ пошанованю мели, а одъ него, яко отъ отца мудрого и ласкавого зношони и милованi были, прикладомъ отца домового, который сыновъ своихъ и розныхъ отъ себе и отъ другой братіи въ обычаяхъ зносити умелъ.

1566 року, въ осени, поветре кгвалтовне въ месте Виленскомъ было; мешкалемъ подъ нимъ не мало, бачечи тамъ доктора Сепреза и иншихъ канониковъ и людей розныхъ, которе тежъ въ тимъ поветрю живо зостали были, а маючи отъ помененого доктора пересторогу, межи иншими речами, абымъ се переляkненя варовалъ, кгдыжъ се и покусы въ поветрю указують, але, если бы се що привидило, жебымъ шедлъ противъ тому безпечно и до броне се мелъ, и то мело згинути; и такъ я южъ будучи въ собе постановеный, едучи зъ Вилна до дому, мяновите въ Дорогове, въ стодоле ночуючи, обачилемъ южъ на свитаню въ избе огнистого человѣка, до которого гдымъ се порвалъ, онъ тежъ до мне выступовалъ и, зшедши се середъ избы, порвалемъ зъ запалемъ ножъ и ударилемъ нань, а онъ, зникнувши, зновъ се былъ въ тымъ же куте указалъ и знову до мне шелъ; а я шапку рутилемъ нань и окно отворилемъ; южъ малый день былъ, а то згинуло; а тамъ въ избе былъ господарь зъ жоною и пахолокъ подорожный, але того не слышели; потомъ балемъ се ехать до дому, розумеючи, жемъ се заповетрилъ; и тыжъ тамъ умыслилемъ былъ бавять се длужей, до чого се тежъ и причина налезла: згинула ми была ручница коротка зъ олстремъ зъ воза моего въ стодоле, о которой выведане копнымъ обычаемъ чинилемъ, а вшиткимъ впродь то видене мое поведалемъ. Обачили потымъ ручничку мою надъ возомъ въ самомъ верху завешану, ажъ драбину зъ веси принесши, знято ю. Затымъ невеста стара шляхтянка, неяка Жолперова, кгдымъ ей мовилъ о томъ виденю, же се бою, если бымъ кгде не заповетрилъ се, бовемъ и въ Новокгродку было поветре, она ми рече: «не бой се! не поветре!» але указавши недалеко свой домекъ, «зъ окна, поведила, виделамъ завше, яко лятавецъ при-

ходитъ до той ту невесты господарской». И такъ за ее отухою ехалемъ до дому, где за ласкою Божою зе вшиткимъ здровымъ былемъ. Одножъ потомъ ве три чверти року припадать ми почало въ спаню за якимъ колвекъ злякненемъ душене прикре барзо; и меновали докторове ту хоробу инкубусомъ и лечено ме на то на розныхъ местцахъ, але хоть южъ не такъ часто, яко зъ перву было, однакоже презъ увесь животъ мой почувалемъ я въ собе той припадокъ.

Тогожъ року 1565 на перше роки земске ве всемъ панстве Литовскимъ о светомъ Михаиле, а Новокгрудски, за заповетренемъ места Новокгродского, въ Ляховичахъ сужоны были; а старостою на онъ часъ былъ ляховицкимъ панъ Володимиръ Семеновичъ Заболоцкий, зацного дому человекъ зъ Москвы.

Року 1565, а веку моего 21, были летомъ у короля его милости Жикгмонта Августа послове великые московскые, то есть на имя: Федоръ Ивановичъ Колычовъ, наместникъ суздалскій, человековъ зъ нимъ 728, а коней 922; Григорій Ивановичъ Накгой, дворецкий, людей зъ нимъ 269, а коней 384; Василей Яковлевичъ Щолкановъ, дьякъ або писарь, людей зъ нимъ 228, а коней 332. Сума всихъ людей 1,225, а коней 1,638; зъ которыми о спокою ницъ се не постановило. Тое же осени король, его милость, былъ зъ войскомъ въ шику подъ Радошковичами.

Року 1568 по сойме Кгроденскомъ и по зезде воинскомъ ехалъ король, его милость, до Люблина для скончени унеи; откуль року 1569, на другой недели посту великого, панове сенаторы литовсцы, бачечи веле речей собе противныхъ, отехали были зъ Люблина; вшакже по великой ночи презъ универсалы короля его милости, за печатю коронною вынесеными, знову до Люблина собрани будучи, скончили унию августа месяца 11 дня. А предтымъ еще земля Киевская, Волынская и Подляшская до коруны присужоны и списами прилучоны были, не за разъ, але зъ особна по одной земли отъ Литвы урываючи, яко свитчать привилия имъ даные: въ Подляшскомъ найперша дата, албо снадней одерване; марта пятого, за тымъ у Волынской земли двадцать шостого дня мая, а Киевска земля и далей затрмана была, ажъ ей привилей выдано шостого дня чирвца въ ономъ же року 1569.

Року 1570 былъ съемъ у Варшаве, але се розехали безъ констытуцией за незгодою, а подъ тымъ часомъ послы были у московского, а мenовите съ Полски: панъ Янъ зъ Борчина Кротоский, воевода иновлодзславский, и панъ Рафалъ Лещинский зъ Лешна, староста радеевский, а зъ Литвы: панъ Миколай Тальвишъ, каштальянъ менский, а панъ Андрей Ивановичъ, писарь короля его милости; которые князю великому московскоиу Ивану Васильевичу о доконченью унее нашое ознаймили и примере на три лета принесли. Смеялсе московскій на ознаймене уней, мовечи: „давномъ я то видалъ, же Ляхи и Литва королевские".

Того року трохамъ былъ до дому се зъ Варшавы звротилъ въ лете и знову зъ початку осени ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ тамъ презъ вшитку осень . . . . . спыскovалемъ въ потребахъ короля его милости, хоть ми послуга мерзила.

Пріехалемъ до дому остатнего дня грудня въ року 1570, где заставши пана отця и паню матку у вечери, заразъ не моглемъ доседеть у столу: припала ми срога горячка, бовемъ въ дорозе меломъ при собе хорыхъ людей и заповетрилемсе отъ нихъ еще у Венкгрови, а потымъ, жемъ презъ тыйдень ехалъ не подаючи се, ажъ южъ гвалтовне мя въ дому зломало, и то была дивна справа Божа, же ми въ дорозе уфолкговать рачилъ. Лежалемъ въ той хоробе семь недель и отпадывалемъ, або въ рецыдыве входилемъ, трикрать, даючи причины на то зъ необаченя моего, яко въ молодомъ веку моемъ. Ледвемъ се выбилъ и оздровляти почалъ подъ месопусты въ року 1571.

Въ томъ року 1571, по великой ночи, ехалемъ до Варшавы и мешкалемъ при дворе; ажъ липца 17 ехалемъ былъ до дому и, приехавши до местечка, што се зове Добрымъ, захоралемъ на горючку и казалемъ се везты ажъ до Брянска, маючи тамъ доброго человека, кгосподаря Яна Манзика, гдемъ долежалъ выпоценя и скончения той хоробы; а пани матка моя, не ведаючи о мне, гдемъ былъ и што се зо мною деяло, але серцемъ материнскимъ чуючи то, велце се зфрасовала и здорове собе попсовала, звлаща по первихъ хоробахъ моихъ и фрасункахъ своихъ значне здоровя урвала; и за приеханемъ моимъ до дому але по первимъ привитаню жалосный былемъ, розумеючи о ей недолгомъ животе; якожъ потомъ въ марцу пришломъ живота доконала.

А я еще осени той мусилемъ Варшаву наведити, кгдыжъ тамъ король, его милость, Августъ мешкалъ, а мне потребы короля, его милости, правние ку отправованю злецоны были.

На почтаку року 1572 былемъ забавеный потребами его милости пана Миколая Криштофа Ходкевича, маршалка дворного, княжати на Олыце и Несвижу, а теразнейшого пана воеводы троцкого, которыхъ потребъ, яко у пана великого, досыть было. Але ми се наприкрили надъ инше справы якогось пана Шахна, земянина его княжеской милости зъ маетности Сверженской, который, задарши се зъ паномъ Миколаемъ Служкою, старостичемъ крычовскымъ, суседомъ той-же маетности Сверженской, дивне штуки вырежалъ и паны затруднилъ, ажъ добре се его милость панъ маршалокъ (звлаща яко въ молодымъ веку самъ) доведивши се, зъ паномъ Служкою до поровнаня приятелского пришолъ и пану Шахнови за добре не мелъ. Отъ тыхъ часовъ завшемъ служилъ въ потребахъ его княжеской милости, пана воеводы нинейшого троцкого, хоть потымъ не завше притомне, однакже правдиве и пилне ажъ до той старости моей, въ которой то, а меновите въ року панскомъ 1603 пишу и деткомъ своимъ раду мою зоставую, абы се при мне и по мне его княжеской милости и деткомъ и домови его княжеской милости прикладомъ моимъ служить се не вымовляли. Въ томъ року 1572 дня 8 февруарія сполнило ми се отъ нароженя моего летъ 26, а семый двадкцатый насталъ.

Въ тымъ-же року нещасливого месеца марца второго дня въ неделе преде́днемъ умерла намилшая матка моя Феодора зъ великимъ жалемъ пана отца нашого и насъ, детей ихъ милыхъ; которой тело пристойною учтивостю поховано въ Ляховичехъ въ церкви руской.

А ту се за смертю пани матки моей розерване мыслей моихъ стало второе: были ехать до Угоръ и до Турціи, зведати инше краины далеке, научить се ремеслъ розныхъ, кгдижемъ былъ жалосный.

За смертю пана отца моего детокъ ховане и опатроване албо опека детокъ ихъ, братей и сестеръ моихъ, на мя припадши, въ тыхъ кутехъ света мне затримали.

Того-жъ року былъ съемъ валный у Варшаве, але король, его милость, Августъ южъ былъ хорый, протожъ се ничого не постановило. Былъ и чаушъ отъ турка; слухали го панове радние; на местцу коро-

левскомъ арцыбискупъ Якубъ Уханский седилъ. Мовилъ турчинъ, слуга чаушовъ, за его указованемъ турецкимъ, по латине, которому признавано, же добре мовилъ; а при отправеню чинилъ му респонсъ панъ канцлеръ Валентый Дембинский по полску. И татаринъ нашъ наготованный хтелъ му толмачити, але чаушъ не казалъ, поведаючи, же самъ розумитъ по полску; указовано то отъ многихъ людей, же се туркове въ Парыжу французкомъ пилне латины учатъ, а бодай не перенеслы се до нихъ науки, яко се переношали первей отъ народовъ тыхъ до другихъ, што теперъ, яко слышемы о великихъ наукъ розмноженю въ панствахъ турецкихъ, хоть тежъ и веля християнъ, туркамъ прилеглыхъ, въ языку се ихъ турецкомъ закохали; а што ведеть, ку чому то за часомъ своимъ панъ Богъ привести будетъ рачилъ?

Подъ тыжъ-же часомъ король, его милость, фримаркомъ за Свислочъ пустилъ Ляховичи его милости пану Яну Ходкевичу, на онъ часъ старосте жмутскому, и взялъ е его милость 12 дня червца въ томъ року 1572; того тежъ дня человекъ зацный, подле Ляховичъ мешкаючий, Федоръ Юрыга, умеръ; ямъ былъ у Варшаве при дворе, где тежъ поветре морове значне се показовало. Король не хотелъ было выехати, ажъ дворяне на замку мреть почали: померли пахолята Быліцкій и Конарскій, а червца 19 умеръ князь Массалский, въ ласце на онъ часъ королевской будучий, тедыжъ король его милость, улекнувши се, далъ се вывезти на ночь до Пракги за реку Вислу; и такъ далей проважоно короля у возе великомъ, на то заготованомъ зъ блоками, а въ нимъ ложко зъ королемъ лежачимъ высело. Приехано зъ нимъ такъ до Кнышина 28 червца, а я еще въ дорозе впалъ въ тежкую горючку и казалемъ се вести до Кнышина, кгдемъ се ледве зъ тое горючки выходилъ. Умеръ король, его милость, Августъ въ понеделокъ липца 7 дня, годины третей зъ полудня, которого смерти, яко се тамъ сподевано, не таено, але заразъ всимъ обявлено 8 дня липца; въ шаты королевские убрано 9 липца; еще безъ труны на столе при стене всимъ людемъ, кто хотелъ видети тело королевское, указано. 10 липца до труны тело вложоно; а за тоюжъ смертю короля его милости и хоробою моею зостали листы мое неподписаны, которые мне король, его милость, на маетности данне написати былъ казати рачилъ, што се великому нещастю моему причитати мусить.

За тымъ зъезды въ Полще и въ Литве бывали. Послы цесарские и отъ иншихъ пановъ приездили; отъ турка се пилно выстерегали; немней розерваня зъ Литвою обавяли се, абы се Литва зъ московскимъ не порозумела; и протожъ были отъ поляковъ въ Кгродне панъ воевода подолский и панъ каменецкий, кгде се о згодной елекецыей намовили (опускаю то, яко ведаючи достаточне то отъ иншихъ выписано). Въ тымъ-же року 1572, видечи я пана отца моего осиротелого и велце для смерти малжонки своей жалосного, радячисе и намовляючи се зъ нимъ, зрозумилемъ, жебы позволилъ на якимъ владычестве живота доконать; доведивши се о ваканцыей владычества пинского, чинилемъ всяке старане, не жалуючи працъ, накладовъ и розныхъ практикъ, кгдыжъ то все для добродея отца моего милого былъ повиненъ; але кгды ми до накладовъ пенезей не стало, былемъ такъ нещастный, жемъ се ту около Ляховичъ у людей тыхъ, кторымъ емъ се часто въ потребахъ ихъ згожалъ, на узычене пенезей спосабити не моглъ; ажъ, о которомъ мней надеи мелемъ, панъ Андрей Ждановичъ Доровский, и по смерти му добре слово зоставую, же ме пенезми былъ поратовалъ, жемъ то владичество пинское пану отцеви отрималъ; на которое въ року 1573 стычня 15 дня въ Новгородку отъ митрополиты Ионы Протасевича посвецоный былъ; до Пинска приехалъ на столицу свою 26 стычня въ понеделокъ. Зъ тыхъ всихъ речей нехай буде на веки самому пану Богу честь и хвала. Аминь.

А такъ, зъ Пинска се отправивши, почаломъ се старати о отыскане въ Турове, где князь Костантынъ, воевода кіевский, боронилъ, для чого знову переездовъ и накладовъ не мало быти мусело; былемъ въ Турове у княжати, и зоставилъ ме еще на обетницы, и такъ долго зволокъ, ажъ въ Кракове на коронацией короля Генриковой року 1574, кгдымъ му послужилъ до отысканя именей Острога и иншихъ, презъ пана Лаского, воеводу сирацкого, королеви Августови заведеныхъ, тожъ былъ въ Туровъ пану отцу моему поступити казалъ. Тамже ркомо, поуспокоивши се, панъ отецъ мой былъ на той зацной столицы владычества пинского въ всякомъ люцкомъ поваженю, доброй славе и оздобе, але не долго, бо въ року 1574, будучи въ Турове, впалъ у фебру и зъ полрока въ ней бывши, умеръ въ Пинску, року 1575 дня 9 марца въ середу ранючко, где потомъ и тело его поховано въ

церкви святое Пречистое, а на мене припало ховане детокъ и плачене немало долговъ его. Але Панъ Богъ мой не опускалъ ме и въ тыхъ речахъ, розумови моему трудныхъ, але ме значне ратовалъ и зе вшехъ ихъ выбавити рачилъ; нехай буде зе вшехъ добродествъ своихъ Панъ Богъ похваленъ на веки. Аминь.

Въ томъ тежъ року умеръ въ Ляховичахъ сынъ пана виленского, панъ Ярошъ, маючи около летъ 15, а въ той молодости своей былъ мудрости и розторопности великой. Умеръ тежъ панъ Андрей Грегоровичъ Ходкевичъ, подстолий великого княжества литовского, велице добротливый и рыцерский панъ, которому мено было дати въ малженство воеводянку виленскую Радивиловну, але се то тою смертиею пана подстолего розервало; и выличилъ небощикъ панъ виленский, же то южъ была за его ведомостью одинаста пара людей зъ дому ихъ Ходкевичовского, приходечи до сповиноваценя зъ домомъ Радивиловскимъ, розервана.

Року того-жъ въ маю зъехавши се панове и рыцерство до Стенжицы, конклюдовавши Генрика короля болше южъ не чекати, до елекцыей нового пана приступили и змешкавши тамъ три неделе, розехали се, въ розерваню ничогô не справивши. Ехалемъ за позволенемъ пана моего до Острова, у Люблина местечка будучого, мелемъ справу тамъ зъ шляхтою Казновскими отъ ихъ братовое, цорки годного памети мужа Стефана Мостовничого, отца суседовъ моихъ, пановъ Вадошинскихъ. А, едучи до Брестя, предъ Полюбичами былемъ въ великомъ страху отъ грому, же муселисмы подъ частыми срокгими перунами, значне межи нами спадаючими, ехати мили зъ полтретей, не маючи, где зостановити се; потомъ, приехавши до дому, былемъ у того-то пана Мостовничого, а меновите липца 24, въ неделю, а межи иншими розмовами припоминалемъ тотъ страхъ громовый, якосмы се натерпели; онъ на то поведилъ, же му еще молодому въ Кракове отъ якогось переежучого кгвяздара практыковано, же мелъ меть смерть отъ грому въ року живота его шестдесятымъ, а яко-бы му южъ зъ ласки Божей лятъ шестдесятъ минуло; и такъ се покгласкалъ по бороде; за чимъ на серцу моемъ стало ми го барзо жаль, и пытамъ: если се боитъ, кгды му се трафитъ быти подъ громомъ? реклъ ми на то: же не дбаетъ никгды, ежели где потреба была зъ душнымъ збавенемъ. А по тыхъ розмовахъ

и розеханю нашомъ въ десети дняхъ, меновите серпня 4 дня, въ четвергъ, того пана Мостовничого громъ забилъ въ полю, подъ сосною, подъ которую былъ, для дощу подехавши, станулъ.

Въ той-же осени былъ панъ виленский зъ войскомъ у Лифлянтехъ; зобравши се, взелъ Борку. А ямъ былъ на Волыню и у Олыце. А (къ) воли пану Стефану Лозце, маршалку мозырскому, былемъ зъ нимъ у Бабине, у шляхетного мужа, пана Андрея Бабинского и змовилисмы за него сестру пана Ложчину, панну Томилу, въ томъ року 1575 месеца паздерника 21 дня.

Року 1575 мисяца лютого осмого дня сполнило се мне летъ тридцать и насталъ рокъ 31. Воды въ томъ року на весне гвалтовные были, и трафило ми се быти, кгды бронено вырваня у млына ляховецкого, названого нового. где Янушъ млынаръ сталъ на крайней балце, отбияючи пешною кригу ледовую, а за нимъ два хлопы древномъ великимъ зъ мосту тлукли тежъ ледъ и упустили тотъ паль, который, выпадши имъ зъ рукъ, ударилъ Януша млынаря въ тылъ головы; а онъ упалъ въ ставъ до воды и заразъ презъ упустъ пренесеный на долъ у глубину великую и не рыхло зъ ней указалъ се, несеный далеко водою, а пешне предъ се мелъ въ рукахъ своихъ; ажъ такъ и вышелъ зъ воды и надъ надею всихъ насъ, люди тамъ будучихъ, живъ зосталъ, бо не можна му было жадного ратунку дати.

Лета того отъ неякогось Пацкевича Степана и Михайла Зверева москвитина и отъ инишхъ непріятелей моихъ, щастю моему, хоть маломy, предъ се заздрощаючихъ, мелемъ немалые фрасунки, зъ которыхъ ме самъ толко Панъ Богъ, хвалы вечное кгодный, вызволилъ. Въ томъ-же року вересня 11 дня былемъ на комисей въ Менску, межи князем Соломирецкимъ и местомъ менскимъ; была бурда велика тамъ и также Панъ Богъ оборонилъ.

Паздерника 5 выехалемъ зъ дому до Туруня и вступовалемъ до Белой, где была справа велика его милости пану Радзивилу зъ опекунами Тетерского о имене Свержино; отъ тудъ на Варщаву ехалемъ и былемъ въ Туруню 23 того месеца паздерника; тамъ былъ южъ Стефанъ король, яко 15 дня того месеца приехалъ и сеймовалъ, а цесарь Максимилиянъ 12 дня паздерника умеръ; на сейме тымъ, кромъ намовъ о Кгданщанахъ ничого не справивши, пожегнали послове ко-

роля его милость 2 декембра. Ямъ не мало справъ судовыхъ мелъ предъ королемъ его милостю и щастило ми се за ласкою Божою.

Позналемъ се тежъ зъ королемъ Стефаномъ и его венкграми, которыхъ найчастей панове до себе на обеды прошивали; и я помню: Заичди Янушъ, Барити Юригай, Нодохъ Петеръ, Батори Петеръ, Бурномиса Янушъ, Кенды Петеръ, Верфевичъ Мартинъ, Полякъ Мигай, кухмистръ Крачокъ, а пахолята: Ференцый и Асемерый.

Тамъ-же въ Туруню привиталемъ новый рокъ 1577, а въ нимъ приехалемъ до дому въ неделю дня 13, месеца стычня; а уклопотаный вже будучи працами и волокитами уставычными, уважаючи тежъ волю и росказане Бога всемогучого, уступилемъ въ томъ року 1577 месеца февраля десятого дня въ малженство светое зъ теперешною малжонкою моею, Ганною Болотовною, сестрою пана Данила Болотовича зъ Руси; которыхъ то Болотовъ продокъ, человекъ значный, еще за короля Казимира зъ Москвы былъ приехалъ, на имя Антоний Болото; и былъ славнымъ мужомъ и потомки его презъ часъ немалый; а другие зъ нихъ, розродивши се, розно се розышли и подъ панами некоторыми оселости боярские побравши, яко то ве Шклове и инде, мешкаютъ. Въ маетности смы се зъ обу сторонъ ровной знесли были, але, зъ блогословенства Божого, была намъ семйа спора и помнажаючаясе надъ працу и надею нашу; милемъ зъ нее добру жону; не уприкрылы ми се для ней дни живота моего; была бовемъ у пригодахъ и хоробахъ серца мужского, цноты великой, пыха и злие мысли снать у ней никгды до серца не наступовали, ку убогимъ, хорымъ и засмучонымъ людямъ упреймого милосердія, же и въ ночи, спати не могучи, о таковыхъ ратунку мыслила и старане чинила; а хоть у вере руской трывала, але такъ бачне и не упорне, же то намнейшей незгоды не указовало и люди видеть того не могли, тымъ-же болшей, смотречи на наше спокойное тихое и веселое помешкане, въ заздрость впадаючи, мовами своими фальшивыми насъ щипали и разными способы иншими; а наконецъ и чарами прешкодити то усиловали, але Панъ Богъ, который ме паслъ одного самого, не опустилъ ме и зъ тою малжонкою моею и не подавалъ насъ на волю неприятелей нашихъ, але, ихъ самыхъ розными плякгами дотыкаючи, яко отъ скалы отъ насъ отпалыхъ и завстыжоныхъ зоставовалъ, а насъ, зъ ласки своей, въ де-

точки помнажалъ; якожъ напродъ ку великой потешности далъ намъ первородного сына Ярошa, а потымъ иншие сыны и цорки, же по нинешный рокъ 1604, яко се то нише, сполнило се сыновъ 9, а цорекъ пять, зъ которыхъ южъ мамы Ярошa, сына намъ милого, жонатого, а цорку нашу Райну въ малженстве за паномъ Яномъ Грескимъ выданую, о чомъ будеть на потымъ на местцу своемъ ширей.

Въ томъ року бавилемъ се въ дому его милости пана виленского, а начастей въ Ляховичахъ мешкалъ. Подъ тымъ-же часомъ въ маетности бискупства виленского у Недведичахъ былъ урядникомъ панъ Василей Рогачовский, человекъ мудрый и великого захованя у людей. Мелъ малжонку у себе Токачовну, невесту барзо добрую; ово не ведетъ зъ чого впалъ въ меланхолию, о всемъ собе зле тушачи, наконецъ о ласце у князя Валерьяна, бискупа, пана своего, и товаришовъ; а бискупъ онъ цпотливый миловалъ его яко сына и товариши не были му незычливыми; которого, яко на ме велце ласкавого, розными способы отводилемъ отъ того и подняломъ се былъ ехать зъ нимъ до Вилна для опатреня здоровя его; а, зрозумевши по нимъ, же мыслилъ о учинене якой смерти собе, бо ме просилъ за жоною и цоркою своею, ознаймилемъ малжонце и некоторымъ слугамъ его; якожъ они покрыли были желѣза и ручницы, але въ понеделокъ святочный въ тымъ року, мая 27, кгды се люди при полудню розешли, замкнувши се самъ одинъ, ручникомъ се въ избе (повесилъ). Стало се то зъ великимъ страхомъ людцкимъ, и самъ его милость панъ виленский, услышавши то въ Ляховичахъ, былъ дивно стрывожоный и веле на то мовилъ, конклѣдуючи: «же не ведаютъ люди, не ведаютъ, що есть шатанъ!» а потомъ за его-жъ милости помочю выпровадилемъ зъ Медведичъ до себе въ домъ малжонку и цорку небожчиковску и поховалисмы тело его въ Ляховичахъ у старой церкве, а пани, змешкавши при мне и жоне моей въ дому моемъ шесть недель, отехала въ поветъ минский и шла была замужъ за пана Макаровича. Я, жемъ се былъ барзей престрашилъ, бовемъ першого-жъ дня, звлаща въ ночи, былемъ тамъ у паней Рогачевской, и зnову въ Ляховичахъ, мелемъ се не добре ве спаню, а летавцамъ што начастей видалъ, не толко въ ночи, але и ве дне, же и иншие люди, при мне будучи, видали; мне тежъ не дивъ было: надивнейший припадокъ, о которомъ въ року 1566 писалемъ.

Того-жъ лета король, его милость, Стефанъ подъ Кгданскомъ зъ войскомъ былъ, а московский Иванъ у Лифлянтехъ замковъ веле побралъ и позаседалъ; тамже зъ подъ Кгданска зъ обозу принесено ми листы короля, его милости, на мостовничество пинское и сервецкое, по небожчику пану Стефане вакуючое.

Въ месецы лютымъ указала се была комета велика на зимнымъ восходе сонца и была часъ немалый.

Року 1578 его милость панъ Ходкевичъ, панъ виленский, самъ зъ войскомъ ехалъ до Лифлянтъ, барзо хорый, а мене на съемъ до Варшави выправилъ въ пилныхъ справахъ своихъ и княжати Корецкого, пришлого зятя своего; который съемъ зачатый былъ стычня 20 дня; маршалковалъ межи послами нашъ литвинъ—князь Лукашъ Болько Свирский. На тотъ съемъ привезено Подкову и дано его заразъ за стражъ гайдукомъ, потымъ и пута нань вложоно надъ надее его, кгдыжъ му ласку королевску обецовано; того-жъ потымъ лета пришлого ве Львове, къ воли туркови, стяти дано. На томъ-же сейме былъ у Варшаве княже Ерый Фрыдерыкъ зъ Аншпахъ, маркграбя бранденбурский зъ малжонкою своею; вырежалъ му король Стефанъ и королева велику учтивость и банкетъ великий ве дне и въ ноцы зъ танцами чинено; и выправилъ собе опеку надъ княжатемъ пруским, але му потомъ княжна малжонка его умерла; шидзоно при дворе, же се порушила танцемъ, припоминано то тежъ, же нешкодене (sic) былъ его милость панъ Замойский, канцлеръ, отъ того Аншпаха, яко и отъ Кгданщанъ, а то щасте вшистко праве заразомъ зъ ласкою королевскою ему было припало.

Въ томъ-же року по святахъ въ Новгородку, подъ роками земскими, запаливши се въ ночи отъ стодолы пана Андрея Ивановича, писара короля его милости, згорело домовъ 12. Въ тежъ часы умеръ панъ Александеръ Ходкевичъ, староста городенскый, панъ барзо добрый; погребъ былъ тела его у Супрасли 31 дня августа отправеный. О светомъ Михале былемъ при его милости у Городне, маючи великие справы передъ судомъ земскимъ.

Того року 1578, 22 октобра побито отъ нашихъ Москвы подъ Кесю о два (пробѣлъ въ подлинникѣ) и арматы немало побрано (пробѣлъ въ подлинникѣ).

Року того-жъ 1578 въ листопаде дня 9, въ день неделный, умеръ княже его милость Юрей Слуцкий, презъ великие богатства и скарбы собраные славный панъ.

Року 1579 о трохъ кролехъ былемъ у Городномъ, маючи потребы немалые. Въ лютымъ засе 23 дня умерла побожна пани Маковецка Анна зъ Синевицъ. Въ маю тожъ 3 дня въ неделе былемъ при великимъ жалю и фрасунку у пана Ивана Баки у Осташине, именю его, где му умерла малжонка Александра княжна Крошинская. Человекъ то былъ невыповедяной доброти, пани шляхетна, бокгобойна, уроды пекной, але покоры болшой якъ веры, же отъ пана Бога и людий всихъ была милована; пророковалемъ на серцу моимъ, же не мелъ мети такой другой: якожъ взялъ потомъ тетку ее, котора первей была за Турчановскимъ и Подаровскимъ, Татянну Скуминовну, далеко южъ розну отъ той першой, хоть сестреницы ей, надеръ скупую, котора до забраня пенезей ему помогла, але отъ датку на зборъ новокгродский и учинки милосерные звыкло отвела, бо за небожчицу першую и мне былъ кони зе три далъ, а за той ни козлятка, а еще ме и великой шкоды набавилъ: напервей по забитю сына моего Яна при Бруханскомъ преставалъ, а потомъ, за отданемъ отъ велможного пана Александра Ходкевича маетности Добромышльское сынови моему Ярошови, былъ заздростю затопеный, штрафуючи о то зацного пана и шацуючи ту маетность на пятнадцать тисячей злотыхъ: затымъ одервалъ въ Деревней себе до живота: влокъ оселыхъ зъ рудникомъ и млыномъ пять, а суми прибавилъ за выкупно у себе-жъ надъ 14 сотъ копъ грошей—еще шесть сотъ копъ грошей: нехъ му то тогда Панъ въ онъ день справедливый Судя (одтасть).

Того-жъ року 1579, августа 4, у второкъ, годины 18, въ месте виленскомъ умеръ онъ великий панъ, а монархамъ справами своими ровный Янъ Ходкевичъ, панъ виленский, староста жмудский, зъ велкою жалостю люду посполитого; которого потомъ 13 октобра погребъ отправено на замку виленскомъ, въ костеле святого Станислава. Король его милость Стефанъ въ те часы былъ зъ войскомъ подъ Полоцкомъ: и добыто Полоцка 30 дня августа.

Потомъ въ декабры былъ соймъ у Варшаве, на которомъ панъ Андрей Тризна и я зъ повету новгородского послами были, и працо-

валисмы, пишучи трибуналъ; якожъ увесь написаный и король его милость подписалъ его намъ, але выдати не могъ безъ констытуцыей, которой зъ того сейму не было, толко универсалъ поборовый. Была тамъ у Варшаве ей мость пани виленская, стараючи се о вечность маетности Свислоцкой.

Докончилъ се тотъ соймъ 9 стычня року 1580, а въ тыденъ потомъ было веселе на замку; отдавалъ панъ канцлеръ Замойский сестру свою за пана Дялынского.

Тамъ-же у Варшаве року 1580 стычня 18 згорело на предзамчу 60 домовъ; гайдуки и венкгрове незле бронили, лечь неподлей и рабовали, што се трафило, а король его милость былъ убралсе по великой острожности, бовемъ то въ ночи было.

Въ року 1580, месеца кветня 23, въ суботу, на проящдце короля его милости Стефана у Вилни, замовивши се его милость панъ Криштофъ Радивилъ, панъ троцкий, гетманъ великий зъ паномъ Володимеромъ Заболоцкимъ, москвитиномъ, якобы Влодымиръ не хотелъ му шапки зняти, пришли потомъ до словъ злыхъ зъ обудву сторонъ: здрады и отметки; кгды се мовилъ панъ троцкий на Володымира, теды Володымиръ мовилъ: «самесь такий». Зачимъ, образивши се панъ троцкий, ехалъ до пана воеводы виленского, отца своего, который, выслухавши скаркги о той припадокъ, такъ му рекъ: «не помстишь ли му се того, теды и я о тобе такъ розуметь буду, яко то онъ назвалъ». Той ночи намней панъ троцкий не спалъ, фрасуючи се на Володимира, а сталъ за брамою завилейскою въ дворе своемъ, прозванномъ Довойновскомъ, где до его милости зъехали се ротмистрове и жолнере великое множество; а Володымиръ сталъ у мещанина Полгрошка, которого дахъ припущоный былъ въ дахъ каменницы Авкгуштына, войта виленского; зъ которое-жъ то каменицы и даху войтовского коморники пана троцкого вшедши подъ дахъ Полкгрошковъ и прекопавшись въ песку на избе, видели Володымера и што се зъ нимъ деяло, яко потомъ ездилъ до пановъ сенаторовъ, просечи о поеднане пана троцкого, але же се было спознило, обецали му се были на ютро. Потомъ въ господе своей ходилъ до лазней, о чимъ всемъ давали знать коморницы и инша челядь пану троцкому, пытаючи се: «каже ли? теды могутъ его зъ пулгаку забити». Але его милость не казалъ, и

такъ въ тыхъ пересылкахъ ночь зошла, а рано, въ неделю 24 кветня, ведечи панъ троцкий о всемъ, же се Володимиръ готовалъ до церкви светое Пречистое, заехалъ зъ улицы и брамы Завилейской ку костелови св. Духа, где велкость людей пешихъ въ кляшторе была, а ездни въ улицы; и перепустивши Володимира за фортку, одни зъ стороны, а другие зъ великихъ воротъ и зъ той улички указали се, предъ которыми шолъ пехотою (пробѣлъ въ рукописи). Кгорецкий, маючи свой гневъ на Володымира, тотъ споткавши се кинулъ Володымерови камнемъ до перси, а Володымиръ добылъ шаблицы, которую носилъ зъ правой руки и левою се рукою боронилъ потужно. Москва, его слуги, поутекали, окроме Путила званого москвитина; тотъ се самотреть зъ литвинами двема зостановилъ, але отъ велкости людей поранени зараземъ были, а Володымиръ, ку одной строне подъ муры складаючи се, уступовалъ; тамже его тотъ-же Кгорецкий кордомъ подъ правое перси перепхнулъ, же южъ безъ мовы ве двухъ годинахъ умеръ.

Та весть кгды короля Стефана на замку, еще не убраного, дошла, дивне се былъ стревожилъ, же не рыхло до убираня пришолъ, ходечи по покою, ляментуючи, ажъ подканцлерый коронный, князь Боруховский, приехавши, гамовалъ его, розважаючи тотъ нещастный припадокъ: ведаю, же и самъ панъ троцкий не хотелъ его забити, одно выбити, але се то иначей стало за власною вазнею Кгорецкого, же Володымиръ, зоставши старостою трабскимъ, приворочалъ его подъ свою владзу зъ якимсь именьемъ его, которе предъ тымъ въ присуде тымъ трабскомъ было; ехалъ былъ заразъ потымъ панъ троцкий до короля, але король, выславши къ нему того-жъ кнезя подканцлерого, воротилъ его и до себе ити не казалъ былъ; потомъ самъ панъ воевода виленский у короля былъ, отмовляючи сына свого и заступаючи, же то онъ казалъ, здаючи здорове свое на волю и ласку его королевской милости.

Не мало се то такъ терло. Сенаторове короля его милости усмиряли, ажъ 11 дня мая въ середу допустилъ король его милость пану троцкому въ себе быти, застановивши, абы намней Володымира не упоминалъ; и седилъ король на предпокою, а мы люде, не ведаючи того, тиснелисмысе, хотечи слышеть рацыю обмову пана троцкого, который, пришедши, просилъ короля, абы не мелъ за зле, же презъ

тотъ часъ зъ некоторыхъ нещасныхъ припадковъ своихъ у его королевской милости не бывалъ, надто ничого болшей не мовечи; шелъ король на покой, а сенаторове, допровадивши его, заразъ зъ паномъ троцкимъ розехалисе.

По тымъ на першомъ сейме, зъ ведомости королевское, сестра Володымирова, котора зъ Полоцка зъ мужомъ была взята, позвала была пана троцкого; тамъ также самъ панъ воевода виленский пана троцкого заступовалъ. А маючи вшитокъ сенатъ по собе, короля ублагалъ и сестре Влодымеровой щось пенезми далъ. На онъ часъ, при забитю Володымира, король, въ тымъ своемъ запаленый гневе, написалъ былъ цедулу рукою своею: кто былъ Володымиръ, яко летъ двадцать чтыри стравилъ, на дворехъ королей венкгерского и полского се мужественно завше въ речахъ рыцерскихъ поступуючи, а того дня у спикненю и збунтованю людскомъ згинулъ; и хтелъ то мети на хоругви надъ гробомъ его.

Ямъ былъ добре ведомъ Володымира: и не учинилъ того онъ зъ пыхи якой, не чапкуючи пану троцкому, але зъ меланколией своей великой, же, едучи, самъ зъ собою мовилъ, мыслилъ и частокротъ, на спотканю зъ паны, миялъ ихъ, запомнявши се, хоть кто другий чапкованемъ почастилъ, то ажъ напомненый отъ слугъ, волалъ за нимъ, для Бога просячи, абы не мелъ за зле.

Въ тежъ часы былъ у короля въ Вилни гонецъ московский, стараючи се о вызволене вязней и о примире.

Року того-жъ 1580 червця пятого дня, дворяне королевские, зеслани во Трокахъ, поймали и, приведше до Вилна Григора Остика, дали до везеня пану маршалкови, которого потомъ, неякихъ намовъ и порозуменя его зъ Москвою досвятчивши, дано его стяти 18 дня того-жъ мисяца червца въ месте виленскомъ предъ костеломъ святоянскимъ. А король того вечора выехалъ былъ на войну, и былъ потомъ подъ Луками.

Въ Слуцку на тотъ часъ были 4 докторы: сандомерский Бартолянъ, краковский Мартинъ, Фоскосъ любелскый, Лаврендыушъ слуцкий, старый и добрый; тамъ се веле пановъ, пань и розного стану людей на лекарство зъехали, и якому Панъ Богъ здарилъ, оправовали се.

Року того-жъ 1580 вресня 5 король его милость подъ московскимъ

Луки взялъ былъ и людъ подъ мечъ дано было, яко упорный, который замокъ потомъ за примиремъ верненъ московскому. Въ тежъ часы панъ Филонъ [1]), убезпечоный презъ фалшивые шпакги зъ невеликимъ людомъ припалъ былъ до Смоленска, а тамъ великое войско было московское, же ажъ той-же ночи Филонъ уходилъ; людей нашихъ сила погинуло; тамъ-же суседа моего Михайла Зверова, москвитина, поймано и обвешоно; былъ ми то велкимъ неприятелемъ, пане Боже отпусть му! Въ томъ-же року былъ король его милость, змовляючи се о потужности пришлое войны. Року 1581 генваря 20 въ пятницу жона моя мила, Ганна Болотовна, уродила мне сына Иохима тужъ преде днемъ, а на цаломъ зекгару годины 14. Тотъ на сесь часъ, вже тому три роки, ве Влошехъ у княжати Мантуанского. Пане Боже му блогославь!

Въ месецу червцу Москва, невидоме въ руски земли вторгнувши, огнемъ и мечемъ и забранемъ великие шкоды починила.

Того лета и весны, въ року 1581 король Стефанъ былъ подъ Псковомъ, гдемъ ижъ презъ хоробы мое не былъ, слухаю радъ иншихъ, которие, ведоми будучи, о томъ выписали; Бородичъ панъ Иванъ, повинный мой, едучи зъ подъ Пскова, умеръ въ дорозе кгрудня 22 дня, а похованъ у Кгравжишкахъ.

Року 1582, названого отъ мене нещасливого зъ певныхъ причинъ, же ми въ нимъ марца 22 умеръ милый и единый же у мене рожоный братъ мой Иванъ въ месте виленскомъ; и не дошла ме та ведомость презъ злую дорогу, ажъ за тыйдень; презъ который тыйдень, будучи я въ дому моимъ, яко у тридцяти миляхъ отъ Вилна, тескнилемъ барзо, жаловалемъ и мовилемъ до жоны моей, же запевне ми братъ умеръ; такъ то серца людзкие чують зъ далека припадки детокъ и милыхъ приятелей своихъ. А про тожъ ездилемъ до Вилна и далемъ тело его поховати, водле порученя его, у светое Тройцы, церкви руской; зажилемъ жалю надъ обычай и злое дороги, а, едучи назадъ, ледвосмы вси не потонули на Немне реце подъ Ивемъ. Ямъ былъ зъ гостемъ якимсь одинъ тамъ приехалъ, и южъ се зъ нами промъ починалъ былъ на нурте заливати, и такъ, напоминаючи перевозниковъ, абы се

---

[1]) Филонъ Кмита, назначенъ былъ Баторіемъ комендантомъ Великихъ Лукъ (Hejdensztejn, II, 44).

не лякали (бо южъ были шосты порутили, мовечи, же гинемъ), а горечо Пану Богу се молечи, переехали; а опосле слуги, зъ возомъ моимъ и зо всими конми едучи, на томъ-же местцу тонули, кони зпыхали, а тымъ болшей лодки заливали, же вси дошчки вода знесла, а возъ передними колы завесилъ се въ лоди, котора на гору шла, а другая се лодь у воду занурыла; люде перевозные и слуги мое были въ лоди, а инши, побравши се конемъ за огоны, не ведели, што се зъ ними дее, ино кони шли тежъ за лодею внизъ, куды вода несла, ажъ е потомъ на берегъ, гдемъ и я былъ, принесло межи лозы, и тамъ се ратовали; ово толко, здумавши се дивнымъ чудомъ Божимъ, хвалилемъ насветшое имя Его. Потомъ сентабра 23 отдалемъ сестру мою панну Зофею за пана Щасного Самсоновъского. Месеца паздерника 21, въ неделю, умеръ зацный и богобойный мужъ Иванъ Третякъ, приятель дому нашого, а по немъ декабра 10 умерла добрая приятелька моя, пани Твиклинская Дорота Кграбовская, а самъ по ней на велканоцъ умеръ року 1583.

Року 1583 подъ Кгромницу зима се постановила моцно по першихъ неуставичностяхъ; мелемъ на тотъ часъ у себе велкимъ приятеломъ старосту ляховицкого, пана Симона Шлятковского, которому дня 21 лютого жона, Сулимянка, умерла зъ великимъ жалемъ веля людей, а за нею въ томъ-же року новембра 18 и самъ Шлятковский умеръ, человекъ презъ великую доброту свою вечнои годный памети.

Въ томъ року 1583 пани виленская въ повете новгородскомъ мешкала, а я зъ роковъ на другие роки уставичне и въ розные поветы: до Новгородка, Минска, Слонима и Волковыска ездити муселемъ; а въ посте муселемъ у Вилни и знову о святкахъ тамже быти для справъ задворныхъ, которыхъ се намножило было; мандатовъ всихъ было 17; розмышлялемъ въ собе, яко за живота пана виленского и одинъ позовъ по него не былъ, але се теперъ нагородило: приятели не дбали на оное захованя давное, кождый своего щастя смотря, а Ходкевича жадного въ раде королевской не было, а наконецъ и (пробѣлъ въ рукописи) ветуй Пане Боже на потымъ.

Року 1584 февраля 5 оженилъ се былъ панъ Мартинъ Окунь зъ панною Боянецкою. А на заутре оженилъ се панъ Янъ Монвижъ зъ панною Мложавъскою; отправовала еи веселя пани виленская въ

Ляховичахъ зъ великимъ достаткомъ. Въ марцумъ мелъ справъ панскихъ сила у Вилни предъ королемъ, и въ речахъ королевскихъ пилновалемъ, и взывано ме на инстыгаторство.

Въ томъ року пани виленская мела затруднене немалое зъ Матѳеемъ Волкомъ, который, маючи еще отъ самого пана его милости фолваркъ ляховецкий Павлюковский у пети сотъ копахъ грошей, справилъ былъ собе другий листъ неправдивый на другую такую-жъ суму пенезей, для чого ажъ сама ездить до права мусила и очевисто перве у земства, а потомъ и у гроду фалшь задавала; потомъ онъ того листу отступилъ и то ажъ въ пришломъ року. Въ томъ року 1584 августа 28 уродилъ ми се сынъ мой Лаврынъ.

Року 1585 зима была барзо тепла; быдло на поли бывало и волы тучоно. Панъ Кгзовскій старый въ лютымъ паралижомъ рушоный, а 8 марца умеръ. Мая 26 перунъ замокъ на Мыши запалилъ, который барзо прудко згорелъ; тогожъ дня, а подобно въ одной године, ударилъ перунъ въ дворе моемъ у сырницу и голубинецъ, але не запалилъ и не забилъ ничого; дитя тужъ было и голубята въ голубинцу.

Року тогожъ месеца новембра 3 жона моя сына Мартина уродила въ ночи на 8 годинe.

Року 1586, будучи мне у писара ляховецкого, Федора Зенкевича, на чти, у другихъ звадe, а за мои розважаня, ранено мне въ руку левую и не ведилемъ отъ кого, а то было стычня 19 дня; а кгосподарь былъ целый; предъ се потомъ врыхле 23 лютого умеръ зъ горючки; веку мелъ летъ 36, человекъ былъ и мой приятель добрый. Потомъ въ марцу былемъ въ Вилни для потребы Кгославского и ездилемъ до Ковна; тамъ же мя, марца 5 дня, ночуючи у Рынконтахъ, разбойницы мало были не забили, але, за ласкою Божою, виленцовъ обозъ немалый въ тужъ стодолу наехали, а розбойницы поутекали, а кгосподарь, якийсь тежъ нецнота, вымавлялъ се, же што мелъ чинити, кгдыжъ на ночь збере се немало и, што хотять, то чинять. Самому Пану Богу хвала за его оборону! Таже, до Вилни звротивши се, далемъ былъ пенезей Кгославскому на имене его Скубятовское; первъ заставою, а потомъ и на вечность купиломъ.

Король, его милость, мешкалъ того лета въ Городне, отпочиваючи отъ первшихъ працъ своихъ; южъ се тежъ часомъ капелюшемъ и рука-

вицами не мерзилъ, зъ чого Венкгрове сперва шидили; бавилъ се тежъ выездчанемъ на поле зъ мысливствомъ. Мне того лета пришло въ него и по два кротъ въ потребахъ пани виленское и детокъ пана моего быть, якожъ меновите липца 24 меломъ предъ королемъ справу зъ Тарановскимъ безносымъ, который, по змове зъ иншими жолнерами, якото хорый, на то выставеный былъ, розумеючи, же у короля въ место ялмужней мелъ отрымати презыскъ на добрахъ панскихъ за заслуженное свое, за чимъ бы своихъ долговъ вси дойти могли; позвалъ былъ паню виленскую и детки о три тысечи золотыхъ и кгдымъ указалъ истоты королевские и его самого, яко веле у скарбе славное памети пану виленскому и жолнеромъ винно, а потомъ указалемъ протестацыю сеймову, же се заплаты упомнено, и яко се змовили жолнери, и яку бы то шкоду детямъ пана моего принесло, теды, по одступеню моимъ (якомъ потымъ отъ пановъ ведалъ) въ такъ ясней речи вагалъ се король долго, если (то) отложить, якомъ я просилъ, до заплаты тыхъ сумъ зъ скарбу королевского, чили заразъ присудить на добрахъ панскихъ; въ чомъ отъ пановъ радъ, а меновите: пана Воловича, пана виленского, пана Глебовича, воеводы троцкого, пана Льва Сапеги, канцлера, пана Войны, подканцлерого, спартый будучи, такъ позволилъ, мовечи: же конечне бымъ я те заслужоне тому жолнерови на добрахъ пана виленского присудилъ, бо не указано зъ тыхъ протестацый сеймовыхъ, же се упоминано заплаты именемъ своимъ и всихъ жолнеровъ. И такъ намъ отложоно до заплаты зъ скарбу, ведля истотъ королевскихъ. Ведае то Богъ, когды то будетъ. Тамъ же въ Городне на тотъ часъ, июля 12, умеръ панъ Михалъ Гарабурда, впадши въ горючку пятидневную; не могли докторове Буцеля и Сымони урятовати и трема днями предъ его смертю ознамили королеви, и уряды его были назначони и упрошоны иншимъ.

Въ томъ же року, окрутного кгрудня месеца 12 дня, тотъ славный и велце зацный панъ и монарха великий, король, его милость, Стефанъ Баторый умеръ на замку городенскомъ въ милыхъ палацахъ своихъ, отъ него збудованыхъ. Шкода, королю, жесь по великихъ працахъ, до которыхесь се былъ зъ молодости приучилъ, и те летъ килка въ Городномъ се у отпочиваню твоимъ забавилъ! А моимъ зданемъ, гды

бысь звыклой працы уживалъ, еще бысь былъ далей потрвалъ; але певней ведалъ то панъ Богъ, чому такъ, а не иначей мети хотелъ.

Року 1587 стычня 9 снило ми се, о чимъ я не мыслилъ, жемъ былъ въ месте влоскимъ Мантуи, виделъ кнежей Мантуи положене замку, места, водъ, мостовъ мурованыхъ. А кгдымъ то оповедалъ пану Андрееви Скорулскому, который тамъ бывалъ, поведилъ, же есть положене власне таке, якъ ми се снило. То снать презентовало ехане намъ сына моего милого Явхима, который въ року 1575 еще поехалъ, и по той часъ тамъ мешка. Марца 16 уродила жона моя першу цорку Раину.

Тогожъ року 1587, по смерти короля его милости Стефана, зходилъ тотъ рокъ елекцыями, бо порознивши се у обраню пана, една чекали и привабили были Максымилияна, сына и брата цесарского, а инши, которые зезволили были на Жикгмонта, короля шведского, чекали его тежъ, и затымъ была имъ битва въ Бычпне, въ року 1588, стычня 19 дня; по переграню стороны Максымилияновои, и самъ былъ взятый, и немало пановъ полскихъ, которые зъ нимъ переставали.

А Жикгмонтъ, короля шведского сынъ, за приеханемъ своимъ былъ заразъ коронованый, еще первей въ року прошлымъ, 1587 декабря 26 дня.

Року 1588, стычня 28 дня, Жикгмонтъ третый, король полский, на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ. Въ томъ року 1588 былемъ зъ паномъ Одаховскимъ ве Шклове и въ Копыси недель зъ осмъ. А пани виленская для лекарствъ была у Люблине, а кгды се ей на здоровю не поправовало, ехала была до дому, и едучи на дорозе, въ местечку въ Козимъ рынку умерла 3 дня кветня. А 21 червца погребъ ей отправено у Гнезне въ костеле евангелицкомъ мурованомъ.

Въ томъ же року липца 30 жона моя уродила цорку другую; дано ей имя Галшка.

Року 1589 на нове лето у насъ ту, въ повете новокгродскомъ, мужъ былъ барзо добрый Альбрехтъ Кавечинский; отдалъ разомъ на однымъ веселю три цорки све замужъ; который, сыновъ не маючи, одно цорекъ шесть, не фрасовалъ се намъ о то, и еще зознавалъ, же такъ му лепей; а то снать чинилъ зъ побожности своеи, же волю свою

подбиялъ подъ волю Божу. А гды му се такъ трафило отдати замужъ разомъ три цорки, люди посполитые практыковали не долго быть малженству такъ одного дня отданыхъ; якожъ потомъ врыхле умеръ му старший зять Москалницкий, а въ року 1603 померли два: Вировский и Высоцкий. Ово не легце потреба важити и голосу людского, ведля оней приповястки: „вовсъ попули—вовсъ Деи“, бовемъ о вере оного человека жаденъ вонтпити не може. Былъ и въ томъ пробатусъ, и того се онъ противъ той людской практыце, ему певне ведомой, важилъ се зъ зупелности веры свей, же се ведля практыки той не могло стати ничого такого.

Року 1589 стычня 28 дня панъ Александеръ Ходкевичъ короля Жикгмонта третого у Гродне перший то кроть привиталъ, также королевую тетку его и сестру его королевну ихъ милость; мевалъ въ себе сенаторовъ изъ двору королевского завше на учтахъ. Потомъ была его милости справа, 31 стычня, о аренде мытъ старыхъ литевскихъ, также о аренде зъ маетности Бирштанское и иншихъ; меновано того на 50 тысячей копъ литовскихъ и указовано на то истоты пана небожчика, а въ насъ намнейшей квитацыей не было. Ямъ въ тей справе мовилъ яко налепей,—панъ Богъ здарить рачилъ,—болшей се спускаючи на ласку его королевское милости, а указуючи веле заслуги пана его милости и иншие правные причины. А были при его королевской милости сенаторове: князь Барановский, бискупъ, панъ Дорогостайский, воевода полоцкий, панъ подляшский, панъ Сапега, канцлеръ; были вшитцы ихъ милости намъ зычливи, такъ, же декретомъ король его милость, даруючи то, отпустить и зъ того квитовати казать рачилъ. Тогожъ дня княже Семенъ Слуцкий короля виталъ предъ покоемъ зъ орацыею наготованою, а, якомъ ведялъ, отъ его милости, пана Миколая Крыштофа Радивила, воеводы троцкого, написаною; мелъ при собе зе двадесятъ особъ ланцужно, але у пана Александра было тежъ насъ также веле, а вшитко старие слуги, сивцовъ болшей, въ жалобѣ по паней виленской, теды король и пани болшей очи до насъ обрацали и королеви указовано, же то вшитко слуги небожчика пана виленского, отца его; ажъ намъ мило было того щастя заживати, бо и панъ, и мы вшитцы зналисьмы велику милость отъ вшиткихъ людей.

Отъ своихъ приятелей горей-смы мели, бо, приехавши зъ того щастя, за якусь опеку поедналъ панъ Александеръ пана Волского осмънастусотъ копъ грошей, а при немъ и Кумолки (весь коштовна отъ Гнезна) за якимсь то змышленымъ правомъ зостали, а пановъ троцкихъ трима тысечами и шестю сотъ копъ грошей. Такъ-то дети пана моего въ долги заводити почато. Потомъ поедналъ князя Семена Слуцкого за неякую весь Хоромцы, отъ небожчика проданую, а на то права не мелъ очищати; описалъ се былъ за то заплатити дви тысящи злотыхъ; отдано тежъ потомъ сестру ихъ милости, панну Зофею, за пана Дорогостайского, року 1590 септембра 23, у Вилни, и то быти мусело зъ великимъ коштомъ ихъ.

Въ той осени, року 1590 были поветра морове на розныхъ местцахъ и въ Новгородку срогое было. Октобря 31, року 1590 умеръ суседъ и приятель мой, человекъ барзо добрый (беатусъ виръ), панъ Валентый Чарковский.

Року 1591 панъ Александеръ Ходкевичъ посылалъ по всихъ маетностяхъ отчизныхъ, напоменаючи урядниковъ, абы границы упевняли и зъ суседы безъ укривдженя ихъ становили. Самъ въ Мышской маетности выездчалъ, где боярове Мышцы Бутримкове зашли были кгрунтъ Верещачинъ и, напрацовавши се тамъ самъ немало, потомъ вземше мене и старшого Бутримка, на строне отехавши, вынысталъ вшиткой правды, ижъ то они зашли и новы тесы на дереве простымъ трибомъ положили, а старую тамъ ближей до Мыши указовали. А такъ, зрозумевши, заразъ судямъ правду ознаймилъ, а старою границою отъ рогу границы Островское и Добромышльское вести тымже Бутримкамъ, а хлопомъ заразъ копцы за собою копать казалъ, кгдыжъ се на те границе обоя сторона згодили; обнесло то его въ похвалу веля людей.

Року 1592 яко зъ осени, такъ и отъ нового лета не докучили зимна и снеговъ не было, и была то зима праве безснежна; колами вси ездили. Панъ Александеръ былъ на соймику трибуналскомъ и не хотелъ се подняти на трибуналъ, а мне Григорей Униховский зазрялъ, такъ, же Жабка зъ Бутушевичомъ обраны были. Марца 9 кнеже Янъ Симеонъ Слуцкий умеръ; чирвца 30 умеръ тежъ панъ Каспаръ Керсновский, подсудокъ новгородский у Городей, маетности своей, положивши се на приполудню спати.

16 серпня панъ Янъ Кароль Ходкевичъ ехалъ еще до чужихъ землей, а панъ Александеръ до Варшавы на соймъ посломъ ехалъ.

Року 1592, вресня 1, во второкъ, на соймику въ Цырине обрано на елекцией подсудковской на тотъ урядъ чтырохъ, то есть: Ивана Маскевича, Оникея Униховского, Миколая Подоровского и мене, изъ ласки Пана Бога всемогучого, кторый, яко хощетъ, керуе серцами королевъ и вшихъ людий ведля воли своей становитъ, отдано то подсудковство мне и привилей мне на то принесено до дому безъ великого стараня моего, 28 дня тогожъ месаца вресня. И виконалемъ присягу на тотъ урядъ мой на рокахъ Трехкролевыхъ стычня 6 дня року 1593.

Панъ Миколай Тлуховский, слуга еще небожчика пана, завше мне велику приязнь обецовалъ и утвержалъ то рукоданемъ, а никгды ницъ у пановъ молодыхъ не допомогъ, же мое речи шли нещасливе; потомъ дошедлемъ, же Иванъ Кречетовский, неприятель мой, запомнялый доброхотствъ моихъ, которыемъ еще отцу его Хоме, казнодею Клецкому, и матери его, кеды ю жиды клецкие были въ долгахъ взяли, показовалъ, и его, отъ продаваня дровъ въ Ляховичахъ голца вземши, до пани виленское залетилъ и при собе до права способилъ и приучати се праву казалъ, змовивше се зъ тымъ Тлуховскимъ, не тылько мне, але и пановъ въ ихъ справахъ ошуковали, а собе наганяли. Тлуховский мастность коштовну на Руси, названую Селцо, забралъ, а Кречетовский Малковичи, Конюхи, Мазурковщизну; што все мне было отъ пана не толко обецано, але и листы подавано, которыхъ потомъ панъ Янъ Кароль Ходкевичъ зъ ихъ направы подписовать и скончить не хотелъ. А такъ, кгды се готовано на веселе пана Жалинского зъ паннною виленскою Галшкою и Тлуховскому дойзрети поручоно, нападла го хороба дворска, указуючи се на голове и на чоле; чого онъ, хотечи безъ издебки збыть, казалъ жидови балверови мазати собе те кгузики шарою мастию, не замкнувши се, звлаща зиме; и такъ ездилъ былъ зъ Ляховичъ до Гнезней, а зворотивши се до Ляховичъ дня 15 стычня, року 1593, казалъ еще лепей намазати; а въ тымъ, кгды та масть серца допадла, тогожъ дня вечоръ знагла умеръ. Сполнила се на нимъ та приповесть: „зрадливе серце само се поразитъ“; не ижъ бымъ се зъ помъсты Божий, надъ неприятельми моими выкопаной, радовати мелъ,

але тымъ зтворжамъ се у вере моей, же маю Бога правдивого и всемогучого, боронячого мене отъ всихъ неприятелей моихъ.

Року 1593 король, его милость, выехалъ зъ Варшавы до Кгданска и Швеции 23 серпня.

Въ томъ же року паздерника дня 15 умерла зацна и богобойна пани конюшина, Зофея Александровна Ходкевичовна Корицка.

Року 1594 мая 8, въ пятокъ, припала хмара сродзе зимна, спустила снегъ великий и лежалъ три дни; померзло отъ той хмары и зимна и ветру гвалтовного сила людей, по трою индей весполъ, а не могли собе помочи. Птатства по гнездахъ самемъ виделъ барзо веле поздыханыхъ; страхъ былъ и подъ дахомъ седячи.

Троха передъ тымъ, мая 1, отдалемъ Ярошa сына до пана Яна Кароля Ходкевича; жичу му зъ паномъ его вшелякого блогословенства Божого.

Року 1595 о трехъ короляхъ роки-смы судили земскии новгородскии.

Въ томъ року 1595 Налевайко козакъ, собравши войско козаковъ, первей се указовалъ на Подолю, у Волошехъ, кусилъ се былъ и о турецкие земли, потомъ, ворочаючи се до Полши, сплендровалъ маетности пана Калиновского, мстечи се за обешене некгдысь отца его Наливайкового, и еще снать отъ отца Калиновского. Тымъ южъ заюшоный, шелъ до Луцка, въ ярмарокъ праве, где бискупъ зъ преднейшими шляхтою выехавши, упоминалъ и едналъ го за местомъ, и купцы зложили килка тисячи злотыхъ, а не могло быти безъ збытковъ и шкодъ; отъ тудъ, южъ лепей заюшоный, удалъ се на Полесе, ажъ до Петриковичъ, южъ такъ своволне все починаючи и въ коло обсылаючи, подарки собе давати заказуючи; якожъ и давано, одно зъ Слуцка помешкано было, и прудкожъ убегъ (въ) Слуцкъ новембра 6 дня и былъ тамъ немало; заварли се были на замку зъ двема сынами, детми малыми пана виленского Яронима Ходкевича; а панъ виленский, воевода новгородский, панъ Скуминъ и инше паны и шляхта зъехали се до Клецка; не ведили, што почать, услышавши, же се у замокъ слуцкий добыли южъ. Въ тымъ послалъ былъ Наливайко полковника Мартинка (о которомъ веле трымалъ, якожъ и былъ человѣкъ серца великого) до Копыля зъ пятисотъ козаковъ, который, зъ пригоды тамъ потрафивши гайдуковъ пана воеводы виленского, которые, впадши до

млына и испусту подъ местомъ, боронили пройштя до места и такъ справне козаковъ настреляли и Мартинка забили, же сила ихъ на пляцу, а инше, назадъ се цофнувши, по дорозе и хрустохъ зоставили, а инши, пострелеными южъ будучи, въ огонь скакали и згорели, бо были стайню дворовую, у того млынка будучую, запалили, же се барзо ихъ мало до Слуцка воротило. Наливайко, стревожоный тымъ нещастемъ и розумеючи, же за тымъ зъ Клецка зобрани панове куснти се мели о него у Слуцку, заразъ, яко тыхъ въ Копылю бито новембра 25, а онъ третого дня, новембра 27, зъ вечора, выбравши се зъ Слуцка, до Омговичъ знову ку Полесю вытегнулъ и потомъ кгрудня 13 Могилева моцю добылъ, места и замку, сплендровалъ и попалилъ; панове за нимъ выправили Буйвида, человека памети годного, давши слугъ своихъ, а панъ виленский своего двору двесте коней, зъ которыми, яко розныхъ пановъ слугами, розумъ самъ указуе яко было Буйвидови трудно, же, за непослушенствомъ ихъ, ничого годного почати не могъ, толко зазябывши се, здрове стратилъ и у небачныхъ людей на славе шванковати муселъ; тамже згинулъ Оникей Униховский, человекъ серца доброго и великого захованя. Наливайко ходилъ потомъ надъ рекою Днепромъ въ низъ, ажъ потомъ, порвавши се зъ Рогачова за якимись практыками, припадалъ знова до Петриковичъ; поветы збегали се до купы и спрудка потомъ зъехали се новокгродскии въ Копылю, где былъ его княжеска милость панъ Миколай Криштофъ Раднвилъ, воевода троцкій, напродъ вшиткихъ приехавши въ килку сотъ человека, и тымъ вымогъ, же се инши спешили до его милости; за тымъ приехалъ панъ воевода новокгродский и иншие панове и шиковали се въ полю року 1596 дня 15 лютого; было людей о три тысечи готовыхъ.

Ажъ мило было; давно южъ войска не видевши, панъ воевода се троцкий зе справованя людми вымовялъ и здавалъ то пану воеводе новгородскому; але, южъ никому не уймуючи, признавамъ, же досыть се деяло порядкови пристойному; панъ воевода виленский зъ поветомъ минскимъ приехалъ до Шацка; тамже и наши зъ Копыля ехали, а Наливайко зъ Петриковичъ, бывши въ Турове и въ Городку болшей, удалъ се до Высоцка и на Волынь. Лобода тежъ, отвративши се отъ Шацка, шолъ тамже Киевщиною ку Наливайкови.

Року 1602 южъ у насъ въ Новгородку роки звыклие земские поменяны были на сейме прошломъ презъ послы наше: пана Зенкевыча и пана Подаровского, котории, по тымъ сейме зъехавши се на роки нове Громничние, зъ собою се не згодили; и вымовялъ се панъ Подаровский, же о той отмене и замешаню, радней нижъ поправе роковъ, не ведалъ, хоть то по некоторыхъ сеймикахъ упоминано было, подалъ на сейме, абы въ насъ во всемъ панстве роки на розныи, а не одны часы, звычаемъ полскимъ, постановены были (въ нашомъ повете о томъ знать жадного чоловека не была воля, але и помышлене не было). Панъ Василий Зенковичъ зналъ се, же се о то стаpалъ и пана Подаровского втегалъ, жебы и онъ на то призволилъ, але се онъ никгды до того не зналъ. И такъ на тыхъ злыхъ, въ серцахъ людскихъ розерваныхъ рокахъ будучи я отъ пана судии, тогожъ то пана Зенкевича напомненый, а не зезволяючи зъ множствомъ людей на зламане тыхъ (то) роковъ, при немъ приставши, судилихъ мы е; не ушедлемъ помсты Божей, же ми на тыхъ рокохъ, въ лютымъ миеяцы, 16 дня, въ суботу, забилъ сына моего Яна, второго по Ярошу, першимъ сыне моемъ, незбожный Олбрыхтъ Бруханский, зъ помочю Корсака, швакгра своего, тамъ же на месте въ Новгродку, о чемъ кгды мне, на судехъ седячему, ведомость дошла, просилемъ вшиткихъ, абы тамъ въ рынокъ зо мною пошли, где панъ судя зъ ласки своей продковалъ, мне держати казалъ, а иншимъ тело, южъ забыте, сына мого, на сапи взявши, на урядъ, а потомъ до господы моей отпровадить казалъ. А внетъ потымъ, кгды се доведилъ, же того забитя сына моего была найветша причина тотъ Корсакъ, сестренецъ его, рушила го кревность, а отрожене зъ духа по новокрещенству або давно не было, або на тотъ часъ утекло отъ него прочь. Послалъ до мене, абыхъ слалъ за тыми, которы ехали въ погонку за Бруханскими, жебы се што злого тому сестринку не стало, а ямъ не толко не слалъ никого, але ани ведилъ о ничиемъ еханю и о свете: живлимъ былъ, або не? А на заютръ въ неделю, маючи въ себе Выровского, Лоховского, Богушевича и иншихъ, приводилъ ме, абы зъ нимъ на судехъ заседалъ; видяло ми се, жемъ тамъ былъ на онъ часъ не межи людми, але Каинами, и про то, чогомъ не радъ мовилъ, мусилемъ речи: если розумити не хотятъ моей пригоды, абы ихъ то самыхъ поткало. Потомъ въ понеделокъ, гдымъ се южъ

мелъ зъ места зъ теломъ провадити, подалъ ми панъ судя, жебы не вадило постати въ рынку зъ теломъ, а Лицыниушъ жебы тамъ премове учинилъ. Яжъ теды, яко дите отъ жыдовъ (яко поведаютъ) звабеный и сподеваючи се, же ми улгу жалю Лицыниушъ, яко человекъ учоный, справитъ якими утешни мови, казалемъ се застановити въ месте. Але же той Лицыниушъ, ставши подле пана судии, взялъ аркгументъ зъ Соломона о своволнымъ млоденцу и также каралъ сына моего, въ гробе южъ будучого, я, видечи, же вшитко спросьно калемъ и похлебствомъ смердело, казалемъ далей ехать, бо другого сына моего мелъ южъ у себе отъ килку летъ въ науце и твиченю своимъ, а бодай негоршого выховалъ; нехъ имъ Панъ одда, справедливый судя, бовемъ зъ тымъ нещестемъ моимъ вшитки облудные приятеле мое, машкары свои ухиливши, незбожние твары свои указали и ядовите злости свои явней вылевати почали. Не заспалъ южъ ихъ великий Панъ Богъ мой, оборонца мой, не вонтплю о Его святой ласце и зъ иншими, же мне скутечну справедливость и екзекуцыю учинити рачитъ.

И такъ плачливе зъ тыхъ незбожне укнованыхъ роковъ звротивши се, поховаломъ тело того забитого милого Яна, сына моего, въ каплицы моей мурованой, дня 21 лютого. А въ тымъ тежъ часе вышолъ день уроженя моего 21 лютого, который обсервовалемъ друкгды (sic) зъ радостиу, а теразъ зъ плачемъ и зъ великою жалостию, зъ чого всего нехъ будетъ похвалено име Пана Бога всемогучого.

Зъ той такъ великой жалости моей о смерти, а тымъ барзей же забитю сына моего, немней тежъ зъ оказаня облудниковъ, которы мне часъ немалый (за приятелей се и великихъ и верныхъ удаваючи) лудили, пофрасованый, впалемъ у велику, а до лечнованя не ведетъ яку хоробу: напродъ марца 6 дня обумарлемъ безъ вшелякой причины на полторы годины и, пришедши къ собе, былемъ мдлый, ажъ повторе марца 14, рано обумарши, о собе-мъ не веделъ, а тогожъ дня, у вечоръ обумарши, былемъ въ зафиценю шесть годинъ зегаровыхъ; потомъ ве дняхъ кветневыхъ, приходечи къ собе, ехалемъ былъ до Новгородка для роковъ марковскихъ кветня 23 дня, и на дорозе у Валсивце трохамъ былъ зомлелъ и затымъ, вжо приехавши до Новогородка, не заседалемъ на судахъ; обраный ва место мое, панъ Григорей Немира, присегу на ти роки учинивше, отправовалъ ихъ. Въ маю засъ на роч-

кахъ кгродскихъ была справа намъ о забите Яна, сына моего, зъ Бруховскимъ и зъ сынами его и пошла была на инши речи, а у другихъ речахъ до трибуналу, а потомъ, на рочкахъ лицовыхъ, въ небытности моей, презъ Ярошa, сына моего, заварта была угода зъ Бруханскими, ведля которой потымъ предъ судомъ трибуналскимъ, 13 месеца вересня, Бруханский самъ и сынове его зъ цедулъ перепрашали мене и сыновъ моихъ и иншемъ имъ поотпущалъ, але ижъ не ставилъ отецъ Олбрыхта, самъ за него, ведле опису своего, на рокъ зуполный на везене зеселъ въ замку новгородскомъ и въ томъ похибивши листу своего, што мелъ засести въ дому замковымъ, по левой руце стоячимъ, то онъ по тойже левой руце, еще предъ домомъ тымъ давнымъ замковымъ, збудовалъ избе собе самъ и въ той заселъ былъ. А я се не користуючи въ томъ его седеню, а самъ тамъ за хоробою моею ехать не могучи, посылалемъ зъ листы моими: первей зашитый, абы ехалъ зъ того грунта. Онъ до мне отписалъ, абыхъ му послалъ на то листъ отвороный; ямъ и такий листъ ему посылалъ презъ зятя его Мокштыцкого и презъ Косаковского, до которыхъ, яко они справу давали, такъ отповеделъ: „не ведаю, чому ме подсудокъ зтуде выправуе, вшакъ теразъ зима; также и дома въ избе седю, также медъ пию, яко и дома, и тажъ жона зо мною спитъ, што и дома“. И такъ погоржони приятеле вротили се изъ тое учинности моей, и я потомъ отъ него жадногомъ сказаня и словечка не мелъ, ажъ послышалемъ, же умеръ тамъ въ томъ мешканю своимъ, а праве знагла. Были дивние голосы и мнеманя людцкие о той смерти его; я замилчывамъ, яко неведомый въ тымъ ничого певного.

Року 1603 одъ стычня 21 сеймъ великий зачиналъ се у Кракове для заповетреня у Варшаве, а въ насъ ту, у Новогродку, роки земские громничние сужоно. Але дня 20 лютого пригода стала се и бурда пану Зенковичу, судии нашому, зъ неякимъ Лякгеницкимъ, жолнеромъ зъ роты кнезя Порецкого, зачимъ се и рота южъ отъ Здетеля у пять миляхъ до насъ была воротила и роковъ намъ досудити не дала, жесмы се безъ часу розехати мусели.

Кветня 9 дня панъ Самуилъ Воловичъ оженилъ се. Наша Ходкевичовна, Гальшка, по Каменскомъ вдовою зостала.

О Марку св. хворалемъ и не моглемъ быть на рокахъ обраный; на мое местце Марко Полонский, присегу учинивши, на одны тии роки отправовалъ.

Мая 8, на день Вступеня Панского, сынова моя Ярошова уродила сына, которогомъ я былъ, ведля дня того, Станиславомъ мяновалъ, але прозвалъ го Яномъ. Было дите надъ подобенство детей вшиткихъ росторопне, а знало, яко въ килка летъ, вшитко чудно и росло прудко. Потомъ умерло 7 кгрудня зъ великою жалостю въ дому моемъ. Чирвца зась 29 меломъ ласки Божие веселе въ дому моимъ; за Яна Грушовского отдалемъ цорку мою Раину. Пане Боже и добродею мой, рачъ имъ блогословити!

Въ томъ року 1603 меломъ трое писане отъ милого сына моего Иохима, яко того лета зъ паномъ своимъ, княжатемъ Мантуанскимъ, былъ въ Неаполи; моремъ тамъ ездилъ, яку тамъ велику учтивость неаполчицы указовали княжати, немней яко великому монарше. Былъ тамъ княже для лекарствъ. Мой зась сынъ, хоть тамъ иншихъ зъ моря мыто брало, здоровый былъ, а потымъ во вресню, впадши въ дивне фебры, 23 дня мало не умеръ. А ямъ ту дома, тогожъ 23 вресня зле сны о нимъ виделъ и написалемъ былъ въ минуцыяхъ тогорочныхъ, утешивши се, же было то въ першний квартадъ месеца; ажъ зъ писаня его тотъ же день 23 обачивши, диволалемъ се чудомъ и справомъ Божимъ, хвалечи светое име Его.

Далей въ томъ року 1603 не было въ моей ведомости, штобы писаня годно было, одно то, же панъ Янъ Кароль Ходкевичъ вжо то другий рокъ въ Лифлантехъ зъ войскомъ мешка, завезши тамъ паню малжонку и сына Ярона малого. Дерпту, ажъ го праве знуждивши, ркомо презъ трактатъ досталъ, замечки околичне побралъ и волости, подъ Ревель и Нарву уставичне узгоны чинилъ такъ безпечне, яко передъ тимъ зъ чворнасобъ болшимъ войскомъ такой безпечности не уживано. Пане Боже му блогослови!

Не слышалемъ я болше речей щасливыхъ того року, але жалосныхъ, а напервъ поветря морового у Вилне, и у насъ ту, въ Новгородку, въ месте и въ повете добромъ ведомъ; зештя тожъ зъ света людей зацныхъ гурмомъ праве въ однымъ томъ року, которие порядкомъ тимъ личу:

Въ лютымъ 13 дня подъ Дерптомъ забито мужа годного памети, человека значне рыцерского, кнезя Дмитра, брата Полубенского.

13 марцу 12 дня умеръ панъ Михалъ Фронцкевичъ, подкоморый полоцкий. Тогоже марца 20 дня умеръ панъ Янъ Одиховский, человекъ въ чужихъ краинахъ долго бывалый и велце человекъ добрый, а мой приятель правдивий. О заправду не умелъ або не хтелъ тотъ заживати облуды. Въ тымъ померли по собе прудко швакгрове два: Павелъ Вировский и Янъ Высоцкий; умеръ тежъ Миколай Подаровский. За ними тежъ въ липцу дня 19 умеръ староста несвижский Войтехъ Першко, братъ мой милый и человекъ велце добрый, которого погребъ зложоный былъ зразу на 25 авкгуста, але ижъ, зъ перезреня Божого, приехавши до Несвежа панъ кграбя зъ Тенчына, тогожъ дня менованого, ве чвартокъ вступилъ въ малженство зъ кнежною Галшкою, цоркою его милости, пана воеводы троцкого,—рачъ имъ пане Боже благословити,—часъ погребу доброго слуги обратилъ се въ веселе въ дому того велце зацного и побожного пана. А потомъ погребъ тела пана Першкова отправеный былъ 4 дня вересня, также ве чвартокъ, на которомъ были ихъ милости сами: кнеже, его милость, воевода троцкий и панъ кграбя. Въ тымъ же нещасливомъ року 1603, въ листопаде 20 дня умеръ, а можна речи упалъ стлупъ панства литовского, его милость панъ Криштофъ Радивилъ, воевода виленский, въ Лосовней, именю цорки своей, паней Сапежиной, канцлерыной, въ хоробе не долгой. По нимъ заразъ умеръ тежъ панъ Янъ Карушевичъ, каштелянъ жомойдзкий; овожъ того такъ веле въ томъ року было, ажъ было зъ пострахомъ великимъ успоминати. Въ томъ же року въ кгрудни умеръ тежъ кнеже Александеръ Острожский, воевода волынский, въ Красномъ, маетности своей на Подолю.

Не видивши тежъ тамъ доброго товариства суседъ, и приятель мой, панъ Беняминъ Чарковский, умеръ року 1604 стычня 2 дня, не въ дому своимъ, але у Улулникохъ, у пана Григория Униховского, где се обадва лечили у неякого Шкота доктора. Мой то былъ великий приятель, понекгды зась въ прешлыхъ нехутяхъ и задростяхъ, которыхъ емъ былъ по нимъ и по пане Униховскомъ дозналъ, а бодай и отъ иншихъ, за тоюжъ нецностивою задростиу нещасною познавалемъ о непогамоване кглупство; розуметъ же Богъ, чинячи другому добро,

мелъ бы е въ богатой руце своей такъ выдати, жебы тобе южъ не мелъ чого зъ ласки своей дати. Дякую я Тобе, Боже мой, Отче пана нашего Исуса Христа, же межъ иншими дары Твоими далесь ми то былъ, жемъ се задросты устеречи могъ, такъ, же нигды серцемъ моимъ не панована и непотребного (якомъ зналъ по иншихъ) жалю, хоробе якой подобного, не чинила.

Библіографія.

А. К. Сълецкій. Острожская типографія и ея изданія. Историческая монографія, въ 2-хъ частяхъ. Почаевъ. 1885 года.

Исторія юго-западной Руси въ XVI вѣкѣ, частнѣе—происходившей въ ней въ это время религіозной борьбы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія острожской типографіи,—таково основное положеніе названнаго сочиненія. Сообразно этому все изслѣдованіе автора подраздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ въ первой онъ излагаетъ ходъ внутренняго развитія тогдашняго польско-русскаго общества, подъ иноземнымъ вліяніемъ, породившій въ немъ религіозное броженіе и вѣроисповѣдную борьбу, приведшую защитниковъ православія къ учрежденію острожской типографіи, а во второй трактуетъ уже о самой типографіи и изданныхъ въ ней книгахъ, какъ средствахъ для поддержанія цѣлости и чистоты православной вѣры въ русскомъ народѣ и отраженія тѣхъ нападковъ на нее и тѣхъ вредныхъ вліяній, какимъ она тогда подвергалась со стороны католицизма и социніанства.

Начавъ съ вліянія западно-европейскаго образованія и цивилизаціи на умственное движеніе въ Польшѣ и Литвѣ, авторъ отмѣчаетъ переходъ сюда также религіозныхъ идей, волновавшихъ Западъ. Вслѣдствіе близкихъ и частыхъ сношеній съ Германіей и нѣмецкой колонизаціи въ Польшѣ, въ послѣднюю очень скоро проникаетъ протестантство. Ему, вопреки сеймовымъ постановленіямъ, покровительствуетъ самъ король Сигизмундъ-Августъ, подчиняясь въ этомъ случаѣ вліянію придворнаго проповѣдника своей матери Франциска Лисманини; протестанство дѣятельно поддерживаютъ западно русскіе дворяне: Николай Радзивилъ Черный и Николай Радзивилъ Рыжій, Кишки, Ходкевичи, Воловичи, Глѣбовичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Войны, Пацы, Дорогостайскіе и другіе,

заводя школы, устраивая типографіи и кирхи. За протестанствомъ въ Польшу и Литву проникаетъ антитринитаріанство и находитъ себѣ дѣятельныхъ покровителей въ лицѣ Олесницкаго, Сенинскаго, Кишки, Немпричей и другихъ. Антитринитаріи также заводятъ свои школы и типографіи и печатаютъ переводъ священнаго писанія на русскій языкъ. Они пытаются даже соединиться, хотя безъуспѣшно, съ протестантами, чтобы тѣмъ сильнѣе сдѣлать наступленіе на православіе и католичество, какъ два главныя противодѣйствующія имъ исповѣданія. Но католичество въ это время получаетъ сильное подкрѣпленіе въ іезуитахъ, вызванныхъ въ Пруссію кардиналомъ Гозіемъ и отсюда уже переведенныхъ въ Вильну бискупомъ Валеріаномъ Протасевичемъ. Іезуиты скоро пріобрѣтаютъ себѣ здѣсь сторонниковъ и горячихъ покровителей искусной школьной системой, горячей проповѣдью и беззавѣтнымъ служеніемъ страждущему человѣчеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ они выступаютъ, какъ ученые богословы на защиту интересовъ папства и, въ короткое время подорвавъ и ослабивъ протестанство и социніанство, тѣмъ съ большею силою нападаютъ на ослабленную внутренними нестроеніями, недостаткомъ образованія, а равно упадкомъ нравственности въ высшей іерархіи, православную церковь и подготовляютъ почву для формальнаго подчиненія ея католической церкви или для такъ называемой уніи. Наступаетъ рѣшительная опасность для существованія православія и самой народности русской, и она-то пробуждаетъ среди лучшихъ русскихъ людей того времени сознаніе необходимости поднятія въ русскомъ духовенствѣ и обществѣ образованія, выразившееся въ открытіи школъ и основаніи типографій. Къ числу этихъ людей принадлежали князь Курбскій, Ходкевичъ и князь Константинъ Константиновичъ Острожскій.

Дѣятельности послѣдняго и открытой имъ въ г. Острогѣ типографіи авторъ посвящаетъ вторую часть своего изслѣдованія. Изложивъ въ ней родословіе князей Острожскихъ, охарактеризовавъ личность князя Константина Константиновича и отразивъ нападки на него г. Кулиша, онъ только теперь приступаетъ къ главному предмету своего труда— типографіи.

Типографія, говоритъ г. Сѣлецкій, не была тогда коммерческимъ учрежденіемъ; она представляла собою литературный кружокъ; около типографскаго станка писались тѣ или другія сочиненія, тутъ-же они и печатались. Кромѣ вызванныхъ въ Острогъ княземъ Константиномъ чрезъ патріарха Іеремію II нѣсколькихъ ученыхъ грековъ, для литературной борьбы съ иновѣріемъ, въ этотъ кружекъ входили также и русскіе дѣятели: Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, пресвитеры Василій и Даміанъ, Христофоръ Бронскій и типографъ Иванъ Өедоровъ.

О каждомъ изъ этихъ лицъ авторъ сообщаетъ біографическія свѣдѣнія, какія онъ могъ только собрать, съ указаніемъ на ихъ литературные труды; въ особенности подробно говоритъ онъ о личности Бронскаго, автора книги: «Апокризисъ», котораго онъ, разобравъ существующія мнѣнія о его вѣроисповѣданіи, считаетъ несомнѣннымъ протестантомъ. Г. Сѣлецкій весьма обстоятельно изложилъ также біографію первопечатника Ѳедорова, послѣ чего переходитъ къ перечисленію и разбору изданій острожскаго кружка. Плодами ихъ усилій было прежде всего напечатаніе Новаго Завѣта съ Псалтирью и Библіи. Книги эти по намѣреніямъ ихъ издателей должны были служить «той духовной броней, подъ прикрытіемъ которой православному должно вступать въ борьбу съ хищными волками, расхищающими стадо Христово», той оградой, которая должна защищать виноградникъ отъ чуждыхъ вторженій. Въ предисловіи къ «благовѣрному и православному всякаго чина, возраста-же и сана читателеви» дѣлается опроверженіе социніанскаго ученія, наиболѣе враждебнаго православію. Введеніе послѣ этого папою Григоріемъ ХШ въ 1582 году новаго календаря, вызвавшее сильнѣйшій протестъ православныхъ, побудило князя К. К. Острожскаго обратиться по сему поводу за совѣтомъ къ восточнымъ патріархамъ, и полученное имъ въ концѣ того-же года отвѣтное посланіе ихъ печатается въ Острогѣ въ слѣдующемъ 1583 году. Скоро изъ острожской типографіи стали выходить и спеціально полемическія сочиненія. Такъ, когда въ 1586 году въ Краковѣ появилась брошюра Бенедикта Герберста: «Wiary kosciołа rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historia: dla iednosci. Z koscilney dłuzszey historiey, dla Rusi nawrocenia pisaney», полная нападокъ и обвиненій на православную Русь, Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій показалъ несостоятельность ихъ въ своемъ «Ключѣ царства небеснаго», изданномъ въ острожской типографіи, гдѣ авторъ съ особенною силою выставляетъ на видъ безполезность произведенной папою Григоріемъ ХШ календарной реформы. Къ опроверженію главнѣйшихъ положеній иновѣрія, какъ католичества, такъ и протестанства, направлена была книга острожскаго священника Василія: «О единой истинной вѣрѣ и о святой соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распространяется», напечатанная въ 1588 году. Брестская унія 1596 года, произведшая расколъ въ православномъ населеніи Польши, также послужила предметомъ обсужденія въ нѣсколькихъ книгахъ, вышедшихъ изъ острожской типографіи; таковы: «Книжица», состоявшая изъ посланій александрійскаго патріарха Мелетія на имя князя К. К. Острожскаго, посланія князя К. К. Острожскаго ко всѣмъ православнымъ и такихъ-же посланій аѳонскихъ пустынножителей, въ которыхъ они обличаютъ от-

ступниковъ и убѣждаютъ православныхъ стоять за свою вѣру. Годомъ позже этой «Книжицы», напечатанной въ 1598 году, появился, въ опроверженіе впрочемъ книги Скарги, знаменитый «Апокрисисъ, албо отповѣдь о соборѣ Берестейскомъ именемъ старожитной релѣи греческой, чрезъ Христофора Филалета врихлѣ дана». Вмѣстѣ съ «Апокрисисомъ» былъ напечатанъ «Отвѣтъ» священника острожской церкви поборнику уніи Ипатію Поцѣю на посланіе послѣдняго къ князю К. К. Острожскому, которое князь оставилъ было безъ отвѣта. Г. Сѣлецкій ограничивается подробнымъ разборомъ, занимающимъ большую часть книги, только перечисленныхъ сочиненій, а въ концѣ приводитъ списокъ тѣхъ 22 книгъ, которыя вышли изъ острожской типографіи въ 32-хъ лѣтній періодъ ея существованія, 1580—1612 года, когда она переходитъ, наконецъ, въ кіево-печерскую лавру.

Таково содержаніе изслѣдованія г. Сѣлецкаго. Оно не блещетъ новизною фактовъ, но за то представляетъ прекрасный сводъ всѣхъ имѣвшихся объ острожской типографіи данныхъ, тщательно подобранныхъ и направленныхъ къ доказательству того основнаго положенія, о которомъ мы упомянули въ самомъ началѣ. Вообще-же авторъ принятую имъ на себя задачу выполнилъ добросовѣстно и обстоятельно.

И. Каманинъ.

Н. Дашкевичъ. Замѣтки по исторіи литовско-русскаго государства. Кіевъ. 1885 года.

Авторъ названной брошюры извѣстенъ въ исторической нашей литературѣ и болѣе объемистыми и серьезными трудами по западно-русской исторіи, каковы: «Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ источникамъ», «Болоховская земля и ея значеніе въ русской исторіи» и «Первая унія юго-западной Руси съ католичествомъ (1246—1251 г.)», названная-же брошюра представляетъ собою попытку къ разъясненію нѣкоторыхъ спорныхъ, большею частію мелкихъ вопросовъ въ исторіи литовско-русскаго государства и только подъ конецъ оной авторъ занимается разрѣшеніемъ болѣе важнаго и общаго вопроса о борьбѣ національныхъ началъ въ жизни этого государства, разрѣшившейся постепеннымъ упадкомъ онаго и прекращеніемъ отдѣльнаго политическаго его существованія.

«Замѣтки» состоятъ изъ пяти главъ, которыя представляютъ собою двѣ совершенно-различныя по характеру части: первыя три главы имѣютъ характеръ критико-полемическій и направлены къ провѣркѣ и

опроверженію нѣкоторыхъ положеній проф. В. Б. Антоновича въ его сочиненіи: «Очеркъ исторіи великаго княжества литовскаго до половины XV столѣтія», двѣ-же послѣднія главы представляютъ связное изслѣдованіе проф. Дашкевича о борьбѣ культуръ и народностей въ литовско-русскомъ государствѣ въ періодъ династической уніи Литвы съ Польшей и о послѣдствіяхъ люблинской уніи.

Происхожденіе первыхъ трехъ главъ довольно давнее. Книга г. Антоновича въ первый разъ издана въ 1876 г., тогда-же, конечно, писались и возраженія г. Дашкевича; но они почему-то долго не являлись въ печати. Теперь они являются вѣроятно послѣ новаго пересмотра и служатъ какъ-бы отвѣтомъ на 2-е изданіе названнаго сочиненія г. Антоновича, повторенное въ этомъ году въ 1-мъ выпускѣ собранія его сочиненій. Входить въ разборъ мнѣній обоихъ профессоровъ по вопросамъ частнымъ и мелкимъ, требующимъ перецѣживанія и сличенія различныхъ источниковъ, не представляется возможнымъ въ краткой библіографической замѣткѣ, да и было-бы утомительно для читателей. Высказанныхъ г. Дашкевичемъ мнѣній г. Антоновичъ при второмъ изданіи своего изслѣдованія не подвергаетъ разбору, а предоставляетъ сдѣлать это третьему лицу, находя, что новый трудъ можетъ послужить лишь къ большему выясненію истины. Послѣдуемъ и мы его примѣру. Возраженія г. Дашкевича указываютъ, конечно, на необходимость переоцѣнки источниковъ и переизслѣдованія разныхъ вопросовъ въ литовско-русской исторіи, и этимъ пока и ограничивается значеніе первыхъ трехъ главъ его «Замѣтокъ».

Остановимся нѣсколько долѣе на тѣхъ двухъ главахъ «Замѣтокъ», которыя даютъ собою связное изслѣдованіе о борьбѣ національныхъ началъ въ великомъ княжествѣ литовскомъ.

«До 1386 г., говоритъ авторъ, во внутренней жизни литовско-русскаго государства не замѣчалось рѣзкаго разлада двухъ національныхъ началъ, литовскаго и русскаго, объединенныхъ въ этомъ государствѣ»; онъ обнаруживается лишь послѣ соединенія Литвы съ Польшей, когда началось вліяніе западно-европейской цивилизаціи, во многомъ отличной отъ русской и, какъ цивилизація тѣсно связывалась съ вѣроисповѣданіемъ, то борьба культуръ была вмѣстѣ и борьбою религій. Католическая Польша, стремившаяся подчинить римскому престолу молодое православное и болѣе чѣмъ на половину русское государство, встрѣчала препятствія, которыя приводили къ борьбѣ и ослабляли Литву. Мѣры съ цѣлью распространенія католичества были приняты Ягелломъ тотчасъ по вступленіи его на польскій престолъ и состояли въ расширеніи правъ католической шляхты и стѣсненіи пра-

вославной. Русско-литовская народность стремилась отстоять свою самобытность, и выразителемъ этого стремленія былъ Витовтъ, который однако, по замѣчанію автора, самъ содѣйствовалъ гибели своего отечества, подписывая и исполняя тѣ условія уніи, которыя клонились къ выгодамъ лишь польско-католической партіи и отдавали Литву въ полное распоряженіе Польшѣ, низведшей это государство на степень провинціи. Яснѣе всего вражда литовской и русской народности выразилась послѣ смерти Витовта въ соперничествѣ Сигизмунда Кейстутовича, избраннаго жмудинами, съ Свидригайломъ, за котораго стояли русскіе, и въ убійствѣ перваго за его готовность уступить Польшѣ Волынь и Подолію; проявилась она также и въ избраніи Литвой Казиміра великимъ княземъ безъ вѣдома Польши. Положеніе борьбы измѣняется съ избраніемъ Казиміра польскимъ королемъ: съ тѣхъ поръ началось тѣсное сближеніе литовско-русскаго государства съ Польшей; русскому дворянству поляки стали давать такія преимущества, которыя помогали ему скорѣе полонизоваться, горожане были выдѣлены въ особыя самостоятельныя общины, а что касается крестьянъ, то паны ограничивали и тѣ немногія ихъ права, которыми они пользовались въ предшествующее время (напр. копные суды). На помощь полонизаціи края въ Литву шло польское населеніе, возбуждая и литвиновъ къ борьбѣ съ Русью. Въ этой борьбѣ русская партія находила себѣ опору внутри государства въ обрусѣвшихъ представителяхъ правившаго дома Олельковичей и вѣковыхъ традиціяхъ Кіева, какъ центра православія и русской народности; за Олельковичами цѣли борьбы преслѣдуютъ Бѣльскій, Глинскій и Дмитрій Вишневецкій. Внѣшней опорой русскимъ служила Москва, у которой изъ-за русскихъ областей происходятъ сначала споры съ Литвой, а потомъ съ Польшей. Въ южной Руси и ея князьяхъ замѣчается тяготѣніе къ восточной Руси, вызывающее большую непріязнь въ литвинахъ, желавшихъ оставаться независимыми. Эта рознь, продолжавшаяся почти два вѣка, ослабляла Литву и дѣлала ее безсильной противъ наступательнаго движенія польской цивилизаціи и тѣхъ мѣръ, которыя принимались польскимъ правительствомъ для подготовки болѣе тѣсной уніи, какою и явилась унія люблинская. На нее не трудно было согласить задобренное раньше поднятіемъ и расширеніемъ его правъ мелкое литовско-русское дворянство, которое составляло главную военную силу, высшее-же дворянское сословіе, которое протестовало на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія обоихъ государствъ, хорошо понимая результаты уніи, должно было въ концѣ концевъ уступить внѣшнему давленію польской партіи, имѣвшей на своей сторонѣ великаго князя Литвы, бывшаго въ то-же время и королемъ Польши. Волынь и Кіевъ были

присоединены силой; чинамъ этихъ провинцій было приказано присягнуть Польшѣ подъ страхомъ потери должностей и имущества. Послѣдствіемъ люблинской уніи былъ конецъ литовско-русскаго государства; постепенно, вслѣдствіе цѣлаго ряда мѣръ польскаго правительства по отношенію къ присоединеннымъ областямъ, оно утратило свой языкъ, законодательство и отчасти самую вѣру, т. е. главныя основы самостоятельнаго національнаго развитія. Съ другой стороны, подчинивъ себѣ Литву и Русь, Польша не въ состояніи была ни защитить ихъ отъ внѣшнихъ враговъ, ни дать имъ прочную внутреннюю организацію. Преслѣдуя въ уніи свои личныя цѣли, польское общество въ конецъ ослабило свое собственное государство и привело его позже къ потери своей политической независимости.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе послѣднихъ двухъ главъ «Замѣтокъ по исторіи литовско-русскаго государства». Не касаясь его частностей, позволимъ себѣ замѣтить, что не смотря на большую начитанность автора, на его умѣнье пользоваться фактами для подкрѣпленія высказываемыхъ имъ мнѣній, одно изъ главныхъ его положеній въ изложенномъ очеркѣ, именно—будто борьба литовской и русской народности въ государствѣ началась только съ 1386 года, не достаточно ясно опредѣлено въ томъ, что касается ея происхожденія; читатель видитъ здѣсь борьбу не литовской народности съ русскою, а скорѣе борьбу обѣихъ этихъ народностей съ польскою, первая проглядываетъ лишь въ немногихъ фактахъ и является слѣдствіемъ введенныхъ Польшею порядковъ; эти порядки раньше усвояютъ себѣ литвины и потомъ вмѣстѣ съ поляками выступаютъ противъ русской народности. Борьба эта въ указанное авторомъ время существовала несомнѣнно, но она является теперь лишь осложненной и измѣнившей свой характеръ подъ польскимъ вліяніемъ борьбой литовской и русской народностей, которая началась, по справедливому замѣчанію проф. В. Б. Антоновича, еще въ XIII вѣкѣ.

И. Каманинъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Томъ II, вып. 1. С.-Петербургъ, 1886 года.

Наконецъ-то появилось давно ожидаемое продолженіе этого почтеннаго труда, первый томъ котораго вышелъ еще въ 1872 г. Достоинства работъ профессора Бестужева-Рюмина достаточно извѣстны, чтобы нужно было о нихъ распространяться; въ сжатомъ, но точномъ и ясномъ видѣ онъ излагаетъ всѣ событія внѣшней и внутренней жизни Россіи

и входившихъ въ нее народностей, приводя при этомъ въ спорныхъ вопросахъ мнѣнія, найболѣе заслуживающія вѣроятія, и вообще знакомя читателей съ послѣдними выводами своей науки. Книга цѣнна также и своими библіографическими указаніями, дающими возможность начинающему изученіе исторіи ознакомиться съ главными сочиненіями по избранному вопросу. Благодаря этимъ достоинствамъ, трудъ профессора Бестужева-Рюмина сразу занялъ подобающее мѣсто при университетскомъ преподаваніи русской исторіи и сталъ настольной книгой для всѣхъ преподавателей этого предмета въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Настоящій выпускъ могъ-бы представить для насъ особый интересъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ между прочимъ и исторію литовскаго государства. Къ сожалѣнію, какъ самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ заявляетъ, онъ не могъ воспользоваться многими трудами, появившимися послѣ отпечатанія первыхъ листовъ его книги, въ которыхъ находится между прочимъ изслѣдованіе, ближе всего насъ касающееся. Листы эти, много лѣтъ назадъ тому напечатанные, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не могли быть выпущены раньше. Авторъ не нашелъ возможнымъ перепечатывать ихъ и ввелъ ихъ въ книгу, какъ они давно были напечатаны. Указанное авторомъ обстоятельство даетъ себя чувствовать и въ изложеніи политической исторіи литовско-русскаго государства, занимающей всю VIII главу настоящаго выпуска, а потому не представляется возможнымъ ни передавать содержаніе этой главы, ни входить въ разборъ отдѣльныхъ мнѣній автора. Отложимъ это до выхода слѣдующаго выпуска, въ которомъ авторъ обѣщаетъ сдѣлать существенныя поправки и дополненія, а теперь обратимъ лишь вниманіе читателей на исторію областнаго управленія по привилегіямъ королей разнымъ землямъ, въ которой онъ наблюдаетъ развитіе шляхетскихъ вольностей и рядомъ съ ней ростъ крѣпостнаго права, а также на обстоятельный разсказъ о городскомъ самоуправленіи по магдебургскому праву. Эта часть труда едва-ли подвергнется измѣненію въ слѣдующемъ выпускѣ, появленія котораго мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ. **И. Каманинъ.**

Угро-русскія народныя пѣсни, собранныя г. де-Волланомъ (Записки императорскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи, томъ XIII, вып. I). С.-Петербургъ, 1885 года.

Послѣ сборниковъ гг. Дешка и Головацкаго настоящая книга является самымъ значительнымъ сводомъ пѣсенной поэзіи угро-руссовъ. Коломыекъ и пѣсенъ въ этомъ томѣ помѣщено 525. Изъ нихъ триста записаны издателемъ, а остальныя доставлены мѣстными собирателями.

Вступительный этнографическій очеркъ основанъ въ большей своей части на трудѣ о венгерскихъ русинахъ Бидермана. Комментаріи къ сборнику издателя написаны имъ самимъ, всѣ-же сравненія и ссылки составлены г. Истоминымъ.

И издатель и редакторъ начинаютъ съ опредѣленія положенія, занимаемаго угро-руссами въ славянской семьѣ. «Срезневскій, говоритъ г. Истоминъ, называетъ этотъ народъ русскимъ, но *это не мѣшаетъ* ему причислить говоръ угро-руссовъ къ южно-русскому нарѣчію». Покойный славистъ основывался въ указанномъ своемъ мнѣніи на разсмотрѣніи фонетическихъ особенностей говора угро-руссовъ и на сравненіи устнаго ихъ творчества съ народной южно-русской поэзіей, которую онъ близко зналъ; поэтому удивительное во всѣхъ отношеніяхъ словцо г. Истомина «это не мѣшаетъ» является лучшей похвалой Срезневскому.

Новѣйшіе изслѣдователи, сближая угро-русскій говоръ съ сѣверно-малорусскимъ поднарѣчіемъ, съ которымъ у него дѣйствительно много общаго, высказываются по этому вопросу весьма уклончиво и признаютъ ихъ близкое родство лишь «до нѣкоторой степени вѣроятнымъ». Сочувстственно цитируемый г. Истоминымъ авторъ статьи объ угро-русскомъ говорѣ (въ «Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію»), одинъ изъ учениковъ Ламанскаго, г. Семеновичъ, по этому поводу пишетъ: «Для окончательнаго рѣшенія вопроса, желательно было-бы, кромѣ подробнаго изслѣдованія малорусскихъ говоровъ и критическаго разбора историческихъ памятниковъ, касающихся колонизаціи Венгріи, сравнить мѣстныя названія, личныя имена, обычаи черниговской и другихъ смежныхъ губерній съ таковыми-же названіями, именами и обычаями угорской Руси». Зачѣмъ-же стало дѣло и кому-жъ этимъ и заняться, какъ не спеціалистамъ? По изслѣдованію малорусскихъ говоровъ есть нѣсколько солидныхъ трудовъ, въ печати есть достаточное количество народныхъ произведеній, принадлежащихъ къ обоимъ говорамъ. Существуютъ, значитъ, всѣ данныя какъ для полемики, такъ и для самостоятельнаго анализа. Есть даже и опыты «критическаго разбора памятниковъ, касающихся колонизаціи Венгріи», напримѣръ трудъ галицкаго ученаго І. Дулишковича «Историческія черты угро-русскихъ». Послѣ обстоятельнаго обслѣдованія всего этого и съ доказательствами въ рукахъ, можно принимать или не принимать заключенія Срезневскаго, какъ въ частномъ вопросѣ о поднарѣчіи, такъ и въ общемъ о племени.

Въ послѣднемъ, впрочемъ, и сборникъ г. де-Воллана не оставляетъ ни малѣйшаго мѣста для спора. Г. Истоминъ сличилъ его съ пятымъ томомъ «Трудовъ западно-русской экспедиціи» и почему-то съ «Старосвѣтскимъ бандуристомъ» Закревскаго, наименѣе самостоятельнымъ изъ

всѣхъ малорусскихъ сборниковъ. Десятая часть пѣсенъ перваго отдѣла оказалась варіантами сборника Чубинскаго (издатели исключили раньше всѣ пѣсни общія съ напечатанными Головацкимъ). Просматривая книгу, мы насчитали сверхъ того, по памяти только, безъ справокъ, такое-же количество общеизвѣстныхъ малорусскихъ пѣсенъ и притомъ изъ самыхъ распространенныхъ. Таковы: «Зеленая лещиноньна» (стр. 37), «Стоять вербы въ кинци гребли» (123), «Закувала зозуленька» (31), «Жито, мати, жито, жито не полова» (ib.), «Ой знать, хто кого любыть» (44), «Темна ничка, темна» (53), «Ой жаль мени буде» (95), «Часъ до дому, часъ» (135), «Журилася попадя» (155) и проч. и проч. Всѣ эти пѣсни признаны редакціей чисто мѣстными. Такой-же странный промахъ сдѣланъ въ «Словарѣ областныхъ и заимствованныхъ словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ». Почему и по отношенію къ какому языку надо считать «областными» такія слова, какъ «барвинокъ, вечеря, вивторокъ, втопилась, гадать, годувать, горо́дъ, донька, звоныця, кишеня, кныши, куповать, кучери, млинъ, насиння, принада, сонечко, ухопыты, чубатый» и т. п.? Въ этографическомъ очеркѣ описаны черты и обычаи, въ основѣ своей общія рѣшительно всему южно-русскому краю. Таковы подробности празднованія Рождества и Пасхи, Купало, похоронные обычаи, вѣрованіе въ упырей, купанье женщинъ подозрѣваемыхъ въ вѣдемствѣ, музыкальные инструменты простолюдиновъ и пр.

Это противорѣчіе въ почтенномъ трудѣ г. де-Воллана, -противорѣчіе общихъ выводовъ съ данными этнографическаго матеріала, происходитъ, какъ намъ кажется, отъ нѣкоторой тенденціозности, которой совершенно чужды были изслѣдователи старой школы, въ родѣ Срезневскаго. Ключъ къ разъясненію этого настроенія мы нашли въ статьѣ того-же автора «Русская народность въ Галиціи», появившейся въ первой декабрьской книгѣ «Нови», одновременно съ выходомъ сборника.

Оставляя совершенно въ сторонѣ, какъ не касающіяся насъ, соображенія статьи о политическомъ значеніи галицко-русскихъ общественныхъ партій, мы обратимъ вниманіе только на ея тонъ. Говоря напримѣръ о «старыхъ», г. де-Волланъ упрекаетъ ихъ «слащавымъ низкопоклонничествомъ, лойяльностью, приниженностью». «Независимости, говоритъ онъ, твердости, гражданскаго мужества не могло быть въ сословіи, которое ради куска хлѣба должно пресмыкаться и угождать сильнымъ мира (sic) сего, собственному начальству и своему патрону, богатому польскому дворянству». Онъ коритъ ихъ за то, что они дѣлали мало доступными книги для первоначальнаго образованія народа и указываетъ на почтенный примѣръ о. Наумовича, издававшаго свой народный листокъ на мѣстномъ нарѣчіи. Но къ «моло-

дымъ» онъ относится еще съ большею строгостью, что не мѣшаетъ ему, приводя факты угнетенія народности, полонизаціи и усиленія іезуитовъ, ссылаться на рѣчи въ сеймѣ гг. Романчука и Вахнянина, представителей именно этой группы. Онъ смѣется надъ выходомъ такихъ книгъ, какъ «Батько Гранде» Бальзака. Шутка повторена два раза. Едва ли однако во всѣхъ сорока пяти томахъ Бальзака и редакція «Нови» и авторъ отъищетъ книгу съ такимъ заглавіемъ. Романы «Le pere Goriot» и «Eugenie Grandet» принадлежатъ къ перламъ бальзаковскаго творчества. Открыть какого-то «Батька Гранде» такъ-же... странно, какъ отъискать у Гоголя «Похожденія *Хлестакова* или Мертвыя Души».

Отраженіе всѣхъ этихъ домашнихъ галицкихъ споровъ и видно въ сборникѣ, который не долженъ-бы имѣть никакой иной цѣли, кромѣ научной. Разумѣется, матеріалъ при всемъ этомъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ. Мы надѣемся, по крайней мѣрѣ, что въ передачѣ говора господствуетъ одна правда и совершенно отброшена тенденціозность.

Напечатанныя пѣсни обнимаютъ «Кохання», отношенія семейныя, родственныя и «бытовыя черты». Послѣдняя классификація слишкомъ расплывчата, что и доказалъ издатель, отнеся къ этому отдѣлу даже пѣсни историческія.

Внѣшнія черты угро-русскихъ пѣсенъ—краткость, малосложность стиха и перемѣщающаяся риѳма; внутреннія—какая-то сдержанность, меньшая, сравнительно съ малорусскими, сила чувства. Большая часть сборника занята пѣснями любовными. Многія изъ нихъ чрезвычайно граціозны. Какъ образецъ языка и транскрипціи собирателя, приводимъ двѣ, очень коротенькія:

То тобы два писарики не переписали [1]),
Что мы двое, сердце мое, перещебетали.
То тобы два *ой* рондяре и не изчислили,
Что мы двое, сердце мое, переговорили.

Умру, любко, умру,
А ти будешъ жити
Прийди, попозырай,
Где я буду гнити.
Прийди, попозырай
Зеленовъ дорожковъ,
Та стань конець головъ
Своей билой ножкой.
Пришла файна рыбка,
Конець головъ стала,—
Подъ ея ножками
Травиця завьяла...

---

[1]) Воспроизводимъ точно правописаніе собирателя.

Нельзя не пожалѣть о полномъ почти отсутствіи въ сборникѣ обрядныхъ пѣсенъ. Такія пѣсни изъ уединенныхъ и глухихъ горныхъ комитатовъ могли-бы представить черты глубокой древности. Въ сборникахъ пѣсенъ гг. Бачинскаго и Гладенико собраны преимущественно пѣсни Верховинцевъ. Здѣсь также встрѣчаются общераспространенныя малорусскія пѣсни, какъ «Мищанка», «Ой дивчино, чія ты?» и т. п. Пѣсни Крайнянъ и Спѣшаковъ, представляющихъ уже переходъ къ словакамъ, доставлены г. Левицкимъ. Онѣ гораздо слабѣе въ художественномъ отношеніи, что подтверждаетъ мнѣніе издателя о сравнительно меньшей интеллектуальности этого народа.

Въ бытовыхъ пѣсняхъ ярко выдѣляются нѣсколько пьесъ о панщинѣ и о ея уничтоженіи. Онѣ такъ прекрасны, что однѣ, сами по себѣ, могли-бы дать цѣну сборнику г. де-Воллана. Приводимая ниже маленькая пьеска—одна изъ самыхъ сильныхъ по драматизму, какія мы знаемъ въ народной поэзіи:

Когда муровали бѣлу Маковицу,
Гонили на паньске убогу вдовицу;
Едну недѣленьку мужа поховала,
Другу недѣленьку сына породила,
А съ третей недѣли на паньске ей гнали.
На паньске ей гнали, покоя не дали,
На одной рученьцѣ сына тримала,
А съ друговъ рученковъ камѣня давала,
Камѣня давала, горенько плакала.
Горенько плакала, озера глядала...
—Плывай-же ты, сыну, въ глубокомъ озерѣ,
Не зазналъ ты отца, не зазнай матери!...

Объ уничтоженіи панщины сложено нѣсколько оригинальныхъ, образныхъ пьесъ. Въ одной изъ нихъ свобода загоняетъ ненавистную панщину въ лѣса, въ густыя дебри. За ней вслѣдъ идутъ паны и, горько плачась, умоляютъ панщину вернуться. Съ безпощадной правдою народнаго слова передаетъ пѣсня ихъ плачъ:

—Вертай, вертай, панщинонько,
Бо не отки жити!...
Мы не знали молотити,
Наши женки жати,
Мы не знали, что такъ тяжко
На хлѣбъ працевати!...

По приведеннымъ даннымъ читатель видитъ, что разсматриваемый сборникъ заключаетъ въ себѣ въ значительной степени интересный и важный матеріалъ, и тѣмъ досаднѣе въ немъ присутствіе элементовъ тенденціозности или... незнанія.

В. Горленко.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЮЖНО-РУССКІЙ ГОРОДЪ ВЪ НАЧАЛѢ ТЕКУЩАГО СТОЛѢТІЯ.

(Изъ «дневныхъ записокъ» А. С. Пишчевича).

На страницахъ «Кіевской Старины» находили себѣ мѣсто нѣкоторые матеріалы изъ семейнаго архива сербскихъ выходцевъ Пишчевичей; помѣщены были и свѣдѣнія о содержимомъ этого архива, равно и біографическія данныя объ одномъ изъ представителей рода, Александрѣ Семеновичѣ, ревностно, хотя и не всегда искусно и даже не вполнѣ грамотно писавшемъ многочисленныя «записки», «примѣчанія» и пр., въ первые годы текущаго столѣтія, наполняя этимъ досугъ, томительный для отставнаго офицера, жившаго въ глуши нынѣшняго александрійскаго уѣзда, въ имѣньѣ своемъ, с. Скалевомъ. Кругъ наблюденій нашего автора былъ не широкъ: не подготовленный серьезнымъ образованіемъ къ жизни, учившійся кое-чему и какъ нибудь, онъ подбиралъ для своихъ дневниковъ чаще всего толки о карточномъ проигрышѣ къ клубѣ, о скандалѣ на маскарадѣ, не брезгалъ иногда сплетней о семейныхъ дѣлахъ и дрязгахъ, но болѣе всего занимался житьемъ-бытьемъ офицеровъ, квартировавшихъ въ елисаветградскомъ районѣ, отчасти потому, конечно, что и самъ былъ того же поля ягодой, а съ другой стороны и отъ того, что офицеры въ тогдашнее время дѣйствительно давали тонъ и окраску обществу провинціальнаго города. Живя въ деревнѣ, Пишчевичъ иногда ѣздилъ въ окрестные города,

Кременчугъ, Елисаветградъ, Александрію, Херсонъ и Николаевъ, видимо имѣлъ тамъ много знакомыхъ, отъ которыхъ обильной рукой собиралъ новости, и потомъ, по свѣжей памяти, заносилъ ихъ въ «дневныя записки». Послѣднимъ онъ иногда пытался придать оригинальную форму сборника корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ, конечно, самъ трудясь надъ составленіемъ подобнаго рода писемъ къ собственной особѣ, на подобіе того, какъ дѣлалъ это одинъ Диккенсовъ герой. Выбираемъ для образца данныя о гор. Елисаветградѣ изъ такихъ записокъ за 1816 годъ. Елисаветградъ привлекалъ вниманіе Пишчевича вообще предпочтительнѣе передъ другими городами извѣстнаго ему района; авторъ нашъ чаще бывалъ въ немъ, такъ какъ въ немъ въ это время квартировалъ штабъ конно-егерскаго корпуса, былъ уже клубъ и наконецъ и въ промышленномъ отношеніи Елисаветградъ успѣлъ уже выдвинуться впередъ. Изъ свѣдѣній Пишчевича о Елисаветградѣ мы получаемъ одностороннюю, конечно, но не лишенную бытоваго интереса картинку, въ особенности по отношенію къ характеристикѣ тогдашнихъ сыновъ Марса. Любопытно сравнить ее съ тѣмъ, что теперь представляетъ этотъ городъ. Передаемъ повѣствованіе нашего автора безъ измѣненій, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, трудно понятныхъ, вслѣдствіе стилистическихъ несовершенствъ записокъ, или неприличныхъ въ печати.

---

16 февраля. Карточная игра въ клубѣ здѣшнемъ продолжается, при которой выходятъ разныя непріятности.

22 февраля. Князь Гагаринъ, извѣстный арзамасскаго полку забулдыга, продолжаетъ пить и буянить.

18 февраля. Вчера двѣ достопамятности явились глазамъ замѣчателя въ здѣшнемъ клубѣ. Первая: графъ Паленъ проигралъ 48,000 р. въ одинъ вечеръ, изъ которыхъ 20,000 досталось на пай князя Гагарина, а остальныя раздѣлились на разныя части штабъ и оберъ офицерамъ... Другая достопамятность: полковаго командира тираспольскаго полку полковника Даниловича жена, говорятъ, будто въ какомъ-то разѣ здѣшній клубъ посѣтила недовольно нарядна и при вопросѣ ее о томъ, она отвѣчала, что для здѣшняго общества и сего довольно. Симъ здѣшнія дамы обидѣлись и оттого начались бабьи шопоты, сплетни и пр. Симъ-бы оно и кончилось, но тепе-

решніе воины любятъ въ бабьи кляузы вмѣшиваться; выискался заступникъ обиды дамъ елисаветградскихъ и обѣщалъ полковницу проучить...

Подъ 22 февраля записано извѣстіе о маскарадѣ, бывшемъ въ клубѣ, на масляницѣ, слѣдующаго содержанія. Нѣкто полковникъ Ретцъ устроилъ для маскарада изъ обручей и бумаги катеръ безъ дна, помѣстилъ въ немъ четырехъ дамъ, въ томъ числѣ свою жену и жену городничаго Стратимировича, и столько-же кавалеровъ, наряженныхъ гребцами, которые несли это судно въ согнутомъ положеніи; предполагалось войти такимъ образомъ въ клубный залъ, и оставивъ катеръ, протанцовать кадриль. На бѣду знаменитый буянъ князь Гагаринъ не долюбливалъ Ретца и, какъ только катеръ послѣдняго показался въ залѣ, окружилъ его толпой своихъ единомышленниковъ, которые сдавили его колѣнями. Дамы переполошились, дверцы въ катерѣ имъ отворить не удавалось, а борты катера были высоки; нечего было дѣлать... Тутъ-же въ толпѣ стояли директоры клуба и не принимали никакого участія въ чинимомъ гг. офицерами безобразіи. Другая маска, продолжаетъ Пишчевичъ, была движущаяся вѣтряная мельница, которую три сокрытые внизу офицера дѣйствовали. Сію мельницу никто не трогалъ, а напротивъ молодежь окруживъ любовалась круженію оной, которое столь близко изображало круженіе ихъ мозга.

25 апрѣля. Такъ называемая здѣшняя георгіевская ярмарка 23 сего мѣсяца бываетъ весьма значительна по большому пригону рогатаго скота и лошадей. На сей разъ жиды изъ Польши купили значительное число сихъ послѣднихъ и располагали оныхъ гнать, какъ вдругъ настигло великое число офицеровъ ремонтеровъ, опоздавшихъ къ началу ярмарки, и, видя себя безъ лошадей, ибо табуны уже были угнаны, они изобрѣли средство себя оными запасти, захвативъ отъемомъ у жидовъ купленныхъ ими лошадей и бросивъ имъ за оныя деньги. Нѣкоторые изъ жидовъ было вздумали попротивиться въ семъ грабежѣ, но одни, испытавъ плети, другіе — фухтели, принужденными нашлись молчать. Противъ таковаго военнаго деспотизма полиція ни слова не говоритъ, равно и корпусный начальникъ молчитъ.

9 мая. Воровство здѣсь непомѣрное и все нашими постояльцами производится. Судья Булацель, идучи ввечеру и еще не со-

всѣмъ поздно, былъ окруженъ двумя егерями, которые хотѣли завладѣть его шинелью, но на крикъ его сбѣжались люди, и воры удалились. Вообще ночью никто не смѣетъ ходить по улицамъ. Жители жалуются ихъ начальникамъ, ибо полиція наша не смѣетъ слова сказать имъ въ нашу заступу: корпусный начальникъ есть все, противъ него—никто; но ихъ удовлетворяютъ тѣмъ, чтобы они поймали вора и обличили, что дѣйствительно это происходитъ отъ егерей; но кто успѣетъ поймать сихъ проворъ! Однакожъ одному мѣщанину случилось обличить вора, и вотъ какъ. Мѣщанинъ покоился ночью съ своею семьею, какъ вдругъ слышитъ нѣкій шорохъ около себя, пробуждается, видитъ при слабомъ свѣтѣ луны, что одна изъ шибъ его окна вынута съ улицы и оттуда рука въ военномъ мундирѣ шаритъ по лавкѣ и стѣнѣ, ощупывая, нельзя ли что попасть. Мѣщанинъ схватываетъ толстый отрубокъ дерева, поражаетъ сію руку, отъ чего на улицѣ слышитъ крикъ, и все симъ оканчивается. Въ слѣдующее утро узнаютъ въ городѣ, что одному егерю отбита кисть руки: это былъ воръ, попавшійся подъ отрубокъ. Мѣщанинъ идетъ къ гр. Палену (корпусному командиру) и объясняетъ дѣло. Приводятъ егеря безрукаго. Графъ удостовѣряется въ показаніи мѣщанина, и вотъ рѣшеніе: «ежели (сказалъ графъ мѣщанину) егерь не выздоровѣетъ, то я тебѣ ручаюсь, что ты и твои сыновья будутъ въ солдатахъ!» Съ симъ обиженный оставилъ его сіятельство и, какъ таковое опредѣленіе было въ присутствіи егеря, то сей разсказалъ своимъ сотоварищамъ, сколь милостивъ корпусный командиръ, и что всѣ шарящія руки въ домахъ изъяты впредь отъ увѣчья.

10 мая. Князь Гагаринъ упился съ подобными ему и, втащивъ пушку въ комнаты, стрѣлялъ изъ окна на улицу. Окна отъ потрясенія выпали во всемъ домѣ, а князь Гагаринъ съ гостями въ самомъ безобразномъ видѣ, выставляя себя въ оныя, заставляли народъ удивляться и смѣяться.

23 мая. На сихъ дняхъ вотъ что въ здѣшнемъ городѣ случилось. Мѣщанинъ Карасевъ, не молодыхъ уже лѣтъ, съ молодою и видною, но честною своею женою были въ гостяхъ, и поопоздившись довольно, въ вечеру возвращались домой мимо гауптвахты, у которой будучи остановлены, введены въ оную и разсажены—мужъ и жена въ разныя мѣста—за то, что шли послѣ зари. Сна-

чала караульный офицеръ, явясь къ Карасевой женѣ, ее снасильничалъ, а потомъ тоже учинили и всѣ караульные солдаты. Не говоря уже о томъ, что сіи бдители общаго покоя на сей разъ явили себя совершенными преступниками, но скажемъ, что когда на другой день обиженный Карасевъ явился къ графу Палену принесть жалобу, то сей потребовалъ видѣть его жену, которая когда ему предстала и онъ, увидѣвъ ея молодость и пригожество, издѣваясь на счетъ старости ея мужа, сказалъ ей: . . . . . .[1]).

10 іюля. Квартира графа Палена противъ церкви старообрядческой. Его сіятельству показался частый звонъ колоколовъ безпокойнымъ и потому онъ запретилъ долго оный производить, а особливо рано поутру...

5 сентября. Полиція въ здѣшнемъ городѣ ничего не значитъ въ разсужденіи чинимыхъ военными безпорядковъ. По положенію армейскаго генералъ-штаба, корпусные начальники имѣютъ право наблюдать за безпорядками по части гражданской. Но въ томъ-же положеніи ничего не сказано, что дѣлать, ежели гражданская часть увидитъ въ корпусномъ начальникѣ сумасбродство; повидимому полагалось, что таковой начальникъ долженъ быть мужъ избранный, мужъ достойныхъ качествъ. Графъ Паленъ, не будучи таковымъ, но права данныя остаются при немъ и потому онъ деспотически управляется въ Елисаветградѣ; онъ взялъ на себя распредѣленіе въ городѣ квартиръ и произвольно ставитъ въ домъ штабъ-офицера или кого другаго, словомъ: «я такъ хочу». И отъ сего опредѣлительнаго слова вышло, что у нѣкоторыхъ гражданъ есть по три дома и всѣ три заняты постоемъ; всѣ офицеры имѣютъ—однѣ квартиры по эскадронно, а другія въ городѣ для пріѣзда, гдѣ занимаясь городскою жизнью, мало помышляютъ о своей должности. Другой случай, который-бы принадлежалъ къ надзору полиціи, то, какимъ образомъ живущіе въ городѣ офицеры довольствуютъ своихъ лошадей: приторгуютъ на базарѣ сѣно или овесъ и отвезя на квартиру, отщитываютъ мужику, вмѣсто договоренной цѣны, что хотятъ, и съ симъ выталкиваютъ за ворота. На толикіе безпорядки могутъ только доносить жандармскіе офицеры армейскому полиціймейстеру генералу Эртелю, но сіи офицеры подчинены корпусному

[1]) Опускаемъ подлинныя выраженія, ради непристойности ихъ.

начальнику, а у графа Палена фухтеля не за горами. Сверхъ здѣсь изъясненныхъ жителямъ обидъ, видимъ другія странности въ корпусной квартирѣ, которыя старымъ служивымъ кажутся дикими: офицеры по улицамъ прохаживаются въ мундирахъ, но безъ сабель, какъ будто арестованы (въ прежнюю службу офицеръ въ мундирѣ не смѣлъ казаться безъ сабли, а въ квартирѣ корпуснаго начальника и подумать никто не могъ), съ дымящимися трубками во рту (это запрещается полицейскимъ уставомъ), а глядя на своихъ господъ, ихъ слуги, между которыми много поляковъ, нѣмцевъ, французовъ, также по рынку расхаживаютъ, куря трубки.

23 сентября. Губернаторъ графъ Сенъ-При объѣзжаетъ теперь ввѣренную ему губернію и на сихъ дняхъ пріѣхалъ и сюда, гдѣ, обозрѣвая присутственныя мѣста, нашелъ крайне недѣятельнымъ нижпій земскій судъ и потому всѣхъ членовъ онаго отрѣшилъ, приказавъ явиться имъ въ Херсонъ для изслѣдованія ихъ дѣятельности. Послѣ сего сей справедливый губернаторъ принялся было за другія части, но слѣдующее помѣшало довершить добромъ начатое дѣло. Жители села Злынки, въ которомъ квартируетъ дерптскаго конно-егерскаго полку эскадронъ [1]), долго терпѣли всѣ угнетенія, которыя постигли вообще мѣста, занимаемыя симъ войскомъ, и просили о своихъ обидахъ земскій судъ, просили полковаго начальника, просили корпуснаго начальника графа Палена, но нигдѣ заступы не обрѣли и потому рѣшились принесть жалобу своему губернатору. Для сего отправили волостнаго голову, писаря и нѣсколько почетныхъ стариковъ къ его сіятельству въ Елисаветградъ. Сіе посольство, прибывъ въ городъ, остановилось на квартирѣ у жида и на составлять просьбу. Хозяинъ, подслушавъ, въ чемъ дѣло состояло, и желая поддобриться графу Палену, увѣдомилъ его обо всемъ. Сей отправляетъ офицера съ командою забрать весь этотъ совѣтъ и посадить на гауптвахту; не замедлилъ явиться и самъ графъ Паленъ и не постыдился ихъ бить по щекамъ, по зубамъ и въ

---

[1]) Въ Злынкѣ квартируетъ съ дерптскимъ эскадрономъ капитанъ Дроздовскій, любимецъ графа Палена, и дерптскій полкъ есть его фаворитный полкъ, потому что онъ былъ въ ономъ шефомъ, а сего уже и предовольно для несправедливаго начальства, чтобы отстаивать дѣло обидное и къ общему вреду клонящееся.
Прим. автора.

поволочку пинками, а между тѣмъ послалъ просить графа Сенъ-При къ себѣ на обѣдъ, и сіе въ томъ намѣреніи, чтобы онъ не узналъ о происходящемъ. Губернаторъ, отобѣдавши, еще долго у него сидѣлъ, а когда они разстались, то графъ Паленъ приказалъ предъ себя привесть голову съ сотоварищами и уже тутъ билъ ихъ всѣхъ фухтелями нещадно. Послѣ сего, связавъ и вложивъ ихъ на телѣги, отправилъ съ жандармами обратно въ Злынку, куда едва голову привезли, то онъ и умеръ. Говорятъ, по штату о жандармахъ, простой изъ оныхъ рядовой, видя генерала въ безпорядкѣ, можетъ его арестовать. Ежели столь странное узаконеніе существуетъ, то въ семъ разѣ видится совсѣмъ противное, ибо жандармы имѣли причину, какъ бѣшенствующаго, не токмо арестовать своего корпуснаго начальника, но и связать еще; но они обиженныхъ сопровождали, какъ преступниковъ. Сенъ-При, когда сей поступокъ до него дошелъ, тѣмъ болѣе былъ разогорченъ, что оный произошелъ почти въ его присутствіи,—тотчасъ отправилъ курьера въ Одессу съ донесеніемъ о происшедшемъ графу Ланжерону и при томъ сказалъ: «я не останусь губернаторомъ ни двухъ дней, ежели сіе происшествіе не будетъ доведено до свѣдѣнія императора». По отправленіи сего курьера, Сенъ-При поѣхалъ въ мѣстечко Каменку къ г-жѣ Давыдовой; а возвратившись оттуда въ Елисаветградъ, посѣтилъ его генералъ баронъ Паленъ, двоюродный братъ графа Палена, который старался его примирить съ своимъ братомъ, но графъ Сенъ-При гордо отвѣчалъ: «какъ графъ Сенъ-При, я никакого дѣла съ графомъ Паленомъ не имѣю, но какъ губернаторъ я хочу, чтобы сіе извѣстіе дошло до свѣдѣнія государя». Когда баронъ Паленъ объявилъ сіи слова своему брату, то графъ Паленъ отвѣчалъ: «я увижу, что̀ этотъ французъ — парикмахеръ мнѣ сдѣлаетъ!» Сіи слова тотъ-же часъ лазутчики вложили въ уши графу Сенъ-При. Послѣ сего онъ отправился въ Одессу, дабы настоять у графа Ланжерона въ семъ представленіи. Время покажетъ, чѣмъ все сіе кончится. Но ежели-бы Сенъ-При не столь горячо за сіе дѣло вступился, то елисаветградское купечество начало было шевелиться, вступаясь за обиженныхъ поселянъ тѣмъ съ большимъ жаромъ, что какъ большая часть купечества, такъ жители Злынки суть староверы.

1 октября. Слѣдуя скоропостижности, съ какою донесено было графу Сенъ-При о смерти злынскаго головы и по той скоропостижности, съ каковою съ симъ донесеніемъ отправленъ былъ въ Одессу курьеръ, а вслѣдъ за онымъ и самъ губернаторъ отправился (не удивляйтесь, нами управляютъ французы, народъ опрометчивый), и я попалъ въ обманъ, писавши вамъ 23 сентября о смерти злынскаго головы. Графъ Паленъ со всею свойственною нѣмцамъ флегмою и аккуратностью выбилъ голову безчеловѣчно; но, благодаря Богу и крѣпкому сложенію русскаго человѣка, голова не умеръ. Теперь любопытно знать, чѣмъ все сіе кончится. Молва повсюду разнеслась о убіеніи Паленомъ головы, графъ Паленъ, и дерзокъ, и пьянъ, за это хочетъ мстить; графъ Сенъ-При, слѣдуя правиламъ чести, связаться долженъ съ пьяницей и можетъ имѣть при всей своей трезвости серьезное дѣло. А ежели графъ Ланжеронъ, скоропостижно основываясь на донесеніи губернатора, да уже сдѣлалъ государю свое представленіе, то согласитесь, что дѣло трехъ графовъ будетъ замѣчательно въ своемъ родѣ. Надобно ожидать сему развяки отъ времени.

15 октября. Графъ Паленъ вызываетъ графа Сенъ-При черезъ письмо на дуель и для сей битвы назначено первое число будущаго ноября. Паленъ предоставляетъ своему сопернику избрать мѣсто къ побоищу, а чтобы сіе письмо не могло затеряться, или можетъ быть и ради того, чтобы Сенъ-При не могъ сказать, что онъ его не получалъ, то отправлено въ Херсонъ страховымъ. Повидимому, худо теперь быть такимъ губернаторомъ, который беретъ сторону ему ввѣреннаго народа, ибо того мало, что Сенъ-При вызываютъ на дуель за исполненіе его обязанности, но и капитанъ Дроздовскій объявилъ графу Палену, что онъ берется выбить Сенъ-При, прибавя, что онъ уже разъ изъ офицеровъ былъ разжалованъ въ рядовые и потому еще разъ пострадать для своего начальника ничего не значитъ.

18 октября. Графъ Ланжеронъ поручилъ губернскому предводителю Корбе изслѣдовать въ Злынкѣ какъ обиды, жителямъ причиненныя квартирующими въономъ конными егерями, такъ и освидѣтельствовать спину и прочія части избитаго головы. Г. Корбе, который повсюду видитъ предстоящія ему знаки отличія, вмѣнилъ сію порученность себѣ въ должность, отправился въ Злынку, гдѣ

нашелъ поступокъ военныхъ съ поселянами слишкомъ жестокимъ, а голову избитаго хотя и живымъ, но совершенно распухшимъ и едва дышавшимъ. Г. Корбе описалъ все имъ найденное въ Злынкѣ графу Ланжерону въ партикулярномъ письмѣ самымъ безобразнымъ образомъ и, невѣдомо къ чему, присовокупилъ ко всему этому извѣстныя слова великаго Суворова: «береги хозяина, онъ васъ поитъ, кормитъ, солдатъ не разбойникъ». Графъ Ланжеронъ чѣмъ-бы удержать сіе письмо у себя, оное отправилъ къ Палену въ оригиналѣ. Теперь графъ Паленъ сбирается бить Корбе, чтобъ его отучить отъ подражанія Суворову. Сей великій полководецъ, писавши сіи слова въ наставленіе своимъ воинамъ, никогда не мыслилъ, чтобы они могли заставить извѣдать фухтеля спинѣ дворянскаго предводителя.

20 ноября изъ Херсона. Сенъ-При на вызовъ графа Палена дуелировать отвѣчалъ, что онъ его вызова не пріемлетъ до тѣхъ поръ, пока пробудетъ губернаторомъ, а оставя сію должность, онъ его волю удовлетворитъ. Паленъ, прочитавъ сіе, сказалъ: «французъ увертывается отъ меня, но я его гдѣ нибудь попаду». Таковы теперь генералы: изъ устъ ихъ выходятъ слова, приличныя однимъ кабачнымъ забіякамъ.

14 декабря. Графа Палена проказамъ нѣсть конца. Онъ поймалъ было въ городѣ избитаго имъ злынскаго голову и хотѣлъ его добить, но голова, стоя на колѣняхъ и валяясь у сіятельныхъ ногъ, едва себѣ вымолилъ отпущеніе. Теперь жиды испытываютъ тяжесть графскаго самовластія. Ихъ бьютъ, за что попало. Напримѣръ: жидъ графскому слугѣ сшилъ сапоги и когда сей не всѣ деньги отдалъ, жидъ не давалъ сапоговъ; отправлены солдаты и взявъ жида въ караульню, выбили его порядочно, сапоги отняли и денегъ не заплатили. Много-бы надобно говорить, ежели-бы описывать таковое; мелочные по существу побои, со стороны глядя, но тому, кто ихъ извѣдываетъ, плотно къ спинѣ прилегаютъ. Посреди толикихъ безпорядковъ нѣкоторыя части преобразуются въ лучшее: клубъ теперь получилъ своимъ директоромъ генералъ-маіора Репнинскаго, который, говорятъ, въ дисциплинѣ клубной шутить не любитъ и крѣпко смотритъ, чтобы дерзость офицерская никого не оскорбляла и даже запретилъ танцующимъ быть въ шпорахъ. Это много... Таковой порядокъ, хотя и съ ногъ

начался, привлекъ опять всѣхъ въ клубъ, отъ онаго было отставшихъ во время прошлой зимы, въ совершенно революціонное правленіе очередныхъ директоровъ, каковъ, напримѣръ, князь Гагаринъ и ему подобные. Правда и то, что главные забіяки почти всѣ разъѣхались по домовымъ отпускамъ. Его сіятельство гр. Паленъ, сколько кажется, клубомъ занимается только потому, чтобы питать въ ономъ карточную игру. Эскадронныхъ начальниковъ онъ обыгриваетъ, а полковой командиръ, по его мнѣнію, никуда не годится, ежели въ карты не играетъ, а особливо—ежели ему не проигрываетъ. Но кажется, что конно-егерскихъ полковъ всѣ полковники ему сію дань ежегодно платятъ исправно, и тѣ, которые не умѣютъ играть, даютъ опредѣленную сумму денегъ какому нибудь игроку своего полку и тотъ проигрываетъ его сіятельству будто не нарочно. Въ теперешней службѣ, по пословицѣ, рука руку моетъ: ежели полковники и набиваютъ карманъ корпуснаго начальника, за то положено закономъ, что корпусный начальникъ можетъ набавить 10 коп. на всякій пудъ сѣна сверхъ справочной цѣны, и сіи 10 коп. должны посредствомъ картъ перейти въ карманъ его высокопревосходительства...

20 декабря. Теперь графу Сенъ-При нечего бояться капитана Дроздовскаго, обѣщавшаго его бить, потому что на сихъ дняхъ сему Дроздовскому отрубилъ кисть правой руки его другъ истинный, полякъ же, съ которымъ поссорившись въ трактирѣ, вышли на дуель. Такова дружба нонѣшнихъ офицеровъ. На сихъ же дняхъ здѣсь случилась драка между жандармскимъ офицеромъ и сербиномъ, недавно пріѣхавшимъ изъ Цесаріи для вступленія въ русскую службу. Жандармъ голіафовскаго роста, а сербинъ малъ; первый далъ ему нѣсколько тумаковъ, сербинъ сначала оборвалъ эполетъ, эксельбантъ и лацканы жандарму, но видя немоготу преодолѣть своего соперника, придумалъ его обезоружить, ударивъ ногою въ непоказанное мѣсто. Жандармъ, взявшись за пораженное мѣсто, отошелъ прочь и теперь лежитъ въ постели.

2 февраля 1817 г. («Вѣдомости съ Днѣпровскихъ (sic) береговъ»). Полкъ тираспольскій конно-егерскій выступилъ отъ насъ вчера по утру. Сіе выступленіе было замѣчательно тѣмъ, что въ предшедствовавшую оному ночь многіе домы были обокрадены, у другихъ окна и печи были выбиты. Многіе изъ воровъ пойманы и

обличены и потому полку не дана квитанція. Въ тотъ промежутокъ, когда о сей квитанціи происходилъ споръ между полковыми и жителями, вышло другое: пойманъ мальчикъ форейторъ, ушедшій отъ одного помѣщика и показавшій, что онъ подговоренъ полковникомъ Даниловичемъ, а послѣ открылось, что у его-же скрывается торбанистъ и нѣсколько дѣвокъ дворовыхъ—всѣ украденные, и отправлены въ деревню его, состоящую въ Курляндіи, а наконецъ и многіе другіе открылись дворовые люди спрятанные. Итакъ, чтобы сія обличенная кража не могла дойти далѣе, то г. полковникъ далъ подписку елисаветградскому городничему въ томъ, что онъ ручается за себя и ввѣреннаго ему полку штабъ и оберъ-офицеровъ, что всѣ люди, принадлежащіе разнымъ помѣщикамъ и ими отправленные впередъ, будутъ возвращены къ своимъ мѣстамъ.

Къ приведенному выше добавимъ еще замѣтку Пишчевича изъ «Записокъ» 1813 г., касающуюся *колдовства.*

Мая 11. Оставилъ я Скалевую пополудни и къ вечеру прибылъ въ Александрію. Здѣсь я засталъ новаго рода (?) разбирательство: г. Даниловичъ (городничій) посадилъ подъ стражу трехъ старухъ за то, что онѣ приготовляли какія-то травы для колдовства, законами запрещенныя. При допросѣ онѣ показали, что двѣ изъ нихъ колдовству учились, а одна изъ нихъ идетъ въ семъ званіи по наслѣдству отъ своей прабабки. Молва народная полагаетъ, что теперешнему бездождію причиною сіи вѣдьмы, что онѣ продали дождь въ Польшу на 7 лѣтъ. Добрый человѣкъ Даниловичъ прибавляетъ къ сему вѣрному открытію еще и слѣдующее: что утренней звѣзды не видать, что сіи вѣдьмы ее куда-то запрятали, что онѣ, ссорясь между собою, одна другую въ томъ упрекали, ибо и дождевую звѣзду нашли у одной изъ сихъ чародѣйницъ закупоренную въ горшкѣ, который когда открыли, чтобы звѣзду выпустить, то нашли оную превращенную волшебною силою въ грибъ. Г. Даниловичъ есть предобрѣйшій, честныхъ правилъ человѣкъ, былъ въ службѣ всегда храбрымъ офицеромъ, но небесную систему толкуетъ по своему.

ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ ХУДОЖНИКА С. И. ВАСИЛЬКОВСКАГО.

> Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
> Гдѣ рѣки льются чище серебра,
> Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
> Въ вишневыхъ рощахъ тонутъ хутора...
> И чистъ, и тихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
> Вдоль берега стоитъ кудрявый лѣсъ,
> И къ облакамъ, клубяся надъ водою,
> Бѣжитъ дымокъ синѣющей струею?
>
> *А. Толстой.*

Украйна! Сколько и грустныхъ и веселыхъ воспоминаній встаетъ въ моемъ воображеніи при одномъ этомъ словѣ! Найдется-ли гдѣ-нибудь въ нашей обширной матушкѣ Россіи столь многозначительный своимъ прошлымъ и вмѣстѣ столь чарующій своимъ настоящимъ уголокъ, какъ та тихая, далекая и широкая Украйна! Да, здѣсь что ни шагъ, то намекъ на славное прошлое нашихъ предковъ. Сколько подвизалось здѣсь великихъ и славныхъ героевъ! Сколько завязывалось и развязывалось громкимъ дѣлъ! Сколько разъ оглашался воздухъ воплемъ и стономъ убиваемихъ и пѣснями и кликами побѣждающихъ! А сколько разъ земля поливалась кровью христіанскою и засѣвалась костьми человѣческими!.. Многострадательная Украйна!.. И то было уже на зарѣ историческаго существованія южной Руси, въ то, сравнительно, счастливое для нашихъ предковъ время, которое принято называть удѣльно-вѣчевымъ, предъ-татарскимъ періодомъ. Но что послѣдовало затѣмъ?—Тяжкая мгла окутывала тогда нашу Украйну.

> Зажурилась Украина, що ниде прожити:
> Вытоптала орда киньми маленькіи дити;
> Ой маленькихъ вытоптала, великихъ забрала,
> Назадъ руки постягала, пидъ хана погнала...

Но послѣ долгихъ лѣтъ страданія въ нѣдрахъ Украйны зародилась и выросла могучая козачая сила. Крѣпкое тѣломъ, сильное духомъ, «низовое рыцерство» бурей носилось по степямъ и волнамъ морскимъ, по всей широкой Украинѣ, вездѣ оставляя послѣ себя кровавый слѣдъ и всюду мстя страшною местью врагамъ своей предковской вѣры и противникамъ своей русской народности, каками были татары, турки и поляки. И гремѣла слава козачая по

отдаленнымъ странамъ и вдохновляла народныхъ пѣвцевъ славныхъ подвиговъ козацкихъ, доселѣ хранящихъ память о нихъ въ своихъ думахъ и пѣсняхъ.

Но время козачества давно миновало; страсти улеглись, перестала литься кровь и отъ прежней жизни и людей остались лишь высокіе курганы, носящіе выразительное имя могилъ. Замолкли бранные подвиги, сошли со сцены дѣятели прежнихъ временъ, смѣнилось много поколѣній однѣ другими, а природа въ Украйнѣ осталась все таже. *Родъ приходитъ, родъ преходитъ, а земля во вѣки стоитъ.* Все тоже синее небо, все тотъ-же чистый живительный воздухъ, все таже роскошная растительность, все тѣ-же прохладные тѣнистые лѣса, и тѣ-же рѣки, и тихо льютъ онѣ свои серебристыя струи, и чуть замѣтно скользятъ вдоль широкихъ душистыхъ луговъ. Чудный край!.. Еще въ XII вѣкѣ воспѣтъ онъ даровитымъ творцемъ «Слова о полку Игоревѣ», а на нашей памяти геніальнымъ Пушкинымъ, безсмертнымъ Гоголемъ и высокодаровитымъ гр. А. Толстымъ.

«О, Донче, Донче! немало ти величія:
Ты волнами князя убаюкивалъ,
Сталъ ему траву зеленую
По серебряному берегу,
И подъ тѣнью дерева зеленаго
Одѣвалъ ты мглою теплою;
На водѣ стерегъ ты его гоголемъ,
На струяхъ лелѣялъ его чайками».

Но не однихъ творцевъ вдохновеннаго слова плѣняетъ свѣтлое небо Украйны; влечетъ оно къ себѣ и талантливѣйшихъ нашихъ художниковъ, начиная съ старѣйшихъ, каковы Орловскій и Куинджи, и кончая самыми юными. Вотъ передъ нами только что оконченная картина молодаго художника С. И. Васильковскаго, увѣнчанная самою высокою преміей с.-петербургской академіи художествъ. Картина переноситъ насъ въ мѣстность Слободской нѣкогда Украйны, на берега сѣвернаго Донца, въ зміевскій уѣздъ нынѣшней харьковской губерніи. Лѣтняя жаркая пора; чистое синее небо, на немъ ни облачка, ни птички; все, кажись, замерло отъ лѣтняго зноя. Но опустите глаза ваши къ низу картины,—здѣсь очарова-

тельный «заулокъ», со всѣми прелестями мягкой прохлады въ лѣтнюю «спеку». Во всю длину картины красавица-рѣка, змѣевидно извивающаяся по широкому лугу; она заключена между двумя берегами; лѣвый, возвышенный, на половину окаймленъ густымъ, высокимъ лѣсомъ, протянувшимся цѣлой стѣной по-надъ рѣкой, на половину-же переходитъ въ песчаную равнину, страшно накаленную солнцемъ и какъ-бы отдѣляющую отъ себя огненное марево. Стоитъ полузакрыть глаза, и вамъ покажется, что передъ вами поднимается полымя съ берега рѣки и огненными струями пышетъ вверхъ... Вы даже какъ будто ощущаете на себѣ дѣйствіе этого жара... Но перенесите взоръ вашъ на самую средину лѣваго берега рѣки,—предъ вами, въ далекой перспективѣ, обрысовываются деревенскія хатки, чистенькія, выбѣленныя мѣломъ, покрытыя соломой. Это—малорусская деревенька. Много пріятныхъ ощущеній вызываетъ она у васъ. Если вы родомъ южно-руссъ, а судьба занесла васъ на далекій сѣверъ, то вы тѣмъ съ большею жадностію вопьетесь глазами въ эту деревеньку и въ вашемъ воображеніи промелькнутъ знакомые, родные образы: низенькая, ветхая, наклонившаяся на бокъ отъ времени церковца, вся въ зелени, мирно почивающія въ тѣни старой колокольни ягнята, по временамъ вздрагивающія отъ докучливыхъ мухъ, заброшенная въ конецъ огорода «криница» съ наклонившеюся надъ ней кудрявой вербой, флегматично шагающій по пыльной улицѣ «господарь» у воза сноповъ, чуть-чуть подвигаемаго уставшими волами, и какъ разъ передъ ними кучка бѣлоголовыхъ, въ однихъ рубашечкахъ, дѣтей, беззаботно строющихъ изъ уличной пыли городки. Но вотъ вы отрываетесь отъ лѣваго берега рѣки и переводите свой взоръ на правый: тутъ не менѣе привлекательный видъ. На первомъ планѣ, у самаго берега рѣки, два высокіе, развѣсистые и кудрявые осокори со сплетшимися вмѣстѣ верхушками. Кажется, что и они чувствуютъ тягостный лѣтній зной. Листья ихъ какъ-бы побѣлѣли отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, а вѣтви какъ-бы тянутся къ водѣ, чтобы въ ней найти себѣ прохладу. У самаго осокоря повозка съ поднятыми вверхъ оглоблями, а около нея двѣ лошади; онѣ сонливо повѣсили головы и, изможденныя зноемъ, отказываются ѣсть... Немного поодаль отъ повозки разложенъ небольшой костеръ, отъ котораго поднимается вверхъ струйка дыма; у костра сидитъ женщина, она готовитъ

кашу. Для кого?—досказываетъ остальная часть картины: нѣсколько правѣе отъ костра лодка, возлѣ которой возятся съ сѣтью четыре человѣка, два въ самой лодкѣ, два около нея; они выбираютъ рыбу изъ сѣти, только что вытащенной изъ рѣки. Ну, и вкусная-жъ каша будетъ въ тѣни деревьевъ, среди мягкой зеленой травы, у чистыхъ водъ рѣки!

Таковъ сюжетъ картины, вышедшей изъ-подъ кисти художника С. И. Васильковскаго. За талантливое выполненіе ея говоритъ уже самая премія — *большая золотая медаль*, присужденная юному жрецу Минервы корифеями академіи художествъ. Самъ художникъ по происхожденію украинецъ, уроженецъ г. Харькова; онъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Это «щирая», талантливая душа! Съ какою глубокою любовью онъ относится къ своей родинѣ! Съ какимъ живымъ интересомъ встрѣчаетъ всякій проблескъ стремленія къ добру у своихъ земляковъ! Съ какимъ высокимъ чувствомъ онъ говоритъ о долгѣ того, кого Богъ отмѣтилъ печатью таланта! Благородный сынъ Украйны, трудись, и благодарная мать воздастъ тебѣ сторицею! Благодарнѣе родныхъ сюжетовъ не можетъ быть въ наукѣ и искусствѣ. Но перенесись отъ настоящаго въ далекое прошлое твоей родины, и ты найдешь тамъ и вдохновеніе, и богатѣйшій матеріалъ для твоей художественной кисти.

Д. Эварницкій.

Спб., 6 декабря, 1885 года.

ДВѢ МАЛОРУССКІЯ ОДЫ ИЗЪ ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

(1807—1812).

Обѣ эти оды найдены въ старинномъ рукописномъ сборникѣ (изъ категоріи такъ называемыхъ Silvae rerum) конца XVIII и начала XIX в., принадлежавшимъ лицу, служившему въ гадячской полковой канцеляріи въ послѣдніе годы ея существованія. Первая ода носитъ заглавіе: *Ода на случай выиранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа.* Она относится къ событіямъ *второй* войны императора Александра I съ Наполеономъ, когда Россія выступила на помощь прусскому королю

Фридриху-Вильгельму, потерявшему свою столицу и бѣжавшему въ Кенигсбергъ. Въ концѣ 1806 г. двѣ русскія арміи, подъ начальствомъ Беннигсена и Буксгевдена, вступили въ восточную Пруссію, чтобы удержать французовъ отъ перехода за Вислу. На берегахъ этой рѣки, подъ Пултускомъ и Морунгеномъ, произошло нѣсколько убійственныхъ сраженій, одно изъ которыхъ вдохновило безъименнаго малороссійскаго поэта. Нѣтъ сомнѣнія, что означенная ода была написана *тотчасъ* по полученіи извѣстія о событіи, потому что поэту очевидно еще не было ничего извѣстно о послѣдовавшей 8 февраля 1807 г. несравненно болѣе кровопролитной битвѣ подъ Прейсишъ-Эйлау, а равно о пораженіи Беннигсена подъ Фридландомъ (14 іюня), принудившемъ императора Александра вступить въ переговоры съ Наполеономъ, закончившіеся тильзитскимъ миромъ.

Вторая ода—*на изгнаніе французовъ изъ Россіи*, значительно превосходитъ первую какъ по объему, такъ и по своимъ поэтическимъ достоинствамъ. Она также вполнѣ современна воспѣтому въ ней событію, именно относятся къ тому моменту въ ходѣ отечественной войны, когда Наполеонъ, благополучно ускользнувъ отъ преслѣдованія русскихъ, издалъ 3 декабря 1812 г. свой знаменитый 29-й бюллетень, принесшій давно остававшимся безъ извѣстій народамъ увѣдомленіе о томъ, что императоръ живъ и здоровъ, но что великая армія не существуетъ болѣе, и когда онъ вслѣдъ за тѣмъ лично поспѣшилъ въ Парижъ, чтобы распорядиться новыми вооруженіями. Нашъ поэтъ сомнѣвается въ успѣшности этого послѣдняго предпріятія: «Може (говоритъ онъ о Наполеонѣ)

«Ще старцивъ або хлопятокъ
Назбира хиба зъ десятокъ,
А годящихъ нигде взять».

Очевидно, ему не было еще извѣстно, что тяжкая конскрипція, вмѣстѣ съ призывомъ національныхъ и почетныхъ гвардейцевъ, вскорѣ восполнила пробѣлы въ арміи Наполеона, а неутомимая дѣятельность, высказанная геніальнымъ вождемъ, снова изумила Европу. Наконецъ, ода упоминаетъ о подвигахъ Кутузова, который, какъ извѣстно, скончался въ маѣ 1813 г. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что ода написана въ декабрѣ 1812 года и во всякомъ случаѣ не позже января слѣдующаго года.

Кто былъ авторомъ названныхъ одъ, и обѣ-ли онѣ вышли изъ-подъ одного пера—мы не знаемъ. Кромѣ упомянутаго рукописнаго сборника, мы имѣемъ и другой списокъ оды на изгнаніе французовъ, подаренный намъ однимъ волостнымъ писаремъ въ полтавской губерніи и относящійся по времени къ 50-тымъ годамъ. Въ этомъ спискѣ ода подписана почему-то буквой *М.*, въ видѣ какъ-бы инидіала имени автора; но изъ этого, разумѣется, трудно вывести какое-либо заключеніе. То лишь несомнѣнно, что обѣ оды написаны подъ сильнымъ вліяніемъ Энеиды Котляревскаго, какъ извѣстно впервые изданной еще въ 1798 г. Вліяніе это сказывается во всемъ: въ тонѣ, манерѣ, въ языкѣ и въ особенности въ формѣ стихосложенія—въ этихъ десятистишіяхъ, столь любимыхъ авторомъ Энеиды. Скажемъ даже болѣе: нѣкоторыя строки одъ представляютъ нечто иное, какъ буквальное повтореніе стиховъ Котляревскаго; такъ, въ одѣ на изгнаніе французовъ говорится о Наполеонѣ:

А що, кажуть, надъ Москвою
Глумивсь дуже бусурманъ:
Зробивъ зъ неи скирту гною...

Это буквальное повтореніе того мѣста изъ Энеиды, гдѣ говорится, что

Греки, якъ, спаливши Трою,
Зробили зъ неи скирту гною.

Точно также заключительныя слова оды:

Та и музы попотіють,
Пьяту долю поки вспіють
Описати до ладу...

очень напоминаютъ соотвѣтствующее упоминаніе о тѣхъ-же музахъ въ «Одѣ до князя Куракина»:

Та и музы лобъ нагріють,
Поки проспивать успіють... и проч.

Можно было-бы сдѣлать и больше подобныхъ сопоставленій, но мы ограничимся лишь этими, оставляя открытымъ вопросъ: нельзя-ли на основаніи всего этого признать И. П. Котляревскаго авторомъ если не обѣихъ, нынѣ публикуемыхъ одъ, то по крайней мѣрѣ *второй* изъ нихъ, имѣющей особенно близкое сходство съ подлинными его сочиненіями?

Въ заключеніе можно пожалѣть, что, за неимѣніемъ другихъ, болѣе исправныхъ списковъ, приходится возстановлять полузабытыя оды по спискамъ хотя и стариннымъ, но весьма неисправнымъ, съ пропусками строкъ и порчею стиховъ.

О. Лев—ій.

I.

Ода на случай выгранной Бенигсеномъ надъ французомъ побѣды 1807 года, генваря 27 числа.

Гай, гай! и чого ты нахопився,
Сынъ котюжій, Бонапартъ!
Не бійсь, пасокою вмывся,
Дарма, що ты чорту братъ.
Це тоби вже не Цесарци,
Що глытавъ ихъ якъ потапци,
Ни, тоби тутъ носа втруть;
Выпрудять тоби вси блохи,
Пидожди ище хоть трохи—
Маку доброго дадуть!

—

Може бравъ ты за дурныцю
Зъ москалями воювать;
Може думавъ ихъ столицю
Такъ якъ пруську плюндровать?
А дзусъ, мурый, невмывака!
Ты, розбійникъ и бурлака,
Гладко брешешъ, якъ той песъ.
Корсиканська волоцюго!
Замисть брати насъ до плуга:
Самъ въ ярмо ты попадешъ.

—

Та и що тоби казати!
Ты и самъ вже схаменувсь
. . . .
. . . . [1])
Щастя маешъ, вражій сыну,
Що не взявъ ще списа въ спину,
Та ты ёго й не минешъ!
Бувъ колись у насъ Костюшко,
Скакавъ, пурхавъ, мовъ та птушка:
А де-жъ винъ теперъ?—не вспомянешъ.

—

Правда, що ты мудроватый,
Уси штуки показавъ;
Та й Бенигсенъ хитруватый—
На все тоби здачу давъ.
Крутивсь ты, якъ та лысыця,
Та що-жъ робить! треба скрыться,
Такъ ты лучче нагадавъ:
Мерщій на човенъ схопився,
Хоть и трохи замочився,
Та не оглядаючись удравъ.

—

Хоть такъ соромъ утикати,
Та що-жъ маешъ ты чинить!
Дарма! буду я казати,
Що ты рыбу вчивсь ловить.
А ты мовчи, що втикаешъ:
Кажи всимъ, що ты гуляешъ,
Щобъ минувся трохи чадъ;
А якъ прибижишъ икъ жинци,
То кажи, що погубивъ червинци,
То й вернувся за гришми назадъ.

—

---

[1]) Здѣсь очевидно не достаетъ двухъ строкъ въ риѳму предыдущимъ.

Бачишъ, вже якіи жарты
Вамъ москаль теперъ завдавъ;
Далеби и видъ пивкварты
Не бувъ-бы ты такій пьянъ.
И питаешъ: що-жъ мини робити?
Хочуть вже мене убити,
Оттеперъ-же я пропавъ!
Що-жъ Кулишъ якійсь явився,
И накоивъ, и назадъ пробився,
А намъ усимъ дулю давъ.

—

Стій лишъ, я тоби, козаче,
Найгарнійшій дамъ совитъ:
Схаменися, небораче,
Не мудруй ты на ввесь свитъ,
Та й не чванься, не гордися,
Олександру поклонися.
И якъ хочешъ царювать,
То верни все, що награбивъ.
Тымъ бы грихъ свій ты загладивъ
И смашненько лигъ-бы спать.

—

Коли-жъ хочешъ, такъ крутися,
Поки прыйде твій кинецъ;
Тильки-жъ дуже стережися...
Зашморгне петлю донецъ!
Вже й арканъ тоби готовый,
Дуже добрый, мицный, новый—
Хоть тягни, не перервешъ.
Ой покайся, сыну вражій,
А то Бенигсенъ докаже,
Що петли ты не минешъ!

II.

Ода на изгнаніе французовъ изъ Россіи въ 1812 г.

Слава Богу, стало тихо,
Мовъ на мори пися бури;
Страхъ минувся и спить лыхо,
Мовъ на сидали ти кури.
Це якійсь зъявивсь поганецъ,
Звидтиль, кажуть, выструганецъ,
Де все сонечко сида,
Черезъ царства, черезъ панства,
Та й до нашого гетьманства
Ажъ въ Москву забривъ сюда.
О якій-же злый вродився!
Скильки царствъ винъ осягнувъ!
Та и тымъ не насытився,
Ще й на наше зазихнувъ.
Скильки Божого народу
Спикъ въ огни, втопивъ у воду,
. . . . [1])
Скильки царствъ уже ограбивъ,
Скильки золота награбивъ—
Той голодный бусурманъ!

—

Кажуть, панъ зъ себе маленькій,
Незавидненькій щенюкъ,
Низькій, смуглый и сухенькій,—
Що-жъ то? видно, чорту внукъ!
Мабуть, клятый, винъ одминокъ,
Мабуть винъ мары потимокъ;
Винъ изъ биса ростомъ, песъ.
Ну, та якъ-то зажирае,
На ввесь свитъ ротъ роззявляе,
Мовъ-бы хоче ззисти ввесь!
Якъ въ Московщину добрався,
Ставъ бувъ москаливъ ласкать:
Вильность, панства обищався,
Якъ схотять къ ёму пристать.
Думавъ имъ на шию скочить
И якъ дурныкивъ морочить,
Ажъ ба! хтивъ, та нельга взять!
А зась, мурый, нехрещеный!
Каминь зъйжъ, не хлибъ печеный,
Хтилы на тебе плювать!

—

[1]) Здѣсь чувствуется недостатокъ строки.

Москаля вже не огуришъ,
Знае, що ты есь таке!
Тутъ и бабы не пиддуришъ,
Давно чули про тебе!
Е въ насъ батько-царь яснійшій,
Винъ для насъ найпредобрійшій,
Присягали мы на ёго:
Будемъ ёму угождати,
Кровъ до капли проливати
За батька-царя свого.

—

Далеби, мени ажъ чудно,
Якъ то сьмивъ царемъ ся звать
Бонапартъ, бурлацьке пудло!
Що воно? хотивъ я-бъ знать.
Отъ якъ царь у насъ царюе,
Зъ давнихъ предкивъ все пануе;
А то—не знать що таке!
Десь взявся Корсиканець,
Мабуть съ пекла сей поганець,—
А пиды-жъ лихе яке!

—

Видно, винъ одъ чорта злійшій,
Та ще `дуже й зажира:
Срибло, злото, що милійше—
Все до-щенту забира.
Церкви Божи обдирае,
На конюшни повертае,
Ламле, палить образы.
Сёго-жъ чуть мы не чували,
Й наши предки не зазнали
Ще такои сатаны.

—

А ще, кажуть, надъ Москвою
Глумивсь дуже бусурманъ:
Зробивъ зъ неи скирту гною
Та й подрыгавъ дальше самъ.
Десь личина зла не знае,
Що Кутузовъ князь гадае:
Тутъ имъ жаба цыцьки дасть!
Богъ намъ, бачитьця, поможе,
Що поганцивъ тутъ положимъ,
Нападе ихъ триста трясць!

—

Якъ прыйшовъ у руське царство,
То и лапки бувъ поклавъ,
Думавъ, тутъ ёго и панство;
Ажъ скобзнувся та й упавъ.
Навивъ пранцузивъ якъ гаду,
Самъ-же мовъ-бы кишка зъ чаду
Бига пинявый, якъ бисъ.
Кинувсь битьcя зъ москалями,
Ажъ прыйшлось кивать пятами,
Дати драла ажъ у лисъ.

—

Бигавъ, бигавъ, якъ шаленый,
Самъ не знае, що робивъ,
А дали, мовъ торопленый,
Зъ рота й пину попустивъ.
Думавъ, думавъ: «що почати?
Дай писульку написати,
Що вже битьcя не хочу,—
Зъ ними битись—не дурниця,
Лучче буде помиритьcя,—
Та Кутузову пошлю».

—

Нарядивъ гинця зъ папиромъ,
До Кутузова пославъ;
Той захекавшись, якъ Иродъ,
Къ руськимъ військамъ поскакавъ.
Нашъ Кутузовъ у ти листы
Пидивився, що за висти,
Такъ ёму одповидавъ:
«Скажи свому отаману,
Що миритьcя я не стану,
Поки тутъ винъ не пропавъ!»

—

Тутъ поганець самъ безъ духу,
До посланця прискакавъ:
«Ты якого привизъ слуху?
Що Кутузовъ паказавъ?»
— «Миру намъ не хоче дати:
Хоче, каже, насъ карати;
Бильшъ балакать не схотивъ».
Тутъ поганець весь зминився,
Зблидъ и знидивсь, зажурився,
Та и руки опустивъ.

—

Эге, а що, вражій сыну,
Чи завився зъ русакомъ?
Покалявъ, не бійся, спину;
Знатъ, що бивсь не съ прусакомъ!
Се не нимцивъ покаряти,
И не Виденъ тоби брати:
Заразъ носа тоби втруть.
Стрепенуть за патлы трохи,
Повыскакують и блохи,
И моклыци опадуть.

—

Думавъ, зъ москалями биться—
Все одно що очеретъ косить,
Ажъ прійшло вже и мириться,
Та Богъ-ма! дарма просить!
Ни, поганець, будешъ знати,
Якъ то руськихъ зачипати.
Будешъ довго памъятать,
Якъ въ Московщину забрався;
Мовъ собака тутъ тинявся,
Ще й назадъ прыйшлось тикать.

—

Якъ прыйшлось тоби крутенько,
Въ пику мицно припекло,
То поплився ты швиденько,
Мовъ тебе тутъ й не було!
Посурганивсь мовъ вовчище,
Пидобгавши свій хвостище.
Чи смашного скуштувавъ?
Бижи-жъ къ чорту до поганцивъ,
Обдури ихъ, голодранцивъ,
Що Россію звоювавъ.

—

Ни, звоюешъ, мабуть, вчора,
А сёгодня ще не вмывсь!
Мы забудемъ скоро горя,
Що изъ насъ ты наглумивсь.
Зробимъ мы Москву Москвою,
А Парижъ внизъ головою,
Все пидправимъ до кола!
Мы й Москву збудуемъ сами,
Не поганьскими руками,
Зробимъ кращу, нижъ була.

—

Бонапартъ, мошеникъ, злодій,
У Москви що бачивъ—бравъ,
Страшну силу на пидводы
Бувъ добра наташлувавъ;
Такъ же якъ прыйшлось тикати,
Мусивъ по шляхахъ теряти
Не тильки крадене—й свое:
Срибло, злото, вси добутки,
Хлиба кучи, ружжа, пушки,
Хворихъ пранцивъ—кидавъ все.

—

Отъ злодюжка часомъ краде
Яблучка въ чужимъ саду,
А хазяинъ бува ззаду
Та й збижить якъ на биду:
Дасть винъ драла ажъ до лясу!
Тутъ, гляди, очкуръ ввирвався
И ти яблучка слидомъ
Изъ-за пазухи сыпнуться,
Ему-жъ страшно й озырнуться,
Щобъ не хлиснувъ батогомъ.

—

Такъ той Бонопартъ, злодюга,
Бувъ накравъ багато всёго;
Якъ же ставъ тикать, котюга,
Тоди вже и не до того,
Щобъ крадижку забирати.
Николи й свого хватати,
Радъ, що вырвавсь самъ, якъ пыжъ:
Все покинувъ тутъ поганець,
Лепетнувъ, якъ зъ-ляку заиць,
Ажъ у свійщину—въ Парыжъ.

—

Що-жъ тамъ скаже, якъ спытають:
Де ты військо наше дивъ?
Знаю, збреше, що вертають;
Збоку скажуть, що винъ зъйвъ.
Зъйвъ, та, клятый, не вдавився,
Ще таки въ Парижъ добився,
Може здума йсти вньять:
Ще старцивъ або хлопьятокъ
Назбира хиба зъ десятокъ,
А годящихъ нигде взять!

—

Ни вже, якъ ты не вертися,
Тоби зверху не бувать!
Лучче руськимъ поклонися
Та й забудь бильшъ воювать.
Кинь ты вси свои затіи,
Поклонись царю Россіи,
Лучше здайся ёму въ плинъ.
Ты не думай, що сховався,
Якъ у свійщину забрався:
Выпудимъ тебе й звидтиль!

—

Вже коли не змигъ ты биться
Съ тою силою, що мавъ,
А теперъ нехай не сниться,
Щобъ ты руськихъ звоювавъ!
Тоди правою рукою,
А теперъ уже й лившою
Ничого тебе намъ бить.
Ось лишъ ще поткнись до наськихъ,
Ззишъ гостынчикивъ козацькихъ,
Коли змошешъ укусить!

—

Ой, не зважишся вже вдруге
Нисъ въ Россію потыкнуть.
Мабуть вже тебе, котюго,
Й калачемъ не заманути!
Знай-же нашихъ, вражій сыну,
Тай не лизь туды, личино,
Де не влазыть голова!
Знай, що Богъ за виру кревну,
За царя, за правду певну
Завсегда намъ помага!

—

Михаилъ святый собою
Закрыва Кутузова,
Юрій-же своею бронёю
Витгейштейна и Платова:
„Не лякайтесь, кажуть: зъ нами
Богъ и мы тутъ, диты, зъ вами,
Будьте певни вы на насъ!
Идить, быйте корсиканьця,
И безъ жалости поганьця
Вытурлить ёго видъ насъ!

—

Винъ ни се, ни те: родився
Простымъ мясникомъ,—пиды-жъ,
Десь старшій мари злюбився,
Що зробивсь царемъ въ Парижъ!
Бачиться, зъ ёго й довольно:
. . . .[1])
Тилько-бъ жить та панувать!
Такъ-же ни, не вдовольнився,
Ще объ тимъ бачъ зажурився,
Щобъ весь свитъ пидъ себе взять!

—

Поивъ царства, якъ галушки,
И ничимъ не насытивсь:
Не жувавши думавъ руськихъ
Проковтнуть,—та ба, вдавивсь!
Въ горли ставъ москаль, якъ кистка;
Уже кашлявъ винъ, якъ кишка,
А не выхряне, не бійсь!
Мабуть, ȋсти перестане,
А живцемъ, та ще й съ кистками,
Вже не стане, не журись!

—

Загубивъ поганець славу,
А святая Русь знайщла!
Стыдно, соромъ ёму стало,
Що къ намъ славонька прыйшла.
Слава Богу Господеви,
Слава руському цареви,
Слава князямъ и грапамъ,
Слава руськимъ всимъ народамъ,
Храбрымъ руськимъ воеводамъ,
Вирнымъ Россіи сынамъ!

—

Я цю славу росказати
Не зумію й не берусь,
А щобъ іи описати—
И подумати боюсь!
Описать іи щобъ хвацько,

---

[1]) Не достаетъ строки, въ риѳму предыдущей.

Треба розуму багацько:
Хоть-бы й Ломонисъ не вмеръ,
То надъ славою такою
Довго-бъ рахувавсь зъ собою,
Лобъ до мизку винъ протеръ.

—

Славу описати цю
Ще нихто не сподобавсь
Хоть-бы трохи, а не всю
. . . .[1])
Та и музы попотіють,
Пяту долю поки вспіють
Описати до ладу;
Аполлонъ-бы поподувся,
Поки-бъ трохи схаменувся
Здумать гарну коляду.

СУДЕБНАЯ «ИНКВИЗИЦІЯ» ВЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНѢ.

Въ бумагахъ архива генеральной канцеляріи намъ попалась на глаза замѣчательная по своей простотѣ, обстоятельности, ясности, нѣкоторой даже картинности и вмѣстѣ живой народной рѣчи, съ соблюденіемъ даже мѣстнаго произношенія, судебная запись о дознаніи произведенномъ по возникшему въ м. Новомлинскѣ, нѣжинскаго полка, уголовному дѣлу. На тогдашнемъ языкѣ дознаніе носило названіе *инквизиціи*. «Инквизиція», которой списокъ здѣсь предлагаемъ, происходила въ 1713 г., т. е. въ такую пору, когда въ Малороссіи вполнѣ еще сохранялся военный строй, данный ей Хмельницкимъ, когда вся страна дѣлилась на полки и сотни и всѣ жившіе въ предѣлахъ ихъ судились и рядились козачею военною старшиною въ судахъ полковыхъ и въ генеральномъ войсковомъ судѣ. Суть дѣла, выведеннаго этою «инквизиціею», вкратцѣ такова. У одного изъ жителей Новомлинска въ колодцѣ во дворѣ усмотрѣно случайно мертвое дитя. Онъ заявилъ объ этомъ войтовскому уряду; урядъ сдѣлалъ распросы. Нашлась виновная, замужняя женщина, но свалила вину на мужа. Допросили обвиняемыхъ и свидѣтелей, сдѣлали краткую, но точную запись для представленія въ высшую инстанцію, полковую, вѣроятно чрезъ сотенный урядъ. Тутъ цѣлая драма въ основѣ дѣла; тутъ слѣдственная часть во всей ея непосредственной простотѣ и полнотѣ; тутъ масса бытовыхъ чертъ того времени; тутъ наконецъ безпримѣсная почти, притомъ мѣстная народная рѣчь. Много весьма цѣннаго въ этомъ документѣ. Воспроизводимъ его по подлиннику съ буквальною точностію.

---

[1]) Здѣсь также не достаетъ строки.

«Року 1713, іюня 11 дня. Передъ мене Василя Желѣзняка, атамана городового новомлинского, Івана Тиховского, войта, Грицка Ярусенка, Назара Тимченка и другихъ жителей новомлинскихъ, пришовши, Кондратъ, Басанченкувъ зять, нашъ-же новомлинский житель, говоритъ: пане уряде! сегодня пошла жона моего швакгра до колодезя, якій мѣю увъ огородѣ своемъ на Накрашовцѣ, где мешкаю, води брати и, прибѣгши, кажетъ мнѣ: охъ! мовитъ, Кондрате, въ колодязѣ нашомъ дитина плавлетъ. Я пошовши зъ ею швакгровою икъ колодезю, тую дитину витягъ и положивши въ дому своемъ, вамъ, пане уряде извѣщаю, що мнѣ съ тоею дитиною дѣяти.

Мы врядники сказали ему Кондрату оное заховати и вчинили о томъ опитъ, хто-бы мѣлъ тую дитину въ колодезь укинути.

Теди многіе люде, на Накрашовцѣ мешкаючие, стали намъ врядникомъ доносити, говорачи: пане уряде, Параска, Демка Броварникова дочка, которая сеи клечалнои прошлои недели за Василя Настетченка замужъ ишла, то беременна була, а теперъ чемусь стала тонка и дитина еи не знати где; а помежъ мужъ еи Василь Настетченко съ Кондратомъ, Басанченковимъ зятемъ, мешкаетъ и совокупне колодезь той, въ якомъ дитину теперъ знайдено, себѣ мѣютъ.

Мы врядники на слова людские, зискавши передъ себе Параску Броварниковну, розними способами почали еи о дитинѣ знайденной въ колодезѣ питати. Якая Броварниковна не мало таилася, а потомъ, признаючись, говоритъ: що-жъ, пане уряде, теперешній мужъ мой, Василь Настетченко женихався на мене роковъ изо два, а такъ прошлого року, якъ теперъ знаю, передъ Рождествомъ Христовимъ, у Пилиповку, онъ, Настетченко, пришовъ до насъ, не засталъ въ дому матки моей и брата, кромѣй мене самои. Я, любячи его и взявши горѣлки въ дому своемъ, якая одъ гостей зосталася, зъ нимъ Василемъ напившися и пошовши у хлѣвъ, учинила зъ нимъ па погребѣ грѣхъ. А теперъ передъ клечалною неделею онъ Василь, видячи мене гараздъ беременную, повѣнчався и весѣля стали отправляти, а знаючи, що сусѣде и иние люде околичине накрашувскіе вѣдаютъ тое, пошовъ до Левка Сакгатого и говоритъ Левчисѣ, мовячи: Левчихо, жона моя черевата, то ось я юй дитину вибъю, а тихъ людей, которие говорили и говорятъ,

що она черевата, буду позивати, заговѣвши у Петрувку: нехай мнѣ и юй, женѣ моей, тое доказуватимуть. И пришовши отъ Левка Сакгатого, онъ мужъ той у четверъ рано того тижня, якого весѣля було, ставъ мене у хижцѣ полѣномъ быти. Матка его, а моя свекруха, вибѣгши зъ хаты, почала мене черезъ дверѣ хижчини, заглянувши, лаяти: иди, мовитъ, сякая-такая нецпото, зѣлье у борщъ криши! Я, вихопившися зъ хижки, почала кришити зѣлье; такъ онъ мужъ мой, ухвативши мене ззаду изненацка за брижѣ и обваливши навзнакъ о землю, почалъ лежачую первей кулачемъ по пудбочу быти, а потомъ, подскочивши, вдарилъ ногами противъ серца; такъ у мене кровъ ротомъ и носомъ полинула и дитина, тилко що памятаю, вискочила. А свекруха, заразъ кинувшися ко мнѣ, дитину, не знаю, чи живую или нѣтъ, ухвативши зъ нимъ, мужемъ моимъ, не вѣдаю где заподѣли, бо мѣнѣ глузди забилъ. Потомъ свекруха зъ нимъ-же, мужикомъ моимъ, зволѣкши мене зъ мѣсця, тамъ-же у сѣнцяхъ на лавочцѣ посадили и свиту зъ мене, якая вся у бруду была, зняли и велѣли мнѣ ополоскати; такъ я зде булшого ополоскала; якая теперъ тамъ у хижцѣ висить, и могла-бъ вамъ, пане уряде, о томъ ознаймити, да по самую прошлую суботу мужъ мой зъ маткою своею мене нѣгде зъ двора не пускали.

Теди мы урядники на тое еи, Параски Броварниковни, сознание велѣли привести еи свекруху, именемъ Настю, а его Василя Настетченка, мужа Броварникового, не зловили,—того-жъ часу, якого дитину зъ колодязя винято, утеклъ, не вѣсть куда; которой Настетчисѣ она Броварниковна наочне предъ нами урядниками и описанними людми тое-жъ, що сознала, говоритъ: да не тайся, панѣ матко, признайся: власная ты зъ синомъ своимъ, а моимъ мужемъ дитину зъ мене вибыли и втопили; грѣхъ минѣ невинне иныхъ людей каляти и напрасно говорити.

Мы видячи Настетчиху въ лѣтехъ престарѣлую и тому таючуюся, обовязовали еи Броварниковну совѣстию Божиею, говорячи: чи не зъ ненависти повѣдаешъ ты на свою свекруху и на мужа своего тое говоришъ?—Нѣтъ, мовитъ, пане уряде, готова умерти, а по самой истиннѣ кажу, что она свекруха зъ синомъ своимъ тое учинили. По семъ казалисмо старую Настю нагайками пострашити, чи не признается, якая и подъ каранемъ, живо себе ко Богу

ставячи, не призналася и говоритъ: отнюдь не знаю и не вѣдаю о той дитинѣ. Мы врядъ, шукаючи въ томъ певного доводу, прелозвавши Левчиху Сакгатую, которую первей, тожъ Божиею совѣстію обовязавши, питали, якого часу въ дому еи Василь Настетченко бувъ и що говоривъ. Якая Левчиха сказоваетъ: пане уряде, запомнѣламъ, когда онъ Василь Настетченко, до дому моего пришовши, хвалился, говорячи такъ: Левчихо! а я кажу: що?—Жунка моя черевата, то ось я юй петрувченя, що люде говорать, же у Петрувку дитину приведетъ, вибью, да и почну, заговѣвши, тихъ людей, которые говорать на еи, жону мою, «черевата», до права позивати, жеби мнѣ и жунцѣ моюй тое доказовали; и не знаю, чи бивъ онъ Василь еи, свою жунку, или нѣтъ. Мы врядники юй Левчисѣ говоримо: чему-жъ ти намъ о той его Василевой похвалцѣ не извѣстила?—Що-жъ, пане уряде, не токмо я сама тое одъ его чула, але и многимъ людемъ, на улицѣ будучимъ, онъ Василь тое-жъ у слухъ говорилъ.

Которая Броварниковна, теперъ барзо зостаючи хора, и на исповѣдѣ духовному тое, що и намъ врядникамъ, сказала, же свекруха зъ синомъ своимъ тую еи дитину стратили.

О якой справѣ все совершенно прилюдне сюю инквизицию вивювши, предлагаемъ височайшему разсужденію.

Василь Желѣзнякъ, атаманъ городовий новомлинский рукою. Іванъ Тиховскій войтъ зо всѣми врадниками новомлинскіе».

(*М. П.*) № 191. Сообщ. **А. Л—скій.**

ИЗЪ НАРОДНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЦЫГАНЪ.

Полтавской губерніи, лубенскаго уѣзда, въ м. Сорочинцахъ (читатель невольно припомнитъ здѣсь «Сорочинскую ярмонку» Гоголя) жилъ цыганъ Иванъ, нынѣ уже умершій; простолюдье звало его Ивашкой. Отъ него-то и пришлось мнѣ услыхать разсказъ, который и передаю здѣсь въ дословной записи. Но прежде нѣсколько словъ вообще о цыганахъ.

На южно-русской землѣ съ незапамятныхъ временъ поселялось много пришлецовъ различныхъ племенъ: литовцы, ляхи, московиты, армяне, греки, нѣмцы, татары, турки, жиды и цыгане; но ни одни изъ нихъ не присасывались такъ къ южно-русскому народу, какъ

поселенцы двухъ послѣднихъ наименованій. Жиды больше льнули къ панамъ, цыгане къ простому народу. Первые эксплуатировали малорусское поспольство больше за посредствомъ пановъ въ операціяхъ болѣе или менѣе доходныхъ (всевозможныя аренды, гуртовыя скупки), послѣдніе промышляли въ народѣ непосредственно, исключительно по мелочамъ. Бездомные скитальцы, переходящіе изъ села въ село, цыгане, свыкшіеся искони вѣка съ бѣдностію и праздностію, никогда не искали большихъ прибытковъ, довольствовались малымъ, но и это малое извлекали изъ народа легкими способами гаданій и ворожбы, мѣны и обмана, а то и просто кражи. По развитію они гораздо ниже жидовъ, далеко уступятъ имъ въ хитрости и искусствѣ, но превзойдутъ ихъ въ беззастѣнчивой лжи и грубомъ обманѣ. Тѣхъ и другихъ народъ нашъ давно отмѣтилъ самыми не лестными чертами. Въ старинныхъ интермедіяхъ жидъ и цыганъ фигурируютъ всегда въ качествѣ враговъ-обманщиковъ мужика. Но хитрость того и другаго всегда наказывается, и въ народѣ на эту тему ходитъ и теперь множество разсказовъ. Приводимый ниже— одинъ изъ числа ихъ. Онъ записанъ отъ цыгана, но не есть плодъ цыганской мудрости, а указываетъ только на близкую ассимиляцію цыгана-разсказчика съ народомъ, среди котораго ему пришлось жить. Одно изъ немногихъ практикуемыхъ бродячими цыганами ремеслъ есть кузнечное; но чтобы дать просторъ своему обману и легче скрыть его, цыганъ, предлагая свое искусство и трудъ, требовалъ не плату, а въ видѣ мѣны старое желѣзо, которое онъ разъ-за разъ вытягивалъ у заказчика, утаивая данное и требуя прибавки. Украденное желѣзо и было то золото, которое, по разсказу, оставалось въ горнѣ и замѣняло съ избыткомъ плату. Форма мѣновой сдѣлки указываетъ на давность происхожденія разсказа. Въ замѣнъ мѣны жадность цыгана, по народному представленію, придумала плату; но плата получалась, а того *золота* (прибытка), которое оставалось отъ *мѣны*, въ горнѣ уже не стало, стала получаться одна жужелица. Такимъ образомъ въ основѣ разсказа лежитъ мысль о наказанной самимъ Богомъ жадности цыгана, точнѣе его хитрости и обманѣ. Привожу самый разсказъ, запечатлѣнный и непосредственностію народнаго представленія, и чуть замѣтнымъ сарказмомъ, о которомъ, конечно, и не догадывался передававшій его мнѣ Ивашка.

Теперъ, бачите, куешъ-куешъ, та все жужелиця зостаетця въ горни... Таке воно никчемне, та жужелиця: ни продать ёго, ни зробить ничого... А за давнихъ часивъ, кажуть стари люде, оставалось въ горни—не жужелиця, а золото, таки правдиве золото... Наветь и слова такого *жужелиця* нихто не чувъ. И було, кажуть, такъ, що це зробить цыганъ чоловикови що-небудь—чи тамъ сокиру, чи лемишъ (отъ якъ бы оце й я вамъ роблю, нехай здорови будете), то вже винъ платы за роботу ниякои не бере—и звычаю такого не було, щобъ брать цыганови за роботу; а оте золото, що въ горни зоставалось, ото цыганови й плата... Не погано було!

Коли якось и приходить Богъ до цыгана серпъ зубить.

— Назуби, каже, цыгане, мени серпъ!

— Добре, каже, назублю; тильки, каже, оттака и така плата.

Отто, бачите, такій уже чоловикъ выдався, жадность ёго взяла, а платы, кажу, тоди и въ заводи не було за роботу... А про те цыганови и не въ догадку, що то Богъ: бо бачите, зовсимъ мовъ чоловикъ—хто-жъ ёго зна?

— Якъ, каже Богъ, плата? яка плата?

— Оттака, каже, якъ бачъ; не заплатишъ, каже, то й зубить не буду.

Отъ тоди Богъ розсердився та й каже:

— Ну, каже, коли-жъ вы таки цыганы стали, то не золото вамъ буде въ горни зоставатьця, а жужелиця.

— Жужелиця? каже цыганъ, яка жужелиця?

— Побачишъ, каже, яка!

Такъ зъ оттого часу и пишла въ горнахъ скризь жужелиця, слово таке пишло *жужелиця*...

А. Р—въ.

ЕЩЕ ИЗВѢСТІЕ О МОСКОВСКОМЪ ПОХОДѢ САГАЙДАЧНАГО.

Напечатанная въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1885 г. любопытная повѣсть объ осадѣ Михайлова (рязанской губерніи) Сагайдачнымъ прибавила нѣсколько новыхъ данныхъ къ исторіи малоизвѣстнаго похода этого гетмана подъ Москву въ арміи королевича Владислава, претендента на московскій престолъ. Она напомнила мнѣ краткую выпись о томъ-же походѣ, сдѣланную мною въ давніе годы въ библіотекѣ покойнаго графа Уварова изъ хра-

нящейся тамъ лѣтописи. Это рукопись XVII вѣка, въ 4-ю долю листа, озаглавлена: «Курскій лѣтописецъ» и въ числѣ другихъ рукописей той библіотеки значится подъ № 117. Тутъ на листѣ 63 неизвѣстнымъ составителемъ лѣтописи записано слѣдующее.

«Въ лѣто 7121 отъ малороссійския киевския страны на украинные грады бысть нахожденіе литовскихъ гетмановъ Саадашного и Желтовского со множествомъ воинства. Саадашной же съ воинствомъ своимъ исъ града Путивля пойде на Болховъ, на Белевъ, на Лихвинъ, на Перемышль, на Калугу и много зла сотвори и православныхъ хтистіанъ крови пролия; и отъ Калуги возвратися вспять и шествоваше къ Киеву чрезъ курской уѣздъ, верхъ рѣки Псла, на Думчей Курганъ. И егда мимо градъ Курескъ шествова, тогда къ гражданамъ въ онь и присылалъ отъ себя дву человѣка: обявляя, аки онъ града Курска, уѣзду и въ немъ живущимъ воинству своему заповѣда ни единого зла сотворяти».

Какъ ни незначительно это извѣстіе, мы пріобщаемъ его къ числу другихъ уже извѣстныхъ. Воспѣтый въ пѣсняхъ народныхъ гетманъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный—лице слишкомъ выдающееся въ нашей исторіи, чтобы пренебрегать и самымъ малымъ о немъ извѣстіемъ. Помимо громкихъ подвиговъ его въ борьбѣ съ турками и татарами, это—возстановитель православной южно-русской іерархіи, повсемѣстно уничтоженной вскорѣ послѣ введенія уніи, устроитель и новый фундаторъ кіево-братской школы, уничтоженной пожаромъ въ 1616 г., древнѣйшаго нашего училища—академіи. Лѣтописецъ курскій, въ противуположность рязанскому, не рисуетъ славнаго гетмана только чертами Ирода ненасытнаго, но отмѣчаетъ въ и немъ черту великодушія и человѣколюбія, естественнаго, можетъ быть, при окончаніи военныхъ дѣйствій неудачно кончившагося похода, но вмѣстѣ и очень рѣдкаго въ тѣ отдаленныя дикія времена.

Сообщ. **А. Л—скій.**

ВИРША О СОЖЖЕНІИ МЛІЕВСКАГО КТИТОРА ДАНІИЛА КУШНИРА.

Въ дѣтствѣ моемъ, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ селѣ, въ которомъ я родился, жилъ старикъ-крестьянинъ, бывшій очевиднымъ свидѣтелемъ всенароднаго сожженія мліевскаго ктитора Даніила Кушнира въ обозѣ польскаго войска подъ м. Ольшаною (кіевской губерніи, звенигородскаго уѣзда), въ 7-ми верстахъ отъ мѣста жительства свидѣтеля. Въ простыхъ, но одушевленныхъ словахъ старикъ разсказывалъ объ этомъ ужасномъ зрѣлищѣ, прибавляя и о томъ, какое было тогда великое гоненіе на «благочестіе» и какъ сгоняли въ ту пору отовсюду народъ въ обозъ смотрѣть на страшную казнь еретика-схизматика, не приставшаго на унію. Свидѣтель былъ въ числѣ пригнанныхъ въ обозъ зрителей.

Слова старика были уже забыты мною, когда въ 1844 году въ поэмѣ Шевченка «Гайдамаки» воскресъ для меня образъ мученика Даніила въ измѣненномъ нѣсколько, поэтическомъ очертаніи, съ прибавкою непровѣреннаго доселѣ преданія о дочери его Оксанѣ.

Въ 1858—59 гг. при разборѣ бумагъ заштатныхъ монастырей кіевской губерніи и дѣлъ переяславской консисторіи, хранившихся въ архивѣ консисторіи кіевской, мнѣ приходилось не разъ натыкаться на отрывочныя свѣдѣнія о сожженіи Кушнира, но это были упоминанія вскользь.

Въ 1860 году въ только что начавшемся тогда кіевскомъ журналѣ «Руководство для сельскихъ пастырей», въ № 2-мъ, было напечатано пр. П. Г. Лебединцевымъ современное происшествію «Сказаніе о страданіяхъ и мученической кончинѣ мліевскаго ктитора Даніила Кушниря», не оставляявшее никакого сомнѣнія въ дѣйствительности этого, невѣроятнаго по своей исключительности, факта. Обстоятельства этого происшествія вкратцѣ таковы.

Предоставленная императоромъ Петромъ I по прутскому договору во власть Польши, съ переведеніемъ козачихъ полковъ на лѣвую сторону Днѣпра, Западная Украйна,—эта, по выраженію лѣтописца, благословенная Богомъ земля, кипѣвшая медомъ и млекомъ, не могла, не смотря на условія договора, оставаться долго въ запустѣніи. Раздѣленная между тремя польскими магнатами,

къ половинѣ прошлаго столѣтія она быстро заселилась выходцами изъ-за Днѣпра. Но едва они успѣли устроиться на новыхъ мѣстахъ, какъ на нихъ обратила свои заботы польско-католическая пропаганда, пожелавшая привести ихъ въ «святую унію» съ римскою церковью. Какъ прежнія, такъ и вновь построенныя украинскія православння церкви издавна считались въ вѣдѣніи переяславскаго епископа, подвластнаго Россіи; но территорія, на которой онѣ находились, состояла во владѣніи Польши, и кіевскіе уніатскіе митрополиты, резиденція которыхъ находилась въ Радомыслѣ, считали ихъ подвѣдомственными себѣ и не могли допустить во вновь населенныхъ польскихъ мѣстахъ существованія схизмы, или православія, по тогдашнему «благочестія». Поддержанные всѣми силами польской партіи съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, они принялись поголовно обращать православныхъ поселенцевъ и ихъ церкви въ унію. Миссіонерами явились официалисты польскихъ магнатовъ, владѣвшихъ Украйною, которымъ служило право избранія и представленія кандидатовъ во священники. Съ 1761 г. ближайшее завѣдываніе украинскими церквами поручено было переяславскимъ епископомъ Гервасіемъ славному въ памяти народной, энергическому игумену мотренинскаго монастыря Мелхиседеку Значку-Яворскому. Пошла официальная письменная полемика о правѣ церквей и народа быть въ «благочестіи», а не въ уніи. Народъ знать не хотѣлъ уніи, его насильно къ ней принуждали. Мелхиседекъ ободрялъ и поддерживалъ народъ. Въ 1766 г. онъ возвратился въ Украйну изъ Петербурга и Варшавы, обнадеженный заступничествомъ Екатерины и королевскою грамотою о безвозбранномъ исповѣданіи «благочестія». Но въ это время вступилъ въ Украйну оффиціалъ уніатскаго митрополита Григорій Мокрицкій, сопровождаемый массою уніатскихъ священниковъ и козаковъ, нарочито даваемыхъ ему отъ полькихъ пановъ. Начался повсемѣстный отборъ церквей на унію, изгнаніе православныхъ священниковъ и монаховъ и насильственное принужденіе населенія къ уніи. Непосредственное дѣятельное участіе во всемъ этомъ принимала польская шляхта: комиссары, губернаторы, арендаторы, поссесоры, жондцы, экономы и ихъ писаря. Въ тоже время вступилъ въ Украйну и сталъ обозомъ подъ м. Ольшаною регіментарь польскихъ войскъ Вороничъ, разсылая отъ себя отряды для той-же священной цѣли, подъ

предлогомъ удержанія народа въ спокойствіи. Завязалась страшная борьба, разрѣшившаяся уманскою рѣзнею 1768 г. Всѣхъ не пристававшихъ на унію нещадно сѣкли, народъ отягчили страшными реквизиціями и постоями, монаховъ забивали въ кандалы и отсылали въ Радомысль, священникамъ брили бороды и стригли волосы на головѣ, церкви отбивали съ командами козаковъ и передавали уніатамъ. Безоружные и безсильные крестьяне спасали утварь и сосуды и прятали въ ямахъ и лѣсахъ. При отборѣ одной изъ церквей въ м. Мліевѣ (нынѣ черкаскаго уѣзда) тоже сдѣлалъ староста оной, съ другими прихожанами, благочестивый старецъ Даніилъ Кушниръ. Сдѣлавъ три земныхъ поклона предъ св. чашею, онъ благоговѣйно обернулъ ее церковной пеленой, снялъ съ жертвенника и спряталъ у себѣ въ коморѣ. По правиламъ церковнымъ чаши не можетъ брать въ руки человѣкъ непосвященный; въ этомъ была вина Кушнира; но къ ней присочинили невѣроятную клевету, будто онъ ходилъ съ чашею въ кормчу, пилъ изъ нея водку и закусывалъ св. дарами. Его заковали въ желѣза, доставили въ обозъ; тутъ судили и присудили къ сожженію. 27 іюня, день св. ап. Петра и Павла, назначено боло днемъ казни: согнали множество людей для устрашенія: вывели старца, поставили среди обоза, обвертѣли ему руки пенькою, осмолили смолою и зажлги. «Господи Боже мой! что сіе мнѣ подалъ еси?» взывалъ старецъ въ страшныхъ мукахъ. «Воля твоя святая на мнѣ да будетъ! Боже мой, прійми духъ мой!» Обгорѣли руки; приступили къ отсѣченію головы. «Не бойся, старче! Богъ съ тобою! говорилъ палачъ, завязывая глаза. «Я не боюсь, отвѣчалъ страдалецъ: дѣлай. что тебѣ велятъ». Тогда отсѣкли ему голову и взбили оную на палю и гвоздемъ большимъ желѣзнымъ прибили, а тѣло сожгли. И виднѣлась голова мученика отъ іюня до конца сентября, а пепелъ съ нѣкоторою частію костей загребли люди близкіе въ ровикъ небольшой. Позже голова была снята съ пали, перевезена въ Переяславъ и епископомъ Гервасіемъ торжественно похоронена въ церкви михайловскаго монастыря.

Меня давно занималъ вопросъ о томъ, отмѣчено-ли въ пѣснѣ народной это трагическое событіе. И вотъ недавно такая пѣсня нашлась въ рукописномъ сборникѣ извѣстнаго, старѣйшаго нашего собирателя народныхъ пѣсенъ, П. А. Лукашевича, съ отмѣткою, что она спи-

сана съ сборника 1767 г., слѣдовательно современна самому событію. Вотъ текстъ этой любопытной пѣсни.

Захотила Смилянщина виру утвердити,
Восточному цареви главу преклонити;
Заразъ стали бидныхъ людей въ обозъ выгонити.
Да вчинилы ляхи-паны межъ собою справу,
Розигналы вирныхъ людей въ московськую страну;
Худобы ихъ забирали, монастыри драли,
А ще биднымъ христіянамъ й страхъ завдавали.
Да вчинили вражи ляхи у Вильшани славу,
Да отняли Даніилу Мліевскому главу,
Тило его повелилы огнемъ испалити,
Главу его а до пали изъ гвоздьемъ прибити...
Вражи сыны жидыченьки тоди израдилы,
Якъ ктитора Даніила на пали узрили.
А въ той часъ страхъ великій людямъ завдавали,
Усихъ людей до едности на виру навертали.
Сподивались на йгомена, що винъ зарятуе,
А винъ тилки ѷздячи по Украинѣ да ляхивъ дратуе.
Заплакали стари люде и малыи диты:
«Горе, горе намъ на свити, що нигде прожити!»
Телепенци зъ Вербинцями, дайте соби руки,
Ожидайте на тимъ свѷти пекельнои муки!

Пѣсня нѣсколько отдаетъ книжностію; но какая естественность и сила слова, какъ глубоко и вѣрно понятъ общій ходъ тогдашнихъ событій, какое глубокое чувство всенародной скорби и едва не отчаянія. «Горе, горе намъ на свѷти, що нигде прожити!« Немногими штрихами пѣсня отмѣчаетъ роль игумена Мелхиседека: «ѷздить по Украѷни та ляхивъ дратуе». «Телепенци и Вербинци» — это жители сс. Телепиной и Вербовца (черкасскаго уѣзда), вѣроятно, приставшіе на унію; имъ грозитъ авторъ «пекельною мукою». Такъ и видно, что пѣсня слагалась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершавшихся событій.

Ѳ. Лобода.

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ ГАДЯЧСКОЙ РАТУШѢ.

Прочитавъ эти слова, не подумайте, читатель, чтобы знаменитый нашъ писатель былъ при какихъ либо занятіяхъ въ гадячской ратушѣ или имѣлъ въ ней какое либо дѣло. Нѣтъ, я хочу передать вамъ одинъ лишь фактъ случайнаго посѣщенія Н. В. Гоголемъ гадячской управы, на который также случайно пришлось мнѣ натолкнуться въ весьма недавнее время.

Гадячь—ранговое гетманское имѣніе—городъ прекрасный: отличается благорастворенiемъ воздуховъ и вслѣдствіе того долговѣчностію живущихъ въ немъ. Хотите Маѳусаиловъ вѣкъ прожить—поѣзжайте въ Гадячь. Представьте себѣ, тамъ живутъ и доселѣ бывшіе члены ратуши, видѣвшіе Гоголя еще въ 30-хъ годахъ.

Сидѣли мы какъ-то съ моимъ гадячскимъ пріятелемъ въ домѣ его дѣда, глубокаго старика, и за чашкой чаю толковали о памятникѣ великому нашему писателю. У насъ возникъ даже споръ о томъ, какой пунктъ предпочтительнѣе слѣдовало-бы избрать для постановки памятника: Петербургъ или Миргородъ, Москву или Сорочинцы. Вслушавшись въ нашъ споръ, старикъ неожиданно обратился къ намъ съ вопросомъ: «та про якого се Гоголя вы говорите?» Мы обстоятельно объяснили ему, кто такой Гоголь, зная, что старикъ никогда никакихъ книгъ, кромѣ развѣ божественныхъ, не читалъ и о Гоголѣ-писателѣ ничего не слыхалъ.

Къ удивленію нашему, оказалось, что старикъ зналъ Гоголя, хотя и не по книгамъ, видѣлъ его лично и сохранилъ объ немъ понятіе, какое имѣли о немъ многіе изъ его современниковъ, даже не изъ гадячскаго круга.

— Це, значиця, той, що прыиздивъ до насъ на ревизію зъ губернаторомъ, замѣтилъ на наше объясненіе старикъ.

Я поспѣшилъ увѣрить его, что Гоголь въ провинціи на гражданской службѣ не состоялъ и съ губернаторомъ на ревизію пріѣзжать не могъ.

— Та якъ-же звали того Гоголя, що отъ вы про ёго говорите? спросилъ меня старикъ.

— Это Николай Васильевичъ, а вы вѣрно какого нибудь другого видѣли, отвѣчалъ я.

— Такъ, такъ; такъ и казали тоди, що Миколай Василёвичъ. Це винъ самый и есть.

Мы попросили старика разсказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ видѣлъ Н. В. Гоголя съ губернаторомъ на ревизіи, и онъ передалъ намъ слѣдующее.

«Було се въ 1833 чи въ 34 годи,—гараздъ не памятаю. Наставъ у насъ новый губернаторъ, а якъ на прозвище, тако-жъ не памятаю,—багато ихъ перевернулось на моимъ вику. Пишла чутка, якось литомъ, що буде ѝздити по губерніи, а мы въ ратуши служили. Отъ прыйшла бумага така; прыбигъ засидатель и написавъ докладчикови рапортъ якійсь и намъ всимъ членамъ росказавъ, якъ одягтись, якъ стоять и що казать. Струсъ великій бувъ; сказано: губернаторъ. Коли прыиздить. Входить до ратуши, а за нимъ слидкомъ якійсь чиновникъ, такъ худенькій, трошки довгобразый, русявый и очима все такъ зыркъ, зыркъ. Стоимо мы въ паради, а И. П., нашъ докладчикъ, выступивъ передъ губернатора, одставивъ трохи ногу для поваги та якъ вриже той рапортъ на память: самъ ажъ трусиця, а все риже та риже. Губернаторъ щось трошки насупивсь, а той, що позадъ ёго стоявъ, хмыкавъ-хмыкавъ та якъ зарегочеця на всю ратушу, ажъ мы здивувались. Тутъ струсъ, присутствіе, начальство, а винъ регочеця. Губернаторъ трохи озырнувся, щось стиха промовивъ до того, а дали каже: довольно, довольно. А потимъ спитавъ щось голову, повивъ очима по ратуши та заразъ посыпихомъ зъ ратуши, а той за нимъ. Отъ мы й стали тоди роспитувать, що воно за блазенъ, що регочеця при всихъ; то намъ и росказали, що то Гоголь, писатель такій, и сами таки чули, якъ губернаторъ казавъ до ёго: Миколай Василевичъ. «Оттакъ, казали, ѝздить винъ всюды та розглядуе, а потимъ пише, а паны читають та соби регочуця». Дивувались мы зъ того, и гнивались таки, та що робить? Писатель, кажуть; думали, що то чинъ такій на ёму и що мае винъ таке право. А то... атъ, не знать що».

Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что Гоголь, который такъ живо подмѣчалъ всякую несообразность, противорѣчіе, фальшь, не могъ удержатся отъ смѣха при видѣ благодушныхъ, полусонныхъ гетманцевъ, нарядившихся въ залежавшіеся въ ихъ скрыняхъ мундиры и трехъугольныя шляпы съ несмертоносным оружіемъ при боку, и этого доклядчика съ его гадячскимъ прононсомъ, «рѣжущаго»

наизусть сочиненный засѣдателемъ рапортъ. Насъ не могъ не заинтересовать самый разсказъ объ этомъ мелочномъ, случайномъ обстоятельствѣ въ жизни Гоголя, какъ указаніе на то, какимъ путемъ давались ему его дивные, полные жизни портреты, и мы пустились въ дальнѣйшіе распросы; но увы! ни дѣдъ моего пріятеля, ни уцѣлѣвшій въ живыхъ самъ докладчикъ, «рѣзавшій» рапортъ, ни еще одинъ изъ членовъ ратуши ничего уже не могли прибавить къ приведенному выше разсказу. Да и что къ нему могло-бы прибавиться? Остается желать получить свѣдѣніе о томъ, кто былъ въ ту пору губернаторомъ въ Полтавѣ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ къ нему Гоголь и была-ли поѣздка его съ нимъ случайною или напередъ условленною.

Не разъяснитъ-ли этого обстоятельства такъ много вѣдающій о Гоголѣ нашъ извѣстный библіографъ, почтеннѣйшій С. И. Пономаревъ?

А. Луговой.

нѣмецкую 2 р. 50 к. Въ вечерѣ были у насъ пѣвчіе дворяне Коченевскій и Рубановскій.

26. За оправу двохъ книжекъ 40 к., за исторію троянскую 75 к. Обѣдали зъ Гудовичомъ у Коченевского.

27. Писалъ отозвъ до Ивана Гамаліи. Уговоренъ для ученія дѣтей рисовалный майстеръ Мойсей Бернганъ при инджeнерномъ корпусѣ на мѣсяцъ по 6 р. Въ вечеру были на комедіи французкой.

28. Послѣ полдня былъ зъ Гудовичемъ у сенатора Шувалова, где и секретарь Новоторжцовъ былъ-же взглядомъ индуктивного дѣла. Матушка великія княгини, принцесса ангалтъ цербская отехала изъ Санктъ-Питербурха. Писалъ до Скоропадского зъ посилкою указа сенатского стороны Чаусъ.

29. Капралу гвардіи измайловского полку Лутавинову, по писму Скоропадского, дано 25 р., въ чомъ онъ на томъ-же писмѣ и росписался, а отъ себе писалъ писмо къ полковнику Тютчеву объ отдачѣ тѣхъ денегъ.

30. Государиня со всѣмъ гофъ-штатомъ изволила зъ лѣтнего въ зимный переехать дворецъ, и палено для того зъ пушокъ. Писалъ къ Скоропадскому объ оныхъ 25 р. денгахъ, позиченныхъ Лутавинову, и росписку его тамъ-же включилъ, а до жены о Суховерховѣ.

Октоврій.

1. Были въ дворцѣ и у ручки государини, потомъ у бунчучного. Семенъ Пустота и Журавко простились и отехали.

3. Инфортатору Юнгансу на расходы даны сто руб.

4. У бунчучного обѣдали съ Коченевскимъ и другими, где и розговоръ былъ о индуктѣ. На комедіи были италіанской.

5. Зъ сего противъ слѣдующого числа ночю великая вода была зъ моря.

6. Были въ дворцѣ у ручки государини, у великого князя и великой княгини. Розышлось на яблоки 15 к., за газети и казанье 17 к., сину Василю 14 к.

7. Обѣдали у бунчучного и вечеромъ купно съ нимъ были у Рейсхъ графа и какъ виноградомъ, такъ и виномъ почтованы отъ него и де якіи держали розговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ; потомъ были на комедіи французкой.

8. За мытье платя и направу бачмаковъ 26 к., за направу фляши мѣдной 15 к., секретарь Новоторжцевъ обѣдалъ у насъ и до позна бавилъся.

9. Вечеромъ были у Постелникова. На чоботы Рудому дано 50 к.

10. Обѣдали у бунчучного, потомъ были у г-жи Розумовской, а послѣ на комедіи италіанской. За 5 замковъ желѣзныхъ 96 к., за молотокъ 15 к.

11. Получилъ писмо и далъ почтарю 4 к. Вѣдомость пришла Гудовичу, что синъ его недавно рожденный умеръ.

12. Рано были у генерала фелдмаршала князя Долгорукова и обѣдали у него.

13. Превеликое было наводненіе. У Федора Ивановича Коченевского обѣдали всѣ.

14. Камеръ-юнкеръ Сиверсъ вѣнчалъся съ своею невѣстою въ киркѣ лютеранской, а свадба его была въ государевомъ дворцѣ съ обычнымъ церемоніаломъ.

15. Обѣдали у бунчучного. Пошло на камфору и за мытье платя 20 к.

16. Морозъ и малый снѣгъ былъ. За газеты и на карандашъ 20 к. Были на комедіи французкой.

17. Государиня изволила быть на освященіи новой церкви въ корпусѣ кадецкомъ. Бунчучный зъ женою былъ у насъ. За шпигинаръ дано 6 к.

18. Золотарю за роботу и за золочене печаты до диплиома дано 17 р. 6 к., за тростъ 1 р. 94 к. На позлотку 2 червоніи.

19. За направу кожуха Рудому и чоботъ и за газеты 28 к.

20. Подписанъ именный указъ о квартерѣ и трактаментѣ, которого копію отъ Р. графа привезъ Иванъ Тимофіевичъ Золотовъ.

21. Рано бывъ въ дворцѣ, кланялись государини, отеждлающей въ Царское Село, и у ручки были, потомъ обѣдали и до позна пробавили у г-жи Розумовской.

22. Писалъ писма до Скоропадского, до жены и до Іосифа. За полотно на фоту для голѣня (бритья) дано 23 к.

23. Обозный генералный ради своего тезоименитства принималъ гостей, изъ которыхъ вечеромъ и Александръ Ив. Головинъ, адмиралитейскій интендантъ, былъ, а маіоръ Александръ Александ-

ровичъ Прибишевскій и обѣдалъ съ протчими. За 6 паръ чашокъ болшихъ зъ кришками дано 2 р. 40 к.

24 Именный указъ о квартерѣ отданъ Н. Юр. Трубецкому. Ночю былъ пожаръ. Нева, что при Василевскомъ островѣ, стала. Розышлось 59 к.

25. За 12 паръ ножовъ чорныхъ 1 р. 20 к. Государиня ночю прибыть изволила.

29. Випалъ снѣгъ ночю. Рано мы были у Р. графа. Государиня изволила быть у оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, ради тезоименитства его.

27. Рано были въ дворцѣ, а по полдни у капитана поруччика Марковича, да у маіора преображенского полку Ивана Ив. Косогова. За пакетъ, по почтѣ до Глухова отпущенный, дано 25 к. За газеты 6 к.

29. Обѣдали наши у капитана измайловского полку, князя Сергія Ивановича Барятинского. За пластырь 24 к. На розницю 21 к.

30. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у преосвященного архіепископа с.-п.-бурского Феодосія, купно зъ преосвященнымъ сарскимъ и подонскимъ. Тамъ-же съ нами обѣдала и дворцовая каморъ-юнфера, Евдокія Ивановна Вергуновская.

31. За окуляри дано 25.

Ноеврій.

1. Обѣдали у бунчучнаго ради его именинъ, где были и Преосвященный с.-п.-бургскій и г-жа Розумовская съ прочими.

2. Выдано намъ вдругъ за два мѣсяци жалованья 252 р. 25 к.

3. Были въ дворцѣ у ручки великого князя и великой княгини. Въ вечеру ездили къ Александру Ивановичу Головину панъ обозный зъ бунчучнымъ.

4. Петръ Стефановичъ Прютченко преставился. Свадба въ дворцѣ была камеръ-юнфери Евдокіи Ивановнѣ Вергуновской.

5. Петръ Прютченко погребенъ въ Невскомъ. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

6. Оные писма вручены Шатиловскому [229]), отеждающочому въ

[229]) Филимонъ Шатило или Шатиловскій отецъ Афанасія Шафонскаго, автора Описанія черниговскаго намѣстничества.

Малороссію. Камергеръ и кавалеръ князь Петръ Михайловичъ Голицинъ женилъся, въ дворцѣ вѣнчалъся и тамъ-же была сватба.

7. Юнgансу даны сто руб. на росходъ.

8. Обѣдали у г-жи Розумовской. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа, до жены и до обозного полкового стародубовского Юркевича, чрезъ салдата отпущены.

9. Рано были у гг. фелдмаршаловъ князя Долгорукова и к. Трубецкого, а обѣдали у графа Румянцова. За газети 6 к.

10. Въ дворцовой церквѣ посвященъ епископомъ костромскимъ и галицкимъ архимандритъ кіево-братскій, отецъ Силвестръ Кулябка, а посвящалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ сарскій и подонскій, съ другими архіереями. Ночю снѣгъ выпалъ.

11. По обѣдѣ были у П. Шувалова, у к. Куракина. Въ вечеру былъ Головинъ зъ женою у обозного генералного.

12. По обѣдѣ былъ у преосвященного тверского. Писалъ до писаря суда генералного Івана Василевича Пиковця съ посилкою писемъ отъ Алексія Требинского.

13. За вѣдомости даны 35 к., по полдни были у насъ Новоторжцовъ, Коченевскій и бунчучный.

14. Обѣдали наши у бунчучного, я въ квартерѣ. На яблоки 10 к. Вечеромъ были Королкевичъ и Данилевскій. Сину Василю на бачмаки и митье платя 1 р., за камортухъ на манжеты 1 р. 20 к.

15. За двѣ пушки чайные мосіенжные дано 80 к.

16. За шесть паръ чашокъ фарфурныхъ 1 р. 70 к.

17. Золотописцу, взявшому додѣловать диплiомъ, дано 3 р. Обѣдали у преосвященного переяславского Арсенія Могилянского.

18. Вечеромъ были у г-жи Розумовской.

19. Съ діакономъ Савіцкимъ, придворнымъ проповѣдникомъ, былъ Журманъ, потомъ бунчучный съ Новоторжцовымъ. Розышлось 8 к.

20. Обѣдалъ я и Гудовичъ у г. Розумовской зъ г. Кириломъ Григоріевичемъ и Тепловымъ.

21. Были въ дворцѣ и у г. Кирила Григоріевича. Обѣдали у преосвященного тверского купно съ г. Розумовскимъ.

22. За шесть паръ чашокъ чайныхъ фарфурныхъ съ золотомъ 2 р.

23. За одну пушку мосіенжную чайную 40 к.

24. Великую княгиню поздравляли тезоименитствомъ и у обоихъ у ручки были.

25. Ради празднованія вступленія на престолъ ея імператорского величества была проповѣдь въ церквѣ дворцовой, говорилъ преосвящ. Кулябка. По службѣ были у ручки государини, а въ вечеру въ салъ галдареи и въ болшой салѣ, гдѣ изволила государиня кушать съ лейбъ-компанцами. Графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій капитаномъ лейтенантомъ, а Александръ Івановичъ Шуваловъ поруччикомъ лейбъ-компаніи пожалованы.

26. Vacat. 27. Капитану поруччику Василю Марковичу сынъ, нареченный Евграфъ, родилъся. Рано поздравляли рангомъ новопожалованнымъ г. Розумовского, а вечеромъ Василя Никитича Репнина фелдцеймейстерствомъ.

28. Еще даны Юнgансу 30 р. За маніфестъ короля прусского 30 к.

29. Писаны писма чрезъ зятя полковника лубенского, князя Петра Сергіевича Долгорукова [230]) до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

30. Поздравляли по домамъ кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, гдѣ въ церквѣ имѣлъ проповѣдь семинаріи невского монастыря ректоръ, отецъ Гавріилъ Камѣнскій.

Декабрь.

1. Рано были у графа Алексія Григоріевича Розумовского и писмо отъ старшины генералной къ ему писанное мною подано, а въ вечерѣ были у его-жъ сіятелства обозный и бунчучный генералные и Гудовичъ.

2. За полфунта чаю дано 1 р. 12½ к.

3. Дѣла наши нѣкоторые слушаны въ сенатѣ.

4. При писмахъ до Іосифа и до жены отправлена посилка съ людми полковника компанѣйского Василія Чоснока, а именно чрезъ Наума: дзигаръ стѣнный, зъ двома вагами (гирями) въ пудлѣ, тамъ-же замковъ нѣмецкихъ 5 желѣзныхъ зъ ключами и общенки, кунтушъ штофовый подъ песками, два кафтаны бѣлыхъ, футро лисее зъ-подъ кунтуша зъ карвашами, и сее увинуто въ старомъ килимцѣ, три пушки жолтіе, въ томъ числѣ: въ одной чай зеленый, 12 паръ ножовъ чорныхъ, 3 посуды фарфурные высокіе съ криш-

---

[230]) Мужъ Софьи Петровны Апостолъ.

ками, пара сосудовъ низкихъ съ кришками-жъ, 24 пары разныхъ цвѣтовъ чашокъ чайныхъ зъ мисочками, а 6 паръ зъ кришками, да одна мисочка съ подножіемъ мосіенжнымъ, чайникъ фарфурный, столикъ чорный каменный.

6. У того-жъ отца Софронія исповѣдалъся и по благости Божіей удостоилъся причаститися на ранной службѣ Божой, а потомъ, ради тезоименитства моего, были у мене на кушаню гости, въ томъ числѣ г-жа Розумовская зъ дочерми. Генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ Іванъ Івановичъ Косоговъ, Федоръ Івановичъ Кочевскій, бунчучный зъ женою и сестрою его и протчіе.

7. За екземпляри изъ медаліовъ оловяннiе дано 70 к.

8. Юндансу заплатилъ за нѣкоторую имъ справованную покупку 60 к.

9. Обѣдали у г-жи Розумовской.

10. Писалъ до Красінского въ Москву. Государиня изволила прибыть зъ Гостилици.

11. Юндансу дано еще 70 р. на росходъ.

12. Здѣлано, а 13 подано въ сенатъ доношеніе объ індуктѣ. 14 прибылъ зъ Глухова куріеръ Андрей Глинскій.

15. Бунчучный со всѣми своими, а съ нимъ и Семенъ Кочубей віехали къ Москвѣ, а до войта нѣжинского пріехалъ куріеръ.

16. Полковникъ Чоснокъ и сотникъ Лисаневичъ переехали на нашу квартеру.

17. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.

18. Ради праздника рожденія ея імператорского величества стоящіе полки въ строю палили трижды бѣглымъ огнемъ и палено-жъ зъ пушокъ. Послѣ службы Божой казанье говорилъ преосвященный Платонъ Маліновскій. У стола государева и мы обѣдали съ офицерами гвардіи, а по обѣдѣ былъ балъ и преизрядная на Невѣ противъ дворца, и при корпусѣ кадецкомъ, да и въ крѣпости иллюмѣнація.

19. Куріера, зъ Глухова пріездившого, писаря Андрея Глинского отправили къ Глухову, чрезъ которого и вышеписанные писма отпущены, и до Івана Гамаліи, тако-жъ до Красінского въ Москву писалъ.

20. За здѣланные сину 3 рубашки зъ манжетами заплачено Антонисѣ 1 р., за сосудъ оловяный до голѣня 35 к., да за другую мѣлочъ 36½ к.

21. Обѣдали у генерала інтенданта Александра Івановича Головина.

22. Въ вечеру дозорца шептаковскій Гулевичъ отехалъ, чрезъ которого до жены писалъ я и синъ Василь.

23. Знову писалъ до жены по почтѣ и вручилъ то писмо графу Мойсею Владиславичу, а также писалъ и до Скоропадского о Чаусахъ и о денгахъ, зъ медицинской канцеляріи отдаючихъся.

24. Сину Василю на чолки данъ 1 р.

25. Въ сей день Рожества Христова слушали обѣдни въ церкви святого Симеона, а по полдни пріездилъ къ намъ капитанъ поруччикъ Марковичъ съ нѣкоторымъ обнадеживанемъ отъ графа Розумовского.

26. Были съ поздравленіемъ у канцлера, у обоихъ Шуваловыхъ, у князя Никиты Юревича Трубецкого, у г. Кирила Розумовского, у графини Чернишевой, у духовника и у графа Румянцова.

27. У фелтмаршаловъ князей Долгорукого и Трубецкого, у г. Ушакова, у генерала криксъ комисара Стефана Федоровича Апраксина, у г-жи Розумовской и тутъ обѣдали. Вечеромъ были у войта Тарнавіота.

28. Рожденіе моей жены праздновалъ въ квартерѣ.

29. Іванъ Забѣла, молодый, обтовскій, пріѣхалъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова.

30. Отехалъ Левъ Сорока за Кочубеемъ къ Москвѣ.

31. Вечеромъ были у генерала інтенданта Александра Івановича Головина и у него-жъ вечеряли, и тако сей годъ окончен̆ъ. Слава Богу!

1746 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Былъ въ дворцѣ и тамъ по службѣ Божой слушали казанья, которое имѣлъ архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ.

2. Въ вечеру были у насъ въ квартерѣ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-шталъ-мейстеръ, и Александръ Івановичъ Головинъ, генералъ-інтендантъ отъ адмиралтейства.

3, 4, 5, 6, 7 и 8. Vacant.

9. Семенъ Василіевичъ Кочубей прибылъ изъ Москвы. Изъ главной медицинской канцеляріи взялъ позикою денегъ 300 р. и далъ на оные два вексели, для отданія тихъ-же денегъ въ Лубняхъ въ тамошнюю аптеку; изъ тихъ-же денегъ далъ Юнґансу 100 р. Въ вечеру была опера Тита Веспасіана въ комедіалномъ домѣ.

10. За 3 книжки въ академію 93 к., за календарь болшой 15 к., за календарь придворный 20 к., за гербовую бумагу 6 к.

11. Вечеромъ были у графа Розумовского въ собственномъ его домѣ и имѣли розговоръ о дѣлахъ нашихъ, въ сенатѣ сущыхъ, съ П. I. Шуваловымъ.

12. Были въ дворцѣ на службѣ, а у насъ вечеромъ Іля Журманъ и Александровичъ.

13. Подана челобитная въ сенатѣ о дѣлѣ съ Соколовскими, за которой переписку дано 20 к. Писаны писма до Скоропадского и до жены, да въ Москву до Красінского чрезъ пѣвчого придворного, посланного въ Малую Россію для выбору пѣвчихъ. Запасъ отъ Скоропадского пришолъ.

14. Въ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского былъ сговоръ Семену Василіевичу Кочубею [231]) съ двоюродною сестрою графскою, Ксеніею Герасимовною (Демешко), и ихъ-же размѣняно перстнями, которые обоимъ, жениху и невѣстѣ, сама государиня отдавать и на руки наложить изволила; потомъ была вечеря, где и мы у стола сидѣли и кушали, а по ужинѣ были салти, до коихъ и насъ употреблено; тогда-жъ графъ принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею.

15. Петръ Савичъ прибылъ въ С.-Пбурхъ. Подячому дано 20 к.

16. На квартерѣ у Журмана имѣли переговоръ зъ войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ. Писмо писалъ къ Скоропадскому зъ посилкою календаря.

17. Купилъ цѣны (цинковой посуды) два пуды и 8 фунтовъ, въ томъ числѣ болшихъ полумисковъ 6, малыхъ 6, талѣрокъ глубокихъ 2 тузни, мелкихъ 1 тузінъ, дано 17 р. 60 к.

---

[231]) Семенъ Кочубей, внукъ В. Л. Кочубея, р. 1725, † 1779 года. Благодаря родству съ Разумовскими, Кочубей тогда-же, въ годъ женитьбы, сдѣланъ былъ нѣжинскимъ полковникомъ, а въ 1751 году генеральнымъ обознымъ. Умеръ членомъ малороссійской коллегіи.

18. Оная цѣновая посуда, да еще блюда 3 съ крышками, въ томъ числѣ одно болшое, двѣ меншихъ, ножовъ съ бѣлыми черенками паръ 24, двѣ кострулки и 1 выжигалниця мѣдные, отпущены при писмахъ до жены и до Іосифа чрезъ Івана Сербиновского, служителя Скоропадского, и до его-жъ при помянутомъ писмѣ посланъ календарь, а до Красінского въ Москву писалъ о нашемъ запасѣ и объ отпускѣ нашого-жъ человѣка въ домъ. Дано Афонѣ 10 к., Кирилу Скоропадского 10 к. Матушка г. Розумовского отехала изъ С.-Пітербурха.

19. Были въ дворцѣ и допущены къ ручкѣ государини. Проповѣдь имѣлъ діаконъ отецъ Савіцкий. Вечеромъ была комедія французкая.

20. Писаны писма до Скоропадского, до Гамаліи, до Іосифа и въ домъ до жены, чрезъ полковника Василія Чоснока, сегодня поутру отехавшого.

21. Видѣлъ въ сенатѣ резолюцію по челобитнымъ моей и Соколовского. Обѣдалъ у Федора Івановича Коченевского. Даны хлопцю Максиму имениннику 9 к., Грицку на поясъ 25 к.

22. Писалъ писма чрезъ капрала гварнизону глуховского до Скоропадского и до Іосифа подъ копертою, на імя полковника Делятура подписанною. Пріехалъ Бѣлоцерковець.

23. Въ сенатѣ былъ съ Гудовичемъ призыванъ за табель о рангахъ.

24. Писма зъ Глухова и изъ дому получилъ, тако-жъ 200 р. и 20 червоныхъ. Отъ Шоха отобралъ для отдачи червоныхъ слузѣ Валкевичевому Соколовскому. Писалъ чрезъ сотника ірклѣевского Алексія Требинского до Скоропадского, до Іосифа и до жены въ домъ.

25. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Александръ Лвовичъ Наришкинъ преставилъся. Помянутому Соколовскому 20 червоныхъ, а Андрею Вітвѣцкому за коня его, проданного по писму Скоропадского, 9 руб. отдалъ и взятые у нихъ въ пріемѣ тихъ денегъ росписки включилъ въ писмо до Скоропадского чрезъ капрала глуховского гварнизону 7-й роти Івана Гаврилова.

26. Оный капралъ отехалъ.

27. Василю сину дано на бачмаки 50 к.

28. Въ крѣпости, въ церквѣ петро-павловской была панихида по государѣ імператорѣ Петрѣ I, на которой всѣ господа знатные были.

29. Обѣдали въ монастырѣ Невскомъ у намѣстника свінского Луки, потомъ были и у архіереевъ с.-петербургского и вятского.

30. Обѣдалъ у насъ секретарь Новоторжцевъ.

31. Писалъ писмо до жены чрезъ Мглинъ, чрезъ келейника преосвященного новгородского. Канцеляристъ Лебедь отехалъ. Кухтику Івану Рудому на рубашки дано 50 к.

Февраль.

1. Юнgансу на росходы для дѣтей далъ 100 руб. Книжка Телемакъ куплена, дано за оную 1 р. 85 к.

2. Вечеромъ были у Петра Горленка на квартерѣ.

3. Обѣдали всѣ мы на Василевскомъ острову у князя Сергія Михайловича Хованского. Сегодня былъ машкарадъ въ собственномъ домѣ графа Алексія Григоріевича Розумовского и иллюмінація.

4. Машкарадъ былъ въ цесаревнинскомъ домѣ у Александра Борисовича Бутурлина.

5. Мы были на Смолномъ дворѣ у Івана Дмитріевича Рожевского вечеромъ. Машкарадъ былъ у оберъ-маршала Шепелева. Михайло Федоровичъ пріехалъ въ С.-Петербурхъ.

6. Обѣдали у преосвященного крутицкого Платона Маліновского. Машкарадъ былъ у князя Репнина, генерала фелтцехмейстера.

7. На смолномъ дворѣ у управителя тамошнего обѣдали, а вечеромъ были у насъ дворцовый бандуристъ слѣпый и два скрипцісты комнатные, которымъ дано общихъ денегъ 10 р.

8. Обѣдали у отца духовника, ради его іменинъ, да и у Григорія Михайловича Любисткова, дворянина, были.

9. Я и обозный генералный по собственному ея імператорского величества приказу кушали обѣдъ у собственнаго-жъ ея величества стола въ Еремѣтажѣ, а ужинали у господина Головина.

10. Ради рожденія его высочества, государя великого князя випалено на поздравленіе изъ 73 пушокъ, и сего числа противъ 11-го слѣдующого дѣти перешли на другую квартеру на Василіевскій островъ, и преставилъся князь Василій Володимеровичъ генералъ-фелтмаршалъ, отъ рожденія своего на 79 году. Куплены для мене сапоги за 1 р., за сцезорикъ и запонки 22 к.

12. Писаны писма до Скоропадского, да до Іосифа повѣренное, и до жены, и другое до Іосифа о подписѣ на приговорѣ въ слушаніи, которые писма посланы чрезъ Сангурского, сего числа отехавшого.

13. Генералъ Густавъ Біронъ умре въ С.-Пітербурхѣ.

14. Ночовали въ монастырѣ Невскомъ.

15. Тамъ исповѣдывались и сообщались Св. Тайнамъ. Розышлось на розницю 38 к.

16. За офарбоване черкески 1 р. 50 к.

17. Василю сину даны на потребы 18 к.

18. Деружкину дано 50 к.

19. Писалъ до Скоропадского съ посилкою печатныхъ вѣдомостей, въ которыхъ и трактатъ миру, между королемъ прусскимъ, полскимъ и венгерскою королевою заключенный, выпечатанъ.

20. Оное писмо вручено Федору Івановичу Коченевскому для пересылки чрезъ келейника архимандрита печерского.

21. Рано осматривалъ квартери другой на Василіевскомъ острову для дѣтей.

22. За тою-жъ квартерою ходилъ къ князю Михайлу Андріевичу Бѣлоселскому и зъ онымъ договорилъся на годъ за 80 р. за 5 покоевъ въ домѣ князя Адоевского. Господа сенаторы сезджались екстраординарно въ сенатъ для нашихъ дѣлъ. Кушалъ я зъ Гудовичемъ обѣдъ у оберъ-маршала Шепелева. Издержано 25 к.

23. Рано были зъ Гудовичемъ у графа и доволные имѣли розговоры, потомъ въ крѣпости казанья слушали.—Куплено платья для сина Василя, дано за оное 25 р.

24. Подалъ въ сенатъ Федоровичъ доношеніе Купчинского.

25. Івану Рудому куплена свита за 1 р. 50 к. Писано писмо въ Москву до Красінского и до поддячого Бѣляева и дано за оное на почтѣ 4 к.

26. Вечеромъ были у бригадира главной артилеріи, Івана Федоровича Глѣбова.

27. За книжку Граматику руско-латинскую 50 к.

28. Графъ Мойсей Івановичъ Владиславичъ у насъ былъ.

Мартъ.

1. Погребеніе было церемоніалное генералу фелдмаршалу князю Долгорукову въ монастырѣ Невскомъ. Вечеромъ были у насъ отецъ духовникъ и Федоръ Коченевскій.

2. Были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое имѣлъ діаконъ Савіцкій. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ факторъ індуктный Халкидоцкій.

3. За пошитье старой черкески 25 к. Рудому даны сапоги.

4. За вибойку на юпку 77 к. Маіоръ Воеводской арестованъ въ сенатѣ.

5. За полотно на рубашки и на штаны дано 2 р. 22½ к. Сину Василю на чолки и протчее 1 р. 70 к.

6. За оправу двохъ книгъ 40 к., Козмѣ портному 30 к. Были рано у графа Розумовского и получили декларацію о бытіи гетмана.

7. У г. Мойсея Владиславича были на его новой квартерѣ.

8. Рано представляли графу маіора Рикачова и Петру Івановичу Шувалову стороны дѣла Полтавского. За направу компаса 20 к., за Рудого въ поліціи 15 к.

9. Въ придворной церквѣ имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій.

10. Рано былъ у насъ отецъ духовникъ и обѣщалъ денегъ визичить. За чайникъ вименянный додано 1 р. Нѣмкенѣ 14 к.

11. Писмо вручено отцу духовнику до г. Скоропадского на 500 р.

12. Генералу фелтъцехмейстеру князю Василію Никитичу Репнину при писмѣ отъ г. Скоропадского представлялъ дѣтей, чтобъ позволилъ имъ ходить въ классы кадецкіе. Чоботы Рудому куплены за 64 к.

13. Писма писаны чрезъ Забѣлу до Скоропадского, до Іосифа и до жены, который ночю и отехалъ. Нѣмкенѣ дано 26 к.

14. Писано писмо до жены о посилки 50 лимоновъ чрезъ сотника мглинского Лисаневича, за якіе дано 1 р., да за лѣкарства 50 к. Оный-же Лисаневичъ сего числа отехалъ, а чрезъ него и книги посланы, именно на реестрѣ показанные; чрезъ него-жъ писано и въ Москву до Красінского о нашихъ запасахъ. Ночю противъ 15 числа были чюдные на небѣ знаки.

15. Лекару адмиралітейскому за 3 книжки нѣмецкіе даны 2 р. Халкицоцкій отехалъ и объ немъ писалъ до Скоропадского.

16. Обѣдали у пѣвчого Богуша. Пріехалъ Іванъ Жоравко съ женою. Вечеромъ поздравляли графа Розумовского тезоименитствомъ.

17. Рано такожде обоихъ графовъ Розумовскихъ поздравляли. Государиня съ протчими изволила обѣдать и ужину кушать въ собственномъ домѣ графскомъ. Баронъ Іванъ Антоновичъ Черкасовъ, тайній совѣтникъ, пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

18. Графа Кирила Григоріевича Розумовского поздравляли тезоименитствомъ его. Отехали изъ С.-Петербурха Марко Маркович, Петръ Горленко и значковый Полтавскій. Были зъ Гудовичемъ на сахарныхъ заводахъ. За пошитье двохъ паръ чоботъ, изъ коихъ одни даны Ялоцкому, заплочено 50 к. Привезено тѣло умершей принцесы Анны въ Невскій монастырь.

19. Пріехалъ въ С.-Петербурхъ судія Павелъ Скоруппа и привезъ разные писма.

20. Ездили въ Невскій монастырь видѣти тѣло принцесино. Поданъ меморіалъ графу о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ. Войтъ коропскій отехалъ.

21. Было погребеніе принцессы въ Невскомъ, где и всемилостивѣйшая государиня присутствовать изволила, потомъ обѣдать въ домѣ отца духовника надъ Фонтанкою. Рано были у барона Черкасова, поздравляючи его кавалеріею.

22. За двѣ ручки изъ дерева чорного, до чайника и до кофейника здѣланные, дано 1 р. 20 к. За два шматки гатласу алого 60 к.

23. Были у канцлера, у Черкасова, у к. Н. Юр. Трубецкого, потомъ въ дворцѣ, а вечерю имѣли у А. І. Головина. Писалъ до Гамаліи.

24. На Василіевскомъ острову былъ у профессора механика Брункера.

25. Ради сего Благовѣщенскаго праздника оффіцери конной гвардіи трактованы въ дворцѣ.

26. На ночь отехалъ въ монастырь Невскій.

27. Тамъ-же исповѣдалъся и причащалъся.

28. За роботу ночныхъ рубашокъ сину Василю и протчее 66 к.; за митье его-жъ рубашокъ и на другіе потребы 74 к. До г. Кондратовича отосланы 3 книжки латинскіе, да емужъ послана бутеля двойного и бутелка водки.

29. За ренкойсте (рукоять), изъ дерева чорного сдѣланное до тесака, дано 70 к., за конфору 7 к.

30. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія, кромѣ церкви, ни где не бывали.

31. Рано поздравляли канцлера к. Н. Юр. Трубецкого и П. І. Шувалова, потомъ въ дворцѣ великого князя и великой княгини

и у ручки были. По службѣ Божой у графа Розомовского. Объявленъ Семенъ Кочубей полковникомъ нѣжинскимъ.

Април.

1. Государиня изволила отехать въ Царское Село. Рано были съ поздравленіемъ у князя Трубецкого фелтмаршала, у графа Румянцова, у Бутурлина и у г. Чернишевой и у Ушакова; обозный генералный у Головина, а я у Носка обѣдали. Вечеромъ были у насъ полкозникъ Кочубей, капитанъ лейтнантъ Маркович и Левъ Сорока.

2. Были у камергера Корфа, у князя Михайла Андреевича Бѣлосельского, у барона Черкасова и преосвященного Арсенія переяславского.

3. Были у г. Головина, а потомъ и онъ у насъ, и секретарь Новоторжцовъ, и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ.

4. Обѣдали у полковника нѣжинского Кочубея, куда по обѣдѣ пріездилъ и Василъ Марковичъ, капитанъ поруччикъ.

5. Были въ монастырѣ Невскомъ, у Архіерея здешнего и у намѣстника тамошнего, отца Софронія.

6. Рано поздравляли Василія І. Демидова, да оберъ маршала Шепелева, потомъ были въ дворцѣ и у ручки государини. Федоровичъ съ Кочубеемъ въ дворцѣ ссорилъся. Гаврило Роздавідовскій умеръ.

7. Приведенъ къ присяги въ церквѣ Ісакія Далмацкого изъ сената полковникъ нѣжинскій Кочубей. Послѣ обѣда были съ Гудовичемъ у секретаря Бахирева и у войта нѣжинского Тарнавіота.

8. Рѣчи, говоренные по депутаціи нашей къ государинѣ и къ великому князю во время брака іхъ імператорскихъ высочествъ, вручены графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому, по требованію графскому. Обѣдали у Федора Івановича Коченевского.

9. Сину Василю на бачмаки дано 60 к., на помаду 10 к.

10. Вечеромъ были у Иліи Борисовича Ксиляндра.

11. За крашенину 18 к.

12 и 13 осор. NB.

14. Въ седмомъ часу по полуночи рѣка Нева прошла и для того первей разъ, потомъ въ другое и третое палено зъ пушокъ въ крѣпости. Рано былъ зъ Гудовичемъ у графа и подалъ ему прошеніе въ моемъ дѣлѣ.

15. Писалъ до Скоропадского, до Іосифа, до Піковця и до жены, да до Ивана Гамаліи въ Москву. Сина Васия вислалъ на Василіевскій островъ и ему-жъ дано на его нужды 30 к.

16. За поправу старого мундира портному дано 65 к., за шлифи 10 к.

17. —

18. Писаны писма въ Москву по почтѣ до Гамаліи, до Красінского и до поддячего Бѣляева, да до жены въ домъ. Заплачено за оные писма 26 к.

19. Синъ бывшого полковника нѣжинского Божича отехалъ и чрезъ него подъ числомъ 15 писанные писма отпущены. За таѳу красную до черкески 2 р. 78½ к. За шолкъ и табиновую матерію 27 к., за бархатъ 1 р. 20 к., щипцы желѣзные сину до убираня волосовъ 24 к., за кошеліокъ 1 р., за ленту черную и за проч. 17 к.

20. Были въ дворцѣ.

21. Поздравляли рано великую княгиню, которой 17 лѣтъ кончилось, и были у ручки. По обѣдѣ былъ балъ, а вечеромъ иллюмінація.

22. Погребали жену князя Костантина Дмитріевича Кантеміра, которая дочь была князя Димитрія Михайловича Голицина, въ Невскомъ монастырѣ.

23. За направу бачмаковъ и сапоговъ Василевыхъ сапожнику дано 25 к., портному Козмѣ 40 к., за мило и шнурокъ 6 к.

24. На перевозъ вчора, какъ ездилъ посѣщать болного Соколовского на Василевской островъ до дѣтей и сего дня, пошло 10 к.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи еи императорского величества поздравляли израна первей разныхъ господъ, потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, якое имѣлъ проосвященный Стефанъ Каліновскій, архіепископъ велико-новгородскій. Тамъже, при присутствію самой государини подъ балдахиномъ, съ великимъ княземъ и великою княгинею, изволившей кушать, и мы у стола государева кушали, а послѣ обѣда былъ балъ и въ вечеру иллюмінаціи противъ дворца, при корпусѣ кадецкомъ и около крѣпости, тако-жъ и по всѣмъ домамъ.

26. При пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изволила государиня и великій князь и великая княгиня переехать въ лѣтный дворецъ, и тамъ-же освященіе было новопостроенной

церкви во имя Пресвятыя Тройцы. За направу каѳана и проч. да за передѣлане черкески дано портному 50 коп.

27. Рано и на обѣдѣ были въ дворцѣ, а по полуднѣ въ комедіалномъ домѣ на оперѣ, которая чрезъ нѣсколько годинъ въ дѣйствіяхъ продолжалась.

28. На разные потребности пошло 23 к., за платокъ бумажный синій 30 к., изъ сего числа противъ

29. Капитанъ гвардіи измайловского полку, князь Сергій Ивановичъ Борятинской надъ чаяніе умре.

30. Куплена для сина епанча красная, за которую дано 7 р. 50 к., за направу чолокъ и на проч. 23 в.

Маій.

1. За матерію подъ туюепанчу паплінъ и за шолкъ и гарусъ дано 2 р. 86²/₄ к.

2. Для отобраня за три мисяци кормовыхъ денегъ 300 р. ездилъ въ крѣпость Василь Гудовичъ и отобралъ оные деньги. Ивану Рудому куплены штаны, двѣ рубашки и поясъ жолтый, дано за все 95 к.

3. Звалъ насъ къ себѣ на сватбу переводчикъ иностранной коллегіи, Иванъ Андріевичъ Данилевскій.

4. Оный Данилевскій вѣнчался въ церквѣ Исаакія Далмацкого, потомъ мы были у него на сватбѣ съ Павломъ Скоруппою. Розышлось 15 к.

5, 6 и 7 числъ розышлось сину Василю на чолки шолковые 2 р. 50 к., а на другіе его-жъ разные потребности 1 р. 51²/₄ к., да на мои разные потребы 1 р. 68 к.

8. Государиня изволила отехать въ Царское Село для освященія церкви.

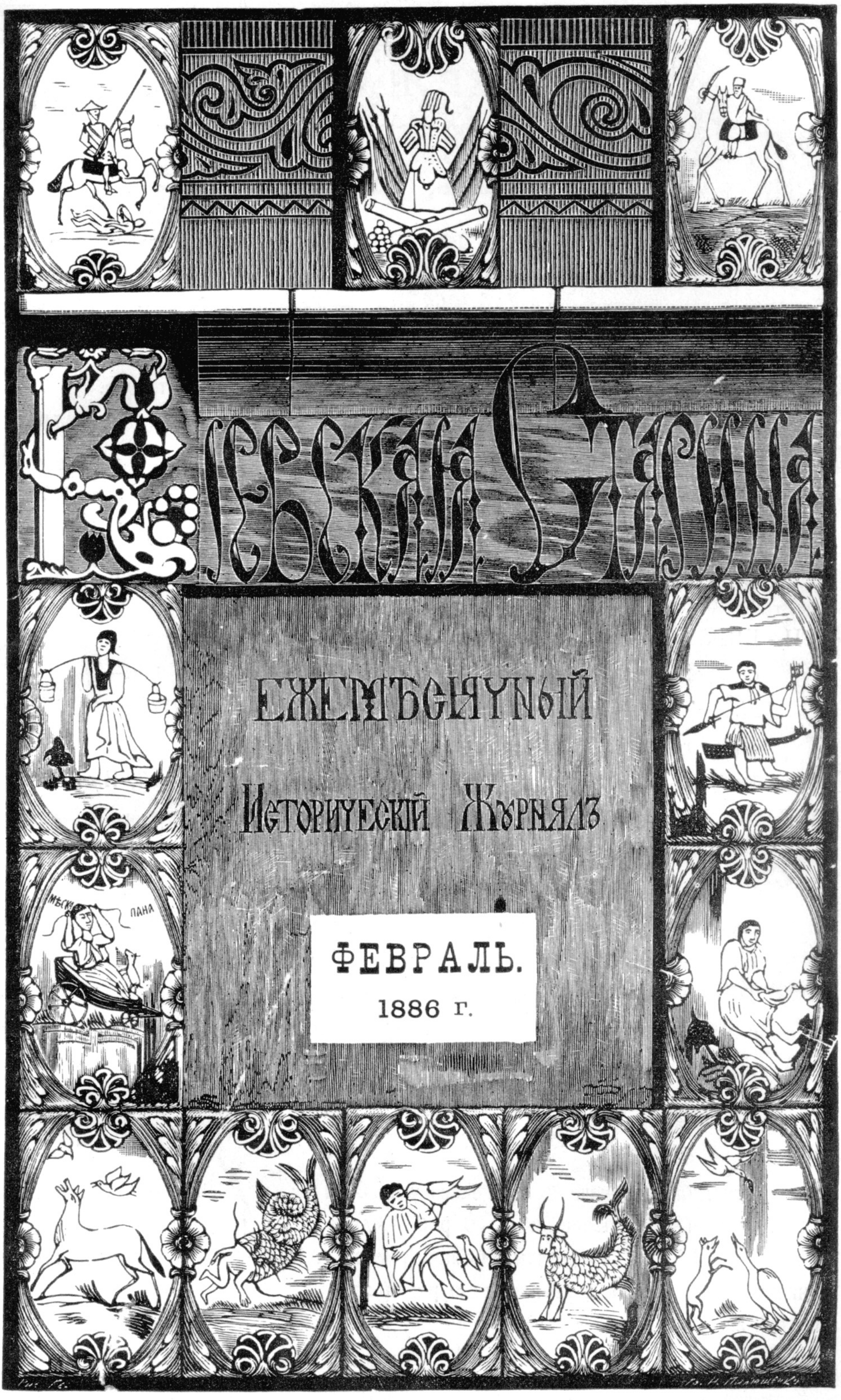
9. Великій князь ездилъ въ Катеринъ-Гофъ.

10. Сину Василю на перчатки дано 10 к.

11. Были у Александра Ивановича Головина. За чолки для мене 15 к.

12. За направу моихъ перчатокъ 30 к.

13. Писаны писма 1-е въ Москву до Ивана Гамаліи, 2-е до архимадрита донского отца Кирила, да въ Глуховъ до Скоропадского, до Іосифа и до жены.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

Февраль.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко аренд. Л. Штамомъ Мало-Житом ул., д. 4

СОДЕРЖАНІЕ.

Февраль, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го января 1886 года.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ

ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Вступленіе: Южная Русь и турецкіе народы. Наср-Эддинъ-Ходжа, шутъ Тамерлана; распространеніе анекдотовъ о немъ.

I. Промежь дождь. II. Подарокъ кстати. III. Сира кобыла. IV. Горячее кушанье. V. Воръ-философъ. VI. Кто перемолчитъ? VII. Умѣстная остановка. VIII. Идеальная ѣда. IX. Обѣты. X. Судьба и погода. XI. Говорящій мертвецъ. XII. Выздоровѣлъ, но умеръ. XIII. Посылка на тотъ свѣтъ. Мужики и паны въ аду. XIV. Конское яйцо. Примѣчаніе: Уплата звукомъ за запахъ. XV. Обманъ жида. Цыганъ и св. Юрій. XVI. Вѣра на масляницѣ и въ постъ. XVII. Приманка утопленнику. XVIII. Проповѣдь съ вопросами. XIX. Оселъ-муэдзинъ. XX. Литургическій вопросъ. XXI. Рай для бѣдняка, адъ для грѣшника.

Заключеніе: Относительное обиліе турецкихъ анекдотовъ на Украйнѣ. Необходимость изученія народной словесности крымскихъ татаръ.

Едва-ли не половина страницъ южно-русской исторіи наполнена такими или иными отношеніями къ народамъ турецкаго племени,—начиная отъ старинныхъ хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, торковъ и т. п., до нынѣшнихъ константинопольскихъ турокъ. Наши предки, въ теченіе тысячелѣтія (если начать счетъ только со временъ появленія у насъ письменности), то воевали съ народами турецкаго племени, то дружили съ ними: женились, перемѣшивались въ колонизаціи, мѣнялись національностями и т. п. Вслѣдствіе этого и культурно-бытовое взаимодѣйствіе между нашимъ народомъ и тюрками должно было быть не малое. Но что мы знаемъ объ этомъ взаимодѣйствіи? Гдѣ не только уяснительныя работы объ этомъ взаимодѣйствіи, но даже приступы къ нимъ, собранія матеріаловъ, кромѣ нѣкоторыхъ соображеній о турецкихъ словахъ въ нашемъ языкѣ?

Предоставляя другимъ изслѣдованіе сказаннаго взаимодѣйствія въ языкѣ, одеждѣ, утвари, кухнѣ и т. под. проявленіяхъ быта, мы обратимъ вниманіе на народную словесность и въ ней въ частности на анекдоты болѣе или менѣе юмористическаго свойства.

Между этими анекдотами, которыми изобилуетъ украинская народная словесность, есть не мало такихъ, въ которыхъ почти всегда дѣйствуютъ иноплеменники, чаще всего цыганъ, иногда жидъ,—въ роляхъ, не всегда гармонирующихъ одна съ другой: то дураковъ, то очень тонкихъ и хитрыхъ людей. Иногда анекдоты эти не совсѣмъ ясны, какъ будто не додѣланы. Послѣднее обстоятельство есть почти всегда признакъ, что извѣстное произведеніе народной словесности возникло не въ мѣстной средѣ, а зашло со стороны и усвоено по наслышкѣ и не совсѣмъ отчетливо. И дѣйствительно, не малая часть вышеупомянутыхъ украинскихъ анекдотовъ оказывается заимствованными отъ турокъ, у которыхъ подобные анекдоты привязываются къ личности Наср-Эддина Ходжи, шута Тамерлана [1]). Нѣтъ надобности говорить, что *многіе изъ этихъ анекдотовъ древнѣе Тамерлана*, *а другіе новѣе*.

Кромѣ множества устныхъ разсказовъ, среди турокъ ходятъ рукописные, а въ новѣйшее время даже печатные сборники этихъ анекдотовъ. Уже Кантемиръ познакомилъ европейскій литературный міръ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ своей *Исторіи Османскаго Царства* (франц. перев. въ Парижѣ, 1743 г., т. I, стр. 164—168, нѣмец. въ Гамбургѣ въ 1745 г., стр. 76 и слѣд.), откуда часть ихъ перешла въ *Histoire de l'Empire ottoman de la Croix* и въ исторію придворныхъ шутовъ *(Geschichte der Hofnarren)* Флёгеля. Въ 1854 г. въ Смирнѣ вышла книжка анекдотовъ о Наср-Эддинѣ по турецки и по французски, въ изданіи *Nasif Mallouf*. Въ 1857 г. въ Тріестѣ явился нѣмецкій переводъ одного турецкаго сборника подобныхъ разсказовъ (Meister Nasr-Eddin's Schwänke und Räuber und Richter. Aus d. turk. Urtext überzetzt v. W. v. Camerloher und D-r W. Prelog. In Commission bei A. V. Geisla in Bremen). Этотъ сборникъ далъ основаніе

---

[1]) Такимъ онъ считается обыкновенно, и въ анекдотахъ часто называется имя Тамерлана († 1405 г.),—но другія преданія дѣлаютъ его шутомъ также Ала-Эддина († 1397 г.), какъ и Баязета I (побѣжденъ въ 1402 г. Тамерланомъ). Восточные источники указываютъ и могилу Наср-Эддина въ Ак-Шеирѣ (въ Караманіи, въ Малой Азіи),—древняя *Antiochia ad Pisidiam*.

для интересной статьи Р. Кöлера въ «Orient und Occident Т. Бенфея (I, 431—448. Добавка тамъ-же, 764—765). Но больше всего могутъ дать теперь европейцамъ понятіе о Наср-Эддинѣ два перевода г. Декурдеманша (Decourdemanche—*Les Plaisanteries de Nasr-Eddin Hodja;* Paris, Leroix 1876, 108 р. и *Sottisier des Nasr-Eddin Hodja,* bouffon, de Tamerlan, siivi d'autres faceties turques, traduits sur les manuscrits inédits. Bruxelles, Gay et Doucé, 1878 г., XII, 314). Эти-то два перевода послужили намъ главнымъ основаніемъ настоящей статьи.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, анекдоты, прицѣпившіеся къ личности Наср-Эддина Ходжи, имѣютъ различный характеръ. Въ качествѣ Ходжи (ученаго богослова и юриста), герой ихъ выступаетъ то важнымъ педантомъ, формалистомъ, то казуистомъ и насмѣшникомъ надъ самими, близко ему вѣдомыми, священными предметами, и при этомъ онъ является то ловкимъ и хитрымъ плутомъ, то тяжелымъ на соображеніе тупицею, который попадаетъ въ просакъ въ своихъ опытахъ умничать. Преданіе не останавливается на этомъ и дѣлаетъ иногда изъ тяжеловѣснаго педанта—дурака, то наивнаго, что называется, набитаго, то за тѣмъ злого, но иногда совсѣмъ не глупаго проказника, подъ маской дурака. Благодаря такому множеству разсказовъ, какъ мѣстнаго національнаго происхожденія, такъ и заимствованныхъ отъ народовъ болѣе старой культуры (евреевъ и индійцевъ), малоазійскій Ходжа сталъ популярнѣйшей фигурой во всей турецкой Азіи, Африкѣ и Европѣ, и затѣмъ анекдоты о немъ стали переходить и къ народамъ, которые близко соприкасаются съ турками: къ армянамъ, грузинамъ, болгарамъ (у которыхъ Наср-Эддинъ часто является подъ именемъ Хитраго Петра), къ сербамъ и румынамъ [1]).

---

[1]) Бебуръ Б*. Грузинскія народныя сказки. Спб. 1884. 17; Syrku, Ein, Beitrag zur bulgarischen Märchenliteratur, Archiv für die Slavische Philologie, VI, 130—133; D-r M. Gaster, Literatura populara romana Bucuresci, 1883, 164—169, 171. Сербскіе сборники В. Врчевича мы будемъ имѣть случай цитировать далѣе не разъ. Далматинская книжка Nasradin k staroj matici povraćen i Nasradinić (U Zadru. 1877, 3 izd.) мало имѣетъ общаго съ турецкимъ Насредипомъ. Это вовѣйшій сводъ сказокъ о дуракѣ, перемѣшанныхъ съ выдержками изъ стиха о Маркольфѣ-Морольфѣ, который впрочемъ самъ въ своихъ нѣмецкихъ редакціяхъ принялъ на себя нѣсколько чертъ Наср-Эддина.

Но кромѣ этихъ народовъ разсказы о Наср-Эддинѣ, хотя конечно и безъ имени его, давно уже перешли и въ страны болѣе отдаленныя отъ Турціи, напр. не только въ Италію, гдѣ, если даже не считать нѣсколько новеллъ Боккачіо (VI день, 4-я нов., III д. 10 нов.), уже въ XV в. не мало этихъ разсказовъ принято было въ знаменитый сборникъ *фацецій* Поджжіо (Poggio Bracciolоni), но и въ Германіи, гдѣ нѣкоторыя шутки турецкаго Ходжи приписываются его болѣе грубому подобію Уленшпигелю (Ulenspiegel, или Eulenspiegel), а также нѣкоторымъ мѣстнымъ придворнымъ шутамъ [1]).

Весьма большое количество анекдотовъ о Наср-Эддинѣ находимъ мы и въ украинскихъ устныхъ разсказахъ, и этимъ анекдотамъ мы посвящаемъ настоящую статью, которая, по самому существу своему, должна явиться нѣсколько отрывочною, а въ тоже время вовсе безъ претензій исчерпать матеріалъ.

Начнемъ съ отголосковъ анекдотовъ о приключеніяхъ Наср-Эддина при дворѣ Тамерлана.

I.

«Разъ Ходжа идетъ къ Бею. Этотъ отправляется на охоту и взялъ съ собою Ходжу, но велѣлъ посадить его на клячу. Начался ливень: каждый поскакалъ галопомъ на своей лошади. Ходжа хотѣлъ сдѣлать тоже, но конь его не пошелъ, и онъ остался на мѣстѣ. Не медля дольше, онъ раздѣвается, прячетъ платье подъ животъ коня и остается верхомъ. Когда дождь кончился, онъ одѣвается и пріѣзжаетъ къ Бею.—Это сильный конь, говоритъ Ходжа, онъ бѣжалъ такъ скоро, что я не имѣлъ времени измокнуть [2]).—По этому показанію Бей велитъ помѣстить коня на первомъ мѣстѣ въ своей конюшнѣ. Другой разъ отправляясь на охоту, Бей беретъ этого

---

[1]) Исторія съ позволеніемъ бить мухъ всюду, которымъ шутъ пользуется, чтобъ ударить по головѣ самаго судью (Sottisier, CCXXII), попала и въ русскіе анекдоты о Балакиревѣ, шутѣ Петра Великаго. Ближе къ турецкому итальянскіе варіанты (см. G. Pitrè, Fiabe, novelle e raconti popolari siciliani. Palermo, 1875 III, 356, 371—372). Этотъ анекдотъ можетъ быть возведенъ къ индійскому разсказу (Benfey, Pantschatantra, I, 292; II, 154, 539), отъ параллельнаго которому пошла въ послѣднемъ счетѣ и Крыловская басня „Пустынникъ и Медвѣдь“.

[2]) Вар. Sottisier:—Я доскакалъ до одной деревни, и пересидѣлъ. LXV, 56—57.

знаменитаго скакуна и даетъ другого Ходжѣ. Вновь случился дождь; всякій побѣжалъ укрыться, а Бей, оставшись на мѣстѣ, измокъ страшно. Разсерженный отвѣтомъ, прежде даннымъ Ходжею, онъ зоветъ его на другой день.

— Что это? ты считаешь себя за равнаго мнѣ, что лгалъ, когда ты вымокъ?

— Чего ты сердишься? развѣ ты не знаешь обычаевъ? Если-бы ты раздѣлся, какъ я, и оставался на конѣ, ты также-бы пріѣхалъ въ сухомъ платьѣ» [1]) (Plais LXXII, 63—64).

Въ Галичинѣ разсказываютъ этотъ анекдотъ о цыганѣ, только нѣсколько отрывочно, такъ, что онъ можетъ быть вполнѣ ясенъ только при сравненіи съ турецкимъ.

«То якъ вдаривъ дошчъ, то цыганъ здоймивъ зъ себе сорочку й штаны, звывъ туго въ клубокъ и сивъ на тимъ и прочекавъ, ажъ ставъ дошчъ (такимъ чиномъ одижъ его була сухисинька). Тогди цыганъ зновъ убрався и йде дали. Але здыбае его мужикъ. — Що ты, каже, цыгане, сухисинькій, аже то льявъ власне дошчъ? — Э, повидае цыганъ; дошчъ соби йшовъ, а я все помежи дошчъ, помежи дошчъ, тай не замочивемся» (Сообщилъ М. П—къ изъ Коссова) [2]).

II.

Одно время Наср-Эддинъ долго не ходилъ къ Бею.

Однажды Ходжа кладетъ три сливы на большое деревяное блюдо и несетъ въ подарокъ Бею. По дорогѣ сливы бѣгали одна

---

[1]) Вар.—Чего ты сердишься? Надо было подложить платье подъ себя..., а потомъ одѣть.

[2]) Замѣтимъ, что въ румынскихъ разсказахъ цыганъ очень часто играетъ роль остроумца, соотвѣтствующаго турецкому Наср-Эддину, или нѣмецкому Уленшпигелю (M. Gaster, Literatura populara romana, 169). Къ сожалѣнію, мы не могли воспользоваться, при составленіи этой статьи, ни сборникомъ румынскихъ юмористическихъ исторій (Ispirescu, Snove sau Povesti populare. Buc. 1879), въ которыхъ часто выводится цыганъ, ни разсказами самихъ цыганъ, собранными въ Румыніи (Costinescu, Probe de limba si literatura Tsiganilor din Romania. B. 1878). Добыть румынскую книжку дѣло не такъ простое, какъ можетъ показаться съ перваго разу. Быть можетъ, другіе будутъ счастливѣе; мы же замѣтимъ, что, въ виду соприкосновенія украинцевъ и румыновъ, народная словесность послѣднихъ должна-бы обратить на себя бо́льшее вниманіе нашихъ этнографовъ.

за другою.—Не играйтесь такъ, кричитъ Ходжа, или я васъ поѣмъ! —Затѣмъ Ходжа съѣлъ двѣ сливы, несетъ одну Бею и даетъ ему. Тотъ очень доволенъ подарку и даетъ Ходжѣ горсть астровъ (мелкая монета). Немного спустя, Ходжа беретъ бураковъ, чтобъ поднести опять подарокъ Бею. По дорогѣ кто-то спрашиваетъ его: кому ты это несешь?—Бею.—Если-бы ты поднесъ ему фигъ, это было-бы ему, конечно, пріятнѣе.

Ходжа возвращается домой, беретъ фиги и несстъ Бею.

Этотъ былъ очень занятъ и бросилъ фиги на голову Ходжѣ.

Послѣдній всякій разъ благодарилъ, когда фига ему попадала на лицо.

Зачѣмъ-же благодаришь меня такъ? сказалъ Бей.—Я хотѣлъ тебѣ принесть бураки; а по дорогѣ человѣкъ далъ мнѣ добрый совѣтъ, за который я благодарю Бога, ибо если-бъ я исполнилъ свое первое намѣреніе, то у меня-бы теперь голова была раскроена (Plais. LXXI, 62—63) [1]).

Г. Л—ій изъ радомысльскаго уѣзда, кіевской губерніи, сообщилъ намъ, что онъ слыхалъ тамъ разсказъ такого рода: у одного мужика уродили очень рано огурцы. Мужикъ положилъ нѣсколько огурцовъ на тарелку и понесъ пану. Панъ далъ ему денегъ. Чрезъ нѣсколько времени, когда уже огурцы были не рѣдкость, другой мужикъ думаетъ заработать большую сумму, отвезши пану возъ огурцовъ, а жена совѣтуетъ ему взять еще и нѣсколько гарбузовъ, но мужикъ не послушался. Разсерженный навязчивою несообразительностью мужика, панъ велитъ выгнать его за дворъ, обкидывая его собственными огурцами.—Ну, спасибо Богу, что я не послушался жены и не взялъ гарбузовъ, а то и головы цѣлой не принесъ-бы домой,—говоритъ мужикъ.

---

[1]) Въ Sottisier (LXI) другой варіантъ: въ немъ первый подарокъ пропущенъ, а дѣло начинается съ того, чво Ходжа хочетъ поднести Бею айву, но кто-то совѣтуетъ взять фиги, которыя еще были не зрѣлы. Бей пробуетъ ихъ,— и сердится. У Кантемира Наср-Эддинъ долженъ былъ поднести Тамерлану фрукты, какъ депутатъ одного города. Онъ хотѣлъ нести айву, но жена посовѣтовала фиги (Or. uud Occident. I, 448). Это, какъ увидимъ, не самая старая редакція, но осмысленная политическимъ мотивомъ; жена является здѣсь предусмотрительнѣе мужа, въ противность редакціямъ еврейской и украинской.

Основа этого анекдота гораздо старѣе эпохи Тамерлана. Если даже не считать анекдота о Тиберіи на о. Капри и рыбакѣ, разсказаннаго у Светонія, какъ извѣстно, писателя II в. по Р. Хр. [1]), то древнѣйшею записанною формою этого анекдота слѣдуетъ признать расказъ въ Талмудѣ объ императорѣ Гадріанѣ. Мы приведемъ его здѣсь вполнѣ, такъ какъ сравненіе его съ другими, позднѣйшими, какъ турецкими, такъ и европейскими, можетъ навести на любопытныя соображенія о процессѣ распространенія и дифференцированія народныхъ разсказовъ.

«Проходилъ Гадріанъ съ своими воинственными легіонами около полей Тиберіадскихъ и бросая взглядъ по сторонамъ, увидѣлъ старика, погруженнаго въ работу около молоденькаго фиговаго деревца.

— Бѣдняжка, сказалъ онъ,—когда бъ ты былъ молодъ, ты бъ трудился, чтобъ имѣть что нибудь подъ старость, а теперь когда ты сможешь вкусить плода отъ твоей работы?

— Государь, отвѣчалъ старикъ, я работалъ молодымъ, работаю также и старикомъ; а Божья воля да будетъ надо мною.

— Но сколько тебѣ лѣтъ?

— Сто лѣтъ, государь.

— Сто лѣтъ! И у тебя достаетъ духу мучиться надъ этой новой посадкой, какъ будто ты еще можешь вкусить ея плодовъ?!

— Если Богъ будетъ ко мнѣ милостивъ, я самъ попробую ихъ; а во всякомъ случаѣ, что бы ни случилось,—*отцы мои работали для меня и я работаю для сыновъ моихъ.*

— Право, если ты доживешь до этой пробы, ты меня извѣсти о томъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; старикъ все живъ, а деревцо дало фиги. Добрый человѣкъ подумалъ себѣ: теперь пора извѣстить императора. Беретъ онъ корзину, наполняетъ фигами и идетъ къ цар-

---

[1]) Vitae XII Caesarum. Tiberius, LX: „Черезъ нѣсколько дней послѣ его прибытія на Капрею, когда одинъ рыбакъ поднесъ, въ минуту уединенія, большую рыбу (mullum), Тиберій велѣлъ натереть рыбаку лицо этой же рыбой,—перепугавшись, что человѣкъ могъ добраться до него по скаламъ и обрывамъ. А когда наказываемый рыбакъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что онъ не взялъ съ собою и большого морского рака (locustam), котораго онъ тоже поймалъ, Тиберій велѣлъ ободрать ему лицо и ракомъ“.

скому дворцу. Привели его къ императору, который спрашиваетъ его, кто онъ такой и чего хочетъ?

— Я старикъ, котораго ты встрѣтилъ давича, когда я работалъ надъ молодымъ фиговымъ деревцемъ. Ты приказалъ мнѣ извѣстить тебя, если мнѣ доведется ѣсть плоды его. Я ѣлъ ихъ,—и вотъ еще полная корзинка.

Адріанъ сказалъ: подайте этому старику почетное кресло!

Потомъ еще сказалъ: возьмите его корзину и наполните деньгами.

Удивленные придворные говорили: государь! такія почести для стараго еврея!

И отвѣтилъ Адріанъ: Не я ему дѣлаю честь, онъ самъ себѣ ее сдѣлалъ.

Сосѣдка этого бѣднаго старика была женщина завистливая. Когда она провѣдала объ этомъ случаѣ, то не обдумавъ его хорошенько, сказала мужу: ты чтожъ стоишь? Слышалъ ты объ этомъ старикашкѣ? Корзинку червонцевъ получилъ за корзинку фигъ! Скорѣй,—собирай фиги и неси и ты къ императору!

Глупый мужъ слушается жены и является ко двору.

— Я слышалъ, что императоръ очень любитъ фиги,—вотъ корзинка хорошихъ!

Придворные расхохотались,—а царь приказалъ вытолкать его за дверь и кинуть ему одну фигу за другою въ лицо. Несчастный приходитъ домой весь выпачканный и побитый и говоритъ женѣ:

— Ну, славный же ты мнѣ совѣтъ дала, славную мнѣ почесть тамъ отдали! Все черезъ тебя!

— Дурень, отвѣчала жена съ презрѣніемъ, ты долженъ считать себя счастливымъ! Еслибъ фиги не были совсѣмъ зрѣлы или еслибъ ты понесъ гранаты, тебѣ-бъ досталось еще больше!

И стали они драться между собою» [1]).

Нечего распространяться о томъ, на сколько еврейскій варіантъ выше по редакціи турецкаго и тѣмъ болѣе украинскаго [2]).

---

[1]) G. Levi, Parabole, leggende e pensieri raccolti dai libri talmudici, dei prime cinque secoli dell'e. v. Firenze, 1861, 213—215; изъ Medras Rabá.

[2]) Читатели, конечно, замѣтили родство между первой половиной вышеприведеннаго талмудическаго разсказа и басней Ла-Фонтена *Le vieillard et les trois jeunes Hommes*, существующей и въ новѣйшихъ русскихъ передѣлкахъ

Р. Кёллеръ приводитъ сокращеніе другаго варіанта изъ книги Sagen der Hebräer (Aus dem englischen des Heiman Horwitz, Leipz. 1826, 69), въ которомъ философское утѣшеніе говоритъ самъ пострадавшій еврей, утѣшающій себя тѣмъ, что взялъ фиги, а не персики. Это ближе къ турецкому и украинскому.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ еврейскихъ варіантовъ съ турецкими и украинскими ясно видна ихъ общая родословная связь, а также и то, что анекдотъ этотъ уже давно ходилъ по Востоку, по крайней мѣрѣ по передней Азіи. Отсюда распространились его отголоски и въ Европу и, конечно, постепенно отдалились отъ своего оригинала. Украинскій варіантъ впрочемъ довольно близокъ къ турецкому, конечно, съ перемѣною фруктовъ, по мѣстнымъ условіямъ. По мотиву своему, впрочемъ, съ разницею фруктовъ, украинскій разсказъ похожъ на старинный итальянскій, помѣщенный въ сборникѣ XIII в., извѣстномъ подъ именемъ *Novellino* или *Cento novelle antiche*, гдѣ онъ находится подъ № LXXIII, или подъ № LXIV *(Qui conta una novella d'uno fedele e d'uno signore)*. Здѣсь тоже представлены мужикъ (fedele - vassalo), — впрочемъ одинъ, а не два, и фиги раннія и позднія; нѣтъ только жены,—и кромѣ того исторія кончается добродушнѣе; услышавъ философское замѣчаніе неудачника—вассала, синьоръ даетъ ему новое платье [1]).

(Старикъ и трое молодыхъ). Ла-Фонтенъ заимствовалъ сюжетъ своей басни у итальянца Астеміо (Abstemius), котораго своды басенъ вышли въ первый разъ въ 1495 и 1499 г. Нечего распространяться о томъ, на сколько талмудическій оригиналъ превосходитъ свои европейскіе отголоски. Мы укажемъ только на характерную передачу въ первомъ еврейской религіозной идеи — о трудѣ *для рода,* а не для индивидуума, идеи, передъ которой басня заставляетъ преклониться и высокопоставленнаго иноплеменника. Эта идея почти исчезла у европейскихъ баснописцевъ, замѣнившись не очень удачно выраженною идеей о суетности молодой дерзости. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ напомнить почти общее правило превосходства старѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ восточныхъ редакцій басенъ и сказокъ надъ позднѣйшими ихъ европейскими отголосками. Любопытно, что и мораль этихъ послѣднихъ часто бываетъ гораздо болѣе *консервативна,* чѣмъ мораль восточныхъ.

[1]) Подобный-же анекдотъ, по показанію С. Марино, и теперь разсказывается въ Сициліи (D'Ancona. Le fonti del Novellino. Romania. 1874, 180). Другой варіантъ у новеллиста XIV в. Саккетти (de Novelle, CLII) о подаркѣ ученаго осла и проч. очень удалился отъ первоначальной темы. Эта тема есть и въ fableaux (Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosa-Dichtungen, Berlin, 1861, 257).

Варіанты великорусскіе очень далеки отъ вышеприведенныхъ: одинъ, записанный еще Коллинсомъ, англійскимъ медикомъ, бывшимъ на службѣ въ Московіи въ XVII в., привязался къ личности Ивана Грознаго:

«Когда Иванъ уѣхалъ осматривать свое государство, многіе простолюдины и дворяне подносили ему дары. Одинъ честный лапотникъ, который плелъ лапотки и продавалъ по копѣйкѣ пару, не зналъ, что поднести царю, и просилъ у жены совѣта. «Поднеси пару хорошихъ лапотокъ», сказала она. «Это не рѣдкость!» отвѣчалъ онъ, «а есть у насъ въ саду огромная рѣпа. Мы поднесемъ ему эту рѣпу, а вмѣстѣ и пару лаптей.» Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Императоръ очень милостиво принялъ подарокъ и, износивъ самъ одну пару лаптей, заставилъ всѣхъ дворянъ покупать у крестьянина лапти по пяти шиллинговъ пару. Это составило крестьянину состояніе, онъ началъ торговать и скоро такъ разбогатѣлъ, что оставилъ послѣ себя значительное имѣніе. Потомки его получили дворянское достоинство и называются теперь Лапотскими. Есть одно дерево, подлѣ котораго стоялъ прежде домъ его и на которое проходящіе бросаютъ свои старые лапти, въ память этого лапотника; это обыкновеніе до сихъ поръ еще ведется.—Одинъ дворянинъ, видя, что такая награда получена была за лапоть, хотѣлъ также получить награду, и еще значительнѣе, за хорошаго коня. Но царь, угадавъ его намѣреніе, подарилъ ему въ замѣнъ ту большую рѣпу, которую получилъ прежде, и такимъ образомъ заставилъ всѣхъ надъ нимъ смѣяться» [1]).

Другой помѣщенъ у Аѳанасьева. Здѣсь баринъ покупаетъ на базарѣ канарейку за 500 рублей, а жена мужика, видѣвшаго это, посылаетъ мужа къ барину продавать гуся за 100 рублей; баринъ прибиваетъ мужика и отнимаетъ гуся даромъ; впослѣдствіи мужикъ жестоко отомстилъ барину [2]).

---

[1]) Веселовскій, Сказки объ Иванѣ Грозномъ, Древняя и Новая Россія, 1876 г., № 4, стр. 313—314.

[2]) Аѳанасьевъ, Русск. нар. сказки, 2-е изд., М. 1873 г., III, стр. 522—524. Въ статьѣ г. Веселовскаго смѣшанъ этотъ разсказъ съ другимъ, который есть тоже у Насръ-Эддина, въ итальянскихъ новеллахъ и въ великорусскихъ сказкахъ. Мы коснемся его, такъ какъ въ турецкомъ варіантѣ его идетъ дѣло объ огурцахъ. Этотъ варіантъ разсказанъ у Кантеміра: Насръ-Эддинъ везетъ Бею возъ

Читатель, надѣемся, не посѣтуетъ на насъ, если мы приведемъ здѣсь еще одинъ итальянскій варіантъ, устный, который слышалъ въ дѣтствѣ въ тоскомской *Мареммѣ* новѣйшій издатель «Le cento novelle antiche,» г. Каппеллетти:

При папѣ Бенедиктѣ XIV (1740—1758) четверо помѣщиковъ изъ городка *Capoliveri*, на островѣ Эльбѣ, были по дѣламъ въ г. Луккѣ. Зашедши въ церковь, они услышали, что дьяконъ возглашаетъ евангеліе отъ Луки: *Sequentia sancti Evangelii secundum Luccam*, и поняли, что въ Луккѣ читается евангеліе приспособленное для Лукки *(secundum Luccam)*. Возвратившись домой, они потребовали, чтобъ и имъ читали евангеліе *secundum Capoliverim*, а когда ихъ священникъ не согласился, рѣшились отправиться къ папѣ просить и своему городу привилегіи, данной Луккѣ. Передъ отъѣздомъ разсуждали о томъ, какой мѣстный продуктъ взять съ собою на подарокъ папѣ. Одни предлагали фиги, другіе—шишки пины (видъ сосны, пихты, съ съѣдобными зернами). Взяли фиги,—и потомъ благодарили Бога, что не взяли шишекъ [1]).

Варіантъ этотъ, кромѣ общаго интереса, какъ примѣръ того, какъ старыя странствующія повѣсти привязываются даже къ новымъ лицамъ, для насъ интересенъ еще и потому, что начало его чрезвычайно похоже на украинскій анекдотъ, напечатанный, въ двухъ варіантахъ, въ книгѣ «Малор. нар. преданія и разсказы» г. Драгоманова: «Справили *руськи* обществомъ вангелю та пійшли въ церкву; отъ пипъ и чита: «отъ Матвія святаго евангелія чтеніе.»—Што ты, батька, отъ Матвея-то читаешь?! Ты читай отъ обчества» [2]). Въ

огурцовъ, но привратникъ соглашается пропустить его не иначе, какъ выговоривъ себѣ половину того, что Ходжа получитъ отъ бея. Бей велитъ дать Ходжѣ 500 палокъ и проч. Подобное въ англійскомъ стихотвореніи XIV в. (Dunlop, Geschichte der Prosa-Dichtungen, 257), у Саккетти (нов. CXCV) и другихъ итальянскихъ разсказахъ, а также во Франціи и Германіи (см. у Imbriani, La Novellaja Fiorentina, Livorno, 1877, 581—586), въ сербскомъ народномъ разсказѣ (Krauss, Sagen und Märchen der Südslaven, L. 1883, I, 246), а также въ великорусскихъ (у Аѳанасьева, III, 489—490 и IV, 542—544, 544—545). На Украйнѣ подобный разсказъ не замѣченъ. Еще одинъ великорусскій разсказъ, очень не благовонный (Κρυπτάδια, recueil de documents pour servir à l'étude des traditions populaires. Heilbronn, 1883, I, № XXI) можетъ быть отнесенъ къ родственникамъ разобраннаго выше въ текстѣ.

[1]) L. Cappelletti. Le Cento novelle antiche. Firenze, 1884, 13—14.

[2]) Op. cit., 195.

данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, конечно, скорѣе съ совпаденіемъ, чѣмъ съ переходомъ разсказа.

III.

Во многихъ украинскихъ разсказахъ турецкія темы передѣланы гораздо больше, чѣмъ въ двухъ предъидущихъ случаяхъ, но однакожъ не на столько, чтобъ, при сравненіи, нельзя было узнать ихъ первообраза. Вотъ напр. разсказъ, въ которомъ легко узнать основу изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ украинскаго разсказа «*Сӥра кобыла.*»

«Однажды Ходжа отправился рубить дрова въ горы, въ мѣстѣ очень обрывистомъ. Онъ намѣтилъ дерево и сказалъ про себя:

— Еслибъ я могъ срубить это дерево, мнѣ-бы не нужно было рубить другихъ. — Онъ начинаетъ тотчасъ рубить дерево, къ которому привязалъ своего осла, и спускаетъ его прямо (съ обрыва). Оселъ падаетъ и разбивается на куски. Когда Ходжа увидѣлъ это, онъ печалится, возвращается въ село и приходитъ домой. Хозяйка не видитъ осла.—Что съ нимъ сталось?—Увы, жена моя, говоритъ Ходжа, я видѣлъ, какъ онъ прямо шелъ къ своей звѣздѣ, а потомъ, что съ нимъ сталось, не видѣлъ уже.» (Settisier, CI. 102-103).

Замѣтимъ, что тутъ Наср-Эддинъ является не такъ уже несообразно глупымъ, какъ мужикъ украинской повѣсти, и что исторія Наср-Эддина разыгривается въ сторонѣ горной, гдѣ ословъ вьючатъ, а не на равнинѣ, гдѣ, какъ у насъ, тяжести возятъ на возахъ.

Разсказъ «Сӥра кобыла» есть уже литературная переработка народнаго анекдота, который, къ сожалѣнію, не записанъ точно,— но у Аѳанасьева есть родственный ему анекдотъ, который еще ближе къ турецкому, хотя по этому именно еще болѣе не соотвѣтствуетъ мѣстнымъ географическимъ и бытовымъ условіямъ и не совсѣмъ даже ясенъ безъ сравненія съ турецкимъ.

«Накинувъ Грицко коня арканомъ, да й тягне на гору, а кинь тягне пидъ гору; арканъ хоть и дуже крипкый бувъ, да порвавсь, а кинь сторчъ головою покотивсь. Баче Грицько, шо кинь перевертнемъ чеше, да й каже: «оце бисова скотина яка сильна! Бачъ,

новый арканъ, якъ перегоривъ!—А Микита й пыта въ Грицька: яка жъ скотина? чи та, що перевернулась, чи та, що стоить?» [1])

IV.

Также слегка измѣненъ сюжетъ и въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ, которые находимъ въ «Малорусскихъ сказкахъ» Чубинскаго.

Первый озаглавленъ «*Батько и сынъ*» и разсказываетъ такое:

Батько и сынъ сѝли обидати. Поставили на стилъ миску зъ борщемъ, а борщъ гарячій—гарячій, саломъ затовченый. Отъ сынъ ухопивъ у ротъ ложкою борщу, та такъ опикся, що ажъ слёзы зъ очей закапали. Батько глянувъ та й пытае ёго:—«Чого се ты, сыну, плачешъ?»—Того, тату, що я у васъ одинъ!—«Що жъ робить, сыночку?»—Ухопивъ и батько бо̀рщу, кинувъ ложку та й каже. «А, бодай же ты, сыну, пропавъ, хоть ты й одинъ у мене!» (Труды Экспедиціи нъ Юго-зап. край, II, 559).

О Наср-Эддинѣ этотъ анекдотъ разсказываетъ такъ:

«Жена Ходжи хотѣла устроить ему штуку съ (горячимъ) супомъ. Она поставила передъ нимъ супъ, но случайно сама забыла, что онъ еще былъ очень горячъ, взяла ложку и такъ обожгла глотку, что слезы показались у нея на глазахъ.

— Что съ тобой, спросилъ Ходжа, супъ еще слишкомъ горячъ?

— Нѣтъ, господинъ; мой покойный отецъ очень любилъ супъ; я вспомнила и заплакала.

Ходжа вѣритъ ей, глотаетъ ложку супу, обжигаетъ глотку и начинаетъ плакать.

— Что съ тобою? спрашиваетъ жена.

— Я плачу о томъ, что твоя проклятая мать, умирая, не взяла тебя съ собою» (Plais. CXV).

---

[1]) Аѳанасьевъ, Русск. нар. сказки, 2-е изд. III, 507. Надо замѣтить, что анекдотъ этотъ записанъ плохо и, очевидно, не украинцемъ. Мы поправили его ошибки въ языкѣ. Больше толку въ западно-сербскихъ разсказахъ, которые по основѣ очень напоминаетъ нашу Сѝру Кобылу (Narodne satirično-zanimljive podrugačice. Skupio ih po Boki Kotorskoj, Crnojgori, Dalmaciji, a najviše po Hercegovini. Vuk vitez Vrčević. U Dubrovniku. 1883, 13—14, 120—121. *Vezao bukvu za magarca* и *Seljak, drva i magara*).

Нельзя не замѣтить, что въ турецкомъ разсказѣ не только больше юмору, но и больше резонности въ мотивѣ исторіи [1]).

V.

Другой примѣръ названъ «*Про злодія*».

«Забравсь у комору злодій, таки изъ нашихъ, изъ украинцивъ, та й потягъ мишокъ сала. А хазяинъ дочувся, що хтось пораеться у комори, та туды; тамъ ёго и накрывъ. Отъ и пыта хазяинъ у злодія: Чого ты сюды securлизъ?—Заблудывъ.—А сало-жъ на вищо взявъ?—Ну, ты жъ кажи!—Але не понявъ ёму хазяинъ виры». (тамъ-же, стр. 666—667).

Разсказъ о Наср-Эддинѣ слѣдующій:

«Разъ Ходжа, какъ разсказываютъ, входитъ въ садъ (чужой), вырываетъ нѣсколько морковокъ и рѣпъ и кладетъ себѣ въ мѣшокъ. Садовникъ ловитъ его на этомъ и кричитъ.

— Эй, человѣче, ты что тамъ дѣлаешь?

— Я спалъ, какъ вдругъ подулъ страшный вѣтеръ, и.... прибавилъ Ходжа... понимаешь ты, что онъ схватилъ меня и бросилъ сюда!

— А кто вырвалъ и вытаскалъ все это? спросилъ садовникъ.

— Другъ мой, отвѣчаетъ Ходжа, развѣ ты не видишь, что вѣтеръ, который, какъ я тебѣ сказалъ, принесъ меня, и надѣлалъ весь этотъ изъянъ.

— Ну, а кто это положилъ въ мѣшокъ? продолжаетъ приставать садовникъ.

— Вотъ именно объ этомъ я и думалъ, когда ты пришелъ сюда!— отвѣтилъ Ходжа» (Sottissier, XXXVIII. Plaisanteries, VII).

Не смотря на прелестное: *ну, ты жъ-кажи!* мы опять должны отдать предпочтеніе турецкому оригиналу.

VI.

Слѣдующій разсказъ, помѣщенный въ «Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ» г. Драгоманова (стр. 174), уже дальше отъ своего первообраза.

---

[1]) Въ западно-сербскомъ разсказѣ сходный случай происходитъ между братьями, какъ месть младшаго брата старшему за то, что тотъ не купилъ ему новаго феса къ празднику (Narodne humoristične gatalice i varalice. Skupio ih po Boki Kotarskoj, Crnojgori, Dalmaciji, a najviše po Hercegovini Vuk vitez Vrčević. U Dubrovniku, 1883. 69—70. *Opekao brata na Božić*.

«Роздобувъ десь кравець рыбы, принисъ до дому, хотивъ зажарить, такъ нема сковороды. Роздобули сковороду; поили рыбу тай заспорили, кому нести сковороду. Спорили, спорили, жинка и каже: «хай той несе, хто попереду забалака.» Отъ вона пряде та дри-ри-ри-та! Авинъ и соби: три-рю-рю-та-та! такъ ажъ до самого вечера. А мимо та ѝхавъ панъ, тай збився зъ дороги. «Пиди, каже лакеёви, роспытай.» Приходе лакей, якъ не пытавъ, вони въ одно триндикають. «Ничого, каже, не допытаешся.»—«А пойду отъ я самъ».—Вiйшовъ въ хату, а вони триндикають. Винъ до жинки, давай тамъ биля неи моститься; вона все: дри-ри-ри-та, а кравець соби: три-рю-рю-та-та. Отъ и дае панъ кравчыси бумажку; «отсе, каже, шо пожартувавъ.» А кравець до жинки: «А шо тоби панъ давъ?» —«А шо? три рубли; тоби сковороду нести.»

Въ турецкомъ разсказѣ на ту-же тему подробности иныя, и опять таки не меньше юмору, но больше смыслу въ мотивахъ.

«Разсказываютъ, что однажды у Ходжи былъ теленокъ. Одинъ день давала теленку воды и пищи жена, другой Ходжа, каждый по очереди. Разъ, въ тотъ день, когда очередь была за женой Ходжи, въ дворѣ, напротивъ ихъ, справлялась свадьба, на которую они были приглашены.

— Какъ же мы устроимся? спрашиваетъ жена мужа.

— А мы такъ условимся, отвѣчаетъ онъ; кто первый заговоритъ, тотъ и будетъ кормить и поить теленка [1]).

— Согласна! отвѣчала жена.

Послѣ этого разговора, Ходжа идетъ къ себѣ, а жена идетъ въ домъ, гдѣ справлялась свадьба.

Какъ разъ въ это время около города расположились таборомъ цыгане. Женщины ихъ разбрелись по улицамъ, высматривая, нѣтъ-ли чего украсть. Одна изъ нихъ случайно вошла въ домъ Ходжи; тамъ было совершенно тихо. Дошедши до гарема, она видитъ Ходжу, который остается совершенно нѣмъ. Тотчасъ она обшариваетъ весь домъ, собираетъ все, что могла найти, и набиваетъ въ мѣшокъ; напрасно она посматривала на Ходжу; тотъ оставался безъ движе-

---

[1]) Въ противуположность украинскому варіанту, предложеніе выходитъ отъ мужа, который разсчитываетъ на извѣстную женскую болтливость, и ошибся въ разсчетѣ!

нія. Цыганка не колеблется болѣе и стягиваетъ съ головы скуфью и тюрбанъ; тотъ ни слова. «Если я скажу слово, говорилъ онъ про себя, я долженъ буду поить теленка». А потому онъ не обращалъ вниманія на дѣйствія цыганки, которая воспользовалась этимъ, что-бъ уйти.

Въ это время въ домѣ новобрачныхъ подавали обѣдъ. Жена Ходжи взяла нѣсколько кушаньевъ на блюдо, что-бъ понести мужу. Приходитъ она въ свой домъ и видитъ, что его такъ чисто обобрали, что не осталось даже колпака и тюрбана на головѣ Ходжи. Тотчасъ она прерываетъ молчаніе и говоритъ:

— Ходжа, куда жъ дѣлось наше добро?

— А, ты заговорила! закричалъ Наср-Эддинъ; тебѣ сегодня давать пить и ѣсть нашему теленку» (Sottisier, CLXXIV, 182—183).

Мы еще вернемся дальше къ этому анекдоту.

VII.

Въ слѣдующемъ примѣрѣ варіанты украинскій и турецкій такъ разошлись уже, что, пожалуй, читатель усумнится въ возможности найти между ними родство.

Украинскій разсказъ напечатанъ въ сборникѣ г. Драгоманова, подъ заглавіемъ «Потреба».

«Иде чоловикъ, коли хтось гука: «дядьку, дядьку! постойте, щось треба!» Той ставъ, жде, дума: чого ёму треба? Коли це прибигъ зъ истикомъ: «Орю въ сучого сына, та ни объ вищо и почухатись; позвольте хочъ объ визъ!»—та ставъ, та й чухается (Op. cit. 377).

Подобная-же задержка по столь-же резонной причинѣ передана въ шуткахъ Наср-Эддина такъ:

«Однажды Ходжа взлѣзъ на дерево на горѣ; пока онъ рубилъ вѣтки, онъ смотрѣлъ по сторонамъ и видитъ, что много верблюдовъ подвигаются въ его сторону. Тотчасъ онъ останавливаетъ погонщиковъ.

— Постойте, прошу васъ, говоритъ онъ, мнѣ надо что-то сказать вамъ!

Погонщики останавливаются; тогда Ходжа слѣзаетъ съ дерева и обращается къ нимъ:

— Умоляю васъ, друзья мои, проѣзжайте потихонечку.

— Зачѣмъ ты говоришь это? спрашиваютъ тѣ,—по какому поводу?

— Э, господа, страшно, что какъ ваши верблюды еще не видѣли горъ, то какъ-бы они не испугались, да не зацѣпились

за дерево, на которомъ я сижу, и не свалили меня на землю!» (Sottisier, LX, 49).

VIII.

Мы уже видѣли, что роль Наср-Эддина въ одномъ украинскомъ разсказѣ поручена цыгану. Это не единственный примѣръ подобной замѣны, которая вѣроятно произведена потому, что первоначальные украинскіе разскащики чувствовали еще, что передаваемая ими шутка принадлежитъ иностранцу. Но вслѣдствіе этой замѣны турецкаго героя цыганомъ (или, какъ увидимъ дальше, жидомъ) получился рядъ разсказовъ, своею противорѣчивою характеристикою данной національной личности сильно затруднившихъ этнографа, который приметъ эти разсказы за мѣстный продуктъ наблюденія надъ національными чертами цыганъ, евреевъ и т. п. Такъ еще можно счесть за спеціально цыганскую черту идеализмъ въ лакомствѣ, усматриваемый въ разсказѣ о томъ, какъ цыганъ ѣлъ хлѣбъ въ приглядку съ саломъ, которое мужикъ ѣлъ дѣйствительно по ту сторону рѣчки, какъ равно можно не признать связи этого разсказа съ анекдотомъ о томъ, какъ Наср-Эддинъ накрошилъ хлѣба въ воду потока на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣли согнанныя имъ утки, ѣлъ этотъ хлѣбъ съ водою ложкой и говорилъ, что онъ ѣстъ хлѣбъ съ соусомъ изъ утокъ [1]).

IX.

Подобное-же можно сказать объ обѣтахъ Богу, данныхъ турецкимъ Ходжею и украинскимъ цыганомъ въ слѣдующихъ разсказахъ:

«Надыбавъ цыганъ меду въ дупли, але высоко на дереви.— «Эй, каже, Боженьку, кобымъ-ся на то-то дерево диставъ, таку бымъ зъ того воску до церкви свичку всукавъ, якъ емь самъ.»—Якось винъ ся выдряпавъ. Наився меду добре тай тогды каже: «Чымъ будь

---

[1]) Sottisier, XXXIII; Plaisanteries, XL.—У Аѳанасьева Русск. нар. сказки, 2-е изд., III, стр. 469—470) есть сказка, записанная въ астраханской губерніи, о цыганѣ и чумакѣ, въ которой цыганъ выманиваетъ у чумака разнаго рода ѣду, а взамѣнъ того продаетъ [illegible] рыбу въ рѣкѣ, совѣтуя предварительно выхлебать ложкой воду, называя ее [illegible]. Здѣсь шутка надъ Наср-Эддиномъ повернута въ насмѣшку надъ хохломъ—чумакомъ.

Бога задурити, абы душу закропиты.»—Якъ скоро то сказавъ, якъ не впаде зъ дерева!—«Ай, каже, Боженьку, якъ же ты ничого жарту не знаешъ! Я то такъ жартувавъ, а ты за правду прыймывъ!» (Творы Волод. Навроцкаго, I, 58. Народни приказки).

«Разъ Ходжа возвращался домой съ мельницы. Онъ раздумывалъ надъ тѣмъ, что у него нѣтъ факела, вошелъ въ лѣсъ и сталъ рубить дрова. Была темная ночь,—топоръ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ ищетъ, но напрасно.

— Господи, кричитъ онъ, если ты поможешь мнѣ найти топоръ, я обѣщаю тѣбѣ шинекъ (1/8 мѣры) ячменю.

Едва онъ сказалъ это, какъ нашелъ свой топоръ.

— Спасибо тебѣ, Боже, вскричалъ Ходжа,—но такъ какъ тебѣ столь легко исполнить мою молитву, то сдѣлай такъ, чтобъ я нашелъ шинекъ ячменю; тогда я заплачу тебѣ долгъ» (Sottisier, CCLXXI).

X.

Но трудно понять даже, что такого спеціально цыганскаго въ расказѣ о томъ, какъ къ цыгану пришли спрашивать, какая будетъ завтра погода. Цыганъ спрашиваетъ о томъ дѣтей, изъ которыхъ одно говоритъ: будетъ дождь, а другое: будетъ сухо.

— О же, хтось зъ нихъ та вгадавъ! замѣчаетъ глубокомысленно цыганъ слишкомъ уже наивнымъ вопрошателямъ.

Разсказъ этотъ кажется намъ просто отголоскомъ слѣдующаго анекдота о Наср-Эддинѣ:

У Ходжи было двѣ дочки: разъ онѣ пришли къ нему въ гости въ одно время.

— Ну, чѣмъ вы живете? спрашиваетъ онъ.

— Мой мужъ земледѣлецъ, сказала одна, онъ много посѣялъ хлѣба, и если пойдетъ дождь, у него будетъ чѣмъ одѣть меня.

— Мой мужъ, горшечникъ, сказала другая; онъ надѣлалъ много посуды, и если будетъ сухо, онъ будетъ имѣть на что купить мнѣ платье.

— Одна изъ васъ, сказалъ Ходжа, увидитъ, очевидно, исполненіе своего желанія, но не знаю, которая» (Plaisanteries, LI; Sottisier, CCCI).

XI.

А ужъ конечно нельзя счесть за характеристическую для цыгана черту ту крайнюю глупость, которую показываетъ герой слѣдующаго украинскаго разсказа, помѣщеннаго у г. Рудченка въ числѣ *бытовыхъ*.

«Пойхавъ цыганъ въ лисъ дровъ рубати, да злизъ на дерево, ставъ на гилляци да й рубае ту саму гилляку, на котрій стоить. А-жъ иде чоловикъ, да й каже: «цыгане, ты впадешъ, якъ гилляку одрубаешъ». А цыганъ каже: ни!—«Упадешъ!»—Ни!

Чоловикъ соби пишовъ, а цыганъ, якъ одрубавъ гилляку, такъ и гракнувъ объ землю зо всеи силы, що на силу вставъ, да вставъ, да й думае соби: «певно се ишовъ Богъ, що винъ знавъ, що я впаду; дожену ёго, да роспитаю, коли я умру?»—Бижить за чоловикомъ, та якось догнавъ, да й пытае: «чоловиче! чи ты Бигъ?»—Ни, каже, не бигъ, а помалу йшовъ.—«Але! чи ты Бигъ, той, що зъ неба?»—А чоловикъ такъ навмысне, що цыганъ буде казати,—да й каже: Бигъ.—«Ну, коли ты Бигъ, то скажи мени: коли я вмру?»—А чоловикъ и каже: «отъ якъ твоя кобыла три разы прихне, то ты й умрешъ!»

Вернувся цыганъ, наклавъ дровъ, да й їде дорогою, ажъ ёго кобыла й прихнула; а винъ и каже: «о, батеньку! вже не довго буду жить, бо вже прихнула моя кобыла!»—Коли, ажъ кобыла прихнула и другій разъ.—«Ой, Боже мій, вже мени треба хутко вмирати, бо вже два разы прихнула моя кобыла»...—А дали кобыла прихнула и въ третій разъ, а їхавъ цыганъ коло лису надъ дорогою; цыганъ злизъ зъ воза, да лигъ въ лиси, да склавъ руки, да й думае, що вже вмеръ».

Дальше разсказывается, какъ панскіе лакеи оживили цыгана арапникомъ и какъ цыганъ пошелъ въ другое село и взялся оживить мертвеца, да самъ былъ прибитъ и загнанъ въ прудъ родными послѣдняго, которые застали цыгана за процессомъ оживленія мертвеца арапникомъ.

У Чубинскаго (II, 582—583) находится другой варіантъ съ приключеніями до оживленія цыгана включительно, но съ пропускомъ поѣданія цыгановой кобылы волками [1]).

[1]) Объ этомъ поѣданіи цыганъ упоминаетъ въ разговорѣ съ панскими лакеями.—„Якъ же ты вмеръ, говорятъ лакеи, коли ты дивишься —Такъ! але

Основу этого разсказа и всѣ существенныя подробности его, хотя съ другою развязкою, находимъ въ похожденіяхъ Наср-Эддина, напр. въ слѣдующихъ варіантахъ:

а) Однажды Ходжа Наср-Эддинъ рубилъ дрова въ горахъ. Онъ взлѣзъ на большую вѣтку и началъ рубить ее. Кто-то подошелъ на это и говоритъ: не руби эту вѣтку; упадешь!

Ходжа притворяется, что не слышитъ, продолжаетъ (рубить) и скоро падаетъ вмѣстѣ съ вѣткой. Тотчасъ бѣжитъ онъ за совѣтчикомъ и кричитъ:

— Такъ какъ ты предсказалъ время моего паденія, то ты можешь сказать мнѣ и минуту моей смерти. Говори мнѣ сейчасъ, чтобъ я зналъ, когда я покину этотъ міръ.

— Какъ кончишь рубить дрова,—отвѣчаетъ человѣкъ, и какъ нагрузишь осла, и когда онъ, по дорогѣ домой испуститъ вѣтеръ восемь разъ, тогда и умрешь.

Ходжа навьючиваетъ осла, гонитъ его и идетъ своей дорогой. Оселъ забывается въ первый разъ.

— Вотъ, вскричалъ Ходжа, часть моей души уже вылетѣла.

Коротко, восемь ударовъ исполнилось какъ разъ въ то время, когда Ходжа пріѣхалъ къ дому.

— Вотъ, кричитъ Ходжа, восьмая получетверть моей души вылетѣла. Жена моя, продолжаетъ онъ, я умеръ; развьючь осла и пойди сообщи печальную вѣсть селянамъ.

Затѣмъ онъ ложится на землю, и протягивается во всю длину свою.

Жена думаетъ, что мужъ ея умеръ, и идетъ предупредить селянъ. Эти приходятъ и приступаютъ къ похоронамъ; дѣлаютъ погребальныя обмыванія и кладутъ его въ гробъ.

Когда они несли его (на кладбище), дорога оказалась перерѣзанной потокомъ грязи; они остановились въ нерѣшимости.

я вмеръ... Отъ бачте: въ ночи прыйшли вовки, да й мою кобылу ззилы въ ночи, а я все лежавъ... А коли-бъ то чоловикъ живъ, то-бъ такъ давъ своеи худобыни пропасти?!“ Подобный-же великорусскій у Аѳанасьева (III, 472—473), съ прибавкой въ концѣ извѣстнаго въ украинскихъ разсказахъ мотива о цыганѣ, купившемъ хрѣнъ. Сходенъ съ этимъ (безъ прибавки о хрѣнѣ) вятскій разсказъ *Русскіе и черемисъ* у Колосова (Замѣтки о языкѣ и нар. словесности въ области сѣверно-великорусск. нарѣчія, Спб. 1877 г., стр. 278—279). Третій, совсѣмъ отдалившійся варіантъ, у Аѳанасьева, IV, 541—542.

— Гдѣ намъ перейти? спрашивали они другъ друга.

Одинъ отвѣчаетъ: тутъ, другой: тамъ, и мало по малу заспорили.

Ходжа не выдержалъ и кричитъ:

— Товарищи, зачѣмъ такъ ссориться! Когда я былъ живъ,—я переходилъ вотъ здѣсь.

При этихъ словахъ посланные обращаются къ Ходжѣ:

— Какъ, ты живъ еще? кричатъ они.

Говоря это, бросаютъ его въ середину лужи и оставляютъ тамъ, а сами возвращаются въ село, гдѣ каждый идетъ въ свой домъ (Sottisier, CLXXV).

b)—По чемъ узнаешь ты, что человѣкъ умеръ? сказалъ разъ Ходжа своей женѣ.

— А по томъ, что у него ноги холодны!—отвѣтила она [1]).

Нѣсколько дней послѣ Ходжа идетъ въ горы рубить дрова. Это было зимой. Пока онъ рубилъ, онъ почувствовалъ холодъ въ ногахъ, но холодъ ледяной. Онъ вспомнилъ слова жены.—Я умеръ! закричалъ онъ; это вѣрно, я умеръ!—онъ ложится на землю, приходятъ волки, повалили его осла и съѣли.

Ходжа, все лежа, замѣчаетъ это: «видите, что хозяинъ умеръ, и ѣдите осла!» восклицаетъ онъ.

На завтра жена, видя, что Ходжа не возвращается, идетъ въ горы разыскивать его. Тотъ, лежа на землѣ, зоветъ ее и говоритъ: увы, жена моя, развѣ ты меня не видишь? Вотъ я лежу мертвый. Бѣги скорѣй, разскажи объ этомъ въ деревнѣ, пусть идутъ перенести меня.

Жена идетъ оповѣстить о томъ сосѣдей; тѣ приходятъ, поднимаютъ Ходжу и уносятъ хоронить его въ могилу. По дорогѣ имъ приходится переправиться черезъ рѣку. Они не знаютъ, какъ черезъ нее перейти и бросаются то въ одну сторону, то въ другую.

Ходжа поднимаетъ голову и говоритъ: «когда я былъ живъ, я переходилъ здѣсь».

---

[1]) Подобное начало разсказа слышалъ г. Л—ій въ кіевской губерніи, только тутъ холодѣетъ задъ, а не ноги. Не эта-ли подробность привела за собою и дальнѣйшій эпизодъ оживленія цыгана посредствомъ *нагрѣванія* кнутомъ охолодѣвшей части тѣла?

Они тогда переходятъ, все неся его, кладутъ въ гробъ и уходятъ. Въ это время Ходжа слышитъ звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ.

— Это идутъ меня допрашивать (ангелы), говоритъ онъ.

Онъ выставляетъ голову изъ гроба, смотритъ и видитъ, что приближаются нѣсколько рядовъ муловъ. Мулы перепугались, порвали уздечки и разбѣжались. Погонщики приходятъ и видятъ Ходжу въ гробѣ.

— Ты зачѣмъ пугаешь нашихъ муловъ? говорятъ тѣ и осыпаютъ его ударами. Когда погонщики ушли, Ходжа выходитъ изъ могилы и идетъ домой. Селяне, при его видѣ, собираются около его дома.

— Ходжа вернулся, кричатъ они. Ходжа, что есть и чего нѣтъ на томъ свѣтѣ? разскажи намъ.

— Что вамъ до того, отвѣтилъ Ходжа. Оставьте всѣ ваши вопросы и довольствуйтесь, если узнаете, что не нужно пугать муловъ, иначе заслужите удары палкою (Sottisier, LXXV) [1]).

Отголоски этихъ анекдотовъ давно уже распространились въ Европѣ и записаны въ разныхъ мѣстахъ. Еще Поджжіо внесъ въ свой сборникъ фацецію о живомъ мертвецѣ, который говоритъ, когда его несутъ на кладбище, хотя разсказъ Поджжіо сильно передѣланъ противъ турецкаго: опущена подробность рубки дерева и герой превращенъ изъ наивнаго дурака въ мнительнаго флорентинца, котораго пріятели, встрѣчая по очереди на улицѣ, увѣряютъ, что онъ умираетъ [2]). Въ XVI ст. итальянскій новеллистъ Граццини передѣлалъ короткій разсказъ Поджжіо въ длинную новеллу скабрёзно-водевильнаго характера, вставивъ въ нее любовника жены героя и мать сводницу и обративъ героя въ изнѣженнаго простака, который,

---

[1]) Всѣ составныя части этихъ разсказовъ ходятъ и какъ отдѣльные анекдоты (см. Plais., XLVI, XLIX, LXVI, CXXI). Въ сирійской сказкѣ о похожденіяхъ блохи (!) опущена глупая рубка дерева, а дѣло начинается съ вопроса дурака муллѣ о времени смерти, при чемъ дальше разсказъ очень сближается съ турецкимъ и украинскимъ, особенно въ эпизодѣ съѣденія ослицы волками. Подъ конецъ возвратившійся къ жизни мертвецъ жалуется князю на муллу и рѣшаетъ, что онъ и самъ можетъ также лгать, какъ мулла, и дѣлается муллою у другихъ насѣкомыхъ паразитовъ (E. Prym und Alb. Socin. Der neu-aramaeische Dialect des Für Abdîn. II, Uebersetzung, Göttingen, 1881, 249—251).

[2]) Poggii Florentini Opera, Basileae, 1538, 489—490. *De mortuo vivo ad sepulchrum deducto, loquente et risum movente.*

наслушавшись въ постъ проповѣдей, желаетъ умереть, чтобъ перейти къ лучшей жизни [1]). Но въ устныхъ итальянскихъ разсказахъ тема осталась ближе къ турецкой основѣ и живетъ во многихъ варіантахъ и до сихъ поръ. Такъ въ XVIII в. одинъ неизвѣстный собиратель записалъ въ Сициліи два варіанта, изъ которыхъ одинъ особенно близокъ къ первому турецкому и вмѣстѣ къ украинскому, опуская только подробности о съѣденіи лошади волками, но за то прибавляя воскрешеніе мертвеца (который по дорогѣ говоритъ, въ какой-бы онъ церкви желалъ быть похороненъ)—ударами палокъ и кулаковъ [2]). Въ послѣднее время напечатано нѣсколько устныхъ итальянскихъ варіантовъ, изъ которыхъ особенно близокъ къ первому турецкому сицилійскій у Pitrè (Fiabè novelle etc., № CL); другой сицилійскій (Archivio per lo studio delle tradizioni popolari, Pal., II, 550—551) нѣсколько дальше; тосканскій варіантъ (Pitrè, Novelle popolari toscane, 1885, XXXI) вставляетъ эту исторію въ повѣсть о разныхъ похожденіяхъ дурака и оканчиваетъ ее отличнѣе отъ турецкой, въ родѣ новеллы Граццини: мертвецъ начинаетъ говорить, при напоминаніи о долгѣ, и погибаетъ дѣйствительно въ дракѣ, возникшей по этому поводу.

Сицилійскіе варіанты приписываютъ глупость дроворуба жителямъ одной деревни, какъ украинскіе цыгану.

Изъ другихъ извѣстныхъ намъ варіантовъ другихъ странъ ближе къ турецкой основѣ и къ украинскому передается тема въ бискайскомъ (Vinson, Le Folk-lore du Pays Basque. P. 1883, 93—94) и въ гасконскомъ (Bladé, Contes et proverbes pop. recueillis en Armagnae. P. 1857, № 8), хотя она здѣсь вставлена въ рамку разныхъ другихъ похожденій дурака [3]). Разсказъ трансильванскихъ нѣмцевъ (Haltrich, Volks-märchen aus dem Sachsenlande in Siebenbürgen. 3 Aufl. 1882, № 69 (1 изд. № 66) вставленъ въ исторію человѣка, который ищетъ людей

---

[1]) Tesoro dei novellieri italiani, Parigi, 1847, II, 323—331, nov. V.

[2]) G. Pitrè Curiosita popolari tradizionali, II, Avvenimenti faceti raccolti da un anonimo siciliano. Pal. 1885, № 50; тамъ-же № 51 значительно удаляется отъ перваго разсказа.

[3]) *G. Paris* говоритъ, что подобные разсказы есть и на сѣверѣ Франціи и рисуются на популярныхъ литографіяхъ въ *Epinal* и *Nancy* (Gotting. gelehrte Anzeigen, 1865, 1368).

глупѣе, чѣмъ его жена и теща. Эпизодъ о глупомъ дроворубѣ здѣсь очень близокъ къ украинскому, только коня не съѣдаютъ волки, а уводитъ цыганъ, при чемъ живой мертвецъ кричитъ, потрясая кулакомъ: «а, не будь я мертвъ, я-бы тебѣ задалъ, разбойникъ!» Но въ концѣ мертвецъ не выдержалъ голода и воскликнувъ: «чертъ пускай умираетъ, а не я, этакъ отъ голоду пропадешь!» идетъ домой (Op. cit. 250—251).

Въ варіантѣ литовскомъ (Schleicher-Litanische Märchen, Sprichworte, Rätsel und Lieder, 1857, s. 41), который, кажется, пошелъ отъ украинскихъ, дуракъ, послѣ *оживленія* его проѣзжими купцами, надуваетъ ихъ, какъ *вороватый мужикъ* въ другихъ европейскихъ сказкахъ, тоже связанныхъ съ восточными и съ цикломъ Насръ-Эддина, какъ увидимъ далѣе. О великорусскихъ варіантахъ сказано выше: одинъ изъ нихъ очень близокъ къ турецкой основѣ, а два довольно удалены.

Мы нарочно остановились на перечисленіи всѣхъ этихъ варіантовъ, такъ какъ на нихъ видно, *какъ распространялись отголоски восточной темы по средиземноморскимъ странамъ въ одну сторону и по черноморскимъ въ другую и какъ они отклонялись отъ своего оригинала, по мѣрѣ распространенія къ сѣверу*, а равно и литературной ихъ обработки [1]). Нѣкоторое исключеніе изъ этого правила составляетъ западно-сербскій варіантъ, въ которомъ разсказъ идетъ сначала близко къ 2-му турецкому и украинскому, но потомъ, вслѣдствіе замѣны турецкаго предзнаменованія смерти болѣе приличнымъ ревомъ осла, конецъ совсѣмъ измѣняется: простакъ удушиваетъ своего осла, связавъ ему морду послѣ перваго рева (Narodne satirično-zanimljive podrugačice. Skupio ih po Boki Kotarskoj, Crnojgori, Dalmacji, a najviše po Hercegovini. Vuk vitez Vrčevic. U Dubrovniku, 1883, 113—115, *Seljanin i prorok*).

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ сдѣлать одно общее замѣчаніе о частомъ совпаденіи варіантовъ всякаго рода народныхъ разсказовъ *украинскихъ* и итальянскихъ, особенно *сицилійскихъ*. Совпаденіе это, которое замѣчается также и при сравненіи нашихъ разсказовъ съ *греческими* (ново), должно быть объяснено одинаковостью вліянія Константинополя, христіанскаго и мусульманскаго, на страны Чернаго и Средиземнаго моря. Въ противность мнѣнію ученыхъ старой школы, теперь оказывается, что *сходство культурныхъ отношеній имѣетъ гораздо болѣе значенія въ дѣлѣ сходства народныхъ сказаній, нежели племенное родство.*

Но въ свою очередь турецкіе анекдоты о мнимо умершемъ Наср-Эддинѣ сами ни что иное, какъ отголоски индійскихъ разсказовъ, которые указываетъ въ своей статьѣ Кёллеръ. Въ одномъ изъ нихъ, входящемъ въ составъ сборника «Двадцать три исторіи о нашихъ монахахъ» (Barataka—dvatrinçika) представленъ браминскій монахъ Даньдяка, который рубитъ дерево, какъ нашъ цыганъ, и которому прохожіе говорятъ: «эй, монахъ, первѣйшій изъ дураковъ! Не руби ты вѣтки, на которой самъ сидишь, не то, когда вѣтка сломается, ты упадешь и умрешь». Монахъ падаетъ и за тѣмъ рѣшаетъ, что такъ какъ оправдалась первая половина предсказанія прохожихъ, то должна исполниться и вторая, и сталъ лежать, какъ мертвый. Прохожіе пробовали привести его въ чувство (впрочемъ безъ русскаго *живила!*) и наконецъ оповѣстили товарищей монаха. Тѣ несутъ его погребать, т. е. сожигать. Слѣдуетъ споръ о дорогахъ. Мертвый говоритъ. Монахи слѣдуютъ его совѣту, замѣчая, что онъ всегда говорилъ правду, но все таки собираются жечь его, не смотря на увѣщанія прохожихъ. Тогда мертвый самъ разсказываетъ свою исторію, послѣ чего монахи долго остаются въ нерѣшимости, пока наконецъ прохожіе уговариваютъ ихъ убираться. Тогда и Даньдяка всталъ и пошелъ своей дорогой, сопровождаемый насмѣшками тѣхъ людей [1]).

Другой индійскій варіантъ оставленъ въ тѣни у Кёллера, между тѣмъ какъ онъ интересенъ для объсненія подробностей не только турецкихъ, но и европейскихъ отголосковъ данной исторіи. Онъ составляетъ часть сборника юмористическихъ анекдотовъ о похожденіяхъ *жреца Простака (Guru paramarta)* и его учениковъ, составленнаго по народнымъ тамульскимъ разсказамъ іезуитомъ Бески еще въ XVIII ст. († 1746) и переведенномъ потомъ на латинскій, англійскій, французскій и нѣмецкій языки [2]). Здѣсь наша исторія начинается тоже съ рубки дерева ученикомъ (послушникомъ) жреца (настоятеля монастыря) Простака и съ предостереженія, даннаго мимоидущимъ

---

[1]) Monats bericste der. k. preusz. Akademie. 1860, 71—73.

[2]) Мы пользуемся нѣмецкимъ переводомъ: Fahrten und Abenteuer Gimpels und Compagnie. Ein tamulisches Reise-und Scherzmärchen. Nacherzählt v. Dr. J. G. Th. Gräsze. Dresden. 1859. Французскій переводъ приложенъ къ La Pantcha Tantra p. J. B. Dubois, P. 1826.

браминомъ изъ касты гадателей. Послушникъ сначала сердится и бросаетъ ножемъ, но упавши, рѣшается догонять прорицателя и спрашиваетъ его, когда умретъ настоятель? Прорицатель отвѣчаетъ: «Холодный задъ есть признакъ смерти [1]). Если у вашего настоятеля охладѣетъ эта часть тѣла, то вы можете разсчитывать, что часъ его освобожденія приближается.» Глупый послушникъ запомнилъ только первое изреченіе, которое, вѣрно, было сказано литургическимъ тономъ, и передалъ его настоятелю. Этотъ приказываетъ каждому ученику записать изреченіе и носить при себѣ, и вообще относится съ покорностію къ судьбѣ, но рѣшается даже отказаться отъ «омовенія ногъ» (вѣжливое обозначеніе необходимой потребности), лишь бы не охладить извѣстной части тѣла и не заслужить упрека, что онъ самъ ускорилъ часъ своей смерти. Чрезъ нѣсколько времени Простакъ ѣдетъ верхомъ на лошади среди своихъ учениковъ по лѣсу и зацѣпляется тюрбаномъ за дерево; тюрбанъ падаетъ; настоятель ѣдетъ молча, думая, что ученики догадаются поднять его, но тѣ проходятъ мимо. Спустя нѣсколько шаговъ, настоятель спрашиваетъ тюрбанъ; ученики говорятъ, что не подняли, такъ какъ имъ не было приказанія. Получивъ приказъ впередъ поднимать все, что упадетъ съ лошади, послушники поднимаютъ въ тюрбанъ даже и пометъ лошади, и когда настоятель выговариваетъ имъ, требуютъ отчетливаго опредѣленія, что такое они должны поднимать, а чего нѣтъ. Настоятель вынулъ грифель и пальмовый листъ и написалъ реестръ вещей, какія нужно поднимать. Немного спустя пришлось перебираться чрезъ ровъ съ грязью и валъ,—лошадь упала, настоятель тоже. Послушники стали поднимать упавшія вещи: тюрбанъ, плащъ, и т. д., т. е. раздѣвать настоятеля до нага и ни за что не хотѣли поднять его самого, пока онъ не написалъ имъ на пальмовомъ листѣ: «и если вашъ господинъ, жрецъ Простакъ, самъ упадетъ съ коня, то вы должны поднять и его.» Конечно, настоятель выпачкался, платье его тоже; пришлось мыться и мыть платье. Сѣвъ потомъ на коня, Простакъ почувствовалъ холодъ въ сидѣньи и рѣшилъ, что часъ его приближается. Дома онъ сталъ готовиться къ смерти, все

---

[1]) Ср. радомысльскій варіантъ.

повторяя фатальную фразу. Впрочемъ на другой день его было разсѣялъ и успокоилъ его сосѣдъ, забавникъ, разсказавъ ему исторію о томъ, какъ одна купчиха отвадила ходить въ ея домъ монаховъ, которыхъ было приманилъ къ дому мужъ ея [1]), и разъяснилъ, что есть два рода охлажденія: отъ внѣшней причины, какъ было съ простакомъ послѣ паденія въ грязь, и отъ внутренней, и что только послѣднее страшно. Но чрезъ нѣсколько времени на спящаго Простака течетъ дождь сквозь дыру крыши и на этотъ разъ Простакъ вѣритъ въ охлажденіе отъ внутренней причины. Отъ простуды и тревоги онъ впадаетъ въ обморочное состояніе. Послушники принимаютъ его за мертваго и начинаютъ обмывать въ ваннѣ. Вода приводитъ Простака въ чувство, но послушники не вѣрятъ его оживленію и топятъ его съ головою, отчего бѣднякъ наконецъ дѣйствительно умираетъ. Тогда монахи хоронятъ его, распѣвая хоромъ во время остановокъ: *Hassana sihdam dschiwa nachanam* т. е. «холодный задъ есть признакъ смерти!» (Fahrlen und Abenteur Gimpels und Compagnie, 56—81).

Мы думаемъ, нѣтъ надобности распространяться о томъ, что въ этихъ индійскихъ разсказахъ мы находимъ всѣ существенные элементы турецкихъ и европейскихъ ихъ отголосковъ, и при томъ въ гораздо болѣе натуральной и вообще болѣе толковой комбинаціи. Довольно будетъ сравнить эпизодъ съ лошадью въ тамульскомъ разсказѣ съ тѣми крайними несообразностями, которыя сдѣланы изъ него въ турецкихъ и европейскихъ отголоскахъ. Да и въ цѣломъ, при всей своей каррикатурности, индійскіе разсказы имѣютъ смыслъ, какъ насмѣшка надъ потерявшимися въ фантастическихъ видѣніяхъ и богословской казуистикѣ отшельниками. Въ турецкихъ отголоскахъ ихъ еще сохранился намекъ на первоначальное сатирическое значеніе этихъ разсказовъ, въ томъ, что героемъ выбранъ Ходжа, тоже

---

[1]) Это особенная исторія: купчиха увѣрила одного монаха, что у нихъ въ домѣ справляютъ особый обрядъ жертвоприношенія пестикомъ отъ ступки, при чемъ надо стучать и по спинѣ гостя; монахъ убѣгаетъ; купчиха говоритъ мужу, что монахъ просилъ у нея пестикъ, но она не смѣла дать безъ позволенія мужа, купецъ гонится за монахомъ, чтобъ дать ему пестикъ: разумѣется, монахъ удираетъ, молва додѣлываетъ остальное.

богословъ и казуистъ [1]). Но въ европейскихъ отголоскахъ потерялся уже всякій сатирическій смыслъ этихъ разсказовъ, а иногда, какъ напр. въ литовской мѣшанинѣ, всякій человѣческій смыслъ.

П. Кузьмичевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

---

[1]) Отмѣтимъ кстати, что въ числѣ разсказовъ о Наср-Эддинѣ находится и основа извѣстной басни Хемницера „Метафизикъ": сынъ Ходжи, школяръ, упалъ въ колодецъ и проситъ отца подать ему *помошь*, при чемъ говоритъ это слово по арабски (на языкѣ корана). Ходжа отвѣчаетъ: не за чѣмъ подавать тебѣ *помощь*, я пойду принесу *веревку* (Sottisier, CXIV). И въ этомъ простомъ анекдотѣ больше толку, чѣмъ въ замысловатой редакціи европейскаго баснописца.

НАУЧНОЕ ИЗУЧЕНІЕ КОЛЯДОКЪ И ЩЕДРИВОКЪ.

Накануне праздника Рождества Христова или на первый день праздника, вечеромъ, когда мягкій, таинственный полусвѣтъ разливается по усыпленной землѣ и на далекихъ небесахъ затеплятся, словно божественныя лампады, безчисленныя звѣзды, въ южно-русскихъ селахъ молодые парни (парубки) ходятъ небольшими толпами по улицамъ, останавливаются передъ окнами зажиточныхъ домохозяевъ и звонкимъ голосомъ поютъ величальныя пѣсни, уподобляя домохозяина солнцу, жену его лунѣ, дѣтей ихъ звѣздамъ и высказывая имъ пожеланія всякаго благополучія...

Да бувай здоровъ и въ вику довгій,
Самъ собою, зъ своею жоною,
Зъ усимъ родомъ.
Дай-же тоби, Боже, чого жадаешь,—
Здоровья въ твій домъ на челядочку,
Щастя на двиръ, на худобочку.

Далеко въ морозномъ воздухѣ несется радостная праздничная пѣсня и просвѣтляетъ духъ селянина, освѣжаетъ его сердце свѣтлой надеждой на счастье. Выглянувъ въ окошечко, крестьянинъ говоритъ колядовщикамъ: «весельтеся, весельте», т. е., веселитесь сами, себѣ на утѣху, и возвеселите мой домъ, мою семью. И въ хату врываются чистые звуки величальной пѣсни, врываются многообѣщающія пожеланія женить сына, выдать дочь замужъ, пожеланія урожая хлѣба и умноженія скота. Все тяжелое и смутное, что тревожитъ крестьянскую душу въ длинныя осеннія ночи, когда на соломенную крышу падаютъ крупныя капли холоднаго дождя, въ воздухѣ стоитъ сырая мгла и шумливый вѣтеръ врывается въ наклонившуюся на бокъ

дымовую трубу, угнетающія заботы, сомнѣнія и опасенія исчезаютъ, забываются подъ обольстительнымъ вліяніемъ веселой праздничной пѣсни. Колядка очаровываетъ воображеніе чертами и образами неземнаго счастья, наполняетъ бѣдную жизнь фантастическимъ довольствомъ, изъ укромной и сумрачной хатенки ведетъ въ чертоги богача, гдѣ повсюду блеститъ золото и серебро, поднимаетъ слушателя въ лучезарныя надзвѣздныя пространства. Точно по мановенію волшебнаго жезла отворяется небо; взору смертнаго представляются святые престолы и золотые кресты, и сама Богоматерь вьетъ изъ розъ вѣнки, чтобы украсить ими чело земныхъ тружениковъ-хлѣборобовъ, достойныхъ божественной любви и ласки. Въ Рождественскихъ пѣсняхъ, колядкахъ и щедривкахъ, милосердное и сострадательное божество нисходитъ на землю, посѣщаетъ бѣдныя людскія жилища и щедрой рукой раздаетъ довольство и счастье. Солнце обнаруживаетъ родительскую заботливость о крестьянскомъ домохозяйствѣ. Мѣсяцъ дружелюбно разговариваетъ съ людьми и открываетъ имъ, въ какой хатѣ въ предстоящемъ году будетъ свадебное веселье. Добрый молодецъ колядокъ не простой парубокъ, а богатырь, пренебрегающій вороными конями и червонцами и любящій только дѣвушекъ-красавицъ. Дѣвушка въ колядкахъ не простая деревенская дивчина.

Въ хату пришла—паны стричають.
Паны стричають, шапки знимають,
Шапки знимають, іи питають:
Чи ты царивна? чи ты короливна?

Крестьянскій дворъ окруженъ бѣлокаменными стѣнами; ворота сдѣланы изъ желтой мѣди. Въ хатѣ столы накрыты дорогими коврами; на столахъ стоятъ кубки, наполненные виномъ. Подарки, которые парень вручаетъ молодой дѣвушкѣ, обладаютъ большими достоинствами: золотой перстень блеститъ, какъ огонь; нитки крупнаго жемчуга тяготятъ бѣлую шею. Даже конь въ колядкяхъ не простой, общеизвѣстный деревенскій конь, малосильный, захудалый, принятый однимъ иностранцемъ путешественникомъ за животное особой породы—«conjaka». Золотая грива покрываетъ его широкую грудь; серебряныя копыта разбиваютъ подвернувшійся подъ ноги камень; глаза, подобные терновымъ ягодамъ, читаютъ всякое письмо.

Этотъ пѣсенный идеализмъ чего-нибудь да стоитъ. Вѣковая, личная и имущественная зависимость, понижавшаяся иногда до степени рабства, сокрушила-бы въ духовномъ отношеніи темнаго, безграмотнаго мужика, если-бы его не поддерживала постоянно чародѣйка пѣсня, уносящая мысль и чувство куда-то далеко, далеко, гдѣ и свѣтло, и тепло, и уютно. Удрученные бѣдствіями, угнетенные горемъ находятъ въ очаровательномъ мірѣ поэзіи утѣшеніе; озлобленные и ожесточенные—успокоеніе и миръ души. Горе, вылившееся въ пѣснѣ, дѣлается полугоремъ, и міръ, представленный черезъ призму поэзіи, получаетъ новую привлекательность.

Яковъ Гриммъ говоритъ, что народно-поэтическія сказанія носятся надъ дѣлами людей, какъ благоуханіе, и замѣчаетъ далѣе въ приложеніи къ историческимъ сказаніямъ и пѣснямъ: «прочнымъ шагомъ идетъ исторія; но и крылатое созданіе (народная пѣсня) сопровождаетъ ее. Его продолжительное посѣщеніе есть благо, которое дается не всѣмъ народамъ»... Нѣчто подобное можно сказать о колядкахъ, съ той поправкой, что это поэтическое благо и одному и тому-же народу не всегда дается. Въ приложеніи къ малорусскому народу слѣдуетъ замѣтить, что по мѣрѣ того какъ сельское населеніе въ послѣдніе годы колеблющимися шагами подвигается къ городской и фабричной цивилизаціи, крылатыя созданія—колядки и щедривки—все болѣе и болѣе оставляютъ его, изъ области дѣйствительности переходятъ въ область историческаго преданія.

Забвеніе и порча колядокъ и щедривокъ представляется частичнымъ явленіемъ общей порчи народной поэзіи. Золотой вѣкъ безъискусственной народной поэзіи прошелъ. Въ глухихъ мѣстахъ сѣверной Россіи и Малороссіи поэзія еще сохраняетъ свою свѣжесть, чистоту и изящество. Въ Россіи средней, восточной и западной художественное словесное творчество народа изсякло. Изсякла даже семейная лирическая поэзія, не говоря уже о поэзіи исторической, забытой даже въ Малороссіи, исконной колыбели русскаго художественнаго словеснаго творчества. Южно-русскіе кобзари, поющіе думы, и великорусскіе сказатели былинъ въ настоящее время извѣстны на перечетъ. Русская наука внимательно слѣдитъ за ними, какъ за послѣдними могиканами исторической поэзіи. Малорусскія думы козацкаго періода забыты. Съ прекращеніемъ чумачества совсѣмъ забываются и чумацкія пѣсни. Переставъ творить новыя пѣсни съ

политическимъ оттѣнкомъ, народъ не долго довольствовался пѣснями старыми и сталъ забывать ихъ. Здѣсь вполнѣ оправдалось положеніе, что остановка въ развитіи, въ поступательномъ движеніи есть уже упадокъ и регрессъ.

По свидѣтельству людей, изучавшихъ современное состояніе крестьянства, въ промышленныхъ областяхъ средней Россіи и по Волгѣ прежній патріархальный типъ русскаго селянина сталъ вытѣсняться новымъ типомъ «фабричнаго крестьянина». Фабричный крестьянинъ, не смотря на обладаніе грамотностью, далеко уступаетъ крестьянину земледѣльцу въ интеллектуальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Не смотря на знакомство фабричнаго крестьянина съ городскими трактирами, онъ по прежнему вѣритъ въ «порчу», въ «сглазъ», въ домовыхъ, по прежнему бьетъ свою жену. Г. Нефедовъ замѣтилъ, что фабричные крестьяне по теченію Волги и ея притоковъ обнаруживаютъ наклонность къ франтовству: парни ходятъ съ бумажными зонтиками подъ мышкой, дѣвицы носятъ на платьяхъ панье. По словамъ г. Молчанова, въ новгородской губерніи деревенскія дѣвицы танцуютъ французскую кадриль; молодцы разгуливаютъ по улицамъ въ сюртукахъ и въ жилетахъ съ часами (Михневичъ, «Историч. Вѣстн.» 1880 г. XII. 754). Всѣ эти сюртуки, панье вносятся въ крестьянскій бытъ на ряду съ массой новыхъ, безъ разбору схваченныхъ на городской улицѣ, идей и понятій и измѣняютъ крестьянскую жизнь до неузнаваемости; искажается народный характеръ; вырабатывается презрѣніе къ старинѣ, въ особенности къ стариннымъ деревенскимъ пѣснямъ; портится языкъ. Истинно-народная, полная мелодіи и задушевности поэзія замѣняется фальшивыми и безнравственными трактирными пѣснями.

Печальное оскудѣніе художественнаго словеснаго творчества обнаруживается и въ малорусскихъ пѣсняхъ новѣйшаго происхожденія. Жалобы на упадокъ малорусской народной поэзіи встрѣчаются въ беллетристическихъ произведеніяхъ, этнографическихъ изслѣдованіяхъ и газетныхъ корреспонденціяхъ. Такъ, въ разсказѣ г-жи А. Шабельской «Параска» находится указаніе, что «новыя пѣсни» по большей части ничѣмъ не связаны съ деревней; они говорятъ о чемъ-то чуждомъ мужицкому сердцу (Наброски карандашемъ, стр. 41). Г. Твердохлѣбовъ въ статьѣ о г. Ахтыркѣ, указывая на то обстоятельство, что ахтырскіе простолюдины относительно одежды сохра-

нили черты своихъ предковъ козаковъ, при этомъ замѣчаетъ, что и въ Ахтыркѣ «старинные обычаи и особенно пѣсни уступаютъ исподоволь мѣсто новѣйшимъ, солдатскимъ и фабричнымъ» («Харьковскій календарь», 1886 г., стр. 124). Въ помѣщенной въ 286 № «Зари» за 1884 г. корреспонденціи изъ Чигирина, между прочимъ, находится сѣтованіе на упадокъ малорусской народной поэзіи. «Несомнѣнно, говоритъ корреспондентъ, что отхожіе промыслы вносятъ въ мѣстную жизнь нѣкоторое растлѣніе нравовъ и значительно нарушаютъ добрые старые обычаи. Нѣтъ той тихой патріархальной жизни, которою издавна славился малороссъ; нѣтъ той глубокой привязанности къ домашнему очагу, и поэтическая прелесть народной пѣсни отходитъ во времена минувшія. Молодые люди, побывавъ на заработкахъ, ведутъ себя вольнѣе и развязнѣе и, можно сказать, нахальнѣе прежняго. Поютъ уже не мелодичныя украинскія пѣсни «про соловейка, зозульку и ясный мисяць», а дуютъ убійственнымъ жаргономъ, смѣсью великорусскаго съ малорусскимъ:

У матроса кудри вьютца,
А въ дѣвчонки слезы льютца.
Эй, горе, горе не бѣда,
Каво люблю тай нема и т. д.

Поютъ также:

Ай жги, жги гавари,
Жена мужу бай гавари.

Мотивъ уцѣлѣвшихъ народныхъ пѣсенъ значительно разнится отъ мелодій, господствующихъ въ центральныхъ уѣздахъ кіевской губерніи. Свадебныя пѣсни, напр., носятъ характеръ чего-то дикаго... Поютъ ихъ обыкновенно на одной нотѣ визгливымъ, пронзительнымъ унисономъ, заканчивая каждое четверостишіе отвратительнымъ возгласомъ: у-а-а-ахъ! На сколько-нибудь развитое ухо мотивъ чигиринскихъ свадебныхъ пѣсенъ дѣйствуетъ убійственно».

Порча обычая колядованія выражается въ томъ, что колядованіе съ кануна праздника переносятъ на первый день праздника Рождества Христова, или на второй, третій, пятый (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи), на масляницу (въ ярославской губерніи); теряется различіе между колядками и щедривками, въ содержаніе колядокъ вносятся смутно понятые апокриѳическіе мотивы; ослабляется свойственный

колядкамъ тонъ серьезнаго величія и задушевности, слабѣетъ сила выраженія, правильность стиха и чистота языка. Лучшія колядки сохранились въ Галиціи, у карпатскихъ горцевъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ родъ поэтическаго творчества, почти совсѣмъ забытый въ Великороссіи, и въ Малороссіи повсемѣстно выходитъ изъ употребленія. Колядка, какъ опредѣленная форма поэтическаго творчества, обветшала, и народное вниманіе начинаетъ склоняться къ выступившему на ея замѣну духовному стиху.

Научное изученіе колядокъ представляетъ большой и разнообразный интересъ. Изслѣдователи прошлыхъ судебъ народной жизни, прошлаго народнаго быта останавливаются на различныхъ наслоеніяхъ въ колядкахъ: одни на религіозно-миѳическихъ остаткахъ древняго язычества, другіе на христіанско-легендарныхъ элементахъ колядокъ. Изслѣдователя современнаго состоянія народной жизни естественно интересуетъ вопросъ, какую роль играетъ колядка въ бытовой жизни народа и въ его нравственныхъ понятіяхъ о добромъ и прекрасномъ. На изученіи колядокъ и щедривокъ отражались всѣ главные измѣненія въ направленіи историко-литературныхъ работъ, главныя успѣхи историческихъ и филологическихъ знаній. Съ развитіемъ научной разработки миѳологіи, и къ объясненію колядокъ была приложена миѳологическая теорія происхожденія повѣрій, сказаній и обрядовъ. Затѣмъ, когда въ наукѣ возобладала теорія заимствованія повѣрій, пѣсенъ и обрядовъ, въ цѣломъ или въ частяхъ, въ отдѣльныхъ подробностяхъ, теорія эта также была приложена къ объясненію колядокъ и, не объясняя ихъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе во многомъ помогла опредѣлить ихъ внутренній составъ. Разсматривали колядки, какъ матеріалъ историческій, опредѣляющій отраженіе въ народной памяти и фантазіи нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ древне-русской жизни. Были попытки выдѣленія изъ колядокъ житейскихъ, бытовыхъ явленій крестьянской жизни, напримѣръ, почитанія и прославленія хлѣба. Нельзя поэтому не признать, что изслѣдованіе литературы колядокъ, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе въ систематическомъ порядкѣ ея главныхъ явленій представляетъ привлекательную и важную задачу.

Во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ о колядкахъ говорится преимущественно о малорусскихъ колядкахъ. Такъ, въ главномъ

явленіи литературы этого предмета, «Обзорѣ поэтическихъ мотивовъ колядокъ» А. А. Потебни, разсмотрѣніе всякаго колядочнаго мотива начинается съ малорусскаго варіанта. Нѣкоторое исключеніе представляетъ лишь сравнительно-литературное изслѣдованіе о колядкахъ А. Н. Веселовскаго, гдѣ выдвинута на первое мѣсто румынская колядка, не въ силу, однако, какихъ-либо свойственныхъ ей преимуществъ, а въ силу прежде всего наклонности почтеннаго автора сводить рождественскіе обряды и пѣсни къ предполагаемому грекоримскому источнику, и затѣмъ въ силу того обстоятельства, что А. Н. Веселовскій въ данномъ случаѣ опирался преимущественно на румынскаго ученаго Теодореску. Особенное вниманіе ученыхъ къ малорусскимъ колядкамъ объясняется ихъ многочисленностью, полнотою и художественными достоинствами.

Изученіе колядокъ съ миѳологической точки зрѣнія, начатое Снѣгиревымъ въ тридцатыхъ годахъ, съ найбольшей отчетливостью и, нужно добавить, со всѣми крайностями односторонней научной теоріи выразилось въ «Опытѣ историческаго обозрѣнія русской словесности» О. Ѳ. Миллера (ч. I, стр. 27—42) и въ «Поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу» Аѳанасьева (преимущественно въ III томѣ, стран. 752—760). О. Ѳ. Миллеръ опредѣляетъ миѳическое значеніе колядокъ о трехъ теремахъ, о рожденіи солнца, о зарѣ, о громовникѣ и о мірозданіи. Примѣненіе свѣтилъ небесныхъ къ домохозяину и его семьѣ объяснено древнимъ вѣрованіемъ славянскихъ народовъ въ существованіе самостоятельной семьи небесной, златоверхіе теремы—символизаціей небесныхъ пространствъ, освѣщенныхъ солнцемъ, быстрое развитіе младенца Христа въ колядкахъ—исполински развивающимися силами весенней природы. Мать—дѣва, омывающая младенца въ ключевой водѣ, по миѳологической теоріи происходитъ отъ сохранившейся въ загадкахъ красной дѣвицы, роняющей ключи-росу, т. е. антропомфическаго образа зори, вино—отъ небесной влаги, дождя, райскія пташечки, выпивающія вино, это лучи солнечные, красивый молодецъ колядокъ—богъ громовникъ, золотая труба, въ которую онъ трубитъ и звуки которой приводятъ въ трепетъ людей и животныхъ—громъ и молнія. Аѳанасьевъ также находитъ въ колядкахъ и щедривкахъ «черты народныхъ воззрѣній,

идущія изъ глубочайшей древности,... преданія и образы, принадлежащіе язычесгву». Купаніе новорожденнаго Бога въ морѣ, появленіе въ домѣ свѣтилъ небесныхъ и святыхъ, «красный паничъ», подбрасывающій золотыя яблоки и перебирающій серебреные орѣшки, златорогіе волы—всѣ эти и другіе сходные имъ поэтическіе мотивы колядокъ объяснены Аѳанасьевымъ исключительно съ миѳологической точки зрѣнія, какъ символическое выраженіе солнца, грозы, молніи и т. п. Въ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ, наприм., изслѣдованіи А. А. Потебни о колядкахъ и щедривкахъ, какъ и слѣдовало ожидать, сильно ограничена миѳическая сторона колядокъ и щедривокъ. Многое устранено, какъ подлежащее болѣе основательному объясненію съ точки зрѣнія литературнаго и бытоваго заимствованія. Во всякомъ случаѣ, нельзя отрицать присутствія въ колядкахъ и щедривкахъ преданій, принадлежащихъ славянскому язычеству, религіозно-поэтическихъ представленій о внѣшнихъ силахъ и явленіяхъ природы. Къ числу наиболѣе крупныхъ религіозно-миѳическихъ элементовъ колядокъ и щедривокъ принадлежатъ запѣвы съ Авсеня, съ восхода солнца, образъ чудеснаго дерева и нѣкоторые другіе.

При изученіи колядокъ и щедривокъ съ миѳологической точки зрѣнія въ основу клали малорусскія колядки и щедривки; но извлекаемые при этомъ выводы и предположенія относились къ отдаленному періоду въ жизни славянскаго племени, періоду до-историческому; вопросъ о значеніи собственно малорусской колядки въ ряду колядокъ славянскихъ, о трудѣ малорусскаго народа въ ея разработкѣ даже не затрогивался. Историко-литературные, археологическіе, историческіе, современно-бытовые и филологическіе элементы малорусскихъ колядокъ и щедривокъ въ сочиненіяхъ Миллера и Аѳанасьева пройдены молчаніемъ.

Уже Кулишъ въ «Запискахъ о южной Руси» высказалъ мнѣніе, что въ щедривкахъ находятся воспоминанія о древне-русскихъ князьяхъ. Мнѣніе это было впослѣдствіи распространено и на колядки, преимущественно въ изслѣдованіи Костомарова «Объ историческомъ значеніи южно-русской народной поэзіи» въ «Бесѣдѣ» 1872 г. Въ 1874 году вышелъ первый томъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа» съ объясненіями В. Антоновича и М. Дра-

гоманова. Выдѣляя въ малорусской исторической поэзіи пѣсни вѣка дружиннаго и княжескаго въ особый отдѣлъ, В. Антоновичъ и М. Драгомановъ внесли сюда колядки и щедривки. «Нынѣшнее, преимущественно праздничное употребленіе этихъ пѣсенъ, говорится по этому поводу въ предисловіи, дѣлаетъ изслѣдователей наклонными къ апріорному мнѣнію, что въ нихъ можно найти исключительно миѳически-религіозный матеріалъ. Между тѣмъ, если даже не касаться той стороны дѣла, что вездѣ эпосъ историческій связывался съ эпосомъ миѳическимъ, врядъ-ли теперь *a priori* можно оспаривать то предположеніе, что если въ колядкахъ и щедривкахъ, не носящихъ на себѣ слѣдовъ христіанства, слѣдуетъ искать остатка древнѣйшаго русскаго славословія богамъ, то въ колядкахъ-же и щедривкахъ надо искать и древнѣйшихъ славословій героямъ и князьямъ». Исходя изъ этой мысли, издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа на первыхъ-же страницахъ своего сборника предлагаютъ нѣсколько колядокъ, усматривая въ одной колядкѣ указаніе на образованіе дружиннаго отряда, въ другой указаніе на вождей дружины, въ третьей на раздѣлъ добычи между вождемъ и дружиною, въ четвертой на отраженіе набѣга, въ пятой указаніе на Ивана Берладника, въ шестой на князя Романа Волынскаго и т. д. Издатели не поскупились на объясненія и примѣчанія къ пѣснямъ. «Нужно замѣтить, писалъ по этому поводу г. Н. П. въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» (1875 г. X. 156), что эти примѣчанія говорятъ гораздо больше, чѣмъ самая пѣсня, ими объясняемая. Какое нибудь собственное имя, попавшееся въ пѣснѣ, даетъ собирателямъ поводъ отыскивать въ лѣтописяхъ и запискахъ современниковъ подходящее имя и собирать всевозможныя историческія свѣдѣнія о немъ. Извѣстная историческая личность, вслѣдствіе этого, выступаетъ въ примѣчаніяхъ составителей сборника со всею рельефностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко возникаетъ вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли пѣсня говоритъ о томъ именно лицѣ и событіи, о которомъ (говорятъ) и примѣчанія составителей». Костомаровъ въ обширной и весьма содержательной рецензіи въ XII кн. «Вѣстника Европы» 1874 г. (стр. 527—629), не отрицая вообще присутствія историческаго элемента въ колядкахъ и щедривкахъ, въ частности не признаетъ историческими нѣкоторыя колядки, щедривки и гаивки, вошедшія въ сборникъ, напримѣръ, гаивки о Воротарѣ. «Въ числѣ

пѣсенъ, замѣчаетъ Костомаровъ, отнесенныхъ къ разряду пѣсенъ дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ намъ по лѣтописямъ... Неприложимость этихъ пѣсенъ къ единичнымъ лицамъ и событіямъ древне-русской исторіи не умаляетъ ихъ важнаго значенія для нашей бытовой исторіи». Костомаровъ не допускаетъ возможности, чтобы пѣсня, сложенная первоначально о какомъ-либѣ лицѣ или относившаяся нѣкогда исключительно къ одному какому-нибудь событію, могла сдѣлаться колядкою и примѣняться впослѣдствіи къ разнымъ лицамъ, въ родѣ церковнаго тропаря въ честь извѣстнаго разряда святыхъ угодниковъ, куда вмѣсто имрекъ стоитъ только вставить собственное имя, чтобы тропарь былъ пригоденъ къ лицу съ этимъ собственнымъ именемъ. Скорѣе колядка могла-бы обратиться въ пѣсню о какомъ нибудь событіи, какъ уже готовый матеріалъ, по сходству общихъ чертъ съ обстоятельствами случившагося событія. «Мы думаемъ, говоритъ Костомаровъ, что черты древняго дружиннаго и княжескаго вѣка, нѣкогда пережитаго народомъ, входили въ колядки не по воспоминанію о томъ или другомъ лицѣ, въ которомъ, по лѣтописямъ нашимъ, мы можемъ эти черты подмѣтить, а потому, что эти черты были вообще присущими нравамъ народа, складу его жизни, условіямъ его общественнаго строя, его нравственнымъ воззрѣніямъ и поэтическому вкусу». Указывая на неполноту взгляда гг. издателей на историческое въ памятникахъ народной поэзіи, какъ на отраженіе измѣненій исключительно общественнаго строя народа, Костомаровъ находитъ болѣе правильнымъ считать историческими народными пѣснями всѣ тѣ пѣсни, гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было вѣтви ея», религіозно-обрядовой, общественной, семейной или экономической.

Не смотря на преднамѣренное исключеніе гг. издателями изъ сборника пѣсенъ, касающихся прошлаго состоянія религіозности, семьи и экономіи народа и не смотря на частныя погрѣшности въ примѣненіи колядокъ и щедривокъ къ отдѣльнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ, сборникъ оказался настолько свѣтлымъ и свѣжимъ явленіемъ въ наукѣ, что вызвалъ многочисленныя рецензіи и критики и почти всеобщую похвалу, даже съ такой стороны, гдѣ

можно было ожидать лишь тенденціознаго порицанія. Кромѣ упомянутыхъ отзывовъ Костомарова и г. Н. П., въ разное время и въ разныхъ изданіяхъ о сборникѣ дали отзывы Котляревскій, Н. Веселовскій, О. Ѳ. Миллеръ, г. Рамбо, А. А. Потебня. Наиболѣе подробнымъ былъ отзывъ Костомарова.

Нужно при этомъ замѣтить, что между взглядами на историческое значеніе колядокъ и щедривокъ В. Б. Антоновича и Н. И. Костомарова съ одной стороны и взлядами на тотъ-же предметъ со стороны нѣкоторыхъ рецензентовъ, напр. г. Н. П. въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» съ другой стороны, обнаружилось принциніальное различіе. «Дѣлая примѣчанія, мы руководствовались, говорятъ гг. издатели сборника, кромѣ объясненія состава пѣсни, именъ и важнѣйшихъ предметовъ, въ ней упоминаемыхъ, главнымъ образомъ желаніемъ выписать изъ прозаическихъ источниковъ, туземныхъ и иностранныхъ, какъ можно болѣе матеріалу для того, чтобы можно было судить, насколько пѣсни, сохранившіяся въ памяти поселянина малорусскаго въ теченіи стольких вѣковъ, представляютъ поэтическое воспроизведеніе реальныхъ образовъ дѣйствительности этихъ вѣковъ, послѣдовательно смѣнявшейся». Въ другомъ мѣстѣ предисловія къ сборнику говорится, что объясненіе и систематическая группировка малорусскихъ пѣсенъ не только послужатъ источникомъ для исторіи малорусскаго народа, но и дадутъ возможность вѣрно оцѣнить творческую силу самаго народа, произведшаго и удержавшаго пѣсни въ памяти въ теченіе вѣковъ. Издатели хорошо знаютъ, что среди пѣсенъ есть бродячія, есть и поддѣльныя; и тѣ, и другія при этомъ выдѣляются, или совсѣмъ устраняются или объяснены сравнительно-литературными примѣчаніями. Важно то, что цѣль намѣчена вполнѣ ясно и отчетливо, что малорусская колядка и щедривка въ одномъ отношеніи, именно историческомъ, изучаются, какъ органическое проявленіе малорусской жизни, въ связи съ тою краевой почвой, которая ихъ возростила. Г. Н. П. въ своей рецензіи въ «Трудахъ кіев. дух. акад.» заботится прежде всего объ опредѣленіи родственныхъ связей Малороссіи съ Великороссіей и съ этою цѣлью стремится къ установленію тѣсной генетической связи между щедривками, колядками и гаивками съ одной стороны и великорусскимъ былиннымъ эпосомъ съ другой. Колядки, щедривки и гаивки являются у рецензента «мелкими произведеніями народной словесности», «зача-

точной поэзіей,» «первобытной словесностью,» «первобытнымъ достояніемъ славянъ, вынесеннымъ ими изъ арійской прародины своей и лишь слегка примѣненнымъ къ семейному и родовому быту нашихъ предковъ, который предшествовалъ эпохѣ княжеской.» Выходитъ, такимъ образомъ, что «эта первобытная словесность, воспринявъ въ слабой мѣрѣ слѣды исторической, княжеской эпохи, главнымъ образомъ сообщала темы для сѣверно-русскаго былеваго эпоса, развивавшаго эти темы подъ особыми историческими и географическими условіями» (т. X ст. 147). Разъ малорусская колядка поставлена въ такое служебное положеніе, естественно все вниманіе изслѣдователя должно перейти на сѣверно-русскую былину.

Въ сборникѣ Кольберга «Pokucie» (Krakow 1882 и 1883 г.) находятся, между прочимъ, двѣ галицкія колядки съ чертами вѣка дружиннаго и княжескаго. Указывая на сходство этихъ колядокъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ съ великорусскими былинами, М. Е. Халанскій въ своей диссертаціи о великорусскихъ былинахъ замѣчаетъ: «Болѣе точное и всестороннее обслѣдованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусскихъ историческихъ воспоминаній къ малорусскимъ, равнымъ образомъ, опредѣлить дѣйствительную сумму малорусскихъ воспоминаній о до-казацкихъ временахъ. Найболѣе пользы въ этомъ отношеніи должно принести изученіе малорусской народной поэзіи безъ великорусскихъ тенденцій. Не съ великорусскими былинами въ рукахъ, а съ лѣтописью нужно отыскивать слѣды древней исторіи въ современной малорусской пѣсенности. Не нужно считать непремѣнно древнимъ, старо-кіевскимъ только то въ малорусскихъ сказаніяхъ, о чемъ говорится въ великорусскихъ былинахъ. Данныя великорусскихъ былинъ сами по себѣ еще не могутъ служить критеріемъ древности извѣстнаго эпическаго факта. Сходныя черты въ сказаніяхъ малоруссовъ и великоруссовъ должны быть и онѣ есть: объясняются онѣ кровнымъ племеннымъ родствомъ и долговременнымъ сосѣдствомъ; но есть и разница между ними: причина ея лежитъ въ своеобычіи племенъ, составлявшемъ основную черту древней русской исторіи. Быть можетъ въ результатѣ изслѣдованія окажется, что малоруссы не уступаютъ великоруссамъ, если не въ количествѣ, то въ качествѣ воспоминаній о древнихъ (до-козацкихъ) временахъ» (Русск. Филолог. Вѣстн. 1885 г., т. III, стр. 151—152).

А. Н. Веселовскій въ 32 томѣ «Сборника отдѣленія рус. яз. и слов. акад. наукъ» 1883 г. предложилъ обширное изслѣдованіе о румынскихъ, славянскихъ и греческихъ колядахъ. Коляды разсмотрѣны имъ въ четырехъ главахъ: въ первой ихъ языческій элементъ, во второй христіанскіе мотивы колядокъ, въ третьей бытовые ихъ мотивы и въ четвертой мотивы балладные, эпическіе. Особнякомъ при этомъ стоитъ пространное и полное живаго интереса изслѣдованіе о святочныхъ маскахъ и скоморохахъ. Объ этомъ изслѣдованіи А. Н. Веселовскаго недавно говорилъ А. Н. Пыпинъ на страницахъ Вѣстника Европы и, такъ какъ оно не имѣетъ прямаго отношенія къ колядкамъ, то здѣсь можетъ быть опущено.

Въ небольшомъ введеніи къ изслѣдованію предложенъ краткій очеркъ римскихъ, осеннихъ и зимнихъ, праздниковъ: сначала очеркъ Врумалій въ честь ѳракійскаго Діониса отъ 24 ноября до 17 декабря, потомъ Сатурналій и Опалій отъ 17 до 23 декабря, Вотъ отъ 23 декабря до 1 января и наконецъ Каландъ отъ 1 до 5 января, которыя завершали цѣлый праздничный циклъ и празднованіе которыхъ было обще всему греко-римскому міру. «Это былъ праздникъ общей радости, братавшей сословія, возрасты и положенія; столованье и особливо попойки были въ разгарѣ... Въ ночь на 1 января веселая толпа бродила по улицамъ, съ пѣснями и плясомъ, свистомъ и гамомъ, стучась въ дома и будя хозяевъ шутками и насмѣшками. Рядились, дарили другъ друга, сыпали деньгами и попрошайничали»...

Останавливаясь на языческомъ элементѣ колядокъ, А. Н. Веселовскій отводитъ обширное мѣсто вліянію греко-римскихъ каландъ на славянскіе рождественскіе обряды и пѣсни. «Языческому чествованію новолѣтія, говоритъ А. Н. Веселовскій, подразумѣвая греко-римское язычество, церковь противопоставила свой собственный праздничный циклъ, рождественскій (съ 24 декабря по 6 января), языческимъ воспоминаніямъ—христіанскія, древнимъ маскамъ и играмъ—хожденіе со звѣздою и царями волхвами.... Старое и новое празднества стали рядомъ другъ съ другомъ, не безъ взаимнаго вліянія въ обѣ стороны: элементъ гаданія и пожеланій, ряженья и подачекъ объясняются въ чертѣ языческой обрядности; пѣсни о плугѣ, первоначально ей принадлежавшія, встрѣчаются въ числѣ малорусскихъ рождественскихъ колядокъ, какъ, наоборотъ, христіанскіе сюжеты послѣднихъ (святые гости, хожденіе Богородицы и т. п.)

проникли въ щедривки, т. е., пѣсни пріуроченныя къ чествованію языческаго новолѣтія, вмѣстѣ съ именами христіанскихъ святыхъ: свв. Василія (1 янв.) и Меланіи (31 дек.). Колядки пріютились подъ сѣнь церкви, взявшей подъ свой покровъ и рождественскую мистерію; онѣ поются въ Румыніи на ладъ священныхъ пѣсенъ, въ Малороссіи членами церковныхъ братствъ; это напоминаетъ колядныя общества средневѣковой Европы (fratres calendarum). Далѣе А. Н. Веселовскій останавливается на группѣ обычаевъ аграрнаго характера, какъ матеріалѣ святочнаго обряда и поэзіи, на «усенѣ» или «овсенѣ», сближаемомъ съ Сатурномъ по предполагаемому корню *sa*, *serere* въ Сатурнѣ и *сѣ*, сѣять (сл. причастія *сѣнъ* въ Усенѣ), на обрядномъ употребленіи свинаго мяса на рождественскихъ святкахъ, въ связи съ жертвоприношеніемъ свиньи въ римскомъ обиходѣ Сатурналій, на мимическомъ подраженіи «паканію» у галичанъ, малорусскихъ и румынскихъ плуговыхъ пѣсняхъ и встрѣчающихся въ малорусскихъ, румынскихъ и греческихъ колядкахъ пожеланіяхъ урожая. Изъ деталей представляетъ интересъ сближенія малорусскаго главнаго колядовщика «березы» съ румынскимъ названіемъ колядовщика «брезай» и съ болгарскимъ названіемъ святочной маски «брезая». Въ статьѣ о святочныхъ скоморохахъ А. Н. Веселовскій находитъ, что этимологія словъ *брезай*—береза (санскр. bhraj-fulgeo, румын. breoz= пестрый, разноцвѣтный) приводитъ къ обычному костюму древнихъ мимовъ, такъ назыв. centunculus, пестрому платью, сшитому изъ разноцвѣтныхъ лохмотьевъ.

Указывая въ началѣ обзора христіанскихъ мотивовъ колядокъ на большое сходство румынскихъ и малорусскихъ колядокъ, г. Веселовскій предполагаетъ перенесеніе готовыхъ типическихъ и символическихъ образовъ изъ одной среды въ другую, именно, изъ румынской и, можетъ быть, греческой въ южнорусскую. «Вмѣстѣ съ проповѣдью христіанства, говоритъ г. Веселовскій, могли переселяться не только церковные, но и народные обряды, удержавшіеся случайно подъ сѣнію церкви и прикрытіемъ хрістіанскаго святаго, а съ обрядомъ переселялись и сопровождавшія его пѣсни—оригиналы нашихъ щедривокъ, какъ тѣмъ-же путемъ могли заходить оригиналы собственно христіанскихъ, рождественскихъ пѣсенъ... Святочный циклъ, обнимавшій время отъ Рождества до Крещенія, исчерпывался главнымъ образомъ идеями обоихъ празднествъ; но вокругъ нихъ сгруп-

пировались другія, по аналогіи и смежности, по наивному смѣшенію, иногда по глубокому символизму: отъ рожденія Спасителя колядка переходила послѣдовательно къ его страданію, охватывая весь циклъ евангельскихъ повѣстей и апокриѳовъ о жизни Христа и обобщая ихъ въ своемъ образномъ символизмѣ.» Указывая въ колядкахъ сюжеты, навѣянные христіанскими воспоминаніями, г. Веселовскій указываетъ на слѣдующіе христіанскіе мотивы малорусскихъ и сродныхъ съ ними румынскихъ колядокъ.

Крещеніе Спасителя, понятое простодушно, какъ крещеніе совершенное надъ младенцемъ Іисусомъ. Богородица купаетъ—креститъ Спасителя; пеленаетъ Его въ шелковыя пеленки, бѣлитъ ризы Господа на тихомъ Дунаѣ.

Дерево или три дерева на горѣ; изъ нихъ рубятъ кресты, стявятъ церковь.

Въ чистомъ полѣ стоитъ груша; съ нея упала роса на траву, стала криница. Господь и св. Петръ купаются въ ней и пререкаются, что больше, земля или небо. Дерево въ иныхъ варіантахъ замѣняется церковью.

Происхожденіе вина (или Дуная) изъ крови, пролитой Спасителемъ на крестѣ; о страданіяхъ Христа и проклятой ивѣ.

Исканіе, преслѣдованіе жидами новорожденнаго Спасителя въ лѣсу, травѣ, горахъ.

Проклятіе «осики» и «терня» за то, что они не поклонились Христу во время бѣгства Богоматери въ Египетъ.

Выбранные изъ колядокъ христіанскіе мотивы служатъ достаточнымъ доказательствомъ общаго положенія о присутствіи въ колядахъ христіанскаго элемента. Нельзя однако не замѣтить, что подъ нѣкоторыми изъ приведенныхъ мотивовъ, напримѣръ мотивами о деревѣ и винѣ, лежатъ образы древняго миѳа, быть можетъ, основнаго славянскаго или даже арійскаго, и самое христіанское наслоеніе можетъ относиться къ весьма позднему времени.

При разсмотрѣніи бытовыхъ мотивовъ колядокъ А. Н. Веселовскій останавливается почти исключительно на свѣтскомъ сюжетѣ идилически-сентиментальной любви, встрѣчающемся въ румынскихъ колядкахъ. Въ малорусскихъ колядкахъ и щедривкахъ ничего подобнаго не встрѣчается. Малорусская колядка серьёзна, и эротическій элементъ почти не коснулся ея. Остановившись на бытовыхъ чер-

тахъ балладнаго характера, А. Н. Веселовскій обходитъ молчаніемъ малорусскія колядки, такъ какъ встрѣчающіяся въ нихъ бытовыя черты совсѣмъ другаго характера. Въ одномъ только мѣстѣ г. Веселовскій мимоходомъ указываетъ на встрѣчающійся въ малорусской колядкѣ мотивъ: на шелковой травѣ стоитъ наметъ, гдѣ на золотомъ стулѣ сидитъ «можный панонько»... «двома яблучки пидкидаючи»... «Швыряніе яблока, палицы, буздыгана, копья подъ облака и подхватываніе ихъ руками является выраженіемъ удали, общимъ эпическимъ мѣстомъ, встрѣчающимся и въ греческомъ, и во французскомъ эпосѣ» (стр. 260). Въ общемъ замѣчаніе это несомнѣнно вѣрно; но въ частности, въ приложеніи къ подбрасыванію яблока, можетъ быть другое толкованіе. Мнѣ кажется, что подбрасываніе яблока прежде, чѣмъ сдѣлаться въ пѣсняхъ выраженіемъ удали,— по аналогіи съ подбрасываніемъ палицы, было въ дѣйствительной жизни опредѣленнымъ свадебнымъ дѣйствіемъ, позднѣе обрядомъ, и лишь постепенно перешло отъ частнаго значенія свадебнаго обряда въ locus communis народной поэзіи. У сербовъ женихъ бросаетъ въ свояченицу яблокомъ; она отвѣчаетъ ему тѣмъ-же. У поляковъ, чеховъ и сербовъ или женихъ даритъ на свадьбѣ яблоко невѣстѣ или невѣста жениху. Въ черногорской свадебной пѣснѣ:

Прстен дава Янко харамбаша,
За прстеном јабуке се маша,
У њю мече до десет дуката,
Све дуката от чистого злата.

У болгаръ позолоченное яблоко втыкаютъ на верху свадебнаго знамени. Встрѣчается обрядовое яблоко и въ классической древности; у грековъ и римлянъ молодые послѣ свадьбы ѣли айву, чтобы были дѣти. Основное значеніе свадебнаго яблока, какъ символа солнца, въ славянскихъ обрядахъ и пѣсняхъ выразилось ясно и отчетливо, напримѣръ, въ малорусской пѣснѣ:

Котилось яблучко
Съ горы до долу;...
Часъ вамъ, дивочки,
Изъ гуляння до дому.

Какъ извѣстно, у древнихъ египтянъ и персовъ яблоко также было символомъ солнца. Обрядное употребленіе яблока на свадьбахъ,

какъ символъ чадородія, представляетъ дальнѣйшее развитіе символическаго его значенія; въ связи съ свадебнымъ обряднымъ яблокомъ стоитъ пѣсенный мотивъ подбрасыванія яблока для обозначенія, сначала, пожеланія плодородія, потомъ для обозначенія удали.

Останавливаясь на балладныхъ, эпическихъ мотивахъ колядкахъ, А. Н. Веселовскій замѣчаетъ, что колядки «свѣтскаго» содержанія развились изъ элемента пожеланій и славленія непремѣнно присутствующаго въ рождественской пѣснѣ и видоизмѣнявшагося, смотря по возрасту, полу и состоянію тѣхъ членовъ хозяйской семьи, къ которымъ обращались колядовщики. Хозяину сулилось семейное счастье и довольство, дѣвушкѣ счастливый бракъ и любовь, какъ рыбаку удача. Эпическая обработка этого мотива представляла это желанное осуществившимся: хозяинъ живетъ въ довольствѣ и счастливъ семьею, молодецъ — любовью и т. д. Созданная такимъ образомъ поэтическая гипотеза развивалась въ колядкѣ реальными чертами, и это открывало въ ея циклъ доступъ готовымъ пѣсеннымъ, лирическимъ и балладнымъ сюжетамъ, иногда сказочнымъ мотивамъ, насколько тѣ и другіе являлись примѣнимыми къ данному лицу и положенію... Чѣмъ богаче былъ жизненный путь, открывавшійся впереди тому или другому лицу, тѣмъ разнообразнѣе должно было быть содержаніе относящихся къ нему колядокъ. Отъ того колядки, обращенныя къ дѣвушкѣ, бѣднѣе обращенныхъ къ мальчику, парню, которыхъ могли ожидать впереди обаяніе власти и славы подвиговъ. Идеалъ «брани», преимущественно воспѣваемый въ колядкахъ этого рода, можетъ служить относительнымъ указаніемъ ихъ древности». Поясняя далѣе свои положенія примѣрами, А. Н. Веселовскій отрицаетъ реальное содержаніе въ малорусской колядкѣ (у Чубинскаго, № 1): «мать годуетъ, выправляетъ сына и посылаетъ въ войско, гдѣ, не смотря на ея совѣтъ—держаться позади, онъ выѣзжаетъ впередъ, совершаетъ чудеса храбрости и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя». Нельзя признать за этимъ отрицаніемъ достаточнаго основанія. Малорусскія пѣсни о Коновченкѣ или Вдовиченкѣ и другія сродныя по мотиву, совокупно съ обозначенной, повидимому, выродившейся изъ исторической пѣсни колядкой, такъ полны жизни, настолько реальны въ бытовомъ смыслѣ, что невольно возникаетъ мысль о мѣстномъ, южно-русскомъ ихъ происхожденіи, и предлагаемая авторомъ для сравненія румынская ко-

лядка, крайне далекая по содержанію и тону отъ малорусской колядки, не даетъ повода видѣть здѣсь заимствованіе пѣсеннаго мотива или пѣсенное locus communis. Гораздо убѣдительнѣе представляется высказываемое въ концѣ изслѣдованія мнѣніе о близкомъ родствѣ встрѣчающихся въ малорусскихъ и румынскихъ колядкяхъ мотивовъ «похвальбы конемъ» и «бесѣды коня съ молодцомъ».

Обзоръ поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ» А. А. Потебни, растянувшійся въ «Русск. Филолог. Вѣстникѣ» 1884 и 1885 годовъ, уже въ той своей части, которая напечатана, представляетъ весьма цѣнный вкладъ въ научную разработку народной поэзіи. Прежде колядка служила средствомъ, пособіемъ: изученіе колядокъ обусловливалось желаніемъ опредѣлить религіозно-миѳическое міросозерцаніе народа или отыскать въ современной жизни народа воспоминанія о давно прошедшихъ историческихъ лицахъ и событіяхъ, или наконецъ указать вліяніе на славянскіе народы греко-римской поэзіи и обрядовъ. Въ изслѣдованіи А. А. Потебни колядка поставлена цѣлью изученія, и уже различіе въ точкѣ зрѣнія на предметъ и въ отношеніи къ предмету изслѣдователя повело къ новымъ выводамъ и умозаключеніямъ, такъ сказать, углубившимъ и расширившимъ фарватеръ научнаго изученія колядокъ. Въ изслѣдованіи г. Потебни колядки и щедривки разложены на составные элементы, разобраны по мотивамъ и разобраны съ большой эрудиціей и съ образцовой научной строгостью въ обоснованіи выводовъ внимательно провѣренными фактами.

Въ первой главѣ изслѣдованія говорится о размѣрѣ колядокъ и щедривокъ. За немногими исключеніями, отчасти объясняемыми смѣшеніемъ и взаимодѣйствіемъ поэтическихъ формъ, стихъ малорусской колядки есть (5+5) съ припѣвомъ. Встрѣчаются небольшія уклоненія размѣра отъ нормы, или увеличеніе числа слоговъ до 6, или уменьшеніе до 4. По размѣру, при сходствѣ содержанія, къ одному разряду съ малорусскими колядками относятся галицкія весеннія (царинныя), бѣлорусскія волочебныя, или великоднія и великорусскія «виноградья», или колядки съ припѣвомъ «виноградье красно-зеленое». Щедривкамъ преимущественно свойственъ размѣръ (4+4).

Изрѣдка четырехсложная стопа замѣняется пяти и шестисложной. Размѣръ греческихъ колядокъ (8+7) не сходенъ съ славянскими, а размѣръ румынскихъ (5+5, 4+4, 6+6) указываетъ на связь ихъ съ славянскими.

Во второй главѣ говорится о времени колядованья и щедрованья. Малорусская колядка—рождественская величальная пѣсня, затѣмъ славленіе, самый обходъ съ такими пѣснями—примыкаетъ къ малорусскому-же тѣсному значенію слова коляда́—вечеръ 24 декабря. Это значеніе древнѣе восточно-малорусскаго обычая начинать колядованье съ вечера перваго дня Рождества Христова. Гоголь («Ночь подъ Рождество») могъ еще въ полтавской губерніи зазнать обычай начинать коляды съ «багатои кутьи», т. е. 24 декабря, существованіе коего подтверждается старинными сѣверными и южными и новыми свидѣтельствами, Стоглавомъ, царскими и патріаршими указами, густинскою лѣтописью, этнографическими статьями Купчанки, Шейна.

Изъ словъ, относящихся къ колядованію, въ этой главѣ объяснены самое слово коляда въ разныхъ его значеніяхъ, малорусское слово ралець, встрѣчающееся въ старинныхъ царскихъ грамотахъ и нынѣ въ Галиціи слово полазъ, названія Усень, Овсень, Авсень, Таусень, Бауцень. Считая названія Овсень, Таусень производными изъ пѣсеннаго произношенія Усеня: ой Усень, та Усень, А. А. Потебня за основную форму принимаетъ Усень и сближаетъ слово *усень* по корню съ литовскимъ *auszra*, латинскимъ *aurora*, санскрскимъ *усра*, *ушас* утренняя заря, утро, заря, какъ божество. Такое объясненіе Усеня представляетъ тотъ, такъ сказать, практическій интересъ, что разъясняетъ свойственное многимъ колядкамъ начало съ восхода солнца: «ой рано, рано сонце сходило», или съ однихъ словъ: «ой рано, рано», «ой раненько».

Въ третьей главѣ излагается цѣль колядокъ и щедривокъ, согласно съ тѣмъ, какъ она опредѣлена въ самихъ пѣсняхъ, въ послѣсловіяхъ, или «поколядяхъ». Цѣль эта—«димъ звеселити». Хотя иные поэтическіе мотивы колядокъ и щедривокъ, говоритъ А. А. Потебня, между прочимъ, взятые изъ христіанскихъ легендъ, первоначально ничего общаго съ величаньемъ не имѣютъ; но и они въ значительной степени подчинены главной цѣли этихъ пѣсенъ, именно величанью, возведенію лица, къ коему обращена пѣсня къ идеаль-

нымъ положеніямъ: къ значенію міровому, къ высокому общественному положенію, къ блеску богатства, мудрости, благочестія, удали, красоты... На всѣхъ ступеняхъ развитія потребность счастья, блеска, могущества требуетъ удовлетворенія хоть въ мечтѣ. Тѣмъ болѣе способно на время утолить эту жажду нѣчто столь объективное, какъ пѣсня. Даже нынѣшній культурный человѣкъ не могъ-бы подавить свѣтлой улыбки, если-бы ему и о немъ спѣли:

На коня садится, подъ нимъ конь бодрится;
Ой по лугу ѣдетъ—лугъ зелѣнѣетъ;

но несравненно важнѣе значеніе величальной пѣсни для людей прежнихъ. Чѣмъ далѣе въ старину, тѣмъ обычнѣе и крѣпче вѣра въ способность слова однимъ своимъ появленіемъ производить то, что имъ означено. На такой вѣрѣ основаны всѣ поздравленія и проклятія. Они и до нынѣ держатся не только одною инерціею, но и самой этой вѣрой»... Указавъ далѣе на различныя проявленія внесенія поэтическаго образа въ объясняемое и на важное значеніе въ жизни и въ поэзіи заключенія по почину, т. е. наклонности человѣка настоящее, какъ начало ряда событій, считать образомъ будущаго, А. А. Потебня замѣчаетъ, что обрядныя величанья пережили время господства миѳическаго мышленія, сохранивъ лишь ту практичность, которая составляетъ неотъемлемое свойство поэзіи. «Вѣра въ непосредственную силу слова, какъ явленіе господствующее, могла остаться далеко позади, и тѣмъ не менѣе колядка могла остаться при практическомъ значеніи другаго рода, какъ пожеланіе, какъ попытка водворить «въ человѣцѣхъ благоволеніе». Отсюда естественно вытекаетъ, что колядки изображаютъ свѣтлую, желанную сторону жизни, и колядники—«гости любыи, угодные».

Въ той-же главѣ находятся спеціальныя замѣтки по детальнымъ вопросамъ, о сочетаніи понятій и словъ «свѣтъ, зелень, веселье, слава» въ приложеніи къ колядкамъ, о значеніи словъ чары и ворожба, о частныхъ случаяхъ безсилія мысли разграничить восприятіе съ одной стороны и его пониманіе съ другой, о припѣвѣ «ой лелю» и родственныхъ съ нимъ литовскихъ и румынскихъ припѣвахъ.

Въ IV главѣ, начальной въ разсмотрѣніи мотивовъ, рѣчь идетъ о мотивѣ: колядники будятъ господаря и сказываютъ ему радость

на дворѣ. Въ однѣхъ колядкахъ мотивъ этотъ изложенъ ясно и опредѣленно, въ другихъ онъ затемнился; обращенія «чи чуешъ», «встань гори» и проч. теряютъ связь съ дальнѣйшимъ содержаніемъ колядокъ и становятся припѣвомъ, какъ-бы формальнымъ опредѣленіемъ категоріи этихъ пѣсенъ. Особенно подробно разобрано встрѣчающееся въ началѣ болгарскихъ пѣсенъ выраженіе «Станенине», съ разъясненіемъ его происхожденія изъ «въ(з)стани нынѣ». При разсмотрѣніи означеннаго мотива приняты во вниманіе тѣ случаи, когда господаря будитъ «ластивка», «зозуля», «соловей».

Въ V главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «зоря (утренняя звѣзда) зоветъ, сказываетъ вѣсть, радость», въ зависимости и въ связи съ народно-поэтическими представленіями мѣсяца и звѣзды денницы, ихъ видимой близости и видимаго удаленія, какъ любовнаго свиданія и брака, ссоры и разлуки.

Въ VI главѣ рѣчь идетъ о мотивѣ «Три радости. Богъ, царь или панъ зовутъ, дарятъ», насколько проявляется этотъ мотивъ въ колядкахъ, волочебныхъ пѣсняхъ и свадебныхъ величаньяхъ. Между прочимъ здѣсь высказано замѣчаніе, что баллада Мицкевича «Будрысъ и его три сына» въ общемъ представляетъ величальный мотивъ: «съ трехъ дорогъ три корысти», причемъ дорога понята въ тѣсномъ смыслѣ, какъ путь, военный походъ.

Въ VII главѣ разсмотрѣно величаніе воловъ, сохи, плуга, оранья и сѣянья. Величаніе этихъ предметовъ и дѣйствій есть величаніе хозяина, его радость. Съ величаньемъ плуга связаны различные обряды, обходъ съ плугомъ, символическое паханіе и т. п., а также различныя поэтическія сказанія, въ родѣ скиѳскаго сказанія о Таргитаусѣ и трехъ его сыновьяхъ.

Въ VIII главѣ, въ связи съ предъидущимъ мотивомъ, разсмотрѣнъ мотивъ «Богъ оретъ, святые помагаютъ», въ результатѣ котораго урожай, сборъ хлѣба; въ концѣ главы приведены нѣкоторыя относящіяся сюда апокриѳическія сказанія.

Въ IX главѣ говорится о мотивѣ: «сѣяніе, вѣяніе золота, серебра», съ ссылкой на латышскія пѣсни, гдѣ солнце сѣетъ чистое серебро. По этому мотиву царинныя пѣсни (у Лемковъ) сближаются съ колядками, причемъ самый образъ «засѣванія золотомъ» имѣетъ прямое отношеніе къ урожаю. Видоизмѣненіемъ мотива сѣянія золота и серебра представляется мотивъ объ ораніи копьемъ или

мечемъ и сѣяніи стрѣлами, мотивъ, восходящій по времени къ «Слову о Полку Игоревѣ».

Въ X главѣ говорится о мотивѣ: «Господь обходитъ дворъ величаемаго, считаетъ скотъ, мѣряетъ деньги» и пр.

Въ XI главѣ мотивъ: «Господь со святыми или святые обходятъ хозяйское поле».

Въ XII главѣ мотивъ: «Господарь готовится встрѣчать, угощать годовыхъ гостей, колядниковъ, Бога или святыхъ». Въ этой главѣ, между прочимъ, указано на сближеніе въ колядкахъ гостя и Бога, Бога и Дали и указано на значеніе словъ «молитъ» въ смыслѣ приносить въ жертву, зарѣзать, и «молитва», въ смыслѣ каши, кутьи, жертвеннаго блюда. «Такія черты колядокъ, какъ обходы Бога и святыхъ, умноженіе ими добра, приглашеніе ихъ въ домъ и угощеніе, изображеніе урожая, ведутъ къ сближенію колядокъ съ обжиночными пѣснями»,—говоритъ г. Потебня и разсматриваетъ при этомъ обряды съ снопомъ «дѣдомъ» и съ хлѣбомъ «крачуномъ». Особенный интересъ представляетъ новое объясненіе встрѣчающагося въ бѣлорусскихъ обжиночныхъ и въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ слова «рай». Принимая во вниманіе сходство свадебныхъ пѣсенъ съ обжиночными по размѣру и содержанію, А. А. Потебня допускаетъ переходъ свадебныхъ пѣсенъ въ дожиночныя и тожественность нѣкоторыхъ встрѣчающихся въ нихъ образовъ и выраженій, въ частности рая, причемъ слово «рай» въ свадебныхъ пѣсняхъ служитъ эпитетомъ коровая, а въ обжиночныхъ пѣсняхъ—эпитетомъ жатвеннаго вѣнка или снопа. Происхожденіе-же самаго эпитета «рай» объяснено изъ свадебныхъ пѣсенъ, гдѣ коровай посланъ отъ Бога, «зъ раю», и изъ свадебнаго-же наименованія обряднаго деревца гильца или вильца райскимъ деревцомъ, рай-деревцомъ или только рай. Выходитъ въ данномъ случаѣ, что существительное аттрибутивное, вытѣснивъ свое опредѣляемое, стало на его мѣсто.

Въ XIII главѣ разобранъ мотивъ: «Обходъ съ козою», въ связи съ относящимися сюда святочными обрядами и въ связи съ дожиночнымъ завиваніемъ бороды (Волосу, Ильѣ, Спасу). И пѣсни, и обряды, сюда относящіеся, представляютъ остатокъ вѣрованія, что душа нивы, сѣножати и растенія вообще есть «козло» или козообразное существо (какъ и Фавнъ, Сильванъ), преслѣдуемое жне-

цами и скрывающееся въ послѣднiй не сжатый пукъ колосьевъ или послѣднiй снопъ.

Въ XIV главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «солнце, мѣсяцъ и дождь, или два святые и Богъ спорятъ о силѣ», въ связи съ подобными сказочными мотивами, причемъ указано на связь мѣсяца съ моро-зомъ въ пѣсняхъ, повѣрьяхъ и загадкахъ. Далѣе разобранъ мотивъ: «три овчаря или одинъ овчарь съ тремя трубами», съ указанiемъ, что въ колядкахъ съ этимъ мотивомъ заключена апоѳеоза овчаря и его трубы, причемъ до-христiанскiе образы небесныхъ музыкантовъ и пастуховъ, каковы, между прочимъ, Панъ, Аполлонъ, Гандарвы, замѣнены Богомъ и святыми, Николаемъ, Юрiемъ и др.

Въ XV главѣ разобранъ мотивъ: «чудесное дерево; съ него три корысти», съ указанiемъ, между прочимъ, на моравскiй обычай носить, во время колядованiя «счастье»—березовую или хвойную вѣтку, украшенную яблоками и кусочками сукна. «Отождествленiе чудес-наго дерева (колядокъ), говоритъ А. А. Потебня, съ вѣтвистыми облаками не только не противорѣчитъ земному происхожденiю этого образа, но прямо предполагаетъ его. Человѣкъ, заключая отъ близ-каго и извѣстнаго къ далекому и неизвѣстному, переноситъ на небо свою земную обстановку и затѣмъ, когда этимъ она измѣнена, освящена и возвеличена, приписываетъ ей, въ ея земномъ видѣ, свойства, полученныя ею на небѣ. Такъ установляется идеальная связь мiрозданiя... Трудность изслѣдованiя заключается между про-чимъ въ опредѣленiи того, на какой точкѣ своего пути отъ близкаго къ далекому и обратно мысль захватила тѣ или другiе признаки». При разсмотрѣнiи коляднаго мотива о чудесномъ деревѣ подробно разобраны многiя сюда относящiяся пѣсенныя детали: «птица на верху дерева, кипарисное дерево, гусли, райское дерево плыветъ, дерево везутъ». Указывая на основное религiозно-миѳическое проис-хожденiе обрядовъ и пѣсенъ разсматриваемаго мотива, профес. По-тебня выдѣляетъ возможные апокриѳическiе элементы, заимствованные изъ «Бесѣды Iерусалимской» и изъ «Сказанiя о крестномъ деревѣ».

Въ XVI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «орелъ или соколъ сидитъ на деревѣ и говоритъ съ рыбой; орелъ перо ронилъ».

Въ XVIII главѣ—мотивъ: «три сокола; добыча ихъ (перепелъ, рыба и проч.)—пану корысть». Обобщенiемъ добычи соколовъ слу-житъ то, что они приносятъ господину радость, «здравiе и веселiе».

Въ XVIII главѣ—мотивъ: «соколъ, хортъ и конь»; соколъ несетъ рыбу, хортъ куницу, конь ведетъ стадо—все на радость пану, домохозяину.

Въ XIX главѣ—мотивъ: «соколъ или орелъ переноситъ невѣсту черезъ воду. Соколъ—сватъ». Въ этой главѣ находятся замѣтки о присутствіи разсматриваемаго мотива въ былинахъ о Михаилѣ Казарянинѣ, указаніе возможнаго происхожденія слова Казарянинъ отъ личнаго имени Козаринъ и разложеніе былинъ о Казарянинѣ на составныя части (описаніе коня, полонянка, кровосмѣшеніе и проч.). Останавливаясь на запѣвѣ: соколъ видитъ то-то, запѣвѣ, обусловленномъ стремленіемъ пѣвцовъ къ конкретности образа, А. А. Потебня разбираетъ малорусскую думу объ Олексіи Поповичѣ, причемъ разсматриваетъ сначала запѣвъ ея: «на Чорномъ морѣ, на камнѣ сидитъ соколъ и поглядаетъ на море», гдѣ начинается буря, затѣмъ, «въ видѣ отступленія», останавливается на нѣкоторыхъ другихъ чертахъ думы, на обычномъ дѣленіи идеальнаго поля зрѣнія на три части (судна козацкія буря разбила на три части и разнесла на три стороны) и выкупѣ головою. Не находя повода производить малорусскаго Алексѣя Поповича отъ былиннаго Алеши Поповича, А. А. Потебня находитъ возможнымъ происхожденіе основныхъ мотивовъ думы изъ пѣсенъ южныхъ славянъ, причемъ вниманію читателя предлагается замѣчательная болгарская пѣсня про Станковича Дуку (изъ сборника Миладиновыхъ, стр. 65), гдѣ изъ стихій малорусской думы находятся: буря на морѣ, исповѣдь грѣшника, главный его грѣхъ противъ матери и сестры и поздравленіе слушателямъ.

Въ XX главѣ разсмотрѣны мотивы объ оленѣ и турѣ: лань указываетъ охотнику невѣсту; олень обѣщаетъ стать въ пригодѣ; олень или туръ N—у корысть; на рогахъ оленя величаемая дѣвица или молодецъ. Въ изображеніи охоты «за чорнымъ туромъ» въ малорусскихъ колядкахъ А. А. Потебня усматриваетъ древнія бытовыя черты, напоминающія охоты Владиміра Мономаха, причемъ тѣ малорусскія колядки, въ которыхъ говорится, что «газдыня» посылаетъ слугъ поймать въ шелковыя сѣти «дивнаго звиря тура—оленя», относитъ ко времени гораздо раньше конца XVI ст., когда туръ (Urus), большой дикій быкъ, черный, съ свѣтлою полосою вдоль спины, былъ еще обычной дичью.

Въ XXI главѣ разсмотрѣнъ мотивъ: «куна въ дереви, дивка въ териеми», съ разъясненіемъ «законныхъ рѣчей» про куницу во время сватовства.

Двадцать первой главой въ третьей книжкѣ «Русск. Филолог. Вѣстн.» 1885 г. (вышла въ ноябрѣ) изслѣдованіе А. А. Потебни не оканчивается. Вѣроятно, еще долго будетъ тянуться печатаніе этого почтеннаго труда, такъ какъ за два года напечатано всего около половины изслѣдованія. Судя по тому, что напечатано, можно надѣяться, что предпринятое А. А. Потебней разложеніе колядокъ на мотивы, обстоятельный обзоръ ихъ содержанія, при полномъ вниманіи ко всѣмъ мелочамъ колядокъ относительно образовъ и словъ, вообще въ высшей степени тщательный и подробный научный анализъ дастъ возможность опредѣлить внутреннее родство колядокъ и свести ихъ въ нѣсколько семействъ.

Останавливаясь на детальныхъ вопросахъ, г. Потебня часто предлагаетъ объясненія непонятныхъ или малопонятныхъ малорусскихъ словъ и выраженій. Вообще въ изслѣдованіи разбросана масса замѣчаній о лексической сторонѣ малорусскаго языка.

При сравнительно-литературномъ изученіи колядокъ и щедривокъ, опирающемся на сопоставленіи сходныхъ колядочныхъ мотивовъ разныхъ народовъ, въ сторонѣ, въ тѣни, остается проницающее ихъ народное начало, своеобразныя черты народности, краевыя особенности. Между тѣмъ, національная окраска колядокъ и щедривокъ, выражающаяся въ своеобразіи поэтическихъ, нравственныхъ и бытовыхъ мотивовъ, представляетъ большой и разносторонный интересъ, какъ выраженіе того, чѣмъ живетъ и держится нынѣ колядка. Печать духа народнаго лежитъ на общемъ складѣ колядокъ и щедривокъ, и на отдѣльныхъ ихъ подробностяхъ. Отъ степени народности пѣсни зависитъ степень ея нравственной убѣдительности и поэтической силы. Пропикающимъ колядки народнымъ началомъ часто скрадывается недостатокъ разработки взятаго мотива и сложный составъ колядки изъ элементовъ, возникшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ.

При изученіи миѳической стороны колядокъ и щедривокъ также сплошь и рядомъ упускаются изъ виду ихъ поэтическія и нравствен-

ныя стороны. Между тѣмъ бытовая правда и нравственныя черты колядокъ имѣютъ цѣну и для этнографа, и для историка культуры. О миѳическомъ значеніи добраго молодца и красной дѣвицы народъ давно забылъ, и миѳическій элементъ потерялъ для него всякое значеніе, тогда какъ проникающіе колядки поэтическіе и нравственные элементы продолжаютъ дѣйствовать на народъ въ воспитательномъ смыслѣ. Возьмемъ, напримѣръ, слѣдующую превосходную колядку въ честь домохозяина и въ особенности его жены:

У нашого пана хороша пани,
Богъ ёму давъ славную жену въ ёго дому!
По двору ходыть, якъ мисяць сходыть;
По синцяхъ ходыть, якъ зоря сходыть.
Садыла сынки въ чотыри рядки,
Садыла дочки въ три рядочки.
Сыночки зросли—у школу пишлы,
А дочки зросли—у швачки пишлы,
Сыночки идуть—книжечки несуть,
А донечки идуть—хусточки несуть:
Книжечки на стилъ, батеньку до нигъ,
А донечки хусточки на пилъ, матюнци до нигъ.

(Чуб., т. III, стр. 404).

Что тутъ можно взять для миѳологіи, исторіи или литературнаго заимствованія? Очевидно, ничего. Между тѣмъ, превосходное поэтическое и нравственно-воспитательное произведеніе на лицо; оно вошло въ сборникъ Метлинскаго, потомъ Чубинскаго, и отсюда можетъ быть извлечено съ извѣстными нравственно-практическими цѣлями; оно до сихъ поръ циркулируетъ гдѣ-нибудь въ глуши, на Волыни или въ Полтавщинѣ, заключая въ себѣ идеальныя стремленія крестьянина къ возможно-лучшему устройству семейной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть лучше, полнѣе и нравственнѣе нарисованной въ колядкѣ картинки крестьянской семейной жизни: домохозяйка—хорошая жена, хорошая мать; сыновья грамотны; дочки—мастерицы шить; дѣти признательны, благодарны родителямъ и чествуютъ ихъ въ великій день праздника Рождества Христова. О самомъ домохозяинѣ въ колядкѣ не говорится; достаточно, что у него такая хорошая жена, такія благовоспитанныя дѣти. Похвалой

семьи похваляется уже и самъ хозяинъ, по тому соображенію, что отличное въ нравственномъ отношеніи положеніе семьи необходимо предполагаетъ въ отцѣ семейства человѣка разумнаго и нравственнаго. Нельзя не замѣтить, что въ колядкѣ, между прочимъ, отразился народный взглядъ на ученіе, грамотность, книгу, какъ на благо, при томъ условіи, когда между родителями и дѣтьми сохраняется тѣсная нравственная связь.

Подобнымъ житейскимъ, бытовымъ характеромъ отличаются многія другія колядки и щедривки, можно сказать, значительное большинство колядокъ и щедривокъ. Одинъ разрядъ колядокъ прославляетъ домохозяйку, сыновей и дочерей домохозяина; другой разрядъ состоитъ въ обрисовкѣ желаемаго довольства, богатства, представляемаго осуществившимся. Похвала женѣ выражается, между прочимъ, словами:

Хорошую жинку маешъ,
Хорошенько еи поважаешь:
Якъ чашечка у меду,
Якъ барвинокъ у саду,
Якъ барвинокъ въ саду процвитае.

(Чуб., т. III, стр. 453).

Похвала сыну выражается въ указаніи, что онъ собирается жениться, «коня строитъ,» чтобы привести отцу хорошую «невѣстку'» не изъ тѣхъ дивчатъ, что «танокъ водять», а изъ тѣхъ, что на «хорошей нивѣ», за которыми «снопки густыи» (Чуб., т. III, стр. 416, 464). Похвала дочери въ словахъ: «до церкви йшла, якъ зоря зойшла, а зъ церкви йшла красною панною»; паны ее встрѣчаютъ, шапки снимаютъ». (Чуб., т. III, стр. 395).

Обрисовка желаемаго богатства и довольства выражается въ колядкахъ и щедривкахъ обыкновенно въ той формѣ, что Господь ходитъ «по обори и лагодыть волы по три плуги, бычки—третячки та й по чотыри; ходыть по стаенци и лагодыть кони на три бороны, лошаки—стрижаки та й по чотыри; ходыть по току, та й все лагодыть, кладе стижкы та й въ три рядки, яру пшеницю та по чотыри; ходыть по пасици, та й все лагодыть пчолки на три ряды» и т. д. (Чуб., т. III, стр. 347). Во многихъ колядкахъ и щедривкахъ разработываются отдѣльные мотивы этихъ пожеланій—о хорошемъ урожаѣ

хлѣба, о большомъ приплодѣ скота (Чуб., т. III, стр. 454), о роеніи пчелъ, напримѣръ, въ слѣдующей превосходной бытовой колядкѣ:

Шумить, гуде, дубровою йде...
Пчолонька-мати пчолоньку веде:
Пчолоньки мои, дитоньки мои,
Ой дежъ мы будемъ при саду мати
Рои роити и меды носити?
Будемо мы при саду рои роити
И меды носити у пана-господаря,
У ёго бортяхъ и въ ёго новыцяхъ:
Медокъ сладокъ пану-господару,
Жовтые воски Богу на свичу.
За симъ же словомъ дай бувай здоровъ.
(Чуб., т. III, стр. 392.)

Колядка приведена цѣликомъ, какъ вполнѣ житейская, спѣтая колядовщиками отъ добраго сердца, передъ домомъ пчеловода, для послѣдняго радостная, пріятная.

Житейская, бытовая сторона колядки большею частью обнаруживается въ началѣ, въ первой строкѣ, или въ первыхъ двухъ-трехъ строкахъ, даже въ такихъ колядкахъ, дальнѣйшее содержаніе которыхъ состоитъ изъ окаменѣвшаго миѳологическаго элемента или изъ апокриѳической религіозно - христіанской легенды; напримѣръ: «Въ господара остроженный двиръ» (затѣмъ мотивъ о томъ, какъ жиды Христа мучили) (Чуб., т. III, стр. 136). «Остроженный» въ данномъ случаѣ означаетъ то, что колядка запѣта впервые передъ дворомъ крестьянина, огороженномъ плетнемъ съ «острогомъ», т. е. широкимъ плетневымъ верхомъ съ соломой. По другому запѣву:

Ой знати, знати пана-господара:
Въ нёго хата зъ сосны, зъ ялыны,
Вся малевана. (Чуб., т. III, стр. 143)...

Къ домохозяину обращаются съ просьбой «застилать столы тесовыи обрусомъ» (Чуб., т. III, стр. 337); въ колядкахъ «вси святыи ослономъ сили» (Чуб., т. III, стр. 344, 351).

Кромѣ бытоваго, житейскаго интереса, колядки и щедривки заслуживаютъ вниманія еще съ точки зрѣнія народной психологіи.

Въ особенности любопытно прослѣдить процессъ ассимилированія и усвоенія инородныхъ элементовъ, постепенныя градаціи въ приближеніи заимствованнаго поэтическаго мотива къ основному, краевому духовному складу и пониманію. И въ Франціи, и въ Румыніи, и въ Греціи, и въ Малороссіи, во всѣхъ христіанскихъ странахъ извѣстны евангельскіе разсказы о рождествѣ Спасителя, Его крещеніи, проповѣди, страданіяхъ и крестной смерти; повсемѣстно разсказы эти производили глубокое впечатлѣніе на народъ и находили мѣсто въ народной поэзіи. При всемъ томъ, каждый народъ разработалъ эти религіозно - христіанскіе мотивы самостоятельно, по тѣмъ бытовымъ даннымъ, которыя представила ему его собственная семейная жизнь, его понятія объ истинѣ и добрѣ. Тутъ можно открыть весьма характерныя національныя черты.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ содержаніи колядокъ и щедривокъ попадаются болѣе или менѣе крупные отрывки изъ свадебныхъ пѣсенъ, напримѣръ, у Чубинскаго, т. III, §§ 131, 135, 140, 141, 122 и нѣкоторые другіе. Одна щедривка (у Чуб., т. III, стр. 441) представляетъ духовный стихъ, сложенный, по видимому, по случаю обрѣтенія чудотворнаго креста или, что болѣе вѣроятно, по случаю освященія воды 6 января «на Ордани». Въ иныхъ щедривкахъ попадается и Василь, и Василекъ, по тому поводу, что предстоитъ праздникъ Василія В.; напримѣръ, въ щедривкахъ у Чубин., т. III, стр. 467. Въ одну щедривку вклеена веснянка о ремезѣ: «Ой ремезо, ремезочку, не клади хаты на ледочку» и пр. (ib. стр. 450).

Еще одно отступленіе, въ заключеніе статьи. Въ послѣднее время малорусскіе поэты представили нѣсколько стихотвореній на колядочные и щедривочные мотивы. Такъ въ «Ворсклѣ» Я. И. Щоголева находится «Колядка», гдѣ среди свойственыхъ колядкамъ «вина» и «пирожечкивъ» попадаются нѣсколько чуждыхъ имъ чертъ: большія комнаты домохозяина и бѣлыя руки хозяйки. Въ «Риздвяной ночи» г. Старицкаго находится нѣсколько искусственныхъ колядокъ. Въ колядкѣ «Чи дома, дома бидная вдова» есть черты, чуждыя народу, по крайней мѣрѣ, народной поэзіи, въ частности колядкамъ. «Бидная вдова» встрѣчается изрѣдка въ народныхъ пѣсняхъ, напримѣръ въ думѣ о Коновченкѣ, въ думѣ о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ, но въ колядкахъ не встрѣчается. Колядка—пѣсня свѣтлая, радостная, а тутъ вдова, да еще «бѣдная». Вѣяніе золота приписано вдовѣ.

что противно народной поэзіи, гдѣ золото вѣетъ добрый молодецъ. Далѣе: «вдовы не мае дома, пишла до Бога»—мотивъ совсѣмъ не народный, тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ неумѣстный, что выраженіе «пойти до Бога» служитъ у простаго народа описательнымъ названіемъ смерти, кончины человѣка. Колядка «Ходывъ—походывъ мисяць по небу» вполнѣ безукоризненна по вѣрности народнымъ поэтическимъ мотивамъ и очень хороша по выдержанности и задушевности.

Искусственная поэзія можетъ многое почерпнуть въ колядкахъ и щедривкахъ, при условіи предварительнаго изученія колядокъ и щедривокъ, предварительной начитанности въ нихъ поэтовъ. Художественная группировка поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ всегда произведетъ на читателя чарующее впечатлѣніе, которое, однако, быстро теряется и замѣняется непріятнымъ ощущеніемъ фальсификаціи, разъ только проскочила черта, или двѣ-три черты, противныя общему складу народнаго міросозерцанія и поэзіи, въ особенности въ случаѣ ихъ противорѣчія основному характеру даннаго рода или вида поэтическаго творчества.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

КЪ ИСТОРІИ ПЕРВАГО КРЫМСКАГО ПОХОДА.

---

21 апрѣля 1681 г. между Россіей и Польшей былъ заключенъ договоръ вѣчнаго мира, одной изъ существенныхъ статей котораго было обязательство Россіи—разорвать миръ съ турецкимъ султаномъ и крымскимъ ханомъ, послать немедленно войска на крымскія переправы для защиты Польши отъ татарскихъ нападеній, приказать донскимъ козакамъ чинить воинскій промыслъ на Черномъ морѣ, а въ слѣдующемъ 1687 г. послать всѣ свои войска на Крымъ. Въ исполненіе этой статьи московскій дворъ послалъ къ хану извѣстительную грамоту о заключеніи союза съ польскимъ королемъ; «кто будетъ ему другъ», сказано въ этой грамотѣ, «тотъ и намъ другъ, а кто ему недругъ, тотъ и намъ недругъ». На этотъ вызовъ ханъ отвѣчалъ, что онъ ссоры съ Москвой не искалъ, а къ дружбѣ и недружбѣ готовъ, и выслалъ татаръ въ предѣлы Малороссіи для начатія военныхъ дѣйствій. Тогда русское правительство стало готовиться къ войнѣ; по городамъ были посланы грамоты воеводамъ объ извѣщеніи дворянъ и дѣтей боярскихъ, чтобы они готовились къ службѣ, а срокомъ стать на службу въ указныя мѣста было назначено 1-е марта 1687 г., для высылки-же изъ городовъ копейщиковъ, рейтаръ и солдатъ и для раздачи имъ жалованья были посланы во всѣ города стольники и дворяне съ дьяками, которымъ приказано было самимъ привести служилыхъ людей въ указныя мѣста къ назначенному сроку. Сборныхъ пунктовъ было назначено три: большому полку велѣно сбираться въ Ахтыркѣ, новгородскому розряду въ Сумахъ, рязанскому розряду въ Хотмышскѣ; служилыхъ людей, являвшихся на службу въ эти города до прибытія полковыхъ воеводъ

велѣно писать «въ пріѣзды» мѣстнымъ городовымъ воеводамъ[1]). Назначеніе полковыхъ воеводъ состоялось еще 22 октября; въ большой полкъ былъ назначенъ воеводою царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, близкій бояринъ и дворовый воевода, намѣстникъ новгородскій, кн. Василій Васильевичъ Голицынъ, а товарищами—бояринъ, кн. К. Ѳ. Щербатой и окольничій В. А. Змѣовъ и четыре посыльныхъ воеводы изъ стольниковъ; въ новгородскій розрядъ — бояринъ А. С. Шеинъ, а товарищемъ окольничій кн. Д. Аѳ. Борятинской; въ рязанскій розрядъ—бояринъ кн. Вл. Дм. Долгорукой, а товарищемъ окольничій П. Дм. Скуратовъ. Отпускъ воеводъ изъ Москвы къ войскамъ послѣдовалъ 20 февраля; при отпускѣ, «какъ воеводы были у государей у руки», при чемъ, по обычаю, старшій воевода долженъ былъ получить изъ рукъ государей наказъ и списки служилыхъ людей, кн. Голицыну было сказано «изъ государскихъ устъ, что они, великіе государи, вѣдая его многія радѣтельныя службы и усердное о всякихъ государскихъ дѣлахъ попеченіе, нынѣшнее настоящее воинское дѣло изволили, при помощи Божіей, положить на него ближняго боярина и оберегателя, а ему то великихъ государей дѣло, при той-же помощи Божіей, дѣлать по своему усмотрѣнію, какъ Богъ вразумитъ и наставитъ, *а наказу ему не будетъ*».

Лишь неограниченной привязанностію правительницы къ своему любимцу и желаніемъ ея какъ можно выше поставить его въ глазахъ войска и двора можно объяснить такой небывалый въ исторіи москов-

---

[1]) Въ составъ войска входили: городовые дворяне и дѣти боярскіе, дѣлившіеся на сотни подъ начальствомъ головъ изъ стольниковъ и дворянъ,—всѣ на коняхъ; стрѣльцы, дѣлившіеся на полки подъ начальствомъ полковниковъ, исключительно русскихъ людей; полки дѣлились на сотни подъ начальствомъ капитановъ; копейщики, рейтары и солдаты, тоже дѣлившіеся на полки и сотни, подъ начальствомъ генераловъ и полковниковъ, преимущественно иноземцевъ; московскихъ чиновъ люди, собранные по одному человѣку съ 50 дворовъ, раздѣленные на сотни, подъ начальствомъ головъ. Сами московскіе чины: стольники, стряпчіе, дворяне и жильцы составили изъ себя роты: стольники 19 ротъ по 50 человѣкъ въ ротѣ, подъ начальствомъ ротмистровъ, изъ стольниковъ-же; стряпчіе 11 ротъ по 60 человѣкъ въ ротѣ, подъ начальствомъ ротмистровъ, изъ стольниковъ; дворяне московскіе 13 ротъ по 70 человѣкъ въ ротѣ, подъ начальствомъ ротмистровъ, изъ стольниковъ и самихъ дворянъ; жильцы 13 ротъ по 80 человѣкъ въ ротѣ съ ротмистрами изъ стольниковъ.

скаго государства случай, какъ предоставленіе воеводѣ на его страхъ веденіе войны; не было столь ничтожнаго порученія, что-бы исполнителю не былъ данъ наказъ, какъ его исполнить. Вѣроятно и Голицына смутило это чрезвычайное довѣріе къ нему государей и онъ, не рискуя вести войну на свой страхъ, просилъ правительницу снабдить его «тайными статьями», которыя, въ случаѣ нужды, онъ могъ бы показать, кому слѣдуетъ, въ оправданіе своихъ дѣйствій.

Съ тайными статьями былъ посланъ къ Голицыну думный дьякъ Ѳ. Л. Шакловитый 27 того-же февраля; при свиданіи съ Голицынымъ ему велѣно было, передавши тайныя статьи, «объявить ему о государскихъ дѣлахъ, которыя ему, думному дьяку, словесно наказаны».

Должно быть Голицынъ не далеко еще уѣхалъ отъ Москвы, потому что 28 числа онъ уже прислалъ отписку о полученіи статей.

Въ этихъ статьяхъ Голицыну велѣно, по прибытіи въ Ахтырку, прежде всего пересмотрѣть всѣхъ ратныхъ людей, которымъ указано быть съ нимъ на службѣ, при чемъ про «нѣтчиковъ» разыскивать, «гдѣ тѣ нѣтчики нынѣ и живы-ли, и почему кто на службу не явился; есть-ли за ними помѣстья и вотчины и въ какихъ городахъ»; списокъ ихъ велѣно прислать въ Москву. Особенное вниманіе предлагается обратить на вооруженіе даточныхъ людей московскихъ чиновъ, чтобы они были на службѣ «съ боемъ на добрыхъ лошадяхъ, съ долгими пищальми и съ инымъ пристойнымъ оружіемъ»; ихъ велѣно росписать въ особыя роты или сотни, «и къ тѣмъ сотнямъ выбрать головъ и сотенныя знамена головамъ велѣть раздать при себѣ и приказать головамъ сотенныхъ людей смотрѣть по часту, чтобъ они были всѣ на лицо; а съ кого они взяты будутъ, и съ тѣми имъ въ сотняхъ быть не велѣть, а велѣть за ними быть инымъ ихъ людямъ, для того, что напередъ сего, по указу блаженныя памяти государя Ѳедора Алексѣевича, велѣно было у нихъ быть людямъ ихъ съ боемъ съ 25 дворовъ по человѣку, а нынѣ тѣхъ ихъ людей велѣно взять передъ тѣмъ съ убавкою. А буде у чьихъ людей указнаго ружья не будетъ, и на тѣхъ людяхъ, съ кого они взяты будутъ, то указное ружье велѣть доправить сполна, чтобъ однолично тѣ люди были всѣ на добрыхъ лошадяхъ и съ указнымъ ружьемъ». Генераламъ и полковникамъ велѣно приказать, чтобы они произвели смотръ ратнымъ людямъ своихъ полковъ коннымъ и пѣшимъ, осмотрѣли-бы у нихъ ружья и учили-бы ихъ «ратному всякому строю, и ополченію, и

стрѣльбѣ, чтобъ они всему тому были всѣ навычны, и ружье-бъ у всѣхъ всегда было чисто и къ бою въ готовности». Передъ походомъ изъ Ахтырки на Крымъ Голицыну велѣно сказать ратнымъ людямъ всѣхъ чиновъ своего полка государевъ указъ: «кто изъ нихъ хотятъ лишнихъ людей и лошадей, или какую рухлядь отослать домой, и они это сдѣлали-бы изъ Ахтырки до похода, а выйдя изъ Ахтырки изъ обоза людей и лошадей своихъ не отпускали-бы, и тѣмъ въ обозѣ межъ ратными людьми молвы и страхованія не чинили». Ратнымъ-же людямъ передъ походомъ изъ Ахтырки велѣно «учинить заказъ подъ жестокимъ подкрѣпленіемъ и подъ страхомъ, чтобъ они, будучи въ томъ воинскомъ пути, малороссійскихъ городовъ жителямъ никому никакихъ обидъ и убытковъ не чинили и безденежно конскихъ кормовъ и съѣстныхъ запасовъ ни у кого не имали, и малороссійскихъ городовъ съ жителями, которые будутъ въ томъ воинскомъ походѣ при гетманѣ, съ черкасами и калмыками и иныхъ народовъ съ людьми, которые въ полку будутъ, ссоръ и задоровъ и нелюбья никакого не чинили, и никакихъ имъ досадныхъ и поносныхъ словъ не говорили и ничѣмъ ихъ не укоряли, для того что они черкасы и иныхъ народовъ люди великимъ государемъ служатъ вѣрно и всегда на ихъ государскихъ службахъ бываютъ съ ними ратными людьми вмѣстѣ и надъ непріятельскими людьми промышляютъ за одно».

Время выступленія въ походъ на крымскія юрты, время и мѣсто соединенія большаго полка съ сходными воеводами и съ гетманомъ войска запорожскаго, а также выборъ пути въ Крымъ статьи предоставляютъ усмотрѣнію Голицына. Въ случаѣ нападенія татаръ на войско Голицына, статьи совѣтуютъ ему собрать воеводъ и ратныхъ людей, кому будетъ можно, въ церковь и велѣть протопопу со всѣмъ соборомъ пѣть молебное прошеніе о побѣдѣ; во время самого сраженія съ татарами или въ случаѣ приступа къ непріятельской крѣпости—велѣть носить или возить передъ собою по полкамъ животворящій крестъ, и при этомъ говорить ратнымъ людямъ, чтобъ они, памятуя Бога, «за святыя Божія церкви и за благочестивую и непорочную святую христіанскую вѣру, за превысочайшую честь великихъ государей, за все московское государство и за избавленіе единокупельной братіи своей православныхъ христіанъ, которые у тѣхъ враговъ Божіихъ и всего христіанства непріятелей въ тяжкой работѣ и въ нестерпимой неволѣ

пребываютъ. противъ тѣхъ непріятелей басурмановъ стояли крѣпко и мужественно, безъ всякаго сомнѣнія и боязни, и чинили надъ ними всякіе промыслы желательнымъ и безстрашнымъ усердствомъ, сколько на то Богъ помощи подастъ».

Въ случаѣ побѣды надъ непріятелемъ статьи прежде всего совѣтуютъ пѣть благодарствіе по чиновной книгѣ и ратныхъ людей обнадеживать за ихъ усердіе отъ Господа Бога воздаяніемъ и государскою милостію. Взятыхъ на бою «языковъ» статьи велятъ отдавать послѣ распроса тѣмъ, кто ихъ возьметъ, а имъ или у себя держать или продавать русскимъ людямъ и иноземцамъ русской службы; плѣнниковъ, которые дадутъ за себя «окупъ», отпускать, а «окупъ» выдавать тѣмъ-же ратнымъ людямъ, кто ихъ возьметъ; за обмѣненнаго плѣнника долженъ окупъ заплатить тотъ изъ русскихъ людей, кто выданъ въ обмѣнъ. Если будетъ получено извѣстіе о выступленіи изъ Крыма съ войскомъ хана, или нурадина, или калги, то объ этомъ отписать во всѣ малороссійскіе города для вѣдома наскоро. «А буде ханъ крымской пришлетъ пословъ своихъ и учнетъ просить мира отъ всего крымскаго юрта и отъ всѣхъ владѣнія своего людей и за сторону султана турскаго, то съ ханомъ крымскимъ и за сторону султана турскаго миръ учинить по договорамъ вѣчнаго мира, который учиненъ между великими государями и королевскимъ величествомъ польскимъ въ 194 году (1686 г.). А буде ханъ крымской съ ордою придутъ въ познаніе и не похотя себѣ и юртамъ своимъ отъ наступленія полковъ раззоренія, учнутъ быть челомъ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству въ вѣчное подданство, въ такомъ случаѣ его, хана, и всего его владѣнія людей подъ высокодержавную руку великихъ государей принять и ихъ государскою милостію обнадежить». А на какихъ условіяхъ принять подданство хана—предоставлено усмотрѣнію Голицына; ему-же эти статьи предоставляютъ право непосредственнаго сношенія съ королемъ польскимъ.

Съ боярами и воеводами—товарищами своими и войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманомъ Ив. Самойловичемъ статьи предлагаютъ Голицыну «пребывать совѣтно и пріятно и о надлежащихъ дѣлахъ, о чемъ пристойно, совѣтовать, и имѣть тщаніе и милостивое разсмотрѣніе о людяхъ; о бѣдныхъ и неимущихъ имѣть щедрое попеченіе, и къ добротворительнымъ и послушливымъ быть милостивымъ, любовнымъ, кроткимъ и пріятнымъ, а не послушливымъ

чинить наказаніе по градскимъ законамъ и по ихъ великихъ государей уложенію, не обинуяся лица сильна и убога человѣка, судъ-бо Божій есть».

Статьи оканчиваются приглашеніемъ кн. Голицына служить съ неотмѣннымъ своимъ усердіемъ, такъ какъ настоящее дѣло по милостивому изволенію государей положено на немъ ближнемъ бояринѣ и оберегателѣ съ товарищами.

Такимъ образомъ тайныя статьи предоставляютъ Голицыну чрезвычайно широкія полномочія: право суда и расправы въ войскѣ, право войны и мира съ крымскимъ ханомъ и право дипломатическихъ сношеній съ королемъ польскимъ безъ предварительнаго сношенія съ правительствомъ; словомъ, статьи даютъ только совѣтъ, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, предоставляя выполненіе совѣта его усмотрѣнію.

И съ внѣшней стороны воевода большаго полка былъ обставленъ весьма внушительно: съ нимъ были отпущены «сверху изъ государевыхъ ближнихъ хоромъ чудотворный образъ Спаса и животворящій крестъ; для отправленія божественной службы изъ приказа большого дворца выдана полотняная церковь со всякимъ церковнымъ украшеніемъ; для совершенія церковной службы, по благословенію Іоакима патріарха, посланы собора Рождества Богородицы, что у государей вверху, протопопъ Захарій съ священниками и дьяконами, а также государевы пѣвчіе дьяки и церковники; для полка отпущено знамя съ изображеніемъ лица Спасителя,—то знамя, съ которымъ царь Иванъ Васильевичъ «побѣдилъ многочисленные басурманскіе народы и покорилъ въ россійскую державу казанское царство»; для полковыхъ и всякихъ дѣлъ и для съѣздовъ съ боярами—товарищами и съ гетманомъ былъ отпущенъ шатеръ суконный цвѣтной.

О прибытіи въ Ахтырку Голицыну велѣно было отписать въ Москву, а во всѣ малороссійскіе города послать отписки о готовности къ походу и о многочисленности своихъ полковъ, «дабы о томъ разголосить во всѣ мѣста, чтобъ было то непріятелямъ къ страху».

Почти два мѣсяца пришлось Голицыну дожидаться въ Ахтыркѣ сбора ратныхъ людей и подводъ для перевозки хлѣбныхъ запасовъ и пушечныхъ снарядовъ; да едвали онъ могъ выступить въ походъ раньше и въ томъ случаѣ, если-бы всѣ ратные люди были въ сборѣ, такъ какъ распутица, свойственная этимъ мѣсяцамъ, препятствовала-бы

походу. Лишь 23-го апрѣля Голицынъ послалъ изъ Ахтырки на первый станъ солдатскіе и стрѣлецкіе пѣхотные полки и этой пѣхотой велѣлъ обнять и устроить въ 5-ти верстахъ отъ города меньшой обозъ, гдѣ быть церкви, разрядному шатру и его двору. 24 и 25 апрѣля выступили изъ города городовые дворяне и дѣти боярскіе, рейтарскіе полки и люди московскихъ чиновъ со всякими служилыми запасами; этими войсками былъ обнятъ и устроенъ большой обозъ; въ меньшемъ обозѣ поставлены разрядный шатеръ и дворъ Голицына. Наконецъ 26-го числа вышелъ изъ Ахтырки и самъ Голицынъ съ остальнымъ войскомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала шли стольническіе, стряпческіе, дворянскіе и жилецкіе роты; впереди каждой роты шли ротмистры за своимъ знаменемъ, которыя несли передъ ними хорунжіе; за ротами ѣхали и роты строили поручики; за послѣдними жилецкими ротами ѣхали кн. Голицына и его товарищей люди во всякомъ воинскомъ убраніи, а за ними вели лошадей въ «большихъ конскихъ нарядахъ». Передъ Голицынымъ везли въ каретѣ образъ Спаса, крестъ и образъ Богоматери, за каретою везли бунчукъ, копье и двѣ булавы, по два человѣка въ рядъ, полковое знамя, за которымъ ѣхали Голицынъ съ товарищами; за ними ѣхали «завоеводчики», а по обѣ стороны всей этой группы ѣхали эсаулы.

По прибытіи къ стану Голицына встрѣтили въ большомъ обозѣ стрѣлецкіе и солдатскіе полковники съ знаменами, при чемъ «въ барабаны били и въ сипоши играли», а до меньшаго обоза стояли ротмистры съ знаменами-же; когда-же онъ пришелъ въ меньшой обозъ и поставилъ въ шатрѣ св. иконы, въ то время у разряднаго шатра изъ большаго наряда и въ стрѣлецкихъ полкахъ, а также и въ большомъ обозѣ изъ всѣхъ полковыхъ пищалей стрѣляли трижды. 27-го апрѣля въ меньшемъ обозѣ поставлена церковь, а на слѣдующій день, въ четвергъ, въ ней была отслужена литургія, послѣ которой намѣстникъ брянскаго свѣнскаго монастыря Иванъ Максимовичъ читалъ «казаніе на похвалу и о чудесѣхъ преп. Сергія чудотворца»; послѣ молебна воеводы и ротмистры, завоеводчичи и эсаулы, намѣстникъ Иванъ Максимовичъ и протопопъ Захарій съ причетниками обѣдали у Голицына въ шатрахъ. Расположилось войско на станѣ такъ: въ меньшемъ обозѣ, гдѣ были церковь, разрядный шатеръ и дворъ Голицына, у знамени стоялъ кн. П. Л. Львовъ, съ большимъ нарядомъ воевода М. Беклемишевъ;

тутъ-же стояли дьяки, завоеводчики, эсаулы и стрѣлецкіе полковники. Въ большомъ обозѣ стояли въ правой рукѣ—бояринъ и воевода кн. К. О. Щербатой и думный генералъ А. А. Шепелевъ, въ лѣвой рукѣ окольничій и воевода В. А. Змѣовъ и думный дьякъ Е. И. Украинцевъ, въ большомъ-же полку стояли стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы ротами, а городовые дворяне и дѣти боярскіе сотнями.

На этомъ стану Голицынъ стоялъ четыре дня, пока выбирались изъ Ахтырки обозы съ хлѣбными и пушечными запасами. Для подъема большаго полковаго наряда, а также хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ въ большой полкъ изъ разныхъ городовъ было прислано слишкомъ 10,000 подводъ съ телѣгами и проводниками, изъ коихъ многіе были вооружены длинными пищалями и бердышами; да кромѣ того сумскій, харьковскій и ахтырскій полковники прислали 600 паръ воловъ подъ полковые припасы. На этихъ присланныхъ подводахъ и волахъ изъ Ахтырки было вывезено огромное количество хлѣбныхъ запасовъ, кавардаку и масла; пушечные-же разные запасы, а также мушкеты и пистоли, за удовлетвореніемъ наличныхъ потребностей ратныхъ людей большаго полка, въ большомъ количествѣ посланы изъ Ахтырки въ полкъ боярина А. С. Шеина.

30 апрѣля войско тронулось въ дальнѣйшій путь къ р. Мерлу въ слѣдующемъ порядкѣ: напередъ шелъ рейтарской полковникъ Андрей Гулицъ съ рейтарами, за нимъ 150 человѣкъ стрѣльцовъ выборнаго полка и съ ними три легкія полковыя пищали, далѣе шла рота стольниковъ, за которою ѣхала карета со св. иконами, за каретой везли бунчукъ, копье, двѣ булавы и полковое знамя, а за нимъ Голицынъ съ товарищами, потомъ завоеводчики; по правую и по лѣвую сторону и сзади этой группы шли роты московскихъ чиновъ людей, а по обѣ стороны и сзади ихъ шелъ обозъ съ каждой стороны въ четыре телѣги. Второй переходъ былъ, какъ и первый, очень небольшой: прошли всего 7 верстъ и остановились въ 10 верстахъ отъ р. Мерла; переходъ продолжался съ 12 до 4 часовъ дня. Дальнѣйшіе переходы и остановки происходили въ томъ-же порядкѣ, какъ при первыхъ двухъ переходахъ; порядокъ размѣщенія измѣнился лишь по соединеніи съ «сходными» воеводами. На второмъ стану Голицынъ получилъ извѣстіе отъ Гетмана, что онъ съ войскомъ выступилъ изъ Гадяча и соединится съ большимъ полкомъ за р. Мер-

ломъ; тутъ-же были получены отписки отъ сходныхъ воеводъ: бояринъ А. С Шеинъ писалъ, что выступилъ изъ Сумъ 30 апрѣля и пойдетъ наскоро для соединенія съ большимъ полкомъ; бояринъ кн. В. Д. Долгорукой писалъ, что вышелъ съ войскомъ изъ Хотмышска и 30 апрѣля былъ въ 30 верстахъ отъ большаго полка, а соединится съ нимъ за Краснымъ Кутомъ.

Многіе изъ ратныхъ людей доселѣ еще не прибыли въ большой полкъ, вслѣдствіе сильной распутицы; такъ «ратные люди полковой службы», рейтары, копейщики и солдаты изъ городовъ бѣлогородскаго полка: Бѣлгорода, Карпова, Болховаго, Нириготьска, Ливенъ, Стараго Оскола, Корочи, Яблонова и Новаго Оскола хотя и были высланы на службу въ полкъ, «но для конскихъ кормовъ и утѣсненія» стояли въ разныхъ мѣстахъ по р. Мерлу: въ Рублевкѣ, Колонтаевѣ и Красномъ Кутѣ; не прибыла еще и смоленская шляхта, пробиравшаяся сѣвскимъ уѣздомъ между Брянскомъ и Карачевымъ. Для сбора «нѣтчиковъ», высылаемыхъ изъ разныхъ городовъ, и отсталыхъ, не успѣвшихъ за распутицей прибыть къ сроку ратныхъ людей въ Ахтыркѣ былъ оставленъ Голицынымъ стольникъ А. И. Даниловъ, которому было приказано дожидаться сбора ратныхъ людей въ Ахтыркѣ до 11 мая, а потомъ съ собравшимися догнать большой полкъ.

О состояніи войска въ полку кн. Голицына дьякъ Еремѣй Полянскій въ маѣ мѣсяцѣ доносилъ розряду, что «московскихъ и всѣхъ чиновъ люди идутъ радостными сердцы и скудости у нихъ никакой нѣтъ и всякими запасы довольно, и конскими кормами нескудно, для того что и травы нынѣ велики». Въ началѣ мая сходные воеводы А. С. Шеинъ съ новгородскимъ розрядомъ, Вл. Дм. Долгорукой съ рязанскимъ розрядомъ и окольничій Л. Р. Неплюевъ съ сѣвскимъ розрядомъ присоединились къ большому полку на долинахъ р. Мерла и отсюда уже вмѣстѣ продолжали походъ. Въ 20 верстахъ отъ р. Самары на р. Кельченѣ, совершенно высохшей отъ жаровъ, для продовольствія войска были выкопаны колодцы глубиною въ аршинъ; воды въ нихъ оказалось довольно и хорошаго качества. На берегу р. Самары 2-го іюня съ московскимъ войскомъ соединился гетманъ Иванъ Самойловичъ съ запорожскими полками. Для переправы соединеннаго войска черезъ Самару было устроено 12 мостовъ, по которымъ обозы шли по 2 телѣги въ рядъ, и то

переправа всего войска продолжалась четыре дня. А тѣмъ временемъ воеводы обмѣнивались обѣдами съ черкасами: 3-го іюня гетманъ съ черкасскими полковниками обѣдали у кн. Голицына и когда стали пить за здоровье государей («государеву чашу»), у розряднаго шатра изъ большаго наряду, а въ стрѣлецкихъ полкахъ и въ большомъ обозѣ во всѣхъ полкахъ стрѣляли изъ полковыхъ пищалей трижды; въ свою очередь Голицынъ съ воеводами обѣдали 4 іюня у ахтырскаго и 5-го у полтавскаго полковниковъ; при питьѣ «государевой чаши» стрѣляли въ черкасскихъ полкахъ изъ полковыхъ пищалей по трижды. 7-го іюня черезъ Самару переправлялись послѣднія русскія войска: стольничьи, стряпческія, дворянскія и жилецкія роты и съ ними кн. Голицынъ. По переходѣ черезъ рѣку войска расположились въ такомъ порядкѣ: въ центрѣ стоялъ большой полкъ на берегу Самары, въ правой рукѣ А. С. Шеинъ съ новгородскимъ розрядомъ и кн. В. Д. Долгорукой съ рязанскимъ розрядомъ, въ лѣвой рукѣ Л. Р. Неплюевъ съ сѣвскимъ розрядомъ, думный генералъ А. А. Шепелевъ и генералъ-маіоръ П. Гордонъ съ солдатскими полками выборныхъ полковъ, вверхъ по рѣкѣ—гетманъ Ив. Самойловичъ съ черкасскими полками. О состояніи войска стрѣлецкой капитанъ Еремѣй Дмитріевъ, посланный изъ Москвы съ серебрянымъ окладомъ на образъ донской Божіей Матери въ полкъ кн. Голицына, доносилъ отъ 7-го іюня въ стрѣлецкій приказъ: «въ полку ближняго боярина и оберегателя и двороваго воеводы московскихъ и всѣхъ чиновъ ратные люди идутъ радостными сердцы и скудости никакой у нихъ нѣтъ и всякими запасы довольно, и конскими кормами нескудно, для того что травы велики. А купятъ въ полку хлѣбы и калачи передъ московскою цѣною съ малою прибавкою. Гетманскаго полка черкасы говорятъ, что великихъ государей ратныхъ людей и ихъ черкасъ собрано нынѣ многочисленно и никогда столько войска не бывало». Тотъ-же капитанъ доноситъ, что Голицынъ послалъ въ Крымъ къ хану и мурзамъ толмача съ татариномъ, взятымъ въ плѣнъ подъ Кіевомъ, и приказалъ съ тѣмъ толмачомъ къ хану, чтобъ онъ ханъ и мурзы съ великими государями учинили миръ или поддались подъ ихъ государскую высокодержавную руку; а если не поддадутся, то онъ, Голицынъ, съ ратными людьми пойдетъ на нихъ войною.

Но перейдя Конскія Воды и сдѣлавши еще два незначительные перехода, Голицынъ, не дойдя 20 верстъ до Сѣчи, 17-го іюня вдругъ началъ отступать назадъ къ Конскимъ Водамъ. Причиною такого позорнаго возвращенія не воевавшаго войска принято считать полное отсутствіе конскаго корма въ степи, выжженной татарами. Но на берегахъ Конскихъ Водъ травы было довольно для прокормленія въ теченіе нѣсколькихъ дней лошадей, бывшихъ въ войскѣ Голицына, а чрезъ нѣсколько дней и степь, благодаря сильнымъ дождямъ, снова покрылась травою, достаточною для корма лошадей; а между тѣмъ Голицынъ 26 іюня отступилъ еще дальше отъ Конскихъ Водъ къ р. Московкѣ. Тутъ прежде всего страннымъ представляется намѣреніе Голицына перейти голую степь, при ясномъ, конечно, сознаніи о невозможности прокормить лошадей, о чемъ онъ могъ хорошо освѣдомиться, пославши напередъ отрядъ для обозрѣнія степи, на какое разстояніе она сожжена татарами. При его крайне медленномъ походѣ ничего не значило выждать на Конскихъ Водахъ нѣсколько дней, пока степь покроется травой, и затѣмъ продолжать походъ. Еще болѣе страннымъ представляется его дальнѣйшее отступленіе отъ Конскихъ Водъ, когда онъ несомнѣнно уже зналъ, что степь покрылась хорошей травой, достаточной для корма лошадей. Нашелъ-же онъ возможнымъ чрезъ ту-же степь, чрезъ которую боялся идти самъ, послать окольничаго Л. Р. Неплюева съ 30 тысячнымъ войскомъ, 22 іюня уже переправившимся въ Сѣчь. Вотъ что доносилъ подъячій стрѣлецкаго приказа М. Симоновъ, посланный изъ Москвы 9 іюня съ грамотами къ Голицыну, о состояніи степи и войска: «съ Москвы ѣхалъ онъ, Михайло, на черкасскіе города: Батуринъ, Гадячъ, Полтаву, Переволочню, а отъ того города до Кадака ѣхалъ водою Днѣпромъ внизъ, а съ Кадака сухимъ путемъ черезъ почту до Сѣчи пріѣхалъ іюня 22 числа, а отъ Сѣчи пріѣхалъ въ полкъ кн. Голицына іюня въ 25 число на рѣчку, что слыветъ Конскія Воды. До Сѣчи кн. Голицынъ не дошедъ 20 верстъ, отступилъ назадъ, для того что по обѣ стороны Днѣпра степи всѣ выжжены. А какъ онъ, Михайло, отъ Сѣчи ѣхалъ до Конскихъ Водъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на горѣлыхъ степяхъ трава вышла новая и лошадей кормить по нуждѣ можно. А около Днѣпра вода сбываетъ и луга оказываются, и какъ вода сольетъ и Днѣпръ станетъ въ берегахъ, и въ тѣхъ мѣстахъ на лугахъ около

Днѣпра трава будетъ. Да въ тѣхъ-же мѣстахъ и по горѣлой степи дожди были великіе дня по два и съ тѣхъ дождей по горѣлой степи трава будетъ скоро и лошадей кормить будетъ мочно. А на рѣчкахъ, что слывутъ Конскія Воды, и на Московкѣ и около Самары рѣки конскихъ кормовъ довольно. Будучи въ полкахъ, слышалъ онъ, Михайло, что московскихъ чиновъ люди скучаютъ конскими кормами, а съѣстными всякими запасами въ полкахъ довольство великое, потому что многіе завезли съ собою всякихъ запасовъ; да и изъ черкасскихъ городовъ привозятъ питья и хлѣбныхъ и съѣстныхъ запасовъ много и продаютъ дешевою цѣною. А какъ онъ, Михайло, ѣхалъ изъ полка, и съ нимъ встрѣчались черкасы съ питьемъ и съ хлѣбными и съѣстными запасы и со всѣмъ многое число».

Между тѣмъ слухъ о нашествіи войска московскаго сильно встревожилъ крымчанъ; изъ турецкихъ городковъ, расположенныхъ по берегамъ Днѣпра, какъ разсказывали козаки, жители толпами переходили Днѣпръ и укрывались въ Перекопъ, гдѣ стоялъ ханъ съ своимъ войскомъ. Въ степи-же крымскихъ воинскихъ людей никто не видалъ и даже слуха о нихъ не было. А Голицынъ спѣшилъ отступать все дальше и дальше. Впередъ къ р. Самарѣ были посланы ахтырскій и харьковскій полковники для заготовки сѣна. Авангардъ, состоявшій изъ новгородскаго розряда, 26 іюня былъ уже за р. Московкой, въ 2-хъ верстахъ шелъ большой полкъ, въ 3-хъ верстахъ отъ него черкасское войско; у Конскихъ Водъ стоялъ арріергардъ—рязанскій розрядъ. Сѣвскій розрядъ съ нѣсколькими черкасскими полками шелъ къ Казыкирменю—охранять отступленіе Голицына.

Такъ, благодаря неразъясненнымъ доселѣ, но весьма страннымъ распоряженіямъ Голицына, неудачно окончился этотъ широкозадуманный походъ, имѣвшій цѣлью въ самомъ сердцѣ поразить исконнаго врага московскаго государства. Жертвой этого похода, какъ извѣстно, сдѣлался гетманъ войска запорожскаго Иванъ Самойловичъ.

А. Востоковъ.

ВѢДЬМА.

(Польскій разсказъ) [1].

Былъ темный зимній вечеръ.

Въ огромной, высокой залѣ, во всемъ своемъ грозномъ величіи открывается засѣданіе окружнаго суда. Висящія съ потолка люстры и лампы, горящія у гладкихъ бѣлыхъ стѣнъ, освѣщаютъ яркими потоками свѣта пунсовыя покрывала столовъ, занавѣси оконъ и густую толпу собравшейся здѣсь публики, пестрѣвшую множествомъ разнообразныхъ физіономій и костюмовъ. Въ глубинѣ залы засѣдаютъ члены суда; въ сторонѣ отъ нихъ подъ стѣною, на двухъ красивыхъ высокихъ скамьяхъ уже заняли свои мѣста присяжные. У одного изъ оконъ, склонившись надъ ярко освѣщеннымъ столомъ, прокуроръ внимательно прочитываетъ открытую книгу закона, у другаго секретарь суда разбираетъ связки бумагъ. Судебный приставъ, въ разшитомъ золотомъ мундирѣ, пройдя залу быстрыми неслышными шагами, садится въ сторонѣ съ перомъ въ рукахъ. Среди глубокой тишины, ненарушенной даже задержаннымъ на минуту дыханіемъ всей публики, предсѣдатель суда громко и отчетливо назвалъ преступленіе, въ которомъ обвинялись подсудимые. Это былъ не проступокъ, но преступленіе, ужасное преступленіе, одно изъ тѣхъ, которыя только изрѣдка, подобно тяжелому, страшному

---

[1]) Въ журналѣ Athenaeum за 1885 г. эта повѣсть талантливой польской писательницы Елизы Оржешко помѣщена подъ заглавіемъ „Dziurdziowie“.

сну, проходятъ передъ пораженнымъ человѣчествомъ. Кто были, къ какому классу общества принадлежали, какъ выглядѣли несчастные и ужасные люди, совершившіе это преступленіе? Нѣсколько сотъ глазъ разомъ обращаются къ скамьѣ подсудимыхъ.

Противъ скамей для присяжныхъ, защитникъ по назначенію, задумчивый и встревоженный, нервнымъ движеніемъ руки набрасываетъ карандашемъ на клочкѣ бумаги какія-то бѣглыя замѣтки. Тотчасъ за нимъ, надъ высокими перилами скамьи подсудимыхъ подымаются въ полномъ освѣщеніи четыре мужескія фигуры въ арестантскихъ халатахъ. За минуту передъ тѣмъ они вошли сюда черезъ низкія двери, открывавшіяся въ совершенно почти темную боковую комнатку. Казалось, будто они выходили изъ бездны мрака. Низкія двери тотчасъ закрылись за четырьмя вооруженными солдатами, помѣстившимися по обѣ стороны скамьи, а блестящіе надъ ихъ головами штыки загорѣлись яркими звѣздами при ослѣпляющемъ свѣтѣ лампъ. Между блестѣвшими остріями штыковъ, лицемъ къ лицу со своими судьями, въ потокахъ свѣта, въ которыхъ рельефно выдѣлялась каждая черта, каждая морщинка ихъ лица, четверо подсудимыхъ въ неподвижныхъ и выжидающихъ позахъ отвѣчали на обращенные къ нимъ вопросы предсѣдателя.

— Имена ихъ?

Четыре мужскіе голоса довольно громко и отчетливо отвѣчали одинъ за другимъ.

— Петро Джурджа.

— Степанъ Джурджа.

— Семенъ Джурджа.

— Климъ Джурджа.

— Ихъ общественное положеніе?

— Крестьяне собственники. Только послѣдній не имѣлъ еще своей земли, но онъ былъ сыномъ и наслѣдникомъ перваго, Петра Джурджи, который не только владѣлъ землею, но еще въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ занималъ въ своемъ селѣ важную въ общественной жизни крестьянъ должность старосты.

Теперь самый любопытный вопросъ:

— Признаются-ли они въ совершеніи преступленія, въ которомъ обвиняются?

Опять четыре голоса, одинъ за другимъ, тише или громче, но все таки отчетливо отвѣчаютъ:

— Признаюсь.

Послѣ того нѣтъ уже сомнѣнія въ томъ, что они совершили это преступленіе. Итакъ это не бѣдняки, не бродяги, не члены пролетаріата, живущаго въ отправляющей атмосферѣ жгучей зависти и хищничества, а земледѣльцы, живущіе въ здоровомъ и отрезвляющемъ сельскомъ воздухѣ... владѣльцы, добывающіе, хотя съ трудомъ, средства къ жизни на собственной землѣ..., работники, которыхъ загорѣлое чело можетъ равняться чистотою и достоинствомъ съ челомъ, увѣнчаннымъ лаврами... Что-же это значитъ? Или они такъ и родились на свѣтъ нравственными уродами? Или геній зла еще въ колыбели напоилъ ихъ своимъ дыханіемъ? Или они не имѣли ни сердца, ни совѣсти, а въ груди ихъ не было ни одной изъ тѣхъ струнъ доброты, милосердія, справедливости, которыя съ великимъ трудомъ и усиліями выработало человѣчество въ теченіи многихъ вѣковъ? Можетъ быть это были сумашедшіе, идіоты, глупцы, которые не могли отличать добра отъ зла?

Удивительное дѣло! Напрасно нѣсколько сотъ паръ людскихъ глазъ съ напряженнымъ вниманіемъ устремились на подсудимыхъ, въ лицѣ ихъ нельзя было подмѣтить никакого соотвѣтствія съ совершеннымъ ими преступленіемъ. Эти люди не были похожи на тѣхъ, которые уже при появленіи на свѣтъ приносятъ съ собою задатки преступныхъ намѣреній, не похожи ни на сумасшедшихъ, ни на идіотовъ.

Первый изъ нихъ, назвавшій себя Петромъ Джурджею, былъ высокій, довольно худощавый человѣкъ, уже не молодой, но еще крѣпкій и сильный. Густые и длинные темнопепельные волосы, перемѣшанные съ сѣдиною, спадали на воротникъ арестантскаго халата. Обрамленное этими длинными сѣдѣющими волосами и коротко подстриженною бородою, лице его, нѣсколько блѣдное, привлекало своимъ кроткимъ, полнымъ достоинства выраженіемъ.

Щеки его, исхудавшія, быть можетъ, въ заключеніи, завершали правильный и кроткій овалъ, губы слегка дрожали подъ свѣтлыми усами, узкій лобъ изрѣзанъ нѣсколькими глубокими морщинами, а изъ подъ густыхъ выдающихся бровей сѣрые задумчивые глаза осматривали комнату медленнымъ, спокойнымъ и очень грустнымъ взглядомъ. Въ ту минуту, когда онъ вошелъ на скамью подсудимыхъ, едва примѣтнымъ движеніемъ руки онъ начерталъ на груди своей знакъ креста, а отвѣтивши на всѣ предложенные ему вопросы, сложилъ руки на перилахъ скамьи и поднялъ глаза къ небу. Тогда въ лицѣ его появилось что-то мечтательное, обличавшее внутреннюю, покорную, въ глубинѣ души произнесенную молитву. Вскорѣ однако глаза закрылись, голова опустилась на грудь и онъ такъ уже и остался съ сжатыми руками, кроткій, спокойный, съ выраженіемъ глубокой грусти.

Совершенно непохожимъ на Петра былъ его двоюродный братъ, Степанъ Джурджа. Также высокій, но плечистый и очень стройный, брюнетъ съ черными, какъ ночь, волосами и густыми черными усами, онъ былъ-бы прекраснымъ типомъ сильнаго, статнаго и красиваго крестьянина, если-бы не поражала въ немъ преждевременно состарѣвшаяся физіономія. Ему не было еще сорока лѣтъ, а между тѣмъ продолговатыя и правильныя черты его были такъ изборождены, помяты и изморщены, что невозможно было отыскать на нихъ ни малѣйшаго гладкаго мѣста. Сверхъ того казалось, что какой-то сильный огонь такъ долго обжигалъ это лице, что наконецъ покрылъ его темною, почти бронзовою корою. Видно было также, что не матеріальныя нужды сдѣлали его такимъ, а смяли и состарили его прежде времени бурныя страсти и тяжелое горе. Это была физіономія угрюмая и даже отчаянная, но въ тоже время смѣлая и разумная. Черные глаза Степана смотрѣли впередъ суровымъ, но быстрымъ и разумнымъ взглядомъ; въ его движеніяхъ и во всей фигурѣ сказывалась энергія, избытокъ которой долженъ былъ находить себѣ исходъ въ неукротимой, рѣзкой запальчивости.

Третій типъ крестьянина, совершенно отличный отъ двухъ первыхъ, представлялъ Семенъ Джурджа. Небольшаго роста, худой, съ вьющимися всклокоченными волосами, почти совсѣмъ закрывавшими лобъ, съ нѣсколько открытымъ ртомъ, съ небольшимъ круглымъ носомъ, вдавленнымъ у переносья, это былъ человѣкъ уже не молодой, некрасивый, глуповатый, оглупѣвшій и почти скотоподобный, очевидно вслѣдствіе сильнаго злоупотребленія спиртными напитками. Его пьяные блѣдно-голубые глаза были подернуты болѣзненной влагой; по временамъ онъ утиралъ на глазахъ слезы толстымъ темнымъ пальцемъ и безсмысленнымъ движеніемъ размазывалъ ихъ по худымъ и желтымъ щекамъ. Въ его фигурѣ, движеніяхъ и взглядахъ рисовались испугъ и печаль. Встревоженный, грустный, оглупѣвшій, онъ не зналъ, куда дѣвать руки, то складывалъ ихъ, то опускалъ вдоль тѣла и при томъ ни на минуту не закрывалъ рта.

Самымъ младшимъ, еще очень молодымъ двадцати двухлѣтнимъ юношею былъ Климъ, сынъ бывшаго старосты, Петра Джурджи. Этотъ красивый свѣтловолосый юноша съ круглымъ, румянымъ лицемъ и синими, какъ небо, глазами напоминалъ полевой макъ, выросшій на волѣ среди полей и насильно пересаженный въ эту тѣсную толпу, въ эту атмосферу искусственнаго свѣта, проникнутую грозою произносимыхъ здѣсь приговоровъ. Господствующимъ чувствомъ, выражавшимся на его молодой открытой физіономіи, былъ стыдъ. Когда на него въ первый разъ устремились взоры толпы, огненный румянецъ залилъ все его лице до корней волосъ. Также точно вспыхнулъ онъ, произнося отвѣтъ: признаюсь, и затѣмъ въ продолженіи цѣлаго засѣданія краснѣлъ каждый разъ, когда во время судебныхъ разбирательствъ слышалось его имя. По временамъ онъ глубоко задумывался и смотрѣлъ куда-то далеко, далеко; тогда на глаза его набѣгали слезы. Но по временамъ также свойственное его возрасту любопытство брало верхъ надъ всѣми другими чувствами. Тогда опущенные глаза его робко, но съ любопытствомъ присматривались ко всему окружающему, о чемъ ему

никогда и не снилось подъ родною крышей. Боже мой! здѣсь такъ свѣтло и ясно, какъ будто небо открылось и весь свой свѣтъ пролило въ эту залу; столько здѣсь народу и въ такихъ прекрасныхъ нарядахъ, что можно подумать, полъ свѣта собралось сюда на какой-то большой и веселый праздникъ. А онъ-же здѣсь зачѣмъ? онъ преступникъ, котораго должны судить, и, Богъ знаетъ, какъ осудятъ. За этими стѣнами гуляетъ вольный вѣтеръ, летитъ къ его родному селу, къ той хатѣ, гдѣ старая мать осталась, въ отчаяніи ломая руки, когда отъ нея уводили сына, къ тому полю, которое онъ пахалъ уже нѣсколько лѣтъ; тогда солнце ярко свѣтило, пахли душистыя травы, сердце билось тихо, ровно, весело, не такъ какъ теперь бьется отъ стыда и тревоги, точно рвется въ силкѣ пойманная птичка...

Итакъ, вотъ тѣ четыре человѣка, которые совершили это ужасное преступленіе, тяжелое какъ сонъ бурной зимней ночи. Дѣло было тоже въ зимнюю бурную ночь... Но для чего и какъ они это сдѣлали? подъ вліяніемъ какихъ искушеній и навѣтовъ?

На основаніи свидѣтельскихъ показаній, признаній подсудимыхъ передъ своимъ защитникомъ и всѣхъ подробностей, выясненныхъ судебнымъ слѣдствіемъ и всѣмъ ходомъ дѣла, а также собранныхъ на мѣстѣ разсказовъ и слуховъ объ этомъ событіи, передъ нами развивается слѣдующая, весьма характерная исторія

I.

Необычайное движеніе умовъ, принявшее почти размѣры народнаго волненія, господствовало въ селѣ Сухой Долинѣ. Что-же волновало такъ сильно жителей этой деревни? Но прежде о самой деревнѣ. Довольно живописно раскинулась она длиннымъ рядомъ около сорока хатъ и огородовъ среди волнующихся полей, окруженныхъ березовыми и осиновыми лѣсами. Большинство хатъ носили отпечатокъ зажиточности; правда встрѣчались между ними убогія хаты, низкія, почернѣвшія, съ ободранною

крышею, но были и другія, съ бѣлыми трубами, съ большими окнами, съ чистенькимъ крылечкомъ на столбахъ и узкими лавочками для сидѣнья. Волнующіяся поля носили признаки недурной обработки и обѣщали хорошій урожай, за ними зеленѣли луга; въ огородахъ уже поспѣвала густая конопля, картофель въ полномъ цвѣту подавалъ надежды на большой сборъ, капуста уже складывалась въ крупныя головки, а густыя вишневыя деревья, окружающія хаты, краснѣли отъ множества поспѣвающихъ ягодъ. Повидимому нужда заглядывала только въ самыя убогія хаты; болѣе зажиточныя смотрѣли такъ, что у ихъ обитателей долженъ быть въ волю, по народному выраженію, «и хлѣбъ, и до хлѣба», могла даже водиться и лишняя копѣйка. Что-же могло такъ сильно встревожить жителей этого села?

Былъ тихій, прекрасный лѣтній вечеръ. Собравшись передъ одною изъ самыхъ лучшихъ хатъ, группа женщинъ толковала о чемъ-то, вѣроятно очень интересномъ, съ такимъ оживленіемъ, что вокругъ нихъ собралась цѣлая толпа дѣтей различныхъ возрастовъ. Дѣвочки отъ семи до четырнадцати лѣтъ, босыя, въ синихъ юпочкахъ и въ рубашкахъ изъ небѣленаго холста, съ красными платочками на головахъ, изъ подъ которыхъ выбивались пряди бѣлокурыхъ волосъ, длиннымъ рядомъ выстроились вдоль плетня, сложивши на юпочкахъ маленькія, загорѣлыя руки и широко раскрывши любопытные глазки, въ которыхъ блестящими искрами отражались лучи заходящаго солнца. Со вниманіемъ и любопытствомъ, къ которому примѣшивался страхъ, прислушивались они къ бабьимъ толкамъ, а бабы говорили всѣ вмѣстѣ, кричали, жестикулировали, не слыша одна другой. Мальчики разныхъ возрастовъ тоже помѣстились возлѣ бабъ, но не такъ неподвижно, какъ дѣвочки. Съ такими-же свѣтлыми волосами, и босыми ногами, въ одеждѣ изъ небѣленаго полотна, они протискивались въ толпу, подымая вверхъ свои загорѣлыя, веселыя и смѣлыя лица, кривляясь на всѣ лады и прямо въ глаза передразнивая бабскую болтливость и запальчивость. Старшіе дергали женщинъ за фартухи и настойчиво вмѣшивались въ разговоръ; одинъ изъ самихъ младшихъ, мальчикъ лѣтъ пяти,

одѣтый въ длинную до земли рубашку, съ огромнымъ отвисшимъ животомъ и одутловатыми, желтыми щеками, безпрестанно держа во рту мокрые пальцы, не спускалъ безсмысленныхъ голубыхъ глазъ съ лица своей матери и время отъ времени выводилъ протяжнымъ, плаксивымъ голосомъ: та-то!

Въ небольшомъ дворѣ той-же хаты, передъ которою столпились женщины и дѣти, замѣтно было также нѣкоторое волненіе, но въ значительно меньшей степени; здѣсь собрался кружокъ мущинъ, которые говорили меньше, не такъ громко и не всѣ вмѣстѣ, какъ женщины. Одинъ изъ нихъ, стоя на колѣняхъ подъ коморою, откалывалъ топоромъ тонкую лучину отъ осиноваго полѣна съ такимъ вниманіемъ и сосредоточенностью, какъ будто исполнялъ какое-то чрезвычайно важное и торжественное дѣйствіе. Этотъ крестьянинъ, худощавый и уже не молодой, но еще сильный и крѣпкій, хозяинъ этой хаты Петръ Джурджа, былъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ и самыхъ разумныхъ хозяевъ въ Сухой Долинѣ. Возлѣ него стояли два его сына, молодые парубки, дальше двоюродный братъ Петра, совершенно непохожій на него, Степанъ, глядѣвшій на его работу съ угрюмымъ выраженіемъ на состарѣвшемся прежде времени, измятомъ и какъ-бы обожженномъ лицѣ; еще дальше стоялъ послѣдній изъ Джурджей Семенъ, который смотрѣлъ бѣднымъ и несчастнымъ; его дыханіе распространяло въ кругѣ сильный запахъ водки.

Вѣроятно отъ водки покраснѣли бѣлки его глазъ, высохли и пожелтѣли щеки; можетъ быть по той-же причинѣ онъ ходилъ босой и въ порванной рубахѣ, тогда какъ другіе были одѣты въ крѣпкія свиты домашняго издѣлія и толстые, высокіе сапоги. Кромѣ этихъ пяти Джурджей во дворѣ находилось еще нѣсколько десятковъ крестьянъ старыхъ и молодыхъ; всѣ они были болѣе или менѣе оживлены, всѣ казались сильно заинтересованными тѣмъ, что дѣлалъ Петръ Джурджа, и то посматривали другъ на друга съ улыбкою на губахъ и выраженіемъ живаго любопытства въ глазахъ, то пожимали плечами, произнося по временамъ отрывистое слово или восклицаніе. А за воротами про-

должали шумѣть женщины, кричали и жестикулировали по прежнему; по временамъ то одна, то другая отъ большаго азарта почти присѣдала къ землѣ, либо хватала сосѣдокъ за плечи или за рукавъ, чтобы привлечь ихъ вниманіе; тѣ, оборотившись, поспѣшно отталкивали ее и каждая продолжала свое до полной потери голоса; у другихъ напротивъ голосъ подымался до неестественно высокихъ и рѣзкихъ нотъ, какихъ не можетъ ни взять, ни слышать человѣкъ въ спокойномъ состояніи. Такимъ-то именно голосомъ крикнула одна изъ нихъ, перегнувшись черезъ плетень во дворъ.

— Петро! а, Петро! чи ты коли скинчишъ, чи ни? А то сонце зайде и тоди вже псы ходитимуть по полю, а не люде!

— А часъ вже йти, ей Богу, часъ! хоромъ подхватило нѣсколько визгливыхъ женскихъ голосовъ.

Иныя прибавили:

— Чи вамъ не соромъ, Петре, такъ марудити? Ой! чоловикъ нибы-то дужчій, а баба швидче-бъ тихъ трисокъ нащепила, якъ винъ... господарь великій!

Петръ Джурджа точно не слыхалъ обращенныхъ къ нему возгласовъ, даже не поднялъ головы, не пошевелилъ губами. Онъ продолжалъ колоть лучину съ такимъ вниманіемъ и торжественностью, что казалось, вотъ-вотъ перекрестится самъ и перекреститъ свою работу, такою она была для него важною, почти священною. Двое стоявшихъ близъ него крестьянъ одновременно обратились къ Степану Джурджѣ съ вопросомъ:

— То такъ и нема? ани трошки нема?

— Якъ нема—такъ нема! отвѣчалъ суровый Степанъ. Капелинку пустить изъ себе и, хочъ забый іи, вже бильше не дасть. Дытыни нема чого въ ротъ влити, якъ розкричиться...

— Не-вже! протяжно и съ удивленіемъ замѣтили собесѣдники.

— А перше якъ було? спросилъ кто-то со стороны.

— Першъ то було и бильше якъ гарнецъ дають...

— Обыдви?

— Та обыдви-жъ!

— То такъ, якъ и въ мене! замѣтилъ убогій Семенъ; одна тилько, а колись було зъ гарнецъ дае...

Подталкивая другъ друга локтемъ, крестьяне вглядомъ указывали на угрюмую физіономію Степана. Одинъ голосъ отозвался полушутливо, полунасмѣшливо:

— Ой! бида-жъ тоби, Степане! То-жъ теперъ тамъ въ тебе пекло гаряче...

Другой прибавилъ съ грубымъ смѣхомъ:

— Онъ я вчора чувъ, якъ тая верещала въ своій хати мовъ навижена...

— Хто? спросилъ кто-то со стороны.

— Та вже-жъ не хто, якъ Степанова Варка.

— О, що люта баба, то люта... якъ огонь... замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. Степанъ еще ниже опустилъ голову и упорно молчалъ

За воротами снова послышался прежній женскій голосъ, но еще болѣе рѣзкій и сердитый.

— Петро! а Петро! чи ты скинчишъ коли нибудь, чи ни?

Въ толпѣ мущинъ раздался дружный смѣхъ.

— Бачъ, якъ Степанова жинка лящить! отъ кому не терпится піймать видьму. Ходи швидче, Петре, бо якъ розлютуется баба, та бида буде... тоди вже ій не порадишъ... битиме!

Въ эту минуту хозяинъ окончилъ работу, поднялся съ земли и приказалъ сыну отнести топоръ въ хату. Подъ коморою лежитъ толстый снопъ тонкой, сухой, отличной для распала лучины. Петръ наклонился, взялъ этотъ снопъ въ охапку и вышелъ за ворота. Появленіе его привѣтствовалось дружнымъ восклицаніемъ женщинъ, а дѣти роемъ окружили его. Дѣвочки оставили плетень и медлено подходили къ нему, мальчики прыгали вокругъ, какъ жеребята, крича и болтая.

— Геть! пишлы! крикнулъ Джурджа.—Дѣти разбѣжались во всѣ стороны, впрочемъ не далеко, и остановившись по близу, не сводили глазъ съ этой лучины, точно первый разъ въ жизни видѣли такой необыкновенный предметъ. Степанова жена, которая кричала громче другихъ и потому давала тонъ въ кругу

женщинъ, женщина высокаго роста, худая, смуглая, съ черными сверкающими глазами, выскочила впередъ и ухватившись за бока, съ необыкновеннымъ жаромъ обратилась къ Петру.

— А осинове дерево?

— А тожъ яке? отвѣчалъ съ пренебреженіемъ серьёзный Петро.

— Чи певно жъ осинове? переспросила она и, не получивъ отвѣта, снова быстро и запальчиво замолола языкомъ:

— Бо якъ не осинове, то ничого зъ того не выйде... видьма на инше дерево не прыйде, тилько на осинове... Присягни, Петре, що нащепивъ осинового дерева. Чуешь, присягай. Клади заразъ пальци на крестъ и присягай передъ миромъ, що осинове...

Остановившись на минуту перевести духъ, она молча дергала Петра за рукавъ и полы его самодѣльной свиты и въ тоже время отталкивала обоими локтями сосѣдокъ, которыя хватали ее за плечи, пытаясь удержать ея энергичныя движенія. Тоже пробовалъ сдѣлать и Степанъ. Черные глаза его заблестѣли отъ гнѣва и онъ ударилъ жену кулакомъ съ такою силою, что она отлетѣла за нѣсколько шаговъ и «достала тыну». Но, быстрая какъ молнія и ловкая какъ бѣлка, она въ тоже мгновеніе подскочила къ мужу, отвѣтила ему звонкою оплеухой и затѣмъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, снова бѣжала за Петромъ, заступая ему дорогу, и продолжала повторять на разные голоса:

— Чи осинове дерево? Певно осинове?.. Присягни, Петре, що осинове...

Грубый и визгливый смѣхъ среди окружавшей Петра толпы привѣтствовалъ эту выходку. Степанъ шелъ молча и опустя голову; щеки его покрылись багровою краскою, но онъ не дотрогивался къ ней и только еще сильнѣе нахмурилъ и сморщилъ лице. Сверкающіе глаза его опустились въ землю и сквозь стиснутые зубы вырвалось энергичное проклятіе. Онъ весь кипѣлъ отъ стыда и гнѣва.

— Соромъ! замѣтила вслухъ не молодая уже, болѣзненная, но еще красивая жена Петра Джурджи, одѣтая лучше другихъ и говорившая меньше всѣхъ остальныхъ женщинъ. Я зъ своимъ старымъ викъ изжила, сынивъ погодувала, диждала, що повы-

ростали якъ ти дубы, а николы мижъ нами не було ани сварки, ани бійки, ей Богу, не було.

— Соромъ! Соромъ! повторило нѣсколько голосовъ, а одинъ изъ крестьянъ прибавилъ съ насмѣшкою, указывая на Степана:

— Такій зъ ёго мужикъ! Дае баби верховодити! та я-бъ іи...

Среди общаго гула голосовъ и смѣха снова поднялся голосъ Варки, на этотъ разъ съ такимъ рѣзкимъ и яростнымъ тономъ, точно ей приставили ножъ къ горлу.

— Та кажи вже, чи осинове дерево? чи справди осинове? присягай швидче, Петре, що осинове...

Изъ группы мущинъ отдѣлился небольшого роста худощавый, почтенный старикъ, Яковъ Шишка, и приблизившись къ женщинѣ, которой сомнѣніе относительно породы нарубленнаго дерева переходило въ родъ помѣшательства, спокойно и съ достоинствомъ произнесъ:

— Та вгамуйся, Варко, не дури! Було-бъ тоди дывитись, якъ рубали дерево, а не теперъ въ вичи лизти чоловикови. Яжъ тамъ бувъ и бачивъ, що дерево справди осинове... Тожъ и въ мене нещастья. . и я раднійшій побачити въ вичи ту прокляту видьму.. чи мы-бъ таки вси згодились, якъ-бы було инше дерево, а не осинове!...

Отъ этихъ словъ Варку точно холодной водой облило; она умолкла и, оставивъ Петра, быстро, неровною походкою, свойственною страстнымъ и безпокойнымъ натурамъ, выступила впереди прочихъ женщинъ. Впрочемъ, по мѣрѣ того какъ продолжалось шествіе, толпа мало по малу рѣдѣла. Во дворахъ мычали коровы, только что пригнанныя съ поля, тонкими дрожащими голосами блеяли овцы; кое-гдѣ стояли нераспряженные возы въ такомъ положеніи, какъ оставили ихъ хозяева, побуждаемые любопытствомъ поскорѣе узнать причину волненія. Тамъ и сямъ въ открытыя двери хаты виднѣлся огонь и какая нибудь изъ оставшихся дома женщинъ суетилась возлѣ печи, приготовляя ужинъ; при такой заманчивой картинѣ каждый чувствовалъ голодъ и вспоминалъ о своемъ ужинѣ. Мущины и женщины незамѣтно отдѣлялись отъ толпы и скрывались за

плетнями своихъ хатъ. Но прежде, чѣмъ удалиться окончательно, сосѣди собрались въ небольшой кружокъ и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ обмѣнивались лаконическими замѣчаніями, выражающими всю ихъ мысль.

— Кумедія, та й годи! пожимая плечами, говорили мущины.

— Нехай вже тую кумедію лыхо возьме! сердито отвѣчали женщины. Тутъ бида, лыхо, шкода така, що й Господи, а вони... кумедія!.

— Цикавый-бы я знати, хто та видьма!

— Чи вона прыйде на огонь, чи ни?

Этотъ послѣдній вопросъ оставался на всѣхъ устахъ: и мущины, и женщины, и дѣти, старые и молодые повторяли его въ хатахъ, коморахъ, въ хлѣвахъ и загонахъ; повторяли его дѣвушки у колодцевъ, черпая воду скрипучимъ журавлемъ. Прійдетъ-ли она на огонь или нѣтъ? Старые люди отвѣчали:

— Чому-бъ не мала прыйти! за дидивъ и прадидивъ нашихъ приходила, то и теперъ мусить прыйти..

Между тѣмъ Петръ Джурджа по прежнему шелъ впередъ спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ. Выходя со двора, онъ надѣлъ на голову старую, вытертую баранью шапку, изъ подъ которой выбивались длинные, густые съ серебристою сѣдиною волосы. Одѣтый въ длинную полотняную свиту, окрашенную въ красный цвѣтъ, въ высокихъ сапогахъ, съ повисшими на глаза клочками бараньей шапки, съ толстою вязанкою щепокъ въ рукахъ, онъ напоминалъ собою жреца, который готовится совершить торжественный обрядъ въ пользу какого-то общественнаго дѣла. Продолговатое лице его, обрамленное короткою бородою, носило выраженіе глубокой задумчивости, почти торжественности, безъ малѣйшей тѣни угрюмости или раздраженія, какое замѣчалось у нѣкоторыхъ другихъ. Онъ хранилъ мертвое молчаніе; сѣрые глаза его, въ которыхъ отражалось смиреніе и какъ-бы внутреняя, обращенная къ кому-то просьба, смотрѣли прямо впередъ; можно было подумать, что въ глубинѣ его души произносилась горячая молитва. За нимъ шли два его сына, высокіе, бѣлокурые парубки съ открытыми, веселыми лицами. Далѣе, еще ниже

опустивъ голову, тяжелыми шагами шелъ Степанъ; рядомъ съ нимъ передвигалъ ноги оборванный Семенъ Джурджа и наконецъ съ важностью выступалъ старый Яковъ Шишка. Изъ женщинъ оставались только жены трехъ Джурджей и красивая молодая дѣвушка съ веселой физіономіею, безпрестанно поглядывавшая на молодого Клима Джурджу, которая и замыкала шествіе. Дѣти со всего села и мальчики и дѣвочки отъ всей души рады были-бы присоединиться къ процессіи, если-бы родители насильно не затащили ихъ домой; нельзя было прогнать только пятилѣтняго мальчика въ рубашкѣ, съ огромнымъ животомъ и отвисшими щеками. Онъ по прежнему бѣжалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ старшихъ, скоро, скоро перебирая маленькими босыми ногами по грязи и кочкамъ деревенской улицы, и время отъ времени выводилъ протяжно плаксивымъ голосомъ: тато! Но люди, составлявшіе процессію, не обращали никакого вниманія на этотъ жалкій дѣтскій голосъ. Тамъ и сямъ вспорхнетъ съ крыши стая голубей и съ тихимъ воркованьемъ подымается въ высоту на серебристо-розовыхъ или синеватыхъ крыльяхъ; гордые пѣтухи, покрытые роскошными пестрыми перьями, встревоженные топотомъ стольких шаговъ, тяжело взлетаютъ на воздухъ и тотъчасъ-же опускаются на заборъ; при видѣ такой толпы изъ дворовъ выбѣгаютъ съ неистовымъ лаемъ рыжія, черныя, сѣрыя и пестрыя дворняги, но, узнавши своихъ, скоро умолкаютъ и съ любопытствомъ или съ недовѣріемъ смотрятъ на прохожихъ. Заходящее солнце вотъ-вотъ скроется за полями и лѣсами; послѣдніе лучи его озаряютъ бѣлыя стѣны хатъ и людскія лица бѣлымъ красноватымъ свѣтомъ. Оконныя рамы сверкали на минуту рубинами, но вскорѣ поблѣднѣли и погасли; изъ трубъ вылетаетъ тонкою струйкою красноватый, серебристый дымъ и подымается къ небу темно-сѣрыми клубьями. Мало по малу стихаетъ мычаніе скота, блеяніе овецъ, лай собакъ, стукъ отворяемыхъ и затворяемыхъ воротъ. Въ такой торжественный вечеръ всѣ проникнуты важностью совершающагося событія; семья усаживается за скромный ужинъ; дѣти ѣдятъ молча, но всѣ умы заняты поимкою вѣдьмы и разговоры старшихъ естественно при-

нимаютъ такое направленіе. Припоминаются и передаются въ полъ-голоса съ глубокою вѣрою всѣ слышанные когда либо разсказы о такого рода случаяхъ и мало по малу деревня погружается въ глубокую чарующую тишину.

А за селомъ, за полями и лѣсами густыя темныя тучи полукругомъ затянули западный край неба; солнце окрашивало края ихъ пурпуровою и фіолетовою краскою, но сумерки давно уже опустились на землю. Небесный сводъ, блѣдный, золотистый и лиловый въ одномъ краю становился все темнѣе и темнѣе; вотъ высоко надъ землею заблестѣла звѣздочка, а земля мало по малу покрывалась легкими прозрачными сумерками, сквозь которые еще можно было различить и желтѣющія поля, и зеленѣющіе луга, и синеватый лѣсъ, и бѣловатыя песчаныя дороги, вьющіяся среди полей. За версту отъ послѣдней хаты четыре дороги расходились изъ одного пункта въ различныхъ направленіяхъ. Одна вела въ село, другая, слѣдуя склону волнистой поверхности, исчезала гдѣ-то въ недоступной для глазъ дали, третья прямою, ровною лентою тянулась въ глубину лѣса, четвертая и самая короткая, мѣстами обсаженная вербами и березами, оканчивалась передъ хатою, окруженною нѣсколькими старыми деревьями и стоящею одиноко вдали отъ села. Вблизи этой хаты замѣчалась небольшая низкая постройка безъ оконъ, на подобіе землянки, въ которой каждый знакомый съ деревенскимъ ітомъ тотчасъ узналъ-бы кузницу.

Въ томъ тѣстѣ, откуда онѣ расходились въ различныя стороны свѣта, на темномъ фонѣ поля, окаймленнаго лѣсомъ, виднѣлся старый высокій крестъ; противъ креста лежалъ по другую сторону дороги огромный поросшій мхомъ камень. Въ двугъ шагахъ отъ этого камня остановился Петръ Джурджа, опустилъ на землю свою ношу, затѣмъ выпрямившись во весь ростъ, громко перевелъ духъ, взглянулъ на небо и, вынувъ изъ кармана губку, огниво и кремень, молча принялся добывать огонь. Глубокое молчаніе воцарилось среди окружающихъ; всѣ столпились въ тѣсный кружокъ, не сводя глазъ съ его руки, и казалось удерживали въ груди дыханіе, по видимому забывая обо всемъ,

что не относилось къ тому дѣлу, для котораго они собрались здѣсь. Степанова Варка сильнѣе сжала свои тонкія губы, жена Петра и одинъ изъ его сыновей, напротивъ, не замѣтно для самихъ себя широко раскрыли глаза; Яковъ Шишка выцрямился, какъ только могъ, и принялъ такую торжественную позу, что показывался гораздо выше своего обыкновеннаго роста; его внучка, красивая дѣвушка, которая во время шествія постоянно посматривала на Клима, теперь съ выраженіемъ боязни и любопытства на лицѣ спряталась за спину статнаго парубка, прижалась къ нему, положила подбородокъ на его плечо, вѣроятно считая себя въ безопасности за такимъ оплотомъ. Красивый парубокъ, меньше всѣхъ остальныхъ заинтересованный совершавшимся актомъ, отлично замѣтилъ приближеніе дѣвушки и слегка улыбнулся полудовольной, полу-досадливой улыбкой. Казалось, его нѣсколько раздражала и красивая Приська и то, что совершалось и еще должно было произойти передъ нимъ. Между тѣмъ Петръ Джурджа добылъ огня, наклонился къ землѣ и часть принесенныхъ имъ сухихъ щепокъ вспыхнула яркимъ пламенемъ.

Господи! вскрикнули въ одинъ голосъ всѣ четыре женщины.

Почему-же огонь такъ сильно испугалъ или поразилъ ихъ? Вѣдь они могли освоиться съ его блескомъ и жаромъ съ перваго дня своего появленія на свѣтъ и сами разводили его ежедневно утромъ и вечеромъ. А между тѣмъ они вскрикивали такъ, какъ будто первый разъ въ жизни видѣли огонь. Всѣ уже умолкли, одна Варка продолжала причитать: «Ой Господи, Боже мій! Господи милостивый!» Петрова жена стояла, подперши голову рукою, и поминутно тяжко вздыхала; Семенова жена задумчиво качала головой и тоже вздыхала, а Приська обѣими руками схватила Клима за плечи и такъ крѣпко сдавила ихъ, что тотъ оттолкнулъ ее локтемъ и съ досадой произнесъ: «Та отчепись! чого припъялась до мене... якъ той клищъ!». Однако дѣвушка, названная клещомъ, не отставала и держась еще крѣпче за плечи парубка, въ полъ-голоса шептала ему надъ самымъ ухомъ: «Ой Климку! Климку! ой Климку! Климку!» Мущины хранили молчаніе, вскорѣ умолкли и женщины и ждали, сжавши губы и удерживая въ

груди дыханіе. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали дѣйствія огня, который сперва разливался низко по землѣ, охватывая желтою струею осиновыя щепки, потомъ вспыхивалъ на минуту высокимъ яркимъ пламенемъ и снова опускался къ землѣ, пока не подкидывали новую охапку щепокъ.

Въ полѣ было тихо и пустынно. Горѣвшая на западѣ туча совсѣмъ угасла и потемнѣла, только блѣдно-желтое зарево виднѣлось еще на горизонтѣ. Гдѣ-то за пригоркомъ послышался стукъ колесъ по сухой землѣ и затихъ вдали; изъ села доносился лай собакъ, да изрѣдка человѣческій голосъ. Ни души не видно было на всѣхъ четырехъ дорогахъ, только въ открытыя двери кузницы показался огонь и раздались нѣсколько ударовъ тяжелаго молота; эхо громко и протяжно повторило ихъ въ сосѣднемъ лѣсу. Вскорѣ молотъ затихъ на нѣкоторое время, а между густыми вербами по дорогѣ, ведущей въ кузницу, раза два послышался жалобный стонъ козодоя. Въ кругу людей столпившихся у огня, свѣжій мужскій голосъ громко и отчетливо произнесъ:

— Або-жъ то правда?

Отъ такой неожиданности всѣ обратились въ сторону говорящаго, не исключая и сосредоточеннаго въ себѣ Петра Джурджи.

— Що таке? що правда? що ты выгадуешъ?—засыпала Варка, не переводя духу.

— Або то правда, що видьма прыйде на огонь? повторилъ Климъ, переступая съ ноги на ногу.

При такой дерзости женщины широко открыли глаза. Приська снова зашептала ему надъ ухомъ: ой Климку! Климку! а старикъ Шишка произнесъ торжественнымъ тономъ:

— За дидивъ и прадидивъ нашихъ приходила, то чому-бъ теперъ не мала прыйти?

— Але-жъ! хоромъ повторили слушатели.

Климъ опять переступилъ съ ноги на ногу и уже не такъ смѣло, какъ прежде, замѣтилъ:

— А може и зовсимъ на свити нема...

— Кого? вскрикнула Варка.

— А видьмы... уже колеблющимся голосомъ отвѣтилъ парубокъ.

О, на этотъ разъ такой крайній безпримѣрный скептицизмъ вызвалъ цѣлую бурю. Варка обѣими руками ухватилась за бока и подскочила къ преступнику.

— Нема видьмы? а чому коровамъ молоко пропало? га! чому пропало? Може не правда? може я брешу, що пропало? Коли я брешу, спытай риднои неньки, чи пропало, чи ни?... Онъ и въ Якова спытай, и въ Семена, и въ усихъ... Ой бидна-жъ моя головонько! видьмы нема. Въ коровы ани крапельки молока немае... нема чого дытыни въ ротъ влити..., а винъ каже, що видьмы нема... Ой, доле моя безталанная! Ой, ты паскуднику, недовирку поганый, нечестивець такій, що хай Богъ милуе всякаго хрещеного...

Все это говорилось съ чрезвычайною быстротою и запальчивостью, но Климу удалось вставить въ этотъ потокъ еще нѣсколько словъ не столько изъ убѣжденія, сколько на перекоръ, изъ желанія еще больше подразнить раздраженную женщину.

— Видьма! засуха така, що не приведи Господи, паша кепська, то й молоко пропало...

На этотъ разъ обратился къ сыну самъ священнодѣйствовавшій въ этомъ торжественномъ актѣ, Петръ Джурджа, съ кроткими. серьёзными словами:

— Годи, Климе! коли вже наши диды и прадиды вирилы тому, то се вже мусить бути правда. Не бреши, дурно, а чекай. Може Господь милосердный покаже свое чудо намъ гришнимъ и тая, що намъ таку кривду зробила, прыйде на огонь; бо огонь запаленый зъ осинового дерева, съ того самого, на якому повисывся проклятый Іуда (бисова ёго душа), що продавъ у жыдивськи руки Господа нашего Исуса Христа. Аминь!

Отвѣтомъ на эту рѣчь было нѣсколько глубокихъ вздоховъ, надъ которыми снова поднялся громкій, рѣзкій, запальчивый голосъ Варки:

— А осинове дерево? чи певно осинове?

Но Яковъ Шишка порывистымъ жестомъ принудилъ ее замолчать и снова въ кружкѣ воцарилась тишина. Въ густыхъ вербахъ при дорогѣ снова закричалъ козодой, а въ нѣсколькихъ

шагахъ отъ оставшихся вокругъ огня людей слабый, дѣтскій, измученный голосъ заплакалъ: тато! Никто не обратилъ вниманія на этотъ жалкій голосокъ, кромѣ Степана Джурджи, который обернулся, посмотрѣлъ вокругъ и съ глухимъ, сердитымъ ворчаньемъ поднялъ на руки бѣднаго заплаканнаго ребенка. Это былъ его единственный сынъ. Отецъ съ досадой взялъ его на руки, но тотчасъ крѣпко обнялъ его, прижалъ къ груди и прикрылъ полою свитки его босыя, мокрыя отъ вечерней росы ножки. Несомнѣнно бѣдный ребенокъ сильно нуждался въ томъ сладкомъ здоровомъ молокѣ, которое отняла у коровъ злая вѣдьма.

Кругомъ все тихо. Въ полѣ и на дорогахъ по прежнему ни души живой. Изъ кузницы снова послышался стукъ молота; эхо повторило его въ ближайшемъ лѣсу, а огонь разгорался все выше и выше при полной неподвижности воздуха. Варку мучитъ желаніе закричать снова: чи осинове древо? чи справди осинове? но она боится немного Петра и стараго Шишки и молча, нетерпѣливо обѣими руками теребитъ свой передникъ. Между тѣмъ Петръ подбросилъ въ костеръ новую вязанку дровъ, яркое пламя сразу освѣтило стоящій напротивъ крестъ и огненные языки подымались все выше и выше до самой перекладины креста... Увидя такъ внезапно старый крестъ въ золотомъ сіяніи, всѣ присутствующіе наклонили головы и медленно, благоговѣйно перекрестились...

Въ ту-же минуту на дорогѣ, которая вилась между холмами и исчезала въ дали, послышалось за пригоркомъ громкое, еще отдаленное пѣніе. Широко разносились въ ночной тишинѣ мелодичные звуки пѣсни, протяжные, тоскливые; прекрасный женскій голосъ, сильный и чистый, громко и отчетливо выговаривалъ слова пѣсни:

Черезъ риченьку, черезъ быструю,
Подай рученьку, подай милую;
Черезъ болото, черезъ риченьку,
Ходи до мене, мое серденько

На лицахъ столпившихся вокругъ огня людей отразились смѣшанныя чувства удовольствія, страха и въ особенности любопытства. Даже маловѣрный Климъ широко раскрылъ глаза и поднялъ руку, чтобы перекреститься въ другой разъ, но отъ сильнаго волненія рука опустилась и онъ не кончилъ начатаго жеста.

— Иде! иде вже! шепнули женщины.

Приська совсѣмъ присѣла къ землѣ изъ страха передъ вѣдьмой и обѣими руками держалась изо всей силы за полы Климовой свиты. Между тѣмъ голосъ невидимой пѣвицы раздавался все ближе и ближе.

Де ты дивчино мыслями блудишъ?
Скажи ты правду, кого ты любишъ?
Ой, знаю, знаю, кого кохаю,
Тильки не знаю, зъ кимъ ся звинчаю.

На этотъ разъ всѣ три Джурджихи многозначительно переглянулись между собою.

— Ковалиха, чи що? прошептала жена Петра.

— А то-жъ! такимъ-же шопотомъ отвѣчала Семенова жена; нихто такъ не спиватиме, якъ вона!

Варку съ головы до ногъ охватила страстная дрожь; противъ обыкновенія она не сказала ни слова и только быстро, саркастически, посматривала на мужа горящими глазами. Удивительное дѣло! Степанъ весь подался впередъ и такъ вытянулъ шею, точно хотѣлъ увидѣть черезъ пригорокъ ту, чей голосъ доносился до его слуха. При этомъ отъ напряженія мускуловъ темная кожа на его лицѣ совсѣмъ разгладилась и только сморщенный, измятый лобъ придавалъ всему лицу выраженіе страданія.

Но вотъ на вершинѣ небольшаго холма показалась женская фигура, черты которой еще нельзя было различить; быстро спускаясь съ пригорка, она продолжала свою пѣсню.

Ой, пиду, пиду, у лисъ, у лисочки,
Де розцвитають дрибни квиточки.

Тамъ я ходила та говорила,
Суди мени Боже!...

Голосъ пѣвицы вдругъ оборвался и замолкъ. Она остановилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ огня, словно изъ земли выросла. Теперь при свѣтѣ костра, смѣшанномъ съ блѣднымъ свѣтомъ луны, черты лица ея и вся фигура выдѣлялись съ отчетливостью рѣзьбы. Это была еще молодая женщина высокаго роста, сильнаго и стройнаго сложенія; босыя ноги ея тонули въ густой травѣ. Одѣта она была въ толстую рубаху, короткую синюю юпку и длинный полосатый передникъ съ прикрѣпленными къ поясу углами, наполненный такою массою цвѣтущихъ полевыхъ растеній, что часть ихъ выпадала изъ передника и, цѣпляясь между собою, свѣшивалась почти до земли. При свѣтѣ костра можно было различить нѣжно голубыя цвѣты полевого цикорія, свѣтлорозовый золототысячникъ, бѣлый и розовый трилистникъ, бѣлую ромашку, желтые Иванъ-да-Марья, чебрецъ, материнку, полынь и другія лѣкарственныя травы. Сверхъ того она обѣими руками несла огромный снопъ травъ съ длинными и твердыми стеблями, между которыми выдѣлялись желтыя звѣзды «дывыны» и бѣлыя головки деревѣя; эти растенія закрывали всю ея грудь и часть лица, видно было только голову, повязанную краснымъ платкомъ, изъ подъ котораго выбивались пряди темныхъ, матовыхъ спутанныхъ волосъ, спадавшія на лобъ, загорѣлую шею и толстый воротникъ рубахи. На половину закрытое цвѣтами и волосами лице ея показывалось грубымъ и зауряднымъ; это загорѣлое румяное лице съ вишневыми губами, круглыми щеками и весело приподнятымъ носомъ красили только большіе, продолговатые глаза, сѣрые, блестящіе и такіе выразительные, что, казалось, они говорили, смѣялись, нѣжили... Съ босыми ногами, обагренными отблескомъ огня, вся покрытая цвѣтами и травами, съ распущенными волосами и блестящимъ, смѣлымъ, смѣющимся взглядомъ, она, перекрестясь, остановилась подлѣ самаго креста, освѣщеннаго яркимъ пламенемъ. Первыя слова, сорвавшіяся съ ея устъ, звучали нѣсколько наивнымъ изумленіемъ.

— Боже поможи! а що вы тутъ робите, люде добри?

Но тотчасъ-же, какъ-бы припомнивши хорошо извѣстную вещь, прибавила вопросительнымъ тономъ:

— Видьму ловите на огонь? чи що? и затѣмъ, поднявъ голову, докончила уже съ полнымъ убѣжденіемъ:

— Ага, коровамъ молоко пропало! и качая головою, продолжала удивляться: охъ! чудна ричъ! чого тилько не трапляеться на симъ свити!

Въ кругу господствовало мертвое молчаніе. Казалось, въ эту торжественную минуту души всѣхъ этихъ людей слились въ одну душу, которая сосредоточивала всѣ силы своей мысли, чувства, взгляда и слуха и какъ острое жало вонзила ихъ въ лице этой женщины. Вытянувъ шею, всѣ пронизывали ее глазами. Пока еще во всѣхъ глазахъ можно было прочесть только удивленіе и отчасти отвращеніе. Только горящій взглядъ Варки, исполненный ѣдкой насмѣшки, поминутно перебѣгалъ отъ женщины, стоящей подъ освѣщеннымъ крестомъ, на лице мужа, принявшее особенное выраженіе; неясная улыбка, отражавшая какое-то внутреннее наслажденіе, разлилась по его лицу и мѣсто обычной суровости занялъ наивный восторгъ, проникавшій насквозь все его существо, какъ будто онъ не могъ въ волю наглядѣться на что-то, или на кого-то. Между тѣмъ женщина снова заговорила:

— Що-жъ? чи вже приходила?

Никто не отвѣчалъ. Въ ея блестящихъ веселыхъ глазахъ промелькнуло безпокойство.

— Що-жъ? бачили вже видьму? чи приходила?

На этотъ разъ изъ кружка отозвался кроткій и серьезный голосъ Петра Джурджи:

— Або не знаете, що котра перша пройде коло вогню, та и есть видьма.

— Ну, тономъ глубокаго убѣжденія отвѣчала женщина, якъ бы-жъ я того не знала, знаю! то й котора перша пройшла?

Два серьезные мужскіе голоса, одинъ Петра Джурджи, другой Якова Шишки отвѣчали:

— Ты.

И въ то-же мгновеніе, точно ракета съ трескомъ разорвалась въ воздухѣ, одинъ женскій голосъ разразился всѣми тонами страсти, доведенной до бѣшенства и вмѣстѣ какого-то страданія, граничившаго съ отчаяніемъ, повторяя до безконечности одно только слово: ты, ты, ты! Ничего другаго Варка не могла произнести; она дрожала вся съ головы до ногъ, а изъ пылающихъ глазъ ручьями текли слезы. Она смѣялась и плакала, топала ногами и, грозя кулаками, кричала: ты, ты, ты!

— Я? произнесла пораженная женщина, и въ изумленіи опустила руки такъ, что бѣлый деревѣй и желтая «дывына», разсыпались по травѣ и покрыли ея босыя ноги.

— Я! повторила она, складывая на передникѣ загорѣлыя, огрубѣвшія отъ работы руки. Пунсовыя губы слегка раскрылись, въ глазахъ мелькнуло сознаніе опасности; но это продолжалось всего одно мгновеніе; глаза тотчасъ прояснились, губы дрогнули и на лицѣ появилась веселая улыбка, пока наконецъ, переселивши страхъ и изумленіе, звонкій смѣхъ вырвался изъ ея груди. Какъ прежде пѣсня, такъ теперь смѣхъ ея широкою волною разливался по полю, чистый, звонкій. Слышалась въ немъ душа живая и свѣжая, что-то въ родѣ дѣтской наивности, или невозмутимаго веселія птички.

— Я! я! говорила она сквозь смѣхъ, я перша на огонь прыйшла! Я коровамъ молоко одняла! я видьма! ой, люде добри! що вы выгадали! чи вы здурили? чи вамъ въ головахъ замакитрилось?—И она еще долго смѣялась, держась за бока, пока наконецъ слезы брызнули изъ глазъ и, съ дрожавшей еще отъ смѣха грудью, она громко сплюнула.

— Пфу! таку бридку ричъ казати на христіяньску душу! чи вамъ не соромъ?—Наклонясь, она собрала разсыпавшіеся по землѣ цвѣты и травы и затѣмъ, проходя мимо стоящей группы, проговорила:

— Стійте-жъ тутъ и чекайте видьмы, бо якъ есть Богъ у неби, вона ще не оказалася. Мени треба до чоловика и диточокъ. Бувайте здорови!

Она такъ привѣтливо кивнула головою, какъ будто совершенно забыла все происшедшее между нею и этими людьми, и быстрыми шагами пошла по направленію къ кузницѣ, и тотчасъ-же запѣла бойкую, веселую пѣсню.

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на рику,
Ой, якъ звяжуть билы ручки,
Не розвяжуть до вику.

Оставшіеся у костра люди долго еще стояли, потупивъ голову; Петръ Джурджа первый прервалъ молчаніе.

— Отъ и оказавъ намъ Господь милосердный нашу скривдительку...

Двѣ женщины громко вздохнули, а Варка подскочила къ мужу, державшему на рукахъ ребенка, и схватившись за бока, подавшись впередъ, съ устремленными на мужа глазами проговорила сквозь стиснутые зубы:

— Видьма Ковалиха! видьма твоя мила! видьма твое серденько кохане!

Казалось, она бросала ему въ лице эти три восклицанія, будто три пощечины. Онъ склонилъ голову къ головкѣ спящаго ребенка и лице его приняло обычное суровое выраженіе глубокой скорби. Онъ какъ-бы совсѣмъ не замѣчалъ жены, не слышалъ ядовитой ея насмѣшки и тихо пробормоталъ про себя:

— Та я вже давно знавъ, що вона видьма!

Красивая Приська оставила своего парубка, и обратившись въ ту сторону, куда скрылась Ковалиха, надъ чѣмъ-то глубоко задумалась, приложивъ палецъ къ губамъ. Никто не подкладывалъ дровъ въ костеръ и огонь мало по малу угасалъ; блескъ его уже не освѣщалъ креста, который выдѣлялся теперь изъ мрака, высокій, черный, нѣмой. Люди, словно мотылька на свѣчку, поймавшіе вѣдьму на огонь изъ осиноваго дерева, могли-бы уже разойтись по домамъ, однако не расходились, а все стояли и слушали, точно еще чего-то ждали. Въ густыхъ вербахъ все чаще слышался крикъ козодоя; пара летучихъ

мышей, погнавшись другъ за другомъ, промелькнула надъ крестомъ и упала на землю. По дорогѣ въ кузницѣ продолжалъ раздаваться тотъ-же громкій, чистый голосъ, который пѣлъ слѣдующій куплетъ пѣсни:

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на писокъ.
Молодый викъ утеряла
И свій тонкій голосокъ.

Казалось, пѣнію вторили частые удары молота, а въ открытыя двери кузницы густымъ роемъ вылетали блестящія искры и разсыпались въ темнотѣ. Поющая женщина прибавила шагу и, когда уже близко подошла къ одинокой хатѣ, изъ свѣтящейся кузницы послышался мужской басъ и при непрерывныхъ ударахъ молота присоединился къ голосу женщины и началъ громко и весело вторить словамъ пѣсни:

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на Дунай.
Не хотила ити замижъ,
Теперъ сиди та гадай...

II.

Давнымъ давно уже жители Сухой Долины подозрѣвали Василину, внучку слѣпой Оксаны въ томъ, будто она обладаетъ такими свѣдѣніями и средствами, какихъ нельзя имѣть безъ нѣкоторыхъ сношеній съ нечистою силою. Правда, эти неясныя подозрѣнія никѣмъ еще не высказывались громко, но это зависѣло какъ отъ недосуга деревенской жизни, исполненной ежедневныхъ трудовъ и заботъ, которые не давали времени заняться систематически такого рода толками, такъ и отъ того, что никто не имѣлъ еще ясныхъ доказательствъ, что-бы Василина кому нибудь причинила какой-бы то ни было вредъ. Тѣмъ не менѣе эти подозрѣнія еще въ неясномъ, зачаточномъ состояніи все таки существовали и ждали

только повода, чтобы высказаться во всей силѣ. Да и какъ имъ не быть, если нѣкоторыя подробности въ жизни Василины, нѣкоторые ея поступки и черты характера были исключительными, т. е. не совсѣмъ такими, какъ у всѣхъ остальныхъ жительницъ Сухой Долины. Другія, напримѣръ, родились въ этомъ селѣ на глазахъ у всѣхъ и люди помнили ихъ дѣтскую и домашнюю жизнь; затѣмъ по выходѣ замужъ онѣ жили въ хатахъ, не стоящихъ одиноко среди поля, а выстроенныхъ въ рядъ, такъ что въ каждой было прекрасно видно и слышно все, до послѣдней мелочи, что дѣлалось и говорилось у сосѣдей; домашняя жизнь ихъ проходила различно—мирная или сварливая, трудолюбивая или лѣнивая, бѣдная или богатая, смотря по тому, какая у кого натура и кому какъ Богъ дастъ; но ни одна не вышла замужъ и не жила такъ, какъ Василина, жена кузнеца Михайла. Ни одна также не знала столько удивительныхъ вещей, какъ она. Отъ кого она могла знать ихъ? Развѣ отъ слѣпой бабки своей Оксаны, которая много лѣтъ назадъ забрела откуда-то съ маленькою внучкою; въ то время она еще не была слѣпою, какъ милости просила у людей работы и выполняя различную службу у болѣе зажиточныхъ крестьянъ и на дворахъ сосѣднихъ помѣщиковъ, воспитала изъ малютки взрослую, здоровую дѣвушку, привычную ко всякой работѣ. Казалось, она того только и ждала, чтобы ослѣпнуть; когда случилось это несчастье, она не жаловалась, не плакала, только взлѣзла ощупью на печь и, взявши въ руки веретено и пряжу, обратилась къ внучкѣ съ такими словами:

— Теперъ ты вже, хвалити Бога, велика й дужа. Можешъ заробляти и годувати мене до вику, якъ я тебе зъ малечку годувала й доглядала, якъ небижчикъ твій батько й мати одного року повмирали, царство имъ небесне! Прясти я ще и такъ потраплю, то на одежу сама соби зароблю.

Такъ спокойно говорила худая, уже очень старая женщина съ лицемъ, какъ-бы выточеннымъ изъ желтоватой кости, съ глазами, подернутыми какою-то бѣлою плевою; лобъ ея весь покрытъ былъ легкими морщинками, носъ длинный и острый, а блѣдныя губы такъ высохли и впали, что ихъ почти не было замѣтно. Одежда

старухи была такъ незатѣйлива, что она дѣйствительно могла заработать на нее сама, одною пряжею на память; самодѣльная синяя юбка, толстая рубаха, передникъ и *очипокъ* изъ чернаго колинкору такъ плотно и гладко охватывавшій голову, что видно было только тонкую прядь бѣлыхъ, какъ молоко, волосъ вокругъ лба—вотъ и весь костюмъ. Старуха, какъ-бы въ доказательство, что она не хвалилась напрасно, а говорила правду, усѣвшись на печи, взяла веретено въ одну руку, другую положила на гребень и начала прясть. Она совершенно ничего не видѣла, не могла даже отличить дня отъ ночи, однако изъ подъ пальцевъ ея выходила такая тонкая, ровная нитка, какую не легко выпрясть и при самомъ лучшемъ зрѣніи. Въ желтой костлявой рукѣ быстро кружится и жужжитъ веретено, время отъ времени старуха послюнитъ пальцы и нитка тянется длинная, ровная, тонкая; на высохшихъ губахъ показалась едва замѣтная улыбка, а слѣпые глаза казалось смотрѣли на внучку и говорили:

— А що? бачъ? я хочъ и слипа, а ще на що-нибудь здамся. Тильки нагодуй мене, а на одежу я й сама зароблю.

Василина, тогда уже семнадцатилѣтняя дѣвушка, здоровая и румяная, но еще тонкая и гибкая, какъ молодой тополь, сидѣла на краю печи съ глазами полными слезъ и вотъ-вотъ готова была разразиться горькимъ плачемъ и жалобами надъ увѣчьемъ бабки; но видя, что та сама не плачетъ и даже улыбается, а веретено все жужжитъ и крутится, наклонилась, поцѣловала ея руку и сказала только:

— Добре, бабуню, годуватиму и пильноватиму васъ, якъ ока въ лоби, такъ само, якъ и вы мене годували и доглядали змалечку, якъ осталась я сиротою отъ ридного батька и неньки, царство имъ небесне! Накажи мене Богъ, коли не буду.

При послѣднихъ словахъ дѣвушка ударила себя въ грудь и заплакала, но не долго, потому что и сама была не изъ числа плаксивыхъ, а бабка, погладивъ ее по головѣ, сказала:

— Ну, теперъ иди до роботы. Не можна гаяти часу. Петриха ныни заслабла, не здужае сама коровы подоити и свини нагодувати. Пиди, поможи и пороби, що треба.

Дѣвушка отправилась и словно рѣзвый духъ носилась по двору, поспѣвая и въ хатѣ, и въ хлѣву, и въ огородѣ. Это была хата Петра Джурджи, котораго жена постоянно болѣла уже въ теченіи нѣскольких лѣтъ, а такъ какъ дочери у нея не было, а сыновья были еще слишкомъ молоды, чтобы жениться, то всѣ женскія работы по домашнему хозяйству прежде, за пищу и одежду, исполняла старая Оксана, а теперь ее замѣнила внучка. Петръ былъ зажиточнымъ хозяиномъ и могъ позволить себѣ такую роскошь, чтобы держать для жены работницу; да впрочемъ онъ ничего не терялъ на этомъ, хотя и вынуждала его къ тому необходимость. Какъ прежде Оксана, такъ и теперь Василина дѣлала все, что нужно, съ усердіемъ особы, которая ничего не имѣетъ въ цѣломъ свѣтѣ и потому самому должна изо всѣхъ силъ угождать людямъ болѣе достаточнымъ; и обѣ угождали имъ, какъ только могли. Благодаря имъ, въ Петровой хатѣ не только выполнялись всѣ женскія работы, поддерживался порядокъ, присматривалось и сберегалось всякое добро, но сверхъ того онѣ вносили сюда такой элементъ, который, хотя и не необходимъ для жизни, но все таки дѣлаетъ ее пріятнѣе и веселѣе

Обѣ эти женщины, одна старая и слѣпая, другая молоденькая, бойкая, веселая, наполняли хату сказками, пѣснями и шутками. Старуха знала множество сказокъ, повѣрій, преданій, а внучка множество пѣсень. Здѣсь были какъ мѣстныя сказки и пѣсни, такъ и тѣ, которыя Оксана принесла съ собою изъ той довольно далекой стороны, откуда она забрела сюда много лѣтъ назадъ. Долго странствовала она изъ села въ село, ища пріюта и заработка, пока наконецъ забрела сюда, пріютилась здѣсь вмѣстѣ съ малюткой и всѣ свои силы, всѣ свои знанія отдала жителямъ Сухой Долины. Сидя за пряжею въ зимніе вечера, старуха разсказывала собранныя изъ различныхъ мѣстъ сказки и, хотя сама никогда уже не пѣла, за то всѣмъ пѣснямъ, какія знала, научила свою внучку, для которой, казалось, были врожденными движеніе, смѣхъ и пѣсни. Откуда брался такой неистощимый запасъ живости, веселія, остроумія у этой убогой, бездомной сироты—трудно сказать. Должно быть такою уже родилась она на свѣтъ, а можетъ быть

много значило и то, что хоть и выросла она въ нуждѣ знала и голодъ, и холодъ, за то никогда не видѣла дурного обращенія.

Отъ всего охраняла ее бабка, всячески угождая людямъ, лишь-бы не обижали ребенка, а сама души въ ней не слышала, берегла и смотрѣла за нею съ такою тревожною надеждой, какъ смотритъ странникъ въ глухую ночь на единственный огонекъ, который указываетъ ему путь. Всѣхъ близкихъ, одного за другимъ, утратила старуха на своемъ жизненномъ пути: дочь ея умерла вскорѣ послѣ рожденія Василины; зятя унесла зараза; мужъ, съ измолотою на мельницѣ рукою, умеръ въ больницѣ; сына взяли въ солдаты, угнали куда-то далеко на край свѣта, тамъ онъ и пропалъ безъ вѣсти; можетъ быть его на войнѣ убили, а можетъ быть разбаловался и умеръ гдѣ нибудь въ острогѣ... Кромѣ всѣхъ родныхъ потеряла она и послѣднее—родное село, въ которомъ выросла и состарѣлась и которое было такъ бѣдно, лежало въ такой безплодной, песчаной полосѣ, что не въ состояніи было прокормить ее. Не по доброй волѣ, а изъ крайности пошла она въ чужую сторону. И кто-же, зная все это, могъ-бы удивляться тому, что внучка была для нея единственной отрадой и надеждой въ жизни, тою звѣздою, которая свѣтила одинокому путнику? Старуха никогда не била и не бранила ее, но и ласкала очень рѣдко,—просто не было времени и постоянно усталая физически, съ твердыми мускулами и крѣпкими нервами, не чувствовала потребности въ ласкахъ. За то бывало не съѣстъ куска хлѣба, пока не накормитъ внучку; нитки для себя не купитъ, пока прежде не одѣнетъ дѣвочку чисто и тепло; на ночь клала ее съ собою на печь и укрывала старой свиткой; по воскресеньямъ и праздникамъ чесала ей головку, учила молитвамъ и пѣснямъ, разсказывала такія чудныя вещи о старинѣ и прежнихъ людяхъ, о далекой родной сторонѣ, о вѣдьмахъ, чертяхъ, упыряхъ, разбойникахъ, объ ангелахъ, которые охраняютъ сиротъ, закрывая ихъ своими серебристыми крыльями. И дѣвочка чувствовала распущенныя надъ нею ангельскія крылья и не дрожала при страшныхъ разсказахъ; иногда, вспоминая бабку въ разговорахъ со своими сверстницами, она начинала: «Вони, якъ той янголь надо мною»... но никогда не оканчивала начатой фразы;

словъ не хватало, да и стыдно дѣлалось, что вдругъ рѣшилась такъ смѣло высказать волновавшія ея чувства. Она умолкала, длинныя рѣсницы опускались на сѣрые глаза, а руки теребили концы передника. Впрочемъ смущеніе быстро проходило у нея, какъ и всякое тяжелое или непріятное чувство; она не могла долго пребывать въ неподвижности, молчаніи или грусти. Ходила она проворной легкой походкой, какъ будто каждую минуту готова была пуститься въ плясъ, постоянно напѣвая во время работы, даже не могла ѣсть молча и разговоры переплетала шутками и смѣхомъ. Такая уже была у нея натура.

Когда старуха совсѣмъ ослѣпла, Василина примолкла на нѣсколько дней и стала серьезнѣе, но и на этотъ разъ вскорѣ возвратилась къ ней прежняя веселость. Впрочемъ и сама Оксана не жаловалась, напротивъ цѣлые дни и вечера она спокойно пряла, сидя на печи, разговаривала, если представлялась возможность поговорить съ людми, давала имъ совѣты, объясняла сны, разсказывала различныя вещи, какъ будто не случилось съ нею ничего особеннаго. Василина подавала ей на печь кушанье, если оно было горячо, раздавливала ложкою картофель въ крупникѣ, вынимала всѣ твердые куски, клала въ руки слѣпой ложку и хлѣбъ и приглашала ласковымъ голосомъ: «ïжте, бабуню, ïжте на здоровъячко, я мыску подержу». Каждое воскресенье по утру, пока всѣ еще были въ церкви, она быстро оканчивала все, что нужно было сдѣлать въ хатѣ, брала гребень и *кухоль* воды, лѣзла на печь и начинала разчесывать старуху такъ заботливо и осторожно, какъ малаго ребенка; намоченнымъ въ водѣ полотенцемъ такъ усердно мыла и терла ея лице, что оно еще черезъ два-три дня блестѣло какъ желтоватая полированная кость. Затѣмъ надѣвала на ея бѣлыя волосы *очипокъ* изъ чернаго или краснаго ситцу, если-же иногда подъ праздникъ успѣвала раньше покончить работу и обшить очипокъ цвѣтною тесьмою или узенькимъ галуномъ, тогда уже радости ея не было конца; она не могла налюбоваться на свою нарядную бабушку и повторяла, качая головою: «о, якъ гарно! отъ гарно!». Казалось, будто блѣдное лице старухи, обрамленное узенькой полоской бѣлыхъ волосъ и блестящимъ галуномъ на пунсовомъ *очипкѣ*,

сурово вглядывалось своими слѣпыми глазами въ круглое, румяное, смѣющееся лице внучки. Дотрогиваясь желтымъ пальцемъ до *очипка*, старуха спрашивала:

— А де жъ ты взяла позументъ?

— Дядько Петро їздили до миста, то ихъ просила купити.

— А де-жъ грошей взяла?

— Ще одъ лита заховала, якъ ото ходила жати до двора.

Въ голосѣ дѣвушки звучала искренность. Старуха замолкла, но черезъ минуту спрашивала снова:

— А не залицаеться хто до тебе?

Дѣвушка отвѣчала, опустивъ глаза:

— А залицяеться. То-жъ я вамъ, бабуню, тамъ теи недили вже казала.

— Степанъ Джурджа? шопотомъ спросила старуха.

— Эге!

— А хто ще?

— То-жъ я казала,—Михайло Ковальчукъ.

— Ага! то ничого... На то ты дивка. щобъ зъ тобою хлопци женихалися. А позумента одъ ихъ не брала, ани пацьорокъ, ани грошей, ничого не брала?

— Їй Богу, не брала!

— Певно?

— Покарай мене Богъ.

— Памъятай-же. Ты сирота, тебе одинъ тилько Богъ береже, не давай себе скривдити, бо пропадешъ, якъ та крапля дощова у великій ричци... Я вже теперъ за тобою не дивлюсь, але Господь дивиться и люде тежъ бачять. Памъятай, щобъ не було тоби видъ Бога гриха, а видъ людей сорома. Коли якій кохае, нехай одружиться, а не хоче присылати сватывъ, то якъ почне зачипати, ты ёго разъ, другій, третій въ писокъ, тай годи! Дивчина повинна бути якъ шкло чиста, якъ вода кринична, онъ що!

И долго еще старуха читала наставленіе внучкѣ на эту тему; повторялось это каждое воскресенье, а однажды, послѣ нѣкотораго молчанія, обратилась къ ней съ такими словами: «якъ-шо полюбишъ кого и доконче схочешъ, щобъ одружився зъ тобою, скажи

тилько мени. Я на те найду способъ... На то вже я твоя баба, едина твоя порадныця на симъ свити, щобъ тебе въ кожній хвили ратувати...

Очень смущенная, точно бабка читала въ ея душѣ, и вмѣстѣ заинтересованная, дѣвушка спросила шопотомъ:

— А якій-же то спосибъ, бабуню?

Старуха также въ полголоса начала разсказывать:

— Всяки на те бувають способы. Можна закопати кажана у комашникъ и якъ вже комашня ёго чисто объисть, тоди треба зъ тыхъ кисточокъ одну таку выбрати; можна и зилля пошукати, що зветься *загардушка*, а квиточки на ёму, неначе дви ручки держаться. Можна и другого зилля...

Все это старуха говорила очень серьёзно, съ полнымъ вниманіемъ и даже съ нѣкоторою таинственностью и разсказала-бы гораздо больше, если-бы внучка не остановила ее, дернувъ за передникъ и засмѣялась, стыдливо и вмѣстѣ радостно.

— Годи, бабуню, годи! Ничого того мени не треба, ани кажана, ани *загардушки*, ани якого иншого зилля. Винъ и такъ одружиться зо мною.

Старуха съ необыкновеннымъ вниманіемъ прислушивалась къ шопоту внучки.

— Который? спросила она.

— А Михайло!

— Ковальчукъ?

— Эге!

Бабка одобрительно кивнула головою.

— Добре, добре, чому ни? своя хатинка и клаптикъ земли одъ батька дістався. До того ще й ремесникъ... Ай, ай, якъ-бы було добре! А-бы тильки оженився!

— Ой, ой! съ торжествомъ прервала Василина, ій-Богу, ожениться! казавъ мени самъ не разъ, а може сто разъ.

Говоря это, она вся просіяла. Изъ молодыхъ веселыхъ глазъ брызнулъ цѣлый снопъ лучей, а зубы какъ крупный жемчугъ блеснули изъ-за коралловыхъ губъ и чистая, невозмутимая радость наполняла все ея существо такъ, что не въ состояніи будучи

усидѣть на мѣстѣ, она соскочила съ печи и кружась по хатѣ, запѣла во весь голосъ:

Есть у мене мій миленькій,
Вся моя родина,
Якъ прыиде винъ до мене,
Щаслива година!

Въ хатѣ было пусто, хозяева еще не возвратились изъ церкви.

Начатая пѣсня имѣла четыре строфы и дѣвушка пропѣла ихъ всѣ до конца, кружась какъ волчекъ, стирая столъ мокрымъ полотенцемъ, заглянувъ въ печь, гдѣ готовился обѣдъ, наконецъ прогнавъ подъ печь куръ, которыя воспользовались было тишиною и вышли на середину хаты. Когда наконецъ прекратилась вся возня, пѣсня умолкла, затихло и кудахтанье куръ, и хрюканье выгнаннаго въ сѣни поросенка, съ печи послышался голосъ старухи.

— Василино!

— А що?

— Ходи-лишъ сюды.

— Дѣвушка тотчасъ вскочила на лавку возлѣ печки.

— Чого, бабуню?

— Отъ чого. Михайлови оце вже двадцять першій рикъ пишовъ.

— Эге! подтвердила дѣвушка.

— Тожъ-то й горе! Якъ-же винъ зъ тобою ожениться, коли ёму саме треба до війська йти?

Какъ громомъ поразило веселую дѣвушку это замѣчаніе.

— Не може цёго бути! крикнула она не своимъ голосомъ.

— Ой, дитино моя нещасливая! та хиба-жъ ты цёго не знала?

Что она тамъ могла знать о какомъ-то войскѣ? Ей никогда и въ голову не приходило, что есть на свѣтѣ какая-то воинская повинность, которая можетъ повліять на ея жизнь. И милый тоже ни разу не говорилъ ей, что пойдетъ въ солдаты, хотя хорошо долженъ былъ знать объ этомъ, но извѣстно—молодость; пока любилъ дѣвушку, шептался съ нею у плетня,—думалъ только о томъ, какъ-бы обняться безъ свидѣтелей, а о томъ, что будетъ дальше, совсѣмъ не думалъ. За то старая Оксана знала свѣтъ и

много имѣла житейской опытности. Сколько разъ на своемъ вѣку видѣла она, какъ брали въ солдаты молодыхъ людей; очень и очень не скоро возвращались они, а иные и совсѣмъ никогда не возвращались, какъ и ея родной сынъ. Если случалось, что какая нибудь дѣвушка ожидала своего жениха, то уже всю жизнь могла сѣять руту, потому что если онъ и возвращался, то уже съ другимъ сердцемъ и другими мыслями. А если выходила замужъ раньше призыва, было еще хуже,—житье солдатки уже такое житье, что не приведи Господи. Все это и многое другое Оксана долго еще шептала на ухо внучкѣ, пока та наконецъ не выдержала, закрыла лице руками и горько заплакала.

— Ну, начала бабка тономъ убѣжденія, то йди за Степана Джурджу. Винъ до тебе прихильный и господарь зъ ёго заможный. Зъ нимъ тоби добре життя буде.

Дѣвушка затопала по лавкѣ босыми ногами.

— Ни за-що въ свити! хочъ-бы тамъ не знаю що, а Степановою жинкою не буду.

— Чому ни? такій господарь, и молодый, и хорошій, и высокій якъ той дубъ, и братывъ мае багатыхъ.

Василина, не открывая глазъ, продолжала нетерпѣливо повторять съ выраженіемъ крайняго отвращенія:

— Не пиду за ёго! ни за-що въ свити не пиду! не пиду! не пиду!

И только послѣ усиленныхъ распросовъ со стороны бабки объяснила причины своего нерасположенія. Причинъ этихъ было двѣ.

— Гідкій винъ мени и лютый вельми. Буде бити.

Противъ этого Оксана не могла возразить ни слова; она давно знала Степана Джурджу, знала его вспыльчивый, порывистый, необузданный нравъ, склонный къ ссорамъ и дракамъ. Глаза его еще съ молодыхъ лѣтъ сверкали огнемъ сильныхъ, недобрыхъ страстей, движенія были быстры и порывисты, голосъ грубый и суровый. Это былъ трудолюбивый хозяинъ, разумный въ бесѣдѣ и совѣтѣ, напивался очень рѣдко, въ хозяйствѣ его былъ достатокъ и не было ни копѣйки долгу; однако не смотря на все это, онъ не пользовался симпатіею и уваженіемъ въ селѣ, такъ какъ всѣхъ

вооружилъ противъ себя своею запальчивостью, грубою бранью и скорымъ до драки кулакомъ; а *дивчата* просто бѣжали отъ него со страхомъ. Сколько разъ уже посылалъ онъ сватовъ въ различныя хаты и нигдѣ его не приняли. Дивчата, захлебываясь отъ слезъ, кричали не своимъ голосомъ: бить буде! ще забье колись? кидались въ ноги родителямъ, умоляя не отдавать ихъ за такого *ирода*. Послѣ каждой неудачи Степанъ хвалился, что не нуждается въ этихъ дурахъ и пошлетъ сватовъ въ другое село, а тѣмъ временемъ въ хатѣ его двоюроднаго брата подростала Василина и Степанъ пересталъ смотрѣть на другихъ дѣвушекъ. Все чаще и чаще заходилъ онъ къ брату и не сводилъ глазъ съ молодой работницы. Придетъ бывало и безъ всякой нужды сидитъ на лавкѣ часъ, другой. Иногда каждая минута на счету, нужно пахать, косить, молотить, а онъ сидитъ, слѣдя глазами за дѣвушкой, какъ она дѣлаетъ ловко и проворно, какъ легко поспѣваетъ всюду; слушаетъ ея пѣсни и суровое лице его становится такимъ кроткимъ и мягкимъ, что казалось, можно-бы размазать его на хлѣбъ, какъ масло. Однажды даже прямо сказалъ Петру:

— Хочъ вона й бидна, а я до неи старостивъ пришлю...

— Приблуда, замѣтилъ Петръ.

— Приблуда, чи не приблуда, а старостивъ пошлю, абы тильки въ неи спостеригъ хочъ яку небудь прихильность.

Но этой именно *прихильности* къ нему у Василины не было и слѣда. Какъ Степанъ съ нея, такъ она не сводила глазъ съ Михайла Ковальчука и теперь такъ точно, какъ другія дѣвушки, съ плачемъ говорила бабкѣ:

— Не хочу! ни за-що въ свити не хочу! Битиме! ще забъе колись.

Послѣ всего, что говорила ей бабка о будущей и неизбѣжной судьбѣ Михайла, Василина выплакалась въ волю и затѣмъ снова развеселилась и запѣла:

Не тамъ щастя, не тамъ доля,
Де багати люди,
Хто по сердцю побереться,
Тому любовъ буде.

Отъ, може й не пиде... чого тамъ. Може Михайла й не визьмуть у москали... проговорила дѣвушка, прерывая пѣсню и затѣмъ прибавила:

— Абы тильки ныни прыйшовъ...

Оксана, которой можетъ быть жаль стало, что довела внучку до слезъ своими словами, отозвалась съ печи.

— Кынь вѝникъ на огонь.

— А то на-що, бабуню? удивилась Василина.

— Кынь вѝникъ на огонь, кажу тоби, повторила старуха, якъ спалишъ вѝникъ, гости будуть.

Дѣвушка бросила въ огонь старую метлу, а когда Ковальчукъ дѣйствительно пришелъ въ тотъ день въ хату къ Петру, она свято повѣрила въ чудесную силу этого средства и послѣ совѣтовала его всѣмъ своимъ подругамъ. И не одну еще вещь такую-же и даже еще болѣе удивительную Василина разсказывала и совѣтовала людямъ. Все это она узнавала отъ бабушки, а такъ какъ сама безпрестанно болтала языкомъ, то и не могла ничего удержать въ тайнѣ и никогда не могла даже подумать, что нужно скрывать что нибудь отъ людей. Однако, не смотря на свои свѣдѣнія, она не отгадала однажды предсказанія, касавшагося ея собственной судьбы.

Однажды она вынимала лопатою хлѣбъ изъ печи. Обыкновенно печеніе хлѣба удавалось ей превосходно, такъ что даже опытныя хозяйки нерѣдко приходили въ изумленіе и шептали про себя, что вѣроятно какая-нибудь *сила* помогаетъ ей, если ей такъ постоянно все удается. На самомъ дѣлѣ такою силою была внимательностѣ и ловкость дѣвушки, которая, если дѣлала что нибудь, то уже вкладывала въ работу всю свою душу и всѣ свои способности. Такъ и на этотъ разъ, ковриги хлѣба одна за другую показывались изъ печи и опускались съ лопаты на столъ, румяныя, пухлыя, въ мѣру выпеченныя и распространяли на всю хату свой апетитный запахъ. Кусокъ хорошаго хлѣба—веселіе для крестьянина. Сидя на лавкѣ, облокотясь на столъ руками, Петръ улыбался своею обычной кроткой, серьёзной улыбкой; жена его, не смотря на нездоровье, стирала бѣлье возлѣ печи и тоже съ улыбкой разсказывала о чемъ-то; оба парубка смѣясь пробовали

пальцемъ пухлость хлѣба, улыбалась на печи и старая бабушка и одна только молодая пекарка не засмѣялась и даже не улыбнулась. Такое важное дѣло, какъ доставаніе хлѣба изъ печи, она всегда выполняла съ полною серьёзностью, засучивъ по локоть съ раскраснѣвшимися отъ жару щеками, съ вытянутыми впередъ губами и даже нѣсколько нахмуреннымъ лбомъ. Вдругъ она вскрикнула: ой! ой! и сдвинувши на столъ послѣдній хлѣбъ, въ отчаяніи бросила лопату на полъ.

— Ой Боже-жъ мій, Боже мій! почти со слезами заголосила она, ломая руки. Хозяинъ и хозяйка разомъ протянули голову и, взглянувъ на хлѣбъ, спросили въ одинъ голосъ.

— Луснувъ, чи що?

Они не ошибались: послѣдній хлѣбъ, вынутый изъ печи, треснулъ почти насквозь, какъ будто разрѣзанный надвое ножемъ.

— Луснувъ, повторила Василина.

Нѣсколько секундъ царило молчаніе, наконецъ съ печи отозвался голосъ старой Оксаны:

— Хтось одійде!

— Во имъя Отца и Сына... Нехай Господь милосердный... боронить насъ одъ всякого нещастя, со срахомъ прошептала хозяйка, крестясь дрожащею рукою.

— Хтось одлучиться! повторила старуха.

— Зъ хаты, чи зъ села? спросилъ Петръ.

Оксана нѣсколько минутъ молчала въ раздумьи.

— Може зъ хаты, а може и зъ села, але хтось такій, що когось въ цій хати вельми обходить.

Дѣйствительно изъ села ушелъ кто-то, кѣмъ сильно были заинтересованы въ хатѣ у Петра Джурджи; Михайло Ковальчукъ вынулъ жребій и отправился въ полкъ. Наканунѣ того дня въ сумерки двѣ фигуры долго сидѣли за селомъ на старомъ, поросшемъ мхомъ камнѣ, тамъ, гдѣ расходились дороги на всѣ четыре стороны свѣта и возвышался старый, темный крестъ. Два парубка проходили въ это время изъ экономіи, гдѣ нанялись въ работники на мельницу, видѣли сидѣвшую пару и разсказали по всему селу, что Василина прощается съ своимъ Ковальчукомъ подъ крестомъ

на камнѣ. Говорили о томъ, смѣясь во все горло; засмѣялись и женщины:

— Нехай прощаеться! Попрощаеться вже вона на вики виковъ, аминь.

Всѣ единогласно утверждали въ селѣ, что Василина попрощалась со своимъ милымъ на вѣки вѣковъ, аминь. Воротиться-то онъ воротится, конечно, потому что имѣетъ свою землю и хату въ Сухой Долинѣ, но воротится черезъ шесть лѣтъ, а это для дѣвушки цѣлая вѣчность. Она или выйдетъ за кого другого въ это время, или состарѣется, и Ковальчукъ не захочетъ на ней жениться. Съ инымъ сердцемъ и иными мыслями воротится онъ изъ далекаго свѣта. Тоже самое говорила внучкѣ и сама старая Оксана, но дѣвушка только отрицательно качала головой и повторяла свое.

— Казавъ, що одружиться зо мною, якъ вернеться. Казавъ: чекай на мене Василино...

— И ты, дурна, чекатимешъ?

— Чекатиму.

Старуха сильно встревожилась; съ тѣхъ поръ ея сухія губы и впалыя щеки нерѣдко бывало усиленно задвигаются, точно она съ большимъ трудомъ жевала что-то твердое беззубыми деснами. Нѣсколько разъ еще говорила она внучкѣ:

— Иди за Степана, може не буде бити, а якъ коли и прибъе, то що? завжде липше въ своій хати робити, а нижъ по чужихъ людяхъ ввесь викъ горювати.

Но Василина на всѣ уговоры и убѣжденія отвѣчала одно и то-же:

— Не хочу! не пиду!

Уговаривала ее и сама хозяйка идти за Степана, но также безуспѣшно.

— Чому не йдешъ? господарь багатый, працёвитый, непитущій. Будешъ у ёго въ купованыхъ китайкахъ ходити, ложкою сало ѝсти.

— Нехай Степанове сало свини ѝдять, отвѣчала дѣвушка.

Такого рода убѣжденія, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, наконецъ пробудили у нея гнѣвъ, несомнѣнно первый въ жизни, и

она перестала отвѣчать. Что-бы тамъ ни говорили при ней о Михайлѣ и Степанѣ, она прикуситъ губу и молчитъ. Бабы свое, а она свое. Онѣ толкуютъ, уговариваютъ, сокрушаются надъ ея глупостью, даже начинаютъ бранить—она ни слова; бывало, что ни дѣлаетъ, коровъ доитъ, кормитъ свиней, моетъ бѣлье, мѣситъ хлѣбъ—все молча; не слышно прежнихъ пѣсенъ, веселаго смѣху и шутокъ. Заупрямилась. Можетъ быть она думала, что люди поговорятъ, поговорятъ, да и оставятъ ее въ покоѣ, предоставятъ ей жить, какъ сама знаетъ. Вѣроятно этимъ-бы и кончилось, если-бы Степанъ отсталъ отъ нея. Но онъ и не думалъ объ этомъ. Сколько разъ уже пробовалъ онъ обнять и поцѣловать дѣвушку то въ огородѣ, то во дворѣ, то въ загорожѣ, однако ей всегда удавалось ускользнуть такъ, что дѣло никогда не доходило ни до объятій, ни до драки. Но однажды въ воскресенье онъ пришелъ въ такое время, когда въ домѣ никого не было, кромѣ Василины и старой Оксаны. При видѣ его дѣвушка отъ страху выскочила въ комору и стала набирать изъ мѣшка горохъ для ужина, но Степанъ тотчасъ-же очутился подлѣ нея, обнялъ ее одной рукой, а другою пытался запереть дверь коморы. Онъ казался такимъ страшнымъ и такъ ужасно проклиналъ дѣвушку, которую на этотъ разъ уже навѣрно держалъ въ рукахъ, какъ говорилъ, что у нея сразу потемнѣло въ глазахъ и она вскрикнула не своимъ голосомъ. Но въ тоже мгновеніе къ ней возвратилось все присутствіе духа, можетъ быть пришли на память слова и совѣты бабушки и она, раскраснѣвшись какъ піонъ, съ горящими глазами, сжатыми губами вырвалась изъ рукъ Степана и подняла обѣ руки вверхъ. «Разъ, два, три въ писокъ, тай годи!» Какъ опаренный выскочилъ Степанъ изъ коморы и со двора; онъ услышалъ голосъ Петра въ сѣняхъ и не хотѣлъ имѣть свидѣтеля своего позора. Василина вся въ слезахъ упала въ ноги бабушкѣ, которая на крикъ ея слѣзла съ печи и, опираясь на палку, ощупью перешла черезъ сѣни и остановилась въ дверяхъ коморы, шевеля губами, и казалось съ напряженіемъ вглядывалась въ пространство слѣпыми глазами. Однако и на этотъ разъ она не разразилась ни гнѣвомъ, ни жалобами, только желтыя руки ея съ минуту поискали въ воздухѣ и, пой-

мавши голову внучки, обняли ее такъ крѣпко, какъ будто нашли какой-то давно утерянный, дорогой предметъ.

— Ну, Василино! сказала она послѣ минутнаго молчанія, теперъ намъ вже тутъ нема чого робити... Вже тоби тутъ доброи доли не буде. Подякуемо господарю и господыни за хлибъ, за силь, тай помандруемо де инде.

Хлѣбъ и соль Василинѣ не трудно было найти, она слыла уже самою лучшею работницею въ цѣлой околицѣ; владѣлецъ сосѣдняго хутора, мелкій шляхтичъ, принялъ ее въ работницы и позволилъ содержать при себѣ бабушку, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы старуха за свое пропитаніе пряла ленъ и шерсть для двора. Дня черезъ два послѣ памятнаго столкновенія съ сиротою, окончившагося такъ позорно для Степана Джурджи, на разсвѣтѣ тихо отворилась дверь Петровой хаты; изъ нея вышла Василина въ синей юпкѣ и короткой свиткѣ, въ низкихъ башмачкахъ и съ краснымъ платкомъ на головѣ; въ полотняномъ мѣшкѣ за плечами она несла все свое небольшое имущество, одежу свою и бабкину, а въ рукахъ держала обернутую въ полотно прялку. За нею шла слѣпая Оксана въ такой-же свиткѣ и башмакахъ въ темномъ платкѣ поверхъ очипка; одною рукою она опиралась на палку, другою крѣпко держалась за рукавъ внучки; обѣ были почти одного роста, высокія, худощавыя. Выйдя изъ хаты, они молча пошли вдоль улицы. Солнце еще не всходило, утренній туманъ подымался съ земли; по обѣ стороны улицы стояли запертыя хаты и неподвижныя деревья. Нигдѣ еще не мычали коровы, не кричали куры, даже не слышно было лая собакъ, только гдѣ-то въ саду запѣла первая птичка. Изрѣдка только у воротъ или за низкимъ плетнемъ показывались раньше другихъ поднявшаяся человѣческая фигура и, увидѣвъ этихъ двухъ странницъ, привѣтствовала ихъ то насмѣшливо, то съ ласкою въ голосѣ:

— Идить зъ Богомъ!

А онѣ отвѣчали въ одинъ голосъ:

— Оставайтесь зъ Богомъ!

И шли дальше. Румяная дѣвушка съ грустными глазами, задумавшись, ускоряла шагъ, а старуха спокойно и довѣрчиво спѣ-

шила за нею, всматриваясь слѣпыми глазами въ свѣтъ, котораго не видѣла, а только чувствовала его прикосновеніе въ свѣжести утренняго воздуха, охватившаго плохо защищенное ея тѣло.

Что тамъ дѣлалось съ Василиной въ шляхетскомъ хуторѣ, за три версты отъ Сухой Долины, жители села мало знали. Служила и только. Замужъ не шла. Черезъ годъ послѣ ея удаленія изъ села, Степанъ Джурджа формально посылалъ къ ней сватовъ съ соблюденіемъ всѣхъ обычаевъ.

Она ни съ чѣмъ отослала сватовъ, а Степанъ цѣлую недѣлю послѣ того пилъ безъ просыпу въ шинкѣ и дрался съ кѣмъ попало. Люди начали уже серьёзно поговаривать, что дѣвушка вѣроятно околдовала его, если онъ такъ тоскуетъ и не можетъ забыть объ ней; должно быть напоила его чѣмъ нибудь, чтобы никогда уже не отставалъ отъ нея. И зачѣмъ это ей, если сама не хочетъ и не любитъ его? Бывшая еще въ живыхъ мать Степана, сильно разгнѣванная на дѣвушку за сына, сказала однажды въ кругу женщинъ: «Видьма. Бабу мае таку видьму, що тилько и выгадуе, дебъ ёго яке лыхо зробить людямъ», и слова эти на всѣ лады повторялись и комментировались жиночками.

Вскорѣ однако Степанъ женился на дѣвушкѣ изъ сосѣдняго села и людскіе толки по немногу затихли. Василину видѣли рѣдко; иногда только дѣвушки изъ Сухой Долины, возвращаясь съ полевыхъ работъ, встрѣчали ее также идущую домой съ серпомъ или граблями въ рукахъ и поровнявшись съ дѣвушкой, которой лѣта перешли уже за двадцать, начинали пѣть будто про себя, въ дѣйствительности же на ея счетъ:

Гиля, гиля, сири гуси,
Сири гуси на Дунай,
Не хотила итн замужъ,
Теперъ сиди и гадай.

Иногда также кто нибудь изъ старыхъ знакомыхъ, при встрѣчѣ съ нею, съ состраданіемъ кивалъ головою, или спрашивалъ шутя:
— А що-жъ твій Ковальчукъ? чи хутко поверне?

Хоть и не скоро, но все таки онъ долженъ былъ возвратиться, такъ какъ въ селѣ у него оставалась земля и хата, которою управлялъ въ его отсутствіи какой-то чужой человѣкъ, вѣроятно арендаторъ. Однажды въ воскресенье разнеслась по селу вѣсть о томъ, что Ковальчукъ возвратился изъ службы и уже принимаетъ хозяйство отъ своего «заступника», а вечеромъ, когда все населеніе собралось въ корчмѣ, старики бесѣдовали за чаркою, а молодые танцовали, онъ и самъ пришелъ сюда; но его едва можно было узнать, такъ онъ сильно измѣнился. Оставляя село, онъ былъ худощавымъ, походилъ скорѣе на подростка мальчика, чѣмъ на мужчину, а одѣвался въ такую же суконную свиту или полотникъ изъ синяго или красноватаго толстаго холста.

Теперь, куда! Шесть лѣтъ военной выправки и походовъ развили его грудь, расширили плечи и блѣдное прежде лице облили здоровымъ румянцемъ и загаромъ; онъ возмужалъ и выровнялся; густые, черные усики появились надъ губами, глаза смотрѣли бойко и смѣло, а одѣтъ опъ былъ уже не въ свиту или полстникъ, а въ пиджакъ изъ темнаго сукна, франтовскіе высокіе сапоги, съ яркимъ платочкомъ на шеѣ.

Въ такомъ нарядѣ, съ папироской въ зубахъ, Ковальчукъ явился въ корчму, гдѣ на него со всѣхъ сторонъ посыпались привѣтствія, и въ свою очередь началъ здороваться со всѣми. Сразу можно было узнать, что онъ видѣлъ много свѣта, поумнѣлъ, понатерся, пріобрѣлъ извѣстныя манеры, но все таки съ радостью возвращался на родину. Старымъ знакомымъ поставилъ четверть водки и самъ выпилъ двѣ-три рюмки, но дальше уже на отрѣзъ отказался пить. Онъ курилъ папиросы, говорилъ съ апломбомъ и во всеуслышаніе, разсказывалъ о тѣхъ сторонахъ, въ которыхъ привелось побывать и, вмѣшавшись въ кружокъ танцующихъ, такъ ловко и бойко отплясывалъ съ дѣвчатами *метелыци* и *ворона*, точно никогда и не выѣзжалъ изъ села. Вообще онъ видимо чувствовалъ себя героемъ дня. Отъ мазаннаго пола, изрытаго ногами танцующихъ, въ корчмѣ поднялась такая пыль, что можно было только неясно, какъ сквозь туманъ, различить неуклюжія фигуры *парубковъ* и пеструю одежу *дивчатъ*; но Ковальчука тотчасъ можно было отли-

чить въ этой толпѣ кружившихся среди густой пыли фигуръ не столько по его темному пиджаку и яркому платку на шеѣ, сколько по ловкости и гибкости движеній. Онъ съ найбольшимъ азартомъ выкрикивалъ слова пѣсни и послѣ нѣсколькихъ десятковъ оборотовъ *метелыци* съ самой разбитной граціей водилъ вокругъ избы свою запыхавшуюся танцорку. Онъ перетанцовалъ со всѣми дѣвушками по очереди, съ каждою въ шутку начиналъ ссору, каждой заглядывалъ въ глаза, одну даже, убѣгавшую отъ него въ смущеніи, поймалъ въ уголкѣ между дверьми и печкой и поцѣловалъ, а объ Василинѣ ни словомъ не вспомнилъ, ни у кого даже не спросилъ объ ней. Зато въ этомъ отношеніи прислужились ему пожилыя женщины, которыя просто силою вырвали его изъ кружка танцующихъ, обступили его тѣснымъ кругомъ и распустили языки. Такъ и такъ было съ Василиною, говорили они, на перерывъ другъ передъ дружкою, такъ и такъ; то и то произошло между нею и Степаномъ, то и то совѣтовали ей люди; куда пошла она и что дѣлала, какъ досаждали ей по временамъ насмѣшливыми шутками и пѣснями, все до малѣйшихъ подробностей сообщили услужливыя *жиночки*. Ковальчукъ слушалъ бабскія сплетни и заливался отъ смѣха; по временамъ смѣхъ его заглушалъ не совсѣмъ тихіе голоса нѣсколькихъ разсказчицъ заразъ, но самъ онъ ничего не говорилъ. Не сказалъ ни слова ни о Василинѣ, ни о своихъ намѣреніяхъ, угостилъ бабъ водкою и сыромъ и принялся танцовать и шутить еще съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ прежде. Тогда для всѣхъ дѣлалось яснымъ, что онъ и думать пересталъ о Василинѣ. „Сказано, вернувся зъ иншимъ серцемъ, зъ иншою думкою“, говорили одни; другіе прибавляли: „де вже ёму теперъ про неи згадувати. Приблуда тай годи, тильки й того, що якусь сорочку мае на плечахъ; тай стара вже зъ неи дивка, щось вже ій двадцать четвертый рикъ иде, чи що. Винъ мигъ-бы теперъ узяти яку небудь панянку“...

Можетъ быть утверждавшіе это совсѣмъ не ошибались, можетъ быть Ковальчукъ дѣйствительно не думалъ уже о Василинѣ, а уплывшіе годы и новыя впечатлѣнія изгладили въ немъ воспоминаніе о прежней невѣстѣ и о данныхъ ей обѣщаніяхъ. Въ теченіи цѣлыхъ двухъ недѣль онъ ни разу не встрѣчался съ нею и даже

не старался увидѣться. Поговаривали, что онъ все кончалъ дѣла съ своимъ арендаторомъ, или по просту выгонялъ его изъ хаты, не безъ громкихъ споровъ и претензій о разореніи хозяйства, такъ что дѣло дошло даже до суда. По всему видно было, что онъ готовился основательно приняться не только за хозяйство, но и за кузнечное ремесло. И дѣйствительно онъ вскорѣ объявилъ своимъ односельчанамъ, что какъ отецъ и дѣдъ его занимались кузнечествомъ, такъ и самъ онъ намѣренъ продолжать ихъ занятіе и просилъ не обходить его мастерскую.

Однажды въ жаркій лѣтній день, недѣли черезъ двѣ по возвращеніи, Ковальчукъ вышелъ изъ дому и отправился дорогою далеко въ открытое поле. Въ бѣломъ полотняномъ кителѣ, съ военной шапкой на головѣ, онъ шелъ повидимому безъ цѣли, не спѣша, покуривая папиросу и слегка покачиваясь на обѣ стороны, какъ кавалеръ съ обеспеченнымъ состояніемъ, который знаетъ себѣ цѣну и голова котораго не занята никакими заботами. Такъ зашелъ онъ за пригорокъ, поросшій березовымъ лѣсомъ, за которымъ начиналось поле, покрытое золотистымъ хлѣбомъ.

Жатва только что началась; нѣсколько десятковъ жницъ шли наклонившись надъ золотистыми волнами, которыя при каждомъ движеніи ихъ рукъ, казалось, кланялись передъ ними въ землю. Ковальчукъ остановился на опушкѣ лѣса и устремилъ глаза на одну изъ жницъ, которая, выпрямившись, подняла толстый снопъ жита и, пройдя нѣсколько шаговъ, бросила его въ кучу, гдѣ лежало уже много другихъ сноповъ. Затѣмъ, блеснувши серпомъ въ воздухѣ, она наклонилась и снова принялась жать; шагъ за шагомъ она все приближалась къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Ковальчукъ, но ни разу не подняла головы и только руки двигались быстро, а серпъ все чаще и чаще сверкалъ надъ землею. Ковальчукъ бросилъ на землю недокуренную папиросу и стоялъ какъ вкопанный между березами, скрестивъ руки на груди, слегка раскрывъ губы и не сводя взгляда съ этой жницы, а подъ его черными усами заиграла улыбка. Онъ ясно замѣтилъ, что приближавшаяся дѣвушка, хотя и шла наклонившись, однако видѣла прекрасно, что это онъ стоитъ тамъ; время отъ времени она взгляды-

вала на него изъ подлобъя, но не подняла головы, не отозвалась ни словомъ, а напротивъ, продолжала жать все быстрѣе и усерднѣе. Когда она очутилась всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки лѣса, Ковальчукъ наконецъ обратился самъ:

— Добры-вечиръ, Василино!

Она выпрямилась, опустила руки съ серпомъ и отвѣчала:

— Добры-вечиръ.

Но по прежнему не смотрѣла на него; длинныя рѣсницы опустились на глаза, она стояла бокомъ къ нему, какъ будто ожидала чего-то, или же будто просто остановилась отдохнуть на минуту среди работы. Ковальчукъ граціозно оперся локтемъ на выдающійся сукъ дерева, прищурилъ глаза и снова заговорилъ.

— Чи то-жъ годыться такъ нехтувати давними знаёмыми?

— Яке тамъ нехтування! полусердитымъ тономъ проворчала дѣвушка, пожавъ плечами и не подымая глазъ.

— А якъ-же! чи то такъ Василина повинна зо мною привитатись?

— Коли хто зо мною не витаеться, то й мени нема чого витатись.

Ковальчукъ оставилъ дерево, на которое облокачивался, и приблизился къ ней на нѣсколько шаговъ. Глаза ея по прежнему смотрѣли въ землю, а руки съ серпомъ опустились на передникъ. Она жала уже нѣсколько часовъ подрядъ, день былъ душный и знойный, крупныя капли пота блестѣли на ея загорѣвшемъ лбу и пунсовыхъ щекахъ, почти не отличавшихся цвѣтомъ отъ полеваго мака, который опускался ей за ухо изъ темныхъ волосъ. Ковальчукъ пристально смотрѣлъ на нее; казалось, онъ присматривался такъ къ этимъ каплямъ пота, катившимся съ ея лица.

— Що-жъ ты, началъ онъ снова, працюешъ та горюешъ?..

— Горюю.

— Якъ той вилъ у ярми?

— Якъ той вилъ...

— По чужихъ людяхъ?

— По чужихъ.

— И стареньку бабу при соби годуешъ?

— Годую.

Онъ еще подступилъ къ ней на нѣсколько шаговъ и снова спросилъ:

— А чому-жъ за Степана Джурджу не пишла?

— Не схотила, то й не пишла!

— А намовляли люде?

— Намовляли.

— И бабуня казала?

— Казали.

— То чему-жъ не йшла? Було йти! Була-бъ у своій хати працювала, въ купованыхъ китайкахъ ходила, що-дня яешню зъ саломъ ӣла...

При этихъ словахъ дѣвушка нетерпѣливо переступила съ ноги на ногу и сердито проворчала:

— Нехай Степанову яешню свини ӣдять...

— А теперъ дивчата смишныхъ писень до тебе спивають, глузують, що нибы вже стара дивка зъ тебе.

Она снова пожала плечами.

— Нехай соби спивають.

У Ковальчука заблестѣли глаза и слегка задрожали руки.

— Що ты такъ до мене, нибы говоришъ, нибы не говоришъ... неначе до пса якого. . Скаже слово и зновъ мовчить, навить и въ вичи не дывиться... Що я тоби злого зробивъ?..

При этихъ словахъ дѣвушка выронила серпъ и, схватившись за голову руками, заговорила со стономъ:

— Ой, зробивъ ты мени, зробивъ недолю на циле життя, на смихъ людямъ... Вже два тыжни, якъ повернувъ, а про мене и не згадавъ, не прыйшовъ навить добраго слова сказати, ани поглянувъ въ ту сторону, де я живу ..

Съ трудомъ удерживая слезы, готовыя брызнуть изъ глазъ, она наклонилась поднять серпъ и, дѣлая движеніе какъ-бы готовясь уходить, проговорила на половину съ гнѣвомъ, на половину со слезами:

— Не хочешъ мене, не хочу-жъ и я тебе... Иди соби зъ Лобудовою дочкою одружись... найбагатша на все село, а очи таки гарни, одно на право дивиться, друге на ливо... Иди до Лобудовои дочки... зъ Богомъ одъ мене!..

Вотъ эти-то глаза, косые и безобразные у Лобудовой дочки, у Василины представляли такія чары, сильнѣе которыхъ не могла-бы придумать никакая вѣдьма. Кромѣ глазъ, ничего въ ней не было такого особеннаго; такихъ свѣжихъ и быстрыхъ, какъ она, можно было отыскать множество; но глаза ея отличались тѣмъ, что просто говорили, высказывали всѣ ея мысли и чувства и своею необыкновенною выразительностью привлекали къ ней каждаго. Они высказывали всю ея душу, которую она не умѣла, или не рѣшалась выразить словами. Такъ и теперь, въ ея сѣрыхъ глазахъ, устремленныхъ на Ковальчука, выразилось столько страстнаго негодованія и жалобной просьбы, врожденной веселости и долгой тоски, что Ковальчукъ схватилъ ее за руки и потянулъ къ себѣ.

— Не йшла за Степана, бо на мене чекала? спросилъ онъ быстрымъ шопотомъ.

— А то-жъ на кого! прошептала дѣвушка.

— А тяжко було жити?

Отирая слезы рукою, на которой виднѣлся свѣжій шрамъ отъ серпа или отъ ножа, она отвѣчала:

— Тяжко.

— Чекаючи на мене, жила въ такимъ горюванни людямъ на посмихъ? продолжалъ онъ допрашивать.

— А то-жъ на кого?

— Побожись.

Сложивъ пальцы на крестъ, она подняла глаза на глубокую синеву небесъ.

— Нехай мени такъ Богъ помагае и Пречистая Дива, якъ я за тобою власно и души не чула, а дожидала тебе, якъ теи пташки, що якъ прилетыть, то вже ясне солнце засвитыть и вернеться весна красна...

Ковальчукъ не далъ ей окончить, обхватилъ руками и потянулъ въ лѣсъ, между березы.

— Отъ-же и дочекалась, бо далеби, визьму тебе за жинку и за господыню до своеи хаты. Трохи було забувъ про тебе, то правда, але тилько побачивъ твое горювання та твій тяжкій пить,

такъ мене заразъ щось за серце здавило, немовъ обценьками; а якъ поглянули на мене твои ясни очи, такъ мени любо стало...

Сидя на землѣ среди зеленыхъ березъ, при шелестѣ вѣтерка и чириканьи птичекъ, онъ крѣпко прижималъ къ груди заплаканную дѣвушку, рукою, какъ-бы созданною для молота и наковальни, утиралъ съ лица ея капли пота и слезъ и поцѣлуями замыкалъ уста, изъ которыхъ вырывался то смѣхъ, то рыданье.

Долго еще поговаривали въ Сухой Долинѣ, что Василина дожно быть и его также околдовала; потому что гдѣ-же это видано, что-бы парубокъ въ продолженіи шести лѣтъ помнилъ дѣвушку, особенно если уходилъ въ широкій свѣтъ, да къ тому-же еще такой, которому самыя богатыя невѣсты готовы были вѣшаться на шею, чтобы женился на не совсѣмъ уже молодой дѣвушкѣ, *приблудѣ*, самой бѣдной въ цѣломъ селѣ... Прежде Степана причаровала, а теперь этого, но того послѣ все таки отчаровала, а этого уже взяла себѣ. Должно быть она знаетъ такое зелье, а можетъ быть и еще что нибудь похуже...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Секретная переписка Коша запорожскаго

(1734—1763 г.).

Въ іюльской книжкѣ «Кіевской Старины» 1885 г. (стр. 365—417) помѣщена весьма любопытная статья, подъ заглавіемъ: «Воеводскія вѣстовыя отписки XVII вѣка, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи». Авторъ ея, г. *Н. Оглоблинъ* считаетъ ихъ, и весьма справедливо, серьёзнымъ источникомъ для исторіи русскихъ пограничныхъ отношеній, хранящимся въ нашихъ государственныхъ архивахъ и доселѣ еще почти не извѣстнымъ многимъ нашимъ археографамъ. Нѣчто въ этомъ родѣ, хотя изъ эпохи болѣе къ намъ близкой, нашли мы въ остаткахъ хранящагося у насъ запорожскаго архива, и были удивлены большимъ сходствомъ нашихъ бумагъ съ драгоцѣннымъ матеріаломъ, предложеннымъ г. Оглоблинымъ на страницахъ «Кіевской Старины». Находящіяся у насъ бумаги представляютъ переписку «по секретамъ Коша запорожскаго», большею частью политическаго содержанія, о пограничныхъ дѣлахъ. Онѣ заключаются въ пяти связкахъ или «дѣлахъ» и состоятъ болѣе чѣмъ изъ сотни распоряженій высшей власти и отвѣтовъ запорожской старшины. Предлагаемъ здѣсь тѣ изъ этихъ документовъ, которые мы считаемъ найболѣе сходными съ упомянутыми выше «отписками» XVII столѣтія. Періодъ времени, обнимаемый этими бумагами, составляетъ около 20 лѣтъ; но къ сожалѣнію переписка первой половины этого періода очень неполна.

«Секреты» Коша запорожскаго были послѣдствіемъ требованій современнаго начальства, т. е. гетмана Малороссіи, войсковой генеральной канцеляріи, кіевскаго генералъ-губернатора, изрѣдка

командующаго войсками на украинской линіи и начальниковъ въ новосербскомъ поселеніи, какъ напримѣръ генерала Хорвата. Требованія писались въ одинаковой почти формѣ, въ родѣ слѣдующихъ двухъ.

14-го января 1755 года гетманъ прикkзываетъ Кошу:

„При нынѣшнихъ въ Турціи сумнительныхъ обстоятельствахъ, для примѣчанія происхожденій и обращеній въ сосѣдствѣ. тотъ часъ отправить нарочныхъ надежныхъ людей, подъ приличнымъ претекстомъ, и имъ велѣть всѣми образы о тамошнихъ обращеніяхъ провѣдывать секретно, и что извѣдано будетъ, о томъ доносить Кошу, а Кошъ намъ или въ генеральную канцелярію рапортовать".

9-го февраля того-же года кіевскій вице-губернаторъ Г. М. Костюринъ писалъ кошевому Григорію Федорову:

„Особливо стараться чрезъ посыланныхъ, подъ приличнымъ претекстомъ, надежныхъ и бывалыхъ людей въ Крымъ и Очаковъ развѣдывать о тамошнихъ обращеніяхъ и о томъ почаще доносить, ибо того высочайшій его императорскаго величества интересъ требуетъ."

Хотя послѣ побѣдъ Петра Великаго положеніе Россіи уже было не то, что въ періодъ обнимаемый «воеводскими отписками» (1625—1690 г.), но на рубежѣ Имперіи: въ Малороссіи, запорожскихъ владѣніяхъ, донскихъ станицахъ и Новосербіи, постоянная опасность враждебнаго намъ сосѣдства ощущалась и продолжала ощущаться почти до конца XVIII столѣтія. Намъ грозили своими подъѣздами и интригами съ одной стороны Турція, все еще могущественная и полудикая держава, напускавшая на насъ подвластныхъ ей татаръ, кочевавшихъ на рубежахъ нынѣшняго новороссійскаго края, съ другой Польша, въ которой королевская власть безъ народнаго уваженія, безъ арміи и денегъ, безчинства и развратъ магнатовъ, разузданность мелкаго дворянства, а еще болѣе фанатизмъ католическаго духовенства, не только производили внутри государства невообразимый хаосъ, но и причиняли сосѣдямъ, а особенно Россіи, безчисленныя хлопоты. Не имѣя средствъ и охоты сдѣлать нападеніе на наши новыя поселенія, запорожскія поланки и Новосербію, польское правительство и пограничные помѣщики подущали и подкупали татаръ, волоховъ и всякую сволочь безпокоить наши зимовники, селенія и даже «роты» новосербскаго и новослободскаго поселенія въ нынѣшней херсонской губерніи. Вотъ почему наше правительство имѣло необходимость знать положительно,

что дѣлается за нашими польскими и турецко-татарскими рубежами, и, за отсутствіемъ настоящихъ дипломатическихъ агентовъ, обращалось къ запорожскому Кошу, какъ ближайшему органу для полученія такихъ свѣдѣній и справокъ. Правда, въ Константинополѣ въ это время были уже наши постоянные резиденты, сперва статскій совѣтникъ Неплюевъ, а потомъ надворный совѣтникъ Обрѣсковъ, въ Крыму и молдавскихъ государствахъ были гласные и не гласные агенты, какъ поручики *Никифоровъ* и *Невядомскій* (въ 1750—60 годахъ), а послѣ путивльскій купецъ *Шестаковъ;* но какъ первые не имѣли большаго вѣса въ глазахъ султана, такъ вторые въ глазахъ хановъ, хотя къ послѣднимъ и посылались французскіе агенты, въ родѣ барона *де-Тотъ* и *Пейсонеля,* съ богатыми денежными подарками и приличною свитою [1]). Отъ того наше правительство для полученія вѣрныхъ свѣдѣній о своихъ порубежныхъ сосѣдяхъ и ихъ намѣреніяхъ употребляло тѣ-же пріемы и такихъ-же дѣятелей, что и за 100 лѣтъ предъ тѣмъ, именно «развѣдчиковъ», и довольствовалось ихъ показаніями или отписками. И вѣроятно донесенія запорожцевъ были вѣрны и добросовѣстны, ибо въ 5-ти связкахъ дѣлъ, между сотнями бумагъ, мы не нашли ни одного упрека или выговора, сдѣланнаго опытнымъ и надежнымъ развѣдчикамъ.

«Секреты» Коша запорожскаго начинаются со времени возвращенія запорожцевъ изъ турецкаго въ русское подданство. Кіевскій генералъ-губернаторъ, графъ фонъ-Вейсбахъ, которому Россія обязана возвращеніемъ «славнаго войска запорожскаго низоваго», съ первыхъ-же дней водворенія запорожцевъ на древнихъ ихъ пепелищахъ, поручаетъ имъ развѣдывать о намѣреніяхъ турокъ и татаръ. Вотъ что читаемъ мы въ ордерѣ его отъ 19 апрѣля 1734 года, на имя Кошеваго Милашевича:

По полученнымъ свѣдѣніямъ чрезъ польскихъ обывателей гор. Дубассаръ [2]), крымскій ханъ Капланъ Гирей (сынъ Селимъ-Гирея)

---

[1]) *Пейсонель* былъ французскимъ консуломъ въ Крыму въ 1753 году, а въ 1787 году издалъ драгоцѣнное до сихъ поръ сочиненіе подъ заглавіемъ: Traité sur le commerce de la Mer-Noir. Paris". *Баронъ де-Томтъ,* инженеръ, былъ такимъ-же консуломъ при ханахъ въ 1768 и 1769 годахъ. Онъ сопровождалъ Крымъ-Гирея хана въ его наѣздѣ на Запорожье и Ново-Сербію и описалъ его въ весьма любопытномъ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „*Memoires sur les Turcs et le Tatars. Amsterdam*".

[2]) *Дубоссары* херсонской губерніи, тираспольскаго уѣзда.

собирается выступить изъ Каушанъ [1]) и со всею почти своею ордою буджакскою переправляется чрезъ Днѣстръ, но еще не извѣстно, куда оная орда имѣетъ идти: въ Крымъ-ли и отътуда въ Персію, ибо, какъ я предъ симъ имѣлъ извѣстіе, что большая часть татаръ, которые были въ Каушанѣ, получили отъ Порты указъ, что-бы идти въ Персію чрезъ Царь-Градъ и якобъ уже часть оныхъ перешла за Дунай, или въ Польшу [2]) противъ нашего войска, или-же противъ вашей Запорожской Сѣчи, что-бы вамъ, запорожскому войску, за переходъ изъ стараго мѣста (Алешекъ) на новое учинить какую злость, и ежели оная орда пойдетъ въ Польшу, то противъ ей обрѣтающемусь тамъ отъ войскъ его императорскаго величества корпусу велѣно съ нимъ поступать, яко съ неприятели и стараться, что-бы ихъ разогнать; а ежели оная орда имѣла-бы идти къ вашей Запорожской Сѣчи и намѣрена какое учинить нападеніе, то вы со всѣмъ своимъ войскомъ изволите въ такомъ случаѣ поступать съ нею, какъ съ неприятелемъ и учинить имъ знатной воинскій отпоръ. Для того изволите приказать всякими мѣрами заподлинно провѣдывать, и какъ увѣдано будетъ, что оная орда чрезъ рѣку Бугъ переправилась и пойдетъ не въ Крымъ, но къ Сѣчи, то о томъ изволите тотчасъ дать знать чрезъ нарочныхъ бѣлгородскаго коннаго полку къ полковнику *Дунину*, стоящему въ м. Мѣдведевкѣ, что-бы онъ къ вамъ въ Сѣчь на сикурсъ съ своею командою противъ той орды шелъ, въ Переволочну, къ маіору *Шишкевичу* и потому-жъ требовать отъ него сикурсу, и къ тому м. Переволочнѣ отправить съ низовыхъ запорожскихъ козаковъ 100 человѣкъ конныхъ, которые-бы, прибывъ туда, явились у г. генералъ-маіора Гейна, ибо оному генералу велѣно отъ украинской линіи, со всею опредѣленною командою, слѣдовать къ Переволочнѣ и тамъ, перебравшись за Днѣпръ, стоять съ ожиданіемъ прибытія посланныхъ отъ васъ означенныхъ 100 человѣкъ козаковъ, и присовокупя ихъ къ себѣ и полковника Дунина съ конницею, слѣдовать къ вамъ въ помощь противъ татарской орды и вмѣстѣ чинить надъ татарами знатный поискъ, а козаки имѣютъ быть до Сѣчи приведены.

Въ слѣдующемъ 1735 году тотъ-же гр. Вейсбахъ отъ 10 мая писалъ тому-же Кошевому слѣдующее:

Извѣстился я чрезъ присланнаго отъ вашего благородія козака, зовомаго *Москове*, будто вы ему наказывали и мнѣ донести о ногай-

---

[1]) *Каушаны*, с. въ Бессарабіи, близъ Бендеръ.

[2]) Въ Польшу тогда вступила было русская армія, подъ начальствомъ генерала Лассіе, въ помощь союзнику нашему королю Августу II.

цахъ, яко они чрезъ ваше благородіе изъявили охотное желаніе въ высокой его императорскаго величества протекціи быть. Чему я хотя не такъ склоненъ (вѣрить) нахожусь, для того, что отъ васъ о томъ никакого письменнаго виду нѣтъ, однако принужденъ отозваться симъ: такъ-ли есть или нѣтъ? и на какомъ основаніи произошло? меня въ непродолжительномъ времени увѣдомить, а ежели вправди отъ нихъ (ногайцевъ) желаніе есть, то весьма оное содержать въ тайности, дабы со стороны Турціи до времени увѣдать и намъ за разрывъ миру почесть не могли.

Хотя отвѣта запорожскаго Кошеваго на этотъ запросъ мы и не нашли, но усматриваемое изъ самаго запроса столь невѣроятное въ то время желаніе ногайцевъ, 34 года спустя, именно въ 1769 г. вполнѣ оправдалось. Графъ Панинъ во время первой нашей противъ турокъ войны (1769—1775 г.) обращался по тому-же предмету къ запорожцамъ и пользовался ихъ услугами для вывѣдыванія намѣреній ногайскихъ ордъ, которыя дѣйствительно въ 1770 году, въ числѣ болѣе 12,000 душъ обоего пола, перешли подъ русскую державу.

Развѣдыванія, за посредствомъ запорожскаго Коша, о заграничныхъ похожденіяхъ продолжались и въ послѣдующіе годы. Кошевой Семенъ Еремѣевичъ 10 мая 1742 года доноситъ генералу Кейту, вѣроятно командующему на украинской линіи, что козаки, ходившіе въ Крымъ за солью, видѣли и слышали, что «ничего не чуть того, щобы ихъ (т, е. татаръ) войска уже рушали, а въ Перекопи-то ихъ малолюдно находится. Токмо Иманъ, который при озерѣ соляномъ зостаетъ, допытывался: чего ради зъ Малороссіи купцы и люди не пропущаются въ Крымъ?—и говорилъ такъ: чи не замышляетъ ли чего еще Россія на нихъ въ задоръ идти? А по томъ тоже Иманъ говорилъ, что слышно (у насъ у татаръ), же будто россійскія войска по Днѣпру приходятъ и чего ради? то ему сказали: же нѣтъ такихъ войскъ, и не надѣемся всячески. *Не такое время*, что-бы осматривать полки [1]).

Развѣдыванія не прекратились со смертію Вейсбаха, вполнѣ довѣрявшаго запорожцамъ. Въ ордерѣ новаго кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева къ кошевому Василію Григорову (15-го ноября 1746) читаемъ:

---

1) И точно, это было печальное для Россіи время возврата, по бѣлгородскому договору, Азова и Таганрога туркамъ.

Отъ посланника въ Константинополѣ *Неплюева* извѣстился я о заключеніи у турковъ съ персіянами мира и что потому бывшіе въ той сторонѣ европейскія (турецкія) войска во свояси возвращаются. А понеже легко статься можетъ, что бендерской и хотинской гарнизонъ прибавятся, для того нужно чрезъ имѣющихся пріятелей по часту развѣдывать, что вдоль Днѣстра и въ Крыму происходитъ, толь найначе, что Порта повелѣла хану быть въ Константинополь, сказываютъ де для полученія обыкновенно даваемаго ханамъ почетнаго халата, но подлинная ли это причина призыву его — неизвѣстно.

Чѣмъ дальше, тѣмъ эти развѣдки становились правильнѣе и чаще. Изъ Коша отправлялись нарочитые развѣдчики, которые по возвращеніи своемъ представляли болѣе или менѣе обстоятельныя донесенія, носившія названіе «доѣздныхъ доношеній». Первое такое доношеніе относится къ 1755 г. Посылаемъ былъ въ Крымъ, подъ видомъ купечества, козакъ *Василій Похила*, по слухамъ о новомъ султанѣ въ Турціи, и вотъ что доносилъ Кошевой о результатѣ сего посольства:

Сего января 8-го числа (1755) онъ Василь Похила съ товарищемъ *Василіемъ Зубенко*, подъ образомъ продажи пушнаго товару, изъ Сѣчи отлучился и прибылъ въ Никитинъ [1]), и тамо отъ переводчика *Ф. Семенова* получилъ россійскій императорскій билетъ. Здѣсь поживъ по 12-ое число генваря, по причинѣ великой стужи и морозовъ, въ Крымъ ѣхалъ съ превеликою трудностью, также за неимѣніемъ на Крымскомъ степу, да и по селамъ лошадямъ корму, и едва токмо, милостію Божіею, къ Перекопу сего же генваря 19-го числа доѣхали. Коль скоро къ башнѣ пріѣхали, то оной башни смотрители ничего не спрашивали за большимъ морозомъ, стужею и метелицею и во внутрь Перекопа пустили. Куды пріѣхавъ въ хану и тамо пробыли 6 день. Турки, татары, греки и русскіе купцы къ намъ по торгу изъходили, а турки и татары спрашивали: кто старшина въ Сѣчи? а потомъ сказывали: „слышно де намъ всѣмъ въ Крыму, что его императорское высочество великій князь Петръ Федоровичъ на россійскій престолъ вступилъ и для того во всемъ государствѣ тако-же и въ Сѣчи Запорожской пушечная пальба была.“ Напротивъ чего онъ Василь Похила отвѣтствовалъ, что такого извѣстія не слышно, а извѣстно подлинно, что Богъ даровалъ ихъ императорскимъ высочествамъ

[1]) „*Никитинъ перевозъ*“ на татарскую сторону—нынѣ Никополь, екатеринославской губерніи и уѣзда.

первороднаго сына, благовѣрнаго государя и великаго князя Павла Петровича, и для тогого радостныя торжества были. Они жъ турки и татары при этомъ объявили, что въ Царь-градѣ новый великій султанъ Османъ престолъ Турціи принялъ и указалъ крымскому хану Арсланъ Гирею по прежнему ханомъ быть. Для чего предъ пріездомъ въ Перекопъ запорожскихъ посланцевъ, съ 17 на 18 января, Капиджиль Паша съ тѣмъ указомъ и со всѣмъ ханскимъ уборомъ, яко то: соболею шубою, шаблею, ножемъ и прочими вещами отъ него султана великаго слѣдовалъ въ Бахчисарай съ ассистенціею провожатыхъ 40 янычаръ царьградскихъ, да татаръ джамбуй-лучкихъ 100 чел. Только ночью въ Перекопъ выѣхавъ и переночевавъ, 18 дня генваря выступилъ съ Перекопа рано, которому честь отдавали: была въ городѣ пушечная пальба 6-ю выстрѣловъ, а отъ янычаръ съ ружейнымъ провожаніемъ. Янычары же для полученія жалованія великаго, обѣщаннаго отъ ихъ новаго султана, съ Карасева (Карасу-базара), Бахчи-сарая, Кефы, Козлова и съ прочихъ мѣстъ собирались къ своимъ ордамъ въ Перекопъ, коихъ уповательно до 600 человѣкъ будетъ. А приготовленій и обращеній и намѣреній (враждебныхъ) никакихъ не слышно. Не только у Перекопа, но и у Бахчисарая такой большой снѣгъ, что не малое число скота и даже людей погибло.

Слѣдующее за симъ донесеніе кошеваго Григорія Федорова гетману и въ Кіевъ относится къ тому же году. Въ немъ читаемъ:

Войсковой толмачъ и кантаржей (хранитель вѣсовъ) Василій Лазаревъ донесъ Кошевому, что перекопскаго гарнизона янычары: Арпатъ-Али и Ахметъ-Баша, прибывшіе въ Сѣчь Запорожскую по купеческому промыслу, между разговорами съ находящимися при Сѣчи же по купечеству, братьямъ своимъ, туркамъ и татарамъ крымскимъ словесно объявили, что посыланные крымскаго Арсланъ-Гирея хана сынъ, его сераскиръ султанъ, съ другими двумя султанами, съ войскомъ до 40.000 (?) или болѣе: крымскихъ, буджацкихъ, едисанскихъ и киргизскихъ татаръ на кабардинскихъ черкесовъ, для войны за ихъ черкесовъ къ хану крымскому непокорность, тамо въ черкесской сторонѣ всѣ пропали, и мало хто оттудова ушелъ, да и султаны живы ли или нѣтъ, не слышно. По такой причинѣ крымскій ханъ, съ своимъ вейзиромъ и мурзами, въ немалой печали находится, такъ что и говорить къ себѣ иныхъ не допускаетъ. А разглашеніе де по Крыму учинено, якобы россійскіе солдаты, купно съ черкесами будучи и нарядясь въ черкесскую одежу, такову побѣду надъ татарами учинили (9-го мая 1755 г.).

Въ этомъ донесеніи слѣдуетъ отмѣтить то обстоятельство, что въ Сѣчи находились и къ нимъ по купечеству свободно приходили турки и татары и торговали подъ надзоромъ переводчика и кантаржея, т. е. смотрителя вѣсовъ на базарѣ и, вѣроятно, сборщика пошлинъ и податей.

17 мая текущаго года Кошевой не мало удивилъ кіевское и малороссійское начальство слѣдующимъ показаніемъ козаковъ, которые были посылаемы къ хану съ письмами:

4 маія, въ бытность ихъ въ Бакчисарае на квартирѣ въ ѣздномъ дворѣ, иріѣхавшій съ Буджакъ съ мурзою волошинъ, между разговорами ихъ, объявилъ, что крымскіе мурзы и прочіе ихъ старшины въ немаломъ сожалѣніи находятся, что въ россійской имперіи дѣлается новый городъ *Елисаветъ* и потому домогательство чинить будутъ, чтобы разоренный россійскимъ государствомъ турецкій городъ Азовъ, паки коштомъ россійсвой-же имперіи издѣланъ былъ. Ежели-же по такому ихъ домогательству не сдѣлается, то яко-бы въ прійдучую сего 1750 года осень розмиръ (т. е. нарушеніе мира) будетъ.

Такъ зорко слѣдила Турція за мѣрами, которыя наше правительство принимало въ видахъ защиты нашихъ границъ, а одною изъ такихъ мѣръ было въ то время поселеніе сербовъ и другихъ славянъ въ нынѣшней херсонской губерніи и учрежденіе крѣпости св. Елисаветы.

Въ томъ-же году, и кажется въ послѣдній разъ, встрѣчаемъ извѣстіе о бывшихъ бѣглецахъ-сообщникахъ Мазепы и Орлика, которые въ 40 лѣтъ послѣ полтавскаго пораженія искали еще покровителей въ Крыму и Польшѣ. Вотъ показаніе козака запорожскаго Василія Романовскаго, по возвращеніи изъ Крыму, куда онъ посылаемъ былъ съ цѣлью развѣдыванія объ интригахъ оставшихся еще въ живыхъ этихъ измѣнниковъ, 6 декабря 1755 года.

По отправленіи меня въ Крымъ, прибывши я въ городъ Бакцисарай, съ имѣющимся у меня къ продажѣ купеческимъ товаромъ, взявъ даннаго братомъ моимъ, войска запорожскаго войсковымъ писаремъ, Дмитріемъ Романовскимъ, по совѣту г. маіора Ферцова [1], осетра, къ пребывающимъ тамъ въ Бакцисараѣ двомъ человѣкамъ *Федору Мировичу* да *Федору Иванову* сыну *Нафимовскому*, пошедши въ ихъ квартиру, изъ вышеписанныхъ единому токмо Мировичу поклонъ отдалъ

---

[1]) Комендантъ ново-сѣченскаго ретраншамента.

и того осетра вручилъ, и вѣдая, что якобы у его Мировича имѣются въ Малороссіи родственники, при томъ объявилъ, яко де было у мене отъ реченнаго писаря Романовскаго къ врученію ему Мировичу письмо, а въ томъ письмѣ другое съ Малороссіи переданное, а отъ кого именно—отъ родственниковъ его Мировича или отъ кого другого, не зналъ, но на пути, якобы при разграбленіи меня гайдамаками, тое письмо потеряно. Почему онъ передалъ мнѣ отъ такихъ родственниковъ письмо и картелюшекъ, писанный моею рукою, при печати его Мировича, которое письмо и картелюшекъ при семъ сообщаю. Будучи по нѣскольку разъ въ ихъ Мировича и Нахимовского квартирѣ на кушаніи, между разговорами они мнѣ объявляли: „имѣютъ де они свое жительство въ польской области, въ пожалованной польской области короннымъ гетманомъ Потоцкимъ ему Мировичу селѣ, называемомъ *Грабичь*, состоящомъ подъ Хотинымъ, да сверхъ того отъ бывшаго великаго султана позволительный листъ имѣли, дабы имъ отъ господаря волошского жалованье денежное давано было. По умертвіи-же султана, жалованья денежнаго отъ господаря не стали давать, и затѣмъ они въ Бакцисарай прибыли, дабы тотъ листъ нынѣшнимъ великимъ султаномъ о выдачѣ по прежнему жалованья потверждено было, который листъ вмѣстѣ съ мурзацкими фирманами въ Цареградъ и посланъ. При отзывѣ-же моемъ Мировичь объявилъ, имѣютъ де они (измѣнники) желаніе, чтобы войско запорожское низовое отъ россійскаго государства отвратить и привернуть до хана крымского, и сію рѣчь его вельможности пану Кошевому и другимъ стариннымъ козакамъ велѣлъ объявить. Егда же войско запорожское къ тому ихъ желанію соизволитъ, тобъ г. Кошевой упевнялъ ихъ вѣрностію и письменно имъ-бы далъ знать. Ежели-же къ тому войска запорожскаго желаніе и произволеніе не будетъ, то предъ симъ запорожскимъ козакамъ ноги вмѣсто красныхъ чоботъ, также и головы россіяне обдирали, а нынѣ уже войско запорожское въ конецъ истребить хотятъ, для чего и вновь по сей сторонѣ Днѣпра городы, яко-то Елисаветъ и прочіе подѣланы, и уже войско запорожское все въ мѣшокъ убрано; токмо-же еще, чтобъ тотъ мѣшокъ завязать, россіяне способу не избрали.

Такое полусерьезное и полукомичное политическое сообщеніе крамольниковъ надѣлало не мало тревоги и въ Кіевѣ и въ генеральной войсковой канцеляріи, а потому строго воспрещено имѣть какія-либо сношенія съ измѣнниками, а письма ихъ, если будутъ, не распечатывая, пересылать немедленно кіевскому вице-губернатору Костюрину.

Польскій рубежъ въ это время, какъ кажется, мало безпокоилъ наше правительство, вслѣдствіе крайняго ослабленія польскаго государства: отъ того въ числѣ «Секретовъ» Коша запорожскаго встрѣчаемъ весьма немного посылокъ за польскій рубежъ и довольно рѣдко оттуда приходили даже пограничныя вѣсти. Но вотъ образчикъ весьма оригинальнаго донесенія съ этого сосѣдства.

Полковникъ Перевозной паланки, наблюдавшій за соляными и рыбными промыслами на «косахъ», т. е. устьяхъ Днѣпра и Буга, *Якимъ Лелекъ* доноситъ Кошу слѣд.:

Текущаго августа 1 числа (1756 г.) я своего писаря Данила Малиновскаго на косы въ разъѣзды посылалъ, и тотъ, возвратясь, мнѣ объявилъ, что онъ тамъ отъ приходячихъ съ польской области (Украйны) за рыбою ватажанъ слыхалъ, что тамо въ Польшѣ всѣхъ по своимъ губерніямъ (т. е. помѣщики въ своихъ имѣніяхъ) людей въ козачество насильно приводятъ, а хто весьма убогъ, то своимъ ружьемъ и прочимъ припасомъ снабдѣваютъ. А особенно отъ польскаго человѣка слыхалъ, что коронный польскій гетманъ (вѣроятно Потоцкій Иванъ) орды ногайской султановъ 4 затягъ и нынѣ тѣ султаны два въ м. Палѣевомъ озерѣ, а два въ гору р. Буга на вершинѣ р. Чигаклея въ Копанкѣ [1]) яко бы съ немалымъ войскомъ стоятъ. Къ тому-жъ и отъ запорожскихъ нашихъ козаковъ, кои въ Прогнояхъ [2]) за солью были, слыхалъ, что прошлаго іюля остатнихъ чиселъ польскій посолъ чрезъ Очаковъ и Кинбургъ къ хану крымскому ишолъ и дѣвицу весьма нарядную и хорошую реченному хану въ презентъ везъ; почему я съ старшиною доумѣваю, что тотъ польскій посолъ къ хану крымскому не для чего другого, какъ только чтобы еще больше орды просить, пошелъ и пр.

Кромѣ приведенныхъ доселѣ свѣдѣній нарочитыхъ, официальнаго такъ сказать происхожденія, въ дѣлѣ развѣдыванія о «заграничныхъ обращеніяхъ» правительство наше пользовалось и свѣдѣніями случайными, получавшимися отъ возвращавшихся изъ татарской и турецкой неволи, а такихъ плѣнниковъ, при частыхъ и въ то еще время набѣгахъ татаръ на заднѣпрскую Малороссію и въ особен-

---

[1]) „Палѣево-озеро“ м. въ херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда, на р. Выси; с. Копанка с. полтавской губерніи на р. Чигаклеѣ, впадающей въ Бугъ.

[2]) *Прогнои*—соляныя лужи на Кинбурскихъ пескахъ, гдѣ устраивались небольшіе промыслы.

ности на Западную Украйну было очень много. Когда плѣнники сами по себѣ, или по сношеніямъ правительства или Коша Запорожскаго освобождались отъ плѣна, ихъ допрашивали въ Кошѣ и полученныя отъ нихъ свѣдѣнія политическаго характера представляли по начальству. Вотъ образчикъ такого донесенія отъ кошеваго Григорія Федорова командующему на украинской линіи генералу князю Кантеміру:

Сего 1755 г. февраля 20 дня, вышедшій изъ неволи, съ турецкой области, невольникъ Иванъ Даниловъ сынъ показалъ, что родился онъ польской области въ с. Капустинъ (кіевской губерніи) и взятъ татарами въ неволю, въ тотъ часъ, когда Медведовку брали (будетъ тому назадъ годовъ 18), гдѣ будучи въ неволѣ служилъ у ногайца въ с. Делегіелъ на р. Тилигулъ), именемъ Машбета, пасучи скотъ чрезъ всю свою у него бытность, а нынѣшнею зиму по тому боку р. Бугу, въ урочищѣ р. Чигаклей, былъ съ отарою (стадомъ овецъ) Машбета, гдѣ и ногайцевъ для сбереженія, а отъ чего, не знаетъ, было болѣе 2,000, между коими командирами были: Капланъ-Мирза, Уразъ-Мурза, да чабанскій Мурза. Будучи между ногайцами, онъ не однажды слышалъ, какъ они хвалились, что якъ де наступитъ новый султанъ, то на будущее лѣто на запорожскія вольности и въ пограничныя мѣста они намѣрены вдарить, что они у покойнаго султана уже просили позволенія идти за ясыромъ (ловить плѣнныхъ), но султанъ не позволилъ". Плѣнникъ еще показалъ, что „слѣдуючихъ, лежачимъ по надъ Богомъ шляхомъ (дорогою), въ Сѣчь Запорожскую на 5 возахъ, для продожи пшена, людей христіанъ 5 человѣкъ ногайцы порѣзали, пшено и 10 воловъ забрали". Буго-гардовый полковникъ прибавилъ къ сему показанію, что и „ему его козаки докладывали, что видѣли близъ Чигаклеи двухъ запорожцевъ, которыхъ ногайцы зарѣзали".

Донесенія этого рода составлялись на основаніи допросныхъ рѣчей плѣнниковъ.. Изъ нихъ извлекались свѣдѣнія, имѣвшія какой либо интересъ для правительства; но въ нихъ находимъ извѣстія, любопытныя въ другихъ отношеніяхъ, а потому приводимъ здѣсь одинъ изъ такихъ документовъ въ подлинномъ видѣ, съ вопросами, какіе предлагались плѣннымъ и отвѣтами, какіе отъ нихъ получались.

1759 года февраля 2 явившіеся въ Кошъ ушедшіе изъ татарскаго плѣна 4 человѣка показали слѣдующее:

Вопросъ: Какъ васъ зовутъ и гдѣ вы родились?

Отвѣтъ: 1-й, Зовутъ меня *Юріемъ*, а чей сынъ, не знаю, потому что малолѣтнимъ въ плѣнъ взятъ. Родился я въ Грусинской зем-

лѣ, въ городѣ Червенъ (?). Въ неволѣ находился 25 лѣтъ у татаръ, мнѣ лѣтъ 33.

2) Меня зовутъ *Мейметонъ Кимличекъ* (калмычекъ); родился въ россійскомъ городѣ Астрахани. Малолѣтнимъ украденъ татарами, и былъ въ неволѣ у татаръ до сего времени, лѣтъ мнѣ даютъ 25.

3) Зовутъ меня татарскимъ именемъ *Шуре*, родился въ Малой Россіи, малолѣтенъ взятъ въ плѣнъ, а въ какомъ городѣ именно, не знаю; и былъ у татаръ въ плѣну до сего времени; законъ (вѣру) содержалъ такую, какъ и они, когда жъ съ прочими невольниками христіанами, каковъ выше писанъ Гурженинъ (грузинецъ) Юріемъ сойдусь, то крешчусь, а больше о вѣрѣ христіанской ничего не знаю; мнѣ лѣтъ отъ роду 25.

4) Зовутъ меня *Али Кимличекъ* (калмычекъ). Родился въ россійскомъ городѣ Астрахани, взятъ въ плѣнъ въ то время, какъ вышеписанный Мейметъ. Отъ роду мнѣ 29 лѣтъ.

Вопросъ: Гдѣ вы именно въ плѣну были, изъ коего и какъ бѣжали, и что съ собою унесли и давно ли?

Отвѣтъ: Были мы въ плѣну у татаръ, живутъ онѣ не подалеку отъ Очакова въ степу, пять братьевъ, прозываются они *Бейсаджи*; какъ бѣжали сего числа 9-го, прямо пришли къ Ингулъ рѣкѣ, до козаковъ, откудова и въ Сѣчь приведены; а хозяйскаго ничего не унесли.

Вопросъ: Будучи тамо, слыхалиль или видѣли, нѣтъ ли гдѣ какихъ ордъ въ собраніи, а эдисанскіе татаре снова съ ханами обходительно ли живутъ, и нѣтъ ли у нихъ теперь какихъ споровъ и бунтовъ и за что?

Отвѣтъ: Будучи мы тамъ, отъ многихъ тамошнихъ жителей слышали и вездѣ эхо носится, что крымскій новый ханъ зимуетъ въ Бендерѣ и опасается въ Крымъ ѣхать, для того, что волосскаго народа правитель великому султану жаловался на хана за учиненное волохамъ разореніе и смертное убійство, и боится, что за то у турокъ войною штрафованъ будетъ. Онъ ожидаетъ весны, а по веснѣ когда нападутъ на него, то имѣетъ намѣреніе подъ защищеніе въ россійскіе границы уйти.

Вопросъ: Вы сюда за чѣмъ бѣжали?

Отвѣтъ: Мы сюда бѣжали для полученія совершеннаго православія и христіанской вѣры, и жить здѣсь желаемъ.

Примѣчаніе Коша: Въ куренѣ поповичевскомъ остались служить.

Возвратимся опять къ «доѣзднымъ» или «пріѣзднымъ доношеніямъ». Они такъ разнообразны по своему содержанію, такъ мно-

го мелкихъ свѣдѣній содержатъ въ себѣ, что трудно поддаются какой либо группировкѣ, и мы по необходимости должны приводить ихъ, держась лишь порядка времени. Вотъ напр. «пріѣздное доношеніе товарища каневскаго куреня *Василія Похиловскаго* [1]), яснѣе и полнѣе другихъ опредѣляющее какъ цѣль развѣдокъ, такъ и самый процессъ собиранія нужныхъ свѣдѣній и трудность добыванія ихъ.

По отправленіи нашемъ съ Сѣчи генваря 8-го дня въ крымскую сторону, для провѣданія ихъ намѣреній и дѣйствъ и прочихъ знатныхъ разговорокъ, то мы только и ѣхали что до Каменнаго [2]), а въ Каменномъ насъ заразъ и захватила великая вѣтряная да снѣжная фуртуна (буря), которая насъ не пустила съ Каменнаго 3 дня, а четвертаго дня хотя мы и поѣхали, однакожъ на силу за цѣлый день доѣхали на ночь въ Мамайсуру [3]), и тако даже до самаго Перекопа, съ великимъ бѣдствомъ ѣхали. Егда же пріѣхали въ въ Перекопъ генваря 19-го дня, то насъ въ баштѣ ихъ баштовые уряды, за великимъ вѣтромъ да морозомъ, ни очемъ и не спрашивали, но велѣли намъ ѣхать въ городъ и по ихъ обыкновенію статъ въ хану (гостинномъ дворѣ). И до оного хану пришло за нами много турковъ и татаръ, и которые между ихъ грамотные были, то осматрували нашъ императорскій билетъ и зѣло тому удивлялись, что ихъ турецкими литерами выписанъ и почтили насъ за купцовъ, и взяли съ насъ свой баштовой доходъ, и того дня много съ нами разговорились. Такожъ они и по всякъ день до насъ для разговоровъ приходили и перве насъ испрашивали о нашей войсковой старшинѣ: и кто де увасъ кошевой, кто судья. кто писарь, и прочее-жъ. А потомъ паче всего испрашивали насъ о нашемъ государствѣ, что будто имъ вездѣ въ Крыму извѣстно учинилось, что якобы новый государь принялъ престолъ, и вездѣ о томъ вѣ Россіи, такожъ и въ Сѣчи пушечная пальба была. А больше мы отъ нихъ о нашемъ государствѣ никакихъ рѣчей не слышали. Между тѣмъ стали они намъ похвалятьсл: «теперь де у насъ въ Стамбулѣ новый великій султанъ Османъ падишахъ и сказуютъ, что хорошъ человѣкъ, уся ему долге, лѣтъ въ 30, и оный новый падишахъ всему турецкому

---

[1]) По ветхости документа годъ не уцѣлѣлъ, но полагаемъ 1754 г., ибо говорится о вступленіи на престолъ Османа, который воцарился именно въ 1754 г.

[2]) Каменная, или „Каменный базаръ“ на Днѣпрѣ (въ днѣпровскомъ уѣздѣ таврической губерніи) была *Кошемъ* въ 1711 году.

[3]) *Мамай-Сура*—татарскій аулъ, въ ногайскихъ степяхъ (таврической губерніи днѣпровскаго уѣзда).

яничарству велѣлъ дать великое жалованье, и того ради въ Перекопъ съ Козлева (Евпаторіи), съ Карасева (Карасу-базара), съ Бахцисара, съ Кефы (Ѳеодосіи) и прочихъ городовъ крымскихъ все турецкое войско пріѣхало до Перекопской орты (отряда), сподѣваючись оное жалованье получить, только-жъ они того жалованья уже болѣе двухъ недѣль ждали, да еще не получили, и о томъ жалованьи до моего пріеѣзду никакого не было извѣстія. А когда мы въ Перекопъ пріѣхали, то напередъ насъ, съ 17 по 18-е генваря, ѣхалъ съ Цареграда великій турецкій старшина, нѣякійсь Капиджи-баша, и онъ въѣхалъ въ Перекопъ ночью, а когда ѣхалъ съ Перекопу, то ему все турецкое янычарство велику честь отдавали, и пушечная пальба была, и при немъ шло турецкаго войска до 40 ч., а татарскаго войска до 100 ч. Оный Капиджи-баша отъ своего падишаха везъ крымскому хану грамоту, дабы имѣлъ по прежнему надъ Крымомъ владѣніе, и притомъ везъ ему шубу, шаблю и прочее по ихъ обыкновенію. А послѣ того мы извѣстились отъ нихъ и о посланномъ татарскомъ войскѣ [1]), что теперь имъ великая тамо нужда состоитъ, яко то, что оно мало что побѣждено отъ черкесъ, а еще отъ сей зимы великой много у нихъ коней пропало да и самымъ татарамъ нѣкоторымъ ноги поотмерзали, а нѣкоторымъ руки, а иные, сказуютъ, и въ смерть померзли. И отъ такой нужды много ихъ оттуда бѣжало, съ коихъ бѣжавшихъ поймано было въ Перекопѣ болѣе 20 человѣкъ, и вкидали ихъ въ тюрьму, а 6 человѣкъ старшинъ ханъ велѣлъ повѣсить. А намъ съ Перекопу въ Бахцисарай и въ Кефу отнюдъ невозможно было ѣхать, едино затѣмъ, что тамо снѣгъ зело превеликій, что и дороги не знать, а другое затѣмъ, что по оному тракту вездѣ въ татарскихъ селахъ весьма невозможно сѣна ниже единаго стебла купить, ни соломы, ни оброку, ни хлѣба. А въ Перекопѣ единъ конь за сутки изъѣсть сѣна за 5 гривень по недовольству, а какъ по довольству дать, то можетъ изъѣсть за 7 гривень или за 8.

А о мирному трактату, или чтобъ гдѣ готовлено въ крымскихъ городахъ воинскихъ запасовъ, мы о томъ ни отъ турковъ, ни отъ татаръ, ни отъ прочихъ купцовъ ниже одного слова не слыхали.

Русскимъ пограничнымъ властямъ, въ виду всегдашней враждебности татаръ и ихъ внезапныхъ набѣговъ, нужно было имѣть постоянно свѣдѣнія о томъ, что происходитъ у нихъ на мѣстѣ, чтобы по ихъ перекочевкамъ, сборамъ и запасамъ, а иногда по случайно оброненнымъ въ разговорѣ словамъ заключать о ихъ настроеніи, намѣ-

---

[1]) Противъ непокорныхъ горцевъ кавказскихъ.

реніяхъ и дѣйствіяхъ относительно пограничныхъ нашихъ владѣній и принимать соотвѣтственныя тому мѣры. И наши власти не только пользовались всякимъ удобнымъ для сего случаемъ, но придумывали и изыскивали нарочито такіе случаи, и если разъ удавалось имъ добыть такія свѣдѣнія чрезъ кого либо посланаго подъ предлогомъ купечества, то въ другой разъ отправляемъ былъ курьеръ съ письмомъ и въ тоже время и даже главнымъ образомъ для развѣдокъ. Такъ въ сентябрѣ 1758 года генералъ Юстъ посылалъ въ Очаковъ сотника ново-слободскаго полка Василія Кошовенка съ письмомъ въ сераскиру, а вмѣстѣ для вывѣдки о тамошнихъ «похожденіяхъ». Сотникъ, воротившись, донесъ слѣдующее:

11-го сентября изъ крѣпости св. Елисаветы выѣхалъ и ѣхалъ на Сѣчь запорожскую, съ даннымъ къ лучшему препровожденію изъ Сѣчи козакомъ, по надъ Днѣпромъ до Перевѣзки [1]), а оттудова на Косы запорожскія, а съ Косъ въ дубу переплавленъ чрезъ Лиманъ въ Очаковъ, и по переправѣ приведенъ отъ янычаръ, кои для осмотренія по берегу стоятъ, къ Имаму, т. е. секретарю очаковскаго паши, который представляемый ему пашпортъ, данный отсюдова, осмотря, объявилъ черезъ толмача, что его Кошовенка самого, хотя онъ и съ письмами присланъ, до паши не допустятъ, и взявъ письма отъ генерала Юста, самъ до паши понесъ, а его самаго внутрь крѣпости не допустили, а показана имъ была квартира за городомъ. И въ разговорахъ тотъ секретарь спрашивалъ: сколько здѣсь, по границѣ, войска русскаго имѣется и для чего?—Онъ Кошовенко объявлялъ ему, что нѣсколько его имѣется, точію не для чего инаго, токмо для искорененія гайдамацкаго; почему онъ секретарь все его объясненія за изрядное и дружественное почелъ. Въ Очаковѣ онъ Кошовенко находился 3 дня, а въ 4-й, принявши отъ паши письмо въ отвѣтъ генералу Юсту, переправился на сю сторону дубомъ и прямо степью ѣхалъ до здѣшней (Елисаветинской) крѣпости. А будучи въ Очаковѣ, вывѣдалъ, что 1) въ Очаковѣ и около онаго, также при р. Березани состоятъ самые военные (ногайцы), а кибитки ихъ съ женами и дѣтьми на польской границѣ къ р. Кодыма, всего до 20.000, что онъ самъ видѣлъ: которая орда самое м. Дубоссаръ и не малые 3 села разорили и что у тамо живущихъ людей, гдѣ живутъ и турки и волохи, имѣніе и скотъ и все, что сыискать могли, заграбили, а людей, которые противились, били и до смерти; 2) крымскаго татарскаго вой-

---

[2]) *Перевѣзка*, паланка, т. е. постъ запорожскій на устьяхъ Днѣпра для защиты рыболововъ и солевозовъ; она была, какъ полагаютъ, на оконечности р. Ингульца. Въ послѣдствіи названа „Ингульскою".

ска не мало съ Кинбуры чрезъ лиманъ въ Очаковъ судами возятся и намѣрены съ бѣлогородскою (буджакскою) ордю баталію имѣть и за причиненные туркамъ и волохамъ обиды и притѣсненія отмстить, и самую орду въ послушаніе хану привести; 3) городъ Очаковъ починенъ, а къ тому еще изрядно построенъ земляной валъ вокругъ прежнихъ и около онаго полисадникомъ весь обставленъ, турокъ же или янычаръ, военныхъ людей, кромѣ тамошняго гарнизона, не имѣется. О прибытіи туда турецкаго войска не слышно, кромѣ только, что туда изъ Царыграда военныхъ запасовъ, яко-то пороха и пуль, 2 корабля великіе привезли, и еще подъ городомъ не выгруженные стоятъ; 4) показанная бѣлгородская орда, какъ онъ отъ живущихъ въ Очаковѣ волоховъ, надежныхъ людей, а особливо отъ православнаго одного попа Василія, якой въ бытность его Кошовенка въ здѣшней сторонѣ, доброжелательства ему оказывалъ, слышалъ, яко оная орда точно намѣрена была подвергнуться подъ протекцію россійской имперіи, почему де она немалыя обиды туркамъ и волохамъ причиняетъ и сильно ихъ разоряетъ; 5) въ татарской сторонѣ между крымскими и бѣлгородскими татарами не малыя смятенія происходятъ; сему дѣлу начатіе за то стало, яко бѣлгородскій султанъ бралъ себѣ у мурзъ татарскихъ женъ и дочерей, а отъ турокъ и татаръ здѣшней сторонѣ (русской) противнаго ничего не имѣется и желаютъ впредь быть въ смиренности.

Иногда нашимъ властямъ приходилось посредствомъ нарочитыхъ посланцевъ провѣрять полученные другими путями слухи. Такъ въ томъ-же 1758 г. до русскихъ властей дошелъ слухъ, что новый ханъ Крымъ-Гирей, характера безпокойнаго и предпріимчивый, собираетъ всѣ средства, чтобы произвести нападеніе на наши границы. Чтобы узнать коварныя сего затѣи, былъ посылаемъ козакъ Василь Швидкій, и вотъ добытыя имъ свѣдѣнія, о которыхъ доносилъ по командѣ Кошевой.

Во время прибытія его въ Очаковъ (въ январѣ 1759 г.), отъ переводчика очаковскаго, къ здѣшней сторонѣ извѣстнаго приятеля, грека Юрія Григоровича слыхалъ, что едисанская орда съ ханомъ крымскимъ намѣревались на россійскіе границы, на крѣпость св. Елисаветы, на Сѣчь и на прочія новопоселяемыя слободы напасть. Къ якому своему злому намѣренію уже совершенно и изготовились и лошадей кормили, однако великій ихъ падишахъ такъ хана крымскаго, яко и едисанскую орду отвратилъ. Но сего же года въ февралѣ, при отъѣздѣ своемъ, онъ Швидкій отъ бахчисарайскихъ жителей, которые въ Сѣчи запорожской, по купечеству, много разъ живали, слышалъ, что ханъ паки

съ ордами при Каушанахъ состоитъ и на польскіе границы и даже противъ Порты разореніе чинить намѣреваетъ.

Какъ на особенность въ выборѣ лицъ, которымъ поручались политическія развѣдки о положеніи дѣлъ въ крымскомъ ханствѣ, можемъ указать на посылку съ такою цѣлію изъ Новосербіи священника Іоанна, въ сообществѣ съ однимъ гусаромъ. Объ этомъ фактѣ узнаемъ изъ копіи высочайшей грамоты гетману Разумовскому, присланной 30 іюня 1759 года изъ генеральной войсковой канцеляріи въ Кошъ. Посланные, возвратившись, показали слѣдующее:

Крымъ-Гирей ханъ съ 60 мурзаками и нѣсколько тысячъ татарскаго войска на долинѣ близъ с. Копанки, на р. Чигаклеи [1]), стоитъ и у буджацкой и другихъ ногайскихъ ордъ хлѣбъ и скотъ беретъ, и что къ нему отъ Порты присланъ указъ, что-бы онъ отправился по прежнему въ Крымъ и былъ бы въ ономъ ханомъ, а притомъ ему присланъ турецкій кафтанъ и сѣдло, за то, что-бы онъ пограбленное въ хотинской раіѣ [2]) все пополнилъ и полоненныхъ людей, въ Польшу ушедшихъ, сыскавъ, возвратилъ. Почему отъ хана посланъ въ Польшу мурза съ требованіемъ объ отдачѣ ушедшихъ изъ Ганщины (ханскихъ владѣній) волоховъ, съ тѣмъ, ежели добровольно не отдадутъ, то намѣмѣренъ ногайскихъ татаръ для взятія ихъ послать. Еще они увѣдомились, яко изъ Царьграда идетъ турецкое войско при 12-ти пашахъ, которое, по прибытіи къ Дунаю, остановилось и намѣрено чрезъ эту рѣку дѣлать мостъ.

5-же іюня съ тою-же цѣлію посылаемъ былъ за польскій рубежъ слободскаго полку хорунжій *Григорій Балка*, который по возвращеніи доставилъ такія свѣдѣнія:

Во время бытности его въ польскомъ городѣ Тульчинѣ [3]) видѣлъ онъ укрывающагося тамъ султана Галагу (Калгу, ханскаго сына), который въ прошломъ 1758 году бунтовалъ противъ буджакской орды и разорялъ Волощину (Бессарабію), за что велено было отъ оттоманской Порты его султана поймать, для учиненія ему казни. Чего онъ опасаясь, пребываніе имѣетъ съ находящимися при немъ 7 мурзака-

---

[1]) Херсонской губерніи, ананьевскаго уѣзда.

[2]) Раія—мѣстность съ христіанскимъ населеніемъ: съ 1830 года хотинскій уѣздъ въ Бессарабіи называли *раіею*.

[1]) М. *Тульчинъ* подольской губерніи, принадлежавшее и принадлежащее до сихъ поръ гр. Потоцкимъ, наслѣдникамъ Калиновскихъ и Сѣнявскихъ; командиры придворной его „*хоругви*“ или гвардіи назывались *полковниками*.

ми и 150 татарами въ томъ городѣ Тульчинѣ, въ маетностяхъ графа Потоцкаго, воеводы кіевскаго, въ домѣ придворнаго полковника *Гуровскаго*, отъ котораго оной султанъ и мурзаки съ татарами въ харчевыхъ припасахъ довольствуются за данныя тому полковнику отъ султана деньги. Въ другихъ же городахъ, яко то: Крыловѣ, Немеровѣ и Могилевѣ, татарскаго собранія не имѣется, чего онъ Балка самъ нигдѣ не видалъ, такъ и ни отъ кого не слыхалъ, о нападеніи же на россійскіе границы никакого слуху не имѣется, да и прибывшіе въ Тульчинъ изъ польскаго города Бершадъ знакомые ему козаки объявляли, что и въ томъ городѣ Бершадѣ таковыхъ собраній не слышно.

А вотъ политическіе слухи съ Дону, отъ войсковаго атамана. Онъ прислалъ въ Кошъ полученный имъ рапортъ отъ козака Федора Кутейникова отъ 6 августа 1759 года, любопытный по извѣстіямъ о некрасовцахъ.

Минувшаго іюля 1 дня посланъ былъ я съ 4 человѣками, подъ приличнымъ претекстомъ, съ письмомъ къ кубанскому сераскиру Саидеть-Гирей-султану, и пріѣхалъ я 7 числа іюля къ упомянутому сераскиру по сей сторонѣ Кубани, вверхъ по рѣчкѣ Аганлы, находящемуся тамо въ кочевьяхъ съ аулами. А на другой день, по допускѣ, подалъ сераскиру В. В. письмо при засвидѣтельствованіи вашего поклона, съ желаніемъ содержанія, въ силѣ свято пребывающаго мирнаго трактата, сосѣдственной дружбы. Напротивъ чего и онъ сераскиръ благодарилъ, и на слова мои и на письмо В. В. получилъ я такой отвѣтъ: „что онъ съ прикащика козака Попова пошлину хотя и взялъ, то потому, что съ пріѣзжающихъ съ Кубани къ Черкасскому [1]) съ товарами купцовъ въ Темернаковской таможнѣ немалая пошлина нынѣ берется". И тако въ ожиданіи отправленія пробылъ я при немъ сераскирѣ при той рѣчки Аганлы и при скочеваньи его оттуда съ аулами въ близости къ Капулу (Копылѣ) на р. Кубани, у Черной Протоки, всего 26 дней. А потомъ 1 числа сего августа, съ письмомъ отъ его сераскира, отправился и пріѣхалъ къ Задонской заставѣ 6 числа благополучно. А что я, въ осторожность высочайшаго Е. И. В. интереса, о кубанскомъ обращеніи развѣдалъ, о томъ В. В. доношу. 1) При кубанскомъ сераскирѣ, на упомянутой рѣчки Аганлы и съ перекочеванья его оттуда съ рѣки Кубани къ рѣченной Черной Протокѣ, аульныхъ кубанскихъ народовъ кибитокъ,

---

[1]) *Старо-черкасская* станица—главная усадьба въ то время донскаго козачества. Р. Темерникъ впадаетъ въ Донъ у Ростова на Дону; *Копыль, Черный-Протокъ*—урочища въ кубанской землѣ.

какъ я на свои глаза видѣлъ, находилось болѣе 2000 на р. Аганлы, а при Черной Протоки не болѣе 300 и съ тѣхъ послѣднихъ кибитокъ тотъ день, какъ я отправленъ, т. е. 1 числа августа, большая часть распущена для убранья къ зимнему времени хлѣбовъ и сѣна, а за тѣмъ осталось при сераскири только кибитокъ 40, коихъ сераскиръ при Черной Протоки оставя, поѣхалъ самъ съ чел. 50 въ свое жилище; помянутые же аулы имѣлись при сераскири въ тѣхъ мѣстахъ такимъ большимъ собраніемъ болѣе потому, что у него съ бывшимъ до его правленія кубанскимъ сераскиромъ Крымъ-Гирей султаномъ, такъ и Богодыръ-Гирей султаномъ, кочующими внизъ по Кубани, близъ сераскирскаго кочевья, чрезъ призываніе помянутымъ Крымъ-Гиреемъ ногайцевъ, состоитъ большое несогласіе, за котораго Крымъ-Гирея и Богадыръ-Гирей султанъ стоитъ. И по наклонности къ сераскиру Крымъ-Гирея нескрытно на Кубани говорятъ, что сераскиръ Саидетъ-Гирей желаетъ съ аульными своими татарами, называемыми *Китай*, *Кондравцами*, *Кипчаками*, для жительства въ Крымъ перейти и тотъ переходъ учинить будущею весною. Ради чего и нарочнаго отъ себя татарина, называемаго Сеферъ, въ Крымъ къ хану отправилъ, 31 числа іюля, съ напоминаніемъ, чтобъ онъ подвластныхъ татаръ своихъ на переходъ въ Крымъ уже склонилъ. 2) Отъ Некрасовскихъ измѣнническихъ козаковъ, особливо отъ ихъ толмача *Якова* (родомъ малороссіянина, переяславскаго полку), перешедшаго на Кубань съ нѣкоторыми запорожскими козаками еще въ то время, какъ они подъ вѣденіемъ крымскаго хана были, извѣстно, что де и они Некрасовцы будущею осенью въ Крымъ по таковомужъ, на Кубани всегда буваемому несогласію, а при томъ, что отъ нѣкоторыхъ кубанскихъ мурзъ, берущихъ у нихъ все потребное, частые имъ обиды бываютъ, перейти желаютъ. Къ чему де и отъ крымскаго хана имъ дозволено, а по переходѣ поселиться и жить приказано имъ въ Крыму близъ города Балыкли (Балаклавы). А чтобъ имъ въ переходѣ туда отъ Богадыръ-Гирея султана, какъ онъ явно удержать ихъ хвалится, какого вреда не было, то послали они Некрасовцы въ Крымъ къ хану нарочныхъ стариковъ, 4 чел., для исправленія о препровожденіи ихъ до Крыму сераскиру Саидетъ-Гирей султану указа. 3) Отъ калмыцкаго хана Дундукъ-Баши, также и отъ Кабарды посланцевъ на Кубани нынѣ никого нѣтъ".

Секретная переписка Коша 1760, 1761 и 1762 годовъ потеряна, а съ 1763 и 1764 годовъ сохранены только не многія и то

[2]) О бѣгствѣ съ Дону некрасовскихъ козаковъ, Игнатъ-козаками называемыхъ отъ татаръ, сперва на Кубань, а послѣ въ Крымъ, см. статейку мою въ журналѣ „Московскій Вѣстникъ" за 1846 годъ.

разрозненныя бумаги и даже листы. За время войны съ Пруссіею имѣется не большое «дѣло», съ надписью на заглавномъ листѣ: «*О завоеваніи прусскаго королевства*», но въ немъ лишь копіи реляцій о битвахъ и побѣдахъ нашей арміи; переписки-же о «секретахъ» этого времени встрѣчаемъ очень мало. Въ числѣ офиціальныхъ бумагъ такого рода мы нашли переводъ цѣликомъ или только въ извлеченіи изъ какого-то частнаго письма, какъ-бы придуманнаго въ насмѣшку надъ пруссаками. Письмо это вывезено, вѣроятно, для свѣдѣнія Коша, кѣмъ нибудь изъ участвовавшихъ въ компаніи запорожцевъ, которыхъ цѣлые отряды были въ прусскомъ походѣ. Въ немъ очень ярко рисуется трудное положеніе пруссаковъ, терпѣвшихъ пораженія отъ русской арміи, и мы поэтому приводимъ здѣсь его текстъ.

Экстрактъ листу изъ Берлина отъ 14 августа (1758 или 1759 г.).

Вы, любезный мой пріятель, весьма разумно издѣлали, что выѣхали отсюда въ Гданскъ (Данцигъ), а мы здѣсь, послѣ потерянной послѣдней баталіи, въ великомъ страхѣ находились, но нѣсколько успокоились было королевскимъ листомъ, въ которомъ его величество писалъ, что онъ самъ противъ россіянъ стоитъ и насъ отъ нихъ защищать хощетъ.

Вчера въ половинѣ 8 часа по утру пріѣхалъ сюда курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что Е. В. нашъ король атаковалъ россіянъ съ такимъ успѣхомъ, что мы чрезъ 2 часа вѣдомости о совершенной побѣди надъ нашимъ непріятелемъ ожидать имѣли. Радость о семъ была у насъ всеобщая, вездѣ слышны восклицанія, весь народъ выбѣжалъ изъ города, дабы ожидаемаго повсечасно курьера предъ городомъ принять; 100 человѣкъ поставлено были въ готовности для препровожденія его въ городъ. Я еще никогда не видалъ на улицахъ столько людей, сколько вчера было.

Но радость наша не долго продолжалась, и намъ потому тѣмъ прискорбнѣе было, что мы увидѣли простого егеря вмѣсто другаго курьера, въ исходѣ двинадцатаго часу предъ полуднемъ къ намъ пріѣхавшаго; онъ былъ вѣстникомъ несчастливаго окончанія баталіи. Мы отъ того пришли въ великое смущеніе, но всѣ еще больше въ уныніе приведены были, какъ дворъ со всѣми министрами, съ великимъ поспѣшеніемъ въ Магдебургъ уѣхалъ. По радостныхъ восклицаніяхъ слышны были уже только печальныя стенанія, о пораженіи нашемъ больше сомненія не было, хотя стараніе прилагалось то онъ насъ скрывать.

При всемъ томъ мы нѣсколько утѣшились, услыша, что король въ добромъ здравіи; мы съ трепетомъ ожидаемъ вскори нашей судьбины.

Можетъ быть чрезъ два дни россіяне или австрійцы насъ здѣсь посѣтятъ. Да будетъ намъ Господь помощникъ! Всѣ отсюда бѣгутъ, гдѣ кто себѣ безопасность найтить можетъ. Баталія, сказуютъ, была прежестокая, уронъ нашъ невѣроятно великъ: ретирада была столь скоропостижная, что едва не вся безъ остатка наша артиллерія непріятелю въ добычу оставлена: подъ королемъ, говорятъ, лошадь убита, а другая ранена, конница особенно много претерпѣла, многіе полки почти совсѣмъ истреблены.—При всемъ же томъ великіе побѣги изъ арміи солдатъ наше несчастіе еще больше умножаютъ.

О какой именно «баталіи» говорится здѣсь, опредѣлить трудно: въ восьми ордерахъ войсковой канцеляріи упоминается о 6 сраженіяхъ и о 2-хъ совершенныхъ побѣдахъ. Король, о которомъ такъ часто упоминается въ письмѣ, былъ никто иной, какъ Фридрихъ Великій—первый полководецъ XVIII столѣтія, до появленія Наполеона I-го. Извѣстно, что небольшая сравнительно русская армія, съ незнаменитыми даже генералами, сломила разстроенныя силы Фридриха Великаго; взяла Кольбергъ, Кенигсбергъ, заняла Берлинъ «и все прусское королевство», которое по волѣ императрицы Елисаветы Петровны поручено «въ управленіе русскому генералъ-губернатору».

Въ нѣкоторой связи съ приведеннымъ письмомъ по предмету извѣстій стоитъ сообщеніе кошеваго Григорія Федорова въ генеральную (малороссійскую) войсковую канцелярію о движеніи прусскихъ войскъ въ Польшу.

Сего марта (1763 г.) 12 дня получилъ я въ Кошѣ отъ пріятеля съ Польской области письменное извѣстіе, тако-же и прибывшее сюда симъ временемъ съ Польщи-жъ по промысламъ шляхетство безъ закрывательства объявляло, что якобы прусскій король находится нынѣ въ Польшѣ съ многою арміею и но многихъ мѣстахъ Польши свое войско разставилъ и многочисленные заготовляетъ провіянты и фуражи, по крѣпостямъ же и городамъ польскимъ на башняхъ приказалъ гербы свои поставлять и намѣренъ де якобы польскою короною совсѣмъ владѣть. Къ чему де и все знатнѣйшее польское шляхетство его допустить и за короля принять, а своего короля (Августа III), съ сихъ резоновъ, что будто-бы оной король Россіи земли и людей по р. Случь отдалъ, отъ короны отрѣшить желаютъ и намѣрены. И тотъ де король поль-

скій, иные говорятъ, отъѣхалъ въ Саксонію, а другіе, что якобы въ Россіи находится.

Столь странное на видъ извѣстіе имѣетъ однако-же историческое основаніе. Въ 1763 году Россія была уже въ дружбѣ съ Пруссіею, и чтобы охранить себя отъ безпорядковъ, расгрей и волненій въ Польшѣ, по случаю удаленія короля Августа III и попытокъ партіи Чарторыйскаго къ возведенію на польскій престолъ Станислава Лещинскаго, заключила съ нею «декларацію» (31 марта 1763 г.) о поддержаніи въ Польшѣ *избирательнаго* монархическаго правленія и о недозволеніи избранія въ короли Лещинскаго. Во исполненіе этого договора русскія войска вступили тогда въ Литву, а прусскія въ великопольскія области; но Кошъ, какъ видно, мало былъ посвященъ въ дипломатическія тайны и доносилъ лишь о томъ, что доходило до его слуха.

Закончимъ наше перечисленіе «Секретовъ Коша Запорожскаго» приведеніемъ еще слѣд. репорта Кошеваго въ гетманскую канцелярію, писаннаго въ августѣ того-же 1763 года:

Сего числа чрезъ прибывшихъ изъ Крыму запорожскихъ козаковъ за подлинно увѣдомлено въ Кошѣ, что ханъ крымскій съ Каушанъ чрезъ Очаковъ на перекопскую сторону переправился и на встрѣчу ему сынъ его сераскиръ-султанъ, въ едичкульской ордѣ состоявшій, предъ симъ дней за 3 выѣхалъ въ едичкульское кочевье къ Очакову [1]). Ханъ же, переѣхавъ изъ Перекопа прямо, не заѣзжая въ города крымскіе, поѣдетъ въ Дерчь (Керчь), при которомъ и селеніе народное есть при морю, не подалеку состоящее отъ Еникули крѣпости, гдѣ чрезъ морское гирло на кубанскую сторону имѣется перевозъ, будетъ же ли онъ на кубанскую сторону переправляться, или тамъ стоять, точно неизвѣстно. Да тѣжъ прибывшіе козаки объявляютъ, яко извѣстно въ Крыму, что подлинно ханъ имѣетъ намѣреніе много войска на черкесы на кубанскую сторону отправить, для чего учиненъ отъ него указъ, чтобъ ногайцы были во всякой готовности къ тому походу, который коль скоро съ хлѣбами и сѣнами тѣ орды уберутся, заразъ и послѣдуетъ. А причина сего похода, что черкесы, по ханскому опредѣленію ясыра (плѣнныхъ), котораго онъ отъ нихъ требовалъ, сверхъ такого числа, якое они прежде имъ давали, не даютъ. По сколко-жъ въ тотъ походъ со всякой орды будетъ опредѣлено людей, нынѣ неизвѣстно.

---

[1]) Кочевья ногайцевъ едискульской орды занимали за Днѣпромъ степи нынѣшняго днѣпровскаго уѣзда таврической губерніи.

Приведенный документъ представляетъ тотъ интересъ для исторіи и географіи нашего края, что въ немъ упоминается о Керчи, Еникале и переправахъ чрезъ Керченскій проливъ къ Таманскому полуострову кубанской области. Кавказскіе горцы, бывшіе вассалами хановъ, платили имъ подать «ясыромъ», т. е. плѣнниками, а этихъ плѣнныхъ они добывали наѣздами на наши-же поселенія. Итакъ, «ясыръ» отъ насъ шелъ въ Крымъ съ разныхъ сторонъ.

Предложенные нами документы оправдываютъ сказанное нами выше о сходствѣ «Секретовъ Коша запорожскаго» съ »воеводскими отписками», собранными г. Оглоблинымъ въ государственныхъ нашихъ архивахъ. Судить объ относительной ихъ важности не беремся; скажемъ только, что собранныя нами извѣстія, при всей ихъ мелочности, отрывочности и неполнотѣ, въ общемъ своемъ видѣ утверждаютъ насъ въ той мысли, что Запорожье, столь оклеветанное въ 1770 годахъ, не смотря на свою службу подъ знаменами Румянцева, Панина и Долгорукаго Крымскаго, сослужило и въ этомъ отношеніи своему правительству вѣрную службу. Мы видимъ, что простые козаки, безъ всякаго жалованья и вознагражденія, исполняли то дѣло, которое теперь ведутъ въ иныхъ формахъ, русскіе консула на востокѣ, и что ихъ «доѣздныя» донесенія были не менѣе полезны для государственной службы, особенно если принять во вниманіе положеніе порубежныхъ съ нами государствъ, трудность сообщенія и простоту лицъ, облекаемыхъ въ такое дипломатическое званіе, хотя и мелкихъ размѣровъ.

А. Скальковскій.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

Въ юго-восточномъ уголкѣ курской губерніи, въ ново-оскольскомъ уѣздѣ, есть слобода Слоновка, расположенная на правомъ берегу рѣки Оскола, недалеко отъ воронежской границы. Въ прошломъ столѣтіи это былъ одинъ изъ крайнихъ пунктовъ, близъ которыхъ шла пограничная черта поселеній малорусскаго слободскаго козачества. Въ Слоновкѣ былъ сотенный урядъ, которымъ заправлялъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго вѣка сотникъ Осипъ Ѳедоровичъ Острожскій-Лохвицкій. У Острожскаго былъ сынъ Иванъ, котораго отецъ отдалъ въ науку въ „Харьковскія школы". Такъ какъ Осипъ Ѳедоровичъ дослужился до сотничества только подъ старость и, будучи на урядѣ, не пользовался достатками, то сыну не удалось окончить науку; отецъ взялъ 14-лѣтняго Ивана въ помощники къ себѣ по хозяйству. Было это въ 1763 году. Восемь лѣтъ спустя старикъ умеръ, оставивъ вдову и слабоумную дочь на руки 22-лѣтняго сына. Трудно было малограмотному юношѣ, безъ связей, съ мизерными средствами, пробиться въ люди; только умъ и настойчивость могли пособить въ этомъ случаѣ. И Ивану Осиповичу нельзя было дѣйствительно отказать ни въ томъ, ни въ другомъ. Благодаря энергіи и умной изворотливости, онъ вышелъ не послѣднимъ человѣкомъ своей среды и своего времени, а его нѣсколько-философской натурѣ потомство обязано несравненными по живости и рельефности мемуарами, которые предлагаются ниже читателямъ.

Что за фамилія *Острожскій*?—Авторъ простодушно пытается связать ее съ родомъ князей Острожскихъ.[1]) Онъ разсказываетъ, что

---

[1]) Въ одномъ мѣстѣ дневника, при описаніи поѣздки въ Кіевъ, авторъ замѣчаетъ: „и въ пещерахъ и въ церквѣ удостоился приложится всемъ опочивающимъ мощамъ, въ томъ числѣ и мощамъ почивающимъ прародителя нашего въ пещерахъ Феодосіевскихъ, князя Ѳеодора Острозскаго".

прапрадѣдъ его, „чиномъ полковникъ, именемъ Констянтинъ", „княжеской фамиліи", пришелъ „съ города польскаго Острога великаго" въ г. Лохвицу и поселился тамъ; сынъ Константина „Климонтъ", переселившись изъ Лохвицы въ г. Корочу, „не пожелалъ военнаго чина, а восхотѣлъ имѣть духовной и по достоинству его произведенъ въ протоиерея". Отъ этаго-то протоіерея Климента и пошло въ тогдашней бѣлгородской губерніи потомство, частію духовнаго званія, частію свѣтскаго—низшая слободская козацкая старшина, впослѣдствіи мелкое дворянство. Сотникъ Осипъ былъ сынъ священника, внукъ „Климонта".

Кто такой въ дѣйствительности былъ „Констянтинъ" и какого рода полковничество ему приписывается,—нельзя отгадать [1]. Достовѣрно только то, что фамплія „Острожскій" указываетъ на его прежнее мѣсто жительства, какъ, по словамъ самого-же автора мемуаровъ, дѣдъ и отецъ послѣдняго, кромѣ фамиліи Острожскихъ, стали носить еще и фамилію Лохвицкихъ, по прежнему мѣсту жительства протопопа Климента.

Итакъ авторъ мемуаровъ, Иванъ Осиповичъ Острожскій-Лохвицкій,—потомокъ правобережнаго выходца, затѣмъ лохвицкаго обывателя Константина. Возвратимся къ его „странствію въ жизни сей".

Похоронивъ отца въ 1771 году, Острожскій года черезъ два женился на обрусѣлой полькѣ, дочери управляющаго имѣніями кн. Трубецкаго, Пелагеѣ Лаврентьевнѣ Гражданской. До 1780 года онъ занимался приведеніемъ въ порядокъ и расширеніемъ, при помощи тестя, своего небольшаго имѣнія, а въ 1780 г. поступилъ на службу исправляющимъ должность секретаря нижняго земскаго суда въ г. Новомъ Осколѣ. Вѣроятно Иванъ Осиповичъ сразу постигъ всю тогдашнюю канцелярскую премудрость, ибо въ слѣдующемъ-же году, по доносу, противъ него было возбуждено уголовное дѣло о служебныхъ злоупотребленіяхъ, до разслѣдованія котораго онъ былъ отправленъ въ Корочу „подъ жестокой караулъ", подъ которымъ и просидѣлъ 3

---

[1]) Лохвицкій полкъ едва-ли существовалъ когда либо; изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ списковъ полковъ онъ помѣщенъ только въ лѣтописи Коховскаго и пріуроченъ къ началу гетманства Хмельницкаго. Максимовичъ въ своемъ „Обозрѣніи городовыхъ полковъ" не принимаетъ это свѣдѣніе за достовѣрное (Собр. соч., I, 661). Можетъ быть предокъ автора былъ какимъ нибудь „полковникомъ" въ польскомъ смыслѣ, но, за отсутствіемъ указаній, невозможно этого объяснить. Очень вѣроятно, что полковничье достоинство придалъ своему предку авторъ мемуаровъ для большей важности, чтобы сколько нибудь сгладить рѣзкость перехода отъ князя къ священнику.

мѣсяца. Дѣло кончолось тѣмъ, что выпущеннаго на поруки Острожскаго вызвали въ Курскъ и посадили на 2 недѣли на хлѣбъ и на воду. Но Иванъ Осиповичъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Курскѣ и просился опять на службу въ намѣстническое правленіе регистраторомъ. Между тѣмъ въ Курскъ былъ присланъ на должность директора экономіи товарищъ Острожскаго по харьковской школѣ Корнѣевъ, который и перезвалъ его въ свое вѣдомство, въ казенную палату, по экспедиціи директора домоводства. Въ 1783 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, Иванъ Осиповичъ получилъ чинъ коллежскаго регистратора, произвелъ лѣтомъ порученный ему сборъ торговыхъ пошлинъ на многолюдной Коренной ярмаркѣ и, сдавъ по реестру благополучно казенныя суммы, поспѣшилъ осенью выйдти въ отставку.

Съ этихъ поръ Острожскій дѣлается настоящимъ помѣщикомъ и земскимъ дѣятелемъ. Прежде всего онъ обращается въ 1786 году къ уѣздному ново-оскольскому предводителю дворянства съ просьбою о внесеніи его въ дворянскій списокъ. Когда предводитель отнесся скептически къ дворянскимъ правамъ потомка князей Острожскихъ, Иванъ Осиповичъ апеллировалъ къ губернскому предводителю и губернатору и добился желаемаго.

Въ томъ же году онъ попробовалъ балотироваться въ засѣдатели нижняго земскаго суда въ Новомъ Осколѣ, ,,но по балламъ быть ему при таковыхъ дѣлахъ не досталось". Это обстоятельство не смутило настойчиваго Острожскаго: въ слѣдующемъ-же году, по случаю смерти засѣдателя Попова, онъ опять подвергся балотировкѣ и на этотъ разъ прошелъ благополучно. Избиратели-дворяне, впрочемъ, не совсѣмъ радушно приняли новаго собрата; вѣроятно всѣмъ была памятна секретарская служба Ивана Осиповича, за которую онъ попалъ подъ судъ. Какъ ни усердствовалъ новый засѣдатель, дворяне не выбрали его на слѣдующее трехлѣтіе, хотя не отказались подписаться на аттестатѣ о добросовѣстномъ исполненіи Острожскимъ служебныхъ обязанностей.

Сдѣлавшись опять частнымъ человѣкомъ, Иванъ Осиповичъ не удовольствовался одними хозяйственными занятіями. Сметливый и искательный, онъ сразу опредѣлилъ свое положеніе среди сосѣдей-помѣщиковъ и пользовался имъ какъ нельзя выгоднѣе; для богатыхъ и знатныхъ онъ исполнялъ всякія хозяйственныя и юридическія коммисіи, за что былъ жалованъ вещественно (напр. семьями крѣпостныхъ) и невещественно, съ бѣдными успѣшно сутяжничалъ. Въ 1791 и 92 г.г. Острожскій, по порученію нѣкоего Шидловскаго, ѣздилъ два раза въ Петербургъ и Москву хлопотать по дѣламъ въ разныхъ присутствен-

ныхъ мѣстахъ, за что оба раза получилъ въ награду значительныя суммы денегъ; для того-же Шидловскаго, по откупнымъ дѣламъ онъ не разъ бывалъ въ Воронежѣ и Харьковѣ, а Кіевъ посѣтилъ около того-же времени по собственному желанію. Предъидущая служба, дальнія поѣздки, удачные процессы создали Острожскому репутацію дѣловитаго человѣка, безъ котораго трудно обойтись въ общественныхъ дѣлахъ. Дворяне начинаютъ приглашать его въ разныхъ случаяхъ своимъ представителемъ, а въ 1794 году вновь избираютъ земскимъ засѣдателемъ.

На этотъ разъ служба Острожскаго прервалась самымъ непріятнымъ для него способомъ. Прослуживъ мѣсяца два, Иванъ Осиповичъ наткнулся на весьма соблазительный, въ смыслѣ наживы, случай съ бродячимъ торговцемъ, котораго онъ обвинилъ въ убійствѣ товарища. Деньги и товаръ торговца, по представленію Острожскаго, были конфискованы и значительную долю ихъ „почерпнули" члены суда. Хотя Острожскій поспѣшилъ выгородить себя отъ участія въ этомъ „сквернoприбытчествѣ", но уголовная курская палата, куда обратился потерпѣвшій, не согласилась съ его увѣреніями и, отрѣшивъ его отъ должности, посадила въ тюрьму. Два года (1797 и 98) Иванъ Осиповичъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и чуть было не лишился чина и правъ. Дѣло окончилось 1800 года тѣмъ, что обвиняемые—въ числѣ ихъ и Острожскій—отрѣшались отъ службы съ обязательствомъ возмѣстить убытки хозяину ограбленнаго торговца. Долгая тяжба сильно подорвала хозяйство Острожскаго, а поправить было нечѣмъ: старые друзья-покровители одинъ за другимъ сошли въ могилу, а новыхъ трудно было пріобрѣсти. Двадцать пять лѣтъ послѣ этого прожилъ еще Иванъ Осиповичъ частнымъ человѣкомъ, но уже не видѣлъ ни почестей, ни хозяйственныхъ успѣховъ. Нѣсколько разъ Слоновку посѣщали пожары, въ которыхъ пострадало неоднократно и имущество Острожскаго. Самъ онъ сталъ чаще болѣть, хотя бодрость духа сохранилъ до смерти. Въ 1814 году Острожскій похоронилъ жену, а 25 октября 1825 года скончался и самъ, на 76 году отъ рожденія.

Изъ десятерыхъ дѣтей автора въ живыхъ осталось нѣсколько дочерей и сынъ Петръ, продолжатель записокъ. Послѣдній получилъ часть отцовскаго имѣнія и жилъ бѣднѣе отца. Какую должность занималъ Петръ Ивановичъ, изъ записокъ не видно; въ одномъ мѣстѣ только, въ 1826 г., онъ подписался: „12-го класса Петръ Острожскій".

Записки Острожскаго обнимаютъ обширный періодъ времени отъ 1771 до 1846 г. и состоятъ изъ двухъ весьма неравныхъ частей: первая, самая большая (до 1825 г.) принадлежитъ Ивану Осиповичу

Острожскому, вторая (съ 1825) сыну его Петру. Все значеніе принадлежитъ первой части. Любознательный, наивный (съ нашей точки зрѣнія), склонный къ отвлеченію, авторъ изъ года въ годъ, добросовѣстно и систематически, записываетъ не только то, что *съ нимъ* случилось, но вообще все „достойное примѣчанія". Способъ записыванія у автора, на сколько это можно замѣтить по его произведенію, такой: время отъ времени (иногда разъ въ годъ, иногда чаще) Острожскій садится за свое „описаніе" и по свѣжей памяти старается возможно послѣдовательно и связно разсказать все, что случилось въ протекшее время. Его „описаніе" не есть дневникъ, или записная книга, куда вносится все безъ разбора, а нѣкоторымъ образомъ литературное произведеніе; до 1771 года онъ въ видѣ введенія разсказываетъ судьбу своего рода, жизнь отца, затѣмъ уже переходитъ къ себѣ. Мы боимся отнять у читателей удовольствіе самимъ прослѣдить за всѣми неподражаемыми пріемами автора и потому не входимъ въ болѣе подробное ихъ описаніе. Скажемъ только, что при всѣхъ прочихъ достоинствахъ записки Острожскаго имѣютъ еще то особое значеніе, что описываютъ мѣстность—такъ называвшуюся Бѣлгородщину, о которой до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно въ бытовомъ отношеніи. Вторая, гороздо меньшая по объему часть, замѣтки сына, далеко уступаетъ первой во всѣхъ отношеніяхъ: ни той живости, ни обстоятельности и простоты въ разсказѣ, какими отличаются записки отца, въ ней нѣтъ. Сынъ больше отдѣлывается общими фразами и мало интереснымъ пересказомъ газетныхъ извѣстій, и начинаетъ свои замѣтки вставкою цѣликомъ (съ ошибками) всѣхъ манифестовъ, вышедшихъ по случаю вступленія на престолъ императора Николая. Острожскій отецъ самъ пробилъ себѣ дорогу, имѣлъ опредѣленную нравственную физіономію, что и отразилось въ его запискахъ. Острожскій сынъ—заурядная личность, слабая копія отца, и это также отпечатлѣлось на его припискахъ.

Подлинникъ записокъ представляетъ собою переплетенную въ четвертку тетрадь разной бумаги, сшитую изъ нѣсколькихъ меньшихъ тетрадей и заключаетъ въ себѣ 170 нумерованныхъ и 7 ненумерованныхъ писанныхъ листковъ. Записки написаны двумя почерками, близко одинъ къ другому подходящими, очевидно собственноручно отцемъ и сыномъ Острожскими. На переднихъ, вшитыхъ передъ заглавнымъ листкомъ страницахъ написано сначала рукою Ивана Осиповича Острожскаго: „Изъ числа книгъ, принадлежащихъ Ивану Острожскому, писанная имъ самымъ. № 172-й по реестру". Затѣмъ слѣдующія сентенціи: „ Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашея.

Кто украдетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь сталъ его, и прежде служилъ тысячи людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднейшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ".

Далѣе рукою Петра Ивановича сдѣлана довольно длинная (четыре густо исписанныхъ страницы) выписка изъ „Ядра Россiйской исторiи", кн. Хилкова, „О происхожденiи рода Острожскихъ". Выписка свидѣтельствуетъ, что пущенное въ ходъ Иваномъ Осиповичемъ предположенiе о своемъ княжескомъ происхожденiи сильно занимало и его сына.

Записки мѣютъ свое особое, многословное заглавiе, указывающее на автобiографическiй ихъ характеръ. Подъ этимъ заглавiемъ мы и предлагаемъ ихъ текстъ, отказываясь объяснить, какъ сфабриковано и что буквально означаетъ данное имъ авторомъ однословное названiе: *Годепорикъ.*

Ѳ. Н.

I.

Описанiе, житiя, дѣлъ, бѣдствiй и разныхъ приключенiй, то есть Годспорикъ или странствiе въ жизни сей.

Ускори, Щедрый, и потщися на помощъ мою, яко можеши хотяй.

Въ странѣ Малороссийстѣй, что называется гетманьщина, есть городъ Лофиця [1]). Въ томъ былъ житель, чиномъ-же полковникъ, именемъ Констянтинъ, и супруга его Марiя. Оной родилъ сына, именемъ Климонта, которой, по умертвiи отца своего Констянтина, вышелъ на жительство съ Лофицѣ въ городъ Корочу, и понялъ себѣ супругу, именемъ Тетияну, где живучи, не пожелалъ военнаго чина, а восхотѣлъ имѣть духовной и по достоинству его произведенъ въ протоиерея. И родилъ трехъ сыновъ, Лазаря, Гаврiила и Ѳеодора, исъ коихъ Лазарь и Гаврiилъ были тамъ-же протоиереями, во свое время, а Ѳеодоръ былъ священникомъ и правителемъ духовныхъ дѣлъ, супругу имѣлъ именемъ Татияну исъ фамилiи Коломыйцевыхъ.

---

1) Ныне оной городъ черниговского намѣстничества, и я въ немъ былъ проѣздомъ исъ Кiева.—Это, какъ и всѣ дальнѣйшiя подстрочныя примѣчанiя, принадлежатъ автору записокъ.

Оной Өеодоръ, живучи въ городѣ Корочи, имѣлъ въ дому своемъ всякое изобылие и честь отъ всѣхъ, потому что отецъ его Климонтъ былъ знаемъ не только большимъ господамъ, но и самому царю, ибо въ поездъ свой черезъ городъ Корочу блаженнія памяти, Імператоръ I Петръ Алексѣевичъ [1]) въ ево домѣ изволилъ квартировать, а потомъ взялъ ево во свой царской домъ въ Москву и многое время держалъ при себѣ, для того что оной протопопъ Климонтъ умѣлъ играть хорошо на всякіе инструменти. Родилъ же Өеодоръ сыновъ шесть, Гавріила, Іоанна, Михаіла, Іоанна, Иосифа, Василія и дочъ Марію, исъ которыхъ Гавріилъ, Іоаннъ и Василій пожелали въ чинъ духовной, и былъ Гавріилъ священникомъ въ слободѣ Халанѣ яблоновского уѣзду [2]), князей Трубецкихъ, по умертвіи-жъ жены своей іеромонахомъ въ бывшемъ монастырѣ Холковскомъ Преображенскомъ, где отъ своего произволенія и своимъ собственно коштомъ состроилъ церкву каменную Покрова Пресвятія Богородицы, въ коей и чудотворная икона Пресвятія Богородицы Казанскія поставлена, ажъ и до нынѣ тамъ стоитъ [3]); а по раскасованіи онаго монастыря Холковскаго, переведенъ былъ въ харковской Коллегиумской монастырь, и поживши тамъ лѣтъ нѣсколько, умре и погребенъ во ономъ-же харковскомъ Коллегиумскомъ монастырѣ.

А Іоаннъ былъ священникомъ, короченскаго уѣзду, нижнего стану, въ селѣ Стариковомъ, которой тако жъ по умертіи жены своей постриженъ іеромонахомъ въ харковскомъ Коллегиумскомъ монастырѣ, а оттуда переведенъ въ Святогорской Изюмской монастырь [4]) и былъ въ ономъ монастырѣ намѣсникомъ, гдѣ и умре. Василій же былъ священныкомъ на мѣстѣ отца своего Өеодора въ городѣ Корочѣ при соборной церквѣ Рождества Пресвятія Богородицы.

А Михаілъ, Іоаннъ и Іосифъ по желанію ихъ изъ духовнаго чина исключены и записаны въ военной чинъ, исъ коихъ Михаилъ произведенъ сотникомъ былъ въ слободу Богучаръ [5]), где поживши немного времены, родилъ двухъ сыновъ Петра и Павла и умре.

---

[1]) Ошибкою написалъ я его, не расчелъ времени, а то былъ царь Алексѣй Михайловичъ, Петра перваго отецъ.

[2]) Ныцѣ корочинскаго, по открытіи намѣстничества курскаго.

[3]) Въ 1766 году.

[4]) Оной монастырь 1787 года раскасованъ такъ, какъ и протчіе великороссійскіе.

[5]) Что нынѣ городъ Богучарскъ, зделанъ въ 1779 году.

А Иоаннъ записанъ былъ въ службу подпрапорнимъ, не имѣя же мѣста быть сотникомъ, получилъ отставку, съ повышеніемъ ему чина въ сотники, и жилъ въ городѣ Корочи до смерты. Сей былъ весма человѣкъ сердитъ, а найпаче до жены своей и дѣтей.

Дочъ же Марія выдана въ замужество въ городъ Острогожскъ за сотника Ивана Шапочку, о коей описаніе оставляется. Оная умре 1778 года.

А Иосифъ произведенъ былъ сотникомъ въ слободу Слоновку (разстояніемъ отъ Корочи въ 43 верстахъ), въ 1749 году, и въ томъ же году родилъ сына именемъ Иоанна, а прежде родилъ дочерей Марію, Марѳу, послѣ же Анну, и съ коихъ старшая была Марія, и скудости ради ума своего въ замужество не была выдана, а Марѳа выдана была за колежского [1]) регистратора Ивана Енохина въ городъ Харковъ. Анна же выдана въ замужество въ слободу Бирючю [3]) за войскового жителя Григорія Черторицкаго, где, живучи въ слободѣ Слоновки, на командѣ имѣлъ великія нападенія отъ своихъ командировъ, потому что зависть обыкла вкоренятся въ началствующихъ, а онъ былъ не весма охочъ ласкать и дарить, потому что и достатокъ имѣлъ не великъ, видѣлъ мало благополучныхъ лѣтъ, то за то его, будучи въ службѣ, по ненависти опредѣляли въ самонужнѣйшіе и трудніе дѣла, такожъ частіе командираціи и разніе государственнія строгіе дѣла, а когда случалось когда которой годъ быть въ домѣ, то поручаеми были ему строгіе комисіи, государственная казна и далечайшіе посылки, собственно на своемъ коштѣ, такожъ черезъ очередь противъ другихъ сотниковъ и подпрапорнихъ (когда еще былъ подпрапорнимъ) командираціи и походи и съ коихъ походовъ въ бытность ево еще подпрапорнимъ былъ весьма трудной кримской въ 1734 году, ибо тогда онъ еще только что въ 1733 году понялъ себѣ супругу, именемъ Варвару, исъ фамиліи Ковалевскихъ, и толко пожилъ съ нею полгода и мало болше, тутъ-то и походъ былъ имъ сказанъ въ Крымъ, въ коемъ онъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ, а супруга его, какъ еще тогда не имѣла своего дому и нѣчего, приняла великую нужду, живучи тогда еще въ городѣ Корочѣ.

---

[1]) Оной нынѣ имѣетъ чинъ губернскаго секретаря.

[2]) Оная слобода зделана городомъ 1779 года.

По возвращеніи жъ ево съ похода кримского и по смерти отца его священника Ѳеодора (которой убитъ разбойниками на дороге въ проездъ его съ Белгорода въ Корочу 1737 или 1738 г.) раздѣлился онъ зъ братьями вишеписанными отцовскимъ имѣніемъ еще при животѣ матери ихъ Тетияни, и досталась ему въ короченскомъ уездѣ въ деревнѣ Терновой, на рѣки Ивницѣ, мелница да въ доплату противъ другихъ братныхъ мелницъ триста рублей денегъ и садъ въ городѣ Корочѣ, кое онъ получа и мало нѣчто отъ скота, состроилъ себѣ домъ во ономъ-же городѣ Корочѣ и сталъ житые свое мало исправлять. Потомъ просилъ атестата въ главно-командующаго тогда слободскими полками въ сотники, которой ему за понесенніе его труда и данъ. Кой онъ получа, поехалъ въ Москву просить по военной коллегіи о произведеніи себя въ сотники, что и получилъ съ великимъ трудомъ и не малымъ коштомъ и убыткомъ.

Получа же оной сотниства чинъ, определено мѣсто быть ему въ слободѣ Слоновой на командѣ, куда съ превеликимъ трудомъ и также коштомъ, оставя все, что нѣ было въ Короче, толко одинъ домъ перевезъ въ Слоновку, и тамъ черезъ два года кончивъ постройку, началъ было жить нѣсколко лутше.

Тутъ тотчасъ напалъ на ево звѣръ прелютой, полковой судя Ѳедоръ Татарчуковъ [1]), отъ которого много онъ пострадалъ разними обидами за недопущеніе своихъ подкомандnихъ въ ево работу, которихъ въ то время употребляли начальствующіе въ работу такъ, какъ бы своихъ хрестянъ, и по многимъ прозбамъ по командѣ принужденъ отъ ево власти просить освобожденія, а быть бы въ командѣ въ другова, что едва для его здѣлано было.

Потомъ (въ 1754 году и послѣ) настало время зело худое корчемнихъ дѣлъ, и тутъ онъ превеликую терпѣлъ бѣду отъ разнихъ изъ Новаго Оскола насилаемыхъ командъ, такожъ по злобѣ бывшаго въ то время новосколского воеводи Пересвѣтова, а болѣе все за недопущеніе своей команди въ разореніе, и такъ въ одно время случилось, что подкомандніе ево, оставя въ рукахъ пришедшей команди все, бѣжали, где ево почти до полусмерти прибили, отъ чего онъ долго былъ и боленъ. Потомъ, немного выздоровя, поехалъ

---

[1]) А прежде нападалъ белгородской губернаторъ Пассекъ, ибо тогда слободскіе полки были подъ виденіемъ белгородской губерніи.

просить въ главнокомандующаго тогда слободскими полками генералитета о своей обидѣ и своихъ подкомандниxъ разоренія домовъ и своево дома, въ коемъ тогдашнею командою побрато въ ево самого домѣ болѣ нежели на триста рублей пожитковъ, для чего опредѣлено было произвесть надъ командующымъ въ то время оною командою военною порутчикомъ Гвоздевимъ военной судъ, которой и произведенъ былъ въ городѣ Корочѣ; однако милостію Божіею остался правъ и еще со удоволствіемъ обиды, хотя и не всей.

Послѣ того всего происхожденія, въ 1758 году, августа въ 11 день, посѣтилъ Богъ домъ его дважди огнемъ, такъ что толко мало нѣчто осталось отъ огню; а потомъ повелѣно было итить, хотя еще не исправилъ въ домѣ, въ походъ пруской, где пробылъ два года и болше, собственно на своемъ коштѣ и безъ всякаго жалованья. Тамъ понесъ превеликую трудность военную на баталияхъ подъ Кистриномъ и другихъ случаяхъ нужнихъ, такожъ скудость въ правиантѣ и всемъ. При концѣ которого похода опредѣленъ былъ для препровожденія пленнихъ до города пруского Мемеля и тамъ, отдавши ихъ по указу государеву, на кораблѣ отпущенъ былъ съ своею командою въ домъ, въ которой по шести мѣсяцахъ едва могъ постигнуть, и еще при жестокой здѣлавшейся ему на пути болѣзни, въ коей болѣзни еще и въ домѣ пробылъ болѣе шести недель. А какъ пожилъ послѣ выздоровленія зъ годъ, то и третично посетилъ Богъ огнемъ, такъ что жителей тамошнихъ слоневскихъ погорѣло дворовъ болѣе ста двадцати, въ томъ числѣ и ево безъ остатку, ибо толко остались одни покои для пребыванія ево стоящіе какъ средѣ поля, а прочее все погорѣло.

Но не престалъ и тутъ гонить вышеписанной Татарчуковъ, не далъ исправитца въ домѣ, подустилъ другихъ командующыхъ опредѣлить ему съ командою походъ въ Барвѣнчинъ фарпостъ [2]). Отъ оного онъ хотя много отговаривался погорѣніемъ дома своего и подкомандниxъ, однако злоба превозвышила и принужденъ итить съ великою обыдою, опасаясь за ослушаніе штрафа, толко прежде послалъ прозбу къ главной камандѣ, съ прописаніемъ приключившагося нещастия, отъ чего получилъ милость и велено было ему

[2]) Тогда онъ былъ пограничная крѣпость отъ крымскихъ татаръ за городомъ Изюмомъ.

возвратитца въ домъ свой съ командою для исправленія экономіи. И после таво хотя и были малие камандираціи, благополучнаго ради бывшаго времени, однако легкие, но и тутъ междоусобіе и штурми происходили, частію отъ своихъ подкомандныхъ, а частію по хитрости подпрапорного Ивана Корецкого изъ зависти; однако всѣ Божіею милостію были сносни и не весма чежели, хотя объ этомъ и много было переписокъ и волокитъ въ поездкахъ къ главной командѣ о неправилнихъ прозбахъ, которіе хитро и тайно болѣе помянутой производилъ Татарчуковъ. И съ коихъ поездокъ была послѣдняя къ бригадиру Банческулю въ мѣстечко Змѣевъ (нынѣ городъ харьковской губерніи), где исправя дело и получивъ паки команду, записалъ сына своего Іоанна въ военную службу подпрапорнимъ въ 1761 годѣ, бывшаго уже тогда 10 лѣтъ. И по приездѣ отътуда жилъ лѣтъ пять мало въ покои, а сына до возрастныхъ лѣтъ и въ зачотъ службы отдалъ въ харковской коллегіумъ для обученія латинскаго языка, коего онъ и обучался четырѣ года и мало болѣе.

Тутъ возгримѣлъ преужасной громъ гнѣва Божія на всѣ слободские полки въ 1763 году, во время царствованія императрицы Екатерины Алексѣевны, и опредѣлена была именная коммисія въ городѣ Острогожскѣ надъ всѣми старшинами, полковими и сотенними. Въ то время не укрился и мой отецъ сотникъ Іосифъ тучи оной грозной; взбунтовались тотъ часъ подкомандніе его, стали сочинять ложние прозбы, а болѣе по наущенію подпрапорного Ивана Корецкого (которой за добро всегда искалъ воздать зло, ибо онъ сотникъ часто его избавлялъ отъ великихъ бѣдъ, а паче корчемнихъ, и отъ самой смерти: когда огецъ его Іосифъ хотѣлъ было ево заколоть, то онъ сотникъ, увидѣвъ, что отецъ ево за нимъ гонится съ ножемъ, схоронилъ ево подъ своею кроватью и отъ смерти избавилъ). Тутъ тотъ часъ отказано отъ команды, не велѣно отлучаться отъ коммисіи, обиды, хотя и неправилніе, не принося никакихъ отговорокъ, удовольствовать деньгами, ибо хто хотя что подарилъ, то все ставилъ во взятокъ. И такъ не ожидая простие мужики возвращенія ево сотника съ Острогожска, начали грабить въ ево хуторѣ лошадей, рубить заимочной лѣсъ, опустошать сады, бить по улицамъ напрасно хрестянъ, ругать въ глаза ево жену и дѣтей. И какихъ поношеній не принялъ отъ своихъ подкомандпихъ, а паче еще отъ сродственниковъ Корецкихъ и насмѣяній, которыхъ онъ, при

бѣдности еще бывшихъ, почти всѣмъ своимъ довольствовалъ, также снабдѣвалъ хлѣбомъ, однако они все позабыли и воздали за добро зло, а паче въ самое то злое время, и во всѣхъ дѣлахъ они были предводителями и наустителями простаго народа ко злу.

Тутъ что только что миновало первое зло, а вскорѣ послѣдовало и другое грѣхъ ради нашыхъ: въ томъ же году въ одинъ день потонуло скота, коней, коровъ и воловъ болѣе пятидесяти, крестяне самие лутшіе то-жъ потонули: весной овцы распродани для заплати по просьбамъ, и такъ остался уже почти при бѣдности, толко что одно имѣлъ пропитаніе, доставшуюсь ему отцевскую мелницу въ короченскомъ уездѣ да малую часть скота. Тѣмъ еще имѣлъ мало отраду: хлѣбъ доволной для пропитанія дома и одежду за проданіе онаго, а для работи въ домѣ и для посилки въ домѣ или къ мелницѣ за хлѣбомъ осталось два небольшіе малчика крепосніе, лѣтъ по 10, которіе еще ни какой болѣе не могли работи здѣлать, какъ толко лошадей погонять; а какъ разстояніемъ мелница отъ дома въ 43 верстахъ, то опасно было таковихъ малчиковъ и посилать, такъ принуждени были нанѣмать всякой разъ человѣка да и то съ великимъ трудомъ, потому что запрещали и нанѣматця на работу людямъ въ дворъ, а которой было найметця, то и на томъ мстятъ злоблящіеся люди на ево сотника. Видитъ онъ, что приходитъ до крайнего разоренія домъ, самъ за старостію и понесенними трудами въ походахъ всегда былъ боленъ, а людей негъ кому бъ работать, такъ принужденъ былъ взять сына зъ училищъ харковскихъ, 1763 году маія 31 числа, которому тогда былъ уже 14 годъ, и такъ принужденъ употреблять, оставя науку, въ разную черную работу, какъ-то возки сена, соломи и дровъ и съ мелницѣ хлѣба, что съ великимъ трудомъ ево бедной, не приобыкшей къ работѣ юноша несъ: оставя науку, началъ оную забывать, а къ работѣ приобыкать, нести холодъ и варъ съ великимъ терпѣніемъ, самъ во всемъ не имѣя помощника болѣе тѣхъ двухъ малчиковъ, съ коими я до возраста ихъ мучился болѣе десяти лѣтъ, въ коихъ претерпѣлъ великіе бѣды, отъ непривички къ работѣ частіе болѣзни, скудость въ одеждѣ, а въ одно время (1766 года декабря 23 числа) въ проездъ свой съ мелницы въ преболшой холодъ приморожение и ногъ, отъ чего претерпѣлъ болѣзни болѣе двухъ мѣсяцей.

По терпѣніи тѣхъ тѣлесныхъ болѣзней послѣдовало еще сердечная болѣзнь. Въ 1771 году, іюня 20, собралъ я наймомъ съ великимъ трудомъ 10 человѣкъ косарей и началъ косить на своемъ доставшемся полюбовнимъ разводомъ полѣ, и какъ толко по утру іюня въ 21 день начали косить, тутъ постигла печалная вѣсть, возвѣщающая смерть отца моего сотника Іосифа, которой іюня въ 21 день 1771 году, по отпустѣ Божественнія Литургіи, отъ сего временного и многопечалного житія на вечное отийде. Какъ тогда воздохнулъ преужасно и пока переехалъ растояніе отъ поля до слободы Слоновки, 14 верстъ, рыдалъ, сами могутъ знать всѣ, видевшие смерть родителей своихъ, паче же въ такихъ несовершенныхъ лѣтахъ и бѣдствіи; однако сдѣлавши достойное погребеніе родителю своему и плакавъ горко со оставшеюся во вдовствѣ матерію своею, началъ промишлять о житіи своемъ, какъ бы не допустить до разоренія дома своего. Великие недостатки и малые долги, обветшаніе дома и мелницы великимъ рожномъ казались сердцу моему; тутъ еще совершенніе лѣта къ замужеству сестри меншой Анни, которую, посовѣтовавши съ матерью, выдали въ замужество, и такъ осталась мать, сестра старшая Марія, которой въ замужество ити было нельзя, да я, бывши тогда уже 20 лѣтъ, Іоаннъ.

И то еще не малою было печалію, что записанъ былъ въ службѣ козачей подпрапорнимъ, в какъ пришли совершенніе лѣта и козачая служба была переименована на регулярную гусарскую, то непременно надобно было и мнѣ въ оную службу итить безъ отговорочно; но мать престарѣлая всѣми мѣрами удерживала меня, чтобъ не допустить дома до послѣдняго разоренія, такожъ и матерняя къ дѣтямъ горячесть и любовъ удерживали, ибо началась тогда (1769 г.) война жестокая съ туркомъ и надобнобъ не отмѣнно итить, оставивши домъ и мать въ печали превеликой и недостаткахъ. Чтожъ дѣлалъ я? Хотя съ великимъ трудомъ, коштомъ и пособіемъ зятя своего Ивана Енохина, которой тогда былъ ужо при губерніи харковской регистраторомъ губернскимъ, началъ искать уволненія отъ службы, и показавъ неспособность за приморозеніемъ ногъ, что велѣно было освѣдѣтелствовать лѣкарю, и по свѣдѣтелству онаго дано мнѣ уволненіе и переименованіе въ штатную службу регистраторомъ. Тутъ я, освободясь отъ того ига, началъ и то думать, что мать ужо стара, смотрѣть въ домѣ не можетъ и принужденъ къ

женидбѣ, а достатка нѣтъ, гдѣ-бъ зговоривши невѣсту, здѣлать свадьбу. Чтожъ дѣлалъ я? Положась на волю Владичествующаго всѣми, началъ искать невѣсти. Тутъ ужо и соперники, бывшіе во враждѣ съ отцемъ моимъ, начали сожалѣть, ибо мнѣ за смиреніе и дали взайми денегъ, стали старатся о сисканіи невѣсти отъ лучшихъ людей; однако для сего недостатка не выдавали и для обхожденій нинѣшняго свѣта, ибо надобно было ходить въ платьи нѣмецкомъ, модномъ и дорогомъ, такожъ быть чиновну, обращателну, ласкателну и во всемъ щегольливу противъ нинѣшняго свѣта. А какъ я, оставя науку, былъ при черной работѣ, къ тому-жъ еще и въ недостаткахъ, то отъ меня сіи качества весьма были отдалены. Платя имѣлъ черкаское, недорогое, а тогда тѣмъ презырали, обхожденія были селскіе, а не городскіе, болше же смиреніе и несмѣлость, къ тому же и недостатки (ибо богатство всегда рождаетъ умъ). И такъ когда примѣтилъ я, что благородніе нѣсколько имъ презыраютъ, то началъ искать не великородства, а человѣка по своему нраву и обхожденію.

Въ то время случилось мнѣ быть старосколского уѣзду въ слободѣ князей Трубецкихъ Староивановки, где увидѣлъ невѣсту, бывшую тамъ-же на свадбѣ дочъ тамошняго исъ поляковъ волнаго, князя Николая Ивановича Трубецкого управителя, Лаврентія Гражданскаго, и какъ судба уже къ тому вела, что-бъ не быть въ него возносящемуся гордостію сердцу, то нѣсколько оная и понравилась мнѣ, паче-же въ смиреніи противъ прочихъ невѣстъ, въ коемъ числѣ была и сестра ее старшая. И такъ началъ просить зятя своего помянутаго Ивана Енохина и отца его, протопопа Діонисія Енохина-жъ, чтобъ зговорить вышепомянутую невѣсту, дочъ управителя Лаврентія Гражданского, именемъ Пелагію (ибо оной управитель былъ не крепостной оного князя Трубецкого, но природной полякъ, и, по выхожденіи отецъ его съ Полщы, пожелалъ быть во услуженіи охотою первие въ дворянъ Нестеровыхъ, потомъ въ князей Трубецкихъ), которіе, видя мое сиротство и бѣдность, не отказались, и какъ по приездѣ къ нему управителю начали говорить, то онъ какъ обыкновенно родителѣ сожалѣютъ о дѣтяхъ и разніе отговорки употребляютъ, не желая своему рожденію худа, такъ и онъ хотя и много разнихъ отговорокъ употреблялъ, однако наконецъ склонился отдать старшую дочъ именемъ Евдокію.

И какъ услышалъ я, что не по моему желанію все идетъ, то скрылся нѣсколко въ тайномъ мѣстѣ и просилъ Бога со слезами быть по Его намѣренію. Потомъ, вышедши оттуда и отеръ отъ очей слези, началъ просить, что-бъ какъ возможно старатся згаваривать меншую, именемъ Пелагію, за что возроптали на меня всѣ и представляли быть оное дѣло невозможное, что-бъ оставатся старшей, а прежде итить меншей; однако гдѣ всемогущая Десница своимъ провидѣніемъ что здѣлать восхощетъ, тамъ человѣкъ препятствовать не можетъ. И такъ, по смятеніи томъ, положили съ обоихъ сторонъ быть дѣло невозможное, и съ великимъ гнѣвомъ на меня всѣ взирая, хотѣли ехать обратно въ домы свои. Тутъ послана была луча милосердія Божія въ сердце управителя оного, и склонился онъ отдать, положась на волю Божію, меншую дочъ свою Пелагію за меня Ивана Осипова, сына Острожского и Лофицкого. И такъ, по заключеніи договора, гуляли много, наконецъ разъехались въ домы съ тѣмъ, чтобъ какъ возможно приготовлятця скорѣе къ свадбѣ, чтобъ съ обоихъ сторонъ менше было печали и мятежа.

Тутъ хотя я и получилъ по желанію сердца своего радость, но сердце печалію еще горше снѣдалось, видя, что онъ, тесть мой, имѣетъ достатокъ хорошъ, такъ ему надобно было всѣми силами старатся, чтобъ какъ возможно приготовленіе къ свадбѣ здѣлать противу ево равное, а зналъ свои великие недостатки. И такъ съ великимъ воздыханіемъ и слезами просилъ Бога, чтобъ онъ какъ хощетъ, такъ премудримъ своимъ промысломъ и устроилъ все во благо. Не менше-жъ еще придавало печали и то, что жену я себѣ понѣмалъ воспитанія нежнаго и роскошнаго, иного рода, а не исъ черкасъ, т. е. она полька, а онъ хохолъ, то и весьма опасался, чтобъ въ житіи не было какова развращенія и мятежа въ домѣ.

И какъ зближилось время положенъного термина свадбы, и прийшолъ день уреченній, то я съ великимъ трудомъ собралъ ближнихъ своихъ и сосѣдъ, поехалъ, взявши съ горкими слезами благословеніе отъ родителницы своей, и, по приездѣ туда, веселной актъ по закону болѣе въ тайной сердечной молитвѣ препровождалъ, дабы Всевишний Владыка управилъ щасливо житіе мое; по окончаніи коего началъ жить въ любви съ женою своею взаимной другъ ко другу.

Тутъ ужо нѣсколько стало лучше исправлятся житіе мое, потому что помощъ была чинима всемъ отъ тестя, и домъ обветшалой несколко починилъ, также мелницъ перестроилъ, хотя и зъ дорогою покупкою и заимкою денегъ и леса. Но еще другъ друга не распознавъ хорошо, последовала было причина: въ то время (въ 1775 г.) височалъ звѣрь прелютой Емелка Пугачевъ и плѣнилъ своимъ разбойничествомъ многіе мѣста, противу коего велѣно было всемъ служащымъ и отставнимъ итить противу. За неимѣніемъ въ близости военныхъ людей, въ томъ числѣ ему Ивану велѣно было итить. Тутъ, простясь съ любезною своею супружницею, поехалъ; однако щастіе воспослѣдовало, и велѣно было мнѣ и всѣмъ возвратиться въ домы свои. И такъ я прибылъ благополучно въ домъ и жилъ въ исправленіи своей экономіи и государственнихъ поручаемихъ разнихъ и строгихъ дѣлъ.

Два года былъ опредѣленъ начальникомъ при учрежденнихъ отъ моровой язви караулахъ, въ коей должности великие понесъ труды, ибо строгость употреблялась жестокая въ семъ государственномъ и весма важномъ дѣлѣ, а какъ я въ сихъ дѣлахъ не бывалъ и наставленія имѣть было по смерти отца своего нѣоткого, то превеликую трудность несъ, пока мало понялъ оное важное и другія тому подобніе дѣла.

О фамиліи хотя я не упомянулъ съ начала сего описанія, однако оное здѣсь полагаю: вишеобявленной Констянтинъ полковникъ съ супругою своею Маріею сойшли на жительство съ города полскаго Острога великого, княжеской фамиліи и князья, въ Лофицю и тамъ прозывался Острожскимъ; а какъ сынъ его Климонтъ сойшолъ съ Лофицѣ, бѣлгородской [1]) губерніи, въ городъ Корочу, то прозывался Лофицкимъ, а Климонтови дѣти Лазаръ, Гавріилъ и Ѳеодоръ по отцу своему прозывались Острожскими-Лофицкими, а нѣкоторые и протопоповими, потому что отецъ ихъ Климонтъ былъ протопопомъ въ городѣ Корочѣ; послѣдніе-жъ ихъ дѣты и до сего времени пишутся Острожскими по Констянтыну полковнику, а иніе

[1]) Белгородская губернія уничтожена 1779 года и зделано въ Куреке намѣстничество.

по Климонту Лофицкими, а протопопово имя оставили [1]). Однако въ нужнихъ дѣлахъ, какъ-то: въ крѣпостяхъ и другихъ тому подобнихъ, пишутся двояко Острожскими-Лофицкими. Оставя-же сіе, возвращаюсь на первое описаніе исторіи Ивана Острожскаго.

Живучи я зъ женою своею два года и болѣе, зачалъ и родилъ дочъ именемъ Любовъ (1775 г., апр. 25 д.) и сталъ еще нѣсколко лутше успѣвать въ домашней экономіи: хотя съ великимъ трудомъ и заимкой такожъ денегъ, состроилъ себѣ винокурню, а болѣе съ помощію тестя своего, которой меня много снабдилъ принадлежащыми вещмы до оной винокурнѣ, какъ-то: котломъ, трубами и кадками; потомъ въ 1776 году видя, что хуторъ мой, бывшей на доставшемся еще отцу моему, сотнику Іосифу Острожскому, полюбовнимъ разводомъ полѣ, совсѣмъ прийшолъ въ опустѣніе, купилъ въ тамо живущаго на моемъ-же полѣ человѣка Филипа Холошина (онъ-же и супруга) дворъ и во оной перенесъ свою избу, и началъ сѣять понемногу хлѣбъ для того, что стало маленко разводится коровъ и овецъ, а лошадей въ то время покупалъ. И такъ сталъ для скота у меня кормъ не покупной (а все покупали прежде), тако-жъ и хлѣбъ несколко подоволнѣй прежнего, и во всемъ для домашней экономіи стало несколко полутшее исправленіе, какъ въ домѣ пристройкою нѣкоторою, такъ въ мелницѣ и хуторѣ.

Потомъ въ 1777 году паки зачалъ и родилъ дочь именемъ Александру, марта въ 28 день. И въ томъ-же году іюня въ 26 день возъимѣлъ охоту: видя въ другихъ заведенія прекраснія сады, нанялъ людей и ращыстилъ лѣсъ въ урочищѣ Ласкового Ярка, гдѣ и полюбовнимъ разводомъ достался отцу моему еще лѣсъ, и началъ разного рода прививать деревя для размноженія сада, а во ономъ имѣлось тогда по ращищеніи лѣса дичекъ способнихъ къ прививанію болѣе двухъ сотъ, кромѣ другихъ деревъ; и оплелъ вкругъ плетнемъ хорошо, и нанялъ человѣка для присмотру онаго, чтобъ завистнихъ и злобнихъ людей чѣмъ былъ не испустошенъ.

Въ семъ-же году 1777 случилась вещъ дивная и несколко достойная примѣчанія нижеслѣдующая. Въ городѣ Харковѣ былъ житель, грекъ природной, именемъ Илия, которому за понесенніе

---

[1]) Тутъ не ведомо, почему упала ихъ фамилія княжеская; думать должно, что зъ убожества актовъ, а думать можно—часть ихъ утеряна.

въ бывшую турецкую войну некоторіе труди данъ былъ чинъ порутчичей. Оной имѣлъ двухъ дочерей и одного сына и былъ чрезмѣрно богатъ, имѣлъ лавки и другіе промислы. И имѣлъ онъ въ себя во ономъ-же городѣ Харковѣ въ лавки сидѣлца, человѣка весма проворнаго и хорошаго состоянія, съ коимъ дочъ его меншая, которая была красавица, жила амурно. И какъ пришолъ день ноября 21-го, въ которой празнуется Воведеніе Пресвятія Богородицы, то оная, идучи къ церквѣ на литургію, послала въ лавку дать знать оному сидѣлцу, чтобъ онъ дожидался ее въ лавки, пока она отъ церкви возвратится. И такъ, по отпустѣ литургіи, идучи домой съ сестрою своею старшею вмѣстѣ, отлучась отъ оной, зайшла въ лавку, где уже оной ея дожидался; и какъ пришла, то затворя они дверь, что тамъ делали—не наше дело осуждать другіе грѣхи, а Божіе; мы должни о своихъ толко просить Бога, чтобъ Онъ всѣ наши беззаконія простилъ милосердіемъ своимъ. Что увидя братъ ее маленкой, бывшей тогда лѣтъ пяти, и не зная, что то ево сестра пошла въ лавку, прийшолъ и сказалъ своему отцу, оному выше обявленному греку: «батюшка, какая-то дѣвка пошла въ лавку къ нашему сидѣлцу и затворили дверъ». А въ то время случилось у него быть гостямъ хорошимъ. Онъ, оставя гостей, пригласивши ихъ посидѣть, пока возвратится отъ лавки, пошолъ, сказавши: «экой бездѣльникъ, что дѣлаетъ! и въ меня есть дочерѣ, чтобъ не было какова порока на нихъ». И какъ прийшолъ къ лавки (коя была не далече отъ ево дому), то дверъ была заперта снутрѣ крѣпко. Онъ началъ стучать, кричать: отопри поскорѣй! Тутъ они бедніе, испужавсь, не знали, что дѣлать съ страху, и принужденъ былъ онъ, сидѣлецъ, въ стоящей тамо порожней сундукъ оную дочь его заперетъ, а какъ она была совершенныхъ лѣтъ, то съ великимъ трудомъ могла во оной вмѣстится, и какъ вмѣстилаеь, то оной сидѣлецъ, отворя лавку, ушелъ. А отецъ еи, войшовши въ лавку, искалъ вездѣ и не сискалъ, а какъ слышалъ, что онъ запѣралъ сундукъ, то могъ примѣтить, что оной былъ тамъ, и просилъ людей, случившихся въ то время на ринке, донесть сундукъ до его дому. Самъ шолъ за нимъ и говорилъ, не зная, что его дочъ во ономъ сундукѣ: «слава Богу, поймалъ зверка! Давно я тово желалъ, чтобъ это бездѣлство искоренить». И какъ принесли домой, то онъ приказалъ несть ево въ ту горницу, гдѣ гостѣ сидѣли, и, поставя по средѣ горницѣ, при-

казалъ замокъ отломать, а какъ отломали, то ево дочъ оттуда поднялась и встала. Боже мой! какой былъ тогда смѣхъ бывшимъ у него гостямъ и тѣмъ, кои принесли сундукъ отъ лавки. Къ тому-же еще и людей собралось не мало.

Отъ великаго стыда и жалю подхватилъ онъ ножъ и хотѣлъ ее того-жъ часу заколоть; однако до тово былъ не допущенъ людми, билъ толко оную своеручно весма, а она говорила, что я де желаю за него пойтить въ замужество, да вы, батюшка, не отдаете. Потомъ, дней черезъ три, явился оной сидѣлецъ и какъ былъ онъ волной, то не могъ ему дѣлать нѣчего, толко ращитался съ нимъ и сослалъ ево съ двора.

Въ томъ-же 1777 году умре теща моя, которая заболѣла августа въ 6 день, а умре декабря въ 26 день-же.

Въ 1778 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ перестроилъ на мелници ступной анбаръ, которой прежде того годъ цѣлой былъ въ опустѣніи за недостатками. Въ томъ-же 1778 году октября въ 7 денъ родилась дочъ Екатерина после великой бывшей въ жены моей перво горячки, потомъ вседневной лихорадки, которая и после рожденія дочери также была вседневна; черезъ нѣсколко времени и опухоль болшая по ногамъ съ внутренною болѣзнію.

1779 года іюня 16-го заложена каменная во имя Николая церковъ.

Въ семъ-же 1779 году августа во 2-й день за прогнѣваніе Бога нашими великими грѣхами въ наказаніе послалъ превеликую саранчу, коя пришла 2-го числа августа предъ вечеромъ и ночевала на слоновскомъ полѣ, на горѣ, прозываемой Луцкой, а болѣе на лѣсу луцкомъ-же, а 3-го числа въ полдень, послѣ отправленія литіи, поднялась и перешлз верстъ 10, сѣла на слоновскомъ и михайловскомъ полѣ длиною верстъ на 15, а шириною на 8 верстъ, гдѣ сидѣла двои сутки. За бывшимъ въ то время дождемъ отътоль поднялась августа-жъ 6-го числа и пошла къ Бѣлгороду; толко поврежденія, милостію Божіею, хлѣбу здѣлала весма мало.

Годъ 1780.—Сего году повелѣніемъ великія монархини всероссійской, по изданному учрежденію, открыто намѣстничество курское, а губернія белгородская исъпразнена вѣчно; которое открытіе было въ Курскѣ декабря 27, а въ Новомъ Осколѣ открывано генваря въ 20 день присланнымъ отъ намѣстничества полковникомъ,

Михаиломъ Львовичемъ Нечаевымъ, гдѣ при происхожденіи всей церемоніи былъ и я, и самовидецъ всему тому происходящему дѣлу, по высочайшему повеленію учрежденному.

Въ семъ-же 1780 году, въ послѣднихъ числѣхъ, совѣтомъ опредѣленныхъ въ ново-осколской нижній земской судъ капитана исправника Тинкова и засѣдателей, вздумалъ опредѣлиться въ должность исправленія приказныхъ дѣлъ, для чего со взятымъ отъ онаго земскаго суда репортомъ и отправился въ Курскъ. По приездѣ куда, по отпѣніи сперва чудотворной иконѣ Матери Божией, явился къ правителю намѣстничества, господину генералъ-порутчику Петру Семеновичу Свистунову, отъ котораго принятъ былъ весма ласкаво и въ тотъ-же день положенною резолюціею опредѣленъ въ исправъленіе въ ново-осколскомъ нижнемъ земскомъ судѣ секретарской должности. А о произведеніи въ секретари меня въ 13-й день отъ курскаго намѣстничества представлено бывшему тогда въ должности государева намѣстника, графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, и со взятымъ указомъ отъправился въ Новой Осколъ къ своей должности, гдѣ, по приводѣ къ присяги, исправлялъ оную добропорядочно 1781 года марта по 25 число, со взятьемъ полнаго секретарского жалованья.

Но когда премудрый и неизслѣдимый въ судбахъ Богъ восхотѣлъ праведно за превеликіе грѣхи и беззаконія наказать, да всякъ возносяйся смирится, то послалъ начало наказанію претруднѣйшимъ рожденіемъ перваго сына жены, которая, по троесуточномъ рожденіи онаго нежива, сама едва отъ смерти свободилась, пробывъ болною генваря отъ 16 1781 года до половины февраля того-жъ года.

Но, увы, горе чуть толко проходить стало, слѣдуетъ еще лютѣйшее: посланное представленіе къ намѣстнику пропало и чина секретарскаго не получилъ, а человѣкъ-врагъ, завидячи добру, вознесъ дѣло уголовное, о коемъ было представлено въ палату уголовныхъ дѣлъ, а отъ оной сообщено было въ намѣстническое правленіе, а изъ онаго велѣно указомъ немедленно и за карауломъ отправить меня для изслѣдованія въ корочинской уездной судъ, куда немедленно и отправился марта въ 25-й день, написавъ отъ великой жалости сердца своеручно и репортъ.

А какъ прибылъ въ Корочу 26-го, то, явясь въ уѣздной судъ, увидѣлъ всѣхъ рыкающихъ и поглотити хотящихъ; вспрашиванъ объ

béномъ дѣлѣ былъ со строгостію и увѣщаніемъ, гдѣ что Промыслъ Вышняго низпосылалъ въ умъ не бывшему никогда въ такихъ важныхъ дѣлахъ, то и отвѣтствовалъ, положа всю надежду и упование на Бога и угодника его, святителя Николая. Однако не приняты были отвѣты, ни прозбы, ни другихъ рекомендаціи: взятъ того-жъ марта въ 26-й день въ 1-мъ часу пополудни и посаженъ подъ жестокой караулъ, въ бывшую прежде открытія войсковую ратушу, которая по открытіи была уже уничтожена, а толко производились въ ней словесныя разбирателства.

Въ то время содержались въ оной два родные братья Александръ и Николай Леонтьевы Станищевы по одному тяжебному дѣлу, которые, после окончания ихъ суда, сосланы въ сибирской баталионъ до вислуги офицерскихъ чиновъ, а данныя имъ прежде чины подпоручичьи сняты. Какія тамъ были горести и печали, можетъ разсудить всякъ: стыдъ отъ всѣхъ знаемыхъ и родственниковъ, которые имѣютъ жителство въ Корочѣ, поношенія отъ навѣтующихъ враговъ и хотящихъ довесть до самобезчестиѣйшаго осужденія. Но что дѣлаю я, Иванъ? Укрѣплясь помощію силнаго Владыки, не показалъ себе ни одного мгновенія печална, двоихъ ради нуждъ: первое—дабы печалію не повредить здравія своего и домашнимъ своимъ не навесть болше грусти, а паче матери и женѣ, второе—чтобъ не подать болше способа къ радости врагамъ, которые, видя всегда весела, неоднократно присылали выпитывать той веселости причину, на что отвѣтъ всегда былъ одинъ, что, не имѣющему причины быть виновату, за правду умереть всегда готовъ. Отъ чего стали и умягчаться сердца, и велѣно было допущать ко мнѣ всякихъ людей, тако-жъ мать и жену, когда бывало приѣдутъ отъ жалости посѣтить (а прежде то было запрещено). Потомъ давали свободу ходить по городу, хотя и за карауломъ. Наконецъ, видя неблагополучной успѣхъ злаго своего умысла и не робость человѣка, на коего напали безвинно, переворотя разными хитрыми способы дѣло, производимое въ короченскомъ уѣздномъ судѣ, рѣшились отпустить, до ревизіи дѣла, на поруки въ домъ, что и совершили въ 24 день іюня. Былъ содержанъ отъ 26 марта по 24 іюня 1781 года, то есть мало не три мѣсяцѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Т. Шевченко. Гайдамаки. Изданіе иллюстрированное художникомъ А. Г. Сластёномъ. Спб. 1886.

Ни одно изъ произведеній Шевченка не отличается такимъ драматизмомъ и живописностью, какъ кровавая эпопея «Гайдамакъ». Сцены народной мести, истязанія титаря, любовь Оксаны и Галайды, походные бивуаки гайдамакъ, пылающіе, разоряемые города, ужасная, хотя и фантастическая, расправа Гонты съ дѣтьми,—все это такіе моменты, которые сами просятся подъ кисть, манятъ къ работѣ художника. Но попытки иллюстрировать поэму не было до сихъ поръ. Трудъ молодого художника А. Г. Сластёна является какъ первымъ опытомъ иллюстраціи цѣлаго произведенія Шевченка, такъ и чуть-ли не первой серіей рисунковъ на тему изъ исторіи Украйны.

Возникшая непосредственно изъ народныхъ преданій, поэма Шевченка носитъ отпечатокъ тѣхъ чертъ, какія придаетъ всегда народъ своимъ воспоминаніямъ о прошломъ. Она не подчинена документальной точности, произвольно группируетъ факты, обобщаетъ даты, но съ болью и съ неостывшимъ еще трепетомъ передаетъ настроеніе историческаго момента, вводитъ въ центръ минувшей были. Она рисуетъ этотъ кровавый эпизодъ, какъ вспышку отчаянія, со всѣми крайностями и ужасами, до которыхъ доводитъ народъ періодъ долгаго гнета. Герой

поэмы—народъ, его страданія, озлобленіе и месть. Тутъ нѣтъ проповѣди племенной вражды, а напротивъ часто и открыто высказанная скорбь объ отсутствіи любви и правды въ человѣческихъ отношеніяхъ, о томъ угнетеніи, которое вызвали въ прошломъ эту кровавую расправу.

Яркіе образы этого грознаго прошлаго и даетъ поэтъ въ своемъ разсказѣ, непосредственномъ, какъ народное преданіе, и въ основѣ своей такомъ-же правдивомъ. Картины и лица смѣняются и проходятъ вереницей. Художнику остается только идти вслѣдъ за поэтомъ.

Знаютъ ли, однако, какъ трудно идти по неизвѣданнымъ путямъ? какъ трудно угадывать элементы того, что еще почти не тронуто, не разработано? А Украйны, съ ея природой, поэзіей, исторіей почти не коснулось еще искуство живописи. Чтобъ установить точку зрѣнія на попытки въ родѣ альбома г. Сластёна, посмотримъ бѣгло, что сдѣлано по части Малороссіи художниками, какъ уроженцами этого края, такъ и другими.

Первые художники—малороссы: Лосенко, Боровиковскій, Левицкій въ своей дѣятельности не касались родины; но въ нихъ отразились типическія черты племени; служа искусству въ общихъ сферахъ, они запечатлѣли свой трудъ геніемъ произведшаго ихъ народа. Вдумчивость, «психологичность», высшая простота портретовъ Боровиковскаго, реалистическая поэзія его религіозныхъ картинъ, изящество и грація Левицкаго,—все это черты расы, аналогичныя и въ народной поэзіи, и въ народномъ характерѣ... Тридцатые и сороковые годы на художниковъ-украинцевъ были неурожайны. Талантовъ видныхъ не было, а второстепенные работники шли по чужимъ путямъ и по избитымъ дорогамъ. Лапченко, Мокрицкій и другіе не могли оставить слѣда въ искусствѣ. Жизнь Шевченка,—таланта и въ живописи очень самобытнаго,—сложилась слишкомъ неблагопріятно для занятій этимъ искусствомъ. Если въ десятилѣтней ссылкѣ ему удавалось иногда писать, то рисовать онъ могъ только тайкомъ маленькіе рисунки для продажи, а о серьезной работѣ, о совершенствованіи нечего было и думать. Около этого времени и немного позже явилось нѣсколько художниковъ не уроженцевъ Малороссіи, но полюбившихъ этотъ край и изобразившихъ его образы съ такой поэзіей и правдивостью, какія не были превзойдены до сихъ поръ. Это были Штернбергъ, Соколовъ и Л. Жемчужниковъ. Интимнѣе и ближе Малороссія не была передана на полотнѣ до сихъ поръ, какъ въ «Освященіи пасокъ», въ «Проводахъ рекрутовъ», въ «Покинутой». То, что мы видѣ-

ли потомъ на выставкахъ послѣднихъ лѣтъ, работы Маковскихъ, Клодта, Орловскаго,—были фотографіи, хорошо иногда нарисованныя, но совершенно лишенныя души. Исключеніями были только два пейзажа Куинджи, съ его тонкимъ чувствомъ природы, и «Вечерницы» Рѣпина. Съ своимъ громаднымъ талантомъ, г. Рѣпинъ, нашъ землякъ, схватилъ, хотя и мимоходомъ, живыя, типичныя черты и лица изъ народной толпы. Къ несчастью высоко-даровитый художникъ остановился на этомъ одномъ произведеніи и больше не касался Украйны. Слухи о его большой картинѣ «Отвѣтъ запорожцевъ султану», обѣщавшей богатую и яркую иллюстрацію сѣчевой эпопеи, въ послѣдне время затихли. Кажется, художникъ оставилъ, временно по крайней мѣрѣ, эту работу. Въ суммѣ этого обзора получается слѣдующее: ни одинъ изъ художниковъ малороссовъ не посвятилъ своего таланта всецѣло своей родинѣ. По части малорусскаго пейзажа мы имѣемъ очень мало, значительныхъ бытовыхъ картинъ—менѣе десятка и ни одной исторической картины.

Переходя отъ высшихъ сферъ искусства къ второстепеннымъ, вспомнимъ иллюстраціи и рисунки. Время отъ времени они мелькаютъ въ періодическихъ изданіяхъ; но много ли можно припомнить значительнаго и оригинальнаго? Оставляя въ сторонѣ два раза возникавшую «Живописную Украину», что выдалось еще самостоятельной свѣжестью? Опять таки старые рисунки Шевченка, эффектные иногда наброски Микѣшина, мелькнувшіе гдѣ то народные типы Мартыновича, два-три наброска Трутовскаго. Сдѣлано ли что по части разработки элементовъ народнаго искусства? Изданные въ немаломъ количествѣ рисунки орнамента, вышивокъ собраны безъ вкуса, случайно, старинное, типичное, изящное упущено въ нихъ. А гдѣ альбомы историческихъ памятниковъ и мѣстностей, рисунки старыхъ костюмовъ, утвари, гдѣ воспроизведенія виньетокъ и орнаментовъ изъ старыхъ книгъ и рукописей, старинныхъ иконостасовъ, рѣзьбы, рисунковъ тканей, одеждъ, всѣхъ этихъ многочисленныхъ предметовъ, отъ большого до малого, до какой нибудь писанки, въ которыхъ выражается народный вкусъ, изобрѣтательность и оригинальность? Ихъ нѣтъ! По части большихъ илюстрированныхъ альбомовъ единственная попытка сдѣлана была, кажется,Голяшкинымъ, въ изданіи рисунковъ къ малороссійскимъ повѣстямъ Гоголя. Но это роскошное изданіе прекратилось на первыхъ выпускахъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ полная заброшенность малорусской художественной нивы. Въ попыткѣ иллюстрировать историческую украинскую поэму г. Састёнъ является чуть-ли не піонеромъ. Тѣмъ почтеннѣе его предпріятіе, изъ котораго онъ выходитъ съ честью. Не всѣ его иллюстраціи—14 большихъ и 35 малыхъ,—одинаковаго достоинства,

но во многихъ изъ нихъ онъ даетъ живой образъ народной жизни прошлаго вѣка и чутко схватываетъ моменты грозной поэмы. Лучшія изъ большихъ композицій слѣдующія: поэтическое видѣнье гайдамаковъ (въ прологѣ), заутреня въ мотренинскомъ монастырѣ, съ колѣнопреклоненнымъ народомъ и благословляющимъ на бой духовенствомъ, посвященіе Яремы въ число борцевъ за родину, съ характерными фигурами воиновъ и писаря, остановка Галайды близъ Ольшаны (онъ разспрашиваетъ встрѣчнаго хлопца о судьбѣ титаря). Изъ маленькихъ рисунковъ можно отмѣтить: польскій сеймъ, два рисунка корчмы (сцена жида съ Яремой и пріѣздъ конфедератовъ), истязанія титаря, Ярема идетъ берегомъ Днѣпра, разоренная корчма, Лебединскій монастырь, Гонта несетъ погребать сыновей и виньетка къ эпилогу. Виды мѣстностей, кажется, сняты съ натуры. Въ нѣкоторыхъ рисункахъ хотѣлось-бы больше простоты. Художнику слѣдуетъ ближе держаться современныхъ народныхъ типовъ и обстановки. Все это, конечно, измѣнилось за сто лѣтъ, но въ основѣ осталось тѣмъ же. Та же хата даетъ пріютъ нашему крестьянину, звучитъ въ ней та-же самая пѣсня. Въ лучшихъ композиціяхъ хорошо схваченъ колоритъ эпохи. Смотря, на примѣръ, на первый большой рисунокъ,— гайдамакъ, выступающихъ изъ-за поворота дороги на берегу Днѣпра, невольно вспоминаются сохраненные въ печати разсказы очевидцевъ. Не совершенно ли тоже впечатлѣніе производить хоть это описаніе гайдамакъ, которое оставилъ намъ одинъ старосвѣтскій разсказчикъ [1]): «Попереду ӥде отаманъ на буланимъ кони, у кармазыни. Шапка на ёму сива, чоботы сапьянци, поясъ шалевий; за поясомъ пистоли, при боку шабля. Ото-жъ бувъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый ище чоловикъ, литъ, може, сорока, а може й бильшъ; на виду повный, кругловидый, уродою хорошій, на взростъ невеличкій, та плечистый. Усы русяви, невелички, за ухомъ оселедець. А за нимъ усе по два, усе по два, зъ ратищами, и у переднихъ паръ, може у трехъ, ратища зъ корогвами двойчатыми, такъ що оце половина буде била, а половина красна, а знову половина жовта, а половина чорна, або синя. А по самому заду иде чоловикъ зъ десятокъ пишо, безъ ратищъ и безъ усёго, а тильки колки позасмалювали та й идуть. То вже винники, то що, що поприставали до гайдамакъ»....

Очень желалось-бы, чтобъ попытка г. Састёна не осталаль единоличной. Молодые художники наши выиграютъ во всѣхъ отношеніяхъ, отдаваясь непосредственнымъ наблюденіямъ и не приковывая

---

1) „Записки о южной Руси". Т. I. стр. 252.

себя къ тому обличительно-анекдотическому направленію, которое приняла у насъ современная живопись. Пусть изучаютъ они край и народъ, и все остальное приложится. Какой матеріалъ можетъ дать имъ одно народное творчество—сказки, думы! А сколько еще темъ для иллюстрацій въ твореніяхъ Шевченка, Котляревскаго и величайшаго изъ великихъ Гоголя!

Изучая внимательно народную среду, проникаясь ея характеромъ, духомъ, даровитый художникъ можетъ живо воспроизвесть прошедшее. Творческія силы народа тѣ-же прежнія, измѣнившія только, можетъ быть, внѣшнюю оболочку. Прошлое дѣйствительно во многомъ изглажено у насъ временемъ и новыми вліяніями, памятниковъ его немного; но давно и справедливо сказано, что самъ народъ есть лучшій памятникъ своей прошлой жизни.

В. Г—ко.

Виленскій календарь на 1886 г. Вильна 1885 г.

Начатое съ 1884 г. настоящею редакціею изданіе Виленскаго календаря ведется по хорошо обдуманному плану, съ яснымъ пониманіемъ задачъ мѣстнаго изданія этого рода и умѣлымъ выполненіемъ ихъ. Не остановимся на обыкновенныхъ календарныхъ частяхъ изданія и отдѣлахъ разнаго рода практическихъ свѣденій, подобранныхъ для календаря на 1886 г. не менѣе удачно, какъ и для календарей двухъ предъидущихъ годовъ, отмѣтимъ лишь тѣ особые отдѣлы и статьи, помѣщенные въ Виленскомъ календарѣ, которые назначаются для чтенія. Такъ довольно обширный „первый отдѣлъ", составляя продолженіе такихъ отдѣловъ въ календаряхъ 1884 и 1885 г.г., содержитъ въ порядкѣ мѣсяцевъ и дней краткія свѣдѣнія о жизни болѣе чествуемыхъ угодниковъ Божіихъ и вообще о тѣхъ дняхъ, которые обозначены въ святцахъ полупраздничнымъ знакомъ и крестикомъ. Полезный для священниковъ, причтовъ, учителей народныхъ и церковно-приходскихъ школъ, отдѣлъ этотъ можетъ найти читателей и вообще среди любителей назидательнаго, церковно-историческаго чтенія. Составитель отдѣла священникъ Г. Б-нъ довольно съумѣлъ выдержать простоту изложенія,-необходимое качество при изложеніи подобнаго предмета. Затѣмъ интересный отдѣлъ въ календарѣ составляетъ „Дневникъ на 1885 г." Въ порядкѣ мѣсяцевъ и чиселъ „Дневникъ" отмѣчаетъ важнѣйшія распоряженія и узаконенія правительства за минувшій годъ, касающіяся тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественной и экономической жизни края, такія-

же распоряженія мѣстной высшей администраціи, также событія общаго и мѣстнаго интереса, происходившія въ минувшемъ году, разныя перемѣны въ составѣ и положеніи лицъ служившихъ или служащихъ въ краѣ, выдающіяся черты дѣятельности ихъ, а также болѣе замѣчательныя явленія въ судьбѣ и бытѣ мѣстныхъ учрежденій, въ томъ числѣ учебныхъ заведеній. „Дневникъ" даетъ возможность жителю края обнять теченіе жизни его за весь прожитый годъ, подвести итоги прожитому, служащіе обыкновенно опорою надеждъ. Вообще на Дневникѣ Виленскаго календаря достаточно видѣнъ живой интересъ подобнаго отдѣла календарныхъ изданій.

Слѣдующая затѣмъ собственно историческая статья, „Бракъ Ягелла съ Ядвигой," составлена главнымъ образомъ по извѣстному сочиненію Шайнохи „Ядвига и Ягелло." Вліяніе историко-поэтическаго очерка Шайнохи выгодно отразилось на отдѣлкѣ этой статьи ея составителемъ. Стараясь остаться независимымъ отъ польскаго писателя въ томъ, что привносилось у послѣдняго собственно польскою или позднѣйшего польско-литовскою точкою зрѣнія, авторъ статьи обращался за пособіями для болѣе вѣрнаго освѣщенія начальной исторіи Литвы, политической и религіозной, къ русскимъ историкамъ: Карамзину, Соловьеву, Костомарову. Недостаткомъ провѣрки извѣстій по источникамъ объясняется повтореніе въ статьѣ извѣстій сомнительныхъ, какъ напр. извѣстіе о томъ, будто Довмоитъ, литовскій князь, потомъ извѣстный герой псковскій, патріотъ православно-русскій, былъ сыномъ Миндовга и братомъ Войшелга. Несвободна отъ неясностей и слѣдующая, впрочемъ хорошая, статья, подъ заглавіемъ: „Обращеніе Литвы въ котолическую вѣру." На основаніи Шайнохи, говорится напр. *о сильномъ распространеніи манихейской ереси въ Литвѣ* при Ягеллѣ до крещенія имъ послѣдней. Можно было и не повторять сбивчивыхъ и ничего не уясняющихъ представленій Шайнохи объ этомъ предметѣ. Еще: авторъ упоминаетъ о руской церкви и русскомъ монастырѣ въ Вильнѣ до крещенія языческой части ея Ягелломъ въ католическую вѣру. Если уже упоминать объ этомъ, то въ пору было-бы сказать точнѣе.

Краткая статья: *русскій воевода и русскій герой XVI вѣка* (разумѣется князь Данило Мышецкій, оставленный воеводой въ Вильнѣ по занятіи ея Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1655 г.) читается съ интересомъ

Затѣмъ въ календарѣ слѣдуетъ рядъ очерковъ, относящихся къ современной исторіи Вильны и края. Таковъ прежде всего очеркъ: *Іосифъ митрополитъ литовскій, какъ поборникъ русскихъ интересовъ въ сѣверо-западномъ краѣ.* Черты высокой и свѣтлой личности знаменитаго возстановителя православія и перваго обрусителя края изображены въ

очеркѣ живо и отчетливо, еще разъ напоминая, насколько духъ, характеръ и образъ дѣйствій его способны внушать сознаніе необходимости дѣйствовать въ томъ-же духѣ, примѣняясь къ возникающимъ новымъ условіямъ времени. Вильна счастлива была и преемниками архипастыря Іосифа, каковы архипастыри Макарій Булгаковъ и Александръ Добрынинъ, скончавшійся 28 апр. прошлаго года. Помѣщенные въ календарѣ „краткія біографическія свѣденія о почившемъ архипастырѣ Александрѣ" на первое время достаточно удовлетворяютъ потребности напоминанія о симпатичныхъ и назидательныхъ чертахъ почившаго архипастыря, которыя, будучи достояніемъ его природы и собственнаго духовнаго развитія, слагались такъ же подъ несомнѣннымъ вліяніемъ святителя Іосифа, при которомъ покойный довольно долго служилъ въ Вильнѣ, сперва въ должности ректора семинаріи, потомъ въ санѣ епископа ковенскаго, викарія литовской митрополіи. Затѣмъ въ календарѣ помѣщено еще десять некрологовъ за минувшій 1885 г. Это некрологи лицъ разнаго званія и положенія общественнаго, проходившихъ свое служеніе въ Вильнѣ и другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края, замѣчательныхъ по важности ли своего служенія или по особеннымъ характеристическимъ чертамъ своей частной или общественной дѣятельности на пользу края и самой своей жизненной судьбы. На личной исторіи и судьбѣ этихъ достопамятныхъ людей и дѣятелей своего времени во многомъ отражается и исторія края съ разными перемѣнами и превратности въ направленіи общественныхъ дѣлъ, управленіи краемъ и т. под. Въ виду живого интереса такихъ біографическихъ очерковъ, хотя и въ тѣсной рамкѣ некролога, желательно, чтобы какъ въ Виленскомъ, такъ и въ другихъ мѣстныхъ календаряхъ, подобные очерки помѣщались даже въ большемъ количествѣ. Это зачаточный матеріалъ для живой лѣтописи всего края, лѣтописи во многомъ поучительной.

И. Малышевскій.

Харьковскій календарь на 1886 годъ. Годъ XIV. Съ видомъ г. Харькова въ началѣ XIX ст. Ц. 1 р. Изд. Губ. Стат. Комитета, подъ ред. П. С. Ефименка.

И Харьковскій календарь, какъ и только что разсмотрѣнный календарь Виленскій, представляетъ собою не спекулятивное изданіе, но столь-же солидный и почтенный трудъ, имѣющій цѣлію освѣтить мѣстную жизнь въ ея настоящемъ и прошломъ, по мимо сообщенія необходимыхъ для каждаго общекалендарныхъ справочныхъ свѣдѣній. При весьма низкой цѣнѣ, харьковскій календарь по объему едва-ли не пре-

восходитъ общероссійскіе календари Гоппе и Суворина. Нельзя при томъ не замѣтить, что харьковскій календарь, выражаясь фигурально, съ каждымъ годомъ все больше тучнѣетъ; но только тукъ его не негодное отложеніе въ здоровомъ организмѣ, а продуктъ нормальнаго роста и разумнаго питанія...

Не штука сшить книжку въ 40 печатныхъ листовъ, состоящую изъ всероссійскихъ и даже всеевропейскихъ общихъ свѣдѣній, фразъ и цифръ; но не легко наполнить столько-же листовъ живымъ мѣстнымъ матеріаломъ, взятымъ изъ дѣйствительной жизни и отображающимъ эту жизнь.

Не касаясь справочнаго общекалендарнаго отдѣла, который въ харьковскомъ календарѣ далеко не бѣденъ мѣстнымъ статистическаго характера матеріаломъ, остановимся на его историко-статистическихъ статьяхъ, наполняющихъ 185 стр. отдѣла «литературно-научнаго».

Здѣсь на первомъ мѣстѣ библіографическій очеркъ г. Багалѣя: «Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіяся къ исторіи харьковской губерніи (бывшей Слободской Украйны), съ 1880 по 1885 годъ». Въ очеркѣ разсмотрѣны 28 сочиненій, изъ нихъ 9 книгъ и 19-ть журнальныхъ статей; изъ послѣднихъ 6 взяты изъ «Кіевской Старины», 7 изъ Харьков. календаря за 1884 и 85 гг., остальныя изъ журналовъ «Древняя и Новая Россія», «Миръ» и изъ газеты «Южный Край». Почти о всѣхъ книгахъ, упоминаемыхъ въ очеркѣ, въ нашемъ журналѣ помѣщены были въ свое время рецензіи. Авторъ не совсѣмъ точно называетъ свои замѣтки подведеніемъ итоговъ «всему сдѣланному» по исторіи харьковской губерніи въ отмѣченные годы. Онъ, очевидно, не пересмотрѣлъ «Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей» сосѣднихъ губерній за послѣдніе годы, а тамъ вѣроятно нашлось-бы по интересующему его вопросу не мало замѣтокъ, не уступающихъ, можетъ быть, по цѣнности выписаннымъ въ его очеркѣ [1]). Можно надѣяться, что полнѣе и интереснѣе названнаго очерка будетъ печатающійся уже (по сообщенію редакціи календаря) библіографическій трудъ г. Устинова, надъ которымъ онъ долго работалъ, будучи редакторомъ Хар. Губ. Вѣдомостей, и который закончилъ въ Петербургѣ, въ импер. публ. библіотекѣ. Заглавіе книги слѣдующее: „Описательные труды, матеріалы и источники, касающіеся исторіи, археологіи, этнографіи, географіи и статистики Слободской Украйны, харьковскаго намѣстничества, слободско-украинской и нынѣшней харьковской губерніи (1705—1880 гг.)."

---

[1]) Укажемъ для примѣра, что въ „Полтавскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей" за 1881 г., № 21 помѣщена статья: „Аполлосъ Терешкевичъ, слободско-украинскій епископъ".

Библіографическіе указатели и обзоры—дѣло времени: чѣмъ дольше и кропотливѣе собирается матеріалъ, тѣмъ цѣннѣе выйдетъ сборникъ. Иное дѣло—обработанныя историческія статьи, въ нихъ скажется ловкость, талантъ, эрудиція автора. Въ разсатриваемомъ отдѣлѣ харьковскаго календаря есть двѣ повѣстовательныя статьи: Основаніе города Харькова», Д. И. Багалѣя и «Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія» г. Устинова. На сколько первая отличается живостью и легкостью изложенія, на столько вторая безжизненна и тяжела. Правда, онѣ разнятся нѣсколько по характеру (первая въ повѣствовательномъ, вторая въ описательномъ родѣ); тѣмъ не менѣе для всякой статьи обязательна систематичность, а ея то и не достаетъ въ статьѣ г. Устинова; кромѣ того, онъ написалъ свой очеркъ такимъ языкомъ, что на каждомъ шагу спотыкаешься и размышляешь: что хотѣлъ тутъ сказать авторъ? А между тѣмъ предметъ статьи весьма интересенъ: кого въ самомъ дѣлѣ изъ читателей, особенно мѣстныхъ, знающихъ нынѣшній Харьковъ, не подкупитъ желаніе поднять завѣсу и взглянуть, каковъ былъ городъ 80 лѣтъ назадъ? Но авторъ такъ неумѣло разсказываетъ объ этомъ, что гораздо любопытнѣе читать приводимыя имъ выдержки изъ разныхъ архивныхъ дѣлъ, чѣмъ его собственное повѣствованіе.—Г. Багалѣю, работавшему въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, удалось открыть нѣсколько документовъ, гораздо ближе объясняющихъ основаніе Харькова, чѣмъ существовавшія доселѣ мнѣнія по этому предмету. Такъ прежде, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, изслѣдователи мѣстной старины удовлетворялись преданіями, будто Харьковъ въ началѣ XVII вѣка возникъ изъ хутора, основаннаго какимъ-то Харькомъ, по имени котораго и назвался городъ, какъ Кіевъ по имени Кія. Фамильное преданіе Квитокъ гласило, что основателемъ Харькова былъ польскій выходецъ Андрей Квитка, осѣвшій на мѣстѣ нынѣшняго харьковскаго предмѣстья Основы. Г. Багалѣй разъясняетъ всю неосновательность подобныхъ преданій и затѣмъ пытается установить факты, что во 1-хъ «въ Харьковъ явилась сразу *значительная партія черкасъ, а не одинъ поселенецъ, какъ говорятъ преданія»*, во 2-хъ что Харьковъ возникъ на старомъ городищѣ, составившемъ будущій кремль города, и въ 3-хъ что, говоря о времени появленія города, можно только съ достовѣрностью утверждать, что въ 1656 году харьковское городище было застроено «черкасскими», т. е. малороссійскими дворами. Послѣднее явствуетъ изъ отписки въ Москву перваго харьковскаго воеводы Селифонтова, принявшаго подъ свое начальство новый городокъ отъ чугуевскаго воеводы. Въ концѣ очерка г. Багалѣй приводитъ гипотезу покойнаго Аристова о томъ, будто нынѣшній Харьковъ основанъ на

мѣстѣ древняго половецкаго города Шаруханя, и не соглашаясь съ ней въ виду не сходства географическихъ указаній лѣтописнаго разсказа, упоминающаго объ этомъ городѣ, съ мѣстомъ расположенія нынѣшняго Харькова, склоняется къ мнѣнію г. Голубовскаго (въ его книгѣ: «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ»), состоящему въ томъ, что нынѣшняя харьковская губернія была боевою границею *русской* земли съ кочевьями инородцевъ и потому городище, на которомъ впервые осѣли предки харьковцевъ, было *русскимъ* городищемъ, а не *половецкимъ*.

Изъ другихъ статей литературно-научнаго отдѣла календаря заслуживаетъ вниманія прежде всего прекрасный историко-статистическій очеркъ г. Твердохлѣбова: «Городъ Ахтырка». Систематичность описанія, умѣлый подборъ статистическихъ даниыхъ, отсутствіе излишняго цифроваго балласта, дѣлаютъ очеркъ г. Твердохлѣбова въ высшей степени занимательнымъ. Передъ читателемъ просто выростаетъ богоспасаемый градъ со всѣми его аттрибутами. Очень интересенъ также статистическій набросокъ о сельскихъ училищахъ въ харьковской губерніи.

Въ нынѣшнемъ году въ календарѣ продолжается перечень «замѣчательнѣйшихъ уроженцевъ и дѣятелей харьковской губерніи». Всѣ 16 маленькихъ біографій принадлежатъ скромнымъ дѣятелямъ, изъ которыхъ большинство подвизалось на поприщѣ науки. Въ отдѣлѣ «мелочей» есть нѣсколько документовъ изъ недавняго (сравнительно) прошлаго города Харькова, а также «мѣстныя литературно-научныя новости». Въ числѣ послѣднихъ сообщается, между прочимъ, о слѣдующихъ ученыхъ и литературныхъ работахъ, имѣющихъ скоро появиться: Степная окраина московскаго государства въ XVI и XVII ст. (очерки изъ исторіи колонизаціи и быта), *Д. И. Багалѣя*; 2) Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Украины, до учрежденія въ Харьковѣ университета, проф. *А. С. Лебедева;* 3) Малороссійскій литературный сборникъ «Складка», изъ стиховъ и разсказовъ гг. *Щеголева*, *Александрова*, *Бѣлиловскаго*, *Мырнаго*, *Ганны Барвинокъ и др.* (сборникъ составленъ и отправленъ въ цензуру); 4) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ народныхъ пѣсенъ, т. 2-й, проф. *А. А. Потебни;* 5) Обзоръ поэтическихъ мотивовъ, колядокъ и щедривокъ, *его-же*.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что къ календарю приложена картина, изображающая видъ г. Харькова въ началѣ нынѣшняго столѣтія и принадлежащая кисти мѣстнаго живописца Петра Степановича Стогія, по прозванію «Хвыли», до страсти любившаго рисовать пейзажи. Стогій (ум. 1827 г.), по приведеннымъ въ календарѣ преданіямъ о немъ, представлялъ типъ страстнаго, увлекающагося художника-самоучки, безвременно погибшаго въ средѣ, неблагопріятной для развитія таланта.

Ѳ. Н.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ВОСПОМИНАНІЯ Г-жи СМИРНОВОЙ О ГОГОЛѢ.

Конецъ прошлаго года въ литературной жизни Франціи ознаменовался явленіемъ почти небывалымъ для этой страны, гдѣ такъ исключительно сосредоточивается вниманіе на своемъ, національномъ. Мы говоримъ о громадномъ успѣхѣ, выпавшемъ на долю переводовъ русскихъ писателей—Л. Толстаго и Достоевскаго. Отъ современниковъ естественно было обратиться къ тому, кого единогласно признаютъ своимъ отцомъ и учителемъ величайшіе изъ дѣятелей русской литературы, къ творцу реальнаго романа—Гоголю. Одновременно появилось о немъ нѣсколько статей. Издательская фирма Ашета выдала новое (третье по счету) изданіе «Мертвыхъ душъ», въ переводѣ Шарьера. Къ сожалѣнію переводчикъ къ бочкѣ меду прибавилъ ложку дегтю и, потакая страсти французскихъ читателей къ благополучнымъ «развязкамъ», прибавилъ къ гоголевскому тексту книжонку Ващенка-Захарченка, пытавшагося *окончить* «Мертвыя души». Какъ-бы то нибыло, съ прибавкою старыхъ переводовъ Віардо и Мериме, въ рукахъ французскихъ читателей имѣются теперь всѣ главнѣйшія сочиненія Гоголя. Изъ статей о немъ первое мѣсто занимаетъ очеркъ Де-Вогюе, критика обратившаго на себя общее вниманіе и главнаго пропагандиста во Франціи русской литературы. Съ этимъ замѣчательнымъ этюдомъ мы надѣемся познакомить читателей «Кіевской Старины». Двѣ-три статьи меньшаго значенія, трактующія о Гоголѣ, не свободны отъ фактическихъ оши-

бокъ и отъ ложнаго освѣщенія въ оцѣнкѣ его направленія и характера. Таковы страницы посвященныя ему въ книгѣ Дюпюи «Les grands maîtres de la litterature russe» и нѣкоторыя журнальныя замѣтки. Противъ этихъ промаховъ и погрѣшностей возстала г-жа Ольга Смирнова, одна изъ русскихъ писательницъ, пишущихъ по французски. Въ предпослѣдней книгѣ парижской «Nouvelle Revue», въ статьѣ «Etudes et Souvenirs», она полемизируетъ противъ той квалификаціи мистика, которую хотятъ присвоить Гоголю, и противъ опредѣленія послѣдняго періода его жизни, какъ періода чуть ли не сумашествія. Эти близорукіе взгляды перешли къ французскимъ авторамъ изъ Россіи, гдѣ они почти пріобрѣли право гражданства. Г-жа Смирнова, близко знавшая Гоголя, говоритъ наблюденіями и фактами. Какова бы ни была ихъ достовѣрность, но самое противорѣчіе ихъ съ установившейся рутиной свидѣтельствуетъ о томъ, что въ исторіи заката жизни Гоголя нельзя остановиться на приговорѣ толпы и что прилагать банальныя опредѣленія къ душевнымъ мукамъ этого великаго человѣка гораздо легче, чѣчъ стараться уяснить ихъ себѣ.

Пушкина, Гоголя и другихъ выдающихся людей николаевской, эпохи г-жа Смирнова видѣла чисто въ домѣ своей матери А. О. Смирновой, рожденной Россетъ, дочери французскаго эмигранта и одной изъ образованѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ своего времени. Ея дружбою гордились Лермонтовъ, Жуковскій и Гоголь, на ея судъ отдавали свои произведенія. Это та самая «калужская губернаторша » за знакомство и переписку съ которой громили Гоголя русскіе либеральные критики. Воспоминанія г-жи Смирновой относятся къ молодости, проведенной въ материнскомъ домѣ. Свои возраженія она начинаетъ съ извѣстнаго факта сожженія Гоголемъ своихъ рукописей.

«Задумавъ сжечь связку своихъ бумагъ, въ безсонную ночь, за нѣсколько дней до смерти, Гоголь бросилъ въ огонь большую часть послѣдняго тома своего романа, свои замѣтки о грамматикѣ, ботаникѣ и о первоначальномъ воспитаніи. Еслибъ онъ хотѣлъ сжечь романъ, то сжегъ бы и тѣ наброски, которыя уцѣлѣли отъ уничтоженія и были обнародованы потомъ.

Молодой слуга, ходившій за нимъ, умолялъ его лечь въ постель; больной, дрожа отъ лихорадки, просилъ оставить его и сказалъ:

Спустя немного, Гоголь вскрикнулъ съ ужасомъ, взглянувъ на оставшіяся бумаги: «Боже, что я сдѣлалъ, я хотѣлъ сжечь совсѣмъ не то! Я ошибся, я не то хотѣлъ сжечь!» Онъ прибавилъ: «меня вспомнили бы съ благодарностью за то, что сожжено теперь!» Онъ порылся въ ящикахъ еще и бросилъ въ огонь пачку писемъ. Сдержанный и скрытный, онъ приходилъ въ ужасъ отъ всѣхъ посмертныхъ разглагольствованій и сжигалъ всегда большую часть получаемыхъ писемъ. Желая уничтожить письма, въ агоніи и слабости, онъ сжегъ по ошибкѣ свои рукописи.

Передъ этимъ онъ не ѣлъ ничего нѣсколько дней. Отвращеніе отъ пищи, обычный симптомъ желудочныхъ лихорадокъ, мѣшало ему ѣсть. Какъ только являлась возможность проглотить что нибудь, онъ пилъ воду, слегка окрашенную виномъ, и даже супъ. Нѣкоторыя лица, одушевленныя найлучшими намѣреніями, обратились къ его духовнику и къ московскому митрополиту (думали все, что Гоголь не принимаетъ пищи для умерщвленія тѣла!). Всегда вѣрно судившій о вещахъ Филаретъ, а также и духовникъ дали отвѣтъ полный здраваго смысла: «позовите докторовъ!»

У него было раньше начало желудочной лихорадки, уступившей, по видимому, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ средствъ; онъ вышелъ изъ дому, къ обѣдни, и простудился. Возвращенія болѣзней всегда пагубны, тѣмъ болѣе опасности было въ этомъ случаѣ, такъ какъ злокачественная лихорадка, которую схватилъ Гоголь въ Римѣ, когда проводилъ тамъ однажды все лѣто съ другомъ своимъ, живописцемъ Ивановымъ, сдѣлала его организмъ очень подверженнымъ вліяніямъ смертоносныхъ болѣзней. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Одессу и вывезъ оттуда перемежающуюся лихорадку, очень его мучившую. Большой лакомка, онъ очень любилъ нѣкоторыя блюда, свои, малороссійскія, и макароны, которыя умѣлъ приготовлять самъ, какъ самый искусный неаполитанецъ. Когда наступали дни пароксизмовъ, онъ ничего не ѣлъ, лечась всегда строжайшей діэтой.

Религіозное или мистическое безуміе было ровно ни при чемъ ни въ его смерти, ни въ исторіи сожженія рукописей. Онъ не былъ окончательно преданъ отчаянію и безнадежности. У него не было маніи уничтоженія своей литературной славы, онъ не былъ фанатикомъ никогда. Истинной виновницей его смерти была медицинская

наука, спасовавшая передъ тифомъ, обнаружившимъ себя у Гоголя какъ физическими, такъ и нравственными проявленіями.

Въ то время употребленіе хинина у насъ почти не было извѣстно. Польскій врачъ Мяновскій ввелъ его въ ходъ между своими кліентами въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ докторомъ High Lif'a. Онъ совѣтовалъ друзьямъ Гоголя попробовать надъ нимъ дѣйствіе этого средства. Но было уже поздно!

Я останавливаюсь дольше на этихъ подробностяхъ, такъ какъ о послѣднихъ дняхъ Гоголя, даже въ Россіи, гдѣ должны бы знать дѣло ближе, много толковали вкривь и вкось. Ходили нелѣпѣйшіе толки, пущенные въ оборотъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью. Я уклонюсь отъ выясненія тѣхъ недостойныхъ мотивовъ, которые руководили вѣстовщиками подобныхъ слуховъ.

Много толковали также когда то о посѣшеніи Гоголемъ Оптиной Пустыни. Онъ ѣздилъ туда изъ Калуги, куда и вернулся опять, къ моимъ роднымъ, полный впечатлѣній и разсказовъ объ этой обители. Его привлекли туда слухи о знаменитомъ монахѣ—ботаникѣ (занимавшемся и медициной), отцѣ Моисеѣ, о садахъ и питомникахъ котораго ходила молва. Онъ сравнивалъ его съ видѣнными въ Италіи почтенными отшельниками и былъ неистощимъ въ похвалахъ образованнымъ, просвѣщеннымъ монахамъ, отдавшимъ свои знанія и жизнь на служеніе окрестному люду (они лѣчили крестьянъ). Всѣ аскетическія и мистическія крайности отталкивали Гоголя. Онъ допускалъ ихъ возможность, но никогда ихъ не проповѣдывалъ. Онъ во всемъ и прежде всего цѣнилъ простоту и стройность. Его молчаніе принимали за согласіе: онъ просто не переносилъ споровъ. Когда собесѣдники начинали горячиться, онъ, въ противность имъ, дѣлался разсѣяннымъ. Онъ вставалъ, быстро перемѣнялъ разговоръ, открывалъ окно, «чтобъ освѣжить температуру,—такъ слишкомъ горячились», или просилъ кого нибудь поиграть на рояли, «чтобъ возстановить гармонію».

Если изъ его молчанія сдѣлали выводъ, что онъ раздѣляетъ мистическія бредни, то пришли къ заключенію, ничуть на него не похожему. Было бы крайне желательно уничтожить это ложное преданіе, налагающее тѣнь на геніальную натуру: Гоголь былъ далекъ отъ всего посредственнаго, ребяческаго или узкаго въ своихъ взглядахъ на жизнь, на религію, на свое собственное призваніе, на

сущность всего существующаго. Возможно ли, чтобъ дивный художникъ, проводившій цѣлые часы передъ древней статуей или фресками Рафаеля и Микель-Анджело, могъ превратиться вдругъ въ угрюмаго, одержимаго бредомъ аскета? Въ концѣ ноября 1851 года, за три мѣсяца до смерти, онъ съ восторгомъ и волненіемъ разсматривалъ въ домѣ друзей античныя бронзы и гравюры Марка-Антонія. Онъ жадно слушалъ симфоніи Бетховена, увертюру «Донъ-Жуана», фуги Баха и «Реквіемъ» Моцарта. Онъ говорилъ, что скоро поѣдетъ въ Италію, для того только, что-бъ опять увидѣть Ватиканъ, галлерею Уфици и музей Бурбоновъ. Еще разъ хотѣлъ онъ взглянуть въ Парижѣ на Венеру Милосскую. Онъ расчитывалъ посѣтить Лондонъ, что-бъ видѣть хоть передъ смертію мраморы лорда Эльджина и фризъ Партенона. Едва ли въ тоже время онъ могъ обдумывать планъ самоубійства или уничтоженія своего литературнаго наслѣдія.

Еслибъ онъ мечталъ о монастырѣ, то ему надо было-бы найдти такой, гдѣ рисуютъ фрески Фра-Анджелико и Панселинъ, гдѣ артисты играютъ гимны Перголеза и Палестрины. Жизнь молчаливаго и угрюмаго аскета, въ обществѣ невѣжественныхъ монаховъ, не могла никогда привлечь его.

Гоголь охотно слушалъ все, что говорилось передъ нимъ, даже то, что было ему не по душѣ, такъ какъ этимъ способомъ онъ изучалъ людей. Въ то время людей посѣщавшихъ общество духовныхъ особъ считали заклятыми ханжами; съ ними говорили исключительно только о религіозныхъ сюжетахъ. Гоголь, напротивъ, былъ того мнѣнія, что съ лицами изъ духовенства можно бесѣдовать о всѣхъ предметахъ, волнующихъ умы. «Духовенство должно жить одними интересами со всѣмъ обществомъ страны», говорилъ онъ. Въ то время духовное сословіе было совершенно замкнутымъ. Однажды Гоголь передавалъ намъ съ своимъ неподражаемымъ юморомъ о посѣщеніи своемъ московскаго митрополита. Онъ засталъ Филарета окруженнымъ ханжами обоихъ половъ, и присутствіе и владыка выносилъ съ евангельскимъ терпѣніемъ. Одинъ изъ присутствующихъ разсказывалъ его высоко-преосвященству о всѣхъ чудесахъ, случившихся въ теченіи года. Митрополитъ слушалъ съ своей тонкой, снисходительной и иронической улыбкой. Черезъ нѣсколько времени онъ прервалъ потокъ краснорѣчія почтеннаго разсказчика этими простыми словами: «какое необыкновенное обиліе чудесъ!» «Вслѣдъ за

тѣмъ, продолжалъ Гоголь, выдвинуто было столько теологическихъ тезисовъ и столько опроверженій ихъ, что мнѣ думалось, не присутствую-ли я на вселенскомъ соборѣ, и невольно я преклонился предъ добротой и терпѣніемъ архипастыря».—«А что-же вы-то дѣлали тамъ»? спросили Гоголя.—«Я наблюдалъ. Весь этотъ народъ такъ и просится на сцену въ новый романъ; вы встрѣтитесь съ ними когда нибудь». Стояли-ли китайской стѣной религіозныя наклонности Гоголя на пути его творчества? Вотъ по моему самый капитальный и существенный вопросъ.

Я лично не думаю, чтобъ это было такъ. Мысль о своей художнической работѣ занимала умъ его такъ сильно, что единственнымъ его опасеніемъ, никогда его не покидавшимъ и незимѣннымъ, была боязнь не успѣть свершить всего того, что онъ задумалъ.

Онъ изучалъ англійскій языкъ, читая Библію и Шекспира, чтобъ имѣть возможность читать потомъ Байрона, Стерна и Фильдинга. Библія съ его отмѣтками, которую онъ читалъ съ моей воспитательницей-англичанкой (говорившей очень хорошо по русски). послѣ его смерти была отослана этому другу нашего дома. Это была женщина во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательная, разносторонне образованная и выдающаяся по характеру. Гоголь очень уважалъ ее, говорилъ съ ней о своей системѣ воспитанія и отзывался о ней, какъ «о восьмомъ чудѣ свѣта, въ которомъ двадцать лѣтъ учительства не убили ни ума, ни сердца, ни воображенія». Онъ прибавлялъ, что у большей части учителей и наставниковъ не достаетъ одушевленія и воображенія, что составляетъ громадный пробѣлъ для того, кто хочетъ воспитывать другихъ. Англійскій Шекспиръ, имъ читанный, и сдѣланный имъ для меня гербарій хранятся и до сихъ поръ у меня.

Послѣднее мое воспоминаніе о Гоголѣ относится къ концу ноября 1851 года. Онъ умеръ въ февралѣ 1852 г. Я свидѣтельствую со всею энергіей, что въ немъ не было никакихъ признаковъ безумія ни въ эту пору, ни раньше. Моя мать, знавшая его долго, горячо возмущалась этою басней, приписывая ее той тайной зависти, которую питаетъ посредственность къ личностямъ исключительнымъ.

Гоголь умеръ отъ случайной болѣзни, на леченіе которой не было обращено вниманія. Онъ до конца жизни сохранилъ силы своего великаго таланта и творчества и смерть его для Россіи было такою-же громадной потерей, какъ смерть Пушкина.

Эти свѣдѣнія г-жи Смирновой о Гоголѣ во всякомъ случаѣ не лишены будутъ значенія для будущихъ біографовъ поэта. Къ литературѣ о Гоголѣ прибавился въ послѣднее время отрывокъ изъ воспоминаній его сетры Е. В. Быковой, напечатанный «Русью». Здѣсь, въ нѣсколькихъ симпатичпыхъ штрихахъ, авторъ «Ревизора» выступаетъ съ интимной стороны родственныхъ отношеній. Самыя записки, не назначавшіяся для печати и написанныя необыкновенно безискуственно и просто, хорошо рисуютъ время и людей 30—40-хъ г. Но нѣтъ все таки до сихъ поръ, послѣ давняго Кулишовскаго, ни новаго собранія писемъ Гоголя (которыхъ съ тѣхъ поръ открыто очень много), ни сколько нибудь тщательнаго изданія его сочиненій.

В. Г—ко.

БУГСКІЕ КОЗАКИ И УКРАИНСКІЕ УЛАНЫ.

(Замѣтки А. С. Пишчевича).

Исторія военныхъ поселеній на сѣверѣ Россіи и мрачная личность творца ихъ графа Аракчеева достаточно разъяснены цѣлымъ рядомъ записокъ, воспоминаній и офиціальныхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ разные годы въ «Русской Старинѣ». Исторія гораздо болѣе многочисленныхъ такихъ-же поселеній на югѣ Россіи, въ губерніяхъ екатеринославской, херсонской, харьковской и кіевской едва лишь намѣчена и кромѣ помѣщенныхъ въ нашемъ изданіи записокъ сенатора А. Я. Стороженка и писемъ генерала Лисаневича къ гр. Аракчееву мы затрудняемся указать что либо болѣе цѣльное и цѣнное въ семъ отношеніи. Тѣмъ съ большею охотою мы даемъ мѣсто сообщенному намъ отрывку изъ Записокъ о семъ-же предметѣ столько уже извѣстнаго читателямъ «Кіевской Старины» А. С Пишчевича. Это голосъ современника и ближайшаго свидѣтеля описываемыхъ произшествій. Онъ говоритъ подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія,—говоритъ съ такою желчью и раздраженіемъ, что нѣкоторыя фразы и слова мы должны были совсѣмъ опустить; но передаваемые имъ факты ничѣмъ не рознятся отъ тѣхъ, которые чертилъ въ своихъ Запискахъ писавшій позже и вообще сдержанный Стороженко, а также тѣхъ, которые выступаютъ въ письмахъ генерала Лисаневича къ Аракчееву, а это еще болѣе подтверждаетъ правдивость сообщеній Пишчевича, не смотря на рѣзкій ихъ тонъ.

Графъ Витъ есть сынъ того графа Вита, который возилъ свою прекрасную жену за главною квартирою князя Потемкина и ею сводничалъ сему вельможѣ: послѣ онъ ее продалъ графу Потоцкому. Теперешній начальникъ украинскихъ козаковъ гр. Витъ первый свой военный подвигъ совершилъ подъ Аустерлицемъ, гдѣ онъ съ кирасирскимъ Ея Величества полкомъ не пошелъ аттаковать французскую колонну, ему назначенную и, ушедъ съ боя съ полкомъ, не мало споспѣшествовалъ потерѣ сей чудной битвы. Теперешняя-же довѣренность къ гр. Виту родилась оттого, что его мать въ великой дружбѣ съ г-жею Нарышкиною (полька, урожденная Четвертинская); вотъ вся причина возвышенія сего графа и вотъ почему выпущена изъ виду аустерлицкая трусость его сіятельства... Сочинитель сихъ записокъ помнитъ сего графа еще мальчишкою въ 1791 г. въ Яссахъ, гдѣ находилась главная квартира кн. Потемкина, когда, по милости своей маменьки, онъ облизывалъ тарелки съ вареньемъ, помнитъ и то, когда вдругъ вся эта банда любострастная выгнана изъ Яссъ, т. е. графиня Виттова съ мужемъ и сыномъ въ Польшу, того ради, что графиня Браницкая (Александра Васильевна, племянница Потемкина) доставила письмо своему дядѣ, въ которомъ графиня Виттова писала одной своей пріятельницѣ: «теперь столбъ Россіи лежитъ у ногъ моихъ».

1817 годъ. Съ начала весны сего года начали поговаривать о поселеніи части арміи въ разныхъ мѣстахъ Россіи, Съ того-же времени опредѣлено въ станицахъ бугскихъ козаковъ, присоединя къ онымъ нѣкоторыя селенія елисаветградскаго уѣзда, привести четыре уланскіе украинскіе полка и поселить, обратя и бугскихъ козаковъ въ уланы. Много изъ сихъ полковъ офицеровъ показалось въ Крюковѣ для пріема аммуничныхъ вещей изъ тамошняго депо, а какъ въ Крюковѣ скучно жить, то въ кременчугскомъ клубѣ, театрѣ, лавкахъ и улйцахъ они ежедневно мелькали. Сіи господа, не бывши никогда въ селеніяхъ, имъ отданныхъ, мечтали обогащаться: они полагали, что селенія сіи изобилуютъ землею, а работниками будутъ уланы и ихъ семейства, а того не вѣдали, что сіи селенія едва имѣютъ столько земли, чтобы достало по числу душъ; они думали заводить конные заводы...

Пока молодость дѣлала счеты на вѣтрѣ, въ Петербургъ потребованъ генералъ-лейтенантъ Г. И. Лисаневичъ для совѣщанія о семъ уланскомъ поселеніи съ гр. Аракчеевымъ, главнымъ изобрѣтателемъ поселеній. Сочли Лисаневича, какъ уроженца сего края, свѣдущимъ всего, до него касающагося. Въ Лисаневичѣ Аракчеевъ увидѣлъ человѣка по себѣ, т. е. довольно глупаго, который слѣпо будетъ исполнять его волю. И какъ теперь на все устраиваются комитеты, то явился уланскій комитетъ, въ которомъ Лисаневичъ—презусъ, обо всемъ относящійся къ гр. Аракчееву, а сей прямо государю. Итакъ, мужикъ изъ Петриковки вышелъ по сей части третья особа въ Россіи [1]). Часть улановъ должна поселиться между бугскими козаками, а часть въ харьковской губерніи. Когда рѣшено было соединить украинскихъ улановъ съ бугскими козаками, тогда четыре украинскіе уланскіе полка приведены были въ Вознесенскъ. Бугскіе козаки сначала рѣшились было ихъ даже не впущать и на квартиры въ свои дома, но наконецъ силѣ не могли противустоять, уланы расположились въ Вознесенскѣ и потомъ разведены по полкамъ и эскадронамъ и по д....мъ [2]) станицамъ. Козаки волновались, Витъ потребовалъ помощи, для которой ему и прислано было двѣ роты артиллеріи и два баталіона пѣхоты. Прежде всего начали приводить въ Вознесенскѣ къ присягѣ, на которую козаки не соглашались, но собравъ ихъ между выставленною артиллеріею, пѣхотою и полкомъ улановъ, несчастные, видя зажженные фитили, видя весь гибельный снарядъ готовымъ грянуть на нихъ, присягнули. Послѣ сего принялись и въ другихъ станицахъ за то-же, и въ другихъ нашли то-же сопротивленіе, а въ нѣкоторыхъ дяже дрались, за что были переколоты, потоплены въ Бугѣ, сѣчены кнутомъ, отосланы въ Сибирь и гнаты были сквозь строй. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ женщины, видя улановъ аттакующими ихъ мужей, бросались всадникамъ на встрѣчу съ младенцами на рукахъ, мня заставить собою гибель, приготовленную ихъ мужьямъ, но сіе ни мало имъ не помогло.........

---

[1]) Лисаневичъ родомъ изъ Петриковки, посада александрійскаго уѣзда. Сей Лисаневичъ во всемъ не тѣхъ Лисаневичей, которые живутъ около Харькова и суть дворяне. Петриковскаго Лисаневича фамилія начально была Лисенко.—*Прим. авт.*

[2]) Слово не разобрано.

Гр. Витъ поручилъ на словахъ генералъ-маіору Громову усмирить волнующуюся Михайловскую станицу. Громовъ потребовалъ письменнаго наставленія и получилъ оное въ такомъ смыслѣ, что ежели козаки словесныхъ убѣжденій не послушаютъ, тогда употребить оружіе. Громовъ съ симъ уѣхалъ изъ Вознесенска, но на дорогѣ былъ нагнанъ посланнымъ отъ Витта, который требовалъ письменнаго наставленія обратно. Посему Громовъ и самъ возвратился въ Вознесенскъ. Тогда уже самъ Виттъ отправился въ Михайловскую станицу, гдѣ, собравъ всѣхъ жителей, требовалъ отъ нихъ послушанія волѣ монаршей, но они отказывались. Тогда онъ прицѣпился къ самому старѣйшему лѣтами козаку и требовалъ, чтобы онъ собою показалъ примѣръ другимъ. Но когда сей сѣдинами покрытый старикъ стоялъ твердо въ томъ, что не посягнетъ дать согласіе, изъ котораго видно будущее бѣдствіе для его сограждавъ, тогда Виттъ, сказавъ: «итакъ, ты будешь примѣромъ служить для другихъ», приказалъ стать баталіону пѣхотному въ строй и тогда 70-лѣтняго старца пустили между шеренгъ къ прогнанію шпицрутеномъ, приказавъ двумъ мушкатерамъ идти предъ нимъ съ примкнутыми штыками, дабы онъ шелъ ровнымъ шагомъ, чтобы всякая лоза коснулась почтенной его спины, а онъ и безъ сего не могъ, по удрученнымъ лѣтамъ, слѣдовать иначе, какъ весьма тихо. Старецъ, видя сихъ предъ собою, сказалъ съ твердостью графу, присутствовавшему при сей сценѣ: «не надобно ихъ предо мною, я пойду такимъ шагомъ, какимъ ваше сіятельство прикажете, и всемогущій Богъ приметъ мой духъ!» Барабаны ударили, трубы затрубили, и старецъ пошелъ на смерть. Не долго надобно было ему ходить: на второмъ разѣ онъ испустилъ духъ. Надобно вообразить себѣ эту горестную картину: удрученный лѣтами мучился подъ ударами, а фронтъ окружаемъ былъ всѣми жителями михайловскими, въ числѣ которыхъ находились сего старца сыны сыновъ и внуковъ.

Лишь сія сцена кончилась, какъ является къ фронту въ полномъ нарядѣ верхомъ бугскій козакъ. Виттъ его спрашиваетъ, зачѣмъ и откуда онъ?—«Я присланъ (отвѣчаетъ всадникъ) изъ другихъ станицъ освѣдомиться, что въ Михайловской станицѣ дѣлается». Виттъ приказалъ его стащить съ лошади и также прогнать сквозь строй: это былъ отвѣтъ на депутацію другихъ станицъ...

Бугскіе козаки опирались на дарованную имъ грамоту Екатерины II, въ которой имъ пожалованы земли въ вѣчное и потомственное владѣніе; отъ сего въ тогдашнее время на лѣвый бугскій берегъ пришло для поселенія въ сіе войско много молдованъ и булгаръ, а къ нимъ присоединили нѣсколько деревень, малороссіянами населенныхъ. Новое положеніе уланскаго поселенія таково, что видимо они дѣлаются крестьянами своихъ начальниковъ, и потому козаки мнятъ, что это превращеніе дѣлается не по волѣ государя, а (что) это затѣи начальниковъ ихъ. Одинъ изъ улановъ сказалъ графу Витту: «когда насъ вели сюда, тогда намъ обѣщали домоводство и покойную жизнь, но мы теперь видимъ, что насъ учатъ регулярной экзерциціи». Таковаго говоруна прогнали сквозь строй.

Для усмиренія поставили въ Михайловскую станицу цѣлый полкъ пѣхоты и досталось на всякій домъ по 15 солдатъ. Эта усмирительная мѣра была самая неблагоразумная, ибо хозяева, подчивая постояльцевъ, сближались съ ними знакомствомъ, и ежели-бы дошло до драки, то, можетъ бѣть, постояльцы, помня хлѣбъ соль своихъ хозяевъ, не пошли-бы противъ нихъ.

Къ числу бунтовщиковъ причисленъ былъ одинъ урядникъ бугскихъ козаковъ, молодой и видный собой человѣкъ, служившій противъ французовъ съ отличіемъ, за что имѣлъ украшенную медалями и георгіевскимъ крестомъ грудь. Его прогнали сквозь строй, причемъ присутствовалъ самъ гр. Виттъ. По окончаніи экзекуціи прикрыли тѣло избитаго урядника его курткою, на которой висѣли знаки монаршей милости. Онъ имѣлъ еще столько духу, что сорвалъ оные, бросилъ ихъ въ глаза гр. Витту съ сими словами: «на что они мнѣ, ежели я ими не могъ себя защитить отъ безчестнаго наказанія?» Это уже было другое преступленіе сего несчастнаго... При сей второй экзекуціи урядникъ..., пока могъ употреблять свой языкъ, то оный былъ на хулу новыхъ постановленій, ругательство начальства... и съ симъ испустилъ духъ свой юный воинъ. Таковые поступки назывались усмиреніемъ бунтовщиковъ и такимъ примѣромъ, конечно, бѣдный народъ присмирѣлъ. Тогда начали ихъ употреблять въ работы на равнѣ со скотомъ: старики долженство-

вали возить на своихъ волахъ камень и лѣсъ на разныя постройки, годные въ службу учились военнымъ оборотамъ, мальчики ходили въ школу; оставались въ домахъ однѣ женщины, съ которыми офицеры и другіе начальники поступали настояще по серальски. Сверхъ всего жители ни въ чемъ не были вольны въ своей собственности, изъ домашняго не могли (ничего) ни для себя употребить, ни продать безъ вѣдома эскадронныхъ начальниковъ. Въ с. Верблюжкѣ, куда вступилъ эскадронъ украинскихъ улановъ, понадобилось поселянину зарѣзать барана для помину умершаго своего сына, но сіе ему было возбранено. Итакъ, худшаго положенія не могло быть, какъ положеніе сихъ воиновъ-поселянъ. Отъ сего злоба козаковъ на улановъ ежедневно возрастала и потому придумали примирить первыхъ съ послѣдними, приказавъ уланамъ жениться на козачьихъ дѣвкахъ. Когда сіе сбылось отчасти, тогда козаки мнили быть покойны съ новыми своими зятьями, но не прошло долгое время, какъ перемѣстили эскадронъ изъ одного селенія въ другое, оставляя женъ у ихъ отцовъ, и вновь пришедшимъ эскадронамъ велѣно также вступить въ новые брачные союзы. И это называлось смѣшивать кровное родство улановъ съ козаками.

Въ 1818 году государь изъ Одессы отправился въ Вознесенскъ. Графъ Виттъ постарался выгладить дорогу до сей уланской столицы какъ нельзя лучше и провесть оную столь-же прямо, какъ стрѣлу. Мгновенно, можно сказать, выкопаны по обѣимъ сторонамъ оной рвы и усажены деревья, хотя и въ маѣ мѣсяцѣ, но не смотря на то, они прозеленѣли, пока императоръ проѣхалъ; послѣ—поблекли, высохли и разобраны чумаками на вареніе кашъ. Но чего стоило сіе минутное украшеніе бугскимъ козакамъ? Козаки ожидали государя съ нетерпѣніемъ и увѣряли себя, что когда они объяснятъ ему все ими претерпѣваемое, то государь отмѣнитъ сіе новое устройство, доводящее ихъ до совершеннаго неустройства. Но гр. Виттъ иначе о семъ мыслилъ: онъ приказалъ для встрѣчи его величества выйти всѣмъ жителямъ на большую улицу, гдѣ они были поставлены—мущины съ одной, а женщины—съ другой стороны, которымъ приказано при проѣздѣ государя кричать: «благодаримъ, тебя, государь, за милости, намъ оказываемыя новымъ устройствомъ! Ты намъ спаситель!» и чтобы сіи слова всякій затвердилъ, то до пріѣзда высочайшаго оные были нѣсколько разъ по-

вторены, а чтобы лучше надъ сей репетиціей наблюдать, поставлены были позади уланы съ палками, которые умѣли ихъ заставить внятно выговаривать заданный имъ урокъ. Государь, можетъ быть, замѣтилъ, какъ и другіе, слезы, проливаемыя избитыми воинами-поселянами, но онъ сіи слезы принялъ за слезы умиленія. Въ тотъ-же день государь обозрѣлъ все вновь заведенное гр. Виттомъ строеніе, какъ-то домъ для пріѣзда его величества, разные цейхаузы и прочія уланскія надобности, которое менѣе, нежели въ годъ выстроено, и все каменное, былъ всѣмъ этимъ чрезмѣрно доволенъ и бдагодарилъ Витта, какъ виновника всего видимаго. При всемъ этомъ купечество и мѣщане г. Вознесенска осмѣлились просить у государя милостиваго воззрѣнія на ихъ состояніе, которые основали сей городъ, завелись домами, а теперь велѣно имъ выходить изъ онаго, по положенію уланскому; оцѣнили ихъ домы въ столь малую сумму, что они по оной не выручатъ и четвертой доли положеннаго капитала. Государевъ отвѣтъ былъ: «ежели вамъ сія оцѣнка не сходна, то вы можете свои домы перенесть туда, гдѣ пожелаете жить, но военное поселеніе непремѣнно надобно оставить». Это были происшествія перваго дня появленія его величества въ Вознесенскѣ, а на другой день послѣ литургіи государь, выйдя изъ церкви, поздравилъ толпившихся около него козаковъ уланами и всѣ тѣ, которые хотѣли ходатайствовать о оставленіи ихъ на прежнемъ положеніи, а особенно помня крѣпко прошлогодній съ ними поступокъ гр. Витта, когда ихъ приводили къ присягѣ, ничего не сказали. Прибывъ въ домъ, представлены были его величеству шесть человѣкъ козаковъ, изъ которыхъ самому младшему было 75 лѣтъ. Гр. Виттъ одѣлъ ихъ въ уланское платье и симъ согбеннымъ старцамъ насунули на головы кивера съ предлинными султанами, а на обшлагахъ ихъ кафтановъ нашили унтеръ-офицерскіе позументы. Гр. Виттъ симъ предпочтеніемъ стариковъ хотѣлъ показать обществу козацкому, сколько онъ уважаетъ старость.

Неспокойствія около Буга и явные бунты въ харьковской губерніи, гдѣ также селились разные полки уланскіе, побудили на нѣкоторое время государя пріостановить дальнѣйшее распространеніе поселеній, тѣмъ болѣе, что во время его проѣзда полуденнаго

края Россіи въ 1818 году во многихъ мѣстахъ встрѣчали его посыланные изъ назначенныхъ подъ поселеніе деревень депутаты съ просьбою помилованія отъ такого счастія. Государь приказалъ пріостановить поселенія до сентября мѣсяца и тѣмъ умы на нѣкоторое время успокоились. Въ маѣ мѣсяцѣ 1819 г. прибывшій изъ Петербурга гр. Виттъ привезъ грамоту бугскимъ и украинскимъ уланамъ и волю государя, чтобы поселеніе оныхъ продолжать. Посему губернаторъ Сенъ-При прибылъ съ гр. Виттомъ на мѣсто и отвелъ еще нѣсколько казенныхъ селеній подъ поселенія, въ томъ числѣ с. Знаменку, населенное великороссіянами и до сего принадлежавшее херсонскому адмиралтейству. Гр. Виттъ обратился съ сею рѣчью къ знаменскимъ жителямъ, увѣрялъ ихъ въ томъ блестящемъ положеніи, въ которомъ они будутъ, когда уланское образованіе придетъ въ предположенное совершенство. А какъ знаменцы крѣпко боялись на счетъ своихъ бородъ, то имъ дано обѣщаніе выбрить бороды однимъ служащимъ, а стариковъ бороды оставить на ихъ мѣстахъ. Говорятъ, что лихое уланское положеніе во многомъ смягчено, какъ-то: половинщиковъ въ хозяйствѣ не будетъ, ѣздить не служащимъ по своимъ промысламъ позволяется повсюду, а между тѣмъ изъ знаменцовъ назначено до 250 человѣкъ работающихъ хорошо топоромъ на разныя постройки въ Вознесенскъ съ заплатою по 10 коп. на день въ такое время, когда посредственный плотникъ на сторонѣ получаетъ по 2 р. въ день. Надобно знать, что на разныя уланскія постройки отпущено гр. Витту 2 мил. рублей: какая изобильная жатва, платя по гривнѣ работнику!

БЕЗСОНОВСКОЕ ТУРАНСТВО МАЛОРОССІЯНЪ.

Въ послѣдней книжкѣ «Чтеній въ москов. Обществѣ ист. и древн. росс.» (II. 1885 г.) появилась обширная статья проф. П. А. Безсонова: «*Мнимый туранизмъ русскихъ*». Ктобы могъ подумать, что въ статьѣ съ такимъ заглавіемъ проводится мысль о туранизмѣ малороссіянъ? Съ перваго разу подумать можно, что тутъ какое-то противорѣчіе. Но въ томъ и дѣло, что авторъ, освобождая отъ туранизма одну изъ главныхъ вѣтвей народности,

навязываетъ его другой. Подумаете, можетъ быть, что солидный мужъ какъ нибудь случайно обмолвился? Ничуть не бывало: онъ доказываетъ туранство малороссіянъ, какъ самъ говоритъ, «съ безпристрастіемъ положительнаго знанія, связаннаго съ достоинствомъ науки» (стр. 134).

Мы не будемъ говорить ни о томъ «спокойствіи», «достоинствѣ и даже свободѣ, съ какими хозяйничаетъ сей почтенный мужъ въ области этнологіи и филологіи, производя напр. финикіянъ отъ финовъ и названія *скифы* отъ глагола *скитаться*, *якуты* отъ слова *Яковъ*, малорусская *хата* отъ египетскихъ *хаттеевъ* и *кушиты* отъ слова *шататься*, ни о томъ патріотическомъ жарѣ, съ какимъ онъ сражается съ заброшенною давно теоріею Духинскаго о туранскомъ происхожденіи великоруссовъ: въ послѣднемъ онъ, кажется, чувствуетъ себя всего менѣе связаннымъ съ «достоинствомъ науки», а только съ достоинствомъ одушевляющихъ его чувствъ. О статьѣ г. Безсонова мы не стали бы и говорить, если бы она отвѣчала только своему заглавію; но дѣло въ томъ, что, отвергая совершенно проникновеніе въ велико-русскую народность какихъ бы то ни было туранскихъ вліяній, онъ силится доказать, что въ Малороссію такія вліянія проникали и даже въ сильной степени. Но даже и не въ этомъ послѣднемъ дѣло, а только въ томъ удивительномъ антитезѣ, какой проводитъ въ своей статьѣ г. Безсоновъ, трактуя о тюркскомъ вліяніи на славянскія народности.

Никто изъ писавшихъ о Малороссіи не отвергалъ вліянія тюркомонгольскаго элемента на южнорусскую народную стихію: г. Голубовскій указывалъ на примѣсь и вліяніе черно-клобуцкаго элемента; на страницахъ «Кіев. Старины» г. Сумцовъ говорилъ о присутствіи восточныхъ, монголо-тюркскихъ элементовъ въ языкѣ и бытѣ маллоруссовъ, а г. И. Житецкій въ статьѣ: *Смѣна народностей въ южной Руси* о всякихъ другихъ, въ томъ числѣ и тѣхъ-же тюркскихъ вліяніяхъ. Съ другой стороны не нужно быть Духинсхимъ, чтобы признавать тѣ-же вліянія и въ національности великорусской. Вліяніе тюрко-монгольское на великоруссовъ и малоруссовъ доказано и археологіей и этнографіей; разсужденія объ этомъ вліяніи настолько хорошо обоснованы въ научномъ отношеніи, что напрасно г. Безсоновъ, съ одной стороны выступаетъ противъ вполнѣ установившагося научнаго мнѣнія, а съ другой проводитъ это

мнѣніе относительно малороссіянъ гораздо далѣе надлежащаго, приплетая сюда и политику, и сепаратизмъ, и прочій публицистическій «жупелъ», некрасивый для профессора, неприличный и для такого изданія, какъ «Чтенія въ Московск. Обществѣ ист. и древ. росс.». Признавая вмѣстѣ съ г. Безсоновымъ «недомысленнымъ и фальшивымъ» направленіе письменности, ищущей тюрко-монгольскаго воздѣйствія на основныя явленія великорусской народности», нельзя не признать крайне «недомысленной и фальшивой» его же попытку навязать туранизмъ, въ смыслѣ происхожденія, малороссіянамъ да еще и западнымъ славянамъ.

Какъ однако развиваетъ и чѣмъ аргументируетъ авторъ эту странную мысль?

Указавъ на то, что черезъ южную Россію проходили разные монголо-тюркскіе народы, г. Безсоновъ усматриваетъ монгольское происхожденіе малоруссовъ въ типахъ лица и характера, указывая три главныхъ ихъ вида. Такъ какъ третій изъ этихъ видовъ есть собственно бѣлорусскій, отличающійся бѣлокурыми волосами, свѣтлыми глазами, бѣлою шапкою, то для характеристики малорусскаго народа остаются два другіе вида, которые онъ ставитъ въ своемъ изложеніи на первомъ планѣ.

«Первый типъ, говоритъ г. Безсоновъ, совершенно «горный» или «горцевскій»; крючковатый съ горбомъ или орлиный носъ; быстрый, сосредоточенный и проницательный взоръ; глаза каріе, густѣющіе до черныхъ; такіе же волосы—русые до черноты, иногда нѣсколько волнистые или съ завитками на вискахъ; вислые усы, сообразная продолговатость лица и сухощавость; у нѣкоторыхъ длиннота головы, такъ что, несомнѣнно, при болѣе внимательномъ изслѣдованіи здѣсь нашли бы многихъ «долихокефаловъ», ближайшихъ къ западнымъ европейцамъ, и отринули бы усвоенный славянамъ. общій будто-бы, «брахикефализмъ»; выдающійся и заостренный подбородокъ, достигающій въ старости, особенно у женщины, формы какбы изогнутой костистой лопатки; ростъ высокій, голосъ густой, переходящій въ прекрасный басъ и т. п.

«Все это относится происхожденіемъ къ доисторическому, первобытному Кавказу, дозволяющему многимъ обозначать индо-европейскій типъ «кавказскимъ», и къ давнему житью въ Татрахъ, гдѣ Русь тѣсно соединялась подъ гегемоніей сербо-хорватской, а пото-

му же типъ сей распространенъ одинаково въ формаціи сербо-хорватской за Дунаемъ. Но не менѣе близко это и къ Удамъ давнимъ и къ Черкесамъ нынѣшнимъ; а встрѣчающійся при этомъ взлизъ лба и откосъ до остроконечной маковки (по выраженію Гоголя—рѣдькой хвостомъ вверхъ) свойственъ наиболѣе китайцамъ съ японцами... Къ тому же первому типу относимъ мы въ характерѣ рѣшительность при случаѣ потребномъ, настойчивость въ достиженіи разъ задуманной цѣли, сдержанность и молчаливость, терпѣливость подъ бѣдою и грозою, но и крѣпкую охрану самостоятельности, и вспыльчивость при рѣзкомъ нападеніи на самостоятельность, и стремленіе къ обособленію, часто крайнему, свойственному родовымъ разсчетамъ кочевья и племени, подрывающему «общину», и нѣкоторую мстительность, соединенную со злопамятствомъ. Если прибавимъ прямой разрѣзной воротъ рубахи на груди и стоячіе воротники, пѣніе думъ, музыкальность и пляску, юморъ и остроуміе, то образъ перваго типа выйдетъ довольно полный.

«Типъ второй выражаетъ себя круглою головою, плоскимъ лицомъ у иныхъ, какъ доска, довольно «смачнымъ» и широкимъ носомъ и, главное, глазами съ разрѣзомъ узкимъ, поперечно растянутыми и на оконечностяхъ стрѣльчатыми (?), да волосами вислыми и тонкими, съ рѣдкими усами. Подобные глаза довольно часты у малороссовъ; они отчасти замѣчались у Гоголя и Бодянскаго. Между прочимъ, судя по портрету, то же самое у одного изъ нашихъ личыхъ предковъ Гедеона Балабана и у потомковъ его, самыхъ близкихъ къ намъ. А курчавыхъ головъ вообще въ Малороссіи и всей южной Россіи встрѣчается рѣдко, тогда какъ въ семъ отношеніи великоруссы крайне выдаются. Съ этимъ сообразны—приземистая натура, лѣнь, отзывающаяся не извѣстною южною, а скорѣе восточною, упрямство и упорство, неповоротливость въ схватываніи передаваемой мысли и въ рѣчахъ, мстительность и злопамятство, соединенныя съ скрытностью, хитростью и значительной обидчивостью, короче съ капризностью, которая спѣшитъ замкнуться въ себя, не напираетъ, а уединяется; голосъ тенористый, переходящій въ козла, и манера взвизгивать при началѣ рѣчи. Этого малорусскаго взвизгиванія рѣшительно нѣтъ ни у кого изъ прочихъ славянъ, а, сколько мы знаемъ, встрѣчается оно лишь между китайцами и японцами. Прибавить сюда крайнюю медленность походки, до воловъ съ ихъ ша-

гомъ и скрипучею телѣгою, да вишневенькій садокъ съ грушами вмѣсто лѣса и парка, да образъ чумака, да припляску, топчась на одномъ мѣстѣ... Этотъ типъ имѣетъ много аналогическаго съ монголизмомъ. Замѣтимъ, кстати, объ отвращеніи къ гвоздямъ въ сапогахъ, обратно великоруссамъ, что объясняется отчасти вязкой почвой подъ ногами, но распростерто по Востоку въ разныхъ папучахъ, туфляхъ, башмакахъ» (131—132).

Въ другомъ мѣстѣ статьи, на стран. 122, г. Безсоновъ къ этой курьезной характеристикѣ малорусскаго туранизма присоединяетъ еще слѣд. слова: «Сюда же относится у малоруссовъ, въ простомъ народѣ, отвращеніе отъ мытья тѣла и бани, *обычай не умываться*, а лишь обтираться мокрымъ полотенцомъ, *не употреблять носовыхъ платковъ и по долгу не сморкаться*».

Risum teneatis amici! Все это было бы дѣйствительно очень смѣшно, если бы не было такъ наивно-невѣжественно и грубо аляповато. Г. Безсоновъ открывающій въ статьѣ свою профессорскую «профессію», на каждомъ шагу говорящій отъ лица «современной науки», съ легкимъ сердцемъ въ понятіе тураиизма вводитъ «вишневенькій садокъ» да еще «съ грушами», «смачный» носъ, голову рѣдькой вверхъ и совершенно чистосердечно къ туранизму относитъ отсутствіе у малорусскихъ мужиковъ «носовыхъ платковъ»· Ученый профессоръ дошелъ даже до того тонкаго наблюденія, что малороссіяне могутъ «по долгу не сморкаться», что они «питаютъ отвращеніе къ гвоздямъ въ сапогахъ». Такая наблюдательность достойна занесенія въ лѣтописи современной университетской науки; и г. Безсоновъ, очевидно, дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ...... учености.

Семенъ Тындытниковъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

Кто не слыхалъ о знаменитой въ свое время кавалеристъ-дѣвицѣ, Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой, служившей въ рядахъ русской арміи въ памятную эпоху наполеоновскихъ войнъ съ Россіей? Помимо указаннаго обстоятельства, имя этой эксцентричной женщины извѣстно было отчасти и въ литературѣ. Въ 1836 г., въ Петербургѣ появи-

лись ея воспоминанія отдѣльной книгой въ двухъ частяхъ [1]), а отрывокъ изъ второй ихъ части былъ въ томъ же году помѣщенъ въ «Современникѣ» Пушкина. «Въ Русскомъ Архивѣ» за 1872 г. напечатана была «Записка А. С. Пушкина къ кавалеристъ—дѣвицѣ Н. А. Дуровой». Полагаютъ, что геніальный нашъ поэтъ интересовался судьбою Дуровой и принималъ дѣятельное участіе въ ея литературномъ предпріятіи [2]). Сообщившій названную записку директоръ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, баронъ Ѳ. А. Бюлеръ въ своей замѣткѣ къ ней передаетъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія о замѣчательномъ авторѣ единственныхъ въ своемъ родѣ воспоминаній.

«Мать Надежды Андреевны Дуровой—дочь помѣщика полтавской губерніи, Александровича; отецъ—отставной военный, родомъ изъ дворянъ вятской губерніи. Въ 1808 г., дѣвица Дурова поступила на службу гусарскимъ юнкеромъ, совершила всѣ компаніи по 1815 г. включительно, получила юнкерскій знакъ Военнаго Ордена и оберъ-офицерскій чинъ. Потомъ вышла въ отставку, но продолжала носить мужское платье, т. е. синій чекмень на крючкахъ, шаровары и фуражку на покрой военный; черные и довольно рѣдкіе волосы ея въ 1836—38 г. были обстрижены по мужскому, и проборъ былъ сдѣланъ съ лѣвой стороны. Отсутствіе усовъ (которые тогда носили всѣ отставные военные) и множество мелкихъ морщинъ на смугломъ и весьма утомленномъ лицѣ, сильно поражали въ ней съ перваго взгляда, такъ что и тотъ, кто и не зналъ бы, что это не мужчина, могъ заподозрить въ этомъ существѣ что-то неестественное.... Портретъ Н. А. Дуровой, находящійся въ изданной въ 1839 г. Смирдинымъ книгѣ: «Сто русскихъ литераторовъ» (стр. 553) при ея статьѣ: «Сѣрный ключъ» (Черемисская повѣсть) довольно похожъ. Еще съ 1812 г. Надежда Андреевна начала называться въ честь императора Александра Павловича, разрѣшившаго ей вступить въ службу, Александромъ Андреевичемъ Александровымъ, а впослѣдствіи корнетомъ Александровымъ» [3]).

---

[1]) Точное заглавіе этой книги слѣдующее: „Кавалеристъ-Дѣвица, Происшествіе въ Россіи. Издалъ Иванъ Бутовскій“. 8⁰, 2 части: т. I, стр. 289; т. II. 292 стр.

[2]) Такое предположеніе дѣлаетъ, и весьма основательно, редакторъ „Русскаго Архива, П. И. Бартеневъ въ своемъ примѣчаніи по поводу помѣщенной „Записки“ А. С. Пушкина къ Н. А. Дуровой.

[1]) „Русскій Архивъ“, стр. 199—201.

Изъ частнаго письма Н. Дурова къ сестрѣ [1]) видно, что родные первое время не знали, куда дѣлась Надежда, а изъ всеподданѣйшаго доклада отъ 28-го сентября 1817 г. объясняется причина ея бѣгства: она принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ своихъ по семейнымъ несогласіямъ. Поступивъ подъ именемъ «Александра Васильева сына Соколова въ конной польской полкъ», она участвовала «во многихъ сраженіяхъ съ непріятелемъ» и только послѣ всего этого извѣстила изъ Гродна своихъ родныхъ о своемъ мѣстонахожденіи. Напавши на слѣдъ безъ вѣсти пропавшей, отецъ и дядя подали прошеніе на высочайшее имя «о возвращеніи имъ сей несчастной».

Какъ изъ замѣтки барона Ѳ. А. Бюлера, такъ и изъ самыхъ воспоминаній Н. А. Дуровой видно, что мать ея была уроженкой с. Великой Кручи, полтавской губерніи, пирятинскаго уѣзда. Дурова вспоминаетъ, какъ она воспитывалась у своей бабушки по матери, Алаксандровичъ, въ с. Великой Кручѣ, какъ она любовалась, бывало, живописнымъ мѣстоположеніемъ этого села, какъ она любила кататься на лодкѣ по многоводной тогда рѣкѣ Удаю, подходившей къ самой усадьбѣ. До сихъ поръ сохранилась часть той «камяницы» (каменнаго домика), въ которой провела свои дѣтскіе и юношескіе годы Надежда Андреевна.

С. Великая Круча (въ 7 верстахъ отъ г. Пирятина по большой дорогѣ въ г. Лубны) дѣйствительно одно изъ красивѣйшихъ селъ уѣзда. Оно живописно раскинулось по правому берегу р. Удая, попеременно то отлогому, то крутому (отсюда, вѣроятно, и названіе села), обрывистому; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по склону растутъ различныя породы деревьевъ и между прочимъ вѣковые дубы. Если взойти на крутизну, то глазамъ представляется громадный ландшафтъ верстъ на 15 и болѣе: посрединѣ вьется широкой синей лентой р. Удай, по берегамъ зеленѣютъ тамъ и сямъ лѣски, среди нихъ выдѣляются, то вполнѣ ясно, то въ неопредѣленныхъ контурахъ старыя козацкія села: Повстинъ, Куринька, Шкураты, Деймановка, Прихидьки, Харковцы и новыя поселенія: Малая Круча и Высокое; на краю горизонта синѣютъ уже взгорья лохвицкаго и лубенскаго уѣздовъ съ поросшими лѣсомъ оврагами.

---

[2]) Тамъ-же, стр. 2043.

Время основанія села Великой Кручи неизвѣстно; занятыя имъ теперь земли съ 1689 г. принадлежали къ владѣніямъ лубенскаго полковника Леонтія Свѣчки [1]). Въ срединѣ XVIII в. эта часть владѣній Свѣчки досталась Ильѣ Андреевичу Александровичу, прадѣду Н. А. Дуровой, женившемуся на внучкѣ этого полковника; сынъ Ильи Иванъ (сперва бунчуковый товарищъ, позднѣе подкоморій лубенскаго повѣта) въ 1757 году построилъ въ с. Великой Кручѣ деревянную церковь въ честь св. Іоанна Богослова. По обязанностямъ ли службы, или по другимъ причинамъ, онъ постоянно жилъ въ г. Пирятинѣ, а съ 1787—88 гт. переселился въ Великую Кручу, гдѣ умеръ въ началѣ 1790 г. и похороненъ въ построенной имъ церкви, замѣненной спустя 8 лѣтъ небольшою каменною, на мѣстѣ которой, въ началѣ 50-хъ годовъ, возведенъ красивый каменный храмъ [2]).

И такъ, дѣдъ Н. А. Дуровой, по матери, былъ лубенскій подкоморій (полковой казначей), Иванъ Ильичъ Александровичъ. Онъ былъ женатъ на Евфросиньи Григорьевнѣ Огроновичъ [3]) и имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей—Варѳоломея и Порфирія и пятерыхъ дочерей, изъ которыхъ Ульяна умерла дѣвушкой, а замужнія были: Прасковья Остроградская, Александра Значко-Яворская, Евфросинья Бутовская и Надежда Дурова, мать дѣвицы кавалеристъ [4]).

Родители Н. А. Дуровой вступили въ бракъ при самой романической обстановкѣ. Въ 80-хъ XVIII ст. въ Пирятинѣ стоялъ кавалерійскій полкъ, въ которомъ служилъ между прочимъ бѣдный вятскій дворянинъ Андрей Дуровъ. Офицеры посѣщали семейство Александровичей, Дуровъ влюбился въ одну изъ дочерей, Надежду Ивановну, и вскорѣ сталъ пользоваться взаимностью. Родители молодой дѣвушки, гордившіеся своею принадлежностью къ старшинѣ, не согласились выдать дочь за неизвѣстнаго, бѣднаго офицерика. Между тѣмъ взаимпая привязанность молодыхъ людей все болѣе

---

[1]) Кіев. Стар., т. III, стр. 253, 255 и 257.

[2]) Полтавскія Епарх. Вѣдом. 1883 г., № 9, стр. 439 и слѣд.

[3]) О родѣ Огроновичей см. Кіев. Стар., т. III, стр. 255 и т. VIII, стр. 51, прим. 3, въ статьяхъ А. М. Лазаревскаго.

[4]) См, Кіев. Стар., т. II, стр. 782 и 783.

крѣпла и они рѣшились бѣжать и обвѣнчаться безъ родительскаго благословенія. Когда прошелъ первый пылъ любви и появился на свѣтъ плодъ ея—Надежда, молодожены должны были подумать о средствахъ къ дальнѣйшему существованію, такъ какъ у жены ничего не было, а у мужа была лишь маленькая деревенька Вербовка, сарапульскаго уѣзда, вятской губерніи. Не было иного выхода, какъ ѣхать въ Кручу и просить прощенія за свой проступокъ. Горячее раскаяніе и печальное матеріальное положеніе молодой четы смягчило родителей и они дали свое благословеніе. Проживши нѣкоторое время въ Великой Кручѣ, Дуровы уѣхали обратно въ вятскую губернію, оставивши свою дочь на воспитаніе у бабушки. Маленькая Надежда была очень некрасива, но за то своею привѣтливостью и скромностью расположила къ себѣ всю семью Александровичей; особенно подружилась она со своей двоюродной сестрой, красавицей Домникіей Порфирьевной, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Исаевича. Надежда Андреевна жила въ Великой Кручѣ лѣтъ до 17, когда ее взяли къ себѣ родители. Послѣ этого она уже болѣе не пріѣзжала въ Великую Кручу, съ которой связаны воспоминанія ея дѣтства и юности.

Н. В.

АЛЬБОМЫ И РИСУНКИ ШЕВЧЕНКА ВЪ СОБРАНІИ В. В. ТАРНОВСКАГО.

Обширное и богатое собраніе южно-русскихъ древностей Вас. Вас. Тарновскаго, хранящееся въ имѣніи его Качановкѣ, въ борзенскомъ уѣздѣ черниговской губерніи, заключаетъ въ себѣ массу предметовъ, любопытныхъ для изучающаго южно-русскій край. Собранное съ любовью и большими затратами, оно особенно цѣнно въ отдѣлахъ предметовъ боеваго быта, клейнодовъ и знаковъ власти, старинныхъ вышиваній и вещей домашняго обихода малорусской старшины. Галлерея портретовъ южно-русскихъ историческихъ лицъ (около ста нумеровъ) заключаетъ въ себѣ двѣнадцать оригиналовъ (нѣкоторые очень замѣчательны) и нѣсколько интересныхъ копій съ достовѣрныхъ портретовъ. Собраніе оружія можетъ похвалиться хорошимъ подборомъ вооруженій, бывшихъ въ ходу въ козацкомъ быту,

и малороссійскими пушками глуховскаго завода. Всѣ эти драгоцѣнности нуждаются, безъ сомнѣнія, въ спеціальномъ изученіи и описаніи. Мы остановимся только на одномъ изъ маленькихъ уголковъ этого собранія, на этюдахъ и рисункахъ Шевченка, лица тоже историческаго.

Въ молодости своей малороссійскій поэтъ былъ не разъ гостемъ Качановки. Здѣсь, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, жилъ ближайшій другъ его, знаменитый впослѣдствіи живописецъ Штернбергъ. И самъ онъ знакомъ былъ съ тогдашнимъ владѣльцемъ этого имѣнія, извѣстнымъ Г. С. Почекою-Тарновскимъ, отъ котораго Качановка перешла по наслѣдству къ нынѣшнему ея владѣльцу. Въ построенномъ Румянцевымъ обширномъ качановскомъ домѣ текла тогда жизнь совсѣмъ во вкусѣ крѣпостныхъ временъ, съ оркестромъ изъ крѣпостныхъ людей, съ таковымъ-же театромъ, съ шумными, многодневными съѣздами сосѣдей. Впечатлѣнія этой жизни не могли не отразиться болью въ душѣ пѣвца народа и вызвали нѣсколько горькихъ страницъ въ его воспоминаніяхъ, облеченныхъ въ форму одной изъ его прозаическихъ повѣстей [1]). Въ качановскомъ паркѣ есть площадка возлѣ стараго дуба, гдѣ сходились крѣпостные артисты и прислуга въ свободныя вечернія минуты. Участникомъ этихъ собраній былъ всегда Шевченко. Тамъ, на этихъ сходкахъ рабовъ, онъ говорилъ по душѣ и плакалъ.

Послѣ многихъ лѣтъ, послѣ петербургской жизни и ссылки, поэтъ, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, посѣтилъ вновь Качановку. Отъ чада старой жизни не осталось здѣсь и слѣда. Вмѣсто прежняго снисходительнаго покровительства, онъ встрѣтилъ просвѣщенное вниманіе, на него смотрѣли не какъ на способнаго малаго, но все же «хама», а какъ на народную славу. Нынѣшняя коллекція тогда уже зарождалась и хозяинъ ея попросилъ Шевченка написать нѣсколько строкъ, въ видѣ автографа, на память. Передъ поэтомъ, сквозь розовую дымку молодыхъ воспоминаній, мелькнуло прошлое, на листкѣ зеленой бумаги онъ написалъ только двѣ строчки изъ какой то своей поэмы:

И стежечка, де мы ходыли,
Колючимъ терномъ поросла...

---

[1]) „Музыкантъ“.

Въ качановскомъ собраніи Шевченку принадлежатъ двѣ картины красками, альбомы этюдовъ, путевые наброски и виды и собственноручно сдѣланный въ молодыхъ годахъ портретъ карандашемъ. Всѣ эти произведенія добыты или отъ самаго поэта или отъ ближайшихъ къ нему людей и подлинность ихъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Одна изъ картинъ изображаетъ сцену изъ «Катерины». Злополучная скиталица, съ ребенкомъ на рукахъ, покидаетъ родное село и оглядывается въ послѣдній разъ на вербы, мельницы и сидящаго на царинѣ дида.

Вторая—портретъ Кочубея, превратившійся просто въ этюдъ малоросса. Портретъ этотъ былъ заказанъ Шевченку однимъ изъ представителей этой фамиліи, но почему-то онъ не кончилъ его, а предпочелъ передѣлать просто въ типъ пожилаго малоросса. Небольшой карандашный портретъ поэта очень замѣчателенъ. Онъ представленъ здѣсь лѣтъ 25—6. Здѣсь нѣтъ и тѣни той условности, которой отличается изданный нѣсколько лѣтъ портретъ Шевченка, также въ молодости, задрапированнаго въ плащъ, съ театральнымъ поворотомъ головы. Портретъ очень простъ и выразителенъ, глаза полны ума.

Первый изъ альбомовъ—тетрадка въ 28 листовъ картона, въ продольную осьмушку, въ обтертомъ коричневомъ переплетѣ.

На внутренней обложкѣ, съ одной стороны, среди головокъ и набросковъ, замѣтка рукою Шевченка: «когда смѣлое предпріятіе оказалось удачнымъ, оно перестаетъ уже быть невозможнымъ». На другой—стихъ 13 изъ 87-го псалма: «Егда познани будутъ во тмѣ чудеса твоя и правда твоя въ землѣ забвенній»... и отрывки изъ пѣсень. Альбомъ относится къ 1843 году.

Онъ начатъ, вѣроятно, въ Петербургѣ. На листкахъ зачерчены маленькіе рисунки, сцены, этюды, головки, типы, какъ это водится всегда у художниковъ, все большею частью карандашемъ, многое стерлось.

Вотъ маленькій набросокъ женщины съ дѣвочкой, въ дорожномъ платьѣ, съ дорожной клюкой въ рукахъ, прислонившейся около дерева; николаевскій солдатъ съ ружьемъ, барышня 40-хъ годовъ, булочники, какая-то сцена въ трактирѣ, арестъ какого-то бородача, молодой человѣкъ, лежащій на постели, съ книгою въ рукахъ, солдатъ верхомъ, голова лошади, фигуры въ ракурсѣ... Потомъ,

какъ-бы переходъ, переѣздъ на югъ. Дорога, обсаженная деревьями, этюды деревьевъ, и дальше идутъ малороссійскіе типы и лица. Первая сцена: два крестьянина сидятъ на землѣ за пляшкой и чаркой, одинъ частуетъ другого. Подпись: «Куринь Стрючка», какое нибудь дорожное воспоминаніе. Слѣдуютъ за тѣмъ фигуры парубковъ и дальше маленькій портретъ въ профиль стараго крестьянина, съ длинной бородой, крючковатымъ носомъ, съ нависшими бровями, въ кобенякѣ. Подпись: «батько Шевченка» (по указанію самаго Ш-ка)." Едва зачерчены—набросокъ Кіева съ Днѣпра, бабы въ намиткахъ, довольно выконченный пейзажъ съ хатой и деревьями. Идутъ дальше: этюды для двухъ композицій «Живописной Украины», нѣсколько разъ повторенные типы старостъ, сватовъ, парубковъ, солдата, набросокъ «Судной Рады». Типы для «сватовъ» очевидно всѣ дѣланы съ натуры.

За этимъ нѣсколько листовъ исписано стихами. Это все народныя пѣсни, записанныя во время странствованій. Тутъ хорошій и сжатый варіантъ пѣсни о Бондаренкѣ:

Въ Макаровѣ славномъ мѣстѣ пророчисте свято,
Вже-жъ нашого Бондаренка у неволю взято.
Ца повезли Бондаренка въ Чернобыль до миста,
Поставили Бондаренка да й у колодиска,
Да послали Бондаренку соломы въ головки.
— Не стелить мени, вражи сыны, соломы въ головки,
Да постелить, вражи сыны, жидивски подушки!"
Да повезли Бондаренка въ поле до крыныци,—
„Ой оддавай, вражый сыну, янчарки й рушныци!"
Да вдарився Бондаренко объ колоду бокомъ,
Тоди сказавъ Бондаренко: „се вже не знарокомъ!"
Межигорье, на Днѣпрѣ 1843 г. іюня 13.

Полустерта, къ сожалѣнію, пѣсня о Паліѣ и Мазепѣ. Отчетливо мелькаютъ только отдѣльныя строчки послѣ того мѣста, гдѣ царь велитъ выпустить Палія изъ темницы:

Ой ище хмиль зелененькій зъ земли вытыкався,
А вже Палій, а вже Семенъ зъ Шведомъ воёвався.
А уже хмиль зелененькій схилывся до долу,—
Не пускае Семенъ Палій а Шведа до дому....
, ...
Якъ зійшовъ Палій Семенъ на высоку могилу,
Стийте, братци, не лякайтесь, ще-жъ я не загынувъ!...

Послѣ этой, идетъ извѣстная превосходная пѣсня о чужинѣ: «Все луги, все береги, ниде воды да напитися»..., съ ея поэтич-

нымъ концемъ: «Не вси тіи сады цвитуть, що весною розвиваютця, не вси тіи винчаютця що люблятця та кохаютця»—и подписью: «13 іюня, въ ночи на плоту на Днѣпрѣ, противъ Межигорскаго монастыря».

Кончается альбомъ наброскомъ сцены какой-то университетской лекціи; студенты въ мундирахъ и профессоръ, анатоміи надо думать,—толкующій что-то съ каѳедры съ костью въ рукахъ. На послѣднемъ листкѣ опять малороссійскія сцены.

Второй альбомъ—дорожный альбомъ Шевченка, какъ рисовальщика кіевской археографической коммисіи (относится онъ, вѣроятно, къ 1844 году). Онъ того же формата, заключаетъ въ себѣ рисунки карандашемъ, акварелью и сепіей, которые идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Густынскій монастырь. Видъ главнаго храма до «реставраціи», съ повалившимися крестами[1]). 2) Брама въ Густынѣ,—полуразразрушенныя ворота, надъ которыми была церковь св. Варвары, построенная прилуцкимъ полковникомъ Горленкомъ. 3) Церковь во имя св. Михаила, въ Переяславѣ. 4) Вознесенскій соборъ въ Переяславѣ, построенный гетманомъ Мазепой. Видъ извнутри двора. 5) Покровская церковь въ Переяславѣ, построенная полковникомъ Мировичемъ. Это—жанровая картинка: раннее утро, баба отворяетъ ставни въ домѣ, идутъ евреи, свинья переходитъ черезъ лужу. 6) Андруши (село подъ Переяславомъ, принадлежащее полтавской архіерейской каѳедрѣ). Видъ съ гребли. 7) Еще Андруши. Архіерейскій домъ съ боку. 8) Комора въ селѣ Потокахъ. Старосвѣтская постройка оригинальной архитектуры, въ полтора этажа. 8) Могильные кресты въ Субботовѣ, массивные, каменные, ушедшіе въ землю, съ закругленными углами. 9) Мотринъ монастырь. 10) Чигиринскій монастырь (дѣвичій). 11) Полуразрушенная каплица (безъ помѣтки). 12) Богдановы руины въ Субботовѣ—развалины дома Хмельницкаго и построенной имъ церкви. 13) Богданова церковь въ Субботовѣ. 14) Чигиринъ, зъ Субботовского шляху—жалкое село, напоминающее своимъ видомъ невольно стихи Шевченка: «Чигирине, Чигирине, все на свити гине»... 15) Хата надъ Днѣпромъ. 16) Вьюнище (село переяславскаго уѣзда). Внутренность панскаго двора. 17) Хата въ переяславскомъ уѣздѣ.

[1]) Интересующихся подробностями художественныхъ экскурсій поэта отсылаемъ опять къ повѣсти „Музыкантъ“, изданной въ газетѣ „Трудъ“.

18) Въ Густыни—зимняя церковь, перестраивающаяся. 19) У Васыливци. Какая-то не то колокольня, не то ворота и дворъ, заросшій деревьями.

Изданіе, по своей рѣдкости почти равняющееся подлиннымъ рисункамъ, «Живописная Украина», имѣется также въ Качановской коллекціи. Подъ редакціей Шевченка вышелъ всего одинъ выпускъ этого альбома въ Петербургѣ въ 1844 году. Это большая тетрадь отдѣльныхъ листовъ рисунковъ eau forte in 2°. На оборотѣ обложки читаемъ:

Въ составъ изданія входятъ слѣдующіе предметы:

1. Виды, по красотѣ или по историческимъ воспоминаніямъ примѣчательные: храмы, укрѣпленія, курганы и все, что время пощадило.

2. Народный бытъ настоящаго времени—обычаи, обряды, повѣрья, суевѣрія, сказки и пѣсни.

3. Историческія важнѣйшія событія отъ Гедимина до уничтоженія гетманства и краткое описаніе картинъ на языкахъ южно-русскомъ и французскомъ.

Въ 1845 году выйдутъ картины слѣдующія:

1. Виды. Чигиринъ, Суботове, Батуринъ, Покровская Сѣчевая церковь.

2. Похороны *молодои* (невѣсты). „Ой ходывъ чумакъ симъ рикъ до Дону" (пѣсня), Перезва (свадебный обрядъ) и Жнива.

3. Иванъ Подкова въ Львовѣ. Сава Чалый. Павло Полуботокъ въ Петербургѣ. Семенъ Палій въ Сибири.

Цѣна за 12 картинъ 5 рублей серебр. Продается и подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Варшавѣ, въ Харьковѣ, въ Полтавѣ, въ Черниговѣ и въ Одессѣ.

Картины перваго выпуска исполнены всѣ eau forte. Ихъ шесть.

1. *Судня рада*—сходка подъ хатою. Отаманъ сидитъ на присьбѣ, народъ стоитъ кругомъ въ разныхъ положеніяхъ. Подпись: «Отаманъ сбира на село громаду, колы що трапытця незвичайно, на раду и судъ, коло оранды, або на майдани. Громада, порадывшы и посудывшы добре и давшы миръ ворогамъ, чи то кару, росходытця, пьючи по чарци позвовои».

2. *Дары* въ Чигрыни 1649 року. Въ Богдановой свѣтлицѣ, у стола, на которомъ разложены подарки, ждутъ гетмана послы московскій, польскій и турецкій. Стража изъ козаковъ стоитъ у дверей, ожидаютъ появленія Хмельницкаго. Крайніе отдаютъ уже честь, гетманъ сейчасъ долженъ войдти. Подпись: «Изъ Царыграда, изъ Варшавы и Москвы прибували послы зъ великимы дарамы еднать Богдана и народъ украинскій, уже вольный и сыльный. Султанъ, окроме велыкого скарбу, прыславъ Богданови червоный оксамытовый жупанъ

на горностаевій хутри, на шталтъ княжой порфиры, булаву и шаблю. Одначе рада (опрыче славнаго лыцаря Богуна) прысудыла еднать царя московского».

3. *Старосты.* Картина изображаетъ моментъ подачи невѣстой рушниковъ, почти всѣ фигуры находятся въ этюдахъ въ альбомахъ Шевченка. Этотъ рисунокъ отличается превосходнымъ освѣщеніемъ. Приводимъ подпись, для образца, въ оригиналѣ и переводѣ:

Покохавшись лито чи то два парубокъ зъ дивчиною, роспизнавши и уподобавши одно другого, парубокъ до дивчиного батька и матери посылае старостивъ, людей добромовыхъ и на таку ричъ дотепныхъ. Колы батько и маты поблагословлять, то дивчина, перевязавшы старостямъ рушныкы черезъ плечи, подае заручѳному своему на тарильци або крамну, або самодильну хустку.

„Un jeune homme, apres une cour, faite pendant une année ou deux a une demoiselle, autant pour se faire apprecier, que pour se persuader des bonnes qualitees de la demoiselle, envoye aux parents de celle-ci et avec son agrement la demande en mariage. Les porteurs de la demande, qui prennent le nom des starostis, sont d'ordinaire des hommes influants et des beaux diseurs. S'ils reussissent a faire agreer la demande, la pretendue leurs passe à chacun un essuie-main sur l'epole droite, en guise de cordon; puis elle fait venir le pretendu et lui offre un mouchoir brode le plus souvent des ses propres mains".

4. *Выдубецкій манастыръ* у Кыиви.

5. *Казка*—солдатъ и смерть. Солдатъ на костылѣ присѣлъ на дорогѣ возлѣ сельскихъ мельницъ. Возлѣ него смерть съ косой, скелетъ, въ намиткѣ, запаскѣ и плахтѣ. Солдатъ подноситъ ей рожокъ съ табакомъ. Подпись:—«а видкиля и куды Богъ несе, господа москалю, и де табачку бралы? Чи не зъ чемерычкою часомъ? Бо мы васъ знаемо, поддобрики!—Изъ самои Расѣи идемъ на тотъ свѣтъ, сударыня смерть. А табачокъ истинно лубенскій»... Мотивъ этой извѣстной народной сказки выбранъ необыкновенно счастливо. Во всей композиціи, отмѣченной глубокимъ, гольбейновскимъ сарказмомъ, выражена прекрасно эта иронія смерти, любовницы солдата и смиренная, незлобивая покорность судьбѣ воина.

6. *У Кыивы.* Приднѣпровскій видъ: берегъ съ вербами.

Отдѣльная пачка картинокъ, присланныхъ изъ ссылки, содержитъ въ себѣ: виды новопетровскаго укрѣпленія, сцены и виды въ

пустыни, рисованныя вѣроятно во время извѣстной экспедиціи Бутакова, въ которой принялъ участіе Шевченко въ качествѣ рисовальщика. Тоской и безжизненностью вѣетъ отъ изображеній тѣхъ мѣстъ, гдѣ прошли эти грустные годы въ жизни поэта. Такъ и повторяешь слова изъ его письма: «тамъ горе, степи, а въ степяхъ казармы, а въ казармахъ салдаты» и представляешь себѣ его между ними.

В. В. Тарновскому принадлежатъ и гравировальныя доски двухъ изъ указанныхъ композицій: «Судной Рады» и «Сватовъ». Онѣ хорошо сохранились и могли-бы дать еще удовлетворительные оттиски. Если-же состоялось-бы когда нибудь изданіе fac simile рисунковъ Шевченка, то описанные здѣсь альбомы не должны быть оставлены безъ вниманія.

В. Горленко.

ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ И ПО ПОВОДУ ЕГО.

«Въ 1-й книжкѣ «Кіевской Старины» сего года (стр. 206—208) напечатанъ очень интересный и живой разсказъ о посѣщеніи Гоголемъ гадячской ратуши въ 1833 или 1834 году, вмѣстѣ съ тогдашнимъ полтавскимъ губернаторомъ. При этомъ авторъ замѣтки ласково дѣлаетъ мнѣ запросъ, не могу-ли я разъяснить обстоятельствъ этого посѣщенія. Какъ молчать, когда рѣчь зашла о Гоголѣ!? Съ полной охотою сообщаю все то, что знаю навѣрное и что думаю объ этомъ.

I. Губернаторомъ въ Полтавѣ былъ въ то время *Пав. Ив. Могилевскій*, назначенный изъ черниговскихъ губернаторовъ 1828 г. іюля 15, а умершій въ Полтавѣ 1840 г. августа 22. Стало быть, въ годы 1833—34 онъ не былъ *новоназначеннымъ*, какъ разсказывалъ автору замѣтки старожилъ-очевидецъ, и трепетать предъ нимъ до такого самозабвенія не было никакого повода.

II. Гоголь вовсе не былъ на родинѣ ни въ 1833, ни въ 1834 году, а пріѣзжалъ туда лѣтомъ 1832. Послѣ четырехлѣтней разлуки съ горячо-любимой матерью и сестрами, да еще при хиломъ здоровьѣ и разстройствѣ желудка, на что онъ то и дѣло жаловался въ письмахъ того лѣта къ Погодину, едва-ли у него была возмож-

ность пускаться въ разъѣзды съ губернаторомъ. Отношенія его къ губернатору Могилевскому мнѣ неизвѣстны, но онъ оберегаетъ отъ нихъ свою мать (т. V, стр. 163, изд. 1851 г.), и потому едва-ли эти отношенія могли быть близки до того, чтобы разъѣзжать съ губернаторомъ на ревизію; при этомъ надо вспомнить, что такое были *тогдашніе* губернаторы!.. Былъ Гоголь на родинѣ и въ 1835 г., но каковъ онъ былъ тогда, объ этомъ разсказываетъ намъ Максимовичъ въ своихъ «Письмахъ о Кіевѣ» (Спб. 1871 г., стр. 55).

Въ 1838 году Гоголь писалъ своему другу А. С. Данилевскому между прочимъ вотъ-что: «по нѣсколькимъ нечаянно сказаннымъ словамъ въ письмѣ маменьки, я могъ также замѣтить, что *мои соотечественники*, т. е. *полтавской губерніи*, *терпѣть меня не могутъ*» (т. V, стр. 354).—Какъ хотите, но въ числѣ этихъ соотечественниковъ мнѣ яснѣе видится губернаторъ, чѣмъ въ гадячской ратушѣ.

III. Ничего подобнаго, ни даже намека на это событіе я не встрѣчалъ ни въ одной изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ; ничего подобнаго не слыхалъ я и отъ М. А. Максимовича, дружески знавшаго Гоголя съ октября 1832 года. Думается далѣе, что какъ-бы ни были просты наши *отцы*, но не такіе-же они были дурни, чтобы ломать такую комедію. Могъ-ли какой-то перепуганный *докладчикъ* говорить длинный рапортъ наизусть? Что могло быть смѣшного въ этомъ рапортѣ или въ манерѣ его произношенія? Если человѣкъ струсилъ до жалости—что тутъ смѣшного? Могъ-ли Гоголь, обыкновенно недовѣрчивый, сдержанный, не владѣть собою на столько, чтобъ «*зареготаться на всю ратушу?*» Далѣе—я помню старыя ратуши, въ нихъ были ратманы, бургомистры; въ случаяхъ важныхъ ихъ представлялъ городской голова; вотъ кому слѣдовало подавать рапорты, въ первую встрѣчу съ губернаторомъ, а не какому-то докладчику... Въ концѣ концевъ, если и было что нибудь подобное, то безъ сомнѣнія не съ Гоголемъ, а съ кѣмъ нибудь другимъ, а къ Гоголю оно ужъ отнесено, какъ обыкновенно комическое приписывается комику. Если-бы это было съ Гоголемъ и такъ сильно позабавило его, онъ-бы непремѣнно вывелъ это въ своихъ произведеніяхъ, эскизахъ, записныхъ книжкахъ,—а то нигдѣ ни словечка!»...

С. Пономаревъ.

Помѣщая съ признательностію эту выдержку изъ письма почтеннѣйшаго нашего библіографа, такъ сочувственно отозвавшагося на сдѣланное обращеніе къ нему, не можемъ не отвѣтить ему на сдѣланныя имъ возраженія противъ сообщеннаго г. Луговымъ факта,—мелочнаго, случайнаго, но получающаго интересъ отъ личности великаго писателя, къ которому онъ относится.

Благодаря вашей, многоуважаемый Степанъ Ивановичъ, удивительной пунктуальной точности и обилію свѣдѣній въ такомъ микроскопическомъ фактѣ, какъ обстоятельства, соприкосновенныя съ фактомъ посѣщенія Гоголемъ гадячской ратуши, мы узнаемъ, кто былъ тогда на родинѣ Гоголя губернаторомъ, когда онъ туда назначенъ и даже когда умеръ. Но мнѣ кажется, что именно эта точность ваша и мѣшаетъ вамъ признать вѣрность факта, переданнаго свидѣтелемъ-очевидцемъ, а ея, уже *лѣтъ ради*, нельзя требовать отъ разсказчика очевидца. Мало-ли чего мы не удерживаемъ въ памяти! Иногда чрезъ небольшой промежутокъ времени мы не можемъ припомнить имени, отчества и фамиліи лица близко знакомаго. Да что говорить? Былъ такой дѣйствительный случай. Къ одному многосемейному протоіерею зашелъ въ домъ, во время проѣзда по епархіи, архіерей. У о. протопопа было свыше 10 дочерей и одинъ сынъ—всѣ малъ-мала меньше. Высыпала вся эта каша къ преосвященному подъ благословеніе. Тотъ любовно смотритъ на этотъ виноградъ и ласково спрашиваетъ счастливаго отца: «да много-ли ихъ у васъ?» Отецъ долго посматривалъ то на дѣтей, то на худенькую и маленькую свою жену, замялся какъ-то, покраснѣлъ до ушей и наконецъ отвѣтилъ: «ей, ей, владыко, не считалъ»! Послѣ этого факта не удивляйтесь, что человѣкъ въ лѣтахъ, *множае* которыхъ *трудъ и болѣзнь*, не помнитъ точно года, въ которомъ извѣстный губернаторъ ревизовалъ ратушу, спутываетъ даже, былъ-ли этотъ губернаторъ *ново*-назначеннымъ или недавно назначеннымъ. Онъ и въ ту пору не зналъ, конечно, того, что этотъ губернаторъ былъ назначенъ *15 іюня 1828* года. Говоритъ онъ: *1833 или 1834 г.*, а по вашему выходитъ, что Гоголь былъ на родинѣ, а слѣд. могъ быть и въ Гадячѣ, въ 1832 и 1835 г. Ну, значитъ старикъ ошибся на одинъ годъ и только. Но онъ помнитъ фактъ, его существенныя черты,—какая надобность въ мелочахъ?

Не могъ-бы, думается вамъ, *не* новоназначенный губернаторъ навести такой страхъ? Но, скажу вашими-же словами, «надо вспонить, что такое были тогдашніе губернаторы»... Чувство страха пробудить въ насъ не трудно; это чувство у насъ традиціонное, чуть не прирожденное; оно воспитывалось въ насъ вѣками; его нерѣдко смѣшивали даже съ страхомъ Божіимъ, совсѣмъ забывая, что это только страхъ человѣческій...

Гоголь, говорите, въ 1832 году страдалъ желудкомъ?.. Страдаютъ этою частію и многіе люди, и однако при случаѣ ѣздятъ, хотя и не съ губернаторомъ. Извѣстно, болѣзнь временная и совсѣмъ не угрожающаго свойства.

«Отношенія Гоголя къ губернатору Могилевскому вамъ неизвѣстны, но онъ, говорите, оберегалъ отъ нихъ свою мать».—Кому не случалось ѣхать подъ часъ съ человѣкомъ совсѣмъ непріятнымъ? Но ѣдете, жертвуя иногда мелочью для болѣе важнаго, а иной разъ потому только, что такъ какъ-то случилось. Я зналъ даже случай, что смотритель и инспекторъ одного училища (давно правда это было) ѣхали на одной, совмѣстно нанятой, подводѣ жаловаться другъ на друга по начальству. Но это было намѣренно и по предварительному уговору. А вѣдь Гоголь могъ ѣхать съ губернаторомъ при отношеніяхъ неопредѣленныхъ, и не то, что по губерніи, а такъ до извѣстнаго пункта, вслѣдствіе случайнаго напр. упоминанія имъ въ разговорѣ о задуманной поѣздкѣ въ ту-же сторону, куда и губернаторъ ѣхалъ, и любезно сдѣланнаго послѣднимъ предложенія. Не даромъ и г. Луговой, говоря объ этой поѣздкѣ, ставитъ вопросъ о томъ, была-ли она напередъ условленною или случайною. Случайное происходитъ именно внѣ всякихъ правилъ и соображеній. Случалось, можетъ быть, и вамъ, что вдругъ мало знакомый и даже впервые встрѣтившійся съ вами у знакомыхъ человѣкъ «всадитъ васъ на свой скотъ» да и подвезетъ васъ до угла улицы, на которой вы живете, и даже до самой вашей квартиры или дома.

Полтавскіе соотечественники Гоголя, какъ самъ онъ писалъ, терпѣть его не могли, и въ ряду ихъ вамъ видится губернаторъ; но Гоголь писалъ объ этомъ не въ 1832 году, на который, по всему вѣроятію, падаетъ его пріѣздъ въ Гадячъ, а въ 1838 г., когда на сценѣ полтавскаго театра прошелъ уже «Ревизоръ», когда, вообще произведенія Гоголя пріобрѣли большую извѣстность и когда явились

у него враги даже изъ-за такого мѣста въ «Мервыхъ Душахъ», какъ о мѣткости русскаго прозвища, которое идетъ за человѣкомъ всюду и объясняетъ его такъ, что «и не надо уже говорить, какой у кого носъ»... и проч. Чѣмъ дальше, тѣмъ число враговъ у Гоголя было больше, и уже спустя годъ послѣ его смерти я встрѣтилъ въ орловской губерніи одного средней руки помѣщика, который не могъ слышать имени Гоголя именно изъ-за этого несчастнаго слова *носъ*. А носъ у него дѣйствительно былъ по пословицѣ: «якъ за симъ пятакивъ сокира».—Но это мимоходомъ.

Вы говорите затѣмъ, что ничего похожаго на случай въ Гадячѣ вы не нашли ни въ одной изъ многочисленныхъ статей о Гоголѣ, ничего подобнаго не слышали отъ друга его М. А. Максимовича. Но потому именно этотъ фактъ и остался въ неизвѣстности, что онъ не представлялъ собою ничего особеннаго и, быть можетъ, въ душѣ самаго Гоголя оставилъ лишь мимолетное впечатлѣніе. А что въ гадячской ратушѣ было отъ чего разсмѣяться, въ этомъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. Вспомните картину появленія городничаго у ревизора, нарисованную тѣмъ-же Гоголемъ. Думаете-ли, что въ гадячской ратушѣ стояли предъ губернаторомъ ангелы во плоти? Голова, бургомистръ, ратманъ—вѣдь это тотъ-же городничій, только степенью ниже. Что не голова читалъ, или подалъ при этомъ рапортъ, это не должно казаться чѣмъ либо не натуральнымъ въ разсказѣ. Во 1-хъ не всегда названіе голова отвѣчаетъ именно этой части тѣла, какъ это категорически заявилъ въ свое время кіевскій генералъ-губернаторъ Д. Г. Бибиковъ кіевскому-же городскому головѣ [1]), а во 2-хъ навѣрное сказать нельзя, читаемъ-ли былъ тогда репортъ, или что другое. А почемъ знать, можетъ быть это была рѣчь? Вѣдь тогда въ ходу еще были рѣчи, а въ такомъ случаѣ сцена могла быть еще забавнѣе. На сдержанность Гоголя ссылаться тутъ нечего: бываютъ такія сцены, отъ которыхъ, какъ говорится, мертвый въ гробу разсмѣялся-бы. Наконецъ словъ: «зареготався на всю ратушу» не слѣдуетъ, конечно, понимать буквально. Это выраженіе фигуральное, мѣсто топическое; тутъ сказалось субъективное ощущеніе свидѣтеля-разсказчика, крайне огорченнаго слышаннымъ или замѣченнымъ смѣхомъ.

---

[1]) См. „Кіев. Старина“ за 1882 г., іюльск. кн., стр. 70.

Итакъ приведенныя вами, С. И., возраженія на нашъ взглядъ не подрываютъ достовѣрности переданнаго г. Луговымъ разсказа очевиднаго свидѣтеля посѣщенія Гоголемъ гадячской ратуши. Прибавлю еще, что будь возраженія и болѣе сильныя, все таки сказать было-бы можно, что «не выссавъ-же винъ того зъ свого пальця».

ОТЧЕТЪ ГЛАСНАГО 1865 Г.

Подъ такимъ заглавіемъ намъ сообщено А. М. Лазаревскимъ помѣщаемое здѣсь стихотвореніе, въ которомъ представлено съ точки зрѣнія крестьянъ первое черниговское губернское земское собраніе, бывшее осенью 1865 года. Земское собраніе 20 лѣтъ назадъ—это уже достояніе исторіи. Голосъ земца того времени важенъ, какъ указаніе на то, съ какими мыслями въ первый разъ приступало названное земство къ выполненію своей задачи и какъ взглянулъ народъ какъ на это выполненіе, такъ в вообще на самое учрежденіе. Нужды нѣтъ, что это голосъ сатиры, что стихотвореніе отъ начала до конца проникнуто ѣдкою ироніею. Исторія отыщетъ здѣсь свое,—тѣ типичныя реальныя черты, которыми запечатлѣна мѣстная жизнь того времени.

Авторомъ предлагаемаго стихотворенія былъ Василій Ивановичъ Лизогубъ, уланскій полковникъ, отличавшійся замѣчательнымъ остроуміемъ. Послѣ него остались Записки, въ которыхъ, какъ говорятъ читавшіе ихъ, онъ съ большимъ остроуміемъ описалъ разныя жизненныя свои встрѣчи. За смертію единственнаго сына В. И. Лизогуба Записки эти неизвѣстно куда дѣвались.—Не откликнется-ли нынѣшній ихъ владѣлецъ и не подѣлится-ли ими съ читающею публикой? А пока помѣщеніемъ настоящаго стихотворенія, помимо его интереснаго содержанія, напомнимъ объ одномъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, человѣкѣ не дюжинныхъ дарованій, любившемъ еще рѣчь родную.

Въ Чернигови, у земскій ради
Отце и я бувъ у громади.
Чувъ одъ старого Остапця,
Що въ Нижини якъ Иваньця [1])
Колись въ гетманы выбирали,

---

[1]) Брюховецкаго.

Такъ и шаблюки добували.
А тутъ не такъ було воно;
Теперъ вси буцимъ за одно.
Де дилась и та пыха паньска!
Отъ заразъ голова дворяньска
До себе гласныхъ запросивъ,
За стилъ у купи зъ нами сивъ
Да и обидавъ разомъ зъ нами.
Мы, опинившись межъ панами,
Були соби ни въ тихъ, ни въ сихъ,
Ажъ сумно стало для усихъ.
Бо говорить, извистне дило,
И зъ становымъ не будешъ смило.
Но тильки бачимъ, що паны
Зробились наче не вони:
Сажае поровень зъ собою
И гомонить якъ я зь тобою.
Що хочъ спитай, на все, якъ слидъ,
Розумный заразъ дасть отвитъ.
Винъ думку на лёту хватае,
Неначе изъ очей читае,
Про що миркуе голова,
И все выводить на слова.
Сидили довго за столомъ,
Пили и ѝли вси гуртомъ.
Стравъ подавали намъ чимало
Да бачъ вареникивъ чортъ-мало.
Ни сала, ни крутыхъ яиць
Ни борщику, ни паляниць,
Ни пинной—стаканомъ повнымъ
Насъ частовали все церковнымъ.
Наились добре, напились,
Ажъ захотилося кудись.
Проспавсь я добре на соломи
У жида въ постояльномъ доми.
У раньци проклятущій жидъ,
Принисъ и дёгтю для чобитъ;

Гарнесенько причепурившись
И на сходъ сонця помолившись,
Вже до громады я попхавсь
И вельми дуже дивовавсь,
Що и паны вже повставали
И до громады поспивали.
Коштовни кони и рыдванъ...
Уже видно, що ȋде панъ,
И всякому, дивлюсь, звертае;
Поклонишься, такъ привитае,
Неначе кумъ, хоть родичъ свій.
Зувсимъ не те, що становый.
Зибрались у дворянську хату;
Паны межъ насъ за панибрата,
Де що роспитують у насъ—
Нихто не лаявся ни разъ.
Да й хата-жъ тамъ такои мери,
Що зъ возомъ сина въидешъ въ двери.
Зошлись мы наче на майданъ,
Чого не выдумае панъ!..
Тамъ тепло, хочъ не мае пички.
Ходить тамъ тильки зъ непривычки
Не вміе нашъ братъ мужичокъ,
Бо ковзько, наче голощокъ.
Отъ и почали толковати,
Щобъ щось тамъ преобразовати.
У хати дуже загуло,
Ничого не чутно було.
И я хотивъ де що казати,
Да не зъумивъ ніякъ почати.
Къ тому я пану и пидбивсь,
Що на обиди подруживсь.
Сей рикъ, кажу, изъ десятины
Мы не взяли и половины,
Бо вся весенняя пора
Була великая жара.
Мы жито перемолотили

И все уже теперъ поили,
То коли-бъ тее... да й замовкъ
Да и туляюсь наче вовкъ.
Винъ и гукнувъ, що просить слова.
Затихли вси; а ёго мова...
Якъ говорити винъ почавъ,
Не то, щобъ дуже винъ кричавъ,
А такъ глаголавъ, що здаеться,
Зовсимъ якъ ричка льеться.
И говоривъ все якъ зъ письма:
Опасно, каже, намъ весьма...
При нынишнимъ неурожаи
Народу голодъ угрожае.
Такъ щобъ отто министръ отдавъ
Составившійся капиталъ
Изъ зборивъ за сорокъ два года
Для продовольствія народа.
Дворянсьтво дружно загуло;
Ажъ страшно слухати було,
Воно якъ справди росходилось.
У мене зъ ляку сердце билось
Объ ребра, наче молотокъ.
Я заховався у кутокъ
И бачу, що двохъ послали,
Щобъ то на дроти написали
Се до министра въ Петербургъ.
Повивъ очима я вокругъ:
Ось, думаю, бида дай годи,
Колибъ добраться до господы,
Побигти запрягати возъ;
А по спыни дере морозъ.
Бо той министръ—страшная вова
Напише винъ до станового,—
Мене той знайде чортъ ви-де
И на мотузци приведе.
Ни, якъ се пійде забуяньство,
Такъ мы все звернемъ на дворяньство.

Соби миркую такъ, а се
Изъ дрота хтось отвитъ несе:
Министръ звеливъ забрать намъ гроши.
Отъ присидатель-бы хорошій
Намъ выйшовъ изъ мого панка!
Зійшлась громада безъ звонка,
У поясъ пану поклонилась,
Просила да не допросилась.
Нельзя... и въ доказательство
Якеесь обстоятельство
Винъ дуже довго намъ казавъ,
Та на другихъ и показавъ.
Мы на ёго и позырали,
Якъ ихъ зъ упраѵу выбирали.
Попавсь туды и нашъ одинъ
Да якъ-же тильки вражій сынъ,
Теперъ винъ губу вже копылить!
Никому шапки не ухилить.
А я скажу усимъ не въ гнивъ:
Далеко нашимъ до панивъ!
Хоть якъ нашъ братъ не вередуе,
Такъ языка не нагартуе,
Бо бачите, що ти паны
На книжки тîи ихъ одни
По стильки переводять грошей,
Що хуторъ-бы купивъ хорошій.
А нашъ, укравши буквара,
Походить до паламаря,
Да вже якъ вывчиться Жаръ-птыци,
Такъ и береться до столыци.
Побачивши, що тамъ уси
И байдуже о сели,
Такъ и ёго на пана вадить,—
Ничого й бисъ ёму не врадить.
Забувши ридъ свій и себе,
По паньски чуба розскубе,
Да ще повыризае полы,

Щобъ чрево оставалось голе,
И выставляе на показъ,
Що закрываеться у насъ.
Не люльку палить, а сигары,
Наткне на кирпу окуляры
И черезъ синее стекло
Дивитись прыйде на село.
Усихъ соби за дурнивъ мае
И батька й матиръ часомъ лае,
Зове себе передовымъ
И братаеться зъ становымъ.
Погано, якъ пороблять школы,
Бо й загуляе наше поле.
А сами справди вы скажить,
Чи можно-жъ намъ безъ хлиба жить?
А вже якъ сядемъ мы читати,
Не будуть и волы орати.
Було-бъ латвійшъ воно,
Щобъ всякій знавъ соби одно:
Козакъ стреляй, чернець постись,
Правдивый панъ письма учись,
Судья—такъ взятокъ не бери,
А посполитые—ори.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Въ только что изданномъ отчетѣ Императорской публичной библіотеки за 1883 годъ находимъ, между прочимъ, слѣдующія названія книгъ, относящихся къ кіевскимъ событіямъ прошлаго столѣтія:

1) Благоутробіе Марка Аврелія Антонина кесаря римскаго. Діалогъ съ прологомъ и эпилогомъ. Во время благополучнѣйшаго и всевожделѣннѣйшаго прибытія въ Богоспасаемый градъ Кіевъ государыни императрицы Елисаветы Петровны, съ любезнѣйшимъ своимъ племянникомъ и наслѣдникомъ скипетра всероссійскаго, государемъ, великимъ княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ и обрученною

его невѣстою благовѣрною государинею веноликою княжю Екатериною Алексѣевною. Чрезъ учащихся въ кіевской академіи юношъ дѣйствительно состоявшійся 1744 года (для мѣсяца и числа оставленъ пробѣлъ, а въ львовскомъ изданіи этой книги 1745 г., выставлено: сентемврія 5 дня). При тщаніи и досмотрѣ іеромонаха Михаила, академіи кіевской префекта.—Всего лишь два листа книги. На оборотѣ 2-го листа: «печатано въ кіево-печерской типографіи 1744 г.» Въ листъ.

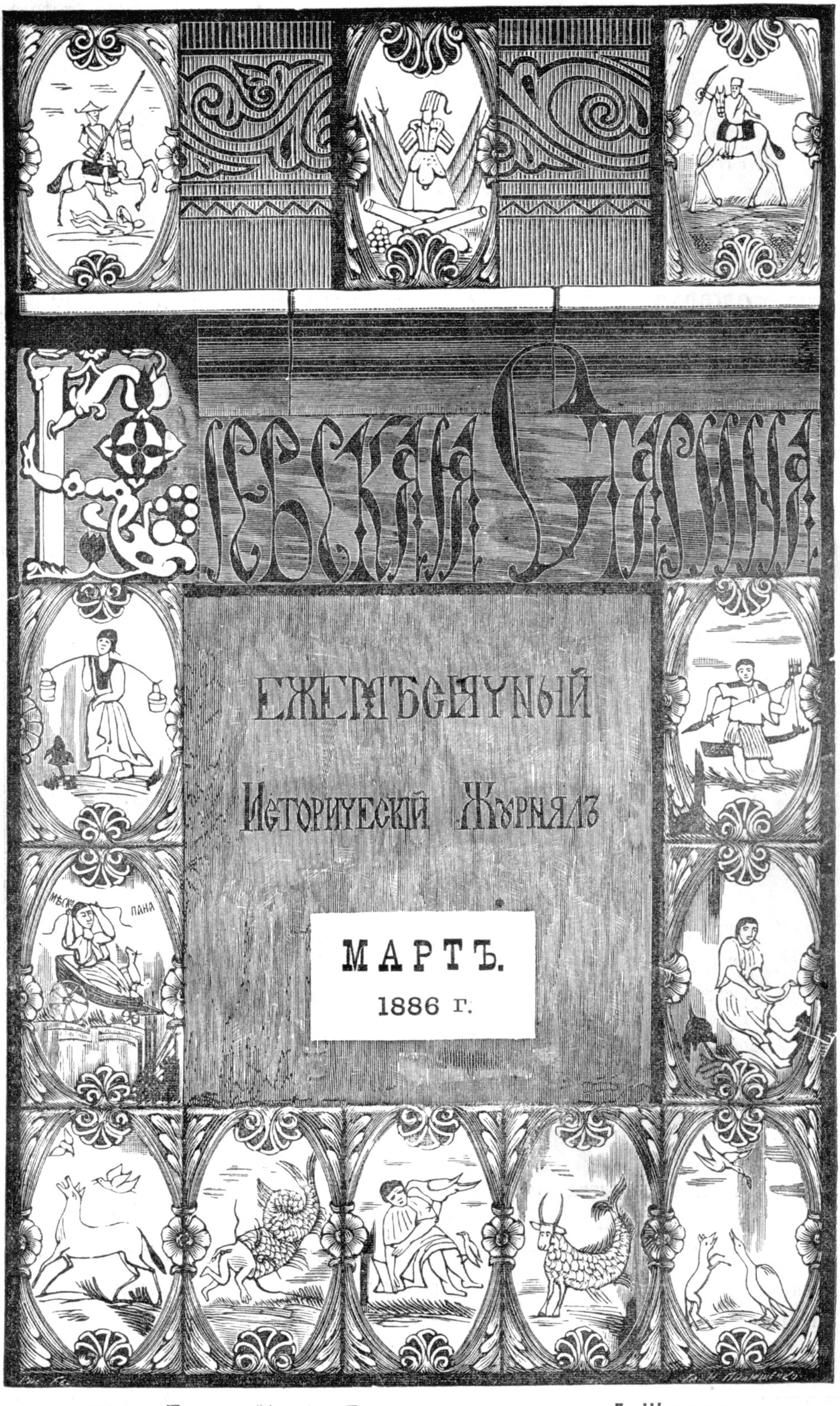
2) На тріумфальныхъ кіево-печерскихъ воротахъ до ангела держащаго хартію Стихи.—Въ концѣ стиховъ, на оборотѣ листа «сіи стихи сложены отъ академіи кіевскія, а корриговалъ іеромонахъ. Михаилъ академіи кіевской префектъ. 1747 г. іюля 4 дня». 1 листъ, въ листъ.

3) Описаніе толкованію тріумфальнымъ воротамъ.—Въ листъ 2 листа. На оборотѣ 2 листа мелкимъ шрифтомъ напечатано: «вышеписанное тріумфальнымъ воротамъ описаніе съ толкованіемъ, инвентировано и построено, при кіевской инженерной командѣ, по высочайшему ея императорскаго величества указу, присланному изъ правительствующаго сената, и по всемилостивѣйшей ея императорскаго величества аппробаціи, подъ смотрѣніемъ генерала и кіевской губерніи генералъ-губернатора Леонтьева 1744 г. августа (для числа оставлено мѣсто). Инженеръ подполковникъ Даніилъ де-Боскетъ».

Послѣднія два изданія напечатаны тѣмъ-же шрифтомъ, что и первое, почему несомнѣнно, что появленіе ихъ на свѣтъ вызвано тѣмъ-же пріѣздомъ имп. Елисаветы Петровны въ Кіевъ.

Обращаемъ вниманіе занимающихся южно-русскою исторіею на эти рѣдкія изданія, указаній на которыя нѣтъ ни въ «Опытѣ» Сопикова, ни въ «Хронологическомъ указателѣ» Ундольскаго и которыя такъ недавно стали достояніемъ нашего обще-государственнаго книгохранилища, кіевскимъ-же нашимъ ученымъ, знакомымъ, безъ сомнѣнія, съ этими издкаіями, предоставляемъ сдѣлать относительно ихъ необходимыя разъясненія и вообще ознакомить читающую публику съ содержаніемъ этихъ любопытныхъ книгъ.

Сообщ. **И. Н. Божеряновъ.**



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

Мартъ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, мало-Житом. ул., д. 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мартъ, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го февраля 1886 года.

ДОСВѢТКИ И ПОСИДѢЛКИ.

Живопись и въ особенности беллетристика оказали малорусскимъ вечерницамъ большое вниманіе. Украшеніемъ девятой передвижной выставки была большая картина И. Е. Рѣпина «Вечерницы». Въ малорусской хатѣ, освѣщенной двумя свѣчами, собралась толпа парубковъ и дивчатъ. На первомъ планѣ, лицемъ къ зрителю, танцуетъ дѣвушка; передъ ней «навприсядки» выдѣлываетъ колѣна парубокъ; музыканты скрипачи играютъ; вся толпа стоящихъ и сидящихъ внимательно смотрятъ на танцующихъ. Всѣ смѣются; всѣмъ весело...

Малорусскіе писатели-беллетристы въ старинное время любили останавливаться на вечерницахъ. Г. Ѳ. Квитка-Основьяненко посвятилъ имъ въ «Панѣ Халявскомъ» нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ. Воспитанникъ харьковской семинаріи Порфирій Кореницкій въ харьковскомъ сборникѣ малорусскихъ стихотвореній, »Снопъ» (1841 г.), помѣстилъ сатирическую поэму «Вечерныци», написанную въ подражаніе пародированной Энеиды Котляревскаго. Н. В. Гоголь яркими красками обрисовалъ лѣтнія южно-русскія «улицы» въ «Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки». Очаровательныя картины южнорусской природы, трогательныя сцены цѣломудренной любви дѣвушки, общее ярко-радужное освѣщеніе міра и людей—уноситъ читателя въ волшебный міръ фантазіи и ласкаетъ его эстетическое чувство теплыми лучами поэзіи. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ вечерницы вошли въ «Назара Стодолю» Шевченка, въ концѣ семидесятыхъ—въ одну драму г. Кропивницкаго. Великорусскія посидѣлки не вошли въ беллетристику. Нельзя сказать, чтобы причина различнаго отношенія малорусской и русской беллетристики къ народнымъ вечерницамъ лежала въ самихъ вечерницахъ, другими словами, чтобы малорусскіе досвитки представляли въ себѣ сравни-

тельно съ русскими посидѣлками что-либо выдающееся, блестящее, увлекательное. Тутъ несомнѣнно дѣйствовало литературное вліяніе Гоголя, разукрасившаго вечерницы очаровательными красками поэзіи, и позднѣйшіе малорусскіе писатели въ данномъ случаѣ болѣе или менѣе удачно вторили ему, особенно тѣ писатели, для которыхъ источникъ вдохновенія скрывается не въ народной жизни, а въ книгѣ, въ этнографическихъ и беллетристическихъ произведеніяхъ. Затѣмъ, русская беллетристика, обратившись къ народу, сразу стала на серьезную почву бытоваго реализма, выдвинуты были крупныя явленія народнаго быта: расколъ (у Мельникова-Печерскаго), бѣдность и невѣжество (у Рѣшетникова), крѣпостной гнетъ и зародившееся господство кулака (у Тургенева, Г. Успенскаго). Малорусская беллетристика долгое время находилась подъ вліяніемъ сентиментализма и романтизма, вращалась въ заколдованномъ кругѣ благодушно-чувствительныхъ вымысловъ и образовъ, и лишь въ послѣднее время въ лицѣ г. Левицкаго и въ лицѣ г. Мирнаго выступаютъ вполнѣ серіозные беллетристы-реалисты, причемъ самая беллетристика изъ забавы и пріятнаго время-препровожденія обращается въ общественную службу и заслугу.

Съ поворотомъ солнца на зиму, съ уменьшеніемъ дня, начинаетъ уменьшаться деревенская работа. Хлѣбъ собранъ и сложенъ на току въ высокихъ скирдахъ. Изъ дворовъ слышатся тяжелые удары цѣповъ по снопамъ. Въ пожелтѣвшихъ полевыхъ стерняхъ поселился паукъ и сталъ выводить свои причудливыя сѣти. Съ наступленіемъ длинныхъ и темныхъ сентябрьскихъ вечеровъ, для исполненныхъ силы и энергіи деревенскихъ парней и дѣвушекъ наступаетъ досужее время. Не дремать же имъ по отцовскимъ хатамъ подъ тихое и однообразное жужжаніе материнскаго веретена. Деревенская молодежь собирается по временамъ въ просторной избѣ какой-нибудь бездѣтной вдовы, и здѣсь ищетъ развлеченія въ пѣсняхъ и пляскѣ.

Начало вечерничныхъ гуляній различно, смотря по мѣстности, равно какъ по мѣстностямъ различается и степень ихъ продолжительности. Въ Оренбургской губерніи вечерницы бываютъ отъ

Успенія до сырной недѣли [1]), въ Олонецкой губерніи отъ Рождества Христова до Великаго поста [2]). Въ большей части Великороссіи и почти повсемѣстно въ Малороссіи вечерницы начинаются со дня Симеона лѣтопроводца и продолжаются всю осень и зиму [3]). Въ малорусской народной поэзіи начало вечерничныхъ гуляній отмѣчено коротко и выразительно:

Вже минули суныченьки и полуныченьки,
Вже настали осиннии та вечерниченьки.

Вечернія собранія молодежи въ разныхъ мѣстахъ носятъ разныя названія: вечерницы, вечереньки, посидѣлки, досвѣтки, оденки, супрядки, улицы, бесѣдки. Различіе между вечерницами и улицами въ Малороссіи состоитъ въ томъ, что первыя бываютъ зимой въ хатѣ, вторыя лѣтомъ на улицѣ. Вечерницы сложнѣе, продолжительнѣе и сопряжены съ бо́льшимъ весельемъ и бо́льшими расходами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великороссіи вечереньки отличаются отъ досвѣтокъ. Первыя бываютъ вечеромъ, причемъ веселятся дѣвушки и парни; вторыя наступаютъ послѣ ухода парней и короткаго сна дѣвушекъ и состоятъ въ собраніи исключительно дѣвицъ, занимающихся шитьемъ, пряжей и пѣснями. Посидѣлки повсемѣстно состоятъ въ собраніи молодыхъ людей обоего пола. Вечернія супрядки въ г. Котельницѣ вятской губерніи состоятъ въ собраніи исключительно женщинъ [4]). Въ Архангельской губерніи отъ вечеринокъ отличаются посидки, на которыхъ менѣе оживленія. На посидкахъ бываютъ и замужнія женщины [5]).

Мѣстныя отличія малорусскихъ вечерницъ незначительны, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ этнографическихъ данныхъ.

«Въ Галичинѣ, какъ только окончится работа въ полѣ и въ огородѣ, настаетъ пряденье. Во все это время замужнія женщины и дѣвушки, управившись дома, идутъ «съ кужельемъ на хаты», гдѣ кому нравится, и тамъ прядутъ до вечера. Такія сходбища много способствуютъ поддержанію мѣстной народной жизни.

---

[1]) *Черемшанскій,* Описаніе Оренб. губ., стр. 206.

[2]) *Семеновъ,* Отечествовѣденіе, т. I, стр. 98.

[3]) *Снегиревъ,* Руск. простонар. праздники, т. IV, стр. 95.

[4]) *Этнографич. Сборникъ,* т. V, стр. 80.

[5]) *Москвитянинъ,* 1853 г. т. XIII, стр. 9—10.

На нихъ младшіе отъ старшихъ выучиваются пѣснямъ, сказкамъ, пословицамъ, загадкамъ, вспоминаютъ и сохраняютъ въ памяти минувшее, былое. Сходбища эти бываютъ не только днемъ, но также и по вечерамъ, и тогда они называются вечерницами. На вечерницы вмѣстѣ съ женщинами сходятся и мужчины, остающіеся ночью безъ всякой работы. Вечерницами богата въ особенности Филипповка. Вечерницы походятъ однѣ на другія и только вечерницы въ день св. Андрея Первозваннаго имѣютъ отличный характеръ» [1])?

Въ юго-западномъ краѣ для вечерницъ выбирается большая хата какой-либо вдовы или такого хозяина, у котораго малая семья. Дѣвушки назначаютъ день для первыхъ вечерницъ, и вечеромъ, приходя съ работой, приносятъ съ собою разные припасы: пшеничную муку, творогъ, масло, картофель и т. п.; каждая должна что-нибудь принести, хотя въ незначительномъ количествѣ. Освѣщеніе каждая изъ дѣвушекъ обязана доставлять поочередно. Въ дѣятельномъ участіи дѣвушекъ въ устроеніи вечерницъ обнаруживается предпріимчивый характеръ малорусской женщины, по признанію этнографовъ, болѣе предпріимчивый, чѣмъ характеръ малоруссовъ мужчинъ. Часть принесенныхъ припасовъ употребляется на ужинъ, а другая, бо́льшая часть остается въ пользу хозяйки или хозяина дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставшуюся провизію прячутъ на другой разъ. Къ тому времени, когда поспѣваетъ ужинъ, приходятъ парни и приносятъ водку, хотя водку покупаютъ и дѣвушки въ складчину. Послѣ ужина не работаютъ. Погулявъ немного послѣ ужина, приносятъ въ хату куль соломы, развязываютъ его и на немъ ложатся спать, по большей части вмѣстѣ съ дѣвушками [2]).

Въ Полтавщинѣ осеннія и зимнія встрѣчи молодежи происходятъ на вечерницахъ, досвѣткахъ и грищѣ. Досвѣтки—собраніе молодыхъ дѣвушекъ, сходящихся въ какую-нибудь избу для работы. Досвѣтки можно раздѣлить на двѣ части: на вечерницы и собственно досвѣтки. Дѣвушки сговариваются, избираютъ какую-нибудь

---

[1]) *Игнатій Галько,* Народ. звычаи, зъ околицъ надъ Збручемъ, т. II, стр. 6. Подробное описаніе андреевскихъ вечерницъ въ надъ-днѣстрянскихъ селахъ см. въ „Зорѣ" 1885 г., № 3—4.

[2]) *Чубинскій,* Труды Этн.-Ст. Эксп., т. VII, стр. 450.

женщину и поручаютъ ей устроять свои собранія, принося кто что можетъ изъ провизіи, припасаемой дома секретно. Забравъ всѣ принадлежности работы и не забывая провизіи, дѣвушки отправляются съ вечера въ избранную избу и занимаются работой (это вечерницы), тамъ ночуютъ, встаютъ чрезвычайно рано и снова работаютъ, распѣвая пѣсни (это досвѣтки). На вечерницахъ всегда, а на досвѣткахъ очень рѣдко являются парни. У каждаго изъ нихъ есть своя забота, у кого же нѣтъ, тѣ идутъ съ товарищами провести время. Сначала работа идетъ чинно, потомъ начинаются шутки; парни стараются мѣшать дѣвушкамъ работать, эти бьютъ ихъ по рукамъ веретенами, гребнями и чѣмъ попадется. Разсказываютъ сказки, поютъ пѣсни. Иной парубчина хватитъ на скрипкѣ горлицу или метелицу, и начинается пляска. Въ то время, какъ вечерницы и досвѣтки представляются учрежденіями постоянными и правильными, грище является собраніемъ импровизированнымъ, въ родѣ пикника. Точно также избирается домъ, нанимается музыка и припасается угощеніе. На грище идутъ собственно веселиться, потому что дѣлается это во время праздниковъ [1]).

Въ воронежской губерніи вечерницы устраиваются молодежью обоего пола, преимущественно въ осенніе вечера, въ хатѣ одинокой старухи. Дѣвушки являются съ работой и съѣстными припасами, въ числѣ которыхъ курица и яйца составляютъ необходимую принадлежность; парни приходятъ съ балалайками, скрипками и гармоніями. Сначала время идетъ въ разговорахъ и остротахъ, потомъ слѣдуютъ пѣсни съ музыкой и пляскою, наконецъ приготовленіе ужина и самый ужинъ [2]).

Великорусскія посидѣлки очень сходны съ малорусскими вечерницами. Чтобы не вдаваться въ утомительныя подробности и не повторяться, ограничимся описаніемъ вечереньки или пирища въ сѣверной Россіи. Пирище устраивается въ межговѣнье (т. е. не въ посты), отъ Покрова до Филиппова поста и отъ Рождества Христова до великаго поста, въ домахъ, принадлежащихъ одинокимъ старухамъ или бѣднымъ поселянамъ, за небольшую плату. Люди зажиточные не допускаютъ устройства вечеринокъ въ своихъ домахъ,

---

[1]) *Этнограф. Сборникъ*, т. III, стр. 32.

[2]) *Никоновъ*, въ Трудахъ Вольн. Эконом. Общ., 1877 г., т. II, стр. 332.

изъ опасенія подвергнуть ихъ вліянію нечистой силы на три года. Вечеринки бываютъ обыкновенно по вторникамъ и воскресеньямъ, а въ понедѣльникъ и въ среду тогда, когда въ эти дни случится праздникъ. Расходы на вечеринку уплачиваются парнями сообща или однимъ молодцомъ. Дѣвушки являются съ прялками. Въ видѣ дозора приходятъ матери, а въ слѣдъ за ними и старухи-бабушки, каждая съ своей работой. Старушки усаживаются въ печномъ углу, а дѣвушки по лавкамъ. Вечерницы начинаются въ 6 часовъ по полудни, а кончаются въ 12, 1 или 3 часа утра. Изба освѣщена лучиной, иногда свѣчами, которыя становятся на грядкахъ въ видѣ люстръ. Парни обыкновенно входятъ толпой. Дѣвушки конфузятся, но не надолго; онѣ начинаютъ пѣть пѣсни, молодцы дружно подхватываютъ и раздается веселый, стройный хоръ. Парни охотники пошутить, порвать нитку, кинуть веретено въ уголъ, затушить свѣчху; но старухи этихъ шутокъ не любятъ, разсердятся, пошумятъ, и порядокъ скоро возстановляется. На вечеринкахъ дѣвушки ходятъ съ молодцами попарно, играютъ въ сосѣди, въ веревку, поютъ веселыя пѣсни или импровизируютъ шутливыя двустишія.

Въ восточной, средней и западной Россіи посидѣлки не представляютъ крупныхъ отличій отъ сѣверно-русскихъ пирищъ. Въ средней Россіи нѣтъ слѣдовъ церковнаго вліянія на вечерницы, и родительскій надзоръ за молодежью здѣсь слабѣе [1]).

У южныхъ славянъ также встрѣчаются вечерницы. У болгаръ лѣтомъ бываютъ гулянья за околицей села; осенью и зимой, начиная съ 21 ноября, въ Болгаріи бываютъ «седѣнки», т. е. посидѣлки. Дѣвушки и замужнія женщины собираются въ одной избѣ для общей работы и общаго веселья. Впрочемъ, «момицы» (замужнія женщины) рѣдко посѣщаютъ сидянки. Обыкновенко, сидянки представляютъ собраніе 4—8 момъ (дѣвицъ) и одинаковаго числа ергеней (парней). За каждой дѣвушкой слѣдуетъ мать, тетка или какая-нибудь другая родственница. На сидянкахъ момы прядутъ, распѣвая пѣсни, а ергени забавляютъ ихъ и смѣшатъ пѣснями [2]).

---

[1]) *Маск. Wallace*, Russia, t. I, стр. 154; *Этногр. Сборн.* т. V, стр. 77, 78, 80; *Терещенко*, Бытъ рус. нар., т. V, 156 и др; *Ralston*, The sangs of the russ. people, 37—39; *Москвитянинъ*, 1853 г. т. XIII, стр. 9—10.

[2]) *Каравеловъ*, Памятники, т. I, стр. 269; *Москвитянинъ*, 1845, т. VI, стр. 168.

Повсемѣстно на вечерницахъ поютъ пѣсни. Вечерничныя пѣсни многочисленны и разнообразны. Въ нихъ нѣтъ такихъ чертъ, которыя давали бы поводъ выдѣлить ихъ въ самостоятельный пѣсенный отдѣлъ. Вечерничныя пѣсни вполнѣ бытовыя; нѣтъ въ нихъ ни религіозпо-миѳическихъ, ни историческихъ мотивовъ. Содержаніе большею частью не важное,—небольшія сценки изъ семейной жизни, выраженіе любовныхъ желаній, безобидныя шутки и т. п. Въ сборникѣ великорусскихъ народныхъ пѣсень г. Шейна вечерничныя пѣсни разбросаны въ отдѣлахъ пѣсенъ плясовыхъ и бесѣдныхъ; въ сборникахъ малорусскихъ пѣсень Метлинскаго, Чубинскаго и др. собирателей и этнографовъ вечерничныя пѣсни вошли съ отдѣлы пѣсень семейно-родственныхъ.

Изъ вечерничныхъ пѣсенъ найбольшій бытовой интересъ представляютъ пѣсни шутливыя; къ тому же пѣсни послѣдняго разряда не лишены художественнаго достоинства. Любопытнѣе всего, что между великорускими и малорусскими шутливыми вечерничными пѣснями обнаруживаеття большое сходство. Ограничимся однимъ примѣромъ. На далекой, юго-западной окраинѣ русской земли, въ Холмской Руси, во время уличныхъ игръ, преимущественно во время «кривого танця», дѣвушки поютъ пѣсню, въ которой дѣвичьей красотѣ противопоставляется парубоцкое безобразіе. Между прочимъ, поютъ:

Ой, диво дивное, диво,
Пошли дивоньки на жниво;
Жнуть дивоньки жито, пшеныцю,
А парубоньки куколь, митлыцю.
Чого дивоньки красныя?
Бо йдять пироги мясные.
Масломъ поливають,
Перцемъ посыпають.
А парубоньки блидныи,
Бо йдять пироги пистныи,
Золою (щелокомъ) поливають
И попеломъ посыпають [1]).

---

[1]) *Батюшковъ*, Памятн. Зап. Рос., т. VII, стр. 353.

Въ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губерніи во время «кривого танця» дѣвушки поютъ подобную пѣсню:

Дивоцькая краса,
Якъ литняя роса,
Въ меду ся купала,
Въ меду выгравала.
На парубочкахъ краса,
Якъ зимняя роса,
Въ смоли ся купала,
Въ дёгти выгравала.
Помалу ступайте,
Пылу не збивайте,
Шматя не валяйте.
На дивонькахъ шматя
То шовкъ та китайка,
Кармазинова крайка.
А на парубкахъ шматя
То михъ та ряднина,
Зъ заткала шапки,
Зъ клочья пояснина [2]).

Подобнаго рода шутливыя пѣсни встрѣчаются въ Великой и Малой Россіи на свадьбахъ, причемъ подруги невѣсты насмѣшки направляютъ на родныхъ и пріятелей жениха, преимущественно на свата.

Въ тверской губерніи дѣвушки на вечерницахъ на приведенный мотивъ поютъ:

Пряльюшки, попрядальюшки!
А что-же вамъ, пряльюшки,
Прясть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ охлопочковъ,
Молодымъ молодушкамъ чесаный ленъ,
Краснымъ дѣвушкамъ бумажки куделя,
Молодцамъ-щегольцамъ омяльица.
Пряльюшки, попрядальюшки!
Что-же вамъ, пряльюшки,

---

[1]) *Чубинскій,* Труды этногр.-стат. эксп., т. III, стр. 34.

Ѣсть-то будетъ?
Старымъ старушкамъ хлѣбъ да вода,
Молодымъ молодушкамъ хмель да сыта,
Краснымъ дѣвушкамъ калачики,
Молодцамъ-то щегольцамъ дурынды [1]) кусокъ.
Пряльюшки, попрядальюшки!
А гдѣ-же вамъ, пряльюшки,
Спать-то будетъ?
Старымъ старушкамъ на печи въ углу,
Молодымъ молодушкамъ на войлочкѣ,
Краснымъ дѣвушкамъ на перинѣ пуховой,
Молодцамъ-то щегольцамъ со свиньями въ хлѣву.
Пряльюшки, попрядальюшки!
Чѣмъ-то васъ, пряльюшки,
Будетъ-то будить?
Молодцовъ-то щегольцовъ полѣномъ по пятамъ,
Красныя дѣвушки, пусть онѣ спятъ:
Въ люди-то выйдутъ, намаются,
Всякой-то заботы напрїймаются [2]).

Въ архангельской губерніи дѣвушки на бесѣдахъ иногда импровизируютъ двустишія, въ которыхъ высказываютъ свое мнѣніе о томъ или другомъ односельчанинѣ. Напримѣръ:

Александру палка,
Жена его бахвалка.

Смыслъ понятенъ. Александръ долженъ бить палкой свою жену за хвастовство.

Алексѣю дуга,
Жена его слуга;

т. е. такая послушная, что хоть запрягай ее въ телѣгу, и она повезетъ.

Семену-то доска,
Жена его баска;

т. е. срисовать портретъ красавицы и любоваться имъ [3]).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ буковинскихъ русиновъ или высказывается сожалѣніе, что настали «молоди парубочки, не носять

---

[1]) Выбоины отъ конопляннаго масла.

[2]) *Шейнъ,* Рус. нар. пѣсни, т. I, стр. 272.

[3]) *Труды* Этногр. Ѳтд. Люб. Естеств., т. I, стр. 147.

горилочки» на вечерницы или выражается желаніе дѣвушекъ, чтобы парубки подолѣе сидѣли на вечерницахъ [1]). Въ одной малорусской пѣснѣ родители порицаютъ сына за посѣщеніе вечерницъ, повидимому, на томъ основаніи, что посѣщеніе вечерницъ отвлекаетъ парубка отъ дѣла [2]). Въ южно-русскихъ и буковинскихъ пѣсняхъ находятся указанія, что мать не пускаетъ дочь на улицу или на вечерницы [3]). Простонародный пѣсенный мотивъ непусканія дѣвушки на вечерницы и вызываемыя тѣмъ сѣтованія послѣдней на мать вошли, между прочимъ, въ «Кобзарь» Шевченка. Встрѣчаются малорусскія пѣсни съ такого рода содержаніемъ: замужняя женщина не можетъ заснуть въ лунную ночь, когда по улицамъ разносятся громкія пѣсни парубковъ и дивчатъ. Она проситъ мужа отпустить ее на вечерницы. Вся его родня находитъ невозможнымъ исполнить эту просьбу, считая посѣщеніе вечерницъ замужней женщиной дѣломъ неприличнымъ, и мужъ даже грозитъ женѣ нагайкой [4]).

Происхожденіе вечерницъ кроется въ глубокой древности. Въ сентябрьской книжкѣ «Трудовъ кіев. дух. акад.» 1871 г. высказано было мнѣніе, что вечерницы возникли изъ древнихъ миѳологическихъ воззрѣній народа. Мнѣніе это не было основано на достаточныхъ фактическихъ доказательствахъ, которыя врядъ-ли въ настоящемъ случаѣ могутъ быть представлены. Въ дѣйствительности, вечерницы не заключаютъ въ себѣ ничего религіозно-миѳическаго. Съ ними не связано какихъ-нибудь древнихъ, окрашенныхъ языческими чертами пѣсенъ, въ родѣ колядокъ, щедривокъ, купальскихъ пѣсенъ. На исключительно бытовой характеръ вечерницъ указываетъ уже одно отсутствіе обряднаго кушанья. На вечерницахъ нѣтъ привиллегированнаго кушанья, которое приготовляли-бы и употребляли съ торжественностью, съ таинственными обрядами и пѣснями. Подобнаго рода кушанья почти всегда являются остаткомъ древняго жертвоприношенія. Въ этомъ отношеніи вечерницы существенно отли-

---

[1]) *Лоначевскій,* Сборн. пѣс. буков. народа, стр. 122.
[2]) *Чубинскій,* Труды, т. V. стр. 147.
[3]) *Лоначевскій,* стр. 184.
[4]) *Rulikowski,* Opis powiatu Wasilk., стр. 210; *Чубинскій,* т. V, стр. 607.

чаются отъ свадьбы, гдѣ видную роль играетъ круглый хлѣбъ, отъ родинъ и похоронъ, когда торжественно ѣдятъ кашу. Правда, въ волынской губерніи наканунѣ Андреева дня на вечерницахъ приготовляютъ «калету»,—прѣсный колобокъ или коржъ, намазанный медомъ. Этотъ коржъ привѣшиваютъ къ потолку среди хаты и при немъ сажаютъ одного парубка, которому даютъ въ руки кисть, намоченную въ водѣ съ сажею (сажа, по близости къ печи, была нѣкогда священнымъ предметомъ). Затѣмъ присутствующіе поочередно подъѣзжаютъ къ коржу на палкѣ и откусываютъ частичку его съ серьёзнымъ видомъ. Если кто нибудь при этомъ засмѣется, парубокъ («писарь») мажетъ его кистью по лицу [1]). Волынская «калета» въ дѣйствительности принадлежитъ не столько вечерницамъ, сколько кануну праздника св. Андрея, имѣющаго большое значеніе въ повѣрьяхъ и гаданіяхъ, относящихся къ женитьбѣ, причемъ на самый канунъ Андреева дня «калета» попала, можно думать, съ Рождественскаго праздника. У литовцевъ тождественный обрядъ бываетъ въ праздники Рождества Христова [2]).

Чтобы опредѣлить происхожденіе и древнѣйшее значеніе вечерницъ и посидѣлокъ, нужно обратиться къ исторіи брака. Не останавливаясь на изложеніи главныхъ формъ брака, коммунистической, поліандрической, полигамической и моногамической, мы ограничимся здѣсь замѣчаніемъ о такъ называемомъ пробномъ бракѣ, представляющемъ переходную ступень отъ коммунизма и полигаміи къ моногаміи. Культурные народы давно уже перешагнули черезъ пробные браки на пути нравственнаго и соціальнаго совершенствованія, и пробные браки въ жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ оставили очень слабые слѣды въ потерявшихъ смыслъ обычаяхъ и обрядахъ. У многихъ нецивилизованныхъ народовъ пробные браки встрѣчаются, и теперь въ чистомъ видѣ. У вотяковъ парни въ такомъ только случаѣ женятся на дѣвушкѣ, когда она обѣщаетъ въ скоромъ времени сдѣлаться матерью [3]). Мускогульги женятся на одинъ годъ, отъ весны до весны. Супружество рѣдко расторгается, если плодомъ его бываютъ дѣти. Индѣецъ беретъ себѣ жену на

---

[1]) *Н. И. Петровъ*, въ „Трудахъ Кіев. дух. Акад.", 1871 г., сент., стр. 570.
[2]) *Терещенко,* Бытъ рус. нар. т. VII, стр. 61.
[3]) *Народы Россіи,* т. II, стр. 150.

пробу. Если онъ поладитъ съ ней, въ особенности если она рожаетъ дѣтей, то онъ не расходится съ нею до смерти. Бракъ, скрѣпленный дѣтьми, дѣлается пожизненнымъ [1]). Семья охотника и пастуха нуждалась въ дѣтяхъ, преимущественно дѣтяхъ мужескаго пола. Въ свадебныхъ обрядахъ находится много выраженій пожеланія, чтобы у новобрачныхъ были дѣти, преимущественно мальчики. Въ Чехіи мальчики бьютъ шапками молодую замужнюю женщину, чтобы она рожала дѣтей мужескаго пола [2]). У русскихъ, болгаръ и поляковъ (кашубовъ) на свадьбѣ на колѣни невѣсты сажаютъ мальчика [3]). Въ Сербіи празднуется только рожденіе мальчика; рожденіе дѣвочки считается обыкновеннымъ событіемъ, не заслуживающимъ увеселенія и пиршества [4]). Слѣды существовавшей нѣкогда общности женъ и слѣды пробнаго брака сохранились въ различныхъ мѣстностяхъ Великой и Малой Россіи. Такъ, напримѣръ, въ мезенскомъ уѣздѣ невинность дѣвушки вовсе не цѣнится; напротивъ, родившая дѣвушка скорѣе находитъ тамъ себѣ мужа, чѣмъ сохранившая дѣвственность. Въ ставропольской губерніи въ день дѣвичника, послѣ пирушки, всѣ ложатся спать, женихъ съ невѣстою, а парубки съ прочими дѣвицами [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Малороссіи отдаленнымъ указаніемъ на существованіе пробнаго брака служитъ обычай, по которому, со времени сговоринъ у молодой, женихъ до самой свадьбы ночуетъ въ домѣ невѣсты, съ разрѣшенія ея родителей, и даже вмѣстѣ съ ней. Такое сближеніе молодыхъ не ведетъ однако къ дурнымъ послѣдствіямъ и вызываетъ лишь у жениха большую привязанность къ невѣстѣ и лестные о ней отзывы, которые надо понимать въ смыслѣ отсутствія у невѣсты физическихъ недостатковъ [6]). Быть можетъ и вечерницы первоначально имѣли значеніе пробнаго брака и на нихъ опредѣлялась годность женщины къ дѣторожденію, причемъ не способные къ супружеству и къ дѣторожденію, по исключительности своей физической природы,

---

1) *Жакъ Лефренъ,* „Дѣло", 1868 г. т. I, стр. 128—129.

2) *Casop. ces. Musea,* 1859, т. I.

3) *Пенз. Губ. Вѣд.* 1864 г., № 19; *Kolberg,* Lud. XI, 305, *Верховичъ,* Опис. быта болгар., стр. 15.

4) Гласник, 1867 г. т. V, стр. 135.

5) *Якушкинъ,* Обычное право, т. VIII.

6) *Николайчикъ,* въ „Кiев. Старинѣ", 1883 г., т. I, стр. 370.

какъ негодные члены общины, падали въ мнѣніи древняго человѣка. Только мать, производительница домашней рабочей силы, пользовалась общественнымъ уваженіемъ и, на опредѣленной ступени культуры народа, только она могла имѣть самостоятельный голосъ въ рѣшеніи семейныхъ дѣлъ. Безплодная женщина выгодное положеніе въ обществѣ могла пріобрѣсти только вѣдовствомъ, чародѣйствомъ. Въ такомъ случаѣ она дѣлалась въ селѣ вліятельнымъ лицемъ. Къ ней прибѣгали въ нуждѣ, просили ея помощи и совѣта. Въ немногихъ мѣстностяхъ вечерницы сохранили древнее значеніе коммунальнаго или пробнаго брака, являясь такимъ-же обломкомъ глубоко-древняго быта и міросозерцанія, какъ наказаніе животныхъ по судебному приговору, «кувада» или притворные стоны мужа во время родовъ его жены, продолжительный постъ невѣсты передъ свадьбой съ цѣлью временнаго устраненія или задержанія менструаціи и т. п. Въ «Путевыхъ письмахъ» Якушкина находится сообщеніе, что въ новгородской и псковской губерніяхъ дѣвицы вмѣняютъ себѣ въ честь имѣть на посидѣлкахъ любовника, или, какъ тамъ говорятъ, дружня, что вовсе не мѣшаетъ имъ потомъ выйти замужъ за кого-бы то ни было. Обыкновенно дружень впослѣдствіи становится мужемъ. Вечериночная легкость нравовъ замѣчена также среди малоруссовъ астраханской губерніи [1]). Въ большей части Россіи семейные люди не посѣщаютъ вечерницъ. Возникнувъ во времена крайней грубости нравовъ, подъ свѣжимъ вліяніемъ коммунальнаго брака или, точнѣе сказать, гетеризма, вечерницы въ большей части Россіи выработались въ нравственныя увеселенія молодежи.

Досвѣтки и посидѣлки издавна подвергались обличеніямъ въ безнравственности и преслѣдованіямъ, сначала со стороны духовенства, потомъ со стороны административныхъ властей. Вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Россію была внесена идея аскетизма, требовавшая отреченія отъ всякой мірской прелести. Пришлые византійскіе просвѣтители въ молодой и свѣжей жизни русскаго народа усмотрѣли слѣды «треклятаго эллинства» и стали исправлять и регулировать

---

[1]) *Волга*, 1864 г., № 51.

народную жизнь по церковной мѣркѣ. Въ московскомъ государствѣ, одичавшемъ и огрубѣвшемъ подъ продолжительнымъ татарскимъ игомъ, особенно сильно развилась идея суроваго аскетизма. Въ силу ея отрицалось все мірское, какъ суетное и грѣховное; идеаломъ общества сталъ монастырь, идеаломъ индивидуума—аскетъ, пустынникъ, побѣдившій, по старинному выраженію, «мятежъ міра сего» постомъ, молитвой и страданіемъ. Такимъ образомъ, вся жизнь, до мелочей, заковывалась въ тѣсныя вериги аскетическаго смиренія и «благопристойности». Одною изъ главныхъ заботъ, говоритъ г. Михневичъ, стариннаго русскаго духовенства, а впослѣдствіи и правительства, къ поддержанію добрыхъ нравовъ въ народѣ было сугубое преслѣдованіе «свѣтскихъ срамотныхъ пѣсенъ, гуденія, скаканія и плясанія... Всѣ забавы и игры, весь народный внутренній задушевный міръ, связанный съ поэтическою, милой сердцу стариною и находившій себѣ образное выраженіе въ пѣснѣ, игрѣ и пляскѣ, словомъ всякое веселье преслѣдовалось, какъ бѣсовское навожденіе» [1]). Первоначально преслѣдованіе ограничивалось увѣщаніями и наставленіями, устными и письменными, въ формѣ многочисленныхъ «поученій» и «словъ»; но такъ какъ консервативная народная жизнь очень не охотно уступала «плясьбу, гудьбу и пѣсни бѣсовскія» и оказывала въ этомъ отношеніи прямое сопротивленіе церковнымъ властямъ, то духовенство привлекло къ содѣйствію правительство, и въ подкрѣпленіе церковной проповѣди были выдвинуты суровыя административныя понужденія. Гоненія правительства на народныя увеселенія или, какъ ихъ тогда называли, «бѣсованія», начинается въ XVI ст., съ вѣдома и благословенія духовной власти, преимущественно Стоглаваго собора, и наибольшей энергіи и безпощадности достигаетъ въ XVII ст., въ царствованіе Алексѣя Михайловича, отличавшагося, какъ извѣстно, чрезвычайной набожностью. На смѣну словесныхъ увѣщаній и духовныхъ наказаній явились батоги, штрафы, ссылка и т. п. Воеводамъ предписывалось имѣть «крѣпкое смотрѣніе», чтобы нигдѣ никакихъ «позорищъ» и «игрищъ» не было. Однако русскій народъ постоянно соблазнялся запрещеннымъ плодомъ. Его славянская натура неудержимо вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить.

---

[1]) *Михневичъ*, Очеркъ исторіи музыки, стр. 37.

Въ одномъ поученіи Ефрема Сирина, передѣланномъ на русскій ладъ, находится жалоба книжника: «заповѣдай постъ и бдѣнье—всѣ ужаснутся и убѣгутъ; а скажи, пирове-ли, вечеря-ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крилаты» [2]).

Въ Украйнѣ гоненіе на вечерницы начинается, судя по документальнымъ извѣстіямъ, съ половины XVII ст., притомъ прежде всего въ дальнемъ сѣверо-восточномъ углу Украйны, находившемся подъ прямымъ вліяніемъ московскихъ порядковъ. Еще въ 1648 г. жителямъ г. Бѣлгорода, по представленію московскаго патріарха, въ вѣдѣніи котораго находился тогда Бѣлгородъ, съ относящимися къ нему еще немногочисленными слободско-украинскими поселеніями, дается царская грамота, которою строго внушается имъ: «чтобы скомороховъ съ домрами, и съ гуслями, и съ волынками, и со всякими играми, и ворожей, мужиковъ и бабъ, къ больнымъ и къ младенцамъ въ домъ къ себѣ не призывали, и въ первый день луны и въ громъ на водахъ не купались, и съ серебра по домамъ не умывались, и олова и воска не лили, и зернью и картами и шахматами и лодыгами не играли, и медвѣдей не водили, и никакихъ бѣсовскихъ игръ не творили, и на бракахъ пѣсенъ бѣсовскихъ не пѣли, и никакихъ срамныхъ словъ не говорили, и по ночамъ на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсенъ не пѣли, и сами не плясали, и въ ладоши не били, и кулачныхъ боевъ межъ себя не дѣлали, и на качеляхъ не качались, и личинъ на себя не накладывали, и кобылокъ бѣсовскихъ и на свадьбахъ безчинства и сквернословія не дѣлали». Ослушниковъ грозили бить батогами и подвергать ссылкѣ. Тѣ-же обычаи обличаетъ позднѣе, въ 1676 г., въ окружномъ посланіи къ духовенству, бѣлгородскій митрополитъ Михаилъ, называя эти обычаи также бѣсовскими [1]). Хотя въ этихъ обличеніяхъ вечерницы, досвѣтки, посидѣлки не названы по имени, несомнѣнно, однако, что обличеніе было направлено также противъ нихъ, причемъ къ вечерницамъ въ данномъ случаѣ, нужно думать, относится пѣніе богомерзкихъ пѣсенъ по ночамъ на улицахъ.

Прямое наступленіе на вечерницы сдѣлано было въ 1719 г. кіевской духовной консисторіей, для отвращенія приближавшейся

---

[1]) *Костомаровъ*, Очеркъ домашн. жизни великорус. народа въ XVI—XVII ст., стр. 86.

[2]) *А. С. Лебедевъ*, „въ „Мирѣ“ 1882 г., январь, стр. 22.

моровой язвы, и сдѣлано было притомъ не по собственной иниціативѣ, а «по указу его священнѣйшаго царскаго величества». Получивъ указъ, гетманъ послалъ въ «консисторіумъ митрополитанской власти» соотвѣтствующій универсалъ, а консисторія уже предписала гадяцкому, миргородскому, опошанскому, полтавскому, кобеляцкому протопопамъ и всѣмъ вообще духовнымъ лицамъ позаботиться о томъ, чтобы въ «селахъ малороссійскихъ попрестали богомерзкихъ молодыхъ людей сборища на вкулачки и Богу и человѣкомъ ненавистныя гулянья, прозываемыя вечерницы, на которыя многіе люди молодые и неповстягливые отъ родителей своихъ, мужеска и женска пола, дѣти, по ночамъ купами собираючися, неисповѣдимыя безчинія и мерзкія беззаконія творятъ, справуючи себѣ игри, танци и всякія піятихи скверныя и воздухъ оскверняючія пѣсней восклицанія и козлогласованія, откуда походятъ галаси, зачепки до сваровъ и заводовъ, почему найбарзѣй послѣдуютъ и забойства, а найпаче подъ часъ такихъ нечестивыхъ сборовъ разные дѣлаются ексцесса, яко то блудніе грѣхи, дѣвства растлѣнія, беззаконное дѣтей прижитіе; отчего презъ тихъ-же беззаконниковъ... частыя стаются дѣтогубства, за каковыя умножившаяся нечестивая беззаконія явственнаго праведнаго гнѣва Божія чаша на всѣхъ насъ изливается, яко-же и теперь количолѣтніи неурожаи хлѣбные, бездождевная суша, многіе падежи скотовъ, въ людехъ тяжкія болѣзни, еще больше моровыя губительныя язви и страшное повѣтряное время понесла Малая Россія и прочая поноситъ многая злоключенія» [1]. Этотъ консисторскій «патентъ» предписывалось протопопамъ прочесть въ церквяхъ, прибить вездѣ къ церковнымъ дверямъ, сказавъ народу соотвѣтствующее нравоученіе, а ослушниковъ, посѣщающихъ вечерницы, до двухъ разъ усовѣщивать, а затѣмъ, въ случаѣ противленія, отлучать отъ церкви.

Обличеніе и запрещеніе вечерницъ возобновлено было тридцать лѣтъ спустя бѣлгородскимъ архіепископомъ Іоасафомъ Горленкомъ. «Усмотрѣно во многихъ городахъ и селахъ, писалъ онъ въ наставленіи духовенству отъ 10 ноября 1750 г., что народъ, языческаго празднованія и идолослуженія слѣды храня, дѣлаетъ колыски, называемыя рѣли, и въ недѣлю св. Пасхи, въ день св.

---

[1]) *А. Маркевичъ*, въ „Кіевск. Стар." 1884 г. сентябрь, стр. 177—180.

апостоловъ Петра и Павла, на нихъ качаются, такожъ въ недѣлю св. Троицы празднуютъ бѣсовскій праздникъ Березы, и въ день св. Іоанна Предтечи Купала, и вечерницы и пѣсни скверныя; вся же слѣды идолопоклонства празднуетъ народъ отъ неразумія свеего, а священники, по званію своего пастырства, того имъ не возбраняють» [1]). Любопытна въ этомъ пастырскомъ наставленіи особенно та архаическая черта, что въ вечерницахъ признается идолопоклонство.

Какъ духовенство выполняло архипастырское предписаніе и какъ встрѣчалъ народъ вмѣшательство іереевъ въ подробности его семейной и общественной жизни, можно отчасти видѣть изъ слѣдующаго любопытнаго документа 1750 г., извлеченнаго профес. А. С. Лебедевымъ изъ одного архива харьковской губерніи. Священникъ харьковскаго уѣзда с. Ольшаной Потапъ подалъ въ ноябрѣ 1750 г. въ харьковское духовное правленіе доношеніе, въ которомъ писалъ: «сего 750 года, ноября 6 дня, указъ ея императорскаго величества изъ консисторіи мною полученъ, въ которомъ, между прочимъ, въ 8 пунктѣ о искорененіи языческихъ идолослуженія слѣдовъ изображено; а понеже въ моемъ приходѣ, у дѣвицы Ксеніи Олейниковой вечерницы собирались, то я по должности своей оную дѣвицу о несобираніи оныхъ вечерницъ персонально и черезъ нарочно посланныхъ многажды увѣщевалъ, и городка Ольшаной сотнику Ивану Ковалевскому, дабы запретилъ оной дѣвицѣ въ свою избу вечерницы собирать, я докладывалъ; но оная дѣвица Ксенія какъ моего совѣта, такъ и сотникова запрещенія не слушала; того ради я, по должности моей, сего декабря 26 дня причетниковъ изъ онаго собранія молодцовъ и дѣвокъ разогнать послалъ, что и учинено; и сего-жъ декабря 27 дня, будучи мнѣ у вышепомянутаго сотника Ивана Ковалевскаго, невѣдомо съ какого умысла, харьковскаго полку подпрапорный Василій Самородскій, напавъ на меня нахально, безъ всякой моей передъ нимъ винности, матерно бранилъ и поносилъ скверными словами, и къ грудямъ моимъ съ тростью прискакивалъ и въ глаза и по головѣ ударить замѣрялся, сказуя: «на что ты вечерницы разгоняешь?» и ежели-бы я отъ его злаго намѣренія подъ столъ не схоронился, то мнѣ главу-бы раз-

---

[1]) *А. С. Лебедевъ*, въ „Мирѣ" 1882 г. т. I, стр. 23.

билъ и глаза-бы выткнулъ, отъ чего мнѣ учинилось не малое безчестіе и впредь въ исполненіи указовъ опасность». «Время, говоритъ по этому поводу А. С. Лебедевъ, лучшій, хотя и медлительный, цѣлитель нравственныхъ недуговъ, давно уже, къ счастью паствы и самихъ пастырей, угомонило эту пастырскую ревность къ очищенію лица родной земли посредствомъ дьячковъ отъ слѣдовъ «идолопоклонства», и современное духовенство, не снѣдаемое болѣе такою ревностью, безъ особенныхъ усилій видитъ уже полную благопристойность тамъ, гдѣ прежніе ревнители съ точки зрѣнія бѣсовщины могли видѣть лишь нечестіе».

Въ настоящее время гонителями вечерницъ, досвѣтокъ и посидѣлокъ иногда являются низшіе полицейскіе чины, урядники, подчасъ слишкомъ расширяющіе кругъ дѣятельности, намѣченной въ 5 параграфѣ инструкціи. Въ газетахъ время отъ времени появляются сообщенія о томъ, что урядники разгоняютъ вечерницы. Такъ, въ «Южномъ Краѣ» была какъ-то напечатана корреспонденція о томъ, что въ изюмскомъ уѣздѣ гавриловской волости урядникъ разгоняетъ вечерницы. Вооруженный нагайкою, урядникъ расхаживаетъ въ сопровожденіи десятскихъ каждый вечеръ по селу и, заставъ молодежъ въ домахъ на вечерницахъ, парубковъ разгоняетъ нагайкою, а дивчатъ отправляетъ подъ конвоемъ десятниковъ на ночевку въ кугузку при волостномъ правленіи.

На основаніи многочисленныхъ этнографическихъ свидѣтельствъ можно сказать, что досвѣтки и посидѣлки въ настоящее время въ Россіи, почти повсемѣстно, представляются нравственными увеселеніями молодежи. Онѣ удовлетворяютъ важной потребности предварительнаго знакомства лицъ, желающихъ соединиться супружескимъ союзомъ. Деревенская дѣвушка, воспитанная въ простыхъ и трезвыхъ понятіяхъ о супружеской жизни, смотритъ на жизнь трезвыми глазами и, сознавая въ себѣ достаточно силы воли для предохраненія себя отъ нравственнаго паденія, не боится близко сходиться съ парубкомъ на вечерницахъ въ зимнее время и не смущается въ лѣтнее время близостью купающагося нагаго парубка. Она знаетъ, что въ случаѣ потери невинности до замужества отъ нея отвернутся всѣ ея родные; она хорошо сознаетъ, какое горемычное

положеніе въ обществѣ занимаетъ незаконнорожденное дитя, «и босе, и голе». Т. Шевченко въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ, напр. въ «Катеринѣ», обрисовалъ достаточно хорошо такихъ злополучныхъ дѣтей. Въ одной превосходной малорусской пѣснѣ, козакъ, узнавъ, что соблазненная имъ дѣвушка родила ребенка, отпрашивается у пана домой на побывку:

Козакъ: Пусти-жъ мене, пане, зъ Польши на Волынне,
Пише дивча листы, що вже мае сына.
Панъ: Мигъ-бы ты, козаче, тее занехати.
Козакъ: Не можу я, пане, на инчихъ казати,
Бо моя причина, буде Богъ карати.
Прійшовъ козакъ до свитлоньки—дивчина хоруе,
Припавъ до лиженька—дивчину цилуе.

Дѣвушка обращается къ нему съ словами:

Циловала-бъ тебе лихая година,
Цураеться мене вся моя родина;
Цураеться мене ще отець и мати [1]).

Той дѣвушкѣ, которая «прошкодила», въ старинное и даже недавнее время въ Малороссіи всегда покрывали голову платкомъ. Она не отдѣлялась отъ родительскаго дома, не подвергалась преслѣдованію со стороны родныхъ и односельцевъ, а лишь получала неблаговидное имя »покрытки«. Иногда оскорбленная дѣвушка мстила обманувшему парубку, даже прибѣгала къ отравленію, что выражено въ извѣстной пѣснѣ: «Не ходи, Грицю, на вечерныци». Многочисленные свадебные обряды свидѣтельствують о томъ, что малороссіяне дѣвическое цѣломудріе цѣнятъ очень высоко. На отца и на мать нецѣломудренной невѣсты надѣваютъ хомутъ; въ домѣ родителей невѣсты разваливаютъ иногда печь; на воротахъ или на крышѣ вѣшаютъ мазницу, рогожу или заткало, которымъ затыкаютъ трубу; встаскиваютъ на крышу дома старыя сани или разъѣзженное колесо; угощеніе подаютъ въ надщербленныхъ рюмкахъ, въ разбитыхъ мискахъ, на рваной скатерти [2]).

---

[1]) *Чубинскій,* т. V, стр. 343.

[2]) Любопытныя подробности см. въ статьѣ *А. Кистяковскаго* „О цензурѣ нравовъ у народа“, напечатанной въ VIII т. Записокъ Геогр. Общ. по отд. этногр. 1879 г., стр. 191—191.

Почти всѣ этнографы, касавшіеся вечерницъ, признавали ихъ нравственными увеселеніями молодежи. Въ приложеніи къ малорусскимъ вечерницамъ здѣсь можно сгруппировать отзывы объ ихъ нравственной сторонѣ въ томъ-же мѣстномъ порядкѣ, отъ дальняго галицкаго запада до дальняго воронежскаго востока, отъ Карпатъ до Дона, въ какомъ ранѣе были сгруппированы самыя описанія малорусскихъ вечерницъ. Галичанинъ г. Лепкій, помѣщающій на страницахъ львовской газеты «Зоря» любопытныя этнографическія замѣтки о галицкой Руси, на основаніи личнаго знакомства съ галицкими вечерницами говоритъ слѣдующее: «я не знаю, якимъ способомъ прійшлось-бы молодымъ людямъ на селѣ перепхати довги зимови вечеры, наколибъ не то ти весели вечерницѣ. Неразъ парень або дѣвчина при цѣпѣ або при жорнахъ, горюе цѣлѣсенькій день, томить ся, працюе, якъ волъ у ярмѣ, прійде вечѣръ, пойде собѣ на весели вечерницѣ и тамъ середъ молодечого гумору, середъ тысяча розличныхъ казокъ, обрядовъ, ворожбы, затихають на серци всѣляки муки, здае ся, що и руки якось такъ тяжко не болять одъ роботы, а на души колише ся радость, поки та молодеча веселость перемѣшана зъ дѣвочимъ та парубочимъ гуморомъ. Кто хоче добре познати нашъ простый людъ зъ его веселои стороны, кто хоче наслухати ся его прехорошихъ казокъ, зимовымъ обрядамъ, а при томъ познати свѣтоглядъ нашого селянина, той най иде на вечерницѣ. Менѣ ще до нынѣшного дня гомонять въ ушахъ розлични переспѣвани на вечерницяхъ дѣвчатами та паробками пѣсни, привиджують ся розлични ворожбы та обряды, а въ конци пригадують ся казки, котрыхъ я маленькимъ хлопцемъ въ батьковской хатѣ на вечерницяхъ наслухавъ ся» [1]).

Говоря о вечерницахъ юго-западнаго края, Чубинскій замѣчаетъ, что парубки «никогда не позволяютъ себѣ вступать съ дѣвушками въ интимныя сношенія, а напротивъ каждый парубокъ заботится о своей невѣстѣ и бережетъ ее. И горе той дѣвушкѣ, которая позволитъ себѣ вступить съ кѣмъ либо въ интимныя сношенія! Ее опозорятъ и не пріймутъ въ компанію; въ ту-же самую ночь парубки «выставлять ворота коло іи двора, наколотять сажи зъ водою та пообмазують зо всихъ бокивъ хату [2]).

---

[1]) *Зоря,* 1885 г., № 3.

[2]) *Чубинскій,* т, VII, стр. 451.

Подобнаго рода свидѣтельство имѣется относительно вечерницъ полтавской губерніи. И здѣсь «вечернія и ночныя собранія молодежи основаны на самой чистой, строгой нравственности. Ни парень, ни дѣвушка не позволятъ себѣ нескромности, оскорбляющей добрые нравы» [1]).

Священникъ Никоновъ, описывая вечерницы малорусскихъ крестьянъ воронежской губерніи, объ ихъ нравственной сторонѣ говоритъ слѣдующее: «властямъ, руководящимъ нравственнымъ преуспѣяніемъ нашего народа, всегда казалось и вѣрно всегда будетъ казаться, что малороссійскія вечерницы—порожденіе князя тьмы, омутъ разврата и гибель всего лучшаго въ человѣкѣ; отсюда тѣ строгія и длинныя инструкціи, которыми въ избыткѣ надѣляются молодые дѣятели на поприщѣ нравственнаго руководства поселянъ, отсюда и та ревность не по разуму у сихъ послѣднихъ, отъ которой приходы нерѣдко болѣе страдаютъ, чѣмъ благоденствуютъ и преуспѣваютъ... На самомъ дѣлѣ вечерницы тоже у низшаго класса, что домашніе вечера у высшаго, по крайней мѣрѣ они ни чуть не безнравственнѣе бальныхъ танцевъ и гораздо нравственнѣе маскарадовъ; а если посерьёзнѣе посмотрѣть на послѣдствія сказанныхъ увеселеній у тѣхъ и другихъ, если обсудить цѣль собранія молодежи тамъ и здѣсь, то выйдетъ, что престѣдовать на вечерницахъ рѣшительно нечего... если не хотятъ только одной безполезной ломки національныхъ вѣковыхъ обычаевъ, которые вообще не уступаются народомъ дешево» [2]).

Число свидѣтельствъ о нравственномъ характерѣ малорусскихъ вечерницъ можно значительно увеличить. Достаточно будетъ добавить, что о томъ-же говорятъ Аѳанасьевъ-Чужбинскій въ Словарѣ малор. нарѣчія (стр. 101) и Н. И. Костомаровъ въ «Бесѣдѣ» 1872 г. (т. IV, стр. 49).

Существуетъ значительное число свидѣтельствъ о томъ, что великорусскія посидѣлки и увеселенія на нихъ также вполнѣ нравственны, притомъ свидѣтельства о нравственномъ характерѣ великорусскихъ посидѣлокъ большею частью исходятъ отъ такихъ безпристрастныхъ судей, какъ сельскіе священники. По словамъ Жаравова [3]) и свящ.

---

[1]) *Этногр. Сборн.* т. III, стр. 32.

[2]) *Никоновъ,* въ „Трудахъ Вольно-Эконом. Общ., 1874 г., т. III, стр. 332.

[3]) *Москвитянинъ,* 1853 г., т. XIII, стр. 3.

Доброзракова [1]), въ архангельской и нижегородской губерніяхъ парни, посѣщающіе вечеринки, держатъ себя вполнѣ благопристойно.

Замѣченный этнографами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечериночный развратъ представляется такимъ образомъ остаткомъ первобытной, почти животной простоты половыхъ отношеній. Нельзя отрицать возможности въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникновенія вечериночной распущенности нравовъ въ позднее время, какъ результата вреднаго, развращающаго вліянія заводовъ и фабрикъ. Мнѣ приходилось наблюдать черезъ знакомыхъ парубковъ за вечерницами въ двухъ малорусскихъ селахъ харьковской губерніи, отстоящихъ одно отъ другаго на разстояніи около двадцати верстъ. Одно село глухое и бѣдное, съ плохенькой школой, съ небольшой деревянной церковью; другое село торговое, богатое, вблизи сахарнаго завода, съ образцовымъ двукласнымъ училищемъ, съ четырьмя каменными церквами, съ признаками измѣненія народныхъ обычаевъ, выражающимися, между прочимъ, въ томъ, что всѣ женщины приняли мѣщанское платье. Въ глухомъ селѣ вечерницы не вызываютъ порицанія со стороны благонамѣренныхъ мѣстныхъ стариковъ, потому что проходятъ мирно, тихо. Въ богатомъ селѣ на вечерницахъ случается буйство, драка; бываетъ, пьяные парубки стучатъ въ окна и требуютъ, что-бы ихъ впустили въ хату, когда уже потушена свѣча, причемъ бьютъ окна, разламываютъ тыны, портятъ печь. Неудивительно, что мѣстное населеніе относятся къ вечерницамъ очень враждебно и не даетъ для вечерницъ хаты.

На вечерницахъ бываютъ иногда ссоры и драки, кончающіяся даже убійствами; но все это бываетъ такъ рѣдко и самыя убійства и членовредительства совершаются при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ и большею частью по такимъ исключительнымъ мотивамъ, что вмѣнить ихъ въ вину собственно вечерницамъ нѣтъ возможности. Такъ, въ прошломъ 1885 году въ г. Богодуховѣ харьковской губерни досвитковые парубки убили одного изъ своихъ товарищей, «позволявшаго себѣ оскорбить цѣломудренный характеръ вечерницъ» [1]). Въ с. Стецовкѣ, александрійскаго уѣзда херсонской губерніи, парубокъ, не успѣвъ расположить къ себѣ на вечерницахъ

[1]) *Этногр. Сборн.* т. I, стр. 55.
[2]) *Харьк. Губ. Вѣд.*, 1885 г., № 279.

одну дѣвушку замѣчательной красоты, нанесъ ей такіе побои, что дѣвушка впала въ умопомѣшательство [1]). Здѣсь кстати будетъ упомянуть объ одномъ часто повторяющемся газетномъ сообщеніи. Въ «Южномъ Краѣ», потомъ въ «Зарѣ» 1884 № 25, переданъ былъ такой чудовищный фактъ: «въ м. Боркахъ, зеньковскаго уѣзда, собрались «парубки» и «дивчата» на «досвитки», причемъ каждый захватилъ изъ дому кое-что нъ «вечерю», кто пшена, кто сала и т. п. Недоставало только мяса. Посовѣтовавшись между собою, «парубки» рѣшились украсть гдѣ нибудь барана, причемъ жребій палъ на одного зажиточного казака изъ того же мѣстечка, у котораго и выкрали изъ овчарни овцу. Снявъ уже шкуру и приготовивъ мясо, «парубки» вдругъ вспомнили, что между ними находится дочь того самаго казака, у котораго украдена овца. Испугавшись послѣдствій, похитители рѣшились покончить съ опасной свидѣтельницей и, не долго думая, схватили ее, заткнули ротъ коноплей, связали и зарыли въ землю. Скрыть преступленіе однако же не удалось и на другой же день все обяснилось.

Такое звѣрское преступленіе можетъ навести на самыя грустныя мысли о народной нравственности и въ особенности возбудить отвращеніе къ вечерницамъ. Мы, однако, сильно сомнѣваемся въ самой справедливости сообщенія, особенно когда постоянно встрѣчаешь его повторяющимся въ разныхъ газетахъ изъ года въ годъ, съ сохраненіемъ однѣхъ и тѣхъ же ужасающихъ подробностей, только въ примѣненіи къ разнымъ мѣстностямъ. Такъ, тоже самое сообщеніе, съ небольшими амплификаціями, напечатано въ 70 № «Русск. Вѣдомостей» 1885 г. Здѣсь говорится, что преступленіе совершено на вечерницахъ въ Александровской слободѣ Міусскаго округа, что на вечерницахъ было до 30 человѣкъ. что дѣвушка грозила парубкамъ, укравшимъ ягненка, «острогомъ», что парубки, убивъ ее, зарыли въ скирду соломы. Можетъ быть, что-нибудь подобное и случилось гдѣ-нибудь и было сообщено въ газеты; затѣмъ «ужасная исторія» пріобрѣла всѣ свойства бродячей, странствующей повѣсти. Корреспондентамъ нѣтъ охоты докапываться, вѣрно или невѣрно то, что они слышатъ; нуждаясь въ матеріалѣ для корреспонденцій, захолустные корреспонденты мелкихъ провинціальныхъ

---

[2]) *Заря*, 1884 г., № 151.

газетъ рады всякому слуху, особенно пикантному, съ уголовщиной, и несутъ его услужливо въ газеты; и странствуетъ слухъ потомъ по градамъ и весямъ русской земли, обращаетъ иногда на себя вниманіе начальства и въ газетѣ является «опровѳрженіе». А сказка растетъ и движется, по тѣмъ же законамъ литературнаго странствованія, по какимъ индусскія и персидскія сказки проникли въ русскія народныя пѣсни, сказки и лубочныя картинки.

Если допустить, что вечерницы безнравственны, преступны, то и въ такомъ случаѣ насильственное уничтоженіе ихъ не подниметъ народной жизни, такъ какъ корень безнравственности, наклонности къ преступленіямъ лежалъ бы все таки не въ вечерницахъ, а въ самой народной жизни, народномъ характерѣ. Пониженіе нравственнаго уровня вечериночныхъ гуляній должно указывать на пониженіе нравственнаго характера народа, на общую болѣзнь народной жизни, и лѣчить ее нужно было бы не запрещеніями, а мѣрами созидательными въ нравственномъ отношеніи.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ТУРЕЦКІЕ АНЕКДОТЫ

ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

(Окончаніе) [1].

XII.

Подобно подставкѣ цыгана вмѣсто Наср-Эддина Ходжи, въ другихъ украинскихъ отголоскахъ его похожденій подставляется другой иноплеменникъ, *жидъ*, и также противурѣчиво.

Такъ мы слышали, какъ разсказъ «о глупыхъ жидахъ», слѣдующій анекдотецъ о Наср-Эддинѣ:

«Кто-то въ домѣ Ходжи былъ боленъ; (знакомые) пришли узнать о его здоровьи.—«Совсѣмъ было выздоровѣлъ утромъ, отвѣчаетъ тотъ, но теперь умеръ» [1]).

XIII.

«Глупость жидовъ» выведена и въ болѣе длинномъ разсказѣ о возвратившемся съ того свѣта: разсказъ этотъ напечатанъ у Чубинскаго въ двухъ варіантахъ. Въ первомъ [2]) жидъ шинкарь поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, а шинкарка осталась дома. Къ ней приходитъ «пьянюжка, та сивъ, та й дума». Еврейка спрашиваетъ его: «видкиля ты, чоловиче, йдешь?»—«Зъ того свита», каже.—«Ци не бачивъ ты тамъ мого батька, та ёго (мужа) матери».—«Чомъ же не бачивъ? бачивъ!»—«Сцо-жъ вони роблять?»—«Що роблять? Батькомъ твоимъ лозу въ пекло возять, а мати гола, боса, та ще простоволоса, кизъ пасе».—«Ну, росказы бо, росказы дрибнисѣ», пристала она къ нему. —«Ну, давай осьмушку, такъ роскажу».

Такимъ образомъ пьяньчужка выманилъ у жидовки нѣсколько осьмушекъ, вещи для передачи родственникамъ на томъ свѣтѣ и

---

[1]) См. „Кіев. Стар.", феврал. кн. 1886 г., стр. 209—236.

[2]) Sottisier, CCLIX; Plais, XLVI.

[3]) Труды Этногр.-стат. эксп., т.II, 577—578.

коня, очевидно, для болѣе скорой доставки. Возвратившійся жидъ самъ садится на коня догонять обманщика. Догнавши, онъ простираетъ свою глупость до того, что говоритъ пьяньчужкѣ: «ну подержъ коня, а я побижу въ лисъ та выломаю лозину, бо ничимъ тебе бити». Конечно пьяньчужка уходитъ съ лошадьми, а жидъ, вернувшись домой, оправдывается передъ женою: «воно якъ росказало мени, сцо тамъ робиться на тимъ свити, такъ я й свого коня ёму дало!»

Въ другомъ варіантѣ начало, плохо привязанное къ этой темѣ, принадлежитъ къ другому сюжету, а дальше идетъ сходная съ предидущимъ исторія, только прохожій сообщаетъ, что родители евреевъ на томъ свѣтѣ воду возятъ дя песокъ, и не получаетъ отъ жидовки коня. Полученіе коня у жида разсказано такъ: «догоня (жидъ), коли чоловикъ той побачивъ жида, та швидче до дерева, та притулився спиною, та й стоить. Отъ жидъ и пита: «ци не бацивъ ты, ци не ишовъ тутъ цоловикъ?»—«Бачивъ, каже; оце недавно пройшовъ». —«Будь ласкавъ, дожени ёго, я тоби коня свого дамъ».—«Э, не можна, мени треба дерево держати!.. Хиба подержишъ дерева, а я поиду». Воротившись домой, жидъ на вопросъ жены отвѣчаетъ: «догнавъ, та якъ роспитався, такъ и коня ще давъ, щобъ на ихъ тамъ не возили» [1]).

Эту самую исторію мы походимъ въ шуткахъ Наср-Эддина безъ всякихъ жидовъ.

«Разъ, когда Ходжа плелся грустный, онъ встрѣтилъ одну женщину.

— Откуда ты идешь въ такомъ видѣ, Ходжа? говоритъ она ему.

— Возвращаюсь изъ ада!

Баба начинаетъ плакать.

— Не видѣлъ ли ты тамъ моего сына? продолжаетъ она.

— Видѣлъ; вѣдь онъ умеръ, не уплативъ долга, такъ его не пускаютъ въ рай.

— А какъ великъ его долгъ?

— Тысяча аспровъ; жена его, добавляетъ Наср-Эддинъ, въ раю, а мужъ никогда не можетъ попасть туда иначе, какъ за тысячу аспровъ.

---

[1]) Труды этногр.-стат. эксп., г. II, стр. 572—573.

— А когда ты, спрашиваетъ баба, назадъ туда воротишься?

— Сейчасъ же.

— Ну, говоритъ ему она; вотъ тысяча аспровъ; бѣги немедля, кончи это дѣло!

Возвращается она домой; мужъ былъ тамъ.

— Я получила новости о нашемъ сынѣ, говоритъ она; такъ какъ онъ не могъ войти въ рай иначе, какъ за 1000 аспровъ, то я ему передала ихъ.

— Кому же ты дала эти деньги?

— Ходжѣ.

Не медля мужъ бѣжитъ въ догонъ за послѣднимъ. Насръ-Эддинъ, видя его, бѣжитъ въ мельницу.

— Видишь ты этого человѣка, который бѣжитъ? говоритъ онъ мельнику; это судебный приставъ идетъ тебя арестовать.

— Что жъ мнѣ дѣлать? говоритъ мельникъ, весь перепуганный.

— Бери мое платье, я надѣну твое, полѣзай на это дерево и сиди тамъ.

Едва они помѣнялись платьями, и мельникъ успѣлъ спрятаться на деревѣ, какъ прибѣгаетъ тотъ мужъ. Но онъ видитъ только Ходжу, переодѣтаго мельникомъ, который тотчасъ же принимается глядѣть на дерево. Человѣкъ тоже смотритъ и видитъ тамъ мнимаго Ходжу. Такъ какъ онъ былъ на лошади, то слазитъ, даетъ ее держать мнимому мельнику, потомъ, что-бъ не испортить платья, взбираясь иа дерево, раздѣвается. Не долго думая, Ходжа схватываетъ его платье и садится на лошадь.

— Товарищъ, кричитъ онъ своей жертвѣ, удаляясь, не узнаешь ли ты меня теперь?

При этихъ словахъ, бѣдный мужъ оставляетъ аттаку на мельника, слѣзаетъ съ дерева и возвращается домой, голый и безъ лошади.

— Ну, спрашиваетъ его жена, что-жъ ты сдѣлалъ?

— Я догналъ Ходжу; все, что онъ тебѣ разсказалъ, правда, сказалъ онъ, что-бъ избѣжать упрека, и въ награду за его доброе намѣреніе, я далъ ему коня и платье» [1]).

---

[1]) Sottisier, CCXIX.

Что-бъ отмѣтить извѣстную долю реализма въ этой каррикатурѣ (очевидно сатирѣ на вымогательства ходжей),[1] мы напомнимъ, что Ходжа, конечно, долженъ былъ пользоваться извѣстнымъ довѣріемъ и кромѣ того отличался особою одеждою,—обстоятельство, дѣлающее хоть нѣсколько правдоподобною послѣднюю половину разсказа. Сравнивъ въ подробностяхъ турецкій и украинскіе разсказы, мы увидимъ, какъ въ послѣднихъ перепутаны и плохо переданы частности и мотивы перваго, что уже одно говоритъ въ пользу относительной оригинальности турецкаго разсказа.

Подобно анекдоту о говорящемъ мертвецѣ, и этотъ распространился у разныхъ европейскихъ народовъ, болѣе или менѣе отклоняясь отъ турецкаго оригинала въ подробностяхъ и наконецъ перепутываясь съ мотивами изъ другихъ разсказовъ родственнаго характера [2]).

Извѣстенъ еще одинъ украинскій варіантъ этой же исторіи, не только болѣе гладкій по разсказу, но и съ большими усиліями осмыслить мотивы дѣйствій и обставить ихъ мѣстными бытовыми чертами. Это разсказъ: «*Чоловикъ видъ Богу*», помѣщеный у г. Шейковскаго, въ «Бытѣ Подолянъ» (вып. II, 68—72). Тутъ обманъ жидовки обусловленъ тѣмъ, что она невѣрно понимаетъ отвѣтъ мужика, что

---

[1]) Въ родѣ корсиканской о томъ, какъ священникъ берется вывести отца крестьянина изъ чистилища (Ortoli, Les contes pop. de l'île de Corse. P. 1883, 273—277).

[2]) Проще сохранилась основная тема въ бискайскомъ варіантѣ (Vinson, de folk-lore du pays Basque, 112—114), во французскихъ (Jeanne et Brimboriau, въ Romania, 1877, 548—550, Mélusine, 1878, 135), въ бретонскомъ (Mélusine, 1878. 133), въ англійскомъ (Mélusine, 1878, 352), валашскомъ (Schott, Walach. Märchen, № 43); дальше отъ турецкаго и вмѣстѣ нашего варіанты: моравскій (Wenzig, Westslavisches Märchenschatz, 41—44), нѣмецкій (Grimm, № 104) и великорусскій (Аѳанасьевъ, т. III, стр. 344—352). Дальше этихъ всѣхъ жмудскій (Weckenstedt, Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten, 1883, V—VI, 42—43). Старонѣмецкій писанный варіантъ находится въ книгѣ крещенаго еврея, францисканца Паули Schimpf und Ernst (первое изданіе въ 1522). Здѣсь роль Ходжи исполняетъ странствующій школяръ; разсказъ простъ, близокъ къ турецкому, но переодѣваніе мельникомъ уже опущено, а дерево превратилось въ лѣсъ, въ который будто-бы ушелъ обманщикъ (Schimpf und. Ernst, 85—ste Publikation des Liter. Vereins in Stuttgart, 274, № CCCLXIV). По канвѣ Паули, Гансъ Саксъ (1495—1576) сдѣлалъ комедію (въ родѣ нашихъ интермедій) Der Schwank von dem fahrenden Schüler im Paradies.

онъ идетъ *видъ Богу*, т. е. отъ рѣки, которая по малорусски называется Богомъ а не Бугомъ [1]). Во второй половинѣ подпираніе дерева мотивировано особымъ видомъ панщины [2]). Панщину встрѣчаемъ мы въ этомъ варіантѣ и въ аду. «Чоловикъ видъ Богу» говоритъ жидовкѣ, что ея отецъ возитъ на себѣ дрова и тѣмъ отправляетъ панщину, и на восклицаніе жидовки: «Ой вей міръ! то й тамъ панщину!» отвѣчаетъ злою, хотя, по ходу разсказа, въ разговорѣ съ жидовкой, совсѣмъ лишней картинкой:

— А ты думала, що тамъ нема панщины? Паны й тамъ панами! Воны соби сидять у котлахъ зо смолою, а мы пидкладаемъ дрова пидъ котлы, роспалюемъ, мишаемъ у котлахъ смолу, щобъ панамъ добре було въ ній, щобъ воны добре укипилы.

Эта уже *чисто украинская* вставка обратилась потомъ въ самостоятельный анекдотецъ, у Чубинскаго (т. II, стр. 648).

«Иде бидный мужикъ дорогою, а панъ йде шистьма киньми и пытаеться ёго:

— А звидки ты, чоловиче?

А винъ каже:

— Съ тамгого свиту.

— А що жъ, каже, наши батьки роблять?

— А що жъ, вельможный пане; панамъ всюды добре; къ котлахъ сидять, люльки палять, а бидный мужикъ дрова рубае и пидъ ними палить.

А той панъ каже:

— А неправда, дурню!

---

[1]) Подобнымъ же каламбуромъ старается осмыслить разсказъ и англійскій варіантъ, въ которомъ обманщикъ является изъ Whitehaven (Бѣлая гавань), а баба слышитъ вм. *haven—heaven* (небо).

[2]) Это подпираніе, котораго нѣтъ ни въ какихъ другихъ варіантахъ, очевидно, образовалось изъ воспоминанія о деревѣ въ варіантѣ Наср-Эддина. Въ варіантѣ валашскомъ невозможность обманщику сойти съ мѣста мотивирована тѣмъ, что онъ будто держитъ подъ шапкою рѣдкую птицу; тоже и въ моравскомъ и въ великорусскомъ варіантѣ, въ которыхъ впрочемъ этотъ обманъ продѣлываетъ не тотъ, который будто-бы пришелъ съ того свѣта, а мужъ или сынъ обманутой бабы, который идетъ искать людей глупѣе ея. По словамъ г. Де-Губернатиса, подобный разсказъ есть и въ Италіи (Mythologie Zoologique, I, 217). Очевидно, и эти послѣднія разновидности, начиная отъ валашской, должны имѣть своего предка на Востокѣ.

И взявъ, застыдився и поихавъ».

Тутъ украинскій юморъ попалъ въ свою сферу и нашелъ должное количество соли и сжатую ловкость разсказа [1]).

XIV.

Одинъ изъ вышеупомянутыхъ варіантовъ Чубинскаго о передачѣ посылокъ на тотъ свѣтъ привязанъ къ такому вступленію:

«Повизъ мужикъ продавать гарбузы. Прыйшовъ жидъ та й каже:

— Цоловице, цоловице! Сцо тоби за цей гарбузъ?

— Сто рубливъ, каже.

— А цого се винъ такій дорогій?

— А, бачъ, якъ посидишъ на цимъ гарбузи, то высидишъ такого жеребця, що ніяка тройка не збижить.

Отъ жидъ и купивъ той гарбузъ; принисъ до дому, сивъ на нёму и сидить. А жидивка й каже:

— Та буде вже тоби сидить! винъ вже просмердився; выкинь ёго геть.

Отъ жидъ и понисъ, а передъ хатою бувъ гаёкъ. Винъ якъ кинувъ ёго пидъ кущъ, а тамъ бувъ заяць, та якъ выскочить видтиля, а жидъ давай кричать: косюроцка, косюроцка!.. Приходить жидъ до дому и почавъ лаять жинку:

— А сцобъ ты не造 дала мене посылать выкидать ёго! Сце якъбы троски посидивъ, тобъ заребець вылизъ; а то якъ выскоцивъ, та такій хоросый, а я—косюроцка, косюроцка, а винъ и втикъ [2])».

---

[1]) Подробность о возьбѣ дровъ въ пеклѣ, обращенная съ жида на пана, встрѣчается, какъ вставка, въ фантастическую сказку объ исполненіи трудныхъ задачъ у г. Рудченка (Южн.-рус. нар. сказки, т. I, стр. 96). Въ жмудскомъ варіантѣ видно то-же желаніе внести соціальную идею въ чужой разсказъ о „человѣкѣ съ неба"; тутъ обманщикъ говоритъ бѣднымъ, что ихъ родичи живутъ на томъ свѣтѣ хорошо, и обираетъ только богатыхъ. Нѣчто въ родѣ вышеприведеннаго украинскаго разговора мужика съ паномъ встрѣтили мы у трансильванскихъ нѣмцевъ въ разсказѣ о состязаніи барина и мужика въ изобрѣтеніи лжи, которая должна показаться другому невѣроятной. Мужикъ говоритъ, что онъ видѣлъ, какъ „на небѣ сидятъ за длиннымъ столомъ одни мужики и пьютъ сладкое вино, а въ аду заключены все баре, и черти поджариваютъ ихъ на спицахъ". Баринъ кричитъ: „врешь, врешь!" -и проигрываетъ закладъ (Haltrich, op. cit., 58). Интересно, что въ Грузіи состязанія въ выдумкахъ приписываются Насръ-Эддину (Бебуръ Б. op. cit., 45—47).

[2]) Труды, т. II. стр. 571—572.

Вступленіе это есть въ свою очередь отголосокъ отдѣльнаго разсказа о Наср-Эддинѣ, въ которомъ роль глупаго жида играетъ самъ Наср-Эддинъ. Вотъ этотъ разсказъ.

Ходжа собирался разъ рубить дрова въ горахъ. Онъ взялъ съ собою арбузъ (кавунъ) и отправился. Но по дорогѣ арбузъ выпалъ изъ подъ руки и покатился внизъ. На томъ мѣстѣ спалъ заецъ; перепуганый арбузомъ, онъ бросился бѣжать.

— Какой грубый промахъ далъ я, вскричалъ Ходжа, при видѣ зайца: арбузъ-то былъ беременный; онъ родилъ-бы мула!

Съ этими словами онъ пошелъ себѣ и сталъ рубить дрова безъ перерыву. Воротившись домой, онъ разсказалъ женѣ свое приключеніе.

— Ахъ, мужъ мой, вскричала жена: нужно было взять его (мула) и привести сюда, чтобъ ѣздить на немъ въ садъ и огородъ.

Тутъ Ходжа беретъ палку въ руки и говоритъ:

— Слѣзай сейчасъ; онъ еще слишкомъ молодъ; ты ему сломишь спину [1])!

Какъ видимъ, тутъ Ходжа является не такимъ уже набитымъ дуракомъ, какъ жидъ въ нашемъ варіантѣ. Но все таки и въ турецкомъ разсказѣ есть несообразности, слишкомъ большія даже для каррикатуры. Дѣло въ томъ, что турецкій разсказъ самъ отголосокъ индійскаго, котораго примѣръ находимъ опять въ упомянутыхъ выше приключеніяхъ жреца Парамарта и его учениковъ.

Тутъ дѣло начинается съ того, что одинъ изъ учениковъ вышелъ изъ монастыря искать пропавшую корову и пришелъ въ поле, гдѣ увидѣлъ на плотинѣ много кобылъ, а сбоку какія-то круглыя вещи (тыквы), какихъ онъ никогда прежде не видѣлъ. На вопросъ его, что это такое, мужики отвѣтили ему: «какъ, ты не знаешь столь обычныхъ вещей? Это кобыльи яйца». Монахъ спросилъ, можно-ли ихъ купить и за какую цѣну?—и получилъ отвѣтъ: «это не наши, но вѣрно можно; обыкновенно продаютъ ихъ по 5 пагодъ» (около 15 рублей).

Здѣсь мы должны напомнить читателю, что индійскіе отшельники выбираютъ себѣ обыкновенно для жилья дремучіе лѣса, такъ что каррикатурное вмѣненіе монахамъ Парамарта незнанія, что

---

[1]) Sottisier, LXXXIV.

такое тыква, не такъ уже несообразно, какъ подобные разсказы о Ходжѣ, или о нашемъ жидѣ.

Довольный открытіемъ, ученикъ возвращается въ монастырь и получаетъ полномочіе съ товарищемъ купить кобылье яйцо. Пока они ходятъ, въ монастырѣ идетъ разсужденіе о томъ, что недостаточно добыть конское яйцо, а надо еще высидѣть его. По очереди монахи доказываютъ каждый, что они не могутъ, имѣя спеціальныя обязанности, сидѣть на яйцѣ; тогда за это берется самъ настоятель, такъ какъ у него весь день свободенъ. Между тѣмъ два монаха приходятъ къ хозяину тыквъ покупать кобылье яйцо. Сообразивъ по первому ихъ вопросу, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, мужикъ заявляетъ покупателямъ, что онъ возьметъ дорого, такъ что врядъ-ли они въ состояніи заплатить такія деньги.—«Что?! восклицаютъ хитрые покупатели: ты думаешь, намъ это впервые? За дураковъ, что-ли ты принимаешь насъ? Мы знаемъ прекрасно цѣну этихъ яицъ; ихъ вездѣ можно купить за пять пагодъ!» Мужикъ соглашается уступить «собственно для нихъ», но съ условіемъ, чтобъ никому не разсказывали, иначе ему невозможно будетъ продолжать торговлю. Въ восторгѣ отъ сдѣлки, монахи спѣшатъ домой, при чемъ одинъ несетъ яйцо на головѣ и толкуетъ о прелести монашескихъ подвиговъ и добродѣтелей, за которыя дается такая награда, какъ пріобрѣтеніе за ничтожную плату столь дорогой вещи, какъ вдругъ несущій наталкивается на вѣтку дерева; тыква катится, разбивается и спугиваетъ зайца. Монахи принимаютъ его за лошенка и бѣгутъ догонять, но напрасно. Пробѣгавъ цѣлый день, изодранные, оцарапанные, разбитые возвращаются они въ монастырь и въ отчаяніи разсказываютъ свое горе, расхваливая того лошенка, какого они потеряли. Настоятель успокаиваетъ ихъ, говоря, что если лошенокъ маленькій да уже обнаружилъ такую живость, то, выросши, врядъ-ли и подпустилъ бы къ себѣ кого нибудь, а потому онъ самъ я не рѣшился-бы и ѣздить на немъ [1]).

Сравнивъ эту редакцію съ турецкою, явно видимъ, которая изъ нихъ оригиналъ, а которая отголосокъ, а также видимъ, что турецкая редакція, хотя и плоховато, усвоила начало разсказа, а во второй половинѣ усложнила основную тему мотивомъ пылкости фантазіи женской, которую мужъ укрощаетъ, становясь на ея-же

[1]) Sottisier, XXXIV, 15—27.

точку зрѣнія [1]). Въ такомъ усложненномъ, очевидно *литературномъ* видѣ, разсказъ этотъ и не могъ удержаться въ устной словесности, которой болѣе по плечу была первоначальная индійская редакція, каковая, конечно, распространилась и по передней Азіи. Этимъ и должно быть объяснено то обстоятельство, что варіанты этого разсказа мусульманскіе и европейскіе, въ томъ числѣ и украинскій, ближе къ индійскому, чѣмъ къ вышеприведенному Наср-Эддинову.

Изъ этихъ варіантовъ намъ извѣстны два *алжирскіе:* арабскій [2]) и кабильскій [3]), *хорватскій* [4]) и нѣсколько *французскихъ* [5]).

Въ Италіи заключеніе этого анекдота (заецъ, выбѣжавшій изъ подъ куста) прицѣпилось къ довольно распространенной шуткѣ о мужчинѣ, вообразившемъ себя беременнымъ, вслѣдствіе подмѣны бутылки съ жидкостію, приготовленной для медика [6]). Ту-же самую комбинацію находимъ и въ разсказахъ въ В. Бретани [7]) и въ старонѣмецкомъ стихотвореніи Der Swanger Münch [8]).

---

[1]) Эта приставка напоминаетъ развязку мечтаній простоватой пары въ 21 гл. монгольской книги Шидди-Куръ (передѣлка съ индійской); здѣсь жена мечтаетъ купить на выручку отъ найденныхъ клочковъ шерсти ослицу, чтобъ отъ нея получить осленка. При этомъ мальчикъ глупой пары пролепеталъ: „я на немъ буду ѣздить". Мать кричитъ: „ты переломишь осленку спину!"—и бьетъ сына по головѣ. Мальчикъ умираетъ (Jülg. Mongolische Märchen. Innsbruck, 1868, 42—43). Подобная параллель знаменитой баснѣ о разбитомъ горшкѣ (Панчатантра, V, 9) увлекла турецкаго разсказчика отъ первой темы. Мы слышали, что разсказъ, совершенно подобный монгольскому, существуетъ въ Великороссіи.

[2]) Въ книгѣ Pharaon—Spahis, Turcos, Goumiers. P. 1864, 200—203.

[3]) Rivière, Recueil de contes pop. de la Kabilie, 1882, 173—174, l'enfant et la pastèque.

[4]) Krausz, Sagen und Märchen der Südslaven, 1884, II, № 114.

[5]) Sébillot, Contes populaires de la Haute-Bretagne, 2—série, 1881, № XLVIII, Mélusine, 1885. 423, 493.

[6]) Pitrè, Fiabè, № CCLXIII; тамже IY, 413—414, id. Novelle p. toscane, № LXY, prete pregno.

[7]) Κρυπτάδια, II, 91—99.—Въ одномъ изъ послѣднихъ начало о томъ, какъ малообразованный священникъ считаетъ дни недѣли по яйцамъ, которыя несетъ ему курица и пропускаетъ воскресенье, потому, что служанка съѣла одно яйцо, напоминаетъ разсказъ, какъ Наср-Эддинъ считаетъ по камушкамъ дни Рамазана и какъ дочка его бросила въ его горшокъ двѣ горсти камушковъ (Sottisier, XLI). Нѣкоторое, впрочемъ очень отдаленное, подобіе этого разсказа представляетъ разсказъ у Рудченка.—Южно-рус. нар. ск., т. II, стр. 198—199.

[8]) V. Hagen, Fesammtabenteuer, 1850, № XXIV. Тамже и обзоръ близкихъ варіантовъ.

Всѣ европейскіе варіанты о высиживаніи мула или лошади лишены всякаго общественно-сатирическаго смысла; приписывая приключеніе по большей части набитому дураку, нѣкоторые изъ нихъ приноровлены для сосѣдскаго зубоскальства, какъ напр. одинъ изъ французскихъ разсказовъ о жителяхъ городка *St. Maixent* и огородникахъ въ окрестностяхъ *Niort* и нашъ о жидѣ. Кабильскій варіантъ даже конфузится приписывать приключеніе кому либо иному, кромѣ ребенка. Хорватскій варіантъ поставляетъ дѣйствіе разсказа въ то время, когда люди въ Хорватіи не знали еще тыквъ, а сѣмена тыквы занесла птица. Послѣ опыта съ высиживаніемъ люди разсмотрѣли плодъ, добыли сѣмена и узнали, что это такое.

Изъ названныхъ выше варіантовъ мы впрочемъ считаемъ нужнымъ остановиться на арабскомъ, который интересенъ по крайней мѣрѣ для уясненія путей распространенія народныхъ разсказовъ. Здѣсь простакъ (*Bou-hémar*) покупаетъ огромную тыкву невидимаго имъ прежде рода *(Kabouïa)* и узнаетъ отъ продавца, что это яйцо, изъ котораго можно за три дня высидѣть осленка, но только надо при этомъ соблюдать безусловное молчаніе. «Бабы болтливы!» думаетъ простакъ и рѣшаетъ высидѣть яйцо самъ, не смотря на то, что жена его увѣряетъ, что это просто тыква. Что-бъ не было ужъ очень скучно сидѣть, мужъ помѣщается у окна и строго выдерживаетъ свою роль. Но на третій день онъ замѣчаетъ свою жену съ любовникомъ, и не выдержавъ, кидаетъ въ ласкающуюся пару своей тыквой и спугиваетъ кролика, котораго и принимаетъ за осленка. Съ удвоенной яростію простакъ кидается на жену.

Варіантъ этотъ явно соединяетъ въ себѣ основу украинской редакціи разсказа о высиживаніи лошенка жидомъ съ украинскою же редакціей разсказа о Наср-Эддинѣ и его женѣ, состязающихся въ продолжительности молчанія. Изъ сравненія украинскаго разсказа *Упрямая пара*, приведеннаго выше въ гл. VI, съ только что резюмированнымъ арабскимъ, оказывается, что даже существенныя особенности этой устной украинской редакціи отъ писанной турецкой должны принадлежать восточнымъ устнымъ варіантамъ [1]).

---

[1]) Обращаясь въ послѣдній разъ въ настоящей статьѣ къ похожденіямъ Парамарта, мы считаемъ не безполезнымъ замѣтить при этомъ случаѣ, что въ книжкѣ объ этихъ похожденіяхъ (31—33) находимъ и варіантъ исторіи суда цыгана у пана Потоцкаго (заплата звукомъ денегъ за пользованіе запахомъ

XV.

Разсказывая подобныя выше разсмотрѣнной исторіи о жидахъ, украинцы и сами чувствуютъ, что онѣ не очень то подходятъ къ дѣйствительности, а потому одинъ такой разсказъ у Чубинскаго (т. II, стр. 573) начинается съ такого предупрежденія: «жиды недавно стали де що тямити, а напередъ були дуже дурни». Очевидно, что подобные анекдоты служатъ теперь болѣе пріемомъ междуплеменнаго зубоскальства, чѣмъ художественно-реальнымъ, хотя-бы и каррикатурнымъ, изображеніемъ дѣйствительности. Такого зубоскальства не чужды и сами турецкіе анекдоты о Наср-Эддинѣ, въ которыхъ тоже иногда выводятся и жиды въ каррикатурномъ видѣ. Очень можетъ быть, что уже въ турецко-татарскихъ устныхъ передачахъ, отъ которыхъ собственно пошли наши вышеразобранные анекдоты, вставлены были и жиды, вмѣсто правовѣрныхъ и самаго Ходжи. А вотъ одинъ изъ разсказовъ, зашедщихъ и на Русь, въ которомъ уже въ турецкомъ писанномъ варіантѣ выставленъ жидъ съ цѣлью посмѣянія.

Разъ Ходжа прогуливался по Ак-Шеиру. — «Господи Боже мой! воскликнулъ онъ, дай мнѣ тысячу червонцевъ; я не возьму ни одной штукой меньше!» Около него случился жидъ, который подслушалъ эту молитву. Что-бъ узнать, что изъ этого выйдетъ, онъ

кушанья), переданной г. Б. П. въ Кіевской Старинѣ, 1885 г., окт. 367—470. Въ этой исторіи очень мало спеціально украинскаго „историко-этнографическаго колорита“. Она издавна распространена на Востокѣ и Западѣ (кромѣ указанныхъ см. Fables turques, trad. p. Decourdemanche, P. 1882, № LXXVII; Le Cento novelle antiche, ed. L. Cappelletti. F. 1884, nov. VII; D'Ancona, Le fonti del Novellino, Romania, 1874, 166—167: Ulenspiegel, Lappenberg, 118—119; Schimpf und Ernst, № 48). Этотъ анекдотъ съ родни разсказу о судѣ древне-египетскаго царя Бохориса въ претензіи гетеры Тониды къ юношѣ. который обладалъ ею во снѣ (Плутархъ, Demetrius, 27) и слѣдовательно принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ восточныхъ разсказовъ. Замѣтимъ, что варіантъ г. Б. П. ближе къ индійскому и старинному итальянскому (XIII в.), который, по всей вѣроятности, пошелъ отъ арабскаго,—чѣмъ къ нѣмецкимъ, а потому, по всей вѣроятности, пришелъ на Украйну прямо съ Востока. Интересно, что въ индійской повѣсти разсказъ о платѣ за запахъ сообщается человѣкомъ *низшей касты*, который является и судьею въ дѣлѣ о требованіи съ Простака платы за пользованіе тѣнью быка, какъ у г. Б. П. *цыганъ. Не сами ли цыгане и занесли къ намъ этотъ разсказъ?— вопросъ, который можно поставить и относительно многихъ другихъ разсказовъ.*

кладетъ въ кошелекъ 999 червонцевъ и бросаетъ въ отверстіе трубы Ходжи [1]). Этотъ видитъ кошелекъ на землѣ.

— Господи, кричитъ онъ, ты исполнилъ мою молитву!

Онъ открываетъ кошелекъ, считаетъ монеты и находитъ, что одной не достаетъ.

— Тотъ, кто мнѣ далъ эти монеты, дастъ мнѣ и остальную; итакъ я принимаю! говоритъ онъ. При этихъ словахъ жидъ безпокоится, бѣжитъ и стучится въ двери Ходжи.

— Добрый день, господинъ Ходжа; отдай пожалуйста мои деньги.

— Съ ума ты сошелъ, купецъ! Я обратился съ молитвою къ Богу, который никогда не обманываетъ (да будетъ прославлено имя Его!) Богъ исполнилъ мою молитву, и какъ-же эти деньги могутъ быть твоими?

— Клянусь душей моей, это все шутка; право, это я пошутилъ съ тобою.

— Я не знаю, о какой шуткѣ ты говоришь!

— Я это сдѣлалъ потому, что услышалъ будто ты не возьмешь, если будетъ одной монетой меньше.

— Но вѣдь я сказалъ, что принимаю и такъ.

— Коли такъ, идемъ въ судъ.

— Ну, я пѣшкомъ не пойду!

Жидъ приводитъ ему коня.

— Мнѣ нужно также шубу на спину.

Жидъ доставляетъ и шубу. Являются они такъ въ судъ къ кади. Тотъ спрашиваетъ ихъ о дѣлѣ.

— Этотъ человѣкъ, говоритъ жидъ, взялъ мои деньги и отказывается отдать ихъ.

— Ты что на это скажешь? спрашиваетъ судья Ходжу.

— Господинъ судья, я просилъ тысячу червонцевъ у Бога, вѣчно праведнаго (да будетъ прославлено имя Его!) Онъ исполнилъ мою просьбу, но считая деньги, я нашелъ однимъ червонцемъ меньше; не смотря на это, я принялъ деньги [2]). Теперь этотъ жидъ не только тре-

---

[1]) Вар.: подкидываетъ по дорогѣ Ходжѣ.

[2]) Въ другомъ варіантѣ объ этой недостачѣ Ходжа не разсказываетъ судьѣ.

буетъ ихъ у меня, какъ свои, но хочетъ взять еще и шубу, что у меня на плечахъ, и коня, на которомъ я пріѣхалъ.

— Да, конечно, и это мое, господинъ судья! замѣчаетъ живо еврей.

— Иди къ чорту, жидъ! заключилъ кади, и безъ дальнихъ словъ, жида палками выгнали изъ присутствія, а Ходжа спокойно вернулся къ себѣ съ конемъ и шубой [2]).

Начало разсказа не совсѣмъ ясно. Слѣдуетъ предполагать, что дѣло пошло изъ-за испытанія твердости на словѣ, на которую, какъ извѣстно, претендуютъ мусульмане вообще, а турки въ особенности. Очень можетъ быть, что первоначально анекдотъ выдуманъ былъ евреями противъ мусульманъ, а послѣ уже мусульмане повернули его противъ евреевъ и прибавили вторую половину анекдота. Интересно, что приводимый ниже русскій отголосокъ этого анекдота хотя и напуталъ по обыкновенію, но все таки передаетъ начало его яснѣе двухъ извѣстныхъ намъ турецкихъ варіантовъ, тѣмъ, что упоминаетъ о спорѣ между жидомъ и цыганомъ (замѣнившемъ Ходжу) о томъ, чья вѣра больше. Русскій разсказъ напечатанъ у Аѳанасьева (т. III, стр. 479) безъ обозначенія мѣста его записи, но въ сосѣдствѣ съ украинскимъ разсказомъ *о цыганѣ и хохлѣ*, и по языку, кажется намъ переводомъ съ украинскаго или съ бѣлорусскаго.

«Однажды заспорилъ жидъ съ цыганомъ и говоритъ ему:

— Чуешь, цыгане! ты со мною не спорь, не то худо будетъ.

— А скажи, батиньку, отъ чего-бы такъ было мнѣ худо?

— Отъ того, что вѣра наша больше вашей.

— Э, нѣтъ, батиньку! наша вѣра больше вашей. Да вотъ: если я положу на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, вѣдь ты, жидъ, не утерпишь, возьмешь деньги себѣ, а послѣ божиться станешь, что не только не бралъ—совсѣмъ не видалъ! А если ты положишь, я ни за что не возьму!

Постой, думаетъ жидъ, узнаю-же я цыганскую правду! Побѣжалъ впередъ въ ту самую сторону, куда нужно было идти цыгану, положилъ на дорогѣ девяносто девять цѣлковыхъ, а самъ за кустъ спрятался и смотритъ, возьметъ-ли цыганъ деньги, или нѣтъ.

Вотъ и цыганъ показался; дошелъ до того мѣста, увидалъ кучу денегъ на дорогѣ, остановился и думаетъ: «навѣрно, это поганой

---

[1]) Les Plaisanteries, LVI; въ вар. Sottisier (XIX) дѣло обходится безъ коня и безъ палокъ.

жидъ съ-дуру насыпалъ! дай сосчитаю». Сосчиталъ—какъ разъ девяносто девять цѣлковыхъ.

— Такъ и есть жидовскія штуки! да ничего, что всѣхъ девяносто девять; я одинъ свой добавлю—будетъ ровно сто!

Забралъ деньги, положилъ за пазуху и пошелъ куда надо.

Жидъ выбѣжалъ изъ-за куста, нагналъ цыгана:

— Такъ-то, говоришь, ваша вѣра крѣпче нашей! зачѣмъ ты забралъ на дорогѣ мои деньги?

— Какія деньги! я ихъ и не видывалъ.

— Что ты, цыгане! отдай безъ грѣха; вить я нарочно положилъ, твоей правды пыталъ!

— Отвяжись, проклятый! Что ты присталъ ко мнѣ? Я тебя совсѣмъ не знаю, впервой вижу.

Потащилъ жидъ цыгана до пана судиться.

— Э, батеньку! говоритъ цыганъ; на мнѣ одежа вся оборвана, какъ я пойду съ тобой къ пану?

— Жидъ подумалъ, что онъ не хочетъ идти къ пану—суда боится, снялъ съ себя кафтанъ:

— На! говоритъ, надѣвай мою одежу, а я твою надѣну.

Помѣнялись кафтанами и пошли къ пану судиться.

Жидъ разсказалъ все, какъ было, какъ спорили они о вѣрѣ—чья крѣпче и больше? и какъ завладѣлъ цыганъ его деньгами. А цыганъ стоитъ на одномъ: «знать не знаю, паночекъ! Привязался жидъ ни съ того ни съ сего; онъ, чего добраго, станетъ говорить, что и одежа-то на мнѣ его, а не моя!»

— Да, моя и есть!

Панъ плюнулъ имъ въ глаза и закричалъ на своихъ слугъ: «чортъ ихъ разберетъ! ведите обоихъ на конюшню, положите рядомъ да дайте кнутовъ!»

Потащили добрыхъ молодцовъ на конюшню. Жидъ кланяется, проситъ панскихъ слугъ: «голубчики! не кладите меня подъ цѣлой кнутъ, положите подъ конецъ кнута; я вамъ рубль заплачу!»

Вотъ положили ихъ рядомъ: цыгана подъ цѣлой кнутъ, а жида подъ кончикъ, и начали драть. Не такъ больно цыгану досталось, какъ его товарищу: славно ему постегали спину, едва портки натянулъ! Пошли они съ панскаго двора.

— Что, цыгане! говоритъ жидъ, будешь пана помнить? Мнѣ было горько, а тебѣ, чай вдвое; вить я недаромъ упросилъ, да тебя подъ цѣлой кнутъ подвелъ!» [1]).

Выше мы высказали предположеніе, что анекдотъ о Наср-Эддинѣ и жидѣ сводный изъ двухъ. Мы основываемъ это предположеніе между прочимъ на томъ, что оба мотива этого анекдота ходятъ по свѣту и отдѣльно. Такъ напр. въ одномъ западно-сербскомъ разсказѣ *Čovjek i 99 dukata* [2]) находимъ только первую половину турецкаго: обманъ на деньгахъ до процесса, при чемъ тутъ нѣтъ жида, а дѣло идетъ между «человѣкомъ» и «богатымъ торговцемъ». Другую же половину—обманъ на платьѣ, на процессѣ, встрѣчаемъ въ другомъ сербскомъ разсказѣ, сводномъ изъ нѣсколькихъ мотивовъ, въ числѣ коихъ находится и упомянутая выше передача ударовъ о мужикѣ-дуракѣ, потомъ плутѣ, при чемъ тутъ мужикъ обманываетъ жида [3]).

Въ Великороссіи находимъ этотъ послѣдній мотивъ въ особой юмористической комбинаціи, въ исторіи плута и Егорія Храбраго. Въ «Русскихъ нар. легендахъ» Афанасьева (№ 12) цыганъ встрѣчаетъ Егорія, который идетъ къ Богу, и проситъ его узнать у Бога, чѣмъ ему, цыгану, жить, такъ какъ онъ «работать лѣнится, а воровать боится?» Егорій забываетъ порученіе, и въ другую поѣздку цыганъ беретъ у него золотое стремя, что-бъ святой не забылъ комиссіи. Богъ отвѣчаетъ: «а цыгану то и промыселъ, коли у кого что возьметъ да утаитъ; его дѣло обмануть да выбожить». Цыганъ начинаетъ съ того, что не отдаетъ Егорію стремени, потомъ продаетъ его барину за 1500 рублей; у барина есть съ собою только 1000, которые цыганъ и получаетъ тотчасъ-же, удержавъ стремя, и когда баринъ присылаетъ съ слугой остальные 500, цыганъ, взявъ ихъ, отказывается отъ уговора, и когда его зовутъ въ судъ, выманиваетъ еще и платье, какъ Наср-Эддинъ. Другой варіантъ (безъ цыгана, а съ мужикомъ Нестеромъ) съ нѣкоторыми осложненіями, довольно демократическими, хотя плохо разсказанными, напечатанъ у Колосова

---

[1]) Другой вёликорусскій разсказъ разработалъ только первый мотивъ исторіи обмана жида, опустивъ какъ мотивъ суда, такъ и состязанія о вѣрѣ; да и этотъ первый мотивъ разработанъ въ немъ довольно своеобразно (Чубинскаго, Русскія народныя сказки, прибаутки и побасенки. М. 1864, № 29).

[2]) V. Vrcević. Nar. humor. Gatalice i varalice, 71—72.

[3]) Krausz, Sagen und Märchen der Südslaven, I, 247.

(Замѣтки о языкѣ и нар. словесности въ области сѣверо-великорусскаго нарѣчія, 203—204). Мы думаемъ, что окончательное сложеніе этого разсказа не обошлось безъ цыганской редакціи. Такой же разсказъ есть и на Украйнѣ (Рудченко, т. II, стр. 190—191, цыганъ и Юрій), съ тою розницею, что здѣсь опущена продажа стремени барину, а цыганъ прямо идетъ съ Юріемъ судиться «до пана». Такъ какъ въ украинскомъ разсказѣ мотивы перепутаны и вообще плохо переданы, то мы склонны думать, что онъ плохо усвоенъ отъ великоруссовъ. Если это наше предположеніе справедливо и если, какъ слѣдуетъ предполагать, и великорусскій разсказъ о цыганѣ и Егоріи пошелъ съ Востока, отъ одного корня съ анекдотомъ о Наср-Эддинѣ, то мы получаемъ здѣсь линію движенія на Украйну восточнаго разсказа совсѣмъ другую, противъ той, какой слѣдовàла большая часть разсказовъ, составляющихъ предметъ настоящей статьи. Тутъ нѣтъ ничего особенно удивительнаго, такъ какъ и по такой линіи прошло къ намъ много народныхъ сказаній.

Вообще линіи движенія этихъ сказаній бываютъ очень разнообразны, и интересно бываетъ видѣть въ одной и той же странѣ конечную встрѣчу варіантовъ какой нибудь повѣсти, принявшихъ по дорогѣ до того разные виды, что только тщательное сравнительное изученіе можетъ открыть ихъ родственную связь.

XVI.

У Афанасьева (т. III, стр. 478—479) находимъ еще одинъ анекдотъ о цыганѣ, записанный по великорусски, въ тверской губерніи, но который, помнится намъ, мы слышали когда-то и на Украйнѣ. Это тоже отголосокъ турецкаго анекдота, въ которомъ играетъ роль жидъ и мусульманинъ.

«Пришелъ цыганъ въ монастырь. На дворѣ-то стояла масляница, въ монастырѣ кормятъ вдоволь, ужъ онъ пожелалъ было въ монахи. Но вотъ масляница кончилась, насталъ великій постъ. Пришелъ чистый понедѣльникъ—ѣсть не даютъ; пришелъ вторникъ—ѣсть не даютъ; въ среду рано бѣжалъ цыганъ изъ монастыря. Утащилъ гдѣ-то калачъ, идетъ да и ѣстъ. Попадается ему на встрѣчу прохожій: «что ты, цыганъ, спозаранку ѣшь?»—«Да что-бы не забыть, какъ хлѣбъ-то ѣдятъ! А ты добрый человѣкъ, куда собаку

ведешь?»—«На кожевню, ободрать хочу».—«Не веди туда, сведи на монастырскій дворъ и сама околѣетъ«[1])!

Въ турецкомъ разсказѣ постъ и масляница обернуты иначе.

Разсказываютъ, что одинъ мусульманинъ провелъ всю жизнь, соблюдая предписанія Магомета. Одинъ годъ онъ сталъ ѣсть во время Рамазана (поста) съ евреями и говорилъ, что онъ обратился къ ихъ вѣрѣ; но когда наступилъ Байрамъ (нѣкоторымъ образомъ масляница), объявилъ, что онъ не ихъ вѣры.

— Что ты говоришь? заключили жиды, развѣ ты не изъ нашихъ?

— Какъ?! отвѣчалъ неофитъ; я прожилъ тридцать лѣтъ въ мусульманской вѣрѣ, и не сталъ истиннымъ магометаниномъ, а теперь бы я сталъ жидомъ только за тридцать дней! Это невозможно [2]).

XVII.

Въ противуположность вышеприведеннымъ разсказамъ, въ одномъ украинскомъ отголоскѣ анекдота о Наср-Эддинѣ роль самаго Ходжи поручена жиду, и въ этой роли жидъ является очень остроумнымъ.

Между прочими сатирическими анекдотами, направленными противъ духовнаго класса, въ собраніи шутокъ Наср-Эддина находится и анекдотъ объ утонувшемъ школярѣ-богословѣ.

Разъ говорятъ Ходжѣ, что ученикъ утонулъ.

— Что тутъ дѣлать, чтобъ вытащить его изъ воды? спрашиваютъ.

— Нѣтъ развѣ ни у кого изъ васъ кошелька? Покажите утопленнику, онъ подумаетъ, что вы ему дарите, и самъ выйдетъ изъ воды [3]).

---

[1]) Въ томъ украинскомъ разсказѣ, который мы слышали, нѣтъ ни слова о живодернѣ, тутъ дѣйствительно неумѣстной, а разсказывается, что „чоловикъ“ ведетъ *ледачу собаку* топить, цыганъ же, узнавъ объ этомъ, совѣтуетъ такъ: „отведи ее въ монастырь, то вона й сама здохне“.

[2]) Sottisier, CXXXIII.

Варіантъ вышеприведеннаго разсказа о цыганѣ въ монастырѣ у Чубинскаго (№ 19) передаетъ только основной мотивъ, не говоря ничего о собакѣ, а потому ближе къ разсказу, который приписывается Наср-Эддину.

[3]) Sottisier, XLIV. 36.—Тотъ же мотивъ въ другомъ разсказѣ:

„Разъ женщина (вар.—жена самого Ходжи) мучилась долго родами.

— Иди, говорятъ мужу, попроси Ходжу, пусть помолится; можетъ быть всевышній Богъ пошлетъ ей освобожденіе.

На Украйнѣ изъ ученика-богослова сдѣланъ былъ засѣдатель или становой, а изъ Ходжи жидъ, и весь анекдотъ обращенъ былъ въ стихотвореніе болѣе живое и гораздо болѣе злое, чѣмъ турецкій разсказъ. Стихотвореніе это или пѣсня находится у насъ въ четырехъ варіантахъ, записанныхъ отъ крестьянъ въ губерніяхъ подольской (два), волынской и кіевской. Мы приведемъ здѣсь два варіанта, болѣе короткій и удлиненный.

а) Гнався почтою засидатель [1]) на чіюсь биду,
Середъ ставу заломився на тонкимъ лёду.
Бьються соцьки, розсыльныи, бьються рыбаки,
Водять шнуры край пролому, ости и гаки;
Ажъ иде жидокъ убогій, пейсами потрясъ:
—«*Гирсте, гирсте*! ставъ питати: що таке у васъ?»
—Засидатель утопився, Господи прости!
Ходи, жидку, намъ поможешь шнуры завести.
—«*Гирсте*, на що мни шукати чужои биды?
Вы карбованця наставте, выйде самъ зъ воды! [2]).

б) Ихавъ засидатель на быстри рици,
Проломився засидатель на тонкимъ лёду.
Иде жидокъ, пейсами трясе:
—«*Гирсте, гирсте*, люде добри, що чути у васъ?»
—Охъ, що въ насъ чути?
Проломився засидатель на тонкимъ лёду!
Охъ вы хлопци-рыболовци, закидайте гостри гаки,
Будемъ тягнути засидателя зъ быстрои рики.
—«На що вамъ той клопитъ здався?
Покажить ёму карбованця, покажите й три,
То винъ самъ вылизе зъ воды.
Показали карбованця, показали й три,

Человѣкъ бѣжитъ, объясняетъ дѣло и проситъ Ходжу молиться.
— Къ чему ей мои молитвы? отвѣчаетъ тотъ. Не медля возьми орѣховъ, положи ихъ въ рѣшето, и пусть акушерка постучитъ ими передъ родильницей; какъ только дитя услышитъ орѣхи, вылѣзетъ играть ими".—Sottisier, LIX, 48, Plaisanteries, CXIV, 92.

[1]) Запис. въ с. Скулинѣ, ковельскаго уѣзда, вол. губ.

[2]) По другимъ разсказамъ, становой.

Нема нашого засидателя зъ быстрои рики!
Ото-жъ ёму чужа праця,—чортъ ёго бери! [1]).

Варіантъ *а*, очевидно, найболѣе близокъ къ первоначальному; варіантъ *б*, конечно, позднѣйшій и обнаруживаетъ въ слагателѣ его болѣе злости на засѣдателей, чѣмъ музыкальнаго уха. Во всякомъ разѣ этотъ стишокъ можно счесть довольно популярнымъ, по крайней мѣрѣ на правомъ берегу Днѣпра, отъ Балты до Ковеля. Мы впрочемъ слышали, что подобное стихотвореніе разсказывалось и около Новгородъ-Сѣверска.

XVIII.

Въ числѣ турецкихъ анекдотовъ круга Наср-Эддина находится не мало такихъ, въ которыхъ онъ является, какъ особа духовная, или въ которыхъ онъ и его собесѣдники трактуютъ о религіозныхъ предметахъ, причемъ какъ духовный санъ Ходжи, такъ и эти предметы затрогиваются далеко не почтительно, съ ироніей и скептицизмомъ. Судя по нашимъ свѣдѣніямъ, не говоря уже о печатныхъ собраніяхъ, такихъ анекдотовъ перешло на Украйну не очень много. Но все-же, кромѣ приведенныхъ выше, мы напомнимъ еще нѣсколько.

Одинъ изъ нихъ, по нашему мнѣнію, первоначально представлялъ сатиру на вопросительный пріемъ старыхъ ораторовъ, особенно духовныхъ. Вотъ его содержаніе.

Разъ Ходжа Наср-Эддинъ взошелъ на каѳедру, чтобъ наставлять и проповѣдывать народу.

— Люди, сказалъ онъ, слушайте! Знаете-ли, о чемъ я буду вамъ говорить?

— Не знаемъ, эффенди! закричалъ одинъ голосъ изъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Ходжа на ново обращается къ вѣрнымъ и говоритъ:

— Вотъ, когда вы узнаете, тогда я стану и говорить съ вами.

На другой день онъ вновь всходитъ на каѳедру и вновь начинаетъ рѣчь:

— Люди, знаете вы сегодня, что я буду говорить вамъ?

Слушатели совѣтуются между собою, какъ ему отвѣчать; одни говорятъ: знаемъ! другіе: не знаемъ.

---

[1]) Запис. въ Сквирѣ, кіев. губ.

— Ну, если такъ, то пусть тѣ, что знаютъ, научатъ тѣхъ, кто не знаетъ, сказалъ онъ, сходя съ каѳедры.

На слѣдующій день онъ опять всходитъ на каѳедру:

— Теперь, люди, знаете вы, о чемъ я буду разговаривать съ вами? [1]).

На этотъ разъ слушатели не находятъ ничего отвѣтить и молчатъ.

Тогда Ходжа Наср-Эддинъ (милосердіе Божіе да будетъ на немъ!) возвышаетъ голосъ и говоритъ:

— Воздавайте великую благодарность Всевышнему, ибо, если-бъ онъ далъ крылья верблюду, верблюдъ леталъ бы по воздуху и ушелъ-бы летая.

— Если-бъ онъ леталъ, замѣтили среди слушателей, онъ-бы могъ спускаться на наши дома.

— А что-бъ съ вами было, отвѣтилъ Ходжа этимъ завзятымъ охотникамъ отвѣчать, если-бъ онъ обвалилъ вамъ крышу? [2]).

У Аѳанасьева (т. III, стр. 536) напечатанъ подобный анекдотъ великорусскій, изъ тверской губерніи, но мы слышали нѣчто подобное и въ Малороссіи.

«Давно было. Не стало на селѣ попа. Согласились мужики избрать попа міромъ, выбрали и пошли къ дядѣ Пахому: «Пахомъ, говорятъ ему, а Пахомъ! будь ты у насъ на селѣ попомъ». Пахомъ и сталъ попомъ, да то бѣда: ни службы не знаетъ, ни пѣть, ни читать не умѣетъ. Вотъ однажды собрались міряне въ церковь, а въ тотъ день былъ большой у Бога праздникъ. Пахомъ выноситъ книгу и спрашиваетъ: «православные! знаете-ли вы эту книгу?»— Знаемъ, батька, знаемъ. Еще покойной попъ все бывало ее читалъ. — «Ну, коли знаете, нечего вамъ ее и читать». Выноситъ другую:

---

[1]) Sottisier, I.—Въ вар. въ Les Plaisanteries (I) во второй разъ на отвѣтъ слушателей: „знаемъ"!—проповѣдникъ замѣчаетъ: „что-жъ я буду говорить вамъ, чего бъ вы не знали!" Въ третій разъ, когда одни кричатъ: „знаемъ," другіе: „нѣтъ"!—проповѣдникъ говоритъ: „пусть тѣ, кто знаетъ, научитъ тѣхъ, кто не знаетъ". На этомъ варіантъ оканчивается.

[2]) Въ Les Plaisanteris мотивъ о верблюдѣ стоитъ, какъ отдѣльный анекдотъ (II) и есть пародія на разглагольствія о цѣлесообразности въ твореніи. Тутъ самъ Ходжа восклицаетъ: „о правовѣрные! благодарите многочасно Всевышняго за то, что онъ не далъ верблюду крыльевъ, а то онъ бы садился на наши крыши и сады, или падалъ бы на наши головы"!

«православные! а эту книгу знаете?»—«Нѣтъ, батька, этой не знаемъ».—«Ну такъ что-жъ вамъ ее и читать!» [1]).

XIX.

Равнымъ образомъ слышали мы, помнится, нѣчто подобное слѣдующему анекдоту о Наср-Эддинѣ и его ослѣ:

«Однажды, когда Ходжа потерялъ осла, одинъ человѣкъ сказалъ ему: «я видѣлъ, онъ теперь муэдзиномъ въ такомъ-то мѣстѣ».— Ходжа идетъ туда. Какъ разъ въ это время муэдзинъ всходилъ на минаретъ, чтобъ звать на молитву.—Откуда взялся этотъ несчастный! восклицаетъ Ходжа, при видѣ его; затѣмъ беретъ мѣшокъ, который былъ у него за спиною, и дѣлаетъ, какъ зовутъ ословъ, показывая ячмень муэдзину: чокъ! чокъ!

Муэдзинъ, съ верху минарета, видитъ, что Ходжа подаетъ ему что-то, и думаетъ, что тотъ хочетъ заставить его спуститься, чтобъ съиграть надъ нимъ какую нибудь шутку.

— Ты хочешь меня поймать, говоритъ муэдзинъ, не удастся!

Ходжа остолбенѣлъ при этомъ отвѣтѣ.

Въ слышанномъ нами разсказѣ вмѣсто муэдзина названъ дьяконъ, или дьякъ.

XX—XXI.

Отмѣтимъ въ заключеніе № CCVII въ Sottisier *(Solution théologique)*, который напоминаетъ анекдотъ: «*И духови твоему!*», а также № CLXXXIII *(Le Paradis du pauvre)*, который передаетъ основу побасенки о помѣщеніи папы въ Римъ, о заключеніи дьявола (Іуды, грѣшника) въ адъ, издавна распространенный во всей Европѣ, въ старыхъ новеллахъ Боккачіо (т. III, стр. 10), (Саккетти, стр. 101) и стихахъ Hagen, Gesammtabenteuer (№ 28), въ сказкѣ Лафонтена *Le Diable en Enfer*, а также устно (Κρυπτάδια, т. I, стр. 162, т. II, стр. 128), извѣстный и у насъ, впрочемъ, въ формѣ болѣе близкой къ западнымъ варіантамъ, чѣмъ къ турецкому. Н. В. Го-

[1]) Очевидно, память о подобномъ анекдотѣ оставила по себѣ слѣдующія, не совсѣмъ умѣстныя въ данномъ случаѣ слова въ затронутомъ нами выше разсказѣ о лѣнивомъ попѣ у Рудченка (в. II, стр. 198 - 199): „Вы, люде добри, знаете Боже слово"?—Знаемо, батюшка!—„Дакъ вамъ и казать ничого! Идить соби зъ Богомъ, да въ ту недилю прыйдете"!

голь, очевидно, имѣлъ въ памяти своей подобный разсказъ, когда писалъ въ «Ночи передъ Рождествомъ» забавный діалогъ дьяка съ «несравненною Солохою», преждевременно прерванный появленіемъ соперника.

Послѣдній разсказъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, о которыхъ трудно говорить съ должной отчетливостію. Мы замѣтимъ только, что турецкій варіантъ не лишенъ своего рода соціальной ироніи, напоминая нѣсколько подробность въ послѣднемъ романѣ Золя *Germinal:* изображеніе единственныхъ неплатныхъ удовольствій пролетаріевъ [1]). Европейскіе варіанты завладѣли этой темой съ цѣлью осмѣянія монашескаго лицемѣрія и разработали ее злѣе и вмѣстѣ гораздо скабрёзнѣе, хотя, судя по варіанту Боккаччіо, возможно, что еще мусульмане повернули эту тему противъ монаховъ Ѳиванды.

На этомъ мы окончимъ наше сравнительное обозрѣніе, за неимѣніемъ дальнѣйшаго матеріала, хотя вполнѣ увѣрены, что указанными выше прримѣрами не исчерпывается количество отголосковъ анекдотовъ Наср-Эддинова круга въ нашей народной словесности. Но и теперь, даже если отбросить нѣсколько сближеній, которыя могутъ показаться читателю слишкомъ натянутыми, у насъ набралось этихъ отголосковъ больше, чѣмъ въ сборникахъ разсказовъ другихъ народовъ, не исключая даже фацецій Поджжіо. Конечно. это слѣдуетъ объяснить прежде всего относительно малымъ вниманіемъ, какое до сихъ поръ обращали европейскіе этнографы и историки литературы на разсказы Наср-Эддинова цикла. Но не было-бы ничего удивительнаго, если-бы точно оказалось, что, послѣ балканскихъ народовъ, украинцы усвоили себѣ найболѣе разсказовъ изъ этого цикла; такъ близки и многообразны были соотношенія нашего народа съ турками и родственными имъ крымскими татарами.

Закончимъ нашу статью пожеланіемъ, чтобъ имѣющіе къ тому возможность обратили вниманіе на изученіе устной словесности остающихся еще крымскихъ татаръ, которая несомнѣнно можетъ пролить свѣтъ на многіе вопросы культурнаго обмѣна между народами нашей части свѣта.

П. Кузмичевскій.

---

[1]) Стр. 129, un seul bon moment de la journée.... un dessert qui ne coûtait rien.

СТРАНИЧКА ИЗЪ ИСТОРІИ СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ.

(Историческое прошлое суджанскаго уѣзда).

Суджанскій уѣздъ принадлежитъ къ тѣмъ мѣстностямъ Слободской Украйны, въ которыхъ двѣ народности—малорусская и великорусская—встрѣчаются лицомъ къ лицу. Эта, въ прежніе времена, не всегда мирная встрѣча перешла постепенно въ незлобное сосѣдство и сожительство, породившія въ свою очередь тѣ своеобразныя черты въ обѣихъ націоналньостяхъ, которыми характеризуются такъ называемые «перевертни». Послѣдній терминъ употребляется у насъ для обозначенія великоруса или малоросса (преимущественно послѣдняго), утратившаго нѣкоторыя, болѣе или менѣе характерныя черты своей національности. Такими «перевертнями» могутъ считаться почти всѣ жители малороссійской части суджанскаго уѣзда. Правда, они еще настолько крѣпки своей національности, что только коренной «черкасъ» или очень внимательный наблюдатель могутъ указать пошатнувшіеся національные устои. Но тѣмъ не менѣе они пошатнулись или приняли иныя формы, въ которыхъ сказался народный духъ и народное творчество. Изученіе этихъ-то формъ народной жизни, которыми суджанскій «перевертень» отличается отъ кореннаго «хохла» или «москаля», должно представлять особенный интересъ, какъ съ точки зрѣнія этнографической, такъ и болѣе широкой исторической. Опредѣленіе степени національной устойчивости, на ряду съ изученіемъ особенностей культурныхъ племенъ въ тотъ или другой историческій моментъ, всегда важны для исторической науки. Въ этомъ смыслѣ особенно желательны и интересны сообщенія изъ настоящаго и прошлаго отдѣльныхъ мѣстностей края. Статистико-экономическое опи-

саніе суджанскаго уѣзда, произведенное въ 1883 г., съ одной стороны, и земско-партійные интересы, выразившіеся, между прочимъ, въ стремленіи опредѣлить избирательныя права старозаимочниковъ и четвертниковъ, съ другой, вызвали нѣкоторое оживленіе среди мѣстныхъ дѣятелей къ изученію прошлаго своего уѣзда. Хотя въ этомъ отношеніи сдѣлано еще очень немного, но и то, что извѣстно намъ изъ личныхъ наблюденій, изъ актовъ разсмотрѣнныхъ нами, изъ сообщеній другихъ лицъ (главнымъ образомъ неизвѣстнаго «любителя старины», помѣщавшаго вызраженія на статьи г. Благовѣщенскаго) [1]) и изъ статей посвященныхъ крестьянскому землевладѣнію въ уѣздѣ и, равумѣется, изъ распространенныхъ историческихъ сочнненій, касающихся Слободской Украйны—все это въ совокупности составляетъ цѣнный матеріалъ для исторіи заселенія края и объясненія существующихъ въ уѣздѣ формъ землевладѣнія. Разработка этого матеріала мѣстной исторіи, пополняемаго мѣстными изслѣдованіями, должна благотворно повліять и на общую исторію края, въ смыслѣ ея достовѣрности и всесторонности. Эти соображенія побудили насъ попытаться составить краткій очеркъ историческаго прошлаго суджанскаго уѣзда, при чемъ подробнѣе мы остановились на заселеніи уѣзда въ XVII вѣкѣ, такъ какъ процессъ этого заселенія породилъ тѣ формы землевладѣнія, съ которыми мы встрѣчаемся теперь въ уѣздѣ. Описаніе современнаго состоянія ихъ мы думаемъ сдѣлать въ ближайшемъ будущемъ.

Во время догосударственной жизни слявянъ, мѣстность занимаемая нынѣ курской губерніей, почти на всемъ своемъ протяженіи была заселена сѣверянами. На югѣ и юго-востокѣ отъ нея начинались безграничныя степи, не имѣвшія постоянныхъ обитателей. Уже и въ то время она была окраипой славянской осѣдлости. Олегъ застаетъ сѣверянъ платящими дань хозарамъ, освобождаетъ ихъ отъ этой дани, и съ тѣхъ поръ сѣверскій край во всемъ своемъ составѣ надолго дѣлается составной частью русской земли. Часть его, находящаяся по обѣимъ сторонамъ Сейма и захватывающая верховья Сулы, Псла, Ворсклы и другихъ рѣкъ, получила названіе Посемья. Сѣверяне, населявшіе послѣднее, во время княженія Ольги, были

---

[1]) См. статьи обоихъ авторовъ въ „Еженедѣльникѣ Суджанскаго земства“ за 1885 г., №№ 27, 28, 29, 30, 38 и 29 и за 1886 г. № 1 и 2.

уже по всей вѣроятности народомъ осѣдлымъ, такъ какъ имѣли свои города. Курскъ возникъ вѣроятно еще въ X вѣкѣ, хотя въ лѣтописи о немъ говорится въ началѣ XI. Но, кромѣ Курска. сѣверяне имѣли много и другихъ укрѣпленныхъ городовъ, на существованіе которыхъ указываютъ городища, разсѣянныя по всему Посемью. Въ предѣлахъ теперешняго суджанскаго уѣзда находится нѣсколько городищъ возлѣ заштатнаго гор. Мирополья, да и сама Суджа построена, по преданію, тоже на мѣстѣ стараго городища. Возлѣ нихъ встрѣчается цѣлая масса кургановъ и могильныхъ насыпей. Въ 1829 г. г. Дмитрюковъ насчитывалъ послѣднихъ до 2 тысячъ [1]); распахано-же и срыто ихъ было еще больше, такъ что возможно съ полнымъ основаніемъ предположить объ относительной густотѣ населенія сѣверянъ въ территоріи суджанскаго уѣзда. Раскопки этихъ могилъ, произведенныя въ началѣ текущаго столѣтія тѣмъ-же г. Дмитрюковымъ, а позднѣе проф. Самоквасовымъ (въ 1872 г.), установили тотъ несомнѣнный фактъ, что сѣверяне, будучи еще язычниками, имѣли относительно высокую культуру. Найденные въ курганахъ горшки, ножи, пряжки, бусы, кольца, браслеты, обручи и даже одна серебрянная монета, указызывали на нѣкоторое развитіе ремеслъ горшечнаго, слесарнаго, ювелирнаго и др. [2]). Лѣтописныя указанія о поселеніяхъ въ суджанскомъ уѣздѣ относятся ко второй половинѣ XIII вѣка (1275 г.), когда упоминается сельцо Костро, построенное на р. Реутцѣ; это очевидно теперешняя деревня Косторная на той-же рѣкѣ. Лѣтопись не говоритъ о времени возникновенія его; но легко предположить, что возникнуть во второй половинѣ XIII в. оно едва-ли могло, такъ какъ татарскія разоренія въ Посемьи, разумѣется, мѣшали этому. Гораздо вѣроятнѣе допустить, что с. Костро построено много раньше перваго татарскаго погрома (1239 г.). Съ половины XI в. все Посемье принадлежало роду Ольговичей, князей черниговскихъ. Но по мѣрѣ того, какъ дробились ихъ владѣнія, Посемье переходило изъ рукъ въ руки. Сначало оно составляло часть новгородъ-сѣверскаго удѣла, а за тѣмъ, раздѣлившись по частямъ, отошло то къ путивльскому, то къ трубчевскому, то къ рыльскому удѣламъ. Территорія тепе-

---

1) „Ежен. Суд. Зем.“, № 2 за 1886 г.

2) Тамъ же, № 1.

решняго суджанскаго уѣзда вошла, если судить по разстоянію, въ составъ рыльскаго княжества. Порубежное положеніе Посемья сдѣлало его постоянной ареной войнъ то однихъ удѣльныхъ князей съ другими, то русскихъ дружинъ съ кочевниками, всегда готовыми къ набѣгу. До конца XI в. его разоряли печенѣги, затѣмъ половцы; съ XII вѣка идутъ усобицы князей черниговскихъ и переяславскихъ, разыгравшіеся въ томъ-же злополучномъ Посемьѣ. За тѣмъ, послѣ похода князя Игоря, воспѣтаго въ извѣстномъ «Словѣ», половцы такъ опустошили край, «якѡ-же николи-же не бывало». Въ 1239 г. онъ былъ разгромленъ татарами, а въ 1274 г., при возвращеніи орды изъ Литвы, вторично. Черезъ девять лѣтъ на Посемье обрушилось новое несчастье. Баскакъ Ахматъ, взявшій на откупъ у хана Ногая посемскую дань, устроилъ во владѣніяхъ Олега, князя рыльскаго, двѣ слободы и населилъ ихъ татарами и разнымъ сбродомъ. Эти новые поселенцы чинили такое безпрерывное разореніе всей волости, что Олегъ, посовѣтовавшись съ Святославомъ, княземъ липецкимъ, отправился съ жалобой къ Телебугѣ, хану золотой орды. Послѣдній, внявши просьбѣ князя, далъ ему отрядъ татаръ для разоренія ахматовыхъ слободъ, что князь и поспѣшилъ исполнить. Но ханъ Ногай, по настоянію Ахмата, послалъ сильное войско для наказанія какъ Олега, такъ и совѣтчика Святослава. Весь край былъ преданъ этимъ войскомъ такому разоренію, что головы и руки бояръ, казненыхъ Ахматомъ, по выраженію лѣтописца, «нѣкуда послати, за не вся волость изъимана». Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ тому, что татары (по крайней мѣрѣ такіе откупщики, какъ Ахматъ) не заботились объ удержаніи населенія на мѣстѣ, а гнались лишь за быстрымъ пріобрѣтеніемъ богатства путемъ грабежа и взиманія возможно большей дани. Слободами, устроенными Ахматомъ, преслѣдовались не цѣли колонизаціи [1]), а лишь одно быстрое обогащеніе. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ быстрое запустѣніе края, начавшееся со времени ахматовскаго погрома (1283 г.). Это запустѣніе продолжается почти три столѣтія. Опустѣли прежде всего окраины, а слѣдовательно и терри-

---

[1]) Такъ думаетъ и почтенный „Любитель старины", занимавшійся исторіей суджанскаго уѣзда и изучившій ее, съ замѣчательною добросовѣстностью и положительностію; но въ данномъ случаѣ онъ очевидно ошибается.

торія теперешняго суджанскаго уѣзда. Оставшееся въ немъ незначительное населеніе ютилось по самымъ глухимъ и укромнымъ мѣстностямъ.

Въ началѣ XIV в. Гедиминъ, въ числѣ другихъ областей, покорилъ и Посемье, которое впрочемъ не переставало имѣть своихъ князей. Но тревожная жизнь въ Посемьѣ дѣлается ужъ черезъ чуръ тяжела, а потому поселеніе эмигрируетъ въ болѣе покойныя мѣста, свободныя отъ татарскаго гнета, а именно въ великое княжество литовское. Правители послѣдняго, искавшіе для завоеванія новыхъ областей и ведшіе упорную борьбу съ нѣмецкими рыцарскими орденами, дорожили каждымъ новымъ человѣкомъ, селившимся въ предѣлахъ ихъ владѣній и поближе къ центру ихъ. Вѣроятно съ цѣлью привлеченія и удержанія найбольшаго количества переселенцевъ, литовскіе правители и магнаты всячески старались сохранять всѣ особенности славянской патріархальной общины, быстро клонившейся къ упадку въ сосѣдней Польшѣ. Въ силу такого стремленія со стороны властей предержащихъ, въ Литвѣ почти вся маасса земледѣльческаго населенія пользовалась значительными вольностями. О закрѣпленіи тогда еще не могло быть и рѣчи; напротивъ, земли раздавались владѣльцами на самыхъ льготныхъ условіяхъ. Этими-то условіями, которыхъ нельзя и сравнивать съ татарской данью, покупались безопасность и спокойствіе. Неудивительно поэтому, что сѣверскіе земледѣльцы предпочитали спокойную Литву своему разоренному и безпрерывно разоряемому краю. Лѣвый берегъ Сейма, а слѣдовательно и верховья Псла (части нынѣшнихъ обоянскаго и суджанскаго уѣздовъ) сильно опустѣли. Близъ Рыльска еще ютились поселенія, но южнѣе онѣ существовали развѣ только въ видѣ небольшихъ хуторовъ и деревень. Все это пространство (южное Посемье) составляло начало «дикаго поля», тянувшагося далеко на югъ и юго-востокъ. Переходъ рыльскаго и новгородъ-сѣверскаго удѣловъ отъ Литвы къ Москвѣ (1500 г.), вѣроятно, не касался южной части суджанскаго уѣзда, сдѣлавшагося, какъ часть «дикаго поля», ничьимъ.

Литва, сыгравшая роль въ запустѣніи края, вліяла (тоже, разумѣется, косвеннымъ образомъ) и на заселеніе его. Литовскіе бояре, познакомившись съ безправнымъ положеніемъ крестьянства въ Польшѣ, не могли не стремиться къ тому-же и у себя. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ стремленій была составлена первая редакція Литовскаго

Статута, измѣнявшаяся чуть-ли не каждые двадцать лѣтъ, и всякій разъ не въ пользу крестьянъ. Тѣ-же стремленія къ закрѣпощенію массы населенія вліяли и на люблинскую унію. Литовское дворянство въ этомъ политическомъ актѣ видѣло уравненіе своихъ правъ съ правами польской шляхты, какъ по отношенію къ государственной власти, такъ и по отношенію къ крестьянству. Послѣднее къ Польшѣ было вполнѣ безправно. Шляхта смотрѣла на «хама», какъ на «песью кровь» и въ его неимовѣрныхъ утѣсненіяхъ видѣла чуть-ли не заслугу передъ отечествомъ и культурой. Вслѣдъ за люблинской уніей (1569 г.) литовское крестьянство теряетъ свои права: личную свободу, земельную собственность и право самосуда. Естественно оно не могло остаться равнодушнымъ къ такимъ новшествамъ. Протестъ его выразился въ побѣгахъ, принявшихъ столь громадные размѣры, что сеймъ въ теченіи ста лѣтъ издалъ 42 постановленія противъ бѣглыхъ крестьянъ, хотя, разумѣется, побѣговъ не прекратилъ. Южныя области Рѣчи Посполитой, съ своими военными общинами, долго служили обѣтованной землей для крестьянъ, бѣгущихъ отъ шляхетскаго гнета. Весь этотъ бѣглый людъ постоянно пополнялъ ряды козачества, приводившаго въ трепетъ шумное и праздное польское дворянство. Мощная сила козацкаго воинства выросла, развилась и окрѣпла въ шляхетской Польшѣ, на ея почвѣ, но и на ея же гибель. Но козацкія военныя общины не могли вмѣстить всѣхъ искавшихъ счастья въ бѣгствѣ отъ панской неволи. Большинство бѣглецовъ не были способны къ постоянной войнѣ, несмотря на то, что козачество было ихъ идеаломъ. Привычка къ труду и къ земледѣльческой жизни замѣтно сказывалась въ нихъ. Вотъ для такихъ-то людей, оказывавшихся при томъ лишними въ средѣ реестровыхъ козаковъ, нужна была отдушина, въ которю они вышли бы за предѣлы рѣчи Посполитой. Такъ подготовила эта послѣдняя будущихъ сторожей русскаго государства, заселившихъ «дикое поле».

Съ уничтоженіемъ сѣверскихъ удѣловъ (1523 г.) московское правительство начинаетъ заботиться о заселеніи Посемья съ цѣлью сторожи и наблюденія за движеніями татаръ въ степи. Съ юго-восточной стороны сюда шли татарскіе шляхи (большія дороги) и сакмы (слѣды), за которыми и должны были наблюдать сторожевые отряды. Въ случаѣ невозможности остановить набѣги татаръ, пра-

вительство прибѣгало къ такимъ мѣрамъ, какъ въ 1571 г., когда дикое поле, на пространствѣ почти всей нынѣшней курской губерніи, было выжжено. Въ концѣ XVI вѣка (1586—1593 г.), къ существовавшимъ укрѣпленнымъ пограничнымъ городамъ Рыльску и Путивлю, выстроены и возобновлены новые, и въ томъ числѣ Бѣлгородъ, который скоро сдѣлался средоточіемъ сторожевой службы. Болѣе или менѣе замѣтная колонизація всего этого края, а въ частности суджанскаго уѣзда, началась во второй половинѣ XVI вѣка съ двухъ сторонъ: съ сѣвера великороссами, а съ юго-запада малороссами, выходцами изъ Рѣчи Посполитой. Нѣкоторое число первыхъ переселенцевъ далъ черкасскій уѣздъ (нынѣ кіевской губерніи) въ 1589 г., вслѣдствіе чего всѣ малороссы, поселившіеся здѣсь, до сихъ поръ называются черкасами. Названія селъ «Русская Конопелька», «Черкаская Конопелька», «Русское Порѣчное» и «Черкаское Порѣчное» (всѣ суджанскаго уѣзда) ясно указываютъ на народность ихъ населенія.

Тѣ и другіе поселенцы встрѣчали, вѣроятно, остатки кореннаго населенія, прямыхъ потомковъ сѣверянъ, ютившихся по глухимъ, непроходимымъ мѣстамъ края. «Любитель старины», о которомъ мы говорили раньше, въ доказательство того, что сѣверяне не покинули совсѣмъ суджанскій уѣздъ, а жили въ немъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, приводитъ цѣлый рядъ доказательствъ. Во-первыхъ, въ книгѣ «Большой Чертежъ», поновленной въ 1627 г., существуетъ указаніе на рѣченки нынѣшняго суджанскаго уѣзда Воробжа, Реутъ и Гнилица [1]). Вслѣдствіе незначительности переселенцевъ до 1627 г., вышеупомянутый авторъ допускаетъ, что названіе этихъ рѣченокъ сохранилось остатками того населенія, которое было здѣсь въ началѣ государственной жизни Россіи. Во-вторыхъ, существованіе такихъ названій рѣченокъ, какъ Стригосль (на которой расположено село Кривицкія Буды суджанскаго уѣзда), тоже несомнѣнно указываетъ на то, что названіе дано славянами-язычниками (стри-вѣтеръ) и что это названіе могло быть сохранено какимъ либо мѣстнымъ населеніемъ, не по-

---

[1]) Не смѣшиваетъ ли почтенный „Любитель старины" р. Воробжи курскаго уѣзда (въ нѣскольких верстахъ сѣвернѣе Реута) и р. Гнилицы рыльскаго съ таковыми же суджанскаго уѣзда?

кидавшимъ своего края. Наконецъ, въ третьихъ, тотъ-же авторъ усматриваетъ остатки прежнихъ поселеній, сохранившихся до XVII в. и принадлежавшихъ вѣроятнѣе всего сѣверянамъ, въ слѣдующихъ мѣстностяхъ суджанскаго уѣзда: 1) близъ бѣлогорскаго монастыря, 2) на р. Реутѣ, въ д. Косторная, 3) на р. Воробжѣ, 4) на р. Гнилицѣ, 5) на р. Суджѣ, въ самомъ городѣ, который еще до прибытія главной массы переселенцевъ (1664 г.) именуется городомъ, 6) при с. Рыбицѣ, 7) на мѣстѣ теперешняго заштатнаго города Мирополья, 8) по р. Стригослѣ и 9) по р. Гирьякѣ [1]). Кромѣ того и г. Благовѣщенскій, принимавшій участіе въ статико-экономическомъ описаніи суджанскаго уѣзда въ 1883 г., слышалъ отъ крестьянъ с. Хотежъ-Колодезь разсказъ, по которому предки ихъ, прежде чѣмъ занять мѣсто подъ поселеніе, вытѣснили какой-то народъ, названный ими «бычками». Съ этимъ-то кореннымъ населеніемъ и должны были встрѣтиться новые колонизаторы края. Приливъ ихъ особенно увеличивается съ половины XVII вѣка, когда борьба малоруссовъ съ поляками приняла особенно острый характеръ. Каждый разъ, когда Польша уменьшала число реестровыхъ козаковъ (какъ послѣ бѣлоцерковскаго мира), не попавшіе въ реестры, болѣе или менѣе значительными общинами, сохраняя свою воинскую организацію, переселялись на границы «дикаго поля» и строились «слободами» «по бѣлгородской чертѣ». Въ 1654 г., вслѣдъ за присоединеніемъ Слободской Украйны къ московскому государству, грамотой царя Алексѣя Михайловича объявляется слободскимъ полкамъ царская милость и изъясняются взаимныя права и обязанности. Въ это и въ ближайшее къ нему время московское правительство всячески заботится о малорусскихъ военныхъ колонизаторахъ. Оно даже дѣлаетъ распоряженіе, чтобы изъ дикаго поля земель великороссамъ не давать, дабы оттого малороссамъ не было утѣсненія и въ землѣ оскудѣнія. Предоставляя при этомъ и другія льготы въ торговлѣ, промыслахъ, винокуреніи и владѣніи землей, московское правительство старалось избѣгать своевольной, буйной, бездомной и безсемейной толпы. Въ новыхъ переселенцахъ оно стремилось пріобрѣсти не только защитниковъ окраинъ русской земли, но и кормильцевъ ея, т. е. людей домовитыхъ и во всѣхъ отношеніяхъ

---

[1]) „Еженедѣл. Судж. Зем.“ № 2, 1886 г.

благонадежныхъ. Такого рода переселенцы заняли всю южную, восточную и почти всю западную часть суджанскаго уѣзда. Устройство правильной полковой организаціи по рр. Локнѣ и Пслу, т. е. въ указанныхъ выше мѣстностяхъ, начинается приблизительно съ 1645 г., когда вся желвацкая волость (такъ называлась посемская часть путивльскаго уѣзда), захватывавшая и суджанскій уѣздъ, заселялась и организовывалась съ особой энергіей. Въ 1664 г. на территоріи теперешняго суджанскаго уѣзда насчитывалось, стольникомъ Рагозинымъ, 13 поселеній, исчисляемыхъ въ его описи. Изъ нихъ укрѣплены были только два—Суджа и Мирополье. Годъ основанія послѣднихъ невозможно опредѣлить даже приблизительно. Суджа, какъ мы уже говорили, была основана, по преданію, на мѣстѣ стараго городища «на средней татарской сакмѣ». Всѣхъ-же сакмъ было три и всѣ онѣ сходились въ нынѣшнемъ тимскомъ уѣздѣ. Въ 1661 г. вся Суджа выгорѣла до тла, но, какъ важный въ стратегическомъ отношеніи пунктъ, при помощи правительства, быстро была возобновлена. Съ 1664 г. она именуется городомъ, а за Мирипольемъ тоже названіе устанавливается съ 1670 г. Около этогоже времени образовались козацкія слободы и по другимъ сосѣднимъ рѣкамъ: Сулѣ, Вырѣ, Ворсклѣ, Лопани, Харьковѣ, Мжѣ, Донцѣ, Осколѣ, Торцѣ, Крыгѣ и др. «рѣкамъ и урочищамъ». Всѣ эти поселенія, основанныя малороссами, управлялись по своимъ обычаямъ.

Ихъ «чужеземныя», «черкаскія» «обыклости» не только не нарушались, но даже гарантировались московскимъ правительствомъ. Въ просьбахъ, челобитныхъ, въ царскихъ грамотахъ того и послѣдующаго времени прекрасно разсказывается исторія заселенія края и отношеніе московскаго правительства къ колонизаторамъ. «Въ прошлыхъ-де годахъ», говорится о челобитчикахъ сумскаго полка въ одной грамотѣ Петра Великаго [1]), «дѣды и отцы и братья и родственники ихъ и они изъ разныхъ малороссійскихъ и изъ заднѣпровскихъ городовъ пришли подъ нашу государеву высокодержавную руку, на сю сторону Днѣпра, и будущіе въ Бѣлгородѣ и въ Курску бояре и воеводы, обнадеживая ихъ нашею государевою неотмѣнною милостію и всякими ихъ черкаскими, неотъемлимыми отъ нихъ, обыклыми вольностями, велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ

[1]) Правописаніе подлинника.

жилымъ городамъ, по бѣлгородской чертѣ, въ дикихъ степяхъ, на татарскихъ сакмахъ, которыми мѣстами хаживали крымскіе и ногайскіе орды подъ наши государевы жилые украинскіе города; а для размноженія тѣхъ новостроящихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братію черкасъ, и тѣми новоприхожими черкасами построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ: Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье, и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и деревни, а во время прихода крымскихъ и ногайскихъ ордъ подъ украинскіе города служили они намъ великому государю, по своему обѣщанію, не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнныя шаточныя времена ко измѣнникамъ не приставали и на подметныя ихъ ни на какія письма, памятуя къ себѣ нашу государскую милость, не склонились никогда-же, и въ прошлыхъ де годахъ, по указу отца нашего, блаженныя памяти, великаго государя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, и братьевъ нашихъ государевыхъ, блаженной памяти, великаго государя царя и великаго князя Федора Алексѣевича и Іоанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, для утвержденія тѣхъ городовъ, за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы и велѣно имъ, вмѣсто нашего государева денежнаго и хлѣбнаго жалованья, въ тѣхъ городахъ жить и нашу государеву службу служить по ихъ черкаской обыклости при всякихъ вольностяхъ и *велѣно-же* [1]) *заимки занимать, пасѣки и всякіе грунты заводить* и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безъоброчно и безъпошлино, противъ старо-черкаской обыклости, и оброки, которые до измѣны Ивашки Брюховецкаго на мельницы и всякія угодья и на торговые промыслы были положены за вышеписанную ихъ службу и ко измѣнникомъ несклонность, велѣно тѣ оброки сложить и впредь тѣхъ оброковъ не править, и на тѣ ихъ всѣ вольности и на грунта и на промыслы имъ и дѣтямъ ихъ, въ надежду и въ предыдущіе годы, даны наши государевы жалованные грамоты изъ Разряду и изъ Приказу Великія Россіи многія, и въ прошломъ де 1704 году, по нашему государеву именному указу, полку ихъ съ городовъ и съ уѣздовъ, съ черкасъ нашихъ государевыхъ, никакихъ оброчныхъ статей, ко-

---

[2]) Курсивъ вездѣ нашъ.

торые статьи и вновь было состоялись въ ингерманландской канцеляріи, имать не велено, а велено владѣть по прежнему обыкновенію» [1]). Это подтвержденіе правъ переселенцевъ суджанскаго уѣзда относится къ 1705 г. Суджа и Мирополье (нынѣ заштатный городъ суджанскаго уѣзда) считались сотенными поселеніями сумскаго полка, а потому копія съ этой грамоты хранилась въ сумскомъ уѣздномъ судѣ. Грамота вполнѣ объясняетъ происхожденіе старозаимочныхъ земель уѣзда путемъ переселенія козаковъ, которымъ разрѣшалось «заимки занимать» на дикихъ путивльскихъ земляхъ, захватывавшихъ и суджанскій уѣздъ. Отсюда-же ясно, что старозаимочное право на землю составляетъ законную принадлежность лишь малорусскаго населенія бывшихъ окраинъ московскаго государства.

Но, кромѣ малорусскихъ, въ суджанскомъ уѣздѣ есть не мало и великорусскихъ поселеній. Великоруссъ колонизировалъ край лишь съ сѣвера. Объ этомъ хлопотало московское правительство еще со временъ Іоанна Грознаго, который даже назначилъ особаго начальника Посемскихъ старостъ—князя Воротынскаго. Для исполненія сторожевой службы тогда набирались вольные люди всѣхъ сословій: тутъ были и дѣти боярскіе, и стрѣльцы, и пушкари, н разная голытьба. Но со временемъ главная тягота сторожевой службы перешла на дѣтей боярскихъ. Первоначально за сторожевую службу земля давалась московскимъ правительствомъ всегда въ указанномъ опредѣленномъ размѣрѣ въ помѣстное владѣніе, какъ государево жалованье; но съ теченіемъ времени помѣстныя владѣнія передавались дѣтямъ и родственникамъ, пользовавшимся ими преимущественно передъ другими, а съ конца XVII вѣка помѣстья стали обращаться въ вотчины. Боярскіе дѣти получали землю по жалованнымъ грамотамъ, выдаваемымъ одному лицу или нѣсколькимъ заразъ. Въ грамотахъ точно обозначалась граница жалованной земли. Въ имѣющейся у насъ подобной грамотѣ, послѣ подробнаго описанія границъ, сказано, что земля та «порожняя, не владѣетъ ею никто» и

---

[1]) „1785. Мая 7 изъ Сумскаго уѣзднаго Суда выдана сія копія Курскаго намѣстничества города Суджи отъ общества повѣреннымъ Ивану Степанову сыну Гладкому и Лукъяну Константинову сыну Крамареву для общественныхъ г. Суджи прежде бывшей козачей службы, а нынѣ обывательскихъ дѣлъ“. Мы имѣемъ старинную копію съ этого документа.

что «великій государь пожаловалъ ихъ, Михаила Кудинова съ товарищами, велелъ имъ на той землѣ дикомъ полѣ осадами селится и дворы строить, а съ того помѣстья и дикаго поля великій государь службы служить Михаилу Кудинову съ товарищи своею братіею».... «и въ тѣхъ урочищахъ имъ Михаилу съ товарищи пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи до указу великаго госу даря по сей выпискѣ владѣть» [1]). Стрѣльцы же, пушкари, затинщики и другіе служилые люди низшаго разряда получали землю на всю общину, составлявшую слободу или поселеніе, но тоже всегда въ указанныхъ опредѣленныхъ границахъ. Часто указывалась и мѣра земли въ четвертяхъ. Въ грамотахъ въ такомъ случаѣ говорилось, что столько-то пушкарей или иныхъ какихъ либо служилыхъ людей получаютъ тамъ-то по столько-то четвертей на душу. Такія земли, жалованныя въ опредѣленныхъ размѣрахъ и границахъ различнаго рода московскимъ служилымъ людямъ за сторожевую службу, получили теперь названіе четвертныхъ земель, въ отличіе отъ старозаимочныхъ.

Таковъ былъ офиціальный узаконенный путь заселенія окраинъ московскаго государства. Но былъ еще иной путь, неофиціальный или «воровской», какъ говорили въ то время. Г. Благовѣщенскому жители д. Саморядовки суджанскаго уѣзда такъ разсказывали исторію своего переселенія: «Мы были рязанскіе бондари. Первые наши осадчіе, облюбовавъ мѣсто, вернулись домой и начали сманывать сходцевъ: лѣса, говорятъ, тамъ хорошіе, кадушки будемъ дѣлать, черкасы мѣшать не будутъ. И вотъ пришло цѣлыхъ 40 дворовъ и заняли мѣсто, захвативъ лѣсъ, принадлежавшій дѣтямъ боярскимъ деревни Будищъ, у которыхъ были грамоты. Началась открытая война: саморядовцы пригласили на помощь козыревцевъ, а будищенцы призвали пана Извѣкова изъ нынѣшняго с. Знаменскаго, что на рѣкѣ Бѣлицѣ. Панъ пріѣхалъ съ вооруженными людьми—холопами и псовой охотой. Лѣсъ былъ отбитъ у саморядовцевъ, но за услуги пана будищенцамъ пришлось отрѣзать въ

---

[1]) Сама грамота царя Алексѣя Михайловича относится къ 1669 г. Копія выдана воеводой Яковомъ Шишковымъ суджанцамъ, дѣтямъ боярскимъ, Михаилу Кудинову, Якову Бобровскому и др. (перечисляемымъ въ грамотѣ). Мы имѣли копію съ этой копіи.

пользу Извѣкова чуть ли не больше отвоеваннаго. Но мало по малу саморядовцы «отбили себѣ землю». И въ память этого событія ежегодно бываютъ кулачки между Будищами съ одной стороны и Саморядовой и Козыревкой съ другой» [1]). Такой путь переселенія великоруссовъ встрѣчался довольно часто въ суджанскомъ уѣздѣ. Потомки этой вольницы, занимавшей мѣста по своему усмотрѣнію, въ большинствѣ случаевъ не помнятъ своего происхожденія, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ, занятыхъ на основаніи грамотъ, правнуки переселенцевъ указываютъ на свое происхожденіе отъ дѣтей боярскихъ, однодворцевъ и т. п. Суджанскій уѣздъ съ сѣвера заселялся больше «голытьбой» и вольнымъ «сбродомъ». Здѣсь были и холопы, бѣжавшіе отъ притѣсненія, и преступники, скрывавшіеся отъ преслѣдованія, и бродяги, не имѣвшіе выбора между побѣгомъ и кнутомъ, и наконецъ тѣ жаждущіе новыхъ мѣстъ, которымъ по экономическимъ или инымъ причинамъ не сидѣлось дома. Курскіе дозорщики скоро открывали такія вольныя поселенія и привлекали ихъ къ отбыванію общей для всѣхъ повинности—сторожевой службѣ.

Такъ какъ эти переселенія начались задолго до регулированія заселенія окраинъ (при Алексіѣ Михайловичѣ), то онѣ, какъ мы уже видѣли, были не всегда мирными. Это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ суджанскомъ уѣздѣ встрѣчаются селенія съ несомнѣнно малороссійскими названіями (Буды и др.), не заселенныя великороссами, что нѣкоторыми изслѣдователями объясняется тѣмъ, что великоруссы вытѣснили черкасъ уже изъ готовыхъ поселеній. Обѣ народности прибыли сюда съ различныхъ сторонъ и завели борьбу за право владѣнія землею. Кто оказывался сильнѣе въ этомъ захватѣ земли, тотъ и выигрывалъ. Оттого суджанскіе великороссы называютъ свою землю *старозаимочною*, желая этимъ, какъ объясняетъ г. Благовѣщенскій, указать лишь на то, что они не имѣютъ никакихъ юридическихъ правъ на землю, кромѣ права захвата, заимки, нѣкогда ими учиненной. Эту борьбу за землю между переселенцами сѣвера и юга остановила грамота царя Алексѣя Михайловича, санкціонирующая малорусскую заимку на дикомъ полѣ. Эта грамота останавливаетъ движеніе малороссовъ на сѣверъ, а великороссовъ на югъ.

---

[1]) „Еженедѣльникъ Суджан. зем.“, № 27 и 28 за 1885 г.

Такимъ образомъ, въ суджанскомъ уѣздѣ, между землями, носящими названіе старозаимочныхъ, слѣдуетъ отличать, во первыхъ, такія, которыми владѣютъ малороссы на основаніи жалованной грамоты царя Алексѣя Михайловича, а во вторыхъ такія, которыми великороссы владѣютъ лишь на основаніи захвата или заимки, произведенной ими самовольно, безъ вѣдома правительства.

Въ XVII и началѣ XVIII вѣка малоруссы владѣли несомнѣнно большимъ количествомъ земли, чѣмъ въ настоящее время. Такъ въ 1767 году поручикъ сумскаго полка Яковъ Ямпольскій произведя, по порученію правительства, опись урочищъ суджанскаго уѣзда, нашелъ, что на жалованныхъ малороссійскихъ земляхъ построились слѣдующія великороссійскія села: Русская Порѣчная, Скородная, Пушкарная, Русская Конопелька, Большой Каменецъ, Сторожевое, Маховая, Растворово, Бирюковка, Козыревка, Самородовка, Будищи, Черный Олехъ, Осиповка, Хотежъ-Колодезь и Бѣлица. Земли этихъ селеній перешли къ великороссамъ «по куплямъ, доставшимся разными случаями въ недавнѣхъ годѣхъ» [1]). Другія земли были отобраны отъ малороссовъ во время царствованія Анны Іоанновны безъ всякихъ «куплей», и только потому, что по ея повелѣнію слободскіе полки были переформированы въ драгунскіе, а офицеры послѣднихъ, перечисленные изъ великорусской арміи, получили въ пользованіе села и деревни, вмѣстѣ съ населявшими ихъ козаками. Такимъ путемъ, т. е. путемъ покупокъ и пожалованій образовалось и частное владѣніе землею лицъ не принимавшихъ участія въ сторожевой службѣ. Такъ въ описи Ямпольскаго упоминаются, какъ владѣльцы земель въ суджанскомъ уѣздѣ, кн. А. М. Голицынъ, В. Савичъ и бунчуковый товарищъ И. Лизогубъ [2]).

Что касается происхожденія крѣпостнаго права въ средѣ малорусскихъ козаковъ суджанскаго уѣзда, то появленіе его можно объяснить, какъ справедливо полагаетъ «Любитель старины», съ одной стороны вышеупомянутымъ распоряженіемъ Анны Іоанновны, а съ другой матеріальной зависимостью, въ которую могли попадать козаки и козацкіе подсусѣдки отъ московскихъ служилыхъ людей и своихъ же войсковыхъ старшинъ.

---

[1]) „Еженедѣл. Судж. зем.“, № 2.

[2]) Тамъ же.

По мѣрѣ того, какъ граница московскаго государства отодвигалась все южнѣе и южнѣе, военная организація слободскаго населенія дѣлалась не нужной. Преобразованный Анной Іоанновной драгунскій полкъ былъ уничтоженъ въ 1743 г. въ царствованіе Елизаветы Петровны. Но еще ранѣе того въ 1708 г. города Суджа и Мирополь, по волѣ великаго преобразователя Россіи, вошли въ составъ кіевской губерніи, а въ 1710 г. въ составъ бѣлгородской провинціи, въ которой и числились цѣлыхъ 60 лѣтъ. Въ 1779 же году, съ преобразованіемъ курскаго намѣстничества, г. Суджа былъ отнесенъ къ этому послѣднему со всею сѣверною частью теперешняго уѣзда, южная же половина, съ Миропольемъ, была присоединена къ харьковскому намѣстничеству. Но съ 1797 г. городъ Мирополье снова отнесенъ къ курской губерніи, а затѣмъ съ 1802 г. вошелъ въ составъ суджанскаго уѣзда, какъ заштатный городъ.

Съ паденіемъ полковой организаціи козаки переименовываются въ войсковыхъ обывателей, и имъ воспрещается переходъ съ одного мѣста на другое. Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ ознаменовалось для войсковыхъ обывателей перечисленіемъ ихъ въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. Съ этихъ поръ земельное и общественное устройство ихъ зависѣло отъ министерства, и оно стало смотрѣть на ихъ дачи, какъ на имущество государственное, вслѣдствіе чего обложило ихъ оброчной податью· Вмѣсто же «черкаской обыклости» въ управленіе вводится волость, окружное управленіе и палата государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ «чужеземная» народность, по выраженію грамотъ, входитъ въ составъ обширнаго государства.

Евг. Максимовъ.

КЪ ВОПРОСУ О НАЧАЛѢ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

(«Выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.).

I.

Въ недавнее время «Кіевская Старина» въ статьяхъ П. Л—ва [1]) и С. Т. Голубева [2]) вновь подняла старый вопросъ о началѣ кіевской академіи. Первый изслѣдователь держится того стариннаго мнѣнія, высказаннаго исторіографомъ Миллеромъ и В. Рубаномъ и развитаго впослѣдствіи митр. Евгеніемъ, Фундуклеемъ, Аскоченскимъ и Закревскимъ, что «кіевское братство со школой, будущею академіей, учреждено при Богоявленской церкви въ 1589 г., по благословенію патріарха Іереміи», г.-же Голубевъ, вслѣдъ за М. А. Максимовичемъ, митр. Макаріемъ и И. И. Малышевскимъ, поддерживаетъ мнѣніе о возникновеніи братства и школы около 1615 г. Этотъ споръ между двумя знатоками мѣстной исторіи и литературы, выставившими въ подкрѣпленіе защищаемыхъ ими мнѣній нѣсколько новыхъ историческихъ данныхъ и болѣе или менѣе основательныхъ предположеній, не привелъ однако ни къ какому рѣшительному результату: каждая сторона осталась при своемъ мнѣніи. П. Л—въ во второй своей статьѣ, явившейся послѣднею по данному предмету, заявилъ, что не считаетъ статьи г. Голубева «послѣднимъ словомъ по вопросу». Дѣйствительно, для всякаго безпристрастнаго зрителя этого спора является немыслимымъ всецѣло примкнуть къ тому,

---

[1]) „Историч. замѣтки о Кіевѣ“, „Кіев. Стар.“, 1884 г., т. X, и „По вопросу о началѣ кіевской академіи“. Ib., 1885 г., т. XI.

[2]) „Древн. и нов. сказанія о началѣ кіевской академіи“. Ib.. 1885 г.

или къ другому мнѣнію: каждое изъ нихъ много имѣетъ доводовъ и *за*, и *противъ* себя, и притомъ каждое защищается горячо и убѣдительно. Въ такомъ неопредѣленномъ положеніи вопросъ останется до тѣхъ поръ, пока не выяснятся окончательно многія темныя стороны его, и пока новыя историческія данныя не заполнятъ тѣхъ пробѣловъ, какіе встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Именно уясненію одного изъ такихъ пробѣловъ посвящена настоящая замѣтка.

Между немногими документальными данными вопроса о началѣ кіевской академіи не послѣднюю роль играетъ «выпись съ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г. Защитники перваго мнѣнія (о началѣ академіи въ 1589 г.) ссылались на эту «выпись», какъ на одно изъ доказательствъ существованія Богоявленскаго братства и школы въ концѣ XVI ст., хотя самой «выписи» никто изъ нихъ доселѣ не видѣлъ и зналъ о ней только по немногимъ выдержкамъ, помѣщеннымъ въ подтвердительной царской жалованной грамотѣ кіево-братскому монастырю, отъ 11 января 1694 г. [1]). Прежде другихъ сослался на «выпись» Аскоченскій, по словамъ котораго этотъ документъ свидѣтельствуетъ, что въ 1593 г. «кіевскій нагорскій священникъ Филиппъ Афанасьевъ положилъ передъ урядомъ королевскимъ листы урядниковъ воеводства кіевскаго для подтвержденія принадлежащихъ къ церкви Трехсвятительской и Крестовоздвиженской вотчинъ со всѣми ихъ угодьями и для передачи ихъ потомъ кіево-богоявленскому братству» [2]). Послѣднее выраженіе есть положительная выдумка Аскоченскаго, такъ какъ царская грамота 1694 г. не даетъ никакого права сдѣлать выводъ о передачѣ свящ. Ф. Афанасьевымъ имѣній упомянутыхъ церквей въ вѣдѣніе кіево-богоявленскаго братства. Царская грамота говоритъ только о томъ, что въ числѣ разныхъ документовъ, представленныхъ братскимъ монастыремъ въ Москву, въ приказъ Малой Россіи, для подтвержденія правъ на владѣніе разными имѣніями, находилась также и «выпись» 1593 г., выданная въ этомъ году настоятелю двухъ кіевскихъ церквей. Какими судьбами выпись перешла затѣмъ, вмѣстѣ съ имѣніями этихъ церквей, къ братскому монастырю, грамота ничего не гово-

---

[1]) „Памятники кіев. коммис. для разбора древн. актовъ", т. II, отд. I, № 29.

[2]) „Кіев. Стар.", 1885 г., т. XI, стр. 93.

ритъ. Между тѣмъ, различныя выраженія грамоты и ея выдержекъ изъ «выписи» [1]) и другихъ документовъ [2]) прямо свидѣтельствуютъ, что «выпись» относилась въ 1593 г. именно къ трехсвятительской и крестовоздвиженской церквамъ, но никакъ не къ братскому монастырю, тогда какъ всѣ остальные документы, приведенные въ грамотѣ, ясно говорятъ о правахъ и владѣніяхъ именно этого монастыря [3]).

Не смотря на это, и послѣ Аскоченскаго другіе изслѣдователи разсматриваемаго вопроса продолжали указывать на «выпись» 1593 г., какъ на доказательство существованія въ этомъ году кіево-братской школы. Въ послѣднее время П. Л—въ снова сослался именно въ этомъ смыслѣ на «выпись». Онъ говоритъ, что «нельзя отвергать свидѣтельства выписи изъ кіевскихъ гродскихъ книгъ о существованіи кіево-братскаго монастыря въ 1594 г., приведенной на справку въ царской грамотѣ 1694 г., потому только, что выпись эта не дошла до насъ въ подлинникѣ» [4]).

Всю слабость этого утвержденія доказалъ г. Голубевъ въ своей послѣдней статьѣ [5]). Указавши на то, что ни царская грамота 1694 г., ни рукописная «Опись» конца XVIII в. документовъ кіево-печерской лавры, упоминающая въ числѣ другихъ актовъ и о выписи 1593 г., не говорятъ о ея принадлежности въ указанное время братскому монастырю, г. Голубевъ предполагаетъ, что въ 1693 г. монастырь представилъ въ Москву разсматриваемую «выпись», какъ такой «документъ, который доказывалъ, что земли, которыя перешли къ монастырю отъ кіевскихъ трехсвятительской и крестовоздвиженской церквей, принадлежали этимъ церквамъ на правѣ собственности въ 1593 г.» Въ доказательство этого вывода, построеннаго главнымъ образомъ на отвлеченныхъ соображеніяхъ, авторъ ссылается на акты, свидѣтельствующіе, что братскій монастырь сталъ владѣть имѣніями помянутыхъ церквей только съ 1638 г. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Голубева, только въ этомъ году монастырь

---

1) „Памятники", т. II, стр. 290—2.

2) Ibid., 307—8, 310—12.

3) Ibid., стр. 292—300.

4) „Кіев. Стар.", 1884 г., т. X, 229—30.

5) Ibid., 1885 г., т. I, стр. 97, 100—102.

получилъ «выпись» 1593 г., перешедшую къ нему вмѣстѣ съ земельными имуществами двухъ церквей.

Во второй свой статьѣ П. Л—въ повидимому готовъ согласиться съ мнѣніемъ г. Голубева о значеніи «выписи», по крайней мѣрѣ онъ отказывается защищать послѣднюю, замѣчая мимоходомъ въ свое оправданіе, что этотъ документъ «упомянутъ у Аскоченскаго, а не у насъ» [1]).

Такимъ образомъ, вопросъ о «выписи» 1593 г. остается въ сущности открытымъ. Какъ ни кажется основательнымъ заключеніе о ней г. Голубева, но такъ какъ оно основано не на фактическихъ данныхъ, а на однихъ предположеніяхъ, то противъ него можно-бы найти возраженія... Подтвердить или опровергнуть его выводы можетъ только самый документъ. Въ настоящее время это представляется возможнымъ, такъ какъ давно отыскиваемая «выпись» 1593 г. недавно найдена мною въ одной изъ книгъ разряднаго приказа, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, именно—въ книгѣ № 10 кіевскаго стола или «повытья», 7195 (1687) г.

II.

Кіевскаго стола книга № 10 содержитъ «описную книгу кіевскаго ограниченія», составленную въ 194 (1686 г.) капитаномъ Ѳедоромъ Соломѣинымъ и подьячимъ кіевской приказной избы Ѳедоромъ Наковальнинымъ. Книга описываетъ порубежныя мѣстности кіевскаго уѣзда, послѣ присоединенія его къ Россіи по вѣчному миру 1686 г., и въ географическомъ отношеніи представляетъ очень цѣнный матеріалъ [2]). Но немаловажно ея значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Владѣльцамъ имѣній въ новоприсоединенномъ краѣ велѣно было представить свои крѣпостные акты въ кіевскую приказную избу, которая должна была снять съ нихъ «списки» (копіи), а подлинники возвратить владѣльцамъ. Эти акты, среди которыхъ находится и «выпись» 1593 г., помѣщены въ видѣ приложенія къ «описной книгѣ», составляя особый отдѣлъ ея, съ особымъ преди-

---

[1]) Ibid., 1885 г., т. II, стр. 270

[2]) Подробныя свѣдѣнія о ней и извлеченія см. въ „Обозрѣніи ист.-геогр. матер. XVII и нач. XVIII в.“ „Опис. докум. моск. арх. мин. юст.“, кн. IV, стр. 316—20 и XXX приложеніе.

словіемъ (л. 67—70) и подъ особой нумераціей листовъ (л. 1—187, гдѣ собственно акты). Такъ какъ это собраніе актовъ, принадлежавшихъ теперь Россіи [1]), кіевскихъ монастырей имѣетъ важное значеніе для исторіи послѣднихъ и вообще для исторіи Кіева и такъ какъ оно не было доселѣ извѣстно въ нашей исторической литературѣ, то считаю необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться надъ нимъ, помимо главнаго вопроса настоящей замѣтки.

Въ предисловіи къ собранію крѣпостныхъ актовъ кіевскихъ монастырей говорится, что по указу великихъ государей и по грамотѣ изъ посольскаго приказа, отъ 11 ноября 195 (1686) г., «за приписью» дьяка Прокофія Возницына, велѣно у архимандрита печерскаго монастыря и у настоятелей другихъ кіевскихъ монастырей взять «списки» съ «жалованныхъ грамотъ» московскихъ царей, королевскихъ «привилеевъ» и гетманскихъ «универсаловъ» и прислать эти «списки» въ посольскій приказъ (л. 69) [2]). Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ идутъ самые «списки» съ актовъ, которые писаны на листахъ обыкновеннаго формата, разными почерками южно-русскаго письма конца XVII в. Они расположены систематически—по монастырямъ, представившимъ акты. Въ каждомъ такомъ отдѣлѣ акты расположены безъ системы хронологической, или какой либо иной. Каждый отдѣлъ подписанъ по листамъ настоятелемъ извѣстнаго монастыря, а все собраніе актовъ скрѣплено дьячьею подписью.

Во главѣ поставлены акты кіево-печерской лавры (л. 1—37), по нижнимъ полямъ которыхъ идетъ такая скрѣпа: «къ симъ спискамъ кіево-печерскаго монастыря архимандритъ Варлаамъ Ясинскій руку свою приложилъ, а подлинные крѣпости къ себѣ въ монастырь взялъ». Здѣсь помѣщено 23 лаврскихъ акта: одинъ актъ XII вѣка, одинъ конца XIV в. или начала XIII в., по одному акту конца XIV в. и конца XV в., 11 актовъ XVI в. и 8 актовъ XVII в. Такимъ образомъ, по древности документовъ—это очень цѣнное

---

[1]) Польской шляхтѣ было запрещено „въѣзжать“ и „владѣть“ принадлежавшими имъ прежде здѣсь имѣніями (л. 32 об. „описной книги“).

[2]) На 1-мъ листѣ предисловія читаемъ такую помѣту, сдѣланную или въ посольскомъ приказѣ, или въ приказѣ Малой Россіи: „195 г., марта въ 24 день, подалъ кіевской приказной избы подьячей Матвѣй Налетовъ“.

собраніе [1]). Цѣнность его увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть находящихся здѣсь актовъ не встрѣчалась доселѣ въ другихъ собраніяхъ документовъ печерскаго монастыря. Таковы, напр., древнѣйшіе документы «описной книги»: а) № 9, «выпись зъ метрикъ Іеремѣи патріарха константинополскаго, привѣлею великого князя Китая (sic) Андрея Юревича, внука Володимерова, на мѣсто Василковъ зъ его принадлежностями на монастыръ печерский [2]), и привѣлей Максима патріархи константинополскаго на ставропигіонъ тому-жъ манастырови», 6666 (1158) г. (л. 9—14), б) № 3, «привилей князя Романа Галицкаго, кіевскаго, владымирскаго, луцкаго и иныхъ земль обладателя, который записуетъ землю забудецкую и проч.», 6748 (1240) г. (л. 2—3) [3]).

Кромѣ этихъ двухъ актовъ, цѣнны еще, по своей древности, одинъ актъ конца XIV в. [4]) и другой конца XV в. [5]). Остальные печерскіе акты XVI и XVII в. в., данные монастырю московскими царями, польскими королями, малороссійскими гетманами, разными административными и частными лицами, говорятъ о правахъ монастыря на разныя села, деревни, земли, дворы, озера и пр.

Вслѣдъ за печерскими актами идутъ крѣпостные акты остальныхъ кіевскихъ монастырей, но всѣ они только XVI и XVII в. Акты принадлежатъ слѣд. монастырямъ: троицкому (л. 39—41), пустынно-николаевскому (л. 44—56), златоверхо-михайловскому (л. 60—73), выдубецкому-михайловскому (л. 77—87), брат-

---

[1]) Оно не вошло въ обозрѣніе Д. М. Мейчика „Грамоты и др. акты XIV и XV в. Моск. Архива Мин. Юст." („Описан. докум. Моск. Арх. Мин. Юст.", кн. IV)

[2]) Грамоту эту митрополитъ Евгеній въ „Описаніи Кіево-Печерской лавры" назвалъ сомнительною, и на самомъ дѣлѣ въ ней много признаковъ подложности.

[3]) № 5 (л. 3), „Листъ на копу грошій, а писана сія грамота при архимандритовѣ Өеодосіеви": нѣкій Семенъ Сколковъ завѣщалъ выдавать Печерскому монастырю изъ своего имѣнія въ Мойсейковичахъ и въ Лѣсникахъ „копу грошей" ежегодно въ день „Воведенія Стыя Бцы". Въ концѣ: „а при томъ были старци Печерского монастыря Дублянский Іона, Авраамъ ключникъ, Нифонтъ, стаго Михайла Золотоверхого игуменъ Стефанъ Переломило, попъ Лисинскій Фалелѣй..... Писанъ въ Печерскомъ монастырѣ, въ лѣто 6906" (1398 г,).

[4]) № 7 (л. 5), „Панѣ Анастасія Чижевая записуетъ ся дань медовую давати монастиру Печерскому в земли Печерской надъ рѣчкою Бобрикомъ", 2 іюня 7000 (1492 г.).

скому-богоявленскому (л. 90—106), кириловскому (л. 107—124), преображенскому-межигорскому (л. 125—168), вознесенскому-печерскому дѣвичью (л. 175—5)[1]), михайловскому-золотоверхому дѣвичью (л. 176—8) и ѳроловскому дѣвичью монастырю (л. 180—7). Всѣ эти акты, значительная часть которыхъ не была извѣстна доселѣ, цѣнны для исторіи этихъ монастырей въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. Многіе изъ нихъ желательно было бы видѣть въ печати.

III.

Перехожу къ собранію актовъ кіево-богоявленскаго монастыря. 9 актовъ его (л. 90—106) были поданы въ кіевскую приказную избу іеромонахомъ Ѳеодосіемъ Гугуревичемъ, игуменомъ монастыря и «ректоромъ коллегіума» (подпись его по нижнимъ полямъ листовъ и въ концѣ отдѣла богоявленскихъ актовъ). 4 акта уже были напечатаны въ II томѣ «Памятниковъ кіев. комисс. для разб. древн. актовъ», именно: а) № 1 разсматриваемаго собранія, универсалъ гетмана Богдана Хмельницкаго отъ 11 янв. 1651 г. (л. 90)—напечатанъ въ «Памятникахъ» подъ № XVIII; б) № 4, подтвердительная жалованная грамота царя Алексѣя Михайловича, отъ 31 дек. 1659 г. (л. 91), тамъ-же, подъ № XX; в) № 6, подтвердительный универсалъ короля Владислава IV, отъ 7 іюня 1640 г. (л. 92) тамъ-же, № XI и г) № 8, подтвердительный универсалъ короля Михаила, отъ 25 апр. 1670 г. (л. 93 об.) въ тѣхъ-же «Памятникахъ», № XXIII,

Остальные 5 актовъ, представленные о. Ѳеодосіемъ Гугуревичемъ, на сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не напечатаны, именно: а) № 2, Листъ объ отдачѣ Лазаремъ Барановичемъ, братскимъ ректоромъ и игуменомъ дятеловскимъ, и братіею братскаго монастыря въ аренду сотнику Іоанну Мидкевичу «воднаго мѣста отъ байдаковъ и вшелякаго судна», перевоза на р. Днѣпрѣ, мельничнаго и виннаго сборовъ въ мѣстечкѣ Вышгородѣ и с. с. Петровцы и Мощаны, за 1500 польскихъ золотыхъ, отъ 15 авг.

---

[1]) Акты этого монастыря поданы были въ приказную избу игуменьей Маріей Магдалиной Мазепиной.

1550 г. (л. 90). б) № 3, Листъ объ отдаче Иннокентіемъ Гизелемъ, игуменомъ кирильскимъ, монастыря братскаго кіевского ректоромъ, «въ дозоръ» сотнику Ивану Митюрѣ мыта, перевоза и пр. въ мѣстечкѣ Вышгородѣ и с. с. Петровцы и Мощаны, отъ 30 марта 1650 г. (л. 90 об.). в) № 5, Объявительный листъ гетмана Юрія Хмельницкаго отъ 6 марта 1660 г. о пожалованіи монастырю подтвердительной жалованной грамоты царя Алексѣя Мяхайловича отъ 31 декабря 1659 г. (№ 4 настоящаго собранія, № XX «Памятниковъ») (листъ 91 на обор.). г) № 7, Подтвердительный универсалъ короля Іоанна Казиміра на право владѣнія трехсвятительской и крестовоздвиженской церквами, съ ихъ местностями, отъ 20 января 1650 г. (л. 92 на об.) и д) наконецъ № 9, «Выпись съ книгъ кгродскихъ воеводства кіевского, року 1593-го, мѣсяца марта 20-го дня» (л. 95—106).

«Выпись» говоритъ, что въ 1593 г. попъ нагорской воздвиженской церкви Филипъ Опанасовичъ Одоній «покладалъ передъ кіевскимъ подвоеводимъ Филономъ Стрыбилемъ листовъ осмь», заключавшихъ въ себѣ крѣпостные акты воздвиженской церкви, и просилъ о внесеніи ихъ «до книгъ кгродскихъ кіевскихъ». Эти 8 актовъ были «уписаны» въ гродскія книги и выпись о томъ, со внесеніемъ въ нее всѣхъ представленыхъ актовъ, выдана о. Филиппу Одонію.

Въ виду большихъ размѣровъ выписи (могла-бы составить болѣе 2 печатныхъ листовъ) считаю необходимымъ ограничиться только немногими болѣе существенными выдержками изъ нея, строго придерживаясь оригинала. Прежде всего приведу начало выписи:

«Выпись съ книгъ кгродскихъ воеводства Кіевского:

Року тисеча пятсотъ девятдесят третего мца марца двадцатого дня,

На враде его королевской милости кгродскомъ Кіевскомъ передо мною Филономъ Стрыбилемъ, подвоеводимъ Кіевскимъ, постановившися очевисто богомолецъ его королевской милости, свещенныкъ Нагорской Кіевский, отецъ Ѳилипъ Опанасевичъ воздвиженский, оповедалъ и покладалъ передо мною листовъ осмь, которіе належатъ ку церкви нагорской Кіевской Воздвиженья Чесного Креста и на вси пожитки до неи належачіи, оному свещенныку воздвиженскому отцу Ѳи-

липпу на то даные: перший листъ оттворный з двома печатми и с подписами руку его милости велможного пана князя Владислава Збаразкого, справци воеводства Кіевского, державци Потоцкого, и с подписомъ руки пана Василья Рая, наместника и депутата земли Кіевской, належный до тое церкви Воздвиженской и на вси пожитки до неи належачіи, подъ датою року тисеча пятсотъ семъдесятъ третего, мца ѳевраля третегонадцатъ дня.—Другий листъ отвореный Гендрика Божію мстію короля Полского и великого княства Литовского, подъ собною печатю его королевское милости и с подписомъ руки велебного Петра Дунина Волского, каноника кгнезденского и подканцлѢрого королевства полского, на подверженья того листу князя Владислава Збаразкого и пана Василя Рая, под датою року тисеча пятсотъ семъдесятъ четвертого, мця априля двадцетъ четвертого дня.—Два листи велможного его млсти пана Костентина княжати Острозкого, воеводы кіевского: одинъ—писаный до наместника воеводства кіевского, князя Остафья Ивановича Ружинского и по немъ будучихъ наместниковъ се зде въ Кіеви, о не видание даней з селъ никоторыхъ, подъ датою року тисеча пятсотъ семьдесятъ первого, мця декабра пятого дня, а другий на потвержене кгрунтовъ, приходовъ, пашни, дани, озеръ, сеножатей, належачихъ ку тойже церкви Воздвиженской, тому жъ свещенику нагорскому воздвиженскому отцу Ѳилипу даный, з уписанемъ на немъ границъ и кгрунту церковного, меновите подъ датою року тисеча пятсотъ осмьдесятъ шостого, мсца октябра пятогонадцятъ дня. Тые обадва лысты подъ печатю и з подписомъ руки его княжацкое млсти.—Пятый листъ его млсти князя Матуша зе Збаража Воронецкого, подвоеводего кіевского, подъ печатю и с подписомъ руки его млсти, въ которомъ описуетъ кгрунта даване въ справи мещанина кіевского Гаврила Котелника в неведомости отца Ѳилипа попа нагородского: его млсть князь Остафей Ружинский далъ билъ тому Котелнику во вживане сеножать црковную Воздвиженскую уволукомъ надъ озеромъ Великимъ, межи криницъ отъ Выжгорода, мнечи быть замковую, якожъ за доводомъ слушнымъ листовнымъ его (млсть) князь Воронецкій, отдаливши отъ того мещанина пожитки церковніе, зась ку црк̃ви Воздвиженской привернулъ и ку уживаню оному Ѳилипу попу нагорскому присудилъ, и тотъ листъ ему на то далъ, подъ датою року тисеча пятсотъ осмьдесятъ девятого,

мця декабра второгонадцеть дня.—Шестый листъ его млсти отца Михайла митрополита кіевского, галицкаго и всее Русы, подъ печатю и з подписомъ руки его млсти, князя воеводы кіевского, слово в слово уписаный, стверженя данины стародавное на церковь Воздвиженскую, зъ Евангелія списаное, подъ датою року тисеча пятсотъ девятдесятого, мця ноября девятого дня.—Семый листъ судовый пана Григорія Сестрена Пашковского, наместника митрополита его млсти кіевского, соѳейского, пана Северина Куропатвича, подъ печатми и с подписами рукъ ихъ, емужъ Ѳилипу попу нагородскому даный, и квитъ сознаня возныхъ кіевскихъ Лаврина Телочка Енерала и Івана Счадковского возного, такъже подъ печатми и с подписами рукъ ихъ, подъ датою обадва року тисеча пятсотъ девятдесятъ второго, мця ноября дватцятъ шостого дня, належные ку тойже менованой справѣ и ку цркви Воздвиженской ш......., а меновите на тыхъ всѣхъ справахъ и листахъ, тутъ нижей описанныхъ, вся речъ сама достатечне доложена и описана есть. И просилъ помененый свещенникъ нагорский отецъ Ѳилипъ Воздвижен-ский, абы тые вси лысты для стверженя лепшого до книгъ кгродскихъ кіевскихъ уписаны были, а такъ я, зъ уряду, тыхъ листовъ печати и подписъ рукъ оныхъ огледивши и до ведомости своее припустивши, за прозбою его, казалемъ тые вси осмь листовъ до книгъ кгродскихъ кіевскихъ уписати».

Далѣе идутъ списки со всѣхъ 8 актовъ, представленныхъ о. Одоніемъ. Для примѣра выписываю древнѣйшій документъ, «листъ» кн. Владислава Збаражскаго и пана Василія Рая, 1574 г., поставленный во главѣ остальныхъ:

«И на первей листъ князя Владислава Збаразкого такъ се въ себѣ маетъ:

Владиславъ Андреевичъ Збаразскій, справца воеводства кіевского, державца потоцкій, а Василій Рай, наместникъ кіевскій: билъ намъ человъ священникъ на имя Филипъ Опанасовичъ чеснохресскій, а быхмо ему церковь мурованую, которая отъ немалого часу впустѣ лежить на горѣ, противъ замку кіевского, подле светого Михайла Золотоверхого, светыхъ трехъ светытелѣй, Василія Великого, Григорія Богослова, Іоана Златоустого, дали. Мы, видечи его прозьбу быти слушную, а ижъ онъ человѣкъ до того годный и учоный, тую церковь верхупомененную стыхъ трохъ светытелей ему даемъ зъ вси-

ми доходи и церемоніями, з людми куничными и зъ дворомъ церковнымъ, въ которомъ самъ маетъ мѣшкать, зъ сеножатми, зъ озеромъ ку тей церкви прислухаючимъ, и маетъ тотъ Ѳилипъ Опанасовичъ, попъ Воздвиженя Чесного Креста, тую церковь святого Василя держати и уживати зъ всими тыми пожитки, къ ней приходячими, до живота своего, а за господара короля, его пановъ радъ и за весь народъ христианский Бога Сотворителя просити, и на то ему священнику Воздвиженскому, отцу Ѳилипу Опанасовичу дали есьмо нашъ листъ з нашими печатми и с подписомъ рукъ нашыхъ. Писанъ у Кіевѣ, лета Божіего нарожденя тисеча пятсотъ семьдесятъ третего, мѣсяця февраля третегонадцяти дня.—Въ того листу печатей двѣ припячатаны и подписъ рукъ тыми слови: Владиславъ князь Збаразкий, справца воеводства кіевского, державца потоцкий, рукою своею; Василей Рай, наменсникъ и депутатъ земли кіевскіе».

Далѣе идутъ «листы» короля Генриха, 1574 г., кн. Константина Острожскаго, 1581 и 1586 г. г. и проч. «Выпись» оканчивается такъ: «вси справы вышепомененые, на церковъ Воздвиженскую належачыи на вси приходи и пожитки и кгрунта прислухаючие, для стверженя и певности лепшой, за прозбою отца Ѳилипа Одонія, попа нагорского воздвиженского, казалемъ до книгъ кгродскихъ кіевскихъ записать, што есть записано, зъ которыхъ и тотъ выписъ подъ печатю кгродскою кіевскою, в року теперешномъ тисеча шестсотъ чотиридесятъ шостомъ, мѣсяца декабря двадцеть четвертого дня, естъ виданъ. Писанъ въ Кіеве.—Кориговалъ Виговскій» (л. 106).

IV.

И такъ, для исторіи трехсвятительской и крестовоздвиженской церквей «выпись имѣетъ несомнѣнно важное значеніе: она очень обстоятельно передаетъ свѣдѣнія объ имѣніяхъ церквей, какія принадлежали имъ въ 1593 г. и раньше, говоритъ о состояніи храмовъ, объ ихъ духовенствѣ и проч. Въ перечнѣ церковныхъ куничныхъ дворовъ въ городѣ, также нивъ, лѣсовъ, озеръ и пр. заключается интересный матеріалъ для топографіи Кіева и его окрестностей. Такъ, здѣсь встрѣчаются упоминанія о ручьѣ Верхнемъ Кловѣ, о Крещатой долинѣ, о р. р. Лыбеди и Борщовкѣ (нынѣ Борщаговка), объ окрестностяхъ Вышгорода и проч. Богатыя топографи-

ческія данныя закзючаются особенно въ тѣхъ «листахъ», гдѣ приводятся описанія межъ церковныхъ владѣній. Таковы «листы» кн. Константина Острожскаго, кн. Матуша Воронецкаго, митрополита Михаила (это собственно повтореніе 2-го «листа» кн. Конст. Острожскаго) и пановъ Григорія Сестрена Пашковскаго и Северина Куропатвича. Найболѣе подробное описаніе межъ находится въ «листахъ» кн. К. Острожскаго. Кажется, именно отсюда взято описаніе межъ, внесенное въ царскую грамоту отъ 11 генваря 1694 г. [1]).

Интересна «выпись» и въ историко-юридическомъ отношеніи, какъ памятникъ XVI в., т. е. того времени, отъ котораго сохранилось немного документовъ. Немаловажно ея значеніе и въ бытовомъ отношеніи, напр. фактъ принадлежности Воздвиженской церкви нѣсколькимъ поколѣніямъ одного и того же священническаго рода (о. Филиппа Одонія) и т. п.

Но для вопроса о началѣ кіевской академіи «выпись» 1593 г. не имѣетъ никакого значенія. Какъ въ представленныхъ отрывкахъ изъ «выписи», такъ и во всѣхъ остальныхъ внесенныхъ въ нее «листахъ [1]), нигдѣ нѣтъ ни слова, ни намека на Богоявленское братство, монастырь, или школу: всѣ документы говорятъ только о трехсвятительской и крестовоздвиженской церквахъ.

Такимъ образомъ, высказанныя г. Голубевымъ предположенія (см. I гл.) подтверждаются самимъ документомъ. Защитники мнѣнія о началѣ кіевской академіи въ 1589 г. должны теперь окончательно выбросить изъ своихъ аргументовъ ссылку на «выпись» 1593 г., какъ на одно изъ доказательствъ поддерживаемаго ими мнѣнія. Въ послѣдней своей статьѣ П. Л—въ [2]) согласился съ доводами г. Голубева относительно «купчей» Андрея Обуха, 1594 г., т. е. что въ концѣ XVI в. она не имѣла никакого отношенія къ братскому монастырю, а перешла къ нему впослѣдствіи, всѣстѣ съ маетностями, значащимися въ этомъ документѣ. Теперь, когда подорваны обѣ документальныя основы защитниковъ древняго происхожденія кіевской академіи, на ихъ долю оетаются спорные и темные вопросы

---

[1]) „Памятники Кіев. Ком.“, II, № XXIX, стр. 290—2.

[2]) „Кіев. Стар., 1885 г., т. II, стр. 270.

о посѣщеніи Кіева константинопольскимъ патріархомъ Іеремією, о времени учрежденія Богоявленскаго братства, о времени построенія Богоявленской церкви и проч. Желательно, что-бы и по этимъ вопросамъ явились новыя документальныя данныя: только тогда вопросъ о началѣ кіевской академіи можно будетъ признать окончательно установившимся.

Н. Оглоблинъ.

КАРМЕЛЮКЪ.

(Переводъ съ польскаго).

Предварительныя объясненія.

Личность Кармелюка и его трагическая судьба занимаютъ столь видное мѣсто въ памяти народной, представляютъ собою столь яркое явленіе въ соціальной жизни нашего народа и оставили по себѣ такъ много и устныхъ разсказовъ и офиціальныхъ дѣлъ, что насъ положительно удивляетъ, какъ доселѣ никто изъ нашихъ мѣстныхъ историковъ и беллетристовъ не принялъ на себя труда возсоздать, по уцѣлѣвшимъ чертамъ, живой и правдивый образъ этого замѣчательнаго народнаго протестанта, изобразить высоко-драматическую его судьбу, такъ ярко очерченную въ преданіяхъ и пѣсняхъ народныхъ. Кромѣ пѣсенъ, бѣглыхъ, вскользь, замѣтокъ, нѣсколькихъ отрывочныхъ преданій, ничего болѣе о Кармелюкѣ мы не знаемъ, очерка его личности и судьбы у насъ вовсе нѣтъ. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, насъ опередила польская историческая литература. Тамъ нѣсколько лѣтъ существуетъ уже обстоятельный очеркъ личности и похожденій Кармелюка, принадлежащій перу талантливаго историческаго писателя, извѣстнаго доктора Ролле,—разсказъ тѣмъ болѣе цѣнный, что основанъ, какъ самъ авторъ говоритъ, не на устныхъ народныхъ преданіяхъ, а на офиціальныхъ данныхъ того времени. Въ переводѣ на русскій языкъ онъ не являлся, да и въ польскомъ подлинникѣ изданъ во Львовѣ, въ ряду другихъ очерковъ того-же автора, въ отдѣльной книгѣ, подъ заглавіемъ: *Gawędy z przeszłości*.

Предлагая этотъ очеркъ въ возможно точномъ, лишь съ весьма незначительными сокращеніями, переводѣ, мы увѣрены, что онъ прочтется всякимъ съ живымъ интересомъ и послужитъ рамкою для обращающихся въ народѣ и лишь отчасти извѣстныхъ въ печати отрывочныхъ и неясныхъ преданій о дѣйствіяхъ Кармелюка.

Считаемъ однако необходимымъ предварительно отмѣтить ту особую точку зрѣнія автора на предметъ, которая проглядываетъ во всемъ очеркѣ, но особенно рѣзко обозначена въ первой главѣ и въ концѣ послѣдней, нами опускаемомъ. Авторъ смотритъ на Кармелюка глазами потерпѣвшей отъ сего послѣдняго стороны, т. е. польской шляхты, игнорируетъ отношенія ея къ средѣ крестьянской, давшей отъ себя Кармелюка, объясняетъ по своему, какъ самое появленіе этого дикаго, по его словамъ, разбойника, такъ и народныя къ нему симпатіи и особо отмѣчаетъ, что черпалъ свои свѣдѣнія не изъ устныхъ преданій, но изъ судебныхъ о Кармелюкѣ дѣлъ, которыхъ перечиталъ свыше 9 тысячъ листовъ. Взглядъ этотъ есть только отраженіе того общаго польскимъ историческимъ писателямъ взгляда на польско-русскія соотношенія послѣднихъ трехъ столѣтій, по которому всѣ возстанія южно-русскаго народа съ конца XVI в., козацкія войны и завершившее ихъ гайдамачество были ничто иное, какъ бунты дикаго русскаго хлопства, не хотѣвшаго, по своей грубости и необузданности, вкушать плодовъ высшей культуры, которою старались облагодѣтельствовать его владѣвшіе имъ польскіе паны, а предводители народные только простые бунтовщики, грабители и разбойники. По этому взгляду и Кармелюкъ является послѣднимъ отпрыскомъ цѣлаго ряда украинскихъ разбойниковъ отъ левенцовъ до гайдамакъ. Появленіе его объясняется у автора только жившею въ народѣ скверною традиціею да отчасти еще мѣстностію, удобною для разбоя и грабежей. И ни слова о положеніи народа, изъ среды котораго вышелъ Кармелюкъ, объ отношеніяхъ къ нему пановавшей шляхты, о положеніи самаго Кармелюка во дворѣ пана Пигловскаго. Короткой фразой и какъ-бы мимоходомъ упомянуто объ отдачѣ Кармелюка въ солдаты „за какой то проступокъ или непослушаніе; тоска по родинѣ и семьѣ приводитъ его къ побѣгу изъ арміи, чувство самосохраненія къ воровству, а за тѣмъ онъ сталъ на покатости, на которой трудно удержаться"... Все это могло-бы быть очень доказательно, если бы не было такъ неестественно кратко и не полно. Авторъ широко распространяется о причинахъ отдаленныхъ, проблемматичеекихъ и оставляетъ безъ вниманія причины ближайшія, строго дѣйствительныя. Онъ отдаетъ предпочтеніе, болѣе того—онъ считаетъ единственнымъ источникомъ свѣдѣній для изображенія Кармелюка тѣ тысячи листовъ судебныхъ дѣлъ, которыя ему удалось одолѣть. Но что могла сказать ему эта мертвечина, этотъ канцелярскій хламъ, существенную часть котораго мы имѣли въ своихъ рукахъ? Они помогли ему установить въ порядкѣ времени отдѣльные случаи преступленій Кармелюка и его

сообщниковъ—по показаніямъ намѣренно скрытнымъ, извращеннымъ, не полнымъ, и только; но не могли объяснить истинныхъ мотивовъ преступленія въ каждомъ данномъ случаѣ и отношеній преступниковъ къ потерпѣвшимъ отъ нихъ и наоборотъ. Тогдашнимъ военнымъ и гражданскимъ властямъ, преслѣдовавшимъ и судившимъ Кармелюка, не было дѣла ни до соціальнаго положенія народа, на который они имѣли свой особый взглядъ, ни въ частности до семейнаго разгрома Кармелюка и перенесеннаго имъ душевнаго потрясенія и мукъ; онѣ не входили и не могли входить въ обсужденіе ни обстоятельствъ отдачи его въ солдаты, ни личныхъ и обще-національныхъ мотивовъ, руководившихъ ненавистью его къ панству и всему соприкасавшемуся съ нимъ и ожесточенною надъ ними местью; онѣ имѣли дѣло съ фактомъ нарушенія закона и судили Кармелюка, какъ дезертира, вора, грабителя, разбойника, бѣгло-каторжника. И такимъ онъ дѣйствительно былъ предъ буквою закона; но съ точки зрѣнія высшей исторической правды онъ можетъ представиться въ другомъ свѣтѣ, близкомъ къ тому, въ какомъ обрисовалъ его голосъ народа, народныя преданія и пѣсни. Намъ кажется, что тысячи пересмотрѣнныхъ авторомъ Кармелюка дѣлъ не скажутъ ему того, что говоритъ слѣдующій отрывокъ глубоко поэтической пѣсни отъ лица Кармелюка, если не самаго его:

Повернувся я зъ Сибири,
Нема-жъ мени доли:
Хоть здаеться не въ кайданахъ,
Але-жъ у неволи.
Слидять мене въ день и въ ночи,
Всякую годину.
Ниде-жъ мени ся подити,
Изъ журбы я згину.
Зовуть мене розбійникомъ,
Кажуть, розбиваю;
Не убивъ же я никого,
Бо й самъ душу маю.
А що визьму въ багатого,
То вбогому даю;
А такъ гроши подиливши,
Вже-жъ гриха не маю.
Маю жинку, маю дити,
Тильки ихъ не бачу;
Якъ згадаю про ихъ муку,
То й гирко заплачу...

То во всякомъ случаѣ вѣрно, что вѣрной оцѣнки и характеристики Кармелюка, какъ народнаго историческаго явленія, нельзя сдѣлать безъ изученія соціальнаго положенія народа, изъ среды котораго онъ вышелъ, равно какъ по личности и судьбѣ Кармелюка можно судить о положеніи народа, къ которому онъ принадлежалъ. А объ этомъ положеніи, кромѣ живыхъ еще преданій и пѣсенъ народныхъ, говорятъ тысячи дѣлъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ и ждущихъ трудолюбивой и умѣлой руки. Положеніе-же это было именно таково, что могло родить только Кармелюка.

Мы впрочемъ и не винимъ почтеннаго автора за отсутствіе этого, такъ сказать, общаго фона въ начерченной имъ картинѣ, ибо это не легкая работа, требующая особыхъ рукъ и особаго времени. Не винимъ его и за неизбѣжную въ его личномъ развитіи односторонность взгляда, отъ которой онъ отрѣшается съ каждымъ новымъ талантливымъ своимъ трудомъ. Мы глубоко признательны ему за извлеченіе изъ архивнаго хлама и группировку фактовъ изъ жизни опоэтизированнаго народомъ протестанта во имя его правъ и интересовъ, и настоящія строки сочли нужнымъ предпослать помѣщаемому очерку лишь для болѣе вѣрнаго пониманія изложенныхъ въ немъ фактовъ.

Въ окрестностяхъ Каменца и Бара, во всей Подоліи, на Волыни и Украйнѣ, кому не приходилось слышать о Кармелюкѣ, лѣтъ за пятьдесятъ передъ симъ, долгое время, свыше 23 лѣтъ, державшемъ въ непрерывной тревогѣ горные уѣзды Подолья? Теперь этотъ простой, дикій разбойникъ выросъ въ легендарнаго героя. До настоящаго времени народъ поетъ пѣсни о Кармелюкѣ, мелкая шляхта поэтизируетъ его въ своихъ устныхъ разсказахъ, но рисуетъ его далеко не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

По преданію, сохранившемуся между жителями Бара, это былъ человѣкъ полный милосердія, безкорыстія и едва не высшаго призванія. Такое представленіе, сложившееся вѣроятно въ кружкѣ людей, которыхъ отцы были соучастниками подольскаго бандита, распространилось далеко въ населеніи края, и слушающій фантастическіе о немъ разсказы приходилъ къ заключенію, что Кармелюкъ, этотъ воръ, грабитель, злодѣй—это воплощеніе

бурной силы, издѣвавшейся надъ общественнымъ порядкомъ, былъ благодѣтелемъ человѣчества.

Такія противорѣчія согласить невозможно. Источникъ ихъ мы только что указали, неосновательность покажемъ въ самомъ разсказѣ. Не слѣдуетъ однако отсюда, чтобы въ дикой и темной душѣ Кармелюка не было, хотя въ состояніи дремоты, нѣкоторыхъ чувствъ человѣчности и высшихъ инстинктовъ.

Любилъ онъ найболѣе свою Подолію, три раза уходилъ изъ Сибири на болотистые и топкіе берега Рова—грабить, скажемъ отъ себя, милыхъ сердцу его подолянъ.

Не оставлялъ онъ безъ милостыни нищаго; во время грабежа довольствовался чѣмъ нибудь, за то сообщники его поступали иначе. Любилъ онъ пѣсни, а всему предпочиталъ женщинъ... Имѣлъ особенную къ нимъ слабость, обнаруживалъ даже нѣкоторую галантерейность въ отношеніи къ прекрасному полу Извѣстна исторія съ одной дамой, на которую напалъ этотъ бандитъ, когда она возвращалась домой, везя дочь изъ пансіона.

— А чому-жъ училась паненка?—любезно спросилъ разбойникъ.

Испуганная мать, перечисляя преподаваемые въ пансіонѣ предметѣ, упомянула въ заключеніе о танцахъ.

— То потанцюйте-жъ, паненко, Кармелюкови?

И тотъчасъ среди дороги началось представленіе; забавнымъ казался этотъ плясъ *solo* на дорогѣ, покрытой толстымъ слоемъ пыли, въ кругу зрителей, вооруженныхъ копьями, ружьями и топорами. Но окончился танецъ и злодѣй вѣжливо поблагодарилъ дамъ, усадилъ ихъ въ экипажъ и кучеру, дрожавшему отъ страха, сказалъ, что могутъ свободно продолжать путь.

Это-то любезничанье Кармелюка и дало, кажется, начало пѣсни, сложенной какимъ-то захолустнымъ писаремъ и тѣмъ не менѣе распространенной въ шляхетскихъ закоулкахъ. Подслушалъ я ее въ дѣвичьей; нѣсколько начальныхъ стиховъ удержались въ моей памяти и я привожу ихъ здѣсь:

Зозулечка въ поли кука,
Нема мого Кармелюка,

Нема, нема и не буде,
Охъ якъ тихо, смутно всюды!...
Лита оникъ на муштуку,
Прыидь, прыидь, Кармелюку...

Какой-то мѣстный же, но также неизвѣстный артистъ назвалъ именемъ Кармелюка шумную мазурку, которую разыгривалъ странствующій жидовскій оркестръ. А въ околицахъ Бара, гдѣ найболѣе давалъ чувствовать себя этотъ грабитель, пошло между жителями присловье: «ахъ, ты Кармелюкъ! О, то правдивый Кармелюкъ»!

Русскій писатель Максимовъ въ своемъ, въ другихъ отношеніяхъ очень цѣнномъ, трудѣ: *Сибирь и каторга* еще болѣе опоэтизировалъ преданія о Кармелюкѣ Описывая жизнь сибирскихъ колодниковъ, нѣсколько словъ онъ посвящаетъ Кармелюку, приводитъ пѣсни, сложенныя въ честь его и при бряцаніи оковъ и теперь тамъ распѣваемыя, возвышаетъ его чуть не на высоту народнаго богатыря и въ условіяхъ тяжести крѣпостнаго быта усматриваетъ причину того роковаго направленія, по которому пошелъ подольскій разбойникъ.

На нашъ взглядъ Кармелюкъ былъ только отображеніемъ и отдаленнымъ отпрыскомъ цѣлаго ряда разбойниковъ, называвшихся въ XVI вѣкѣ левенцями; въ XVII липками, въ XVIII гайдамаками. Отъ этихъ безславныхъ предшественниковъ онъ какъ бы унаслѣдовалъ удальство, презрѣніе къ жизни и весьма слабое представленіе объ уваженіи къ чужой собственности. Оставайся онъ въ кругу семьи, живя своимъ хозяйствомъ, быть можетъ онъ угомонился бы съ временемъ; но сданный насильно въ солдаты, онъ не смогъ пересилить въ себѣ тоски по женѣ, дѣтяхъ, родномъ углѣ, бѣжалъ изъ рядовъ арміи, началъ красть. вынужденный къ тому чувствомъ самосохраненія,—сталъ на покатости, на которой трудно было удержаться. Традиція затѣмъ сдѣлала свое; мѣстность, удивительно благопріятная для грабежей, довершила остальное.

А разбойническая традиція жила здѣсь съ незапамятныхъ временъ и вѣками всосалась въ плоть и кровь населенія этой мѣстности. Тутъ тянулись нѣкогда непроходимыя дебри, подходившія къ кочевьямъ ордъ татарскихъ, дѣлавшихъ отсюда опустошительныя набѣги на Русь и Польшу. Еще въ половинѣ XV ст. шляхтичъ Рей построилъ здѣсь, на берегахъ болотистаго Рова, небольшой укрѣпленный замокъ, названный по имени этой рѣчки; но самъ онъ не избѣжалъ турецкаго плѣна и крѣпостца подверглась запустѣнію. Около ста лѣтъ спустя Претвичъ принялъ на себя оборону этой мѣстности. Въ то время Ровъ переименованъ Баромъ, въ честь жены короля Сигизмунда, которой онъ принадлежалъ, и къ нему присоединены огромныя пространства сосѣднихъ незаселенныхъ земель, подъ названіемъ староства.

Исторія Бара—это исторія подольскаго пограничья; тутъ, въ этомъ уголкѣ борьба съ невѣрными длилась въ теченіи трехъ слѣдовавшихъ столѣтій.

Староство имѣло своею цѣлью исключительно защиту границъ, а потому на земляхъ его селился всякій, кто обязывался нѣсколькими днями службы въ замкѣ, нѣсколькими днями труда для насыпки его валовъ и всегдашнею вооруженною готовностію къ отраженію набѣговъ татаръ.

Явилась масса осельниковъ, лѣса закишѣли слободами, хуторами, пасѣками, садами. Внѣ замковой службы каждый былъ воленъ, а вольный крестьянинъ—то уже козакъ, такъ это въ представленіи народномъ и по сей день. И Претвичъ съ своими козаками совершалъ чудеса храбрости, дикія полчища татаръ дрожали предъ нимъ.

Но жизнь посельниковъ—безъ увѣренности въ завтрешнемъ днѣ, въ положеніи угрожаемомъ, ничѣмъ не обезпеченномъ, не выгодно отзывалась на ихъ собственныхъ наклонностяхъ. Они учились грабить у тѣхъ, съ кѣмъ должны были бороться. Сознаніе цивилизаціонной миссіи слабѣло въ ежедневной борьбѣ и отходило на задній планъ, оставалась лишь жажда наживы. Отсутствіе путей сообщенія и безнаказанность преступленій въ

конецъ испортили населеніе. Когда ослабѣли татарскіе набѣги, стали возникать крестьянскіе бунты, и они всегда находили сочувствіе и поддержку въ мѣстности болотистаго Рова, въ насельникахъ барскихъ дебрей.

Кривоносъ, Нечай и другіе сподвижники Хмельницкаго овладѣвали крѣпостью Баромъ, потому что имѣли на своей сторонѣ окрестное населеніе. Найбольше ксендзовъ пало подъ топоромъ гайдамакъ въ лѣсахъ, окружавшихъ Баръ.

Во время владычества турокъ, ватажекъ Кричинскій хозяйничалъ въ крѣпости именемъ Магомета IV и достигши званія бея, или полковника, во главѣ черемисовъ производилъ набѣги на имѣнія окрестной шляхты и причинилъ ей такъ много зла, что находившійся здѣсь съ войскомъ Собѣсскій, узнавъ о его смерти, съ радостію извѣщалъ о ней своихъ пріятелей въ такихъ словахъ: «Кричинскій издохъ, и это не подлежитъ уже никакому сомнѣнію».

Наканунѣ XVIII вѣка, ослабленной барской крѣпостцей завладѣлъ Палій, Мазепа удержалъ ее въ своей власти.

Здѣсь разбойничалъ Шпакъ, современникъ ихъ обоихъ, и такъ сильно, что путь, на которомъ онъ оперировалъ и который прорѣзывалъ лѣса подъ Баромъ, и донынѣ называется «Шпаковымъ шляхомъ». Не меньше причинили зла староству барскому Самусь, Дубина и Скоричъ; подъ ихъ охраной мѣстные жители сами на свой страхъ формировали шайки и производили грабежи и опустошенія.

Съ паденіемъ Палія не прекратилась буря; во второй четверти XVIII вѣка своевольные крестьяне, «гультяи», какъ ихъ тогда называли, собравшись въ «купы», задумали ограбить Баръ, а когда ихъ предупредили и открыли, они отступили въ порядкѣ; преслѣдуемые и тѣснимые русскими драгунами, они заперлись въ Матвѣйковскомъ замкѣ, и нужно было привозить противъ нихъ пушки изъ Бара и вести осаду. Гультяи сдались только черезъ два дня, хотя ихъ было всего 175; много нашли въ ихъ лагерѣ награбленныхъ драгоцѣнностей. Безчинствовавшій въ то-же время козакъ Чосныченко выходилъ также

изъ барскихъ лѣсовъ. «Визиты» Ваньковскаго костёла сохранили намъ извѣстіе о произведенномъ имъ грабежѣ. Другой ватажекъ Варлаамъ съ шайкой цыганъ и волоховъ доходилъ отсюда до Недобора[1]) и сжегъ Тынянскій костелъ[2]), причинивъ убытка на нѣсколько десятковъ тысячъ злотыхъ.

Въ 1777 году, среди ночи, напали гайдамаки на Летичевъ и забрали у живущаго тамъ сборщика податей (экзактора) 100,000 злотыхъ, составлявшихъ доходъ короннаго скарбу. Слѣдствіе обнаружило, что грабители прятались въ старостинскихъ лѣсахъ до грабежа, да и послѣ грабежа находили тамъ-же убѣжище.

Не перечисляемъ другихъ разбоевъ и грабежей, не желая утомлять вниманіе читателя.

И вотъ среди такой-то непрерывно жившей здѣсь традиціи выросъ Кармелюкъ. Слышалъ онъ съ дѣтства разсказы объ удалыхъ подвигахъ тамошнихъ разбойниковъ и частой ихъ безнаказанности, и когда собственная жизнь натолкнула его на подобные случаи, онъ воспользовался уроками прошлаго, столь богатаго случаями воровства и убійствъ.

Мѣстность, какъ мы уже сказали, была вполнѣ для сего благопріятна. Въ началѣ настоящаго столѣтія это были во всякомъ случаѣ еще дебри, настоящее подольское полѣсье: болота, трясины, трехъ-сотъ-верстные лѣса, тянувшіеся вдоль границъ трехъ уѣздовъ, здѣсь соприкасающихся (летичевскаго, литинскаго и могилевскаго), и посреди ихъ раскидана масса небольшихъ деревушекъ, таинственныхъ хуторовъ, подозрительныхъ корчемъ; дороги отвратительны, движеніе на нихъ не большое; поэтому разбойникъ могъ найти здѣсь всѣ способы для своей безопасности.

Лѣтомъ въ лѣсу, зимой на хуторѣ—готовый для него пріютъ; хуторянинъ, попадая подъ покровительство выдающагося разбойника, охотно давалъ пріютъ людямъ, разошедшимся съ закономъ, это обезпечивало ему безопасность; но мало по малу въ

---

[1]) Лѣсъ подъ Каменцемъ.

[2]) Въ ушицкомъ уѣздѣ; извѣстенъ своими отпустами.

немъ развивалось равнодушіе къ преступленію и въ концѣ концевъ онъ самъ дѣлался преступникомъ.

Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ много хуторянъ участвовало въ разбойничьихъ предпріятіяхъ Кармелюка. Изъ большихъ поселеній, выдѣлявшихся соучастіемъ съ грабителями, слѣдуетъ назвать мѣстечко Деражню. Живущіе здѣсь жиды служили имъ своимъ посредничествомъ въ сбытѣ награбленныхъ вещей и, мало подвергаясь опасности, получали громадный куртажъ съ грабителей. Далѣе заслуживаютъ упоминанія деревни: Гатна Деражня, Кальна Деражня, Галузинцы, Нетычинцы, Красноселка, Новоселка, Комаровцы, Головчинцы, Ходаки и Овсяники. Вотъ вамъ сцена, на которой разыгривалась разбойничья драма.

Итакъ мы видимъ, что мѣстныя условія вполнѣ благопріятствовали появленію Кармелюка. Обладая громадной физической силой и непреклоннымъ характеромъ, онъ могъ смѣло объявить здѣсь войну общественному порядку, и имѣя подъ рукой соотвѣтственный его цѣлямъ матеріалъ, бушевать почти четверть вѣка безнаказанно. Это чистый типъ гайдамаки; представляемъ его во всей наготѣ. Если будущее захочетъ выставить его защитникомъ народа, пусть по крайней мѣрѣ знаетъ, что это за защитникъ и какъ онъ защищалъ народъ, грабя прежде всего его самаго.

И только разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, нашъ разсказъ получитъ оправданіе. Прибавимъ, наконецъ, что не изъ устнаго преданія мы черпали подробности дѣла, но изъ актовъ уголовной подольской палаты, записанныхъ на 9,375 листахъ.

II.

Кармелюкъ родился въ 1788 году въ селѣ Головчинцахъ, литинскаго уѣзда. Родъ Кармелюка слагался изъ нѣсколькихъ семействъ; все это были люди способные, трудолюбивые и честные; воровствомъ и плутнями не занимались, какъ многіе изъ крестьянъ въ тамошнихъ окрестностяхъ. Головчинцы, брошенныя какъ-бы въ неглубокій оврагъ, по глинистымъ обрывамъ котораго лѣпятся крестьянскія хаты, окруженныя лѣсомъ, съ убогой деревянной

церковкой, скромнымъ помѣщичьимъ домикомъ и сѣрой корчмою, выглядятъ печально и какъ-то понуро: имѣютъ они видъ человѣка, который, боясь посмотрѣть прямо въ глаза, подозрительно смотритъ изъ подлобья. Въ этой-то деревушкѣ, въ убогой хатѣ, явился на свѣтъ Кармелюкъ.

Отецъ его, надо полагать, не былъ зажиточнымъ, если отдалъ своего сына 18 лѣтъ на послугу въ помѣщичій дворъ пана Пигловскаго. Здѣсь будущій бандитъ нѣсколько отесался, научился говорить по польски, пріобрѣлъ привычку къ щегольству, сбросилъ съ себя крестьянскую свитку и замѣнилъ ее «венгеркой», которая во всѣхъ судебныхъ актахъ значится «польской чемеркой». Одновременно съ поступленіемъ на службу около 1806 года, Кармелюкъ женился на крестьянской той-же деревни дѣвушкѣ, къ которой и потомъ питалъ большую привязанность. Пробылъ онъ въ панскомъ дворѣ лѣтъ шесть, и все время былъ трезвымъ, работящимъ, но очень упрямымъ, и вотъ за какую-то провинность или непослушаніе помѣщичій повѣренный, воспользовавшись первымъ наборомъ, отдалъ его въ солдаты (1812 г.). Молодой рекрутъ имѣлъ уже въ ту пору трехъ сыновей.

Эта перемѣна въ жизни Кармелюка рѣшила его будущую судьбу. Подольскій крестьянинъ въ тѣ поры и вообще не свыкся еще съ мыслью о военной службѣ, такъ какъ со времени присоединенія этого края къ Россіи это былъ едва восьмой или девятый наборъ. Первые три года Подолія не давала рекрута; потомъ разъ въ два года призывали молодежь въ военные ряды; и даже въ 1812 г., не смотря на войну съ Франціей, императоръ Александръ повелѣлъ съ южнаго генералъ-губернаторства брать лошадей вмѣсто людей. Поэтому служба въ войскѣ, возвратъ изъ нея лишь черезъ 25 лѣтъ, разлука съ роднымъ бытомъ, съ женой, съ дѣтьми, не могли не страшить Кармелюка. Хотѣлъ онъ освободиться отъ нея членовредительствомъ и даже вышибъ себѣ два зуба, но это нимало не помогло.

Сама судьба захотѣла, чтобъ въ отрядѣ, къ которому причислили Ктрмелюка, онъ встрѣтилъ свояка Данила Хроня, ро-

домъ изъ с. Овсянковъ, который дезертировалъ уже дважды, опробовалъ шпицрутеновъ и убѣдился, что это не такъ страшно, между тѣмъ какъ свобода, хоть на минуту, чего нибудь да стоила! Легко поэтому онъ склонилъ къ побѣгу тоскующаго Кармелюка и самъ даже помогъ ему въ этомъ.

Два бѣглеца вернулись въ свою родную сторону, и на этотъ разъ имъ пришлось сдѣлать не большое путешествіе, такъ какъ полкъ стоялъ въ Каменцѣ. Два года пользовались они свободой, занимаясь воровствомъ, при помощи осѣдлаго крестьянина Павла Ткачука. Товарищество, состоявшее изъ двухъ лицъ, дѣйствовало такъ: приходятъ ночью въ село, подкапываются подъ первую лучшую комору, удалось—хорошо: берутъ, что нашли; случалось, что спавшій въ хатѣ хозяинъ, заслышавъ воровъ, выскакивалъ на крышу и звалъ на помощь; ему, по старому обычаю, откликаются церковные колокола; сбѣгается народъ; воры тѣмъ временемъ уходятъ; по дорогѣ, однако, вбѣгаютъ они въ опустѣвшія отъ жильцевъ хаты и забираютъ все, что только можно унести въ лѣсъ. Ткачукъ аккуратно привозитъ имъ съѣстное и мѣняетъ у жида краденныя вещи на водку, табакъ, обувь и пр.

Послѣ двухъ лѣтъ такой жизни ихъ ловятъ. Какимъ образомъ—молчатъ объ этомъ акты: должно быть, тогда еще легкомыслено относились къ Кармелюку. Приведенные въ Каменецъ, они получаютъ по 500 палокъ, а потомъ высылаютъ ихъ въ баталіонъ, стоявшій въ Крыму; но съ перваго же ночлега они уходятъ и черезъ нѣсколько дней опять въ головчинскихъ лѣсахъ.

Теперь шайка организовалась уже нѣсколько лучше. Кармелюкъ—предводитель; одѣтъ онъ въ «польскую чемерку», съ нагайкой въ рукѣ; у него три подначальныхъ: Хронь, Ткачукъ и Удавовъ, дезертиръ встрѣченный по дорогѣ; имѣютъ они пики и ножи за поясомъ. Первое дѣло—поджогъ винокурни въ Головчинцахъ, принадлежащей пану Пигловскому; потомъ слѣдуетъ нападеніе на хуторянина, богатаго крестьянина. Дѣло было ночью. Хозяинъ былъ разбуженъ стукомъ въ окно.

— Пустите! крикнули ему извнѣ—заблудившихся путниковъ!

Не ожидая ничего для себя худаго, бѣднякъ отворилъ двери; вошло три человѣка. «Давай деньги!» кричитъ грозно Кармелюкъ. Мужикъ указалъ на скрыню (сундукъ). Разбойники нашли въ ней только сто съ лишнимъ злотыхъ. «Это мало! Покажи, гдѣ остальныя деньги спряталъ?» И начался допросъ: сначала нагайка пошла въ ходъ, а когда она не помогла, насыпали въ сапоги раскаленныхъ углей и приказали обуться; облили несчастнаго водкой и зажгли. Въ концѣ концевъ, запираютъ полумертваго въ хатѣ, поджигаютъ ее и уходятъ...

Зарево пожара спасло семейство несчастнаго крестьянина, но самъ онъ сталъ жертвой пламени. Въ сосѣднемъ селѣ замѣтили огонь. Вѣсть о разбоѣ разошлась быстро; паника охватила всю окрестность. Обыскали лѣса, и Кармелюкъ опять попалъ въ руки правосудія.

Посадили его въ тюрьму въ Литинѣ; тутъ онъ провелъ два съ половиною года. Для человѣка такъ способнаго хорошая это школа; тогдашнія тюрьмы скорѣе можно было назвать разсадниками преступленій, чѣмъ мѣстомъ исправленія. Не рѣшаюсь приподнять предъ вами завѣсу, скрывающую массу злодѣевъ, собранныхъ здѣсь, этой компаніи изъ отбросковъ общества, съ цинизмомъ издѣвавшейся надъ всѣмъ, на чемъ зиждется нравственность, религія и чувство гражданскаго долга! Однакожъ, чтобы показать вамъ, каковы были люди, окружавшіе здѣсь Кармелюка и вліявшіе на него, чувствую себя обязаннымъ обрисовать хотя нѣсколькими общими чертами это товарищество за рѣшеткой тюрьмы, безъ надежды на исправленіе, безъ вздоха молитвеннаго, безъ завтрашняго дня. Вооружитесь отвагой—иду впередъ и буду проводникомъ вашимъ въ этомъ тяжеломъ путешествіи.

Товарищество колодниковъ управляется по своимъ особымъ правамъ, имѣетъ свои обычаи, свой языкъ, свои особыя понятія, отношенія и сношенія, торговлю и часто монетный дворъ. Это корпорація людей, равныхъ между собою по своимъ правамъ, ибо всѣ они одинаково лишены здѣсь свободы. Имѣетъ она въ

своей средѣ всякаго рода ремесленниковъ, докторовъ, юристовъ, совѣтниковъ, картежниковъ, воровъ, разбойниковъ, словомъ, имѣетъ людей съ хорошей и дурной тюремной репутаціей.

Хорошею репутаціею у тюрьмы пользуется человѣкъ, безъ отношенія къ его прежней жизни внѣ тюрьмы, подчиняющійся рѣшенію товарищества, не выдающій его тайнъ, трудящійся старательно надъ увеличеніемъ средствъ, могущихъ обмануть чуткость стражи и ввести въ заблужденіе судей, занимающихся допросомъ виновныхъ, готовый жертвовать послѣднимъ грошемъ, всѣмъ, что имѣетъ, своею кровью, самимъ собой, если общество того потребуетъ. Словомъ, вы видите, что и тюрьма управляется тѣми-же правилами, какія приняты въ свѣтѣ, съ той разницей, что гражданство тамъ можно заслужить только преступленіемъ.

Нѣтъ надобности прибавлять, что стоящіе у другаго полюса, не пользуются добрымъ мнѣніемъ тюрьмы; паріи тюрьмы—это доносчики, шпіоны; они подвергаются преслѣдованію и даже смерти, и это новое подтвержденіе той старой истины, что ни одна корпорація не переноситъ доносчика.

Торговлей за рѣшеткой тюрьмы занимаются обыкновенно преступники израильтяне; предметомъ ея служатъ вещи повседневнаго обихода, какъ-то: одежда, сапоги, холстъ, сукно, ситецъ а найболѣе хлѣбъ, табакъ, курительный и нюхательный, и водка. Выдѣлка монеты окружена глубокой тайной, въ нее посвящаютъ только избранныхъ; распространенность фальшивой монеты, замѣчаемая часто въ тюрьмахъ, даетъ основаніе думать, что она получила тамъ свое начало.

Тюремный языкъ—это чрезвычайно важный ключъ, скрывающій и открывающій много секретовъ; составляется онъ изъ словъ общеупотребительныхъ, но съ обратнымъ значеніёмъ; словаремъ этого языка можно-бы наполнить порядочный томъ; служитъ онъ для внѣшнихъ сообщеній у тюремной рѣшетки, которыя, за посредствомъ знакомыхъ женщинъ, ведутся между преступниками, еще не попавшими въ руки правосудія и ихъ сообщниками, сидящими въ тюрьмѣ; служитъ

онъ также для бесѣдъ откровенныхъ и наконецъ чтобы подать совѣтъ, сдѣлать предостереженіе въ случаѣ опасности, грозящей заключенному.

На этомъ языкѣ одна тюрьма аттестуетъ другой новоприбывшаго арестанта, такъ что сейчасъ всѣ знаютъ, слѣдуетъ-ли его бояться, или можно посвятить во всѣ тайны. Тюремные совѣтники—это люди давно сидящіе за рѣшеткой, закоренѣлые во злѣ, развращенные и лукавые; они-то найболѣе опасны для попадающихъ въ тюрьму молодыхъ, не искусившихся еще въ плутовствѣ преступниковъ. Часто случается, что воръ пойманный по горячимъ слѣдамъ, на допросѣ въ первый моментъ сознается во всемъ, но лишь только онъ посидитъ нѣсколько дней въ тюрьмѣ, хотя-бы даже особо отъ другихъ, сейчасъ отопрется отъ всего, что говорилъ прежде, потому что найдутся люди, которые съумѣютъ проникнуть въ одиночное заключеніе и надѣлятъ его надлежащимъ совѣтомъ.

Въ такой-то школѣ довольно продолжительное время пробылъ Кармелюкъ, и какъ онъ былъ человѣкъ способный, то много воспользовался опытомъ предшественниковъ. Дѣло его, какъ дезертира и разбойника, разсматривалъ военно-полевой судъ, засѣдавшій въ каменецкой крѣпости; тянулось оно долго, только 20 сентября 1828 года постановленъ приговоръ. Рѣшено было его разстрѣлять; но высшія власти, по силѣ манифеста 1814 года, смягчили наказаніе: оно ограничилось 25 ударами кнутомъ и десятилѣтней каторжной работой въ Сибири.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе въ Литинѣ въ октябрѣ, а черезъ три недѣли Кармелюкъ былъ въ пути къ мѣсту назначенія: но, достигши терской степи въ вятской губерніи, онъ бѣжалъ оттуда и черезъ Москву направился прямо въ окрестности Бара. Начальникъ этапа такъ описывалъ его примѣты: лѣтъ 30, росту 2 аршина и 6 вершковъ, лице овальное, бритое, носъ умѣренный, глаза свѣтло-голубые, волосы рыжіе, недостаетъ двухъ переднихъ зубовъ; хорошо говоритъ по русски.

Весной 1819 Кармелюкъ очутился въ балтскомъ уѣздѣ, въ селѣ Французовкѣ, гдѣ встрѣтился съ дезертиромъ Иваномъ

Черноморцемъ, хорошо ему знакомымъ еще по тюрьмѣ. Рѣшили вдвоемъ произвести небольшую кражу, но кража не удалась, и они разбѣжались въ разныя стороны. Кармелюкъ поселился опять въ головчинскихъ лѣсахъ.

Тосковалъ онъ за женой, за дѣтьми, непродолимая привязанность къ нимъ тянула его на родину. «Если бы не эта глупая любовь», говаривалъ онъ часто, «можетъ быть гдѣ-нибудь въ другихъ мѣстахъ, никому неизвѣстный, исправился-бы, остановился и другую жизнь повелъ-бы». Слѣдующихъ два года въ жизни Кармелюка были настоящей идилліей. Скрывается онъ въ домахъ бѣдной «загоновой» шляхты [1]), но всегда въ окрестностяхъ Головчинецъ; съ женой видится по нѣскольку разъ въ недѣлю, помогаетъ ей въ полевыхъ работахъ, няньчитъ дѣтей, носитъ имъ гостинцы. Родится у него четвертый сынъ, отецъ справляетъ шумные крестины; сосѣди знатно упиваются на нихъ. Добываетъ онъ средства мелкими кражами, къ которымъ окрестный народъ такъ привыкъ, что даже не протестуетъ...

Начались нападенія, съ цѣлью грабежа, и опять одинъ богатый хуторянинъ изъ Майдана Головчинскаго палъ жертвой. Это былъ Павелъ Опаловскій, зажиточный, трезвый и трудящій хозяинъ. Въ февралѣ 1822 г. напали на него разбойники и искололи его пиками такъ, что чрезъ нѣсколько дней онъ умеръ отъ ранъ. Взяли у него 2000 золотыхъ и 4 лошади. Еще округа не узнала о разбоѣ, какъ въ селѣ Овсяникахъ тѣ-же самые гайдамаки забрались въ хату богатого мужика и давай его мучить, что-бъ отдалъ деньги; но тутъ мальчуганъ помѣшалъ разбойникамъ: вырвавшись изъ избы, онъ сталъ звать на помощь. Разбойники принуждены были уйти; остались лошади, украденныя у Опаловскаго.

И опять кругомъ паника. Молва стала преувеличивать число гайдамакъ; лишенный всякой защиты, крестьянинъ боялся показать носъ въ лѣсъ; полиція потеряла голову. Среди всеобщаго замѣшательства и паники нашелся человѣкъ, который рѣшился опол-

[1]) Имѣющей одинъ загонъ, т. е. небольшой кусокъ земли.

читься на разбойниковъ. Герой этотъ былъ скромный экономъ изъ села Комаровецъ, Островскій. Взялся онъ за дѣло очень практично. Прежде чѣмъ поймать звѣря, надо было отыскать его логовище, а потому съ ружьицемъ черезъ плечо, съ трубочкой во рту, съ ухомъ, чуткимъ къ малѣйшему шороху, пошелъ онъ въ окрестныя лѣса, предупредивъ лишь владѣльца о своихъ намѣреніяхъ, а людямъ говорилъ, что идетъ на охоту—зайца подсѣсть.

Послѣ двухдневнаго путешествія въ дебряхъ, сопряженнаго съ большой опасностью, встрѣтилъ Островскій трехъ разбойниковъ, разговаривалъ съ ними, даже огня далъ имъ изъ своей трубочки. Разстались они въ найлучшихъ отношеніяхъ, да разбойники его ни въ чемъ и не заподозрили. По возвращеніи съ рекогносцировки, увѣрившись, что не дастъ промаха, Островскій устроилъ облаву. Участіе въ ней приняли 20 пѣшихъ и 15 конныхъ; оружіе отряда составляли пять ружей, остальное—дубины и дреколья.

Поиски начались съ Яновецкихъ полей. Разбойники, выгнанные изъ логовища, уходятъ на Комаровецкія поля; облава преслѣдуетъ ихъ и здѣсь, но преслѣдующимъ не достаетъ храбрости. Хотя преслѣдуемые имѣютъ только пики, но обаяніе Кармелюка велико; онъ грозитъ, что первый, кто приблизится къ нему, ляжетъ трупомъ. Паренекъ изъ фольварка, не обращая вниманія на угрозы, наступаетъ; ватажекъ однимъ ударомъ ломаетъ ему руку и сбрасываетъ съ коня; оставшіеся стрѣляютъ изъ 4-хъ ружей, промахнулись однако всѣ; послышались смѣхъ, проклятія, угрозы... Разбойники на минуту остановились для отдыха или питья водки, а тридцать человѣкъ стоятъ вдали и смотрятъ, не хватаетъ имъ мужества. За то у нихъ нѣтъ недостатка въ настойчивости; не спускаютъ съ глазъ разбойниковъ и идутъ имъ въ слѣдъ.

День клонится къ вечеру; разбойники вотъ-вотъ уйдутъ. Къ счастію, прибыла новая помощь въ 40 человѣкъ съ нѣсколькими ружьями. Послѣдній разъ предлагаютъ имъ сдаться, и когда послѣдовалъ новый отказъ, раздалось вдругъ больше

десятка выстрѣловъ; разбойники переранены, тотъчасъ всѣхъ ихъ переловили и перевязали. Нѣсколько дней держали ихъ въ Комаровцахъ; кандаловъ и ошейниковъ желѣзныхъ не было подъ рукой, а веревки Кармелюкъ рвалъ безъ малѣйшаго усилія; только уже послѣ того, какъ изготовлены были кандалы, атаманъ разбойниковъ, прикованный къ возу, весь въ тяжелыхъ оковахъ и подъ конвоемъ 60 человѣкъ, отвезенъ въ Литинъ По дорогѣ собирались толпы крестьянъ, чтобъ посмотрѣть на знаменитаго «компанейца». Кармелюкъ шутилъ, любезничалъ съ дѣвчатами, предсказывалъ свое скорое возвращеніе и обѣщалъ съ лихвой отплатить тѣмъ, которые его поймали. Народъ отходилъ печальный, съ крѣпкой вѣрой, что разбойникъ сдержитъ слово. Начатое слѣдствіе не долго продолжалось. Кармелюкъ сначала показывалъ, что онъ дезертиръ изъ полка, стоящаго въ Костромѣ, но это ни къ чему не привело: жена и дѣти, приведенные передъ судей, во всемъ сознались. Послѣ удостовѣренія въ личности отослали его въ каменецкую тюрьму, такъ какъ литинская не представляла достаточнаго ручательства въ безопасности.

Въ тюрьмѣ за рѣшеткой Кармелюкъ былъ какъ у себя дома; связи дѣлалъ скоро. Всѣ преступники поклялись ему въ безусловномъ повиновеніи. Не прошло нѣсколько дней, какъ у него готовъ былъ планъ побѣга, а спустя еще нѣсколько дней онъ привелъ его въ исполненіе. Караулъ, однако, замѣтилъ бѣглецовъ и сталъ стрѣлять; главный помощникъ атамана палъ на поляхъ янченецкихъ, прострѣленный пулей. Кармелюкъ, раненный въ ногу, долженъ былъ сдаться.

Прикованный къ столбу, съ тяжелыми оковами на ногахъ, просидѣлъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ февраля 1824 года ему отпустили на рыночной площади 100 кнутовъ, заклеймили и сослали на всю жизнь въ сибирскіе рудники. Въ пути пробылъ Кармелюкъ цѣлый годъ, останавливаясь по тюрьмахъ, подъ предлогомъ болѣзни, и выискивая случая къ новому побѣгу. Не удавалось, однако: стерегли хорошо, а еще крѣпче заковывали. Въ концѣ февраля 1825 года прибылъ онъ

въ Тобольскъ. Тутъ его положеніе измѣнилось къ лучшему: его освободили отъ оковъ и отправили въ Ялуторовскъ, на винокуренный заводъ; здѣсь онъ трудился добросовѣстно, и какъ былъ мастеръна всѣ руки и умѣлъ всѣмъ понравиться, то его вскорѣ сдѣлали надсмотрщикомъ. Ставши свободнѣе, онъ имѣлъ болѣе возможности столковаться съ товарищами, и послѣ трехмѣсячнаго пребыванія (столько ему потребовалось для излѣченія ранъ, натертыхъ кандалами), забравши съ собой семь товарищей, ушелъ изъ винокурни. Черезъ нѣсколько недѣль его поймали, выпороли и водворили на мѣдно-плавильномъ заводѣ въ окрестностяхъ Ялуторовска. Плохо стало опять Кармелюку: тоска, какъ ржавчина разъѣдала его грудь, отгоняла сонъ отъ его вѣкъ. Но спустя недѣлю Кармелюкъ опять съумѣлъ вырваться на свободу. Путешествіе на югъ продолжалось годъ. Въ маѣ 1826 года онъ былъ уже въ Кіевѣ, укралъ здѣсь пару крестьянскихъ лошадей, купилъ себѣ платье, какое носила тогда у насъ «загоновая шляхта», и пробрался въ Гуту, подъ видомъ чумака, возвращающагося изъ Одессы.

Здѣсь Кармелюку не трудно было найти старыхъ товарищей, такъ какъ манифестъ 1826 года не мало ихъ освободилъ отъ заслуженной кары. Первымъ такимъ былъ Василій Добровольскій, выкрестъ, сидѣвшій когда-то въ тюрьмѣ, неисправимый воръ, теперь же арендаторъ трактовой корчмы подъ лѣсомъ, на поляхъ с. Ходакъ. У Добровольскаго была молодая красивая жена, съ которой онъ жилъ не особенно согласно. Кармелюкъ, человѣкъ мягкаго сердца, влюбился въ жену корчмаря [1]), о соб-

---

[1]) Не поэтому ли случаю сложилась въ народѣ слѣд. пѣсня:

Ходивъ Кармелюкъ до молодыци,
Носивъ червинцивъ повни саквыци.
„Ты, молодыце, ты моя мила,
За те тебе люблю, що ты чернобрива!
Ты молодыце, ты чаривнице!
Чимъ ты мене обворожила?“
„Бодай ты такъ знавъ съ синей до хаты,
Якъ я то знаю, чимъ чароваты“.
— „Въ мене чароньки—то чорни бровоньки,“

ственной женѣ и дѣтяхъ забылъ, сердился на нихъ. . выдали его, когда онъ не хотѣлъ, чтобъ его узнали, могли, слѣдовательно, выдать и другой разъ. Но мстить имъ, существамъ столь близкимъ, не хватало у него мужества, и онъ предпочиталъ не видѣться больше съ ними. Другой товарищъ Кармелюка былъ Илько Скотничукъ, крестьянинъ изъ с. Гуты. Въ троемъ они начали разбой. По ловкости работы народъ догадывался, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а когда одинъ да другой увидѣлъ Кармелюка, пригнетенное крестьянство стало собираться вокругъ разбойника, давая ему пристанище, указывая, гдѣ съ выгодой можно произвести грабежъ.

Сельская полиція, видя, что противъ теченія плыть трудно, рѣшилась довольствоваться скромными данями, жертвуемыми ей великодушнымъ разбойникомъ, сидѣла скромно, сама даже предупреждала его объ опасности. Удивительное, право, явленіе! На глазахъ властей, въ краѣ, гдѣ не было недостатка въ войскѣ и гдѣ повсюду жила щеголявшая оружіемъ шляхта—одинъ человѣкъ объявляетъ войну обществу и разбойничаетъ безнаказанно.

Народъ преклоняется предъ нимъ и подчиняется ему, а Добровольская, простая шинкарочка шляховая, жена выкреста, служитъ предметомъ оваціи! Крестьянинъ вездѣ ее встрѣчаетъ съ почтеніемъ, водку у нея пьетъ и хорошо за нее платитъ; а когда у него украдутъ скотъ, спѣшитъ къ возлюбленной разбойника, преподноситъ ей подарки вещами и деньгами и при посредничествѣ всемогущей женщины старается возвратить пропавшее. Покорностью многіе достигали цѣли, поэтому сборища въ ходакской корчмѣ были большія; напротивъ, каждый, кто

— „Въ мене принада—що сама молода,“
— „Якъ ты ся звешъ?“—„Магдалиною“.
— „Де-жъ твоя хата?“—„За долиною...
Снипками вшита, соломою вкрыта.
Прыйди, серденько! Хочъ и буду бита,
Та знаю за кого,
За Кармелюка молодого.

Записана въ с. Бѣлянахъ могил. уѣзда, под. губ., со словъ слѣпой Докіи.

миновалъ эту инстанцію и обращался къ полиціи, долженъ былъ потомъ дрожать за свою будущность, потому что могъ быть снова ограбленъ, побитъ, а иногда живьемъ сожженъ!

Нѣтъ ничего удивительнаго, что крестьянинъ, нигдѣ не видя помощи, не разсчитывая на собственныя силы, вынужденный переносить зло, какъ неизбѣжную необходимость, наконецъ свыкался съ нимъ, начиналъ смотрѣть на него снисходительно, восхищаясь ловкостью воровъ и завидуя минутной ихъ свободѣ.

Кармелюкъ умѣлъ этимъ пользоваться, и видя, что много народа идетъ подъ его власть, выбралъ изъ массы охотниковъ самыхъ отважныхъ, а именно: Илька Скотничука, Василія Добровольскаго и Ивана Литвинчука и отдалъ имъ подъ команду остальныхъ. Планъ нападеній составлялъ самъ, но для большой важности участія въ нихъ не принималъ; предводителямъ позволялъ называться своимъ именемъ, поэтому случалось, что одновременно изъ трехъ отдаленныхъ другъ отъ друга пунктовъ полиція получала донесенія о нападеніи Кармелюка, тогда какъ онъ едва нѣсколько разъ въ годъ выходилъ изъ своего убѣжища. Своей возлюбленной обыкновенно приносилъ деньги и наряды. Бѣдная пани Добровольская скорбѣла, что не можетъ открыто въ нихъ щегольнуть, и хоть была сильна своимъ вліяніемъ на разбойника, ходила въ старомъ потертомъ жупанѣ и часто даже безъ башмаковъ...

Однажды это вліяніе стало слабѣть въ силу непредвидѣннаго обстоятельства. Случилось это поздней осенью 1826 года. Помощники разбойника вышли въ поле на промыселъ, въ ходакской корчмѣ остались только шинкарка да Кармелюкъ, игравшій при ней роль пахолка. Солнце склонялось къ вечеру; дулъ сильный, порывистый вѣтеръ, надъ лѣсистой мѣстностью повисло сѣрое, печальное небо, сообщая всему сумрачный колоритъ.

Шинкарка молча возилась подлѣ печки, а импровозированный сторожъ сидѣлъ, задумавшись, въ углу первой комнаты. Вдругъ кто-то постучался въ двери. Кармелюкъ всталъ и отворилъ ее. У порога показался молодой паренекъ, не высо-

кого роста, коренастый, плечистый, съ свѣтлыми подбритыми волосами, падающими на высокое чело, съ ясными голубыми глазами, въ которыхъ выражались печаль и усталость; одежда его мужицкая, бѣдная и заплатанная; въ рукахъ дубинка—знакъ, что путешествіе совершилъ пѣшкомъ.

Слава Іисусу Христу! сказалъ онъ, входя въ хату, и спросилъ: а шинкарка, пани Добровольская, дома?

На вѣки вѣковъ!—пробормоталъ подъ носъ Кармелюкъ и прибавилъ: гдѣ-же ей быть?

Въ ту-жъ минуту показалась хозяйка; по нѣсколькимъ словамъ она догадалась, въ чемъ дѣло, и попросила пришедшаго въ чуланъ. Кармелюкъ, пораженный выраженіемъ лица пришельца, сталъ прислушиваться подъ дверью.

— Сколько-же вы мнѣ дадите, если ваши волы найдутся? А надо много дать, потому что уже двѣ недѣли, какъ пропали, далеко искать, говорила женщина.

— Э, много я дать не могу, потому что не имѣю. Отца сослали въ Сибирь; говорятъ, будто онъ вернулся, да допроситься къ нему не могу—отвѣчалъ ей паренекъ.

— Кто жъ ты такой?

— Иванъ, сынъ Кармелюка, прошепталъ тотъ застѣнчиво.

Въ эту минуту отворилась дверь изъ чулана и въ ней показался атаманъ, блѣдный, дрожащій, и, растроганный до слезъ, сталъ всматриваться въ сына.

— Отецъ!—крикнулъ внезапно парень и бросился въ объятія отца.

Наступила трогательная сцена, посыпались мелкіе вопросы о женѣ, о дѣтяхъ, о родственникахъ. Разбойникъ плакалъ, смѣялся, смотрѣлъ въ глаза сыну и сейчасъ же приказалъ вернуть ему волы; хотѣлъ и подарками его осыпать, но Иванъ отказался—такъ, покрайней мѣрѣ, впослѣдствіи обнаружено на допросѣ. Судьи хотѣли только знать, не былъ ли сынъ соучастникомъ въ отцовскихъ злодѣяніяхъ, но никогда не взыскивали съ него за то, что не выдалъ отца.

Кармелюкъ цѣлую ночь проговорилъ съ молодымъ Иваномъ; къ утру со слезами проводилъ и на дорогу напутствовалъ его слѣдующими памятными словами.

— Эй, не йди, сынку, по моимъ слидамъ!

Послѣ этого, въ теченіи нѣскольких дней, Кармелюкъ былъ очень печаленъ, отталкивалъ ласки приходившей въ отчаяніе возлюбленной, рвался въ Головчинцы, къ женѣ. На счастье Добровольской, въ то время вернулись съ разбоя помощники, и начались попойки. Кармелюкъ утопилъ горе въ винѣ и забылъ о семьѣ.

Шайка злоумышленниковъ вела торговлю крадеными вещами на большую руку. Купцы всегда находились; арендари на шляховыхъ корчмахъ охотно покупали, да и дешево имъ все приходилось! Такъ, напримѣръ, извѣстно изъ судебныхъ актовъ, что за хорошую лисью шубу, крытую сукномъ или шелкомъ, платили обыкновенно 4 злотыхъ, за вола давалъ покупатель 10 злотыхъ, за коня 2 руб. А какъ много всего этого перешло черезъ руки Кармелюка и его шайки, видно изъ того, что въ продолженіи полугода, и то не полнаго, въ излюбленной разбойниками мѣстности украдено 2000 воловъ и 1400 лошадей, не говоря уже о домашней рухляди, платьяхъ, драгоцѣнныхъ вещахъ и звонкой монетѣ. Нападенія въ окрестностяхъ Бара такъ однако участились во второй половинѣ 1826 года, что уже невозможно было смотрѣть на это равнодушно; и когда генералъ Друцкій-Соколинскій, жившій въ то время въ с. Гармакахъ, половина которыхъ ему принадлежала, написалъ подольскому губернатору, представляя печальное положеніе жителей, подвергающихся безпрестаннымъ грабежамъ, тогда администрація предписала немедленно приступить къ поискамъ въ тамошнихъ лѣсахъ, строго возбраняя по селамъ держать подозрительныхъ людей

Въ то самое время въ с. Думенку, недалеко отъ Бара, на четвернѣ прикатилъ какой-то важный панъ, одѣтый въ лисью шубу. На козлахъ у него лакей и кучеръ, оба въ ливреяхъ,—вооруженные, что было въ обычаѣ, такъ какъ всѣ тогда боялись

Кармелюка, который сталъ уже нападать по дорогамъ на проѣзжающихъ [1]). Крестьяне, жители того села, были очень удивлены, замѣтивши, что сани остановились передъ хатой ихъ односельца Ивана Литвинюка, пользовавшагося у нихъ недоброй славой. И панъ, и слуги съ нимъ прiѣхавшiе, вошли въ хату названнаго мужика. Кто-то изъ сельчанъ, посмѣлѣе другихъ, заглянулъ въ хату и къ своему великому удивленiю увидѣлъ, что прiѣхавшiе пируютъ съ хозяиномъ. Послѣ короткаго совѣщанiя, десятка два сельскихъ хозяевъ, вооруженныхъ дубинами, окружили усадьбу Литвинюка. Разбойники, а это были они, побросавъ оружiе, дали тягу. Одинъ только панъ въ лисьей шубѣ не потерялъ присутствiя духа; схватилъ ружье, ранилъ выстрѣломъ перваго приблизившагося, потомъ крикнулъ грозно: «я Кармелюкъ», прошелъ спокойно среди изумленныхъ и испуганныхъ крестьянъ, сѣлъ въ сани и поѣхалъ, никѣмъ не остановленный.

Разнеслась всюду молва, что знаменитый разбойникъ находится въ окреетностяхъ. По обычаю, сдѣлали на ночь облаву, которая ни къ чему не привела: поймано нѣсколько мелкихъ преступниковъ, и только! Однакожъ такое явное насилiе среди бѣлаго дня, такая отвага грабителя, принудили мѣстную власть къ большей дѣятельности. Кармелюкъ понялъ это и перенесъ свою дѣятельность въ другiя мѣста, именно въ Литинскiй уѣздъ. Желая доказать, что умѣетъ отомстить, онъ сдѣлалъ нападенiе на домъ Островскаго, нѣкогда эконома, о которомъ выше мы упоминали, а теперъ поссесора Комаровецъ. Къ счастью, Островскаго и его семейства не было дома; отдѣлался онъ только 1000 злот. деньгами и вещами, за то жизнь свою спасъ. Приба-

---

[1]) Слышалъ я одинъ такой разсказъ. Встрѣчаетъ Кармелюкъ въ лѣсу на дорогѣ православнаго священника; видитъ, бричка и лошади не дурны.—Батюшка, говоритъ онъ перепуганному на смерть священнику: а какъ вы говорите, когда крестите, кумовьямъ, поворачивая ихъ къ порогу?—Радъ не радъ—батюшка долженъ былъ произнести извѣстныя слова при крещенiи: „отрицаешися ли сатаны“ и пр. Кармелюкъ попросилъ батюшку повернуться къ своей бричкѣ и лошадямъ и повторить сказанное. Понятно, что Кармелюкъ не отказался взять то, отъ чего волей-неволей отрекся священникъ.

Примѣчанiе переводчика.

вимъ здѣсь, что одновременно съ нападеніемъ на домъ поссесора въ Комаровцахъ, Кармелюкъ ограбилъ и пана Фингера въ его собственномъ домѣ. Въ январѣ 1827 гсда нападенія возобновились. Подъ разбойничьимъ ножемъ пали арендари въ Гутѣ, потомъ въ Гришкахъ. Послѣдняго долго тиранили, желая вынудить у него сознаніе, гдѣ онъ спряталъ деньги.

Въ виду такого нахальства администрація потеряла голову: смѣлый разбойникъ издѣвался надъ нею ежеминутно. И вотъ шляхта снова принимаетъ на себя нравственную обязанность схватить Кармелюка.

Небогатая мѣстная шляхта, связанная родствомъ и сосѣдствомъ, какъ это обыкновенно бываетъ у нашей шляхты, не теряла присутствія духа: укрѣпила свои дома надлежащимъ образомъ, запаслась оружіемъ и спокойно стала ждать нападенія разбойника, который грабилъ въ окрестностяхъ и грозилъ нападеніемъ на ихъ дома. Но такъ какъ угрозы долго не приводились въ исполненіе, то изъ оборонительнаго положенія она перешла въ наступательное.

Въ Кальной-Деражнѣ жилъ въ то время панъ Феликсъ Янчевскій, за свою страсть къ рѣчамъ прозванный отъ сосѣдей деражнянскимъ Демосѳеномъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ готовъ былъ выступить съ рѣчью: на крестинахъ, свадьбахъ, погребеніяхъ, сеймикахъ... словомъ, гдѣ только представлялся къ тому удобный случай. Дѣтей онъ не имѣлъ; служилъ сначала въ польскомъ войскѣ, потомъ въ русскомъ. Жадный, буйный, задорный, необыкновенный силачъ, онъ былъ человѣкъ отсталыхъ понятій: на крестьянина смотрѣлъ съ точки зрѣнія эконома: считалъ его хамомъ и былъ убѣжденъ, что противъ всякой его неисправности и погрѣшности простѣйшее и наиболѣе соотвѣтственное средство—батоги, батоги, и ничего болѣе.

Несказанно сердило пана Феликса, что какой-то тамъ мужикъ пріобрѣлъ славу грознаго разбойника и наводитъ на всѣхъ страхъ. Грозился онъ поэтому, что поймаетъ разбойника, Кармелюкъ-же узнавши объ этомъ (а онъ имѣлъ вездѣ шпіоновъ), объявилъ, что пуститъ съ огнемъ домъ и имущество

Янчевскаго, а самаго пана закоптитъ въ дыму. И вотъ между «Демосѳеномъ» и бандитомъ началась борьба, скрытая, упорная, продолжительная. Кармелюкъ, желая получить самыя подробныя свѣдѣнія о своемъ противникѣ, часто заглядывалъ въ Кальную, главнымъ образомъ къ жившему тамъ шляхтичу Ольшевскому, своему горячему стороннику. Мѣстный арендаръ, знавшій хорошо Кармелюка, высмотрѣлъ, гдѣ онъ останавливается, и тотъ-часъ поспѣшилъ къ пану Янчевскому съ извѣстіемъ, которое и зачелъ въ доплату за дешево купленную у него пшеницу. Нужно было перетянуть шляхтича на свою сторону и потому панъ Феликсъ поспѣшилъ зазвать къ себѣ Ольшевскаго и сталъ убѣждать его, что какъ ни преступенъ онъ передъ закономъ, но съ него снимутъ обвиненіе въ соучастничествѣ, если онъ дастъ знать двору о прибытіи Кармелюка.

Ольшевскій склонился на убѣжденія, и 17 іюня 1827 г. Демосѳенъ, по данному сигналу, сталъ готовиться въ ночную экспедицію. Еще до разсвѣта, вооруженный надлежащимъ образомъ, вмѣстѣ съ сосѣдями—Качковскимъ и Малишевскимъ и съ дюжиною отважнѣйшихъ крестьянъ отправился онъ въ хату Ольшевскаго.

По прибытіи на мѣсто, крестьяне струсили, но отступать было поздно, потому что пировавшіе разбойники уже услышали необычное движеніе вокругъ усадьбы. Янчевскій вскочилъ въ хату и, вѣрный своему обычаю, прежде всего хватилъ предъ Кармелюкомъ маленькую рѣчь, очень забавно переданную въ судебныхъ актахъ. А атаманъ, понятно какъ хамъ, не любилъ «орацій» и прицѣлился въ него изъ ружья. Янчевскій выбиваетъ его изъ рукъ, но въ ту-же минуту получаетъ ударъ дубиной по головѣ отъ Добровольскаго, а Илько Скотничукъ старается свалить его на землю. Кармелюкъ бросаетъ оружіе, хватаетъ лежавшую по близости дубину и кричитъ: «хлопци, на смерть того гультая!» И удары кіями посыпались на спину отважнаго шляхтича. Застонавъ отъ боли, но не обращая вниманія на удары, Янчевскій ловкимъ движеніемъ валитъ разбойника на

землю; а разъ тотъ былъ подъ нимъ, онъ могъ считать свое дѣло выиграннымъ. Позванные на помощь Качковскій и Малишевскій (такъ какъ изъ крестьянъ только одинъ остался на полѣ битвы) связали разбойника; два его товарища сдались сейчасъ-же добровольно. Опутанный веревками, Кармелюкъ бѣсился и пѣнился, а сторожившихъ его крестьянъ убѣждалъ не слушать пановъ, панщины не работать, перестать быть скотомъ, несущимъ покорно ярмо. Это былъ единственный случай пропаганды его въ народѣ; по крайней мѣрѣ судьи, подробно записывавшіе каждое его слово, этотъ только случай занесли въ протоколъ. Янчевскому Кармелюкъ тутъ-же объявилъ, что вернется еще разъ изъ Сибири, единственно для того только, чтобы отомстить ему за причиненную обиду.

— Развѣ издохнешь, старый песъ, тогда только не вyслѣжу тебя! кричалъ онъ, метаясь среди окружавшей его толпы.—Мои хлопцы не сдѣлали тебѣ никакой обиды, не украли у тебя ничего, а ты на Кармелюка нападаешь!.. Подожди, попомнишь ты его!

Оставалось послѣ этого отправить Кармелюка въ Летичевъ, какъ уѣздный городъ, въ которомъ была тюрьма. Крестьяне не рѣшились конвоировать его; принуждены были дать имъ въ помощь 50 солдатъ подъ командой офицера. Черезъ три дня разбойникъ опять сидѣлъ за рѣшеткой. Слѣдуетъ сказать, что въ началѣ онъ держалъ себя упорно, ничего не говорилъ о своихъ соучастникахъ, за то Добровольскій и Илько Скотничукъ все выболтали. Первый постоянно просилъ, чтобы съ него за искреннее сознаніе сняли кандалы, которые ему крѣпко наскучили.

Въ началѣ декабря 1827 года виновныхъ перевели, вмѣстѣ съ десятью товарищами, въ Литинскую тюрьму, для окончанія допроса. Конвоировалъ ихъ цѣлый отрядъ пѣхоты и толпа крестьянъ, которые не выражали особеннаго неудовольствія противъ Кармелюка, хотя онъ очень надоѣлъ имъ. Боязнь возвращенія разбойника связала ихъ языкъ.

Въ Литинѣ Кармелюкъ внезапно подался: выдалъ всѣхъ, кому сообщники его продавали краденыя вещи. Но эта покор-

ность, какъ потомъ оказалось, вызвана была надеждой на то, что его освободятъ отъ желѣзнаго ошейника. Не освободили однакожъ, а потому онъ сталъ серьезно думать о бѣгствѣ, какъ это видно изъ рапорта смотрителя тюрьмы отъ 17 декабря, въ которомъ онъ просилъ увеличить число часовыхъ въ виду подозрительныхъ намѣреній Кармелюка. Во всякомъ случаѣ не обошлось и здѣсь безъ новаго приключенія. Надо знать, что въ женскомъ отдѣленіи Литинской тюрьмы содержалась хорошо знакомая намъ шинкарка Ходацкой корчмы, красавица Добровольская. Разбойникъ стосковался по ней, и 10 февраля 1828 года попросилъ, чтобы ему позволили свиданье съ старой пріятельницей. Конечно, нѣжнаго желанія, не согласнаго съ правилами тюрьмы, не удовлетворили. Взбѣшенный этимъ разбойникъ сейчасъ же на другой день среди бѣлаго дня пошелъ къ своей возлюбленной, ломая и дробя замки, задерживавшіе его, а часовые, зная его силу и неукротимость, не смѣли ему сопротивляться. Чтобы предупредить на будущее время такое дерзкое непослушаніе, смотритель приказалъ посадить Добровольскую на гауптвахту.

Это разъярило Кармелюка до высшей степени. Въ принадкѣ бѣшенства, онъ разорвалъ кандалы и цѣпи, вооружился ими и вызывалъ охотниковъ на бой. Охотниковъ, конечно, не нашлось. Часовые со страхомъ слушали его проклятія, а расходившійся разбойникъ поотбивалъ замки въ сосѣднихъ камерахъ и предложилъ всѣмъ арестантамъ поднять бунтъ, во главѣ котораго готовъ былъ самъ стать, ручаясь, что побѣда останется за ними, если они поклянутся безусловно подчиняться ему Къ счастью, кромѣ Добровольскаго и Илька Скотничука, ни одинъ изъ арестантовъ не принялъ этого предложенія. Тогда разсерженный Кармелюкъ отнялъ у арестантовъ хлѣбъ и заперся съ двумя упомянутыми товарищами въ особую комнату; двери, ведущія къ ней, забаррикадировалъ кучей кирпича изъ разрушенной печки, доски изъ наръ превратилъ въ ручное орудіе и объявилъ, что ожидаетъ атаки.

Тюремное начальство испугалось такой дерзости и не знало, что предпринять. Вывели всѣхъ преступниковъ изъ тюрьмы. Осада продолжалась три дня.

Переговоры велись черезъ окно. Наконецъ, удалось властямъ мягкими, какъ передаетъ судебный актъ, мѣрами склонить разбойниковъ къ подчиненію. Видно однако, что имъ все таки не особенно довѣряли, такъ какъ въ числѣ условій капитуляціи было, что Кармелюкъ кирпичи изъ печки и доски, собранныя имъ для защиты, выброситъ во дворъ, а Добровольскаго и Скотничука свяжетъ, и оба они поодиночкѣ должны сдаться, и то въ отдѣльной комнатѣ каждый. Можно ли удивляться, что Кармелюкъ, будучи на волѣ, нагонялъ на всѣхъ кругомъ такой паническій страхъ, если даже въ тюрьмѣ онъ съумѣлъ быть такимъ страшнымъ. Удивляться слѣдуетъ одному: какъ его не разстрѣляли или не повѣсили, потому что хотя смертная казнь въ Россіи отмѣнена, но существуютъ военно-полевые суды, которые правительство въ чрезвычайныхъ случаяхъ учреждаетъ не только по политическимъ преступленіямъ, но и по уголовнымъ. Конецъ этого приключенія былъ такой: съ тѣхъ поръ разбойника держали прикованнымъ къ столбу, буквально спеленаннымъ тяжелыми цѣпями Къ удивленію, онъ спокойно сносилъ такое тяжелое наказаніе. Здоровье его было желѣзное; никогда не болѣя, всегда веселый, онъ часто острилъ съ своими надзирателями и умѣлъ ихъ разсмѣшить, но чаще поражалъ цинизмомъ.

Допросъ виновныхъ производила коммисія, съ этой цѣлью назначенная еще въ іюнѣ 1827 года; окончила она свой трудъ въ февралѣ слѣдующаго года. Такая быстрота дѣйствій коммисіи всѣхъ удивляла, но такъ было приказано свыше. Великій князь Константинъ, намѣстникъ Царства Польскаго, которому подчиненъ былъ и этотъ край, приказалъ подавать себѣ рапорты еженедѣльно о ходѣ дѣла, а съ нимъ шутить было опасно. Судьи выказали большую энергію. Не забывайте, что участниковъ въ грабежахъ и убійствахъ было около 250 человѣкъ; привлеченныхъ къ дѣлу посредниковъ 500; однихъ свидѣтелей допрошено 1000; протоколы едва могли помѣстить на

2070 листахъ большаго формата, убористаго письма. Не забывайте также, что судьи имѣли дѣло съ людьми, уже не разъ сидѣвшими въ тюрьмѣ, слѣдовательно знакомыми со всѣми фортелями, какъ замести слѣды или оттянуть слѣдствіе... Еще разъ повторяемъ, что такая быстрота, при прежней судебной процедурѣ, поражаетъ насъ.

Въ началѣ февраля 1828 г. состоялся приговоръ, по которому Кармелюкъ приговоренъ къ публичному наказанію кнутомъ и каторгѣ. И опять съ этой цѣлью препровождаютъ его въ Каменецъ, но только въ іюнѣ приводятъ приговоръ въ исполненіе. Сто кнутовъ легло на спину разбойника. Перенесъ онъ ихъ безъ стона, и безъ посторонней помощи вернулся въ тюрьму. Затѣмъ, заклейменный, закованный, подъ удвоеннымъ конвоемъ, въ третій разъ отправился въ Сибирь...

Что сталось съ его соучастниками? Добровольская получила 25 кнутовъ, ея мужъ и Илько Скотничукъ по 50; всѣ трое осуждены въ каторжныя работы, тоже за Уралъ; наказанію подвергали ихъ въ Литинѣ. Въ іюнѣ они были уже въ дорогѣ и съ поселенія больше не возвращались.

Менѣе виновныхъ изъ числа 180 отдали въ солдаты, а при неспособности ихъ къ военной службѣ правительство распорядилось поселить ихъ въ окрестностяхъ Тобольска навсегда.

Остальные, около 300 человѣкъ обоего пола, были наказаны плетьми; въ эти категоріи попалъ и Ольшевскій, у котораго былъ пойманъ Кармелюкъ.

Янчевскаго судъ призналъ достойнымъ награды, и кажется, что позже онъ былъ украшенъ даже орденомъ. Въ августѣ остатки банды длинными, печальными рядами потянулись въ Сибирь. Сѣрые арестантскіе халаты на плечахъ подольскихъ преступниковъ развѣвались вдоль дороги, ведущей за Уралъ. Села обезлюдѣли, хаты опустѣли, но за то оставшіеся жители вздохнули свободнѣе. По крайней мѣрѣ можно уже было углубиться въ лѣсъ безъ опасенія встрѣтиться съ грабителями; въ корчмахъ поселились люди честные, не занимающіеся продажей краденыхъ вещей, и народъ сталъ опять выгонять скотъ на

поле, потому что былъ увѣренъ, что его никто не возьметъ у него.

Долго ли однако продолжался покой? Объ этомъ узнаемъ сейчасъ, въ слѣдующей главѣ.

III.

Въ маѣ 1830 года стали носиться глухія вѣсти о появленіи на такъ называемомъ «черномъ шляху» новаго разбойника. Случаевъ нападенія еще не было ни одного, но кражи лошадей и воловъ совершались въ огромномъ числѣ. Въ полицію посыпалось множество жалобъ. Народъ въ слухъ говорилъ, что дѣйствуетъ тутъ преступникъ, называющійся Головачемъ, а на ухо шепталъ своимъ, что подъ этимъ прозваніемъ скрывается Кармелюкъ, который въ третій разъ бѣжалъ изъ Сибири, что-бъ отомстить за свои обиды.

Сомнительныя вѣсти стали получать значеніе достовѣрныхъ, когда въ іюнѣ того-же года въ летичевскій судъ представленъ былъ человѣкъ, скрывавшійся въ тамошнихъ лѣсахъ и случайно схваченный въ Кальной Деражнѣ.

Человѣкъ этотъ сдѣлалъ значительныя признанія, а именно: что онъ дезертировалъ третій разъ, что называтся Петръ Копчукъ, что принадлежитъ къ шайкѣ Кармелюка, находящагося въ тѣхъ сторонахъ, что Кармелюкъ не можетъ пока выступить открыто, потому что не нашелъ еще достаточнаго число товарищей—грабителей, но хочетъ начать съ нападенія на Янчевскаго; что шайка его въ эту минуту состоитъ изъ 10 человѣкъ, но еще не собрана въ одно мѣсто. Копчукъ, по его словамъ, встрѣтилъ первый разъ атамана-разбойника въ день Преображенія въ Меджибожѣ у Беня Ворошиловскаго, а другой разъ на зеленыхъ праздникахъ въ Балтѣ на ярмаркѣ. Прошу не забывать, что одно мѣсто отстоитъ отъ другого по крайней мѣрѣ на 300 верстъ, что тамъ въ означенные дни собирается масса народа по разнымъ дѣламъ. Кармелюкъ, очевидно, хотѣлъ въ этой массѣ навербовать себѣ отрядъ изъ молодцевъ, которымъ нечего было больше терять.

Показаніе Копчука поразило всѣхъ. Прибавимъ между прочимъ, что этотъ наивный человѣкъ, какимъ его по крайней мѣрѣ считали, съумѣлъ послѣ этихъ показаній очень ловко улизнуть изъ тюрьмы. Мѣстная администрація зашевелилась и обнаружила большую энергію. Подольское губернское правленіе сдѣлало распоряженіе по всѣмъ уѣздамъ, что-бы убѣжище разбойника, вочто-бы то ни стало, было разыскано; одновременно сдѣланъ былъ запросъ Тобольскому комитету, завѣдывавшему дѣлами ссыльно-каторжныхъ, дѣйствительно-ли Кармелюкъ бѣжалъ изъ Сибири. Оттуда послѣдовалъ отвѣтъ, что еще 2 мая 1829 г. онъ успѣлъ убѣжать изъ Боровлянской винокурни, гдѣ отбывалъ каторжную работу Въ то же самое время Янчевскому, опасавшемуся нападенія, дали команду солдатъ. Домъ деражнянскаго Демосѳена преобразился въ маленькую крѣпостцу; владѣлецъ окружилъ его каменной оградой, кругомъ выкопалъ глубокую канаву, окна снабдилъ желѣзными рѣшетками и двойными ставнями; къ дубовой двери, ведущей въ домъ, придѣлалъ желѣзные запоры; кругомъ дома ходилъ постоянно перемѣняющійся караулъ. Внутри домъ походилъ на арсеналъ: на столахъ лежали ружья, пистолеты, сабли, охотничьи ножи, порохъ, пули, готовые заряды въ патронташахъ. Самъ-же бѣдный Янчевскій не показывалъ носа изъ своего двора, вслѣдствіе чего сеймики и съѣзды лишились больше чѣмъ на годъ удовольствія слушать его ораціи и протестаціи.

Непонятно, право, какъ одинъ человѣкъ, не имѣвшій ничего, кромѣ разбойничьей отваги, могъ производить такое впечатлѣніе на общество... И однакожъ, не смотря на всеобщую къ нему ненависть, бушевалъ онъ по старому и главное—въ эту пору сталъ героемъ минуты. Онъ былъ предметомъ вечернихъ бесѣдъ и въ шляхетской гостинной, и въ крестьянской хатѣ, и въ «подсѣньѣ» корчмы, имя его было на устахъ у всѣхъ. Множество ходило о немъ остроумныхъ разсказовъ, правдивыхъ и вымышленныхъ.

Шляхтичъ, при встрѣчѣ съ знакомымъ или сосѣдомъ, почти всегда начиналъ разговоръ со словъ: «не слышно ли чего о

Кармелюкѣ» или: «слѣдовало-бы сдѣлать облаву на этого гультяя» и т. д.

Въ мѣстахъ его удалыхъ подвиговъ путешествовали только днемъ: опоздавшій путешественникъ только съ большимъ трудомъ могъ достучаться въ корчму, и то послѣ подробнаго допроса: откуда идетъ? куда? много-ли имѣетъ съ собою людей? и т. д. Проникнуть въ шляхетскій дворъ въ 10 часовъ вечера стало почти невозможнымъ, такъ его крѣпко баррикадировали.

Помню даже очень смѣшную сцену по этому поводу. На пана Вицентія Х., помѣщика могилевскаго уѣзда, ночью напали разбойники на дорогѣ, въ окрестностяхъ Бара. Одинъ изъ грабителей приложилъ ему пистолетъ къ груди, требуя денегъ. Панъ Х. имѣлъ ихъ при себѣ немного, но за то дома у него былъ значительный капиталъ, а потому онъ счелъ болѣе удобнымъ вручить грабителямъ хорошо наполненный кошелекъ, лишь-бы тѣмъ купить жизнь. Разбойникъ, взвѣсивши въ рукѣ его тяжесть, благодарно улыбнулся и выпустилъ пистолетъ изъ рукъ, который упалъ въ глубину экипажа; а когда его товарищи выбрали все изъ сундуковъ, тогда онъ, приподнимая шляпу, сказалъ любезно:

— Рушай!

Кучеръ пана Х, не меньше его перепуганный, не заставилъ повторять два раза приказанія; взвился бичъ на спинахъ лошадей и они съ мѣста понеслись галопомъ. Когда уже было близко село, панъ Х. нѣсколько пришелъ въ себя.

— Грыцю! окликнулъ онъ хлопца, сидѣвшаго рядомъ съ кучеромъ на козлахъ.—Этотъ разбойникъ оставилъ мнѣ въ экипажѣ пистолетъ; возьми его, вѣрно, заряженъ...

Надо вамъ знать, что панъ Х. имѣлъ отвращеніе къ огнестрѣльному оружію. Грыць сталъ искать и нашелъ, но не пистолетъ, а кусокъ колбасы, загнутой на подобіе пистолета...

Сколько было смѣху, какъ комично панъ Вицентій разсказывалъ о своемъ приключеніи, какъ подробно описывалъ грозную фигуру разбойника и дюжины его товарищей, хотя Грыць прибавлялъ тихонько, что ихъ было только четыре! И при всемъ томъ онъ

сталъ еще больше бояться разбойника, и съ тѣхъ поръ домъ его стерегли такъ старательно, что попасть къ нему во дворъ стало физической невозможностью. Случилось такъ, что панъ Z., сосѣдъ и старый знакомый пана X., возвращался изъ далекаго путешествія, заблудился и едва къ разсвѣту попалъ, вмѣсто своего дома, въ село пана X. Подъѣзжаетъ онъ къ его двору, останавливается передъ воротами и стучится, но его не пускаютъ. Наконецъ отзывается сторожъ:

— Кто тамъ?

— Сосѣдъ Z...

— Панъ приказалъ никого не впускать.

— Такъ ступай, разбуди пана, скажи, что возвращаюсь изъ Кіева; снѣжная мятель не даетъ намъ возможности добраться домой...

— Не имѣю права отойти отъ воротъ...

— Такъ я прикажу ихъ выломать! закричалъ озябшій и разсерженный панъ Z...

Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, обѣщаній на водку, Ивась, сторожъ при воротахъ, разбудилъ Грыця, спавшаго подъ панскимъ окномъ. Послѣдній въ продолженіи получаса будилъ буфетнаго мальчика, мальчикъ камердинера, а камердинеръ самаго пана X.

Измученный панъ Z., ожидавшій добрый часъ, увидѣлъ съ большимъ удовольствіемъ свѣтъ въ окнахъ. Наконецъ, двери распахиваются; во главѣ выступаетъ хлопецъ съ фонаремъ, за нимъ нѣсколько парубковъ, вооруженныхъ дрекольями, а за ними слѣдуетъ маленькій, сгорбленный панъ X., закутанный въ халатъ, съ громадной заржавленной рапирой въ рукѣ.

— Кто ты такой, крикнулъ онъ, приближаясь къ забаррикадированнымъ воротамъ, и какъ рѣшился прервать сонъ мирныхъ жителей?

— Шути себѣ на здоровье, пане Вицентій; а меня уже злость беретъ, что ты заставляешь такъ долго ждать.

— Но кто ты? спросилъ снова патетически хозяинъ.

— Такъ ты уже меня и по голосу не узнаешь? Да мы съ тобой 30 лѣтъ сосѣди! Я Людвикъ Z.

— Не правда, ты не Людвикъ Z. Людвикъ Z. порядочный человѣкъ, ночью не ѣздитъ; только Кармелюкъ и его сообщники шатаются послѣ заката солнца.

— А чтобы тебя Богъ не помнилъ!.. и меня и себя мучишь, а я умираю отъ усталости. Такъ спроси людей: они тебѣ засвидѣтельствуютъ, что не лгу.

— Хорошо! посмотримъ! Послушай, Ивасю, сказалъ панъ Вицентій, обращаясь къ сторожу: это панъ Z?

— Да, вельможный пане.

Потомъ продолжался допросъ слугъ, а когда всѣ засвидѣтельствовали тождество лица, хозяинъ еще спросилъ прибывшаго:

— А можетъ ты переодѣтый Кармелюкъ?

Ворота, однако, отперты; сосѣди обнялись.

— Видишь-ли, говорилъ панъ X., тотъ подлецъ, или кто-то изъ его шайки, чуть меня не убилъ. Ей Богу, какъ сосѣда своего люблю и уважаю! Изъ пистолета стрѣлялъ!! Правда, не убилъ, но страху на меня нагналъ и деньги забралъ, впрочемъ съ полнымъ уваженіемъ отнесся ко мнѣ, даже, прощаясь, шляпу приподнялъ. Чудеса! скажу вамъ, сосѣдъ: человѣкъ думаетъ, что Ринальдо вымышленъ какимъ-нибудь писакой, а тутъ въ дѣйствительности и у насъ то-же происходитъ.

Прошу извиненія за это минутное уклоненіе отъ предмета; я допустилъ его затѣмъ только, чтобъ иллюстрировать ту панику, вовсе не рѣдкую во всей горной части Подоліи, какую нагонялъ прославленный разбойникъ.

Возвращаемся къ Кармелюку. Боязнь его возвращенія выросла до неимовѣрныхъ размѣровъ съ момента полученія летичевской полиціей увѣдомленія отъ пана господаря Гдовскаго, приблизительно такого содержанія: 10 августа 1830 года лѣсничій села Майдана Хршановскій выѣхалъ въ 4 часу утра для обозрѣнія лѣса. Въ яру онъ встрѣтилъ шесть разбойниковъ, между которыми узналъ Кармелюка. Разбойники окружили его и приказали сейчасъ привезти имъ водки изъ Майдана.

Хршановскій отговаривался, утверждая, что сейчасъ видѣлъ арендаря, ѣдущаго въ винокурню за водкой.

— Такъ поѣзжай въ другую деревню! сказалъ Кармелюкъ.

Не могу, не ловко, объяснялся лѣсничій.

— Ну, такъ убирайся, ляшскій сыну! но помни: если проронишь хоть одно слово о томъ, что тутъ видѣлъ, то тебя на первомъ деревѣ повѣшу! Поклянись, что никому не скажешь!

Лѣсничій сталъ на колѣни, блѣдный какъ платъ, поцѣловалъ землю, пальцы на крестъ сложилъ. Тогда ему крикнули: ну, теперь ступай! Не ждалъ онъ долго: какъ молнія понесся на своей лошадкѣ къ пану—и все разсказалъ Гдовскому.

Начальникъ уѣзда устроилъ облаву въ майдановскомъ и сосѣднихъ лѣсахъ Приняли въ ней участіе 3,000 крестьянъ и 12 солдатъ подъ начальствомъ офицера; но успѣха не было по прежнему. Ни Кармелюка, ни его соучастниковъ не нашли; только звѣри, испуганные въ своихъ логовищахъ, перешли въ другія мѣста.

Губернская администрація опять отнеслась къ уѣзднымъ начальникамъ и въ сосѣднія губерніи, не минула даже Бессарабіи, но все безъуспѣшно. Воровство въ уѣздахъ летичевскомъ и литинскомъ все чаще и чаще повторялось. Изъ поданныхъ въ судъ жалобъ видно, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ пропало такимъ образомъ 700 лошадей и 970 воловъ, что представляло порядочную сумму 150,000 злотыхъ. О нападеніяхъ на шляхетскіе дворы и даже крестьянскіе ничего не было слышно, и то слава Богу! потому что всякій охотно поступился-бы имуществомъ, лишь-бы съ душей уйти!

Что-жъ въ это время дѣлаетъ нашъ подольскій Фра-Діаволо? Не легко ему было укрываться отъ преслѣдованій, а потому даже о мести онъ забылъ; энергія очевидно оставляла его. Ему, правда, было только 42 года, но шпицрутеновъ онъ получилъ уже свыше 4,000, да кнутовъ 227, когда другіе и десятой доли этого не выдержали-бы; слѣдуя въ Сибирь и обратно, онъ сдѣлалъ болѣе 15,000 верстъ, часто голодный и всегда пѣшкомъ. Надо прибавить еще, что время провелъ онъ въ гульбѣ, что водки всегда было по горло, но теплаго угла въ бурю и мятель не

имѣлъ, покоя ни на минуту не зналъ, а такая жизнь, въ постоянной притомъ тревогѣ и безпокойствѣ, быстро истощаетъ человѣка и убиваетъ въ немъ всякую энергію.

Неисправимый этотъ разбойникъ не разъ жаловался своимъ соучастникамъ на удивительную свою привязанность къ родинѣ! Для него ничего не было краше лѣсовъ подольскихъ, ничего роскошнѣе пасмурныхъ окрестностей Головчинецъ. И людей ему знакомыхъ здѣсь было вездѣ полно, Сибирь не поглотила еще всѣхъ старыхъ его товарищей: всегда какая нибудь часть ихъ оставалась на мѣстѣ неоткрытою и служила контигентомъ, изъ котораго впослѣдствіи составлялась шайка, начинавшая желаніемъ отомстить преслѣдователямъ, а оканчивавшая грабежемъ и убійствомъ.

Въ это время Кармелюкъ не принималъ участія въ нападеніяхъ, но часто заглядывалъ въ окрестныя мѣстечка. Тутъ онъ одѣвался въ модный черный сюртукъ, на плечи накидывалъ плащъ съ тремя воротниками, по обычаю провинціальныхъ щоголей, волосы подстригалъ «по пилипонски» (какъ раскольники) и на головѣ носилъ картузъ съ большимъ козырькомъ. Въ селахъ его видывали въ простой крестьянской сермягѣ, подъ которой всегда пряталъ пару заряженныхъ пистолетовъ. Любовницы даже не имѣлъ въ то время; жена его догарала въ тяжелой болѣзни, пани Добровольская отправилась въ Сибирь.

Печально было Кармелюку на свѣтѣ, одна водка въ утѣшеніе его осталась: за то явились у него послѣдователи изъ его же подчиненныхъ; многолѣтняя дѣятельность его приносила плоды; онъ создалъ школу опытныхъ разбойниковъ, ни въ чемъ не уступавшихъ прежнимъ гайдамакамъ и компанейцамъ. Кармелюкъ давалъ имъ, какъ фирму, свое имя, а они, надо признаться, пользовались имъ съ выгодой, успѣшно достигали своей цѣли и ремесло разбойника разросталось буйно. Къ этимъ-то лѣснымъ бандитамъ принадлежали: дезертиръ Копчукъ, 25 лѣтній парень, одаренный удивительною ловкостью и изворотливостью, Мончинскій и Поповскій—тоже ех-солдаты, два брата Хмѣлевскихъ изъ Ялтушковъ, Анастасій Черновскій, владѣлецъ земскій, изъ ямпольскаго уѣзда, три Блажкуна изъ Новой Синявки и много

другихъ. Поселившіеся въ придорожныхъ корчмахъ жиды по прежнему скупали краденыя вещи и скотъ, съ той разницей, что главный свой складъ устроили въ Новомъ Константиновѣ и Качалѣ, брацлавскаго уѣзда. Какъ видите, воровской этотъ союзъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше увеличивалъ кругъ своей дѣятельности.

Но вся эта воровская система, державшая Подолье въ страхѣ, пала неожиданно, съ появленіемъ новаго страшнаго бича—холеры. Первый разъ показалась она здѣсь. Ужасъ обнялъ людей, пугались заразы, потому вездѣ при въѣздахъ и выѣздахъ изъ села стояла сторожа; никто безъ свидѣтельства помѣщика или полиціи шага сдѣлать не могъ, его сейчасъ задержали-бы. Только удостовѣреніе названныхъ властей, что такой-то ѣдетъ изъ мѣстъ здоровыхъ, гдѣ холеры вовсе нѣтъ, избавляло отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Оживленная прежде торговля крадеными вещами и скотомъ ослабѣла совсѣмъ и въ концѣ упала до такой степени, что хорошую лошадь продавали по рублю, а вола за половину этой цѣны, и то еще съ большимъ трудомъ. Наступила новая крайность. грабить было что,—въ виду страшной эпидеміи, люди стали нечувствительны къ этому горю,—но сбыть краденыя вещи стало невозможнымъ. И вотъ въ половинѣ ноября 1830 г. Кармелюкъ, истерзанный бѣдою, иззябшій, павшій духомъ, оставленный товарищами, нищій, безъ гроша въ карманѣ, добрался съ большимъ трудомъ въ Новую Синяву и расположился въ сараѣ у Блажкуна, одного изъ тамошнихъ крестьянъ.

Блажкуны—семья во многихъ отношеніяхъ интересная. Вся она воровская, нравственно испорченная, состояла изъ 15 членовъ, и жила тремя отдѣльными домами. Глава ея, старый Денисъ Блажкунъ, за разныя воровства давно ужъ былъ высланъ на поселеніе въ Сибирь.

Кармелюкъ зналъ Дениса и раньше, но сблизился съ нимъ въ нѣжинской тюрьмѣ, гдѣ оба встрѣтились, какъ бѣглецы изъ-за Урала. Первый вернулся на родину, другой искалъ счастья въ другихъ мѣстахъ. Вернувшись въ родныя мѣста, Кармелюкъ смѣло постучалъ въ двери дома, открытаго для мошенниковъ, и нашелъ ревностныхъ пособниковъ въ трехъ сынахъ товарища по нѣжинской

тюрьмѣ. И теперь Кармелюкъ нашелъ здѣсь пріютъ; но какъ былъ безъ денегъ, то его приняли холодно и онъ долженъ былъ довольствоваться сухимъ хлѣбомъ и сторониться отъ женщинъ этой семьи, которыя не очень сочуствовали ему. Съ Никифоромъ Блажкуномъ легче всего сошелся онъ: оба нуждались въ деньгахъ и деньги были близко: надо было только нагнуться, что-бы взять ихъ, такъ какъ владѣльцемъ Новой Синявы и другихъ имѣній былъ п. Бѣловскій, человѣкъ зажиточный, державшій деньги, по старому обычаю, дома. Глубокій старикъ управляющій да молодой экономъ холостякъ составляли весь штатъ владѣльца. Хорошій, значитъ, выходилъ случай, да и подъ самымъ носомъ.

Кармелюкъ вмѣстѣ съ Никифоромъ ежедневно въ сумерки выходили изъ убѣжища, прокрадывались въ садъ пана, заглядывали въ большія окна, желая разсмотрѣть расположеніе комнатъ и порядки въ домѣ и наконецъ рѣшили поджечь гумно, въ 200 шагахъ отъ жилища Бѣловскаго, а когда всѣ уйдутъ спасать хлѣбъ, тогда войти въ домъ и захватить деньги, хотя-бы пришлось ножемъ пробить дорогу. Проэктъ однако не удался, такъ какъ въ хатѣ Никифора находилось два лица, не только не посвященныя въ заговоръ, но даже не сочувствовавшія намѣреніямъ хозяина: старая Ксенія, жена сосланнаго въ Сибирь Дениса, мать Никифора и Параска, жена послѣдняго. Въ семьѣ Блажкуновъ единственныя это жимчужины, на которыхъ съ удовольствіемъ останавливается вниманіе, истомленное картиною злодѣяній. Цѣлая драма разыгривалась въ сердцахъ этихъ женщинъ, вслѣдствіе борьбы между влеченіемъ сердца и чувствомъ долга.

Не знали они Кармелюка совсѣмъ, хотя много о немъ слышали; но однажды Параска, ища чего-то по хозяйству, случайно заглянула въ «стодолу» и встрѣтилась тамъ лицемъ къ лицу съ незнакомымъ человѣкомъ, который потягивался на соломѣ. Не сказали они другъ другу ни слова; непрошенный гость пожиралъ глазами женщину, а она, красивая, молодая, печальная, отъ внезапнаго страха какъ будто еще краше стала... Выскочила и побѣжала къ тещѣ.

— Я видѣла въ стодолѣ какого-то недобраго человѣка! прошептала она, вся дрожа..

— Опять! простонала Ксенія; новое несчастіе Господь посылаетъ!

Молчаніе водворилось въ избѣ и продолжалось долго. Старуха приблизилась къ образамъ, висѣвшимъ въ углу, и стала молиться, усердно кладя поклоны, а потомъ голосомъ увѣреннымъ и твердымъ сказала невѣсткѣ:

— Ступай къ пану и скажи все, что видѣла; необходимо такъ сдѣлать! Разбойничій родъ я выносила подъ сердцемъ; пусть-же оно теперь разорвется, коли не умѣла воспитать, какъ слѣдуетъ.

Молодая женщина стала плакать.

— Иди! сказала Ксенія; такъ надо... Пусть не говорятъ люди, что мы были соучастницами.

Бѣдная женщина принуждена была исполнить приказаніе свекрови.

Кармелюкъ, застигнутый внезапно, отдался безъ сопротивленія. Его отвели въ экономію. Онъ шелъ охотно, не сказывалъ своего имени, просилъ только поѣсть чего-нибудь горячаго и дать теплую комнату, обѣщая, что не уйдетъ уже, потому что такая бродячая жизнь совсѣмъ измучила его.

Когда ему вязали руки, онъ стоялъ покойно и подъ конвоемъ только 12 крестьянъ отправленъ въ Литинъ. Сначала крестьяне не хотѣли его конвоировать, не рѣшались... но разбойникъ увѣрилъ ихъ. что будетъ вести себя хорошо. По пути народъ, какъ и прежде, выходилъ ему на встрѣчу. Кармелюкъ прощался съ ними, просилъ прощенія за обиды и хвалилъ шляхту, которая одна только могла поддержать общественное спокойствіе и порядокъ.

Крестьянинъ слушалъ эти рѣчи, кивалъ печально головой и не зналъ, чему приписать такую перемѣну въ настроеніи разбойника...

Началось опять слѣдствіе. Тянулось оно полтора года. Привлечено къ нему 618 лицъ, изъ которыхъ мужчинъ 606 и женщинъ 12; въ числѣ ихъ было 5 шляхтичей, 209 крестьянъ и 304 жида.

Сподвижники разбойника не избѣжали заслуженнаго наказанія, но самъ атаманъ—Кармелюкъ опять успѣлъ бѣжать. И вотъ, когда въ Каменцѣ задумывались, какимъ способомъ окончательно порѣшить съ нимъ, такъ какъ и кнуты, и клейма не помогали, онъ еще разъ собралъ всю свою энергію и съумѣлъ избѣжать новыхъ кнутовъ, а можетъ быть и висѣлицы... ушелъ опять изъ тюрьмы.

Кармелюкъ былъ въ Литинѣ съ момента его ареста 16 мѣсяцевъ съ лишнимъ. Въ цѣпяхъ, прикованный къ столбу, въ отдѣльной камерѣ, имѣя товарищами уголовнаго преступника и тюремнаго сторожа, онъ велъ себя спокойно, даже примѣрно, отъ удали и цинизма какъ-бы отрекся навсегда, молился, пѣлъ религіозныя пѣсни, съ раскаяніемъ приступалъ къ исповѣди, съ нѣкоторыми заключенными прекратилъ сношенія—словомъ: преобразился до неузнаваемости.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ февралѣ 1832 г., по требованію доктора, онъ былъ освобожденъ отъ кандаловъ. Этого ему только не доставало!

Еще годъ тому назадъ Кармелюкъ добылъ у сторожа буравъ, небольшой ножъ и немного пеньки, что все пряталъ подъ полочъ, а въ апрѣлѣ взялся за работу: свилъ веревку, потомъ въ углу комнаты, въ потолкѣ, сталъ буравить дыры на пространствѣ квадратнаго локтя; днемъ залѣпливалъ ихъ хлѣбомъ и замазывалъ мѣломъ, а такъ какъ потолокъ былъ деревянный, то такую работу можно было легко произвести. Въ послѣднюю ночь разрушилъ печку до половины, сталъ на оставшуюся ея часть и съ помощью небольшого ножа соединилъ дыры, пробуравленныя въ потолкѣ. Съ разсвѣтомъ все было готово. Разбойникъ взобрался на чердакъ, а оттуда, съ помощью веревки, за ограду тюрьмы... Его товарищъ потянулся за нимъ, но выдалъ себя быстрымъ бѣгомъ; часовой угодилъ въ него пулей, и онъ остался на мѣстѣ. И это способствовало бѣгству Кармелюка, потому что погоня опоздала и двинулась только тогда, когда арестантъ былъ уже за городомъ...

Вѣсть объ этомъ новомъ дерзкомъ побѣгѣ знаменитаго бандита испугала спокойныхъ сельскихъ обивателей; а что опасенія ихъ были основательны, сейчасъ въ этомъ убѣдимся...

Въ этотъ новый періодъ своей жизни Кармелюкъ оказался въ полномъ смыслѣ слова разбойникомъ. Разбой и грабежъ организуются теперь широко, не ограничиваясь волостью, уѣздомъ, даже губерніей. Банды его разсѣеваются по всему юго-западному краю, даже переходятъ его, но все таки тяготѣютъ къ центру, гдѣ воспитались въ своемъ подломъ ремеслѣ.

Предводительствуетъ всей этой толпой разбойниковъ Кармелюкъ, для котораго рѣшетка тюрьмы и пуля ничто, ссылка въ Сибирь, при увѣренности въ скоромъ возвращеніи, пріятная прогулка, тысячи палокъ, падающихъ на его спину укушеніе комара, кнутъ—едва чувствуемая непріятность,—Кармелюкъ—олицетвореніе силы въ глазахъ крестьянина, олицотвореніе ловкости въ отношеніи полиціи, недовѣрчивый какъ невольникъ, предусмотрительный, какъ дезертиръ, хитрый, какъ крестьянинъ—украинецъ... Если нападаетъ, то такъ ловко и неожиданно, что ему поддается даже значительная сила. Полиція получаетъ постоянно заявленія о воровствахъ, преслѣдуетъ воровъ почти по пятамъ, но по своей малочисленности должна звать на помощь мужиковъ, а они уже большей частію стоятъ на сторонѣ воровъ и помогаютъ имъ скрываться.

Кармелюкъ среди бѣлаго дня переходитъ отъ хаты до хаты, бываетъ на храмовыхъ праздникахъ, креститъ дѣтей у мирныхъ хозяевъ, переодѣтый или отставнымъ солдатомъ, или подорожнымъ чумакомъ; ходитъ по панскимъ садамъ, спокойно присматриваясь къ расположенію мѣста, что-бы полученными въ теченіи дня свѣдѣніями воспользоваться при ночномъ нападеніи. Сельская стража дѣйствительно караулитъ по селамъ, но этимъ только оберегаетъ безопасность злодѣя. Что это было такъ, достаточно сказать, что онъ скрывался въ продолженіи трехъ лѣтъ въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, хотя они были почти на осадномъ положеніи... Словомъ, всматриваясь въ судебные акты того періода, видишь какую-то удивительную ненормальность въ положеніи крестьянъ. Молча, покорно они даютъ себя обкрадывать, мучить, вязать, благодаря своей темнотѣ и вѣрѣ въ сверхъ естественное могущество Кармелюка. Шляхта негодуетъ и горячится, но будучи мало безпокоима, сидитъ тихо; только нападенія на сосѣдей будятъ въ ней энергію, и она бросается въ

огонь безъ опредѣленнаго плана, какъ всегда, пренебрегая опасностью, и въ концѣ, хотя случайно, производитъ быстрый судъ надъ разбойникомъ.

А теперь разскажемъ о нѣсколькихъ случаяхъ нападенія, опуская цѣлые ряды обыкновенныхъ кражъ. Начнемъ съ нападенія на багриновецкую корчму. Арендаремъ ея былъ богатый жидъ Авраамъ Вайнштейнъ. Во время нападенія въ корчмѣ ночевалъ чиновникъ Перетятковичъ. Воры забрали на 20,000 злот. деньгами и серебромъ: подвергшіеся нападенію отдали все безъ сопротивленія, а потому грабители ограничились только ударами нагайки, которые въ очередь и равномѣрно распредѣлили между хозяевами и случайнымъ гостемъ. Потомъ произвели нападеніе на трактовую бильчанскую корчму въ могилевскомъ уѣздѣ, 22 октября. Арендаря, его жену, двое дѣтей и служанку убили; вещами и деньгами похитили на 8,000 злотыхъ.

Въ галузинской корчмѣ гайдамаки принуждены были вступить въ бой. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Кармелюкъ участвовалъ все время, а здѣсь является только подъ конецъ, и съ появленіемъ его бой прекращается. Но разскажемъ это происшествіе, очень громкое въ свое время на Подоліи.

Галузинская корчма, называемая Выгодой, лежитъ на дорогѣ между Баромъ и Шаргородомъ. Расположена она на возвышеніи, окруженномъ небольшимъ лѣскомъ, за которымъ въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ начинались уже дебри. Большая и удобная это была корчма, не даромъ ее прозвали Выгодой. По срединѣ широкія въѣздныя ворота со сводами, по обѣимъ ихъ сторонамъ комнаты— направо хозяйскія, налѣво для проѣзжающихъ.

Въ день происшествія хозяевъ не было дома, выѣхали къ родственникамъ на свадьбу; въ корчмѣ остались только старый Фроимъ, бывшій когда-то учителемъ ихъ дѣтей, а теперь доживавшій здѣсь вѣку изъ милости, да 12 лѣтній жиденокъ слуга. Обязанности сторожа исполнялъ цыганъ, кузнецъ по ремеслу, жившій съ женой въ хатѣ, примыкавшей къ задней части корчмы.

Въ сумерки 5 ноября 1833 года въ Выгоду въ большой краковской брикѣ заѣхалъ на ночлегъ какой-то проѣзжій. Это былъ

отставной офицеръ недавно упраздненнаго литовскаго корпуса, полковникъ Гилярій Дембицкій, спѣшившій къ своему брату, жившему въ окрестностяхъ Шаргорода. Самъ полковникъ—человѣкъ атлетическаго сложенія; съ нимъ были: его жена, трое дѣтей, изъ которыхъ одно грудное, служанка, молодая дѣвушка, и извощикъ, владѣлецъ брики и четверки лошадей. Около 9 часовъ вечера въ корчмѣ всѣ уже предались покою, какъ вдругъ Фроимъ, въ отсутствіи хозяина исполнявшій обязанность шинкаря, услышалъ стукъ въ окно:

— А чего тамъ? спросилъ онъ неохотно.

— Вынеси намъ, Фроимъ, водки!

— Это какіе-то знакомые, прошепталъ старый хуситъ и, неспѣшно одѣвшись, налилъ изъ бочки требуемую *кватырку* и вышелъ съ ней въ сѣни.

Но едва онъ отворилъ двери, какъ въ корчму ввалились неизвѣстные люди. По требованію ихъ Фроимъ зажегъ свѣчку и съ ужасомъ увидѣлъ предъ собою нѣсколько вооруженныхъ пришлецовъ. Одинъ изъ нихъ тотъ-часъ ударилъ его нагайкой по головѣ и приказалъ молчать, что впрочемъ было совсѣмъ излишне, такъ какъ старый жидъ отъ страху-ли, или отъ боли, мгновенно утратилъ сознаніе и протянулся на землѣ. Его бросили въ погребъ, куда успѣлъ уже укрыться двѣнадцатилѣтній мишуресъ.

Тогда начался спокойный и систематическій грабежъ, прерываемый по временамъ тостами въ честь хозяина, который такъ кстати уѣхалъ изъ дому. Грабители забрали всѣ деньги (1600 зл.), одежду и столовое серебро; потомъ перешли на другую половину, гдѣ спокойно, не чуя бѣды, почивала семья Дембицкихъ. Тонкія деревянныя двери легко подались подъ напоромъ, полковникъ имѣлъ ровно столько времени, чтобы вскочить въ уголъ, прикрывши собой жену и груднаго ребенка. Выхвативъ палашъ, онъ закричалъ:

— Берите все, но жизни вамъ не дамъ! Буду защищать себя и свое семейство до послѣдняго.

— Посмотримъ! отозвались въ одинъ голосъ всѣ разбойники, а ихъ было одинадцать; пять вошло въ комнату, два остались сторожить дверь, а четверо заглядывали со двора въ окна.

— Посмотримъ, какъ то ты будешь обороняться! грозно закричали разбойники, хотя на самомъ дѣлѣ, какъ потомъ оказалось, они хотѣли только припугнуть и лишь въ случаѣ рѣшительнаго сопротивленія убить подорожнаго.

Три разбойника окружили Дембицкаго, а два забирали вещи, разбивая шкатулки, чемоданы и сундуки. Началась упорная и ожесточенная борьба. Полковникъ получилъ 9 ранъ пикою, изъ которыхъ самая чувствительная была въ голову и лѣвую руку, но и самъ нанесъ нѣсколько ударовъ палашемъ; самому отважному и найболѣе напиравшему на него досталось по плечу. Раненый разбойникъ выпустилъ изъ рукъ пику, обливаясь кровью. Это была минута перерыва боя и отдыха для полковника.

Мѣсто битвы—тѣсная комната, освѣщенная сальною свѣчкою, не позволяла нападающимъ развернуть всѣ свои силы, а ружья у нихъ не было, чтобы однимъ выстрѣломъ покончить съ жертвой. Съ проклятіями и угрозами вынесли они раненаго изъ комнаты, а его мѣсто занялъ другой. И опять ринулись обѣ стороны въ бой; но перевѣсъ теперь былъ уже на сторонѣ полковника: онъ не получилъ ни одной новой раны, а разбойники не могли добраться до кровати; на ней между тѣмъ преспокойно спали двое старшихъ дѣтей, подъ кроватью-жъ, скорчившись, испуганная, чуть живая лежала служанка. Наступилъ новый перерывъ, и именно въ ту минуту, когда Дембицкій сталъ терять уже послѣднія силы. Ночевавшій въ сосѣдней хатѣ сторожъ-цыганъ, услышавъ шумъ въ корчмѣ, выбѣжалъ, чтобы узнать, что тамъ дѣлается; но не успѣлъ онъ удовлетворить своему любопытству, какъ былъ схваченъ двумя бродягами и брошенъ въ ту комнату, гдѣ происходила битва. Новоприбывшій отвлекъ вниманіе всѣхъ; полковика оставили, а цыгана повалили на землю и стали наносить ему удары.

— Не бейте его только по головѣ, потому что убьете, закричалъ одинъ изъ разбойниковъ; толките ему лучше руки и ноги, то не будетъ цыганская душа обороняться.

Этою минутою замѣшательства воспользовался полковникъ. Замѣтилъ онъ, что находится близъ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату, выломалъ ее легко плечами и выпрыгнулъ черезъ окно

успѣвъ выхватить съ собою жену, полуобнаженную и почти безъ чувствъ.

IV.

Слѣдствіемъ потомъ обнаружено, что полковникъ обязанъ былъ спасеніемъ жизни неожиданному прибытію Кармелюка. Надо думать, что все это нападеніе сдѣлано было безъ его вѣдома, отсюда гнѣвъ атамана. Вниманіе разбойниковъ на минуту отвлекло внезапное появленіе Ганки, жены цыгана, которая съ плачемъ, воемъ и визгомъ припала къ тѣлу мужа, покрытому синяками.

Но возвратимся къ Дембицкому. Добраться до Галузинецъ, близко отстоящихъ оттуда, было для него дѣломъ одной минуты. Любовь мужа и отца придала ему силы, ибо двое дѣтей осталось во власти разбойниковъ. Посадивъ жену въ дуплѣ полусгнившаго дерева, самъ босой, въ одной рубашкѣ, въ темную и холодную ноябрьскую ночь, съ окровавленнымъ палашемъ въ рукѣ, весь израненный, онъ примчался въ Галузинцы къ эконому. Тотъ съ истинно-рыцарскою готовностью поспѣшилъ на помощь, но было уже поздно. Разбойники, напуганные стукомъ подъѣзжавшихъ подводъ, подожгли корчму и убѣжали, забравши однако все съ собою. Огонь сейчасъ-же былъ потушенъ. Дѣти не проснулись даже, пришедшая въ себя служанка топталась около нихъ. Старый Фроимъ стоналъ, держась за голову. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ все еще сидѣлъ въ погребѣ. Жидъ-извощикъ до утра пролежалъ подъ жолобомъ, прикрывшись соломой, и равнодушно смотрѣлъ, какъ разбойники уводили его лошадей. Цыганъ-сторожъ, поддерживаемый любящей и заплаканной женой, едва выползъ изъ комнаты, имѣвшей видъ, какъ-бы послѣ татарскаго погрома. Всѣ вещи, кромѣ кровати, были поломаны, полъ залитъ кровью, вездѣ полно грязи. Въ случившейся катастрофѣ Дембицкій потерялъ здоровье и впослѣдствіи все недомогалъ; потерялъ и все состояніе, такъ какъ у него забрали вещами и деньгами на 40,000 злотыхъ. Гостепріимно принятый однимъ сосѣднимъ помѣщикомъ, онъ проболѣлъ послѣ этого нѣсколько мѣсяцевъ.

Извѣстіе о смѣломъ нападеніи на Выгоду раздражило всю шляхту: поднялась она, какъ одинъ человѣкъ. Панъ Стецкій, владѣлецъ Комаровецъ, обѣщалъ награду за всякаго пойманнаго вора; потомъ власти пошли по его слѣдамъ, платя за разбойника по десяти рублей. Небольшіе вооруженные патрули, подъ предводительствомъ официалистовъ, разсыпались по всей окрестности, началась серъёзная охота.

Спустя нѣсколько дней послѣ описаннаго происшествія, въ селѣ Нижнемъ, подъ утро, когда стало уже свѣтать, одинъ крестьянинъ, идучи по плотинѣ, примѣтилъ двухъ человѣкъ въ «пилипонской» одежѣ, ѣдущихъ возомъ, запряженнымъ тремя меринами. Спустились они къ пруду, чтобъ напоить лошадей, а мужикъ, приблизившись къ нимъ, узналъ въ одномъ Мончинскаго и поднялъ тревогу. Мнимые «пилипоны», услышавъ крикъ, въѣхали на плотину, сбросили обличителя подъ мостъ, а сами хорошею рысью стали уходить, но уже за селомъ замѣтили погоню за собой. Не теряя однакожъ бодрости, они сворачиваютъ въ сосѣдній лѣсъ. Въ это время одна лошадь запуталась въ упряжи и падаетъ; они отрѣзываютъ двѣ другія, садятся на нихъ и удираютъ дальше изо всѣхъ силъ, а по дорогѣ влетая то въ ту, то въ другую деревню, не перестаютъ кричать: «лови, лови!» Солдаты, стоявшіе въ селахъ, задерживаютъ ѣдущихъ, окликая: «кто ѣдетъ?»

— Парубки изъ Нижняго, пускайте, воровъ ловимъ.

— Трогай, Богъ въ помочь!

Наконецъ, имъ удалось добраться до головчинской корчмы близъ лѣса, и они были уже недалеки отъ спасенія; но вдругъ, вмѣсто физіономіи преданнаго имъ арендаря, встрѣчаютъ грозную фигуру лѣсничаго, который съ толпой шляхты предпринялъ поиски въ дебряхъ! Этому счастливцу воры сами попали въ руки; оставалось только связать ихъ и отдать полиціи, и онъ не замедлилъ это сдѣлать. Оказалось, что одинъ изъ разбойниковъ—извѣстный уже намъ Мончинскій; у него нашли рану отъ удара сабли на плечѣ; другой Копытовъ, правильнѣе Ильницкій, шляхтичъ изъ ольгопольскаго уѣзда и дезертиръ; послѣдній имѣлъ на себѣ часы Дембицкаго, а лошади его принадлежали извощику, ограбленному въ Выгодѣ.

Въ ту-же ночь на другомъ мѣстѣ шла кровавая борьба между патрулемъ села Комаровецъ, высланнымъ паномъ Стецкимъ, и разбойниками, встрѣченными въ лѣсу, къ тому-же селу принадлежащему. На хуторѣ, запрятавшемся на четверть мили въ глубину дебри, жилъ шляхтичъ Зелинскій, съ любовницей Анной, которая играла у него роль жены и хозяйки. Обое они не пользовались хорошей репутаціей. И вотъ патруль изъ пяти человѣкъ, проходя мимо и замѣтивши хату Зелинскаго, ярко освѣщенную, приблизился къ окну и убѣдился, что у хуторянина много гостей, и все люди очень подозрительные.

Молодой садовникъ, участникъ патруля, слишкомъ довѣряя своему ружью, вскочилъ въ избу, но этимъ такъ разсердилъ пирующихъ, что одинъ изъ нихъ, какъ потомъ обнаружилось, самъ Кармелюкъ, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета и раздробилъ ему пулей плечо. Бѣдный смѣльчакъ, падая, въ свою очередь выстрѣлилъ и всадилъ цѣлый зарядъ въ грудь одного изъ разбойниковъ. Началась отчаянная схватка. Взялись за списы и ножи, раздалось не мало выстрѣловъ. Осажденные, будучи въ большемъ числѣ, прорвались и ушли въ лѣсъ, взявъ съ собой двухъ женщинъ; одна взяла даже съ собой дитя. На полѣ сраженія остался хозяинъ Зелинскій и раненый разбойникъ; этотъ послѣдній былъ крестьянинъ изъ ушицкаго уѣзда—Якимъ, законный мужъ мнимой Зелинской; онъ пришелъ сюда получить плату за проданную жену. Зналъ онъ, что Зелинскій занимается воровствомъ, слышалъ о Кармелюкѣ, хотѣлъ даже пристать къ нему, но честь эта дорого досталась ему, потому что передъ свѣтомъ онъ испустилъ духъ.

Зелинскаго сейчасъ-же привели къ пану Стецкому; при видѣ грознаго пана хуторянинъ внезапно смирился и выболталъ все: перечислилъ имена пировавшихъ, указалъ ихъ убѣжища, признался, что Кармелюкъ также былъ у него и что они заняты были съ шайкой дѣлежемъ добычи, награбленной въ Выгодѣ.

Панъ Стецкій не ожидалъ утра, а сейчасъ-же сѣлъ на лошадь и, во главѣ небольшаго, но хорошо вооруженнаго отряда, произвелъ тщательный обыскъ въ нѣсколькихъ деревняхъ. Къ удивле-

нію, ему скоро удалось захватить четырнадцать самыхъ важныхъ преступниковъ.

Тюрьмы переполнились. Власти рѣшились наконецъ взяться за дѣло энергично. Подольскій губернаторъ послалъ на мѣсто произшествія высшаго чиновника, по фамиліи Визерскаго. Тотъ собралъ въ Галузинцахъ оба суда—летичевскій и литинскій, и образовалъ изъ нихъ коммисію, которая начала свои дѣйствія 18-го ноября 1833 года, а закончила совершенно 1839 года. Лѣтъ, значитъ, около шести пробыла коммисія на мѣстѣ: исписала 2,778 листовъ, обнаружила 20 убійствъ, больше 1,000 крупныхъ кражъ, привлекла къ слѣдствію 144 лица, причастныхъ грабежу и убійству, да 2,560 подозрѣваемыхъ въ меньшихъ проступкахъ, выслушала нѣсколько тысячъ свидѣтелей.

Главный виновникъ всего Кармелюкъ такъ умѣлъ деморализовать народъ, что еще четыре года послѣ его смерти пришлось властямъ работать, пока удалось ввести хоть какой-нибудь порядокъ, чтобъ обезпечить жизнь и имущество населенія.

Вся масса допрошенныхъ не отрицала своего участія въ грабежахъ и убійствахъ. Съ цинизмомъ и хвастовствомъ, обнаруживавшимъ глубокую испорченность, они разсказывали о своихъ разбойничьихъ похожденіяхъ и каждый почти въ концѣ показаній называлъ Кармелюка главнымъ зачинщикомъ разбойничьихъ предпріятій, главою и руководителемъ разбойничьихъ шаекъ.

Но поймать этого Кармелюка казалось немыслимымъ. Поиски оставались безъ результатовъ; безпрестанные патрули, внезапные обыски въ домахъ лицъ подозрительныхъ—все было напрасно! Неудачи властей, дѣйствовавшихъ теперь съ полной энергіей, заставили думать, что Кармелюкъ ушелъ изъ этихъ мѣстъ или умеръ, что другіе пользуются популярностью его имени, что такихъ самозванцевъ Кармелюковъ разсажено много по тюрьмамъ, а настоящаго уже не существуетъ. А между тѣмъ дѣйствительный Кармелюкъ чуть-ли не подъ носомъ самой коммисіи укрывался постоянно. Отдѣльныя лица встрѣчали его въ сумерки—на окраинѣ села или въ лѣсной чащѣ, всегда съ ружьемъ на плечахъ, съ усмѣшкой на устахъ, увѣреннаго въ себѣ; но одному человѣку

бросаться на разбойника казалось сумасшествіемъ. Всѣмъ извѣстно было, что Кармелюкъ силы неимовѣрной и что въ своей жизни, прошедшей въ боязни и опасеніяхъ за свою свободу, онъ научился необычайной предусмотрительности. Зная уже всѣ способы поисковъ, онъ умѣлъ ловко ихъ избѣгать и посмѣивался надъ толпой людей, ищущихъ его тамъ, гдѣ дотолѣ онъ не бывалъ.

Случалось, напримѣръ, въ лѣсу дѣлаютъ облаву. Направилась она съ запада. Крику, шуму, угрозъ пропасть! Вдругъ прибѣгаетъ крестьянинъ къ начальнику, испуганный и блѣдный, и утверждаетъ, что совершенно въ противоположной сторонѣ, собирая вѣтки въ лѣсу, онъ встрѣтилъ Кармелюка. Тогда часть людей спѣшитъ на указанное мѣсто и дѣйствительно находитъ или пику, или порядочную дубину и слѣды логовища, но разбойника никогда...

Случалось даже, что во время поисковъ является, откуда ни возьмись, нищій старикъ, согбенный подъ бременемъ лѣтъ, съ лирой черезъ плечо, и говоритъ ищущимъ, что полчаса тому назадъ встрѣтилъ вооруженнаго человѣка, похожаго на Кармелюка, что человѣкъ этотъ подалъ ему щедрую милостыню. И вотъ бросаются туда, откуда пришелъ нищій—и что-жъ? Цѣлый костюмъ Кармелюка попадалъ въ руки погони, но его самаго не было, а нищій, войдя въ село, какъ сквозь землю провалился. Другіе утверждаютъ, что самъ разбойникъ, переодѣвшись мужикомъ, принималъ участіе въ облавѣ. Вотъ, должно быть, смѣялся онъ тогда надъ усердіемъ крестьянъ, согнанныхъ съ этой цѣлью!

Во всякомъ случаѣ, его больше всего безпокоили конные патрули, состоявшіе изъ шляхты. Тогда ватажекъ пересиживалъ на деревѣ, какъ птица, по цѣлымъ днямъ, томимый голодомъ, жаждой и безсонницей.

— Но паны ляхи, говаривалъ онъ—въ первый лишь день страшны; потомъ смягчаются; не трогай ихъ, и можешь быть спокоенъ.

Товарищи Кармелюка, посаженные въ тюрьму, во всемъ признаваясь откровенно, одного только не умѣли сказать, гдѣ скрывается ихъ предводитель. Являлся онъ среди нихъ неожиданно, и также неожиданно скрывался, одинъ, безъ товарища, таинственно.

Иногда соберутся въ пущѣ для совѣта—кого ограбить, какъ устроить нападеніе, съ которой стороны начать штурмъ панскаго двора, корчмы, хутора... Еще не успѣютъ прійти къ единогласному рѣшенію, какъ вдругъ шелестъ, потомъ протяжный свистъ и изъ-за кустовъ выходитъ Кармелюкъ:

— Якъ ся маете, хлопци?

— Слава Богу, отамане!

— Пидете туды й туды, я васъ самъ поведу!

И тогда ужъ никто изъ нихъ не спрашивалъ, какъ будетъ произведенъ грабежъ. Кармелюкъ приближался къ мѣсту грабежа, разставлялъ караулъ, во главѣ самыхъ отважныхъ входилъ внутрь дома, удерживалъ ихъ въ предѣлахъ умѣренности, подвергшихся нападенію людей приводилъ въ ужасъ своимъ личнымъ присутствіемъ; бралъ одну-другую мелочь, которая ему попадалась подъ руки: ножницы, наперстокъ, свертокъ лентъ, кусокъ ситцу, нерѣдко вещи еще меньшей стоимости, десятокъ-другой рублей, а когда грабежъ былъ во всемъ разгарѣ, онъ, никѣмъ не замѣченный, скрывался въ темнотѣ. Иногда одному кому нибудь изъ подчиненныхъ передавалъ предводительство, чаще всего Борщуку, и въ такомъ случаѣ сообщалъ ему весь планъ нападенія.

Итакъ Кармелюкъ, какъ видите, былъ неуловимъ, но жизнь, прошедшая въ лишеніяхъ и опасностяхъ, стала ему надоѣдать...

Старая тоска по семьѣ снова овладѣла имъ, и онъ сталъ держаться въ мѣстахъ поближе къ ней. Въ Маринѣ, женѣ самаго старшаго сына Ивана, онъ нашелъ друга; часто дарилъ ее щедро деньгами и вещами; внучатъ няньчилъ и баловалъ по цѣлымъ днямъ, пересиживая въ Головчинцахъ. Славянская натура брала верхъ надъ всѣмъ, и такъ ужъ ему хотѣлось покоя и угла, въ которомъ можно-бы было прожить, не подвергаясь преслѣдованію и заслуженной карѣ.

Жена его умерла давно,—противъ нея осталось у него неудовольствіе за извѣстную выдачу, но сыновей своихъ онъ всей душей любилъ и завидовалъ ихъ крѣпостной жизни,—такъ, по крайней мѣрѣ, показалъ самый младшій его сынъ, Остапъ, на слѣдствіи.

Приходило раскаяніе, но поздно! Комиссія узнала о сношеніяхъ ватажка съ семьей и всю родню, его состоявшую изъ нѣсколькихъ семействъ, посадила въ тюрьму. Кармелюкъ принужденъ былъ бѣжать подъ Винницу, въ Мѣдяковскіе хутора, а оттуда опять вернулся въ окрестности Деражни, гдѣ цѣлый годъ прожилъ спокойно. Между тѣмъ цѣлыя вереницы его прежнихъ товарищей потянулись на каторгу, въ Сибирь, послѣ наказанія кнутомъ и наложенія клеймъ. Процедура публичной казни надъ ними продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Опускаемъ ея мелкія подробности: тяжело дышется въ тюремной атмосферѣ, въ которую мы вводимъ читателя: въ ушахъ отдается бряцаніе кандаловъ и цѣпей, а длинные ряды людей, передвигаемыхъ въ другую часть свѣта и идущихъ съ безсмысленной усмѣшкой на губахъ, безъ слезы сожалѣнія, безъ вздоха—вызываютъ тяжелое чувство.

Мы предпочли бы отвернуть глаза отъ этого печальнаго зрѣлища, но спѣшимъ окончить, разсказать послѣднюю сцену этой разбойничьей драмы... всегда представляя Кармелюка такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, а онъ былъ прежде всего разбойникъ, разбойникъ—и ничего больше. Просимъ поэтому еще немного терпѣнія.

Въ началѣ 1834 года является въ окрестности Деражни мужикъ Копчукъ, прежній довѣренный Кармелюка, сосланный въ каторжныя работы, но теперь ускользнувшій изъ нихъ и опять поспѣшившій въ родную землю.

Въ Деражнѣ узналъ онъ о пребываніи Кармелюка вблизи. Жиды однако не умѣли указать его убѣжища, а потому онъ началъ поиски и временно поселился въ Карачинцахъ, у своего племянника Прокопа. Прокопъ—ничтожная личность во всѣхъ отношеніяхъ, безъ характера и устойчивости, всегда подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ. До сихъ поръ жена имъ руководила, теперь онъ сталъ подъ опеку Копчука, видя въ немъ человѣка бывалаго, много видѣвшаго свѣта, ватажка небольшой руки, въ своемъ родѣ Кармелюка.

— А можетъ погуляли бы немного въ околицѣ? сказалъ какъ-то Копчукъ своему родичу; удастся, все таки прибыль въ домѣ будетъ.

А, что-жъ! погуляемъ, коли хотите, дядюшка! отвѣтилъ равнодушно Прокопъ, какъ будто дѣло шло о самомъ пустяшномъ дѣлѣ.

Однако гульба не удалась. На первомъ воровствѣ ихъ замѣтили,—едва имъ удалось ускользнуть; другая попытка тоже не удалась, потому что за нее неловко взялись. Уляна, жена Прокопа, смѣялась надъ ихъ неудачными походами. Смѣхъ Уляны раздражалъ влюбленнаго въ нее Копчука. Прокопъ и къ этому привыкъ, ибо не въ первый разъ жена обзывала его «недолугимъ».

— Даже воромъ хорошимъ не можешь быть, говорила она ему съ презрѣніемъ

Не оставалось другого средства, какъ, во чтобы то ни стало, искать Кармелюка. Пошелъ Копчукъ на развѣдки, и дѣйствительно, послѣ двухъ-мѣсячныхъ поисковъ, нашелъ атамана у одного шляхтича, жившаго на хуторѣ близъ села Радіевецъ, подъ бокомъ комиссіи.

Прежній ватажекъ исполнялъ тутъ должность сторожа, преспокойно рубилъ дрова на подворьѣ, таскалъ воду изъ сосѣдняго колодца, иногда изъ лѣсу скотъ загонялъ въ стойло, постоянно сталкиваясь съ полицейскими разсыльными, искавшими его. Часто они его спрашивали, не видалъ-ли онъ случайно въ лѣсу человѣка, похожаго на Кармелюка; и онъ отвѣчалъ имъ очень спокойно, съ видомъ простодушнымъ, что изъ боязни онъ никогда не углубляется въ лѣсъ, а всегда на опушкѣ собираетъ валежникъ. Люди вѣрили ему и шли дальше, да и разбойникъ измѣнился въ продолженіи этого года. Отпустилъ онъ бороду, значительно уже посѣдѣвшую; въ глазахъ, вмѣсто прежней рѣшительности, проглядывала усталость; чело изборздили морщины; спина согнулась подъ бременемъ жизни, не обезпеченной и полной мукъ и страданій. Такимъ онъ былъ, когда однажды, въ маѣ, Копчукъ, проходя мимо хутора, встрѣтилъ его, несущаго

связку дровъ. Копчукъ въ солдатской шинели разыгривалъ роль человѣка, высланнаго на поиски за подозрительными людьми, и лѣсничіе вѣрили ему на слово, а, можетъ, и не вѣрили, да только изъ страха показывали видъ, что вѣрятъ.

— Скажи мнѣ, дѣдушка, кто живетъ въ этой хатѣ? спросилъ Кармелюка импровизированный стражъ общественной безопасности. Кармелюкъ вздрогнулъ. Копчукъ это замѣтилъ, пристально посмотрѣлъ ему въ глаза и узналъ атамана.

— Слава Богу! шепнулъ онъ: все вотъ васъ ищу и не могу найти.

— А на что я тебѣ нуженъ?

— Погуляемъ!..

— А что изъ этого выйдетъ? Дайте мнѣ покой! Оставьте меня: хочу уже по человѣчески закончить жизнь. Вотъ пусть только въ околицѣ поменьше станетъ этихъ «крюковъ», пойду въ свѣтъ, куда нибудь за Днѣстръ, Прутъ—тамъ доживу...

— А деньги есть?

Кармелюкъ усмѣхнулся.

— Ни копѣйки за душей! отвѣтилъ, служу за кусокъ хлѣба.

— Лучше съ деньгами уходить!..

Долго еще продолжался разговоръ. Кармелюкъ сначала отнѣкивался, но въ концѣ не устоялъ противъ искушенія, скрылся въ густомъ лѣсу, бросилъ вязанку дровъ и черезъ нѣсколько дней пробрался въ хату Прокопа въ Карачинцахъ. А хата какъ-бы нарочно для воровъ была построена: на концѣ села, спрятавшись въ небольшомъ, но тѣнистомъ садикѣ, она примыкала, кромѣ того, къ лѣсу. Всякій подозрительный гость, не хотѣвшій, чтобы его замѣтили, обыкновенно входилъ въ садъ, перескочивъ маленькій плетень.

Вотъ подъ этой-то низенькой крышей созрѣлъ планъ нападенія на пани Поплинскую, поссесоршу половины деревни Красноселки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Деражни. Главною причиною, побудившею привести планъ въ исполненіе, была Уляна, жена Прокопа. Въ первую ихъ встрѣчу она похитила сердце Кармелюка, и должно быть была хороша собой, когда

даже сухіе судебные акты вспоминаютъ о необыкновенныхъ ея прелестяхъ. Высокая, стройная, голубо-окая блондинка, бывшая горничная, а потому видѣвшая другую жизнь, всегда грустная, вздыхающая, искавшая чего-то необыкновеннаго, она очаровала атамана, имѣвшаго всегда слабость къ прекрасному полу и извѣстнаго рода лоску. Прибывъ въ хату Прокопа, Кармелюкъ имѣлъ видъ стараго, сгорбленнаго дѣда; но когда обрилъ бороду, надѣлъ чамарку, принесенную въ нищенской котомкѣ, привѣсилъ у пояса нагайку и ловко оперся на пику, у Уляны, при видѣ его, застучало сердце; можетъ, вспомнились ей неосуществившіяся мечты о молодыхъ паничахъ, бродившія въ ея головѣ еще въ то время, когда она служила у господъ.

— Кто вы такой?—спрашивала она съ дрожью и безпокойствомъ, хотя на половину догадывалась о настоящемъ имени незнакомца.

— А ты не испугаешься, Уляна?

— О, нѣтъ, нѣтъ! Ужасно хочется мнѣ знать!

— Ну, такъ скажу: я Кармелюкъ...

— Ой, несчастье мое! вскричала она и схватилась за голову, подъ впечатлѣніемъ страшнаго имени.

Разбойникъ сталъ ее успокоивать, и не только успокоилъ, но и привлекъ ее къ себѣ навсегда.

Мужъ Уляны смотрѣлъ на это равнодушно; работать онъ не хотѣлъ, и одна только жажда денегъ преобладала надъ всѣмъ. Зналъ онъ, что Кармелюкъ приноситъ въ его хату утоленіе этой жажды.. а что жена обманетъ—это не важно!

Начались въ окрестностяхъ воровства. Сначала не большія, какъ обыкновенно, изъ имущества крестьянъ: волы, лошади пропадали во множествѣ; невидимая рука уводила ихъ, но такъ ловко, что никакого слѣда не могъ найти потерпѣвшій. Коммисія потеряла голову. Уже хотѣла прекратить свои занятія, а тутъ новый наплывъ жалобъ, просьбъ, плачъ и нареканія бѣдныхъ сельчанъ, у которыхъ рабочій скотъ составлялъ все богатство.

За то у Уляны прибывало украшеній и уборовъ. Она имѣла кораллы, какихъ никто не имѣлъ въ тѣхъ мѣстахъ, тонкую коленкоровую рубашку, да такую узорчатую и цвѣтисто вышитую, что глаза высмотришь, глядя на нее, и кожухъ новый, и жупанъ, синимъ сукномъ крытый и золотымъ позуменпентомъ вышитый по швамъ и карманамъ. И люди не догадывались, откуда у нея все это берется.

Никто у Прокопа не видѣлъ Кармелюка, а Уляна не домогалась господства надъ толпой, какъ ея предшественница—пани Добровольская: ей хотѣлось только любви и во всемъ избытка, а ни въ томъ, ни въ другомъ она не видѣла отказа...

По пріемамъ, съ какимъ производились кражи, тотъчасъ догадались, что ими руководитъ опытная и искусная рука. И вотъ второстепенные воры стали отовсюду тянуться къ Кармелюку, и онъ, какъ и прежде, снова образовалъ шайку изъ 12 отважныхъ человѣкъ; въ число ихъ вошелъ нѣкто Андрей—правая рука атамана, отличавшійся звѣрствомъ, атлетическимъ сложеніемъ и привязанностью животнаго къ своему старшему.

Организовавши такую шайку, можно было пуститься въ предпріятія болѣе смѣлыя, чѣмъ простое воровство, хотя бы подъ бокомъ коммисіи, для большаго огорченія «крюковъ». Жребій палъ на пани Поплинскую.

V.

Въ прекрасную ясную ночь съ 12 на 13 августа 1834 г. семь человѣкъ вышло изъ карачинскихъ лѣсовъ по направленію къ Красноселкѣ. Весь дворъ вдовы поссесорши разбойники застали въ глубокомъ снѣ и въ одно мгновеніе перевязали всѣхъ, начиная съ конюха и оканчивая горничной. Кто хоть писнулъ или хотѣлъ защищаться, получалъ нагайкой по головѣ. Поплинская, при видѣ разбойниковъ, съумѣла найтись.

— Все отдамъ добровольно! воскликнула—только не мучьте меня и моей служанки!

— Хорошо, согласенъ!—отвѣтилъ Кармелюкъ—даже не свяжемъ тебя, только не кричи и не уходи!

И началась не торопливая ревизія. Вещи болѣе дорогія и привлекательныя для грабителей собраны и уложены въ повозку, не задолго передъ тѣмъ подъѣхавшую къ крыльцу; деньги тоже были ссыпаны въ одинъ мѣшокъ, и должно быть онѣ имѣли большую прелесть для воровъ, когда они стали дѣлитьея ими на мѣстѣ, особенно, когда узнали, что Кармелюкъ, по обыкновенію, скрылся. Поплинская, пользуясь тѣмъ, что разбойники были заняты дѣлежемъ, выскочила черезъ окно, выбѣжала въ село на улицу, колотила въ двери крестьянскихъ хатъ, выбивала стекла въ окнахъ и устремляясь въ ужасѣ все дальше, прибѣжала къ сосѣду, владѣльцу другой половины Красноселкп, поручику Залозинскому. Полусонный народъ сталъ собираться толпами и совѣтоваться, какимъ образомъ окружить дворъ и схватить грабителей.

— А если тамъ есть Кармелюкъ? говорили старшіе; худо будетъ.

— Уйдетъ, если даже и поймаемъ! непремѣнно уйдетъ! А тогда насъ съ огнемъ пуститъ! Если бы среди насъ былъ хоть одинъ панокъ, хотя бы писарь, или экономъ, тогда на него можно бы всю бѣду свалить...

На эти клики объ иниціаторѣ явился панъ Залозинскій, поспѣшившій во дворъ Поплинской. Крестьяне толпами повалили за нимъ, но было уже поздно, злоумышленники ускакали на повозкахъ въ Кальную Деражню, забравъ съ собой много вещей. Бѣдная поссесорша понесла убытковъ на 30,000 злот. И что-жъ вы скажете, узнавши, что самый тщательный обыскъ въ Кальной не открылъ воровъ?

Только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, т. е. въ концѣ 1834 года, Копчукъ, уже слишкомъ открыто расхаживавшій по окрестностямъ, былъ задержанъ и посаженъ въ тюрьму. Какъ прежде, такъ и теперь онъ не только во всемъ сознался, не только описалъ со всѣми подробностями грабежъ въ Красноселкѣ, но даже перечислилъ лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе непосредственно, или посредственно.

Тюрьмы опять переполнились. Но главный виновникъ съ своимъ помощникомъ пропалъ безъ слѣда, упалъ какъ камень въ воду! Любовницѣ Кармелюка Улянѣ и ея сестрѣ Варварѣ, которыя послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молчанія сознались во всемъ, обѣщали свободу, а потомъ и прощеніе, если онѣ, будучи выпущены, сейчасъ дадутъ знать властямъ о появленіи Кармелюка. Женщины обѣщали и даже присягу дали, и въ августѣ 1835 года ихъ отправили въ Карачинцы.

Поселились онѣ одиноко въ своей хатѣ; сосѣдки отъ нихъ сторонились, да и сосѣди не очень спѣшили ихъ навѣстить, ибо связь Уляны съ предводителемъ разбойниковъ не была уже секретомъ. Одинъ только мѣстный крестьянинъ, Шайдюкъ, тихонько прокрадывался въ хату подъ лѣсомъ. Онъ заботился о собственной шкурѣ, такъ какъ и онъ принималъ участіе въ нападеніи на домъ пани Поплинской, наблюдая, чтобы производившіе грабежъ не подверглись въ свою очередь нападенію. Копчукъ или забылъ объ этомъ, или ничего не зналъ совсѣмъ, и только этому обстоятельству Шайдюкъ обязанъ былъ тѣмъ, что остался на свободѣ; тѣмъ не менѣе онъ очень тревожился. Первый разъ, заглянувъ во дворъ освобожденныхъ женщинъ, онъ засталъ только Варвару.

Поздоровавшись съ нею, онъ спросилъ не смѣло, о чемъ спрашивали ее въ судѣ?

Варвара описала ему печальную тюремную жизнь, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но о данномъ ею обязательствѣ и цѣли возвращенія умолчала.

— Вѣрно, если не вы, то Уляна,—тянулъ дальше пришедшій, сказали что нибудь обо мнѣ, и сейчасъ возьмутъ въ тюрьму бѣднаго Шайдюка! Помните-жъ, если меня поставятъ съ ней предъ судомъ въ Летичевѣ, пусть запрется, пусть скажетъ, что по злобѣ впутала меня въ это дѣло. Попросите ее, скажите, что я ее за это отблагодарю.

— Не бойтесь, ничего вамъ не будетъ! прервала его Варвара, подметая полъ; объ этомъ не стоитъ даже говорить. Но... но...

что подѣлываетъ атаманъ? прибавила она какъ-бы нехотя. Вѣрно, ушелъ въ далекія мѣста?

— Э, гдѣ-жъ тамъ! въ томъ-то и вся бѣда, что атаманъ ничего не боится... Въ Галузинцахъ среди бѣла дня ходитъ въ корчму и потѣшается надъ «крюками»; еще грозитъ, что нападетъ на коммисію и всѣ бумаги сожжетъ.

— Скажите ему, когда его встрѣтите, сказала Варвара многозначительно, пусть къ Улянѣ не приходитъ, потому что вѣрно за нами слѣдятъ...

И на томъ окончился первый разговоръ. Шайдюкъ тревожно ждалъ минуты, когда ему свяжутъ руки и посадятъ въ тюрьму, ждалъ и дождаться не могъ, а наконецъ и бояться пересталъ... Въ такомъ настроеніи встрѣтился онъ съ Кармелюкомъ и разсказалъ ему о возвращеніи Уляны и ея печали, нищетѣ и презрѣніи, съ какимъ къ ней относится вся деревня... Разбойникъ, не обращая вниманія на предостереженіе Варвары, рѣшился повидаться съ своей возлюбленной...

Было это въ началѣ октября. Осеннее солнце склонялось къ закату, дулъ пронзительный вѣтеръ. Уляна только что вернулась съ связкой дровъ въ хату, Варвара развела въ печи огонь и принялась готовить ужинъ. Убогій и скромный это былъ ужинъ, состоялъ изъ одного лишь картофеля; но едва покушали сестры, какъ послышался хорошо знакомый стукъ въ окно. Уляна задрожала, она догадалась, что это пришелъ Кармелюкъ, котораго она уже рѣшила предать въ руки правосудія... Положеніе было непріятное, опасность большая. Ну, а если разбойникъ догадается объ измѣнѣ! Хоть страшно было, но Варвара, на повторенный стукъ, отворила двери и ввела въ хату двухъ людей—атамана и его наперстника Андрея, отъ головы до ногъ вооруженныхъ. Уляна съ печальнымъ видомъ сидѣла въ углу подъ образами.

— Что-жъ, моя красавица! заговорилъ весело разбойникъ, вывернулась отъ полиціи? О чемъ они тебя тамъ спрашивали?

— О васъ, отвѣтила степенно хозяйка, но мы ото всего отреклись и насъ выпустили... и вздохнула.

— Отъ чего-же ты вздыхаешь, Уляна? спросилъ опять атаманъ.

— Потому что тяжело! Мужа взяли, не весело одной на свѣтѣ жить, да и съ нуждой справиться не могу.

— Ну, ну, не печалься! Все будетъ хорошо: мужа освободятъ, постараемся объ этомъ, прибавилъ онъ важно. Ограбимъ Козьминскаго, такъ и деньги найдутся, а этого стараго собаку Волянскаго, продолжалъ онъ, стиснувъ кулаки, живымъ распластаю, что взялъ такого молодца, какъ Прокопъ!

Панъ Волянскій былъ владѣлецъ половины Карачинецъ, въ которой жилъ мужъ Уляны. Спрошенный властями о поведеніи Прокопа, онъ далъ о немъ самый дурной отзывъ, отсюда гнѣвъ Кармелюка.

Настала въ комнатѣ тишина; черезъ минуту Андрей прервалъ ее.

— Хоть-бы скорѣе, батьку! Скучно безъ работы?

— Подожди, Андрей; дѣло сдѣлается! А ты, Уляна, завтра вечеромъ позови Шайдюка, мы съ нимъ посовѣтуемся, какъ это устроить; а тѣмъ часомъ дай намъ поѣсть.

На столъ былъ поданъ картофель, хлѣбъ и водку гости принесли съ собой. Разговоръ, однако, не клеился, и разбойники, по двухчасовомъ отдыхѣ, отправились въ лѣсъ.

Женщины не спали всю ночь: совѣтовались, спорили, не обошлось безъ слезъ и упрековъ; утромъ, однако, Варвара уже была у помѣщика. Панъ Волянскій все узналъ. Убѣленный сѣдинами, этотъ 70-ти лѣтній старикъ, имѣвшій привычку постоянно твердить, что никого не боится, такъ какъ одной ногой стоитъ уже въ гробу, несказанно пораженъ былъ извѣстіемъ о сосѣдствѣ Кармелюка и пригласилъ на совѣтъ своего сосѣда Козьминскаго. Оба испугались угрозъ Кармелюка, и въ рѣшительную минуту растерялись... Послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшили посвятить въ тайну пана Хлопицкаго, посессора другой половины села Карачинецъ.

Здѣсь на время оставляемъ судебные акты и будемъ черпать подробности изъ преданій.

Пана Хлопицкаго тогда не было дома; письмо попало въ руки барышень, дочекъ поссесора. За одну изъ нихъ сватался молодой человѣкъ, п. Феодоръ Рутковскій. И вотъ, когда она въ присутствіи кавалера сказала, что въ краѣ, видно, нѣтъ ужъ болѣе храброй молодежи, если Кармелюкъ нападаетъ на дома и грабитъ бѣдныхъ беззащитныхъ женщинъ, что вотъ и сегодня онъ будетъ въ Карачинцахъ, и нѣтъ человѣка, который задержалъ-бы его,—молодой человѣкъ принялъ укоръ молодежи на свой счетъ; кровь бросилась ему въ лице и онъ увѣреннымъ голосомъ сказалъ:

— Непремѣнно поймаю Кармелюка!

Барышни, сидѣвшія въ гостинной пана Хлопицкаго, посмотрѣли на него съ удивленіемъ и недовѣріемъ, считая его рѣшеніе дерзкимъ, безразсуднымъ и не выполнимымъ.

Случилось однако не такъ. Рутковскій поспѣшилъ къ Волянскому, чтобы узнать подробности и съ ними сообразоваться въ своемъ предпріятіи. Вернулся оттуда рѣшившимся на все. Барышни увидѣли, что зашли слишкомъ далеко, и обезпокоенныя, стали отговаривать его, но ничто уже не помогло; панъ Ѳеодоръ отвѣтилъ имъ коротко:

— Мнѣ нужны люди и оружіе!

Панъ Хлопицкій, какъ отставной и военный, имѣлъ нѣсколько оружія дома, труднѣе было подъискать отважныхъ и ловкихъ товарищей; приходилось брать, что было подъ рукой, потому что близился вечеръ и необходимо было спѣшить.

Нашлось пять охотниковъ: Войцѣхъ Статкевичъ, поваръ Петръ, лакей Сильвестръ Змурчикъ, парубокъ Семенъ мельникъ и конюхъ Трофимъ Драньчукъ. Мы перечислили ихъ имена, потому что въ тѣ времена идти на Кармелюка считалось большой храбростью. Хозяевъ-крестьянъ, изъ опасенія измѣны, не посвятили въ тайну предпріятія; поэтому, въ случаѣ неудачи, ждать помощи было не откуда. Всѣ шесть человѣкъ имѣли въ своемъ распоряженіи только два ружья; поваръ откуда-то добылъ палашъ, остальные запаслись дубинами и веревками, которыми предпола-

галось связать разбойника; огнестрѣльное оружіе рѣшили употребить только для личной защиты.

Здѣсь опять возвращаемся къ судебнымъ актамъ.

Поздно ужъ вечеромъ 9-го октября 1835 года маленькое общество отважныхъ людей прибыло въ хату Уляны. Мелкій осенней дождь, темнота ночи—все благопріятствовало предпріятію. Двое засѣли въ хатѣ на печкѣ, чтобъ не спускать съ глазъ женщинъ; три другихъ, имѣя во главѣ Рудковскаго, размѣстились въ обширныхъ сѣняхъ, въ углу противъ входныхъ дверей, а чтобы въ случаѣ неудачи обезпечить себѣ отступленіе, оторвали нѣсколько сноповъ соломы изъ крыши. Было, правда, это не порыцарски, но чего вы хотите отъ мирныхъ карачинскихъ жителей? И то слѣдуетъ удивляться, откуда у нихъ набралось столько отваги: вѣдь изъ пяти человѣкъ—участниковъ три были крестьянскаго происхожденія, а всѣ крестьяне почитали Кармелюка чародѣемъ, и даже Статкевичъ, хотя былъ шляхтичъ, также, кажется, вѣрилъ въ сношенія разбойника съ чортомъ.

Гробовое молчаніе въ избѣ. Женщины не спали, ожидая съ большой тревогой прихода ватажка, но только въ 4 часа утра послышался стукъ въ окно. Уляна отворила двери изъ сѣней.

— А что, есть Шайдюкъ?—спросилъ Кармелюкъ прерывающимся и неспокойнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала хозяйка, дрожа вся:—ожидалъ долго, не могъ дождаться и пошелъ, говорилъ, что завтра придетъ.

— А, чтобъ его! говорилъ я тебѣ, Уляна, чтобъ ты непремѣнно сегодня позвала....

— Но я не была увѣрена, что вы прійдете....

Въ эту минуту въ сѣняхъ послышался неопредѣленный шорохъ. Это товарищи пана Рудковскаго стали уходить чрезъ сдѣланное въ крышѣ отверстіе..

— Что это? крикнулъ Кармелюкъ, прислушиваясь, и въ ту же минуту выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и взвелъ курокъ, всматриваясь въ темноту....

— Что это, Уляна?

Къ счастію, онъ не посмотрѣлъ на свою возлюбленную... Она поблѣднѣла, какъ стѣна. По ея безпокойству онъ могъ-бы догадаться объ измѣнѣ....

— Да знаете, конечно, отозвалась Уляна едва слышнымъ голосомъ, что здѣсь овцы. Варвара! прибавила она громче, выгони овецъ во дворъ, пусть пасутся, потому что скоро будетъ день.

— Не нужно! прервалъ Кармелюкъ, успокоившись совсѣмъ: еще далеко до утра. Мнѣ надо заснуть, потому что я очень усталъ.... И вошелъ въ сѣни; но еще разъ оглянулся подозрительно кругомъ и замѣтилъ въ углу человѣка съ направленнымъ на него дуломъ.... Рудковскій, увидя себя оставленнымъ товарищами, предупредилъ разбойника и выстрѣлилъ....

Раздался трескъ, пуля шарахнула разбойника въ високъ, и онъ упалъ безъ стона, но и безъ признаковъ жизни....

Неразлучный Андрей, свидѣтель этой сцены, мгновенно бѣжалъ; но углубившись въ лѣсъ и не слыша погони, сталъ свистать и звать ватажка, своего старшаго и брата. . . . Гнетущее, удругающее впечетлѣніе производилъ этотъ призывъ среди гробовой тишины лѣсной; печаль и безпокойство слышались въ немъ.

И въ хатѣ стало тихо. Уляна впала въ обморокъ; знать, она не предполагала такой развязки; но какъ ея роль была кончена, то никто ужъ больше не обращалъ на нее вниманія. А отважные участники Рудковскаго такъ и застыли отъ страха на крышѣ, тревожно посматривая, не покажется ли шайка разбойниковъ, чтобъ отмстить за смерть своего атамана.

Но позицію свою на крышѣ они считали все таки очень удобною, ибо отсюда можно было видѣть, что происходитъ вокругъ хаты. Остававшіеся въ хатѣ также окаменѣли отъ страху; Рудковскій въ свою очередь смутился: убить человѣка, хотя бы и разбойника.... вѣдь это законное возмездіе во всякомъ случаѣ принадлежало не ему, а власти. Утѣшало его только то, что онъ во имя общественной безопасности хотѣлъ лишь захватить преступника, а встрѣтившись съ нимъ носъ къ носу, долженъ былъ защищать собственную жизнь. И дѣй-

ствительно, секунда нерѣшительности, и Кармелюкъ предупредилъ бы его.

Наконецъ, столь желанное и такъ лѣниво приближавшееся утро освѣтило эту кровавую сцену. Народъ сталъ сбѣгаться, чтобъ посмотрѣть Кармелюка, съ прострѣленнымъ вискомъ лежавшаго на порогѣ хаты своей возлюбленной. Рутковскій не терялъ времени: сейчасъ занялся спискомъ вещей, найденныхъ у разбойника. Изъ этого списка мы узнаемъ, что Кармелюкъ имѣлъ на себѣ кожухъ, подъ нимъ-польскую чемерку, два жилета, тонкую полотняную рубаху, сапоги съ высокими голенищами, шапку изъ сѣрыхъ барашковъ, на шеѣ эмальированный крестикъ, а въ карманѣ носовой платокъ, кисетъ съ табакомъ, мѣшечекъ съ пулями, ножикъ, ножницы и мѣшечекъ съ деньгами (60 злот.); за поясомъ пара заряженныхъ пистолетовъ, кинжалъ съ художественной отдѣлкой, а на плечахъ, подъ кожухомъ, висѣлъ патронташъ; около трупа лежала пика.

Изъ свидѣтельства доктора, который дѣлалъ осмотръ на мѣстѣ, узнаемъ, что Кармелюкъ имѣлъ лице овальное, выбритое, подстриженные усы, свѣтлые волосы, зачесанные по шляхетски, съ проборомъ съ боку, орлиный носъ, глаза большіе голубые, чело высокое,—на немъ два слѣда клейма; кости височныя и темянная раздроблены; на плечахъ и спинѣ ясные продолговатые слѣды рубцевъ отъ кнутовъ; въ нижней челюсти недоставало двухъ переднихъ зубовъ.

Слѣдовало за тѣмъ офиціально удостовѣриться, что застрѣленный Рудковскимъ человѣкъ былъ дѣйствительно Кармелюкъ. Полиція засвидѣтельствовала тождество лица; сторожа и надсмотрщики Летичевской и Литинской тюрьмы, а также инвалидные солдаты подтвердили свидѣтельство полиціи; но коммисія этимъ не удовольствовалась и позвала товарищей атамана, ожидавшихъ своей участи за рѣшеткой....

Наконецъ рѣшено показать убитаго окрестнымъ жителямъ, Повезли тѣло его въ Летичевъ. По дорогамъ останавливались съ нимъ по селамъ, и толпы крестьянъ сходились смотрѣть на покойника.... Мужчины оживленно толковали, но ни радости.

ни печали, но даже злословія не слышно было между ними. Нашъ крестьянинъ, въ виду совершившагося факта, забываетъ обиды и неудовольствія.

— Кралъ онъ, говоритъ, то правда, иногда и душу христіанскую спроваживалъ на тотъ свѣтъ безъ покаянія; а сколько тревоги, безпокойствъ и страха причинялъ намъ, того и не вспомимъ. Но Богъ его наказалъ. Какъ жилъ не по людски, такъ и умеръ. Пусть его Всемогущій судитъ—не наше уже это дѣло!...

Прекрасное выраженіе народной мудрости, простой, но высокой; надъ тѣломъ покойника не насмѣхались, хоть предъ живымъ дрожали

Кармелюка похоронили въ Летичевѣ за городскимъ кладбищемъ, безъ священника, безъ креста, безъ гроба. . За возомъ, въ которомъ лажало тѣло, шелъ караулъ. Могилу выкопали арестанты. Легко догадаться, что плачущихъ на погребеніи не было.....

Галузинская коммисія, какъ я уже выше говорилъ, просуществовала до 1839 года. Переловили всѣхъ участниковъ нападенія на домъ Поплинской: жиды изъ Деражни сосланы въ Сибирь и не вернулись больше; Шайдюкъ также пошелъ за Уралъ. Видался онъ часто, пока не попалъ въ тюрьму, съ Андреемъ, alter ego атамана. И удивительная вещь! Разбойникъ, какъ узналъ Прокопъ отъ неразлучнаго товарища Кармелюка, предчувствовалъ печальный конецъ свой [1]).

— Какъ услышишь выстрѣлъ, говорилъ ему, уходи сейчасъ, а потомъ свисни. Если не отвѣчу, значитъ худо со мной.

Андрея не нашли,—переселился въ другія мѣста, перемѣнилъ имя.... Сомнѣваемся однако, чтобы онъ отрекся отъ разбойничьяго ремесла.

Уляна и Варвара остались на жительствѣ въ Карачинцахъ. Жизнь ихъ была какъ бы расплатой за прошлые грѣхи; общес-

---

[1]) На это предчувствіе указываетъ одинъ варіантъ народной пѣсни, вложенной въ уста Кармелюка:

Не боюся грому й тучи, но оприч гарматы.
Забье жъ мене славный хлопець зъ веселои хаты.

тво отъ нихъ сторонилось, нищета, крайность, а можетъ быть и угрызенія совѣсти сократили ихъ жизнь.

Рудковскій, вызванный для объясненія дѣла въ Каменецъ, освобожденъ и оставилъ край. Невѣста его отдала руку другому.

Приходимъ къ концу. Со всевозможными подробностями, безъ всякаго предубѣжденія, описали мы жизнь подольскаго разбойника, сотканную изъ преступленій и злодѣяній. Если бы возможно было учесть убыль людей въ Подоліи вслѣдствіе разбоевъ Кармелюка, то мы пришли бы къ очень печальному выводу; мы убѣдились бы, что больше 20,000 человѣкъ, по милости его, было выслано или убѣжало изъ края. Матеріальныя потери, правда, не особенно значительны, но все же достигаютъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей... И вся ихъ тяжесть пала на бѣдныя сельскія общества, привиллегированныя же сословія потерпѣли относительно небольшіе убытки.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1])

Пріѣхавъ въ домъ и обрадовавъ свобожденіемъ плачущую всегда мать и жену, началъ помышлять, по рѣшеніи уголовною палатою дѣла, подать въ оставку и жить въ домѣ съ прежнимъ покоемъ. Но какъ таковыя дѣла идутъ всегда медленно, то и сіе протянулось немало и даже до половины декабря мѣсяца. Нападеніе-жъ происходило по зависти короченской нижней расправы отъ расправнаго судьи Петра Толмачева, жителя корочинской округи, села Мѣловаго, близь Остабного села, которой, научa своего засѣдателя, однодворца Гаврила Толмачева, прислалъ въ Новой Осколъ уловить, если не въ дѣлѣ, то хотя въ словахъ, что ему въ простодушномъ человѣкѣ и удалось найти, да отъ двоюроднаго моего дяди Ефима Лазарева сына Лофицкого, тойже расправы секретаря, бывшаго почти неграмотнаго и не знающаго никакихъ гражданскихъ законовъ, за что онъ отъ многихъ былъ и посмѣваемъ даже до смерти своей, которая ему приключилась за уголовное дѣло отъ страху въ Курскѣ. Когда нечаянно сказали, что лишили его всѣхъ чиновъ, то вдругъ ударилъ параличь и чрезъ три дни умре 1783 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ. Вотъ мѣра, ею-жъ мѣрилъ ближнему своему напрасно.

Что-жъ! Не удоволствовался еще рокъ злой и не прекратились нападенія, посланныя за многия мои грѣхи и беззаконія, ибо

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“, феврал. кн. 1886 г., стр. 209—236.

въ 9 день сентября того-же 1781 года въ 10-мъ часу дня, въ небытность мою въ домѣ, послалъ Богъ пожнръ прежестокой въ слободу Слоновую, отъ котораго згорѣло сто тридцат обывательскихъ дворовъ, въ томъ числѣ и мой дворъ весь безъ остатку. Какое было тогда смятеніе и страхъ, когда увидѣлъ я издали поля горящую слободу! Подхватя емщицкую лошадь, которая была запряжена въ моей повозки, принужденъ былъ скакать верхомъ и безъ сѣдла до слободы. Тутъ увидѣла скотина огонь, остановилась и не стала далпе итить, то принужденъ я былъ про-между огнемъ бѣжать мало не двѣ версты пѣшъ до двора своего, которой уже со всѣхъ сторонъ обошло огнемъ; и прибѣжавъ, кидался во всѣ стороны, но нѣсть силы отъ долгого бѣгу, нѣтъ и помогающого никого, ибо всякъ бросился къ своему жилищу. Да не можно было спасти ничого отъ великого жару, въ которомъ и стоять было опасно; отдался я на волю Владычню и вышедъ къ рѣкѣ Осколу съ матерью, женою и дѣтми, смотрѣлъ на ліющійся гнѣвъ Божій, по окончаніи которого ввечеру забралъ вынесенные пожитки и сложивъ въ новостроющейся тогда каменной церквѣ, жилъ цѣлыя сутки со всѣми своими домашними во оной, доволствуясь хлѣбомъ, бывшимъ въ моей путевой попаски, ибо какъ былъ я въ то время на межи слободы Коровиной, то для землемѣра и себя харчей было изготовлено доволно, однако послужили они не на то, а на другое нужное и пренужное время. Слава Богу за вся, низпосылаемая намъ для лутшаго познанія его владычества!

Принимая прежде странныхъ въ домъ свой, началъ странствовать самъ со всѣмъ своимъ семействомъ и, испросивъ позволенія, вселился на жительство въ домъ господина бригадира Тевяшова, стоящій близъ мелницъ ево въ слободѣ Слоновки, а потомъ началъ промышлять о построеніи своего дому, хотя и съ великимъ трудомъ и печалію. И купилъ перво избу въ слободе Александровки, а потомъ два покоя въ деревни Глазуновки въ маіорши Старовой за 40 р., протчую-жъ постройку вспомоганіемъ пріятелей изъ своего лѣса, состоящаго противу моего двора, прозываемого Лазкомъ, или Сотницкой Ярокъ; которую постройку окончивъ ноября въ 3 день, перейшолъ изъ Тевяшевского въ свой дворъ и началъ жить въ тѣснотѣ, нужды ради. И чуть толко пожилъ декабря до первого числа, то по рѣшеніи уголовною палатою дѣла, производимаго по

злому пронырству разсправнаго судьи Толмачева и дяди Ефима Лофицкого въ короченскомъ уѣздномъ судѣ, послѣдовалъ указъ отъ намѣстническаго правленія выслать мене въ Курскъ и содержать на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли, куда и отправился 9-го декабря. А по приезде хотя ко многимъ господамъ ходилъ съ прозбою, однако успѣвалъ мало по незнаемости моей ими. А видя дѣло важно, всѣ отказывались, и такъ отправлено мене при указѣ въ городническое правленіе къ городничему бывшему въ то время маіору Тутолмину, гдѣ и посаженъ былъ; но, ходатайствомъ свояка своего, Ефима Васильева, къ вицъ-губернатору Авраму Ивановичу Анненкову, былъ на другой день свобожденъ на квартиру наемную въ Курскѣ-жъ съ приставомъ солдата, и хотя хлѣба и воды не ѣлъ, однако свободы чрезъ двѣ недѣли не имѣлъ выходить съ квартири, въ исполненіе соблюденія законнаго права. А какъ миновалъ двунедѣльный терминъ (въ которомъ и празникъ Рожества Христова празновалъ въ горести), то, по опредѣтенію намѣстническаго правленія, оставленъ сверхъ желанія къ исправленію воономъ дѣлъ, однако на 10 дней уволненъ былъ въ домъ для взятья нужнаго къ тамошнему житью. А какъ по возвращеніи вступилъ въ должность коллежскаго регистратора, то послѣдовала въ генварѣ мѣсяцѣ 1782 года перемѣна правителю намѣстничества Свистунову (кой также злился на мене по наущенію дяди Ефима Лофицкого), на мѣсто-жъ ево опредѣленъ правителемъ Афанасій Николаевичъ Зубовъ. Тотъ, по вступленіи въ должность, между протчими приказными служителми, началъ меня любить за порядочное исправленіе дѣлъ, повѣрялъ многія нужныя дѣла, а найпаче касающіяся до Сената и коллегій.

Сего году въ февралѣ мѣсяцѣ жена, жалѣя о разлукѣ моей зъ дому, вздумала посѣтить меня, находящагося при дѣлахъ въ Курскѣ. И, приглася зъ собою старшую свою сестру Парасковѣю, пріѣхала въ Курскъ 24-го числа, и толко что по свиданіи съ нею мало пошолъ въ назначенное время къ дѣламъ, то чрезъ три часа родила она на квартири дочъ Марію, кою по долгу християнства на другой день окрестя, гуляли порядочно, ибо на то еще время прибылъ тесть и оба свояка, кои, прибавя еще нѣсколко къ тому и своихъ напитковъ и протчего, составили веселость не малую, потому найпаче, что узнали о моемъ свобожденіи отъ бѣды, нанесенной чрез дядю Лофицкого, и радуясь новорожденной. А какъ

мало свободилась жена отъ болѣзни, то и отправилась домой, хотя о разлукѣ и съ плачемъ, однако въ лутшей по бывшымъ бѣдамъ радости, кою я еженедѣлно по прозбѣ не преставалъ увѣдомлять писаниемъ о своей благополучной жизни, напротиву чего и отъ оной получалъ таковыя-жъ о состояніи дома и новыхъ перемѣнахъ, какъ-то: о взятіи усилно новосколскимъ въ то время бывшимъ казначеемъ, маіоромъ Иваномъ Шипулинымъ крѣпостныхъ людей и объ отдаче ихъ подъ крѣпкую стражу, называя своими бѣглыми крѣпостными, что подачею въ намѣстническое правленіе доношения и посылкою строгою по прозбѣ моей повелѣния было прекращено, и тѣ люди возвращены по прежнему въ домъ мой, ему-жъ велѣно было, если желаетъ просить судомъ по формѣ, что имъ послѣ и учинено было.

Потомъ правитель намѣстничества, узнавъ о бывшихъ нападеніяхъ и нещастія, а видя слѣдующую очередь къ повышенію чина, вздумалъ было опредѣлить мене въ курской нижней земской судъ секретаремъ. Но я, видя возглагаемыя таковыя-жъ, какъ въ Новомъ Осколѣ, узы дѣлъ, не пожелалъ, а мыслилъ просить отставки, дабы получить прежнюю свободу.

Но между тѣмъ, по прозбѣ у совѣтника Юрья Волкова, исходатайствовалъ себѣ уволненіе въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ домъ для поправленія экономіи срокомъ на два мѣсяца безъ вычета жалованья отъ выше сказанного правителя намѣстничества Зубова.

И какъ по истеченіи того срока прибылъ въ Курскъ къ прежней своей должности, то и исправлялъ оную по прежнему въ намѣстническомъ правленіи, пока по опредѣленію сената, прибылъ на мѣсто прежде бывшаго экономіи директора Чаплыгина полковникъ Захаръ Яковлевичъ Карнѣевъ, кой, узнавъ о бытіи моемъ при дѣлахъ въ Курскѣ, просилъ управителя намѣстничества Зубова о уволненіи меня къ дѣламъ, текущимъ по ево экспедиціи. Но правитель въ томъ ему по надобности себѣ отказалъ, а какъ я былъ очень полковнику Карнѣеву знакомъ по причинѣ совмѣстной въ Харковѣ науки, то онъ, Карнѣевъ, желая имѣть меня при себѣ, отважился трудить намѣстника бывшаго въ то время князя Александра Александровича Прозоровскаго, которой неумедля обо мнѣ предложилъ намѣстническому правленію, чтобъ меня уволить къ дѣламъ въ казенную палату по экспедиціи директора домоводства,

почему и уволненъ съ атестатомъ добрымъ, свидѣтелствующимъ о добропорядочной службѣ и въ дѣлахъ знаніемъ.

А когда-жъ приступилъ, по здачѣ въ намѣстничествѣ осми сотъ дѣлъ, къ дѣламъ казенной палаты, то тамъ встрѣтилъ другие трудности въ течени оныхъ. Однако съ помощію вѣрныхъ отъ директора наставленій успѣвалъ въ производствѣ оныхъ не худо, за что лутше отъ него сталъ быть и любимъ. Въ то время по именномъ повелѣніи намѣстнику послѣдовало повелѣние отъ намѣстника Прозоровского объ открытія по всему намѣстничеству курскому однодворческихъ конторъ, служащихъ по ихъ произволенію для словесныхъ между собою разбирателствъ, кои и велѣно было директору экономіи Карнѣеву отъкрыть самолично во всѣхъ пятнадцати курскаго намѣстничества уѣздахъ. Какъ-же въ то время секретаръ Курьяновъ былъ подъ слѣдствіемъ въ уголовной палатѣ, то и слѣдовало быть при директорѣ для писмапроизводства мнѣ, къ чему и отправились мы съ Курска, въ 14-й день іюля, прежде чрезъ Обоянь въ бѣлгородской уѣздъ. Какая-жъ была ево ко мнѣ во время пути милость, будучи въ тринадцати уѣздахъ: бѣлгородскомъ, корочинскомъ, новооскольскомъ, старооскольскомъ, тимскомъ щигровскомъ, курскомъ, фатежскомъ, дмитриевскомъ, рыльскомъ, льговскомъ и путивлскомъ, во время открытия тѣхъ конторъ, читатель можетъ видѣть изъ копиевъ писанныхъ ко мнѣ отъ ево высокородія писемъ въ разныя времена по разныхъ случившихся въ то время дѣлахъ, кои здѣсь для любопытства полагаются.

Государь мой Иванъ Осиповичъ!

Опоздавши ночью я въ Медведевке, а завтре часу въ 5-мъ выѣду. Такъ пожалуйте вы, получа сіе, отправтесь въпередъ и въ Маячкахъ велите повару готовить обѣдъ, приказавъ сыскать куръ и протчего, чего надобно, выборному, а по приѣзде я денги заплачу Оттуда-жъ отправте впередъ сержанта землемѣра съ испрошениемъ мнѣ квартиры въ Бѣлгороде отъ г. коменданта Филипа Ивановича, а сами дождитесь въ Маячкахъ вашего покорного слугу Захара Карнѣева

P. S. Когда для мене лошади изготовлены въ Обояни, гдѣ не премѣнно и быть имъ надобно, то тамъ-же и почтовыхъ четыре для моихъ дѣлъ велите въ Обояни-жъ изготовить.

Въ Бѣлгородѣ мы для нѣкоторыхъ сверхъ открытия конторъ въ городѣ и по уѣзду дѣлъ пробыли три недѣли, во время которыхъ

Захаръ Яковлевичъ и я имѣли отълучки въ свои домы, а потомъ отправились въ корочанской уѣздъ. Тутъ началъ я ѣздить съ нимъ въ одной каретѣ (а прежде бралась особая для мене повозка). Отътоль пустились въ новоосколской и прибыли съ Корочи прямо въ Слоновую, гдѣ по обѣдѣ, открывъ контору, и ночевали въ моемъ ново-выстроенномъ после пожару домѣ. Отътоль отправясь и объѣхавъ всѣ новоосколскаго уѣзда города и селеніи, взяли путь къ Старому Осколу, и въ приличныхъ на то изготовленныхъ селенняхъ открывъ конторы, прибыли въ Старый Осколъ 27-го августа въ вечеру, гдѣ пробывъ 28 число, пустились по всему уѣзду для таковыхъ-же дѣлъ; и когда по знакомству прибывъ въ село Городище, то отъсель бралъ путь Захаръ Яковлевичъ въ Воронежъ для свидания съ своею сестрою, а я въ городъ Тимъ для изготовления нужныхъ въ то время для насъ дѣлъ, гдѣ получилъ писмо слѣдующаго содержания.

Братецъ Иванъ Осиповичъ!

Поелику я завтре буду въ Городищѣ, то и поспѣшите вы съ г. капитаномъ исправникомъ тимскимъ быть въ воскресенье въ Городищѣ къ обѣду съ тѣмъ, что послѣ обѣда въ воскресенье-жъ, успѣвши открыть одинъ по способности приказъ, можно было намъ отъправится и далѣе. Почитающій васъ покорный слуга Захаръ Карнѣевъ.

P. S. Толко не промедлите и упредите исправника о изготовленіи о всюду потребнаго для приказу или конторъ.

Однако мы, по пріятельству и изстари знакомству поручика Петра Ивановича Воейкова, пробыли тамъ три дни, а потомъ двинулись далше съ поспѣшеніемъ деннымъ и ночнымъ, пока, объѣхавъ уѣздъ, прибыли въ Тимъ, и тамъ отдохнувъ одни сутки, ретировались къ городу Щиграмъ, гдѣ, какъ и въ уѣздѣ, исполнивъ повелѣнное, прибыли въ Курскъ.

Тамъ, исправивши нѣкоторыя нужныя по палатѣ дѣла и изготовясь потребнымъ къ пути, взяли чрезъ двѣ недѣли путь по курскому и фатежскому уѣздамъ, наконецъ бывъ въ городѣ Фатежѣ, для нуждь возвратились въ Курскъ, и пробывъ въ Фатежѣ дней съ пять, поѣхали прямо къ городу Дмитріеву, бывъ въ которомъ и ево уѣздѣ, по смежности заехали и во Лговъ съ ево-жъ уѣздомъ, а от-

толь обратно въ Дмитриевъ, и были для сватовства за Захара Яковлевича невести въ колежской ассесорши Нелидовой.

Однако тамъ по нашему хотѣнию не збылось, хотя въ томъ и не мало трудились съ надеждою и отъ невестиной стороны, ибо судба оную готовила въ жену генералу маіору Войну Васильевичу Нащокину, кой на ней и женился. Отътоль подвинулись чрезъ дворцевыя камарицкия волости въ городъ Рылскъ, а потомъ въ Путивль съ его уѣздомъ, изъ Путивля-жъ обратно въ Рылскъ, а съ Рылска Захаръ Яковлевичъ отправился прямо въ Курскъ, а мнѣ, поруча дѣла въ освидѣтельствованіи дворцовыхъ приказовъ, велѣлъ маршировать туда по сему приказу:

Полковника и экономіи директора регистратору Ивану Острожскому

Приказъ.

Съ полученіемъ сего ѣхать тебе рылской округи въ дворцовыя приказы соколовской и старшенской, и по данному отъ меня словесному наставленію, осмотреть ихъ положеніе и писменныя дѣла. Тако-жъ вѣдомства тѣхъ приказовъ жителямъ прочесть и истолковать селской порядокъ, какъ надлежитъ, а по исполненіи оного, отправясь чрезъ городъ Дмитріевъ, явится въ Курскъ, взымая отъ селения до селения по две обитателскихъ лошади съ проводникомъ. Чтожъ тобою изыскано будетъ въ помянутыхъ приказахъ, по приездѣ въ Курскъ подать мнѣ репортъ.

Въ подлинномъ тако: Захаръ Карнѣевъ.

Октября 24-го дня 1782 года. Г. Рылскъ.

Читатель за малое положеніе здѣсь таковыхъ повелѣній и прежде писанныхъ писемъ мене проститъ, зная, что у меня бумаги мало, да и писать ленивъ хорошо. Въ сей посылкѣ было не безъ трудности по причинѣ непостоянной тогда осени и пребезъмѣрно тьомныхъ ночей, не смотря на темноту коихъ нужно было поспѣшить (за заѣздомъ къ помянутой невестѣ) въ Курскъ. Куда приѣхавъ и отдавъ вѣрной обо всемъ отъчотъ, принужденъ былъ приниматся за другия, не помалу строгия, по рекрутскому набору дѣла. Но какъ молодымъ людямъ дѣла весма важныя кажутся не такъ опасны, то былъ я симъ весьма доволенъ и веселился. Но, о горе! не забылъ еще прежнихъ печалей, а уже другия постигнули, когда

получилъ въ 3-й день декабря 1782 года печальныя письма, увѣдомляющія о смерти матушки моей Варвары Яковлевой дочери Острожской, коя по многотрудной чрезъ три мѣсяца болѣзни въ 29 день ноября умре.

Однако, здѣлавъ оной должное поминовеніе, ходилъ къ дѣламъ рекрутскимъ по прежнему, кои покончилъ по 783 годъ благополучно. А генваря съ 1 числа 1783 года паки возложенъ былъ общей о всехъ доходахъ казенныхъ Сенату отчетъ, кой тако-жъ, хотя и по многихъ трудахъ, конченъ исправно съ похвалою отъ всѣхъ присудствуюшыхъ палатнихъ.

По истеченіи сего времени приключилась мнѣ жестокая лихорадка, а потомъ зубная болѣзнь, о чемъ увѣдавъ жена моя приѣхала въ Курскъ посѣтить больного, и проживъ болше мѣсяца, по выздоровленіи, уволенъ былъ въ домъ по ходатайству Захара Яковлевича на безъсрочной терминъ. А какъ прибылъ въ домъ, то, узнавъ, помянутой казначей подалъ въ новосколскомъ уѣздномъ судѣ отъ тѣхъ людей исковое челобитье, по коему непремѣнно должно было стать къ суду, где не малой опасности былъ подъверженъ таковой человѣкъ, кой никогда судныхъ дѣлъ не видалъ; навѣту-же было весма доволно, ибо и тамошній уѣзднаго суда секретарь, Михайло Ивановичъ Поповъ, оставя прежнюю дружбу по наукѣ казначея, имѣлъ злобу и помогалъ съ ево стороны дѣлу весма довольно. Но я укрепленъ будучи терпѣніемъ, положа всю на Бога надежду, принялся за судныя рѣчи смѣло, и написавъ оныя, проговорилъ безъ ошибочно, ибо нужда есть призрядной во всемъ учитель.

Проговоря въ судѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ отправился въ Курскъ, гдѣ по приѣздѣ получилъ новую радость, ибо по представленію директора экономіи чрезъ палату въ Сенатъ, полученнымъ изъ оного указомъ, велѣно дать мнѣ чинъ коллежскаго регистратора. Тутъ, забывъ прежния печали, веселился зъ своими сотоварищами съ поздравлениемъ отъ многихъ не гомалу, а потомъ приступилъ къ дѣламъ порученнымъ, дѣлая многия и трудныя вѣдомости, и съ коихъ иныя были превелики, на подобие окружныхъ плановъ; а потомъ многия приготовленныя къ коренной ярмонки (ибо оная всегда въ вѣдомствѣ есть сей экспедиціи), туда отъправилъ въ маѣ мѣсяцѣ. До окончания оной былъ не въ легкихъ трудахъ, въ разсужденіи казеннаго сбора и силнаго множества народа съ разными товарами.

Все бо оное было поручено мнѣ, гдѣ и собралъ чрезъ свои труды болѣе шести тысячъ рублей, и здѣлавъ имъ вѣрной отъчетъ, получилъ квитанціи чистия. Потомъ (1783 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ) возложена должность на директора о ново-выстроенныхъ въ Курскѣ училищахъ, гдѣ и я былъ употребляемъ въ разныя дѣла не однократно. Тутъ уже началъ я мыслить о прежней отъставкѣ, дабы могъ пользоватся всегда домашнимъ покоемъ, разсуждая то, что, получа чинъ, надобно промышлять о приведеніи въ прежнее состояше сгорѣвшаго своего дома. И такъ, зъ Божиею помощію подалъ челобитную въ отставку, хотя и не вислужа въ томъ чинѣ года, и по многимъ отъ вицъ-губернатора Аврама Ивановича Анненкова уговариваннямъ остаться болше въ службѣ не похотѣлъ. Наконецъ зъ даннымъ, за подписаниемъ всѣхъ палатныхъ чиновъ, атестатомъ октября въ 25 день уволенъ въ домъ свой, куда по приѣзде началъ оной исправлять (по разореніи онаго огнемъ и другими нещастіями), сколко могъ.

Въ семъ мѣсте засталъ меня давно мнѣ желанный домашній покой, и такъ я веселился въ домѣ зъ любезною своею женою и милыми детми. Намѣрение положилъ составить мою исторію, или сказать памятную сию книгу до 1784 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.

26 февраля настоящаго года исполняется 25 лѣтъ со дня смерти знаменитаго украинскаго поэта Тараса Григорьевича Шевченка. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени мы не имѣемъ вполнѣ обстоятельной его біографіи, достойной личности поэта и его многострадальной, полной драматизма, жизни. Въ интересной книгѣ М. К. Чалаго весьма значительный періодъ жизни поэта остается какъ-бы въ тѣни, и по необходимости приходится довольствоваться лишь немногими фактами изъ этого періода жизни поэта, случайно проскользнувшими въ печать. До сихъ поръ мы не имѣемъ полнаго изданія произведеній Шевченка, а слѣдовательно и такого критическаго разбора, который обнималъ-бы всѣ стороны и всѣ проявленія его могучаго таланта. Причины этого, конечно, не въ равнодушіи общества къ Шевченку; напротивъ того, многочисленныя изданія „Кобзаря" и отдѣльныхъ произведеній Шевченка, расходящіяся въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, ежегодныя поминки Шевченка въ „роковины" его смерти, какъ у насъ, такъ и въ Галиціи, гдѣ эти поминки справляются особенно торжественно, наконецъ обширная литература о Шевченкѣ, возрастающая съ каждымъ годомъ, все это ясно доказываетъ, что общественныя симпатіи, окружавшія поэта въ послѣдніе годы его жизни, не только не ослабѣли, но укрѣпились и развились еще болѣе и слава его, какъ великаго народнаго поэта, вполнѣ признана не только у насъ, но и за предѣлами славянскаго міра. Весьма многое, что было причиною умолчанія о той или другой сторонѣ дѣятельности Шевченка и о цѣломъ періодѣ его жизни, кажется, давно уже отжило свое время. Думаемъ поэтому, что къ опубликованію документовъ, относящихся напримѣръ къ аресту Шевченка и къ его участію въ такъ называемомъ

кирилло-меѳодіевскомъ кружкѣ въ настоящее время не встрѣтится серьезныхъ препятствій, доказательство чему усматриваемъ въ появленіи въ печати за послѣднее время тѣхъ немногихъ извѣстій, которыя хотя въ нѣкоторой степени бросаютъ свѣтъ на это интересное и знаменательное въ жизни южно-русскаго общества явленіе; тѣмъ съ большимъ интересомъ можно ожидать появленія въ свѣтъ обширной автобіографіи Н. И. Костомарова, о которой имѣются печатныя заявленія его друзей и знакомыхъ, а также опубликованія относящихся къ этому дѣлу подлинныхъ документовъ, находящихся у частныхъ лицъ. Полагаемъ также, что и правдивое описаніе жизни поэта въ ссылкѣ, протекшей при господствѣ иныхъ порядковъ и понятій, давно уже отжившихъ, въ настоящее время возможно; и дѣйствительно въ послѣдніе годы появляются уже въ печати воспоминанія и извѣстія объ этомъ періодѣ жизни поэта. Наконецъ и нѣкоторыя изъ такъ называемыхъ не цензурныхъ произведеній Шевченка, касаясь все тѣхъ-же, отошедшихъ въ область исторіи, порядковъ могли-бы съ нѣкоторыми, болѣе или менѣе значительными, сокращеніями и необходимыми примѣчаніями появиться въ печати. Было-бы желательно также, чтобы издатели „Кобзаря“ 1883 г. исполнили свое обѣщаніе напечатать переписку Шевченка и его повѣсти, писанныя на великорусскомъ языкѣ, которыя, помимо художественнаго ихъ значенія, важны еще какъ матеріалъ для біографіи поэта и выясненія его міровоззрѣнія. Пока-же необходимъ возможно полный библіографическій сводъ всѣхъ печатныхъ матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Предлагаемый указатель первоначально помѣщенъ былъ мною въ общемъ указателѣ новой малорусской литературы, вышедшемъ въ Кіевѣ въ началѣ 1883 года; теперь-же онъ значительно пополненъ мною, какъ новыми матеріалами, опубликованными въ послѣдніе три года, такъ и прежде изданными, но въ то время пропущенными мною. При всемъ томъ составленный мною указатель далекъ отъ надлежащей полноты, такъ какъ, живя въ уѣздномъ городѣ, я не имѣлъ возможности пересмотрѣть нѣкоторыя періодическія изданія, а изъ библіографическихъ трудовъ пользовался только указателемъ по исторіи словесности за время съ 1855—1870 г., составленнымъ В. Межовымъ, и извѣстнымъ каталогомъ Базунова. Мнѣ остается только пожелать, чтобы другіе библіографы своими указаніями восполнили пробѣлы или исправили нѣкоторыя неточности, какія могутъ оказаться въ настоящемъ указателѣ. **М. Комаровъ.**

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

(род. 25 февраля 1814 г., † 26 февраля 1861 г.)

I. Собраніе сочиненій Т. Г. Шевченка на малорусскомъ языкѣ и отдѣльныя ихъ изданія.

1. *Кобзаръ Т. Шевченка.* С.-П.Б. 1840 г. Въ Типографіи Фишера. Изд. М-са П. (Въ изданіи этомъ помѣщено 8 піесъ: Катеринз, Утоплена. Причинна, Тарасова ничъ, Иванъ Пидкова и три думки).

2. *Катерина,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1840 г.

3. *Гайдамаки,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1841 г. въ типографіи Сычева, ц. 1 р. 25 к. Съ предисловіемъ и примѣчаніями.

4. *Гамалія,* поэма Т. Шеаченка. Спб. 1841 г.

5. *Чигиринскій кобзаръ и гайдамаки.* Т. Шевченка. Спб. 1844 г. ц. 1 р. 50 к. (Повтореніе перваго изданія Кобзаря съ прибавленіемъ піесъ: Гайдамаки и Гамзлія).

6. *Кобзаръ Т. Г. Шевченка.* Коштомъ П. Семеренка. Спб. 1860 г. 344 стр., 8 д., ц. 1 р. Въ типографіи П. Кулиша. Съ портретомъ автора. (Кромѣ напечатанныхъ прежде піесъ, въ этомъ изданіи помѣщены двѣ поэмы: Наймичка, напечатанная прежде во 2 т. Записокъ о Южной Руси—П. Кулиша, безъ подписи авторя, въ 1857 г.; также Тополя, Псалмы Давидови и нѣсколько новыхъ думокъ).

7. *Катерина,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 26 ст., 16 д., ц. 10 к., въ друкарни П. Кулиша. 3000 экз.

8. *Наймичка,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 23 ст., 16 д., ц. 10 к., 3000 экз.

9. *Тополя,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 13 ст., ц. 3 к., 3000 экз.

10. *Тарасова ничъ,* Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 9 ст., 16 д., ц. 3 к. 3000 экз.

11. *Гамалія,* Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 12 ст., 16 д., ц. 6 к. 3000 эк.

12. *Псалмы Давидови,* Т. Шевченка. Спб. 1860 г. 17 ст., 16 д., ц. 7 к. 3000 эк.

13. *Гайдамаки,* поэма Т. Шевченка. Спб. 1861. 96 ст., 8 д., ц. 20 к., въ друкарни П. Кулиша. 3000 эк. (изданіе это безъ предисловія и примѣчаній).

14. *Иванъ Пидкова,* Т. Шевченка. Спб. 1861 г., ц. 3 к., 3000 эк.

15. *Букварь Южнорускій.* Составилъ Т. Шевченко. Спб. 1861 г., ц. 3 коп., 10,000 экз.

16. *Перебендя,* Т. Шевченка. Спб. 1862 г. ц. 2 к. 3000 эк.

17. *Чигиринскій торбанистъ-пѣвецъ* (Кобзарь) Т. Шевченка. Съ переводомъ на великорус. языкъ О. А. Лепко. Изданіе Книгопродавца Лысенкова. Спб. 1867 г. ц. 1 р. (содержитъ то тоже, что помѣщено въ изданіи, указанномъ подъ № 5).

18. *Кобзаръ Т. Шевченка.* Коштомъ Кожанчикова. Спб. 1867 р. 677 стр., 8 д., ц. 1 р. 25 к. Съ портретомъ автора и автобіографiею. 3000 эк. Кромѣ прежде напечатанныхъ піесъ, въ этомъ изданіи помѣщены печатавшіяся въ жур. Основа поэмы: Невольникъ, Москалева Криниця, Неофиты, Петрусь, Княгиня, Черниця, Марьяна, комедія Назаръ Стодоля и нѣсколько новыхъ піесъ, всего въ этомъ изданіи помѣщено 184 піесы.

19. *Поэзіи Т. Г. Шевченка.* Коштомъ и заходомъ Сушкевича. Львівъ. 1869 р. Въ 4 частяхъ, съ портретомъ и біографіей (Кромѣ помѣщенныхъ въ изданіи Ко-

жанчикова содержитъ: Сонъ, Кавказъ, Холодный яръ, Великій лёхъ, Суботовъ, Розрыта могила и др.).

20. *Катерина*, поэма Т. Шевченка. Кіевъ, 1875 р., ц. 10 к. 10,000 экз.

25. *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка. К. 1875 г., ц. 20 к., 5000 эк. Изданіе это безъ предисловія и примѣчаній.

26. *Наймичка*, поэма Т. Шевченка. К. 1875 р., ц. 5 к. 10,000 эк.

27. *Кобзарь Т. Шевченка.* Коштомъ и въ друкарни Д-ра Грегра. Прага, 1876 року. Т. 1-й. Съ додаткомъ споминокъ про Шевченка И. С. Тургенева и Я. Полонскаго. 419 стр., 8 д., ц. 2 р. 4000 экз. Съ портретомъ (содержитъ тоже, что въ изданіи Кожанчикова, кромѣ піесъ: до Основьяненка, Заповитъ, Видьма, Посланіе до мертвихъ и живихъ, Тарасова ничъ, Княгиня, Петрусь и Неофити; всѣхъ піесъ 160). Т. II-й, 276 ст., 8 д., ц. 2 р. 600 эк. Съ додаткомъ споминокъ Н. И. Костомарова и М. Микѣшина. (Въ этомъ томѣ помѣщены піесы, исключенныя изъ перваго тома и кромѣ того: Сонъ, Кавказъ, Великій лёхъ, Розрыта могила, Суботивъ, Холодный яръ, Полуботокъ и нѣсколько другихъ, всего 77 піесъ).

28. *Сотникъ. Марина. Титаривна.* Т. Шевченка. Коштомъ Д-ра Грегра. Прага, 1876 р., ц. 3 к.

29. *Кобзарь Т. Шевченка.* Львивъ. 1878 р. Частина перша, ц. 25 к.

30. *Кобзарь Т. Шевченка.* Львивъ. 1880 р. Коштомъ товариства „Просвита" цѣна 1 руб.

31. *Кобзарь Т. Шевченка.* Выдання стереотипне. Ж. 1881 р., ч. 1, ц. 25 к.

32. *Катерина*, поэма Т. Шевченка. К. 1882 г., въ друкарни Корчакъ-Новицкаго, ц. 10 к., 35,000 экз. (При этомъ изданіи помѣщено также стихотвореніе Шевченка: Перебендя).

33. *Марія.* мати Інсусова. Поэма Т. Шевченка. Съ передмовою и увагами. Л. 1882 р. 66 ст., 32 д., ц. 20 к.

34. *Збирныкъ творивъ Т. Г. Шевченка.* Т. 1-й. Кобзарь. Спб. 1883 р., въ друкарни Балашова. Съ портретомъ и автобіографіей. 6600 экз., въ томъ числѣ 4000 эк. на обыкновенной бумагѣ, 526 стр. 8 д., ц. 1 р. 25 к., 2000 эк. на веленевой и въ переплетѣ, 526 ст., 8 д., ц. 3 р. и 100 эк. на лучшей бумагѣ и въ роскошномъ переплетѣ, 560 стр., ц. 10 р. (Изданіе заключаетъ въ себѣ все то, что было напечатано въ изд. Кожанчикова и въ 1 т. пражскаго изданія, съ прибавленіемъ 8 піесъ; въ предисловіи обѣщанъ 2-й томъ, въ который должны войти повѣсти Шевченка на великорус. языкѣ, дневникъ и переписка, но до настоящаго времени 2-й т. не вышелъ).

35. *Кобзарь Т. Шевченка.* Для ужитку въ школахъ. Т. I. Коштомъ В. Нагирного. Львивъ. 1883 р. 96 ст., ц. 30 к., съ передмовою и примитками.

36. *Поэзіи Т. Шевченка.* Коштомъ редакціи „Зоря". Львивъ. Ч. I. 1885 р., 110 стр. Ч. II 1885 р, 100 ст.

37. *Кобзарь Т. Шевченка.* Спб. 1884 р. въ друкарни Балашова. Съ портретомъ и автобіографіей. 2+111+236 ст., 8 д., 12,000 эк., въ томъ числѣ 8000 эк. на обыкновенной бумагѣ, ц. 75 к. и 4000 эк. на веленевой, ц. 1 р. 50 к. (Повтореніе С.-Петербургскаго изданія 1883 г., съ прибавленіемъ одной піесы; такимъ образомъ это самое полное изданіе малороссійскихъ произведеній Шевченка въ Россіи, дозволенныхъ цензурою).

38. *Наймичка*, поэма Т. Шевченка. К. 1885 г., изд. книгопродавца Наголкина. Ц. 5. 3000 экз.

39. *Гайдамаки*, поэма Т. Шевченка. Спб. 1886 г. Съ рисунками художника *Сластёна.* Къ малорусскому тексту присоединенъ переводъ поэмы на великорусскій языкъ *Н. Гербеля.* Роскошное изданіе съ 47 художественно выполненными рисунками. 3000 экз., ц. 5 р. 50 к. Съ предисловіемъ *Эварницкаго* и съ примѣчаніями.

II. Малорусскія произведенія Т. Шевченка, помѣщенныя въ сборникахъ и журналахъ.

1. *Ластивка.* Малорос. альманахъ, изд. Е. Гребинкою, Спб. 1841 г. (4 пьесы: I гл. поэмы Гайдамакъ, Причинна, На вичну память И. Котляревскому).

2. *Молодикъ.* Украинскій альманахъ на 1843 г. Изд. И. Бецкаго. Харьковъ. 1844 г. (3 пьесы: Н. Маркевичу, Тяжко важко и На що мини чорни брови).

3. *Записки о Южной Руси.* П. Кулиша. Спб. 1857 г., т. 2 (Поэма: Наймичка, безъ подписи автора, такъ какъ въ то время Шевченку еще не было разрѣшено писать).

4. *Народное чтеніе* 1859 г. № 5. (одно стихотвореніе).

5. *Хата*, Збирникъ. Выдавъ П. Кулишъ. Спб. 1860 г. Кобзарскій гостинецъ (10 піесъ).

6. *Основа.* 1861 года; кн. I. Чернець, кн. 3—Москалева Криниця, кн. 4—Невольникъ, кн. 9—Черниця Марьяна. 1862 г., кн. 4—Неофиты, кн. 7—Княгиня и Петрусь, кн. 10—Назаръ Стодоля. Въ остальныхъ книгахъ Основы печатались думы и мелкія лирическія піесы Шевченка.

7. *Всемірная Иллюстрація* 1861 г. № 177 (одно стихотвореніе).

8. *Правда.* Литературне наукове письмо. 1867 р. № 15, 17, 18, 20 и 26; 1873 р., стр. 509 и 542 (Частина поэмы „Иванъ Гусъ") и 1876 р., № 4, стр. 125—127. Зъ неподрукованныхъ ще поэзій Т. Шевченка (3 піесы, изъ которыхъ собственно одна „Якъ-бы вы знали паничи" принадлежитъ Шевченку).

9. *Христоматія Галахова,* т. 3.

10. *Русская Старина* 1880 г., кн. 3, въ ст. Костомарова (одно стихотвореніе).

11. *Луна*, украинскій альманахъ. К. 1881 р. (Хустина).

12. *Календарь товариства «Просвита»* на 1881 рікъ (Тополя).

III. Напечатанныя произведенія Т. Шевченка на великорусскомъ языкѣ.

1. *Никита Гайдай*, отрывокъ изъ драмы. Маякъ 1842—5.

2) *Безталанный.* Поэма. Макъ. 1844—14 и особо подъ заглавіемъ „Тризна" Спб. 1844 г.

3. *Автобіографія.* Письмо къ редактору Народнаго Чтенія. Народ. Чтеніе 1860 г., № 5. Перепечатано въ собраніи его сочиненій, отд. I, № 18, 27, 34 и 37 и въ христоматіи Галахова.

4. *Дневникъ.* Съ 12 іюня 1857 г. по 13 іюня 1858 г. Основа 1861 г., кн. 5—12 и 1862 г, кн. 1—8.

5. *Несчастный.* Повѣсть. Историч. Вѣстникъ 1881 г.

6. *Изъ неизданной повѣсти Т. Шевченка,* съ предисловіемъ В. Г-ка. Трудъ 1881 г., № 122 и приложеніе № 16, 18 и 22.

8. *Музыкантъ,* повѣсть. Трудъ 1882 г. № 19, 20, 23. 27, 29, 32 и 38 и приложеніе № 19 и 20. Отдѣльно К. 1882 г., ц. 30 к.

9. *Княгиня,* повѣсть. Кіев. Старина 1884—3.

IV. Переписка Т. Г. Шевченка.

1. С.-*Петербургскія Вѣдомости* 1860 г., № 66.

2. *Основа* 1861 г. кн. 7 (листъ Основьяненка до Шевченка 1870 г.), кн. 10 (листы Шевченка до Я. Кухаренка, 5 писемъ 1854 и 1857 г. и до М. С. Щепкина, 4 письма 1857 и 1858 г.)

3. *Московскія Вѣдомости* 1862 г., № 45 (2 письма Шевченка къ Николаю Осиповичу О.—1857 г.).

4. *Основа 1862 г.* кн. 3 (Листы до М. М. Лазаревскаго, 17 писемъ 1856—1859 г.), кн. 4 (листы до А. Козачковскаго и Николаю Осиповичу О., шесть писемъ 1852, 1854 и 1857 г., изъ нихъ два перепечатаны изъ Москов. Вѣдомостей за тотъ же годъ, № 45 к.), кн. 5 (Листы до Гр. Тарновского, Сираковскаге, Невидомого, А. Маркевича и Кулиша, 11 писемъ 1842, 1857 и 1858 г.), кн. 7 (листы до С. Артемовского, 4 письма 1853 г.)

5. *Кіевлянинъ,* 1870 г. № 40—42 (10 писемъ М. С. Щепкина къ Шевченку).

6. *Русская Старина* 1875 г., кн. 5 (1 письмо Шевченка къ Костомарову 1847 г.); 1874 г. кн. 1 (письмо Квитки къ Шевченку) и 1883 г. кн. 9 (6 писемъ Шевченка къ О. Бодянскому, 1850 и 1852 г.).

7. *Правда* 1875 г. № 14, стр. 572 (Два листа Шевченка, 1 къ Костомарову перепечатанъ изъ Рус. Старины за тотъ же годъ кн. 5., а второй—до Марка Вовчка 1860 г.), № 23 и 24.

8. *Древняя и Новая Россія,* 1879 г., кн. 5 (Письма Квитки къ Шевченку).

9, *Свитъ,* 1882 г. № 16 и 17.

10. *Зоря* 1883 г., № 6 и 8. (Перепечатано изъ журнала „Кіевская Старина" за тожъ же годъ).

11. *Кіевская Старина* 1883 г, кн. 1—4 (16 писемъ Шевченка къ Бр. Залескому и др. 1842, 1856, 1859 и 1860 г.) и 1885 г, кн. 2 (4 письма Шевченка къ Максимовичу).

12. *Зоря* 1885 г., № 37—Замѣтка Чалаго по поводу одного письма къ Щепкину,

V. Переводы произведеній Т. Шевченка.

На великорусскій языкъ.

1. *Кобзарь Т. Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ: Н. Гербеля, А. Майкова, Михайлова, Плещеева, Мея и* другихъ, подъ ред. Н. Гербеля (Катерина Тополь, Батрачка, Гайдамаки, Гамалія, Тарасова ночь, Перебендя и мелкія лирич. піесы), Спб. 1860 г., ц. 1 р. 25 к., 2 изд. Спб. 1869 г. и 3 изд. Спб. 1874 г., цѣна 1 руб. 25 к.

2. *В. Курочкина.* „Огни горять", подъ загл. „Балъ". Народное чтеніе 1860 года, № 6.

3. *Гайдамаки,* поэма Т. Шевченка въ переводѣ *Гайдебурова,* Современникъ 1861 г., т. 87, также *Н. Гербеля* въ поименованномъ выше изданіи, въ сборникѣ „Братская помощь пострадавшимъ въ Босніи и Герцоговинѣ". Спб. 1875 г., въ собраніи его стихотвореній и въ иллюстрированномъ изданіи, см. отд. I, № 39 и *О. Лепко* въ изданіи указанномъ въ I отд., № 17.

4. *Тополь*, поэма Т. Шевченча, пер. *П. Вейнберга*. Библіот. для Чтенія 1860 г., сентябрь.

5. *Неофити*, поэма Т. Шевченка. Переводъ *Н. Мизко*, газ. Донъ 1869 г., № 48 и 49.

6. *Переводы Изгоева и Икорскаго* изъ Т. Шевченка. Донъ, 1870 г., № 3, 4 и № 17 и 1871 г., 61—63.

1. *Поэзія славянъ*, изд. *Н. Гербеля*. Спб. 1871 г. Переводы изъ Шевченка—Гербеля, Михайлова, Плещеева и др.

8. *Назаръ Стодоля*, комедія Т. Шевченка, въ переводѣ *Чмырева*. М. 1873 г и другой переводъ *Панкратова*, журн. Огонекъ 1880 г., № 48—51.

9. *Кобзарь Т. Шевченка*, въ переводѣ *Чмырева*. Изд. Мамонтова. Спб. 1872 года, ц. 1 руб. 50 к. (Поэмы: Княгиня, Невольникъ, Неофиты, Петрусь, Черниця Марьяна, Москалева Криниця и др).

10. *Батрачка*, поэма Шевченка въ переводѣ *Мея*. Спб. 1881 г. Изд. С.-Петербургскаго комитета граиотности. Съ рисунками, ц. 10 к.

11. *Родные отголоски*, изд. Вольфа. Спб. 1882 г. т. 2 (здѣсь помѣщены въ переводѣ поэма Наймичка съ рисунками Каразина и нѣсколько лирическ. піесъ Шевченка).

12. *Стихотворенія Н. Гербеля*. Спб. 1882 г. Переводъ Гайдамакъ и Катерины.

На польскій языкъ.

13. Т. Szewczenko, przez *L. Sawinski*. Wilno. 1860 г.

14. *Hamalei*. Poemat. Napisał T. Szewczenko. Na polski język przeł. *A. Chojęski*. Kijow. 1861 г.

15. *A. Gorzałczyńskiego*—Przekłady pisarzow małoross. t. I. T. Szewczenko Kijow. 1862 г.

16. *Kobzarz* T. Szewczenki. Z małoross. spolezyl *W. Syrokomla*, Wilno. 1863 г.

17. *Najemnica*, przekład *L. Sowińskiego*. L. 1871 г. 40 st. i portret autora.

18. *Przekłady z małoruskiego*. Kobzarz Szewczenki. (Topol, Iwan Podkowa. Noc Tarasowa. Gamalei. Katarzyna. Naemnica. Perebendia. Dumki). Poezye Ludwika *Kondratowicza* (Syrokomli) T. X. Warszawa. 1872 г. st. 210—221).

19. *Gazeta Naddniestrzańska* (Дорогобицкая газета въ Галиціи) 1886 г., с 2 № пер. изъ Шевченка редактора *Солецкаго* (Soleckiego).

Чешскіе переводы.

20. Въ журналахъ „Obasech Zivota“ и „Kuĕtoch“ за 1866 г.

Сербскіе переводы.

21. Въ журналѣ С. Новаковнча „Вила“ за 1868 г.

Болгарскіе переводы.

22) Въ книгѣ К. Жинзирова (Райко)—„Новобългарска сбирка“. Москва. 1863 г. и въ журналѣ „Свобода“, изд. подъ ред. Каравелова въ 1870 г.

Нѣмецкіе переводы.

23. Neue Gedichte von Puschkin und Schafftshenko, изд. *Gerhard'a.* Лейпцигъ 1ñ59 г.

24. *Obrist.*—T. Schewczenko, ein kleinrussicher Dichter. Czernovitz. 1870 г.

VI. Рисунки къ произведеніямъ Т. Шевченка.

1. *Катерина,* рис. *П. Мартыновича.* Пчела 1877 г., № 4 и *Састёна.,* Нива 1884 г., № 1.

2. *Наймичка,* рис. *И. Мартыновича.* Живопис. Обозрѣніе 1880 г., № 35 и *Каразина* въ изданіи, указанномъ въ отд. № 11.

3. Г*айдамаки,* 2 рис. *М. Зиновьева.* Нива 1881 г., № 40 и 1882 г., № 42 (У гаю и Гонта въ Умани) и *Састёна* 47 рис. въ изданіи, указан. въ I отд. № 39.

4. *Назаръ Стодоля.* Огонекъ 1880 г., № 48—51.

5. *Утоплена,* рис: *М. Зиновьева.* Нива 1881 г., № 36.

6. *Причинна,* рис. *М. Зиновьева.* Нива 1882 г., № 3.

VII. Музыка къ произведеніямъ Шевченка и на память о немъ.

1. *Рубецъ А.*—Думы мои, думы мои. Спб. 1860 г.

2. *Сычевъ*—а) Не женися на богатий, б) Тяжко важко въ свити жити, в) Якъ маю я журитися. Спб. 1861 г.

3. *И. Безуглый.* Маршъ на смерть Т. Шевченка. Спб. 1861 г.

4. *В. Пащенко*—Польскій на смерть Т. Шевченка. Одесса 1861 г.; 2 изд. Спб. 1870 г.

5. *Лисенко* М.—Музыка до Кобзаря. К. 1871 року, ц. 1 р. 20. Серія перша: а) Ой одна я, б) Туманъ долиною, в) На городи коло броду, г) Садокъ вишневый, д) Ой чого ты почорнило, е) На що мини чорни брови, ж) Ой люли, люли, з) Якъ бы мини, мамо, на мисто, и) Надъ днипровою сагою и к) Сонце заходить—тріо.

6. *ЛисенкоМ.* Три писни Шевченка: а) Полюбилася я, б) Утоптала стежечку и з) Закувала зозулечка. Спб. 1876 г.

8) *Вербицкій М.* Заповитъ. Якъ умру, то поховайте. Львивъ. 1877 р. Коштомъ редакціи „Газета школьна".

9. *Маркевичъ М. А.*—Сирота, Т. Шевченка (На що мини кари очи). К. 1880 г., изд. Корейво, ц. 45 к.

10. *Банковскій Д.*—Кари очи (На що мини кари очи). К. 1881 г. изд. Б. Корейво, ц. 30 к.

11. *Лисенко М.* Музыка до „Кобзаря". К. 1882 р. Серія друга: а) И багата я, б) Минають дни, в) Огни горять, г) Ой Днипре мій, Днипре. Спивъ Яремы зъ гайдамакивъ, д) Не женися на бягатій, с) Гетьманы, гетьманы. Свято въ Чигирини зъ поэмы „Гайдамаки", ж) Зацвило въ долини (для тенора и баса), з) Чи мы ще зійдемося знову (теноръ и баритонъ), и) Мини однаково и к) Бьють пороги (кантата).

12. *Лисенко М.* Музика до „Кобзаря". К. 1886 р. изд. Б. Корейво; 2 изд піесъ, указанныхъ въ этомъ отдѣлѣ подъ № 5 и 6. Ц. 2 р. Рецензія на это из даніе. Зоря 1886 г., № 9.

13. *Нищинскій* П. Вечерници, музыка къ пѣснямъ во 2-мъ дѣйствіи комедіи Т. Шевченка „Назаръ Стодоля". К. 1886 г., изд. Б. Корейво.

VIII. *Передѣлки изъ Кобзаря Шевченка для сцены.*

1. *Катерина Щевченкова.* Оперета въ 3 д. Гр. *Карпенкова.* Напечатана въ собраніи соч. Г. и С. Карпенковъ. Спб. 1860 г.

2. *Катерина,* драма въ 3 д. Зъ поемы Т. Шевченка переробивъ для галицкого театру Павло *Свій* (псевдонимъ). Львівъ. 1872 г.

3. *Невольникъ.* Драматични картини въ 4 діяхъ, перероблени зъ поэми Т. Шевченка *М. Л. Кропивницкимъ.* Помѣщены въ двухъ изданіяхъ сборника сочиненій Кропивницкаго. Кіевъ. 1883 р. и Харьковъ. 1885 р., ц. 1 руб. 50 к. О постановкѣ Невольника на сцену см. „Трудъ" 1882 г. № 15, „Заря" 1882 г. № 27, „Одесскій Вѣстникъ" 1884 г. № 3, „Воронежскій Телеграфъ" 1884 г. № 80 и др.

IX. *Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ.*

1840 г.

1. *Корсаковъ П.* Маякъ, ч. 6.
2. *Сынъ Отечества,* т. 2, кн. 4.
3. *Отечественныя Записки,* № 5., т. 10.
4. *Библіотека для чтенія,* т. 39.

} По поводу 1-го изданія „Кобзаря". Спб. 1840 г.

1842 г.

5. *Бѣлинскій В.* Отечествен. Зап., кн. 3.
6. *Тихорскій.* Маякъ, кн. 8.

} По поводу поэмы „Гайдамаки". Спб. 1841 г.

1844 г.

7. *Тіунскій.* Москвитянинъ, ч. 3, № 6.
8. *Литературная газета,* № 19.

} По поводу 1 изд. пьесы „Гамалія". Спб. 1844 г.

9. *Галка Іеремія* (Н. Костомаровъ). Обзоръ сочиненій на малорус. языкѣ. Сборникъ „Молодикъ" на 1843 г. Харьковъ. 1844 г.

1857 г.

10. *Кулишъ П.* Взглядъ на малороссійскую словесность. Русскій Вѣстникъ, кн. 12, декабрь.

1860 г.

11. *Мордовцевъ Д.* Русское слово, кн. 6. Кобзарь Т. Шевченка. Спб. 1860 г.
12. *М. П.* Русское Слово, кн. 4. Кобзарь Т. Шевченка. Спб. 1860 г.
13. *Добролюбовъ Н. Современникъ,* № 3.
14. *Свѣточъ,* № 3 и 8.
15. *Отечеств. Зап.,* т. 129, кн. 2.

} Кобзарь Т. Шевченка.

16. *Иллюстрація,* № 107. Біографія.
17. *Кіевскій Телеграфъ,* № 45 и 74.
18. *Русскій Инвалидъ,* № 142 и 253.
19. *Библіотека для чтенія,* кн. 8.

} Переписка о семействѣ Шевченка и объ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости.

1861 г.

20. *Жемчужниковъ Л.* Воспоминаніе о Шевченкѣ; его жизнь, смерть и погребеніе. Основа, кн. 3 (здѣсь помѣщены также надгробныя рѣчи и стихотворенія

на смерть Шевченка—*Н. Костомарова, П. Кулиша, В. Бѣлозерскаго, Хартахая, Курочкина, Хорошевскаго* и др.).

21. *Чужбинскій А.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Спб. 39 стр., ц. 60 к. (Первоначально помѣщено въ Русскомъ Словѣ, кн. 5).

22. *Бѣлозерскій В.* Значеніе Шевченка для Украйны. Проводы тѣла его изъ Петербурга. Основа, кн. 6 (здѣсь помѣщены также стихотворенія на смерть Шевченка—*А. Конисскаго, В. Кулика, М. Максимовича, А. Навроцкаго* и *А. Василенка* и рѣчи, говоренныя при отправленіи праха Шевченка въ Украйну—*М. И. Комарова, П. Кулиша* и др.).

23. *Костомаровъ Н.* Воспоминаніе о двухъ малярахъ. Основа, кн. 6.

24. *Григорьевъ А.* Кобзарь Т. Шевченка. Спб. 1860 г. Время, кн. 4.

25. *Петраченко.* Исторія русской литературы. Варшава, Ц. 1 р. 50 к.

26. *Хуторянинъ.* Чогò стòить Шевченко, яко поэтъ народній? Основа, кн. 3, Статья эта издана и отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Листи зъ хутора". Спб. 1861 р., листъ 3-й.

27. *Аскоченскій В.* И мои воспоминанія о Шевченкѣ. Домашняя Бесѣда, вып. 33.

28. *Н—евъ.* Нѣчто въ родѣ коментарій къ воспоминаніямъ Аскоченскаго о Шевченкѣ. Русскій Инвалидъ, № 268.

29. *Одесскій Вѣстникъ*, № 132. Воспоминаніе о Шевченкѣ.

30. *Панаевъ И.* Литературныя воспоминанія. Современникъ, кн. 1, 2, 9—11.

31. *Лазаревскій А.* Послѣдній день жизни Т. Шевченка. Сѣверная Пчела. № 48 и Чернигов. Губ. Вѣд., № 17.

32. *Библіотека для чтенія*, т. I, кн. II. Смерть Т. Шевченка.

33. *Вѣкъ*, № 10. О похоронахъ Т. Шевченка.

34. *Якушкинъ П.* Останки Шевченка въ Орлѣ. Сѣвер. Пчела, № 119.

35. *Чернышевъ Н.* Тѣло Шевченка въ Кіевѣ. Русскій Инвалидъ, № 107.

36. *Книжный Вѣстникъ*, № 14 и 15. Похороны Шевченка въ Каневѣ.

37. *Русскій Вѣстникъ.* Смерть Шевченка и газеты. С.-Петербургскія Вѣдомости, № 119.

38. *Л....въ Н.* Встрѣча и послѣдняя разлука съ Шевченко. Русская Рѣчь, № 19 и 20.

39. *Чалый М.* Рѣчь надъ гробомъ Т. Шевченка въ Кіевѣ. Кіевскій Телеграфъ, № 34 и Русскій Инвалидъ, № 114.

40. *Богомоловъ И.* На смерть Т. Шевченка (стихотв.). Сѣверная Пчела, № 54.

41. *Чужбинскій А.* Землякамъ. Надъ гробомъ Шевченка (стихотв.). Русское Слово, № 2.

42. *Л. П.* На виковичню памъять Т. Шевченка (стихотв.). Кіевскій Телеграфъ, № 21.

43. *Ремезовъ И.* Т. Шевченко. Біографія. Художественный листокъ, № 9.

44. *А—тыновъ.* Два слова о Т. Шевченко. Сѣв. Пчела, № 137.

45. *Дьяченко Н.* Т. Шевченко. Кіевскій Телеграфъ, № 33.

46. *Свѣточъ*, № 3 и 8. } Некрологи.
47. *Радуга*, № 4.
48. *Вѣкъ*, № 9.

49. *Прибавленіе къ Харьков. Губ. Вѣд.*, № 1. } Некрологи.
50. *Полтавскія Губ. Вѣд.*, № 12.

51. *Рымовъ.* Два слова о литературныхъ вечерахъ въ Харьковѣ и одно о Т. Шевченко. Прибав. къ Харьк. Губ. Вѣд., № 39.

52. *Рымовъ, Митченко, Коблецъ* и *Эм-о-ве.* Полемика по поводу „Слова Р-мова о Шевченкѣ". Прибав. къ Харьк. Губ. Вѣд., № 38, 53, 64, 65, 80, 88 и 92—94.

53. *Концертъ въ память Шевченка въ Кіевѣ.* Сѣверная Пчела, № 107.

54. *Побратимъ А.* Концертъ 27 апрѣля въ С.-Петербургѣ въ пользу родственниковъ Шевченка. Основа, кн. 6.

55. *Кулишъ П.* Концертъ въ память Т. Шевченка. Сѣверная Пчела, № 95.

56. *Львенко-Моренко.* О концертѣ 27 апрѣля. Современная лѣтопись, № 18.

57. *Бѣлозерскій К.* По поводу концерта въ память Шевченка. Сѣверная Пчела, № 171.

58. *Мокрицкій.* Отвѣтъ на ст. Кулиша о концертѣ 27 апрѣля. Сѣверная Пчела, № 116.

59. *Sowinski L.* Taras Szewczenko. Wilno.

1862 г.

60. *Лазаревскій А.* Матеріалы для біографіи Т. Шевченка. 1. Дѣтство Т. Шевченка. Основа, кн. 3.

61. *Чалый Савва.* Новые матеріалы для біографіи Шевченка. Основа, кн. 5 и 6

62. *Основа—4.* Роковини по Шевченкови 26 лютого 1862 року въ Петербурси и Обѣдъ 5 марта 1862 г. въ годовщину смерти Шевченка въ Петербургѣ.

63. *О прозаическихъ сочиненіяхъ Шевченка на великорус. яз.* Извѣщені Основа, кн. 3.

64. *Sowinski.* Biblioteka Warszawska, № 1 и 2.

1863 г.

65. *М—съ П.* Эпизоды изъ жизни Т. Шевченка. Вѣстн. юго-зап. и зап. Россіи, № 4 и 10.

95. *Лазаревскій А.* По поводу статьи О Шевченкѣ въ Вѣст. юго-зап. и зап. Россіи. С.-Петербургскія Вѣдомости, № 207.

67. *Воскресный Досугъ,* № 12. Біографія.

68. *Нестроевъ И.* Чтеніе для солдатъ, № 1 и Ставропольскія Губер. Вѣд. № 19. Біографія.

1864 г.

69. *Геннади Г.* Біографія Шевченка. Русскій Архивъ, стр. 1092 и д.

1865 г.

70. *Battaglia.* Taras Szewczenko, życie i piśma jego. Lw.

1866 г.

71. *Пъяти роковини по Шевченкови у Видни.* В. 327. 16 д.

72. *Лобко П.* Шевченко, какъ другъ поляковъ. С.-Петербургскія Вѣдомости № 127 и 128.

1867 г.

73. *Александровъ Н.* Недомолвки о народномъ поэтѣ. Женскій Вѣстникъ, кн. 7 и 8.

74. *Прыжовъ И.* Голосъ, № 207.

75. *Иллюстрированная газета,* № 10.

(73—75: По поводу новаго изданія „Кобзаря".)

76. *Судебный Вѣстникъ*, № 269. Процессъ Лисенкова съ Кожанчиковымъ о правѣ па изданіе „Кобзаря".

77. *Taras Ševčenko*. Przyjaciel domowy, № 7. Lemberg.

1868 г.

78. *Згорській Е.* Неофити, поэма Т. Шевченка. Критично пояснивъ и оцінивъ Е. Згорській. Правда, рочникъ 11, числа 19—23.

79. *Русскій*, журналъ издаваемый Погодинымъ, № 127 и 135. Гоголь и Шевченко.

80. *Петербургскій Листокъ*. № 136 (въ ст. о литературной собственности).

81. *Curious ideas of the poet Taras Schevtchenko*. The aloska Herold March.

1869 г.

82. *Портретная галлерея русскихъ дѣятелей—А. Мюнцера*. Спб., т. 2. Біографія Шевченка съ портретомъ.

83. *Отечествен. Записки*, № 3, т. 183.

84. Голосъ, № 42.

85. *Сынъ Отечества, № 67.*

86. *Иллюстрированная газета*, № 13 и 23 (въ ст. Петербургскія Письма).

87, *Судебный Вѣстникъ*, № 50 и 51 (процессъ Лисенкова съ Кожанчиковымъ за право изданія „Кобзаря").

1870 г,

88. *Кіевлянинъ*, № 40, 41 и 43. Изъ записокъ украинца. Матеріалы для біографіи Щепкина. Переписка его съ Шевченкомъ.

89. *Obrist*. T. G. Schewczenko, ein kleinrussicher Dichter. Czernovitz (біографія съ разборомъ и образцами произведеній Шевченка въ нѣмецкомъ переводѣ).

1871 г.

90. *О. Партицькій*. Дитинный викъ Т. Шевченка. Руска читанка. Львівъ, ч. II, стр. 151.

91. *Добролюбовъ Н.* „Кобзарь" Т. Шевченка. Спб. 1860 г. Сочиненія, т. 3. Первоначально въ Современникѣ 1860 г., № 3.

92. *Гербель Н.* Поэзія славянъ. Спб. Въ статьѣ *Н. Костомарова* „Малорусскіе поэты".

93. *Донъ*, № 61—63.

1872 г,

94. *Партицькій О.* Провидни идеи въ письмахъ Т. Шевченка. Львівъ. В. 1., 56 ст., 8 д. Шевченко, яко поэтъ народній. Життя Шевченка. Вікъ дитинній. Вікъ молодецькій. Шевченко на воли и въ неволи. Послідни роки Шевченка и Украина. Шевченко противъ перевертнивъ. Шевченко о просвіти.

95. *Огоновській О.* Поглядъ на де-котори поэзіи Т. Шевченка. Правда, № 9, ст, 431 (до Основьяненка).

96. *Огоновській О.* Життя Т. Шевченка. Львівъ. Коштомъ товариства Просвіта. 10,000 экз., ц. 25 к.

97. *Межовъ.* Библіографическій указатель исторіи словесности. Спб. О Шевченкѣ, стр. 474—476.

98. *Vaclaw Dunder.* T. G. Sewczenko. Osveta, № 9 и 11 (чешскій журн.).

99. *Ukraino.* Il movimento litterario ruteno in Russie e Gallizia. Revista Europea, t. 1 и 2.

1873 г.

100. *Огоновській О.* Критично-естетичній поглядъ на де-котори поэзіи Т. Шевченка. Правда, № 1, стр. 20. До мертвихъ и живихъ землякивъ. № 4, 5 и 6, стр. 166, 197 и 227, Неофиты, и № 13, стр. 456, Тополя.

101. *Огоновській О.* Поглядъ на важнійши думки Т. Шевченка. Слово въ XII роковини Шевченка. Правда, № 3, стр. 114.

102. *Нове руско-народне товариство.* Сто душъ товариства имени Шевченка у Львови. Правда, № 21.

103. *Навроцькій В.* Извлеченіе изъ статьи, означенной выше подъ № 98 О Шевченкѣ. Правда, № 14, стр. 492 и д.

104. *Украинецъ.* Литература россійска, великоруська, украинська и галицька. Л. 1873 г. Ч. I, ст. 62 и ч. 2, ст. 76. О Шевченкѣ, Ч. II, ст. 8 и далѣе во многихъ мѣстахъ.

1874 г.

105. *Миллеръ О.* Т. Шевченко. Прибавленіе къ лекціямъ о новой русской литературѣ. Недѣля, № 37.

106. *Масловъ В.* Т. Шевченко. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ Шевченка и рисункомъ отцовской хаты. Изданіе журн. Грамотей. Москва. 55 стр. ц. 30 коп.

107. *В. Острогорскій.* Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. О Шевченкѣ. Педагогическій Листокъ. Приложеніе къ журналу Дѣтское Чтеніе, № 4.

108. *Вербицкій.* Могила Т. Шевченка. Съ рисункомъ. Нива, № 12.

109. *Перши зборп товариства имени Шевченка у Львови.* Правда, № 8

110. *Kirkor A.* O literaturze pobratymczych narodów słovianskich. Krakow. Literatura rusinska, 1—72 стр.

111. *Revue des deux Mondes.*

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

Д. И. Багалѣй.—Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII столѣтіи. Изданіе историко-филологическаго общества при императорскомъ харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1886 г.

Странно, что не смотря на существованіе съ начала текущаго столѣтія университета въ Слободской Украйнѣ, мѣстная исторія этой страны принадлежитъ къ числу менѣе всего разработанныхъ отдѣловъ областной исторіи Россіи. Изъ сочиненій, упомянутыхъ въ библогра-

фическомъ перечнѣ, составленномъ г. Багалѣемъ, одно только «Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи» пр. Филарета можетъ занять почетное мѣсто среди ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ областной мѣстной исторіи; затѣмъ вся историческая литература по данному вопросу сводится къ десятку статей, незначительныхъ какъ по объему, такъ и по выполненію. Все это брошюры болѣе или менѣе толково составленныя, но содержатъ лишь самый общій очеркъ исторической судьбы Слободской Украйны. Появлялись онѣ не часто, между выходомъ въ свѣтъ одной и другой проходило нерѣдко двадцать лѣтъ и, не смотря на эти значительные промежутки времени, матеріалъ историческій, которымъ былъ въ состояніи пользоваться каждый послѣдующій авторъ, почти не увеличивался въ объемѣ, сравнительно съ матеріаломъ, находившимся въ распоряженіи отдаленнаго его предшественника. Мы вынесли нѣкогда это впечатлѣніе послѣ прочета историческихъ очерковъ, составленныхъ Квиткою (1812), Срезневскимъ (1839) и Головинскимъ (1864). Иначе впрочемъ и быть не могло: при отсутствіи въ Харьковѣ археографической коммиссіи, историко-археологическаго общества или любого другого аналогичнаго учрежденія, не было кружка научныхъ дѣятелей, которые живо заинтересовались-бы мѣстнымъ археографическимъ матеріаломъ и приступили-бы къ его обнародованію и обработкѣ. Мѣстные архивы не служили источникомъ для историческихъ изслѣдованій, они были не разобраны и недоступны, поэтому отдѣльныя лица, желавшія посвятить труды свои мѣстной исторіи, должны были ограничиваться немногими данными, случайно и въ разрозненномъ видѣ попавшими въ общіе археографическіе сборники. Не мудрено, что при такой скудости источниковъ первой руки даже такіе ученые и талантливые писатели, какъ покойный И. И. Срезневскій, не могли выйти изъ размѣровъ брошюры и пойти дальше общаго очерка.

Г. Багалѣй, задавшись мыслію составить изслѣдованіе объ «исторіи степной окраины московскаго государства въ XVI—XVIII стол.» и ознакомившись какъ съ изданными матеріалами, такъ и съ трудами своихъ предшественниковъ, понялъ, что изслѣдованіе это онъ можетъ исполнить только въ такомъ случаѣ, если ему удастся собрать новый архивный матеріалъ и ознакомиться съ такими историческими памятниками, которые не только не были еще изданы, но и вовсе не приведены въ извѣстность. Трудность задачи не смутила его, въ теченіи 2 или 3 лѣтъ онъ сталъ набирать матеріалъ для своего сюжета какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ столичныхъ архивахъ, и результатомъ его усилій явился почтенный сборникъ историческихъ документовъ, относящихся къ исторіи Слободской Украины съ конца XVI до половины XVIII

столѣтія. Значительную долю собраннаго матеріала онъ издалъ въ книгѣ, заглавіе которой мы выписали и которая напечатана, благодаря просвѣщенному содѣйствію, оказанному составителю харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ. Не сомнѣваемся, что само изслѣдованіе г. Багалѣя, о скоромъ появленіи котораго онъ заявилъ въ предисловіи къ изданнымъ актамъ, будетъ имѣть всѣ достоинства труда, построеннаго на нетронутомъ понынѣ матеріалѣ первой руки; предварительный трудъ, который мы имѣемъ передъ собою, даетъ намъ въ этомъ отношеніи полное ручательство.

Сборникъ г. Багалѣя заключаетъ 89 документовъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ (съ 1584 по 1767 годъ); изъ нихъ только 2 относятся къ XVI столѣтію, 45 къ XVII и 42 къ XVIII; извлечены эти документы по преимуществу изъ московскаго архива министерства юстиціи, многіе изъ мѣстныхъ харьковскихъ архивовъ, нѣкоторые сообщены издателю частными лицами изъ фамильныхъ архивовъ и личныхъ коллекцій.

По содержанію изданные документы относятся къ исторіи колонизаціи Слободской Украйны, къ исторіи въ ней землевладѣнія, къ исторіи областнаго управленія и къ опредѣленію сословныхъ группъ, на которыя распадалось народонаселеніе этой области.—Значительное большинство актовъ относится къ исторіи заселенія края, сюжетъ, на которомъ, совершенно естественно, составитель сосредоточилъ главнымъ образомъ свое вниманіе. Въ этой категоріи документовъ особенно важны описанія новопостроенныхъ или строившихся слободскихъ городковъ и статистическіе перечни селившагося въ нихъ народонаселенія; нѣкоторые изъ нихъ даютъ намъ возможность не только прослѣдить постепенный ростъ народонаселенія въ Слободской Украинѣ, но также сообщаютъ данныя относительно передвиженія этого народонаселенія. Такъ напримѣръ въ описаніи «новостроеннаго» города Суджи 1665 года (№ XXI) перечислены всѣ, поселившіеся въ немъ, «черкассы: служилые козаки, мѣщане и пашенные мужики», при чемъ указаны мѣстности, изъ которыхъ они выселились въ новопостроенный городъ. Такой-же характеръ носитъ описаніе Терновской волости путивльскаго уѣзда (№ XXV), составленное въ 1678 году, и т. п. Разсматривая эти статистическіе перечни, мы видимъ, что главный контингентъ для заселенія волостей и городовъ Слободской Украйны давала та полоса малороссійской гетманщины, которая лежала на лѣвой сторонѣ Днѣпра; очевидно, что военныя смуты, происходившія въ этой области вслѣдствіе борьбы различныхъ претендентовъ за гетманскую власть, сопровождавшее ихъ разореніе края татарами и ратными людьми

и захватъ «займанщинъ» первыми прибывшими поселенцами, не оставившій свободныхъ замель для новыхъ пришельцевъ, заставляли значительную долю народонаселенія искать болѣе спокойнаго и удобнаго пріюта за предѣлами гетманщины. Фактъ этотъ подтверждается неоспоримо цыфрами. Такъ изъ 700 «черкассъ», поселившихся въ Суджѣ, 556 пришли изъ гетманщины, т. е. изъ нынѣшнихъ черниговской и полтавской губерній (въ томъ числѣ 124 изъ Прилукъ, 74 изъ Нѣжина, 74 изъ Ични, 41 изъ Конотопа и т. д.), 80 человѣкъ изъ праваго берега Днѣпра (43 изъ кіевской области, 25 изъ волынской, 10 изъ подольской, 2 изъ Червоной Руси) и только 13 человѣкъ изъ разныхъ мѣстъ Бѣлой Руси. О родинѣ остальныхъ 51 переселенцевъ или нѣтъ точныхъ указаній, или показано, что они переселились изъ другихъ слободско-украинскихъ городовъ на новое мѣсто жительства.

Въ числѣ документовъ, относящихся къ исторіи заселенія края, четыре (№ III—VI) представляютъ интересныя историческія данныя, дополняющія наши свѣдѣнія о козацкомъ гетманѣ Острянинѣ. Послѣ бѣгства изъ осажденнаго поляками на Старицѣ козацкаго лагеря, Яцко Острянинъ съ довольно численнымъ отрядомъ удалился за рубежъ Рѣчи Посполитой (1639) и обратился къ московскому государству съ просьбою указать ему мѣсто для поселенія. Послѣдовалъ государевъ указъ объ оказаніи пособія переселенцамъ и объ отводѣ имъ земель для поселенія у Чугуева городища; такимъ образомъ возникъ нынѣшній городъ Чугуевъ. Изъ отчета о распредѣленіи земель мы узнаемъ, что съ гетманомъ пришло на новое мѣсто жительства болѣе 1000 человѣкъ козаковъ (въ томъ числѣ: войсковой асаулъ, 10 сотниковъ и 2 священника), земля была отведена пришельцамъ подушно: гетманъ получилъ 120 четей, сотники по 35, пятидесятники и священники по 30 ч. и рядовые козаки по 20 ч. Впрочемъ поселенцы не сразу обжились въ новыхъ условіяхъ быта, между ними и гетманомъ возникли пререканія и два года спустя послѣ прихода, поселенцы разбѣжались и многіе ушли обратно въ «Литву»; оставшіеся домы ихъ и постройки были впослѣдствіи отданы новымъ черкаскимъ переселенцамъ.

Поселившіеся въ Слободской Украйнѣ черкассы, благодаря пожалованнымъ имъ во владѣніе землямъ и оставленной казацкимъ поселеніямъ широкой автономіи, стали быстро усиливать свое благосостояніе; изъ перечня убытковъ, причиненныхъ имъ татарскими набѣгами, мы узнаемъ, что они владѣли благоустроеннымъ хозяйствомъ, численными стадами и т. п. (№ XXVII). Не ограничиваясь впрочемъ разными отраслями сельскаго хозяйства, они занимались и другими промыслами, источники которыхъ открыли въ новозаселенномъ краѣ: такъ въ сумскомъ

уѣздѣ они воспользовались присутствіемъ лѣсовъ, покрывавшихъ берега Псла и его притоковъ, и стали брать «въ съѣзжей избѣ» свидѣтельства на право выгонки дегтю, который и производили въ значительномъ количествѣ (№ VIII). Изъ отписки бѣлгородскаго воеводы кн. Григорія Ромодановскаго мы узнаемъ, что черкашенинъ Мишка Прунинъ открылъ залежи желѣзной руды на рѣкѣ Боровлѣ и обратилъ вниманіе воеводы на свое открытіе; послѣдній устроилъ желѣзно-плавильный заводъ, подъ руководствомъ опытнаго техника, «мастера тульскаго рейтарскаго строю, дѣдиловца Павки Пятигорца» и приказалъ «изъ той руды желѣзо дѣлать, потому что къ обозному строю и на всякіе расходы желѣза надобно много» (№ XVI). Удовлетворяя одной изъ первыхъ потребностей жизни, поселенцы стали заниматься выпариваніемъ соли на Торскихъ соляныхъ озерахъ (городъ Торъ—нынѣшній Славянскъ). Промыселъ этотъ получилъ значительное развитіе и сдѣлался въ послѣдствіи обильнымъ источникомъ государственнаго дохода, благодаря обширнымъ солевареннымъ заводамъ, устроеннымъ воеводами; многочисленные валки чумаковъ развозили отсюда соль на значительное пространство до Днѣпра и за Днѣпръ (№ XX и XXXIII). Развитіе этого промысла весьма естественно вытекало изъ экономическихъ условій края; доступъ къ черноморскимъ лиманамъ былъ затрудненъ татарскими кочевьями, расположившимися вдоль морскихъ береговъ; жители всей Малороссіи въ XVII и XVIII ст. добывали соль по преимуществу изъ варницъ, устроенныхъ въ Карпатахъ въ окрестности г. Коломыи, но транспортъ этого необходимаго продукта былъ труденъ и дорогъ и потому не удивительно, что послѣ открытія солеварныхъ заводовъ на Торскихъ озерахъ, соль, добываемая на нихъ, вытѣснила коломыйскую на рынкахъ гетманщины и могла конкуррировать съ нею удачно и на рынкахъ праваго берега Днѣпра.

Черкассы переселенцы, явившись въ началѣ второй трети XVII в. въ Слободскую Украину, застали тамъ же народонаселеніе, пришедшее раньше ихъ. Правда, это населеніе было весьма малочисленно: оно состояло изъ ратныхъ людей различныхъ наименованій, которые выселены были изъ средней Россіи для охраненія южныхъ предѣловъ государства. Въ многочисленныхъ спискахъ народонаселенія новопостроенныхъ городовъ и новопоселенныхъ слободъ и станицъ, мы, на ряду съ черкасами, встрѣчаемъ нѣкоторое количество стрѣльцевъ, пушкарей, станичниковъ, боярскихъ дѣтей и т. п. Конечно, новые пришельцы уживались удобно съ болѣе ранними насельниками страны и совмѣстно «чинили военный промыселъ надъ татарами»; единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляютъ боярскіе дѣти, вслѣдствіе присущаго этому сословію

взгляда на поземельную собственность, несогласнаго со взглядами и интересами черкассъ. Боярскіе дѣти стремятся основать въ Слободской Украйнѣ крупное землевладѣніе, между тѣмъ какъ черкассы представляютъ интересы мелкаго и средняго землевладѣнія. Приведемъ изъ разсматриваемыхъ актовъ болѣе характерный примѣръ столкновенія этихъ двухъ различныхъ взглядовъ (№ XXVIII): боярскіе дѣти были поселены въ 1651 г. въ городѣ Каменомъ и въ пользованіе имъ отдана была воеводою Арсеньевымъ обширная полоса земли; въ 1658 году въ 20 верстахъ отъ Каменаго построенъ былъ новый городъ Лебединъ, и воеводы Григорій Ромодановскій и Кирило Митковъ призвали для заселенія этого города черкасъ, которымъ указали межи «огородовъ, пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ», которые назначились имъ «на вѣчное житье». Черкасы поселились на отведенныхъ имъ земляхъ и кромѣ Лебедина основали еще три слободы: Пристайлову, Черленый и Азакъ. Въ теченіи 20 лѣтъ лебединцы и жители слободъ (всего 2,627 дворовъ) пользовались безспорно землями и жили въ довольствѣ, не ожидая ни откуда бѣды, какъ вдругъ она неожиданно разразилась. Каменскіе боярскіе дѣти: Никита Мочулинъ и Савва Подымовъ съ товарищами вчали искъ въ 1678 году, доказывая, что земли, которыми пользовались лебединцы и жители слободъ, принадлежатъ имъ по отводу воеводскому 1651 года. Началась продолжительная тяжба: путивльскіе воеводы кн. Иванъ Большой-Бѣлосельскій и Федоръ Хрущевъ приняли сторону боярскихъ дѣтей; первый изъ нихъ, пріѣхавъ въ Лебединъ, вызвалъ къ себѣ священниковъ и именитыхъ людей изъ слободъ и сталъ съ пристрастіемъ и подъ угрозою грабежа имущества требовать, что-бы они «написали сказку и приложили руки» о томъ, будто черкасы «пришли въ тѣ села къ каменовцамъ въ крестьянство». Затѣмъ, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны населенія, онъ произвелъ строгую экзекуцію: многихъ слобожанъ били кнутомъ, другимъ рѣзали хохлы, иныхъ грабили. Приказный Микита Лихининъ выгналъ всѣхъ жителей изъ Пристайловой, а боярскіе дѣти—Григорій Мочулинъ съ товарищи сожгли 42 двора и двѣ винницы. Затѣмъ воевода Федоръ Хрущевъ запретилъ черкасамъ впредъ до окончательнаго рѣшенія дѣла пользоваться спорными землями, въ наказаніе-же за то, что они пахали замлю съ «самовольствомъ», созрѣвшая уже на поляхъ жатва была отдана каменовцамъ. На этомъ эпизодѣ борьбы прерывается дѣло и мы не знаемъ, въ чемъ состояло окончательное его рѣшеніе, но во всякомъ случаѣ оно служитъ рѣзкимъ примѣромъ въ новозаселяемомъ краѣ борьбы принципа крупной поземельной собственности съ мелкимъ землевладѣніемъ.

Этими немногими примѣрами мы ограничимъ указанiя на содержанiе сборника «матерiаловъ для исторiи колонизацiи и быта степной окраины». Конечно, мы далеко не исчерпали богатаго содержанiя этого сборника и только представили нѣсколько чертъ изъ исторiи быта Слободской Украйны въ XVII столѣтiи; при внимательномъ пересмотрѣ документовъ, черты эти выясняются въ огромномъ количествѣ и совокупность ихъ даетъ довольно полную историческую картину внутренней жизни одной изъ русскихъ окраинъ. Весьма важенъ въ сборникѣ, помѣщенный въ немъ въ значительномъ количествѣ, историко-статистическiй матерiалъ, на основанiи котораго мы можемъ историческiе выводы о бытѣ страны основывать на подробныхъ данныхъ и цыфрахъ, исключивъ вовсе гадательный элементъ; этотъ историко-статистическiй матерiалъ мы встрѣчаемъ и въ описанiи городовъ и волостей и въ видѣ переписей казацкихъ полковъ (1722 и 1732 годовъ) и, наконецъ, въ поименномъ «спискѣ дворянъ» харьковской, изюмской, ахтырской, сумской и острогожской провинцiй, составленномъ въ 1767 году. Въ послѣнемъ документѣ мы можемъ наблюдать процессъ образованiя мѣстнаго дворянства въ новозаселенномъ краѣ изъ потомковъ служилыхъ людей, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, козацкихъ старшинъ и боярскихъ дѣтей.

Вообще, разсмотрѣвъ сборникъ, изданный г. Багалѣемъ, мы должны оризнать, что онъ привнесъ значительный запасъ новаг серьезнаго исто рическаго матерiала и въ правѣ ожидать съ живым интересомъ сочиненiя, которое будетъ представлять обработку это матерiала, тѣмъ полѣе, что, по словамъ составителя сборника, онъ не имѣлъ возможности, не смотря на компактность своего изданiя, помѣсить въ немъ всѣ имѣющiеся у него документы, которыми онъ однако намѣренъ воспользоваться при составленiи своего изслѣдованiя.

В. А.

О. В. Щербицкiй. Виленскiй Свято-Троицкiй монастырь. Вильна. 1886 г.

Значенiе монастырей въ средневѣковую эпоху, и въ западной Европѣ, и у насъ въ Россiи, какъ центровъ умственной и религiозной жизни окружающаго ихъ населенiя, дѣлаетъ желательной и необходимой разработку ихъ исторiи, такъ какъ она давала-бы намъ наглядное представленiе о тѣхъ высшихъ духовныхъ интересахъ, какими жили въ данную пору обитатели той или другой мѣстности.

Исторiя русскихъ монастырей разнообразится у насъ до чрезвычайности обстоятельствами мѣста, времени и цѣли, преслѣдуемой ими: если вообще на сѣверо-востокѣ Россiи иночество ставило своей задачей распространенiе христiанства среди инородцевъ и позднѣе борьбу съ расколомъ, то на сѣверо и юго-западѣ ему пришлось бороться за неприкосновенность, независимость и существованiе православiя, и эта борьба составляетъ преобладающiй характеръ въ его жизни и по временамъ полна тяжкихъ страданiй и крови.

Такой-же характеръ отличаетъ и минувшую судьбу одного изъ древнѣйшихъ и влiятельнѣшихъ монастырей г. Вильны, свято-троицкаго, которую живо и обстоятельно излагаетъ г. Щербицкiй въ названной нами книгѣ. Монастырь этотъ былъ основанъ въ концѣ XIV вѣка при участiи жены великаго князя Ольгерда, тверской княжны Iулiанiи, на мѣстѣ страданiя первыхъ христiанскихъ мучениковъ въ Вильнѣ, и скоро сталъ центромъ, около котораго собирались борцы за свободу православной вѣры. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ въ изложенiи имъ подробностей совершавшихся перемѣнъ во внѣшней судьбѣ этого учрежденiя, въ положенiи храма и другихъ его зданiй; обратимъ лишь вниманiе на главнѣйшiе факты во внутренней жизни монастыря, который, благодаря своему первенствующему положенiю, былъ избранъ мѣстопребыванiемъ кiевскихъ митрополитовъ, переселившихся въ Вильну около половины XVI ст. Обнаружившiяся въ ту пору гибельныя послѣдствiя люблинской унiи и влiянiя латино-польской жизни въ средѣ какъ высшаго литовско-русскаго дворянства, такъ и высшей православной iерархiи, вызвали борьбу съ ними въ среднемъ и низшемъ слояхъ русскаго народа, обнаружившуюся въ учрежденiи такъ называемыхъ церковныхъ братствъ. Одно изъ нихъ возникло и при свято-троицкомъ монастырѣ; въ составъ его входили преимущественно виленскiе мѣщане, одушевленные ревностью по вѣрѣ и самоотверженно ведшiе сначала борьбу со своими архипастырями, а потомъ и съ врагами православiя—унiатами. Послѣднимъ только въ 1609 году удалось окончательно захватить въ свои руки свято-троицкiй монастырь и братство должно было сплотиться около основанной имъ-же свято-духовской церкви. Послѣдовавшiй затѣмъ захватъ унiатами всѣхъ виленскихъ церквей составляетъ важный моментъ въ жизни виленскаго православнаго населенiя и онъ особенно подробно и обстоятельно разработанъ въ названномъ трудѣ. Авторъ онаго разсматри-

ваетъ при этомъ какъ мѣры главныхъ дѣятелей уніи Ипатія Потѣя, Іосафата Кунцевича, Веніамина Рутскаго и др., направленныя къ болѣе быстрому переходу въ ихъ управленіе православныхъ виленскихъ монастырей и церквей, такъ и заботы ихъ объ укрѣпленіи за болѣе извѣстными и вліятельными монастырями богатыхъ ихъ имѣній и обращеніи ихъ дѣятельности на расширеніе уніи и во вредъ православія. Въ числѣ послѣднихъ мѣръ достойно особаго вниманія учрежденіе уніатскимъ митрополитомъ Веніаминомъ Рутскимъ при свято-троицкомъ монастырѣ новиціата и богословской школы, въ видахъ подготовки ловкихъ и искусныхъ пропагаторовъ уніатскаго ученія. Къ послѣдней, въ 1773 году, по закрытіи ордена іезуитовъ, былъ присоединенъ существовавшій издавна въ Вильнѣ папскій алюмнатъ и уніатское учрежденіе слилось съ чисто-католическимъ. Послѣ присоединенія сѣверно-западнаго края къ Россіи, уніатское монашество, привыкшее къ польскому строю жизни и усвоившее себѣ обычаи римской церкви, тяготилось русскимъ владычествомъ и нерѣдко оказывало противодѣйствіе мѣрамъ правительства. По возсоединеніи съ православіемъ троицкій монастырь снова былъ назначенъ мѣстопребываніемъ мѣстнаго іерарха—литовскаго архіепископа; сюда-же переведена была потомъ изъ Жировицъ и духовная семинарія.

По связи предметовъ, Щербицкій, излагая исторію свято-троицкаго виленскаго монастыря, касается и судьбы бывшаго при немъ женскаго монастыря, существованіе коего связано съ православнымъ нѣкогда родомъ Сапѣгъ, а также трокской архимандріи, основанной Витовтомъ въ 1384 году; оба эти монастыря подчинялись свято-троицкому и испытали общую съ нимъ судьбу. Въ заключеніе авторъ предлагаетъ документальныя данныя о монастырскихъ имѣніяхъ, домахъ и пустопорожнихъ земляхъ и приводитъ списокъ настоятелей монастыря, сообщая о каждомъ біографическія свѣдѣнія. Представленное въ концѣ извлеченіе изъ ревизіи монастыря, произведенной въ 1836 году, предъ переходомъ его въ православіе, рисуетъ печальные монастырскіе порядки, въ отношеніи нравственномъ и экономическомъ.

Такова въ изложеніи г. Щербицкаго долгая исторія одного изъ знаменитѣйшихъ виленскихъ и вообще западно-русскихъ монастырей, просуществовавшаго почти пять вѣковъ. Исторія эта была-бы полнѣе и болѣе удовлетворяла-бы своему назначенію, если-бы авторъ по возможности равномѣрно разработалъ всѣ періоды жизни монастыря, но

въ его почтенномъ трудѣ конецъ XVI и начало XVII вѣка изобилуетъ подробностями въ ущербъ періодамъ предшествующаго и послѣдующаго времени, что конечно надо объяснять прежде всего неравномѣрнымъ количествомъ матеріала, относящагося къ тому или другому времени. Кажется намъ также, что авторъ недостаточно удѣлилъ вниманія просвѣтительной дѣятельности монастыря и бывшаго при немъ братства, сообщая лишь крайне скудныя свѣдѣнія о работахъ въ типографіи и занятіяхъ въ монастырскихъ школахъ. Къ числу пробѣловъ надо отнести и общій у насъ въ подобныхъ работахъ недостатокъ раскрытія жизненной связи монастырей съ народомъ и удовлетворенія ими религіознымъ потребностямъ міряпъ; въ особенности интересно было-бы знать, какъ слагались взаимныя отношенія монашествующаго духовенства и мірянъ въ періодъ борьбы двухъ исповѣданій, при переходѣ напр. монастыря въ унію и возвратѣ его въ православіе, какъ помогало монашество населенію въ томъ или другомъ случаѣ усвоивать новый порядокъ вещей, какія употреблялись для этого мѣры и кто были тѣ энергическіе дѣятели, усиліями которыхъ достигались цѣли правительства польскаго или русскаго. Словомъ въ этой неустанной борьбѣ, въ этомъ постоянномъ взаимодѣйствіи пастырей и паствы заключается весь интересъ монастырской исторіи и важное значеніе самаго монастыря. За время конца XVI и начала XVII ст. дѣятельность братствъ много облегчаетъ такую задачу историка; но со времени исчезновенія ихъ пробѣлъ остается незаполненнымъ. Дѣло здѣсь, кажется, и не въ отсутствіи матеріала,—консисторскіе, монастырскіе и церковные архивы остаются до сихъ поръ почти нетронутыми,—а въ недостаточной подготовкѣ принимающихся за подобный трудъ къ архивнымъ работамъ, въ погонѣ ихъ за фактами общегосударственной важности, въ непривычкѣ пользоваться мелкими разрозненными данными для изображенія той или иной стороны въ общественной жизни, отъ чего детальная разработка бытовой исторіи подвигается весьма медленно.

Высказавъ мимоходомъ это послѣднее замѣчаніе, какъ нашъ дезидератъ, спѣшимъ оговориться, что въ Вильнѣ, кромѣ трудовъ тамошней археографической коммисіи, отъ времени до времени появляется подъ разными названіями не мало почтенныхъ трудовъ по общей и частнѣйшей разработкѣ исторіи исконно-русской западной окраины, за которые нельзя не быть признательнымъ тамошнимъ русскимъ дѣятелямъ и въ частности автору разсмотрѣнной книги.

Въ виду не прекращающейся тамъ работы польско-католической пропаганды, силящейся придать всему прошлому и настоящему края свой особый колоритъ, труды, о которыхъ рѣчь, кромѣ научнаго характера, имѣютъ глубокое политико-общественное значеніе и отвѣчаютъ современнымъ нуждамъ и интересамъ русскаго общества и правительства въ краѣ.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

КЪ ИСТОРІИ СЕМЕЙНЫХЪ РАЗДѢЛОВЪ У КРЕСТЬЯНЪ.

Разсматривая семью въ историческомъ ея развитіи, можно замѣтить, что она въ прежнее время у низшихъ классовъ въ Малороссіи была значительно больше теперешней и что съ теченіемъ времени происходитъ процессъ разложенія большой семьи.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ руками данныхъ, кассающихся размѣра средней семьи въ XVII столѣтіи; но по даннымъ прошлаго вѣка видѣнъ болѣе значительный составъ семей противъ теперешняго. По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Шафонскимъ въ Топографическомъ описаніи Черниговскаго намѣстничества (ч. 1, стр. 38), по ревизіи 1764 г., въ Малой Россіи считалось 229, 648 хатъ или подымьевъ и 935, 364 души мужскаго пола. Слѣдовательно, средняя семья состояла изъ 8 душъ обоего пола (полагая женщинъ столько-же, сколько и мужчинъ). Черезъ сто лѣтъ средняя семья въ черниговской губерніи уменьшилась до 6, 8 душъ обоего пола; именно, по даннымъ за 1859 г., помѣщеннымъ въ спискахъ населенныхъ мѣстъ черниговской губ., изданныхъ Центр. Стат. Комитетомъ, значилось въ уѣздахъ губерніи, за исключеніемъ городовъ, жителей обоего пола 1,313,000, дворовъ 191,000. Въ 1878 г. размѣръ крестьянской семьи въ той же губерніи сократился до 5,7 душъ обоего пола (Статистика поземельной собственности въ Европейской Россіи, вып. 3-й, стр. 105). Такимъ образомъ на югѣ замѣчается распаденіе большой крестьянской семьи на мелкія и, что особенно интересно,

ускоренный упадокъ ея во второмъ періодѣ, по сравненію съ первымъ. Въ то время, какъ прежде потребовалось почти сто лѣтъ времени (съ 1764 по 1859 г.) для уменьшенія средней семьи на 1, 2 души,—теперь на то-же почти число семья сократилась въ продолженіи 20 лѣтъ (съ 1859 по 1879 годъ).

Фактъ разложенія, происходящаго въ крестьянской семьѣ въ теченіи болѣе ста лѣтъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что существуетъ какая-то общая причина, способствующая распаденію большой семьи на малыя и что эта причина въ особенности сильно стала дѣйствовать съ эпохи освобожденія крѣпостныхъ. Какого характера должна быть эта основная причина? Коренится ли она главнымъ образомъ, въ ослабленіи власти надъ крестьянами (административной, помѣщичьей), въ упадкѣ нравственности крестьянъ или же въ пониженіи экономическаго благосостоянія? Такъ какъ крестьянская семья распадалась въ теченіи прошлаго столѣтія и до 60-хъ годовъ настоящаго, въ эпоху найсильнѣйшаго развитія помѣщичьй власти и правительственной опеки надъ крестьянами, то, слѣдовательно, ослабленіе власти не можетъ не быть признано главнымъ факторомъ указаннаго явленія. Этотъ факторъ присоединился съ начала шестидесятыхъ годовъ къ болѣе сильной причинѣ иной категоріи. Судя потому, что на формы общественной жизни вообще, на ихъ развитіе или упадокъ, сильнѣе всего воздѣйствуютъ экономическія явленія, мы склонны придти къ тому апріорному заключенію, что и основная причина распаденія семьи должна носить тотъ-же экономическій характеръ. Такое заключеніе въ значительной мѣрѣ подтверждается и фактами, добытыми статистическими изслѣдованіями въ послѣднее время[1]).

Что причины уменьшенія среднихъ размѣровъ крестьянской семьи чрезъ раздѣлы коренятся главнымъ образомъ въ упадкѣ крестьянскаго благосостоянія, въ этомъ можно убѣдиться и изъ показаній самыхъ крестьянъ. Впрочемъ надобно оговориться, что крестьяне при объясненіи уменьшенія семейныхъ раздѣловъ, весьма нерѣдко выдвигаютъ на первый планъ второстепенныя причины,

---

[1]) См. Изслѣдованія народной жизни А. Ефименко, вып. 1, Семейные раздѣлы, стр. 124. Харьковскій календарь на 1885 годъ. Нѣсколько данныхъ о семейныхъ раздѣлахъ у крестьянъ харьков. губ., стр. 558.

упоминая вскользь или же вовсе умалчивая о главной. Тѣмъ не менѣе, при гуртовыхъ опросахъ, крестьяне въ большинствѣ случаевъ правильно опредѣляютъ основную причину явленія.

Въ 1877 году въ черниговской губерніи земское статистическое бюро, между прочимъ, собрало отъ крестьянъ черниговскаго уѣзда свѣдѣнія о причинахъ семейныхъ раздѣловъ. Показанія отбирались въ каждомъ селеніи отъ цѣлой группы крестьянъ, проживающихъ въ селеніи. Сообщаемъ эти свѣдѣнія, еще до сихъ поръ не появлявшіяся въ печати. Въ шести случаяхъ, т. е. въ такомъ же числѣ населеній, причинами раздѣловъ признаны бабы, т. е. ссоры между женщинами, которыя вовлекаютъ въ разладъ всю семью. Въ десяти случаяхъ причиной этого явленія признаны семейныя ссоры вообще. Вотъ крестьянская формулировка этого разряда причинъ. Раздѣлы усилились «отъ людской ненависти, ссоръ» (д. Киселевка); «прежде честнѣйшій народъ бувъ, а теперь народъ ставъ спѣсивый, неуважительный» (д. Жеведь); «народъ сталъ баловаться» (м. Салтыкова Дѣвица); «попсивъ народъ, не то що братья, а и сыны съ батьками дилятся» (д. Кашовка); «меньшіе стали разумнѣй старшихъ» (с. Антоновичи); «теперь и сынъ съ батькомъ пораздѣлялись; такъ Господь уже вѣрно дае, ненависть пошла» (с. Бобровица). Въ д. Перехресткѣ крестьяне показывали: «у насъ была одна семья душъ въ 50, жили вмѣстѣ 5 братьевъ; какъ умеръ старшій братъ, прочіе почали рваться (а покойнаго похоронили, какъ отца) той за сокиру да въ Черниговъ, на заработки, и той на заработки; Богъ его знае, объ чимъ се теперь такъ стало: теперь не тилько братъ съ братомъ, а и сынъ одъ отця на отдилъ иде».

Хотя въ приведенныхъ сейчасъ показаніяхъ народъ относитъ раздѣлы къ семейнымъ ссорамъ, происходящимъ отъ упадка нравственности, но намъ кажется, что еслибы лица, отбиравшія показанія отъ крестьянъ, пообстоятельнѣе распросили ихъ о причинахъ усиленія ссоръ, то въ большинствѣ все было бы сведено къ упадку экономическаго благосостоянія. Въ большинствѣ случаевъ именно послѣднее обстоятельство и выставляется, какъ основная причина семейныхъ раздѣловъ. Приводимъ этотъ разрядъ показаній крестьянъ въ формулировкѣ статистиковъ. «Гораздо больше пошли на раздѣлы отъ тѣсноты, земли мало, нечѣмъ души прокормить, ненависть, дурость пошла: не за що зачепиться, той красти пуйде,

да и дѣлятся» (с. Махматинъ). «Чѣмъ труднѣе времена, тѣмъ больше дѣлятся: при недостаткахъ больше перекоровъ, особенно какъ пришлось добывать хлѣбъ заработками» (д. Ведильцы). «Дѣлиться стали чаще, когда пошли трудныя времена, пошли перекоры—одинъ идетъ въ заработки, другой не хочетъ, а послѣ дѣлежа еще больше бѣднѣютъ» (д. Малыя Осняки). «Одинъ не хочетъ работать на семью другаго, чтобы чужихъ дѣтей не кормить» (с. Старшій Бѣлоусъ). «Зачали дѣлиться, какъ достатки стали меньше» (д. д. Шастовица и Андреевка). «Братъ съ братомъ не хочетъ жить вмѣстѣ: какъ женятся, такъ и расходятся, говоря: батька еще кормить!» (д. Альсоховка). «У казаковъ меньше раздѣлу, чѣмъ у крестьянъ; лѣса открылись (стало дешевле, удобнѣе строиться),оттого и дѣлятся» (д. Рудка). «Больше раздѣловъ, потому что трудно жить; думаетъ что на другаго работаетъ, да и отдѣляется» (д. Чернетчина). «Якъ семья велыка безъ земли, то одинъ робыть, а другій злыться, и диляться» (с. Уборки).

Въ четырехъ случаяхъ причиною усиленія раздѣловъ признано своеволіе крестьянъ, образованное отсутствіемъ надзора за ними. «Прежде меньше дѣлились: помѣщикъ сгонялъ» (д. Фукотка). «Отъ воли больше: прежде помѣщикъ не дозволялъ дѣлиться» (д. Левоньки, Жеведь). «За старины (при отцахъ) Палата роздиляла, а теперъ братъ отъ брата отдѣляется, не требуя согласія общества» (д. Коты).

Если основная причина распаденія большой крестьянской семьи коренится въ постепенномъ упадкѣ крестьянскаго хозяйства то лучшая мѣра для устраненія семейныхъ раздѣловъ состоитъ въ поднятіи экономическаго благостоянія народа, мѣры же репрессивнаго характера могутъ имѣть значеніе лишь какъ палліативное средство. Между тѣмъ считается за лучшее лекарство противъ указаннаго явленія запрещеніе семейныхъ раздѣловъ.

Мы не знаемъ, когда начались запрещенія семейныхъ раздѣловъ путемъ законодательнымъ; но у насъ имѣется одинъ документъ, который показываетъ, что частныя распоряженія правителей отдѣльныхъ мѣстностей въ указанномъ направленіи существовали еще въ прошломъ столѣтіи.

Приводимъ распоряженіе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное харьковскимъ и воронежскимъ генералъ-губернаторомъ Чертковымъ въ 1782 году.

«Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссейской, изъ воронежскаго намѣстническаго правленія, Бѣловодскому господину городничему. [1]) По указу ея императорскаго величества, воронежское намѣстническое правленіе, слушавъ полученное отъ господина генералъ-порутчика, правящаго должность генералъ-губернатора харьковскаго и воронежскаго, и кавалера Василія Алексѣевича Черткова предложеніе, въ которомъ, объясняя: дошло до свѣденія его, что многіе казеннаго вѣдомства поселяне, а особливо однодворцы, не токмо изъ большихъ или посредственныхъ, но и изъ малыхъ семействъ, отдѣляются къ жительству особыми дворами, отчасти по происходящимъ между домашними ссорами, а болѣе дабы, такимъ образомъ раздробившись, избыть взятія въ рекруты, изъ людныхъ домовъ бывающаго, изъ каковыхъ раздѣловъ и слѣдуетъ, что старыя семейства въ упадокъ приходятъ и новыя не имѣютъ способа достигнуть желаемое хозяйственное совершенство, стало быть и тѣ и другія, разоряяся, повергаютъ себя въ бѣдность и истощеніе, а тѣмъ же самымъ въ платежѣ податей недоимки, а въ рекрутскихъ наборахъ остановки и затрудненія содѣлываютъ. Почему, во отвращеніе сего, намѣстническому правленію предлагаетъ всѣ таковые изъ семействъ вредные отдѣлы, особливовъ однодворствѣ, запретить со строгостію, исключая тѣхъ токмо, которымъ по самымъ прямымъ надобностямъ раздѣлъ, къ ихъ-же благоустройству и выгодамъ, нуженъ будетъ, но и о таковыхъ велѣть однакожъ частнымъ головамъ представлять напредъ господину директору экономіи, съ объясненіемъ при семъ и обстоятельствъ, къ тому побуждающихъ и дозволить дѣйствительный раздѣлъ не инако, какъ по его разсмотрѣнію и резолюціи, о чемъ отъ него господина генералъ-порутчика и кавалера воронежскаго намѣстничества господину директору экономіи знать дано. Приказали: о непремѣнномъ по сему именованнаго господина генералъ-порутчика и кавалера предложенію исполненіи къ воронежкому коменданту, господину полковнику Хрущову и ко всѣмъ уѣзднымъ городничимъ и въ нижніе земскіе ссуды предложить изъ Правленія указомъ. Декабря 23 дня 1782 года».

Мы не знаемъ, какое вліяніе оказало настояще распоряженіе на семейные раздѣлы въ воронежскомъ и харьковскомъ намѣстни-

---

[1]) Бѣловодскъ—нынѣ слобода старобѣльскаго уѣзда, харьковской губерніи.

чествахъ. видимъ, что попытки измѣнить соціальныя явленія, совершающіяся по своимъ глубокимъ внутреннимъ законамъ, или положить имъ преграду, имѣютъ свою исторію.

П. Е

НАХОДКА ВЪ ОБЛАСТИ СТАРИННОЙ ЮЖНО-РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

Въ актовой книгѣ гродскаго житомирскаго суда, хранящейся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ и заключающей въ себѣ судебные акты съ 1590 по 1644 годы, писанные въ большей части на западно-русскомъ языкѣ и лишь изрѣдка на польскомъ, на листѣ 278, въ той части книги, гдѣ записаны акты за 1635 годъ, въ ряду постороннихъ приписокъ, неоконченныхъ фразъ, стихотвореній и т. под., мы нашли стихотворное переложеніе 42-го псалма, сдѣланное на южно-русскую рѣчь, но записанное польскими буквами.

Прежде чѣмъ говорить о значеніи этой находки, укажемъ на нѣкоторыя обстоятельства и внѣшнія особенности оной. Найденное нами стихотвореніе, какъ и прочія приписки, среди которыхъ оно находится, написано почеркомъ, весьма близко подходящимъ къ почерку многихъ подлинныхъ документовъ, внесенныхъ въ книгу подъ 1635 и предшествующими годами, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно вписано въ книгу одновременно съ ними кѣмъ-либо изъ писцевъ канцеляріи гродскаго житомирскаго суда, имѣвшихъ вообще привычку вписывать на «голыхъ мѣстахъ» (пробѣлахъ) въ актовыхъ книгахъ различныя замѣтки, изреченія, афоризмы, шутки и даже цѣлые документы шуточнаго содержанія, притомъ писцемъ русскимъ и православнымъ, такъ какъ вслѣдъ за псалмомъ записано начало извѣстной церковной пѣсни канона Успенію Божіей Матери: «Побѣждаются естества уставы«... и также польскими буквами, но съ южно-русскою фонетикою: *pobizdaiutsia... o Tebi bo Diwo czystaia...*

Приводимъ текстъ этого переложенія въ русской транскрипціи, но съ точнымъ соблюденіемъ фонетическихъ его особенностей:

«Во невинности моій, Боже мой, суди ми,
Отъ мужа неправа и льстыва збави ми;

Яко Ты есы, Боже, держава моя.
Воскую мя остави, Боже, милость Тоя?
Пошлы ми, Боже, свитъ Твой и истыну Твою,
Яко та мя воведе въ гору святу Твою.
Вниду въ села Твоя, ко олтару Твоему...
. . . . [1]).
А во гуслахъ исповимся, Цару, предъ Тобою,
А во арфѣ я прославлю, Цару, славу Твою. . .
Надіюся на Бога, на Бога жывого,
А той ми откріетъ свитъ—то истына іого».

Сличая современный славянскій текстъ 42 псалма съ текстомъ переложенія, видимъ, что хотя авторъ послѣдняго не вездѣ точно слѣдовалъ славянскому тексту, служившему конечно для него оригиналомъ, тѣмъ не менѣе онъ довольно близко передаетъ содержаніе псалма, и во всякомъ случаѣ его переложеніе не болѣе удаляется отъ текста подлинника, чѣмъ любое изъ современныхъ намъ стихотворныхъ переложеній псалмовъ.

Форма стихосложенія въ переложеніи—силлабическая; въ стихѣ по 13-ти слоговъ, и только четыре стиха отступаютъ отъ этой нормы и чрезъ то становятся тоническими: 2-й и 3-й имѣютъ по 12-ти, а 8 и 9 по 14 слоговъ; но это отступленіе, по всей вѣроятности, надо приписать не перелагателю, а переписчику, который, безъ сомнѣнія, записывалъ псаломъ по памяти и невольно измѣнялъ силлабическому размѣру, впадая въ болѣе естественный и знакомый ему по народнымъ пѣснямъ размѣръ тоническій.

Находка, какъ видитъ читатель, сама по себѣ не важная, ибо никого не прельститъ тяжелый силлабъ давняго времени, не представляющій ни вдохновенія, ни иной поэтической прелести: но она наводитъ на одно немаловажное соображеніе. Откуда судовой писецъ заимствовалъ записанный имъ псаломъ? Приписывать переложеніе псалма ему самому нѣтъ никакого основанія; необходимо поэтому предположить, что существовало въ то время въ южной Руси стихо-

[1]) Здѣсь несомнѣнно пропущена переписчикомъ строка; на это указываетъ нечетное количество стиховъ въ псалмѣ (11) и отсутствіе риѳмы, соотвѣтствующей предыдущей строкѣ.

творное переложеніе или цѣлой псалтыри, или-же избранныхъ псалмовъ, сдѣланное кѣмъ-либо въ XVI и во всякомъ случаѣ не позже начала XVII вѣка, переложеніе настолько популярное, что тогдашніе грамотные люди знали многіе псалмы изъ него наизусть. До насъ не дошло это переложеніе, или, по крайней мѣрѣ, доселѣ оно не было открыто; но это не можетъ, конечно, служить возраженіемъ противъ высказываемаго нами предположенія. Существованіе въ южно-русской письменности того времени подобнаго труда представляется весьма вѣроятнымъ, если вспомнимъ, что въ сосѣдней, польской литературѣ въ XVI в. появились одно за другимъ два стихотворныхъ переложенія псалтыри: одно—принадлежавшее талантливому перу Николая Рея изъ Нагловицъ, изданное въ 1555 г., а другое еще болѣе удачное и скоро затмившее собою славу перваго—сдѣланное извѣстнымъ поэтомъ Яномъ Кохановскимъ и напечатанное въ Краковѣ (съ музыкою) въ 1578 г. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ въ данную минуту подъ рукою этого послѣдняго изданія, а было-бы любопытно опредѣлить, въ какомъ отношеніи къ нему находится найденное нами переложеніе 42-го псалма, тѣмъ болѣе, что переводъ Кохановскаго такъ-же написанъ силлабическимъ стихомъ. Съ другой стороны, предположеніе о существованіи въ ту пору южно-русскаго стихотворнаго переложенія псалтыри является еще болѣе вѣроятнымъ въ виду извѣстныхъ понынѣ, неоднократно предпринимавшихся въ XVI в. разными лицами опытовъ перевода св. писанія на народный языкъ, изъ коихъ нѣкоторые были даже изданы тогда въ печати, какъ наприм. евангеліе, напечатанное около 1580 г. въ типографіи Вас. Тяпинскаго. Въ частности, книга псалмовъ неоднократно была переводима на западно-русское нарѣчіе. Еще въ началѣ XVI в., около 1525 г., извѣстный докторъ Фр. Скорина издалъ въ Вильнѣ подобный переводъ [1]); другой, южно-русскій переводъ псалтыри XVI вѣка извѣстенъ по рукописи, хранящейся въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ. Если были попытки приблизить къ народному пониманію псалмы Давида путемъ перевода ихъ на «простую, посполитую мову», то не было ничего естественнѣе, какъ появленіе этой, по преимуществу поэтической, священной книги и въ стихотворномъ переложеніи.

---

[1]) См. Хронологич. указатель славяно-русск. книгъ церковной печати, № 18.

Намъ думается, что періодъ открытій памятниковъ старинной южно-русской письменности далеко еще не законченъ и—почемъ знать! быть можетъ со временемъ отыщется цѣлый сборникъ псалмовъ въ старинномъ стихотворномъ переложеніи; а до тѣхъ поръ и тотъ, къ сожалѣнію, *единственный* псаломъ, какой удалось намъ извлечь изъ Леты вѣковаго забвенія, надѣемся, будетъ имѣть нѣкоторый интересъ въ глазахъ изслѣдователей старинной южно-русской письменности.

О. Левицкій.

СПРАВКА ОБЪ АВТОРѢ «ТОПОГРАФИЧЕСКАГО ОПИСАНІЯ ХАРЬКОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.»

«Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества», изданное въ Москвѣ, въ 1788 году, принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ пособій и даже источниковъ по исторіи и статистикѣ Слободской Украйны; поэтому самому и вопросъ объ авторѣ этой книги не лишенъ нѣкотораго значенія, а между тѣмъ доселѣ онъ рѣшался и теперь рѣшается совершенно неправильно.

Кто составилъ «Топографическое описаніе», на немъ самомъ не означено. Митрополитъ Евгеній въ своемъ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» приписываетъ «Топографическое описаніе» Н. Переверзеву, бывшему директору училищъ харьковскаго намѣстничества; хотя предположеніе знаменитаго историка и библіографа принималось и принимается за несомнѣнное, тѣмъ не менѣе оно и до сихъ поръ ничѣмъ не подтвердилось. Правда, въ предисловіи ко второму изданію «Историческаго Обозрѣнія гражданскаго устроенія Слободской Украйны» П. И. Срезневскаго (вышло въ Харьковѣ въ 1883 году въ видѣ приложенія къ «Статистическому Листку»), редакторъ «Статистическаго Листка» И. П. Сокальскій говоритъ, что, «по указанію покойнаго ректора харьковскаго университета, А. П. Рославскаго - Петровскаго, авторомъ «Топографическаго Описанія» былъ Переверзевъ» [1]), но, по всей вѣроятности, и самъ Рославскій-

---

[1]) Полное заглавіе: „Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древ-

Петровскій основывался ни на чемъ иномъ, какъ на «Словарѣ» же митрополита Евгенія [2]).

Для того, чтобы рѣшить вопросъ, кто составилъ «Топографическое Описаніе», теперь нѣтъ уже надобности прибѣгать ни къ «Словарю» митрополита Евгенія, ни къ«указанію» Рославскаго-Петровскаго. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ на основаніи оффиціальнаго документа, опубликованнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно на основаніи «Вѣдомости цензора, префекта московской славяно-греко-латинской академіи, игумена Моисея». «Вѣдомость» напечатана въ I томѣ «Осьмнадцатаго вѣка» Бартенева и въ ней въ числѣ книгъ, «подписанныхъ» игуменомъ Моисеемъ «къ печати» въ февралѣ 1787 года, упоминается между прочимъ и «Топографическое описаніе харьковскаго намѣстничества» *капитана арміи Н. Загоровскаго (Осьм. вѣкъ, изд. 2, т. I, стр. 498).* Такимъ образомъ, авторомъ «Топографическаго описанія» былъ не Переверзевъ, а капитанъ Загоровскій. Изъ той же «Вѣдомости» видно, «что Топографическое описаніе» было не единственнымъ сочиненіемъ Загоровскаго: въ теченіе 1787 года игуменъ Моисей «подписалъ къ печати» еще три произведенія того же автора: «О душевномъ мирѣ» «Юридическій Словарь» и «Чудеса натуры» въ двухъ томахъ,' (*ibid.*, стр. 499).

Н. Черняевъ.

нихъ временъ перемѣнахъ, взятымъ къ объясненію дѣяній и хронологіи изъ татарской исторіи Баядуръ-Хана-Абулгадзи, Россійской исторіи князя Щербатова, начертанія Европейской исторіи Готфрида Ахенваля и политической исторіи Самуила Пуффендорфа. Москва. 1788 г."

1) Замѣтимъ кстати, что на „указаніе" Рославскаго-Петровскаго ссылался и г. Нельговскій, редактировавшій 2 изданіе „Топографическаго описанія", напечатанное въ видѣ приложенія къ Харьковскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ (см. „Харьковъ", прибавленіе къ Хар. Губ. Вѣд., 1865 г., № 44). „Указаніе", на которое ссылаются гг. Нельговскій и Сокальскій, было сдѣлано Рославскимъ-Петровскимъ словесно: въ печати онъ такого „указанія" никогда не дѣлалъ.

2) Тоже самое можно сказать и объ „указаніи" „Харьковскаго Календаря" на 1886 годъ, всѣ сообщенія котораго о жизни и литературныхъ трудахъ Переверзева (отд. IX, ст. 141), очевидно взяты изъ „Словаря" митр. Евгенія.

НАДГРОБНЫЙ ЗАПОРОЖСКІЙ КРЕСТЪ.

Въ херсонскомъ уѣздѣ, при днѣпровскомъ лиманѣ, расположено село Александровка; у дороги, пролегающей черезъ это село и соединяющей по берегу лимана Николаевъ съ Херсономъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ нея, находится небольшая «могилка». Проходя осенью по этой мѣстности, я замѣтилъ на могилѣ разбросанные обломки каменнаго креста; на нѣкоторыхъ изъ нихъ видны были буквы и начертанія. Послѣ нѣкоторыхъ усилій мнѣ удалось собрать и сложить всѣ разбросанные обломки и возстановить разрушенный надгробный памятникъ; затѣмъ я его раставрировалъ и поставилъ на прежнемъ мѣстѣ на могилѣ. Получился средней величины, каменный, шестиконечный крестъ, концы котораго значительно шире раменъ и отдѣланы въ видѣ площадей, ограниченныхъ тремя пересѣкающимися дугами; на одной сторонѣ начертано изображеніе прямоугольнаго креста, а надъ нимъ и около него буквы: и н ц и—ис—хс—ни—ка—г—г—м—л—р—б (послѣднія шесть буквъ не вполнѣ ясны). На другой сторонѣ сохранилась слѣдующая надпись въ 12 строкъ: *Бывшаго войска Запорозскаго козакъ куреня Платнировскаго зде опочивае рабъ Божий Висилий Коношко блаженой памяти 1782 году мця генваря 21*.

Мнѣ неизвѣстно, насколько замѣтное положеніе занималъ въ войскѣ запорожскомъ Василій Коношко и въ мѣстномъ преданіи не сохранилось свѣдѣній о побужденіяхъ, заставившихъ его провести послѣдніе годы жизни на берегахъ днѣпровскаго лимана, т. е. пріютился ли онъ здѣсь у родственниковъ послѣ исчезновенія воинственной общины, или занялся рыбнымъ промысломъ, понынѣ процвѣтающимъ на нашемъ берегу. Во всякомъ случаѣ существованіе памятника указываетъ на нѣкоторый почетъ, которымъ пользовался у своихъ современниковъ односельчанъ братчикъ «бывшаго войска запорожскаго».

Замѣчая, что лица интересующіеся исторіею новороссійскаго края, тщательно собираютъ свѣдѣнія оставшіяся въ видѣ вещественныхъ памятниковъ отъ быта Запорожья, я рѣшаюсь сообщить эту замѣтку, полагая, что, можетъ быть, и сія крупица на что-либо понадобится лицамъ, собирающимъ коллекціи и свѣдѣнія объ аналогичныхъ предметахъ.

В. Бны—къ.

КАКЪ СУДИЛИ И РЯДИЛИ ВЪ СѢЧИ ЗАПОРОЖСКОЙ.

Въ оригинальнѣйшей запорожской общинѣ, подобной которой не представляетъ ни одна страна въ мірѣ, все было оригинально, начиная отъ ея внутренней организаціи и международныхъ сношеній и кончая мелочами внѣшняго быта, пищи, одежды и домашней обстановки. По части запорожской дипломатіи довольно вспомнить знаменитый и единственный въ своемъ родѣ отвѣтъ кошеваго Сѣрка султану Ахмегу II.

Оригинальны были въ Запорожьѣ судъ и расправа, но письменные памятники ихъ въ большей части погибли, преданія о судѣ словесномъ исчезли, вымерли.

Не смѣлою рукою беремся за предметъ столь занимательный, и вмѣстѣ столь малоизвѣстный. Хотѣлось бы хотя въ слабыхъ чертахъ воскресить образъ самобытнаго запорожскаго судопроизводства. У насъ подъ руками кипы судебныхъ актовъ, составленныхъ или полученныхъ въ Кошѣ; но большая часть ихъ касается пограничныхъ распрей и представляетъ собою болѣе политическую переписку, чѣмъ судъ и расправу внутри общины, или же даетъ рядъ общихъ уголовныхъ дѣлъ, каковы дѣла по наѣздамъ на сосѣдей и гайдамацкія. Дѣлъ чисто уголовныхъ, касающихся преступленій, совершенныхъ въ районѣ Сѣчи, незначительное число. Еще менѣе дѣлъ чисто гражданскихъ, касающихся личныхъ правъ, собственности, убытковъ, долговыхъ претензій и т. п., притомъ всѣ они времени позднѣйшаго. Послѣднее неудивительно: довольно вспомнить составъ войска, его духъ, происхожденіе и строй гражданскій, чтобы понять отсутствіе въ его архивахъ судебныхъ расправъ, касающихся правъ личности или состояній. Никто у запорожцевъ не требовалъ актовъ о его рожденіи, крещеніи или смерти; никто не приносилъ и не пріобрѣталъ недвижимой собственности. Не было межевыхъ споровъ внутри Коша, ибо зимовниками «сидѣли» на рѣчкахъ и обще владѣли безмѣрными полями и лугами. Дѣла торговыя, долговыя, о заграбленіи имущества, всего чаще стадъ, дѣла прибытка рыболовнаго, звѣроловнаго, промысловаго, существовали, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что они разбирались и рѣшались словесно. Судебная власть въ запорожскомъ войскѣ не

отдѣлялась отъ военно-административной и исполнительной. Высшимъ представителемъ войсковой общинной власти былъ Кошъ, онъ же былъ центральною и высшею судебною властію, которая, какъ и всякая другая власть, распредѣлялась по числу 38 куреней. Случалось, что кошевой, вмѣстѣ съ войсковымъ судьею и писаремъ объѣзжалъ паланки и по пути творилъ судъ и расправу, устанавливалъ всякіе порядки, а его рѣшенія и постановленія записывались въ такъ называемый «походный журналъ».

Первый найденный нами такой журналъ относится къ 1772 г. и былъ веденъ походною канцелярію, во время объѣзда кошевымъ и старшиною кодацкой и самарской паланокъ, гдѣ было *все добро войсковое*, т. е. важнѣйшіе зимовники, лѣса и перевозы на Днѣпрѣ и Самарѣ. Въ этомъ журналѣ записаны всѣ дѣла, походнымъ Кошемъ произведенныя, рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, споровъ, раздача *байраковъ*, хуторовъ, уравненіе повинностей и освобожденіе отъ оныхъ, хозяйственныя и пограничныя распоряженія паланокъ и т. п. Любопытно самое начало журнала или исторія путешествія «пана кошеваго и старшинъ въ Кодакъ» въ 1772 году. Приводимъ его во всей цѣлости, какъ образчикъ, между прочимъ, домашняго быта запорожской старшины.

«Его вельможность, атаманъ кошевый, Петръ Ивановичъ Калнишевскій, панъ судья войсковый Николай Тимофѣевичъ, панъ писарь войсковый Иванъ Яковлевичъ Глоба, бывшій войсковый судья Анрей Артемовичъ Носачъ, начальникъ церквей отецъ Владиміръ Сокальскій съ дьякономъ и войсковая канцелярія походная, февраля 28 числа 1772 года, въ четвертокъ, до всходу солнца (изъ Сѣчи) выѣхали. И ѣхали чрезъ весь день и ночи до полчаса на зимовникъ бывшаго старшины, войсковаго асаула, Василія Андреевича Пишмича. Но по темности ночи, не доѣзжая сего Пишмичева зимовника, подъ сѣномъ стали, и заночевавъ чрезъ всю ночь, онымъ сѣномъ лошадей кормили. 24 числа февраля взяли дальшій путь; въ какомъ пути поспѣли уже въ обѣдное время въ зимовникъ Пишмичевъ [1]). Коимъ встрѣчею будучи приняты весьма хорошо, пановъ и при панахъ бывшихъ принимано, какъ-то: обѣдъ достаточный становилъ и горилкою не скудно подчивалъ. За се ему отблагодаривши, поѣхали

[1]) На р. Комышеватой, гдѣ былъ этотъ зимовникъ, есть до сихъ поръ селеніе, именуемое *Письмичевка*.

и ѣхали до Кодаку чрезъ весь день поспѣшно, куда въ Кодакъ уже при захожденіи солнца наспѣли. Но прежде въѣзда встрѣчены были въ *Попасныхъ буеракахъ* козаками ново-кодацкими, въ достаточномъ числѣ, хорошо одѣтыми, съ прапоремъ. А какъ стали подуспѣвать и къ кодацкому городу, тогда во первыхъ два изъ пушекъ сигнала дано, а потомъ разъ по разъ изъ всѣхъ имѣющихся около городу раскатовъ стрѣльбу пушечную произведено. И были приготовленные въ священническое одѣяніе всѣ священники со діаконы, при башнѣ, что отъ войсковаго дворца, для встрѣчи со крестомъ; но что не въ сію, а въ другую поѣхали башню, для того священники уже разобравшись (раздѣвшись) съ священнаго одѣянія, съ поклономъ на квартиру въ войсковый дворецъ къ пану кошевому приходили, и хорошо принятые будучи, отойшли. Гдѣ въ войсковомъ дворцѣ панъ кошевой съ паномъ пысаремъ, панъ судья-же съ Андреемъ Артемовичемъ у Кондрата Сѣверскаго, а отецъ начальникъ съ дьякономъ у священника Василія Алексѣева квартирами стали. И ходили 25 числа въ субботу въ церковь на утреню и на службу. Прежде службы былъ акафистъ, а по акафистѣ пѣто умиленную пѣснь: «О всепѣтая Маты!» и другія. А когда акафистъ совсѣмъ совершился, начата отцомъ Федоромъ Фомичемъ (кодацкимъ настоятелемъ) служба Божія. А по службѣ панъ кошевой всѣхъ пановъ и священниковъ, въ томъ числѣ чрезъ ночь зъ Самары въ Кодакъ поспѣвшаго и намѣстника (протоіерея, старшаго въ духовномъ правленіи) Григорія Порохню звалъ и по нѣсколько чарокъ горѣлки трактовалъ. И ходили всѣ по просьбѣ къ Полтавцу кушать, коимъ весьма хорошо, какъ сказываютъ, будучи принятые, воротились по квартирамъ. А на своей панъ кошевой опочивши, ходилъ до вечерни; а по вечерни никуда нейдя, у себя вечерялъ и спать легъ, и спалъ до утренняго звона, а въ то время въ церковь на утреню ходилъ, также и на службу, которая соборомъ отправуемая была отцемъ начальникомъ. А по службѣ всѣ вообще званы кушать къ пану судьѣ. Пообѣдавши-жъ, въ домъ идучи, заходили въ квартиру іерея Феодора, гдѣ побывъ малое время, разойшлись по квартирамъ. И панъ кошевой въ своей до вечерняго звона бывъ, а тогда въ церковь на вечерню. По вечерни-жъ къ іерею Василію вечерять и въ гости до іерея Артема ходилъ, у коего и пѣвчими былъ позабавленъ; а оттуда, нейдя уже никуда, разойшлись по домамъ.

И отъ 27 февраля за прощеніе принялись. Въ субботу сообщались (пріобщались Св. Тайнамъ) всѣ паны. Отъ субботы до вовторника въ Кодакѣ живя, всякіе порядки обществу тамошнему полезные учреждали. И по учрежденіи у вовторникъ, 6 числа марта о полдень, взялись въ обратный маршъ: панъ кошевой, панъ судья и отецъ начальникъ, кои коль скоро съ квартиры выѣхали, заразъ разъ по разъ выстрѣлено изъ 2 пушекъ, и козаки съ прапоромъ до Попасныхъ (буераковъ) провожали, а отъ Попасныхъ повернулись. Мы-же противу 7 числа марта невдаль Стефана Васильевича зимовника, что въ Сурѣ, а противъ 8 числа марта въ Камяноватой ночевали. Авось либо и въ Сѣчь попадемъ».

Сохранился и другой, болѣе краткій походный протоколъ 1774 года слѣдующаго содержанія:

«Его вельможность, атаманъ кошевый, П. И. Калнишевскій, господа войсковый старшина Андрей Носачъ, писарь войсковый И. Я. Глоба, Владиміръ архимандритъ, сѣчевыхъ церквей начальникъ, іеродіаконы Меркурій и Палладій, также канцелярія войсковая походная и церковные сѣчевой церкви служители, выѣхали зъ Сѣчи въ чегвертокъ 27 дня ноября, и ночевали у Пишмичева зимовника. А оттоль рапо двинувшись, въ Кодакъ Новый 28 дня ноября въ пятокъ, при захожденіи солнца настигли и стали квартирами, панъ кошевый и панъ писарь войсковый въ войсковомъ дворцѣ, а Андрей Артемовичъ Носачъ у священника Кондрата Сѣверскаго, отецъ-же архимандритъ у вдовы попадьи Василихи, а канцелярія у обывателя ново-кодацкаго Телюка. При въѣздѣ же въ Кодакъ, оттоль встрѣчены козачею командою въ Попасныхъ, а духовенствомъ въ предградіи и выстрѣлено 15 разъ съ пушекъ». По окончаніи списка дѣлъ, въ этой паланкѣ производившихся, протоколъ такъ заключается: «12 декабря рано зъ Кодаку поѣхали, и опровожденные до Попасныхъ командою козачею, подъ управленіемъ полковника Святого зъ старшиною, при чемъ стрѣляно изъ батарейныхъ пушекъ. Ночевали слѣдовавшую тогда ночь въ зимовникѣ Пишмичевомъ, а о полночь выѣхали и поспѣли въ Сѣчь предъ вечернею 13 декабря».

Дѣлались-ли такіе объѣзды и съ такими церемоніями прежде 1770 годовъ, мы сказать не можемъ, не имѣя ни одного на то письменнаго акта, но вѣроятно было что нибудь похожее, иначе Кошъ не могъ-бы сдѣлать столь многихъ нововведеній, не возбудивъ об-

щаго въ войскѣ ропота. Что-же это были за дѣла и порядки, полезные для общества, упомянутые въ протоколѣ, сейчасъ увидимъ. Большею частію это были хозяйственныя распоряженія и единственныя дѣла гражданскаго суда и расправы, нами въ архивѣ найденныя.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ нихъ, чтобы составить себѣ представленіе о гражданскомъ судопроизводствѣ въ Запорожьѣ, и начнемъ съ дѣла найболѣе ранняго изъ числа находящихся у насъ въ рукахъ.

Это дѣло по неправильной денежной прензіи. Оно началось еще въ 1745 году и состояло въ слѣдующемъ. Бывшій войсковый писарь, а послѣ малороссійскій помѣщикъ и войсковый товарищъ Алексѣй Петруша, будучи еще полковымъ старшиною и писаремъ калміусской паланки, въ наказаніе за какой-то проступокъ забралъ у козака минскаго куреня Стефана Чорнаго, сидѣвшаго зимовникомъ на р. Еланчику, скотъ и другое его имущество. Козакъ прибылъ въ паланку съ жалобою, но писаря уже не засталъ за отбытіемъ его на раду въ Кошъ, а потому, по обычаю, онъ взаимно въ его жилищѣ взялъ тоже скотъ, 1 р. 50 к. денегъ, бурку и другія вещи. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда Петруша оставилъ войско и поселился въ Малороссіи, разныя бѣдствія его разорили, и онъ, оскудѣвъ въ своемъ состояніи, вздумалъ чрезъ гетманское правленіе требовать удовлетворенія съ козака Чорнаго, который тогда женился, и, какъ посполитый, жилъ въ самарской паланкѣ, въ с. Чернечомъ. Призванный въ Кошъ, Чорный объяснилъ дѣло, признанъ *невиннымъ* и отпущенъ, но по приказанію кошеваго Григорія Федорова, по уваженію, что Петруша «въ крайнемъ недостаткѣ и скудности» находится, по «добровольной и плачевной его просьбѣ», далъ ему 40 руб. и въ томъ взялъ отъ него собственноручную росписку іюня 2-го, 1756 года. Въ ней сказано: «по принесенной отъ Степана Чорнаго повинной, отъ господина кошеваго приказано, со всей моей претензіи, 146 р. и 80 к., уплотить мнѣ (Петрушѣ) только 40 р. ровно. И что вышеписанное число 40 р. деньги я отъ него принялъ и на него Чорнаго нигдѣ ни въ какомъ судѣ и правѣ не челобитчикъ, въ паланкѣ самарской, при полковнику Петру Шабельнику зъ старшиною, сію росписку мою далъ и на оной подписался». Казалось, дѣло было кончено. Но упрямый украинецъ не удовольствовался 40 р., и чрезъ малороссійскую войсковую кан-

целярію опять требовалъ не только остальныхъ денегъ, но и на казанія Стефану Чорному. Кошъ вторично вытребовалъ истца подъ карауломъ въ Сѣчь и содержалъ его въ тюрьмѣ или на порукахъ въ селѣ Чернечомъ лѣтъ нѣсколько; наконецъ, видя явную со стороны Петруши ябеду, сдѣлалъ слѣдующій приговоръ:

«1764 года іюля 22, по жалобѣ войсковаго товарища Алексѣя Петруши, козакъ и житель самарскій Степанъ Чорный зысканъ былъ чрезъ ордеръ за конвоемъ въ Кошъ и кромѣ сего тоже его зыскивано подъ карауломъ разовъ нѣсколько, который предъ судомъ войсковымъ былъ, и по объявленію бывшаго атамана кошеваго Григорія Федорова, что они прежде между собою совсѣмъ погодились (помирились), съ тѣмъ, чтобы уже къ Чорному, по принятіи Петрушею 40 р., ничего не искать, росписался, но что онъ Петруша, тѣмъ не удовольствуясь, и не устоявъ на словѣ и данной роспискѣ, его Чорнаго турбуетъ (безпокоитъ) напрасно и Кошъ утруждаетъ по пустому, безъ и малѣйшей причины, для того, дабы впредь, если искать Петруша будетъ, за нимъ Чорнымъ не посылалось и отказывано Петрушѣ вовсе было,—сіе для пріобщенія на всегдашнее время до дѣла ихъ записано и подписано: году, мѣсяца и числа вышеписанныхъ.—Слѣдуетъ подпись войсковаго писаря: «съ повелѣнія господина кошеваго атамана Филиппа Федорова и вышереченнаго бывшаго кошеваго атамана Григорія Федорова войсковый писарь Иванъ Глоба».

Вотъ образчикъ рѣшенія долга.

«Приказъ Коша самарскому полковнику Карпу Гуртовому съ старшиною:

«Козака и жителя самарскаго Грицька Бѣлого заведенное (о неуплатѣ) дѣло съ жителями самарскими Харькомъ Порожнимъ и Иваномъ Сычкомъ, нами разсматривано. И по расмотрѣніи явились оные Харько Порожній и Иванъ Сычокъ должными заплатить ему Бѣлому денегъ 46 руб. 67 коп. Якіе деньги Харько Порожній заразъ 23 р. 33 коп. съ денежкою заплатить долженъ, а Сычокъ за поворотомъ съ Крыма въ домъ свой таковуюжъ часть, безъ всякаго отлагательства, ему Бѣлому имѣетъ. О чемъ къ вамъ ко исполненію предлагаемъ». 1772 года декабря 7.

Здѣсь не видимъ ни процедуры дѣла, ни мотивовъ рѣшенія, а только голое рѣшеніе; но это потому, что оно соединялось съ

разбирательствомъ и въ дѣлахъ несложныхъ послѣднее, равно и мотивы, излагаемые словесно, такъ сказать подразумѣвались, какъ показываетъ слѣд. ордеръ войсковому асаулу Федору Завезіону.

«По жалобѣ козака и жителя вѣдомства Протовчанской паланки с. Байбаковки Якова Глухого, на бывшаго атамана тамошняго Прокопа Самарского, имѣете вы зъ полученіемъ сего съѣхать въ означенную слободу Байбаковку заразъ, и въ жалобѣ его Глухого съ отвѣтною стороною сдѣлать по самой справедливости, зрѣлымъ окомъ, разборъ. И кто явится виновнымъ, тому безъ всего приказать обидимую сторону удовлетворить такъ, чтобы больше о семъ жалобы не заходило къ намъ». 1772 года, декабря 8.

Образчикъ дѣла о давности владѣнія (praescriptio) находимъ въ ордерѣ кошеваго войсковому старшинѣ Андрею Порохнѣ:

«Изъ Самары вдова Ганка Силиха жалуется, что ея мужъ, имѣвши надобность въ огородѣ, ради онаго занялъ мѣсто въ Панчовомъ, гдѣ прикохалъ черное и родючее дерево, владѣя тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ свободно. Теперь же отъ того вы ее отдаляете, и егда дойдетъ до того, что отдалите, то весьма обидимою будетъ, поелику остается вдовою и безпомощною. Какъ же съ сего представленія является, что ея мужъ *тѣмъ чрезъ 13 лѣтъ владѣлъ*, *обзаведши своимъ трудомъ;* то и рекомендуемъ вамъ, дабы вы жалующейся Силихѣ во владѣніи ею тѣмъ препятствія не дѣлали и возвратили безъ всего. Еслижъ въ такомъ мѣстѣ надобность имѣете, такъ можете избрать тамъ, гдѣ должно и согласно порядку». 1774 года декабря 10.

Въ приказѣ войсковому старшинѣ Лукьяну Великому имѣемъ образчикъ рѣшенія, касающагося исполненія *договора.*

«Вдова попадья ново-кодацкая Акулина жалуется въ Кошъ, что она должные вамъ 500 рублей сполна отдала, въ чемъ и росписку на бумагѣ получила отъ васъ. Не смотря на то, вы требуете еще какихъ-то процентовъ и за то взяли ея скотъ и лошади. Она, представивъ вашу росписку, объясняетъ, что вы, идучи въ походъ, дали ей 2,000 руб, съ тѣмъ, чтобъ людямъ въ займы давать, а о процентахъ уговора не было. Она отдавала въ заемъ изъ вашихъ денегъ 500 руб. и получила только 200, а 300 пропало, почему она своими эту потерю вашу пополнила и проситъ, чтобы Кошъ приказалъ ея скотину возвратить, иначе она разорена будетъ. Мы,

разсмотрѣвъ жалобу ея и росписку вашу въ подлинникѣ, въ которой написанно: «1774 года апрѣля 27-го я нижеподписавшійся далъ сію росписку жительницѣ ново-кодацкой Акулинѣ отца Василія покойнаго попадьѣ, въ томъ, что она мнѣ виновата была 500 руб., кои она мнѣ уже всѣ сполна отдала вышеписанная Акулина, въ чемъ и подписуюсь собственноручно крестомъ: козакъ куреня дядьковскаго Лукьянъ Великій»,—находимъ, что она попадья не состоитъ вамъ должною, а потому скотъ и кони удерживаете не надлежаще,—то и повелѣваемъ вамъ, чтобы вы, не принося во извиненіе никакихъ отговорокъ, съ полученія сего заразъ вами удерживаемое ей попадьѣ Акулинѣ возвратили». 1774 года декабря 8-го.

Приводимъ наконецъ примѣръ рѣшенія по поводу неравнаго раздѣла взысканія.

«Приказъ волосской слободы [1]) начальнику».

«Волошинъ Афанасъ жаловался, что у сего бывшій въ Кодакѣ полковникъ Поповичъ взялъ денегъ 16 руб. за то, что послѣдовала въ байракѣ рощѣ шкода отъ козъ. А козы были не одного его, но еще и другихъ волоховъ: Ивана, Дмитра, Евстафія да Василія, то и просилъ, чтобы и сіи волохи были помощниками въ возвратѣ ему, жалобливому Афанасу, въ то число денегъ, сколько изъ нихъ на всякаго и Афанаса достанется по раскладкѣ. И такъ приказываемъ, чтобы съ жалобливаго и обжалованные претендуемые деньги 16 руб., до равномѣрной части распредѣливши, взыскать и отдать жалобливому за роспискою, егда есть только такъ, какъ представляетъ». 1774 декабря 3.

Какъ изъ приведенныхъ 6-ти дѣлъ, такъ и изъ сотни другихъ, видимъ прежде всего, что судъ Коша былъ окончательный и безъ аппеляціи. Почти всегда за приговоромъ слѣдовали донесенія паланки или асаула войсковаго, что приказъ Коша исполненъ. Войсковый асаулъ былъ, такъ сказать, министръ юстиціи и полиціи въ

---

[1]) Волосская слобода составлена была изъ поселенныхъ на запорожской землѣ волоховъ и молдаванъ, взятыхъ было въ плѣнъ татарами и отбитыхъ въ 1733 году начальникомъ запорожской флотиліи Даниломъ Третьяковъ. Она существуетъ доселѣ подъ именемъ Волосскихъ Хуторовъ у Рябой Могилы, въ 31 верстѣ отъ Екатеринослава.

войскѣ; безпрестанно находимъ данныя ему порученія: или сдѣлать разсмотрѣніе на мѣстѣ жалобы, или исполнить приговоры рады, или преслѣдовать вооруженною рукою воровъ, гайдамакъ и грабителей. И тогда въ помощь давался ему войсковый довбышъ, очень похожій своимъ званіемъ на бывшаго въ западной Европѣ *Prevôt*, пристава при экзекуціяхъ, а иногда два-три старшины изъ куренныхъ атамановъ. Сужденіе и рѣшеніе дѣлъ въ Кошѣ, основывалось, безъ сомнѣнія, только на обычаѣ и простомъ здравомъ смыслѣ. Нигдѣ не упоминается о законахъ польскихъ или русскихъ. Кошъ говоритъ просто: «мы разсмотрѣли и рѣшили.» Этотъ «обычай» было дѣло столь положительное и освященное временемъ, что даже въ актахъ русское правительство ссылалось на оный. Такъ сдѣлалъ Румянцевъ въ воззваніи къ войску по случаю гайдамацкихъ набѣговъ въ 1768 году; сама даже императрица въ указѣ своемъ отъ 12 іюля 1768 года повелѣвала поступать «по всей строгости запорожскихъ обрядовъ». Письменныя доказательства въ дѣлахъ очень уважались Кошемъ, какъ это видимъ изъ приведенныхъ выше примѣровъ. Извѣстна была давность владѣнія (praescriptio) и право перваго обладанія (jus primi occupantis). Справедливость рѣшенія удивительная. Мы нарочно приводили дѣла простыхъ козаковъ съ войсковою старшиною, и Кошъ всегда рѣшалъ въ пользу первыхъ. Что касается языка, то въ записываніи жалобъ и рѣшеній употребляется языкъ русскій, но въ словесномъ разбирательствѣ и рѣшеніяхъ былъ, конечно, свой, мѣстный, малороссійскій. Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе относительно ролей лицъ, творившихъ судъ въ Кошѣ. Войсковой судья, первый сановникъ въ Запорожьѣ послѣ Кошеваго, по всему видно, разбиралъ дѣло, объяснялъ оное и совѣтовалъ, рѣшалъ кошевой, а исполнялъ асаулъ.

Перейдемъ теперь къ судопроизводству уголовному и прежде также приведемъ нѣсколько примѣровъ суда по дѣламъ уголовнымъ.

Ставимъ на первомъ планѣ дѣло амурнаго свойства, всего вѣроятнѣе блудъ съ насиліемъ, тягчайшее по обычаямъ сѣчевымъ преступленіе. Вотъ приказъ о немъ самарскому полковнику.

«Самарчицкая жителька Анна Перехристка, какъ намъ представляете, козакомъ куреня каневскаго Федоромъ Маляромъ опорочена не по пристойности; а какъ сей порокъ не только къ ней Перехристкѣ, но къ обезславленію и всего войска Запорожскаго

простирается, а вы его сослали до поворогу нашего съ Кодаку, для того вамъ господинъ полковникъ съ старшиною повелѣваемъ: онаго Маляра сыскать, а дабы и другіе таковыхъ непристойныхъ худостей дѣлать не отваживались, въ страхъ прочимъ, публично на базарѣ кіями наказать и намъ репортовать, по исполненіи». 1772 года декабря 7.

Слѣдующій отрывокъ изъ судебнаго показанія и допроса, сдѣланнаго казаку Стефану Чорному показываетъ, что для отвлеченія отъ разбоевъ и грабежа въСѣчи, вмѣсто наказанія, практиковались увѣщанія съ принесеніемъ виновнымъ публичнаго покаянія и присяги.

«Стефанъ Чорный совокупился въ 1745 году съ ватагомъ гайдамацкимъ Левушковскимъ куреннымъ, уже умершимъ, Охтирою и съ нимъ бывшими 13 чел. товарищами, съ ними не малое время прожилъ, довольствуясь только угономъ скота отъ татарскихъ чабановъ; а какъ присланы отъ Коша въ упомянутому ватагу съ товарищи его, по многимъ ихъ въ великихъ и заграничныхъ степахъ партіями войсковыми поискахъ и непоимкахъ, нарочные, чтобъ по степу перестали шататься и татарамъ чинить обидъ, но ишлибъ на покаяніе добровольное въ Сѣчь, безъ сумнѣнія, и въ томъ, что шататься и воровать не будетъ, въ сѣчевой церкви выконали бы присягу, почему и будутъ отъ Коша всѣ прощены; то онъ съ ватагомъ и прочими товарищами заразъ поѣхали въ Сѣчь, и за пріѣздомъ, по довольному тогда бывшаго атамана кошеваго Василія Григорьева Сича и всѣхъ атамановъ и старшинъ *словесному истязанію* въ церкви, въ недѣланіи уже напредки никакихъ самовольствъ присягли... отъ всѣхъ къ Кошѣ правящихъ и обществомъ войсковымъ за всѣ ихъ преступленія, за самовольное покаяніе, прощены... онъ же Чорный началъ жить въ Самарѣ въ р. Кильчени зимовникомъ честно, а какъ оженился, то въ Чернечомъ селѣ». 1756 іюня 2.

А вотъ образчикъ публичнаго выговора, соединеннаго съ сидѣніемъ на пушкѣ, за дерзость противъ пограничнаго начальства.—Въ 1763 году вытребованы были и отправлены въ кр. св. Елисаветы три запорожскіе старшины, для опредѣленія границъ и рѣшенія могущихъ встрѣтится межевыхъ споровъ. Одинъ изъ нихъ, полковый старшина и писарь Андрей Семеновъ, а по прозванію Товстикъ, замѣтивъ многія злоупотребленія при межеваніи, противныя смыслу высочайшихъ повелѣній императрицы, протестовалъ безъ спросу

своихъ старшихъ товарищей и, въ присутствіи генералъ-поручика Мельгунова, сказалъ: «развѣ здѣсь такое мѣсто, что всѣхъ насильно грабятъ?» Обиженный генералъ, не желая быть самъ судьею виновнаго, отослалъ его въ Кошъ. Старшина войсковая, чтобы доказать непричастность свою къ такимъ неприличнымъ поступкамъ, приговорила Товстика: «при собраніи всего Коша жестоко быть *избранену* и, по *обычаю*, держиму на базарѣ, публично, на пушкѣ цѣлую недѣлю».

Увѣщанія и выговоры были конечно самыми легкими наказаніями въ Сѣчи, обыкновенно же практиковавшіяся тамъ наказанія поражаютъ своею суровостію. Таково напр. оригинальнѣйшее наказаніе уломленіемъ одной ноги, а быть можетъ и вообще лишеніемъ какого либо члена тѣла преступника, въ родѣ извѣстнаго на Москвѣ урѣзыванія языка и въ Польшѣ отсѣченія руки и ноги на крестъ. Уломленіе ноги преступнику совершилось по такому случаю. Шатавшійся по Запорожью *наймитъ* Грицко Капустенко, 25 лѣтъ отъ роду, находясь на рыбныхъ ловляхъ въ калміусской паланкѣ, служилъ при заводѣ запорожскаго козака корсунскаго куреня Демка Кумпана. 24 числа марта вечеромъ онъ напился пьянъ и, поссорившись изъ за трубки съ запорожцемъ Никитою Тараномъ, ударилъ его ножемъ; увидя же, что его крѣпко ранилъ, испугался, сталъ бѣжать, но за ночною темнотою не могъ никуда убѣжать. Прибѣжавши въ рыбный заводъ, отъ страху скрылся было въ чуланѣ; но на гвалтъ Тарана сбѣжались другіе козаки и узнавъ о происшествіи, начали поискъ чинить, а сыскавши, въ чуланѣ его обыскали и нашли въ платьѣ ножъ весь окровавленный; взяли его и держали всю ночь подъ карауломъ, а между тѣмъ дали знать его хозяину Кумпану, который его представилъ немедленно въ калміусскую паланку». *Приговоръ отмѣченъ такъ*: «1767 года августа 8 наказанъ на сходкѣ уломленіемъ одной ноги».

Общеупотребительно было наказаніе «кіями», съ отпускомъ на покаяніе. Вотъ примѣръ. «Козакъ платнировскаго куреня Иванъ Пастрида служилъ по зимовникамъ и на рыбной ловлѣ въ Гарду честно по 25 апрѣля 1766 года; ѣхавши-жъ въ новороссійскія слободы, остановился въ зимовнику на р. Чорномъ-Ташлыку, у запорожскаго козака же ночевати. Тутъ съ другимъ напившись пьянъ, потерялъ всю память и служителя того зимовника, подошедшаго

къ его возу, кулаками и дугою такъ сильно билъ, что тотъ на третій день умеръ». *Приговоръ*: «1767 г. августа 8 на сходкѣ наказанъ жестоко кіями и пущенъ на покаяніе».

Обстоятельства дѣла, иногда вовсе независѣвшія отъ воли преступника, давали иногда поводъ къ уменьшенію наказанія. Одинъ житель запорожскаго селенія Лебедивки (протовчанской паланки), будучи обвиненъ какою-то женщиною въ грѣхѣ, который больше всего наказывался въ Ззапорожьѣ и, подвергшись за то тяжкому взысканію, изъ мщенія не только ее убилъ, но даже тирански ножемъ изрѣзалъ и въ томъ преступленіи въ паланкѣ сознался. Взятый подъ арестъ и отправленный въ Сѣчь, онъ преданъ былъ суду. Вотъ приговоръ Коша, сообщенный войсковому старшинѣ Порохнѣ, командовавшему въ заднѣпровскихъ паланкахъ: «присланный при вашемъ рапортѣ въ Кошъ, вѣдомства протовчанскаго с. Лебедивки житель Василь Беркутъ, хотя за его въ убійствѣ чужой женщины винность подлежалъ смертной казни... но что онъ имѣетъ у себя малолѣтнихъ дѣтей и жену, и чтобы оные не оставались безъ воскормленія, по разсужденіи Коша, вмѣсто таковой ему за то слѣдовавшей смертной казни, жестоко здѣсь наказанъ кіями и отпущенъ на прежнее жительство на покаяніе». 1767 года, августа 8.

Къ этому слѣдуетъ добавить, что еще прежде объявленія приговора, Кошъ приказалъ войсковому асаулу поѣхать въ с. Лебедивку и взявъ скотъ убійцы, раздѣлить его, по обычаю, на три части: одну на Кошъ, одну на старшину войсковаго Порохню, какъ главнаго мѣстнаго начальника, третью-же часть скота и все движимое имущество виновнаго, слѣдовавшія главной старшинѣ въ Сѣчи, отданы женѣ его на прокормленіе себя и дѣтей.

Смертная казнь замѣнялась наказаніемъ кіями въ случаѣ поручительства, но тогда это наказаніе производилось подъ висѣлицею. Запорожскій козакъ куреня полтавскаго Максимъ Шульга нѣсколько лѣтъ сряду гайдамачилъ, особенно же занимался воровствомъ лошадей въ Польшѣ и Буджакѣ; но въ одномъ шинку на р. Солонцѣ, гдѣ онъ скрывался, войсковымъ асауломъ взятъ и привезенъ въ Сѣчь, здѣсь же, «по довольномъ *кіевдмъ* наказаніи подъ висѣлицею, войскомъ и священниками испрошенъ и отпущенъ на поруки» 1759 г. генваря 3. Ручался родной его братъ и другіе товарищи въ слѣдующихъ словахъ; «что его Шульгу взяли на поруки и впредъ во-

вовать не будетъ, мы въ томъ обязуемся и повинны отвезти въ монастырь по его обѣщанію. Ежели жъ онъ Шульта впредъ воровать станетъ и на него претензія зайдетъ, мы обидимыхъ довольствовать и его сыскивать къ поставкѣ въ Кошъ имѣемъ».

На поруки брали иногда цѣлымъ куренемъ, и это въ силу круговой отвѣтственности всего Коша предъ правительствомъ, куреня и паланки предъ Кошемъ. Денежнаго залога не существовало, но отвѣтственность была полная, взысканіе дисциплинарное и имущественное. Отсюда тѣ оригинальные мотивы, по которымъ курень бралъ на поруки провинившагося товарища. Въ 1755 году, октября 29, атаманъ кисляковскаго куреня Самоилъ Щербина съ товарищи, выпросили у кошеваго Григорія Ѳедорова на поруки козака своего куреня Кирилла Письменнаго, содержавшагося въ пушкарнѣ войсковой подъ карауломъ, за его по причинѣ гайдамачества винность, и дали росписку въ томъ, что онъ по первому востребованію представленъ будетъ къ отвѣту, а паче, что онъ впредь воровать не пойдетъ и нигдѣ съ ворами сообщенія никакова имѣть не будетъ; «еслижъ бы паче чаянія, добавляли поручители, отъ нашего надъ нимъ небреженія, въ какомъ подозрительствѣ явиться могъ бы, тогда мы нижеподписанные подлежатимемъ войсковому штрафу и за него Письменнаго отвѣту». И вотъ мотивъ столь отвѣтственнаго поручительства. «Козакъ Письменный многимъ козакамъ и постороннимъ людямъ на не малую сумму денегъ задолжался, козаки-жъ запорожскіе, по обычаю своему, а паче по нѣкоейсь злобѣ, намѣревались собравшись, его, яко вора, въ смерть убить». «А егда убитъ будетъ, разсуждала куренная братія, то куреню нашему платить за него денегъ на не малую сумму воспослѣдуетъ напрасно; и по крайнейшей таковой причинѣ упросили мы его милость пана кошеваго Федорова и старшины войсковой на поруки наши его козака Письменнаго отпустить». При этомъ, добавляетъ росписка, «по обыкности нашей, яко старшинѣ, помянутому г. кошевому Федорову, принявши отъ рукъ вышеписаннаго вора, я атаманъ съ товариствомъ дали за утружденіе его одного червонца и причислили оного дать не зъ воровского, *но съ куреня*».

Къ числу наказаній относилось и привязываніе у позорнаго столба. Столбъ стоялъ у самой колокольни при Сѣчевой Покровской церкви, и привязываніе къ нему, въ присутствіи всего войска,

было величайшимъ посрамленіемъ для козака. Вотъ примѣры этого наказанія. Въ 1758 г. 11 іюня «козакъ Герасимъ Рябый, за побои въ пьянствѣ причиненные, наказанъ у стовба кіями и тамо умеръ». Козакъ пашковскаго куреня Федоръ Литвинъ «за отнятіе у другаго козака лошади у *столба въ Сѣчи былъ привязанъ*». Тоже наказаніе опредѣлено было дезертирамъ, которые во время войны самовольно отъ своихъ прапоровъ уходили въ степь, подъ предлогомъ полевыхъ работъ. Въ 1770 году кошевой писалъ войсковому судьѣ: «дезертировъ ушедшихъ изъ экспедиціи отряда подъ Очаковомъ и Хаджибеемъ, наказавъ на базарѣ кіями, держать у столба до возвращенія моего въ Сѣчь».

Высшею степенью наказанія была смертная казнь, и она практиковалась также въ Сѣчи запорожской. Кошевой былъ главный судья и верховный начальникъ войска, и приговоры его, даже смертные, исполнялись въ Кошѣ безъ апелляцій къ гетману, или Высочайшей власти. Хотя указъ 1749 года марта 13 строго воспрещалъ такіе приговоры, но они до самаго уничтоженія Сѣчи существовали. Мы нашли цѣлый списокъ казненныхъ, оффиціально представленный кошевымъ Павломъ Козелецкимъ въ пограничную коммисію, учрежденную въ Бахмутѣ для рѣшенія споровъ донскаго и запорожскаго войскъ 17 ноября 1747 года. Тутъ между прочимъ показано: 1) козакъ Иванъ Покотило въ 1744 г. при Сѣчи повѣшенъ, 2) козакъ Сухій за воровство кіями до смерти въ Самарѣ 1746 г. убитъ, 3) Павло Щербина въ томъ же году въ самарской паланкѣ повѣшенъ и три другіе въ Сѣчи повѣшены и т. д.

Судъ въ Запорожьѣ былъ простъ и очень кратокъ: допрашивали виновныхъ и свидѣтелей и тутъ же полагали рѣшеніе. На время допросовъ и увѣщанія преступникъ содержался въ пушкарнѣ, которая представляла собою родъ погреба или ямы, гдѣ, во избѣжаніе побѣга, виновнаго приковывали къ пушкѣ. Если увѣщаніе не помогало, прибѣгали къ пристрастію или пыткѣ. Къ чести Запорожья сказать надо, что, кромѣ батоговъ, никакихъ другихъ орудій для пытки не употреблялось, хотя и допросъ съ батогами заканчивался иногда смертію. Вотъ одинъ такой случай. Въ 1774 г. какойто молодикъ Никонъ хвастался предъ козакомъ Борисомъ Шевцемъ, что получивъ наслѣдство, онъ намѣренъ себѣ и ему лошадей купить, дабы въ компанію быть готовымъ, ибо, присовокупилъ молодикъ,

«если въ походъ не пойдемъ, то какъ пановъ выбивать будутъ, чтобъ и намъ смертоубійства не случилось». Видно, что тогда въ Сѣчи затѣвалось нѣчто въ родѣ возстанія 1768 года. Козакъ Борисъ Швець, напившись пьянъ въ Новомъ-Кодакѣ, разсказалъ это въ корчмѣ; старшина взяла его въ секвестръ сперва къ простому, а послѣ и къ пристрастному допросу; но «отъ тѣхъ трехъ *пристрастныхъ* допросовъ, онъ Швець дней чрезъ 4 и умре въ ямѣ», какъ замѣчаетъ приговоръ.

Когда преступникъ сознавался въ винѣ, старшина на сходкѣ произносила приговоръ, который войсковый писарь надписывалъ на самомъ допросѣ. Исполненіе сентенцій производилъ войсковый довбышъ публично на базарѣ у висѣлицы, или у столба, или же партикулярно на сходкѣ, судя по важности преступленія.

Достойно вниманія то уваженіе, которое запорожцы питали къ праздникамъ и постамъ, при производствѣ суда. Въ 1762 г. въ кодацкой паланкѣ содержались два молодика по подозрѣнію въ убійствѣ одного тамошняго жителя. Случилось это въ первую недѣлю великаго поста. По донесеніи о семъ Кошу, на запросы полковника Кодацкаго, какъ поступить съ арестантами, послѣдовалъ такой отвѣтъ: «А яко въ нынѣшніе постные дни наступившей первой седьмицы о томъ убійствѣ изслѣдованія чинить не слѣдуетъ и не можно до окончанія тѣхъ дней; содержащихся же отцы жительствующіе въ Кодакѣ суть люде осѣдлые, для того повелѣваемъ: обвиненныхъ отцамъ ихъ до имѣющагося быть ихъ дѣлу разбора за роспискою отдать на поруки, съ тѣмъ, чтобы они, по востребованіи, оныхъ, гдѣ слѣдовать будетъ, представили».

Въ извѣстныхъ разсказахъ столѣтняго запорожца Леонтія Коржа, записанныхъ въ 40-хъ годахъ архіепископомъ одесскимъ Гавріиломъ, находимъ любопытныя подробности внѣшняго порядка и обрядности суда у запорожцевъ. Тяжущіеся шли прежде всего къ начальству своей паланки и не иначе, какъ купивши на базарѣ по калачу. Обращеніе судей-начальниковъ къ подчиненнымъ козакамъ и обратно свидѣтельствовало объ ихъ близости, равенствѣ и братствѣ.

— Кляняемся вамъ хлибомъ-силью, говорили тяжущіеся судьямъ, полагая калачи на столъ.

— Здорови були! отвѣчали имъ судьи и спрашивали: «а яке ваше дило, панове молодци»?

— Отъ, панове, яке наше дило! начиналъ обиженный и излагалъ свою жалобу относительно, напр., потравы, захвата и т. д.

— Ну, братику, говори, чи правда то, що товарищъ на тебе каже? спрашивали судьи обидчика, и тотъ говорилъ въ свое оправданіе.

Выслушавъ обѣ стороны, паланка иногда посылала отъ себя козаковъ для освидѣтельствованія «шкоды» или обиды на мѣстѣ и по справкамъ рѣшала дѣло такъ или иначе. При несогласіи сторонъ, паланка терпѣливо уговаривала спорящихъ и если не могла добиться отъ нихъ соглашенія, то отправляла ихъ въ Кошъ. Тамъ спорящіе, если они принадлежали къ разнымъ куренямъ, шли въ тотъ или другой курень по предварительному уговору и также съ калачами, которые клали съ поклономъ на столъ атамана.

— Здоровъ, батьку! говорили они, входя къ атаману.

— Здорови були, паны молодци! отвѣчалъ имъ атамянъ, и не зная, зачѣмъ пришли, просилъ садиться.

— Та николи, батьку, сидиты, мы дило до тебе маемъ, отвѣчали козаки и излагали свое дѣло, пояснивъ, какъ они судились въ паланкѣ и на чемъ она порѣшила.

Атаманъ, выслушавъ обоихъ и узнавъ, какого куреня другой козакъ, посылаетъ прислужниковъ попросить къ себѣ атамана того куреня. Тутъ происходило совмѣстное разбирательство, а при несогласіи сторонъ оба атамана вмѣстѣ съ спорящими шли къ войсковому судѣ. Сперва входили атаманы съ обычными привѣтствіями, а потомъ являлись съ поклономъ и калачами и тяжущіеся козаки. По словесномъ докладѣ и выясненіи всего дѣла судья объявлялъ свое рѣшеніе, и если и послѣ этого одна изъ споривишхъ сторонъ оставалась недовольною, тогда судья говорилъ:

— Ну, теперъ-же, панове атаманы, идить зъ ними до п. кошового, тамъ уже буде имъ конечный судъ! и, обращаясь къ тяжущимся, прибавлялъ: а вы, братци, забирайте съ собою и свій хлибъ съ сырна.

— Та ни, добродію, мы соби купимъ на базари, говорили тѣ.

— Забирайте, забирайте, съ гнѣвомъ повторялъ иногда судья, и не держить отаманивъ, бо имъ не одно дило ваше.

У кошеваго та-же церемонія, съ привѣтствіями, поклонами и калачами, и тотъ-же патріархальный пріемъ, ничѣмъ не выдающій неравенства судьи и подсудимыхъ. Рѣшеніе кошеваго было безъапелляціонымъ и если оно принималось съ удовольствіемъ тяжущи-

мися, разставаніе ихъ съ кошевымъ дышало братскою пріязнію и имѣло видъ прощанія гостей съ хозяиномъ.

— Прощай, вельможный пане! говорили, уходя, атаманы и козаки.

— Прощайте, панове молодци, прощайте та и насъ не забувайте, отвѣчалъ имъ кошевой.

Но при упорствѣ и рѣзкомъ протестѣ виновнаго, или большой его винѣ сцена перемѣнялась и кошевой грозно командовалъ: «сторожи, кіивъ!» и когда появлялись кіи, вельможный объявлялъ виновному: «ну лягай, братику! ось мы тебе проучимо, якъ-то по правди робити и панивъ шанувати!»

— Помилуй вельможный пане! взывалъ тогда козакъ.

— Ни, братику, нема вже тоби помилуванья, коли ты такій. Козаки! сидайте на рукахъ и на ногахъ, сторожи! быйте его добре кіями, щобъ знавъ, почимъ кившъ лиха.

«И якъ почнуть кіи межъ собою розговорювать по сей бикъ и по той бикъ, разсказывалъ Коржъ, то козакъ все мовчить, та слухае, що-то вони скажуть. И якъ уже ёго добре употчують, 50 або 100 кіивъ дадуть, то кошовый крикне: «годи!» Тоди сторожи, пиднявши кіи на плечи, стоять якъ салдаты зъ ружьями на часахъ, козаки потроху ще придержують виноватого, а кошовый вычитуе ёму зновъ свое ришеніе. «Чую, вельможный пане», кричить винъ, а кошовый ёму на остатокъ: «ну, вставай съ Богомъ, та шануйся! А що це тебе выбили, то здоровъ зноси: то, щобъ ты не дуже мудровавъ не упрямився».

Иногда кошевой шутливо спрашивалъ наказываемаго: «а може тоби ще прибавить кіивъ?» Но виновный съ крикомъ и воплемъ отпрашивался: «буде зъ мене и сёго, до вику не буду противиться, буду шановати панство!» Тогда кошевой, приходя въ себя, командовалъ козакамъ и сторожамъ: «ну, буде, вставайте и козака на волю пускайте, а кіи де дальше ховайте».

Изъ разсказовъ того-же Коржа узнаемъ, что въ Запорожьи было три рода казней и три особыя для нихъ орудія:

1) Шибеница или висѣлица. Висѣлицы устроены были въ разныхъ мѣстахъ надъ большими дорогами, почти во всякой паланкѣ, но способъ вѣшанія былъ очень оригинальный. Преступника подвозили подъ висѣлицу верхомъ, здѣсь накидывали ему на шею сильце (петлю) и ударивъ лошадь, прогоняли ее, а осужденный

повисалъ такимъ образомъ на веревкѣ. Иногда вѣшали вверхъ ногами, иногда за ребро желѣзнымъ крюкомъ, и висѣлъ такъ преступникъ, пока и кости его разсыплются, въ примѣръ и страхъ другимъ, и никто его оттуда снять не смѣлъ, подъ смертною казнію.

2) Острая паля, или колъ. Это былъ высокій деревянный столбъ, вышиною въ 6 аршинъ и болѣе. съ желѣзнымъ острымъ шпилемъ въ два аршина. На этотъ шпиль насаживали осужденнаго такъ, чтобы острый конецъ на ½ аршина выходилъ спиною; и сидѣлъ на томъ шпилѣ несчастный дотолѣ, пока не изсохнетъ, «поки не выкорениця, по выраженію Коржа, якъ вяла рыба, щобъ якъ витеръ повіе, то-бъ крутився кругомъ и торохтили-бъ уси ёго кисточки». Эта казнь употреблялась очень рѣдко, быть можетъ затѣмъ, чтобы не было сходства съ польскими старостинскими судами, которые всѣхъ пойманныхъ гайдамакъ, а иногда просто бѣдныхъ запорожцевъ на колъ сажали безпощадно.

3) Кіи или бичи—дубовые или изъ другого крѣпкаго дерева. Преступника привязывали или приковывали къ столбу въ Сѣчи, или въ паланкѣ на площади; вокругъ столба ставили разные напитки: водку, медъ, пиво и брагу, много калачей и тутъ же цѣлые связки *кіивъ*. Осужденному прежде всѣхъ предлагали ѣсть и пить; потомъ всякій козакъ бралъ кій и выпивъ *корякъ* водки или меду, ударялъ преступника, приговаривая: «ото-то тоби, вражій сыну, щобъ ты не кравъ и не розбивавъ; мы вси за тебе цилымъ куренемъ платили». И били осужденнаго, пока не убивали въ смерть.

А. Скальковскій.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

2.

Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 г. (Т. I. стр. 341—388) помѣщена статья Александра Матвѣевича Лазаревскаго «Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. III. Сотники». Почтенный авторъ говоритъ, что ни генеральная, ни полковая старшина не имѣли опредѣленнаго круга обязанностей, что они находились въ полной зависимости отъ атамана и полковника, служили по ихъ указаніямъ и распоряженіямъ, исполняли всякую нужную службу. Гетманъ, полковники и сотники пользовались найбольшимъ значеніемъ, най-

большею властью, были главными властителями въ Малороссіи, имѣвшими почти неограниченное вліяніе на подначальный народъ. Сила власти этихъ трехъ чиновъ была такова, что каждый изъ нихъ видѣлъ въ себѣ перваго «пана» въ своемъ округѣ. Конечно, эти «паны» пользовались своимъ привиллегированнымъ положеніемъ и всячески угнетали низшую братію. А. М. Лазаревскій и переходитъ, послѣ общей характеристики малороссійскаго уряда, къ описанію нѣкоторыхъ особенно примѣчательныхъ проявленій необузданнаго «паньского» произвола.

Сохранившіеся архивы сотенныхъ канцелярій могутъ дать болѣе или менѣе ясное представленіе о кругѣ дѣятельности сотника. Далеко не всѣ сотенные архивы уцѣлѣли, но и по оставшимся, будь они вполнѣ разобраны, можно бы очертить довольно правильно и полно обязанности и вообще характеръ служебныхъ занятій сотника.

Ко мнѣ случайно попали «входящія и исходящія» Варвинской сотенной канцеляріи прилуцкаго полка, безъ малаго за годъ, съ 8 декабря 1740 г. по 10 октября 1741 г., всего сто семнадцать номеровъ. Я сдѣлаю общій очеркъ ихъ содержанія, такъ какъ это можетъ пригодиться тому, кто пожелалъ-бы выяснить себѣ вопросъ о службѣ сотника.

Бумаги эти состоятъ изъ ордеровъ прилуцкаго полковника варвинскому сотнику, изъ рапортовъ послѣдняго, извѣщающихъ о полученіи ордеровъ и о принятыхъ къ выполненію ихъ мѣрахъ, а также изъ ордеровъ варвинскаго сотника подвѣдомственнымъ ему атаманамъ, старостамъ и войтамъ (свѣтличанскимъ, снѣдичанскимъ, остаповскимъ, озерянскимъ и брагинскимъ [1]). Въ сорока четырехъ номерахъ идетъ рѣчь о принятіи мѣръ къ поимкѣ дезертировъ и другихъ преступниковъ, въ четырнадцати о жалобахъ регулярныхъ войскъ и полковыхъ коммисаровъ (провіантъ собирался по распоряженію выборныхъ изъ мѣстныхъ обывателей-коммисаровъ) на несвоевременную доставку провіанта, о принятіи противъ этого мѣръ и веденіи строгой отчетности, чтобы не брать съ кого-либо изъ

---

[1]) Села- Свѣтвичное, Гнѣдинцы, Остаповка, Озеряны и Брагинцы и по нынѣ существуютъ, поэтому можно судить о территоріи, которую занимала варвинская сотня.

обывателей лишняго, но чтобы и добирать сполна слѣдуемое; въ двѣнадцати объ отдачѣ податей и полковыхъ сборовъ на откупъ и о правильномъ собираніи ихъ, въ шести объ исключительной продажѣ селитры казнѣ, о присылкѣ умѣлыхъ слесарей, неканщиковъ, литейщиковъ и рабочихъ для поправки крѣпостей и о надзорѣ за потребленіемъ пороха, въ трехъ о правильномъ разведеніи «силенокъ» и о продажѣ шерсти, въ трехъ о немедленномъ удовлетвореніи челобитныхъ, въ другихъ трехъ о злоупотребленіяхъ нѣжинской старшины и произведенномъ надъ нею слѣдствіи и судѣ; въ двухъ о присылкѣ выборныхъ козаковъ въ комисію опредѣленія границъ между Россіею и Турціею, въ распоряженіе генералиссимуса герцога брауншвейгъ-люнебурскаго, и наконецъ въ двухъ о содержаніи плѣнныхъ турокъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

Остальные восемнадцать номеровъ самого разнороднаго содержанія:

1) Прилуцкій полковникъ Григорій Галаганъ объявляетъ, что 6-го декабря 1740 г. полученъ высочайшій указъ «о отпущении, для поминовения височайшого милосердія императрицы Анны Іоанновны, впадшимъ въ разния вины наказаний, такожъ штрафовъ, доимокъ, процентовъ и свободѣ каторжнихъ и другихъ, содержащихся подъ карауломъ, о пресѣченіи слѣдствий и о прочемъ».

2) Полковничій ордеръ, чтобы владѣльцы обжалованныхъ земель не скупали грунтовъ у посполитыхъ, въ силу указа сената, полученнаго въ январѣ 1741 г.

3) Полковничій ордеръ объ увольненіи варвинскаго сотника Дмитрія Конѣскаго, по его просьбѣ, отъ слѣдствія надъ монастырищенскимъ сотникомъ Романовичемъ, его родственникомъ, и о дозволеніи ему ѣхать въ Глуховъ только тогда, когда будетъ имъ назначенъ къ исправленію его должности человѣкъ угодный козакамъ.

4) О гербовой пошлинѣ (см. «Кіев. Стар.» 1885 г., май, «Къ исторіи канцелярской переписки въ Малороссіи»).

5) Полковничій ордеръ, извѣщающій, что вслѣдствіе отъѣзда Кейта въ Петербургъ до пріѣзда Неплюева малороссійской генеральной канцеляріей будетъ управлять Леонтьевъ.

6) Полковничій ордеръ о томъ, чтобы публикація о винахъ регента Бирона была читана вездѣ по сотнѣ трижды.

7) Ордеръ «содержащаго полковое правленіе» Якова Офоновича, объявляющій о продажѣ байдаковъ на Днѣпрѣ.

8) Вторичное объявленіе о продажѣ байдаковъ.

9) Полковничій ордеръ, извѣщающій о новомъ высочайшемъ указѣ относительно недорослей изъ дворянъ, чтобы записывать ихъ въ полки.

11) Полковничій ордеръ о возвращеніи вещей и денегъ Бироновыхъ, если таковыя у кого есть, Ушакову.

11) Полковничій ордеръ, запрещающій козакамъ переписываться въ посполитые, дабы избавиться отъ службы.

12) Полковничій ордеръ о высылкѣ изъ Варвы въ Кіевъ капитана, капрала и нѣсколькихъ рядовыхъ ладожскаго пѣхотнаго полка.

13) Полковничій ордеръ, извѣщающій, что для удовлетворенія многочисленныхъ жалобъ на обиды, чинимыя великороссійскими офицерами, учреждена слѣдственная комиссія въ Глуховѣ.

14) Полковничій ордеръ о немедленномъ приведеніи «мѣстечка Варвы въ доброе и безопасное состояніе» подчинкою.

15) Полковничій ордеръ, извѣщающій о взятіи фельдмаршаломъ Ласси крѣпости Вильманстранда (въ Финляндіи).

16) Полковничій ордеръ о томъ, что если будутъ гдѣ подброшены проѣзжими лицами пакеты и письма, то чтобы ихъ тотчасъ же отсылали въ Глуховъ нераспечатанными.

17) Полковничій ордеръ о томъ, чтобы обыватели прилуцкаго полка не покупали скота въ миргородскомъ полку, такъ какъ тамъ падёжъ, чтобы были приняты всевозможныя мѣры предосторожности—больной скотъ отдѣлять, отдѣльно поить, падали закапывать глубоко со шкурою и т. д.

3.

Полковые прилуцкіе урядники въ 1741 г.:

Полковникъ Григорій Галаганъ.

Обозный Ѳедоръ Галенковскій.

Судья Михайло Ячельницкій.

Писарь Иванъ Александровичъ.

Асауловъ въ одинъ годъ перемѣнилось три: Михайло Мовчанъ, Михайло Величко, Михайло Стороженко.

Хорунжій Иванъ Семеновичъ.

Старшій канцеляристъ Яковъ Стефановичъ.

Подканцеляристъ Лавровскій.

Атаманъ городовой Леонтій Никифоровичъ.

Городничій Иванъ Дмитріевъ.

Коммисары: Иванъ Новицкій, Ѳедоръ Каневскій, Степанъ Кисловичъ.

Прилуцкимъ сотникомъ былъ Степанъ Лукомскій.

Н. В.

ИСПОВѢДЬ МАРГАСА.

Подъ такимъ заглавіемъ помѣщаемое здѣсь стихотвореніе въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія шибко ходило по рукамъ въ средѣ духовенства юго-западнаго края, усердно переписывалось и читалось, заучивалось наизустъ и декламировалось въ веселыхъ компаніяхъ. Причина въ томъ, что оно отвѣчало злобѣ времени, касалось одного изъ самыхъ больныхъ мѣстъ низшаго сельскаго духовенства.

Читатель не съ разу догадается, какой сюжетъ стихотворенія и какая его цѣль. И сфера дѣйствія, и время онаго слишкомъ отдалены отъ насъ и мало извѣстны. Необходимы нѣкоторыя объясненія, необходимо вспомнить кое-что изъ прошлаго нашего края.

Маргасъ, отъ лица котораго идетъ въ стихахъ вся рѣчь, названіе не существующее, да едва-ли и существовавшее; имъ окрещенъ дьячекъ или пономарь, вообще причетникъ стараго времени. А причетники въ нашемъ краѣ до начала нынѣшняго столѣтія не подлежали вѣдѣнію епархіальной власти и въ духовномъ званіи не считались вовсе. Это были люди вольной профессіи, свободные, такъ сказать, артисты; избирались они къ мѣстамъ прихожанами съ благословенія священника, послѣ пробы и могорича у старосты и даже просто въ сельской корчмѣ. Договоры ихъ съ прихожанами были словесные, записывались изрѣдка для памяти и то на клочкѣ бумаги или на обложкѣ церковной или братской книги. Кромѣ чтенія и пѣнія въ церкви и по приходу, на обязанности дьячка лежало обученіе въ школѣ, по имени которой называлось и самое его жилище, и если онъ удовлетворялъ этимъ двумъ требованіямъ, жизнь его была безмятежная и довольная, ибо за искусство въ пѣніи и хорошее обученіе прихожане вознаграждали его и сверхъ договора. Никакая иная власть надъ нимъ не тяготѣла, кромѣ моральной власти прихода, никакимъ выговорамъ,

и взысканіямъ онъ не подвергался, никакой сверхъ-обязательной въ чью-либо пользу работы не несъ. Отношенія къ нему священника были простыя, отнюдь не начальническія. Письменной отчетности никакой на немъ не лежало, да ея, кромѣ метрическихъ книгъ и краткихъ, партикулярныхъ, записей церковнаго или братскаго дохода и расхода, вовсе не существовало, да и тѣ велись не имъ. Не нравился онъ приходу или приходъ ему,—выходъ былъ свободный во всѣ стороны и ко всякому другому занятію.

Съ присоединеніемъ юго-западнаго края къ Россіи на него распространены общеимперскіе, гражданскіе и церковные порядки, и наши причетники очутились въ замкнутомъ кругѣ духовной касты. Общій духъ всего тогдашняго строя, проникавшій всѣ человѣческія отношенія, коснулся и свободнаго дьячка: выборный священникъ, старшій братъ, становился его начальникомъ; за нимъ стояла другая болѣе сильная власть въ лицѣ благочиннаго; надъ нимъ возвышалось духовное правленіе съ повѣтовымъ протопопомъ во главѣ, а надъ всѣмъ царила консисторія съ ея указами, экзаменами и контролемъ. Изъ человѣка вольной профессіи дьячекъ сталъ кабальнымъ членомъ не высоко стоявшаго сословія и занялъ въ немъ самую низшую, послѣднюю ступень, безъ права сойти съ нея безъ особыхъ усилій и существенныхъ правовыхъ потерь; изъ равноправнаго, но свободнаго члена сельской общины онъ попадалъ въ такое строго подчиненное положеніе, которое, опредѣляя его службу и жизнь до костюма и косички включительно, налагало на него новыя обязанности по церковному письмоводству и натуральныя повинности по разноскѣ указовъ и сдачѣ отчетности, не считая злоупотребленій отяготѣвшей надъ нимъ духовной власти въ числѣ нѣсколькихъ инстанцій. Въ ряду ихъ особымъ бременемъ для причетниковъ сказывались канцеляріи духовныхъ правленій. Надѣленныя при самомъ учрежденіи мизернымъ содержаніемъ, онѣ заполнены были людьми другихъ учрежденій, привыкшими уже къ вымогательствамъ и подачкамъ.

Но прошло два-три десятка лѣтъ и то, что было, можетъ быть, только дурною привычкою, стало въ нѣкоторомъ смыслѣ прямою необходимостію; мизерное содержаніе стало нищенскимъ,—его не хватало уже на прокормъ голодающей семьи, а извѣстно, что въ дѣлѣ взяточничества границы между нуждою и прихотью не полагалось. И власти чисто духовныя во вкусъ новыхъ порядковъ вошли не вдругъ и тяжесть новаго режима сказалась не скоро, но, какъ кажется, именно къ тому времени, къ которому относится настоящее стихотвореніе, къ 30-мъ годамъ настоящаго столѣтія. Священники, тяготясь произ-

водившеюся въ духовныхъ правленіяхъ „драчею“ и безцеремоннымъ обращеніемъ столоначальника и канцеляристовъ, возлагала сдачу метрическихъ, приходо-расходныхъ, исповѣдныхъ и другихъ записей на дьячковъ, съ придачею иногда и церковнаго старосты. Неисправность записей давала поводъ не только къ вымогательствамъ деньгами и натурою, но и къ нѣкоторому издѣвательству надъ сдающимъ и презрительному съ нимъ обращенію.

Вотъ тутъ-то дьячекъ почувствовалъ всю приниженность, всю тягость своего положенія и излилъ волновавшія его думы и чувства въ стихахъ, начавъ ихъ совершенно естественнымъ воплемъ:

Ахъ, ахъ, ахъ!
Во коликихъ азъ бѣдахъ...

Изобразивъ рельефными чертами претерпѣнныя имъ въ разныхъ инстанціяхъ невзгоды, онъ рисуетъ затѣмъ возвращеніе свое подъ кровъ мирной „школицы“, радостную встрѣчу его учениками, сладостный отдыхъ дома, ласковый пріемъ у священника, не отбившагося еще отъ старыхъ порядковъ, и шумное пированье на крестинахъ у перваго прихожанина

Здѣ, братъ, здѣ намъ благо жить,
Сладко ѣсть, сладко пить—

заканчиваетъ онъ свою исповѣдь, рисуя такимъ образомъ идеалъ своей жизни, согласно пронесенному задолго предъ тѣмъ повсюду идеалу послѣднихъ представителей запорожской вольницы:

Спати и лежати,
Все горилочку кружати.

Такимъ образомъ приводимое здѣсь стихотвореніе является отголоскомъ отдаленнаго духа времени, отраженіемъ борьбы въ данное время старыхъ порядковъ съ новыми, изъ которыхъ тѣ и другіе имѣли свои хорошія и дурныя стороны, голосомъ жизни, давно отошедшей въ область преданія, своего рода письменнымъ историческимъ памятникомъ. Для насъ интересны и эти отжившіе типы благочиннаго, протопопы, столоначальника и даже его одежды краткой, что красную имѣла подкладку, и этотъ вымершій, какъ зубръ, дьякъ-учитель, съ его „школицею и косіею“, и близкій къ нему батюшка Игнатій, и путешествіе его съ матушкой и дьячкомъ на крестины къ мужику-прихожанину, и общее непринужденное ихъ веселіе, какъ членовъ одной духовной семьи...

Стихъ памятника мѣстами бойкій и плавный; языкъ можно-бы назвать правильнымъ и чистымъ, если-бы не намѣренная примѣсь мѣстнаго и церковно-славянскаго элемента, вызванная памфлетнымъ характеромъ произведенія, выходящаго изъ духовной среды и для нея-же предназначеннаго. Это однако не языкъ среды, хотя-бы письменный, но языкъ, введенный для подобныхъ темъ царившимъ тогда въ мѣстной литературѣ украинскимъ писателемъ И. П. Котляревскимъ, которому авторъ этого стихотворенія очевидно подражалъ.

Ахъ, ахъ, ахъ!
Въ коликихъ азъ бѣдахъ,
Въ коемъ горѣ пребываю,
Кую чашу испиваю!
Нѣтъ ограды ни на часъ!
Говорилъ, стеня, Маргасъ.
Проклиная людску злобу,
Онъ желалъ идти ко гробу;
Лучше, думалъ, погибать,
Чѣмъ такъ горестно страдать.
Жизнь моя мнѣ наскучаетъ:
Благочиный угнетаетъ
И правленіе деретъ,
Протопопъ-же тако-жъ жметъ.
Тотъ курсоріей моритъ,
Все кричитъ, не говоритъ;
Въ страны дальны посылаетъ,
Тяжко, тяжко устрашаетъ.
И работати велитъ:
Молотити, жати и косить.
Правда, дастъ за то покушать,
Однакъ долженъ во всемъ слушать.
Вотъ велитъ Минею внесть
И по ней заставитъ честь;
Коль чести тамъ не возможешь,
То поклоновъ сто положишь.
И на жертвы вымагаетъ.
Братъ нашъ деньги полагаетъ,

Коль-же денегъ не даси,
То пѣть скажетъ на гласы.
Аще кто сего не знаетъ,
Отлучаетъ, устрашаетъ;
Разны бѣды все творитъ
И зѣло, зѣло кричитъ.
То по шеи ударяетъ,
То за волосы торгаетъ,
Или палицею бьетъ,
И во очеса плюетъ.
По сихъ мукахъ оставляетъ
И въ правленье посылаетъ;
Но и тутъ тебѣ не рай,
Бѣдный ты, Маргасъ, страдай!
Коль несчастный тамъ предстанешь
И на всѣхъ очима вглянешь,
Начнешь, бѣдный, трепетать,
Слезы горьки проливать.
Въ каждомъ зрима здѣ гордыня,
Каждый здѣ будто святыня,
Каждому здѣ поклонись,
Хоть невиненъ, то смирись.
Скорописцы тамъ сѣдяше
И со смѣхомъ поглядаше,—
Вопрошаютъ: отколя
Сельско, мерзко, ты теля?
А узнавши то селенье
И откуда принужденье,
Начнутъ въ руцѣ ударять,
Станутъ тако провѣщать:
Ужъ давно мы ожидали,
Чтобъ тебя сюда прислали;
Знаемъ, что съ тобой творить
И къ чему тя обратить.
Тутъ всю ярость изъявивши,
Трость за уши положивши,
Со сѣдалища грядутъ,

О, коликія напасти
И колики тяжки страсти
Братъ тогда нашъ претерпитъ,
Письмоводца коль узритъ!

Съ видомъ важнымъ выступаетъ
И хартіею кидаетъ.
Скорописцы востаютъ,
Честь ему всѣ отдаютъ.

Братъ-же, стоя у порога,
Видя, что бѣда здѣ многа,
Начинаетъ представлять,
Сколько будетъ здѣ страдать!

Письмоводецъ, обратившись
И сильнѣйше разъярившись,
Вопрошаетъ: ты отколь
Непотребнѣйшая моль?

Братъ тогда нашъ, встрепетавши
И хартію въ руцѣ давши,
Пренижайшій бьетъ поклонъ,
Чтобъ не разсердился онъ.

Коль хартію прочитаетъ,
Тамо-жъ сущая узнаетъ,
Вдругъ за волосы пойметъ,
Иль ногою поперетъ.

На работу посылаше
И отдыху не даяше:
И правленье заметати,
Подъ столомъ соръ очищати.

Иль велитъ ремень сапогу
Вытирати по премногу,
Дабы славно онъ блисталъ
И, какъ въ зиму, скрежеталъ.

Илъ одежду ону кратку,
Имать красну что подкладку,
Многократно очищать,
Чтобы въ оной похождать.

Огнь во пещи возжигать,
Чтобы тепло было спать,
Или яствія варить,
Чтобы чрево угобзить.
    Коль же прійдетъ со метрики,
    Кія тамъ бѣды велики:
    Начнутъ акты всѣ читать,
    Начнутъ тяжко ихъ марать.
И велятъ ихъ преписати,
Гдѣ-жъ тутъ хартіи набрати?
Скорописцу нужно дать,
Чтобъ изволилъ преписать.
    Переписаны читаютъ
    И вся акты повѣряютъ;
    Дай за всякой актъ копѣекъ пять,
    Коль не хочешь во бѣду попасть.
Письмоводцу-жъ за папиры
Серебреныхъ три-четыре
Всеконечно нужно дать,
Чтобъ изволилъ ихъ принять.
    И коль хочешь быть спокойнымъ,
    То иди съ карманомъ полнымъ,
    Скоро тутъ опорожнятъ:
    Обопьютъ и объѣдятъ.
Но еще того и мало,
И на томъ еще не стало.
Протопопъ нашъ коль узритъ,
До себя прійти велитъ.
    И оставитъ во поварни,
    Гдѣ сутъ слуги всѣ коварны;
    Начнутъ брата угнетать
    И какъ вѣникомъ кидать.
То вотъ станутъ посылать
Мѣста смрадна очищать,
То заставятъ дворъ подместь,
Или конямъ давать ѣсть.
    А во времена досуговъ
    Самъ велитъ идти за плугомъ

Сѣять, ралить и влачить,
И дрова во пещь рубить.
Въ положеньи столь несчастномъ,
Въ угнетеніи ужасномъ
Истощаетъ нашъ тамъ братъ
И послѣдній малъ кондрантъ.

Вся-же видя искощенна,
Къ протопопу онъ смиренно
Идетъ его упросить,
Чтобъ изволилъ отпустить.

А свободу получивши
И мѣхъ на плечи вложивши,
Поспѣшаетъ онъ въ домъ свой—
Тамо чтобъ вкусить покой.

О, коликую здѣ радость
И какую въ сердцѣ сладость
Удрученный ощутитъ,
Когда школку онъ узритъ.

Мала братья выбѣгаетъ,
Руцѣ къ нему простираетъ,
Не престаетъ лобызать,—
Горьки слезы проливать.

Онъ-же сладко утѣшаетъ:
Милы чада! восклицаетъ,
Ужъ не буду больше я страдать,
Перестаньте вы рыдать.

И во школицу вошедши,
На сѣдалище возсѣвши,
Отдыхаетъ уже тамъ
И даетъ дреманіе очамъ.

Настоятель коль узнаетъ,
Тотъ часъ за нимъ посылаетъ,
Чтобы скоро приходилъ
И вся бывша возвѣстилъ.

Братъ, косію причесавши
И одежду на ся взявши,

Къ настоятелю грядетъ
И пришедъ, поклонъ кладетъ.
Руцѣ потомъ лобызаетъ
И косію потираетъ,
Отдаетъ повинну честь.
Настоятель проситъ сѣсть.

Сколь минута здѣ счастлива,
Здѣ сейчасъ даютъ сочива;
Просятъ, чтобъ изволилъ пить
И новины возвѣстить.

Красовулю-же испившу
И вся ему возвѣстившу,
Настоятель такъ вѣщалъ:
Въ горькихъ ты бѣдахъ бывалъ!

Ибо онъ отецъ Игнатій
Былъ изъ нашихъ горькихъ братій,
Для того-то сожалѣлъ,
Самъ-бо тоже все терпѣлъ.

Намъ-же говорящимъ
И піеніе творящимъ,
Нѣкій мужъ туда грядетъ
И со калачи сосудъ несетъ.

На столѣ я полагаетъ
И моленье простираетъ,
Чтобы въ домъ его спѣшить,
Вновь рожденное крестить.

Мы прошенію внимаемъ,
Мужа она посылаемъ,
Чтобы въ домъ свой поспѣшалъ,
Благо ся распоряжалъ.

Настоятель со женою
И сопутствуемы мною
Къ мужу оному грядемъ,
Сладко кушаемъ и пьемъ.
Куры, гуси предлагаютъ,
Съѣсти оны умоляютъ

И хлѣбъ хитро исплетенъ
И на кругло сотворенъ.
Тутъ мяса стоятъ смачныя,
А найболѣе свинныя
Услажденьемъ суть для всѣхъ.
Слышенъ тамо многій смѣхъ.
Часто пищу прерываютъ,
И сикеру предлагаютъ,
Чтобы яства подливать,
Капли чтобъ не оставлять.
О, коликое блаженство!
И благъ кое совершенство!
Тамо бо на всякой часъ
Полны суть уста у насъ.
Пѣсни громки воспѣваемъ,
Красовули не минаемъ,
Зѣло благо тамъ жіемъ,
Сладко кушаемъ и пьемъ.
А коль скоро ужъ темнѣетъ,
Наступити нощь имѣетъ,
Цѣлованье отдадимъ,
Тогда скоро въ домъ спѣшимъ.
И, пришедъ, опочиваемъ,
А заутра ожидаемъ,
Вновь не будетъ ли для насъ
Кій подобный благій часъ?
Такъ дни въ счастьѣ пролетаютъ,
И скорбь бывшу увлекаютъ.
Здѣ, братъ, здѣ намъ благо жить:
Сладко кушать, сладко пить.

Сообщ. свящ. **Іоаннъ Борковскій.**

Отъ Редакціи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» замѣчены слѣд. опечатки:

Стр. 574. Отд. III, № 2, слѣдуетъ „Маякъ“ вм. „Макъ“.

Стр. 275 № 12 и 577 № 12, слѣд. „Заря“ вм. „Зоря“.

Стр. 576 № 13 слѣд. Sowinski вм. Sawinski.

„ „ № 22 слѣд. „Жинзифова“ вм. Жинзирова.

Стр. 577 № 23 слѣд. 1859 г. вм. 1ń59 г.

Стр. 591 № 78 слѣд. „Згарскій“, а не Згорскій и № 81 слѣд. Curivos вм. Curious и alaska Herald вм. aloska Herold.

Стр. 582 № 102 слѣд. „Статутъ“ вмѣсто „сто душъ“.

Объявленія.

Подписка на 1886 г. на слѣдующіе журналы и газеты:

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ВѢСТНИКЪ ТИРАЖЕЙ,

помѣщающій таблицы погашеній всѣхъ русскихъ цѣнныхъ бумагъ, выигрышныхъ займовъ, пріютскихъ лоттерей, облигацій и проч., равно какъ тѣ номера ихъ, которые погашены въ прежніе тиражи и еще не предъявлены къ оплатѣ.

Цѣна съ доставкою

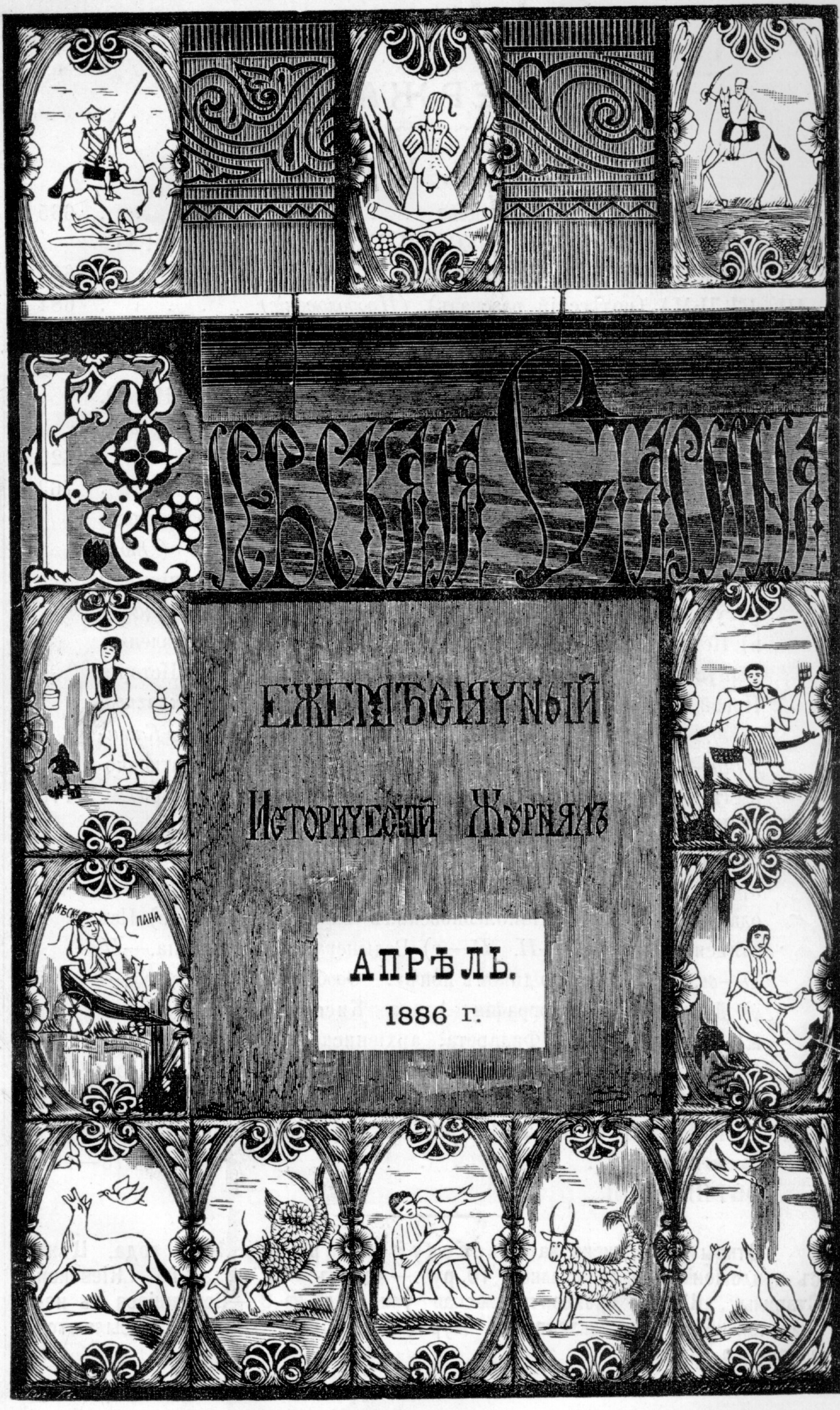
на 3 мѣсяца **1 руб.**, на годъ **3 руб.**

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ банкирскомъ домѣ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ.

НЕВСКІЙ, 86, д. Бенардаки.

Одинъ номеръ высылается по первому требованію за одну почтовую марку.



Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

1886 г.

КІЕВЪ.
Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул

СОДЕРЖАНІЕ.

Апрѣль, 1886 г.

Открыта подписка на „Кіевскую Старину“ 1886 года. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882—1885 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го марта 1886 года.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XIV.

Апрѣль.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIV. 1886 г.

Январь, 1886 г.

Февраль, 1886 г.

Мартъ, 1886 г.

Апрѣль, 1886 г.

КОЛОМЫЙКИ.

О внѣшней формѣ и содержаніи малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, объ ихъ историческомъ и бытовомъ значеніи составляется сужденіе по имѣющимся въ печати сборникамъ произведеній народнаго поэтическаго творчества, преимущественно по громаднымъ сборникамъ Чубинскаго и Головацкаго. Нельзя не признать, что многаго еще не достаетъ для правильныхъ и полныхъ выводовъ и обобщеній относительно малорусской поэзіи, особенно мѣстныхъ, краевыхъ ея проявленій: здѣсь можно указать на два главныхъ препятствія, одно, такъ сказать, географическаго, другое хронологическаго свойства. Далеко не всѣ мѣстности Малороссіи изслѣдованы въ этнографическомъ отношеніи и въ особенности относительно наличнаго матеріала пѣснотворчества. Въ то время какъ народныя пѣсни галицкой и угорской Руси собраны во многихъ сборникахъ, собраны въ послѣднее время, правобережная Малороссія представлена сравнительно старинными сборниками, а нѣкоторые углы и закоулки лѣвобережной Малороссіи, напримѣръ, восточные уѣзды харьковской губерніи, населенная малороссіянами часть воронежской губерніи, значительная часть Екатеринославщины, все Черноморье—terra incognita въ приложеніи къ народнымъ пѣснямъ. Составляя свои мнѣнія и сужденія о малорусской народной поэзіи преимущественно по сборнику Чубинскаго, мы невольно усвоиваемъ ретроспективный взглядъ на народную поэзію и употребляемъ выраженіе «настоящее время», «нынѣшняя пѣсня» въ приложеніи къ времени прошедшему и пѣснямъ забытымъ. Значительное большинство пѣсенъ, вошедшихъ въ сборникъ Чубинскаго, записано въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ. Многое должно

было измѣниться съ тѣхъ поръ въ жизни и слѣдовательно въ пѣснотворчествѣ народа, особенно въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе, послѣ великаго дня 19 февраля 1861 года и всѣхъ вызванныхъ имъ крупныхъ и мелкихъ измѣненій народнаго быта. Освобожденіе крестьянъ, развитіе заводской промышленности, размноженіе желѣзныхъ дорогъ, сокращеніе срока военной службы, появленіе и размноженіе религіозныхъ сектъ, изъ года въ годъ усиливающійся приливъ нѣмецкихъ колонистовъ, русско-турецкая война за освобожденіе балканскихъ славянъ, еврейскіе погромы, масса другихъ, не столь крупныхъ бытовыхъ явленій новаго времени, все это въ совокупности неизбѣжно должно было затронуть народную мысль, народное чувство, должно было такъ или иначе выразиться въ области словеснаго поэтическаго творчества. Къ сожалѣнію, наука сильно отстаетъ въ опредѣленіи, освѣщеніи и разъясненіи новыхъ явленій жизни, такъ какъ не имѣетъ подъ руками необходимаго матеріала, не имѣетъ записей, сообщеній людей, близко стоящихъ къ народу. Какъ-бы то ни было, многое забыто, многое вновь народилось на свѣтъ Божій. Можетъ быть, новые элементы народной поэзіи похожи на старые, и по внѣшней формѣ, и по внутреннему содержанію, въ силу того, что въ народной жизни новое съ старымъ всегда переплетается и связывается тѣсно.

Сборники галицкихъ пѣсенъ, преимущественно сборникъ г. Головацкаго, открываетъ новую внѣшнюю форму народнаго поэтическаго творчества, форму своеобразную, оригинальную, вызвавшую нѣкоторое измѣненіе самаго содержанія народно-поэтическаго творчества, что вполнѣ естественно, такъ какъ внутреннее содержаніе и выражающая его внѣшняя форма по основнымъ законамъ индивидуальной и народной психологіи тѣсно связаны между собою, и одно другое обусловливаетъ. Новой внѣшней формой народнаго малорусскаго, преимущественно галицко-русскаго поэтическаго творчества представляется коломыйка.

Развитіе коломыйки совершается независимо отъ многообразныхъ событій и явленій южно-русской жизни. Коломыйка—преимущественно галицко-русское созданіе, и потому ни одно изъ перечисленныхъ выше политическихъ движеній русскаго народа не могло оказать на нее достаточно сильнаго вліянія. На возникновеніе и развитіе коломыйки повліяли главнымъ

образомъ, если не исключительно, общее обветшаніе всѣхъ формъ малорусской народной поэзіи, думы, колядки, щедривки, веснянки, свадебной пѣсни. Бандуристы перевелись, лирники окончательно переводятся; парубки и дивчата начинаютъ считать пѣніе колядокъ подъ окнами неприличнымъ, нищенскимъ дѣломъ. Думы забыты; колядки и щедривки вырождаются въ тягучіе и дряблые духовные стихи; веснянки и свадебныя пѣсни въ легкія, любовныя импровизаціи; наступаетъ всеобщее оскудѣніе. Однако, жизнь не терпитъ пустоты, долгаго застоя. Въ замѣнъ угасающихъ формъ жизни нарождаются или должны въ непродолжительномъ времени народиться новыя формы, примѣнительно къ новымъ бытовымъ условіямъ. Естественно возникаетъ вопросъ, представляетъ ли замѣчаемое оскудѣніе пѣснотворчества признакъ крайняго упадка духа и моральнаго вырожденія, или оскудѣніе знаменуетъ наступившій переломъ въ направленіи пѣснотворчества и переходъ къ пѣснѣ новой, соотвѣтствующей бытовой дѣйствительности, съ сохраненіемъ силы и оригинальности самобытнаго духовнаго творчества, другими словами: будетъ ли взята пѣсня изъ-чужа, со всѣми безобразіями искаженія, подделки и фасильфикаціи, или родникъ народнаго духа окажется настолько сильнымъ и свѣжимъ, что изъ него выльется пѣсня свободная, звонкая, чистая. Недалекое будущее отвѣтитъ на эти вопросы. Въ настоящее время неумѣстно пускаться въ догадки и предположенія, забѣгать впередъ и предвѣщать. Самое большое, что можно сдѣлать при современныхъ научныхъ средствахъ—это представить посильное разъясненіе отдѣльныхъ, мелкихъ явленій народной жизни и по возможности опредѣлить ростки будущаго.

Коломыйки весьма распространены въ Галиціи и Буковинѣ. Въ Угорской Руси также много коломыекъ; только здѣсь онѣ слабоваты, безцвѣтны, что вполнѣ отвѣчаетъ дряблости и невзрачности угорско-русскаго народнаго характера вообще и поэзіи въ частности. Коломыйка, какъ опредѣленная пѣсенная форма, встрѣчается въ Малороссіи (у Чубинскаго, напр., въ т. V, стр. 138, 235, 512, 144); но, повидимому, здѣсь неизвѣстно самое названіе «коломыйка».

Найбольшаго развитія коломыйки достигли въ галицкомъ Покутьѣ. Покутье—прекрасный уголокъ Руси, съ сѣверо-востока обрамленный скалистыми берега Днѣстра, съ юго-запада обрѣзанный

карпатскими горами. Въ весеннее половодье днѣстровскія воды заливаютъ обширныя пространства Покутья и, по возвращеніи въ русло, оставляютъ плодородный илъ на поляхъ. Мѣстное населеніе, въ особенности горцы гуцулы, отличается силой характера, предпріимчивостію, подвижностью [1]).

Главный городокъ края Коломыя далъ названіе для пѣсни коломыйки. Это веселый, хорошо застроенный поселокъ, вблизи Чорной горы, упоминаемой въ пѣсняхъ галицкихъ гайдамакъ, опрышковъ. Самое названіе городка Коломыи и протекающей черезъ него рѣчки Коломыйки объясняютъ различно; одни производятъ отъ римскаго слова *colonia*, другіе отъ имени галицкаго князя Коломана, заложившаго городъ въ 1214 году [2]).

Новостью коломыекъ, въ особенности въ Малороссіи, появленіемъ ихъ лишь въ недавно вышедшихъ сборникахъ пѣсенъ и своеобразностью этого рода поэзіи объясняется то крайне ошибочное опредѣленіе коломыйки, которое сдѣлалъ Закревскій въ «Старосвѣтскомъ Бандуристѣ» 1861 г. «Подъ словомъ *коломыйка*, писалъ онъ, разумѣютъ наборъ строфъ одного размѣра и мелодіи, но безъ всякой строгой связи въ отношеніи содержанія» (стр. 62)... «Малороссійская нисенитныця, или наборъ строфъ есть то же, что галицкая коломійка или что у поляковъ краковякъ» (стр. 65). Здѣсь смѣшаны двѣ совершенно различныя формы поэзіи, коломыйка и нисенитныця. Коломыйка представляетъ сконцентрированное выраженіе народнаго поэтическаго творчества, своего рода художественную формулу пѣсеннаго мотива или бытоваго явленія; нисенитныця есть стихотворная чепуха, безсмыслица, словесная игра въ соединеніе предметовъ, не имѣющихъ въ природѣ между собою ничего общаго.

Случайно оброненное Закревскимъ замѣчаніе о тождественности галицко-русской коломыйки и польскаго краковяка даетъ поводъ къ предположенію о возможности генетической связи между ними, о происхожденіи коломыйки изъ краковяка. Предположеніе это, такъ сказать, само собой напрашивается на мысль, въ виду близкаго топографическаго сосѣдства краковяка и коломыйки, общаго ихъ плясоваго характера и продолжительности польскаго вліянія въ Галиціи на мѣстное русское населеніе. Пересматривая

[1]) Сборникъ Головацкаго, т. I, стр. 695 и др.

[2]) Kolberg, Pokucie, 1, 10.

многочисленные краковяки въ 6 томѣ «Lud» Кольберга (стр. 381—498) и сравнивая ихъ съ многочисленными коломыйками въ сборникѣ Головацкаго, нельзя открыть между ними ничего общаго, никакого родства. Въ краковякахъ величина пѣсни, размѣръ, содержаніе, взятые изъ внѣшней природы образцы совсѣмъ особые, чуждые коломыйкамъ. Краковякъ по величинѣ значительно превосходитъ коломыйку. Большинство краковяковъ состоитъ изъ четырехъ или пяти строфъ; часто встрѣчаются семистрофные и одиннадцатистрофные краковяки. Господствующій размѣръ—шестисложный, изрѣдка восьмисложный въ каждой строкѣ, размѣръ, сравнительно съ коломыйками, слишкомъ короткій, слабый. Въ краковякахъ, не смотря на ихъ значительную величину, нѣтъ запѣвовъ, которые всегда указываютъ на разбѣгъ мысли и придаютъ пѣснѣ силу. Краковяки, сравнительно съ коломыйками, очень бѣдны взятыми изъ внѣшней природы образами, обыкновенно придающими пѣснѣ живописность и выразительность. Въ замѣнъ того, въ краковякахъ много отвлеченныхъ сужденій и морально-дидактическихъ замѣчаній: напримѣръ:

Niema nic na świecie
Pod słoncem stałego (425)...

—

Nie panuje teraz,
Słuszność na tym świecie (425).

—

Niech cię urodzenie
Panow nie uwodzi;
Wszakże nas natura
Jedna na swiat rodzi (420).

Въ коломыйкахъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ содержаніе краковяковъ входятъ большею частью тѣ-же житейски-бытовые мотивы, что и въ коломыйки, преимущественно любовь молодыхъ людей, но въ такомъ сочетаніи подробностей, что между краковякомъ и коломыйкой относительно содержанія получается полное различіе. Поэтическое и нравственное достоинство краковяка можно охарактеризовать слѣдующими словами самаго краковяка:

Niemasz ci to niema
Jak w krakowskiém polu;

Jedna garść pszenicy,
A druga kąkolu (390).

Большое различіе между коломыйкой и краковякомъ обнаруживается также въ той оцѣнкѣ, какую русинъ даетъ коломыйкѣ, а полякъ краковяку. Для русина коломыйка такая пѣсня, которую можно пѣть всегда и вездѣ, которую слѣдуетъ пѣть въ минуты радости и горя; вообще, русинъ, какъ это будетъ видно въ концѣ настоящей статьи, относится къ коломыйкѣ съ безусловной похвалой; полякъ-же поетъ:

Niedobra jest rzeczą
Krakowiaki śpiewać,
Jedna można bawić,
A drugich rozgniewać (390).

Въ итогѣ сравнительнаго изученія коломыекъ и краковяковъ получается, такимъ образомъ, заключеніе о полной независимости первыхъ отъ послѣднихъ.

Галичанинъ Счастный Саламонъ, издавшій въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сборникъ коломыекъ и шумокъ, говоритъ въ предисловіи: «и вжежъ то изъ всѣхъ напѣвовъ въ Галицкой Руси найбильше разширена коломыйка. Коломыйка, се душа, се вѣрна товаришка галицкаго русина видъ колыски ажъ до могилы; нею все начинае винъ пѣти и все кончитъ. Въ коломыйкахъ бо, въ ихъ нутѣ и напѣвѣ, найбильше отпечатлѣлась меланхолія, тужливость, сумота души, а въ тыхъ то чувствахъ именно сосредоточилась цѣла жизнь несчастливаго народа Руси, который по утратѣ политической своей самостоятельности черезъ пять долгихъ столѣтій (подразумѣвается покореніе Галиціи поляками въ 1340 г.) не малъ ни волѣ, ни доли, а все лишь изнывалъ, стогналъ въ путахъ рабства, пидъ ударами судьбы жестокой. Оттакъ то истинный образъ исторіи нашего народа въ самыхъ напѣвахъ коломыйки». Меланхоличность напѣва нѣкоторыхъ коломыекъ не можетъ служитъ доказательствомъ древности ихъ, а лишь проявленіемъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Нельзя упускать изъ виду также того обстоятельства, что новыя пѣсни часто принимаютъ напѣвъ старинныхъ, забываемыхъ пѣсенъ.

Въ сборникѣ г. Головацкаго коломыйки помѣщены въ отдѣлѣ плясовыхъ пѣсенъ. Значительное количество коломыекъ по тону и содержанію дѣйствительно отвѣчаетъ пляскѣ. Въ Г...

ской Руси есть особый танецъ коломыйка. Танцуютъ его такъ: мужчина подбоченясь и устремивъ свой взглядъ на концы ногъ, продѣлываетъ ими всевозможныя движенія; при этомъ онъ кружится около танцующей съ нимъ дѣвушки, которая, не спуская съ него глазъ, съ опущенными руками, приплясываетъ на мѣстѣ; когда мужчина вскрикнетъ и ударитъ въ ладоши, дѣвушка къ нему придвигается; онъ обнимаетъ ее за шею и покачивается вмѣстѣ съ нею взадъ и впередъ, затѣмъ снова выпускаетъ дѣвушку, и танецъ продолжается по прежнему. Въ кругъ никогда не входятъ нѣсколько паръ одновременно, но танцуютъ только по одной парѣ, смѣняя одна другую. Мужчи́на, желающій танцовать, въ Угорской Руси громко произносятъ: «я выронилъ свою трубку!»; это условный знакъ, по которому пары разступаются и даютъ мѣсто той, которая такимъ образомъ заявила о своемъ желаніи танцовать; натанцовавшись вдоволь, эта пара уступаетъ мѣсто другой [1]).

При всемъ томъ, коломыйка не плясовая пѣсня. Коломыйки въ массѣ представляютъ нѣчто совсѣмъ особенное, серіозное и, за исключеніемъ отдѣльныхъ коломыекъ, не могутъ быть подведены подъ отдѣлъ пѣсенъ плясовыхъ. Во многихъ коломыйкахъ обнаруживается вовсе не плясовое настроеніе духа, отражается грусть, находится сѣтованіе ня горемычную долю, говорится о слезахъ, напримѣръ, въ коломыйкѣ:

Чому очи не плачете, жалю не маете?
Мое серце въ слезахъ стоитъ, а вы не знаете.

Встрѣчаются коломыйки съ отвлеченной, почти философской мыслью, напримѣръ, коломыйка:

Лише рѣчка не вертае у горы землицевъ,
Тилько усе упадае до моря водицевъ

представляетъ сравненіе жизни человѣка съ теченіемъ рѣки. Въ другой коломыйкѣ зарожденіе и развитіе любви сравнивается съ рѣкой, которая сначала течетъ тихо, потомъ впадаетъ въ водоворотъ.

Тече ричка не величка, въ вырынку впадае,
Гирша любовъ видъ болѣсти, хто ю добре знае.

По внѣшней формѣ коломыйка представляетъ небольшую пѣсню, въ четыре или двѣ строки, изрѣдка въ шесть строкъ. Размѣръ—

---

1) Де-Волланъ. Угро-рус. пѣсни, стр. 16.

строго опредѣленный. Каждая строка состоитъ изъ 14 слоговъ, съ цезурой, раздѣляющей строку на двѣ неравныя части, причемъ въ первой части всегда 8 слоговъ, во второй 6 слоговъ, такъ что свойственный коломыйкамъ размѣръ можетъ быть выраженъ формулой 2 (8+6). Коломыйка представляетъ правильно чередующіяся повышенія и пониженія голоса, опредѣленныя числомъ слоговъ, и по отзыву этнографовъ, по отзыву и оцѣнкѣ самаго народа отличается мелодической прелестью. Встрѣчаются большія пѣсни, составленныя изъ коломыекъ, распредѣленныхъ въ порядкѣ, по основной мысли стихотворенія, причемъ каждая коломыйка имѣетъ самостоятельное значеніе, цѣльный смыслъ, и встрѣчается въ отдѣльности. Въ сборникѣ Кольберга «Pokucie», пѣсни составленныя изъ коломыекъ, помѣщены во 2 томѣ на стран. 99, 168 и многихъ другихъ, а въ сборникѣ г. Головацкаго во II т., стран. 380—400. Начало коломыйки, первая строка (8+6 слоговъ), представляетъ обыкновенно образъ, заимствованный изъ природы; дальнѣйшая часть пѣсни представляетъ соотвѣтствующее этому образу уподобленіе въ настроеніи души поющаго, причемъ образъ и уподобленіе составляютъ органическое цѣлое, и второе какъ-бы вытекаетъ изъ перваго. Бываетъ такъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе въ остальныхъ трехъ, напримѣръ:

Шкода травки и муравки тому облогови:
Шкода мене молодои тому неробови;
Шкода мене молодои, шкода мого стану,
Та якъ я ся леда бѣдѣ у руки достану
(т. II, стр. 779).

Часто бываетъ, что образъ въ первой строкѣ, уподобленіе во второй, въ третьей опять образъ, очень близкій первому, въ четвертой соотвѣтствующее уподобленіе, напримѣръ:

Ой часъ, мати, жито жати—вже перестигае;
Чому мене, моя мати, замижъ не отдае.
Ой часъ, мати, жито жати—колосъ похилився;
Ой часъ мене замижъ дати—голосъ изминився.

Въ нѣкоторыхъ коломыйкахъ обнаруживается значительное различіе между внѣшними образами первой и третьей строкъ. Это различіе почти всегда указываетъ на составной характеръ четырехъ-

строчной коломыйки изъ двухъ самостоятельныхъ двухъ-строчныхъ коломыекъ; напримѣръ:

Ой спѣвала на былинцѣ якась пташка сива:
Ой котра ще не любила, у Бога счастлива;
Бо не усѣ сады родятъ, котры вже зацвѣли:
Та не усѣ побралися, котры ся любили.

Встрѣчаются изрѣдка коломыйки съ поэтическимъ образомъ изъ внѣшней природы, безъ примѣненія его къ нравственной природѣ человѣка; напримѣръ:

Ой засвѣти, мѣсяченьку, засвѣти, засвѣти,
Та на то-ти полонины, на хороши цвѣты!

Внѣшній образъ бываетъ такъ обыченъ и типиченъ въ народной поэзіи, что поющій, опуская уподобленіе, можетъ легко его подразумѣвать.

Бываютъ и такія коломыйки, въ которыхъ нѣтъ взятаго изъ внѣшней природы образа, нѣтъ параллелизма, и пѣсня прямо излагаетъ какой-нибудь случай или событіе изъ жизни, по метрическому коломыечному складу; напримѣръ въ коломыйкахъ:

У богача поль калача, та еще винъ плаче,
А въ сироты нигде корки, еще вона скаче.

А у Львовѣ, славнимъ мѣстѣ, стала ся пригода,
Студенты ся збунтовали, що имъ невыгода:
На старшихъ то нарекали, що ихъ хтѣли бити.
Щобы дѣвчатъ не любити, казали ся вчити.

Ой якъ я си нагадала, якъ мы ся любили,
Не разъ ми ся доливъ окомъ слёзы покотили.

Связь между образомъ и уподобленіемъ не всегда бываетъ достаточно ясна для интеллигентнаго человѣка, главнымъ образомъ по причинѣ своеобразности народныхъ пріемовъ сравненія и уподобленія, по обилію въ народной поэзіи такихъ установившихся типическихъ внѣшнихъ, взятыхъ изъ природы образовъ любви, разлуки, горя, какіе не встрѣчаются въ обращающихся среди интеллигентнаго общества поэтическихъ произведеній Пушкина, Лермон-

това, Тургенева, не встрѣчаются даже у Шевченка, напримѣръ, коломыйки:

> Ой идутъ волы зъ полонины, рогами ся крешутъ,
> Отдай, мати, дѣвку зъ хаты, най на ню не брешутъ,

была-бы непонятна, если-бы многія малорусскія и галицкія пѣсни не указывали на наклонность простаго южно-русскаго народа сближать въ поэзіи воловъ и лѣта. Смыслъ коломыйки въ дѣйствительности простъ и ясенъ: дѣвушка старѣетъ; люди начинаютъ надъ ней подсмѣиваться, какъ надъ старой дѣвой, и матери поставляется въ обязанность позаботиться объ отдачѣ ея замужъ. Сближеніе лѣтъ съ волами яснѣе обнаруживается въ другой коломыйкѣ:

> Волы мои половыи, чому не орете?
> Лѣта мои молодыи; марне зъ свѣта йдете!

Для полноты пониманія послѣдней коломыйки нужно замѣтить, что въ народной поэзіи ораніе поля служитъ иногда символомъ любви; напримѣръ, въ слѣдующихъ двухъ коломыйкахъ:

> Не сѣявши, не оравши, не буде родити,
> Не дай хлопцю принадоньки, не буде ходити.

—

> Усѣ нивки поорани, одна облогуе;
> Усѣ дѣвки на мя добри, одна ворогуе.

Ограничиваемся краткимъ объясненіемъ двухъ поэтическихъ образовъ, такъ какъ подробное изложеніе встрѣчающихся въ коломыйкахъ образовъ и уподобленій неизбѣжно должно вывести за предѣлы коломыйки, въ обширную область малорусской народной поэзіи и даже безыскусственной поэзіи другихъ славянскихъ народовъ.

По содержанію коломыйка представляетъ эклектическое явленіе народной поэзіи. Эклектизмъ является обыкновенно въ тотъ періодъ въ жизни народа, когда прогрессивное движеніе пріостанавливается на нѣкоторое время, причемъ возникаетъ потребность прослѣдить весь прежній ходъ цивилизаціи и собрать въ одно цѣлое всѣ добытые факты. Эпоха эклектизма большею частью совпадаетъ съ эпохою промышленнаго развитія, съ преобладающимъ, даже всепоглощающимъ обращеніемъ вниманія на предметы полезные и упо-

требительные въ матеріальной жизни. Эпоха эклектизма выражается обыкновенно перемѣщеніемъ центра тяжести народной жизни, вслѣдствіе какого-нибудь крупнаго разрыва въ органической преемственности ея основныхъ явленій и фактовъ; однѣ формы жизни быстро вырождаются и на мѣсто ихъ являются другія, съ ними мало сходныя. Исчезаютъ формы жизни, созданныя бурными порывами фантазіи и чувства, порожденные грандіозными историческими народными движеніями, и нарождаются обыкновенно такія формы и явленія, гдѣ господствуетъ болѣе или менѣе сухой разсудокъ, разсчетъ, гдѣ все соразмѣрно, ясно и просто, иногда живо, свѣтло и увлекательно, какъ стихотворенія въ прозѣ Тургенева, иногда натянуто, сухо и мелочно, какъ вирши и грамматики греческихъ ученыхъ александрійскъго періода эллинской образованности.

Эклектическая коломыйка беретъ изъ народной поэзіи все лучшее, въ отдѣльныхъ частяхъ, обрывкахъ, обломкахъ, и будучи сама очень небольшой по величинѣ, удачно сохраняетъ и передаетъ драгоцѣнные элементы народной поэзіи. Въ настоящее зремя малорусскій, преимущественно галицко-русскій крестьянинъ обращается съ доставшимися ему отъ предковъ пѣснями такъ-же разсчетливо, какъ полторы тысячи лѣтъ назадъ ново-платоническіе философы Плотинъ и Проклъ, какъ въ нынѣшнемъ столѣтіи французскій философъ Кузенъ обращались съ ученіями Пиѳагора, Платона и Аристотеля, выбираютъ поэтическіе образы и истины изъ различныхъ формъ и родовъ поэзіи, изъ колядки, гаивки, свадебной пѣсни, жатвенной пѣсни, думы, и заботливо складываютъ ихъ въ коломыйку. Въ періодъ духовнаго застоя, нравственной ломки, усиленія разлагающихъ цѣлость міросозерцанія и быта внѣшнихъ вліяній, обнаруживаемый коломыйкой эклектизмъ представляетъ весьма замѣчательное и, въ смыслѣ консервативномъ, утѣшительное явленіе. Если нельзя удержать думъ, колядокъ, щедривокъ, гаивокъ, если имъ суждено въ самомъ непродолжительномъ времени полное забвеніе въ средѣ простаго народа, что несомнѣнно, то по крайней мѣрѣ отдѣльныя ихъ жемчужины будутъ сохранены коломыйкой и переданы его будущимъ поколѣніямъ, какъ матеріалъ, средство, пособіе для дальнѣйшаго духовнаго творчества.

Эклектическими коломыйками представляются, напримѣръ, слѣдующія:

Выйди, выйди, файна любка, не бійся морозу,
А я твои били нижки за пазуху вложу.

Заревили баранчики, зъ полонины йдучи,
Очка ми придивили, миленького ждучи.

Эти коломыйки очевидно представляютъ отрывки изъ распространенныхъ въ Малороссіи и Галиціи любовныхъ пѣсень.

Чисто жатвенной пѣсней представляется слѣдующая коломыйка:

Вечеръ, вечеръ, вечерѣе, сонце надъ вербами,—
Пускай, пане атамане, до дому съ серпами.
Вечеръ, вечеръ, вечерѣе, уже сонце нызько,—
Пускай, пане атамане, до дому не блызько.

Нѣкоторое отношеніе къ галицкимъ свадебнымъ пѣснямъ имѣетъ коломыйка:

Ой по по пидъ гай зелененькій ходыть мій миленькій,
Та тычая за голову розмаринъ дрибненькій;
Ой бо то розмаринъ дрибный росте на каменю;
То-то мому миленькому, якъ иде до дому.

Пѣсня выражаетъ неудачное святовство. Розмаринъ употребляется на свадьбахъ въ Германіи, у западныхъ славянъ и въ Галиціи, причемъ, вѣроятно, заимствованъ славянами отъ нѣмцевъ. У древнихъ германцевъ розмаринъ былъ символомъ Гольды, дѣвственности. Замѣчаніе, что розмаринъ ростетъ на камнѣ, служитъ въ коломыйкѣ намекомъ на неудачное сватовство.

Захватывая отдѣльные поэтическіе мотивы изъ всѣхъ устарѣвшихъ формъ поэзіи, коломыйка въ то же время передаетъ всѣ современныя движенія народной жизни, обрисовываетъ краткими чертами національное самосознаніе галицко-русскаго крестьянина, его отношенія къ нѣмцамъ, полякамъ и евреямъ, его воззрѣнія на австрійскаго императора, его недовольство панщиной и рекрутчиной, мельчайшія проявленія семейной жизни, любовь, разлуку, бракъ, вѣрно передаетъ бытовыя проявленія народнаго юмора въ легкой насмѣшкѣ и шуткѣ надъ слабостими человѣческими. Въ коломыйкахъ есть всего понемножку, и религія, и политика, и мораль, и исторія. Распредѣлить коломыйки на отдѣлы по содержанію—дѣло

трудное, и потому въ сборникѣ г. Головацкаго, гдѣ напечатано нѣсколько тысячъ коломыекъ, распредѣленіе ихъ совершенно произвольно, случайно. Въ отдѣлы коломыекъ внесены всѣ двухъ-строчныя и четырехъ строчныя пѣсни 14-сложнаго размѣра, безъ различія содержанія. Одна и та же коломыйка иногда встрѣчается читателю нѣсколько разъ, на разныхъ страницахъ. Въ сборникѣ коломыекъ Счастнаго Саламона, изданномъ сначала въ 1864 г., потомъ вошедшемъ въ 5 томъ сборника г. Головацкаго, сдѣлана попытка раздѣленія коломыекъ на любовныя, сиротинскія, вояцкія и жартовливыя, причемъ въ любовномъ и шутливомъ отдѣлахъ коломыйки подраздѣлены на молодецкія и дѣвичьи. Это дѣленіе коломыекъ хотя и вноситъ нѣкоторый порядокъ въ распредѣленіе ихъ въ сборникѣ, далеко, однако, не выражаетъ содержанія коломыекъ.

Не имѣя намѣренія подробно излагать содержаніе коломыекъ, что было бы безполезно безъ обращенія ко всему составу малорусской и галицкой поэзіи, мы укажемъ только на болѣе характерныя стороны содержанія коломыекъ. Прежде всего вниманіе читателя привлекаютъ тѣ коломыйки, гдѣ выражена преданность галицко-русскаго крестьянина къ родинѣ, къ горамъ, къ своему округу, селу. Такъ какъ въ созданіи коломыйки главную роль играли жители коломыйскаго округа, то въ коломыйкахъ естественно видное мѣсто занимаетъ восхваленіе Коломыи и коломыйцевъ.

Горы мои высокія, мушу васъ лишити,
Волѣвъ бы-мъ бувъ у васъ гнити, якъ въ чужинѣ жити.

—

Ой не ма то якъ у горахъ дѣвчата спѣваютъ,
Ой не ма то якъ у горахъ молодци гуляютъ.

—

Ой славная Коломыя та й у межи горами.

—

Коломыя—не помыя, Коломыя мѣсто;
Въ Коломыи дивчатонька, якъ пшеничне тисто.

—

Коломыецъ-чорнобрывецъ, та и коломочка:
Якъ була красна неня, а ще краще дочка.

—

А въ гуцулки чорни очи, якъ тернъ на галузѣ,
Биле личко румяненьке, якъ калина въ лузѣ.

Какъ извѣстно, простой народъ внимательно относится къ мелкимъ, краевымъ этническимъ различіямъ въ языкѣ и обычаяхъ и выражаетъ это различіе въ поговоркахъ, пѣсняхъ, разсказахъ, большею частью ироническаго свойства. Въ древности поляне подсмѣивались надъ древлянами, новгородцами; въ новое время курскій крестьянинъ разсказываетъ смѣшной анекдотъ про крестьянина орловской губерніи, тулякъ даетъ москвичу насмѣшливое прозваніе, москвичъ рязанцу и т. д.; напримѣръ: осташи-торгаши, новоторы—воры.

То же самое видимъ въ Галиціи. Въ слѣдствіе гористой мѣстности, здѣсь болѣе своеобразія, особенностей между поселеніями, что выражается, между прочимъ, и въ коломыйкахъ. Бойки издѣваются надъ гуцулами, а гуцулы надъ бойками; напримѣръ:

Ой гуцуле, гуцуленьку, гуцуле небоже,
А ни орешь, а не сіешь, пожаль тя ся, Боже!

Гуцулія—кукурія, не хоче робити,
Але иде въ Коломыю мелай дорожити.

Ой серака Поланиця кукурузы сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.

Ой гуцуле, гуцуленьку, поганая вѣра:
Твоя жинка у середу солонину ѣла.

Якъ гуцула не любити? А въ гуцула вивци,
А въ гуцула за поясомъ писани топорци;
Та якъ зачне жинку бити, бича не пытае,
Та якъ утне межи плечи, ажъ душа минае.

Ой гуцулы, гуцуленьки, де-сто бойка [1]) дѣли,
Ци вы его испекли-сте, ци сырого зъѣли?

[1]) Въ другой коломыйкѣ „батька“.

Ни мы его испекли-сме, ни сырого зъѣли,
Лише ишовъ черезъ гору, та го волки зъѣли.

Бойко умерь, бойко умеръ, бойкови звонили,
Якъ ся бойко зирвавъ зъ лавы, ледво догонили.

Дала мене моя мати за бойка, за бойка,
А у бойка головонька легонька, легонька.

Любопытно въ галицко-русскомъ крестьянинѣ сознапіе, что въ горахъ ему несовсѣмъ хорошо живется и любопытно въ особенности то, что причиной зла считается нѣмецкій режимъ вообще, въ особенности рекрутчина и польскій гнетъ.

Ой нема въ горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по нѣмцеви заваджати буде [1]).

Въ коломыйкахъ открывается своеобразный взглядъ галицкаго русина на «Цесаря»; напримѣръ:

Ой Цесарю, Цесарику, якій же ты глупый,
Убравъ есь мя у камаши, не закрывъ есь дупы [2]).

Пѣсня очевидно создана рекрутомъ, молодымъ солдатомъ, которато нарядили въ костюмъ для русина крайне странный, въ штиблеты и въ такую куртку, которая не закрываетъ задней части тѣла. Вообще, коломыйки очень враждебно относятся къ солдатской службѣ; напримѣръ:

Ой жовнѣръ я, моя мамо, ой жовнѣръ я, жовнѣръ,
Якъ не вѣришь, моя мамо, дывыся на ковнѣръ,
Ой ридный мой, каже, брате, та не дай мя взятн,
Не дай мени молодому ручки извязати!
А якъ мени молодому руки извязали.
Тогда маю матиноньку водой видлывати.

Ой не треба, дѣвчинонько, жовнѣра любити,
Бо онъ мусить Цѣсареви десять лѣтъ служити,

---

1) Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 300.
2) Тамъ же, стр. 298.

Ой дѣвицѣ молодицѣ скиньтеся по грошу,
Та заплатѣть Цесаревн, няй муидиръ не ношу

Ой Цесарю, Цесареньку, Цесарю Францишку,
Пусти мене до домоньку дѣвкамъ на потишку.

Бодай то-ти карабины отъ сонця згорѣли;
Бо вже въ мене, молодого, плечи заболѣли.

Ой Цесару, Цесареньку, на що насъ вербуешь?
Забравъ турокъ магазины, чимъ насъ выгодуешь?
Ой буду васъ годовати вивсяной половой,
Ой буду васъ высылати цесарской дорогой.
Якъ мы будемъ, Цесареньку, половоньку ѝсти,
То мы будемъ дороженькой по воленьки лизти.

Какъ ни тяжела для галичанина солдатская служба, какъ ни противна она ему, еще болѣе тяжелой и противной является въ коломыйкахъ панщина, зависимость отъ польскихъ помѣщиковъ:

Ой волю я, пане брате, Цесарю служити,
Какъ я маю вражимъ ляхамъ панщину робити.

Ой чого ты поскрипуешь, яловая хато?
Нема добра въ нашемъ селѣ, бо панивъ багато [1]).

Бодай ляхи пановали—въ ходакахъ ходили,
Що ся нами, русинами, тяжко наробили!

Породила шевця вивця, а ляха кобыла,
А русняка неборака мати чернобрыва.

Коломыйки обвиняютъ еврея въ спаиваніи и въ разореніи крестьянина:

И я не пью, и ты не пій, та хто буде пити,
Та хто буде на жидивски сироты робити.

Не давно-мь ся, товаришу, стали напивати,
Прійшли жиды, взяли бычки, часъ було впрягати.

---

[1]) Сборникъ Лукашевича, стр. 138.

Выйдить дѣти на улицю, та заплачте ревне,
Най арендарь одурѣе, та й бычки оберне.

Есть одна прекрасная коломыйка, гдѣ, такъ сказать, подведенъ итогъ причинамъ недовольства галичанина Цесаремъ:

Ой Цесарю, Цесарику, шапочка ти срибна,
Не вважаешь, Цесарику, яка та Русь бидна:
Ой, бидна, кажу, бидна, бо паны зидрали,
Ой мали мы сьмо по коровѣ, й то жиды забрали.
Жиды взяли по коровѣ, Цесарь бере дѣти,
Не маемо, Цесарику, що въ Руси сидѣти!
(Гол. т. III, стр. 474).

Въ послѣдней строкѣ находится своего рода угроза или по меньшей мѣрѣ предостереженіе, угроза, яснѣе выраженная въ слѣдующей коломыйкѣ:

Черезъ тии рекрутоньки, черезъ вражи ляхи,
Покинемо свое село, пидемъ въ гайдамахи.

Въ одной коломыйкѣ находится такое зловѣщее пожеланіе:

Ой, бодай ти, атамане, та и хата згорѣла,
А якъ менѣ молодому панщина доѣла.

Въ другой коломыйкѣ зловѣщее пожеланіе близко къ осуществленію, судя по началу коломыйки: «запалю я крайну хату на всѣ штыри куты».

Большинство коломыекъ отличается строго бытовымъ характеромъ, точнѣе сказать, представляетъ лишь факты и явленія семейной жизни, родственныхъ отношеній и въ особенности возникновенія и развитія любовнаго чувства въ парняхъ и дѣвушкахъ, томленіе влюбленныхъ въ разлукѣ и радость встрѣчи.

Выраженіе любовнаго чувства парубка и дивчины въ коломыйкахъ иногда достигаетъ большой силы; напримѣръ:

Солодка ма бѣлавице, солодка ма душко!
А нужъ сюда мало ближе, най тя шепчу въ ушко!
Рыбка моя золотая; ай меде мій, меде:
Уже намъ ся сего року любитки не веде.

Шумитъ вода, шумитъ вода, по каменью гучитъ:
Кто плакати та й не вміе, люба го научитъ.

Не такъ болить, якъ укусить лютая гадина,
Гôрше болить, якъ счаруе милая дѣвчина;
Якъ укусить гадинонька, знайдешь въ зêлью лѣки,
Якъ вчаруе дѣвчинонька, пропадешь на вѣки.

Загублюся, моя мати, загублю, загублю,
Видколи мя поциловавъ, видътогды го люблю;
Видколи мя поциловавъ въ личенько биленьке,
Видътогды мени личенько, якъ медъ солоденьке.

Якъ я пришла до церквочки, та й ся роздивила,
Оттакъ смутно свѣчка горить, що милого нема;
Черезъ малу годиночку миленькій уходить,
Оттакъ свѣчка засвѣтила, якъ зирнычка сходить.

Парубокъ обращается къ своей матери съ просьбой:

Мамко моя солодкая, дай ми порадочку,
Ци любити, ци лишити тоту чорнявочку.

Въ другой коломыйкѣ находится отвѣтъ матери:

Даю я ти, милый сыньцю, таку порадицю,
Кедь ти мила, роботлива, возьми чорнявицю.

Въ другихъ коломыйкахъ совѣтъ матери измѣняется:

Ой не бери багацкои, бери си убогу!
Багацкая гордовита, ще до того пышна,
Убогая прихильная, якъ у саду вишня.

Теши, сыну, ясенину, то буде клинье:
Возьми сыну сиротину, то буде газдине!
Не зъ кождои ясенины клинье ся удае,
Не зъ кождои сиротины газдине бувае.

Главнымъ препятствіемъ для женитьбы является недостатокъ денежныхъ средствъ.

Радъ бы-мъ я ся оженити, радъ бы-мъ жену мати,
Прійде зима великая, нѣчимъ зимовати.

Подобнаго рода мысль выражается во многихъ коломыйкахъ; напримѣръ:

Оженися не журися, гараздъ тобѣ буде,
Будешь мати цѣловати, а хлѣба не буде.

Оженися, не журися, будешъ газдовати,
Ты самъ будешь свини пасти, жона завертати.

Во многихъ коломыйкахъ выражается жалоба дѣвушки на отсутствіе ея милаго, высказывается желаніе полетѣть зозулей, поплыть рыбой, и вернуть его, сѣсть около него, разсказать ему всю правду, разсказать о заискиваніяхъ нелюба. Какъ Ярославна въ «Словѣ о полку Игоревѣ», дѣвушка въ коломыйкѣ спрашиваетъ у вѣтра о мѣстопребываніи ея милаго:

Пытала-мъ ся того вѣтру, що зъ тыхъ сторонъ вѣе:
Скажи мени, де мій милый, та що ся съ нимъ дѣе?

Вывванное отсутствіемъ милаго горестное чувство выражается различнымъ образомъ; напримѣръ:

Очка мои сивенькіи, то-жъ то вы блудите,
Ой нема вже того тутки, кого вы любите!
Очка мои сивенькіи, въ голову-сте впали.
Вы бы сте вже слёзоньками все море зальяли!

Сумна гора безъ явора, безъ зелененького,
Ще сумнѣйше дивчиноньцѣ та безъ миленького.

Иногда дѣвушка овладѣваетъ своей тоской, перемогаетъ ее.

Я милого утратила, та и не журюся,
Хоть велику тугу маю, а не поддаюся;
Та хоть бы-мъ ся якъ журила, жура не поможе,
Ино мою головоньку бильше рознеможе.

Душевное успокоеніе можетъ быть обусловлено вѣрой въ судьбу, въ Божью волю:

Ой тамъ въ полѣ конопельки, верхомъ зелененьки,
Мене милый покидае,—вороги раденьки.
Не тѣшьтеся, вороженьки, що зъ вамъ зъ того буде?
Та що кому Господь судивъ—не розсудятъ люде.

Значительное количество коломыекъ представляетъ несчастную жизнь въ замужествѣ за вдовцемъ, за которымъ «хлѣбъ готовый, серце засмучено», у котораго «борода коле», одно дитя проситъ ѣсть, другое пить, третье покачать.

Многія коломыйки представляютъ насмѣшку надъ увлеченіями молодыхъ людей и слабостями людей старыхъ; напримѣръ:

Ой любивъ я дѣвокъ сорокъ, а молодиць триста,
Ой у Бога надіечка, що ще душа чиста.

Ой косити, молотити я то не змагаю,
А дѣвчата обіймати, то я добре знаю.
Болить мене головонька, болить мя плечима,
Треба, треба ми дохтура съ чорными очима!

Надулася дѣвчинонька, якъ жыдивскій индыкъ,
Не озьме и багацькій сынъ, хиба якій винникъ.

Въ церкви звонять—баба глуха,
Въ корчмѣ грають—баба слуха:
А де жъ мои ходачищи?
Я бы-мъ пишла до коршмыщи.

Въ коломыйкахъ часто блеститъ чистая поэзія, проявляющаяся или въ яркости и выразительности взятаго изъ внѣшней природы образа, или въ силѣ и искренности проявленія чувства; напримѣръ:

Уже сонце на западѝ, уже ся спущае,
Мисяченько на востоцѣ ему ся всмѣхае.

Свѣтитъ сонце, свѣтитъ сонце, на хату лиліе,
Ой вже нема та й не буде, на кого надія.

Цвѣтутъ въ лѣсѣ красне зѣля, де медъ бере пчола,
Ой я той медъ въ губахъ чую, якъ дѣвча цѣлую.

—

Ой не лѣтай, воробею, по пидъ чорну стелю,
Не пороши миленькому бѣленьку постелю!

Послѣдняя коломыйка нуждается въ объясненіи. Коломыйка запѣта въ курной хатѣ, гдѣ потолокъ закоптился. Воробей, летая, можетъ прикосновеніемъ своихъ крыльевъ струсить сажу на приготовленную для любимаго человѣка постель. Прекрасный поэтическій образъ!

Ой засвѣти, мѣсяченьку, та й ты зоре ясна,
Передъ тыми воротами, де дивчина красна!

—

Оѣ засвѣти, мѣсяченьку, тыми долинами,
Куда иде мій миленькій на ничъ изъ волами.

—

Ой заходить то сонечко за терновый садокъ:
Не знаешь ты, мій миленькій, килька въ мене гадокъ.
Ожъ бы усѣ звѣзды зъ неба писарями стали,
Та еще бы мои гадки не переписали.

—

Ой Боже жъ мій милостивый, яка я несчасна,
Уже жъ моя зоря ясна на небѣ загасла!
Моя зоря ужс згасла, друга засвѣтила,
Ой Боже-жъ мій милосердный, якъ я несчастлива.

—

Завѣй же ты, вѣтросеньку, по полю, по полю,
Та розвѣй же, та рознеси мою пусту долю!
Завѣю ти, дѣвчинонько, та й попередъ хаты,
Не розвѣю, не рознесу, што ти мавъ Богъ дати.

Галицко-русскій народъ очень дорожитъ коломыйкой, какъ такой пѣсней, котаря услаждаетъ и веселитъ «засмученое сердце», прогоняетъ тугу, иногда заставляетъ задуматься, иногда вызоветъ тихія, успокаивающія сердце слезы, иногда уноситъ мысль, чувство и воображеніе въ «свѣти далекіи». Все это выражено въ самыхъ коломыйкахъ:

Якъ-бы не тѣ коломыйки, бувъ бымъ вже загинувъ,
Бувъ бымъ зъ горя та зъ недоли давно свѣтъ покинувъ;
Но якъ серце мое тужитъ, горюе, сумуе,
Та якъ собѣ заспѣваю,—уже не бануе.

—

Нема танцю на всѣмъ свѣтѣ, якъ та коломыйка;
Она душу вырывае зъ моего серденька,
Якъ заграю, заспѣваю, туга исчезае,
Бо то наша коломыйка таку силу мае.

—

Заграй же мени, музыченьку, бѣлыми пальцами,
Най я собѣ потанцюю зъ чорными бровами!
Ой у тебе, музыченьку, руки золотыи,
Тожъ ты душу потягаешь въ свѣти далекіи.

—

Гей плыву я по Дунаю,
И такъ се думаю:
Нема кращихъ спѣваночокъ,
Якъ у нашимъ краю!
Ой нема-жъ то, ой нема-жъ то,
Якъ руська краина,
Тамъ спѣвае коломыйки
Каждая дѣвчина.

—

Руська наша коломыйка, хоть она дрибойка,
Она мила, а все щира—мени солодойка,
Якъ я начну коломыйки спивати, спивати,
Затужишь ты и заплачешь, та й станешь думати.

Такая высокая оцѣнка коломыйки, сдѣланная самимъ народомъ, представляетъ тѣмъ болѣе любопытное явленіе, что ранѣе народъ не объектировалъ своихъ поэтическихъ произведеиій настолько, чтобы самостоятельно ихъ оцѣнить въ пѣснѣ-же. Фактъ самостоятельной оцѣнки коломыйки галицко-русскимъ народомъ свидѣтельствуетъ о большой силѣ его поэтическаго творчества и самосознаніи.

Нельзя не пожелать въ заключеніи статьи о коломыйкахъ, что-бы современное состояніе народнаго пѣснотворчества было приведено въ извѣстность. Необходимо притомъ, что-бы собираніе на-

мятниковъ народнаго пѣснотворчества было распространено въ Россіи повсемѣстно, съ соблюденіемъ научныхъ требованій относительно сохраненія и вѣрной передачи всѣхъ чертъ и особенностей, даже искаженій и ошибокъ, въ словахъ и въ размѣрѣ. Въ научномъ отношеніи важно знать областныя, краевыя проявленія пѣснотворчества. По весьма основательному замѣчанію А. Н. Пыпина, «при общихъ мотивахъ преданіе (или пѣсня) чрезвычайно разнообразно, представляетъ множество варіацій; каждая мѣстность, каждый отдѣлъ племени несетъ свой оттѣнокъ старины, свой мѣстный складъ обычая и поэтическаго творчества, и именно изученіе этого разнообразія бытовыхъ и поэтическихъ явленій можетъ принести наукѣ любопытнѣйшіе результаты, какъ слѣдъ старой народной исторіи». Собираніе, записываніе пѣсенъ, преданій, разсказовъ изъ народныхъ устъ идетъ нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Россіи и, между прочимъ, въ Малороссіи, хотя совершается людьми различнаго образованія, различной научной подготовки, по различнымъ мотивамъ, большею частью въ силу пробудившагося въ обществѣ стремленія къ изученію народнаго быта. Въ спеціальныхъ изданіяхъ, преимущественно въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», появляются время отъ времени небольшія, но цѣнныя по точности, записи народныхъ пѣсенъ. Недавно П. В. Шейнъ въ этнографическомъ отдѣленіи русскаго географическаго общества обратилъ вниманіе на двухъ молодыхъ собирателей памятниковъ народнаго творчества, В. Н. Добровольскаго, записавшаго въ 6 уѣздахъ смоленской губерніи болѣе 3000 пѣсенъ, сказокъ, заговоровъ и т. п., и Н. Е. Бера, занимающагося не только записываніемъ, но и переложеніемъ пѣсенъ на музыку («Свѣтъ» 1886 г. № 27). Д. И. Эварницкій года три назадъ записалъ въ харьковской губерніи много пѣсенъ. Харьковское историко-филологическое общество два года назадъ пріобрѣло покупкой отъ г. Манжуры объемистый сборникъ народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ. П. В. Ивановъ собралъ въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи много дѣтскихъ пѣсенъ и игръ. Все это еще ждетъ изданія. Но если желательно, чтобы собираемый матеріалъ не залеживался въ частныхъ рукахъ и въ рукописныхъ сборникахъ обществъ, то еще болѣе желать надо, что бы онъ былъ издаваемъ съ необходимыми комментаріями, съ указаніемъ сходнаго или тождественнаго въ двухъ сборникахъ, дабы не повторился

случай, бывшій при изданіи «Pokucia» Кольберга, который, упустивъ изъ виду громадный сборникъ г. Головацкаго, привелъ массу пѣсенъ, тождественныхъ съ пѣснями, изданными г. Головацкимъ. Отдѣльнымъ труженикамъ собирателямъ пѣсенъ нельзя ставить въ обязанность приводить ихъ въ систему и выдѣлять варіанты. Это дѣло трудное, требуюшее значительной научной подготовки, хорошихъ книжныхъ пособій; успѣшное его выполненіе возможно только при доставляемыхъ столичными библіотеками книжныхъ средствахъ и при совокупныхъ усиліяхъ многихъ лицъ или ученыхъ обществъ. Въ западной Европѣ дѣло собиранія и изданія памятниковъ народнаго поэтическаго творчества и ритуала хорошо поставлено. Достаточно указать на общество Folk—lare, ученое братство, своего рода цехъ, не только издающій этнографическія изслѣдованія и матеріалы, но и поддерживающій между самими научными дѣятелями начала взаимной помощи и содѣйствія. Въ славянскихъ земляхъ въ сходномъ направленіи дѣйствуютъ академіи и матицы, въ Россіи—географическое общество. Въ послѣдней книжкѣ Извѣстій этого общества (1885 г. т. VI стр. 480—500) въ любопытной статьѣ А. Н. Пыпина «о задачахъ русской этнографіи» читаемъ: «Прежнее этнографическое собираніе, всего чаще случайное, диллетантское, частичное, иногда просто крохоборное, должно смѣниться организованнымъ изслѣдованіемъ, простирающимся на всѣ основные типы и мѣстности населенія и производиться людьми научно приготовденными... Многостороннее и правильное... (этнографическое) изученіе необходимо не только для цѣлей чистой науки, но и для внутренняго и практическаго самосознанія; успѣхи этого изученія считаются теперь требованіемъ и условіемъ самого національнаго достоинства». А. Н. Пыпинъ высказываетъ при этомъ пожеланія, къ которымъ нельзя не присоединиться, именно чтобы въ университетахъ слушателямъ предлагались теоретическія наставленія о правильномъ собираніи народной старины, чтобы основалось спеціальное изданіе, посвященное этнографіи, основаны и расширены были музеи, а этнографическое отдѣленіе географическаго общества взяло на себя трудъ организаціи ученыхъ экспедицій, съѣздовъ, сосредоточенія и изданія крупнаго матеріала, библіотечныхъ работъ и т. д.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ЗАМѢТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ.

Въ настоящее время трудно сказать, на какомъ основаніи, кромѣ случайнаго созвучія въ названіяхъ, составилось у нашихъ первоклассныхъ историковъ убѣжденіе въ томъ, что древнее Олешье находилось на мѣстѣ теперешнихъ Алешекъ, въ устьяхъ Днѣпра. На повѣрку выходитъ, что ближе другихъ къ истинѣ былъ Татищевъ, сказавшій, что «Алеши урочище на Днѣпрѣ, но гдѣ, неизвѣстно, можетъ быть близъ пороговъ, гдѣ и печенѣги обыкновенно на русскихъ купцевъ нападали». Н. И. Надеждинъ въ своемъ «Опытѣ исторической географіи» замѣтилъ, что изученіе исторіи должно начинаться съ изученія ландкарты; но относительно Олешья и онъ не избѣгнулъ ошибки предшественниковъ. Понятно, что историки, увлекаясь изложеніемъ хода событій, не находятъ времени взглянуть на карту; но въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ разработкѣ древней географіи Россіи, поразительно встрѣчать свѣдѣнія, не согласныя ни съ источниками, ни съ природою мѣстности. Не мудрено послѣ этого, что покойный Ф. К. Брунъ отождествлялъ Сугровъ половецкій съ Судакомъ [1]), упустивъ изъ виду, что въ лѣтописяхъ о Сугровѣ сказано: «въ среду поидоша къ Сугрову... а въ четвергъ поидоша съ Дона». Какимъ-же образомъ русскіе на другой день по приходѣ въ Крымъ могли очутиться у Дона?

Въ минувшемъ 1885 г. профессоръ Барсовъ издалъ исправленные и дополненные очерки русской исторической географіи и въ нихъ повторяетъ, что Олешье находилось на мѣстѣ Алешекъ что о. Аиферія есть теперешній о. Березань и что изъ Днѣпра

---

[1]) Матеріалы для исторіи Сугдеи, стр. 10.

былъ водоходный путь въ Азовское море [1]). При этомъ почтенный профессоръ, увлекаясь предположеніями, утверждаетъ, что рѣки на югѣ Россіи во время составленія начальной лѣтописи были шире, глубже и удобнѣе для судоходства, по причинѣ обилія лѣсовъ [2]). Хотя потомъ г. Барсовъ (стр. 221 и 222) и дѣлаетъ оговорку, что онъ не останавливается на вопросѣ о лѣсахъ, но онъ же указываетъ по этому поводу на сочиненіе г. Голубовскаго о южно-русскихъ степяхъ, давшаго будто-бы новую постановку вопросу о значеніи лѣсовъ.

Обращаясь къ сочиненію Голубовскаго, находимъ, что у него дѣйствительно говорится о лѣсахъ въ окрестностяхъ Алешекъ со ссылкою на показаніе Ф. К. Бруна. Такимъ образомъ и г. Голубовскій отождествляетъ Олешье съ Алешками [3]). Но послѣ того, какъ въ предисловіи было заявлено имъ, что выводы его основаны на источникахъ первой руки, зачѣмъ было ему ссылаться на разсказы старожиловъ херсонской губерніи [4]) о многоводности и обширности рѣкъ въ недавнюю старину на югѣ Россіи [5]).

Ограничиваясь въ настоящихъ замѣткахъ краткими указаніями, мы прежде всего обращаемся къ вопросу объ Олешьѣ.

Оба вышеназванные изслѣдователи показываютъ, что они знакомы съ трудами профессора Васильевскаго, въ особенности выставляетъ это г. Голубовскій, затронувшій вопросъ о запискѣ готскаго топарха [6]). Какимъ-же образомъ г. Голубовскій не обратилъ вниманія на отзывъ профессора Васильевскаго о томъ, что я убѣдительно опровергнулъ мнѣніе о тождествѣ Алешекъ съ Олешьемъ? Неужели письма мои къ покойному Бруну, помѣщенныя въ «Извѣстіяхъ императорскаго географическаго общества», удостоившаго трудъ мой медали, не заслуживали въ глазахъ г. Голубовскаго чести стать на ряду съ показаніями старожиловъ херсонской губерніи? [7])

Но оставляя ихъ въ сторонѣ, какъ источникъ второстепенный, обратимся къ лѣтописямъ и, соображаясь съ картами, займемся

---

1) Очерки рус. ист. геогр., стр. 21.
2) Ibid., стр. 19.
3) Исторія южно-рус. степей, стр. 5, 201 и 204.
4) Ibid., стр. 5.
5) Ibid., ср. стр. 13.
6) Ibid., стр. 202.
7) Ср. Куникъ, Каспій, стр. 688.

вопросомъ относительно мѣстности Олешья. Можно-ли допустить, чтобы два извѣстія лѣтописи, дополняющія другъ друга (подъ 1153 г. говорится: «на ту-же осень посла отецъ Мстислава противу мачесѣ... и ходиша до Олешья», а подъ 1154 г. читаемъ: «посла Изяславъ сына своего второе противу мачесѣ своей, бѣ бо повелъ жену себѣ изъ Обезъ и устрѣте ю Мьстиславъ въ порозѣхъ»), могли относиться къ теперешнимъ Алешкамъ, находящимся въ 293 верстахъ отъ пороговъ? Какое основаніе можно найти для предположенія, что путь изъ Обезъ шелъ къ порогамъ не чрезъ Крымъ или Таманскій полуостровъ, а вокругъ ихъ. Вѣдь только въ этомъ случаѣ мачиха Мстислава могла-бы очутиться въ теперешнихъ Алешкахъ; но тогда какимъ образомъ согласить извѣстія лѣтописныя о путяхъ «залозномъ», «солономъ« и вообще о тѣхъ дорогахъ, шедшихъ изъ Крыма въ Россію, которыя существовали до позднѣйшаго времени подъ именемъ Муравскаго шляха [1])? Если-бы Олешье находилось вдали отъ пороговъ, то зачѣмъ было-бы лѣтописцу упоминать о нихъ при вторичной поѣздкѣ Мстислава для встрѣчи мачихи? Далѣе въ лѣтописяхъ показано: «избиша послы татарскіе князи русстіи и пойдоша противу имъ (татарамъ) и не дошедше Олешья и сташа на Днѣпрѣ... тогда-же кн. Мстиславъ пребродися Днѣпръ на сторожи татарскіе, побѣди я... Слышавше се князи поидоша вси за Днѣпръ... а выгонцы галичьскіе... возведоша пороги и сташа у реки Хортици на бродѣ на Протолочьи. Преидоша-же вси люди р. Днѣпръ и поидоша на конехъ въ поле половецкое и оттуда идоша 8 дней до р. Калкы».

Спрашивается, какимъ образомъ татары, шедшіе на встрѣчу съ русскими чрезъ поле половецкое, находившееся вблизи пороговъ, могли очутиться у теперешнихъ Алешекъ? Хотя въ лѣтописяхъ и сказано, что русскіе остановились не дошедши Олешья, но здѣсь представляется вопросъ, одинаковый съ предшествовавшимъ по случаю встрѣчи мачихи: для чего было-бы лѣтописцу упоминать объ Олешьѣ, если-бы оно находилось вдали отъ пороговъ, тогда какъ извѣстно, что въ немъ пребывали греческіе купцы и что половцы здѣсь именно «пакостили гречникамъ»? Что половцы кочевали въ этихъ мѣстахъ и на путяхъ залозномъ и соляномъ, доказательствомъ тому

---

[1]) Барсовъ, стр. 150, 151.

служатъ указанія лѣтописныя 1170 г., а при описаніи походовъ 1183 г. говорится объ Инжиръ бродѣ и далѣе въ 1190 году о Протолчи. По объясненію академическаго словаря, *протолча* означаетъ сжатое рѣчное русло, а по татарски *инджé* значитъ тонкій, исхудалый, слѣдовательно русское и татарское или половецкое названіе брода относятся къ одному и тому-же мѣсту, откуда начиналось половецкое поле въ 1224 г.

При описаніи похода на половцевъ за Днѣпръ чрезъ «протолчи» въ 1103 году упоминается о Сутѣнѣ: «идоша въ полѣ 4 дни и придоша на Сутинъ (Сутѣнь)». Не подлежитъ сомнѣнію, что Сутѣнь есть р. Молочная, называвшаяся у татаръ «Сутъ-су», или просто »сютъ», т. е. молочная, находящаяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ четырехъ дняхъ разстоянія отъ мѣста переправы русскихъ у Протолчи въ 1103 г. [1]). Съ этой точки зрѣнія оказывается, что лѣтописцы, пользовавшіеся изустными сообщеніями, употребляли одинъ разъ русскія, а въ другой разъ тюрко-монгольскія названія рѣкъ и урочищъ, передѣлывая ихъ по своему. Поэтому кажется намъ, что г. Барсовъ напрасно сопоставляетъ «Сутень» съ Сутескомъ и т. п. русскими названіями (стр. 88) и не желаетъ найдти другаго источника для ихъ объясненія. Если русскіе о сю пору извѣстный г. Карасу-базаръ называютъ Карась-базаромъ, то что же удивительнаго въ передѣлкѣ нашими предками Сютъ-су въ Сутень? Въ свою очередь половцы, кочевавшіе въ области Днѣпра, передѣлывали также по своему русскія названія и р. Хортицу (отъ греческаго χόρτος или χορταῖος) передѣлали въ р. Хирію 1183 года, а лѣтописецъ, не узнавши въ ней знакомую ему Хортицу, занесъ ее на страницы лѣтописи подъ именемъ Хиріи. О языкѣ половецкомъ мнѣніе ученыхъ еще не установилось, но во всякомъ случаѣ онъ немного разнился отъ языка ногайскаго или татарскаго [2]). Въ книгѣ Большаго Чертежа р. Сутъ-су названа Молочною Водою, то есть именемъ указывающимъ очевидно на переводъ съ языка инороднаго. Принимая эту точку зрѣнія за руководительную нить, легко можно отыскать и р. Сюурлей, упоминаемую при описаніи похода русскихъ на половцевъ въ 1185 г. По разсказу лѣтописца, она нахо-

[1]) Büschings, Erdbleschreib. Troppau. 1784, s. 368, 373.

[2]) Доринъ, Каспій. стр. 387.

дилась нв правой сторонѣ Донца, въ сосѣдствѣ съ г. Осколомъ, въ разстояніи отъ него на одну ночь и полдня пути. Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о р. Ерель (Орель), которая у половцевъ могла называться Суерель, а въ русской транскрипціи обратилась въ Сюурлій.

Перейдемъ отъ этихъ соображеній къ другимъ болѣе положительнымъ, а именно къ вопросу о переправахъ за Днѣпръ, не упуская изъ виду убѣжденіл, сложившагося у нашихъ писателей о томъ, что въ отдаленныя времена всѣ рѣки на югѣ Россіи были многоводныя.

Изъ исторіи извѣстно о трехъ переправахъ чрезъ Днѣпръ ниже пороговъ: о первой упоминаетъ Константинъ Багрянородный, назвавшій ее Крарійскою, она находится у теперешняго Кичкаса, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Днѣпра по всему теченію; но брода здѣсь нѣтъ и онъ не возможенъ, а находится ниже, у о. Хортицы. Другая переправа, отстоящая отъ первой на двѣсти верстъ, извѣстная подъ именемъ Бериславской или Таванской, третья, ближайшая къ Алешкамъ, Бургунская или Тягинская. Но о Таванской въ письмахъ Менгли-Гирея къ Іоанну сказано, что она служила для перехода татаръ къ ляхамъ, а о второй, ближайшей къ Алешкамъ, Бопланъ говоритъ, что на ней нужно переходить три глубокіе протока, Конскія воды и два раза глубокій Днѣпръ [1]).

Гдѣ же, какъ не между о. Хортицею и г. Александровскомь, могли русскіе перейдти чрезъ Днѣпръ на лѣвую сторону, согласно съ показаніемъ лѣтописи: «вся намъ по суху Днѣпръ перешедшимъ», т. е. не замочивши одежды при переправѣ на коняхъ, такъ какъ только здѣсь глубина Днѣпра въ иныхъ мѣстахъ не превышаетъ двухъ футовъ. Изъ этого указанія слѣдуетъ вывести и другое заключеніе, что Олешье, не доходя котораго русскіе повстрѣчали пословъ татарскихъ, находилось невдалекѣ отъ с. Хортицы и брода Протолчья на пути изъ Крыма въ Россію [2]). Переправа здѣсь су-

---

[1]) Ср. Михалона Литв. въ Арх. Калачова, кн. 2, стр. 65.

[2]) Нынѣшніе Алешки, отождествляемые съ Олешьемъ, находятся противу Херсона и ширина Днѣпра съ притоками въ этомъ мѣстѣ составляетъ около восьми верстъ (Зап. Одесск. Общ., т. 3, стр. 217). Слѣдовательно существованіе здѣсь брода немыслимо.

ществовавшая, показана у Боплана на картѣ съ помѣтою: «Большая и удобнѣйшая переправа татарская» [1]). Здѣсь же согласно съ описаніемъ книги Большаго Чертежа проходила и Муравская дорога отъ Перекопа въ Россію [2]).

Напрасно историки наши при отысканіи затерянныхъ городовъ, урочищъ и даже рѣкъ упускаютъ изъ виду указанія археологическія. Такимъ образомъ и относительно Олешья находки доказываютъ, что въ низовьяхъ Днѣпра, на лѣвой сторонѣ его, до нынѣ сохранились слѣды существованія большаго поселенія у с. Знаменки, въ 80 верстахъ отъ о. Хортицы, противу Никополя. Вотъ что сказано у гр. Уварова объ этомъ городищѣ: «мѣсто это и до нынѣ еще такъ удобно для торговли и до такой степени лежитъ на самомъ пути между югомъ и сѣверомъ, что и теперь тутъ пролегаетъ дорога изъ Крыма въ Россію... Съ Никопольскими кучугурами прекращаются всѣ древніе памятники и до самыхъ береговъ Чернаго моря ничто не напоминаетъ о племенахъ, здѣсь такъ долго жившихъ» [3]). Вотъ въ этомъ только мѣстѣ нахожденія монетъ херсонскихъ древняго и византійскаго періодовъ и монетъ восточныхъ могло находиться Олешье, а не въ устьяхъ Днѣпра, у г. Алешекъ, гдѣ не сохранилось слѣдовъ не только древняго, но и запорожскаго поселенія, кромѣ церкви плетеной изъ хвороста [4]). Къ этимъ указаніямъ не лишнимъ считаемъ присоединить извѣстное предписаніе новороссійскаго губернатора Черткова 1772 г., въ которомъ говорится о нахожденіи у Знаменки жилыхъ покоевъ, выложенныхъ мраморомъ (склеповъ?)

Въ книгѣ Большаго Чертежа объ Алешкахъ не упоминается, слѣдовательно запорожцы, поселившіеся здѣсь въ 1711 г., не могли возстановить память о древнемъ Олешьѣ, изчезнувшемъ въ 1224 году со страницъ лѣтописныхъ. Не упоминается и въ описи Днѣпра, представленной запорожцами Петру I въ 1697 г., ни о какомъ городищѣ, носившемъ названіе Олешье, а говорится только о рѣчкѣ Олешкѣ, о бугрѣ Алексѣевомъ и о лугѣ, зовемомъ Олешки.

---

1) Бопланъ, стр. 23—25.

2) Спасскій, стр. 112; ср. Барсовъ, стр. 22—24.

3) Изслѣд. о др. Ю. Р., стр. 20—31.

4) Эварницкій, рефер. на Одесс. съѣздѣ 18 августа.

Такимъ образомъ яснымъ становится, откуда произошло названіе теперешнихъ Алешекъ, указывающее на связь съ именами запорожцевъ Алексѣевъ, хозяйничавшихъ здѣсь съ давняго времени [1]). Въ описи Чернаго моря со всѣми городами и гаванями, составленной гр. Толстымъ на основаніи турецкихъ извѣстій, въ 1702 г. Алешекъ не показано; а въ отвѣтѣ Мазепы, данномъ Курбатову въ 1702 г. сказано, что запорожцы если выйдутъ изъ бывшей Сѣчи, то пойдутъ во владѣніе хана и поселятся на Кардашинѣ внизъ Днѣпра къ морю или въ Прогнояхъ». С. Кардашинка о сю пору пору существуетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Алешекъ, здѣсь же вблизи и мѣсто, называемое паланка [2]). Названіе Кардашинка очевидно татарское, происходящее отъ слова кардашъ. Отсюда показаніе Гаммера о поселеніи козаковъ въ лѣсу братьевъ (т. е. Алексѣевъ) становится понятнымъ; но лѣсу здѣсь нѣтъ, кромѣ растущаго въ плавняхъ, въ которомъ запорожцамъ легко было укрываться отъ бдительности турокъ. Вотъ объ этихъ то деревьяхъ, растущихъ въ плавняхъ, казавшихся плывущему по рѣкѣ выходящими какъ-бы изъ воды, и говоритъ Д. Хризостомъ, а не о тѣхъ, которыя росли на материкѣ, какъ думаетъ г. Голубовскій (стр. 5 и 6). А что на мѣстѣ поселенія запорожцевъ въ урочищѣ Алешкахъ лѣсовъ не было, доказательствомъ тому служитъ сказанное у Мышецкаго, что Сѣчь была въ Алешкахъ на крымской сторонѣ, на пескахъ (стр. 10).

Изъ лѣтописей извѣстно, что Владиміръ равноапостольный взялъ изъ Корсуня 2 капища и 4 коня мѣдяныхъ: зачѣмъ-же было ему съ такими тяжелыми вещами ѣхать до теперешнихъ Алешекъ, чтобы возвратиться въ Кіевъ? Нельзя также предположить и того, чтобы мраморъ для украшенія церквей и сооруженія памятниковъ привозили изъ Греціи чрезъ пороги, слѣдовательно и съ этой точки зрѣнія только Знаменка, лежащая на пути изъ Крыма въ Россію, и находимые въ ней мраморъ и монеты византійскія указываютъ на мѣсто, гдѣ было Олешье и гдѣ могли жить и останавливаться для перегрузки греческіе купцы, пріѣзжавшіе въ Россію.

Обратимся отъ Олешья къ другому вопросу, затронутому нашими изслѣдователями—вопросу о многоводности и большей ширинѣ въ древ-

[1]) Мышецкій, стр, 3; Маркевичъ, т. IV, стр. 155, 326.

[2]) Зап. Одесс. Общ., т. III, стр. 218.

ности рѣкъ, протекавшихъ на югѣ Россіи. Само собою разумѣется, что въ основу подобнаго предположенія должно быть положено несомнѣнное свидѣтельство о томъ, что въ древнее время въ степяхъ Новороссіи падало болѣе снѣгу и дождей, питавшихъ рѣчные источники, которые должны были находиться подъ защитой древесной растительности. Но историкъ, допускающій возможность подобнаго предположенія, не становится ли въ явное противорѣчіе съ указаніями историческими? Припомнимъ замѣчаніе Геродота о томъ, что въ Скиѳіи весною дождей почти не бываетъ [1]). Подобное свидѣтельство о бездождіи находится и въ письмѣ хозарскаго кагана, владѣнія котораго простирались до Днѣпра [2]), а въ лѣтописяхъ отечественныхъ упоминается неоднократно объ этомъ явленіи; такъ напримѣръ въ годъ нашествія татаръ на Россію была такая засуха и жара, отъ которой «боры загарахуся». Мы не можемъ не указать г. Голубовскому на эти доказательства историческія, такъ какъ онъ не принимаетъ въ соображеніе свидѣтельства естествоиспытателей при рѣшеніи вопросовъ историческихъ.

Описаніе днѣпровскихъ пороговъ, сдѣланное Константиномъ Багрянороднымъ около 950 г., такъ отчетливо, что и теперь не многое можно было-бы прибавить къ нему. Изъ этого описанія явствуетъ, что и тогда днѣпровскіе пороги не были покрыты водою на столько, чтобы чрезъ нихъ возможно было свободное судоходство, такъ какъ ихъ можно было переходить (δι-έρχομαι). Въ нашихъ лѣтописяхъ есть также указаніе о мелководіи Днѣпра въ порогахъ при описаніи прохода чрезъ нихъ Перуна, котораго нужно было отрѣвать отъ берега, нарочно посланными людьми изъ Кіева. А существованіе бродовъ чрезъ Днѣпръ, не только внизу его, но и вверху, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, окончательно подрываетъ довѣріе ко всякимъ утвержденіямъ о многоводности въ древности рѣкъ, протекавшихъ въ предѣлахъ южной Россіи. Для большаго убѣжденія въ несостоятельности подобнаго предположенія можно еще указать на городища Ольвіи, Тираса, Танаиса съ остатками сохранившихся пристаней, доказывающихъ до очевидности, что уровень воды въ рѣкахъ Бугѣ, Днѣстрѣ и Донѣ нисколько не измѣнился

[1]) Lib. IV, pag. XXVII.

[2]) Vambéry, Magiar., стр. 70, 71.

и повышается только временно при половодіи, идущемъ отъ вершинъ рѣчныхъ изъ глубины лѣсовъ. Что же касается до существованія въ южной полосѣ Россіи, въ степяхъ, глубокихъ балокъ, рытвинъ и долинъ, указывающихъ будто-бы на высшій противу прежняго уровень воды въ рѣкахъ вслѣдствіе обилія источниковъ, то подобное предположеніе не согласуется съ выводами науки [1]). Въ ряду другихъ доказательствъ, приводимыхъ сторонниками утвержденія о многоводности рѣкъ, протекавшихъ на югѣ Россіи во времена отдаленныя, нельзя не вспомнить объ указаніи на средневѣковыя карты, доказывающія будто-бы, что Днѣпръ изливался въ Черное море двумя рукавами [2]). Но подобное воззрѣніе можетъ раздѣлять только тотъ, кто совершенно незнакомъ съ нивеллировкою новороссійскаго края, такъ какъ при возвышенномъ положеніи Днѣпра надъ уровнемъ Чернаго и Азовскаго морей Днѣпръ никогда не могъ бы дойти до теперешняго своего истока и прорѣзаться въ порогахъ чрезъ гранитное ложе.

Покойный Брунъ говоритъ, что извѣстіе о водяномъ сообщеніи, существовавшемъ въ древности между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и Перекопскимъ заливомъ сохранилось до временъ Константина Багрянороднаго, и вотъ какое мѣсто изъ сочиненія Константина объ управленіи имперіею указываетъ въ доказательство истины выведеннаго изъ этого извѣстія предположенія. «Къ сѣверу отъ Меотійскаго озера протекаетъ Днѣпръ, изъ котораго Росы отправляются въ Черную Болгарію, Хазарію и Сирію... этотъ заливъ Меотиды простирается до Некропилъ, которыя отстоятъ отъ Днѣпра около четырехъ миль и тамъ съ нимъ соединяются, гдѣ древніе переправлялись въ море посредствомъ канала, проведеннаго поперекъ Херсона, областей и земли Босфора, но, засыпанный дѣйствіемъ времени, онъ превратился въ густой лѣсъ и представляетъ двѣ только дороги, чрезъ которыя печенѣги отправляются въ Херсонъ, Воспоръ и области [3]). Приведенный у Бруна въ сокращенномъ видѣ отрывокъ этотъ самъ по себѣ дѣйствительно подаетъ поводъ къ недоразумѣнію, но, присоединивъ къ нему другія указанія Констан-

---

[1]) Леваковскій, Спб. Образ. долинъ ю. Р., стр. 21—34; ср. 39, 45, 46.

[2]) Брунъ, Черноморье, ч. I, стр. 100, 126—128.

[3]) Черноморье, т. I, стр. 100.

тина изъ той-же 42 гл. объ управленіи имперіею, увидимъ другое: 1) Константинъ говоритъ, что Меотійское озеро, называемое моремъ по величинѣ своей, начинается отъ Воспора и что р. Днѣпръ протекаетъ на сѣверѣ отъ этого моря; а такъ какъ между моремъ или озеромъ и пазухою ихъ (κόλπος) есть большая разница, то гдѣ-же у Константина находится извѣстіе о существованіи сообщенія между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ или Перекопскимъ заливомъ, составляющимъ часть Чернаго, а не Азовскаго моря? 2) Константинъ показываетъ, что большой заливъ, называемый Некропила, начинается по выходѣ изъ Днѣпра, въ четырехъ миляхъ отъ него по направленію къ Херсонесу, слѣдовательно между о. Тендрою (Адара) и материкомъ. Само собою разумѣется, что этотъ заливъ не могъ находиться противу Перекопа, т. е. противу Сиваша; но по направленію къ Перекопу, по другую сторону о. Тендры, есть такой же заливъ, образуемый о. Джарылгачемъ, который также назывался Некропила до позднѣйшаго времени и показанъ на всѣхъ италіанскихъ картахъ. Вотъ къ этой-то части Некропилъ относится показаніе Константина о томъ, что Меотійскій заливъ, т. е. Сивашъ находится противу Некропилъ, которыя въ нижней части своей смѣшиваются съ Днѣпромъ, впадающимъ въ Черное море. Такое объясненіе показанія Константина о Некропилахъ подтверждается и самымъ заглавіемъ 42 гл., въ которомъ сказано, что Некропилы находятся при Понтѣ, близъ р. Днѣпра.

Другое-же показаніе Константина, относящееся къ каналу, представляется необъяснимымъ и поэтому не можетъ служить доказательствомъ для постройки на немъ достовѣрнаго предположенія, достойнаго современной исторіи. Константинъ говоритъ, что «древніе (жители Тавриды?), прорывъ каналъ длиною въ одну милю или болѣе, ѣздили чрезъ него въ море, заградивъ этимъ каналомъ всю землю Херсона, Климатовъ и Воспора; но что по истеченіи многихъ лѣтъ онъ засорился пескомъ и на немъ произрастаетъ большой лѣсъ, чрезъ который пролегаютъ двѣ дороги, служащія печенѣгамъ путями сообщенія съ Херсономъ, Климатами и Босфоромъ». Съ перваго взгляда представляется, что у Константина идетъ рѣчь о каналѣ Перекопскомъ; но каналъ этотъ проведенъ между Сивашемъ и Чернымъ моремъ; а о Сивашѣ у Страбона сказано, что озеро это очень болотисто и едва судоходно для сшитыхъ лодокъ: слѣдо-

вательно Сивашъ и тогда былъ такимъ-же, какимъ нашелъ его Ласси въ 1738 г., перешедши съ арміею по дну его къ Перекопу. При этомъ Страбонъ, упоминая о перешейкѣ, не говоритъ, чтобы здѣсь былъ ровъ, соединявшій Гнилое море съ Понтомъ [1]). Остается предположить, что Константинъ, упоминая о древнихъ, имѣлъ въ виду показаніе Геродота; но у него сказано, что ровъ, выкопанный слѣпыми рабами, простирался отъ Таврическихъ горъ до озера Меотійскаго; слѣдовательно этотъ ровъ былъ сдѣланъ не для судоходства и не могъ находиться у Перекопа [2]). Показаніе Константина о протяженіи рва на одну милю или болѣе также не согласуется ни съ дѣйствительностію (6 в., 472 саж., 5 ф.), ни съ показаніемъ Страбона, опредѣляющаго длину Перекопскаго перешейка въ сорокъ стадіевъ, т. е. почти въ 4 мили. Ровъ Перекопскій могъ дѣйствительно ограждать Херсонисъ, Климаты и Воспоръ со стороны степей приднѣпровскихъ; но не самъ-ли Константинъ показываетъ, что въ его время ровъ не существовалъ, что онъ былъ засыпанъ пескомъ и покрытъ густымъ лѣсомъ? Что-же касается защиты Херсониса, Климатовъ и Босфора, то для степняковъ оставались другія дороги, чтобы ихъ достигнуть: одна чрезъ Геническій проливъ, а другая чрезъ Чонгарскій полуостровъ; слѣдовательно и съ этой стороны показаніе Константина о значеніи рва оказывается не вѣрнымъ. Давая сыну подробныя наставленія о способахъ сношенія съ печенѣгами, въ гл. 1, 6, 7, 8 и 9 Константинъ указываетъ, по какимъ дорогамъ изъ Херсона и Константинополя нужно было ѣхать, чтобы встрѣтиться съ печенѣгами. Возможно-ли предположить, чтобы эти двѣ дороги проходили чрезъ Перекопскій ровъ, да притомъ лѣсомъ, о которомъ, кромѣ Константина, не упоминается ни у одного писателя? Слѣды существованія рвовъ между Чернымъ и Гнилымъ морями на полуостровѣ Крымскомъ сохраняются донынѣ; но песку или лѣса нѣтъ [3]). Остается одинъ Кинбургскій полуостровъ, на которомъ дѣйствительно есть лѣсъ и песокъ, передвигаемый вѣтрами съ одного мѣста на другое, и со-

---

[1]) Strabon, кн. VII, гл. IV, стр. 1.

[2]) Ср. Путеш. Муравьева по Тавр., стр. 257, 258.

[3]) Ср. Кёне, Муз. Кочуб., т. I, стр. 176, 177. Ашикъ, Босфор., т. II, стр. 25.

хранились слѣды рва, проходившаго изъ Днѣпровскаго лимана къ заливу Тендровскому (Некропила Константина). Этимъ протокомъ воспользовались русскіе въ 1559 г. при нападеніи на крымскіе улусы и онъ представлялъ для запорожцевъ возможность выѣзжать въ море, минуя Очаковъ [1]). Предоставляю другимъ видѣть въ этомъ протокѣ ровъ, упоминаемый Константиномъ, также не подходящій къ его описанію; но не думаю, чтобы послѣ приводимыхъ здѣсь соображеній нашлись изслѣдователи географіи южной Россіи, которые стали-бы ссылаться на свидѣтельство Константина Багрянороднаго о существованіи лѣса во рву Перекопскомъ и о сообщеніи Днѣпра съ Азовскимъ моремъ.

Обращаемся къ другимъ доказательствамъ, приведеннымъ у Бруна, для оправданія предположенія о существованіи около 950 г. водоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море. Хотя покойный профессоръ и дѣлаетъ оговорку, что «на точность средневѣковыхъ картъ нельзя безусловно полагаться»; однако-же онъ ссылается на какую-то генуэзскую карту 1447 года, на которой будто-бы Днѣпръ изображенъ изливающимся однимъ рукавомъ въ Азовское, а другимъ въ Черное море [2]). Указывая на эту карту, Брунъ не объяснилъ значенія ея, какъ памятника самостоятельнаго въ средѣ другихъ подобныхъ; поэтому мы считаемъ не лишнимъ коснуться этого предмета, такъ какъ онъ имѣетъ тѣсную связь съ вопросомъ о рѣкахъ Ипокирисѣ и Герросѣ, соединявшихъ, по словамъ Геродота, Днѣпръ съ тою частію Чернаго моря, которая нынѣ называется Перекопскимъ заливомъ.

Пересмотрѣвши всѣ извѣстныя карты съ 1318 по 1497 г., мы нигдѣ не нашли подтвержденія словъ Бруна [3]); но на древнѣйшихъ картахъ, открытыхъ преосвященнымъ Порфиріемъ и г. Севастьяновымъ въ Ватопедскомъ монастырѣ, показано, что въ Перекопскій заливъ впадаетъ р. Каркинитесъ, имѣющая связь съ Геродотовскимъ Каркинитесомъ, а на средневѣковыхъ картахъ поставлено на этомъ мѣстѣ Cotoluca, очевидно тождественная съ р. Каланчакомъ.

---

[1]) Мышецкій, т. I, стр. 13.

[2]) Черноморье, т. I, стр. 128.

[3]) Ср. его-же, Берегъ Черн. Моря по морск. картамъ, Черноморье, т. I, стр. 74—77.

Еще поразительнѣе ссылка покойнаго Бруна на свидѣтельство Нестора о впаденіи Днѣпра тремя жерелы въ Понтійское море, въ которомъ Брунъ желалъ видѣть море Азовское [1]), тогда какъ у Нестора идетъ рѣчь о теперешнихъ херсонскихъ гирлахъ. Такимъ образомъ оказывается, что покойный ученый напрасно трудился надъ отысканіемъ водоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море; для него представлялась болѣе вѣроятная возможность доказать, что Днѣпръ могъ соединяться съ заливомъ Перекопскимъ.

Въ статьѣ о мѣстоположеніи Каркинитеса, увлекаясь мнѣніемъ палеонтолога Эйхвальда, мы сами допускали вѣроятность предположенія о многоводности рѣкъ, протекавшихъ въ древности по южной Россіи и при этомъ указали на р. Бѣлозерку, которая могла впадать въ р. Каланчакъ. Въ этой р. Бѣлозеркѣ мы видѣли р. Герросъ, которая, по словамъ Геродота, отдѣлялась отъ Днѣпра и впадала въ Гипокирисъ (Каланчакъ), слѣдовательно въ Черное море.

Доводы наши показались на столько убѣдительны, что покойный Брунъ принялъ ихъ въ «Опытѣ соглашенія» и при изданіи «Черноморья» измѣнилъ прежнія предположенія о соединеніи Днѣпра съ Азовскимъ моремъ [2]). Принятіе Бруномъ мнѣнія моего о тождествѣ Каланчака съ Гипокирисомъ и Бѣлозерки съ Герросомъ, вызвало порицаніе со стороны профессора Юргевича [3]); но г. Юргевичу не было извѣстно о письмѣ покойнаго Бруна къ В. Е. Тизенгаузену, въ которомъ Брунъ отрекался отъ принятаго имъ мнѣнія моего и видѣлъ въ Каланчакѣ не рѣку, а заливъ Каркинитскій, т. е. часть Чернаго моря [4]). Много времени и трудовъ посвятили мы для изслѣдованія на мѣстѣ возбужденнаго нами вопроса, пока окончательно убѣдились въ томъ, что р. Бѣлозерка есть та рѣка, которая у Геродота названа Герросомъ; но она вытекаетъ не изъ Днѣпра, а изъ озера (Бѣлозерскій лиманъ), находящагося въ четырехъ верстахъ разстоянія отъ Днѣпра и Конки, питающихъ его подземными ключами, проходящими чрезъ возвышенное песчаное

---

[4]) Черноморье, т. I, стр. 126.

[1]) Ср. Зап. Одес. Общ., т. V, стр. 136; Черноморье, т. I, стр. 127, 128; т, II, стр. 48, 49, 67.

[2]) Зап. Одес. Общ., т. XII, стр. 36.

[3]) Труды Москов. Арх. Общ., т. VIII, стр. 185.

плато; подробности эти не могли быть извѣстны Геродоту. По выходѣ изъ озера р. Бѣлозерка протекала по направленію къ Черному морю и соединялась, какъ видно, съ вершиною Каланчака, который при впаденіи въ Черное море (заливъ Перекопскій, онъ-же и Каркинитскій) образуетъ при истокѣ своемъ лиманъ, доступный для судовъ [1]). Но мы не думали доказывать, что р. Бѣлозерка при очевидномъ соединеніи съ Каланчакомъ составляла судоходный рукавъ Днѣпра до Чернаго моря.

Такимъ образомъ, при безуспѣшности со стороны покойнаго Бруна доказать возможность соединенія Днѣпра съ Азовскимъ моремъ, мы позволяемъ себѣ сказать, что отъ доказательствъ его осталось только заглавіе написаннаго имъ разсужденія, взбаламутившаго моря и рѣки, протекающія на югѣ Россіи.

Что же касается дѣйствительнаго уменьшенія количества воды въ степныхъ ручьяхъ, протекавшихъ на памяти старожиловъ, то источникъ этого явленія находится въ зависимости отъ причинъ частныхъ и не можетъ составлять доказательства въ отношеніи рѣкъ судоходныхъ. Вольно же было нашимъ осадчимъ южно-русскихъ степей основывать поселенія у самыхъ рѣчекъ, истреблять на берегахъ ихъ растительную защиту, дозволяя скоту слѣдовавшему на водопой, поднимать за собою тучи придорожной пыли, осѣдавшей въ рѣку, оставлять въ ней скотъ на нѣсколько часовъ для отдыха и отводить часть скудной воды для мельницъ и поливки огородовъ при высокой степени испаряемости въ лѣтнюю пору. Отсутствіе понятія объ устройствѣ барражей для избѣжанія напрасной траты воды по сторонамъ во время ледохода и половодія, загрязненіе ручья стиркою бѣлья и мочкою прядильныхъ растеній, купанье овецъ, способствующее образованію на поверхности воды водорослей и осѣданію ихъ на дно, все это могло имѣть вліяніе на обмелѣніе маленькихъ степныхъ рѣчекъ. Но ни одна изъ выше указанныхъ причинъ не могла дѣйствовать на рѣки судоходныя съ сильнымъ теченіемъ, питающіяся неизсякаемыми притоками, не зависящими отъ дѣйствія атмосферной влаги въ видѣ дождя или снѣга; поэтому онѣ остаются такими же, какими были и въ древности въ историческій періодъ. Въ отношеніи Днѣпра опись его,

---

[1]) Ср. Зап. Одес. Общ., т. IX, стр. 14, 15, 16, 20, 21, 48.

составленная Коковцевымъ въ 1784 г., служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ. Мы не входимъ здѣсь въ болѣе подробныя соображенія по этому предмету, такъ какъ они завлекли бы насъ далеко за предѣлы бѣглыхъ очерковъ. Пусть сторонники гипотезы о многоводности степей южной Россіи въ древности и судоходности протекавшихъ тамъ маленькихъ рѣчекъ, нынѣ исчезнувшихъ, покажутъ намъ остатки судовъ или снастей въ вершинахъ Самары или Кальміуса, подобные встрѣчающимся въ р. Тясминѣ [1]); тогда мы готовы будемъ признать гадательное теперь предположеніе за достовѣрное, не подлежащее сомнѣнію.

Поставивъ разселеніе славянъ въ тѣсную зависимость съ направленіемъ рѣкъ и состояніемъ лѣсовъ, многіе почтенные изслѣдователи отечественной исторіи, чтобы доказать пребываніе славянъ въ сосѣдствѣ съ Чернымъ моремъ въ степяхъ на югѣ Россіи, утверждали, что рѣки, тамъ протекавшія, были обширнѣе. Въ настоящее время вопросъ объ этомъ, по словамъ г. Барсова, поставленъ на другую точку зрѣнія и теоретикамъ нашимъ пришлось доказывать, что славяне, прибывшіе на югъ Россіи, застали въ нынѣшней губерніи херсонской большее протяженіе лѣсовъ, большую ихъ дремучесть [2]). А такъ какъ въ настоящее время въ степныхъ пространствахъ на югѣ Россіи ихъ нѣтъ, то для объясненія этого противорѣчія съ дѣйствительностію изобрѣтается новое предположеніе, что будто бы сами славяне, какъ народъ земледѣльческій, нуждаясь въ пашняхъ, могли истребить лѣса на югѣ Россіи [3]). Но гдѣ же доказательства въ пользу этой слишкомъ смѣлой гипотезы? Неужели мнѣніе агронома, названнаго ученымъ у г. Голубовскаго, въ состояніи подорвать авторитетъ отца исторіи Геродота, показавшаго, что въ Скиѳіи, кромѣ Гилеи, лѣсовъ нѣтъ [4]). Еще менѣе г. Бауманнъ и послѣдователи его могутъ ослабить показанія такихъ естествоиспытателей, какими были знаменитый Беръ, Щуровскій и Нордманнъ. Барботъ-до Марни въ геологическомъ очеркѣ херсонской губерніи говоритъ, что «микроскопическія изслѣдованія черно-

---

[1]) Шмидтъ. Херс. губ., ч. I, стр. 207. 208.

[1]) Барсовъ, стр. 221, 222; Голубовскій, стр. 13—15

[3]) Голубовскій, стр. 3.

[4]) Lib. IV, pag. 19, 21, 61.

зема, залегающаго въ губерніи херсонской, не открыли въ немъ никакихъ древесныхъ остатковъ, стало быть степи херсонскія также стары, какъ и самая почва ихъ» [1]) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что приведенное у Голубовскаго мнѣніе Баумана относится къ землѣ донскаго войска, а не къ степнымъ пространствамъ херсонской губерніи, носившимъ названіе дикаго поля, или къ Перекопскому рву, находящемуся между двумя морями, на которомъ будто-бы во времена Константина Порфиророднаго произросталъ густой лѣсъ, чрезъ который проходили двѣ дороги. Какой-же народъ и когда въ состояніи былъ вынуть изъ этого канала, имѣющаго 7 верстъ протяженія, морскую почву, замѣнить ее прѣснымъ пескомъ, удобрить его и завести на немъ лѣсъ при отсутствіи не только лѣса, но и песку въ окрестностяхъ Перекопа? Слѣдовательно упоминаніе Константина Багрянороднаго о рвѣ, засыпанномъ пескомъ, должно относиться къ другому мѣсту, а не къ теперешнему рву Перекопскому, проведенному изъ Сиваша въ Черное море, куда Ф. К. Брунъ заставлялъ впадать одинъ изъ рукавовъ Днѣпра, помѣщая здѣсь же двѣ дороги [2]).

На сѣверѣ херсонской губерніи, въ александрійскомъ уѣздѣ, дѣйствительно есть лѣсъ, носящій названіе Чернаго; но г. Голубовскій помѣщаетъ его между верховьями Самары, Донца и Оскола, а о Голубомъ лѣсѣ не находитъ никакихъ извѣстій [3]). Между тѣмъ болѣе тщательныя разысканія привели бы его къ Синюхѣ и произрастающему здѣсь лѣсу, также на сѣверѣ херсонской губерніи, въ сосѣдствѣ съ Чернымъ, бывшимъ мѣстомъ побоища въ 1170 г. между русскими и половцами [4]). Въ этомъ сопоставленіи мы видимъ новое доказательство въ пользу высказаннаго мнѣнія, что тамъ, гдѣ дѣйствительно были лѣса, они сохранились до настоящаго времени; но пространство ихъ ограничивается 58 т. десятинъ при 6,584,268 дес. общаго количества земли въ херсонской губерніи.

---

[1]) Стр. 134; ср. Brincken Bewald. der Steppen, стр. 16.

[2]) Черноморье, ч. I, стр. 100. Ср. Baer K. E. Histor. Frag. 1873., стр. 71, 72.

[3]) Стр. 12; ср. 106, 138.

[4]) Въ росписи кн. Гюфякина 131 г. дѣйствительно упоминается о Черномъ лѣсѣ въ 30 верст. отъ Бѣлгорода; но можно ли допустить, чтобы кіевляне въ 1170 г. загнали половцевъ такъ далеко отъ Канева, почти въ глубину Россіи.

Если «Висемъ», упоминаемая въ лѣтописи ипатьевской подъ 1190 г., есть Высь, то гдѣ же искать Черный лѣсъ, какъ не на сѣверѣ херсонской губерніи? Рѣка Высь образуется изъ сліянія большой и малой Высей и протекаетъ вдоль границы херсонской губерніи съ кіевскою: здѣсь же находится и Синюха (Синія воды), служащая также границею херсонской губерніи съ кіевскою и южнѣе подольскою. А при описаніи похода 1170 г., въ которомъ упоминается о Черномъ лѣсѣ, Снопородѣ и р. Углѣ, сказано, что русскіе для нападенія на половцевъ шли до Канева, слѣдовательно до мѣста, находящагося въ сосѣдствѣ съ Синюхою и Чернымъ лѣсомъ. О Синюхѣ упоминается Сарницкимъ въ сборникѣ исторіи Длугоша (изд. 1842 г., стр 1924) и подъ этимъ названіемъ показаны они на картѣ 1592 г. [1]), слѣдовательно названія ихъ были стародавнія. Корень слова Снопородъ (Снепородъ) въ языкахъ турко-татарскихъ отыскать трудно [2]), но позднѣйшее названіе нашей рѣки у поляковъ Синею водою указываетъ очевидно на переводъ съ языка иноземнаго, по примѣру Конскихъ, Овечьихъ, Молочныхъ и Желтыхъ водъ. На картѣ у Боплана Черный лѣсъ показанъ тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится, въ верховьяхъ Ингульца и тамъ же означено теченіе рѣкъ Выси и Синюхи. Въ виду этой дѣйствительности вопросъ о значеніи слова Висемь разрѣшается самъ собою; но съ этимъ вмѣстѣ предположеніе г. Голубовскаго о нахожденіи Чернаго лѣса между Самарою и Осколомъ теряетъ достовѣрность. По словамъ лѣтописей, ратною стороною считалась не лѣвая, а правая сторона Днѣпра и погоня за половцами въ 1150, 1155, 1158 и 1193 г. начиналась отъ Канева. Отсюда же изъ Канева, находящагося на правой сторонѣ Днѣпра, русскіе въ 1168, 1170 и 1192 г. сторожили пути греческій и соляный и здѣсь же ожидали, «дондеже взыйде гречникъ и залозникъ»; слѣдовательно мѣсто кочевья половцевъ приднѣпровскихъ было вблизи Канева, на правой сторонѣ Днѣпра. На какомъ же основаніи можно предполагать, что русскіе при нападеніи на половцевъ въ 1170 г. должны были идти по лѣвой сторонѣ Днѣпра до р. Самары? Въ лѣтописи ипатьевской ска-

---

[1]) Ex offic. Tipogr. Bussemechers; ср. Броневскій Март. Описаніе Крыма; Зап. Одес. Общ., т. 6, стр. 334.

[2]) Vambery, Prim. Cult. Turk. Tatar., t. V, стр. 234, 235.

зано, что русскіе настигли половцевъ чрезъ 9 дней по выходѣ изъ Кіева, слѣдовательно, чтобы достигнуть Самары, они должны были пройти 420 в., что представляется само по себѣ невѣроятнымъ [1]), такъ какъ, кромѣ всего, имъ нужно было совершить переправу чрезъ рѣки: Супой, Крапивну, Ирклѣй, Каграй, Сулу, Кагальникъ, Псіолъ, Ворсклу, Орель и другія впадающія въ Днѣпръ съ лѣвой стороны, а дѣло было весною въ мартѣ во время половодія. Но положимъ, что русскіе дѣйствительно встрѣтились съ половцами у р. Самары, какимъ же образомъ половцы послѣ погрома ихъ могли очутиться въ тылу у русскихъ, убѣгая къ р. Осколу? Въ виду этой несообразности слѣдуетъ заключить, что половцы находились вблизи Синюхи за 120 в., а не на Самарѣ, за 300 в. отъ Канева. Названіе р. Самары не могло быть испорчено лѣтописцемъ до неузнаваемости, такъ какъ оно было извѣстно ему съ 1152 г.; поэтому для отождествленія Снопорода съ Самарою нѣтъ никакой точки опоры. Но принимая въ соображеніе показаніе лѣтописца о Снопородѣ и Голубомъ лѣсѣ въ 1187 г., нельзя не придти къ заключенію, что русскіе въ 1170 г., напавши на половцевъ на правой сторонѣ Днѣпра и взявши вежи, гнались за половцами отъ Чернаго лѣса въ 110 в. отъ Канева, заставили ихъ перейти на лѣвую сторону Днѣпра и преслѣдовали до р. Оскола, впадающей въ Донецъ. Въ 1187 г. стража половецкая находилась на Снопородѣ, и это показаніе лѣтописца само собою лишаетъ насъ возможности отождествлять его съ Самарою, такъ какъ нельзя допустить вѣроятія, чтобы половцы сторожили русскихъ за 300 в. отъ Канева, служившаго для русскихъ наблюдательнымъ постомъ за дѣйствіями половцевъ.

Въ виду приводимыхъ соображеній не будетъ ли ближе къ истинѣ остановиться на томъ выводѣ, что Черный и Голубой лѣса находились на сѣверѣ херсонской губерніи противу Канева и что Снепородъ (Синебродъ) есть р. Синюха, такъ какъ названіе Снепородъ, очевидно исковерканное, кромѣ указаній географическихъ, само по себѣ находится въ большемъ соотношеніи съ Синебродомъ, нежели съ Самарою [2]). При упоминаніи о Черномъ лѣсѣ и Снопо-

---

[1]) Срав. Барсовъ, стр. 303.

[2]) Нельзя-ли слова Снопородъ объяснить сочетаніемъ древне-славянскихъ словъ *синь* и *породъ* (рай), что значило-бы Синерайскій. Переписчики легко могли слогъ *синь* обратить въ знакомое имъ слово *снемъ* и оставить при немъ *породъ*.

родѣ лѣтописецъ ставитъ при нихъ р. Углу, подразумѣвая Ингулъ, слѣдовательно и половецкая р. Ивла находилась въ херсонской губерніи, въ трехъ дняхъ пути отъ Днѣпра, по направленію къ Черному лѣсу, такъ какъ у Мышецкаго она подъ именемъ Гивленки поставлена рядомъ съ Ингульцемъ [1]). Что же касается названія лѣса Голубымъ, то и теперь, подъѣзжая съ востока къ посаду Новоархангельскому по елисаведградской дорогѣ, глазамъ вашимъ представляется на западѣ голубая полоса, стелящаяся надъ лѣсами, растущими по возвышенной границѣ херсонской губерніи съ кіевскою. Цвѣтъ синій, примѣненный къ рѣкѣ и къ морю въ «Словѣ о плъку Игоревѣ», не много разнится отъ голубого и легко могъ быть смѣшиваемъ одинъ съ другимъ въ народномъ понятіи, подобно тому, какъ синій замѣнялъ черный: «синій яко сажа бывающе». По этому нельзя не придти къ заключенію, что названіе лѣса Голубымъ поставлено лѣтописцемъ только для отличія его отъ Чернаго лѣса [2]).

Въ другомъ видѣ представляется вопросъ объ урочищѣ «Уголъ» 1183 года. Многіе почтенные изслѣдователи предполагаютъ, что въ лѣтописяхъ идетъ рѣчь объ одномъ и томъ же мѣстѣ, но, при тщательномъ сопоставленіи извѣстій объ углахъ 1170 и 1183 годовъ, нельзя не придти къ заключенію, что урочище Ерель, называвшееся у русскихъ Уголъ, находилось вблизи Протолчи, такъ какъ при описаніи стоянія русскихъ на мѣстѣ Ерель упоминается о переправѣ за Днѣпръ на лѣвую сторону по теченію. Такимъ образомъ оказывается, что мѣсто Уголъ не имѣетъ ничего общаго съ р. Угла, т. е. Ингульцемъ на правой сторонѣ Днѣпра, но оно находится въ ближайшемъ соотношеніи съ лугомъ или лукою морскою, отъ которой часть половцевъ называлась Лукоморскими въ 1152 г. Слово Ерель, сохранившееся о сю пору на югѣ Россіи въ названіи извилистыхъ рѣчныхъ протоковъ ериками, есть очевидно тюрко-монгольское (арыкъ), принадлежавшее той части Днѣпра или его притоковъ, которые образовывали Великій Лугъ (луку) вблизи г. Александровска

---

1) Мышецкій, стр. 75.

2) Не подлежитъ сомнѣнію, что по географическому положенію названіе лѣса и проходившаго здѣсь-же шляха черными имѣетъ связь съ черными клобуками, подобно тому, какъ названіе дороги муравскою могло произойти отъ слова Моуръ (Черный) въ память о Черной Куманіи и черныхъ болгарахъ, обитавшихъ на мѣстности, чрезъ которую она проходила.

екатеринославской губерніи; о немъ упоминается у Боплана и въ описаніи азовской губерніи 1779 г. [1]). Витсенъ передаетъ, что пустыня, заключавшаяся между Днѣпромъ и Дономъ, называлась въ древности Jugul [2]), и хотя нельзя указать источника, откуда Витсенъ позаимствовалъ это извѣстіе, но во всякомъ случаѣ оно подтверждается нахожденіемъ въ этой мѣстности рѣкъ съ названіями, напоминающими Jugul, напримѣръ: Joungoul, Tchungul и т. п. [3]).

Переходя изъ круга соображеній географическихъ въ область свѣдѣній археологическихъ, мы и съ этой стороны встрѣчаемъ полное согласіе съ выше приведеннымъ заключеніемъ о мѣстѣ борьбы русскихъ съ половцами въ 1152, 1170, 1187, 1190 и 1193 г. по Ипатскому списку. Если показаніе Рюнсбрёка о принадлежности половцамъ каменныхъ истукановъ, извѣстныхъ подъ именемъ бабъ, справедливо, то послѣ мѣстности придонской найбольшее количество ихъ находится въ губерніяхъ екатеринославской, отчасти въ таврической, по направленію отъ Днѣпра къ Сивашу, въ бывшемъ полѣ Половецкомъ и въ херсонской губерніи, по теченію Днѣпра и Ингульца. На Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ статистикъ херсонскаго земства А. А. Браунеръ читалъ рефератъ о городищахъ елисаветградскаго уѣзда и въ немъ указалъ, что городища эти состоятъ изъ болѣе или менѣе круглой ямы глубиною до двухъ саженей, окруженной валомъ, имѣющимъ входы [4]). Окружность этихъ валовъ колеблется между 75 и 120 аршинами (засѣданіе 27 августа). Кто же, знакомый съ бытомъ кочевниковъ, принявъ во вниманіе вещи, находимыя въ этихъ окопахъ, при отсутствіи слѣдовъ прочной осѣдлости, не признаетъ принадлежности ихъ народу кочующему? [5]). Остатки

---

[1]) Зап. Одес. Общ., т. III, стр. 293., ср. Списки насел. мѣстъ екатерин. г., стр. XI.

[2]) Noord en ost Tart., стр. 726.

[3]) Peyssonnel, Observat. histor. et géogr. 1765 cart., p. 107, ср. Hist. de Timur-Bec., t. II, p. 863.

[4]) Наука о древностяхъ имѣетъ свою условленную терминологію, на основаніи которой названіе городища не можетъ быть усвоено кургану (Погодинъ, Ист. домонгол. періода, стр. 462; ср. Труды 1-го Арх. Съѣзда, стр. 203). Въ херсонской губерніи въ сосѣдствѣ съ мѣстностію, обслѣдованною г. Браунеромъ, были уже производимы раскопки г. Лишинымъ, также не дающія права, по найденнымъ въ нихъ вещамъ, принимать курганы за остатки городищъ (Труды Моск. Арх. Общ., т. IX, стр. 20—25).

[5]) Ср. Vambéry, Magyar. 1882., стр. 279, 280; ср. 98.

подобныхъ земляныхъ сооруженій кольцеобразной формы, съ ямою или курганомъ по срединѣ, описываетъ Палласъ въ своемъ путешествіи по степямъ киргизскимъ и въ сосѣдствѣ съ Сибирью, отечествомъ кочевыхъ народовъ [1]). Доказательствомъ того, что кочевники, жившіе въ кибиткахъ (вежахъ), окружали дворы свои рвами, служитъ мѣстность днѣпровскаго уѣзда таврической губерніи, гдѣ сохранились они во множествѣ по степямъ, на которыхъ жили ногайцы и киргизскіе татары [2]). Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Голубовскаго, что при разработкѣ вопросовъ историческихъ нельзя обойтись безъ обращенія къ источникамъ первой руки, но они тогда только заслуживаютъ этого названія, когда въ нихъ не встрѣчается очевидныхъ противорѣчій съ природою мѣстности, на которой совершались описываемыя событія.

Показаніе о томъ, что руссы зимовали на островѣ Евферія, не можетъ быть отвергнуто; но чтобы подъ островомъ Евферія разумѣть нынѣшній о. Березань, имѣющій пространство 72 т. кв. саж., для этого нѣтъ никакого основанія. Здѣсь, подобно тому, какъ и при отысканіи мѣстонахожденія Олешья, археологія оказала услугу географіи, такъ какъ при раскопкахъ, произведенныхъ на о. Березани въ 1884 г., никакихъ древностей, указывающихъ на пребываніе здѣсь руссовъ или варяговъ, не отыскалось [3]). Но при пользованіи безусловно источниками первой руки бываютъ ошибки и другого рода; такъ напримѣръ откуда г. Голубовскій заимствовалъ мнѣніе о томъ, что Очаковъ носилъ названіе Сары-Керменъ, когда у Абульфеды ясно сказано, что Сары-Керменъ лежалъ противу Синопа, а изъ другихъ источниковъ извѣстно, что Сары-Керменомъ назывался у татаръ Херсонисъ [4]).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія соображенія по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ географіи южной Россіи, затронутымъ въ очеркѣ

---

[1]) Путеш. по разн. мѣст. Рос. Имп. Спб. 1786 г., ч. II, кн. 1, стр. 167; ср. 388, кн. 2, стр. 59, 88, 88, 89, 91.

[2]) Не подлежитъ сомнѣнію, что половцы имѣли свои курганы, и память о нихъ сохранилась въ лѣтописи новгородской подъ 1224 г. и въ описаніи Рюнсбрёка (Bergeron, Rec. d. Voyag. Rubruquis, p. 19). Курганы, подобные находящимся въ сосѣдствѣ съ Чернымъ лѣсомъ, описываетъ Ядринцевъ въ своемъ путешествіи по западной Сибири и Алтаю (Труды Моск. Арх. Общ., т. IX, стр. 181—205).

[3]) Журн. Минист. Народн. Просв., ч. 137, отд. 4, стр. 2—4.

[4]) Кеппенъ. Крымск. Сбор., стр. 231.

г. Барсова и въ трудѣ Голубовскаго, мы позволяемъ себѣ по важности предмета остановиться еще на предположеніи о существованіи будто бы судоходнаго пути изъ Днѣпра въ Азовское море посредствомъ рѣкъ Самары Волчей и Міуса или Кальміуса [1]).

Охота была незабвенному Ф. К. Бруну, не справившись съ топографіею края, высказать вышеприведенное предположеніе, сдѣлавшееся научною истиною въ глазахъ новѣйшихъ отечественныхъ историковъ. Можно-ли допустить вѣроятіе, чтобы рѣки Самара и Міусъ или Кальміусъ, имѣющія противоположныя теченія, могли когда нибудь соединяться между собою, при разности уровней и при существованіи между ними возвышеннаго горнаго хребта? Предположеніе свое о возможности подобнаго соединенія рѣкъ г. Брунъ основывалъ будто бы на свидѣтельствѣ Боплана, но не обратилъ вниманія на его карту, въ которой между вершинами Міуса и Кальміуса и притоками Самары Волчей или Кринки показана, согласно съ книгою Большаго Чертежа, проходившая здѣсь Муравская дорога. На повѣрку оказывается, что Бопланъ вовсе не говоритъ о соединеніи этихъ рѣкъ, а упоминаетъ только о томъ, что козаки плавали вверхъ по Міусу, а далѣе отъ сей рѣки до Тавчаводы около мили шли волокомъ: Тавчавода впадаетъ въ Самару, Самара же изливается въ Днѣпръ выше Кайдака [2]). Подъ именемъ Тавчаводы Бопланъ очевидно разумѣлъ Овчуводу, т. е. Овечьи воды, рѣчку показанную въ книгѣ Большаго Чертежа и въ другихъ путеводителяхъ [3]). Можно ли, на основаніи приводимой здѣсь точной выписки изъ Боплана, допустить вѣроятіе, чтобы онъ, упоминая о переводѣ судовъ по мѣстамъ промежуточнымъ между рѣками, подразумѣвалъ здѣсь тѣ суда, которыя строили козаки запорожскіе для морскихъ набѣговъ? [4]) Извѣстно, что для переноса къ рѣкамъ по мѣстамъ сухопутнымъ у запорожцевъ существовали особые челны, устроенные изъ буйволовыхъ кожъ, по приказанію Вишневецкаго, около 1557 г. [5]). На что же было козакамъ запасаться такими

---

[1]) Барсовъ, стр. 21, 223.

[2]) Бопланъ, стр. 67; ср. 18, 19.

[3]) Ср. Майковъ, Замѣтки цо геогр., стр. 24.

[4]) Бопланъ, стр. 62—67.

[5]) Маркевичъ, т. I, стр. 45.

челнами, если бы они имѣли сплошной судоходный путь изъ Днѣпра въ Азовское море? Вопросъ этотъ разрѣшается у Мышецкаго, показывающаго, что козаки, возвращаясь съ моря, «затапливали дубы свои (лодки) для переду, а потомъ брали съ собою малыя лодки, оттягивали ихъ сухимъ путемъ до моря и тамъ пришедши на большія свои затопленныя лодки саживались» [1]). У Серры подъ 1374 г. описано плаваніе жителя Кафы Луки Тариго вверхъ по р. Дону до мѣста сближенія Дона съ Волгою, гдѣ онъ, перенесши судно свое, спустилъ его на Волгу [2]). Неужели на основаніи подобнаго указанія можно утверждать, что Донъ соединялся съ Волгою? [3]) Г. Брунъ изслѣдованіе свое о рѣчномъ пути изъ Днѣпра въ Азовское море написалъ въ 1863 году и вновь повторилъ его въ сборникѣ 1879 года, слѣдовательно тогда уже, когда издана была орографическая карта одесскаго военнаго округа 1866 года, съ показаніемъ на ней профилей и уровня поверхностей относительно морей Чернаго и Азовскаго. Удивляюсь, какимъ образомъ Ф. К. Брунъ, истинно ученый человѣкъ, не обратилъ вниманія на письма мои, помѣщенныя, по уговору съ нимъ, въ Извѣстіяхъ императорскаго географическаго общества за 1875 г. [4]). Если покойному профессору географіи не желательно было справиться съ картою, то и такихъ источниковъ, какъ Бопланъ, книга Большаго Чертежа, Уставъ о сторожевой службѣ, Росписи Ивана Коломнина, Журналъ Тяпкина и Описаніе азовской губерніи 1779 г. [5]), достаточно было-бы для того, что-бы измѣнить редакцію своего первоначальнаго предположенія и, вмѣсто указанія на невозможное соединеніе рѣкъ, сказать, что для водоходнаго пути козаковъ изъ Днѣпра въ Азовское море существовалъ волокъ. Но если козаки и могли пользоваться имъ для своихъ цѣлей, то для коренныхъ русскихъ не представлялось въ немъ надобности, такъ какъ для нихъ существовалъ другой ближайшій путь къ Азовскому морю и Тмутаракану по Дону, имя котораго сохранилось въ народномъ эпосѣ [6]).

---

[1]) Мышецкій, стр. 13, 14.

[2]) Storia, IV; 58.

[3]) Ср. Щегловъ, Журн. Министерства Народн. Просв., ч. 185, отд. 2, стр. 6—7.

[4]) Выпускъ 3, стр. 181—188; Вып. 5, стр. 301—321.

[5]) Тамъ же, стр. 291, 293.

[6]) Ср. Щегловъ, Журн. Мин. Н. Пр., ч. 185, стр. 170.

Вольно же нашимъ излѣдователямъ, какъ замѣтилъ г. Замысловскій при разборѣ труда г. Барсова, руководствоваться исключительно источниками первой руки и не обращать вниманія на мѣстные сборники, т. е. источники болѣе ясные [1]). У Константина Багрянороднаго упоминается объ архонтѣ Моканѣ, владѣнія котораго находились въ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ [2]). Изслѣдователи наши предположили, что здѣсь подразумѣвается Муканская степь, тогда какъ страна Муканъ находится на Кавказѣ въ сосѣдствѣ съ р. Курою [3]). Мѣстныя же записки, на которыя указалъ г. Замысловскій, привели бы изслѣдователя географіи древней Россіи въ губернію екатеринославскую, такъ какъ въ Мѣсяцесловѣ на 1782 г. сказано, что «страна по лѣвую сторону Днѣпра, ниже Орла лежащая, называлась прежде Замоканъ» [4]). Слово это сохранилось до настоящаго времени въ названіяхъ рѣкъ Самотканъ и Домоткань, впадающихъ въ Днѣпръ съ правой стороны, въ предѣлахъ екатеринославской губерніи [5]) Хотя въ географіи начальной лѣтописи и не упоминается о Моканѣ, но въ «Исторіи южно-русскихъ степей» умолчаніе о немъ у автора, посвятившаго такъ много труда при составленіи этнографическаго очерка, оно составляетъ пробѣлъ, бросающійся въ глаза. Впрочемъ почтенный составитель «Исторіи южно-русскихъ степей», увлекаясь сказаніями восточныхъ писателей, не много отвелъ мѣста для болѣе точныхъ географическихъ показаній Константина Порфиророднаго.

По поводу соображеній, приведенныхъ здѣсь о Моканѣ, вопросъ о Саксимахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ подъ 1229 г., является самъ собою. Очевидно, что названіе это должно имѣть соотношеніе съ Саксиномъ, а не съ Сянземъ, княземъ половецкимъ. Блау предполагалъ, что Саксинъ находился за Дунаемъ въ саксон-

---

[1]) Журн. Минист. Народ. Просв., ч. 177, отд. 2, стр. 461.

[2]) De ceremoniis Aulae B., ed Bonn. 1829 г., T. I., стр. 688; ср. т. II, стр. 810, 811.

[3]) Dorn, Geogr. Caucas., стр. 523; ср. Каспій, стр. 68; Ханыковъ. Иранъ. Ч. I, стр. 148.

[4]) Собр. сочин. выбран. изъ мѣсяцесл. на разн. годы. Спб. 1790 г., ч. Y, стр. 112.

[5]) Павловичъ, Мат. для геогр. и статист. Россіи. Спб. 18[illegible]1 г., стр. 27.

скомъ Зибенбюргѣ [1]). Но Саксиновъ было нѣсколько и одинъ изъ нихъ, упоминаемый у Ибнъ-даста, лежалъ въ области Днѣпра [2]). Вопросъ о мѣстонахожденіи его былъ уже затронутъ нами въ «Опытѣ изслѣдованія о Куманахъ», но тамъ мы предполагали, что Саксинъ могъ находиться у Знаменки на мѣстѣ Олешья, гдѣ видны слѣды поселенія двухъ различныхъ народностей [3]). Въ настоящее время, принимая въ соображеніе рефератъ Н. И. Васильевскаго на Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ объ этнографическомъ значеніи нѣкоторыхъ географическихъ именъ, мы указываемъ на р. Саксагань, но не по отношенію къ народу Сакамъ, а къ Саксимамъ и Саксину. Рѣка Саксагань протекаетъ въ екатеринославской губерніи, но впадаетъ въ Ингулецъ въ предѣлахъ губерніи херсонской [4]).

Если древнее Олешье можно было сопоставить съ Алеска, упоминаемымъ Эдризи и поставленнымъ на картѣ его противу Молзы, гораздо выше теперешнихъ Алешекъ, то мы позволяемъ себѣ думать, что предположенія наши о Маканѣ и Саксинѣ могутъ имѣть за собою болѣе вѣроятія.

Предоставляя судить объ этомъ другимъ, болѣе насъ компетентнымъ, мы въ заключеніе долгомъ считаемъ сказать, что перомъ нашимъ руководила надежда вызвать со стороны почтенныхъ изслѣдователей древней географіи лучшее объясненіе извѣстій о ней, относящихся къ югу Россіи, запутанныхъ различными предположеніями, несогласными съ природою края.

Пл. Бурачковъ.

---

[1]) Leitschr. des. Deutschen Morgenlandis. Geselshaft. Band. 29, s. 21; ср. Szalay, Gesch. Ungar. T. I, стр. 214, 215.

[2]) Дорнъ, Каспій, стр. 32, 35, 36.

[3]) Зап. Одес. Общ., т. X, стр. 131, 132.

[4]) Многіе изслѣдователи предполагаютъ, что половцы имѣли города, и г. Барсовъ, слѣдуя лѣтописямъ, видитъ ихъ въ Сугровѣ и Шуканѣ. Не имѣя другаго подходящаго имени, лѣтописецъ дѣйствительно называетъ ихъ не улусами или юртами, а городами, а между тѣмъ самъ показываетъ, что половцы „бѣша ходящи, яко Угры“. (Ср. Vámbéry, Primil. Cult. Turko-Tatar. V. 1879 г., стр. 83, 78, 127—129. Васильевскій, Визант. и Печенѣги, стр. 119—121).

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

III.

Василина знала множество средствъ для помощи людямъ во всѣхъ случаяхъ жизни; сама она ни минуты не сомнѣвалась въ дѣйствительности этихъ средствъ и готова была съ каждымъ подѣлиться ими. Однажды испытали это на себѣ одновременно, но различнымъ образомъ, Петръ Джурджа и Яковъ Шишка.

Первый былъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ въ Сухой Долинѣ Достался-ли лучшій участокъ земли въ надѣлъ его предкамъ, или они были болѣе трезвы и трудолюбивы, чѣмъ другіе крестьяне, но и самъ онъ, и его отецъ, и дѣдъ считались богачами въ селѣ. Вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ Петръ выстроилъ себѣ новую хату, похожую на порядочный домикъ, съ трубою, съ двумя большими окнами, крылечкомъ и выбѣленными снаружи стѣнами. Внутри на первый взглядъ нельзя было замѣтить ничего особеннаго; сѣни, просторная хата и такая-же большая комора. Въ хатѣ огромная печь со множествомъ «запичковъ» и «закутковъ», вдоль стѣнъ лавки, столы, ткацкій станокъ, хозяйственная деревянная посуда и ничего больше; все

---

[1]) См. „Кіев. Стар.". 1886 г., февр. кн., стр. 279.

также, какъ и въ другихъ хатахъ. Но стоило только заглянуть въ комору, въ хлѣвъ, въ амбаръ и тутъ сразу видна была разница. Въ самый сильный неурожай не было недостатка въ хлѣбѣ, изъ года въ годъ всегда оставался большій или меньшій запасъ и излишки одного года пополняли недостатки другихъ лѣтъ. Въ загонѣ стояли четыре коровы, лошадь и кобыла, которая каждый годъ приводила жеребенка, шесть овецъ, нѣсколько свиней, куры, голуби подъ крышею, въ саду густая роща вишень и дикихъ грушъ, доставлявшихъ на зиму отличныя «гнилички», въ огородѣ вдоволь всякихъ овощей. Въ коморѣ на полкахъ и на полу красовались въ рядъ горшки и мѣшки со всевозможными припасами, одна изъ стѣнъ вся чернѣла отъ развѣшанныхъ на ней мотковъ нитокъ и шерсти, стоявшіе подъ стѣнами сундуки были до верху наполнены мужской и женской одеждой, цѣлыми сувоями полотна и полосатой холстины, вытканныхъ на домашнихъ кроснахъ. Но не только необычный достатокъ наполнялъ хату Петра, въ ней царило также рѣдкое спокойствіе. Петръ самъ былъ человѣкъ флегматичнаго характера, съ медленными движеніями и спокойною рѣчью; жена его была женщина высокая, красивая, кроткаго характера Еще съ молодыхъ лѣтъ она страдала ревматизмами и другими болѣзнями, которыя также дѣлали ее болѣе спокойною и менѣе склонною къ ссорамъ, чѣмъ другія женщины. Она часто вздыхала, долго и пространно жаловалась на свои страданія, прося совѣтовъ противъ нихъ у кого только могла; бывало, когда боли сильнѣе начнутъ донимать ее, она тихонько поплачетъ въ уголку, иногда начнетъ голосить на всю хату, но до брани съ мужемъ, никогда не доходила. Да и ей-ли, безсильной, съ больными ногами, искривленными руками, ей, которая точно барыня нуждалась въ помощницѣ, еще заводить ссоры съ мужемъ? Для нея и то уже было большимъ счастьемъ, что мужъ не выгонялъ ее изъ хаты, не бранилъ за безсиліе, а напротивъ жалѣлъ ее, говорилъ съ нею по людски, сострадательно покачивая головою. Она была настолько разсудительна, чтобы оцѣнить это счастье,

ея въ этомъ отношенiи были весьма просты; она высказывала ихъ сосѣдкамъ въ минуты сердечныхъ излiянiй.

— На-що винъ одружився зо мною? Не для посагу бравъ мене, бо въ мене ничого не було, а для того, щобъ мати въ хати добру господыню. А яка-жъ зъ мене господыня? До праци рвусь, якъ той кинь до воды, що тильки здужаю—зроблю, тильки мало що здужаю. Якъ дошкулить хороба, то й руки ни до чого не стоять. А винъ-же мени за те николи ничого, хочъ-бы коли недобрымъ словомъ обизвався. Терпить та мовчить. Ще часомъ и поспытае: може тоби, Гапко, чого треба? може-бъ тебе зновъ завезти до знахарки? Такiй добрый чоловикъ. Тожъ я ёму ни въ чимъ не суперечу. Нехай ёму такъ и Господь милосердный не противиться!..

Впрочемъ, не легко было и сопротивляться Петру; у него бывали припадки гнѣва, очень рѣдкiе, но тѣмъ болѣе страшные. Можно-бы подумать, что въ этой тихой и спокойной натурѣ гроза разражалась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше и медленнѣе она собиралась. Въ молодыхъ лѣтахъ онъ былъ покорнымъ сыномъ для своихъ родителей; однако, когда мать его, уже нѣсколько помѣшанная отъ старости и докучавшая ему безпрестанными ссорами съ невѣсткою, однажды заперла передъ нею дверь коморы, такъ что онъ не засталъ ужина, воротившись съ поля, и остался голоднымъ, сынъ въ гнѣвѣ ударилъ ее такъ сильно, что старуха занемогла, пролежала нѣсколько времени на печи и умерла. Можетъ быть она умерла и не отъ побоевъ, потому что и прежде у нея душа едва держалась въ тѣлѣ, но Петръ былъ сильно потрясенъ этою смертью и долгое время ходилъ какъ потерянный. Тогда онъ говорилъ женѣ и куму, котораго очень любилъ, что самъ себя началъ такъ бояться, какъ будто уже продалъ душу чорту. Съ этого времени Петръ сдѣлался очень набожнымъ; чаще другихъ посѣщалъ церковь и говѣлъ, даже идучи за плугомъ иногда шепталъ молитвы, а въ каждый годовой праздникъ жертвовалъ на церковь то хлѣбъ, то цѣлые сувои холста. Казалось, мысль, что нансенная матери обида

ною тревогою и потребностью оправдаться передъ Богомъ. Съ теченіемъ времени все это обратилось въ немъ въ какую-то склонность къ мистицизму, которой не далъ развиться постоянный тяжелый физическій трудъ, но которая сказывалась въ нѣсколько мечтательномъ выраженіи, съ какимъ его сѣрые глаза смотрѣли на міръ изъ подъ густыхъ бровей, и въ особенномъ пристрастіи его къ разсказамъ о чудесахъ, волшебствахъ и всевозможныхъ сверхъестественныхъ явленіяхъ. Эту склонность еще болѣе усилило одно обстоятельство, случившееся въ малолѣтствѣ его младшаго сына Ивася. Мальчикъ родился уже вв то время, когда мать его начала хворать; это былъ слабый, болѣзненный ребенокъ, который за пять лѣтъ своей жизни такъ высохъ и пожелтѣлъ, что скорѣе напоминалъ восковую фигурку, чѣмъ живое дитя; ротъ его былъ постоянно раскрытъ, кривыя ножки съ трудомъ носили худенькое тѣло и самъ онъ падалъ, когда пробовалъ бѣжать. Климъ, напротивъ, былъ здоровый мальчикъ и росъ, какъ на дрожжахъ, въ верхъ, и въ ширь. Надъ Ивасемъ часто плакала мать, сосѣдки съ состраданіемъ качали головою, а отецъ, по обыкновенію, тихо и медленно бормоталъ что-то, печально опустивъ голову. Дошло до того, что Гапка, которой наскучилъ пискъ ребенка, надоѣли постоянныя заботы о немъ, какъ будто онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставался малюткою, однажды съ грустью и съ досадою сказала сосѣдкамъ:

— Отъ, нехай-бы вже ёго лучше Господь до себе забравъ...

Тогда Петръ разсердился не на шутку. Со времени смерти матери онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ни разу не сердился; но теперь снова вспылилъ и прибилъ-бы жену, если-бы она не бросилась цѣловать ему руки, со слезами прося сжалиться надъ ея болѣзнью и несчастьемъ; онъ страшно кричалъ, со срамомъ выгналъ изъ хаты сосѣдокъ, которыя своими толками только раздражали материнское чувство Гапки и вскорѣ послѣ того, посадивъ больного ребенка на возъ, отправился на «отпустъ» къ чудотворной иконѣ. Если другимъ Богъ оказываетъ чудеса, то почему-бы не сжалился и надъ нимъ? Кто-то посовѣтовалъ

ему, для болѣе вѣрнаго полученія Божіей милости, купить одну изъ восковыхъ фигурокъ, которыя продаются на церковной паперти, и повѣсить на икону. Петръ купилъ такую фигурку, заказалъ обѣдню о здравіи ребенка, выслушалъ ее на колѣняхъ до самаго конца, усердно повторяя въ полъ-голоса молитвы и съ тяжелыми вздохами билъ себя въ грудь. При каждомъ выходѣ съ евангеліемъ или со св. дарами онъ обѣими руками поднималъ вверхъ ребенка, какъ будто указывая его Божію милосердію, а самъ, также поднявъ свое загорѣлое лице, мечтательнымъ взглядомъ слѣдилъ за синеватыми волнами дыма, которыя все гуще и гуще подымались надъ массою людскихъ головъ, надъ олтаремъ подъ самые своды храма. Дитя возвратилось съ богомолья такимъ-же, какимъ выѣхало изъ хаты: слабымъ, желтымъ, высохшимъ, съ кривыми ногами и открытымъ ртомъ, но мѣсяца черезъ два послѣ того начало видимо поправляться: побѣлѣло, выпрямилось, пополнѣло, просто ожило. Правда, въ это время наступила теплая, солнечная весна, когда все въ природѣ оживаетъ: и деревья, и цвѣты, и дѣти. Правда также, что старая Оксана, поселившаяся недавно въ Петровой хатѣ, посовѣтовала Гапкѣ ежедневно посылать Ивася на сухой песокъ, который бѣлою полосою тянулся на краю села.

— Нехай копаеться сердешне въ тимъ писку, говорила она, якъ ёго сонечко добре нагріе, то й дитина буде здорова. Така вже свята сила е въ гарячимъ писку, що дитей здоровить. закончила Оксана и приказала Василинѣ, тогда еще небольшой дѣвочкѣ, отвести Ивася на песокъ, смотрѣть за нимъ и забавлять.

Правда, Ивась никогда уже не сдѣлался такимъ сильнымъ. красивымъ и бойкимъ, какъ Климъ, который былъ немногимъ старше его, но все таки поправился, не пищалъ уже такъ какъ прежде, не падалъ на каждомъ шагу, а выровнялся, побѣлѣлъ, началъ больше говорить. Въ Петровой хатѣ часто поговаривали объ этомъ выздоровленіи и различнымъ образомъ толковали его причины.

— Таки то Петрова жертва на одпусти, говорили нѣкоторыя бабы, набожно сложа руки на животъ и качая головою.

— А може той писокъ, що Оксана порадила, замѣчали другія.

— И жертва на одпусти, и писокъ, а все Господь милосердный, говорилъ серьезно Петръ; бо коли писокъ мае таку святу силу, то це вже ёму Богъ такъ давъ. Отъ що!

— Есть на свити и нечиста сила, замѣтила одна изъ бабъ.

— А есть, подтвердилъ Петръ съ полнымъ убѣжденіемъ, и послѣ нѣкотораго раздумья прибавилъ:

— Але що въ писку, то Божа сила, бо отже помогла; а якъбы була въ ёму нечиста сила, то була-бъ пошкодила...

И подумавши еще немного, поднялъ вверхъ указательный палецъ и закончилъ:

— Нечиста сила завжды на лихо робить людямъ, а Божа сила на добро. Онъ що!

Покровительство Божеской силы Петръ Джурджа старался снискать еженедѣльнымъ посѣщеніемъ церкви, произнесеніемъ положенныхъ молитвъ, пожертвованіями на церковь въ видѣ хлѣба, холста и другихъ сельскихъ продуктовъ; нечистой силы боялся больше всего на свѣтѣ и хотя никогда не испытывалъ на себѣ ея дѣйствія, по крайней мѣрѣ видимымъ образомъ, но вспоминалъ о ней съ большимъ отвращеніемъ и ненавистью. Если кто нибудь разсказывалъ при немъ о людяхъ, которые, какъ на примѣръ различныя вѣдьмы или колдуны, съ помощью этой силы причиняли вредъ другимъ людямъ, онъ сплевывалъ съ отвращеніемъ и со злостью говорилъ сквозь зубы:

— Що-бъ имъ руки й ноги поламало! Що-бъ имъ смерть була тяжка! Бодай вони царства небесного не бачили!..

О царствѣ небесномъ Петръ вспоминалъ очень часто; кажется, оно-то и было тѣмъ предметомъ, который въ неясныхъ и неопредѣленныхъ очертаніяхъ носился гдѣ-то высоко передъ нимъ въ то время, когда его сѣрые глаза подъ густыми нависшими бровями принимали задумчивое и нѣсколько мечтательное выраженіе.

Однако, создавая себѣ чудесные образы царствія небеснаго,

занимался съ большою заботливостью и трудолюбіемъ и былъ сильно обрадованъ, когда жители Сухой Долины выбрали его своимъ старостою. Тогда сдѣлалось очевиднымъ, что характеръ его былъ не совсѣмъ свободенъ отъ честолюбія и что оказанная ему честь пріятно щекотала его тщеславіе. Прежде онъ держался нѣсколько сгорбившись, но сдѣлавшись старостою, выпрямилъ спину и улыбнулся такъ широко и свободно, какъ никогда передъ тѣмъ не улыбался; за то медленная походка его получила еще большую важность и онъ съ видимымъ удовольствіемъ, почти съ торжественностью, прибилъ къ наружной стѣнѣ своей хаты отъ улицы синюю таблицу, на которой большими бѣлыми буквами было написано: *Петръ Джурджа*, *староста*. Онъ усердно и терпѣливо занялся общественными дѣлами, которыя довѣрили ему односельчане, а когда осаждали различныя, связанныя съ его должностью, затрудненія и непріятности, онъ говорилъ съ сокрушеніемъ въ голосѣ:

— Христосъ бильше терпивъ, или: мени Богъ за те въ царстви небесному заплатить.

И продолжалъ свое дѣло, не смущаясь ни людскими толками, ни различными препятствіями. Не рѣдко увлекала его людская гордость; поднявъ палецъ вверхъ, онъ улыбался широкой улыбкой и, по привычкѣ, медленно и спокойно произносилъ:

— Теперъ, якъ той казавъ, я тутъ первый чоловикъ и надъ усима найстаршій...

Иногда также говорилъ въ видѣ поученія старшему сыну:

— Дивись, Климе, будь такій, якъ я, и Господь святый дасть тоби панування на цимъ свити, а на тимъ царство небесне. Не пый, чужого не бажай, роби, що до тебе належить, а до нечистои силы не удавайся. До Божои силы удавайся, а чорту въ лапы не давайся, бо якъ той казавъ, и господарство згине, и душу загубишъ. Онъ що!

Важное въ жизни Петра событіе—избраніе его сельскимъ старостою, случилось года черезъ два послѣ женитьбы Михайла Ковальчука на Василинѣ, а вскорѣ послѣ того на разрѣшеніе

сельскихъ жителей представилось дѣло большой для нихъ важности. Сельскій магазинъ, въ которомъ сохранялись запасы хлѣба, предназначенные для неурожайныхъ лѣтъ, такъ обветшалъ, что въ скоромъ времени ему угрожало полное разрушеніе. Становой нѣсколько разъ напоминалъ о необходимости построить новый магазинъ, жители и сами сознавали эту необходимость, но изъ года въ годъ оттягивали начало работъ. Понятно, боялись расходовъ, да и не очень хотѣлось новыхъ хлопотъ. Теперь однако послѣдняя отсрочка подходила къ концу; волей-неволей магазинъ нужно было строить, такъ было рѣшительно и неизмѣнно приказано отъ высшаго начальства. Хата старосты наполнилась крестьянами, которые собрались для предварительнаго совѣщанія о такомъ дорогомъ и сложномъ дѣлѣ. Петръ Джуржа предсѣдательствовалъ въ собраніи съ обычнымъ спокойствіемъ и разсудительностью, совѣтовалъ, какъ и когда должны быть собраны деньги для этой постройки, гдѣ и какой лѣсъ нужно купить, кого и за какую цѣну вызвать для измѣренія площади подъ постройку, которая должна быть перенесена на другое мѣсто. Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ и вычисленіяхъ значительную помощь оказывалъ ему двоюродный братъ его Степанъ, одна изъ самыхъ свѣтлыхъ головъ въ селѣ, пока не впадалъ въ гнѣвъ, или не былъ пьянъ; онъ имѣлъ даже надъ другими то преимущество, что умѣлъ бѣгло считать. Никто никогда не училъ его счету, онъ уже отъ природы обладалъ этою способностью и научился самъ; а такъ какъ на этотъ разъ онъ былъ трезвымъ, ни на кого не сердился, сверхъ того задался непремѣнною цѣлью сдѣлаться сельскимъ судьею при первыхъ выборахъ, то, сидя спокойно рядомъ съ Петромъ, разсуждалъ пространно и разумно, быстро складывалъ и помножалъ различныя числа, однимъ словомъ отдался всецѣло общественному дѣлу, забывая о томъ, что мучило и раздражало его въ частной жизни. При этомъ даже лице его, постоянно нахмуренное, зачастую угрюмое и гнѣвное, разгладилось и прояснилось. Однако, не смотря на спокойствіе и разсудительность обоихъ Джуржей, въ избѣ часто подымался такой шумъ, что люди переставали понимать другъ

друга. Всѣ начинали говорить въ одно время, отталкивали другъ друга локтями отъ стола, за которымъ сидѣлъ староста, подымали споръ за каждый грошъ, на каждое предложеніе его отвѣчали отказомъ. Петръ терпѣливо переносилъ все это, продолжалъ толковать свое нѣсколькимъ болѣе спокойнымъ слушателямъ, а по временамъ, когда болѣе рѣзкіе начинали уже бранить и упрекать его, бормоталъ въ полъ-голоса:

— Христосъ бильшъ терпивъ!

— Дурни! прокляти дурни! Бодай на васъ холера напала! кричалъ вспыльчивый Степанъ, отталкивая кулакомъ отъ стола самыхъ горячихъ, и уже начиналъ чувствовать первый приступъ гнѣва, какъ вдругъ среди гула спорящихъ мужскихъ голосовъ раздался пискливый, отчаянный женскій крикъ. Петрова жена выскочила изъ коморы и, ломая руки, кричала и причитала не своимъ голосомъ.

— Ой, Боже мій! Боже мій! Ой, Боже нашъ милостивый!

Вслѣдъ за нею выбѣжала изъ коморы дѣвушка, помогавшая ей по хозяйству вмѣсто Василины, и схватившись въ отчаяніи за голову, также заметалась по хатѣ и еще громче и пискливѣе вторила ей:

— Ой, Мати Божа пречиста! змилуйся надъ нами гришными!

Мужчины сразу прекратили споры и разсужденія и неподвижно, съ открытымъ ртомъ, блуждающими глазами слѣдили за женщинами, которыя метались по хатѣ, какъ сумасшедшія. Не скоро удалось хозяину, сперва убѣжденіями, за тѣмъ угрозами допытаться у женщинъ о причинахъ такого отчаянія. Случилась дѣйствительно непріятная вещь: изъ коморы исчезли два куска сала, двѣнадцать паръ колбасъ и десять штукъ недавно сотканнаго холста. Все это украдено было неизвѣстно когда и кѣмъ; воръ распилилъ оконную раму, отсунулъ замыкавшую ее задвижку, влѣзъ въ комору и вынесъ черезъ окно столько добра. Окно выходило въ огородъ, уже совсѣмъ опустѣвшій въ позднюю осеннюю пору и только покрытый грязью, а осеннія ночи длинны и темны... Хозяйка была въ отчаяніи; Петръ не такъ живо принималъ къ сердцу понесенную утрату.

но тѣмъ не менѣе былъ пораженъ и чрезвычайно разгнѣванъ противъ неизвѣстнаго преступника. Это внезапное событіе положило конецъ совѣщанію; собравшіеся крестьяне разошлись по немногу, ни на чомъ не порѣшивши, да полагать надо собирались еще не разъ, прежде чѣмъ придти къ какимъ нибудь рѣшительнымъ результатамъ. Въ хатѣ остался только самъ хозяинъ, который въ раздумьи сидѣлъ на лавкѣ, облокотясь обѣими руками на столъ, и три женщины, громко толковавшія передъ горящею печью о внезапномъ происшествіи, три Джурджихи, жоны Петра, Степана и Семена Джурджей. Это были три совершенно различные типа крестьянокъ, олицетворявшія три различныя женскія доли Жена Петра—женщина болѣзненная и спокойная, уже не молодая, но еще довольно красивая, жена добраго мужа, хозяйка богатой хаты и мать двухъ подрастающихъ сыновей, сложа руки на груди, съ грустью качала головою и тихо повторяла:

— Яки лукави люде! ой, яки не правдыви!

Быстрая, какъ змѣйка, пылкая, смуглая и черноглазая Степанова жена, славившаяся во всей околицѣ, какъ самая злостная сплетница (о ней впрочемъ всѣмъ извѣстно было, что мужъ ее терпѣть не могъ и что постоянно то онъ ее билъ, то она его), при первомъ извѣстіи о томъ, что случилось въ Петровой хатѣ, бросила своего новорожденнаго ребенка, перваго за четыре года замужества и, примчавшись на мѣсто происшествія, такъ громко и свирѣпо кричала, проклинала вора и металась по хатѣ, какъ будто она сама понесла во сто разъ большую потерю.

На оборотъ Семенова жена, Параска, приплелась, не спѣша, съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ, уже шестымъ или седмымъ по счету. Это была женщина еще не старая и не дурная собою, но до такой степени заморенная и исхудавшая, вся сморщенная, съ вѣчно искривленными губами, что жена Петра, хотя значительно старѣе ее и изнуренная болѣзнями, выглядѣла гораздо лучше. Извѣстно, жена пьяницы, завязшаго по уши въ долгахъ у еврея шинкаря; ея курная хата была наполнена маленькими

дѣтьми, а комора почти опустѣла, какъ и все хозяйство; не удивительно, что она не могла и побалагурить весело. На Ганкѣ ясно отражалось спокойствіе и благосостояніе домашней обстановки; Степанова Варка могла служить олицетвореніемъ природной запальчивости, доведенной до высшей степени раздраженія дурной супружеской жизнью; на Параскѣ, женѣ пьяницы, отражались нужда и заботы. Укачивая на рукахъ ребенка, который, не находя достаточно корма въ материнской груди, кричалъ во все горло, она съ почтительнымъ удивленіемъ, почти съ благоговѣніемъ повторяла:

— Два сала, десять сувоивъ полотна! ой, Боже-жъ мій, Боже! два сала, десять сувоивъ полотна, ще й дванадцать паръ ковбасъ... ой, Боже-жъ мій, Боже!...

Бѣдная женщина не могла вдоволь налюбоваться и надивиться такому богатству, при которомъ можно сразу утратить столько вещей, не подвергаясь полному обнищанію. Она не завидовала и не злорадствовала, напротивъ, искренно жалѣла родственниковъ, потерпѣвшихъ такой убытокъ, но все таки это заставляло ее живѣе почувствовать всю мѣру собственной бѣдности. Между тѣмъ черные глаза Варки разгорались все больше и больше, сверкали и бѣгали какъ у помѣшанной, а языкъ бѣгалъ еще быстрѣе, чѣмъ глаза, самыя ужасныя проклятія сыпались на невѣдомаго вора. Впрочемъ всѣмъ уже было хорошо извѣстно, что она постоянно должна была кого нибудь проклинать; вѣроятно это служило облегченіемъ отъ постоянной тоски, которая у другихъ выливалась въ слезахъ, а ее наполняла гнѣвомъ и яростью. Среди злостныхъ ея причитаній послышался грустный, но уже по прежнему кроткій голосъ Ганки.

— Хочъ бы тамъ не знаю що, а я таки довидаюсь, хто той злодій. Петро! обратилась она къ мужу голосомъ, обличавшимъ ихъ мирныя пріятельскія отношенія; пиды до Оксаны .. спытайся, може вона знае що небудь, щобъ того злодія познати...

Сверхъ всякаго ожиданія женщинъ Петръ не возразилъ ни однимъ словомъ на эту просьбу, всталъ, надѣлъ на голову баранью шапку и вышелъ изъ хаты.

Былъ темный осенній вечеръ; деревья въ садахъ шумѣли и гнулись отъ вѣтру; разорванныя темныя тучи быстро двигались по небу, словно какія то огромныя, тяжелыя птицы, то закрывая, то снова открывая звѣзды. По мокрой и грязной тропинкѣ, извивавшейся между «клунями», «оборами» и плетнями огородовъ, шелъ большими тяжелыми шагами по направленію къ жилищу кузнеца высокій, плечистый крестьянинъ, слегка сгорбленный, въ кожухѣ и бараньей шапкѣ. Издали уже видно было кузницу, пылавшую краснымъ свѣтомъ, и слышался стукъ отъѣзжавшихъ возовъ. Передъ этой кузницей постоянно толпился народъ какъ будто на ярмаркѣ или на храмовомъ праздникѣ. Люди изъ цѣлой околицы пріѣзжаютъ къ Михайлу Ковальчуку, потому что такого кузнеца, какъ онъ, нигдѣ нѣтъ. Но уже наступилъ вечеръ и тѣ, которые ковали здѣсь лошадей, заказывали сдѣлать топоръ или шину, оковать плугъ или возъ, возвращаются теперь по домамъ по дорогѣ, обсаженной березами и вербами, въ которыхъ гнѣздятся и кричатъ козодои и филины. Никого уже нѣтъ передъ открытою дверью кузницы, только блеститъ при свѣтѣ огня глубокая лужа, вырытая колесами и конскими копытами. Петръ Джурджа постоялъ съ минуту на краю этой лужи и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на то, что дѣлалось внутри кузницы. Наполненная краснымъ свѣтомъ внутренность ея ярко выдѣлялась среди окружающей темноты, при такомъ освѣщеніи прекрасно обрисовывалась фигура молодаго кузнеца, еще не оставившаго работы. Красивый, сильный крестьянинъ, въ однихъ шароварахъ и рубахѣ, съ высоко засученными рукавами, ловко подымалъ жилистыя руки и изо всей силы билъ молотомъ раскаленное желѣзо, искры изъ подъ молота дождемъ падали на землю и огненнымъ столбомъ подымались къ верху, озаряя краснымъ свѣтомъ черные волосы и смуглое лице съ черными усами. Работалъ онъ ловко и очень весело, поминутно заговаривалъ съ помогавшимъ ему мальчикомъ, то напѣвалъ пѣсню, когда-жъ ударъ долженъ былъ быть особенно сильнымъ и ловкимъ, онъ, подымая и опуская молотъ, выкрикивалъ какъ-бы во время тан-

рѣлъ на такую усердную и веселую работу; затѣмъ, пройдя еще шаговъ двадцать, вошелъ въ хату кузнеца.

Хата была почти такая же, какъ у Петра, просторная, съ деревяннымъ поломъ, съ большими окнами, не курная, потому что дымъ выходилъ въ трубу, но сверхъ обычной обстановки здѣсь можно было замѣтить нѣкоторыя нововведенія, какихъ не знали дѣды и прадѣды. Подъ стѣнами, кромѣ столовъ и лавокъ, стояли три деревянные стула, на окнахъ зеленѣли въ вазонахъ нѣсколько простенькихъ комнатныхъ растеній, на небольшомъ шкафикѣ съ двумя стеклами блестѣлъ жестяный самоваръ. Всѣ эти выдумки привезъ съ собою Ковальчукъ изъ далекихъ странствій, а можетъ быть познакомилась съ ними и Василина въ томъ шляхетскомъ дворѣ, гдѣ служила работницею. Впрочемъ всѣ эти нововведенія не дошли еще до того, чтобы поставить гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ огромную печь, въ которой, какъ и въ каждой крестьянской хатѣ въ эту пору дня, горѣлъ яркій огонь. Не было также ни свѣчи, ни лампы; вставленная между кирпичами печи лучина освѣщала красноватымъ пламенемъ фигуру старой Оксаны, которая прежде всего бросалась въ глаза каждому входившему въ хату. По своей старой привычкѣ костлявая старуха сидѣла выпрямившись на печи, въ черномъ *очипкѣ*, въ хорошей свиткѣ и одною рукою тянула съ гребня льняную нитку, другою крутила веретено. Василина носила по хатѣ годоваго ребенка, укачивала его и въ полъ-голоса напѣвала пѣсню. Въ дверяхъ послышалось привѣтствіе Петра Джурджи, произнесенное тихимъ, серьёзнымъ голосомъ.

— Добры-вечиръ въ хату!

— Доброго здоровья! съ видимою радостью отвѣчала Василина и, бросившись къ гостю съ ребенкомъ на рукахъ, съ блестящими отъ радости глазами, поцѣловала ему руку. Оксана, обладавшая очень острымъ слухомъ послѣ того какъ ослѣпла, также узнала Петра по голосу, привѣтливо закивала головою, на минуту оставивши работу, и хриплымъ шепелявымъ голосомъ благодарила за то, что онъ вспомнилъ объ нихъ и навѣстилъ ихъ хату.

вытерла передникомъ одинъ изъ трехъ стульевъ и съ радостной улыбкой, открывшей рядъ бѣлыхъ зубовъ, подала его своему бывшему хозяину, прося садиться. Петръ сперва посмотрѣлъ на стулъ, какъ-бы желая убѣдиться, что онъ не сломится подъ его тяжестью, и затѣмъ сѣлъ съ нѣкоторою осторожностью.

— Ну, по паньски тутъ у васъ, гарно, заговорилъ онъ, оглядываясь по хатѣ. Стильци соби позаводили, самоваръ... ого!

— По паньски, не по паньски, отвѣчала Оксана и довольная улыбка широко раскрыла ея едва замѣтныя губы,—але ничого не бракуе... усе есть... и хлибъ есть, и згода свята есть... якъ Богъ звеливъ.

— И сынъ есть... прибавилъ гость, шутливо и добродушно посматривая на Василину. Та немного смѣшалась, опустила глаза и отвѣчала, продолжая весело улыбаться:

— А есть, дядьку...

— И другій незабаромъ буде... шутилъ староста.

При этихъ словахъ молодая женщина покраснѣла, какъ піонъ, и слегка повернувшись, тихо засмѣялась. Оксана также смѣялась на печи своимъ старческимъ смѣхомъ, напоминавшимъ сухой звукъ деревянной трещотки.

— Чи одинъ ще... ой, ой, чи ще одинъ буде!

— Дай Боже щастливо! кончилъ Петръ радушно. А тутъ и кузнецъ вошелъ въ хату. Оставляя кузницу, онъ надѣлъ сѣрую суконную чамарку, обшитую зеленою тесьмою, и казался еще красивѣе въ этомъ костюмѣ; крупныя капли пота блестѣли на его лицѣ, разгорѣвшемся отъ работы. Онъ очень обрадовался при видѣ гостя и привѣтствовалъ его самымъ радушнымъ образомъ. Ни Ковальчукъ, ни Василина никогда не забывали о томъ, что старая Оксана и ея внучка жили много лѣтъ въ Петровой хатѣ и хотя не даромъ ѣли хлѣбъ, но всегда пользовались расположеніемъ обоихъ хозяевъ. Если подъ конецъ дѣло измѣнилось и онѣ снова принуждены были искать пріюта въ чужихъ людяхъ, виною тому былъ уже не Петръ Джурджа.

— Василино! обратился кузнецъ къ женѣ, звари лишень чаю

Петръ поправился на стулѣ; онъ очень любилъ чай, хотя пилъ его только изрѣдка, когда ѣздилъ въ мѣстечко на ярмарку или на «отпустъ»; ему не хотѣлось заводить самовара въ собственной хатѣ, потому что не знали его ни отцы, ни дѣды.

— Ого! замѣтилъ онъ, вы якъ паны... чай соби пъете...

— Що-дня не пъемо, але часомъ таки пъемо, отвѣчалъ Ковальчукъ. А що-жъ робити? горилки не вживаемо, то часомъ треба чимъ иншимъ животы погриты.. И старенькій бабуни це зилля додае вику, та й часомъ, якъ гость трапиться, добре почастувати...

— Добре, чому не добре? подтвердилъ Петръ и началъ разспрашивать кузнеца, который побывалъ въ далекихъ сторонахъ, видѣлъ свѣтъ и теперь, какъ ремесленникъ, постоянно имѣлъ дѣло со многими людьми и зналъ всѣ новости въ околицѣ. Ковальчука не нужно было долго распрашивать; отъ природы веселый и разговорчивый, онъ тотчасъ началъ пространно разсказывать гостю о какомъ-то большомъ городѣ, въ которомъ года два прожилъ солдатомъ. Тѣмъ временемъ закипѣлъ самоваръ, а чрезъ нѣсколько минутъ Василина налила изъ глинянаго чайника три стакана изъ грубаго зеленоватаго стекла и подала на бѣломъ блюдечкѣ нѣсколько кусковъ сахару. Доставая изъ шкапика посуду и сахаръ, молодая хозяйка легко и красиво носилась по хатѣ босыми ногами, стаканы и блюдечки звенѣли въ ея рукахъ, какъ веселые колокольчики. Подавши гостю и мужу по стакану чаю, она третій стаканъ поставила на печку и пока мущины пили, продолжая бесѣдовать между собою, она, вскочивъ на лавку, выливала въ блюдечко горячій чай и громко, изо всей силы дула на него; затѣмъ, дотронувшись кончикомъ пальца и убѣдившись, что чай достаточно простылъ, она подносила его къ губамъ старухи, приговаривая:

— Пыйте, бабуню, пыйте!

Сидя на краю печи, свѣсивъ ноги, Василина поила чаемъ слѣпую бабушку.—Дома она ходила съ открытою головою; темные волосы слегка разсыпались вокругъ лица,

такимъ веселіемъ, что она больше была похожа на дѣвушку, чѣмъ на молодицу, хоть тамъ въ колыбелькѣ спалъ уже годовалый мальчикъ. Ковальчукъ, продолжая разговаривать съ гостемъ, разъ другой посмотрѣлъ на жену, наконецъ прервалъ какой-то разсказъ и спросилъ.

— Василино! а ты знову не пъешъ чаю?

Она заболтала босыми ногами по печкѣ, и слегка надувши губы, отвѣчала:

— Не хочу! не люблю! паскудне зилля! мени липше затирка зъ саломъ.

Это упоминаніе о салѣ напомнило Петру Джурджѣ цѣль настоящаго его посѣщенія. Онъ облокотился на столъ, подперъ голову руками и началъ разсказывать случай, приключившійся въ его хатѣ. Присутствующіе дивились и выражали большое сочувствіе. Всѣхъ, разумѣется, найболѣе занималъ вопросъ о томъ, кто могъ быть этотъ воръ. Ковальчукъ припоминалъ себѣ, что именно прошлою ночью, возвращаясь изъ сосѣдняго села, куда ходилъ по дѣлу, онъ встрѣтилъ какого-то человѣка, который съ мѣшкомъ на плечахъ быстро шелъ подъ плетнями.

— А якій-же винъ, той чоловикъ? спросилъ Петръ съ любопытствомъ.

Кузнецъ отвѣчалъ, что это былъ человѣкъ небольшаго роста, худой и, кажется, съ сѣдою бородою; онъ не могъ утверждать этого навѣрно, такъ какъ дѣло было уже ночью, но все таки видѣлъ его довольно близко и при свѣтѣ звѣздъ ему показалось, что этотъ человѣкъ имѣлъ сѣдую бороду. Петръ задумался и послѣ нѣкотораго молчанія произнесъ нерѣшительно:

— То зовсимъ такъ неначе Яковъ Шишка...

Въ подозрѣніи, высказанномъ относительно Якова Шишки, не было ничего неправдоподобнаго. Онъ уже не разъ на своемъ вѣку бывалъ пойманъ на воровствѣ; два года тому назадъ онъ влѣзъ черезъ крышу въ господскую «клуню» и за то отсидѣлъ полъ-года въ тюрьмѣ.

Однако на этотъ разъ противъ него было только подозрѣніе, Петръ устремилъ глаза на блѣдное лице Оксаны

— Я до вашои милости, титко, сказалъ онъ. Може вы знаете якій спосибъ, що-бъ того злодія пизнати...

Старуха помолчала съ минуту и медленно, въ раздумьи, заговорила своимъ хриплымъ, старческимъ голосомъ:

— Чому не знати? знаю. Возьмить сыто, настромить на ножныци, постановить на столи и нехай двое людей держать ихъ за вушка, а други люде нехай говорять ризни прозвища, усяки, яки соби тильки пригадають... На чіе имъя сыто закрутиться, той и буде злодій... И то вже така певна правда, що я не разъ, а може сто разъ власными очима бачила...

Старуха замолкла, протянула руку и веретено снова закружилось подъ ея желтыми пальцами. Ковальчукъ громко засмѣялся.

— Дурныця! замѣтилъ онъ скептически

— Михайло! почти съ испугомъ вскрикнула Василина! ты завжде такій! тоби все дурныця! отъ, недовирокъ паскудный!

Она даже раскраснѣлась вся, взволнованная такимъ невѣріемъ мужа; онъ снисходительно выслушалъ замѣчаніе, но все таки тихо еще проворчалъ:

— Ой, бабы, дурни бабы!

За то Петръ Джурджа съ необыкновеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ слушалъ слова Оксаны, которая, опустивъ руку съ веретеномъ, прибавила:

— Можна на сыто выворожити злодія, можна и на евангеліе. То вже якъ де... по иншихъ сторонахъ на сыто ворожать, а по другихъ на евангеліе... То вже все едно... якъ хто хоче.

— То я вже хочу краще на евангеліе, отвѣчалъ Петръ, поднявши руку ко лбу, и послѣ минутнаго раздумья замѣтилъ:

— Все-жъ таки то Боже дило и Божа сила...

— Ну, то такъ само и еванґеліе настромити на ножныци... совѣтовала старуха.

— Дурныця! снова засмѣялся кузнецъ, а Василина вскочила и зажала ему ротъ рукою; онъ схватилъ ее въ охапку, раза два обкрутился съ нею вокругъ хаты и такъ защекоталъ, что она упала на лавку, заливаясь громкимъ смѣхомъ. Петръ

обратилъ ни малѣйшаго вниманія на такія шалости молодыхъ людей; его интересовало болѣе серьёзное дѣло и притомъ онъ всегда проникался какою-то таинственною и тревожною торжественностью при разсказахъ о всевозможныхъ чудесахъ, волшебствахъ, гаданіяхъ, обо всемъ сверхъестественномъ. Дослушавши до конца, онъ поднялся со стула и началъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ:

— Дякую вамъ, титко, за вашу пораду, тильки якъ-бы-жъ ёго зробити... треба, щобъ то хтось знаючій робивъ...

— То я вамъ зроблю, дядьку! вызвалась Василина, вскочивъ съ лавки; чому ни! Стильки литъ вашъ хлибъ ïла, та що-бъ теперъ не зробила для васъ такои послуги? Отъ вже йду...

И уже надѣвала на ноги башмаки. Она никогда не выходила изъ дому босая: этого требовалъ мужъ, покупавшій для нея всякіе наряды, находя въ томъ удовольствіе и удовлетвореніе своей гордости; и ей тоже пріятно было похвалиться своимъ счастьемъ передъ тѣми людьми, среди которыхъ она была когда-то бѣднѣйшею и самою послѣднею. Въ башмакахъ, въ юпкѣ изъ покупнаго ситцу, въ красивой новой свиткѣ, съ цвѣтнымъ платкомъ на головѣ входила она черезъ нѣсколько минутъ въ хату старосты и низко поклонившись своей бывшей хозяйкѣ, поцѣловала ей руку. За то другимъ двумъ женщинамъ едва кивнула головою; она хорошо знала, что была для нихъ обѣихъ какъ бѣльмо на глазу. Одна приписывала ей свое несчастье въ супружеской жизни, другая завидовала ея довольству. На этотъ разъ, впрочемъ, обѣ на одну минуту забыли о своихъ мнимыхъ обидахъ и любопытство взяло верхъ надъ ненавистью. Всѣ столпились вокругъ новоприбывшей и засыпали ее вопросами, но она тотчасъ заговорила съ двумя хозяйскими мальчиками подростками, которыхъ знала почти отъ самаго рожденія; Клима ущипнула за румяныя щеки, а Ивасю положила палецъ въ открытый ротъ. Тѣ въ свою очередь схватили ее за ноги, такъ что она растянулась пластомъ посреди хаты. Бабы и дѣти держались за бока отъ смѣха, а уже извѣстно было, что гдѣ только появится Василина, тамъ вмѣстѣ съ нею идутъ

шутки, пѣсни, смѣхъ—ея неразлучные спутники. Одна только Варка не думала смѣяться; она усѣлась на обрубкѣ дерева передъ печкой, подперла рукою подбородокъ и погрузилась въ тяжелое раздумье.

Вдругъ все стихло въ хатѣ, точно кто макомъ подсыпалъ. Петръ снялъ съ полки, на которой стояли образа и лампадки, небольшую книжечку въ изорванномъ переплетѣ, съ пожелтѣвшими страницами. То было евангеліе, которое онъ благоговѣйно хранилъ подъ образами. Много лѣтъ назадъ оно досталось ему въ наслѣдство отъ нищаго, глубокаго старика, который ходилъ съ нимъ изъ дома въ домъ, изъ села въ село, пока наконецъ смерть настигла его въ Сухой Долинѣ и онъ отдалъ Богу душу въ Петровой хатѣ. Петръ своими руками сдѣлалъ для него гробъ, схоронилъ, какъ слѣдуетъ по всѣмъ правиламъ, а книжку нищаго старика оставилъ у себя, почитая ее, какъ вещь священную. Онъ никогда не раскрывалъ книжки, потому что не умѣлъ читать, но тѣмъ не менѣе былъ убѣжденъ, что присутствіе евангелія охраняетъ хату отъ нечистой силы; теперь онъ съ благоговѣніемъ снялъ его съ полки и молча подалъ Василинѣ. Она вынула изъ кармана свитки принесенныя съ собою ножницы и въ тоже мгновеніе сдѣлалась такою серьёзною, что нельзя было и узнать въ ней ту веселую «молодыцю», которая только что шалила и гонялась по хатѣ за мальчиками. Она сразу остепенилась, даже слегка нахмурила лобъ, подняла къ небу глаза съ выраженіемъ молитвы и громко вздохнула; за нею вздохнули и остальныя женщины, не исключая и Варки. Петръ перекрестился, примѣру его послѣдовали оба сына; высокій и крѣпкій Климъ съ блестѣвшими отъ любопытства глазами и блѣдный, худощавый Ивась съ ртомъ раскрытымъ шире обыкновеннаго. Василина быстро, однимъ взмахомъ вонзила концы раскрытыхъ ножницъ въ корешокъ книги, вложила указательный палецъ въ одно ухо ножницъ и указывая другое хозяйкѣ, сказала:

— Тримайте-жъ, титко!

Гапка сдѣлала, какъ было сказано, а висящая на концахъ ножницъ книжка раскрылась и распустила на обѣ стороны свои желтые, потертые листки.

— Кажить-же теперъ, распоряжалась Василина, уси чисто йменя проказуйте. На чіе имъя евангеліе повернеться, то той и буде злодій...

Варка первая вырвалась съ вопросомъ.

— Антонъ Бодрукъ? проговорила она вопросительнымъ тономъ, въ надеждѣ, что книжка сдѣлаетъ завѣтный поворотъ, потому что на канунѣ еще она подралась съ его женою на пруду, полоскавши бѣлье. Но книжка даже не дрогнула къ ея великому неудовольствію.

— Левко Казявка? спросила тонкимъ дискантомъ Семенова жена; это былъ одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ кредиторовъ ея мужа. Но книжка по прежнему оставалась неподвижною. Имя за именемъ сыпалось изъ устъ женщинъ и мальчиковъ, чрезвычайно обрадованыхъ возможностью играть какую нибудь роль въ такомъ важномъ актѣ. Однако книжка по прежнему не отвѣчала. Наконецъ Петръ Джурджа, не назвавшій до тѣхъ поръ еще ни одного имени, произнесъ своимъ низкимъ, какъ-бы придавленнымъ голосомъ:

— Якивъ Шишка?—Не напрасно полчаса назадъ, еще въ хатѣ кузнеца зародилось въ немъ подозрѣніе противъ этого человѣка. У Василины слегка дрогнулъ палецъ, такъ легко, что никто изъ окружавшихъ не замѣтилъ и даже сама она не почувствовала этого дрожанія, а книжка медленнымъ и тоже едва замѣтнымъ движеніемъ описала полукругъ.

— Ага! вскрикнуло хоромъ семь голосовъ. Василина осторожно, съ почтеніемъ вынула воткнутые въ корешокъ книги острія ножницъ и наклонившись набожно, поцѣловала старый переплетъ. Примѣру ея послѣдовали всѣ остальные. Сначала женщины по очереди цѣловали евангеліе, послѣ нихъ въ засосъ поцѣловали его оба мальчика, наконецъ съ благоговѣніемъ приложился Петръ и тотчасъ-же положилъ его обратно передъ иконами.

— Ага! снова произнесли разомъ всѣ присутствующіе. Въ

дости, и благодарности тому чему-то, что дало имъ возможность открыть вора.

Никто не спрашивалъ себя, да все равно не могъ и догадаться, въ чемъ состояло это что-то. Каждый думалъ только и чувствовалъ, что это была какая-то сила, при посредствѣ Василины оказавшая имъ такую услугу. Еще въ тотъ-же вечеръ Варка носилась по селу, а измученная Параска бродила изъ хаты въ хату съ пискливымъ ребенкомъ на рукахъ и обѣ на перерывъ, одна быстро и запальчиво, другая медленно и туповато, разсказывали обо всемъ, происходившемъ въ хатѣ старосты.

Потомъ ходили уже только глухіе толки о томъ, что дальше произошло между Петромъ и Яковомъ Шишкою. Кажется, что первый въ порывѣ сильнаго гнѣва, которому онъ подвергался изрѣдка, избилъ Якова въ его собственной хатѣ и грозилъ привлечь его къ суду, если тотъ не сознается въ своей винѣ и не возвратитъ украденныхъ вещей.

Яковъ зналъ уже по опыту, что отъ суда не всегда можно такъ легко отдѣлаться, да и не хотѣлось на старости лѣтъ въ третій разъ отправляться въ тюрьму. Наконецъ, когда сыновья и дочери старика, съ малыми дѣтьми на рукахъ бросились къ ногамъ старосты, умоляя не разорять ихъ хозяйства, виновный расплакался, во всемъ сознался Петру и возвратилъ все сало и пять штукъ холста. Что касается остальной половины холста, онъ божился, что какъ-то случайно потерялъ его дорогою, а колбасы какимъ-то образомъ съѣли собаки. Онъ плакалъ, билъ себя въ грудь, ѣлъ землю и заклиналъ себя на вѣчную погибель, въ доказательство справедливости своихъ словъ. Всѣ домашніе столпились въ одинъ уголъ и молчали, зная отлично, что дѣло было совсѣмъ иначе. Они только думали про себя: а что если-бы вдругъ Петръ повѣрилъ и пять штукъ холста вмѣстѣ съ колбасами остались-бы въ хатѣ!? Хотя Петръ и не повѣрилъ, но гнѣвъ его начиналъ уже проходить и наконецъ онъ видѣлъ, какая бѣдность царила въ хатѣ у Якова и сколько въ ней было народу. [illegible]

старыхъ и малыхъ, и молодыхъ. Столько людей губить за вину одного человѣка, да притомъ и самому еще набраться не мало хлопотъ. Петръ махнулъ рукою, сообразивши все это, забралъ то, что было отдано, а объ остальномъ проворчалъ сквозь зубы:

— Господь милосердный на тимъ свити заплатить мени за цю кривду...

Тѣмъ дѣло и кончилось, но другіе жители села долго еще вспоминали о немъ. Первый не могъ забыть о немъ самъ Яковъ Шишка, который съ тѣхъ поръ возненавидѣлъ Василину и каждый разъ при встрѣчѣ съ нею сердито отплевывался и бормоталъ:

— Изгинь, пропади, нечиста сило!

Ничто въ мірѣ не въ состояніи было-бы поколебать въ немъ увѣренности, что какая-то таинственная, ей одной извѣстная сила, открыла этой женщинѣ его поступокъ; онъ ненавидѣлъ и въ тоже время боялся ея. Начали бояться ея также и нѣкоторыя женщины, но были и такія, которыя души въ ней не чаяли. Такъ напримѣръ она посовѣтовала молодой Лободихѣ, которую трясла жестокая лихорадка, какъ только увидитъ перваго вылупившагося раннею весною цыпленка или утенка, въ тоже мгновеніе поскорѣе зазязать на платкѣ или на передникѣ узелокъ.

— Якъ рукою одниме! увѣряла она.

Дѣйствительно какъ рукой сняло. Лободиха, которая начинала уже худѣть, терять силы и чахнуть, избавилась отъ лихорадки, и была чрезвычайно благодарна Василинѣ, потому что имѣла молодаго мужа и злую придирчивую въ работѣ свекровь. Другой женщинѣ во время трудныхъ родовъ она дала питье изъ десяти различныхъ сортовъ травъ, называемое *девъяторанька*, также оказавшееся весьма дѣйствительнымъ. Въ хатѣ у Василины всегда было множество засушенныхъ травъ, изъ которыхъ каждая предназначалась для особой болѣзни. Отъ боли горла она давала *шавлію*, отъ кашля *дывину* и *собачу рожу*, отъ боли въ поясницѣ *деревей*, отъ спазмъ въ животѣ *чебрецъ* и *мяту*. Отъ однихъ болѣзней совѣтовала бѣлый клеверъ и вишневую кору, содранную съ дерева сверху внизъ, отъ другихъ—розовый клеверъ и

такую-же кору, только содранную снизу вверхъ. Дѣтей, съ которыми дѣлались судорги, она клала на доску среди начерченнаго мѣломъ круга; если ребенка мучилъ коклюшъ, она поила его рѣповымъ сокомъ изъ той-же самой рѣпы, выдолбленной въ видѣ чашки, а не изъ какого нибудь другого сосуда. Однимъ словомъ она была неистощима въ средствахъ для помощи противъ тѣхъ болѣзней, какія чаще всего случаются въ деревенской жизни. Она не только знала эти средства, но всегда рада была подѣлиться ими съ каждымъ. Другая брала-бы за это яйца, ленъ, холстъ, куръ, хлѣбъ—все, что можно взять, а она нѣтъ. Она никогда ничего не требовала за совѣтъ, а если случалось, что та или другая женщина приносила ей что нибудь въ передникѣ или подъ полою, она отказывалась принять подарокъ, говоря:

— Не треба, не хочу, на що воно мени? Я зъ пріязни.

И дѣйствительно она всегда чувствовала любовь къ людямъ. Если, проходя по селу, случалось ей встрѣтить изнуренную женщину или болѣзненнаго ребенка, Василина никогда бывало не пройдетъ мимо, тотчасъ остановится и распрашиваетъ.

— А що зъ нимъ? А де болыть? А може то зъ якои пригоды? а шо жъ то за пригода?

Распросивши, въ чемъ дѣло, она посовѣтуетъ какую нибудь траву или другое какое средство противъ людского горя, а если уже не придумаетъ никакого средства, то хоть потолкуетъ со взрослымъ о его несчастьи, покачаетъ головою въ знакъ сочувствія, подержитъ на рукахъ ребенка, приласкаетъ, поцѣлуетъ худыя щечки и тогда уже идетъ своею дорогою. Слыша, что къ ней постоянно приходятъ за совѣтами, старая Оксана молчала годъ или два, потомъ начала безпокоиться и наконецъ бранить внучку.

— А чого ты, якъ та сука, разъ по разъ вытягаешъ языка передъ людьми? Те и те пый, такъ и такъ роби! Диждешъ одъ нихъ подяки, ще видьмою тебе зроблять...

Василина облокотилась на метлу и задумалась. Черезъ минуту она заговорила въ раздумьи:

— Отъ бачите, бабуню, мени здаеться, що якъ давъ мени Гооcподь щастя, то я вже дуже цей свитъ полюбила... я ёго и зъ початку любила, а якъ вже Михалко зо мною одружився, такъ ще бильше полюбила... А теперъ Михалко де дали все липшій... и достатокъ усякій прибувае, и дити прибувають, и все мени липше да краще живеться, а я цей свитъ де дали то усе бильше люблю и все, що тильки есть на свити, люблю... и тепле сонечко Боже, и тіи зори ясненьки, и дерево, що шумить, и тіи квиточки пахущи, и людей усихъ, и кожне Боже створене... усе чисто люблю... и рябка люблю .. Цуцу! цуцу! на!

И съ этими словами бросила кусокъ черстваго хлѣба гадкой дворнягѣ, чорной съ бѣлыми пятнами, погладила ея твердую шерсть и, продолжая подметать хату, запѣла во весь голосъ:

Тамъ на доли, на пригори,
Посіяли просо.
Ой тамъ ходивъ Ивасенько
До дивчины босо!

Оксана хотѣла было еще поворчать.

— Ой, молода та дурна! прошептала она; но солнечные лучи, проникавшіе черезъ окно, такъ пріятно согрѣвали старую голову, а по хатѣ расходился запахъ жарившагося въ печи сала и веселая громкая пѣсна внучки. Къ чему дѣлать выговоры этой счастливой вѣтренницѣ, или предсказывать худое? И сама старуха улыбнулась довольной улыбкоїї и, наклонивши на бокъ голову, внимательно прислушивалась, не проснется-ли и не запищитъ-ли въ люлькѣ малютка Христя. А то руки уже устали прясть и пріятно было-бы подержать на колѣнахъ правнучку.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ТРЕВОГА НАДЪ СВѢЖЕЙ МОГИЛОЙ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

26 февраля 1886 г. исполнилось ровно 25 лѣтъ, какъ умеръ одинъ изъ величайшихъ народныхъ поэтовъ, Т. Г. Шевченко. Четверть вѣка минуло, какъ умолкли вѣщія струны «Кобзаря» Украйны. Много въ это время пережито ею и переиспытано; много измѣнилось и вокругъ нее и въ ней самой: смѣнилось одно поколѣніе другимъ не даромъ...

Но значеніе Шевченка, какъ вообще значеніе народныхъ поэтовъ, не скоропроходяще: они живутъ и по смерти одною жизнію съ своимъ народомъ, поддерживаютъ въ немъ его самосознаніе, бодрость духа и надежды въ будущемъ, отъ того и память ихъ тревожитъ подъ часъ тѣхъ, кто приходитъ въ соприкосновеніе съ народомъ, ихъ чествующимъ.

Горячо любившій малорусскій народъ, одинъ изъ лучшихъ сыновъ его, Т. Г. Шевченко, еще задолго до своей смерти, въ своемъ «Заповитѣ» (1845 г.), выразилъ желаніе на счетъ мѣста своего погребенія на родинѣ.

Якъ умру, то поховайте
Мене на могыли—
Середъ степу широкого,
На Вкраини мылій:
Щобъ ланы широкополи,
И Днипро, и кручи
Було видно, було чути,
Якъ реве ревучій...

Воля покойнаго поэта была въ точности исполнена родными, друзьями и почитателями его памяти. Послѣдніе его останки, пере-

везенные изъ Петербурга въ Украйну, были преданы землѣ 10 мая 1861 года вблизи г. Канева, на правомъ берегу Днѣпра, на возвышенной площадкѣ очень высокой горы, спускающейся обрывомъ къ берегу.

Могила Шевченка представляетъ необыкновенную насыпь въ величину древнихъ могилъ доисторическаго періода. Громадный курганъ—вотъ *Тарасова могила*, на которой высокій крестъ еще издали напоминаетъ проѣзжающимъ по Днѣпру о мѣстѣ упокоенія славнаго «Кобзаря» Украйны. Могила эта стала любимымъ мѣстомъ посѣщенія не только проѣзжихъ, но и мѣстныхъ жителей—мѣщанъ, крестьянъ, богомольцевъ. По количеству «стежокъ», ведущихъ на эту могилу, дѣйствительно можно сказать, что «къ ней не заростетъ народная тропа»... Какой еще высшей награды для народнаго поэта?

Но эта самая могила, съ тѣхъ поръ, какъ она насыпана, уже неоднократно возбуждала и возбуждаетъ разнаго рода толки и недоразумѣнія. Источникъ этихъ печальныхъ недоразумѣній чаще всего неизвѣстенъ. По свойственной намъ, русскимъ, привычкѣ, мы хотя считаемся съ фактомъ, но рѣдко заглядываемъ въ прошлое, чтобы поискать причину его, источникъ. Оттого мы весьма часто становимся орудіемъ ловко задуманной и искусно веденной интриги нашихъ противниковъ и, гоняясь за призраками, служимъ ихъ «справѣ», собственными руками дѣлаемъ ихъ дѣло въ ущербъ и государству, и родинѣ, и родному намъ русскому народу, которому всецѣло посвящена муза Шевченка.

Въ нашемъ портфелѣ случайно сохранилось нѣсколько документовъ, относящихся къ первой тревогѣ, поднятой надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка въ 1861 году. Документы эти даютъ возможность нѣсколько приподнять завѣсу, подъ которою скрывается источникъ неблагопріятныхъ толковъ и слуховъ, время отъ времени возбуждаемыхъ могилой Шевченка. Мы сочли долгомъ подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» этимъ интереснымъ дѣломъ, проливающимъ нѣкоторый свѣтъ на недавнія времена и происшествія.

I.

14 іюня 1861 года, поздно вечеромъ, *русскій* помѣщикъ каневскаго уѣзда, генералъ-лейтенантъ въ давней отставкѣ, князь

Лопухинъ получилъ отъ сосѣда своего, владѣльца с. Межиричи, поляка Парчевскаго письмо на *французскомъ* языкѣ. Въ немъ Парчевскій извѣщалъ князя ни болѣе, ни менѣе, какъ о существующемъ въ г. Каневѣ и м. Корсунѣ заговорѣ противъ помѣщиковъ и предстоящемъ поголовномъ ихъ истребленіи. По словамъ Парчевскаго, въ числѣ найболѣе дѣятельныхъ агентовъ этого заговора, особенно выдѣляются послѣдователи недавно погребеннаго надъ Днѣпромъ малорусскаго поэта Шевченка. Жалуясь на безпечность полиціи, Парчевскій проситъ кн. Лопухина прислать къ нему какого-то Змѣевскаго, для розысковъ по этому дѣлу: «данныя», говоритъ онъ, которыми я располагаю, «невымышлены», «время не терпитъ»..., «каждому позволено защищать свою жизнь»...

Князь Лопухинъ, лѣтъ 30-ть уже безвыѣздно жившій въ своей великолѣпной резиденціи, былъ въ то время въ весьма преклонныхъ лѣтахъ; въ его имѣніи въ 1855 г. происходило сильное волненіе крестьянъ, съ трудомъ усмиренное. Зловѣщее письмо сосѣда не могло не потревожить его. Но къ утѣшенію его какъ разъ въ ту пору у него гостилъ флигель-адъютантъ кн. Лобановъ-Ростовскій, командированный, по высочайшему повелѣнію, въ кіевскую губернію для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ Положеній 19 февраля 1861 года. Письмо тотъ часъ было передано ему кн. Лопухинымъ, и кн. Лобановъ-Ростовскій, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, поспѣшилъ отправиться къ помѣщику Парчевскому, съ цѣлью получить отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія по столь важному дѣлу. Вмѣсто этого, онъ получилъ отъ Парчевскаго особую записку, также на французскомъ языкѣ, въ которой, среди легендарныхъ слуховъ и толковъ, могила Шевченка и его почитатели стали предметомъ доноса.

Записка начинается сообщеніемъ, что въ предмѣстіи г. Канева проживаетъ крестьянинъ-музыкантъ Грыць, о которомъ молва говоритъ, что онъ воскресъ, спустя 16 лѣтъ послѣ смерти. Парчевскій поясняетъ, что этотъ Грыць ходитъ вездѣ по окрестнымъ деревнямъ, но главное пребываніе свое имѣетъ на могилѣ Шевченка, которая вмѣстѣ съ Каневомъ и служитъ главнымъ мѣстомъ свиданія заговорщиковъ. Въ подтвержденіе этого, Парчевскій ссылается на какого-то эконома Буркота, «которому все это извѣстно», а также указываетъ на то, что этого самаго «вос-

кресшаго» Грыця всюду сопровождаетъ «сотскій с. Пекарей». Но при этомъ сообщаетъ, что какъ-бы въ качествѣ заговорщика прибылъ изъ Петербурга въ Каневъ «малорусскій писатель Кулишъ», съ намѣреніемъ потомъ «пробраться и въ м. Корсунь».

Копію съ этой записки кн. Лобановъ-Ростовскій въ тотъ-же день представилъ кіевскому генералъ-губернатору кн. Васильчикову.

Сдѣлавши съ записки переводъ, кн. Васильчиковъ 17 іюня препроводилъ ее кіевскому губернатору и просилъ тотчасъ-же командировать въ Каневъ и Корсунь жандармскаго полковника Грабовскаго и поручить ему, прибывъ на мѣсто, подъ благовиднымъ предлогомъ наблюденія за исполненіемъ крестьянской повинности въ отношеніи къ помѣщикамъ, или за успѣхами мѣръ, принятыхъ къ истребленію саранчи, совершенно секретно собрать самыя подробныя свѣдѣнія по обстоятельствамъ письма и записки помѣщика Парчевскаго. При этомъ полковнику Грабовскому предоставлялось право вызвать въ Каневъ или Корсунь самаго Парчевскаго и эконома Буркота и, при указаніи и содѣйствіи ихъ, разузнать о существованіи въ г. Каневѣ заговора, его цѣли, руководителяхъ и участникахъ, а также о крестьянинѣ Грыцѣ, сопровождающемъ его всюду сотскомъ изъ с. Пекарей, писателѣ Кулишѣ, цѣли его прибытія изъ Петербурга въ Каневъ, занятіяхъ и сношеніяхъ его въ этихъ мѣстахъ. Если по розыскамъ свѣдѣнія, сообщенныя помѣщикомъ Парчевскимъ, будутъ подтверждаться, то жандармскій полковникъ обязывался немедленно сдѣлать обыскъ у всѣхъ лицъ, на которыхъ падетъ подозрѣніе въ участіи въ заговорѣ, а когда, по обыску, найдены будутъ улики, тотчасъ-же арестовать виновныхъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій начальника края.

Въ виду такого важнаго дѣла кіевскій губернаторъ Гессе не ограничился посылкою, для розысковъ, жандармскаго полковника, но счелъ необходимымъ лично отправиться въ г. Каневъ, дабы успокоить его жителей, находившихся будто-бы въ неописанной тревогѣ.

Между тѣмъ генералъ-губернаторъ, вслѣдъ затѣмъ, получилъ изъ Канева еще два, уже оффиціальныя, донесенія по тому-же предмету: одно отъ исправника каневскаго уѣзда, другое отъ уѣзднаго стряпчаго.

Начальникъ уѣздной полиціи представлялъ дѣло съ подробностями еще болѣе угрожающаго характера. Вотъ сущность его до-

несенія.—Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, въ числѣ прочихъ лицъ, прибывшихъ въ г. Каневъ вмѣстѣ съ тѣломъ академика Шевченка, прибылъ изъ С.-Петербурга служащій въ Капитулѣ орденовъ губернскій секретарь Григорій Николаевичъ *Честоховскій*. Оставшись въ Каневѣ, онъ занимается обдѣлкою могилы надъ Шевченкомъ, а также срисовываніемъ разныхъ видовъ съ натуры и раздачею и продажею разнымъ лицамъ сочиненій покойника въ отдѣльныхъ брошюрахъ. Все это и подало поводъ къ тревожнымъ слухамъ, взволновавшимъ мирныхъ обывателей Канева. Стали носиться слухи, что скоро наступитъ «Тарасова ночь», въ которую будутъ рѣзать «пановъ-ляховъ и жидовъ» и что 8 іюля, въ день панихиды надъ могилою Шевченка, прибылъ изъ Петербурга, черезъ Кіевъ, къ Честоховскому коллежскій секретарь А. Л—скій, доставившій будто бы Грыцьку, какъ называютъ Честоховскаго, сундукъ ножей; простонародье же говоритъ, что пріѣзжалъ къ могилѣ Шевченка великій князь и желалъ быть здѣсь неузнаннымъ, но его узнали будто бы рабочіе парохода. Самъ академикъ Шевченко, по народнымъ толкамъ, не умеръ, а отравленъ, и вмѣсто него въ гробѣ сохраняются ножи; а что касается Грыцька, то онъ, расхаживая въ крестьянскомъ платьи по ближайшимъ селеніямъ и храмовымъ праздникамъ, разглашаетъ, будто бы онъ внукъ славнаго гайдамаки, который рѣзалъ ляховъ и жидовъ; наконецъ этотъ же Грыцко имѣетъ тѣсную связь съ какими-то двумя-тремя неизвѣстными жителями Канева, которые, вмѣстѣ съ нимъ, постоянно заняты какою то перепискою, но лица эти будто бы не постоянно живутъ здѣсь, а пріѣзжаютъ изъ другихъ мѣстъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ толковъ и слуховъ, начальникъ полиціи, можетъ быть самъ на половину вѣрившій въ нихъ, собралъ кое какія и фактическія свѣдѣнія о Честоховскомъ. По этимъ свѣдѣніямъ «внукъ славнаго гайдамаки большую часть дня проводитъ на могилѣ Шевченка и занимается ея устройствомъ, а въ особенности снимаетъ съ натуры разные виды»; вечеромъ же проводитъ время «съ каневскимъ и сосѣднихъ мѣстъ простымъ сословіемъ обоего пола»: собираются они на могилѣ надъ вечеръ почти ежедневно, а въ особенности въ праздники, при чемъ Честоховскій «любитъ, что-бы простое сословіе обращалось съ нимъ возможно короче, называло его *ты*, *Грыцько* и т. п. Кромѣ того, онъ нерѣдко ходитъ въ ближайшія

селенія Пекари и Хмельну, гдѣ проводитъ время въ корчмѣ съ народомъ и при всякомъ случаѣ старается сбыть брошюры сочиненій Шевченка, «въ особенности поэму *Тарасова ночь*, въ которой описывается картина истребленія поляковъ и жидовъ», а также *Граматку* Кулиша, которая, какъ замѣчаетъ тотъ-же начальникъ каневской полиціи, «по содержанію своему весьма вредна и можетъ быть объясняема простымъ сословіемъ различно». Всѣ эти сочиненія Честоховскій старается сбывать если не за деньги, то даромъ—даритъ крестьянамъ и другимъ лицамъ и въ продолженіи нѣсколькихъ дней успѣлъ уже сбыть нѣсколько сотъ брошюръ. Правда, продолжаетъ начальникъ полиціи, «трудно обнаружить не только удостовѣреніемъ, но даже и *слѣдствіемъ* настоящую цѣль сближенія Честоховскаго съ мѣстнымъ простонародіемъ и быстраго распространенія въ значительномъ числѣ брошюръ между этимъ сословіемъ». Одни говорятъ, что распродажа книгъ производится для покрытія издержекъ на расходы по погребенію Шевченка; другіе, что для доставленія средствъ къ жизни его бѣднымъ родственникамъ, а нѣкоторые—чтобы за вырученныя деньги устроить въ память Шевченка ремесленный домъ, для обученія мѣстныхъ мальчиковъ. «Всѣ эти мнѣнія, заключаетъ полицейскій начальникъ, не правдоподобны уже собственно потому, что продажа брошюръ производится какъ бы тайкомъ, но усиленно, безъ вѣдома и участія мѣстнаго начальства, тогда какъ наше правительство всегда съ рьянымъ усердіемъ содѣйствуетъ всякому частному благому намѣренію».

О вредности сочиненій самаго Шевченка исправникъ докладывалъ по начальству, что «въ нихъ весьма занимательно обрисована былая когда-то Украйна, съ ея рѣзкими событіями, съ ея населеніемъ свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ». По мнѣнію исправника, посредствомъ этихъ сочиненій Честоховскій «желаетъ какъ-бы исподоволь разъяснить простому народу стѣснительныя для него теперишнія узаконенія русскаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ возобновить въ памяти былыя времена Украйны».

Признавая полное отсутствіе уликъ для обвиненія Честоховскаго въ распространеніи тревожныхъ слуховъ, исправникъ все таки находилъ «пребываніе его здѣсь весьма опаснымъ для общественнаго спокойствія», ибо, говоритъ онъ, «тревожные слухи могутъ распространяться и въ болѣе отдаленныя отъ Канева мѣстности». Нерѣ-

шался онъ и на обыскъ у Честоховскаго, и тѣмъ не менѣе писалъ, что считаетъ безусловно необходимымъ его скорѣйшій выѣздъ, тѣмъ болѣе, что онъ проживаетъ уже по просроченному отпуску,

Подобныя же свѣдѣнія, только въ болѣе сжатомъ и обобщенномъ видѣ, представилъ генералъ-губернатору и каневскій стряпчій. Подтверждая ходившіе въ Каневѣ слухи, возбужденіемъ которыхъ должно быть признано пребываніе Честоховскаго на могилѣ Шевченка, стряпчій говоритъ, что «по воскресеніямъ и праздничнымъ днямъ, когда люди свободны отъ работъ, на могилѣ Шевченка можно видѣть всегда большое стеченіе народа и въ особенности дѣвокъ и паробковъ. Здѣсь они, по цѣлымъ ночамъ пьянствуя и безчинствуя, слушаютъ разсказы Грыцька, который вообще дѣйствіями своими возбуждаетъ подозрѣніе».

Всѣ эти свѣдѣнія и донесенія возбуждали невольную тревогу и подымали цѣлое политическое дѣло. Шуточное ли дѣло, ножи въ могилѣ Шевченка, и эти нескончаемые толки въ народѣ, и какіе-то народолюбцы въ средѣ его, темныя личности, то появляющіяся, то исчезающія.

II.

Начались розыски. Кто такой Л—скій? чего ради пріѣзжалъ онъ? Оказалось: Л—скій, коллежскій секретарь; служитъ въ сенатѣ; ищетъ мѣсто мироваго посредника у себя на родинѣ, въ конотопскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи. Въ Кіевъ онъ пріѣхалъ въ числѣ сопровождавшихъ тѣло Шевченка; бывалъ чаще всего у родственниковъ покойнаго поэта и у инспектора 2 гимназіи Чалаго (позже біографа Т. Г. Шевченка).

Но пока ходятъ бумаги въ Кіевъ и изъ Кіева, начальникъ каневской полиціи поручаетъ старшему засѣдателю полиціи Монастырскому произвести по этому дѣлу негласное дознаніе. Одновременно онъ проситъ начальника края, «по важности происшествія», назначить особую коммисію, для произведенія слѣдствія надъ Честоховскимъ. А 17 іюля доноситъ о томъ, что по «полученному имъ частному свѣдѣнію, вѣрность котораго совершенно ничѣмъ еще не подтверждается, въ 3 станѣ каневскаго уѣзда, въ одномъ изъ селеній, формируются три шайки изъ крестьянъ, которыя готовятся пройти въ Каневъ для истребленія ляховъ-пановъ и евреевъ». Въ виду

этихъ «частныхъ свѣдѣній», исправникъ проситъ генералъ-губернатора, «для предупрежденія могущихъ произойти безпорядковъ, командировать въ Каневъ и уѣздъ, сверхъ находящагося тамъ баталіона Алексопольскаго полка, еще хотя двѣ роты пѣхоты».

Засѣдатель полиціи Монастырскій усердно производитъ дознаніе надъ Честоховскимъ, «на поведеніе его устремляетъ все вниманіе» и «изъ подъ руки» добываетъ такія диковинныя свѣдѣнія. «Честоховскій явился въ нашъ край, чтобы возмутить простой народъ къ низверженію общаго порядка и произведенію ужасныхъ кровавыхъ сценъ; для достиженія сего, онъ внушаетъ народу слѣпо вѣрить, что крестьяне вышли изъ крѣпостной зависимости по старанію Шевченка, что государь императоръ, не соглашавшійся на это, заключилъ было Шевченка въ тюрьму, но твердая воля Шевченка заставила государя уступить ему, что Шевченко хотѣлъ отмстить за угнетеніе народа, но будучи призванъ къ Богу, гдѣ находится съ душею и тѣломъ, оставилъ это дѣло на Честоховскаго, который не позволитъ теперь испортить это дѣло, а сдѣлаетъ все, что угодно народу; что великій князь Константинъ пріѣдетъ въ Каневъ объявить народу, чтобы перечистить свѣтъ, а въ помощь народу явится изъ Запорожья, Черноморіи, Дуная и Петербурга 25 тысячъ состоящихъ въ распоряженіи Честоховскаго козаковъ»... «Говоря о Шевченкѣ, какъ объ избранникѣ Божіемъ для освобожденія народа, Честоховскій приводитъ въ трепетъ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ быть ему преданъ. Вѣрованіе въ силу, славу и святость Шевченка до того стало фанатическимъ, что народъ разсказываетъ уже и о сбывшихся будто бы чудесахъ. У одной напримѣръ женщины былъ сынъ калѣка; она только разъ помолилась Шевченку—и сынъ ея будто бы совершенно выздоровѣлъ. Народъ, стекаясь на могилу Шевченка по воскресеньямъ, въ праздничные и даже рабочіе дни, въ огромныхъ массахъ, пьянствуетъ на счетъ Честоховскаго, а онъ, не щадя денегъ на водку, научаетъ молодыхъ и старыхъ пѣть гайдамацкія пѣсни, браня страшно тѣхъ, кто поетъ русскія пѣсни; разсказывая же, какъ въ старину предки рѣзали ляховъ и жидовъ, толкуетъ, что время это вскорѣ возобновится и Малороссія съ восторгомъ будетъ смотрѣть на пламя, которое вспыхнетъ въ одинъ моментъ въ Чигиринѣ, Уманѣ, Черкассахъ и Каневѣ».

«Въ прошлую субботу, добавлялъ Монастырскій, могила Шевченка была окружена массою народа, простиравшеюся до 1000 человѣкъ, и когда туда же прибылъ, вѣроятно сообщникъ Честоховскаго, какой-то молодой человѣкъ, то его выдавали за великаго князя Константина». По дальнѣйшимъ словамъ донесенія, «мѣщанинъ Степанъ Кутахъ, дѣлавшій по заказу Честоховскаго крестъ для установки на могилѣ Шевченка, положительно разъяснялъ, что народъ приготовляется къ ужасному безпорядку, что Честоховскій приводитъ людей въ страшное уныніе: онъ записываетъ на бумагу тѣхъ, къ кому нерасположенъ, и люди эти опасаются ссылки на Кавказъ; крестьяне же селенія Хмѣльной пребываютъ въ страхѣ изъ-за того, что, по волѣ Честоховскаго, деревня ихъ черезъ 40 дней будетъ совершенно уничтожена, исключая 2 хозяевъ, заслужившихъ его расположеніе».

Передавая всѣ эти слухи, толки и собственныя свѣдѣнія, мѣстныя власти предъусматривали страшное возмущеніе и для обороны края отъ грозившихъ бѣдствій настоятельно требовали военныхъ подкрѣпленій...

III.

Генералъ-губернаторъ, однако, сразу посмотрѣлъ на это дѣло нѣсколько иначе. Въ ожиданіи разслѣдованія онаго полковникомъ Грабовскимъ, кн. Васильчиковъ, донося, 21 іюля 1861 года, о всѣхъ слухахъ и толкахъ въ Петербургъ, въ заключеніе писалъ: «тѣмъ не менѣе я полагаю, что существованіе заговора въ Каневѣ съ преступною цѣлью и слухи о формирующихся будто бы шайкахъ крестьянъ для истребленія пановъ-ляховъ и жидовъ слишкомъ преувеличены и возникли вслѣдствіе *боязливо-настроеннаго воображенія о крестьянахъ помѣщиковъ изъ поляковъ, которые въ малѣйшемъ народномъ движеніи видятъ угрозу себѣ*». Относительно же Честоховскаго и его безтактныхъ дѣйствій, признаваемыхъ мѣстными властями крайне предосудительными, чуть не революціонными, кн. Васильчиковъ въ томъ же донесеніи замѣчаетъ только, что Честоховскій принадлежитъ «къ числу приверженцевъ малороссійской народности и своими необдуманными дѣйствіями могъ подать поводъ къ тревожнымъ толкамъ въ мѣстахъ, полныхъ преданій и воспоминаній о кровавой борьбѣ Малороссіи съ Польшею».

Тѣмъ временемъ собираніе свѣдѣній и разслѣдованіе о мнимомъ «заговорѣ противъ помѣщиковъ» шло своимъ чередомъ. Губернаторъ производилъ дознаніе лично въ Каневѣ; полковникъ Грабовскій сперва въ Корсунѣ, а за тѣмъ также въ Каневѣ.

Въ трехъ донесеніяхъ генералъ-губернатору, отъ 20, 23 и 25 іюля, кіевскій губернаторъ Гессе не открываетъ ничего новаго; онъ только удостовѣряетъ, что всѣ слухи и толки о мнимомъ заговорѣ и шайкахъ крестьянъ вызвалъ «занимавшійся обдѣлкою могилы Шевченка губернскій секретарь Честоховскій—своими разсказами и чтеніемъ сочиненій Шевченка о гайдамачинѣ, запорожцахъ, козачьей вольности, ненависти къ полякамъ и мщеніи за угнетеніе ими свободы и вѣры малороссіянъ, а также распространеніемъ между простонародьемъ сочиненій Шевченка и Кулиша». Губернаторъ прибавлялъ, что «для успокоенія тревоги между жителями изъ поляковъ и евреевъ онъ нашелъ нужнымъ поставить въ Каневѣ на нѣкоторое время сотню казаковъ», а относительно Честоховскаго замѣчаетъ: «это точно такой же хлопоманъ, какъ тѣ, которыхъ мы знаемъ въ кіевскомъ университетѣ»; всѣ дѣйствія его «клонились лишь къ оживленію въ народѣ малороссійской національности».

Не смотря однако на такой по видимому снисходительный отзывъ какъ о единственномъ виновникѣ происшедшей смуты, такъ и о самой смутѣ, въ послѣднемъ своемъ донесеніи кіевскій губернаторъ усиливаетъ свое о нихъ мнѣніе. «Съ какою цѣлью, пишетъ здѣсь Гессе, поступалъ такъ Честоховскій, неизвѣстно; я увѣренъ только, что дурныя сѣмена сѣялъ онъ на здѣшней почвѣ. Надобно желать, чтобы крестьяне, это мирное земледѣльческое сословіе, воспользовались своею свободою не въ духѣ гайдамачества и козачества временъ гетманскихъ, а путемъ добрыхъ отношеній съ прежними ихъ владѣльцами. Я нахожу во всякомъ случаѣ, а въ особенности въ здѣшнемъ краѣ, поведеніе Честоховскаго вреднымъ и убѣжденъ, что какую бы не имѣли цѣль эти господа, пріобрѣтая довѣріе къ себѣ крестьянъ, на такихъ основаніяхъ они готовятъ въ будущемъ печальныя послѣдствія такому классу людей, который, при необразованіи своемъ и непониманіи настоящаго своего положенія, дѣйствительно нуждается въ благонамѣренномъ и добросовѣстномъ руководительствѣ».

Въ проэктируемыхъ губернаторомъ по поводу всего происшедшаго мѣрахъ видна таже тревога—навѣянная свѣжими впечатлѣніями, полученными на мѣстѣ. «Для сохраненія общественнаго спокойствія, мирнаго исхода настоящаго преобразованія и будущаго народнаго счастія,» должно, по его мнѣнію, обратить особенное вниманіе на малороссійскія національныя выходки и принять строгія мѣры къ прекращенію зла въ самомъ его началѣ»; въ тоже время произведеніе формальнаго слѣдствія надъ Честоховскимъ онъ находитъ ненужнымъ, такъ какъ слѣдствіе это охватило бы тысячи людей, бывшихъ въ сношеніяхъ съ Честоховскимъ, что едва ли было бы «соотвѣтственно обстоятельствамъ въ такомъ дѣлѣ, котораго гласность желательно было бы избѣжать». Признавая полезнымъ вызвать Честоховскаго въ Кіевъ и допросить, относительно успокоенія встревоженныхъ поляковъ и евреевъ г. Канева губернаторъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ расквартированіе тамъ сотни казаковъ; а дабы устранить подобные случаи на будущее время, находитъ нужнымъ предписать полиціи имѣть строгій надзоръ за всѣми пріѣзжающими на могилу Шевченка, и если «они будутъ разсказывать крестьянамъ о былыхъ гайдамацкихъ, запорожскихъ и казацкихъ временахъ, или дѣлать какія бы то ни было вредныя внушенія, то таковыхъ обязывать подписками сейчасъ же оставлять Каневъ», и въ то же время, каждый разъ, доносить по начальству. Въ заключеніе губернаторъ признаетъ вредными въ рукахъ крестьянъ здѣшняго края «сочиненія Шевченка, Кулиша и др., имъ подобныхъ» и распространеніе ихъ находитъ необходимымъ совершенно воспретить; «вобще» же признаетъ полезнымъ «распространять грамотность на русскомъ языкѣ чрезъ священниковъ и лицъ заслуживающихъ довѣріе».

Взвѣсивши всѣ эти донесенія, кн. Васильчиковъ посмотрѣлъ и на сей разъ на дѣло съ болѣе широкой точки зрѣнія, во всякомъ случаѣ гораздо болѣе спокойно, менѣе односторонно и болѣе «соотвѣтственно обстоятельствамъ». Вполнѣ раздѣляя взглядъ губернатора на поведеніе Честоховскаго, «подавшаго поводъ своими необдуманными дѣйствіями къ тревожнымъ толкамъ и опасеніямъ жителей, и соглашаясь въ необходимости бдительнаго наблюденія за слишкомъ крайними проявленіями малороссійской національности, но не видя, однако, никакой необходимости обращаться въ

этомъ отношеніи къ какимъ-либо строгимъ мѣрамъ, которыя должны должны быть принимаемы лишь въ случаѣ дѣйствительнаго открытія вредныхъ или преступныхъ замысловъ», генералъ-губернаторъ «признавалъ достаточнымъ, пока ничего подобнаго не обнаружено и все дѣло заключается только въ пустомъ страхѣ и неосновательныхъ опасеніяхъ, навѣянныхъ слишкомъ пугливымъ воображеніемъ, ограничиться внимательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями подобныхъ Честоховскому малороссійскихъ пропагандистовъ, чтобы имѣть возможность во время сдержать ихъ слишкомъ горячіе порывы и не дозволить имъ выйти за предѣлы благоразумія», «въ случаѣ же положительнаго удостовѣренія въ дѣланіи ими вредныхъ внушеній простонародью, не ограничиваться уже приказаніемъ оставить Каневъ, а принять въ то же время мѣры къ обезпеченію личности, для преданія ихъ законной отвѣтственности».

Что касается мнѣнія губернатора о воспрещеніи сочиненій Шевченка и Кулиша, то князь Васильчиковъ находилъ «возможнымъ сдѣлать это только въ отношеніи малороссійекихъ букварей послѣдняго; «сельскія школы, говоритъ онъ, въ здѣшнемъ краѣ открыты правительствомъ и имъ же разосланы для обученія крестьянъ русскіе буквари, а потому другіе буквари не должны быть допускаемы въ этихъ школахъ».

Не считалъ нужнымъ генералъ-губернаторъ и производство формальнаго слѣдствія по дѣлу Честоховскаго; но поручалъ немедленно вызвать его въ Кіевъ, распросить о цѣли и намѣреніяхъ его и приказать ему возвратиться обратно въ Петербургъ, сдѣлавъ «строгое внушеніе держать себя осторожнѣе и осмотрительнѣе», а также «обязать его подпискою не возвращаться сюда безъ особаго разрѣшенія начальства».

IV.

Въ то время, когда мѣстными разслѣдованіями выяснилась уже съ достаточною полнотою вся картина этого громкаго дѣла и князь Васильчиковъ въ своемъ сообщеніи въ Петербургъ, 28 іюля, высказался, что «все дѣло заключается только въ пустомъ страхѣ и неосновательнюхъ опасеніяхъ, навѣянныхъ слишкомъ пугливымъ воображеніемъ», источникъ возбужденія самаго дѣла начинаетъ открываться

1-го августа генералъ-губернаторъ получилъ письмо отъ кіевскаго губернскаго предводителя дворянства Горвата, въ которомъ послѣдній доводитъ до его свѣдѣнія, что, по донесенію каневскаго уѣзднаго предводителя дворянства Янковскаго, «въ каневскомъ уѣздѣ появились злонамѣренныя лица, которые, подъ разными предлогами, собирая на могилѣ Т. Шевченка тамошнихъ мѣщанъ и сосѣднихъ крестьянъ, поселяютъ въ сихъ послѣднихъ ненависть къ помѣщикамъ, для большаго же раздраженія умовъ ихъ и воспламененія чувствъ негодованія какъ къ помѣщикамъ, такъ и къ другимъ высшаго образованія сословіямъ, разсказываютъ имъ, читаютъ и по своему толкуютъ избранныя къ предположенной цѣли статьи и отрывки изъ разныхъ сочиненій о кровавыхъ событіяхъ гайдамацкой рѣзи, начальниковъ разбойничьихъ шаекъ Гонту и Желѣзняка изображаютъ передъ простонародьемъ какъ бы священныхъ героевъ, а самую рѣзь, произведенную, по ихъ выраженію, священными ножами, представляютъ дѣломъ правымъ, составляющимъ славу здѣшняго народа. Къ могилѣ Шевченка, котораго, по внушенію его друзей, простонародье стало почитать пророкомъ, а каждое его слово завѣтомъ для народа, стекается множество посѣтителей, и распространилась молва о надеждахъ крестьянъ въ будущемъ завладѣть безвозмездно помѣщичьею землею, о зарытыхъ въ могилѣ надъ прахомъ Шевченка священныхъ ножахъ, о томъ, что вскорѣ настанетъ часъ, когда по прежнему будутъ рѣзать пановъ, чиновниковъ и духовенство, скрывающихъ права народа».—«Независимо отъ сего, пишетъ далѣе г. Горватъ, я получилъ отъ пріѣзжающихъ изъ каневскаго уѣзда помѣщиковъ свѣдѣніе, что на могилу Шевченка стекается каждодневно огромное число поклонниковъ изъ крестьянъ, точно какъ бы къ святому мѣсту и что сочиненія Шевченка о «Гайдамакахъ», «Тарасовой ночи» и «Граматка» другаго автора раздаются по самой ничтожной цѣнѣ и даромъ». Горватъ, согласно со взглядами предводителя Янковскаго, находилъ, что «пока означенныя сочиненія составляли предметъ чисто литературный и оставались въ сферѣ людей образованныхъ, онѣ, конечно, не могли произвести содержаніемъ своимъ вреднаго вліянія на читателей; но когда нынѣ распространяются онѣ между простымъ народомъ, съ устными толкованіями, настроенными, очевидно, для

нами («?» поставленъ рукою кн. Васильчикова) и раздаются даромъ извѣстными лицами и толкуются крестьянамъ, сообразно разумѣнію и скрытой цѣли распространителей пропаганды, когда злодѣевъ стараются изобразить предъ простолюдиномъ священными героями и такимъ, хотя косвеннымъ, образомъ возбудить слушателей и читателей къ повторенію столь прославленныхъ дѣяній, каковы месть, рѣзь и кровопролитіе, когда эта пропаганда началась со дня перенесенія тѣла Шевченка въ Каневъ и съ появленіемъ тамъ воспитанника его Честоховскаго, когда наконецъ въ уѣздѣ повсемѣстно распространилась объ этомъ молва между всѣми сословіями общества:—должно полагать, что это не можетъ быть безъ основанія, а должны быть руководители, волнующіе умы съ какою-то тайною цѣлью и что по всей вѣроятности Честоховскій, проповѣдующій гайдамацкія идеи и при встрѣчѣ съ крестьянами обращающійся къ нимъ со словами: «Здрастуйте, гайдамаки!»—играетъ въ этомъ дѣлѣ не послѣднюю роль. Хотя же и нѣтъ положительныхъ фактовъ къ обвиненію кого-либо въ прямомъ возбужденіи крестьянъ къ истребленію помѣщиковъ и никто съ поличнымъ не явился, но это еще не доказываетъ, чтобы мысль этого рода не существовала дѣйствительно [1]. Безъ сомнѣнія, большинство населенія не увлеклось бы пропагандою, но она можетъ вредно дѣйствовать на единицы и мало по малу раздувать брошенную искру вражды. Такія единицы, какъ доноситъ каневскій предводитель дворянства, замѣтны уже по таинственности въ разговорахъ и обхожденіи, по угрюмости, отпечатлѣвающейся въ глазахъ ихъ и на лицѣ: онѣ-то возбуждаютъ тревогу въ жителяхъ Канева и окрестностей его. Если заблаговременно не будутъ приняты энергическія мѣры къ прекращенію пропаганды, могутъ послѣдовать важные безпорядки, угрожающіе личной безопасности помѣщиковъ».

---

[1]) Каневскій уѣздный предводитель дворянства Янковскій по этому случаю говоритъ: „народъ здѣшній умѣетъ упрямо сохранять всякую такого рода тайну. Лучшимъ доказательствомъ того служитъ дѣло о совершенномъ 5 лѣтъ тому назадъ убійствѣ помѣщика Гудимъ-Левковича крестьянами с. Григоровки. Преступленіе это, совершенное многими лицами, безъ сомнѣнія, извѣстно многимъ; не смотря на то, долговременныя усилія произведенныхъ неоднократно слѣдствій къ открытію виновныхъ остались тщетными“.

Изложивши все это, представитель кіевскаго дворянства проситъ генералъ-губернатора «не оставить зависящимъ распоряженіемъ къ открытію распространителей между крестьянами гайдамацкихъ идей, удаленію виновныхъ, въ томъ числѣ и г. Честоховскаго, изъ каневскаго уѣзда, къ прекращенію вліянія этихъ лицъ на крестьянъ и распространенія между ними волнующихъ умы сочиненій, воспрещенію скопищъ простонародья на могилѣ Шевченка и *перенесенію тѣла сего послѣдняго въ такое мѣсто, гдѣ сборища и демонстраціи не могли-бы имѣть мѣста*» (каневскій предводитель дворянства Янковскій предлагалъ только разрыть могилу и показать народу, что въ ней не было освященныхъ ножей).

Въ заключеніе предводитель кіевскаго «шляхетства» (русское дворянство въ то время, по землевладѣнію, представляло $1/_{10}$ и было въ такомъ загонѣ, что съ нимъ считали унизительнымъ даже заговаривать по русски, а говорили и даже писали, какъ и въ этомъ дѣлѣ, по французски) обращается къ кн. Васильчикову съ такими жалостливыми словами: «ваше сіятельство! Дворянство остается въ полномъ упованіи, что вы не откажите принять живѣйшее участіе въ настоящемъ дѣлѣ, оказать помѣщикамъ начальничье покровительство и властію своею отклонить грозящія бѣдствія».

Если принять въ соображеніе, что первая вѣсть о мнимомъ заговорѣ пущена въ ходъ польскимъ помѣщикомъ чрезъ русскаго князя, имѣвшаго у себя гостемъ высочайше довѣренное лице, что вся почти уѣздная полиція состояла еще тогда изъ поляковъ, что польскіе паны, какъ видимъ изъ приведенной переписки, сновали въ Каневъ и обратно, раздувая ходившіе слухи, что хлопотавшіе предъ высшею властію объ усмиреніи не существовавшаго заговора уѣздный и губернскій предводители дворянства были также поляки и что польское дворянство кіевской губерніи уже въ то время почти поголовно находилось вв тайномъ заговорѣ противъ русскаго правительства и готовило ему сюрпризомъ большую «рухавку», мечтая и всячески усиливаясь втянуть въ нее и мѣстное малорусское населеніе, то въ самомъ измышленіи ужаснаго заговора, въ раздутіи до невѣроятія бродившихъ о немъ толковъ и въ этихъ усиленныхъ просьбахъ о защитѣ нельзя не признать участія посторонней руки, старавшейся отвлечь отъ собственной «справы» вниманіе властей, натравляя ихъ то на народъ, то на «хлопомановъ»,

быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ не по разуму усердствовавшихъ. Достойно во всякомъ случаѣ вниманія то, какъ гордая шляхта, мечтавшая именно тогда о панствѣ «отъ моря до моря», тряслась при одной мысли, что туземное населеніе еще не забыло своей борьбы съ поляками и старалась оградить себя отъ взрыва народнаго негодованія, подготовленнаго и вскормленнаго вѣками...

Къ чести кн. Васильчикова нужно сказать: какъ онъ не былъ податливъ у себя въ гостинной на польскія любезности, но онъ понималъ эту «музыку»...

Получивши отъ полковника Грабовскаго, 1 августа, огромное разслѣдованіе о мнимомъ заговорѣ (на 108 листахъ) и убѣдившись, что оно рѣшительно ничего не прибавляетъ къ извѣстнымъ уже ему толкамъ и слухамъ, источникъ которыхъ, по его убѣжденію, заключался въ «слишкомъ напуганномъ воображеніи помѣщиковъ изъ поляковъ, придававшимъ «хлопоманскимъ» выходкамъ Грыцька Честоховскаго черезчуръ серьёзное значеніе, кн. Васильчиковъ распорядился вызвать этого полукомическаго «внука славнаго гайдамаки», распросилъ его подробно о всѣхъ обстоятельствахъ дѣла и приказалъ ему немедленно выѣхать въ Петербургъ, на мѣсто своей службы, и больше, безъ разрѣшенія начальства, не возвращаться въ Каневъ.

Въ томъ-же смыслѣ генералъ-губернаторъ, 8 августа, отвѣчаетъ конфиденціально и предводителю дворянства кіевскаго Горвату, на его жалобу о заговорѣ противъ помѣщиковъ. «По самымъ тщательнымъ розыскамъ на мѣстѣ, пишетъ кн. Васильчиковъ, всѣ слухи оказались ложными. Вся тревога была поднята по поводу неблагоразумнаго поведенія занимавшагося въ Каневѣ обдѣлкою могилы Шевченка губернскаго секретаря Честоховскаго, который, сближаясь съ простымъ народомъ, своими разсказами и чтеніемъ сочиненій Шевченка о преданіяхъ историческихъ событій Малороссіи, далъ поводъ къ различнымъ толкамъ между простонародьемъ, а *пугливо-настроенное воображеніе возвело ихъ на степень заговора*». Увѣдомляя г. Горвата, что Честоховскій уже высланъ изъ края, съ воспрещеніемъ ему возвращаться, и что приняты мѣры къ успокоенію встревоженныхъ жителей и предупрежденію поводовъ къ подобнымъ безпокойствамъ, начальникъ края заключаетъ письмо свое нѣсколько ироническимъ увѣреніемъ польскаго пана, что

«правительство бдительно заботится объ огражденіи спокойствія *всѣхъ жителей* края, зорко слѣдитъ за всѣмъ, въ чемъ могла-бы проявиться малѣйшая попытка къ нарушенію того или другаго, имѣетъ достаточныя средства и съумѣетъ во время подавить *всякую попытку въ этомъ родѣ*». Объ этомъ кн. Васильчиковъ проситъ поставить въ извѣстность и каневскаго предводителя дворянства, г. Янковскаго.

V.

Между тѣмъ, пока «паны дерутся, у мужиковъ чубы трещатъ». Въ Каневѣ мѣстныя власти, не рѣшившіяся подступить даже въ губернскому секретарю Честоховскому и сдѣлать у него хотя-бы обыскъ, арестовываютъ и держатъ подъ арестомъ трехъ простолюдиновъ: крестьянина с. Трощина Осипа *Галабурду*, отставнаго матроса *Трусенка* и мѣщанина Захара *Дорошенка*.

Галабурда арестованъ по такому поводу. Управляющій имѣніемъ княгини Ширинской-Шихматовой, с. Грищинецъ, шляхтичъ Кгаевскій донесъ исправнику, что Галабурда, явившись къ нему, управляющему, въ домъ, въ пьяномъ видѣ, требовалъ возврата своей «свитки», оставленной годъ тому назадъ въ экономіи за потраву его скотомъ экономическаго хлѣба. Когда Кгаевскій заявилъ Галабурдѣ, что о «свиткѣ» его ничего не знаетъ, а скота на потраву пускать не совѣтуетъ, то тотъ будто-бы съ пьяныхъ глазъ отвѣтилъ: «якъ будемо мати свои поля, тогди не будемъ на чужи пускати. Поздоровъ, Боже, батька—Тараса: винъ намъ давъ свободу та чужоземци... Тарасъ три разы умиравъ, та не вмеръ: винъ и теперъ живе, а поховали тильки ёго прозваніе. Мы ждали годъ, а ще годъ пидождемъ,—тоди будемъ мати свои поля и будемо дворянами». На допросѣ у исправника Галабурда заявилъ только, что во время похоронъ Шевченка былъ въ Каневѣ и что тогда всѣмъ людямъ велѣно было молиться Богу за Тараса; о томъ-же, что крестьяне будутъ дворянами, онъ слыхалъ отъ разныхъ лицъ въ видѣ насмѣшки, по случаю освобожденія крестьянъ изъ панской зависимости; но говорилъ-ли онъ Кгаевскому что-либо болѣе, рѣшительно не помнитъ, такъ какъ во время посѣщенія его былъ сильно пьянъ».

Отставной матросъ Трусенко былъ арестованъ полковникомъ Грабовскимъ, какъ «прикосновенный къ дѣлу о вредныхъ толкахъ

разсѣянныхъ въ толпѣ простаго народа чиновникомъ капитула орденовъ Честоховскимъ». Но въ чемъ именно выражалась эта «прикосновенность», каневскій исправникъ не зналъ, хотя и держалъ Трусенка подъ арестомъ при полиціи.

Наконецъ, каневскій мѣщанинъ Дорошенко былъ арестованъ по доносу евреекъ Филькенштейновой и Гальпериновой. Обѣ онѣ заявили исправнику, что Дорошенко, зайдя въ шинокъ къ Филькенштейновой, требовалъ въ долгъ на 10 коп. водки; а когда шинкарка въ этомъ ему отказала, то онъ будто-бы сказалъ: «коли-бъ намъ давъ Богъ скоришъ ризать васъ, бисовыхъ жидивъ, то тоди я першый буду ризать». Въ то-же время, обращаясь къ Гальпериновой, угрожалъ ей будто такъ: «перше тебе зарижу, зниму зъ шыи дукаты, построю соби хату, куплю коня и буду ïздить зъ своею жинкою на спациръ» (на прогулку). Выставленный еврейками свидѣтель, мѣщанинъ Павелъ Бессарабъ, не подтвердилъ доноса, но заявилъ исправнику, что Дорошенко, на отказъ шинкарки дать ему водки въ долгъ, дѣйствительно сказалъ: «треба-бъ васъ ризать, проклятыхъ жидивъ, та никому»! Находя, что эти намѣренія полупьянаго Дорошенка «служатъ къ нарушенію общественнаго спокойствія», исправникъ передалъ объ этомъ дѣло судебному слѣдователю, а виновнаго содержалъ подъ арестомъ.

Получивши одно за другимъ всѣ эти донесенія отъ мѣстнаго блюстителя порядка и спокойствія, генералъ-губернаторъ прежде всего приказалъ освободить всѣхъ арестованныхъ, а исправнику, за его усердіе «не по разуму» въ этомъ дѣлѣ, черезъ кіевскаго губернатора задалъ по просту головомойку... «Во всѣхъ его дѣйствіяхъ по этому дѣлу, пишетъ кн. Васильчиковъ, видна какая-то торопливость, необдуманность и нераспорядительность. Всякимъ нелѣпымъ словамъ, произнесеннымъ въ пьяномъ видѣ кѣмъ-либо изъ простаго народа, всякой бабьей сплётнѣ онъ придаетъ важность и особенное значеніе и изъ каждаго вздора дѣлаетъ предметъ донесенія, испрашивая притомъ наставленій о дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій, или входя съ ходатайствами, лишенными смысла, какъ это сдѣлалъ онъ, прося *начальничьяго распоряженія къ прекращенію толковъ*».

Вотъ какъ взглянули на дѣйствія ревностнаго блюстителя за

можнаго шляхетства», оправдывавшаго на себѣ пословицу: «у страха глаза велики!»

Но извѣстно, что гдѣ достается старшему, тамъ младшій всегда въ отвѣтѣ. Когда губернаторъ Гессе получилъ отъ генералъ-губернатора «непріятную» бумагу о своемъ исправникѣ, онъ тотчасъ-же нашелъ, что не одинъ исправникъ виновенъ въ этомъ дѣлѣ, а и старшій засѣдатель полиціи Монастырскій, также допустившій «несоотвѣтственныя дѣйствія»... Въ виду этого, испрашивалось разрѣшеніе подвергнуть и Монастырскаго взысканію. Конечно, разрѣшеніе послѣдовало и на это.

Но тѣмъ не менѣе, пока оставался въ покоѣ источникъ всѣхъ этихъ слуховъ и толковъ, они не унимались... Губернаторъ молчалъ, но каневскій исправникъ продолжалъ доносить... Свѣжая могила Шевченка, слава его среди народа не давали покоя «польскому шляхетству»; именно въ то время оно строило планы о созданіи польскаго государства «отъ моря до моря», а этимъ планамъ грозилъ подъемъ духа народнаго, вызываемый пѣснями поэта и близостію его могилы. Отсюда и вся тревога, отсюда и желаніе «загребсти жаръ чужими руками»...

Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ толкамъ, тревогамъ и опасеніямъ, князь Васильчиковъ вынужденъ былъ еще разъ, 19 августа, подробно разъяснять кіевскому губернатору всю нелѣпость подобныхъ опасеній на счетъ Шевченка, поручая ему разъяснить это дворянству. «Что касается сочиненій Шевченка, пишетъ онъ, то обличая въ авторѣ ихъ неоспоримый поэтическій талантъ, не замѣтно, чтобы они дышали неумолимою ненавистью вообще къ дворянству, а если въ нихъ и описаны нѣкоторыя событія изъ исторіи Малороссіи и борьбы ея съ Польшею за свою народность и вѣру, то въ этомъ ничего нѣтъ опаснаго для дворянства, какъ и въ народныхъ малорусскихъ пѣсняхъ, въ которыхъ эти событія выражаются ярче и сильнѣе, нежели у Шевченка».

Вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, догадываясь объ источникѣ поднятой бури, генералъ-губернаторъ выражаетъ желаніе знать: на какихъ данныхъ и фактахъ гг. Янковскій съ Горватомъ основываютъ свои обвиненія? Поэтому онъ проситъ губернатора узнать отъ г. Янковскаго, на чемъ основаны его свѣдѣнія о значеніи могилы Шевченка, о тайныхъ связяхъ почитателей его съ простымъ наро-

домъ, представленіи ему «рѣзи» священнымъ дѣломъ и возбужденіи противъ всего высшаго у насъ сословія помѣщиковъ, начальства и духовенства, начальника-же каневской полиціи спросить, сообщалъ-ли онъ Янковскому объ открытомъ провозглашеніи нѣкоторыми изъ пріѣзжавшихъ на похороны Шевченка мнѣнія, что въ здѣшнемъ краѣ, кромѣ православныхъ, не должно быть жителей другихъ исповѣданій, и кто эти лица, провозглашавшія такую мысль.»

Когда было приступлено съ такими вопросами къ главнымъ распространителямъ нелѣпыхъ толковъ о мнимомъ заговорѣ, центромъ котораго стала могила Шевченка, то всѣ они тотчасъ-же струсили... Каневскій исправникъ положительно отрекся, чтобы онъ что-либо подобное говорилъ Янковскому: «даже подобнаго рода разговора, пишетъ онъ въ рапортѣ 9 сентября, не только съ г. Янковскимъ, но и ни съ кѣмъ другимъ не имѣлъ». Г. Янковскій, съ своей стороны, начинаетъ выпутываться и заявляетъ, что всѣ обвиненія онъ основалъ: во 1-хъ на слухахъ и разсказахъ гг. чиновниковъ и другихъ жителей г. Канева, во 2-хъ на сочиненіи Шевченка «Гайдамаки», гдѣ изображена «рѣзь священными ножами, присланными будто-бы въ подарокъ императрицею Екатериною для истребленія ляховъ и жидовъ», а въ 3-хъ на томъ, что хотя ему лично «не случалось подобныхъ разсказовъ слышать отъ простолюдиновъ, но несомнѣнно, что они были, если о нихъ говорятъ всѣ жители Канева».

Убѣдившись еще разъ, что всѣ эти объясненія ровно ничего не прибавляютъ къ самому дѣлу, князь Васильчиковъ положилъ на немъ собственноручную резолюцію: «оставить».

Такъ прекращено было дѣло, вздутое слишкомъ перепуганнымъ воображеніемъ поляковъ и евреевъ надъ свѣжей могилой Шевченка. Для отвода глазъ, дѣло это носило громкое названіе: «о заговорѣ противъ помѣщиковъ». На самомъ-же дѣлѣ оно было заговоромъ «польской справы» противъ пѣвца народнаго горя и польской неволи, оплаканныхъ кровавыми слезами. Святотатственной рукѣ, однако, не удалось вырыть изъ свѣжей могилы прахъ малорусскаго поэта, какъ она, въ былыя времена, исторгла изъ могилы и выбросила кости другаго борца за русскую народность и православную вѣру Богдана Хмельницкаго, какъ-бы въ возмездіе за то, что онъ, по словамъ народной пѣсни,

Выбивъ руськiй народъ
Изъ-пидъ лядськои неволи...

Отъ всего этого дѣла только и остались слѣды лишнихъ тратъ... Производившiй по нему разслѣдованiе полковникъ Грабовскiй представилъ счетъ на 70 руб. 90 коп., издержанныхъ имъ на прогоны и суточные. Губернаторъ Гессе спрашивалъ: «на чей счетъ слѣдуетъ отнести расходъ этихъ денегъ?»—«По моему мнѣнiю, на счетъ казны», отвѣчалъ ему князь Васильчиковъ.

Такимъ образомъ, и здѣсь только одна казна поплатилась своимъ карманомъ за... неудачу «польской справы!»

Могила Шевченка, съ новымъ, уже чугуннымъ, крестомъ, по прежнему высится надъ «Днѣпромъ ревучимъ», словно прислушивается къ рокотанiю его волнъ, или приглядывается къ «степамъ» и «ланамъ широкополимъ»...

Исполнилось завѣщанiе поэта:

Щобъ ланы широкополи,
И Днипрô, и кручи—
Було видно, було чути,
Якъ реве ревучiй...

Тарасова могила не разрыта, какъ Богданова, и не забыта... Она привлекаетъ къ себѣ массы проѣзжихъ и прохожихъ, безъ различiя чиновъ, званiй, народностей, вѣроисповѣданiй, половъ и возрастовъ... Говоря о безсмертiи «Кобзаря» Украйны, она какъ-бы оберегаетъ горячо любимый имъ русскiй народъ отъ посягательствъ исконныхъ его враговъ...

И. Билыкъ.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1])

1784 годъ.—Начало съ Богомъ 1784 года было мнѣ благополучно, и я жилъ всегда въ домѣ, продолжая винокуреніе для пропитанія своихъ домашнихъ во всякихъ нуждахъ, въ наемной винокурнѣ у слоновскаго жителя Ивана Панченкова, который въ бывшихъ несчастіяхъ и послѣ того помогалъ мнѣ денгами и протчимъ весма много; и въ зимнее время старался заготовленіемъ покупкою дерева для огорожи двора, тако-жъ хутора и мелницы, ибо вся огорожа прежняя нѣсколко поопала и здѣлана была не по плану. Когда жъ въ августѣ мѣсяцѣ кончена слобода разбитіемъ дворовъ по плану, то взялъ я себѣ усадбу, прозываемую Палѣевскую, и, испрося въ хуторскихъ жителей дерева, выстроилъ на оной винокурню и курилъ въ оной вино зъ заимкою денегъ. Толко сей годъ въ винокурни былъ весма не удаченъ и не выходное вино по дороговизнѣ хлѣба дѣлало великую печаль.

Сего года апреля въ 24 день даровалъ мнѣ Богъ сына Николая, которому, по прежнему еще въ Курскѣ знакомству, былъ воспреемникомъ тимской округи села Мехальполья (Соколинская тожъ) помѣщикъ, лейбъ гвардіи преображенскаго полку прапорщикъ, князь Михаилъ Яковлевъ сынъ Друцкой Соколинской, а воспріемница новооскольская помѣщица прапорщица Катерина Иванова Шидловская. Сей сынъ рожденіемъ своимъ отогналъ было несколко прежнихъ печалей. Но не долго сіе продолжалось, ибо іюня въ 7 день рож-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., март. кн., стр. 532—569.

денная въ Курскѣ дочъ моя Марія, по многотрудной болѣзни, умре, живъ на свѣтѣ толко два года и четыре мѣсяца, которая и погребена на ощемъ кладбищѣ близь моей рощи, прозываемой Лазковъ Ярокъ. Сего году хлѣба арженого четверть продавалась по 1 р. 50 к.

1785 г.—Благослови вѣнецъ лѣта благости твоея, Господи, и подаждь благодать отъ престола славы твоея ныне наступившей 1785 годъ проводитъ съ ползою душевною въ отпущеніи грѣховъ и со здравіемъ тѣла, отгоняя прежнія печали и даруя мирныя времена лѣта, да забывъ горкия печали, начну благоугождать Тебѣ, Владыцѣ моему!

Сего году отъ начала прошедшей осени снѣгу вовси не было, а была такая грязь и теплота такая, что въ 16 день генваря, когда у слоновскаго жителя Өедора Фирсова умерла жена, то болшая часть народа, провожая оной тѣло ко гробу, шли пѣшіе босыми ногами, а паче женской полъ и малолѣтные дѣти въ одних рубашкахъ и босыя. Февраля-жъ въ 4 день выпалъ не болшой снѣгъ и съ того времени начали перво ѣздить на саняхъ, ибо чрезъ всю зиму ѣздили все люди телѣгами на колесахъ. Исходъ-же февраля мѣсяца и по 25 марта былъ снѣгъ съ перемѣнными погодами, а съ 25 вдругъ здѣлалась великая теплота съ туманомъ, а потомъ солнечное сіяніе, отъ чего весь снѣгъ пропалъ безъ остатку и наводненіе полой воды столь было силное, что изъ самыхъ пожилыхъ стариковъ мало кто такое помнитъ, ибо вода сверхъ естественного своего лѣтомъ и зимою теченія подымалась вверхъ болѣе пяти аршинъ и всѣ винокурни и дворы низменныя были въ потопѣ дней шесть, а потомъ вдругъ и упала, такъ что къ первому числу апреля оной оставалось весьма мало за натуралными рѣки берегами.

Въ сіе время нововыстроенная наша каменная колокольня пала до основанія, не врeдивъ церкви ни мало—27-го апреля. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ никакихъ вещей достопамятныхъ не случилось, и былъ болшею частію въ домѣ до 24-го числа, а потомъ, когда началася свадба князя Михаила Яковлевича Друцкого-Соколинскаго, то былъ и туда приглашенъ, коя продолжалась и до половины мая. Оную-жъ окончивъ, ѣздилъ въ Острогожскъ къ брегадиру Тевяшову для надобностей ево и своихъ домашнихъ, гдѣ былъ принятъ весма ласково и всякой день имѣлъ щастіе быть за однимъ съ нимъ столомъ. Возвратясь-же отъ-толь, исправлялъ домашнюю экономию

Июня 11 числа старая наша деревянная церковъ лишилась всей славы, и я слушалъ послѣднюю въ ней обѣдню, кою служилъ священныкъ Иосифъ Безпаловъ, а 12-го числа на память Онуфрія Великаго было освящение нововыстроенной каменной церкви во имя угодника Христова Николая, кою освящалъ его преосвященства духовникъ, иеромонахъ Варлаамъ и съ нимъ иеродиаконъ Іоасафъ, да въ церемоніи и служеніи изъ разнихъ ближнихъ мѣстъ священныковъ одинатцать. Тутъ во время отверзения болшихъ дверей, когда отпѣто было «Кто есть сей царь славы», было явленіе сеи церкви дьяку Алексѣю Чекановскому таково: когда отъверзти были болшие двери, то вдругъ явился пресветлый облакъ, идущій предъ антеминсомъ, на которой не могши онъ смотреть, смеживъ глаза и отъ страха едва не упалъ на землю, а потомъ пришедъ въ память, открывъ глаза и болше уже ничего не видалъ. Потомъ пѣта была обѣдня, а послѣ и молебенъ; по молебни же приглашены были гости за тѣснотою въ два дома: мой и священныка Безпалова, гдѣ обѣдавъ духовныя и мирскія, гуляли весь тотъ день изрядно, а на другой день разъѣхались по домамъ.

Въ семъ мѣсяцѣ, посовѣтовавъ мы съ священныкомъ Иосифомъ Безпалымъ, подрядили иконописца зъ слободы Троецкой выписывать церковъ иконами, и перво, когда написали двѣ иконы: Иосифа Писнописца и Иоанна Предтечу отъ своего кошта, то смотря на насъ и другие стали подряжать писать всякъ своего святого, какого кто хотѣлъ, отъ своего кошта. Тутъ я съѣздилъ въ городъ Курскъ и Щигры по княжимъ и своимъ дѣламъ. Возвратясь-же изъ Щигровъ, по общему зъ священныкомъ Иосифомъ Безпалимъ совѣту, когда везени были отъ харьковской покровской ярмонки колокола, купили одинъ, вѣсомъ 12 пудъ девять фунтовъ, и исъ того времени начали испрашивать отъ доброхотныхъ дателей за тотъ колоколъ договорную сумму 134 руб., кою собравъ уплатили. А потомъ ѣздилъ я въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Курскъ и тамъ пробылъ декабря по 10-е число, гдѣ подалъ въ казенную палату о опредѣленіи въ Новой Осколъ на мѣсто виннаго или соляного приставовъ челобитную; но какъ тѣ мѣста заняты были, то по оной ни малова дѣйствія въ то время и не произошло. Дождавъ-же декабря 18-го числа, вздумалъ начать винокуреніе въ той-же винокурнѣ на Палѣевомъ дворищѣ, а потомъ на другой

день праздника Рождества Христова отъправился въ Курскъ съ поручикомъ Василиемъ Ивановичемъ Туфермахеромъ, куда и прибыли 31-го декабря въ ночи. Въ сей пути много мы имѣли заѣздовъ по гостямъ въ разсужденіи праздника, какъ по ново-оскольской, такъ тимской, щигровской и курской округахъ, и бывъ въ городѣ Щиграхъ, купилъ на имя князя Михайла Яковлевича Друцкаго-Соколинскаго у щигровской помѣщицы Аладьиной въ бѣгахъ людей, а крѣпость совершилъ на свое имя въ курской г. палатѣ.

1786 годъ.—1786 года генваря 2, явясь къ господину новооскольскому предводителю маіору Раевскому, за ходатайствомъ новооскольскихъ дворянъ, просилъ дозволенія быть при балотировкѣ и приняту быть въ дворянской списокъ, но въ томъ, по наученію другихъ, было мнѣ отъказано, о чемъ принужденъ нашолся утруждать губернскаго предводителя Похвиснева и г. губернатора Зубова, которые, съ выговоромъ предводителю, приказали принять меня и написать въ новооскольской дворянской списокъ. И такъ, 5-го генваря балтированъ былъ въ засѣдатели земскаго и уѣзднаго судовъ, но по баламъ быть при таковыхъ дѣлахъ не досталось. А 6-го числа приглашены были все новооскольское благородное дворянство ко столу въ намѣсническомъ всеобщемъ домѣ, въ томъ числѣ и я, гдѣ за царскою трапезою угощены были весма доволно, а 7-го опредѣленъ я былъ отъ всего дворянства въ почесть намѣстнику, въ которой должности и пробылъ цѣлыя сутки, 10-жъ числа отправился съ Курска въ мѣстѣ со всѣми дворянами въ домъ. Въ сей пути терпѣли мы великую опасность отъ полой воды, ибо зъ 29-го декабря по 10 генваря были великие дожди и снѣгъ съ полей согнало, а воды великой имѣли разливъ по рѣкамъ, подобно веснѣ. А какъ приѣхалъ домой 12-го числа генваря, то начались стужи и путь зимняя. 29-го генваря отъправился съ княземъ въ Обоянь и купилъ тамъ въ бѣгахъ людей у обоянского помѣщика, флота лейтенанта, Александра Григорьевича Бровцына и крѣпость въ обоянскомъ уѣздномъ судѣ совершилъ на свое имя, чѣмъ князю Михайлѣ Яковлевичу услужилъ не мало, ибо за оныхъ подлежало платить ему 30,000 рублей; и они были приняты ево дѣдомъ въ вотчину ихъ с. Михальполье еще до 759-го года. Потомъ былъ въ Тиму по дѣламъ-же княжимъ, а приѣхалъ домой 8-го февраля. Отъ сего числа исправлялъ экономию, а 21-го числа въ

1-мъ часу по полуночи въ 25-й минутѣ жена моя разрѣшилась благополучно рожденіемъ мнѣ дочери, именемъ Елисаветы, которая 22-го числа, какъ былъ день заговѣна на великой постъ, и крещена. Ей были восприемники земской бывший въ то время исправникъ, порутчикъ Василей Ивановичъ Туфермахеръ и священныка Иосифа Безпалова дочь, девица Евдокия. Въ тотъ день ради крестинъ и заговѣна веселились всею компаніею весма доволно и заговѣли блогополучно.

25-го числа сего февраля мѣсяца, съ великимъ сожалѣніемъ и слезами многихъ приятелей, лишился я своего любезнѣйшаго друга или, лутше сказать, втораго брата, Ивана Федоровича Панченкова. Онъ былъ человѣкъ состоянія хорошаго, приятенъ, милостивъ и добродѣтеленъ ко всѣмъ и мнѣ по смерть свою во всякихъ нуждахъ помогалъ всѣмъ доволно—денгами и протчимъ. Заболѣлъ онъ 16-го числа февраля, а умре 25-го и погребенъ того-жъ числа въ 4-мъ часу по полудни, близъ каменной Николаевской церкви съ правои стороны, противу олтарного окна, отъ стѣны на полътора аршина. Оставивъ сей селовѣкъ много сожалѣнія не толко приятелямъ, ио и врагамъ своимъ, злобствовавшимъ на него не за что другое, какъ только за одну добродѣтель, зависть-бо, якоже глаголетъ писаніе, не вѣсть предъпочитати полезная, и дѣла его памятны будутъ многимъ на многіе годы, а паче мнѣ, яко его искреннему другу и брату. Я съ нимъ такую имѣлъ тѣсную дружбу, что когда толко понадобилось что, всегда бралъ безъприкословно какъ свое, а после возвращалъ съ благодарностью. Онъ же, когда по отлучкамъ моимъ не видѣлся было долгое время, то всякой день грустилъ, какъ по родному братѣ, а когда услышитъ о приѣздѣ моемъ, то бѣгитъ стремъ-главъ, хотя-бы то было и въ самую полночъ, и поздравляетъ приѣздомъ со слезами всегда. Умре безъдѣтенъ отъ рожденія, а наслѣдіе принялъ братъ его родной Федоръ, имѣющій дѣтей доволно. Сей первый по выстроеніи каменной церкви положенъ близъ оной, ибо по указу 1769-го года запрещено близъ церквей тѣла мертвыхъ хоронить, а велѣно имѣть особые кладбища.

Апреля 21-го отправился паки въ Курскъ по дѣламъ, касающимся до слободы Слоновки о запрещеніи винокуренія, которое наводилъ безъвинно на Слоновку надворный совѣтникъ Никаноръ Переверзевъ, единственно по злобѣ и зависти, издревле въ немъ

вкорененной; и будучи въ Курскѣ, о томъ дѣлѣ успѣлъ, сколко было можно. Такъ-же стараніе имѣлъ по заключеніи контракта о поставкѣ въ Новой Осколъ вина, но не заключа, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ уѣхалъ домой, гдѣ распорядя экономію и бывъ въ Старомъ Осколѣ для покупки болшаго къ церкви николаевской колокола, вѣсомъ въ 13 пудъ, ибо прежней за негодность возвращенъ майстеру обратно, отъправился по тѣмъ-же дѣламъ въ Курскъ мая въ 20-й день. Пробывъ тамо до 20 июня, по дѣламъ въ штрафныхъ денгахъ слободы Слоновки успѣлъ порядочно, отъ тѣхъ штрафовъ свободилъ, равно и о запрещеніи, и заключилъ контрактъ поставлять съ начала 777 года впредь на четыре года вина въ Новой Осколъ, по пяти сотъ и пятидесятъ ведеръ всякой годъ, почему и принялъ къ себѣ въ сотоварищество изъ войсковыхъ жителей Федора Панченкова и другихъ подъ своимъ именемъ. И съ того самаго времени началъ я курить въ винокурняхъ Панченковой, Пивоваревой и Науменковой на шесть котловъ, потому что въ своей было вино не выходно. Будучи въ Курскѣ въ самое время коренной ярмонки, отъ скуки ѣздилъ на оную ярмонку и купилъ тамъ серебренныхъ ложекъ шесть и протчихъ въ домѣ нужныхъ вещей доволно.

Живучи-же въ домѣ и управляя экономіею, не запомнилъ провѣдать и о судномъ въ новоосколскомъ уѣздномъ судѣ съ казначеемъ дѣлѣ, по коему, ходатайствомъ нѣкіихъ приятелей, учинилъ не малую ползу въ производствѣ онаго исправникомъ. Между-же тѣмъ князь Михайла Яковлевичъ Друцкой-Соколинской, жалуя всегда мене своими милостми, прислалъ мнѣ за труды въ подарокъ семью крепостныхъ людей, которую я принялъ благосклонно безъ отъговорокъ, а после, въ проѣздъ ево отъ тестя, когда онъ съ княгинею пожаловалъ ко мнѣ въ домъ, то я зъ женою своею благодарилъ ихъ доволно, называя себя якобы и не заслужившимъ таковыхъ отъ его сіятельства милостей.

Между-же сими происхожденіями рожденная дочь моя въ 8 день февраля Елисавета мѣсяца июня въ 15-й день умре, а погребена на кладбищѣ близъ сестры Маріи, умершей въ 784 годѣ. Послѣ того ѣздилъ я зъ женою своею и сыномъ Николаемъ въ Бѣлгородъ для принесенія должной благодарности угоднику Божію Иосафу епископу Горленку, коего мощи нетлѣнны почиваютъ въ соборной Троецкой бѣлгородской церкви, за освобожденіе сына моего Нико-

лая отъ шести-мѣсячной лихорадки, а отъ-толь возвращаясь. былъ въ Корочѣ для свиданія зъ своими сродственниками, съ которыми не видался съ того самого времени, какъ былъ въ Корочѣ подъ карауломъ. Они были мнѣ очень ради, и я пробылъ тамо болѣе сутокъ, отправился домой благополучно.

Во время сей моей въ Бѣлгородъ поѣздки, въ Бѣлгородѣ случился печальный мнѣ и женѣ моей случай, противной воздаянию должной угоднику Божию благодарности таковъ, о коемъ я слуху благоразумныхъ людей предать писанію, видя въ томъ болше свои погрѣшности, за благо не разсудилъ, и такъ предаю оное вѣчному забвенію и глубокому молчанію, зъ жалѣніемъ о томъ сердечнымъ по самой конецъ моей жизни. По приѣздѣ-жъ зъ Бѣлгорода принялся за покосъ и началъ косить сѣно своими людми, по причинѣ той, что великъ былъ сей годъ урожай травы и моего сѣнокоса ни за одну копѣйку нихто не нанялъ, а накося доволно для прокормленія скота сѣна и убера жнивомъ хлѣбъ, нанялъ перестроить куфню, съ прибавкою къ оной другой, науголной по плану, избы. Между-же симъ происходило слѣдствіе о моемъ на поставку винокуреніи, по доносу издревле отцу моему соперника, секретаря Корецкого, чѣмъ когда опечалилъ онъ мене, то въ отраженіе всѣхъ ево доносовъ, съ помощію моихъ друзей въ судѣ, подалъ я объявленіе на него, Корецкого, о завладѣніи отцовскимъ моимъ вѣтракомъ Боровковимъ и въ повалномъ обыскѣ сторонние показали на мою сторону, почему онъ, Корецкой, въ своихъ затѣяхъ сталъ смирнѣе, съ природнымъ лицемѣріемъ. Но я всегда содержалъ то въ умѣ, что примиренный другъ надеженъ быть не можетъ, и такъ обращался съ нимъ хотя и дружески, но не искренно.

Тутъ приспѣло и то время, въ которое весма не похвално я свои поступки смирныя опорочилъ дурнымъ поведеніемъ. Въ 30-е число сентября были у меня гости родственники, и я съ ними ѣздилъ въ Бѣломѣстное къ порутчику и бывшему тогда исправникомъ Туфермахеру и подгулявъ всѣ доволно, вздумали повеселится палбою съ пушки, которую мнѣ подарилъ штикъюнкеръ Иванъ Одинцовъ, и когда здѣлалъ я вистрела съ три, то близъ живущей священникъ Иосифъ просилъ къ своему двору для палбы и у него съ пушкою. Мы всѣ отказатся отъ того не могли и хотѣли итить къ нему, но прежде услышили, что своякъ мой.

ченицу Парасковью Лаврентьеву, и нынѣ, будучи на квартирѣ своей у слоновского жителя Василія Войкобойникова, женины сундуки изломавъ, то мы зъ свояком меншимъ, Ефимомъ Васильевичемъ, пошедъ къ ево квартирѣ (ибо онъ уже съ моего дому зошелъ и жилъ по найму въ квартирѣ), разсмотрѣвъ ево пьяныя дѣла, велѣли своимъ людямъ придержать и висѣкли малую толику батожнякомъ слехка, для нравоученія молодого человѣка; но онъ таковыхъ шутокъ видно не любилъ и схватя ножъ, хотѣлъ Ефима Васильевича дерзнуть въ бокъ, но помощію людей, бывшихъ съ нами, удержанъ. Вотъ была-бъ шутка не формалная! Если-бы Богъ не укрылъ своею милостію, то бы непремѣнно должно было знакомится съ палатою уголовныхъ дѣлъ.

Симъ тотъ вечеръ не кончился, а пошедъ мы отътоль и взявъ пушку, подкатили подъ окошки отца Иосифа и выстреливъ разъ, пили за здоровье всей братіи, потомъ зарядя оную въ другорећь, когда хотѣлъ я съ онои выстрелить, то на бѣду пришедъ къ намъ другой попъ, Павелъ Григоровичъ, пьянъ прежестоко, сталъ мнѣ говорить, что я съ пушки палить не умѣю и дерзнулъ выбранить меня по молодецки. Тутъ жаръ къ жару будучи приложенъ, терпимъ болше быть не могъ, я велѣлъ своимъ людямъ ево придержать и, взявъ ево тросгь съ рукъ, какъ скязывалъ онъ, что по ево щету вытерпѣлъ онъ девять хорошихъ ударовъ по спинѣ. И такъ сія духовная особа хотя была и пьяна, однако имѣла намѣреніе тою-жъ тростью прикрыть и меня, бывшаго въ одномъ толко тогда халатѣ; но одинъ изъ моихъ людей до того не допустилъ и отвелъ ево въ сторону, где онъ, постоя мало, изволилъ отправится зъ гостинцемъ домой, а намъ на тотъ вечеръ и утро оставилъ увеселительной смѣхъ на время.

Проводя-жъ благополучно гостей, я отправиеся въ Курскъ по дѣламъ книжимъ и для заключенія контрактовъ исправнику Туфермахеру и засѣдателю Волкову сентября 2, а прибылъ въ Курскъ 7-го, ибо путь была не спора, потому что нужно было заѣзжать во многія мѣста для гулянья и дѣлъ. Исправивъ-же дѣла въ Курскѣ, пустился къ Орлу по фатежскому уѣзду и сыскавъ въ деревни Бобровой однодворца Епифана Долгова, торговалъ у онаго людей въ бѣгахъ для князя, ибо они одного были дѣла зъ Бровциными, но какъ онъ, Долгой, просилъ неумѣренную цѣну, то принужденъ былъ

я тотъ торгъ до времени оставить, и отправился домой. Сія поѣздка мнѣ всема учинилась памятною, потому что дорога вовсе не знакома, дождь всякой день и ночь цѣлую недѣлю шолъ пресилный, ночи темныя, мѣста весма опасныя, а бывшей со мною почтарь всегда пьянъ, и такъ мало когда доставалось и спать по ночамъ, и за всѣмъ тѣмъ отъ Курска чрезъ Боброву едва могъ я пріѣхать чрезъ семъ дней домой.

Между-же сею поѣздкою и дѣлами сторонними, духовная особа, отецъ Павелъ Григоровичъ, окончивъ свое пьянственное правило, изъволилъ въ новоосколскомъ духовномъ правленіи подать на меня прозбу о бое ево ево-жъ камышевою тростью съ набалдашникомъ. А я, собравъ ево нѣкоторыя, неподлежащія священству, въ пьянствѣ дѣлаемые дѣла, сочинилъ прозбу на имя преосвященного и здѣлалъ разгласку, якобы оную послалъ къ преосвященному, и тѣмъ ввелъ ево въ немалое сумнѣніе. Вотъ гулба до чего довела, что должно будетъ и отвѣчать на бумагѣ въ судахъ! А между тѣмъ и другія нѣкоторыя коварныя умысли начали заводится отъ стороны Корецкихъ тайно, потому что, видя всѣхъ въ судахъ судей мнѣ пріятствующихъ усердно, еще яда крыемаго не испускали изъ своихъ мерзскихъ устъ. Оной я до времени ихъ открытія нынѣ и писать не начинаю.

Зъ сего времени, по публикованному указу, начали заготовлять для проѣзда ея величества, государыни императрицы Екатерины Алексѣевны лошадей чрезъ Смоленскъ въ Кіевъ, Кременчугъ, Херсонъ, Крымъ, Кубань, Бахмутъ, Харковъ, Бѣлгородъ, Курскъ и Орелъ до Санктъ-Питербурга, на которыхъ зъ душъ, положенныхъ за помѣщиками, брали по семнадцати копѣекъ зъ души, а на постройку триумфалныхъ воротъ и протчаго по 10 к., дворцы-же для ночлега и обѣда ея величества строены подрядомъ съ казны. Декабря 8-го съ Новаго Оскола лошади, для проѣзда изготовленныя, отъправлены чрезъ Путивль въ Смоленскъ, и зъ сего числа часто былъ я въ Новомъ Осколѣ по судному тому-жъ дѣлу съ маіоромъ Шипулинымъ. Потомъ приспѣлъ празникъ Рожества Христова, и я зъ женою былъ въ самый день Рождества у своего исправника, порутчика Туфермахера, а на другой день у кумы своей, прапорщицы Екатерины Шидловской, протчия-жъ дни были у меня гости, и я въ гостяхъ, и такъ симъ благополучно прошедшей 1786 годъ

оконченъ.—Въ семъ году была продажа хлѣбу четверть аржаного по 2 р. и по 2 р. 20 к.

1787 г.—Господи благослови!—Генваря 2-го ея величество государыня імператрица Екатерина Алексѣевна изволила предпринять путь со всею своею свитою изъ Санктъ-Петербурга въ Киевъ, какъ выше писано.

9-жъ генваря въ дворянской новоосколской опеки здѣланъ приговоръ о зборѣ всему новоосколскому дворянству въ городъ Новой Осколъ для расположенія на души потребнаго числа дерева, форосту, елей и фашинъ для зделанія отъ Курска къ Обояни къ шествію ея величества дороги, почему въ 19 день и были мы всѣ въ собраніи въ дворянской опеки, отъ 9 часа и до 7 по полудни, располагая, какимъ-бы лехчайшимъ образомъ тѣ матеріалы можно было выставить въ Курскъ. А наконецъ вздумали здѣлать подрядъ и поступились дать со всякой души по 10 к. новоосколскому городничему Бабанину, который подрядился толикое число, коликое было нотребно, виставить сеи зимы на уреченное мѣсто къ Курску, зъ ближней своей къ тому мѣсту деревни курской, бревенъ, въ зрубѣ 5 вершковъ, 700, форосту 1,300 возовъ, елей 600, фашинъ 2,000, бревенъ малыхъ 400, кольевъ 5,000.

Начало сего года благополучно, а найпаче 19 число, въ которое судное мое дѣло съ маіоромъ Шипулинымъ о людехъ крѣпостныхъ, купленныхъ отцемъ моимъ у помѣщика Пихтина, продолжавшееся 5 лѣтъ, рѣшено въ новоосколскомъ уѣздномъ судѣ въ мою ползу, и людей велѣно по прежнему оставить въ моемъ владѣніи, съ него-жъ, Шипулина, за неправой искъ взыскать штрафъ и за проѣсти мои и волокити взять мнѣ на немъ сто пять рублей по вичету, какъ довелось. Я, получа сію радость, судей уѣзднаго суда благодарилъ и въ трактирѣ поставилъ напитку за 9 р. 80 к., а на другой день, то есть 20 числа, который былъ совершеніемъ пяти-лѣтняго времени открытію того суда, по приѣздѣ домой, пѣлъ угоднику Христову Николаю, въ знакъ благодарности, молебень за всѣ ево святыя ходатайства о мнѣ грѣшномъ и помощъ въ дѣлахъ, ибо я и сіе дѣло съ самаго начала возложилъ на его заступленіе, зная свою невинность, почему Богъ всемогущій его святими молитвами въ томъ мнѣ и помогъ совершенно. Слава Его всемогуществу и угоднику Его святителю Николаю!

Генваря 25-го заболѣлъ я силно отъ простуди, которая отъ неосторожности моей, по выходѣ зъ бани, приключилась, и былъ боленъ по 7-е число февраля.

Въ семъ февралѣ мѣсяцѣ его преосвященство Аггей, епископъ бѣлоградскій и обоянскій, выѣхалъ зъ Бѣлгорода въ виленскій братскій монастырь для уединенія, будучи ея величествомъ уволенъ отъ правленія епархіею за болѣзнію, съ полнымъ по смерть его жалованьемъ, которое состояло въ 2,200 р. И сего-жъ мѣсяца мало свободясь отъ болѣзни, отправилъ въ Новой Осколъ 250 ведръ по подряду моему поставошного вина, за которое и денги сполна получилъ.

Марта 6-го по писму князь Михайла Яковълевича Друцкого-Соколинского ѣздилъ къ нему въ село Михаль-Полья, и тамъ, по спорамъ объ отказѣ изъ ево недвижимаго имѣнія подполковницы Лыкошевой четырнадцатой части, писалъ многія отъ своего имени и князя и княгини Анны Евдокимовны прозбы для подачи въ тимской нижній земской судъ, а между тѣмъ ссорющихся межъ себя князей примирилъ, ибо два двоюродныя князь Михайлы Яковлевича братья, князья Сергій и Яковъ Александровичи, много дѣлали ему наглостей и обидъ, болшою частію бывшихъ отъ разбоевъ, коими предводительствовалъ князь Друцкой-Соколинской. Онъ, за разныя вспомоществованія мною князь Михайлѣ, хотѣлъ и хвалился мене поймать и убить или висѣчь; но Всемогущая десница до того его не допустила, и я всегда ѣздилъ въ ихъ отчину безъопасно, зная то, что я ему князь Сергію никакой обиды не здѣлалъ, то и бить напрасно ему меня не имѣлъ причини. Онъ, князь Сергій, неоднократно и писмами меня трогалъ, но я на иныя отвѣчалъ со учтивостію, а иныя возвращалъ къ нему, не читавъ, обратно и тѣмъ привелъ злое сердце въ страхъ. А какъ князья помирились, то онъ приятнѣй всѣхъ мнѣ казался и, забывъ прошедшее, весма былъ ко мнѣ благопріятенъ и дарилъ разними вещами много.

Въ семъ-же мѣсяцѣ 13-го числа мое судное дѣло отослано въ верхней земской судъ на апелляцію, по прозбѣ моего соперника Шипулина, который, по своему душевредству, сказалъ подъ совѣстію (если оная у него когда была), что онъ и 25 р. для взносу не имѣетъ. Богъ съ нимъ, обыдяй да обыдитъ и еще, а правда превратна не бываетъ!

17-го числа была въ ново-осколской дворянской опеки балтировка о выборѣ дворянскаго депутата для сочиненія дворянскихъ грамотъ, гдѣ и я имѣлъ стулъ и балтированъ былъ, но, по случаю назначенія меня на мѣсто умершаго засѣдателя Игната Попова въ земской судъ засѣдателемъ, балъ на меня не положили, а выбрали маіора Ивана Савича Белолипскаго. На балтировки-жъ всего ново-осколского благородного дворянства было съ предводителемъ девять человѣкъ. Вотъ какъ скуденъ нашъ уѣздъ таковыми людми!

Съ 18 подъ 19 число въ ночи видѣлъ я сонъ, что шелъ на прекрутую гору самою узкою дорожкою, которая была отъ дождя весма сколзка, а взошедъ, казалось, будто сѣлъ въ карету зъ дочерью своею Катериною и ѣхалъ въ той каретѣ, въ коей запряжена казалась быть одна толко лошадь, а на лошади вздѣта мужичья зеленая шапка. И ѣхавши долго пути, приѣхалъ къ болшому, на подобіе моря, озеру, въ которое, не удержавъ лошади, пустился, и когда приплилъ на средину онаго озера, то въ то время проснулся въ великомъ страхѣ. Сей сонъ толковалъ я къ полученію указа о бытіи мнѣ въ ново-осколскомъ нижнемъ земскомъ судѣ засѣдателемъ, что и въ самомъ дѣлѣ собылось. Когда всталъ, то поутру пришедъ слоновской писарь Степанъ Безпаловъ и говоритъ, что приказано явится мнѣ въ судъ и что указъ уже зъ верхняго земскаго суда о томъ полученъ. Сія вѣсть съ одной стороны была радостна, а съ другой печална, потому что таковыхъ дѣлъ тяжесть мнѣ уже извѣстна давно. Но власть моего всемогущаго Бога, онъ еже хочетъ, да творитъ со мною, ибо я рабъ его всемогущества нелицемѣрный, слѣдователно по его волѣ и возлагаемыя дѣла исправлять буду не лѣностно съ помощію его.

Въ семъ мѣсяцѣ, по полученному изъ святѣйшаго синода указу, начали въ церквахъ поминать на мѣсто уволненнаго архиерея Аггея, Ѳеоктиста, епископа бѣлоградскаго и курскаго, а что прежде поминали епископовъ бѣлоградскими и обоянскими, то оное отмѣнено, а вмѣсто обоянской велѣно сказывать вездѣ курскій. Сей архіерей Ѳеоктистъ былъ викариалнымъ въ Сѣвскѣ, а потомъ определенъ на епархію бѣлоградскую вскорости, болшою частію для проѣзда чрезъ Бѣлгородъ ея величества.

22-го марта въ 6 часу по полудни ново-осколскаго нижняго земскаго суда подъканцеляристъ Арефьевъ приѣхалъ ко мнѣ въ

домъ и объявилъ указъ о утвержденіи меня въ земскомъ судѣ засѣдателемъ дворянскимъ на мѣсто умершаго секретаря Игната Попова. Сія вѣсть была также радостна и печална.

23-го въ 12 часовъ приведенъ къ присяги отъ суда земскимъ исправникомъ Туфермахеромъ, а приводилъ духовной правитель Александръ Смоленьскій, и когда пришолъ на свое мѣсто въ присудъствіе, то многия поздравляли, а потомъ принялся за дѣла и, подписавъ не много журналовъ и отпусковъ, отправился съ наставленіями въ уѣздъ, перво въ слободу Чернявку для набора рекрутъ, а потомъ въ курскія мѣста. День тогда, когда приведенъ былъ, настоялъ вторникъ страстной седмицы. Дождавъ празника Свѣтлаго Христова Воскресенія, веселился доволно, а найпаче что въ самый празникъ пріѣхалъ съ Питербурга секретаря Ивана Яковлевича сынъ Николай и привезъ на чинъ мой патентъ. Я ему за сіе весма много благодарилъ, день-же тогда былъ празника Воскресенія Христова въ 28 число марта и было весма холодно и путь еще санная, ибо снѣгъ еще не сошолъ.

Но уви! горе и лютѣ злая превратная фортуна никогда быть постоянна не можетъ. 31-го числа марта я гулялъ зъ соперникомъ своимъ Корецкимъ Иваномъ и готовились на другой день, т. е. въ 1 число апреля другъ друга чѣмъ ни на-есть въ шуткахъ обманивать. Мысли простирались къ веселостямъ, а Богъ строилъ не то, ибо при самомъ восхожденіи солнца въ 6 часу вселюбезный мой сынъ, который одинъ толко и былъ утѣхою сердцу моему, Николай, преставился, ни мало не боля. Сперва игралъ и веселилъ насъ обоихъ зъ женою, а утромъ оставилъ горкия слезы. Мы, рыдавъ доволно, предали тѣло ево земли въ 3 часа по полудни 1-го апрѣля. День тогда былъ четвергомъ свѣтлыя недѣли.

Владыко сердцевидче! твори, еже Тебѣ угодно. Сіе наказаніе отъ Твоей всесилной руки весма чуствую я, многогрѣшный, и приемлю съ достодолжнымъ благодареніемъ; но по грѣхомъ моимъ еще мало сего, мало и ничто противу моихъ беззаконій многихъ, накажи еще и помилуй, ибо азъ рабъ Твой, азъ рабъ Твой всегда.

Проводя празникъ, принужденъ былъ оставить всегорестную жену свою въ домѣ въ непрерывныхъ слезахъ, а самъ по дѣламъ былъ въ судѣ и уѣздѣ всегда одинъ, по причинѣ той, что исправникъ Туфермахеръ въ дѣла почти ни въ какия суда не входилъ и

свои исправлялъ по должности своей весма медлително, а засѣдатель Волковъ былъ камандированъ для проѣзда государыни съ лошадми въ Фатежъ и пробылъ тамъ и въ домѣ до половины маия. И такъ, принужденъ былъ исправлять всѣ дѣла одинъ, а зъ секретаремъ здѣсь случилось на одной недѣли поднять двухъ человѣкъ мертвыхъ тѣла и сыскивать убивцевъ, производить слѣдствія, повалныя обыски, а между тѣмъ о спорныхъ земляхъ и лѣсахъ свидѣтельства, быть при описи имѣній, поступающихъ въ опеки, шататься съ конца уѣзда въ другой конецъ для взысканія рекрутскихъ денегъ, понужденія въ платежѣ подушныхъ, ибо строго требовано было въ разсужденіи проѣзда чрезъ курское намѣстничество ея величества. Господь самъ помогалъ мнѣ во всемъ, и я былъ исправенъ и успѣвалъ добре въ сихъ дѣлахъ, болше отвагою, безъ фалтировки ни тому, ни другому.

Сеи весны началъ оказываться голодъ, дожжей вовсе не было, хлѣбъ посѣенной безнадеженъ, и такъ начали платить аржаного хлѣба четверть три рубли тридцать и сорокъ копѣекъ. Люди весма въ сіе время стали уныли и сѣтовали, а другія зъ голоду принуждены стали шататся по миру и просить подаянія. Многия подмосковныя помѣщики своихъ людей распустили для пропитанія по всѣмъ мѣстамъ, а сами съ нуждою питали себя и дворовыхъ невѣйкою. А одна барыня изъ высокородныхъ, о коея имени я изъ чести о ней умалчиваю, питала людей при заводѣ бардою, а заводъ курился на поставку, по нуждѣ къ коему покупана была въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заводъ, по 4 рубля четверть хлѣба, и я сіе зналъ весма вѣрно и точно не лгу.

Іюня 17 числа въ 6 часу по полудни ея величество изволила прибыть въ Курскъ. Въстрѣча дѣлана была отъ дворянъ за 17 верстъ отъ Курска къ Обояни, а на другой день, то есть 18 числа въ 2 часу, изволила отъѣхать въ Орелъ. Будучи въ Курскѣ, многихъ какъ женскаго пола дворянъ, такъ и мужеска допускать изволила къ рукѣ, равно и купечество, а изъ присудствующихъ дарила разными вещами и крестами святаго Владимира, гостинной Коренской домъ отдать указала курскому купечеству на двадцать лѣтъ изъ выстройки, а мелницу казенную, что на Тускорѣ, вѣчно городскому курскому магистрату на содержаніе. Всѣмъ-же курскаго намѣстничества дворянамъ и посполитству изволила написать пис-

Копия.

Господинъ правитель курского намѣстничества Зубовъ!

Въ проѣздъ нашъ чрезъ курское намѣстничество, видѣли мы въ губернскомъ и уѣздныхъ городахъ и вообще по губерніи надлежащее устройство и стараніе въ точномъ исполненіи должностей. Труды ваши пріѣмля со удовольствіемъ, поручаемъ вамъ объявить какъ чинамъ вамъ подчиненнымъ, такъ дворянскому и гражданскому обществамъ наше благоволеніе, усердіемъ и раденіемъ каждого приобрѣтаемое. Пребываемъ въ протчемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною ея императорскаго величества рукою тако:

Екатерина.

Въ Орлѣ 18 июня 1787 года.

Я-же, исправляя свою по суду должность, случился быть 24 числа іюня въ слободѣ Михайловки для ярмонки, гдѣ хотя и удерживаемъ былъ тамошнимъ управителемъ въ тотъ день для гулянья, однако зная тяжкое бремя жены своей, на то не согласился и уѣхалъ отъ толь въ 4 часу по полудни. И какъ пріѣхалъ въ домъ, то въ 8 часу по полудни свободилъ Богъ отъ бремени жену мою, коя принесла мнѣ сына Петра. День былъ четвертокъ, планета Меркурій, зодій рыбы. А на другой день, то есть 25, празновалъ день ево рожденія, а 29 просветилъ святымъ крещеніемъ, и тутъ празновалъ крещеніе и именини ево вмѣстѣ. Воспреемникомъ отъ святой купели былъ земской исправникъ Туфермахиръ, а воспреемница жены моей сестра Аксинья Лаврентьевна. Кончивъ-же то, исправлялъ по прежнему по должности свои дѣла, съ превеликою благодарностію Всевышнему, который въ награжденіе моей печали о умершемъ сынѣ Николаѣ далъ въ наслѣдіе другого, Петра. О! дивна дѣла твои, Господи, и вся премудростію своею творишъ, еже хощешъ: наказуешъ и милуешъ вкупѣ, низводишъ и возводишъ паки, что твоему премудрому Промыслу угодно. Да будетъ убо воля Твоя надо мною во всемъ и впредъ!

Іюня съ 1 упражняясь по суду въ дѣлахъ и экономіи, видя другихъ продавающихъ дорогою цѣною хлѣбъ, хотѣлъ мало и въ своихъ нуждахъ себѣ помощь здѣлать, почему пріѣхавшимъ изъ Стараго Оскола и города Тарусы купцамъ продалъ ржи четверть по 4 рубли, а гречи на 2 рубля, всего на 120 рублей. Но вдругъ

цѣна еще возвысилась и начали въ самую жатву платить четверть ржи по 5 рублей. Тутъ начали узнавать голодъ, ибо урожай сего лѣта хлѣбу былъ жестоко не хорошъ, такъ что исъ полей почти собирать было легко. Тутъ увидя я свой преступокъ въ продажи хлѣба и вспомня доволно взятую мною поставку вина, зажалъ ротъ и вдался въ мысли.

Августа съ 15 числа цѣна на хлѣбъ еще стала возрастать и начали продавать рожь по 5 р. 50 к., да и купить было негдѣ. Многія изъ бѣдныхъ собирали лободу и желуди для пищи, но какой она покажетъ вкусъ, Богъ вѣсть. Тутъ полученъ указъ изъ намѣстничества описать имѣющійся старой у людей хлѣбъ и прислать какъ найскорѣе вѣдомость описанному хлѣбу. Многія тутъ жители вдались въ печали о прокормленіи себя, а какъ сталъ хлѣбъ дорогъ, то вдругъ и цѣна поднялась на винѣ и изъ 70 к. стали продавать ведро вина по 2 р. 40 к., чего никогда въ семъ мѣстѣ не бывало. О дивна превращенія, чрезъ два мѣсяца здѣлавшіяся!

По наступленіи-жъ сентября мѣсяца пришолъ мнѣ на мысль мой проступокъ, учиненный въ прошломъ годѣ въ поѣздкѣ въ Бѣлгородъ, который я вознамѣрился загладить вторичною поѣздкою. И такъ зъ женою и сыномъ отправился въ Бѣлгородъ 18 числа сентября, а въ Бѣлгородъ прибылъ 19, 20 жъ удостоился видѣть въ служеніи архипастыря Ѳеоктиста. И тотъ день после литургіи ходя по городу, разсматривалъ слѣди Ея Величества: видѣлъ тріумфальныя, здѣланныя близъ мосту на харковской дорогѣ, ворота, на коихъ, сверхъ другихъ изображенныхъ знаковъ усердня, здѣлана золотистими литерами надъпись такова: «Благоденствуемъ мы въ премудрости твоей». Въ соборной церквѣ здѣланъ тронъ, обитой внутрѣ бархатомъ малиновымъ зъ золотымъ газомъ, а на правой сторонѣ къ стѣнѣ корона и вензелемъ задѣланное имя золотымъ позументомъ, вокругъ-же написанны приличныя царскимъ жертвоприношеніямъ пункты живописною работою, а на лѣвой сторонѣ на стѣнѣ портретъ Ея Величества. Домъ, гдѣ Ея Величество изволила пробыть двѣ ночи и одинъ день, выстроенъ деревянной въ каменномъ кварталѣ, повыше смоленской церкви, къ жилой слободѣ. Окрашенъ снаружи зеленою краскою, а вокругъ двора ограда каменная, равно и флигели каменные. Передъ домомъ щитъ деревянной обсаженъ соснами, а внутрѣ въ какомъ уборѣ, писать не могу

потому что по нѣкоторымъ причинамъ я внутри онаго не былъ. На выѣздѣ изъ города двѣ каменные пирамиды.

21 посля заутрени въ соборной церкви пѣлъ угоднику Христову Иоасафу Горленку панихиду и былъ допущенъ зъ женою, дочерью Любовью и сыномъ Петромъ къ ево мощамъ, лежащимъ отъ 1748 года нетлѣнно подъ церковію Воспоминанія страшнаго суда Божія, что въ придѣлѣ. Они лежатъ въ гробищѣ зеленой во всемъ одѣяніи архирейскомъ и весма сухи. Одежда вся нетлѣнна, токмо сапоги мало начали отъ ветхости вредится по швамъ, которымъ мы приложась, просили открыть лице ево, которое также нетлѣнно и весма сухо, а потомъ прикладывались къ стоящимъ за царскимъ трономъ въ кіотѣ мощамъ разныхъ святыхъ, коимъ тамо приложенъ и реестръ. Всѣхъ-же ихъ 21-го святого, въ томъ числѣ Иоанна Предътечи и великомученицы Варвары. Зъ Бѣлгорода отъѣхалъ 21, а домой прибылъ 22 благополучно, благодаря Всемогущаго Бога, что удостоилъ перво видѣть мощи святыя и быть прикладчикомъ къ онымъ.

Потомъ явился въ судъ и началъ по указу описывать хлѣбъ, стоящій въ гумнахъ разныхъ селеній у жителей, а въ домѣ исправлялъ постройку вновъ бани и огорожи двора, обновляя оной отъ пожарной страсти полутше, ибо лѣса стало подоволнѣй отъ покупки ушедшихъ на Моздокъ жителей прошлого году.

Октября 4 былъ въ слободѣ Сребляянки на посвященіи вновъ выстроенной каменной церквы зъ женою, которую освящалъ архіерей Ѳеоктистъ соборнѣ, а по освященіи обѣдалъ въ домѣ тамошнего помѣщика надворнаго совѣтника, Аггея Григоровича Изединова, вмѣстѣ съ его преосвященствомъ; за столомъ-же было всѣхъ персонъ со священниками 35, а по обѣдѣ его преосвященство уѣхалъ въ Валуйку, а я зъ своими домой.

1787 года октября 6.—Тутъ возгорѣлась давно врагу рода христіянскаго желанная война, объявлени вездѣ съ прошеніемъ о побѣдѣ на врага манифесты, въ которыхъ прописаны причины началу оной, весма законныя и коихъ оскорбленія Россійская корона носить не могла, ибо, сверхъ всѣхъ незаконныхъ требованій, объявила турецкая порта, что она заключенныя послѣ бывшей баталіи, коя кончилась въ 1774 годѣ, мирныя контракты уничтожаетъ (коихъ и самыя варвары обыкли почитать святость всегда) и требовала отдачи Крыму и протчихъ городовъ и соленыхъ озеръ. А между

тѣмъ въ 5 день прошедшаго мѣсяца августа заключила нашего россійскаго посланника Булгакова въ семи-башенный замокъ. И начались отъ нихъ кровопролитія вездѣ и отъ Россіи тоже. Но увѣнчай Господи, въ пользу нашего отечества, ея конецъ и предаждь противныя враги въ руки наша!

Ноября съ 1-го началъ хлѣбъ продаватся шесть рублей и какъ рожъ, такъ пшеница и пшено въ одной стало цѣнѣ, а гречъ 4 р., ячмень-же и просо 3 р. 50 к., вина-жъ продажа въ Слоновки возвысилась до трехъ рублей. Многія начали было курить по винокурняхъ, но видя выходъ вина противу покупки хлѣба не авантаженъ, застановили винокурни, въ томъ числѣ и я. Но поставка приближающаяся много мнѣ дѣлала печали, коей срокъ назначенъ въ февралѣ.

О войнѣ получили извѣстіе, что генелалъ Суворовъ подъ Кинбургомъ разбилъ турокъ, умертвя на мѣстѣ семъ тысячъ, и что въ гавань подъ Кинбургомъ-же захвачено 20 кораблей турецкихъ, и что взятъ городъ ихъ Очаковъ въ наши руки, и что вышеписанный генералъ Суворовъ отъ ранъ умре. Послѣ узнали достовѣрно, что онъ живъ остался. Голодъ часъ отъ часу умножается и уже декабря съ 1 начали четверть ржи покупать по семи рублей а протчей хлѣбъ такъ-же возвышался. А для войны наборъ рекрутской положенъ со ста душъ одинъ рекрутъ. Тутъ съ крестьянской всякой души платили рекрутныхъ денегъ по 3 р. 60 к., а къ тому велѣно еще для подвижного при арміи магазейна набрать погонщиковъ и взяли со 154 душъ по одному погонщику, съ мѣсячнымъ провіантомъ и одеждою, въ чемъ мнѣ стоило труда не малого, потому что въ судѣ былъ почти я одинъ, и все сіе надобно было исполнять въ скорости, въ разсужденіи нужного времени войны, а къ тому понужденіе по уѣзду въ платежѣ подушныхъ денегъ, коихъ за неурожаемъ хлѣба платить чорному народу было нечимъ. И такъ я бывалъ и въ уѣздѣ и въ судѣ всегда одинъ и не имѣлъ почти день и ночи покою, что было не безъ досады.

Декабря 10 священникъ нашъ старой и общей духовникъ отецъ Алексѣй умре въ 11 часу по полуночи. Мы оного похоронили 11 числа близъ церкви каменной, вмѣстѣ съ Иваномъ Панченковымъ, подъ олтарною каменною стѣною. Но дивна видѣли тутъ дѣла: когда отрыли яму, въ которой похороненъ Панченковъ

для погребенія во оной и отца Алексѣя, то видѣнъ сталъ ево гробъ. Я отъ любопитства велѣлъ оной раскрыть и посмотрѣть, что съ моимъ милымъ приятелемъ чрезъ годъ и десять мѣсяцевъ здѣлалось. Вошли тогда въ яму къ ево гробу зять его Стефанъ Черниговцовъ и братъ родной Федоръ. И о чудо! когда открыли верхную доску, то увидѣли, что онъ лежитъ цѣлъ, такъ какъ-бы сей день погребенъ, а только мало лице и носъ потемнѣли отъ течи въ яму воды и духъ изъ гроба былъ не противенъ. И такъ, посмотря мало, утоливши свое любопытство, велѣли закрыть гробъ и, пѣвъ погребеніе священническое, погребли своего духовнаго въ одной ямѣ съ моимъ приятелемъ Панченковымъ близъ олтарной стѣны подъ окномъ.

По окончаніи-жъ сихъ происшествій исправлялъ я свою по суду должность и былъ въ уѣздѣ для отказу поручика Тичкова имѣнія въ деревни Олшаницы и для высылки рекрутъ въ деревни Яблоновой и во многихъ помѣщиковъ, живущихъ за Осколомъ, для взысканія рекрутскихъ денегъ прошлаго года, коя были въ недоимки, и въ слободѣ Михайловки для изъслѣдованія о разбитомъ питейномъ домѣ, которой разбитъ былъ неправилно слободы Михайловки подданными черкасы.

Дождавъ-же празника Рождества Христова, празновалъ съ своими домашними, но не весма здорово, ибо приключеніе предъ тѣмъ за два дни насморка и отъ ѣзды всегдашней боль въ бокахъ составили было и настоящую болѣзнь. И такъ другой день празника не могъ уже и изъ горницы выйтить, а лежалъ въ постели и ползовался разными домашними лѣкарствы, кои мнѣ по воли Божіей мало и помогли. А на третій день, хотя и съ трудомъ, однако долженъ былъ отдать почтеніе своему исправнику Туфермахеру, куда и ѣздилъ съ женою, а протчіе дни въ судѣ и въ уѣздѣ.

Тутъ еще пришло мнѣ въ мысль, что дочери стали приходить въ возрастъ и по деревенскому житью живутъ въ невѣжествѣ, имѣвъ мало обращенія зъ дворяни, отъ коихъ могли бы заимствоватъ людское обращеніе, то имѣючи у себя тогда наемного кучера гудошника, велѣлъ ему всякой вечеръ играть на дудкѣ, а дѣтей сначала обучать плясать подъ оной. И такъ они охотно то всякой вечеръ исполняя, насъ зъ женою веселили, а сами мало по малу приобучались плясать, прежде безъ гостей, а потомъ и при случающихся на сихъ дняхъ гостяхъ, а симъ самымъ со благодареніемъ всевышнему Богу

кончили 1787 годъ и съ нимъ кончили прошедшіе бѣди, утверждаясь надеждою, что впредъ если будемъ Вышнему угодны добрыми дѣлами, то на предъбудущей годъ отвратитъ онъ отъ насъ всякое зло.

Зъ сего времени аржаному хлѣбу настала продажа цѣной четверть по семи рублей, а вина ведро по два рубли по семидесяти копѣекъ, а въ розницу 3 р. и болше, пшеница то-жъ, а овса по два рубли съ полтиною, пшена по 6 р. 50 к., да и всякія вещи въ разсужденіи дороговизни хлѣба цѣну свою возвисили.

1788 годъ.—Генваря съ 1 числа исправлялъ должность по суду земскому одинъ, ибо засѣдатель Волковъ былъ на 29 день уволненъ въ Бѣлевъ и Малоархангелскъ, и на сихъ-то дняхъ по нѣкоторымъ обстоятелствамъ досталось мнѣ получить барышей триста рублей. и будучи симъ доволенъ, началъ зъ 21-го курить паки въ винокурни, занявъ къ тому денегъ еще и у секретаря Корецкаго двѣстѣ рублей, ибо мы уже съ нимъ примирились и стали жить по прежнему братски.

Между тѣмъ какъ духовная особа, кою я взъерошилъ палками, меня тревожила по суду, да и другимъ, по гордости своей, всегда была противна, то вздумавъ обще зъ жителми сего селенія, поѣхали въ Бѣлгородъ зъ жалобою къ преосвященному Ѳеоктисту и тамо успѣлъ порядочно. Будучи у его преосвященства 7 февраля, испросилъ въ церковномъ служеніи началство священнику Иосифу Безпалову, а поданную о томъ прозбу отъ Павла Григоровича его-жъ преосвященству, пересказавши дурныя оного дѣла, довелъ до уничтоженія, о чемъ получа въ духовное отъ ево преосвященства правленіе ордеръ, возвратился домой зъ архипастырскимъ благословеніемъ благополучно. Въ семъ пути дорога была весма трудна въ разсужденіи великихъ снѣговъ и частыхъ по дороги ухабовъ и чрезвычайной стужи. Въ февралѣ мѣсяцѣ хлѣбъ продавался тожъ 7 р. и вино дорогою цѣною. И въ семъ то мѣсяцѣ поставка моя довела до убытка: поставивъ въ семъ мѣсяцѣ изъ числа трехъ сотъ толко двѣстѣ десять ведеръ, да и то пониже пробы, которое, по милости городъничего Бабанина и винного пристава Шипулина (съ коимъ имѣю и судное дѣло), принято въ казну и денги выданы за ведро по 60 копѣекъ, а противу покупки хлѣба и выкурки вино себѣ становилось въ два рубли 30 копѣекъ, и такъ на каждомъ ведрѣ надобно было добавлять своими 1 р. 70 к. И такъ вдругъ шестьсотъ двадцать пять рублей у меня и хлопнуло. Вотъ каково

съ казною обовязываться и брать поставки! Впредь наука людей не слушать и выше мѣры не затѣвать.

Марта въ первыхъ числахъ увидѣли мало отрады: неведомо почему сталъ хлѣбъ продаваться цѣною въ 5 р. 50 к. Многия сему обрадовались, а кои накупили высокою цѣною прежде, почуствовали убытокъ. Въ семъ то мѣсяцѣ увидѣлъ я въ своей головѣ, по выходѣ зъ бани, доволно и сѣдыхъ волосъ; надѣюсь, отъ дѣлъ и поставки здѣлавшіяся мысли и печаль до того довели, или потому, что уже близъ была старость, ибо уже былъ мнѣ теперича тридцать девятой годъ. О, Господи! прошли лѣта, яко вихоръ свѣта. Вотъ и смерть у воротъ, а души спасти некогда за печалми!

Апреля 13-го въ великой четвертокъ сообщался Святыхъ Таинъ, и какъ вси дни была мокрая погода, то люди чтобъ не были празни, началъ противу своего дому на горѣ, въ маленкомъ ярку, близъ болшой рощи, расчищать лѣсъ и заводить вновъ садъ для веселости, и въ 28-й день прищепилъ двадцать четырѣ куста прищепъ. Здѣлалъ бесѣдку, куда часто удалятся было можно и давать мыслямъ волю. Между тѣмъ священникъ Григоровичъ, съ коимъ была у меня ссора, пришедъ ко мнѣ обще зъ другими священниками и діакономъ, просилъ у меня прощенія, и я съ нимъ помирился и началъ жить въ прежней дружбѣ и ходить другъ къ другу въ гости.—Слава Тебѣ, Боже, не хотящему смерти грѣшника, что Ты обратилъ наши сердца въ единомысліе и дружбу!—Въ семъ мѣсяцѣ стала продажа хлѣбу въ четырѣ рубли, потому что на поляхъ хлѣбъ былъ весма хорошъ. Но чуть было паки не огорчился народъ печалію, по причинѣ, что 25-го въ ночи выпалъ снѣгъ глубиною болше четверти аршина и лежалъ съ подкрѣпленіемъ морозовъ до 28 апреля, а какъ пропалъ, то увидѣли, что вреда хлѣбу не причинилъ, и радость въ народѣ стала прежняя въ надеждѣ урожая.

Маия въ первыхъ числахъ хлѣбу была продажа уже въ три рубли пятдесятъ копѣекъ. Но вино въ цѣнѣ прежней не уступало, а поставка паки меня тревожила, потому что подлежало по контракту ставить и въ семъ мѣсяцѣ 250 ведръ.

Июня 9 отправился я въ Курскъ для рукоприкладства къ екстракту по судному съ маіоромъ Шипулинымъ дѣлу о людехъ. И приложа ко оному руку, побывъ токмо одни сутки въ Курскѣ, поѣхалъ въ коренную ярмонку, обще съ ктиторами слоновской церкви,

для покупки на крышу церкви листового желѣза и лампадъ къ новопоставленнымъ въ церкви за клиросами кіотамъ, что искупя, прибылъ домой 19 июня благополучно. По пріѣздѣ-жъ исправлялъ запущенныя по суду во время моей отлучки дѣла, ибо мой товарищъ г-нъ порутчикъ Волковъ о дѣлахъ вовсе не радѣлъ. 30 июня пріѣхалъ ко мнѣ рано съ Харкова зять мой Иванъ Діонисіевичъ Енохинъ, съ коимъ я семъ лѣтъ не видался. Я ево пріѣзду обрадовавшись, прогулялъ съ нимъ отъ 30 июня по 7 июля и провожалъ харковского намѣстничества до слободы Зимовенки, гдѣ съ нимъ распрощавшись, пріѣхалъ 9 числа домой благополучно, но не съ совершеннымъ отъ гулянья здоровьемъ, съ похмелья однако исцѣленъ тѣми-же медикаментами, отправился въ судъ къ дѣламъ.—Въ семъ мѣсяцѣ продажа хлѣба была четверть 2 р. 50 к. и ниже, ибо хлѣба весма были въ поляхъ изрядныя, а найпаче гречь и просо такъ были велики, что въ поясъ и выше человѣческой.

Между тѣмъ пронесся слухъ о благополучномъ успехѣ арміи и о взятье города турецкого Очакова, чемъ весма народъ былъ обрадованъ. Но вдругъ получены манифесты о неправедно поднятой противу Россіи войнѣ отъ короля шведскаго Густафа третьяго, который хотя ея величеству, нашей всемилостивѣйшей государынѣ и двоюродной по плоти братъ, но учинывъ жадность къ войнѣ, нарушилъ договоры вѣчнаго мира, напавъ на крѣпость шотландскую, не взявъ оную, потомъ вывелъ въ Балтійское море флотъ и началъ кровопролитіе. О, Господи! покори сего врага подъ ноги верныхъ, яко-же и прежде въ 1709 годѣ подъ Полтавой.

Весь сей мѣсяцъ былъ жестоко дожливъ и силные громы много вредили. 10 числа въ слободѣ Михайловкѣ отъ удару громоваго загорѣлось вдругъ два дома, 18 въ городѣ убило громомъ на выгонѣ въ полѣ однодворца, а 19 въ городской слободѣ Подольшанской зажгло домъ и убило женщину. Въ то время былъ я въ судѣ и всему тому самовидецъ былъ.

Тутъ-же на сихъ дняхъ учинился случай смѣшной и удивленія достоинъ. Въ слободѣ Пещанки, которая отъ Слоновки въ 8 верстахъ, былъ помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Одинцовъ, чиномъ артиллеріи штикъ-юнкеръ, жилъ въ своемъ старинномъ отцовскомъ домѣ и имѣлъ достатокъ хорошъ, а къ тому и любовницу свою крепостную дѣвку (сіе не во осужденіе грѣховъ ево, которому единъ Богъ

судія, въ порядокъ запиши), съ которою прижилъ двое дѣтей, и первая дочъ умре, а новорожденный сынъ ихъ 4-хъ мѣсяцевъ здравствовалъ. Онъ по веснѣ началъ строить на мѣстѣ стараго новой изрядной домъ и по выстройкѣ положилъ намѣреніе жениться и оставить любовницу, и къ уборки дому, во время коренной ярмонки, накупилъ много мебелей и другихъ вещей, а между тѣмъ давъ и отпускную своей любовницѣ, съ награжденіемъ денегъ и протчаго. Но вдругъ перемѣна! 15 числа июля пришедъ онъ въ домъ матери своей, вдовы маіорши Марфы Ларіоновой дочери Одинцовой, началъ просить благословенія итить скитаться по миру нищенскимъ образомъ, которую сей нечаянной случай зѣло удивилъ и опечалилъ, какъ сердоболную мать; ибо онъ былъ толко одинъ при ней сынъ, а старшій братъ ево, Алексѣй, служилъ въ арміи и слуху про него мало было, гдѣ обрѣтается. И какъ оная ему въ томъ отъказывала со слезами, то онъ увѣрялъ ее, что тое свое намѣреніе исполнитъ не скоро, почему она и дала ему благословеніе, вручивъ притомъ икону Божіей Матери ахтырской. А 18 числа ночью онъ, Одинцовъ, взявъ зъ собою того села священника Елиферія Ильинского и свою любовницу, невѣдомо куда удалились, оставя попъ жену, домъ и четырехъ дѣтей, а онъ, Одинцовъ, слободу подданныхъ дворовыхъ крестьянъ, домъ, денги и платье, не взявъ зъ собою, кромѣ иконы, ни одной копѣйки, ни сухаря хлѣба, и почти наги неведомо гдѣ дѣвались. По сему благому намѣренію, аще не впали они въ расколъ, то, Господи, управи путь ихъ и ихъ молитвами спаси и насъ грѣшныхъ! Тутъ-то театръ былъ жалости и плача подданныхъ и дворовыхъ людей, кои, збѣжавшись по утру во дворъ ево, плакали жестоко, ибо онъ жилъ съ ними не такъ, какъ помѣщикъ, а какъ другъ и братъ и не отягощалъ, какъ протчия жестокою работою. Потомъ пришла мать и сестра, разсматривая ево вещи и дѣла, рыдали жестоко, а найпаче мать, которая когда сыскала оставленное къ ней и сестрѣ своей писмо просителное о послѣднемъ благословеніи и что онъ уже съ нею болше не увидится, впавъ въ обморокъ, была безъ памяти. Что-жъ по сему услышимъ и увидимъ впредъ, Богъ вѣсть!

Между тѣмъ любезный мой кумъ, г-нъ исправникъ порутчикъ Туферъмахеръ, примѣчателно по наговорки, началъ на меня невѣдомо за что гнѣватся и въ судѣ дѣлать прицепки. Я, чувствуя

теперъ себя ни въ чемъ предъ нимъ и судомъ невиновнымъ, отвѣчалъ зъ жалости предъ нимъ громко, а потомъ, скрывъ отъ него обиду въ сердцѣ своемъ, отдался молчанію и отправившись въ уѣздъ для взысканія недоимки рекрутскихъ денегъ, чрезъ полторы недели умышленно въ судъ не являлся, чтобъ дать мѣсто гнѣву, но что будетъ впредь, не вѣмы, а знаю, что я предъ нимъ ни въ чемъ не виноватъ.

После сего, по указу курского намѣстническоги правленія, велено обоимъ судамъ новооскольскому и корочинскому съѣхатся на мѣсто и по прозбѣ бывшаго города Яблонова одноцворцовъ о лѣсѣ Натростенецкихъ и другихъ селъ жителей изслѣдовать, куда и отъряженъ былъ я и тамо успѣлъ въ слѣдствіи порядочно, съ великою отъ отвѣтчиковъ благодарностію за правое изслѣдованіе по ябедамъ напраснымъ отъ просителей, гдѣ и промедлилъ болше двухъ недѣль, а потомъ былъ въ судѣ и уѣздѣ по разнымъ дѣламъ, а найпаче во время бытности обозрытеля ассесора Шатохина по казначейству, и много здѣлалъ по ошибки казначея Попова помочи, за что онъ меня и благодарилъ. А между тѣмъ справлялся, чтобъ курить на поставку винокурни, въ которой и зачалъ затири съ 5-го сентября, по притчинѣ, что за май мѣсяцъ 250 ведръ было не выставлено вина.

Сентября 25-го въ 8-мъ часу по полудни прибылъ въ Новой Осколъ курский намѣстникъ, графъ Антонъ Богдановичъ Дебалменъ. Я обще зъ городничимъ, земскимъ исправникомъ и протчими дворянами вечеромъ для отъданія поклона ходили въ ево квартиру, гдѣ побывъ часа зъ два, разошлись по домамъ. А 26-го рано опять собравшись, обще ходили къ его сіятелству для отданія поклона, а потомъ побывъ его сіятелство въ присудственныхъ мѣстахъ и въ домѣ городничего Бабанина, изволилъ выѣхать въ 9-мъ часу, для препровожденія котораго ѣхалъ я впереди въ коляски, а проводя онаго чрезъ слободу Слоновку, обѣдалъ вмѣстѣ зъ графомъ у земского исправника Туфермахера въ селѣ Беломѣстномъ за однимъ столомъ и во время сей моей бытности при его сіятелствѣ разговаривалъ онъ со мною ласково о разныхъ дѣлахъ, изъ села-жъ Беломѣстного проводя я оного зъ городничимъ Бабанинымъ, возвратился домой. Тутъ мой кумъ, исправникъ Туфермахеръ, сталъ ко мнѣ по прежнему ласковъ, которую ласку

Шатохина, а здѣсь сталъ совершенно въ прежнихъ положеніяхъ, болше потому, что узналъ мою правость и незнаніе ево въ дѣлахъ по суду, коихъ я много за него исправлялъ.

Октября-жъ 2-го выставлена мною поставка благополучно, а между тѣмъ за болѣзнію секретаря нашего суда Арефьева, коего предъ симъ умре жена, исправлялъ дѣла я одинъ по суду, а товарищъ мой Волковъ и исправникъ бѣгали дѣлъ и суда, аки великой стужи.

А между тѣмъ на сихъ дняхъ явился нашъ одинъ постникъ и чудотворецъ, бывшій пѣщанской попъ Елиферій, который ушелъ съ помѣщикомъ Одинцовымъ, и пересказывалъ дѣла дивныя и удивленія достойныя: какъ они вмѣсто спасенія попали въ бѣду, ибо не въ монастырь православныхъ, но въ скиты расколническия зайшли, но онъ бѣжалъ отътоль нагъ и едва живъ, а Одинцовъ и ево дѣвка еще тамо остались. Что-жъ по семъ послѣдуитъ, увидимъ или услышимъ впредъ.—Октября въ послѣднихъ числахъ вышеписанный постникъ отецъ Елиферій его преосвященствомъ Ѳеоктистомъ, епископомъ белоградскимъ, опредѣленъ на покаяніе въ белгородскій николаевскій монастырь на годъ, по причинѣ, при допросѣ онаго, объявленія, что будто-бы онъ сие здѣлалъ, будучи въ горячкѣ. А о сотоварище ево Одинцовѣ пришелъ слухъ, что оной, по уходѣ изъ скиту, остался для покаянія въ ростовскомъ монастырѣ за Москвою.

Сіе время продолжалъ я при судѣ одинъ по прежнему и исправлялъ временемъ домашнюю экономію съ радостію, что въ винокуренномъ моемъ заводѣ вино шло очень хорошо, а не такъ какъ въ прошедшіе годы, и противу покупки хлѣба все время цѣною четверти по 2 р. 50 к. и дровъ воза каждого по 25 к., а продажа вина ведра по 1 р. 60 к. и 70 к., а временемъ и 1 р. 80 к., получалъ я всякой день барышей по 2 рубли, чего по моему состоянію и жителству весма было доволно. Я всякой день говорилъ: благословенъ Богъ, устрояяй со мною тако!

Ноября въ 4-й день, по указу курского намѣстнического правленія, прибылъ въ Новой Осколъ курской верхней расправы казенныхъ дѣлъ стряпчей Иванъ Дмитріевичъ Брончинскій, который опредѣленъ для понужденія земскихъ судовъ во взысканіи недоимокъ. Я первой по своему суду попалъ сему человѣку въ глаза, и по

многихъ ево взысканіяхъ о нѣкоторыхъ неисполненіяхъ, не явлшихся въ нашемъ судѣ, болѣе по слабости исправника, я все сіе слушалъ внятно, пока коснулись рѣчи и ко мнѣ, на которыя отъвѣчалъ, зная свою совѣсть въ невинности, неустрашимо; почему полюбилъ онъ меня и взявъ на мѣсто исправника зъ собою въ уѣздъ, по разнымъ селеніямъ продолжали путь денно и ночно. И такъ я отъ 4-го числа по 9 не спалъ ни одного часу, то въ ѣздѣ, то по малости знанія ево, Брончинского, въ дѣлахъ, писалъ и исправлялъ дѣла, ему принадлежащыя, самъ, за что получилъ не малую благодарность и обѣщаніе въ рекомендаціи намѣстнику и губернатору въ Курскѣ.

На сихъ-же дняхъ между свидѣтельствомъ въ уѣздѣ и въ городѣ по казначейству дѣлъ открылось много взысканныхъ и не поступившихъ въ приходъ казенныхъ денегъ, почему бывшей новооскольской казначей, порутчикъ Федоръ Поповъ былъ имъ и городничимъ заарестованъ и дѣла всѣ запечатаны. Въ пятый день сего ноября мѣсяца шелъ снѣгъ и начали ѣздить въ саняхъ. Хлѣбу-жъ продажа была аржаной муки четверть 2 р. 50 к., а вино пѣнное 1 р. 70—80 к., полугарное-жъ 1 р. 55 к.

Черезъ ноябръ и декабря первыя числа происходили разныя дѣла по суду и моей економіи, кои примѣчанія заслуживаютъ мало, а толко что силное происходило понужденіе въ разсужденіи войны о недоимкахъ подушныхъ податей, и были еще отъ нижнихъ расправъ въ помощъ земскимъ опредѣлены засѣдатели, а сверхъ того опредѣлено три казенныхъ дѣлъ стряпчия, кои, такъ-же имѣя всякой въ своемъ вѣденіи по пяти городовъ, понуждали земскія суды и много казначейскихъ неисправностей нашли и воровства казны. Новооскольской утратилъ болше четырехъ тысячъ, а губерніи казначей Драгневичъ и курской уѣздный болѣе тридцати тысячъ, за что лишены мѣстъ и суждены жестоко. Мнѣ хотя во взысканіи и было при судѣ не безъ труда, однако былъ отъ протчего покоенъ. Протчіе-жъ готовились къ новой на будущіе три года балтировки и желали многія занять мѣста въ судахъ.

Въ половинѣ декабря получено извѣстіе о взятьи второю армиею (коя называлась Екатеринославская) турецкого крѣпкого города Очакова въ 6-й день декабря, чему угодникъ Николай много помогалъ. А взятъ штурмомъ ночью и убито три генерала и ты-

сячъ до пяти рядовыхъ съ нашей стороны. По овладѣніи-же городомъ, бывшия тамо турки и татари избити на голову, кромѣ не многихъ чиновниковъ. Провіанта, пушокъ, пороху, ядеръ и протчего найдено превеликое тамо множество, и городъ отданъ былъ войску на грабежъ.

Съ 21 отправились наши господа дворяне къ балтировки въ Курскъ, а я остался при судѣ одинъ, голосъ-же поручилъ свой и шаръ порутчику Арсеньеву, бывшему первые три года уѣзднымъ судею.

Декабря 24 въ ночи привезена икона угодника Христова Николая, обложенная серебряпною ризою, съ Курска въ церковъ въ новыя кіоты, кою я многогрѣшный здѣлалъ на свои денги въ отпущеніе его святыми молитвами злыхъ моихъ грѣховъ, и 25-го, во время чтенія на заутрени повечерія, моими руками вставлена въ кіотъ. Вѣсу въ оной 127 золотниковъ, а золотникъ цѣною по 27 к., а всего 34 р. 29 к. Слава Богу и его угоднику, что удостоенъ я симъ услужить Божіей церкви!

25-го въ ночи пришло наше осмое чудо изъ монастыря, помѣщикъ Одинцовъ, въ лаптяхъ и худой одеждѣ, и отъ стыда еще людямъ не кажется. Хотѣлъ быть во одинъ день святъ и убоясь бездни премудрости, возвратился вспять въ свой домъ, а любезную свою гдѣ дѣвалъ, еще не извѣстно.

Хлѣбъ на сихъ днехъ былъ цѣною ниже двухъ рублей арженой, а гречишной 1 р. 60 к.; вино въ 1 р. 40 к. полугарное, а пѣнное 1 р. 60 к. ведро. Я за продажею своего еще искупилъ у одного помѣщика 127 ведеръ и заработалъ на ономъ барышей 43 рубля; хоть на сахаръ и чай пригодится. Слава Божію провидѣнію и за то! Господа-жъ наши, присудствующія какъ уѣзднаго, такъ и земскаго суда, позвани были въ Курскъ для балтировки на предъбудущія три года, а я остался одинъ при судѣ и исправлялъ всѣ должности по суду и земскаго исправника. Тутъ также не мало было хлопотъ въ разсужденіи болшою частию, кромѣ земской полиціи, и следствій, кои производими были надъ бывшимъ казначеемъ Поповымъ, на коемъ оказалось здесь недочоту только три тысячи девятсотъ рублей; были-жъ изслѣдователми казенной палаты ассесоръ Василій Ивановичъ Шатохинъ и верхней расправы стряпчей Бровчинской. А по изслѣдованіи взятъ казначей Поповъ подъ

арестомъ въ Курскъ для отвѣтовъ. Чѣмъ сіе кончится, Богъ вѣсть, по строгости законовъ. На сихъ дняхъ стужа была прежестокая съ сильными метельми и въ ѣздѣ мнѣ много убывало здоровья.

О, Ты благій и Всемогущій! тако о всякомъ отъ насъ печешися, акибы единого токмо имѣлъ еси, тако и о всѣхъ печешися, яко о единомъ.

1789-й годъ началъ, слава Богу, благополучно: и къ 9-му числу генваря прибыли нововыбранные присудствующіе: въ уѣздный судъ судя маіоръ Андріянъ Масловъ, въ засѣдатели къ нему ротмистръ Яковъ Скибинъ и порутчикъ Алексѣй Глатковъ, въ исправники порутчикъ Иванъ Федоровичъ Тинковъ, къ нему засѣдатели: подпорутчикъ Сафронъ Поповъ и прапорщихъ Василій Алексѣевъ. Сіи два выбраны въ противность высочайшей дворянской грамоты, ибо Поповъ недвижимаго имѣнія за собою ни какова не имѣетъ, а Алексѣевъ не служилъ офицеромъ, но въ разсужденіи, что болше выбрать было по малости дворянъ некого, а я у господъ дворянъ просилъ уволненія, что для меня и здѣлано. А какъ вступили они въ должности, то обще всѣ дворяни и дали мнѣ о добропорядочномъ моемъ бытіи въ должности и исправленіи дѣлъ аттестатъ, которой безъпрекословно всѣ дворяни и подписали въ квартирѣ порутчика Глаткова въ городѣ, генваря въ 10-й день, пополудни во 2-мъ часу.

Имѣя свободу отъ многохлопотныхъ дѣлъ, началъ я думать о своихъ дѣлахъ, для множества бо важныхъ причинъ наскучило мнѣ имя засѣдателя и чинъ. И такъ я отправился въ Курскъ для своего суднаго дѣла, которое въ верхнемъ земскомъ судѣ было по апелляціи маіора Шипулина, и въ томъ числѣ имѣлъ и довѣренность отъ Шидловскаго и коштъ о взятьи въ оброкъ земли казенной, для ево весьма нужной, состоящей на рѣкѣ Потудини, и подавъ о томъ прозбу въ казенной палатѣ, возвратился домой февраля въ 9-й день.

И побывъ въ домѣ по 28-е число, паки по тѣмъ-же дѣламъ отъѣхалъ въ Курскъ и по приѣздѣ узналъ, что дѣло мое въ верхнемъ земскомъ судѣ рѣшено, и въ мою ползу, чемъ былъ обрадованъ, и также въ торгахъ о земли для Шидловскаго успѣлъ, и не дорогою цѣною взялъ и рекрута ево отдалъ за Новооскольскія ево души. Въ семъ мнѣ пути была путь весма трудная отъ стужи и силныхъ метелей, отъ коихъ столь много выпало снѣгу, что съ дороги своротить было не возможно вовсе, и если встретишься на до-

роги съ кѣмъ, то надобно одному непремѣнно зъ своими лошадми было утопать въ снѣгу и освобождать лошадей и повозку часа два. А дворы, улицы и прочее жилье такъ было позабито снѣгомъ, что можно было ѣздить чрезъ огорожи; на ровныхъ же мѣстахъ снѣгъ лежалъ по дороги вышиною въ два аршина, а въ другихъ низменныхъ мѣстахъ и по логамъ аршина 3 и болше. Такой зими нихто изъ стариковъ не помнитъ, ибо какъ съ начала настала стужа, такъ и до окончанія зимы была безъ всякой оттепели съ сильными, болшою частію восточными вѣтрами и метелью.

Хлѣбъ-же въ сихъ мѣсяцахъ продавался цѣною четверть по 1 р. 60 к. арженой, а гречишной по 1 р. 40 к. Вину за стужею былъ виходъ не хорошъ; кормъ для скота, по притчинѣ дурной пути, былъ дорогъ, ибо когда у кого сѣно и было въ полѣ, по привесть онаго въ домы за глубокими снѣгами не можно. Поставка моя 300 ведръ въ февралѣ мѣсяцѣ выставлена порядочно и денешки получены сполна, за кои я въ Курскѣ здѣлалъ себѣ шубу въ 40 р. и ложекъ серебренныхъ двѣ, да женѣ купилъ золотое колцо и на пару платья тавты. Слава Всемогуществу Божію, что въ томъ успѣлъ въ ползу домашнихъ нуждъ и возраста дочерей!

Апреля 2 числа по утру вздумалъ я проходится въ свои сады посмотрѣть деревьевъ (ибо отъ бывшаго дождя и солнца по-верхъ преглубокихъ снѣговъ можно стало ходить свободно) и тутъ къ сожалѣнію превеликому и съ печалію о трудахъ и веселости моей увидѣлъ, что въ новомъ моемъ саду, занятомъ въ прошедшемъ годѣ по веснѣ, прескверный звѣрь заяцъ съѣлъ выросшія въ прошломъ лѣтѣ аршина по полтора кусты разныхъ хорошихъ дуль, яблокъ и баргомодовъ двадцать два куста до самого корня. Тутъ-то пришло мнѣ на память, что и малой червь или зверокъ можетъ съ попущенія Божія дѣлать великия пакости. А какъ пошолъ выше на гору въ старой садъ, то тамо уже не удержался отъ слезъ, когда увидѣлъ, что всѣ самолутшіе яблоки и дули съ баргомодами объѣдени, а на сладкихъ яблоняхъ, кои были уже толсти, кожа вся до гола объѣдена симъже проклято-сквернымъ звѣремъ, котораго я, какъ будто предчувствовавъ быти мнѣ вредна, никогда не любилъ и не ѣдалъ ево мяса, никогда во всю мою жизнь. О проклятое созданіе! Ты сотворено на ползу человѣку, а дѣлаешъ вредъ. Но что дѣлать, если Богъ попустилъ сему малодушному творенію меня поучить впредь быть

осторожнымъ? Слава Ему во вѣки да будетъ! Авось либо иныя отойдутъ и не усхнутъ деревья. Сіи дни была страстная седмица и стужа была всякой день съ восточными вѣтрами, какъ будто въ декабрѣ, и казалось, что время идетъ не къ Воскресенію, а къ Рожеству Христову. Снѣгъ-же мало кой гдѣ растаялъ по логамъ, а въ поляхъ былъ невредимъ ни мало. Сей вѣтръ началъ дуть февраля съ 15-го и былъ все одинъ съ маленкою дни на два перемѣною и до 8-го апреля.

Въ Курскѣ какъ было у насъ между началниками мирно и многія тому завидовали, то нынѣ тое прервалось и началися между намѣстникомъ Дебалменомъ, губернаторомъ Зубовымъ и вицъ-губернаторомъ Яновымъ великия ссоры, тако-жъ и между протчими. Началось-же за зловредство, послѣ чего открылось великое похищеніе казны, изъ уѣздныхъ-же казначеевъ почти всѣ поступили въ уголовную палату на сужденіе. И въ бытность мою въ Курскѣ, привезенъ рылской казначей Харинъ за похищеніе двадцати девяти тысячъ, скованъ и отданъ сужденію уголовной палаты, а по немъ и многія какъ изъ судей рылскихъ, такъ и купечества, по имѣнію съ нимъ нѣкоторыхъ дѣлъ.

Тутъ хотя и была у меня мысль и имѣлъ случай и помощъ отъ членовъ палаты быть въ Новомъ Осколѣ казначеемъ, но видя таковыя времена и перемѣны со строгостію, оставилъ намѣреніе, а буду лутше жить въ покоѣ и тишинѣ въ домѣ съ любезною мнѣ женою и дѣтми. Пусть умру я и съ хлѣба кускомъ, да на мѣстѣ покойномъ такомъ. Новоосколской-же нашъ казначей Поповъ также въ Курскѣ при мнѣ взятъ подъ арестъ (въ каменной мѣшокъ), а поступившей на мѣсто ево секретарь Пенковской отъ должности за незнаніе отърѣшенъ вовсе.

Будучи въ Курскѣ марта 14-го дня, купилъ себѣ я аглинския часы, подъ № 2,159, новыя, цѣною за пятдесятъ рублей. И такъ имѣлъ уже теперича трое часовъ карманныхъ, хотя прежнія и не болшой цѣны. Слава Богу! не толко отецъ, но и дѣдъ нашъ сего не зналъ и не имѣлъ, а мнѣ досталось имѣть и тѣмъ въ мірѣ высоконоситься; а можетъ быть по старинному обычаю они такого вертопрашества не хотѣли.

Нужно не пройтить молчаніемъ, что описанной выше нашъ постникъ и богомолецъ, помѣщикъ Одинцовъ, апреля 1-го, то есть

въ недѣлю ваій, свою дѣвку, съ которою онъ было изволилъ отправится въ скиты и монастири, матери своей и всѣмъ объявилъ законною женою, ибо онъ говорилъ, якобы въ томъ своемъ путешествіи на ней обвѣнчался, и еѣ оставлялъ въ Калугѣ, а самъ, пришедши домой пѣшъ, посылалъ за нею подводы, отъколь она и изволила прибыть въ домъ марта 26-го. Доволно послѣ сего объявленія было въ народѣ рѣчей и смѣху, а отъ родственниковъ отъ такой подлости слезъ, чему злая ево мать причиною. Сестра-жъ родная ево, прапорщица Шидловская, которой нынѣшняя Одинцова жена была крепостная дѣвка, не знала, что дѣлать, видя изъ своей крестьянки невѣстку; рвалась отъ зависти, да что-жъ дѣлать? возвратить сего было не можно. Вотъ чѣмъ нашъ богомолецъ свое благоговенное путешествіе окончилъ! И такъ они нынѣ въ нововыстроенномъ своемъ домѣ въ слободкѣ Пещаной живутъ, не являясь ни сами людямъ, ни люди имъ, до времени волнаго своего явленія міру.

Зима лежала и ѣздили санми сего года по 16 число апреля,— дѣло и старимъ старикамъ не памятное, чтобъ такъ долго продлилась въ нашей сторонѣ зима и снѣгъ. По логамъ-же глубокимъ и вершинамъ видѣнъ былъ снѣгъ по 27 маия, въ которое число былъ день Пятидесятницы. Здѣсь многія уже увидѣли, въ томъ числѣ и я многогрѣшный, что въ садахъ отъ стужи повымерзли самыя лутшія деревья, а въ лѣсахъ стоячіе около рѣкъ деревья ясеновыя, кленовыя и протчаго рода, отъ чего въ сіе время казались лѣса какъ будто зимою стоящія безъ листьевъ. Въ моемъ-же саду, что на горѣ, лутшихъ деревъ баргамотныхъ, дулевыхъ и яблоневыхъ замерзло до двадцати, а протчия едва ожили. И такъ садъ мой отъ проклятого звѣря и стужи почти пришелъ въ пустошъ. Хлѣбу въ семъ маие мѣсяцѣ была продажа въ 2 р. 50 к., по притчинѣ великой суши, ибо отъ 18-го марта и по сіе время дождя не было, и хлѣба всѣ въ полѣ позасохли, а въ гумнахъ стоящей хлѣбъ мышъ силная во всемъ почти истребила. Надежно, что за грѣхи наши не къ добру, а въ наказаніе отъ праведнаго Бога сіе попускается.

На сихъ дняхъ былъ я въ Харковѣ для свиданія зъ сестрою Марфою Осиповною и протчими сродниками на коштѣ Шидловского, ибо ему нужно было чрезъ меня совершить крепость на имѣніе, доставшееся ему отъ маіорши Прасковьи Безгиновой по рѣкамъ Моксею и Самострелки. А по приѣздѣ съ Харкова, хотя и зъ заим-

кою у добрыхъ людей денегъ, купилъ у слоновского священника Иосифа Безпалова состоящую на протокѣ Боровковомъ (долини то-жъ) близъ слободы мелницу со всѣмъ строеніемъ и началъ оную возобновлять отъ опустѣнія, желая себѣ добра и дѣтямъ. Вода-жъ тогда по ручью силно дѣйствовала.

Июня съ первого, по именному повелѣнію, начали свозить правіантъ на мѣсто зборное въ слободу Слоновку, которой слѣдовалъ для продоволствія арміи, и брали онаго со всякой какъ казенной, такъ и помѣщичьей души по два четверика муки, а крупъ по полъ-тора гарца. Комысаромъ-же ко оному выбранъ былъ обществомъ новоосколскаго дворянства подпоручикъ Павелъ Антоновъ сынъ Глатковъ. Сей жребій палъ было на меня въ собраніи дворянскомъ, но я едва могъ отъ того прозбою уволнится, а вышеписанной самъ пожелалъ. Управъ, Господи, путь его!

Тутъ ужасно было смотрѣть множества собранія народа разного и собранного хлѣба и скота, которому мѣсто было назначено по конецъ слободы Слоновки, близъ новокупленной моей мелницы, а отправленъ оной былъ по раздѣленію на три партіи. Каждая партія составляла тысячу фуръ. Послѣдняя-жъ партія отправилась 16-го июня и тѣмъ кончилось отправленіе въ Кременчугъ городъ правіанта. А пока отъправленіе сіе кончено, то земскому суду и дворянской опеки велѣно быть въ Слоновки, гдѣ отправляя правіантъ, отправлять и другія дѣла по суду. И такъ, благословенная наша слобода Слоновка съ 1-го и 16 число июня была городомъ, толко не безъ муки и заботъ.

Упражняясь въ домашнихъ заботахъ и экономіи, пришелъ въ совершенство и новокупленную свою у попа мелницу съ немалымъ трудомъ и коштомъ, издержаннымъ на возстановленіе оной болѣе шестидесяти рублей, которая 21-го июня и начала молоть совершенно на одинъ камень. А какъ первія сутки заработали отъ помолщиковъ шесть четвериковъ разного хлѣба, то я былъ и радъ, что данныя денги и труды не остались втунѣ. Слава Всемогущему Богу! Сталъ я имѣть зъ сего времени двѣ мелницы: одну Ивицкую, наследственную, а другую вновъ приобрѣтенную, названную мною Петровская, потому что оную обѣщалъ сыну своему Петру воздвигнуть. Боже, управи и исправи бѣдность мою впредь!

Июля 4-го, въ 10 часовъ по полудни, жена моя принесла мнѣ дочъ, именемъ Марѳу, коя того-жъ мѣсяца 10-го числа и крестомъ святаго крещенія просвѣщена. Воспріемникомъ отъ купили былъ порутчикъ Василей Ивановичъ Туферъмахеръ, а воспріемницею своячиня моя Аксинья Васильевна. И такъ мы день крещенія моей дочери гуляли благополучно и веселились доволно въ домѣ и на новокупленной мелницѣ, а на другой день 11-го числа у кума моего Василья Ивановича въ Беломѣстномъ.

26-го отправился я въ Курскъ по дѣламъ корчемнымъ Шидловского и что надобно, здѣлалъ, а исъ Курска возвратился 7-го августа. Сія путь была мнѣ скучна по притчинѣ силной грязи отъ дождей.

Августа 17-го числа нужда была мнѣ при новокупленной мелницѣ починить плотину, почему, употребя своихъ людей и наемныхъ, то исправлять велѣлъ при себѣ, между тѣмъ охотился съ ружьемъ, стреляя, стоя на плотинѣ, въ льотъ утокъ дикихъ. И тогда въ половинѣ 6 часа по полудни явился маленкой темной, аки дождевой, облакъ между западомъ и полуднемъ, стоя надъ хуторами немцовыми (солнце-жъ свѣтило ясно при западѣ), а изъ облака висѣла кишка, на подобіе мужской косы пруской, кою и наши употреблять обыкли, одѣваясь въ штатное платье, и была чрезъ целой часъ отъ верхняго конца темна третью часть, а двѣ части свѣтла, и нижней конецъ очень тонокъ, по прошествіи-жъ часа во мгновеніе ока изчезла. Что изъ сего послѣдуетъ явленія, худо или добро, увидимъ.

Упражняясь-же въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ церковныхъ, по продажѣ старой деревянной церквы въ село Афонкино, подрядилъ плотниковъ изломать старую, строенную отцемъ моимъ, деревянную колокольню и выстроить изъ оной церковныя лавки, коихъ и выйшло шесть, почему оная 30 сентября и изломана, а октября 3 подрядилъ каменщиковъ калужскихъ класть каменную съ лавками колокольню отъ 1 тысячи по 2 руб. А кирпичъ купилъ въ городѣ Новомъ Осколѣ казенный, который былъ изготовленъ для выстройки присутственныхъ мѣстъ, но, въ разсужденіи войны съ турками, та постройка оставлена и велѣно кирпичъ распродать.

Сего году въ октябрѣ мѣсяцѣ была хлѣбу продажа аржаной 2 р. 50 к., грешной 2 р., пшеница 5 р. четверть, а вино продавалось пѣнное 1 р. 80 и 90 к., полугарное 1 р. 60 и 1 р. 70 к.

На сихъ дняхъ просилъ меня Шидловской, мой благопріятель, о поѣздкѣ въ Воронежъ для торговъ по откупамъ и за то подарилъ мнѣ 200 р. денегъ, коими я заплатитъ за новокупленную у попа мельницу.

Октября въ послѣднихъ числахъ ѣздилъ я зъ Шидловскимъ въ Курскъ для торговъ по откупамъ о винѣ и по ево дѣламъ въ верхнемъ земскомъ судѣ. А по приѣзде приводилъ въ совершенство нововыстроенную винокурню близъ мелницы новой и курилъ вино вигодно. Слава Всемогущему Богу!

Декабря 5 предъ вечернею поставлены мною вновь написанныя мѣстныя иконы въ новомъ иконостасѣ въ церквѣ.

Декабря 6 бывшей нашъ посникъ и богомолецъ со мнимою своею женою былъ у меня и гостилъ доволно, но изъ обхожденій ево примѣчено, что они не вѣнчани, что можно было узнавать изъ речей благовонной ево жены; а что впредъ будетъ, увидимъ, если Богъ продлитъ жизни нашей.

Сего-жъ декабря 10 числа отправился я въ Воронежъ по дѣламъ Шидловскаго и прибылъ къ Дону въ село Гремячее 12 числа, въ 10-мъ часу по полуночи, гдѣ, покормя лошадей, въ 1-мъ часу по полудни переѣхалъ благополучно Донъ. И такъ, вступя въ Азію, пробылъ въ Воронежѣ до 23-го, а изъ Воронежа приѣхалъ домой 25-го числа, въ 8-мъ часу по полуночи, благополучно.

Ноября 13-го взять городъ Бендеры свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, безъ штурма и кровопролитія всякого, и во ономъ много багажа и артилеріи, и аммуниціи. Святки праздниковъ Рождества Христова былъ я въ домѣ, потому что отъ Воронежской поѣздки бока болѣли, и что не было во всѣ сіи дни снѣгу, а голая земля, почему санми и ѣздить было не можно. И такъ, сидя въ домѣ, истекшей 1789-й годъ проводили благополучно, славя Бога и пречистую Его Матеръ о всѣхъ благодѣяніяхъ, кои мы зъ женою получили въ прошедшемъ годѣ. Хлѣбу при концѣ сего года была продажа: аржаной 2 р, 60 к. и 2 р. 50 к., грешневой 2 р. 20 к., пшеница и пшено 4 р. 50 к. и 5 р. Вина пѣнного ведро 1 р. 80 к., полугарного 1 р. 70 к. и 1 р. 80 к. Дровъ возъ воловой 45 и 40 к., конской 35 и 30 к., мяса говяжего $2^{1}/_{2}$ к., сала свинного пудъ 4 р., сала бараннего и говяжего 6 к. фунтъ не топленого, а топленого 8 и 9 к. Скотъ рогатый и лошади дороги. Рыбы красной пудъ 3 р. 50 к., щуки бочковой 1 р. 20 к. и 1 р. Овощей, яко-то: яблокъ, дуль и орѣховъ, было въ прошедшемъ летѣ доволно. Болѣзней на людяхъ мало, а по осени лихорадкою болныхъ доволно было.

МИХАИЛЪ ЧАЙКОВСКІЙ И КОЗАКОФИЛЬСТВО.

Окончившій недавно жизнь свою самоубійствомъ извѣстный польскій эмигрантъ 30-хъ годовъ, беллетристъ и писатель Михаилъ Чайковскій вызвалъ въ русскихъ газетахъ много сочувственныхъ отзывовъ, относящихся къ послѣднему періоду его жизни и тѣмъ интереснымъ разсказамъ и воспоминаніямъ, которыми онъ обильно снабжалъ русскія періодическія изданія, по возвращеніи своемъ въ Россію, милостивомъ прощеніи и пріемѣ отъ русскаго правительства. Въ польской печати полныя превратностей жизнь и дѣятельность Чайковскаго, закончившіяся такъ трагически, вызвали болѣе полную и болѣе серьезную, хотя далеко не сочувственную оцѣнку. Къ задачамъ нашего изданія, личность и судьба Чайковскаго имѣютъ отношеніе по роду его прежнихъ литературныхъ произведеній и той идеѣ, которую онъ проводилъ въ нихъ и въ послѣдующей своей дѣятельности и которая связываетъ его съ цѣлымъ рядомъ польскимъ писателей такъ называемой украинской школы. Отличавшее его козакофильство, которое обуяло нѣкогда шляхту юго-западнаго края и оставило намъ въ наслѣдство рядъ давно забытыхъ романовъ и повѣстей изъ быта козачества и народа украинскаго, представляетъ во внутренней жизни нашего края, въ первую половину нынѣшняго столѣтія, явленіе на столько любопытное и оригинальное, что мы считаемъ нужнымъ посвятить ему со временемъ особое изслѣдованіе, теперь же ознакомимъ съ нимъ, а вмѣстѣ и съ однимъ изъ выразителей этого направленія въ польской литературѣ, доведшимъ его до крайности и абсурда, именно съ личностью Мехмеда Садыка-паши Чайковскаго по особой статьѣ г. Фр. Равиты, подъ приведеннымъ заглавіемъ по-

мѣщенной въ 7 и 8 №№ журнала «Недѣльное Обозрѣніе» (Przegląd Tygodniowy) за нынѣшній годъ.

«Мы не намѣрены, говоритъ въ самомъ началѣ авторъ этой статьи, говорить о жизни этого человѣка, а хотимъ лишь сказать нѣсколько словъ о той идеѣ, которую онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, а потомъ, благодаря стеченію обстоятельствъ, пытался осуществить на дѣлѣ». Тѣмъ съ большимъ удобствомъ мы можемъ пользоваться его изложеніемъ, освобождая читателей отъ тѣхъ подробностей въ жизни и дѣятельности столь извѣстнаго всѣмъ Садыка-паши, которыя выступаютъ изъ программы нашего изданія и не отвѣчали бы цѣли настоящаго сообщенія.

Свою идею возстановленія Польши съ помощью несуществующаго казачества, продолжаетъ далѣе почтенный авторъ, Чайковскій ловко съумѣлъ внушить другимъ и снискалъ ей не только благосклонное вниманіе и помощь Оттоманской Порты, но также матеріальную и нравственную поддержку такихъ людей, какъ князь Адамъ Чарторыйскій и Адамъ Мицкевичъ. Практическая пропаганда этой идеи, воплощеніе ея, такъ сказать, въ политическую жизнь, было личной заслугой Садыка-паши, но идея козакофильства, на которую опирались всѣ планы Чайковскаго, не была новинкою. Она сквозитъ очень отчетливо, хотя, надо признать, въ весьма смутныхъ нерѣдко представленіяхъ поэтовъ и прозаиковъ украинской школы и введена была въ польскую литературу не столько съ политической своей стороны, сколько со стороны поэтической и романтической.

Прежде поэтому, чѣмъ перейдемъ къ описанію дѣятельности Чайковскаго, направленной къ воплощенію этой идеи въ жизни, мы разсмотримъ историческую основу, на которой зародилась и развивалась идея козакофильства въ польской литературѣ.

Около 1830 г., или вскорѣ послѣ того, появился цѣлый рядъ поэтовъ и романистовъ, родившихся и получившихъ образованіе на Украйнѣ и Подоліи, который оказалъ такое вліяніе на польскую литературу, что ему почти сразу было присвоено имя украинской школы. Одновременное появленіе нѣсколькихъ выдающихся талантовъ было, конечно, случайностью, но она находила себѣ отчасти объясненіе въ томъ, что Украйна, Подолія и Волынь дышали еще тогда остатками школъ, организованныхъ нѣкогда энергичной рукой

Ѳ. Чацкаго или по ихъ образцу; тогда процвѣтали еще школы въ Умани, Винницѣ, Меджибожѣ, а посреди нихъ, какъ большой свѣтильникъ, сосредоточивающій въ себѣ свѣтъ просвѣщенія, стоялъ Кременецъ. Кромѣ этихъ родныхъ очаговъ просвѣщенія, было тогда еще только два свѣтлыхъ пункта, привлекавшихъ къ себѣ польско-украинскую молодежь, это Вильна и Варшава. Къ помянутой выше плеядѣ писателей украинской школы принадлежали: Богданъ Залескій (род. въ 1802 г.), Северинъ Гошчинскій (род. 1803 г.), Гроза (род. 1803 г.), М. Грабовскій (род. 1805 г.), Тимко Падура (род. въ концѣ XVIII ст.), М. Чайковскій (р. 1808 г.) и младшій между ними М. Олизаровскій (р. 1814 г.). Это были люди приблизительно одного возраста, воспитанники тѣхъ же школъ, нерѣдко однокашники, уроженцы того же края, стоящіе въ близкихъ отношеніяхъ къ его населенію, его борьбѣ, бѣдствіямъ, побѣдамъ, люди, которые всѣ принадлежали къ одной и той же мелко-шляхетской сферѣ. Позже всѣхъ остальныхъ сталъ извѣстенъ читающей публикѣ М. Чайковскій, а когда онъ выступилъ на литературную арену и сразу пріобрѣлъ извѣстность, его встрѣтилъ тотъ же упрекъ, что и Г. Ржевускаго, упрекъ въ плагіатѣ. Тѣ, кто зналъ обоихъ писателей въ ихъ частной жизни, какъ людей мало образованныхъ и неученыхъ, не могли и не умѣли примирить такого противорѣчія и прямо указывали лицъ, которыхъ считали дѣйствительными авторами повѣстей Чайковскаго. Но противорѣчіе это было только кажущимся, въ сущности между авторомъ и его произведеніями господствовало полное согласіе и единство; внутренняя пустота, прикрытыя мишурнымъ блескомъ распущенность и шумливость вмѣсто жизни, преувеличенная фантастичность вмѣсто фантазіи. Черты эти могли казаться правдивыми людямъ мало знакомымъ съ мелко-шляхетской и народной жизнью на Украйнѣ, но ихъ умѣли достойно оцѣнить такіе знатоки украинской жизни, какъ М. Грабовскій, который осмѣивалъ эту «*образность*» стиля въ повѣстяхъ Чайковскаго, такъ называемую *поэтическую прозу*, всего ярче выступающую въ его «Козацкихъ повѣстяхъ».

Идея козакофильства, которая толкнула Чайковскаго на арену политической дѣятельности, не родилась въ немъ, не была даже результатомъ его самостоятельной духовной дѣятельности, но, уже развитая и обработанная его знаменитыми предшественниками, была

лишь подхвачена и изуродована имъ крайностями, естественными въ недоучившемся, но пустомъ и крайне самолюбивомъ человѣкѣ. Онъ подхватилъ мысль, но не съумѣлъ примирить ее ни съ временемъ, ни съ обстоятельствами. Происхожденіе этой идеи имѣло два совершенно отличныхъ источника—жизнь и поэзію, но оба эти источника вышли изъ глубокихъ родниковъ соціальной и политической жизни шляхетско-украинскаго общества.

Въ первой четверти XIX в. вымирало послѣднее поколѣніе, которое унаслѣдовало еще и завѣщало традиціи порядковъ и обычаевъ старо-шляхетской Рѣчи Посполитой, а на этихъ традиціяхъ воспитывалось новое молодое поколѣніе, которое должно было выступить въ 1831 г. На этихъ традиціяхъ основывались и отношенія шляхты къ народу; съ одной стороны шляхта жила всегда, какъ и вездѣ въ Имперіи, барщиной и трудомъ народа, съ другой—съ презрѣніемъ и ненавистью относилась ко всѣмъ смутнымъ, нерѣдко вызваннымъ посторонней рукой, волненіямъ этого народа, которыя нашли себѣ выраженіе въ разнузданныхъ вспышкахъ, извѣстныхъ подъ именемъ гайдамачины и колінвщины (съ 1768 г.). *Надворная милиція*, содержимая прежде для защиты владѣній и имущества, съ переходомъ края подъ власть Россіи и умиротвореніемъ его, преобразуется постепенно въ *дворовую службу*, которая повсемѣстно принимаетъ типъ двороваго козачества, предназначеннаго къ услугамъ пана и двора. Играли потухшей головней. Козаки эти набирались изъ обязанныхъ барщиной мужиковъ, наполняли собой крупныя и мелкія помѣщичьи усадьбы, сопровождали шляхту на охоту, при выѣздахъ и визитахъ, бездѣльничали, пьянствовали, шумѣли, словомъ козаковали, хотя нѣсколько иначе, чѣмъ ихъ господа. Это были времена, можно сказать, «саскія» [1]), когда въ покоѣ, довольствѣ и праздности, оправдываемой впрочемъ устраненіемъ шляхты отъ политической жизни, всѣ кружились въ вихрѣ веселыхъ сатурналій и, по пословицѣ, ѣли, пили и распускали пояса... Все это придавало чрезвычайно веселую, живую, подвижную, полную поэтической внѣшности физіономію краю. Младшее, подроставшее въ 1831 г., поколѣніе усвоило только внѣшнюю форму этой жизни, которой жили ихъ дѣды и отцы.

---

[1]) Времена правленія королей саксонской династіи, считающіяся у польской шляхты самыми счастливыми.

Память его не хранила впечатлѣній битвъ, въ которыхъ участвовали его предки, и оно отождествляло и смѣшивало страшное для нихъ представленіе о козачествѣ съ послушной и податливой службой дворовыхъ козаковъ. Веселая жизнь шла своимъ чередомъ, исторія все болѣе изглаживалась изъ ихъ памяти, радовались обузданію мятежнаго элемента и на его кажущейся податливости болѣе смѣлые и энергичные люди строили политическіе замки на пескѣ.

Украинская шляхта, не связанная политической общностью съ народнымъ организмомъ, тѣмъ не менѣе козачилась и давала у себя пріютъ украинскимъ бандуристамъ, которые не пѣли однако ей богатырскихъ думъ козацкой борьбы, но убаюкивали ее разгульной пѣсней, въ родѣ пѣсенъ пьяницкихъ и плясовыхъ, или же въ духѣ шляхетскаго разгула и удальства. Между такими бандуристами, шляхетскаго покроя, прославился такъ называемыми «украинками» (названіе теперь ужъ забытое) придворный бандуристъ Вацлава Ржевускаго Тимко Падура, который, вмѣстѣ со своимъ меценатомъ, совершилъ путешествіе на Востокъ (съ 1817 г. до 1820 г.). Человѣкъ довольно образованный (онъ учился въ Кременцѣ) и достаточно ловкій, чтобы понравиться большому барину, но плохой и бездарный поэтъ, онъ убаюкивалъ шляхту въ барскихъ хоромахъ пѣснями на плохомъ волынско-украинскомъ нарѣчіи, а дѣйствительно прекраснаго и музыкальнаго языка украинскихъ думъ и пѣсней не зналъ вовсе.

Пѣніе Тимка Падуры, воспитаннаго по шляхетски и поющаго мнимо-украинскія пѣсни на любимыя темы, увлекало и восхищало его воспріимчивыхъ, но невѣжественныхъ слушателей, которые не дослушались отсутствія въ немъ тона, вяжущаго пѣвца съ народной пѣсней и духомъ, и «сладко мечтали,—сильно ужь это ихъ куражило». Заготовлялся матеріалъ для прославленной въ свое время «балагульщины», такой безшабашности, которая въ безпредметной удали искала сходства съ безпечностью и удалью козачества.

Съ козаками, пока они были, мы не умѣли помириться, а когда ихъ не стало, козакофильство нашло у насъ послѣдователей, правда, *дворовое козакофильство.*

Случайность, поверхностность и безцѣльность составляютъ характеристическія черты этого новаго, мимолетнаго направленія чувствъ, которое никого не интересовало и не могло интересовать

серьёзно; это было возращеніе къ забытой, непріятной когда-то формѣ, но не сущности, возвращеніе, которое до появленія повѣстей Чайковскаго не имѣло представительства въ литературѣ, если не считать «Украинки зъ нутоіу Тимка Падуры» (1884 г. Варшава).

Рядомъ съ неестественнымъ направленіемъ *двороваго козакофильства* родилось и созрѣвало другое—*козакофильство политическое*, которое въ такой формѣ, какъ его создалъ и воспѣлъ Богданъ Залескій, не нашло себѣ выдающихся подражателей въ польской литературѣ. Базиліанская школа въ Умани дала Украйнѣ одновременно трехъ великихъ людей, изъ нихъ двухъ поэтовъ: Северина Гошчинскаго и Богдана Залескаго и критика и романиста Михаила Грабовскаго. Каждый изъ нихъ пошелъ иной дорогой. Окружающія условія, личныя качества, характеръ таланта—все толкало ихъ на разныя дороги. Б. Залескій, утопая въ поэтическихъ грезахъ, задумываясь надъ загадкой быта павшей Польши и видя какъ-бы козацкую руку, которая повергла въ разрушеніе сильное государство, невольно, можетъ быть, настроенный окружающимъ, природой, общей съ деревенскимъ людомъ жизнью, искалъ разрѣшенія этой загадки въ антитезѣ, т. е. въ гармоніи и согласіи съ козачествомъ. Глубокое поэтическое чувство, мягкость и живучесть его музы, мечтательныя наклонности—все привязывало его симпатіи къ храброму козачеству XVI и первой четверти XVII в., которое нерѣдко воевало вмѣстѣ съ Польшей и за Польшу. Тамъ онъ нашелъ истинный кладъ для своихъ влеченій и таланта: геройство религіозное и національное, вѣрную службу общей родинѣ, поэзію дѣла, поэзію природы. Онъ создалъ въ своемъ воображеніи козачество, а потомъ его, любимое и прекрасное, воспѣлъ своимъ музыкальнымъ словомъ. Онъ очаровалъ и увлекъ всѣхъ своей поэзіей; онъ далъ чудный, привлекательный образъ, который носилъ въ себѣ, нарисованный на фонѣ живой природы, но идеализированный и невѣрный, и тѣмъ болѣе грустный, что воскресить его уже было невозможно. Онъ манилъ издали и разочаровывалъ, какъ миражъ.

Здоровая общественная мысль не могла довольствоваться поэтическими грезами прошлаго; она должна была искать для себя пищи или указать ее другимъ на пепелищѣ этого прошлаго; этимъ обширнымъ, не погасшимъ еще пепелищемъ были край и народъ.

Къ изученію края и народа должна была обратиться и обратилась творческая мысль. «Украинскіе поэты, говоритъ Грабовскій, страннымъ образомъ обманываютъ своихъ неукраинскихъ читателей, которые въ благодушной простотѣ своей вѣрятъ каждому ихъ слову». Въ этой «вѣрѣ на слово», проистекающей изъ незнанія, и заключался корень зла, потому что грёзы принимали за дѣйствительность и этими грёзами разжигали себѣ воображеніе до одурѣнія. М. Грабовскій не высказывалъ этого прямо относительно лучшаго изъ поэтовъ, Б. Залескаго, но несомнѣнно чувствовалъ это, когда порицалъ направленіе *поэтическаго мечтательства*, направленіе-же это обнаружилось одновременно съ обнаруженіемъ козакофильства Б. Залескаго. Гощчинскій, Гроза, Олизаровскій въ поэзіи, и самъ М. Грабовскій (Эдвардъ Тарша) въ повѣсти, пошли еще дальше, насколько имъ позволяло господствующее романтическое направленіе, потому что обратились къ дѣйствительной жизни народа въ недалекомъ еще прошломъ. Согласно формулѣ, выдуманной спеціально для поэтовъ, которая гласитъ, что то, что умерло въ дѣйствительности, должно воскреснуть въ поэзіи, всѣ почти писатели украинской школы, за исключеніемъ Олизаровскаго, избирали содержаніемъ своихъ произведеній эпоху гайдамацкихъ войнъ, слѣдовательно моментъ ненормальной жизни народа, нерѣдко посторонней рукой наталкиваемаго на преступленіе. Такъ Гощчинскій въ «Замкѣ Каневскомъ» вызвалъ кровавый призракъ дикаго и кровожаднаго Швачки, картину полную фантазіи, бьющихъ жизнью описаній природы, полную дикаго драматизма. Гроза опоэтизировалъ самаго разнузданнаго героя Коліивщины Желѣзняка, а Грабовскій мечталъ «объ историческомъ, украинскомъ романѣ» по образцу Вальтеръ-Скотта, въ своихъ-же опытахъ онъ коснулся ближайшей эпохи, воспользовавшись для своихъ историческихъ повѣстей народными преданіями о гайдамакахъ и Коліивщинѣ.

Въ этомъ недалекомъ прошломъ искали прежде всего поэзіи и впечатлѣній, а Грабовскій, открывши на Украйнѣ неизсякаемый источникъ «романтическаго начала», расплылся въ немъ, хотя это нисколько не мѣшало ему видѣть ложное направленіе «украинской школы», и онъ потому тѣмъ радостнѣе привѣтствовалъ и тѣмъ безпристрастнѣе оцѣнилъ молодого тогда еще Т. Олизаровскаго. Этотъ способный, умершій въ нищетѣ, поэтъ проложилъ новую тропу въ

густой чащѣ поэзіи украинской школы; онъ не пошелъ по стопамъ ея выдающихся представителей, не раздѣлялъ ни *политическаго козакофильства* Б. Залескаго, ни романтическихъ взглядовъ живописателей Коліивщины, онъ обратился къ народу. На фантастически понятой народной основѣ, онъ написалъ, правда, одну только діалогическую поэму «Заверуха», въ которой, рядомъ съ козакомъ (Заверуха) на манеръ Чайковскаго, далъ мѣсто дѣйствительно народнымъ типамъ: Знахарь, Чумакъ, Руцяна, и не столько съумѣлъ придать имъ черты обыденной жизни, сколько съумѣлъ охарактеризовать ихъ психическое и духовное состояніе. Удаленный отъ края, его отношеній, жизни, быта, дальше по начатому пути онъ не пошелъ, но намѣченное имъ направленіе осталось.

Мы отмѣтили различные оттѣнки козакофильства, по скольку они нашли себѣ выраженіе въ литературѣ. Постепенно по мѣрѣ того, какъ измѣнялись общественныя отношенія на Украйнѣ, идея козакофильства теряла подъ собою почву, по той простой причинѣ, что была явленіемъ искусственно вызваннымъ, поддерживаемымъ лишь талантомъ нѣсколькихъ писателей. О ней стали забывать уже, а какъ контрастъ шляхетской «балагульщины» явилась новая мысль, полная диссонансовъ и крайностей, которая около 1860 г. нашла свое выраженіе и форму въ хлопоманствѣ и развилась въ горячку въ кіевскомъ университетѣ.

Въ моментъ сильнѣйшаго волненія умовъ на Украйнѣ, въ началѣ восточной войны съ Турціей, идея козакофильства вновь возродилась, но на этотъ разъ не въ области литературнаго творчества, но въ формѣ политической агитаціи съ весьма широкими надеждами. Воскресилъ ее М. Чайковскій, Мехмедъ Садыкъ-паша, и воскресилъ въ томъ фальшивомъ освѣщеніи, которое самъ пожелалъ придать ей; онъ представлялъ задунайское козачество такимъ, какимъ нашелъ его въ своемъ воображеніи; онъ старался осуществить въ дѣйствительности собственныя заблужденія и создать нѣчто въ родѣ двороваго козачества, на которое самъ насмотрѣлся и которое, полагаясь на слово Тимка Падуры, безсознательно хвалилъ. Живя за границей, Чайковскій сперва только вторилъ общему настроенію шляхты въ краѣ и опираясь на тамошнюю жизнь, которую еще помнилъ, оживляемый эхомъ этой жизни на чужбинѣ, онъ въ такихъ повѣстяхъ, какъ «Вернигора», «Овручанинъ», касался знакомыхъ и

симпатичныхъ струнъ; неудивительно, поэтому, что онѣ нравились; «Вернигору» читали охотно не ради Вернигоры, который гарцовалъ по степи, а ради нѣсколькихъ высказанныхъ тамъ мыслей, которыя никогда не перестанутъ быть дорогими.

М. Чайковскій искалъ извѣстности, славы, карьеры и случайно нашелъ все это на востокѣ. Если-бы онъ не попалъ, благодаря протекціи Адама Чарторыйскаго въ attaché французскаго посольства въ Константинополѣ, его постигла бы, вѣроятно, печальная судьба большинства эмигрантовъ, и онъ не видвинулся-бы впередъ, какъ мечталъ о томъ. Мы вовсе не имѣемъ намѣренія писать исторію происхожденія оттоманскихъ козаковъ или біографію Чайковскаго, а хотимъ лишь прослѣдить дальнѣйшую судьбу козакофильской идеи, которой случай или предопредѣленіе позволили развиваться на земляхъ нѣкогда враговъ козачества и Польши.

Оставивъ посольство, Чайковскій, не порывая связи ни съ эмиграціей, ни съ ея представителемъ Адамомъ Чарторыйскимъ, поступилъ на турецкую службу, принялъ магометанство, быстро дѣлалъ карьеру и пересталъ мечтать о козакахъ, какъ вдругъ открылось поле дѣятельности, наступилъ 1853 г. и война Турціи съ Россіей. Какими путями Чайковскій, будучи тогда только беемъ, достигъ милостей начальства, это насъ не касается; довольно того, что вслѣдствіе стараній великаго визиря, Мустафы-Гиритли-огла, министра иностранныхъ дѣлъ, Решида-паши и сераскира Мехмедъ-Али-паши, онъ получилъ гражданскій титулъ Миримирана-паши (20 октября 1853 г.), а въ декабрѣ того-же года султанскій фирманъ удостоивалъ его командованія предполагавшимися къ организаціи козацкими полками. Произошла обоюдная ошибка: турки разсчитывали на вліяніе Садыка-паши въ странѣ, которая должна была доставить имъ новыя военныя силы, нужныя имъ для предстоящей войны; Садыкъ-же паша обчелся, полагая, что достаточно будетъ одного громкаго лозунга «козаки», чтобы привлечь къ нему массы темнаго люда и козакофильствующую шляхту.

Итакъ былъ уже фирманъ и козацкіе полки, не было только козаковъ. Садыкъ-паша хлопоталъ объ этомъ дѣлѣ въ Стамбулѣ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ едва успѣлъ набрать три сотни, по большей части болгаръ, и съ ними двинулся къ Шумлѣ. Тутъ ужъ его ожидало выхлопотанное Сердарь-Экремомъ «ирадэ» на другой

полкъ, но писать «ирадэ» было легче, чѣмъ формировать полки. Для нихъ придумана была уже обмундировка, подготовлены офицеры, штабъ, не доставало только рядовыхъ.

Садыкъ-паша наглядно убѣждался, что лелѣянная имъ идея козакофильства не болѣе, какъ иллюзія, къ которой въ краѣ никто серьёзно не относился, на которую никто не разсчитывалъ. Агитаціи и вербовщикамъ не удалось никого завербовать. Садыкъ-паша самъ съ горечью признаетъ это: «ежедневно, ложась спать, мы говорили себѣ: ночью или завтра они прійдутъ! и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и никто не пріѣхалъ». Вмѣсто шляхты и мужиковъ, которые изъ-подъ кнута барщины должны были волной хлынуть къ козакамъ, появились—кто-бы подумалъ? жиды. Къ нимъ доносились слухи, болѣе заманчивые, чѣмъ война, о кутежахъ и бурлацкой жизни представителей задунайской Сѣчи, и на эту приманку, которая улыбалась имъ въ образѣ корчемъ и водки, сбѣгались съ разныхъ концевъ потомки Давида, о шляхтѣ-жъ польской не было и слуху.

Разочарованія, встрѣчавшія Садыка-пашу на каждомъ шагу, ясно доказывали, что идея козакофильства, въ той формѣ, какую онъ создалъ для нея, не можетъ имѣть никакой будущности, что всѣ усилія, направленныя къ этой цѣли, ничто иное, какъ игра въ серьёзное дѣло, что это значитъ себя и другихъ убѣждать въ томъ, что созидается что-то прочное и устойчивое, тогда какъ на самомъ дѣлѣ строятся карточные домики. Разочарованія удваивали энергію Садыка-паши, онъ усиливался, во что-бы то ни стало, создать оттоманское козачество, которое онъ самъ придумалъ и надъ которымъ принялъ уже командованіе. Еще изъ Стамбула онъ выслалъ вербовщиковъ въ Добруджу и на Низъ съ цѣлью набрать охотниковъ, но охотники не являлись, «потому что ихъ не было». Пришлось наполнять кадры охотниками *различныхъ* національностей и съ цѣлью новаго набора разосланы были офицеры въ Ислимнію, Рущукъ, Силистрію и Варну; имъ удалось наконецъ привести 400 охотниковъ.

Согласно «ирадэ» султана (1854 г.), «организацію второго полка оттоманскихъ козаковъ и командованіе имъ, по желанію императора Франціи, положено было предоставить гр. Вл. Замойскому, подъ главною командою въ обоихъ Садыка-паши». Но тутъ, по обыкновенію, возникли между полководцами ин-

примѣшивали имя Польши; недоразумѣнія эти охватили всю эмиграцію, относительно которой не сомнѣвались, что она вся пойдетъ въ козаки. Между тѣмъ и отсюда никто не шелъ; демократы уклонялись потому, что видѣли тамъ руку кн. Адама Чарторыйскаго, аристократы торговались изъ-за чиновъ, должностей, а тѣ и другіе охотно склонялись на сторону Англіи, которая въ своихъ собственныхъ, политическихъ видахъ старалась эксплоатировать это движеніе. Но это не къ дѣлу.

Въ такую-то критическую минуту прибылъ на востокъ, въ лагерь подъ Бургасомъ, Адамъ Мицкевичъ, который выѣхалъ изъ Парижа съ Вл. Чарторыйскимъ. Садыкъ-паша съумѣлъ принять поэта, какъ подобаетъ, и показать ему то, что желалъ, показать внѣшнюю сторону дѣла, въ возможно выгодномъ свѣтѣ. Еще во время пребыванія Мицкевича въ Стамбулѣ къ нему явилось посольство козацкой старшины и привѣтствовало его хлѣбомъ и солью. Поэтъ прослезился при видѣ его и обратился будто-бы къ присутствующимъ съ такою рѣчью: «смотрите, соотечественники! это наши донскіе, запорожскіе и украинскіе братья; эти кунтуши и пояса, эти барашковыя шапки, эти желтые и красные сапоги— это наше, наша давнишняя гордость и нынѣшній трауръ; а мы во фракахъ и перчаткахъ смѣемъ навязывать свое руководительство этому народу, который не видитъ въ насъ ничего народнаго, едва понимаетъ уже нашъ языкъ. Намъ учиться у него, какъ любить родину и чтить обычаи». Мицкевичъ взялъ на себя мирить враждующихъ и убѣждать нерѣшительныхъ въ томъ, что «одинъ козакъ съ Садыкомъ дѣлаетъ больше и стоитъ больше десяти такихъ дармоѣдовъ, какъ они». Онъ упрекалъ эмиграцію въ праздности, въ прихлебательствѣ, въ страсти къ скитаніямъ, въ томъ, что каждый охотнѣе идетъ не туда, гдѣ доброе дѣло, но туда, гдѣ вкуснѣе жаркое. Авторъ «Козачества въ Турціи» говоритъ, что Мицкевичъ хотѣлъ подать эмиграціи примѣръ самопожертвованія, и потому твердилъ: «повлiять на нее и на край иначе невозможно, какъ развѣ мнѣ самому подать ей примѣръ, мнѣ отцу шести сиротъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что Мицкевичу неслыханно импонировало это дѣло—fait acompli. Онъ видѣлъ во всемъ этомъ свои личныя желанія, мечты своей души и дѣтской горячей вѣрой

Бургаса: «мнѣ казалось, что я нахожусь на лонѣ отчизны и если-бы не внезапная болѣзнь, я бы съ трудомъ вырвался изъ этого лагеря. Ты знаешь, вѣроятно, князь, что Садыкъ имѣетъ разныя сотни: рядомъ съ *украинскими* есть *добруджскія* и *кубанскія*». Но вѣдь это были не сотни, а только названія сотень. Сотни наполнялись всякимъ сбродомъ, которымъ только командовали польскіе офицеры.

Мицкевичъ преувеличивалъ значеніе дѣятельности Садыка-паши; онъ все мѣрялъ мѣркой своихъ личныхъ надеждъ и желаній и не считался ни съ краемъ, ни съ идеей, пропагандируемой Чайковскимъ, понималъ и одобрялъ союзъ съ Турціей, но не досмотрѣлъ, что самый союзъ былъ разрисованнымъ картономъ, по которому разныя фигуры выводила честолюбивая рука Садыка-паши, вооруженная саблей рыцаря-крестоносца. Ловкій и умѣющій располагать къ себѣ, Садыкъ-паша жаждалъ не только привлечь, но приковать къ своей мысли А. Мицкевича, какъ силу, передъ которой преклонялся весь край. Къ счастью, Мицкевичъ свободенъ былъ отъ мелочнаго самолюбія и издали видѣлъ лучше, чѣмъ вблизи. Онъ преувеличивалъ нравственное вліяніе дѣла, но не физической силы.

«Поляки, противопоставленные Россіи,—говорилъ Мицкевичъ, разумѣя оттоманскихъ козаковъ,—ничто, но въ нравственномъ отношеніи они представляютъ могучую силу, способную произвести разстройство». Это «нравственное отношеніе» онъ оцѣнивалъ больше со стороны поэтической, чѣмъ реальной. Восхищенный и очарованный Садыкомъ и его адептами, онъ говорилъ, выѣзжая на Востокъ: «я вижу, что для поэтовъ настало время изъ заготовленныхъ ими балокъ, отесанныхъ глыбъ, обожженныхъ кирпичей строить то, что они пророчили этому матеріалу въ своихъ вдохновенныхъ пѣсняхъ. Вотъ Садыкъ, напѣвая, гарцуетъ со своими молодцами по дунайскимъ степямъ—это живая, Богомъ благословенная мысль, потому что Богъ сподобилъ его дождаться жатвы со своего посѣва, это вожделѣнный плодъ для мужа дѣла, ибо его слово принимаетъ форму, облекается тѣломъ, дышетъ жизнью».

Между тѣмъ распутыванье клубка, намотаннаго на фантастической оси Садыкомъ пашей, близилось къ концу, ускоренному стеченіемъ событій: равнодушіемъ края къ голосамъ, въ которыхъ слышалась фальшивая нота и окончаніемъ войны. Второй козацкій полкъ перешелъ на англійское жалованье и былъ включенъ въ со-

половина реформирована въ пятый полкъ уланъ, хотя четырехъ первыхъ не бывало. По окончаніи войны англо-польская дивизія была за ненадобностью распущена и отъ нея не осталось и слѣда. Нужно отдать справедливость англичанамъ, они вѣрно оцѣнивали эмиграціонное положеніе поляковъ и видя ихъ несогласіе и распри, понимали, какъ мало можно на нихъ разсчитывать. Лордъ Редклифъ былъ правъ, заявляя, что «въ виду борьбы аристократовъ съ демократами необходимо формировать въ Азіи двѣ польскія арміи: одну демократическую, подъ командой І. Высоцкаго, другую аристократическую подъ командой І. Хршановскаго. Каждый полководецъ олицетворялъ въ себѣ партію, хотя солдаты обоихъ лагерей всегда имѣли общія желанія. Передъ заключеніемъ мира первый полкъ, которымъ командовалъ самъ Чайковскій, отправился на зимнія квартиры въ Ислимнію, а по заключеніи мира въ 1856 г. отозванъ подъ Шумлу, откуда долженъ былъ отправиться на греческую границу Турціи для ея охраны со стороны Греціи. Между тѣмъ вышло новое «ирадэ» султана на организацію полка драгунъ, который Чайковскій надѣялся сформировать изъ остатковъ англо-польской дивизіи.

На сколько организація козацкихъ и драгунскихъ полковъ входила въ планы турецкой политики, я этого вопроса не касаюсь, какъ не идущаго къ дѣлу; меня интересуетъ только судьба козакофильской идеи, которая съ окончаніемъ войны вновь утратила всякій политическій raison d'être.

Вся дѣятельность Чайковскаго въ этомъ направленіи носитъ чисто-индивидуальный характеръ и его мечты о шляхетско-польскомъ козачествѣ не были отраженіемъ ни національнаго, ни народнаго движенія. Чайковскій умѣлъ ловко рекламировать и восхвалять себя, но найти послѣдователей своей идеѣ не могъ, потому что идея сама по себѣ была неясной смѣсью политическаго козакофильства Б. Залескаго и двороваго, преобразившагося со временемъ, но очень быстро, въ фрачное лакейство. Садыкъ-паша опоздалъ вывѣсить свое знамя по крайней мѣрѣ на 25 лѣтъ. Отжившей идеи не могли вновь сдѣлать популярной ни придворные пѣвцы, ни бандуристы Садыка-паши, въ родѣ Т. Рачицы, который пѣлъ т. н. авторамъ «Козачества въ Турціи» «рапсодки». Самая манера популяризированья этого шляхетскаго козакофильства была настолько высокомѣрной,

вызывающей, пошлой, столь полной самохвальства, слишкомъ откровенно направленнаго къ прославленію имени Садыка-паши, что у людей мыслящихъ она могла вызвать одно лишь отвращеніе, но никакъ не внушить имъ довѣріе. Простого народа, если въ немъ и жили еще традиціи не козацкія, но *гайдамацкія*, самохвальство, приправленное псевдо-народнымъ соусомъ, обмануть не могло. Придворный бандуристъ Т. Рачица, изъ окрестностей Бердичева, солдатъ 1831 г., полка нижегородскихъ драгунъ, забылъ по польски, не научился ни по русски, ни по малорусски, а между тѣмъ «цѣлые часы импровизировалъ пѣсни, и все новыя, оригинальныя, козацкія». Чего стоили эти импровизаціи, какимъ убійственнымъ языкомъ, котораго, увы, не съумѣлъ достойно оцѣнить авторъ «Козачества за Дунаемъ», онѣ были написаны, пусть намъ послужатъ примѣромъ нѣсколько взятыхъ на выдержку, дословно точныхъ стиховъ:

Въ пиддесятъ четвертымъ году,
Мы ходили пидъ русскую орду.
Панъ Чайковскій генералъ,
Ночи не спалъ, не дремалъ.
. . . .
Нуте братци, братци веселее
Вступимъ въ войну, въ войну посмилѣе(!).

Или вотъ еще выдержка изъ той же пѣсеньки.

Панъ Чайковскій дмухнулъ на передъ,
А полковникъ Киркоръ въ очеретъ(!)
Началася перестрѣлка
Пришла... роздѣлка.

Это лишенныя поэзіи, знанія языка, размѣра, нерѣдко даже смысла, невообразимо жалкія вирши, написанныя въ честь учителя благодарнымъ ученикомъ. Такого-же достоинства и упомянутыя нами выше «украинки».

Съ полками, въ которыхъ не было не только козаковъ, но и поляковъ, а число людей, по непровѣреннымъ свидѣтельствамъ, не превышало 1,500, въ виду апатіи и равнодушія высшихъ и низшихъ классовъ общества, Чайковскій, за рюмкой вина, составлялъ себѣ наполеоновскіе маршруты:

Przeleciemy Ukrainę,
Popasiem v Kijovie,
Zimą na vęgierskie vino
Staniemy v Krakovie...
J od Karpat krzyk veselny
Zabrzmi aż do Dżviny:
Żyj Czajkovski, żyj nam dzielny
Synu Ukrainy!

(Пролетимъ Украйну, въ Кіевѣ на отдыхъ станемъ, къ зимѣ въ Краковъ на венгерское придемъ и отъ Карпатъ до Двины раздастся кликъ веселья: живи, Чайковскій, живи нашъ славный сынъ Украйны!).

До такой безсмыслицы могло довести самообольщеніе! Мечты не осуществлялись; равнодушіе общества къ козакофильскимъ лозунгамъ онъ принялъ за народное отреченіе (abdynacyę), самъ отрекся отъ народа, который, ему казалось, отвергъ его и пошелъ по дорогѣ, долженствовавшей привести его ко спасенію, но нашелъ на ней смерть.

Такъ окончилъ жизнь воинъ 1831 г., паша турецкій и поборникъ козакофильской идеи въ Польшѣ.

Библіографія.

Библіографическій указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Г. Шевченка.

(ОКОНЧАНІЕ) [1]).

1875 г.

112. *Кропивина.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Пчела, № 72.

113. *Ганенко Е.* Новые матеріалы для біографіи Т. Шевченка. Древняя и Новая Россія, № 6.

114. *Козачковскій А.* Воспоминанія о Т. Шевченкѣ. Кіевскій Телеграфъ, № 25.

115. *Ив—ко.* Шевченко, Костомаровъ и Максимовичъ предъ историческимъ судомъ. П. Кулиша. Кіевлянинъ, № 20 или 29.

116. *Кіевскій Телеграфъ,* № 65. Славянское и русское значеніе Шевченка.

117. *Кіевскій Телеграфъ,* № 32. Кіевлянинъ за Шевченка и № 46—Поминки Шевченка во Львовѣ и въ Вѣнѣ.

118. *Чотырнадцати роковини смерти Шевченка.* Шевченкови вечерници у Видни. Правда, № 5 и 6.

119. *Слово на роковини Шевченка у Петербурси.* Правда. № 7, стр. 280.

1876 г.

120. *Шевченко В.* Споминки про Т. Г. Шевченка. Правда, № 1, стр. 23 и № 2, стр. 64.

121. *Барвинській В.* Бесида на вечери у XV роковини смерти Шевченка. Додатокъ до № 6 Правды.

122. *Правда,* № 3, стр. 102. Килька сливъ про Т. Шевченка. Переводъ воспоминаній Кропивиной, указанныхъ выше, подъ № 112.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“, 1886 г., март. кн., стр. 570—582.

123. *Тургеневъ И. С.* } Воспоминанія о Шевченкѣ, напечатаны при
124. *Полонскій Я.* } пражскомъ изданіи „Кобзаря", т. I.
125. *Костомаровъ Н. И.* } Воспоминанія о Шевченкѣ, напечатаны
126. *Микѣшинъ М.* } при пражскомъ изданіи „Кобзаря", т. II.

127. *Праховъ.* О рисункахъ Т. Шевченка, съ 3 рисунками его. Пчела, № 16.

128. *Фроловъ.* Воспоминаніе о солдатской службѣ Т. Шевченка. Кіевскій Телеграфъ, № 53.

129. *Мордовцевъ Д.* Воспоминанія В. Шевченка о Т. Шевченкѣ. Переводъ, съ предисловіемъ Мордовцева, статьи, указанной подъ № 120. Древняя и Новая Россія, т. 2, кн. 5.

130. *Микѣшинъ М.* Воспоминаніе о Шевченкѣ, съ портретомъ его. Пчела, № 16.

131. *С. Л.* Женскій идеалъ въ стихотвореніяхъ Т. Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 187. Фельетонъ.

132. *М. С.* Гайдамаки. Катерина. Наймичка. По поводу новаго изданія этихъ поэмъ. Одесскій Вѣстникъ, № 231.

133. *Кіевскій Телеграфъ,* № 44. „Кобзарь Т. Шевченка". По поводу пражскаго изданія „Кобзаря".

134. Нива, № 3. Біографія съ портретомъ.

135. *Emile Durond'a.* Le poete national de la Petite Russie Chevtchenko. Rewue des deux Mondes. Juin.

1877 г.

136. *Чалый. С.* И. М. Сошенко. Біографическій очеркъ. Кіевъ. Ц. 50 к. (Воспоминаніе о Шевченкѣ и его отношеніяхъ къ Сошенку).

137. *Воспоминанія Т. Пассекъ.* Русская Старина, т. XX, о Шевченкѣ, стр. 286—292. Отдѣльно, подъ заглавіемъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ". Спб. О Шевченкѣ, т. 2, стр. 394—405.

138. *Т. Шевченко.* Народный поэтъ Украйны. Біографич. очеркъ. Спб. Изданіе журнала „Мірской Вѣстникъ". 41 стр., ц. 15 к., съ портретомъ.

1878 г.

139. *Барвинскій В.* Поэзія Т. Шевченка и наше народне життя. Бесида на XVII роковини смерти Т. Шевченка. Правда, т. I.

140. *Крапивина.* Жуткій вечеръ въ жизни Т. Шевченка. Пчела, № 5.

141. *Пономаревъ С.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Русская Старина 1878 г., т. XXI.

142. *Невѣста Т. Шевченка,* съ портретомъ ея. Пчела, № 2.

143. *Напоминаніе о Шевченкѣ.* Одесскій Вѣстникъ, № 57 и Правда (Одес. газета), № 77.

144. *А—ръ.* О школѣ имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 81.

145. *Одесскій Вѣстникъ,* № 72, 97, 99, 108, 114, 119, 139, 145, 153, 177, 205, 257, 261 и 286. Письма разныхъ лицъ при посылкѣ въ редакцію денегъ на школу имени Шевченка.

146. *А—ръ.* По поводу пожертвованій на школу имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 211.

147. *Софья—нова.* Нѣмецъ Frantzos о Шевченкѣ. Одесскій Вѣстникъ, № 224. Фельетонъ.

148. *Одесскій Вѣстникъ,* № 204.—Французъ Emile Durond о Шевченкѣ.

149. *Frantzos* —Vom Don zur Donau—Cultur Bilder aus Halb—Asien „Kleinrussen und ihre Dichter".

150. *Wald Kaweron.* Magazin fur die Liter. d. Auslandes, № 12.

1879 г.

151. *Пискуновъ Ф.* Т. Г. Шевченко, его жизнь и произведенія. Собраніе матеріаловъ для его біографіи. Кіевъ, изд. Іогансона, ц. 75 к.

152. *Т—ый А.* Шевченко въ отзывахъ о немъ иностранной печати. Одесса, 56 стр., ц. 50 к. Предисловіе. Галичанинъ В. Барвинскій, чехъ Вацлавъ Дундеръ, французъ Емиль Дуровдъ и нѣмецъ Францозъ о Шевченкѣ.

153. *Поминки Т. Шевченка въ Одессѣ* 25 февраля 1879 г. Одесса. Ц. 30 к.

154. *Пыпинъ А.* Обзоръ славянскихъ литературъ. Спб. О Шевченкѣ. Т. I, стр. 367 и далѣе.

155. *Острогорскій В.* Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. Спб. О Шевченкѣ, вып. 2, стр. 61—73 (первоначально въ журналѣ; см. выше № 106).

156. *Огоновській.* Поглядъ на де-котори поэзіи Шевченка. Правда, № 3—5. Гайдамаки.

157. *Одесскій Вѣстникъ,* № 43.
158. *Правда* (Одес. газета), № 49.
159. *Новорос. Телеграфъ,* № 1194.
} Памяти Шевченка въ день „роковинъ".

1880 г.

160. *Шашковъ С.* Шевченко и Сырокомля. Дѣло, кн. 3.

161. *Костомаровъ Н.* Поэтъ Т. Шевченко. Очеркъ его жизни. Воспоминанія о немъ. 1846—1861 г. Русская Старина, кн. 3, стр. 587—610.

162. *С—чъ.* Тарасъ Шевченко та ёго думки про громадське життя. Громада, № 4.

163. *Викъ XIX въ діяхъ рускои литературы.* Львивъ. Коштомъ товариства „Просвита".

164. *Будеволя.* Поминки по Тараси. Львивъ.

1881 г.

165. *Кулишъ П.* Поэтъ Шевченко въ полномъ разцвѣтѣ. Трудъ (кіевск. газ.), № 6.

166. *Франко И.* Причинки до оцинення поэзій Т. Шевченка. Темне царство. Свитъ, № 8, 10—13.

167. *Левицкій И.* Шевченкова могила. „Луна", украинській альманахъ. Кіевъ. Ц. 50 к.

168. *Антоновичъ В.*
169. *Котляревскій А.*
Поминки Шевченка въ кіевскомъ историческомъ Обществѣ Нестора. Два реферата объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній Шевченка. Трудъ, № 8 и 10.

170. *Ефименко А.* Изъ дѣтства и жизни Т. Шевченка. Дѣтское чтеніе, № 5.

171. *Шигаринъ.* Воспоминанія кіевлянъ о Шевченкѣ и его времени. Библіотека западной полосы Россіи. Кіевъ. Т. I.

172. *Заря* (кіев. газ.), № 45. Поэзія Т. Шевченка. Мысли о немъ, какъ о національномъ поэтѣ.

173. *Одесскій Вѣстникъ, № 31.* Новые матеріалы для біографіи Т. Шевченка.

174. *Трудъ,* № 4. Чего желалъ Шевченко?

175. *Трудъ,* № 5. Кое что о Шевченкѣ (встрѣча и свиданіе его съ М. Щепкинымъ въ Н. Новгородѣ въ присутствіи губернатора Муравьева. Народное преданіе о погребеніи Шевченка).

176. *Одесскій Вѣстникъ,* № 46. Т. Шевченко. XX годовщина его смерти.

17 . *Заря,* № 46 и 49.
178. *Трудъ,* № 8 и 10.
Памяти Т. Шевченка.

179. *Огонекъ,* № 1—3.
180. *Игрушечка,* дѣт. журналъ.
Біографіи Шевченка съ портретомъ.

181. *Одесскій Вѣстникъ,* № 44. Празднованіе памяти Шевченка во Львовѣ.

182. *М—ій.* Напоминаніе о школѣ имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 76.

183. *Студентъ.* О школѣ имени Шевченка. Одесскій Вѣстникъ, № 114.

184. *Пчелка* (одес. газета), № 9. Достаточно-ли мы знаемъ Шевченка?

185. *Пчелка,* № 11. Шевченко—батько.

1882 г.

186. *Чалый М. К.* Жизнь и произведенія Тараса Григорьевича Шевченка. Кіевъ. 1882 г. Ц. 1 р. 75 к., 282 стр., 8 д.

187. *Н. П. Кіевская Старина,* кн. 9.
188. *Вѣстникъ Европы,* кн. 10.
189. *Дѣло,* книга 9.
190. *Московскій Телеграфъ,* № 56 и 86.
191. *Землякъ.* Одесскій Вѣстникъ, № 206.
Рецензіи на книгу Чалаго и по поводу этой книги.

192. *Смоктій А.* Взглядъ народа на Шевченка. Кіевская Старина, кн. 8 и 9.

193. *Бѣлозерскій Н. М.* Тарасъ Шевченко. По воспоминаніямъ разныхъ лицъ. 1831—1861 г. Кіевская Старина, кн. 10.

194. *Л—въ П.* Т. Шевченко. Нѣкоторыя дополненія и поправки къ біографіи его (по поводу кн. Чалаго). Кіевская Старина, кн. 9.

195. *Воспоминанія Наты о дядѣ Тарасѣ.* С.-Петербургскія Вѣдомости, № 75 и Свѣтъ, № 3.

196. *Кулябка С.*—Т. Г. Шевченко. Заря, № 188, 189, 192 и 209. Фельетонъ.

197. *Кулишъ П.* Хуторна поэзія. Историчне оповиданнье, 1847 року.

Львивъ. Ц. 80 к. (о Кирилло-меѳодіевскомъ братствѣ, арестѣ, допросѣ и ссылкѣ Кулиша, Шевченка и Костомарова).

198. *Живописное Обозрѣніе*, № 36. Могила Шевченка.

199. *Исключеніе Шевченка изъ службы* по коммисіи для разбора древнихъ актовъ. Кіевская Старина, кн. 3.

200. *Лѣсковъ Н.* По поводу исключенія Шевченка изъ службы. Историч. Вѣстникъ, № 4.

201. *Сумцовъ Н.* По случаю 21 годовщины со дня смерти Т. Шевченка. Южный Край, № 403.

202. *Одесскій Вѣстникъ*, № 46. Т. Шевченко—другъ сиротъ. По поводу годовщины смерти Шевченка.

203. *Заря*, № 46. На родинѣ Шевченка.

204. *Трудъ*, № 23. Поминки Т. Шевченка.

205. *Южный Край*, № 414. Празднованіе памяти Т. Шевченка въ Вѣнѣ.

206. *Памяти Шевченка*. Два стихотворенія. Заря, № 46 и Вѣкъ, № 2.

207. *Бирюковичъ Т.*—Т. Шевченко. Біографическій очеркъ. Вѣкъ, кн. 11 и 12.

208. *Т—ый А.* Поминки Т. Шевченка 25 февраля 1882 г. въ г. Екатеринодарѣ. Доходъ предназначенъ въ капиталъ на основаніе школы имени Шевченка. Екатеринодаръ. Изд. газ. „Кубань". 40 стр. Ц. 20 к.

209. *Дѣло* (галиц. газета), № 85. Розрита могила.

210. *Заря*, № 273. Корреспонденція изъ Полтавы относительно поправки могилы Шевченка.

211. *Горленко В.* Литературныя раскопки (свѣдѣнія о великорус. повѣстяхъ и стихотвореніяхъ Шевченка въ журн. Маякъ. Трудъ, № 39 и 40.

212. *Revista Minima*. Una litteratura plebea.

1883 г.

213. *Русская Мысль*, кн. I.
214. *Страна*, № 102.
} Рецензіи на книгу Чалаго о Шевченкѣ.

215. *Кулябка С.* Т. Шевченко по книгѣ Чалаго и по „Кобзарю". Кіевъ. 1883 г. 80 стр. Ц. 30 к.

216. *В. Г—ко.* Рецензія на книгу Кулябки. Кіевская Старина, кн. 12.

217. *Юнге Е.* Мои воспоминанія о Т. Шевченкѣ, какъ о человѣкѣ. Вѣстникъ Европы, кн. 8.

218. *Смоктій А.* Воспоминаніе о Шевченкѣ. Кіевская Старина, кн. 9 и 10.

219. *В. Г—ко.* Эпизодъ о памятникѣ Т. Шевченка и о его могилѣ въ полтавскомъ земскомъ собраніи. Кіевская Старина, кн. I.

220. *Г. Б.* Черты поэзіи Т. Шевченка, какъ поэта народнаго. XXII годовщина смерти украинскаго поэта. Одесса. 8 стр. Ц. 15 к. Первоначально въ газетѣ Одесскій Вѣстникъ за тотъ-же годъ, № 46.

221. *О. П.* Изъ давно минувшаго. О семьѣ Шевченка. Заря, № 46. Фельетонъ.

222. *Московскій Телеграфъ*, № 67. Корреспонденція изъ Кіева о вечерѣ на роковины Шевченка.

223. *Екатеринославскій Листокъ*, № 29 и 30. Т. Шевченко—другъ семьи. Образы и выраженія „Кобзаря" изъ сферы семейныхъ отношеній.

224. *Дѣло*, № 23. Вечоръ въ XXII роковины Шевченка, № 24. Зъ вечора въ память Шевченка. Вступне слово профессора. *А. Вохнянина;* № 25. Привитни телеграммы, наспивши нидъ часъ вечера въ память Шевченка у Львови.

225. *Дѣло*, № 73. Про гуманизмъ въ „Кобзари" Шевченка. Про идеалъ женщинъ у Шевченка.

226. *Дѣло*, № 80. Де-що про могилу Т. Шевченка. Дописъ зъ Украины. Фельетонъ, № 86. Ще про могилу Шевченка. Дописъ зъ Канева. *М. К—ва.*

227. *Дѣло*, № 94. Спомники про Шевченка. Переводъ воспоминаній Е. Юнге, указанныхъ выше подъ № 217.

228. *Русская Старина*, кн. 9. Т. Шевченко въ письмахъ его къ Осипу М. Бодянскому (6 писемъ).

229. *Заря*, № 91 въ отдѣлѣ „Искусство и литература". Замѣтка о новомъ изданіи „Кобзаря". Спб. 1883 г.

230. *Заря*, № 237. Интересная встрѣча (извѣстіе о сватовствѣ Шевченка въ с. Кереливкѣ на дочери священника).

1884 г.

231. *Петровъ Н.* Очерки исторіи новѣйшей украинской литературы. Кіевъ. 457 стр. Ц. 3 р. Глава V. Украинское славянофильство и главнѣйшіе представители его: Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко.

232. *Рецензіи на книгу Петрова:* а) *Н. Новицкій.* Кіевлянинъ, № 43, б) *Заря*, № 37, Судьбы украинской литературы и № 48, ст. М—на, в) *Недѣля*, № 10. Новый опытъ обозрѣнія украинской литературы. К., г) *Дѣло*, № 5. Новыя книги, д) *Вѣстникъ Европы*, кн. 3, Библіогр. листокъ и кн. 8, Литературное обозрѣніе и д) *Историческій Вѣстникъ*, кн. 3. Критика и библіографія.

233. *Зеленый П.* Кобзарь о дѣтяхъ и для дѣтей. XXIII годовщина смерти украинскаго поэта Т. Шевченка. Одесса. 5 стран., 4 д., ц. 15 к.

234. *Кіевская Старина.* Эпизодъ изъ авторской и издательской дѣятельности Т. Шевченка. Кн. 12. Извѣстія и Замѣтки.

235. *Дѣло*, № 27 и 28. Святкування памяти Т. Шевченка въ виденськiй Сичи; № 32. День святкування памяти незабутнёго Тараса. Дописъ зъ Петербурга *А. Маркова.*

236. *Зоря*, № 6 и 7. Де-що зъ життя Т. Шевченка. Роки 1845—1847 (писля М. Чалого).

237. *Недѣля*, № 15. Шевченковы поминки у русиновъ.

238. *Миронъ* ***. Обхидъ XXII роковинъ смерти Шевченка. Зоря, № 5.

239. *Заря*, № 127. Изъ воспоминаній о пребываніи Т. Шевченка въ новопетровскомъ укрѣпленіи.

240. *Заря*, № 131. Анекдотъ о Шевченкѣ. Смѣсь.

241. *Заря*, № 170. Письмо инженера *Якубенка* объ окончаніи устройства могилы Т. Шевченка.

242. *F. Rawita.* Z literatury ukraińskiej, Prawda, № 9.

243. *A. Blochowski.* Taras Szewczenko, jako obywatel i poeta rusko-ukraiński. Studium polityczno-literackie. Echo z Pokucia.

244. *Przegląd Tygodniowy*, № 3. Біографія Шевченка.

1885 г.

245. *Б. Сухановъ-Подколзинъ.* Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ его случайнаго ученика. Кіевская Старина, кн. 2.

246. *Кіевская Старина*, кн. 2. Къ біографіи Т. Шевченка (4 письма къ М. А. и М. В. Максимовичамъ).

247. *Ѳ. Каминскій.* Еще щепотка на могилу Т. Шевченка. Кіевская Старина, кн. 3.

248. *К. Ухачъ-Охоровичъ.* Могила Т. Шевченка. Изъ записокъ художника, съ рисункомъ могилы. Историческій Вѣстникъ, кн. 5.

249, *Кіевская Старина*, кн. 9. Народная пѣсня о Шевченкѣ. Сообщилъ *М. Васильевъ.*

250. *Кіевская Старина*, кн. 11. Автобіографія Т. Шевченка, писанная имъ для „Народнаго чтенія", съ примѣчаніями П. Кулиша.

251. *С—ко.* Эпизодъ изъ жизни Т. Шевченка. Кіевская Старина, кн. 12. Извѣстія и Замѣтки.

252. *Кулишъ П.* Воспоминаніе о Костомаровѣ. Новь, № 13. Нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ.

253. *Автобіографія Костомарова.* Русская Мысль, кн. 5 и 6 (знакомство и отношенія его съ Шевченкомъ, исторія 1847 года и пр.).

254. *Бутурлинъ П.* Графъ. Могила Т. Шевченка. Сонетъ. Наблюдатель, кн. 10.

255. *Мордовцевъ Д.* По поводу иллюстрированнаго изданія поэмы „Гайдамаки". Новости. Перепечатка въ кіевской Зарѣ, № 268.

256. *О. Калитовскій.* За силу народнои свидомости у Шевченка. Отчитъ на вечерницяхъ товариствъ имени Шевченка: Просвита, Бесида и Академического братства, въ XXIV роковини смерти Шевченка. Зоря, № 5.

257. *Кокорудза И.* Посланіе Шевченка до мертвихъ и живихъ землякивъ. Естетично-критична студія. Зоря, № 15—19.

258. *Барвинскій А.* На Украини. Могила Т. Шевченка. Дѣло, № 112, 114 и 115.

259. *Atheneum.* Zarysy ruchu literackiego rusinów, № 6. О Шевченкѣ, гл. VIII, стр. 501—511.

1886 г.

260. *Гаршинъ Е. М.* Шевченко въ ссылкѣ (1847—1857 г.). По новымъ документамъ. Историческій Вѣстникъ, кн. 1.

261. *Горленко В.* Альбомы и рисунки Шевченка въ собраніи В. В. Тарновскаго. Кіев. Старина, кн. 2, въ „Изв. и Зам." Тамъ же, въ отдѣлѣ Библіографіи, рецензія В. Г—ка на Иллюстрированное изданіе „Гайдамакъ" Т. Шевченка, художника Сластёна.

Алфавитный указатель авторовъ статей о Шевченкѣ съ указаніемъ номера статьи.

Витебская Старина, т. IV, съ приложеніями и рисунками въ текстѣ. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1885 г.

Въ задуманномъ г. Сапуновымъ многотомномъ изданіи памятниковъ „Витебской Старины" случилось имъ самимъ непредвидѣнное и едва-ли когда либо имѣвшее мѣсто обстоятельство, именно: настоящій IV томъ этого изданія вышелъ прежде II и III непосредственно послѣ перваго. Обстоятельство это почтенный издатель объясняетъ случайно собраннымъ имъ большимъ количествомъ документовъ, обнимающихъ время господства въ западномъ краѣ царей Іоанна Грознаго и Алексѣя Михайловича, а эти документы и составили настоящій томъ, не входившій существенно въ планы издателя. Теперь онъ даетъ ему видъ дополненія къ тремъ первымъ томамъ. Дѣло конечно не въ счетѣ, а въ томъ, что подлежитъ счету; но и тутъ нужно знать общій планъ изданія „Витебской Старины", число и содержаніе его томовъ.

По программѣ г. Сапунова, все его изданіе должно составить шесть томовъ; вышедшій уже томъ I-й посвященъ главнымъ образомъ г. Витебску, во II-мъ томѣ будутъ собраны документы, касающіеся г. Полоцка, въ III-мъ—документы, разъясняющіе исторію городовъ Велижа, Невля, Динабурга и другихъ, а также замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстностей, въ V й войдутъ матеріалы по возсоединенію уніатовъ съ православной церковью въ 1839 году, наконецъ въ VI-мъ издатель обѣщаетъ представить, на основаніи всего добытаго имъ матеріала, „историческія судьбы Витебской губерніи". Программа, какъ видитъ читатель, обнимаетъ всю избранную издателемъ мѣстность и довольно разнообразна, хотя, какъ видно по изданнымъ томамъ, даетъ документы, касающіеся болѣе политической жизни края, съ небольшой дозой относящихся къ исторіи церкви и городскаго самоуправленія, вообще матеріалы отрывочные, случайно попадающіе подъ руку издателя, при чемъ нѣкоторые существенные, болѣе других важные, какъ документы по исторіи уніи въ Бѣлоруссіи, при-

соединенія края къ Россіи и проч., кажется, и совсѣмъ не имѣются въ виду.

Вышедшій теперь IV томъ, вслѣдъ за объяснительнымъ введеніемъ, открывается „краткимъ очеркомъ борьбы Московскаго государства съ Литвою и Польшею въ XIV—XVII вѣкахъ". Г. Сапуновъ начинаетъ исторію этой борьбы со времени князей московскаго Ивана Калиты и литовскаго—Гедимина, а оканчиваетъ ее временемъ царя Алексѣя Михайловича и короля Яна Казиміра. Факты въ этомъ „очеркѣ" расположены въ хронологическомъ порядкѣ, изложеніе кратко и скорѣе напоминаетъ лѣтопись; самая борьба является какъ бы прихотью правителей и совершенно не обоснована условіями, приводившими сосѣднія государства въ столкновенія, не указаны смыслъ и необходимость этой вѣковой борьбы; а между тѣмъ автору не много стоило бы труда сдѣлать такія указанія, извлекши ихъ изъ тѣхъ прекрасныхъ пособій, которыми онъ пользовался и которыя исчисляетъ въ началѣ статьи.

Отдѣлъ матеріаловъ, соотвѣтственно двумъ эпохамъ, къ которымъ онъ относится, дѣлится на двѣ части: въ одной находятся документы, сообщающіе подробности о времени Грознаго, въ другой о времени „тишайшаго" царя. Въ каждой изъ этихъ частей документы распредѣляются по родамъ: извѣстія лѣтописей, разрядныя, смѣтныя и дворцовыя книги, грамоты, отписки воеводъ, указы, челобитныя и сказанія иностранцевъ-современниковъ. Къ послѣднимъ издатель относитъ преимущественно польскихъ историковъ и, къ удивленію, между ихъ сказаніями помѣщаетъ извлеченія изъ лѣтописи „Самовидца". Изъ всѣхъ входящихъ въ IV-й томъ актовъ только 30 изъ 140 (т. е. немного менѣе ¼ общаго числа ихъ) появляются впервые на свѣтъ, будучи извлечены изъ главныхъ московскихъ архивовъ Министерства юстиціи и иностранныхъ дѣлъ, а равно и Императорской Публичной Библіотеки; всѣ остальные перепечатаны изъ разныхъ русскихъ историческихъ изданій, какъ напр. Акты Историческіе, Русская Историческая Библіотека, Акты Западной Россіи, Древняя Россійская Вивліоѳика, Археографическій Сборникъ, Чтенія Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ и другія. Новый матеріалъ содержитъ въ себѣ преимущественно отписки воеводъ къ царю, царскія жалованныя грамоты учрежденіямъ и лицамъ, челобитныя, переписи жителей и проч. Первая часть наполнена исключительно фактами военной исторіи; во второй, кромѣ этихъ послѣднихъ, встрѣчается не мало документовъ, указывающихъ на мѣры, принимаемыя правительствомъ по управленію въ завоеванномъ краѣ и рисующихъ состояніе церкви и городовъ въ

Витебскомъ и Полоцкомъ воеводствахъ. Просматривая всѣ эти, болѣе или менѣе любопытные документы и видя, что большинство ихъ составляютъ простую перепечатку изъ другихъ изданій, можно бы, пожалуй, пожалѣть о лишней затратѣ, такъ какъ самостоятельные изслѣдователи при изученіи прошлаго витебской губерніи обратятся къ тѣмъ же основнымъ источникамъ, а читатели обыкновенные предпочтутъ обработанныя статьи сырому матеріалу; но не надо забывать, что г. Сапуновъ имѣетъ въ виду закончить свое изданіе именно общею исторіею того края и теперь подготовляетъ для этой работы весь необходимый матеріалъ. Впрочемъ, матеріалъ этотъ можетъ имѣть и особое значеніе, служа драгоцѣннымъ пособіемъ для учащихъ и учащихся, какъ хрестоматія по мѣстной исторіи. Такое повидимому значеніе названному труду дано и Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, рекомендовавшимъ I-й томъ „Витебской Старины" для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній виленскаго и варшавскаго учебныхъ округовъ. Но имѣя въ виду такой кругъ пользующихся изданіемъ г. Сапунова, нельзя не пожалѣть объ отсутствіи въ немъ объясненій непонятныхъ словъ и техническихъ выраженій, а равно археологическихъ и историческихъ справокъ и толкованій. Большимъ подспорьемъ при пользованіи этимъ изданіемъ были бы, конечно, указатели, личный и географическій, но и тѣхъ не находимъ въ вышедшихъ томахъ „Витебской Старины"; вѣроятно почтенный издатель откладываетъ эту работу до окончанія всего труда

И вышедшій IV томъ, какъ и предъидущій I, снабженъ довольно значительнымъ количествомъ иллюстрацій; но всѣ онѣ болѣе общаго, а не мѣстнаго характера и значенія. Интересны конечно портреты и изображенія московскихъ царей, польскихъ королей и великихъ князей литовскихъ, а также снимки сѣверно-русскихъ почерковъ XVII вѣка; но въ чисто мѣстномъ изданіи естественнѣе было бы встрѣтить виды древнихъ общественныхъ зданій и храмовъ портреты мѣстныхъ свѣтскихъ и духовныхъ дѣятелей въ эпоху польскаго или русскаго владычества, изображенія разнаго рода предметовъ и вещей, употреблявшихся въ общественной или частной жизни края. Такихъ памятниковъ должно найтись большее или меньшее количество на пространствѣ, занимаемомъ нынѣ витебской губерніей; частныя картинныя и портретныя галлереи, такъ же какъ церкви и монастыри по всей вѣроятности хранятъ еще кое-что изъ предметовъ древности, которые одни могутъ указать отличительныя черты характера туземнаго населенія

почерковъ; цѣлесообразнѣе было бы замѣнить сѣверо-русскіе почерки мѣстными изъ актовыхъ книгъ или отдѣльныхъ документовъ, такъ какъ каждой мѣстности и каждому времени как ъ каждому отдѣльному лицу и каждому возрасту, свойственъ свой особенный характеръ письма, выражающій внутреннія (духовныя) или внѣшнія (физическія) особенности индивидуума; указанія на эти особенности и ихъ измѣненія, зависящія отъ времени и вліянія культуры должны, по нашему крайнему разумѣнію, составлять задачу издателя, насколько конечно она достижима при настоящемъ 'младенческомъ состояніи русской палеографіи, какъ отдѣльной науки.

Будемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ томахъ „Витебской Старины" почтенный ея издатель восполнитъ указанные нами пробѣлы и обратитъ больше вниманія на научное распредѣленіе собираемаго имъ матеріала по содержанію, соотвѣтственно тѣмъ сторонамъ жизни, которыя онъ рисуетъ. Сочувственный пріемъ, оказанный и печатью и публикой 1-му тому „Витебской Старины", показываетъ, что въ обществѣ назрѣла потребность въ ознакомленіи съ мѣстною исторіею, а тѣмъ болѣе исторіею такого исключительнаго по своей трагической судьбѣ края, какъ Бѣлоруссія; но потребности надо удовлетворять обработкою раньше изданнаго матеріала и тщательнымъ собраніемъ и группировкой неизданныхъ, чисто мѣстныхъ документовъ, какихъ немало еще найдется какъ въ столичныхъ, такъ и въ мѣстныхъ древлехранилищахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не отдать должнаго уваженія труду г. Сапунова, который такъ усердно и безкорыстно служитъ дѣлу науки, обогащая ее новыми и дорогими по своему значенію матеріалами.

И. Каманинъ.

Историческіе матеріалы. Изъ архива кіев. губ. правленія. Выпускъ 10-й. Сост. Ал. Андріевскій. Кіевъ. 1886 г.

Г. Андріевскій, оставивъ должность редактора Губ. Вѣдомостей, которая дала ему поводъ и возможность начать названное изданіе, выбывъ даже совсѣмъ изъ Кіева, продолжаетъ выпускать собранные имъ раньше „Историческіе Матеріалы", и теперь мы имѣемъ уже 10-й ихъ выпускъ.

Въ немъ, какъ и въ выпускахъ предъидущихъ, немало цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи Кіева и края.

Кто захочетъ посвятить свой талантъ и трудъ исторіи кіевской

данія г. Андріевскаго будутъ существеннымъ пособіемъ. И въ настоящемъ выпускѣ едва не половина мѣста отведена этого рода матеріаламъ. Кіевскій магистратъ съ его общиною—явленіе высоко-интересное и едва ли не единственное въ исторіи нашего края. Начавъ свое существованіе еще въ то время и въ такомъ государствѣ, гдѣ всѣ, кто могъ, отдѣльныя лица и цѣлыя учрежденія старались отгородить и обезопасить себя особыми правами и привиллегіями, надѣленный, ради древности и важности мѣста, привиллегіями въ изобиліи, не бывъ никому, кромѣ верховной власти, подчиненнымъ, не неся никакихъ общегосударственныхъ повинностей и налоговъ и даже грамотами царей и государей россійскихъ обязанный отъ всѣхъ своихъ прибытковъ вносить въ казну всего лишь по 600 р. въ годъ, управляясь и судясь самъ собою, имѣвъ даже собственное войско, кіевскій магистратъ, точнѣе самый Кіевъ и его община, съ тяжелой руки Петра I, царствованіе за царствованіемъ, годъ за годомъ утрачиваютъ свои льготы, борются за наданныя имъ права, стонутъ подъ бременемъ налоговъ и поборовъ, обращаются въ орудіе иной власти, игралище административнаго произвола, изживаются во внутреннихъ несогласіяхъ и угодничествѣ, открываютъ цѣлый рядъ внутреннихъ язвъ, подвергаются самому строгому контролю и даже суду, но и до послѣднихъ дней своихъ не перестаютъ ссылаться на свои прежнія права и привиллегіи. Въ такой общей картинѣ превратностей судьбы, перенеспытанныхъ Кіевомъ и его „упривилiованымъ“ магистратомъ, получаютъ значеніе и предложенныные въ настоящемъ изданіи г. Андріевскаго обрывки дѣлъ, касающихся кіевскаго магистрата, числомъ до 6-ти.

Насыпавшій здѣсь съ 1733 г. ничему никогда не служившіе и десятками лѣтъ съ великимъ трудомъ разрытые валы, фельдмаршалъ Минихъ, имѣвшій конечно смутное представленіе о кіевскомъ „Монако“, привлекаетъ Кіевъ къ тягостямъ тогдашней турецкой войны, требуетъ отъ него строгій отчетъ о его доходахъ и расходахъ и даже удивляется медлительности кіевскаго магистрата въ исполненіи сего требованія, а магистратъ собираетъ „премощнѣйшіе монаршіе грамоты и протчіе крѣпости“ и яснѣе ока доказываетъ фельдмаршалу, что ни давать отчета въ доходахъ и расходахъ, ни поставлять „подводъ подъ пословъ, гонцовъ, курьеровъ, равно кормовъ и питья для самихъ пословъ и вообще иждивенія на разные привѣты“ онъ не обязанъ, а иждивеніе на все это было такъ велико, что, по словамъ магистрата, „ни ратуши ему репаровать, ни юргельту при майстратѣ будучимъ давать было не изъ чего“. Конечно, фельдмаршалъ не посмотрѣлъ на представленныя ему привилегіи, если въ слѣдующемъ 1737 г. простой

бунчуковый товарищъ Чернолуцкій засадилъ самаго войта Павла Войнича подъ караулъ за недоставленіе провіанта изъ пригородья Преварки и даже приказа губернаторскаго объ освобожденіи войта не послушалъ. Тщетно магистратъ выступалъ съ челобитною по этому дѣлу на Высочайшее имя; не помогли ему и „премощнѣйшіе грамоты", и челобитная передана только на разсмотрѣніе кіево-губернской канцеляріи. Надъ магистратомъ, который не отчитывался нѣкогда даже предъ королевскими урядниками, стояли теперь, кромѣ сената, гетманъ и генеральная войсковая канцелярія въ Глуховѣ, генералъ-губернаторъ и губернаторъ въ Кіевѣ, ихъ канцеляріи и даже просто полицмейстеръ, а магистратъ мнилъ все еще себя неподвластнымъ, апеллировалъ, протестовалъ, ссылаясь на „вольности прародительной отчины града Кіева". Онъ не хотѣлъ даже чинить и содержать въ исправности Хрещатицкой дороги,—спуска, нынѣ уже не существующаго, сваливая это на обязанность кіевскаго казачьяго полка; но тутъ даже кіевскій вице-губернаторъ Костюринъ заставилъ его это сдѣлать. Увиливаніе кіевскаго магистрата отъ исполненія какихъ либо повинностей иногда слишкомъ мелочно и просто комично. Въ Кіевѣ существовала въ то время таможня; таможенные сборы шли въ магистратъ и онъ же конечно долженъ былъ отсылать ихъ въ Глуховъ, въ канцелярію Малороссійскаго скарбу, но и тутъ онъ старался свалить это на обязанность кіевской казачей сотни и не послушался въ этомъ даже приказа Генеральной Войсковой Канцеляріи, пока та не доложила объ его ослушаніи самому гетману. Не мудрено, что подчиненные непосредственно магистрату, не встрѣчая отъ него удовлетворенія своимъ нуждамъ, старались въ свою очередь обжаловать его рѣшенія, предъ тѣми властями, отъ которыхъ онъ *de facto* стоялъ въ полной зависимости. Въ 1773 г. такая жалоба была занесена кіевскими цехами бывшему тогда генералъ-губернатору Воейкову по поводу возникшаго въ магистратѣ чисто внутренняго, домашняго дѣла о перечисленіи въ бондарскій цехъ ремесленниковъ однородной спеціальности, приписанныхъ въ цехи малярскій и рыбальскій. Интересъ этого дѣла, извѣстнаго лишь по оглавленію бумагъ, не въ его сущности или обстоятельствахъ, его вызвавшихъ, а въ воспроизведеніи магистратомъ на справку краткой исторіи цеховъ, бывшихъ вмѣстѣ и братствами церковными, изъ которой узнаемъ о существованіи въ Кіевѣ въ концѣ XVI ст. разнообразіи производствъ, представляемомъ уже тогда *одинадцатью* цехами, а также о королевскихъ грамотахъ, данныхъ кіевскимъ цехамъ въ разное время. Полное приниженіе привилегированнаго кіевскаго магистрата властями всякаго рода, а

преимущественно военными, крайнее обремененіе Кіева расходами на довольствованіе помѣщеніемъ, отопленіемъ, освѣщеніемъ и даже содержаніемъ какъ расположенныхъ здѣсь въ большомъ числѣ войскъ, такъ и постоянныхъ крѣпостныхъ, военныхъ и полицейскихъ учрежденій, и въ тоже время крупныя злоупотребленія въ расходованіи общественныхъ суммъ, начавшіяся въ самомъ магистратѣ—рисуетъ намъ объемистое, въ извлеченіи переданное дѣло о магистратскомъ хозяйствѣ въ Кіевѣ въ 1799 и 1800 г , вызвавшее учрежденіе, по Высочайшему повелѣнію, особаго комитета для упорядоченія городскихъ доходовъ и расходовъ и облегченія кіевскихъ плательщиковъ.

За обрывками дѣлъ, касающихся треволненной жизни кіевскаго магистрата, въ сборникѣ г. Андріевскаго слѣдуютъ четыре, также не полныя дѣла, о сербахъ въ Кіевѣ, лишній разъ напоминающія, къ какимъ разочарованіямъ привела громкая въ свое время колонизація „Запорожскихъ вольностей" выходцами изъ Сербіи, предпринятая по постороннимъ разсчетамъ, вызвавшая громадныя денежныя затраты и ничего не давшая, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ ловкихъ авантюристовъ, увеличившихъ незаслуженно составъ формировавшагося затѣмъ новороссійскаго дворянства и число розданныхъ ему земель, да нѣсколькихъ тысячъ, если даже не сотенъ, разнаго сброду, причинившаго властямъ много хлопотъ, а коренному населенію обидъ и разореній. Сербы и наплывшіе съ ними всякіе бродяги, соединенные вскорѣ подъ общимъ именемъ гусаръ, безчинствовали въ Кіевѣ, тѣснили, били и подъ караулъ брали „спудеевъ" кіевской академіи, хотя въ свою очередь были побиваемы отъ этихъ прирожденныхъ юнаковъ, въ особенности же, какъ молодые и холостые, безпокоили женщинъ, „оказывая имъ по прихоти своей нѣкоторые поступки", и лишь немногіе оселялись потомъ въ Кіевѣ и разводили винограды, или просто опочивали отъ военныхъ подвиговъ, какъ премьеръ майоръ Савичъ, никакъ однако не могшій поладить съ кіево-подольскимъ протопопомъ Бѣлявскимъ и его женою, взявшимися содержать его до конца жизни за взятую ими у него въ крайности тысячу рублей.

Наиболѣе цѣнные историческіе матеріалы даетъ г. Андріевскій подъ рубрикою: „Къ исторіи административнаго устроенія кіевской губерніи" послѣ присоединенія къ Россіи юго западнаго края. Они касаются устроенія новыхъ уѣздовъ, центральными пунктами которыхъ избраны были на первый разъ Корсунь, Каневъ, Васильковъ и Чернобыль,—пріисканія помѣщенія для присутственныхъ мѣстъ, учрежденія штатовъ служащихъ и набора личнаго ихъ состава, приведенія въ извѣстность общаго населенія уѣздовъ, въ частности казенныхъ и

старостинскихъ имѣній, доходовъ казны, ихъ источниковъ и проч. При этомъ мы получаемъ очень обстоятельныя и весьма любопытныя историко статистическія свѣдѣнія о древнѣйшихъ городахъ Кіевщины и тогдашнемъ ихъ состояніи. Оказывается, что Корсунъ, Богуславъ и Каневъ, не смотря на недавнія бурныя времена, были значительно населены шляхтою и вольными мѣщанами, владѣли огромными пространствами земель и лѣсовъ, имѣли самую разнообразную внутреннюю промышленность и производство; въ Богуславѣ была напр, кромѣ всего прочаго, „гамарня“, въ которой плавили мѣдь, выдѣлывая изъ нея разныя вещи водою; Каневъ велъ отпускную торговлю по Днѣпру, а Корсунъ процвѣталъ садами; въ двухъ первыхъ были училища, въ послѣднемъ библіотека. Процентъ еврейскаго населенія былъ самый незначительный, число купцовъ, торговцевъ и ремесленниковъ изъ христіанъ въ три, пять и болѣе разъ превышало число тѣхъ же изъ евреевъ, многія же производства находились исключительно въ рукахъ христіанъ. Достойно замѣчанія, что въ Богуславѣ портныхъ изъ однихъ христіанъ значилось 76, а сапожниковъ 63, а въ Каневѣ, рядомъ съ извѣстнымъ въ свое время базиліанскимъ училищемъ, показаны два русскихъ училища. На первый разъ даже крупныя оброчныя статьи, сдававшіяся въ аренду русскимъ правительствомъ, попали въ руки христіанъ. Евреи свили себѣ гнѣздо въ этихъ древнѣйшихъ русскихъ поселеніяхъ лишь въ послѣдствіи, когда коренное населеніе путемъ изворотовъ и всяческихъ неправдъ присосѣдившихся владѣльцевъ лишилось своего вѣковаго имущественнаго достоянія, своихъ торговыхъ и промышленныхъ правъ, подтвержденныхъ для Богуслава въ 1788, а для Канева и Корсуна въ 1792 г., и когда борьба съ наплывавшимъ еврействомъ стала для него невозможною не только въ силу наступившаго обѣдненія и безправія, но и по причинѣ усилившагося давленія польской власти. Какъ ни странно, но именно это давленіе усилилось съ переходомъ края изъ польскаго владычества подъ русское. Отмѣнивъ здѣсь тѣ порядки, которые не согласны были съ общеимперскими, но которые давали возможность аборигенамъ бороться съ пришельцами, правительство тѣмъ болѣе не могло поддержать первыхъ въ этой борьбѣ, что его собственное здѣсь владычество и управленіе были долгое время такъ сказать номинальными. Изъ приведенной въ сборникѣ г. Андріевскаго переписки объ устроеніи ново-намѣченныхъ уѣздовъ видимъ, что только на мѣста городничихъ попали русскіе и одинъ нѣмецъ, всѣ же прочія мѣста и должности заняты сплошь польскою шляхтою, не говоря о тѣхъ учрежденіяхъ, которыя наполнялись шляхтою по выборамъ. Была одна лишь часть въ обще-

ственной жизни новоприсоединеннаго края, куда въ слабой степени проникалъ польско-шляхетскій элементъ,—это часть медицинская, но за то по собраннымъ русскими властями свѣдѣніямъ всѣ почти аптекари, лекари, подлекари и фельдшера оказались нѣмцами или жидами

Оставляемъ другія мелочныя бумаги, помѣщенныя въ сборникѣ г, Андріевскаго; довольно и приведенныхъ, чтобы пожелать продолженія изданія, готоваго, кажется, прерваться, вслѣдствіе личныхъ обстоятельствъ безкорыстно-трудолюбиваго издателя.

К. Цыбульскій.

Исторія Новой Сѣчи или Послѣдняго Коша Запорожскаго, на основаніи подлинныхъ документовъ запорожскаго сѣчеваго архива, удостоенная почетнаго отзыва императорской академіи наукъ. А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть I. Одесса. 1885 г.

Третье изданіе настоящаго сочиненія, ставшаго въ послѣднее время библіографической рѣдкостью, является вполнѣ желанной новинкой, какъ единственный до сихъ поръ трудъ, въ которомъ собраны всѣ главныя черты малоизвѣстнаго внутренняго быта запорожцевъ. Неизвѣстно почему, 1-я часть этого солиднаго труда, помѣченная прошлымъ годомъ, выпущена только теперь и мы въ первые получаемъ возможность извѣстить читателей о появленіи оной.

Намъ нѣтъ надобности входить теперь въ оцѣнку труда, десятки лѣтъ пользующагося заслуженною извѣстностію Главное его достоинство въ тѣхъ документальныхъ данныхъ и извлеченіяхъ, которыя возможны только для почтеннаго историка Сѣчи, какъ обладателя значительной части запорожскаго архива. Поэтому насъ ни мало не удивляетъ, что, за необнародованіемъ новыхъ по этой части матеріаловъ, настоящее новое изданіе 1-й части Исторіи Сѣчи составляетъ точную почти копію 2-го изданія 1846 года. Въ немъ замѣчаются лишь самыя небольшія измѣненія; такъ на стр. 51 и 52 авторъ прибавилъ фактъ, что „въ 1762 году присягало по случаю вступленія на престолъ императрицы Екатерины II 20,281 козаковъ, въ томъ числѣ поселенныхъ въ паланкахъ женатыхъ 2,312 м. п.“; на стр. 97 опущенъ примѣръ отказа богуславскаго губернатора (управляющаго) Михаила Клечковскаго отъ приглашенія его запорожцами вступить въ составъ ихъ войска (2 сентября 1750 года); на стр. 287 опущенъ поздравительный гимнъ на латинскомъ языкѣ; на стр. 298 опущена баллада объ измѣнникѣ Филиппѣ Орликѣ; наконецъ на 302 стр. опущено заключительное четверо-

стишіе; встрѣчаются также нѣкоторыя незначительныя поправки въ примѣчаніяхъ. Если за тѣмъ во всемъ остальномъ первая часть настоящаго изданія сходна съ первой частью 2-го изданія, то, повторяемъ, это сходство должно быть объяснено исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что исторія внутренняго быта Запорожья въ теченіи протекшихъ 40 лѣтъ, со времени выхода въ свѣтъ 2-го изданія сочиненія г. Скальковскаго, мало подверглась разработкѣ и автору почти нѣчего было измѣнять. Въ двухъ остальныхъ частяхъ, гдѣ будетъ изложена политическая исторія Новой Сѣчи, болѣе разработанная въ послѣднее четыредесятилѣтіе, г. Скальковскій обѣщаетъ изобразить событія въ томъ видѣ, въ какомъ являются они по новѣйшимъ изслѣдованіямъ. Особенно виновнымъ онъ чувствуетъ себя передъ славной памятью ревностнаго поборника православія, мотронинскаго игумена Мелхиседека Значка-Яворскаго, котораго онъ характеризовалъ раньше на основаніи одностороннихъ клеветническихъ показаній очевидцевъ-поляковъ и котораго свѣтлый образъ выясненъ уже давно изслѣдованіемъ и матеріалами, изданными Ѳ. Г. Лебединцевымъ. Тоже обѣщаетъ авторъ сдѣлать и по отношенію къ исторіи гайдамачества, которое является и въ другихъ формахъ и въ другихъ размѣрахъ въ извѣстныхъ, основанныхъ на архивныхъ данныхъ, трудахъ В. Б. Антоновича и покойнаго Костомарова. Такое безпристрастіе и любовь къ истинѣ маститаго историка дѣлаютъ ему большую честь; при всемъ этомъ исторія гайдамацкаго движенія едва-ли можетъ быть выяснена имъ окончательно теперь, такъ какъ огромная масса сыраго, не изданнаго до сихъ поръ матеріала для нея, находящагося въ кіевскомъ и московскомъ главныхъ архивахъ, а также въ императорской публичной библіотекѣ ждетъ еще своихъ издателей и изслѣдователей.

Вышедшая теперь новымъ изданіемъ первая часть сочиненія г. Скальковскаго, основанная на неопровержимыхъ документальныхъ данныхъ запорожскаго архива, выиграла-бы еще болѣе въ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, если-бы авторъ въ тѣ главы, въ которыхъ говорится о происхожденіи козачества, его поселеніяхъ, владѣніяхъ и проч., ввелъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, обративъ вниманіе на появившіяся въ теченіи 1846—1886 годовъ нѣсколько новыхъ мнѣній по основному вопросу въ исторіи козачества, откуда оно, что опредѣляло такой, а не иной складъ его жизни и проч. Разборъ этихъ мнѣній далъ-бы, конечно, возможность автору найти найболѣе правдоподобное разрѣшеніе затронутыхъ вопросовъ. Правда, что сами по себѣ эти вопросы на столько уже широки и важны, что

не разъ служили предметомъ самостоятельныхъ разсужденій, одно изъ какихъ напечатано было и на страницахъ нашего журнала.

Въ ожиданіи слѣдующихъ частей „Исторіи Новой Сѣчи", которыя явятся, по словамъ автора, нѣсколько измѣненными, намъ остается лишь пожелать, чтобы они были выпущены въ продажу по цѣнѣ уменьшенной хотя-бы до 3-хъ рублей. Вѣдь этотъ почтенный и единственный въ своемъ родѣ трудъ г. Скальковскаго долженъ служить настольной книгой для всѣхъ, занимающихся южно-русской исторіей, а между тѣмъ не для всѣхъ онъ доступенъ по своей высокой цѣнѣ. Пониженіе ея, при соотвѣтственномъ увеличеніи числа печатаемыхъ экземпляровъ, вполнѣ окупятъ и трудъ автора и издержки печатанія, а что всѣ экземпляры разойдутся въ продажѣ, въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться.

И. Каманинъ.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ VIII. Холмская Русь (люблинская и сѣдлецкая губерніи варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г. Ц. 15 р.

Давно слѣдовало намъ говорить о новомъ выпускѣ этого большаго и дорогаго изданія; но намъ лишь недавно попалъ въ руки этотъ выпускъ, да и не вдругъ мы могли одолѣть увѣсистую книгу въ большую восьмуху, заключающую свыше 500 страницъ, со множествомъ приложеній и особымъ роскошнымъ альбомомъ

Выписанное нами многословное заглавіе имѣетъ между прочимъ цѣлью указать на внѣшнюю связь настоящаго выпуска съ предъидущими семью выпусками изданія, растянутаго на пространствѣ двадцати лѣтъ. Если-бы желать заглавія болѣе краткаго и болѣе точнаго, то съ удобствомъ можно было-бы употребить такое: Сборникъ статей, касающихся исторіи Холмщины и Подлясья, съ пояснительными снимками и изображеніями, выпускъ 2-й.

Въ свое время мы ознакомили читателей съ общимъ содержаніемъ 1-й части этого сборника, вышедшаго въ прошломъ году, сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о его цѣлесообразности и частнѣйшихъ о той или другой статьѣ, съ общимъ заключеніемъ о достоинствахъ изданія и его пробѣлахъ или недосмотрахъ. И теперь мы не можемъ пойти далѣе этого и ограничимъ нашу замѣтку также общимъ

обзоромъ содержанія вышедшей книги, не входя въ разборъ статей, одно поименованіе которыхъ занимаетъ довольно мѣста.

Вотъ вкратцѣ составъ книги: Нѣсколько словъ по поводу герба на старинной картѣ Володиміро-галицкаго княжества, *Я. Г.*, О границахъ Польской Короны и Вел. Княжества Литовскаго, *С. В. Шолковича*, Краткій очеркъ религіознаго состоянія Холмской Руси до брестской уніи, *Х. Х.*, Люблинскій съѣздъ 1569 г., *И. И. Малышевскаго*, Присоединеніе Подлѣсья къ Польшѣ на томъ-же съѣздѣ, *М. О. Кояловича*, О кормчей люблинскаго священника Василія 1604 г., *А. Павлова*, Памятники русской старины въ г. Люблинѣ, *А. В. Лонгинова*, Львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ (противникъ брестской уніи), *Н. И. Петрова*, Кириллъ Терлецкій, епископъ луцкій и острожскій и Ипатій Потѣй, епископъ владимірскій (виновники уніи), двѣ статьи *О. И. Левицкаго*, Уніатскій лже-мученикъ Іосафатъ Кунцевичъ (архіепископъ витебскій) и его мнимыя мощи, *Н. И. Петрова*, Аѳанасій Филипповичъ (брестскій игуменъ) и шляхтичъ Янъ Луба (самозванецъ), *А. Станкевича*, Устная народная словесность въ Холмской и Подлясской Руси, *прот. М. Я. Страшкевича*, Михаилъ Куземскій, послѣдній греко-уніатскій епископъ холмской епархіи, *М. И. Городецкаго*, О представленіи имп. Александру II уніатской депутаціи въ 1875 г. (по Правит. Вѣстнику). Къ сборнику приложены алфавитные указатели для обѣихъ частей, гербы и карты къ двумъ первымъ статьямъ 2-й части, а за тѣмъ портреты царей Алексѣя Михайловича и Михаила Ѳедоровича, епископовъ Гедеона, Кирилла, Ипатія и Іоасафата, снимокъ съ иконы Купятицкой Божіей Матери, что въ кіево-софійскомъ соборѣ, портретъ князя Черкасскаго и епископа Марка Господнѣвича (послѣдніе два, какъ не вошедшіе въ 1-ю часть сборника).

Уже по однимъ заглавіямъ статей, вошедшихъ въ сборникъ, и приложеній къ нимъ читатель можетъ видѣть, насколько въ немъ статей, воспроизводящихъ прежнюю исконно-русскую жизнь Холмщины и Подлясья, а въ ряду приложеній много-ли такихъ, которые представляли-бы собою дѣйствительные памятники этой жизни. Конечно, касаясь частнаго, нельзя не говорить о цѣломъ, но тутъ цѣлое, общее притачивается къ частному. Преобладаніе статей общаго характера, имѣющихъ отдаленное, едва примѣтное отношеніе къ изображенію собственной жизни Холмщины и Подлясья, недостатокъ статей и памятниковъ мѣстнаго характера чувствовалъ и самъ издатель, а потому въ обширномъ предисловіи на 10-ти страницахъ онъ старается мотивировать такъ или иначе помѣщеніе тѣхъ или иныхъ статей и приложеній; но

отъ его объясненій и мотивировки ни мало не измѣняется ни сущность дѣла, ни собственный взглядъ читателя на цѣлесообразность статей и приложеній. Почему напр. къ сборнику приложены, рѣдкіе, положимъ, портреты царей Алексѣй Михайловича и Михаила Ѳедоровича? А потому, что въ то время, когда они царствовали на Москвѣ, въ Брестѣ Литовскомъ жилъ и даже въ Москву за подаяніемъ приходилъ игуменъ Аѳанасій, о которомъ помѣщена въ сборникѣ статья; да къ тому-же игумена приплели было къ дѣлу о самозванцѣ Янѣ Лубѣ, о которомъ также говорится въ этой статьѣ. Почему-же помѣщена здѣсь статья объ игуменѣ Аѳанасіѣ? А потому что онъ противился уніи, а унія, извѣстно, была въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, а отсюда до Бреста уже рукой подать, хотя Брестъ не входилъ въ составъ ни той, ни другой земли. Мы понимаемъ умѣстность статьи объ игуменѣ Аѳанасіѣ въ холмскомъ календарѣ,—изданіи холмскаго братства, желавшаго въ лицѣ его представить возсоединеннымъ изъ уніи образчикъ страдальца отъ уніи за православіе; но притянуть такую статью къ „Памятникамъ Холмской Руси“ столь же трудно, какъ мотивировать приложеніе къ ней изображенія Купятицкой Божіей Матери тѣмъ, что предъ этою иконою молился тотъ-же игуменъ Аѳанасій. Тѣ-же вопросы можно сдѣлать и относительно многихъ другихъ статей сборника и получить на нихъ подобные-же отвѣты. Прекрасныя сами по себѣ, но все-же далекія отъ цѣли изданія и не представляющія новости по сюжету, статьи проф. Малышевскаго и Кояловича о люблинскомъ съѣздѣ 1569 г. почтенный издатель считаетъ необходимымъ помѣстить „въ виду важности событія и для большаго распространенія вѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ съѣздѣ среди русскаго общества“, хотя большое распространеніе трудно достижимо при высокой цѣнѣ изданія. Статьи о Кириллѣ Терлецкомъ и Ипатіѣ Потѣѣ онъ считаетъ вполнѣ умѣстными въ своемъ изданіи „по общему историческому ихъ фону“ и не видитъ надобности „въ воспроизведеніи отрицательной дѣятельности каждаго изъ этихъ лицъ“, не потому, что такого воспроизведенія въ статьяхъ не оказалось, а потому, что оно яко-бы не входитъ въ „Памятники русской старины“. И однако-жъ не другое что, какъ именно такая-же отрицательная дѣятельность воспроизводится въ слѣдующей за ними статьѣ проф. Петрова объ „Уніатскомъ лжемученикѣ Іосафатѣ Кунцевичѣ“. Положительная дѣятельность „львовскаго епископа Гедеона Балабана на пользу православія и русской народности въ Галиціи и юго-западномъ краѣ Россіи“, излагаемая въ статьѣ того-же проф. Петрова, не приближаетъ также этой статьи къ „Памятникамъ русской старины“ въ Холмской Руси и остается одна связь этого ревни-

теля православія съ Холмщиной—это то, что Гедеонъ Балабанъ въ 1606 г. благословилъ своею грамотою учрежденное въ г. Замостьѣ церковное братство, а грамота эта, хранящаяся нынѣ въ музеѣ холмскаго братства, помѣщена въ точномъ снимкѣ въ предъидущемъ выпускѣ настоящаго изданія. Столь-же общее и далекое отношеніе къ задачамъ изданія имѣютъ и статьи Я. Г. и г. Шолковича, выше нами поименованныя.

Конечно, всѣ эти статьи болѣе или менѣе высокаго научнаго достоинства и сохранятъ свое значеніе въ дѣлѣ общей разработки западно-русской исторіи; но въ изданіи „Памятниковъ русской старины" въ Холмщинѣ и Подляснѣ хотѣлось бы видѣть не то. Ужъ если самъ издатель говоритъ, что „этотъ край покрытъ древнѣйшими остатками русскаго зодчества, ярко отмѣченъ мѣстною русскою письменностью и старопечатью", что „по всему его пространству слышится русская рѣчь, поется русская пѣсня; да и обычаи рѣзко выдѣляются отъ обычаевъ пришлыхъ въ краѣ ляховъ", то казалось-бы, за чѣмъ и дѣло стало? Давайте намъ всѣ эти памятники въ вѣрныхъ снимкахъ, въ точныхъ спискахъ, правильныхъ записяхъ, съ научными объясненіями, описаніями и изслѣдованіями, все это будетъ имѣть новость для науки и общества, привлечетъ къ себѣ живѣйшій интересъ, а главное—мы будемъ тогда имѣть дѣйствительные памятники православія и русской жизни въ Забужьѣ, а не многоученыя изслѣдованія о матеріяхъ, достаточно извѣстныхъ, объ усиліяхъ іезуитовъ, поляковъ и уніатовъ къ подавленію въ немъ и православія и народности русской. Въ рецензіи на 1-й выпускъ разсматриваемаго изданія мы указали на нѣкоторые письменные памятники холмской старины, ждущіе изданія и могущіе представить высокій научный интересъ; въ сообщенномъ намъ отчетѣ холмскаго братства, о которомъ мы вскорѣ будемъ говорить, въ числѣ рукописей братскаго музея указано множество не менѣе драгоцѣнныхъ такихъ-же памятниковъ; самъ издатель говоритъ о рѣдкой находкѣ—„Лѣтописцѣ пресвитеровъ церкви св. Рождества присно Дѣвы Маріи", веденномъ въ г. Бѣлѣ, на Подляснѣ, съ 1582 по 1690 г. и, кромѣ массы другихъ свѣдѣній, „замѣчательномъ полнотою русскаго текста статей Зборовскаго договора, какъ ихъ сочинили и списали козаки". За чѣмъ-же, спрашиваемъ опять, была остановка? Вѣдь ни въ средствахъ, ни въ сотрудникахъ недостатка быть не могло, спѣшить-же изданіемъ тоже не приходилось, такъ какъ оно не періодическое.

Къ этому общему замѣчанію о статьяхъ сборника, которыя, по нашему мнѣнію, съ большею гораздо пользою и соотвѣтствіемъ задачѣ

изданія могли-бы быть замѣнены другими, мы прибавимъ лишь нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ изъ нихъ.—Въ превосходной статьѣ И. И. Малышевскаго непріятно поражаютъ недостатокъ тщательной редакціи и даже просто опечатки; въ статьѣ объ Афанасіѣ Филипповичѣ, разъ она допущена въ сборникъ, излишне пристегнутъ самозванецъ Янъ Луба и переговоры о немъ между московскимъ и польскимъ правительствами, чѣмъ раздвояется и измѣняется цѣльный характеръ очерка, хотя именно въ свѣдѣніяхъ о Лубѣ весь интересъ новизны; къ живымъ, мѣстами художественнымъ статьямъ О. И. Левицкаго о Кириллѣ Терлецкомъ и Ипатіѣ Потѣѣ приложены блѣдныя изображенія ярко очерченныхъ имъ лицъ и не указанъ источникъ, откуда заимствованы эти изображенія,—сказано только, что они присланы изъ Кіева, тогда какъ въ Кіевѣ нигдѣ портретовъ этихъ лицъ нѣтъ; наконецъ въ статьѣ проф. Петрова объ Іосафатѣ Кунцевичѣ, въ любопытной и обстоятельной группировкѣ свѣдѣній о странствованіи мнимыхъ его мощей усмотрѣна нами въ одномъ изъ источниковъ небольшая неточность, которую мы имѣемъ возможность дополнить и исправить. Неточность эта совсѣмъ устраняетъ тотъ фокусъ, который продѣлывали съ мощами ихъ хранители, а фокусъ заключался въ слѣдующемъ. Въ гробницѣ, въ которой хранились мощи, было не три, какъ говоритъ видѣвшій мощи врачъ Сикорскій, а четыре стекла и вся суть заключалась въ стеклѣ, помѣщавшемся на верху гробницы надъ головою Кунцевича. Дѣло въ томъ, что свѣтъ, падая чрезъ это стекло на желтую парчевую митру, отсюда посредствомъ отраженія, окрашенный слегка въ желтый цвѣтъ, доходилъ до стекла, помѣщеннаго у ногъ, къ которому обыкновенно допускали поклонниковъ, а потому поклонникамъ лице Кунцевича, на самомъ дѣлѣ черное, казалось желтоватымъ и близко подходящимъ къ цвѣту лица недавно умершаго человѣка. Мы слышали не разъ отъ русскихъ, православныхъ, глядѣвшихъ на мощи чрезъ стекло у ногъ, что лице Кунцевича имѣетъ натуральный цвѣтъ человѣка спящаго или недавно умершаго, и тоже впечатлѣніе испытали лично, глядя въ тоже стекло; но когда, ставъ на скамеечку, мы заглянули въ верхнее стекло, то убѣдились, что лице также темно, какъ и рука, и тоже оказалось при открытіи крышки гробницы. Относительно бѣльскаго „Лѣтописца“ мы также имѣли гораздо раньше сего свѣдѣніе; но когда три года назадъ навели справки о немъ, то уже не могли напасть на его слѣдъ, и были-бы очень рады, если-бы этотъ драгоцѣнный памятникъ былъ вскорѣ отысканъ и изданъ.

Обращаясь за симъ къ тѣмъ статьямъ настоящаго выпуска, которыя имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе къ историческимъ судьбамъ Холмской Руси, не безъ удовольствія можно остановиться на сжатомъ очеркѣ судьбы православія въ Холмской Руси отъ начала въ ней христіанства до брестской уніи. Онъ не блещетъ новизною данныхъ, ни строгою ихъ провѣркою, но чуждъ излишествъ и запутанности и въ тоже время даетъ достаточное число разнообразныхъ по источникамъ историческихъ свидѣтельствъ для того, чтобы получить общее представленіе о движеніи и предѣлахъ распространенія православія, а паралельно и католицизма, на пространствѣ между Бугомъ и Вислою, искони занятомъ русскимъ населеніемъ, равно іерархической зависимости этого населенія, предѣлахъ и составѣ древней холмско-православной епархіи. Можно пожалѣть только о томъ, что авторъ не провелъ своего очерка дальше, не въ видахъ изложенія распространенія въ Холмщинѣ уніи, а въ видахъ подбора точныхъ свѣдѣній, какъ долго и гдѣ именно удерживалось какъ православіе, такъ и связанные съ ними обряды и обычаи. Когда нибудь и кому нибудь да нужно-же заняться этимъ, а такое изслѣдованіе отвѣчало-бы существенно задачамъ изданія.—Спеціалистовъ заинтересуетъ краткая замѣтка г. Павлова о Кормчей люблинскаго священника Павлова, писанной въ 1604 г. и хранящейся въ Румянцевскомъ Музеѣ, для всякаго-же вообще читателя любопытно вообще самое указаніе на этотъ рѣдкій памятникъ русской письменности и своего рода учености въ такомъ пунктѣ, гдѣ ничего русскаго не предполагалось.—Съ живѣйшимъ любопытствомъ прочли мы статью г Лонгинова „Памятники русской старины въ г. Люблинѣ“. Памятниковъ этихъ, положимъ, въ настоящее время почти нѣтъ, кромѣ описанной авторомъ раньше Преображенской церкви, о которой онъ трактуетъ и здѣсь; но за то въ лѣтописныхъ и архивныхъ источникахъ разсѣяна масса указаній на присутствіе въ самыя отдаленныя времена въ самомъ Люблинѣ и люблинской землѣ русскаго поселенія, русскаго владычества и жизни. Г. Лонгиновъ съ удивительною кропотливостію подбираетъ эти указанія и прямыя свидѣтельства у лѣтописцевъ русскихъ и польскихъ, въ актахъ люблинскаго трибунала и другихъ мѣстныхъ архивовъ, въ рѣдкихъ польскихъ и другихъ изданіяхъ и по совокупности всѣхъ ихъ, съ помощію искусныхъ соображеній, даетъ мѣсто и Люблину и люблинской землѣ въ первоначальномъ составѣ Червонорусскихъ земель, утверждая также, что и „во всей Сандомірской области, которой, по древнимъ грамотамъ, нѣкоторое время подчинялась люблинская земля, было также русское населеніе и православныя церкви“,

а сама Сандомирія у иностранцевъ называлась русскою землею". Это, можетъ быть, очень смѣло и положеніе г. Лонгинова встрѣтитъ немало возраженій; но тѣмъ не менѣе онъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ, удостовѣряющихъ, что въ самомъ Люблинѣ православіе древнѣе католичества и тогда какъ первый костелъ является здѣсь лишь въ концѣ XIII в., а первый католическій монастырь въ концѣ XIV в., указанія на существованіе здѣсь русскаго монастыря и русской часовни относятся къ болѣе раннему времени. а свидѣтельство о церкви св. Николая восходитъ даже къ X в. Найбольшій интересъ въ статьѣ Лонгинова представляетъ его попытка установить границы люблинской земли въ половинѣ XIII в., а вмѣстѣ и сосѣднихъ Холмской, Червенской, Белзской, Перемышльской, Брестской, а также Польши и Мазовіи. Предпосланная статьѣ карта этихъ границъ указываетъ вмѣстѣ и черты русскихъ поселеній здѣсь, которыя авторъ отодвигаетъ на западъ до Вислы, на сѣверъ до устья Вепря, а на югъ до р. Сана. Проводимая имъ по Вепрю и Быстрицѣ восточная граница люблинской земли, отдѣлявшая ее отъ холмской, рядомъ новыхъ данныхъ, въ собственномъ смыслѣ архивныхъ открытій, передаетъ въ эту послѣднюю и перечисляетъ въ разрядъ древнихъ коренныхъ русскихъ городовъ такіе, какъ Щебрешинъ, Туробинъ, Красникъ, Крешовъ и многіе другіе, которыхъ никому и въ голову не приходило считать русскими. И это не гипотеза; несомнѣнный документъ обстоятельно трактуетъ о русской церкви, русскомъ священникѣ, его строеніяхъ и земляхъ въ Туробинѣ еще въ началѣ XVI в.

Особенное вниманіе въ сборникѣ привлекаетъ новостью сюжета, чисто мѣстнымъ его характеромъ и живостью изложенія статья прот. Н. В. Страшкевича: „Устная народная словесность въ Холмской и Подляской Руси". Почтенный авторъ хорошо знакомъ съ краемъ, его исторіею и недавнимъ прошлымъ, слово его дышетъ живѣйшимъ сочувствіемъ къ народу, о которомъ онъ говоритъ; но новость предмета, почти не початаго, завлекла его въ пространныя разсужденія, съ помощію общихъ источниковъ и пріемовъ, о миѳическомъ, религіозномъ, обрядовомъ и всякомъ иномъ значеніи холмско-подляскихъ пѣсенъ и въ массѣ этихъ разсужденій расплывается тотъ сравнительно небольшой матеріалъ, который подлежитъ еще сличенію съ однороднымъ матеріаломъ другихъ малорусскихъ мѣстностей и опредѣленію со стороны количественнаго запаса, точности записи и точнаго обозначенія какъ мѣстности оной, такъ и всего протяженія пѣсни по холмско-подляскому краю. Авторъ самъ затрогиваетъ подобные вопросы, дѣлаетъ многіе любопытныя сближенія и выводы, вообще положилъ на это дѣло не

мало труда, и хотя самое это дѣло требуетъ еще большой подготовительной работы, но ему будетъ принадлежать честь хорошаго въ немъ почина.

Полна живаго интереса и статья г. Городецкаго о послѣднемъ холмскомъ уніатскомъ епископѣ Михаилѣ Куземскомъ. Свѣдѣнія о немъ взяты изъ хорошаго источника и тѣмъ не менѣе въ нихъ не точно переданы обстоятельства какъ избранія Куземскаго въ епископы, такъ и объясненія его съ намѣстникомъ предъ принесеніемъ присяги; отсюда вся дальнѣйшая путаница и рядъ противорѣчій въ дѣйствіяхъ епископа Куземскаго, которыхъ не можетъ понять авторъ статьи и которыхъ на самомъ дѣлѣ не было. Прежде всего не мы избирали Куземскаго, а намъ его предложили и мы согласились. Вышло такъ по ходу переговоровъ, а наводившіяся о Куземскомъ справки не дали намъ главнаго и существеннаго относительно его церковно-религіознаго направленія. За тѣмъ Куземскій, ссылаясь въ своемъ первомъ посланіи на „торжественное *запорученіе* высокаго управительства, що тоежде нѣякъ не будетъ стѣсняти совѣсти нашой, ниже нашому соединенію во вѣрѣ съ римско-католическою церквою въ нѣчомъ препятствовати", буквально только повторилъ слова графа Берга. О намѣреніяхъ правительства относительно упорядоченія епархіи между прочимъ путемъ очищенія обрядности извѣстно было ему изъ переговоровъ нашихъ съ нунціемъ; но Куземскій разумѣлъ это по своему, какъ дѣло, по его взгляду, ему одному принадлежащее. Никакой двойственности въ его дѣйствіяхъ не было, но о его „неподатливости на дѣло, не согласное съ его взглядами", предупреждалъ еще протоіерей Раевскій. Коротко сказать: Куземскій былъ человѣкъ очень умный, но вмѣстѣ и очень самостоятельный. Онъ былъ строгій народникъ, но вмѣстѣ и строгій уніатъ, точнѣе папистъ. Первое у насъ знали, послѣднему долго не хотѣли вѣрить. Пришлось однако повѣрить. Говорить объ этомъ больше и мы считаемъ преждевременнымъ.

Что касается альбома, составляющаго приложеніе къ настоящему выпуску „Памятниковъ", то онъ исполненъ съ тою роскошью, какую позволяютъ средства, находящіяся въ распоряженіи издателя. Состоитъ онъ изъ 15 приложеній, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ по нѣскольку изображеній. Изъ числа ихъ выдаются по своей древности: Церковь Спаса близъ Холма на мѣстѣ Щекова капища, церковь въ с. Витулинѣ XVI в. на Подлясьѣ, церковь св. Николая въ Брестѣ, въ которой провозглашена была унія 1596 г., евангеліе Холмское XIV в., Казимірское XV в. и другія, крестъ Брестскаго собора X или XI в.,

блюдо Замостьское XVI в. и проч. Въ ряду этихъ превосходно исполненныхъ снимковъ непріятно поражаетъ плохая фотографія депутаціи представлявшейся Государю во время присоединенія въ 1875 г., на которой мы съ трудомъ могли узнать близко знакомыхъ намъ лицъ.

Подготовляется новый выпускъ Памятниковъ старины въ Холмщинѣ и Подлясьѣ. Желаемъ почтенному издателю полнаго успѣха и жалѣемъ объ одномъ, что это изданіе такъ трудно доступно для публики по своей цѣнѣ.

Ѳ. Лобода.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ПОТРЕБНОСТЬ ВЪ БІОГРАФИЧЕСКОМЪ СЛОВАРѢ ЮЖНО-РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ И НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ЕГО ПРОГРАММѢ.

Русская литература не скупа біографическими работами, касающимися крупныхъ дѣятелей, имѣющихъ общегосударственное значеніе. Есть біографическіе словари, начиная съ труда Бантыша-Каменскаго, «Русскіе достопамятные люди» и кончая книгой Михневича «Наши знакомые». Но, къ сожалѣнію, ни въ общей, ни въ мѣстной литературѣ совсѣмъ нѣтъ біографическихъ трудовъ, касающихся дѣятелей провинціальныхъ. Можетъ быть, въ какихъ нибудь мѣстныхъ изданіяхъ и найдутся отдѣльныя отрывочныя статейки, или замѣтки подобнаго рода; но цѣльныхъ работъ, на сколько намъ извѣстно, не существуетъ, если не считать неудавшіяся попытки въ этомъ родѣ давняго времени.

Вполнѣ признавая все значеніе трудовъ перваго рода, отдающихъ домжное тѣмъ людямъ, дѣятельность которыхъ стоитъ на виду у всего государства, мы считаемъ все таки не менѣе полезными и необходимыми мѣстные словари, которые заключали бы въ себѣ біографію дѣятелей провинціальныхъ.

Пусть тѣ замѣчательные люди, жизнь и дѣятельность которыхъ вносится въ общерусскіе словари, вполнѣ заслуживаютъ признанія и оцѣнки; значитъ ли отсюда, что не заслуживаютъ его тѣ

лица, дѣятельность которыхъ видна лишь съ точки зрѣнія небольшаго территоріальнаго района? Скажемъ больше: не ихъ ли дѣятельностію, этихъ скромныхъ, не видныхъ мѣстныхъ дѣятелей. главнымъ образомъ создается культура, блестящій фокусъ которой отражается въ центрѣ?

Конечно, для всероссійскаго читателя нѣтъ интереса въ знакомствѣ съ жизнью и дѣятельностію всей огромной и разнообразной массы провинціальныхъ работниковъ; но за то для каждаго провиціальнаго обывателя не менѣе интересно и полезно знать дѣятелей своего территоріальнаго района, чѣмъ и дѣятелей съ общегосударственнымъ значеніемъ.

Отсюда слѣдуетъ, какъ необходимы біографическія изданія, посвященныя дѣятелямъ той, или другой области. Помимо всѣхъ прочихъ соображеній, подобныя изданія, во всякомъ случаѣ, будутъ достигать слѣдующихъ нравственно-общественныхъ цѣлей. Прежде всего, такимъ образомъ, мы отдаемъ дань признательности мѣстнымъ скромнымъ дѣятелямъ, не замѣчаемымъ общею печатью; затѣмъ мы будемъ надеждой на признаніе и оцѣнку питать и въ живыхъ дѣятеляхъ бодрость духа; наконецъ, и что самое главное, мы создаемъ фактическій матеріалъ, необходимый для сужденія о томъ, правильно ли, цѣлесообразно ли, т. е. вполнѣ ли сознательно ведется дѣло изученія родины и ея развитія, указывая же недостатки въ этомъ направленіи, мы будемъ способствовать внесенію въ это дѣло большей правильности, большей сознательности.

Все сказанное выше я примѣняю къ нашей мѣстности, и думаю, что было бы въ высшей степени полезнымъ дѣломъ собираніе матеріаловъ для словаря южно-русскихъ дѣятелей, прежде всего литературныхъ и научныхъ, а затѣмъ и общественныхъ, работавшихъ на пользу своей родины. Словарь этотъ долженъ захватывать и современниковъ, и умершихъ, дѣйствовавшихъ съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія. Само собой понятно, что здѣсь не можетъ имѣть мѣста какой-нибудь исключительный подборъ, напр. подборъ лицъ, дѣйствовавшихъ подъ вліяніемъ того или другого образа мыслей, направленія, хотя, конечно, слѣдуетъ давать преимущество біографіямъ лицъ, болѣе сознательно относившихся къ своей дѣятельности, передъ лицами, работавшими чисто случайно или по необходимости на томъ или другомъ поприщѣ.

Размѣръ біографическихъ свѣдѣній о томъ или другомъ лицѣ долженъ соотвѣтствовать также достоинству и количеству дѣятельности его на пользу родины. Минимумъ біографическихъ свѣдѣній долженъ состоять въ перечисленіи слѣдующихъ фактовъ: имя, отчество, фамилія, званіе, мѣсто и годъ рожденія и годъ смерти, мѣсто воспитанія и родъ службы, или занятій, родъ дѣятельности и указаніе работъ или трудовъ. Отъ лицъ, дѣятельность которыхъ опредѣлялась сознательной идеей изученія родины и содѣйствія ея развитію, желательно было бы получить также и указаніе на то, подъ какими вліяніями и обстоятельствами они воспитали въ себѣ эту идею (здѣсь разумѣется вліяніе семьи, отдѣльныхъ личностей, кружковъ, литературныхъ и научныхъ произведеній и т. п.).

Для практическаго осуществленія этого дѣла нужно предварительное собраніе свѣдѣній, черезъ лицъ той или другой мѣстности, о наиболѣе выдающихся мѣстныхъ дѣятеляхъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, и обращеніе къ живымъ личностямъ съ просьбой доставить, по извѣстной программѣ, біографическія свѣдѣнія о себѣ и объ умершихъ лицахъ, съ которыми они были хорошо знакомы. Затѣмъ нужны пересмотръ общихъ литературныхъ источниковъ (біографическихъ словарей россійскихъ дѣятелей) и мѣстныхъ изданій и извлеченіе изъ нихъ всего подходящаго матеріала. Заключительнымъ фазисомъ должна служить редакціонная разработка всего накопленнаго такимъ образомъ матеріала, которая дастъ уже возможность составить и общій обзоръ дѣятельности по всѣмъ разнообразнымъ сферамъ нашей общественной жизни.

Тогда-то и лишь тогда мы получимъ возможность знать, что уже сдѣлано въ той или другой сферѣ дѣятельности, общественной, или литературно-научной, чего еще не сдѣлано, получимъ данныя для правильныхъ указаній на счетъ ближайшихъ задачъ будущаго. Но чтобы этотъ обзоръ дѣйствительно соотвѣтствовалъ своему назначенію, чтобы онъ послужилъ руководствомъ для современниковъ и ближайшихъ потомковъ, необходимо для составителей его самимъ имѣть въ головѣ нѣкоторую программу должнаго, желательнаго и возможнаго. А такая концепція, какъ бы относительно малы ни были предъявляемыя къ ней наши требованія, все таки дѣло не легкое. Вотъ какъ

намъ приблизительно представляется эта программа по отношенію къ сферѣ научной.

Прежде всего, наука должна бы была дать намъ книгу по родиновѣдѣнію, т. е. такую книгу, которая знакомила бы насъ, хотя въ краткихъ очеркахъ, съ югомъ въ отношеніяхъ географическомъ, естественно-историческомъ, этнографическомъ, статистическомъ. Мы не имѣемъ ни экономики юга, т. е. того, что давало бы намъ понятіе о положеніи сельскаго хозяйства, промышленности заводской, кустарной и проч. и торговли юга, ни даже сборника лучшихъ экономическихъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, касающихся той или другой стороны экономическихъ явленій той или иной мѣстности. Между тѣмъ, такой сборникъ, какъ и вообще сборникъ лучшихъ журнальныхъ статей о югѣ, представлялъ бы весьма полезное изданіе. У насъ даже нѣтъ систематическаго указателя статей и книгъ, касающихся юга въ томъ, или другомъ отношеніи. Наше народное обычное право не только не разработано, но даже не сдѣлано простой сводки юридическихъ обычаевъ по существующимъ печатнымъ и письменнымъ матеріаламъ (рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, книгамъ общественныхъ приговоровъ, книгамъ сдѣлокъ и договоровъ и проч.). Недостаетъ у насъ цѣльной исторіи южно-русскаго народа, хотя отдѣльныхъ работъ уже сдѣлано не мало. Нѣтъ у насъ книги для изученія народа, которая бы служила руководствомъ по части познанія его въ этнографическомъ отношеніи, въ отношеніи экономическаго быта, народнаго здравія, правовыхъ воззрѣній, нравственно-религіознаго быта и т. д., заключала бы въ себѣ историческій очеркъ нашего самоизученія, программы для изученія народа и практическія указанія для лицъ, приступающихъ къ собиранію фактовъ, и наконецъ библіографію предмета. Нѣтъ у насъ талантливо написанной исторіи южно-русской литературы. Гдѣ у насъ сборники, или хрестоматіи лучшихъ произведеній южно-русскихъ писателей? Гдѣ словарь и грамматика малороссійскаго языка, надъ которыми многіе трудились многіе годы? И многаго, многаго у насъ нѣтъ по части изученія юга.

Въ такихъ, сознаемся, слишкомъ общихъ и грубыхъ чертахъ представляется намъ идеальная программа того, чего долженъ былъ

бы желать и ждать отъ научной дѣятельности нашъ югъ. Если принять эту программу за критерій для оцѣнки того, что уже сдѣлано или дѣлается въ этомъ направленіи, то ясно будетъ, какъ оно миніатюрно, отрывочно, какъ мало удовлетворяетъ своему назначенію.

Но за то тѣмъ большей признательностью мы обязаны по отношенію къ слишкомъ малочисленнымъ отдѣльнымъ единицамъ, которыя рѣшаются посвятить свою дѣятельность родному краю, и тѣмъ сильнѣе должны чувствовать потребность въ ознакомленіи съ ихъ жизнью.

П. Е.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ О МАЛОРУССКИХЪ ОДАХЪ ИЗЪ ВРЕМЕНИ НАПОЛЕОНОВСКИХЪ ВОЙНЪ.

Въ январьской книжкѣ «Кіевской Старины» текущаго года напечатаны двѣ малорусскія оды 1807—1812 гг. и предложенъ вопросъ: нельзя-ли признать авторомъ ихъ, или по крайней мѣрѣ *второй* изъ нихъ, И. П. Котляревскаго?

Положительно—нельзя. Именно *вторая*-то ода и была въ свое время напечатана, съ полною подписью автора ея, и о ней упоминаютъ крупные библіографическіе источники: извѣстная «Роспись» Смирдина (1828 г., № 7909) и «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ», Геннади (1876 г., ч. I, стр. 279). Въ «Росписи» Смирдина читаемъ: «Ода малороссійскаго простолюдина на случай военныхъ дѣйствій при нашествіи французовъ въ предѣлы Россійской Имперіи въ 1812 году; соч. *Петра Данилевскаго.* Спб. въ типографіи Ив. Глазунова, 1813 года (8), 1 р. 50 коп.»

Экземпляръ этой оды есть и въ нашей библіотекѣ: онъ дозволенъ къ печати цензоромъ Иваномъ Тимковскимъ 12 февраля 1813 года; въ экземплярѣ 22 страницы, изъ коихъ 12 занимаетъ собственно ода, а остальныя 13—22 представляютъ «словарь» къ ней, расположенный не по алфавиту, а по строфамъ, по порядку стиховъ. Нашъ экземпляръ представляетъ немалыя отличія отъ текста, напечатаннаго въ «Кіевской Старинѣ». Такъ напр. первые четыре

стиха въ «Кіевской Старинѣ» всѣ имѣютъ *женскія* риѳмы, чего не должно быть и что не встрѣчается ни въ одномъ изъ всѣхъ послѣдующихъ куплетовъ. Въ нашемъ экземплярѣ читается такъ:

«Слава Богу, стало гарно,
Мовъ видлигло въ животи;
Було дуже гирко, хмарно,
Якъ видъ дыму на печи.
Ніякійсь було поганець... и т. д.»

Отличій вообще много, но не всѣ онѣ важны. И если въ «Кіевской Старинѣ», вслѣдствіе описокъ, появились кое-гдѣ ямбы среди хореевъ, то и въ печатномъ экземплярѣ питерскіе наборщики соорудили немало опечатокъ. Не находя большого поэтическаго достоинства въ этой одѣ, мы укажемъ еще лишь одно—другое отличіе, да приведемъ пропущенные стихи.

Въ третьемъ куплетѣ пропускъ читается:

«Скильки війська зопсувавъ».

Конецъ пятаго куплета совсѣмъ иной:

«Мы божилися для ёго,
Кровь до капельки пролити,
Коли треба боронити
Руського Царя свого».

Стихъ: «И не Видень тоби брати»: читается:

«И не въ Вини даню брати».

Конецъ 16-го куплета опять иной:

«Зробимъ мы Москву Москвою,
А Парижъ тутъ головою
Все подправить до кола;
Мы й Москву не будемъ сами,
А французькими жъ плечами
Зробимъ кращу, нижъ була».

Слѣдующій пропускъ (на стр. 194) читается:

«Бачицця-бъ, зъ ёго й доволи
Въ свити симъ такои доли».

Наконецъ послѣдній куплетъ начинается такъ:

«Якъ хто-бъ зъ Музами ни знався,
Славу описати сю... и т. д.»

и этимъ покрывается пропускъ.

Любопытны объясненія въ *Словарѣ*, изъ которыхъ видны филологическія познанія нашихъ отцовъ въ 1812 году; приведемъ нѣкоторыя: *выстриганецъ*—вырвавшаясь фурія изъ ада; *бусурманъ*—беззаконный; *а засъ*—прочь, не дождешь; *мурый*—чернорожій; *не здурить*—не обакулишь (sic!); *пудло*—звѣрообразная нечесаная голова; *випиканецъ*—выскочившій какъ изъ кремня искра; *личина зла*—ядовитое твореніе; *тутъ имъ жаба цицьки дасть*—тутъ имъ гробъ будетъ; *мыронъ* (въ «Кіевской Старинѣ»: Иродъ) усталая лошадь; *атаману*—начальнику разбойниковъ; *Гге*—а что?; *Бигъ-ма*—Богу не угодно, этого не водится; *самъ якъ пыжъ*—одинехонекъ; *десь*—вѣрно; *якъ галушки*—какъ пироги; *коляду*—хвалу.

Съ этою одою имѣетъ очевидное *внутреннее* сходство и первая, напечатанная въ «Кіевской Старинѣ»; кромѣ того, въ обѣихъ встрѣчаемъ ту же самую форму стиха, тотъ-же порядокъ риѳмъ, тоже число стиховъ въ строфѣ, а иногда и совершенно одинакія выраженія; все это даетъ намъ основаніе заключить, что и первая ода несомнѣнно принадлежитъ тому-же Петру Данилевскому; а была ли она напечатана, не знаемъ.

Оды эти напоминаютъ намъ иную, *бытовую* пьесу 1812 года, сохранившуюся у насъ въ спискѣ и, какъ намъ кажется, весьма замѣчательную по легкости и картинности стиха. Читаешь ее—и просто не хочется вѣрить, что она написта *74 года назадъ*. Намъ списали ее давнымъ-давно, лѣтъ 50, если не больше, и помнится—*изъ книги съ синими страницами;* но откуда именно, и кто авторъ ея, и когда она напечатана—ничего этого нѣтъ въ нашемъ спискѣ; не библіографія тогда была и у насъ на умѣ. Судя по подписи подъ нею, думается, что она должна быть напечатана въ одномъ изъ *харьковскихъ* журналовъ, и мы усердно просимъ харьковскихъ книгочіевъ навести при случаѣ справки о ней. Можетъ быть, кто нибудь изъ богодуховцевъ вспомнитъ автора ея. А пока вотъ самая пьеса.

БЫВАЛО И ТЕПЕРЬ.

(Въ походѣ въ 1812 году).

Бывало, въ домѣ преобширномъ,
Въ кругу друзей, среди родныхъ,
Проводишь дни въ весельи мирномъ
И спишь въ постеляхъ пуховыхъ.

* * *

Теперь-же, въ обгорѣлой хатѣ,
Среди крестьянъ всегда живешь;
Взберешься скорчась на полати,
И на соломкѣ тамъ уснешь.

* * *

Бывало предъ меня поставятъ
Уху стерляжью, соусъ, кремъ,
Лимономъ бланманже приправятъ,—
Сижу—и ничего не ѣмъ.

* * *

Теперь—похлебкою худою
Съ мякиной хлѣбомъ очень сытъ;
Дадутъ капустицы съ водою,
Ѣмъ—за ушами лишь пищитъ.

* * *

Бывало, блюдечко варенья
Или конфектовъ съѣмъ одинъ,
Пью кофе для обыкновенья,
Какъ будто знатный господинъ.

* * *

Теперь—и пòлпиво дурное
Мнѣ нектарь, съ трубкой табаку;
Червонцы богачу пустое,
А нищій радъ и пятаку!

* * *

Бывало, знатныхъ по примѣру,
Безъ лучшей водки ѣсть нельзя,
И пьешь шампанское, мадеру,
И чаши пуншу вкругъ тебя!

Теперь, забывъ сіи бездѣлки,
Бѣжишь къ жиду скорѣй въ корчму,
На гривну тяпнешь тамъ горѣлки,—
И радъ блаженству своему.

***

Бывало, въ шубы двѣ одѣвшись,
Летишь на четырехъ коняхъ
Въ коляскѣ франкфуртской розлегшись,
Иль парой въ городскихъ саняхъ.

***

Теперь всѣ кони—кляча рыжа,
А шубы—тепленькій колетъ;
Готовъ въ немъ ѣхать до Парижа,
И горя никакого нѣтъ!

***

Бывало, съ милою дѣвицей
Сидишь и ловишь нѣжный взглядъ,
Мѣшаешь были съ небылицей,
Не видишь, какъ часы летятъ...

***

Теперь, отъ милой въ отдаленьи,
Воспоминаньемъ лишь живешь;
Вздохнешь, и сердцу въ облегченье
Слезу горячую прольешь...

***

Бывало, мнѣ лишь царедворцамъ
Стихи хотѣлось посвящать,
Я думалъ, славу стихотворцамъ
И дюжиннымъ доставитъ знать;

***

Теперь—я славы сей не знаю,
Вельможамъ лести не пишу;
Отраду въ дружбѣ обрѣтаю
И дружбѣ трудъ сей приношу.

Уланъ изъ Богодухова.

Какъ хотите—судите строго, но подобная піэса отъ *1812 года* показываетъ опытнаго въ стихотворствѣ человѣка, и веселый харак-

теръ его, и полноту молодости, которая легко переноситъ все, и именно по этому піэса чрезвычайно нравилась въ свое время и возбуждала сочувствіе молодыхъ дѣвицъ. Кто-же авторъ ея? И что еще есть въ печати изъ его произведеній?

С. П.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

4.

Въ пирятинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи находится м. Тепловка. Много интересныхъ преданій соединено съ этимъ именемъ. Запишу нѣкоторыя изъ нихъ.

Свое названіе Тепловка получила отъ имени своего основателя и перваго владѣтеля Григорія Теплова, извѣстнаго любимца последняго гетмана, своего рода временщика. Памятна его записка «О непорядкахъ въ Малороссіи»; но самъ онъ, пользуясь своимъ значеніемъ у гетмана, производилъ большіе непорядки. Самое основаніе Тепловки и разширеніе ея земельныхъ владѣній запечатлѣно именно непорядками. По р. Оржицѣ, на которой расположена Тепловка, въ половинѣ XVIII в. много земель принадлежало роду Свѣчекъ. Часть ихъ отнята была у Свѣчекъ Тепловымъ и тутъ оселена была большая слобода съ его именемъ, нынѣшнее мѣстечко Тепловка [1]). На противуположной сторонѣ Оржицы въ дачахъ Тепловки и теперь есть такъ называемая *Усова могила*. Тутъ жилъ уже послѣ основанія Тепловки козакъ Усъ, имѣвшій здѣсь поля на 500 дней (около 375 десятинъ). Теплову понравились эти поля и онъ захватилъ ихъ, какъ и земли Свѣчекъ. Въ живущей и доселѣ роднѣ козака Уса (родня по женской линіи: прадѣдъ нынѣшняго священника Залѣсскаго по матери, священникъ Суходольскій былъ женатъ на дочери Уса) сохранилось преданіе о самомъ способѣ захвата. Во время какой-то прогулки, или поѣздки въ гости Тепловъ подкатилъ къ хатѣ Уса на шестеркѣ бѣлыхъ лошадей и, приказавъ позвать его къ себѣ, самъ предложилъ ему уступить свои поля. Усъ молча стоялъ передъ знатнымъ паномъ, снявши шапку.

---

[1]) „Кіев. Стар." 1882 г., т. III, стр. 258.

Тепловъ бросилъ ему въ шапку кошелекъ съ деньгами. Усъ угрюмо отвѣтилъ: «на що мени гроши? Земля батькивьска; не хочу», и бросивъ кошелекъ въ экипажъ, ушелъ въ хату. Тепловъ уѣхалъ, а на другой день, когда Усъ вышелъ съ работниками на поле сѣять, явились козаки отъ Теплова и разогнали ихъ, заявивъ, что это поля Теплова. Усъ долго усомъ крутилъ, да ничего уже сдѣлать не могъ, ибо и сынъ его, служившій въ Лубнахъ въ полковой канцеляріи, заявилъ, что отъ Теплова нельзя ждать добра. Такъ и пропала «батькивщина». Въ Тепловкѣ васъ поразитъ обширность пруда, поверхность котораго и въ настоящее время, спустя сто лѣтъ послѣ рытья, равняется 150 десятинамъ, а жители вамъ разскажутъ, что надъ логовищемъ для этого пруда работали 1,000 козаковъ по наряду отъ Теплова. Извѣстенъ знаменитый его дворецъ, на постройку котораго, по записанному у Максимовича преданію, козаки-же возили кирпичъ изъ Кіева. По смерти Теплова и дворецъ и Тепловка находились во владѣніи гр. Завадовскихъ, а отъ нихъ пріобрѣтены князьями Долгорукими, теперь-же они принадлежатъ Штиглицу. Во время владѣнія Тепловкою Долгорукими, ее посѣтилъ покойный императоръ Александръ II.

Это было въ 1858 г. или 1859 г., во время или по случаю происходившихъ здѣсь лѣтнихъ маневровъ. Резиденція Теплова сохраняла еще тогда слѣды прежняго своего великолѣпія, увеличеннаго послѣ Теплова заботами Завадовскихъ и Долгорукихъ. Посреди громаднаго парка, расположеннаго на берегу многоводнаго озера, только теперь начавшаго нѣсколько заростать камышомъ, высился грандіозный трехэтажный дворецъ; къ нему вела длинная аллея, у начала которой стояли каменные ворота, съ урнами на столбахъ; всѣ усадебныя постройки были въ высшей степени художественныя въ архитектурномъ отношеніи. Когда было рѣшено, что государь пріѣдетъ въ Тепловку на смотръ, то изъ казны была отпущена значительная сумма на отдѣлку тепловскаго дворца. У Долгорукихъ дѣла были нѣсколько запутаны, къ тому-же хозяйка, княгиня Вѣра Гавриловна Долгорукая (урожд. Вишневская, сестра знаменитой кіевской красавицы Софіи Гавриловны Писаревой), постоянно проживала въ Парижѣ и протрачивала тамъ всѣ доходы, поэтому усадьба, требовавшая большихъ затратъ на ремонтъ, была запущена. Услыхавши о намѣреніи государя, князь Михаилъ Михайловичъ и кня-

гиня Вѣра Гавриловна пріѣхали въ Тепловку, гдѣ постоянно жили только ихъ дѣти: двѣ дочери и три сына. Въ концѣ лѣта государь дѣйствительно прибылъ въ Тепловку и прожилъ здѣсь нѣсколько дней, производя смотры войскамъ. Онъ милостиво обходился съ собравшимся дворянствомъ и хозяевами и обѣщалъ послѣднимъ позаботиться о судьбѣ ихъ дѣтей. Дѣвочки поступили потомъ въ смольный монастырь и одна изъ нихъ нынѣ свѣтлѣйшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская.

Во все время пребыванія государя въ Тепловкѣ въ княжескихъ хоромахъ жизнь била ключемъ и еще по отъѣздѣ августѣйшаго гостя одно увеселеніе смѣнялось другимъ. Дней черезъ десять гости стали разъѣзжаться, чтобы никогда уже болѣе не съѣзжаться въ этотъ волшебный замокъ. Отплясавши въ послѣдній разъ, и остальные приглашенные выбрались изъ-подъ гостепріимнаго крова. Всѣ были заняты проводами отъѣзжавшихъ и никто не замѣтилъ, какъ упала свѣчка изъ канделябра, загорѣлась гардина и вскорѣ огонь охватилъ все зданіе. Такъ какъ въ усадьбѣ не было никакихъ приспособленій на случай пожара, то въ самое короткое время отъ Тепловскаго дворца осталась лишь фасадная стѣна съ тремя рядами зіяющихъ оконъ, которая и понынѣ угрюмо высится въ глубинѣ полузаросшей аллеи. Усадьба запустѣла и время привело въ разрушеніе оставшіяся постройки. И теперь стоятъ эти развалины и напоминаютъ о быломъ величіи!

Самъ владѣлецъ сталъ потомъ сильно пить и умеръ въ Тепловкѣ въ хатѣ у бывшаго своего двороваго.

5.

Рѣшетиловское кое-что, но не смушки...

Рѣшетиловка, мѣстечко полтавскаго уѣзда, въ свою очередь напоминаетъ о быломъ величіи,—не происходившими впрочемъ въ ней многолюдными ярмонками, не продававшимися на ней смушками, т. е. кожами сивыхъ барашковъ и шапками изъ нихъ, но остатками богатствъ извѣстнаго Потемкинскаго секретаря Попова. Въ домѣ его наслѣдниковъ до послѣдняго времени сохранялась современная событію картина, изображавшая трагическую смерть «великолѣпнаго князя Тавриды» посреди новороссійскихъ степей. Устное преданіе

минута застигла его на пути. И вотъ на картинѣ изображена безпредѣльная степь, остановившаяся колымага и другіе экипажи; на разостланномъ по землѣ коврѣ лежитъ Потемкинъ, около него свита, племянница его графиня А. В. Браницкая, передъ нимъ на колѣняхъ съ иконой въ рукахъ стоитъ его докторъ Андрей Санковскій. По преданію, на картинѣ схваченъ слѣдующій моментъ: Потемкинъ, почувствовавъ себя дурно, говоритъ, обращаясь къ доктору: «спаси, Санковскій!» Послѣдній, указывая на икону, отвѣчалъ: «молитесь, только Богъ васъ спасетъ!» У потомковъ Санковскаго сохраняются, кажется, копіи съ этой картины. Снимокъ съ нея я встрѣчалъ въ видѣ приложенія къ чьему-то труду. Санковскій родомъ изъ г. Нѣжина, гдѣ имѣлъ собственный домъ, одинъ изъ лучшихъ въ то время въ городѣ домовъ. Потемкинъ, проѣзжая на югъ черезъ Нѣжинъ, всегда останавливался у него и полюбилъ гостепріимнаго хозяина. Узнавши, что Санковскій искусный врачъ, онъ предложилъ ему мѣсто своего домашняго доктора, на что тотъ, конечно, согласился. Послѣ смерти Потемкина, Санковскій купилъ себѣ хуторъ Скочакъ въ пирятинскомъ уѣздѣ, гдѣ и проживалъ послѣдніе годы своей жизни.

Весьма было-бы желательно, чтобы потомки этого близкаго къ Потемкину человѣка подѣлились съ публикою какими-либо документальными данными для его біографіи и фамильными преданіями о немъ.

6.

Еще память объ исчезнувшихъ богатствахъ, но вмѣстѣ съ памятникомъ искупительной жертвы за грѣхи.

По большой дорогѣ изъ г. Прилукъ въ г. Нѣжинъ, верстахъ въ восьми отъ Прилукъ, расположено большое село Товкачевка; у самой дороги стоитъ грандіозная церковь, которая, какъ по внѣшнему своему виду, такъ и по внутренней отдѣлкѣ, могла-бы составить украшеніе любого губернскаго города. Храмъ—каменный и обведенъ каменной-же оградой. Исторія его сооруженія слѣдующая.

Въ с. Товкачевкѣ въ первой половинѣ XIX ст. жила богатая помѣщица Сильвановичъ, жестоко обходившаяся со своими крѣпостными. Самымъ обычнымъ у нея наказаніемъ для провинившихся

часовъ на пробритое темя несчастной жертвы панскаго произвола. Когда подъ старость лѣтъ Сильвановичъ стала болѣть, то совѣсть заговорила въ ней и она, боясь загробныхъ мукъ, обратилась къ извѣстному полтавскому архіепископу Гедеону (Вишневскому) съ просьбой исповѣдать ее въ ея ужасныхъ грѣхахъ и дать наставленіе, какъ ей смягчить грозящую ей въ загробной жизни кару. Гедеонъ отвѣчалъ, что ея грѣхи столь велики, что только самоотверженнѣйшіе христіанскіе подвиги могутъ облегчить ихъ тягость и что первое доброе дѣло, какое ей слѣдовало-бы сдѣлать, это—сооруженіе храма Божія въ с. Товкачевкѣ. Тотчасъ-же было приступлено къ постройкѣ и въ результатѣ явился нынѣшній товкачевскій соборъ, на ремонтировку котораго Сильвановичъ оставила капиталъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ.

В. Н.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

Въ кременецкомъ уѣздѣ, между глубокими стариками, которыхъ у насъ не мало, въ числѣ различныхъ преданій о дѣлахъ давно минувшихъ дней, сохранилось кое-что и о пребываніи на Волыни части громадной арміи Наполеона при нашествіи его на Россію. Боковыя части Наполеоновскихъ полчищъ захватили на своемъ пути владимірскій уѣздъ и части уѣздовъ луцкаго, дубенскаго и кременецкаго. Между стариками изъ крестьянъ такихъ преданій не сохранилось. Крестьянинъ нашъ помнитъ только то, что вынесла его спина подъ властью пановъ, но ничего почти не знаетъ о томъ, что выходило за предѣлы обыкновенной его обстановки или за черту деревни, въ которой онъ жилъ.

Хранителями преданій о нашествіи Наполеона является обыкновенно старый, подъ часъ крѣпкій, коренастый чиншевой шляхтичъ или шляхтянка. Лица этой категоріи, не смотря на свою приниженность, не чужды были въ свое время политики и сознательно относились къ явленіямъ жизни, имѣющимъ общественный интересъ. Что я слышалъ отъ одного изъ такихъ шляхтичей, то и передаю здѣсь возможно точно.

«Какъ шелъ Наполеонъ на Россію, то войско его двигалось нѣсколько мѣсяцевъ такими большими массами, что «ажъ земля гула».

Для народа это было очень трудно; постои и подводы замучили. Хотя начальники и велѣли своимъ войскамъ платить за все, что берутъ у обывателей, но не обходилось и безъ шкоды: куры, гуси, овцы, а часомъ волы и коровы забирались безъ спросу. Но особенно сильно злодѣйствовали саксонцы. Они отнимали у людей скотъ и рѣзали его; если чего нельзя было брать съ собой, то портили; заколетъ на дорогѣ или въ дворѣ свинью и броситъ ее; развѣвали по вѣтру муку; разрѣзывали и выпускали на вѣтеръ пуховики; людей били и дѣлали всѣмъ всякую пакость. Русское начальство хотѣло тогда, чтобы изъ чиншевой шляхты, а также изъ панскихъ полѣсовщиковъ, надворныхъ козаковъ и проч. составить конные полки для войны противъ Наполеона. Чиншевая шляхта охотно соглашалась, но просила, чтобы ей предоставили въ вѣчное владѣніе ту землю, которую она держала у помѣщиковъ на чиншѣ, чтобы освободили шляхтичей и ихъ семьи отъ всякихъ отработковъ въ пользу помѣщика и чтобы во все время нахожденія шляхтича въ войскѣ семью его кормилъ помѣщикъ; если-же шляхтича убьютъ на войнѣ или онъ тамъ умретъ, то чтобы помѣщикъ навсегда обезпечилъ содержаніемъ сиротъ. Но затѣмъ дѣло это затихло и вскорѣ было совсѣмъ забыто.

Когда вошелъ въ Россію Наполеонъ, то объявилъ нашимъ большимъ панамъ: кто наберетъ и приведетъ съ собою въ его войско полкъ, тотъ будетъ полковникомъ, а кто два полка—генераломъ. Изъ такихъ великихъ пановъ набрали по полку и пошли за Наполеономъ графъ Ржищевскій и графъ Тарновскій. Полки эти графы набрали изъ своихъ крестьянъ; не обходилось тамъ и безъ нашей братіи шляхты. Ой, тай бѣды-жъ тамъ набрались наши жолнеры! Много было такихъ, что и не вернулись назадъ. Говорятъ, что много съ голоду пропало. Какъ гнали ихъ козаки отъ Москвы, то не дали нигдѣ даже и поѣсть. Отбили обозъ и графскую кухню; забрали въ плѣнъ панскихъ кухарей и всю прислугу. Одно время козаки какъ-то отстали; наши жолнеры сварили крупнику, заправили его саломъ и дали покушать своему полковнику графу. «Нигде, каже графъ, такои смачнои стравы не ядлъ». Я зналъ обоихъ полковниковъ Ржищевскаго и Тарновскаго; такъ и до самой ихъ смерти всѣ называли ихъ полковниками. Тарновскій умеръ недавно; будетъ съ небольшимъ десять лѣтъ. Онъ очень любилъ полюванье, и

справу до этого дѣла имѣлъ хорошую: егерей, псарей, собакъ столько, что и не сочтешь; а сѣти веревочныя такія имѣлъ, что ими можно обложить на нѣсколько верстъ лѣсъ. Какъ обложатъ этими сѣтями лѣсъ, то и гонятъ туда звѣрей, какъ въ «ятири» рыбу. А въ концѣ этой сѣти стоятъ стрѣлки, гости графа и самъ графъ; старый уже былъ крѣпко; не могъ стоять, такъ сидѣлъ. И какъ сбѣжится въ конецъ сѣти туча всякаго звѣря: дикія козы, волки, лисицы—хоть руками бери, то графъ стрѣляетъ самаго крупнаго звѣря. О, дуже старый уже былъ графъ! Былъ кавалеръ (не женатъ) до самой смерти».

Какъ иллюстрацію къ этому разсказу стараго шляхтича, прилагаю случайно попавшую ко мнѣ прокламацію того-же полковника Наполеоновской арміи, выданную за его подписью къ волынскимъ дворянамъ. Конечно, оригиналъ ея былъ на польскомъ языкѣ, мнѣ-же досталась она въ плохомъ русскомъ переводѣ, въ спискѣ затасканномъ и малограмотномъ, требовавшемъ нѣкоторой почистки.

Обыватели!

Не могу равнодушно слышать, какъ холодность волынянъ бросается въ глаза правительства нашего. Мимо желанія защищать васъ, признаться долженъ, что слишкомъ мало имѣю къ тому основаній. Когда отовсюду стараются доносить о движеніи и силѣ россіяновъ, волыняне одни молчатъ. Развѣ вы не имѣете одного съ нами желанія? Какая-же отговорка можетъ оправдать васъ въ глазахъ вашихъ братій, которые съ опасностію жизни придутъ сбрасывать съ васъ оковы? Волынь всегда имѣла признакъ обоюдности; было нѣсколько несогласныхъ, и они, гнѣздясь между многими, принесли общую отечеству гибель, а исторія наполнена описаніемъ событій, которыя съ содроганіемъ читать доводится. Вырокъ (воля) неба избавилъ васъ отъ нихъ, но вы-же должны искупить ихъ вины. Или не имѣете уже больше побужденій помогать возврату отчизны? Среди васъ я воспитался, съ вами живши, цѣнилъ вашъ образъ мыслей: гдѣ-же тотъ запалъ, который какъ меня, такъ и многихъ молодыхъ людей побудилъ броситься вдругъ, схватить оружіе и достигнуть побѣдъ съ горстью тѣхъ, которымъ географическое положеніе и политическія обстоятельства дозволили прежде назвать имя поляка! Увѣряю васъ, что приближается минута счастія: помогайте пораженію непріятеля сообщеніемъ намъ вѣрныхъ свѣдѣній о его движеніи и силѣ, да каждый шагъ его удостовѣритъ, что, ходя на чужой землѣ, гробъ себѣ уготовляетъ. Будучи репрезентантомъ вашимъ, предназначеннымъ съ полками первый [illegible]

отдѣляющую васъ, имѣю право желать съ вашей стороны вниманія ко мнѣ и доставленія мнѣ самыхъ частыхъ извѣстій. Расположеніе полковъ по границѣ даетъ вамъ удобные къ тому способы. Пусть-же никакія крайности не уменьшаютъ вашего рвенія къ общему благу въ такое время, когда благодареніе Богу и Великому Наполеону за возвращеніе отчизны должно наполнять сердца наши!

Графъ Тарновскій, полковникъ 16 полка польской кавалеріи.

На спискѣ перевода ни мѣста, ни времени выдачи прокламаціи нѣтъ, но подлинность ея видна по духу, складу и обстоятельствамъ дѣла, котораго она касается.

И. О—въ.

«НѢЧТО О ДИКОМЪ ПОПѢ».

Подъ такимъ заглавіемъ года два назадъ передана намъ членомъ кишиневскаго окружнаго суда В. Ѳ. Соловьевымъ рукопись, въ верху коей было написано: «Протоіерея Оранскаго». Изъ наведенныхъ нами у священника ново-московскаго собора о. Іоанникія Вахнина, по поводу сей рукописи, справокъ, мы узнали, что о. Кириллъ Оранскій былъ протоіереемъ новомосковскаго собора, состоялъ законоучителемъ въ тамошнемъ уѣздномъ училищѣ и тамъ же умеръ въ 1855 г., записку же свою о Дикомъ попѣ писалъ въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ по предложенію тогдашняго директора екатеринославской гимназіи Грахова. Для чего заказывалась записка и была ли она напечатана, о. Іоанникій отозвался невѣдѣніемъ, но при этомъ указалъ намъ на два источника объ интересовавшемъ насъ предметѣ: брошюру «Самарскій екатеринославской епархіи пустынно-николаевскій монастырь», изданную въ 1873 г. умершимъ недавно преосв. Ѳеодосіемъ (Макаревскимъ), епископомъ екатеринославскимъ, да въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 50-хъ годовъ небольшую статейку, написанную или извѣстнымъ Н. Мизко, или директоромъ Граховымъ. Но статейки Губернскихъ Вѣдомостей мы вовсе не могли добыть, а въ запискѣ протоіерея Оранскаго свѣдѣнія о Дикомъ попѣ болѣе полныя, чѣмъ въ брошюрѣ преосв. Ѳеодосія. Къ сожалѣнію записка страдаетъ полнымъ почти отсутствіемъ хронологіи, отъ чего ея свѣдѣнія теряютъ свою опредѣленность и достовѣрность.

Авторъ смѣшиваетъ притомъ послѣдніе годы существованія Запорожья съ наступившею за ними колонизаціею и имѣетъ смутное понятіе о ней и запорожцахъ а это еще болѣе усиливаетъ неясность изложенія. Краткое, но точное опредѣленіе Дикаго попа далъ въ своемъ рефератѣ на VI археологическомъ съѣздѣ спеціальный изслѣдователь запорожской старины г. Эварницкій, говоря, что это былъ сначала запорожскій священникъ, затѣмъ колонизаторъ Новороссіи и наконецъ строитель каменной церкви ново-московскаго, бывшаго запорожскаго, монастыря на р. Самарѣ. Въ виду такого значенія Дикаго попа всякое свѣдѣніе о немъ будетъ не лишне, и именно поэтому мы предлагаемъ здѣсь подлинный текстъ записки о немъ протоіерея Оранскаго, не смотря на неточность многихъ ея данныхъ.

Екатеринославской губерніи, ново-московскаго уѣзда въ народномъ преданіи отъ временъ Екатерины II донынѣ повторяется неполная біографія «*Дикаго попа*», названнаго такъ по неосѣдлости его въ продолженіе 75 лѣтней жизни. «Дикій попъ», сколько узналъ я изъ народнаго преданія и незначительныхъ письменныхъ документовъ, былъ отецъ *Кириллъ Тарловскій*, дворянинъ черниговской губерніи. Подъ кровомъ родителей достигнувъ полнаго возраста, о. Кириллъ на правахъ дворянина вступилъ въ гвардію временъ Екатерины II. Военная служба по началу ему далась, въ короткое время онъ пожалованъ офицеромъ; но послѣ неосторожность или шалость, свойственныя молодому офицеру гвардіи, уравнили его съ рядовыми, о. Кириллъ былъ разжалованъ. Жалкій конецъ военнаго поприща послужилъ урокомъ въ послѣдующей жизни Тарловскаго и потерянное время жизни въ военномъ званіи онъ вполнѣ вознаградилъ въ санѣ священника. По истеченіи срока службы рядоваго, Тарловскій получилъ отставку простаго солдата, и водимый упрекомъ совѣсти, захотѣлъ провести остатокъ жизни въ дали и неизвѣстности отъ родныхъ и знакомыхъ. Скитаясь по разнымъ мѣстамъ, Тарловскій успѣлъ пріучиться къ нѣкоторымъ механическимъ работамъ и, съ достоинствомъ самороднаго механика, въ Кіевѣ занялъ должность смотрителя (*мирошника*) мельницъ, принадлежащихъ владѣнію кіево-печерской лавры. Однообразная жизнь мельника скоро надоѣла Тарловскому. Проживши на мельницѣ среди днѣпровскихъ волнъ три года, онъ успѣлъ втереться въ послушники кіево-печерской лавры. Вотъ здѣсь-то, въ святой лаврѣ, гдѣ каждый шагъ напоминаетъ о небесной жизни, Тарловскій измѣняетъ родъ занятій, совершенно предается изученію духовныхъ божественныхъ истинъ. За неослабный трудъ въ исполненіи путей спасенія Провидѣніе увѣнчало его неимовѣрнымъ успѣхомъ: въ три года проживанія своего въ св. лаврѣ,

Тарловскій, въ качествѣ послушника, обратилъ особое вниманіе лаврскаго начальства доброю жизнію и знаніемъ истинъ православной вѣры, такъ что успѣлъ испросить дозволеніе итти лѣвой стороной внизъ по Днѣпру, какъ для собственнаго усовершенствованія въ духовной жизни, такъ и для просвѣщенія нѣкоторыхъ мѣстъ тогдашняго Запорожья. Совершая путь внизъ по Днѣпру--до устья рѣки Самары, Тарловскій ничѣмъ не обратилъ на себя вниманія запорожцевъ. По крайней мѣрѣ народное преданіе ничего о томъ не говоритъ. Отъ устья Самары направилъ онъ путь свой по лѣвой сторонѣ означенной рѣки къ Новосельцамъ—Самарѣ (нынѣшнему Новомосковску). Обозрѣвши здѣшнія окрестности, перешелъ на правый берегъ рѣки Самары, поворотилъ на городъ Павлоградъ. Путь въ Павлоградъ не далекъ. Но какъ любопытство Тарловскаго останавливало его походъ на каждомъ почти шагу, то прекрасные виды полей, окружающихъ село Кочережки, на пути въ Павлоградъ, остановили нашего путешественника на ночлегъ. Удовлетворивши жадное любопытство обзоромъ очаровательныхъ окрестностей, Тарловскій принялся для подкрѣпленія силъ готовить скромный дорожній ужинъ. Едва успѣлъ развести огонь и приготовить простой бурлацкій кулишъ—кашу, какъ два всадника предъ одинокимъ путешественникомъ остановили своихъ борзыхъ коней... Судя по наряду и наружности всадниковъ, Тарловскому не трудно было признать ихъ за запорожцевъ, съ которыми желая покороче познакомиться, дружески пригласилъ раздѣлить съ нимъ скромный, но пріятный полевой ужинъ. Незванные гости изъ незнакомцевъ въ нѣсколько минутъ пріятной бесѣды сдѣлались друзьями Тарловскаго. Прекрасный вечеръ, благоуханіе полей, пѣніе полевыхъ птицъ, жужжаніе травяныхъ насѣкомыхъ, голубое звѣздное небо—всѣ эти близкіе сердцу предметы навели разговоръ новыхъ друзей на предметы божественные, святые, и какъ гости Тарловскаго изъ разговора о предметахъ святыхъ, религіозныхъ замѣтили въ немъ знатока православной вѣры, то предложили ему мѣсто священника въ Запорожскомъ Кошѣ. Тарловскій не долго противился сердечной просьбѣ вечернихъ друзей, сказалъ впрочемъ, что «утро мудренѣе вечера, а потому вечеромъ я согласенъ, а утро не знаю что скажетъ». Друзья обрадовались такой интересной нечаянной находкѣ, расположились ночевать съ новымъ пріятелемъ. На утро вставши Тарловскій помолился Богу, тревожно сказалъ запорожцамъ: «быть по Божьему—согласенъ предъ Богомъ молиться о благополучіи вашего Коша». Съ восходомъ солнца друзья поцѣловались, перекрестились и—съ Богомъ въ Запорожскій Кошъ пустились. Въ полдень показался Запорожскій Кошъ. Путники спѣшились и не торопясь подходили къ жилью, внимательно наблюдая за Тарловскимъ, котораго взоры быстро перебѣгали съ одного «куриня» (шалаша) на другой. Быстро пробѣжала

вѣсть въ запорожскихъ шалашахъ о прибытіи незнакомца въ Кошъ. Старшины запорожцевъ приняли съ радушіемъ Тарловскаго, не долго испытывали новаго знакомца, въ двѣ недѣли рѣшили общимъ совѣтомъ просить чрезъ своихъ пословъ кіевскаго митрополита рукоположить Тарловскаго во священника въ Запорожскій Кошъ. Послы назначены и Тарловскій отправился съ ними въ Кіевъ. Судя по вниманію лаврскаго начальства и по невѣжеству Запорожья въ религіозномъ отношеніи, онъ не сомнѣвался получить санъ священника—и дѣйствительно не обманулся въ надеждѣ. Кіевскій митрополитъ, споспѣшествуя просвѣщенію Евангеліемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Запорожья, по испытаніи въ догматахъ вѣры рукоположилъ Тарловскаго. Такимъ образомъ о. Кириллъ, удостоившись священнаго сана, возвратился въ Запорожскій Кошъ, гдѣ и началъ блистательное поприще своей жизни въ высокомъ званіи священника. Прежде всего обратилъ вниманіе на нравственность и религіозность запорожцевъ—и долго боролся отецъ Кириллъ съ новой паствой, закоренѣлой въ предразсудкахъ, глупыхъ повѣрьяхъ; однако-же трудъ, свойственный истинному пастырю духовнаго стада, увѣнчался желаннымъ успѣхомъ. О. Кириллъ исторгъ самые корни суевѣрія въ пасомыхъ, и сдѣлался извѣстнымъ во всей почти екатеринославской губерніи. Запорожцы на опытѣ увѣрившись, что совѣты отца Кирилла доставляютъ благополучіе въ простомъ ихъ быту, мало по мало начали забывать невыгодные курини и знакомиться съ осѣдлою жизнію. Внимательность начальства не упустила изъ виду заботливости отца Кирилла. Бывшій въ то время въ Екатеринославѣ губернаторъ генералъ Чертковъ, видя въ немъ человѣка нужнаго въ успѣхѣ заселенія новороссійскаго края, о трудахъ отца Кирилла и участіи его въ желанномъ исполненіи распоряженій правительства, довелъ до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго князя Потемкина. Съ этого времени кругъ дѣятельности о. Кирилла расширился. Не ослабѣвая въ исполненіи обязанностей, возложенныхъ на него саномъ священническимъ, отецъ Кириллъ показалъ себя ревностнымъ, заботливымъ пастыремъ и во внѣшнемъ устройствѣ своей паствы. Извѣстно, что въ здѣшнихъ мѣстахъ во времена Екатерины II почти не имѣли понятія объ осѣдлой жизни. Селился, кто гдѣ хотѣлъ. Управлялись поселенцы болѣе естественнымъ произволомъ и пользовались полями, сколько кому дозволяли средства. При благомъ распоряженіи о заселеніи южнаго края—отецъ Кириллъ явился неутомимымъ исполнителемъ мысли правительства. Губернаторъ генералъ Чертковъ, опытомъ дознавши дѣятельность отца Кирилла въ дѣлѣ заселенія новороссійскаго края, довѣрилъ его распоряженію нѣкоторыя средства, назначенныя правительствомъ для успѣшнаго устройства осѣдлости поселенцевъ. Отецъ Кириллъ вполнѣ оправдалъ довѣріе г. Черткова. Содѣйствуя внутреннему

настроенію своей паствы, развитію умственныхъ и чувственныхъ (sic) способностей, онъ избиралъ для селенія самыя очаровательныя мѣста, такъ что довольно было поселенцу посмотрѣть на мѣстность, чтобы забыть невыгодный «куринь» (шалашъ) и навсегда остаться осѣдлымъ жителемъ. Зная приверженность поселенцевъ къ вѣрѣ, отецъ Кириллъ, гдѣ хотѣлъ устроить селеніе, прежде всего полагалъ камень въ основаніе церкви, для которой дѣлалъ модель, самъ былъ фундаторомъ и распоряжался работами. Какъ только окончится постройка церкви, тотчасъ является селеніе, состоящее по началу изъ незначительнаго числа избъ, приготовленныхъ ранѣе стараніемъ отца Кирилла. Мало того: чтобы поселенцы не оставались праздными, о. Кириллъ, при средствахъ дарованныхъ г. Чертковымъ, каждому новому хозяину давалъ пару воловъ, лошадь, 10 овецъ и нѣкоторые полевые снаряды, необходимые для сельскаго быта. При такихъ средствахъ и неутомимой дѣятельности, о. Кириллъ въ своей жизни успѣлъ соорудить нѣсколько церквей и столько-же устроить селеній. Первое селеніе устроилъ *Булаховку* (имѣніе Сокологорскаго) съ церковію на томъ мѣстѣ, гдѣ названные запорожцы пожаловали къ о. Кириллу на ужинъ. На лѣвой сторонѣ Самары соорудилъ церкви въ *Васильевкѣ* (имѣніе графа Ностицъ въ 30 верстахъ отъ Новомосковска), въ *Воскресенкѣ* (имѣніе Болюбаша). Въ этомъ послѣднемъ селеніи, можно сказать, болѣе всего о. Кириллъ провелъ времени, оставилъ много драгоцѣнностей собственной работы, интересныхъ записокъ по разнымъ предметамъ; даже до сихъ поръ уцѣлѣла его рабочая комната. Впрочемъ говорю объ этомъ, какъ слыхалъ—не болѣе. На правомъ берегу Самары устроилъ *Новоселку* (Шинѣевъ)... и наконецъ основалъ Пустынно-Николаевскій монастырь [1]), нынѣшній загородный архіерейскій домъ. Въ ризницѣ монастырской до сихъ поръ сохраняется портретъ о. Кирилла. Прекрасная мѣстность Пустынно-Николаевскаго монастыря понравилась о. Кириллу такъ, что хотя онъ и наблюдалъ за всѣми устроенными имъ церквами, однако-жъ навсегда избралъ жильемъ своимъ монастырь, гдѣ и упокоилъ себя послѣ 75 лѣтнихъ трудовъ.

Авторъ записки, видимо старался пріукрасить личность Дикаго попа, низводя запорожцевъ чуть не на степень дикарей и язычниковъ и навязывая Тарловскому высшія побужденія къ странствованію, которое привело его къ сану священника. Болѣе вѣроятнымъ представляется, что Тарловскій, послѣ разжалованія въ солдаты, просто бѣжалъ изъ военной службы и не имѣвъ возможности укрываться долго въ стѣнахъ кіево-печерской лавры, сталъ

---

[1]) Т. е. построилъ въ немъ новую каменную церковь... *Л. М.*

рѣшилъ пробираться въ Запорожье, гдѣ наставалъ уже конецъ всякимъ поискамъ. На одномъ изъ ночлеговъ въ дикомъ полѣ наѣхали на него запорожцы и когда прибывъ съ ними въ Кошъ, Тарловскій оказался пригоднымъ къ священству и получилъ наконецъ священный санъ, то по обычаю запорожцевъ, дававшихъ простыя и мѣткія прозвища, для него не могло быть болѣе естественнаго, какъ названіе Дикаго попа, т. е. взятаго съ дикаго поля. Но ни это прозваніе, ни предшествовавшій ему побѣгъ и скитальчество, такъ обыкновенныя въ то время, нисколько не умаляютъ значенія о. Тарловскаго, какъ строителя церквей и безкорыстнаго колонизатора.

Закончимъ нашу замѣтку слѣдующею выдержкою изъ письма къ намъ упомянутаго выше достопочтеннаго о. Іоанникія Вахнина, называющаго почему-то о. Кирилла *Тарахъ-Тарловскимъ*. «Въ 1873 году были мы, вмѣстѣ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ въ с. Воскресновкѣ, у родственникотъ Тарловскаго; въ обитаемомъ ими домѣ они показывали намъ *свѣтличку*, въ которой проживалъ о. Кирилтъ, но ничего болѣе важнаго не могли о немъ сообщить. Въ самарскомъ монастырѣ, въ архіерейскомъ домѣ, въ числѣ прочихъ портретовъ, есть и портретъ Тарловскаго. Портретъ во весь ростъ, писанъ масляными красками. О. Кириллъ—въ рясѣ зеленаго цвѣта; внизу риѳмованная подпись:

«Портретъ сей Кирыла,
Щедрота коего сей храмъ соорудыла».

Собщ. **Л. Мацѣевичъ.**

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ БІОГГАФІИ АДАМА КИСЕЛЯ.

Въ XIII т. «Кіевской Старины» помѣщенъ историко-біографическій очеркъ, подъ заглавіемъ: «Адамъ Кисель, воевода кіевскій». Авторъ этого очерка, между прочимъ, говоритъ: «ни одинъ изъ извѣстныхъ источниковъ не указываетъ ни мѣста кончины Адама Григорьевича, ни точной даты». Изъ этихъ словъ и другихъ мѣстъ очерка видно, что авторъ его, къ сожалѣнію, не знакомъ съ содержаніемъ надписей на памятникъ надъ гробомъ и на самомъ гробѣ Адама Григорьевича Киселя въ церкви с. Низкиничъ и его духовнымъ завѣщаніемъ, копія котораго, выданная вдовѣ Адама Григорьевича 24 іюля 1653 г. (Wypis z ksiąg Grodzkich zamku Włodzimir

skiego) хранится до настоящаго времени въ архивѣ низкиничскаго имѣнія. По этому мы рѣшаемся дополнить біографическія свѣдѣнія объ А. Гр. Киселѣ нѣсколькими данными, извлеченными изъ упомянутыхъ источниковъ и прилагаемъ списокъ надписей, находящихся на памятникѣ Киселя и его гробѣ въ низкиничской церкви.

Адамъ Григорьевичъ Кисель умеръ, какъ видно изъ надписи на памятникѣ, во время брестскаго похода 3 мая 1653 г. 1 мая составлено имъ въ Брестѣ-Литовскомъ духовное завѣщаніе, которое, послѣ его смерти, 6 того-же мая внесено въ брестскія гродскія книги. Все это указываетъ, что онъ умеръ въ Брестѣ-Литовскомъ. Надгробная надпись и духовное завѣщаніе удостовѣряютъ, что Адамъ Григорьевичъ жилъ 53 года, слѣдовательно родился онъ въ 1600 г.

Согласно духовному завѣщанію, Адамъ Григорьевичъ похороненъ въ низкиничской церкви въ одномъ гробѣ съ роднымъ братомъ своимъ Николаемъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ надгробная надпись. На поляхъ духовнаго завѣщанія помѣщена замѣтка, судя по почерку и черниламъ, близкая ко времени написанія копіи завѣщанія, т. е. 24 іюля 1653 г., а въ этой замѣткѣ послѣ словъ о томъ, что Николай Кисель тоже умеръ въ Брестѣ, хотя раньше Адама, и что тѣло его перевезено въ Низкиничи, написано буквально слѣд.: «а не такъ, какъ декретахъ трибунальскихъ написано, будто на войнѣ погибъ». Какъ согласить эту столь категорическую поправку съ тѣмъ, что такъ обстоятельно говоритъ авторъ «Очерка» о погибели Николая Киселя въ битвѣ съ Богуномъ подъ Винницею, приводя выдержку изъ слѣдовавшаго за тѣмъ письма Адама Григорьевича къ канцлеру и изустнаго отвѣта Хмельницкаго Адаму Киселю о смерти брата его Николая, не оставляющія, кажется, сомнѣнія въ томъ, что Николай палъ въ битвѣ? Не были-ли первыя о семъ свѣдѣнія, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, не точными и не умеръ-ли Николай Кисель и въ самомъ дѣлѣ въ Брестѣ, хотя, быть можетъ, и отъ ранъ полученныхъ въ битвѣ подъ Винницей?

Изъ духовнаго завѣщанія Адама Григорьевича видно, что послѣ него осталось много родственниковъ и всѣ они не забыты при распредѣленіи завѣщателемъ своего имущества; но близкою родственницею онъ считалъ только дочь роднаго брата Николая, Елену-Илларію, жену старосты владимірскаго Стемпковскаго, къ которой, какъ и къ умершему своему брату, относился съ особенною

любовью. Кромѣ этой племянницы въ завѣщаніи упоминаются дальніе родственники покойнаго: Николай Кисель, подкоморій дербскій, Петръ—староста вышгородскій, Юрій—староста синицкій, Яковъ, Илья, Владиславъ, Ярославъ и Михаилъ Кисели, послѣдніе четыре малолѣтніе (minoreni).

Что касается религіозныхъ убѣжденій Адама Григорьевича и преданности его православію, этой самой симпатичной черты его характера, то въ духовномъ завѣщаніи говорится слѣдующее: «Пятьдесятъ три года жизни моей, которые позволилъ мнѣ прожить Господь Богъ, пребывалъ я въ православной католической религіи святой восточной церкви Божіей, матери моей, въ которой лѣтъ шестьсотъ неизмѣнно оставались предки мои; въ ней хочу оставаться и теперь до послѣдняго моего издыханія»...

Относительно доставки надгробнаго камня, по старанію Адама Григорьевича, изъ Польши въ Москву, авторъ высказываетъ предположеніе, что въ смутное время увезены поляками изъ Москвы мощи одного изъ русскихъ князей, вмѣстѣ съ мраморною гробницею или плитою, что мощи возвращены вскорѣ обратно, а за тѣмъ, по старанію Адама Григорьевича возвращена и плита. Не знаемъ, на чемъ основано предположеніе автора объ увозѣ поляками *мощей* какого-то князя изъ Москвы; надгробная плита, доставленная Адамомъ Григорьевичемъ, составляла надгробный памятникъ царя Василія Ивановича Шуйскаго. Въ Справочномъ Энциклопедическомъ словарѣ, изд. 1847 г., подъ ст. «Адамъ Кисель» говорится: «Адамъ Кисель въ 1648 г. прислалъ изъ Польши надгробный мраморный камень съ могилы скончавшагося тамъ царя Василія Ивановича Шуйскаго, съ латинскою надписью». Изъ очерка Костомарова—«Василій Шуйскій» видно, что надъ могилой этого царя дѣйствительно былъ поставленъ памятникъ «съ латинскою надписью, восхваляющею великодушіе Сигизмунда». Самые гробы царя Василія, его брата Димитрія и жены послѣдняго Екатерины Шуйскихъ привезены въ Москву еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и тѣло царя Василія похоронено 11 іюня 1635 г. въ архангельскомъ соборѣ, а надгробная плита была уже доставлена по ходатайству А. Гр. Киселя.

Построенная А. Гр. Киселемъ въ родовомъ его имѣніи Нисеничахъ крестообразная, о пяти куполахъ, церковь во имя По-

крова Божіей Матери сохраняется досел, хотя по малочисленности прихода находится въ крайней бѣдности. По стѣнамъ видны изображенія, свидѣтельствующія о томъ, что церковь была въ уніи; остались даже боковые олтари при стѣнахъ. Вправо отъ средины церкви подъ поломъ церковнымъ сохраняется гробница Киселя, а въ нишѣ стѣны устроенъ памятникъ ему, состоящій изъ поясной статуи, отдѣляющейся отъ стѣны, съ металлическимъ перначемъ въ правой рукѣ, и двухъ утвержденныхъ подъ нею мраморныхъ плитъ, окаймленныхъ мраморною-же узорчатою рамою.

На верхней доскѣ высѣчена эпитафія на польскомъ языкѣ, латинская надпись на нижней доскѣ содержитъ въ себѣ краткое описаніе заслугъ покойнаго.

Привожу первую какъ въ прекрасномъ ея подлинникѣ въ стихахъ, такъ и въ переводѣ прозою, съ удержаніемъ по возможности конструкціи и ритмъ подлинника, вторую-же передаю только въ переводѣ.

Вотъ текстъ первой:

Anastasia z Nowosiułek Bohuszowiczowna Kisielowa Wojewodz. Kiowska. N. T. St.

Анастасія изъ Новоселокъ Богушевичевна Киселева, воеводина кіевская, носовская, тлумацкая старостина.

Synowcu z bratem niedawnoś mogiły
I matce sypał ze mną, męzu miły;
Teraz niestety na tom się została,
Bym ci mogiłę samemu sypała.
Mnie kto wysypie! zostałam się sama,
Przecz mie nic kryje z męzem jedna jama.
Jedno, mężu, ciało byłam z tobą; twoje
Tu lezy w grobie, czemu też nie moje?
Smierć mię od przyjaciela łączy:
Wprzod cie, jak głowe, wzięła, na mnie skonczy
Aż w ten czas chyba w tey serdeczney ranie
Bol, ktory cierpie, boleć nie przestanie.

Племяннику съ братомъ недавно могилы
И матери ты сыпалъ со-мною, мужъ милый!

Теперь здѣсь за тѣмъ я осталась,
Чтобъ тебѣ могилу насыпала.
Мнѣ кто-жъ насыплетъ?.. Осталась я сама,
Не скроетъ меня съ мужемъ яма одна.
Одно тѣло была я съ тобою; твое
Лежитъ тутъ во гробѣ,—отъ чего-жъ не мое?
Разлуку устроила мнѣ смерть съ тобой,
Впередъ тебя, какъ голову взяла, а кончитъ ужъ мной,
И развѣ тогда въ моей сердечной ранѣ
Боль, которую терплю, болѣть перестанетъ.

Содержаніе надписи на нижней доскѣ памятника слѣдующее:

«Прохожій! остановись, читай! Этотъ мраморъ кроетъ славнаго потомка рода Святольдта, славу и опору государства, Адама съ Брусилова Киселя, бывшаго каштеляномъ черниговскимъ, потомъ воеводой брацлавскимъ и кіевскимъ, мужа, отличавшагося въ бояхъ прозорливостью, твердостью, побѣдителя въ сраженіяхъ, при Сигизмундѣ III, подъ Хотиномъ противъ турокъ, въ Пруссіи противъ шведовъ, а во время Владислава прославившагося въ дѣлахъ противъ Москвы; онъ, будучи посломъ въ Москвѣ, склонилъ царя дать клятвенное обѣщаніе на вѣрность заключенному договору присоединить къ королевству сѣверское княжество и, какъ правитель его, со славою поддерживалъ въ немъ порядокъ; въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ взбунтовавшихся козаковъ заставилъ (козаковъ) преклониться съ покорностью къ стопамъ Яна-Казиміра, и въ то время, когда онъ съ особеннымъ усиліемъ трудился на этомъ пути для общественной пользы, жизненная нить его пресѣчена смертью въ брестскомъ походѣ 3 мая 1653 г., на 53 году жизни.

Я (говорится, конечно, отъ имени вдовы Адама Григорьевича) желала, чтобы ты зналъ объ этомъ. Будь-же здоровъ! Плачь о потерѣ этого знаменитаго мужа, оплакиваемаго мною и его достойными согражданами, и да будетъ этотъ памятникъ образцомъ для твоей жизни[1]»

Гробъ А. Гр. Киселя находится въ подземельѣ, куда надо спускаться по ступенькамъ. Склепъ просторный; внутри его помѣщается металлическій, весь съ барельефными изображеніями гробъ; крышка его плохо держится, внутри кости воеводы кіевскаго и остатки его истлѣвшей одежды. На гробѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

(съ правой стороны) Adam z Brusiłowa Kisiel Wojewoda, Generał ziem Kiowskich, Nósowsky, Tłumacky et caet. Starosta.

(на лѣвой сторонѣ) Mikołay z Brusiłowa Kisiel, Czerkasky, Sienicky Starosta, pułkownik. i. k. Послѣднія двѣ буквы съ прибавкою *m*, опущенной, какъ кажется, по недостатку мѣста, могутъ означать: его королевской милости.

Е. Д—кій.

ПАМЯТИ ПРЕОСВ. ФИЛАРЕТА, АРХІЕПИСКОПА ЧЕРНИГОВСКАГО.

Скоро исполнится 20-ть лѣтъ со дня смерти высокопреосвященнаго Филарета (Гумилевскаго), архіепископа черниговскаго. Онъ принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ и достойнѣйшихъ архипастырей русской церкви послѣднихъ десятилѣтій, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду ученѣйшихъ и плодовитѣйшихъ писателей нашихъ вообще и въ частности духовныхъ. Его достойнымъ соперникомъ въ этомъ отношеніи является лишь свѣтлая личность недавно скончавшагося митрополита московскаго Макарія (Булгакова). Ученые труды его настолько всѣмъ извѣстны и служатъ столь важнымъ пособіемъ и руководствомъ при всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ по отечественной исторіи церковной и гражданской, что распространяться о нихъ было бы совсѣмъ излишне. Довольно назвать капитальнѣйшія изъ его произведеній: Исторію русской церкви, О пѣснопѣніяхъ въ русской церкви, Историческое ученіе объ отцахъ церкви, Догматическое Богословіе, Жизнь святыхъ русской церкви и Историко-статистическое описаніе харьковской, а также черниговской епархіи, чтобы припомнить себѣ его важное значеніе въ нашей церковно-исторической литературѣ.

Но тогда какъ ученая дѣятельность и заслуги архіепископа Филарета всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны и представляются въ яркомъ свѣтѣ, дѣятельность его по управленію разновременно ввѣрявшимися ему епархіями (рижскою, харьковскою и черниговскою), а также частная его жизнь не только не пользуются извѣстностію, но при жизни архипастыря составляли иногда предметъ злословія и

осужденія. Не отъ того ли это, что, по слову Спасителя, *никто-же возможетъ двѣма господинома работати, любо единаго возлюбитъ, о друзѣмъ же нерадити нѣтъ?* Нѣтъ, многое можно бы сказать въ похвалу архипастырскихъ трудовъ и заботъ и непорочной жизни этого симпатичнаго святителя; но потому, что труды административные рѣдко получаютъ общую извѣстность, а келейная жизнь и совсѣмъ бываетъ закрыта отъ очей міра, но не отъ его языковъ. Самое положеніе нашихъ архипастырей таково, что отъ злословія и нареканій, которыя доходятъ до нихъ гораздо рѣже, чѣмъ куреніе и лесть, они не имѣютъ возможности защититься ни путемъ гласности, ни путемъ общественныхъ отношеній. Тѣмъ отраднѣе выслушать живой голосъ со стороны, направленный къ опроверженію злословія и уясненію истины относительно личности столь высокочтимаго архипастыря, какимъ былъ архіепископъ черниговскій Филаретъ. Такимъ именно голосомъ является намъ помѣщаемое ниже письмо одного изъ помѣщиковъ черниговской губерніи къ архіепископу могилевскому Анатолію Мартиновскому, заимствованное изъ бумагъ сего послѣдняго и посвященное цѣликомъ воспоминанію о преосв. Филаретѣ. Преосв. Анатолій состоялъ въ близкихъ отношеніяхъ съ пр. Филаретомъ, переписывался съ нимъ по вопросамъ нуждъ нашей церкви и незадолго до смерти послѣдняго посѣтилъ его въ Черниговѣ. Письмо писано спустя два мѣсяца послѣ смерти архіеп. Филарета и дышетъ такою искренностію и непринужденностію, что невольно располагаетъ къ полному довѣрію. Фамиліи лица, писавшаго это письмо, мы не могли разобрать и не доискивались узнать ее, такъ какъ тутъ интересъ не въ имени, а въ дѣлѣ. Въ письмѣ факты и никакихъ общихъ фразъ, и тѣмъ болѣе потому оно цѣнно. Пр. Филаретъ скончался, какъ извѣстно отъ холеры, постигшей его въ пути. Страхомъ за собственную жизнь сопровождавшихъ его священниковъ объясняется то мѣсто письма, гдѣ брошенъ укоръ всѣмъ или нѣкоторымъ изъ нихъ въ томъ, что они оставили умершаго владыку. Приводимъ текстъ этого любопытнаго письма во всемъ его объемѣ и точномъ видѣ.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Архипастырь!

Начну письмо мое словомъ благодарности за дорогую память вашу и вниманіе, переданное мнѣ Надеждой Егоровной Кулябкой-Корецкой. И о васъ, владыка, память присуща всегда намъ. И постоянно мы утѣшаемъ себя мыслію видѣть васъ у себя въ Ущерпьи, такъ какъ вы можете быть отъ насъ въ 20-ти верстахъ. Очень прискорбно было намъ узнать, что вы посѣщали Сухари въ отсутствіе наше.

По доброй памяти вашего высокопреосвященства къ почившему архипастырю нашему я почелъ не лишнимъ сообщить вамъ нѣкоторыя факты и свѣденія о владыкѣ, болѣе или менѣе обрисовывающіе его дѣятельность, его качественную сторону. Быть можетъ о. ректоръ сообщилъ вамъ, владыка, что Богъ не допустилъ меня носить въ сердцѣ грѣховное недоразумѣніе на счетъ жизни и личныхъ качествъ владыки. Я до того сталъ близокъ къ нему послѣднее время, что лишеніе его и нынѣ не изгладило глубокой скорби моей. Я видѣлъ и узналъ въ немъ истиннаго христіанина, стойкаго блюстителя высокихъ истинъ, ввѣренныхъ его храненію, человѣка, исполненнаго горячей любви къ ближнему.

Біографія его его вамъ извѣстна, труды его тоже. Но я не могу не сообщить вамъ о нѣкоторыхъ случаяхъ его частной жизни, обнаруживающихъ его взглядъ на вещи, его постоянную намять о небѣ, нѣкоторыя случайности, имѣющія какое-то пророческое указаніе на его кончину. Такъ какъ письмо мое не имѣетъ претензій на литературную статью, то не ищите, владыка, здѣсь ни послѣдовательности, ни системы. Я передамъ вамъ все болѣе интересное, какъ придетъ оно на память.

Владыка спалъ 5 часовъ въ сутки. Въ опредѣленную пору хотя и давали обѣдъ, но онъ удовлетворялъ этой потребности мимоходомъ. Иногда во время занятій ночью онъ ощущалъ голодъ и шелъ тихонько къ шкафу въ комнату, гдѣ спятъ послушники, вынималъ хлѣбъ черный, отламывалъ корку, которую, посоливъ, кушалъ, запивая водой. Однажды ему сказалъ послушникъ, что о немъ говорятъ, будто онъ взятки беретъ. «Пусть говорятъ: тамъ будетъ легче», отвѣчаетъ владыка. А другому монаху, Николаю,

говоритъ: «вотъ про меня говорятъ, что я взятки беру. Господи! и такъ я великій грѣшникъ предъ тобою; а что-жъ бы со мною было, еслибъ и этимъ занимался я»?! Въ Харьковѣ одинъ предводитель сказалъ ему о молвѣ на счетъ его жизни, несвойственной сану. У него въ минуту полились ручьями слезы: «этого недоставало еще»! произнесъ онъ. Эти слезы лились за клеветниковъ, полагать надо, потому что въ первомъ случаѣ онъ не оскорбленъ клеветой. Онъ и велъ себя такъ, что его сокрытой жизни не зналъ никто, а судили по наружности. Его послушникъ подавалъ ему поплоше рясу: «что ты бережешь тѣ? вѣдь умремъ,—все останется! что-жъ ты прячешь ихъ?» Спрашиваетъ разъ: «а сколько у меня рубахъ?» 36 отвѣчаютъ ему. «Куда ты это столько напряталъ? что намъ замужъ что-ли отдавать кого? раздай, раздай»; затѣмъ самъ распредѣляетъ рубахи всѣмъ монахамъ, оставляя себѣ восемь. Онъ далъ на свѣчной заводъ, имъ устроенный, 2,500 руб. Изъ нихъ 1500 руб. ему разновременно возвратили, по 100 или 150 руб. «Охъ, уже надоѣли мнѣ ваши счеты, пусть ужъ лучше останется у васъ». Такъже точно далъ 6,000 руб. на устройство типографіи; ему 2000 руб. возвратили. »Да Богъ съ вами! уже надоѣли вы мнѣ расчетами. Молитесь уже за меня, какъ помру, и за родителей!» Доказательство теплоты его младенческой вѣры: назначилъ онъ ко гробу угодника монаха стараго. «Не могу, говоритъ тотъ, глаза слабы, силы нѣтъ». «А ты иди, да и упади у гроба, лежи и не отходи, проси все у угодника помощи, и управишься. А отказываться намъ отъ служенія нельзя». И по слову владыки, говоритъ монахъ, не стражду и помогаетъ Господь въ силахъ.

Выѣхалъ онъ по епархіи 6 августа. Ему говоритъ помощникъ исправника, что 17-го прикажетъ ожидать.—«Нѣтъ, какъ же 17-го?»—«Да вы изволили написать, что 16-го отправитесь».—«Какъ это случилось, отвѣчаетъ владыка, и самъ не знаю! Вѣдь и самъ составлялъ маршрутъ и какъ это такъ вышло?»... Итакъ только выразилъ удивленіе и не сказавъ положительно ничего въ разрѣшеніе этого недоумѣнія, поѣхалъ. Представьте, что онъ долженъ бы былъ возвратиться 25 или 26, а между тѣмъ прахъ его привезенъ 17-го въ Черниговъ. Затѣмъ прощался съ консисторіей, какъ-бы навсегда. Всю дорогу говорилъ все о смерти. Обыкновенно во время совершенія святыхъ даровъ онъ простирался на землѣ и плакалъ. Въ

послѣднюю-же его литургію, что служилъ въ дорогѣ, онъ рыдалъ. Когда онъ скончался, все бѣлье было уже въ употребленіи, то кое-что, за недостаткомъ его, брали у другихъ, а между тѣмъ какимъ-то случаемъ одна перемѣна была забыта и ее надѣли на усопшаго. Представьте, владыко, что духовенство, когда онъ скончался покинуло его и разбѣжалось. Приходитъ къ вечеру помѣщикъ, профессоръ Рачинскій, у котораго наканунѣ обѣдалъ преосвященный и, позвавъ священника, отслужилъ первую панихиду. Когда было ужъ очень дурно владыкѣ, вошелъ архимандритъ какого-то (не помню) монастыря. «Исповѣдуй меня», сказалъ онъ, и исповѣдался. Затѣмъ благочинный говоритъ: «владыка, вы изволили писать въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», что слѣдуетъ въ болѣзняхъ прибѣгать къ соборованію, не позволите-ли совершить надъ вами?»—«Хорошо».—Послѣ 9-го евангелія онъ скончался. Тѣло почившаго 4 дня стояло въ конотопскомъ соборѣ и никакихъ признаковъ тлѣнія не было слышно. Затѣмъ гробъ былъ поставленъ въ деревянный ящикъ, плохо сдѣланный, не плотно обитый сверху желѣзомъ, что при жарѣ во время слѣдованія гроба, всю дорогу везомаго народомъ, увеличивало температуру внутри гроба и должно было ускорить разложеніе; но похоронили въ 11-й день и ничего не было замѣтно. Кто близко зналъ его, говоритъ: «святой нашъ владыка». Его погребли подъ престоломъ въ большой церкви троицкаго монастыря. Гробъ поставленъ почти на полу и обложенъ кирпичемъ и оштукатуренъ, такъ что представляетъ продолговатый престолъ. Склепъ обширный, свѣтлый. Въ 40-й день два сторожа видѣли въ полночь горящія свѣчи при гробѣ. Монахъ, который спалъ 6 недѣль въ покояхъ владыки, говорилъ мнѣ, что они (съ товарищемъ) ни одной ночи не могли спать, что владыка ходилъ все по комнатамъ въ мантіи и клобукѣ и даже шелестъ мантіи пробуждалъ ихъ. Онъ явился одной благочестивой старушкѣ, генеральшѣ Свѣчиной во снѣ. «Зачѣмъ вы насъ оставили, владыка?» спрашиваетъ она.—«Я не оставилъ васъ, я всегда съ вами и вы близь меня». Въ 40-й день она скончалась праведно и погребена подъ тою-же церковью.—Враги владыки разсыпались, какъ прахъ. Въ Нѣжинѣ двѣ дамы, говоря о немъ, бранили и осуждали его. Когда онѣ разошлись и одна легла спать и уже хотѣла гасить свѣчу, какъ предъ нею предсталъ владыка въ мантіи и митрѣ. «Сударыня! за

что вы меня поносите? вѣдь вы ничего того не видѣли, о чемъ говорите? Прошу я васъ: оставьте меня навсегда въ покоѣ». Она безъ страха, говорятъ, и теперь не можетъ вспомнить объ этомъ посѣщеніи. Это говорила наша губернаторша помѣщику Ханенкѣ, котораго подробная статья о жизни преосвященнаго выйдетъ къ новому году. Онъ собираетъ матеріалы, чтобы раскрыть анекдотическую форму.—Мнѣ явился владыка, но я не смѣю вѣрить и обольщать себя дѣйствительными его посѣщеніями, потому что нахожу себя далеко недостойнымъ; но если слова, сказанныя имъ, оправдаются, я приму это посѣщеніе, какъ доказательство того христіанскаго смиренія, коимъ отличался онъ всегда, и той любви, съ которой онъ принималъ просьбу и желаніе ближняго. Я очень скорбѣлъ. что самъ лишилъ себя удовольствія видѣть владыку еще нѣсколько разъ, не смотря на его отеческое вниманіе и приглашеніе, и желалъ хоть во снѣ видѣть усопшаго. Наканунѣ 40 дня я заказалъ на другой день послѣ обѣдни за упокой соборне панихиду, а ночью вижу во снѣ владыку въ облаченіи. Онъ прощается со мной, обнимаетъ меня, цѣлуетъ, какъ живой и я, цѣлуя его послѣднимъ цѣлованіемъ, со слезами прощаюсь. Онъ ласково говоритъ: «не скорби, не скорби: у васъ хорошій будетъ архіерей».—Вотъ единственный разъ, что удостоилъ меня владыка утѣшить. Я грустилъ, что не простясь уѣхалъ изъ Чернигова;—онъ говорилъ мнѣ утѣшеніе.

У него осталось 400 руб. и 200 руб. въ запискахъ, пожертвованные на монастыри. Подобныя деньги, кричали попы, они даютъ архіерею, а онѣ, по словамъ монаховъ, всѣ передавались монастырю. И эти 200 руб., еще не переданные, оставались въ самыхъ запискахъ, какъ не его собственность.—Да что, можно ли передать въ письмѣ то, на что нужны томы?

Прося святыхъ молитвъ и проч.

Сообщ. **И. Каргопольцевъ.**

ВЛАДИМІРО-ВОЛЫНСКІЙ МСТИСЛАВОВСКІЙ СОБОРЪ XII В. И ПРЕДСТОЯЩЕЕ ЕГО ОБНОВЛЕНІЕ.

(Корреспонденція «Кіевской Старины»).

На западной нашей окраинѣ, на границѣ Холмщины и Галиціи, въ сторонѣ отъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, стоитъ надъ р. Лугомъ забытый всѣми древній городъ св. Владиміра, нынѣ захудалый уѣздный городишка Владиміръ-Волынскій. Всякій современный благополучный россіянинъ, привыкшій къ желѣзнымъ дорогамъ и удобствамъ жизни большихъ городовъ, попавши случайно въ г. Владиміръ, считаетъ своимъ долгомъ помянуть его крѣпкимъ словомъ за его неблагоустройство и даетъ зарокъ никогда въ него болѣе не попадать.

Но не всегда этотъ опальный городъ былъ такимъ, какимъ мы его видимъ въ настоящее время, и съ нимъ связано для всякаго русскаго столько дорогихъ воспоминаній, что о немъ стоитъ сказать и доброе слово.

Великій сѣятель христіанства на Руси кн. Владиміръ во время похода въ Червонную Русь избралъ этотъ городъ разсадникомъ христіанскихъ идей на западной окраинѣ своихъ владѣній. Давши городу свое имя, св. Владиміръ построилъ въ немъ 3 церкви, двѣ въ самомъ городѣ и одну въ пригородѣ Зимно и учредилъ въ 992 г. епископскую каѳедру для волынской области, въ составъ которой входили, кромѣ западной части Волыни, вся Холмщина, Подлясье и часть Галиціи съ гг. Галичемъ, Перемышлемъ. До 1137 г. владимірская каѳедра была единственная въ этомъ краѣ и ее занимали, въ числѣ другихъ епископовъ, святители Стефанъ и Амфилохій. Владиміръ-волынскимъ княжествомъ правили и жили въ немъ такіе ревнители православія, какъ Мстиславъ Изяславовичъ, Романъ Галицкій и извѣстный въ свое время ученостью и христіанскими добродѣтелями Іоаннъ Владиміръ, прозванный философомъ. Тѣла этихъ и другихъ князей русскихъ покоятся подъ развалинами владиміръ-волынскаго каѳедральнаго собора. Заботами св. Владиміра и его пріемниковъ князей владиміръ-волынскихъ о духовныхъ нуждахъ народа сооружено было въ городѣ болѣе 20 церквей и устроены училища. Лѣтописецъ Несторъ, посѣтившій въ 1097 г. г. Владиміръ «для обозрѣнія учи-

лящъ и наставленія учителей», называетъ его «славнымъ» городомъ. Но отъ его минувшей славы, отъ всего величія города, которому удивлялись иностранцы и о которомъ венгерскій король Андрей говоритъ, что такого города не встрѣчалъ и въ нѣмецкой землѣ, остались до настоящаго времени только развалины великолѣпнаго Успенскаго собора, построеннаго Мстиславомъ Изъяславичемъ, бывшимъ вел. кн. кіевскимъ, въ послѣдніе-же годы своей жизни княземъ владимірскимъ, правнукомъ Владиміра Мономаха, скончавшимся въ 1170 г. Возвышающіяся надъ городомъ стѣны и башни этого храма служатъ нѣмымъ укоромъ нашему равнодушію къ древнимъ святынямъ. Многое видѣлъ, многое испыталъ этотъ храмъ: ни одна изъ русскихъ областей не дала столько борцовъ, не принесла столько кровавыхъ жертвъ за православіе какъ Волынь, вся ея исторія—борьба за эту народную святыню, и свидѣтель этой борьбы храмъ Богоматери не разъ, по словамъ лѣтописца, «переполняхся трупьями» его защитниковъ. Нельзя не удивляться необычайной крѣпости постройки этого храма: пожары, татарскіе набѣги и внутреннія смуты, уничтожившіе весь городъ и всѣ храмы, за исключеніемъ Васильевской церкви, пощадили эту древность, которая пострадала болѣе всего въ XVIII вѣкѣ отъ усердія не по разуму уніатскихъ епископовъ, желавшихъ придать этому православному храму видъ католическаго костела. Для этого задѣланы прежде существовавшія окна прекраснаго византійскаго стиля и надъ ними пробиты новыя въ романскомъ стилѣ, отъ чего образовались трещины въ стѣнахъ; при устройствѣ-же хода въ одномъ изъ внутреннихъ столбовъ храма, на которыхъ упирался сводъ, къ проповѣднической каѳедрѣ, подпора эта ослабѣла и рухнула; но, не смотря на это, сводъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ продержался на остальныхъ трехъ столбахъ.

По присоединеніи Волыни къ Россіи, между 1802—1809 гг. два раза дѣлались попытки къ возобновленію этого храма. Отъ первой попытки остались наружные контрафорсы, поддерживающіе и до настоящаго времени стѣны зданія, постройка-же новаго столба, вмѣсто обрушившагося въ прошедшемъ столѣтіи, не удалась—новая подпора тоже рухнула. Слѣдами второй попытки по возобновленію храма остались: 1) указъ волынской духовной консисторіи о поминаніи на ектеніяхъ «боголюбиваго господина Михаила Ивановича»

Комбурлея, бывшаго въ то время волынскимъ губернаторомъ, за его хлопоты, впрочемъ совершенно безплодные, о возобновленіи собора и 2) дѣло о растратѣ 60 злотыхъ, всей суммы, собранной 1808—1810 г. по подпискѣ на возобновленіе храма. Съ того времени храмъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе разрушается, своды его и крыша рухнули и завѣдывавшіе имъ домовитые отцы протоіереи смотрѣли на него, какъ на одну изъ своихъ экономическихъ построекъ.

Наконецъ, въ настоящемъ году, по соглашенію волынскаго губернатора съ высокопреосвященнѣйшимъ Палладіемъ, архіепископомъ волынскимъ, учреждена въ г. Владимірѣ-Волынскѣ коммисія для собранія и разработки фактическихъ данныхъ къ исторіи означеннаго собора, съ цѣлью опредѣленія его археологическаго, политическаго и религіознаго значенія, а также для разработки проэкта возобновленія этого храма въ его первоначальномъ, на сколько это возможно, стилѣ. Коммисія открыла уже свои дѣйствія, членами ея розыскано нѣсколько дѣлъ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, относящихся къ этому храму, собраны нѣкоторые относящіяся къ нему историческія данныя и приступлено къ очисткѣ внутренней части храма отъ навоза и мусора.

Будемъ надѣяться, что дѣло это начато въ добрый часъ и окончится вполнѣ успѣшно. Свѣдѣніями, какія будутъ добыты коммисіей, постараемся подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины».

Е. Д.

Отъ Редакціи. Въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» замѣчены слѣд. опечатки:

Стр. 574. Отд. III, № 2, слѣдуетъ „Маякъ“ вм. „Макъ“.

Стр. 275 № 12 и 577 № 12, слѣд. „Заря“ вм. „Зоря“.

Стр. 576 № 13 слѣд. Sowinski вм. Sawinski.

„ „ № 22 слѣд. „Жинзифова“ вм. Жинзирова.

Стр. 577 № 23 слѣд. 1859 г. вм. 1ń59 г.

Стр. 591 № 78 слѣд. „Згарскій“, а не Згорскій и № 81 слѣд. Curivos вм. Curious и alaska Herald вм. aloska Herold.

Стр. 582 № 102 слѣд. „Статутъ“ вмѣсто „сто душъ“.

14. Государиня изволила прибыть въ С.-Питербурхъ изъ Царского Села. Мы были у графа Розумовского.

15. Принималъ сухую ванну.

16. Иванъ Ялоцкій, служитель, уйшолъ. Ездили на Василевскій островъ и у Новоторжцова, и у дѣтей, и на бѣржи были.

17. За направу чолокъ синовѣ 12 к. Портному за роботу 25 к.

18. Недѣля Сошествія Святото Духа. Въ дворцѣ были на службѣ.

19. Скоропадского дѣти у насъ были и обѣдали.

20. Мы обѣдали съ архіереями у преосвященного архіерея новгородского, архіепископа Стефана Калиновского.

21. Я одинъ у преосвященного крутицкого Платона Малиновскаго обѣдалъ. Графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій пожалованъ въ академію наукъ президентомъ. За чолки бѣлые шолковые, сину Василю купленные, даны 2 р. 50 к.

22. Отписалъ къ брегадиру Витковичу на его писмо въ Псковъ.

23. Опредѣленъ оберъ-гофъ-мейстеромъ до князя великого князь Василій Никитовичъ Репнинъ, генералъ фелтцехъ-мейстеръ.

24. Ялоцкій приходилъ и наказанъ.

25. Рано будучи въ дворцѣ, поздравляли графа Кирилла Григоріевича Розумовского пожалованнымъ чиномъ. Vixa cum Hudovitz ad mensam.

26. Явилъся салдатъ съ писмами изъ Глухова. Взяли позволеніе у графа отехать въ Кронштатъ.

27. Писаны писма до Скоропадского и до жены. Отехали на яхтѣ, называемой Аранибомъ, до Кронштата, при офицеру морскомъ Ивану Михайловичу Силиванову, и прибыли туда позно...

28. Въ Кронштатѣ вездѣ водилъ насъ капитанъ флота морского Андрей Ивановичъ Полянскій, и у него на квартерѣ были, за которимъ жена полковниковъ рыбянского и харьковского Тевяшовыхъ сестра Марія Ивановна.

29. Отехали зъ Кронштату и за непогодою ночовали на устѣ Невы.

30. Прибыли въ С.-П.-Бурхъ.

31. Были у графа Розумовского и подалъ я сенатскаго мнѣнія копію о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ. Были вечеромъ у преосвященного переславского Арсенія. Сину Василю до шпаги ефесъ купленъ за 1 р. 20 к.

Юнъ.

1. По службѣ Божой изволила государиня віехать до Пітеръ-гофа при пушечной палбѣ.

2. Синъ Василь у принца Августа былъ. Господъ Толстыхъ сестра, а маіора конной гвардіи Салтикова жена, умре.

3. Сину Василю купленъ на плате сундукъ за 1 р. 20 к. Великій князь и великая княгиня отехали до Питеръ-гофа.

4. У принца Августа синъ Василь отобралъ писмо о себѣ до тайного его императорского высочества государя великого князя совѣтника Вестфалена, чтобъ въ городѣ Килѣ въ тамошней академіи синъ мой учился и столъ государевъ имѣлъ.

5. У преосвященного Тодорского, епископа псковского, обѣдалъ я съ Гудовичемъ. За гарусные чолки и за штаны, сину Василю купленные, даны 1 р. 20 к.

6. Были съ Гудовичемъ въ сенатѣ и въ штатсъ-канторѣ онъ.

7. Были въ крѣпости на панахидѣ и обѣдали у архимадрита рождественского Платона Петрункевича.

8. Вечеромъ отехали до Пітеръ-гофа и прибыли туда по полночи въ 3-мъ часу.

9. Въ Пітеръ-гофѣ пожалованъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ генераломъ адютантомъ, графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій кавалерію св. Анны. Ночовали мы въ мизѣ Головинской, графу Розумовскому пожалованной.

10. Были рано у графа и съ нимъ имѣли розговоръ о дѣлахъ малороссійскихъ, потомъ обѣдали у стола оберъ-маршалского. Камеръ-геръ Никита Андріановичъ Вожжинскій пожалованъ кавалеріею св. Анны. Отехали изъ Пітеръ-гофа и ночовали въ той-же графской мизѣ.

11. Возвратились въ С.-Пітеръ-бурхъ. Писалъ въ Москву къ Ивану Гамаліи и писмо включилъ объ немъ отъ духовника до князя Ивана Василіевича Одоевского, вотчинной коллегіи президента и до Скоропадского въ Глуховъ, чрезъ салдата гварнизону глуховского Кручкова.

12. Были въ дворцѣ у Стефана Федоровича Апраксина за дѣломъ полтавскимъ. Лейбъ-компаніи адютантъ Зотовъ похороненъ въ Невскомъ.

13. Юнґансу даны на росходъ для дѣтей 50 р. Государиня изволила прибыть въ С.-Питеръ-Бурхъ.

14. Были рано у графа. Государиня ездила послѣ обѣда посѣщать болного гофъ-квартермейстера Петра Ивановича Гагина.

15. Были въ дворцѣ и у ручки государини. По обѣдѣ званъ Гудовичъ до г. Шувалова. Государиня изволила отехать въ Царское Село.

16. Былъ у духовника за денгами, да у оберъ-камеръ-гера Бернголца съ синомъ. Подано доношеніе наше въ сенатъ о сотнику вибелскомъ Николаю Тризнѣ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у г. Носка, учителя племѣнниковъ господина Розумовского.

18. Отобралъ у духовника 200 р. денегъ. За мите рубашокъ синовыхъ 30 к., за писма изъ почты полученные изъ Москвы 46 к. Секретарь Новоторжцевъ былъ у насъ.

19. Сотникъ вибелскій Тризна отехалъ до Пітеръ-гофа.

20. За паперъ гербовую 6 к., за два замочки 16 к.

21. Юнґансу еще дано на росходъ 150 р. изъ денегъ, у духовника взятыхъ. За переписку копій поддячему артилерійскому 25 к.

22. Великій князь и великая княгиня вчора, а государиня сего числа въ почѣ изволили прибыть изъ Пітеръ-гофа въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ.

23. Сину Василю куплены бачмаки за 70 к., зеркало и гребенци 30 к.

24. Писаны писма до Скоропадского, до Іосифа и до жены подъ числомъ 31-мъ къ посилки чрезъ сотника вибелского Тризну.

25. Посѣщали съ Гудовичемъ графа Мойсея Владиславича болного.

26. Подано доношеніе въ коллегію иностранную о пашпортѣ служителю въ чужіе краи, съ синомъ отпускаючомуся. Еще у духовника отобраны 300 р.

27. Даны Грицку на росходъ дорожный 10 р.

28. Государиня въ придворной своей церквѣ сообщалась св. тайнамъ. Сотникъ вибелскій Николай Тризна отехалъ по почтѣ ночю [232]).

---

[232]) Посылка Тризны въ Малороссію объясняется слѣдующимъ письмомъ депутатовъ къ генеральной старшинѣ: «на поданные отъ всѣхъ малороссійскихъ становъ ея императорскому величеству, во время кіевскаго походу, челобитные все-

29. Тезоименитство великого князя праздновано, чего для его высочество изволилъ быть на набоженствѣ въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, где по молебствіи палено зъ пушокъ, тако-жъ и при столѣ, а пополдни въ 6 и 7-мъ часахъ былъ сездъ ко двору и балъ, а потомъ обрученіе было-жъ въ придворной болшой церквѣ графу Кирилу Григоріевичу Розумовскому съ фрейлиною Екатериною Ивановною, умершого Ивана Лвовича Наришкина дочерью. Онъ-же графъ Кирило Григоріевичъ рано послѣ обѣдень пожалованъ кавалеріею св. Александра, а маіоръ гвардіи преображенского полку Ушаковъ кавалеріею св Анны. Въ вечеру былъ у насъ отецъ духовникъ.

30. Рано были въ дворцѣ и поздравляли первей графа Кирила Григоріевича, потомъ и графа Алексія Григоріевича, у которого тутъ-же были и архіереи синодалніи и с.-питеръ-бурскій, а по службѣ Божіей туда-жъ пришедшей государини кланялись и были допущены къ ручки. По полднѣ палено въ крѣпости и въ адмиралтействѣ изъ многихъ пушекъ, ради поезду государини водою до Катерингофа. Виданъ пашпортъ изъ иностранной коллегіи служителю Григорію Дмитріеву для проезду въ чужіе краи при сину нашемъ Василю. Розышлось 31 к. Пущалъ цилюрикъ кровь мнѣ банками, которому даны 40 к.

Юлъ.

1. Пашпорты сину и Григорію, виданные изъ иностранной коллегіи, подписаны въ коллегіи адмиралитейской.

2. Были въ дворцѣ у графа, где извѣстились, что по утру имѣетъ быть походъ государини и великого князя и великой княгини до Ревеля.

милостивѣйшую ея величества декларацію чрезъ его сіятельство, рейсграфа и кавалера, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что о избраніи гетмана въ Малороссіи на основаніи прежнемъ, по давнимъ нашимъ войсковымъ привилегіямъ и обыкновеніямъ, вскорѣ состоится, мы радостно получили, якой высочайшой монаршой милости здесь и ожидать имѣемъ. И нынѣ для того при семъ зъ попутенными, изъ высоко правительствующого сената о малороссійскихъ до скарбу войскового надлежащихъ зборахъ, указами панъ сотникъ вибелскій Николай Тризна въ Глуховъ нарочно отъ насъ отправленъ. А какъ онъ вашихъ высокородій о состояніи малороссійскихъ дѣлъ, здѣсь благополучно происходящихъ, увѣритъ, о томъ имѣть свое благоразсмотреніе объявляемъ». Это письмо объясняетъ и главную причину дальнѣйшаго пребыванія Ханенка въ С.-Петербургѣ.

3. Рано графу отклонились, который велѣлъ дожидатись ея императорского величества возвращенія въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ изъ нинешнего походу, въ которій государиня съ дворомъ изволила, сего-жъ числа, въ 12-мъ пополуденномъ часу, віехать при многой изъ пушекъ палбѣ.

4. Въ сихъ дняхъ, кромѣ вышеписанныхъ 10 р., данныхъ на дорожные расходы для сина, еще розышлось на тѣ-же дорожные потребы 9 р. 59 к.

5. Писалъ писма до капитана поручика Марковича съ посилкою писма до протопопа петропавловского рижского собора, отца Сvмеона Ростовецкого, да до капитана флоту морского о отправленіи сина моего въ Любекъ, или прямо въ Киль. Сину Василю, отправляючомуся въ чужіе краи для наукъ, дано на содержаніе его тамъ 75 червонныхъ и 25 талерей битыхъ, да Григорію Дмитріеву особливо даны 5 червонныхъ, и сего-жъ числа онъ, синъ мой, съ Григоріемъ отехали на доншкотѣ до Кронштату съ молодими Скоропадскими.

6. Івану Рудому кухтику куплены сапоги за 80 к. Розышлось на прочее 25 к.

7. Были зъ Гудовичемъ у подполковника Матвія Прокофіевича Куліковского. Писаны писма въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ Іосифу и къ женѣ подъ числомъ 5—6-мъ.

8. На покупку ганишу до водки 8 к. Оный-же Куліковскій у насъ ужиналъ.

9. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей отехалъ изъ Санктъ-Питеръ-Бурха, а при немъ и Петръ Івановичъ Розумовскій и Левъ Сорока, чрезъ когорого и писма вышепомянутые отпущены.

10. Писма, до сина Василя и до капитана морского флоту, Андрея Івановича Полянского, о Івану Политицѣ писанные, вручены ему, который сего числа имѣлъ и отездить въ Кронштатъ для поездки въ Голстинію въ Киль. Писалъ писмо до Скоропадского чрезъ Королкевича, который сего числа изъ Санктъ-Питеръ-Бурха къ Малой Россіи віехалъ.

11. Присталъ до мене въ службу Марко Козминъ Беленчукъ, полку кіевского, изъ Серединки. Похоронили въ Невскомъ монастырѣ басиста дворцовой пѣвческой музики, іеромонаха Іоасафа, вчора

скоропостижно умершого. Вчора были у кофишенка Александра Юліановича Савлукова. Скоропадскій съ Юнgансомъ и Елихомъ изъ Кронштата возвратились.

12. Оному принятому слузѢ Марку на харчъ въ складку дано 60 к. За направу каламаря жестяного—3 к.

13. ПослѢ обѢда были въ квартерѢ Василія Івановича Венякова, совѢтника отъ комисаріата адмиралитейства, который понялъ себѢ жену покойного Андрея Лизогуба дочь Татіану, прежде бывшую за Жоравкою (Тимофеемъ), а потомъ за Ленкомъ, где застали и Івана Жоравку съ женою его Евдокіею Герасимовною.

14. За переписку челобитной писцу артилерійскому осадной комисарской Василю Григоріеву 20 к., за гербовую бумагу 4 к., за печатку 3 к. Писано писмо къ сину Василю въ Кронштатъ о скоромъ его оттоль віездѢ въ намѢренный путь и ему-жъ послана печатка, да имъ-же занятыхъ у Григорія Политики 1 р. денегъ отданъ. За пузирокъ лекарства 15 к.

15. Подана челобитная съ аппелляціею по дѢлу съ Соколовскимъ генералу рекстмейстеру чрезъ Павла Скорупну. За доску каменную дано 8 к.

16. ОбѢдалъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Марку дано 13 к.

17. Генералъ інтендантъ адмиралитейства Головинъ обѢдалъ у насъ.

18. Куплено стекло зажигателное, за которое дано 20 к., да за оправу оного-жъ стекла въ дерево орѢховое 25 к.

19. Куплено 10 лимоній свѢжыхъ для посылки въ домъ за 60 к.

20. Писаны писма: одно до жены съ посылкою оныхъ лимоній, другое до Івана Гамаліи въ Москву и меморіалъ канцеляристѢ Яскевичу, который

21 числа, купно съ Кутневскимъ, отехалъ до Малой Россіи.

22. Первого морского полку отъ маіора Григорія Івановича Безобразова принеслъ ко мнѢ капралъ Григорій Шамановъ писмо отъ капитана морского флота Андрея Івановича Полянского, которому капралу дано 6 к. Писаны писма въ Кронштатъ 1-е къ сину Василю, 2-е до капитанши Полянской Маріи Івановны.

23. Оные писма отданы г. маіору Безобразову для пересылки до Кронштату.

24. 25, 26, 27 vacant. 28 рано былъ у генерала рекстмейстера Івана Івановича Дивова, стороны челобитной моей, съ апелляціею поданной.

29. Былъ въ сенатѣ и челобитную взялъ для переправки. Даны сторожу сенатскому 6 к., за папѣръ гербовый 3 к., и бутылка простого вина поддячому 6 к. Сего числа въ 8-мъ часу пополудни изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ статомъ возвратиться въ Санктъ-Питеръ-Бурхъ и прибыть въ лѣтный дворецъ, при пушечной палбѣ изъ крѣпости и изъ адмиралитейства изъ многихъ пушокъ.

30 Тую-жъ челобитную знову подалъ генералу рекстмейстеру Дивову. Превеликая погода была изъ моря и наводненіе весь день.

31. Такая-жъ погода продолжалась и сей весь день и всю ночь.

Августъ.

1. Рано были въ дворцѣ у графа Розумовского и получили отъ него наставленіе быть у государственного великого канцлера, графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмына; потомъ были въ службѣ въ дворцовой церкви и на водосвятіи, которое целебровалъ архіепископъ новгородскій, преосвященный Стефанъ Калиновскій. Послѣ въ болшой салѣ съ протчими допущены были до ручки ея імператорского величества.

2. Рано были у канцлера графа Бестужева-Рюмына и просили о главной малороссійской нуждѣ. Писалъ до сина въ Кіль и къ нему-жъ въ одинъ пакетъ включилъ писмо Григорія Политики до брата его Івана Андріевича Политики, съ синомъ моимъ отехавшого. За яловецъ, камфору и на другіе потребности пошло 25 к.

3. Получена вѣдомость, что корабли купеческіе, отішовши въ море, знову до Кронштату возвратились, ради бывшой великой погоды, чего ради писалъ къ сину, чтобы онъ въ Кронштатѣ перенесься на государевъ пакетъ-ботъ изъ купеческого судна, ежели его тое писмо застанетъ въ Кронштатѣ.

4. Послѣ полдня былъ у капитана командира Воина Яковлевича Корсакова и прежное и вчорашное писмо вручилъ до сина для пересылки. Служителю Марку куплены сапоги за 80 к.

5. Рано ездили съ Гудовичемъ до оберъ-секретаря іностранной коллегіи Івана Осипова Пуговишникова, а потомъ были у

графа Розумовского и доносили, что канцлеръ намъ говорилъ о имѣющой быть сторони гетмана справкѣ. Въ 1-мъ часу по полднѣ всемилостивѣйшая государиня изволила отехать въ Царское Село съ нѣкоторою частію своего гофъ-штата, а оттоль и до Пітеръгофа. За 6 бритовъ дано 42 к.

6. Послѣ исповѣди въ Невскомъ монастырѣ удостоилъся сообщится Святымъ Тайнамъ Евхаристіи, а по поздней обѣдалъ у преосвященного С. П. Бурского Феодосія; потомъ простясь съ духовнымъ своимъ отцемъ, Софроніемъ намѣстникомъ, прибылъ въ квартеру и засталъ тутъ секундъ-маіора Ландлилицкого.

7. Обѣдалъ у Носка и тамъ видѣлъся съ секретаремъ его імператорского высочества Вінклеромъ. За ганишъ и на прочее розышлось 16 к.

8. Были рано у князя Никиты Юревича Трубецкого и у Петра Івановича Шувалова и просили о дѣлѣ сторони пограничныхъ пошлинъ поголовныхъ.

9. Простилъся съ нами отежджающый племѣнникъ преосвященного Платона Маліновского, Алексій Малиновскій, за которымъ и інстаціалные писаны писма: 1-е до старшины генералной, присутствующыхъ въ войсковой енералной канцеляріи, другое отъ мене до полковника переясловского г. Сулимы. По полднѣ были у господина Венякова, совѣтника отъ адмиралитейского коммиссаріата.

11. Писалъ до жены и отдалъ оное писмо Павлу Скоруппѣ для включенія въ его пакетъ до дому отправуемый чрезъ сотника полтавского полку Павла Кота[233]), который сего числа по полдни, а съ нымъ Прокопъ Затиркевичъ отехалъ къ Малой Россіи, чрезъ него-жъ писалъ и до Скоропадского. Вечеромъ былъ на Василевскомъ острову у Новоторжцова и у молодыхъ Скоропадскихъ.

11. Обѣдали у насъ дворцовіи отъ строеній Лукянъ Кузмичъ Карзитовъ и Николай Андріевичъ Сорокинъ. Рано былъ съ Гудовичемъ у оберъ-камеръ-гера Бернъголца, отежджающого въ Голс-

[233]) Бѣлицкій сотникъ Котъ пріѣзжалъ въ С.-Петербургъ по какому то дѣлу, касавшемуся полтавскаго полка. При отъѣздѣ его Ханенко писалъ въ Глуховъ: «полтавского полку бѣлицкій сотникъ Павелъ Котъ въ порученномъ ему отъ полку интересѣ здѣсь ничего того не примнинулъ, что до его ревностного патріотства и доброй совѣсти касалось».

тинію, чрезъ которого писано и писмо отъ мене до сина въ Кіль, а по полднѣ у генерала рекстмейстера Дивова.

12. Писалъ писмо до жены въ домъ чрезъ адмиралитейского куріера, солдата 3-й роти первого морского полку, Уласа Столнишникова, чрезъ него послалъ къ ней зеленого чаю полфунта, за якій далъ 1 р. На покупку нѣкоторыхъ потребностей до перешиваня каѳана гатласового зеленого пошло чрезъ руки портного 22 к. На гербовую бумагу въ рекстмейстерской канторѣ 9 к.

13. Изъ Пітеръ-гофа государиня изволила прибыть въ Санктъ-Пітербурхъ. Писалъ до Іосифа Красінского, управителя Толстыхъ, въ Москву о продажѣ запасу моего, въ вѣдомствѣ его имѣючогось, и тое писмо включилъ въ пакетъ, къ поддячему ямской канторы Якову Беляеву надписанный. За писма изъ почти полученніе зъ Москвы дано 6 к.

14. Рано былъ у маіора первого морского полку Григорія Івановича Безобразова, и тамъ въ капитанши Полянской, Маріи Івановны Тевяшовой, отобралъ писмо отъ сина моего Василя изъ моря, зъ корабля, прошлого іюля 28 писанное. Сего-жъ числа писалъ къ Скоропадскому въ Глуховъ и включилъ въ оное писмо пакетъ отъ господина брегадира Вітковича: якое писмо мое отдалъ графу Мойсею Івановичу Владиславичу для пересилки въ Стародубъ, а отголь изъ войсковой канцеляріи въ Глуховъ. Послѣ полдня былъ у мене капитанъ отъ флоту, Андрея Івановича Полянского синъ, Петръ Андріевичъ, сержантъ інгермоландского полку и принесъ ко мнѣ другое писмо отъ сина моего, зъ моря писанное, которому я подарилъ книжку молитвенникъ печерского друку съ тропарами.

15. Рано были у канцлера и у сенатора Голицина, потомъ въ дворцѣ службы Божой слушали, а передъ службою чинила отреченіе отъ римской вѣры съ дочеръю и синомъ княгиня Долгорукая, князя Сергія Долгорукого жена. Послѣ службы были допущены къ ручки государыни, потомъ и у графа Разумовского съ архіереями видѣлись. Обѣдалъ у насъ генералъ-інтендантъ, господинъ Головинъ, потомъ ѣздили въ дворецъ государевъ лѣтный для візити отданя Івана Жоравки женѣ, Евдокіи Гарасимовнѣ, которая дочъ родила Анну, сего августа 11. Ей-же была воспріемницею всемилостивѣйшая государиня 14-го числа и пожаловала оную перстнемъ, и

сергами дорогими, и крестомъ съ мощами. Наши были потомъ на комедіи.

16. Государиня знову изволила отъехать изъ П. Бурха въ Петергофъ.

17. Обѣдали мы у генерала інтенданта Головина, а по возвратѣ отъ него былъ у насъ кофішенкъ Савлуковъ, который хотѣлъ дать на вексель 200 рублей.

18. Ночью жестоко я занемогъ, и первей здѣлалъся поносъ, потомъ рвоты, отчего изнемогъ, принужденъ весь день лежать. За фунтъ мила дано 5 к.

19. Вечеромъ была у насъ Татіана Лизогубовна, Венякова жена.

20. Отослана чрезъ Марка къ отцу Барановскому, ключару Петропавловскому, книга латинская, которую я у него для читаня бралъ—*de monachatu*.

21. Отослалъ чрезъ хлопця Карпа книжку нѣмецкую до Носка—о. св. Өеодорѣ Стратилатѣ.

22. Куплена ночная лятарня хрусталная за 12 к.

23. На разные потребности, да за секиру розышлось 32 к.; за здѣланье кизекина 48 к.

24. Обѣдали у совѣтника Венюкова, а потомъ были у оберъ секретаря адмиралитейского Бориса Івановича Никитина въ домѣ его, на публичной улици, противу синіого мосту, имѣючемъся.

25. Великій князь и великая княгиня изъ Петергофа прибыли въ Санктъ-Петербургъ.

26. Писалъ къ сину Василю въ Киль, чтобъ онъ увѣдомилъ мене о своемъ до Любека и до Киля прибытіи, и въ его-жъ пакетъ сообщено писмо отъ Григорія Полетики, переводчика академіи наукъ санктъ п. бурской, до брата его Івана Полетики, и оные писма рекомендованы купцу Еллерсу, имѣючему ехать въ Любекъ и другіе Германіи мѣста, для пересилки до ихъ въ Киль. Рано были у насъ племѣнники графа Розумовского Василь Евфимовичъ Дараганъ и Михайло Власіевичъ съ учителемъ своимъ господиномъ Носко, мимоездомъ въ монастыръ Невскій. Надъ вечеръ были на Василевскомъ острову у капитана командира и рентмейстіра Семена Ивановича Лаптева.

27. Послѣ полдня былъ у мене купецъ іноземецъ Стефенсонъ, съ которымъ договорилъся, чтобъ чрезъ его руки пересилать деньги къ сину Василю, где онъ будетъ обращаться. Сего числа всемилостивѣйшая государиня изволила возвратится изъ Петергофа въ С.П.бурхъ.

28. Публикованъ указъ пяти копѣечной монетѣ ходить въ народѣ по 2 к. Григорію Политицѣ позичены 5 р. Прибыли въ Санктъ Пітеръ-бурхъ бунчучный товарищъ Іванъ Піроцкій и отставный полку чернѣговского, писаръ Іванъ Янушкевичъ. Отдано писмо отцу духовнику отъ Шоха, что онъ у господина Скоропадского въ Глуховѣ взялъ сто рублей денегъ.

29. Рано были у барона Черкасова и тамъ застали генерала Апраксина, потомъ слушали обѣдню въ дворци и обозный генералный былъ у ручки. Писалъ къ Скоропадскому о полученіи его писма, іюня 6 писанного, и чтобъ онъ въ домъ мой отписалъ о моемъ состояніи.

30. Передъ полднемъ въ 11-мъ часу изволила государиня съ великимъ княземъ и княгинею и придворнымъ штатомъ церемоніално ехать до монастыря Александро-невского, ради нинѣшного кавалеровъ С. Александра Невского празденства, и тамъ отслушавъ обѣдню, возвратится въ свой дворецъ, где былъ для кавалеровъ того ордина столъ публічный при многократной пушечной палбѣ. Сего 30-го числа рано были мы у вицеканцлера Михаила Иларіоновича Воронцова, возвратившагося недавно изъ чужестранныхъ государствъ, съ поздравленіемъ его сіятелству того возвращенія и нынѣшнаго праздника.

31. Рано были у князя Никиты Юревича, у Петра Ивановича Шувалова и у великого канцлера, потомъ у графа Кирила Григоріевича Розумовского, таже въ обѣдни въ придворной церкви, и въ салѣ къ ручки государини и великого князя допущены.

Послѣ обѣда смотрѣли въ новомъ зимнемъ дворцѣ новои пристройки.

Сентеврій.

1. Розданы служителямъ на сей мѣсяцъ кормовые денги, а именно 16 руб. 20 к.

2. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ до жены, и вручилъ оныя для включенія въ пакетъ Павла Скорупны къ отсилки чрезъ писаря запорожского.

3 и 4 Ничего не случилось.

5 Рано ездили съ поздравленiемъ и были у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у князя Голицина, потомъ въ дворцѣ на службѣ Божой, послѣ которой была палба изъ многихъ пушекъ, потомъ изъ пушекъ-же полковыхъ и отъ полковъ гвардiи и наполныхъ три залпы бѣглымъ огнемъ палено, ради тезоименитства ея императорского величества. Таже столъ былъ публичной, и государиня съ ихъ императорскими высочествы, великимъ княземъ и великою княгинею, изволила кушать на тронѣ подъ балдахиномъ въ салѣ лѣтняго дворца, а протчiе господа и дамы, такожъ и духовные персоны кушали у особливыхъ столовъ. Мы такожде имѣли столъ особенной. Передъ обѣдомъ пожалованы господа Александръ и Петръ Iвановичи Шуваловы графами. Въ вечеру былъ балъ и преизрядная въ дворцѣ иллюмѣнацiя, а кромѣ того и по всему. С. П. Бурху домы и крѣпость и корпусъ кадецкiй иллюмiнованы.

6. Купленъ шнуръ до дiплiома и за оный дано 8 к. Григорiю Полiтицѣ позичены еще 5 р. Рано были у графовъ Розумовскихъ обоихъ.

7. По службѣ Божой были у графа Румянцова, у графа Ушакова и у Петра Трубецкого, генерала фелтмаршала.

8. Рано были у вiцеканцлера Воронцова, потомъ слушали обѣдню въ дворцѣ, а ея императорское величество изволила слушать службы Божiей въ церквѣ Казанскiя Богородицы, а обѣдать у камеръ-юнкера Сѣверса. Въ вечеру начавшаясь въ комедiалномъ домѣ опера о Сципiонѣ продолжалась до 12 часа по полудни, на которой и государыня, и великiй князь съ великою княгинею, и многiе господа, и многiе разныхъ чиновъ присутствовали.

9. Ничего не случилось.

10. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича и Василiя Iвановича Венюкова.

11. Рано были у графа Розумовского и одержали отъ него обнадеживанiе какъ о главномъ дѣлѣ нашемъ, такъ и другихъ общихъ рѣчахъ.

12. За нѣкоторые дѣла дано 15 р., а прежде 5 р. изъ общихъ денегъ. И сего числа ночью противъ

13 великое было изъ моря наводненiе. За замочокъ малый дано 4½ коп.

14. Такая-жъ непогода съ дождемъ продолжалась.

15. Куплено сукна на кунтушъ 4 аршины, дано за оное 8 рублей 80 коп.

16. Пущалъ кровъ изъ руки жилную адмиралитейскій хирургъ Гартманъ, которому данъ 1 рубль.

17. Покроенъ кунтушъ и до оного на шовкъ 24 к.

18. Превеликая изъ моря была погода и паче прежныхъ болшое наводненіе.

19. Обѣдалъ я и Василь Гудовичъ у преосвященного крутицкого, Платона Маліновскаго, которому въ сей день окончилось 4 года, какъ посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ, да съ намижъ обѣдалъ асессоръ партикулярной верфи Максимъ Івановичъ Карамишевъ.

20. Пожалованъ пѣвчій Кирило Ивановичъ Коченевскій именнымъ указомъ сотникомъ лохвицкимъ.

21. Рано были въ дворцѣ и тамъ по отслушаніи службы Божой допущены были къ ручкѣ ея императорского величества въ залѣ. По обѣдѣ былъ у насъ Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій и объявилъ объ ономъ пожалованіи брата своего.

22. Послѣ полдня изволила государиня отъехать въ Царское Село и другіе мѣста на охоту. Я обѣдалъ у дѣтей, Носкомъ обучаемыхъ, и тамъ-же видѣлся съ секретаремъ его императорского высочества Вінклеромъ.

23. Прислана мнѣ книга печатная, уставъ морской, не оправный, отъ адмиралитейской коллегіи секретаря Бориса Ивановича Никитина, чрезъ служителя господина Венюкова.

24. На литейной улицѣ построенной каменной церкви было освященіе храма преподобного Сергія чудотворца Радонежского, где и государиня при ономъ освященіи присутствовать изволила.

25. Ради праздника того-жъ святого Сергія изволила государиня до оной-же церкви на набоженство ездить церемоніално въ каретѣ пребогатой, отъ короля пруского въ подарокъ присланной, съ ассистенціею и другихъ премногихъ каретъ. Писано до жены писмо, которое въ пакетѣ до сожителници Василія Гудовича сообщено, чрезъ посилку графа Мойсѣя Владиславича. Послѣ полдня въ дворцѣ былъ куртакъ, предъ которого начатіемъ посолъ короля пол-

ского при приватной аудіенціи офферовалъ графу Алексію Григоріевичу Розумовскому кавалерію Бѣлого Орла.

26. Рано были у графа и полученіемъ оной кавалеріи поздравляли. Потомъ слушали обѣдню во дворцѣ и пожалованы къ ручкамъ обоихъ ихъ императорскихъ высочествъ. Обѣдалъ я у Ивана Журавки и отъ него пришедъ въ квартеру, захоровалъ жестоко.

27. Весь день былъ боленъ, а обозный Лизогубъ и Гудовичъ были у графа Р. рано, которымъ рекомендовалъ писать отъ насъ до Скоропадского подскарбія и Валкевича асаула генералныхъ о дѣлѣ невершенномъ сторони сотника ічанского Стороженка. Принесены отъ отца духовника денегъ 100 рублей мѣдныхъ, дѣтямъ Скоропадскаго надлежащыхъ.

28. За четиры пари петлицъ срѣбрнихъ до нового кунтуша дано 1 р. 83 к. Послѣ полдня былъ я у секретаря его императорского высочества господина Вінклера.

29. Писалъ писмо къ сину въ Киль по почтѣ, кое имѣлъ тотъ-же секретарь Вінклеръ туда при экспедиціи отправити. За шуфлядку, на дипліомъ здѣланную, дано столяру 30 к.

30. Оное писмо отослано къ Вінклеру. За 16 кунтушовъ малыхъ и 3 болшыхъ папыровыхъ дано 1 р. 56 к.

Октоврій.

1. Были у насъ по службѣ маіоръ драгунскихъ полковъ Лвовъ съ другимъ офицеромъ и обѣдали, да предъ обѣдомъ жена Журавкина, а послѣ капитанъ поруччикъ Марковичъ и господинъ Венюковъ съ женою. За оправу двохъ книгъ морского устава и полской псалтири дано 65 к.

2. Писано писмо въ отвѣтъ къ сотнику вибелскому Николаю Тризнѣ.

3. За роботу кунтуша суконного Стефану кравцю дано 50 к. За побѣлене и направу чайника мѣдного болшого 8 к. По силѣ именного указу арестовано деякіе пожитки и писма въ квартерѣ Василія Ивановича Венюкова.

4. Возвращены Ивану Янушкевичу данные имъ 50 к. Государиня изволила прибыть въ Санктъ-Питербурхъ.

5. Рано были въ дворцѣ и послѣ службы у ручки государини, потомъ у графа Розумовского съ архіереями. Въ вечеру былъ у насъ Новоторжцовъ съ женою.

6. Григорій Дмитріевъ прибылъ отъ сина изъ Киля. Вечеромъ былъ у насъ Венюковъ. Грицку даны 4 р. на заплату шкиперу, который его привезъ изъ Киля.

7. Въ второмъ часу по полудни изволила государиня со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ и великіе князь и княгиня переехать въ зимній дворецъ изъ лѣтняго при пушечной палбѣ изъ яхтъ, противъ лѣтняго дворца на Невѣ стоячихъ, изъ крѣпости и изъ адмиралитейства.

8. За поправу двохъ старыхъ книжокъ еще перепліотчику дано 8 коп.

9. Были мы въ дворцѣ зимнемъ первой разъ, и побувавъ въ квартерѣ Жоравковой, который ездилъ въ сенатъ для отправленій, надлежащихъ по его челобитнимъ въ силѣ именного указу, извѣстились, что нарочный куріеръ отправленъ въ Глуховъ для висилки оттоль сюда къ отвѣту Валкевича и дляописѣ купленныхъ добръ и прочихъ, маткою Журавковою владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, а мы въ день у господина генерала интенданта Головина.

10. Даны въ перепліотъ двѣ книги латинскіе, изъ Киля отъ сина мнѣ присланные, за которіе отъ роботы надлежитъ дать 80 к., и даны уже 15 к.

11. Писалъ до сина Василя въ Киль писмо противъ его писма, чрезъ Грицка полученного, и вручилъ купцу здешнему Івану Юрьевичу Стефенсону для пересилки въ Киль. На виручку вещей Грицковыхъ отъ таможни дано ему 41 к. Въ складку харчевую за его-жъ 40 к. За шесть бритовъ съ пожичками и бритовникомъ дано 60 к.

12. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу съ включеніемъ писма къ нему-жъ отъ Скоропадского, и отослано къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки, куда надлежитъ. Обѣдали у новоопредѣленного сотника лохвицкого Кирила Івановича Коченевского, купно съ братомъ его Ѳедоромъ Івановичемъ.

13. У его сіателства, графа Михаила Ларіоновича Воронцова, государственного вице-канцлера, кушали обѣдъ, званніи отъ него нарочно.

14. За оправу двохъ книжокъ, отъ Василя сина изъ Киля присланныхъ, доплачено 65 к.

15. Писалъ писма къ Василю сину въ Киль, такожъ къ тайному совѣтнику и кавалеру Вестфалену по латинѣ, да до іеромонаха тамошнего, при церквѣ въ Килѣ обрѣтаючегося, отца Іова, и оные для отсилки въ Киль вручилъ секретарю г. Винклеру. Въ вечеру былъ у купца Івана Юревича и вручилъ ему 20 червоныхъ, чтобъ онъ тѣ денги перевелъ къ сину моему Василю въ Киль чрезъ своего въ Любеку корреспондента.

16. За оклейку паргамѣномъ ящика на диплiомъ далъ переплiотчику 30 к.

17. Писалъ писмо въ Глуховъ къ Скоропадскому, до Іосифа и въ домъ до жены, где и отъ Гудовича до его жены включено писмо, такожъ отъ дѣтей Скоропадского къ нему и отъ Янушкевича пакеты также сообщены.

18. За окование ящика на диплiомъ дано 40 к.

19. Рано были у оберъ-маршала Шепелева сторони гайдука Романа, потомъ у графа Воронцова вице-канцлера, таже въ дворцѣ и допущены были къ ручки государини.

20. Дано Грицку на его нужды 1 р., за горщикъ поливаный 3 к.

21. Отослалъ книжки латинскіе къ Григорію Политикѣ, а 5 изъ тихъ-же книгъ у себе оставилъ, за которые надлежитъ заплатить 4 р. 85 к., и заплачены.

22. Никуди изъ квартери не бывали. Писма вручилъ Роману гайдуку, въ Глуховъ подъ числомъ 17 писанные.

22. Ради именинъ обозного генералного Якова Лизогуба были званы гости на кушанье изъ дворцовыхъ пѣвчихъ, а въ вечеру былъ и господинъ Головинъ съ сожителницею, послѣ всѣхъ-же отехалъ секретарь Новоторжцовъ.

24. Весь день пролежалъ. Капитанъ гвардіи семеновского полку Полозовъ отправленъ въ Глуховъ.

25. Писалъ писмо до сина въ Киль съ посилкою ассиgнаціи, данной отъ купца иноземца Стефенсона до купца Реппенкгаgена въ Любекъ, чтобъ онъ заплатилъ сину моему 20 червоныхъ, которые здѣсь вручены отъ мене 15 числа сего теченія Стефенсону, и то мое писмо съ ассиgнаціею отдано секретарю Вінклеру для

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**“ выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ. а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя. отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1885 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго, Панчешникова въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Май, 1886 г.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

Май.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 30-го апрѣля 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XV. 1886 г.

Май, 1886 г.

Іюнь, 1886 г.

Іюль, 1886 г.

Августъ, 1886 г.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

Судьба не позволила А. Я. Стороженку посвятить всѣ силы и способности на развитіе тѣхъ стремленій его духа, съ проявленіями которыхъ читатель ознакомится въ предлагаемомъ его вниманію очеркѣ: военное воспитаніе и слѣдовавшая затѣмъ въ естественномъ порядкѣ военная служба, при недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, заглушили ихъ, быть можетъ, до извѣстной степени; но все-же врожденная наклонность къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ пробивалась наружу, не смотря на всѣ препятствія.

Трудно было-бы ожидать, чтобы, при отсутствіи серьёзнаго школьнаго образованія, научно-литературная дѣятельность Андрея Яковлевича отличалась извѣстною правильностью, систематичностью; и дѣйствительно, главныя черты ея—диллетантизмъ и крайнее разнообразіе формъ, частью не доведенныхъ до полнаго совершенства. Нашъ писатель брался за все: онъ изучалъ историческіе матеріалы и составлялъ по нимъ научныя изслѣдованія; онъ дѣлалъ наблюденія надъ текущей жизнью и заносилъ ихъ на страницы своихъ записокъ; онъ соединялъ свои историческія знанія и этнографическія свѣдѣнія и пытался по нимъ изобразить прошлый бытъ своихъ земляковъ въ опереткѣ, написанной на родномъ языкѣ; онъ изучалъ современныя ему литературныя произведенія и давалъ имъ посильную критическую оцѣнку; наконецъ, онъ пробовалъ свои силы и въ области поэтическаго творчества, сочиняя, по свойственному почти всѣмъ писателямъ его времени энциклопедизму, лирическія стихотворенія, басни и т. д.

Я намѣренъ ознакомить читателей въ настоящемъ очеркѣ со всѣми этими проявленіями научной и литературной дѣятельности

Начну съ характеристики первой, важной въ двухъ отношеніяхъ: по своимъ занятіямъ исторіей Андрей Яковлевичъ является однимъ изъ піонеровъ въ дѣлѣ разъясненія прошлаго его роднаго края, своими записками онъ дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу русскихъ историческихъ знаній.

Достойно вниманія то направленіе, которое приняла научная пытливость этого писателя: любовь къ родинѣ была настолько сильна въ немъ, что не заглохла при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, и самъ онъ настолько былъ прямъ и честенъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что никогда не чурался своей народности.

Въ слѣдующихъ главахъ я приведу неизданныя беллетристическія произведенія Андрея Яковлевича и сдѣлаю общій очеркъ его литературной дѣятельности и наконецъ скажу объ его отношеніяхъ къ различнымъ лицамъ, которыя увѣковѣчили свое имя въ наукѣ и литературѣ.

I.

Андрей Яковлевичъ Стороженко (род. 1790 г. † 1858), долгое время служившій въ Царствѣ Польскомъ и занимавшій въ послѣдніе годы своей служебной дѣятельности, въ званіи сенатора и тайнаго совѣтника, постъ главнаго директора правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ (1843—1850 г.г.)[1], въ часы свободные отъ многосложныхъ служебныхъ обязанностей съ любовью предавался научнымъ и литературнымъ занятіямъ.

Горячая привязанность къ родинѣ побуждала всегда Андрея Яковлевича трудиться надъ изслѣдованіемъ родной старины и имя

---

[1]) Желающимъ ближе ознакомиться съ служебной карьерой сенатора А. Я. Стороженка я укажу на предисловіе О. М. Бодянскаго къ „Реестрамъ всего войска запорожскаго послѣ Зборовскаго договора съ королемъ польскимъ Яномъ Казимиромъ, 1649 года“, изданнымъ имп. Моск. Общ. ист. и древн. рос. въ 1875 г.; на „Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ“ генералъ-лейтенанта Н. И. Ушакова, помѣщенныя во 2-мъ томѣ Русскаго Архива за 1873 г. и на мое предисловіе къ „Запискамъ о военныхъ поселеніяхъ въ херсонской и екатеринославской губ.“, напечатаннымъ въ Кіевской Старинѣ за ноябрь 1884 г. Упоминаніе о немъ находимъ въ родословной рода Стороженковъ, помѣщенной въ „Русской родословной книгѣ“ (изд. Русской Старины, Спб. 1873 г., т. I, стр. 303).

его, по выраженію покойнаго Осипа Максимовича Бодянскаго, стало извѣстнымъ, какъ имя писателя «о малороссійскихъ разнаго рода достопримѣчательностяхъ» [1]). Изучивши отдѣльно различныя историческія эпохи своего роднаго края, Андрей Яковлевичъ задумалъ писать большой трудъ, который онъ озаглавилъ «Исторія Полуденной Россіи», и съ усердіемъ принялся за приведеніе въ исполненіе своей завѣтной мечты. «Исторія Украйны, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ, наполняла воображеніе [2]), широкій Днѣпръ манилъ на роскошные берега свои. Любезная сердцу родина, ея добрые жители, въ числѣ коихъ я имѣю такъ много пріятелей искреннихъ, вѣщій духъ старины нашей, описанный Несторомъ, и самое украинское небо, казалось, звали на покой труженика, располагающаго окружиться давнопрошедшимъ и забыть обо всемъ минувшемъ въ треволненной дотолѣ жизни его».

Желая сдѣлать свой трудъ найболѣе полнымъ, А. Я. усердно собиралъ архивные матеріалы, то въ подлинникахъ, то въ тщательно снятыхъ копіяхъ, и только тогда принялся писать, когда у него накопилась масса историческихъ документовъ. Трудъ этотъ былъ доведенъ до конца, составлялъ, по разсказамъ очевидцевъ, три объемистыхъ рукописныхъ тома и имѣлъ уже выйти въ свѣтъ; но различныя обстоятельства съ года на годъ отодвигали напечатаніе, и онъ такъ и не былъ изданъ при жизни автора. Послѣ смерти Андрея Яковлевича, еще до раздѣла оставшагося имущества, пропало много драгоцѣннаго историческаго матеріала, погибла и рукопись «Исторіи Полуденной Россіи» и не была отыскана, не смотря на всѣ старанія его сына. О достоинствахъ этого труда мы можемъ судить теперь только по замѣчанію самого автора, которое мы читаемъ въ одной изъ упомянутыхъ уже выше его записокъ: «цензура всегда мнѣ не благопріятствовала; но извѣстные литераторы, читавшіе пишущуюся мною «Исторію Полуденной Россіи», оказывали мнѣ пріязнь и вниманіе къ трудамъ моимъ» [3]).

Въ немногихъ оставшихся отъ Андрея Яковлевича бумагахъ мы имѣемъ преимущественно различные юридическіе акты, какъ-то: купчія

---

[1]) „Реестра"... Предисловіе, стр. 1.

[2]) Изъ записокъ А. Я. Стороженка, Рус. Арх. 1873 г., т. II, стр. 1740.

[3]) Ibid.

крѣпости, дѣла изъ сотенныхъ канцелярій, декреты генеральнаго войсковаго суда, полковничьи ордеры и гетманскіе универсалы, по которымъ или жаловались разнымъ лицамъ новыя поземельныя имущества, или же подтверждались права на прежде пожалованныя [1]).

Любопытно знать, какъ представлялъ себѣ прошлое Украйны человѣкъ, столь много и безкорыстно поработавшій надъ разъясненіемъ тьмы, окутывавшей былую жизнь нашихъ предковъ, любопытно тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ ученые, занимающіеся этимъ предметомъ, не сходятся во мнѣніяхъ; но достигнуть этого можно лишь отчасти— по содержанію письма его къ сыну отъ 5-го января 1847 г., по поводу вновь вышедшаго труда Скальковскаго «Исторія Новой Сѣчи» [2]), о которомъ онъ даетъ рѣзкій, но не во всемъ вѣрный отзывъ, и сохранившейся въ бумагахъ его замѣткѣ «о сословіи козаковъ», которую я помѣщаю въ видѣ приложенія къ настоящему очерку (Приложеніе № 1). Въ письмѣ къ сыну Андрей Яковлевичъ пишетъ: «Прочиталъ я присланную тобою «Исторію Новой Сѣчи, или послѣдняго Коша запорожскаго». Въ ней нѣтъ рѣшительно ничего новаго для меня, ибо что разсказывалъ козакъ Коржъ, умершій въ 1835 году [3]), то раз-

---

[1]) Съ нѣкоторыми изъ этихъ письменныхъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ о давнопрошедшихъ временахъ, читатели „Кіев. Стар.“ уже знакомы: по нимъ составленъ очеркъ „Стороженки“ въ февр. кн. 1884 г., помѣщались они и отдѣльно цѣликомъ въ янв. кн. 1884 г., въ янв. кн. 1885 г. и въ мартов. кн. 1885 г.

[2]) Изд. 2-е, ч. I—III, Одесса, 1846 г., in—8. На дняхъ вышелъ первый томъ третьимъ изданіемъ безъ всякихъ почти перемѣнъ.

[3]) Г. Скальковскій въ предисловіи къ изданію „Исторіи Новой Сѣчи“ 1841 года говоритъ: „При составленіи своего разсказа о Запорожьѣ, я пользовался отысканными мною актами Запорожскаго архива и изустными преданіями послѣдняго запорожскаго повѣствователя Никиты Коржа, оригинальные и весьма замѣчательные разсказы котораго уже извѣстны читателямъ нашимъ“. Въ примѣчаніи г. Скальковскій указываетъ, гдѣ помѣщены были имъ въ первый разъ эти разсказы, записанные архіепископомъ Гавріиломъ (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1838 г. № 6, 1839 г. № 2) и сообщаетъ біографическія данныя о Коржѣ. Коржъ умеръ въ 1835 году въ самарскомъ монастырѣ, гдѣ былъ принятъ архіеп. Гавріиломъ, на 104-мъ году отъ рожденія. Архіеп. Гавріилъ записалъ его повѣствованія, часть которыхъ была сообщена г. Скальковскому, по указанію Алексѣя Петровича Стороженка, и издалъ особой книгой: „Устное повѣствованіе бывшаго запорожца Коржа“ (Одесса, 1842 г.). Впослѣдствіи редакція „Основы“ обратилась къ А. П. Стороженку съ „неотступной просьбой написать для

скажетъ каждый старикъ Новороссійскаго края. Я самъ лично зналъ многихъ запорожцевъ и даже грамотныхъ, какъ напримѣръ, содержавшій въ 1830-мъ году въ Елисаветградѣ винный откупъ Петро Васильевичъ Самохвалъ. Ихъ повѣствованія о Сѣчи еще любопытнѣе, нежели Коржа, но со времени побѣдъ надъ турками Румянцева-Задунайскаго [1]) запорожская Сѣчь не была уже Сѣчью, а негодными остатками прежнихъ рыцарей восточнаго исповѣданія. Зналъ я также недавно умершаго елисаветградскаго помѣщика Патрина, великаго грамотѣя, ведшаго нѣсколько дюжинъ процессовъ, который ѣзжалъ, будучи уже слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду, въ Петербургъ на перекладныхъ и который былъ поручикомъ въ крѣпости св. Елизаветы еще во времена, когда полчища крымскихъ татаръ въ послѣдній разъ обходили оную и грабили села между Ингуломъ и Днѣпромъ. Послушалъ бы, что онъ говоритъ объ остаткахъ запорожцевъ, съ коими онъ жилъ, ибо имѣлъ хутора свои между ихъ хуторами,—такъ что твой Коржъ [2])!

Собранные составителемъ «Исторіи Новой Сѣчи» документы, хотя не заключаютъ въ себѣ ничего особенно цѣннаго(?) но любопытны нѣкоторымъ образомъ для мало знакомыхъ съ исторіей Сѣчи. А что онъ говоритъ о происхожденіи малороссійскихъ городовыхъ козаковъ отъ запорожскихъ, такъ это чистая небылица [3]).

архіеп. Гавріила на украинскомъ языкѣ, которымъ онъ „владѣлъ съ такимъ совершенствомъ" („Основа", январь 1862 г. Библіографія, стр. 44; сл. пр. 2 отъ редакціи къ рецензіи П. А. Кулиша на „Поѣздку въ Южную Россію" А. Аѳанасьева-Чужбинскаго). Онъ исполнилъ отчасти эту просьбу „Основы". Во второмъ изданіи „Исторіи Новой Сѣчи" г. Скальковскій помѣстилъ „почти тѣже отрывки, что и въ первомъ изданіи", о чемъ предупреждаетъ въ предисловіи къ этому изданію съ объясненіемъ причинъ.

[1]) Какъ извѣстно, турецкая война 1768—1774 гг. увѣнчалась Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ 10-го іюля 1774 г., доставившимъ крымскимъ татарамъ независимость, Россіи-же Азовъ съ его областью, Керчь и Эникале въ Крыму, Кинбурнъ при устьѣ Днѣпра и степь между этой рѣкою и Бугомъ, а также свободное плаваніе по Черному морю и чрезъ Дарданеллы, до стѣнъ Константинополя. Такимъ образомъ Сѣчь потеряла значеніе пограничнаго оплота со стороны татарскихъ ордъ.

[2]) Какъ жаль, что Андрей Яковлевичъ, имѣвъ возможность записать столь много въ высшей степени любопытныхъ устныхъ преданій, не подумалъ объ этомъ и не оставилъ потомству хотя бы краткаго пересказа ихъ.

[3]) На стр. 25 первой части „Исторіи Нов. Сѣчи" читаемъ: „Принимая, что козачество произошло сперва отъ Руси южной (*Запорожцы и ихъ преемники:*

Козаки въ Руси надднѣпровской существовали еще за временъ литовскаго владычества надъ землями, лежащими на правомъ берегу Днѣпра (въ XIV вѣкѣ). Когда Литва соединилась съ Польшей (при Ягеллѣ 1377—1392) и въ составъ послѣдней вошли и русскія земли, то люди бранные въ послѣднихъ назывались козаками. Въ концѣ XV-го вѣка число ихъ было уже значительно, ибо съ 1516 года былъ у нихъ уже и гетманъ Предславъ Ланцкоронскій, вельможа польскій.

Весьма вѣроятно, что впослѣдствіи времени удалыя шайки бездомныхъ козаковъ съ атаманами, выбираемыми между собою, кочевали на островахъ днѣпровскихъ у пороговъ, защищавшихъ ихъ отъ внезапныхъ набѣговъ татарскихъ; потомъ постепенно число этихъ своевольниковъ увеличивалось и образовалось военное товарищество, назвавшееся запорожскимъ. Когда же король польскій Сигизмундъ III (1587—1632) попустилъ гоненіе на православную церковь на Руси и польскіе паны, водворявшіеся тамъ насильно и водворявшіе вмѣстѣ съ собою жидовъ, начали угнетать, совокупно съ послѣдними, коренныхъ жителей, то изъ рыцарства, или козацтва, не имѣвшіе значительныхъ осѣдлостей, избѣгая порабощенія и гоненія, уходили къ прежде удалившимся *для промысловъ* товарищамъ своимъ на низъ Днѣпра, изъ чего составилось низовое запорожское войско и Сѣчь запорожская. Видно, что г. Скальковскій писалъ о Запорожьѣ, какъ охотникъ, а не какъ труженникъ надъ рукописями и преданіями о полуденной Руси, поэтому-то онъ и выводитъ козаковъ Малороссіи (городовыхъ) изъ Запорожья, что было, какъ видишь, совсѣмъ напротивъ.

Шляхтичъ польскій Петро Конашевичъ Сагайдачный, ушедшій на Запорожье, впослѣдствіи былъ избранъ въ 1601 году гетманомъ малороссійскимъ и, кажется, первый назывался также гетманомъ войска запорожскаго, хотя оставилъ навсегда Запорожье, жилъ въ

малороссійскіе, слободскіе, бугскіе, вознесенскіе, черноморскіе, дунайскіе и новоазовскіе козаки),... мы желаемъ, какъ первый опытъ, представить нѣсколько документальныхъ свѣдѣній *о запорожцахъ, которыхъ считаемъ началомъ и первообразомъ всего козачьяго міра*". Фраза эта сохранилась въ такомъ же видѣ и въ третьемъ, только что вышедшемъ, изданіи „Исторіи Новой Сѣчи" (т. I. Одесса 1886 г., стр. 8).

управляемомъ имъ краѣ и основалъ братскую обитель въ Кіевѣ, въ которой, принявши схиму, скончался въ 1622 году.

Въ 1647 г. Богданъ Хмельницкій, ушедши также на Запорожье и найдя тамъ значительную массу вольныхъ козаковъ, поднялъ съ ними оружіе противъ утѣснителей родины. А поелику первоначальнымъ своимъ успѣхомъ былъ обязанъ запорожцамъ, то и именовалъ себя гетманомъ ихъ, подписываясь на всѣхъ универсалахъ и договорахъ: «Богданъ Хмельницкій, гетманъ войска его королевской милости (или потомъ—его царскаго величества) запорожскаго».

При заключеніи имъ въ Переяславѣ договора о присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ, уполномоченный царя Алексѣя Михайловича воевода Бутурлинъ спросилъ Хмельницкаго: «для чего въ общемъ собраніи нѣтъ старшинъ запорожскихъ?» Гетманъ отвѣчалъ, что они люди малые и въ такомъ важномъ дѣлѣ участіе ихъ не нужно. Это обстоятельство дастаточно уже объясняетъ, какъ считали запорожцевъ гетманы старинныхъ козаковъ малороссійскихъ и что такое были первые.

Итакъ, только съ конца XVI вѣка можно положить истинное начало Сѣчи, распространявшейся на счетъ отнимаемыхъ ею земель у татаръ и увеличивавшейся приливомъ разгульныхъ добрыхъ молодцевъ, уходившихъ изъ Украины, гдѣ польская Рѣчь Посполитая всѣми силами старалась истребить козачество, раздавая козачьи села въ подданство вельможамъ своимъ. Правительство русское этого не дѣлало, козаки и по-нынѣ пользуются нѣкоторыми старыми правами своими; но вводило гражданскій порядокъ, не могшій нравиться возросшимъ въ необузданной свободѣ, отъ котораго бѣжали бурлаки бездомные въ Сѣчь, принимавшую всякаго рода преступниковъ, т. е. нарушителей законовъ правильно организованнаго общества, кои, перемѣняя тамъ самыя прозванія, обрекли себя безженству, вели жизнь разгульную, справедливо описанную г. Скальковскимъ [1]).

---

[1]) Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что первоначально появились вообще малороссійскіе козаки, впослѣдствіи—городовые, а уже потомъ изъ нихъ и изъ другихъ сословныхъ элементовъ украинскихъ образовалось запорожское товариство. Что касается вообще до происхожденія козачества, то въ настоящее время изъ массы мнѣній по этому вопросу признано наиболѣе правильнымъ мнѣніе М. А. Максимовича. Образованіе козачества онъ ставитъ въ связи съ новымъ порядкомъ, установившимся въ литовскомъ государствѣ передъ лю-

Что запорожцы происходятъ отъ козаковъ малороссійскихъ, а не сіи послѣдніе отъ первыхъ, какъ написалъ онъ, нисколько не

блинскою уніею (1569 г.). Съ конца XV в. и начала XVI в. въ южной Руси появляются сельскія общины, которыя съ теченіемъ времени, съ ухудшеніемъ положенія крестьянъ въ литовскомъ государствѣ, все болѣе увеличиваются вслѣдствіе переселенія на свободныя южно-русскія степи крестьянъ, убѣгавшихъ отъ панскаго гнета. Такъ какъ нужно было защищать границы государства отъ набѣговъ татарскихъ, то воеводы пограничныхъ земель, воспользовавшись населеніемъ этихъ общинъ, стали организовать изъ нихъ военныя поселенія, чтобы во всякое время имѣть готовыя военныя силы для отраженія набѣговъ; эти военныя общины и положили начало для развившагося позже козачества. Исторически извѣстными становятся козаки на Украйнѣ, по мнѣнію Максимовича, уже послѣ 1471 г., когда кіевское княжество обращено было въ воеводство (Собраніе сочиненій, т. I, Кіевъ, 1876 г., стр. 310). Собственно въ первый разъ мы встрѣчаемъ свидѣтельство о существованіи приднѣпровскихъ казаковъ въ уставной грамотѣ великаго князя литовскаго Александра (1499 г.) кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ: „которыи козаки зъ верху Днѣпра и съ иншихъ сторонъ ходять водою на низъ, до Черкасъ и далѣй, а што тамъ здобудуть, съ того со всего воеводѣ десятое мають давати; а коли рыбы привозять, зъ верху, або зъ низу, просолныи и вялыи до мѣста кіевского, тогди маетъ осичникъ воеводинъ то осмотрѣти и обмитити, и маетъ на городъ взяти отъ бочки рыбъ по шести грошей, а отъ вялыхъ рыбъ и свѣжихъ десятое. А коли привезуть до мѣста Кіевскаго рыбу свѣжую, осетры, тогды не мають ихъ цѣлкомъ продавати, олижъ мусить осичникъ отъ каждого осетра по хребтинѣ взяти, а любо отъ десяти осетровъ десятого осетра". (Акты Западной Россіи, т. I, № 170).

Первымъ гетманомъ козацкимъ Максимовичъ также считаетъ Предслава Ланцкоронскаго и также относитъ начало его гетманства къ 1516 году (Собр. соч., т. I, стр. 311).

Когда собственно образовалась запорожская община, точно сказать нельзя. Конечно, она образовалась не сразу, а складывалась постепенно, первоначально съ цѣлями промышленными, какъ мы только что видѣли. Такъ представлялъ себѣ и Андрей Яковлевичъ. Число запорожцевъ увеличивалось приливомъ недовольныхъ порядками Рѣчи Посполитой. Несомнѣнно, что она вовсе не существовала до конца первой трети XVI стол. Начало ея можно отнести къ 1530 г., когда былъ основанъ поселокъ на низовьяхъ Днѣпра княземъ Димитріемъ Вишневецкимъ, старостою каневскимъ.

Петръ Конашевичъ Сагайдачный дѣйствительно первый изъ гетмановъ соединилъ званіе козацкаго военачальника и правителя страны, малороссійскаго гетмана (См. собр. соч. Максимовича, т. I, стр. 302). Годъ избранія Сагайдачнаго въ гетманы указанъ Андреемъ Яковлевичемъ вѣрно (Ibid., стр. 358). Говоря о принятіи Сагайдачнымъ схимы, Андрей Яковлевичъ основывался на словахъ Бантышъ-Каменскаго (Исторія Малой Россіи, ч. I, М. 1822 г., стр. XXIV), заимствовавшаго это извѣстіе, по мнѣнію Максимовича, изъ Энгеля (Geschichte der Ukraine und der ukrainischen kosaken, von J. C. Engel. Halle. 1796 г.). Максимовичъ не считаетъ этотъ фактъ достаточно доказаннымъ (Собр. соч. т. I, стр. 352).

углубляясь въ предметъ свой, доказываетъ также и старинная малороссійская пѣсня, въ которой изображается несчастная любовь малороссійскаго козака и между прочимъ говорится:

. . . .
Пишовъ козакъ въ Запорожье,
Дивчинонька у чернычки.
Не по воли иду на Сичь,
Не по воли постригаюся,
Абы ни зъ кимъ, якъ зъ тобою,
Мое серденько не зналося.

Эти строки рисуютъ нравы и обычаи малороссійскихъ козаковъ».

Таковы были воззрѣнія Андрея Яковлевича на прошлыя судьбы Малороссіи и въ частности по вопросу о происхожденіи запорожскихъ козаковъ. Сравнивая ихъ съ современными намъ научными взглядами на тотъ-же предметъ, можно сказать только, что Андрей Яковлевичъ, которому приходилось протаптывать дорожку черезъ пустынное, необработанное поле, шелъ по прямому пути и во многомъ былъ близокъ къ истинѣ.

Кромѣ этихъ занятій малорусской стариной, Андрей Яковлевичъ принесъ не мало пользы исторической наукѣ веденіемъ подробныхъ записокъ о событіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ судилось ему быть. Записки эти были помѣщены послѣ его смерти разновременно въ русскихъ историческихъ журналахъ. Это 1) Выдержки изъ записокъ А. Я. Стороженка о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ (въ Русскомъ Архивѣ 1873 г.), 2) Записка обывателя Царства Польскаго, 1833 г. февраля 20 дня, 3) Записка по дѣлу о злоумышленникахъ, высланныхъ изъ Франціи въ Царство Польское для начатія новаго мятежа, 1838 г. 26-го августа, 4) Записка о Царствѣ Польскомъ въ 1834 г., 5) Записка о Царствѣ Польскомъ, 12-го апрѣля 1835 г., 6) Записка о Царствѣ Польскомъ въ 1842 г., 7) Общій обзоръ показаній бывшаго диктатора Краковскаго революціоннаго правленія Ивана Тысовскаго (въ Чтеніяхъ моск. общества исторіи и древностей за 1870 г.), 8) Рапортъ предсѣдателя слѣдственной коммисіи его свѣтлости намѣстнику Царства Польскаго, 7-го февраля 1847 г., 9) Убѣжденіе, 10) Записка по поводу про-

цесса надъ поляками въ Берлинѣ, 11) Опроверженіе клеветъ на Россію за Польшу, 12) Два мѣсяца въ дорогѣ (въ тѣхъ-же Чтеніяхъ за 1871 г.) и 13) Записки о военномъ поселеніи кавалеріи въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ (въ Кіев. Старинѣ за 1884 г.). Кромѣ этого сохранилась въ бумагахъ и случайно не попала въ серію записокъ, помѣщенныхъ въ Чтеніяхъ, «Записка о Царствѣ Польскомъ, 29-го сентября 1835 г.», которую я помѣщаю здѣсь въ видѣ приложенія къ настоящей статьѣ (Приложеніе № 2).

При оцѣнкѣ этихъ записокъ необходимо, принявъ во вниманіе степень образованности ихъ автора и среду, въ которой онъ, вращался, прослѣдить, записываетъ-ли онъ лишь только то, что лично видѣлъ, или слышалъ, или-же передаетъ со словъ другихъ. Въ первомъ случаѣ, нужно опредѣлить степень его наблюдательности, во второмъ—выяснить, насколько критически относится онъ къ разсказамъ. Не менѣе важно обнаружить, насколько онъ безпристрастенъ въ оцѣнкѣ характеровъ и дѣятельности различныхъ лицъ, которыя имъ описаны, а также событій.

А. Я. Стороженко получилъ военное образованіе, долго находился въ военной службѣ—во фронтѣ и въ штабѣ военныхъ поселеній, а затѣмъ занималъ административные посты въ неумиротворенномъ краѣ; ясно, что онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія военнаго человѣка, дѣлаетъ оцѣнку объектомъ своихъ наблюденій согласно съ своими убѣжденіями, сложившимися подъ вліяніемъ спеціальнаго воспитанія и образованія и среды со строго опредѣленнымъ кругомъ воззрѣній, въ особенности въ николаевское время.

Содержаніемъ его записокъ является почти только описаніе того, въ чемъ онъ принималъ непосредственное участіе, и лишь для оцѣнки лицъ заноситъ онъ на страницы своихъ записокъ разсказы другихъ. Андрей Яковлевичъ записывалъ свои воспоминанія о походахъ, сраженіяхъ и всѣхъ бѣдствіяхъ, сопряженныхъ съ войной: болѣзняхъ, недостаткѣ въ провіантѣ, злоупотребленіяхъ чиновничества въ тылу арміи и т. д.; за время службы въ новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ онъ заносилъ въ памятную книжку свои замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ сторонахъ этого учрежденія; отъ варшавскаго періода его службы сохранились точныя, подробныя извѣстія о настроеніи польскаго общества и антирусскихъ его движеніяхъ.

Относительно наблюдательности автора и подробности въ передачѣ всего видѣннаго и слышаннаго можно замѣтить, что онъ не упускаетъ ничего даже самомалѣйшаго, такъ что его скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что онъ уснащиваетъ свой разсказъ малозначущими мелочами, которыя мѣшаютъ выдѣляться важному, имѣющему интересъ, если только авторъ не оттѣняетъ таковаго намѣренно. Къ разсказамъ другихъ нашъ авторъ старался относиться всегда критически, довѣрялъ только лицамъ, которыя дѣйствительно могли знать о томъ, что разсказывали, и даже и въ этомъ случаѣ старался ихъ провѣрить. Такъ, интересуясь личностью князя Паскевича, еще до назначенія своего въ Варшаву, Андрей Яковлевичъ распрашивалъ о немъ у всѣхъ близко знавшихъ его и вотъ что записалъ по этому поводу: «генералъ баронъ С. однажды разсказывалъ мнѣ, что разъ онъ представлялъ (по должности начальника штаба) фельдмаршалу о храбрости войскъ и объ отличіи офицеровъ кавказскаго корпуса; фельдмаршалу это не понравилось, и онъ сказалъ ему при этомъ: «что вы хвастаете съ вашими войсками? мнѣ, сударь, дай жидовъ въ команду и я побью съ ними турокъ!»... «Впослѣдствіи, замѣчаетъ А. Я., я разговаривалъ объ этомъ съ свѣтлѣйшимъ, который сказалъ мнѣ, что С...ъ говорилъ правду, но что онъ, зная человѣка, не могъ-бы иначе уничтожить тонъ сужденій его, весьма часто неумѣстныхъ и всегда не нужныхъ для фельдмаршала, не выразившись такимъ образомъ, какъ С...ъ пересказалъ мнѣ—конечно, не въ похвалу ему» [1]).

Посмотримъ теперь, насколько справедливыя оцѣнки людямъ давалъ нашъ авторъ. Не упоминая объ отрывочныхъ сужденіяхъ о различныхъ лицахъ, разсѣянныхъ по всѣмъ запискамъ, замѣчу только, что авторъ ихъ даетъ три довольно полныхъ характеристики, именно: князя варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, графа Аракчеева и графа Витта. Познакомимся ближе съ этими тремя личностями въ изображеніи Андрея Яковлевича, чтобы убѣдиться въ его безпристрастіи.

Судьба нѣсколько разъ сталкивала Андрея Яковлевича съ Паскевичемъ еще до Варшавы: въ 1809 г. онъ видѣлъ Паскевича

---

1) Изъ записокъ А. Я. Стороженка, Рус. Архивъ, 1873 г., кн. II, стр. 1737.

въ Яссахъ еще капитаномъ, затѣмъ уже генераломъ во время Бородинскаго боя и въ сраженіи подъ Дрезденомъ (1813 г.). Блестящіе подвиги этого генерала въ Персіи и славный миръ съ шахомъ, побѣды надъ турками обращали на него всеобщее вниманіе; Андрей Яковлевичъ живо интересовался имъ, распрашивалъ о немъ, у кого только могъ. Впослѣдствіи личныя воспоминанія и самыя противорѣчивыя мнѣнія, по возможности провѣренныя, такъ обрисовали личность Паскевича въ воображеніи Андрея Яковлевича:

Паскевичъ былъ, обязанъ многимъ своему необыкновенному счастью, которое развило даже въ немъ самомнѣніе, но все-же значительную долю его успѣховъ необходимо приписать его уму. Человѣкъ онъ былъ добраго сердца, смѣлаго духа, съ прекрасною памятью, часто весьма проницательной, если углублялся въ предметъ; но безпорядокъ въ образѣ жизни, въ дѣлахъ и вѣроятно въ самыхъ мысляхъ препятствовалъ ему быть хорошимъ администраторомъ и дѣлалъ изъ него лишь выдающагося полководца, гдѣ конечно при умѣ большую роль играетъ счастье. Онъ не обнаруживалъ постоянства, необходимой точности, систематичности и положительности. Всѣ поступки его зависѣли отъ впечатлѣній; досада, причиненная чѣмъ нибудь однимъ, отражалась на всемъ. Непривычка къ гражданской дѣятельности, требующей терпѣнія и опытности, откладываніе поэтому со дня на день и самаго нужнаго, или рѣшеніе его съ одного поверхностнаго взгляда на предметъ, были причинами безпорядковъ во внутреннемъ управленіи. Посвящая мало времени служебнымъ занятіямъ, Паскевичъ былъ увѣренъ, что все имъ однимъ дѣлается, отъ того дѣловые люди, находившіеся подъ его начальствомъ, теряли охоту къ трудамъ. При томъ-же неровность въ обхожденіи, заграждаемая тѣмъ откровенность къ нему мыслящихъ, покровительство безталаннымъ, слушаніе доносчиковъ и собственный свой, особый, взглядъ на вещи, ставили въ недоумѣніе и истинно преданныхъ ему людей разумныхъ.

Иногда видны въ немъ проблески благородныхъ чертъ характера: восхищеніе добрымъ поступкомъ, участіе въ горѣ другого, великодушіе; но тутъ-же слѣдовали эгоизмъ и готовность пожертвовать каждымъ, по своимъ видамъ, или для своего оправданія.

Первыя качества, кажется, были господствующими въ немъ до его большей извѣстности; а послѣднія пріобрѣтены имъ въ жизни

петербургской, гдѣ онъ видѣлъ необходимость искательства, лести и скромности. Безъ этого едва-ли-бы онъ могъ возвыситься, при всей храбрости своей» [1]).

Графъ Аракчеевъ въ воспоминаніяхъ Андрея Яковлевича является «человѣкомъ до послѣдней степени необразованнымъ, совершенно не подготовленнымъ къ тому высокому положенію, какое онъ занималъ, а между тѣмъ онъ хотѣлъ дѣлать нововведенія и исправлять старое. Съ ни предъ чѣмъ не останавливавшейся настойчивостью онъ заставлялъ приводить въ исполненіе свои самыя нелѣпѣйшія распоряженія и за малѣйшую ослушность и невыполненіе требуемаго каралъ немилосердно. На подчиненныхъ онъ смотрѣлъ, какъ на машины, которыя должны были неустанно работать, не давалъ имъ отдохнуть даже въ праздникъ—въ праздничные дни онъ нарочно внезапно присылалъ чиновника для производства ревизіи—и между тѣмъ никогда не награждалъ даже самыхъ исправныхъ. Онъ былъ въ высшей степени мстителенъ и окружалъ себя людьми, которые были орудіями нравственной пытки; главнѣйшія занятія чиновниковъ главнаго штаба, казалось, состояли въ томъ, чтобы искать упущеній, дабы прислужиться тѣмъ своему начальнику. Аракчеевъ до того былъ всѣми ненавидимъ, что когда присягали Николаю I, то военные поселяне и солдаты кричали: «Господи, избавитъ-ли насъ новый царь отъ лютаго главнаго начальника!» Нельзя описать всеобщей радости, когда было получено извѣстіе, что онъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за-границу» [2]).

Начальника кавалерійской дивизіи, поселенной въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ, графа Витта, Андрей Яковлевичъ рисуетъ въ слѣдующихъ чертахъ: это «былъ человѣкъ сердца добраго, способностей ума необыкновенныхъ; былъ вѣжливъ и ласковъ въ обхожденіи съ подчиненными; никогда не выходилъ изъ себя и даже рѣдко сердился; но былъ вѣтренъ, невѣренъ ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ; впрочемъ, онъ зналъ кавалерійскій фронтъ, умѣлъ дать образованіе и направленіе кавалерійскимъ полкамъ, а всего болѣе умѣлъ представить ввѣренныя ему части въ прекрасномъ видѣ... Государь всегда былъ имъ доволенъ, а поелику сверхъ того

---

[1]) Русск. Архивъ. 1873 г., кн. II, стр. 1732.

[2]) Кіевская Старина, 1884 г., ноябрь стр. 474.

онъ употреблялся и для наблюденія за духомъ войскъ и помѣщиковъ, особенно въ польскихъ провинціяхъ, то казался весьма нужнымъ государю, что отвращало отъ него грозу и желаніе уничтожить его, высказывавшееся въ придиркахъ къ нему со стороны графа Аракчеева. Тутъ можно еще прибавить, вспомнивши о графѣ Виттѣ, что есть люди, кои охотнѣе и лучше занимаются тѣмъ, что не относится къ прямой ихъ обязанности, нежели тѣмъ, что въ сущности составляетъ ее» [1]).

Сопоставляя эти характеристики съ тѣми данными, которыя можно почерпнуть изъ различныхъ матеріаловъ для біографій Паскевича, Аракчеева и Витта [2]), помѣщаемыхъ за послѣднее

---

[1]) Кіев. Старина 1884 г., ноябрь, стр. 473.

[2]) Ермоловъ и Паскевичъ. Воспоминаніе В. А. Андреева.—Рус. Архивъ, 1873 г., т. II, столбцы 1571, 1574, 1577—1583.—Изъ бумагъ Жуковскаго. Два письма кн. Паскевича къ нему.—Ib. 1875 г., т. III, стр. 368.—Бумаги кн. И. В. Васильчикова. Письмо къ нему Паскевича.—Ib. 1875 г., т. III, стр. 420.—Записки польскаго епископа Буткевича.—Ib. 1876 г., т. III, стр. 323.—Изъ воспоминаній о венгерской кампаніи адъютанта кн. Паскевича, Д. П. Солнцова.—19-й вѣкъ Бартенева, т. I, стр. 256—281 и въ особенности 280.—Мысли Паскевича объ оборонѣ и паденіи Севастополя. Сообщ. О. Б. Степановъ.—Русская Старина, 1872 г., т. VI, стр. 427—435, 604—605.—Кн. В. Г. Мадатовъ. По поводу донесеній о немъ Паскевича импер. Николаю I. Сообщ. княгиня С. А. Мадатова.—Ib. 1873 г., т. VII, стр. 85, 88, 90, 92.—Фельдмаршалъ Паскевичъ въ крымскую войну 1854—1855 гг. Историко-критич. очеркъ. Перев. съ нѣмецкаго и сообщ. съ замѣтками и примѣч. Н. К. Шильдеръ.—Ib. 1875 г., т. XIII, стр. 604—606, 613, 618, 621, 635.—Замѣтки о событіяхъ въ 1853—1853 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—Ib. 1875 г., г. XIV, стр. 386.—Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ: переписка ихъ и донесенія имп. Николаю I о событіяхъ на Кавказѣ и о войнѣ съ Персіей, 1826—1827 гг. Сообщ. П. И. Врıони.—Ib. 1872 г., т. V, стр. 706—726; т. VI, стр. 39—69.—Войны Россіи съ Турціей и ея союзники, 1828—1829 и 1853—1854 гг.—Ib. 1876 г., т. XVI, стр. 681—687, 689—702; т. XVII, стр. 145—150, 170, 352.—Письма Паскевича къ вел. кн. Михаилу Павловичу. Сообщ. Берже.—Ib. 1876 г., т. XVII, стр. 851—853.—Письма Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову.—Ib. 1876 г., т. XV, стр. 163—191, 388—401, 659—674.—Письмо Паскевича импер. Николаю I о возмущеніи поляковъ въ Краковѣ.—Ib. 1884 г., т. XLI, стр. 154.—Кн. Мих. Дмитр. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1856 г. Предсмертная записка, сообщ. Н. П. Степановъ.—Ib. 1883 г., т. XL, стр. 389—390 и д.—Краткій журналъ пребыванія моего въ дѣйствующей арміи въ польскую войну, со времени прибытія гр. Паскевича къ оной до отъѣзда моего въ С.-Петербургъ. Графа Н. Ѳ. Толя.—Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн. рос. 1867 г., кн. II, стр. 2, 4, 8, 11, 13, 17, 20—23, 39 и 54, и много другихъ.

Относительно гр. Аракчеева имѣемъ, между прочимъ, слѣд. матеріалы и статьи: Гр. Аракчеевъ и военные поселяне 1809—1831 гг.—Изд. „Русской Ста-

время въ значительномъ количествѣ въ нашихъ историческихъ журналахъ, слѣдуетъ заключить, что авторъ нашъ въ своихъ запискахъ былъ весьма безпристрастенъ въ оцѣнкѣ характеровъ и дѣятельности лицъ, съ которыми сталкивала его судьба. Ему однако самому однажды показалось, что въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ его промелькнула какъ-бы тѣнь личнаго неудовольствія, и онъ по-

рины". Спб. 1871 г.—Гр. А. А. Аракчеевъ Изъ воспоминаній о новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. 1822—1826 гг. А. К. Гриббе. — „Русская Старина". 1875 г., т. XII, стр. 84, 86, 90, 100—104.—Убійство Настасьи Шумской. Разсказъ А. Г. Пупарева, сообщ. А. Н. Неустроевъ. — Ib. 1871 г., т. IV, стр. 270.—Листки изъ записной книжки „Русской Старины" (мнѣніе имп. Александра I, высказанное по поводу клеветы Аракчеева на нѣкоего Г. Л. Вильде и ложнаго донесенія А—ва имп. Павлу I.—Ib. 1871 г., т. III, стр. 241 —Гр. А. А. Аракчеевъ. Сообщ. А. Н. Сиротининъ.—Ib. 1882 г., т. XXXV, стр. 624—626.—Воспоминанія доктора Ив. Исаак. Европеуса.—Ib. 1872 г., т. VI, стр. 225—242, 547—558.—Черты изъ жизни гр. Аракчеева. Воспоминанія ген.-м. Н. Г. Сигунова.—Ib. 1870 г., т. I, стр. 272—276.—Гр. А. А. Аракчеевъ. Разсказы изъ его жизни свящ. с. Грузина, Ильинскаго.—Ib. 1872 г., т. V, стр. 470—472.—Гр. А. А. Аракчеевъ. Разсказъ къ его характеристикѣ. Сообщ. К. А. Измайловъ.—Ib. 1881 г., т. XXXII, стр. 201—208.—Эпиграмы на Аракчеева. Изъ рукописи. сборника 1820 гг. Сообщ. И. Р. фонъ-деръ-Ховенъ.—Ib. 1874 г., т. IX, стр. 200.—Гр. А. А. Аракчеевъ въ 1812—1834 гг. Сообщ. Н. К. Шильдеръ.—Ib. 1882 г., т. XXXVI, стр. 181—196.—Воспоминанія академика-архитектора И. И. Свіязева, 1824—1826 гг. Имп. Александръ I и гр. Аракчеевъ.—Ib. 1871 г., т. IV, стр. 549—561 и д.—Письма гр. Аракчеева и къ нему различныхъ лицъ.—Русскій Архивъ. 1864 г, стр. 1186, 1866 г., стр. 1047, 1868 г., стр. 281, 1872 г., стр. 2036 и д.—Записки Е. Ѳ. фонъ-Брадке.—Ib. 1875 г., т. I, стр. 44—53.—Воспоминанія Н. Н. Шенига.—Ib. 1880 г., т. III, стр. 321—325.—По поводу записокъ саксонскаго посланника гр. Зенфта. Статья кн. Вяземскаго.—Ib. 1876 г., т. I, етр 470—480. Черты изъ жизни гр. Аракчеева. Н. К. Отто.—Древняя и Новая Россія. 1875 г. № 1, стр. 95—102; № 3, стр. 293—301, № 4, стр. 376—393, № 6, стр. 165—182, № 10, стр. 162—185.—Журналистика гр. Аракчеева. М. Богдановичъ.—Русскій Инвалидъ, 1870 г. № 29.

Вообще какъ о князѣ Паскевичѣ, такъ и о графѣ Аракчеевѣ у насъ образовалась, можно сказать, обширная литература; но ни въ ряду написанныхъ объ нихъ статей, ни въ числѣ изданныхъ матеріаловъ мы не встрѣчаемъ противорѣчій со взглядами на этихъ лицъ А. Я. Стороженка,

Къ характеристикѣ гр. Витта могутъ служить помѣщенныя въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины" за текущій годъ замѣтки А. С. Пишчевича: „Бугскіе козаки и украинскіе уланы"; здѣсь нѣкоторыя черты характера гр. Витта представлены совершенно сходно со свидѣтельствомъ Андрея Яковлевича, и вообще передаваемые Пишчевичемъ факты, какъ замѣтилъ и авторъ предисловія къ его замѣткамъ, „ничѣмъ не разнятся отъ тѣхъ, которые чертилъ въ своихъ запискахъ писавшій позже и вообще сдержанный Стороженко".

челъ нужнымъ оговориться: «дабы все упомянутое мною въ этихъ краткихъ очеркахъ военнаго поселенія херсонской и екатеринославской губерній о графѣ Аракчеевѣ не показалось желчью человѣка, котораго онъ гналъ, я долженъ сказать, что напротивъ онъ всегда благоволилъ ко мнѣ, удостоивалъ и продолжительными разговорами и собственноручными письмами, хранящимися у меня» [1])

Въ серіи записокъ о Царствѣ Польскомъ Андрей Яковлевичъ высказываетъ свои сужденія о тогдашнемъ положеніи Польши, о нуждахъ края, характерѣ польскаго народа и необходимыхъ мѣрахъ для удержанія его въ повиновеніи.

По его мнѣнію, Польша послѣ подавленія возстанія 1831 г. находилась лишь въ наружномъ спокойствіи изъ страха предъ русскимъ оружіемъ, но мысли объ «одбудованьи ойчизны» не покидали польскихъ умовъ, хотя повидимому поляки и должны-бы были убѣдиться въ тщетѣ ихъ. Найболѣе сторонниковъ эта идея находила среди бывшихъ военныхъ польской арміи, среди учащейся молодежи, католическаго духовенства и помѣщиковъ; среднее сословіе и крестьянство, какъ и во время возстанія, не сочувствовали высшимъ сословіямъ и даже враждебно относились къ ихъ мечтаніямъ. По своему легкомыслію и легковѣрію польская шляхта не хотѣла примириться съ существующимъ порядкомъ, не хотѣла понять, что польская народность только и можетъ сохраниться подъ защитой Россіи, и вѣрила бреднямъ польскихъ эмигрантовъ, тайно возвращавшихся на родину и скрывавшихся у помѣщиковъ и ксендзовъ. Бѣжавшіе за-границу поляки, которымъ нечего было терять, завидуя спокойной и до извѣстной степени счастливой жизни своихъ соотечественниковъ, оставшихся въ краѣ, старались возмутить ихъ и разсказывали имъ небылицы о громадности средствъ, которыми располагаетъ эмиграція, о томъ, что она готова вновь устроить тотчасъ-же возстаніе, о томъ, что ея цѣлямъ сочувствуютъ будто-бы и будутъ поддерживать ее сильныя западно-европейскія государства. Съ начала 40-хъ годовъ эмигранты не ограничивались пропагандой своихъ идей среди высшаго слоя общества, но предположили найти себѣ поддержку среди народа, убѣдившись, что возстаніе 1831 г.

---

[1]) Записки о военномъ поселеніи и т. д., Кіев. Стар. 1884 г., ноябрь, стр. 476.

оттого не имѣло успѣха, что народъ не принималъ въ немъ участія. «Они увѣряли себя, что если земледѣльцы утвердятся во мнѣніи, что революція сдѣлаетъ ихъ гражданами, что они будутъ собственниками и избавятся отъ панщины, а ремесленники—что облегчатся для нихъ подати уравненіемъ всѣхъ классовъ, то возстаніе будетъ уже народнымъ» [1]). Но пропаганда въ этомъ духѣ имѣла успѣхъ лишь въ Галиціи и Познани, а въ Царствѣ Польскомъ всѣ усилія эмигрантовъ не дали желательныхъ результатовъ, что видно изъ показаній главныхъ агитаторовъ Мирославскаго, Тысовскаго и другихъ [2]). За то шляхта не измѣняла своихъ политическихъ взглядовъ и сочувственно относилась къ демократической пропагандѣ; таковое настроеніе выражалось даже въ самыхъ мелочахъ: женщины въ концѣ 40-хъ годовъ изъ мнимаго патріотизма продолжали обрѣзывать себѣ волосы, въ Варшавѣ не устраивали никакихъ увеселеній и носили трауръ [3]).

Самыми главными мѣрами для предотвращенія на будущее время возможности возникновенія возстанія Андрей Яковлевичъ считалъ строгое отношеніе къ самымъ, повидимому, невиннымъ антирусскимъ выходкамъ поляковъ и возможно большее увеличеніе русскаго элемента среди чиновниковъ. Чтобы показать на дѣлѣ пользу послѣдняго мѣропріятія, онъ приводитъ въ примѣръ политику прусскаго правительства: «занявши въ 1815 г. Познань, оно тотчасъ не только смѣнило чиновниковъ и замѣстило ихъ своими, но тогда-же начало вводить общія права и господствующій языкъ; событія доказали пользу сего, ибо ни одинъ ландратъ, ни одинъ бургомистръ не раздѣлялъ революціонныхъ идей, оттого княжество познанское менѣе всѣхъ другихъ провинцій бывшей Польши участвовало въ возстаніи 1831 г.» [4]). Въ подтвержденіе справедливости своей первой мысли—о строгомъ отношеніи къ проступкамъ, авторъ нашъ приводитъ цѣлый рядъ доводовъ, что возстаніе 1831 г. созрѣвало постепенно вслѣдствіе переходившей всякую мѣру увѣренности правительства въ мнимой приверженности поляковъ къ Россіи,

---

[1]) Записки о Царствѣ Польскомъ 1842 г.

[2]) Рапортъ предсѣдателя слѣдств. ком. 1847

[3]) Ibid.

[4]) Записка обывателя Царства Польскаго.

«поверхностныхъ разысканій проступковъ, кои были представляемы какъ заблужденія, шалости молодежи безъ цѣли» [1]) и, наконецъ, вслѣдствіе недостаточнаго надзора за духомъ польскихъ военныхъ и учащейся молодежи.

Отношеніе русскаго правительства къ полякамъ Андрей Яковлевичъ характеризуетъ въ своемъ «Опровержені клеветъ на Россію за Польшу»: русское правительство, говоритъ онъ здѣсь, заботилось о нуждахъ страны, раздавало пособія разоренныхъ жителямъ, содержало вдовъ и сиротъ убитыхъ мятежниковъ, улучшало пути сообщенія, способствовало расширенію городовъ, соблюдало полную вѣротерпимость и не дѣлало насилій надъ польскою національностью, какъ Пруссія въ Познани.

Можно-бы предположить, что Андрей Яковлевичъ, какъ человѣкъ принимавшій близкое участіе въ польскихъ событіяхъ 30-хъ и 40-хъ гг. и при томъ въ качествѣ одного изъ главныхъ представителей столь ненавистнаго полякамъ русскаго порядка, и самъ пристрастно, съ предвзятою мыслью относился къ дѣйствіямъ поляковъ, намѣренно выставлялъ въ лучшемъ свѣтѣ дѣятельность правительства и предлагалъ слишкомъ сильныя, непримѣнимыя и ненужныя мѣры; но ближайшее знакомство съ записками его убѣждаетъ насъ въ противномъ: краски для обрисовки характера польскаго народа и тогдашняго его настроенія подобраны имъ какъ нельзя болѣе вѣрно, что подтверждается и другими свидѣтельствами [2]); заботливое отношеніе правительства къ польскому народу, какъ въ то время, такъ и позже, есть фактъ общеизвѣстный [3]); мѣропріятія, на которыя указываетъ авторъ записокъ, и по-нынѣ сохраняютъ

---

[1]) Ibid.

[2]) Жизнь гр. М. Н. Муравьева, Д. А. Кропотова. Спб. 1874 г., стр. 280 сл. 333—348. Записки Н. В. Берга о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ 1831—1862 г. М. 1873 г., стр. 7—131. Польша послѣ 1815 г. Е. М. Ѳеоктистова. Рус. Вѣстникъ, 1865 г., № 8, стр. 390—403, 408, 411, 418 и 424—420.

[3]) Очеркъ экономическаго развитія Привислянскаго края, со времени реформъ 1864 г., въ крестьянскомъ быту, сравнительно съ предшествующими періодами XIX в. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ Варшавскаго университета 1874 г. проф. Симоненкомъ, стр. 1—21. Рѣчь эта была перепечатана въ трудѣ проф. Симоненка: „Сравнительная статистика Царства Польскаго и др. европ. странъ". Варшава. 1879 г., стр. 116—142.

свое значеніе, а теперешнее положеніе Познани краснорѣчиво говоритъ въ пользу мѣропріятій прусскаго правительства, изъ которыхъ только самую незначительную долю авторъ записокъ совѣтуетъ примѣнить къ русской Польшѣ и какъ нельзя болѣе ярко освѣщаетъ гуманную политику Россіи по отношенію къ польской національности, за которую сыплется на нее столько упрековъ и которая поступаетъ по пословицѣ: «какъ волка ни корми, все въ лѣсъ глядитъ».

Изъ всего вышесказаннаго видно, что записки о Царствѣ Польскомъ удовлетворяютъ требованіямъ исторической критики и являются цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, а автора ихъ можно считать безпристрастнымъ судьею какъ лицъ, такъ и событій.

Литературныя заслуги Андрея Яковлевича были цѣнимы современниками; онъ былъ членомъ Русскаго Историческаго общества и, по предложенію этого общества, королевское общество сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ избрало его въ свои члены и прислало ему черезъ варшавскаго попечителя дипломъ на это званіе (Приложеніе № 3).

Занимаясь самъ наукой, Андрей Яковлевичъ покровительствовалъ и научнымъ занятіямъ другихъ. «Служа съ 1832 г. въ Царствѣ Польскомъ, онъ много способствовалъ польской литературѣ, особенно по историческимъ разысканіямъ, имѣвшимъ связь съ церковными, гражданскими и военными событіями Россіи и преимущественно Малороссіи XVI, XVII и XVIII столѣтій», говоритъ генералъ-лейтенантъ Николай Ивановичъ Ушаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Андреѣ Яковлевичѣ [2]).

Крмѣ историческихъ статей и записокъ отъ Андрея Яковлевича остался спеціально военный трудъ «Правила для образованія кавалериста»; онъ изданъ въ Петербургѣ въ 1837 г. и составленъ по запискамъ офицера Бабинскаго и другихъ [1]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[2]) Воспоминанія объ А. Я. Стороженкѣ. Рус. Архивъ, 1873 г., т. II, стр. 1734.

[1]) Изъ записокъ А. Я. Стороженка. Ib., стр. 1740.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

О сословіи козаковъ.

Въ самомъ началѣ XVI вѣка на Украйнѣ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра было особенное сословіе, которое называлось козачьимъ, козаки. Козаки имѣли своихъ начальниковъ, которые назывались гетманами; такъ въ 1516 г. былъ таковымъ Предславъ Ланцкоронскій и др.; они считались сословіемъ благороднымъ, рыцарскимъ и защищали Рѣчь-Посполитую отъ татарскихъ набѣговъ совершая походы по сушѣ и по Черному морю. Впослѣдствіи ощутилась потребность въ классѣ людей, которые были-бы въ постоянной готовности отражать непріятельскія нападенія; вслѣдствіе чего надъ порогами днѣпровскими и собралось сначала небольшое количество охочихъ до военнаго дѣла козаковъ, которыхъ и стали называть запорожскими козаками. Это было общество людей свободныхъ, положившее за правило никогда не жениться и принимавшее къ себѣ каждаго авантюриста. Запорожцы имѣли своего особаго кошеваго атамана, который не всегда подчинялся гетману, управлявшему осѣдлыми, городовыми, украинскими козаками. Украйна имѣла свое главное управленіе, суды гродскіе, земскіе и т. д., жители дѣлились на сословіе шляхетское, рыцарское и на подданство. Сословіе рыцарское включало также и козаковъ, которые имѣли свои участки земли, не подчинялись панамъ и обязанностью которыхъ было служить противъ непріятелей съ вооруженною рукою, а во время мира пахать свои собственныя нивы.

Впослѣдствіи король Стефанъ Баторій подтвердилъ права шляхты и козаковъ на ихъ земельныя имущества, приказалъ основать городъ, который по его имени былъ названъ Баторинъ или Батуринъ. За время этого короля малороссійскіе козаки со своими предводителями Подковою и Шахомъ достигли Малой Азіи, взяли города Синопъ и Трапезонтъ и явились побѣдителями подъ стѣны самаго Стамбула.

Болѣе ста лѣтъ, пользуясь своими правами и привилегіями, козаки отбывали со славою и пользою для Польши свои воинскія обязанности.

Во второй половинѣ XVII вѣка злосчастная унія дала печальные результаты, поселивши раздоръ между поляками и малороссами, распря увеличивалась и повела къ безконечнымъ возстаніямъ, предпринимать которыя козаки были принуждены для обороны своихъ вольностей и религіи.

При королѣ Владиславѣ IV Богданъ Хмельницкій возсталъ противъ Рѣчи Посполитой и произвола магнатовъ польскихъ; его поддер-

жалъ, можно сказать, самъ король, написавши въ письмѣ къ Барабашу въ отвѣтъ на жалобы козаковъ: „такъ какъ вы добрые рыцари и имѣете саблю у пояса, то защищайтесь сами отъ своихъ притѣснителей“. Тотъ-же король Владиславъ, котораго такъ любили козаки, написалъ передъ смертью Хмельницкому, чтобы онъ двинулся съ 40,000 реестровыхъ козаковъ ко Львову и ожидалъ тамъ дальнѣйшихъ приказаній.

Въ 1638 г. (какъ пишетъ уважаемый Мацѣевскій въ трудѣ своемъ: „Historya prawodastw Słowianskich“ въ т. III, стр 328) записали козаковъ въ подданныхъ, но это было лишь пустымъ распоряженіемъ, ибо тогда козаки почти совсѣмъ отдѣлились отъ Польши, поднимали оружіе и не признавали надъ собой ничьей власти. Можно было, сколько угодно, записывать въ подданные людей, съ оружіемъ въ рукахъ защищающихъ свои права.

Въ 1654 г. Хмельницкій поддался Россіи, а по такъ называемому андрусовскому договору Днѣпръ сталъ границей между московскимъ и польскимъ государствами. Козаки, раздѣленные такимъ образомъ, не переставали все-же сообща совершать походы противъ татаръ и турокъ, какъ свидѣтельствуетъ много фактовъ. Кіевъ и Бѣлая Церковь были присоединены къ собственно Малороссіи. Въ мѣстечкѣ Хвастовѣ жилъ полковникъ Палій, который, независимо отъ польскаго правительства, громилъ татаръ буджацкихъ и бѣлгородскихъ. Собственно въ Украйнѣ, т е. въ Умани, Черкасахъ, Каневѣ и т. д были свои козацкіе гетманы и одинъ изъ нихъ Петро Дорошенко, большой авантюристъ, соединившись съ турками, бралъ Каменецъ-Подольскій. Малороссійскіе гетманы титуловали себя въ универсалахъ гетманами обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска запорожскаго и во второй половинѣ XVII вѣка козаки, какъ на той, такъ и на другой сторонѣ Днѣпра не переставали принадлежать къ свободному сословію и пользовались всѣми своими прежними правами и привилегіями. Еще во времена Августа II, уже въ XVIII ст., положеніе козаковъ правобережныхъ, украинскихъ, было таковое-же, какъ и прежде...

Обсудивши всѣ эти данныя и принимая во вниманіе, что въ Малороссіи до сего часу козаки пользуются своими старыми привилегіями, не имѣютъ ничего общаго съ закрѣпощенными, владѣютъ собственными землями, возникаетъ вопросъ, какимъ способомъ, на основаніи чего и когда именно козаки, жившіе въ собственно Украйнѣ, т. е. теперешнихъ кіевской, подольской и части волынской губерніяхъ попали во власть пановъ.

Въ Малороссіи и теперь есть до полумилліона козаковъ, сравнивая-же по пространству, на той сторонѣ Днѣпра должно-бы было быть еще больше, тогда какъ тамъ мы не находимъ даже слѣдовъ этого сословія, такъ что когда Украйна въ 1794 г. была окончательно присоединена къ Россіи, то даже не было рѣчи о сословіи козаковъ и польскіе паны называли козаками только своихъ прислужниковъ.

Мнѣ пришли эти мысли по прочтеніи письма Діонисія Зубрицкаго, въ которомъ онъ пишетъ, что и въ Червоной Руси существуютъ поселенія, состоящія изъ бояръ, которые когда-то также были благороднымъ сословіемъ и имѣли обязанностью принимать участіе въ походахъ подъ хоругвями разныхъ польскихъ пановъ. Хотѣлъ-бы знать, имѣютъ-ли эти бояре и до сего времени какія нибудь привилегіи и какія именно, или же они подвластны панамъ и не потомки-ли они давнихъ козаковъ. Ибо въ Галиціи есть кромѣ того бояре изъ армянъ, а въ Волощинѣ вся шляхта называется боярами.

Въ Малороссіи понынѣ боярами или дружками, называются тѣ лица, которыя на свадьбахъ сопутствуютъ молодымъ; ихъ обязанностью бываетъ прикрѣплять въ томъ углу избы, гдѣ молодые садятся за столъ, саблю и три свѣчи, эмблему св. Тройцы. Существуетъ еще обычай обозначать могилу козака полотномъ, прибитымъ къ кресту, о чемъ должна позаботиться старшая изъ дѣвушекъ въ семьѣ. Есть много и другихъ козацкихъ обычаевъ; то они не могли лишиться своей свободы лишь вслѣдствіе гнета со стороны пановъ, на это были особыя законодательныя мѣры правительства польскаго.

Ни одинъ польскій писатель не упоминаетъ обо всемъ этомъ. Можетъ быть это происходитъ отъ нежеланія выставить шляхту варварской, которая на сеймахъ кричала о свободѣ, а потихоньку душила всѣхъ попавшихъ ей подъ руку. Было-бы очень важно, если-бы нашлись журналы сеймовъ, въ которыхъ навѣрное найдутся постановленія о лишеніи козаковъ ихъ правъ и привилегій.

10-е января 1839 г.

Примѣчаніе. Замѣтка эта написана по польски и была, очевидно, приготовлена для какого нибудь польскаго журнала. Въ настоящее время она можетъ имѣть нѣкоторое значеніе лишь для южно-русской исторіографіи. Я помѣстилъ ее здѣсь, еще разъ повторяю, лишь для ознакомленія съ научными взглядами Андрея Яковлевича.

Ознакомившись съ содержаніемъ этой замѣтки, мы видимъ, что авторъ ея не имѣлъ вполнѣ яснаго представленія о той мрачной эпохѣ въ исторіи правобережной Украйны, которая извѣстна подъ именемъ „Руины“ [1]), и затѣмъ о дѣятельности Палія. Самуся и т. д., вновь формировавшихъ козацкіе полки, по предложенію польскаго правительства. Послѣднее ошиблось въ своемъ расчетѣ: козачество въ правобережной Украйнѣ, хотя и было возстановлено въ прежнемъ видѣ, было проникнуто теперь иными, демократическими тенденціями, стремилось возсоединиться съ лѣвобережной Украйной и войти въ составъ Россіи. Шляхта, страдавшая отъ козацкаго своевольства, стала настойчиво требовать отъ правительства уничтоженія вновь набранныхъ козацкихъ полковъ: Августъ II обѣщалъ на коронаціонномъ сеймѣ 1697 г. упразднить козаковъ при первой возможности; къ 1713 г. козачество исчезло на всегда въ правобережной Украйнѣ [2]). Когда она вошла въ составъ Россіи, русское правительство не возстановляло устарѣвшихъ формъ общественнаго быта и потому, когда наступила мрачная эпоха крѣпостнаго права, на правомъ берегу все простонародье явилось закрѣпощеннымъ, тогда какъ на лѣвомъ, гдѣ козачество сохранялось еще и во второй половинѣ XVIII в., крѣпостными сдѣлались только такъ называемые „посполитые“, а потомки козаковъ сохранили свободу личности, право собственности и названіе, существующее и по нынѣ

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Записка о Царствѣ Польскомъ въ 1835 г.

Время и направленіе правительства къ предположенной цѣли общаго спокойствія въ Царствѣ Польскомъ изглаживаютъ постепенно слѣды бывшаго возмущенія, какъ въ быту народномъ, такъ и въ умахъ и дѣйствіяхъ высшаго класса людей, т. е. помѣщиковъ, кои составляя въ Польшѣ совершенно отдѣльную касту, заключали въ кругу своемъ духъ единства въ возмущеніяхъ, безъ всякаго почти участія въ томъ низшаго класса, который всегда былъ слѣпымъ орудіемъ высшаго.

---

[1]) Кулишъ. Записки о южной Руси, т I, стр. 83.

[2]) В. Б. Антоновичъ. Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Кіевъ. 1868 г., стр. 102, 194. Н. И. Костомаровъ. Руина. Спб. 1882 г., стр. 650—651.

Помѣщики Царства, или лучше сказать, обыватели Варшавы, убѣждаясь въ ничтожности всякихъ покушеній противу правительства, обращаются нынѣ къ нему съ искательствами. Наружная покорность имѣетъ видъ порядка, который между тѣмъ дѣйствительно водворяется и страхомъ, и видимою справедивостію, и попечительностью правительства. Средній классъ, т. е. купцы и граждане показываютъ даже преданность, и духъ недоброжелательства, или желанія перемѣнъ таится между незначительнымъ числомъ нѣкоторыхъ обывателей.

Попытка извѣстныхъ мятежниковъ, Лелевеля и Заливскаго, въ высылкѣ эмисаровъ и достойный конецъ многихъ изъ сихъ послѣднихъ послужили великимъ урокомъ и для самыхъ буйныхъ изступленниковъ.

Съ 1833 года хотя безпрестанно получаются свѣдѣнія о прибытіи въ Царство разныхъ злоумышленниковъ, но ни одинъ изъ нихъ не вторгался въ границы онаго съ прежними намѣреніями и схваченный эмисаръ Мигурскій, прибывшій, какъ слѣдствіемъ дознано, единственно для того только, чтобы взять у отца денегъ, равномѣрно какъ и другіе добровольно явившіеся съ покорностью, кои были членами разныхъ тайныхъ обществъ, рѣшительно утверждаютъ, что казнь преступниковъ 1833 года до того устрашила подобныхъ имъ, что ни одинъ изъ называющихъ себя эмисарами не дерзаетъ проникнуть въ Царство, при всѣхъ настаиваньяхъ тайныхъ комитетовъ.

Нельзя сказать, чтобы не существовала переписка между обывателями Царства и мятежниками, бѣжавшими за границу, но сношенія эти не производятъ уже прежнихъ вліяній, а между тѣмъ собственный интересъ каждаго располагаетъ дѣйствіями, въ коихъ видна готовность искать съ покорностію всемилостивѣйшаго монаршаго вниманія.

Жители Варшавы показали желаніе единодушнаго угожденія даннымъ обѣдомъ гвардейскому отряду, возвращавшемуся въ С.-Петербургъ. Они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія августѣйшаго монарха и стараются другъ передъ другомъ отличиться усердіемъ въ различныхъ приготовленіяхъ къ сему торжественному дню. Выборъ депутатовъ производитъ между ними ревность къ такому отличію и настоящій духъ гражданъ, искупая ихъ прежнюю вину, заслоняетъ время прошедшаго и представляетъ добрую надежду въ будущемъ.

Легковѣрность и легкомысліе требуютъ всегда самаго бдительнаго надзора. Нельзя сказать, чтобы временное расположеніе умовъ могло быть постояннымъ, но въ теперешнемъ расположеніи ихъ виденъ оборотъ къ лучшему, хотя бы сіе происходило и отъ страха.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

Письмо при дипломѣ на званіе члена королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ въ Копенгагенѣ.

М. Г. По предложенію русскаго историческаго общества, правленіе королевскаго общества сѣверныхъ антикваріевъ, считая васъ достойнымъ уваженія по вашему званію, дѣятельности и тому интересу, который вы питаете къ изученію и разработкѣ своей родной исторіи, избрало васъ въ сегодняшнемъ засѣданіи въ члены русской секціи.

Поэтому мы имѣемъ честь выслать вамъ настоящій дипломъ на это званіе и протоколы общества, чрезъ посредство г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа.

Если вы пожелаете перейти въ разрядъ членовъ основателей, согласно 7-му пункту устава, то благоволите извѣстить о семъ секретаря общества.

Окончивши другія обширныя работы, мы предполагаемъ перейти къ печатанію большаго труда по русскимъ древностямъ.

Благосклонное вниманіе вашего августѣйшаго императора и наслѣдника цесаревича и высокая честь, которую они оказали обществу, вступивши въ число его членовъ основателей, придали намъ силъ и благопріятно повліяютъ на наши занятія, а покровительство наслѣднаго принца Даніи, который соблаговолилъ принять на себя званіе президента общества, значительно будетъ способствовать успѣху нашихъ разысканій.

Копенгагенъ, 3 апрѣля 1844 г.

Вице-президентъ P. Hagnüün. Секретарь Mafn (?).

Прим. переведено съ французскаго подлинника.

Н. С—ко.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

Кіево-печерская лавра находится на правомъ, высокомъ берегу Днѣпра, въ южной оконечности Кіева, занимая собою два холма, раздѣленные глубокой, спускающейся къ самому Днѣпру ложбиной. Въ княженіе св. Владиміра и Ярослава мѣстность эта была покрыта берестовымъ, скрывавшимъ ее лѣсомъ, а на сѣверной окраинѣ перваго, ближайшаго къ городу холма, представлявшаго значительную площадь, находилось село Берестово съ загороднымъ дворцемъ, любимымъ мѣстопребываніемъ первыхъ кіевскихъ князей и съ церковью св. апостолъ. Священникъ этой церкви *Иларіонъ*, по словамъ лѣтописи, «мужъ добрый, книжный и постникъ», ходилъ изъ Берестова чрезъ оврагъ на крайній холмъ, ископалъ тамъ пещеру, отпѣвалъ въ ней часы и молился Богу втайнѣ. Вскорѣ Богъ вложилъ въ сердце великому князю Ярославу поставить пресвитера Иларіона митрополитомъ Кіеву, къ соборной церкви св. Софіи, и пещерка та, какъ говоритъ лѣтописецъ, осталась впустѣ. Это было въ 1051 году.

Почти въ то-же время пришелъ въ Кіевъ съ дальняго востока постриженецъ одного изъ аѳонскихъ монастырей, уроженецъ г. Любеча, благочестивый мужъ, *Антоній*, которому постригшій его старецъ пророчески сказалъ: «иди въ Русь, и да будетъ на тебѣ благоволеніе св. горы, отъ тебя умножатся черноризцы». Антонію не полюбилось ни въ одномъ

изъ кіевскихъ монастырей; долго размышлялъ онъ, гдѣ-бы поселиться, и сталъ ходить по окрестнымъ дебрямъ и горамъ, ища мѣста удобнаго для жительства и для молитвы; наконецъ, придя на холмъ, въ которомъ была пещерка, оставленная пресвитеромъ Иларіономъ, поселился въ ней и возлюбилъ это мѣсто. Питаясь сухимъ хлѣбомъ и то чрезъ день, вкушая лишь воду и то въ мѣру, не давая себѣ покоя ни днемъ, ни ночью, онъ расширялъ пещеру и пребывалъ въ трудахъ, бдѣніи и молитвѣ. Благочестивые люди узнали о подвигахъ преподобнаго Антонія и стали приходить къ нему за благословеніемъ, принося потребное ему для жизни; приходилъ къ нему просить благословенія и великій князь Изяславъ Ярославичъ съ дружиной, вступивши на кіевскій престолъ въ 1054 году.

Стали приходить къ преп. Антонію и желавшіе подражать его святой жизни. Первымъ изъ таковыхъ прибылъ къ нему, неизвѣстно откуда, *Никонъ*, саномъ іерей, отличенный въ послѣдствіи титломъ великаго. Вторымъ послѣ Никона пришельцемъ къ преподобному Антонію былъ *Θеодосій*, родившійся въ г. Васильковѣ близъ Кіева, но въ дѣтствѣ еще переселившійся съ родителями своими въ г. Курскъ. По смерти отца въ немъ рано, еще на 13 году жизни, родилось влеченіе къ подвижнической жизни; слѣдуя этому влеченію, онъ, послѣ неудавшагося покушенія пройти съ странниками въ св. градъ Іерусалимъ, сталъ испытывать себя въ духовныхъ подвигахъ сначала въ домѣ своей матери, а потомъ въ домѣ одного властелина града, при церкви котораго служилъ, возложивъ на себя вериги еще въ юношескомъ возрастѣ. Препятствія со стороны матери, не желавшей лишиться единственнаго сына, только усилили его намѣреніе посвятить всю свою жизнь Богу. Съ этою цѣлію, оставивъ тайно отъ матери свой городъ, онъ прибылъ въ Кіевъ и желалъ поселиться въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей, но по причинѣ бѣдности его не приняли ни въ одинъ изъ нихъ. Тогда Θеодосій пришелъ къ пещерѣ преподобнаго Антонія и павши къ его ногамъ, молилъ принять къ себѣ. «Тѣсно мѣсто и жизнь моя скорбна, а ты юнъ», сказалъ

ему преподобный; «буду все творить, что повелишь, самъ Христосъ привелъ меня къ тебѣ, да спасусь тобою», отвѣчалъ Өеодосій. Видя твердое намѣреніе пришельца, преподобный Антоній принялъ его къ себѣ и велѣлъ Никону постричь и облечь его въ иноческую одежду. Новый черноризецъ, не смотря на свою молодость, вскорѣ удивилъ своими духовными подвигами преподобныхъ Антонія и Никона, въ особенности удивлялъ своимъ смиреніемъ, послушаніемъ и воздержаніемъ. Антоній, Өеодосій и Никонъ вмѣстѣ жили въ пещерѣ, вмѣстѣ молились, и Богъ былъ съ ними. По выраженію лѣтописца, это были три свѣтила, сіявшія въ пещерѣ и разгонявшія тьму бѣсовскую постомъ и молитвою.

Скоро слава о святой жизни кіевскихъ пещерниковъ прошла далеко по русской землѣ; къ нимъ стали приходить и другіе, желавшіе раздѣлять ихъ подвиги. Новыми учениками пр. Антонія явились прежде прочихъ: сынъ Іоанна, перваго боярина при дворѣ великаго князя Изяслава, нареченный въ иночествѣ *Варлаамомъ*, и одинъ изъ любимыхъ придворныхъ того же князя, «придержай у него вся», нареченный въ иночествѣ *Ефремомъ* Первый изъ нихъ, послѣ частыхъ бесѣдъ съ преподобнымъ Антоніемъ, прибылъ однажды къ его пещерѣ на богато убранномъ конѣ, въ дорогой одеждѣ, съ большой свитой сверстниковъ, и сложивъ свой свѣтлый уборъ къ ногамъ Антонія, заявилъ о своемъ желаніи быть инокомъ; «твори со мною, что хочешь, я уже презрѣлъ все мірское и никогда не возвращусь въ домъ свой», сказалъ онъ преподобному. Съ дозволенія Антонія Никонъ постригъ ихъ обоихъ, одного послѣ другаго, и облекъ въ монашескую одежду. Постриженіе этихъ двухъ лицъ возбудило сильный гнѣвъ великаго князя: онъ угрожалъ сослать старцевъ въ заточеніе и раскопать пещеру, а отъ Никона потребовалъ, чтобы онъ убѣдилъ Варлаама и Ефрема возвратиться въ свои домы. Уклоняясь отъ княжескаго гнѣва, Антоній съ своими подвижниками собрался было уже удалиться изъ Кіева въ другое какое либо мѣсто; но тронутый убѣжденіями своей супруги, великій князь вскорѣ отложилъ свой гнѣвъ и послалъ просить Антонія остаться въ своей пещерѣ.

По примѣру Варлаама и Ефрема, принимали иночество въ пещерѣ и другіе изъ приходившихъ къ преподобному Антонію за его благословеніемъ. Поступили въ сожительство къ нему и нѣкоторые иноки дальнихъ обителей; изъ послѣднихъ извѣстны: *Моисей Угринъ*, вмѣстѣ съ двумя родными братьями своими служившій при св. князѣ Борисѣ Владиміровичѣ во время убіенія его на Альтѣ и потомъ уведенный въ плѣнъ въ Польшу, гдѣ, послѣ страданій за свою чистоту, былъ постриженъ тайно однимъ черноризцемъ св. горы, и *неизвѣстный* по имени *инокъ* монастыря св. Мины Никонъ однако не долго оставался въ печерскомъ братствѣ; послѣ постриженія Варлаама и Ефрема онъ удалился къ черноморскимъ руссамъ на Тмутараканскій островъ и тамъ основалъ монастырь съ церковью во имя пресвятой Богородицы. Вмѣсто Никона пресвитеромъ для жившихъ въ пещерѣ поставленъ преподобный Θеодосій, а когда число ихъ возрасло до 12-ти, то тамъ-же, въ пещерѣ, они устроили для себя церковь и келліи.

Но жизнь въ общинѣ, хотя и немноголюдной, была не по душѣ Антонія; любя уединеніе, онъ, собравши братію, объявилъ: «живите себѣ особь отъ меня, я вамъ поставлю игумена, а самъ хочу уединиться на другой горѣ, я привыкъ жить одинъ». Преподавъ затѣмъ братіи благословеніе и поставивъ имъ игуменомъ Варлаама, Антоній перешелъ на противоположную большую гору и на ея южномъ уступѣ, гдѣ нынѣ «ближнія пещеры», выкопавъ для себя новую пещеру, поселился въ ней. Между тѣмъ число братіи въ прежней, дальней пещерѣ умножалось и по удаленіи Антонія, и спустя не долгое время стало невозможно помѣщаться въ ней всѣмъ подвижникамъ. Тогда игуменъ Варлаамъ и братія, съ благословенія преподобнаго Антонія, построили надъ пещерою малую *церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и келліи*. Такъ образовались двѣ пещеры, извѣстныя нынѣ подъ названіемъ «Антоніевой» и «Θеодосіевой», или подъ общимъ именемъ *ближнихъ* и *дальнихъ пещеръ*, а при пещерѣ дальней устроился малый монастырь, носившій впослѣдствіи названіе «ветхаго».

По выраженію лѣтописца, «не отъ богатствъ поставленъ былъ печерскій монастырь, а слезами, пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ». «Сколько скорби и печали понесли иноки отъ тѣсноты мѣста своего, вѣдаетъ одинъ Богъ», говоритъ препод. Несторъ въ житіи препод. Θеодосія. Пищею для братіи были только хлѣбъ и вода; лишь въ субботу и воскресенье дозволялось такъ называемое «сочиво», т. е. вареные плоды, но часто въ эти дни не оказывалось и сочива, и тогда ѣли вареное зеліе. Содержаніе пріобрѣтали трудами своихъ рукъ: плели клобуки изъ волны, корзины изъ лозы, выдѣлывали деревянную посуду; издѣлія свои продавали въ городѣ, а на вырученныя деньги покупали жито, которое раздѣляли между собою и мололи въ ручныхъ жерновахъ во время ночи. Послѣ полуночи совершали утреннее богослуженіе, а отъ заутрени до литургіи одни продолжали свои рукодѣлья, другіе копали въ огородѣ и ходили за овощами. Потомъ собирались въ церковь, пѣли часы и совершали св. службу По окончаніи литургіи съѣдали понемногу хлѣба и снова принимались за работу. Такъ трудились во всѣ дни, пребывая въ любви Божіей. Болѣе-же всѣхъ трудился преподобный Θеодосій, отличавшійся смиреніемъ и послушаніемъ. Онъ прислуживалъ всѣмъ, нося дрова и воду, а ночи проводилъ въ славословіи Божіемъ, къ заутрени прежде всѣхъ являлся въ церковь и стоя неподвижно на своемъ мѣстѣ, совершалъ божественное славословіе, выходилъ же изъ церкви послѣ всѣхъ. За то всѣ его любили и дивились его смиренію и послушанію.

Видя, что число желающихъ подвизаться въ новой обители все больше и больше умножается, игуменъ Варлаамъ и братія наконецъ рѣшились устроить большой монастырь, а преподобный Антоній, давъ на то свое благословеніе, послалъ одного изъ братій къ великому князю Изяславу сказать: «Богъ умножаетъ братію, а мѣсто мало; отдай намъ всю гору, которая надъ моею пещерою». Изяславъ охотно исполнилъ просьбу преподобнаго, игуменъ-же и братія, избравъ то мѣсто, гдѣ теперь главный соборъ кіево-печерской лавры, огородили его частоколомъ, устроили келліи и построили деревянную церковь, которую украсили

иконами. Такъ устроился въ 1062 г монастырь, получившій название печерскаго въ память того, что братія его первоначально жили въ пещерѣ.

Но едва началъ устроиться печерскій монастырь на новомъ мѣстѣ, какъ ему суждено было лишиться перваго своего игумена. Великій князь Изяславъ Ярославичъ, по примѣру своего отца и богатыхъ людей своего времени, считавшихъ особенно богоугоднымъ дѣломъ строить монастыри, пожелалъ имѣть собственный монастырь, съ церковью во имя св. великомученика *Димитрія*, котораго имя дано ему при крещеніи. Свой монастырь построилъ онъ въ самомъ г. Кіевѣ, на горѣ, съ южной стороны нынѣшняго кіево-михайловскаго монастыря, и желая имѣть въ немъ опытнаго настоятеля, перевелъ сюда печерскаго игумена Варлаама, который, какъ сынъ одного изъ его бояръ, былъ близко извѣстенъ ему. Тогда на мѣсто Варлаама, по благословенію и указанію преподобнаго Антонія, избранъ братіей въ должность печерскаго игумена *Ѳеодосій*, болѣе всѣхъ кроткій, смиренный и послушливый. Первымъ дѣломъ новаго игумена было перемѣщеніе братіи изъ ветхаго пещернаго во вновь устроенный большой монастырь. Вторымъ, еще болѣе важнымъ дѣломъ было введеніе *чернеческаго* правила для братіи, число которой умножилось до 100 человѣкъ. Такимъ правиломъ принятъ *общежительный уставъ* константинопольскаго Студійскаго монастыря; по порученію Ѳеодосія онъ списанъ въ Царьградѣ, прочитанъ имъ предъ братіею и данъ въ руководство ихъ жизни. Въ немъ было опредѣлено, «что и какъ пѣть, что читать, какъ стоять въ церкви и какой соблюдать порядокъ церковнаго богослуженія, какъ сидѣть на трапезѣ, что и въ какіе дни ѣсть». Отъ печерскаго монастыря уставъ этотъ заимствованъ всѣми прочими обителями Россіи; почему преподобный Ѳеодосій называется *начальникомъ общаго монашескаго житія въ Россіи*, а печерскій монастырь *старѣйшимъ* всѣхъ монастырей.

Преподобный Ѳеодосій, ставши игуменомъ, не отвергалъ никого изъ приходящихъ къ нему, принималъ всякаго съ радостію, не смотря на его богатство или убожество, но не вдругъ постригалъ, а

по испытаніи, въ теченіи котораго поступившій обязанъ былъ ходить въ мірской одеждѣ. Въ обители все дѣлалось не иначе, какъ по благословенію игумена и освящалось молитвою. Такъ предъ началомъ службы церковной пономарь бралъ благословеніе игумена созывать братію во храмъ; поваръ и пекарь просили его благословеия разводить огонь въ печи, который брали отъ свѣчи изъ алтаря церкви. Всякій братъ, совершавшій что-либо безъ благословенія игумена, подлежалъ епитеміи. Согласно уставу, никому изъ братіи не дозволялось имѣть какую-либо собственность изъ пищи, одежды или другаго какого имущества, а все было общее, отъ монастыря. Послѣ повечерія воспрещалось братіи ходить по келіямъ для бесѣды другъ съ другомъ; наблюденіе за этимъ преподобный Ѳеодосій принималъ на себя, каждую ночь обходя всѣ келліи. Въ церкви ежедневно на всѣхъ службахъ предлагались братіи поученія, которыя читалъ самъ преподобный Ѳеодосій или поручалъ читать, вмѣсто себя, великому Никону, возвратившемуся изъ Тмутаракани въ 1066 году, и уставщику Стефану. Отъ обѣдни до вечерни никому не дозволялось входить въ монастырь, который затворялся на все полуденное время, назначенное для отдыха братіи. Взаимное смиреніе и покорность иночествующихъ выражались поклонами при встрѣчѣ, причемъ кланяющіеся прилагали руки къ груди. «Блаженное стадо, по словамъ лѣтописца, собралъ преподобный Ѳеодосій въ печерскомъ монастырѣ; его иноки сіяли на Руси подобно свѣтиламъ на тверди небесной: одни изъ нихъ были великіе постники, другіе крѣпки въ бдѣніяхъ и колѣнопреклоненіи; были и такіе, которые вкушали пищу только чрезъ день или два, питались однимъ хлѣбомъ съ водою или вареньмъ зеліемъ. Жили они согласно, пребывая въ любви; меньшіе покорялись старшимъ, не смѣя предъ ними говорить, а все дѣлали съ покорностію и великимъ послушаніемъ; старшіе имѣли любовь къ младшимъ, наставляя ихъ, какъ своихъ чадъ духовныхъ. Если кто изъ братіи впадалъ въ грѣхъ, его утѣшали и три или четыре брата принимали на себя его епитемію, раздѣляя ее между собою по взаимной любви. Если кто изъ братіи оставлялъ монастырь, всѣ

скорбѣли, посылали за нимъ, приводили обратно въ монастырь, умоляли игумена и съ радостію принимали опять въ число братіи своей. Въ особенности извѣстными стали въ это время по высотѣ своей подвижнической жизни преподобные: *Даміанъ* священникъ, до самой смерти своей не употреблявшій ничего въ пищу, кромѣ хлѣба и воды; *Іеремія* прозорливый, который помнилъ крещеніе русской земли при св. Владимірѣ; прозорливый старецъ *Матѳей; Исакій,* бывшій торопецкій купецъ, предъ поступленіемъ въ монастырь все свое имущество роздавшій нищимъ, по добровольному подвигу юродства терпѣливо переносившій наготу, холодъ и побои и претерпѣвшій не мало духовныхъ искушеній; *Несторъ* лѣтописецъ, составившій и житіе преподобнаго Ѳеодосія; *Исаія,* въ послѣдствіи ростовскій епископъ, и *Стефанъ* уставщикъ, бывшій въ послѣдствіи епископомъ Владиміро-волынскимъ. Примѣромъ же для всѣхъ служили преподобные *Антоній* и *Ѳеодосій.* Первый изъ затвора своего свѣтилъ всѣмъ и святостію своей жизни, и совѣтами не только братіи, но и князьямъ. На короткое время вынужденъ онъ былъ обстоятельствами удалиться въ 1068 г. въ Черниговъ, гдѣ на Болдиныхъ горахъ ископалъ себѣ пещеру и поселился въ ней, но скончался въ прежней кіевской своей пещерѣ въ 1073 году. Преподобный Ѳеодосій былъ образцомъ общежительнаго инока: питался онъ только сухимъ хлѣбомъ и вареннымъ зельемъ безъ масла, носилъ на тѣлѣ своемъ острую власяницу, которая прикрывалась ветхою и худою одеждою, не ложился на постель никогда, даже ночью, ночи проводилъ въ молитвахъ, въ церковь и на монастырскія работы являлся прежде всѣхъ. Такая святая жизнь привлекла къ преподобному уваженіе не только въ стѣнахъ печерской обители, но и внѣ ея, не только простаго народа, но и лицъ знатныхъ, каковыми были: *Шимонъ* варягъ, обращенный имъ изъ латинства въ православіе и кіевскій воевода *Янъ* съ своею супругой *Маріей.* Почитали его и великіе князья Изяславъ и Святославъ Ярославичи; часто приходившіе въ печерскую обитель и нерѣдко приглашавшіе его къ себѣ для бесѣды духовной. Изъ любви къ преподоб-

ному Θеодосію многіе изъ князей и бояръ дѣлали приношенія въ печерскій монастырь отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и на благоустройство обители.

На 10-мъ году своего игуменства, преп. Θеодосій, съ благословенія преп. Антонія, вознамѣрился соорудить въ печерскомъ монастырѣ великую каменную церковь вмѣсто бывшей малой деревянной, построенной въ 1062 году. На постройку оной вел. князь Святославъ пожертвовалъ сто гривенъ золота и самъ принялъ участіе въ копаніи рвовъ для ея основанія; значительныя пожертвованія сдѣланы также Шимономъ варягомъ, вельможей Изяслава. Самое зданіе церкви заложено въ 1073 г. юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, въ отсутствіе кіевскаго митрополита Георгія, находившагося тогда въ Константинополѣ; въ основаніе положены мощи св. мучениковъ: Артемія, Поліевкта, Леонтія, Акакія, Ареθы, Іакова и Θеодора, принесенныя изъ Царьграда греческими зодчими. Вскорѣ по заложеніи церкви отошелъ ко Господу преподобный Антоній, а чрезъ годъ скончался преподобный Θеодосій, и постройка начата уже въ 1075 году при преемникѣ его, игуменѣ Стефанѣ, на томъ же Θеодосіевомъ основаніи. На третій годъ, т. е. въ 1077 году постройка была окончена (11 іюля), но только вчернѣ. Случившіяся въ это время замѣшательства между братіею, въ слѣдствіе коихъ преподобный Стефанъ принужденъ былъ удалиться изъ печерской обители, замедлили чистую отдѣлку великой церкви. Къ этому приступлено было уже чрезъ шесть лѣтъ, при преемникѣ Стефана, великомъ Никонѣ, когда въ 1083 г. прибыли въ Кіевъ цареградскіе художники, которые росписали стѣны ея фресковою живописью, а алтарь украсили мозаикою. Въ 1089 году, въ княженіе Всеволода Ярославича, при игуменѣ Іоаннѣ, великая печерская церковь торжественно освящена, 14 августа, во имя Пресвятыя Богородицы митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ и 4 епископами: черниговскимъ Іоанномъ, ростовскимъ Исаіею, юрьевскимъ Антоніемъ и бѣлгородскимъ Лукою. Прекрасно устроенный въ самомъ началѣ храмъ этотъ существуетъ и нынѣ, хотя въ теченіе восьми вѣковъ потерпѣлъ

не мало измѣненій, какъ во внутреннемъ, такъ и во внѣшнемъ своемъ видѣ.

Первоначально великая печерская церковь въ основаніи своемъ имѣла форму удлинненнаго прямоугольника, съ тремя закругленіями на восточной сторонѣ, занимая въ длину 16 и въ ширину 14 саженей. Куполъ былъ одинъ и сверхъ того на сѣверозападномъ углу зданія устроена была вежа или башня съ внутренней каменной лѣстницей, которою всходили на хоры или полати. Къ первой парѣ столбовъ, поддерживающихъ куполъ, примыкалъ алтарь, а къ второй или задней парѣ прилегали хоры, упиравшіеся на своды западной паперти. На запрестольной полусферической стѣнѣ главнаго алтаря была изображена мусіей или мозаикой Богоматерь, а въ днѣ купола тою же мусіей былъ изображенъ Спаситель. Мозаическія изображенія, вѣроятно, были также подъ куполомъ на парусахъ и на поддерживающихъ его 4-хъ аркахъ. По стѣнамъ церкви были написаны сухими красками, по свѣжей штукатуркѣ, лики святыхъ мучениковъ, мощи которыхъ положены въ основаніе храма. Вмѣстѣ съ греческими художниками, прибывшими изъ Царьграда, въ росписаніи великой церкви участвовалъ печерскій инокъ, преподобный *Алипій*, усовершившійся въ искусствѣ иконописи подъ ихъ руководствомъ. Полъ церкви выстланъ былъ плитами шифера или краснаго камня, употребленными въ послѣдствіи для выстилки церковнаго двора съ западной стороны; предъалтарнаго иконостаса въ видѣ высокой сплошной стѣны не было; его мѣсто занимала невысокая (около 6 аршинъ) преграда изъ мраморныхъ столбовъ и плитъ, которая, не закрывая собою верхнихъ частей запрестольной стѣны, не препятствовала предстоящимъ въ срединѣ храма видѣть мозаическія изображенія, бывшія на алтарныхъ стѣнахъ. Средняя часть храма была довольно свѣтла, безъ нынѣшняго полумрака, такъ какъ она освѣщалась достаточно не только окнами сѣверной и южной стѣнъ, но и свѣтомъ оконъ алтарныхъ, ничѣмъ тогда не преграждаемымъ. На столбахъ предъалтарной, мраморной преграды находились намѣстныя иконы и въ ряду ихъ стояла чудотвор-

ная икона Божіей Матери, принесенная греческими зодчими изъ Царьграда. На украшеніе алтарной преграды употребилъ все свое состояніе печерскій черноризецъ *Эразмъ*, оковавшій намѣстныя иконы золотомъ и серебромъ. Выше дверей преграды, которыми проходили въ алтарь, на аркѣ алтарной или на дугѣ находился «Деисисъ», т. е. небольшой въ кругѣ образъ Спасителя съ изображеніями полуобращенныхъ къ Нему въ молитвенномъ положеніи пресв. Дѣвы и св. Іоанна Предтечи; копію этой иконы списалъ преподобный Алипій для одной изъ кіевскихъ церквей. Единственный престолъ великой церкви состоялъ изъ мраморной доски, укрѣпленной на 4-хъ мраморныхъ же столбикахъ; надъ престоломъ устроенъ былъ «киворій», мраморная сѣнь изъ столбовъ и дугъ, къ которой подвѣшенъ былъ золотой вѣнецъ, пожертвованный тѣмъ-же *Шимономъ*, сыномъ варяжскаго князя Африкана, однимъ изъ дружинниковъ великаго князя Изяслава Ярославича. При игуменѣ Іоаннѣ, въ нижнемъ этажѣ башни сѣверозападнаго угла великой церкви устроенъ тогда же особый придѣлъ съ престоломъ во имя св. *Іоанна* Предтечи, въ память болярина Іоанна, котораго сынъ Захарія, поступивши въ иноки, далъ печерскому монастырю 2,000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота,—все наслѣдство по отцѣ, утаенное невѣрнымъ его другомъ бояриномъ Сергіемъ и возвращенное сыну только въ слѣдствіе чуда, совершившагося предъ чудотворной печерской иконой Божіей Матери. У южныхъ дверей великой церкви, въ 1109 году, пристроена боженка или часовня, въ которой погребено тѣло дочери великаго князя Всеволода Ярославича *Евпраксіи*, бывшей супругою нѣмецкаго императора Генриха IV. Внутри самой церкви, вѣроятно въ западной паперти, первымъ погребенъ упомянутый выше Шимонъ или *Симонъ* варягъ, давшій много своего имѣнія на устроеніе печерскаго монастыря. Въ притворѣ, на правой сторонѣ, поставлены мощи преподобнаго *Θеодосія* печерскаго, 14 августа 1090 года торжественно перенесенныя изъ дальнихъ пещеръ епископами: *Ефремомъ* переяславскимъ, *Стефаномъ* владимірскимъ, *Іоанномъ* черниговскимъ и *Мариномъ* юрьевскимъ, съ настоятелями и монахами всѣхъ кіевскихъ мо-

настырей и гражданами г. Кіева. Возлѣ сего святого гроба въ 1119 году погребенъ минскій князь *Глѣбъ Всеславичъ*, а спустя 40 лѣтъ положена здѣсь же его вдова, княгиня *Анастасія*, дочь Ярополка Изяславича, скончавшаяся въ 1158 году, 84 лѣтъ отъ роду, и отдавшая печерскому монастырю все свое имущество, все до *повоя*, по выраженію лѣтописи. Здѣсь же погребены «муровщики», строившіе великую церковь, и иконописцы, украсившіе ее мусіею; тѣ и другіе приняли монашество въ печерской обители и здѣсь же окончили свою жизнь, а мощи ихъ въ послѣдствіи перенесены въ пещеры. На противоположной, лѣвой сторонѣ той же западной паперти погребенъ въ 1106 г. 90-лѣтній кіевскій тысячникъ, добродѣтельный старецъ *Янъ*, который, по выраженію лѣтописи, «исполняя божественный законъ, не уступалъ заслугою древнимъ праведникамъ, а чрезъ два года послѣ его кончины здѣсь погребена и его жена *Марія*, за благочестивую жизнь и супружескую любовь къ своему мужу пользовавшаяся, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, особенною любовью преподобнаго Ѳеодосія. Выше гроба преподобнаго Ѳеодосія въ направленіи къ востоку, на правой сторонѣ великой церкви, поставленъ былъ гробъ перваго печерскаго игумена *Варлаама*, скончавшагося въ г. Владимірѣ-волынскомъ, на возвратномъ пути изъ Царьграда, въ послѣдствіи перенесенный въ пещеры.

Не прошло еще и семи лѣтъ послѣ освященія прекрасной, по выраженію Патерика, «небеси подобной» церкви печерскаго монастыря, какъ она имѣла несчастіе подвергнуться нападенію дикихъ половцевъ, которое случилось 20 іюля 1096 года. По сказанію лѣтописи, «безбожный и шелудивый половецкій ханъ *Бонякъ*, разбойнически подойдя тогда съ своей ордою къ Кіеву и зажегши его предмѣстья, вторгся въ печерскій монастырь на разсвѣтѣ, когда монашествующіе отдыхали въ своихъ келліяхъ послѣ окончанія утрени. Грабя по келліямъ, половцы зажгли домъ Владычицы, Пресвятыя Богородицы, подожгли сѣверныя и южныя церковныя двери, проникли даже въ притворъ церкви—къ гробу преподобнаго Ѳеодосія, брали иконы, поносили Бога и христіанскій законъ». Щедрыми приношеніями христолюбцевъ вскорѣ

изглаждены слѣды этого бѣдствія. Таковыми христолюбцами явились въ особенности: преподобный *Эразмъ*, устроившій двое дверей къ великой церкви, а впослѣдствіи *Георгій*, сынъ боярина Шимона, внукъ Африкана, бывшій тысяцкимъ въ г. Суздали у князя Юрія Владиміровича Долгорукаго; послѣдній на окованіе вновь гроба преподобнаго Θеодосія прислалъ 500 гривенъ серебра и 500 гривенъ золота, а потомъ прибавилъ къ этому еще гривну шейную, вѣсомъ въ 100 гривенъ золота. Созданная по мысли преподобнаго Θеодосія и по благословенію преподобнаго Антонія, великая печерская церковь послужила образцомъ для церквей, сооруженныхъ въ г. Ростовѣ—Владиміромъ Мономахомъ и въ г. Суздали Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ; но, по неопытности русскихъ строителей или по недоброкачественности матеріала, церкви эти распались въ томъ-же XII вѣкѣ.

Въ сторонѣ отъ великой церкви, при вел. кіевскомъ князѣ Святополкѣ и при игуменѣ Θеоктистѣ, въ 1108 году окончена постройкой *трапезница* печерскаго монастыря, заложенная по повелѣнію князя Глѣба Всеславича и, вѣроятно, на его счетъ. Чрезъ сто лѣтъ она, вмѣстѣ съ великою церковью, сильно пострадала отъ случившагося въ 1230 г. землетрясенія. Лѣтопись говоритъ объ этомъ такъ: «мѣсяца мая 3 дня, въ пятокъ 4-й недѣли по Пасцѣ, бысть потрясенье, и въ монастырѣ печерскомъ церковь Святыя Богородицы каменная на 4 части разступися, ту сющу митрополиту Кириллу и князю Володиміру и бояромъ и кіяномъ множеству, и людемъ сшедшимся, праздникъ бо бяше преподобнаго Θеодосія. Ту и трапезницею потрясе каменною, снесену бывшу корму и питью, все то потре каменіе дробное, сверху падая, и столы и скамьи, но обаче вся трапезница не падеся, но верхъ ея» [1]).

Колокольни, какъ особагo зданія, не было въ древнемъ печерскомъ монастырѣ; не было въ немъ и колоколовъ, а созывали къ богослуженію, ударяя деревяннымъ молоткомъ въ дере-

---

[1]) Лавр. Лѣт., стр. 120 и 121.

вянную-же доску, или въ такъ называемое «било». Обычай ударять въ било предъ началомъ богослуженія сохранился въ печерскомъ монастырѣ и послѣ заведенія металлическихъ колоколовъ; употребляется онъ и нынѣ, но собственно для оповѣщенія монастырской братіи.

Все пространство верхняго печерскаго монастыря было огорожено «столпіемъ» или частоколомъ; въ монастырскій дворъ вели двое воротъ, изъ коихъ главныя назывались «святыми». Здѣсь, у святыхъ воротъ происходили торжественныя встрѣчи князей и митрополитовъ, ими выходили также бояре и богомольцы. При нихъ то находился, служа 3 года привратникомъ, внукъ черниговскаго князя Святослава, Святославъ Давидовичъ, принявшій иночество въ 1106 году и почивающій въ пещерахъ подъ именемъ Николы-Святоши. Памятникомъ его усердія къ печерскому монастырю служитъ сооруженная имъ надъ св. воротами церковь во имя св. Тройцы, существующая донынѣ. Отъ обѣденнаго времени и до вечерни, т. е отъ 12-ти до 4 часовъ по полудни, монастырскія ворота были заперты и никому не отворялись. Въ знакъ уваженія къ покою обители и къ святости ея мѣста никто не въѣзжалъ въ печерскій монастырь лошадьми, а сходя съ коней у воротъ, входили пѣшими, примѣръ чему подавалъ самъ великій князь Изяславъ Ярославичъ [1]).

Между ветхимъ и новымъ печерскимъ монастыремъ, на мѣстѣ нынѣшней лаврской гостинницы, былъ страннопріимный дворъ съ церковью во имя первомученика *Стефана,* устроенный преподобнымъ Ѳеодосіемъ для пріюта нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, трудоватыхъ. На потребности этой страннопріимницы отпускалась десятая часть монастырскихъ доходовъ. Кромѣ того, по установленію преподобнаго Ѳеодосія, всякую субботу изъ печерскаго монастыря посылался возъ хлѣба для заключенныхъ въ темницѣ.

Съ переселеніемъ братіи въ большой, новоустроенный монастырь, въ ветхомъ, надпещерномъ монастырѣ осталось лишь

---

[1]) Патерикъ печер., изд. Яковлева, стр. 41 и 62.

нѣсколько человѣкъ монашествующихъ для богослуженія и охраненія пещеръ, а самыя пещеры обращены въ *усыпальницу* для погребенія умирающихъ братій; тѣла умершихъ полагались по обѣ стороны пещерной улицы въ углубленіяхъ стѣнъ, и по установленію преподобнаго игумена Стефана въ пещерной церкви ежедневно совершалась заупокойная литургія.

Внѣ г. Кіева печерскому монастырю принадлежало село Лѣсники, въ которое преподобный Θеодосій удалялся на все время великаго поста. Здѣсь ископалъ онъ себѣ пещеру и скрываясь въ ней отъ человѣческой молвы, усугублялъ подвиги поста и молитвы, а возвращался въ монастырь только въ вербную субботу. Полагаютъ, что Θеодосіева пещера находилась въ верстѣ отъ с. Лѣсниковъ, на мѣстѣ древняго гнилецкаго монастыря, гдѣ нынѣ хуторъ кіево-братскаго монастыря и пещеры, имѣющія большое сходство съ пещерами лаврскими.

Подвижническая жизнь и благочестіе иноковъ печерскаго монастыря пріобрѣли ему всеобщее уваженіе. Съ благоговѣніемъ стремились къ нему со всѣхъ концовъ русской земли, прося молитвъ и благословенія св. отцевъ печерскихъ, князья и бояре и простые богомольцы; изъ него выходили наставники вѣры и благовѣстники ея въ разныхъ областяхъ Россіи, каковыми были: *Леонтій*, *Исаія* и *Аврамій* ростовскіе, *Герасимъ* вологодскій и священномученикъ Іоаннъ *Кукша*. Его иноки по преимуществу, въ числѣ до 20, украшали собою святительскія каѳедры XI и XII вѣка въ Новгородѣ, Ростовѣ, Переяславѣ, Суздали, Владимірѣ Волынскомъ, Юрьевѣ, Полоцкѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Туровѣ и Тмутаракани, и всѣ они питали великую любовь къ печерскому монастырю, даже вдали отъ него. Примѣръ такой любви и особаго уваженія къ этому общему мѣсту начальныхъ ихъ подвиговъ представляетъ суздальскій епископъ *Симонъ*, писавшій о себѣ, что онъ «всю славу и честь своей каѳедры вмѣнилъ-бы въ ничто, чтобы хотя щепкой торчать за воротами или соромъ валяться въ печерскомъ монастырѣ, что онъ лучше желалъ-бы провести день единъ въ дому Божіей Матери, чѣмъ тысячу лѣтъ жить въ селеніихъ грѣшничихъ». А многіе вѣро-

вали тогда, что въ печерскомъ монастырѣ освящаетъ и самая земля, и что поэтому всякій, погребенный въ ней, хотя-бы и грѣшенъ былъ, будетъ помилованъ ради молитвъ угодившихъ Богу святыхъ, здѣсь положенныхъ [1]). Иные думали, что спасающая благодать Божія простирается даже на тѣхъ, кои будутъ погребены хотя въ одномъ изъ селъ печерскаго монастыря [2]).

При такомъ общемъ уваженіи къ печерскому монастырю, для благочестивыхъ христіанъ весьма умилительными были появившіяся въ началѣ XIII вѣка сказанія о чудесныхъ явленіяхъ, ознаменовавшихъ созданіе великой печерской церкви, которыя изложены въ посланіяхъ бывшаго печерскаго инока, суздальскаго епископа *Симона* († 1226 г.) къ печерскому черноризцу Поликарпу и къ печерскому архимандриту Акиндину. Въ этихъ сказаніяхъ, проникнутыхъ полною вѣрою, что «самаго Господа промысломъ и волею и хотѣніемъ Пречистой Его Матери создана и совершилась великая печерская церковь, архимандритія всей русской земли, лавра святаго Θеодосія», передано для общаго назиданія вѣрующихъ, какъ великая печерская церковь была показана Шимону варягу въ видѣніи еще прежде своего начатія, какъ размѣрена она поясомъ, принесеннымъ въ печерскую обитель по повелѣнію самаго Господа, какъ Богъ Отецъ росой и столбомъ облачнымъ благословилъ начало и основаніе сей церкви, какъ св. Духъ огнемъ невещественнымъ сравнялъ мѣсто, на которомъ имѣлъ быть положенъ фундаментъ зданія, какъ дивно самъ собою изобразился мусіей ликъ пресвятой Дѣвы на запрестольной стѣнѣ, какъ невидимо ни для кого оказались въ ней каменныя доски и столбы для устроенія св. трапезы, какъ въ день, назначенный для освященія этой церкви, явились никѣмъ незванные: митрополитъ кіевскій *Іоаннъ* и епископы: черниговскій *Іоаннъ*, ростовскій *Исаія* и бѣлгородскій *Лука*. Эти сказанія, основанныя на живомъ преданіи печерскихъ ино-

---

[1]) Патерикъ печерскій въ древней редакціи, изд. Яковлева. 1872 года стр. 92.

[2]) Тамъ-же, стр. 116.

ковъ, войдя въ составъ печерскаго Патерика, были любимымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей, переходя изъ устъ въ уста, проникали въ отдаленные концы Россіи и обращали взоры и сердца всѣхъ къ обители преподобныхъ Антонія и Θеодосія, печерскихъ чудотворцевъ.

Во время междоусобій, поднятыхъ потомками Ярослава за кіевскій великокняжескій престолъ, печерская обитель испытала не мало бѣдствій и скорбей, особенно когда въ войнахъ принимали участіе дикія орды половцевъ, торковъ и берендѣевъ, призываемыя въ помощь русскимъ дружинамъ той и другой стороны. Хотя въ событіяхъ 1151, 1203 и 1235 гг., сопровождавшихся разореніемъ Кіева и ограбленіемъ его церквей и монастырей, не упоминается имя печерскаго монастыря, тѣмъ не менѣе онъ не могъ не раздѣлять тогдашней бѣдственной участи города и его монастырей. При взятіи Кіева войсками Андрея Боголюбскаго въ 1169 году, союзники его берендѣи даже зажгли было печерскій монастырь, и только Богъ спасъ отъ бѣды, по замѣчанію лѣтописца. Но ничто уже не спасло этой святой обители отъ разоренія въ 1240 году, по взятіи Батыемъ Кіева и послѣ его разоренія. Въ эту бѣдственную годину не только сожжены и разорены были жилища иноковъ печерскаго монастыря, но не пощажена невѣрными и самая «небеси подобная» великая печерская церковь.

Современные лѣтописцы не передали намъ подробностей этого разоренія; но въ кіевскомъ Синопсисѣ, на основаніи преданій, повѣствуется, что «татары, вошедши въ великую церковь, людей всякаго чина посѣкоша, иныхъ плѣниша, церковь Пресвятыя Богородицы печерскую осквериша, отъ всего украшенія обнажиша и крестъ златокованный съ главы церковныя сняша, а верхъ до полуцеркви по окна повелѣніемъ Батыя испровергоша, также и верхъ олтаря великаго по перси Пресвятыя Богородицы избиша и весь монастырь со всѣми украшеніями искорениша и разметаша, и отъ того времени преукрашенная Божіею славою Дѣвы обитель святопечерская до своего перваго бытія и красоты древнія не возможе пріити». Тамъ-же въ Си-

нопсисѣ передается, что оставшіеся въ живыхъ монашествующіе печерской обители не имѣли уже въ ней пристанища, отъ разореній и отъ страха новыхъ нашествій разошлись по лѣсамъ и по дебрямъ и укрывались въ уединенныхъ пещерахъ, но по привязанности къ святому мѣсту тайно сходились въ одинъ уцѣлѣвшій отъ разоренія придѣлъ церковный по рѣдкому благовѣсту въ малый колоколъ. Долго-ли продолжалось такое запустѣніе печерской обители, въ Синопсисѣ не говорится. Нельзя однако не замѣтить, что въ этомъ сказаніи, появившемся спустя 400 лѣтъ послѣ повѣствуемаго событія, разореніе великой церкви въ значительной мѣрѣ преувеличено; ибо древнее зданіе великой печерской церкви уцѣлѣло и до настоящаго времени не по окна только, но и выше оконъ, до самаго верхняго карниза; цѣла и алтарная ея стѣна съ своимъ сводомъ; не уцѣлѣла только бывшая на стѣнахъ мозаика; не уцѣлѣли также средній куполъ и своды на средней части церкви.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БОРЬБА СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

и умственное пробужденіе южной Руси къ концу XVI в.

(Историческій очеркъ).

28 іюня 1569 года, въ Люблинѣ, на общемъ собраніи сейма, въ присутствіи польскихъ сенаторовъ и короля Сигизмунда-Августа, могущественнѣйшій представитель Литвы, Юрій Ходкевичъ, староста жмудскій, во главѣ съ другими литовско-русскими депутатами, прибывшими на сеймъ, отъ имени всего литовско-русскаго народа говорилъ польскому государю: «Свѣтлѣйшій, милостивѣйшій король! Мы пришли сюда къ вашему величеству, чтобы покончить это дѣло (дѣло политическаго объединенія Великаго Княжества Литовскаго съ Польшей). Мы соглашаемся на него, но съ великою болью и стѣсненіемъ сердца, по приказу вашей королевской милости, повинуясь волѣ вашей. Какъ все это намъ больно, невозможно выразить этого словами. Вѣдь мы обязаны нашему отечеству, какъ вѣрные его сыны, заботиться объ его благѣ, на сколько есть у насъ силъ. Призываемъ во свидѣтели ваше королевское величество и все настоящее собраніе, отечество свое мы защищали здѣсь столько, сколько могли! Мы не въ силахъ довершить этой защиты, и пусть это будетъ приписано препятствіямъ, судьбѣ, временамъ... Намъ приходится уступить, и мы уступаемъ, ввѣряя наше дѣло милости вашего величества, какъ исполнителю законовъ и общему нашему законному государю... Благоволите, ваша королевская милость, такъ привести къ концу это дѣло, чтобы оно не было соединено съ нашей неволею или посрамленіемъ нашимъ или нашихъ потомковъ... Не допустите, ваше величество, посрамить насъ. Пусть этотъ актъ такъ совершится, чтобы на насъ не было ни одного пятна! Будьте сами, ваше величество, стражемъ и умирителемъ совершаемаго дѣла... Было

бы очень больно намъ или внукамъ нашимъ, если бы пришлось вспоминать о сегоднишнихъ событіяхъ съ сожалѣніемъ, вмѣсто радости, или обвинять насъ, что мы не видѣли своей неволи... Мы уже доведены до того, что должны броситься съ униженной просьбой къ ногамъ вашей королевской милости («тутъ, замѣчаетъ современный актъ, всѣ съ плачемъ пали на колѣни»), умоляемъ васъ, ради самаго Бога, благоволите припомнить нашу службу, нашу вѣрность и кровь нашу, которую мы для твоей царской славы проливали. Благоволи такъ насъ устроить, чтобы это было для всѣхъ съ честью, а не съ униженіемъ, съ сохраненіемъ добраго имени нашего и твоей царской совѣсти!» [1])... Историкъ справедливо замѣчаетъ, что это были «трагическія минуты судорогъ, въ которыхъ билась самостоятельная литовская жизнь»... Черезъ два дня послѣ этого 1. іюля 1569 года взаимною присягою было утверждено политическое единство Литвы и Польши, совершилась такъ называемая люблинская унія.

Недаромъ литовскіе депутаты на колѣняхъ взывали о милости къ польскому королю, недаромъ они соглашались на унію «съ великою болью и стѣсненіемъ сердца»: совершившееся событіе, подготовленное несчастными историческими обстоятельствами Литвы, надолго самымъ рѣшительнымъ образомъ измѣнило судьбы литовско-русскаго края.

Необходимо сдѣлать нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Большая часть нынѣшнихъ нашихъ бѣлорусскихъ и малорусскихъ губерній въ XV—XVI вв. входила въ составъ Великаго Княжества Литовскаго. Княжество это къ концу XVI вѣка обнимало собою обширную область теперешнихъ губерній: виленской и ковенской (собственно такъ называемая «Литва» XV вѣка), смоленской, витебской, минской, гродненской, могилевской, черниговской, кіевской, волынской и подольской. Область эту издавна наполняли два племени: литовское въ собственной Литвѣ и русское, бѣлоруссы и малоруссы, въ остальной части княжества. Племя литовское, какъ видно и изъ самой занимаемой имъ мѣстности, было несравненно

---

[1]) *Кояловичъ*, Литовская унія или послѣднее соединеніе Литовскаго княжества съ Польскимъ королевствомъ на люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году. Спб. 1863 г., стр. 75—79.

малочисленнѣе преобладавшаго въ краѣ населенія русскаго, и стало рано подпадать вліянію послѣдняго. Повидимому, судьба обѣщала въ будущемъ мирное сліяніе обоихъ племенъ. Болѣе культурное, русское населеніе путемъ незапамятныхъ историческихъ сношеній и общей съ литовцами политической жизни рано стало передавать высшимъ классамъ Литвы свой языкъ, свою религію, свои обычаи, понятія, нравы.

Государственнымъ языкомъ Великаго Княжества Литовскаго издавна былъ языкъ русскій; съ XIII—XIV в. онъ становится языкомъ управленія, законодательства, судопроизводства. Даже чисто литовскіе законы писались по-русски. «Судебникъ» Казиміра и литовскій Статутъ были изданы на русскомъ языкѣ. Въ Статутѣ даже прямо узаконялось: «Писарь земскій маетъ по русску, литерами и словы русскими, вси листы и позвы писати, а не иншымъ языкомъ и словы»... Вмѣстѣ съ языкомъ шло вліяніе религіозное. Очень рано, уже въ до-монгольскій періодъ исторіи, православіе стало проникать въ литовское населеніе, общая масса котораго, замѣтимъ, была еще погружена въ язычество, высшій-же слой, князья и вельможи издавна считались католиками. Въ литовской столицѣ, въ Вильнѣ, уже въ XV вѣкѣ половина жителей были православными. Православіе начинаютъ исповѣдывать здѣсь не только въ низшей массѣ, гдѣ оно больше всего распространялось, но и въ высшихъ сословіяхъ, въ средѣ литвиновъ-католиковъ. Въ XIV—XV вв. сами литовскіе великіе князья нерѣдко переходили въ православіе... Помимо языка и вѣры, вліяніе русскаго населенія начинало сказываться въ Литвѣ и въ другихъ сферахъ. Весь общественный бытъ Литвы все болѣе и болѣе складывался подъ вліяніемъ русскимъ. Особенно этому способствовали весьма нерѣдкіе случаи родства литовскихъ князей съ русскимъ великокняжескимъ домомъ: этимъ путемъ русскіе вносили въ литовское общество свои общественныя понятія, нравы, обычаи. Кромѣ того, литовцы учились у русскихъ военному искусству, научались отъ нихъ строить и защищать крѣпости, нерѣдко русскіе занимали у нихъ высшія общественныя должности, являясь правителями цѣлыхъ областей, посланниками. Въ силу всѣхъ этихъ старыхъ вліяній и сношеній историки находятъ въ литовскихъ статутахъ постановленія, свидѣтельствующія о существованіи въ Литвѣ старыхъ русскихъ

Ягелло, актомъ соединенія Литвы и Польши въ 1386 году, нанесъ первый рѣшительный ударъ распространенію и упроченію русской народности въ Литвѣ. Мало того, этотъ актъ подвергъ опасности самостоятельность самой русской національности, и даже въ ея собственныхъ областяхъ княжества. Главнѣйшимъ условіемъ уніи 1386 года было поставлено оффиціальное господство и распространеніе въ княжествѣ католичества. Въ королевской грамотѣ, данной по случаю этого акта виленскому католическому бискупу, Ягелло прямо заявлялъ: «мы разсудили, постановили, обѣщали, обязались и по принятіи св. Таинъ дали клятву всѣхъ людей народа литовскаго обоего пола, въ какомъ-бы они не были званіи, состояніи и чинѣ, къ вѣрѣ католической и св. послушанію римской церкви привести, принудить и всѣми способами присоединить, какой-бы секты и различія они ни были» [1]). Съ какою ревностью рѣшился Ягелло осуществлять свое обѣщаніе, показываетъ то, что вскорѣ самъ онъ, его братья и многіе изъ литовскихъ князей приняли католичество и даже снова перекрестились, хотя были уже христіанами восточнаго исповѣданія. Тотчасъ-же начались и открытыя преслѣдованія православныхъ. Отъ имени самаго короля они объявлены были теперь «мятежниками и схизматиками» [2])... Мирное распространеніе въ краѣ русскаго вліянія уступило свое мѣсто католической пропагандѣ. Вмѣстѣ съ этимъ, на почвѣ того-же акта 1386 года польское правительство дѣлаетъ первыя попытки къ сліянію литовско-русскаго населенія княжества съ Польшей. На городельскомъ сеймѣ 1413 года впервые узаконены были и для Литовскаго Княжества нѣкоторыя общественныя должности, по образцу Польши, предоставлено было княжеству имѣть свои сеймы, по образцу польскихъ сеймовъ; кромѣ того, тогда-же, въ видахъ объединенія, многимъ изъ литовско-русскихъ магнатовъ даны были гербы польскихъ родовъ, что влекло за собою введеніе различныхъ обычаевъ польской жизни [3]).

---

[1]) *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, стр. 8.

[2]) *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, стр. 8, 244.

[3]) *Макушева,* Общественные и государственные вопросы въ польской литературѣ въ XVI в. Слав. сборникъ, т. III, Спб. 1876 г., стр. 29—30. *Кояловича,* Чтенія по исторіи зап. Россіи, 1884 г., стр. 172.

Не смотря однако на всѣ эти частныя нововведенія, Великое Княжество Литовское пока продолжало еще оставаться самостоятельнымъ, совершенно отдѣльнымъ отъ Польши, государствомъ. Не то наступило съ момента люблинской уніи. Актомъ 1569 года, актомъ наружнаго уравненія правъ обоихъ государствъ, совершилось фактическое порабощеніе одного государства другому, Литвы Польшѣ.

Люблинская унія уничтожила всѣ преграды между Литвою и Польшей и открыла безпрепятственную дорогу и общегосударственному и религіозному вліянію Польши на литовско-русское населеніе. Поляки наводнили теперь Литву, «якъ чорна хмара», по выраженію одной малорусской пѣсни. Они чувствовали себя полными хозяевами, и дѣйствительно были ими. Литва должна была теперь составлять съ Польшей одно государство, имѣть одинъ сенатъ, одни финансы, одно войско. Сеймы стали смѣшанными и чаще стали бывать въ Польшѣ, представители Литвы смѣшивались съ представителями Польши. Два различныхъ народа—различныхъ по языку, вѣрѣ, общественному строю, обычаямъ и симпатіямъ — теперь въ силу искуственно придуманныхъ обязательствъ, должны были превратиться въ одинъ народъ, нераздѣльный и единодушный. При этомъ само собою подразумѣвалось, что юридическая равноправность обоихъ государствъ должна быть фактической гегемоніей Польши. Перевѣсъ, конечно, долженъ былъ склониться и самъ собою на сторону болѣе культурную. Болѣе образованная, болѣе близкая къ западной Европѣ, Польша не могла не охватить литовскую Русь своимъ вліяніемъ. Литовскія должности быстро очутились въ рукахъ поляковъ. Въ силу договора, поляки могли имѣть теперь въ Литвѣ поземельную собственность, и не замедлили воспользоваться своимъ правомъ. Поляки скоро явились владѣтелями цѣлыхъ литовско-русскихъ областей. Имъ даже могло принадлежать право патронатства надъ литовско-русскими православными церквами и монастырями. Смѣшеніе всего литовско-русскаго съ польскимъ не замѣтно превращалось въ фактическое устраненіе перваго послѣднимъ, что дѣлалось и намѣренно, систематически, но нерѣдко происходило и невольно. Польское вліяніе самымъ нечувствительнымъ образомъ проникало въ литовско-русское общество. Вліяніе шло преимущественно черезъ высшіе слои, за которыми тянулось и среднее дворянство. Послѣднее впрочемъ и само по себѣ подпадало польскому вліянію,

благодаря уравненію своему съ польской шляхтой, у которой ему приходилось теперь учиться своимъ новымъ правамъ и тѣмъ самымъ незамѣтно для себя сближаться и сродняться съ новыми обычаями и нравами. Ко всему этому присоединялась всемогущая сила образованія, большаго культурнаго развитія, или-же просто подкупающее вліяніе внѣшности. «Русское дворянство, изъ потребности просвѣщенія, всѣми силами стало стараться быть похожимъ на польское. Ляхъ для русскаго сталъ существомъ высшимъ. Богатые паны, литовскіе и русскіе, завели у себя при дворахъ притоны для приходившихъ ляховъ-цивилизаторовъ... Въ домашней жизни, въ пріемахъ обращенія, въ нравахъ—все, составлявшее признаки русской старины, становилось по современнымъ понятіямъ признакомъ грубости и невѣжества; все польское и западное служило вывѣской образованности и хорошаго тона» [1]... Старинныя русскія однорядки казались теперь безобразными и быстро замѣнились вычурными польскими нарядами; старинныя помѣщенія русскихъ пановъ теперь также сдѣлались неудобными—ихъ стали замѣнять пышные палацы, построенные и убранные во всевозможнѣйшихъ вкусахъ Польши и западной Европы.

Одновременно и нераздѣльно съ вліяніемъ въ сферахъ общественной и бытовой жизни шло столь-же, если еще не болѣе, сильное вліяніе въ сферахъ нравственной и умственной. Половина и конецъ XVI в. было временемъ перелома въ умственной жизни Польши. «Польша тянула къ западу и стремилась впитать въ себя и переработать по своему образованность романскихъ и нѣмецкихъ народовъ. Связанная политически съ Польшей въ одно неразрывное цѣлое, Русь въ лицѣ своего высшаго класса должна была идти невольно за Польшей». Вліяніе польской образованности на высшіе литовско-русскіе классы еще болѣе облегчалось постепенно къ этому времени укоренившимся въ ихъ средѣ обычаемъ поѣздокъ въ западно-европейскія страны и долгаго пребыванія, въ молодости, въ западно-европейскихъ университетахъ. Вліяніе это было тѣмъ сильнѣе, что и дома, за отсутствіемъ собственныхъ средствъ къ образованію, приходилось или отдавать дѣтей въ польскія іезуитскія училища или держать домашнихъ учителей, также въ большинствѣ случаевъ поляковъ и

[1]) *Костомаровъ*, Историч. монографіи, т. XIII, стр. 196—200.

іезуитовъ. Вмѣстѣ съ польскимъ или вообще иностраннымъ воспитаніемъ невольно являлась привязанность ко всему польскому или вообще иностранному и отчужденіе отъ своего роднаго. Молодые литовско-русскіе аристократы, воспитанные поляками-іезуитами и долго странствовавшіе потомъ по западнымъ университетамъ, невольно разучивались въ своемъ родномъ языкѣ и дѣлались равнодушными къ своей родной вѣрѣ. Мало того: они нерѣдко начинали глядѣть на все глазами своихъ воспитателей, и во всемъ, что составляло признаки старинной русской жизни, начинали видѣть противоположность просвѣщенію, нѣчто такое, чего нужно не только избѣгать, но и стыдиться.

Всеохватившее вліяніе польской культуры особенно скоро сказалось на языкѣ. Русскій языкъ сталъ быстро замѣняться польскимъ, или ощущалъ на себѣ со стороны послѣдняго столь сильное вліяніе, что дѣлался неузнаваемъ. Въ концѣ XVI вѣка многіе русскіе Литовскаго Княжества по польски говорили и писали больше и охотнѣе, чѣмъ по русски. Въ 70—80 гг. XVI ст. присланную отъ Курбскаго въ славянскомъ переводѣ бесѣду Іоанна Златоуста кн. К. К. Острожскій считаетъ «лѣпшаго ради выразумѣнія» необходимымъ перевести на польскій языкъ [1]). Во времена Курбскаго († 1583 г.) въ литовской Руси, повидимому, легче можно было найти человѣка, знавшаго греческій или латинскій языкъ, чѣмъ знавшаго языкъ славянскій. Въ письмѣ къ одному изъ своихъ литовскихъ знакомыхъ Курбскій передаетъ свою бесѣду съ извѣстнымъ старцемъ Артеміемъ о недостаткѣ въ славянскихъ переводахъ твореній отцевъ церкви; при этомъ Артемій между прочимъ посовѣтовалъ особенно поскорѣе перевести на славянскій языкъ книгу Василія Великаго «Шестодневъ» и просилъ у Курбскаго такого человѣка, который могъ бы перевести ее съ греческаго или латинскаго: «азъ отвѣщалъ, разсказываетъ Курбскій, аще и добуду грецкимъ умѣющаго або латинскимъ, но словенскимъ не будутъ умѣти» [1]). Въ другомъ памятникѣ конца XVI вѣка читаемъ: «ученіе святыхъ писаній зѣло оскудѣ, паче же словенскаго россійскаго языка, вси человѣцы приложишася простому несъвершенному лядскому писанію, и сего ради

[1]) *Сказанія князя Курбскаго*, Спб., 1868 г., стр. 222.

[2]) Тамъ-же, стр. 22[illegible].

въ различныя ереси впадоша, не вѣдуще въ богословіи силы совершеннаго грамматическаго словенскаго языка» [1]. На то-же жалуется Іоаннъ Вишенскій: «славянскій языкъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ посланій, омерзѣлъ многимъ, его не любятъ и хулятъ» [2]. Славяно-русскій языкъ казался ничтожнымъ, бѣднымъ въ сравненіи съ языкомъ польскимъ и особенно латинскимъ, на которомъ писалась тогда вся научная литература. О литературѣ на славянскомъ языкѣ никто не говорилъ, да ея и не знали; въ отсутствіи всякой литературы на этомъ языкѣ именно и видѣли причину невѣжества литовско-русскаго населенія. «Еще не было, писалъ въ одномъ своемъ сочиненіи Петръ Скарга, на свѣтѣ академіи, гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, когда теперь никто не понимаетъ писаннаго на немъ? На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ... Вотъ откуда и невѣжество и заблужденіе»...

Самымъ роковымъ образомъ вліяніе люблинской уніи считалось въ сферѣ религіозной. Политическая унія въ Люблинѣ невольно приводила и привела къ религіозной уніи въ Брестѣ.

Совершившееся государственное объединеніе Литвы и Польши поставило въ самое ложное положеніе православную литовско-русскую церковь. Уже съ 1386 года церковь эта очутилась въ крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Господствовавшее оффиціально литовско-русское православіе фактически являлось вѣроисповѣданіемъ лишь терпимымъ. Польское правительство открыто подвергало его насиліямъ, объявивши, вслѣдъ за уніей 1386 года, послѣдователей его «мятежниками и схизматиками». Еще болѣе рѣшительными стали дѣйствія противъ литовско-русскаго православія со времени уніи 1569 года. Впрочемъ, чаще всего польское правительство дѣйствовало въ отношеніи къ нему двулично. Двуличность была неизбѣжна. Польскіе короли очень хорошо видѣли, что ихъ великое княжество литовское не столько собственно литовское, сколько русское, что русское населеніе является въ немъ господствующимъ, что населеніе это твердо въ своей истиной вѣрѣ, православіи, что языкъ кня-

---

[1]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 32 (грамота 1592 года).

[2]) *Акты зап. Рос.*, т. II, стр. 210.

жества въ массѣ есть языкъ русскій, что и въ высшихъ слояхъ общества, при всѣхъ успѣхахъ здѣсь полонизаціи, есть еще много знатныхъ русскихъ фамилій, владѣющихъ громадными поземельными имуществами, что многіе изъ представителей такихъ фамилій еще свѣжо чувствуютъ свою кровную связь съ Москвой и въ случаѣ чего легко могутъ, со всѣми своими владѣніями, отойти къ великому князю московскому, который не откажетъ своимъ единовѣрцамъ въ покровительствѣ и защитѣ...[1]) Эти и подобныя соображенія заставляли польскихъ королей иногда относиться съ наружнымъ благорасположеніемъ къ православному населенію края. Такъ, при вступленіи на престолъ каждый король обыкновенно давалъ торжественныя клятвы сохранить всѣ права и привилегіи православнымъ; нерѣдко издавались подобныя постановленія и послѣ, во время правленія. Но то, что дѣлалось въ этомъ направленіи одной рукой, тутъ-же разрушалось другой. И личныя католическія симпатіи, и болѣе отдаленныя политическія соображенія заставляли польско-литовскихъ правителей въ душѣ сочувствовать иному и стараться на дѣлѣ проводить строгую политику. Православіе въ литовской Руси являлось если не единственнымъ, то самымъ главнымъ препятствіемъ къ осуществленію исконной политики Польши въ отношеніи къ литовско-русскому краю,—«ополяченію его посредствомъ католицизма» [2]). Отсюда, рядомъ съ постоянными на бумагѣ заявленіями о совершенной полноправности православныхъ, шло систематическое подавленіе, преслѣдованіе западно-русскаго православія на дѣлѣ. Рядомъ съ грамотами, благопріятными для православныхъ, тотчасъ издавались постановленія, совершенно имъ враждебныя: то православные являлись лишенными права занимать высшія должности въ государствѣ, то имъ запрещали строить и даже возобновлять свои церкви, или-же церкви эти прямо отнимались у нихъ и отдавались католикамъ, то лишались православные исконнаго права отправлять торжественно свои церковныя службы и праздники, то вдругъ самое вѣроисповѣданіе пра-

---

[1]) Такіе переходы литовско-русскихъ князей подъ власть московскаго государя не только въ дѣйствительности были, но въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка вызвали даже открытое столкновеніе Москвы и Польши.

[2]) *Макушевъ*, Обществ. и государств. вопросы въ польской литературѣ XVI вѣка. Слав. сборн., т. III, стр. 31—32.

вославное подвергалось открытому униженію—въ оффиціальныхъ бумагахъ называлось схизмою, а православныя церкви синагогами, или наконецъ православные подвергались прямымъ насиліямъ и оскорбленіямъ [1]).

Практиковать въ отношеніи къ мѣстному православію свою коварную политику польскому правительству особенно стало легко со времени люблинской уніи. Въ его рукахъ теперь были всѣ средства къ этому. Найболѣе могущественнымъ изъ этихъ средствъ было право патронатства польскихъ королей въ отношеніи къ литовско-русской православной церкви, т. е. право короля раздавать по своему усмотрѣнію мѣстныя православныя епископіи, монастыри и церкви.

Въ западно-русскихъ областяхъ міряне издавна принимали значительное участіе въ дѣлахъ своего прихода. Избраніе, напр., епископа здѣсь издавна совершалось не такъ, какъ въ Москвѣ, не соборомъ окружныхъ епископовъ, при согласіи великаго князя, а королемъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и всѣмъ «людствомъ» той епархіи, куда назначался епископъ. Мало по малу участіе мірянъ и духовенства стало стушевываться, и назначеніе епархіальнаго архіерея исключительно сосредоточилось въ рукахъ короля [2]). То-же было въ отношеніи къ важнѣйшимъ монастырямъ, или приходамъ. Понятно, какъ должны были пользоваться такимъ важнымъ правомъ короли-католики. Духовныя мѣста стали считаться наградами за гражданскія или военныя заслуги. Интересы самой церкви были для королей совершенно чужды; напротивъ, заднія политическія соображенія должны были заставлять ихъ поступать въ такомъ случаѣ прямо во вредъ этимъ интересамъ. Злоупотребленія явились вопіющія. «Въ епископы и настоятели монастырей избираемы были большею частью лица свѣтскія изъ дворянскихъ фамилій, не приготовленныя къ исполненію высокихъ іерархическихъ обязанностей. Ихъ привлекали богатыя церковныя имѣнія, пожалованныя епископіямъ и монастырямъ древними князьями русскими, великими князьями литовскими и другими лицами, для благоустройства церквей, дла устройства школъ и богадѣленъ... Еще при жизни престарѣлыхъ епископовъ, шляхтичи знатныхъ фамилій, желавшіе захватить въ свои руки церковныя

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Исторія русск. церкви, т. IX, стр. 9—10.

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 11.

имѣнія, отправлялись къ королю, упрашивали сенаторовъ, платили деньги—и получали право вступить въ управленіе епархіею по смерти престарѣлаго епископа. До посвященія въ епископскій санъ они назывались «нареченными епископами». Также точно и богатые монастыри, по волѣ короля и по ходатайству сенаторовъ, раздавались въ управленіе свѣтскимъ лицамъ шляхетскаго сословія. Шляхтичъ, получившій отъ короля жалованную грамоту на епископію, могъ передать свое право другому лицу, получивъ за то достаточное вознагражденіе. Иногда право на епископію король предоставлялъ двумъ лицамъ въ одно и то-же время. Въ такомъ случаѣ споръ между «нареченными епископами» обращался въ открытую войну. Они набирали толпу вооруженныхъ людей и насильно овладѣвали епископскою резиденціею и церковными имѣніями, употребляя при этомъ пушки, гаковницы и другое огнестрѣльное оружіе.... Нареченные епископы по нѣскольку лѣтъ управляли епархіями, оставаясь въ свѣтскомъ званіи; но и посвятившись въ епископскій санъ, продолжали вести безпорядочную, буйную жизнь, которою отличалась тогда большая часть польской шляхты. Имѣя въ услуженіи отряды гайдуковъ и другихъ ратныхъ людей, они позволяли себѣ самоуправство и лично участвовали въ разбояхъ, грабежахъ и наѣздахъ, нарушая законы и пренебрегая королевскими повелѣніями [1])... Точно также игуменами въ монастыряхъ часто бывали не монахи, а міряне, которые брали монастырь въ арендное пользованіе, управляли всѣми монастырскими вотчинами, со всѣмъ не думая принимать монашество, да и по закону это было для нихъ не обязательно. Такъ безцеремонно пользовались правомъ патронатства польскіе короли-католики, а примѣру короля слѣдовали и другіе болѣе мелкіе патронаты-католики,—князья и паны, также имѣвшіе въ своихъ помѣстьяхъ православные монастыри и церкви. Такой порядокъ вещей въ корнѣ подтачивалъ православную западно-русскую церковь, уничтожая въ ней самое главное—церковную іерархію [2])...

Этимъ далеко однако не исчерпывались гибельныя послѣдствія люблинской уніи для западно-русской православной церкви. Еще

---

[1]) *Иванишева,* Свѣдѣнія о началѣ уніи, извлеченныя изъ актовъ кіевскаго центральнаго архива. 1876 г., стр. 302—304. (Первоначально статья эта была напеч. въ Рус. Бесѣдѣ, 1858 г., № 3).

[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. цер., т. IX, стр. 12—13.

большее ослабленіе послѣдней нанесла унія, открывши свободную дорогу въ литовскую Русь іезуитамъ. Какъ разъ передъ этимъ западно-русское православіе должно было понести сильный уронъ со стороны протестанства.

Въ Польшѣ и Литвѣ протестанство сдѣлалось извѣстнымъ очень скоро, въ самое первое время его появленіи въ западной Европѣ. У Польши и Литвы были частыя сношенія съ западной Европой. Польская и литовско-русская аристократическая молодежь свои молодые годы обыкновенно проводила въ западныхъ университетахъ и не могла не знакомиться съ новыми протестантскими идеями. Конечно, въ этой же продолжительной жизни въ молодости за границей лежали зародыши и будущаго религіознаго индифферентизма, который скоро обнаруживается въ литовско-русской аристократіи и который дѣлалъ для нея дѣломъ весьма не труднымъ перемѣну православія сначала на протестанство, а потомъ на католичество, равно вселялъ общее сочувствіе къ уніи.... Протестантство, впрочемъ, шло въ Литву и другимъ путемъ: въ польскихъ и литовско-русскихъ городахъ издавна было очень много нѣмцевъ-католиковъ; въ XIV и XV вѣковъ ихъ можно было встрѣтить во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Польши и западной Руси,—между этими нѣмцами переселенцами, кажется, и стало раньше всего распространяться протестанство. Какъ бы то ни было, сдѣлавшись рано извѣстнымъ, протестанство быстро стало пріобрѣтать себѣ послѣдователей въ польскомъ и литовско русскомъ обществѣ. Сочиненія Лютера, Меланхтона, Кальвина и въ польскихъ и въ литовско-русскихъ областяхъ расходились во множествѣ. Уже въ 1520 году и свѣтская и духовная власть въ Польшѣ начинаютъ запрещать эти сочиненія; запрещенія повторяются въ 1523, 1530 и 1532 гг. Въ королевскихъ указахъ полякамъ подъ страхомъ конфискаціи имущества и вѣчнаго изгнанія изъ отечества запрещалось ввозить, продавать и употреблять книги Лютера. Въ 1541 году вышло даже болѣе рѣшительное постановленіе: польскимъ молодымъ людямъ запрещалось ѣздить для образованія въ Германію, а равно и изъ Германіи приглашать учителей въ Польшу; вмѣстѣ съ этимъ, всѣхъ, кто заразился какою либо ересью, предписывалось «лишать дворянства и наказывать, какъ виновниковъ въ оскорбленіи величества» [1])... Очень скоро указы, из-

---

[1]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви, т. IX, 312 -314.

данные сначала только для Польши, пришлось распространить и на литовскую Русь. Протестанство распространялось въ литовско-русскомъ православномъ обществѣ, кажется, еще быстрѣе, чѣмъ въ Польшѣ. Распространенію здѣсь протестантскихъ идей больше всего помогъ самъ Сигизмундъ Августъ, съ 1544 года избраный литовскимъ великимъ княземъ. Воспитанный въ идеяхъ протестанства, новый литовскій князь, переселившись въ Варшаву, не скрывалъ своихъ симпатій къ этимъ идеямъ. Онъ окружилъ себя въ Вильнѣ лицами свободнаго образа мыслей; изъ его собственной библіотеки публикѣ раздавались для чтенія сочиненія Лютера, Кальвина и другихъ реформаторовъ; его придворные проповѣдники открыто проповѣдывали реформатскія идеи, не смотря на угрозы и противодѣйствія со стороны вѣрныхъ католиковъ. Ставши позднѣе (съ 1548 года) польскимъ королемъ, Сигизмундъ, по политическимъ соображеніямъ, долженъ былъ перемѣнить значительно свое отношеніе къ религіознымъ вопросамъ, но въ юго-западной Руси онъ попрежнему продолжалъ поправительствовать протестанству. Очень много способстовали распространепію въ Литвѣ протестанства нѣкоторые богатые представители литовско-русской аристократіи, какъ князь Николай Радзивилъ Черный и Николай Радзивилъ Рыжій, и богатый магнатъ Янъ Кишка. Это были представатели самыхъ богатыхъ литовскихъ фамилій и пользовались огромнымъ вліяніемъ и въ обществѣ и при дворѣ. Всѣ свои громадныя матеріальныя средства, все свое общественное вліяніе они отдавали на служеніе принятымъ ими идеямъ. Радзивиллы были послѣдователями протестанства въ формѣ кальвинизма, Янъ Кишка былъ сторонникомъ крайнихъ сектъ социніанства. Въ своихъ многочисленныхъ помѣстьяхъ они основывали школы, заводили типографіи, строили протестанскія церкви, собирали переводчиковъ для перевода протестанскихъ книгъ на литовскій и русскій языки, словомъ: принимали всѣ мѣры для протестанской пропаганды среди литовско-русскаго православнаго населенія. Результаты ихъ усилій были огромны. На первыхъ порахъ протестанство особенно распространялось въ средѣ католиковъ. Почти все католическое дворянство края измѣнило своей родной вѣрѣ. Католическіе священники оставались безъ паствъ, цѣлые католическіе приходы переходили въ протестанство. Но скоро, вслѣдъ за католиками, пришла очередь и православныхъ. Новыя

идеи распространялись преимущественно въ высшихъ классахъ православнаго населенія и пріобрѣтали себѣ послѣдователей здѣсь цѣлыми массами. Къ 1596 году въ одномъ Новогродскомъ воеводствѣ (слѣд. въ епархіи, которою непосредственно завѣдывалъ самъ митрополитъ), изъ 600 дворянскихъ домовъ, считавшихся раньше православными, остались православными только 16 домовъ: остальные перешли въ протестанство, именно въ крайнія секты социніанства [1]), послѣдователями которыхъ православные являлись преимущественно передъ другими формами протестантскихъ идей.

При всей своей громадности, вредъ, сдѣланный западно-русскому православію протестантствомъ, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи вслѣдъ явившимися сюда іезуитами.

Въ Вильну іезуиты были призваны въ 1569 году, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ люблинской уніи. Въ одинъ и тотъ же годъ, справедливо замѣчаетъ по этому поводу преосв. Макарій, совершились два роковыхъ событія, имѣвшія гибельныя послѣдствія для всего западно-русскаго края и существовавшей въ немъ православной церкви. На люблинскомъ сеймѣ утверждена была т. наз. политическая унія Литвы съ Польшей, собственно не унія, не соединеніе двухъ государствъ на равныхъ правахъ, а подчиненіе и порабощеніе одного государства другому, литовскаго польскому, порабощеніе, которое повело къ постепенному ослабленію и подавленію русской народности и русскаго языка въ литовскомъ государствѣ, бывшихъ дотолѣ здѣсь господствующими... А съ прибытіемъ іезуитовъ въ Вильну, вновь начались почти уже забытыя попытки насадить въ Литвѣ т. наз. церковную унію, которая наконецъ и водворилась здѣсь, при содѣйствіи іезуитовъ, и повела къ постепенному подавленію православія во всемъ западно-русскомъ краѣ, сопровождаясь непрерывнымъ рядомъ притѣсненій и бѣдствій для православныхъ, не соглашавшихся принять ее, а затѣмъ и для самыхъ уніатовъ» [2])...

Сильнѣйшимъ средствомъ пропаганды въ рукахъ іезуитовъ стало воспитаніе. Вездѣ первымъ ихъ долгомъ было заведеніе учи-

---

[1]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви. т. IX, стр. 14, 322, 326.

[2]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церк., т. IX, стр. 350—352 и 353.

лищъ, коллегіумовъ, академій, съ цѣлью воспитанія въ нихъ молодого поколѣнія въ духѣ католичества. Такъ поступили они и въ югозападной Руси. На другой же годъ своего прибытія, они открыли въ Вильнѣ коллегіумъ и при немъ низшую школу. Наставники-іезуиты съумѣли очень скоро привлечь къ себѣ мѣстное населеніе. Ихъ школа или гимназія быстро стала наполняться учениками, всѣ видѣли блестящіе успѣхи ихъ первыхъ учениковъ, особенно въ латинскомъ языкѣ, дѣтей же бѣдныхъ родителей іезуиты принимали къ себѣ даромъ. Къ нимъ стали присылать своихъ дѣтей и православные, чего особенно и добивались іезуиты. Театральныя представленія, публично даваемыя учениками въ школѣ, различныя религіозныя процессіи, въ которыхъ ученики, одѣтые въ соотвѣтственные костюмы, изображали апостоловъ, пророковъ, ангеловъ и т. д., одинаково восхищали и учениковъ и ихъ родителей и быстро распространяли популярность и школы и ея учителей. Другими средствами пропаганды служили публичные диспуты, богослуженіе и проповѣдь. Богослуженіе и проповѣдь особенно сильно дѣйствовали на массу. Проповѣдь была непрерывна. Каждый день, утромъ и вечеромъ, она раздавалась въ іезуитскомъ костелѣ—на четырехъ языкахъ: польскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ. Проповѣдниками являлись такіе блестящіе ораторы, какъ Станиславъ Варшевицкій, первый ректоръ виленскаго іезуитскаго коллегіума, получившій обширное образованіе и славившійся своею ученостью, или Петръ Скарга, вскорѣ прибывшій въ Вильну и быстро пріобрѣвшій извѣстность своимъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ. Вліяніе проповѣдей того и другого было до того сильно, что нерѣдко весь народъ въ церкви рыдалъ.

Свою дѣятельность іезуиты скоро перенесли и въ другіе пункты югозападной Руси. Покровительство новаго польскаго короля Стефана Баторія особенно помогло имъ въ этомъ. Въ 1578 году королевской грамотой виленскій іезуитскій коллегіумъ былъ преобразованъ въ академію, а въ 1579 г. новая академія вполнѣ была уравнена въ правахъ съ академіей краковской. Въ томъ же году, взявши Полоцкъ, Баторій въ благодарность іезуитамъ, сопровождавшимъ его въ походѣ, основалъ здѣсь для нихъ новую коллегію и костелъ, и отдалъ въ полное ихъ распоряженіе всѣ мѣстные православные церкви и монастыри, а также и принадлежавшія имъ

владѣнія, отдалъ затѣмъ, чтобы, какъ говорилось въ королевской грамотѣ, іезуиты устроили семинарію для воспитанія юношества, распространяли въ «схизматическихъ странахъ» католическую вѣру, основывая приходы... Іезуиты тотчасъ же открыли въ Полоцкѣ семинарію, которая быстро наполнилась учениками, въ томъ числѣ и православными. Въ 1582 г. такая же саминарія была открыта Стефаномъ Баторіемъ для іезуитовъ въ Ригѣ, и при ней низшая школа. Въ 1585 г. новая іезуитская семинарія основана была въ Несвижѣ, на средства малолѣтняго наслѣдника князей Радзивилловъ, кн. Николая Хрнстофора Радзивила, обращеннаго изъ протестанства въ католичество. Кромѣ того, уже съ 1571 года существовала еще одна іезуитская коллегія въ Ярославѣ, въ Галиціи—въ мѣстности съ сплошнымъ русскимъ населеніемъ...

Въ противовѣсъ существовавшимъ издавна въ краѣ, православнымъ церковнымъ братствамъ іезуиты основывали таковыя же собственныя. Такъ въ 1573 году въ Вильнѣ, по мысли Петра Скарги, было учреждено католическое братство св. тѣла Господня; своими блестящими театральными торжествами и процессіями братство это сильно привлекало къ себѣ окружающее населеніе.

Одновременно со всѣмъ этимъ, іезуиты обратились еще къ одному средству пропаганды, оказавшемуся особенно могущественнымъ—къ литературной полемикѣ.

Первымъ и самымъ замѣчательнымъ фактомъ этой полемики была книга Патра Скарги: «O jdności kościoła Bożego pod jednym pasterzem i o greckim od tej jedności odstąpieniu, z przestrogą i prominaiem do narodów ruskych, przy grekach stojących... teras przez Księdza Piotra Scargę zebrania... roku 1577» (О единствѣ церкви Божіей подъ единымъ пастыремъ и о греческомъ отступленіи отъ этого единства, съ предостереженіемъ и увѣщаніемъ русскому народу, держащемуся грековъ... 1577 г.). Книга посвящалась кн. К. К. Острожскому, съ которымъ авторъ былъ знакомъ давно, и посвящалась ему, конечно, въ видахъ большаго успѣха ея въ средѣ православныхъ.

Сочиненіе Скарги раздѣляется на три части. Первая посвящается спеціально доказательству римскаго догмата о главенствѣ папы. Къ своей цѣли авторъ подходитъ издалека. Единственно воз-

можный путь къ спасенію, разсуждаетъ онъ, есть единеніе съ церковью; внѣ церкви нѣтъ спасенія, но спасительнымъ можетъ быть единеніе лишь съ церковью истинною. Далѣе авторъ указываетъ признаки этой истинности, а такіе признаки, по его мнѣнію, могутъ быть открываемы лишь въ одной церкви римской. Однимъ изъ существенныхъ признаковъ истинной церкви является духовное единеніе въ ней всѣхъ ея членовъ съ ея общею главою и между собой, а такое единеніе возможно лишь подъ условіемъ существованія въ церкви единой главы, единаго верховнаго пастыря. Сущность самой церкви, какъ состоящей изъ видимыхъ членовъ, требуетъ, по словамъ автора, чтобы церковь имѣла не только невидимую главу, но и видимую, а такою видимою главою и является намѣстникъ Христа—папа. Самъ Христосъ поставилъ для церкви такую видимую главу въ лицѣ ап. Петра. Верховныя права Петра, разсуждаетъ авторъ, не могли умереть вмѣстѣ съ Петромъ: всякое учрежденіе существуетъ не ради того лица, которое является въ извѣстный моментъ его представителемъ, а ради всей массы людей, для которыхъ такое учрежденіе признано было необходимымъ. У ап. Петра поэтому долженъ былъ быть преемникъ, къ которому должны были перейти, данныя ему Христомъ, исключительныя іерархическія права верховнаго апостола: такимъ преемникомъ могъ быть, конечно, одинъ римскій первосвященникъ, какъ прямой его преемникъ по епископской каѳедрѣ... Цитатами изъ греческихъ и латинскихъ отцевъ церкви авторъ доказываетъ далѣе, что верховная церковная власть дѣйствительно всегда и принадлежала римскому епископу, что онъ всегда созывалъ соборы, наказывалъ, низлагалъ, даже проклиналъ епископовъ и патріарховъ, если они провинялись въ чемъ, что духовенство всего свѣта всегда обращалось къ римскому епископу, какъ къ высшему церковному суду и т. д. Этимъ кончается первая часть книги. Во второй авторъ указываетъ рядъ «отступленій» греческой церкви отъ римской, начиная съ первыхъ вѣковъ и до флорентійской уніи. Эти отступленія, или, какъ онъ ихъ еще называетъ, «расколы», росли, по мѣрѣ стремленій грековъ отдѣлиться отъ верховной власти римскаго епископа, по мѣрѣ ихъ стремленій къ самостоятельности, а сіи послѣднія—вмѣстѣ съ возвышеніемъ на востокѣ константинопольскаго патріархата. Вмѣстѣ съ внѣшнимъ усиленіемъ восточнаго патріар-

хата возростала буйная гордость константинопольскихъ патріарховъ, не хотѣвшихъ признавать законныхъ правъ намѣстника св. Петра. Стремленія патріарховъ къ автономіи поддерживались «жаждой мести, какую питали восточные императоры къ западу, освободившемуся отъ нихъ въ политическомъ отношеніи». Все это часто приводило Римъ и Константинополь въ взаимнымъ столкновеніямъ, временнымъ разрывамъ. Среди такихъ враждебныхъ отношеній патріарха и папы совершилось обращеніе въ христіанство славянскихъ племенъ: одни изъ нихъ были обращены римскими миссіонерами, другіе, въ томъ числѣ русскіе, греческими. Свои враждебныя отношенія къ латинянамъ греки передали теперь и русскимъ. Со времени окончательнаго раздѣленія церквей, греки прямо стали «навязывать» римской церкви разныя ереси, и чѣмъ дальше, все сильнѣе и настойчивѣе выражали «свое непокорство и свою вражду» къ католикамъ. Однако и греки по временамъ «не могли не сознавать своей неправоты, не могли не стремиться къ возсоединенію съ покинутой ими римской церковью». Отсюда рядъ попытокъ ихъ къ такому соединенію. Стремленія къ единству всего сильнѣе выразились на флорентійскомъ соборѣ, когда дѣйствительно состоялся актъ уніи грековъ съ латинянами. Стараніемъ доказать вселенскій характеръ флорентійскаго собора авторъ заканчиваетъ вторую часть своего труда. Здѣсь, какъ видимъ, вполнѣ уже высказываются историческіе пріемы изслѣдованія и практическія цѣли автора. «Восточная церковь, разсуждаетъ онъ, въ составъ которой входитъ и западно-русская, съ самой глубокой древности находилась въ единеніи съ церковью римскою и искони признавала установленныя самимъ Христомъ верховныя права римскаго первосвященника; буйная гордость восточныхъ патріарховъ и императоровъ произвели раздѣленіе церквей; раздѣленіе это есть отпаденіе отъ вселенской церкви только одного ея члена—церкви греческой: это вполнѣ сознавала и послѣдняя, и рядомъ попытокъ старалась возстановить прежнее единство. Попытки не привели ни къ чему; но западно-русская церковь должна видѣть сама, гдѣ истина. Западно-русская церковь соединилась со вселенской (римской) церковью при посредствѣ церкви греческой; теперь это связующее звено окончательно отпало отъ вселенскаго церковнаго организма, слѣд. западно-русская церковь должна отказаться отъ этого посредничества и сама собой,

непосредственно стать въ связь съ церковью вселенской (римской). Это особенно необходимо потому, что, благодаря своей многовѣковой связи съ церковью греческой, въ нее уже и такъ закрались и укоренились «великія заблужденія и ереси». Изложенію этихъ «великихъ заблужденій и ересей» авторъ и посвящаетъ третью и послѣднюю часть своей книги. Подтвержденіе своимъ выводамъ авторъ хочетъ найти въ собственной судьбѣ западно-русской церкви. Рядъ перечисляемыхъ авторомъ «заблужденій и ересей» въ современномъ западно-русскомъ православіи долженъ, по его мнѣнію, сильнѣе всего показывать, какъ опасно для него оставаться долѣе въ единеніи съ церковью греческой. Приводимый рядъ «заблужденій и ересей» очень длиненъ; однихъ догматическихъ ересей Скарга насчитываетъ въ западно-русской церкви 19-ть. Помимо догматики, еще больше «великихъ заблужденій» авторъ открываетъ въ ней со стороны практической, обыденной жизни. Такими «заблужденіями» являются, между прочимъ, невѣжество мѣстнаго православнаго духовенства, отсутствіе въ немъ всякаго образованія, распущенность пасомыхъ, общее внутреннее разстройство церкви. «Заблужденій» послѣдняго рода дѣйствительно было не мало, и на этой почвѣ западно-русскіе православные были беззащитны. Ни въ одной части своей книги авторъ не былъ такъ силенъ, какъ здѣсь. Помимо общей, основной причины «нестроеній» въ западно-русской церкви, ея давнишней связи съ церковью греческой, авторъ указываетъ и другія, болѣе частныя причины отмѣченныхъ нестроеній, это: семейная жизнь православныхъ священниковъ, славянскій языкъ и вмѣшательсто свѣтскихъ людей въ дѣла церковныя. Обремененные семействомъ, принужденные постоянно заботиться о его пропитаніи, православные священники совсѣмъ не имѣютъ времени ни на служеніе паствѣ, ни для своего личнаго образованія; отсюда ихъ собственное невѣжество и невѣжество ихъ пасомыхъ. Паства лишена проповѣди и всякаго вообще наученія, всякаго удовлетворенія своихъ духовныхъ погребностей. Потому и является въ средѣ православныхъ такое множество всякихъ ересей: отъ нихъ ни сами пастыри не умѣютъ защищаться, ни паству спасти. «Вообще на Руси, продолжаетъ разсуждать авторъ, наука пришла въ упадокъ и попы омужичились, и потому никакъ не могутъ приносить своей паствѣ той пользы, какая была-бы желательна». Много препятствуетъ этому,

по мнѣнію автора, и славянскій языкъ. «Есть только два языка, разсуждаетъ авторъ, греческій и латинскій, которые распространили св. вѣру во всемъ мірѣ; помимо этихъ языковъ нѣтъ другого, который могъ-бы быть пригоденъ и для науки вообще, и для науки духовной и церковной. Еще не было на свѣтѣ академіи или коллегіи, гдѣ-бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по-славянски. Съ славянскимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. Да и что это за языкъ, котораго теперь никто не понимаетъ и не разумѣетъ писаннаго на немъ? На немъ нѣтъ ни грамматики, ни риторики—и быть не можетъ. Сами священники православные не понимаютъ теперь этого языка и спрашиваютъ объясненій по польски. Благодаря славянскому языку, у православныхъ нѣтъ другихъ школъ, какъ только самыхъ элементарныхъ, для обученія чтенію. Этимъ и ограничивается вся ихъ наука. Отсюда общее невѣжество и заблужденія. Да и естественно: съ славянскимъ языкомъ выходитъ, что «слѣпецъ слѣпца водитъ»... Общее церковное разстройство увеличивается еще отъ вмѣшательства въ церковныя дѣла свѣтскихъ лицъ: вслѣдствіе этого приходское духовенство находится въ униженіи и не можетъ достойно служить своему назначенію... Таковы многочисленныя заблужденія, ереси, нестроенія современной западно-русской церкви, въ которыя вовлекла ее за собою греческая восточная церковь. Но русская западная церковь—заканчиваетъ свое сочиненіе авторъ—разомъ можетъ выйти изъ своего теперешняго печальнаго состоянія и быстро достигнуть какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ благъ: ей нужно для этого только соединиться съ римской [1])...

Книга Скарги для своего времени была явленіемъ чрезвычайно важнымъ. «Это сочиненіе Скарги, замѣчаетъ преосв. Макарій, послужившее прототипомъ для всѣхъ другихъ такихъ же сочиненій, написанныхъ потомъ іезуитами и уніатами, и отличавшееся, по крайней мѣрѣ, кажущеюся исторической ученостью и краснорѣчіемъ, могло производить глубокое впечатлѣніе на русскихъ, почти вовсе незнакомыхъ съ церковною исторіей. И авторъ не безъ основанія разсчитывалъ на успѣхъ своей книги. Книга дѣйстви-

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 369—371. *Завитневича,* Палинодія Захарія Копыстенскаго и пр. Варшава, 1883 г., стр. 36—48.

тельно находила въ средѣ православныхъ значительное число читателей; по крайней мѣрѣ, во второмъ изданіи Скарга горячо заявляетъ, что его книга «многимъ русскимъ принесла пользу, раскрыла имъ глаза, и что многіе изъ нихъ не перестаютъ спрашивать о ней». На силу вліянія книги на православныхъ можетъ указывать и тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ скупали ее и жгли...

Энергичная пропаганда іезуитовъ очень скоро начала приносить плоды. Прежде всего іезуиты поколебали протестантство, которое быстро стало падать въ странѣ. Найболѣе могущественные поборники протестантскихъ идей перешли въ католичество. Такъ Варшевицкимъ былъ обращенъ въ католичество прежде заклятый врагъ его, кальвинистъ Ходкевичъ; Петръ Скарга привелъ обратно «къ послушанію римскому престолу» малолѣтнихъ дѣтей Николая Радзивилла Чернаго, наслѣдниковъ громадныхъ владѣній. Оба случая были блестящими побѣдами іезуитовъ. Скоро возвращены были «въ лоно вселенской римской церкви» и многіе другіе пропагандисты протестантства—Сапѣги, Сангушки, Часловскіе и пр.

Дѣятельность іезуитовъ стала быстро сказываться и въ средѣ православныхъ. Больше всего помогало этому воспитаніе юношества; воспитаніе это іезуиты теперь окончательно взяли въ свои руки. Іезуитскія школы были переполнены дѣтьми православныхъ; правда, родители скоро стали раскаиваться въ этомъ, когда увидѣли, что іезуиты изъ своихъ православныхъ учениковъ «мало не всѣхъ», пользуясь ихъ малолѣтствомъ, «намовя ихъ хитролестнѣ», отвратили «отъ родной вѣры и перекрестили въ свое полувѣріе», но это было уже позднѣе: на первыхъ порахъ опасность, повидимому, не вполнѣ сознавалась. Успѣхи іезуитовъ сосредоточивались преимущественно въ высшихъ классахъ, и были здѣсь самые блестящіе: въ какіе нибудь 40—50 лѣтъ, послѣ своего появленія въ Вильнѣ, іезуиты оторвали отъ западно-русской православной церкви почти всю мѣстную аристократію. Въ 1610 году западно-русская православная церковь такъ перечисляла свои потери, понесенныя ею отъ іезуитовъ. «гдѣ тотъ безцѣнный камень, который я, вмѣстѣ съ другими перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на головѣ моей, гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни моей короны, роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Збаражскихъ,

Вишневецкихъ, Сангушекъ, Чарторыжскихъ, Пронскихъ, Рожинскихъ, Соломерецкихъ, Головчицкихъ, Каширскихъ, Массальскихъ, Горскихъ, Єоколинскихъ, Лукомскихъ, Пузыновъ и другихъ, которыхъ перечислять было-бы очень долго? Гдѣ прочія мои драгоцѣнности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ мужествомъ и доблестью, Глѣбовичи, Ходкевичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Войны, Воловичи, Зѣновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хрептовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Поцѣи?» [1])...

Таковы были результаты люблинской уніи. И протестантство и католичество, съ іезуитами во главѣ, были крайне гибельны для западно-русскаго православія, потому что они нашли западно-русскую православную церковь въ сильной степени собственнаго внутренняго разстройства. По выраженію патр. Іоакима въ его грамотѣ, западно-русскіе православные къ этому времени «оскудѣли всѣми благами». «Оскудѣніе» дѣйствительно было крайнее и заключалось какъ въ отсутствіи общественнаго образованія въ средѣ православныхъ, такъ и въ сильной деморализаціи высшей іерархіи западно-русской церкви.

Въ то время, когда социніане и іезуиты покрывали сѣтью своихъ школъ юго-западную и западную Русь, у православныхъ ея обитателей, повидимому, не было никакихъ собственныхъ средствъ къ образованію. Православныхъ школъ, кромѣ развѣ самыхъ элементарныхъ, долгое время не было; по крайней мѣрѣ, до 70 гг. XVI столѣтія во всей литовско-русской митрополіи не встрѣчается ни одного училища для православныхъ дѣтей [2]). Поступившіе въ духовное званіе ограничивались одною начальною грамотностью, и учились ей, вѣроятно, у различныхъ «отцевъ и мастеровъ» на дому, какъ это въ то время было и въ московской Руси. Общественныхъ православныхъ школъ не существовало не только для дѣтей низ-

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. X, стр. 408—409.

[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 299 и 410.

шаго православнаго населенія, но и для дѣтей высшихъ классовъ общества. Поневолѣ приходилось отдавать дѣтей въ іезуитскія школы и коллегіи. Въ отсутствіи православныхъ школъ современники видѣли главную причину внутренняго церковнаго разстройства и отпаденія въ католичество высшихъ слоевъ общества. «То вельми зашкодило паньству русскому, читаемъ въ памятникѣ первыхъ годовъ XVII вѣка, же не могли школъ и наукъ посполитыхъ (общенародныхъ) розширяти и оныхъ не фундовано: бо коли-бъ были науку мѣли, не пришли-бъ до таковой погибели. Читаючи кроники польскія, знайдешь о томъ достаточнѣ, якъ поляци русскія паньства пообсѣдали, попріятелѣвшися зъ ними и цурки своя (своихъ дочерей) за русиновъ давши, чрезъ нихъ свои обычаи оздобные и науку укоренили,—русь, посполитовавшись (здружившись) зъ ними, позавидѣли ихъ обычаямъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и не маючи своихъ наукъ, въ науки римскія дѣти давати почали, которые зъ науками и вѣрѣ ихъ навыкли, та́къ по малу малу науками своими все паньство руськое до вѣры римской привели, потомкове княжатъ русскихъ зъ вѣры православной на римскую выкрестились и назвиска и имена собѣ поотмѣняли, якобы николи не зналися быти потомками благочестивыхъ прародителей своихъ» [1])...

У западно-русскихъ православныхъ было мало самыхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Собственной мѣстной литературы во все продолженіе XIV—XV вв. не возникало; письменность ограничивалась немногими грамотами оффиціальнаго характера и лѣтописями [2]). До половины XVI вѣка западно-русское православное общество должно было довольствоваться списываніемъ и употребленіемъ тѣхъ книгъ и сочиненій, которыя случайно заходили сюда изъ Руси московской, да и такихъ книгъ было не много. Въ обществѣ чувствовался крайній недостатокъ въ переводахъ важнѣйшихъ твореній отцевъ церкви.

---

[1]) „Перестрога" (1600—1605 г.),—Акты зап. Россіи, т. IV, № 148, стр. 204—205. Говоря предъ этимъ о первомъ распространеніи на Руси христіанства, авторъ замѣчаетъ: „были (на Руси) великіе ревнители, яжъ много зъ великимъ коштомъ церквей и монастырей намуровали и маетностями опатрили (надѣлили), золотомъ, серебромъ, перлами и дорогими каменями церкви пріоздобили (приукрасили), книгъ языкомъ словенскимъ великое множество нанесли,—лечъ того, что было найпотребнѣйшее, школъ посполитыхъ не фундовали"...

[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 137 - 299.

Курбскій не могъ найти «и десятой части книгъ учителей нашихъ старыхъ», которыя оставались непереведенными—«лѣности ради и нерадѣнія властелей нашихъ».... Славянскихъ книгъ было мало въ западно-русскомъ обществѣ и по другимъ причинамъ, чисто мѣстнымъ: католики всячески старались уничтожать ихъ. Именно на это и указываетъ авторъ «Апокрисиса», какъ на причину, почему онъ посвящаетъ свою книгу Яну Замойскому: имя могущественнаго магната должно было сохранить ее отъ истребленія. О томъ-же говоритъ и авторъ «Перестроги»: «въ самомъ Краковѣ корунномъ, замѣчаетъ онъ, и въ костелахъ римскихъ книгъ словенскихъ великими склепами знайдешь замкненыхъ, которыхъ въ свѣтъ не выпустятъ, также есть и во Львовѣ у мниховъ доминиковъ склепъ великій книгъ нашихъ словенскихъ учительныхъ, до купы възнесенныхъ» [1]....

Помимо недостатка образованія въ общей массѣ населенія, величайшимъ несчастіемъ западно-русской церкви была ея тогдашняя іерархія. Злоупотребленія польскихъ королей и польско-литовскихъ магнатовъ правомъ патронатства принесли свои плоды. Къ концу XVI вѣка въ юго-западной Руси со всѣхъ сторонъ слышатся самыя рѣзкія обличенія представителямъ мѣстной церкви и сожалѣнія при видѣ бѣдственнаго иоложенія, до котораго дошла западно-русская церковь, по небреженію «оплотовъ» своихъ. Въ 1580 году, въ предисловіи къ своей Библіи, кн. К. К. Острожскій, говоря о побужденіяхъ къ этому изданію, пишетъ: «Видѣхъ церковь Христову, честною кровію Его искупленную, отовсюду враги противящимися попираему и нещадными волки, пришедшими въ міръ, безъ милосердія пожираему... Кто бо есть отъ благодарныхъ и благоразумныхъ, его же не подвиже жалость, зряще ветхость церкве Христовы, на паденіе клонящуся, или кто не смирится и не смутится, видя виноградъ, Богомъ насажденный, его же объимаютъ вси мимоходящіи путемъ, разоренія ради оплотовъ его?... Различныя супостаты и многообразныя лукавства обстоятъ ны» [2].... Какъ относились къ нуждамъ мѣстной православной церкви ея «оплоты»,

---

[1]) „Перестрога“,—Акт. зап. Рос., т. IV, № 149, стр. 204.

[2]) Предисловіе къ Острожской Библіи 1580—1581 гг., л. 9. *Е. Строева*, Обст. опис. старопечатныхъ книгъ славянскихъ библіотеки гр. Толстаго, М. 1829 г., стр. 54—55.

можно видѣть изъ посланія галицко-русскихъ дворянъ къ кіевскому митрополиту Онисифору Дѣвочкѣ въ 1585 году. Упомянувъ о насиліяхъ и притѣсненіяхъ православнымъ въ Львовѣ отъ католиковъ, дворяне продолжаютъ: «А что сказать о поруганіи св. крестовъ, объ отобраніи колоколовъ въ замокъ и отдачѣ ихъ жидамъ? И ты еще самъ даешь отвореные листы на помощь жидамъ противъ церкви Божіей, къ потѣхѣ ихъ и къ большему поруганію нашего св. закона... Какія при томъ совершаются опустошенія церквей! Изъ церквей дѣлаются іезуитскіе костелы... Въ честныхъ монастыряхъ, вмѣсто игуменовъ и братій, живутъ игумены съ женами и дѣтьми... Изъ того, что отдано въ честь и хвалу Богу, совершаютъ святокрадства, дѣлаютъ себѣ пояса, ложки, злочестивые сосуды для своихъ похотей, изъ ризъ дѣлаютъ саяны, изъ епитрахилей бармы.... Въ великій епископскій санъ возводятся люди негодные, которые, къ поруганію св. закона, на епископскомъ сѣдалищѣ живутъ безъ всякаго стыда съ женами и дѣтей рождаютъ. И множество иныхъ и иныхъ великихъ бѣдъ и нестроеній, о чемъ мы къ сожалѣнію теперь писать не можемъ. Епископовъ наставилось много, по два на каждую каѳедру, оттого и порядокъ сгибъ.... Бога ради осмотрись, вспомни святыхъ твоихъ предмѣстниковъ, митрополитовъ кіевскихъ, и возревнуй ихъ благочестію... Намъ жаль души твоей... Даемъ знать твоей милости, прибавляютъ въ заключеніе дворяне, что архиепископія кіевская, сущая нынѣ подъ твоею властью, отдана нѣкоему еретику жолнеру, а архимандритія Уневская обѣщана такомуже»[1]... Или вотъ что писали спустя семь лѣтъ, въ 1592 году, львовскіе братчики константинопольскому патріарху Іереміи, жалуясь на притѣсненія отъ мѣстнаго епископа Гедеона: «непрестанными бѣдами томитъ насъ, между всякими чиновными людьми оклеветалъ насъ, тако что мы не можемъ сооружать ни церкви, ни школы, какъ бы слѣдовало, и потому мы отпустили нашихъ дидаскаловъ, Кирилла въ Вильну, Лаврентія въ Брестъ, а другіе разошлись по другимъ мѣстамъ, и только Стефанъ остался здѣсь»... А указывая далѣе на недостойную жизнь и другихъ православныхъ епископовъ, что напр. «епископъ Холмскій и Пинскій живутъ съ женами, еще и

---

[1]) *Акт. зап. Рос.*, т. III, № 156. *Преосв. Макарія*, Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 476—477.

Перемышльскій епископъ съ женою на епископство возведенъ», тѣ-же братчики пишутъ патріарху: «церковь сильно смущается; люди сановитые, впавшіе въ разныя ереси и хотѣвшіе возвратиться къ своему правовѣрію, нынѣ отказываются отъ того, порицая церковное безчиніе, а всѣ люли единогласно говорятъ: если не исправится въ церкви беззаконіе, то въ конецъ розъидемся, отступимъ подъ римское послушаніе и будемъ жить въ безмятежномъ покоѣ»... «Да вѣдаетъ твоя святыня, продолжаютъ взывать братчики во второмъ своемъ посланіи къ патріарху, отправленномъ вслѣдъ за первымъ, въ томъ же 1592 году,—что у насъ такъ называемые святители суть по истинѣ сквернители, обѣщавшись иночествовать, живутъ невозбранно съ женами..., другіе прижили дѣтей съ блудницами. Если таковы святители, то какимъ же быть священникамъ?... Епископы похитили себѣ архимандритства и игуменства, ввели въ монастыри своихъ родственниковъ и мірскихъ урядниковъ, истощили всѣ церковныя имѣнія и упразднили иночество... Церковь наша православная является исполненною всякагѡ зловѣрія, и люди смущаются недоумѣніемъ, не настоитъ ли время погибели. Многіе утвердили совсѣмъ предаться римскому единоначальному архіерейству и пребывать подъ папою римскимъ... Власть мірская потрясла всѣ наши города, и готовятся совершать по своему хотѣнію. Народъ-же разсуждаетъ, что вѣра Христова можетъ правовѣрно исповѣдываться и подъ римскою властью, какъ было изначала, потому что во многоначаліи нашемъ безначаліе обрѣтается, отеческіе законы попраны и ложь лицемѣрствующихъ православіемъ учителей покрыла церковь» [1]... «Не стало у насъ учителей, не стало проповѣди слова Божія, не стало науки», пишетъ кн. К. К. Острожскій къ Ипатію Поцѣю въ 1593 году, наканунѣ брестской уніи: «пришло наконецъ на насъ то, что у насъ не остается ничего, чѣмъ бы мы могли утѣшиться въ нашемъ законѣ. Слѣдуетъ намъ сказать словами пророка: кто дастъ главѣ нашей воду и очесамъ нашимъ источникъ слезъ, чтобы мы могли оплакивать день и ночь обнищаніе и упадокъ нашей вѣры и закона? Все ниспровереглось и упало, со всѣхъ

---

[1]) *Акт. зап. Россіи*, т. IV, № 33, стр. 42—47. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 522—526.

сторонъ скорбь, сѣтованіе и бѣда, и если не будемъ заботиться, Богъ вѣсть, что съ нами будетъ»[1])...

Чѣмъ ближе къ 1596 году, тѣмъ ярче и безотраднѣе возникаетъ передъ нами картина бѣдственнаго состоянія западно-русской церкви. Высшіе классы измѣнили православію, представители іерархіи очутились въ крайней степени нравственнаго безсилія и паденія, «оплоты» церкви рушились, нѣтъ учителей, нѣтъ проповѣди, нѣтъ науки! Все сильнѣе и сильнѣе развивается религіозный индифферентизмъ, многіе открыто заявляютъ о своемъ желаніи отдаться Риму, о готовности принять унію....

При такихъ обстоятельствахъ совершилась въ Брестѣ, въ 1596 году, религіозная унія, этотъ «насильственный и самый горькій плодъ тѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, среди которыхъ протекала жизнь западно-русской митрополіи со времени отдѣленіи ея отъ московской».

Но нѣтъ худа безъ добра... То, что способствовало крайнему обезсиленію западно-русской церкви, косвенно въ то же время было причиною ея внутренняго нравственнаго возрожденія. Быстрыя побѣды надъ западно-русскимъ православіемъ сначала со стороны протестанства, потомъ католичества и въ частности іезуитовъ, тѣмъ самымъ вызвали на защиту родной вѣры новыя силы. Овладѣвши безъ большаго труда высшимъ слоемъ общества, найдя прямую поддержку своимъ цѣлямъ въ корыстныхъ и эгоистичныхъ представителяхъ мѣстной православной іерархіи, іезуиты, при всѣхъ усиліяхъ, не могли привлечь на свою сторону собственно народъ, господствующую массу западно-русскаго населенія, городскаго и сель-

---

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 45, стр. 63—66. Въ „Перестрогѣ" читаемъ: „Наступовали на столицѣ митрополитове и епископове неискусные, не такіе, якіе исперва бывали... лѣнивые и недобрые настали и за ними порядки церковные у забвеніе пришли. Книги тые, що еще ихъ позостало, порохомъ припали, и все набоженство пришло ко взгордѣ, такъ ижъ не тылько шляхецкого, але и простого люде стану у иновѣрство и отщепенство приходили, отъ духовныхъ соблазнени будучи" .. „Перестрога", пам. 1600—1605 гг. Акты зап. Россіи, т. IV, № 149, стр. 205.

скаго, напротивъ, своими происками и насиліями они вызвали въ этой массѣ открытый протестъ и такія силы на защиту своей исконной вѣры, какихъ, повидимому, никакъ не предполагали.

Защитникомъ православія выступило среднее сословіе западно-русскаго общества, городское населеніе, въ лицѣ церковныхъ братствъ.

Начальная исторія западно-русскихъ церковныхъ братствъ не достаточно выяснена. Общественная жизнь въ литовскихъ и западно-русскихъ городахъ издавна была довольно развита. По примѣру западной Европы, здѣсь издавна существовали промысловые и торговые союзы или цехи, члены коихъ всегда принимали значительное участіе въ церковно-приходскихъ дѣлахъ; образованію ихъ способствовало введенное во многихъ городахъ Литовской Руси магдебургское право, занесенное сюда изъ нѣмецкихъ городовъ нѣмцами-переселенцами. Существованіе магдебургскаго права сильнѣе всего способствовало развитію въ юго-западной Руси общественно-городской жизни. Сущность этого права въ томъ, что управленіе городомъ въ значительной степени переходило въ руки самихъ горожанъ. Нужно думать, что въ связи съ этими особыми условіями общественной жизни западно-русскихъ городовъ и возникли упомянутыя церковныя братства. Точнаго момента ихъ возникновенія указать нельзя; первыя историческія извѣстія о нихъ относятся къ половинѣ XV вѣка. Случайное извѣстіе этого времени указываетъ на существованіе двухъ такихъ братствъ— одного въ Львовѣ, другого въ Вильнѣ [1]). На первыхъ порахъ, судя по сохранившимся извѣстіямъ, братства эти являлись съ характеромъ учрежденій церковно-хозяйственныхъ или религіозно-филантропическихъ. Братчики, въ среду которыхъ на первыхъ порахъ принимались и люди католическаго вѣроисповѣданія, даже католическіе духовные [2]), исключительно заботятся о нуждахъ своего прихода и своей церкви; вмѣстѣ съ тѣмъ, братства примыкаютъ къ торговымъ и промышленнымъ городскимъ гильдіямъ, нося на себѣ ка-

---

[1]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 32. Извѣстно, что братчины и братчинные пиры существовали и въ древней сѣверо-восточной Руси. См. *Соловьева,* Ист. Россіи, т. VII, стр. 142—143.

[2]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, 35, 260.

кой-то торгово-промышленный отпечатокъ, На послѣднее указываютъ самыя названія дреднѣйшихъ братствъ: «кушнерское», «кожемяцкое», «купецкое», панское» и т. д. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ первоначальный характеръ западно-русскихъ церковныхъ братствъ, уже очень скоро, съ половины XVI вѣка, для многихъ изъ нихъ главною, вполнѣ сознательною цѣлью дѣятельности становится распространеніе въ мѣстномъ православномъ населеніи образованія и защита православія, а вмѣстѣ и своей народности, отъ усилившейся въ это время пропаганды іезуитовъ. На этотъ новый характеръ дѣятельности братствъ ясно указываютъ «чинъ львовскаго братства» 1586 года и «чинъ виленскаго братства» 1588 года [1]). Главнымъ своимъ дѣломъ братства считаютъ заведеніе школъ и типографій, составленіе и печатаніе церковно-богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ, развитіе учебной литературы и борьбу путемъ литературной полемики съ католичествомъ. «Борьба съ протестантствомъ и латинствомъ, замѣчаетъ Чистовичъ, придала этимъ бытовымъ и филантропическимъ учрежденіямъ религіозный характеръ, а унія еще тѣснѣе сплотила эти союзы и направила ихъ къ охранѣ церкви православной. При отпаденіи аристократическихъ родовъ въ протестанство и латинство, среднее сословіе, купцы и мѣщане, сомкнулись тѣснѣе, соединяя бытовые интересы съ церковными и не щадя ни силъ, ни средствъ на помощь нуждамъ церкви [2]).

Упомянутыя древнѣйшія братства, львовское и виленское, были первыми, выступившими на поприще общественно-церковной дѣятельности, съ оффиціальнымъ характеромъ учрежденій, признанныхъ и утвержденныхъ церковной властью. Львовское было утверждено антіохійскимъ патріархомъ Іоакимомъ въ 1585 году, виленское константинопольскимъ патріархомъ Іереміею въ 1588 году. Оба братства были поставлены въ непосредственную зависимость отъ самихъ патріарховъ и надѣлены были, вслѣдствіе этого, обширными полномочіями [3]).

---

[1]) Изложеніе этихъ „чиновъ“ см. у *Пре. Макарія,* т. IX, стр. 412—419.

[2]) *Чистовича,* Очеркъ исторіи западно-русской церкви, т. II, Спб., 1884 г., т. II, стр. 2—3.

[3]) *Чистовича,* Очеркъ исторіи, т. II, стр. 3, 399. Объ отношеніяхъ западно-русскихъ братствъ къ мѣстной церковной іерархіи. См. также: *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, 65—66, 60; *его же,* Чтенія по ист. зап. Россіи, стр. 203—

Рядомъ съ братствами львовскимъ и виленскимъ, уже очень рано въ самой Вильнѣ видимъ нѣсколько другихъ братствъ, какъ упомянутыя «кушнерское», «кожемяцкое», «купецкое» и т. п. Борьба съ католичествомъ и особенно опасность приближающейся уніи быстро увеличивали число братствъ. Конецъ XVI и первые годы XVII вѣка—время ихъ найбольшаго развитія. Вотъ историческія справки: въ 1579 году возникаетъ братство въ Мстиславлѣ, въ 1582 г. братство росское на предмѣстьи Вильны Росѣ, а также въ Гологорскѣ и Гроднѣ, въ 1589 г. «кушнерское» братство въ Могилевѣ, въ 1591 г. въ Брестѣ, въ 1592 г. въ Минскѣ, Кричевѣ, Оршѣ и Перемышлѣ, въ 1594 году, въ грамотѣ мѣстнаго брестскаго собора, упоминается цѣлый рядъ новыхъ братствъ, неизвѣстно когда возникшихъ, но очевидно существовавшихъ уже въ это время, каковы красноставское, гольшанское, городецкое, галицкое, бѣльское и «многія» другія [1]). Вслѣдъ за брестской уніей 1596 года, какъ протестъ противъ нея, открываются новыя братства въ 1597 году въ Минскѣ, въ 1615 г. въ Кіевѣ, въ 1617 г. Луцкѣ и т. д.

Всѣ эти быстро возникшія братства имѣли въ общемъ одинаковое внутреннее устройство и преслѣдовали одни и тѣже цѣли. Дѣятельность ихъ главнымъ образомъ направлялась на поднятіе образованія въ мѣстномъ православномъ населеніи и на борьбу съ католической пропагандой. Въ видахъ того и другого, братства больше всего заботились о распространеніи въ краѣ православныхъ школъ и типографій.

Какъ было уже замѣчено, образованіе въ юго-западной Руси въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ находилось въ крайнемъ упадкѣ и до 70-хъ годовъ XVI столѣтія во всей литовско-русской митрополіи не было правильно организованныхъ общественныхъ школъ для православнаго населенія, а были только частные «мастера», у кото-

---

204. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 421—519. Какимъ значеніемъ пользовалось среди мѣстнаго православнаго населенія напр. львовское братство, можно видѣть изъ посланія къ братству перемышльскаго епископа Михаила Копыстенскаго; см. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 528—529.

[1]) *Флерова,* О православныхъ церковныхъ братствахъ, противодѣйствовавшихъ уніи въ юго-зап. Россіи, Спб., 1857 г., стр. 22, 399. *Кояловича,* Лит. церк. унія, т. I, стр. 112. *Преосв. Макарія,* Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 416, 509, 532—533, 546.

рыхъ на дому учились начальной грамотѣ преимущественно поступавшіе въ духовное званіе [1]). Православныя школы начинаютъ появляться въ Литвѣ и юго-западной Руси лишь съ началомъ просвѣтительной дѣятельности братствъ, и на первыхъ порахъ, по почину частныхъ лицъ. Около 1572 года кн. К. К. Острожскій открылъ на свои средства начальную школу въ Туровѣ, а спустя нѣсколько лѣтъ, въ 1577 году, другую школу во Владимірѣ-Волынскомъ. Въ 1580 году имъ же были основаны двѣ «высшія» школы въ Острогѣ и Слуцкѣ, обѣ на собственныя средства князя. Въ 1586 году, по образцу этихъ школъ, львовское братство открыло собственную школу.

До насъ сохранился уставъ этой братской школы, утвержденный патр. Іеремією въ 1586 году [2]). По уставу, учитель долженъ «не только обучать чтенію и письму, но и грамматикѣ, риторикѣ, діалектикѣ, музыкѣ, св. евангелію и книгамъ апостольскимъ», и по всѣмъ этимъ предметамъ выдавать ученикамъ «записки»; кромѣ того, послѣ обѣда, учитель обучалъ воспитанниковъ «пасхаліи, ариѳметикѣ и церковному пѣнію». По праздникамъ и въ воскресные дни дѣтямъ объяснялось значеніе праздниковъ, а также толковались положенныя на тѣ дни чтенія евангельскія и апостольскія. Изъ устава не видно, чтобы въ львовской школѣ преподавался латинскій языкъ; называлась она «школой греческаго и славянскаго письма». Судя по характеру преподаванія учебныхъ предметовъ, думаютъ, что эта школа была, если не изъ высшихъ, то средняя [3])... Въ 1588 году такую-же школу открыло у себя братство виленское. Въ этой школѣ преподавался уже и латинскій языкъ, какъ видно изъ письма виленскихъ братчиковъ къ львовскимъ братчикамъ въ 1619 году [4]); для этой школы, какъ извѣстно, въ 1619 г. Мелетій Смотрицкій, бывшій въ это время преподавателемъ школы, составилъ свою знаменитую «славянскую грамматику». Въ 1591 году возникаетъ школа при братствѣ брестскомъ, для обученія дѣтей русскому языку, почему и называлась въ грамотахъ «русскою школой» [5]); впрочемъ, школа

---

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 48, отр. 69.

[2]) Напечатанъ въ *Акт. зап. Россіи,* т. II, стр. № 154.

[3]) *Преосв. Макарій,* Ист. рус. цер., т. IX, стр. 415.

[4]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 217.

[5]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 28.

брестская уже въ 1597 году, королевскимъ приказомъ, отдана была Ипатію Поцѣю, «чтобы онъ постерегалъ, аже-бы тамъ наука добрая и порядокъ слушный во всемъ быти моглъ» [1]), т. е. для превращенія православной школы въ уніатскую. Въ 1592 году была открыта школа при братствѣ минскомъ, «для науки, т. е. наученья дѣтокъ малыихъ»; братству позволялось въ школѣ «бакаляра ховати и тамъ дѣтей письму греческому и русскому учити» [2]). Кромѣ этой, повидимому, весьма незначительной и, кажется, вскорѣ прекратившейся школы, въ Минскѣ-же при другомъ братствѣ существовала другая школа, возникшая вмѣстѣ съ братствомъ въ 1613 году [3]). Отъ этого другого минскаго братства до насъ сохранился любопытный протестъ, поданный братчиками на монаховъ одной уніатской церкви, по поводу насилій и оскорбленій, какія терпѣли ученики братской православной школы отъ учениковъ уніатской школы: братство жалуется, что уніатскіе монахи научаютъ «выростковъ и хлопятъ своее школы» ловить братскихъ школьниковъ и дѣлать имъ всевозможныя обиды, уніатскіе ученики, «слушаясь чернѣцовъ бакаляровъ своихъ», схватывали православныхъ дѣтей по улицамъ, «били ихъ и кровавили безнаказанно» [4]). Въ 1592 году устроена была школа въ Перемышлѣ, въ 1594 г. въ Бѣльскѣ. Въ 1597 году возникшее братство въ Могилевѣ, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего существованія, выхлопотало особую грамоту, которою учреждалась при братствѣ школа «для безмезднаго обученія дѣтей вписныхъ братій и убогихъ сиротъ языку и письму славянскому, русскому, греческому, латинскому и польскому» и позволялось «держать ученыхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ, для преподаванія въ школѣ и для проповѣди слова Божія» [5])... Братская могилевская школа, нѣсколько разъ, по навѣтамъ уніатовъ, перемѣнявшая свое мѣсто въ городѣ, существовала однако до позднѣйшаго времени и служила въ свое время «однимъ изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ православія въ краѣ». Въ 1615 году возникаетъ братство и при немъ школа, будущая академія, въ Кіевѣ; въ 1617 году открывается школа при луцкомъ

---

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 122.
[2]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 36.
[3]) *Собр. грам. и актовъ минской губ.* № 123; ср. также № 65.
[4]) *Собр. грам. и актовъ минской губ.,* № 62.
[5]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 119.

братствѣ; въ 1624 году луцкая братская школа составила для себя «уставъ, утвержденный королемъ и дошедшій до насъ подъ названіемъ: «Артикулы правъ школы греко-латино-славянской луцкой и порядокъ школьный» [1]). Въ 1634 году луцкое братство подверглось жестокому нападенію іезуитовъ и уніатовъ: послѣ праздничной процессіи нѣсколько членовъ іезуитской коллегіи, собравъ толпу до ста человѣкъ, вооруженные напали на братство, опустошили церковь, школу, больницу, нещадно избили игумена, монаховъ, старцевъ, учениковъ—всѣхъ, «абы только былъ русинъ» [2])... Луцкое братство и школа существовали около ста лѣтъ, пока наконецъ въ 20-хъ гг. прошлаго вѣка не были отданы уніатамъ [3]). Въ 1633 году открывается новая школа при братствѣ пинскомъ, въ 1649 г. при оршанскомъ и т. д. [4]).

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ школъ, нужно думать, было въ общихъ чертахъ одинаково. Помимо упомянутаго устава львовской школы, которая, впрочемъ, въ ряду другихъ братскихъ школъ считалась «высшей», нѣкоторое понятіе объ устройствѣ братскихъ школъ можетъ дать дошедшій до насъ «уставъ» луцкой школы, 1620 года. По правиламъ этого устава, «въ школѣ учатъ только наукамъ и добродѣтели; поэтому запрещается ученикамъ имѣть какіе-либо инструменты и ими заниматься, а также, для пріобрѣтенія и соблюденія истинныхъ добродѣтелей, основывающихся на православіи, они не должны имѣть у себя никакихъ иновѣрческихъ и еретическихъ книгъ»... Ученики дѣлились въ школѣ на три отдѣленія: одни учились «литерамъ и складамъ», другіе «читали на память»; третьи «выкладывали, разсуждали, разумѣли». Утромъ, послѣ молитвы, каждый долженъ прочитать свой вчерашній урокъ предъ учителемъ и показать ему свою тетрадь, на которой онъ переписалъ дома тотъ урокъ, «затѣмъ долженъ учиться, подъ руководствомъ учителя, псалтыри, грамматикѣ и другимъ наукамъ»... Учитель обязанъ выдавать ученикамъ «въ запискахъ ученія отъ св. евангелій, посланій апостольскихъ, пророковъ, св. отецъ,

---

1) *Памятники Кіевской ком.*, т. I, отд. I, Кіевъ, 1847 г., стр. 83—115.

2) *Пам. Кіев. ком.*, т. I, стр. 204—224.

3) *Флерова*, О правосл. церковныхъ братствахъ и нр., стр. 103—104.

4) Тамъ-же, стр. 107.

философовъ, поэтовъ, историковъ и проч.» Суббота употреблялась на повтореніе пройденнаго въ теченіе недѣли; кромѣ того въ этотъ же день «учились пасхаліи и луннаго теченія и церковному пѣнію»... Въ дни воскресные и праздничные «учитель долженъ разсказать дѣтямъ о праздникѣ и учить волѣ Божіей, послѣ же обѣда объяснить евангеліе и апостолъ того праздника». Изъ числа учениковъ выбирали на каждую недѣлю двоихъ или четверыхъ, по очереди, чтобы они подметали и отапливали школу, сидѣли у дверей и замѣчали поздно приходящихъ и рано выходящихъ, также не знающихъ уроковъ, шалуновъ въ классѣ, на улицахъ и въ церкви». Часто опускающаго классы въ школу не принимали... Порядокъ наукъ въ школѣ былъ слѣдующій: «научивши учениковъ складывать литеры, начинали обучать ихъ церковному пѣнію и вмѣстѣ грамматикѣ; затѣмъ приступали къ риторикѣ и діалектикѣ, которыя должны были излагаться на языкѣ славянскомъ; а списавши по русски риторику и діалектику, можно было переходить къ другимъ частямъ философіи»... Ученики каждый день должны были говорить по гречески или по словенски, а не простою мовою» [1])... Такимъ образомъ, курсъ преподаванія въ братскихъ школахъ могъ быть, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, довольно обширнымъ. Въ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, преподавались: ариѳметика, грамматика, поэзія, риторика, діалектика и другія части философіи [2]). Въ нѣкоторыхъ изъ братскихъ школъ, «высшихъ», курсъ преподаванія повидимому расширялся даже до полнаго объема такъ называемыхъ семи «свободныхъ наукъ», какъ это можно предполагать изъ грамоты, данной въ 1592 году польскимъ королемъ львовскому братству на право содержать школу «pro tractandis liberis artibus» [3]). Подъ семью «свободными науками» разумѣлись: грамматика, логика, риторика, географія, ариѳметика, астрономія, музыка. Но вообще главнѣйшее вниманіе въ братскихъ школахъ обращалось на преподаваніе св. писанія, изученіе твореній отцевъ церкви, церковнаго устава, чтенія и пѣнія [4]). Изъ языковъ, кромѣ русскаго и славян-

---

[1]) *Пам. Кіев. ком.*, т. I, отд. I, стр. 63—115.

[2]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 24.

[3]) *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1849 г., май, отд. II, стр. 64.

[4]) *Флѣровъ*. О прав. церк. братствахъ и пр., стр. 107—116. *Лтчевскій*, Педагогія древнихъ братскихъ школъ и преимущественно древне-кіевской академіи. Труды Кіев. дух. Акад., 1870 г., т. III, стр. 104—154.

скаго, въ школахъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ, преподавались греческій и латинскій: болѣе или менѣе обычнымъ названіемъ школъ въ королевскихъ грамотахъ было «греко-латино-словенскія»; въ 1619 г. виленское братство пишетъ львовскому, что у нихъ «латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется«[1]). Позже во второй половинѣ XVII вѣка, въ православныя братскія школы переходитъ обычай польскихъ и мѣстныхъ іезуитскихъ училищъ—устраивать въ школѣ, при участіи самихъ учениковъ, театральныя представленія духовнаго содержанія, мистеріи или діалогіи; такъ, въ 1689 году въ львовской школѣ было дано такое представленіе, «съ великою пышностью, при многочисленномъ стеченіи зрителей»[2])...

Но каково бы ни было устройство этихъ школъ, каковъ бы ни былъ уровень преподаванія въ нихъ, изъ сохранившихся отрывочныхъ указаній мы можемъ замѣчать, что уровень этотъ въ общемъ былъ далеко не ничтожнымъ; братскія школы имѣли огромное значеніе для края. Довольно того, что эти школы были первыми школами для западно-русскаго православнаго населенія, первыми разсадниками среди его образованія...

А. Архангельскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) *Акты зап. Россіи,* т. IV, № 217, стр. 506. Сообщая львовскому братству объ устройствѣ у себя каменнаго зданія для школы, виленскіе братчики пишутъ: „лѣта 1617 Божіею помощью сооружихомъ каменнымъ назданіемъ домъ школьный, въ пять училищъ раздѣленый, отъ нихъ же во трехъ латинская наука иновѣрными (скудости ради своихъ) нѣмцами чтется, въ четвертомъ русская, пятая во словенскаго и греческаго языка наказаніе“..,

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.,* іюнь, стр. 122.

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(продолженіе) [1]).

IV.

Послѣ Стецька и Христи родилась Оленка, а вслѣдъ за нею явился на свѣтъ Абрамко, и уже четверо дѣтей, веселыхъ и здоровыхъ, изъ которыхъ самому старшему было шесть лѣтъ, росли въ хатѣ Ковальчука въ то время, когда жители Сухой Долины развели на распутьи огонь изъ осиноваго дерева. Василина первая пришла на этотъ огонь, какъ ночной мотылекъ, привлеченный на свою погибель блескомъ пламени; слѣдовательно она-то и была та злобная, нечестивая душа, которая въ нѣсколькихъ десяткахъ хатъ отняла у коровъ молоко. Если-бы вмѣсто нея пришла другая женщина, общественное мнѣніе въ селѣ было-бы точно также живо встревожено и противъ нея возбудилось-бы такое-же сильное подозрѣніе; однако при всѣхъ этихъ подозрѣніяхъ могло-бы явиться нѣкоторое сомнѣніе. Чтобы вполнѣ установилась достовѣрность такого факта, нуженъ былъ цѣлый рядъ подготовительныхъ фактовъ; но въ данномъ случаѣ никто не могъ оспаривать того, что настоящее въ значительной степени подтверждалось всѣми предшествующими событіями Это невѣдомое дитя откуда-то забрело сюда вмѣстѣ со

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., апрѣл. кн., стр. 684—707.

старой бабой, которую гоняла по свѣту какая-то сила, неизвѣстно—добрая или злая. Очевидно, старуха не мало видѣла свѣта и *знала* больше, чѣмъ всѣ остальныя жительницы села вмѣстѣ взятыя. Откуда могла она получить всѣ эти свѣдѣнія?.. Потомъ она ослѣпла. Не было-ли это Божіимъ наказаніемъ за какіе нибудь дурные поступки, которые она могла совершить вдали отъ людскихъ глазъ, или даже за какіе нибудь сношенія съ нечистымъ? А та страстная любовь, какую бѣдная дѣвушка, «приблуда», возбудила въ сердцѣ одного изъ самыхъ зажиточныхъ хозяевъ, Степана Джурджи? А ея непонятный выходъ замужъ за парня, который не видѣлъ ее въ продолженіи шести лѣтъ и все таки не забылъ? А обнаруженіе вора, а всѣ ея лекарства и совѣты? Теперь вѣдь по ея примѣру всѣ дѣвушки въ селѣ жгли вѣники, когда хотѣли имѣть гостя въ хатѣ; въ силу ея предостереженія никто никогда не поднялъ бы съ земли тесемки, связанной рядомъ узловъ, потому что тотчасъ-же у него должны были вырости бородавки.

Правда, довольно значительный запасъ такого рода житейской мудрости существовалъ въ Сухой Долинѣ и вообще въ цѣлой околицѣ независимо отъ Василины и раньше ея появленія въ селѣ. Правда, еще отъ «дида-прадида» ни одна изъ мѣстныхъ женщинъ ни за что въ мірѣ не взялась-бы за веретено во все время отъ Рождества Христова до праздника Богоявленія, зная, что отъ этого вся домашняя птица должна погибнуть отъ головокруженія. Ни одна не ходила въ лѣсъ за грибами и ягодами въ день Воздвиженія Честнаго Креста, потому что этимъ самымъ привела-бы въ свою хату всѣхъ змѣй и червей, какіе только живутъ въ лѣсу. Каждая женщина съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила затѣмъ, чтобы не срѣзать серпомъ колосьевъ, связанныхъ или загнутыхъ извѣстнымъ образомъ, потому что такую «закрутку» дѣлаетъ обыкновенно враждебная рука на несчастье той, кто сожнетъ ее. И много еще подобныхъ примѣтъ и повѣрій изъ рода въ родъ хранило населеніе Сухой Долины, но Оксана и ея внучка знали ихъ несравненно больше. А чѣмъ объяснить напримѣръ такое богатство кузнеца и его

жены? Хата скорѣе напоминаетъ домикъ въ усадьбѣ какого нибудь мелкаго шляхтича, возъ окованный, какъ бричка, хорошая лошадь и такая-же упряжь, коровы, овцы, всего вдоволь. А въ хатѣ самоваръ, блестящія ложечки и даже нѣсколько бѣлыхъ тарелокъ. Шутка-ли такое богатство? Откуда оно могло у нихъ браться? Давно уже Степанова Варка, а за нею и многія другія женщины дивились во весь голосъ и кричали по всему селу, что Ковалиха, точно барыня какая, дома чаи распиваетъ, носитъ платья изъ покупнаго ситцу, иногда, отправляясь въ церковь, покрываетъ голову «каламайковою хусткою», а самъ онъ ходитъ въ чамаркахъ, сюртукахъ, въ красивыхъ сапогахъ, въ щегольскихъ шапочкахъ; простой крестьянской свитки и бараньей шапки на немъ никогда не увидишь. Варка просто приходила въ бѣшенство, а несчастная Параска даже плакала, спрашивая сама себя и своихъ сосѣдокъ: откуда могло взяться такое богатство у кузнеца и его жены? Сосѣдки начинаютъ соображать, что вѣроятно Михайло принесъ съ собою сколько нибудь денегъ, заработанныхъ своимъ ремесломъ, что и теперь онъ много трудится и зарабатываетъ, потому что къ нему какъ на «отпустъ» съѣзжаются люди съ заказами, что у него хорошій надѣлъ, а Василина прекрасная хозяйка и т. д. Въ особенности защищала ее молодая Лободиха, очень любившая Василину. Но Варка, Параска и нѣкоторыя другія сплетницы на всѣ доводы недовѣрчиво качали головою, вопросительными глазами посматривая на Якова Шишку, который по большей части присутствовалъ при такихъ разговорахъ и, выпрямляясь, торжественно произнесъ:

— Чортъ видьми черезъ коминъ гроши носить. Отъ звидкиль у ихъ те багатство!

Теперь старый Шишка торжествовалъ.

— А що? хто прыйшовъ на огонь? говорилъ онъ; хто коровамъ молоко побравъ?

Село раскинулось на большое пространство и не всѣ жители были равно заинтересованы этимъ дѣломъ; но въ нѣсколькихъ десяткахъ хатъ кипѣло въ тотъ вечеръ, какъ въ котлѣ. Мужчины съ удивленіемъ пожимали плечами, въ раздраженіи

сжимали кулаки, но говорили мало, какъ это всегда бываетъ до тѣхъ поръ, пока водка не развяжетъ имъ языки. За то женскіе языки летали, какъ мельничные крылья. Варка быстрая, какъ бѣлка, съ сычащимъ, какъ змѣиное жало, языкомъ, кружилась между людьми то въ хатахъ, то на улицѣ, даже послѣ того, какъ передъ полночью пропѣли первые пѣтухи.. Степанъ вошелъ въ пустую хату, добылъ огня, зажегъ лучину, воткнулъ ее въ расщелину стѣны и склонилъ свое угрюмое лице надъ спящимъ въ его объятіяхъ ребенкомъ. Дѣйствительно-ли эта нескладная головка, покрытая рѣдкими льняными волосами, съ распухшимъ, желтымъ, какъ воскъ, личикомъ, съ опущенными вѣками, которыхъ желтыя рѣсницы не отличались отъ цвѣта кожи, принадлежала живому ребенку? Степанъ вглядывался въ это жалкое личико при свѣтѣ лучины. Почему сынъ его былъ такимъ уродцемъ, тогда какъ самъ онъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ и рослыхъ крестьянъ въ селѣ и въ цѣлой околицѣ? Сжатыя постоянною какою-то скорбью губы Степана прошептали надъ самымъ личикомъ ребенка:

— Ой, сердешный ты, бидолашный! ще якъ тебе мати въ утроби своїй носила, батько твій бивъ іи, бо зненавидивъ дуже... а ледви почавъ ты одъ земли пидниматись, паскудна мати вдарила тебе по голови лопатою...

Обычная угрюмость его лица смѣнилась выраженіемъ страданія. Онъ поцѣловалъ въ лобъ спящаго ребенка; дитя проснулось и обняло ученками шею отца.

— Татку, їсти!

Придерживая дитя одною рукою, онъ засунулъ другую въ печь, вынулъ горшокъ съ остатками чуть-чуть теплой каши и, отыскавши деревянную ложку, началъ кормить ребенка. Часть каши падала изо рта и изъ ложки на край печи, дитя кашляло и смѣялось въ тоже время. Степанъ также началъ улыбаться; вскорѣ однако брови его снова нахмурились, а изъ устъ сорвалось тихое проклятіе. Почему у него въ богатой хатѣ господствовала такая нищета, что онъ принужденъ кормить ребенка остатками холодной каши, а самъ долженъ оставаться голод-

нымъ,—почему въ домѣ ѣсть нечего? Вѣдь комора у него полная, только хата пустая. У нихъ единственный ребенокъ, а жена между тѣмъ бѣгаетъ по селу, высунувъ языкъ, какъ собака.

— Сука! проворчалъ онъ съ новыми проклятіями и опять обратился къ ребенку.—Отъ якъ-бы тамъ-та була твоя мати, не такій-бы ты бувъ...

Черезъ минуту бѣдное дитя снова заснуло, уложенное на сѣнникѣ отцевскими руками, а Степанъ съѣлъ принесенный изъ коморы кусокъ хлѣба съ саломъ и задремалъ, сидя подъ стѣной на лавкѣ. Онъ цѣлый день косилъ въ полѣ и теперь такъ усталъ, что вся фигура его покачивалась отъ сна то взадъ, то впередъ. Однако-же онъ не ложился спать и ждалъ жену. Было-ли это проявленіемъ супружеской нѣжности, убѣдиться въ томъ могла Варка, воротившись домой не задолго предъ полуночью. Она возвращалась въ отличномъ расположеніи духа. Ее безконечно радовало, что наконецъ Василина была поймана «на гарячимъ вчинку», съ поличнымъ, доказывающимъ, что она причиняетъ вредъ людямъ; теперь не только цѣлое село возненавидитъ ее, но и самъ Степанъ навѣрно почувствуетъ къ ней отвращеніе. Эта послѣдняя надежда наполняла ея сердце страстнымъ блаженствомъ. Вѣдь она не по принужденію и не изъ разсчетовъ, а по любви шла замужъ за Степана. Люди предостерегали ее, что онъ очень злой человѣкъ.

— Я вже ёму дамъ раду, отвѣчала она. Противъ злости есть злисть и ще не знати, хто кого подужае. Нехай бъе, абы тильки любивъ.

Но вскорѣ ей пришлось убѣдиться въ томъ, что мужъ совсѣмъ не любилъ ее и женился только потому, что за смертью матери необходимо было имѣть хозяйку въ домѣ. Вотъ ту первую онъ любилъ и какъ еще любилъ. О, если-бы она не боялась суда, она-бы сто разъ уже убила Василину! Впрочемъ, теперь она и такъ все равно, что убита. Она вѣдьма, которая въ союзѣ съ нечистымъ причиняетъ вредъ людямъ. Теперь уже и Степанъ будетъ плевать на нее каждый разъ, какъ только увидитъ.

Эта надежда наполняла ее счастьемъ и нѣжностью къ мужу. Она потихоньку вошла въ хату и увидѣвъ Степана, все еще сидящаго на лавкѣ, подскочила къ нему, какъ бѣлка, сѣла рядомъ и обняла его шею обѣими руками. Глаза ея сверкали, какъ два горящіе угля, а сквозь узкія улыбающіяся губы блестѣлъ рядъ бѣлоснѣжныхъ зубовъ. Обхвативъ руками шею мужа, она хотѣла прижаться къ нему, какъ вдругъ онъ поднялъ кулакъ и съ такою силою ударилъ ее въ спину, что она скатилась съ лавки и упала на колѣни. Онъ тотчасъ началъ кричать, допрашивая, гдѣ она такъ шаталась, почему не приготовила ужина, почему не пришла къ ребенку. Тогда Варка снова пришла въ ярость, поднялась съ колѣнъ и подбоченившись стала наступать на него и выкрикивать съ ѣдкой усмѣшкой:

— Видьма твоя Василина! Видьма твоя мила! Видьма твоя любка наймилійша! видьма! видьма!

Степанъ поднялся съ лавки, схватилъ ее за волосы и снова бросилъ на землю. Въ эту минуту шумъ и крикъ пробудили спящаго мальчика, который, увидѣвъ дерущихся посреди хаты родителей, поспѣшно выскользнулъ изъ-подъ «рядна» и тихо со страхомъ забился въ уголокъ подъ лавку. Зналъ онъ хорошо по опыту, что мать послѣ каждой драки съ отцемъ вытаскивала его изъ постели за волосы или за рубашенку и какъ щенка бросала на средину хаты. Въ такихъ случаяхъ отецъ бралъ его на руки, носилъ по хатѣ, утѣшалъ и цѣловалъ, но иногда, если бывалъ уже слишкомъ разъяренъ, также отталкивалъ его ногою.

Между тѣмъ Василина зашла къ мужу въ кузницу, и поговоривши съ минутку, возвращалась домой. Она тоже наработалась за цѣлый день, половши въ огородѣ бураки и капусту, и передъ заходомъ солнца отправилась на часокъ въ поле собирать свои любимыя травы. Она знала, что еще воротится во время, чтобы приготовить ужинъ.

Старая Оксана тоже провела цѣлый день на травѣ въ огородѣ подлѣ внучки; теперь она заняла уже свое обычное мѣсто на печкѣ; вокругъ нея столпились трое старшихъ дѣтей, а самое

младшее спало въ люлькѣ. Въ лѣтнихъ сумеркахъ, наполнявшихъ хату, при свѣтѣ звѣздъ, мерцавшихъ сквозь оконныя рамы, группа изъ четырехъ людскихъ фигуръ разной величины темнѣла и двигалась почти подъ самымъ потолкомъ, наполняя своими неясными очертаніями группу тѣней. Среди окружающей тишины, прерываемой только отдаленнымъ стукомъ кузнечнаго молота, то слышался мѣрный хриплый шопотъ старой бабы, то какъ серебрянные колокольчики раздавались тонкіе дѣтскіе голоса. Старуха что-то разсказывала дѣтямъ, то серьёзно, то сопровождая свои слова сухимъ смѣхомъ; они поминутно прерывали ее вопросами и восклицаніями. Смѣлѣе и чаще другихъ отзывался шестилѣтній Стецько, первенецъ и любимецъ отца, который уже помогалъ матери въ уходѣ за меньшими дѣтьми, иногда кормилъ на печи слѣпую бабушку, водилъ ее за руку по двору и по саду. На этотъ разъ онъ былъ чѣмъ-то необыкновенно заинтересованъ и голосомъ избалованнаго ребенка поминутно осаждалъ старуху вопросами.

— Де-жъ винъ бувъ, бабуню? де Абрамко бувъ, поки не прыйшовъ до нашои хаты? Де винъ перше бувъ?

Его именно занимало то, откуда взялся маленькій братъ, за мѣсяцъ передъ тѣмъ появившійся въ хатѣ, и что онъ дѣлалъ, прежде чѣмъ пришелъ къ нимъ? Старуха долго смѣялась и наконецъ отвѣчала:

— Въ лиси бувъ Абрамко, въ лиси бувъ твій братичокъ маленькій, поки до насъ не прыйшовъ.

— А що винъ тамъ робивъ? послышался новый вопросъ.

— Зайчикивъ въ лиси пасъ, отвѣчала бабушка.

— А я, де бувъ перше, поки сюды прыйшовъ?

Теперь старуха, уже не задумываясь, отвѣчала:

— Ты на высокому, высокому дереви сидивъ и пташки въ повитри пасъ...

— А я? а я, бабуню? а я?

— Ты, Христе, на дни сыненькои воды сидила та рыбки пасла...

— А Оленка? бабуню, а Оленка?

— А я? бабуню, а я, де була?

Въ темнотѣ слышно было, что бабушка поцѣловала свою трехлѣтнюю любимицу и со своимъ старческимъ смѣхомъ, въ которомъ звучало полное довольство, отвѣчала:

— Оленка въ густи травы сидила, та кузочокъ пасла...

Въ эту минуту стукнула дверь и по хатѣ прошелъ сильный запахъ полевыхъ травъ

— То ты Василино? спросилъ въ темнотѣ хриплый голосъ старухи.

— Мамо! зазвенѣли хоромъ дѣтскіе голоса.

— Чи вси вы тутка?

— А вси!

— Абрамко спить?

— А спить!

— Ну, то й дякувати Богу. Отъ заразъ огонь роспалю, та зварю картопли, що нынька на городи накопала..

— Ой, добра картопля... молода... съ видимымъ удовольствіемъ зашепеляла старуха.

— Ой, добра картопелька, добра! подхватили дѣти въ одинъ голосъ.

Черезъ минуту яркій огонь запылалъ въ печи и освѣтилъ хату, въ которой за истекшіе нѣсколько лѣтъ замѣчались нѣкоторыя перемѣны. Впрочемъ эти перемѣны были къ лучшему. По мѣрѣ того, какъ росло благосостояніе хозяевъ, росли и улучшенія въ домашней обстановкѣ. Въ простѣнкѣ между окнами стоялъ комодъ, а на немъ красовались два мѣдные подсвѣчника и лампа со стекломъ. На окнахъ висѣли цвѣтныя ситцевыя занавѣски, стоялъ душистый гераній, весь облитый пунцовыми цвѣтами; въ шкапѣ за стекломъ виднѣлись бѣлыя тарелки, а на стѣнѣ красовалось нѣсколько картинъ въ блестящихъ рамкахъ. Все это были затѣи Михайла. Оттправляясь по какому нибудь дѣлу въ городъ или въ мѣстечко, онъ бывало каждый разъ привезетъ домой что нибудь хорошенькое и потомъ самъ, какъ дитя, любуется этими обновками и женѣ велитъ любоваться. Впрочемъ, она и безъ того сама радовалась не менѣе его самого.

Глаза ея съ любовью останавливались на яркихъ краскахъ ситцевыхъ занавѣсокъ, на блестящихъ подсвѣчникахъ и другихъ украшеніяхъ и среди такого довольства ее огорчало только то, что слѣпая бабушка не могла видѣть всѣхъ этихъ прелестей и всѣхъ удобствъ, какими она теперь пользовалась. За то она описывала ей все до мельчайшихъ подробностей и каждую новую вещь давала ощупать руками. Впрочемъ всѣ старыя вещи оставались въ хатѣ на прежнихъ мѣстахъ; лавки, столы, три стула, деревянная посуда, ткацкій станокъ Василины, въ одномъ углу большая куча разнаго желѣза, а на стѣнѣ надъ нею висѣло нѣсколько новыхъ, только что выкованныхъ для продажи топоровъ, пилъ, крючковъ, щипцовъ и т. п. Разостлавши рядно на кроснахъ, Василина высыпала изъ передника принесенныя травы и занялась приготовленіемъ ужина; дѣти, какъ птички, слетѣли съ печи, увивались вокругъ нея босыми ножками и наперерывъ другъ передъ другомъ щебетали о тѣхъ чудесахъ, какія бабушка разсказывала имъ въ сумерки.

— Мамо! я на дни синенькои воды сидила и рыбокъ пасла...

— А я въ густи трави сидила та кузочокъ пасла...

— А я на высокому, высокому дереви сидивъ и пташокъ въ неби пасъ...

— А Абрамко въ лиси сидивъ, зайчикивъ пасъ...

Высыпая картофель въ горшокъ, Висилина весело шутила съ дѣтьми, а на печи старуха заливалась отъ смѣху надъ этими дурачками, которые такъ и повѣрили всему, что она разсказывала.

Черезъ полъ-часа кузнецъ возвратился домой, дѣти бросились къ нему на встрѣчу.

— Татку! я въ синенькій води...

— А я, татку, на высокому дереви ..

— А я въ густи трави...

— А Абрамко въ лиси...

Михайло бралъ ихъ на руки одного за другимъ, подымалъ высоко надъ головою и поцѣловавши, снова опускалъ на землю. Затѣмъ подробно и съ видимымъ удовольствіемъ распрашивалъ

дѣтей о томъ, что они тамъ дѣлали въ той водѣ, въ травѣ, на деревѣ и когда это было. Теперь это былъ уже настоящій мужчина въ полномъ развитіи силъ и здоровья; широкія плечи еще больше развились отъ кузнечной работы, смуглое лице приняло почти бронзовую окраску отъ огня, а большіе черные усы надъ кроткими губами смѣнили прежніе щегольскіе усики. Въ немъ видна была сила работника и достоинство человѣка, зависѣвшаго исключительно отъ своего собственнаго труда. Въ черныхъ глазахъ свѣтилось счастье, когда онъ цѣловалъ дѣтей и озирался по хатѣ, въ которой все дышало довольствомъ. Садясь на лавку, онъ весело крикнулъ:

— Зозуле! намахався я при роботи, трохи руки не поодпадали! Исти хочеться!

Онъ почти никогда не называлъ жену иначе, какъ «зозуля», по имени той милой беззаботной птички, которая своимъ веселымъ кукованьемъ объявляетъ цвѣтущую весну.

— Заразъ буде вечеря! весело отвѣчала женщина и поставила на столъ зажженную лампу. Въ послѣдніе два года Михайло привыкъ постоянно ужинать при свѣтѣ лампы; лучину зажигали только въ зимніе вечера, чтобы свѣтлѣе и веселѣе было въ хатѣ. Въ одно мгновеніе обѣ маленькія дѣвочки очутились у отца на колѣнахъ, Стецько помѣстился у него подъ бокомъ и всѣ трое говорили разомъ, хоть никто ихъ не слушалъ. Василина поставила на столъ миску дымящагося картофеля, подала мужу хлѣбъ и ножъ и принесла изъ сѣней кувшинъ кислаго молока.

Дѣти уснули вскорѣ послѣ ужина. Стецько на лавкѣ подъ клѣтчатымъ одѣяломъ, Христя и Оленка на печи возлѣ бабушки. Накормленная руками правнука слѣпая старуха, перецѣловавши внучатъ и насмѣявшись вволю надъ ихъ шалостями и болтовнею, перекрестила ихъ на сонъ грядущій и готовилась уже и сама расправить на печи свои старыя кости, какъ вдругъ Василина отозвалась, перемывая ложки и миски.

— Ага! я вамъ ще й доси не росказала, що мени нынька трапилось...

Занятая цѣлый вечеръ мужемъ, дѣтьми и ужиномъ, она совершенно забыла обо всемъ, что не относилось къ окружавшимъ ее близкимъ и дорогимъ людямъ. Впрочемъ, она мало придавала значенія нынѣшнему своему приключенію и смѣясь разсказывала о немъ мужу и бабушкѣ, извѣстно, какъ молодая женщина, которой голова занята исключительно своею любовью и благополучіемъ и которая ничего, чтобы съ нею ни случилось, не могла истолковать во вредъ себѣ. Ковальчукъ смѣялся своимъ громкимъ задушевнымъ смѣхомъ и надъ крестьянами, разводившими огонь для привлеченія вѣдьмы, и надъ случайностью, которая привела его жену на этотъ огонь. Но старая Оксана была видимо встревожена. Она уже начинала готовиться ко сну, но теперь сидѣла выпрямившись и неподвижно, а ея беззубыя челюсти двигались такъ, будто съ трудомъ пережевывали что-то твердое. Это былъ у нея несомнѣнный признакъ тревоги или печали. Когда Василина окончила свой разсказъ и принялась разставлять на полкѣ вымытыя миски и ложки, старуха въ глубокомъ раздумьи, отозвалась съ печи.

— Не добре, ой не добре, Василино, що ты перша на той огонь прыйшла!..

— Дурниця! засмѣялся Ковальчукъ, махнувъ рукою, но Василина быстро обратила къ ней лице.

— Чому? спросила она.

Послѣ минутнаго раздумья старуха снова заговорила.

— Бо зъ початку вже видомо, що на такій огонь завжды видьма приходить. То вже видомо, такъ воно вже повинно бути, такъ вже Господь милосердный зъявляе на людськи очи нечисту силу. То й чому-жъ ты, Василино, прыйшла нынька на той огонь?

Молодая женщина вдругъ безжизненно опустила руки и широко раскрытыми глазами смотрѣла въ лицэ бабушкѣ.

— Або-жъ я знаю чому? тихо проговорила она полуоткрытымъ отъ испуга и удивленія ртомъ.

— Отъ! беззаботно отозвался кузнецъ, ишла то й прыйшла. Нема чого турбоватись!

Однако Оксана не обратила вниманія на скептическое замѣчаніе Михайла, а Василина даже не слыхала его. Съ полуоткрытымъ ртомъ она большими глазами смотрѣла на бабушку, которая продолжала:

— А друга ричъ, що теперъ вже лыхи люде не дадуть тоби спокою. Теперъ-то вже напевно зроблять тебе видьмою и...

Тутъ она усиленно начала двигать челюстями и только черезъ минуту окончила, собравшись съ духомъ.

— И нехай вже Господь Святый боронить тебе одъ усякого нещастя!

При этомъ жолтая рука ея нѣсколько разъ сдѣлала въ воздухѣ крестъ въ сторону Василины, а слѣпые глаза подъ напряженно поднятыми вѣками блестѣли яркою бѣлизною среди жолтаго лица. Василина, какъ стояла, такъ и опустилась на землю и сидѣла по прежнему съ открытымъ ртомъ и сжатыми руками. Михайло замѣтилъ уже не такимъ беззаботнымъ тономъ, какъ прежде.

— То вже й я боронитиму іи одъ усякого нещастя... але яке тамъ зъ того може бути нещастя? Не доведи Боже нещастя!

Видно было, что хотя онъ приписывалъ подобнымъ вещамъ гораздо меньшее значеніе, чѣмъ другіе, однако слова слѣпой старухи произвели и на него нѣкоторое впечатлѣніе Послѣ минутнаго молчанія она снова заговорила:

— Давно вже я, ой давно живу на цимъ свити, чимало свита выходила, багато людей чула и такихъ чула, що власными очима бачили колышни часы, таки давни часы, що теперъ вже й памъять про нихъ помижъ людьми загинула..

— Отъ якъ пишла я въ чужый свитъ зъ маленькою Василинкою на рукахъ, та зайшла колись до одного села; а тамъ живъ соби одинъ дидъ, такій старый-старезный, наче мохомъ ёго вкрыто; казали люде, що вже ёму мабуть бильше якъ сто годъ було. За молоду надись бувъ винъ въ салдатахъ, по дворахъ служивъ и багато свита выходивъ: то було якъ почне казати та росповидати, уси чисто роты пороззявляють, та слухають; уси... хто-бъ не бувъ.. навить паны и дуже вчени люде

приходять було и просять, щобъ росказавъ имъ про давни часы. И я було просю и слухаю... Ой, старый Захаръ, старый Захаръ! теперъ вже и кисточки ёго мабуть порозсыпалися въ могыли и душа вже передъ Богомъ стала, а те, що винъ казавъ та росповидавъ, таки й доси ходить по свиту, мовъ живе... Отъ я и слипа, а такъ мени, мовъ живе, стоить передъ очима все, що винъ про ту виьдму росповидавъ; чувъ винъ то одъ свого батька, а той вже самъ все те бачивъ своими власными очима. А теперъ мени все те, мовъ живе, стало передъ слипыми очима...

Старуха снова умолкла на минуту. Воспоминанія, которыя, какъ живыя, проносились передъ ея слѣпыми глазами, вывели ее изъ прежней неподвижности; ея тонкая, сухая фигура покачивалась то взадъ, то впередъ и прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, она раза два тяжело вздохнула. Бѣлые глаза не блестѣли уже какъ за минуту передъ тѣмъ, на нихъ пересталъ падать ровный свѣтъ огня, который мало по малу угасалъ въ печи и бросалъ по хатѣ только блѣдныя полосы свѣта, колыхавшіяся среди окружающаго мрака. Въ одной изъ такихъ полосъ сидѣла на полу Василина, уже съ закрытыми губами и выраженіемъ тревоги въ лицѣ, обхвативъ руками колѣни. Въ другомъ углу развалилась на столѣ и на лавкѣ могучая фигура кузнеца; вѣроятно изъ экономіи потушивъ лампу, онъ опустилъ голову на руки и слушалъ со вниманіемъ разсказъ старухи. Онъ всегда съ большимъ удовольствіемъ и вниманіемъ выслушивалъ всѣ ея сказки и разсказы про старину и въ свою очередь платилъ ей разсказами о своихъ путешествіяхъ по свѣту, обо всемъ видѣнномъ и слышаномъ. Въ такихъ разсказахъ нерѣдко проходили у нихъ праздничные послѣ обѣда и зимніе вечера. Теперь, хоть ему уже не много хотѣлось спать, онъ все таки слушалъ, а изъ мрака, покрывшаго печку, снова послышался хриплый, но еще сильный голосъ слѣпой старухи.

— Була соби въ великому, та багатому сели дивчина, якъ червона калина, а высока та ривненька, якъ тополя, и така гарна, що ажъ уси люде дивувалися. Молоди парубки то було просто шаліють за нею, та й панычи було приходять до неи

та просять: «хочъ подивись на мене, Мартуню! Хочъ разъ мени рученьку подай». Такъ-же Мартуня никого не хотила, ани парубка, ани панича. Було иде до криныци, якъ та короливна; спидныця стёжками пообшивана, янтари та намисто на шіи, а голова вся заквичана—иде тай пышается, изъ усихъ сміеться, били зубы показуе. И почали вже люде на неи гниватись, усяки прикладки прикладати и пильно придивлятись, що вона такого робить, що вси до неи, якъ ти мухи до меду, а сама вона ни на кого не дивиться. Ажъ отъ дивились, дивились, тай бачать, що Мартуня не завжды сміеться, парубкивъ та паничивъ дратуе, але часомъ тежъ ходить понура, на людей гадомъ дивиться; пиде у лисъ, тай сидить день, другій, третій, а якъ вернеться, почне варити нишкомъ якесь зилля, шепче надъ нимъ и якись дывни знаки робить, а потимъ дае вже людямъ пити те зилля противъ ломоты, колёкъ, противъ нудьги и противъ усякои халепы, яка тилько бувае въ свити. Були таки люди, що купували въ неи те зилля, а потимъ дякували и выхваляли іи кожному; казали, що вона дуже цикава и черезъ те такъ багато де чого познала, а за своею цикавостью забула й про кохання. Для неи милійше було зиллячко въ лиси, анижъ парубокъ на добрій рилли, або навить и паничъ у двори. И була-бъ соби Мартуня жила спокійно и свое робила, бо не мала никого, хто-бъ іи до чого небудь присиловувавъ, а на сели вси вже призвычаились до того, що вона не така, якъ инши дивчата. Кажуть було про неи, що вона зъ иншимъ серцемъ, зъ иншими думками народилася на свитъ, и давали ій святый спокій Коли-жъ на нещастя покохавъ іи якійсь двирській чоловикъ, дирехторъ, чи писарь, чи щось такого. А вона соби жартуе зъ ёго, такъ самисинько, якъ и зъ другихъ. Було прыйде до церкви, стане навпроти ёго, якъ та короливна, въ тонѐнькій сорочци, спидныця стёжками пообшивана, а на шіи янтари та намиста; стане соби тай сміеться зъ дирехтора, били зубы ёму показуе. Винъ довго терпивъ, та все просивъ, щобъ покохала ёго; а дали вже якъ побачивъ, що ничого зъ того не буде, розлютувався вельми, поихавъ до миста, тай поскаржився передъ ксендзами та вели-

кими урядниками, що отъ такъ и такъ, Мартуня видьма. Тоди вже зробилося въ сели. якъ въ пекли. Понаиздили ксендзы та велыки урядники, та й почали робити надъ Мартунею слидство. Поскликали людей зъ цилого села, тай пытаються: а що вона робить? а чого вона у лисъ ходить? а що вона шепче, якъ варить зилля? а що-то за зилля? а чи до неи чортъ ходить у гости? а звидки въ неи стильки стёжокъ, кораливъ, янтаривъ и всякого добра? Роспиталися про все гарненько, звязали Мартуни руки й ноги, поклали на визъ, тай повезли до миста. А въ мисти показували іи на рынку усимъ людямъ, а до того ще й приказували, що то видьма. Такъ и такъ, казали, така й така. Продала нечистому свою душу христіяньску, казали; зъ нечистымъ духомъ въ лиси розмовляла, казали; нечистый носивъ ій черезъ коминъ янтари, намиста и всяке добро, казали. А дали поклали на середъ рынку страшенну силу дровъ, запалили, а катъ въ червони сорочци вхопивъ Мартуню за косы, та й вкинувъ въ огонь. Полумъя знялося ажъ до неба, а Мартуня горила въ ёму, якъ та трисочка, и такъ страшенно кричала, що голосъ іи розходився по цилому свитови и доходивъ ажъ до неба, до самого Бога, а одъ іи тила, що горило на велыкимъ огни, розходився духъ по цилому мисту. А тымъ часомъ ксёндзы голосно выспивували молитвы на славу Божу и король, сидячи на престоли, самъ тишився и всимъ людямъ наказувавъ тишитись, що отъ такъ скарали видьму за те, що продала нечистому свою душу христіяньску...

Старуха умолкла и въ хатѣ воцарилось глубокое молчаніе. У кузнеца и сонъ пропалъ при этомъ разсказѣ о вѣдьмѣ. Вѣрилъ онъ или не вѣрилъ въ существованіе чертей и вѣдьмъ, этого онъ, и самъ хорошо не зналъ. Обыкновенно, преобладаніе практическихъ инстинктовъ заставляло его скептически относиться къ такого рода суевѣріямъ, а веселый темпераментъ склонялъ его къ шуткамъ и насмѣшкамъ на эту тему. Однако такіе разсказы, какъ только что слышанный, производили на него сильное впечатлѣніе, колебали его невѣріе и возбуждали живое любопытттво Такъ было и на этотъ разъ. Между тѣмъ Васи-

лина съ поблѣднѣвшимъ отъ страха лицемъ и широко раскрытыми глазами слушала разсказъ бабушки; когда говорилось объ огнѣ, который почти доставалъ до неба, изъ груди ея вырвался глухой крикъ испуга, а когда услышала о смрадѣ, расходившемся по цѣлому городу отъ горящаго тѣла Мартуни, сильная дрожь потрясла ее съ головы до ногъ. Только черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ умолкла старуха, она отозвалась такимъ тонкимъ и жалобнымъ голосомъ, какимъ никогда еще не говорила:

— Бабуню! чи вона справди була видьма? чи то такъ тильки... лыхи люде на неи выгадали?...

— То вже невидомо, медленно и задумчиво отвѣчала Оксана: того вже и старенькій Захаръ не знавъ. Може була, а може й ни. Якъ-що справди була видьма, то въ неи на спыни мусивъ бути червоный слидъ одъ чортячои ратыци. Я сама того знаку николи не бачила и Захаръ не бачивъ, але казавъ мени, що ёго дидъ та казавъ ёго батькови, що самъ своими очима бачивъ и що такъ повинно бути..

Послѣ минутнаго молчанія въ темномъ углу на печи снова заколыхалась сухая фигура слѣпой старухи и хриплый голосъ заговорилъ:

— Ой старый Захаръ, старый Захаръ! вже й кисточки твои порозсыпалися въ могыли и душа твоя вже передъ Богомъ стоить, а те, що ты казавъ та росповидавъ, таки и доси, мовъ живе, ходить по свитови...

— Атъ! дурныця! произнесъ Ковальчукъ, подымаясь съ лавки. Я тежъ чимало свита выходивъ; багато чувъ и бачивъ, а ниде не чувъ такого, щобъ видьму палили. Теперъ вже того не вильно робити. Теперъ того вже немае. Ходи спати, зозуле!

Она медленно и какъ-то тяжело поднялась съ полу, а въ ея выразительныхъ глазахъ отражалось безпокойство. Круглыя щеки поблѣднѣли и все лице какъ будто вытянулось отъ сильнаго напряженія мысли. Черезъ нѣсколько минутъ глубокая тишина наполнила хату; вскорѣ прервалъ ее громкій хрипъ кузнеца и почти одновременно послышался шелестъ шаговъ и кто-

то сталъ взбираться на печь; въ темнотѣ послышался на печи тихій шопотъ:

— Бабуню! чи вы спите, бабуню?

Она спала, но старый сонъ ея былъ легкій и чуткій; впрочемъ она уже привыкла къ тому, что ее среди ночи будили спавшія подлѣ нея правнучки. Однако на этотъ разъ ее разбудила не маленькая дѣвочка, а взрослая женщина, которая легла рядомъ съ нею и обняла горячею рукою ея сухое тѣло.

— То ты Василино?

— Я! Тихо-жъ тилько, бабуню, щобъ Михайла й дитей не збудити...

— А чого-жъ ты сюды прыйшла? Чи тебе кольки напали, якъ торикъ? чи може Абрамко не дае спати?

Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ не было отвѣта, потомъ шопотъ еще тише спросилъ:

— Бабуню, чи якъ я народилась, батько й мати носили мене до церкви, вводили въ святый хрестъ?

— А тожъ якъ? шопотомъ возразилъ другой голосъ, якъ-же бъ ты жила безъ хреста святого? А вже-жъ носили.

— Бабуню, а якъ я була малою, вы мене хрестили на ничь святымъ хрестомъ?

— Ну, а якъ-же? хрестила, кожного вечера хрестила...

— Щобъ нечиста сыла до мене не пидступалась?

— Щобъ нечиста сыла до тебе не пидступалась и щобъ Господь милосердный боронивъ тебе, бидну сироту...

— Бабуню! мени здáеться, що я ничимъ тяжкимъ передъ Богомъ не согришила...

Старческій шопотъ отвѣчалъ послѣ минутнаго молчанія:

— Мени здаеться, що ты передъ Богомъ така чиста, якъ роса небесна, якъ та била квитка, що на иконахъ малюють ..

При этихъ словахъ изъ молодой груди вырвался протяжный вздохъ облегченія; потомъ разговоръ продолжался тѣмъ-же тихимъ шопотомъ.

— Бабуню! то-й чому-жъ я нынька на той óгонь прыйшла?

Отвѣта долго не было. Вопросъ заключалъ въ себѣ задачу, чрезвычайно трудную для разрѣшенія. Наконецъ Оксана шепнула послѣ продолжительнаго молчанія.

— А може то й не видьма коровамъ молоко забрала?

— А хто-жъ, коли не видьма?

— Може ропуха...

— Ага!

Въ этомъ восклицаніи звучало торжество.

— То напевно ропуха. Бо й ропухи, якъ розгниваються на людей, то такъ само коровамъ молоко однимають.

— Але!

— Ну, то напевно ропуха.

— А вже-жъ ропуха, бо якъ-бы не ропуха, то-бъ видьма на огонь прыйшла, а не ты...

— Эге-жъ. На добра-ничъ вамъ, бабуню.

— Спи зъ Богомъ, моя зозуле, спи...

На слѣдующій день было воскресенье, а извѣстно, что въ праздникъ крестьянину и крестьянкѣ все на свѣтѣ кажется свѣтлѣе и прекраснѣе; правда и въ этотъ день есть кой-какія обязательныя работы, но по окончаніи ихъ не нужно уже гнуться въ хлѣву или на току въ «клунѣ», надъ «ночвами» или надъ ткацкимъ станкомъ. Большую половину дня они могутъ на свободѣ смотрѣть на солнце, на небо, на все, что выростаетъ на землѣ, могутъ посидѣть, погулять, отдохнуть, поговорить, пѣть пѣсни—однимъ словомъ, каждый дѣлаетъ, что хочетъ. Погода въ это воскресенье была прекрасная. Едва только утренняя заря показалась надъ березовымъ лѣсомъ, а первые лучи солнца, подымаясь снизу вверхъ, озолотили въ саду листья на деревьяхъ, Василина уже сходила къ колодцу, принесла воды и развела огонь въ печи. Потомъ сбѣгала къ пруду, принесла охапку душистаго «аеру» и разсыпала его по хатѣ, на чисто выметенномъ полу, усыпанномъ бѣлымъ пескомъ. Когда проснулся кузнецъ, въ хатѣ пахнуло «аеромъ», какъ на лугу, а сквозь два открытыя окна лилась теплая струя солнечнаго свѣта; старая бабушка сидѣла уже на своей постели, кругомъ нея

шумѣли дѣти, а Василина, въ бѣлой рубашкѣ, застегнутой у ворота на блестящую пуговицу, въ цвѣтной ситцевой юпкѣ и въ красномъ платкѣ на головѣ, стояла передъ огнемъ и чистила картофель, тщательно сбрасывая шелуху въ лоханку, чтобы не пачкать праздничной подстилки. Раскрывъ глаза, кузнецъ оглядѣлся по хатѣ, остановилъ взглядъ на женѣ и произнесъ, зѣвая и протягивая изъ-подъ «рядна» свои сильныя руки:

— Ой, зозуле ты моя, зозуле!

Она весело засмѣялась въ отвѣтъ и такъ ловко бросила въ него горсть картофельной шелухи, что засыпала ему все лице и грудь, ничего не просыпавъ на землю. Почти до самаго полудня Василина суетилась по хатѣ, надѣляя всю семью пищею и попеченіями: умыла и расчесала бабушку и дѣтей, одѣла всѣхъ въ чистое платье, кормила и качала на рукахъ маленькаго Абрамка, отпускала мужа на цѣлый день въ мѣстечко и, собирая ему припасы на дорогу, спокойно дружески бесѣдовала съ нимъ о томъ, что тамъ нужно было купить и продать.

Уже послѣ полудня Стецько въ чистой рубашкѣ, подвязанной цвѣтнымъ пояскомъ, повёлъ гулять въ садъ прабабушку. Держа ея желтую, костлявую руку въ своей маленькой, загорѣлой ручкѣ, онъ исполнялъ обязанность проводника молча, серьёзно, съ большимъ вниманіемъ, вытянувъ губы. Старуха шла за нимъ, ощупывая передъ собою землю палкою, одѣтая въ синій *полотникъ* домашняго издѣлія, въ низкихъ башмакахъ и въ праздничномъ очипкѣ съ блестящимъ галуномъ, свѣтившимся на солнцѣ вокругъ бѣлыхъ волосъ. Она усѣлась на травѣ подъ яблонею въ своей обычной позѣ, прямая и неподвижная, какъ статуя. Хотя она и ничего не видѣла, но чувствовала, какъ теплый вѣтерокъ ласкалъ ея лице и шею, слышала щебетаніе птичекъ и голоса правнуковъ, ощущала подъ рукою теплую, мягкую траву и довольная улыбка открывала ея узкія, безцвѣтныя губы, а бѣлые глаза, казалось, пристально и съ наслажденіемъ смотрѣли на Божій свѣтъ. Василина разостлала передъ хатой рядно съ принесенными наканунѣ травами и, усѣвшись тутъ-же у порога на низкомъ камнѣ, принялась раз-

бирать и сортировать ихъ, складывая въ отдѣльныя пучечки *чебрецъ*, *шавлію*, *дивину*, *деревій*, *материнку* и разныя другія травы и листья. Занятая этою работою, она время отъ времени въ полъ-голоса напѣвала пѣсню, иногда оставляла травы и обращала взоръ въ открытое поле, въ которомъ въ этотъ день не было видно ни души человѣческой. Теперь оно тихо дремало подъ золотымъ солнечнымъ покровомъ, какъ-бы отдыхая въ воскресный день по примѣру людей. За то изъ села доносился гулъ, слышались голоса людей и животныхъ; передъ корчмою, которую издали легко было отличить отъ другихъ жилищъ, шумѣла и двигалась толпа народа. Посматривая въ сторону села, Василина начинала скучать. Кривая, узкая тропинка, которая пролегала между «клунями» и плетнями огородовъ и вела изъ села къ хатѣ кузнеца, по прежнему оставалась пустою. Только дозрѣвавшая въ огородахъ конопля свѣшивала черезъ плетень свои растрепанныя верхушки, да выглядывали между ними желтые пучки *пыжма;* не слышно голоса людскаго, только по временамъ громко закудахтаетъ курица, да захлопаетъ крыльями и запоетъ пѣтухъ. Но ни души человѣческой не видно было на тропинкѣ въ тотъ день. А между тѣмъ почти каждое воскресенье Василину навѣщали многія жительницы Сухой Долины; иныя приходили за совѣтомъ, другія такъ просто поговорить по пріятельству. Обыкновенно приходила по воскресеньямъ молодая Лободиха и приводила своихъ мальчиковъ поиграть къ Стецьку; приходила дочь Максима Бодрука, которую Василина спасла когда-то своею *девъяторанкою*, и многія другія. Теперь ни одна не пришла и Василинѣ грустно сдѣлалось на сердцѣ.

Не долгій августовскій день уже приближался къ концу, солнце клонилось къ закату. Теперь по тропинкѣ, вьющейся между плетнями, должны были идти дивчата, которыя по праздникамъ приходили пѣть къ Василинѣ. Никто въ цѣломъ селѣ не обладалъ такимъ сильнымъ и чистымъ голосомъ, какъ она; никто также не зналъ столько пѣсенъ. Она обыкновенно бывала распорядительницею тѣхъ хоровъ, которые собирались лѣтомъ

почти каждое воскресенье въ сумерки передъ хатою кузнеца, усаживались на «призьбѣ» и на травѣ и до поздняго вечера оглашали воздухъ громкими пѣснями. Въ этотъ день ни одна не пришла. Солнце уже заходило, когда Василина замѣтила на дорожкѣ женскую фигуру, направлявшуюся къ ея хатѣ. Она издали еще узнала Приську, внучку Якова Шишки. Здоровая, коренастая дѣвушка съ очень симпатичнымъ, хотя некрасивымъ лицемъ и блестящими синими глазами, одѣтая по праздничному, но очень бѣдно, какимъ-то жалобнымъ голосомъ поздоровалась съ Василиной и, не дожидаясь приглашенія, усѣлась возлѣ нея на «призьбѣ». Обѣ женщины знали другъ друга еще съ самыхъ молодыхъ лѣтъ, жали часто на одномъ полѣ, гребли сѣно на одномъ лугу, вмѣстѣ пѣли пѣсни, шутили и танцовали въ корчмѣ или на игрищѣ, собиравшемся подъ открытымъ небомъ. Когда на канунѣ Василина пришла первая на огонь, Приська такъ глубоко задумалась о чемъ-то, что на минуту забыла даже о присутствіи Клима. Тогда на лицѣ ея можно было прочесть, что она что-то обдумывала про себя, строила въ головѣ какіе-то планы и надежды. Теперь она пришла къ Василинѣ съ этими планами и надеждами и, помолчавъ съ минуту, начала жалобнымъ голосомъ:

— Ой, бидни-жъ вы, титко, бидни! Вельми вже люде на васъ нападають. Выдумують, та выгадують...

Василина быстро обернулась къ дѣвушкѣ и засыпала ее вопросами:

— Що кажуть? Хто каже? чи й Петро Джурджа тежъ розгниваный и Гапка, и Лободы, и Бодруки?

Приська передала ей дословно все, что говорилось въ селѣ, а потомъ обняла ее за шею руками и, прищуривъ глаза, ласково погладивъ ее по лицу, начала:

— Я до васъ, титко, зъ великою прозьбою... Коли вы вже така знахарка, що можете людямъ и добре, и зле поробити, такъ порятуйте мене въ моій великій биди та пригоди.

Василина быстро отшатнулась и съ неудовольствіемъ отворотила вспыхнувшее отъ гнѣва и печали лице.

— Яка я тоби знахарка! крикнула она; иди соби одъ мене и не докучай...

Но Приська придвинулась еще ближе и опять обняла ее за шею.

— Не гнивайтесь, титко, не гнивайтесь на мене... Я не зъ лихого серця... ой! якъ-бы вы знали, яка я нещасна, то нещасливiйшои вже мабуть и на свити нема... Сказано, сирота убога, все одно, що въ чужiй хати... Дидова хата не батькивська... И дядьки надо мною знущаються, и жинки ихъ знущаються... Працюешъ, горюешъ, якъ той вилъ у ярми, и доброго слова ни одъ кого не почуешъ.. Сами побъються, то й мене бъють, та разъ у разъ тымъ хлибомъ, що я ïмъ, дорикають... Вже мени и життя остогидло, а за грызнею, та за слизми свита Божого не бачу...

Дѣйствительно, закрывъ лице красными, огрубѣвшими отъ работы руками, она горько заплакала.

Тогда Василина сама уже придвинулась къ ней и проговорила грустнымъ голосомъ:

— Знаю я, добре знаю, що не солодко тоби жити въ дидовiй хати... Дядьки въ тебе люти и пъяници, а жинки въ ихъ паскудни... И достатку у васъ нема. Але чимъ-же я можу тоби порадити ў такiй пригоди?

— Ой, можете, можете, абы тилько схотили! застонала Приська и обнявъ мокрыми руками свою собесѣдницу, принялась цѣловать ее такъ усердно, что у той все лице сдѣлалось влажнымъ отъ ея слёзъ и поцѣлуевъ. Потомъ всѣмъ своимъ плотнымъ тѣломъ повисла ей на плечо и нѣсколько минутъ что-то шептала на ухо.

Василина снова сдѣлала быстрый жестъ отказа и неудовольствiя.

— Не хочу! вскрикнула она, никому вже бильше не буду давати порады, хочъ-бы тамъ не знаю хто бувъ, никому! ïй Богу, не буду!

Не выпуская ее изъ своихъ объятiй, Приська опять зашептала ей на ухо, на половину смѣясь, на половину со слезами. Василина твердила по прежнему:

— Не хочу! не дамъ! не пораджу! отъ вже й побожилась, що не пораджу!

Но ей очевидно становилось жаль дѣвушку и саму начинало одолѣвать женское любопытство. Она давала отрицательные отвѣты, а между тѣмъ сочувственно и съ любопытствомъ прислушивалась къ шопоту Приськи.

— Чи винъ-же тебе хочъ трохи любить? не вытерпѣла она.

Дѣвушка подперла мокрое лице своими грубыми руками и, устремивъ заплаканные глаза на свою собесѣдницу, отвѣчала:

— Богъ-же ёго святый знае, але мени здаеться, що таки трошки любить. Отъ вже два роки зъ того часу минуло, якъ винъ мене вперше зачепивъ. Я ще тоди була молоденька и на жадного парубка ще не дивилась. А-жъ ось разъ коло криныци, якъ дасть мени хтось у потылицю, ажъ я вся затрусилась. Дивлюсь, Климъ. Я ёму воду зъ видра просто въ вичи, а винъ мене обхопивъ, тай гладить по спини. «Ты, каже, Приськo, не до цеи криныци приходь по воду, а до тамъ-теи, що ближче до нашои хаты». И дали вже завжды такъ. Нехай тилько де побачить, заразъ зачепить. Зимнёи добы то було гнилички за пазухою приносить, та цилыми жменями у хвартухъ мени кидае, а отъ вже два тыждни тому, такъ ни зъ кимъ не танцювавъ у корчми, тилько зо мною...

— Ну, то й добре! замѣтила Василина, то значить любить...

Дѣвушка стыдливо закрыла глаза рукою и продолжала:

— Коли-жъ бо иноди, то и мисяць, и два, и три ани гляне на мене и такъ само другихъ дивчатъ зачипае... А тутъ мени въ хати таке лихо, що нехай Богъ милуе. Дидъ лае и дядьки лають, и дядины женуть зъ хаты. Иди въ службу, кажуть; хто тебе дурну визьме? кажуть; Климъ тебе не визьме, кажуть; отъ вже два роки, кажуть, винъ тебе все зводить, та дурить, а ты ймешъ виры...

И снова заплакала, ломая руки.

— Я и вирю, и не вирю, говорила она сквозь слезы, чи мени-бъ таки Богъ давъ таке велике щастя, щобъ узявъ мене

за жинку хазяйскій сынъ... Ой, то вже таке щастя, таке щастя, що бильшого мабуть и на свити нема...

Василину видимо трогали эти признанія. Она къ каждому живому существу относилась съ расположеніемъ, а бѣдствія и стремленія этой дѣвушки напоминали ей ея собственное прошлое. Приська бросилась цѣловать ей руки.

— Рятуйте, титко, рятуйте, допоможить! я вамъ весь викъ дякуватиму, ридною матирью зватиму, викъ за васъ Бога молитиму.

— Коли-жъ бо, начала Василина уже колеблющимся голосомъ, коли-жъ, хочъ-бы й тее... батько ёму не дозволить зъ тобою одружитись... хазяйскій сынъ... багатый и самъ такій вродливый... Я чула, що Петро хоче цеи зимы засылати для ёго старостивъ до Бодрукивны...

— Ой, якъ-бы тильки винъ схотивъ, застонала Приська, абы тильки винъ самъ схотивъ, а зъ батькомъ не буде клопоту. Винъ у свого батька праве око въ лоби, батько нимъ тильки й на свитъ дивиться...

— То правда, подтвердила Василина, винъ у батька все одно якъ одинъ, бо зъ дурного Ивася не велика помичъ...

— Абы тильки винъ схотивъ! Абы справди покохавъ... вздыхала Приська и снова цѣловала руки своей пріятельницы, покрывала ея лице слезами и поцѣлуями.

Василина все еще находилась въ раздумьи; отъ сильнаго безпокойства платокъ у нея на головѣ ссунулся на бокъ; очень не во время подоспѣла эта горячая просьба бывшей подруги. Но сердце не камень. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Приська могла выйти замужъ за Клима, это было бы для нея такимъ же точно счастьемъ, какимъ было для нея самой замужество съ Михайломъ. Наконецъ, Петръ былъ дѣйствительно добрый человѣкъ, очень любилъ сына и можетъ быть не слишкомъ противился-бы его волѣ, если-бы тотъ серьезно захотѣлъ этого.

— Ну, добре!... сказала она; бабуня казала мени колись про таке зилля. . Я николи ще ёго никому не давала... а тоби, вже

нема чого робити, може й дамъ. Якъ що знайду, то дамъ, тилько не знаю, чи знайду. Приходь завтра, навидайся...

Въ порывѣ неудержимой радости Приська бросилась на землю и обняла колѣни *знахарки*. Потомъ вскочила на ноги и подбоченившись выпрямилась въ торжествующей позѣ. Радость и торжество сіяли въ ея плутовской, румяной физіономіи и въ блестящихъ синихъ глазахъ, а маленькій носъ, придававшій ей задорный видъ, казался еще болѣе вздернутымъ. Она топнула ногою и хлопнула руками.

— Отъ тоди вже я имъ дамъ! отъ тоди вже я имъ покажу! и дядькамъ, и дядинамъ... На порогъ до себе въ хату не пущу,.. куповану спидныцю надину, тай ходитиму передъ ними... якъ побачу, що котора хлибъ ӥсть, я-жъ ій одною рукою ковбасу покажу, а другою дулю зсучу...

Василина смѣялась до упаду надъ торжествующимъ видомъ и надъ угрозами Приськи. Очевидно было, что дѣвушка не столько заботилась о любви Клима, сколько о той завидной будущности, какая должна была послѣдовать для нея отъ этого замужества. И эти чувства понимала и отчасти раздѣляла Василина. И ей, когда-то убогой сиротѣ, также пріятно было теперь ходить по селу въ покупныхъ нарядахъ и принимать прежнихъ хозяевъ въ своей богатой хатѣ.

— Добре, повторила она, що-жъ робити? Якъ тутъ людей не порятувати... коли можна? приходь завтра...

Приська стрѣлою пустилась обратно въ село; ей хотѣлось поскорѣе быть въ корчмѣ, гдѣ уже начинали играть скрипки и Климъ навѣрно уже былъ тамъ. На слѣдующій день она уже поздно вечеромъ возвращалась изъ кузнецовой хаты. На этотъ разъ она шла медленно, въ раздумьи, можетъ быть замечтавшись о будущемъ, и поминутно прижимала рукою что-то, лежавшее на груди за пазухою. Какъ вдругъ, при концѣ тропинки между плетнями огородовъ и пустыми кустами терна, растущими на краю поля, кто-то схватилъ ее за платье. Дѣвушка крикнула въ испугѣ и начала креститься, какъ вдругъ въ перегнувшейся черезъ плетень фигурѣ узнала Варку, которая, ловко перескочивъ

черезъ низкую ограду, тотчасъ начала допрашивать своимъ свистящимъ шопотомъ:

— А видкиля це ты, Присько? Одъ Ковалихи? ты й вчора туды ходила. Не бійсь! я все бачу. А що тамъ чувати въ Ковалихи? Зилля варить, ропухи годуе, чи зъ чортомъ розмовляе? га?

Приська сразу не хотѣла отвѣчать и попробовала было идти дальше, но Варка опять придержала ее за платье.

— Чого тикаешъ? Не терпиться тоби до дидовои лайки, та до дядьковихъ кулакивъ? На, сидай тутъ и ѝжъ. Побалакаемо зъ тобою.

Съ этими словами Варка всунула ей въ руку большой, свѣжій, зеленый огурецъ и, вынувъ другой такой-же изъ-за пазухи, усѣлась на межѣ между кустами. Такъ неожиданно предложенное угощеніе сразу расположило Приську въ пользу женщины, которая не подавала ей никакихъ поводовъ къ враждѣ или неудовольствію. Варка, напротивъ того, даже оказывала ей нѣкоторое расположеніе, вступалась за нее, когда ее сильно притѣсняли дома, а однажды подралась даже за нее съ тетками. Впрочемъ, это было довольно понятно. Приська ничѣмъ не могла вызывать въ ней гнѣва или зависти, а напротивъ возбуждала состраданіе своею сиротскою долею. Итакъ обѣ онѣ усѣлись между терновыми кустами и, грызя огурцы, заговорили въ полъ-голоса. Огородъ, подлѣ котораго онѣ расположились, былъ пустъ, на дорожкѣ не видно было ни души. Варка допрашивала дѣвушку, зачѣмъ она ходила къ Василинѣ, та вдругъ опять расплакалась надъ своею горькою учаастью и начала причитать:

— Ой, яка я нещасна, то нещасливійшои мабуть вже й на свити нема. Сказано, сирота убога, все одно якъ въ чужій хати... И продолжала причитать тоже самое и также точно, какъ часъ назадъ передъ Василиною. Варка сочувственно кивала головою и наконецъ спросила:

— А чого-жъ ты до Ковалихи ходила?

Но Приська продолжала свое.

— Богъ же ёго святый знае, чи винъ любить, чи ни, але мени здаеться, що таки трошки любить. Отъ вже два роки ми-

нуло, якъ колись надъ криницею якъ дасть мени хтось у потылыцю, я вся ажъ затрусилася. Дивлюсь, Климъ. Я ёму воду зъ видра просто въ вичи...

И такъ далѣе, до конца. Тоже самое и также точно, какъ передъ тѣмъ говорилось Василинѣ. Сначала Варка слушала терпѣливо, но черезъ минуту не выдержала и снова прервала ее.

— А чого ты до Ковалихи ходила?

Но Приська не успѣла еще выложить всего того, что сложилось въ ея головѣ, какъ «Отче нашъ».

— А иноди зновъ, то и мисяць, и два, и три а ни гляне на мене и такъ само другихъ дивчатъ зачипае...

— Чого ты до Ковалихи ходила?

— Я и вирю, и не вирю, щобъ мени Богъ таке велике щастя давъ..

— Чого-жъ ты до Ковалихи ходила?

Не смотря на весь запасъ дипломатіи, какой она намѣревалась пустить въ ходъ въ данномъ случаѣ, Варка находилась въ состояніи, близкомъ къ взрыву. Приська, сама не зная зачѣмъ и почему, поцѣловала ей руку и отирая пальцами слезы, продолжала:

— Рятуйте, титко, рятуйте, допоможить .. я вамъ цилый викъ дякуватиму..

— Ага! протянула Варка, и глаза ея блеснули въ темнотѣ, какъ два уголька.

— То ты до Ковалихи за порадою ходила!..

— Эге-жъ!

— Дала яку?

— А дала... нехай вже ій Богъ дае усёго доброго...

Варка повисла всѣмъ своимъ гибкимъ тѣломъ на шею дѣвушки и принялась шептать ей въ самое ухо быстрые, страстные, настоятельные вопросы. Приська отпиралась съ минуту, стыдливо и робко отворачивая лице. Она и стыдилась, и боялась своей тайны. Но Варка, обнявъ ее одною рукою, другою совала ей въ ротъ кусокъ своего недоѣденнаго огурца и въ порывѣ нѣжности [illegible] гибала ее къ землѣ, такъ что нако-

нецъ обѣ почти лежали на травѣ. Потомъ она осыпала свою жертву всевозможными ласковыми именами: голубки, зозульки, рыбки и пр. Приська не привыкла къ такимъ нѣжностямъ въ своей тяжелой, сиротской жизни; особенно подкупало ее то, что такъ обходилась съ нею женщина уже не молодая и хозяйка богатой хаты. Она поцѣловала руку Варкѣ, назвала ее теткой и опять начала плакаться и жаловаться. Варка утѣшала ее, переплетая вопросами свои утѣшенія, а когда обѣ черезъ часъ поднялись съ земли, чорные глаза женщины, не смотря на темноту, свѣтились радостью и торжествомъ. Она уже выпытала у дѣвушки все, что хотѣла знать, и вдругъ, оставивъ ее между кустовъ, стрѣлою пустилась бѣжать въ село. Не переводя духу, бѣжала она по пустынной сельской улицѣ, пока не остановилась передъ хатою Петра Джурджи. Сперва она намѣревалась ворваться сюда, какъ ураганъ, и сразу высказать все, что узнала. Но вдругъ въ головѣ ея создался новый планъ. Теперь она никому слова не скажетъ, а тогда уже, когда надъ Петровою семьею страсется бѣда, когда Климъ непремѣнно захочетъ жениться на Приськѣ, а отецъ воспротивится этому, когда между отцемъ и сыномъ подымется раздоръ и несогласіе,—тогда она придетъ къ нимъ и откроетъ виновника всего несчастья. Интересно, какъ поступитъ тогда Петръ Джурджа, который ни за что въ мірѣ не согласится на то, чтобы сынъ его женился на первой попавшейся дѣвушкѣ, да къ тому-же изъ воровской семьи. Самъ онъ никогда не кралъ и не захочетъ назвать невѣсткою внучку вора. Сколько тогда подымется въ этой хатѣ всякихъ раздоровъ и горя! Ой, достанется-жъ тогда Василинѣ и отъ Петра, и отъ всѣхъ порядочныхъ людей! Зададутъ ей тогда! Ой, достанется той, черезъ кого жизнь ея испорчена, черезъ кого она не знала любви отъ мужа, черезъ кого на всемъ тѣлѣ ея было столько синяковъ, сколько звѣздъ на небѣ! Пускай бъетъ, лишь-бы любилъ. А то и не любитъ, и бъетъ постоянно, а все черезъ ту...

Стоя въ потьмахъ передъ Петровой ха[illegible] [illegible]а заплакала, отерла рукавомъ глаза и медленно [illegible]. Отъ [illegible]льше. Къ чему

было спѣшить? Вѣдь она уже напередъ знала о томъ, что ждало ее дома. Съ утра заболѣло дитя, а извѣстно, что въ такихъ случаяхъ постоянная тоска Степана переходила въ жестокую злость, которую онъ сгонялъ на женѣ. Какъ будто она виновата въ томъ, что ребенокъ вышелъ такимъ малосильнымъ? Правда, когда ему было два года, она однажды такъ ударила его лопатою по головѣ, что онъ на нѣсколько недѣль лишился разсудка и онѣмѣлъ. Но развѣ онъ отъ того такой слабый и неразвившійся?

— Де тамъ? Така, така вже моя доля погана—тай тильки!

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧТО СЛЫШАЛОСЬ И ЧТО ВИДѢЛОСЬ.

I.

Тепло уже стало. Весна. Еще до Евдокіи (1-го марта) вдругъ какъ то сошелъ весь снѣгъ и хоть еще и снова налетали снѣговыя тучки и сыпали хлопьями, но весна брала свое: ночные приморозки не пересиливали теплоты увеличивающагося весенняго дня и хлопчатый снѣгъ только не давалъ просыхать, или, какъ говорятъ, провѣтриваться отталой послѣ зимы землѣ. Скатилась скоро въ Днѣпръ весенняя вода по крутымъ ярамъ гористой нашей мѣстности, осталась только въ припухшихъ какъ-бы прудахъ. Но за то размяклая глинистая и черноземная почва дѣлала дороги едва возможными для проѣзда.

«На Теплого Олексы» (17-го марта) въ мѣстечкѣ Потокѣ первая весенняя ярмарка въ нашей мѣстности. Всякому эта ярмарка нужна, всѣ спѣшатъ удовлетворить на ней свои хозяйственныя нужды и домашнія потребности. Нужно кое-что купить, кое что продать, промѣнять, прикупить, кое-что нужно къ плугамъ, нужно купить новыя колеса къ обыкновеннымъ и чумацкимъ возамъ, подновить кое-чѣмъ къ предстоящему празднику Пасхи наряды—много койчего нужно и вмѣстѣ съ тѣмъ хочется участвовать въ этомъ разнообразящемъ будничную сѣрую жизнь сборищѣ людей. Поэтому-то все взрослое, особенно мужское, населеніе всей округи отправляется на эту первую «на провесни» ярмарку. Ѣдутъ обыковенно на ярмарку за сутки до урочнаго дня, а ужъ наканунѣ самой ярмарки обязательно, съ такимъ разсчетомъ, чтобы кое-какія потребности исполнить еще на «подторжьѣ» и справившись съ покупками въ самый день ярмарки пораньше, поспѣшить къ вечеру домой. Огульный выѣздъ ярмарочныхъ изъ нашего села начался еще съ ран-

няго утра 16 марта. Еще не свѣтало, какъ уже по скрипу возовъ и не умолкаемому лаю собакъ я зналъ о начавшемся проѣздѣ мимо моего двора. Ѣхали на волахъ, на лошадяхъ, шли пѣшкомъ при возахъ, часто подгоняя не обшедшуюся на привязи какую-нибудь назначенную для продажи скотинку... Все это прошло, проѣхало, прогналось съ разсвѣта часовъ до 9—10 утра, «до раннихъ обидивъ», такъ что, выѣхавъ изъ двора часу въ первомъ по полудни, я уже ѣхалъ одинокій по разбитой ярмарочнымъ поѣздомъ грязной дорогѣ, увязая чуть не по самыя ступицы въ грязи.

Но не доѣзжая Потапецъ, я нагналъ одиноко идущую по краю дороги женщину. Высоко приподнятые запаска и подолъ рубахи, надѣтый черезъ плечо мѣшокъ, палка въ рукахъ и наконецъ размашистая походка ея доказывали, что она идетъ не въ Потапцы ко всенощной, а направляется конечно туда, куда стремятся и всѣ сегодня по этому пути, т. е. на ярмарку. Я радъ былъ попавшейся спутницѣ, а потому, поровнявшись съ нею и опознавъ ее, пригласилъ присѣсть ко мнѣ на возъ. Она не заставила меня повторить приглашеніе, очистила палкою налипшую на сапогахъ грязь, сняла и положила свой мѣшокъ, опустила немного подобранный свой костюмъ и помѣстилась со мной въ телѣгѣ. Отдыхиваясь отъ усиленной ходьбы, баба, послѣ обычнаго привѣтствія, стала высказывать свою благодарность и пожеланія всѣхъ благъ не только мнѣ, но и моему коню, а вмѣстѣ съ тѣмъ разсказала, какъ она по причинѣ не полученія денегъ отъ пана Х—скаго опоздала выходомъ изъ дому, почему и упустила попутчиковъ, какъ ей необходимо быть на ярмаркѣ, и какъ некому замѣнить ее при старости въ этомъ дѣлѣ. «Сынъ, поясняла она, нанялся въ экономію къ п. Х—скому, а дочь—«що воно тамъ тямить», а тутъ и полотно нужно продать и «де що зъ пбсуду купить, а всего болѣе надо купить нѣсколько «бердъ» къ ткацкому станку, а «берда» на эту ярмарку вывозятъ богуславцы, а то вѣдь управившись съ огородомъ, прійдется приниматься за тканье напряденнаго за зиму... и т. д., и т. д. Все это торочила мнѣ моя спутница, обрадовавшаяся возможности доѣхать со мной до мѣстечка, а не идти пѣшкомъ на ярмарку.

Словоохотливая моя пассажирка была изъ нашего же села почтенная старуха, баба Горобчиха. Слово «баба» приставлялось къ ея фамиліи не только по ея лѣтамъ,—ей было болѣе 50

лѣтъ, но и по ея почетному ремеслу сельской повитухи. «Нихто вже такъ не побабуе, якъ вона», говорили про нее наши сельчане, при чемъ она пользовалась извѣстностію, какъ знахарка: она умѣла «пристритъ обмывать, сояшныци заварювать, бишиху зашиптувать»... однимъ словомъ бабуся эта «знала де що и одъ чого».

Я тоже радъ былъ моей случайной спутницѣ: вѣсу немного она прибавляла своимъ худенькимъ тѣльцемъ, а ѣхать вдвоемъ все таки веселѣе, да и въ случаѣ чего—какой нибудь поломки или иной оказіи, возможной при весенней распутицѣ, все таки есть кому хоть телѣгу постеречь.

Какъ бы обдумывая свое горькое положеніе, молчала моя спутница и только вздыхала. Такъ мы проѣхали Потапцы. При подъемѣ изъ села на гору насъ обогналъ выѣхавшій изъ панскаго двора на парѣ бойкихъ лошадокъ потапецкій экономъ (прикащикъ въ помѣщичьей экономіи, управляющій небольшимъ имѣніемъ). Объѣзжая насъ, онъ поздоровался, приподнявъ немного шапку. Я отвѣчалъ тѣмъ же, моя спутница степенно кивнула головою.

— Видите, какъ теперь стало, Боже нашъ! отозвалась баба Горобчиха, вздыхая.

— А что такое? спросилъ я.

— А то, что вотъ ѣдетъ «ляшокъ», да не только объѣхалъ, но еще и поздоровался вѣжливо. Боже нашъ, Боже нашъ! Не тотъ свѣтъ сталъ: то, бывало, попробуй не свернуть ему съ дороги, такъ, и полоснетъ кнутомъ. Сколько разъ приходилось видѣть! А ужъ, чтобы поздоровался «звычайненько», этого и не ожидай! А теперь —вотъ видите...

Я обрадовался этой темѣ разговора. Въ то время всеобщихъ симпатій къ освобожденному отъ крѣпостной зависимости народу, особенно въ средѣ тогдашней молодежи, это была интересная тема разговора, оправдывающая, такъ сказать, нашу любовь къ мужику. Я тогда тоже былъ молодъ. Нужно было поддержать разговоръ, вызвать словоохотливую бабусю на разсказы про недавно минувшее.

— Да почему же это такъ было? Да и всѣ ли паны были такіе?

— А то какъ же?! Тогда они имѣли власть, ихъ воля была. Помѣщики, «велыки паны»—еще сюды туда: кое когда, бывало, и обойдутся ласково. Вотъ хоть бы и покойный нашъ панъ-полковникъ, на что ужъ былъ строгій, суровый съ виду, молчаливый, на-

супленный, брови постоянно сдвинуты, взглянуть, было, не смѣешь на него; а и то, бывало, попадешься ему на встрѣчу, ну ужъ, разумѣется, какъ подобаетъ, остановишься, поклонишься, онъ и ничего. —Здравствуй, здравствуй, скажетъ, баба или молодица, а то, какъ кого, то и по имени назоветъ. А вѣдь тоже ляхъ...

— Да вѣдь это, бабусю, былъ не ляхъ, а нѣмецъ, да еще и полковникъ русской службы.

— Ну, я ужъ по вашему не знаю, какъ тамъ назвать его. Полковника дворскіе, было, называютъ «баринъ», мы и себѣ говоримъ: «баринъ». Такъ ужъ звали его, а «воно однаково выходитъ по нашому ляхъ». Отецъ нашей барыни, что въ Ч—махъ, генералъ. Онъ же и откупилъ насъ отъ прежней пани Товбички на приданое дочери, теперешней барынѣ полковницѣ; она была выдана за полковника. Ну то былъ генералъ, а то полковникъ—все равно ляхи...

— Такъ вы говорите, бабусю, что сами помѣщики были не такіе еще лютые?...

— Да разумѣется! Можетъ быть и лютовали гдѣ, вотъ хоть бы въ П—цахъ, а только наши паны все таки были помягче. Хоть вотъ и полковникъ былъ. Боялись его, правда. Бывало разлютуется, кричитъ, ругается, все было по военному—сейчасъ на конюшню; кой-кого таки и сѣкъ, гдѣ ужъ тамъ безъ этого. Только, бывало, если ужъ очень разойдется, наши и бѣгутъ къ барынѣ просить. А она у насъ, страсть, какая добрая была, вотъ какъ и теперь её видите; только тогда она еще была молодая, такая красивая, что и сказать нельзя, онъ въ ней души не слыхалъ; такъ мы вотъ это сейчасъ къ ней, а она ужъ и упроситъ барина: сейчасъ въ плачь, станетъ просить его, а онъ и уймется. Да такъ, что даже поссорятся бывало между собою. Онъ это и начинаетъ ей:

— Твои, скажетъ, подданные! Ихъ распусти только, они и слушаться перестанутъ. Впрочемъ дѣлай сама, какъ знаешь.... А она плачетъ.

— Такъ то! Самые паны все таки меньше донимали насъ, говорила моя собесѣдница, и какъ бы обдумавъ, продолжала:

— А можетъ быть это намъ такъ сдавалось черезъ то, что они не по всякъ часъ были при насъ. Ну, а что ужъ эти экономы, да «сипаки» изъ нашего-же брата-мужика, такъ просто въ душу впивались. Не даромъ сказано: «не такъ паны. якъ пидпанки». Боже праведный! чего

только не творили они съ нами, какъ только «не знущались». Всего и не раскажешь и не объяснишь. И вспомнить страшно! Экономы такъ и ходили съ арапниками. Чуть что такое, сейчасъ и начнетъ кнутомъ, а то и протянуть велитъ. Ну, одно слово, «катували» народъ. Такъ ажъ сумъ було возьме. Только на Бога взглянемся. Сердце, было, кровью такъ и обольется. Только и слышишь, только и видишь: того отлупилъ такъ, того такъ, того на полѣ, того на гумнѣ били, того на конюшнѣ высѣкли! Эхъ Господи!

— А васъ женщинъ, бабусю, тоже наказывали? спросилъ я.

— Нѣтъ! Меня таки Господь милосердный хранилъ, отвѣчала старуха, не понявъ моего вопроса и относя его къ себѣ лично. Разъ только накинулся было на меня, такъ мой мужъ, царство его душенькѣ, заступился.

— Жали мы пшеницу на панщинѣ; а я въ ту пору «не порожння» была, такъ-то ужъ тяжело было нагинаться, извѣстное дѣло. Покойникъ и послалъ меня посносить и поскладать въ «пятки» снопы. Иду я это «постатью» по ряду, смотрю, а сноповъ больше десятка порѣзано у насъ.

— Какъ это порѣзано?...

А такъ, возьметъ да и перерѣжетъ «перевесло», а снопъ и разсыпется. Нужно опять перевязывать. У нихъ была такая мѣра для сноповъ, какой толщины должны быть они. Чуть не два локтя. [1]) Смѣряетъ снопъ, чуть не по мѣрѣ, сейчасъ ножемъ чикъ.... снопъ разсыпается. А мѣрять можно всячески.... Ну, посмотрѣла я, что снопы порѣзаны—досадно стало. И такъ не по себѣ, а тутъ перевязывай съизнова, я за свёслами, что лежали подъ копной въ тѣни; мы ихъ смачиваемъ водою, чтобы не высыхали. Беру я эти свёсла да про себя и выругалась, досадно такъ. «Бодай, говорю, чтобъ такъ тоби въ животи, та въ печинкахъ ризало». И не примѣтила, что онъ тутъ же за копной стоитъ. Какъ выскочитъ же онъ, какъ накинется на меня съ бранью! Такъ таки, по ихъ поганому обычаю, «по соромець-

---

[1]) По инвентарнымъ правиламъ опредѣлялся размѣръ сноповъ въ 5 четвертей. Экономы и досмотрщики жнецовъ имѣли у себя мѣры изъ бичевки, заканчивавшейся деревянными чурками, на которыхъ имѣлись печати экономіи. Шнуръ измѣрялся намоченный, а когда высыхалъ, то, разумѣется, удлинялся и вытягивался до $1^1/_2$ аршина.

ки». Да какъ стеганетъ мени кнутомъ черезъ спину, я такъ и завопила: такъ это неожиданно онъ выскочилъ ко мнѣ, испугалась я, кричу.... *Мой* услыхалъ крикъ—бросился къ намъ. Глянула я на него, а на немъ и лица нѣтъ: бѣлый какъ глина, страшный, глаза такіе «палючіе», серпъ въ рукѣ.... Вижу я ужъ, что бѣда, затряслась вся и голоса не отведу, сама не своя стала, а онъ только: «не тронь молодицы, пане!», такъ какъ-то вполъ-голоса, а только твердо сказалъ, больше ничего и не сказалъ. Спостерегъ, видно, вражій ляшуга, что тутъ такъ не обойдется, опустилъ руку съ арапникомъ да и пошелъ себѣ прочь; отошелъ этакъ подальше, поднялъ кнутъ и погрозился. Ну, постой-же, говоритъ, пся кревь!...

— Я какъ стояла, такъ и упала на свесла съ плачемъ...

— Що се ты наробивъ, винъ тебе закатуе!—тужу. А мой такъ еще и прикрикнулъ на меня...

— Замолчи! говоритъ. Ступай къ своему дѣлу! и самъ пошелъ къ пшеницѣ.

— Такъ-то, Боже нашъ, сталось. И долго-ли тутъ до грѣха? Они, паны, думаютъ, что у мужика и души нѣтъ!...

— Ну что-жъ? Такъ и сошло вашему мужу? допытывался я, вередя боль моей влюбленной въ мученика-мужика души.

— Охъ, хо, хо! Гдѣ ужъ тамъ сошло! Не прошло такъ: принялъ онъ, сердечный, муку за меня.... Только и по смерть свою, царство души его, не говорилъ. Пошелъ самъ на другой день во дворъ. Пришелъ оттуда хмурый такой, будто тучею укрытый! Я стала было распрашивать, а онъ только буркнулъ что-то, да и погнался съ быками на пастьбу. Кума Горпина, вотъ что теперь стара Климиха, разсказывала послѣ, что онъ, покойничекъ, заходилъ въ корчму и вышелъ оттуда пьяный-препьяный, такъ и шатается. Послѣ ужъ мнѣ разсказывали. Я и сама догадывалась, такъ распрашивать и стыдно и больно. То бывало перемѣняетъ сорочку, «простить у цёму слови», въ хатѣ, насъ вѣдь было тогда только двое, я да онъ, а то внесла я ему въ недиленьку сорочку, изъ скрыни, а онъ взялъ и пошелъ въ комору переодѣваться. Ну, а тутъ въ скорости и я слегла родами; не до того ужъ было.... Не словоохотливый былъ покойникъ, земля ему пухомъ: все было молчитъ, всегда хмурый такой. Иногда улыбнется, словно солнышко изъ за тучи осенней выглянетъ, а то все хмурый былъ, до самой смерти про этотъ случай не

вспоминалъ. Ну, а людямъ рмзсказывать нечего: кому охота чужую душу своей бѣдой морочить.

Сталъ проклятый панъ все придираться къ намъ. Я, разумѣется послѣ родовъ не сейчасъ-же пошла на панщину: завелись за нами неотработанные дни... Ну, и мучилъ же онъ насъ: тутъ одно нездорова, по дому некому управляться, тутъ дитя малое, такое слабое было, такъ и умерло перваго года, а онъ и вздохнуть не даетъ. Пока-то отработали «залеглые» дни, пока-то стали опять въ порядокъ отбывать панщину.... Только ужъ съ той поры перестали у насъ женщинъ сѣчь розгами. Полковница, «нехай ій легенько згадаетьця», упросила барина, чтобы не сѣкли. Грициха и разсказывала, какъ она упрашивала. А то, бывало, Боже милостивый, какъ только не издѣвались... «Я, было, кричитъ люблю смотрѣть, какъ васъ порютъ!» Осрамятъ, бывало, наглумятся клятые!.... Которая, бывало, ходитъ «не порожня», такъ что выдумали: велитъ ямку выкопать, да и положитъ, простите, на этомъ словѣ, животомъ въ ямку, чтобы не придавить, да такъ и сѣкутъ. А то такъ велитъ на плечи кому взвалить и держать, вотъ какъ «въ переваги—ваги» дѣти играютъ. «Я, было, глумится проклятый ляхъ, берегу это *быдло*, чтобы плодились!» Вотъ какъ издѣвались, клятые! Боже праведный!...

— И больно сѣкли? По одежѣ вѣдь?...

— А то не больно?.. Стонъ стоитъ, бывало! По одежѣ! Какое по одежѣ! Такъ таки прямо, извините, «заголювали». Сраму, сраму этого! Господи! «Ажъ сумъ по селу»! Въ глаза другъ другу поглядѣть стыдно, бывало. А только имъ, вражимъ ляхамъ, не стыдно было, простите, заглядать.....

Не долго былъ тотъ проклятый, что было напался на меня: баринъ его скоро какъ-то по осени и протурилъ за то, что онъ пару коней, ѣздивши въ Степанцы, съ пьяна загналъ. Ну, ужъ и проводили же мы его!...

— Какъ это проводили?

— А такъ, какъ годится провожать такихъ чертей! У насъ ихъ, этихъ панскихъ экономовъ, всегда такъ провожаютъ. Развѣ уже какой ночью какъ нибудь выѣдетъ. А то возьмутъ въ возокъ всякой гадости понакидаютъ, кизяковъ, сору, какую нибудь дохлятину— кошку, щенка или курицу, да еще и «протюкаютъ» черезъ все

село. «Тю! тю!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. Такъ и протюкаютъ. Ругаютъ, насмѣхаются, а дѣти такъ еще и комьями грязи швыряютъ. Уску изъ оси выдернутъ, хомутъ какъ нибудь подрѣжутъ.... Проѣдетъ это немного селомъ, а колесо и спадетъ, что нибудь въ упряжкѣ оборвется какъ разъ посреди села и сталъ. А тутъ со всѣхъ сторонъ изъ-за хатъ, изъ-за плетней: тю! тю! Ругань, свистъ!...

Замолкла бабуся, какъ бы передумывая пережитое, перетерпѣнное. У меня этотъ разсказъ непосредственнаго очевидца поднялъ цѣлую бурю въ душѣ. Больно мнѣ было и за весь этотъ строй общества, и за мое панское происхожденіе. Эта ужасная правда колола мои дворянскіе глаза. Мысль отказывалась понимать это совмѣщеніе безчеловѣчія съ одной стороны и этого адскаго терпѣнія съ другой. Не уразумѣвалось, какимъ образомъ эта масса народа выдерживала столь ужасное положеніе. Фигура мужа разкащицы, блѣдная, хмурая, съ искрящимися глазами, съ серпомъ въ дрожащей рукѣ, грозно сдержанная, какъ живая вставала въ моемъ возбужденномъ воображеніи. Въ ней, въ этой грозной, готовой прорваться местью раба фигурѣ я видѣлъ всю злосчастную Украину, «запропащенную панамъ», по выраженію народа. Я понималъ Галайду Шевченка, я готовъ былъ чувствовать... «и то, что чувствовалъ Маратъ»... въ словахъ другаго поэта. Какое же скверное, ужасное время!

Мы доѣхали до Шандры и спускались съ горы къ корчмѣ, стоящей у самой гребли, которою запруженъ большой Шандровскій прудъ. Вода ревѣла во всѣхъ шлюзахъ и, не вмѣщаясь въ нихъ, шла черезъ плотину. Не мало тутъ было ѣдущихъ на ярмарку: стояли, отъѣзжали и прибывали. Выбравъ посуше мѣсто, я остановился, разсчитывая дать вздохнуть притомленной грязной дорогою лошади и закусить самимъ. Бабуся, по случаю великаго поста, не захотѣла выпить водки, а потому я самъ отправился въ корчму и подкрѣпился чаркою сивухи. На плотинѣ раздавались понуканья воловъ и лошадей: «но, но, собъ, цабе»!.... Фигуры крестьянъ въ черныхъ киреяхъ и высокихъ шапкахъ тиснулись у дверей корчмы; они то входили, то выходили туда и оттуда. Къ мельницѣ прошелъ убѣленный *обметыцею* (мучною пылью) мирошникъ, покрякиваніемъ и плевками докызывавшій, что онъ выпилъ въ корчмѣ. Тутъ же шелъ осмотръ какой-то лошаденки, очевидно, предназна-

ченной для продажи. На западѣ прояснилось небо, предвѣщая вѣтеръ на завтра....

Было уже около 5-ти часовъ, когда мы порѣшили трогаться въ путь, подкрѣпясь сами, покормивъ и напоивъ лошадь. Оставалось еще верстъ 12-ть прескверной дороги по раскисшему чернозему.

Развлеченная сценами около корчмы мысль моя, какъ только мы переѣхали греблю, опять вернулась къ сюжету разсказовъ бабы Горобчихи, которая за греблею слѣзла съ воза и сторонкою выходила на гору. Впереди и сзади меня ѣхали ярмарочные. Выбившись на гору, я нарочно свернулъ съ дороги изъ ряда ѣдущихъ и замѣшкался, подтягивая черезсѣдельникъ: мнѣ хотѣлось поотстать отъ спутниковъ и вызвать бабусю на дальнѣйшій разсказъ про извѣстныя отчасти мнѣ дѣла не давно еще минувшихъ тогда дней, хотѣлось вередить боль души, какъ вотъ, бываетъ, царапаешь наболѣвшій струпъ.

— Такъ вотъ какъ жилось вамъ подъ панами!... началъ я вызывающе, когда бабуся усѣлась въ телѣгѣ и когда мы, поотставъ отъ ѣдущихъ, очутились опять вдвоемъ.

— И не доводь Господи никому, не то що нашимъ дитямъ, а й лихому ворогови оттакъ жить, отвѣтила, вздохнувъ, бабуся и замолкла, какъ бы обдумывая сказанную фразу или, можетъ быть, по свойственной украинцамъ сдержанности и недовѣрчивости, жалѣя даже о томъ, что было ею раньше сказано. Но я не отставалъ.

— Ну, вотъ вы, бабусю, говорите, что васъ всѣхъ сѣкли паны. Какъ же такъ, я не пойму: вѣдь не сами же паны и ихъ экономы сѣкли, не своими же руками?! Вѣдь собственно сѣкли розгами, ну, наконецъ, держали сѣкомыхъ свои же братья мужики?....

— Да то кто-же, какъ не свой братъ! Разумѣется, свои. Такіе ужъ выискивались! Такъ *воно* уже на то пускалось. Совѣсть ли уже теряло, или ужъ такъ хотѣлось *ему* быть угоднымъ пану, или изъ боязни... кто его разберетъ. Только бывали такіе *катюги*, такіе лютые. Не даромъ ихъ прозвали *сипака*-ми. Не даромъ говорится: «не такъ паны, якъ пидпанки». Пановъ еще, бывало, можно было сякъ-такъ одурить, а ужъ этихъ своихъ *сипакъ* не проведешь! Да и какъ его обманешь? Онъ тутъ-же между нами, все знаетъ, все видитъ. Вотъ вы знаете Карпа Заманенка.... Какимъ сталъ те-

перь: и чубъ подстригъ въ кружокъ, и «ставникъ» [1]) въ церкви теперь у него свой, и говорить сталъ по нашему. А то, бывало, куда тебѣ! Чубъ на бокъ, сорочка на немъ бумажная съ косымъ воротомъ, все чтокастъ, да чубомъ потряхиваетъ, какъ лошадь отъ оводовъ. «Такъ и одвернувсь було у чужу виру, дарма що не кателикъ, а хрещеный». Развѣ такіе миловали насъ?! Такъ и норовитъ, чтобъ быть поближе къ панамъ. Онъ, этотъ Карпо, и въ люди, было, не ходитъ, все во дворѣ панскомъ натирается. Съ экономомъ чуть не за панибрата, на насъ же и смотрѣть не хочетъ. А ляхи его и жалѣли за то, что угождалъ имъ. Вотъ это какая молодица впадетъ эконому въ око, сейчасъ Карпо и начнетъ подбивать ее на грѣхъ, прости Господи!

— Развѣ и это было?... подзадоривалъ я бабусю, какъ будто ничего прежде и не зналъ про эту сторону рабства.

— А то развѣ и не было?! Все было. И вспомнить страшно! Про молодицъ что ужъ и говорить, а бывали случаи и съ дивчатами. Боже нашъ, Боже! чего только не бывало! Вѣдь вотъ Цимбаленкова Приська такъ и вѣкъ свѣковала «покрыткой», такъ и загубилъ её проклятый ляшуга! Боже праведный! Тогда насъ только-что закупилъ было генералъ, отецъ нашей барыни-полковницы, отъ Товбички. Генералъ жилъ то въ Кіевѣ, то въ Черныщахъ въ своей *дидизнѣ*, а сюда къ намъ наставилъ экономомъ того самого ляха. Онъ гдѣ-то, разсказывали, служилъ подъ генераломъ, подъ его командою. Такой здоровенный ляшище, и все было у него по военному. Станетъ говорить, такъ мы его и не понимаемъ: кто его знаетъ, что онъ говоритъ и по каковски, только не такъ, какъ вотъ говорятъ паны. Пановъ, когда они говорятъ по лядски, все таки мы понимали, а его нѣтъ. Наши продразнили его чудно такъ: *анцыдрій*. Все было, какъ оглашенный, кричитъ на насъ: Скарэй!

---

[1]) На Украйнѣ по селамъ, какъ остатокъ прежнихъ братствъ, сохраняется обычай, по которому набожные прихожане, именующіеся братчиками, держать въ церкви собственныя, большихъ размѣровъ, какъ предъ намѣстными иконами, свѣчи или по мѣстному „ставники“ и во время литургіи, отъ выхода съ евангеліемъ и до Отче нашъ, стоятъ съ ними впереди молящихся противъ царскихъ вратъ. Младшіе братчики, или парубки, тоже имѣютъ свои свѣчи или одну общую *парубоцькую* свѣчу, которую держитъ въ церкви ихъ *отаманъ*. У запорожцевъ въ церкви были ставники отъ всѣхъ куреней.

такъ чтобъ было *анцыдрій* [1]). А что ужъ это значитъ, мы и не знали. Вотъ этотъ-то проклятый и «збавивъ дивчину». Наши тогда такъ и «заворушилась». Она, несчастная, хотѣла, прости Господи, утопиться: въ прудъ бросилась. Вотъ вы знаете Калениченковъ, такъ ихъ отецъ ее и вытянулъ изъ проруби. На разсвѣтѣ пригналъ воловъ поить, а она тутъ какъ тутъ: сбѣжала къ пруду, добѣжала до того мѣста, гдѣ теперь криница, а тогда тамъ были родники и вода никогда не замерзала, да и бросилась туда прямо въ одежѣ; какъ выскочила отъ проклятаго ляха, такъ и не пошла домой, а прямо въ воду, а Калиниченко тутъ и подхватилъ ее. Тамъ хоть и не глубоко, а все-жъ таки долго-ли до грѣха? Сбѣжался народъ, прибѣжала Цымбалка, голоситъ. Пошли всею громадою къ генералу. А онъ хоть и ляхъ, а добрый былъ, такой заслуженый, да еще и то, что тогда еще онъ по новости нашимъ сталъ... Ну, сейчасъ же и смѣнилъ этого проклятаго. Такъ призвалъ къ себѣ, да больше уже и не пустилъ къ намъ, и куда-то его запряталъ. А она, сердешная, такъ и осталась....

У насъ въ деревнѣ этой пакости до тѣхъ поръ не бывало. Тутъ были прежде двѣ пани-сестры, такъ хоть онѣ и притѣсняли народъ работою, да разными «хаптурками», а только этихъ срамныхъ дѣлъ не слышно было. И генералъ, какъ сразу показалъ, что этого не любитъ, такъ оно и осталось. А можетъ быть и то, что ляхи и боялись трогать дивчатъ, чтобъ не засудили. Въ П—хъ одинъ было распустился такъ-то, такъ его засудили. Кто его знаетъ, отъ того ли или отъ другаго, а только у насъ, сколько помню, кромѣ этого случая съ Приською, другаго не было.

Помолчавъ не много, бабуся продолжала:

— А что на счетъ молодицъ, такъ всего бывало. Иной (экономъ) попадется такой собака, такой песище! Плачутъ сердечныя молодицы! Одно срамота, а тутъ свой таки мужъ станетъ докорять, бить станетъ: всякіе мужья бываютъ, иной чего не подумаетъ. Въ Піяхъ изъ за этого мужъ зарубилъ жену. Его послѣ и палачъ наказывалъ, а послѣ заслали куда-то. Боже праведный! Боже милостивый! Зазовутъ было за чѣмъ нибудь во дворъ, а тамъ, что хочетъ, то и дѣлаетъ.

---

[1]) Экономъ этотъ былъ нѣмецъ и имѣлъ привычку для означенія скорости говорить: *ein, zwei, drei;* отсюда прозваніе: *анцыдрій.*

— Разъ что случилось! Вы вотъ не застали Илью Зиньченка. Вотъ это его двѣ дочки солдатки, Феська да Остапчиха. Это у него отъ второй жены, а отъ первой дѣтей не было. А онъ былъ отаманомъ въ *дворѣ*. Тамъ такой лютый былъ, такой *сипака*, что дальше ужъ и некуда. А ужъ до пановъ, до экономовъ этихъ такой «прихильный», какъ чортъ до грѣшной души, прости Господи! Покойный Кіяниця какъ бывало выпьетъ, такъ и начнетъ корить его. — Эй, было говоритъ, Илько, схаменись, не встрявай у ту пакость, пошануй чужу честь! Грѣхъ не замолимый тебѣ! Богъ невидимо накажетъ!...

Такъ нѣтъ, не каялся. При молодой женѣ, отъ которой Богъ и дѣтей ему послалъ (хоть и дочерей, а все же дѣти), еще какъ то болѣе сталъ льститься къ панамъ.

Насталъ къ намъ новый экономъ, Богуцкимъ звали его. Такой здоровенный катюга. Вотъ вы знаете Прокопенковъ, на что ужъ рослые, а то еще покрупнѣе. Сильный такой, еще и не старый, все хмурый. Только, нужно правду говорить, бить не билъ самъ никого. Сѣчь приказывалъ, а самъ бить не билъ: боялся, разсказывали, чтобы не убить—очень ужъ сильный былъ. А паны наши жили тогда въ Кіевѣ зимою, а на лѣто только, бывало, пріѣзжаютъ, да такъ иногда баринъ навернется. Зимою большой домъ только изрѣдка протапливали.

Илько такъ и прилипъ къ этому Богуцкому: тамъ днюетъ и ночуетъ и ужъ на счетъ этой пакости такой ужъ *догадливый*.

Только разъ, постомъ великимъ, пришло извѣстіе, что самъ *баринъ*-полковникъ пріѣдетъ къ намъ по какому-то дѣлу. Ну, извѣстно, въ дворѣ къ пріѣзду пана прибираютъ, комнаты отапливаютъ. Съ вечера еще заказали жинкамъ идти на другой день во дворъ птицу «патрать». Иду я это чуть свѣтъ, повстрѣчалась у панскаго двора съ Кулиною Ярошенковою и съ Присткою, вотъ что я разсказывала, Цымбаленковою. Сейчасъ пришли, отправились съ Домахою Довбанкою (она тогда кухаркою была), половили курей, порѣзали, стали чистить въ кухнѣ. Мужчины всѣ поразошлись по своему дѣлу: давать кормъ скотинѣ, лошадямъ. Тихо такъ въ кухнѣ, слышно, какъ дрова въ печкѣ трещатъ. Только вдругъ послышалось, на экономской половинѣ кто-то какъ будто крикнулъ. Мы насторожили уши, притихли... Крикнуло сильнѣе. Мы въ сѣни; слышимъ,

за стѣной у эконома кто-то, очевидно, женщина, кричитъ, охаетъ, плачетъ. Что тамъ творилось, мы сразу догадались. Приська сердечная на себѣ это испытала; схватилась за меня да и дрожитъ вся. Я таки посмѣлѣе была, да и то подумала, что вотъ сегодня панъ пріѣдетъ, и говорю: пойдемъ. Кинулись мы всѣ на экономское крыльцо, что тутъ же рядомъ, да въ его сѣнечки, а тамъ Илько стоитъ, да какъ крикнетъ на насъ:

— Геть, говоритъ, вамъ тутъ дѣла нѣтъ!—Столпились мы около дверей; Приська такъ и впилась въ меня руками, какъ «несамовита стала», ей такъ бывало еще съ того разу... Тутъ хлопцы надошли отъ конюшни. Илько прогоняетъ насъ, а мы стоимъ, оторопѣвши, не отходимъ: страшно такъ. А на дворѣ уже совсѣмъ развѣло, видно стало. Вдругъ слышимъ, двери изъ горницы брякнули и изъ за Илька, изъ темныхъ сѣнецъ, выскочила прямо на насъ молодица. Плачетъ, голоситъ, оправляетъ «очипокъ»; растрепанная вся, запаска сползла, только однимъ угломъ и держится за поясомъ... Тужитъ, причитаетъ: сякой-такой сынъ, «опаскудивъ собака, и посту святаго не пошанувавъ».

Смотримъ мы и глазамъ не вѣримъ; это Палажка, жена Илька! Такъ и онѣмѣли мы! И слова промолвить не можемъ. И Илько, какъ вышелъ на крыльцо, такъ и сталъ окаменѣлый: глаза раскрылись, руки разставилъ... Ничего не поймемъ, а она, сердешная, такъ и подалась черезъ дворъ, «голосячи». Приська моя сердешная еще больше вцѣпилась за меня, дрожитъ какъ въ лихорадкѣ. Повела я это ее въ кухню, только что хотѣла дать ей воды напиться, какъ Кононъ, что тогда былъ при лошадяхъ, вбѣгаетъ, выхватилъ кружку у меня и опять на дворъ. Вышли мы и видимъ, что Илька водою отливаютъ; лежитъ, какъ не живой на крыльцѣ, обомлѣлъ. Еле отходили. Такой грѣхъ случился!

Такъ и пошли толки по селу. «Що се таке! Що се таке!» Еще этого и не бывало, чтобы мужъ да свою же жену подводилъ на грѣхъ... Это ужъ такой грѣхъ, такой грѣхъ! Послѣ ужъ выяснилось: Илько еще съ вечера заказалъ Оришкѣ Дорошенковой, чтобы чуть свѣтъ приходила къ пану грубы топить. Охъ ужъ эти грубы! А Оришка эта еще въ дѣвкахъ подруговала съ его Палажкой. Обѣ онѣ такія красивыя были и такія подруги, такія подруги, что ихъ и водой не разлить. Палажка вышла за мужъ года на

два раньше Оришки, а послѣ ужъ и Оришку отдали за Василія Дорошенка, и опять они, какъ близкія сосѣдки, дружили между собою. Собралась это Оришка до свѣту идти во дворъ по наряду, а у ней какъ разъ въ ту пору коровка стала телиться. Она и попроси Палажку пойти за нее грубы топить. А онъ, треклятый ляхъ, «и заходивсь коло неи». Такъ ужъ Господь попустилъ на кару Илька. Не узналъ ли Богуцкій Палажки (онъ ее мало и видѣлъ, потому что она на послугу не ходила, какъ жена отамана), или онъ не разбиралъ,—кто его знаетъ! А Илько не распозналъ голоса жены и еще насъ прогонялъ... Такъ-то Господь невидимо караетъ.

Не долго и побылъ Илько у насъ въ селѣ. Такъ таки съ того дня и не пошелъ во дворъ. И баринъ пріѣхалъ, не пошелъ, и наказывали его, не пошелъ. Запьянствовалъ, да такъ послѣ «Великодныхъ святъ и помандрувавъ на Бессарабію». Да куда тамъ уже и жить ему было здѣсь! «Просвитку» не давали по селу; все докоряли, просмѣивали... Осталась она съ дѣтьми. Ей и не докоряли, потому она не виновата была, не по своей волѣ въ грѣхъ впала—это всѣмъ видно было. Его же такъ и не слышно стало. То было, разсказывали, гдѣ-то чумаки видывали, а теперь вотъ уже годовъ пятнадцать и не слышно. И Палажка, царство ей небесное, умерла, и дочки повыходили замужъ, а про него ни слуху, ни вѣсти. Боже нашъ, Боже нашъ!

— Ну, а Богуцкому такъ и сошло!..

— А что ему?! Онъ у насъ еще послѣ того съ годъ пробылъ и перешелъ куда-то въ *грапщину* (имѣніе гр. Б.). Оттуда, говорятъ, выѣзжалъ по панскому наказу въ Бессарабію разъискивать бурлакъ сердешныхъ. Иные паны, было, посылаютъ ловить своихъ подданныхъ туда ажъ подъ Одессу. Проглаголали какъ-то, что его гдѣ-то на Тилигулѣ бурлаки зарѣзали, да кто его знаетъ, правда ли. Намъ и припоминать его, клятаго, противно.

Мы подъѣзжали къ ярмаркѣ, до насъ доносился обычный гамъ, кой-гдѣ уже свѣтилось въ избахъ. Разыскали мы своихъ...

II.

Скоро какъ-то послѣ ярмарки, нашъ односелецъ Василь Ярошенко, возвратившись изъ Канева, гдѣ онъ ночевалъ у полицей-

скаго разсыльнаго, привезъ извѣстіе, что къ намъ повели черезъ станъ какого-то бурлаку. Кто бы это былъ такой?! толковали наши селяне, припоминая всѣхъ, кто когда-либо выбылъ изъ села «въ мандривку на Бесарабію». А такихъ выбывшихъ на памяти было только трое. Одинъ ушелъ еще во времена Товбички. Она хотѣла его отдать въ солдаты за какую-то провинность, а онъ и ушелъ бурлачить. Но это было такъ давно, что изъ живыхъ людей только дѣдъ Тарасъ чуть-чуть помнитъ. Другой—это былъ Илья Зиньченко: его и видывали чумаки гдѣ-то за Бугомъ и въ Одессѣ, а послѣ и не стало его. Третій бѣжалъ недавно; онъ былъ не старъ и попалъ въ солдаты во время крымской войны, когда въ Херсонщинѣ ловили бурлакъ нарочно посылаемые за тѣмъ козаки; его убили гдѣ-то въ Крыму, какъ разсказывалъ Григорій Суциненко, солдатъ изъ Гр—цъ, служившій съ нимъ въ одномъ полку. Изъ всѣхъ трехъ только послѣ Зиньченка оставались въ селѣ дочки, а тѣ два были безродные... Много было высказано предположеній по поводу принесенной Ярошенкомъ вѣсти. Были и такіе, что высказывали предположеніе, не чужой-ли какой человѣкъ нарочно назвался нашимъ, чтобы подъ чужимъ именемъ скрыть свое преступное прошлое. Наше небольшое село все узнало эту новость, всѣмъ до дѣтей включительно было извѣстно, что къ намъ ведутъ «якогось сердегу», при чемъ личности этаго «сердеги» въ разсказахъ придавалась какая-то таинственная окраска, почему то предполагалось, что онъ будетъ приведенъ къ намъ подъ конвоемъ чуть не цѣлаго отряда солдатъ, а что будетъ въ кандалахъ, такъ въ этомъ никто ужъ не сомнѣвался. Не освоившійся еще со свободою недавній панскій подданный не могъ представить себѣ, чтобы съ человѣкомъ, виновнымъ въ бѣгствѣ отъ панской власти, могли поступать иначе, чѣмъ въ такихъ случаяхъ поступали прежде паны.

Недѣли полторы спустя послѣ первой вѣсти о бурлакѣ, котораго повели къ намъ, я увидалъ на дорогѣ къ селу идущихъ двухъ человѣкъ. Въ одномъ изъ нихъ я призналъ сотскаго изъ Потока; чинъ его доказывался бляхою на груди и палкою въ рукѣ, несомою по начальнически. Сотскій еле поспѣвалъ за бѣжавшимъ почти впереди его старикомъ. Сѣдая, немного полысѣвшая голова старика не была прикрыта ничѣмъ, и волосы развѣвались на ходу. Совершенно бѣлая, растрепанная борода спадала на грязную сорочку,

засунутую въ неменѣе грязные полотняные штаны, прихваченные въ щиколодкахъ ногъ оборками какихъ-то стоптанныхъ котовъ. Не смотря на теплый майскій день, старикъ былъ одѣтъ въ разпахнутый спереди, измызганый, съ отрепанными полами кожухъ. Во всей фигурѣ старика, въ его порывистой походкѣ, въ безустанно поворачивающейся во всѣ стороны головѣ, съ блѣднымъ лицемъ, глубоко сидящими въ орбитахъ свинцовыми глазами и высоко поднятыми густыми бровями, не было той усталой степенности, какую обыкновенно мы видимъ въ нашихъ украинскихъ «дидахъ». Все въ немъ было до нельзя нервно, лихорадочно: онъ не шелъ, а какъ бы летѣлъ на распахнутыхъ крыльяхъ своего кожуха, онъ не смотрѣлъ, а пожиралъ глазами село, поле, все окружающее его.

Они оба подошли къ мостику, перекинутому черезъ водотоку отъ моихъ воротъ. Подходя, сотскій спросилъ старика, узнаетъ ли онъ меня, и, здороваясь, взошелъ на мостикъ и подалъ мнѣ бумагу. Старикъ присмотрѣлся ко мнѣ, тоже здороваясь, но, оставаясь за мостикомъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, этого не узнаю. А усадьба это *Вовкивська* (на ней жилъ прежде крестьянинъ Вовкъ).

Я сказалъ сотскому, чтобы онъ несъ пакетъ съ книжкой къ старостѣ, но онъ приглашалъ и меня идти туда, такъ какъ староста все равно не прочитаетъ и не роспишется въ разносной книжкѣ. Староста жилъ не далеко отъ меня и я, крикнувъ кому то изъ своихъ, чтобы принесли перо и чернило, пошелъ туда. Старикъ опередилъ насъ и, подойдя къ двору старосты, сказалъ:

— А тутъ Володько живетъ; это его дворъ!..

Испуганныя видомъ такого страннаго старика нѣсколько дѣтей, игравшихся на улицѣ, шарахнулись черезъ плетни, какъ воробьи. Старикъ смѣло пошелъ черезъ дворъ въ хату старосты, не обращая вниманія на лаявшую собаченку. Мы, т. е. я и сотскій, пошли за нимъ. Былъ какой-то майскій праздничекъ, Іоанна-ли Богослова (8 мая), Симона-ли Зилота (10 мая), не помню хорошо, и у старосты въ семьѣ, видно, только что пообѣдали. Двери изъ избы въ сѣни были настежъ открыты. Старикъ вошелъ прямо въ хату и громко и бойко поздоровался.

— Здравствуйте, Володьку!.. и сейчасъ-же, обтерши рукавомъ губы, поцѣловался со старостою, который этимъ поцѣлуемъ былъ засти-

гнутъ какъ-то врасплохъ и нѣсколько сконфуженъ. Ему, какъ видно, хотѣлось поддержать начальническій престижъ.

— Да вы, диду, хто-же такій? спросилъ староста строгимъ голосомъ, въ свою очередь сконфузивъ старика.—Цѣлуйся, молъ, цѣлуйся, а я свое дѣло знаю, говорила вся постать старосты, принявшая вдругъ какой-то серъезно-озабоченный и важный видъ.

Видно, старику приходилъ въ голову вопросъ о томъ, какъ-то его пріймутъ въ родномъ селѣ и не отрекутся-ли отъ него односельцы изъ какихъ-либо побужденій—по не желанію-ли принимать въ свою среду новаго соучастника владѣнія землею, или въ силу недоброй памяти о его прошломъ. Все это, вѣроятно, передумано было старикомъ, и вотъ почему онъ такъ торопливо указывалъ мнѣ и сотскому, чья была та усадьба, на которой я поселился, равно гдѣ живетъ Володько. Потому-то онъ и выглядѣлъ сконфуженнымъ, когда староста своимъ вопросомъ показалъ ему, что онъ его не узнаетъ. Наконецъ замѣшательство пришельца, можетъ быть, увеличивалось подъ вліяніемъ пытливыхъ взглядовъ, которые устремила на него вся семья старосты, равно и я съ сотскимъ. Послѣдній впрочемъ, слѣдуя со старикомъ изъ Потапецъ къ намъ, изъ разговоровъ съ нимъ видимо успѣлъ убѣдиться въ его самоличности и теперь интересовался только тѣмъ, какъ разрѣшится здѣсь дѣло признанія утомившаго его непомѣрно скорымъ шагомъ дѣда. Усталость сотскаго выразилась тѣмъ, что онъ, какъ вошелъ въ сѣни, такъ прежде всего напился воды, а потомъ уже вошелъ въ хату и подалъ пакетъ старостѣ, озадачившему старика своимъ вопросомъ.

— Да развѣ вы, Володьку, не узнаете меня? отвѣчалъ старикъ, пока я распечатывалъ переданную мнѣ старостою бумагу. Я Илья Зиньченко, помните?..

— А, это вы были когда-то отаманомъ?

— Да я-же, никто иной, какъ-бы винясь въ этомъ, говорилъ дѣдъ. Староста обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Что-же тамъ написано?

Въ конвертѣ оказалось предписаніе становаго пристава п— кому волостному правленію съ передаточною надписью этого правленія сельскому нашему старостѣ, сущность-же предписанія заключалась въ томъ, что изъ г. Ананьева херсонской губерніи препровождается назвавшійся крестьяниномъ нашего села Илья Зиньченко,

а потому предписывается предъявить его обществу и буде таковое признаетъ, то водворить его въ нашемъ селѣ, взыскавъ съ него Зиньченка или, если у него ничего нѣтъ, то съ общества какую-то мелкую сумму денегъ за путевое довольствіе и выданные ему коты. На случай-же непризнанія онаго Зиньченка обществомъ предписывалось представить его подъ строгимъ карауломъ въ становую квартиру. Пока я все это по порядку читалъ и послѣ прочтенія объяснялъ ничего не понявшему изъ бумаги старостѣ, въ избѣ всѣ пріутихли, только дѣти чмыхали носами.

Староста нахмурился, обдумывая, какъ поступить ему въ семъ случаѣ, и не отвѣтилъ ничего на два-три вопроса старика, заюлившаго опять послѣ прочтенія мною бумаги и сдѣланныхъ объясненій и какъ-бы спѣшившаго этими вопросами уничтожить всякое сомнѣніе, прервать неловкое молчаніе. По всей его лихорадочности видно было, что онъ опасался отказа въ принятіи его. Упоминаніе о взысканіи денегъ съ общества усиливало его сомнѣніе. Спрашивалъ онъ о комъ-то изъ сельчанъ, живы-ли они. За молчавшаго и въ раздумьи почесывавшаго затылокъ старосту отвѣчала его жена, обрадовавшаяся случаю вступиться въ дѣло, чему до сихъ поръ мѣшала нѣкоторая оффиціальность обстановки.

Староста, сообразивъ что-то и какъ-бы только въ тотъ моментъ послышавъ предлагаемые старикомъ вопросы, обратился въ свою очередь къ нему съ вопросомъ:

— Ну, а еще кого вы, *диду*, тутъ знаете?

Дѣдъ поспѣшно началъ перечислять нѣсколько именъ и прозвищъ; староста послѣ каждаго изъ произнесенныхъ именъ, не измѣняя своей нахмуренности, кратко повторялъ:

— Эге-жъ, такъ! и посматривалъ на *дида*.

— Ну, а за якого-жъ оконома (т. е. въ бытность какого эконома) вы змандрували одъ насъ? спросилъ онъ наконецъ.

Дѣдъ какъ-то смѣшался, но сейчасъ-же оправился и понуро отвѣтилъ:

— Да все-жъ за того...

— Которого?

— Та того-жъ пропадющого... отвѣчалъ нехотя дѣдъ и замялся.

Мнѣ уже надоѣдалъ этотъ безцѣльный, по моему убѣжденію, допросъ, такъ какъ и я вполнѣ убѣдился въ самоличности старика,

но послѣдніе вопросы и уклончивость отвѣтовъ допрашиваемаго возбудили интересъ минуты.

— Якого пропадющого?

— Да того-жъ клятого, здорового ляха...

Старостиха даже пригнулась и лѣзла бойкими глазами въ душу дѣда.

— Якого ляха? якъ ёго звали? не отставалъ староста, то опуская глаза и что-то соображая, то пытливо вскидывая ихъ на старика.

— Да Богуцькимъ-же! выговорилъ наконецъ дѣдъ.

— Да развѣ-жъ онъ пропалъ? спросилъ староста опять.

— Пропалъ, хмуро, отрывисто отвѣтилъ дѣдъ и потупилъ глаза.

— А мы объ этомъ и не слыхали, сказалъ староста и что-то лукавое на мгновеніе блеснуло въ его глазахъ. Гмъ, гмъ! не слыхали мы.

— Да и я навѣрное не знаю, а такъ слышно было между бурлачнею, что пропалъ, а я и себѣ говорю. А я его и не видалъ съ той поры, вотъ и побожиться не грѣхъ... Что-жъ, ведите меня на громаду,—какъ-то вдругъ, какъ-бы спохватившись, сказалъ дѣдъ.

При этой ни къ чему не идущей божбѣ староста опять было впился глазами въ дѣда и еле замѣтно покачалъ головою. Но тѣмъ не менѣе оставилъ свой допросъ и, надѣвая свиту съ пришпиленнымъ знакомъ и подпоясываясь, только почмыхивалъ подозрительно. Сотскаго мы отпустили съ моею роспискою въ разносной книгѣ и вышли, предшествуемые старикомъ, изъ хаты.

Какими ужъ путями облетѣла село вѣсть о приводѣ давно ожидаемаго бурлаки, я не знаю; но что въ селѣ объ этомъ уже знали, видно было по числу дѣтей, сбѣжавшихся къ воротамъ двора староты. По улицѣ сюда же, опережая другъ друга, бѣжали хлопчики съ развѣвающимися бѣлыми чубами (лѣтомъ волосы у дѣтей на солнцѣ выцвѣтаютъ до чисто льнянаго цвѣта). Отъ избы старосты, расположенной на бугрѣ, видна была часть села и видно было, какъ сельчапе по своимъ усадьбамъ подходили къ воротамъ и плетнямъ, прилегающимъ къ улицѣ, по которой должны проводить бурлаку. Вдоль по улицѣ появилось больше, чѣмъ въ обыкновенное, хотя бы и праздничное время очипковъ, брилей, шапокъ надвинувшагося къ улицѣ народа.

Сейчасъ же за порогомъ старостиной хаты, оглянувъ часть села, которая видна была отсюда, старикъ оживился, опять явилась въ немъ таже лихорадочность, таже нервность и онъ спѣшно зашагалъ къ воротамъ, отъ которыхъ шарахнулись дѣти. На ходу не внятно скороговоркой старикъ указывалъ, гдѣ кто живетъ, на что староста еле успѣвалъ давать объясненія, или подтверждая указанія, или говоря: «о! винъ уже рокивъ десять якъ померъ!» Дѣдъ вскоромашъ крестился, говоря «царство небесное!» и опять начиналъ указывать, тарантить, поворачивая во всѣ стороны голову и все и всѣхъ осматривая глазами, надъ которыми опять поднялись высоко густыя его брови. Очевидно, стыдясь своего грязнаго бѣлья, дѣдъ запахнулъ полы кожуха и придерживалъ ихъ лѣвою рукою, а правою размахивалъ на ходу и показывалъ намъ, гдѣ кто жилъ въ его время. Дѣти валили за нами цѣлою толпою, а встрѣчавшіеся торопно прижимались къ плетнямъ, давая намъ дорогу.

Мы приближались къ хаткѣ солдатки Феськи, дочери старика бурлаки. Въ этомъ мѣстѣ сосредоточивался весь интересъ настоящаго событія, это, такъ сказать, былъ фокусъ всей драмы, и всѣ это чувствовали—сюда сошлось больше всего людей. На бугоркѣ около бѣдной маленькой хатенки горемычной солдатки Феськи стояли двѣ женщины. Молодыя, красивыя, въ праздничныхъ костюмахъ, онѣ, склонясь одна на другую и обнявшись, представляли собою картинную группу на темномъ фонѣ сосѣдняго сада. Всѣ какъ-то попримолкли, даже дѣти замолчали со своимъ пискливымъ: «диви, диви!» Старикъ все также жадно оглядывалъ улицу, людей, хаты, все также торопливо шагалъ.

— А що, диду, не познаете онъ тихъ молодыць? какъ то рѣзко и громко сказалъ староста, будто брякнулъ по натянутымъ нервамъ всѣхъ.

— Ни, не вгада . . . но не кончилъ дѣдъ.

Разомкнувшись, съ воплемъ: «таточку-жъ ты нашъ! Риднесенькій»!.. кинулись къ старику Феська и Остапчиха (это они стояли на бугоркѣ). Какъ вкопаный, остановился старикъ на всемъ своемъ скоромъ ходу, отшатнулся, поднялъ руки, глянулъ своими старыми помутившимися глазами и буквально упалъ на обнявшихъ его плачущихъ дочерей. У всѣхъ насъ навернулись слезы на глаза, женщины всхлипывали, вторя плачу Феськи и Остапчихи, дѣти такъ

и остались съ разинутыми ртами, только у него, этого стараго бурлаки, этого изгнанника судьбы, не стало слёзъ на эту минуту, на эту встрѣчу: онъ только склонилъ свою сѣдую голову на головы припавшихъ къ нему дочерей и прикрылъ ихъ цвѣтные платки своею длинною растрепанною бородою. Староста потупился, ковыряя землю палочкою и слегка мотнулъ головою, какъ-бы стряхивая нахлынувшее нѣжное чувство...

Вся эта сцена встрѣчи длилась минуты двѣ, но я буду долго помнить ее. Долго мнѣ стояла въ глазахъ эта группа—плачущія, молодыя красивыя женщины, обнимающія стараго, отрепаннаго бурлаку. Они не знали, не помнили его, своего отца, онъ забылъ ихъ, своихъ дочерей; но такъ или иначе они знали про существованіе свое взаимно въ данный моментъ и родственное чувство прорвалось во всей силѣ.

Сторонившіеся по сю пору сельчане столпились къ Ильѣ и его дочерямъ, послышались вздохи и возгласы: «охъ, хо! бачъ! якъ-то приведе Господь! Оттаке то! Эге! и т. п. Какая то старуха признала дѣда и приставала къ нему съ распросами. Но старикъ стоялъ съ поникшей головой и еле ступая, поддерживаемый дочерьми, двигался въ срединѣ все увеличивающейся толпы.

Рѣшеніе громады съ этого момента можно было считать уже опредѣлившимся; собирать ее не нужно было, она сама собою собралась. Но тѣмъ не менѣе староста соблюлъ формальность: бумага была прочитана и объяснена и головы громадянъ на минуту посвѣшивались, палочки копнули землю, какъ-бы выкапывая отвѣтъ на заданный вопросъ о принятіи Ильи Зиньченка въ общество и объ уплатѣ за него нѣскольких рублей. Общее настроеніе было въ пользу утвердительнаго отвѣта и умный Гаврило Кваша только резюмировалъ его, давая отвѣтъ старостѣ и прервавъ неловкое молчаніе громады.

— А что-жъ тутъ толковать! Разумѣется, принимаемъ! Не отъ добра вѣдь бѣжалъ! А плата? Что-жъ? заплотитъ за него его зять, Остапецъ. Вѣдь на его-же усадьбѣ живетъ, а дѣдъ еще кой-что и поможетъ ему...

— Такъ, такъ! вѣрно! Принимаемъ! А вже-жъ заплатить!—прорвались голоса громады. Старикъ въ сторонѣ здоровался съ представленнымъ ему его зятемъ Остапцемъ.

Вечеромъ у Остапца я уже видѣлъ дѣда въ чистомъ бѣльѣ за столомъ, достаточно пьянаго совмѣстно съ другими. Тянулась заунывная пѣсня:

Охъ и доля-жъ ты доля, та доля проклятая!
Та чомъ-же ты не такая, якъ доля чужая!..

Дѣдъ много разсказывалъ про бурлачество, вспоминали прошлое не добромъ, но про Богуцкаго никто не вспомнилъ; старики щадили Илью, молодые мало знали его прошедшее.

— А вже винъ (Богуцкій) ёго (дѣда Ильи) рукъ не минувъ—кой-когда пришлось слыхать послѣ.

Борисъ Познанскій.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1])

Начало зъ Богомъ 1790-го года. Мѣсяцъ генварь.

1-го палъ неболшой снѣгъ, и я зъ женою отправился въ Чернявку къ свояку въ гости, гдѣ за гибелью снѣга пробылъ до 5-го числа. Потомъ помощію мороза 5-го числа прибылъ лѣсною дорогою по полудни въ 3-мъ часу домой благополучно. Будучи въ Чернявки во время прохода рекрутской съ Воронежа партіи, видѣлъ проданного мною въ рекруты Шидловскому крестьянина Феодора, котораго я продалъ за дурныя ево дѣла и намѣреніе къ побѣгу. Боже! управи путь ево. А жену ево отпустилъ я къ братьямъ въ Михальполья, село князей Соколинскихъ, ибо у этой дѣтей съ мужемъ не было.

16-го числа по полудни въ 9-мъ часу, вышедъ я на дворъ съ покоевъ своихъ, увидѣлъ дивныя два круга около мѣсяца: одинъ весма великой и ясной, а другой потемнѣе, и не таковыя, какъ бываютъ обыкновенно знакомъ около сонца или мѣсяца противу какой непогоды или вѣтра, но другимъ отмѣннымъ положеніемъ, почему и бывшихъ у меня тогда гостей вызвавъ на дворъ, смотря, удивлялись доволно. Кое произшествіе, впредь для памяти и что по оному послѣдуетъ, изображено здѣсь.

Кругъ ясный въ началѣ 10-го часа исчезъ, а темнаго знакъ еще былъ. Въ одинадцатомъ-же часу паки ясный кругъ прежнимъ дѣйствіемъ показался не на своемъ мѣстѣ, а къ востоку, а потомъ въ 12-мъ часу оба круга изъ видѣнія очей скрылись совершенно. 17-го числа, то есть, на другой день сего явленія, день былъ весма

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., апрѣл. кн., стр. 729—763.

ясный и тихій, слѣдователно сіи круги вѣтра и непогоды не значили, а что нибудь другое отъ Провидѣнія Божія предвѣщали. Въ семъ генварѣ мѣсяцѣ сталъ хлѣбъ дешевле и продавалась аржаного четверть 2 р., а грешневаго 1 р. и 20 к., вину-жъ цѣна прежняя.

Февраля 8-го отправился я въ Воронежъ для торговъ объ откупахъ винныхъ для Шидловского и пробывъ тамо марта по 15-е число, а какъ сего числа выѣхали съ Воронежа и пріѣхали къ Дону въ село Манашево, то за невозможностію переѣхать чрезъ Донъ, простояли въ томъ селѣ по 19-е число. И всякій день, отъ скуки выходя на берегъ, удивлялись силѣ и дѣйствію воды, какъ бурею и силою своею ломало ледъ и составляло со оного великия горы. Ломило также стоявшія въ гаваняхъ великія будари и причиняло хозяевамъ великой убытокъ. Потомъ, заплативъ перевозщикамъ за переправку нашего обоза 13 р., съ великою нуждою и страхомъ, 19-го числа по полудни въ 2-мъ часу переправились черезъ Донъ и поспѣшили домой. Прибылъ я 22-го числа въ великую пятницу рано домой и готовился въ великую субботу сообщиться святымъ Тайнамъ, чему Богъ силный меня и удостоилъ 23-го числа въ 2-мъ по полудни. И такъ сей день и празновалъ я благополучно. Потомъ 27 числа заболѣлъ силно зубами и сею несносною болезнію страдалъ апреля по 7 число, мучаясь и день и нощъ, изыскивая и выдумывая разныя лекарствы. Но не имѣлъ никакой помощи, пока отпѣлъ угоднику Христову Антипѣ молебенъ и отъ того времени получилъ облегченіе. Апреля-жъ въ первыхъ числахъ бывшая наша старая деревянная церковь сломана и свезена въ село Афонкино, цѣною за 500 р., зъ бывшимъ въ оной старымъ иконостасомъ. Маия 9-го въ 11-мъ часу по полуночи привезенъ новой, купленный мною въ Воронежѣ, колоколъ, вѣсомъ въ 49 пудъ и 25 фунтовъ. Купленъ не на мои, а на общественныя деньги, но слава Богу, что моимъ стараніемъ и укладою на оной толко 25 р. денегъ собственныхъ. Боже! до сего времени 160 лѣтъ, какъ слобода поселена Слоновка, а имѣла до прежде купленного мною 13 пудоваго, только въ 2$^1/_2$ пуда колоколъ. Богу тако угодно было.

Мая 25-го, день своего рожденія и тезоименитства и исполненія 40 лѣтъ отъ рожденія, гулялъ я въ домѣ зъ гостями и на горѣ въ новомъ саду съ пушечною палбою, слава Богу, благополучно. 31-го привезенъ съ коренной ярмонки купленной ктиторемъ

Петромъ Ступаловымъ на деньги Михайлы Корецкого съ протчими потиръ съ дикосомъ, звѣздою и лжицею, вѣсомъ въ 6 фунтъ и 83 золотника, цѣною въ 200 р. Я на дискосѣ подъ исподомъ здѣлалъ подпись таковую: «1790 года маия мѣсяца 24-го дня купленъ сей дискосъ съ потиромъ, звѣздою и лжицею отъ подаянія слоновского жителя Михайлы Корецкого съ протчими въ коренной ярмонки». И такъ, слава Богу, въ церкви нашей стало два сосуда съ дискосами серебренныя съ позолотою. Въ семъ мѣсяцѣ начали класть новую каменную колоколню на воротахъ ограды и золотить новой иконостасъ, а иконы писцомъ всѣ окончены. Июня 3-го въ 4 часа по полуночи умре михайловской протопопъ Иосифъ Ковалевскій; былъ мнѣ дядя по матушкину роду. 11-го выѣхалъ я въ Харковъ для покупки связного на колоколню желѣза, котораго и куплено съ рѣзнымъ мелкимъ желѣзомъ 128 пудъ и 18 фунтовъ, цѣною по 1 р. 50 к. пудъ связного, а срѣзного по 1 р. 70 к. пудъ. Изъ Харкова, по свиданіи зъ своими родственниками, возвратился благополучно. Хлѣбу въ семъ мѣсяцѣ была продажа арженому четверть 1 р. 50 к., грешневой 90 к., пшеница и пшено 4 р. 50 к., а вина полугарного ведро 1 р. 50 к., пѣнного 1 р. 80 к. Въ сихъ мѣсяцахъ весма горѣла силная со шведами на сушѣ и морѣ война, и самыхъ началныхъ генераловъ много убито и ранено; о чемъ ясно можно видѣть изъ получаемыхъ газетовъ мною сего 790-го года.

Июня 29-го отправился я по дѣламъ Шидловского въ Воронежъ и заключилъ тамо контракты объ откупахъ городовъ: Валуекъ, Бирюча и Мценска впредь на 4 года. Изъ Воронежа-жъ пріѣхалъ домой 12-го августа и засталъ всѣхъ своихъ домашнихъ въ добромъ здоровьи. Сія путь была мнѣ не совсѣмъ здорова, ибо былъ я боленъ лихорадкою и поносомъ. Въ началѣ-жъ августа получено увѣдомленіе по монаршей волѣ о заключеніи со шведами мира на прежде бывшихъ границахъ. И сіе удивително, что Россія, имѣвъ въ рукахъ побѣду и въ среди самаго огня, нечаянно заключила миръ на тѣхъ-же границахъ, каковы были и до войны. Но о сей тайнѣ не намъ испитивать, а коронованнымъ главамъ и ихъ совѣтникамъ то извѣстно. Примѣчателно, что наблюдены съ другой стороны лутшія выгоды, а не здѣсь. Съ турками-жъ на сушѣ и моряхъ война въ сіе время горѣла жестоко. Сентября 13-го въ каменной нашей церквѣ новой иконостасъ позолотою и всѣмъ, что подлежало,

окончаніе возъимѣлъ и поставленъ весь на своемъ мѣстѣ. Многия во время празника Воздвиженія Креста какъ здешнія, такъ и сторонныя люди, смотрѣли на оной съ прилежаніемъ и восхваляли сіе богоугодное дѣло, яко въ здешнихъ мѣстахъ превосходное отъ протчихъ. Слава Богу, тако изволившему устроить начать и совершити!

Посовѣтовавъ зъ своими слоновскими жителми Ѳеодоромъ Панченкомъ и протчими 19-го октября, отправился въ Курскъ и тамо въ казенной палатѣ заключилъ контрактъ впредъ на четире года поставлять вина въ Новой Осколъ по сто по дватцати ведръ въ каждый годъ, ценою ведро по 95 копѣекъ. Принявъ къ себѣ въ товарищество пять человѣкъ казенныхъ жителей и за себя и оныхъ отдалъ казнѣ въ залогъ своихъ крѣпостныхъ людей, а съ ними договорился по всягодно получать отъ нихъ по триста рублей и поставку ставить имъ-же. Зъ своихъ заводъ исъ Курска прибылъ 9-го ноября благополучно. Въ сей пути дорога отъ непогоды жестоко меня безпокоила. На сихъ-же дняхъ получено извѣстіе, что на кубанской сторонѣ турокъ и горскихъ черкесъ съ абазынцами до двадцати тысячъ разбито нашими войсками, коими командовалъ нашъ курской намѣстникъ графъ Дебалменъ, который по разбитіи оныхъ чрезъ шесть дней умре.

Октября 29-го умре бригадиръ старикъ Степанъ Ивановичъ Тевяшовъ. Былъ человѣкъ весма добродѣтелной и доброй, доживъ старости 90 лѣтъ и съ чистымъ покаяніемъ умре и погребенъ въ своей слободѣ Колыбелки надъ Дономъ, пониже города Острогожска. Я его милостми весма много ползовался и получилъ въ подарки лошадей и хлѣбъ, за что ему служилъ во время слоновскихъ жителей прозбъ на него о мелницѣ и успѣлъ здѣлать тишину, и прежнее владѣніе, какъ было, ему доставилъ чрезъ суды. Хлѣбу въ сихъ мѣсяцахъ была продажа арженой 1 р. 80 к., грешневой то-жъ, ибо во все сіе время была силная гроза и дожди, а снѣгу вовсе не было. Вино пѣнное 1 р. 80 к., полугарное 1 р. 50 к. Дрова за непогодой весма дороги.

6-го декабря приѣхалъ ко мнѣ Евдокимъ Шидловской со всѣмъ своимъ семействомъ и просилъ меня о поѣздки въ Санктъ-Питербургъ по нужнымъ для него дѣламъ о деревняхъ айдарскихъ, которыя были въ спорѣ съ маіоршами Бѣгиною и Удаловою, а ему

достались покупкою съ хлопотами; куда я ѣхать для сходныхъ мнѣ о чинѣ и протчемъ выгодъ согласился на всемъ ево коштѣ и отправился благополучно туда декабря 16-го зъ Божіею помощію, а что въ пути и тамо послѣдуетъ, записывать не премину, если Богъ продлитъ мою жизнь. Поѣхалъ и теперича въ пути.

17-го декабря въ 1-мъ часу по полудни благополучно зъ Божіею помощію отъправился въ санктъ-петербургской путь и прибылъ въ Курскъ 20-го въ 4-мъ часу по полудни, гдѣ удержанъ былъ господиномъ губернаторомъ Афанасіемъ Николаевичемъ Зубовымъ до 25 и въ празникъ Рожества Христова послѣ обедни разъговѣвши, пустился въ 3-мъ часу въ путь, поставя въ Курскѣ лѣтнюю повозку на зимней, ибо отъ Слоновки не было до Курска снѣгу, а отъ Курска снѣгъ, и прибылъ въ Орелъ 26-го числа въ 11-мъ часу по полуночи. Въ Орлѣ былъ у вицъ-губернатора, прежняго моего милостивца, Захара Ивановича Карнѣева, а потомъ, по исправленіи дорожнихъ нуждъ, выѣхалъ съ Орла въ 5-мъ часу по полудни. Во Мценскъ приѣхалъ въ 3 часа по полуночи и, перемѣня лошадей, ѣхалъ ни мало нигдѣ, кромѣ перемѣны лошадей, не останавливаяся. Въ Тулу-жъ прибылъ 27-го въ 4 часа по полудни, гдѣ взявъ мало роздыху чрезъ ночъ и поутру отдавъ писмы князя Григорію Ивановичу Вяземскому и купя пару пистолетъ и что еще нужно было для дороги, выѣхалъ 28-го въ 10-мъ часу по полуночи, слѣдуя денно и ночно съ перемѣною лошадей. 29-го числа въ 11-ть часовъ по полуночи прибылъ въ Москву и тамо остановясь на квартирѣ, въ Малой Ордынкѣ, Федора Ивановича Шидловского, днемъ и вечеромъ ѣздилъ по улицамъ разъсматривать сей древній царствующій градъ, и видѣлъ дивная, памяти достойная зданія, превеличайшую пушку и колоколъ, а 30-го по утру, взявъ отъ господина московского губернатора, Петра Васильевича Лопухина, подорожную, отправился въ 3 часа по полудни до Зарайска чрезъ Бронницы и Коломну. Туда прибылъ 31-го въ 8-мъ часовъ по полуночи. Сія путь была медлителна за неимѣніемъ на станціяхъ лошадей. 31-е пробылъ въ Зарайскѣ и ходилъ разсматривать такъ-же и сей древней и памяти достойный городъ, а 1-го генваря, получа отъ тамошняго купца Желвунова, по писму Евдокима Степановича Шидловскаго, тысячу рублей денегъ, въ 9-мъ часу по полуночи выѣхалъ и слѣдуя чрезъ городъ Коломну, тамо для новаго года обѣдалъ въ

харчевнѣ. Потомъ, взявъ лошадей, пустился въ 12-ть часовъ тою-жъ дорогою чрезъ Бронницы, прибылъ въ Москву неуступно въ 12-ть часовъ, ибо ночъ была очень свѣтла, лошади вездѣ по станцыямъ готовыя и дорога покойная.

1791-й годъ. 2-го генваря по утру ѣздилъ съ Федоромъ Ивановичемъ Шидловскимъ въ древней успенской московской соборъ; тамо слушали обѣдню, которая отправляема была стариннымъ порядкомъ и напѣвомъ; по отпустѣ-же литургіи прикладывались святыхъ чудотворцовъ московскихъ мощамъ. Въ томъ числѣ и меня удостоилъ Богъ прикладыватся мощамъ, лежащымъ въ Успенскомъ соборѣ Петра, Іоны и Филиппа московскихъ чудотворцовъ и протчимъ, лежащымъ въ придѣлѣ, многимъ частицамъ святыхъ мощей, въ томъ числѣ и персту великомученницы Варвары, который весма чистъ и бѣлъ. Вышедъ-же изъ соборной церквы, ѣздили ко многимъ достопамятнымъ мѣстамъ и древнимъ зданіямъ, любопытствуя видѣть таковую древность. А приѣхавъ отътоль, былъ въ домѣ князя Ивана Николаевича Трубецкого и видѣлся съ сестрою жены моей Авдотьею и братомъ Андреемъ Лаврентьевичемъ, и тутъ близъ двора Трубецкого видѣлъ преогромное и древнее монетнаго двора зданіе, которое отъ ветхости начало уже валится. Боже всемогущый! Каковы были въ древности огромныя зданія, но не наблюдена архитектура, а посему внутренность оныхъ всегда имѣла превеликую темноту и крѣпость. И сіи гдѣ стоятъ между новыми архитектурными зданіями, то предъставляютъ нечто иное, какъ развалины горъ. Но уже мало остается древняго, а обнаруживается болше новое и красивое, изъ коихъ первой достоинъ примѣчанія воспитателной домъ, загороднія и внутренныя государевы дворцы, церквы и присудъственныя мѣста и протчия казенныя и господскихъ домовъ зданія, а о внутренномъ оныхъ уборѣ писать оставляю, потому что нынешнаго свѣта великолѣпіи всѣмъ извѣстны.

Съ Москвы отправился 2-го-жъ числа по полудни въ началѣ 3-го часа и пустился вновъ здѣланною до Санктъ-Питербурга дорогою. А какъ оная была, по тогдашней не весма студеной погодѣ, хороша и ночи лунныя, то, перемѣняя денно и ночно лошадей по станціямъ, прибыли въ Торжокъ 3-го числа въ 6-ть часовъ по полудни. Тамъ остановился я ночевать, чтобъ отъ дорожнихъ толчковъ дать бокамъ и спинѣ мало поотъдохнуть. Исъ Торжка 4-го числа

въ 6-мъ часу отправился въ дорогу, чрезъ губернской городъ Тверь, лежащей на вершинѣ реки Волги, и по притчинѣ выпадшаго болшаго снѣгу и дорожнихъ ухабовъ стала путь не такъ способна и покойна; однако не взырая на то, оную продолжалъ и 5-го числа въ началѣ 5-го часа по полудни прибылъ въ Новгородъ, хотя мнѣ чрезъ Новгородъ ѣхать и не слѣдовало, ибо есть новая прямая до Санктъ-Петербурга дорога. Но любопытство видѣть старой и древний столичной городъ, а равно и празникъ Богоявленія Господня туда меня завели. А остановясь на постояломъ дворѣ, былъ во всеночной въ церкви во имя Варлаама Хутинского чудотворца, въ придѣлѣ устроенной. А въ обѣдни былъ въ соборѣ и предъ обѣднею прикладывался въ болшой софійской церквѣ соборной къ мощамъ Никиты, епископа новгородского чудотворца. Обѣдню совершалъ викарій епископъ новгородскій и старорусской Афанасій съ соборомъ священства. А по окончаніи шла церемоніи къ водоосвященію на рѣку Волховъ, протекающую близъ каменной городской стѣны, а по освященіи, при огромномъ колокольномъ звонѣ и превеликомъ собраніи народа, возвратились въ церковъ. Сей древній городъ много нынѣ возобновленъ и выстроены по плану казенныя и городскія частныя строенія: прямыя улицы, церквы и протчее даютъ величественной видъ городу. Однако есть еще зданіи и старинного покроя, но въ великомъ пренебреженіи.

По обѣдѣ въ началѣ втораго часа отправился я въ путь и по прежнему не останавливаяся нигдѣ, кромѣ перемѣны лошадей (коихъ тогда по станціямъ за проѣздомъ новгородскаго намѣстника Архарова исъ Санктъ-Петербурга во Тверь было весма мало), оставя новую дорогу и село Царское влѣвѣ, прибылъ въ Санктъ-Питербургъ 7-го числа по полудни въ 5-мъ часу и остановился въ ямской московской на постояломъ дворѣ, и тамо простоялъ двои сутки, покуда могъ въ городѣ сыскать квартиру для себя спокойную.

9-го числа, прискавъ себѣ квартиру, зъ заплатою въ мѣсяцъ по 5 рублей, близъ церквы Симеона Богопріимца, въ домѣ нѣмца Івана Івановича Цедерберга, я переѣхалъ съ постоялого двора на оную. Началъ заводить хозяйство, искупя къ тому все потребное на щетъ моего благопріятеля Шидловского.

10-го по утру въ 9-мъ часу, начиная по дѣлу, порученному мнѣ, хожденія, былъ въ домѣ генералъ прокурора князя Александра

Алексѣича Вяземского съ писмомъ у секретаря ево и кавалера Федора Александровича Голубцова, потомъ у него-жъ и того-жъ чила по полудни въ 5-мъ часу. На другой день 11-го у секретаря сенатского 2-го департамента Акима Ивановича Іванова и оберъ секретаря Ананьевскаго, у коихъ былъ принятъ ласково и, о чемъ слѣдовало, говорилъ откровенно. Потомъ былъ у оберъ-прокурора Федора Михайловича Колоколцова, который удержалъ меня, разговаривая о своихъ, состоящихъ близъ слободы Слоновки, деревняхъ, чрезъ три часа. 12-го, какъ день воскресный, былъ у обѣдни въ церкви близъ своей квартиры Семиона Богопріимца и тотъ день никуда болше не выходилъ. 13-го былъ вторично въ домѣ оберъ-прокурора Колоколцова, разговаривая съ нимъ о порученномъ мнѣ о Шидловского мелницѣ дѣлѣ, а 14 умре у него дочь, коя была въ замужествѣ за княземъ N.

14, 15, 16, 17 и 18 числы всякое утро ѣздилъ по городу по разнымъ дѣламъ и былъ у брегадира Дмитрія Марковича Полторацкого и у господина маіора Удалова, противу коего имѣю въ сенатѣ дѣло о деревняхъ. Онъ меня и жена ево принимали ласково, а потомъ былъ и у меня въ квартирѣ. Въ церквахъ же былъ на сей недѣли: соборѣ Казанскомъ, у Спаса на Сѣнномъ и у Вознесенія. 19-го, какъ день воскресный, былъ въ соборѣ Петропавловскомъ, что въ Петропавловской крѣпости, и прикладывался къ мощамъ многихъ святыхъ, хранящихся близъ вратъ, въ иконѣ здѣланныхъ и положенныхъ съ надписмы въ ковчегѣ. Въ томъ числѣ есть мощи ангела моего Иоанна Предтечи. Видѣлъ крестъ слоновой кости за стекломъ, здѣланный руками блаженныя памяти Петра Великаго. Тутъ стоятъ гробы царей и множество разныхъ знаменъ, вымпеловъ флаговъ шведскихъ и турецкихъ и ключи города Очакова и Бендеръ, а ввечеру былъ въ театрѣ, гдѣ представляема была комедія, названіемъ «Домовой». Все сіе видѣнное казалось мнѣ по новости великимъ удивленіемъ. Протчіи дни также занятъ былъ поѣздкою къ разнымъ особамъ; а 23-го былъ въ монастырѣ Александро-Невскомъ, слушалъ въ теплой, близъ монастырскихъ воротъ состоящей церквѣ литургію, а по окончаніи оной ходилъ въ вновъ выстроенную царскимъ иждивеніемъ церковъ и прикладывался мощамъ святого и благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Сія церковъ здѣлана новымъ манеромъ и весма высокимъ художе-

ствомъ. Иконостасъ во оной мрамора самаго лутшаго, врата и вся принадлежащая иконостасу рѣзба сребра кованого съ позолотою. Иконы всѣ, какъ мѣстныя, такъ и протчія, италианской работы; паникадилы и подсвѣчники серебрянныя. Гробница для мощей Александра Невскаго и при немъ царскія регаліи и киотъ отъ сребра кованного, высокой весма работы. Можно сію церковъ сравнить во всемъ съ церковію Иерусалимскою святая святыхъ. Монастырь зѣло великолѣпенъ, и въ немъ живетъ митрополитъ Гавріилъ. Въ старой церквѣ и близъ монастыря на кладбищѣ гробы великихъ господъ зѣло украшены болшою частію отъ мраморовъ драгихъ и золота, съ надписмы тому приличными. 24-го былъ въ церкви Преображенія, гвардіи Преображенского полку, и сія церковъ великолѣпна и украшена иконами, изъ коихъ многія имѣются съ кованными рызами, вызлащенными и съ финифтью, лампады и подсвѣшники серебренные, а вечеромъ былъ въ комедіи въ деревянномъ театрѣ. 25-го былъ въ церквѣ Пантелеймона, и сія церковъ украшена доволно, толко не такъ богата. 26-го былъ день воскресный, и я, желая нетерпѣливо видѣть свою царицу, по здѣланіи себѣ новаго мундира и всего, что подлежитъ къ чистому одѣянію, ѣздилъ съ Николаемъ Корецкимъ въ зимній дворецъ къ обѣдни. Онъ, какъ бывалъ прежде во дворцѣ, то и былъ мнѣ путеводителемъ. Мы, пріѣхавъ прямо къ болшому парадному въ царской дворецъ крилцу, пошедъ нижними многими проходами и пришлы въ покои, гдѣ жилъ придворной конторы регистраторъ Иванъ Павловичъ, малоросіянинъ съ Кіева, прозваніемъ Кустъ-Кисловичъ. И оставя тамо сертуки и поправя на головахъ волосы, пошли въ однихъ мундирахъ и башмакахъ въ парадныя покои и, прошедъ чрезъ болшой машкарадной зеркалной залъ, пришлы въ зборную горницу. Здѣсь уже собрано было множество генералитета и протчихъ господъ, гдѣ постоявъ, ходили въ покои, определенныя для великого князя, а отътоль возвратясь, пришли паки въ зборную. Какъ вдругъ всѣ встревожились и двери со внутренныхъ покоевъ отворились, въ кои изволили слѣдовать отъ царицы великія княжны Александра Павловна и Елена Павловна, коимъ кавалергарды, стоявшія у дверей здѣлали ружьемъ на караулъ, а мы всѣ имъ поклонились, чѣмъ отвѣчали и они всѣмъ. Потомъ подошедъ ко мнѣ бывшей въ Курскѣ мой милостивецъ, вицъ-губернаторъ Аврамъ Ивановичъ Анненковъ, разговари-

валъ со мною о украинскихъ дѣлахъ и моемъ въ Петербургъ приѣздѣ. По окончаніи-жъ разговора пошли мы съ Корецкимъ чрезъ двѣ залы, дорого убранныя, и пришли въ придворную болшую церковъ. И какъ въ оной литургія еще не начиналась, то мы, ходя въ оной, разсматривали сей великолѣпной храмъ. Онъ не весма великъ, но украшенъ дорого. Потомъ пришедъ камеръ-лакей въ половинѣ 12-го часа, велѣлъ начинать литургію, коя тотъ-же мигъ и началась. Оную совершалъ придворный одинъ священникъ съ протодіакономъ, который прежде былъ въ Бѣлгородѣ при архіереи Феоктистѣ, и онаго царица проѣздомъ изъ Крыму указала взять ко двору. И какъ литургія шла весма поспешно, то я стоялъ между страха и надежды, что царица въ сей день въ церквѣ быть не изволитъ. Но какъ толко на великомъ входѣ протодіаконъ началъ поминать благочестивѣйшую государыню, то она изволила притить со внутреннихъ своихъ покоевъ со всею свитою. Впереди оной шли камеръ-юнкеры, а за ними изволила шествовать ея величество императрица Екатерина Алексѣевна, а за нею великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Өеодоровна въ рядъ, за ними великія князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, потомъ фрелини и генералитетъ. Царица, ставъ на свое мѣсто и великие князья, молились умиленно и кланялись на обѣ стороны, коимъ и мы кланялись. Стояніе ихъ въ церквѣ было весма чинно, почему и мы не могли шевелится, а вытянувъ грудь, стояли храбро. По окончаніи литургіи, вышедъ изъ алтаря Гавріилъ митрополитъ и съ нимъ три архиерея и духовникъ ея величества, подходили къ рукѣ Государыни и великихъ князей. Потомъ изволила царица и великія князья выйтить съ церквы болшимы дверми въ парадныя покои, а мы съ протчими господами, взявъ отъ митрополита благословеніе, пошли тою-жъ дорогою обратно на квартиру и заходили еще во многія комнаты разсматривать великолѣпное внутреннее украшеніе. Тутъ достойны примѣчанія двѣ писанныя картины, изъ коихъ одна представляетъ полтавскую баталію, а другая побѣду надъ генераломъ Левенгауптомъ. О одѣяніи царицы и великихъ князей писать оставляю, ибо ихъ драгоцѣнность неописанна. Придворное-жъ обхожденіе какъ генералитета, такъ и протчихъ весма ласково и учтиво и пышности нигдѣ никакой не видно. Ходить всякому, имѣющему чинъ и порядочно одѣту, не воспрещается нигдѣ, кромѣ вну-

тренныхъ покоевъ, въ которыя кавалергарды, стоящіе на караулѣ, никого не впущаютъ. Боже Всемогущій! Какое множество въ одномъ домѣ покоевъ, огромность оныхъ и внутреннее украшеніе и драгоцѣнность, порядокъ и чистота! Кто не имѣетъ, въ первый разъ идучи во дворецъ, себѣ вождя, не можетъ сыскать дороги, ибо есть сущей старинной лабиринтъ.

27-го былъ у разныхъ господъ по своему дѣлу по утру, а въ вечеру на комедіи, на которой представляли двухъ охотниковъ стрелковъ, а потомъ балетъ «Медея и Язонъ». Сей балетъ удивленія весма достоинъ. 29-го купилъ себѣ пенковую трубку за 19 р., оправленную серебромъ. 28, 29 и 30 не имѣлъ никакихъ дѣлъ, а 31-го былъ въ комедіи, на которой представляли въ болшомъ каменномъ театрѣ Мелника-ворожея, потомъ балетъ «Осужденный за измѣну офицеръ на смертную казнь предъ полкомъ», которой дѣйствовали весма изрядно и сожалѣнія достойно.

4-го февраля день рожденія великой княжны Маріи Павловны, и я съ Николаемъ Корецкимъ былъ во дворцѣ въ придворной болшой церквѣ у обѣдни. Ея величество государыня и великій князь Павелъ Петровичъ, и великая княгиня Марія Федоровна, и великія князья Александръ Павловичъ и Констинтинъ Павловичъ, изволили быть у обѣдни, пришедъ въ церковъ со всею свитою во время чтенія святаго евангелія въ преображенскихъ уборахъ; и государыня изволила въ церквѣ жаловать къ рукѣ духовенство, митрополита Гавріила съ протчими, а проповѣдь говорилъ одинъ изъ архимандритовъ весма кратко. По полудни-жъ въ 6 часовъ былъ въ болшой залѣ данъ балъ, на которой и мы съ Корецкимъ ходили и были тамо до 9-го часа. Балъ былъ освѣщенъ премножествомъ свѣчъ, и собраніе генералитета и протчихъ было превелико. Государыня изволила съ внутренныхъ своихъ покоевъ съ дамами выходить на балъ, и великой князь Павелъ Петровичъ былъ до окончанія онаго, а великая княгиня Марія Федоровна и великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ и великія княжны Александра Павловна и Елена Павловна изволили танцовать съ протчими дамами и кавалерами, на коихъ всѣ бывшіе обратили свои взоры. А государыня и великой князь изволили разговаривать зъ дамами и генералитетомъ. Я тогда отъ царицы и великихъ князей и княженъ стоялъ очень близко и не болѣе какъ на два аршина въ

другомъ порядкѣ, гдѣ стоя любопытствовалъ все разсматривать и слышать ихъ разговы, но они очень мало по русски разговаривали, а болшою частію на французскомъ языкѣ, и столко меня не увеселяла прекрасная придворная музыка, сколко зрѣніе на мою монархиню и ея дражайшихъ наслѣдниковъ, а найпаче великія княжны Александра Павлновна и Елена Павловна казались мнѣ своею красотою подобни ангеламъ, а о политикѣ и убранствѣ описать не можно.

Протчіи дни былъ въ разныхъ домахъ по своимъ дѣламъ, какъ и прежде; и въ военной коллегіи, и въ синодѣ, гдѣ любопытствовалъ, какъ книги печатаютъ, и купилъ тамъ Библію и повседневныя проповѣди за 9 рублей. Въ военной коллегіи есть также вещи весма достопамятныя и портреты высокой работы, и картины, а равно и лѣпныя статуи. Потомъ былъ на биржѣ и въ литейномъ домѣ, видѣлъ, какъ сверлятъ пушки машинами, а въ арсеналѣ премножество завоеванныхъ знаменъ, панцырей, пушекъ и протчего. Тутъ есть и монументъ мраморной Екатерины II-й, бѣлъ, какъ молоко, и наѣздники, сыдящіе на лошадяхъ въ дорогихъ панцыряхъ, на коихъ и смотрѣть ужасно, хотя они и мертвы. 20-го числа, какъ былъ масляницы четвертокъ и начались катаньи, то отъ любопитства ходили съ Николаемъ Корецкимъ во дворецъ и видѣли разводы караулные конной и пѣхотной гвардіи и желали видѣть, какъ царица изволитъ выѣзжать въ 12-мъ часу на катаньи. Но она тотъ день не изволила проѣзжатся; почему мы, узнавъ о томъ совершенно, дабы не прошолъ вътунѣ день, ходили смотрѣть строющуюся Исаакиевскую церковъ отъ мраморовъ разныхъ дорогихъ, а потомъ, любопытствуя, какова она будетъ по совершеніи, въ маломъ каменномъ арсеналѣ исаакиевскомъ видѣли оной модель и протчия превисокой работы статуи, изсѣченныя отъ мрамора неописанной цѣны; между коими есть орелъ, зделанной отъ алебастра, держащій въ правой ногѣ молодую луну и сидящій на мраморномъ столбѣ, которыя какъ орелъ, такъ и столбъ ужасной величины, а здѣланы на знакъ побѣды турковъ и заключенія прежней войны мира. Тутъ еще хранятся многия модели строениямъ и машинѣ, которою полируютъ мраморъ. Если по той модели, которую я видѣлъ, отстроена будетъ исаакиевская церковъ, то красоты и цѣны оной описать будетъ не можно; сіе тѣмъ доказателнѣе, что на

внутренныхъ толко въ церквѣ столбахъ мраморныхъ капители ассигновано зделать въ десять милионовъ, а о протчемъ и думать ужасно. Верхи во оной будутъ также, какъ на Петропавловской колоколнѣ и адмиралтействѣ, будутъ все золотые. Кто живъ будетъ, то увидитъ, что сія церковъ выше будетъ Соломоновой и столко лѣтъ будетъ строится, а когда-бъ и не болше, ибо уже нынѣ, какъ зачата строится, есть двадцать третій годъ, а зделана толко по первые карнизы.

Февраля 23-го воскресенье и заговени на великой постъ. Я, уважая сей день и избѣгая мыслей о домѣ, ходилъ во дворецъ и былъ въ зборной залѣ болше часа, когда господа генералитетъ и протчия чины собирались. Во исходѣ-жъ 11-го часа изъволили изъ своей половины шествовать во внутренныя ея величества покои чрезъ зборную залу великия князья, потомъ княжны Александра Павловна и Елена Павловна, а Екатерина Павловна несена была на рукахъ одною фрелинею, и побывъ у ея величества мало, таковымъ-же порядкомъ великия княжны возвратится изволили обратно. Потомъ въ половинѣ 12-го часа его высочество великий князь изволилъ съ великою княгинею шествовать чрезъ тотъ-же залъ къ ея величеству, а какъ оныя прошли и мы, здѣлавъ имъ поклонъ, пошли въ церковъ придворную, то ея величество изволила уже стоять въ церкви на своемъ мѣстѣ, а великия князья пришли во время чтенія Евангелія и стояли у дверей. Когда-жъ прочтено было Евангеліе, то подошла прежде великая княгиня, а потомъ великий князь Павелъ Петровичъ къ рукѣ своей царицы и матери, и поцѣловавъ оную, поклонясь, стали въ своихъ мѣстахъ.

По отпустѣ-жъ литургіи изволили пойтить въ зборную залу всѣ вмѣстѣ, а я, взявъ отъ митрополита благословеніе, поѣхалъ на извощикѣ въ свою квартиру, гдѣ мой товарищъ Акимъ Макаричъ, госпожи маіорши Бѣгиной повѣренный лежалъ боленъ горячкою, вечеромъ-же былъ въ театрѣ на комедіи. И такъ благополучно проводилъ госпожу масленицу, а великого Могола встретилъ.

Великого поста первую недѣлю чаялъ я видѣть хотя мало клонящуюся къ посту, но тамо равно было, какъ мясоѣдъ, такъ и сіи дни, по притчинѣ множества нѣмцовъ и другихъ вѣръ народа. Сими днями уѣзжалъ я по дѣламъ, до кого была нужда и слѣдовало являтся. Потомъ, какъ узналъ, что дѣло мое отсрочено слушаніемъ въ

даль, то медлить болше не захотѣлъ, а началъ собиратся въ обратной путь и бывъ у оберъ прокурора г-на Колоколцова, оберъ секретаря Ананьевского и протчихъ.

Марта 2-го въ день недели православія былъ у обѣдни въ церкви Николы Морскаго, гдѣ отправлено было предъ обѣднею проклятіе на невѣрныхъ митрополитомъ Гавріиломъ съ двумя архиереями. Сей обрядъ удивителенъ и страшенъ зѣло. Страшенъ проклятіемъ враговъ християнской вѣры, а удивителенъ воспоминаніемъ всѣхъ за вѣру въ подвигахъ добрыхъ прославившихся.

Получивъ отъ разныхъ господъ и благодетелей писмы и содружився съ бывшимъ въ Санктъ-Петербургѣ изъ славянской округи маіоромъ Степаномъ Давидовичемъ Божедаровичемъ, отправился съ Петербурга 13-го марта въ 1-мъ часу по полудни на двухъ повозкахъ, нанявъ отъ Петербурга до Новгорода долгихъ лошадей.

Въ Новгородъ прибыли 16-го въ 9-мъ часу по утру и взявъ почтовыхъ уже лошадей, пустились въ путь. Приехали въ Валдай 17-го въ 11-мъ часу по полуночи, въ Волочокъ 18-го въ 5-мъ часу по полуночи, въ Торжокъ 18-го въ 4 часа по полудни, въ Тверь 19-го въ 5-мъ часу по полуночи, а 20-го въ Москву въ 8-мъ часу по полуночи и остановились въ трактирѣ, называемомъ Цареградскомъ близъ Красной площади и присудственныхъ мѣстъ. Отобѣдавъ, ходили въ гостинной дворъ для разныхъ покупокъ, гдѣ пробыли до самаго вечера; потомъ отъужинавъ, легли спать.

Въ 11-мъ часу по полудни проснувшись, я почувствовалъ въ груди пресилную колику, потомъ тошноту пресилную съ великою болью и не чаялъ дождать свѣта, а какъ разсвѣло, то отправилъ бывшаго со мною повѣреннаго Безъгиной за докторомъ, который поспѣша ко мнѣ, давалъ нѣкоторыя лекарствы и симъ, а паче Божіею помощію боль мало по малу начала уменшатся и 21-е число, по причинѣ моей болѣзни, пробыли мы въ Москвѣ. Тутъ наполнено было весма страха сердце мое и не чаялъ остатся въ живыхъ.

22-го какъ толко стало мнѣ полехче, то и пошелъ я въ Успенской соборъ воздать благодареніе Всемогущему Богу и Его угодникамъ за освобожденіе отъ болѣзни. Но какъ было еще рано и церковъ заперта, то былъ въ соборахъ архангельскомъ и срѣтенскомъ, прикладываясь мощамъ князя Димитрія царевича, князя Михаила и боярина его Феодора, черниговскихъ чудотворцовъ, и прот-

чихъхъ. святы Потомъ былъ въ церкви Василія Блаженного и его мощамъ и веригамъ приложась, разсматривалъ и древнее сихъ церквей украшеніе. А потомъ въ 12-ть часовъ по полуночи выѣхалъ съ Москвы, хотя еще и не совершенно здоровъ, ибо желаніе видѣть домъ, жену и дѣтей къ тому побуждало.

23-го въ 3-мъ часу по полудни прибылъ въ Серпуховъ, и какъ сей день было затмѣніе солнца, то остановясь перемѣнять лошадей, доволно на оное затмѣніе отъ любопытства смотрѣлъ съ бывшими нри мнѣ товарищами. 24-го приѣхалъ въ Тулу въ 4-мъ часу по полуночи. Тутъ санная дорога кончилась, и я принужденъ 20-ти рублевую повозку санную отдать емщикамъ за 2 р., а за лѣтнюю заплатить пятьдесятъ рублей и пустился съ поспѣшностію домой. Но хотя серце и рвалось поспѣшать, да путь вешняя талая не допущала спѣшить, а ѣхать тихо съ великою трудностию лошадямъ, хотя емскимъ и часто перемѣннымъ.

30-го марта, выѣхавъ исъ Курска, прибылъ въ домъ 1-го апреля въ 7-мъ часу по полудни, обрадовавъ своихъ домашнихъ приѣздомъ. Былъ и самъ весма радъ, видя всѣхъ живыхъ и здоровыхъ, кромѣ жены, которая страдала лихорадкою. 4-го апреля поѣхалъ къ Шидловскому и о успѣхѣ по дѣлу пересказалъ, которое во угодность ево моимъ стараніемъ отсрочено въ сенатѣ слушаніемъ на цѣлой годъ, хотя о томъ по прозбѣ Удаловой именной указъ сенату былъ,—по пословицѣ: «отягчу руки златомъ, умягчу сердце мздою, хотя-бы онъ былъ и святъ, потянетъ за мною». За сіе Шидловскій благодарилъ мене доволно и подарилъ мнѣ вдову Пелагею, крестьянскую жену зъ двумя сыновьями, Герасимомъ и Тихономъ, и дочерью Анастасіею, да денегъ до тысячи рублей, а что издержано мною въ Петербургѣ на платье, сребро и протчее до шести сотъ рублей, то все взялъ на свой щетъ и всю покупку уступилъ мнѣ. Здѣсь я, разбогатѣвши платьемъ, сребромъ и денгами, приговорилъ плотниковъ и началъ строить новой домъ по плану, здѣланному мнѣ въ Воронежѣ архитекторомъ Уласовымъ еще въ 790 годѣ, когда былъ я для откуповъ въ Воронежѣ.

Принявъ Бога въ помощъ, рѣшился строитьца и 29-го апреля началъ ломать старой после пожару выстроенной домикъ, а 30-го, поставивъ столбы, обложили одинъ вѣнецъ. Маия-же 1-го было заложеніе съ молитвою по чину церковному священникомъ Иосифомъ

Безъпаловимъ. А какъ плотниковъ было 14-ть человѣкъ, то въ доставленіи дерева было не безъ нужды, однако рубая въ своей рощѣ, что противу двора на горѣ, и покупая отъ людей, употребя ктому еще и старой домъ, прежде заготовляемое дерево исправляли безъ остановки. Постройка шла поспѣшно и къ 29-му июня совсѣмъ домъ отдѣланъ, за которой росплатясь съ плотниками за роботу 250 р. и отдавъ харчи сполна, коихъ числомъ выходило на 95 р., началъ во ономъ жить по части, а по части въ бани для теплоты болныхъ оспою дѣтей, ибо въ новомъ домѣ окошекъ и печей еще не было, однако и то отдѣлано къ сентябру мѣсяцу все совершенно. Почему 21-го сентября, по чину освятя оной, гулялъ два дни съ пушечною палбою и съ доволнымъ пьянствомъ.

Въ началѣ-жъ октября мѣсяца получено извѣстіе, что свѣтлѣйшей князь Потемкинъ 5-го октября после бывшей у него горячки, поѣхавъ изъ Ясъ для перемѣны воздуха въ Николаевъ (что былъ прежде Очаковъ), въ 37 верстахъ на полѣ умре на плащѣ, такъ какъ воинъ скоропостижно. Тутъ многия послѣдовали любимцамъ ево перемѣны, а многимъ отъ печали смерть, задумчивость и параличи.—Великими чинами люди для того возносятся высоко, да падутъ жестоко.—Тѣло анатомили и положа въ свинцовой гробъ, отправлено съ великою отъ Ясъ церемоніею до 20-ти верстъ въ Екатеринославъ, гдѣ погребено въ соборной церквѣ.

Въ семъ октябрѣ мѣсяцѣ началъ, по исправленіи винокурни, курить вино, но съ малою вигодою, за неимѣніемъ хорошихъ винокуровъ, и по економіи домашней былъ въ разныхъ недалнихъ поѣздкахъ и исправленіи по дому малыхъ построекъ и огорожи двора. А ноября 2-го приговорилъ на всю зиму винокуровъ гороховатскихъ двухъ и третьяго корочинского однодворца оптомъ за 180 р. Изъ сего времени пошло вино порядочно доброе. Хлѣбу цѣна была четверти арженому 1 р. 50 к., дрова возъ 40 и 35 к.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Библіографія.

Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. Сочиненіе А. В. Лонгинова. Варшава. 1885 года.

Названная книга г. Лонгинова заслуживаетъ полнаго вниманія русской читающей публики какъ по своей особой задачѣ, такъ и по выполненію. Почтенный авторъ оной принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ русскихъ дѣятелей въ привислянскомъ краѣ, которые, не бывъ участниками проведенія реформы Н. А. Милютина въ ея чистомъ, не искаженномъ видѣ, понимаютъ однако духъ оной и сознательно стремятся къ проведенію того, что другіе, безъ различія ранга, лишь машинально и по наслышкѣ называютъ русскимъ дѣломъ, русскими началами. Живя уже не мало лѣтъ въ административномъ центрѣ Холмщины, которой долѣе и болѣе всѣхъ другихъ русскихъ окраинъ пришлось быть подъ политическимъ и культурнымъ польскимъ гнетомъ и аборигены которой подъ конецъ почти совершенно утратили свое русское самосознаніе, г. Лонгиновъ путемъ архивныхъ разысканій и научныхъ изслѣдованій старается воскресить въ представленіи тамошняго и вообще русскаго общества древнія судьбы этой исконной русской окраины, уловить здѣсь крайнія черты русскаго поселенія, указать слѣды русской власти и русской жизни тамъ, гдѣ, казалось, пановала на всемъ просторѣ крулевско-шляхетская Польша и гдѣ до послѣдняго времени царили польская жизнь, польская вѣра, польская рѣчь, польскіе нравы и обычаи, да чуть примѣтно дышала, доживая свои горемычные дни, всѣми пренебрегаемая унія. Этой высоко патріотической и серьезной цѣли г. Лонгиновъ посвящаетъ не первый уже свой трудъ; къ этой же цѣли направлено и настоящее его изслѣдованіе. Главная задача онаго состоитъ въ опредѣленіи границъ Червоной Руси, мѣстонахожденія г. Червеня, давшаго названіе цѣлому ряду городовъ,

и въ доказательствѣ русскаго происхожденія населенія указанной области; исторія стоитъ здѣсь на второмъ планѣ, являясь какъ средство для подтвержденія выводовъ по главнымъ вопросамъ. Но самые эти вопросы, затрогивающіе существенно древнюю судьбу Холмщины и ея настоящее, такого свойства и важности, что дать на нихъ неоспоримые отвѣты и провести ихъ въ школу, а оттуда въ жизнь народа, значитъ достигнуть того, что составляетъ задачу начавшагося возрожденія Холмской Руси. Червень, нынѣшнее Чермно, лежалъ въ ея предѣлахъ; г. Лонгиновъ устанавливаетъ это, какъ и русскій характеръ его, цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ, сопоставленій и сближеній, а въ результатѣ получается, что Холмщина есть древнѣйшая русская земля, достояніе первыхъ князей Владиміра св. и Ярослава мудраго.

Несомнѣнно, что авторъ названной книги много потрудился для разъясненія топографіи и этнографіи Червоной Руси. Онъ собралъ много матеріаловъ не только изданныхъ, но, что составляетъ особый интересъ разбираемаго труда и заслугу автора, также и скрытыхъ въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ и у частныхъ лицъ. Г. Лонгиновъ извлекъ документы изъ архивовъ люблинскаго, плоцкаго, сѣдлецкаго, изъ главнаго варшавскаго архива, изъ архива холмской консисторіи, изъ нѣкоторыхъ частныхъ архивовъ; иныя рукописи сообщены ему знакомыми лицами; онъ воспользовался также метрическими книгами многихъ православныхъ церквей. Этотъ, чисто архивный, совершенно неизвѣстный до сихъ поръ матеріалъ придаетъ особый интересъ труду г. Лонгинова.

При опредѣленіи мѣстонахожденія г. Червеня авторъ разбираемаго сочиненія рѣшилъ держаться слѣдующаго пути: 1) установить историческую топографію Червоной Руси въ ея первоначальномъ объемѣ, 2) опредѣлить границы княжествъ, на которыя раздробилась Червоная Русь и 3) сгруппировать всѣ данныя о мѣстонахожденіи города Червеня. Признавая этотъ путь изслѣдованія вполнѣ цѣлесообразнымъ, мы сомнѣваемся однако въ возможности опредѣленія границъ отдѣльныхъ княжествъ, ибо въ древній періодъ нашей исторіи болѣе или менѣе прочныя границы существовали лишь между крупными областными единицами, да и то не вполнѣ. Достаточно вспомнить пограничные споры князей черниговскихъ съ смоленскими и рязанскими, смоленскихъ съ суздальскими, владиміро-волынскихъ съ галицкими. Тѣмъ болѣе точнаго разграниченія удѣловъ въ самой области не могло быть, или оно являлось временнымъ, постоянно измѣняемымъ. Автору приходится обращаться къ даннымъ позднѣйшаго времени; но положеніе Червоной Руси въ XV вѣкѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ въ древній періодъ. Лѣтописныя данныя болѣе ранняго времени не даютъ возможности къ точ-

ному опредѣленію границъ изслѣдуемой авторомъ мѣстности и дѣлаемое имъ опредѣленіе приходится все таки считать гипотетичнымъ, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, и только. Недостатокъ положительныхъ данныхъ заставляетъ г. Лонгинова прибѣгать къ нѣкоторымъ натяжкамъ, искусственному толкованію фактовъ. На стр. 67 авторъ говоритъ, что Червенскіе города были завоеваны въ два пріема: въ 1030 году Ярославъ занялъ Белзъ, а 1031 году онъ и Мстиславъ заняли Червенскіе города „опять", какъ сказано въ лѣтописи. Но это „опять" не указываетъ на 1030 годъ, а на болѣе раннее занятіе этихъ городовъ Владиміровъ св., слѣд. на основаніи даннаго извѣстія нельзя сказать, что Белзъ входилъ въ число Червенскихъ городовъ. Извѣстіе лѣтописи подъ 1225 годъ, гласящее, что Даніилъ „плѣни всю землю „Бельзесьскую и Червеньскую", указываетъ на отдѣльность Белза отъ Червенскихъ городовъ. Мы видимъ и въ самомъ началѣ XIII вѣка отдѣльность Червеня и Белза: Александръ Влеволодовичъ отдаетъ Васильку Белзъ въ 1204 году, а въ 1205 году братъ Александра, Всеволодъ, сидитъ въ Червенѣ. Далѣе въ XIII вѣкѣ происходитъ постоянная перетасовка удѣловъ въ землѣ Владимірской, дающая возможность только гадательно говорить о границахъ Холмско-Червенской земли.

Чтобы болѣе подкрѣпить мнѣніе о принадлежности Червенскихъ городовъ Богеміи, г. Лонгиновъ по своему толкуетъ слѣдующее извѣстіе лѣтописи подъ 981 году: „иде Володимиръ къ ляхамъ и зая грады, Перемышль, Червень и иные городы, иже суть и до сего дне подъ Русью". Намъ кажется, что это мѣсто лѣтописи по русски просто должно быть передано такъ: „пошелъ Владиміръ къ ляхамъ и занялъ ихъ, т. е. подвластные имъ города: Перемышль, Червень и др., которые и въ настоящее время (въ XII вѣкѣ) находятся подъ властью Руси". Но г. Лонгиновъ отдѣляетъ слова: „ихъ грады" отъ послѣдующихъ: „Перемышль, Червень" и проч. и думаетъ, что въ первыхъ словахъ лѣтописецъ разумѣлъ особые *польскіе* города, а далѣе называетъ города русскіе. Такое толкованіе нельзя не признать натяжкой, при томъ совсѣмъ излишней. Этнографически Перемышль, Червень и проч. могли быть тогда и не польскіе, хотя это требуетъ особыхъ доказательствъ; но, говоря объ нихъ, какъ о городахъ находившихся подъ властью Польши, лѣтописецъ не могъ не сказать: «ихъ грады», т. е. имъ ляхамъ подвластные, или польскіе.

Укажемъ еще одинъ примѣръ искусственнаго и неудачнаго толкованія извѣстій, приводящаго даже къ мысли, будто авторъ беретъ данныя не прямо изъ источника, а изъ вторыхъ рукъ. Такъ, при опредѣленіи мѣстонахожденія г. Волыня, г. Лонгиновъ ссылается на такое мѣсто

изъ Длугоша, которое говоритъ совсѣмъ не о томъ, что нужно автору. Найдя у Длугоша названіе рѣки, совпадающее, по особому толкованію, съ изслѣдуемыми другими названіями, г. Лонгиновъ разсуждаетъ: «здѣсь-то около Кросны, Крены или теперешней Кржны, ad fluvium Rubesa, отъ корня *rub* (Russia Rubra), происходила описанная Длугошемъ битва Владиміра Великаго съ поляками и печенѣгами въ 987 г. (Dlug., lib. 1, p. 123)». Не говоря о невѣрности ссылки, такъ какъ Длугошъ разсказываетъ объ этомъ въ книгѣ II, а не I, и не подъ 981 г., а подъ 987 г., самое извѣстіе Длугоша оказывается спутаннымъ, а соблазнившее г. Лонгинова названіе рѣки *Rubiesa* искаженнымъ и относящимся къ иной мѣстности и иному событію. Полный текстъ этого извѣстія гласитъ слѣдующее: „Vastatis eo anno dux Russiae Carvatis, infertur illi a Polonis bellum, contra quos egressus ad fluvium *Rubiesa*, eos offendit, cumque fluvio impddiente periculosum sibi uterque exercitus dimicationem censeret, vir altus et rarae fortitudinis de castris Pieszingarum egressus provocabat, ut alium darent ad pugnam“... Описывается далѣе состязаніе между русскимъ и печенѣгомъ и погибель послѣдняго. Wladimirus illia castrum Bereslaw erexit eo, quod vir, qui vicerat, ex Bereslaw ortus esset.

Думаю, и для г. Лонгинова ясно изъ этого отрывка, что здѣсь дѣло идетъ о столкновеніи русскихъ съ печенѣгами на р. *Трубежъ*. Длугошъ не разобралъ въ славянской рукописи, которыхъ подъ руками у него было много, имени «Трубежа» и написалъ *Rubiesa*, при чемъ вышла путаница. Поляки попали сюда неповинно, благодаря лишь постоянному стремленію Длугоша втискивать ихъ всюду, куда возможно, *ad majorem Poloniae glariam*. Скажемъ еще, что Длугошъ никогда не переводитъ славянскихъ именъ на латинскій языкъ, а передаетъ ихъ въ славянской транскрипціи, иногда коверкая, какъ онъ это сдѣлалъ съ «Трубежомъ». *Rubiesa* по этому не можетъ происходить отъ латинскаго корня *rub* (откуда *ruber*, красный, что и соблазнило г. Лонгинова), ибо тутъ *Rubiesa* есть исковерканное славянское названіе.

Если является странной ссылка на Длугоша въ томъ видѣ, какъ она сдѣлана, то еще болѣе это можно сказать о ссылкѣ автора на Колюпанова на нѣсколькихъ страницахъ. Колюпановъ, насколько намъ извѣстно, никогда о боярской думѣ не писалъ, а изслѣдованіе по этому вопросу принадлежитъ профессору московскаго университета, г. Ключевскому.

Этими не многими замѣчаніями мы ограничимся. Повторяемъ, что трудъ г. Лонгинова интересенъ по обилію въ немъ архивнаго матеріала, но со многими изъ его выводовъ согласиться нельзя: ихъ приходится признать пока гипотетичными.

П. Голубовскій.

Кн. Е. Горчакова. Кіевъ, съ приложеніемъ плана г. Кіева. Москва. 1885 г.

Описанію прошлыхъ судебъ и нынѣшняго вида матери городовъ русскихъ посвящено весьма значительное число статей и книгъ. Не говоря о первоисточникахъ: лѣтописяхъ, актахъ, запискахъ путешественниковъ, изъ которыхъ черпали свои свѣдѣнія сами описатели, систематическихъ описаній Кіева можно насчитать съ десятокъ. Поручикъ Новгородцевъ въ прошломъ вѣкѣ и Берлинскій въ настоящемъ открываютъ шествіе; за ними слѣдуютъ авторы книгъ большихъ и малыхъ, къ которымъ присоединяется теперь и кн. Е. Горчакова съ своей небольшой, компилятивной работой.

Обстоятельно, близко узнать былую жизнь этого уголка нашей земли, съ именемъ котораго связано все историческое прошлое южно-русскаго края, гдѣ рѣшалась его судьба, можно только изъ всей той сложности старыхъ источниковъ и детальныхъ изслѣдованій, вѣскость и полноту которыхъ не замѣнитъ ничто. Наивныя строки лѣтописи, дѣловая точность документа, живой, бьющій духомъ вѣка, голосъ очевидца—одни въ силахъ перенести всецѣло мысль и воображеніе къ тому, что исчезло безслѣдно или неузнаваемо измѣнилось. Ничѣмъ не замѣнить также кропотливаго труда самоотверженныхъ дѣятелей науки, которые путемъ сопоставленій и исторической критики открываютъ намъ глаза на прошлое и доискиваются правды, какъ въ крупномъ историческомъ фактѣ, такъ и въ какой нибудь топографической или біографической мелочи. Къ Нестору (или Селивестру), Кальнофойскому и Боплану, Павлу Алепскому и Лясотѣ, козацкимъ лѣтописцамъ и авторамъ мемуаровъ обратится тотъ, кто хочетъ узнать старую жизнь Кіева и перенестись воображеніемъ въ его былые дни. Отдѣльныя эпохи и моменты жизни Кіева изслѣдованы съ необычайно глубокой эрудиціей и меткостью взгляда двумя южно-русскими историками, М. А. Максимовичемъ и В. Б. Антоновичемъ. Не будутъ полны также наши знанія о Кіевѣ безъ изученія тѣхъ солидныхъ, детальныхъ работъ, образцы которыхъ въ прошедшемъ представили митрополитъ Евгеній и Аскоченскій, а въ наше время П. Г Лебединцевъ, Крыжановскій, от. П. Троицкій, Лашкаревъ и друг. Но существуетъ потребность въ сводѣ свѣдѣній и извѣстій о Кіевѣ, въ исторіи и описаніи города, въ доступной среднему читателю, но вполнѣ научной и обработанной книгѣ, чуждой банальности обыкновенныхъ «Путеводителей».

Въ отвѣтъ на этотъ запросъ являются описанія кіевскихъ святынь и опыты о самомъ городѣ. Святыни Кіева играли такую громад-

ную историческую роль, что значительное мѣсто во всякомъ описаніи принадлежитъ имъ по праву. Обители, какъ лавра, церкви кіевскихъ высотъ, гдѣ заблисталъ первый крестъ, тѣ освященные преданіемъ уголки, которые, чрезъ христіанство. связали нашъ край съ культурнымъ міромъ, изъ обще христіанской святыни становятся святыней народной. Надо сознаться, что авторы описаній и «Паломниковъ» всегда были ниже своей задачи и отъ книгъ ихъ вѣяло формальностью и бездушіемъ. Изъ описателей Кіева извѣстностью и распространеніемъ пользуются двое: Закревскій и Сементовскій, авторы трудовъ общихъ по темѣ, но по выполненію различныхъ.

Трудъ Закревскаго, изъ существующихъ, самый капитальный. Съ большимъ трудолюбіемъ собраны здѣсь всѣ извѣстныя въ пору выхода книги свѣдѣнія и факты, какъ общіе, такъ и относящіеся къ отдѣльнымъ явленіямъ, мѣстностямъ и предметамъ. Но это трудъ громоздкій, имѣющій характеръ сборника и не лишенный промаховъ разъясненіемъ которыхъ съ успѣхомъ занимался покойный Максимовичъ. Двухтомное описаніе Закревскаго было книгой дорогой при появленіи въ свѣтъ, а теперь исчезло изъ продажи.

Книга Сементовскаго имѣетъ свои достоинства и поучаетъ на счетъ Кіева пріѣзжихъ и по сей часъ; но практическое назначеніе книги не дало возможности составителю сосредоточиться на историческомъ интересѣ, а литературная сторона выразилась въ общей блѣдности изложенія. Задача составителя сообщить путешественнику побольше нужныхъ ему свѣдѣній о городѣ и, въ силу ея, онъ мечется постоянно между такими двумя полюсами, какъ опредѣленіе лѣтописной топографіи какихъ нибудь «Пасынчьей Бесѣды» и «Козаръ» и сообщеніемъ справки о сегодняшней таксѣ извощиковъ.

Книга, которая въ живой и доступной формѣ заключала-бы въ себѣ основанные на точномъ знаніи факты, группируя ихъ по вѣкамъ и годамъ, повѣствуя о жизни многострадальнаго города въ ея послѣдовательномъ ходѣ, опираясь на несомнѣнныя свидѣтельства, отвѣчала-бы существующей потребности. Первоисточниковъ ей никогда не замѣнить; не по силамъ ей также состязаться съ спеціальными монографіями, исчерпывающими предметъ въ подробностяхъ. Задача ея—популярирровать то и другое. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ о Кіевѣ М. А. Максимовичъ далъ замѣчательные опыты въ этомъ родѣ. Его образныя, сжатыя и живыя письма и замѣтки, съ счастливымъ введеніемъ поэтическаго архаизма первоисточниковъ, съ ихъ художественною мѣрою, представляются намъ образцовыми вещами въ этомъ родѣ. Ставя ихъ въ примѣръ,

мы, разумѣемъ, конечно, пріемъ покойнаго историка, такъ какъ его рѣдкой эрудиціи отъ популяризатора требовать невозможно.

Опытъ кн. Горчаковой заключаетъ въ себѣ бѣглый историческій очеркъ Кіева, общую его топографію и характеристику отдѣльныхъ частей, описанія прошлаго и теперешняго состоянія обителей и церквей, нѣсколько страницъ объ окрестностяхъ и разные „взгляды и нѣчто“.

Главный источникъ кн Горчаковой—трудъ Закревскаго и его историческій очеркъ Кіева она и воспроизводитъ въ сжатомъ видѣ. Княжескій Кіевъ, междоусобія удѣльнаго времени, татарскій разгромъ, набѣги литовцевъ и крымскихъ хановъ, подчиненіе Кіева, какъ литовскаго воеводства, коронѣ польской, невзгоды его во время польскаго владычества, послѣдующія несчастія: двукратная моровая язва, пожары лавры, стариннаго Подола,—этотъ длинный рядъ бѣдствій и скорбей описывается въ томъ традиціонномъ видѣ, какой установленъ былъ еще первоначальными изслѣдователями, не обладавшими всѣмъ извѣстнымъ запасомъ фактовъ, внесшимъ свѣжіе и новые элементы въ изученіе старыхъ судебъ Кіева и южнаго края. Повторена, конечно, и тенденціозная басня о „запустѣніи“ города и края съ XIV по XVI вѣкъ и не отмѣчена ничѣмъ та внутренняя ломка порядковъ и учрежденій, которая творилась въ такъ называемыя „спокойныя“ эпохи и послѣдствія которой могутъ съ успѣхомъ конкурировать съ любымъ изъ „разгромовъ“. Впрочемъ, изслѣдованіе этой стороны кіевской исторіи только еще зарождается и матеріалы, въ родѣ тѣхъ напр., о которыхъ говорено въ нашей библіографіи за прошлый мѣсяцъ, по поводу полезнаго изданія г. Андріевскаго, только собираются еще.

Описаніе обителей и святынь Кіева занимаетъ въ книгѣ преобладающее мѣсто, хотя отличается нѣкоторой случайностью. Между тѣмъ какъ церкви Стараго Города описаны очень подробно, братскому монастырю и академіи съ ея исторіей посвящено страницы четыре, какъ разъ столько, какъ заведеніямъ минеральныхъ водъ и Chateau des fleurs. Автору бросается невольно въ глаза, какъ и всякому, сравнительно небольшое число историческихъ памятниковъ для города съ такимъ многовѣковымъ значеніемъ. Одно уничтожили разоренія и невзгоды, другое —людское невѣжество. Слѣдуетъ принять также во вниманіе тотъ элементъ, который мы назвали бы „исторической полемикой“. Этому печальному элементу обязанъ Кіевъ бывшимъ закрытіемъ межигорской обители, обращеніемъ никольскаго монастыря въ соборъ для войскъ и кирилловскаго въ домъ для умалишенныхъ. Громаднымъ пробѣломъ при изученіи старой жизни Кіева служитъ отсутствіе городскаго музея. Съ тѣмъ или инымъ характеромъ музеямъ положенъ уже починъ въ такихъ

молодыхъ городахъ, какъ Саратовъ и Харьковъ. Дождались ихъ и ярославскій Ростовъ, и захолустная Кострома, и крохотный Холмъ. Но въ древнѣйшемъ городѣ страны, съ именемъ котораго связана вся прошлая жизнь русскаго народа, о возникновеніи его еще нѣтъ и рѣчи.

Кіеву равно нужны научная и правдивая исторія и собраніе предметовъ прошлой жизни и старины. Не принадлежа къ оптимистамъ и судя по общему ходу жизни, мы думаемъ однако, что перваго мы можемъ расчитывать дождаться съ большей вѣроятностью, чѣмъ втораго.

W.

Dumy ukraińskie. Rzecz o eposie kozackim rusinów, przez C. Neymana. Odbitka z «Ateneum» z 1885 r.

Въ эпическомъ творчествѣ малорусскаго народа слѣдуетъ различать два рода произведеній: думы и пѣсни. Между тѣми и другими существуетъ значительная разница, на которую до сихъ поръ мало вниманія обращали собиратели и изслѣдователи памятниковъ малорусской изустной словесности. Думами (въ народѣ это названіе неизвѣстно) слѣдуетъ называть такія народныя произведенія эпическаго содержанія, которыя собственно не поются, а декламируются на распѣвъ подъ звуки инструмента—кобзы или бандуры и лиры, и составляютъ достояніе не всего народа, а кобзарей, пѣвцовъ, обыкновенно слѣпыхъ, которые ходятъ съ мѣста на мѣсто съ своими инструментами и распѣваютъ ихъ передъ желающими. Думы не имѣютъ опредѣленнаго размѣра стиховъ, но въ мѣрной рѣчи употребляются риѳмы, которыя въ пѣніи соотвѣтствуютъ повышенію и пониженію голоса. Въ думѣ воспѣвается обыкновенно не голый историческій фактъ, а какое либо событіе со всѣми его причинами и послѣдствіями; обыкновенную принадлежность думы составляетъ и нравоучительное заключеніе. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что думы первоначально (въ XVI ст.) складывались людьми бывалыми, состоятельными и даже образоваными; этимъ объясняется ихъ отдѣлка и длина. Въ словахъ и музыкѣ думъ, по мнѣнію этихъ изслѣдователей, можно даже замѣтить слѣды вліянія сосѣднихъ народовъ—сербовъ, грековъ и итальянцевъ, которые проживали въ тѣ времена въ колоніяхъ по берегамъ Чернаго моря, а небольшими группами и въ южно-русскихъ городахъ: Кіевѣ, Львовѣ и др. Въ противоположность этому пѣсни построены несравненно проще: содержаніемъ имъ служитъ обыкновенно какой нибудь единичный фактъ народной жизни и описаніе его не развивается въ широкую картину, а стихъ имѣетъ обыкновенную куплетную форму.

Огромное количество какъ думъ, такъ и пѣсенъ, записанныхъ изъ устъ народа, находимъ мы въ изданныхъ съ 1819 г. по настоящее время сборникахъ Цертелева, Максимовича, Срезневскаго, Залѣскаго, Шашкевича, Паули, Лукашевича, Метлинскаго, Кулиша, Костомарова, Закревскаго, Лавренка, Купчанка, Рудченка, Антоновича, Головацкаго, Чубинскаго, Горленка, Кольберга и Неймана. При изданіи думъ не обошлось дѣло и безъ обмана: вмѣстѣ съ подлинно народными думами пущено было въ обращеніе и нѣсколько подложныхъ; но въ настоящее время всѣ почти подложныя думы путемъ остроумныхъ критическихъ соображеній выдѣлены Н. И. Костомаровымъ изъ массы подлинныхъ (См. ст. Костомарова въ В. Евр. 1874, № 12, стр. 611—628) и послѣдующія поколѣнія освобождены отъ опасности впадать въ ошибки при изученіи малорусскаго народнаго творчества.

Въ той-же статьѣ, гдѣ Н. И. Костомаровъ критически разобралъ поддѣльныя думы, онъ разсуждалъ о томъ, какая работа важнѣе и полезнѣе теперь, когда записанъ уже значительный запасъ изустныхъ памятниковъ малорусской народной поэзіи: продолжать-ли простое собираніе и изданіе этого рода матеріаловъ, или подвергнуть собранные уже ученой разработкѣ, чтобы сдѣлать ихъ пригодными для исторической науки. Вторую работу онъ склонялся признать болѣе настоятельною и книгу Антоновича и Драгоманова (Историческія пѣсни малорусскаго народа) привѣтствовалъ, какъ первый опытъ ученаго отношенія къ предмету. Съ той поры прошло почти двѣнадцать лѣтъ, но не замѣтно, чтобы многіе обратили особое вниманіе на мнѣніе незабвеннаго историка, потому что за этотъ промежутокъ времени по части собранія и обнародованія матеріаловъ сдѣлано не мало, ученая же разработка подвинулась весьма недалеко. Въ этой слабо воздѣланной пока области только и можно указать, какъ заслуживающія вниманія, работы: самого Костомарова, Потебни, Сумцова, Андріевскаго, Науменка и Житецкаго—изъ ученыхъ мѣстныхъ, и Ор. Миллера, Ягича и Веселовскаго—изъ людей европейской науки. Единственный недостатокъ почти всѣхъ названныхъ трудовъ—это ихъ эпизодичность.

Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ останавливаешься на всякой попыткѣ войти глубоко въ изученіе какого либо отдѣла народной поэзіи и разсмотрѣть весь рядъ выдвигающихся при таковомъ изученіи вопросовъ. Къ такимъ попыткамъ принадлежитъ поименованная въ заголовкѣ рецензіи брошюра у. Неймана.

Г. Нейманъ является въ настоящее время однимъ изъ видныхъ малорусскихъ этнографовъ. Кромѣ нѣсколькихъ интересныхъ сообщеній въ «Кіевской Старинѣ» и «Зарѣ», онъ напечаталъ въ Краковѣ въ 1884 г.

прекрасно составленный этнографическій сборникъ подъ заглавіемъ: «Materyjały etnograficzne z okolic Hiskowa w powiecie Lipowieckim».

Предметомъ настоящаго изслѣдованія г. Нейманъ избралъ собственно думы. Онъ строго держится въ границахъ своей темы, не разбрасывается и тѣмъ достигаетъ въ статьѣ цѣльности, составляющей большое достоинство всякой ученой работы. Г. Нейманъ тщательно изучилъ весь запасъ народныхъ думъ, хотя не уберегся принять за народную—думу о смерти козака бандуриста (Зап. о Южн. Руси Кулиша, т. I, стр. 185), написанную, какъ гласитъ литературная молва, Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, и въ двухъ мѣстахъ (стр. 110 и 343 отд. отт.) приводитъ изъ нея значительныя выдержки. Довольно хорошо извѣстна ему и скудная литература предмета. И вотъ на основаніи непосредственнаго знакомства съ думами и литературныхъ пособій г. Нейманъ разсматриваетъ эти произведенія народной думы со стороны ихъ формы и содержанія. Вся статья состоитъ изъ введенія и двухъ главъ. Во введеніи авторъ характеризуетъ кобзарей, какъ ихъ застали собиратели XIX в., и связываетъ ихъ съ упоминаемымъ въ Словѣ о полку Игоревѣ Баяномъ; затѣмъ дѣлаетъ перечень думъ, которыя онъ распредѣляетъ на 4 рубрики: 1) о борьбѣ съ татарами и турками, 2) объ эпохѣ Хмельницкаго, 3) о событіяхъ XVIII вѣка, 4) о козацкихъ обычаяхъ. Такимъ образомъ дѣленіе г. Неймана отличается и отъ дѣленія Антоновича и Драгоманова, и отъ дѣленія Костомарова; но оно очень естественно и противъ него ничего нельзя возразить. Всѣхъ думъ г. Нейманъ насчитываетъ 21 въ 74 варіантахъ, но если исключить принятую имъ за народную думу о смерти казака бандуриста, то окажется 20 думъ въ 73 варіантахъ. Это число нельзя считать законченнымъ, такъ .какъ среди кобзарей, навѣрное, обращаются еще думы, незаписанныя собирателями.

Въ главѣ I авторъ размативаетъ своеобразныя слова, эпическіе обороты, эпитеты, символы и сравненія, встрѣчающіеся въ думахъ; а въ II главѣ излагаетъ содержаніе думъ, сопоставляя его съ данными письменной исторіи.

Статья г. Неймана не вноситъ въ изученіе предмета чего либо новаго, не даетъ какихъ либо оригинальныхъ соображеній, не ставитъ новыхъ точекъ зрѣнія, но за то она объясняетъ разбросанныя по разнымъ книгамъ замѣчанія ученыхъ, сводитъ ихъ въ одно цѣлое и вполнѣ достигаетъ своей цѣли—ознакомленія поляковъ съ украинскими думами. Жаль, что г. Нейманъ не воспользовался шире трудами сравнительно-историческаго направленія: Буслаева, Веселовскаго, Ягича и Потебни: тогда сдѣланный имъ сводъ изслѣдованій о формѣ и содержаніи дошедшихъ до насъ малорусскихъ думъ получилъ бы еще болѣе цѣны. Жаль также, что г. Нейманъ знакомъ, какъ кажется, съ сербскимъ эпосомъ не по изданіямъ В. С.

Караджича и др., а по плохимъ переводамъ Зморскаго. Болѣе близкое знакомство съ сербскимъ эпосомъ дало-бы большой матеріалъ для уясненія общихъ законовъ эпическаго творчества у славянъ.

А. С—ко.

Извѣстія Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1880—1884 годы, съ приложеніями. Спб. 1885 г.

Никакая борьба не бываетъ такъ плодотворна, никакая побѣда не бываетъ такъ прочна, какъ борьба и побѣда культурная. То, что пріобрѣтено въ области духа, этимъ-же путемъ, и только этимъ, можетъ быть отнято другой, болѣе развитой культурой. Такая борьба всегда возникаетъ тамъ, гдѣ сталкивается нѣсколько національностей, разными обстоятельствами поставляемыхъ въ необходимость, не смотря на свои индивидуальныя особенности, соединиться въ одно политическое цѣлое. Такъ столкнулись нѣкогда литовская, русская и польская національности на нашемъ сѣверо-западѣ и юго-западѣ, гдѣ поэтому культурная борьба составляетъ, главнымъ образомъ, содержаніе исторіи края. Рано, быстро, самостоятельно и широко развившаяся подъ вліяніемъ принятаго изъ Византіи христіанства русская культура, съ первыхъ вѣковъ основанія русскаго государства, избрала своимъ центромъ Кіевъ и упрочилась здѣсь настолько, что, перешедши потомъ на сѣверъ въ Литву, подчиняетъ себѣ это государство, сталкивается въ концѣ XIV вѣка́ чрезъ Польшу съ культурой католическихъ государствъ запада и, не смотря на свое сравнительно позднее происхожденіе, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій выдерживаетъ борьбу; но съ каждымъ вѣкомъ борьба усиливается и по мѣрѣ того, какъ народъ теряетъ своихъ интелигентныхъ представителей, побѣждаемыхъ уже не столько культурой, сколько правами и преимуществами польскаго гражданства, онъ самъ выступаетъ на свою защиту, придавая этимъ борьбѣ кровавый, ожесточенный характеръ. Исторія полагаетъ ей предѣлъ въ концѣ XVIII ст.; но сильная польская культура, поглотивъ прежде юго-западное русское дворянство, подъ покровомъ сильной русской власти, благодаря крѣпостничеству, получаетъ тѣмъ большую возможность овладѣвать народною массою и претворять ее по своимъ началамъ. Лишь съ недавняго времени положеніе борющихся сторонъ измѣняется и на мѣсто истощенной и подавленной мѣстно-народной культуры выступаетъ общерусская культура во всеоружіи правительственныхъ мѣръ и средствъ, поддерживаемая кой-гдѣ частною инипіативою.

Трудно, почти невозможно ей возвратить все то, что утрачено здѣсь въ предшествовавшіе вѣка, ополячившееся и окатоличившееся русское дворянство юго-западнаго края съ трудомъ поддается новой культурѣ; но иныя надежды и послѣдствія видятся отъ воздѣйствія оной на народъ, который въ значительной чистотѣ и цѣлости сохранилъ свою вѣру, свой языкъ, свои обычаи и старыя преданія. Поддержать народъ въ начинающемся его саморазвитіи, оградить его отъ непрекращающагося вліянія посторонней культуры—таковы теперь задачи правительства и общества въ здѣшней мѣстности. Развившись и поднявшись, народъ въ силахъ будетъ ассимилировать съ собою и то незначительное меньшинство, которое не поддается теперь новому вліянію.

Задачи эти преслѣдуетъ, принявъ на себя тяжелую и не всегда благодарную заботу о возстановленіи на Волыни древняго русскаго благочестія и просвѣщенія, острожское Кирилло-Меѳодіевское братство, самоотверженно и безкорыстно трудясь на избранномъ поприщѣ въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ. Результаты этихъ заботъ и трудовъ за послѣднія пять лѣтъ (1880—1884) и отчасти за время предшествовавшее изложены въ названной выше книгѣ.

Книги этой мы не встрѣчали въ газетныхъ объявленіяхъ, не находили въ каталогахъ книжныхъ магазиновъ и къ намъ она попала совершенно случайно. Ясно, что она не предназначалась для публики, но только для тѣснаго кружка братчиковъ. И тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ говорить объ ней по богатому, интереснѣйшему ея содержанію, и потому также, что *не поставляется свѣтильникъ подъ спудомъ, но на свѣщницѣ, да свѣтитъ всѣмъ...* Это не сухой отчетъ, не тощая брошюрка съ рядомъ цифръ и итоговъ, это цѣлая книга въ 224 стр., книга не счетовъ, но самой жизни и дѣятельности. Тутъ нѣтъ обычной системы, условнаго порядка; напротивъ все какъ-бы намѣренно перемѣшано: отчеты въ строгомъ смыслѣ занимаютъ всего менѣе мѣста, гораздо больше приложеній къ нимъ, главную-же часть книги составляютъ письма, телеграммы, статейки изъ газетъ, выписки, собственныя замѣтки и отрывки изъ дневника лица, составлявшаго книгу. Но отъ всего это бьетъ жизнью, какъ-бы передъ глазами видишь живыхъ людей, одушевленныхъ одною заботою, преслѣдующихъ одну мысль, дѣлающихъ одно дѣло и во главѣ ихъ одну невидимую руку и душу, все направляющую, одушевляющую и оживляющую.

Не принадлежащій къ братству не съ разу можетъ оріентироваться въ этой книгѣ, идущей отъ имени братства, уразумѣть ея смыслъ и разнообразное содержаніе. Ему необходимо знать, что это за братство, когда, гдѣ и какъ оно началось и чья это рука ведетъ все братское дѣло и пишетъ его свѣтлую лѣтопись.

Само братство съ его учрежденіями существуетъ въ г. Острогѣ, волынской губерніи. Центръ, такъ сказать, его управленія находится въ Петербургѣ, вѣтви въ томъ-же Острогѣ, но иногда и самый центръ переходитъ въ тотъ-же захолустный Острогъ. Кирилло-Меѳодіевское братство на Волыни обязано своимъ возникновеніемъ извѣстному государственному дѣятелю николаевскаго времени, графу Д. Н. Блудову. Не задолго до его кончины, въ 1862 г. исполнилось тысячелѣтіе дѣятельности славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія. Бывшій тогда въ Смоленскѣ преосв. Антоній, скончавшійся потомъ въ Казани, въ санѣ архіепископа, а также настоятель посольской русской церкви въ Вѣнѣ, прот. М. Ѳ. Раевскій, высказали ему мысль, что ничѣмъ инымъ, какъ только распространеніемъ въ народѣ образованія, можно достойно почтить праздновавшееся тогда событіе. Графъ живо принялъ эту мысль и тогда-же учредилъ школу въ принадлежавшемъ ему сельцѣ Аѳонасовѣ смоленской губерніи. Скоро наступило время его кончины и онъ завѣщалъ своей дочери, графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ на оставленный имъ небольшой капиталъ продолжить осуществленіе его мысли въ такой мѣстности, гдѣ настояла наибольшая надобность въ русскомъ образованіи для борьбы съ польско-католическимъ вліяніемъ, именно на Волыни. Центромъ дальнѣйшей просвѣтительной дѣятельности избранъ былъ стольный городъ защитника русской народности и православія въ XVI вѣкѣ, славнаго князя Константина Константиновича Острожскаго. Въ то время мысль о возстановленіи древнихъ братствъ, съ ихъ просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, была въ полномъ ходу и, воспользовавшись ею, русская именемъ, вѣрой и душей графиня явилась достойнѣйшею продолжательницею дѣла достойнаго своего родителя и исполнительницею его мысли и желанія. Основанное и развитое ею въ цѣлый рядъ учрежденій острожское кирилло-меѳодіевское братство своею дѣятельностью какъ-бы воскрешаетъ время и дѣятельность князя К. К. Острожскаго. Орудія для борьбы ихъ съ польской цивилизаціей, какъ у того, такъ и другаго, одни и тѣ-же: церковь, школа и печать, но главнымъ въ рукахъ братства является школа, такъ какъ церковь имѣетъ своихъ оффиціальныхъ радѣтелей и оно лишь содѣйствуетъ благолѣпію храмовъ, мѣстная-жъ печать только зарождается. Изъ всѣхъ дѣйствій братства отмѣтимъ лишь главное и существенное.

Наиболѣе видное мѣсто между учрежденіями братства занимаетъ высшее женское училище имени графа Д. Н. Блудова, съ недорогимъ пансіономъ, при значительномъ числѣ стипендіатокъ и безплатныхъ ученицъ; за тѣмъ слѣдуютъ братскія начальныя школы въ селахъ:

Миклашахъ и Брыковѣ; одна изъ нихъ имѣетъ ремесленное отдѣленіе; брыковская школа служитъ и для взрослыхъ, когда священникъ-учитель дѣлаетъ толкованіе Евангелія, церковныхъ службъ или производитъ спѣвку. Кромѣ школъ, братство содержитъ на свои средства александро-маріинскій пріютъ для раненыхъ воиновъ, способныхъ къ обработкѣ земли, дѣтскій лазаретъ, лѣчебницу для приходящихъ и странопріимный домъ для богомольцевъ, отправляющихся въ Почаевъ.

Вотъ итоги дѣятельности острожскаго братства:

1) Въ высшемъ женскомъ училищѣ имени графа Д. Н. Блудова за 15-ть лѣтъ дано образованіе 200 дѣвицамъ.

2) Въ лѣчебницѣ для приходящихъ получали безплатно совѣты и лекарства отъ 2,000 до 3,000 больныхъ ежегодно, нѣкоторые-же выздоравливающіе получали подкрѣпительную пищу.

3) Въ странопріимномъ домѣ ежегодно имѣютъ пріютъ и пищу отъ 300 до 400 богомольцевъ.

4) Во время войны братство содержало въ теченіи цѣлаго года вспомогательную больницу „Краснагѳ Креста" на 16 кроватей для раненыхъ и устроило постоянный пріютъ для четырехъ раненыхъ семейныхъ солдатъ.

5) Проценты съ капитала В. П. Мельникова выдавались, какъ безпроцентныя ссуды крестьянамъ на покупку сѣмянъ и проч.

6) Изъ процента съ капитала В. П. Писемской дѣлалась экипировка ученицамъ-сиротамъ или приданое.

7) Въ теченіи 15-ти лѣтъ братство боролось съ еврейской эксплоатаціей, поддерживая: а) русскихъ крестьянъ въ арендѣ ими братскихъ мельницъ, рыбной ловли и пахатной земли и б) русскихъ купцевъ, пріобрѣтая въ ихъ магазинахъ все, необходимое для нуждъ братскихъ учрежденій

и 8) сдѣлано 12 всякаго рода построекъ, перестроекъ, отдѣлокъ и проч въ учрежденіяхъ, принадлежащихъ братству; въ томъ числѣ дѣлались расходы на покупку недвижимости.

Всѣ расходы на постройки и содержаніе училища достигаютъ крупной цифры въ 175,000 рублей и сверхъ того братство возвысило свой неприкосновенный капиталъ съ 2,000 до 65,000 рублей. Мы поймемъ значеніе этихъ цифръ, если возьмемъ во вниманіе, что острожское братство не прибѣгаетъ ни къ одному изъ способовъ, практикуемыхъ другими благотворительными нашими учрежденіями, какъ устройство лоттерей, спектаклей, танцовальныхъ вечеровъ и т. п. Источниками его доходовъ служатъ лишь членскіе взносы, сборы, производимые братчиками и братчицами по выдаваемымъ имъ книжкамъ, случайныя

пожертвованія людей, принимающихъ близко къ сердцу интересы русскаго дѣла на юго-западѣ Россіи, главною-же вкладчицею и собирательницею братскихъ средствъ является сама учредительница и попечительница братства гр. А. Д. Блудова.

Кромѣ приведенныхъ въ извлеченіи числовыхъ данныхъ и ихъ итоговъ, большую часть книги составляютъ разнаго рода приложенія, каковы воспоминанія, письма и телеграммы, по поводу происходившихъ въ братствѣ событій, перемѣнъ, приращеній и ущербовъ, а также празднествъ и богослуженій въ дни, знаменательные или вообще для всякаго русскаго и православнаго человѣка, или въ частности для братства, газетныя корреспонденціи съ проповѣдями и рѣчами, или выдержками изъ нихъ, отрывки изъ дневника, безъ подписи автора, но очевидно принадлежащіе перу самой попечительницы, бумаги покойнаго ея отца графа Д. Н. Блудова и проч.

Книга начинается съ воспоминанія о трехсотлѣтнемъ юбилеѣ первой Библіи, напечатанной въ Острогѣ въ 1580 г. Тутъ приводятся историческія справки по поводу предмета празднованія, представляющія въ общемъ видѣ судьбу Острога и края, равно учрежденій славнаго князя Константина, и приводящія въ связь съ ними нынѣшнія братскія учрежденія.

Въ слѣдующихъ за нимъ двухъ письмахъ, петербургскомъ и острожскомъ, безъ означенія именъ лицъ, отъ кого и кому они писаны, разсказывается о скромномъ празднованіи въ Острогѣ юбилея 6-го декабря 1880 года, причемъ сообщается, что на молебнѣ евангеліе читалось по острожскому изданію 1580 года. Рядомъ съ этимъ помѣщается объявленіе объ открытіи въ Острогѣ типографіи г. Крамскаго и его-же книжнаго магазина, совпавшемъ съ днемъ юбилея. Отрадное напоминаніе о бывшей здѣсь нѣкогда типографіи князя Острожскаго, хотя тогда въ Острогѣ составлялись и печатались учено-полемическія и религіозныя книги, а теперь по необходимости пока этикеты, счеты, бланки, визитныя карточки и проч. Изъ „Извѣстій"-же узнаемъ, что эта маленькая типографія съ книжнымъ при ней магазиномъ есть также учрежденіе патріотическое и что учредитель, лице частное, интелигентное, преслѣдуетъ не коммерческія, а патріотическія цѣли, интересы науки и просвѣщенія.

Послѣ отчетовъ за нѣсколько лѣтъ, разбитыхъ иногда по полугодіямъ и пересыпанныхъ разнаго рода приложеніями, слѣдуютъ отрывки изъ дневника во время поѣздки писавшей въ Липецкъ; они рисуютъ теплую душу автора, полную глубокаго религіознаго чувства, горячей любви къ родинѣ, заботливости о дорогомъ его сердцу брат-

ствѣ; многосторонность свѣдѣній автора и его наблюдательность, широкій кругозоръ, простота и легкость изложенія, при разнообразномъ содержаніи, дѣлаютъ „Извѣстія“ братства крайне интересными и заставляютъ забывать сухость обыкновенныхъ подобнаго рода отчетовъ, а умилительно-скорбный тонъ той части дневника, въ которой характеризуется дѣятельность сошедшихъ въ могилу братчиковъ и братчицъ, и отношеніе къ членамъ живущимъ, полное искренней и сердечной признательности, оставляютъ въ душѣ читателя самое отрадное и пріятное впечатлѣніе

Изъ упомянутыхъ выше бумагъ графа Д. Н. Блудова, кромѣ письма его къ Іосифу Сѣмашку, которое напечатано уже въ „Запискахъ“ покойнаго митрополита, здѣсь помѣщены еще двѣ докладныя записки графа государю. Въ первой, отъ 21 ноября 1827 года, покойный Блудовъ высказывается одобрительно о запискѣ Сѣмашка, поданной послѣднимъ съ предложеніемъ мѣръ къ возсоединенію уніатовъ съ православіемъ, а во второй, отъ 25 мая 1835 года, онъ излагаетъ цѣль учрежденія и планъ дѣйствій комитета по уніатскимъ дѣламъ, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы дѣло возсоединенія шло возможно скорѣе и свободнѣе и чтобы сознаніе потребности возсоединенія возникало въ самой средѣ уніатовъ. Повидимому бумаги эти не имѣютъ никакого отношенія къ положенію нынѣшняго братства, на самомъ дѣлѣ они говорятъ о той борьбѣ, которую приходится вести и теперь братству.

Вся книга, скажемъ въ заключеніе, отъ начала до конца рисуетъ намъ, такъ или иначе, ту или другую сторону жизни кирилло-меѳодіевскаго братства и лишній разъ доказываетъ, какъ много значитъ въ подобномъ дѣлѣ иниціатива и энергія частнаго лица. Благодаря высокому положенію учредительницы и попечительницы братства и ея не столько связямъ, сколько высокимъ нравственнымъ качествамъ, братство пользуется большимъ сочувствіемъ и матеріальной поддержкой лицъ высочайшей фамиліи, многихъ государственныхъ людей и женщинъ нашего высшаго общества; представители мѣстной свѣтской и духовной администраціи также оказываютъ всякое возможное содѣйствіе цѣлямъ братства. Ея многолѣтнимъ и неустаннымъ хлопотамъ мы обязаны наконецъ тѣмъ, что славный Богоявленскій храмъ въ Острогѣ, созданіе благочестиваго князя Константина, въ которомъ покоится прахъ его, будетъ воздвигнутъ изъ развалинъ и возстановленъ въ стилѣ того времени.

Перечитывая высоко-назидательную книгу „Извѣстій“ острожскаго братства, мы не разъ жалѣли о томъ, что такъ мало и такъ

рѣдко появлются въ печати извѣстія объ этомъ прекрасномъ учрежденіи, что въ самой книгѣ нѣтъ хотя-бы краткой исторической записки о его происхожденіи и составѣ, именахъ братчиковъ и братчицъ, а равно о мѣстѣ, куда могли-бы обратиться всѣ желающіе вступить въ это братство, или адресовать свои для него пожертвованія. Молчаливость братства въ семъ отношеніи оправдывается, конечно, его скромностью и тѣмъ, что доброе дѣло само говоритъ за себя; тѣмъ не менѣе намъ кажется, что при большей извѣстности дѣла оно привлекло-бы къ себѣ новыхъ участниковъ и жертвователей и пошло-бы еще быстрѣе и успѣшнѣе, чего мы отъ всей души желаемъ почтенному братству.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ)

КЪ ИСТОРІИ КІЕВСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТЪ.

Минувшимъ лѣтомъ въ газетахъ какъ-то промелькнуло извѣстіе, что кіевская городская дума принимаетъ какія-то мѣры къ реставраціи Золотыхъ Воротъ, или точнѣе къ охраненію отъ разрушенія этого древнѣйшаго памятника кіевской старины. Мы порадовались за думу и кіевлянъ и встрѣтивъ въ числѣ приглашенныхъ думою въ коммисію по этому дѣлу имя извѣстнаго историка и археолога, проф. В. Б. Антоновича, были увѣрены, что тутъ предпринимается нѣчто достойное Кіева и его древностей. Но потомъ мы получили точное свѣдѣніе, что профессору Антоновичу послано было приглашеніе послѣ выѣзда его за границу въ 4-хъ мѣсячный отпускъ, что потомъ приглашеніе не повторялось и что въ коммисіи онъ такъ и не былъ, а что сдѣлано коммисіею, о томъ молчатъ кіевскія газеты, молчитъ и кіевская дума, у кіевскихъ же Золотыхъ Воротъ все обстоитъ по прежнему...

Кіевскія Золотыя Ворота представляются намъ такимъ важнымъ памятникомъ кіевскихъ древностей, что всякое новое о нихъ свѣдѣніе будетъ не лишнимъ, и мы поэтому рѣшились подѣлиться съ читателями «Кіевской Старины» тѣми свѣдѣніями о Золотыхъ Воротахъ, какія найдены нами здѣсь въ Москвѣ. Эти не многія свѣдѣнія во всякомъ случаѣ дополнятъ скудную исторію Воротъ. Припомнимъ однако судьбу Золотыхъ Воротъ, прежде чѣмъ перейдемъ къ отысканному нами свѣдѣнію о нихъ.

Въ правленіе великаго князя кіевскаго Ярослава Мудраго, «Верхній Кіевъ», или Старый Городъ былъ обнесенъ землянымъ валомъ, а въ валу устроены имъ большія каменныя въѣздныя ворота, впослѣдствіи названныя Золотыми. О построеніи этихъ воротъ въ начальной лѣтописи читаемъ слѣд.: «въ лѣто 6545 (1037) заложи Ярославъ городъ великій Кыевъ (т. е. огражденіе, укрѣпленіе вокругъ верхняго Кіева), у него-же града суть Златыя Врата... посемъ церковь на Золотыхъ Воротѣхъ святое Богородицѣ Благовѣщенье». (Лаврен. сп., стр. 65). Существовало мнѣніе, будто ворота эти воздвигнуты Ярославомъ въ подражаніе устроеннымъ въ Константинополѣ Ѳеодосіемъ Великимъ въ память побѣды его надъ Максимомъ; но такія ворота, какъ и самыя укрѣпленія, составляли необходимую принадлежность сколько нибудь значительныхъ городовъ того времени для защиты отъ нападеній дикихъ степныхъ народовъ, на Кіевъ же въ то время то и дѣло набѣгали половцы, печенѣги и проч. Передается, какъ преданіе, что врата кіевскія были обиты вызолоченными мѣдными листами, а церковь благовѣщенская имѣла золотой куполъ и что это было поводомъ къ названію ихъ золотыми. И ничего нѣтъ въ этомъ преданіи не натуральнаго. По другимъ источникамъ надъ вратами устроены были башенки или коморы, а снаружи на нихъ находилась икона Благовѣщенія Божіей Матери; образомъ этимъ свидѣтельствовался Вячеславъ въ 1151 г. предъ посломъ Юрія Долгорукаго. Извѣстна польская легенда, что король Болеславъ при нападеніи на Кіевъ въ ударилъ мечемъ по стѣнѣ Златыхъ Вратъ и оставилъ на нихъ знакъ, который видѣнъ былъ долго впослѣдстіи. Въ 1240 г. Золотыя Ворота при набѣгѣ татаръ были разрушены; болѣе 400 лѣтъ они представляли собою развалины съ остатками храма; только въ 1682 г. ихъ немного исправили, при этомъ около нихъ поставили тогда желѣзныя рѣшетки съ калитками и подъемнымъ мостомъ. Съ этого-же времени до половины XVIII ст. Золотыхъ Воротъ фундаментально не исправляли [1]). Максимовичъ, Берлинскій, Самойловъ [2]) и другіе предполагаютъ,

---

[1]) Описаніе Кіева. Соч. Н. Закревскаго, т. I, § 59, стр. 324, Москва, 1868 г.

[2]) Кн. Кіевлянинъ, 1840 г., стр. 46; Описаніе Кіева, стр. 80, 156; Описаніе Златыхъ Вратъ въ Кіевѣ, стр. 14.

будто эти ворота были засыпаны землею въ царствованіе Анны Іоанновны (1732—1737 гг.). Закревскій, опровергая это, говоритъ: «изъ отысканнаго донесенія кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева видно, что въ 1745 г. указомъ сената Златыя Врата для сохраненія и вида древности» были засыпаны землею какъ внутри, такъ и по сторонамъ, вмѣсто же этихъ воротъ были построены въ концѣ 1750 г. новыя» [1]). Свѣдѣнія эти болѣе обстоятельно подтверждаются «документами», хранящимися въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, извлеченіе изъ которыхъ мы и представимъ здѣсь. Вотъ какъ происходило дѣло.

Въ 1743 г. возникъ на мѣстѣ вопросъ о ремонтѣ Золотыхъ Воротъ. Донесенія мѣстныхъ властей объ этомъ мы не нашли, но есть «наказъ» сената чрезъ генералъ-кавалера, генералъ-губернатора Леонтьева, военной коллегіи и артиллерійской канцеляріи, которымъ требовалось въ тотъ же годъ, «въ самой крайней скорости, въ Верхнемъ Городѣ Кіевѣ валгангъ и выходъ, какъ потребно, починить и исправить, сдѣлавъ для твердости каменный фундаментъ, но подъ золотыми проѣзжими воротами церковныхъ стѣнъ, которыя изъ древнихъ болѣе пятисотъ лѣтъ состоятъ, не ломать». Спустя 7 лѣтъ Золотыя Ворота опять потребовали ремонта и назначенный военной коллегіей для осмотра этихъ воротъ инженеръ подполковникъ Д. Дебоскетъ представилъ 20 мая 1750 г. губернатору Леонтьеву описаніе этихъ остатковъ древняго величія. «Брусья и доски», пишетъ Дебоскетъ, «положенныя вмѣсто землянаго валганга весьма погнили и пришли во всеконечную негодность, по нимъ съ немаловажнымъ страхомъ пѣшіе люди ходятъ, а артиллерію перевозить никакъ невозможно, по сему вмѣсто сихъ воротъ, за ихъ худобою и ветхостью, надлежитъ построить новыя. Отъ бывшей же каменной церкви есть старыя и весьма ветхія стѣны и своды, отъ нихъ проѣзжающимъ и пѣшимъ людямъ тоже представляется немалая опасность и буде паче чаянія оные своды упадутъ, убьютъ всѣхъ, а чтобы людямъ вреда такого не учинить, всемѣрно нынѣшнимъ временемъ надлежитъ снести каменныя стѣны и своды, въ которыхъ имѣются въ разныхъ мѣстахъ раздѣлившіяся щели». Вотъ въ какомъ видѣ находились Золотыя Ворота къ 1750 году!

---

[1]) Н. Закревскій, стр. 325.

Представленное Дебоскетомъ описаніе ихъ дало новый поводъ къ перепискѣ между генералъ-губернаторомъ, военной коллегіей и артиллерійской канцеляріей «о починкѣ Златыхъ Вратъ безъ интереснаго убытка правительству и съ сохраненіемъ въ то же время вида древности въ старыхъ церковныхъ каменныхъ стѣнахъ и сводахъ». Въ концѣ концовъ военная коллегія рѣшается предоставить развязать этотъ узелъ Дебоскету и послѣдній 19 іюля подаетъ Леонтьеву «меморіалъ», въ которомъ снова описываетъ полуразрушенный видъ Золотыхъ Воротъ, но будучи далекъ отъ чувства уваженія къ русской старинѣ, не приходитъ къ убѣжденію въ необходимости поддержать этотъ ея памятникъ, а проводитъ мысль о постройкѣ новыхъ воротъ вблизи старыхъ. «Златыя Врата», пишетъ иностранецъ инженеръ, «состоятъ не въ надлежащемъ по инженернымъ регуламъ мѣстѣ, яко въ фазѣ, а не въ картинѣ, поэтому слѣдуетъ построить другія ворота въ лучшемъ мѣстѣ, каменныя, на что хотя нѣсколько противъ деревянныхъ воротъ кошту излишняго употребится, однако оныя несравненно противъ деревянныхъ прочнѣе будутъ. А прежнія Золотыя Ворота, въ починку негодныя и состоящія въ ненадлежащемъ мѣстѣ, для сохраненія вида древности, надлежитъ засыпать внутри ихъ сторонъ землею крѣпкою, при этомъ на нихъ старыя церковныя каменныя стѣны и своды по прежнему оставить и ежели понадобится, то поддѣлать ихъ снизу новымъ камнемъ. Ходъ по валгангу людямъ и для перевозки артиллеріи, дабы онымъ сводомъ излишней тягости и къ разрушенію опасности быть не могло, не дѣлать, но вмѣсто того сдѣлать по обѣимъ сторонамъ этихъ воротъ въѣзды. Построить же новыя ворота на старомъ мѣстѣ, не разобравъ церковныхъ сводовъ, никакъ невозможно».

Этотъ проэктъ Дебоскета, пройдя извѣстныя стадіи учрежденій, наконецъ отсылается 9 августа военной коллегіей сенату. Въ своемъ «доношеніи» коллегія проситъ сенатъ проэктъ Дебоскета, уже пропущенный канцеляріей главной артиллеріи и фортификаціи, утвердить скорѣе, «дабы возможно было, не упуская нынѣшняго благополучнаго времени, старыя ворота исправить, а новыя зачавъ построить». При этомъ коллегія прилагаетъ «планъ профили и фасада воротъ, каждая порознь со всѣми строеніями, для того, чтобы знать, въ какомъ состояніи Златыя Врата находятся, какія ворота деревянныя или каменныя построить». Къ проэкту приложена была также

и смѣта или разсчетъ того, «коликое число къ строенію вновь въ старо-кіевской крѣпости Золотыхъ Воротъ понадобится матеріаловъ и припасовъ по кіевскимъ цѣнамъ и во сколько ворота, «каждую порознь, коштовать можно».

По смѣтѣ на построеніе каменныхъ Золотыхъ Воротъ требовалось: кирпича на стѣны 125,975, на фундаментъ подъ стѣны 20,960, на фронтоны стѣны варужной и внутренней 5,500 и т. д., всего же кирпича требовалось 194,355, на сумму 310 р. 96 к. Далѣе въ смѣтѣ идетъ перечень потребнаго количества извести, желѣза и проч., а въ заключеніе говорится: «итого Золотыя каменныя Ворота со всѣмъ коштовать имѣютъ въ 1,366 р. 36 к.» Кромѣ этого разсчета на постройку каменныхъ воротъ приложенъ разсчетъ на постройку воротъ деревянныхъ, которыхъ стоимость вычислялась въ 276 р. 86 к.

2 октября сенатъ утверждаетъ проэктъ Дебоскета о постройкѣ новыхъ каменныхъ Золотыхъ Воротъ, отдѣльно отъ старыхъ, и посылаетъ военной коллегіи указъ о скорѣйшемъ исполненіи сего. 31 октября военная коллегія отвѣчаетъ сенату рапортомъ о полученіи сего указа [1])...

По приведеннымъ «выпискамъ» изъ документовъ московскаго архива, мы видимъ, что если за два мѣсяца до окончанія года былъ полученъ такой указъ, то дѣйствительно старыя Золотыя Ворота могли быть кой-какъ исправлены и засыпаны по бокамъ землею именно въ концѣ 1750 г., постройка же новыхъ воротъ, существовавшихъ до 1799 г., должна была быть закончена въ 1751 г.

Какъ извѣстно, отъ вновь выстроенныхъ воротъ не осталось и слѣдовъ, а старыя ворота въ 1833 г. открыты были многоученымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ, земля съ нихъ снята и вся мѣстность вокругъ ихъ въ теченіи многихъ лѣтъ не только спланирована, но и застроена такъ, что ворота оказались уже не на чертѣ города, но въ самомъ почти центрѣ города. Хотя осматривавшій ихъ въ свое время императоръ Николай I выразилъ, что «этотъ памятникъ достоинъ сохраненія», но и по позднѣйшимъ нашимъ свѣдѣніямъ этотъ одинъ изъ немногихъ остатковъ древняго величія Кіева не

---

1) Дѣла пр. сената по воен. коллегіи, артиллерійск. канцеляріи, 1747—1754 г., кн. 54—462, дѣло 16, л. 194. (М. А. М. Ю.).

достаточно предохраненъ отъ вліянія стихійнаго и судьба по всей видимости сулитъ ему недолгое уже существованіе.

Сапожниковъ.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТОКЪ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СТЕПЕЙ.

(Отвѣтъ г. Бурачкову).

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ помѣщена статья извѣстнаго спеціалиста по древнѣйшей географіи южной Россіи, г. Бурачкова, подъ заглавіемъ: «Замѣтки по исторической географіи южно-русскихъ степей». Перомъ почтеннаго автора руководила, какъ онъ самъ говоритъ, «надежда вызвать со стороны изслѣдователей древней географіи лучшее объясненіе извѣстій о ней, относящихся къ югу Россіи, запутанныхъ различными предположеніями, несогласными съ природою края».

Такъ какъ въ этой статьѣ г. Бурачковъ касается нѣкоторыхъ вопросовъ, затронутыхъ мною въ моемъ сочиненіи: «Печенѣги, торки и половцы до нашествія татаръ», то я считаю себя обязаннымъ отвѣчать почтенному ученому, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя его мнѣнія, высказанныя притомъ довольно авторитетнымъ тономъ, могутъ сбить съ толку мало знакомыхъ съ историческими источниками, между тѣмъ они идутъ совершенно въ разрѣзъ съ исторической критикой.

Начну съ того, что почтенный ученый не ясно представляетъ себѣ, что̀ такое источникъ первой руки. Я очень благодаренъ г. Бурачкову за его указанія по вопросу о мѣстонахожденіи Олешья; точно также признаю свою ошибку по поводу Сары-Кермена, хотя эта ошибка замѣчена была мнѣ еще раньше на моемъ магистерскомъ диспутѣ Н. П. Дашкевичемъ. Но, указывая мнѣ эти ошибки, г. Бурачковъ обвиняетъ меня (и г. Барсова) въ томъ, что я придалъ особенное значеніе источникамъ первой руки и не обратилъ вниманія на сборники всякаго рода, «источники болѣе ясные» («Кіев. Ст.», 1885 г., апрѣль, стр. 682). Отсюда прямой выводъ, что сборники—не источники первой руки. Въ другомъ мѣстѣ г. Бурачковъ говоритъ: «мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе г. Голубовскаго,

что при разработкѣ вопросовъ историческихъ нельзя обойтись безъ обращенія къ источникамъ первой руки, но они тогда только заслуживаютъ это названіе, когда въ нихъ не встрѣчается очевидныхъ противорѣчій съ природою мѣстности, на которой совершались описываемыя событія» (стр. 679). Изъ этихъ словъ всякій сдѣлаетъ такой выводъ, что наша лѣтопись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ея извѣстія *не противорѣчатъ* природѣ мѣстности, заслуживаетъ названія источника ***первой руки***, а гдѣ ***противорѣчатъ***, тамъ ***второй руки;*** статья-же г. Бурачкова, не противорѣчащая природѣ мѣстности, заслуживаетъ названіе источника ***первой руки.*** Очевидно, понятіе о томъ, что такое источникъ первой руки, у г. Бурачкова довольно шаткое. Намъ кажется, что источники первой руки суть всѣ *сырые* историческіе, географическіе и этнографическіе матеріалы. Сборники въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они заключаютъ сырые матеріалы, суть источники *первой руки*, а тамъ, гдѣ въ нихъ помѣщены домыслы, мнѣнія собирателей или ученыхъ, являются источниками ***второй руки***, т. е. пособіями. Лѣтописныя извѣстія требуютъ критики, но *не на основаніи пособій, чужихъ мнѣній*, а на основаніи другихъ историческихъ матеріаловъ, такихъ-же ***сырыхъ, какъ и сама лѣтопись.***

Самъ г. Бурачковъ строитъ свои возраженія точно также на основаніи источниковъ первой руки, хотя и думаетъ, что они второй руки; но, пользуясь этими источниками, онъ дѣлаетъ выводы, совершенно противорѣчащіе здравой исторической критикѣ.

Мы стѣснены временемъ и мѣстомъ, чтобы останавливаться на всѣхъ разсужденіяхъ уважаемаго г. Бурачкова, а потому возьмемъ только слѣдующія положенія его: 1) боевая сторона на правой сторонѣ, 2) рѣка Уголъ на правой-же сторонѣ Днѣпра, 3) половецкія кочевья и движенія русскихъ князей были на правой сторонѣ.

Никто не будетъ оспаривать, что половцы жили и на правой сторонѣ Днѣпра. Доказательства этому г. Бурачковъ могъ-бы найти и въ моей указанной выше работѣ, но отрицаніе мѣстонахожденія ихъ кочевьевъ *на лѣвой сторонѣ* показываетъ въ немъ незнаніе источниковъ. Вотъ извѣстіе лѣтописи подъ 1187 годомъ [1]): «тое-же зимы сдумавъ Святославъ со сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, посласта

[1]) Просимъ обратить вниманіе, что мы ссылаемся на тѣ-же самыя мѣста, что и г. Бурачковъ, чтобы показать, какъ неправильно онъ ихъ толкуетъ.

черны клобукъ *на вежи за Днѣпръ и взяша вежа за Днѣпромъ* и возвратишася со славою и честію великою». Мѣсто это извѣстно и г. Бурачкову; но онъ не ясно представляетъ себѣ, гдѣ въ данный моментъ сидитъ извѣстный князь, а потому не можетъ опредѣлить, откуда происходитъ движеніе. Святославъ Всеволодовичъ въ указанномъ году былъ великимъ княземъ и сидѣлъ въ Кіевѣ, а стало быть и походъ былъ *по правой сторонѣ на лѣвую.* Изъ подчеркнутыхъ мѣстъ лѣтописнаго извѣстія для всякаго ясно (не знаемъ, какъ для г. Бурачкова), что вежи были *на лѣвой сторонѣ.* Подъ 1193 г. находимъ, что князья,—всѣ *правобережные*—, пошли на половцевъ «и доѣхаша *Днѣпра;* черные-же клобуци не восхотѣша *ехати за Днѣпръ, бяхуть бо сватове имъ сѣдяще за Днѣпромъ близъ. . .*» Удивительно, какъ г. Бурачковъ не обратилъ вниманія на то, что черные клобуки—жители Поросья и поэтому отъ нихъ за Днѣпръ значитъ *на лѣвую сторону.* Будетъ-ли г. Бурачковъ и теперь отрицать, что кочевья были и *на лѣвой сторонѣ?* Уважаемый ученый забываетъ даже такіе факты, какъ походы Кончака на переяславское княжество, какъ пребываніе въ плѣну Игоря Святославича въ половецкихъ кочевьяхъ на Дону, факты, указывающіе на борьбу съ кочевниками *на лѣвой сторонѣ* Днѣпра и на существованіе кочевьевъ *къ востоку отъ Днѣпра.* Замѣтимъ также, что по всѣмъ лѣтописнымъ даннымъ, которыя или неизвѣстны г. Бурачкову, или,можетъ быть, игнорируются имъ, какъ несоотвѣтствующія природѣ мѣстности, главныя силы половцевъ кочевали *на лѣвой,* а *не на правой сторонѣ Днѣпра.* Пребываніе главныхъ кочевьевъ ихъ *на лѣвой сторонѣ* доказывается и столкновеніемъ ихъ съ татарами въ Приазовьи.

Наконецъ приведемъ почтенному ученому еще одно мѣсто изъ лѣтописи, которое, надѣемся, убѣдитъ его, гдѣ была *боевая* сторона. Разсказъ идетъ подъ 1183 г.: «того-же лѣта Богъ вложи въ сердце Святославу, князю *киевьскому,* и великому князю Рюрикови Ростиславичу поити на половцѣ, и посласта по окольныѣ князи». Къ нимъ собралось много князей. *Изъ Кіева* князья двинулись *по правой сторонѣ Днѣпра.* Я думаю, этого не будетъ отрицать и уважаемый г. Бурачковъ. Что-же дальше? «Идущю-же ему (Святославу) по Днѣпру (конечно, по берегу) и ста ту, идеже нарѣцаеться Инжирь бродъ, и ту *перебродися на ратьную сторону Днѣпра*».

Князья, шедшіе до сихъ поръ *по правой сторонѣ*, перешли теперь *на лѣвую, которая и названа ратной*, т. е. *боевой*.

Этимъ мы заканчиваемъ наши возраженія г. Бурачкову по вопросамъ о мѣстонахожденіи половецкихъ вежъ и о боевой сторонѣ. Чтобы не было недоразумѣній, повторяемъ: борьба происходила и на правой и *на лѣвой сторонѣ*, и *на послѣдней* болѣе ожесточенная, чѣмъ на первой; кочевья половецкія были и на правой и *на лѣвой сторонѣ*, но главныя силы половцевъ были *на лѣвой; ратная или боевая сторона была лѣвая.*

Г. Бурачковъ имѣетъ также неясныя представленія о томъ, какъ происходили съѣзды у Канева. Предлагаемъ ему отнестись, какъ подобаетъ ученому, къ извѣстію лѣтописи подъ 1193 г.

Перейдемъ теперь къ рѣкѣ Углу. Разсужденія г. Бурачкова на стр. 677—8, на сколько мы понимаемъ, сводятся къ тому, что 1) мѣсто Ерель и рѣка Уголъ не одно и то-же; 2) рѣка Уголъ находится на правой сторонѣ и тождественна съ р. Ингульцемъ; 3) событія 1152 и 1170 г. происходили на правой сторонѣ Днѣпра. Ссылка на Витсена ничего не доказываетъ, потому во первыхъ, что это источникъ, требующій самъ провѣрки, а во вторыхъ потому, что названіе мѣстности отъ Днѣпра до Дона не противорѣчитъ нисколько лѣтописнымъ даннымъ, которыя не даютъ возможности отождествлять р. Уголъ съ Ингульцемъ.

Прочтемъ извѣстіе лѣтописи подъ 1152 г. «И яко-же приде Изяславъ у Черниговъ, и ту приде ему вѣсть отъ сына отъ Мстислава, оже Богъ ему помоглъ половци побѣдити на Углѣ и на Самарѣ, и полонъ многъ взялъ, самыхъ прогна, вежѣ ихъ поима, конѣ ихъ и скоты ихъ зая и множество душь крестьяныхъ отполони и възворотишася *въ Переяславль*, хваляче Бога». Неужели г. Бурачковъ будетъ отрицать, что тутъ движеніе происходило на *лѣвой сторонѣ*, и станетъ настаивать *на правой?* Движеніе было изъ Переяслава, то есть, съ лѣвой стороны и о переправѣ на правую сторону указанія нѣтъ, слѣд. все и происходило на лѣвой сторонѣ. Р. Самара также находится на лѣвой сторонѣ. Но въ приведенномъ извѣстіи *Угла рѣка*, а *не уголъ*, потому что въ противномъ случаѣ лѣтопись сказала-бы: «на мѣстѣ нарѣцаемемь Уголъ». Говорить-же: «на *рѣцѣ* Углѣ» не было нужды, ибо рядомъ стоитъ р. Самара. Нужно, чтобы г. Бурачковъ привелъ болѣе вѣскія до-

казательства для опроверженія этого мѣста лѣтописи, а до тѣхъ поръ никто съ его разсужденіями не согласится. Приведенное извѣстіе ясно указываетъ, что Угла рѣка была вблизи отъ рѣки Самары. Что касается Снопорода, какъ стоитъ въ одномъ изъ списковъ лѣтописи вмѣсто Снепорода, то я укажу г. Бурачкову на географическій словарь Щекатова, у котораго прямо говорится, что Снопородъ (или Снопорядъ) есть рѣка Самара. Могу сообщить также г. Бурачкову, что составитель статьи въ мѣсяцесловѣ на 1782 г. говоритъ о Замоканѣ то-же самое, что и Щекатовъ въ своемъ словарѣ, въ статьѣ о р. Орели. Если давать вѣру показаніямъ писавшаго въ мѣсяцесловѣ, то съ большимъ правомъ мы должны вѣрить Щекатову, что Снопородъ есть Самара. Если все движеніе 1170 г. происходило по правой сторонѣ Днѣпра, то чрезъ чуръ далеко было преслѣдовать половцевъ до р. Оскола. Изъ лѣтописнаго разсказа вовсе не видно, что князья дошли до Снопорода чрезъ 9 дней. Г. Бурачковъ не понялъ. Сказано, что на 9-й день половцамъ дана была вѣсть отъ Гаврилки Иславича, вслѣдствіе которой они бѣжали, а князья быстро поѣхали за ними далѣе, *а сколько ѣхали, неизвѣстно*. Пусть г. Бурачковъ обратитъ вниманіе еще и на то обстоятельство, что князья, отправившись 2 марта, возвратились домой только въ самое Свѣтлое Воскресенье, слѣд. стычка съ половцами произошла не на разстояніи 9 дней пути, а гораздо дальше. Мы приводимъ въ нашемъ отвѣтѣ только выдающіяся мѣста изъ лѣтописи, но въ нашей работѣ есть очень много ссылокъ на лѣтопись, совершенно, повидимому, *несоотвѣтствующихъ природѣ мѣстности*, вслѣдствіе чего г. Бурачковъ и просмотрѣлъ ихъ. Мы ограничиваемся немногими извѣстіями и потому еще, что предполагаемъ, что и г. Барсовъ съ своей стороны будетъ отвѣчать почтенному древнему географу.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ по вопросу о лѣсахъ. Начнемъ съ того, что въ «Исторіи южно-русскихъ степей» я не ставилъ категорическаго положенія о томъ, что въ историческое время южныя степи были сплошь покрыты лѣсами, а выставлялъ это, какъ гипотезу для времени до-историческаго; утверждалъ-же я и утверждаю и теперь, что въ древнѣйшее время пространства, покрытыя лѣсомъ, на югѣ Россіи были обширнѣе. Почтенный авторъ «Замѣтокъ» не допускаетъ объясненія, что лѣса могли быть

истреблены самимъ осѣдлымъ славянскимъ населеніемъ, но зачѣмъ г. Бурачковъ игнорируетъ приведенное мною извѣстіе изъ *Notices et extraits des manuscrits*, характеризующее прекрасно движенія кочевыхъ массъ? Вмѣстѣ съ почтеннымъ г. Бурачковымъ мы съ уваженіемъ относимся къ «отцу исторіи» Геродоту, но историческая критика не дозволяетъ вѣрить, на основаніи только уваженія, всѣмъ показаніямъ писателя. Геродотъ далеко не подымался по теченію нашихъ южныхъ рѣкъ, и потому свѣдѣнія о Скуѳіи являются у него по слухамъ. Между тѣмъ у насъ имѣется *оффиціальное* донесеніе отъ 1681 г. посла Василія Тяпкина, своими глазами видѣвшаго «дубровы великія» по берегамъ Овечьихъ и Конскихъ водъ, Самары и Орели. Какъ ни велико наше уваженіе къ «отцу исторіи», но *оффиціальный документъ долженъ быть для насъ важнѣе*. Отчего г. Бурачковъ игнорируетъ также показанія Боплана? Донесеніе Тяпкина и «Описаніе Украйны» Боплана извѣстны почтенному географу, ибо на нихъ онъ дѣлаетъ ссылки, когда это ему удобно. Какъ примѣръ истребленія лѣсовъ, укажемъ на полтавскую губернію, которая въ не очень отдаленное время изобиловала лѣсной растительностью, какъ это видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Маркевичемъ въ статьѣ «Рѣки полтавской губерніи». Ссылки на нее авторъ «Замѣтокъ» найдетъ въ моей работѣ [1]).

Петръ Голубовскій.

ЗАТЕРЯВШАЯСЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІЯХЪ 1696 Г.

Въ экземплярѣ Исторіи Малой Россіи Бантыша-Каменскаго, принадлежащемъ харьковскому университету, найдена четвертушка бумаги, на которой написана малороссійская пѣсня съ указаннымъ выше содержаніемъ. Пѣсня перечеркнута краснымъ черниломъ, очевидно цензорскимъ. Въ одномъ мѣстѣ на боку листка тѣмъ же черниломъ написано слово «вас», указывающее на то, что эта четвертушка бумаги составляла листки тетради, которая была скрѣплена по листамъ. Можно поэтому заключать, что упомянутая

---

[1]) Весьма интересно было-бы, чтобы почтенный географъ обратилъ вниманіе на статью покойнаго Аристова „О землѣ Половецкой", въ Изв. нѣжин. института, 1877 года.

пѣсня входила въ составъ сборника малороссійскихъ пѣсень, который и разсматривался цензурой. Вѣроятно, это былъ сборникъ Метлинскаго. Пѣсня не пропущена цензурой, хотя въ ней нѣтъ ничего нецензурнаго. Приводимъ ее цѣликомъ:

Охъ и стояла да сосоночка да напротивъ сонечка,
А попереду да Вечирченко на ворономъ конику.
Охъ и лишень же да Вечирченко да й на отую траву зъизжае,
А позадъ ёго да панъ Петрыковській тугий лукъ натягае.
Якъ узяли да Вечирченка да пидъ пышныи боки,
Да якъ повели да Вечирченка да у нову свитлицю:
«Ой така ваша се свитлиця, якъ моя стадниця».
Посадили да Вечирченка на тисовой лави:
— Ой знимайте зъ Вечирченка да жупаны-луданы!—
Якъ посадили да Вечирченка на тисовимъ ослинци:
— Охъ изнимайте изъ Вечирченка да чоботы-червинци!
— Охъ либонь тоби да Вечирченко да сермяжище важка,
— Що учора бувъ дай у жупанахъ, а теперъ лишь сермяжка!—
Якъ повели да Вечирченка да за жовтыи писки:
Охъ и не взялася ёго жинка Вляна ни пити, ни ѣсты.
Якъ повели да Вечирченка да за густыи лозы:
Ой облили ёго жону Вляну да дрибненькіи слёзы.
Ой якъ стали да Вечирченку да муку задавати,
Ще зъ живого да Вечирченка да серденько выймати:
«Ой вы сотники, и полковники, и великіи паны!
Охъ и накажите вы, панове-братьци, моїй жинци Уляси,
Що не буде вона ѣздити да у новий коляси!»

Въ концѣ пѣсни написано въ скобкахъ: «записалъ въ м. Воронежѣ, Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, Н. К.» Далѣе приписано: Кониской, стр. 192, Бантышъ-Каменскій, т. III, стр. 19.

Послѣдняя приписка показываетъ, что лице, записавшее пѣсню или составитель сборника относитъ пѣсню къ событію, описанному на указанныхъ страницахъ двухъ упомянутыхъ изданій. Въ Исторіи Руссовъ на приведенной выше страницѣ разсказывается о нападеніяхъ войсковаго канцеляриста Петрика съ татарами на Украйну и о походѣ трехъ малороссійскихъ корпусовъ противъ татаръ. При

чемъ о дѣйствіяхъ начальствовавшихъ надъ третьимъ корпусомъ полковниковъ Боруховича и Апостола сообщается слѣдующее. «Разбивъ татаръ около мѣстечка Соколки, загнали ихъ въ устье рѣки Ворсклы цѣлыя тысячи. Всѣ ихъ вьюки съ запасами и всѣхъ плѣнниковъ русскихъ отняли у нихъ, считая, однако, при томъ великою потерею погибшаго отъ татаръ охочекомоннаго старшину Якима Вечорку. Онъ, бывши прежде въ охочекомонномъ Паліевомъ полку, имѣлъ при себѣ небольшую партію свою изъ охотниковъ и самыхъ удальцовъ, жившихъ при немъ изъ добычи. Всегдашнее упражненіе сего Вечорки было служить при всѣхъ тѣхъ малороссійскихъ корпусахъ, которые были въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей. Такимъ образомъ, приставъ онъ къ сему корпусу, дѣйствовалъ съ партіею своею на татаръ съ отличнымъ и удивительнымъ мужествомъ и храбростію и побужденіемъ, видно, поступленныхъ Мазепою талеровъ, всегда напускалъ въ средину татаръ и искалъ Петрика, посему-то схваченъ онъ такъ, что другія войска примѣтить того не могли, и умерщвленъ татарами тиранскимъ образомъ, что примѣчено на тѣлѣ его, изуродованномъ на многихъ мѣстахъ варварски. Но и Петрикъ тутъ-же погибъ отъ удара, видно, Вечоркина. Трупъ его найденъ между татарскими, пробитый насквозь копьемъ и повѣшенный на крюкъ при мѣстечкѣ Кишенькахъ, съ надписью: «бунтовщикъ и возмутитель народный».

Изъ сопоставленія пѣсни съ приведеннымъ мѣстомъ видно, что Вечирченко пѣсни есть Якимъ Вечорка Исторіи Русовъ, а панъ Петрекивскій пѣсни Петрикъ Исторіи Русовъ. Очень вѣроятно, что пѣсня про Вечирченка и пана Петрекивского на столько принадлежитъ народу, на сколько Исторія Русовъ Конисскому. О дѣйствительной принадлежности приведенной пѣсни народу могъ бы сообщить интересныя указанія П. А. Кулишъ, какъ уроженецъ м. Воронежа, не могшій въ свое время не записать этой пѣсни, если только она была извѣстна обывателямъ м. Воронежа.

П. Еф.

ОКОЛДОВАНІЕ НАЧАЛЬСТВА.

Тяжбы и всякаго рода судебные процессы вели въ старину люди гораздо чаще, чѣмъ теперь, и упражнявшіеся въ нихъ въ

трудныхъ для себя случаяхъ, прибѣгали къ помощи колдовства. Чарованіе или направлялось во вредъ противной сторонѣ, или же имѣло въ виду склонить въ свою пользу судей. Къ этому способу въ затруднительныхъ случаяхъ обращались не только простолюдины, но и лица высшихъ сословій. Такъ какъ тайна колдовства была извѣстна немногимъ, то чарованіе совершалось не самими заинтересованными лицами, а приглашенными спеціалистами по этой части. Въ доказательство того, что въ силу колдовства вѣрили и къ помощи его прибѣгали даже лица привиллегированныхъ состояній, можно привести извѣстіе, заключающееся въ запискахъ Я. Марковича по дѣлу переяславскаго полковника Василія Танскаго. Этотъ полковникъ долго содержался въ Москвѣ по разнаго рода обвиненіямъ; въ 1730 г. онъ былъ препровожденъ въ Малороссію съ указомъ кн. Шаховскому объ изслѣдованіи поданныхъ на него разными лицами челобитныхъ; въ концѣ слѣдующаго года его снова отправили въ Москву. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1734 г., когда онъ еще находился подъ карауломъ, въ генеральномъ судѣ возникло дѣло о чарованіи полковницей Танской во вредъ генералу де-Вейзбаху, а въ пользу за арестомъ сидѣвшаго Танскаго. Такъ какъ чарованіе было произведено черезъ бабъ, одну старую, другую молодую, шинкарку, то обѣихъ ихъ притянули къ отвѣтственности и даже подвергли пыткѣ (пекли) въ судѣ генеральномъ. Черезъ три мѣсяца Танскій за подозрѣніе и вины былъ наказанъ публично и сосланъ въ Сибирь (т. I, стр. 436).

У меня въ рукахъ находится производство черниговскаго полковаго суда 1733 г. о «спорномъ Стефана и Максима Люневскихъ съ писаркою Данилихою Струтинскою да Маріею Пикуличкою о чародѣйствѣ дѣлѣ» [1]). Въ этомъ дѣлѣ сообщается: козаки сел. Синявки, черниговскаго полка, Стефанъ и Максимъ Луневскіе въ 1727 г. заявляли черниговской полковой канцеляріи, что козачка Марія Пикуличка, призванная во дворъ писаря синявскаго Данила Струтинскаго къ женѣ его Варварѣ, согласилась на волшебство, дабы склонить полковой судъ въ пользу дѣла Струтинскаго. Для этого онѣ поймали жабу, зашили ей ротъ зеленымъ шелкомъ и произносили заклинаніе: *Не жабѣ мы ротъ зашиваемъ, но заши-*

---

[1]) Изъ архива Малорос. коллегіи, состоящаго при харьков. университетѣ.

ваемъ мы роты черниговскому полковнику, судьямъ и всей старшинѣ полковой, отъ большого до меньшого. А послѣ того писарка и Пикуличка на голо садились на жабу и приговаривали: *какъ сія жаба нѣма, чтобъ такъ нѣмы были черниговскій полковникъ и судіи, и вся старшина полковая, отъ большого до меньшого, и не могли ничего лихого на рабу божію Марію Пикуличку говорити.* При этомъ доносители Луневскіе ссылались на синявскую жительку Федору Бѣлую, которой поименованною выше писаркою и Пикуличкою также были вручены двѣ жабы съ тѣмъ, чтобы она одну отнесла къ козаку Каценку и въ избѣ выпустила изъ рукава, а другую впустила въ избу козака Кобеляна; кромѣ того упрашивали ее, чтобы она набрала воды съ трехъ пустыхъ колодцевъ и отнесла къ Пикуличкѣ, что ею и было сдѣлано. При первомъ допросѣ въ полковомъ судѣ Бѣлая все прописанное выше подтвердила; но затѣмъ, при вторичномъ допросѣ, отвергла свои показанія, объяснивъ, что она все говорила по подговору Степана Луневскаго.

Хотя приведенный выше фактъ колдовства и отвергнутъ подсудимой, но существованіе указаннаго способа чарованія и приведеннаго заклинанія, по нашему мнѣнію, не подлежатъ сомнѣнію. И вотъ тому доказательства. Прежде всего надобно сказать, что жаба, какъ существо, внушавшее отвращеніе, всегда признавалась народомъ годной къ колдовству; такъ напримѣръ, вѣрили, что можетъ произойти особенный вредъ, если она будетъ подложена подъ голову спящаго (см. статью о колдовствѣ В. Б. Антоновича въ «Трудахъ этногр. статист. экспедиціи» Чубинскаго, т. І-й, вып. 2, стр. 357). Жаба, какъ и гадюка, упоминаются въ заклинаніи, направленномъ противъ судей: «на кони їду, а гадюкою поганяю, усимъ моимъ непрыятелямъ роты затыкаю. Гадючій хвистъ, а жабьяче черево, якъ прыйду я мижъ паны, то щобъ стали вони, якъ сухе дерево» (Тоже издан., т. І-й, вып. І-й, стр. 95). Мотивъ стариннаго заклинанія, приведеннаго выше, чтобы судьи или начальство были нѣмы предъ произносящимъ заговоръ и ничего не смѣли говорить противъ него, повторяется въ другихъ великороссійскихъ и малорусскихъ заговорахъ. Напримѣръ въ заклинаніи, извлеченномъ нами въ архангельской губерніи изъ дѣла 1753 г., приводится мотивъ: «Дай Господи ему (судьѣ праведному N.) очи ангельскіе, сердце каменное, губы воловы, языкъ тетеревиной и чтобъ супро-

тивъ меня раба божія N не могъ ни зинуть, ни пикнуть, ни слова промолвить и не выговорить.... Како Петръ Апостолъ замыкаетъ и запираетъ свой рай пресвѣтлый, тако замкни, Господи, у начальнаго человѣка и судьи праведнаго уста сахарные и укроти у него, Господи, отъ ярости ретивое сердце; како изъ гроба не возставаетъ мертвый мертвецъ и покрытъ матушкой сырой землей, такъ не могъ бы возставать супротивъ меня, раба божія N, начальный человѣкъ и судья праведный N. (Матеріалы по этнографіи рус. населенія архангельской губ. собран. П. С. Ефименкомъ, изд. москов. общ. любителей естествозн., ч. 2-я, стр. 153). Тотъ же мотивъ можно встрѣтить, наприм., въ слѣдующемъ, до сихъ поръ извѣстномъ въ народѣ, заклинаніи: «Я до начальства иду по божому слиду, Господними стопами, нехай начальству станутъ очи стовпами, щобъ на мене рота не роззявляли, очей не вытрищали, языка не пиднимали.... Якъ тихо та смирно лежать мертви въ гроби, щобъ такъ тихо та смирно до мене начальство говорило.... (Сборникъ малорос. заклинаній П. Ефименка, изд. въ Москвѣ 1874 г., стр. 60). Такимъ образомъ мотивъ народныхъ заклинаній, чтобы начальство было нѣмо передъ подсудимыми или тяжущимися, вещь весьма естественная со стороны тѣхъ, которые сами чувствуютъ свою безгласность и нѣмоту передъ нимъ.

П. Е.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

7.

Нѣсколько мелочей изъ жизни А. П. Стороженка.

Столь извѣстный своими малорусскими разсказами, Алексѣй Петровичъ Стороженко, съ молодыхъ лѣтъ любилъ книги и сочувствовалъ всякому литературному предпріятію. Когда сталъ издаваться пресловутый энциклопедическій лексиконъ Плюшара, онъ былъ въ числѣ подписчиковъ на это изданіе, состоя тогда еще въ чинѣ поручика, какъ видно изъ списка, приложеннаго къ IV т. лексикона (Спб. 1835 г.). Мнѣ передавали, что юный поручикъ прислалъ тогда уже въ редакцію Лексикона нѣсколько замѣтокъ, но онѣ затерялись гдѣ-то вслѣдствіе невѣроятнаго безпорядка, господствовавшаго въ редакціи.

Когда Алексѣй Петровичъ въ концѣ 50-хъ годовъ переѣхалъ въ Петербургъ, будучи назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при тогдашнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ Д. Г. Бибиковѣ, онъ очень любилъ, чтобы его навѣщали земляки. Жилъ онъ, кажется, на Кабинетской ул. въ д. Лобова, по крайней мѣрѣ такъ было въ 1861—2 гг. Близко узнавши кого-либо, Алексѣй Петровичъ искренно привязывался къ этому лицу и въ свою очередь увлекалъ его. Одинъ изъ его знакомыхъ по Петербургу какъ-то писалъ мнѣ: «дивный образъ этого святаго человѣка я сохраню въ своемъ сердцѣ до конца дней моихъ; каждую весну въ день его ангела я невольно произношу: «и ты былъ Алексѣй теплый»,» (17-е марта). Со своими пріятелями А. П. любилъ говорить о дорогомъ его сердцу отечествѣ. Послѣ 19-го февраля 1861 г. онъ часто «грустилъ, грустилъ до слёзъ, что заря занялась на горизонтѣ отечества, а онъ на склонѣ жизни и не увидитъ, какъ пышно разцвѣтетъ столь долго жданная весна; онъ вѣрилъ въ прекрасное будущее и восклицалъ: «зачѣмъ я наканунѣ живу!» Хорошій былъ онъ человѣкъ—хорошо и ошибался».

Въ 60-хъ годахъ Алексѣю Петровичу приходилось учавствовать въ слѣдствіяхъ по политическимъ дѣламъ; въ этихъ случаяхъ онъ спасъ немало невинныхъ. Прежде чѣмъ приступать къ формальному слѣдствію, онъ призывалъ къ себѣ обвиняемыхъ и въ оживленной бесѣдѣ за обѣденнымъ или чайнымъ столомъ старался поближе съ ними ознакомиться, узнать ихъ убѣжденія, взгляды по различнымъ вопросамъ; затѣмъ онъ раздѣлялъ своихъ новыхъ знакомыхъ на категоріи, разубѣждалъ увлекавшихся, но не убѣжденныхъ вполнѣ въ цѣлесообразности своихъ стремленій, и только стоявшихъ крѣпко на своемъ подвергалъ формальному допросу.

Алексѣй Петровичъ помимо своего литературнаго таланта имѣлъ самыя разнообразныя способности. Какъ извѣстно, онъ хорошо игралъ на віолончели, на гитарѣ и, кажется, на скрипкѣ, рисовалъ, за скульптурныя работы получилъ отъ академіи художествъ медаль и затѣмъ былъ удостоенъ званія художника; кромѣ того, въ молодые годы своей жизни онъ обучался фехтованію и достигъ въ немъ высшей степени совершенства. Это ему очень пригодилось

впослѣдствіи, въ бытность его съ 1863 года чиновникомъ особыхъ порученій отъ министерства при столь извѣстномъ генералъ-губернаторѣ сѣверо-западнаго края графѣ М. Н Муравьевѣ. Послѣдній былъ очень расположенъ къ Алексѣю Петровичу и постоянно удерживалъ его при себѣ. Во время пріема просителей они обыкновенно выходили вдвоемъ и такъ какъ можно было опасаться покушенія на жизнь Муравьева, то Алексѣй Петровичъ всегда бралъ съ собою палку съ незамѣтно вложенной въ нее шпагой. Мнѣ не приходилось слышать, пригодилась-ли когда эта предосторожность.

Живя въ Брестѣ, Алексѣй Петровичъ посвящалъ много времени музыкѣ. Часто устраивались тогда въ разныхъ домахъ музыкальныя вечеринки, въ которыхъ Алексѣй Петровичъ принималъ всегда самое живое участіе. Найболѣе удачныя бывали въ домѣ артиллерійскаго генерала барона Клейста; жена послѣдняго превосходно играла на фортепіанѣ, а Алексѣй Петровичъ аккомпанировалъ ей на віолончели. Иногда музыка прекращалась и уступала мѣсто литературѣ; тогда Алексѣй Петровичъ вынималъ рукопись изъ кармана и самъ читалъ въ слухъ какое-нибудь, приготовляемое къ печати, свое сочиненіе. Такія-же чтенія устраивались иногда въ мѣстномъ клубѣ. Нѣкоторыя лица, слышавшія отрывки «Марка проклятого» въ чтеніи Алексѣя Петровича, до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ объ этомъ.

Алексѣй Петровичъ разсказывалъ иногда устно еще лучше, чѣмъ когда читалъ по рукописи. Вообще складъ ума его, по разсказамъ знавшихъ его, отличался большимъ юморомъ. Онъ видѣлъ предметы ясно и его смѣхъ былъ выраженіемъ анализирующаго ума. Ему присуща была способность подмѣчать мельчайшія черты въ людяхъ, съ которыми онъ видѣлся въ первые, и воспроизводить особенности ихъ говора, манеры, движеній. Въ 1867 году ему пришлось быть въ Варшавѣ. Въ то время проѣзжали чрезъ Варшаву въ Москву на этнографическую выставку представители славянскихъ народностей. Ихъ чествовали публичнымъ обѣдомъ въ русскомъ клубѣ. Алексѣй Петровичъ участвовалъ въ этомъ обѣдѣ и потомъ очень комически представлялъ авторовъ брошюрокъ, которыми рекомендовали себя славянскіе народники русскимъ людямъ, привыкнувъ дома дивить ими свой муравейникъ.

Въ качествѣ предводителя дворянства Алексѣй Петровичъ былъ членомъ брестскаго православнаго братства, имѣющаго цѣлью заботиться о поддержаніи православныхъ храмовъ въ краѣ и о созиданіи новыхъ, объ улучшеніи быта православнаго духовенства и объ удовлетвореніи насущныхъ потребностей православнаго населенія. Онъ всегда принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ братства, былъ доступенъ всякому просителю и по возможности удовлетворялъ просьбѣ каждаго.

Послѣдніе годы своей жизни Алексѣй Петровичъ тяготился своей службой и мечталъ о покоѣ, соединенномъ съ литературной и художественной дѣятельностью; но этому не суждено было, какъ извѣстно, осуществиться: онъ все откладывалъ выходъ въ отставку, пока не застигъ его внезапный конецъ.

Алексѣй Петровичъ вообще былъ самаго высокаго мнѣнія о служебной дѣятельности. Онъ смотрѣлъ на дѣло такъ, что военная и гражданская служба требуютъ еще большей разносторонности въ умственномъ ратвитіи, нежели каѳедра и пресса. Тамъ организованныя въ мышленіе знанія, гражданское мужество, смѣлость, находчивость и быстрая сообразительность провѣряются въ моментъ своего проявленія. Въ рукахъ умнаго, искуснаго администратора подобный человѣкъ былъ драгоцѣнной находкой.

Н. В.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА ВЪ УМАНСКОМЪ ВОЕННОМЪ ПОСЕЛЕНІИ.

Изъ всѣхъ измышленій чуждаго жизни теоретизма ни одно не оставило по себѣ такого печальнаго и рѣзкаго по своей наглядности слѣда, какъ пресловутыя военныя поселенія. Явленіемъ съ ними родственнымъ можно признать развѣ только колоніи коммунистовъ, что основались было въ Америкѣ по системѣ Фурье и другихъ и рухнули подъ тяжестью взаимнаго деспотизма и невыносимой регламентаціи. Для полноты сходства этимъ колоніямъ недоставало только аракчеевскихъ шпицрутеновъ, въ качествѣ корректива.

Нѣсколько свѣдѣній о судьбѣ и порядкахъ южно русскихъ военныхъ поселеній обнародовано было въ послѣднее время. Только въ эпоху крестьянской реформы перемѣнился строй жизни военныхъ поселянъ, но о быломъ, казарменномъ ея идеалѣ, въ мѣстахъ этихъ поселеній, до сихъ поръ напоминаютъ путнику унылыя села, съ прямыми, безжизненными улицами и выстроенные въ струнку дома поселенцевъ. Тутъ вся жизнь проходила по наряду и приказу, опредѣлявшимъ чуть не каждый шагъ земледѣльцевъ-воиновъ. Изображенный перомъ военнаго писаря «нарядъ» вызывалъ ихъ на косовицу и самая болѣзнь и смерть могла послѣдовать чуть ли только не съ разрѣшенія начальства. Такія военныя села существовали и въ кіевской губерніи, въ вольнолюбивой Уманьщинѣ.

Опыты обобщенія жизни и подведенія его подъ одинъ масштабъ производились надъ населеніемъ, столь далекимъ отъ аракчеевскихъ идеаловъ, по своимъ духовнымъ свойствамъ и основнымъ чертамъ характера—индивидуализму и безграничной любви къ личной независимости. Мы имѣемъ мало данныхъ о бытовой сторонѣ жизни злополучныхъ военныхъ селъ Уманьщины; но можно представить тотъ адъ, который она изображала изъ себя во всѣхъ своихъ мелочныхъ подробностяхъ, вызываемыхъ ревностнымъ примѣненіемъ аракчеевскаго регламента и суровостью мѣстныхъ правителей съ генераломъ Траскинымъ во главѣ.

Вотъ въ этомъ-то злосчастномъ уголкѣ въ 1850 году возникаетъ дѣло, которое было бы великимъ скандаломъ для второй половины XIX в., если бы еще большимъ не было существованіе въ ту же пору военнаго поселенія. Обвиняются двѣ «военныя поселянки», одна въ отравленіи мужа чародѣйскимъ способомъ, другая въ пособничествѣ ей и въ колдовствѣ. Съ точки зрѣнія аракчеевской теоріи—дѣло невозможное! Но жизнь не справляется съ регламентами. Узелъ дѣла въ кругѣ жизни семейной, а семья, съ ея иногда разнороднымъ составомъ, складывается нѣсколько труднѣе, чѣмъ козлы изъ ружей. Дѣло, съ которымъ мы хотимъ ознакомить читателей, стоитъ по видимому далеко отъ порядковъ военныхъ поселеній, но едва-ли не въ немъ его корень и основа. Вотъ что случилось тогда во 2-й волости 2-го округа военнаго поселенія.

18-го августа 1850 года военный поселянинъ села Папужинецъ, уманскаго уѣзда, Авраамъ Синченко, нежданно повѣсился

въ своей коморѣ. Родители его, узнавши объ этомъ, вынули его изъ петли и привели къ жизни. Узнало начальство, началось дознаніе; оказалось, что у Синченка молодая жена, что предъ тѣмъ онъ ее билъ, а она подсыпала ему чего-то въ борщъ, подмѣсь же эту получила отъ крестьянки того же села Агафіи Адамчукой. Дѣло передано въ уманскій уѣздный судъ, Синченкова и Адамчукова заключены въ уманскую тюрьму. Началось формальное слѣдствіе. На допросѣ Авраамъ Синченко показалъ, что онъ живетъ съ своею женою Матреною другой годъ и въ продолженіи этого времени билъ ее два раза, по приказанію отца ея, за прелюбодѣяніе съ неизвѣстнымъ солдатомъ, съ какого же поводу и какимъ образомъ онъ повѣсился,—ничего не помнитъ. Жена Синченка, Матрена, показала, что хотя она пила въ шинкѣ водку съ неизвѣстнымъ ей солдатомъ и стояла съ нимъ, но прелюбодѣянія не имѣла. Когда она жаловалась на мужа своего Авраама, за побои ей причиненные, поселянкѣ Агафіи Адамчуковой (она же и Козачка), то та дала ей зелья нѣмицы десять зеренъ и велѣла, сваривши ихъ, кинуть въ борщъ и дать съѣсть мужу. Боясь, чтобъ мужъ отъ этого не умеръ, Синченкова сперва совѣта не исполнила, а когда Адамчукова увѣрила ее, что мужъ не умретъ, а только не будетъ болѣе бить ее и ругать, то, сваривши въ борщѣ тѣ сѣмена, она дала ему съѣсть. Послѣ этого Авраамъ былъ здоровъ, отъ чего же онъ повѣсился черезъ три дня, отъ тѣхъ ли сѣмянъ, или отъ чего другого, она не знаетъ. Адамчукова, въ показаніи своемъ, какъ и слѣдовало ожидать, увертывается и старается уменьшить свою вину. По ея словамъ, на просьбу Синченковой сдѣлать такъ, чтобъ мужъ ея не билъ и не ругалъ ее, она дала ей десять зеренъ нѣмицы, велѣла сварить въ водѣ и тою водою *обливаться*. Давая зерна, она тихо приговаривала слѣдующія слова «Помогай Богъ тоби, нимиця нимая: якъ ты нимиця нимая, щобъ такъ тоби пониmили губы на губы, языки на языки и злыи мысли и погани думки!» Класть сваренныя зерна въ борщъ она не приказывала и отъ чего повѣсился Синченко, не знаетъ. Въ этихъ показаніяхъ она устояла и на очныхъ ставкахъ съ Синченковой. Уманскій городовой врачъ далъ отзывъ о вредоносномъ свойствѣ нѣмицы, пріемъ которой въ большомъ количествѣ можетъ повести къ смерти; но прибавилъ, что десять зеренъ, брошенныхъ Синченковой въ борщъ,

не могли имѣть дурныхъ послѣдствій для Синченка и его покушеніе на самоубійство не имѣло съ этимъ связи. На «повальномъ обыскѣ», говоритъ далѣе дѣло, Синченкова и Адамчукова, обѣ неграмотныя, замужнія и православныя, въ поведеніи не опорочены. Въ такомъ видѣ дѣло передано въ кіевскій совѣстный судъ, который, принимая въ соображеніе «простоту и легкомысліе» подсудимыхъ, отъ строгаго наказанія освободилъ, но приговорилъ ихъ къ аресту при полиціи на семь дней и къ отдачѣ подъ надзоръ обществу. Оставался не разрѣшеннымъ вопросъ о прелюбодѣйной жизни Синченковой, на которую намекало ея стояніе съ солдатомъ; но этотъ вопросъ, по его спеціальности, совѣстный судъ передалъ на разрѣшеніе кіевской духовной консисторіи, куда поступило и все дѣло. Разумѣется, что въ сумму положеннаго наказанія совѣстный судъ не внесъ предварительнаго ареста и содержанія въ тюрьмѣ, продолжавшагося для Синченковой около полутора года. Но этимъ старый судъ менѣе всего отличается отъ новаго.

Новый судъ, конечно, занялся-бы въ такомъ дѣлѣ раскрытіемъ мотивовъ преступленія, прокуроръ и адвокатъ залѣзли-бы въ душу подсудимыхъ, вывернули-бы всю жизнь и обстановку ихъ, и добились-бы, можетъ быть, того, какая связь между проступкомъ жены и покушеніемъ на самоубійство мужа, кто изъ нихъ правъ въ семейной невзгодѣ и кто виноватъ. Ничего этого не было въ старыхъ судахъ и въ данномъ случаѣ мы можемъ только догадываться о всемъ этомъ по сравненію его съ однородными фактами народной жизни, по нѣкоторымъ особенностямъ крестьянскаго быта въ военныхъ поселеніяхъ и по нѣкоторымъ намекамъ, относительно подсудимыхъ, разбросаннымъ въ дѣлѣ. Намъ неизвѣстны случаи отношенія военно-окружныхъ властей къ устройству семейнаго быта военныхъ поселянъ; но свѣжее преданіе гласитъ, что ихъ вліяніе доходило и сюда и что мѣстные командиры пользовались въ семъ отношеніи общимъ тогда всѣмъ помѣщикамъ правомъ разрѣшенія и не разрѣшенія браковъ. При такомъ порядкѣ, при общей страшной тягости вседневной жизни военныхъ поселянъ, въ с. Папужинцахъ дочь одного изъ нихъ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка (когда возникло дѣло, Синченковой было 17 лѣтъ, а до того она болѣе года была замужемъ), выходитъ замужъ за человѣка неизвѣстныхъ намъ лѣтъ и качествъ, но повидимому совсѣмъ ей не милаго. Былъ-

ли тутъ разсчетъ родителей, или вмѣшательство многопопечительной власти, остается неизвѣстнымъ. Вышедшая замужъ за нелюба сначала тоскуетъ, а потомъ выпалъ случай какъ-то иначе прорваться ея чувству. Въ праздникъ, въ корчмѣ, подвернулся ей пригожій солдатъ. Онъ угощалъ ее, она постояла съ нимъ; но это стоянье не скрылось отъ глазъ родныхъ. Что было потомъ, неизвѣстно, но только самъ отецъ Синченковой почему-то посовѣтовалъ зятю «ускромить» жену. И мужъ «ускромилъ» ее обычнымъ въ крестьянскомъ быту способомъ, т. е. просто побилъ. Чтобъ избавиться отъ этого въ будущемъ, Синченкова идетъ къ знахаркѣ, а та даетъ ей средство завѣдомо опасное, но въ указанномъ пріемѣ и видѣ могущее дѣйствовать, какъ и всѣ эти «привороты» и «отвороты», практикуемые народомъ въ невзгодахъ любви и супружества, т. е. ни въ ту, ни въ другую сторону. Тутъ, по народному повѣрью, главная сила въ кабалистическихъ словахъ, нашептываемыхъ знахаркою, и вѣрѣ, что желаемое будетъ достигнуто. Молодая Синченкова съ полною вѣрою, хотя не безъ нѣкоторыхъ опасеній, приводитъ совѣтъ знахарки въ исполненіе. И что же? Чрезъ три дня мужъ въ петлѣ. Ни болѣзни, ни страданій, никакихъ признаковъ отравленія, но онъ лѣзетъ въ петлю. Подавлена-ли мысль его измѣною жены, или общею тяготою жизни, отуманена-ли голова его семейными и сельскими толками по поводу подозрѣваемой или дѣйствительной связи жены съ солдатомъ, или забита тѣмъ завѣдомымъ дурманомъ, который преподнесла ему жена въ отварѣ зеренъ нѣмицы, судить объ этомъ трудно. Болѣе вѣроятно, что покушеніе Синченка на самоубійство явилось, какъ воздѣйствіе всѣхъ этихъ причинъ на его слабую душу. Такой пассивный характеръ мужа достаточно извѣстенъ по народной поэзіи. Синченко бьетъ жену по приказанію родныхъ, точь въ точь, какъ Шкандыбенко въ знаменитой народной балладѣ о Лемеривнѣ. Человѣкъ не злой, но впечатлительный и, можетъ быть, любящій, Синченко, предпочитаетъ покончить съ собой, такъ какъ не видитъ впереди сладу и добра. Его освобождаютъ отъ петли и возвращаютъ къ надоѣвшей жизни. Устраивайся, какъ знаешь!

Но въ качествѣ «военнаго поселенца» онъ долженъ за такую продерзость явиться еще предъ судъ своего начальства. Къ счастью Синченка, этотъ всегда строгій судъ оказался для него милости-

вымъ и не поставилъ ему вовсе въ вину намѣренія его лишить себя жизни. А жена Синченка и ея совѣтница, судившіеся въ совѣстномъ судѣ, не воспользовались даже выведенною тѣмъ-же судомъ на справку статьею закона, по которой «инородцы сибирскіе и другіе, когда они въ семъ только слѣдуютъ суевѣрнымъ правиламъ своего закона и соединенные съ тѣмъ обряды исполняютъ для своихъ единовѣрцевъ, не подвергаются наказаніямъ по закону». Не были-ли однако Синченкова и Адамчукова въ положеніи именно суевѣрныхъ инородцевъ?..

В. Лелетъ.

Константинъ Францовичъ Ухачъ-Охоровичъ.

(Изъ письма въ редакцію).

Только что получилъ я извѣстіе о смерти бывшаго секретаря и сотрудника издаваемаго вами журнала Константина Францовича Ухачъ-Охоровича. Предполагая, что вы пожелаете почтить память покойнаго въ журналѣ, въ которомъ онъ принималъ, хотя и весьма не долго, близкое участіе, я считаю себя обязаннымъ сообщить вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о покойномъ, которыми, быть можетъ, вы пожелаете воспользоваться въ качествѣ некролога.

К. Ф. Ухачъ-Охоровичъ родился въ подольской губерніи, происходилъ изъ довольно-зажиточной украинско-польской шляхты и первоначальное воспитаніе получилъ въ духѣ шляхетскомъ. Но уже съ молодыхъ лѣтъ стремился къ сближенію съ народомъ, результатомъ чего было впослѣдствіи основательное знаніе малорусскаго языка и исторіи, а затѣмъ участіе въ работахъ по мѣстной исторіи и литературѣ въ духѣ, совершенно противномъ той средѣ, которая окружала его въ семьѣ. По окончаніи курса гимназіи, покойный поступилъ въ Петровско-Разумовскую земледѣльческую академію, но, по семейнымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить академію на 3-мъ курсѣ. Въ 1880 г. онъ пріѣхалъ въ Кіевъ и занялся подготовкою къ тѣмъ работамъ, которымъ потомъ посвятилъ себя. Почти съ самаго начала изданія «Кіевской Старины» онъ былъ секретаремъ редакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ сотрудникомъ. Такъ мнѣ

извѣстны статьи его: «Коденскій судъ надъ гайдамаками» и «Остапъ Вересай», помѣщенныя въ «Кіевской Старинѣ» за 1882 г. Дѣятельное участіе принималъ онъ также въ мѣстной кіевской газетѣ «Трудъ», помѣщая въ ней очень часто фельетоны и мелкія замѣтки. Сотрудничалъ и въ другихъ изданіяхъ. Такъ мнѣ извѣстны его статьи въ галицкой газетѣ «Дѣло» за 1883 г., ч. 77 «Де-що про могилу Т. Шевченка», гдѣ довольно подробно передана исторія могилы, а также въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1885 г., кн. 5, «Могила Т. Шевченка« изъ записокъ художника, съ рисункомъ его же Охоровича. Затѣмъ, по выходѣ изъ редакціи Кіевской Старины, У.-Охоровичъ былъ около года управляющимъ малорусской драматической труппы М. Старицкаго, причемъ въ нѣкоторыхъ пьесахъ декораціи и костюмы стявились по рисункамъ, изготовляемымъ Охоровичемъ. Послѣдніе два года Охоровичъ работалъ въ качествѣ земскаго статистика и вмѣстѣ съ другими описалъ сумскій и богодуховскій уѣзды харьковской губерніи и александрійскій уѣздъ херсонской губерніи. Изъ Александріи Охоровичъ выѣхалъ 30 марта сего года въ г. Тирасполь, также для работъ по земской статистикѣ, и по дорогѣ заѣхалъ къ брату своему; но здѣсь, въ тотъ же день своего пріѣзда, именно 31 марта, внезапно скончался. Покойный страдалъ аневризмомъ и эта болѣзнь, вѣроятно, и свела его въ раннюю могилу. По части малорусской поэзіи Ухачъ-Охоровичъ извѣстенъ пока 7-мю стихотвореніями, помѣщенными въ одесскомъ сборникѣ «Ныва» на 1885 годъ; но мнѣ извѣстно, что онъ писалъ много. Читалъ онъ ммѣ также оконченную имъ повѣсть «Казало лихо: добра не буде», которая осталась пока не напечатанною, такъ какъ покойный занятъ былъ передѣлкой этой повѣсти въ драму. Остается пожелать, чтобы товарищи покойнаго, земскіе статистики, съ которыми онъ жилъ всегда въ добромъ согласіи, сберегли литературные попытки покойнаго, въ которыхъ навѣрное найдется нѣсколькой произведеній, достойныхъ вниманія общества. Изданіемъ этихъ произведеній друзья покойнаго справедливо почтутъ память талантливаго труженика, такъ рано сошедшаго въ могилу.

М. Комаровъ.

Константинъ Даниловичъ Думитрашко.

(Некрологъ).

25 апрѣля скончался въ Кіевѣ, 72-хъ лѣтъ отъ роду, Костантинъ Даниловичъ Думитрашко, прослужившій 47 лѣтъ при мѣстныхъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. и оставившій по себѣ нѣкоторые слѣды въ мѣстной украинской литературѣ. Это даетъ намъ поводъ и основаніе посвятить нѣсколько словъ свѣжей его памяти.

Покойный Константинъ Даниловичъ принадлежитъ по рожденію лѣвобережной Украйнѣ и хотя былъ сынъ священника (золотоношскаго уѣзда полтавской губерніи), но родъ его старинный козачій. Мы не имѣемъ подъ рукою данныхъ, чтобы установить связь этого рода съ извѣстнымъ родомъ Думитрашковъ-Раичей, но связь эта очевидна и ее признавалъ покойный Константинъ Даниловичъ. Воспитывался онъ сперва въ переяславскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, а затѣмъ въ кіевской духовной академіи, въ которой окончилъ курсъ въ 1839 г. со степенью магистра, въ числѣ первыхъ воспитанниковъ. Товарищами его были покойные уже архіепископъ казанскій Антоній Амфитеатровъ и извѣстный В. И. Аскоченскій. Первые 25 лѣтъ службы К. Д. Думитрашко провелъ въ должности профессора кіевской духовной семинаріи по предмету словесности, остальные 22 въ должности сперва секретаря, а потомъ библіотекаря кіевской академіи.

Семейныя традиціи и обстановка, лѣта дѣтства и годы школьные дали ему возможность изучить бытъ народа, уразумѣть его духовную жизнь и овладѣть вполнѣ народнымъ языкомъ. Еще на школьной скамьѣ онъ записывалъ думы и пѣсни народныя и часть ихъ вошла въ сборникъ М. А. Максимовича. Весьма рано онъ пробовалъ также писать собственныя стихотворенія на малорусскомъ языкѣ и нѣкоторыя изъ нихъ, подъ псевдонимомъ Копытька, помѣщалъ въ 40-хъ годахъ въ харьковскихъ альманахахъ и петербургскомъ «Маякѣ». Въ 1859 году имъ издана отдѣльной брошюркой въ переложеніи на украинскую рѣчь поэма Гомера: «Война мышей съ лягушками». Переложеніе сдѣлано гекзаметромъ и, говорятъ, очень нравилось Шевченку. Кромѣ этого покойный Думитрашко въ разные годы своей службы написалъ еще нѣсколько самостоятельныхъ мало-

русскихъ стихотвореній и сдѣлалъ множество переложеній на малорусскую рѣчь какъ народныхъ преданій и разсказовъ, такъ и нѣмецкихъ легендъ и балладъ; но большая часть всѣхъ этихъ трудовъ его остались доселѣ неизданными. Писалъ онъ много, и едва-ли не больше, въ мѣстныхъ духовныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно въ «Руководствѣ для сельскихъ пастырей», въ редакціи котораго въ первые годы его изданія принималъ ближайшее участіе; но все это относится къ области духовно-нравственнаго чтенія.

Составитель «Очерковъ исторіи украинской литературы XIX ст.», г. Петровъ посвятилъ въ своемъ трудѣ умершему нынѣ К. Д. Думитрашку особую главу и хотя ставитъ его въ ряду писателей псевдоклассической украинской литературы, но замѣчаетъ, что своимъ стихотвореніемъ «Молитва Маргариты», переложеннымъ изъ Фауста Гете, Думитрашко «подаетъ руку романтическому направленію въ украинской литературѣ». Намъ кажется, что причислять покойнаго Думитрашка къ тому или другому разряду писателей нѣтъ достаточнаго основанія. Участіе и значеніе его въ украинской литературѣ, можно сказать, случайное. Константинъ Даниловичъ былъ человѣкъ не дюжинныхъ, притомъ разнообразныхъ дарованій, проявлялъ стремленія къ музыкѣ, живописи и поэзіи, но ни въ одномъ изъ этихъ родовъ дѣятельности не достигъ сколько нибудь значительнаго, самостоятельнаго развитія. Такъ сложились обстоятельства его многоболѣзненной жизни и многоскорбной безцвѣтной службы. Писалъ онъ въ разные годы, частію удовлетворяя своей внутренней потребности, частію располагаемый къ тому занятіями преподавателя словесности, и на его писаніяхъ отразились духъ времени, которому они принадлежатъ, и вкусы и направленіе тогдашней литературы. Замѣчаніе г. Петрова о томъ, что Думитрашко въ своихъ стихотвореніяхъ и переложеніяхъ находился подъ вліяніемъ то Гулака-Артемовскаго, то Котляревскаго вполнѣ вѣрно. Вычурность языка обоихъ, съ бóльшимъ даже числомъ руссицизмовъ, присуща и ему. Для обозначенія попадающейся у него нерѣдко искуственности фразы довольно привести заглавіе его переложенія гомеровой поэмы: «Жабомышодраківка (βατραμυομαχια) зъ греческього лиця на козацькій ладъ на живу нитку перештопана». Изъ приводимыхъ у г. Петрова собственныхъ словъ покойнаго видно, что онъ имѣлъ въ виду своими стихотвореніями пред-

ставить наглядное доказательство свойственности малорусскому стиху всѣхъ размѣровъ тоническаго стихосложенія, а не одного ямба, какимъ преимущественно писали Котляревскій и Гулакъ. И въ этомъ смыслѣ его опыты вполнѣ достигали своей цѣли, хотя и не составляли образцевъ поэзіи самостоятельной въ высшемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію нѣкоторыхъ, «Жабомышодраківка» есть лучшее произведеніе Константина Даниловича; по справедливому замѣчанію г. Петрова, въ ней нѣтъ, кромѣ того, той безцѣльной пародіи на обычаи и бытъ малорусскаго народа, которая такъ претитъ въ «Энеидѣ» Котляревскаго; авторъ стоитъ на историко-политической почвѣ, воспроизводя былыя отношенія между малороссами, поляками и русскими и ихъ индивидуальныя черты. Послѣднее еще съ большею силою проглянуло въ его неизданномъ, но пользовавшемся въ свое время большою популярностію стихотвореніи: «Чуприна и Борода», въ которомъ съ добродушнѣйшимъ юморомъ воспроизведены бытовыя черты украинца-хлѣбороба и кабатчика-москаля. Послѣдній

Лито й зиму похожае
У сорочци рябеньки,
Въ матню іи не ховае,
Бо штаны куценьки.

И далѣе:

А якъ пиде танцювати,
Зовсимъ не до ладу,
Де-бъ ногами выбирати,
А винъ крутить задомъ.

Вообще въ стихотвореніяхъ покойнаго Думитрашка замѣчается огромная наблюдательность и большое знаніе народнаго быта и жизни. Стихъ его большею частію бойкій и живой, а въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, какъ «Молитва Маргариты», «Поминки» и «Змій» видны проблески истиннаго поэтическаго вдохновенія. Можно пожалѣть о томъ, что обстоятельства тяжелой жизни и службы не дали покойному возможности развить несомнѣнно присущій ему поэтическій талантъ; тогда мы имѣли-бы въ немъ не дюжиннаго и весьма примѣтнаго поэта.

Въ свое время Константинъ Даниловичъ считался лучшимъ преподавателемъ словесности и въ его классъ обыкновенно опредѣляли обучавшихся въ кіевской семинаріи сербовъ и болгаръ. Въ числѣ первыхъ былъ и нынѣшній сербскій митрополитъ Михаилъ, доставившій ему впослѣдствіи орденъ Такова 2 ст.

Покойный много потрудился въ устройствѣ украшающей академическую залу коллекціи портретовъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ портретъ гетмана Сагайдачнаго, его собственной работы.

Наше слово о почившемъ приходится закончить тѣмъ-же, чѣмъ заканчиваются некрологи многихъ изъ пишущей братіи: онъ оставилъ жену и четверыхъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Ѳ. Лобода.

Поправка. Въ замѣткѣ, сопровождающей письмо объ архіепископѣ черниговскомъ Филаретѣ, помѣщенное въ предъидущей апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины», ошибочно сказано, что письмо это было адресовано писавшимъ оное могилевскому архіепископу Анатолію Мартиновскому. На самомъ дѣлѣ оно писано къ преемнику его по могилевской каѳедрѣ, архіепископу Евсевію и заимствовано изъ бумагъ послѣдняго.—*Ред.*

пересилки по почтѣ въ Киль. Сего-жъ числа далъ Василю Гудовичу изъ общыхъ денегъ 15 р.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ обѣдни слушали, а по полдни призиванъ нарочно къ графу Розумовскому, чрезъ скорохода, Василь Гудовичъ.

27. Послѣ полудня началась свадба графа Кирила Григоріевича Розумовского съ графинею Екатериною Івановною Нарышкиною, которыхъ вѣнчано въ болшой дворцовой церквѣ въ 7-мъ часу по полдни.

28. Получили писма изъ Глухова о прибавки еще одного драгунского полку въ Малую Россію на вінтеръ-квартеру сверхъ прежныхъ 6-ти, указомъ опредѣленныхъ. Оная свадба и балъ былъ во дворцѣ даже за полночъ съ продолженіемъ.

29. Рано были мы у графа Кирила Григоріевича Розумовского и поздравляли его совершеніемъ бракосочетанія. Потомъ были и у графа Алексія Григоріевича съ такимъ-же поздравленіемъ. Отцу духовнику Өеодору Дубянскому вручилъ писма 1-е отъ Михаила Скоропадского, 2-е отъ прикажчика клишковского Шоха о денгахъ ста рублей, которіе у отца духовника надлежитъ здесь для дѣтей отобрать. Обѣдали у Жоравки, а вечеромъ былъ у насъ Новоторжцовъ.

30. Рано былъ въ сенатѣ Гудовичъ и освѣдомилъся, что репартиція объ 7-ми полкахъ въ Малую Россію докладивана изъ военной коллегіи и отъ государыни аппробована мимо сенатъ. Вечеромъ были у насъ Игнатъ Кириловичъ Полтавцовъ и Петръ Петровичъ Верделевской.

31. Писано писмо отвѣтное къ бригадиру Вітковичу и отослано оное къ графу Мойсѣю Владиславичу для пересилки въ Псковъ, или где оный бригадиръ обрѣтается. Вечеромъ были въ квартерѣ нашей отецъ духовникъ Өедоръ Дубянскій съ своею сожителницею и требовалъ, чтобъ я писалъ до Скоропадского о дачѣ его прикажчику клишковскому Шоху полтори тисячи рублей денегъ.

Ноеврій.

1. По оному отца духовника требованію писалъ я къ Скоропадскому о дачѣ Шоху полтори тысячи рублей, а въ томъ писмѣ дата написана 9-го числа сего мѣсяця.

2. Братъ економа артилерійского Кирила Бѣлоровского, Іванъ, женилъся на дѣвицѣ служебной графа Румянцова, породою зъ башкиръ. За оклейку ящика на дипломъ, за починку панчохъ и на прочее пошло 13 к.

3. Рано были у графа Розумовского зъ Гудовичемъ два насъ и подали челобитную и меморіалъ о прибавленномъ седмомъ полку драгунскомъ отъ военной коллегіи.

4. Были всѣ въ дворцѣ и обѣдали у Жоравки, а потомъ онъ у насъ съ женою и новооженившыйся Бѣлоровскій съ своею женою были и подарили мене кошелкомъ, золотомъ шитимъ. Челобитные моя и Янушкевичева докладиваны въ сенатѣ 5-го числа.

5. За книжку Харитона Манентина, которая куплена для госпожи Головиной, даны 30 к., за фунтъ яловцю 5 к. Помянутымъ новобрачнымъ за подарокъ ихъ данъ 1 р.

6. Рано Гудовичъ у П. І. Шувалова былъ съ меморіаломъ, въ вечеру камергера Сиверса братъ, купецъ аглинскій, погребенъ въ лютеранской кирхѣ.

7. Писано писмо до сина въ Киль подъ № 2-мъ, обявляючи ему о посланной на 20 червоныхъ ассиgнаціи, отъ Стефенсона данной, и оное для отсилки по почтѣ вручено секретарю Винклеру. Рано были мы у графа Кирила Розумовского, а вечеромъ у насъ былъ отецъ духовникъ съ своею сожителницею и писма свои въ Глуховъ для пересилки отдалъ мнѣ.

8. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ, и сего-жъ числа рѣка Нева стала.

9. Въ сей день неделный обѣдни слушали въ дворцовой церкви и весь день въ квартерѣ оставались.

10. Прислалъ отецъ духовникъ сто рублей денегъ, тые, что прикажчикъ его Шохъ отобралъ въ Глуховѣ у г. Скоропадского. Изъ общихъ денегъ взялъ Гудовичъ на свою потребу 20 р., сверхъ прежныхъ 15 р.

11. Были насъ два съ Гудовичемъ у графа Кирила Г. Розумовского рано, а потомъ въ дворцѣ. Вечеромъ у насъ былъ Василій Венюковъ.

12. Пріехалъ въ С. П. Бурхъ Василій Танскій, бывшый полковникъ переяславскій.

13. Онъ-же у насъ обѣдалъ. Получили писма изъ Глухова чрезъ салдата гварнизону тамошнего.

14. Около 12-го полуденного часа прибылъ въ С. П. Бурхъ асаулъ генералный Петръ Валкевичъ, у которого взята въ сенатѣ подписка о не съѣздѣ. Онъ-же обѣдалъ и ночовалъ у насъ.

15. Онъ-же, Валкевичъ, переехалъ на квартеру до каморъ-фуріера Ігната Кириловича Полтавцова въ домъ его новый, на Литейной меншой имѣючійся.

16. Были у сенатора князя Івана Василіевича Одоевского и у вице-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ, по выслушаніи обѣдни, допущены къ ручки государыни. А вечеромъ былъ я съ обозным генералнымъ у каморъ-фуріера Полтавцова, где и отца духовника застали съ сожителницею. Сего-жъ числа отданы два пакеты, на имя Скоропадского подписанные, къ посилки чрезъ человѣка Григорія Михайловича Любисткова, отправляючогось въ Малую Россію.

17. Писалъ до Скоропадского, по требованію отца духовника, о дачи прикажчику его клишковскому полтори тисячи рублей, и къ нему-жъ включены писма: одно до старшины генералной отъ 29 октоврія, другое до жены моей о сину Василю съ посилкою его двохъ и одного отъ іеромонаха Іова писемъ, третое до племѣнника Іосифа и отъ сина къ нему-жъ писмѳ.

18. Оные писма въ одинъ пакетъ до Скоропадского впечатаны и отосланы отцу духовнику для отсылки по почтѣ въ Глуховъ. Отъ 7 по се число на розные дробязки розышлось $77^1/_2$ к. Григорію Дмитріевичу на его нужды 38 к. Сего-жъ числа въ вечеру собирались въ нашу квартеру Венюковъ съ женою, Іванъ Жоравко, капитанъ поручикъ гвардіи Марковичъ и асаулъ генералный Валкевичъ для помѣркованя тяжебныхъ сторонъ.

19. Грицку Дмитріеву купленъ кожухъ за 2 р. 20 к., на протчее пошло 17 к.

20. Писано до сина въ Киль, съ сообщеніемъ цедулы отъ панеи, до мене писанной, и термѣны, какъ до еи имѣетъ отписать, подъ № 3, и писма Іосифового копіи. Ночовалъ въ монастырѣ Невскомъ у о. намѣстника Софронія.

21. Тамже исповѣдивался и по благости Божіей сообщался Святымъ Тайнамъ. Братъ Ѳедора Івановича Коченевского Кирило,

сотникъ лохвицкій, простясь съ нами, тако-жъ бунчучный товарищъ Петръ Савичъ, отъехали до Малой Россіи. За оправу стекла запаляющого знову заплачено 15 к.

22. Писмо до сина для отправы по почтѣ въ Киль отослано до секретаря Винклера, писанное подъ числомъ 20-мъ. Писалъ до Іосифа племѣнника въ Глуховъ, а въ Москву до Красінского, чрезъ Івана Ялоцкого, котрий съ указомъ сенатскимъ отъехалъ до Глухова; и ему-жъ даны отъ мене 3 р. и черкеска моя кофейная полсукенковая. Писалъ я и до Пскова къ брегадиру Віткевичу съ прилогомъ писма до протопопы рижского Симеона Ростовецкого и о книзѣ Телемакъ, у Богдана Николаевича Енгелярта имѣючейся, и отослалъ то писмо до вахмистра гусарского.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ. За поправу другой пары чолокъ дано 8 к.

24. Рано поздравляли всѣ станы именинницю государыню великую княгиню, а послѣ обѣдни были у графа Розумовского, и подалъ я прошеніе о моемъ дѣлѣ сторони жалованной грамоты на Куровъ и Чубаровъ.

25. Рано были у графа Шувалова, у графа Воронцова и у Н. Н. Трубецкого съ поздравленіемъ. Потомъ въ дворцѣ слушали обѣдни, где и казане имѣлъ преосвященный Платонъ Маліновскій, ради празденства вступленія на престолъ ея і. величества. Послѣ обѣда были во дворцѣ въ собраніи всѣ лейбъ-компанія и ужинали купно съ государынею въ болшой салѣ.

26—27. Нигде изъ квартери не бывали.

28. Писалъ писма въ Киль до отца Іова и до сина, по извѣстію оттоль до Григорія Политики отъ брата его Івана, тамъ-же учащогось, полученному. Писалъ тако-жъ до Ѳедора Ширая противъ его писма и вручилъ для пересилки Павлу Скорупиѣ. Да писмо, передъ симъ писанное до Івана Андріевича Гамаліи, вручено салдату гварнизону глуховского, Гаврилу Лазареву Калугину.

29. Оные писма до отца Іова и до сина для отправленія по почтѣ въ Киль отосланы до его преосвященства, отца Симеона Тодорского, епископа псковского и нарвского.

30. Рано поздравляли нѣсколко кавалеровъ ордина святого Андрея, потомъ были въ дворцѣ, где всѣ оного ордина кавалери ишли по парамъ къ церквѣ и изъ церкви, а за ними первей его

імператорское высочество, государь великій князь, потомъ и сама ея імператорское величество въ церемоніалномъ того-жъ ордина уборствѣ, съ висящыми на шіи на золотой цепѣ кавалеріями. По обѣдни имѣлъ въ придворной церквѣ проповѣдь архимандритъ рождественскій володимерскій, Платонъ Петрункевичъ. Обѣдали кавалери святого Андрея за столомъ купно съ ея величествомъ и его высочествомъ. По обѣдѣ былъ балъ и иллюмѣнація въ вечеру.

Декабръ.

1. Получилъ писмо отъ сина зъ Киля чрезъ руки преосвященного Тодорского, въ которого и самъ былъ въ вечеру. Обявлена Янушкевичу резолюція сенатская по челобитнымъ нашымъ.

2. Vacat.

3. Въ вечеру были у г. Венюкова отъ комисаріата коміссара адмиралитейского, а потомъ у Сергія Алексіевича Безобразова гвардіи семеновского полку, которій имѣетъ за собою жену генерала и кавалера графа Ушакова племѣнницю. Юнгансу дано на росходъ для дѣтей 30 р., а еще додать надлежитъ 70 р.

4. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до сина противъ его писма, полученного 1-го числа сего мѣсяца.

5. За вичищене и направку дзигарка съ портретомъ дано 1 р. Писма, писанные вчера, отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія въ Киль по почтѣ.

6. Послѣ полдня былъ у насъ оный секретаръ Вінклеръ и привезъ двѣ писми: одно отъ отца Іова, другое отъ нѣкоторого Алексія Кириловича Долѣнского и книжку латинскую Epistolae obscurorum virorum. Въ вечеру былъ у мене-жъ Іванъ Андріановичъ Возжинскій съ женою своею Еленою Івановною. Розышлось на розницю 20 к.

7. Рано были въ дворцѣ и по службѣ Божой допущены къ ручки государыни.

8. Писаны писма въ Киль до отца Іова Чарнуского и до Алексія Кириловича Долінского противъ ихъ писемъ и до Василя сина о отдачи.

9. Рано Павелъ Скорупа позванъ чрезъ поддячого въ тайную канцелярію въ крѣпость и тамъ удержанъ, а потомъ забраны его и писма и шкатулка. Писма, въ Киль писанныя, отосланы до секре-

таря Вынклера для отправы при експедиціи по почтѣ. Петръ Ів. Розумовскій пріехалъ.

10. На сказцѣ о пріемѣ указу по челобитю моемъ и Янушкевичевомъ, виданного изъ сенату въ войсковую генералную канцелярію, подписались я и Янушкевичъ, и той указъ намъ виданъ для перенесенія дѣла съ Соколовскимъ по апелляціи въ сенатъ. У отца духовника взялъ двѣстѣ рублей мѣдними денгами на щотъ господина Скоропадского и изъ оныхъ далъ Юнgансу на росходъ 70 р. къ прежнымъ 30 р.

11. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича и до Іосифа о посилки указу сенатского за дѣломъ съ Соколовскимъ, да до жены съ посилкою карти отъ сина Василя и писма отъ Алексія Долінского. Такожъ писалъ до отца Іоасафа Мѣткевича въ отвѣтъ на его писмо и съ прошеніемъ купить сиртъ, рибъ и уксусу три вѣдри. Янушкевичу за указъ и проч. дано 35 к.

12. Съ указами сенатскими о отставки закупщиковъ Шнурчевскихъ отъ закупу полку кіевского и съ писмами отправленъ по почтѣ и отъехалъ сего числа рано Өедоръ Жуковскій, чрезъ которого и въ Москву до Красінского о присилки водки и сала писано.

13 и 14. Vacant. 15. За направу старого дзигарка дано 1 р.

16. Вечеряли у насъ Іванъ Жоравко съ женою и секретарь Новоторжцовъ.

17. Vacant. 18. Ради рожденія ея і. величества было торжество при дворѣ, и по службѣ Божой имѣлъ проповѣдь преосв. Сvмонъ Тодорскій, епископъ псковскій. Потомъ былъ публичный столъ въ болшой салѣ, где и мы обѣдали, а ввечеру были иллюмѣнаціи.

19. Писалъ писмо къ брегадиру Вітковичу чрезъ адютанта его, поздравляючи его съ новорожденною дочерью. Яскевичъ пріехалъ. 20. Vacant.

21. Захоровалъ я на катаръ и кашель. Въ вечеру была въ комедіалномъ домѣ опера о Титѣ, которая отъ часа 7-го долго за полночь продолжалась.

22. Простились съ нами Василій Івановичъ Венюковъ и жена его Татіана Андріевна Лизогубовна, отъежджая къ южацкой пристани.

23. Было освященіе церкви на конюшенномъ каменномъ дворѣ, где и государыня присутствовать изволила. Подано доношеніе въ

коллегію іностранную изъ канцеляріи генералной, писанное о дачи пашпорта для поезду въ чужые краи молодымъ Скоропадскимъ.

24. Писарь суда генералного Іванъ Піковець приехалъ въ С.-Питербурхъ. Отъ отца духовника прислано триста рублей срѣбрною монетою.

25. Передъ службою Божіею были у іхъ імператорскихъ высочествъ и допущены до ручокъ. Потомъ были у графа Розумовского съ поздравленіемъ, а по обѣднѣ и до ручки государыни допущены.

26. Ездили до канцлера и до другихъ господъ съ поздравленіемъ, а вечеромъ были у г. Полтавцова. Отосланы до духовника 4 р. 46 к.

27. Рано были у г. Румянцова, у гр. Кирила Григоріевича Розумовского, у духовника, а по обѣдѣ у генерала-індендаnта Головина. Михайло Василіевичъ Стогоровичъ простился съ нами, чрезъ которого и писмо отъ Юнганса послано въ Глуховъ.

28. Вечеромъ были у графа Мойсѣя Владиславича, где получилъ писмо отъ брегадира Вітковича, а прибывъ въ квартеру, застали Жоравка съ женою его, да Валкевича и Пиковця, которіи обѣдали у графа Евфима Владиславича.

30. Рано ездилъ до генерала-лейтенанта и кавалера Лівена, где брату его Андрею Григоріевичу Лівену, бригадиру, приехавшому изъ Варшавы, вручено писмо. Потомъ были на Петропавловскомъ острову у священника собору петропавловского, ключара, отца Василія Барановского, и у него-жъ обѣдали, и весь день пробавили, где были купно съ нами гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонской и поруччикъ Іванъ Макаровичъ Шагинъ.

31. Помянутые 150 р. денги отданы інформатору Юнгансу на росходъ.

1747 годъ.

Мѣсяцъ генварь.

1. Рано были въ дворцѣ государевѣ и по поздравленіи графа Алексія Григоріевича Розумовского, слушали обѣдни въ болшой придворной церквѣ, где и казане изрядное имѣлъ архимандритъ

епархіи казанской спаскій Веніаминъ Григоровичъ. Я обѣдалъ съ писаремъ суда генералного Иваномъ Піковцемъ у Івана Жоравки.

2. Вечеромъ были у преосвященного архіепископа новгородского Стефана Каліновского.

3. Послѣ полдни у насъ были пѣвчій Гаврило Головня съ женою и канцеляристъ сенатскій Іаковъ Тимофіевъ.

4. За два новые календари с.-пбургскіе дано 30 к. Вечеромъ были у секретаря Новоторжцова.

5. Писалъ писма въ Киль до сина и до Алексія Кириловича Долінского подъ № 1.

6. На водосвятіи вся гвардія и другіе полки были въ строю, а Іордань и мѣста для государыни и іхъ імператорскихъ высочествъ устроены были на пристани, что при лѣтномъ дворцѣ. Послѣ водосвятія-же пушечная изъ крѣпости и изъ адміралітейства одинажды, а изъ пушекъ полковыхъ и изъ мѣлкого ружя троекратно палба была.

7. Послѣ службы Божой были мы всѣ трое у графа Р. и доволный имѣли разговоръ, а вечеромъ ездили къ імениннику Івану Константиновичу Яблонскому, гофъ-інтендапту, где и отца духовника съ супругою и другихъ гостей застали.

8. Получилъ писмо изъ Киля отъ отца Іова Чарнуцкого, и былъ у мене купецъ иноземецъ Іванъ Юрьевичъ Стефенсонъ съ извѣстіемъ, что сина моего дойшли 40 червоныхъ отъ корреспондента его, любского купца, Реппенъ-Гагенъ. Вечеромъ были у Петра Івановича Розумовского.

9. На разные дробязки розышлось 46 к.

10. Писаны писма въ Киль къ отцу Іову противъ его писма въ отвѣтъ и до сина Василя потому-жъ, якіе и подъ 5 числомъ писанные отосланы къ секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ до Киля подъ № 2. Нарочно званніи обѣдали у архіепископа сарского и подонского, преосвященного Платона Маліновского.

11. Были въ дворцѣ и по обѣдни у графа Р., а вечеромъ посѣщали недомогаючого асаула генералного Валкевича. Ночью былъ пожаръ въ монастирѣ невскомъ. Згорѣли ренжареи и майстеръ съ подмайстеримъ.

12. Былъ у графа рано Гудовичъ съ обявленіемъ сенатского указу объ отставки пограничныхъ пошлипъ поголовныхъ, безъ указу передъ симъ отъ губернаторовъ кіевскихъ уставленныхъ.

13. Писаны писма въ Глуховъ до Якубовича, асаула енералного, съ посилкою нового календаря, да до жены въ домъ съ приложеннымъ писмомъ до Гудовичевой и до племѣнника Іосифа съ картою, къ нему-жъ и отъ Янушкевича.

14. Изъ денегъ 500 р., у духовника взятыхъ, даны Юнгансу на росходъ 100 р. Вечеромъ были у капитана поруччика Марковича, потомъ у Валкевича.

15. Капитанъ поруччикъ Марковичъ получилъ себѣ отпускъ, и мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ. У графа взялъ отправу и Павелъ Ласкевичъ, чрезъ которого и указы сенатскіе о отставки поголовныхъ пошлинъ пограничныхъ, и помянутые писма въ Глуховъ отправлены.

16. Оный Ласкевичъ отъехалъ до Малой Россіи по почтѣ.

17. Писалъ къ сину въ Киль противъ его писма, въ которомъ онъ себе экскузуетъ, что якобы его неправо до мене обнесено, и то мое къ нему писмо отправилъ чрезъ руки господина секретаря Вінклера подъ № 3.

18. Получилъ писма отъ сина къ себѣ и къ женѣ изъ Киля, отъ 9-го генваря нового стиля сего году писанные, которые прислалъ преосвященный псковскій. Вечеромъ былъ у отца архимандрита спаского-казанского Веніямина Григоровича, у которого и книгу взялъ для читанія. Капитанъ поруччикъ Марковичъ отъехалъ изъ С.-Питербурха и синъ сотника менского Кузмѣнского. Изъ 18-го противъ слѣдуючого числа умеръ нагло капитанъ гвардіи преображенского полку, Костантинъ Дмитріевичъ князь Кантемиръ.

19. Григорію Политикѣ позичены 6 р., а прежныхъ на немъ-же 5 р. 15 к. За карандашъ дано 15 к. Вечеромъ былъ у Носка и у преосвященного псковского.

20. Писалъ писмо въ Киль до сина Василя противъ его писма, отъ 9-го генваря къ намъ отъ него писанного, и отослано къ секретарю Вінклеру для отправи по почтѣ подъ № 4. Обѣдали у священника семіоновского отца Андрея Барановского, званніи отъ него ради рождшейся ему дочери, а вечеромъ были у Валкевича.

21. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до племѣнника Іосифа, до Андрея Кондзеровского и другое объ немъ до Якубовича-жъ, въ домъ до жены съ приложеннымъ отъ сина писмомъ, до швагра Ѳедора Корецкого и до сотника

мглинского Лисаневича противъ его двоихъ писемъ. Дѣти Скоропадского віехали изъ своей и ночовали въ нашей квартерѣ.

22 генваря бывшій подскарбій, а въ отставкѣ енералный обозный Андрей Марковичъ умре въ Украинѣ. 22-го-жъ оные молодые Скоропадскіе, со всѣми при нихъ людми, въ томъ числѣ и при мнѣ бывшій Марко и Валкевичовъ Ілія, отъехали рано въ путь въ домъ до Малой Россіи, чрезъ которихъ и оные писма отпущены, да для нихъ-же на дорогу до рукъ Юнганса даны 50 р. и сира нѣмецкого половина послана. Малого хлопця Евфима отъ Григорія Політики принялъ въ услугу.

23. Послѣ полдня былъ у мене секретарь Вінклеръ и привезъ писмо изъ Киля, писанное отъ Політики до брата его, переводчика академіцкого.

24. За портретъ государыни на паперѣ печатній далъ 1 р. За лоскутки гатласу красного дано 20 к.

25. Были въ дворцѣ рано у графа, которій еще съ 19-го числа сего мѣсяца захоровалъ на подагру. Вечеромъ были на Василевскомъ острову у оберъ-секретаря военной коллегіи Авраама Артеміевича Навроцкого сторони указу, имѣется-ль какой о малороссіянахъ, въ арміи регулярную службу принявшыхъ.

26. Писалъ писмо къ Скоропадскому объ отъездѣ дѣтей его, съ включеніемъ писма отъ Григорія Политики въ Глуховъ до канцеляриста Манжоса, по почтѣ. Вечеромъ былъ у мене кофишенкъ Александръ Юліановичъ Савлуковъ и ускаржалъся на Скоропадского за дѣло жени своей, не все присланное въ сенатъ.

27. Служителю секретаря Новоторжцова, имениннику, приходившему съ хлѣбомъ, даны 30 к. Самъ Новоторжцовъ въ вечеру у насъ былъ.

28. Рано пріехалъ протопопъ глуховскій, отецъ Алексій Галяховскій, а синъ его, канцеляристъ глуховскій, Петръ Галяховскій припровадилъ звѣрину битую—6 ногъ, 5 кабановъ, 5 сугановъ, о которой съ представленіемъ ходили мы въ дворецъ, а потомъ къ оберъ-гофъ маршалу Дмитрію Андріевичу Шепелеву, у которого и обѣдали купно съ генералъ-маіоромъ Василіемъ Абрамовичемъ Лопухинымъ, да генераломъ маіоромъ Авраамомъ Петровичемъ Арапомъ. Въ вечеру съ Гудовичемъ и съ купцомъ брянскимъ Тихономъ Григоріевымъ Чамовымъ былъ у купца Стефенсона.

29. Былъ Гудовичъ рано у графа Р., а по обѣдѣ оба съ нимъ были перво у архимандрита рождественского володимерского, отца Платона Петрункевича, потомъ вечеромъ у графа Мойсея Владиславича.

30. Вечеромъ были у насъ Жоравко и суда генералного писарь Іванъ Пиковецъ, который вчера отклонился графу Р., а сего числа съ нами простилъся.

31. Оному-жъ Пиковцю дали мы пашпортъ на свободный проездъ, и онъ прислалъ мнѣ красные чоботы и двѣ рубашки; чрезъ него-жъ отпущено писмо до Скоропадского стороны дела Савлукова, писанное подъ числомъ 27-мъ сего мѣсяца.

Февраль.

1. Послѣ полдни въ 3-мъ часу изволила всемилостивѣйшая государыня и іхъ імператорскіе высочества отъехать изъ Санктъ-Пітербурха до монастыра тихвинского для девоціи. Музиканты придворніе были у насъ.

2. Слушали обѣдни въ монастырѣ невскомъ и потомъ были у архіерея С. П. Бурского и у намѣстника, и у новоопредѣленного економа, а обѣдали въ квартерѣ и съ нами отецъ протопопъ глуховскій, который сего числа и переехалъ отъ насъ на квартеру въ домъ отца духовника.

3. Помянутіе придворные музиканты Василій Стефановъ изъ Коропа и Стефанъ Василіевъ изъ Березной обѣдали у насъ. Получено писмо по почтѣ изъ Глухова зъ екстрактомъ о дѣлѣ гайдука Романа Струтинского.

4. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ. Розышлось на розницю 1 р. 14 к., да служителю секретаря Новоторжцова 15 к.

5. Надъ вечери приходили до обозного генералного Лизогуба протопопъ глуховскій Галяховскій и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, а у мене былъ Іванъ Жоравко и асаулъ Валкевичъ. Сего-жъ числа государыня и ассистовавшіе возвратились изъ тихвинского монастыря.

6. Куплены сани за 5 р. 25 к. и два хомути за 4 р., изъ общихъ денегъ. Да куплены Івану Рудому сапоги за 7 р., рубашки 60 к., панчохи 12 к. Хлопцю малому свитка 70 к., рубашки 27 к., поясъ $4^{1}/_{2}$ к. Водки гунбарской 8 к.

7. Писалъ до асессора Шмидендорфа въ Киль и до сина Василя подъ № 5 противъ его писма, полученного мною сего февраля 4-го изъ Киля и пущенного генваря 26 нового стиля, и оные для отправленія по почтѣ въ Голстинію отослалъ къ секретарю Вынклеру.

8. Рано въ дворцѣ были, а послѣ службы Божой поздравляли тезоименитствомъ отца Феодора Яковлевича Дубянского, духовника государыни, потомъ и дворянина Ѳедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былъ у насъ Іванъ Жоравко.

9. Передъ обѣдомъ провожано тѣло капитана гвардіи преображенского полку, волоского князя Константина Дмитріевича Кантеміра, къ погребенію въ монастырѣ невскомъ. За граматику печатную на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ 80 к.

10. Рано были въ дворцѣ у руки его імператорского высочества государя, великого князя, ради празднованія рожденія его высочества, съ протчими. По службѣ Божіей въ церквѣ синодалные члены его-жъ высочество поздравляли, и по прибытіи изъ церкви въ салъ галлерею палено изъ пушокъ въ адмиралтействѣ и въ крѣпости, а ввечеру и болшая противъ зимного дому и корпуса кадецкого зажжены были иллюминаціи и весь городъ иллюмѣнованъ. Въ вечеру-жъ были у нас Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій, управитель смолного дворца, недавно изъ Малой Россіи прибывшій. Пожалованы кавалеріями святыя Анны генералъ інтендантъ отъ адмиралитейства Александръ Івановичъ Головинъ и генералъ екипажъ-мейстеръ князь Михайло Андріевичъ Бѣлоселской и 3 камергера.

11. Званныи отъ Ѳедора Івановича Коченевского, обѣдали въ домѣ его недавно купленномъ за тріумфальными аничковыми воротами, где съ нами въ компаніи были по обѣдѣ гофъ-інтендантъ Іванъ Константиновичъ Яблонскій, Яковъ Дмитріевичъ Красінскій, лейбъ-компаніи Михайло Івановичъ Коченевскій, Іванъ Жоравко и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Приходилъ звать насъ къ себѣ къ завтрешнему дню на свадбу Стефанъ Васильевъ, комнатній музикантъ, который у мунтъ-кона дворцового имѣетъ понять себѣ въ жену дочь его.

13. Оный музикантъ женилъся, толко на свадбѣ у него не были.

14. Рано были у господина Головина съ поздравленіемъ пожалованною ему кавалеріею и у него-жъ обѣдали и мимоездомъ посѣтили болного глуховского протопопа. Послѣ полдня отъехать изволила государыня съ нѣкоторыми придворными въ Царское Село.

15. Въ вечеру были у насъ Іванъ Жоравко съ женою, секретарь Новоторжцовъ и у насъ-же ужинали.

16. Прибылъ курієръ изъ Глухова съ вѣдомостю, что брегадиръ Ілѣнъ тамо скончался февраля 6-го, оный-же курієръ-гварнизону глуховского прапорщикъ Георгъ Ансіо.

17. Послѣ полдня были мы зъ Валкевичемъ въ дворцѣ у Жоравки, где съ нами былъ и поруччикъ Ѳедоръ Тарпавіотъ.

18. За писмо, по почтѣ отъ Івана Гамаліи полученное, постиліону 4 к. Вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ.

19. Писалъ къ Скоропадскому съ объявленіемъ, что еще у духовника тысячи рублей денегъ не отобралъ, и оное писмо, съ включеннымъ до племенника Іосифа о скорой присилки дѣла съ Соколовскимъ, отослалъ до секретаря Новоторжцова для отпуску оныхъ по почтѣ въ Глуховъ. Прибылъ служитель Гудовича Динисъ Тимофієвъ.

20. За универсалную карту Россійской имперіи дано 70 к. Былъ у отца духовника за денгами, Скоропадскому доводячимися.

21. Отданы 200 р. въ задатокъ іноземцю, у которого приговорили взять червонцовъ 500.

22. Писаны писма къ женѣ и до Івана Гамаліи, и до Григорія Демяновича, и оные отпущены чрезъ Диниса Тимофіева, Гудовичевого служителя, который рано и отъехалъ во свояси. Въ дворцѣ по службѣ Божой въ болшой дворцовой церквѣ было обрученіе камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова съ Марѳою Семеновною Гендриковой, при присутствіи ея императорского величества и ихъ императорскихъ высочествъ. А ввечеру въ 2 часу по полдни вѣнчаніе было во дворцѣ-жъ великого канцлера графа Бестужева-Рюмина сина, графа Андрея Алексіевича, съ фрейлиною Евдокіею Денисовною и свадба. Въ 4 часу по полдни былъ у мене въ квартерѣ его императорского высочества тайный советникъ господинъ баронъ де-Пехлінъ, голстинецъ.

23. Писалъ писмо до Скоропадского о скорѣйшой присилки дѣла съ Соколовскимъ въ сенатъ, коего по се число не прислано. Подканцеляристу Сорокину дано 30 к. Переплетчику за газеты 6 к.

24. Послѣ обѣда были у Савлукова кофишенка и до позна у него забавились зъ Гудовичемъ.

25. Были съ нимъ-же рано перво у графа Кирила, потомъ и у графа Алексія Розумовскихъ. Обѣдали у Жоравки, который съ женою званъ съ протчими къ графу Бестужеву, великому канцлеру, на банкетъ, где и государыня и ихъ императорскіе высочества вечеромъ быть изволили.

26. Ездили на Василевскій островъ и тамъ первей были у секретаря Новоторжцова, потомъ у купца брянского Чамова.

27. Отобрана у отца духовника тисяча рублей денегъ для Скоропадского. Секретарь Вынклеръ привезъ мнѣ писмо изъ Киля отъ Доліиского.

28. Вимѣнены червоныхъ 500 за рублевки, якихъ за оные червоные дано 1,115 р., за всякій червоный по 2 р. и по 24 к. Ездили на охоту, а оттоль заездили къ Валкевичу и у него до позна забавились. По полднѣ былъ у мене студентъ гамбурскій и принесъ писмо къ Еміху. Прибылъ канцеляристъ Гуленко марта 1-го.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, обѣдали въ квартерѣ. Рано-жъ презентованъ передъ дворцемъ полкъ гусарскій грузинскій. Послѣ полдни былъ у насъ генералъ інтендантъ и кавалеръ Александръ Івановичъ Головинъ, потомъ полковникъ Василій Танскій и у насъ вечерялъ. Росписался я въ пріемѣ 1,500 р. денегъ на письмѣ, отъ Скоропадского до отца духовника писанному, тако: выраженные въ семъ писмѣ деньги 1,500 р., которые у генералного подскарбія господина Скоропадского клишковскій приказчикъ Шохъ отобралъ въ Глуховѣ, я здесь въ Санктъ-Пітербурхѣ отъ его в. п., отца духовника, Θедора Яковлевича Дубянского всѣ сполна принялъ и на семъ подписалъ своеручно Г. Х. Н. Х.

2. Канцеляристъ Гуленко былъ у насъ и подалъ писма, межъ которыми и отъ жены я получилъ, писанное зъ Городища отъ 5-го февраля.

3. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 6, требуя у него отвѣту на прежніе пять писемъ и на 5 пунктовъ, т. е. о деньгахъ, издержанныхъ и наличныхъ, о квартерѣ, о столѣ, о хожденіи его къ церквѣ и о писмахъ къ Вестфалену и Шмидендорфу, передъ симъ

посланныхъ. Да писалъ-же и къ Алексію Кириловичу Долінскому на его въ отвѣтъ писмо; и оные для отправы въ Киль отослалъ къ секретарю Винклеру. За вѣски на червоные дано 60 к.

4. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского, до Якубовича, до Іосифа, да къ женѣ въ домъ, которое съ писмомъ отъ сина зъ Киля ко мнѣ писаннымъ, тако-жъ отъ Гудовича до жены его, адрессовано Якубовичу для отсылки, и сіи писма вручены працорщику гварнизону глуховского Георгу Ансіо, отправленному изъ габинета по почтѣ. Того-жъ числа отъеждяжаючому асаулу енералному Валкевичу вручилъ 450 червоныхъ за роспискою при писмѣ для отдачи Скоропадскому, и оные-жъ Валкевичъ купно съ Іваномъ Жоравкомъ и женою его по полдни отъехали изъ Санктъ-Пітербурха.

5. Uacat. 6-го на ночъ отъехалъ въ монастырь невскій и тамъ ночевалъ.

7. Тамъ-же, по имѣвшейся исповѣди у отца намѣстника Софронія Кришталовского, слушалъ обѣдни ранной, которую целебровалъ преосвященный Варлаамъ Скамніцкій, епископъ вятскій и велико-пермскій, и сообщился Святымъ Тайнамъ, а обѣдалъ въ квартерѣ. Розышлось 20 к.

8. Были во время обѣдни и послѣ обѣдни въ дворцѣ.

9. За сѣмъ портретовъ прежде бывшихъ россійскихъ государей царей дано 2 р. 10 к., которые для мене купилъ Григорій Політика.

10. Были надъ вечери у переводчика коллегіи іностранной Данилевского. Сего числа окончилося два года, якъ посвященъ преосвященный архіепископъ санктъ-пітербурскій и слютелбургскій Ѳеодосій Яновскій въ 1745 году.

11. Запасъ господина обозного енералного Лизогуба изъ Глухова пришолъ. Іоаннъ Андрей Емихъ вручилъ мнѣ свои писма къ отсилки до Глухова. Въ вечеру были въ дворцѣ у графа А. Г. Розумовского и имѣли передъ нимъ разговоръ о своемъ зде долговременномъ пребываніи.

12. Рано были у гр. Кирила Г. Разумовского и просили его о інстанцію до брата. Въ вечеру былъ съ Гудовичемъ у преосвященного архіепископа крутицкого Платона Маліновского, а отъ него заезжалъ къ намъ Лука, свѣнскій намѣстникъ.

13. Рано были съ Гудовичемъ у графа А. Г. Разумовского и потомъ заходили до слѣпого Григорія Михайлова Любистка,

Дано сенатскому подьячему 10 коп. Тихонъ Чамовъ пріехалъ изъ Тифина.

14. Преосвященный Тодорскій, епископъ псковскій, служилъ обѣдню въ большой дворцовой церквѣ, где и мы были. Рано берлины, лѣвія и другія кареты, отправленные въ Москву, повезены. Духовникъ съ намѣстникомъ михайловскимъ были у насъ въ вечеру.

15 Слушали обѣдни въ дворцовой большой церквѣ, потомъ были всѣ трое у гр. Розумовского, а безъ нашего въ квартерѣ бытія забраны всѣ вещи Павла Скоруппы къ нему въ крѣпость. Въ вечеру приходилъ къ намъ простится подполковникъ бывшого слободского регулярного полку, Матвѣй Прокофіевичъ Куліковскій.

16 Рано поздравляли графа Алексія Григоріевича Розумовского тезоименитствомъ его завтрешнымъ, который съ прочими придворными обоего пола отъехали при государыни въ гостилицю за 60 верстъ отъ С. П. Бурха тамъ праздновати. Писано писмо до Скоропадского съ включеніемъ писемъ отъ Еміха къ нему и до синовъ его, такъ-же до Юнганса.

17. Преосвященный крутицкій Платонъ Маліновскій отъехалъ въ Москву. Швагеръ Александръ Корецкій прибылъ въ Ямскую и тамъ ночовалъ.

18. Оный-же швагеръ сталъ у насъ на время квартерою. Павла Скоруппу випущено изъ крѣпости, и поехалъ онъ подъ конвоемъ капрала и солдата изъ С. П. Бурха, ночовалъ-же въ Ямской.

19. Оный-же Скоруппа изъ Ямской віехалъ въ путь свой. Обсилку учинилъ секретарю Винклеру бутилю вишняку, двѣ бутилкѣ водки и слоикъ закусокъ—сахарныхъ порѣчокъ.

20. Приходилъ надъ вечери къ намъ служитель поручика гвардіи Ѳедора Тарновіота, побитій отъ него. Швагеръ Александръ Корецкій съ Яскевичемъ ездилъ къ секретарю Новоторжцову.

21. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 7 на его два писма въ отвѣтъ и съ посилкою къ нему писемъ отъ его матки и отъ дяди Александра Корецкого, да писма къ отцу Іову отъ намѣстника невского Софронія, и то писмо отослано до секретаря Вынклера для отправы по почтѣ въ Киль. Подарены швагру Александру Корецкому 6 бритовъ съ футляремъ.

22. Были въ дворцѣ, где послѣ обѣдни имѣлъ проповѣдь діаконъ Савіцкій. Тамъ-же увидѣлъся съ нами архимандритъ рожде-

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

Іюнь.

1886 г.

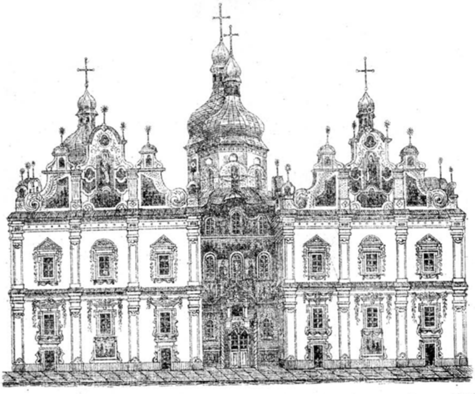
КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюнь, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1886 года.



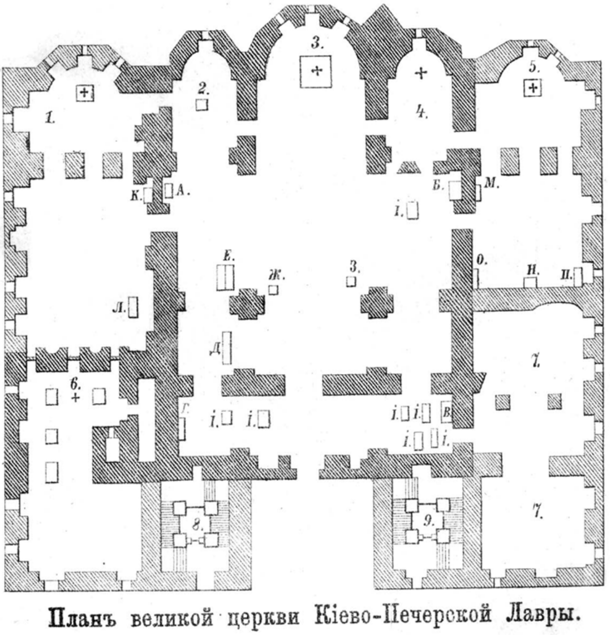
Великая церковь Кіево-Печерской Лавры въ нынѣшнемъ видѣ съ 1729 г.

Изъ книги Пречистыя Акаеисты всесидмичныи

1677 г.

1. Алтарь архид. Стефана.
2. Жертвенникъ.
3. Алтарь главный Успенскій.
4. Алтарь архист. Михаила.
5. Алтарь Іоанна Богослова.
6. Алтарь Іоанна Предтечи.
7. Ризница.
8. Ходъ на хоры и въ библіотеку печатн. книгъ.
9. Ходъ въ библіотеку рукописей.

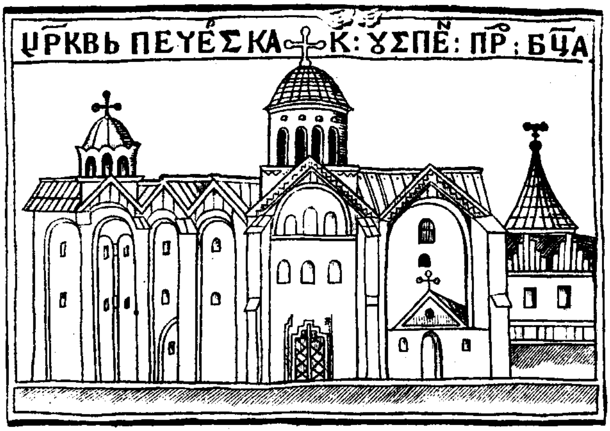
А) Мощи митр. Михаила.
Б) Глава св. кн. Владиміра.
В) Гробъ прен. Өеодосія.
Г) Мавзолей Констант. Острожскаго.
Д) Склепъ м. Петра Могилы.



Е) Склепъ съ гробами Иннокентія Гизеля, м. Варлаама Ясинскаго и графа П. А. Румянцева.
Ж) Усыпальница.
З) Усыпальница.
І) Гробницы краснаго шифера, подъ поломъ.
К) Перстъ архид. Стефана.
Л) Гробъ м. Павла тобольскаго и гробъ гр. Гудовича въ склепѣ.
М) Икона в. кн. Игоря Ольговича.
Н) Монументъ гр. П. А Румянцева.
О) П) Гробы архим. Романа Копы и Луки Бѣлоусовича.

Темная тушь означаетъ древнюю церковь XI-го вѣка, а штрихованная тушь — пристрой ней XVIII-го.

Планъ великой церкви Кіево-Печерской Лавры.



Изъ книги Бесѣдь. Св. І. Златоуста на 14 посланій Ап. Павла. Кіевъ. 1623 г.

КОЛДОВСТВО ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ ВЪ XVIII СТ.

(Посвящается моей сестрѣ Евгеніи Константиновнѣ).

Чуть ли не съ проявленіемъ своего самосознанія человѣкъ натолкнулся на множество непонятныхъ, неразрѣшимыхъ для него загадокъ, которыя представляли ему какъ его собственная природа, съ ея высшими духовными проявленіями, такъ и окружающій его міръ, дѣйствующій на него такъ сильно и неотразимо. Рано пробудили онѣ его разсудочную дѣятельность: пытливый умъ человѣка не могъ, по собственной природѣ, довольствоваться простымъ лишь созерцаніемъ смѣны совершающихся вокругъ него фактовъ, явленій; онъ стремился отнестись къ нимъ сознательно, найти ту, гдѣ то скрытую, пружину, которая лежала въ ихъ основѣ, отыскать и уяснить ихъ причины. Но не легка была эта задача: труденъ и тернистъ путь къ истинѣ; много лицъ и даже поколѣній гибли на немъ, не достигнувъ завѣтной цѣли. Много обманчивыхъ иллюзій возводилось на этотъ великій міровой пьедесталъ истины, пока чья либо смѣлая рука не свергала воздвигнутаго кумира, показавъ всю его мишурность, и опять начинались долгіе, томительные поиски... Но скептицизмъ не могъ служить въ нихъ исходною точкою отправленія, по самимъ психологическимъ требованіямъ природы человѣка тутъ должно было лежать положительное міросозерцаніе, каково бы оно ни было. Философское томленіе человѣка должно имѣть выходъ такъ или иначе; потуги его младенчествующей мысли должны разрѣшиться въ положительной формѣ. Отрицаніе—это уже второй актъ мыслящей дѣятельности...

Прежде другихъ останавливали на себѣ вниманіе явленія, благодѣтельное, или же напротивъ разрушительное дѣйствіе которыхъ впервые испыталъ на себѣ человѣкъ, съ которыми онъ вошелъ въ непосредственное, такъ сказать, общеніе. Этотъ двойственный, въ отношеніи къ человѣку, характеръ проявленія какой-то могучей міровой силы сразу былъ имъ подмѣченъ, заставивъ его признать соотвѣтствующія двѣ причины всѣхъ явленій—добрую и злую. Эти общія, такъ сказать, родовыя силы распались на видовыя, подчиненныя первымъ; появился такимъ образомъ цѣлый рядъ существъ добрыхъ и злыхъ; зародились попытки къ развитію той или иной демонологіи, сообразно съ характеромъ даннаго народа, его климатическими условіями жизни. И населилъ ими человѣкъ всѣ уголки необъятнаго міра, которые носили для него отпечатокъ какой-то таинственности, непрогляднаго покрова. Грозное и вмѣстѣ величественное море, воздухъ, рѣки и озера, неприступныя горы и овраги, лѣса и безпредѣльныя степи получили соотвѣствующихъ обитателей. Не были они однако одной лишь абстракціей міровой силы,—являетя она результатомъ уже болѣе зрѣлой, дисциплинированной мысли, а представлялись въ конкретныхъ, чувственныхъ образахъ. Та или иная міровая сила находила соотвѣтсвующую для своего воплощенія форму. Внѣшняя природа, подъ покровомъ которой всюду скрывалась эта тайная сила, проявляясь какимъ-то неуловимымъ образомъ, давала богатый матеріалъ для элементовъ этихъ формъ, фантазія и народное творчество комбинировали его такъ или иначе, создавали цѣльные, законченные образы. Чѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе воздѣйствовала она на человѣка, тѣмъ величественнѣе и грандіознѣе были эти образныя представленія міровой силы.

Величественная, поражающая своей силой, экваторіальная природа создала гигантскія до уродливости божества буддизма; дикій однообразный сѣверъ, съ его тайгами и тундрами, породилъ такія-же мизерныя, уродливыя религіозныя формы въ видѣ фетишизма и шаманства; мягкая, благодатная природа Греціи и Италіи создала религію красоты въ формѣ антропоморфизма. Этотъ послѣдній культъ былъ культомъ идеализаціи человѣка, культомъ строгой міровой гармоніи, съ тяготѣющимъ надъ нею рокомъ, неумолимымъ и неизбѣжнымъ. Противъ его велѣній, его требованій были безсильны не только люди, но и боги: тѣ и другіе должны были подчиниться ему без-

ропотно, безъапелляціонно. Какая либо случайность, измѣненіе предначертаній судьбы являлось-бы уже нарушеніемъ міровой гармоніи и порядка.

Культъ славянъ былъ чуждъ этой давящей, порождающей жизненную апатію, грандіозности буддизма, конечною цѣлью котораго было полное самоуничтоженіе; чуждъ онъ былъ и той фатальной неизбѣжности рока, слѣдствіемъ которой было лишь стоическое терпѣніе и покорность судьбѣ, и хотя на каждомъ почти шагу онъ признавалъ присутствіе враждебной человѣку силы, но она не была для него такъ непреодолима, какъ тамъ; человѣкъ могъ вступить съ нею въ борьбу и выйти даже побѣдителемъ, могъ, при посредствѣ нѣкоторыхъ таинственныхъ дѣйствій, поставить въ служебное къ себѣ отношеніе эти злыя силы и повелѣвать ими. Такое отношеніе къ злой силѣ создавало мало по малу свой особый, спеціальный культъ съ его заговорами и заклинаніями, служащій къ огражденію отъ разныхъ бѣдъ и несчастій, а затѣмъ и для благопріятнаго исхода какихъ либо предпріятій, созиданія личнаго благополучія. Такимъ образомъ, вытекая первоначально, такъ сказать, изъ чувства самосохраненія, колдовство и чародѣйство стало существенною частью языческаго славянскаго религіознаго культа и развилось до широкихъ размѣровъ, пуская глубокіе корни въ народной массѣ.

Христіанство, вводимое у насъ не исподоволь, но хлынувшее разомъ, не проникнувъ въ сознаніе народа, произвело какой-то странный умственно-религіозный хаосъ, дикую смѣсь вѣрованій и понятій. Народъ оффиціально молился христіанскому Богу, но не оставлялъ и своихъ дубравъ, слушая христіанское богослуженіе въ храмѣ, онъ тайкомъ совершалъ въ нихъ свои языческія мистеріи. Церковность не истребила остатковъ языческой обрядности, не могла затмить въ народной памяти всего, что касалось старой вѣры, она придала имъ лишь особый колоритъ, видоизмѣнила ихъ. Языческіе боги отождествились отчасти съ бѣсами христіанскаго ученія и цѣликомъ почти перенеслись къ этимъ послѣднимъ древнія заклятія и заговоры. Совершались они теперь не именемъ оставленныхъ божествъ, въ нихъ уже появились обращенія къ святынямъ и бѣсамъ новой вѣры; къ послѣднимъ примкнули также и прежнія вѣрованія въ водяныхъ, лѣшихъ и другія враждебныя человѣку силы. Добрыя миѳическія божества языческаго міра примыкали иногда къ

христіанскимъ святцамъ, находя воплощеніе въ лицѣ того или другаго святаго и къ нему переносились прежнія вѣрованія, прежніе обряды, которые на этой новой почвѣ сохранили чрезвычайную живучесть. Это былъ, такимъ образомъ, культъ домашній, въ отличіе отъ церковнаго, общественнаго; чествованіе и умиротвореніе своихъ пенатовъ. На долго остались въ народѣ эти отжившія, старыя формы и до конца XVIII вѣка въ юго-западной Руси они имѣли еще свою, такъ сказать, административно-юридическую санкцію. Въ судебныхъ процессахъ этого времени признается возможность чародѣйственнаго сношенія съ нечистымъ, или чортомъ, какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію, не говоря уже о менѣе важныхъ проявленіяхъ знахарской, колдовской силы, вѣра въ которую, если и потеряла теперь свою, такъ сказать, гражданственность, то все таки сохранилась въ народной массѣ въ формѣ различныхъ суевѣрій и повѣрій. На этомъ переходномъ времени нашего юго-западнаго края мы и остановимся въ предлагаемомъ эскизѣ.

Въ основѣ колдовства и чародѣйства лежитъ, съ одной стороны, понятіе злой, «нечистой» силы, идея чорта, какъ личнаго, обладающаго до нѣкоторой степени сверхъестественною силою, существа, съ другой вѣрованіе въ возможность для человѣка войти съ нимъ въ такія или иныя сношенія, пользоваться его услугами. Эти сношенія бываютъ двухъ рдовъ: непосредственныя и посредственныя. Въ первомъ случаѣ достаточно лишь однихъ заклинаній и заговоровъ, чтобы чортъ выполнилъ желаніе знахаря, во второмъ необходимы нѣкоторыя вспомогательныя средства въ видѣ какихъ либо извѣстныхъ магическихъ предметовъ, травъ и прочихъ снадобій. Первый родъ сношеній съ чортомъ есть колдовство въ собственномъ смыслѣ, второй—чародѣйство, хотя народъ не полагаетъ строгаго разграниченія между тѣмъ и другимъ и перемѣшиваетъ эти понятія. Какъ тотъ, такъ и другой видъ сношеній съ чортомъ, по народному представленію, возможенъ лишь въ силу извѣстнаго условія, или контракта съ нимъ. Въ силу этого договора чортъ отдаетъ себя на извѣстное число лѣтъ въ полное распоряженіе будущаго колдуна, который, по истеченіи условленнаго срока, долженъ разстаться съ жизнію и расплатиться за оказанныя ему услуги собственною душею,

которая поступаетъ такимъ образомъ въ полное владѣніе чорта. Договоръ заключается обыкновенно въ полночь на перекрестныхъ дорогахъ и скрѣпляется формальною записью, написанною на пергаментѣ или бумагѣ кровью съ мизинца будущаго колдуна [1]); письменныя принадлежности и ножикъ для разрѣзанія пальца предусмотрительный чортъ на всякій случай всегда носитъ съ собою [2]). Не всякій однако можетъ воспользоваться такимъ довѣріемъ: бывали случаи, когда люди, по истеченіи условленнаго срока, подъ какимъ либо остроумнымъ, хитрымъ предлогомъ, уклонялись отъ договоренной расплаты, обманувъ чорта. Вслѣдствіе этого онъ сталъ уже гораздо осторожнѣе и уговоры подобнаго рода заключаетъ лишь съ лицами изъ извѣстныхъ ему, уже испытанныхъ семей, въ чьемъ родѣ былъ предокъ, добросовѣстно выполнявшій свои обязательства [3]).

Относительно первоначальнаго происхожденія чорта въ малорусскихъ народныхъ сказаніяхъ нѣтъ достаточно опредѣленныхъ указаній, по нимъ онъ былъ у Бога «первымъ апостоломъ»; присутствуя при твореніи міра, онъ въ свою очередь хотѣлъ создать такой-же міръ, подобный созданному Богомъ, за что и былъ Имъ прогнанъ. Но и послѣ этого чортъ не отступалъ отъ Бога, прося, чтобы Онъ создалъ ему товарища. Богъ предоставилъ сдѣлать это самому чорту, сказавъ ему пойти къ морю и брызнуть назадъ себя водою. Брызнулъ чортъ разъ, смотритъ, за нимъ стоитъ другой такой-же, какъ онъ; повторилъ онъ подобное дѣйствіе во второй, третій разъ—тоже самое. И сталъ онъ брызгать безъ перерыва до тѣхъ поръ, пока не былъ наконецъ остановленъ Богомъ; явилось такимъ образомъ множество чертей [4]).

Дальнѣйшее размноженіе ихъ происходитъ путемъ такого-же естественнаго происхожденія, какъ и у людей, съ тѣмъ лишь важнымъ различіемъ, что они не умираютъ естественною смертію [5]),

---

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. I, в. 1, стр. 189 и 184. Спб. 1872 г.

[2]) Ibidem, стр. 187.

[3]) М. Драгомановъ, „Малорус. народ. преданія и разсказы." Отд. IV, № 5, стр. 43. Кіевъ, 1876 г.

[4]) Ibidem, стр. 42.

[5]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, вып. 1, стр. 190.

какъ эти послѣдніе, хотя не ограждены отъ насильственной: они во множествѣ гибнутъ отъ ударовъ грома [1]), а также съѣдаемые волками [2]), иначе ихъ расплодилось-бы безчисленное множество [3]).

Чортъ большею частію невидимъ, хотя не по природѣ, а отъ того, что владѣетъ шапкой невидимкой [4]). Народное воображеніе въ юго-западной Руси рисуетъ себѣ чорта въ видѣ человѣка нѣсколько уродливаго, каррикатурнаго. Роста онъ не большаго, морда широкая, съ длиннымъ крючковатымъ носомъ, глаза какъ раскаленные уголья, волосы черные, жесткіе и самъ онъ весь черный; на головѣ роги бараньи или козьи, тщательно прикрываемые высокой цилиндрической или-же круглой широкополой шляпой. Руки у него длинны до уродливости, пальцы снабжены большими звѣриными когтями [5]), хотя на ногахъ, имѣющихъ видъ собачьихъ или куриныхъ, бываютъ иногда просто раздвоенныя копыта [6]); сзади небольшой собачій хвостъ. Одежда на немъ всегда «нѣмецкая»: короткая куртка или фракъ и узенькія панталоны [7]). Эти послѣднія черты носятъ на себѣ характеръ, кажется, позднѣйшаго происхожденія; явились они, по всей вѣроятности, не раньше временъ козачества, когда для южнорусскаго народа все «панское», «нѣмецкое» внушало какое-то чисто физіологическое отвращеніе и имя «пана» стало синонимомъ чорта. Страсть чертей къ музыкѣ, веселью, пинкникамъ, тоже черты шляхетско-польской барщины. Есть нѣсколько варіантовъ народной малорусской легенды о музыкантахъ, которые были приглашаемы чертями на свадьбу или вечеръ въ великолѣпныя барскія хоромы, оказывавшіяся затѣмъ какимъ нибудь кочковатымъ, топкимъ болотомъ, а полученныя ими деньги превращались въ черепья битой посуды [8]) или куски навоза.

---

1) М. Драгомановъ, Малор. народ. пред. и разск., отд. IV, стр. 43.

2) Ibid.

3) Ibid.

4) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, вып. I, стр. 190.

5) Ibidem., стр. 189.

6) М. Драгомановъ, Малорус. народ. пред. и разсказы, Отд. IV, № 9, стр. 47.

7) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, вып. I, стр. 188—9.

8) Ibid., стр. 186—7, 190. Драгомановъ, Малор. пред. и разск., отд. IV, № 19, стр. 52.

Сами черти тоже могутъ принимать различныя превращенія, какъ-то: въ борзыхъ собакъ [1]), кошекъ [2]), чернаго пѣтуха [3]), овцу [4]), козленка [5]), клубокъ [6]), наконецъ въ дѣтей [7]), или-же тѣхъ или иныхъ взрослыхъ людей, и заводить даже любовныя интриги [8]).

Подобныя сказанія о чертяхъ не были простымъ лишь, невиннымъ каратаньемъ празднаго досуга длинныхъ зимнихъ вечеровъ, имъ придавалось вполнѣ реальное значеніе, что подтверждается судебными процессами, возникавшими по поводу обвиненій или оклеветаній въ колдовствѣ тѣхъ или иныхъ лицъ. Такіе процессы, имѣвшіе въ юго-западной Руси мѣсто еще до конца XVIII в., показываютъ притомъ, что эти вѣрованія были всеобщи, ютились не только среди простой массы, но и тогдашней интелигенціи и администраціи. Въ этихъ судебныхъ актахъ мы не найдемъ полнаго и цѣльнаго изображенія чорта, такъ какъ подобныя подробности не входили въ задачи юрисдикціи, разсматривавшей дѣло съ точки зрѣнія гражданскаго или уголовнаго иска; тѣмъ не менѣе и эти отдѣльныя разрозненныя замѣчанія даютъ ясное представленіе, какъ глубоко коренились подобныя вѣрованія и какъ легковѣрно принимались за истину какіе либо пустые толки и бабьи сплетни.

Укажемъ на нѣсколько процессовъ въ этомъ родѣ, производившихся въ прошломъ столѣтіи.

Въ 1710 году въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ разбиралось дѣло по жалобѣ мѣщанки Агнесы Шагиновой на сосѣдку Клецкую, которая оговорила ее въ чародѣйствѣ, указывая притомъ на связь Шагиновой съ «лятавцемъ»—перелетнымъ воздушнымъ злымъ духомъ. На судѣ Клецкая, стараясь оправдаться, отрицала распущенные ею-же слухи. «О «лятавцѣ», заявила она, я ничего не знаю и никогда объ этомъ не говорила» [9]).

---

1) Драгомановъ, Малорус. народн. пред. и разсказы", Отд. IV, стр. 45—6, №№ 4, 7. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. I, стр. 188.

2) М. Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разск., стр. 46, № 8.

3) Чубинскій, Матер. и изслѣд. т. I, в. 1, стр. 184.

4) Ibid., стр. 183.

5) Ibidem, стр. 188.

6) М. Драгомановъ, Малорус. нар. пред. и разск., Отд. IV, стр. 44.

7) Ibidem., стр. 46, №№ 6, 7.

8) Чубинскій, Матер. и изслѣдованія, т. I, стр. 80; 411—412, Приложенія. Документы о колдовствѣ, № 47.

9) Матеріалы и изслѣдованія, собран. Чубинскимъ, т. I. Приложенія. Документы о колдовствѣ, стр. 376—7, № 12.

Около того-же времени и въ томъ-же каменецъ-подольскомъ магистратѣ слушалось дѣло по обвиненію жены каменецъ-подольскаго цехмистра Петра Дорочевскаго, *будто-бы она причинила тяжкую болѣзнь мѣщанину Костѣ, наславъ на него злаго духа.* Свидѣтели, вызванные по этому дѣлу, подъ присягой показали, что они лишь *слыхали* отъ тѣхъ или иныхъ лицъ, *что обвиняемая дѣйствительно наслала чорта* на Костю и, кромѣ ссылки на народную молву, не могли привести болѣе серьезныхъ аргументовъ въ доказательство виновности Дорочевской [1]).

Стоустая народная молва далеко разносила подобныя сплетни, уснащая ихъ различными прикрасами. Составлялись такимъ образомъ цѣлыя легенды про дѣянія пресловутыхъ колдуновъ, которые, въ свою очередь, не опускали случая воспользоваться своею славою и эксплоатировали невѣжественное довѣріе массы. Показаніе дворянки Варвары Костецкой, записанное въ книгахъ винницкаго магистрата подъ 1742 годомъ, довольно характерно и рельефно представляетъ, съ одной стороны, шарлатанство нашихъ доморощенныхъ маговъ, а съ другой слѣпое къ нимъ довѣріе ихъ паціентовъ.

Костецкая, по порученію дворянки Викторіи Рябчинской, должна была разыскать знахаря, который-бы согласился отравить-ли, околдовать, или *наслать злыхъ духовъ* на мужа послѣдней, Роха Рябчинскаго. Какъ на знаменитость въ дѣлахъ этого рода, указывали на одну женщину въ селѣ Черняховѣ. Костецкая и обратилась къ ней для выполненія возложеннаго на нее порученія; но та сказала, что она ничего не можетъ сдѣлать Роху Рябчинскому, такъ какъ послѣдній *имѣетъ въ своемъ распоряженіи чорта болѣе могущественнаго, чѣмъ ея.*

Но и послѣ этого Рябчинская не оставила своихъ намѣреній относительно мужа, и Костецкой приходилось опять продолжать свои поиски. Черняховская колдунья совѣтовала ей между прочимъ разыскать въ деревнѣ Добрыводахъ одного излѣчившагося околдованнаго и разузнать отъ него о мѣстѣ жительства пользовавшаго его знахаря. Оказалось, что этотъ послѣдній проживаетъ въ селѣ Свинюхахъ, но лѣчилъ больного не онъ самъ, а его мать, которая уже умерла, передавъ однако свой секретъ сыну.

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 363, № 7.

Приходилось такимъ образомъ отправиться въ с. Свинюхи, но для этого, во избѣжаніе разныхъ толковъ, а то и разоблаченій, необходимъ былъ благовидный предлогъ, какимъ и явилось путешествіе Рябчинской, въ сообществѣ ея родственницъ и знакомыхъ, вмѣстѣ съ Костецкою, на богомолье въ Подкаминье [1]) чрезъ с. Свинюхи. Знахаря дома однако не оказалось: въ это время находился онъ въ селѣ Олексинцахъ, куда и отправились Рябчинская и Костецкая. Когда Рябчинская высказала ему свои требованія съ предложеніемъ за исполненіе ихъ пары воловъ, коровы и двухсотъ злотыхъ, онъ отказался отъ такого порученія. Костецкая приписывала причину отказа собственному вліянію, именно будто она убѣдила знахаря не прибѣгать къ такому безчеловѣчному средству, какъ насланіе чертей, въ угоду Рябчинской. Знахарь иначе объяснялъ: «сдѣлать этого я не могу, говорилъ онъ Рябчинской, потому что, когда моя мать наслала чорта на одну дѣвку, то онъ замучилъ и эту дѣвку, и мать, а у меня есть вѣдь жена и дѣти» [2]). Вѣра въ колдуновъ и ихъ сношенія съ чортомъ была принадлежностію не одного лишь простонародья, а и дворянства. Костецкая съ какимъ-то наивнымъ довѣріемъ относится къ объясненіямъ причинъ отказа колдуньи села Черняхова наслать чорта на Роха Рябчинскаго, въ отказѣ свинюховскаго знахаря видитъ уступку ея увѣщаніямъ, его гуманность, а въ его словахъ лишь простую уловку, чтобы отклонить отъ себя нежелательное порученіе.

Это вѣрованіе не было однако лишь простымъ суевѣріемъ, котораго держатся втайнѣ, стыдясь высказать его открыто, напротивъ оно было убѣжденіемъ, засвидѣтельствованнымъ оффиціально и самими представителями судебно-административной власти. Довольно характерный въ этомъ отношеніи процессъ сохранился въ книгахъ дубенскаго магистрата подъ 1741 годомъ. Обвинялся дьячекъ Григорій Комарницкій въ томъ, что соблазнилъ дѣвицу Екатерину Сахнюкову и что отъ него она родила дочь. На судѣ обвиняемый отрицалъ всякую возможность совершенія имъ взводимаго

[1]) Подкаминье—небольшое австрійское мѣстечко въ Галиціи, не далеко русской границы, близь м. Почаева.

[2]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд. т. I, в. I. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 413—16, № 49.

на него проступка. По его показанію, по дорогѣ изъ Острога, онъ дѣйствительно заходилъ въ село Птичу, гдѣ проживала Сахнюкова, но встрѣтивъ эту послѣднюю возлѣ ея усадьбы вмѣстѣ съ нѣкоторыми односельчанами, только зашелъ къ ней въ избу и, съѣвъ кусокъ хлѣба, тотчасъ ушелъ къ своей прежней хозяйкѣ, Антонихѣ, у которой проживалъ, будучи дьячкомъ въ Птичей. Антониха отвела ему мѣсто для ночлега въ амбарѣ и когда онъ улегся спать, заперла снаружи дверь на замокъ и открыла ее лишь утромъ, такъ что онъ, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ не могъ ночью зайти къ истицѣ. «Быть можетъ, высказалъ такое предположеніе Комарницкій, съ нею согрѣшилъ бѣсъ, принявши на себя мой образъ, но не я!» [1]). Судъ, принявъ во вниманіе это объясненіе, утвердилъ alibi Комарницкаго, который и былъ оправданъ, тѣмъ болѣе, что оно вполнѣ согласовалось съ тогдашнимъ вѣрованіемъ въ возможность такой продѣлки со стороны чорта, съ цѣлью подорвать чью либо репутацію [2]). Вслѣдствіе послѣднихъ соображеній, Комарницкій шагнулъ дальше пресловутаго великорусскаго «чортъ попуталъ», которое представляло лишь въ слабости воли смягчающее вину обстоятельство, онъ постарался выгородить себя совершенно, сваливъ на чорта и самое совершеніе преступленія. Подобный маневръ вполнѣ удался. Ясно, что оправданіе было-бы невозможно, если-бы не имѣло опоры въ народномъ убѣжденіи, что чортъ можетъ вступить въ плотскія связи съ смертными, особенно женщинами, [3]) и имѣть отъ нихъ дѣтей, какъ утверждаютъ народныя легенды [4]).

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 411—12, № 47.

[2]) Процессъ Комарницкаго имѣетъ аналогію съ слѣдующимъ случаемъ, приведеннымъ у Жюля Бессака въ его философско-критическомъ изслѣдованіи: „Le Diable". Съ цѣлью дискредитировать Сильвана, епископа Назаретскаго, чортъ, подъ видомъ святителя, проникнулъ ночью въ спальню одной благородной горожанки, и когда та стала кричать, сбѣжавшійся народъ нашелъ чорта въ образѣ епископа и выгналъ его съ позоромъ. Враги Сильвана стали утверждать, что это былъ онъ самъ, но епископъ заставилъ чорта (преданіе не говоритъ только, какимъ средствомъ) сознаться въ своей адской хитрости.—Историч. Вѣстн. 1884 г., кн. I, стр. 168.

[3]) Это убѣжденіе не было однако такъ сильно и не влекло такихъ послѣдствій, какъ на Западѣ, гдѣ, напримѣръ, въ 1487 году, въ одномъ маленькомъ германскомъ городкѣ, Равенсбургѣ, сожгли, съ согласія императора Максимиліана, 48 вѣдьмъ за тѣлесныя сношенія съ чортомъ.—Историч. Вѣст., 1884 г., кн. IX, стр. 672.

[4]) См. Малорус. народн. пред. и разсказы, М. Драгоманова, стр. 50 и 51.

Женщина и у насъ, какъ всегда и вездѣ, дала значительный, сравнительно съ мущиной, процентъ лицъ, причастныхъ къ колдовству, но зависѣло ли это отъ чисто физіологическихъ причинъ, большей-ли податливости вліянію чорта слабой натуры [1]), господствующаго-ли взгляда на женщину, какъ источникъ зла, всѣхъ-ли этихъ причинъ въ совокупности,—въ малорусскихъ народныхъ сказаніяхъ мы не находимъ отвѣта на подобные вопросы. Несомнѣнно, что важное вліяніе на народное воззрѣніе имѣлъ византійскій взглядъ на женщину, какъ источникъ зла и всякаго соблазна.

Всѣ вообще колдуньи извѣстны подъ именемъ вѣдьмъ, хотя малорусская вѣдьма имѣетъ свои особыя, спеціальныя черты. Подраздѣляются онѣ на два вида: природныхъ или родимыхъ и наученныхъ. Первыя—это ублюдки женщины и чорта, или же дѣти заклятыя кѣмъ либо въ несчастный часъ еще въ утробѣ матери [2]), вторыя—научившіяся колдовству по собственному желанію. Отличительною, важною особенностію родимыхъ является небольшой, величиною въ палецъ, хвостикъ, который, если вѣдьма занимается колдовствомъ, выростаетъ до размѣровъ хвоста собаки. Природныя вѣдьмы не такъ опасны, какъ наученныя; занимаются онѣ исключительно лишь доеніемъ чужихъ коровъ и овецъ,—это спеціальность всякой малорусской вѣдьмы, но дѣлаютъ это обыкновеннымъ способомъ [2]). Наученной же достаточно разъ подоить чью либо корову, въ день Благовѣщенія или св. Юрія (Георгія Побѣдоносца—23 апрѣля), чтобы молоко послѣдней на будущее время принадлежало исключительно ей одной. Вѣдьма не имѣетъ уже надобности доить такую корову, она пробуравливаетъ дыру въ одномъ изъ столбовъ своей «коморы» или хаты и, при извѣстныхъ ей заговорахъ, затыкаетъ ее колышкомъ; достаточно лишь вынуть этотъ послѣдній, чтобы изъ этой дырки полилось молоко, какъ изъ крана [4]).

---

[1]) На Западѣ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно. Шпренгеръ въ своемъ трактатѣ конца XV в. „Malleus maleficarum" (Молотъ чародѣекъ) говоритъ, что женщина вслѣдствіе своей слабости скорѣе подчиняется вліянію чорта, и это положеніе подкрѣпляетъ филологіей, производя слово femina отъ fe—вѣра и minus—менѣе, что доказываетъ, что у женщинъ меньше вѣры.

[2]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдов., т. I, в. 1, стр. 203.

[3]) Ibidem, стр. 803.

[4]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, стр. 198.

Вѣдьмы могутъ превращаться временно въ собакъ, кошекъ птицъ или даже въ предметы неодушевленные (решето, иглу и т. п.), снимать звѣзды съ неба, взлѣзая вверхъ ногами на придорожные кресты [1]), задерживать дождь и производить такимъ образомъ засуху, управлять градовыми тучами [2]), насылать на людей разныя бѣды.

Свой колдовской секретъ вѣдьмы окружаютъ величайшею тайною и всякій желающій проникнуть въ нее долженъ за свое любопытство поплатиться жизнію: онѣ высасываютъ изъ него во время сна кровь и онъ умираетъ. Приступая къ своимъ экспериментамъ, вѣдьма, какъ гласитъ народное повѣрье, снимаетъ съ себя рубашку, смазываетъ все тѣло какою-то мазью, ставитъ затѣмъ на огонь въ печь горшокъ съ какою-то жидкостію и когда послѣдняя начинаетъ закипать, она, схвативъ помело или кочергу, улетаетъ на ней въ трубу вмѣстѣ съ парами [3]). Въ ночь на Ивана Купала вѣдьмы собираются такимъ же образомъ на Лысую гору, подъ Кіевомъ, для общихъ совѣщаній и веселья вмѣстѣ съ чертями [4]). По временамъ онѣ, кромѣ того, устраиваютъ и частныя собранія, на условленномъ заранѣе мѣстѣ, подъ предсѣдательствомъ «вѣдьмака», который слѣдитъ, чтобы вѣдьмы не причинили людямъ много зла. На этомъ «шабашѣ» затѣваются также игры, въ родѣ войны на мечахъ; ихъ замѣняютъ «мечики» отъ «терныци», т. е. песты, которыми мнутъ стебли льна или конопли.

Обученіе своему искусству вѣдьма начинаетъ обыкновенно испытаніемъ желающей стать колдуньей. Для этого она беретъ кусочекъ сыру, другой даетъ своей прозелиткѣ и отправляется вмѣстѣ съ нею къ рѣкѣ или колодцу. Экспериментируемая, по приказанію вѣдьмы, раздробивъ свой сыръ, бросаетъ его въ воду, наблюдая за происходящимъ; но не замѣчаетъ ничего особеннаго. Тоже самое повторяетъ затѣмъ старая вѣдьма,—является вдругъ множество всевозможныхъ гадовъ и расхватываютъ брошенный ею сыръ. «Такъ растерзаютъ черти на томъ свѣтѣ твою душу за ремесло вѣдьмы», говоритъ она при этомъ испытываемой, и если та не мѣняетъ послѣ этого своего рѣшенія, начинается ученье [5]).

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, стр. 198.

[2]) Ibidem, стр. 197; 203.

[3]) Ibidem, стр. 197.

[4]) Ibidem, стр. 199.

[5]) Ibidem., стр. 198—9.

Въ способѣ разыскиванія вѣдьмы въ юго-западной Руси сказалось вполнѣ вліяніе европейскаго запада. Въ началѣ XVIII вѣка было въ ходу такъ называемое «плаваніе вѣдьмы», какъ уже *укоренившійся старинный обычай*, хотя починъ въ этой операціи принадлежалъ не самому народу, а дворянству. Въ каменецъ-подольской гродской книгѣ подъ 1709 годомъ находимъ довольно обстоятельную запись о подобныхъ розыскахъ вѣдьмы. Въ этомъ году въ Подоліи была засуха. Мелкопомѣстные владѣльцы села Подфилипья, дворяне: Дружковскіе, Нагурскіе, Локучевскіе и Руцинскіе составили совѣтъ относительно необходимыхъ мѣръ противъ упомянутаго бѣдствія. Дружковскіе указывали причину засухи въ зломъ умыслѣ чаровницъ и это мнѣніе было признано справедливымъ. Приступили къ розыску. Въ видѣ перваго испытанія приказано было всѣмъ крестьянкамъ носить чрезъ поля ведрами воду изъ рѣки Збруча и поливать ею крестъ, стоявшій при дорогѣ на довольно значительномъ разстояніи отъ рѣки. Всѣ крестьянки выполнили приказаніе и такимъ образомъ отклонили отъ себя падавшее на нихъ подозрѣніе. Совѣщавшіеся пришли теперь къ твердому убѣжденію, что зло коренится въ ихъ-же дворянской средѣ.

Между прочимъ Дружковскій своей сосѣдкѣ Яворской долженъ былъ уже два года значительную сумму денегъ и уклоняясь отъ уплаты долга, подвергался за это со стороны Яворской непріятностямъ и сильнымъ преслѣдованіямъ. Чтобы отплатить ей за это, онъ убѣдилъ сосѣдей, что она несомнѣнно произвела засуху. Съ общаго совѣта, на берегу Збруча были устроены необходимыя для предстоящаго испытанія приспособленія. Къ рѣкѣ были собраны всѣ жители села, была приглашена сюда и Яворская. Лишь только явилась эта послѣдняя, на нее, по приказанію Дружковскаго, набросилось нѣсколько человѣкъ крестьянъ, раздѣли ее до нага и, связавъ особеннымъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній образомъ [1]), принялись «купать» ее, то опуская въ воду, то опять подымая вверхъ. Благодаря лишь тому, что она тонула, ее признали невинною [2]).

---

[1]) Для этой цѣли связывали вмѣстѣ большой палецъ правой руки и лѣвой ноги и наоборотъ; въ точкѣ скрещенія прикрѣплялась длинная веревка для подыманія и опусканія на блокахъ испытываемой.

[2]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, стр. 347.

Въ 1711 году производились такіе-же розыски вѣдьмъ на Волыни. По настоянію одного управляющаго имѣніемъ, дворянина Ѳедора Ковнацкаго, «по давнему обычаю» купали въ рѣкѣ женщинъ, заподозрѣнныхъ въ произведеніи засухи. Десять изъ нихъ, признанныя послѣ испытанія виновными, были арестованы и подъ стражей препровождены въ дубенскій замокъ и только по настоятельнымъ просьбамъ мужей были отпущены на поруки, съ тѣмъ, чтобы по первому требованію явились въ судъ для разбирательства дѣла [1]).

Всѣ вообще бѣдствія приписывались колдовству и причину ихъ искали не въ какихъ либо гигіеническихъ или физическихъ условіяхъ, а въ зломъ умыслѣ людей. Достаточно было самаго незначительнаго, какъ увидимъ ниже, повода, чтобы навлечь на себя подозрѣніе; особенно во время какихъ либо общественныхъ бѣдъ: мора, голода и т. п. болѣзненно настроенное воображеніе народа порождало чрезвычайную подозрительность. Причиною повальныхъ болѣзней считали обыкновенно такъ называемыхъ упырей [2]), и горе тому, на кого налагали это клеймо, если только, по своему положенію, онъ не былъ недоступенъ для черни; иначе ея дикіе инстинкты не знали удержу.

Народныя воззрѣнія на упырей, какъ обыкновенно бываетъ со всѣми образами народной фантазіи, крайне спутаны и неопредѣленны. Варьируются они на нѣсколько ладовъ, смотря по мѣстности ихъ происхожденія и распространенія. По однимъ—это ублюдки отъ чорта или вовкулака и вѣдьмы. «Упыръ и непевный усимъ видьмамъ родичъ кревный», гласитъ малорусская народная поговорка; по другимъ—это настоящіе черти, имѣющіе лишь внѣшній видъ людей [3]). По третьему вѣрованію, упыри представляются трупами колдуновъ, вѣдьмъ и всѣхъ вообще проклятыхъ родителями или отверженныхъ церковью, которые одухотворяются поселившимися въ нихъ чертями, сообщающими имъ движеніе [4]). Такимъ образомъ,

---

[1]) Чубинскій, т. I. Прилож. Документы о колдовствѣ, № 45, стр. 379.

[2]) Упырь—исковерканное на малорусскій ладъ слово вампиръ; характеризуются они сходными чертами: тотъ и другой питаются человѣческою кровію.

[3]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1, стр. 205.

[4]) Lud ukrain. Nowosielskiego, t. II, str. 161, 1857 г. „Кіевская Старина" за 1883 г., іюнь, стр. 342.

по послѣднему представленію, упыри—это злобные, блуждающіе мертвецы [1]).

По внѣшнему виду, въ однихъ мѣстахъ упырь ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго человѣка, въ другихъ его надѣляютъ краснымъ, почти багровымъ лицемъ, хотя-бы то былъ и старикъ, и крѣпкимъ богатырскимъ тѣлосложеніемъ [2]). Подраздѣляются они на два разряда: живыхъ и мертвыхъ. Послѣдніе безъ первыхъ совершенно безвредны и даже немыслимы, такъ какъ сами они не могутъ двигаться и живые таскаютъ ихъ на своихъ спинахъ [3]). Мертвые упыри лежатъ въ своихъ гробахъ всегда навзничь и никогда притомъ не разлагаются. Ночью они оставляютъ свои могилы и бродятъ по свѣту, летаютъ по воздуху, или-же, взбираясь на могильные кресты, своимъ шумомъ пугаютъ запоздалыхъ путниковъ, а иногда и гоняются за ними. Но болѣе страшны упыри, когда, забираясь въ дома, высасываютъ кровь у сонныхъ людей, особенно у дѣтей, причиняя неизбѣжную смерть путемъ постепеннаго ослабленія организма, если заблаговременно не будутъ приняты должныя мѣры [1]). Эти ночныя странствовааія упырей продолжаются «до первыхъ пѣтуховъ», послѣ чего они опять возвращаются въ свои могилы [4]).

На правой сторонѣ Днѣпра упырями называютъ еще дѣтей-уродовъ съ большою головой, длинными руками и ногами, т. е. страдающихъ размягченіемъ костей, или англійскою болѣзнію [5]). Подобные уроды «безъ костей» носятъ въ народѣ еще кличку «одмины»: ихъ считаютъ подкидышами «нечистаго», въ замѣнъ выкраденныхъ имъ человѣческихъ дѣтей [6]). Упырь-одмина не вреденъ людямъ, тѣмъ болѣе, что ходить онъ не можетъ, а напротивъ приноситъ даже пользу, такъ какъ, отличаясь предвѣдѣніемъ, можетъ предсказывать будущее.

---

[1]) Аѳанасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. III, стр. 557; Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 371.

[2]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Матеріалы и изслѣд., собран. П. Чубинскимъ, т. I, в. 1, стр. 206.

[3]) Ibidem.

[4]) М. Драгомановъ, Малорус. народн. предан. и разсказы. Отд. V, № 1, стр. 62 и № 3, стр. 63—6.

[5]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. II, стр. 419. Спб. 1878 г.

[6]) Lud ukrain., т. II, стр. 161; Кіев. Стар. за 1883 г., іюнь, стр. 373.

[7]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 193—4.

Вѣрованія въ упырей не были одного лишь отвлеченнаго характера. Народная масса стремилась приложить свои представленія о нихъ къ извѣстнымъ, дѣйствительно существующимъ личностямъ, реализировать ихъ. Въ упыри зачислялись обыкновенно люди чѣмъ либо выдѣляющіеся, выходящіе изъ ряда другихъ, какъ напримѣръ знахари, калѣки, самоубійцы, или-же лица хищнаго, злостнаго нрава, хотя въ моменты народныхъ бѣдствій, какъ увидимъ ниже, это зависѣло чисто отъ простой, ничего не значущей случайности. Кромѣ невѣжества и общаго склада міросозерцанія, болѣзненныя галлюцинаціи и иллюзіи, открытіе заживо погребенныхъ съ истерзаннымъ окровавленнымъ лицемъ и наконецъ собственное признаніе, вынужденное-ли пыткою, или-же произнесенное психически больными, поддерживали вѣрованіе въ упырей. Публичное сожженіе сильно поражало воображеніе массы, настраивало его на особый болѣзненный ладъ и еще болѣе способствовало укорененію и распространенію предразсудка.

При Станиславѣ-Августѣ указывали на упыря въ Бѣлоруссіи [1]).

Лѣтомъ 1727 года, *кіевскій полковникъ*, Антонъ Танскій, *прислалъ* въ малороссійскую войсковую канцелярію крестьянина Семена Калениченка, который въ своихъ показаніяхъ призналъ себя за упыря и предрекалъ, между прочимъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи [2]). Фактъ такого болѣзненнаго настроенія, которымъ только и можно объяснить показанія Калениченка, доказываетъ все таки разспространенность и силу народнаго убѣжденія. Но еще болѣе выразилось то и другое въ легендѣ, составленной относительно самаго-же Танскаго.

Танскій былъ человѣкъ богатый, владѣвшій какъ большимъ капиталомъ, такъ и значительной земельной собственностію. Женитьбой на дочери Палія, за которой онъ взялъ большое приданое, своими грабежами и притѣсненіями козаковъ и посполитыхъ, онъ еще болѣе увеличилъ свое состояніе; земли получилъ онъ въ даръ отъ Петра I-го. Не смотря на всѣ его неправды, имя Танскаго, благодаря богатымъ вкладамъ и пожертвованіямъ на монастыри и

---

[1]) Кіев. Стар., 1883 г., іюнь, стр. 373.

[2]) Ibid., стр. 374—5.

церкви, часто поминалось между строителями и благотворителями храмовъ и пользовалось въ этомъ отношеніи широкою извѣстностію. Разъ пришли въ Украйну за подаяніемъ на свои обители монахи съ Аѳона; Танскій подарилъ имъ боченокъ («барило») червонцевъ, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ свой домъ для храненія всего собраннаго на Украйнѣ. Но скупость одолѣла Танскаго, жаль ему стало своихъ червонцевъ, завидно было смотрѣть и на собранныя богатства монаховъ и онъ рѣшилъ возвратить свое съ лихвою. Слугамъ было отдано приказаніе потопить монаховъ въ Днѣпрѣ и овладѣть ихъ сокровищами. Но при этомъ одинъ изъ нихъ все таки спасся и разсказалъ обо всемъ случившемся своему архимандриту. Послѣдній прибылъ въ Украйну, съ цѣлью уговорить Танскаго возвратить заграбленное достояніе Аѳона. Танскій отъ всего отпирался. Архимандритъ послѣ этого наложилъ на него слѣдующую клятву: «за то, что Антонъ Танскій погубилъ невинныя души, утаилъ церковныя деньги, земля не приметъ его; добро его, пріобрѣтенное неправдою, исчезнетъ, яко воскъ отъ лица огня, перейдетъ къ чужимъ людямъ и родъ его изведется» [1]). И не нашелъ Танскій покоя и въ могилѣ отъ тяготѣвшаго надъ нимъ проклятія: сталъ онъ бродить по свѣту, пока наконецъ сыновья не пробили его осиновымъ коломъ, раскопавъ его могилу.

Еще съ большею увѣренностію утверждается фактъ объ упырствѣ генеральнаго обознаго Василія Борковскаго, бывшаго прежде черниговскимъ полковникомъ. Этотъ Борковскій извѣстный богачъ; ему князь Голицынъ предлагалъ за 10 тысячь рублей гетманство, но онъ отказалъ боярину изъ скупости. Мазепа, выпросивъ въ займы у скупаго богача требуемую сумму, воспользовался предложеніемъ князя. Борковскій отличался чрезвычайною невоздержанностію, сластолюбіемъ и жестокостію. Семейное преданіе отмѣчаетъ его какъ человѣка чрезвычайно злаго, помимо его непомѣрной скупости [2]).

Умеръ онъ въ Чигиринѣ и былъ похороненъ въ тамошнемъ троицкомъ монастырѣ. На другой послѣ похоронъ день, его будтобы видѣли ѣдущимъ шестеркой вороныхъ коней по Красному мосту,

---

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., іюнь, стр. 375.
[2]) Кіев. Стар., 1883 г., іюнь, стр. 371.

что на рѣчкѣ Стрижнѣ. Кучеръ, форейторъ и три его собесѣдника были черти. Молва объ этомъ быстро распространилась, Борковскаго прокляли и онъ провалился въ рѣчку Стриженъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Открыли гробъ, въ немъ лежалъ краснолицый упырь съ открытыми глазами.

Это сказаніе было изображено масляными красками на стѣнѣ троицкаго собора и только въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія была закрашена эта фреска, представлявшая легенду объ упырѣ [1]).

Танскій и Борковскій были, такъ сказать, упыри соціальные, упивавшіеся народною кровью, его жизненными соками. Накипавшая противъ нихъ злоба, ненависть и могли выразиться лишь въ сказаніяхъ, надолго сохранявшихъ въ потомствѣ недобрую славу о нихъ, но проявиться въ другой, ощутительной для нихъ-же самихъ, формѣ онѣ не могли, для этого подобные упыри были слишкомъ сильны и недоступны. Съ упырями другой категоріи, не занимавшими высокаго общественнаго положенія, чернь расправлялась иначе, и горе тому, кто навлекалъ на себя подобное подозрѣніе, особенно если это было въ минуты общественныхъ бѣдствій. Расходившіяся народныя страсти не знали состраданія, масса была безпощадна, вымещая свою ярость на несчастной жертвѣ своего невѣжества за всѣ понесенныя утраты.

Довольно характеристичны въ этомъ отношеніи слѣдующіе три случая.

Въ южной Волыни, въ 1720 году, распространилась моровая язва; мѣщане мѣстечка Красилова составили совѣщаніе относительно мѣръ противъ страшнаго бѣдствія. По всеобщему убѣжденію, зараза коренилась въ чьемъ-то навожденіи. Общее вниманіе обращала на себя старуха Евфросинія Каплунка, такъ какъ дожила до рѣдко достигаемаго возраста: ей было уже въ это время сто двадцать лѣтъ. Съ вѣдома красиловскаго управляющаго, дворянина Стеткевича, мѣщане, въ видѣ предварительной мѣры, заключили старуху подъ стражу, сами же отправили депутацію къ знахарю спросить, справедливы ли ихъ подозрѣнія. Пока разыскивали

[1]) Кіев. Стар., за 1883 г., іюнь, стр. 378; Н. Маркевичъ. Обычаи, повѣрья, кухня малорос., стр. 79.

знахаря, Каплунка пять сутокъ томилась въ заключеніи и чуть не умерла отъ страха и лишеній. Дѣти ея, зятья и внуки просили Стеткевича отпустить ее на поруки; ходатайство ихъ было уважено, и принявшій Каплунку зять ея, Ѳедоръ Мельникъ, немедленно, со всѣмъ семействомъ, выѣхалъ изъ мѣстечка и укрывался на берегу рѣки Случи. Между тѣмъ посланные къ знахарю возвратились, онъ вполнѣ подтвердилъ подозрѣнія мѣщанъ относительно «упырства» Каплунки. Собравшись теперь цѣлою «громадою» за мѣстечкомъ, на перекресткѣ двухъ дорогъ, жители м. Красилова отрядили четырехъ выборныхъ розыскать колдунью. Убѣжище Мельника было открыто; его, вмѣстѣ съ тещею, усадили на возъ и привезли на мѣсто сборища. «Подъѣхавъ къ мѣстечку», разсказывалъ Ѳедоръ Мельникъ въ своемъ показаніи объ этомъ происшествіи, записанномъ въ Дубенскомъ магистратѣ, «мы застали у перекрестныхъ дорогъ большую толпу, которая ожидала нашего прибытія, и кучу приготовленнаго хворосту. Тотчасъ принялись рыть яму. Схвативъ затѣмъ Каплунку, сняли ее съ воза и поволокли къ ямѣ, не спрашивая ее, дѣйствительно ли по ея винѣ распространилась зараза, не давъ ей времени для покаянія и не призвавъ священника для исповѣди. Ее посадили въ яму по плечи и забросали землею, утоптавъ затѣмъ послѣднюю бревнами. Изъ земли были видны лишь голова и плечи. Сверху набросали хворосту и зажгли его». Въ это время десятникъ Ѳеодосій Винникъ присталъ къ зятю покойной и угрожая ему палкою, требовалъ съ ругательствами выдачи жернова съ его мельницы. Подъ конвоемъ пяти, отряженныхъ для этой цѣли человѣкъ, Мельникъ принужденъ былъ отправиться въ свою мельницу и выдать жерновъ, которымъ и привалили затѣмъ то мѣсто, гдѣ сожгли покойницу [1]).

Восемнадцать лѣтъ спустя такая же расправа съ «упыремъ» повторилась въ Подоліи. Въ 1738 году здѣсь распространилось моровое повѣріе. Стали принимать мѣры, обратились и къ духовной помощи. Жители села Гуменецъ устроили ночью процессію съ крестнымъ ходомъ по своимъ полямъ; между тѣмъ у дворянина сосѣдняго села Превратья, Михаила Матковскаго, пропали ло-

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 393, № 30.

шади. Взявъ съ собою уздечки, онъ отправился въ ту-же ночь на поиски, гдѣ и наткнулся на упомянутую процессію. Матковскій хотѣлъ укрыться, но его замѣтили; поведеніе его показалось крестьянамъ страннымъ. Они сообразили, что Матковскій и есть упырь и ходитъ съ цѣлью наслать на нихъ страшную болѣзнь. На него набросились гуменецкіе парубки, жестоко избили, изорвали на немъ платье и оставили на полѣ чуть живаго. Кое-какъ дотащился онъ домой. На разсвѣтѣ въ Превратье пришелъ посланный изъ Гуменецъ и узнавъ, что Матковскій живъ, бѣгомъ возвратился назадъ. Вслѣдъ затѣмъ, еще до восхода солнца, пришли сюда всѣ жители Гуменецъ, вооруженные чѣмъ попало: ружьями, пиками, косами, серпами и т. п., и окружили домъ Матковскаго. Отрядили депутатовъ къ владѣльцу имѣнія Маковецкому просить о выдачѣ имъ Матковскаго, какъ человѣка вреднаго для всей мѣстности. Матковскій въ свою очередь просилъ у него покровительства, такъ какъ не считалъ себя въ чемъ либо виновнымъ. Маковецкій сказалъ посланнымъ отъ крестьянъ, что помимо его воли тутъ никто не властенъ распоряжаться. Толпа прождала до полудня, наконецъ явился дворянинъ Бржозовскій, ѣздившій къ владѣльцу по порученію Матковскаго, и передалъ ложное извѣстіе, будто-бы Маковецкій выдаетъ Матковскаго. Сломавъ двери, его взяли силою и повели въ Гуменцы. Здѣсь, во дворѣ дворянина Качковскаго, куда собралась вся эта толпа, Матковскаго подвергли пыткѣ: ему дали пятьдесятъ или сто ударовъ, допрашивая о вліяніи его на распространеніе моровой язвы. Не смотря на увѣренія въ невинности, его все-таки приговорили къ сожженію. Нѣкоторые изъ присутствующихъ выразили однако сомнѣніе въ юридической правильности такого приговора. Дворянинъ Вепршинскій протестовалъ, что дворянина незьзя казнить смертію безъ приговора гродскаго суда. У него потребовали, чтобы онъ взялъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія, какія могутъ произойти отъ того, что Матковскій будетъ оставленъ въ живыхъ, давъ письменное поручительство. Вепршинскій отговаривался сперва неимѣніемъ чернильницы, а затѣмъ сказалъ: «некогда мнѣ писать, жгите». Произошли нѣкоторыя колебанія: *громада* боялась все-таки судебной отвѣтственности. Въ это время во дворъ прискакалъ верхомъ дворянинъ Скульскій и закричалъ толпѣ: «жгите скорѣе, я дамъ сто злотыхъ, если только

прійдется отвѣчать за это; имѣетъ онъ губитъ насъ и нашихъ дѣтей, такъ лучше мы его самаго погубимъ!» Это рѣшило участь несчастнаго «упыря», нерѣшительность толпы исчезла. Призвали священника для исповѣди, послѣ которой онъ замѣтилъ: «мое дѣло позаботиться о душѣ,—ваше о тѣлѣ, жгите скорѣй!» «Жечь, жечь», загалдѣли въ толпѣ. Матковскаго передали наконецъ экспертамъ. Ихъ было три: дворянинъ Лобуцкій отрѣзалъ ремень изъ сыромятной кожи, надѣлъ его на голову жертвы и положивъ въ уши подъ повязку камушки, крѣпко окрутилъ концы ея большимъ гвоздемъ; дьякъ Андрей Сопрончукъ, надѣвъ на ноги Матковскаго осиновыя «дыбы» (колодки), повязалъ на глаза тряпку, намоченную въ деготь; какой-то Войцехъ Дикій замазалъ ему ротъ свѣжимъ навозомъ. Всѣ предварительныя операціи надъ упыремъ, вслѣдствіе которыхъ онъ становился безвреднымъ послѣ смерти, были такимъ образомъ покончены. Приступили къ сожженію. Былъ приготовленъ костеръ изъ сорока возовъ дровъ и двадцати соломы; костеръ зажгли и бросили въ огонь Матковскаго, а затѣмъ и его платье, оставшееся на мѣстѣ пытки [1]).

Такая же участь, въ 1770 году, постигла какого-то захожаго изъ Турціи, Іосифа Маронита, въ м. Ярмолинцахъ, подольской губерніи, во время свирѣпствовавшей тогда чумы. Достаточно было, что онъ былъ иностранецъ, да еще занимавшійся лѣченіемъ, хотя и очень удачно, чтобы теперь обратить на себя подозрительную мнительность массы. Маронитъ былъ признанъ виновникомъ разразившихся бѣдствій; его сожгли, погрузивъ предварительно въ смоляную бочку [2]).

Раскрытіе мнимыхъ козней колдовства стало какой-то маніей. Моръ, голодъ, болѣзнь-ли ребенка, несчастный-ли случай, психическое разстройство, незначительная неудача въ извѣстномъ предпріятіи—все было дѣломъ колдовства. Мелкое чувство самосохраненія и эгоизма создавали чрезмѣрную суевѣрную подозрительность, которая очень часто доходила до курьезности.

Такой напримѣръ незначительный и притомъ очень естественный случай, какъ передача матерію цвѣтка своему ребенку, кото-

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Прилож. Документы о колдовствѣ, стр. 425—32, № 55.

[2]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1, стр. 339.

рый былъ взятъ ею изъ рукъ другаго ребенка, показывается родителямъ этого послѣдняго чѣмъ-то подозрительнымъ. Этому дѣйствію приписываютъ чародѣйственную силу и безчеловѣчно расправляются съ мнимо-виновной [1]).

Всякое «зѣлье», хотя бы приготовленное для самыхъ безупречныхъ цѣлей, уже внушало суевѣрный страхъ и опасенія за личное благосостояніе.

Мѣщанинъ Григорій Бабиженко, въ 1710 году, жаловался въ каменецъ-подольскій магистратъ на мѣщанина Ѳедора Яцева за то, что онъ унесъ изъ его дома стоявшій въ печи горшокъ съ зельемъ, предназначеннымъ для больнаго ребенка, заподозривъ, что оно приготовлено для чародѣйства [2]).

1732 года, въ дубенскомъ магистратѣ разбиралось подобное-же дѣло. Солдатъ Степанъ Гембаржевскій обвинялъ мѣщанку Анну Дембскую, будто-бы она причинила ему болѣзнь, развѣшивая на его заборѣ какое-то зѣлье. На судѣ обвиняемая объяснила, что это была горчица, которую она разложила для просушки, чтобы затѣмъ истолочь на лѣкарство для больнаго ребенка [3]).

Всякому отвару или вообще какой-либо жидкости приписывали особенно разрушительное дѣйствіе; въ пролитіи напр. помоевъ видѣли чародѣйство, которымъ объяснялись всѣ случившіяся затѣмъ несчастія. Въ этомъ случаѣ допускали—какъ очень часто бываетъ, когда не подъ силу установить причинную связь явленій—логическую погрѣшность: post hoc, ergo propter hoc, которая главнымъ образомъ является основой всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ...

Въ олыкскомъ магистратѣ 1747 года мѣщаниномъ Аѳанасіемъ Моисеевичемъ обвинялась мѣщанка Омельчиха, будто-бы она причинила болѣзнь женѣ и ребенку истца, выливъ въ его дворѣ какую-то жидкость. Обвиняемая на судѣ объяснила, что это былъ просто щолокъ, въ которомъ она выстирала рубаху, и что съ пролитіемъ его вовсе не соединялся какой либо злой умыселъ. Судъ призналъ обвиненіе въ чародѣйствѣ не доказаннымъ, но воспретилъ

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдов., т. I, в. 1. Прилож. Докум. о колдовствѣ, стр. 450—1, № 57.

[2]) Ibidem, стр. 377, № 13.

[3]) Ibidem, стр. 401—2, № 38.

Омельчихѣ, подъ угрозою наказанія въ пятьдесятъ ударовъ, выливать что либо въ чужомъ дворѣ [1]).

Въ дубенскомъ магистратѣ въ 1767—8 гг. разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанина Тимоѳея Середы, между прочимъ, въ томъ, что онъ приготовилъ для мѣщанки Анны Духинской какой-то особенный составъ, которымъ она облила Мельника Карпа, когда тотъ, совершенно пьяный, въ безчувственномъ состояніи лежалъ на дорогѣ, вслѣдствіе чего Карпъ и получилъ параличъ обѣихъ ногъ. Свидѣтели подтверждали, что Середа дѣйствительно похвалялся, будто-бы онъ отнялъ ноги у Карпа и получилъ за это восемь злотыхъ. «Бѣсъ его не возьметъ, говорилъ Середа, а до пояса лишь отниметъ у него движеніе; объ этомъ просилъ меня Яцко Мельникъ, чтобы онъ не могъ ходить; ходить однако онъ еще будетъ» [2])...

Какой либо глупой хвастливой похвальбы, сорвавшагося въ досадѣ неблагожеланія, а тѣмъ болѣе угрозы, было вполнѣ достаточно, чтобы поднять настоящую суматоху съ формальными заявленіями властямъ, для огражденія себя отъ какихъ-то грозящихъ невѣдомыхъ бѣдъ разслѣдованіями, допросами, пытками...

Въ 1702 году, въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ, мѣщанка Маргарита Бахчинская жаловалась на мѣщанина Северина Хржановскаго съ женою, что они оклеветали ее, будто-бы она посредствомъ чародѣйства лишила разсудка ихъ дочь. Дѣло было въ слѣдующемъ. Обѣ судящіяся стороны заискивали одного и того-же богатаго жениха для своихъ дочерей, мѣщанина Бернацкаго, который и женился на дочери Бахчинской. Съ дочерью Хржановскихъ послѣ этого произошло съ горя что-то въ родѣ помѣшательства. Родители ея приписали эту болѣзнь чарамъ Бахчинской и въ свою очередь взялись отплатить ей тѣмъ-же. Они похвалялись, что дочь Бахчинской послѣ свадьбы жить долго не будетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пытались подослать Бернацкому какіе-то «околдованные» пирожки, чтобы разстроить его семейную жизнь. Бахчинская, чтобы оградить себя и семью отъ могущихъ произойти отъ чародѣйства Хржановскихъ несчастій, заноситъ свое заявленіе въ магистратскія книги [3]).

---

[1]) П. Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I. Прил. Докум. о колдовствѣ, стр. 437—8, № 62 и 63.

[2]) Ibidem., стр. 452—4, № 69 и 70.

[3]) Всѣ подобныя жалобы въ предупрежденіе будущихъ несчастій чародѣйства имѣютъ одинъ общій типъ. Вотъ какъ Бахчинская опредѣляетъ значе-

Подобное же заявленіе было записано въ овручскомъ судѣ 1733 года. Дворяне Стефанъ и Ѳеофила Вепровскіе жаловались на супруговъ Луку и Анастасію Ярмолинскихъ за то, что послѣдніе, нанося разныя оскорбленія и обиды, похваляются при этомъ причинить имъ чародѣйствомъ смерть и искоренить самый родъ ихъ. Напуганные этой угрозой, Вепровскіе заявляютъ ее въ судѣ для записи, чтобы возбудить противъ Ярмолинскихъ законное преслѣдованіе, если-бы угроза на самомъ дѣлѣ исполнилась [1]).

Въ 1703 году солдатъ Матѳей Росковскій жаловался въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ на мѣщанку Марину Дубеняцкую, будто бы она похвалялась околдовать его (obiecała oczarować). Судья призналъ однако это обвиненіе недоказаннымъ, постановивъ принять обвиняемой очистительную клятву, что она не занимается чародѣйствомъ [2]).

Въ томъ же магистратѣ, 1705 года, слушалось дѣло по жалобѣ мѣщанки Морской на сосѣдку Зелинскую, отъ чаръ которой ей угрожала будто бы опасность потерять здоровье. Морская заявляла, что видѣла обвиняемую ночью на своемъ дворѣ со свѣчей босую и простоволосую, и что затѣмъ въ слѣдующую субботу она въ костелѣ доминиканцевъ, сломавъ свѣчу, оборотила ее верхнимъ концемъ внизъ. Зелинская объяснила, что ходила она ночью раздѣтая, отыскивая свою дочь, которая бѣжала изъ дому, свѣчка же, по ея заявленію, была поставлена въ костелѣ какъ слѣдуетъ. Не имѣя однако возможности увѣриться въ справедливости послѣдняго заявленія, магистратъ на всякій случай приговорилъ Зелинскую къ эпитиміи—лежанію «крижемъ» (навзничь съ распростертыми по полу руками) въ томъ же костелѣ доминиканцевъ въ теченіи двухъ обѣ-

---

ніе своей „протестаціи“: „I to przy protesłaciej zapisuię i waruję sobie, *aby mi napotym na dom mój i na dziatki moje czego uczynić nie chciała* (т. е. Хржановская), *bo jezeli mi się co stanie, to na nią wszystkie wine skladać musze, bo się nawazyła na moj dom. O co wszystko protestując się, zachowuję sobie salve w tym prawnie czynić*“. Чубинскій, Матеріалы и изслѣдованія, т. I, в. 1. Документы о колдовствѣ, № 4, стр. 371.

[1]) Книга гродская овруцкая, „записовая и поточная“, року 1733—1734, № 3283, листъ 393.

[2]) Матеріалы и изслѣдованія, собранныя Чубинскимъ, т. I, в. 1, стр. 379—80, № 16.

день. Между тѣмъ армянинъ Богданъ Лукашевичъ, узнавъ объ этомъ, въ свою очередь заявилъ магистрату свои подозрѣнія, что свѣча была поставлена въ обратномъ положеніи, но во вредъ не Морской, а его женѣ, которая въ этотъ именно день очень серьезно заболѣла. Въ подтвержденіе своихъ подозрѣній, онъ ссылался между прочимъ на то обстоятельство, что за нѣсколько дней предъ тѣмъ Зелинская произносила угрозы его женѣ въ такихъ словахъ: «не могла съ тобою сладить пани Шагиновая, такъ я тебя упрячу, не будешь ты здоровая обитать въ этомъ домѣ» [1]). При этомъ надо сказать, что у Лукашевичей велась тяжба съ Зелинской за домъ.

Эта система запугиваній практиковалась очень часто при какихъ либо взаимныхъ неудовольствіяхъ, спорахъ, особенно судебныхъ тяжбахъ, чтобы склонить такимъ образомъ враждебную сторону на уступки, мировую. Нельзя сомнѣваться, что подобныя мѣры производили желанное дѣйствіе, достигали своей цѣли, если судить по тому впечатлѣнію, тому переполоху, какой наводили всегда эти угрозы на тѣхъ, кого онѣ касались, побуждая ихъ обращаться за покровительствомъ къ властямъ для огражденія себя отъ угрожающихъ несчастій.

Между кременецкимъ мѣщаниномъ Адамомъ Еткевичемъ и мачихой его жены, Анастасіей Залѣсской, велась тяжба за спорную землю (1732 года). Чтобы покончить это дѣло миромъ и слѣдовательно въ свою пользу, Залѣсская публично похвалялась не допустить истца и его жену къ судебному разбирательству, причинивъ имъ тяжкую болѣзнь. Она говорила въ шинкѣ при всѣхъ: «когда Адамъ подалъ первый позовъ въ судъ—онъ заболѣлъ, второй позовъ подалъ—сломалъ руку, за третьимъ сломитъ уже шею, жену же его будетъ ломать во всемъ тѣлѣ» [2]). Подобныя угрозы иногда какъ будто осуществлялись на дѣлѣ, причинную связь между ними и послѣдующими несчаттіями устанавливали по крайней мѣрѣ въ массѣ.

Въ магистратѣ города Выжвы, на Волыни, 1716 года, разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанами Сопронюками мѣщанки Ломазянки въ причиненіи ею, при посредствѣ чародѣйства, смерти нѣ

[1]) П. Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 333.

[2]) Ibidem, стр. 400, № 37.

сколькимъ лицамъ. Дочь Сопронюковой выговаривала Ломазянкѣ, что она «съѣла ея мать». Лука, сынъ Сопронюковой, называя ее чародѣйкой, прибавилъ: «ты заѣла Токарика и Хильчука, а теперь и нашу мать; постой колдунья, это даромъ тебѣ не пройдетъ: мы пошлемъ за палачомъ, если бы даже пришлось пожертвовать для этого парою воловъ». Сама Сопронюкова на очныхъ ставкахъ съ Ломазянкой говорила: «Дѣйствительно, ты извела со свѣта Токарика и Хильчука. Я утверждаю, господа судьи, что мои слова справедливы, принимая на себя всю отвѣтственность за это, *и теперь скажу, что лишь только кто поспоритъ съ нею—даромъ ему это не проходитъ.* Токарикъ и Хильчукъ затѣяли съ нею процессъ и скоро померли; тутъ свидѣтелей не нужно, я опять утверждаю, что умерли они по ея винѣ» [2]).

Колдовство, по народному воззрѣнію, обнимало и другія стороны обыденной жизни, кромѣ личнаго, такъ сказать, вреда, могло причинить и матеріальный убытокъ въ хозяйствѣ и прочее.

Летичевскимъ мѣщаниномъ Михаиломъ Трублаенкомъ, 1714 года, было получено письмо отъ крестьянина Ивана Боровскаго, съ порученіемъ прочитать его въ полномъ собраніи магистрата. Боровскій требовалъ должной ему отъ города суммы—40 злотыхъ, угрожая, въ случаѣ отказа, прибѣгнуть къ таинственнымъ средствамъ, при помощи которыхъ онъ можетъ разрушить всѣ городскія плотины и мельницы. «Мѣщане летичевскіе», писалъ между прочимъ Боровскій, «должны благодарить Бога и дѣлать вклады въ мѣстныя церкви за то, что онъ, находясь въ городской мельницѣ, не прикоснулся рукою къ жернову, иначе произошли бы весьма дурныя послѣдствія для города» [2]).

Магистратъ до того былъ встревоженъ этими угрозами, что немедленно занесъ это письмо въ гродскія книги.

Въ луцкомъ гродскомъ судѣ 1700 года разбиралось дѣло по жалобѣ дворянъ Костюшкевичей-Хобултовскимъ и другихъ лицъ на дворянъ Сенковскихъ о разныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ. Сенковскіе обвинялись между прочимъ въ томъ, что посредствомъ чародѣйства произвели убыль въ хозяйствѣ Костюшкевичей, привязывая конскія

[1]) П. Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 384—5. Прилож., № 21.
[2]) Ibidem., стр. 580—1, № 17.

кости къ шеямъ ихъ овецъ. Они подговорили будто бы при этомъ свою крѣпостную, Хведониху, извѣстную уже во всемъ околоткѣ чародѣйку, дѣйствовать во вредъ истцевъ. «Увидите, что я вамъ сдѣлаю», похвалялась сама Хведониха предъ Костюшкевичами; и дѣйствительно съ тѣхъ поръ у нихъ начали околѣвать лошади, рогатый и другой мелкій скотъ, пасѣка не дала никакого дохода, потому что Хведониха заглянула и туда, ворожа при посредствѣ какихъ то узелковъ и обливаній [1]).

Въ каменецъ-подольскій гродскій судъ, 1711 года, поступила жалоба дворянъ Стеблевскихъ на крестьянина Ивана Короваша, будто-бы лошадь ихъ околѣла вслѣдствіе какихъ-то заклинаній обвиняемаго [2]).

1708 года, въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ слушалось дѣло по обвиненію мѣщаниномъ Степаномъ Жульниченкомъ мѣщанина Александра Божкевича, будто бы онъ владѣетъ какимъ-то секретомъ, при посредствѣ котораго портитъ кожи. Слухи о Божкевичѣ распространялись даже въ сосѣднемъ отъ Каменца городѣ Жванцѣ. Обвиненіе однако было признано судомъ неосновательнымъ и истецъ былъ приговоренъ къ штрафу и тюремному заключенію за клевету, при чемъ долженъ былъ публично извиниться предъ Божкевичемъ, обязываясь не распространять о немъ подобныхъ слуховъ [3]).

Обнимая такимъ образомъ всѣ, такъ сказать, стороны хозяйственнаго быта, чародѣйство вліяло также на ростъ огородныхъ овощей и полевыхъ посѣвовъ.

Въ магистратѣ города Выжвы, 1710 года, разбиралось дѣло по жалобѣ мѣщанина Никиты Веремейчика на мѣщанина Данила Олефировича за клевету. Этотъ послѣдній распустилъ слухи, будто бы жена Веремѣйчика околдовала его огородъ, вслѣдствіе чего у него произошелъ неурожай капусты. Свое обвиненіе онъ основывалъ на томъ, что она часто проходила мимо его капустныхъ грядокъ. Судъ постановилъ извиниться Олефировичу предъ женой Веремейчика при свидѣтеляхъ и затѣмъ подвергнуть взысканію того, кто повторитъ про нее подобную клевету [4]).

---

[1]) Чубинскій, т. I, Матер. и изслѣд.. стр. 264—70, № 2.

[2]) Ibidem, стр. 348.

[3]) Ibid., стр. 348—9.

[4]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. 1 Прилож. Докум. о колд., стр. 375, № 10.

Хлѣбнымъ посѣвамъ, по общему народному суевѣрію, вредятъ особенно такъ называемыя «закрутки» или завитки. Это пучекъ ростущихъ на полѣ колосьевъ, связанный узломъ при извѣстныхъ заговорахъ. Вредное дѣйствіе этихъ завитковъ можетъ быть уничтожено тѣми же чародѣйскими пріемами [1]).

Въ селѣ Мошкахъ, близь г. Овруча, 1723 года дворянки Любовь и Анастасія Мошковскія заподозрѣны были односельчаниномъ, дворяниномъ Ильею Духовскимъ въ произведеніи завитковъ. Завитка оказалась на полѣ Никона Мошковскаго, которому Духовскій предложилъ свои услуги отворожить ее. Встрѣтя Любовь Мошковскую, онъ съ этой цѣлью ударилъ ее на-отмашь въ грудь съ такой силой, что она повалилась на земь [2]).

Въ 1718 году дворяне Немержицкіе жаловались въ овручскій судъ на своихъ сосѣдей, дворянъ Верновскихъ и Ярмолинскихъ за то, что они «очаровали и завили» ихъ пшеницу [3]).

Проявленіе этой таинственной, чародѣйственной силы не могло ограничиться лишь разрушительнымъ, такъ сказать, отрицательнымъ направленіемъ ея. Разрушеніе всегда служитъ лишь средствомъ для осуществленія другихъ цѣлей, очищая мѣсто для новыхъ созиданій. Мелкій эгоизмъ, стремясь расширить, даже въ ущербъ другимъ, свое личное благосостояніе, созидалъ его на обломкахъ чужаго. «Счастіе зиждется на чужомъ несчастіи», сказалъ гдѣ-то И. С. Тургеневъ, а тутъ именно производилось подобное созиданіе, на которомъ и сосредоточивалось главное вниманіе, когда была покончена требуемая въ извѣстномъ случаѣ ломка.

Но съ другой стороны требовалось также оградить себя отъ чужихъ разрушительныхъ вліяній той же силы, возстановить разру-

---

[1]) Этотъ предразсудокъ относительно завитковъ или „закрутокъ“ сохранился въ Малороссіи до настоящаго времени. Открытіе на чьемъ либо полѣ такой закрутки возбуждаетъ сильное безпокойство владѣльца. Для уничтоженія ея обращаются въ иныхъ мѣстахъ къ знахарю, въ другихъ къ священнику, который отправляется на поле съ крестнымъ ходомъ и вырываетъ связанные колосья крестомъ. Вырвавшій закрутку безъ такихъ предосторожностей дѣлается, по народному повѣрью, калѣкой, хотя пишущій эти строки до сихъ поръ цѣлъ и невредимъ, не смотря на свои неоднократные опыты въ этомъ родѣ.

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 337—8.

[3]) Архивъ юго-западной Россіи, ч. IV, т. I, стр. 388.

шенное. Чародѣйство, такимъ образомъ, вліяя разрушительно на здоровье человѣка, въ тоже время должно было поддержать его, не только производить, но и исцѣлять физическіе и нравственные недуги, предотвращать разныя бѣды. Подобныя требованія были тѣмъ болѣе естественны, что вытекали изъ народнаго взгляда на причины ихъ происхожденія. Корень всевозможныхъ бѣдъ, болѣзней лежалъ не въ естественныхъ причинахъ, не въ патологическихъ измѣненіяхъ организма, а стоялъ во внѣ, въ таинственной силѣ, которой можно было противопоставить такую же силу, при помощи заговоровъ и заклинаній. Извѣстная болѣзнь, каждое бѣдствіе имѣло особыя воплощенія, требовали и своего особаго ритуала. Такой взглядъ на происхожденіе болѣзней очепь понятенъ при тогдашнемъ состояніи у насъ медицинской науки, которая не отрѣшилась еще отъ астрологическихъ бредней и недовѣрія къ ней массы. Медицина и колдовство очень часто ставились подъ одну рубрику, а между тѣмъ знахарь стоялъ ближе къ народу, пользовался большимъ довѣріемъ, чѣмъ интеллигентный лекарь. Знахарство находило такимъ образомъ въ области медицины полный просторъ и широкое примѣненіе.

Леченіе производилось большею частію симпатическими средствами, которыя содержались въ секретѣ. Укажемъ нѣсколько документальныхъ данныхъ изъ юридической практики XVIII в. въ юго-западной Руси.

Въ г. Каменцѣ 1718 года была арестована еврейка Хайка Шмулиха, зарывавшая въ навозъ горшокъ съ какимъ-то составомъ. При допросѣ оказалось, что дѣлала она это по порученію другой еврейки, Іосевой, дочь которой была больна. Приглашенная для леченія какая-то знахарка приказала сварить смѣсь разныхъ съѣстныхъ припасовъ и, удаливъ свидѣтелей, что-то производила съ ними, а затѣмъ приказала зарыть горшокъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди не ходятъ. Дѣло это было оставлено судомъ безъ послѣдствій [1]).

Тѣмъ же каменецъ-подольскимъ магистратомъ 1729 года крестьянка Ѳеодосія Чумачиха была приговорена къ наказанію 100 ударами плети за то, что по совѣту какой-то неизвѣстной женщины прибѣгла къ подозрительному средству для излѣченія своего мужа отъ «гнильца» и «болячокъ». Обмакивая ножъ въ пиво, она капала имъ по лѣстницѣ съ какими то таинственными заговорами [2]).

[1]) Чубинскій, т. I, стр. 389, № 27.

[2]) Ibid., стр. 396—7, № 33.

Обвиненіе и тутъ играло такую же важную роль, какъ и въ чародѣйствѣ отрицательнаго характера.

Магистратскія книги города Олыки сохранили слѣдующій процессъ, возникшій между мѣщанами Андріевичемъ и Остаповичемъ. У перваго заболѣло дитя отъ испуга; жена его, по совѣту свѣдущихъ людей, рѣшила «вылить переляк». Совершивъ требовавшійся при этомъ пріемъ обливанія больнаго, она вынесла эту воду и поставила на углу своего дома, а затѣмъ вылила ее на собаку, которая лежала въ усадьбѣ Остаповича. Послѣдній счелъ это дѣйствіе подозрительнымъ и вреднымъ для него, обвиняя жену Андріевича въ чародѣйствѣ и «вовкулацствѣ» [1]). Судъ постановилъ: Андріевичамъ извиниться предъ Остаповичами, а такъ какъ они прѣ этомъ прибѣгали къ разнымъ нашептываніямъ и вѣрили въ предразсудки, что грѣшно предъ Богомъ, то должны уплатить штрафъ въ пользу магистрата и дать два фунта воску въ костелъ и столько же на двѣ православныя церкви [2]).

Иногда эти лекарскіе пріемы были гораздо сложнѣе, окружались большею таинственностію, нашептыванія и заговоры сопровождались употребленіемъ цѣлебныхъ снадобій.

Въ 1710 году, въ ковельскомъ магистратѣ обвиненъ былъ мѣщанинъ Григорій Козловскій въ неудачномъ лѣченіи при помощи чародѣйства. Изъ показаній свидѣтелей и самаго подсудимаго оказалось, что секретъ для лѣченія болѣзней, соединенныхъ съ безсонницей, переданъ ему отцемъ. Козловскій пользовался обширной практикой, хотя и лѣчилъ большею частію неудачно. Употреблялъ

---

[1]) Вовкулаки, по народному повѣрью, люди превращающіеся на извѣстное время противъ воли въ волковъ. Въ эту пору они убѣгаютъ въ лѣсъ и съ особымъ ожесточеніемъ душатъ домашній скотъ, хотя и не ѣдятъ его. Эти превращенія происходятъ отъ Бога за грѣхи родителей, которые предъ праздниками или постами имѣли плотскія связи. Вовкулаки это не болѣе, какъ страдающіе припадками меланхоліи, нервнаго разстройства, граничащаго съ сумашествіемъ. Въ домѣ моего отца былъ слуга, молодой парень лѣтъ 25, котораго считали всѣ односельчане вовкулакомъ. Во время своихъ болѣзненныхъ припадковъ онъ пропадалъ по недѣлямъ и болѣе; обыкновенно случалось это лѣтомъ. Его иногда встрѣчали въ лѣсу, гдѣ онъ собиралъ ягоды (чернику) и питался ими. Подобныхъ встрѣчь онъ избѣгалъ. Спустя извѣстное время, онъ опять возвращался назадъ и принимался за недоконченную имъ работу. Кличка вовкулака приводила его въ сильное смущеніе.

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1. Прилож., стр. 434—6, № 59—60.

онъ постоянно одни и тѣ-же пріемы, толокъ какую-то траву, которую онъ не назвалъ, полынный корень и стружки червонца. Этимъ составомъ производилось обкуриваніе больнаго, имъ-же смазывались снурки для перевязки больныхъ членовъ. У паціента отрѣзывались затѣмъ четыре пряди волосъ и ногти и забивались въ дыру, просверленную на вершинѣ дверныхъ лутокъ осиновымъ колышкомъ. Обративъ вниманіе на неоднократные примѣры безполезности употребляемаго средства, магистратъ воспретилъ Козловскому лѣченіе, подъ угрозою уплаты 100 гривенъ штрафа, приговоривъ его притомъ къ отдачѣ какъ въ костелъ, такъ и церковь довольно значительнаго количества воску и «лежанію крижемъ» въ теченіи трехъ обѣденъ въ костелѣ и трехъ въ церкви[1]).

Та таинственность, къ которой обыкновенно прибѣгали знахари въ подобныхъ случаяхъ, та строгая тайна, какою окружали они свои дѣйствія, вытекали изъ практическихъ, матеріальныхъ соображеній. Знахарство было спеціальной профессіей нѣкоторыхъ лицъ, являлось для ихъ ремесломъ, доставлявшимъ имъ кусокъ хлѣба. Конкуренція въ этомъ отношеніи была для нихъ конечно невыгодна, а тѣмъ болѣе опасны были разоблаченія, могущія подорвать ихъ авторитетность и съузить ихъ практику. Маскированіе своего шарлатанства знахари считали поэтому необходимымъ, чтобы не лишиться средствъ къ жизни, достававшихся безъ особенныхъ усилій и труда. Вотъ характерный въ этомъ отношеніи процессъ.

1741 года мѣщаниномъ Иваномъ Михалюкомъ въ дубенскій магистратъ была занесена жалоба на солтыса Дементія Халичука, который, «учинившись ворожбитомъ, или докторомъ», взялся излѣчить его жену, но своимъ лѣченіемъ причинилъ ей смерть. Михалюки жили въ супружествѣ уже тридцать лѣтъ, но дѣтей у нихъ не было. Халичукъ взялся пособить горю: вылечить Михалюкову отъ безплодія. Отъ какихъ-то снадобій у нея дѣйствительно появились признаки беременности, въ которой она была и сама вполнѣ увѣрена, совѣтуя мужу приготовиться къ крестинамъ. Родовъ однако не послѣдовало, хотя мнимая беременность продолжалась уже полтора года. Мужъ, обратившись къ свѣдущимъ бабкамъ, убѣдился въ обманѣ и отправилъ жену въ г. Острогъ къ доктору. Не смотря на это, она все таки

---

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т, I, стр. 340.

умерла. Михалюкъ притянулъ теперь «ворожбита» къ судебной отвѣтственности, требуя отъ него уплаты всѣхъ издержекъ по лѣченію жены, которыя, по его словамъ, простирались до значительной суммы 500 злотыхъ. Халичукъ, не дожидаясь судебнаго разбирательства, бѣжалъ изъ города, отвѣтчицей должна была явиться его жена. На судѣ она просила снисхожденія, такъ какъ уплата требуемой суммы была ей не подъ силу. Михалюкъ соглашался на значительную уступку. «У меня, говорилъ онъ, убытку на триста злотыхъ чистыми деньгами, но я дѣлаю для тебя то, что требую лишь сто, которые внесу въ церковь; пусть приметъ Господь эту жертву, какъ за душу покойницы, такъ и ваши души. Съ своей стороны, послѣ этого, я буду считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, чтобы твой мужъ могъ возвратиться въ свою семью». На этихъ условіяхъ и состоялась мировая, утвержденная магистратомъ [1]).

Но между знахарями шарлатанами попадались люди дѣйствительно знавшіе свойство цѣлебныхъ травъ, лѣчившіе очень добросовѣстно и удачно. Мы упомянули уже объ Іосифѣ Маронитѣ, ставшемъ жертвою подозрительности невѣжественной массы въ м. Ярмолинцахъ, во время моровой язвы 1770 года. Подводили-жъ однако и такихъ знахарей подъ одну рубрику—чародѣевъ.

1747 года въ дубенскій магистратъ была прислана крестьянка села Гуржикъ, Анастасія Иваниха, заподозрѣнная въ чародѣйствѣ. Она не отрицала, что занимается лѣченіемъ, но утверждала, что ея лѣченіе основано не на чародѣйствѣ, а на знаніи лекарственныхъ травъ, которое ей сообщила ея свекровь; поясняла, что можетъ лѣчить головную боль, ревматизмъ (гостецъ), чахотку, колики, лихорадку и нѣкоторыя другія болѣзни, но не знаетъ никакой травы, употребляемой для дурныхъ цѣлей, никакихъ средствъ, при помощи которыхъ могла бы причинить болѣзнь, смерть или вообще какое-либо зло [2]).

Послѣ физическаго благосостоянія видное мѣсто занимаетъ матеріальное, и колдовство не оставило безъ вниманія и эту сторону обыденной жизни. Изъ взятаго въ нашемъ изслѣдованіи періода сохранилось нѣсколько историческихъ свидѣтельствъ объ употребленіи колдовства ремесленниками и торговыми людьми

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 410. Прилож., № 46.
[2]) Ibid., стр. 436—7, № 61.

выми людьми для пріобрѣтенія заказовъ и увеличенія своихъ доходовъ. Интересенъ особенно процессъ мастеровыхъ, представляющій довольно обстоятельно магическіе секреты ихъ чародѣйственнаго ритуала.

Въ каменецъ-подольскій магистратъ, 1704 года, была подана жалоба ткацкимъ подмастерьемъ, Василіемъ Фіалковскимъ, на своего хозяина Ивана Затварзяловича, вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія въ денежныхъ разсчетахъ и обманѣ со стороны хозяина.

На судѣ дошло до разныхъ попрековъ и разоблаченій, не имѣвшихъ уже отношенія къ данному дѣлу. Подмастерье уличалъ между прочимъ своего хозяина, что тотъ для снисканія работы прибѣгалъ къ чарамъ; мастеръ въ свою очередь показалъ, что самъ Фіалковскій былъ при этомъ его сообщникомъ, давалъ разные совѣты, доставлялъ и самыя средства для этого чародѣйства. Дѣло приняло такимъ образомъ совершенно другое направленіе, вызвали уже свидѣтелей для показаній о чародѣйствѣ тяжущихся. Изъ данныхъ на судѣ свидѣтельскихъ показаній обнаружилось, что почти всѣ мастера употребляли какія-то магическія средства для увеличенія своихъ доходовъ. Самымъ распространеннымъ было колдованіе посредствомъ урѣзка веревки отъ церковнаго колокола.

Будучи еще ученикомъ, Фіалковскій замѣтилъ, что его хозяйка окуривала такимъ отрѣзкомъ свой ткацкій станокъ, приговаривая шепотомъ какія-то таинственныя слова.

Поступивъ затѣмъ къ новому мастеру, разъ, во время отсутствія заказовъ, Фіалковскій посовѣтовалъ ему испробовать пресловутое сродство, добывъ при этомъ кусокъ требовавшейся веревки. Произвели окуриваніе станка, но безъ шептаній, которыя Фіалковскому не были извѣстны, и употребленное средство было признано поэгому недостаточнымъ.

Самъ Затвардзяловичъ, кромѣ окуриванія, употреблялъ и другія мѣры. Онъ забивалъ паклею изъ той-же веревки всѣ щели станка и, взявъ у Фіалковскаго антидоръ, намочилъ его въ святой водѣ и окропилъ ею станокъ. Но когда и это не помогало и заказовъ не было по прежнему, онъ обратился за помощію къ какой-то знаменитой Микитихѣ. Послѣдняя снабдила его какимъ-то чудодѣйственнымъ чернымъ порошкомъ, приговаривая: «нехай ся до васъ все добре привертае», и совѣтовала насыпать его за голени-

ща. Вполнѣ увѣренный въ силѣ сообщеннаго ему средства, Затвардзяловичъ рекомендовалъ обратиться за нимъ къ той-же ворожкѣ и своему товарищу Телицкому, который былъ у него вечеромъ того-же дня. Телицкій послѣдовалъ совѣту и на другой-же день, вмѣстѣ съ матерью, отправился за магическимъ порошкомъ. Третій ткачь, Желиховскій, когда ему указали на порошокъ Микитихи, замѣтилъ, что ему болѣе искусная ворожка посовѣтовала гораздо лучшее средство, въ дѣйствительности котораго онъ убѣдился по собственному опыту.

Судъ, основываясь на добровольномъ сознаніи мастеровъ, за то, что они «поступили противъ Бога и совѣсти, прибѣгая къ бабскимъ предразсудкамъ», постановилъ: Затвардзяловича отрѣшить отъ должности цехмистра впредь до слѣдующихъ выборовъ; Телицкій и Желиховскій, тоже до времени выборовъ, должны были на цеховыхъ сходкахъ занимать послѣднія мѣста и безпрекословно исполнять возложенныя на нихъ порученія цеха. Сверхъ того всѣ они должны были дать на церковь или костелъ, смотря по вѣроисповѣданіямъ, опредѣленное количество воска [1]).

Колдовство посредствомъ веревки отъ церковнаго колокола не ограничивалось однако предѣлами цеха мастеровыхъ, а имѣло болѣе широкое распространеніе, оно было во всеобщемъ употребленіи, способствуя будто-бы увеличенію матеріальнаго благосостоянія. 1707 года, въ томъ-же каменецкомъ магистратѣ братчиками церкви св. Николая была обжалована какая-то вдова Агафія изъ Острога за то, что заказавъ въ ихъ церкви обѣдню, приказала своему сыну, проникнувъ чрезъ церковь, во время службы, на колокольню, урѣзать нѣсколько кусковъ веревки отъ колоколовъ. Мальчикъ былъ пойманъ на мѣстѣ проступка ученикомъ братской школы и вдова была представлена братчиками въ судъ для разъясненія этого дѣла [2]).

Такое же вліяніе на успѣхъ хозяйственныхъ и другихъ предпріятій имѣла веревка отъ повѣшеннаго или повѣсившагося («вишалника»), доставляя обладателю ея счастье въ дѣлахъ имѣющихъ цѣлью матеріальную прибыль, скорую наживу.

---

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣдов., т. I, стр. 372—74. Прилож., №№ 5, 6, 7.
[2]) Ibid., стр. 374, № 8.

Въ 1717 году въ Каменцѣ-же возникла тяжба между двумя шинкарями, Маньковскимъ и Колецкимъ. Послѣдній распустилъ слухъ, будто-бы жена Маньковскаго, для завлеченія въ свое заведеніе посѣтителей [1]), держитъ отрѣзокъ веревки, добытый у палача, служившей ему для повѣшенія преступника.

Судъ призналъ однако это обвиненіе пустою сплетнею и приговорилъ Колецкаго за клевету къ аресту при городской ратушѣ, впредь до взысканія съ него 12-ти фунтовъ воску на магистратскую часовню. Кромѣ того, сторонамъ подъ угрозою баниціи, было заказано дѣлать какія либо попреки [2]).

Колдовство служило также для гаданій, съ цѣлью напередъ опредѣлить исходъ задуманнаго предпріятія, чтобы, дѣйствуя по извѣстнымъ указаніямъ, обезпечить его успѣхъ.

Такъ, въ 1749 году въ каменецъ-подольскомъ гродскомъ судѣ разбиралось дѣло по обвиненію семерыхъ крестьянъ и одного шляхтича въ томъ, что они безъ вѣдома экономіи откопали будто-бы кладъ на землѣ, принадлежащей общинѣ доминиканокъ въ селѣ Пудловцахъ. Кладоискатели обращались при этомъ къ знахаркѣ, которая вполнѣ обнадежила ихъ въ успѣхѣ предпринятаго дѣла. Обстоятельства послѣдняго, какъ уяснили показанія подсудимыхъ, состояли въ слѣдующемъ.

Трое крестьянъ села Пудловецъ, возвращаясь изъ церкви послѣ пасхальной всенощной, замѣтили, что за селомъ, въ прилегающихъ къ нему кустахъ, показалось надъ землей какое-то пламя. По всей вѣроятности, это былъ падавшій аэролитъ, свѣтъ котораго и былъ принятъ крестьянами за пламя горѣвшихъ денегъ, какимъ, по всеобщему народному повѣрью, должны были теплиться въ эту ночь сокрытые въ землѣ клады. Тотчасъ рѣшили пойти одному

---

[1]) Въ настоящее время можно видѣть на порогѣ лавочекъ, кабаковъ и пр. прибитыя съ тою же цѣлью подковы. Нужно только, чтобы подкова была найдена. Характерно между прочимъ, что подобный предразсудокъ нашелъ себѣ послѣдователя въ лицѣ одного изъ почтенныхъ народныхъ учителей мѣстечка Ш. (на Волыни), И. Г., который, занимаясь продажей учебныхъ принадлежностей, чаю и проч., прибилъ на порогѣ лошадиную подкову, „чтобы люди заходили“, какъ объяснялъ онъ ея назначеніе.—Что-жъ дѣйствуетъ? спросилъ я его.—И дверь никогда отъ посѣтителей не затворяется, отвѣчалъ онъ вполнѣ серьезно!

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 387—9, №№ 25, 26.

для изслѣдованій, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, на мѣстѣ видѣннаго огонька должно-бы оттаять,—на дворѣ была заморозь. Но предполагавшейся примѣты не оказалось. «Станемъ копать на Божью волю», замѣтилъ одинъ изъ нихъ успокоительно. Боясь недоразумѣній съ экономіей, крестьяне соглашались объявить о своемъ предпріятіи, но въ виду общихъ насмѣшекъ, если оно окончится неудачей, рѣшили работать тайно по ночамъ. Приступили къ дѣлу. Земля была мерзлая, приходилось рубить топорами. Работа подвигалась медленно и была слишкомъ утомительна. Рѣшили поэтому пригласить еще кого нибудь изъ сосѣдей; компанія кладоискателей увеличилась. Работали уже нѣсколько ночей подъ рядъ, но усилія были напрасны: кладъ не давался. «Не намъ судилъ Богъ», говорили одни, но тутъ же порѣшили обратиться къ Его помощи. Сдѣлали складчину и дали на службу въ церковь и еще съ большимъ рвеніемъ принялись вновь за работу, но все также безуспѣшно. Наткнулись было на какую-то твердую поверхность, принятую ими за плиту, коророю и долженъ быть приваленъ кладъ, но пока расчистили это мѣсто, вырубивъ росшій на немъ кустъ, никакой плиты не оказалось. Съ общаго совѣта было принято обратиться за указаніями къ ворожеѣ, проживавшей въ сосѣднемъ селѣ Пораевкѣ. Прибывшій туда съ этимъ порученіемъ одинъ изъ кладоискателей, Процько, явился къ ворожкѣ и, не объявляя ей о цѣли своего посѣщенія, потребовалъ, чтобы она угадала ее сама. Она «вылила воскомъ» и сказала, что у него произошелъ уронъ въ хозяйствѣ. Процько промолчалъ, ворожка смутилась. Накрывъ столъ бѣлой скатертью, она вылила во второй разъ и разсмотрѣвъ воскъ внимательно, отвѣтила, что дѣло идетъ о кладѣ, который дѣйствительно зарытъ въ извѣстномъ ему мѣстѣ, въ мѣдномъ котлѣ съ желѣзной дужкой, но нѣсколько къ западу отъ вырытой ямы. Она совѣтовала затѣмъ продолжать работу, увѣряя, что кладъ непремѣнно найдется, и при этомъ указывала на слѣдующія примѣты: къ юго-западу отъ большаго, зарытаго въ землѣ, камня окажется мусоръ, немного далѣе черные черепки, а подъ ними уже и самыя деньги. Кладъ этотъ слѣдуетъ откапывать въ полнолуніе ночью послѣ вторыхъ пѣтуховъ, когда уже не можетъ помѣшать въ этомъ злая сила. Эти указанія оказались правдоподобными: откопали дѣйствительно и большой камень, и мусоръ въ

указанномъ отъ него направленіи, находили и черные черепки, но денегъ все таки не было. Крестьяне, полагаясь на эти примѣты, работали уже въ продолженіи четырехъ недѣль. Между тѣмъ огонь, высѣкаемый въ ямѣ для закуриванія трубокъ, былъ принятъ другими односельчанами тоже за пламень горящихъ денегъ, составилась вторая компанія, открывшая свои работы не вдалекѣ отъ первой. Результаты и тутъ были тѣ же, только черепья были зеленые.

Узнавшая объ этихъ предпріятіяхъ экономія положила имъ конецъ: кладоискатели были всѣ арестованы и препровождены въ Каменецъ для отдачи показаній въ судѣ, такъ какъ открывшіе ихъ пастухи утверждали, что кладъ дѣйствительно найденъ и они видѣли, какъ одинъ изъ крестьянъ пряталъ подъ полой что-то блестящее. Такъ закончилось неудачное исканіе клада. Изъ показаній старожиловъ оказалось, что на мѣстѣ поисковъ стоялъ когда-то, давно уже заброшенный, кирпичный заводъ [1]).

Подобнымъ указаніямъ знахарей вѣрили безусловно, имъ приписывали чуть ли не силу прозорливости. Въ силу такого убѣжденія къ знахарямъ обращались иногда для открытія виновниковъ тѣхъ или иныхъ преступленій, когда для изобличенія ихъ не было другихъ уликъ. Мы видѣли выше, какое рѣшающее значеніе имѣли слова знахаря въ дѣлѣ Каплунки, сожженной въ мѣстечкѣ Красиловѣ 1720 года. Примѣръ такого довѣрія въ подобныхъ случаяхъ въ знахарскую непогрѣшимость не является исключительнымъ. Приведемъ нѣсколько подтверждающихъ это фактовъ.

Такъ, въ барскій замковый судъ въ 1738 году *дворянинъ* Василевскій жаловался на дворянина Скоржевскаго, будто-бы пропавшая у него лошадь украдена послѣднимъ. Въ подтвержденіе этого обвиненія онъ представилъ свидѣтельство, выданное ему знахаремъ, или «ложнымъ пророкомъ», какъ названъ онъ въ судебномъ актѣ. Судъ оправдалъ Скоржевскаго, Василевскій же за то, что «вопреки заповѣди Божей и канонамъ церкви, обратившись къ знахарю, поклонился чужимъ богамъ», присуждался къ денежному штрафу въ двѣ съ половиною гривны [2]).

---

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣдов., т. I, в. 1, стр. 439—447. Прилож. №№ 64—2.

[1]) Чубинскій, Матеріалы и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 408. Прилож. Докум. о колдовствѣ, № 13.

Въ городѣ Олыкѣ 1740 года случился пожаръ. По указаніямъ ворожки поджигателями были будто-бы кузнецы, которые послѣ этого съ трудомъ могли оправдаться отъ взводимаго на нихъ обвиненія. Изъ показаній той-же ворожки видно, что она давала также указанія относительно происшедшей предъ тѣмъ въ городѣ покражи [1]).

Въ томъ-же городкѣ 1742 года въ домѣ мѣщанина Павла Савоновича случилась крупная пропажа. Потерпѣвшій для разысканія воровъ обратился къ ворожкѣ, мѣщанкѣ Казанихѣ. Послѣдняя, какъ на виновниковъ преступленія, указала на жену Савоновича и ея брата, Григорія Чайковскаго. Чайковскій за безчестіе занесъ въ судъ жалобу. Магистратъ, принявъ во вниманіе безупречность ихъ прежняго поведенія, оправдалъ оговоренныхъ, а Савоновича за то, что онъ прибѣгалъ къ колдовству, приговорилъ къ недѣльному тюремному заключенію. Сторонники обвиненія подвергались—одинъ денежному штрафу, другой тѣлесному наказанію въ 20 ударовъ. Послѣднюю кару за навѣтъ, опорочившій имя честныхъ людей, понесла и ворожка, ее присудили къ 50 ударамъ [2]).

Въ каменецъ-подольскомъ магистратѣ 1717 года разбиралось дѣло между мѣщанками Фарановскою и Фурикевичевою о взаимныхъ откорбленіяхъ. Первая была призвана въ домъ послѣдней для ворожбы, но, вмѣсто указаній относительно пропавшаго у Фурикевичевой платка, она распространила невыгодныя о ней слухи, будто-бы въ домѣ Фурикевичей происходитъ что-то не доброе, такъ какъ вода, употребленная ею для гаданія, вспыхивала пламенемъ [3]).

Къ колдовству обращались однако не только потерпѣвшіе, но и виновники пропажи для сокрытія слѣдовъ своего преступленія.

Въ луцкій гродскій судъ 1710 года была подана жалоба дымерскимъ старостою, Петромъ Лоскою, на своего слугу Франциска Рагозинскаго, который укралъ у него восемьсотъ золотыхъ и при помощи колдовства хотѣлъ скрыть свой проступокъ. Пытка въ подобныхъ случаяхъ не достигала своей цѣли, такъ какъ колдовствомъ предотвращалось чувство боли.

---

1) Чубинскій, т. I, стр. 409. Прил., № 45.

2) Ibid., стр. 413. Прил., № 48.

3) Ibid., стр. 377—8. Прил., № 14.

Въ каменецъ-подольскій магистратъ помѣщикомъ Верещатынскимъ 1724 года былъ представленъ его крѣпостной, Василій Гоцулъ, съ требованіемъ подвергнуть его пыткѣ, по подозрѣнію въ воровствѣ господскихъ воловъ и лошадей и въ сношеніяхъ съ разбойниками. Во время пытки, обвиненный ни при растягиваніи членовъ, ни при жженіи огнемъ не высказалъ никакихъ наружныхъ признаковъ страданія и не сознался ни въ чемъ. Судъ все таки приговорилъ его къ смертной казни, основываясь на томъ, что помѣщикъ съ пятью другими дворянами подтвердилъ присягою свои подозрѣнія. Такое упорство, такую твердость воли магистратъ объяснялъ лишь тѣмъ, что Гоцулъ несомнѣнно имѣлъ при себѣ чары и, вслѣдствіе этого, во время пытки «проявилъ завзятіе и терпѣніе, необычное въ человѣческомъ тѣлѣ» [1]).

Вліяніе чаръ, по вѣрованію того времени, могло иногда сказаться и на ходѣ самаго судебнаго процесса, нарушивъ его нормальное теченіе таинственнымъ способомъ.

Такъ, въ барскій замковый судъ 1736 года дворянинъ Галузинскій подалъ жалобу на крестьянина Трофима Лукашенка, обвиняя его въ покражѣ вола. Свидѣтелемъ со стороны истца былъ поставленъ дворянинъ Андрей Сохацкій, но на судѣ онъ далъ сперва противорѣчивыя показанія, а затѣмъ сознался, что былъ подкупленъ Галузинскимъ и только вслѣдствіе этого явился въ судъ. Истецъ объяснилъ предъ судомъ съ своей стороны, что свидѣтель Сохацкій околдованъ подсудимымъ и его тещею, почему и далъ сбивчивыя показанія. Судъ оправдалъ Лукашенка, подвергнувъ штрафу Галузинскаго за ложное обвиненіе, при чемъ однако предоставилъ этому послѣднему право взыскать свои убытки съ Сохацкаго [2]).

Вліяніе колдовства, какъ показываютъ приведенные нами процессы, простиралось такимъ образомъ и на область психическихъ явленій, дѣйствуя на волевыя отправленія человѣка. Но особенно сильное вліяніе, по общему убѣжденію того времени, колдовство оказывало на сердечныя влеченія, начиная отъ простого расположенія и дружбы до чувства самой сильной любви.

---

[1]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. V, т. I, стр. 302; Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, в. 1, стр. 355.

[2]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 405—7. Прил., № 42.

Къ нему прибѣгали крѣпостные, чтобы приворожить своихъ господъ, т. е. пользоваться ихъ благосклонностію, расположеніемъ, хотя, какъ выходило на дѣлѣ, очень часто достигалось противное. Господа, боясь какого либо чувствительнаго для нихъ вреда отъ чародѣйства, жестоко наказывали обращавшихся къ этимъ приворотнымъ средствамъ.

Такъ, въ книгахъ кременецкаго магистрата подъ 1730 годомъ сохранился возмутительный, по строгости наказанія, процессъ между помѣщикомъ Лукою Малинскимъ и его крѣпостною, которая посредствомъ чародѣйства хотѣла будто-бы снискать его благосклонность. Опасаясь какихъ либо вредныхъ для себя послѣдствій, Малинскій требовалъ, чтобы къ обвиняемой во всей строгости было примѣнено уложеніе магдебургскаго кодекса. Обвиненіе поддерживали пятеро односельчанъ, которые показали, что обвиняемая, Матрена Перистая, разъ высказалась про своихъ господъ такъ: «госпожу свою я уже прибрала къ рукамъ; если-бы удалось достичь того-же въ отношеніи самаго пана, то я боялась-бы тогда лишь одного Бога». Кромѣ того двое изъ свидѣтелей указали, что подсудимая когда-то въ спорѣ съ ними произносила угрозы—одному говорила: «тогда улучшатся твои обстоятельства и выдашь замужъ своихъ дочерей, когда волосы выростутъ у тебя на ладони»; другому сказала: «ты станешь нагъ и бѣденъ, подобно тому, какъ нага ладонь твоя». Но кромѣ свидѣтельскихъ показаній, по кодексу требовалось еще сознаніе самаго подсудимаго; если оно не было произнесено добровольно, его вынуждали пыткою. Перистая-же на допросѣ отвѣтила лишь какою-то загадочною фразой: «уповаю на Господа Бога, на своего пана и паню; лишь-бы мѣсяцъ свѣтилъ надо мною, а звѣзды я коломъ разгоню», причемъ замѣтила: «сознаюсь-ли я въ чемъ или нѣтъ, все равно пропасть прійдется». Судьи признали подобныя показанія еще недостаточными. Обвиняемую подвергли пыткѣ. Три раза повторили мучительный процессъ растягиванія членовъ на блокахъ, три раза жгли ее раскаленнымъ желѣзомъ, но она все таки утверждала, что не знаетъ никакихъ чаръ и что обвиненіе возникло, благодаря распущеннымъ про нее сплетнямъ сосѣдки Корнѣихи. Судъ все таки, на основаніи свидѣтельскихъ показаній, приговорилъ Перистую, главнымъ образомъ за

угрозы господамъ, къ смертной казни, которая должна была совершиться на слѣдующій-же день [1]).

Но особенно въ ходу были «приворотныя» средства въ любовныхъ дѣлахъ. Хотя подобныя отношенія двухъ половъ содержатся большею частію въ тайнѣ и рѣдко даютъ поводъ къ искамъ, тѣмъ не менѣе и тутъ иногда происходили нескромныя разоблаченія, разбиравшіяся судебнымъ порядкомъ. Вытекали они то изъ чувства ревности или мести, то изъ суевѣрнаго страха, чтобы не приворожили къ себѣ почему либо нежелательные люди. Мы уже упоминали выше про жалобу солдата Росковскаго въ 1713 году на мѣщанку Марину Дубеняцкую, къ которой понудила его жена изъ ревности къ этой послѣдней.

1749 года въ каменецъ-подольскомъ гродскомъ судѣ были сняты показанія съ парубка Андрея, обвиненнаго въ незаконной связи съ дворянкой Ружковскою. Обвиненный подтвердилъ, что онъ дѣйствительно состоялъ въ этой связи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянно пытался уклониться отъ нея и разъ десять убѣгалъ изъ дома Ружковской, но послѣдняя противъ воли заставляла его возвращаться назадъ. Послѣ каждаго подобнаго побѣга она прибѣгала къ чародѣйству, весь ритуалъ котораго, требовавшійся въ данномъ случаѣ, по порученію Ружковской выполнялся ея приближенной, кормилицей Евдокіей. Послѣдняя обыкновенно сперва потрясала плетнемъ, сыпала затѣмъ горячія уголья и совсѣмъ нагая обѣгала кругомъ дома; уголья пересыпались далѣе на собственную рубашку и прикрывались горшкомъ. Если рубашка не загоралась—это было признакомъ возврата Андрея. Разъ онъ, по его показанію, за нежеланіе вернуться во время одной изъ своихъ отлучекъ, поплатился за это тяжкою болѣзнію [2]).

Въ городѣ Каменцѣ, въ домѣ войта армянскаго, Павла Святовича, была задержана 1716 года нищая Марина съ какимъ-то подозрительнымъ узелкомъ, въ которомъ заключалась горсть песку, куски костей и зубъ, признанный почему-то за зубъ мертвеца. Арестованная на судѣ показала, что найденные при ней предметы она хотѣла передать какъ талисманъ одной дѣвушкѣ, просившей

---

[1]) Чубинскій, Матер. и изслѣд., т. I, стр. 397—9. Прил., № 34.

[2]) Ibid., стр. 447—50, № 66.

доставить ей средство, способствующее выходу замужъ. Магистратъ находилъ, что дѣйствія подсудимой весьма подозрительны и постановилъ допросить ее еще подъ пыткой [1]).

Въ барскомъ замкѣ 1731 года разбиралось дѣло, возникшее между дворянами Гольчинскимъ и Новосельскимъ. Послѣдній хвасталъ разъ предъ сосѣдями, что если-бы жена Гольчинскаго жила въ одномъ съ нимъ селѣ, то онъ навѣрное затѣялъ-бы съ нею любовную связь, про которую мужъ и не узналъ-бы, такъ какъ онъ напоилъ-бы его отваромъ чемерицы и другими снадобьями. Выпивъ такой составъ, мужъ, по увѣренію Новосельскаго, теряетъ способность слѣдить за поведеніемъ жены.

Это донеслось до Гольчинскаго и при встрѣчѣ съ Новосельскимъ онъ нанесъ ему нѣсколько ударовъ саблею, причинивъ пораненія. По суду Гольчинскій долженъ былъ лѣчить своего противника на свой счетъ, Новосельскій-же былъ приговоренъ къ штрафу въ 15 гривенъ за непристойную похвальбу [2])...

Прошлымъ вѣкомъ заканчивается у насъ существованіе колдовства оффиціальнаго т. е. мало по малу оно теряетъ свой юридическій смыслъ и процессы по этому поводу прекращаются. Не трудно замѣтить изъ приводимыхъ нами процессовъ, что въ отношеніи къ нимъ замѣтна какая неустойчивость, колебаніе самихъ судій: на ряду съ обычнымъ почти порицаніемъ предразсудковъ и вѣры въ «бабьи» чары, встрѣчается еще такой фактъ, какъ оправданіе Комарницкаго, хотя его можно назвать исключительнымъ. Юрисдикція въ отношеніи колдовства вступаетъ въ новую фазу, освобождаясь отъ средневѣковыхъ взглядовъ на этотъ предметъ. Статьи дѣйствующихъ еще въ ту пору судебныхъ кодексовъ, налагающія очень строгія наказанія за чародѣйство, остаются большею частію мертвой буквой и примѣняются лишь въ особыхъ исключительныхъ случаяхъ; обыкновенно дѣло ограничивалось наложеніемъ церковной эпитиміи, денежнаго штрафа, тѣлеснымъ наказаніемъ. Судебныя уложенія городскаго устава полагали между прочимъ такое требованіе: «ренегатъ, отрекшійся отъ вѣры, долженъ быть сожженъ. *Таже казнь назначается и для чародѣевъ*» [3]). Въ

---

[1]) Чубинскій, т. I, стр. 385—6. Прил., № 22.

[2]) Ibid., стр. 393, № 65.

[3]) „Porządek sądow miejskich". Krakow. 1629 r., cz. VI. str. 221—2.

дополненіяхъ къ кодексу магдебургскаго права говорится тоже самое еще съ большею опредѣленностію и полнотою. «Если-бы оказалось, такъ гласитъ XIV ст., что кто либо училъ чародѣйству другое лице, или угрожалъ кому либо колдовствомъ, а потомъ приключилось-бы дѣйствительно несчастіе тому, противъ кого была произнесена угроза, равно если-бы на кого либо пало подозрѣніе въ чародѣйствѣ, вслѣдствіе его словъ, обычаевъ, *внѣшняго вида и другихъ обстоятельствъ, свойственныхъ колдунамъ, то, въ силу установившейся молвы, такое лице должно быть обвинено предъ судомъ* и если признаки чародѣйства окажутся на немъ, оно должно *подвергнуться пыткѣ*». Тамъ-же опредѣляются и рамки допроса (ст. XXII): «во время пытки чернокнижника и чародѣя должно допрашивать обо всѣхъ обстоятельствахъ его преступленія: какія онъ употреблялъ средства, какимъ образомъ и въ какое время, какія при этомъ произносилъ слова, или совершалъ дѣйствія; затѣмъ слѣдуетъ допросить, у кого онъ учился чародѣйству, или какимъ образомъ усвоилъ его пріемы, сколько разъ прибѣгалъ къ нему и какое бѣдствіе и кому причинилъ.»

Жестокости инквизиціи не мирились однако съ духомъ малорусскаго народа и она не привилась на чуждой ей почвѣ. Въ подобныхъ случаяхъ руководились въ судахъ болѣе здравымъ смысломъ и имѣли болѣе трезвый взглядъ на дѣло. Тутъ не опредѣляли чародѣевъ по ихъ «внѣшнему виду и другимъ, свойственнымъ колдунамъ, обстоятельствамъ», «сила установившейся молвы» не имѣла также значенія и очень часто наказанію подвергались сами истцы, за нелѣпость своихъ обвиненій и вѣру въ предразсудки. Это обстоятельство естественно должно было уменьшать число подобныхъ жалобъ съ каждымъ годомъ и отбить охоту обращаться къ суду въ дѣлахъ о чародѣйствѣ. Тѣмъ не менѣе чародѣйство не искоренилось, а приняло лишь болѣе замкнутый, такъ сказать семейный характеръ, занявъ тотъ укромный уголокъ народной жизни, гдѣ не могутъ уже вліять какія либо административныя мѣры. Вѣра въ колдовство сохранилась и по настоящую пору въ формѣ различныхъ суевѣрій, предразсудковъ и повѣрій, и къ стыду нужно сознаться не въ одной лишь темной народной массѣ чернаго люда! Дымкой густаго тумана распростерлись эти повѣрья надъ широкой русской землей, пока

лучь дневнаго свѣта не разсѣетъ этого мрака и не наступитъ полное «просвѣтленіе». Но пройдутъ еще десятки лѣтъ, пока перестанутъ выдѣляться «тяжелые дни», изгладится вѣра въ привороты, вліяніе дурнаго глаза и встрѣча съ зайцемъ, перебѣжавшимъ дорогу, перестанетъ считаться зловѣщею... На труженикахъ народнаго образованія лежитъ высокая задача этого умственнаго и нравственнаго просвѣтленія массы, хотя съ грустью нужно сказать, что многіе изъ нихъ сами не свободны отъ недуга предразсудковъ, отъ котораго должны врачевать другихъ!..

Арсеній Сѣлецкій.

1886 г., 30 генваря.
Винница, подольск. губ.

БОРЬБА СЪ КАТОЛИЧЕСТВОМЪ

и умственное пробужденіе южной Руси къ концу XVI в.

(Историческій очеркъ).

(Окончаніе) [1]).

Вмѣстѣ съ школами въ предѣлахъ сѣверо и юго-западной Руси къ концу XVI в. разростается и книгопечатаніе, и быстро возникаютъ одна за другой типографіи. Печатаніе славянскихъ книгъ началось еще съ конца XV вѣка, за границей. Въ 1490—1491 гг., въ Краковѣ, нѣкто Швайпольтъ Фіоль, нѣмецъ по происхожденію, хотя и мѣстный житель, напечаталъ первыя славянскія книги: «Шестодневъ», «Часословъ», «Псалтирь» и др. [2]). Въ 1493—1512 гг. нѣсколько богослужебныхъ славянскихъ книгъ было издано въ Венеціи, Зенѣ, Цетиньѣ и Угровлахіи [3]). Въ 1517—1519 гг., въ Прагѣ, нѣкто Францискъ Скорина, «докторъ врачебныхъ наукъ изъ Полоцка», предпринялъ изданіе всей Библіи на «русскомъ» языкѣ, т. е. на современномъ литовско-русскомъ говорѣ, въ переводѣ съ Вульгаты. Изданіе выходило отдѣльными выпусками, которыхъ вышло 22 [4]). Объ этомъ изданіи Курбскій въ одномъ мѣстѣ замѣ-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., апрѣл. кн., стр. 729—763.

[2]) *Сахарова*, Хронологическая роспись славяно-русской библіографіи. Спб., 1849 г., №№ 1—5. *П. Строева*, Опис. старопеч. книгъ Толстого, М. 1825 г., № 1.

[3]) *Сахарова*, Хронол. роспись, №№ 6—9.

[3]) Подробное описаніе вышедшихъ выпусковъ у *Сахарова*, Хрон. роспись, № 10; къ описанію приложены тщательныя библіографическія изысканія. См. также: *П. Строева*, Опис. старопечатныхъ книгъ Толстого, №№ 5—11, стр. 6—19. (Описаніе, съ значительными выписками).

чаетъ: «Да и се не утаится, книги обрѣтаются въ землѣ нашей ветхаго и новаго завѣта и пророческія вси, а переводъ Скорины полоцкаго,—перевелъ въ недавнихъ лѣтахъ, аки лѣтъ 50 или мало къ симъ, съ препорченныхъ книгъ жидовскихъ»... Въ 1525 году Скорина перенесъ свою типографію въ Вильну и напечаталъ здѣсь нѣсколько богослужебныхъ и духовнонравственныхъ книгъ, въ томъ же литовско-русскомъ переводѣ, именно: «Апостолъ», «Псалтирь», «Часословъ», «Акаѳистникъ», «Шестодневъ», «Канонъ», краткіе Святцы и Пасхалію [1]). Типографія Скорины была первою типографіею въ литовской Руси. Впрочемъ, и послѣ того славянскія книги продолжали печататься за границей,—въ Венеціи, Угровлахіи, Бѣлградѣ, Тюбингенѣ и другихъ мѣстахъ [2]). Собственно западно-русскія типографіи начинаютъ возникать съ половины XVI вѣка. Такъ, въ 1562 г. мы видимъ типографію въ Несвижѣ, гдѣ были напечатаны «Катихизисъ» и «Оправданіе грѣшнаго человѣка предъ Богомъ» Симона Буднаго, въ литовско-русскомъ переводѣ [3]). Въ 1569 году открыта типографія въ Заблудовѣ, въ имѣніи гетмана Г. А. Ходкевича, гдѣ нашли себѣ убѣжище изгнанные изъ Московіи Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Мстиславцевъ, первые русскіе книгопечатники; на средства Ходкевича они издали здѣсь въ 1568—1569 гг. «Евангеліе учительное» [4]), сборникъ отрывковъ изъ твореній отцевъ церкви, извѣстный по славянскимъ рукописямъ съ XIV вѣка [5]). Съ 1573 г. открывается типографія въ Львовѣ и скоро переходитъ въ вѣдѣніе братства. Въ 1575 году заводится новая типографія въ Вильнѣ. Въ 1580 г. кн. К. К. Острожскій открылъ на свои средства въ Острогѣ типографію, которой суждено было играть видную роль въ начавшейся борьбѣ съ врагами вѣры и народности русской. Въ томъ же 1580 г. была открыта типографія

---

[1]) *Сахарова*, Хронол. роспись, №№ 13—14. *П. Строева*, Опис. книгъ Толстого, №№ 12—14.

[2]) *Сахарова*, Хронол. росп., №№ 15—39 (книги, напечатанныя въ 1527—1562 гг.).

[3]) *Сахарова*, Хронол. росп., №№ 40—41.

[4]) Реестръ старопечатныхъ славянскихъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ *А. С. Ширяева*, М. 1833 г., № 6.

[5]) *Преосв. Макарія*, Ист. рус. цер., т. IX, стр. 470.

нѣкоего Тягинскаго. Позднѣе мы видимъ дѣйствующими въ юго-западной Руси слѣдующія типографіи: въ Евьѣ (1600), въ Дермани при монастырѣ (604), Крилосѣ (1606), Кіевѣ (1614), Могилевѣ (1616), Почаевѣ (1618), Рохмановѣ (1619), Луцкѣ (1628), Кутеинѣ (1613) и другихъ мѣстахъ [1]). Самыми важными типографіями были: львовская, виленская, острожская, кіевская, въ Евьѣ и кутеинская. Изъ книгъ, напечатаныхъ въ нихъ, отмѣтимъ главнѣйшія.

I. *Апостолъ*, напеч. въ Львовѣ въ 1573 году, Иваномъ Ѳедоровымъ. Къ книгѣ приложено любопытное послѣсловіе, въ которомъ Ѳедоровъ разсказываетъ о печальныхъ обстоятельствахъ своей жизни, а также о начальной исторіи львовской типографіи. Извѣстно, что Ѳедоровъ былъ печатникомъ въ Москвѣ. Принужденный бѣжать отсюда, «презѣльнаго ради озлобленія» отъ многихъ начальникъ и священно-начальникъ и учитель, которые, зависти ради, многія ереси на него умышляли, хотячи благое въ зло превратити и Божіе дѣло въ конецъ погубити», онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Петромъ Мстиславцетымъ, ушелъ «въ ины страны незнаемы», именно въ Бѣлоруссію. Здѣсь оба они нашли самый радушный пріемъ у гетмана Ходкевича. «Прія насъ любезно, разсказываетъ Ѳедоровъ: и упокоеваше насъ не мало время, и всякими потребами тѣлесными удовляше насъ; еще-же и сіе недовольно ему бѣ, еже тако устроити насъ, но и весь (деревню) не малу дарова ми на упокоеніе мое, намъ-же работающимъ по воли Господа нашего Іисуса Христа и слово Его по вселеннѣй разсѣевающе»... Вскорѣ однако болѣзни и старость принудили гетмана прекратить изданіе книгъ, и онъ предложилъ печатникамъ посвятить себя деревенскому труду; но «неудобно ми бѣ, продолжаетъ Ѳедоровъ, раломъ, ниже сѣменъ сѣяніемъ, время живота своего сокращати», «имамъ убо... вмѣсто житныхъ сѣменъ духовныя сѣмена по вселеннѣй разсѣвати»... Для разсѣянія этихъ сѣменъ путемъ книгопечатанія онъ отправился въ Львовъ, но тутъ ему пришлось испытать новыя неудачи и лишь съ помощью нѣкоторыхъ бѣдныхъ приходскихъ священниковъ онъ приступилъ къ печатанію «Апостола» и окончилъ его въ 1573 году. Вскорѣ ти-

---

[1]) *Пыпинъ и Спасовичъ*, Исторія славянскихъ литературъ. Спб., 1869 г., т. I, стр. 323. 328—329.

пографія, принесенная имъ въ Львовъ, перешла въ вѣдѣніе мѣстнаго братства.

II. *Библія*, напечатанная въ Острогѣ Иваномъ Ѳедоровымъ, 1581 года: «Библіа, сирѣчь книгы ветхаго и новаго завѣта, по языку словенску, отъ еврейска въ еллинскій языкъ... преведенаго зводу, съ тщаніемъ и прилежаніемъ, елико мощно, помощію Божіею, послѣдовася и исправися, въ лѣто по воплощеніи Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1581». Въ предисловіи, написанномъ отъ лица кн. К. К. Острожскаго, говорится о трудностяхъ, какихъ стоило изданіе: «ни дѣла начати, ниже дѣлателей, еже творити, на сіе изобрѣтохомъ: ибо и книгъ, глаголемыхъ Вивліа, въ зводъ сего дѣла, начальствомъ (въ началѣ) не имѣхомъ... Сего ради посланьми и писаньми своими, много странъ далекихъ вселенныя проходя, яко римскія предѣлы, тако и кандійскія островы, паче-же много монастырей грецкихъ, сербьскихъ и болгарскихъ, даже и до самаго апостоломъ намѣстника и всея церкве восточныя строенію чиноначалника, пречестнаго Іеремія, архіепископа Константинаграда, новаго Рима, вселенныа патріарха... доидохъ, требуя съ тщаніемъ и моленіемъ прилѣжнымъ: тако людей, наказаныхъ въ писаніяхъ святыхъ, еллинскихъ и словенскихъ, яко-же и зводовъ, добрѣ исправленыхъ и, порока всякаго кромѣ, свидѣтельствованыхъ. И сицевымъ всесилный Богъ сподобитимися благоизволи... нынѣ-же... и съвръшеніе сподобихся видѣти» [1])...

III. *Книжица*, изд. въ Вильнѣ въ 1585 г. и заключающая въ себѣ себѣ: Діалогъ Геннадія, Іоанна Дамаскина Прѣніе христіанина съ сарациномъ, Слово Іоанна Златоуста и др. [2]). Всѣ эти статьи были переведены Курбскимъ [3]).

IV. *Книжица о вѣрѣ*, изд. въ Острогѣ въ 1588 г. и состоящая изъ шести отдѣловъ; первый отдѣлъ надписанъ: «о единой истинной православной вѣрѣ и о св. соборной апостольской церкви, откуду начало приняла и како повсюду распространися»... Въ концѣ пятаго отдѣла подписался: «многогрѣшный и хуждѣйшій въ христіанѣхъ убогій Василій» [4]).

---

[1]) *П. Строевъ,* Опис. старопеч. книгъ гр. Толстого, стр. 50—60.

[2]) *Сахарова,* Хронолог. росп., № 75.

[3]) *Преосв. Макарія,* Ист. рус. цер., т. IX, стр. 423.

[4]) *Сахарова,* Хронол. росп., № 80; *П. Строева,* Опис. книгъ гр. Толстого № 26. См. также: *Преосв. Макарія,* Ист. рус. ц., т. IX, стр. 425—426.

V. *Грамматика*, имѣющая слѣдующее многословное заглавіе: «Грамматика доброглаголиваго еллинословенского языка, совершеннаго искуства осми частей слова. Ко наказанію многоименитому Россійскому роду. Во Львовѣ, въ друкарни братской, року 1591». На другомъ листѣ читаемъ: «грамматика, сложенна отъ различныхъ грамматикъ, спудейми, иже въ львовской школѣ». Въ помѣщенномъ въ началѣ «извѣщеніи» говорится: ...«изобразихомъ вамъ, о любоучащійся христоименитый роде рускій, со всякимъ опаствомъ еллино-словенскимъ языкомъ зложенную грамматику, юже издаемъ въ общую вамъ пользу». Грамматика раздѣляется на четыре части: «орѳографія, просодія, етимологія и синтаксисъ, сирѣчь: правописаніе, припѣваніе, правословіе и съчиненіе». О пользѣ грамматики замѣчается: «Сія бо есть первая ключь, отверзаяй умъ разумѣти писанія, отъ нея же, яко по степенехъ, всю лѣствицу, по чину ученій, трудолюбивіи достизаютъ діялектики, риторики, мусики, ариѳметики, геометріи и астрономіи; и сими же седми, яко же нѣкіимъ съсудомъ разсужденія, почерпаемъ источникъ философіи, разумѣвающе же и врачества, ко благоискуству превосходимъ всесовершеннаго богословія».. Далѣе излагаются причины недостатка просвѣщенія въ россійскомъ родѣ, а въ заключеніе разсказывается исторія возникновенія въ Львовѣ братства и при немъ школы и типографіи [1]).

VI. *Книга о постничествѣ Василія Великаго*, напеч. въ Острогѣ, 1594 г. Въ одномъ изъ предисловій къ книгѣ въ вычурныхъ выраженіяхъ дается уразумѣть, что издателемъ былъ князь Константинъ-Василій Острожскій, который «не пощадѣ труду, не пощадѣ тщаніа, не пощадѣ съкровищъ» для изданія книги [2]).

VII. *Казанье св. Кирилла іерусалимскаго о антихристѣ*, изд. въ Вильнѣ, 1596 г., на литовско-русскомъ и польскомъ языкахъ. Переводъ принадлежалъ Стефану Зизанію [3]); но онъ сопровождается широкими толкованіями и обличеніями навязываемыхъ православнымъ римскихъ догматовъ; въ послѣднихъ авторъ видитъ признаки пришествія антихриста, котораго находитъ въ лицѣ папы.

---

[1]) *П. Строева*, Опис. старопеч. книгъ гр. Толстого, № 27, стр. 64—65.

[2]) *П. Строева*, Опис. книгъ гр. Толстого, № 31, стр. 70—75.

[3]) *Сахарова*, Хронол. росп., № 99 (при описаніи сообщаются свѣдѣнія и о самомъ Ст. Зизаніи).

VIII. *Грамматика* словенска, съвершенаго искуства осми частей слова и иныхъ нуждныхъ, новосъставлена Л. Z. (Лаврентіемъ Зизаніемъ). Въ Вильни, въ друкарни братской, року 1596»... Въ концѣ приложено: «Толкованіе молитвы Отче Нашъ, составленное тѣмъ же Л. Зизаніемъ [1]).

IX. *Наука* ку читанію и разумѣнію писма словенскаго. Ту тыжъ о св. Троицѣ и о вочеловѣченіи Господни. Въ Вильни, въ друкарни братской, року 1596».. Здѣсь помѣщены: азбука, молитвы, Исповѣданіе прав. вѣры, «Лексисъ реченій словенскаго языка на простый русскій діялектъ истолкованныхъ Лаврентіемъ Зизаніемъ, а также брата его Стефана Зизанія «Изложеніе о православной вѣрѣ», «О вочеловѣченіи Господни» и «О знамени крестномъ». [2]).

X. *Апокрисисъ*, албо отповѣдь на книжкы о съборѣ Берестейскомъ, именемъ людій старожитной релѣи (набоженства) греческой, чрезъ Христофора Филалета врихлѣ дана.. Напеч. въ Вильнѣ въ 1597 г. [2]). Знаменитое въ свое время полемическое сочиненіе.

XI. *Книжица* изд. въ Острогѣ въ 1598 г., въ десяти отдѣлахъ. Здѣсь помѣщены: семь посланій александрійскаго патріарха Мелетія къ западно-русскимъ православнымъ и посланіе къ нимъ-же кн. К. К. Острожскаго отъ 24 іюля 1595 года съ предостереженіемъ противъ готовящейся уніи [2]). Всѣ эти посланія и статьи перепечатаны въ изслѣдованіи проф. *Малышевскаго*: Мелетій Пигасъ, т. II, въ приложеніяхъ.

XII. *Отповѣдь* на листъ... Ипатія володимерскаго и берестейскаго епископа до ясне-освѣцоного княжати Константина Острозского, воеводы кіевского, о залецанью и прехваляню восточной церкви зъ заходнымъ костеломъ унѣи або згоды, въ року 1598 писанный, чрезъ одного наименьшого клирика церкви острозской, въ томъ-же году отписанный.—Въ концѣ приложено особое сочиненіе: «Исторія о листрикійскомъ, то есть разбойническомъ Феррарскомъ або Фло-

---

[1]) *Сахарова*, Хронол. росп., № 101.

[2]) См. о немъ: *проф. Малышевскаго*, предисловіе къ русскому изданію Апокрисиса, Кіевъ, 1869—1870 г. и *Скабалановича*, Объ Апокрисисѣ Христофора Филарета. Спб., 1873 г. Въ польскомъ и западно-русскомъ подлинникахъ Апокрисисъ изданъ въ VII т. Русской Исторической Библіотеки, Спб., 1882 г.

[3]) *Сахаровъ*, Хронол. росп., № 110; *Преосв. Макарія*, Ист. рус. ц., т. X, стр. 285—286.

ренскомъ соборѣ, вкоротцѣ правдиве списаная»[1]. «Отповѣдь» сполна помѣщена въ приложеніи къ изданію Апокрисиса на русскомъ языкѣ. Кіевъ, 1870 г.

Таковы были первые опыты литературы, возникшіе въ юго-западной Руси на почвѣ упорной борьбы православія съ латинствомъ и вызванные дѣятельностью братствъ. Имъ предшествовали, отчасти ихъ сопровождали или же прямо къ нимъ примыкали однородные труды двухъ выдававшихся дѣятелей того времени, обращенные на защиту родной вѣры и распространеніе въ западно-русскомъ обществѣ образованія, труды отрывочные, случайные, но имѣвшіе въ высшей степени благотворное вліяніе въ смыслѣ общаго возбужденія, поддержки и развитія умственно религіознаго движенія въ западно-русскомъ обществѣ. Разумѣю труды кн. А. М. Курбскаго и кн. К. К. Острожскаго. Просвѣтительно-литературная и горячая полемическая дѣятельность этихъ двухъ лицъ то восполняетъ, то завершаетъ собою то, что создано было въ это время усиліями всего западно-русскаго общества въ лицѣ братствъ. Обзоромъ оной и мы въ свою очередь дополнимъ и закончимъ очеркъ того умственнаго пробужденія въ южной Руси въ концѣ XVI в., которое явилось какъ послѣдствіе продолжительной борьбы ея съ латинствомъ. Дѣйствовали они не съобща, не по установленному плану или соглашенію, потому и говорить мы будемъ отдѣльно о каждомъ изъ нихъ. Начнемъ съ кн. Курбскаго.

Происходя изъ древне-русскаго княжескаго рода, кн. *А. М. Курбскій* (фамилія—отъ села Курба, стоящаго на рѣкѣ Курбицѣ, ярославскаго уѣзда) родился въ 1528 году. Первые годы его жизни неизвѣстны; имя его въ первый разъ встрѣчается въ разрядныхъ книгахъ подъ 1549 г.; въ этомъ году Курбскій сопровождалъ царя Ивана Васильевича Грознаго въ походъ подъ Казань. Въ слѣдующемъ 1550 году онъ былъ назначенъ воеводою въ Пронскъ, гдѣ долженъ былъ ожидать нападенія крымскихъ татаръ. Въ 1552 году Курбскій участвуетъ во второмъ походѣ подъ Казань, какъ одинъ изъ главныхъ воеводъ войска, и получилъ здѣсь тяжелыя раны. Въ

---

[1] *Сахаровъ,* Хронол. росп., № 111; *Преосв. Макарія,* Исторія русской церкви, т. X, стр. 292—294.

открывшихся потомъ войнахъ Россіи съ Ливоніей и Крымомъ (въ 1557—1563 гг.) Курбскій съ большимъ успѣхомъ командовалъ войсками и не разъ былъ щедро награждаемъ царемъ; подъ конецъ онъ былъ назначенъ воеводою въ Дерптъ (Юрьевъ Ливонскій) и на этомъ кончается его дѣятельность въ предѣлахъ московскихъ. Въ 1563—1564 г. Курбскій бѣжалъ отъ Грознаго въ Литву и вступилъ въ подданство польскому королю. Въ одной рукописи Московскаго Архива бѣгство Курбскаго описано такъ: «Въ таже лѣта (1563—1564) во градѣ Юрьевѣ Ливонскомъ быша воеводы кн. Андрей Михайловичъ Курбскій да зять его кн. Ѳед. Прозоровскій. Князь же Андрей, увѣдавъ на себя царскій гнѣвъ и не дождался присылки по себя, убояся ярости царевы. Помянувъ же прежнія своя службы и ожесточися. Рече же супружницѣ своей сице: чесо ты, жено, хощеши: предъ собою ли мертвымъ мя видѣти, или за очи жива мя слышати? Она же къ нему рече: яко не точію тя мертва видѣти, но ниже слышати о смерти твоей, господина моего, желаю! Князь-же Андрей прослезися, и цѣлова ю и сына своего девятолѣтна суща, и прощеніе сотворивъ съ ними, и чрезъ стѣну града Юрьева, въ немъ же бысть воеводою, прелѣзе; ключи же вратъ градныхъ поверже въ кладезь. Нѣкто же вѣрный рабъ его, именемъ Васька, по реклу же Шибановъ, приготови князю своему кони осѣдланы внѣ града, и на нихъ сѣдоша, и къ литовскому рубежу отъѣхаша и въ Литву пріидоша. Оттуда же князь Андрей посла того же своего вѣрнаго раба къ великому государю царю съ досадительнымъ своимъ писаніемъ изъ Литвы» [1])... Бѣгство не было случайнымъ; Курбскій уже давно велъ переговоры и дѣйствовалъ вполнѣ обдуманно. Причины, побудившія его на такой шагъ, онъ указываетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Вскорѣ по прибытіи въ Литву, Курбскій получилъ отъ короля грамоту на ковельскую волость,—одно изъ богатѣйшихъ и населеннѣйшихъ королевскихъ имѣній, и на староство *Кревское*. Но предварительно Курбскій долженъ былъ участвовать въ походѣ поляковъ на Россію и сражаться противъ родины подъ стѣнами Полоцка; только по возвращеніи изъ похода, въ 1565 году, Курбскій былъ введенъ во владѣніе пожалованными имѣніями. Впрочемъ, имѣнія эти причинили

---

[1]) *Сказанія князя Курбскаго*, изд. 3-е, 1868 г., стр. 239—340, примѣч. 213.

много хлопотъ Курбскому. Очень скоро у него начались непріятныя столкновенія и судебныя тяжбы съ сосѣдними владѣльцами, смотрѣвшими вообще крайне недружелюбно на московскаго пришельца. Почти одновременно возникаютъ у Курбскаго и семейныя непріятности. Жена, оставленная имъ въ Юрьевѣ, скоро умерла, и Курбскій въ 1571 году вступилъ во второй бракъ съ Маріею Юрьевной, урожденною княжной Голшанской, бывшею до этого времени уже за двумя мужами и отъ перваго замужества имѣвшею дѣтей. Марія Голшанская, оставшись вдовою, владѣла большими помѣстьями; независимо отъ этого, вступая съ нею въ бракъ, Курбскій вѣроятно имѣлъ въ виду также породниться со многими литовскими фамиліями, находившимися въ родствѣ съ богатой и знатной княгиней. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Марія Голшанская, выйдя за Курбскаго и тотчасъ же записавъ на него почти всѣ свои владѣнія, послѣднимъ поступкомъ возстановила противъ него всю свою родню. Почти вслѣдъ за бракомъ начинается открытая и непримиримая вражда къ Курбскому дѣтей Маріи Голшанской отъ перваго замужества (Монтолтовъ) и родственниковъ ея втораго мужа (Козинскаго). Возбуждаемая родней, скоро и сама княгиня раскаялась въ своемъ великодушномъ поступкѣ. Къ тому-же она сильно разочаровалась въ своемъ мужѣ; ни характеромъ своимъ, ни привычками, ни своимъ двусмысленнымъ положеніемъ въ польско-литовскомъ обществѣ Курбскій не могъ нравиться молодой заносчивой княгинѣ. Онъ не могъ сродниться съ враждебной къ нему и вольнодумной шляхтой, тосковалъ по отчизнѣ, оплакивая мать, жену и единственнаго сына, покинутыхъ имъ въ Россіи и погибшихъ въ темницѣ. Не находя ни въ чемъ утѣшенія, Курбскій погрузился въ чтеніе св. писанія и въ науки, сталъ изучать произведенія Аристотеля, началъ на старости лѣтъ учиться латинскому языку и ревностно переводить съ латинскаго на славянскій языкъ творенія отцевъ церкви. Онъ образовалъ около себя кружокъ, хотя весьма не большой, который поддерживалъ его и помогалъ ему въ его ученыхъ трудахъ [1]). Такой образъ

---

[1]) О своихъ „помощникахъ" Курбскій упоминаетъ самъ въ „Сказаніяхъ", Однимъ изъ такихъ его помощниковъ былъ его родственникъ, молодой кн. Михаилъ Оболенскій, котораго Курбскій, не смотря на то, что онъ былъ

жизни долженъ былъ скоро наскучить Марьѣ Юрьевнѣ... Подстрекаемая родней, она рѣшилась бросить мужа и отнять записанныя на него свои имѣнія; она выкрала у мужа на нихъ документы и начала тяжбу. Тяжба кончилась разводомъ Курбскаго съ женой, въ 1578 году. Весной слѣдующаго года Курбскій женился на дѣвицѣ А. П. Сѣмашковной, происходившей изъ небогатой шляхетской фамиліи, и послѣдніе годы жизни пользовался, кажется, семейнымъ счастіемъ. Съ 1571 по 1578 г., занятый семейными и другими непріятностями, Курбскій мало принималъ участія въ политическихъ дѣлахъ; теперь, послѣ новаго брака, онъ отправляется вмѣстѣ съ войсками Стефана Баторія въ походъ на Россію; во время этого похода, торжествуя побѣды Баторія, взятіе Полоцка и Сокола, Курбскій изъ Полоцка написалъ два свои посланія къ московскому царю... По возращеніи изъ похода у Курбскаго открылись новыя непріятности: Марія Голшанская подняла дѣло о незаконности брака Курбскаго съ Александрой Сѣмашковной; княгинѣ хотѣлось, чтобы дѣти Курбскаго, рожденныя отъ этого брака (сынъ и дочь) были признаны незаконными и, какъ таковыя, были лишены по смерти отца наслѣдственныхъ правъ. Дѣло это впрочемъ кончилось ничѣмъ.. Курбскій умеръ въ Ковелѣ въ маѣ 1583 года, оставивъ по завѣщанію всѣ свои литовскія имѣнія женѣ своей Александрѣ Сѣмашковнѣ [1]).

Литературная дѣятельность кн. Курбскаго началась и окончилась въ Литвѣ. Его литературныя занятія главнымъ образомъ сосредоточивались въ переводахъ на тогдашній западнорусскій языкъ твореній отцевъ церкви, которыхъ такъ не доставало современному западно-русскому обществу. Весьма лю-

---

женатъ и имѣлъ дѣтей, убѣдилъ провести нѣсколько лѣтъ вдали отъ семьи, въ Краковѣ и Италіи для изученія высшихъ наукъ. Такимъ же помощникомъ былъ нѣкто юноша Амвросій, „зѣло въ писаніяхъ искусный и верхъ философіи внѣшнія достигшій“; у него учился „внѣшнимъ“ наукамъ и самъ Курбскій. Но вообще помощниковъ у Курбскаго было не много, хотя онъ старался всячески отыскивать ихъ, „набываючи ихъ къ таковому дѣлу“. *Сказанія*, стр. 224—225—275.

[1]) О жизни Курбскаго см. *Сказанія*, предисловіе Устрялова, стр. I—XXXIII; Жизнь кн. А. М. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни. Соч. *Иванишева*, стр. 153—200.

бопытной является также его переписка съ разными лицами мѣстнаго общества: переписка эта можетъ дать не мало матеріала для характеристики происходившихъ въ это время броженій и «шатаній» въ умственной и религіозной жизни юго-западной Руси. Обращаемся сначала къ его переводамъ.

Изъ переводовъ, сдѣланныхъ Курбскимъ, извѣстны:

1) «*Новый Маргаритъ*», заключающій въ себѣ избранныя сочиненія Іоанна Златоустаго. Переводъ въ рукописи, современной переводчику, хранится въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, подъ № 187. Языкъ перевода—бѣло-русскій или западно-русскій XVI вѣка. Въ «предисловіи многогрѣшнаго Андрея Ярославскаго на книгу сію» разсказывается между прочимъ «жалостна и плачу достойная исторія кратка» о его жизни въ Литвѣ и занятіяхъ по переводу отеческихъ твореній. Пришлось ему жить здѣсь «между человѣки тяжкими и не гостелюбными и къ тому въ ересѣхъ различныхъ развращенными», а между тѣмъ онъ слышалъ «во отечествѣ огнь мучительства прелютѣйшій горящъ, и гоненіемъ попаляемъ родъ христіанскій безъ пощаженія, и лютость кипящу презѣльную на народъ христіанскій, горшую, нежели при древнихъ мучителѣхъ»... Грозный царь «матерь его, и жену, и отрочка единого сына, въ заточенію затвореныхъ, троскою (скорбью) поморилъ; братію его, единоколѣнныхъ княжатъ Ярославскихъ, различными смертьми поморилъ, служащихъ ему вѣрнѣ, имѣнія его и ихъ разграбилъ, отъ любимаго отечества его изгналъ, отъ друговъ прелюбезныхъ разлучилъ.».. Изгнанникъ все это зналъ и слышалъ, и былъ объятъ жалостію, тяжкое уныніе давило его, нестерпимыя бѣды, какъ моль, съѣдали сердце его. И сталъ онъ искать утѣшенія въ книжныхъ дѣлѣхъ: «разумы, говоритъ, высочайшихъ древнихъ мужей прохождахъ, прочитахъ, разсмотряхъ физическіе (физика есть книга Аристотельская, коя въ себѣ замыкаетъ прироженную або естественную философію и есть зѣло премудра) и обучахся и навыкохъ еттическихъ (также и еттика, десять книгъ Аристотельскихъ, кои научаютъ найлѣпшей философіи, сирѣчь обычае любомудрія, и человѣческому роду найпаче зѣло потребнѣйша), часто же обращахся и прочитахъ сродныя мои священныя писанія, ими же праотцы мои были по душѣ воспитаны».. «И пріѣхавъ мнѣ уже ту (въ Литву) отъ отечества моего, съ сожалѣніемъ (объ отсутствіи оте-

ческихъ твореній въ русскомъ переводѣ) потщихся латинскому языку пріучатися, того ради, ижъ бы моглъ преложити на свой языкъ, что еще не преложено, ижъ нашихъ учителей чуждые наслаждаются, а мы гладомъ духовнымъ таемъ, на свое зряще. И того ради не мало лѣтъ изнурихъ, въ грамматическихъ и въ діалектическихъ и въ прочихъ наукахъ пріучахся»... Но однихъ его силъ не хватало на задуманное дѣло, а помощниковъ не находилось. «Искахъ, заключаетъ Курбскій жалостную исторію своихъ трудовъ, мужей словенскимъ языкомъ книжнымъ добре умѣющихъ, и не возмогохъ обрѣсти. Аще и елицыхъ обрѣтохъ мниховъ и мірскихъ, не возмогоша помощи ми: мниси отрекошася, уничижающеся не похвальнѣ, не глаголю лицемѣрнѣ, а лѣностнѣ, отъ того достохвальнаго дѣла; мірскіе не восхотѣша, объяты будучи суетными міра сего и подавляюще сѣмя благовѣрія терніемъ и осотомъ. Азъ же бояхся, ижъ отъ младости не до конца навыкохъ книжнаго словенскаго языка» [1])...

По предположенію Ундольскаго, переводъ Іоанна Златоуста сдѣланъ Курбскимъ съ латинскаго изд. Еразмова. 1530 г., V т. [2]). Рукопись перевода вообще чрезвычайно важна и заслуживала-бы спеціальнаго изученія.

Кромѣ помѣщенныхъ въ «Новомъ Маргаритѣ», Курбскому принадлежалъ переводъ и нѣкоторыхъ другихъ твореній Іоанна Златоуста. Такъ, по соображеніямъ изслѣдователей, Курбскому принадлежитъ переводъ нѣсколькихъ бесѣдъ въ собраніи словъ Златоуста, по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, XVI вѣка, № 126. О своихъ переводахъ отдѣльныхъ бесѣдъ Златоуста Курбскій не разъ упоминаетъ и самъ въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ (къ К. К. Острожскому, къ Кузьмѣ Мамоничу, къ Семену Сѣдларю).

II. «*Небеса*» *Іоанна Дамаскина* и нѣкоторыя другія его творенія, извѣстныя подъ общимъ названіемъ «Фрагментовъ» (напр. *Діалектика* или *Логика*, *Прѣнія съ Сарацином*ъ и пр.). Эти переводы хранятся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ въ рукописи XVI в., № 193, въ рукописи собранія Ундольскаго, XVI в., № 187, и собранія Пискарева, XVII в., № 189, а также въ Московской

---

[1]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 3, стр. 273—275.

[2]) Рукописи Ундольскаго, стр. 166.

Синодальной Библіотекѣ, въ рукописи XVI—XVII вв., № 191. Въ рукописяхъ Ундольскаго и Пискарева при переводахъ находится «предувѣдомленіе къ читателю», въ которомъ говорится, что «книга Іоанна Дамаскина содержащая въ себѣ четыре его книги, яко то: о усопшихъ, о судномъ дни и проч., а также Логику або Діалектику, и повѣсти о преподобныхъ пустынножителяхъ Варлаамѣ и Іоасафѣ, переведена съ еллино-римскаго языка на славянскій діалектъ блаженныя памяти княземъ Андреемъ Курбскимъ, собственною его рукою», что предисловіе его-же сочиненія и что во многихъ мѣстахъ этой книги «на неудоборазумныя рѣчи онъ положилъ на поляхъ разсужденіе онымъ, а по концѣ Логики, на л. 67-мъ, поясненное сказаніе» [1])... Переводъ твореній Дамаскина относится, нужно думать, къ періоду времени 1575—1579 гг. Въ посланіи къ Чаплію, 1575 года, Курбскій еще замѣчаетъ: «книга его (Іоанна Дамаскина) не переведена въ словенскій»...; въ посланіи-же своемъ къ Грозному, въ 1579 году, говоря «о книгѣ премудраго Іоанна Дамаскина», уже пишетъ: «мню, ижъ въ твоей землѣ не преложена сполна съ грецка языка; а у насъ здѣ, благодатію Христовою, вся есть цѣла переведена и съ такимъ тщаніемъ исправлена» [2])...

III. *Отдѣльныя «слова» Василія Великаго, Григорія Богослова* и *Діонисія Ареопагитскаго.* Переводы эти не дошли до насъ; но объ нихъ Курбскій упоминаетъ въ письмахъ къ Марку Сарыгозину и Кузьмѣ Мамоничу.

IV. *«Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ».* Переводъ ихъ приписывается также Курбскому, а рукопись онаго въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, въ собраніи Ундольскаго, № 182, въ концѣ.

V. *«Діалогъ» патр. Геннадія.* Къ переводу «Діалога» присоединено любопытное предисловіе переводчика. Переводъ изданъ былъ въ Сборникѣ, вышедшемъ въ Вильнѣ въ 1585 году [3]); находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки, XVI—XVII вв., № 191 [4]), а также въ рукописи XVII в. соловецкой библіотеки казанской духовной академіи, № 510 [5]).

---

[1]) *Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго,* М. 1870 г., стр. 166—167.

[2]) *Сказанія,* стр. 236. 213. *Горскій и Невоструевъ:* Опис. слав. рук. синод. библ., Отд. II, кн. 2, стр. 567—569.

[3]) Опытъ славяно-русской библіографіи Сахарова, № 75.

[4]) *Горскій и Невоструевъ,* Опис. слав. рук. моск. синод. библ., Отд. II, кн. 2, стр. 567—569.

[5]) См. Описаніе рук. солов. библ., т. I, стр. 492 -493.

VI. *Слово о св. Духѣ*, неизвѣстнаго проповѣдника, несправедливо приписанное Іоанну Златоусту. Переводъ находится въ рукописи Московской Синодальной Библіотеки XVI—XVII в., подъ № 191, на лл. 564—574; приписывается Курбскому на основаніи особенностей языка [1]).

VII. *Отрывки изъ исторіи Евсевія*, встрѣчающіеся въ рукописяхъ сочиненій и переводовъ Курбскаго [2]).

Что касается частной переписки Курбскаго съ разными лицами современнаго ему западно-русскаго общества, то она, какъ мы замѣтили, можетъ быть любопытнымъ матеріаломъ для характеристики происходившихъ въ этомъ обществѣ религіозныхъ броженій и мнѣній. Письма Курбскаго адресованы: кн. К. К. Острожскому, княгинѣ Чарторыжской, княгинѣ Збаражской, пану Кадіану Чаплію, пану Бокею Печихвостскому, пану Древинскому, пану Евстафію троцкому, Марку Сарыгозину, Кузьмѣ Мамоничу, Семену Сѣдларю, Вассіану старцу печерскаго монастыря и кромѣ того нѣсколькимъ лицамъ, не названнымъ по имени. Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ лицъ, какъ напр. кн. Острожскій, стояли въ центрѣ тогдашней общественной жизни западной Руси, многія принадлежали къ высшему классу общества, другія мало извѣстны. Совершенно неизвѣстна кн. Чарторыжская; полагаютъ, что это была вдова князя Ивана Чарторыжскаго [3]). Неизвѣстны также Кадіанъ Чаплій, Древинскій и Семенъ Сѣдларь. Что касается Өедора Бокея, то очевидно онъ былъ однимъ изъ членовъ древнѣйшей литовской фамиліи Бокеевъ, хотя лично и неизвѣстенъ. Панъ Естафій троцкій есть по всей вѣроятности Естафій Воловичъ, въ 1568 году подканцлеръ и маршалокъ надворный литовскій, а съ 1569 года каштелянъ троцкій; умеръ въ Сандомирѣ, въ 1581 году, будучи каштеляномъ виленскимъ и великимъ канцлеромъ литовскимъ. Евстафій Воловичъ не разъ былъ посланникомъ въ Москвѣ. Кузьма Мамоничъ состоялъ виленскимъ бургомистромъ и вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Лукою Мамоничемъ, имѣлъ въ Вильнѣ типографію,

---

[1]) Опис. слав. рукоп. моск. синод. библ., Отд. II, кн. 2, № 191, стр. 569.

[2]) *Строевъ*, Опис. рук. Царскаго, стр. 191—192.

[3]) *Максимовичъ*. Собр. соч., т. I, Кіевъ, 1876 г.. стр. 180; *Устряловъ*, Сказанія Курбскаго, стр. 364.

въ которой печатались православныя богослужебныя книги; многія изъ нихъ сохранились до насъ. О старцѣ Вассіанѣ, кромѣ того, что онъ былъ инокомъ и жилъ въ псковскомъ печерскомъ монастырѣ, мы ничего не знаемъ. Рѣшительно неизвѣстенъ также «Иванъ многоученый», къ которому обращается въ одномъ изъ своихъ посланій Курбскій. Письма Курбскаго были большею частью отвѣтами на письма къ нему; но изъ этихъ послѣднихъ, къ сожалѣнію, ничего не сохранилось.

Вотъ перечень писемъ самаго Курбскаго съ нѣсколькими замѣчаніями о содержаніи каждаго изъ нихъ.

I. *Листъ Андрея Ярославскаго до Константина Острожскаго, противъ варвара нѣкоего, мнящагося быти мудра, еже похулилъ словеса новопреложенныя Іоанна Златоустаго* [1]). Въ этомъ письмѣ Курбскій удивляется поступку князя Острожскаго, который переведенную Курбскимъ съ латинскаго и присланную имъ Острожскому «бесѣду Іоанна Златоустаго о вѣрѣ, любви и надеждѣ» отдалъ перевести на польскій языкъ, «лѣпшаго ради выразумѣнія», отдалъ какому-то человѣку, по словамъ Курбскаго, «не токмо въ наукахъ неискусному, но и граматическихъ чиновъ отнюдь невѣдущему, къ тому еще и скверныхъ словесъ исполненному и стыда неимѣющему, глаголы священныхъ писаній нечистѣ и скверно отрыгающему»... Въ доказательство, что подобныхъ порученій не должно дѣлать невѣждамъ, Курбскій приводитъ слова Діонисія Ареопагитскаго. Упоминаемый здѣсь переводъ бесѣды до насъ не дошелъ.

II. *Листъ Андрея Ярославскаго до князя Костянтина воеводы кіевскаго* [2]). «Листъ твоего величества», начинаетъ Курбскій свое письмо, «и книжицу Скарги езуита, софизматовъ исполненную, такъ-же и листъ, до твоей милости писанный отъ инославнаго и прелукаваго Мотовила, пріяхомъ и выразумѣхомъ»,—и за тѣмъ разражается рядомъ упрековъ противъ своего пріятеля князя. Оба они были борцами за православіе, стражами церкви, защищали ее изо всѣхъ силъ, но средства защиты понимали не одинаково. Краснорѣчивый и многоученый іезуитъ Скарга только что выпустилъ громовую свою книгу «О единствѣ церкви», направленную въ подрывъ

---

[1]) *Сказанія кн. Курбскаго*, стр. 221—223.
[2]) *Сказанія*, 245—246.

православію. При дворѣ кн. Острожскаго жилъ и его расположеніемъ пользовался образованный южно-русскій дворянинъ Мотовило, впавшій въ ересь социніанъ, которыхъ называли здѣсь аріанами. Ему-то поручилъ князь Острожскій написать опроверженіе на книгу Скарги и какъ самую эту книгу, такъ и письмо объ ней Мотовила прислалъ Курбскому. Послѣдній нашелъ, что неприлично «христіанину правовѣрному отъ аріанина христоненавистнаго услаждаться эпистоліями или пріймовать отъ него писанія, на помощь церкви Христа Бога», и упрекаетъ въ томъ Острожскаго, громя Мотовила. «Той-то Мотовило инославный, замѣчаетъ Курбскій, не токмо аріанскаго духа въ себѣ имѣетъ, но воистину сугубѣ злѣйшаго неистовнѣйшаго діавола, лясфимы (богохульства) на общаго владыку Христа нашего отрыгающаго, далеко горчайшій и ядовидшій, нежели Арій безбожный»... «Годитъ-ли ся ти отъ таковаго, о вельможный и свѣтлѣйшій княже христіанскій, догматовъ и слышавати и отвѣтовъ просити на іезуитскія фабулы?.. Отъ лѣности вся сія намъ приключаетъ, нерадѣнія ради почитанія священныхъ писаній, яко ти много о семъ и устнѣ стужахъ и докучахъ, да прочитываеши ихъ часто, аще и по малу; и не престану ти воистину докучати и до моей смерти (понеже зѣло люблю тя), дондеже узрю тя лѣпшее тщаніе о семъ приложити и охоту въ сердцѣ твоемъ постигнути»...

III. *Цыдула князя Андрея Курбскаго до князя воеводы кіевскаго* (кн. К. К. Острожскаго) [1]). Посланіе довольно обширное, писано по поводу того-же отвѣта на книгу Скарги, составленіе котораго Острожскій поручалъ Мотовилу. Предостереженіе Курбскаго не помогло, отвѣтъ не только былъ напечатанъ, но и присланъ. Курбскій пришелъ въ негодованіе. «Не вѣмъ, откуда сія приключишася вашему величеству», пишетъ онъ Острожскому: «прислалъ ми ваша милость книгу, отъ сына діаволя написанну, отъ явственнаго непріятеля Христа нашего, истиннѣйше рекше, отъ антихристова помощника и вѣрнаго слуги его сочиненну мнѣ ваша милость христіанину правовѣрному, брату своему присяглому негли вмѣсто поминка (подарка) шлетъ? О, бѣда, воистину плача достойна!.. Въ таковую дерзость и стультицію (глупоту) начальницы христіан-

---

[1]) *Сказанія*, 2.6—250.

скіе внидоша, ижъ не токмо тѣхъ ядовитыхъ драконовъ въ домѣхъ своихъ питати и ховати не стыдятся, но и за оборонителей и помощниковъ ихъ себѣ мнѣмаютъ! И что еще дивнѣйшаго: отъ духовныхъ бѣсовъ духовную церковь Божію обороняти имъ росказуютъ и книги супротивъ полувѣрныхъ латиновъ писати имъ повелѣваютъ! О заслѣпленія и безумія нашего!.. Любовникъ твой Мотовило не токмо во всей прескверной книгѣ своей фальшивѣ пророческія словеса выкладаетъ, паче-же прескверне и грубе, но и въ конклюзіи тое-то книги своей Христа проповѣдуетъ—паки пріити и на тысячу лѣтъ еще тлѣнное житіе уставити, и ясти и пити и подъ винницами наслаждатися... Отъ него-же (аріанства) уже мало не вся Волынь заразилася и неисцѣльнѣ болитъ, скверными догматы подущаема». Курбскій негодуетъ далѣе на Острожскаго за покровительство его іезуитамъ и убѣждаетъ его не дружиться съ врагами православія: «возвесели общаго царя нашего, Христа Бога твоего, престани уже дружитися съ тѣми супостаты, непріятельми Его, прелукавыми и презлыми; никто-же можетъ другъ царевъ быти, кто съ непріятельми его дружбу ведетъ или кто ихъ у себя ховаетъ, яко за нѣдрами зміевъ. Трикраты молютися: престани, уподобляяся праотецъ твоихъ ревности благочестія, отжени ихъ ко подобнымъ имъ, отжени, глаголю, прелукавыхъ и прелютыхъ ругателей»..—Къ сожалѣнію, отвѣтъ Мотовила на книгу Скарги, равно и письмо его къ Острожскому по поводу этой книги до насъ не дошли и мы знаемъ о нихъ только изъ разсматриваемыхъ посланій Курбскаго. Какъ это, такъ и предъидущее посланіе Курбскаго весьма важны для характеристики религіозныхъ взглядовъ кн. К. К. Острожскаго.

IV. *Листъ Андрея Курбскаго до Кузьмы Мамонича* [1]). Мамоничъ, какъ замѣчено выше жилъ въ Вильнѣ и былъ однимъ изъ защитниковъ православія. Въ Вильнѣ кипѣла тогда борьба между православными и католиками. Ксендзы громили православіе въ костелахъ, въ частныхъ домахъ, на улицахъ и площадяхъ. Курбскій въ настоящемъ письмѣ проситъ Мамонича посовѣтовать православнымъ, чтобы они, какъ «несовершенные въ писаніяхъ» не вдавались

---

[1]) *Сказанія*, стр. 226—229.

«безъ ученыхъ нашея страны» въ богословскіе споры съ іезуитами и не ходили-бы къ нимъ на ихъ проповѣди; «тлятъ бо, говоритъ онъ, обычаи добрые бесѣды хитролестныя» и за тѣмъ, намекая на приготовляемые имъ переводы, прибавляетъ: «если Богъ восхощетъ, и мы къ вамъ поспѣшимъ съ тремя нарочитыми свѣдками (свидѣтелями): съ Діонисіемъ Ареопагитскимъ и со Іоанномъ Златоустнымъ и со Іоанномъ Дамаскинымъ и со иными древними святыми учительми», т. е. ихъ сочиненіями въ русскомъ переводѣ. Время посланія не указывается.

V. *До Кузьмы Мамоныча листъ второй* [1]). Курбскій съ радостію извѣщаетъ Мамонича о полученіи съ Аѳона, въ защиту православія, сочиненій Григорія и Нила солунскихъ (греческихъ писателей XIV вѣка). «Не ужасайтесь софизматовъ ихъ, пишетъ онъ Мамоничу въ отвѣтъ на его письмо о новыхъ «злохитроствахъ» іезуитскихъ, но стойте только въ православной вѣрѣ крѣпцѣ, пребывайте бодро... Благодати ради Божія подана намъ книга въ помощь отъ святыя горы, яко самою рукою Божіею принесена, простоты ради и глубокаго неискуства церковниковъ русскихъ церквей, а не глаголю лѣности для и обжорства епископовъ нашихъ»...

VI. *Листъ князя Андрея Курбскаго до княгини Ивановой Черторижской* [2]). Курбскій поздравляетъ княгиню съ успѣхами ея сына въ изученіи «священныхъ писаній» и хвалитъ ея намѣреніе отдать сына, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, въ виленскую іезуитскую школу; но при этомъ предостерегаетъ княгиню противъ іезуитовъ: «не хощу тя утаити, яко слуга и пріятель твой, во всемъ тебѣ доброхотный, ижъ многіе родители, яко княжатскихъ родовъ, такъ и шляхетскихъ и честныхъ гражданъ были дали имъ дѣтки своя учити наукомъ вызволеннымъ (свободнымъ), яко слышимъ отъ нѣкоихъ, но они не науча, первѣе мало не всѣхъ, въ неразумномъ еще будучи вѣку, намовя ихъ хитролестнѣ, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе... И того ради многіе отцы отъ нихъ дѣти свои паки отобрали: бо они ненавистники и

---

[1]) *Сказанія*, стр. 229—232.

[2]) Ibid., стр. 240—242.

противники зѣло великіе нашему правовѣрію»... Впрочемъ, онъ ободряетъ княгиню примѣрами великихъ учителей и отцевъ церкви, изъ которыхъ многіе ѣздили учиться и «по поганскимъ философамъ», но православія своего не повредили... При посланіи Курбскій посылаетъ княгинѣ какое-то сочиненіе свое противъ іезуитовъ: «а тотъ листъ, писанный отъ насъ къ единому брату, имъ-же есмо отчасти отвѣщали противъ тѣхъ іезуитовъ дерзновенія, обороняючи наше правовѣріе, посылаю преписавъ до вашей милости, вмѣсто малаго подарка»... Упоминаемое здѣсь полемическое сочиненіе Курбскаго, повидимому, до насъ не дошло.

VII. *Листъ князя Андрея Курбскаго до Марка, ученика Артемія* [1]). Кто такой этотъ Маркъ, съ точностью сказать трудно. Устряловъ называетъ его Сарыгозинымъ и думаетъ, что это одинъ изъ бѣжавшихъ одновременно съ Курбскимъ изъ Москвы въ Литву [2]). Настоящее письмо къ нему Курбскаго даетъ понять, что отношенія ихъ были близкія,—Курбскій называетъ его «юношею свѣтлыхъ обычаевъ навыкшимъ, братомъ и пріятелемъ своимъ милымъ», и что Маркъ, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ непосредственное отношеніе къ трудамъ Курбскаго по переводу на славянскій языкъ отеческихъ твореній. Курбскій сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи посвятить себя этимъ переводамъ, говоритъ, что самъ съ этой цѣлью, уже въ сѣдинахъ, много трудился надъ латинскимъ языкомъ, что пріобрѣлъ себѣ сотрудника въ этомъ дѣлѣ въ Михаилѣ Оболенскомъ, который подготовлялся къ тому долго за границей, въ Краковѣ и Италіи и который возвратился теперь, называетъ творенія Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго, Іоанна Дамаскина и другихъ, которыя намѣчены имъ къ переводу, прилагаетъ самый реестръ пріобрѣтенныхъ съ этой цѣлью книгъ и затѣмъ обращается къ Марку съ такой просьбой: «яви любовь ко единоплемянной Россіи, ко всему словенскому языку! Не облѣнися до насъ пріѣхати на колько мѣсяцей, даючи помощь нашему грубству и неискуству: бо не обвыкли мы, яко азъ, тако и князь Михайло, словенску языку въ конецъ, и того ради боимся пуститися едины, безъ помощи, на такое великое и достохвальное дѣло»... «Искахъ, продолжаетъ

[1]) *Сказанія*, стр. 223—226.

[2]) Ibid., стр. 359, примѣч. 327. Ср. тамъ же примѣч. 290.

Курбскій, помощи себѣ, семо и овамо обращаяся, и ни како-же обрѣтохомъ. Аще ли Богъ тебя принесетъ до насъ, то бы азъ сѣлъ со единымъ бакаляромъ за книгу Павловыхъ эпистолей, бесѣдованныхъ отъ Хризостома, а ваша бы милость сѣлъ за другую книгу, со княземъ Михайломъ, или Григорія Богослова, или Василія Великаго. Посылаю къ вашей милости, въ подарокъ духовный, орацію едину Григорія Богослова, а другое слово Великаго Василія переводу нашего: прошу, иже бы есть принялъ тотъ малый нашъ упоминокъ съ любовію». Переводъ обѣихъ бесѣдъ до насъ не дошелъ; не сохранилось и «предисловіице единой книги своего переводу», которое посылалъ Курбскій Марку и о которомъ упоминаетъ въ письмѣ. Неизвѣстно, внялъ-ли Маркъ просьбѣ Курбскаго. Разсказывая въ предисловіи на «Новый Маргаритъ» исторію своихъ трудовъ по переводу этого и другихъ отеческихъ твореній, Курбскій ближайшимъ помощникомъ своимъ по этому дѣлу называетъ уже какого-то «юношу Амброжія»: «купилъ книги и умолилъ юношу ко переводу (у него-же внѣшнимъ наукамъ учихся), именемъ Амброжія, отъ родителей христіанскихъ рожденна, зѣло въ писаніяхъ искусна суща и верхъ философіи внѣшнія достигша. И первіе протолковахъ съ нимъ зъ латинскаго въ словенскій всѣ главы съ книгъ Златоустовыхъ, что онъ исправилъ, на семъ свѣтѣ будучи» [1])...

VIII. *Епистолія къ Кадіану Чаплію Андрея Ярославскаго.* «Епистолія» отвѣчаетъ на «широковѣщательный листъ» Чаплія къ Курбскому по религіознымъ вопросамъ и писана «въ Ковлю по рожденіи Іисуса Христа, Сына Божіяго, 1575 г., мѣсяца марта двадесятъ перваго дня». Чаплій былъ зараженъ социніанствомъ и вѣроятно въ духѣ его поучалъ Курбскаго. Курбскій проситъ Чаплія не трудиться наставлять его въ дѣлахъ вѣры, такъ какъ, замѣчаетъ онъ о себѣ, «есмя за благодатію Божіею отъ младости нашей во святыхъ писаніяхъ, по силѣ нашей, научени и утвержени въ вѣрѣ христіанской благочестивыхъ догматовъ, яко проповѣдали пророцы, яко уставили отъ Христа пріемшіи апостоли, не такъ, яко ваша милость..., иже еси отъ мутныхъ источниковъ напоенъ и отъ истиннаго самочинника»... Подъ послѣднимъ Курбскій разумѣетъ какого-то «пана Игнатія», послѣдователя «пана

---

[1]) *Сказанія,* стр. 274—275.

Ѳеодосія» (вѣроятно, Ѳеодосія Косого, извѣстнаго еретика, который около этого времени убѣжалъ изъ Москвы въ Литву и вліянію лжеученій котораго, можетъ быть, подпалъ Чаплій).

IX. *Листъ Андрея Ярославскаго до пана Ѳедора Бокея* [1]). «Листъ» писанъ въ отвѣтъ на посланіе Бокея и выражаетъ радость Курбскаго, что Бокей, «оставя еретическихъ бредней новосмышленія, паче же ни отъ кого свидѣтельствованную нынѣшнюю многоглавую ересь» (социніанство), обратился опять къ родной православной вѣрѣ. Курбскій не совѣтуетъ ему «ни водворятися, ни во многія розмовы вдаватися съ мужьми нечестивыми и еретичествомъ дышущими» и вообще всячески беречься «отъ таковыхъ псовъ», «расколовъ безвѣрниковъ»...

X. *Листъ второй Андрея Ярославовича до Ѳедора Бокея* [2]). Писанъ также въ отвѣтъ на письмо Бокея и содержитъ общія нравственныя наставленія и предупрежденія.

XI. *Цидула князя Андрея Курбскаго до пана Древинскаго* [3]). Письмо касается сильно волновавшаго тогда западно-русское населеніе вопроса о введеніи новаго календаря [4]). Древинскій поздравлялъ Курбскаго съ новымъ годомъ. Курбскій заволновался: отъ чего не съ праздникомъ «Обрѣзанія Господня», не съ днемъ Василія Великаго? Только врагъ церкви Христовой могъ принести по-

[1]) *Сказанія*, стр. 237—239.

[2]) Ibid., стр. 239—240.

[3]) Ibid., стр. 143—244.

[4]) 13 февраля 1582 г., папа Григорій XIII обнародовалъ буллу о введеніи новаго календаря, извѣстнаго теперь подъ именемъ григоріанскаго. Стефанъ Баторій тотчасъ издалъ универсалъ о введеніи его во всемъ польско-литовскомъ государствѣ. Іезуиты съ жаромъ принялись за осуществленіе универсала и произвели сильныя волненія въ средѣ православныхъ. Послѣдніе не принимали этого календаря, такъ какъ онъ совершенно измѣнялъ время церковныхъ праздниковъ; кромѣ того православные боялись, что новый календарь—только предлогъ оторвать ихъ отъ единенія съ восточной церковью. Волненія въ православномъ населеніи, по поводу изданнаго королевскаго универсала, были на столько сильны, что польское правительство сочло лучшимъ сдѣлать уступку и новымъ универсаломъ объявило введенный календарь не обязательнымъ для православныхъ. Попытка введенія въ средѣ православныхъ новаго календаря вызвала цѣлую литературную полемику, не прекращавшуюся долгое время и послѣ. См. объ этомъ у *Преосв. Макарія*, Ист. рус. цер., т. IX, стр. 427—434.

добное поздравленіе,—даетъ онъ понять Древинскому и проситъ его не дѣлать этого впредь.

XII. *Цыдула писана до пана Остафія Троцкаго*, т. е. къ Евстафію Воловичу, каштеляну троцкому [1]). Въ посланіи Курбскій выражаетъ надежду, что п. Остафій наконецъ вернется къ покинутому имъ православію, вѣрѣ своихъ «праотцевъ» и «заткнетъ честныя своя уши отъ инославныхъ ученія», часто прочитывая посылаемыя къ нему (Воловичу) отъ Курбскаго творенія Златоуста... Посланіе писано, вѣроятно, около 1575—1576 гг., во время двухлѣтняго междуцарствія: въ концѣ письма Курбскій упоминаетъ о современномъ «безглавномъ во время интеррегнумъ, сирѣчь между кролей, отечествѣ»...

XIII. *Посланейцо краткое къ Семену Сѣдларю, мѣщанину львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему* [2]). Писано «зъ Мильтовичъ, року 1580, мѣсяца генваря», въ отвѣтъ на «эпистолію» Сѣдларя, желавшаго знать, какъ думалъ Іоаннъ Златоустъ о чистилищѣ. Исполняя его просьбу, Курбскій посылаетъ при посланіи переведенную имъ съ латинскаго одну изъ бесѣдъ Іоанна Златоуста на посланія ап. Павла: «Желаніе твое исполнихомъ безъ закосненія»,—пишетъ Курбскій: «не фолгуючи или не щадячи старость и недуги, мнѣ надлежащіе, и прочихъ приключившихся напастей, вскорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій не токмо о семъ реченный виршъ или стихъ, но всю цѣлую бесѣду оную и со нравоученіемъ, и послахомъ къ твоей честности, брату моему любимому и другу единовѣрному»... «А схизматикомъ онымъ (іезуитамъ) не показуй того, прибавляетъ Курбскій: бо зѣло сварливы и упрямы»... Вѣроятно, Курбскимъ переведена была и послана Сѣдларю девятая бесѣда Златоуста на посланія Павла; этотъ переводъ Курбскаго не сохранился [3]).

---

[1]) *Сказанія*, стр. 250—251.

[2]) Ibid., 251—252.

[3]) Кромѣ перечисленныхъ доселѣ писемъ Курбскаго, уцѣлѣло еще нѣсколько его посланій или писемъ, но они не имѣютъ никакого почти отношенія къ предмету нашего изслѣдованія и потому мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на нихъ. Такъ въ *Посланіи къ Вассіану, старцу псковскому* (напечатано въ „Сказаніяхъ", стр. 253—255, по списку одного рукописнаго сборника XVII вѣка, указаннаго Строевымъ) Курбскій говоритъ о своихъ напастяхъ и

Послѣ переписки, большой интересъ для мѣстнаго православнаго общества могла представлять *исторія флорентинскаго собора*, написанная кн. Курбскимъ въ Литвѣ [1]. Главнымъ источникомъ для Курбскаго служила въ этомъ трудѣ «Исторія о листрійскомъ, т. е. разбойническомъ феррарскомъ соборѣ, вкратцѣ, но справедливо написанная», авторомъ которой одни изъ изслѣдователей называютъ острожскаго клирика Василія [2], другіе Смотрицкаго [3]. Къ своей «исторіи» Курбскій приложилъ *отвѣтъ восточныхъ или щитъ церкви правовѣрной* [4].

Всѣ перечисленные нами литературные труды кн. А. М. Курбскаго, отражая на себя умственно-религіозное движеніе того общества, среди котораго ему пришлось доживать свой вѣкъ, несомнѣнно въ значительной степени поддерживали и усиливали это дви-

---

между прочимъ сильно нападаетъ на современныхъ иноковъ; въ двухъ другихъ письмахъ къ тому же старцу Вассіану (*Опис. рук. Царскаго*, стр. 577; *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. V—VIII) ратуетъ противъ вѣры въ апокрифы; въ особой приспискѣ, заканчивающей эти письма и приписываемой также Курбскому (*Строевъ*, Опис. рук. Царскаго, стр. 577), рѣчь идетъ *о Скорининыхъ книгахъ новопечатныхъ Полоцкихъ*, а слѣдующее за ними въ томъ же сборникѣ Царскаго посланіе, подъ заглавіемъ: *„Андрей Ивану Многоучвному отвѣтъ о правой вѣрѣ предлагаетъ"*, направлено противъ католичества и протестантства (Напечатано въ *Прав. Соб.*, 1863 г., кн. V—VIII); наконецъ совершенно частный характеръ имѣютъ *два листа кн. Андрея Курбскаго Ярославскаго до княжны Анны Деспотовны Збаражской, старостины кременецкой*, писанные въ 1574 году (*Сказанія*, стр. 255—258) и относятся къ дѣлу объ одномъ бѣгломъ крестьянинѣ, въ укрывательствѣ котораго обвинялся Курбскій.

[1]) *Сказанія*, стр. 261—267.

[2]) *Преосв. Макарій*, Ист. рус. церкви, т. IX, стр. 426.

[3]) *Засадневичъ*, Палинодія З. Копыстенскаго, Варшава, 1883 г., стр. 181.

[4]) *Сказанія*, стр. 267—268. Отвѣтъ этотъ, по мнѣнію проф. Петровскаго, есть не иное что, какъ извлеченіе изъ того же „сказанія о Листрійскомъ соборѣ", сдѣланное, можетъ быть, въ формѣ посланія, но дошедшее до насъ въ испорченномъ спискѣ (*М. П. Петровскій*, Кн. А. М. Курбскій. Историко-библіографическія замѣтки по поводу послѣдняго изданія его Сказаній. Казань, 1873 г., стр. 50).

Въ Литвѣ же была написана Курбскимъ *Исторія князя великаго московскаго о дѣлахъ, яже слышахомъ у достовѣрныхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима*. Сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію жизни Іоанна Грознаго, отъ дѣтства его до 1578 года. „Исторія" писана, вѣроятно, около 1577—1578 года. Отсюда же, изъ Литвы, были писаны, какъ извѣстно, и письма Курбскаго къ царю Ивану Васильевичу Грозному.

женіе, бывшее прямымъ послѣдствіемъ загорѣвшейся борьбы южнорусскаго народа съ католичествомъ. Курбскій, какъ мы видѣли, принималъ въ этой борьбѣ живѣйшее участіе и оказалъ ей сильную поддержку. Но болѣе видная роль въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ его современнику и другу, мѣстному русскому князю К. К. Острожскому. Это былъ одинъ изъ могущественныхъ магнатовъ Великаго Княжества Литовскаго и свое вліяніе сохранялъ въ продолженіе полустолѣтія, притомъ въ эпоху особенно богатую событіями общественной, политической и религіозной жизни.

Родъ князей Острожскихъ, черезъ князей Галицкихъ, идетъ отъ св. Владиміра. Благочестіе было въ немъ наслѣдственно; одинъ изъ его представителей, кн. Өедоръ, знаменитый въ исторіи своею борьбою за независимость Руси противъ Польши [1]), считается святымъ; подъ конецъ своей жизни онъ постригся въ иноки и мощи его до сихъ поръ почиваютъ въ ряду кіево-печерскихъ угодниковъ [2]). Правнукомъ св. Өеодора былъ знаменитый Константинъ Ивановичъ Острожскій, отецъ Константина Константиновича. Ни у одного изъ литовско-русскихъ князей не было въ XVI в. столь обширныхъ владѣній, какъ у князей Острожскихъ. Ихъ владѣнія состояли изъ 35 городовъ и мѣстечекъ и 670 селеній, кромѣ приписанныхъ къ монастырямъ и церквамъ. Ежегодные доходы князей Острожскихъ, не считая поземельныхъ оброковъ и податей съ корчемъ и лавокъ, простирались до 1,200,000 злотыхъ. Ихъ дворъ содержался въ царской пышности: служащихъ и жившихъ при дворѣ было до 2000. Явилась даже пословица: «богатъ, какъ Острожскій» [3]). Громадныя богатства давали кн. К. К. Острожскому полную свободу для самой широкой общественной дѣятельности.

Въ противоположность отцу, князь Константинъ Константиновичъ, по замѣчанію одного изъ историковъ, «не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями»; тѣмъ не менѣе значеніе его въ исторіи южной Руси велико и равнялось его не-

---

[1]) *Максимовичъ,* Собр. сочиненій, т. I, стр. 165—169; *Костомаровъ,* Рус. ист. въ жизнеоп., т. I, стр. 536—542.

[2]) Ист. Рос. Іерарх. т. 1, стр. 313; *Филаретъ,* Рус. святые, августъ.

[3]) Временникъ Моск. Общ. ист. и древн. росс., кн. XIV, стр. 38—40, 44; *Максимовичъ,* Собр. сочиненій, т. I, стр. 191.

смѣтнымъ богатствамъ. Выросши въ понятіяхъ феодальнаго государственно-общественнаго строя и имѣя въ своемъ отцѣ Константинѣ Ивановичѣ примѣръ преданности польскому королю и интересамъ государства, съ которымъ южная Русь была въ династическомъ союзѣ, онъ не могъ своимъ умомъ стать выше понятій и порядковъ того времени и не имѣлъ настолько энергіи, чтобы, опираясь на свое высокое положеніе и богатства, положить рѣшительный отпоръ затѣянному на его глазахъ политическому сплоченію литовской Руси съ Польшею и распространенію на нее польско-общественнаго строя. Если онъ одинъ изъ первыхъ протестовалъ на люблинскомъ сеймѣ противъ соединенія Литвы, а тѣмъ болѣе Украйны, Волыни и Подоліи съ Польшей, то въ слѣдъ за тѣмъ, видя рѣшительную волю на это короля и руководившей имъ польской партіи, въ числѣ первыхъ подписалъ актъ этого соединенія [1]). Съ королемъ и дворомъ его связывали фамильныя традиціи, съ польскими магнатами родственныя и общественныя отношенія; къ тому же политика сліянія двухъ народовъ и государствъ, польскаго и литовско-русскаго, шагнула такъ далеко, пустила такіе глубокіе корни, что сторонниковъ ея можно было найти не только между чинами независимой польской партіи, но и между представителями литовско-русской народности, а къ тому времени, о которомъ у насъ рѣчь, дѣйствительное объединеніе было уже въ такомъ положеніи, что оставалась въ жизни обоихъ народовъ не тронутою одна только сторона, различіе въ вѣрѣ, которое теперь чувствовалось больше, чѣмъ когда либо.

При всемъ сочувствіи къ польскому общественно-политическому строю, кн. К. К. Острожскій всегда оставался преданнымъ православію, былъ, по выраженію современниковъ, «отцемъ и благодѣтелемъ Руси, рачителемъ благочестія, окомъ и свѣтиломъ церковнымъ». Православные видѣли въ немъ «вѣрнаго стража дому Божію, самимъ Богомъ избраннаго». Дѣйствительно, Острожскій не жалѣлъ своихъ громадныхъ средствъ на защиту и поддержку родной вѣры, на распространеніе образованія въ западно-русскомъ православномъ обществѣ. Князь велъ непосредственныя сношенія съ восточными

---

[1]) *Кояловичъ*, Лит. церк. унія, т. I, ст. 103.

патріархами, выписывалъ съ Аѳона книги, которыя могли бы быть полезными православнымъ въ ихъ борьбѣ съ католиками, вызывалъ изъ Греціи ученыхъ для обученія въ устроенной имъ въ Острогѣ высшей школѣ, поручалъ переводить отеческія сочиненія или писать новыя въ защиту православія, заводилъ школы для обученія дѣтей и типографіи для печатанія и распространенія въ обществѣ церковно-богослужебныхъ и духовно нравственныхъ книгъ. По порученію кн. К. К. Острожскаго, Іовъ Борецкій, «мужъ благочестивый и премудрый, въ божественномъ писаніи искусный, греческій и латинскій языки добрѣ умѣвый», воспитанникъ львовской школы, впослѣдствіи священникъ и митрополитъ кіевскій, переводилъ съ греческаго языка посланія александрійскаго патріарха Мелетія къ отступнику Ипатію Поцѣю, и діалогъ того-же патріарха о православной вѣрѣ [1]). По мысли и порученію сего-же князя составлено было капитальной важности полемическое сочиненіе: «Апокрисисъ». Особенно важны были для умственнаго пробужденія Руси заводимыя Острожскимъ школы и типографіи. Въ 1572 году открыта была школа въ Туровѣ [2]), въ 1577 г. во Владимірѣ-Волынскомъ, въ 1580 г. школа въ Острогѣ [3]). Вскорѣ затѣмъ открыты были имъ же школы въ Слуцкѣ и въ Кіевѣ [4]). Самой важной изъ этихъ школъ была школа острожская.

Задумавъ основать высшую школу въ Острогѣ, Острожскій обратился прежде всего къ константинопольскому патріарху и извѣщая его о принятомъ намѣреніи, просилъ патріарха прислать ему изъ Греціи способныхъ учителей, обѣщая съ своей стороны вполнѣ обезпечить ихъ во всемъ [5]). Школа была открыта и въ ней учили не только элементарнымъ предметамъ: чтенію, пѣнію, письму, языкамъ: русскому, греческому, латинскому и польскому, но и такъ называемымъ «наукамъ вызволенымъ» (artes liberales), т. е. грамматикѣ, діалектикѣ, реторикѣ и пр. [6]). Въ острожскую школу сте-

---

[1]) *Филаретъ*, Обзоръ, § 163.

[2]) *Опис. Рум. Муз.*, стр. 127.

[3]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 149, стр. 205—206.

[4]) *Прав. Соб.*, 1858 г., т. I, стр. 543.

[5]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, стр. 205—206.

[6]) *Грам. въ Акт. зап. Рос.*, т. III, № 157; IV, №№ 18 и 24.

калась масса молодыхъ людей, какъ изъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ общества [1]). Въ числѣ преподавателей острожской школы были такія лица, какъ Кириллъ Лукарисъ, впослѣдствіи патріархъ константинопольскій, человѣкъ широко образованный, воспитывавшійся въ западныхъ университетахъ и много путешествовавшій по Европѣ, и Никифоръ Грекъ, экзархъ константинопольскаго патріарха. Свѣдѣнія о послѣднемъ находятся въ слѣдственномъ дѣлѣ надъ нимъ, происходившемъ въ 1597 году, вслѣдъ за брестскимъ соборомъ. Здѣсь самъ Никифоръ о себѣ сообщаетъ:.... «далъ о себѣ справу, што есть за человѣкъ, яко былъ въ Падвѣ (Падуѣ) колько лѣтъ лекторомъ наукъ еллинскихъ и грецкихъ, жесь и Польща полна слухами наукъ его; яко зась у Венецыи былъ казнадѣею семь лѣтъ въ церкви грецкой св. Марка, о чомъ много зацныхъ людей знаютъ; а потомъ, вернувшися до Константинополя, зосталъ великимъ протосинкгеломъ патріаршего ѳрону константинопольскаго, и по два кроть былъ справцею столицы патріаршей, чого посвѣтчуть вси христіяне, а теперь посланъ отъ столицы патріаршей константинопольской тутъ, до славной сдавна епархіи нашей (западнорусской) [2]). По прибытіи въ литовскую Русь въ 1596 году, Никифоръ остановился въ Острогѣ, между прочимъ, «для отправованія наукъ вызволеныхъ» въ острожской школѣ и не смотря на лестныя предложенія Яна Замойскаго, который приглашалъ его въ свой, основанный не задолго до того, коллегіумъ, «тыя науки свои выкладати чужимъ не изволилъ, помнячи на оныя слова Спасителя: «не слушная рѣчь отняти хлѣбъ дѣтемъ и поврещи псомъ».. [3]). Вообще образованныхъ грековъ въ Острогѣ всегда бывало не мало; но, призывая ихъ, Острожскій подготовлялъ и своихъ мѣстныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія, собирая ихъ отовсюду. Не было недостатка и въ книгахъ; пресвитеръ Василій въ своемъ трудѣ пользуется не только обширнымъ собраніемъ твореній отцовъ греческой церкви, но и собраніемъ сочиненій западныхъ и польскихъ писателей [4]). Нѣтъ нужды говорить о великой пользѣ, принесенной шко-

---

[1]) *Прав. Соб.*, 1858 г., т. I, стр. 538.

[2]) *Акты зап. Россіи*, т. IV, № 117, стр. 161.

[3]) *Акт. зап. Россіи*, № 149, стр. 213—214.

[4]) *Рус. солов. Библ.* каз. акад., № 603, л. 83, 165, 188, 224 и мн. др.

лами острожской и слуцкой западно-русскому православію, когда бывшій на мѣстѣ іезуитъ Поссевинъ въ свое время замѣтилъ, что съ помощью острожской и слуцкой типографій и школъ схизма расширяется во всѣ стороны [1]). Свою плодотворную дѣятельность острожская школа продолжала и въ XVII вѣкѣ [2]).

Щедротамъ и ревности князя К. К. Острожскаго западнорусская церковь и народъ обязаны основаніемъ типографій въ Острогѣ и Дермани, при дерманскомъ монастырѣ. Въ послѣдней еще при жизни князя было издано нѣсколько богослужебныхъ, полемическихъ и нравоучительныхъ книгъ, а главнымъ дѣятелемъ при изданіяхъ былъ пресвитеръ Даміанъ [3]). Что касается первой, то, помимо значительнаго числа богослужебныхъ и полемическихъ книгъ, ею выпущенныхъ, величайшимъ ея дѣломъ было двукратное изданіе славянской библіи (въ 1580—1581 гг.). Оно было событіемъ не только для юго-западной, но и для всей православной Руси; требовало большихъ предварительныхъ трудовъ и значительныхъ издержекъ и если не чуждо нѣкоторыхъ недосмотровъ и ошибокъ, повторенныхъ и позднѣе въ первопечатномъ московскомъ изданіи Библіи 1663 года, то, кромѣ недостатка ученыхъ средствъ, они оправдываются поспѣшностью, съ которою вели это дѣло издатели, «видяще, какъ замѣчено въ предисловіи къ Библіи, толикъ облежащъ намъ облакъ ругателей различныхъ и многохульныхъ супостатъ».

Вообще за благочестивымъ княземъ не только нельзя не признать весьма важной роли въ исторіи общаго религіознаго возбужденія, происходившаго въ это время въ западно-русскомъ православномъ обществѣ, но должно сказать, что его роль въ этомъ дѣлѣ была первенствующая, по причинѣ великаго образовательнаго значенія для этого общества открытыхъ княземъ школъ и напечатанныхъ въ его типографіяхъ книгъ. Онъ принималъ вообще непосредственное и самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ церкви задолго до объявленія брестской уніи 1596 г. и его голосъ бывалъ иногда

---

[1]) Supplementum ad historica Russiae monumenta.

[2]) *Лукашевичъ,* Ист. Реформ., стр. 49, 54 (нѣм. изд. 1848).

[3]) *Прав. Соб.*, 1858 г., т. I, стр. 561 и 556—559; *Максимовичъ,* Собр. соч. т. III, стр. 666—672.

сильнѣе голоса самаго короля. Много каѳедръ епископскихъ роздано было по его желанію или съ его согласія. Въ 1572 г. новогродскій подсудокъ Ѳедоръ Евлашевскій выхлопоталъ для своего отца королевскую каѳедру на пинскую епископію; но прошло два года и тотъ, будучи посвященъ, не могъ занять своей каѳедры, пока изворотливый и имѣвшій большія связи сынъ не успѣлъ ублажить князя Острожскаго и испросить его на то согласіе [1]).

До насъ дошло множество писемъ и воззваній князя Острожскаго по дѣлу брестской уніи, показывающихъ, какое горячее участіе принималъ онъ въ этомъ роковомъ вопросѣ. Когда ясною стала для него цѣль задуманной уніи, она встрѣтила съ его стороны самый рѣшительный протестъ. Отличаясь всегда высокою толерантностію въ дѣлѣ вѣры, окруженный постоянно выдающимися учеными разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, сносясь съ папою римскимъ и патріархомъ константинопольскимъ, оказывая гостепріимство іезуитамъ и суровымъ отшельникамъ Аѳона, принимая съ радушіемъ представителей протестанства, социніанства и кальвинства и всѣхъ степеней духовныхъ особъ греческаго закона, переписываясь съ магнатами польскими и панами и владыками русскими, даже съ братчиками православными, болѣя самъ душею о непорядкахъ въ русской церкви и разладѣ въ государствѣ вслѣдствіе борьбы національностей и исповѣданій, хлопоча самъ не малое время о примиреніи польско-католической и русско-православной церквей и соединеніи ихъ подъ одною іерархическою юрисдикціею, для чего сносился съ королемъ и примасомъ, съ митрополитомъ Рагозою и владыкою Потѣемъ, либеральнѣйшій доселѣ князь, терпѣвшій нерѣдко даже укоры за свою толерантность, сталъ теперь твердъ, какъ адамаитъ, ополчился всѣми силами своего ума, образованія, положенія и вліянія на защиту церкви родной, обманомъ и насильствомъ приводимой въ подчиненіе римскому престолу. Извѣстно его горячее и мужественное участіе въ дѣлахъ брестскаго собора 1596 г., на которомъ рѣшено было объявить унію церквей, искусно задуманную и проведенную іезуитами, подкрѣпленную всѣми силами польскаго правительства и общества и принятую всѣми безъ исклю-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1886 г., январь, стр. 135.

ченія русскими епископами съ митрополитомъ во главѣ. Ободренные его присутствіемъ, оставшіеся вѣрными православію представители духовенства, дворянства и братствъ сгруппировались около своего покровителя, на ихъ сторону стали двое русскихъ владыкъ, подписавшихся раньше на унію и на объявленіе противной стороны о соединеніи провозглашено было, при участіи патріаршаго протосинкела, низложеніе отступниковъ-владыкъ и полное отдѣленіе отъ нихъ и отъ союза съ Римомъ русской православной церкви. Если чему она обязана своимъ спасеніемъ въ эту роковую минуту, то прежде и болѣе всего доминировавшему надъ всѣми и всѣмъ авторитету благовѣрнаго князя Константина и пробужденному главнымъ образомъ его просвѣтительною дѣятельностію образованію въ западно-русскомъ духовенствѣ и обществѣ, сознанію чистоты и святости своей вѣры и самобытности своей народности.

Князь К. К. Острожскій умеръ въ глубокой старости въ 1608 г., не переставая до конца жизни своей поддерживать заведенныя имъ и другими школы, типографіи и братства, благодѣтельствовать монастырямъ и церквамъ, противупоставлять преграды распространенію уніи, поддерживать бойцевъ за цѣлость вѣры родной. Не въ еко силахъ, не въ силахъ всего даже русскаго общества было остановить въ короткое время зло, подготовленное вѣками. Великій ревнитель и защитникъ православія пережилъ отступленіе родныхъ своихъ дѣтей отъ вѣры и языка отцевъ; но посѣянныя имъ сѣмена возросли и принесли свой плодъ, просвѣщеніе дѣлало быстрые успѣхи въ южнорусскомъ народѣ, на смѣну богатыхъ и вліятельныхъ пановъ, постепенно переходившихъ въ католичество, выступилъ цѣлый рядъ убогихъ, но сильныхъ дѣятелей науки и просвѣщенія, выдерживавшихъ жестокую борьбу за неприкосновенность вѣры и народности русской, пока на защиту ихъ не выступила непримѣтно выросшая грозная козачая сила, поколебавшая въ основѣ съ великими усиліями и искусствомъ задуманное и веденное дѣло польско-русскаго объединенія, точнѣе поглощенія Руси Польшею.

Такъ южная Русь пробудилась и прозрѣла отъ той самой борьбы, которая, казалось, должна была погубить ее па вѣки!

А. Архангельскій.

МАЛОРУССКІЯ ПЬЯНИЦКІЯ ПѢСНИ.

Довольно затруднительно опредѣлить простонародный взглядъ на пьянство, сказать, кто преимущественно пьетъ въ селѣ и, главное, почему, въ силу какихъ житейскихъ условій пьетъ до излишества. Въ литературѣ встрѣчаются болѣе или менѣе цѣнныя наблюденія надъ строемъ крестьянской жизни вообще, надъ формами проявленія пьянства и причинами его вызывающими въ частности, наблюденія, сдѣланныя интеллигентными людьми, по отдѣльнымъ явленіямъ и случаямъ, иногда сквозь призму воззрѣній и убѣжденій культурнаго класса общества. Нельзя не признать всей пользы и цѣнности изученія народной жизни по бытовымъ явленіямъ или по статистическимъ даннымъ, особенно въ томъ случаѣ, когда изученіе это идетъ со стороны такого проницательнаго и сильнаго литературнаго таланта, какъ Г. И. Успенскій. Желательно, однако, послушать самихъ крестьянъ, въ частности разузнать ихъ коллективное мнѣніе о значеніи водки и шинка въ сельской жизни. *Audiatur et altera pars*. Правда, эта громадная и таинственная *pars* не выражаетъ своихъ мнѣній, нуждъ и желаній въ періодической печати, преимущественно, по безграмотности, отчасти по опасливости подавать свой голосъ въ дѣлахъ, о которыхъ разсуждаютъ «командующіе классы» общества. Но у народа, простаго народа есть свои формы и способы выраженія общественнаго мнѣнія—пѣсня, поговорка, сказка. Безъискусственная народная поэзія представляетъ отличное средство ознакомленія съ своеобразнымъ и замкнутымъ крестьянскимъ міромъ. Въ народной поэзіи съ одной стороны обнаруживаются идеальныя представленія народа, другими словами, природа и люди

представляются такими, какими они должны быть по воззрѣніямъ лучшихъ людей, во всемъ блескѣ красоты и нравственнаго совершенства, съ другой стороны обнаруживается современная бытовая дѣйствительность, со всѣми ея слабостями и недостатками, какъ историко-культурный продуктъ всей прошлой духовной и бытовой жизни народа. Идеальныя и реальныя черты въ пѣсняхъ перепутаны, перемѣшаны, но не въ такой степени, чтобы, при нѣкоторой опытности въ обращеніи съ народно-поэтическимъ матеріаломъ, нельзя было ихъ разобрать и разгруппировать, разумѣется, въ главныхъ, крупныхъ очертаніяхъ. Мелкія краевыя черты почти неуловимы, по многимъ причинамъ: во первыхъ, въ самой поэзіи лежитъ начало обобщенія, подведенія подъ извѣстный уровень народнаго пониманія и чувства отдѣльныхъ, личныхъ, субъективныхъ духовныхъ проявленій и мелкихъ краевыхъ чертъ быта; во вторыхъ, многое не договорено самими сборниками народныхъ пѣсенъ и обрядовъ, большею частью устарѣлыми и въ значительной степени хаотичными относительно распредѣленія заключающагося въ нихъ пѣсеннаго матеріала.

Въ сборникахъ малорусскихъ и галицкихъ пѣсенъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга, де-Воллана, Лоначевскаго разбросано много корчемныхъ и пьяницкихъ пѣсенъ. Въ V томѣ «Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край» Чубинскаго, во 2 и 3 томахъ «галицкихъ и угорскихъ пѣсенъ» г. Головацкаго и во 2 томѣ «Pokucie» г. Кольберга пьяницкія пѣсни выдѣлены въ особые отдѣлы; у Чубинскаго въ отдѣлѣ пьяницкихъ пѣсенъ находится 35, у г. Головацкаго 15, у г. Кольберга 21 пѣсня. Далеко однако не всѣ пьяницкія пѣсни вошли въ эти отдѣлы. Много пѣсенъ этого рода разбросано въ другихъ отдѣлахъ сборниковъ, преимущественно въ отдѣлахъ пѣсенъ семейно-родственныхъ и свадебныхъ; двѣ вполнѣ пьяницкія пѣсни въ сборникѣ Чубинскаго попали даже въ отдѣлъ веснянокъ. Найболѣе характерныя галицко-русскія пьяницкія пѣсни находятся въ сборникѣ г. Головацкаго внѣ отдѣла корчемныхъ и пьяцкихъ пѣсенъ. Вообще, невозможно полагаться на отдѣлы въ сборникахъ пѣсенъ, изучая какое-нибудь бытовое явленіе по даннымъ народнаго пѣснотворчества. Многое цѣнное и важное въ такомъ случаѣ уйдетъ отъ вниманія изслѣдователя. Волей-неволей приходится по каждому отдѣль-

ному вопросу пересматривать цѣлые сборники, отъ доски до доски, и только послѣ такого пересмотра представляется возможность говорить съ нѣкоторой рѣшительностью и судить съ нѣкоторой, нельзя сказать большой, увѣренностью объ отдѣльныхъ явленіяхъ народнаго пѣснотворчества.

Пьяницкія пѣсни не представляютъ историко-литературнаго интереса. Ихъ нельзя поставить въ родство съ обрядными или историческими пѣснями. Въ нихъ почти совсѣмъ не оказывается чертъ вліянія письменности. Въ то время, какъ въ до-петровской московской Руси было много наставительныхъ сочиненій о вредѣ пьянства (Повѣсть о хмѣльномъ питіи, Повѣсть о высокоумномъ хмѣлѣ, Повѣсть о Горѣ-злочастіи, Слово объ упьянчивыхъ и др.), въ Малороссіи XVI и XVII стол. эта отрасль литературы была совсѣмъ неразвита, почти вполнѣ отсутствовала. Сколько намъ извѣстно, только въ одной галицко-русской пѣснѣ изъ гористаго коломыйскаго округа встрѣчается апокриѳическая черта: «дѣтька (т. е. чортъ) коло вынныць своимъ зѣльемъ заправляе горѣвку для пьяницъ» (Голов., т. II, стр. 466). Немногія пьяницкія пѣсни представляются интересными съ художественной точки зрѣнія, и притомъ почти исключительно малорусскія пѣсни. Галицко-русскія пьяницкія пѣсни отличаются длиннотой, безцвѣтностью и, за весьма немногими исключеніями, безсодержательностью, какъ продуктъ творчества людей съ помутившимся сознаніемъ. Между малорусскими пьяницкими пѣснями встрѣчается нѣсколько пѣсенъ, превосходныхъ по законченности, задушевности, силѣ чувства, и пѣсни этого разряда представляются продуктомъ творчества людей вполнѣ трезвыхъ, преимущественно женщинъ, натерпѣвшихся горя отъ пьяницъ мужей. Главный интересъ при ознакомленіи съ пьяницкими пѣснями возбуждаетъ ихъ жизненность, реальность, бытовая правдивость. Въ нихъ разбросаны черты деревенской злобы дня, иногда крупныя, часто мелкія, почти всегда характерныя. Народное своеобразіе пьяницкихъ пѣсенъ обнаруживается въ выборѣ и сочетаніи бытовыхъ мелочей. Если сравнимъ, напримѣръ, малорусскія и галицко-русскія пьяницкія пѣсни въ сборникахъ Чубинскаго, Головацкаго, Кольберга съ польскими пьяницкими пѣснями въ «Lud» Кольберга (т. I, стр. 152, т. IV, стр. 57—59; т. VI, стр. 180—186), то въ тѣхъ и другихъ замѣтимъ массу мелочей различнаго свойства, при-

чемъ у малороссіянъ отдается предпочтеніе однѣмъ мелочамъ, положимъ, перечисленію пропиваемыхъ предметовъ хозяйства, у поляковъ—другимъ мелочамъ, положимъ, обрисовкѣ отношеній пьянаго человѣка къ своей кумѣ, его шатанія. Нельзя однако не замѣтить при этомъ, что между галицко-русскими и польскими пьяницкими пѣснями, сколько можно судить по сборникамъ Головацкаго и Кольберга, обнаруживается болѣе сходства по содержанію, чѣмъ между пьяницкими пѣснями галицко-русскими и малорусскими. Малорусскія пьяницкія пѣсни вообще короче, выразительнѣе, задушевнѣе галицко-русскихъ и польскихъ. Въ особенности большое сходство между галицко-русскими и польскими пьяницкими пѣснями обнаруживается въ многочисленныхъ пѣсняхъ о пьянствѣ и интимныхъ отношеніяхъ кума и кумы, и въ этомъ отношеніи польскія пѣсни, повидимому, оказали вліяніе на галицко-русскую поэзію, внесли въ нее типъ пьющихъ и развратныхъ кумовъевъ.

Согласно со всеобщимъ распространеніемъ и важнымъ значеніемъ водки и шинка въ народномъ бытѣ, объ нихъ часто говорится въ народныхъ пѣсняхъ, поговоркахъ, присловьяхъ. Съ мыслью о горѣлкѣ не всегда въ народной поэзіи связывается выраженіе чего-либо дурнаго, безнравственнаго. Какъ въ жизни, такъ и въ отраженіи ея—поэзіи водка является только какъ «горилка-говорушечка» безъ нравственнаго паденія пьющаго, а въ такомъ случаѣ и «чарочка-чепурушечка», «фляшечка-потишечка».

Простолюдины пьютъ большею частью въ большіе праздники или при важныхъ случаяхъ семейной жизни. Такъ, на Рождество Христово колядовщики просятъ за спѣтую «колядочку бочку пива, бочку не бочку хоть коновочку, а зъ коновочки хоть кватиречку, а зъ кватиречки хоть порціечку» (Голов., т. III, стр. 123). На Свѣтлый праздникъ пьютъ, потому что, какъ говорится въ одной галицкой коломыйкѣ:

Ты, Господи милосердный, Господи ласкавый,
Якій-же то день веселый, якъ йдуть зъ пасками.
(Kolberg, т. II, стр. 240).

Жнецы по окончаніи полевыхъ работъ напоминаютъ хозяину поля, что ихъ нужно угостить, ибо не даромъ они потрудились надъ широкой нивой и свили изъ колосьевъ для хозяина вѣнокъ (Голов.,

т. III, стр. 195). За угощеніе жнецы славятъ хозяина, особенно усердно славятъ за щедрое угощеніе, когда «вся челядойка пьяна» (Голов., т. III, стр. 201).

Пьютъ водку на родинахъ, «щобъ диты росли». На крестинахъ «бабусенька гости садовить, пляшку зъ горилкою ставить, частуе, пріймае и хрещеного сына выхваляе» (Чубинскій, т. IV, стр. 11). На свадьбахъ пьютъ сильно, съ разными прибаутками и поговорками, «щобъ молоди любились, а старихъ щобъ и коломъ не розважити» (Номисъ, т. II, стр. 605). Пьютъ на похоронахъ и на поминкахъ «помершимъ на царство, а живымъ щобъ здоровья, та зъ неба дощъ, та хлибъ, та цвитъ, та всячину» (Номисъ, т. II, стр. 608).

Въ думахъ выраженіе «пить горѣлку» представляется общимъ мѣстомъ, эпическимъ *locus communis,* равно какъ и въ былинахъ «пить чару вина въ полтора ведра»—общее мѣсто. Независимо однако отъ внѣшняго формальнаго распространенія этого эпическаго мотива, питье горѣлки, даже чрезмѣрное питье было обычнымъ бытовымъ явленіемъ стариннаго малорусскаго козачества. Дешевизна хлѣба и свобода винокуренія въ сильной степени тому содѣйствовали. Дума о Байдѣ начинается словами: «въ Цариградѣ на рыночку та пье Байда медъ, горилочку» (Голов., т. I, стр. 1). Козубай, отправляясь воевать съ ляхами, беретъ «фляшку съ горилкою» (Гол., т. I, стр. 7). Коновченко «рано ранесенько горѣвки ся напиваe», и народное благоразуміе устами гетмана даетъ ему совѣтъ сначала умыться; потомъ Богу помолиться и не пить водки, особенно передъ битвой, чтобы сонъ не похилилъ козацкой головы и турки ее не срубили (Гол., т. I, стр. 11). Вообще, по даннымъ старинныхъ думъ, народная мысль снисходительно относилась къ питью водки козакомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда козакъ пилъ водку въ родной семьѣ, раздѣляя общую семейную радость, какъ пилъ, напримѣръ, Савва Чалый по случаю рожденія сына (Голов., т. I, стр. 19), или когда питье водки слѣдовало за военной удачей, какъ пировалъ, напримѣръ, Самійло Кишка въ очеретахъ съ своими товарищами послѣ освобожденія изъ турецкаго плѣна и захвата галеры (Ант. и Драг., Истор. пѣс. мал. нар., т. I, стр. 219).

За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда питье водки представляется своего рода вознагражденіемъ за трудъ и за исключеніемъ

такихъ отдѣльныхъ и важныхъ событій въ жизни человѣка, какъ крестины и свадьба, когда пьютъ отъ полноты веселья, питье водки, переходящее въ пьянство, до потери сознанія, строго порицается народной моралью, что видно изъ произведеній народнаго творчества. Сюда относятся такія поговорки: «Пий та ума не пропивай»; «Дай, Боже, пить та не напиваться»; «За чарку то и за сварку»; «Прощай, розуме, якъ зъ горилкою зустрився»; «Пьяный—що дурный»; «Горилка—здоровью злодійка»; «Хмиль до лихого людей зводить» (Номисъ, стр. 224). Въ особенности много проявленій отрицательнаго отношенія народа къ пьянству находится въ семейно-родственныхъ, корчемныхъ и пьяницкихъ пѣеняхъ. Въ малорусскихъ и галицкихъ пѣсняхъ встрѣчается, между прочимъ, любопытное замѣчаніе, что водка сокращаетъ жизнь человѣка, причемъ обнаруживается свойственная простому народу идеализація старины:

Люде давно старосвѣцки
Горѣвки не пили,
По сто годовъ по пятьдесятъ
Та на свѣтѣ жили.
Але теперь, якъ узяли
Дуже напивати,
То по сорокъ исповна
Не будутъ тревати (Гол., т. II, стр. 466).

Можно собрать пять, шесть пѣсенъ, обрисовывающихъ такое положеніе семьи, когда мужъ и жена становятся пьяницами. Въ пѣсняхъ подобнаго рода обнаруживается игривое настроеніе духа пѣвца, иронія, насмѣшка. Пропивши имущество, мужъ и жена отправляются домой въ сознаніи, что далѣе имъ не на что уже пить и что люди надъ ними смѣются (Чубин., т. V, стр. 637). Подобнаго рода пѣсенный мотивъ вошелъ въ стихотвореніе Т. Шевченка «Тарасова ничъ».

Въ пьяницкихъ пѣсняхъ большею частью изображается пьянство одной стороны, мужа или жены, причемъ другая сторона, не пьющая, почти всегда оказывается въ горемычномъ положеніи. Число пѣсенъ, изображающихъ пьянство женщинъ, незначительно въ сравненіи съ числомъ пѣсенъ о мужьяхъ пьяницахъ. Въ обоихъ случаяхъ получается одинаково печальная картина семейнаго разлада и разоренія.

Въ пѣсняхъ о мужѣ пьяницѣ прежде всего обращаетъ вниманіе горемычное положеніе его жены. Бѣдная женщина нарекаетъ на свою мать (Чуб., т. V, стр. 591, 624) или на отца. Въ одной пѣснѣ мужъ говоритъ женѣ, что ея отецъ заболѣлъ и проситъ воды; жена даетъ такой жесткій отвѣтъ:

Хоть най бажыть, хоть най умре;
Мени за нимъ жаль не буде:
Давъ-же мене, еденыцю,
Давъ-же мене за пьяныцю (Чуб., т. V, стр. 1092).

Разумѣется, жалоба на родителей возможна въ томъ случаѣ, когда они побуждали дочь выйти за пьяницу. Иногда женщина сознается, что она сама всему виной: послушалась, поддалась своему сердечному увлеченію, и тогда она обвиняетъ только себя:

Нихто не виненъ, тилько я,
Щомъ полюбила гультяя.
Гультяй не робыть, тилько пье,
Прійде до дому, мене бье.
Не виненъ отець и мати,
Не силовали мене оддати.
(Чуб., т. V, стр. 217; де-Волланъ, стр. 85).

Добре мени говорила небижчечка матка:
Не йди, доню, за такого, що на бакиръ шапка.
А я матки не слухала,
Сама-жъ биду напитала,
Теперъ пропаду! (Чуб., т. V, стр. 1092).

Не лай мене, моя мати,
Николи, ни за що,
Полюбила козаченька
Пьяныцю й ледащо,
Ледачого й батька;
Тилько его роскрасила
Що сивая шапка (Чуб., т. V, стр. 206).

Въ слѣдующей пѣснѣ находится выразительное описаніе неутолимой жажды пьяницы, его разоренія, горемычнаго положенія его жены и дѣтей:

Приходить до коршмоньки та сперся на фляшку,
А вси боги укладае въ арендарьску ласку:
«Арендару-господару, дай горилки на що маю,
Дай, горилки, дай!»
Стоить жинка пидъ викномъ та жалибно плаче;
—«Не плачь, не плачь, бисновата, не буде иначе.
Тоби ся тымъ не журитися;
Людямъ на то не дивитися:
Жидъ волы возьме!»
—Бодай тебе перунъ забывъ темненькои ночи;
Плачуть диты, выглядають темненькои ночи.
Плачуть диты, выглядають зъ коршмы идучи.
«Цытьте диты; идить на пичъ;
Я самъ бачу на васъ драння,
А горилку пью» (Чуб , т. V, стр. 1091).

Потребна большая сила словеснаго творчества, чтобы изъ такихъ мелкихъ бытовыхъ чертъ, какъ просьба пьяницы дать ему водки, проклятіе его жены, слезы дѣтей, создать яркую жанровую картинку.

Къ числу превосходныхъ пьяницкихъ пѣсенъ, обрисовывающихъ положеніе жены, у которой пьяница мужъ, слѣдовало-бы отнести помѣщенную въ «Запискахъ о южной Руси» П. А. Кулиша думу «Корчма, корчма, княгине?», если-бы не возиикало сомнѣніе въ простонародности этой думы. И въ цѣломъ составѣ думы, и въ отдѣльныхъ ея подробностяхъ обнаруживаются черты сочинительства, искуснаго личнаго творчества по даннымъ народной поэзіи. Отличительная особенность вполнѣ народныхъ пѣсенъ состоитъ въ типичности и простотѣ, отсюда въ значительной распространенности отдѣльныхъ ихъ мотивовъ, выраженій, эпитетовъ, сравненій, уподобленій, взятыхъ изъ внѣшней природы образовъ. Даже въ устарѣвшихъ и въ забытыхъ думахъ не все устарѣло и не все забыто. Отдѣльные ихъ образы и мотивы пристали къ другимъ пѣснямъ и живутъ въ нихъ въ измѣненномъ видѣ. Дума о корчмѣ по отдѣльнымъ подробностямъ представляетъ въ народной поэзіи исключительное явленіе. Нельзя сказать, чтобы народной поэзіи было чуждо общее содержаніе думы. Въ старинномъ сборникѣ пѣсенъ Ж. Паули (т. II, стр. 85) на-

ходится подобная пѣсня, «Стоить корчма надъ болотомъ» (у Голов., т. III, стр. 522), только очень простая, съ примѣсью шутки пропойцы надъ самимъ собою. Такъ какъ эта пѣсня, можетъ быть, послужила отчасти источникомъ для неизвѣстнаго автора въ дѣлѣ сочиненія думы о корчмѣ, то не лишне будетъ привести ее здѣсь цѣликомъ:

Стоить корчма надъ болотомъ,
Не пошита околотомъ:
«Ты, корчмонько, судотыне!
Въ тобѣ то вся праця гине:
Та вже бы'мъ тя злотомъ побивъ,
Тилько'мъ праци въ тобѣ пропивъ!
Пропивъ вивци въ полонинѣ,
Тысменицю въ половинѣ (?),
Ще маю въ Бозѣ надѣю,
Що пропью мѣсто Отынѣю!

Еще болѣе сходства съ думой «Корчма, корчма, княгине!» имѣетъ старинная козацкая пѣсня въ V т. «Трудовъ» Чубинскаго, стр. 334. Здѣсь выступаетъ козакъ Нетяга въ плохой одеждѣ. Нетяга «поихавъ въ війско охотнее», а жена въ его отсутствіе распилась. Возвратившись домой, Нетяга «махавъ пугою» на жену и «поробивъ по пидъ-очима сине». Жена объясняетъ своимъ знакомымъ синеву подъ глазами тѣмъ, что въ хлѣву зашиблась о ключину. Эта козацкая пѣсня записана въ харьковской губерніи и почти также проста, какъ и галицко-русская пѣсня о корчмѣ судотынѣ. Въ думѣ о корчмѣ на первыхъ порахъ вызываетъ недоумѣніе читателя самое наимененованіе корчмы княгиней, чуждое народной поэзіи. Въ народныхъ пѣсняхъ княземъ называется мѣсяцъ, княгиней дѣвушка-невѣста. Вообще, въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ никакого особеннаго наименованія корчмы, нѣтъ даже попытокъ къ ея олицетворенію или воплощенію въ извѣстный образъ, за исключеніемъ только-что приведеннаго галицко-русскаго наименованія корчмы «судотыной», т. е. щеголихой, отъ польскаго sudanny—стройный, гибкій, щегольской. Въ думѣ о корчмѣ выраженіе «судотыня» замѣнено выраженіемъ «княгине» или потому, что передѣлыватель пѣсни не понялъ перваго выраженія, или потому, что имѣлъ подъ

руками такой варіантъ народной пѣсни, гдѣ не было ироническаго сопоставленія предполагаемой щеголеватости корчмы и бѣдности ея посѣтителей, или потому что далѣе понадобилось добавленіе, что корчма «неошатно ходитъ». Далѣе собственное имя козака Нетяга замѣнено нарицательнымъ собирательнымъ козаки-нетяги. Въ результатѣ получилась такая редакція первой части думы:

Гей, корчмо, корчмо, княгине,
Чомъ то въ тоби козацького добра багато гине?
И сама еси неошатно ходишъ,
И насъ козакивъ-нетягъ пидъ случай безъ свитокъ водишь.

Здѣсь подозрительно еще выраженіе «пидъ случай». Въ народной поэзіи рѣдко встрѣчаются ограниченія и оговорки, ими обилуетъ рѣчь осторожнаго интеллигентнаго человѣка. Далѣе дума гласитъ:

Знати, знати, козацьку хату
Скризь десяту.
Вона соломою не покрыта,
Приспою не осыпана;
Коло-двора нечиста-ма и кола,
На дривотни дровъ ни полина.
Седить въ ней козацька жинка, околила.
Знати, знати козацьку жинку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшкомъ воду носить,
Полоникомъ диты напувае!

Тутъ много мелочей, отзывающихся искусственностью, авторствомъ. «Скризь десяту» въ народныхъ пѣсняхъ не встрѣчается. «На дривотни дровъ ни полина»—не характерная черта въ народномъ бытѣ и чужда народной поэзіи. Топятъ рѣдко дровами, большею частью мелкимъ хворостомъ, который можно ломать руками или о колѣно, на югѣ Россіи почти исключительно соломою и кизякомъ. Вообще, во всемъ строѣ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ думы обнаруживается нѣкоторая искусственность, преувеличеніе, одностороннее развитіе сюжета. Невольно возникаетъ мысль о подделкѣ или, точнѣе сказать, тенденціозной передѣлкѣ народной пѣсни.

Къ тому-же, въ старинное время, лѣтъ сорокъ назадъ, сильно была распространена наклонность къ поддѣлкѣ народныхъ пѣсенъ, даже среди ученыхъ людей. Недавно стало извѣстно, что и М. А. Максимовичъ занимался подобнаго рода сочинительствомъ.

Пьянство мужа находится иногда въ связи съ его распутствомъ. Такъ, въ одной галицкой пѣснѣ (у Кольберга, т. II, стр. 232), мужъ въ присутствіи своей жены пьетъ съ кумой водку, любезничаетъ съ ней, приказываетъ женѣ постлать для него и кумы постель.

Гдѣ пьянство, тамъ брань и драка. «На пидпитку нема спинку». «Видъ пьяного полы врижъ та втикай» (Номисъ, стр. 224). Бьютъ пьяницу, чаще всего бьютъ такіе-же пропойцы, «милъ-сердечные» его друзья (у Чуб., т. V, стр. 1088). Большею частью бьетъ самъ пьяница, бьетъ прежде всего свою ближайшую помощницу и опору семьи, свою жену. И жена изливаетъ свое горе въ пѣснѣ о своей «красѣ уродливой—долѣ несчастливой». Въ пѣсняхъ находятся даже подробности битья жены мужемъ пьяницей. Въ этомъ отношеніи особенно характерны слѣдующія двѣ пѣсни:

. . . . А мій милый у лиженьку лежить,
Мени мати розувати велить:
«Розуй, розуй, моя донечко,
Щобъ не вдаривъ та въ головочку».
—А вже мени, моя мамцю, та й не першина
Черезъ плече та й черемшина;
А вже мени, моя мати, не першій разокъ
Черезъ плечи дротяненькій батижокъ
(Чуб., т. V, стр. 592).

—

. . . . Вдаривъ милу по плечи,
Та й по билому лици,
Ажъ полилась кровь червона
По шитому рукавци.
Не жаль мини шитыхъ квитъ,
Якъ жаль мини моихъ литъ:
Шиты квиты отперутся,
Лита-жъ мои не вернутся (Чуб., т. V, стр. 584).

Въ двухъ, трехъ пѣсняхъ отмѣчено бѣгство жены отъ пьянаго и буйнаго мужа:

Ой мій чоловикъ та пьяниця;
Ой якъ напьется, то й не тямится.
Ой якъ иде зъ корчмы та выкрикае,
А не мени тило та потерпае...
Пидъ стрихою ничъ ночувала,
Охъ у дуплахъ не идну стояла.
Ой бида-жъ мени та съ такимъ мужемъ,
Що винъ не вьяже та штаны гудземъ.
(Чуб., т. V, стр. 1091).

Винъ въ двери—я утикаю;
Викномъ, дверима утикаю;
У садочку ночлигъ маю;
До мисяца розмовляю.
Винъ до мене каменемъ,
Я дальше утикаю (Чуб., т. V, стр. 1092).

Подобнаго рода дикая расправа съ женой не въ малороссіянина и строго осуждается народной моралью. Даже пьяница на другой день послѣ кулачной расправы съ женой чувствуетъ угрызеніе совѣсти и старается загладить свой проступокъ ласковыми словами или поднесеніемъ женѣ меду. Такъ, въ пѣснѣ:

Та не бий мене, мій миленькій, якъ ты пьянъ,
Бо на другій день буде тоби мене жаль;
Якъ я буду у постелюшки лежать,
А ты будешь стаканъ меду держать:
«Та встань, мила» (Чуб., т. V, стр. 581).

Въ Малороссіи большею частью мужъ подчиняется женѣ, ея нравственному вліянію. Вообще, замужняя женщина въ Малороссіи пользуется значительнымъ почетомъ. Даже дѣвицы не братаются съ молодицами, по уваженію къ нимъ, и зовутъ ихъ или вообще паниматками или непремѣнно по отчеству; равно и посторонніе мужчины относятся къ замужней женщинѣ съ уваженіемъ. Характернымъ выраженіемъ общесознаваемаго у малоруссовъ права замужней женщины на уваженіе служатъ разсказы и пѣсни о томъ, какъ «била жинка мужика, за чуприну взявши». Любопытнѣе всего здѣсь то, что жена бьетъ мужа не по самоуправству, а по приговору

всей громады, и притомъ бьетъ за ту провинность, что мужъ не поклонился ей, «шапочку изнявши». Мотивъ этотъ перешелъ и въ лубочныя картинки. Вліяніе замужней малорусской женщины на мужа въ значительной степени обусловлено общимъ превосходствомъ малорусской женщины надъ мужчиной малороссомъ по силѣ характера. «Малорусская женщина, говоритъ Чубинскій (т. VII, стр. 354), положительно стоитъ выше мужчины во всѣхъ отношешеніяхъ. Она, при трудныхъ обстоятельствахъ общественной жизни, являлась не разъ активнымъ членомъ общества... Во время крестьянскихъ движеній женщины не только одобряли, но и дѣйствовали... Бывали случаи, что когда дѣлались экзекуціи надъ крестьянами, то женщины становились впереди мужчинъ. И военному начальнику приходилось часть отряда употреблять на то, чтобы окружить женщинъ и не допускать ихъ вмѣшательства»... На волостной судъ и даже на мировой женщина иногда является съ мужемъ, чтобы защищать его или просить за него. Подчиненіе малоросса женѣ прекращается, лишь только онъ подопьетъ. Идея личности и чувство собственнаго достоинства, проникающія малоросса, въ моментъ его опьяненія выражаются угловато, грубо; въ результатѣ получается, что малороссіянинъ во время опьяненія дѣлается раздражительнымъ и ворчливымъ. Онъ усматриваетъ въ такомъ случаѣ въ своихъ сосѣдяхъ, знакомыхъ или родственникахъ тайныхъ недоброжелателей, бранитъ и даже бьетъ свою жену и дѣтей.

Нерѣдко бываетъ такой злополучный складъ семейной жизни, когда на одной сторонѣ, мужа или жены, находятся всѣ данныя для счастливой семейной жизни, тогда какъ другая сторона всѣмъ складомъ своего характера, всѣми своими привычками и наклонностями тянетъ къ разладу и разоренію. Въ малорусскихъ и галицкорусскихъ народныхъ пѣсняхъ иногда обнаруживается сильный порывъ женскаго любящаго сердца, порывъ, обусловливаемый такимъ трагическимъ стеченіемъ обстоятельствъ, когда мужъ—человѣкъ никчемный, негодный, горькій пьяница, буйный гуляка и драчунъ, и при всемъ томъ жена горячо его любитъ и ищетъ его любви, его нравственнаго исправленія. Сюда относится, напримѣръ, слѣдующая галицкая пѣсня:

Кобы'сь не пивъ, мене не бивъ,
Ябъ тебе любила,

Я бы тоби, шо суботы,
Головоньку змыла;
Змыла бы'мъ головоньку,
Змыла, росчесала,
Та й до себе притулила,
Ще й поцѣловала (Голов., т. II, стр. 210).

Что дѣлать горемычной женѣ пьяницы среди тяжелой семейной обстановки? гдѣ находится для нея выходъ къ лучшему? гдѣ и въ чемъ, по крайней мѣрѣ, она ищетъ утѣшенія?

Въ старинное время, въ XVI и XVII ст., въ южной Россіи допускался разводъ супруговъ, въ случаѣ семейнаго несогласія, когда между ними возникали «великія разницы и раздоры»,—причина, какъ извѣстно, сама по себѣ не дающая по церковнымъ законамъ никакаго повода къ разводу. Здѣсь свѣтскій, народный взглядъ на брачный союзъ, какъ на соединеніе двухъ любящихъ и равноправныхъ лицъ, взялъ верхъ надъ церковнымъ опредѣленіемъ брака на принципѣ пожизненной связи мужа и жены, при главенствѣ перваго, независимо отъ ихъ взаимнаго согласія и любви послѣ бракосочетанія. Когда супруги жили «въ станѣ малженскомъ черезъ колко годъ и не маючи добраго мешканя межъ собою», тогда они «одинъ другаго зъ стану малженскаго выпускали» (Загоровскій, о разводѣ, стр. 190). Разводъ происходилъ по обоюдному согласію и послѣ предварительнаго обсужденія его родными мужа и жены. Мужъ и жена давали другъ другу «разлучные листы», опредѣляли при этомъ, къ кому переходятъ дѣти, заносили «разлучный листъ» въ гродскую актовую книгу, и разводъ считался оконченнымъ; каждая сторона, мужъ и жена, могли снова вступить въ бракъ. Съ возстановленіемъ авторитета церкви разводъ все болѣе и болѣе былъ стѣсняемъ, и высшія духовныя лица, епископы, мало-по-малу лишили свѣтскія власти и даже священниковъ права производить разводы. Такъ, въ 1594 г. владимірскій епископъ Ипатій Поцѣй соборной грамотой воспретилъ священникамъ своей епархіи совершать разводы собственной властью. Впрочемъ случаи свободнаго развода, съ согласія и утвержденія гродскихъ судовъ, встрѣчаются еще въ XVII и XVIII ст. (Маячанець, Про шлюбъ на Украини, въ «Зорѣ» 1884 г. № 18).

Малорусскій народъ въ своихъ пѣсняхъ сохранилъ до сихъ поръ воспоминаніе о томъ времени, когда можно было разойтись, «не маючи добраго мешканя», особенно въ случаѣ крайняго пьянства мужа. И теперь горемычная жена пьяницы утѣшается стародавнею пѣснею:

Ой ты пьешь та гуляешь,
Не говоришь зо мною:
Доведется, мій нелюбе,
Розійтися зъ тобою!...
Ой пиду я до попа,
Скажу ему стиха:
«Розвяжи намъ, попе, руки,
Бо нароблю лиха!...
Я невирну дружину
Та на вѣки покину,
А сама пиду до роду,
Зъ родомъ не загину!»

(Маячанець, въ «Зорѣ», 1884 г. № 18, стр. 211).

Обиженная мужемъ жена обращается съ просьбой о защитѣ и покровительствѣ къ сельской власти въ тѣхъ случаяхъ, когда можно разсчитывать на защиту со стороны этой власти. Такъ, въ галицко-русской пѣснѣ жена, обиженная пьянымъ и развратнымъ мужемъ, въ то время, когда мужъ ея въ пьяномъ видѣ улегся спать съ кумою, говоритъ:

Ой побигла'мъ та до війта,
Та й заголосила:
Пане, війте, началныку!
Дай же мыни раду,
Бо я зъ своимъ чоловикомъ
На вики пропаду.
Ой прыйшовъ війтъ изъ прысижнымъ,
Стали на порози,
Закували кума зъ кумовъ
Та за оби нози.
Та якже ихъ закували,
Въ фурдыгу замкнули,

Та щобы си кума зъ кумомъ
Въ купи си набули.
А мій милый, чернобривый,
Плаче та голосить,
Щире винъ си изъ арешту
До домочку просить...

(Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 233).

Въ какой степени распространенъ въ народѣ обычай жены, обиженной пьянствомъ и побоями мужа, обращаться съ жалобой въ волостной судъ и какія въ такомъ случаѣ мѣры наказанія примѣняются къ виновному, обо всемъ этомъ можно судить по извѣстнымъ въ печати рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, въ данномъ случаѣ преимущественно по VI тому «Трудовъ этногр.-стат. экспед. въ зап. рус. край», стр. 240—245. Такъ, волковыйскій судъ дубенскаго уѣзда волынской губерніи въ 1863 г. слушалъ жалобу крестьянки Фиглюковой на мужа и приговорилъ Фиглюка за пьянство и причиненіе побоевъ женѣ двухсуточному аресту на хлѣбъ и воду (§ 303). Таганчскій судъ каневскаго уѣзда кіевской губерніи въ 1868 г. приговорилъ наказать двухъ крестьянъ за пьянство и блудную жизнь, давши каждому по 15 ударовъ розгами (§ 306). Тотъ же судъ наказалъ крестьянина Горшкодера за блудную жизнь двумя ударами розогъ и внушилъ ему притомъ жить съ законною женою (§ 307). Иногда мужъ за пьянство и блудную жизнь подвергается штрафу въ нѣсколько рублей въ пользу общества и отдается подъ надзоръ сельскаго старосты (§ 311).

Нужно имѣть слишкомъ высокое мнѣніе о волостномъ судѣ, чтобы признать въ немъ достаточную ограду крестьянской жены отъ пьянства и побоевъ мужа. Волостное начальство и само не безгрѣшно по части неумѣреннаго употребленія горѣлки, и зачастую судебные приговоры опредѣляются могорычемъ. Развѣ совсѣмъ пропащій человѣкъ, горькій пьяница подвергнется надлежащему осужденію и должной карѣ. Человѣкъ юркій, имѣющій пріятелей, не будетъ опасаться волостнаго суда. Не всякая жена, даже при крайне плохомъ складѣ семейной жизни, при пьянствѣ и побояхъ со стороны мужа, рѣшится нести свое семейное горе на площадь, кланяться старшинѣ, просить волостное начальство.

Любовь къ дѣтямъ иногда даетъ горемычной женѣ пьяницы силу превозмочь семейныя нестроенія. Женщина въ такомъ случаѣ доходитъ даже до сознанія святости выпавшаго на ея долю тяжелаго жизненнаго креста, и несетъ свой крестъ терпѣливо, сознательно, не теряя любви даже къ виновнику ея бѣдствій, пьяницѣ мужу. Такое сознаніе, между прочимъ, выразилось въ слѣдующей превосходной малорусской пѣснѣ:

Ой у лузи калина билымъ цвитомъ зацвила,
Мала мати дочку молодую—за пьяницю оддала.
А пьяниця—недбалиця цилый тыждень въ корчми пье,
А якъ прійде до домоньку, мене лае, мене бье.
— Загуляли два голубоньки та надъ криницею,
Горе мени, моя матусенько, жити зъ пьяницею.
Просуну я кватирочку, ажъ матуся въ гости йде,
Питаетця дочки молодои: «чи пьяниця въ дома е?»
— Дома, дома, моя матюнко; цыть, не гомони!
Спить пьяниця въ новій комори,—гляди, его не збуди!
— «Нехай спить, нехай лежить, та нехай не встане,
Нехай твоя бидна головонька отъ журботы одстане».
— Прошу тебе, моя матусенько, ты не лай ёго;
Въ мене дитки маленькіи,—горе жити безъ ёго!
— «Будешь ты, моя дочко, хлиба-соли заробляти,
Будешь маленькіи диты годувати».
— Прошу тебе, моя матусенько, та не жичъ мени того;
Горе, моя матенько, зъ нимъ, горе безъ ёго!
Лучче буду мужу догожати, а нижъ диты годувати!

(Чуб. т. V, стр. 624),

Цѣлая исторія разбитой жизни! Здѣсь порывы отчаянія и горя и побѣждающіе ихъ порывы любви. Нельзя не остановиться передъ раскрытой въ пѣснѣ силой народнаго поэтическаго творчества и передъ разлитой во всей пѣснѣ прелестью любящаго женскаго сердца и высокаго материнскаго чувства преданности дѣтямъ.

Нужно однако имѣть сильную волю, обладать выносливостью, значительной долей природной наклонности къ добру, чтобы сохранить доброе, любящее сердце въ тяжелыхъ условіяхъ семейной жизни. Натуры посредственныя изнемогаютъ и падаютъ, другими

словами, начинаютъ искать утѣшенія въ шинкѣ. Сначала жена пьяницы заглядываетъ въ шинокъ по необходимости, чтобы вызвать оттуда мужа; мало-по-малу она привыкаетъ къ шинку, встрѣчаетъ въ немъ знакомыхъ, входитъ въ составъ кабацкихъ завсегдатаевъ, переноситъ въ кабакъ всѣ свои помыслы и желанія, отыскиваетъ себѣ подходящихъ пріятельницъ и раздѣляетъ съ ними чарку, гдѣ случится, въ родномъ селѣ, на городскомъ базарѣ. Сюда относятся кое-какіе, мелкіе пѣсенные мотивы, напримѣръ, у Чубинскаго т. V, стр. 638, 863.

Бываетъ, что пьянство жены возникаетъ и развивается независимо отъ образа жизни ея мужа, даже при хорошихъ условіяхъ семейной жизни, при добродушномъ и тихомъ мужѣ. Въ пѣсняхъ попадаются грустныя картины бѣдности семьи, общаго семейнаго нестроенія, вызваннаго пьянствомъ жены и матери, причемъ мужъ, человѣкъ трезвый и трудолюбивый, оказывается безсильнымъ установить въ своемъ домѣ матеріальное довольство и нравственное благочиніе. Мелкій, кропотливый женскій трудъ и заботливость о домашнемъ благоустройствѣ составляетъ тотъ цементъ, который скрѣпляетъ всѣ связи и отношенія семейнаго быта. Семейная жизнь приходитъ въ разстройство, когда жена предается пьянству и мужу приходится самому готовить обѣдъ для своихъ голодныхъ дѣтей (у Чуб. т. V, стр. 654). «Нема кому рано встати, дрибнымъ дитямъ порядъ дати» (Лонaчевскій, стр. 75).

Отношеніе мужа къ пьющей женѣ бываетъ различно, въ зависимости отъ силы характера и нравственнаго достоинства мужа. Въ угорско-русскихъ и галицкихъ пѣсняхъ говорится, иногда съ примѣсью негодованія пѣвца, что мужъ, человѣкъ тихаго нрава, терпитъ побои отъ своей пьяной жены (Де-Волланъ, стр. 136; Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 235).

Въ галицкой пѣснѣ, вполнѣ пьяницкой, по невыдержанности размѣра и содержанію, выражается спокойное отношеніе мужа къ пьяной женѣ, возвращающейся изъ корчмы. Въ особенности въ данномъ случаѣ характерны двѣ послѣднія заключительныя строки пѣсни:

Часъ до дому, часъ,
Изъ корчмоньки иду,

Якъ пчола гуду;
За мною молодою
Идутъ хлопци чередою,
Въ цимбалочки бьютъ, бьютъ.
Ой ты, мужу мой,
Витвори двиръ твой,
Иде твоя милесенька,
Изъ корчмоньки пьянесенька,
Чи будешь ій радъ, радъ?
—Чи я ти не радъ,
Ты мій виноградъ;
Легни зъ Богомъ та проспися,
То все буде въ ладъ.
(Kolberg, Pokucie т. II, стр. 233).

Подобныя пѣсни встрѣчаются въ Малороссіи. Мужъ увидѣлъ, что жена его идетъ домой въ сильномъ опьяненіи, отворяетъ ей двери и посылаетъ дѣтей спать: «идить, диты, спати; бо йде пьяна мати» (Чуб. т. V, стр. 1096).

Въ одной малорусской пѣснѣ мужъ уже ворчитъ на пьяную жену, что она «челядочку до роботы не роспорядила» (Чуб. т. V, стр. 1097), а затѣмъ слѣдуетъ уже наказаніе жены плетью (Чуб. т. V, стр. 1096). Въ народныхъ пѣсняхъ такого рода исправительное наказаніе пьяницы жены мужемъ одобряется, напримѣръ, въ слѣдующей пѣснѣ:

Коли бъ милый добрый
Та взявъ батигъ довгій,
Та ставъ милу бити:
Не йди въ коршму пити.
Возьми квартиночку,
Збери родиночку,
Та й дома напийся,
Та й не волочися. (Чуб. т. V, стр. 678).

Дурное значеніе пьянства усиливается тогда, когда пьютъ въ корчмѣ, внѣ дома. Приведенная пѣсня записана въ черниговской губ., въ г. Борзнѣ. Вообще, корчма въ лѣвобережной Украйнѣ во мнѣніи народа стоитъ ниже, чѣмъ въ правобережной Украйнѣ. Въ

правобережной Украйнѣ шинокъ представляетъ своего рода кулбъ для бесѣдъ, не только для мужчинъ, но и для женщинъ, даже для парубковъ и дивчатъ. Въ праздникъ въ шинкѣ играетъ «музыка», обыкновенно скрипка и бубенъ, а молодежь, парубки и дивчата танцуютъ. Въ лѣвобережной Малороссіи молодежь стоитъ въ сторонѣ отъ шинка. Здѣсь увеселенія молодежи не связаны съ шинкомъ.

Какъ уже было замѣчено, народъ ничего не имѣетъ противъ питья горѣлки, не связаннаго съ страданіями личности или съ разстройствомъ и разореніемъ семьи. Жена, въ особенности мать, взростившая хорошихъ дѣтей, заботливая о домашнемъ достаткѣ и довольствѣ, съ народной точки зрѣнія имѣетъ полное нравственное право провести лишній часъ въ корчмѣ въ разговорѣ съ своими «пріятельками» и выпить лишнюю рюмку горѣлки, даже напиться до опьяненія. Такая мысль проводится въ малорусскимъ и галицко-русскихъ пѣсняхъ, напримѣръ:

Якъ же мени въ корчми не сидити,
Коли-жъ бо я згодувала диты:
Висимъ сынивъ ненька згодувала,
А всимъ висимъ счастье—долю дала.
Иденъ пишовъ въ поле орати;
Другій пишовъ поганяти;
Третій пишовъ молотити;
А четвертый солому носити;
Пятый пишовъ въ лисъ дрова рубати;
Шостый пишовъ въ стоги класти;
Семый пишовъ стежечку мести;
Осьмый пишовъ зъ корчмы неньку вести.
—Стели, жинко, постильку биленьку,
Най положу свою стару неньку.

(Чуб. т. V, стр. 1097).

—

Ой не маешь, мій миленькій,
Та за що мня бити,
Диточки'мъ ти згодувала,
Що есть зъ кимъ робити.

Идуть сынки зъ косочками,
Доньки зъ грабельками,
А я зварю сниданичко,
Та й несу за вами;
Ой я варю сниданичко,
Та варю и обида,
Теперь тоби, мій миленькій,
Ніякая бида.
Сынки ти йдуть зъ косочками,
Доньки зъ грабельками,
А я иду до коршмоньки,
Та зъ пріятельками.

(Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

Въ пьяницкихъ пѣсняхъ обрисовываются почти исключительно отношенія пьяницы мужа къ непьющей женѣ и, наоборотъ, пьяницы жены къ непьющему мужу, и проистекающій отсюда складъ семейной жизни, положеніе дѣтей, степень матеріальнаго богатства и т. п. О пьянствѣ парубка или дивчины въ пѣсняхъ почти не говорится, такъ какъ въ самомъ народномъ бытѣ почти не встрѣчается парубковъ или дѣвушекъ, преданныхъ пьянству. Пьянство вырабатывается съ годами, какъ печальное слѣдствіе дурно направленной, несчастной жизни. «Не зъ добра чоловикъ лишню чарку выпье». Для молодежи, полной силъ и энергіи, естественно заглядывать въ будущее съ свѣтлыми надеждами на счастье. Молодежь можетъ временно напиться на свадьбѣ, на вечерницахъ, и затѣмъ она быстро возвращается къ освѣжающему и ободряющему труду. И на вечерницахъ пьютъ осторожно, чтобы не вызвать дурной молвы. Открыто гуляютъ и пьянствуютъ только домохозяева да бобыли. Въ одной пѣснѣ встрѣчается жалоба матери на пьяницу сына, причемъ сынъ изгоняетъ мать изъ дому (Чуб., т. IV, стр. 29). Пѣсня эта не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ испорченный варіантъ извѣстной думы о вдовѣ и трехъ ея сыновьяхъ. Въ одной галицко-русской пѣснѣ находится слѣдующій рѣдкій образъ пьяницкаго свойства:

Та якъ мене поховають,
Барана зарижте,

Та надо мновъ молоденькимъ,
Барылку повиште.
Але у ти барылочци
Чопекъ золотенькій;
Але у ти барылочци
Медокъ солоденькій.
Буде витеръ повивати,
Барылку хитати,
Та буде ми молодому
Губки поливати.
(Kolberg, Pokucie т. II, стр. 239).

Въ пѣсняхъ рисуется, какъ крестьянинъ пропиваетъ деньги, скотину, одежду; нѣтъ денегъ, женщина несетъ въ шинокъ «горщикъ масла и ворочокъ сыра» (Чуб., т. V, стр. 581), затѣмъ туда же уходятъ «волы половіи», «бычки невелички», коровы, «телыци» (Чуб., т. V, стр. 1093, 585), «рыженька кобылка» (Голов., т. III, стр. 220); въ шинокъ же уплываетъ одежда, «жупаны голубыи» (Чуб., т. V, стр. 1093), чоботы, штаны и сорочка (Чуб., т. V, стр. 584, 1088, 1090). Понятно, что до такой крайности доходятъ только горькіе пьяницы, въ томъ состояніи опьяненія, для выраженія котораго въ малорусскомъ языкѣ есть много характерныхъ словъ: «пьяный, якъ квачъ»; «пьяный, якъ чипъ»; «пьяный, якъ ничъ»; «чорно пье»; «саме въ красу»; «у пьяты вступило»; «оре носомъ»; «чмили гудутъ»; «убывъ муху»; «ажъ чуприна курить» (Номисъ, стр. 224—230).

Въ старинное время, при господствѣ въ обществѣ патріархальныхъ взглядовъ на личность, особенно на личность дѣтей по отношенію къ ихъ родителямъ, возможенъ былъ пропой жены, дочери. Встрѣчающійся въ пьяницкихъ пѣсняхъ пропой жены или дочери, нужно думать, нѣкогда опирался на бытовую дѣйствительность. Изъ пѣсенъ этого разряда найболѣе выдаются по величинѣ и силѣ пѣсни о Немировнѣ, что «роспилася на меду и пропила свою доньку молоду» (Головац., т. III, стр. 15).

Въ пѣсняхъ можно найти разъясненіе, какія стороны семейной жизни вызываютъ пьянство. Такъ, парубокъ начинаетъ пить, когда ему родители не позволяютъ жениться на любимой дѣвушкѣ

или когда любимая имъ дѣвушка выходитъ замужъ за другаго (Голов., т. II, стр. 260; Чуб., т. V, стр. 209, 214). Дѣвушка начинаетъ пить, оставшись старой дѣвой, послѣ смерти отца и матери, когда не находитъ въ окружающихъ ни ласки, ни привѣта (Чуб., т. V, стр. 51). Молодая женщина пьетъ въ замужествѣ за старымъ нелюбомъ (Чуб., т. V, стр. 576). Мужчина ищетъ утѣшенія въ винѣ, потерявъ жену и дѣтей (Чуб., т. V, стр. 470). Къ числу мелкихъ мотивовъ пьяницкихъ пѣсенъ относится соблазнъ дѣвушки посредствомъ водки (Чуб., т. V, стр. 339; Голов., т. I, стр. 107; т. III, стр. 103). Съ найбольшей полнотой мотивъ этотъ разработанъ въ буковинской пѣснѣ: «Гей, дивчина по грибы ходила» (Лоначев., 137).

Отношеніе крестьянина къ шинку и шинкарю отмѣчено въ малорусскихъ пѣсняхъ мимоходомъ, слабыми чертами. Во многихъ пѣсняхъ встрѣчается старинный образъ молодой шинкарки, которая довѣряетъ на сто, а насчитываетъ на двѣсти рублей (Чуб., т. V, стр. 1093). Въ малорусскихъ пѣсняхъ, сложенныхъ въ правобережной Малороссіи, часто упоминается жидъ: «Убогому жидъ боргуе» (Чуб., т. V, стр. 1094). Когда убогій не въ состояніи заплатить долга, то жидъ забираетъ у должника ложки, лопату (Чуб., т. V, стр. 1095). Жидъ шинкарь прогоняетъ изъ шинка пьяницу, не имѣющаго денегъ (Голов., т. II, стр. 224). Вообще, въ малорусскихъ пьяницкихъ пѣсняхъ о евреѣ говорится какъ-то случайно и притомъ не обнаруживается озлобленія противъ него. Въ галицкихъ пѣсняхъ, преимущественно гуцульскихъ, встрѣчаются обвиненія еврея шинкаря въ спаиваніи и разореніи крестьянъ, напримѣръ:

Що ты почнешь, арендарю,
Якъ не будемъ пити?
Перестанешь красно исты,
Хороше ходити;
Будешь у насъ молотити,
Жинка шматьте прати
А жидики нехлюйники
Свини завертати;
Вже не будешь пановати,

Громаду голити,
Будешь ципомъ вывивати,
Въ шабашъ воши бити.
Облизе ти бородище
За наши дорибки,
Бось насъ збавивъ, шось мо мали,
Хлиба тай худибки (Kolberg, Pokucie, т. II, стр. 232).

Якъ мы були пьяницями,
Отъ горѣвку пили!
Доти намъ се ребра боли
Якъ дурнемъ свѣтили.
Жидѣ собѣ красно ѣли,
Файно се вбирали,
Мы, сараки гуцулоньки,
И хлѣба не мали.
Мы мусѣли бѣдовати,
Голодомъ терпѣти,
А все то-то черезъ жиды,
Та черезъ ихъ дѣти.
Изъѣшь дѣдьки, песій сыну,
Пархо бородатый,
Бо не пиду по горѣвку
Та до твоей хаты!
А мы будемъ працёвати,
Жинки будуть прясти,
Жиды будуть, песи сыны,
Своимъ драньтемъ трясти (Голов., т. II, стр. 465).

Эти гуцульскія пѣсни напоминаютъ то мѣсто въ старинной думѣ о возстаніи Богдана Хмельницкаго, гдѣ говорится о разореніи народа жидами-арендарями:

Якъ отъ Кумивщины та до Хмельнищины,
Якъ отъ Хмельнищины та до Брянщины,
Якъ отъ Брянщины та й до сего-жъ то дня,
Якъ у земли кралевскои та добра не було;
Якъ жиды-рандари

Вси шляхи казацьки зарандовали,
Що на одной мили
Да по три шинка становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щогли по высокихъ могилахъ.
(Ант. и Драг., Ист. пѣс., т. II, стр. 20).

Присутствіе въ старинной малорусской думѣ и въ современныхъ галицкихъ пѣсняхъ чертъ спаиванія и разоренія крестьянъ евреями посредствомъ кабака и отсутствіе такихъ чертъ въ малорусскихъ пѣсняхъ не служатъ свидѣтельствомъ измѣненія отношеній еврея къ малорусскому крестьянину въ новое время въ предѣлахъ Малороссіи. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ народнаго быта въ Малороссіи, обнаруживается ослабленіе народнаго самосознанія и вытекающее отсюда ослабленіе народнаго поэтическаго творчества. Новая малорусская поэзія, сколько можно судить по сборнику Чубинскаго, ограничивается предѣлами семьи, сосредоточивается на личныхъ и семейныхъ отношеніяхъ, и въ этой области еще глубоко захватываетъ явленія народной жизни; но она уже не проникаетъ въ глубь общественныхъ и соціальныхъ отношеній, и потому еврей, какъ эксплуататоръ народнаго труда, не поддается ея опредѣленію.

Порождаемыя пьянствомъ нестроенія семейной жизни, возникновеніе враждебныхъ отношеній между мужемъ и женой, ссора, драка, упадокъ матеріальнаго благосостоянія, нищета, нужда—все это малорусскимъ народомъ отмѣчено въ пѣснѣ. «Горилка проклятая», «горилка здрадливая!»—таковы возгласы женщинъ въ пьяницкихъ пѣсняхъ. Въ массѣ пѣсенъ малорусская женщина выразила свое отвращеніе къ пьянству, свои страданія отъ пьяницы мужа, свою борьбу съ кабакомъ. Борьба эта не совсѣмъ безплодна, особенно въ Малороссіи, гдѣ женщина пользуется значительнымъ вліяніемъ. Общественные приговоры о закрытіи питейныхъ заведеній составляются не безъ косвеннаго вліянія женщинъ. Съ возникновеніемъ въ загрубѣломъ крестьянскомъ бытѣ культурныхъ стремленій и интересовъ, можно быть увѣреннымъ, малороссіянка выступитъ съ большей силой и съ большей настойчивостью на борьбу съ кабакомъ, что вызоветъ матеріальный и нравственный подъемъ

семьи, села, всего народа. Существуетъ пословица: «якъ горилки не пить, то и въ свити не жить», но она сложилась давно и, надо нолагать, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій крѣпостническаго быта, когда крестьянинъ лишь въ состояніи опьяненія не чувствовалъ давившихъ его нужды и горя и когда для него всѣ радости жизни повидимому отождествлялись съ водкой. Теперь не то, теперь водка является какъ приправа грубо понимаемаго удовольствія, а пьянство, при отсутствіи причинъ исключительныхъ, какъ послѣдствіе праздности и недоступности или непонятности удовольствій иного рода. Съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія, съ распространеніемъ грамотности въ нашей крестьянской средѣ измѣнятся вкусы и потребности, и пьяницкія пѣсни останутся памятникомъ лишь прежней жизни, а корчму и водку замѣнятъ удовольствія иного, болѣе нравственнаго свойства.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ

(Продолженіе) [1]

Бѣдствія отъ нашествія татаръ повторялись въ Кіевѣ не разъ и въ послѣдующіе три вѣка, именно около 1300 года, когда Кіевъ «разбѣжался, не стерпя насилія татарскаго», въ 1399 г. во время нападенія Эдигея на Кіевъ и въ 1484 году, въ нашествіе Менгли-Гирея. Но промыслъ Божій хранилъ печерскую обитель отъ конечнаго разоренія и въ эти бѣдственныя времена, а иногда она послѣ разоренія какъ бы воскресала изъ своего пепла. Къ этому приводятъ насъ слѣдующія соображенія и факты. Если спустя 10 лѣтъ послѣ разоренія Кіева Батыемъ существовалъ кіево-выдубецкій монастырь, въ которомъ останавливался галицкій князь Даніилъ Романовичъ въ 1250 г., слѣдуя въ орду; то могла тогда уже безопасно собраться на своемъ мѣстѣ и братія печерскаго монастыря. Если въ 1251 году митрополитъ кіевскій Кириллъ находилъ возможнымъ прибыть въ Кіевъ и не только посѣтить его вновь въ 1274 и 1277 г., но совершать здѣсь, въ софійскомъ соборѣ, хиротонію епископовъ для Владиміра на Клязьмѣ и Новгорода, если въ 1280 г. онъ даже завѣщалъ перевезти тѣло свое по смерти изъ Владиміра Суздальскаго въ Кіевъ для погребенія въ св. Софіи; то и Печерскій монастырь могъ въ то время устроиться хотя отчасти, въ особенности когда татаре отошли отъ Кіева на Волынь и въ

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., майск. кн., стр. 26—44.

Галицкую землю. О возможно большей или меньшей безопасности Кіева и его населенности вновь въ концѣ XIII вѣка свидѣтельствуютъ также двухлѣтнее (въ 1283 и 1284 г.) пребываніе въ Кіевѣ митрополита Максима, созваніе имъ здѣсь въ 1284 г. собора епископовъ, совершавшіяся въ Кіевской Софіи въ 1288 и 1289 г. хиротоніи епископовъ на кафедры владимірскую и ростовскую и пребываніе митрополита Максима въ Кіевѣ до 1300 года. Не въ пустой Кіевъ вошелъ и Гедиминъ, литовскій князь въ 1321 году, послѣ разбитія имъ русскихъ князей на р. Ирпени, близъ Бѣлгородки: ему сдѣлана здѣсь торжественная встрѣча духовенствомъ и народомъ. Еще болѣе стало безопаснымъ положеніе Кіева при владычествѣ Гедимина (1321—1345) и его преемникахъ Ольгердѣ (1345—1377 г.) Ягайлѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ, когда Кіевъ имѣлъ своихъ удѣльныхъ князей въ лицѣ Владиміра Ольгердовича (1362—1392), Скиргелла Ольгердовича (1392—1392 г.), Олелька Владиміровича (1435—1455 г.), Симеона Олельковича (1455—1471 г.), когда Кіевъ посѣщали и въ немъ жили, иногда по-долгу, митрополиты Феогностъ (1328—1331 г.), Алексѣй (1356—1358,) Кипріанъ (1375—1381 г. 1388—1390 г., 1396—1397 и 1405—1406 г.) и Фотій (1409 и 1411 г.). Съ этимъ согласны и немногія историческія свидѣтельства о состояніи печерскаго монастыря въ XIV и XV вѣкахъ. Такъ, по свидѣтельству лѣтописи, въ половинѣ XIV вѣка юный тверской княжичъ, придя въ печерскую обитель, видѣлъ здѣсь иноковъ, «сіяющихъ добродѣтельми, яко звѣзды на тверди небесной..» Въ 1446 г. князь Андрей Владиміровичъ, сынъ Владиміра Ольгердовича, пріѣзжалъ въ печерскій монастырь съ женою и дѣтьми на поклоненіе и здѣсь написалъ свое духовное завѣщаніе; въ 1377 году видимъ архимандрита печерскаго монастыря Давида духовникомъ жены великаго литовскаго князя Ольгерда, Іуліаніи; въ 1438 г. приходитъ въ печерскій монастырь на покой отъ славныхъ военныхъ подвиговъ князь острожскій Феодоръ Даниловичъ и здѣсь, «оставивъ прелесть міра сего и княжескую славу,» постригается въ иноки подъ именемъ Феодосія, «угождаючи Богу ажъ до смерти, душу свою укра-

шаючи»; въ половинѣ того-же XV вѣка митрополитъ Фотій пишетъ въ печерскую обитель два посланія, изъ которыхъ видно, что въ ней было значительное число братіи и что она находилась въ благоустроенномъ видѣ. Въ особенно благоустроенный видъ приведена она была при кіевскомъ князѣ Симеонѣ Олельковичѣ въ 1470 году благочестивымъ усердіемъ сего князя; тогда возобновлена великая печерская церковь, украшена стѣннымъ иконнымъ писаньемъ и обогащена золотомъ, серебромъ и дорогими св. сосудами при архимандритѣ Іоаннѣ. Не прошло однако и 14 лѣтъ послѣ торжества о семъ возобновленіи, какъ крымскій ханъ Менгли-Гирей, взявши Кіевъ и розоривъ его въ 1483 году, сжегъ, ограбилъ и разорилъ печерскій монастырь съ его посадами, при чемъ погибла монастырская казна и всѣ дорогіе сосуды, которые тщетно старался спасти печерскій архимандритъ. Скоро ли послѣ этого бѣдствія могла оправиться печерская обитель, неизвѣстно; но все же не лишена была способовъ къ поддержанію своего храма въ благолѣпіи и къ пропитанію братіи, такъ какъ великая печерская церковь еще съ XIV вѣка сдѣлалась усыпальницей многихъ княжескихъ и другихъ знатныхъ родовъ. Въ ней погребены кіевскіе удѣльные князья: *Владиміръ Ольгердовичъ* (1392 г.), *Скиргелло Ольгердовичъ* подлѣ гроба преподобнаго Θеодосія (1394 г.), *Александръ* или Олелько *Владиміровичъ* (1455 г.), *Симеонъ Олельковичъ* (1471 г.), и ихъ потомки: *Василь Симеоновичъ*, сынъ Симеона Олельковича, правнукъ Владиміра Ольгердовича (1495); *Георгій*, сынъ Юрья Олельковича, князь Слуцкій (1579 г.); *Софія Олельковна*, супруга князя Януша Радзивилла, верховнаго подчашаго великаго князя литовскаго съ однолѣтнею своею дочерью Екатериною (1612 г.); гетманъ великаго княжества литовскаго, воевода трокскій, князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій* (1533 г.), супруга его, княгиня Острожская *Татьяна* (1531 г.), князья *Корецкіе* Θеодоръ Ивановичъ Ярославичъ и Ефимій Богушъ-Θеодоровичъ, волынскій воевода (1576 г.), потомки князя Дмитрія Ольгердовича, князья *Вишневецкіе*: Михаилъ Корибутовичъ, каштелянъ кіевскій, староста каневскій и черкасскій (1584 г.), Александръ Алексан-

дровичъ Корибутовичъ (1577 г.), его теща, жена брацлавскаго воеводы, княгиня Анна Шимковна *Капустина* (1577 г.), князья изъ потомковъ Ольгерда Ѳеодоръ и Андрей *Сангушки;* князья *Полубенскіе:* Андрей Ѳеодоровичъ, правнукъ Андрея Ольгердовича, погребенный подлѣ князя Владиміра Ольгердовича, сынъ его Василій, староста мстиславскій, маршалокъ гродненскій, умершій въ половинѣ XVI вѣка; Левъ Васильевичъ и Иванъ, убитый подъ г. Бѣлой, при изгнаніи королевича Владислава изъ Москвы; Александръ *Иловскій,* воевода полоцкій (1555 г.); *Тышкевичи:* Иванъ, бывшій въ половинѣ XV вѣка печерскимъ архимандритомъ, Янъ Гуринскій Миновичь Львовичъ Тышкевичъ, староста чернобыльскій (1563 г.); каштелянша брацлавская, старостина овручская Анна Симеоновна, кондреевская монахиня (1577 г.); *Ельцы*—Дмитрій Кіевскій, писарь, и его жена Марія Олизаровна, дѣдъ его, чернобыльскій староста Яковъ и сыновья Дмитрія: подстолій кіевскій Филиппъ и Иванъ (1603 г.); маршалокъ и писарь королевскій Иванъ *Копецъ*, Гаврило Меновичъ Богданъ *Гоецкій* (1517 г.), бурмистръ г. Могилева Василій *Якимовичъ* (1620 г.), мужъ твердый въ вѣрѣ и испытанный въ храбрости Симеонъ *Лыко* (1621 г.), Лонгинъ *Суринъ* (1552 г), Андрей Суринъ (1557 г.), и брацлавскій хорунжій и твердый христіанинъ Николай *Шашкевичъ* (1624 г.). Надъ мѣстомъ, гдѣ погребенъ Василій, сынъ князя Симеона Александровича, былъ темновидный саркофагъ; былъ также памятникъ надъ могилой Софіи Олельковны, а гробница князя Михаила Вишневецкаго была мраморная, какъ видно изъ Тератургимы Кальнофойскаго. Ляссота, жившій въ Кіевѣ въ концѣ XVI вѣка, видѣлъ въ великой печерской церкви у стѣны каменный оштукатуренный склепъ, въ которомъ погребены кіевскіе князья. Всѣ гробы княжескіе и панскіе были накрыты покрывалами изъ бархата и другихъ дорогихъ матерій, какъ значится въ описи печерскаго монастыря, составленной въ 1554 году. Изъ того-же реестра открывается, что, кромѣ выше поименованныхъ лицъ, въ великой печерской церкви погребены еще: *супруга* князя *Свидригайла*

Ольгердовича Анна [1]), князья *Острожскіе* Илія Константиновичъ и Михаилъ; князь *Слуцкій*, князь *Добровицкій*, князья *Голшанскіе*, князья *Горскіе*, панъ Евстафій *Дашкевичъ*, княгиня *Мстиславская* и князь *Одинцевичъ*-Багриновичъ. Такимъ образомъ великая печерская церковь къ концу XVI вѣка представляла внутри себя какъ бы почетное кладбище, на которомъ надгробія тѣснились одно подлѣ другаго, подобно гробницамъ великихъ московскихъ князей и царей въ московскомъ архангельскомъ соборѣ.

Съ умноженіемъ знатныхъ гробницъ въ Печерскую обитель поступали и въ ней умножались приношенія за упокой усопшихъ не только денежныя, но и состоявшія въ земельныхъ угодіяхъ. Въ этомъ удостовѣряютъ хранившіяся въ ней и поименованныя въ реестрѣ 1554 года: *привилеи* князя Константина и княгини Маріянны Семеновой Острожскихъ, князя Андрея Каширскаго, князя Өеодора Ярославича, князя Семена Алгимунтовича, князя Юрія Юрьевича, князя Семена Львовича, князя Юрія Семеновича, княгини Софіи Дмитріевны, [2]) князя Василія Юрьича, князя Ивана Федоровича Мошковскаго, княгини Ульяны Юрьевны, княгини Семеновой-Семеновичевой, князя Богуша Корецкаго, вдовы князя Ярослава Матвѣича, пана Юрія Ивановича Зеновевича и старицы Пелагіи; *духовницы* или *завѣщанія:* панеи Маріи Егковны, пана Семена Сколковича, Льва Тишкевича, пана Ивана Дашкевича; листъ, на пергаменѣ писанный, княгини Софіи Дмитріевны; *листы:* пани Уліаніи Ивашковой, князя Михаила Львовича Глинскаго, пана Михаила Павши, княгини Уліаніи Ивановны, Юрьевича Лубьеневича, княгини Анны Свидригайловой, княгини Маріи Васильевны Михайловичъ, князя Ивана Семеновича Кобринскаго, князя Соколинскаго, князя Семена Юрьевича, князя Дмитрія Путятича, боярина Комара, пани Кгалтовнѣ, князя Өеодора Андреевича Володимірскаго, князя

---

[1]) Дочь тверскаго князя Бориса.

[2]) Супруги кіев. князя Владиміра Ольгердовича, дочери великаго московскаго князя Димитрія Донскаго.

воеводы кіевскаго Немировича, пана Михаила Павловича, княгини Маріи Михайловой, пани Марьяны Василевой, пана Ивана Борейшевича, хорунжаго Василитскаго, Льва Федоровича Соколинскаго, старосты могилевскаго пана Боки и овручскаго старосты пана Есиѳа (Осипа) Халецкаго. А въ описи имущества, принадлежавшаго печерскому монастырю въ 1593 году, значится, что въ его владѣніи были тогда два города—Радомысль и Васильковъ, до 50 большихъ селъ и около 15 селищъ и деревень въ разныхъ мѣстностяхъ западной Россіи, съ рыбными ловлями, рѣчными перевозами и мельницами, медовыми и грошевыми даньми и бобровыми гонами [1]). Кромѣ всего этого, печерскій монастырь, какъ видно изъ описи 1554 года, имѣлъ еще въ XV вѣкѣ дозволеніе пріѣзжать въ Москву для сбора пожертвованій. При такихъ пособіяхъ архимандритъ Иларіонъ успѣлъ около 1555—1556 года обновить зданіе великой печерской церкви. Такимъ образомъ печерская обитель и въ самыя бѣдственныя времена юго-западнаго края Россіи не лишена была средствъ къ безбѣдному существованію.

Избавившись отъ татарскихъ нападеній и разореній, кіево-печерскій монастырь въ концѣ XVI вѣка подвергался большой опасности со стороны польскаго правительства, которое насильно вводя унію съ римскою церковію въ подчиненныхъ ему русскихъ областяхъ, требовало, чтобы православныя церкви и монастыри признали надъ собою власть измѣнившихъ православію епископовъ и митрополита. Еще до начала брестскаго собора 1596 г., король Сигизмундъ III и папа Климентъ VIII постановили подчинить уніатскому кіевскому митрополиту печерскую архимандрію, числившуюся тогда въ непосредственной зависимости отъ константинопольскаго патріарха, а измѣнившій православію митрополитъ Михаилъ Рогоза, послѣ брестскаго собора, испросилъ у короля повелѣніе, чтобы печерскій монастырь со всѣми имѣніями былъ переданъ въ непросредственное его вѣдѣніе, съ устраненіемъ печерскаго архимандрита Никифора

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, т. I, ч. I, № 91.

Тура, явившагося поборникомъ православія на брестскомъ соборѣ; уже назначены были и лица, имѣвшіе привести это королевское повелѣніе въ исполненіе: мозырскій маршалокъ Стефанъ Лозка и кіевскій возный Романъ Овсяный; но печерская капитула съ монахами и вооруженными людьми не пустила маршалка и познаго въ монастырь. „Есть у насъ архимандритъ и другаго не нужно намъ; отступника Рогозу не признаемъ митрополитомъ и не допустимъ передачи ему монастыря,“ отвѣчала монашествующая братія. Безуспѣшно кончилась и вторичная попытка уніатовъ овладѣть печерскимъ монастыремъ въ 1598 г., когда новою королевскою грамотою передача эта была поручена дворянину Яну Кошицу. Кошицъ нашелъ монастырскія ворота запертыми, а предъ воротами нѣсколько сотъ вооруженныхъ козаковъ, гайдуковъ и слугъ монастырскихъ, съ капитулою, съ попомъ Давидомъ, палатнымъ Іоною, корчемникомъ Іоною и діакономъ Іоною во главѣ, которые на предложеніе Кошица отвѣтили: „ни какихъ листовъ слышать не хотимъ, монастырь охраняемъ и охранять будемъ, и передать оный митрополиту не допустимъ.“ Не удалось уніатскимъ митрополитамъ Михаилу Рогозѣ, Ипатію Поцѣю и Вельямину Рутскому овладѣть и имѣніями печерскаго монастыря. Никифоръ съ помощью козаковъ и монастырскихъ крестьянъ выгонялъ митрополичьихъ урядниковъ. Наконецъ Ипатій Поцѣй въ 1605 г. при архимандритѣ Елисеѣ Плетенецкомъ долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на имѣнія печерскаго монастыря, находившіяся въ коронѣ польской, удержавъ за собою лишь имѣнія въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1615 г. при томъ же архимандритѣ м. Вельяминъ Рутскій отказался и отъ имѣній печерскихъ, находившихся въ Литвѣ.

Отстоявъ свои имѣнія и свою независимость отъ власти измѣнившихъ православію митрополитовъ, печерская обитель, въ началѣ XVII в., съ титломъ лавры и ставропигіи константинопольскаго патріахрха, начинаетъ новую просвѣтительную дѣятельность ко благу православной церкви и въ защиту православнаго народа отъ римскаго лжеученіа. При архимандритѣ Ели-

сеѣ Плетенецкомъ учреждается въ печерскомъ монастырѣ ученое братство и заводится типографія для печатанія книгъ православныхъ богослужебныхъ и вообще духовнаго содержанія; архимандритъ Захарія Копыстенскій, поддерживая учрежденія своего предшественника, издаетъ въ защиту православія свою „Палинодію;“ Петръ Могила при самомъ печерскомъ монастырѣ учреждаетъ училище, которое потомъ соединяетъ съ училищемъ кіево-братскимъ и преобразовываетъ въ коллегію. Наконецъ съ половины XVII вѣка, поступивъ подъ власть россійскихъ государей, кіево-печерская обитель совершенно успокоивается отъ многовѣковыхъ треволненій, притѣсненій, обидъ и разореній.

Положеніе кіево-печерской лавры въ половинѣ XVII вѣка довольно обстоятельно представлено діакономъ Павломъ, спутникомъ антіохійскаго патріарха Макарія, который прибылъ въ Кіевъ въ 1653 году, почти наканунѣ его возсоединенія съ Россіей. Изъ его описанія можно видѣть, что печерская обитель находилась тогда въ достаточно благоустроенномъ видѣ. Она была окружена значительнымъ населеніемъ, состоявшимъ отъ 4 до 5 тысячъ домовъ, при которыхъ были обширные сады шелковичныхъ и миндальныхъ деревъ. Всѣ эти дома принадлежали крестьянамъ печерской лавры. Монастырскія святыя ворота съ свято-троицкою церковью вверху были выштукатурены и побѣлены. Отъ св. воротъ къ великой церкви тянулись въ два ряда чистыя и красивыя келліи монашествующихъ, съ палисадниками при каждомъ изъ нихъ и съ огородами съ задней стороны. Помѣщеніе каждаго монашествующаго (вѣроятнѣе только начальствующихъ или должностныхъ лицъ) состояло изъ трехъ чистыхъ комнатъ, расписанныхъ масляными красками и прилично меблированныхъ. Кромѣ внѣшнихъ садовъ, было два прекрасныхъ садика внутри самаго монастыря, въ которыхъ были цвѣты, кустарники и лучшія фруктовыя деревья. Богослуженіе совершалось въ 23 церквахъ. На встрѣчу патріарху отъ печерскаго монастыря къ чертѣ города, у нынѣшней васильковской плотины на р. Лыбеди, выслана была золотая карета, обитая внутри малиновымъ бархатомъ. У св. воротъ встрѣтили его 8 паръ

іеромонаховъ и 4 діакона въ однообразныхъ облаченіяхъ съ иконами, евангеліями, дорогими крестами и кадильницами въ рукахъ. Послѣ краткаго молитвословія въ главномъ храмѣ, патріарху и его свитѣ предложено въ трапезѣ обильное угощеніе, состоявшее изъ разнообразныхъ кушаньевъ и сластей, меду, пива и вина собственныхъ виноградниковъ. Столовыя принадлежности, какъ то миски, блюда и ложки были серебряныя. Великая церковь и церковь св. апостолъ Петра и Павла при настоятельскихъ покояхъ отличались благолѣпнымъ видомъ. Сзади великой церкви находились, при ея углахъ, двѣ деревянныя колокольни. Одна изъ нихъ довольно значительной высоты, съ витой лѣстницей внутри, съ пятью колоколами и съ желѣзными часами, на которыхъ отбивались не только часы, но и четверти; съ наружной стороны колокольни находились солнечные часы. На другой, значительно меньшей колокольнѣ висѣлъ одинъ большой колоколъ, который во время звона раскачивали четыре человѣка. Воздвиженская церковь надъ входомъ въ ближнія пещеры была о 2-хъ куполахъ и имѣла весьма красивый иконостасъ, царскія врата коего были такъ искусно вызолочены, что казались сдѣланными изъ чистаго золота Богослуженіе отправлялось и въ пещерныхъ церквахъ. Кровля настоятельскаго дома имѣла форму купола съ парапетомъ, съ котораго можно было любоваться богатыми видами на берега Днѣпра. Монастырская библіотека, состоявшая изъ рѣдкихъ книгъ, помѣщалась въ ряду братскихъ келлій. Братіи въ печерскомъ монастырѣ за два года предъ тѣмъ было до 500 человѣкъ, но изъ нихъ оставалось къ пріѣзду патріарха не болѣе 200, а до 300 человѣкъ сдѣлались жертвою моровой язвы. Клобуки монашествующихъ были съ опушкой изъ бархатнаго плюша и покрыты черной крепой, которая опускалась на глаза и стягивалась пуговицей на подбородкѣ. Митрополитъ, епископы и архимандритъ носили золотые наперсные кресты, подпоясывались бѣлыми кушаками и были одѣты въ рясы съ подкладкой синяго цвѣта на полахъ. Настоятели монастырей и старшіе изъ братіи употребляли камышовыя палки съ серебреными набалдашниками и съ желѣзнымъ остріемъ на нижнемъ концѣ. На одной створѣ

воротъ, которыми входили въ больничный монастырь, были изображены: богачъ, сидящій за столомъ и пьющій вино съ друзьями богача, и Лазарь, просящій милостыни у дверей и изгоняемый друзьями богача; на другой створѣ Лазарь, сидящій на землѣ, окруженный собаками, которыя лижутъ его язвы и струпья; подлѣ Лазаря ангелъ смерти. Къ срединѣ воротъ была прикрѣплена кружка для сбора пожертвованій въ пользу призрѣваемыхъ въ больницѣ. Въ типографскомъ домѣ, находившемся вблизи великой церкви, печатались богослужебныя книги, а также планы областей и городовъ, изображенія святыхъ и академическія извѣстія. Противъ св. воротъ печерскаго монастыря находился женскій *Вознесенскій монастырь*, въ которомъ было болѣе 60 монахинь и воспитывалось большое количество дѣвочекъ-сиротъ.

Ни внѣшній, ни внутренній видъ великой лаврской церкви не описаны діакономъ Павломъ, но понятіе о современномъ состояніи этого храма въ первой половинѣ XVII вѣка можно составить по рисункамъ на выходныхъ листахъ нѣкоторыхъ книгъ, изданныхъ тогда въ кіево-печерской типографіи. Такіе рисунки имѣются на выходномъ листѣ «Учительнаго Евангелія» 1623 г., при книгѣ: «Главизны поучительны» Агапита діакона 1628 года и на планѣ кіево-печерской лавры, приложенномъ къ книгѣ Кальнофойскаго *Тератургима*, изд. 1638 года. Изъ нихъ видно, что великая печерская церковь въ это время, какъ и въ древности, была только съ двумя куполами, большимъ на срединѣ церкви и малымъ на Предтечевскомъ придѣлѣ, и имѣла три закругленія на восточной своей сторонѣ. Съ сѣверной и южной ея сторонъ находились позднѣйшія низкія пристройки въ видѣ палатокъ. Въ палаткѣ, находившейся впереди южныхъ дверей великой церкви, была церковь св. Іоанна Богослова, а въ палаткѣ, сзади тѣхъ дверей, гдѣ нынѣ ризница лаврская, былъ придѣлъ во имя святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Изъ двухъ пристроекъ, бывшихъ на сѣверной сторонѣ, въ западной, прилегавшей къ Предтечевскому придѣлу, помѣщалась усыпальница господъ Ельцовъ съ церковью,

а передняя или восточная служила общей усыпальницей, въ которой хранились во множествѣ бренные останки князей, гетмановъ, воеводъ, пановъ и другихъ знатныхъ особъ. Были двѣ не большія пристройки и съ западной, лицевой стороны великой церкви, также въ видѣ палатокъ, съ двухскатными крышами и съ крестами вверху; назначеніе ихъ неизвѣстно, по всей вѣроятности это были надгробія знатныхъ лицъ. Послѣ 1638 года и вѣроятнѣе всего при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ († 1644 г.), сохранявшемъ за собою званіе священно-архимандрита кіево печерской лавры. великая печерская церковь преобразовалась въ болѣе нарядный видъ о 5 куполахъ съ малою главкою на фронтонѣ, впереди главнаго купола, а подъ крестомъ этого купола, на шейкѣ, наставлена малая глава. Въ такомъ видѣ печерская церковь отгравирована на лаврскомъ «Панагіаріонѣ» 1655 года и на выходномъ листѣ книги *Пречестныи каноны и акаѳисты*, изданной въ лаврской типографіи 1677 года. Съ юго-восточной стороны великой церкви стояла довольно широкая, подъ двухъярусной кровлей, деревянная колокольня, въ родѣ тѣхъ старинныхъ колоколенъ, прорѣзанныхъ рядомъ оконъ на всѣ четыре стороны, которыя еще и теперь можно встрѣтить при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ кіевской епархіи. Въ послѣдней четверти XVII вѣка великая печерская церковь получила новое измѣненіе во внѣшнемъ своемъ видѣ. Къ ней пристроенъ, на юго-западномъ углу, придѣлъ во всю ея высоту, въ размѣрѣ соотвѣтствующемъ Предтечевскому придѣлу, находящемуся на сѣверо-западномъ углу, чрезъ что церковь получила болѣе равномѣрную форму; особое отличіе этого новаго придѣла составляетъ крестоообразное окно на лицевой сторонѣ. Каплицы, бывшія внизу западной стѣны великой церкви, замѣнены длинною во всю ея ширину и низкою папертью, съ 4 входными дверьми и шестью надъ ними, овальными окнами; по окраинѣ этой паперти придѣланы щиты, увѣнчанные шестью крестами. Въ такомъ видѣ великая печерская церковь изображена на выходномъ листѣ Евхологіона, изданнаго въ 1708 году въ кіево-печерской типографіи. Въ томъ же видѣ она написана масляными красками на

доскѣ, служащей центральною иконой въ Антоно-Θеодосіевскомъ придѣльномъ иконостасѣ кіево-софійскаго собора. Здѣсь можно видѣть, что кровля церкви была окрашена въ коричневый цвѣтъ, и всѣ ея главы были вызолочены. Въ этомъ послѣднемъ видѣ великая лаврская церковь оставалась до 1718 года.

Состояніе кіево-печерской лавры во 2-й половинѣ XVII вѣка было тревожное. Въ особенности безпокойнымъ было ея положеніе въ 1673 году во время открывшейся войны Россіи съ турками; печерскій архимандритъ съ братіею молили тогда государя отпустить имъ „изъ кіевской государевой казны пушекъ, зелья, пороху, свинцу, ядеръ, сколько Господь Богъ на сердцу извѣститъ дати на время тровожливое, дондеже оно милосердіемъ Божіимъ мимоидетъ, чтобъ есми имѣли чѣмъ паки и отъ найменьшаго непріятельскаго находа боронитца." Въ такомъ же состояніи чрезъ три года былъ и весь Кіевъ, по взятіи Чигирина турками, но тогда искали преимущественно духовной помощи, совершая вокругъ Кіева крестные ходы съ чудотворной печерскою иконой Божіей Матери. Для успокоенія печерской обители отъ подобныхъ тревогъ на будущее время, гетманъ Иванъ Самойловичъ оградилъ ее въ 1679 г. земляными валами, которые въ 1706—1715 году, по указу Петра І-го, возобновлены въ лучшемъ видѣ и составили нынѣшнюю печерскую крѣпость. Въ 1711 году перешли въ нее на жительство и кіевскія власти: начальникъ губерніи и начальникъ края съ губернскою канцеляріею, устроившись подъ лаврской оградой, противъ Воскресенской церкви. Прилагая не менѣе Самойловича заботъ о безопасности кіево-печерской лавры, гетманъ Иванъ Мазепа въ 1696 г. обвелъ ее высокою и толстою, каменною стѣной съ башнями на юго-западномъ и сѣверо-восточномъ углахъ, а надъ экономическими воротами соорудилъ пяти главую церковь во имя сошествія св. Духа. За двойною земляною и каменною стѣнами, подъ охраной русскаго орла, восторжествовавшаго надъ всѣми внѣшними и внутренними врагами Россіи, казалось, кіево-печерская обитель могла успокоиться совершенно отъ многовѣковыхъ, нерѣдко постигав-

шихъ ее бѣдъ. Но въ 1718 году постигло ее новое, страшное несчастіе: въ ночь съ 21 на 22-е апрѣля пожаръ, начавшійся внутри великой церкви, истребилъ всю ея утварь вмѣстѣ съ древнимъ иконостасомъ и древнѣйшими иконами, библіотеку, архивъ и типографію. Отъ великой церкви остались лишь обгорѣлыя стѣны и чудотворная икона Божіей Матери, исхищенная изъ огня съ нѣкоторою утварью. Два года оставалась церковь въ такомъ жалкомъ состояніи, пока щедротами вѣнценоснаго Монарха и усердными приношеніями православныхъ дана была возможность приступить въ 1722 году къ ея возобновленію. Обновленіе продолжалось 7 лѣтъ и въ 1729 году, 14 августа, обновленная великая церковь освящена торжественно преосвященнымъ кіевскимъ архіепископомъ Варлаамомъ Ванатовичемъ съ епископами черниговскимъ Иларіономъ и переяславскимъ Іоакимомъ, при участіи архимандрита кіево-печерской лавры Іоанникія Сенютовича. При этомъ послѣднемъ обновленіи великой печерской церкви всѣ пристройки, бывшія въ видѣ отдѣльныхъ палатокъ или часовень съ западной, сѣверной и южной ея сторонъ, сломаны, на мѣсто ихъ какъ на западной сторонѣ, вправо отъ входныхъ дверей, такъ и на сторонахъ сѣверной и южной сдѣланы двухъ этажныя пристройки въ уровень съ древними стѣнами церкви, съ закругленіями на восточной сторонѣ, и вверху по краямъ кровли съ 3-хъ сторонъ поставлены каменные щиты, украшенные живописью и лѣпными орнаментами. Но какъ боковыя придѣлы затемняли собою среднюю часть храма, то для освѣщенія ея верхнія части сѣверной и южной стѣнъ великой церкви выломаны въ видѣ большихъ арокъ, образовавъ собою боковые хоры, которыхъ прежде она не имѣла. Такимъ образомъ, съ сѣверной стороны, на мѣстѣ двухъ малыхъ церквей или каплицъ гг. Ельцовъ и Корецкихъ, устроенъ въ нижнемъ этажѣ придѣлъ во имя св. архидіакона Стефана, а въ верхнемъ этажѣ (на хорахъ) придѣлъ во имя Преображенія Господня; съ южной стороны, на мѣстѣ также малыхъ двухъ каплицъ, устроены въ нижнемъ этажѣ два придѣла: трехсвятительскій, обращенный въ

послѣдствіи въ ризницу, и Іоанно-Богословскій къ востоку отъ южной входной двери, а надъ ними, въ верхнемъ этажѣ (на хорахъ) придѣлъ во имя св. апостола Андрея Первозваннаго. Въ послѣдующіе за тѣмъ 150 лѣтъ XVIII и XIX вѣка кіево-печерская лавра обстроилась каменными зданіями для братскихъ келлій, типографіи, гостинницы и разныхъ складовъ, въ замѣнъ прежнихъ деревянныхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Съ настоящей книжки мы начинаемъ печатаніе тѣхъ стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній Т. Г. Шевченка, которыя писаны были имъ на русскомъ языкѣ и въ большей части своей остались доселѣ неизданными. Всѣхъ произведеній этого рода насчитывается доселѣ двѣнадцать. Изъ числа ихъ разновременно напечатаны были пять, именно: *Никита Гайдай* и *Тризна* (Безталанный) въ 40-хъ годахъ въ журналѣ «Маякъ», *Музыкантъ* въ кіевской газетѣ «~~Трудъ» за 1881 г~~., *Несчастный* въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 г., *Княгиня* въ «Кіевской Старинѣ» 1884 г., остальныя семь нигдѣ не печатались доселѣ и находились въ совершенной неизвѣстности, именно: *Варнакъ*, *Наймичка*, *Близнецы*, *Капитанша*, *Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали*, *Художникъ* и поэма въ стихахъ *Слѣпая*.

Каждое изъ этихъ произведеній заключаетъ въ себѣ черты важныя для біографіи поэта, или для исторіи процесса его творчества.

«Никита Гайдай», въ романтической сценкѣ, въ рѣчахъ нѣсколько ходульнаго героя, таитъ въ себѣ первыя очертанія только что складывавшихся историческихъ взглядовъ поэта. Въ сжатой рамкѣ намѣчены въ немъ тѣ идеи славянскаго единенія, которыя въ дальнѣйшемъ развитіи стали идеями такъ называемаго Кирилло-Меѳодіевскаго кружка.

«Тризна» (Безталанный) заключаетъ въ себѣ чисто субъективныя строфы и признанія.

«Варнакъ» и «Наймичка»—два прозаическихъ произведенія, написанныя въ 40-хъ годахъ, до ссылки, суть первообразы написанныхъ впослѣдствіи малорусскихъ поэмъ. Черты дѣйствительности, записанныя въ этихъ безхитростныхъ этюдахъ, по прошествіи годовъ облеклись въ поэтическія формы и краски.

Всѣ слѣдующія прозаическія повѣсти написаны въ ссылкѣ. Въ то время Шевченку выступать въ печати, какъ малорусскому поэту, было

безусловно невозможно. Чтобъ напечатать «Наймичку» въ «Запискахъ о южной Руси», Кулишу пришлось выдумать цѣлую исторію о какой-то хуторской барышнѣ, въ альбомѣ которой якобы нашлась эта поэма неизвѣстнаго автора. Шевченко хотѣлъ попробовать помѣщать свои произведенія въ русскихъ журналахъ подъ псевдонимомъ и для этого писалъ по русски. Нѣкоторые изъ своихъ опытовъ онъ посылалъ въ «Отечественныя Записки», позже въ «Русскую Бесѣду» но они не встрѣтили тамъ сочувственнаго пріема. Матеріаломъ для работъ служили ему воспоминанія его былой скитальческой жизни, слышанные когда-то характерные случаи и разсказы, видѣнные типы, наболѣлыя и незажившія раны собственной доли. Отсюда этотъ рядъ произведеній, писанныхъ одно за другимъ.

«Близнецы», «Капитанша», «Княгиня», все это эпизоды дѣйствительности, гдѣ съ легкими измѣненіями выходятъ когда-то дѣйствительно жившія лица.

«Музыкантъ» весь писанъ по воспоминаніямъ о пребываніи поэта въ домахъ полтавскихъ помѣщиковъ. Изображенный здѣсь бытъ крѣпостныхъ артистовъ, людей одаренныхъ способностями и иногда талантами, былъ особенно близокъ писателю, а судьба такихъ людей вызывала въ немъ исключительное сочувствіе.

«Художникъ»—на половину автобіографія поэта. Здѣсь такъ подробно, какъ нигдѣ, разсказаны его петербургскіе годы ученія у Брюлова и проч. И для личности самаго поэта и для характеристики близкихъ ему въ ту пору людей эта повѣсть особенно важна. Вторая половина повѣсти вымышлена.

«Несчастный» есть набросокъ типа встрѣченнаго въ ссылкѣ.

Самая большая и самая слабая прозаическая повѣсть Шевченка «Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали» содержитъ въ себѣ, подобно предъидущимъ, много чертъ для характеристики крѣпостнаго быта и отношеній.

«Слѣпая» написана въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, вѣроятно до появленія перваго, маленькаго «Кобзаря» (1841 г.), или одновременно съ нимъ. Это одинъ изъ набросковъ на тему безобразій крѣпостнаго быта, къ которой съ болѣзненной настойчивостью авторъ обращался много разъ. До прошлаго года о существованіи этой поэмы извѣстно было только по слухамъ и лишь въ прошломъ году въ Петербургѣ нашелся списокъ ея, писанный рукою самаго поэта.

Помимо біографическаго характера, всѣ названныя произведенія Шевченка имѣютъ несомнѣнный историко-литературный интересъ. Сюжеты ихъ, заимствованные изъ дѣйствительной, весьма близкой поэту

жизни и воспроизведенные съ свойственными ему наблюдательностію и силою чувства, даютъ правдивую исторію людей и отношеній того времени, въ частности яркую картину крѣпостничества, отражая въ то же время на себѣ литературные пріемы и вкусы 40-хъ годовъ. Если писитель-самоучка не владѣлъ съ такою свободою русскимъ литературнымъ, какъ своимъ природнымъ языкомъ, если въ формѣ и построеніи своихъ литературныхъ опытовъ онъ слѣдовалъ готовымъ образцамъ и пріемамъ, то талантъ его блещетъ въ детальной разработкѣ сюжетовъ, въ свойственномъ ему драматизмѣ, въ подборѣ образовъ, картинъ, въ силѣ и выразительности слова. Читатели,—мы въ томъ увѣрены,—съ любопытствомъ и безъ скуки прочтутъ и слабѣйшія изъ произведеній роднаго поэта и усматривая ихъ недостатки, не забудутъ при томъ ни тѣхъ вообще неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ развивался его талантъ, ни въ частности той обстановки, при которой написаны нѣкоторыя изъ его повѣстей.

Дѣло будущаго историка и біографа Т. Г. Шевченка съ точностію и всесторонне опредѣлить достоинство и значеніе вновь являющихся въ печати его произведеній; мы-же тѣмъ съ большею готовностію приняли на себя ихъ печатаніе, что безъ изученія ихъ, по нашему убѣжденію, не возможна полная характеристика и оцѣнка нашего великаго поэта.

Считаемъ долгомъ заявить при этомъ, что собраніемъ всего этого матеріала и предоставленіемъ намъ возможности помѣстить оный на страницахъ нашего изданія мы обязаны заботамъ и любезному вниманію В. Л. Беренштама.

Начинаемъ съ найболѣе ранняго произведенія Шевченка, его поэмы: «Слѣпая». Въ ней прежде всего бросается въ глаза значительная растянутость, особливо въ первой половинѣ поэмы, примѣтны слѣды романтизма 30-хъ годовъ, нѣкоторая искуственность въ рѣчахъ изображаемыхъ лицъ, нѣкоторый какъ-бы излишекъ краеокъ въ картинахъ; но эти недостатки покрываются силою возмущеннаго человѣческаго чувства, доходящаго мѣстами до высокаго поэтическаго полета.

I.

СЛѢПАЯ.

(поэма).

Кого рыдая призову я
Дѣлить тоску печаль мою
Въ чужомъ краю? кому тоскуя
Родную пѣсню пропою?
Угасну, бѣдный, я въ неволѣ!
Тоску мою, печаль мою
О прежней волѣ, прежней долѣ
Нѣмымъ стѣнамъ передаю.
О если-бъ стонъ моей печали
И звукъ заржавленныхъ цѣпей,
Святые вѣтры, вы домчали
На лоно родины моей
И въ мирной кущѣ повторили,
Гдѣ мой отецъ и мать моя
Меня лелѣяли, любили!
А братья? Грѣшная семья!
Иноплеменникамъ за злато
Отъ стадъ, елея и вина
Роднаго продали вы брата,
Какъ на закланіе овна.
О Боже, Боже Іудеи,
Благій Творителю земли,
Не наказуй родныхъ злодѣевъ,
А мнѣ смиреніе пошли!

Такую пѣсню тихо пѣла,
Сердечной грусти предана,
Слѣпая нищая; она
У барскаго двора сидѣла
У незатворенныхъ воротъ.
Но изъ воротъ никто не йдетъ,
Никто не ѣдетъ: опустѣли
Хоромы барскіе давно;
Широкій дворъ поросъ травою;
Село забвенью предано;
Съ патріархальной простотою.

Съ отцовской славою святою
Забыто все. Село молчитъ;
Никто села не посѣтитъ,
Не оживитъ его молвою.
Какъ у кладбища, у воротъ
Сидитъ скорбящая слѣпая
И псальму грустную поетъ.
Она поетъ, а молодая...
Дочь несчастливицы моей
Головкой смуглою прильнула
Къ колѣнямъ матери своей;
Тоски не вѣдая, заснула
Сномъ непорочной простоты.
Въ одеждѣ грубой нищеты
Она прелестна; полдень ясный
Моей Украины прекрасной
Позолотилъ любя, лелѣя
Свое прекрасное дитя.
Ужели тщетно пролетятъ
Дни упоенія надъ нею
И свѣтлой радостью своею
Ея тоски не усладятъ?
Она прекрасна, мать калѣка—
Кто будетъ ей руководить?
Придетъ пора, пора любить,
И злое сердце человѣка
Ея любви не пощадитъ.
. . . .
. . . . невиннымъ сномъ
Оксана спитъ, а мать слѣпая,
Уныло-тихо напѣвая,
И каждый шорохъ сторожитъ.
И если вѣтеръ пролетая
Упавшій листъ пошевелитъ,
Она нѣмѣетъ и дрожитъ
И робко къ сердцу прижимаетъ
Свое единое дитя,
Свою единую отраду.
Незрящей памятью слѣдя
Давно минувшихъ дней усладу
Печальной юности своей.

Она извѣдала людей.
И у забытой сей ограды
Они ее не пощадитъ;
Они готовы растерзать
Ея дряхлѣющія руки...
Для нихъ невнятенъ стонъ разлуки,
Чужда имъ матери любовь.
Они твердятъ—законъ таковъ:
Не должно въ прахѣ пресмыкаться
И подаяніемъ питаться
Прекрасной юной сиротѣ;
И мы ее одѣнемъ златомъ,
Внесемъ въ высокія палаты
И поклонимся красотѣ,
Раскроемъ міръ иныхъ видѣній,
Иныхъ страстей высокій міръ
Потомъ... потомъ... и вашъ кумiръ,
Богиня вашихъ поклоненій,
Отъ фиміама упилась
И закоптѣла отъ куреній;
А ваша мудрость отреклась
Отъ обѣщанья; горстью злата
Великодушно бросивъ ей,
Затмили блескъ ея очей.
И вотъ она въ грязи разврата,
Во славу дряхлыхъ вашихъ дней
Передъ толпою черни пьяной
Пьетъ кубокъ...
И запиваетъ сердца раны.
Не вы виновны, но она:
Вы дали все, что должно было
Наложницѣ презрѣнной дать.
А сонъ дѣвичій обновили-ль
И возвратили-ль благодать
Ея невинныхъ помышленій,
Ея невинную любовь,
И радость тихихъ упоеній,
И цѣломудренную кровь
Вы обновили-ль? Не могли!
Но, чада грѣшныя земли,
Вы дали-ль ей восторгъ объятій

Родного милаго дитяти,
Кому-бы, бѣдная, она
Себя въ сей міръ переливала
И тайну жизни открывала,
Сердечной грусти предана?
Развратной бѣдной вашей кровью
Вы помогли ей повторить
Восторги дѣвственной любови;
Ее пустили вы влачить
Остатокъ дней въ мірской пустынѣ;
И о родномъ, единомъ сынѣ
Ей не придется получить
Отрадной вѣсточки сдалека:
Чужія дѣти напоятъ
Ее въ предсмертный часъ жестокій,
И одинокій гробъ съ упрекомъ
Чужія дѣти понесутъ.
Но если ей судьба судила,
Чтобы родимая рука
Глаза уснувшіе закрыла,
Тѣсна ея тогда могила,
Постеля вѣчная жестка!
Ея малютка за позоромъ
Безмолвно по міру пойдетъ
И въ свѣтлый праздникъ у собора
Яичко красное возьметъ,
И со слезами и укоромъ
Свою родную помянетъ.

Осенній полдень, полдень ясный
Родимой милой той земли,
Мои гдѣ годы разцвѣли,
Гдѣ такъ напрасно, такъ нещастно
Въ недоли бѣдной протекли;
Осенній полдень, полдень ясный,
Какъ друга юности любя,
Чужими звуками тебя
Позволь привѣтствовать, прекрасный!

Ты тотъ-же тихій, также милый
Не знаешь времени—а я!
Не то я сталъ, что прежде былъ:
И путь унылый бытія
И ноша тяжкая моя
Меня ужасно измѣнили:
Я тайну жизни разгадалъ,
Раскрылъ я сердце человѣка,
И не страдаю, какъ страдалъ,
И не люблю я: я калѣка!
Я трепетъ сердца навсегда
Оледенилъ въ снѣгахъ чужбины,
И только звуки Украины
Его тревожатъ иногда.
Какъ эхо памяти невинной,
Въ нихъ узнаю мою весну,
Мои унылые досуги,
И въ нихъ я таю, въ нихъ тону.
И сердца тяжкіе недуги,
Какъ благодатною росой,
Врачую ими и молюся,
И непритворною слезой
Съ моей Украиной дѣлюся.
Но глухо все въ родномъ краю!
Я тщетно голосъ подаю,
Мнѣ эха нѣту изъ дубровы
Моей козачки чернобровой.
Тамъ все уснуло! Пустота
Растлила сердце человѣка,
И я на смѣхъ покинутъ вѣкомъ—
Я одинокій сирота!
Осенній полдень догорая,
Поля нагія освѣщалъ
И листъ увядшій опадая,
Уныло грустное шепталъ
О здѣшней жизни человѣку.
Такой порой моя калѣка,

Слѣпая нищая моя
И дочь красавица ея—
Она спала, а мать сидѣла
И тихо, грустно тихо пѣла,
Какъ пѣлъ Іосифъ про свой родъ,
Сидя въ египетской темницѣ;
А въ поднебесьи вереницей
Съ дубравъ украинской земли
На югъ летѣли журавли;
Чему-жь-бы ей, какъ вольной птицѣ,
Туда, гдѣ лучше, не летѣть
И веселѣе не запѣть?
Какая тайна приковала
Къ жилищу мрачной тишины?
Своей сердечной глубины
Она еще не открывала
Ни даже дочери своей;
Она лишь пѣла и грустила.
Но звуки дочернихъ рѣчей
Въ ней радость тихую будили,
Быть можетъ, прежнихъ свѣтлыхъ дней.
Или ограда и тополи,
Что грустно шепчутъ межъ собой,
Свидѣтели минувшей доли,
Или дубовый пень сухой,
Плющемъ увянувшимъ повитый,
Какъ будто временемъ забытый,
Ея свидѣтель?—все молчитъ!
Она поетъ, она грустить
И въ глубинѣ души рыдаетъ,
Какъ будто память отпѣваетъ
О дняхъ минувшихъ молодыхъ,
О прошлыхъ радостяхъ святыхъ.
И эти звуки выходили
Изъ сердца бѣднаго ея,
И въ этихъ звукахъ много было
Ея земнаго бытія.

И въ сотый разъ она кончала
Псаломъ невольничій глухой,
Поникла смуглой головой,
Вздохнула тяжко и сказала:
—Ахъ пѣсня, пѣсня, пѣсня горя,
Ты неразлучная моя,
Въ моемъ житейскомъ бурномъ морѣ
Одна ты тихая струя!
Тебя и день и ночь рыдая
Я всякій часъ пою, пою,
И въ край далекій посылаю
Тебя, унылую мою!
Но вѣтеръ буйный мягкокрылый,
Что прежде весело леталъ
Теперь такъ тихо, такъ уныло,
Какъ будто друга потерялъ,
Какъ будто люди научили,
Чтобы не слушалъ онъ меня
И не домчалъ онъ въ край далекій
Тебя, унылая моя!
Не видя васъ, не зная дня,
Въ моей печали одинокой,
Чѣмъ оскорбить я васъ могла?
Что я вамъ сдѣлала? Любила,
За ваши грѣшныя дѣла
Творца небеснаго молила,
Молила, плакала... а вы
Въ моей тоскѣ, въ моей печали,
Какъ кровожаждущіе львы,
Упрекомъ сердце растерзали,
Растили ядомъ мою кровь,
И за молитвы, за любовь
Мое дитя, мое родное
Тяжелымъ словомъ понесли
И непотребницей слѣпою
Меня со смѣхомъ нарекли!
Я вамъ простила, я забыла,

Я вашей славы не взяла,
Я подаяніемъ кормила
Мое дитя! И залилась
Слезами, горькими слезами.
Она рыдаетъ, а Оксана
Раскрыла черные глаза:
Скорбящей матери слеза
Прервала сонъ отроковицы;
Съ улыбкой черныя рѣсницы
Она закрыла.—«Какой сонъ
Смѣшной и глупый, и какъ живо!»...
И раскраснѣлася стыдливо,
Сама не зная отъ чего.
—«Какъ холодно, а ты все плачешь;
Ужъ скоро вечеръ; для чего
Ты мнѣ печали не разскажешь?
И я бы плакала съ тобой,
А то»...—И хлынули рѣкою
Слезы невинной красоты.
—«И ты заплакала... прости,
Что о моихъ сердечныхъ ранахъ
Я не бесѣдую съ тобой.
Я скоро плакать перестану,
Моею тяжкою слезой
Я не прерву твой сонъ прекрасный,
И о судьбѣ твоей несчастной
Узнаешь ты не отъ меня:
Тебѣ разскажутъ люди злые,
Они тебя не пощадятъ.
И много, много горя будетъ,
А горе даромъ не пройдетъ:
Озлобятъ сердце пустотою,
Оно возьметъ любовь съ собою
И все найлучшее возьметъ.
Не плачь, Оксано!» И рыдая
Она Оксану утѣшаетъ:
«Не плачь, дитя мое, усни!

Ты рано плакать начинаешь;
Придетъ пора твоей весны
И тайну слезъ моихъ узнаешь;
Свои прольешь, прольешь одна,
Одна бездомной сиротою,
И будетъ то моя вина,
Что не раздѣлишь»...—«А съ тобою?
Развѣ тебя я не люблю!
Ахъ, мнѣ съ тобой и горе любо;
Я все съ тобою раздѣлю.
Не понесу я чужимъ людямъ
Мою сердечную слезу,
Къ тебѣ на грудь я принесу,
Только не плачь! дѣлись со мною
Своею тяжкою тоскою.
Не плачь одна! откройся мнѣ,
И будетъ легче. Ахъ послушай,
О томъ, что видѣла во снѣ,
Я разскажу тебѣ.
Какъ будто лѣсъ, а мы вдвоемъ
Такъ на обумъ себѣ идемъ.
Потомъ темно, потомъ свѣтло,
Потомъ, гляжу, тебя не стало;
Я—ну бѣжать, кричать, устала,
Сѣла и плачу; вдругъ село;
Большая улица, большая
И я по улицѣ иду.
Мнѣ грустно такъ, тоска такая,
Я спотыкаюсь, упаду;
Мнѣ тяжело, мнѣ давитъ грудь,
А люди смотрятъ и смѣются.
Мнѣ больно стало, а взглянуть
Я будто на людей боюся.
Потомъ атаманъ мнѣ кричитъ:
«Вотъ я тебя!» Я испугалась,
И ну бѣжать... бѣгу... упала,
А сынъ атамана стоитъ,

Какъ будто грустный, надъ водою
И тихо машетъ мнѣ рукою.
Вотъ я къ нему и подошла,
А онъ схватилъ меня руками.
«За чѣмъ въ лѣсу ты не жила?
«За чѣмъ ты въ полѣ не росла?»
Такими онъ сказалъ словами:
«И мнѣ нельзя тебя любить,
«Нельзя съ тобою мнѣ вѣнчаться:
«Надъ нами будутъ всѣ смѣяться,
«А безъ тебя мнѣ скучно жить,
«Я утоплюся», онъ сказалъ
И такъ меня поцѣловалъ!
Не такъ, какъ ты... и я проснулась.
Не правда-ли, мудреный сонъ?
Должно быть худо значитъ онъ,
Или не худо—ты не знаешь?
Мнѣ страхъ, какъ хочется узнать.
О чемъ же снова ты вздыхаешь?
Или боишься разсказать,
Что значитъ сонъ? Ахъ разскажи!
Ну, что-же дѣлать? Если худо,
Мы въ лѣсъ уйдемъ и будемъ жить
Съ тобой вдвоемъ, и будетъ любо
Съ тобою вмѣстѣ мнѣ грустить.
Ну, что-жъ? разскажешь?—«Да», сказала
Вздохнувъ слѣпая; «разсказать
Тебѣ должна я: я устала,
Устала горе выливать
Нераздѣленными слезами.
Тебѣ уже пятнадцать лѣтъ,
Твой сонъ не добрый, сонъ ужасный:
Ты встрѣтишь горестный привѣтъ
Своей винѣ, своей несчастной!
Не вспоминай меня, прости
И на просторѣ, и на волѣ
Съ унылымъ вѣтромъ погрусти,

Какъ я грустила, тосковала,
Мою вседневную печаль,
Какъ я лишь вѣтру повѣряла.
Но и ему меня не жаль;
Онъ даже слезъ сушить не хочетъ,
А ихъ такъ много сердце точитъ.
Оксано, выслушай меня
И помолись душой незлобной
Пречистой Дѣвѣ въ часъ прескорбный
И за него и за меня.
Неправдой люди всѣ живутъ:
Ты ихъ не слушай! Сказкой злою
Они мой жребій понесутъ
И посмѣются надъ тобою,
И ты не будешь правды знать;
На судъ ты будешь призывать
Свою родную,—а ты знаешь,
Что слезы горько проливать,
Коли вины своей не знаешь.
Узнай же все: всю жизнь мою
Я разскажу, не потаю,
Съ ея весельями и мукой,
Да будетъ для тебя наукой!

Своихъ родныхъ не знала я,
Въ чужой семьѣ я выростала,
Чужая, добрая семья
Меня любила. Я слыхала,
Когда я стала выростать,
Что мать родная умирая
Просила ихъ не покидать,
Меня малютку покидая;
Но кто она, ее какъ звали,
Потомъ узнать я не могла.
И я росла себѣ, росла;
Меня сироткой называли,
Потомъ красавицей слыла;
Меня любили и ласкали

И даже сватали! Но я...
Ахъ, знать, моя такая доля!
Передъ людьми гордилась я
Своей красою. Свою волю,
Дѣвичью волю берегла.
Какъ тяжко люди отплатили!
Не долго косу я плела,
Ее накрыли. Вотъ какъ было.
Весною умеръ Дидычъ старый,
А лѣтомъ Дидычъ молодой
Въ село пріѣхалъ. Злыя чары
Онъ изъ московщины съ собой
Привезъ, красавецъ, для меня;
И я веселье разлюбила,
И Маковееваго дня
Я не забуду до могилы.
Какъ ясно солнышко свѣтило,
Какъ закатилося... и ночь..!
Мое дитя! моя ты дочь!
Не обвиняй меня несчастной—
Я стыдъ и горе понесла!
И Маковеевъ день ужасный,
И день рожденья прокляла.
Мы были въ полѣ, жито жали,
Окончивъ жатву, шли домой;
Подруги пѣли и плясали,
А я съ распущенной косой
Въ вѣнкѣ изъ жита и пшеницы
Вела передъ, была царица.
Насъ встрѣтилъ Дидычъ молодой.
Никто такъ мной не любовался.
Я трепетала, тихо шла,
А онъ смотрѣлъ и улыбался.
О какъ я счастлива была!
Какою сладкою мечтою
Забилось сердце у меня....
На третій день... о мой покою!

Зачѣмъ покинулъ ты меня?
На третій день... и я въ палатахъ
Была, какъ пани на пиру.
Не долго я жила богато—
Зимою рано по утру
Проснулась я—все пусто было
И сердце холодомъ заныло.
А слуги... Богъ имъ судія!
Съ насмѣшкой выгнали меня
И двери заперли за мною.
Я сѣла здѣсь, подъ этимъ пнемъ
И долго плакала... потомъ
Едва протоптанной тропой
Въ село забытое пошла
И долю горшую нашла:
Меня и въ хату не пустили,
Всѣ посмѣялись надо мной
И хусткой черною простой
Косу шелковую накрыли,
И я рыдая изъ села,
Иной дорогою пошла
Въ село чужое. Ахъ, Оксано!
И въ шитомъ шелковомъ жупанѣ
И въ сѣрой свитѣ люди злы!
Я изъ села въ село ходила,
А горе шло передо мной.
Покрыткой, дурой называли
И даже нищіе чуждались.
Во всей Украинѣ родной
Мнѣ мѣста не было одной.
Въ лѣсу дремучемъ, въ чистомъ полѣ
Я не боялась ночевать:
Тамъ безъ свидѣтелй, на волѣ
Могла свободно пѣть, рыдать.
А пѣсня горе облегчаетъ,
Хоть и унылая она.
Спасибо, нищая одна,

Такая же, какъ я, слѣпая
Меня учила пѣсню пѣть;
И я пою ее рыдая
И до могилы буду пѣть.
Дитя мое! Моя Оксано!
Я скоро плакать перестану,
Запомни пѣсню ты мою
И пой ее, какъ я пою,
Она умалитъ сердца рану.
Пришла и красная весна,
Запѣли пташки, все проснулось,
Все засмѣялось—я одна
Святой веснѣ не улыбнулась:
Она мнѣ слезы принесла.
Занемогла я на дорогѣ,
Кой-какъ до хутора дошла.
И ты на хуторѣ убогомъ
Узрѣла милый, Божій свѣтъ.
О сколько радости у Бога
Для нашихъ слезъ, для нашихъ бѣдъ!
Твой первый звукъ... ахъ нѣтъ, не стану...
Нѣтъ... Поцѣлуй меня, Оксано!
Я не умѣю разсказать
Про ту святую благодать,
Что только матери избранной
Душою можно понимать.
То выше счастія людскаго.
И какъ несчастлива, убога
Жена безплодная... Съ тобой
Мнѣ снова счастье возвратилось,
Я любовалася весной,
Цвѣты я снова полюбила,
Цвѣты я снова берегла.
Съ восходомъ солнца я вставала,
Ты на груди моей спала.
Никѣмъ невидима, бывало,
Прокрадусь въ лѣсъ, найду цвѣтокъ

И сяду у цвѣтка съ тобою.
Ты тихо спишь, а онъ цвѣтетъ
И я гордилася тобою
Предъ распустившимся цвѣткомъ.
Бывало я сорву тайкомъ
Листочекъ розовый румяный
И тихо, тихо положу
Тебѣ на щечку... погляжу
И оболью тебя слезами.
Была ты розовѣй цвѣтка
И утренней зари румянѣй.
Такъ мнѣ Господь добро творилъ
Въ тебѣ и розовыхъ листкахъ.
Но... какъ тебя ни забавляла,
Какія пѣсни ни пѣвала,
Какъ ни играла я съ тобой,
А злая доля шла за мной.
Я не могла тобой гордиться:
Мнѣ было не съ кѣмъ подѣлиться
Твоею дѣтскою красой.
Ты слово «мамо» лепетала,
Но слова лучшаго не знала,
Какъ и теперь не знаешь ты.
Я не могла съ тобой идти
Черезъ село; я не стыдилась—
Пусть люди смотрятъ, какъ хотятъ!
Я стыдъ любовью замѣнила.
Тебѣ боялась показать,
Какъ дѣти межъ собой играютъ,
Боялась видѣть, какъ дитя
Отца усталаго ласкаетъ.
Такъ время шло—ты выростала,
И любо было мнѣ смотрѣть,
Когда ходить ты начинала.
Но горе-горькое терпѣть
Судилъ Господь мнѣ до могилы
За юность грѣшную мою.
Свѣтъ гаснуть сталъ... О, Боже милый!
Я надъ могилою стою,

Пошли мнѣ мудростью своею
Взглянуть на милый Божій свѣтъ,
Проститься съ грѣшною землею,
Хотя на мѣсто посмотрѣть,
Гдѣ я усну, усну на вѣки!

. . . .

И я ослѣпла. Слезы—рѣки,
Молитвы теплыя—ничто,
Ничто Творца не умолило,
И все, что душу веселило,
Какъ будто въ гробѣ заперто.
Потомъ что было, я не знаю:
Смѣялись люди, или нѣтъ;
Мои бѣды воспоминая,
Мнѣ только жаль, что Божій свѣтъ
Не скрылся въ юности безпечной;
Тогда-бъ не знала ничего:
Ни сладкой доли скоротечной,
Ни даже сердца своего.
Теперь къ печали безконечной
Пристала горшая печаль.
Ты хороша собой, Оксано,
Я это знаю, и мнѣ жаль—
Твой сонъ недобрый очень рано
Тебѣ приснился.

Оксана. . . . . развѣ онъ
Какое зло намъ предвѣщаетъ?

Слѣпая. Онъ для меня всѣхъ бѣдъ страшнѣе,
А для тебя еще ужаснѣй.
И ты погибнешь отъ людей,
Какъ я погибла. Ты не знаешь,
Что скоро встрѣтишь между ними
Змѣю, ужасную змѣю!
И ты пойдешь за нею слѣдомъ,
Покинешь голову мою,
Какъ я покинула, забыла
Меня вскормившую семью.

Оксана. Вѣдь ты не знала, что такъ будетъ,
Что насмѣются злые люди,
Что онъ недобрый человѣкъ,
Что онъ покинетъ. Мамо, мамо
Ты говорила все такое,
Что страшно стало. Гдѣ же онъ,
Мой злой отецъ? Ты говорила,
Что здѣсь увижу я его;
И сколько лѣтъ уже съ тобою
Сижу я здѣсь—его все нѣтъ.
Онъ не пріѣдетъ, онъ покинулъ:
Тебя онъ, видно, не любилъ.
Зачѣмъ же ты его любила?
Уйдемъ изъ этого села—
Мнѣ страшно стало.

Слѣпая. Ахъ, Оксано!
Куда уйдемъ мы отъ людей?
Гдѣ молодость твою укрою?
А онъ пріѣдетъ... и тогда,
Тогда спокойно я умру.

Слѣпая грустно замолчала;
Оксана съ дѣтскою тоской
Къ ней на колѣни тихо клала
Головку смуглую свою.
«Усни, Оксано! говорила:
«Я тихо пѣсеньку спою,
Спою любимую твою,
Какъ братья брата продавали
Въ чужую дальную страну».
И отходящую ко сну,
Лелѣя нѣжно цѣловала,
Читая тихо ей псаломъ:

Храни тебя, святая Дѣва,
Отъ злыхъ напастей, бурь земныхъ!
Да будетъ сонъ твой сладокъ, тихъ,
Какъ непорочные напѣвы
Небесныхъ ангеловъ святыхъ!

Да не дерзаетъ искуситель
Въ сердечну храмину войти
И по терновому пути
Да волитъ ангелъ охранитель
На лоно рая привести!
Храни тебя, святая Дѣва,
Отъ злыхъ напастей, вражьихъ ковъ,
Свой найбожественный покровъ
Пошли тебѣ, святая Дѣва,
Мое дитя, мою любовь!

На утро юная Оксана,
Какъ утро осени въ туманѣ,
Скорбя невинною душой,
У ногъ страдалицы слѣпой
Уныла, блѣдная сидѣла.
Слѣпая ту-же пѣсню пѣла,
И тотъ же въ сердцѣ непокой!
Не скоро дни текутъ надъ ними,
Не ясно солнышко горитъ.
Пришла весна и дворъ пустынный
Вдругъ оживился, все кипитъ
Веселою жизнью, какъ бывало.
Пріѣхалъ Дидычъ на покой.
Чету страдалицъ разлучили:
Оксана въ домѣ заперта,
А одинокую слѣпую
Одѣть велѣли и прогнать
Съ наказомъ строгимъ не шататься
Вокругъ господскаго двора.
И рада, бѣдная, была,
Что такъ сбылося, какъ мечтала.
«Теперь», такъ думала слѣпая:
«Теперь Оксаночка моя
Укрылася отъ непогоды,
Будетъ счастливою», и шла
Изъ обновленнаго села,
Моля Небесную Царицу,

Да благо дщерино хранитъ.

. . . .

Оксана грустная сидитъ
Въ роскошно убранной свѣтлицѣ,
Одѣта бархатомъ, парчей,
И не любуется собой
Передъ большими зеркалами.
Проходятъ мѣсяцы за днями,
Какъ паннѣ, все готово ей
И ходитъ сторожъ у дверей.
Самъ Дидычъ сласти ей приноситъ,
Даритъ алмазомъ, жемчугомъ
И на колѣнахъ ее проситъ
Не звать ни паномъ, ни отцомъ.

. . . .

Зачѣмъ все это? И рыдала...
Запѣлъ весною соловей,
Запѣлъ не такъ, какъ онъ, бывало,
Поетъ предъ утренней зарей,
Когда малюточка Оксана,
Пока покоилось село,
Шалашикъ дѣлаетъ съ бурьяну,
Чтобъ маму солнце не пекло,
Когда ходила умываться
Она въ долину и потомъ
Барвинкомъ, рутой наряжаться
И ненарокомъ повстрѣчаться
Съ черночупринным козакомъ.
Печальный вечеръ ночь смѣнила
Еще печальнѣй. Тяжко ей,
Она сидѣла и грустила
О прошлой бѣдности своей,
И слышитъ пѣсню за оградой
Знакомый голосъ ей поетъ
Печально, тихо....

«Текла рѣчка въ чистомъ полѣ,
Орлы воду пили;

Росла дочка у матери,
Козаки любили.
Всѣ любили, всѣ ходили
И всѣ сватать стали,
И одного между ними
Козака не стало.
Куда скрылся, дивилися,
И никто не знаетъ.
Поселился въ темной хаткѣ
За тихимъ Дунаемъ».

Оксана молча трепетала,
Ей каждый звукъ рождалъ мечту.
«Онъ не забылъ», она шептала:
«Онъ не покинетъ сироту...»
За каждымъ звукомъ вылетаетъ
Изъ сердца черная тоска,
Она себя воображаетъ
Уже въ объятьяхъ козака,
Уже за садомъ, за оградой,
Уже на полѣ... воля... рай...

. . . .

«Держи, держи! Лови, стрѣляй!
Раздался хриплый голосъ пана
И выстрѣлъ поле огласилъ.
«Убили!» вскрикнула Оксана:
«Убили! Онъ меня любилъ!
Любилъ!!!....» и замертво упала.
То былъ не сонъ,—то пѣлъ козакъ,
Удалый вольный гайдамакъ.
Оксана долго дожидала
Любимца сердца своего
И не дождалася его.
Отрадный звукъ не повторился,
Надежды вновь не прошепталъ,
Онъ только снился, часто снился
И юный разумъ разрушалъ
Мечтой безплодною.

«Птицы вольныя сестрицы,
Полетите въ край далекій,
Гдѣ мой милый кароокій,
Гдѣ родная край дороги,
Болятъ руки, болятъ,
А я долю проклинаю
Съ поля воли дожидаю!»
Такъ пѣла бѣдная Оксана
Зимой въ свѣтлицѣ у окна.
Неволя стерла цвѣтъ румяный,
Слезою смылась бѣлизна.
—«Быть можетъ здѣсь, она шептала,
Зимой проснулась мать моя,
А я... дитя ея... а я»...
И содрогаясь замолчала.
—Темнѣло поле, изъ туману
Луна кровавая взошла;
Взглянула съ трепетомъ Оксана
И быстро молча отошла
Отъ непривѣтнаго окна,
Страшась кроваваго свѣтила.
Завыли псы, рога трубили,
И шумъ, и хохотъ у воротъ—
Охота съ поля возвратилась,
И панъ къ страдалицѣ идетъ
Безстыдно пьяный...

. . . .

Слѣпая бѣдная не знала
Недоли дочери свой,
Съ чужимъ вожатымъ спотыкалась
Межъ непріязненныхъ людей.
Ходила въ Кіевъ и Почаевъ
Святыхъ угодниковъ молить,
И душу страстную рыдая
Молитвой думала смирить.
И возвратилася зимою
Въ село страданія тайкомъ.

Сердце недобрымъ чѣмъ-то ныло,
Вѣщало тайнымъ языкомъ
Вѣсть злополучія и горя.
Со страхомъ въ сердцѣ и тоскою
Тихонько крадется она
Давно извѣданной тропою;
Кругомъ, какъ въ гробѣ, тишина;
Печально блѣдная луна
Съ глубокой вышины сіяла
И бѣлый саванъ озаряла
На мертвой грѣшницѣ землѣ.
И вдругъ открылася вдали
Картина страшная пожара.
Слѣпая бѣдная идетъ,
Не видя нашихъ золъ и кары,
И очутилась у воротъ
Весною кинутыхъ. О Боже!
Что она слышитъ? Трескъ и громъ,
И визгъ, и крикъ, и гулъ протяжный,
И жаромъ хлынуло въ лицо.
Она трепещетъ. Недалеко
Вдругъ слышитъ голосъ... Боже мой!
Чей это голосъ ты узнала?
Узнала... страшно... то Оксана!
На мѣстѣ томъ, гдѣ столько лѣтъ
Они вдвоемъ грустя сидѣли,
Она несчастная сидитъ,
Едва одѣтая худая,
И на рукахъ, какъ-бы дитя,
Широкій ножъ въ крови качаетъ
И страшно шепчетъ:
«Молчи, дитя мое, молчи,
Пока спекутся калачи;
Будемъ медомъ запивать,
Будемъ пана поминать».

(Поетъ).

А у пана два жупана,
А третяя свита,

За то пана
Утромъ рано
Въ дубровѣ убито.
А убили гайдамаки,
Жупаны дѣлили:
Тому жупанъ, тому жупанъ,
А третьему свита,
И остался панъ безъ свиты
Въ снѣгъ бѣлый зарытый.
Ай, да й домоклъ!

Слѣпая. Оксано! гдѣ ты?

Оксана. Ахъ молчи!
Дай убаюкать мнѣ сынка!
(*Поетъ*)

Баю, баю, дитя мое
Въ дремучемъ лѣсу,
А я тебѣ съ поля волю
Долю принесу.
Баю, баю, дитя мое,
Во сыромъ бору
А я пойду погуляю,
Ягодъ наберу.
Баю, баю, дитя мое,
Край битой дороги,
Переломятъ люди руки
И бѣлыя ноги.
Баю, баю, дитя мое,
У гробу дубовомъ,
Полиняютъ кари очи
И черныя брови.
Усни дитя, усни дитя,
Усни ты на вѣки,
А я одна на базаръ пойду.
У жида крови наточу
И тебя полечу.
А... уснулъ! Теперь возьми,
У! какой черный—посмотри!

Слѣпая. Оксано! гдѣ ты? что съ тобою?

Оксана (*быстро подходитъ къ ней*).

А ты гдѣ ходишь? Посмотри,
Какой веселый пиръ у пана!
Да панъ не будетъ пировать—
Я уложила его спать.
Тебя одной недоставало.
Я подожгла, пойдемъ плясать.

(*Поетъ и медленно пляшетъ*).

Гой, гой, не бѣда,
Слезы тоже вода,
Слезы гасятъ печаль,
А печали мнѣ жаль,
Жаль мнѣ грусти моей,
Жаль подруги моей,
Моей черной тоски.

Моей... моей... Ахъ нѣтъ, не то!..
Теперь такъ весело, свѣтло,
А я какъ будто на поклонахъ.

(*Поетъ и пляшетъ*).

Посѣяла лебеду на бѣду,
А долина калиною поросла;
А у меня, красавицы,
Змѣи-серьги въ ушахъ.
Черезъ плечи висятъ
И шипятъ, и шипятъ.
Козакъ вѣрно любилъ,
Козакъ серьги дарилъ.
Мать въ могилѣ спала,
А я, знай, себѣ шла.
Шла дорогой большой;
А за мной, все за мной.
По четыре, по три
Косари, косари
Бурьянъ косятъ, поютъ.

Слѣпая. Оксано бѣдная, молися,
Молися Богу, ты поешь
Все пѣсни страшныя такія!

Оксана. А ты смѣяться, мамо, хочешь?
Э, полно, мамо, столько лѣтъ
Ты хохотала, я смѣялась,
Поплакать можно одну ночь.

Слѣпая. Дитя мое, моя ты дочь!
Опомнись, грѣхъ тебѣ, Оксано,
Ты насмѣялася.

Оксана. Кто? Я?
Не насмѣялася! Смотри,
Смотри, какъ падаютъ стропила.
Гу!.. Гу!.. Гу!.. Ха, ха, ха, ха!
Пойдемъ плясать, его ужь нѣтъ,
Онъ не разлучитъ насъ съ тобою.

(Поетъ и пляшетъ).

По дорогѣ осока,
А въ болотѣ груши,
Полюбила козака,
Запродала душу;
А козакъ
Такъ и сякъ
Не любилъ,
Задушилъ,
Въ сыру землю зарылъ.
Въ темной хатѣ сырой
Спать ложилась со мной
Вѣдьма черная.
И смѣялася,
Обнималася,
Ѣла, грызла меня,
Подложила огня
И запѣла, заплясала
И скакала, и кричала:
Жаръ, жаръ, жаръ!
Черезъ яръ
На пожаръ.
Всѣ слеталися,
Любовалися
И смѣялися

Хи, хи, хи, тра, ла, ла, ла,
Не осталось ни кола.
Смоляная чорту свѣчка!
Черезъ яръ идетъ овечка:
Не ходи козакъ въ дуброву.
Не ходи, Ивашечко,
Торною дорожкою,
Не носи гостинчики
Змѣѣ черной гадинѣ:
Чародѣйка лютая
Сотретъ брови черныя,
Выжжетъ очи карія.

Слѣпая. Опомнись дочь моя, Оксано!
Ты все недоброе поешь;
Пойдемъ въ село: здѣсь страшно стало!

Оксана. Пойдемъ въ село, здѣсь душно мнѣ,
Я босякомъ, какъ на огнѣ,
На роковомъ снѣгу танцую.
Пойдемъ въ село, переночуемъ.
А кто насъ пуститъ ночевать?
Вѣдь люди, знаешь, насъ боятся;
Пойдемъ мы въ лѣсъ волковъ ласкать;
Вѣдь люди врутъ, что волки злые,
Волки насъ любятъ—право такъ!
А помнишь, ты мнѣ говорила...
Ахъ нѣтъ... не то... постой, забыла,
Я все забыла... мой козакъ,
Мой кароокій. Я любила,
И онъ, козакъ, меня любилъ,
И темной ночью онъ ходилъ
Въ зеленый садъ, гдѣ я гуляла.
Ахъ, какъ тамъ весело бывало!
Какъ онъ лаская цѣловалъ,
Какія рѣчи онъ шепталъ!
Ты такъ меня не цѣловала,
Какъ онъ, мой милый, дорогой.

Мой ненаглядный, мой сердечный!

. . . .

Ты говорила, онъ не злой;
А онъ, твой панъ, безчеловѣчный
Твой панъ на смерть его убилъ
За то, что я его любила,
За то, что онъ меня любилъ.
Злодѣй, въ желѣза заковалъ,
Объ этомъ я не говорила
Съ тобою даже; онъ пропалъ,
Пропалъ безъ вѣсти, какъ пропала
Моя дѣвичья краса.
А ты слыхала чудеса!
Онъ въ гайдамакахъ атаманомъ;
И этотъ ножъ мнѣ подарилъ,
Онъ приходилъ...

Слѣпая. Пойдемъ скорѣй!
Веди меня.

Оксана. Куда вести?
Въ болото, въ лѣсъ? Постой, постой!
Я поведу тебя въ село,
Гдѣ все бурьяномъ поросло,
Гдѣ вмѣсто хатъ кресты, могилы,
Гдѣ поселился другъ мой милый
Въ свѣтелкѣ темной и сырой.

Слѣпая. Пойдемъ скорѣе. Богъ съ тобою,
Перекрестися!

Оксана. Я крестилась,
Я горько плакала, молилась,
Но Богъ отвергъ мои кресты,
Мои сердечныя молитвы,
Да, онъ отвергъ; а помнишь ты?
Нѣтъ, ты не помнишь, ты забыла;
А я такъ помню, ты учила
Меня малютку кровь сосать,
Да «Отче нашъ» еще читать.

Слѣпая. Оксано, Боже мой, молись,
Ты страшно говоришь!

Оксана Да, да.

Я страшно говорю! такъ чтобы
Ты не бояласѧ сидѣть
Осенней ночью у забора
И просидѣла двадцать лѣтъ,
Пойдемъ опять туда сидѣть.
Пойдемъ-же, мамо, будемъ пѣть,
Пока народъ не пробудился.
И будемъ пѣть, какъ снарядился
Козакъ съ ордою воевать
И какъ покинулъ онъ дѣвчину,
И какъ другую полюбилъ.
Вѣдь это весело покинуть!
Въ чужой далекой сторонѣ
Листокъ съ любистка на огнѣ.

(Поетъ тихо).

«Плыви, плыви, лодочка, за Дунай;
За Дунаемъ погуляю молода
Съ козаками молодцами мертвыми,
Съ козаками мертвецами.
Чуръ меня! Чуръ меня! Чуръ меня!»
Пойдемъ скорѣе. Ахъ, постой!
Я потеряла башмаки.
А башмаки вѣдь дорогіе,
Да ноги жгли мнѣ, все равно
Мнѣ ихъ не жаль, и босякомъ
Дойдемъ до гроба...

(Поетъ).

Полетѣла пташечка
Черезъ поле въ гай,
Уронила перышко
На тихій Дунай.
Плыви, плыви, перышко,
Плыви за водой!..
Я все молчала, все молчала,
А онъ шепталъ и цѣловалъ.
Сулилъ намисто съ дукачами.
Зачѣмъ ты не велѣла брать?
Вѣдь имъ бы можно удавиться.
А знаешь что? пойдемъ къ рѣкѣ
Купаться просто и утонемъ,
И будемъ щуками въ водѣ.

И пташкамъ воля въ чистомъ полѣ,
И пташкамъ весело летать;
А мнѣ такъ весело въ неволѣ
Дѣвичью молодость терять.
Я развѣ грѣшница какая?
Отраву, что-ли, я варю?
Нѣтъ, я не грѣшница; ты узнаешь,
Всему я вѣрила, всему!
Но кто повѣрилъ моей вѣрѣ?
Теперь не то. Летитъ, летитъ!
Нѣтъ, ты не вылетишь проклятый,
Я задушу тебя! Держите—
Красный змѣй! Красный змѣй!
Онъ разсыпется... Потомъ
Га! га! га!...
И, будто мщеніе живое,
Она съ распущенной косой,
Съ ножемъ въ рукахъ, крича летѣла
И съ визгомъ скрылася въ огнѣ.
Вдругъ крикъ пронзительный. Вздрогнула
Слѣпая молча, и крестясь,
Аминь, аминь, аминь шептала.
И крикъ смѣнилъ протажный гулъ,
Стѣна упала, гулъ ревѣлъ
И смолкъ въ долинѣ безучастной,
Какъ въ глубинѣ души безстрастной.
Пожаръ лютѣя пламенѣлъ,
Слѣпая, бѣдная, стояла
Въ дыму и пыли снѣговой,
Она Оксаны дожидала
И «со святыми упокой»
Невольно съ трепетомъ шептала.
И не дождалася слѣпая
Своей Оксаночки; ушла
Изъ погорѣлаго села,
Псаломъ любимый напѣвая:

Кого, рыдая, призову я
Дѣлить тоску, печаль мою?
Въ чужомъ краю кому, тоскуя,
Родную пѣсню пропою?

Библіографія.

Халанскій. Великорусскія былины кіевскаго цикла. Варшава, 1885 года. (*Отдѣльный оттискъ изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника*).

Сочиненіе, заглавіе котораго мы выставили, распадается на 18-ть главъ: 1-я глава заключаетъ въ себѣ введеніе; каждая изъ остальныхъ содержитъ разборъ былинъ объ одномъ какомъ-нибудь богатырѣ.

Положенія, которыя авторъ предположилъ доказывать въ своемъ трудѣ, высказаны имъ въ 1-й главѣ и заключительной XVIII-й.

„Предположеніе о южно-русскомъ происхожденіи всѣхъ вообще былинъ Владимірова цикла, говоритъ г. Халанскій, не имѣетъ за собой достаточныхъ основаній. При ближайшемъ разсмотрѣніи оно оказывается *принятымъ на вѣру*[1]), не разобраннымъ критически ни однимъ изслѣдователемъ". А въ заключительной главѣ авторъ повторяетъ: „мы не можемъ вмѣстѣ съ А. Н. Веселовскимъ и другими назвать всѣ вообще былины кіевскаго цикла и южно-русскими. Въ кругу ихъ есть, дѣйствительно, нѣсколько богатырей и былевыхъ сюжетовъ кіевскаго происхожденія и южно-русскаго. Такъ, къ южно-русскимъ богатырямъ мы должны отнести Владиміра, Добрыню, быть можетъ, Вольгу, Ставра, Ивана Даниловича, Чурила Пленковича и отчасти Ивана Гадиновича".

Чтобы доказать эти свои положенія, г. Халанскій и производитъ анализъ былинъ о богатыряхъ. Такъ, глава III посвящена Добрынѣ Никитичу. Авторъ сопоставляетъ былинныя преданія о встрѣчѣ этого богатыря съ великаншей, поленицей, и объ измѣнѣ жены Добрыни, съ кавказскими преданіями о Нартахъ. Еще въ введеніи къ своему труду

---

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ.

авторъ вполнѣ вѣрно возстаетъ противъ скорыхъ сближеній въ области народной поэзіи. Дѣйствительно, нужно доказать, что данное явленіе не было присуще быту народа, чтобы говорить о заимствованіи того или иного мотива въ былинѣ. Весьма возможно, что кавказскія преданія отразились въ русскомъ преданіи о Бунякѣ—Бонякѣ, но сходство былинныхъ чертъ о женитьбѣ Добрыни и нартовскихъ сказаній о женитьбѣ Алаугана является, на нашъ взглядъ, довольно легкимъ.

Что касается преданія о Бунякѣ, то оно не только „напоминаетъ половецкаго хана Боняка,“ но *дѣйствительно* говоритъ объ этомъ героѣ половецкомъ, который зарубилъ себѣ память у южно-русскаго населенія. Въ приводимой г. Халанскимъ пѣснѣ интересны слѣдующія мѣста:

Що-жъ то за диви!
Може Бунякъ солодиви?

Затѣмъ:

Эй, берутъ ся до него
Князь *Романъ*, бояры,
А що-жъ буде зъ него...

Тутъ, какъ и *въ лѣтописи*, Бонякъ называется *шелудивымъ*; такимъ образомъ прозвище его сохранилось въ памяти народной въ продолженіи восьми вѣковъ. Сомнѣнія въ тождествѣ Буняка и Боняка быть поэтому не можетъ. Но эта пѣсня интересна и въ другомъ отношеніи. Она сохранила имя *князя Романа*, и не даромъ. Этотъ князь извѣстенъ своими походами на половцевъ въ 1201 и 1204 годахъ. Ипатьевская лѣтопись дѣлаетъ такую характеристику Романа: „устремилбося бяше на поганыя, яко и левъ, сердитъ же бысть, яко и рысь, и губяше, яко и коркодилъ, и прехожаше землю ихъ, яко и орелъ“.... Далѣе идетъ сравненіе его съ Владиміромъ Мономахомъ, ярымъ защитникомъ земли русской отъ половцовъ. На этой пѣснѣ видно, какъ въ народной памяти соединяются лица и событія, существовавшія отдѣльно, на разстояніи вѣковъ другъ отъ друга. Это упоминаніе о Романѣ даетъ полное право видѣть въ этой пѣснѣ созданіе древней народной поэзіи до-татарскаго періода. Нельзя поэтому не согласиться съ авторомъ, что „болѣе точное и всестороннее обслѣдованіе малорусской пѣсенности должно выяснить дѣйствительныя отношенія великорусскихъ историческихъ воспоминаній къ малорусскимъ, равнымъ образомъ опредѣлить дѣйствительную сумму малорусскихъ воспоминаній о до-казацкихъ временахъ.“ „Не съ великорусскими былинами въ рукахъ, а *съ лѣтописью*

нужно отыскивать слѣды древней исторіи въ современной малорусской пѣсенности." Вѣрность послѣдняго замѣчанія г. Халанскаго мы показали сличеніемъ лѣтописныхъ извѣстій съ пѣсней о Бунякѣ.

Былинамъ о Добрынѣ авторъ приписываетъ южно-русское происхожденіе, но не доказываетъ вполнѣ своего положенія. Что былины о Добрынѣ отражаютъ память о до-татарской эпохѣ, о борьбѣ южно-русскаго населенія съ половцами и печенѣгами, это ясно видно изъ былины, помѣщенной въ I ч. у Рыбникова, подъ № 24, и въ былинной сказкѣ у Кирѣевскаго (II вып.) На нихъ-то и слѣдовало опереться г. Халанскому.

Вторая глава посвящена авторомъ разбору былинъ о Михаилѣ и Иванѣ Даниловичахъ. Г. Халанскій признаетъ послѣдняго дѣйствительнымъ лицемъ, жившимъ въ XII в. среди дружинниковъ кіевскаго князя Ярополка Владиміровича. Намъ кажется, что пріурочивать богатыря къ дѣйствительной личности и отыскивать самую личность едва ли возможно Супойская битва должна была, конечно, оставить глубокіе слѣды въ памяти кіевлянъ и у нихъ должны были явиться сказанія о ней. Разсказы современниковъ разнообразились, передавались подробности о проявленіи доблести не одного какого-нибудь лица, а нѣсколькихъ. У слѣдующихъ поколѣній всѣ эти отдѣльные эпизоды слились въ одинъ; отдѣльныя личности какъ-бы отдали всѣ свои заслуги одному собирательному лицу,—явилась былина. На каждаго богатыря, по нашему крайнему разумѣнію, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на личность собирательную, около которой сгруппированы факты дѣятельности многихъ или въ продолженіи цѣлыхъ эпохъ, или въ какой-либо одинъ историческій моментъ. Сказаніе ипатьевской лѣтописи написано очевидцемъ, что доказывается точностью сообщаемыхъ въ ней данныхъ. Очевидецъ или современникъ и не знаетъ о богатырѣ, ибо у современниковъ не могло еще образоваться подобнаго образа. Весьма возможно, что Никоновская лѣтопись взяла эти подробности изъ какого-нибудь не дошедшаго до насъ списка, но такого, въ которомъ была уже занесена былина объ Иванѣ Даниловичѣ.

Для доказательства позднѣйшаго происхожденія нѣкоторыхъ былинъ авторъ указываетъ на заимствованія въ нихъ изъ житій. Мы думаемъ, что тутъ дѣло было наоборотъ. Авторы житій, сами будучи изъ народа, собирая преданія о святомъ, вносили въ свои творенія элементы народной поэзіи. Чѣмъ позднѣе редакція житія, тѣмъ суше послѣднее; чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе дышетъ оно теплотой, неподдѣльностью, тѣмъ болѣе бытовыхъ чертъ оно въ себѣ заключаетъ. Въ него внесены народные обычаи, повѣрья, преданія. Поэтому, по нашему крайнему

разумѣнію, нельзя доказывать позднее происхожденіе той или иной былины сходствомъ нѣкоторыхъ ея мѣстъ съ житійными чертами.

Страннымъ кажется намъ и то мнѣніе г. Халанскаго, будто почитаніе Ильи Муромца святымъ на югѣ Руси явилось послѣдствіемъ переноса съ сѣвера на югъ былинныхъ преданій объ этомъ богатырѣ. Эрихъ Ляссота говоритъ о множествѣ ходившихъ въ его время разсказовъ объ Ильѣ. Выходитъ, будто всѣ они суть результатъ путешествій великоруссовъ на богомолье въ Кіевъ. Это положеніе требуетъ само по себѣ еще доказательства, а уже никакъ не можетъ служить подтвержденіемъ великорусскаго происхожденія былинъ объ Ильѣ. Реализоваться могли только мѣстныя преданія, а не занесенныя.

Авторъ приводитъ былину о Калинѣ царѣ для объясненія преданія Никоновской лѣтописи о Демьянѣ Куденевичѣ, такъ что этимъ самымъ признаетъ до-татарское происхожденіе былины, а далѣе Илью Муромца считаетъ богатыремъ московскаго періода. Несомнѣнно, въ былинахъ объ этомъ богатырѣ, при основѣ до-татарской, существуютъ и московскія наслоенія, но нужно представить гораздо болѣе вѣскія доказательства, чтобы можно было принять положеніе автора. Можно-бы привести много мѣстъ изъ былинъ, разбираемыхъ авторомъ, заключающихъ въ себѣ отраженіе удѣльно-вѣчеваго времени; но наши замѣтки и такъ черезчуръ растянулись. Замѣтимъ только, что *дьякъ выдумщикъ*, по нашему мнѣнію, указываетъ, что въ былинахъ отразился и походъ Кончака въ 1184 г., когда этотъ ханъ „бяше обрѣлъ *мужа таковаго бесурменина*, иже стрѣляше живымъ огньмъ." Этотъ *бесурменинъ* и есть *дьякъ вырумщикъ*. *Кощей* былинъ—это *кощеи* лѣтописи и Слова о полку Игоревѣ, подъ которыми разумѣлись половцы; эти былины имѣютъ до-татарскую основу. Соглашаясь съ нѣкоторыми мыслями автора, мы не можемъ признать его положенія о дѣленіи былинъ на южно-русскія, татарскія и московскія: всячески авторъ этого не доказалъ.

П. Голубовскій.

Объ учрежденіи волостныхъ и сельскихъ судовъ. Замѣна ихъ мировыми судебными учрежденіями. Соч. Григорія Бразоля. Харьковъ. 1886 г.

Книга большая, вопросъ важный, но основательнаго, убѣдительнаго отвѣта нѣтъ. Происхожденіе книги, повидимому, случайное, содержаніе разнообразное, многосоставное. Когда-то авторъ въ юридическомъ обществѣ при кіевскомъ университетѣ читалъ рефератъ по вопросу о

болѣе совершенной организаціи волостныхъ и сельскихъ судовъ и встрѣтилъ много возраженій. Вотъ этотъ-то рефератъ, со всѣми возраженіями на него, а также отвѣты автора на возраженія, и составляетъ содержаніе книги г. Бразоля.

Сущность реферата г. Бразоля заключается въ указаніи на недостатки волостныхъ и сельскихъ судовъ и на необходимость замѣнить ихъ мировыми судебными учрежденіями; противники г. Бразоля старались, напротивъ, доказать важность и полезность существующаго устройства. Сговориться диспутантамъ было рѣшительно невозможно: каждая изъ сторонъ, сообразно своимъ цѣлямъ, брала крайности въ достоинствахъ или недостаткахъ того или другаго учрежденія. Тутъ нѣтъ слѣдовательно цѣльнаго, систематическаго изслѣдованія вопроса; это сводъ мнѣній по данному вопросу случайно и сгоряча высказанныхъ и расходящихся до противуположности. Мы-бы и не касались этой книги, по своему сюжету не имѣющей отношенія къ программѣ нашего изданія, если-бы авторъ оной и его оппоненты не ограничивались въ обсужденіи затронутаго вопроса данными исключительно южныхъ мѣстностей и не дѣлали при этомъ попытки поставить вопросъ на почву историческую.

Названныя попытки не даютъ общаго обзора народныхъ обычаевъ въ области суда, но касаются лишь нѣкоторыхъ фактовъ въ обстановкѣ сельскаго суда, указывающихъ на прошлую жизнь Малороссіи. Таковъ, напр., вопросъ о могоричахъ. Г. Бразоль видитъ въ нихъ одну изъ язвъ современнаго сельскаго суда, а его оппоненты, гг. Василенко, Пенскій и покойный А. Ѳ Кистяковскій, указываютъ на историческое значеніе этого обычая, упуская изъ-виду, что подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни онъ начинаетъ вырождаться и даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ. Особенно подробно говоритъ о могоричѣ г. Василенко; онъ возводитъ его происхожденіе ко временамъ языческой эпохи и видитъ его начало въ культѣ умилостивительныхъ жертвоприношеній; по его словамъ, могоричъ впослѣдствіи является „нотаріальнымъ явочнымъ обрядомъ“, дающимъ санкцію договорамъ. Существованіе этого обычая оппонентъ находитъ также въ запорожскомъ судѣ—въ приношеніи тяжущимися „буханцевъ“, приравнивая его къ приношеніямъ прихожанъ священникамъ, къ встрѣчѣ хлѣбомъ почетныхъ лицъ, начальства и проч. Г. Кистяковскій добавилъ къ этому, что на языкѣ судовъ юго-западнаго края „могоричникъ“ было синонимомъ свидѣтеля. Ничего, впрочемъ, эти дебаты о „могоричѣ“ и его давности къ рѣшенію вопроса не прибавили; спорящіе упустили даже изъ виду,

что могоричи упоминаются въ историко-юридическихъ матеріалахъ исключительно при гражданскихъ сдѣлкахъ, при уголовномъ-же разбирательствѣ никогда не встрѣчаются, всякія же приношенія въ послѣднемъ случаѣ являются „упоминкой", или взяткой. Скажемъ болѣе: случайно напавшій на эти разсужденія не понялъ-бы даже, объ чемъ и чего ради спорятъ мужи науки и суда, трактуя о могоричахъ.

Нѣкоторые изъ оппонентовъ г. Бразоля повидимому склонялись въ сторону возстановленія народнаго суда въ его прежней архаичной формѣ, и едва-ли не съ этою цѣлью касался древняго суда въ Запорожьѣ г. Василенко, рисуя его подробности, на основаніи разсказовъ стараго сѣчевика Никиты Коржа, записанныхъ г. Стороженкомъ въ 1827 году. Эти разсказы онъ считаетъ, кажется, неизвѣстными въ нашей литературѣ, а между тѣмъ они напечатаны были г. Скальковскимъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за 1838 (№ 6) и 1839 (№ 2) годы, а потомъ были изданы отдѣльной книжкой архіепископомъ Гавріиломъ. Но насколько разсказы Коржа далеки отъ того, чтобы дать полное представленіе о судѣ у запорожцевъ, настолько послѣдній далекъ отъ юридическаго быта малорусскихъ сельскихъ обществъ нынѣшняго времени. Ужъ если по чему либо спорившіе могли-бы изучать прежній народный судъ въ Малороссіи, то это по уцѣлѣвшимъ книгамъ полковыхъ судовъ въ лѣвобережной Украйнѣ. Такихъ книгъ мы встрѣчали немало; въ частности въ Румянцевскомъ Музеѣ въ Москвѣ хранится „войска запорозскаго козацкаго прилуцкаго полка справая книга 1606—1717 годовъ". Она содержитъ въ себѣ рѣшенія по разнаго рода уголовнымъ преступленіямъ, основывающіяся сколько на письменныхъ кодексахъ, столько же и на обычномъ народномъ правѣ. Но и тутъ, какъ и при идеализированіи г. Василенкомъ запорожскаго суда, съ которымъ онъ ставитъ въ генеалогическую связь судъ стариковъ и громады или сельскихъ судей, г. Бразоль могъ-бы сказать своему оппоненту, что то не былъ судъ равныхъ надъ равными, а судъ пановъ и пидпанковъ надъ посполитствомъ.

Вообще, перечитывая книгу г. Бразоля, недоумѣваешь, кому отдать преимущество: автору ли реферата, или его оппонентамъ... А вопросъ о недостаткахъ нынѣшняго сельскаго суда и замѣнѣ его чѣмъ либо другимъ такъ и остается безъ удовлетворительнаго разрѣшенія. Въ книгѣ много лишняго, совсѣмъ не идущаго къ дѣлу; но много любопытныхъ мелочей, какъ напр. случайная ссылка г. Бразоля на переписи 1732 года, свидѣтельствующая о томъ, что въ ту пору въ предѣлахъ теперешней черниговской губерніи число школъ превосходило втрое настоящее ихъ число и что школы эти имѣли по 2, 3 и 7

учителей, а слѣдовательно нѣкоторыя изъ школъ были выше элементарныхъ.

Выдвинутому г. Бразолемъ весьма важному въ жизни нашего народа вопросу можно пожелать болѣе серъезнаго и болѣе полнаго изученія на почвѣ историко-этнографической.

И. Каманинъ.

Дополнительная полемика по вопросамъ варяго-русскому и гунско-болгарскому. Д. Иловайскаго. Москва 1866 г.

Ни одинъ, кажется, историческій вопросъ не порождалъ столь обширной литературы, какъ поставленный въ заголовкѣ разбираемаго труда г. Иловайскаго. Въ прошломъ столѣтіи и до послѣднихъ почти дней текущаго вѣка въ наукѣ русской исторіи признавалась дѣйствительность факта призванія князей, и споръ шелъ лишь о томъ, кто такіе были эти варяги, которыхъ пригласилъ къ себѣ русскій народъ. Трехъ братьевъ дѣлали хазарами, и венграми, и славянами, и скандинавами. Въ этомъ направленіи полемика велась съ явнымъ перевѣсомъ на сторонѣ ученыхъ, стоявшихъ за норманское происхожденіе варяговъ, ибо, по справедливому замѣчанію покойнаго Н. И. Костомарова, если признавать фактъ призванія за дѣйствительный, то нужно брать его въ такомъ видѣ, какъ онъ переданъ намъ лѣтописью, такъ какъ главный источникъ въ данномъ вопросѣ есть лѣтопись, всѣ-же другія данныя являются въ роли второстепенныхъ, не прямо говорящихъ о фактѣ, а лишь косвенно его подтверждающихъ. Ни норманская, ни антинорманская школы не привели ни одного извѣстія, которое прямо говорило бы о совершившемся на Руси призваніи князей. Всѣ эти школы должны были найти иныя положительныя доказатльства, которыя независимо отъ лѣтописи указывали-бы на фактъ призванія. Неминуемо онѣ должны были обратиться къ помощи лингвистики и доказать принадлежность именъ первыхъ князей, дружинниковъ, языку того народа, изъ котораго школа желала вывести Рюрика, Синеуса и Трувора. Но доказательства лингвистическія не могутъ рѣшать дѣла: сравнительное языкознаніе имѣетъ и должно имѣть полный авторитетъ лишь въ вопросахъ о доисторической жизни народовъ; для временъ-же историческихъ предпочтеніе непререкаемо должно быть отдано даннымъ историческимъ. Пусть Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ и др. имена скандинавскія; но если всѣ современные историчесаіе источники молчатъ о столь важномъ переворотѣ на Руси, какъ призваніе князей и образованіе

вдругъ государства; если объ этомъ говоритъ лишь лѣтопись и надо еще доказать, что ея извѣстіе не легендарное, то историкъ не имѣетъ права утверждать, что призваніе есть дѣйствительный фактъ. Въ такомъ случаѣ изслѣдованіе должно направляться уже къ вопросу: какъ образовалась легенда о призваніи варяговъ и почему въ нее попали скандинавскія имена? Вопросъ сталъ уже не чисто историческимъ, а историко-литературнымъ. Явилась необходимость доказать офиціальность происхожденія всего лѣтописнаго разсказа о призваніи князей. Подобная попытка была сдѣлана г. Ламбинымъ, который того мнѣнія, что нашъ лѣтописецъ нашелъ въ архивѣ кіево-софійскаго собора чернякъ донесенія греческой миссіи своему правительству. Но является удивительнымъ, что бѣловой экземпляръ этого донесенія не сохранился въ Византіи, ибо о немъ ничего не знаетъ Константинъ Багрянородный, который навѣрное воспользовался-бы имъ.

Въ своемъ изслѣдованіи „Розысканіе о началѣ Руси" г. Иловайскій доказываетъ несостоятельность лѣтописнаго повѣствованія, какъ легенды, и приходитъ къ отрицанію дѣйствительности факта призванія.

Книжечка, заглавіе которой мы выписали, содержитъ въ себѣ возраженія на возраженія защитниковъ норманской теоріи и туранизма гунновъ и болгаръ. Авторъ отыскиваетъ новыя и новыя данныя въ подкрѣпленіе своей теоріи и разъясняетъ историческія извѣстія. Особенно интересно указаніе автора на византійскаго писателя Льва VI, въ сочиненіи котораго находится ясное доказательство существованія полукочеваго образа жизни у славянъ въ IX и X вв..

Соглашаясь со многими доводами г. Иловайскаго, мы не можемъ все таки не замѣтить, что нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ въ возраженіе своимъ противникамъ мыслей кажутся нѣсколько смѣлыми. Признавая вмѣстѣ съ г. Иловайскимъ, что теорія происхожденія русскаго государства у г. Ключевскаго не вѣрна въ самой своей основѣ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ думаемъ, что образованіе боярства кіевской Руси изъ военно-торговой аристократіи этого-же племени весьма вѣроятно. Далѣе, если гадательнымъ является передвиженіе славянъ съ Карпатъ къ Днѣпру, то это не даетъ права отрицать попытокъ славянскихъ племенъ создать государство, какъ мы видимъ у волынянъ, о чемъ говорятъ арабскіе писатели, Аль-Масуди и Эль-Бекри. Затѣмъ, возражая г. Бѣлову, который только что напечаталъ новое изслѣдованіе объ историческомъ значеніи боярства до конца XVII в., изслѣдованіе прекрасное въ цѣломъ, но сильно погрѣшающее противъ историческихъ данныхъ въ своемъ началѣ, возражая ему, г. Иловайскій говоритъ, что хазарская власть не распространялась на западъ далѣе славянъ при-азовскихъ и таврическихъ.

Для опроверженія теоріи г. Бѣлова вовсе не нужно выставлять подобныхъ положеній, которыя доказать трудно. Нельзя согласиться съ г. Иловайскимъ, будто извѣстіе о великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное принадлежитъ XII в. и будто лѣтописецъ только отнесъ этотъ фактъ къ древнѣйшему времени. Путь этотъ былъ оживленъ весьма давно, что подтверждается находками арабскихъ монетъ VII—X вв. по берегамъ Днѣпра и Балтійскаго моря.

П. Голубовскій.

Отчетъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей съ 14 ноября 1884 года по 19 ноября 1885 года. Одесса. 1886 г.

Одесское общество исторіи и древностей въ сорокашестилѣтній періодъ своего существованія широко развило свою дѣятельность и, благодаря большому числу своихъ членовъ, ихъ любви къ наукѣ и болѣе или менѣе сноснымъ матеріальнымъ средствамъ, продолжаетъ выпускать весьма полезныя и цѣнныя изданія, производить археологическія изысканія, требующія значительныхъ затратъ, а равно увеличивать новыми пріобрѣтеніями свой музей и библіотеку. Настоящій отчетъ не называетъ источниковъ, изъ которыхъ черпаетъ Общество свои денежныя средства, простирающіяся почти до 4,000 рублей, и лишь мимоходомъ упоминаетъ о крупномъ пожертвованіи высокопреосвященнѣйшаго митрополита кіевскаго Платона на нужды Общества. Вообще-же кассовой отдѣлъ отчета страдаетъ краткостью, и мы не въ состояніи опредѣлить, какими средствами ежегодно располагаетъ Общества, кромѣ временныхъ случайныхъ доходовъ.

Личный составъ Общества довольно богатъ и, благодаря этому, можетъ брать на себя исполненіе серьезныхъ и крупныхъ работъ. Количество членовъ въ истекшемъ (1884—85) году пополнилось избраніемъ одного почетнаго члена, шести дѣйствительныхъ и двухъ корреспондентовъ; всѣхъ-же вообще членовъ къ началу текущаго года считалось: почетныхъ 15, дѣйствительныхъ 93 и корреспондентовъ 42. Общество имѣло въ отчетномъ году шесть очередныхъ засѣданій и одно экстренное, на которыхъ было сообщено семь рефератовъ, изъ коихъ большее число принадлежитъ вице-президенту В. Ю. Юргевичу и одинъ старѣйшему члену Общества, протоіерею А. Г. Лебединцеву [1]). Вмѣстѣ

---

[1]) Рефераты содержатъ въ себѣ преимущественно изслѣдованіе древностей побережья Чернаго моря.

съ тѣмъ Общество приготовило матеріалъ для XIV тома своихъ „Записокъ“; статьи и матеріалы для напечатанія доставлены не только членами, но и посторонними лицами. Дѣятельность Общества выразилась также въ заботахъ о сохраненіи разрушающихся памятниковъ древности; по его ходатайству, нѣсколько обновлена генуэзская башня св. Константина въ г. Ѳеодосіи. Общество пріѣзжимъ изслѣдователямъ предоставляло право пользоваться своими музеемъ и библіотекой, а лицамъ, интересующимся мѣстными вопросами, но живущимъ въ другихъ городахъ Россіи или за границей, высылало даже свои книги, планы и карты. Сверхъ всего этого на средства Общества производились раскопки въ Херсонесѣ, гдѣ найдены остатки древнихъ каменныхъ сооруженій, масса мѣдныхъ монетъ, не мало предметовъ домашней утвари и церковныхъ древностей. Раскопки производились при участіи членовъ Общества, дѣятельность которыхъ выразилась также, кромѣ рефератовъ въ засѣданіяхъ, въ печатаніи значительнаго количества работъ въ другихъ изданіяхъ. Изъ этихъ работъ мы не можемъ не отмѣтить тѣхъ, кои касаются нашего края и города, именно: В. В. Латышевъ издалъ I-й томъ полнаго собранія южно-русскихъ греческихъ и латинскихъ надписей: „Inscriptiones arae septentrionalis Ponti Euxini graeccae et latinae“, а А. Я. Гаркави напечаталъ въ „Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества“ статью: „О Кіевѣ—Манкерменѣ въ караимскихъ документахъ и надгробныхъ надписяхъ“.

Пріобрѣтенія Общества слагались изъ пожертвованій и покупокъ книгъ или преметовъ древности. Въ пожертвованіяхъ видное мѣсто занимаетъ Кіевъ: университетъ св Владиміра принесъ въ даръ „Обществу“ свои юбилейныя изданія; проф. В Б. Антоновичъ 1-й томъ своихъ „Монографій по исторіи южной и западной Россіи“; редакція „Кіевской Старины“ свой журналъ за 1885 годъ; Кіевская временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ „Архивъ юго-западной Россіи“; всего же въ прошломъ году пріобрѣтено 85 книгъ. Въ библіотекѣ Общества хранится 126 древнихъ и новыхъ рукописей, 129 отдѣльныхъ документовъ и болѣе 500 плановъ, картъ, портретовъ историческихъ дѣятелей и проч. Что касается Музея, то онъ обогатился древними монетами, медалями, печатями и другими предметами, въ количествѣ 374. Особенно музей богатъ по части нумизматики.

Таковы результаты скромной, безкорыстной и весьма почтенной научной дѣятельности Одесскаго Историческаго Общества.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

БЫЛЪ-ЛИ ГЕРОДОТЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ЮЖНОЙ РОССІИ?

Геродотъ давно признанъ отцемъ исторіи; найболѣе точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о первоначальной исторіи многихъ странъ и народовъ заимствуются у него. Онъ лично посѣтилъ Элладу съ ея святилищами, берега Ѳракіи отъ Византіи до Аѳона, Египетъ до Миридова озера, или нынѣшняго Фаюма, берега Палестины и Сиріи, Тиръ, Бейрутъ, Кипръ, Родъ, Кирену, острова Эгейскаго моря, Великую Элладу, побережье Малой Азіи, Лидію съ столицею Сардами, Троаду, Персію, Вавилонію, Ассирію, внутреннія части Малой Азіи, Верхній Египетъ, Колхиду и Скиѳію, и о всѣхъ этихъ странахъ говоритъ на основаніи непосредственныхъ наблюденій. Первоначальныя географическія, гидрографическія и историческія свѣдѣнія объ окраинахъ южной Россіи, прилегавшихъ къ Черному морю, заимствуемъ у Геродота и мы, и важность и точность этихъ свѣдѣній давно признана въ наукѣ.

Тѣмъ болѣе удивило насъ мнѣніе извѣстнаго англійскаго оріенталиста Сейса, который въ своемъ изданіи первыхъ трехъ книгъ Геродота [1]), изъ числа странъ посѣщенныхъ историкомъ, въ слѣдъ за Персіей, Вавилоніею, Ассиріею, Малой Азіей и верхнимъ Египтомъ, совершенно исключаетъ также

[1]) A. H. Sayce, *The ancient Empires of the East. Herodotos I—III, with notes, introductions andappendices. Lond. 1883.*

Колхиду (нынѣшній Кавказъ) и Скиѳію (крайній югъ Россіи). Въ пространномъ введеніи къ греческому тексту Геродота и въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ Сейсъ старается провести ту мысль, что Геродотъ—заурядный собиратель интересныхъ побасенокъ, вовсе не заботившійся о точности извѣстій, что онъ стремился только къ тому, какъ бы сдѣлать свое повѣствованіе возможно болѣе занимательнымъ и какъ бы внушить своимъ слушателямъ или читателямъ возможно болѣе выгодное представленіе о самомъ повѣствователѣ. Съ этою послѣднею цѣлью Геродотъ, по словамъ Сейса, намѣренно скрывалъ литературныя пособія, служившія источникомъ его свѣдѣній, и выдавалъ извѣстія, взятыя изъ вторыхъ—третьихъ рукъ, за результаты личнаго осмотра или за сообщенія непосредственныхъ очевидцевъ. Сейсъ увѣряетъ неопытнаго читателя, что отецъ исторіи старался во что бы то ни стало превзойти своихъ предшественниковъ въ области прозаической исторіи, затемнить ихъ, что въ виду этого онъ не стѣснялся черпать изъ нихъ всевозможныя извѣстія, но при этомъ сознательно умалчивалъ имена ихъ, а если гдѣ и упоминалъ о нихъ, то развѣ для того только, чтобы уличить упоминаемаго писателя въ невѣжествѣ, тщеславіи или лживости. Наибольше достается Геродоту отъ Сейса за Гекатея, писавшаго за два поколѣнія предъ нимъ. Англійскій оріенталистъ желаетъ убѣдить насъ, что отецъ исторіи не прочь былъ иной разъ отъ самой грубой уловки, лишь бы замаскировать собственное невѣдѣніе и явиться въ глазахъ читателя человѣкомъ всезнающимъ и берущимъ свои знанія прямо изъ первыхъ источниковъ.

На мнѣнія западныхъ авторитетовъ науки у насъ очень падки и можно опасаться, что мнѣніе оріенталиста проникнетъ и къ намъ и подорветъ тѣ свѣдѣнія, которыя мы черпаемъ у Геродота для нашей начальной исторіи и которыми мы дорожимъ, между прочимъ, ради ихъ древности и рѣдкости. Мы хотимъ поэтому въ настоящей замѣткѣ коснуться мнѣнія англійскаго ученаго по вопросу о посѣщеніи Геродотомъ Скиѳіи, или побережій Чернаго моря.

Къ этому вопросу Сейсъ обращается не сразу; сначала онъ старается подорвать извѣстія Геродота относительно нѣкоторыхъ изъ названныхъ нами выше странъ Востока, начиная съ Персіи, и уже подъ конецъ касается Скиѳіи. Уличивъ Геродота въ невѣрности яко бы числа видѣнныхъ имъ въ Ѳивахъ статуй, Сейсъ на основаніи

этого отрицаетъ посѣщеніе Геродотомъ верхняго Египта, а затѣмъ, найдя у Геродота прямо выраженное заключеніе о родствѣ колхидянъ съ египтянами, подвергаетъ сомнѣнію не только путешествіе Геродота въ Колхиду, но и самое знакомство его съ наружнымъ видомъ египтянъ, забывая, что съ одной стороны геродотовъ терминъ *черно-кожіе* μελάγχροες имѣетъ и другое значеніе: темнокожіе и что иными египтяне и не могли казаться эллинамъ, а съ другой, что въ древности Кавказъ съ его горами и ущельями служилъ убѣжищемъ для множества народовъ, приходившихъ туда съ разныхъ странъ, тогда какъ Геродотъ говоритъ только о колхидянахъ, небольшомъ народцѣ съ кожею темнаго цвѣта и съ курчавыми или волнистыми волосами. Отсюда Сейсъ дѣлаетъ уже переходъ къ геродотовымъ извѣстіямъ о Скиѳіи и считая ихъ также заимствованными изъ литературныхъ источниковъ, категорически исключаетъ Скиѳію и скиѳовъ изъ перечня именъ странъ и народовъ, съ которыми Геродотъ приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе.

Конечно для подтвержденія своего мнѣнія, критику слѣдовало бы показать, что раньше Геродота существовала, такъ сказать, скиѳская литература у его соплеменниковъ или по крайней мѣрѣ одно—два сочиненія, съ нѣкоторою обстоятельностью трактующія о нашемъ югѣ. Кромѣ того, критику слѣдовало бы доказать, что ошибки въ геродотовыхъ извѣстіяхъ о Скиѳіи исключаютъ возможность личнаго посѣщенія имъ окраинъ этой области и непосредственнаго общенія съ свидѣтелями—очевидцами. Но ни того, ни другаго у Сейса нѣтъ, да и не могло быть.

Сѣверное побережье Чернаго моря стало извѣстно эллинамъ за долго до Геродота. Уже Гомеръ упоминаетъ о народѣ, доющемъ кобылицъ, питающемся молокомъ, бѣдномъ и ведущемъ справедливѣйшій образъ жизни (*Ил.*, т. XIII, стр. 5); народъ этотъ живетъ на Евксинскомъ морѣ къ сѣверу отъ Ѳракіи. Гомеръ же упоминаетъ о какихъ-то сказочныхъ киммеріянахъ, безъ опредѣленія ихъ мѣстожительства (Од., т. XI, стр. 14). Имя скиѳовъ впервые встрѣчается у Гесіода, именующаго такъ гомеровскихъ доителей кобылицъ; поэту извѣстенъ и кочевой образъ жизни ихъ, потому что жилищами скиѳовъ называются повозки. У такъ называемыхъ киклическихъ поэтовъ, жившихъ въ VIII—VI вв. до Р. X., мы также находимъ отдѣльныя имена, свидѣтельствующія о нѣкоторомъ зна-

комствѣ эллиновъ съ черноморскимъ побережьемъ; но и у нихъ Скиѳія и скиѳы не выходятъ еще изъ тумана басни и чудеснаго. Болѣе близкое знакомство съ этими странами начинается со времени основанія милетянами колоній въ разныхъ пунктахъ побережья Чернаго моря, между которыми первое мѣсто принадлежало городу Ольбіи, основанному въ VII в. до Р. X., на мѣстѣ нынѣшняго Ильинскаго. Раньше Геродота странствовалъ по Скиѳіи, доходя до Исседоновъ, какой-то Аристея изъ Проконнеса, полумиѳическая личность, состоящая въ связи съ аполлоновымъ культомъ. На сколько поэтическіе вымыслы смѣшаны были съ реальными извѣстіями въ такъ называемой *Аримасповой поэмѣ* Аристеи, мы судить не можемъ; но что извѣстій этого послѣдняго рода было въ ней очень немного, показываетъ отсутствіе цитатъ изъ нея въ литературѣ позднѣйшей. Гораздо большею точностью отличались извѣстія о Скиѳіи первыхъ греческихъ историковъ, ближайшихъ предшественниковъ Геродота. Но, кромѣ нѣсколькихъ именъ городовъ и народовъ, съ обозначеніемъ, что они скиѳскіе, уцѣлѣвшіе фрагменты этихъ историковъ не даютъ намъ ничего; и ни у одного изъ послѣдующихъ писателей мы не находимъ даже намека на то, чтобы кто-либо изъ предшественниковъ Гедодота оставилъ послѣ себя сколько-нибудь обстоятельныя извѣстія о теперешнемъ югѣ Россіи. Слѣдовательно, гдѣ же тѣ литературныя пособія, которыми Геродотъ могъ воспользоваться для своего описанія Скиѳіи и ея обитателей?

Между тѣмъ IV книга отца исторіи даетъ теперешнему читателю такія свѣдѣнія о Скиѳіи и скиѳахъ того времени, которыя по своей полнотѣ и относительной вѣрности превосходятъ все, написанное по этому предмету въ древне-греческой литературѣ не только раньше Геродота, но и въ послѣдующее время.

Географическія, топографическія, историческія и особенно бытовыя извѣстія Геродота о Скиѳіи и скиѳахъ по справедливости считаются драгоцѣнными и по достоинству должны быть признаны единственными для своего времени. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, историкъ нигдѣ не говоритъ прямо, что онъ странствовалъ по Скиѳіи; но въ трудѣ его имѣются многочисленныя возраженія, не позволяющія сомнѣваться въ томъ, что онъ повѣствуетъ о многихъ относящихся сюда предметахъ или какъ очевидецъ, или какъ добросовѣстный посредникъ между читателемъ и свидѣтелями-

очевидцами изъ среды эллиновъ, жившихъ по сѣверному берегу Чернаго моря, преимущественно въ Ольбіи. Важнѣйшія рѣки Скиѳіи, отъ Дуная до Днѣпра включительно, обозначены Геродотомъ въ своемъ нижнемъ и среднемъ теченіи съ значительною точностью. Между Бугомъ и Днѣпромъ онъ видѣлъ громадную мѣдную чашу, измѣренную имъ и сличаемую съ тѣмъ сосудомъ, который Павсанія поставилъ у входа въ Боспоръ (IV, 81); въ слѣдующей главѣ онъ замѣчаетъ, что на берегу рѣки Тиры (Днѣстръ) показываютъ ступню Геракла; подлѣ той же рѣки «видна, по его словамъ, и теперь могила киммерійскихъ царей» (IV, 11); о свойствахъ рѣки Теора онъ говоритъ со словъ мѣстныхъ жителей (IV, 90); разсказъ объ Анахарсисѣ онъ слышалъ отъ Тимны, довѣреннаго царя Аріопейѳеса (IV, 76). Подробное описаніе Гилеи, „лѣсной области" на нижнемъ теченіи Днѣпра, въ которомъ нельзя не узнать днѣпровскихъ плавней (IV, 18, 76), могло быть сдѣлано только очевидцемъ. Послѣдующіе писатели: Мела, Плиній, ораторъ Діонъ, посѣтившій эти мѣста въ концѣ I в. по Р. Х., подтверждаютъ первоначальное извѣстіе отца исторіи о лѣсномъ пространствѣ у низовьевъ Днѣпра. Плиній прибавляетъ, что ближайшая къ этимъ мѣстамъ часть Евксинскаго моря называлась лѣснымъ моремъ, Hylaeum mare, а Діонъ сравниваетъ деревья Гилеи съ карабельными мачгами. Извѣстія Геродота о конструкціи могилъ скиѳскихъ царей, о погребальныхъ обрядахъ скиѳовъ, различныхъ непремѣнныхъ принадлежностяхъ кочеваго и военнаго образа жизни подтверждаются археологическими разысканіями и этнографическими аналогіями. Главнымъ образомъ въ виду этого рода данныхъ нашъ даровитый, умудренный опытомъ археологъ и историкъ И. Е. Забѣлинъ выражается такъ о древнѣйшемъ свидѣтелѣ русской исторіи: «геродотовы разсказы дышутъ необыкновенною простотою и правдою и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ живо изображаютъ и природу страны, и людей съ ихъ нравами, обычаями и дѣлами, что все это въ дѣйствительности представляется, какъ будто самъ живешь въ то время и въ той землѣ и съ тѣми самыми людьми (*Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, т. I, стр 217*). Другой русскій ученый, точный и строгій критикъ, много потрудившійся надъ изученіемъ южно-русской глубокой старины, Ф. Брунъ, навываетъ четвертую книгу геродотовой исторіи чрезвычайно цѣннымъ и единственнымъ источникомъ для древнѣй-

шей исторіи черноморскихъ степей; самое описаніе Геродота онъ называетъ изящнымъ и основательнымъ (*Черноморье, т. II, стр. 1*).

Что касается собственно этнографической части геродотовыхъ извѣстій о скиѳахъ, то они нашли уже себѣ многообразное подтвержденіе въ бытовыхъ аналогіяхъ другихъ народовъ. Такъ, обычай скиѳовъ доить кобылицъ съ помощью костянныхъ трубокъ (IV, 2) встрѣчается почти въ томъ же самомъ видѣ у калмыковъ, въ Аравіи и у нѣкоторыхъ народовъ южной Африки. Почитаніе царскими скиѳами военнаго божества въ видѣ меча возліяніемъ на него крови (IV, 62) почти тождественно съ культомъ оружія у алановъ, квадовъ, вендовъ и другихъ народовъ. Хорошо извѣстный своими цѣнными изслѣдованіями осетинскаго народца проф. В. Ѳ. Миллеръ сходство бытовыхъ чертъ въ извѣстіяхъ Геродота о скиѳахъ и въ народныхъ осетинскихъ сказаніяхъ считаетъ достаточнымъ для того, чтобы признать основательность гипотезы объ иранствѣ геродотовыхъ скиѳовъ. Разсказъ греческаго историка о томъ, какъ скиѳы кнутами укротили своихъ взбунтовавшихся рабовъ, близко напоминаетъ извѣстіе новгородской лѣтописи объ укрощеніи въ Новгородѣ слугъ господами, возвратившимися изъ долговременнаго похода. Подмѣшиваніе крови къ вину при заключеніи договоровъ, питье крови убитаго врага и скальпированіе составляютъ характеристическія черты быта воинственнаго полудикаго народа. Погребальные и поминальные обряды скиѳовъ въ описаніи Геродота (гл. 72) почти до тождества сходны съ соотвѣтствующими обрядами патагонцевъ, описанными Леббокомъ, на что обратилъ вниманіе проф. Воеводскій въ своемъ изслѣдованіи: «Чаши изъ человѣскихъ череповъ и тому подобные примѣры утилизаціи трупа (Одесса, 1877 г).

Словомъ, геродотова Скиѳія можетъ считаться однимъ изъ отдѣловъ повѣствованія, найубѣдительнѣйше свидѣтельствующихъ о чрезвычайной любознательности древняго писателя и о доброкачественности значительной части добытыхъ имъ свѣдѣній. Извѣстія свои о Скиѳіи Геродотъ могъ получить только на мѣстахъ эллинскихъ поселеній по черноморскому побережью, находившихся въ частыхъ сношеніяхъ съ сосѣдями скиѳами. Только благодаря содѣйствію такихъ свидѣтелей и своему личному посѣщенію, Геродотъ смогъ внести въ смутныя, неопредѣленныя представленія эллиновъ

о Скиѳіи значительную ясность и опредѣленность. Впервые терминъ «скиѳы,» подъ которымъ въ безразличной массѣ разумѣлись всѣ народы невѣдомаго далекаго сѣвера, получилъ у Геродота конкретное содержаніе, примѣненъ былъ къ одной лишь группѣ множества народовъ, населявшихъ въ то время южную и среднюю Россію и нынѣшнія восточныя части Австріи. Впервые извѣстія о Скиѳіи и скиѳахъ получили реальное основаніе въ географическихъ и гидрографическихъ опредѣленіяхъ. Ничего этого до Геродота сдѣлано не было.

Всему сказанному выше не противорѣчитъ присутствіе въ геродотовомъ повѣствованіи неточностей, пробѣловъ и неясности, особенно въ топографіи различныхъ пунктовъ, въ опредѣленіяхъ разстояній, теченія рѣкъ и т. п. Несовершенства эти объясняются прежде всего недостаточностью средствъ изысканія, какими располагалъ путешественникъ V в. до Р. Х., и обязываютъ современнаго изслѣдователя воздерживаться отъ поспѣшныхъ выводовъ и относиться критически къ тексту древняго повѣствователя. Но для своего времени извѣстія Геродота были литературнымъ явленіемъ необыкновеннымъ, и можно сказать съ увѣренностью, что столь драгоцѣнная для насъ IV книга исторіи не мало прибавила къ репутаціи его автора въ древности, какъ собирателя басенъ и лживыхъ разсказовъ. Къ этому приговору древности склоняется и Сейсъ.

Въ книгѣ англійскаго ученаго слѣдуетъ различать двѣ части: одна содержитъ въ себѣ оцѣнку Геродота, какъ писателя, другая даетъ обильныя историческія и географическія объясненія и поправки къ извѣстіямъ древнѣйшаго автора. Эта послѣдняя часть, какъ принадлежащая перу лица компетентнаго въ своемъ дѣлѣ, представляетъ не мало интереснаго и поучительнаго и въ такомъ именно смыслѣ оцѣнена европейской критикой. Но отношеніе Сейса къ личности Геродота, отношеніе крайне скептическое и высокомѣрное, не оправдывается ни свойствами самого повѣствованія Геродота, ни добытыми до сихъ поръ результатами въ области изученія странъ, посѣщенныхъ и описанныхъ историкомъ; подтвержденіемъ тому можетъ служить примѣръ Скиѳіи. И послѣ критики Сейса Геродотъ остается добросовѣстнымъ наблюдателемъ и писателемъ, любознательнымъ, осторожнымъ собирателемъ и мастерскимъ разсказчикомъ.

Ѳ. Мищенко.

КОЕ-ЧТО О «ВОВКУЛАКАХЪ» И ПО ПОВОДУ ИХЪ.

Вопросы о происхожденіи миѳическихъ представленій, объ основаніяхъ для научнаго толкованія миѳовъ не могутъ входить въ задачу настоящей замѣтки, цѣль которой гораздо проще: привести нѣсколько легендарныхъ сказаній, циркулирующихъ въ народѣ, въ подтвержденіе положенія, что поэтическія преданія старины глубокой и нынѣ имѣютъ для народа часто реальный смыслъ и даже экономическое значеніе въ обыденной жизни крестьянъ.

Обряды, обычаи, преданія встрѣчаютъ человѣка при рожденіи, сопровождаютъ его на жизненномъ пути, не оставляютъ даже у гроба. Они составляютъ наслѣдство предковъ, въ которомъ скоплено все умственное богатство ихъ и въ которомъ коренятся всѣ національныя особенности потомковъ. Среди такого-то наслѣдія арійскаго періода выдѣляется вѣрованіе въ превращенія, въ оборотничество, нашедшее себѣ полное выраженіе не только въ сказкахъ о превращеніяхъ героевъ, но и въ современныхъ сказаніяхъ о вѣдьмахъ и вовкулакахъ.

Оставляя въ сторонѣ разсказы о вѣдьмахъ, какъ болѣе извѣстные и частію нашедшіе уже себѣ мѣсто въ сборникахъ Аѳанасьева, Чубинскаго, Драгоманова, мы остановимъ наше вниманіе на не менѣе распространенныхъ въ народѣ сказаніяхъ о «вовкулакахъ.» Подобныхъ разсказовъ въ печати существуетъ не много, да и изъ того, что стало уже извѣстнымъ, не всегда можно вывести опредѣленное представленіе объ этихъ оборотняхъ, черты которыхъ собиратели народныхъ повѣрій смѣшиваютъ иногда съ нѣкоторыми чертами, характеризующими упырей или вампировъ.

Аѳанасьевъ указываетъ [1]), что на Украйнѣ различаютъ вовкулаковъ двухъ родовъ: это или колдуны, принимающіе звѣриный образъ, или простые люди, превращенные чарами колдовства въ волковъ. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ, днемъ же снова принимаютъ человѣческія формы. Превращенные изъ простыхъ людей вовкулаки—болѣе страждущія, чѣмъ зловредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣсамъ, воютъ

[1]) См. Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 3, стр. 549—553.

по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ. Средства, употребляемыя колдунами и вѣдьмами для превращенія людей въ *животненные* образы, сходятся съ тѣми, силою которыхъ они сами становятся оборотнями. По народному повѣрью, колдуны или вѣдьмы, желая кого либо превратить въ волка, набрасываютъ на него звѣриную шкуру и нашептываютъ при этомъ волшебныя слова. Чтобы превратить свадебный поѣздъ въ стаю волковъ, колдунъ беретъ столько ремней и мочалъ, сколько въ поѣздѣ лицъ, нашептываетъ надъ ремнями и мочалами заклятія, а потомъ подпоясываетъ ими по одиночкѣ поѣзжанъ; подпоясанные тотчасъ становятся вовкулаками. Иногда, говорятъ, колдунъ кладетъ скрученный поясъ подъ порогъ избы: кто переступитъ чрезъ этотъ поясъ, тотъ и превращается въ волка. Сами колдуны и вѣдьмы, желая преобразиться въ звѣрей, набрасываютъ на себя кольцо изъ мочалы или кувыркаются чрезъ обручи. Само собою разумѣется, что главная сила тутъ въ нашептываніи, въ волошебныхъ словахъ. Переступившіе чрезъ заколдованный поясъ и ставшіе вслѣдствіе этого оборотнями не прежде могутъ получить прежній человѣческій образъ, какъ когда чародѣйскій поясъ протрется и лопнетъ. Есть впрочемъ и другой способъ, которымъ во всякое время можно возвратить оборотню человѣческій видъ: нужно, что-бы кто нибудь надѣлъ на него снятый съ себя поясъ, но предварительно навязалъ на этомъ поясѣ узлы, а при навязываніи каждый разъ говорилъ: *Господи помилуй*! Говорятъ, будто-бы при этомъ и звѣриная шкура, если она была наложена, спадетъ и предъ избавителемъ явится человѣкъ.

Указанные сейчасъ способы превращенія людей въ волковъ принадлежатъ къ простѣйшимъ и не всегда приводятъ къ желаемой цѣли. Не всякій же допуститъ набросить на себя звѣриную шкуру, не всякій дастъ подпоясать себя наговореннымъ ремнемъ. Гораздо труднѣе бороться съ чарами, производимыми заочно, съ помощью какого нибудь зелья. Въ одной пѣснѣ народной такъ говорится о дѣйствіи чаръ:

Ой, мамо, мамо, щожъ мини робити:
Не ставъ козакъ любити.
Бижи, донько, до гаю,
Шукай зилья розмаю.

Ще до гаю не дойшла,
Розмай-зилячко нашла.
Полоскала на ричци,
А мочила въ горильци.
Полоскала у броду,
Настояла на меду,
Приставила до жару.
Кипи, зилья, до жалю.
А ще коринь не вкипивъ,
Козакъ уже прилетивъ.
«Чогожъ ты прилетивъ,
Коли любить не схотивъ?»
—Якъ же мини не литати,
Коли вміешъ чаровати [1]).

Противъ чаръ можно дѣйствовать только чарами или заговорами; какъ во всякихъ другихъ случаяхъ, такъ въ особености въ случаѣ превращенія кого либо въ волка заговоры въ устахъ умѣлаго знахаря способны не только уничтожить, но и предотвратить дѣйствіе чаръ. Въ послѣднемъ случаѣ они носятъ названіе «обереговъ» или оберегательныхъ.

Въ литературѣ заговоровъ мнѣ извѣстно только шесть свадебныхъ «обереговъ,» приведенныхъ у Забѣлина [2]). Въ купянскомъ уѣздѣ харьковской губерніи мнѣ удалось записать еще нѣсколько «обереговъ,» которые и привожу здѣсь. Народъ такъ вѣритъ въ силу этихъ заговоровъ, что не считаетъ нужнымъ, чтобы они произносились знахаремъ: ихъ можетъ прочесть и всякій исполняющій на свадьбѣ роль дружка, если только знакомъ съ текстомъ ихъ. Вотъ эти заговоры, оберегающіе молодыхъ отъ превращенія въ волковъ.

1) «Стану я на чавуннее дно, закрыюся зализнымъ небомъ, замкну я по тридевять замкивъ, по тридевять полузамкивъ, та вкину я ключи въ океанъ море. Хто може зъ океана воду выпить и хто може писки вызбирать. той може и раба Божого (имя новобрачнаго) ззисти. Не знайдется ни съ панскихъ, ни зъ попивскихъ дитей»....

---

1) Г. Купянскъ.

2) Русскій народъ... Москва, 1880 г. Ч. II, стр. 374.

Къ этому, такъ сказать, спеціальному заговору прибавляютъ слова изъ заговоровъ, употребляемыхъ при нашептываніи въ болѣзняхъ: «Тутъ тоби не бувати, кости не ламати, крови не пити, серця не тошнити: пиды соби съ нутра живота, и зъ жилъ, зъ пажилъ, зъ ногтивъ, зъ пазногтивъ,—пиди соби на пущъ, де солнце не сходе, де христіанскій гласъ не заходе.»

(Запис. въ Сл. Нижней Дуванкѣ, куп. у.)

2) «Запрягаю я кони-ведмеди, ужакою загнуздую, гадюкою поганяю, одъ себе жило одвертаю. А хто все це поисть, той хрещенихъ рабъ Божихъ: архитрыклына, молодого князя и молоду княгиню и весь поиздъ поисть.»

Это читаетъ *дружко*, запрягая лошадей, чтобы ѣхать за невѣстой.

3) «Мижъ трёма дорогами, мижъ трёма ланами лежить чоловикъ Ныкинъ безъ рукъ, безъ нигъ, безъ очей, безъ ричей, безъ плечей. Якъ той чоловикъ, Ныкинъ, ничымъ не владіе, такъ на хрещеному рабу Божому архитрыклыну (имя дружка) и на молодому князю (имя жениха) и на молодій княгини (имя невѣсты) и на ёго поизду нихто ничого не завладіе. Во вики виковъ. Аминь.»

(Сл. Преображенная, куп. у.),

Таковы заговоры, употребляемые для предотвращенія молодыхъ и поѣзжанъ отъ обращенія въ волковъ; но разъ, по неопытности дружка, или по другой причинѣ, несчастіе случилось и весь поѣздъ побѣжалъ волками, требуются другія средства и другіе знающіе люди.

«Якъ побачишъ багацько вовкивъ и въ якого небудь билу смугу черезъ плече», говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ, «бери икону, воскову свичку, хлибъ и иди на зустричъ, а пидійшовши близенько, простели рушникъ, поставъ икону, засвиты свичку и положи хлибъ, та такъ, якъ на аршинъ одъ рушника до вовкивъ, встроми нижъ, тай кажи: «Просимо (имя дружка) до хлиба до соли и до святои иконы. Одверни тебе, Господи, и очисти твое тило святыми молитвами и своими духами!» Тоди дружко пидойде до ножа, та-нюхъ-нюхъ и перекинеця черезъ нёго, а за нимъ и вси, и заразъ поробляця людьми.»

(Сл. Преображенная).

Козакъ или солдатъ можетъ въ силу своего званія возвратить вовкулакамъ человѣческій видъ. Въ старобѣльскомъ уѣздѣ мнѣ разсказывали слѣдующее преданіе.

Въ одной изъ станицъ на Дону проживалъ богатый старый козакъ съ дочерью, красавицей Машей, сынъ же отправился на войну. Въ красавицу Машу влюбился безобразный Ѳомка, сынъ вѣдьмы, и сталъ свататься за нее. Старый козакъ выгналъ изъ хаты вѣдьму, явившуюся къ нему за отвѣтомъ на предложеніе сына. «Постой же, старый хрычъ, не видать тебѣ твоей Машки замужемъ!» вскричала взбѣшенная отказомъ вѣдьма. Съ того дня всѣ коровы стараго козака стали давать, вмѣсто молока, кровь. Призвана была знахарька, что слѣдуетъ, пошептала, подѣлала,—коровы стали давать молоко, но за исключеніемъ одного дня въ недѣлю, именно того, въ который онѣ были испорчены вѣдьмой; тогда у нихъ по прежнему появлялась кровь. Прошло нѣсколько недѣль. Маша была сговорена за сына сотника. Все шло благополучно. Но вотъ когда женихъ и невѣста стояли подъ вѣнцомъ, въ это самое время замѣтили старую вѣдьму, копающуюся на средокрестной дорогѣ. По окончаніи вѣнчанія сказали объ этомъ дружку, но онъ не обратилъ на предостереженія никакого вниманія. Окруженные богатымъ поѣздомъ, сіяющіе счастіемъ, ѣдутъ молодые изъ церкви. Но лишь только переднія колеса повозки молодыхъ коснулись перекрестка, молодой князь и молодая княгиня внезапно превращаются въ волковъ и на глазахъ оцѣпенѣвшаго поѣзда убѣгаютъ въ лѣсъ. Сверкнула вѣдьма глазами и убѣжала, а на перекресткѣ оказался ножъ, воткнутый въ землю остріемъ вверхъ.

Затужилъ старый козакъ, слегъ въ постель и послалъ за сыномъ. Пріѣхалъ молодой козакъ въ отпускъ и, разузнавъ обо всемъ обстоятельно, засѣлъ на ночь въ загородѣ подъ тотъ день, когда коровы давали, вмѣсто молока, кровь. Въ полночь явилась старая вѣдьма. Схвативъ ее за сѣдые волосы, онъ однимъ ударомъ нагайки отбилъ ей носъ, а потомъ началъ учащать удары, требуя отъ вѣдьмы, чтобы она открыла ему секретъ, какъ возвратить его сестрѣ и зятю ихъ прежній видъ.—«Ну, говоритъ вѣдьма, умѣлъ ты поймать меня и удержать, дай же теперь мнѣ слово, что ты не убьешь меня, когда я открою тебѣ тайну.»—Козакъ далъ слово. Тогда вѣдьма подала ему клокъ своихъ сѣдыхъ волосъ и сказала, чтобы онъ зарядилъ ружье и забилъ зарядъ этими волосами. Затѣмъ указала станицу, около которой бѣгали вовкулаками его сестра и зять, прибавивъ, что, найдя ихъ тамъ, онъ долженъ выстрѣлить въ нихъ изъ

ружья и что при звукѣ выстрѣла они опять станутъ людьми. Дѣйствительно, слова вѣдьмы вполнѣ оправдались. Молодой козакъ сдержалъ свое слово, не тронулъ вѣдьмы, но станичники сожгли ее вмѣстѣ съ ея домомъ.

Въ народѣ циркулируетъ масса поражающихъ воображеніе слушателя расказовъ о вовкулакахъ и въ частности о томъ, чѣмъ они питаются, что ѣдятъ. Приведу болѣе характерные изъ нихъ.

Возвращаются два брата съ поля домой.—А що, Грицько, дуже боишься ты вовкивъ? спрашиваетъ старшій братъ меньшаго. — Не знаю, отвѣчаетъ тотъ: я ихъ зъ роду не бачивъ.—А отъ побачишь, говоритъ старшій братъ. И тотчасъ ушелъ за находившуюся у дороги могилу. Тамъ вынулъ изъ кармана два ножа, воткнулъ ихъ въ землю и перекувырнулся между ними черезъ голову. Не успѣлъ Грицько и «почухаться», какъ изъ-за могилы показался большущій сѣрый волкъ. Испугался Грицько и бросился за могилу въ ту сторону, куда ушелъ его братъ; но вмѣсто брата увидѣлъ тамъ два торчавшіе изъ земли ножа. Онъ быстро выдернулъ ихъ и стремглавъ пустился домой, а за нимъ бѣжалъ волкъ съ жалобнымъ воемъ, въ которомъ онъ не могъ не узнать голоса брата. Не разъ пытался несчастный вовкулака пробраться домой, но блестящіе зубы съ бѣшенствомъ бросавшихся на него псовъ обращали его въ бѣгство. Хуторяне часто потомъ встрѣчали въ окрестностяхъ тощаго, исхудалаго волка, съ слезящимися глазами, пристально устремленными на огонекъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ готовилась вечеря для косарей.

Разъ ночью страшный лай собакъ на дворѣ разбудилъ Грицька. Онъ вышелъ изъ хаты; смотритъ,—собаки неистово бросаются на забившагося въ уголъ кошары волка. За Грицькомъ вышелъ и отецъ. Послѣдній срязу догадался, что то за волкъ. Быстро подошелъ онъ къ нему, схватилъ его за шиворотъ и сильно встряхнулъ. Шкура на волкѣ треснула и изъ нея вылѣзъ старшій братъ Грицька. Когда всѣ поуспокоились и бывшій вовкулака, сидя за столомъ въ хатѣ, утолилъ свой голодъ, то на вопросъ матери: «сыночку-голубчику, щожъ ты ӥвъ, якъ вовкулакою бувъ?» отвѣчалъ: «облизувавъ на деревьяхъ ти миста, за котори люди брались руками,—тимъ тилько и живъ.»

Другіе разсказы о жизни вовкулакъ добавляютъ, что они не ѣдятъ падали, но подбираютъ куски и крошки хлѣба, оставляемые пастушками, а иногда даже воруютъ у послѣднихъ сумки съ хлѣбомъ.

Одинъ мальчикъ передавалъ мнѣ, что года два тому назадъ къ товарищамъ его пастухамъ, пасшимъ скотъ вблизи лѣса, пріѣзжалъ верховой съ ружьемъ за плечами. Распросивъ ихъ о томъ, не видали-ли они волка, онъ далъ имъ кусокъ «свяченаго» хлѣба и просилъ ихъ, чтобы они, когда увидятъ волка, не пугались, а дали бы ему этого хлѣба и, когда онъ начнетъ ѣсть, разорвали бы на немъ зеленый поясъ, который у него подъ шерстью. «Это, говорилъ онъ, не волкъ, а вовкулака,—женихъ, превращенный въ волка».

Люди взрослые съ полной вѣрой разсказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ въ волчанскомъ уѣздѣ видѣли одного русскаго изъ воронежской губерніи, сопровождаемаго волкомъ. На вопросы удивлявшихся этому хохловъ, онъ увѣрялъ ихъ, что это не волкъ, а оборотень—женихъ. Когда еще болѣе удивленные такимъ отвѣтомъ хохлы спрашивали хитроумнаго москаля, зачѣмъ же онъ не возвратитъ вовкулакѣ прежняго его человѣческаго вида, то находчивый москаль озадачилъ ихъ такимъ отвѣтомъ: «Сдѣлай его человѣкомъ, придется кормить, а до дому еще далеко, волкомъ же добѣжитъ и безъ корму».

Нѣкоторые изъ разсказовъ о вовкулакахъ приводятъ къ заключенію, что превращеніе въ волка бываетъ не только невольное, но и совершенно добровольное; въ послѣднемъ случаѣ оно составляетъ развлеченіе молодыхъ парней. Вотъ одинъ такой разсказъ, дословно записанный мною.

Шли два товарищи; одинъ, знаете, такій, що всяку всячину знявъ, а другій такій, якъ оце и мы гришни.

Отъ це той, що знае усе, и каже: «давай, братъ, вовкулаками поперекидаемся, та полякаемъ дивчатъ.»—«Давай,»—Ну винъ самъ перекинувся и товарища перекинувъ, и пишлы дивчатъ лякать. Писля того, якъ полякали, пишлы до вербы, откидаются. Той же, що зна усе, откинувся и зробився опьять чоловикомъ, а другій откидавсь, откидавсь, та й не откинувся,—такъ вовкулакою и побигъ у поле, и кажну ничъ оце и приходе до своеи хаты, та и дывитця въ викно, що въ хати робитця. И такъ винъ доходивъ до самисенькаго Риздва. Якъ есть на голодну кутю прыйшовъ до хаты и дывитця въ викно, а въ хати батько й мати и браты сидаютъ вечерять. Мати кладе ложки, та й каже: «оце тоби, старый, а оце тоби, сынокъ.» А вовкулака пидъ викномъ: «ау!» Це, бачъ, не

скаже: «а мини, та «ау!» Тутъ уси полякались, повыбигали, застукали того вовка, почали его бить. Братъ якъ ударе его по спыни, а винъ и зробився чоловикомъ, та й каже: «постой, не быйся: я твій братъ!» Взяли его у хату, роздивились,—ажъ винъ справди братъ.

Превращенные другими посредствомъ чаръ или заклятій въ волковъ, во всѣхъ слышанныхъ мною разсказахъ представляются несчастными, заслуживающими полнаго состраданія, существами: превращающіеся добровольно, особливо колдуны и вѣдьмы, не испытываютъ отъ того никакихъ страданій, пользуются только этимъ превращеніемъ съ выгодою для своихъ цѣлей; рыская волками по ночамъ, къ разсвѣту они снова принимаютъ человѣческій видъ.

Вѣрованіе въ оборотничество, въ существованіе вовкулакъ, составляетъ одинъ изъ архаическихъ остатковъ миѳологической стадіи человѣческой мысли, крѣпко сохраняющейся въ той общественной группѣ, которая служитъ вѣрной хранительницей вообще легендарной поэзіи древняго человѣчества, но съ сообщеніемъ ей мѣстнаго колорита, мѣстныхъ красокъ.

Что же способствуетъ сохраненію, живучести этихъ сказочныхъ преданій въ народѣ? Что сообщаетъ видъ правдоподобія этимъ невѣроятнымъ, глупымъ росказнямъ?—Общій складъ народнаго міровоззрѣнія, личная выгода нѣкоторыхъ и тѣ печальные, хотя довольно рѣдкіе, случаи умопомѣшательства, когда въ разстроенномъ умѣ больнаго рождается представленіе о томъ, что превращеніе въ волка дѣйствительно совершается или совершилось уже надъ его собственной личностью, что онъ, больной, сталъ волкомъ. Сюда же слѣдуетъ отнести случаи полнаго идіотизма, соединеннаго съ нѣмотою и припадками болѣзни св. Витта. Года два тому назадъ въ одномъ изъ южно-русскихъ монастырей намъ пришлось увидѣть одного изъ подобныхъ несчастныхъ субъектовъ, пробѣгавшаго на четверенькахъ мимо толпы крестившихся при видѣ его богомольцевъ, изъ среды которыхъ доносились до насъ восклицанія: «Господи, спаси и помилуй!» вмѣстѣ со словами: «перевертень! перевертень!» Дѣйствительно, жалкое созданіе, почти лишенное человѣческаго образа, производило на зрителей самое удручающее впечатлѣніе. Оно то каталось по землѣ, издавая какое-то рычаніе, то, схватившись, продолжало бѣгъ

свой на четвереренькахъ. Не удивительно, что появленіе его тотчасъ же вызвало въ толпѣ представленіе объ оборотнѣ, перевертнѣ.

Къ числу лицъ, заинтересованныхъ поддержаніемъ въ простомъ народѣ вѣрованія въ превращенія людей, мы относимъ также не только тѣхъ, что слывутъ знахарями, колдунами, но и конокрадовъ, а равно занимающихся кражею скота. Они-то и есть тѣ разъѣзжающіе по утрамъ около хуторовъ всадники, разсказы о встрѣчахъ съ которыми намъ приходилось неоднократно слышать и которые, будто бы ища убѣжавшихъ волками жениха и невѣсты, съ цѣлью возвратить имъ прежній человѣческій ихъ видъ. на самомъ дѣлѣ высматриваютъ, гдѣ бы украсть коня или вола. Но, будучи захвачены врасплохъ, эти хищники, пользуясь наивной вѣрой крестьянъ, несутъ имъ всякую всячину для отвода только глазъ.

П. И—въ.

ТРАДИЦІОННЫЙ ПРОМЫСЛЪ ХАРЬКОВСКИХЪ КОЦАРЕЙ [1]).

Малороссіяне, или, по давнишнему названію, «черкасы», переселившіеся изъ-за Днѣпра на слободы и села нынѣшней харьковской губерніи, занесли на свою новую родину множество ремеслъ, между коими выдѣлка ковровъ или «коцарство» было однимъ изъ выдающихся. Мастера, занимавшіеся этимъ промысломъ, ткали ковры, которые, по свидѣтельству автора «Топографическаго описанія харьковскаго намѣстничества», кромѣ мѣстнаго потребленія, служили еще и предметомъ вывоза въ великороссійскія селенія и даже за границу. Объ искусствѣ слободско-украинскихъ коцарей и коцарокъ одно время стало извѣстно въ самомъ Петербургѣ. Въ 1740 году кто-то прислалъ въ Петербургъ изъ слободской Украйны двѣ попоны работы малороссійскихъ коцарей. Попоны эти были настолько хороши, что ими заинтересовалась придворная конюшенная контора. Прошло однако 7-мь лѣтъ, пока контора надумалась снестись на счетъ заказа попонъ съ генеральною малороссійскою войско-

---

[1]) Коць—коверъ, отсюда названіе коцарь, коцарка. Въ Харьковѣ одна улица называется Коцарскою.—*А. Т.*

вою канцеляріею. Въ 1747 году особою премеморіею она требовала, чтобы канцелярія распорядилась сдѣлать въ Украйнѣ на пробу двѣ попоны, большой и средней руки, и чтобы отъ мастеровъ, которые будутъ дѣлать эти образцы, было узнано, во сколько времени они могутъ приготовить 500 такихъ попонъ для дворцовыхъ лошадей. Вмѣстѣ съ тѣмъ были присланы и образцы попонъ. Генеральная канцелярія почему-то не желала принять на себя выполненіе требованія конюшенной конторы и въ отвѣтъ ей написала, что «въ Украинѣ попоны требуемою работою не дѣлаютца и для зделованія оныхъ мастеровъ тамо таковыхъ нѣтъ, а кои... дѣлаютъ —не вѣдомы, но вѣдомы въ белгородской губерніи»... Иными словами: она передавала дѣло на другія руки. Конюшенная контора спустя два года обратилась съ такимъ же требованіемъ къ бѣлгородской губернской канцеляріи, а та препроводила копіи указа въ канцеляріи полковыя, въ полки сумскій, ахтырскій, изюмскій, харьковскій и острогожскій, съ требованіемъ разысканія нужныхъ мастеровъ и съ добавленіемъ, что, какъ ей извѣстно, «оныя попоны разныхъ рукъ (размѣровъ) въ Харьковѣ дѣлаются». Дѣйствительно въ Харьковѣ нашлись коцари: Кость Кочерга, Гараськo Сколоздрія, Матвій Литвиненко, Семенъ Кравець, Семенъ Кочерженко и Иванъ Домашенко, а также коцарки: Орина Поддубная, Агафья Корніиха, Ганна Котелевская, Палажка Котелевская, Меланія Лапчиха, Марія Курязковна, Ѳедосія Плахотникова, Прасковья Польсковна и Марія Безистичная. Имъ объявленъ былъ заказъ конюшенной конторы на 500 попонъ, при чемъ требовалось сдѣлать «одни попоны съ двумя захабами большой руки, мѣрою въ длину безъ захаба 2 ар. 8 вершк., а съ захабомъ 2 ар. $10^1/_2$ верш., шириною 1 арш. 14 вершк., а другія средней руки, длиною безъ захаба 2 ар. 7 вершк., съ захабомъ 2 арш. 8 вершк.. шириною 1 ар. 12 вер. Согласно рисунка, попоны должны были имѣть на зеленомъ полѣ, съ красными каймами, 2-хъ красныхъ орловъ; требовалось при томъ, чтобы они были сдѣланы «изъ хорошей шерсти, самою доброю работою», по цѣнѣ не свыше 2 р. 50 к. Предлагаемую цѣну коцари нашли для себя неподходящею, сверхъ того «за скудостію своею и за недородомъ хлѣба» не надѣялись такого числа попонъ поставить своимъ коштомъ въ короткій срокъ, но обѣщали изготовить требуемое количество ихъ къ 1 января 1750 года, если имъ заплатятъ по 3 руб. за каждую и выдадутъ впередъ, на

покупку и заготовку матеріаловъ, половинную часть всей причитающейся за работу суммы. Два однако образца были изготовлены тогда-же и представлены въ канцелярію, а оттуда отосланы въ Бѣлгородъ, изъ Бѣлгорода-жъ въ Петербургъ.

Конюшенная контора, разсмотрѣвъ образцы, нашла, что «хотя тѣ попоны здѣланы шерстью и мастерствомъ добротне, но мѣрою весма не сходны, такъ что лошадей накрыть оными невозможно»; къ тому-жъ и цѣна, запрошенная харьковскими коцарями, показалась ей высокою. Какъ-бы ни было, искусство харьковскихъ коцарей было признано и конторѣ видимо хотѣлось устроить заказъ. Она рѣшилась даже на такую уступку: «буде же за тѣмъ дорожиться будутъ, что 2 герба, то сдѣлать хотя съ 1 гербомъ на срединѣ, а кайму уменьшить такъ же, какъ гербъ»...

Опять требовались новые образцы; но тутъ уже дѣло начало затягиваться.

Въ указѣ бѣлгородской губернской канцеляріи, отъ 2 августа 1751 г., т. е. спустя почти два года, полковой канцеляріи предписывалось, «съискавъ немедленно тамошнихъ (харьковскихъ) мастеровъ и отъ нихъ взявъ послѣднее объявленіе, уговаривая притомъ всеприлѣжно о полученіи казенной прибыли... рапортовать» и «прислать пробы»; затѣмъ, дубликатомъ отъ 9 числа того же августа, настояніе въ томъ же родѣ было подтверждено, а 20 августа опять. Въ Харьковѣ молчали, не взирая на то, что въ послѣднемъ указѣ еще дѣлалась уступка коцарямъ: «буде, говорилось въ немъ, зъ гербами дорогую цѣну ставить будутъ, *то и безъ тѣхъ* гербовъ, токмо зеленыя попоны съ красными каймами, или красныя зъ зелеными каймами». Но проба все таки не посылалась.

Бѣлгородская губернская канцелярія, прискучивъ долгимъ ожиданіемъ, пригрозила, въ указѣ отъ 19 сентября 1751 года, канцеляріи полковой въ такихъ выраженіяхъ: «а дабы по сему указу во исполненіи продолжено не было, какъ то отъ 749 года въ вышеписанномъ, по слабости той полковой канцеляріи, продолжилось, отправить нарочнаго по инструкціи на счетъ той полковой канцеляріи, которому въ томъ неотступно понудить»... Понужденіе возъимѣло свое дѣйствіе. 25 числа сентября же въ канцелярію полковую на торги явилось десять коцарокъ и два коцаря, всѣ почти тѣ-же, что и прежде вызывались. Но какъ прежде, такъ и теперь они сто-

яли на своемъ: по 3 рубля за попону и впередъ половина суммы, причитающейся за подрядъ. Еще разъ харьковская полковая канцелярія рапортомъ донесла бѣлгородской губернской о несостоявшемся уговорѣ; но на этомъ и обрывается переписка «о сдѣланіи попонъ во дворецъ по приложеннымъ рисункамъ».

Что было причиною неудавшагося заказа, рѣшить трудно. По видимому онъ интересовалъ обѣ стороны и все таки состояться не могъ. Въ перепискѣ находимъ, что пунктомъ доставки заказывавшихся попонъ сначала назначена была Москва, потомъ Петербургъ. Принимая во вниманіе пути сообщенія того времени, это обстоятельство могло составить солидный разсчетъ для коцарей, но по поводу его они не обмолвились ни единымъ словомъ; значитъ не въ этомъ причина неудачи. Было какое-то таинственное лице, которое въ 1740 году доставило въ Петербургѣ образчики слободско-украинскихъ попонъ, оно-же конечно орудовало въ этомъ дѣлѣ и старалось устранить препятствія, мѣшавшія придворной конюшенной конторѣ войти въ сдѣлку съ харьковскими коцарями; но и его хлопоты не помогли. Переписка тянулась 11-ть лѣтъ и кончилась ни чѣмъ. Мы видимъ съ одной стороны настойчивыя попытки осуществить заказъ и даже уступки въ требованіи замысловатой работы, а съ другой твердую устойчивость коцарей на однажды предложенной цѣнѣ. Быть можетъ, въ порядкахъ тогдашнихъ казенныхъ подрядовъ, въ неувѣренности подрядчиковъ въ томъ, что деньги чрезъ рядъ инстанцій дойдутъ до ихъ рукъ сполна, заключалась причина неудачи и этого заказа. Какъ-бы ни было, можно пожалѣть, что заказъ не состоялся, ибо онъ могъ-бы поддержать, усилить и улучшить эту отрасль мѣстнаго производства. Насъ интересуетъ самая справка о существованіи такого производства. Съ измѣненіемъ военнаго строя слободской Украйны и сосѣдней гетманщины оно должно было сократиться и придти въ упадокъ, но не прекратилось совершенно и, какъ традиціонный промыслъ, существуетъ и доселѣ.

Коцари нашихъ дней если по размѣрамъ производства и уступятъ своимъ предкамъ, то въ искусствѣ работы не далеко отъ нихъ отстали. Плахты, коци, ковры и другія издѣлія изъ шерсти не только удовлетворяютъ мѣстному спросу, но служатъ также предметомъ вывоза далеко за предѣлы харьковской губерніи. Во многихъ населенныхъ пунктахъ губерніи, въ городахъ и слободахъ, существуетъ

особый классъ перекупщиковъ, спеціально занимающихся закупкой, по заказу, а чаще на ярмаркахъ, этого товара и отправкой его на мѣста спроса.

Слышно, что въ настоящее время украинскими коцями опять многіе заинтересованы въ Петербургѣ и что требованіе на нихъ тамъ все болѣе и болѣе возрастаетъ. Если такъ, то очень желательно, чтобы заказчики вошли въ прямое соглашеніе съ коцарями, не прибѣгая къ посредничеству поставщиковъ, а тѣмъ паче къ перепискѣ... Лучшіе изъ коцарей и плахотницъ харьковской губерніи, по достоинству и красотѣ своей работы, заняли-бы далеко не послѣнее мѣсто на любой выставкѣ. Сидя десятки лѣтъ за своимъ верстатомъ, они знаютъ, какъ обращаться не только съ шерстью, но и съ шелкомъ. Издѣлія изъ шерсти вмѣстѣ съ шелкомъ если и рѣдко, сравнительно, теперь у нихъ попадаются, то это прямой результатъ отсутствія спроса на такія издѣлія. Будетъ на нихъ спросъ, и коцари охотно займутся ихъ производствомъ.

А. Т.

ВОЛЫНСКАЯ БЫВАЛЬЩИНА.

(Два случая изъ недавняго пришлаго).

Въ средѣ сельскихъ священниковъ волынской губерніи и простаго народа разсказываютъ подъ часъ весьма характерные случаи изъ недавняго прошлаго Волыни, когда судьбами ея заправлялъ, опираясь на свое крѣпостное право, помѣщикъ полякъ. Въ основѣ тогдашнихъ отношеній польскихъ пановъ къ здѣшнему русскому населенію и его бѣднымъ пастырямъ-руководителямъ лежало глубокое презрѣніе къ исповѣдуемой ими православной вѣрѣ и полная рознузданность ничѣмъ не сдерживаемаго произвола, скажу болѣе—какая-то ожесточенная месть за что-то прошлое, не удавшееся, не возвратно погибшее. Защищать угнетаемый русскій народъ было ришительно некому. Единственною русскою властью въ краѣ былъ генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ и мѣстный губернаторъ; но отъ Кіева до какого нибудь Дубно или Ровно было слишкомъ далеко, а затѣмъ всѣ мѣстныя власти: исправники, становые пристава, засѣдатели, стряпчіе и прочіе были поголовно поляки. Смѣ-

ло можно сказать, что это было продолженіе вѣковаго польскаго гнета, хотя и подъ покровомъ русскаго владычества. Избытокъ матеріальныхъ средствъ, ни чѣмъ не наполненная, праздная и беззаботная жизнь, унаслѣдованныя отъ дней Рѣчи Посполитой своеволіе и распущенность польской шляхты вели къ шумнымъ пиршествамъ, дикимъ вакханаліямъ, среди которыхъ отуманивались до полнаго помраченія головы пановъ, и подвластный имъ народъ, его вѣра и священники служили предметомъ праздной потѣхи, грубаго издѣвательства, безцѣльныхъ и безсмысленныхъ поруганій.

Изъ множества слышанныхъ мною въ такомъ родѣ повѣствованій передамъ слѣдующіе два случая.

Около половины нынѣшняго столѣтія, въ одномъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ волынской губерніи жилъ богатый и знатный польскій графъ. Онъ владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, состоящимъ чуть ли не изъ десятка селъ и деревень. Резиденція графа находилась въ торговомъ мѣстечкѣ, гдѣ былъ роскошный «палацъ» и, какъ водится, на самомъ видномъ мѣстѣ красивый костелъ. Какъ-то лѣтомъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцѣ, графъ праздновалъ свои имянины. По обыкновенію, гости съѣзжались къ обѣду, а самые близкіе къ графу и его официалисты, являлись съ поздравленіями немедленно послѣ окончанія въ костелѣ обѣдни. Въ этотъ торжественный день явился къ графу съ поздравленіемъ и священникъ изъ ближайшаго, принадлежащаго графу, села.

Ясневельможный, въ кругу немногихъ еще своихъ приближенныхъ, въ томъ числѣ и ксендза, сидѣлъ въ саду, въ бесѣдкѣ; столъ былъ уставленъ напитками и закусками; самъ панъ пилъ «каву». Робко приблизился къ нему священникъ, низко поклонился и поздравилъ графа съ днемъ ангела; желая ему многихъ лѣтъ, священникъ добавилъ, что въ тотъ день онъ совершалъ божественную литургію о здравіи ясневельможнаго пана, и подалъ графу просфору.

— Weź (возьми)! презрительно и съ кислой миной произнесъ ясновельможный, кивнувъ рукой въ сторону стоявшаго позади его лакея, а тотъ, зная нравъ своего пана, бросилъ тутъ же просфору выглядывавшей изъ-за бесѣдки собакѣ. Ксендзъ загоготалъ отъ восторга, а пораженный такой выходкой пана и его слуги священникъ ничего не посмѣлъ сказать имъ въ отвѣтъ и только стоя переминался съ ноги на ногу. То было на столько ужасное время, что даже

мѣстные православные архіереи, какъ напримѣръ бывшій въ послѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ Никаноръ, не совѣтовали священникамъ въ подобныхъ случаяхъ отвѣчать чѣмъ либо на наругательства пановъ и ксендзовъ и тѣмъ болѣе заводить съ ними процессы, во избѣжаніе худшихъ послѣдствій. Графъ, осиливъ нѣсколько вызванное въ немъ появленіемъ православнаго священника непріятное чувство, сухо поблагодарилъ его и велѣлъ подать ему рюмку водки; повторились вновь непристойныя продѣлки со стороны лакея, старавшагося и тутъ попасть въ тонъ своего пана и сдѣлать нѣчто пріятное ему: лакей вмѣстѣ съ водкой, подалъ священнику для закуски кусокъ хлѣба, насухо посыпанный стертымъ въ порошокъ сыромъ; при вдыханіи, сыръ полетѣлъ ему въ горло и въ носъ. Бѣднякъ священникъ закашлялся и зачихалъ, доставляя особую потѣху не только графу и его приближеннымъ, но и лакеямъ. Слезы полились градомъ изъ глазъ сконфуженнаго священника; грудь его сдавилась подъ тяжестью нежданнаго оскорбленія. Отвѣсивъ низкій поклонъ графу, онъ поспѣшилъ выйти отъ него, но не вызванная ничѣмъ обида глубоко запала въ его душу, и онъ разсказывалъ про этотъ случай до самой смерти своимъ дѣтямъ, внукамъ и русскимъ дѣятелямъ, прибывшимъ въ нашъ край послѣ 1863 года, предостерегая ихъ отъ польскихъ угощеній и обольщеній.

Любятъ поляки говорить о своемъ просвѣщеніи, о превосходствѣ своей культуры, о своей цивилизаторской миссіи въ средѣ славянскихъ пародовъ; но что производятъ они на нашихъ глазахъ надъ русскимъ народомъ въ Галиціи, то въ вѣкъ своего полнаго владычества въ юго-западномъ нашемъ краѣ они продѣлывали въ несравненно большихъ размѣрахъ и гораздо болѣе грубой и насильственной формѣ.

Въ той-же губерніи и томъ-же уѣздѣ, гдѣ происходило выше описанное обстоятельство, имѣлъ мѣсто и такой случай. Богатый и также самодуръ помѣщикъ (а мало-ли было тогда такихъ?) въ шумной пьяной компаніи возвращался осенью съ охоты. Подъѣзжаютъ къ перекресткѣ, а тамъ только что поставленъ кѣмъ-то изъ набожныхъ его «подданныхъ» крестъ. Въ пьяной головѣ пана мгновенно является дикая мысль на этомъ крестѣ распять пойманнаго на охотѣ живымъ зайца. Сказано, сдѣлано: достали зайца и распяли.

Приходскій священникъ донесъ объ этомъ архіерею. Назначено слѣдствіе. Въ числѣ свидѣтельницъ оказалась дочь священника, энергично показывавшая о дикомъ безобразіи, происходившемъ въ то время, когда она проѣзжала мимо креста. Находившійся при производствѣ слѣдствія становой приставъ-полякъ не постѣснялся дать ей пощечину и обругать послѣдними словами. Не перенеся такого оскорбленія, несчастная дѣвушка лишила себя жизни. Послѣ долгой волокиты дѣло было рѣшено: священникъ обвиненъ въ клеветѣ, лишенъ мѣста и посаженъ въ монастырь, а затѣмъ потерялъ разсудокъ и весьма печально окончилъ свое существованіе; сынъ священника, вступивъ въ непосильную борьбу съ могучимъ паномъ, также былъ засаженъ въ домъ сумасшедшихъ.

Это не сказка, не отдаленное, затемнившееся или прикрашенное преданіе, но разсказъ о случаѣ дѣйствительномъ, почерпнутый изъ самого вѣрнаго источника. Можно бы назвать мѣсто, гдѣ это происходило, назвать имена дѣйствовавшихъ и потерпѣвшихъ лицъ; но тутъ безразлично, гдѣ и кѣмъ бы это не было продѣлано; тутъ важенъ самый фактъ, а фактъ совершенно въ духѣ и порядкѣ еще не давно минувшаго времени.

N.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРОЖИЛА О КАРМЕЛЮКѢ.

Въ былые годы личность Кармелюка пользовалась въ Подоліи и на Волыни, а отчасти и въ Кіевщинѣ, большой популярностью. Особенно популяренъ былъ Кармелюкъ въ средѣ духовенства, помѣщиковъ и просто шляхты.

«Перше було», разсказываютъ и теперь старики, «якъ мы ще були молодыми, то, бувало, де не зберетця молодижъ, заразъ панночки про Кармелюка спиваютъ, а стари слухаютъ—слухаютъ, та часомъ и заплачутъ».

Да это и не удивительно: Кармелюкъ не былъ зауряднымъ разбойникомъ, убивающимъ и грабящимъ въ свою личную пользу; все, что доселѣ извѣстно объ этомъ удивительномъ человѣкѣ, указываетъ на то, что въ своихъ дикихъ поступкахъ и стремленіяхъ онъ руко-

водился недостижимой въ то время идеей соціальной реформы, точнѣе сказать, протестовалъ противъ гнета и насилія польскихъ пановъ надъ беззащитнымъ украинскимъ народомъ. Вотъ какія слова въ одной изъ пѣсень народныхъ влагаются въ уста Кармелюку:

Молодосте—радосте, единая сило!
Порадь мене, якъ скарати неправее дило.

Стремленіе его къ уничтоженію экономическаго неравенства между людьми ясно выразилось въ словахъ другой пѣсни, идущихъ также отъ лица Кармелюка:

А що визьму въ багатого,
То вбогому даю,
А такъ гроши подиливши,
Вже-жъ гриха не маю.

Если бы это не были убѣжденія и желанія, до которыхъ додумался самъ Кармелюкъ, то всячески они выработаны народною жизнію, а Кармелюкъ былъ ихъ воплотителемъ и выполнителемъ. Выдающаяся личность Кармелюка можетъ быть понята и оцѣнена лишь тогда, когда изучено будетъ соціальное положеніе народа въ его время, какъ это справедливо замѣчено въ предисловіи къ статьѣ о Кармелюкѣ, помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины», а пока, кромѣ фактическихъ свѣдѣній, изложенныхъ въ этой статьѣ съ извѣстнымъ освѣщеніемъ, приходится довольствоваться тѣми, подъ часъ чисто легендарными, разсказами, въ которыхъ трудно отличить истину отъ вымысла, дѣйствительность отъ преувеличенія и прикрасы. Впрочемъ и эти разсказы такъ характерны и такъ еще не много ихъ собрано, что, полагаю, не лишними будутъ и тѣ разсказы, которые я слышалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отъ старика-священника, современника и даже очевидца всѣхъ описываемыхъ случаевъ, и которые привожу здѣсь въ возможно точной записи.

1.

Кармелюкъ родился въ селѣ Головчинцахъ подольской губерніи. Объ немъ говорили, хотя немногіе, будто онъ незаконнорож-

денный сынъ помѣщика той деревни и что когда онъ подросъ, то помѣщикъ приставилъ его за козачка къ своимъ законнымъ сыновьямъ, отправляя ихъ для обученія куда-то за границу. Разсказывавшіе это прибавляли, будто Кармелюкъ успѣлъ кой-чему выучиться, прислуживая своимъ паничамъ, а когда возвратился съ ними домой и пришелъ въ возрастъ, то панъ женилъ его и поставилъ его гуменнымъ, т. е. надсмотрщикомъ за гумномъ. Но Кармелюкъ мало смотрѣлъ за порученнымъ ему дѣломъ, и, какъ выучившійся грамотѣ, наровилъ книжечку почитать. Принятыя противъ него паномъ строгія мѣры не дѣйствовали ни мало и панъ отдалъ его своей сосѣдкѣ. Кармелюкъ ушелъ отъ нея, а та, набравшись съ нимъ хлопотъ, рѣшила отдать его въ солдаты. Но вотъ бѣда: не могутъ поймать его никакъ: что поймаютъ и станутъ вязать, онъ повернется бокомъ, поведетъ плечемъ, такъ всѣ, какъ мухи, и летятъ отъ него. Вотъ тутъ-то и прислужилась его жена, присовѣтовала такъ: когда, говоритъ, онъ придетъ ко мнѣ ночью спать, возьмите, говоритъ, мѣшка два гороху и разсыпьте по полу. Сыщики такъ и сдѣлали: вошли ночью въ хату, высыпали горохъ, Кармелюкъ соскочилъ съ печи, поскользнулся и упалъ. Тогда сыщики набросились на него и скрутили ему ноги веревкою. Кармелюкъ догадался, что это продѣлка его жены, досталъ изъ кармана сухарь, пустилъ имъ прямо женѣ въ лобъ и разсѣкъ ей кожу до черепа. Вотъ такимъ-то способомъ и сдали его въ солдаты. Но Кармелюкъ былъ человѣкъ ловкій; скоро онъ ушелъ изъ войска и вернулся на родину; тутъ прежде всего онъ зарѣзалъ свою паню, а затѣмъ убилъ и своего отца-пана, собралъ кучку сподручныхъ ему людей и пошелъ гулять по Подоліи, Волыни и Кіевщинѣ. Я самъ своими глазами видѣлъ Кармелюка, когда его скованнаго вели черезъ Житоміръ. Вотъ каковъ онъ былъ изъ себя: росту нѣсколько выше средняго, немного сутуловатъ, но крѣпко сложенъ, такъ и видно, что сила у него желѣзная, будто изъ чугуна весь вылитъ, плечистый, широкостный, а съ лица очень красивъ.

2.

Разсказывали про Кармелюка еще такой случай. Жила гдѣ-то тамъ, на Волыни или въ Подоліи, какая-то пани, а у нея дочка выросла, да такая прехорошая, что и сказать не можно: «хочь воды зъ ли-

ця напийся», какъ говорятъ люди. Вотъ пришла пора дочку замужъ отдавать; присватнулся уже и какой-то тамъ паничъ, или панъ, да то бѣда, что пани никакъ на деньги для приличнаго приданого разжиться не могла. Ну, такъ-ли, сякъ-ли, взяла-ли гдѣ въ займы, или быть можетъ что либо изъ хозяйства продала, но сколотила таки рублей 500 и поѣхала въ Кіевъ приданое справлять. Тогда еще не было желѣзныхъ дорогъ, ѣхала пани своими лошадьми. Вотъ не доѣзжая Бердичева, подъ вечеръ, въ темномъ лѣсу перебѣгаетъ ей дорогу какой-то человѣкъ и кричитъ: «стой!» Нечего дѣлать: кучеръ самъ остановилъ лошадей, завидѣвъ, что изъ лѣсу выглядываетъ еще нѣсколько такихъ же молодцевъ.

— Кто такая?... Куда ѣдешь и за чѣмъ?

Пани отвѣтила чуть слышно.

— Давай деньги! закричалъ остановившій ее человѣкъ.

Видитъ пани, что предъ нею разбойники и что отъ нихъ не уйдешь и даромъ не отдѣлаешься, взяла да и разсказала имъ все по чистой правдѣ, что такъ молъ и такъ. сколотила рублей 500 и везу въ Кіевъ просватанную дочь готовить ей приданое.

— А покажи свою дочку, говоритъ ей Кармелюкъ, ибо это былъ онъ.

Нечего было дѣлать. Мать потянула за рукавъ забившуюся въ уголъ дочь и та показалась изъ коляски. Кармелюкъ пристально посмотрѣлъ на молодую панну, а потомъ и говоритъ, обращаясь къ матери:

— Гарну, пани, дочку маешь, та мало приданого даешь! Якъ таки, щобъ така краля, та такъ мало приданого мала? На тоби оци червинци, тутъ ихъ тысячъ на дви буде, та гляди мени, не будь дурною, не втеряй дорогою, а якъ прыидешь у Кыивъ, то держи языкъ на привьязи, не кажи никому, де ты ци гроши взяла, бо тоди и гроши у тебе однимуть, и я битиму тебе! Видъ Кармелюка нигде не сховаешься!

Сказалъ онъ это, привѣтливо поклонился и тотъ часъ махнулъ въ лѣсъ.

Пани, не помня себя отъ радости, летитъ въ Кіевъ; но тутъ взяло ее раздумье: то у нея языкъ чешется, извѣстно какъ у бабы, хотѣлось-бы ей кому нежданнымъ счастьемъ похвалиться, то думаетъ она: а что если Кармелюка или кого изъ его шайки поймаютъ и

дѣло откроется?! Взяла да и объявила полиціи. Ну. разумѣется, сей часъ допросъ, актъ, а деньги всѣ, что далъ ей Кармелюкъ, отобрали. Жаль ей стало, да дѣла уже не поправишь: купила, что можно было, на собственныя деньги и съ тѣмъ отправилась обратно домой; но, вспомнивъ угрозы Кармелюка, не рѣшилась ѣхать на Бердичевъ, а направилась окружнымъ путемъ. Ѣдетъ и молится, чтобы Богъ вынесъ изъ бѣды, какъ вдругъ гдѣ-то въ лѣсу, подъ Житоміромъ, что-ли, слышитъ, кричитъ кто-то: «стой!» У пани сердце заколотилось; выглянула она изъ коляски, а предъ нею тотъ самый, что далъ ей деньги.

— А вылазь-но, вельможна пани! заговорилъ сурово Кармелюкъ.

Пани онѣмѣла отъ страху.

— А не казавъ я тоби: мовчи! продолжалъ Кармелюкъ. Що, заробила? Баба таки завжде буде бабою, хочь вона пани, хочь мужичка. Ото будь на другій разъ розумниша, а щобъ не забула, то ось тоби дамо памьятки.

— Хлопци, ризокъ! скомандовалъ Кармелюкъ подбѣжавшимъ къ нему товарищамъ.

Мигомъ выхватили хлопцы изъ коляски вельможную, отчистили ее на всѣ бока и пустили.

— Отце тоби памьятка, будешь памьятати! сказалъ Кармелюкъ дрожавшей отъ боли и страха пани, а за тѣмъ, обращаясь къ дочери, любезно проговорилъ:

— Ну, а дочка жъ мабуть невинна, що ій мати така дурна; то на-жъ тоби ще грохи червинцивъ, та май свій розумъ.

Съ этими словами онъ поклонился ей, подсадилъ въ коляску и побрелъ въ лѣсъ съ своими хлопцами. Получившая добрый урокъ пани скоро забыла о приключившейся непріятности и радовалась, что такъ еще дешево отдѣлалась отъ Кармелюка.

3.

А то вотъ еще что было. Въ одномъ селѣ, не помню ужъ какъ оно звалось, жилъ діаконъ, человѣкъ совсѣмъ даже смирный, ну, да кого-жъ, говорятъ, не попутаетъ нечистая сила? Захотѣлось ему быть священникомъ. Вотъ, собралъ онъ нѣсколько деньжатъ, запрегъ свою буланую въ «биду», взялъ съ ведро водки, сала, куръ и колбасъ и потащился въ Кіевъ «стараться на попы». Долго-ли,

не долго-ли онъ ѣхалъ, Богъ его Святый знаетъ, только гдѣ-то, въ какомъ-то тамъ лѣску перебѣгаютъ ему дорогу шестеро добрыхъ молодцевъ и какъ ужъ тамъ ни сопротивлялся нашъ діаконъ, взяли они его съ «бѣдой» и лошадкой и увели далеко въ лѣсъ. Подходятъ къ долинѣ, глядитъ діаконъ, а тамъ на прогалинкѣ разостланъ большущій коверъ, на коврѣ остатки только что оконченной ѣды, а вокругъ его сидятъ такіе гайдамаки, какъ и тѣ, что затащили его сюда.

Догадался нашъ діаконъ, въ чьи попалъ онъ лапы; не успѣлъ онъ слѣзть съ своей «бѣды», какъ къ нему приступилъ высокій, широкоплечій мужчина и сильнымъ голосомъ сказалъ:

— Коли ты, попе, не бачивъ ще зъ роду Кармелюка, то теперъ на ёго подивись, а тимъ часомъ давай гроши!

Видитъ діаконъ, что бѣда, вытянулъ свой убогій «гаманець» съ деньгами и отдалъ Кармелюку.

— Ну, добре робишь, що не сперичаешься, говоритъ ему Кармелюкъ; за те-жъ теперъ їдь, куды знаешъ.

Діаконъ думалъ было уже садиться въ свою «бѣду», но, вспомнивъ, что безъ денегъ не за чѣмъ и въ Кіевъ ѣхать, повернулся къ Кармелюку и говоритъ:

— Вы, добродію, казали, що я пипъ; але я ще не пипъ, а тилько промуюсь на попы и для того зибравсь до Кыива, теперъ-же безъ грошей ничого и сыкаться туды, треба до дому повертать. Коли вже така моя доля, то ничого мени возити зъ собою и те, що зъ дому набравъ. Отъ тамъ у мене въ бидци зъ видро горилки, та жинка надавала зъ дому печеного й вареного, то може выпьемо теперъ могорыча вкупи, та й закусить де-що знайдется.

— Добре мовишь, отче, отвѣчалъ Кармелюкъ и, обращаясь къ своей компаніи, добавилъ:

— Доставайте, хлопци, що тамъ въ ёго е.

Именно водки недоставало на этотъ разъ гайдамакамъ, и они набросились на нее съ азартомъ и въ мигъ опорожнили порядочную баклагу, истребили и все съѣстное. Подпили и разговорились; діаконъ очень понравился Кармелюку.

— Ну, говоритъ ему Кармелюкъ; коли вже такъ тебе скортило бути попомъ, то на-жъ тоби твои гроши, та їдь, высвящуйся, а якъ будешь назадъ вертатись, то безпреминно заидь сюды, на це саме мисто,

щобъ намъ головы подушити, бо одъ того, кажуть, щастя прибувае, и голова николи не болить.

И Кармелюкъ возвратилъ діакону взятыя у него деньги и еще отъ себя немного приложилъ, а бывшимъ при немъ гайдамакамъ велѣлъ выпроводить его на битую дорогу.

Поѣхалъ отецъ діаконъ въ Кіевъ и когда высвятился на попа, то, купивши по пути водки и всякихъ закусокъ, заѣхалъ къ гайдамакамъ въ указанное мѣсто, давилъ имъ головы и гулялъ съ ними чуть не цѣлый день. Кармелюкъ былъ очень доволенъ такимъ гостемъ и, отпуская его отъ себя, далъ ему на хозяйство сто рублей.

— На, говорилъ онъ ему, та купи соби воливъ и ними ори, та зъ мужикивъ не дери!.. Не бійся, мы не обидніемо, грошей у насъ до биса, хочъ хлиба часомъ и бракуе.

4.

А ужъ какой мастеръ былъ Кармелюкъ «накивать, какъ говорятъ, пятами,» когда его вели туда, куда ему не хотѣлось. Разрывалъ онъ, какъ тряпки, толстыя веревки, разламывалъ кандалы, но чаще уходилъ съ помощію другихъ.

Разъ какъ-то вели по большой дорогѣ цѣлую партію арестантовъ и между ними скованый по рукамъ и ногамъ плелся Кармелюкъ. И конвойныхъ было много, все съ ружьями и сабли на голо. Идутъ арестанты, желѣзами побрякиваютъ, солнышко высоко уже подбилось въ верхъ; «часъ уже и спочити», думаетъ каждый про себя. Наконецъ «старшій» выбралъ мѣстечко у дороги пошире и скомандовалъ «привалъ».

Утомленные дорогой солдаты и арестанты растянулись на травѣ; многіе поснули, только часовые шагали вокругъ партіи подъ палящимъ солнцемъ.

Вдругъ вдали на дорогѣ поднялся столпъ пыли, а изъ пыли выглянула карета, запряженная четвернею добрыхъ коней. Поравнявшись съ арестантами, усталыя лошади потащились шагомъ. Арестанты зашевелились и одинъ за другимъ подбѣгали къ каретѣ за милостынею. Поднялся съ мѣста и Кармелюкъ, но лишь только онъ подошелъ къ каретѣ, дверцы ея распахнулись, извнутри высунулась бѣленькая ручка и дернула Кармелюка; онъ прыгнулъ въ карету, кучеръ ударилъ по лошадямъ и только пыль закрыла убѣ-

гавшихъ отъ глазъ конвойныхъ. Хватились они за ружья, выпалили по направленію укатившей кареты, а ея и слѣдъ простылъ.

— То, говорили тогда люди, была жена одного изъ его братьевъ по отцу. Хотя онъ и незаконный былъ, но братья очень жалѣли его и не разъ освобождали его изъ тюрьмы и передерживали у себя.

5.

Когда надо было поймать Кармелюка, то устраивали на него облаву, а облавы въ то время дѣлали такъ: въ одинъ изъ праздничныхъ или воскресныхъ дней, а то и въ будень, нагонятъ изъ нѣсколькихъ селъ тысячи народу, наѣдетъ куча пановъ, точно на охоту, съѣдутся и полицейскіе; обступятъ кругомъ какой нибудь лѣсокъ, въ которомъ, по слухамъ, засѣлъ Кармелюкъ, и проходятъ его вдоль и въ поперекъ съ дубинами, кольями и ружьями. Вотъ и на этотъ разъ такъ было; только искали, искали они, и не то что Кармелюка, даже зайца не выгнали. Ну, нечего, говорятъ, дѣлать; надо выпить и закусить по трудахъ. Собрались паны въ кучу, всѣ на лошадяхъ, а между ними и становой. Вдругъ подъѣзжаетъ къ нему на добромъ конѣ неизвѣстный панокъ, который во все время облавы найболѣе усердно разыскивалъ Кармелюка. Приблизился онъ къ становому и говоритъ:

— Ну, що, ваше благородіе, не піймали Кармелюка?! И по вики-жъ вы ёго не піймаете! А коли хочете ёго бачити, то дивитця: ось винъ!...

И съ этими словами онъ снялъ шапку и показалъ клеймо, выбитое у него на лбу. Затѣмъ повернулъ коня, махнулъ нагайкою и только его и видѣли.

Даромъ только горла драли паны, крича: «лови, держи его! Кармелюкъ такъ ошеломилъ ихъ, что никто не отважился и догонять его.

Сообщ. **Юрій Олтаржевскій.**

ДВА ПАМЯТНИКА ПОЛТАВСКОЙ ПОБѢДЫ ВЪ БѢЛГОРОДЩИНѢ.

Памятная шведская война коснулась отчасти и Бѣлгородщины, главнымъ образомъ нынѣшняго грайворонскаго уѣзда курской гу-

берніи. Тутъ проходили легіоны Карла XII и русскія войска, собирались реквизиціи, фуражи и пр. Тутъ пребывалъ нѣкоторое время и самъ императоръ Петръ I-й, стягивая свои силы и готовясь вступить въ борьбу съ своимъ прославленнымъ противникомъ.

Какъ мѣсто остановки тутъ Петра I-го до наступленія полтавской битвы, такъ и самая полтавская побѣда увѣковѣчены здѣсь двумя сохраняющимися доселѣ, но мало кому извѣстными памятниками. Объ нихъ-то я и хочу напомнить читающей публикѣ.

Въ минувшемъ году въ Курскѣ была выставка разнаго рода мѣстныхъ произведеній и на ней, въ числѣ другихъ предметовъ, былъ выставленъ сдѣланный мѣстнымъ художникомъ-самоучкою Сидоренкомъ рисунокъ домика въ курскомъ имѣніи графовъ Шереметевыхъ, Борисовкѣ, въ которомъ Петръ I гостилъ у своего сподвижника Бориса Петровича Шереметева, а къ рисунку приложено было описаніе этого домика, составленное въ владѣльческой конторѣ кѣмъ либо изъ ея приказныхъ, приблизительно въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Вотъ это-то описаніе, дающее понятіе о двухъ памятникахъ мѣстной старины, я и предлагаю здѣсь во всеобщее свѣдѣніе.

Описаніе домика, находящагося въ курской губерніи, грайворонскаго уѣзда, въ слободѣ Борисовкѣ, принадлежащаго графу Дмитрію Николаевичу Шереметьеву [1]), въ которомъ императоръ Петръ I имѣлъ свое пребываніе.

1) На отлогомъ берегу рѣки Ворсклы находится, окруженный садомъ, построенный россійскихъ войскъ генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметьевымъ, для императора Петра Великаго, который, не задолго до полтавской битвы, изволилъ имѣть тамъ пребываніе, а при немъ находился въ то время и графъ Борисъ Петровичъ Шереметьевъ, прадѣдъ (уже прапрадѣдъ) нынѣшняго владѣльца, съ которымъ императоръ въ то время обдумывалъ планъ предстоявшей битвы полтавской, основанія славы россійской имперіи, и, возвращаясь по окончаніи счастливой побѣды надъ шведами, занималъ его около шести недѣль. Домикъ сей, построенный изъ толстаго дубоваго дерева, состоитъ изъ двухъ этажей, въ каждомъ по одной большой комнатѣ съ перегородками. Верхній этажъ занималъ императоръ; для входа въ него придѣлана снаружи на пра-

---

[1]) Въ настоящее время графу Александру Дмитріевичу Шереметеву.

вой сторонѣ лѣстница; съ трехъ сторонъ верхняго этажа сдѣланы открытыя узкія галлерейки; самый-же домикъ находится до нынѣ на томъ-же самомъ мѣстѣ и въ томъ-же видѣ, какъ былъ во время пребыванія императора Петра I, исключая крыши, которая перемѣнялась нѣсколько разъ, по причинѣ гнилости ея, дерево-же, находящееся въ стѣнахъ, все совершенно цѣло и по особенному порученію отъ владѣльца графа Дмитрія Николаевича Шереметьева, довѣренностію его управляющему, какъ зданіе, знаменитое пребываніемъ въ немъ императора и какъ драгоцѣнность, соблюдается съ особеннымъ раченіемъ; покрыто гонтомъ, окрашеннымъ красною краскою, стѣны снаружи выбѣлены безъ штукатурки, а для лучшаго сбереженія его, сдѣланъ надъ нимъ въ настоящее время чехолъ деревянный, крыша котораго со всѣхъ сторонъ укрѣплена на колоннахъ, окрашенныхъ желтою краскою. Надъ самымъ входомъ въ домъ находится надпись: „генеральная квартира", которая существуетъ со времени пребыванія въ немъ императора Петра I, но своевременно нѣсколько разъ поновлялась. Внутри этого домика, въ верхнемъ этажѣ, находится: икона—Распятіе Спасителя, которую великій монархъ неоднократно призывалъ на помощь, отправляясь на поле брани и, возвратившись, приносилъ уединенно благодарность за щастливую побѣду; столъ дубоваго дерева, ножки коего съ рѣзьбою, копье и около трехъ стѣнъ скамейки.

2) При этомъ домикѣ находится семь орудій разнаго рода, изъ нихъ пушекъ шесть и одинъ единорогъ, подаренныя императоромъ Петромъ Великимъ, послѣ полтавскаго сраженія, фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметьеву; орудія сіи, вѣроятно, изъ числа отнятыхъ у шведовъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ отбиты „Цамфы" и „Дельфины", а прочія имѣютъ поврежденія.

3) Не въ далекомъ разстояніи отъ сего домика, на крутыхъ берегахъ рѣки Ворсклы основанъ былъ, въ 1710 году, генералъ-фельдмаршаломъ Борисомъ Петровичемъ Шереметьевымъ, дѣвичій монастырь во имя Тифинской Божіей Матери, при закладкѣ котораго присутствовалъ самъ императоръ Петръ I, а впослѣдствіи совершенно устроенъ въ знакъ благодарности къ Провидѣнію Пресвятой Дѣвы, даровавшей россійскому воинству знаменитую побѣду надъ шведами, и въ знаменіе великихъ милостей, полученныхъ имъ (графомъ Шереметьевымъ) отъ императора Петра I. Этотъ монастырь во имя той самой иконы, которую графъ Борисъ Петровичъ имѣлъ при себѣ во все время сраженія со шведами; когда-же монастырь окончательно устроенъ былъ, тогда Борисъ Петровичъ передалъ въ него эту икону и она и нынѣ тамъ находится, а до устройства монастыря она нахо-

дилась въ домикѣ Петра Великаго. Въ настоящее время въ монастырѣ этомъ находится до 300 монашествующихъ (т. е. во время составленія этого описанія, теперь-же ихъ гораздо большее число) и какъ на содержаніе ихъ, такъ и на поправку монастыря употребляется значительная сумма изъ имѣнія графа Дмитрія Николаевича Шереметьева

Сообщ. **И. Я. Святославскій.**

КАКЪ ЗЕМЛЯНЦЫ ПОТЕРЯЛИ СВОЮ „ВОЛЬНИЦУ".

Во многихъ мѣстахъ заднѣпрской или лѣвобережной Малороссіи уцѣлѣли до настоящей поры остатки такъ называвшихся нѣкогда «вольницъ». Это были обширныя пространства пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель и лѣсныхъ дачъ, значившихся на правѣ давней заимки за извѣстнымъ селомъ или мѣстечкомъ, никому лично не принадлежавшихъ, но въ которыхъ каждый житель того села или мѣстечка могъ пахать, косить и рубить, сколько нужно было для его хозяйства. Съ увеличеніемъ народонаселенія, запашекъ и надѣловъ, захватовъ и раздачъ размѣры вольницы сокращались все больше, доходили до нѣсколькихъ десятковъ десятинъ и просто десятинъ, мѣстами совершенно уничтожались. Производящееся издавна въ полтавской и черниговской губерніи *per fas-nefas* межеваніе нанесло окончательный ударъ древнимъ «вольницамъ». Въ томъ мѣстѣ, о которомъ мы хотимъ говорить, существованіе «вольницы» уничтожено межеваніемъ въ 70 годахъ, т. е. лѣтъ 10—15 назадъ. Но, повторяемъ, остатки «вольницы» уцѣлѣли кое-гдѣ, такъ какъ межеваніе еще не окончено во всей Малороссіи, и сторонникамъ общиннаго въ ней землевладѣнія не мѣшало бы заглянуть въ неразмежеванныя еще поселенія, въ тѣхъ видахъ, не найдется ли гдѣ еще сохранившихся общихъ владѣній если не пахатными полями, то по крайней мѣрѣ лѣсами, такъ какъ пахоть начала дѣлиться раньше.

Остатки «вольницы» были еще недавно и въ с. Землянкѣ, глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи. Исторіи этой заимки мы не знаемъ и о потерѣ оной обществомъ названнаго села будемъ говорить частію по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, частію по фамильнымъ нашимъ преданіямъ. Захватъ заимки начался давно, еще въ

концѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе Екатерины II. Вотъ какъ гласитъ о семъ мѣстное преданіе.

Въ селѣ Землянкѣ и его окрестностяхъ имѣлъ въ то время свои владѣнія помѣщикъ Забѣла, жившій въ кролевецкомъ уѣздѣ; онъ-то и пожелалъ оттягать у землянцевъ ихъ «вольницу». Козаки затѣяли дѣло: повѣреннымъ избрали они своего односельчанина, знатнаго козака Тимоѳея Чубуна и, снабдивъ его документами, полномочіями и деньгами, отправили въ Петербургъ, къ императрицѣ Екатеринѣ II. Поѣхалъ Чубунъ въ Питеръ, прожилъ тамъ долго и возвратился домой. Собралась громада слушать отчетъ своего уполномоченнаго.

— Ничого не врадишь, говоритъ Чубунъ, грошей мало, за паномъ Забилою ничого не подіешъ.

— Якъ же такъ? спрашиваетъ громада.

— А такъ! прыихавъ я до Питенбурху, пійшовъ у дворець, провели мене ажъ до самои матуси нашои Катерины самодражныци. А на те все гроши давать треба. Отъ заразъ якъ убачивъ я царицю, та бу-бухъ іи у ноги, а вона й каже: «встань, каже, мій вирный козаче, та кажи мени, що тоби треба; я, каже, усе зроблю для своихъ вирнихъ козакивъ».—Я ій и кажу: отакъ и такъ, матусю наша, самодражнице; обиждае насъ панъ Забила.—«Якъ винъ сміе моихъ вирнихъ козакивъ обиждати?» Я ій усе и росказавъ. Вона й каже: «позвать мени, каже, Потёмку!» Прыйшовъ Потемка. Матуся Катерина каже ему: «мій вирный Потемка! панъ Забила моихъ вирнихъ козакивъ обиждае, вильныцю у нихъ одіймае». Потемка ничого на цее не сказавъ, тильки гмукнувъ; потимъ пидвивъ царицю до окошка и щось ій у викно показуе. Я пидкрався, та зыркъ іи черезъ плече... Ажъ тамъ одъ пана Забилы шестерикъ воронихъ коней привели и ёго конюхъ, що изъ Рудни, по двори ихъ водить! Повернулась наша матуся до мене, да й каже: «Ну, каже, мій вирный козаче, николи мени теперечки съ тобою балакать, а прыизжай ты у Кіевъ, бо я туды маю скоро одъизжати». Отъ такъ я й вернувсь ни зъ чимъ; а теперь мени треба бильшъ грошей, щобъ ѝхати до Кіева.

Разсказъ, какъ видитъ читатель, сложился какъ разъ въ духѣ старыхъ «брехунцовъ», но суть неудавшагося позва видѣнъ самъ собою. Землянцы прибавили денегъ своему адвокату, и онъ ѣздилъ въ Кіевъ;

но видѣлъ-ли тамъ царицу, преданіе не говоритъ, а добавляетъ только, что изъ Кіева онъ вернулся также ни съ чѣмъ. Дѣло тянулось долго и окончилось послѣ смерти Забѣлы, когда имѣніе перешло уже къ его брату. Этотъ другой Забѣла былъ совѣстливѣе своего брата и пожелалъ чѣмъ нибудь вознаградить землянцевъ. Дѣло было, кажется, въ 20 годахъ нынѣшняго столѣтія, потому что и теперь есть еще въ живыхъ люди, которые помнятъ финалъ этой исторіи. Забѣла-братъ пріѣхалъ въ Землянку и пожелалъ переговорить съ громадой на счетъ «вольницы». Громада собралась.

— Вотъ, братцы, что я скажу вамъ, говоритъ Забѣла.—Мнѣ извѣстно, что братъ мой овладѣлъ вашей вольницей не по праву и чтобы добиться своего желанія, потратилъ много денегъ. Вольница однако моя; но чтобъ не было споровъ, я вамъ даю обратно половину вольницы, а другую половину оставляю себѣ за расходы, понесенные моимъ братомъ. Согласны вы на это?

Громада попросила сутки на размышленіе.

Не придя между собой ни къ какому соглашенію, громадяне рѣшили пойти за совѣтомъ къ пану Бартошу, какъ постоянному ихъ сожителю и законовѣду. Конечно, Бартошъ посовѣтовалъ имъ принять даръ.

— Э! коли такъ, рѣшили громадяне, то мы не согласни! Якій-бы не бувъ хорошій чоловикъ Бартошъ, а все-жъ винъ панъ и за паномъ руку тягне. Се видно царъ намъ одсудивъ усю вильныцю, то черезъ те паны до насъ и пидлещуються.

Насталъ условленный часъ для дачи отвѣта Забѣлѣ и землянская громада на отрѣзъ отказалась принять отъ него въ даръ половину вольницы.

— Подавай намъ усю! Царъ намъ усю одсудивъ! кричали бывшіе козаки, и никакіе доводы Забѣлы не подѣйствовали. Забѣла уѣхалъ изъ Землянки и не желая вести тяжбу съ землянцами изъ-зъ вольницы, продалъ ее всю въ казну. Теперь это лучшій лѣсъ, оставшійся въ уѣздѣ, да едва-ли и не во всей черниговской губерніи. Можно, пожалуй, сказать: что ни дѣлается, все къ лучшему; оставайся лѣсъ въ рукахъ землянцевъ, едва-ли уцѣлѣла бы отъ него и десятая доля. Въ 1877 году, по межевымъ документамъ, у нихъ значилось 428 дес. лѣсу, а теперь отъ него не осталось уже и половины: вся дача подѣлена на участки; лѣсъ вырубается, а земля об-

ращается въ пашню, но черезъ нѣсколько лѣтъ истощенная земля представляетъ изъ себя песчаную пустыню. Купленный казною лѣсъ и до сихъ поръ носитъ названіе «землянской вольницы».

Преданіе сохранило фактъ перехода общественнаго достоянія въ частныя руки путемъ захвата и поступленія онаго въ казну путемъ продажи, народная же фантазія пріукрасила разсказъ забавными подробностями. Не нужныя подробности забудутся, а фактъ пригодится для исторіи землевладѣнія въ бывшей землѣ сѣверянъ.

Закончимъ преданіе живою, современною намъ дѣйствительностію. Тимоѳей Чубунъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ хорошія деньги, внукъ его Степанъ Васильевичъ Чубунъ и теперь еще первый богачъ въ селѣ. Вѣроятно въ благодарность за поживу съ громады Тимоѳей Чубунъ пожертвовалъ въ церковь очень древній Апостолъ XVII вѣка, съ заглавнымъ рисункомъ, изображающимъ сердце.

— Почему вы, спрашивала я, у мужиковъ, называете царицу Екатерину II «самодражницей»?

— Бо, кажуть, дуже самодражлива була, що схоче, то й зробить, —отвѣчали простодушные земляки мои, толкуя по своему титулъ самодержавицы.

П. Литвинова.

С. Землянка,
глуховскаго уѣзда.

РОСПИСЬ РОДА ГОРЛЕНКОВЪ,

СОСТАВЛЕННАЯ

по фамильнымъ родословнымъ и поминальнымъ спискамъ, грамотамъ и документамъ Горленковскаго архива

КНЯЗЕМЪ А. В. ДАБИЖА.

1885 г.

РОДОНАЧАЛЬНИКЪ ИЗЪ ВЕНГРОВЪ.

Поколѣнія:

I.

1. *Андрей (?) Горленко,* войсковой товарищъ Сѣчи Запорожской.

II.

2. *Лазарь Андреевичъ,* полковникъ прилуцкій 1659, † 1687 г., участникъ переяславской рады 1654 г., сподвижникъ гетмановъ Хмельницкаго, Брюховецкаго и Самойловича. По грамотѣ царя Алексѣя Михайловича отъ 17-го ноября 7174 г. (1666 г.) пожалованъ во дворяне и вотчиною—селомъ *Ольшанымъ* въ 50 дворовъ. Убитъ въ крымскомъ походѣ, 1687 г., взбунтовавшимися козаками своего полка. Жена: *Евфросинія,* † 1713 г. (б. въ 1-мъ бракѣ за *Раковичемъ*). —1.

III.

3. *Петръ Лазаревичъ,* упоминается въ 1685 г.; былъ дважды женатъ. —2.

II

4. *Степанъ Лазаревичъ,* упом. 1687 г. Женатъ на дочери Гамалѣи (безд.).

5. *Дмитрій Лазаревичъ,* полковникъ прилуцкій 1693—1708 г. и наказной гетманъ 1705 г., во время великой сѣверной войны; въ 1708 г. бѣжалъ съ Мазепой и Карломъ XII въ Бендеры, затѣмъ въ Константинополь; вернулся въ 1714 г., 16 лѣтъ продержанъ въ Москвѣ и † 1731 г. По грамотѣ царей Іоанна, Өеодора и Петра Алексѣевичей отъ 3 сентября 7198 и 23 генваря 7203 годовъ жалованъ помѣстьями и вотчинами.

Жена *Марія Захаровна Голубъ,* племянница гетманши Самойловичъ, по другимъ—*сестра гетмана Мазепы.*

6. *Мануилъ Лазаревичъ.* Жена N. N.

7. *Иванъ Лазаревичъ* 1687 г. Жена Анна Петровна *Кударъ,* дочь козака прилуцкаго полка.

8. *Антонъ Лазаревичъ,* войсковый асаулъ, бѣжалъ съ Мазепой въ 1708 г.

N. N. Лазаревна за Григоріемъ *Лихопекой* 1697 г., войтомъ г. Прилукъ.

IV.

9. *Василій Петровичъ,* прозванный «Паливода». —3.

N N. *Петровна* за *Гаркушей;* по смерти мужа приняла монашество.

10. *Андрей Дмитріевичъ,* бунчуковый товарищъ 1708 г., † 1756 г., начальствовалъ надъ козаками въ гилянскомъ походѣ 1725 г. По грамотѣ императрицы Елисаветы I отъ 20 февраля 1744 г возвращены ему конфискованныя вотчины и, за безвинное содержаніе въ тайной канцеляріи, пожалованы новыя. Жена *Марія Даниловна,* дочь *гетмана Апостола,* † 1754 г.—5.

11. *Инокъ Пахомій,* 1709 г. Іеромонахъ кіево-печерской лавры.

Агафія Дмитріевна за бунчуковымъ товарищемъ *Бутовичемъ* († 1740 г.) бѣжавшимъ съ Мазепой.

Өеодосія Дмитріевна за бунчуковымъ товарищемъ *Огроновичемъ.*

Анастасія Дмитріевна, инокиня ладинскаго монастыря.

12. *Акимъ Мануиловичъ*, 1729 г. генеральный хорунжій; наказной гетманъ въ крымскомъ походѣ гр. Ласси 1737 г; генеральный судья 1745 г. По грамотѣ императрицы Елисаветы I отъ 19-го ноября 1745 г. пожалованъ вотчиною селомъ *Заѣзды* и другими. Жена *Мавра Давидовна*, дочь козака прилуцкаго полка. —6.

13. *Акимъ Ивановичъ*, генеральный хорунжій. —7.

V.

14. *Святитель Іоасафъ (Акимъ Андреевичъ)* 1705 † 1754 г, настоятель мгарскаго лубенскаго монастыря 1735 г., намѣстникъ троицко-сергіевской лавры 1745 г., епископъ бѣлгородскій и обоянскій 1748 г. —10.

15. *Андрей Андреевичъ*, послѣдній полковникъ полтавскій 1744—1774 г.; лейбъ-гвардіи измайловскаго полка сержантъ; впослѣдствіи бригадиръ, р. 1709, † 1780 г. По грамотѣ императрицы Елисаветы I отъ 20-го февраля 1744 г. пожалованъ вотчиною мѣст. *Иваницей*, въ 150 дворовъ.

Жена *Анастасія Семеновна Лизогубъ*, внучка гетмана Скоропадскаго.

16 *Архимандритъ Митрофанъ (Михаилъ Андреевичъ)*, настоятель кіевскаго богоявленскаго братскаго монастыря; † въ святогорской пустыни.

17. *Григорій Андреевичъ*, надворный совѣтникъ и прилуцкій подкоморій, † 1774 г.

Жена *Евдокія Семеновна Зарудная*.

18. *Павелъ Андреевичъ*, лейбъ-гвардіи поручикъ 1744 г.

Жена—дочь полковника *Солонины*.

Ульяна Андреевна за подкоморіемъ прилуцкаго полка Андреемъ Ѳеодоровичемъ *Маркевичемъ*.

Марѳа Андреевна за сотникомъ повстинскимъ Степаномъ Григорьевичемъ *Стороженкомъ*, внукомъ прилуцкаго полковника.

Прасковья Андреевна † за изюмскимъ слободскимъ полков-

никомъ Иваномъ Андреевичемъ *Квиткой* † 1751 г., дѣдомъ писателя Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка.

19. *Петръ Акимовичъ* 1777 г. малороссійскій полковникъ.—12.

Жена *Марія Ивановна Ширай*, внучка стародубскаго полковника.

20. *Степанъ Акимовичъ*, † холостъ.

Анастасія Акимовна за сотникомъ новомлинскимъ *Иваномъ Шишкевичемъ*.

Марія Акимовна, 1) за сыномъ генеральнаго судьи Ѳеод. Андр. *Кандыбой*, 2) за бунчуковымъ товарищемъ *Покорскимъ*.

Анна Акимовна за бунчуковымъ товарищемъ Антономъ Гавриловичемъ *Милорадовичемъ*, сыномъ гадяцкаго полковника.

Зиновія Акимовна 1) за бунчуковымъ товарищемъ Семеномъ Андреевичемъ *Маркевичемъ* 1733 г.; 2) за *Чарнышомъ*, сыномъ генеральнаго судьи.

Елена Акимовна за бунчуковымъ товарищемъ *Сандурскимъ*.

VI.

21. *Иванъ Андреевичъ*, р. 1740 г.; премьеръ-маіоръ 1779 г.; черниговскій губернскій маршалъ 1783 г.; маршалъ прилуцкаго повѣта 1804 г. —15.

Жена *Марія Андреевна Миницкая*, дочь сотника Миницкаго.

22. *Семенъ Андреевичъ*, р. 1750 г., капитанъ 1780 г.

Жена *Дарья Петровна Галецкая*, дочь гадяцкаго полковника.

Марія Андреевна за генералъ-поручикомъ Андреемъ Степановичемъ *Милорадовичемъ* (1768 г.), губернаторомъ черниговскаго намѣстничества, отцемъ знаменитаго *графа М. А. Милорадовича*, убитаго 14 декабря 1825 г.

Ульяна Андреевна за премьеръ-маіоромъ *графомъ Борисомъ Петровичемъ Девіеръ*, 1772 г., сыномъ генералъ-аншефа, командовавшаго украинской линіей, гр. П. Девіеръ.

23. *Петръ Григорьевичъ*, р. 1751 г. Секундъ-маіоръ; прилуцкій судья 1797 г., хорунжій 1802 г. и подкоморій 1804 г. Жена *Евдокія Вас. Болдырева*, дочь оберъ-провіантмейстера.—17.

24. *Иванъ Григорьевичъ*.

25. *Андрей Григорьевичъ*, артиллеріи поручикъ, † холостъ.

Софія Григорьевна за погарскимъ предводителемъ дворянства, полковникомъ *Иваномъ Николаевичемъ Ханенкомъ*, сыномъ генеральнаго хорунжаго.

Анна Григорьевна за подполковникомъ *графомъ Михаиломъ Петровичемъ Девіеръ* 1778 г.

Варвара Григорьевна за генералъ-лейтенантомъ *графомъ Ник. Вас. Гудовичемъ*, младшимъ братомъ фельдмаршала.

Прасковья Григорьевна }
Елисавета Григорьевна } въ дѣвицахъ. —1.

26. *Андрей Павловичъ*, поручикъ и засѣдатель прилуцкаго суда 1790 г. Жена *Ульяна Ѳедоровна Свирская*. —18.

27. *Василій Павловичъ*, поручикъ 1774, † 1828 г. Жена *Марія Дмитріевна Киріякова*, дочь войсковаго товарища.

28. *Семенъ Петровичъ*, 1782 г. Премьеръ-маіоръ и маршалъ прилуцкаго повѣта 1829 г. —19.

Жена *княжна Анна Евдокимовна Кильдишева*, дочь губернскаго совѣстнаго судьи, генералъ-маіора князя Евдокима Патрикіевича Кильдишева 1785 г.

29. *Дамаскинъ Петровичъ*, секундъ-маіоръ 1784 г., † холостъ.

30. *Иванъ Петровичъ*, † 1794 г., войсковой товарищъ. Жена *Пелагея Григ. Иваненко*, дочь дѣйст. стат. совѣтника Иваненка.

31. *Андрей Петровичъ*, поручикъ, † холостъ.

32. *Тимофей Петровичъ*, поручикъ, † холостъ.

VII.

33. *Петръ Ивановичъ*, адъютантъ фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна, полковникъ харьковскаго гусарскаго полка, † 1851 г. —21.

Жена *Анна Константиновна Снарская*, † 1855 г., племянница статсъ-дамы графини А. С. Витгенштейнъ.

34. *Андрей Ивановичъ*, поручикъ N—скаго гусарскаго полка, убитъ въ 1812 г.

35. *Иванъ Ивановичъ.*

36. *Александръ Ивановичъ,* р. 1795, † 1847 г., штабъ-ротмистръ бугскаго уланскаго полка.

Жены: 1) *Елисавета Алексѣевна Болдырева* 1815 г., 2) *Екатерина Григорьевна Забѣла.*

Марія Ивановна за *Балашовымъ.*

Анастасія Ивановна за генералъ-маіоромъ *фонъ-Ребиндеръ.*

Варвара Ивановна, р. 1787 г.

Екатерина Семеновна († 1855 г., въ Парижѣ), за генералъ-лейтенантомъ *Мих. Андр. Арсеньевымъ,* † 1841 г., командиромъ лейбъ-гвардіи коннаго полка 1813 г. и I гвардейской кирассирской бригады 1815 г. —22.

37. *Дмитрій Петровичъ,* поручикъ. —23.

Жена Антонина Николаевна *Гржимайло.*

38. *Николай Петровичъ,* полковникъ N—скаго кирасирскаго полка.

Жена Александра Васильевна *Свирская.*

39. *Григорій Петровичъ* 1838 г., лейбъ-гвардіи поручикъ.

Жена Марія Степановна *Карпинская.*

Ульяна Петровна за *Сикстелемъ.*

40. *Сергѣй Петровичъ,* коллежскій регистраторъ (безд.)

Жена Елена Павловна *Зотцъ.*

41. *Иванъ Петровичъ,* † холостъ.

52. *Петръ Петровичъ,* р. 1797 г.

Жена—*Брежинская.*

Анна Петровна за полковникомъ *Громовымъ.*

Варвара Петровна за *Мартыновымъ.*

Аделаида Петровна за *Нелѣговскимъ.*

43. *Алексѣй Петровичъ,* подпоручикъ. Жена Анастасія Прохоровна *Кулинская.*

44. *Александръ Петровичъ,* подпоручикъ. Жены: 1) N. N., 2) Татьяна Ивановна *Чернявская.*

45. *Яковъ Петровичъ,* подпоручикъ 1825 г. Жена Анастасія Ѳеодоровна *Италинская.*

Марія Андреевна въ замужествѣ за *Дуницъ.* —26.

VII

Анна Андреевна.

46. *Иванъ Андреевичъ,* 1813 г. Ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, адъютантъ фельдмаршала гр. П. Х. Витгенштейна. Жены: 1) *Скоропадская,* 2) Матр. Сем. *Кобеляцкая.*

47 *Яковъ Андреевичъ,* прилуцкій подкоморій 1813 г. Жена Анастасія Михайловна *Трифановская.*

48. *Григорій Андреевичъ.*

49. *Павелъ Андреевичъ.*

50. *Василій Васильевичъ,* поручикъ 1840 г. —27.

51. *Дмитрій Васильевичъ,* поручикъ. Жены: 1) Евфросинія Петровна *Исаевичъ,* 2) Евлампія Захаровна *Гладкая.*

52. *Павелъ Васильевичъ,* 1813 г. Депутатъ пирятинск. повѣта

Наталья Васильевна.

53. *Давидъ Семеновичъ,* лейбъ-гвардіи измайловскаго полка прапорщикъ, затѣмъ маіоръ смоленскаго драгунскаго полка 1818 г.; прилуцкій предводитель дворянства 1842 г. —28.

Жена *Богдана (Өеодосія) Васильевна Лизогубъ.*

54. *Евдокимъ Семеновичъ.*

55. *Семенъ Семеновичъ,* поручикъ изюмскаго гусарскаго полка, † холостымъ.

Евфросинія Семеновна за Вас. Петр. *Симановскимъ.*

Надежда Семеновна за капитанъ-лейтенантомъ Григоріемъ Өедоровичемъ *Александровичемъ.*

Александра Семеновна.

56. *Егоръ Ивановичъ.* —30.

Жена Марія Осиповна *Кутлубицкая,* сестра флигель-адъютанта императора Павла I, Н. О. Кутлубицкаго.

VIII.

57. *Иванъ Александровичъ* (дѣти отъ 1 брака № 36) —36.

58. *Алексѣй Александровичъ,* полковникъ †.

Жена Софія Васильевна *Пяткина,* дочь генералъ-маіора, брестъ-литовскаго коменданта.

Вѣра Александровна, † 1866.

Надежда Александровна.

Софія Александровна.

59. *Владиміръ Александровичъ*, капитанъ †. Жена Елена Васильевна *Фостикова.*

60. *Михаилъ Александровичъ*, р. 1824, † 1869 г. Жена 1850 г. Любовь Антоновна *Тышкевичъ*, † 1869 г.

61. *Николай Александровичъ*, † 1857 г.

Марія Александровна †.

62 *Всеволодъ Александровичъ* †.

63. *Петръ Александровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ витебскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, р. 1835 г. (дѣти отъ 2 брака № 36).

Жена Елисавета Ѳеодоровна фонъ-*Фишеръ.*

Анастасія Александровна, съ 27 сентября 1859 г. за камеръ-юнкеромъ Высочайшаго двора, впослѣдствіи камергеромъ, тайнымъ совѣтникомъ. *княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ Дабижа.*

Анна Александровна †.

64. *Александръ Александровичъ*, † младенцомъ.

65. *Вячеславъ Александровичъ* id.

66. *Петръ Дмитріевичъ*, штабъ-ротмистръ †. Жена Марія Яковлевна *Мамчичъ* —37.

Александра Дмитріевна за *Старовымъ.*

Юлія Дмитріевна за *Курилло.*

Авдотья Дмитріевна.

Марія Дмитріевна за *Савицкимъ.*

Варвара Дмитріевна, † въ Парижѣ.

Антонина Дмитріевна за *Козловскимъ.*

67. *Аркадій Николаевичъ*, штабъ-ротмистръ. Жена Анастасія Александровна *Скрыльникова.* —38.

Марія Николаевна.

Елисавета Николаевна за *Вощининымъ.*

Евгенія Николаевна

Анна Николаевна.

68. *Семенъ Григорьевичъ.* —39.

69. *Иванъ Григорьевичъ.* Жена N. N.

70. *Владиміръ Григорьевичъ.*

Марья Григорьевна.

71. *Владиміръ Алексѣевичъ*, лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка капитанъ. —43.

Жена Александра Семеновна *Фишъ.*

72. *Павелъ Алексѣевичъ*, штабсъ-капитанъ 1859 г.

73. *Петръ Александровичъ.* Жена *Васильева.*

74. *Леонидъ Александровичъ.* Жена N. N.

75. *Аѳанасій Александровичъ*, † въ севастопольской компаніи 1853 г.

76. *Павелъ Александровичъ.* Жена *Савочкина.*

Софія Александровна за *Ильяшевичемъ.*

77. *Андрей Ивановичъ.* —46.

78. *Владиміръ Ивановичъ*, коллежскій секретарь. Жена Матрена Львовна *Соколовская.*

Анна Ивановна за *Козловскимъ.*

79. *Андрей Яковлевичъ*, поручикъ. —47.

80. *Владиміръ Дмитріевичъ*, р. 1828 г. Жена Анна Андреевна. —51.

81. *Эрастъ Дмитріевичъ.*

Юлія Дмитріевна.

Людмила Дмитріевна.

Александра Дмитріевна.

Евлампія Дмитріевна.

Евдокія Дмитріевна.

82. *Дмитрій Дмитріевичъ.*

83. *Василій Давидовичъ*, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка капитанъ, р. 1813 г. —53.

Жена Марія Кирилловна *Катериничъ.*

84. *Семенъ Давидовичъ*, гусарскаго принца Фридриха Вильгельма прусскаго премьеръ-маіоръ 1837—52 г.; сосницкій предводитель дворянства 1863—66 г., р. 1818 г.

X

Жена Аделаида Андреевна *Иваненко.*

Марія Давидовна за стат. совѣтн. Алекс. *Корсунъ.*

Любовь Давидовна за ротмистромъ N—скаго гусарскаго полка, *княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Жеваховымъ.*

Варвара Давидовна за *княземъ Вас. Ив. Баратовымъ.*

Наталія Давидовна за Алекс. Никол. *Александровичемъ.*

Пелагея Егоровна за московскимъ губернаторомъ, сенаторомъ Ив. Вас. *Капнистомъ,* р. 1798 † 1860 г., отцемъ *графа П. И. Капниста,* д. с. с, камергера Высочайшаго двора. —56.

IX.

85 *Василій Алексѣевичъ,* поручикъ, † 1877 г. —58.

86 *Ростиславъ Алексѣевичъ* †

87. *Алексѣй Алексѣевичъ* †.

88. *Иліодоръ Алексѣевичъ.*

89. *Валерій Алексѣевичъ* †.

Марія Владиміровна †.

90. *Николай Владиміровичъ,* поручикъ 61 владимірскаго полка, дивизіонный адъютантъ 21 пѣхотной дивизіи.

91. *Иліодоръ Владиміровичъ,* р. 1861 г., поручикъ екатеринославскаго драгунскаго полка.

Жена Наталія Николаевна *Тверская.*

Лидія Владиміровна.

Лидія Михайловна. —60.

92. *Иліодоръ Михайловичъ,* ротмистръ екатеринославскаго драгунскаго полка.

Жена—Анна Егоровна *Бушъ.*

93. *Александръ Михайловичъ* †.

Ольга Михайловна †.

Елисавета Михайловна †.

94. *Михаилъ Михайловичъ*, корнетъ екатеринославскаго драгунскаго полка.

Любовь Михайловна. —63.

95. *Александръ Петровичъ* † младенцомъ.

Ольга Петровна.

96. *Владиміръ Петровичъ.*

Нина Петровна.

97. *Петръ Петровичъ.*

Евгенія Петровна.

Марья Петровна †

Екатерина Петровна.

98. *Василій Петровичъ.* —66.

Софія Петровна † за *Чешихинымъ.*

Ольга Петровна †.

99. *Богданъ Ивановичъ.* —69.

100. *Евгеній Ивановичъ.*

101. *Романъ Ивановичъ.*

Марія Ивановна.

102. *Сергѣй Владиміровичъ.*

103. *Борисъ Владиміровичъ.* —71.

Анастасія Владиміровна.

104. *Михаилъ Владиміровичъ.*

105. *Петръ Владиміровичъ.*

Ольга Владиміровна.

Софія Андреевна.

Юлія Андреевна.

Любовь Андреевна за *Польтрокъ.*

Аделаида Семеновна за гвардіи полковникомъ *княземъ С. К. Абашидзе*, коему въ 1876 г. Высочайше разрѣшено присоединить фамилію *Горленко*, съ тѣмъ, чтобы фамилія *князя Абашидзе-Горленко* передавалась старшему въ родѣ.

X.

106. *Константинъ Иліодоровичъ.* —92.

107. *Князь Давидъ-Симоновичъ † Абашидзе-Горленко.*

Княжна Нина Симоновна Абашидзе-Горленко.

Кн. А. Дабижа.

Кіевская Старина

Ежемѣсячный Историческій Журналъ

ІЮЛЬ.

1886 г.

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

Іюль.

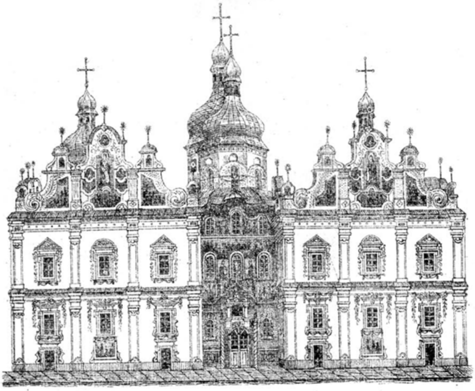
1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1886 г.



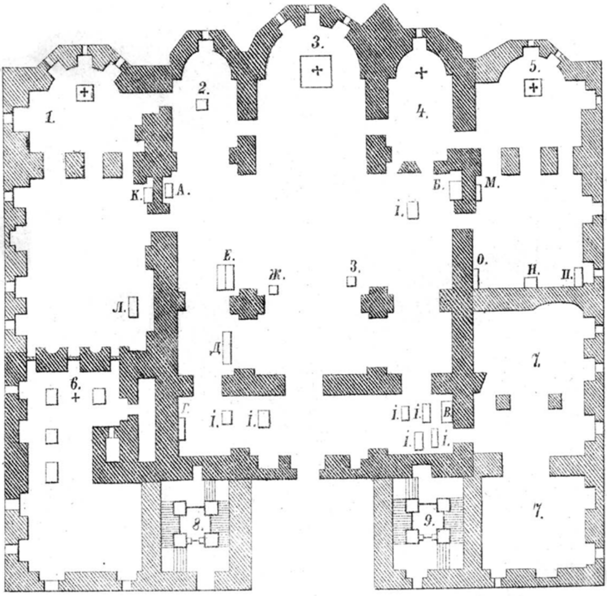
Великая церковь Кіево-Печерской Лавры въ нынѣшнемъ видѣ съ 1729 г.

Изъ книги Пречистыя Акаѳисты всеседмичныя

1677 г.

1. Алтарь архид. Стефана.
2. Жертвенникъ.
3. Алтарь главный Успенскій.
4. Алтарь архист. Михаила.
5. Алтарь Іоанна Богослова.
6. Алтарь Іоанна Предтечи.
7. Ризница.
8. Ходъ на хоры и въ библіотеку печатн. книгъ.
9. Ходъ въ библіотеку рукописей.

А) Мощи митр. Михаила.
Б) Глава св. кн. Владиміра.
В) Гробъ преп. Ѳеодосія.
Г) Мавзолей Констант. Острожскаго.
Д) Склепъ м. Петра Могилы.



Е) Склепъ съ гробами Иннокентія Гизеля, м. Варлаама Ясинскаго и графа П. А. Румянцева.
Ж) Усыпальница.
З) Усыпальница.
І) Гробницы краснаго шифера, подъ поломъ.
К) Перстъ архид. Стефана.
Л) Гробъ м. Павла тобольскаго и гробъ гр. Гудовича въ склепѣ.
М) Икона в. кн. Игоря Ольговича.
Н) Монументъ гр. П. А Румянцева.
О) П) Гробы архим. Романа Копы и Луки Бѣлоусовича.

Темная тушь означаетъ древнюю церковь XI-го вѣка, а штрихованная тушь — пристройней XVIII-го в.

Планъ великой церкви Кіево-Печерской Лавры.

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(Продолженіе) [1])

Въ составъ кіево-печерской лавры нынѣ входятъ шесть монастырей, а именно: Главный монастырь при великой церкви, Больничный монастырь при св. троицкой церкви, Ближнія пещеры при крестовоздвиженской церкви, Дальнія пещеры съ церковью Рождества пресвятыя Богородицы, Китаевская пустынь съ церковью во имя св. Тройцы и Голосѣевская пустынь съ церковью Покрова пресвятыя Богородицы.

Великая печерская церковь, центръ всей лавры, представляетъ собою обширное и величественное каменное зданіе, въ видѣ большаго квадрата, съ 3-ю закругленіями на восточной сторонѣ, съ углубленіемъ на передней западной сторонѣ при входѣ въ церковь, и съ 7-ю куполами. Западная, сѣверная и южная стѣны снаружи украшены лѣпною работою, а поверхъ карнизовъ выведены овальной формы щиты съ священными на нихъ изображеніями. Купола всѣ покрыты листовымъ золотомъ, а кресты на нихъ и глава средняго купола вызолочены сквозь огонь золотомъ червоннымъ. Длина великой церкви съ олтаремъ 21 саж., ширина $20^1/_2$ саж., высота въ стѣнахъ 7 саж.; отъ пола до купола съ крестомъ 22 сажени. Въ церковь ведутъ три желѣзныя двери: главная изъ нихъ или западная покрыта мѣдными, вызолоченными листами и украшена св. изображеніями.

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., іюньск. кн., стр. 293—306.

Полъ изъ дубоваго паркета, уложенный въ 1886 году, въ замѣнъ прежняго изъ чугунныхъ плитъ, устроеннаго въ 1727 году. Древнюю церковь XI вѣка, созданную преподобнымъ Ѳеодосіемъ, составляетъ срединная часть храма съ 3-мя олтарными полукружіями и съ среднимъ куполомъ, упирающимся на дуги 4-хъ толстыхъ каменныхъ столбовъ; придѣлы вправо отъ гробницы св. Владиміра и влѣво отъ гробницы св. митрополита Михаила—позднѣйшія пристройки. Восточная стѣна главнаго алтаря имѣетъ полусферическую форму раковины, сходную съ формой алтаря кіево-софійскаго собора [1]) Древняя фресковая живопись, обновленная при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, не сохранилась на стѣнахъ великой церкви; нѣтъ въ ней теперь и древнихъ мозаическихъ изображеній, ихъ изгладила рука времени и самые слѣды ихъ исчезли въ пожарѣ 1718 года. Послѣ этого пожара стѣны великой церкви расписаны масляною живописью въ 1730 году и, за обветшаніемъ, вновь переписаны въ 1776 году. Остатки послѣдней, довольно художественной живописи сохраняются еще въ алтаряхъ и въ Стефановскомъ придѣлѣ; росписаніе средней части храма и на хорахъ произведено по прежнимъ чертамъ въ 1842 году лаврскими иконописцами, подъ руководствомъ іеромонаха Иринарха.

Иконостасъ главнаго алтаря состоитъ изъ сплошной, рѣзной по дереву, во вкусѣ рококо, и вызолоченной стѣны въ 5 ярусовъ или этажей, которая, возвышаясь до самого купола, простирается во всю широту храма отъ сѣверной до южной стѣны средней его части. Нижній ярусъ отдѣляется отъ 2-го или верхняго надъ нимъ роскошнымъ антаблеманомъ и колоннами

---

[1]) Работами по возобновленію великой лаврской церкви послѣ пожара въ 1718 г. к преобразованію ея въ настоящій видъ руководилъ посланный изъ Москвы мастеръ Федоръ Старченко. На обновленіе печерской церкви отпущено въ 1719 г. изъ казны 5,000 руб. и велѣно собрать съ каждаго изъ 10-ти малороссійскихъ полковъ по тысячѣ рублей; для той же цѣли отданы лаврѣ скотный заводъ умершаго въ г. Нѣжинѣ грека Алоя, а также колокола печерскаго Вознесенскаго монастыря и запорожскіе изъ Бѣлгорода и Харькова и утварь церкви Каменнаго Затона въ Кіевѣ.

роскошной рѣзьбы и раздѣляется на нѣсколько кіотовъ. Прочіе ярусы раздѣляются между собою карнизами и пилястрами. Всѣхъ иконъ въ иконостасѣ 64; изъ нихъ 42, находящіяся въ нижнихъ ярусахъ, покрыты серебряными, вызолоченными ризами, а 22 иконы верхнихъ ярусовъ имѣютъ только серебряные вѣнцы на ликахъ святыхъ. Намѣстныя 4 иконы, по преданію, принадлежатъ кисти художника—священника; серебряныя, вызолоченныя ихъ ризы украшены драгоцѣнными камнями и закрыты зеркальными стеклами въ металлическихъ рамахъ, на которыя наложены серебряныя звѣзды.

Извѣстная своими благотвореніями на пользу монастырей и соборныхъ церквей графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, въ бытность свою въ Кіевѣ, изъявила желаніе замѣнить этотъ громадный и тогда значительно потускнѣвшій деревянный иконостасъ новымъ, бронзовымъ, жертвуя на этотъ предметъ капиталъ 285,715 рублей серебромъ или, по тогдашнему счету, милліонъ ассигнаціями. Объ этомъ подана была ею митрополиту кіевскому Филарету собственноручная записка отъ 4 сент. 1844 года. Но доброе намѣреніе благочестивой жертвовательницы не встрѣтило сочуствія ни со стороны священно-архимадрита, ни со стороны братіи кіево-печерской лавры: имъ не желательно было разстаться съ иконостасомъ, хотя не древнимъ, но простоявшимъ здѣсь цѣлое столѣтіе и потому получившимъ уже нѣкоторое значеніе священной древности. Въ виду сего графиня Орлова, по совѣщаніи съ митрополитомъ Филаретомъ, новой запиской своей отъ 30 апрѣля 1847 года, отмѣнивъ прежнее свое намѣреніе устроить бронзовый иконостасъ, заявила, что пожертвованный ею капиталъ 285,715 рублей долженъ оставаться неотъемлемою собственностью кіево-печерской лавры на вѣчныя времена, съ тѣмъ, чтобы проценты съ онаго были употребляемы на возобновленіе позолотой теперешняго иконостаса главной церкви, на обновленіе иконостасовъ въ прочихъ лаврскихъ церквахъ, на позлащеніе главъ на лаврскихъ церквахъ и на прочія церковныя надобности. Нельзя не пожалѣть, что первоначальное намѣреніе графини Анны Алексѣевны не осуществилось, такъ

какъ съ приведеніемъ его въ исполненіе была бы изъята изъ соборнаго храма огромная масса высохшаго и пропитаннаго масломъ горючаго матеріала, который можетъ угрожать опасностью новаго пожара при случайной неосторожности съ огнемъ, а при уменьшеніи высоты иконостаса открылись бы дуги олтаря съ ихъ живописью и средняя часть храма получила бы надлежащее освѣщеніе.

Царскія врата иконостаса серебряныя, прорѣзныя, съ позолотой; устроены въ 1749 г. графомъ Сергѣемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, въ замѣнъ бывшихъ также изъ серебра, въ 1713 г. сдѣланныхъ его отцемъ, кіевскимъ воеводой, а въ послѣдствіи фельдшаршаломъ и графомъ, Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ и вѣроятно погибшихъ въ пожарѣ 1718 года. Надъ царскими вратами, на металлическомъ кругѣ, окруженномъ серебрянными лучами, находится главная святыня этого храма— *чудотворная икона Успенія Божіей Матери*, которая по преданію, записанному въ сказаніяхъ преподобнаго Симона, епископа Суздальскаго, чудесно получена греческими художниками во Влахернскомъ храмѣ, предъ отбытіемъ ихъ изъ Константинополя, и принесена ими въ Кіевъ, какъ благословеніе Божіей Матери печерской обители. Икона эта небольшая, въ 9 вершковъ длины и $6^1/_2$ вершковъ ширины, на кипарисной доскѣ, изображаетъ Божію Матерь почившею на смертномъ одрѣ; вокругъ апостолы, 6 у головы и 6 у ногъ ея; апостолъ Петръ съ кадиломъ въ рукѣ, а св. Павелъ припалъ къ ея мощамъ. Выше одра Богоматери, сзади его, изображенъ Спаситель, держащій въ рукахъ душу Богоматери въ видѣ младенца; вверху, у главы Спасителя, два ангела съ убрусами въ рукахъ, готовые принять пречистое тѣло Богоматери. Икона эта покрыта золотою ризою и богато украшена алмазами, брилліантами и другими драгоцѣнными камнями, которые вдѣланы въ вѣнецъ и другія части ризы; къ ней же придѣланы замѣчательные по своей цѣнности: золотой, осыпанный брилліантами крестъ, даръ ея императорскаго высочества великой княгини Александры Петровны и крестъ брилліантовый, Высочайше по-

жалованный кіевскому митрополиту Филарету для ношенія на бѣломъ клобукѣ и имъ завѣщанный для украшенія иконы Богоматери. На металлическомъ вызолоченномъ кругѣ, къ которому прикрѣплена чудотворная икона, изображены вверху ея рельефно Богъ Отецъ и Св. Духъ, а по сторонамъ ея два ангела, поддерживающіе икону. Съ 1812 г. предъ ней теплится неугасаемая лампада, состоящая изъ 10 стакановъ разноцвѣтнаго стекла. Предъ началомъ поздней литургіи и по окончаніи ея, чудотворная икона, вмѣстѣ съ металлическимъ кругомъ, спускается внизъ посредствомъ шелковыхъ снурковъ и блоковъ, придѣланныхъ съ задней стороны иконостаса; также спускается она въ каждую среду въ началѣ литургіи и предъ нею тогда читается акаѳистъ Успенію Божіей Матери, съ пѣніемъ кондака совокупнымъ хоромъ двухъ клиросовъ.

По правую сторону царскихъ вратъ стоитъ рѣзной, вызолоченный аналогій съ прикрѣпленнымъ къ нему металлическимъ кругомъ, на которомъ, въ золотой рамѣ, помѣщена *мозаическая икона Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ*, данная іеросхимонахомъ Парѳеніемъ, а имъ полученная отъ графини А. А. Орловой-Чесменской. По лѣвую сторону царскихъ вратъ—такой же золоченый аналогій, съ прикрѣпленнымъ къ нему металлическимъ кругомъ, въ который вставлена высокой живописи *икона болящаго св. Іосифа, Обручника* пресв. Дѣвы, осыпанная алмазами, бриліантами, рубинами и другими драгоцѣнными камнями; икона эта пожертвована въ 1781 г. государемъ наслѣдникомъ, а въ послѣдствіи императоромъ Павломъ Петровичемъ въ проѣздъ его чрезъ Кіевъ за границу. Въ томъ же кругѣ, въ золотой ризѣ съ вѣнцемъ изъ 25 бриліантовъ, находится *икона благословляющаго Спасителя*, которою императрица Екатерина II-я благословила князя Г. А. Потемкина предъ отправленіемъ его на войну съ турками въ 1788 году. Икона эта принесена лаврѣ въ даръ племянницей князя Потемкина, графиней А. В. Браницкой.

Предъ царскими вратами, въ нѣкоторомъ отъ нихъ отдаленіи, укрѣплено серебряное паникадило, даръ императрицы Ели-

саветы Петровны; другое большее, по срединѣ храма, даръ атамана донскихъ козаковъ Даніила Ефремовича Ефремова.

Въ средней части великой церкви хранится слѣдующая святыня:

Въ концѣ правой стороны большаго иконостаса, у южной стѣны, *глава* св. благовѣрнаго и равноапостольнаго князя *Владиміра*, въ сребкованной гробницѣ; она взята изъ гробницы св. Владиміра, находящейся въ кіевской Десятинной церкви, и положена здѣсь митрополитомъ кіевскимъ Петромъ Могилою въ 1635 г.

Въ западномъ концѣ той же южной стѣны *гробъ преподобнаго Θеодосія печерскаго.* Св. мощи его перенесены сюда изъ Дальнихъ пещеръ въ 1090 г., чрезъ 17 лѣтъ по его преставленіи; онѣ скрыты подъ спудомъ надгробія, обложеннаго серебряными и золочеными листами.

У гроба преподобнаго Θеодосія, вправо отъ него, *икона св. Христова Николая* съ частицей мощей сего угодника, вдѣланною въ серебряную ризу; вѣнецъ на ризѣ св. Николая украшенъ рубинами и смарагдами

Въ сѣверозападномъ углу церкви, въ лѣво отъ главнаго входа въ нее, въ серебряной гробницѣ подъ рѣзнымъ золоченымъ балдахиномъ хранятся *частицы мощей святыхъ печерскихъ.* Позади этой гробницы, въ глубокой со сводомъ нишѣ, помѣщается алебастровое *надгробіе князя Константина Ивановича Острожскаго,* защитника и покровителя православной церкви, скончавшагося въ 1-й половинѣ XVI вѣка. Впереди упомянутой гробницы, придѣлана къ стѣнѣ, въ золотой рамѣ и серебряной вызолоченой ризѣ, *икона преподобнаго Антонія* печерскаго, предъ которой всегда становился на молитву св. Димитрій ростовскій во время пребыванія своего въ кіево-печерской лаврѣ.

У сѣверной стѣны близь иконостаса *мощи св. Михаила, перваго митрополита кіевскаго.* Первоначально они находились въ кіевской Десятинной церкви, а по разореніи ея татарами

хранились въ Ближнихъ пещерахъ; въ 1730 г перенесены изъ пещеръ на настоящее мѣсто.

Сзади гробницы святителя Михаила, въ придѣлѣ св. первомученика и архидіакона Стефана, хранится въ серебряной гробницѣ подъ золоченымъ балдахиномъ *перстъ св. архидіакона Стефана*, принесенный въ лавру въ 1717 году изъ молдавскаго Нямецкаго монастыря, бывшимъ романскимъ архіепископомъ Пахоміемъ, скончавшимся въ лаврѣ въ 1724 году.

Подъ алтаремъ Стефановскаго придѣла усыпальница съ гробами князей, гетмановъ и знатныхъ южно-русскихъ пановъ, благодѣтельствовавшихъ лаврской обители. Сохранившіяся въ самомъ придѣлѣ, на мѣдныхъ табличкахъ, надписи свидѣтельствуютъ, что здѣсь погребены, въ числѣ прочихъ: кіевскій генералъ-губернаторъ Михаилъ Ивановичъ *Леонтьевъ* († 17[illegible]2 г.) и его супруга *Марія Васильевна*, урожденная Эварлакова († 1746 г.); кіевскій оберъ-комендантъ Яковъ Васильевичъ *Элчаниновъ* († 1781 г.) и генералъ-маіоръ князь *Долгорукій*, умершій въ 1769 г. отъ раны, полученной подъ Хотиномъ. Въ концѣ южной стѣны этого придѣла желѣзная рѣшетка, съ надписью на вызолоченной доскѣ, означаетъ мѣсто, на которомъ погребенъ фельдмаршалъ, *графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ*, скончавшійся въ 1821 году. Вблизи этой рѣшетки входъ въ склепъ, въ которомъ нетлѣнно почиваетъ тѣло тобольскаго митрополита *Павла* Конюскевича, скончавшагося на покоѣ въ лаврѣ въ 1770 году.

Иконостасъ Стефановскаго придѣла рѣзной, золоченый, во всю длину и широту алтарной арки, стилемъ своимъ отличается отъ иконостаса великой церкви. Царскія врата серебряныя съ прорѣзью. Къ западной сторонѣ этого придѣла прилегаетъ алтарь древней малой церкви во имя св. *Іоанна* Предтечи, устроенной въ XI вѣкѣ въ память болярина Іоанна и сына его Захаріи; входъ въ церковь со двора лавры. Въ этой церкви обыкновенно отпѣваютъ покойниковъ изъ братіи великой церкви предъ отправленіемъ ихъ, для погребенія, въ Китаевскую пустынь. У южной стѣны Предтечевской церкви погребенъ въ 1836 году

преосвященный *Кириллъ Куницкій*, епископъ чигиринскій, скончавшійся въ лаврѣ, послѣ двугодичной болѣзни отъ паралича.

За гробницей св. князя Владиміра, въ правомъ или южномъ придѣлѣ великой церкви, устроенномъ въ 1-й половинѣ XVIII вѣка *во имя св. Іоанна Богослова*, у иконостаса при лѣвой стѣнѣ, древняя *икона Божіей Матери*, предъ которою молился въ 1147 году св. князь Игорь Ольговичъ во время убіенія своего въ б. Ѳедоровскомъ монастырѣ. На противуположной, южной сторонѣ серебрянная *гробница съ частицами мощей* св. пророковъ, апостоловъ, святителей и мучениковъ, и принесенныя въ разныя времена въ лавру, часть трапезы Христовой, часть ризы Господней, часть крови св. Іоанна Крестителя и часть мура изъ гроба св. великомученика Димитрія Солунскаго.

Иконостасъ Богословскаго придѣла рѣзной, золоченый во всю длину и широту алтарной арки.

У западной стѣны этого придѣла надгробный, сѣраго мрамора, памятникъ фельдмаршалу россійскихъ войскъ, графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому († 1797 г.), съ бюстомъ его изъ бѣлаго мрамора. Фельдмаршалъ впрочемъ погребенъ не здѣсь, а у лѣваго клироса, съ сѣверной его стороны. Въ этомъ же придѣлѣ погребены священноархимандриты кіево-печерской лавры: *Романъ Копа* († 1736 г.) и *Лука Бѣлоусовичъ* († 1761 г.).

Главный, успенскій алтарь освѣщается тремя окнами восточной запрестольной стѣны; четвертое окно на сводѣ, подлѣ алтарной арки, съ куполомъ въ видѣ фонаря, сдѣлано въ позднѣйшее время. Престолъ, какъ и всѣ престолы древнихъ лаврскихъ церквей, сложенъ изъ кирпича и обложенъ серебряными вызолоченными досками, съ рельефными серебряными изображеніями, на сумму 10,000 рублей, пожалованную въ 1744 г. императрицей Елизаветой Петровной. Изъ напрестольныхъ вещей особое вниманіе обращаетъ на себя большая серебряная, вызолоченная дарохранительница, имѣющая видъ сѣни съ 12 агатовыми колоннами на пьедесталѣ изъ краснаго мрамора, пожалованная въ 1830 году императоромъ Николаемъ Павлови-

чемъ и его супругой императрицей Александрой Θеодоровной, а также большой серебряный вызолоченный крестъ съ такимъ же подножіемъ, заключающій въ себѣ серебра 1 пудъ и 7 фунт.

Горнее мѣсто, съ сопрестоліемъ кирпичной кладки, покрыто малиновымъ сукномъ и обведено въ верхней части металлическою вызолоченною рѣшеткой. По нижнему поясу запрестольной стѣны, на металлическихъ вызолоченныхъ доскахъ, написаны во весь ростъ изображенія святителей; вверху ихъ металлическія съ позолотой украшенія въ видѣ бордюра. Обращенная въ олтарь, задняя сторона иконостаса украшена св. изображеніями, представляющими различные прообразы новозавѣтныхъ событій.

Жертвенникъ главнаго алтаря по древнему обычаю занимаетъ собою отдѣльный придѣлъ съ лѣвой стороны главнаго алтаря: онъ помѣщенъ посреди придѣла въ видѣ престола и обложенъ въ 1771 г. серебряными вызолочеными досками, въ коихъ серебра 2 пуда, 18 фунтовъ и 49 зол. На жертвенникѣ стоитъ большой *крестъ чистаго золота* на серебряномъ вызолоченномъ подножіи, съ славянскими надписями, въ которыхъ значится, что въ крестѣ находятся: часть животворящаго древа, часть столба и земли, обагренныхъ кровію Христовою, и вервь, которою Іисусъ Христосъ былъ привязанъ во время бичеванія.

Престолъ въ придѣльномъ *алтарѣ св. архидіакона Стефана* обложенъ мѣдными вызолоченными досками. Въ жертвенникѣ этого алтаря замѣчательна икона Спасителя въ младенческомъ возрастѣ, которую писалъ безрукій художникъ, держа кисть во рту; икона эта подарена царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ наставнику своему Симеону Полоцкому, а отъ него поступила въ печерскую обитель.

Въ *алтарѣ св. архистратига Михаила*, находящемся съ правой стороны главнаго алтаря, престолъ и жертвенникъ обложены бронзовыми вызолоченными досками, съ серебряною накаткою и таковыми же накладными бляхами, на счетъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской. Въ жертвенникъ его, находящійся при сѣверной стѣнѣ, вдѣланы рѣзной кипарисный

крестъ, въ серебряной вызолоченной оправѣ, съ частію животворящаго древа и частицами мощей разныхъ святыхъ, а также икона св. великомученицы Варвары съ частью ея мощей. У запрестольной стѣны круглое сопрестоліе съ рядомъ святителей въ рѣзныхъ золоченныхъ рамахъ, раздѣленныхъ таковыми же пилястрами.

Вправо отъ алтаря св. Михайловскаго, слѣдуютъ рядомъ придѣльные алтари св *Іоанна Предтечи, трехъ святителей* и св. *Іоанна Богослова*

Въ средней части храма, на столбахъ у клиросовъ помѣщены: *у праваго клироса каѳедра священно-архимандрита* кіево-печерской лавры; *у лѣваго клироса* рѣзная изъ дерева, вызолоченная *проповѣдническая каѳедра.* Подлѣ проповѣднической каѳедры была придѣлана къ столбу мѣдная вызолоченная доска съ надписью о томъ, что здѣсь въ 1780 г. слушалъ литургію австрійскій императоръ Іосифъ II.

Позади лѣваго клироса, между сѣверными окраинами столбовъ, погребенъ кіевскій митрополитъ *Петръ Могила* († 1647), а впереди этого гроба, у самаго лѣваго клироса, въ одной гробницѣ погребены: ученый священно-архимандритъ лавры *Иннокентій Гизель* († 1685 г.), кіевскій митрополитъ *Варлаамъ Ясинскій* († 1707 г) и фельдмаршалъ, графъ П. А. *Румянцевъ-Задунайскій* († 1797 г.).

Подлѣ гроба преподобнаго Ѳеодосія, въ юго-западномъ углу великой церкви, входъ въ лаврскую ризницу, въ которой хранятся драгоцѣнности, заключающіяся въ разнообразныхъ предметахъ св. утвари, замѣчательныхъ то по своей древности и высокой стоимости, то по именамъ жертвователей. Это евангелія, кресты, чаши, дарохранительницы, панагіи, кресты наперсные, митры, саккосы и ризы, плащаницы, воздухи и покровы, особаго рода рѣдкости и наконецъ портреты.

Евангелій въ лаврской ризницѣ 54. Между ними особое вниманіе обращаютъ на себя слѣдующія:

1. *Евангеліе* рукописное въ малый листъ, первой половины XVI в. Оно обложено въ зеленый бархатъ съ серебряными глад-

кими застежками и съ серебряными, вызолочеными же накладками; «писано, какъ значится въ надписи, въ 1538 г. повелѣніемъ и накладомъ Богдана Мартиновича Хребтовича, а писалъ оное Федоръ, Кузьминъ сынъ з Несвижа»; надпись же свидѣтельствуетъ, что евангеліе это «дано печерскому монастырю 14 сентября 1556 года Іоанникіемъ Горностаемъ, маршалкомъ государскимъ, старостою рѣчицкимъ, державцею Любоманскимъ» (№ 1).

2. *Евангеліе* рукописное, данное въ 1541 г., въ печерскую церковь Иваномъ Евстафіевичемъ Горностаемъ, подскарбіемъ, обложенное зеленымъ бархатомъ съ серебряными, пестрозлащенными изображеніями (№ 2).

3. *Евангеліе* въ малый листъ; печатано въ Москвѣ 1636 г., обложка серебренная прорѣзной работы по зеленому бархату; на срединѣ по угламъ серебренныя золоченыя изображенія; оставлено параэклесіархомъ лавры іеромонахомъ *Елисеемъ Жуковскимъ*, скончавшимся 3 октября 1640 года (№ 3).

3. *Евангеліе* въ малый листъ, печат. въ Москвѣ 1644 г.; на серебряномъ вызолоченномъ съ прорѣзью окладѣ, внизу, гербъ жертвователя *Іоанна Предримірскаго* (№ 4).

5 *Евангеліе* въ листъ, московской печати, 1681 г.; обложено чеканными серебряными досками, съ накладными штуками, на которыхъ серебрянныя чеканныя подъ чернь изображенія; пожертвовано неизвѣстнымъ въ 1687 г. «по благовѣрномъ государѣ цесаревичѣ и великомъ князѣ Алексіѣ Алексіевичѣ въ вѣчное его поминовеніе», какъ значится на краю оклада (№ 8).

6. *Евангеліе* въ большой листъ, московской печати 1689 г., обложенное серебряными вызолочеными досками съ вызолочеными различными св. изображеніями: пожертвованіе царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, присланное ими въ кіево-печерскую лавру 1691 г., въ вѣчное поминовеніе родителей ихъ и ихъ самихъ (№ 9).

7. *Евангеліе* того же изданія и года, въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ, съ разными св. изображеніями, даръ царицы Марѳы Матвѣевны (№ 10).

7. *Евангеліе* въ листъ, московской печати 1689 г., въ серебряномъ, вызолоченномъ окладѣ, пожертвованное 1695 г. генеральнымъ обознымъ запорожскаго войска Василіемъ Лунинъ-Борковскимъ; вѣсу въ немъ серебра 43 фунта (№ 13).

5. *Евангеліе* въ листъ, 1748 г., обложенное филогранною сѣткой съ финифтовыми изображеніями; пожертвовано въ 1751 г. ростовскимъ и ярославскимъ митрополитомъ *Арсеніемъ Мацѣевичемъ* (№ 42).

10. *Евангеліе* въ большой Александр. листъ, печат. въ Кіевѣ 1808 г. Верхняя доска его золотая (6 фун. 55 зол.), нижняя серебряная, съ финифтовыми изображеніями; богато украшено алмазами, брилліантами, рубинами, сапфирами; аметистами; стоимость его 17,173 руб. ас. Сдѣлано, коштомъ боголюбивыхъ вкладчиковъ» при митрополитѣ кіевскомъ Серапіонѣ (№ 54).

Крестовъ напрестольныхъ съ подножіями 20; изъ нихъ примѣчательнѣйшіе:

1. *Золотой крестъ* 4-хъ конечный, вѣсомъ 9 фунтовъ и 29 золотниковъ, съ чеканными изображеніями. Внутри его: часть животворящаго древа креста Господня, земля отъ св. гроба и часть камня отъ столба бичеванія. Подножіе серебряное, въ 1 арш. $3^1/_2$ вершка высоты, вѣсомъ 18 фунт. 24 зол. Крестъ этотъ приношеніе гетмана малороссійскаго Ивана Мазепы (№ 1).

2. *Крестъ серебрянный,* вызолоченый, съ таковымъ-же подножіемъ, высоты 1 арш. 9 верш., серебра 36 фунт. 30 золот., въ 1722 году сдѣланъ въ поминаніе архимандрита лавры *Іоанникія Сенютовича* (№ 2)

3. *Крестъ кипарисный,* оправленный въ серебро и вызолоченный, съ таковымъ-же подножіемъ, $9^1/_2$ в. длины съ подножіемъ, сооруженъ въ 1657 г. печерскимъ старцемъ, монахомъ *Иларіономъ Катанскимъ* (№ 6).

Изъ 18-ти ручныхъ крестовъ замѣчательны:

1. Золотой крестъ съ частицами разныхъ святыхъ и съ финифтевыми изображеніями, украшенный изумрудами, вѣсомъ 1 ф. 39 золот., вкладъ Анны Ивановны Головиной, жены Сергія Автономовича 1749 г. (№ 1).

2. Золотой крестъ чеканной работы, съ частицами мощей святыхъ и частью животворящаго древа, вѣсомъ 2 фун. 38 золот., вкладъ атамана донскаго войска Данила Ефремовича Ефремова, 1750 г. (№ 2).

3. Золотой крестъ, 7-ми конечный, съ голубою эмалью, украшенный бриліантами, рубинами и изумрудами, съ частицами св. мощей, сдѣланный на счетъ лавры въ 1803 г. (№ 3).

4. Крестъ серебряный, 7-ми конечный, пестропозлащенный, съ накладными чеканными изображеніями, украшенный нѣсколькими камнями. На немъ двѣ надписи, свидѣтельствующія, что крестъ этотъ сдѣланъ первоначально «печерскаго монастыра архимандритою *Игнатіемъ*», передѣланъ при архимандритѣ Никифорѣ въ 1598 г., съ добавкою золота и серебра, и обновленъ въ 1763 г., причемъ положенъ внутрь его кипарисный крестъ съ частью животворящаго древа (№ 4).

5 Крестъ серебряный, позолоченый, 8-ми конечный, съ частью животворящаго древа и мощами святыхъ, 1671 года (№ 6).

Изъ 54 св. чашъ или потировъ замѣчательны:

1. *Золотая* чаша со всѣми принадлежностями, чеканной работы, съ чеканными изображеніями Спасителя и апостоловъ Петра и Павла; принесена въ даръ императрицей Анной Іоанновной 1737 года (№ 1).

2. Золотая чаша, вѣсомъ 6 фунт и $6^{1}/_{2}$ зол., богато украшенная алмазами, рубинами, сапфирами и изумрудами; сдѣлана въ 1717 г. «коштомъ князя Матѳея Петровича *Гагарина,* губернатора сибирскаго, тщаніемъ же митрополита сибирскаго Филофея Лещинскаго, схимонаха Ѳеодора»; къ ней дискосъ и звѣзда чистаго золота, вѣсомъ 3 ф. 95 зол. (№ 2).

3. Золотая, прорѣзной работы, съ эмалью, чаша, украшенная рубинами, алмазами и изумрудами, вкладъ гетмана Ивана *Самойловича* 1686 г.; къ ней золотые дискосъ и звѣзда, вѣсомъ 6 ф. и 16 золот. (№ 3).

4. Золотая чаша съ такими-же дискосомъ, звѣздою и лжицей, вѣсомъ 5 фунт. 81 золот., вкладъ послѣдняго священно-архи-

манрита лавры *Зосимы Валкевича* 1765 г. (№ 4) и другая также чаша съ чеканными изображеніями (№ 5).

5. Чаша серебряная, украшенная хризолитами, аметистами и топазами, вкладъ гетмана *Іоанна Мазепы* до придѣла св. Іоанна Предтечи (№ 6).

6. Чаша большая серебряная, вызолоченная, съ финифтевыми св. изображеніями, пожертвованная въ 1703 г. митрополитомъ рязанскимъ *Стефаномъ Яворскимъ* (№ 10).

7, Чаша серебрянная, вызолоченная, іеромонаха *Транквилліона* (№ 18).

8. Чаша серебрянная, вызолоченная, съ чеканной накладкой, вкладъ монаха Власія 1689 г. (№ 21).

Между 8-ю дарохранительницами, по художественной отдѣлкѣ и высокой цѣнности, выдѣляются слѣдующія:

1. Серебряная дарохранительница, вызолоченная, въ видѣ балдахина на колоннахъ, украшенная бриліантами, вѣсомъ 32 фунта, даръ графа Сергія Борисовича Шереметева (№ 1).

2. Серебрянная, пестрозолоченная, двухъярусная дарохранительница, вѣсомъ 37 ф., сдѣланная 1725 г. Товзею Шверомъ въ Вратиславѣ и принесенная лаврѣ въ даръ нѣкіимъ почитателемъ міровой святыни, какъ значится въ современной польской надписи (№ 2).

3. Дарохранительница серебрянная, вызолоченная, въ видѣ портика на агатовыхъ колоннахъ и мраморномъ подножіи, вѣсомъ 2 п. 27 ф., даръ императора Николая І-го и супруги его императрицы Александры Федоровны, 1829 г. (№ 4).

Въ числѣ 6-ти кадилъ отличается своею древностію и оригинальною формою серебрянное кадило съ пирамидальной крышей прорѣзной работы, жертва пана *Горностая* (№ 1).

Панагій 35. Между ними замѣчательны по именамъ жертвователей и по своей цѣнности слѣдующія:

1. Золотая панагія, съ образомъ Спасителя благословляющаго и съ портретомъ императора *Петра I*, на оборотной сторонѣ, украшенная алмазами, сапфирами и бриллiантами (№ 1).

2. Серебряная, въ видѣ звѣзды, панагія, съ Распятіемъ на финифти, и съ портретомъ императрицы *Екатерины I* на оборотной сторонѣ, украшенная алмазами и сапфирами (№ 2).

3. Золотая панагія на зеленой эмали съ Распятіемъ, украшенная изумрудами, рубинами и алмазами, даръ преосв. *Варлаама Коссовскаго* (№ 3) и имъ же подаренная серебряная, *старинная* панагія, съ образомъ Божіей Матери, украшенная драгоцѣнными камнями (№ 4).

3. Двѣ золотыя панагіи съ драгоцѣнными камнями, неизвѣстнаго времени и неизвѣстнаго жертвователя (№ 7 и 8).

5. Панагія серебряная, вызолоченная, украшенная драгоцѣнными камнями, приношеніе с.петербургскаго архіепископа *Сильвестра Кулябки* (№ 10).

6. Панагія серебряная съ финифтовымъ изображеніемъ коронованія Божіей Матери, украшенная изумрудами, рубинами и стразами, вкладъ московскаго архіепископа *Платона Малиновскаго*, 1748 г. (№ 11),

7. Панагія 4-хъ угольная съ образомъ Спасителя благословляющаго, украшенная бриллiантами, принесена въ даръ императоромъ *Александромъ I* въ 1816 г. (№ 14)

8. Панагія 8-ми угольная съ образомъ Успенія Богоматери, богато украшенная бриллiантами, даръ государственнаго канцлера, графа *Румянцева*, въ воспоминаніе его отца, фельдмаршала Задунайскаго и его матери (№ 15).

9. Три панагіи, украшенныя драгоцѣнными камнями, архимандрита *Зосимы Валкевича* (№ 16, 27 и 29).

10. Панагія золотая, въ видѣ звѣзды, въ память генерала отъ инфантеріи *Паисія Сергѣевича Кайсарова*, умершаго 6 мая 1844 г., данная митрополиту кіевскому Филарету (№ 28).

11. Панагія серебряная, крестообразная, вкладъ архимандрита *Софронія Тарнавіота* (№ 30).

12. Панагія золотая съ образомъ Божіей Матери на сапфирѣ, богато украшенная сапфирами и брилліантами, поступила отъ митрополита кіевскаго *Филарета* (№ 31).

Въ числѣ 29-ти наперсныхъ крестовъ замѣчательны:

1. Крестъ золотой, растворчатый, съ гравированными изображеніями святыхъ и гербомъ митрополита *Петра Могилы* (№ 11).

2. Крестъ золотой малый, съ изображеніями Спасителя и святителей Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, а также гербомъ митрополита *Петра Могилы* (№ 23).

3. Золотой крестъ, украшенный рубинами и другими камнями, даръ преосвященнаго *Кирилла Шумлянскаго*, епископа переяславскаго (№ 2).

4. Крестъ, съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго, на финифти, украшенный изумрудами и топазами, вкладъ преосвященнаго *Θеофилакта* (№ 22).

5. Крестъ съ распятіемъ на финифти, украшенный брилліантами и аметистами, пожалованный въ 1763 г., 16 марта, императрицей Екатериной II (№ 5).

6. Крестъ золотой съ Нерукотвореннымъ Образомъ въ срединѣ, богато украшенный брилліантами и аметистами, подаренъ графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской въ 1846 году б. намѣстнику лавры, архимандриту Лаврентію, а отъ него поступившій въ лавру (№ 9).

7. Крестъ, оправленный въ серебро, богато украшенный сапфирами и брилліантами, 8 сентября 1816 г. пожалованный іеросхимонаху лавры, слѣпому старцу *Вассіану* императоромъ *Аляксандромъ I* (№ 27).

8. Крестъ серебряный, украшенный богато сапфирами и брилліантами, пожалованный императоромъ *Александромъ I* бывшему намѣстнику лавры, въ послѣдствіи воронежскому архіепископу *Антонію Смирницкому* (№ 29).

Изъ 64 воздуховъ или покрововъ можно назвать:

1 Большой воздухъ краснаго рытаго бархата съ изображеніемъ по срединѣ Спасителя во гробѣ, а на каймѣ зеленаго бархата—св. Маріи *Магдалины*, мученицы Юліи, архидіакона *Стефана* и *Іоанна* Крестителя; вкладъ игуменіи Магдалины, матери гетмана Ивана *Мазепы* (№ 8).

2. Воздухъ и два покровца серебряной парчи съ золотыми цвѣточками, даръ *императрицы Екатерины Алексѣевны* (№ 50).

3. Воздухъ и два покровца серебряной богатой парчи, даръ *принцессы Анны* (№ 52).

4. Воздухъ и два покровца золотой богатой парчи по кофейному полю, даръ императрицы Елисаветы Петровны (№ 60).

Изъ 10 *митръ*, которыя всѣ украшены драгоцѣнными камнями и жемчугомъ, въ особенности замѣчательны:

1. Митра кованая золотая, богато украшенная алмазами, сапфирами, рубинами, изумрудами и жемчугомъ, митрополита *Петра Могилы*, съ его гербомъ, вырѣзаннымъ на сапфирѣ, и литерами: П. М. М. К; въ ней вѣсу 5 фунтовъ, 51 зол. (№ 1).

2. Митра вся унизанная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, вѣсомъ 5 фунт., 39 золотниковъ (№ 2).

3. Митра съ золотымъ кованымъ поясомъ, также богато украшенная жемчугомъ и драгоцѣнными камнями—архимандрита Зосимы Валкевича; вѣсу въ ней 5 фунтовъ, 38 золотниковъ (№ 3).

Изъ 30 саккосовъ обращаютъ на себя вниманіе:

1. Саккосъ матеріи серебрянной съ золотыми разводами, даръ императрицы *Елисаветы Алексѣевны* (№ 1).

2. Саккосъ золотаго глазета съ голубыми бархатными крестами, даръ императора *Николая Павловича* (№ 19).

3. Четыре саккоса, пожертвованные графиней А. А. *Орловой Чесменской* (№ 24, 25, 26 и 27).

Изъ 51 палицъ замѣчательны:

1. Палица, шитая серебромъ и шелками—бароновъ *Строгоновыхъ* (№ 1).

2. Три старинныя палицы (№№ 2, 3 и 4).

3. Палица золотой парчи, княгини Наталіи *Долгорукой* (№ 12).

Наибольшее количество утвари великой лаврской церкви составляютъ священническія облаченія или ризы. Ихъ значится по описи 149; между ними, по выдѣлкѣ тканей и ихъ узоровъ, по богатству и разнообразію украшеній на нихъ, замѣчательны въ особенности:

1. Риза серебрянаго глазета съ золотыми цвѣтами, которой оплечье все унизано жемчугомъ по красному бархату, вѣсомъ 35 фунт., вкладъ царя и великаго князя *Алексѣя Михайловича* (№ 2).

2. Риза вишневаго гранитура съ серебренными цвѣтами, украшенная на оплечьи жемчугомъ, алмазами и бриллiантами, даръ императрицы *Елисаветы Петровны* (№ 1).

3. Риза богатой золотой парчи, которой оплечье чернаго бархата унизано жемчугомъ и украшено крестомъ изъ алмазовъ и рубиновъ, звѣздами и розетами изъ алмазовъ, рубиновъ и алмазныхъ искръ, вкладъ бароновъ *Строгоновыхъ* (№ 3).

4. Ризы изъ парчи. князя Александра Куракина (№ 9); архимандрита Зосимы Валкевича (№ 5 и 6); кіевскаго генералъ-губернатора Михаила Леонтіева (№ 11); митрополита Павла Тобольскаго (№ 15); государственнаго канцлера Михаила *Воронцова* (№ 18); гетмана Даніила Апостола (№ 20); гетмана Ивана Скоропадскаго (№ 25); донскаго атамана Даніила Ефремова (№ 51); графини Наталіи *Разумовской* (№ 55); митрополита кіевскаго Іоасафа Кроковскаго (№ 56); княгини Наталіи Долгорукой (№ 62); императрицы *Анны Іоанновны* (№ 81 и 82); принцессы Анны Петровны (№ 83); княгини Горчаковой (№ 99); 6 ризъ императора *Николая І-го* (№ 112); риза митрополита Стефана Яворскаго (№ 114); двѣ ризы императрицы Екатерины І-й (№ 118 и 119) 1726 г.

Въ ризницѣ великой церкви кіево-печерской лавры, кромѣ поименованныхъ вещей, числящихся въ большемъ или меньшемъ количествѣ, слѣдуетъ отмѣтить еще нѣкоторые единочные предметы, заслуживающіе также вниманія. Таковы:

Покровы на мощи всѣхъ преподобныхъ печерскихъ, жалованные императрицами Анной Іоанновной и Екатериной II.

Золотой глазетовый покровъ съ императорскими гербами и горностаевой обшивкой, пожалованный на гробницу св. Владиміра императоромъ Николаемъ I-мъ.

Блюдо для благословенія хлѣбовъ серебряное, вызолоченное, вѣсомъ въ 22 ф. 29 золотниковъ, приношеніе полковника Алексѣя *Лесовицкаго*

Водосвятная чаша на 4-хъ морскихъ китахъ съ чеканными св. изображеніями. серебряная; вѣситъ 4 пуда, 10 фунт.; вкладъ священно-архимандрита *Зосимы Валкевича.*

Плащаница шитая золотомъ и серебромъ, съ св. изображеніями. украшенными жемчугомъ, рубинами и изумрудами, въ 1655 году принесенная въ даръ лаврѣ черниговскимъ епископомъ Зосимою *Прокоповичемъ* и передѣланная въ 1769 году.

Молитвенникъ въ черепаховомъ переплетѣ и въ серебряной оправѣ съ серебряными застежками, бывшій въ употребленіи императрицы Елисаветы Петровны во время ея пребыванія въ Кіевѣ.

Изъ числа предметовъ. къ ризницѣ не относящихся, но въ ней сохраняемыхъ, достойныя вниманія слѣд.:

Фельдмаршальскій жезлъ графа Петра Румянцева *Задунайскаго*, 12вер. длины и 1 вершокъ толстоты, золотой, круглый, осыпанный бриллiантами и алмазами, вѣсомъ 2 ф. 5 золот., вкладъ государств. канцлера графа Н. П. Румянцева (№ 1).

Лавровая вѣтвь изъ золота съ эмалевыми листьями, украшенная бриллiантами, его-же Задунайскаго (№ 2).

Столовые *часы*, серебряные, вызолоченные съ репетиромъ и съ 2 циферблатами, жалованные императрицей Екатериной II-й графу Алексѣю Орлову-Чесменскому.

Трость съ золотымъ набалдашникомъ, въ срединѣ осыпанные алмазами часы, даръ московскаго митрополита Платона.

По лаврской описи 1554 г, видно, что въ кіево-печерскомъ монастырѣ хранились изъ числа воинскихъ доспѣховъ: панцы-

рей 19, зброя бляховая, бехтеровъ 3, шеломовъ 10 и капалинъ 1; кромѣ того было 38 золотыхъ червоныхъ, привѣсистыхъ къ образамъ. Но ни одинъ изъ этихъ предметовъ не дошелъ до насъ. Остались, въ небольшомъ числѣ, лишь кубки, стаканы и кружки серебрянные старинной работы, да столовая серебрянная ложка 1590 г., едвали не самая старѣйшая вещь изъ прежняго лаврскаго имущества.

Особенную драгоцѣнность кіево-печерской лавры и принадлежность скарбницы ея великой церкви могли бы составлять портреты ея дѣятелей и благотворителей; по нимъ можно было-бы всякому посѣтителю всегда видѣть въ лицахъ исторію этого священнаго общественнаго учрежденія. Къ сожалѣнію, ихъ осталось весьма немного. Перечислимъ то, что сохранилось отъ всепогубляющаго времени. Вотъ эти портреты, частію въ позднѣйшихъ копіяхъ, но всего больше въ хорошо сохранившихся оригиналахъ.

Преподобнаго печерскаго игумена Стефана († 1094 г.); печерскаго игумена *Өеоктиста*, въ послѣдствіи епископа черниговскаго († 1123 г.); печерскаго архимандрита *Серапіона*, скончавшагося въ санѣ ростовскаго епископа 1275 г.; печерскаго архимандрита и епископа владимірскаго *Мелетія* Хребтовича († 1590 г.); печерскаго архимандрита *Никифора* Тура († 1596 г.); печерскаго архимандрита *Елисея* Плетенецкаго († 1624 г.); печерскаго священно-архимандрита и кіевскаго митрополита *Петра* Могилы († 1646 г.); печерскаго архимандрита *Іосифа Тризны* († 1654 г.); печерскаго архимандрита *Иннокентія Гизеля* († 1683 г.); москов. патріарха *Іоакима* Савелова († 1690 г.); печерскаго архимандрита Мелетія Вуяхевича († 1697 г.); печерскаго архимандрита, а потомъ кіевскаго митрополита *Варлаама* Ясинскаго († 1708 г.); печерскаго архимандрита *Иларіона* († 1709 г.); печерскаго архимандрита *Аөанасія* Мисловскаго († 1714 г.); печерскаго архимандрита, а потомъ кіевскаго митрополита *Іоасафа* Кроковскаго († 1718 г.); преосвященнаго *Кирилла* Шумлянскаго, епископа переяславскаго, коадъютора кіевской митрополіи († 1726 г.); печерскаго архимандрита *Іоанникія* Сенютовича

(† 1729 г.); печерскаго архимандрита *Романа* Копы († 1736 г.); печерскаго архимандрита *Иларіона* Негребецкаго († 1740 г.); печерскаго архимандрита *Іосифа* Оранскаго († 1751 г.); печерскаго архимандрита *Луки* Бѣлоусовича († 1761 г.); печерскаго архимандрита *Зосимы* Валкевича († 1793 г.); митрополита тобольскаго *Павла* Конюскевича († 1770 г.); епископа бѣлгородскаго *Іоасафа* Горленка († 1758 г.); фельдмаршала, графа Бориса Петровича Шереметева; графа Сергія Борисовича Шереметева; атамана войска донскаго Даніила Ефремова 1752 г. и князя Димитрія Ивановича Долгорукова († 1769 г.).

На *хоры великой церкви* всходятъ со двора съ западной стороны, влѣво отъ главныхъ входныхъ дверей. На хорахъ 4-ре придѣльныхъ алтаря: съ правой стороны—во имя преподобнаго *Антонія печерскаго* и во имя св. апостола *Андрея Первозваннаго*; съ лѣвой стороны—во имя преподобнаго *Ѳеодосія печерскаго* и во имя *Преображенія Господня.* Иконостасы въ нихъ рѣзные золоченые. Здѣсь-же на хорахъ, въ сѣверо-западномъ углу помѣщается *ученая библіотека лавры,* заключающая въ себѣ до 2,250 книгъ на русскомъ и другихъ языкахъ, которыя поступили большею частію отъ настоятелей и ученой братіи лавры. На правой сторонѣ хоръ, въ юго-западномъ углу, помѣщается *библіотека церковно-богослужебныхъ книгъ* на славянскомъ языкѣ, между коими хранятся и первоначальныя изданія печерской типографіи, съ отмѣнами, прибавленіями и исключеніями въ нихъ при разныхъ изданіяхъ, выходившихъ еще до соображенія ихъ съ московскими изданіями. Здѣсь-же хранятся высочайшія грамоты и рескрипты, данныя на имя лавры и ея священно-архимандритовъ, разные старинные крѣпостные и другіе документы. Число рукописей незначительно и между ними нѣтъ рукописей старѣе второй половины XVIII вѣка. Бывшая до 1718 года лаврская библіотека, которая, какъ видно изъ описанія антіохійскаго діакона Павла, помѣщалась внѣ церкви—въ ряду деревяныхъ братскихъ келій, сгорѣла въ этомъ году, когда пожаромъ истреблено все имущество лавры.

Въ «Исторіи Руссовъ» говорится, что эта библіотека была первою въ Россіи по многочисленности и рѣдкости, что она началась еще при Ярославѣ и сбережена въ пещерахъ отъ непріятельскихъ разореній и будто Петръ Великій даже заплакалъ при извѣстіи о ея утратѣ. Но никто другой, кромѣ неизвѣстнаго автора этой, во многомъ погрѣшительной исторіи, не говоритъ объ этомъ, а въ описи имущества кіево-печерскаго монастыря, составленной въ 1554 году, послѣ исчисленія богослужебныхъ книгъ, сказано только: «а опрочъ тыхъ вышей описанныхъ книгъ и иншыхъ къ тому книгъ посполитыхъ (не церковныхъ) полтретядцать». Впрочемъ съ 1554 г. по 1718 годъ, въ особенности когда въ XVII вѣкѣ образовался въ этой лаврѣ кружекъ ученой братіи, могло составиться въ лаврѣ собраніе весьма рѣдкихъ книгъ и рукописей.

По надписямъ на мѣдныхъ вызолоченныхъ дощечкахъ, прибитыхъ къ внѣшнимъ стѣнамъ великой лаврской церкви, видно, что у южной ея стѣны погребены снаружи: сынъ стольника *Алексій Дмитріевичъ Комыгинъ*, 1736 г.; преосвященный *Максимъ, католикосъ имеретинскій и абхазскій*, 1795 г.; *Зосима Валкевичъ*, послѣдній священно-архимандритъ кіево-печерской лавры, 1793 года; на восточной сторонѣ, близъ алтаря: *Марія Алексѣевна Глѣбова*, урожденная Плохова, 1765 г.; подъ каменной плитой—соборный старецъ *Иліодоръ Копыстенскій*, бывшій эклесіархомъ лавры съ 1718 года по свою смерть въ 1758 г. На предверіи великой церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, были надписи, въ которыхъ значилось, что здѣсь погребены: княгиня *Наталія Борисовна Долгорукая*, дочь фельдмаршала, въ монашествѣ Нектарія, 1772 года, и сынъ ея князь Дмитрій Ивановъ Долгорукій, 1769 года. Съ сѣверной стороны подъ чугунною доской похоронена монахиня *Анастасія*, дочь стольника Прокофія *Соковнина*, 1767 г.; отъ предверія по лѣвую сторону церкви подъ каменной плитой капитанъ *Дмитрій Гярзавичи*, 1776 г. и *Петръ Веселицкій* изъ рода владѣльцевъ Далматіи, 1787 г.

Фронтоны или щиты великой лаврской церкви, ниши или углубленія на ея стѣнахъ, а также всѣ три стѣны въ большомъ

углубленіи со стороны главнаго входа, образуемомъ двумя выступами боковыхъ частей храма, покрыты различными священными изображеніями, главнѣйшими сюжетами которыхъ служатъ событія, ближайшимъ образомъ связанныя съ возникновеніемъ обители и церкви, каковы: Успеніе и несеніе ко гробу Божіей Матери, соотвѣтственно сему несеніе ко гробу преп. Антонія и отдѣльно преп. Ѳеодосія, а также заложеніе великой церкви пр. Ѳеодосіемъ. На послѣдней картинѣ представлено, между прочимъ, какъ великій князь кіевскій Святославъ Ярославичъ копаетъ ровъ для фундамента.

Въ нижнемъ поясѣ алтарнаго закругленія, подъ стекляной рамкой, видиѣется отрисованный на древней штукатуркѣ крестъ съ буквами **Іс. Хр., ника.** Въ старину такой формы кресты изображались на внутреннихъ стѣнахъ церкви, на тѣхъ мѣстахъ, которыя помазывались муромъ при ея освященіи. Вѣроятно, такіе-же кресты изображались тогда и на наружныхъ стѣнахъ, такъ какъ въ старину церковныя стѣны помазывались св. муромъ не только внутри церкви, но и снаружи, во время крестнаго хода съ св. антиминсомъ.

Въ разстояніи 17 саженей отъ южной стѣны великой церкви находится *братская трапеза*, старинное, каменное со сводами зданіе, заканчивающееся на восточной сторонѣ церковью св апостоловъ Петра и Павла съ позлащеннымъ куполомъ. Длина всего зданія 18, ширина 6 саженей. Къ нему справа примыкаютъ кухня и пекарня, въ которыхъ готовятъ пищу и пекутъ хлѣбъ и просфоры. Въ сѣняхъ трапезы написано на стѣнѣ перспективное изображеніе града Іерусалима; внутреннія стѣны и сводъ расписаны ликами преподобныхъ печерскихъ отцевъ въ золотыхъ звѣздахъ, а на передней стѣнѣ, отдѣляющей трапезу отъ церкви, иконостасъ въ золоченыхъ рамахъ, съ изображеніями св. Антонія и Ѳеодосія на простѣнкахъ дверей этой стѣны. Посреди трапезы четвероугольный столбъ, подпирающій собою своды, съ изображеніями святыхъ.

Къ столбу съ передней стороны приставлена рѣзная каѳедра, съ которой во время обѣденнаго стола одинъ изъ братіи читаетъ житія дневныхъ святыхъ. Столы расположены подъ стѣнами на 3-хъ сторонахъ въ видѣ буквы П; въ сѣверо-восточномъ углу трапезы прикрѣпленъ къ стѣнѣ колокольчикъ, которымъ дается знакъ къ общей молитвѣ послѣ извѣстнаго кушанья и въ концѣ обѣда. Столовая посуда, по старинному обычаю, оловяная. Обѣдъ братіи состоитъ обыкновенно изъ двухъ блюдъ; къ столу подается квасъ, а въ праздничные дни медъ и пиво. Ужинъ не приготовляется, и братія, на сонъ грядуще, довольствуется сухояденіемъ. Нарочитая трапеза приготовляется изъ нѣскольких блюдъ въ праздники Успенія Пресвятыя Богородицы (15 августа), въ день памяти преподобнаго Ѳеодосія (3 мая), памяти преподобнаго Антонія (10 іюля) и въ день освященія великой церкви (14 августа), который вмѣстѣ есть день перенесенія мощей преподобнаго Ѳеодосія изъ пещеръ въ построенную имъ великую церковь. Въ эти дни, кромѣ квасу, пива и меду, подается и вино и, вмѣстѣ съ братіею, въ трапезѣ обѣдаетъ самъ священно-архимандритъ лавры, митрополитъ кіевскій и галицкій. Онъ входитъ въ трапезу въ мантіи и въ ней-же садится за обѣдъ. Торжества ради приглашаются къ обѣду, кромѣ духовныхъ, и нѣкоторыя свѣтскія почетныя лица; но извѣчный порядокъ братской трапезы остается неизмѣннымъ. Трапеза начинается и оканчивается молитвеннымъ пѣніемъ, а съ каѳедры раздается обычное духовное чтеніе. Не можемъ не отмѣтить здѣсь особаго обычая, встрѣчающагося только въ царскомъ коронаціонномъ столѣ: всѣ присутствующіе за столомъ не начинаютъ пить вина и никакого другаго напитка до 2-го кушанья; предъ подачей его эклесіархъ или иной изъ братіи ударяетъ въ колокольчикъ, всѣ присутствующіе встаютъ съ мѣстъ, творится краткая молитва и затѣмъ пьетъ каждый, что желаетъ. При окончаніи обѣда совершается, при общемъ пѣніи всей монашествующей братіи, такъ называемый «чинъ возношенія панагіи», состоящій въ томъ, что одинъ изъ священнослужащихъ крестообразно трижды поднимаетъ вверхъ просфору предъ иконой на память того, что подобное дѣлали св. апостолы послѣ воз-

несенія Іисуса Христа и успенія Божіей Матери, оставляя за столомъ хлѣбъ въ честь ихъ и дѣля оный между собою. По окончаніи возношенія братія начинаетъ пѣть ирмосъ: *Побѣждаются естества уставы*, а во время пѣнія передается изъ рукъ въ руки всѣмъ присутствующимъ блюдце съ раздробленною частью просфоры и круговая чаша меду, почерпнутаго изъ большой серебряной вызолоченной чаши, украшенной финифтевыми иконками. Расходится братія изъ трапезы при колокольномъ звонѣ.

Настоящее трапезное зданіе заложено въ 1684 г., 3 іюля, при архимандритѣ Иннокентіѣ Гизелѣ, какъ видно изъ Дневника присутствовавшаго при этомъ инженера Гордона; въ 1694 году оно обновлено именитымъ гражданиномъ Михаиломъ Максимовичемъ; вновь обновлено послѣ пожара 1718 года. На этомъ-же, вѣроятно, мѣстѣ существовала и 1-я трапеза, построенная въ 1109 г. княземъ Глѣбомъ Всеславичемъ, гдѣ она была и въ 1638 году съ церковью св. апостолъ Петра и Павла, какъ видно на планѣ, приложенномъ къ «Тератургимѣ» Кальнофойскаго.

У входа въ присѣнокъ трапезы, подлѣ сѣверной ея стѣны, за желѣзною рѣшеткой, лежитъ плита бѣлаго камня, покрывающая могилу *Василія Кочубея* и *Ивана Искры*, казненныхъ въ Борщаговкѣ Мазепою за ихъ доносъ на него Петру I, вѣрность котораго подтвердилась уже послѣ ихъ смерти.

На плитѣ вырѣзана слѣдующая надпись въ стихахъ:

«Кто еси мимо грядый, о насъ невѣдущій,
Елици зде естесмо положени суще?
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
Ижъ за правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испилисмо чашу.
За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый!
Посѣчени зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матере Владычицы,
Подающей всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный».

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

II.

ВАРНАКЪ.

Есть въ нашемъ русскомъ православномъ огромномъ царствѣ небольшая благодатная землица, такъ не большая, что можетъ вмѣстить въ себѣ по крайней мѣрѣ четыре нѣмецкихъ царства и Францію въ придачу; а обитаютъ въ этой небольшой землицѣ разноязычные народы и, между прочимъ, народъ русскій и самый православный. И этотъ-то народъ русскій не пашетъ и не сѣетъ совершенно ничего, окромѣ дынь и арбузовъ; а хлѣбъ ѣстъ бѣлый пшеничный, называемый по ихнему *калацы*, и воспѣваетъ свою славную рѣку, называя ее кормилицею своей, золотымъ дномъ съ берегами серебрянными.

Грустно видѣть грязь и нищету на землѣ скудной, бездоходной, гдѣ человѣкъ борется съ неблагодарною почвою и падаетъ, наконецъ, изнеможенный подъ тяжестью труда и нищеты. Грустно, невыразимо грустно!

Каково-же видѣть туже самую безобразную нищету въ странѣ, текущей млекомъ и медомъ, какъ напримѣръ въ этой землицѣ благодатной? Отвратительно! А еще отвратительнѣе встрѣтить между этою лѣнивой нищетою обиліе, а при обиліи отвратительную грязь и невѣжество!

А въ этой странѣ благословенной это встрѣчается нерѣдко и даже очень часто.

Какія-же могутъ быть причины нищеты въ краю, текущемъ млекомъ и медомъ?

На сей важный политико-экономическій вопросъ я на досугѣ напишу четырехъ-томный нравоописательной историческій романъ, въ которомъ потщуся изобразить съ микроскопическими подробностями нравы, обычаи и исторію сего архи-православнаго народа.

А пока созрѣетъ этотъ знаменитый романъ въ моей многоумной головѣ, я раскажу вамъ вотъ что.

Есть въ этой благодатной странѣ неглубоко подъ землею огромная глыба соли, а на этой глыбѣ соли построена небольшая крѣпостца, называемая въ простонародьи Соляною Защитою.

Обстоятельста заставили меня побывать однажды въ этой Соляной Защитѣ.

(Въ первое воскресеніе моего тамъ пребыванія, я увидѣлъ въ церквѣ старика, совершенно сѣдаго, но еще довольно свѣжаго и необыкновенно выразительной и благородной физіономіи.)

Онъ въ церквѣ исправлялъ должность причетника, ставилъ свѣчи передъ образами, снималъ со свѣчей, гасилъ догорѣвшія и въ концѣ обѣдни ходилъ съ кошелькомъ вмѣсто церковнаго старосты.

Его величавая наружность меня поразила: огромный ростъ, сѣдая длинная волнистая борода, такіе же бѣлые густые, вьющіеся волосы и темныя густыя брови; лицо правильное, чистое съ легкимъ румянцемъ на щекахъ, какъ у юноши; словомъ, онъ могъ бы быть моделью для Мойсея Боговидца или для Гомеровскаго Нестора

Плѣнившись симпатически старческою прелестью этого почтеннаго мужа, я, выходя изъ церкви, спросилъ у хромого инвалида, кто таковъ этотъ почтенный старецъ, что снимаетъ со свѣчей предъ образами.

Инвалидъ отвѣчалъ мнѣ довольно лаконически: это, батюшка, бывшій варнакъ, а теперь здѣшній посельщикъ, добрѣйшей души человѣкъ.

Послѣ этого отвѣта, я остановился около церкви и провожалъ глазами заинтересовавшаго меня старика; и чѣмъ болѣе смотрѣлъ я на него, тѣмъ менѣе находилъ я въ немъ сходства съ Варнакомъ.

Однакожъ инвалидъ не могъ сказать зря такого слова!

Я вспомнилъ, что прежде здѣсь добывалась соль арестантами и что многіе изъ нихъ, кончивши свой тяжкій терминъ, были поселены тутъ-же, смотря по нравственности.

Но неужели такая благородная наружность могла принадлежать преступнику?

И я рѣшился узнать подообнѣе о прошломъ этого замѣчательнаго наружностью старика.

Впродолженіи недѣли я узналъ, что онъ дѣйствительно здѣшній поселенецъ и человѣкъ истинной честности, человѣкъ хотя не богатый, но и не бѣдный, живетъ въ своемъ собственномъ домикѣ, хотя и небольшомъ, но живетъ такъ, какъ дай Богъ и въ хоромахъ бы жили: чисто, сытно и честно.

Имѣлъ онъ у себя человѣкъ десять работниковъ, хотя изъ киргизъ, но дай Богъ, чтобы и русскіе такъ работали, какъ эти полудикари! Узналъ я еще, что на будущій годъ его непремѣнно выберутъ церковнымъ старостою за его добродѣтели и т. д.

Я рѣшился познакомиться съ нимъ лично и при благопріятномъ случаѣ узнать точнѣе его прошлую жизнь и если найду въ ней что либо нравственно-назидательное или по крайней мѣрѣ занимательное, то, запиша все это, предамъ тисненію, назиданія или увеселенія ради.

Случалось-ли вамъ встрѣчать старика такой почтенной благородной наружности, что невольно снимешь шапку и поклонишься ему?

Со мною это случилось.

Однажды встрѣтилъ я его, идущаго отъ вечерни, и невольно ему поклонился; онъ мнѣ вѣжливо отвѣтилъ поклономъ и спросилъ:

— Вы, кажется, нездѣшній! я васъ не встрѣчалъ здѣсь прежде.

— Вы не ошиблись: я дѣйствительно недавно пріѣхалъ въ вашу Защиту.

— А позвольте спросить, изъ далека-ли?

Я сказалъ ему мѣсто моей родины.

Старикъ мнѣ судорожно подалъ руку, которую я чуть-чуть не поцѣловалъ.

— Вы землякъ мой, сказалъ онъ грустно. Давно ли вы оставили нашу прекрасную родину?

— Не болѣе года, отвѣчалъ я.

— Какой вы счастливецъ! Вы такъ недавно видѣли нашъ Богомъ благословенный край! А я вотъ уже лѣтъ тринадцать съ лишкомъ не видалъ его, что тамъ теперь дѣлается!

И у старика навернулись слезы [1])

— Если досугъ вамъ, сказалъ онъ, то не побрезгайте мною, посѣтите меня; пусть я хоть посмотрю на васъ, на земляка моего! Будьте добры и ласковы, не откажите мнѣ!

Я, разумѣется, былъ радъ такому предложенію. Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ небольшому бѣленькому домику, соломой крытому; наружность его мнѣ напомнила Малороссію. У воротъ встрѣтила насъ пожилая женщина въ малороссійскомъ платьѣ и привѣтствовала насъ добрымъ вечеромъ.

— Добрый вечеръ, Мотре! Прошу покорно въ нашу хату, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ. Здѣсь, видите, не подалеку живутъ земляки наши курскіе и харьковскіе, такъ я и взялъ себѣ въ работницы землячку—оно все какъ-то лучше.

Говоря это, онъ ввелъ меня въ свою хату. Внутренность хаты, какъ и наружность ея, напоминала Малороссію: стѣны вымазаны бѣлой, а полъ желтою глиной и усыпанъ ароматными травами; вокругъ стѣнъ чистыя, широкія дубовыя лавы, а передъ образомъ всѣхъ Скорбящихъ Матери теплилась лампада и стоялъ налой, покрытый чистымъ, бѣлымъ съ широкою бахрамою полотенцемъ; на налоѣ лежала книга, съ виду похожая на псалтирь in 4to.

— Прошу, садитесь, дорогой мой гость.

Я сѣлъ и сталъ внимательнѣе разсматривать комнату, или, лучше сказать, любоваться ею.

Вездѣ и во всемъ виденъ былъ порядокъ добраго хозяина и заботливость хозяйки—все было чисто и привлекательно. Комната была раздѣлена на двѣ половины узкою, длинною печкою, вмѣсто перегородки, а печка украшена лѣпными арабесками домашняго художества (такія печи можно видѣть на Волыни и Подоліи); въ углу передъ образами стоялъ столъ, покрытый бухарскимъ ковромъ и сверху бѣлою скатертью; на столѣ лежитъ ржаной хлѣбъ, въ половину покрытый тонкимъ, бѣлымъ полотенцемъ, вышитымъ разными цвѣтными шелками; около хлѣба стояла фаянсовая солонка съ бѣлою, какъ рафинадъ, солью и тутъ-же, на другомъ концѣ стола, лежала большая книга, въ родѣ Четь-Менеи въ красномъ сафь-

---

[1]) Сверху карандашомъ рукою автора написано: „онъ грустно покачалъ головою“.

яномъ переплетѣ съ золотыми, вытянутыми и почернѣвшими отъ времени, украшеніями. Это была Библія (какъ я послѣ узналъ), изящное кіевское изданіе 1743 г. съ высокопарнымъ посвященіемъ гетману Разумовскому—изданіе весьма рѣдкое. Между окнами, на стѣнѣ висѣлъ въ позолоченной рамкѣ эстампъ, выгравированный Милеромъ съ картины Доминикано Цампіери, изображающій Іоанна Богослова; около двери, въ углу стоялъ посохъ (изъ) степнаго дерева джигилу и тутъ же около посоха на гвоздѣ висѣли кандалы.

Старикъ въ продолженіи этого времени хозяйничалъ внѣ хаты и возвратился въ хату въ то самое время, когда я смотрѣлъ на кандалы.

— Что землякъ, любуешься на мой трофей? Тяжкій трофей! Я завоевалъ его многолѣтнимъ преступленіемъ и принесъ его сюда на ногахъ своихъ изъ самаго Житоміра. Здѣсь носилъ я его двадцать лѣтъ, и теперь еще казнюсь имъ, и буду казниться и исповѣдывать ему грѣхи свои до гробовой доски.

Все это было сказано такимъ, потрясающимъ душу, голосомъ, что я не могъ сказать слова утѣшительнаго больному старику и сидѣлъ молча, пока онъ самъ не заговорилъ.

— Прости мнѣ старому грѣшнику, землякъ! Я возмутилъ твою душу своимъ нечистымъ воспоминаніемъ! Что дѣлать? Противъ воли рвется на языкъ. Я держу у себя этотъ проклятый знакъ человѣческаго униженія, для казни собственной души; но оставимъ въ покоѣ прошлое и поговоримъ лучше о чемъ нибудь другомъ. Разскажи мнѣ, друже мой, что-нибудь о нашей прекрасной Волыни и Подоліи.

Но я совершенно не могъ ни очемъ говорить и вскорѣ простился съ нимъ.

Онъ меня не удерживалъ—просилъ только навѣщать его, какъ время позволитъ.

Мнѣ время позволяло и я посѣщалъ его почти ежедневно. И часто мы съ нимъ заговаривались до полуночи, и всякій разъ я открывалъ въ немъ новыя добродѣтели, новыя достоинства: онъ былъ образованъ, какъ любой аристократъ того времени, съ тою разницею, что любилъ читать и въ особенности итальянскихъ поэтовъ Бокачіо, Аріосто, Тасса, а Божественную комедію онъ наизусть читалъ.

— Давно уже я ничего не читаю, сказалъ онъ мнѣ однажды, окромѣ этой Божественной комедіи. Да и къ чему теперь читать? Было время, я читалъ, восхищался дивными сказаніями прекраснаго искусства. Теперь довольно: я состарѣлся, огрубѣлъ; я ничему уже не могу сочувствовать, какъ бывало когда-то. Да и къ чему, правду сказать, послужило мнѣ чтеніе! Мои чистыя, молодыя сочувствія, что я изъ нихъ сдѣлалъ? или, лучше сказать, что люди изъ нихъ сдѣлали? Грѣхъ и безконечное горе! Если-бъ я не читалъ ничего, не увлекался ничѣмъ, не то-бы изъ меня было: былъ-бы я себѣ простымъ пахаремъ, добрымъ человѣкомъ... а теперь что я?

Мы съ нимъ каждый вечеръ дѣлались откровеннѣе и откровеннѣе.

Однажды я навелъ его на мысль, чтобы онъ мнѣ повѣрилъ свое горе, чтобы разсказалъ мнѣ про свои прежнія, молодыя лѣта. Онъ долго какъ-бы не хотѣлъ меня понять: ему непріятно, горько было вспоминать свое прошедшее, и однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Друже мой, ты хочешь моей исповѣди? ты желаешь знать мою прошлую безталанную жизнь? Тяжело будетъ тебѣ слушать, другъ мой добрый, потому что прошлая жизнь моя исполнена грѣха и беззаконія. А настоящая, какъ ты самъ видишь, немощь и одиночество вдали отъ моей милой Волыни. Я знаю, ты будешь слушать съ участіемъ мою сердечную исповѣдь и тебѣ будетъ горько ее вчужѣ слушать. Слушай, искренній друже, мою грустную, нелицепріятную повѣсть! Пускай послѣдній разъ передъ смертію пройдетъ передо мною, день за день, вся моя жизнь. И тогда узнаешь, въ чемъ виноватъ я и въ чемъ люди. Я уже давно осудилъ себя во всемъ.

И онъ вздохнулъ и перекрестяся началъ свой разсказъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своего дѣтства.

На гранитныхъ берегахъ прекрасной рѣки Случи, гдѣ она верстахъ въ девяти выше Новгорода-Волынскаго, извившись подобно змѣи, образовала правильное кольцо верстъ въ двѣ въ поперечникѣ, въ центрѣ этого кольца стоятъ, окруженныя дубровою, остатки огромныхъ каменныхъ палатъ—прежде бывшее жилище одной знатной польской фамиліи, а теперь жилище совъ и нетопырей.

Это дѣло моихъ проклятыхъ рукъ. Я поселилъ тамъ змѣю и ночную птицу. О Господи, прости мнѣ сей грѣхъ невольный, грѣхъ великій!

По косогору спускаясь къ самой рѣкѣ, лежитъ, укрытое фруктовыми садами, большое село съ почернѣвшею отъ времени деревяною трехглавою церковью.

Эти церкви у насъ поляки называютъ козацкими, вѣроятно потому, что большая часть этихъ церквей построена козаками во времена уніи на скорую руку и представляютъ собою типъ простой, грубой, хлопской, какъ говорятъ поляки же, архитектуры.

Это село—моя родина! Въ этомъ прекрасномъ селѣ я родился на грѣхъ и на страданія!

Отца своего я не помню; а мать, какъ во снѣ вижу, когда въ гробъ ее положили и понесли на марахъ на кладбище, и едва помню, когда священикъ надъ ея тѣломъ прочиталъ молитву, напечатанную на бѣломъ листѣ красными и черными буквами и прочитавши накрылъ ей лице этою молитвою; потомъ заколотили гробъ и опустили въ яму; священникъ заступомъ крестообразно запечаталъ яму и заставилъ меня бросить горсть земли на гробъ моей матери. Я бросилъ и пошелъ за людьми въ село.

Помню еще, что въ нашей хатѣ было много людей и всѣ обѣдали, только не шумно, а тихо и скромно: вдова, какъ видно, не оставила послѣ себя обильныхъ поминокъ.

Во время обѣда, я игралъ съ дѣтьми на дворѣ, а когда всѣ разошлись послѣ обѣда, то меня и дѣти покинули и я остался одинъ съ моею зауздaнною палочкой-лошадкой. Вошелъ я въ хату; въ хатѣ сосѣдка наша, тоже горьмычная вдова, убирала посуду; (она) дала мнѣ кусокъ пирога—я съѣлъ его и заснулъ на материной постели; старушка, прибравши все въ хатѣ, заперла ее на засовъ и ушла къ себѣ домой. Я проспалъ въ пустой хатѣ всю ночь одинъ и, проснувшись поутру, чего-то испугался и заплакалъ.

Плакалъ я недолго: вскорѣ пришла сосѣдка-старушка, принесла мнѣ полную миску угорокъ сливъ и утѣшила меня.

Старушка посыпала курамъ пшена и, накормивши сѣраго кота и рябую собаку, взяла меня и повела къ себѣ домой.

У вдовы была дочь старше меня нѣсколькими годами; она меня приласкала, накормила яблоками, грушами и тому подобными сластями.

Когда я уходилъ къ себѣ домой, то она меня всегда провожала и когда начиналъ плакать дома, не найдя въ хатѣ матери, то

она утѣшала меня, говоря, что мать моя поѣхала на ярмарокъ и привезетъ мнѣ гостинца—«медянаго москаля,» чѣмъ я, разумѣется, и утѣшался.

И такъ мало по малу сталъ я забывать свою великую потерю, при помощи вдовиной прекрасной дочери. Я привязался къ ней, какъ къ сестрѣ родной, и она дѣйствительно замѣняла мнѣ сестру родную.

Послѣ я думалъ матерью ее назвать, но Богу не угодно было благословить мое предположеніе.

Часто посѣщалъ я свою бѣдную опустѣлую хату. Скажите, что можетъ быть грустнѣе пустки?

Я до сихъ поръ помню то страшно грустное впечатлѣніе которое тогда меня одолѣвало!

Въ великомъ посту, на страстной недѣли, священникъ, обходя съ молитвою, посѣтилъ и мою бѣдную благодѣтельницу и, увидя меня, взялъ къ себѣ, обѣщаясь вывести меня въ люди.

У священника былъ сынъ Ясь моихъ лѣтъ, и—не знаю почему, онъ мнѣ съ перваго взгляда не понравился.

Меня посадили за букварь вмѣстѣ съ Ясемъ; мнѣ это было весьма не по нраву, однако я учился съ успѣхомъ, а Ясь былъ тупъ. Яся хвалили, а меня называли лѣнивцемъ и тупицею; мнѣ эта несправедливость казалась обидною и я сталъ бѣгать отъ попа къ своимъ благодѣтелямъ, откуда меня проводили обратно къ попу, а попъ меня жестоко наказывалъ за побѣги.

Однажды убѣжалъ я отъ попа къ своимъ друзьямъ и, боясь войти къ нимъ въ хату, просидѣлъ цѣлый день въ бурьянѣ подъ тыномъ, выжидая, не выйдеть-ли сестра изъ хаты (я звалъ сестрою дочь вдовы). Наконецъ она вышла, я показался ей и попросилъ хлѣба. Она мнѣ вынесла большой ломоть хлѣба и кусокъ свинаго сала; я сквозь слезы поцѣловалъ ее и скрылся въ густомъ сливникѣ.

Утоливши голодъ, я началъ помышлять о ночлегѣ. Идти къ попу—будуть бить, идти къ вдовѣ—она отведетъ къ попу и все таки будутъ бить; идти въ свою пустку ночевать—страшно. Размышляя такимъ образомъ, я очутился за цариной (выгонъ).

А за цариной стояло въ копнахъ сжатое жито; не разсуждая, я отправился къ копнамъ и въ первой копнѣ пріютился и заснулъ сномъ непорочности. Ночью просыпаюсь и слышу вдали вой вол-

ковъ. До сихъ поръ не могу я забыть того непріятнаго чувства: это не страхъ за жизнь, а что-то смѣшанное со страхомъ и отвращеніемъ.

Вой волковъ началъ стихать по немногу, и я, скорчившись отъ холоду и накрывшись снопомъ, снова заснулъ.

По утру рано разбудилъ меня арапникомъ лановой.

— Ты что здѣсь дѣлаешь? спросилъ онъ меня грозно.

— Сплю, отвѣчалъ я ему.

— Я тебѣ дамъ сплю; нашелъ мѣсто спать! развѣ у тебя хаты нѣтъ?

— Есть, дадюшка, только пустка, сказалъ я ему сквозь слезы.

— Ну, а отецъ и мать у тебя есть?

— Нѣту, дядюшка—я сирота

— Ну, а коли сирота, такъ иди-же за мною.

Онъ поворотилъ свою лошадь къ дорогѣ, ударилъ ее слегка арапникомъ и поѣхалъ, а я пошелъ босякомъ по колючей стерни, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода и страха.

— Не поведетъ-ли онъ меня, такъ я думалъ себѣ, Боже сохрани, къ попу? и при этой мысли я хотѣлъ отъ него бѣжать въ село и спрятаться гдѣ нибудь въ бурьянъ; но онъ поминутно оглядывался на меня и направлялъ свою лошадь въ противоположную сторону отъ села и привелъ меня на панскій дворъ, (гдѣ) и отдалъ на руки управителю, разсказавши, гдѣ и какъ меня нашелъ.

Управитель былъ добрый старичекъ, панъ Кошулька; (онъ) велѣлъ мнѣ сшить курточку и шаровары изъ домашней пистри и я сдѣлался у него домашнимъ козачкомъ. Жилъ я у пана Кошульки осень и зиму: не многимъ лучше мнѣ было у него, чѣмъ у попа —разница только та, что не учили грамотѣ, а билъ и щипалъ меня, кто хотѣлъ. Весною однажды увидала меня на дворѣ старая графиня (управитель жилъ съ нею на одномъ дворѣ, только въ особомъ флигелѣ), подозвала меня къ себѣ и, спросивъ, какъ зовутъ, ушла въ свои покои. На другой день послѣ этого случая, сняли съ меня мѣрку и начали шить новое платье и уже не пистревое, а суконное, сукна тонкаго, дорогаго, сапоги и шапку, а прежде я такъ ходилъ.

Когда все было готово, дали мнѣ чистую рубашку, чего прежде также не бывало. И когда меня умыли, причесали (и) одѣли въ новое суконное платье, тогда самъ панъ Кошулька надѣлъ но-

вый синій фракъ съ мѣдными пуговицами и повелъ меня къ графинѣ, которой дежурный гайдукъ доложилъ о насъ. Графиня велѣла звать насъ въ пріемную, гдѣ мы долго ее ждали и панъ Кошулька все время стоялъ. Я удивлялся, что въ комнатахъ такъ много стульевъ, а онъ не садится.

Наконецъ графиня вышла и, привѣтствовавъ пана Кошульку легкимъ наклоненіемъ головы, велѣла позвать панну Магдалену.

Черезъ минуту изъ боковыхъ дверей явилась панна Магдалена. Очаровательное, незабвенное видѣніе! Я какъ теперь ее вижу: молодая, стройная, прекрасная! Ея задумчивые, голубые выразительные глаза были устремлены прямо на меня; проницательный взглядъ ихъ смутилъ меня.

Панна Магдалена была дочь одного промотавшагося пана и, благодаря хорошему воспитанію, она была принята графинею къ себѣ въ домъ въ видѣ компаньенки для себя и гувернантки для малолѣтняго своего сына.

— Вотъ, другъ мой, Магдалена, сказала графиня: рекомендую тебѣ компаньена и лакея моему бѣдному Болеславу; возьмите его къ себѣ—пусть они вмѣстѣ играютъ въ свободное время.

Графиня вышла, а панна Магдалена взяла меня за руку и повела къ себѣ въ покои. Въ покояхъ панны Магдалинны встрѣтилъ меня мальчикъ моихъ лѣтъ, худой и зеленый; это былъ графъ Болеславъ, единственный сынъ графини. Онъ довольно нагло спросилъ меня:

— Какъ тебя зовутъ?

Я тихо отвѣчалъ ему: Кирилломъ.

— Фи, какое хлопское имя! Ну, да это ничего; я буду звать тебя Яномъ. А что, Янъ, ты въ лошади умѣешь играть?

— Нѣтъ, не умѣю, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ я тебя выучу.

И сей часъ-же принялся меня учить играть въ лошадки. Хотя я эту науку понималъ не хуже его, но мнѣ почему-то не хотѣлось быть съ нимъ откровеннымъ. На другой день по утру, когда графъ Болеславъ еще спалъ, панна Магдалена накормила меня булкою съ горячимъ молокомъ и съ участіемъ сестры спросила меня: кто былъ у меня отецъ, кто мать и гдѣ они теперь?

Я разсказалъ ей все съ такими подробностями, что она поцѣловала меня и заплакала. Съ той поры она каждый Божій день поила меня по утрамъ горячимъ молокомъ и кормила сладкими булочками.

— Ну, Ясю (меня всѣ въ домѣ звали Ясемъ),—однажды по утру сказала она: хочешь-ли ты учиться грамотѣ?

— Я уже учился у попа грамотѣ, отвѣчалъ я: и если вы будете меня учить, то я опять буду учиться, а если не вы, то я не хочу, чтобы меня учили.

Она улыбнулась и сказала:сама буду тебя учить, и подала мнѣ французскую азбуку.

— Посмотри, ты знаешь эти буквы?

— Нѣтъ, мнѣ показывали у попа другую азбуку.

— Ну, такъ я тебя буду учить по этой азбучкѣ; по этой легче. И тутъ принялась показывать новыя для меня буквы.

Къ удивленію ея и радости, я въ скоромъ времени выучилъ всѣ буквы французскаго алфавита.

Когда я началъ довольно бѣгло читать по французски, она стала учить меня по итальянски—это былъ тогда модный и любимый ея языкъ.

Я и тутъ показалъ довольно быстрые успѣхи, такъ что въ непродолжительномъ времени сравнялся въ познаніяхъ съ графомъ Болеславомъ къ невыразимой радости панны Магдалены.

Миръ душѣ твоей, прекрасное, доброе созданіе! Никогда я не забуду твоихъ ласковыхъ, привѣтливыхъ рѣчей, твоего сердечнаго участія въ судьбѣ моей печальной! Она полюбила меня такъ, какъ только можетъ любить мать свое единственное дитя.

Всѣми возможными ласками поощряла она мои успѣхи. Бѣдная! она не предвидѣла слѣдствій моему неумѣстному образованію.

Время шло своимъ чередомъ; я подросталъ, учился съ прилежаніемъ и успѣхомъ.

Съ графомъ Болеславомъ мы не могли подружиться совершенно: въ немъ было что-то отталкивающее, какая-то преждевременная, наглая, не дѣтская спѣсь. Онъ иногда показывалъ мнѣ пріязнь за то, что бывало, когда онъ нашалитъ не въ мѣру, то я всю вину бралъ на себя, что мнѣ, разумѣется, не проходило даромъ.

Вслѣдствіе его шалостей прослылъ я почти разбойникомъ; великодушіе мое было извѣстно только одной паннѣ Магдаленѣ и всегда вознаграждалось необыкновенными ея ласками.

Графиня была женщина свѣтская, избалованная прежними успѣхами на поприщѣ свѣтской жизни, любила у себя банкеты, гдѣ, разумѣется, первенствовала между провинціалками, читала итальянскія и французскія новеллы и больше ничего не дѣлала. Сынъ выросталъ хотя и подъ одною крышею съ нею, но она его видѣла разъ или два въ день, и то мимоходомъ.

Однажды замѣтила она, что Болеславъ уже мальчикъ порядочный ростомъ и что нужно для него выписать учителей, потому что она намѣрена приготовить его для университета.

Пригласили учителей, начались уроки. Я въ видѣ слуги присутствовалъ при этихъ урокахъ и изучалъ все, что было читано и толковано графу.

Я почти всегда приготовлялъ графа къ экзамену, потому что онъ ничего не могъ или не хотѣлъ помнить изъ уроковъ учителей.

Панна Магдалена по прежнему меня ласкала и любила и разговаривала со мною не иначе, какъ на итальянскомъ языкѣ. А по вечерамъ, проэкзаменуя меня съ того предмета, который я слушалъ въ учебной графа, она давала мнѣ уроки на фортепьяно. Она была настоящая артистка на этомъ инструментѣ: часто, бывало, послѣ моего урока она просиживала до полуночи за фортепьяно, варіируя чудныя созданія Бетговена (это былъ ея любимый композиторъ, только что явившійся въ музыкальномъ мірѣ). Я, бывало, сижу въ уголку, не пошевельнуся, сижу и слушаю, слушаю и заплачу, самъ не знаю отъ чего. Музыку я полюбилъ страстно и этою любовью я обязанъ паннѣ Магдаленѣ. Черезъ годъ съ небольшимъ мы съ нею играли въ двѣ руки нѣкоторыя сонаты Моцарта и Бетговена. Однажды графиня застала насъ за фортепьяно, и была очень недовольна, замѣтя—весьма справедливо—паннѣ Магдаленѣ, что я рожденъ не для музыки, а для рала и плуга. Панна Магдалена почувствовала всю важность этого замѣчанія, обняла меня и горько зарыдала. За нею заплакалъ и я, не вполнѣ разумѣя благоразумное замѣчаніе графини, а понялъ только то, что паннѣ Магдалинѣ это очень непріятно.

Графъ быстро выросталъ, а учился весьма медленно и тупо. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ вовся безъ способностей; нѣтъ, въ немъ были онѣ кое-какія, но онѣ были заглушены небреженіемъ безпечной матери. Графиня постоянно восхищалась успѣхами своего милаго Болеслава, а успѣхи Болеслава ограничивались гармоническимъ лепетаніемъ на итальянскомъ языкѣ: она была въ восторгѣ и больше ничего не требовала отъ своего милаго Болеслава, хотя и готовила его для университета. Учителя получали исправно содержаніе и жалованье и дѣлали свое дѣло, какъ наемники, или какъ большая часть учителей: читали ежедневно свои уроки, или на досугѣ разсказывали про псовую охоту и т. п. удовольствія. Одна панна Магдалена съ чувствомъ матери заботилась о его моральномъ образованіи; но неумѣстные восторги графини мѣшали ей, и Болеславъ уже очень хорошо понималъ (тоже, можетъ быть, учителя поселили въ немъ это понятіе), что онъ графъ и графъ богатый, что ему не нужно никакихъ познаній и добродѣтелей, и часто грубыми своими выходками приводилъ бѣдную панну Магдалену въ слезы. Мнѣ было больно смотрѣть на эту благородную, прекрасную женщину, я въ душѣ ненавидѣлъ Болеслава и еслибъ не она, то я свернулъ бы ему голову; но она, бѣдная, жестоко оскорбленная, бывало, приголубитъ меня и повторяетъ мнѣ святыя слова: «любите и ненавидящихъ васъ».

Я забылъ вамъ сказать, другъ мой добрый, что графиня была ни вдова, ни мужнина жена, какъ говорится: мужъ ее бросилъ и жилъ постоянно въ Италіи, быстро проматывая свое подольское имѣніе. А графиня съ сыномъ жила, какъ вамъ уже извѣстно, на Волыни и занималась, кака она сама говорила, эдукаціею единственнаго сына.

Теперь, скажите мнѣ, какой добрый нравственный примѣръ могъ видѣть мальчикъ въ семейной жизни своихъ родителей? Прежде онъ часто, бывало, спрашивалъ у своей нѣжной матери: скоро-ли пріѣдетъ папаша? на что мать ему отвѣчала, что его папаша негодяй и что если онъ пріѣдетъ когда нибудь, то она его въ домъ не пуститъ. Хорошо было сыну слушать отъ матери подобныя слова!

Впрочемъ въ быту богатыхъ людей подобная семейная контра не рѣдкость, слѣдовательно и на молодаго графа это не дѣлало

большаго впечатлѣнія. Домашнее воспитаніе его кончилось; надобно было выбрать приличное его породѣ учебное заведеніе, въ которое можно было бы послать его для окончательнаго образованія. По этому случаю данъ былъ большой банкетъ, а послѣ банкета приглашены были гости на домашній сеймъ, на которомъ было разсуждаемо, куда именно послать графа для окончательнаго образованія. Перебрали всѣ лицеи, всѣ университеты, начиная съ Геттингенскаго, и наконецъ общимъ голосомъ порѣшили послать графа въ Вильно и приготовить изъ него политико-эконома.

Послѣ этого важнаго событія, спустя мѣсяцъ, графиня еще дала большой банкетъ, на которомъ молодой графъ отличился въ мазуркѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ банкета уѣхалъ онъ въ огромномъ дорожномъ берлинѣ въ Вильно.

Я почувствовалъ себя свободнѣе: онъ былъ преградою между мною и панной Магдаленой; мнѣ нельзя было при немъ сказать ей простаго слова, чтобы не подвергнуть ее бѣдную насмѣшкамъ злаго мальчика. Наконецъ онъ уѣхалъ и мы остались одни, и дѣйствительно одни: во всемъ домѣ не было никого, съ кѣмъ бы можно было такъ дружески и такъ откровенно поговорить, какъ мы съ нею разговаривали. Старая графиня едва замѣчала присутствіе въ своемъ домѣ панны Магдалены. Это грубое ея невниманіе тревожило (панну и) она нѣсколько разъ собиралась оставить графиню; но гдѣ она, бѣдная, могла преклонить свою одинокую голову? Она готова была выйти замужъ за самого грубаго поссесора, чтобы только избавиться отъ графини. Но грубые поссесоры на бѣдныхъ дѣвушкахъ не женятся, а бѣдная (Магдалена) совершенно ничего не имѣла, кромѣ чистаго благороднаго сердца.

Открывая свои задушевныя мысли, она мнѣ говорила, что останется въ этомъ домѣ только до тѣхъ поръ, пока я не выросту и не буду въ силахъ располагать собою; тогда она отправится въ Варшаву или въ Вильно и пріиметъ чинъ смиренной кармелитки. Миръ твоей доброй, твоей праведной душѣ! Грустно мнѣ было выслушивать ея задушевную исповѣдь, ея непорочныя предположенія. Бывало, просидимъ за полночь, наговоримся, наплачимся и разстанемся до другаго вечера почти счастливыми. Часто свои грустные проэкты она оканчивала симфоніей Себастіана Баха на домашнемъ органѣ. Это была святая Цецилія! и я, затая дыханіе, слушалъ ее,

молился на нее; это были самыя чистыя, самыя счастливыя минуты моей печальной жизни.

Вскорѣ меня засадили въ экономическую контору писать, и тутъ-то я почувствовалъ свою горькую зависимость; тутъ я впервые услышалъ слово: крѣпостной! Горькое, проклятое слово! И день тотъ проклятъ, въ который я его услышалъ въ первый разъ! Но дѣлать нѣчего—нужно было покориться судьбѣ. Тяжкое для меня настало время. Одна только незабвенная панна Магдалена могла укрощать и успокаивать меня. Я ей одной обязанъ, что не наложилъ на себя грѣшныя руки. А можетъ быть было-бы и лучше? Нѣтъ! какъ ни печальна, какъ ни тяжела наша жизнь, но мы не вправѣ ее прекратить. Пускай тотъ ее отъ насъ отниметъ, кто даровалъ намъ ее.

Я продолжалъ писать въ конторѣ, а по вечерамъ посѣщалъ панну Магдалену. О чемъ мы съ ней не говорили? о чемъ мы съ ней не мечтали? И всѣ то наши мечты и предположенія разошлися, какъ дымъ по свѣтлому небу! Она мнѣ сообщала книги порядочнаго содержанія, какія только могла открыть въ домашней библіотекѣ графини, потому что вся почти библіотека была составлена изъ французскихъ романовъ и итальянскихъ новеллъ двусмысленнаго содержанія.

Въ конторѣ писаря смѣялись надо мною, называя меня панычемъ, бѣлоручкою (и) нѣмцемъ, потому что я читалъ не русскія и не польскія книги. Однажды во время жнивъ, или, по здѣшнему, страды, послали меня съ лановымъ на ланъ переписать жницъ и копны нажатой пшеницы. Проходя мимо жницъ, я увидѣлъ женщину, какъ будто мнѣ знакомую и около нея между снопами, прикрытая зеленымъ холодкомъ (спѣлая спаржа), спала дѣвочка лѣтъ трехъ, украшенная полевыми цвѣтами, а возлѣ, въ тѣни, тыква (кушинъ) съ водою и торба съ хлѣбомъ. Я долго любовался прекраснымъ личикомъ спящаго дитяти. Налюбовавшись этою скромною прекрасною картиною, я спросилъ у почти знакомой мнѣ женщины, какъ ее имя, чтобы записать въ реэстръ жницъ; она сказала свое имя, которое вмѣстѣ съ голосомъ мнѣ показались чрезвычайно знакомыми.

Я спросилъ ее, не дочь-ли она, Домаха, такой-то вдовы?—Она отвѣчала, что она самая.

— А это твое дитя?

— Мое, отвѣчала она.

Я распросилъ ее о домашнемъ житьѣ-бытьѣ, напомнилъ ей тотъ вечеръ, когда она мнѣ, голодному бѣглецу, вынесла кусокъ хлѣба. Она вспомнила, узнала меня и обрадовалась, какъ родному брату. Она просила меня навѣстить ее въ старой материной хатѣ.

На слѣдующее воскресеніе, послѣ обѣдни, посѣтилъ я ее въ знакомой мнѣ хатѣ и изъ грустнаго ея разсказа узналъ вотъ что: старушка вдова, моя благодѣтельница, давно уже умерла, а послѣ смерти матери она вышла замужъ; мужъ ея вскорѣ бѣжалъ на Бессарабію и бросилъ ее одну съ маленькимъ ребенкомъ. Разсказала она мнѣ все это такъ просто, такъ трогательно, какъ только расказывается самая печальная истина. Просила она меня обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ; я остался и она, бѣдная, почти плакала, что не было у нее и пятака на чвертку горилки. Бѣдная! Во всей хатѣ ея была видна скудость и нищета, но при всемъ томъ все было чисто и опрятно: старая хата была тщательно вымазана, хотя и желтою глиною—бѣлую глину нужно купить, или на хлѣбъ вымѣнять, а за желтой стоить только сходить на берегъ Случи. Вся бѣдная домашняя утварь была въ чистотѣ и порядкѣ; рубахи, какъ на ней самой, такъ и на дочери, были чистыя, бѣлыя; все у ней было въ такомъ порядкѣ, что и самая нищета показалась мнѣ не такъ отвратительною, какъ я себѣ ее воображалъ.

Простившись съ нею, я пошелъ домой, обѣщаясь навѣщать ее каждое воскресеніе.

По дорогѣ зашелъ я въ свою старую пустку. Печальный видъ; окна выбиты, двери выломаны, дорожки поросли бурьяномъ, а въ провалившейся печи сова свила себѣ гнѣздо. Посмотрѣлъ я на это запустѣніе и мнѣ стало грустно—я страшно почувствовалъ свое одиночество.

Мнѣ пришло въ голову поселиться въ своей пусткѣ. Но что я буду дѣлать въ ней одинъ? Жениться? На комъ же я женюсь? На крестьянкѣ? Какъ же я съ нею буду жить?

И, подумавши, рѣшился я возобновить свою пустку и поселить въ ней мою ново-старую знакомку съ дочерью, воспитать ее по своему и жениться на ней. Подумалъ, подумалъ и пошелъ я въ свою контору. Дорогой разыгралось мое молодое воображеніе: я предста-

влялъ себѣ все счастіе, всю прелесть своей будущей семейной жизни.

Ввечеру сообщилъ я свой планъ паннѣ Магдаленѣ; она была въ восторгѣ: плакала, цѣловала мои руки, называла меня своимъ сыномъ, своимъ роднымъ братомъ; говорила, что я дѣлаю доброе христіанское дѣло, укрывая отъ нищеты и горя вдову и сироту; въ заключеніе обѣщалась помогать мнѣ всѣмъ: и совѣтами, и деньгами, и научить мою будущую жену и грамотѣ, и музыкѣ, и хозяйству. На другой день я принялся за дѣло: выпросилъ себѣ свободы на нѣсколько дней, нанялъ мастеровъ и началось возобновленіе моего дѣтскаго жилища.

Къ хатѣ, вмѣсто коморы, прибавилъ я свѣтлицу; садъ огородилъ новымъ частоколомъ, около хаты оставилъ мѣсто для цвѣтника, не забылъ также сарая для коровы и прочихъ домашнихъ животныхъ, словомъ устроилъ все, что необходимо для крестьянскаго быта.

И когда все это было готово, пошелъ я просить свою сосѣдку на новоселье. Заплакала она бѣдная, когда сказалъ я ей, что все это устроено для нея и ея маленькой Мариси.

Въ воскресеніе послѣ обѣда пошли мы навѣстить ихъ съ панною Магдаленою; и какъ же она бѣдная была рада, что сю и панна не погнушалась.

Такъ какъ хата моя была недалеко отъ панскаго двора, то мы съ панною Магдаленою каждый день посѣщали нашу воспитанницу; по прошествіи пяти лѣтъ панна Магдалена учила ее читать по польски, а я по русски.

Быстро мчалися мои молодые годы, быстро выростала Марися и выросла, и стала красавицей, настоящей волынской красавицей. Боже мой! Я бывало смотрю на нее и не насмотрюся. А бывало, когда въ саду вечеромъ она запоетъ подъ гитару нашу заунывно-мелодическую пѣсню, въ это время я плакалъ и молился Богу. И какая же она была умная и разумная. Панна Магдалена, бывало, не налюбуется сю, не надивуется ея понятливостію. Я былъ счастливъ; она меня любила и слѣдовательно была тоже счастлива. Насущныя дѣла мои тоже двигались впередъ: я изъ простаго писаря сдѣлался конторщикомъ, а по смерти пана Копульки управляющимъ имѣніями графини.

Было предположено, чтобы послѣ праздника Рождества Христова обвѣнчаться намъ съ Марисею. Панна Магдалена была прошена посаженой матерью съ моей стороны, а посаженымъ отцомъ почтенный сосѣдъ нашъ тытарь (церковный староста). Все было готово, но не сбылось. . . . . .

Кончивши курсъ въ университетѣ, Богъ его знаетъ, по какому факультету, графъ не заѣхалъ даже повидаться со старухою матерью, а отправился за границу для усовершенствованія себя въ нѣкоторыхъ наукахъ,—такъ онъ писалъ по крайней мѣрѣ матери. Разумѣется, старая графиня была въ восторгѣ отъ такого похвальнаго рвенія къ наукамъ.

Нѣжная мать посылала ему исправно деньги и въ каждомъ письмѣ просила его, чтобы онъ скорѣе усовершенствовался въ наукахъ и ѣхалъ бы домой, потому что она уже старуха, близкая ко гробу, то хоть бы посмотрѣть на него передъ смертію. Но добрый сынъ не внималъ мольбамъ старой матери. Она постоянно плакала, она его наконецъ полюбила и не знала, какъ заманить его къ себѣ; а я, видя ее постоянно унылою и дѣйствительно близкою ко гробу, на погибель свою посовѣтовалъ ей не посылать ему денегъ, то онъ поневолѣ пріѣдетъ. Старуха такъ и сдѣлала. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нѣжный сынокъ возвратился къ старой умирающей матери.

Возвратился онъ изъ-заграницы съ французомъ камердинеромъ и двумя бульдогами; а милой мамѣ своей привезъ бронзовый браслетъ и анекдотъ о томъ, какъ онъ убилъ на дуэли во Флоренціи— не знавши впрочемъ—роднаго отца своего, за что старуха мать надѣлила его самыми судорожными поцѣлуями.

Это было въ сентябрѣ мѣсяцѣ; мнѣ нужно было ѣхать въ подольское имѣніе графини, чтобы отправить пшеницу въ Одессу и самому за нею вслѣдъ отправиться, чтобы продать ее. Я поѣхалъ изъ Балты въ Одессу на почтовыхъ. Проѣхавши двѣ станціи отъ Балты, меня застала ночь въ степи—ночь лунная, свѣтлая, тихая, очаровательная ночь! Въ степи ничто не зашелохнется, ни малѣйшаго звуку, ни малѣйшаго движенія, только когда проѣдешь мимо могилы, то на могилѣ будто тырса пошевелится и тебѣ сдается чего-то страшно.

О могилы, могилы! высокія могилы! Сколько возвышенныхъ, прекрасныхъ идей перелилось въ моей душѣ, глядя на васъ, темные, нѣмые памятники минувшей народной славы и безславія! И въ эти минуты грустнаго раздумья услышишь, бывало, ночью далеко, далеко въ степи чабанъ заиграетъ на сопилкѣ (свирель) свою однотонную грустную мелодію!

О горе мое, что мнѣ нельзя переселиться въ тотъ чудный край и послушать на старости родную, унылую пѣсню!

Бывало, я часто остановлю ямщика на дорогѣ и слушаю чабана, слушаю и не наслушаюся. Ямщикъ бѣдный продрогнетъ отъ ночной росы и бездѣйствія, а я сижу себѣ на телѣгѣ и до тѣхъ поръ слушаю, пока не заплачу. Пошелъ гонецъ, пошелъ живѣе! Карбованецъ на пиво! И гонецъ встряхнетъ возжами, махнетъ арапникомъ и кони полетѣли, колокольчикъ завизжалъ—заплакалъ, и вотъ опять въ степи землянка—это почтовая станція.

Мнѣ будто легче, но ночевать не хочется, я требую лошадей и ѣду. На другомъ переѣздѣ тоже, что и на первомъ, таже широкая степь и тѣже темныя могилы, тотъ же чабанъ, таже заунывная пѣсня и таже прекрасная полная луна!

Пріѣхалъ я въ Одессу. Дождался я чумаковъ своихъ, продалъ пшеницу и съ мѣшкомъ дукатовъ возвратился домой.

Горе мое! горе горькое дома ожидало. Теперь, друже мой, теперь на старости, послѣ тяжкихъ испытаній, я не могу вспоминать объ этомъ равнодушно.

Отдавая графинѣ отчетъ въ своей поѣздкѣ въ Одессу и полученные мною за пшеницу деньги, я увидѣлъ мелькнувшую въ другой комнатѣ Марисю въ голубомъ нѣмецкомъ платьѣ (она обыкновенно носила наше національное); это меня кольнуло въ сердце.

Отъ графини я побѣжалъ домой—меня встрѣтила мать Мариси въ слезахъ.

— Что случилось? спрашиваю я.

— Боже мой, Боже милостивый!

— Что случилося?

— Доле моя! моя проклятая доле!

Я долго стоялъ, не понимая ее. А она все плакала, проклинала свою долю и цѣловала мои ноги.

Когда она пришла въ себя, я спросилъ ее, что случилося.

Она сквозь слезы едва проговорила: графиня Марисю твою взяла въ покоевки (горничные).

— Чтожъ? тутъ еще большаго горя нѣтъ: я выпрошу ее у графини назадъ до дому.

— Большое... большое горе! простонала она: молодой... молодой графъ. Будь онъ проклятъ со всѣмъ его родомъ и племенемъ!

— Что-же такое? что графъ?

— Не спрашивай, не говори со мною! Иди къ нему: пускай онъ самъ тебѣ все разскажетъ.—И она снова стала плакать и рвать на себѣ волосы, со стономъ произнося имя Мариси.

Я наконецъ понялъ, что бѣдная моя Марися сдѣлалась жертвою гнуснаго, развращеннаго сластолюбца. Боже мой великій! За чѣмъ ты меня не поразилъ тогда своимъ святымъ громомъ? Сколько бы грѣха тогда пронеслося мимо мей грѣшной души! Его судьбы неисповѣдимы—Онъ иначе судилъ меня!

Я, не помня себя, побѣжалъ во дворъ, вошелъ въ кабинетъ графа и увидѣлъ у ногъ его плачущую мою Марисю. Я бросился на него и только два гаремные гайдука спасли его отъ смерти. Меня связали, вынесли въ погребъ и приставили сторожей. Не помню, долго-ли я находился связаннымъ, но когда пришелъ въ себя, то почувствовалъ, что лежу на соломѣ въ сыромъ и темномъ погребѣ; около меня было ведро воды и кусокъ хлѣба. Я чувствовалъ во всемъ тѣлѣ слабость, прошедшее казалось мнѣ какимъ-то страшнымъ сномъ.

Черезъ нѣсколько дней силы мои возстановились: добрая панна Магдалена присылала мнѣ тайкомъ чаю и бѣлаго хлѣба, но сама не рѣшалась навѣщать меня.

Я пробовалъ нѣсколько разъ сломать дверь и уйти; но сторожа снаружи грозили веревкою: веревки я не боялся, но дверь то была желѣзная и силою нельзя было взять.

Сидѣлъ я въ погребѣ до тѣхъ поръ, пока графъ, укравши у матери деньги, опять уѣхалъ за границу.

Меня изъ погреба выпустяли ночью и я, какъ дикій звѣрь, бросился за ворота. Это было зимою и я безъ шапки побѣжалъ, куда глаза глядятъ. Вскорѣ я увидѣлъ въ полѣ огонекъ и пошелъ на него. То была корчма: я почувствовалъ холодъ и побѣжалъ къ ней.

Войдя въ корчму, вижу—за столомъ сидятъ два широкоплечихъ мужика, а передъ ними на столѣ стоитъ мѣдная кварта съ водкой. Я поздоровался; они мнѣ молча кивнули головами. Я сѣлъ за столъ и спросилъ кварту водки. Жидъ узналъ меня и, подавая мнѣ водку, съ какимъ-то страхомъ показалъ мнѣ глазами на моихъ сосѣдей.

Я выпилъ стаканъ водки, потомъ другой, предложилъ моимъ сосѣдямъ и они не отказались. Завелъ я съ ними разговоръ и они на вопросъ мой: что они за люди?—сказали, что были въ Одессѣ на заработкахъ, а теперь возвращаются домой.

Я почувствовалъ сладость хмеля и спросилъ себѣ еще кварту водки, они же спросили двѣ кварты. Вскорѣ стали они надо мной подшучивать, что я не выпилъ еще и двухъ квартъ водки, а уже пьянъ. Сначала я отшучивался, а потомъ пустился въ откровенности и разсказалъ имъ свою исторію съ самаго дѣтства, и въ заключеніе заплакалъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, смѣясь:

— Э, э! земляче! бый лыхомъ объ землю, якъ швець мокрою халявою объ лаву. Слезами, земляче, ничего не возьмешь. Мы тоже, какъ видишь, люди бѣдные, обиженные, загнанные, ограбленные! А теперь, слава милосердному Богу, пануемъ! Только глянь да посмотри. Ударь горемъ о землю! Пойдемъ съ нами, вольными козаками, право слово не будешь каяться! Мы живемъ вольно, весело. Палаты наши—зеленая дубрава, майданы наши—степь широкая, привольная. Мы днемъ спимъ въ своихъ зеленыхъ палатахъ, а ночью гуляемъ и топчемъ ногами аксамитъ и золото. Что-жъ, товарищъ, такъ, по рукамъ, что-ли?

— Постой; дайте, подумаю, сказалъ я.

— По моему, земляче, и стоять и думать нѣчего; пускай жиды да паны думаютъ, какъ имъ подальше дукаты прятать, накраденные у бѣдныхъ мужиковъ. Не думай, а выпей-ка лучше вотъ этой думы.

И онъ налилъ мнѣ стаканъ водки; я выпилъ и протянулъ имъ руку.

— Вотъ это такъ! Вотъ это по нашему, а то думать! А что выдумаешь? Ей Богу, ничего. Чарки горилки не выдумаешь, право.

— Гей, свиняче ухо! закричалъ другой: давай вина, давай меду, давай пива! Горилки не хочу! Да слушай, свине, чтобъ было по-

рося жареное: я индика и пѣтуха терпѣть не могу. Слышишь! Живо!

Бѣдный жидокъ задрожалъ и пошелъ съ фонаремъ и поставцемъ въ погребъ.

Мы просидѣли за полночь. Они мнѣ заплатили откровенностію за откровенность: изъ разсказовъ ихъ я узналъ, что одинъ изъ нихъ былъ бѣжавшій въ Бессарабію отецъ моей Марыси, а другой тоже былъ бѣглый крѣпостной крестьянинъ; и промышляютъ они съ товариствомъ честнымъ лыцарскимъ промысломъ, т. е. разбоемъ.

Передъ разсвѣтомъ они пошли въ стодолу спать. Я, хотя былъ сильно пьянъ, заснуть не могъ: мнѣ не давалъ сомкнуть глаза ненавистный графъ. Я тихонько всталъ, вышелъ изъ стодолы и пошелъ въ село. Подошелъ къ своей хатѣ, обошелъ ее кругомъ—горько мнѣ было смотрѣть на хату. Машинально вырубилъ огня и сунулъ трутъ въ соломенную крышу. Черезъ минуту она вспыхнула, я остановился на улицѣ, посмотрѣлъ, какъ горитъ мое добро, и пошелъ обратно въ корчму, къ своимъ новымъ товарищамъ.

Начало свѣтать, когда я подошелъ къ корчмѣ и разбудилъ товарищей. Они были совершенно трезвы, я былъ тоже почти трезвъ. Они выпили еще кварту водки (но я пить не могъ), взяли приготовленный жидомъ мѣшокъ съ жареными курями и гусями, и пошли молча черезъ поле въ дуброву. И я пошелъ за ними. Долго я оглядывался на свое родное село—его уже не видно было, только слышенъ былъ какой то гулъ и видно было зарево отъ моей бѣдной хаты.

Мы пришли на хуторъ, нашли тамъ одну старуху, топившую печь. Товарищи мои спросили у нее:

— Что не было Марка?

Старуха отвѣчала: не было.

— Ну, вари обѣдать, а ты пріятель ложись да отдохни.

Я легъ и заснулъ. Мнѣ снился разбойничій притонъ: съ испугу я проснулся и увидѣлъ, что я дѣйствительно нахожусь въ разбойничьемъ притонѣ.

Прошелъ одинъ только мѣсяцъ, и я сдѣлался настоящимъ разбойникомъ. Правда, я никого не убивалъ, за то немилосердно грабилъ богатыхъ жидовъ и шляхту и всякаго, кто проѣзжалъ въ богатомъ экипажѣ; и, начитавшись романовъ о великодушныхъ рыцаряхъ-разбойникахъ, мнѣ вздумалось подражать имъ, т. е. брать у богатыхъ и отдавать бѣднымъ. Я такъ и дѣлалъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ, и меня единогласно провозгласили атаманомъ. Шайка моя быстро увеличивалась, такъ что по прошествіи четырехъ мѣсяцевъ у меня уже было болѣе сотни удалыхъ головъ; съ такою силою я бралъ уже смѣлость нападать открыто на господскіе дома, и не безъ успѣха, потому что крестьяне измѣняли своимъ тиранамъ. Рыцарскими подвигами своими я снискалъ любовь крестьянъ на Подоліи и на Волыни. Слава о моемъ безкорыстіи быстро распространялась между ними, а шайка моя еще быстрѣе выростала, такъ что черезъ полгода у меня считалося около трехъ сотъ товарищей. Я своей арміи никогда не держалъ въ одномъ мѣстѣ, потому что прокормить ее было трудно и потому, что бы полицію сбить съ толку на счетъ моего мѣстопребыванія; полиціи я, правда, не очень трусилъ, потому что крестьяне меня любили и въ случаѣ опасности укрывали.

Я иногда скоплялъ свою армію въ одно мѣсто не для того, чтобы сдѣлать нападеніе на непріятеля, а для того, чтобы попировать недѣлю—другую вмѣстѣ. Для этого у меня въ разныхъ лѣсахъ были погреба или забытыя древнія пещеры, которыя были извѣстны только моимъ эсауламъ и весьма немногимъ испытаннымъ товарищамъ. Въ погребахъ хранилось вино, съѣстное и прочіе припасы: оружіе, свинецъ, порохъ и деньги. Такой погребъ былъ у меня одинъ близь Звенигородки, въ такъ называемомъ братерскомъ лѣсу. Этотъ погребъ былъ вырытъ, какъ говоритъ народное преданіе, гайдамаками въ 1768 году. Другой такой-же погребъ между Заславлемъ и Острогомъ, тоже, кажется, гайдамацкой работы; а третій самый большой—около Кіева, за оградою Китаевской пустыни, въ лѣсу же. Это были огромныя пещеры, вырытыя, какъ кажется, во время Андрея Боголюбскаго. На горѣ, въ которой вырыты пещеры, замѣтны и до сихъ поръ слѣды земляныхъ укрѣпленій, можетъ быть, ограды его загороднаго терема.

Въ этихъ-то пещерахъ пировалъ я по нѣскольку дней со всѣмъ своимъ товариствомъ, въ виду Китаевской обители, а святые отцы и не подозрѣвали этого.

Освѣщалъ я ихъ бѣлыми восковыми свѣчами, тутъ же въ китаевской обители приготовляемыми для кіево-печерской лавры; устилалъ я эти мрачныя пещеры дорогими коврами, шалями и аксамитомъ. Шумно, весело было! Иногда переселишься мыслію въ тотъ

край, вспомнишь бывалое и какъ будто помолодѣешь! Господи, прости мое согрѣшеніе!

И разсказчикъ набожно перекрестился.

Попировавши нѣсколько дней, я распускалъ свою команду въ разныя стороны, назначая каждому отряду эсаула или прежняго утверждая, съ наказомъ, чтобы всѣ эсаулы назывались моимъ именемъ и прозвищемъ. Самъ же я переряжался мужикомъ или паномъ и отправлялся въ Кіевъ или другой какой городъ. Словомъ я велъ себя, какъ знаменитый Ринальдо Ринальдини.

Случалось часто мнѣ бывать на берегахъ Случи, близь моего роднаго села; но я въ село войти боялся; я не боялся измѣны со стороны крестьянъ: они были всѣ мною надѣлены—кто деньгами, а кто натурою, какъ-то волами, лошадьми и прочимъ; я не боялся ихъ, но мнѣ страшно было встрѣтить Марисю или панну Магдалену. Бывало, цѣлыя ночи просиживалъ я на берегу моей милой Случи, смотря на угасавшіе огоньки въ смиренныхъ хатахъ мирныхъ, покорныхъ своей судьбѣ моихъ собратій. Бывало, плакалъ я и каялся, но я слишкомъ далеко зашелъ, чтобъ можно было назадъ воротиться безъ помощи искренняго друга. Я нѣсколько разъ покушался навѣстить панну Магдалену и всякій разъ раздумывалъ: мнѣ стыдно, мнѣ страшно было ее видѣть! Такъ боится дьяволъ встрѣтить чистаго ангела! Въ то время я былъ самый жалкій, самый несчастный человѣкъ. Походивши около села, полюбовавшись на свѣтлыя воды Случи, я удалялся въ лѣсъ, какъ волкъ, боясь встрѣтить человѣка. Въ лѣсу находилъ я одну изъ своихъ шаекъ, увѣшивалъ широкія вѣтви столѣтняго дуба дорогимъ ковромъ и бархатомъ и принимался пить съ своими преступными товарищами. Я думалъ окунуть свою грязную совѣсть въ дорогомъ винѣ, но не тутъ-то было: она выплывала изъ вина и бѣшеной кошкой впивалась мнѣ въ сердце! Въ эти страшныя минуты являлись мнѣ, какъ будто на яву, панна Магдалена и моя прекрасная бракоокраденная невѣста. Онѣ являлись мнѣ, какъ два ангела, и говорили со мною такъ тихо, сладко, такъ пріятно, что я приходилъ въ себя и становился совершенно счастливымъ человѣкомъ.

Однажды я рѣшился написать письмо, и въ письмѣ своемъ просилъ я у нихъ свиданія наединѣ; мѣстомъ свиданія я назначилъ пустую хатку въ саду у нашего тытаря, предполагаемаго моего посаже-

наго отца. Я рѣшился оставить свое проклятое ремесло и готовъ былъ сдѣлаться хоть каторжникомъ, только-бы очистить свою грязную совѣсть.

Я тщательно скрывалъ свое намѣреніе отъ товарищей, да и къ чему-бъ повела откровенность? Къ грубымъ насмѣшкамъ и больше ничего! Съ трепетомъ дожидалъ я дня, назначеннаго мною для свиданія съ панною Магдаленою; въ это время шлялся я съ своимъ малымъ отрядомъ около Луцка. Однажды въ лѣсу замѣтили мы, что большой дорожный берлинъ катился въ пыли по столбовой дорогѣ. Я скомандовалъ своимъ удальцамъ изъ «яру на долину», т. е. выйти на дорогу и остановить берлинъ. Сказано, сдѣлано. Берлинъ остановили. Онъ мнѣ издали показался знакомымъ и пока я подбѣгалъ къ нему, чтобы увѣриться, не ошибаюсь-ли я, чемоданы отъ берлина были уже отрѣзаны и самъ хозяинъ былъ до нага раздѣтъ и дрожалъ за свою жизнь.

И кого-же я узналъ въ этомъ нагомъ человѣкѣ? Своего злѣйшаго врага, развратнаго сластолюбца графа Болеслава. Признаюсь, мнѣ было смѣшно и больно смотрѣть на него; онъ меня тоже узналъ и затрепеталъ всѣмъ тѣломъ. Я отвернулся отъ него, приказалъ привязать чемоданы, развязать и одѣть графа и его камердинера француза, далъ еще червонецъ ямщику на водку и отпустилъ ихъ съ Богомъ, не тронувши ни волоска. Графъ со страха не могъ проговорить слова, а французъ, усѣвшись на козлахъ, вѣжливо приподнялъ шляпу и сказалъ: merci monsieur!

Послѣ этого происшествія, мнѣ казалося, что я смѣло могу идти на свиданіе съ панною Магдаленою. Я мечталъ уже о ея тихихъ сладкихъ рѣчахъ, объ ея прекрасномъ милосердномъ взглядѣ. Я вообразилъ себя покаявшимся, безмолвнымъ, покорнымъ труженикомъ гдѣ нибудь въ глухомъ монастырѣ или въ далекой ссылкѣ съ очищенною совѣстью. Я былъ счастливъ; но Богъ судилъ продлить мои преступленія.

На дорогѣ я сильно заболѣлъ: меня привезли товарищи на хуторъ въ лѣсу, близь Дубна, къ старухѣ знахарькѣ и тамъ оставили; старуха меня кормила и лечила, какъ знала.

Старшинство свее я передалъ товарищу Прохору Кичату, человѣку физически сильному и не разбойничьяго сердца.

Съ октября мѣсяца я пролежалъ до апрѣля, почти не двигаясь; въ концѣ апрѣля я могъ вставать на ноги и перейти въ другой

уголъ хаты. На ѳоминой недѣлѣ я уже сидѣлъ подъ хатою и могъ любоваться тихими меланхолическими прелестями оживающей природы.

Это былъ хуторъ самый уединенный, такъ что, кажется, кромѣ моей лекарки и ея стараго мужа, никто и не подозрѣвалъ существованія ихъ хутора. Я началъ выходить почти каждый день, съ позволенія моей лекарки, посидѣть нѣсколько часовъ подъ хатою. Сижу, бывало, себѣ и любуюсь на прозрачный небольшой ставокъ, увѣнчанный зеленымъ очеретомъ и греблю, усаженную въ два ряда старыми вербами, пустившими свои вѣтви въ прозрачную воду; а ниже гребли старая, какъ и ея хозяинъ, мельница объ одномъ колесѣ съ сладко шепчущими лотоками; на поверхности пруда плавають гуси и утки, каждая въ двухъ экземплярахъ: одна вверхъ головою, а другая внизъ; издали кажется, что и въ водѣ утка и на водѣ утка. На берегу, около гребли, маленькій челнокъ, опрокинутый вверхъ дномъ, а подъ навѣсомъ старой мельницы развѣшана рыбачья сѣть; а кругомъ хутора дубовый лѣсъ—непроходимый; только въ одномъ мѣстѣ въ родѣ просѣки, сдѣланной какъ будто нарочно для полноты пейзажа; и въ эту просѣку далеко на горизонтѣ синѣютъ, какъ огромные бастіоны, отрасли Карпатскихъ горъ. Я оживалъ, глядя на эту прекрасную волшебницу природу.

По временамъ навѣщалъ меня Прохоръ Кичатый, привозилъ всегда подарокъ моей лекаркѣ, а мнѣ разныхъ лакомствъ; говорилъ мнѣ, что товарищи безъ меня соскучились, что заработковъ никакихъ нѣтъ, что онъ чуть было не попался въ руки полиціи въ Кременцѣ и что меня товарищи ждутъ, какъ самого Бога съ неба.

Но у меня было другое на умѣ: я думалъ было, какъ-бы только собраться съ силами и пуститься прямо въ Почаевъ помолиться святой Заступницѣ Почаевской, потомъ пробраться на берега Случи, повидаться съ панною Магдаленою, а потомъ уже, куда Богъ пошлетъ, только не къ товарищамъ.

Въ концѣ мая я могъ уже съ помощью посоха пуститься въ дорогу. Одѣлся я въ старое крестьянское платье, взялъ котомку на плечи, посохъ въ руки и—по старой привычкѣ—пистолетъ за пазуху, поблагодарилъ, чѣмъ могъ, моихъ добрыхъ хозяевъ, помолился и вышелъ изъ хаты. Старикъ вывелъ меня на Кременецкую дорогу и я, простившись съ нимъ еще разъ, пошелъ по дорогѣ къ Кременцу, думая съ начала зайти въ Почаевъ, а потомъ уже идти на свиданіе съ панною Магдаленою.

Возвращаясь изъ Почаева, я зашелъ въ Кременецъ посмотрѣть на королеву Бону и на воздвигавшійся въ то время палацъ или кляшторъ для кременецкаго лицея. Миръ праху твоему, благородный Чацкій! Ты любилъ миръ и просвѣщеніе. Ты любилъ человѣка, какъ намъ Христосъ любить его заповѣдалъ! Изъ Кременца пошелъ я черезъ село Вербы въ Дубно, а изъ Дубна на Острогъ, Корецъ и на Новгородъ Волынскій, на берега моей родной, моей прекрасной Случи.

Тутъ я отдохнулъ и на другой день къ вечеру былъ уже въ виду своего села. Я думалъ было переночевать въ дубровѣ и поутру уже дать знать паннѣ Магдаленѣ, что я здѣсь. Но какъ я дамъ знать? у меня не было ни бумаги, ни чернилъ, ни пера. Подумавши, я рѣшился идти въ знакомую корчму, написать тамъ записку и послать жида къ паннѣ Магдаленѣ; при томъ-же меня и голодъ сильно одолѣвалъ; я пошелъ въ корчму.

Жидъ не показалъ вида, что узналъ меня. Я спросилъ чвертку водки, кусокъ хлѣба и тарань. Утоливши немного голодъ, я спросилъ у жида лоскутокъ бумаги, перо и чернило, написалъ записку и послалъ жида на панскій дворъ.

Въ ожиданіи отвѣта, я прилегъ было на лавкѣ отдохнуть и уже началъ дремать. Вдругъ двери отворились и въ корчму вбѣжалъ графъ съ толпою вооруженныхъ мужиковъ.

— Держите.. вяжите его, кричалъ онъ.

Я вскочилъ съ лавки, вынулъ пистолетъ и, ни въ кого не цѣлясь, спустилъ курокъ. Графъ повалился на полъ. Прости мнѣ, милосердный Господи, сей грѣхъ невольный! Я не хотѣлъ его смерти, онъ былъ у меня въ рукахъ, и я отпустилъ его. Самъ сатана направилъ мою руку и я сдѣлался невольнымъ убійцею. Прославши разбойникомъ во всемъ краю—это была первая и послѣдняя жертва моихъ рукъ. Но это не оправданіе—я все таки былъ разбойникомъ и посягателемъ на чужое добро.

Мужики, зная меня лично и зная мою разбойничью славу, славу, которая была сопряжена со слухами, будто я колдунъ, не хотѣли вязать меня, но я бросилъ пистолетъ въ голову жиду-предателю и въ сопровожденіи мужиковъ пошелъ на панскій дворъ. На дворѣ уже меня связали по приказанію графини и заперли въ знакомый уже мнѣ погребъ, но уже не дали мнѣ ни

хлѣба, ни воды, и панна Магдалена не присылала мнѣ ничего, ни бѣлаго хлѣба, какъ это дѣлала прежде. И она, такъ я думалъ тогда, и она моя добрая, моя единая, и она оставила меня!

Я пролежалъ въ погребѣ связанный трое сутокъ; такъ это я знаю потому, что три раза показывался дневной свѣтъ въ верху въ душникѣ. Мнѣ не подавали ни хлѣба, ни воды, да мнѣ не нужно было ни того, ни другаго: меня кормило мое сердечное горе, и поили слезы, а мучила и терзала совѣсть. Я почувствовалъ всѣ свои преттупленія разомъ: я былъ хищникъ, грабитель и наконецъ убійца! О, горе мое въ ту безконечную трехсуточную ночь было неизмѣримо! Мнѣ представлялись всѣ мои преступленія такъ живо, такъ страшно выразительно, что я закрывалъ глаза руками. Иногда, и то не надолго, картина перемѣнялась и мнѣ представлялося мое дѣтство, пустка, ночь въ полѣ, вой волковъ, лановый, панъ Кошулька и моя благородная панна Магдалена, а за нею, какъ свѣтлый, божественный ангелъ, прекрасная моя, непорочная Марися... Боже мой, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Картина перемѣнялась, и я видѣлъ погубившаго меня врага моего, кругомъ меня все въ огнѣ горѣло и я впадалъ въ бѣшенство: кричалъ, плакалъ и грызъ каменный полъ погреба.

Мученія мои были страшны, молитвы и всякіе другіе добрые помыслы покинули меня на жертву лютымъ демонамъ. Припадки бѣшенства повторялись со мною ежечасно.

Однажды я пришелъ въ себя и, почувствовавъ жажду, подползъ къ дверямъ (я ходить не могъ, потому что у меня были связаны руки и ноги), сталъ кричать, прося воды; никто не отзывался. Жажда меня терзала. Я рванулся и веревки на рукахъ подалися, еще разъ—веревка чувствительнѣе ослабла. Кое-какъ я освободилъ руки и потомъ ноги, прошелся ощупью по своей темницѣ и мнѣ стало будто легче; подхожу къ душнику, смотрю, свѣту не видно: должно быть ночь. Теперь всѣ спятъ; неужелижъ и сторожа мои заснули? Подхожу къ дверямъ, стучу, зову—никто не откликается. Черезъ минуту прислушиваюсь, на дворѣ легкій шумъ и голоса людей; вѣроятно меня услышали. Кричу опять, никто не отзывается, а шумъ на дворѣ все болѣе и болѣе увеличивается. Оглядываюсь, изъ душника красный свѣтъ пробился въ погребъ и слышу голоса: пожаръ, пожаръ! Тутъ я потерялъ всякую

надежду выпросить воды: кто теперь меня услышить? И жажда сильнѣе и сильнѣе меня стала мучить; я пробовалъ лизать сырыя стѣны моей темницы, но мнѣ легче не было; я зналъ, что въ погребѣ есть вино, но оно было заперто другою желѣзною дверью. Я вылъ, какъ звѣрь, отъ страданія: мнѣ представлялась со всѣми ужасами голодная смерть. Слушаю, дверь отпираютъ и зовутъ меня по имени; я бросился къ двери, дверь растворилась, и я увидѣлъ на порогѣ своихъ товарищей. Первое мое слово было—воды! Принесли мнѣ воды, я напился, оглядываюсь вокругъ себя, и страшно выговорить, что я увидѣлъ. На дворѣ, при свѣтѣ народа, соучастники мои рѣжутъ, бьютъ и живыхъ въ огонь бросаютъ несчастныхъ гостей графини. О, лучше не родиться, чѣмъ быть свидѣтелемъ и причиною такого ужаса!

Пока меня держали въ погребѣ, крестьяне дали знать моимъ товарищамъ о случившемся, и они прилетѣли на выручку. Ужасная была выручка!

Къ графинѣ собралось много гостей съ дѣтьми и женами, по случаю похоронъ сына, но ему Богъ не судилъ въ землѣ лежать: трупъ его грѣшный сгорѣлъ на пышномъ катафалкѣ.

Все уже было готово къ похоронамъ, уже ксендзы начали пѣть, какъ тутъ мои разбойники налетѣли, какъ коршуны, зажгли великолѣпные палаты и началось убійство. Грудныхъ младенцевъ не пощадили—варвары!

А крестьяне собралися на дворъ, какъ бы на потѣшное зрѣлище: ни одинъ и пальцемъ не пошевелитъ, только хохотали, когда разбойники бросали со второго этажа толстаго пана или паню. Грубые, жестокосердные люди!

Крестьяне, впрочемъ, спасли панну Магдалену за ея ангельскую доброту и за то, что она по воскресеніямъ ходила въ нашу церковь; спасли и мою бѣдную Марисю, потому что она была не панна.

Я отыскивалъ ихъ въ селѣ: мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на ихъ бѣдныхъ, но крестьяне не показали мнѣ ихъ убѣжища, боясь, чтобъ я не убилъ невольно преступную Марисю. Бѣдные, они не вѣрили, что я чистосердечно простилъ ее. И мнѣ не удалося ихъ тогда увидѣть.

При свѣтѣ пожара товарищи увлекли меня съ собою по направленію къ корчмѣ, гдѣ я въ первый разъ встрѣтилъ разбойниковъ и гдѣ совершилъ убійство. Товарищи напилися вина, зажгли корчму и жида-предателя живаго въ огонь бросили. Мы ушли ночевать въ дуброву.

Къ удивленію моему я не видѣлъ у разбойниковъ никакой добычи, слѣдовательно все это было сдѣлано только для моей свободы. О, бѣдная ты моя свобода! убійствомъ и пожаромъ ты куплена была!

Я не принималъ никакого участія въ дѣлахъ преступнаго братства; я почти все хворалъ и вскорѣ опять ко мнѣ прежняя болѣзнь возвратилась. Случилося это недалеко отъ моей родины, то я и просилъ товарищей перенести меня въ село и положить въ тытаревой хаткѣ, что въ саду; а тамъ, что Богъ дастъ! Долго они не соглашались, боясь преслѣдованія полиціи, но я убѣдилъ ихъ въ моей безопасности: я зналъ навѣрное, что меня тытарь не выдастъ; а еслибъ и выдалъ, то я не боялся правосудія и казни, потому что я и безъ того казнился ежеминутно. Мнѣ страшно надоѣла звѣрямъ подобная разбойничья жизнь.

Ночью принесли меня товарищи въ назначенную мною хатку въ тытаревомъ саду, положили меня въ хаткѣ и дали знать хозяину, что у него есть гость недужій. Поутру пришелъ ко мнѣ самъ хозяинъ, принесъ мнѣ воды, хлѣба и кипяченаго молока съ шалфеемъ, съ участіемъ распросилъ, что у меня болитъ, и напоилъ меня горячимъ молокомъ. Потомъ принесъ мнѣ постель и ввечеру привелъ знахаря. Прекрасное, благородное лице знахаря съ бѣлою окладистою бородой внушило мнѣ довѣріе, но лекарства его все таки мнѣ не помогали. Хозяинъ и знахарь просиживали со мною цѣлые дни, но женщинъ я не видалъ у себя въ хатѣ; вѣроятно благоразумный хозяинъ не говорилъ своей женѣ про меня, не полагаясь на женскую скромность. Мнѣ становилось хуже и хуже, такъ что я просилъ къ себѣ священника позвать.

Привели ко мнѣ ночью священника, и я узналъ того самого отца Никифора, который когда-то обѣщалъ сдѣлать изъ меня человѣка. Онъ былъ уже сѣдой, но бодрый старецъ; удивился, простодушный старикъ, когда я ему напомнилъ того бѣднаго Кирилка сироту, взятаго имъ давно когда-то у бѣдной вдовы Дорошихи.

Послѣ исповѣди и принятія святыхъ таинъ, я почувствовалъ себя лучше. Святое, великое дѣло религія для человѣка, тѣмъ болѣе для такого, какъ я, грѣшника!

День ото дня мнѣ становилось лучше. Добрый хозяинъ мой какъ ни старался скрыть мое пребываніе въ его домѣ, одначе тайна была открыта.

Поздно вечеромъ я сидѣлъ у окна и слушалъ пѣсню соловья въ саду, вдыхая въ себя запахъ цвѣтущихъ черешень и вишень. За деревьями мнѣ показалося что-то будто бы мелькнуло черное; смотрю пристальнѣе—человѣческая фигура тихо подходить къ хатѣ; ближе—вижу, женщина въ черномъ платьѣ, только не крестьянскаго покроя; подходить къ самому окну, и кого-же я узналъ? Мою единую, мою незабвенную панну Магдалену. Она вошла тихонько въ хату. Мы судорожно обнялись, поцѣловались и долго держали другъ друга за руки, не говоря ни слова. Потомъ, какъ сестра, какъ самая нѣжная любовница, она обвила меня своими руками и горько, горько зарыдала. Не долго продолжалось наше свиданіе, потому что я былъ еще слабъ; она это поняла и вскорѣ простилась со мною, обѣщаясь навѣстить меня на другой день. Она ради моей Мариси осталась съ ней жить въ селѣ, потому что Марися, какъ подданка, не могла слѣдовать за нею въ монастырь. Случайно узнала она о моемъ пребываніи у тытаря: она искала для себя квартиру въ селѣ, ей рекомендовала дьяконша тытареву хатку въ саду, какъ самое уютное и дешевое убѣжище. Она днемъ пришла посмотрѣть хатку, хозяева были въ полѣ на работѣ, а то-бы они не пустили ее въ садъ. Я въ то время спалъ, когда она приходила въ хатку; она меня видѣла спящаго, узнала и не разбудила, а посѣтила вечеромъ. Свиданія наши продолжались ежедневно, когда хозяева мои уходили въ поле на работу. И, Боже мой, о чемъ мы съ нею не переговорили! Какіе возвышенные, благородные помыслы и чувства она исповѣдала передо мною! Она разсказала мнѣ, какъ по полученіи моего письма, въ которомъ я просилъ свиданія, она приходила каждый вечеръ, впродолженіи лѣта и осени, въ эту самую хатку и дожидала меня иногда до разсвѣта. И какія чистыя христіанскія средства въ то время она придумывала къ моему обращенію. Мы исповѣдались другъ передъ другомъ, говорили обо всемъ, что было близкаго, сердечнаго, но о Марисѣ не было сказано ни

слова: она какъ-бы боялась напомнить мнѣ о ней, а я тоже боялся услышать ея имя изъ непорочныхъ устъ панны Магдалены.

А Марися моя бѣдная приходила каждый разъ съ панною Магдаленою и оставалась въ саду, не смѣя зайти ко мнѣ въ хату.

Однажды я собрался съ духомъ и спросилъ:

— Что моя бѣдная Марися? жива-ли она?

— Жива, но не скажу здорова, отвѣчала панна Магдалена.

— Чтожъ съ нею? спросилъ я съ трепетомъ.

— Она страдаетъ, сердечнымъ недугомъ страдаетъ.

— Можно-ли мнѣ ее увидѣть? Приведите ее ко мнѣ, пускай я хоть взгляну на нее!

Панна Магдалена вышла изъ хаты и черезъ минуту возвратилась, ведя за собою Марисю. Я не узналъ ее: она страшно перемѣнилась—блѣдная, худая и съ какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ. Долго она стояла, какъ окаменѣлая, наконецъ едва внятно проговорила:

— Прости... прости меня! и рыдая упала къ ногамъ моимъ.

Я былъ слишкомъ потрясенъ и не могъ проговорить ей ни слова. Безмолвное свиданіе наше скоро кончилось: панна Магдалена вывела ее полуживую изъ хаты, и я не смѣлъ остановить ихъ.

Панна Магдалена имѣла надо мною безграничную моральную власть, и я повиновался ей, какъ ребенокъ матери.

Марися вмѣстѣ въ панною Магдаленою посѣщали меня каждый день и однажды Марися расказала мнѣ свою грустную исторію со дня, какъ я уѣхалъ въ Одессу продавать пшеницу.

Не повторяю я тебѣ, друже мой, этой тяжкой повѣсти, потому что она отвратительно гнусна и къ несчастію слишкомъ обыкновенна на нашей бѣдной родинѣ!

Она несчастная была матерью и въ нищетѣ ростила своего бѣднаго сына: графиня покойная не хотѣла ничѣмъ помочь нищей матери своего внука, страшась ложнаго стыда. Бѣдныя вы, мелкодушныя графини!

День ото дня мнѣ было лучше; между нами было рѣшено, какъ скоро можно будетъ мнѣ ходить, то отправиться не въ отдаленный глухой монастырь, какъ я прежде думалъ, а идти въ Житоміръ и явиться къ губернатору, разсказать ему всѣ преступленія свои и положиться на милосердіе Божіе и на правосудіе человѣческое. Такъ и сдѣлалъ.

Ночью, простившись съ моимъ скромнымъ и гостепріимнымъ хозяиномъ, я, невидимый никѣмъ, вышелъ изъ села.

Въ лѣсу, на берегу Случи, ожидали меня панна Магдалена и Марися: мы такъ еще днемъ условились. Съ разсвѣтомъ они вывели меня на Житомірскую дорогу, и мы разстались, разстались на вѣки.

А при послѣднемъ цѣлованіи незабвенная моя панна Магдалена благословила меня этою святою книгою.

И старикъ указалъ на лежавшую на столѣ библію, о которой я говорилъ уже.

— Святая, божественная книга! продолжалъ онъ восторженно: мое единое прибѣжище, покровъ и упованіе!

Старикъ задумался, заплакалъ и сквозь слезы говорилъ, какъ бы самъ про себя:

— Одна единственная вещь, уцѣлѣвшая отъ пожара!

Друже мой! сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: ежели Богъ приведетъ тебя въ нашъ край, то посѣти бѣдное село на берегу Случи и если найдешь ихъ живыми, то поцалуй ихъ отъ меня, а если померли, то отслужи за ихъ мученическія души панихиду!

Я пришелъ въ Житоміръ, явился къ губернатору, чисто-сердечно разсказалъ ему свою страшную исторію и былъ арестованъ. Меня судили, какъ убійцу, и осудили милостиво и человѣколюбиво.

Вотъ тебѣ и вся моя грѣшная повѣсть, мой друже и мой мылый земляче!

А остальное пускай тебѣ доскажутъ кандалы мои и мои преждевременныя сѣдины.

1845 года.
Кіевъ.

ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ [1]).

12. АФЕНДИКИ.

Происхожденіе Афендиковъ видно изъ грамоты господаря земли молдавской Михаила Раковица, относящейся къ 1704 г. и начинающейся слѣд. словами: «понеже явился предъ насъ и предъ нашими молдавскими боярами, большими и малыми, Алеѯандръ Армашуръ, сынъ Петра, отъ села Кохерешты, уѣзда сороцкаго, племянникъ Дмитрія паркалаба, съ племянникомъ своимъ сестринымъ, по имени Афендикъ, великій капитанъ уѣзда сороцкаго... и жаловался..., что имѣетъ нѣсколько вотчинъ отъ прадѣда своего Стефана Лоза-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., январ. кн., стр. 1—16.

нула, паркалаба, по надачи его милости, что имѣлъ прадѣдъ ихъ отъ умершаго Іеремѣя Могилы воеводы» и проч.

Въ 1711 г., Семенъ Афендикъ былъ паркалабомъ сороцкимъ; къ нему писалъ въ іюнѣ этого года Савва Рагузинскій, изъ Немирова: «понеже я по указу всемилостивѣйшаго царя и государя посланъ къ фельдмаршалу Шереметеву подъ команду, для совѣта воинскихъ тайныхъ дѣлъ, и знаю отчасти обхожденіе тамошнихъ народовъ,—представлялъ я достовѣрно о состояніи вашего великодушія и доносилъ, колика есть мочь ваша и христіянское благоговѣніе между тамошними народами, ибо разсудили за благо, по указу его царскаго величества и по приказу г. фельдмаршала и по моему совѣту, назначить вашей христіанской особѣ чинъ полковничества»... За тѣмъ Рагузинскій проситъ Афендика «собрать добрыхъ жолнеровъ конныхъ оружейныхъ 1,000 человѣкъ, которымъ впредь будетъ дано изъ казны его величества на всякаго жолнѣра на сію компанію по 5 рублей».

По окончаніи прутскаго похода, Афендикъ вышелъ изъ Подоліи и получилъ, въ августѣ 1712 г., въ переяславскомъ полку, с. Кулажинцы. Въ универсалѣ о семъ Скоропадскаго читаемъ: «была внесена у насъ поважная инстанція сіятелного графа Бориса Петровича Шереметева за п. Семеномъ Афендикомъ, бывшимъ паркалабомъ сороцкимъ, который, подъ часъ вступленія его царского величества въ границы турскіе ку Пруту, все свое потерявши имѣніе, явную свою ку его величества маестату вѣрную показалъ услугу и теперь для тоей же услуги въ край нашъ удалился, абысмо ему для пожиття и подпоможеня въ ономъ опредѣлили якое въ Малой Россіи сельце; теды мы, гетманъ, по той инстанціи, опредѣляемъ п. паркалабу село Кулажинцѣ, въ полку переяславскомъ будучое, позволяючи въ тамошнемъ дворцѣ жити и одъ посполитыхъ людей послушенство и повинности отбирать». По другому универсалу 1716 г., Скоропадскій подтвердилъ Семену Афендику «листъ» переяславскаго полковника на право «отбирать послушенство» отъ посполитыхъ м. Старой Басани.

Старшій сынъ Семена, Степанъ, при томъ же Скоропадскомъ, по требованію гр. Головкина, получилъ бориспольское сотничество [1];

[1]) Матеріалы военно-ученаго архива главнаго штаба, т. I, стр. 827.

а въ 1724 г. А. И. Румянцевымъ поставленъ былъ переяславскимъ наказнымъ сотникомъ. Въ началѣ января этого года Румянцевъ пріѣзжалъ въ Переяславъ для слѣдствія о челобитныхъ, поданныхъ Полуботкомъ Петру В. въ сентябрѣ 1723 г. и найдя тогдашняго наказнаго полковника, Лукаша Васильевича, не надежнымъ, далъ Степану Афендику слѣдующій указъ: «Сотникъ барышпольскій Афендикъ. По имянному его императорского величества указу, вѣдать тебѣ сей переяславскій полкъ до указу за полковника и будучи въ ономъ урядѣ, со всею старшиною и со всѣмъ посполитствомъ своего полку имѣть доброе снисходительство и управлять всѣ дѣла, какъ въ началѣ, по его императорскаго величества указомъ, такъ и суды полковые, какъ вѣрному и доброму подданному его императорского величества человѣку надлежитъ; не такъ, какъ прежде было, что для своихъ прихотей или смотря на лицо, что бѣдный на богатого никакого суда не найдетъ, но по самой христіанской совѣсти и сущей правдѣ, дабы въ чемъ ты не могъ быть судимъ предъ Богомъ и предъ его императорскимъ величествомъ. А если будешъ поступать противъ его императорского величества указовъ что послабно, или въ судехъ бѣднымъ людемъ чинить волокиту, то не токмо сей и прежній чинъ можешъ потерять, но и животъ свой; что сіе имѣть тебѣ все въ памяти своей, что сіе все вамъ объявлено именнымъ его императорскаго величества указомъ. Да въ здѣшній же полкъ опредѣленъ въ есаулы, до указу, здѣшній городовой атаманъ Романъ Юрьевъ, да въ хоронжіе, до указу жъ, изъ значковыхъ козаковъ Прокофій Перфельевъ, да въ писари полковые, до указу жъ, Карпъ Бурляй, да въ здѣшніе переяславскіе сотники Григорій Драганъ, да въ сотники, по челобитью воронковской сотни, Николай Афендикъ».

---

11. ЛЕВЕНЦЫ.

1. *Прокопъ Левенецъ,* полковникъ полтавскій 1674—75, 1677—78; бунчуковый товарищъ 1685, обозный полтавскій 1687; † 1691.
2. *Иванъ,* бунчуковый товарищъ 1685; сотникъ полтавскій 1687; полковникъ полтавскій 1703—1709; бунчуковый товарищъ 1711—1723 г., правитель (однинъ изъ трехъ) генеральной канцеляріи 1724—1727 . . . . . 1.
3. *Иванъ,* сотникъ старосанджаровскій 1727; обозный полтавскій 1740. . . 2.
4. *Федоръ,* род. 1720; подкоморій полтавскій и надв. совѣтн. 1763 . . . 3.
5. *Петръ,* секундъ-майоръ . . . . 4.
6. *Степанъ,* секундъ-майоръ; маршалъ губернскій полтавскій, 1823. Петръ

и Степанъ имѣніями своими не дѣлились; въ 1798 г. за обоими считалось 1206 крестьянъ . . . . 4.

7. *Иванъ,* поручикъ. Жена Евдокія Васильевна Кривцова . . . . . 6.

Прокофій Левенецъ былъ коноводомъ одной изъ тѣхъ партій полтавскаго полка, которыя такъ часто мѣняли своихъ полковниковъ во второй половинѣ XVII в. [1]) Въ первый разъ Прокофій Левенецъ добился полковничества въ 1674 г., но удержался на этомъ урядѣ только до осени 1675 г. и былъ смѣненъ новымъ претендентомъ—Герцикомъ, который успѣлъ въ это время «подольститься и подмогоричиться» полтавцамъ, какъ говоритъ Кочубей. А подольстился Герцикъ такъ: въ октябрѣ 1675 г. Левенецъ купилъ у Олексы Коваля хуторъ Чорнаго Озера и началъ здѣсь устраивать плотину для водяной мельницы; но когда Левенцова плотина подтопила сосѣднія мельницы, Герцикъ подбилъ полчанъ жаловаться на Левенца гетману. Полтавцы нашли болѣе удобнымъ прежде «скинуть» Левенца и выбрать на его мѣсто Герцика, а потомъ уже послали жалобу гетману Самойловичу. Въ январѣ 1676 г. былъ полученъ отвѣтъ гетмана: «абы больше не важился Прокопъ Левенецъ, бывшій полковникъ полтавскій, перешкоды строити товариству, яко тежъ и мѣщанамъ полтавскимъ, новозанятою греблею его на Черномъ Озерѣ; а видячи, что тая гребля новозанятая есть великою перешкодою реченнымъ людямъ, больше не позволяемъ Прокопу Левенцу кошту на тую новозанятую греблю вкладати и праци (труда) подеймовати [2])».—Но когда Самойловичъ сталъ собирать полки въ Чигиринскій походъ, Левенецъ, какъ искусный военачальникъ, былъ снова выбранъ полковникомъ. Въ апрѣлѣ 1677 г. Левенецъ получилъ отъ царя «милостивое слово,» въ которомъ «полковникъ и все будучое при немъ поспольство похвалялись за обѣщаніе служить вѣрно противъ креста святаго непріятелей [3])». Левенецъ отличился во второмъ чигиринскомъ походѣ, особенно 16 августа 1678 г., когда козаки, не получивъ разрѣшенія отъ Самойловича напасть на турецкій обозъ, «сами, безъ воли гетманской, нечаянно, но мужест-

---

[1]) См. статью о Герцикахъ, Русск. Арх. 1875 г., т. I, стр. 449 и слѣд.

[2]) Протоколы полтавск. полк. суда XVII в., рукопись нашей библіотеки.

[3]) Сборникъ универсаловъ полтавскаго полка, нашей библіотеки.

венно бросились на турецкіе обозы и знатную въ нихъ сдѣлавши шкоду, щасливо вернулись къ своему обозу; только добрые ихъ предводители и знаменитые рыцари—Федоръ Жученко раненъ, а полковникъ Левенецъ, раненный выстрѣломъ изъ янчарки, съ коня свалился, но спасенъ былъ товарищемъ» [1]). За чигиринскіе походы Левенецъ получилъ двѣ похвальныя царскія грамоты, 26 декабря 1677 г. и 25 ноября слѣдующаго. Во второй изъ этихъ грамотъ объявлялось Левенцу: «а которые твоего полку товариство и чернь на тѣхъ бояхъ животъ скончили и мы указали ихъ написать въ вѣчное поминовеніе въ синодикъ великой соборной церкви Успенія пресв. Богородицы».

Не успѣлъ Левенецъ вернуться съ полкомъ домой, какъ противъ него снова поведена была интрига тѣжъ-же Герцикомъ вмѣстѣ съ Жученкомъ. Хотя универсаломъ 9 марта 1679 г. Самойловичъ защищалъ Левенца отъ нападокъ, но вполнѣ его отстоять ему все таки не удалось и полтавскіе полчане снова «скинули» Левенца, поставивъ на его мѣсто Жученка. Самойловичъ, какъ видно, цѣнилъ военныя способности Прокофія Левенца и въ 1685 г. принялъ его вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ «подъ бунчукъ.» Въ универсалѣ 11 мая 1685 г. гетманъ пишетъ: уже и при предшественникахъ нашихъ водилось, что годные и заслуженные въ войскѣ особы, знатность свою и порядки пристойные имѣющіе, окриванны были рейментарскою зверхностью (покровительствомъ) и для оздобы (почета, украшенія) и поваги рейментарской, въ военныхъ походахъ хаживали подъ бунчукомъ рейментарскимъ; потому и мы теперь стариннаго въ полку полтавскомъ мужа и заслуженнаго въ войскѣ товарища Прокопа Левенца съ сыномъ Иваномъ, увольняя отъ полковыхъ службъ, причисляемъ ихъ къ тѣмъ особамъ, которыя подъ знакомъ нашимъ рейментарскимъ ходятъ, съ тѣмъ, чтобы оба они, по нашему приказу, всегда являлись при боку нашемъ и служили-бы тѣ службы, которыя имъ будутъ указаны. При этомъ и Прокопъ Левенецъ съ сыномъ имѣютъ владѣть маетностями своими, какъ наслѣдственными и пріобрѣтенными, такъ и отъ насъ данными, именно селомъ Нижними (Млинами). Такъ желаемъ и приказываемъ, чтобы какъ п. полковникъ полтавскій, такъ и остальное товариство

---

[1]) Величко, т. II, стр. 464.

не чинили бы ему п. Левенцу никакой обиды, оберегая ту его честь, которую мы при немъ укрѣпляемъ; кромѣ того, особо приказываемъ, чтобы п. Левенца ни по какимъ его дѣламъ въ Полтавѣ не судили, но къ намъ, гетману, должны быть подаваемы жалобы на него, а мы розсудкомъ (судомъ) нашимъ такія дѣла будемъ судить и декретовать»[1].... Въ силу этого уневерсала Левенецъ вмѣстѣ съ сыномъ становился внѣ всякой зависимости отъ полковыхъ урядниковъ, т. е. пріобрѣталъ положеніе до того еще почти не извѣстное въ товариствѣ,» которое основано было на равноправности.

Но, какъ видно, полученныя универсаломъ 1685 г. привиллегіи не могли замѣнить для Левенца тѣхъ выгодъ, которыя представляли собою полковые уряды; Левенецъ не могъ отъ нихъ отказаться и въ 1687 г. мы встрѣчаемъ его полтавскимъ полковымъ обознымъ. Въ этомъ рангѣ онъ былъ съ полковникомъ своимъ Герцикомъ на Коломакѣ, гдѣ 25 іюля 1687 г. избранъ былъ на мѣсто Самойловича Мазепа. Левенецъ явился здѣсь однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ Мазепы и, какъ видно, сторонничество Левенца Мазепа не мало цѣнилъ, потому что *черезъ два дня* послѣ своего избранія, тамъ-же на Коломакѣ, выдалъ ему слѣдующій универсалъ: «по волѣ всемогущаго Бога вступивши мы на урядъ гетманства и уважая заслуги п. Прокопа Левенца, обознаго полтавскаго, оказанныя имъ въ войскѣ вообще и при нашемъ на урядъ гетманства вступѣ въ особенности, нашли необходимымъ оказать ему ласку нашу, что исполняя на дѣлѣ, отдаемъ ему село Мильцы, каковою маетностью позволяемъ ему владѣть теперь и на будущее время, обѣщая твердость владѣнія за себя и за нашихъ преемниковъ»[2]. Вниманіе къ Левенцу было такъ велико, что не говоря уже о необычайной формѣ универсала (обязательства за своихъ преемниковъ), послѣ подписи гетмана, была сдѣлана еще приписка:» а тутъ же приказуемъ, абы станцій (квартиръ) войсковымъ людямъ

---

[1]) Универсалъ въ спискѣ XVIII в. въ нашей библіотекѣ. Въ этомъ универсалѣ находимъ первое объясненіе происхожденія „бунчуковыхъ товарищей", чинъ которыхъ совмѣщалъ съ собою ту главную привиллегію, что бунчуковыхъ товарищей могъ судить только самъ гетманъ.

[2]) Въ спискѣ XVIII в. въ нашей библіотекѣ. Универсалъ подписанъ 27 іюля 1687 г.

въ томъ селѣ никто не показувавъ» (не назначалъ). Такихъ привилегій въ другихъ универсалахъ того самаго Мазепы встрѣчать намъ не приходилось. Кромѣ этого, тамъ-же на Коломакѣ, сынъ Прокофія Левенца поставленъ былъ полтавскимъ сотникомъ.

Въ 1691 г. старый Левенецъ умеръ и тогда-же с. Мильцы Мазепа подтвердилъ сыну его Ивану, причемъ опять далъ необычную привилегію: «а тутъ-же докладаемъ и приказуемъ, жебы отдавши онъ, п. Иванъ Левенецъ за тое свое село сто золотыхъ грошей—столповой раты, былъ въ арендѣ воленъ» [1]). И опять эта привилегія дана была въ видѣ приписки къ универсалу, послѣ гетманской подписи, значитъ—безъ участія канцеляріи, а по личному усмотрѣнію Мазепы.

Въ 1703 г. Иванъ Левенецъ былъ уже полтавскимъ полковникомъ. По универсалу 1704 г. Мазепа далъ ему с. Нижніе Млины, которое было уже разъ дано Прокофію Левенцу, но затѣмъ, должно быть, было отобрано. «Просилъ насъ п. Иванъ Левенецъ, полковникъ полтавскій, о наданье себѣ с. Нижнихъ Млиновъ; имѣя особливый нашъ респектъ на значныя заслуги въ войску Запорожскомъ не только отческія, но и его самого, п. Ивана Левенца, какъ прежде полковничества понесенныя, такъ и на самомъ томъ урядѣ, которыя онъ несъ безъ пощадѣнія своего здоровья, даемъ ему село Нижніе Млины».

Полковничій урядъ Иванъ Левенецъ сохранилъ до 1709 г. Въ измѣну Мазепину онъ былъ, кажется, въ числѣ тѣхъ, которые сами не знали, къ какой сторонѣ пристать. Сохранилось извѣстіе, что Левенецъ, узнавъ объ измѣнѣ Мазепы, хотѣлъ было захватить въ с. Жукахъ вдовъ Кочубея и Искры, чтобы отправить къ тому-же Мазепѣ [2]). Но затѣмъ уразумѣвъ, должно быть, шаткость Мазепинаго дѣла, Левенецъ сталъ оборонять Полтаву отъ шведовъ. Въ универсалѣ Скоропадскаго 13 іюля 1709 г. читаемъ: «извѣстно намъ гетману, что подъ часъ измѣны Мазепиной многіе полка полтавского войсковые и посполитые люди, прельщены будучи хит-

---

[1]) „Арендою" назывался откупъ на право продажи водки, табаку и дегтю. Левенецъ освобожденъ былъ отъ „аренды" за единовременный взносъ ста золотыхъ.

[2]) Чтенія Моск. Общ. ист. и др. рос. 1859 г., т. I, стр. 153.

ростію Мазепы и на разныя отчизнѣ нашей вредительныя удавшися замѣшанія, стали противиться войсковымъ порядкамъ и не отдавали должнаго послушанія полковнику своему Ивану Левенцу. Не похваляя такого легкомыслія тѣхъ раскольщиковъ, приказываемъ полтавскимъ полчанамъ, оставивъ всѣ тѣ расколы, свирѣпства и розни, подчиниться издавна утвержденнымъ войсковымъ порядкамъ и во всемъ быть послушными своему полковнику п. Ивану Левенцу, ибо если и за симъ не оставите легкомыслія вашего, то объявляемъ, что всякій, кто-бы онъ ни былъ, ослушникъ нашей воли будетъ казненъ смертью» [1])...

Расколы, о которыхъ говоритъ Скоропадскій, произошли отъ того, что изъ Полтавы пошли за Мазепою всѣ вліятельные люди: родня Орлика—Герцики, полковой обозный Дорошъ Дмитровичъ съ сыномъ Леонтіемъ и полковой судья Иванъ Красноперичъ; всѣ эти лица оставили въ Полтавѣ родню и близкихъ, которые и волновали народъ. Левенцу трудно было справиться съ этими «расколами» и его «вѣрность» повидимому была заподозрѣна. При томъ-же Петру Великому хотѣлось наградить полтавскимъ полковничествомъ другаго полтавца—Ивана Черняка, который въ это время сослужилъ царю нелегкую службу: Черняка Петръ Великій посылалъ въ Крымъ по какому-то, относившемуся до Мазепиной измѣны, дѣлу; порученіе было исполнено, но на возвратномъ пути Чернякъ попался въ руки запорожцевъ и едва успѣлъ отъ нихъ уйти. За эту службу царь наградилъ Черняка полтавскимъ полковничествомъ, которое для этого было отнято у Левенца.

Лишившись полковничества и желая сохранить за собою исключительное положеніе, Левенецъ обратился къ Скоропадскому съ просьбою взять его «въ гетманскую оборону и протекцію», причемъ сослался на универсалъ Самойловича 1685 г. Просьба была удовлетворена универсаломъ 20 ноября 1711 г., въ которомъ читаемъ: «представилъ намъ п. Иванъ Левенецъ, значный товарищъ войсковой, универсалъ антецессора нашего славной памяти Ивана Самойловича, которымъ универсаломъ онъ, съ покойнымъ отцемъ своимъ, въ особливой гетманской состоялъ протекціи, и просилъ нашего на то подтвержденія, вслѣдствіе чего, въ виду заслугъ п.

---

[1]) Арх. полт. двор. депут. собр., дѣло о Левенцахъ.

Левенца, выдаемъ ему сей нашъ универсалъ, которымъ беремъ его въ нашу гетманскую оборону и протекцію, и онъ п. Левенецъ, оставаясь подъ нашею протекціею, походы военные не съ полкомъ своимъ будетъ отбывать, но при боку нашемъ, подъ бунчукомъ, и если кто за симъ отъ Левенца понесетъ какую обиду, то съ жалобою своею долженъ обращаться не въ полковой судъ, но къ намъ гетману и въ судъ генеральный».

Получивъ этотъ универсалъ, Левенецъ остался въ Полтавѣ и жилъ тамъ до 1724 г., внѣ всякаго общественнаго дѣла. Въ январѣ 1724 г. Румянцевъ, при объѣздѣ Малороссіи для повѣрки жалобъ Полуботка на Вельяминова, былъ въ Полтавѣ и встрѣтивъ здѣсь Левенца, нашелъ въ немъ человѣка очень подходящаго для назначенія въ число тѣхъ «правителей генеральной канцеляріи», которыми, по указанію Петра Великаго, долженъ былъ замѣнить генеральную старшину, рѣшавшуюся протестовать противъ учрежденія Малороссійской Коллегіи. Вернувшись изъ своего объѣзда въ Глуховъ, Румянцевъ «правителями» назначилъ: Ивана Левенца, глуховскаго сотника Ивана Мануйловича и бунчуковаго товарища Федора Потребича-Гречанаго. Почти четыре года (съ февраля 1724 по октябрь 1727 г.) вѣдали эти правители дѣлами Малороссіи, но вѣдали изъ подъ-рукъ Вельяминова, безъ дозволенія котораго не смѣли дѣлать никакихъ распоряженій. По намѣренію Петра Великаго «правители» должны были послужить переходною мѣрою при уничтоженіи въ Малороссіи гетманства и замѣнѣ его русскою администраціею. Но по смерти Петра мысль объ уничтоженіи гетманства была оставлена и 1 октября 1727 г. гетманомъ былъ поставленъ Апостолъ. «Правители» остались не у дѣлъ; имъ не дали даже и второстепенныхъ урядовъ, кромѣ впрочемъ Мануйловича. Левенецъ возвратился въ Полтаву, успѣвъ только выхлопотать сотничій урядъ для сына. Послѣ смерти Ивана Левенца сынъ его получилъ богатое наслѣдство: у двухъ внуковъ этого сына было 1,200 крестьянъ, причемъ одинъ изъ нихъ, въ началѣ этого столѣтія, служилъ полтавскимъ маршаломъ, а губернское маршальство тогда необходимо должно было совмѣщать съ собою и богатство.

14. ЛѢСНИЦКІЕ.

1. *Григорій Сахновичъ Лѣсницкій,* полковникъ миргородскій. Жена *Елена*; второй ея мужъ—Степанъ Куницкій.
2. *Данило* . . . . 1.
3. *Дмитрій*. . . . . 1.
4. *Иванъ* . . . . 1.
5. *Григорій,* сотникъ миргородскій 1707. Жена *Марфа Полуботковна* . . 2.
6. *Романъ,* значковый товарищъ 1709 . . . . 2.
7. *Николай,* бунчуковый товарищъ 1759; сотникъ шишацкій 1769, а потомъ коллежскій ассесоръ. Жена *Меланія Ивановна* . . . . 6.
8. *Григорій,* коллежскій ассесоръ. Жена *Елена Андреевна* . . . . . . 6.
9. *Николай,* подполковникъ 1798 . . . . 7.
10. *Владиміръ,* поручикъ 1798 . . . . 7.
11. *Данило,* капитанъ 1798. . . . . 7.

Григорій Софоньевичъ Лѣсницкій извѣстенъ какъ горячій сторонникъ Выговскаго и польской партіи въ Малороссіи. Лѣсницкаго отличалъ уже отъ другихъ и Богданъ Хмельницкій, который, не будучи охотникомъ награждать маетностями службу своихъ сподвижниковъ, для Лѣсницкаго сдѣлалъ исключеніе: Хмельницкій далъ ему м. Шишакъ въ миргородскомъ полку, въ которомъ Лѣсницкій поставленъ былъ полковникомъ на мѣсто Матвѣя Гладкаго [1]). По смерти Хмельницкаго, Лѣсницкій думалъ было самъ стать гетманомъ. Современникъ разсказываетъ, что лѣтомъ 1657 г. «какъ ходило войско запорожское противъ татаръ и гетманъ Б. Хмельницкій, будучи боленъ, посылалъ наказнымъ гетманомъ въ свое мѣсто Грицка (Лѣсницкаго) и далъ ему бунчукъ и булаву; и какъ-де гетмана Хмельницкаго не стало, а ему Грицку про то вѣдомо учинилось и онъ де булавы и бунчука отдать не хотѣлъ; и Иванъ Выговскій посылалъ для того къ нему гетманова сына Юрія; и онъ де Грицко и Юрію булавы и бунчука отдать не хотѣлъ же и держалъ у себе недѣлю, и полковники, собрався, тое булаву и бунчукъ взяли у него неволю и принесли къ Юрію Хмельницкому [2])». Въ это время Лѣсницкій былъ генеральнымъ судьею; но вслѣдъ за смертію Хмельницкаго поставленъ былъ отъ Выговскаго снова полковникомъ миргородскимъ. Не успѣвъ въ своей попыткѣ захватить булаву Хмельницкаго, Лѣс-

---

[1]) Акты юго-зап. Россіи, т. III, стр. 497 и 558.
[2]) Ibid., т. IV, стр. 56.

ницкій сталъ на сторону Выговскаго, съ которымъ и задумалъ установить надъ Малороссіей польскій патронатъ. Съ этою цѣлью онъ сталъ изъ подъ руки возбуждать народъ противъ русскаго правительства [1]), не разрывая сразу отношеній съ послѣднимъ, пока противъ Выговскаго стоялъ сторонникъ русской партіи—Пушкарь. Вліяніе послѣдняго было на столько велико въ южныхъ полкахъ, что и миргородцы, увидѣвъ, куда тянетъ Лѣсницкій, «скинули» его съ полковничества, выбравъ на его мѣсто Степана Довгаля, одномысленника съ Пушкаремъ [2]). Тогда Выговскій послалъ Лѣсницкаго въ Москву—просить помощи противъ Пушкаря. Лѣсницкій успѣшно исполнилъ свое порученіе: помощь Пушкарю не была послана и онъ погибъ. Послѣ смерти Пушкаря Выговскій сталъ открыто на сторону Польши, а съ нимъ вмѣстѣ и Лѣсницкій. Участь Выговскаго извѣстна: въ 1664 г. онъ былъ разстрѣлянъ Маховскимъ; тогда же разстрѣлянъ былъ поляками и Лѣсницкій [3]).

Григорій оставилъ послѣ себя вдову Елену и трехъ сыновей: Данила, Дмитрія и Ивана. Вдова вышла вторично замужъ за какого-то Степана Куницкаго, служившаго у Дорошенка. Въ 1672 г. Куницкій пріѣзжалъ въ миргородскій полкъ отыскивать свою жену, которую и забралъ на правый берегъ Днѣпра, вмѣстѣ съ пасынкомъ Даниломъ [4]). Послѣдній, повидимому, чрезъ отчима тоже былъ близкимъ человѣкомъ Дорошенку. Затѣмъ Данило Лѣсницкій возвратился въ миргородскій полкъ и умѣлъ такъ устроить свои дѣла, что при Самойловичѣ ему было возвращено отцовское мѣстечко Шишакъ и кромѣ того даны еще два села—Матяшовка и Милюшки. Данило Лѣсницкій былъ настолько замѣтнымъ человѣкомъ въ «Войскѣ», что Мазепа подтвердилъ ему право на владѣніе Матяшовкою и Милюшками, вслѣдъ за своимъ избраніемъ, 17 августа 1687 г., а въ 1689 г. возвратилъ и Шишакъ, «яко особѣ у войску запорожскомъ заслужоной». Младшіе братья Данила Лѣсницкаго остались неизвѣстными; о нихъ находимъ одно упоминаніе въ актѣ 1693 г.: «я, Елена Григоріевая Лѣсницкая перваго малженства, а

---

1) Ibid., т. IV, стр. 33, 34, 39, 68 и 71.
2) Ibid., т. IV, стр. 106, 109.
3) Ibid., т. V, стр. 204.
4) Ibid., т. IX, стр. 887.

втораго—Стефановая Куницкая, съ притомностью потомковъ моихъ милыхъ Даніеля, Дмитрія и Ивана Лѣсницкихъ, яко сукцессоровъ добръ позосталихъ по небожчику малжонку моемъ Григорію Лѣсницкому, отцу ихъ, чиню вѣдомо писанемъ моимъ, нижъ ихъ милости отцеве монастыря мгарскаго, за позволеніемъ небожчика Григорія Лѣсницкого, въ диспозиціи своей держатъ лѣсъ, прозываемый Товстый». Поэтому акту вдова Лѣсницкаго, «порадившись» (посовѣтовавшись) съ сыновьями своими, половину лѣса отдала Мгарскому монастырю «въ вѣчность». Въ 1695 г. Данило Лѣсницкій умеръ и Мазепа утвердилъ за его вдовою и дѣтьми Шишакъ и Матяшовку, но уже безъ Милюшекъ. Послѣ Данила остались два сына, изъ которыхъ старшій былъ женатъ на Полуботковнѣ (должно быть дочери Леонтія Полуботка). По универсалу 1709 г. Скоропадскій утвердилъ за Григоріемъ и Романомъ Лѣсницкими Шишакъ и Матяшовку. Этимъ же универсаломъ утверждены были за Лѣсницкими и отцовскія ихъ мельницы на р. Пслѣ но спустя нѣкоторое время миргородскій полковой судья Зарудный одну изъ этихъ мельницъ выпросилъ у гетмана себѣ, увѣривши послѣдняго, что это мельница свободная. Романъ Лѣсницкій пожаловался Скоропадскому, который, увидя свою ошибку, писалъ миргородскому полковнику (Апостолу): «Мой велце ласкавій пріятелю и брате, м. пане полковнику миргородскій. Отдавца листа сего п. Романъ Лѣсницкій, товаришъ полку вашей мости, прекладалъ намъ чрезъ суплѣку свою, что п. Зарудній, судя полковій вм. м. пана, купивши часть мелницкую въ млинѣ, на рѣцѣ Пслѣ стоячомъ, не допускаетъ ему войсковой мѣрочки отбирати, на що онъ п. Лѣсницкій монаршую царского величества грамоту и нашъ мѣетъ унѣверсалъ. Мы прето любо вѣдаемъ, же и п. Зарудній годенъ того респекту, однакъ поневажъ п. Лѣсницкому, по милости монаршой, на отбиране зъ того млина части войсковой дано грамоту и нашимъ ствержено унѣверсаломъ, теди того нарушати трудно; зачимъ прикажи, вм. м. панъ, ему п. Зарудному, жеби онъ мелницкую тилко часть, якую купилъ, зъ того млина отбиралъ, а до войсковой жадною мѣрою (никоимъ образомъ) не интересовался и найменшой бы въ отбираню оной не чинилъ перешкоды. Жадаемъ и зичимъ вм. м. пану доброго отъ Господа Бога здоровя. Зъ Глухова, февр. 9, року 1713». Къ этому письму Скоропадскій сдѣлалъ слѣдующую, болѣе

откровенную приписку: «любо (хотя) выдалисмо были п. Зарудному нашъ унѣверсалъ на часть войсковую, гдѣ онъ и мелницкую себѣ прикупилъ, однакъ мы тое учинили зъ невѣдома, бо онъ п. Зарудній въ томъ насъ подийшолъ (обманулъ), же якобы тая часть не п. Лѣсницкому, але иншому комусь надлежала; а поневажъ теперъ п. Лѣсницкій намъ предложилъ, же онъ, укинувшися въ часть мелницкую, и войсковой забороняетъ по тому нашомъ унѣверсалу, теди жадаемъ вмти, абы приказалъ ему п. Зарудному, жебы онъ жадной п. Лѣсницкому въ отбираню тоей войсковой части не чинилъ перешкоды». Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, хорошо рисуется безсиліе Скоропадскаго, уже при самомъ началѣ его гетманства: и въ это время полковникъ въ своемъ полку гораздо больше значилъ, чѣмъ гетманъ.

А. Лазаревскій.

МАЛОРУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ НОМЕНКЛАТУРА.

Увлекательной стороной западно-европейской, въ частности германской жизни представляется блестящее развитіе наукъ историческихъ и филологическихъ. Изученіе языка, литературы, исторіи, бытовой и политической, сдѣлало столь обширные успѣхи, что нѣтъ такой области германистики, гдѣ нельзя-бы насчитать десятка спеціальныхъ монографій. Серьезное научное изученіе личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именъ начато было въ Германіи въ концѣ 50-хъ годовъ. Классическое сочиненіе въ этомъ направленіи, Altdeutsches Namenbuch Фӧрстемана, вышло въ 1859 г. Затѣмъ полился цѣлый дождь спеціальныхъ изслѣдованій по части Ortsnamen, Familiennamen, Personennamen, Flusnamen, въ Германіи вообще, въ той или другой ея области въ частности.

Въ шестидесятыхъ годахъ Миклошичъ въ «Памятникахъ вѣнской академіи наукъ» помѣстилъ два довольно обширныхъ изслѣдованія объ образованіи славянскихъ мѣстныхъ собственныхъ именъ. Онъ собралъ огромное количество мѣстныхъ славянскихъ названій и распредѣлилъ ихъ по 789 темамъ, въ алфавитномъ порядкѣ. Въ предисловіи къ «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen», Миклошичъ замѣчаетъ, что, согласно съ количествомъ источниковъ и пособій, онъ приводитъ болѣе западно-славянскихъ мѣстныхъ названій, чѣмъ болгарскихъ и русскихъ. Миклошичъ указалъ методъ научнаго изслѣдованія собственныхъ именъ и намѣтилъ пути для дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Масса матеріала осталась не затронутой. Съ теченіемъ времени возникла потребность подвергнуть научному изслѣдованію личныя и мѣстныя собственныя имена каждаго славянскаго народа и опредѣлить мѣстныя краевыя особенности

въ созданіи, сохраненіи и развитіи мѣстныхъ преданій, въ связи съ исторіей края. Въ разныхъ славянскихъ странахъ появились спеціальныя изслѣдованія о мѣстной географической терминологіи. Такъ о чешскихъ собственныхъ именахъ писали Гулаковскій и Брандль, о польскихъ Карловичъ, о сербо-лужицкихъ Бронишъ. Русская наука относительно изученія географической терминологіи сильно отстала отъ науки западно-европейской. Различая въ изученіи собственныхъ именъ двѣ стороны, историко-археологическую и филологическую, нужно сказать, что историческая наша географія довольно давно обратила на себя вниманіе людей науки, и въ этой области писали въ старинное время Надеждинъ и Срезневскій, въ новое время Барсовъ и Андріевскій о лѣтописной топографіи и Замысловскій (въ диссертаціи о Герберштейнѣ) о географическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи Герберштейна. Что-же касается до филологическаго изученія русской вообще, въ частности южно-русской географической терминологіи, то область эта совершенно темная, неразработанная и можно сказать, что изученіе географической терминологіи съ филологической точки зрѣнія стоитъ теперь на очереди и представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что безъ филологическаго изученія географической номенклатуры и связанныхъ съ нею народныхъ преданій историко-бытовое и археологическое ея объясненіе не можетъ быть достаточно вѣрнымъ.

Матеріалъ малорусской географической терминологіи находится въ разныхъ историческихъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ и сборникахъ, преимущественно въ концѣ ихъ, въ указателяхъ или словаряхъ мѣстныхъ названій. Болѣе всего матеріала даютъ «Списки населенныхъ мѣстъ Россіи» и «Городскія поселенія россійской имперіи». Затѣмъ слѣдуютъ I т. «Галицкихъ пѣсенъ» Головацкаго и VII т. «Трудовъ» Чубинскаго, гдѣ приведены наименованія многихъ селъ Галиціи и юго-западнаго края, и «Книга Большаго Чертежа начала XVII ст.», гдѣ находится много названій рѣкъ. Послѣдній источникъ въ историко-географическомъ отношеніи представляется очень цѣннымъ. Въ филологическомъ отношеніи также памятникъ этотъ представляется важнымъ; но при этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторыя наименованія южно-русскихъ селъ и рѣкъ передѣланы на московскій ладъ, напр., Алмазовъ, малор. Глемязовъ, въ древности, вѣроятно, Емесовъ. Недостатокъ всѣхъ этихъ пособій

состоитъ въ ихъ односторонности; наименованы села, города и рѣки, недостаетъ названій лѣсовъ, овраговъ, урочищъ; относящіяся къ селамъ преданія пройдены молчаніемъ. Мы имѣемъ въ рукахъ одни голыя названія, не сопровождаемыя комментаріями о причинѣ и времени ихъ возникновенія. Даже краткія, самыя краткія замѣтки, со словъ крестьянъ, о причинѣ названія селъ служили-бы пособіемъ для изслѣдователя. Въ такомъ случаѣ въ значительной степени устранилось-бы то препятствіе въ толкованіи собственныхъ именъ, которое нѣмецкій ученый Андрезенъ обозначилъ терминомъ конкуренціи объясненій. Напримѣръ, названіе села Злодіевки харьковской губерніи можетъ породить различныя объясненія: или первый его основатель имѣлъ прозвище «злодій», или оно первоначально было заселено людьми преступными, разбойниками, или оно было основано выходцами изъ-за днѣпровскаго села Злодіевки (недалеко отъ Триполья). Чтобы не заблудиться въ объяснительныхъ конкуренціяхъ приходится наводить историческія справки, когда и кѣмъ село основано, справки этнографическія, каковъ нынѣ составъ его населенія по языку и обычаямъ и наконецъ справки топографическія, въ какой мѣстности находится село и какими жилыми мѣстами оно окружено. Послѣдняго рода справки также иногда даютъ хорошіе результаты. Такъ, большое село харьковскаго уѣзда Ольшана получило названіе не отъ ольховаго лѣса, какъ можно думать, а вѣроятнѣе отъ Ольшанки близь м. Богуслава, нынѣшней кіевской губерніи, такъ какъ всѣ названія мѣстностей Ольшаной тѣ-же, что встрѣчаются въ Ольшанкѣ Богуславской [1]). Село Перекопъ харьковской губерніи лежитъ на старинномъ Муравскомъ шляху. Этою дорогою татаре обыкновенно врывались въ Россію. Въ защиту отъ нихъ устроенъ былъ широкій и глубокій ровъ съ валомъ, или перекопъ, отчего произошло и названіе вблизи лежащаго села Перекопомъ [2]). Село Огульцы харьковской губерніи въ старинныхъ актахъ называется Угольцами, и это названіе прилично мѣстности, такъ какъ она расположена въ углу, образуемомъ здѣсь возвышенностью Курскою [3]).

---

[1]) *Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. II, стр. 112.

[2]) Тамъ-же, стр. 267.

[3]) Тамъ-же, стр. 297.

Знаніе малорусскаго языка представляется необходимымъ при попыткѣ научнаго объясненія малорусской географической номенклатуры и тѣ лица, которыя брали на себя этотъ трудъ, безъ знанія языка, дѣлали большіе промахи и ошибки. Такъ, покойный профессоръ Аристовъ въ названіи одной улицы г. Харькова Коцарской усмотрѣлъ археологическій памятникъ кочевавшихъ нѣкогда на юго-востокѣ Россіи хазаръ [1]), и эта ошибка, при обширныхъ знаніяхъ и полной научной добросовѣстности Аристова, была результатомъ того, что переѣхавшему въ южную Россію изъ Казани Аристову былъ неизвѣстенъ малорусскій кустарный коцарскій промыслъ. Коцарская улица названа такъ потому, что здѣсь жили коцарки, женщины, изготовлявшія для продажи ковры, «коци». Еще большій промахъ сдѣлалъ польскій ученый Ступницкій. Названіе галицко-русскаго Покутья онъ произвелъ отъ польскаго слова pokutować, раскаеваться, сожалѣть, причемъ говоритъ, что римляне, поселившись въ предѣлахъ нынѣшней Румыніи и коломыйскаго округа въ Галиціи, «więc pokutowali w tym kraju». Указавъ на эту ошибку, Миклошичъ основательно замѣтилъ, что названіе Покутья происходитъ отъ часто встрѣчающагося малорусскаго слова кутъ, уголъ [2]). Достаточно взглянуть на карту Галиціи, чтобы понять угловое значеніе Покутья, гористой области на границѣ Галиціи и Буковины, между Днѣстромъ на западѣ и Карпатами на востокѣ.

Малорусская географическая номенклатура развилась на почвѣ географической номенклатуры до-монгольскаго періода русской исторіи. Въ лѣтописяхъ находится много указаній на русское населеніе степей и южнаго поморья въ XI—XIV вв., не говоря уже о русскомъ населеніи по среднему Днѣпру и Днѣстру. Главнымъ поприщемъ историческаго развитія русскаго народа въ до-монгольское время были княжества кіевское, волынское, галицкое и черниговo-сѣверское. Въ этихъ областяхъ русское населеніе было густо и потому названія жилыхъ мѣстностей были большею частью русскаго происхожденія. Всматриваясь въ названія мѣстностей юга Россіи, оставшіяся отъ далекихъ вѣковъ, мы видимъ, что южная Россія, сколько ни была она отчуждена отъ средней Россіи и Руси

---

[1]) *Аристовъ*, О половецкой землѣ, стр. 19.

[2]) *Miklosich*, Die slav. Ortsnamen aus Appellativen., I, 5.

кіевской кочевниками, была знакома русскимъ, болѣе того, мы видимъ въ степной Руси слѣды древнихъ русскихъ поселеній, сохранившіеся въ славянскихъ названіяхъ рѣкъ. На югъ за Каневомъ, который былъ еще въ XI вѣкѣ пограничнымъ городомъ Руси на Днѣпрѣ, по лѣвой сторонѣ его, «ратной», какъ выразился древній лѣтописецъ, въ него впадаютъ: Супой, Золотоноша, Кропивна, Сула съ притоками Выремъ, Ромномъ, Лохвицей и Оржицей, Псель съ притоками Ольшаной, Грунями, Хороломъ и Голтвой, Ворскла съ Мерломъ и Коломакомъ, Орель съ Углемъ и Берестовою, Самара съ Овечьей водою, Конская вода. На востокъ отъ Соляной или Муравской дороги въ Азовское море впадаютъ Молочная и Калецъ. На югъ отъ Бѣлгорода въ Донецъ впадаютъ Уды съ Лопанью, Мжа, Сальница, Осколъ съ Валуемъ, Красная, Боромля, Ольховата, Лугань, Калитва [1]. За исключеніемъ двухъ, трехъ названій (Сула, Самара, Осколъ, Уды) сомнительнаго славянскаго происхожденія, всѣ остальныя, здѣсь упомянутыя, встрѣчающіяся на первыхъ страницахъ древней лѣтописи, представляются названіями русскими и впослѣдствіи вошли въ малорусскую номенклатуру, какъ названія свои, родныя.

Украинская географическая номенклатура обширна и разнообразна. Въ сознаніи народа собственнымя именами закрѣплены даже мелкія урочища, пригорки, ручейки, овраги. Въ крестьянскомъ бытѣ почти каждый пригорокъ, каждый ручей имѣетъ важное значеніе межеваго знака или пограничной черты при распредѣленіи поля на души и потому всегда удостоивается особаго названія, въ крайнемъ случаѣ названія «Безыменный». Въ старинное время граница проводилась по рѣкамъ, по балкамъ, отъ кургана къ кургану. Въ описаніи границъ одной части Запорожья въ 1764 г., составленномъ войсковымъ старшиною Андреемъ Порохнею съ избранными стариками по изустнымъ показаніямъ и урочищамъ, мы встрѣчаемъ живую картину степнаго быта и, какъ характерную его черту, важное значеніе географической номенклатуры и связанныхъ съ нею историческихъ преданій: «отъ устья рѣчки Орели», сказано

---

[1]) *Срезневскій,* въ Извѣст. акад. наукъ, 1860 г., т. VII, стр. 316.

въ этомъ актѣ, «Лысой горки по комисареву Шуялковского могилу, которая потому называется Шуялковского, что на оной комисара Шуялковского запорожскими козаками, въ то время, когда ляховъ запорожцы зъ Самары гнали, убито (1635 г.); отъ Рясскихъ могилокъ по Громовую могилу, а нынѣ называемую Майданецъ, которая по той причинѣ Громовою называется, что козака на оной громъ убилъ съ конемъ. Отъ той-же могилы до могилокъ «Три Браты» прозываемыхъ, которыя потому называются «Три Браты», что при оныхъ давними временами три брата отъ нападенія татарскаго отбивались, зъ коихъ одного убито, а двухъ живцемъ взято.... отъ Хрящоватой могилы до Дунаевского Байрака (лощина съ мелкимъ лѣсомъ) въ урочищѣ Березѣ, въ которомъ урочищѣ въ байраку сидѣлъ зимовникомъ козакъ Левушковского куреня Сидоръ Дунай, давними временами, и тамо его набѣгши орда погубила, а потому называется Дунаевъ Байракъ... Между Быкомъ и Добровками могила розроблена (т. е. раскопана). Отъ тѣхъ-же урочищъ на вершинѣ Гришиной балки могила розроблена и тамо козакъ куреня донского Гриша давними временами татарами пострѣлянъ, потому и балка называется Гришиной» и т. д. [1]). Въ историко-литературномъ отношеніи любопытно древнее преданіе о трехъ братьяхъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ татарами, а двое взяты въ плѣнъ. Можетъ быть, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ передѣлкой древней думы о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ турецкой неволи и смерти одного изъ нихъ на высокой Савуръ могилѣ. Правда, въ думѣ два старшіе брата уходятъ на коняхъ и бросаютъ на дорогѣ меньшаго брата, пѣшаго; они благополучно достигаютъ роднаго края, а меньшой братъ погибъ на дорогѣ отъ голода и жажды [2]). Но дума о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова сложена задолго до 1764 г. и въ Запорожьѣ могли быть особые ея варіанты и связанныя съ нею историческія преданія, съ измѣненіемъ главныхъ мотивовъ и съ мѣстными пріуроченіями.

Подобнаго рода означеніе границъ по урочищамъ, курганамъ, балкамъ и въ настоящее время встрѣчается повсемѣстно въ Малороссіи; напримѣръ, въ сѣверо-западныхъ уѣздахъ харьковской гу-

---

[1]) *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

[2]) *Антоновичъ и Драгомановъ*, Историч. пѣсни, т. I, стр. 106.

берніи мы встрѣчаемъ крайне дробныя топографическія обозначенія. Такъ въ одной мѣстности ахтырскаго уѣзда, при черезполосности владѣнія землевладѣльцевъ и крестьянъ, на небольшомъ полѣ сосредоточены земельныя владѣнія многихъ лицъ, отъ 1 до 5 десят. величины, въ перемежку съ полосками крестьянской земли—надѣльной и частной крѣпостной. Крестьяне опредѣляютъ, и землемѣръ наноситъ на планъ земли по урочищамъ Воликовыхъ могилокъ, которыя однако такъ распаханы и смыты дождями, что еле-еле замѣтны надъ землей, по едва замѣтной Росоховатой лощинѣ, по ярочку Тернашъ, въ которомъ нѣкогда дѣйствительно росло нѣсколько терновыхъ кустовъ, а теперь они до одного выкопаны и т. д. Такого рода урочища, какъ Воликовы могилки, должны скоро совсѣмъ исчезнуть подъ плугомъ, и одновременно съ ними исчезнетъ связанное съ ними преданіе о шведахъ, будто бы похороненныхъ въ этихъ курганахъ.

Степень устойчивости мѣстныхъ собственныхъ именъ весьма различна, по роду и свойству мѣстности. Долговѣчность имени зависитъ отъ величины предмета. Названія большихъ рѣкъ и городовъ сохраняются нерушимо въ теченіи столѣтій и даже тысячелѣтій. Днипро старый, Днѣпръ Славутичъ сохранилъ свое имя въ теченіи двадцати вѣковъ. Названія мелкихъ селеній, ручьевъ, улицъ измѣняются иногда довольно быстро, напримѣръ, дважды въ столѣтіе. Такъ, мѣстечко Мизяковъ подольской губерніи въ прошломъ столѣтіи называлось Колумновъ, мѣстечко Подолье подольской губерніи въ прошломъ столѣтіи называлось Буцнёвцами, а въ XVI столѣтіи Мартыновцами, мѣстечко Шаргородъ подольской губерніи въ XVI столѣтіи называлось Корчмаровымъ, въ XV столѣтіи Карачовымъ, а въ XIV, м. б., Княжей Лукой [1]), г. Никополь екатеринославской губерніи въ старину назывался Никитинымъ Перевозомъ, Никитинымъ Рогомъ. Въ одномъ селѣ ахтырскаго уѣзда лѣтъ десять назадъ была улица Голая; теперь она называется Красный Кутъ, потому что застроилась и заросла садами.

Множество малорусскихъ селъ по названію сходно съ селами въ другихъ славянскихъ земляхъ. По замѣчанію Я. Ѳ. Головацкаго,

---

[1]) *Городск. поселенія*, т. IV, стр. 101, 110, 114 и 126.

сопоставленіе славянскихъ географическихъ названій весьма поучительно. Несмотря на долговѣчное разъединеніе славянъ и отчужденіе ихъ другъ отъ друга, отличительная черта славянскаго единства проявляется въ тождественности наименованій странъ, горъ, рѣкъ, городовъ, селеній и пр. въ различныхъ земляхъ славянщины. Внимательный читатель славянскихъ картъ и географическихъ сочиненій пораженъ будетъ часто встрѣчающимися точь въ точь тѣми-же названіями мѣстностей, горъ и рѣкъ въ разныхъ, на большомъ разстояніи находящихся, земляхъ. Цѣлые десятки названій городовъ, селъ, рѣкъ и горъ, лежащихъ на сѣверѣ Карпатъ и въ Галичинѣ, повторяются въ Чехіи и даже за Дунаемъ, въ Сербіи, Хорватіи, Далмаціи и Черногоріи» [1]). Чтобы наглядно убѣдиться въ большомъ сходствѣ мѣстныхъ названій славянскихъ народовъ, достаточно заглянуть во второй томъ «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen» Миклошича. Здѣсь на 789 темъ приведено множество сходныхъ мѣстныхъ названій русскихъ, польскихъ, чешскихъ, хорватскихъ, сербскихъ, болгарскихъ.

Окончанія мѣстныхъ названій разнообразны и въ большинствѣ тождественны съ окончаніями личныхъ и фамильныхъ прозваній. Здѣсь перечислимъ слѣдующія:

а, я: Вила, Яворя.
е ье: Волосате, Рябе, Кунье, Загорье.
ный, ная, нее: Ольшаный, Закотная, Хатнее.
на, ня, но: Вильшна, Локня, Малижино.
ыя: Коломыя, Поломыя.
ба: Ворожба, Журба.
ва (ьва): Котельва, Варва, Жолква, Иква (рѣка).
га (ьга): Тетлега, Кабурьга.
ха (аха, иха, уха): Ницаха, Сениха, Гречиха, Медуха.
акъ, якъ: Коломакъ, Дубнякъ, Березнякъ.
икъ, екъ: Должикъ, Бобрикъ, Смерекъ.
окъ: Кочетокъ, Ясенокъ, Берестокъ.
нько: Поруденько, Кривенко.
сько: Славсько, Босько, Перегинько.

---

[1]) *Головацкій*, Геогр. Словарь, т. XX.

ка: Бабка, Буковинка, Писаревка.
ки: Борки, Валки, Ростоки.
ма: Гольма, Больма.
ла: Смѣла, Тузла.
ля: Боромля, Хотомля, Радомля.
оль, овль: Хороль, Теребовль.
ань: Лопань, Рогань, Лугань.
инъ: Люботинъ, Песочинъ, Лебединъ.
ны: Тростяны, Биляны, Долины.
овъ, *евъ*, *ово*, *ево*: Салтовъ, Зміевъ, Бочково, Добрышево.
ище: Городище, Ставище, Кутище.
ецъ: Липовецъ, Крывецъ, Смерековецъ.
ьце: Сельце, Колоденьце.
ица: Волица, Коровица, Быстрица.
ай: Каврай, Несвѣтай, Бакай.
ачъ: Россохачъ, Лошачъ, Бульбачъ.
ичъ: Коротичъ, Модричъ.
ча: Команча, Теребча.
ра: Хухра, Мотора, Тятра.
аръ, *арь:* Погаръ, Мгарь.
ша, *ща:* Гомольша, Конюша, Лутища.
та: Голта, Гопта.
ата: Мохната, Лисковата.

ы: Сумы, Торы, Куты, Уды, Виры, и послѣ шипящихъ на *и:* Мохначи, Деркачи.

Нѣкоторые суфиксы рѣдко встрѣчаются въ мѣстныхъ названіяхъ, напримѣръ *ай*. Окончанія на *ко* (ьско, нько) встрѣчаются почти исключительно въ Галиціи. Въ Малороссіи вмѣсто него обычны окончанія *ка* или *ки*. Найболѣе распространены въ Малороссіи мѣстныя названія съ окончаніями на *ы* или *и*, что объясняется особенной наклонностью мѣстныхъ названій къ множественному числу и проистекающимъ отсюда подавляющимъ преобладаніемъ формъ множественнаго числа надъ формами единственнаго числа. Согласная *в*, находясь передъ окончаніемъ *ля*, иногда измѣняется въ *м*; по крайней мѣрѣ, переходъ *в* въ *м* замѣтенъ въ харьковской губерніи, напримѣръ, въ названіяхъ: Боромля, Радомля. Большое и торговое село харьковской губерніи Боромля въ документахъ про-

шлаго столѣтія называется еще Боровлей отъ бора, который здѣсь нѣкогда росъ. Нельзя сказать, чтобы это фонетическое измѣненіе было явленіемъ новымъ. Такъ, протекающая въ харьковской губерніи небольшая рѣка Хотомля, давшая названіе с. Хотомлѣ, встрѣчается съ этимъ названіемъ еще въ Книгѣ Большаго Чертежа начала XVII ст. «...Хотомль впала въ Донецъ, а отъ рѣчки Хотомли» [1]... Въ лѣтописяхъ и въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается г. Радомысль, нынѣ м. Радомля могилевской губерніи, м. б. сюда относится названіе польскаго г. Радомъ. Если допустить во всѣхъ этихъ случаяхъ переходъ *в* въ *м*, а въ польскомъ *Радомъ* отвердѣніе слова, съ пропускомъ *л*, то переходъ этотъ имѣлъ мѣсто еще въ глубокой древности.

Мѣстныя собственныя имена подвергаются фонетическимъ измѣненіямъ, согласно съ особенностями мѣстнаго нарѣчія или говора. Такъ, въ Бессарабіи есть Садкоуцы, Раманкоуцы, въ люблинской губерніи Добромиржи, Гродельки, въ Галиціи Прелуки, Барвѣнокъ. Измѣненія вообще незначительны: употребленіе подъ польскимъ вліяніемъ неполногласной формы, замѣна *в* посредствомъ *у*, *и* посредствомъ *е* и т. п. Иногда впрочемъ измѣненіе одной гласной буквы, даже случайное, затемняетъ смыслъ слова. Такъ, въ харьковской губерніи находится село Закотная, на правой сторонѣ р. Айдара. Значеніе словъ: *угловая*, *закутная*, забыто и названіе села немного измѣнилось послѣ того, какъ измѣнилось его положеніе. Первоначально оно основалось между р. Айдаромъ и озеромъ закотнымъ (закутнымъ).

Съ теченіемъ времени мѣстныя собственныя имена измѣняются относительно окончанія. Такъ, р. Лопина въ Книгѣ Большаго Чертежа нынѣ называется Лопань, рѣка и село полтавской губерніи Буромка въ древности носили названіе Буромль, с. Лукомье полтавской губерніи въ древней лѣтописи называется Лукомля.

Вообще окончанія мѣстныхъ собственныхъ именъ находятся во взаимномъ тяготѣніи и встрѣчаются часто въ приложеніи къ одному и тому-же имени въ разныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ: Должикъ въ харьковской губерніи, Должокъ въ Бессарабіи и Должки

---

[1]) *Книга Б. Чертежа*, изд. Спасскаго, стр. 23, 30.

въ Галиціи; Котельва въ харьковской губерніи, Котельна въ Бессарабіи, Котели въ херсонской губерніи и Котлово въ кіевской и екатеринославской губерніяхъ; Пневье въ Галиціи и Пневно въ люблинской губерніи, Липовецъ въ люблинской губерніи, Липняки въ кіевской губерніи, Липняжка въ херсонской губерніи и Липцы въ харьковской губерніи, Лубянка въ херсонской губерніи, Лубне въ Галиціи и Лубны въ полтавской губерніи; Дубина въ полтавской губерніи, Дубне въ Галиціи и Дубно въ волынской губерніи; Смеречне, Смеречка и Смероковецъ въ Галиціи; Коломыя въ Галиціи и Коломакъ въ харьковской губерніи (въ средней Россіи Коломна). Подобное распредѣленіе суфиксовъ при темѣ имени существительнаго въ мѣстныхъ названіяхъ встрѣчается во всемъ славянствѣ. Миклошичъ въ «Die slav. Ortsnamen aus Appellativen» насчиталъ 115 славянскихъ мѣстныхъ названій отъ слова *липа*, 130 отъ сл. *дубъ*, 31 отъ сл. *смереча*, при чемъ встрѣчаются тождественныя съ малорусскими по темѣ и суфиксу.

Часто встрѣчаются сложныя мѣстныя названія, состоящія или 1) изъ предлога и имени существительнаго: Загребелье, Нагоряны, Подгайцы, или 2) изъ имени прилагательнаго и имени существительнаго: Краснокутскъ, Ясногородка, Тихополье, или 3) изъ соединенія имени числительнаго съ именемъ существительнымъ: Пятихатки, Сорокопановка, Триполье, или 4) изъ соединенія двухъ именъ существительныхъ: Павлодаръ, Маріополье, Райгородъ.

Въ составъ сложныхъ мѣстныхъ именъ обыкновенно входятъ слова:

1) *Поле* или *полье*: Павлополье, Злотополье, Бѣлополье, Краснополье, Триполье, Мирополье, Великополе, Райполе. Эти и подобныя названія встрѣчаются во всѣхъ южно-русскихъ губерніяхъ и въ Галиціи. Названіе уѣзднаго города подольской губерніи Ямполь, вѣроятно, представляетъ измѣненіе Янполя или Янополья. Въ херсонской губерніи находимъ село Янополь.

2) *Кутъ*: Золотой Кутъ, Любикутъ, Красный Кутъ, Веселый Кутъ, Гавриловъ Кутъ, Свинячій Кутъ. Слово *кутъ* означаетъ уголъ, край села. Отдѣльно встрѣчается въ обозначеніи селъ въ единственномъ и преимущественно во множественномъ числахъ: Куты въ Галиціи, откуда Покутье. Въ галицко-русской пѣснѣ поется: «Ой славная Коломыя, ще славнійши Куты».

3) *Миръ* или *міръ*: Миргородъ полтавской губерніи, Добромиръ въ любл. и радом. губ., Буймери въ харьк. губ., Немировъ подол. губ. Народное преданіе утверждаетъ, будто на мѣстѣ с. Немирова стоялъ нѣкогда Мировъ, разоренный потомъ татарами въ первое появленіе ихъ въ этомъ краѣ, а позднѣе близъ истребленнаго города возникло новое поселеніе, которое уже называли Немировъ [1]; но преданіе это лишено исторической истины.

4) *Радо*: Радомысль кіев. губ., Радогощь, Радомля или Радощь въ черниг. губ., по Книгѣ Большаго Чертежа [2].

5) *Гость*: Доброгость, Радогость, Гостомля въ кіев. губ. Сложныя слова этаго разряда малочисленны. Въ нихъ сохранилось воспоминаніе о древней торговлѣ, о древнемъ купцѣ, гостѣ.

6) *Кара*, татарскаго происхожденія, въ началѣ мѣстныхъ именъ и фамильныхъ прозваній: Карачагъ, Карасу, Караголь, Карачунъ, Карабашъ. Слово *кара* означаетъ въ турецко-татарскомъ языкѣ черный. Сюда относятся фамильныя названія: Карагеоргіевичъ, Карамзинъ, Каратыгинъ.

7) *Лыкъ*, татарскаго происхожденія, въ концѣ мѣстныхъ названій: Чертомлыкъ, Тагамлыкъ, Каганлыкъ, Сазанлыкъ, Кагарлыкъ, Чачанлыкъ.

8) *Клея* или *глея*, татарскаго происхожденія: Балаклея, Громоклея, Суклея, Чичиклея въ херс. губ., Ирклея въ кіевск. губ., Самоклея въ любл. губ., Дереклея (срав. турец. названія Буюкъдере, вблизи Константинополя и Ѳаки-дере, вблизи Бургаса). Сложныя мѣстныя названія съ *клея* или *глея* (Калаглея) въ концѣ встрѣчаются преимущественно въ степныхъ мѣстахъ.

Въ словообразованіи мѣстныхъ именъ важную роль играютъ простонародныя формы личныхъ именъ. Значительное число мѣстныхъ собственныхъ именъ произведено отъ обиходныхъ въ простомъ народѣ личныхъ именъ. Въ Малороссіи встрѣчаются слѣдующія простонародныя формы личныхъ именъ:

Андрійко (Андрій).
Андрушко (Андрій).
Вакула (Вуколъ).
Василина, Васса (Василиса).
Василь, Васько, Васюта (Василій).
Векла (Ѳекла).
Веремій (Іеремія).

[1] *Город. посел.* въ Рос. имп., т. IV, стр. 37.
[2] *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, стр. 253.

Вивдя (Евдокія).
Гаврикъ (Гавріилъ).
Галя, Ганна, Гандзя (Анна).
Ганнуся, Ганулька (Анна).
Гапка, Гапуся (Агаѳія).
Гапонъ (Агаѳонъ).
Гарасько, Гарасимъ (Герасимъ).
Гнатъ, Гнатко (Игнатій).
Горпина (Аграфена, Агриппина).
Грицька, Грыць, Грыцько (Григорій).
Гурко (Гурій).
Данько (Даніилъ).
Демко (Даміанъ).
Денисъ и Депко (Діонисій).
Дорошъ (Дороѳей).
Евдоха (Евдокія).
Евхимъ (Евфимій).
Енка (Іона).
Иванко, Иванецъ, Ивась, Ивашка, Ивахно (Іоаннъ).
Илько, Иллюха (Илія).
Каленикъ (Калиникъ).
Катря (Екатерина).
Килина, Кулина (Акилина).
Купріянъ (Кипріянъ).
Лесько (Алексѣй).
Луця, Луцька (Лукія, Лукерія).
Левко (Левъ, изрѣдка Леонтій).
Левонъ (Леонтій).
Маруся (Марія).
Матвійко, Мацько (Матѳій).
Микола (Николай).
Митро (Димитрій).
Мотря (Матрона).
Мусій (Моисей).
Нимидора (Минодора).
Ничипоръ (Никиѳоръ).
Овдій (Авдій).
Овсій (Евсевій).
Одарка (Дарія).
Оксана (Ксенія).
Олелько (Александръ).
Олена, Олеся (Елена).
Олешко (Алексѣй).
Омелько (Емельянъ).
Онопрій (Онуфрій).
Онысько (Онисимъ).
Опанасъ (Афанасій).
Оришка (Ирина).
Остапъ (Евстафій).
Охримъ (Ефремъ).
Панько (Пантелеймонъ).
Парася (Параскева).
Пархимъ (Парѳеній).
Педоря (Ѳеодора).
Петько (Петръ).
Пилипъ (Филиппъ).
Попій (Папій).
Прися (Евфросинія).
Радько (Родіонъ).
Самко (Самсонъ).
Самусь (Самсонъ).
Свиридъ (Спиридонъ).
Сенько (Семенъ).
Сидоръ (Исидоръ).
Солоха (Соломонида).
Стеха, Степанида (Стефанида).
Супрунъ (Софроній).
Таця (Татьяна).
Текля (Ѳекла).
Терешко (Терентій).
Тымишъ, Тимко (Тимоѳей).

Титяна (Татьяна).
Тишко (Тихонъ).
Трохимъ (Трофимъ).
Уласъ (Власій).
Уляна (Уліанія).
Устя (Устинія).
Хаброня (Февронія).
Харько (Захарій, и отъ Харитонъ).
Хведиръ, Хведько (Θеодоръ).
Хвенна (Хіонія).
Хвеся, Феся (Θеодосія).
Хвесько, Фесько (Θеодосій).
Хивря (Февронія).
Хима, Химка (Евфимія).
Хома (Θома).
Хтодоря (Θеодора).
Якимъ (Іоакимъ).
Ярема (Іеремія).
Яресько (Іерофей?).
Ярошъ (Іерофей?).
Яцько (Іаковъ).
Юрко (Георгій).
Юхимъ (Евфимій).

Списокъ этотъ можетъ быть значительно расширенъ, во первыхъ, внесеніемъ сокращенныхъ личныхъ именъ, являющихся продуктомъ личнаго произвола, напр., Леся, Петруня, Юрася, во вторыхъ, внесеніемъ мѣстныхъ сокращеній, напр. подъ вліяніемъ польскаго языка среди малоруссовъ люблинской губерніи и Галиціи, какъ Бутримъ отъ Варθоломей, Янъ отъ Іоаннъ. Названія городовъ и селъ по личному имени въ Малороссіи очень многочисленны, особенно въ восточныхъ ея частяхъ, въ губерніяхъ харьковской, екатиринославской и воронежской. Нѣкоторыя мѣстныя названія по личному имени возникли въ очень древнія времена, напримѣръ г. Алешки таврической губерніи. Городъ этотъ въ лѣтописяхъ упоминается подъ именемъ Олешья, въ генуэзскихъ актахъ Elexe или Elice, у восточныхъ географовъ Алеска. Городокъ этотъ считался русскимъ, но въ немъ постоянно находились греческіе торговцы [1]).

Число названій жилыхъ мѣстъ по личному имени въ календарной формѣ въ Малороссіи значительно: Аврамовка, Дарьевка, Исаіе (въ Галиціи). Часто встрѣчаются названія селъ отъ простонародныхъ формъ личнаго имени: Пилипча, Пилипенка, Домаха, Вереміевка, Уласивка, Андрушина, Ромасевъ, Грицуновъ, Грицейковъ, Самусевка, Панасовка, Радьковка, Сеньковка, Вассовка (херс. губ.), Гапсина, Стецовка, Павлышъ, Богуша (отъ имени Богданъ).

---

[1]) *Город. поселенія*, т. IV, стр. 660.

Значительное большинство названій селъ по личному имени возникло посредствомъ перевода во множественное число имени первоначальнаго жителя, напримѣръ: Еньки, Богданы, Иванки, Ивашки, Грины, Гринки, Васильки, Павленки, Павлюги, Левки, Лукаши, Яковцы, Юрки, Савинцы, Савки, Денисы. Изрѣдка встрѣчаются подобныя названія селъ отъ женскаго имени, напр.: Феньки. Названіе города Ромны происходитъ отъ личнаго имени Романъ чрезъ форму множественнаго числа Романы. Въ Книгѣ Большаго Чертежа читаемъ: «А выше Глинска 20 верстъ пала въ Сулу рѣчка Романъ, а на устьѣ градъ Романъ» [1]. Въ настоящее время въ полтавской губерніи находятся села съ названіями Романъ и Романиха.

Многія названія хуторовъ и селъ произведены отъ фамильнаго прозвища перваго ихъ поселенца, большею частью съ переводомъ этого прозвища во множественное число, напримѣръ: Потебни, Циркуны, Щербани, Поваки, Шамраи. Бацманы, Вергуны, Верещаки, Верескуны, Бреусы, Брыси, Брижаки, Бринцы, Гудимы, Скоробогатьки, Чернобаи. Встрѣчаются подобнаго рода наименованія селъ и въ формахъ единственнаго числа, напр. Мазепинъ, Паліевъ, Особикъ, Гордивка, Бакай, Бакаевка, Вродливецъ, Пятибратская, Пятаковщина, Безпальче, Шелегодовщина, Свѣтличное, Сагайдашня. Какъ видно изъ приведенныхъ названій селъ полтавской губерніи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается полное звуковое тождество между фамильнымъ прозвищемъ и мѣстнымъ названіемъ; замѣтно впрочемъ стремленіе народной мысли обозначить отличіе мѣстнаго названія съ помощью окончаній *инъ*, *евъ*, *скій*, *овщина*.

Въ екатеринославской губерніи встрѣчается много селъ съ названіемъ, состоящимъ изъ двухъ личныхъ именъ, мужескаго и женскаго, напримѣръ: Ивано-Дарьевка, Петро-Марьевка, Петро-Еленовка. Иногда на первомъ мѣстѣ стоитъ женское, за нимъ слѣдуетъ мужеское имя, напр. Елено-Константиновка, Катерино-Григорьевка. Одно село называется Иванъ да Марья. Въ юго-западномъ краѣ такія названія селъ очень рѣдко встрѣчаются, а въ Галиціи совсѣмъ не встрѣчаются. Повидимому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ помѣщичьими селами, получившими имя по волѣ владѣльца отъ его имени и имени его жены.

---

[1] *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, 94.

Чаще встрѣчаются наименованія сель по званію помѣщика: Генераловка, Княжа, Грапивка, Маіорская и еще чаще по фамиліи помѣщика, напримѣръ: Беккеровка, Касперовка, Бутовичевка, Штейнеровскій, Кантакузино, Пассековка. Нѣкоторыя изъ этихъ названій служатъ своего рода археологическими памятниками владѣвшаго нѣкогда этими мѣстами богатаго дворянства. Въ названіи украинскихъ селъ сохранились имена нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей. Такъ село Левендаловка харьковской губерніи носитъ на себѣ имя барона Левендаля, который въ войнахъ Миниха 1737—1739 г. командовалъ артиллеріей. Левендаль основалъ и населилъ Левендаловку, но вскорѣ затѣмъ въ 1747 г. оставилъ Россію.

Много селъ названо по панскому произволу. Такъ извѣстный польскій самодуръ половины XVIII ст. Николай Потоцкій заселялъ новыя села, привлекая поселянъ различными льготами, и потомъ тѣшился своими селами, пьянствовалъ въ нихъ, спаивалъ громады и давалъ селамъ названія Піи, Пивци, Николаевка и Потокъ [1]). Въ Малороссіи повсемѣстно, преимущественно въ екатеринославской губерніи, встрѣчаются села съ названіемъ, сочиненнымъ владѣльцемъ, причемъ въ названіи села выражается иногда способъ полученія деревни и отъ кого получена; напримѣръ: Божедарова, Судьбодаровка, Царедаръ, Марьинъ Даръ, Павлодаръ, Иваподаровка, Братьинъ Даръ, Божій удѣлъ, Милость князя, Милость Куракина. Въ верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи, встрѣчается даже поселокъ Богъ-ми-даде. Въ этихъ наименованіяхъ селъ находится отзвукъ той эпохи, когда бывшія владѣнія запорожскихъ козаковъ были разобраны вельможами Екатерины II и послѣдними иногда раздавались въ подарокъ другимъ лицамъ. Получавшіе жирные куски смиренно видѣли въ такомъ полученіи или даръ, или милость со стороны давшаго. Искусственными названіями селъ представляются также слѣдующія: Затишье, Пріятная Долина, Мирная Долина, Благодатная Мыза, Благодатное сельцо, Привольная, Отрада, Убѣжище, Пріютъ, Кинь-горе, Доля, Суженое, Побѣда, Родина. Въ особенности курьезными являются наименованіе селъ именами чужихъ, иноземныхъ странъ, городовъ замковъ,

---

[1]) *Кіев. Стар.*, 1885 г., т. X, стр. 237.

мысовъ. И въ этомъ случаѣ выразился колонизаціонный характеръ заселенія Новороссіи, и притомъ не въ силу естественнаго экономическаго хода народной жизни, а на первое время преимущественно по произволу и согласно съ выгодами отдѣльныхъ лицъ дворянскаго происхожденія, вкусившаго литературнаго сентиментализма. Полнымъ самодурствомъ и нелѣпыми выдумками, непонятными и дикими для народнаго слуха, представляются, напримѣръ, слѣдующія наименованія селъ: въ екатеринославской губерніи Мысъ Доброй Надежды, Зеленый мысъ, Персія, Китай городъ, въ полтавской губерніи Дамаскъ, въ частности, въ лохвицкомъ уѣздѣ Фонтенебло, въ роменскомъ уѣздѣ Монплезиръ, а въ золотоношскомъ Троя и Пальмира.

Замѣтимъ особо о названіи селъ Польшей, встрѣчающемся въ губерніяхъ екатеринославской и полтавской и въ Галиціи. Названіе это имѣетъ самостоятельное происхожденіе и не составляетъ простаго перенесенія слова съ наименованія бывшаго нѣкогда государства польскаго. Оно употребляется въ приложеніи къ небольшой низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или коломыйскаго округа, а также къ нѣкоторымъ селамъ, представляющимъ обиліе полей. Эту особенность слова Польши нужно имѣть въ виду при чтеніи малорусскихъ, преимущественно галицко-русскихъ пѣсенъ. Въ нихъ встрѣчаются выраженія: «Ой нема въ Польшѣ добра, та, вѣдай, и не будетъ», или: «Ой не маемо, цесарику, що въ Польшѣ сидѣти» (отъ польскихъ и жидовскихъ притѣсненій). Было-бы ошибочно здѣсь слишкомъ расширять значеніе слова «Польша» и видѣть въ этихъ пѣсенныхъ выраженіяхъ мнѣніе галицко-русскаго народа о Польшѣ этнографической или бывшей государственной. Рѣчь идетъ не болѣе, какъ о галицко-русскихъ ополянахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ. Угорскій гуцулъ и верховинецъ называютъ Польшей, между прочимъ, низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля [1]). Къ тому-же варіанты приведенныхъ пѣсенъ прямо указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ слова «Польша», какъ-то: «Ой нема добра въ горахъ», «Ой не маемо, цесарику, що на Руси сидѣти».

---

[1]) *Головацкій,* О костюмахъ, стр. 811.

Въ старину, при подчиненіи Малороссіи Польшѣ, и въ новое время, послѣ перехода Малороссіи въ подданство Московскаго государства, т. е. съ 1654 г. возникали города и села съ названіями по имени государя или по имени выдающихся государственныхъ дѣятелей. Такъ г. Батуринъ, въ старинное время Баторинъ, получилъ названіе отъ имени короля Стефана Баторія, заложившаго этотъ городъ въ 1576 г. [1]). Въ концѣ XVI в. Янъ Замойскій построилъ замокъ и городъ Шаргородъ въ честь родоначальника Замойскихъ Флоріана Шараго [2]). Въ тоже время брацлавскій воевода Стефанъ Потоцкій построилъ замокъ и городъ на Днѣстрѣ и назвалъ его Могилевомъ, въ честь своего тестя, молдавскаго господаря, Михаила Могилы [3]). Въ царствованіе Елизаветы Петровны и Екатерины II возникли города Елисаветградъ, Екатеринославъ, позднѣе Константиноградъ (по имени в. кн. Константина Павловича). Въ число лицъ, имена которыхъ легли въ основаніе южно-русскихъ мѣстныхъ названій, попалъ св. Димитрій Ростовскій. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія была построена крѣпость св. Димитрія Ростовскаго. При крѣпости скоро образовалась торговая слобода, получившая въ просторѣчіи названіе Ростова, которое съ теченіемъ времени и укрѣпилось за нею.

Изрѣдка встрѣчаются мѣстныя названія, вызванныя историческими событіями, отношеніями малорусскаго народа къ сосѣднимъ народамъ или отношеніями крестьянскаго сословія къ государственной власти. Такъ въ херсонской губерніи встрѣчается с. Гардо-Громоклейская, отъ слова гардъ, которымъ у запорожскихъ козаковъ назывался пограничный сторожевой постъ [4]); названіе Подымщина указываетъ на подать съ дыма, т. е. дома; названіе Слобода указываетъ на то, что первые поселенцы села освобождены были отъ несенія государственныхъ повинностей.

Встрѣчаются названія селъ по имени церкви или святаго, которому посвященъ мѣстный храмъ, очевидно великорусскія, какъ-то: Церковная, Новоцерковная, Богодуховъ, Воздвиженка, Борисоглѣбовка, Покровское, Святодуховка, Архангельское, Николь-

---

[1]) *Ригельманъ*, Лѣтоп. повѣств. о М. Р., т. I, стр. 24.

[2]) *Город. поселенія*, т. IV, стр, 115.

[3]) Тамъ-же, стр. 54.

[4]) *Скальковскій*, Исторія Новой Сѣчи, т. I, стр. 41.

ское. Такъ какъ церковь не сразу возникаетъ въ селѣ, а послѣ того, какъ оно успѣетъ достаточно развиться и увеличиться, то, нужно думать, названія селъ по мѣстной церкви замѣнили другія названія, существовавшія до построенія церкви.

Довольно рѣдко встрѣчаются села съ названіями, указывающими, откуда вышли поселенцы. Сюда относятся: село Черниговка, харьковской губерніи, названное по первоначальному мѣсту жительства перваго поселенца, малоросса черниговской губерніи, Моисея Щеглова, харьковскія села Ольшана и Злодіевка по имени Ольшанки и Злодіевки кіевской губерніи, черноморскія села Платнировское, Незамаевское, Уманское, Батуринское, получившія названія отъ основателей ихъ, выходцевъ изъ запорожскихъ куреней, или обширныхъ сѣчевыхъ хатъ съ поименованными названіями, вмѣщавшихъ въ себѣ каждая около трехъ сотъ человѣкъ.

Названія нѣкоторыхъ селъ указываютъ на давность заселенія или на внѣшній видъ села, напримѣръ: Новая, Новоселки, Новоселовка, Новокатный, Старово, Старое, Великій, Малый, Мальцы, Куцый, Доляжикъ, Кругликъ, Глубокое, Степная, Ровня, Плоское, Парное (изъ двухъ селъ), Однобоковка, Стайки (хаты разсыпаны кучками, какъ въ полѣ «стайки» ржи), Выползки (на возвышенности), Росоховатка (расходится подъ острымъ угломъ, въ родѣ росохи), Пересѣчная (прорѣзанная большимъ торговымъ шляхомъ).

Нѣкоторыя села получили названіе отъ цвѣта почвы, ими занимаемой, напримѣръ: Бѣлый, Бѣлгородка, Бѣломѣстная (отъ мѣловыхъ горъ), Червоновка, Красная, Красногоровка (отъ красной глины), Желтая (на пескахъ), Зеленая (луговая). Названіе г. Черниговъ, повидимому, происходитъ отъ чернолѣсья, чернаго гая. Подобнаго рода названія часто встрѣчаются въ Малороссіи, напримѣръ: Чернолѣска, Черноноле, Черногорка, Черниговка въ херсонской губерніи, Чернобыль кіевской губерніи, Чернорики и Чернолозка въ Галиціи [1]).

Довольно характернымъ отдѣломъ мѣстныхъ названій представляются названія по количеству хатъ первыхъ поселенцевъ или по раздѣленію села на части, или, въ приложеніи къ рѣкѣ, по числу

[1]) *Списки* насел. мѣстъ, т. XLVII, стр. 742, 66; *Город. посел.*, т. II, 430; *Miklosich*, Die. slav. Ortsnamen, т. II, § 71.

главныхъ источниковъ. Сюда относятся названія селъ: Трихаты херсонской губерніи, Пятихатки, Семихатъ, Двадцатихатъ екатеринославской губерніи, Шестерня (херсонской губерніи), Сорокопановка харьковской губерніи (Объ этомъ любопытномъ селѣ см. сочиненія Г. П. Данилевскаго, II, 229—253), Пятигоры кіевской губерніи. Двуручная харьковской губерніи, названная такъ потому, что отъ этого хутора расходились двѣ большія дороги. Названіе рѣки Сеймъ, повидимому, происходитъ отъ того, что эта рѣка въ обоянскомъ уѣздѣ курской губерніи вытекаетъ изъ семи отдѣльныхъ ключей [1]). Въ памятникѣ начала XVII ст., Книгѣ Большаго Чертежа, рѣка эта нѣсколько разъ упоминается подъ однимъ именемъ Семь [2]).

Малороссіяне хорошо знакомы съ горами. Отроги Карпатъ спускаются въ Галицію и Подолію. Урало-Карпатская гряда мѣстами представляетъ значительныя возвышенности. Правый берегъ малорусскихъ рѣкъ почти всегда болѣе или менѣе гористый, иногда крутой и обрывистый, иногда покатый и лѣсистый, прорѣзанный выходящими къ рѣкѣ ярами и балками. Многія села въ Малороссіи получили названіе отъ словъ *гора*, *скала*, *стѣнка*. Таковы: Горка, Горское, Горовый, Горовещина, Подгорная, Высокогорка, Лысая гора, Островерховка отъ острыхъ возвышенностей горъ, Гороховатка, потому что помѣщается въ пяти глубокихъ оврагахъ и какъ-бы прячется въ горахъ, Скала въ кіевской губерніи, Скелька, Скелевата на берегахъ Днѣпра въ екатеринославской губерніи.

Въ полтавской и харьковской губерніяхъ встрѣчаются село Валковщина и городъ Валки отъ валковъ, т. е. волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ.

Въ восточной Малороссіи, въ харьковской губерніи въ част ности крутой, гористый берегъ рѣки называется стинкой, откуда названіе села Барвинкова Стинка. Сюда-же относится названіе села Пристѣня купянскаго уѣзда. Село это надъ рѣкою Осколомъ на горѣ. Крутая стѣна горы носитъ названіе Пристѣнь, откуда и село Пристѣнь [3]).

Въ Галичинѣ, въ полтавской и кіевской губерніяхъ встрѣчаются Горбы, Горбовщина, Горбъ Высокій, Крутые горбы, Горбки. Въ этихъ

---

[1]) *Дмитрюковъ*, въ Этнограф. Сборн., т. V. Смѣсь, стр, 24.

[2]) *Книга Б. Ч.*, изд. Спасскаго, стр. 11, 12, 84, 86, 87.

[3]) *Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. X, стр. 216.

названіяхъ хранится древне-славянское наименованіе горы горбомъ, откуда пошло названіе цѣлаго народа, хорваты.

Въ гористой части Галиціи сохранилось древнее слово *дѣлъ*, *дилъ* въ значеніи горы. Слово это, между прочимъ, сохранилось въ галицкихъ мѣстныхъ названіяхъ, напримѣръ: Русскій дѣлъ, Ямненскій дѣлъ.

Значительный интересъ представляетъ наименованіе одного села полтавской губерніи Бердовщиной. Принимая во вниманіе, что въ личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именахъ удержались иногда древнія слова, впослѣдствіи вышедшія изъ употребленія, мы думаемъ, что въ приведенномъ названіи скрывается *бърда*, слово до-нынѣ сохранившееся въ гористой Галиціи въ обозначеніи скалистой горы; у сербовъ и чеховъ *брдо* значитъ также гора. Въ равнинныхъ мѣстахъ Малороссіи слово «бердо» въ значеніи горы забыто. Можно думать, что отъ этого слова произошло названіе извѣстной части ткацкаго станка *берды*. Слово это, между прочимъ, находимъ въ стихотвореніи Я. И. Щоголева «Ткачъ:» «теперечки знову берды направивъ, нитки насновавъ» («Ворскло», стр. 51).

Многія малорусскія села въ степныхъ мѣстностяхъ получили названіе отъ ближайшихъ кургановъ или могилъ. Таковы: Могилатовъ, Двѣ могилки, Горомогиловка, Присковатая могила, Рубленыя могилы, Толстыя могилы, Густыя могилы, Громовая могила, Стадная могила. Названіе Могилева на Днѣстрѣ, какъ было уже ранѣе замѣчено, происходитъ отъ фамиліи молдавскихъ господарей Могилъ.

Малороссіяне, какъ извѣстно, любятъ селиться поближе къ водѣ, къ рѣчкѣ или пруду; оттого многія названія селъ заключаютъ въ себѣ указаніе на низменное мѣсто, напримѣръ: Низы сумскаго уѣзда, харьковской губерніи, Поды кобелякскаго уѣзда полтавской губерніи, Пологи (въ полтавской губерніи 5 селъ съ такимъ названіемъ) Подолъ—село въ полтавской губерніи и низменная часть г. Кіева. Значительная часть приднѣстрянскаго края называется Подоліей. При сыновьяхъ и внукахъ Владиміра Святаго приднѣстрянскій край носилъ названіе Понизья, данное ему въ отличіе отъ сѣверо-западной части Галицкаго княжества, называвшейся Горнею страною. Въ XIII ст. Понизье было разорено татарами. Въ половинѣ XIV ст. вел. кн. литовскій Ольгердъ, одержавъ побѣду надъ татарами, освободилъ отъ нихъ Понизье и подъ новымъ

именемъ Подоліи или Подолья присоединилъ его къ своимъ владѣніямъ [1]). Въ херсонской губерніи около 30 селъ носятъ названіе Балки. Къ этому разряду названій, повидимому, относятся Котельва, Котельна, Котели и Котлово въ Малороссіи, г. Котельничъ въ вятской губерніи, Котлинъ островъ въ Финскомъ Заливѣ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа находимъ рѣку Котелъ: «а рѣчка Котелъ... пала въ Осколъ».. Кромѣ того, въ Книгѣ Большаго Чертежа нѣсколько разъ упоминаются Котлубаны, Семицкіе Котлубаны,—рѣчка, впадавшая въ р. Сеймъ. Спасскій высказалъ мнѣніе, что эти Котлубаны, вѣроятно, означали котловины, имѣющія теченіе только въ водополье [2]). Названія мѣстностей отъ слова Котелъ изрѣдка встрѣчаются и у западныхъ славянъ, напр., у Чеховъ с. Котелъ [3]).

Въ названіяхъ селъ и хуторовъ заключается иногда прямое указаніе на то, много-ли находится воды въ данной мѣстности и какого она свойства, или указаніе на почву песчаную, каменистую, солончаковую. Сюда относятся названія: Мокрая, Водяная, Болотница, Порѣчье, Потоки, Двурѣчная, Межиричъ (между двумя рѣками), Островъ (село, огибаемое рѣкой или ея притокомъ), Озеры, Пселовка, Полтава, Коломакъ и многія другія по имени рѣкъ. Съ другой стороны встрѣчаемъ названія: Сухая, Суходолъ, Каменка, Каменовата, Пески, Песочинъ. Пещанка, Солонцы, Солонцоватая, Солоненькое (екатеринославской губерніи), Безводная, Недайвода, Недайводовщина.

Многія села получили наименованіе по садамъ и лѣсамъ или по роду преобладающихъ въ нихъ деревьевъ. Таковы названія: Садки, Вишеньки, Вишня, Яблочное, Гаи, Гаикъ, Подгайе (въ Галиціи), Гаеве, Пидгайцы, Гайсинъ (въ Подоліи), Прилѣсье, Пролѣски, Лиски, Бузовый, Бузки, Березнякъ, Березань, Березовица, Терны, Терновая, Берестовая, Дубина, Поддубновка, Тополи, Липняки, Липовка, Липовецъ, Липцы, Вербовое, Вербки, Смеречка, Смерековецъ (отъ сл. смерекъ, сосна), Осички, Вязовокъ, Ясенокъ, Ясеноватая, Ольховатка, Вильшана, Боровина, Боромля, Боровщина, Боровый, Борки. Къ этому же разряду относятся названія:

---

[1]) *Город. пос.*, т. IV, стр. 6.

[2]) *Книга Б. Ч.*, 216.

[3]) *Miklosich*, D. slav. Ortsnam., т. II, § 249.

Камыши, Камышевата, Тростянецъ, Очеретяна, Кропивна, Нехворощь, Нехворощанка, Хмельникъ (въ подольской губерніи). Названія селъ отъ мелкихъ растеній и травъ рѣдко встрѣчаются.

Мѣстныя названія по имени животныхъ многочисленны и разнообразны. Преобладаютъ названія по крупнымъ животнымъ. Изъ мелкихъ животныхъ «жаба» болѣе всего дала названій селамъ. Иногда бываетъ затруднительно опредѣлить, произошло ли мѣстное названіе отъ животнаго или отъ прозванія перваго поселенца, въ родѣ Жукъ, Ведьмідь, Блоха. Слѣдующія села и рѣки названы по имени животныхъ: Конка, Коновецъ, Жеребецъ, Волыковъ, Овеча, Свинарка, Волча, Крысы, Кроты, Жабки, Жабье, Жабокряки, Жаботинъ, Зміевъ, Гадячъ-Гадячій (полтавской губерніи), Гадючка (херсонской губерніи), Чапли, Орликъ, Лебединъ, Куликъ, Вороньки, Деркачи, Чипижные, Жуки, Блохино. Подобнаго рода названія жилыхъ мѣстностей и рѣчекъ заключаютъ иногда въ себѣ указаніе на породу животнаго, исчезнувшую въ данной мѣстности. Такъ, въ харьковской губерніи находятся рѣки и села съ названіями Бобрикъ, Бобричекъ, Бобровое, въ херсонской губерніи Бобринецъ, Бобрикъ, Бобровый Кутъ, съ указаніемъ на бобра, который, по свидѣтельству старинныхъ актовъ, нѣкогда водился въ Малороссіи въ большомъ количествѣ. Теперь животное это въ харьковской губерніи совсѣмъ не встрѣчается и народъ даже забылъ про него. Мѣстныя собственныя имена, произведенныя отъ бобра, встрѣчаются въ Польшѣ, Чехіи, Сербіи, встрѣчаются также въ Германіи (Biber), при полномъ исчезновеніи самаго животнаго [1]). Въ Великороссіи встрѣчаются и названія селъ отъ бобра, и самое животное. Большое число мѣстныхъ названій отъ бобра можно объяснить тѣмъ, что въ старинное время животное это играло важную роль въ народномъ хозяйствѣ и торговля бобровыми мѣхами была очень выгодной. Къ числу вымершихъ животныхъ, оставившихъ послѣ себя слѣдъ въ малорусскихъ мѣстныхъ названіяхъ, относится еще туръ, дикій быкъ. Въ древности животное это водилось въ восточной и средней Европѣ. Юлій Цезарь въ соч. De bello gallico замѣчаетъ, что туръ водился въ Германіи [2]). Въ Малороссіи встрѣчаются мѣстныя назва-

---

[1]) *Miklosich*, Die, slav. Ortsnam., т. II, стр. 11.

[1]) Тамъ же, стр. 110.

нія: Турово, Турье, Турья, Туры, Тураньско, Туровка, Туровци (въ Галиціи). Въ простомъ народѣ память о турѣ, какъ о звѣрѣ большомъ и тяжеломъ, сохранилась, между прочимъ, въ пословицахъ и поговоркахъ, напримѣръ: «Такъ замерзло, що хочъ туры гони», «Сидыть, якъ туръ у горахъ», «Зъ тобою ходити, якъ зъ туромъ водитись», «Выженемо сирого тура зъ луга», «Збираються, якъ на тура», «Баба, якъ туръ» [1]). Къ этому разряду мѣстныхъ названій слѣдуетъ еще отнести названія селъ Ведмедево и Веприкъ (отъ сл. вепрь, дикій кабанъ); животныя эти также вымерли въ Малороссіи.

Встрѣчаются села съ названіями, происшедшими отъ лежащаго вблизи завода, фабрики или отъ мѣстнаго кустарнаго промысла, напримѣръ: Цегельня, Гуты, Бурты, Тесли (хорольскаго уѣзда), Дегтяри, Бондари, Гончари, Круподеринцы, Пекари, Шевская, Чумаки, Бортня, Рыбки, Рыбальщина, Пасики, Баранники, Грабаровка. Многія села называются по шинку Питейными домами (въ екатеринославской и полтавской 54 поселенія усвоили это названіе). Села, гдѣ развилось скотоводство, получили названія: Скотоватая, Скотарскій. Такое названіе имѣютъ, между прочимъ, хутора на гуртовыхъ дорогахъ, посѣщаемые скотопромышленниками.

Часто въ названіи села заключается похвала или порицаніе, обусловленныя тѣмъ, красива ли мѣстность, достаточно ли воды и т. п. Съ одной стороны сюда относятся названія: Славгородъ, Райгородъ, Хорошево, Хорошки, Доброе, Золотоноша, Золотой, Сребное, Богачка, Обильная, Хлѣбная, Житное, Сладководная, Золотая Криница, Вильна, Весела, съ другой: Нетребивка, Пехотіевка, Странна, Гориславецъ (полтавской губерніи, м. б. отъ древняго фамильнаго прозванія). Идея о бѣдности скрывается въ названіяхъ многихъ селъ. Такъ Голтва зѣньковскаго и кобелякскаго уѣздовъ полтавской губерніи есть собственно Голотва, отъ слова *голота*. Подобнаго рода названія селъ встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Малороссіи: Голотовскіе хутора въ полтавской губерніи, Голотовщина въ лохвицкомъ уѣздѣ, Голтвянскій въ зѣньковскомъ уѣздѣ, Голтво-Ольховой и Голтвинчикъ-Мазуровка въ полтавской губерніи, Голый въ екатеринославской губерніи, Гольцы въ екатеринославской гу-

[1]) *Номисъ*. Приказки, §§ 645, 1353, 2662, 5296.

берніи, Голендры люблинской губерніи. Къ этому разряду названій относятся также: Кривохатка, Обидранка, Недогарки и т. п.

На нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ лежитъ отпечатокъ насмѣшки, напримѣръ, на слѣд. сельскихъ названіяхъ полтавской губерніи: Слѣпородьскій, Вырвихвостъ, Убійсобаковскіе (хутора), Вшивая (херсонской губернія), Слѣпобабова (херсонской губерніи).

Характеристичной чертой народной этимологіи представляется уподобленіе непонятныхъ личныхъ и мѣстныхъ собственныхъ именъ именамъ обиходнымъ, найболѣе употребительнымъ въ народномъ быту. Любопытной представляется ассимиляція инородческихъ или иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ народную лингвистическую форму. Въ народной этимологіи раскрывается такимъ образомъ стойкій и живой духъ народный, сохраняющій свою самобытность и претворяющій въ народный организмъ чужеродныя начала. При всей важности народныхъ словопроизводствъ, съ научной точки зрѣнія, русская, въ частности малорусская народная этимологія почти не затронута людьми науки и даже не собранъ относящійся сюда матеріалъ. Не вдаваясь въ подробное изложеніе малорусской народной этимологіи, по недостатку пособій и матеріала, мы отмѣтимъ здѣсь лишь нѣсколько ея проявленій въ области мѣстныхъ названій. Названіе гор. Ставрополя въ устахъ малорусскаго народа измѣнилось въ Старопилье, путемъ уподобленія многочисленнымъ названіямъ селъ съ окончаніями *поле* или *полье*, какъ Миропилье, Краснопилье, Трипилье и пр. Въ харьковской губерніи по р. Адалагѣ лежатъ села: Старая Водолага, Новая Водолага, Водолажка. По р. Адалагѣ, богатой нѣкогда сѣнными угодьями, кочевали татары, и рѣка носитъ татарское названіе, сохранившееся и въ старинномъ московскомъ документѣ, въ Книгѣ Большаго Чертежа, по росписи 1571 г. Малороссіяне обратили непонятную для нихъ Адалагу въ Водолагу, находя себѣ оправданіе въ обиліи воды и въ близости рѣки къ этимъ селамъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается рѣка Балыкиса и, въ другой формѣ, Булукася. Въ документахъ XVIII ст., приводимыхъ въ Истор.-стат. опис. епархіи архіеп. Филарета, находимъ эти же самыя названія для рѣки и стоящаго на ней одноименнаго села. Нынѣ село называется Балаклея, и здѣсь можно видѣть стремленіе народа произвести это темное слова отъ извѣстнаго глагола балакать, говорить. Нынѣшняя

Евпаторія, таврич. губ., у крымскихъ татаръ носила названіе Геслеве, какъ говорятъ, отъ татарскаго слова «излеве»—подземный ходъ, потому что въ городѣ подъ многими домами находились подземные тайники, изсѣченные въ камнѣ, гдѣ въ смутныя времена жители прятали свои сокровища и укрывались сами [1]). Малороссіяне называли этотъ городъ Козловомъ. Въ Книгѣ Большаго Чертежа онъ названъ Козлевъ. Въ обоихъ случаяхъ, очевидно, обнаруживается стремленіе къ отождествленію татарскаго Геслева съ малорусскими мѣстными названіями отъ слова козелъ, Козловка, Козлишина (въ херсонской губ.), Козивъ (въ Галиціи), Козельщина (въ харьк. губ.), Козинъ (кіев. губ.). Село Бельвю харьковской губерніи называется у крестьянъ Бѣльмомъ.

Въ этнографическихъ предѣлахъ малорусской народности находится множество мѣстныхъ названій инородческаго происхожденія, причемъ одни названія возникли въ глубокой древности, до первыхъ документальныхъ извѣстій о пребываніи русскихъ славянъ на югѣ Россіи, другія въ древнія времена русской исторіи, съ IX до XIV ст., до времени отчетливой національной фармаціи малорусскаго народа, а третія въ дальнѣйшее время, XIV—XIX ст.

Древнѣйшее, до-историческое происхожденіе имѣютъ названія нѣкоторыхъ малорусскихъ рѣкъ: Днѣпръ, Днѣстръ, Бугъ, Ворскла, Осколъ, Уды, Удой, Сула, Сновъ, Можъ. Самыя большія изъ южнорусскихъ рѣкъ, Днѣпръ, Днѣстръ, Донъ и Донецъ, доселѣ сохранили тѣ названія, подъ которыми сдѣлались впервые извѣстными историческому міру двадцать слишкомъ столѣтій тому назадъ. Названія этихъ рѣкъ очевидно однородны, почти тождественны. У древнихъ географовъ для обозначенія этихъ рѣкъ служило одно слово: донъ, данъ, тенъ, или тава, съ прибавленіемъ греческаго окончанія: Танаисъ, Борисфенесъ, Данаприсъ, Данастрисъ, и слово это (донъ или даасъ, откуда пошло и названіе р. Дунай) значило просто рѣка. Оно до сихъ поръ сохранилось еще въ этомъ значеніи у осетинъ, народа иранскаго происхождгнія. По осетински «донъ» означаетъ первоначально воду, потомъ рѣку вообще. Названія большей части осетинскихъ рѣкъ составлены изъ прилагательныхъ именъ

---

1) *Спасскій*. Книга Б. Чертежа. Примѣч. 233.

съ прибавленіемъ этого нарицательнаго, напр. Уръ-Донъ, Хоби-Донъ, Аръ-Донъ [1]). Повидимому, входящія въ составъ названій Днѣпра и Днѣстра слова *прись*, *стрись* дали названія другимъ славянскимъ рѣкамъ: Пруту, Истру. Р. Сновь, черниговской губерніи, съ которою Даніилъ Паломникъ сравниваетъ Іорданъ, повидимому, означаетъ текущую воду: въ санскр. *сну* значитъ течь, *сна* омывать, купаться. Названіе р. Рось, можетъ быть, находится въ связи съ санскр. *арш* течь, орошать, въ смыслѣ изліянія сѣмени, оплодотворенія [2]). Въ названіи р. Сулы обнаруживается сходство съ литов. *sulá*—березовый или кленовый сокъ, *sulot*—пускать изъ себя сокъ, медленно течь, капать. Въ такомъ же отношеніи р. Осколъ, притокъ Донца, при литов. *skal—anti* полоскать, санскр. *кшалати* (изъ *скал.*), течетъ, *кшалаяти*, омываетъ; съ польск. (куявск.) *oskola*, *oszkola* березовый сокъ. Названіе р. Мжа обнаруживаетъ отношеніе къ обще-европейскому корню *mnh*—мочиться, источать сѣмя, лит. *mižti* (срав. слав. мжичка—мелкій осенній дождь). Названіе р. Псель, родит. Псла, малор. Псло, древ.-рус. Пьс-лъ обнаруживаетъ отношеніе къ корню *пис*, что въ дѣтскомъ *писять*, серб. *пишати*, литов. *pissa* [3]). Древнѣйшія названія южнорусскихъ рѣкъ даны несомнѣнно народомъ арійскаго происхожденія, быть можетъ скиѳами, иранское происхожденіе которыхъ представляется довольно вѣроятнымъ. Вообще, объясненіе древнѣйшихъ южно-русскихъ мѣстныхъ названій сопряжено съ большими затрудненіями и требуетъ большой осторожности со стороны изслѣдователя. До какой степени можно фантазировать въ этой темной области филологіи, показываютъ намъ сочиненія г. Безсонова. Безсоновъ съ достойною лучшей цѣли смѣлостью утверждаетъ, напримѣръ, что Черниговъ получилъ названіе отъ того, что въ черниговской губерніи жили геродотовскіе Меланхлены (по греч. Черные плащи), что названіе рѣки Иды происходитъ отъ какихъ-то Удовъ. «Писателямъ, говоритъ г. Безсоновъ, разумѣется, знакомы выводы современной науки(?!), что Уды и Ады, въ началахъ своихъ близкіе со всѣми почти прочими

---

[1]) *Плюшаръ*, Энциклоп. лексик., т. XVII, стр. 159; пот. у *Буслаева*, въ Ист. оч., т. I.

[2]) *Потебня*, Къ исторіи звуковъ, т. III, стр. 107; т. II, стр. 15.

[3]) *Потебня*, къ исторіи звуковъ, т. IV, стр. 67, 68.

народами, были разбиты и разсѣяны извѣстнымъ походомъ Египтянъ XIV вѣка при Сезострисѣ, сглажены Басками и Гебрами(!), вытравлены предками Финновъ, Саксовъ, Киммеріанъ и Боевъ(!), такъ что къ приходу славянъ вся означенная мѣстность (т. е. Россія) давно уже и совершенно была очищена отъ всякихъ элементовъ туркизма». Далѣе г. Безсоновъ, ни мало не смущаясь тѣмъ, что Уды «племя давнее», подробно говоритъ объ ихъ жилищахъ, одеждѣ и даже наружности. «Носъ прямъ, глаза не велики, не растянуты, есть и сѣрые, но больше карые, сухощавы и поджары, воздержны, полнокровны, круглолицы, даже румяны, какъ баре, господа» [1]). Любопытно было бы узнать, какой художникъ изъ Киммеріянъ, Боевъ или Гебровъ сохранилъ для г. Безсонова цвѣтъ удскихъ глазъ и въ какой формѣ, масляными красками или акварелью. Къ сожалѣнію, филологическія и «этнологическія» экскурсіи г. Безсонова въ удскую древность не дали ровно ничего для объясненія названій маленькихъ украинскихъ рѣченокъ Уды и Удая: остается, только пожалѣть, что отъ полнокровныхъ и румяныхъ Удовъ не осталось слѣдовъ въ исторіи.

Въ до-монгольское время русской исторіи на югѣ Россіи перебывало много разныхъ инородцевъ: хазары, печенѣги, торки, ковуи, половцы. Кочевые народы, «поганые толковины», подъ общимъ собирательнымъ названіемъ «черные клобуки» постоянно вторгались въ предѣлы южно-русскихъ княжествъ, селились иногда среди русскихъ и поступали на службу къ кіевскимъ и черниговскимъ князьямъ. Кочевья и вліяніе печенѣговъ и половцевъ захватывали обширныя пространства, отъ Волги до Карпатъ, и память объ нихъ сохранилась въ названіи урочищъ, городищъ и кургановъ. Названія эти большею частью отмѣчены въ Истор.-стат. опис. харьк. епархіи архіеп. Филарета и позднѣе въ сочиненіи Аристова о половецкой землѣ. Любопытно, что мѣстныя названія древняго инородческаго происхожденія встрѣчаются въ Малороссіи на большомъ разстояніи одно отъ другаго, и эта черта не лишена историческаго значенія при опредѣленіи распространенія извѣстнаго народа въ древности. Такъ, въ харьковской губерніи, въ 50 верстахъ къ югу

---

[1]) *Чтенія* въ Моск. Общ. ист. и древн., 1885 г., т. II, стр. 57, 88.

отъ Харькова, находится село Печенѣги. въ гористомъ коломыйскомъ округѣ Галиціи находимъ село Печенѣжино. Принимая во вниманіе, что степные печенѣги входили въ сношенія съ Византіей и поступали на службу къ византійскимъ императорамъ, можно думать, что они иногда кочевали и въ при Днѣстровьѣ и забирались даже въ гористое Покутье. Къ числу древнихъ названій относятся названія с. Бѣлыя Вежи, екатеринославской губ. александрійскаго уѣзда, Казарскаго городища въ воронежской и въ харьковской губерніяхъ, Торчинова городища и р. Торца въ харьковской губерніи. Названіе Кукуево городище въ харьковской губ., повидимому, происходитъ отъ ковуевъ, находившихся на службѣ у черниговскихъ князей. Можетъ быть, къ древнимъ половецкимъ названіямъ, по имени хана Чуги, относятся названія урочищъ, а потомъ городовъ Чугуевъ и Кременчугъ. И въ этой области мѣстныхъ названій можно надѣлать большія ошибки, наклоняя словопроизводство на археологическую сторону, при конкурреціи объясненій, и относя, напримѣръ, на счетъ древнихъ хазаръ такія мѣстныя названія, которыя въ дѣйствительности произошли отъ сл. *коза* или отъ сл. *коцы*.

Въ XIII ст. татары прошли по всей Россіи разрушительнымъ потокомъ. Въ южной Руси многія селенія были уничтожены до-тла, жители ихъ истреблены и обширныя области обратились въ пустыни. По Сѣверному Донцу, Пслу и Ворсклѣ появились татарскія кочевья. Пребываніе татаръ въ южной Россіи въ теченіи многихъ вѣковъ оставило послѣ себя многочисленные слѣды въ названіяхъ городовъ, селъ, въ особенности рѣкъ и степныхъ урочищъ. Всѣ названія съ *кара* въ началѣ или *лыкъ* въ концѣ татарскаго происхожденія, напр. Карань, Карагачъ, Карабашъ, Караголь, Карабыловка, Каракезовка, Тагамлычъ, Сазанлыкъ, Чертомлыкъ, Кагамлычъ, Геленджикъ. Татарскія названія носятъ рѣки Міусъ, Карасу Саксагамъ, Бурлукъ, Сартаба, Кумшакъ, Айдаръ, Койсугъ, села Аулъ (екатеринославской губ.), Балаклея (полтавской и харковской губ.), Ахмедъ, Гаджінвщина (полтавской губ.). Ахмечетъ и Ахмичетка (херсонской губ.). Татарское имя Ахтырки, означающее бѣлый яръ, указываетъ на то, что на мѣстѣ козацкой Ахтырки, нынѣ уѣзднаго города харьковской губерніи, былъ татарскій юртъ. Рѣчка и села харьковской губерніи, купянскаго уѣзда, съ названіями

Дуванка, указываютъ на татарское слово *дуванить*, дѣлить награбленное. На Дуванкѣ былъ притонъ татарскихъ хищниковъ [1]). Въ Малороссіи часто встрѣчается фамильное прозваніе Бакай, Бакаевъ и села Бавай, Бакаево. Въ старинное время извѣстенъ былъ Бакаевъ шляхъ, который шелъ отъ Днѣпра къ Курску. Шляхъ этотъ получилъ названіе отъ имени татарскаго мурзы Баки, о которомъ, между прочимъ, говорится въ Книгѣ Большаго Чертежа: «А Свиная дорога отъ Рыльска до Болхова; а тою Свиною дорогою прихаживали Бѣлогородскіе Татаровя, на Рыльскія, на Карачевскія, на Болховскія и на Орловскія мѣста, Бакай мурза, какъ польскихъ градовъ не было» [2]). Бакай мурза, вѣроятно, ногайскій князь Бака, который въ 1541 г. шелъ войною на Русь съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ. Самое слово *бака* персидское и, быть можетъ, заимствовано татарами отъ персовъ. Не отсюда ли названіе города Бака или Баку въ закавказскомъ краѣ? Названіе: *бакалейная* лавка также персидскаго происхожденія. Относится ли къ этому разряду словъ названіе главнаго города Подолья въ монгольское время Бакоты (нынѣ деревенька новоушицкаго уѣзда),—остается открытымъ вопросомъ.

Литовцы въ XIV и XV ст. и поляки въ XVI и XVII ст. проникали въ южную Русь, то въ видѣ кратковременнаго военнаго движенія, то въ видѣ мирной колонизаціи края и долговременнаго въ немъ пребыванія. Еще ранѣе, въ до-монгольскій періодъ русской исторіи, великіе князья кіевскіе селили иногда въ южной Руси плѣнныхъ литовцевъ и поляковъ. Такъ полагаютъ, что города по р. Роси, и между прочимъ г. Корсунь, были заселены плѣнниками, выведенными Ярославомъ изъ Галиціи и Польши въ войну 1032 года. Движеніе поляковъ на востокъ началось еще въ доисторической древности, и воспоминаніе о древнѣйшихъ его проявленіяхъ сохранилось на первыхъ страницахъ древней лѣтописи въ преданіи о Радамѣ и Вяткѣ. Съ древнѣйшими славянскими поселеніями въ южной Руси, можно думать, произошло то же, что позднѣе въ XVIII и отчасти въ XIX ст. произошло съ поселеніями сербовъ и чеховъ. Они расплавились въ массѣ кореннаго южно-русскаго населенія, ассимилировались съ нимъ, и памятни-

---

[1]) *Архіеп. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп, т. III, стр. 10, т. V, стр. 236.

[2]) *Книга Б. Чертежа*, изд. Спасскаго, стр. 106, 252.

ками литовскаго и польскаго пребыванія въ Малороссіи, особенно въ Малороссіи лѣвобережной, остались почти исключительно мѣстныя названія, въ родѣ: Ляхи, Мазуровка (въ полтавской губерніи), Литовская, Литвиновка, Литвинки (въ екатеринославской и херсонской губерніяхъ).

Названія селъ Ляшки, Лядское, Ляховичи, особенно многочисленныя въ Галицкой Руси, по мнѣнію г. Головацкаго, указываютъ на первоначальное поселеніе польскихъ поселенцевъ. Съ такимъ названіемъ села галицкія принадлежатъ большею частью къ древнѣйшимъ поселеніямъ польскимъ въ Галичинѣ, давно совсѣмъ обрусѣвшимъ, съ русскими приходскими церквами, безъ костеловъ. Напримѣръ, села:

Волька Мазовецкая. . .	1,622	русскихъ и	99	поляковъ.
Ляшки Горные	650	—	12	—
Ляшки Дольные	398	—	9	—
Ляшки Королевскіе. . .	688	—	151	—
Ляшковъ	974	—	19	—
Ляховичи подорожные . .	853	—	29	—
Ляховцы	1,144	—	31	—
Ляцкое	1,417	—	11	—
Ляшки Гостинные . . .	1,046	—	вовсе нѣтъ.	
Ляшки Завязанные . . .	695	—	вовсе нѣтъ [1]).	

А. А. Потебня думаетъ, впрочемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ названій могутъ означать, что село разрослось изъ хутора, въ коемъ сидѣлъ нѣкій Ляшко, Ляховецъ, который могъ уже и не быть полякомъ, или Ляховичъ, коего прозвище рѣшительно русское. На первоначальный племенной составъ съ достаточной ясностью, по мнѣнію проф. Потебни, указываютъ названія Ляцкое и Воля Мазовецкая [2]).

Встрѣчаются села съ названіями румынскими или съ русскимъ названіемъ, но указывающимъ на Румынію. Въ Бессарабіи такихъ селъ много, потому что здѣсь живетъ много молдаванъ. Нѣкоторые мѣстности, населенныя малоруссами и молдаванами, представляютъ

---

[1]) *Головацкій*, Пѣсни Галиц. и Угор. Руси, т. I, стр. 633.

[2]) *Потебня*, О сборн. Головац., стр. 7.

относительно названія ту особенность, что къ русской основѣ слова присоединилось румынское окончаніе, напр.: Братушаны, Ставчаны, Петрешти, Трифонешти. Въ екатеринославской губерніи находимъ с. Волоское, въ херсонской губерніи Волошино, въ харьковской губерніи Волоховку, Волоховъ Яръ. Въ харьковской губерніи есть с. Волоская Балаклейка, получившее названіе Волоской съ 1712 г., когда отъ Шидловскаго перешла въ собственность волоскаго стольника Димитрія Енакія. Царскимъ указомъ 1712 г. вотчины Шидловскаго въ слободскихъ полкахъ, а именно 633 двора черкасскихъ, 42 русскихъ, 35 польскихъ, всего 710 дворовъ, были розданы «волоскаго народа боярамъ, офицерамъ и инымъ, которые съ господаремъ княземъ Кантемиромъ выѣхали» [1]). Тогда-же Кутъ получилъ названіе Волоскаго Кута, потому что отданъ былъ полковнику Ильѣ Абазѣ, румынскаго происхожденія.

Въ Новороссіи встрѣчается много городовъ и селъ съ греческими названіями, которыя дѣйствительно даны частью греками, но большею частью русскими вельможами царствованія Екатерины II. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія изъ Крыма переселились на берега Азовскаго моря около 18,000 грековъ и основали здѣсь 20 селеній и городъ Маріуполь. Наклонность давать возникающимъ городамъ греческія названія возникла при Екатеринѣ II, одновременно съ возникновеніемъ такъ называемаго греческаго проэкта. Въ особенности сильно обнаружилъ эту наклонность великолѣпный фантазеръ Потемкинъ, затѣмъ его преемникъ по управленію новороссійскимъ краемъ Зубовъ. Въ екатеринославскихъ и херсонскихъ степяхъ появились города и села: Ольгополь, Андріанополь, Никополь, Орестополь, Фонйполь. Въ Никополь обратился запорожскій Микитинъ Перевозъ, въ Ольгополь татарскій юртъ, потомъ деревушка Чачаклыкъ. Простой народъ большею частью обернулъ конечное греческое *поль* (отъ греческаго *полисъ*—городъ) въ знакомое *полье* или *пилье*.

Память о сербскихъ поселеніяхъ въ новороссійскомъ краѣ, о такъ называемой Славяносербіи, сохранилась, между прочимъ, въ мѣстныхъ названіяхъ херсонской губерніи: Сербиновка, Сербка, Сербуловъ, Сербуловка, Вуичева, Вукотичева, Текеліева.

---

[1]) *Арх. Филаретъ*, Ист. ст. опис. харьк. еп., т. V, стр. 219.

Встрѣчаются въ юго-западномъ краѣ и въ херсонской губерніи села съ названіями нѣмецкаго происхожденія, указывающія на нѣмецкихъ колонистовъ. Приливъ нѣмцевъ колонистовъ въ южную Россію съ теченіемъ времени усиливается и, согласно съ тѣмъ, умножается число нѣмецкихъ мѣстныхъ названій. Въ бывшихъ владѣніяхъ запорожскихъ козаковъ мы находимъ въ настоящее время Данцигъ, Вормсъ, Дармштадтъ и затѣмъ много Нейдорфъ, Блюменфельдъ, Блюменталь, Розенталь.

Мѣстныя преданія, связываясь съ мѣстными названіями, оживляютъ и одухотворяютъ ихъ. Сухой скелетъ мѣстнаго названія облекается плотью подъ вліяніемъ народно-поэтическаго преданія, и тогда народное вниманіе охотно на немъ останавливается. Не смотря на разноросторонній научный интересъ, представляемый мѣстными преданіями, этотъ отдѣлъ историко-поэтическаго творчества принадлежитъ къ числу самыхъ неразработанныхъ и темныхъ отдѣловъ науки. Мѣстныя преданія, сохранившіяся въ лѣтописяхъ, разсмотрѣны Буслаевымъ и Костомаровымъ. Мѣстныя преданія, живущія въ народѣ въ настоящее время, не только не подвергались научному изслѣдованію, но даже не собраны въ достаточномъ количествѣ. Собранный-же матеріалъ крайне разбросанъ въ книгахъ самаго разнообразнаго содержанія, въ описаніяхъ городовъ, въ путешествіяхъ, въ фамильныхъ запискахъ и мемуарахъ, въ историческихъ и статистическихъ изслѣдованіяхъ, въ разныхъ Губернскихъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Собрать этотъ матеріалъ, при недостаткѣ у насъ спеціальныхъ библіографическихъ указателей, дѣло крайне трудное, а при скудныхъ провинціальныхъ книжныхъ средствахъ положительно невозможное. Волей-неволей приходится довольствоваться немногими крохами.

Изученіе мѣстныхъ преданій интересно преимущественно съ точки зрѣнія народной психологіи. По своему характеру и содержанію, мѣстныя преданія представляются болѣе достояніемъ исторіи литературы, имѣющей дѣло съ поэтическими вымыслами, чѣмъ достояніемъ бытовой и политической исторіи, отыскивающей въ прошломъ факты положительныя, дѣйствія отдѣльныхъ лицъ и реальныя событія въ жизни народной.

Мѣстныя преданія, какъ предметъ интересный и важный въ научномъ отношеніи, заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія, и здѣсь затронуты нами мимоходомъ, въ заключеніе статьи. Мы остановимся, въ двухъ-трехъ словахъ, только на той сторонѣ разсматриваемаго предмета, съ какой должно, по нашему мнѣнію, начаться

специальное и обстоятельное его изученіе: на группировкѣ мѣстныхъ преданій по мотивамъ, прежде всего психологическимъ, затѣмъ бытовымъ и литературнымъ. Прежде всего нужно узнать, какъ возникаетъ и развивается преданіе вообще, какимъ измѣненіямъ оно подвергается съ теченіемъ времени при условіи прогрессивнаго развитія внутренней жизни народа и его внѣшнихъ отношеній къ сосѣдямъ, и затѣмъ уже должно послѣдовать специальное изученіе малорусскихъ народныхъ преданій въ тѣсной связи съ исторіей и бытомъ самаго народа. При такомъ ходѣ научной работы мы узнаемъ общіе и частные элементы народныхъ преданій, затѣмъ элементы заимствованные и оригинальные. Тогда уяснится сущность и значеніе историческаго преданія вообще и степень участія, равно какъ и степень талантливости въ созданіи и развитіи преданій каждаго народа въ отдѣльности.

Мы намѣтимъ здѣсь три разряда мѣстныхъ преданій: одни образовались чрезъ подставку подъ мѣстное названіе сходнаго въ звуковомъ отношеніи личнаго имени (напр. объ основаніи Харькова козакомъ Харькомъ), другія возникли изъ комментарія мѣстнаго названія по противоположности (какъ вышеприведенное о с. Немировѣ), а третьи развились изъ психологическихъ мотивовъ; таковы преданія о Сумахъ, Золотоношѣ, Мошнахъ и Переяславѣ. Названіе послѣдняго произошло будто-бы отъ того, что на этомъ мѣстѣ, по свидѣтельству древней лѣтописи, русскій отрокъ Янъ Усмовичъ убилъ на поединкѣ печенѣжскаго великана и такимъ образомъ «перея славу» отъ печенѣговъ.

При сравнительномъ и критическомъ изученіи такого рода народныхъ преданій многія изъ нихъ останутся въ области вымысловъ и сказаній, но кое-что перейдетъ въ неотъемленную собственность фактической исторіи. Преданія, въ родѣ связаннаго съ окрестностями Никополя о воинственной дѣвицѣ Суркѣ, воевавшей съ Мамаемъ, или о богатомъ родѣ Чурилъ, связанныхъ съ двумя селами подольской губерніи, Куриловцами и Джуриномъ, сохранятъ интересъ для исторіи литературы, а преданія о разбойникахъ, связанныя съ названіемъ с. Могрицы харьковской губерніи или о древнихъ греческихъ поселенцахъ внутри Малороссіи, какъ напр. связанныя съ названіемъ м. Стеблева каневскаго уѣзда кіевской губерніи, окажутся не лишенными значенія для исторіи бытовой.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(продолженіе) [1]).

V.

Бѣда дѣйствительно заглянула въ хату къ Петру, хотя и не сейчасъ и не такого рода, какъ ожидала Варка. Въ ясный октябрскій день обширная хата была полна людей, приходившихъ съ совѣтами и утѣшеніями. Не смотря на то, что Петръ Джурджа уже около двухъ лѣтъ не былъ старостою, онъ по прежнему продолжалъ пользоваться всеобщимъ уваженіемъ и симпатіями жителей Сухой Долины, благодаря своей обходительности, спокойной, серьёзной бесѣдѣ, а въ особенности, можетъ быть, благодаря своей зажиточности. Поэтому, чуть только вѣсть о постигшемъ его несчастьи разнеслась по селу, какъ тотчасъ-же начали заходить къ нему то тотъ, то другой хозяинъ, чтобы распросить о подробностяхъ, потолковать съ опечаленнымъ сосѣдомъ, повздыхать, покачать головою. Одинъ смѣнялъ другаго и посѣщенія были тѣмъ чаще, что лѣтнія и осеннія работы приходили къ концу, а гораздо легче оторваться на часокъ отъ цѣпа и тока, чѣмъ отъ плуга и нивы. Петръ послалъ младшаго сына молотить рожь въ *стодолѣ*, а самъ разсчитывалъ съ утра отправиться съ плугомъ въ поле выпахивать картофель. Но было уже около полудня, а онъ все еще не могъ вырваться изъ хаты. Онъ все время думалъ о картофелѣ, нѣсколько разъ уже открывалъ дверь, чтобы выйти запречь лошадь въ плугъ, но каждый разъ возвращался и снова садился у стѣны на лавкѣ. Онъ не жаловался вслухъ, не вздыхалъ даже, но очевидно

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., майск. кн., стр. 79—107.

у него пропала всякая охота къ дѣлу, руки безсильно опускались на колѣни, а морщины на лбу сдѣлались глубже. На привѣтствія каждаго входившаго сосѣда онъ отвѣчалъ краткимъ: «дай Боже здоровья!» и снова погружался въ молчаніе; по временамъ онъ подымалъ руку ко лбу, губы его начинали двигаться, какъ будто онъ хотѣлъ перекреститься и читалъ молитвы. Сосѣди становятся передъ нимъ или усаживаются на лавкѣ, предлагаютъ нѣсколько вопросовъ и, подивившись и покачавъ головою въ знакъ сочувствія, умолкаютъ, немного повздыхаютъ и уходятъ, уступая мѣсто новымъ посѣтителямъ. Такъ дѣлали мущины, но съ женщинами было совсѣмъ иначе. Онѣ толпою окружали «тапчанъ», на которомъ лежалъ больной Климъ, говорили, подавали совѣты и громко причитали надъ Ганкой, которая тихо плакала, сидя на полу возлѣ «топчана». Красиваго парубка подкосила какая-то сильная горячка, какъ траву косою Онъ лежалъ неподвижно какъ бревно, покрытый клѣтчатымъ килимомъ, съ лицемъ горящимъ, какъ въ огнѣ, и постоянно звалъ мать тихимъ, жалобнымъ голосомъ. Она приподымалась съ земли и, стоя на колѣняхъ, подносила къ его губамъ стоявшій тутъ-же «кухликъ» съ водою Климъ пилъ съ жадностью, а по ея блѣдному, пожелтѣвшему отъ горя лицу, катились слезы. Однако Ганка не кричала, не ломала рукъ и даже рѣдко обращалась къ сосѣдкамъ. Она всегда была одною изъ самыхъ тихихъ женщинъ въ селѣ, какою ужъ она привыкла быть со своимъ серьезнымъ мужемъ въ своей спокойной хатѣ. За то остальныя женщины, тѣсно окружившія тапчанъ, присматривались къ больному и шумѣли какъ на базарѣ, или причитали какъ на похоронахъ. Старая Лободиха, женщина спокойная и зажиточная хозайка, также, какъ и Ганка, утверждала:

— Не вытримае! вже знаю, що не вытримае; я вже не разъ, а може десять разивъ бачила людей у такій хворobи, и жаденъ не вытримавъ.

Ганка еще сильнѣе заплакала и, закрывъ лице руками, закачалась всѣмъ тѣломъ отъ жалости, а жена Максима Бод-

рука, Хвеська, крѣпкая, бойкая баба, оттолкнувъ отъ тапчана предсказывавшую несчастье сосѣдку, въ свою очередь заговорила:

— Чому не витримае? чи то вже милости Божои нема до гришныхъ людей? Господь ще змилуеться и поздоровить ёго. Гапко! Дайте лишень швидче глечика. Чуете, Гапко? треба ему глечика кинути до живота.

Семенова Параска съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ и съ двумя старшими, уцѣпившимися ей за платяе, вѣчно плаксивая, потому что почти постоянно была голодна и въ хлопотахъ, размазывала пальцами слезы на худыхъ щекахъ и причитала:

— Ой, таки багати та щасливи люде, а таки спиткала ихъ лиха година! Ой, Климку, краще-бъ ты бувъ не ïхавъ на той лугъ, не змокъ бы ты бувъ на тому дощи, та не спавъ на тій гнилій копыци! Ой, зъ теи гнилои копыци вылизла та хвороба, та до тебе въ тило влизла... Ой, бидна-жъ твоя головонька молода, бидна!

Дѣйствительно, за нѣсколько дней передъ тѣмъ Климъ ѣздилъ на довольно отдаленный лугъ за скошенной раньше отавой, дорогою промокъ подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ и проспалъ ночь на стогу загнившагося отъ сырости сѣна. Воротившись домой, онъ надѣлъ кожухъ, его трясла лихорадка; но на слѣдующій день сельскіе парубки отправились ловить рыбу въ пруду. Климъ пошелъ вмѣстѣ съ ними, раздѣлся на берегу и часа два пробылъ почти по плечи въ водѣ, помогая тянуть неводъ. Послѣ того онъ слегъ и уже два дня не вставалъ съ тапчана. Онъ былъ въ полной памяти, по временамъ только жаловался на разныя боли, а теперь такъ застоналъ, что старая Лободиха сложила руки, какъ-бы для молитвы и, переступая съ ноги на ногу, спросила Гапку:

— А чи есть у васъ страстна свичка? Вже-бъ ёму бидолашному дати свичку въ руки.

Бодручиха съ своей стороны требовала «глечика», который хотѣла поставить на животъ больному, другія женщины поговаривали шопотомъ о священникѣ и причастіи; молоденькая,

смуглая дѣвушка въ тонкой рубахѣ, съ жолтымъ цвѣткомъ за ухомъ, стоявшая у окна и не сводившая глазъ съ больнаго, громко простонала:

— Ой! Боже-жъ мій, Боже!

Это была дочь Максима Бодрука, самая красивая и богатая дѣвушка въ селѣ, которая пришла сюда будто-бы за матерью, но въ дѣйствительности вслѣдствіе безпокойства о здоровьи Клима и теперь, молча, въ смущеніи стояла у окна. Заливаясь слезами, Гапка поднялась съ полу и вышла въ комору за кувшикомъ, потомъ достала изъ-за образовъ страстную свѣчку, а флегматичная Параска, не отступавшая отъ нея ни на шагъ, шла за нею со своими тремя дѣтьми и продолжала повторять съ упрямствомъ недалекихъ и флегматичныхъ существъ:

— Ой, якъ-бы таки винъ бувъ не ïхавъ на той лугъ, на тимъ дощи не змокъ, та не спавъ на тій гнилій копыци...

Вдругъ, за спиною Гапки, которая, подавши Бодручихѣ глечикъ, снова усѣлась на землѣ у ногъ сына съ кускомъ восковой свѣчки въ рукахъ, раздался громкій, рѣзкій, шипящій женскій голосъ, покрывшій собою разговоры всѣхъ остальныхъ женщинъ:

— Але! Або-жъ то одъ лугу, або одъ дощу, або видъ копыци та хвороба ёму зкоилась? Вона зъ чого иншого прыйшла на ёго и на те вже не Божа воля, а чія инша!

Это говорила Варка, которая уже нѣсколько разъ въ теченіи дня врывалась въ хату и, поглядѣвъ съ минуту на больнаго, уходила, чтобы воротиться снова черезъ часъ или и того меньше. По ея разгорѣвшейся и подвижной физіономіи легко было замѣтить, что она была чѣмъ-то сильно удивлена и озабочена. Она ожидала совсѣмъ не того, что случилось. Выйдя за ворота Петровой хаты, она останавливалась и, приложивъ палецъ ко рту, погружалась въ глубокое раздумье. Потомъ спѣшила домой приготовлять обѣдъ и хоть немного натрепать льна; а это было какъ разъ время трепать ленъ, Варка же очень любила ленъ и, не смотря ни на что, не могла вполнѣ забыть о немъ. При томъ-же и Степанъ, молотившій жито, раза два уже

кричалъ ей черезъ дверь клуни, чтобы она не отлучалась изъ дому, потому что скоро пойдетъ съ нимъ въ поле собирать картофель. Въ этотъ день она просто разрывалась на всѣ стороны. Тутъ хотѣлось трепать ленъ, тамъ звалъ мужъ, а тамъ опять нужно бѣжать къ Петру, уладить важное дѣло. Однако, это дѣло занимало ее больше всего на свѣтѣ; поэтому она еще разъ появилась въ Петровой хатѣ и, услышавши догадки о причинахъ болѣзни, не вытерпѣла и снова заговорила.

— Але-жъ то не одъ лугу, ани одъ дощу, ани зъ гнилои копыци прыйшла на ёго та хороба! И не Божа въ тимъ воля, а чіясь инша.

А когда всѣ присутствующія женщины, не исключая и Бодручихи, стоявшей уже надъ больнымъ съ глечикомъ въ руках, обратили къ ней глаза, она сложила на передникѣ свои загорѣлыя, небольшія, подвижныя руки и проговорила многозначительно:

— То наслано!

— Що? спросили женщины въ одинъ голосъ.

— А тая-жъ хвороба! то ёму хтось поробивъ.

Теперь уже и самъ Петръ и нѣсколько сидѣвшихъ противъ него мущинъ начали прислушиваться къ бабьимъ толкамъ; даже больной обратилъ къ говорившей вопросительный взглядъ помутившихся отъ болѣзни, но все еще сознательныхъ глазъ.

— А—а! съ удивленіемъ произнесло нѣсколько женскихъ голосовъ, а хто-жъ то такій поробивъ?

Варка заговорила, сверкая глазами и переступая съ ноги на ногу:

— Я знаю хто. Це та, що ёму яке-сь зилля давала на любощи. Мабуть не таке воно було, якъ треба, то й замисть кохання зробило хворобу.

Нѣсколько мущинъ пренебрежительно махнули рукою, а Климъ взглянулъ на Варку и, не смотря на боль, засмѣялся короткимъ смѣхомъ, въ смущеніи пряча бороду подъ одѣяло. Его немного смущало, но еще больше радовало извѣстіе о томъ, что кто-то хотѣлъ причаровать его. Онъ тотчасъ застоналъ отъ

сильной боли, но все таки устремилъ мутный взглядъ на красивую Бодрукивну, какъ будто хотѣлъ сказать: а що? бачишъ, якій-то я?—Но молодая дѣвушка, блѣдная отъ страху, не сводила съ Варки испуганныхъ глазъ. Другія женщины, сперва молча раскрывшія ротъ при такомъ неожиданномъ извѣстіи, теперь засыпали ее вопросами. Между тѣмъ Варка, съ свойственной ей живостью, обратилась къ Петру:

— Ходи, Петре, я тоби скажу. Никому не скажу, тилько тоби. Ты батько, то ты й повиненъ помстити кривду свого сына.

Петръ всталъ и вышелъ за нею въ сѣни; тамъ они бесѣдовали въ полутьмѣ цѣлыхъ четверть часа. Въ избѣ между тѣмъ воцарилась тишина; Бодручиха тѣмъ временемъ приставила «глечикъ» къ животу больнаго, какъ бы огромную банку. На дворѣ послышался мужской голосъ, нетерпѣливо звавшій Варку, которая крикнула изъ сѣней: «заразъ! заразъ»! и продолжала разсказывать свое. Остановившись съ плугомъ, запряженнымъ парою лошадей, передъ хатою двоюроднаго брата, Степанъ не могъ дождаться жены и ругалъ ее, какъ только могъ. Только черезъ четверть часа вернулся Петръ въ хату, видимо встревоженный и разгнѣванный. Морщины на лбу его сдѣлались еще глубже, а всегда кроткіе глаза сверкали изъ подъ сдвинутыхъ нахмуренныхъ бровей. Сперва онъ ничего не говорилъ, молча вошелъ въ хату и сгорбившись, свѣсивъ голову, сѣлъ на лавкѣ, плюнулъ и проворчалъ:

— Згинь, пропади, нечиста сило!

Потомъ устремилъ на сына испытующій взглядъ и спросилъ:

— Климе! чи ты пивъ недавно медъ зъ Приською, Яковововою внукою? га? Пивъ, чи ни? Кажи-жъ бо!

Молодому человѣку не легко было отвѣчать на подобный вопросъ въ присутствіи такой многочисленной публики; онъ смѣшался и закрылъ ротъ одѣяломъ.

— Не докучайте, тату, и такъ вси кистки болять.

— Я й не хочу докучати, а такъ для видомосты питаюсь, возразилъ Петръ и прибавилъ почти съ просьбою въ голосѣ:

— Я тебе по батькивськи питаю, чи ты пивъ медъ въ корчми зъ Яковововою Приською.

Красавица Бодрукивна вся вспыхнула при первомъ вопросѣ; она знала, что Климъ затрогиваетъ бѣдную Приську, и не разъ уже хотѣла серьезно разсердиться на него за это, но никакъ не могла: въ характерѣ ея совсѣмъ не было гнѣва. Она опять отвернулась къ окну и громко высморкалась въ пальцы, а затѣмъ слушала со вниманіемъ, что будетъ дальше.

— Ну, пивъ, чи ни? допрашивалъ Петръ сына

— Пивъ, жалобно отвѣчалъ Климъ, тай що зъ того, що пивъ!

Петръ въ отчаяніи махнулъ рукою.

— Ну, такъ ты-жъ зъ тимъ медомъ и свою хворобу выпивъ. Дивка тоби паскудного зилля туды всыпала. На смерть, а не житте, на пропаще, а не на любощи дае видьма людямъ тее зилля.....

Женщины всплеснули руками при этихъ словахъ; измученные и заплаканные глаза Ганки съ выраженіемъ испуга смотрѣли на говорившаго.

— Видьма! вскрикнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Ковалиха! докончилъ Петръ сквозь зубы, всталъ съ мѣста и черезъ минуту снялъ съ полки то самое евангеліе, съ помощью котораго Василина когда-то открыла вора. Подойдя къ больному, отецъ перекрестилъ его и положилъ святую книгу надъ самой его головой на подушкѣ, говоря въ полголоса;

— Ще може Господь змилуеться надъ нами нещасными. Може Божа сила ще подужае нечистую силу. Може ты, сынку, й одужаешъ и самъ одплатишъ за свою кривду тій непріятельци людській! Може я ще по весни пойду зъ тобою разомъ у поле орати; може я еще дижду на твое весилля подивитись....

Петръ не переставалъ крестить сына, прижималъ къ его головѣ святую книгу, и нѣсколько крупныхъ слезъ скатились изъ глазъ его по блѣднымъ, продолговатымъ щекамъ. Климъ былъ сильно встревоженъ и пораженъ этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ; жаръ сильнѣе бросился ему въ голову, глаза загорѣлись горячечнымъ блескомъ, онъ начиналъ терять сознаніе, страшно сто-

налъ и сыпалъ проклятіями. Женщины съ своей стороны подняли крикъ и плачъ, вопили, что все уже кончено, что нужно посылать за священникомъ, что больной даже и не дождется священника и т. д. Лободиха зажгла восковую свѣчку и вложила въ руку больному; Бодрукивна какъ стояла у окна, такъ и упала на колѣни и заголосила съ громкимъ плачемъ:

— Царство небесне, вичный спокій пошли Господи іого душеньци!

Петръ совсѣмъ потерялъ голову и шелъ уже запрягать лошадь, чтобы ѣхать за священникомъ, а идучи весь дрожалъ отъ тоски и злости и сквозь сжатые его зубы вырывались страшныя проклятія:

— Щобъ ій руки й ноги поламало! Бодай вона за слизьми свиту Божого не бачила, та видьма проклята, непріятелька Божа, христіяньска душа, нечистій сыли запродана!

Увидѣвъ въ рукахъ у сына зажженную свѣчку, Ганка пронзительно вскрикнула въ первый разъ, съ быстротою молніи накинула платокъ на растрепанную голову и опрометью бросилась изъ хаты. Сначала она бѣжала по улицѣ, потомъ своротила на ту узкую тропинку, которая между клунями и плетнями огородовъ вела къ жилищу кузнеца.

Стояли ясные дни бабьяго лѣта. Блѣдно-голубое небо, возвышавшееся надъ землею, было такъ чисто, что нигдѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго облака. Разбросанные на пригоркахъ лѣски стояли всѣ въ золотѣ со всевозможными оттѣнками пурпура, а воздухъ, проникнутый рѣзкой, сухой прохладой, былъ такой тихій и чистый, что даже самый легкій вѣтерокъ не колыхалъ серебристой паутины, покрывавшей вѣтки деревьевъ, полевые кустарники и стебли огородныхъ растеній; весь горизонтъ казался круглымъ щитомъ, украшеннымъ рельефною рѣзьбою и покрытымъ пеленою изъ самаго прозрачнаго хрусталя. Въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ, при кроткомъ солнечномъ свѣтѣ, между вспаханной нивой и огородомъ, полнымъ сухихъ стеблей, жилище кузнеца представляло образецъ глубокаго спокойствія, нѣсколько оживленнаго блестящими на солнцѣ окон-

ными стеклами. Тишина обнимала поле и огородъ, бѣлѣющую за огородомъ полосу песку и за нею серебристую поверхность пруда; только два отголоска людскаго труда нарушали тишину: мѣрные, отрывистые, сильные удары кузнечнаго молота и такой-же мѣрный, но болѣе частый и менѣе громкій стукъ трепавшей ленъ *терлыци*. Этотъ послѣдній звукъ, казалось, вторилъ первому, а тяжелые удары молота и частый стукъ *терлыци*, дымъ, вьющійся надъ трубою хаты и пламя, сверкавшее въ открытыя двери кузницы, раздававшіеся въ саду дѣтскіе голоса и по временамъ громкое пѣніе пѣтуховъ,—все это на фонѣ окружающей природы сливалось въ одну кроткую, спокойную гармонію, какъ образецъ чистой, здоровой, трудовой жизни.

Михайло починялъ въ кузницѣ поврежденные осеннею запашкою плуги, Оксана сидѣла въ саду на сухой травѣ подъ пожелтѣвшей уже яблонею, грѣя свои старыя кости при послѣднихъ теплыхъ лучахъ осенняго солнца, а возлѣ нея Стецько, къ великому удовольствію двухъ младшихъ дѣвочекъ, изо всей силы дулъ въ деревянную «сопилку», издававшую пискливые, пронзительные звуки. Въ хатѣ, нѣсколько затемненной низкимъ потолкомъ, занавѣсками изъ цвѣтнаго ситцу и нѣсколькими вазонами съ геранью, миртой и мышкой на окнахъ, никого не было, кромѣ спящаго въ люлькѣ малютки. На полу, на лавкахъ, скамьяхъ, даже на трехъ парадныхъ стульяхъ—вездѣ возвышались темные остроконечные снопики вымоченнаго и высушеннаго льна, одинъ уголъ просторныхъ сѣней наполняли почти до потолка бѣловатыя головы капусты. Не напрасно эти послѣдніе дни ясной, солнечной погоды называются бабьимъ лѣтомъ; въ это время на сельскую работницу сыплется цѣлый градъ всевозможныхъ работъ.

Василина въ этотъ день отъ самаго разсвѣта срѣзывала капусту въ огородѣ и сносила домой, а теперь поставила передъ хатой продолговатую, узкую терлыцю, положила въ нее льну и, ударяя его доскою, снабженной ручкою, отдѣляла мягкія волокна растенія отъ ихъ твердой и сухой оболочки. Одѣ-

тая въ толстую рубаху и нѣсколько приподнятую юбку, босая, въ кругломъ очипкѣ изъ красной китайки, изъ-подъ котораго выбивались пряди густыхъ, темныхъ волосъ, она все чаще и чаще ударяла доскою терлыци, а сухая кострика подымалась въ воздухѣ, сыпалась на ея одежду и окружала ее всю золотистою отъ солнца пылью. Работа была тяжелая; Василина быстро и тяжело переводила дыханіе, задыхаясь отъ сухой пыли, крупныя капли пота покрывали ея лице и лобъ, а на рукѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ выступила кровь. Не смотря на то, она ни на минуту не прерывала работы и такъ погрузилась въ нее, что не слышала ни скрипа отворявшихся воротъ небольшаго дворика, ни быстрыхъ шаговъ приближавшейся къ ней женщины и тогда только подняла голову, когда охрипшій отъ слезъ и гнѣва женскій голосъ произнесъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея:

Чортъ тоби поможи! Бодай ты зъ того лёну смертельни сорочки соби, та своимъ дитямъ [1]) поткала!

Василина подняла голову и глаза ея встрѣтились съ сверкающими глазами Гапки; она выпрямилась, а руки безсильно опустились вдоль тѣла Ее видимо поразило такое привѣтствіе. Приська еще на канунѣ прибѣгала къ ней съ извѣстіемъ о болѣзни Клима. Василина готова была тотчасъ-же бѣжать къ своимъ бывшимъ хозяевамъ навѣстить ихъ, узнать, что тамъ дѣлается, утѣшить, помочь, если можно, но знала, что тамъ дурно отзываются о ней и совсѣмъ не желаютъ ея прихода. Теперь Гапка пришла сама и начала съ проклятій. Непривычная къ брани и крику, несчастная мать, съ похудѣвшимъ и пожелтѣвшимъ лицемъ, и теперь не металась передъ нею, какъ бы сдѣлала другая, напротивъ, почти неподвижно стояла передъ Василиною, въ своихъ плоскихъ башмакахъ, съ большимъ платкомъ на головѣ и только смотрѣла на нее свирѣпымъ взглядомъ. Эта неподвижность, этотъ устремленный на нее взглядъ, эти проклятія —все это вмѣстѣ произвело на Василину такое впечатлѣніе, что она ахнула и отступила на нѣсколько шаговъ, какъ передъ привидѣніемъ.

— Чого хочете, титко? простонала она.

Теперь Ганка закивала головою и, словно ей не хватало уже дыханія, чтобы говорить дальше, повторила нѣсколько разъ:

— Ой ты! ой ты! ой ты!

— Ой ты нечестива! разразилась она наконецъ.—Тожъ ты стильцо литъ нашъ хлибъ ïла, тожъ мы тебе, неначе що добре, любили й голубили... За що-жъ ты намъ теперъ сына отруила?.. га?

Василина всплеснула руками.

— Я вамъ сына отруила? я!

Ганка выступила впередъ и приблизилась къ ней такъ, что ихъ раздѣляла только узкая *терлыця.* Вытянувъ шею, она впилась въ лице молодой женщины ядовитымъ, сверкающимъ взглядомъ. Слова вырывались изъ устъ ея съ протяжнымъ шипѣніемъ:

— Що ты ёму поробила? Скажи, що поробила? яке зилля давала тій дивци, щобъ ёго напоити? Може не давала? га? Скажи, що не давала! Збреши, що тоби пошкодить? Ты вже все едно й такъ пропаща, чортови запродана, Бога зневажати вже не боишся! Скажи, що не давала!

Раскраснѣвшееся отъ работы лице Василины загорѣлось огненнымъ румянцемъ.

— Ага! вскрикнула она, ломая руки.

Теперь она поняла, почему въ Петровой хатѣ приписывали ей болѣзнь Клима, и внезапный страхъ сдавилъ ей сердце, усиленно забившееся въ груди.

— А може воно й одъ того зилля, може винъ и справди зъ того зилля заслабъ, думала Василина.

И слезы набѣгали на ея испуганныя глаза; она отвернулась и стояла нѣмая и неподвижная, какъ пень.

— Ага! крикнула Ганка въ свою очередь, не побожишся, що не давала! Бо таки й дала! Я вже по тоби бачу, що дала, и що все те правда, що казала Варка. Ну, коли-жъ такъ, такъ одроби заразъ, що поробила! чуешъ? Дай що небудь, щобъ выгнати ёму отруту зъ тила! Коли ты видьма, такъ ты уже зна-

ешъ... Коли ты на лихо можешъ поробити, такъ и на добре можешъ... Одроби, що поробила! Чуешь? одроби...

Протянувъ обѣ руки надъ терлыцею, она дергала молодую женщину за рукавъ рубашки, а въ глазахъ ея вмѣстѣ съ гнѣвомъ и ненавистью появилось выраженіе тревоги и просьбы; она продолжала повторять то съ ненавистью, то съ просьбою въ голосѣ:

— Знаешъ, можешъ... Якъ поробила, такъ и одроби...

Василина рванулась, освободила свой рукавъ и простонала, ломая руки.

— Що я можу зробити?.. одчепиться вы одъ мене...

Тогда Ганка, хотя и ослабѣвшая отъ слезъ и горя, съ быстротою серны подскочила къ ней, опустилась на землю и обняла ея колѣни.

— Василино! миленька, голубочка! порятуй ёго! Дай ёму що небудь, щобъ та отрута выйшла ёму зъ тила... Ты-жъ сама іи давала, якъ поробила, такъ и одроби... я тоби за те усёго дамъ... чого тилько схочешъ... и лёну дамъ, и вовны, и яецъ, и полотна, и грошей, коли схочешъ; мы зъ Петромъ ничого не жалкуватимемъ... тилько одроби, що поробила... нехай винъ зостанеться на свити, нашъ голубчикъ миленькій, наша помичъ и надія при старости... Ты знаешъ.. Ивась все одно що никчемный... А цей наша права рука... найкращій нашъ робитникъ... Порятуй ёго! ты знаешъ, можешъ .. якъ наслала, такъ и одроби...

Она обнимала ея колѣни, цѣловала край ея платья. Это материнское горе и отчаянныя просьбы были настоящею пыткою для Василины; вѣдь она и сама была матерью, а съ этою женщиною прожила когда-то столько лѣтъ въ пріязни и согласіи. Она схватилась за голову и заголосила:

— Ой, Боже-жъ мій, Боже! що-жъ мени теперъ почати? Не робила я и одробляти не можу...

Гапка поднялась съ колѣнъ и переспросила шипящимъ голосомъ:

— Не робила! Може й побожишься, що не робила?

Василина опять отвернулась отъ нея и онѣмѣла. Въ головѣ у нея стало темно, какъ въ осеннюю ночь и только вихремъ мѣшались слова.

— И поробила, и не поробила... Може воно й не зъ того, а може и зъ того...

Не въ силахъ будучи дольше выносить этой пытки, она отскочила отъ угрожавшей ей снова женщины и крикнула на половину съ жалостью, на половину съ гнѣвомъ:

— Одчепиться, титко!.. Чого вы одъ мене хочете?.. Идить за порадою для сына до якои знахарки, а не до мене!

Тогда Гапка окончательно вспыхнула и назвала ее вѣдьмою безчисленное множество разъ. Она даже не слишкомъ и проклинала, потому что не имѣла ни привычки, ни опытности въ этомъ дѣлѣ; она только призывала гнѣвъ Божій на голову Василины и ея дѣтей и угрожала местью Петра и всѣхъ «шановныхъ» людей.

— Чекай! чекай! говорила она, стиснувъ зубы и потрясая кулаками; колись буде тоби одъ людей за вси наши кривды, и чортъ, твій пріятель, не вырятуе тебе, якъ прыйде кара людська на твою голову...

И вдругъ, вспомнивъ, что пока она тутъ бранится съ вѣдьмою, дома сынъ ея лежитъ, можетъ быть, уже мертвый, она схватилась обѣими руками за голову, выбѣжала со двора и помчалась обратно въ село, а Василина, гдѣ стояла, тамъ и опустилась на землю и горько заплакала, закрывъ лице руками. Однако-жъ она плакала не долго. Въ хатѣ послышался пискъ проснувшагося ребенка, Василина вскочила и побѣжала въ хату. Тамъ она нѣкоторое время кормила и забавляла ребенка; слышно было, какъ она нѣжно заговаривала къ нему, напѣвала ему пѣсеньки и прерывала ихъ короткимъ смѣхомъ и громкими поцѣлуями. Очевидно, ребенокъ смѣшилъ ее своимъ лепетаніемъ и движеніемъ своихъ маленькихъ ручекъ привлекалъ ея уста для поцѣлуя. Потомъ послышался мѣрный скрипъ люльки и скоро въ хатѣ воцарилась тишина. Абрамко опять уснулъ, а Василина вышла съ узломъ вымытаго бѣлья на плечахъ. Погода

была прекрасная, нужно было до вечера выполоскать бѣлье въ пруду.

Всего шаговъ двѣсти отдѣляло послѣднія жилища Сухой Долины отъ небольшаго пруда. По одну сторону его разстилалась та полоса песку, на которой когда-то, по совѣту старой Оксаны, проводилъ цѣлые дни больной сынъ Петра Джурджи; далѣе окаймляла его полукругомъ узкая полоса луговъ, за которыми чернѣли вспаханныя поля, раскинувшіяся на ближайшихъ пригоркахъ. Лугъ этотъ уже съ давнихъ поръ былъ обращенъ подъ выгонъ для скота. Въ лѣтнее время берегъ пруда по другую сторону представлялъ густую чащу зелени, откуда раздавалось громкое щебетаніе птицъ и кваканье лягушекъ; среди зелени пестрѣли цвѣты голубые, розовые и желтые, красныя ягоды калины, а надъ водою свѣшивались длинныя вѣтки вербы между которыми бѣлѣли стволы высокихъ березъ. Теперь на берегу подъ березами, выдѣлявшимися на голубомъ фонѣ неба какъ тонкія, рѣзныя колонны, подъ красноватыми, вѣчно дрожащими осинами, подъ вербами, полоскавшими въ водѣ свои сѣдыя вѣтви, на сухой травѣ, трещавшей подъ ногами и усѣянной опавшими листьями и сѣрымъ пухомъ репейника, нѣсколько десятковъ женщинъ наклонялись надъ тихою, гладкою поверхностью воды. Онѣ стирали или полоскали уже вымытое дома бѣлье, а отголосокъ ихъ разговоровъ и мѣрные, сухіе удары вальковъ далеко разносились по пустыннымъ полямъ. На полѣ, сколько глазомъ окинуть, видно было только двѣ человѣческія фигуры; мущина шелъ за плугомъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него шла женщина, которая собирала въ передникъ выкопанный картофель и ссыпала въ положенные на бороздахъ мѣшки. Нива, на которой работали эти люди, прямо примыкала къ выгону. То были Степанъ Джурджа и его жена. Грустная это была пара. Онъ шелъ молча, угрюмо, едва склонивъ надъ плугомъ свою сильную фигуру, и только время отъ времени протяжнымъ басомъ покрикивалъ на лошадей: «гоо! гоо! гоо!» Она такъ наклонилась, что смуглое лице ея почти доставало до земли, иногда прямо на колѣняхъ ползала по нивѣ, разгребая

руками темный песокъ, а ея гибкая, худощавая фигура напоминала по временамъ ползающаго по нивѣ червяка. Однако эта совмѣстная работа съ мужемъ, хотя и тяжелая, очевидно не была непріятною для Варки, потому что она, ни на минуту не прерывая работы, по временамъ обращалась любезнымъ тономъ къ проходившему возлѣ нея мужу

— Отъ, хвалити Бога! бульба цёго року якъ та рипа здорова!

Въ другой разъ она заговаривала опять:

— Цикаво, якъ-то тамъ Климъ? чи вже вмеръ, чи ще животіе?

Или еще:

— Степане! треба-бъ у недилю поихати до церкви, тай хлопця зъ собою узяти и молебень одправити; може-бъ винъ таки здоровишій ставъ...

Но Степанъ не отвѣчалъ ни слова, какъ будто и не слышалъ того, что говорила жена, а между тѣмъ въ ея голосѣ, всегда рѣзкомъ и раздраженномъ, на этотъ разъ звучали сердечныя ноты. Она затрогивала мужа, вызывала его на разговоръ, разъ даже засмѣялась и, стоя на колѣняхъ на землѣ, бросила ему въ спину картофель. Онъ только обернулся, что-то проворчалъ сквозь зубы и продолжалъ нажимать плугъ, угрюмо покрикивая на лошадей: »нуу!» Правда, онъ не разсердился, но и не сказалъ добраго слова, и лице его не прояснилось. Женщина опять наклонилась къ землѣ и молча, печально продолжала ползать по нивѣ. Вдругъ она подняла голову. Степанъ, стоявшій теперь лицемъ къ пруду, остановилъ лошадей и, какъ будто поправляя что-то возлѣ плуга, смотрѣлъ въ ту сторону, откуда подходила къ пруду женщина съ мѣшкомъ мокраго бѣлья на спинѣ. Онъ съ такимъ напряженіемъ смотрѣлъ на эту женщину, что всѣ мускулы и морщины на его лицѣ сгладились, лице озарилось блаженной, нѣсколько наивной улыбкой. Глаза Варки устремились въ ту-же сторону; въ приближавшейся женщинѣ она сразу узнала Василину и взвизгнула какъ-бы отъ прикосновенія раскаленнаго желѣза.

— Чого ставъ, якъ той пень! крикнула она мужу и, все болѣе и болѣе возвышая голосъ, заставляла его идти дальше. Мученіе

всей ея жизни, страшное мученіе—ревность, снова овладѣло ею и пробуждало въ ней бѣшеную злость.

Между тѣмъ Василина подошла къ стоящимъ въ водѣ женщинамъ и привѣтливо поздоровалась съ ними. Только одинъ голосъ, и то какъ-то тихо, несмѣло отвѣчалъ ей взаимнымъ привѣтствіемъ. То была молодая Лободиха, которая, какъ невѣстка одною изъ самыхъ достаточныхъ хозяевъ въ селѣ, любимая мужемъ и цѣлою семьею, одна только рѣшилась, хотя и несмѣло, выразить ей свое расположеніе. Иныя женщины, какъ-бы не замѣчая Василины, молча продолжали работу, другія поднимали голову и осматривали ее взглядомъ, въ которомъ любопытство и робость смѣшивались съ отвращеніемъ и гнѣвомъ.

Василина уже хорошо понимала, что все это значило и стала въ сторонѣ подъ развѣсистой вербой, у подножія которой плавала привязанная къ ней лодка. На этой лодкѣ ѣздили обыкновенно сельскіе парубки, когда ловили плотичекъ и карасей, не рѣдко также и женщины, жившія по ту сторону пруда, переправлялись въ ней для сокращенія пути. Василина расположилась возлѣ лодки, опустила въ воду принесенное бѣлье и начала полоскать его и выбивать валькомъ, какъ и всѣ остальныя, что не мѣшало ей однако слышать разговоры своихъ сосѣдокъ. Сперва онѣ потихоньку перешептывались между собою, но это не могло долго продолжаться—развѣ могли онѣ долго сдерживать свои чувства и въ особенности языки. Вскорѣ заговорили уже во весь голосъ; говорили, разумѣется, о томъ, что составляло злобу дня въ цѣломъ селѣ, о болѣзни Клима Джурджи и ея причинахъ. Разсказывали, что Петръ поѣхалъ уже за священникомъ, что больному два раза уже давали въ руки зажженную восковую свѣчку, что мать чуть жива отъ горя, что если умретъ Климъ, все хозяйство Петра пойдетъ прахомъ, такъ какъ самъ онъ скоро состарѣется, а младшій сынъ, какъ извѣстно, слабоумный и неспособный.

— Ой, бидни, бидни, нещасни люде! вздохнуло нѣсколько голосовъ, а одна изъ женщинъ завела громче другихъ медленнымъ, протяжнымъ голосомъ:

— Бодай ёму добра не було, тому, хто це поробивъ! Щобъ винъ усихъ дитей своихъ поховавъ и себе занапастивъ за людську кривду!

Говоря это, Параска изъ подлобья посматривала на Василину.

— Дывиться, прибавила она черезъ минуту, чому-се Ковалиха не убралася нынька въ куповану спидныцю, та въ каламайкову хустку.

Ахъ, эта покупная юбка и полушелковый платокъ, въ которые иногда наряжалась Василина, давно уже не давали покою Параскѣ, полоскавшей теперь въ водѣ старое, изношенное бѣлье своего семейства!

Вдругъ по полю пронесся громкій и рѣзкій крикъ двухъ голосовъ. Женщины подняли смѣхъ. Это Степанъ Джурджа опять подрался съ женою. Теперь они дрались уже такъ часто, что въ однихъ возбуждали смѣхъ, для другихъ были предметомъ суровой укоризны. На этотъ разъ изъ долетавшихъ словъ можно было понять, что дѣло шло о какомъ-то мѣшкѣ для картофеля, за которымъ Степанъ посылалъ жену домой Точно-ли мѣшокъ былъ причиною ссоры? Можетъ быть, ему просто хотѣлось въ эту минуту удалить жену прочь съ глазъ, а она именно въ это самое время ни за что не хотѣла оставить его одного. Боже, какою она чувствовала себя несчастною! Казалось, это чувство подымало ее надъ землею, такъ быстро бѣжала она къ пруду, размахивая руками. Она бѣжала прямо на Василину, которая стояла, наклонившись надъ водою, и толкнула ее всѣмъ тѣломъ съ такою силою, что та зашаталась и едва успѣла ухватиться руками за вѣтки вербы, чтобы не упасть. Обезумѣвшая отъ ревности и боли, Варка разразилась градомъ ругательствъ противъ той, кого считала своею соперницею; среди множества самыхъ грубыхъ выраженій чаще всего повторялось слово *видьма*. Василина сразу сдѣлала такой жестъ, какъ будто первымъ ея побужденіемъ было броситься на нападающую женщину и отплатить за всѣ ея оскорбленія; однако видно было, что ее тотчасъ же охватилъ стыдъ передъ дракой, а гнѣвъ пе

решелъ въ печаль и тревогу, отъ чего румянецъ сбѣжалъ съ ея лица. Она снова наклонилась къ водѣ и пыталась стукомъ валька заглушить крики Варки, которая металась вокругъ нея, грозя кулаками и осыпая ее градомъ брани и проклятій. Нѣкоторыя изъ присутствующихъ женщинъ громко смѣялись и шутили какъ надъ нападающей, такъ и надъ ея противницею, другія пожимали плечами, отплевывались и, указывая на Варку, называли ее *скаженою, гадиною, злюкою.* Нашлись однако и такія, которыя открыто приняли сторону Василины. Молодая Лободиха крикнула Варкѣ, что та несправедливо нападаетъ на Ковалиху, которая и смотрѣть не хочетъ на ея мужа, а не то что... Одна изъ Бодручихъ, невѣстка старосты, даже дергала ее за платье и серьезно выговаривала ей за ея злость и бѣшенство. Впрочемъ, все это ни къ чему не привело, пока Варка не увидѣла мужа, бѣжавшаго къ ней съ тѣмъ самымъ кнутомъ, которымъ погонялъ лошадей. Тогда она бросилась бѣжать въ село, крича и размахивая руками по воздуху, какъ раненая птица крыльями. Долго еще раздавались ея рѣзкіе, отчаянные крики, переплетаемые бранью и угрозами по адресу Василины.

о тамъ дѣлалось дальше около пруда, этого Василина не видѣла и знать не хотѣла. Она работала, не подымая глазъ, ей становилось и стыдно, и страшно передъ людскими взглядами. Она рада бы никогда не видѣть этихъ женщинъ, которыя, подивившись и потолковавши еще немного, собирали свое бѣлье на берегу и возвращались въ село то группами, то поодиночкѣ. Вскорѣ воцарившаяся надъ прудомъ тишина дала ей понять, что всѣ уже разошлись. Тогда она выпрямилась и, поднявъ глаза, увидѣла Степана, который сидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея на срубленномъ пнѣ подъ красноватою осиною, опершись локтями на колѣни, опустивъ голову на руки, и глазъ не сводилъ съ нея. Василина отвернулась отъ него и начала молча складывать въ лодку выжатое бѣлье. Онъ тотчасъ заговорилъ:

— Давно вже я тебе не бачивъ, Василино, и не розмовлявъ зъ тобою. Отъ вже рикъ мабуть буде, якъ ты мене выпхала

зъ своеи хаты, ще й двери за мною замкнула. Я вже зъ того часу не приходивъ до васъ и ниде тебе не зачипавъ...

— Бо й не треба! сердито проворчала женщина, наклонившись надъ лодкою.

— Треба, чи не треба, а такъ вже воно стало... такъ вже ты мени поробила, що де ты, тамъ и мое серце и вся моя думка... Коли не хотила, щобъ такъ було, то на що жъ робила... чи то на вичну мою недолю робила? Га?

На этотъ разъ Василина обратила къ нему лице съ испуганными и вмѣстѣ разгнѣванными глазами.

— Якъ-бы знала я що робити, то була-бъ таке що небудь поробила, щобъ николи тебе, Степане, и не бачити, николи, ажъ поки на свити житиму. Отъ-бы я що зробила, коли-бъ знала, якъ робити, але хочъ вы уси видьмою мене прозываете, не знаю, на свое вичне нещастя не знаю!

И начала опять складывать бѣлье въ лодку, румяныя щеки ея надулись, какъ у сердитаго ребенка, на глаза навернулись слезы.

Степанъ поправился на своемъ мѣстѣ и заговорилъ, не сводя съ нея глазъ.

— Чи ты видьма, чи не видьма, а кращои одъ тебе, ласкавійшои и працёвнійшои нема въ цилому сели, та де тамъ? въ цилий околици, а може и на цилому свити нема! Може ты коли и дала мени того зилля, що черезъ тебе Приська напоила Клима, а може й не давала, або я знаю? Може те зилля, що мени въ груди ввійшло, те, що ты ще дивчиною така була весела та ласкава, що було якъ подивлюсь на тебе, та послухаю твого смиху та спиву, той самому полегшае, и самъ зроблюся отъ такій-же ласкавый, тихенькій, та веселый, якъ и ты...

— Я дуже люблю тихихъ та веселихъ людей, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Отъ я зъ Петромъ и Гапкою добре живу, бо межъ ними завжды свята згода и лагода, и Клима люблю за те, що винъ такій веселый та слухняный передъ старыми. А самъ я лютый, то правда, и неспокійный, якъ той

витеръ, и похмурый, якъ небо въ дощъ.. Такій я вже мабуть вдався, зъ такою хворобою у серци на свитъ народився и не выличила мене зъ неи ани мати, така злюка, що я за іи бійкою та лайкою и своихъ дитячихъ литъ не памъятаю, ани братъ, що тягався зо мною по судахъ за той мій шматокъ земли... и не выличила жинка гадина... и не выличила горилка, що у пельку заливаю... Нихто не личивъ и не выличивъ!.

Говорилъ онъ медленно и печально, опустивъ глаза въ землю; черезъ минуту онъ опять устремилъ взглядъ на Василину.

— Ты була-бъ вырятувала мене зъ теи хворобы, але-жъ не схотила...

Успокоенная кротостью его голоса, а можетъ быть и растроганная его грустью, молодая женщина отвѣчала спокойнѣе, не прекращая работы.

— Мабуть, такъ вже не судилося. Але, яке-жъ тоби горе? Даремно парикаешъ та гнивишъ Бога! Чого тоби бракуе? Маешъ хату и хороше господарство... маешъ жинку й дитину... отъ живъ-бы та Богу дякувавъ... абы тильки схотивъ.

— То правда, возразилъ Степанъ, жинка така добра, а сынъ такій здоровый та дужый! Колись буде зъ ёго добрый робитникъ и помичъ мени на старисть! Ой!

Голосъ его звучалъ горькою болѣзненною ироніею; онъ засмѣялся и потихоньку выругался, можетъ быть, такъ тихо для того, чтобы не всполошить эту женщину, которая за столько времени въ первый разъ рѣшилась поговорить съ нимъ.

— Отъ скажу тоби по правди, Василино, вже мени й господарство обридло. Для кого чоловикови працювати та клопотатись? Чи въ мене дитей повно въ хати? Одно тилько, та й те таке, що тилько прислухайся, чи ще дыше, чи вже бильше не буде. Жинка мени не жинка! Я на неи й дивитись не хочу, а не то що! Прыйду зъ поля до дому, тай ляжу мовчки, якъ той песъ, ни до кого й слова не промовлю. Ще гараздъ, якъ що тая мовчить, а то якъ причепиться до мене изъ своею злостю, або зновъ изъ своимъ коханнямъ, такъ заразъ и выемо, якъ ти два вовки, коли-бъ ихъ разомъ зачинити. Отъ таке мое щастя!.

Люде зъ мене сміються, неначе я вже найостатнійшій одъ усихъ, и господарство не забаромъ чортъ визьме... бо чоловикови ни до чого вже охоты нема, отъ тилько-бъ свитъ проклинавъ, тай годи!

— Соромъ! вскрикнула Василина, соромъ тоби, Степане, таке робити, ще й казати! Пильнувавъ-бы господарства, а зъ жинкою живъ-бы, якъ Богъ звеливъ, въ згоди та въ спокои... отъ якъ я зъ своимъ живу, що николи мижъ нами ани на хвилиночку ни сварки, ни злости ще й доси не бувало...

— Тилько ты мени про свого не нагадуй! прервалъ Степанъ, съ сверкающими глазами.

Василина продолжала, не глядя на него и не замѣчая подымавшейся въ немъ страсти:

— Отъ якъ-бы ты бувъ до своеи жинки, такъ якъ мій до мене, то й вона була-бъ липша...

— Щобъ вони потопилися обое! щобъ имъ очи швидче позакрывалися! угрюмо проворчалъ Степанъ.

— Пфе! Якій лютый, поганый чоловикъ! Людскои смерти бажа! сплюнула Василина, съ блестящими отъ гнѣва глазами, съ нахмуреннымъ лбомъ и, бросая въ лодку остатокъ выкрученнаго бѣлья, прибавила:

— Знать таки бувъ въ мене розумъ, що не хотила за тебе йти—доброго чоловика була-бъ мала...

Замѣтивъ, что Василина приготовлялась войти въ лодку и отчалить, Степанъ вскочилъ съ мѣста и очутился возлѣ нея.

— Чекай, Василино, чекай трошки! зашепталъ онъ,—поговоримо ще хвилиночку... що тоби пошкодыть? Ще одну хвилиночку! Я бувъ-бы зъ тобою инакшимъ, нижъ зъ *тыею*.. я бувъ-бы ставъ при тоби тихенькій та ласкавый, якъ той песъ, що познавъ свого хазяина... Тыбъ-бъ мени не такъ и диты годувала, якъ та...ты-бъ у мене въ хати сміялась та спивала, якъ той соловейко у кубли... Я-бъ тоби до вику руки й ноги цилувавъ; працюючи зъ тобою, я-бъ соби руки покровавивъ одъ праци... Ой, моя Василино, моя голубка! .. хочъ теперъ не тикай одъ мене... нехай я хочъ одну хвилиночку потишусь зъ тобою.

Съ горящими глазами, съ страстной улыбкой на лицѣ наступалъ онъ на Василину, толкалъ ее подъ развѣсистыя вѣтки вербы, стискивая станъ ея желѣзными руками и обдавая палящимъ дыханьемъ ея плечи и шею. Она вскрикнула отъ испуга и гнѣва, однимъ прыжкомъ очутилась въ лодкѣ и, схвативъ весло, въ одинъ мигъ отчалила отъ берега. Черезъ минуту она была уже далеко. Лодка ровно, быстро, почти не колеблясь, неслась по гладкой поверхности пруда и уносила къ противуположному берегу стройную, высокую женщину, которая чуть-чуть наклоняла ее мѣрнымъ движеніемъ надъ разсѣкавшимъ воду весломъ. Выбившіеся изъ подъ краснаго платка волосы едва позволяли разглядѣть огненный румянецъ ея лица, а заходящее солнце золотило и окрашивало своими лучами ея ноги, открытыя почти до колѣнъ и управлявшія весломъ руки. Оставшійся на берегу крестьянинъ смотрѣлъ ей вслѣдъ сверкающими, какъ два горящіе угля, глазами; страстная улыбка на его лицѣ смѣнилась выраженіемъ тоски и гнѣва; на губахъ его промелькнуло что-то страшное, свирѣпое.

— Коли-жъ такъ, крикнулъ онъ вслѣдъ удалявшейся женщинѣ, то ты справди видьма! Тягнешъ до себе людей нечистою силою, а сама губишъ ихъ на вики. Чекай! буде тоби! вже тоби за свою кривду оддячу, видьмо ты, приклята твоя душа!

Разстояніе позволяло еще Василинѣ слышать эти слова, но она ничего не отвѣчала, только вздрогнула, потому что лодка вдругъ закачалась у нея подъ ногами, но черезъ минуту снова поплыла быстро и ровно, а страшная улыбка ненависти все еще оставалась на лицѣ стоявшаго между вербами мущины. Изъ подъ темнаго навѣса вѣтвей, склонявшихся надъ его головою, эта женщина, озаренная солнечнымъ сіяніемъ на синей поверхности пруда, казалась ему страшнымъ, враждебнымъ и въ тоже время свѣтлымъ и привлекательнымъ видѣніемъ.

— Видьма! ей же Богу, видьма! прошепталъ онъ, а когда она пристала къ противуположному берегу на бѣлый песокъ и поспѣшно направилась къ своей хатѣ, онъ проворчалъ сквозь стиснутые зубы, возвращаясь къ своему плугу:

— Таки вона не повинна по Божому сьвити ходити... таки не повинна!

Возвратившись домой, Василина не застала мужа дома. Стецько, выбѣжавшій къ ней на встрѣчу къ самому берегу пруда, еще дорогою, утопая въ глубокомъ пескѣ и цѣпляясь ея за платье, успѣлъ разсказать, что «татко пишлы до корчмы, побалакати зъ арендаремъ». Она знала, что арендаторъ обѣщалъ доставить ея мужу какой-то крупный и выгодный заказъ у одного изъ сосѣднихъ шляхтичей, и потому не удивлялась и не безпокоилась, когда Михайло не воротился домой въ обычную пору. Дѣло было важное и требовало долгихъ переговоровъ съ евреемъ. Василина занялась приготовленіемъ ужина и пока дѣти забавлялись въ углу деревянною сопилкою и щелкали сухія сѣмячки, она въ полголоса разсказала бабушкѣ все, что случилось съ нею въ этотъ день—съ Гапкою и у пруда. Слушая этотъ разсказъ, Оксана сперва пряла все быстрѣе и быстрѣе, но вскорѣ нитка начала обрываться и веретено выпало у нея изъ рукъ. Она сидѣла, прямая, какъ струна, сложивъ руки на колѣняхъ и хотя Василина давно уже умолкла, она не произносила ни слова, только желтыя челюсти ея двигались быстрѣе обыкновеннаго, какъ-бы пережевывая горькое извѣстіе, а бѣлые глаза, казалось, пристальнѣе чѣмъ когда нибудь вглядывались въ мерцающій полусвѣтъ избы. Ужинъ былъ готовъ, но женщины ожидали хозяина, который долженъ былъ подойти съ минуты на минуту. Огонь угасалъ въ печи, дѣти притихли и задремали на стоящихъ подъ стѣною снопахъ льна, представляя группу перемѣшавшихся между собою маленькихъ, румяныхъ лицъ и босыхъ ножекъ.

Василина внесла со двора *терлыцю* въ сѣни, еще нѣсколько минутъ суетилась по хатѣ, потомъ тоже сѣла на полу, облокотясь спиною на кучу льна, и тяжело вздохнувъ, устремила задумчивый взглядъ въ пространство. Черезъ минуту, среди глубокой тишины послышался хриплый и на этотъ разъ сильно дрожавшій голосъ слѣпой старухи.

— Василино!

— А що, бабуню!

— Попалѝ зилля! и те, що цёго року зъ поля понаносила, и те, що одъ тамъ того лита зосталось, и все чисто, яке есть у хати.

— На що-жъ такъ, бабуню?

— Попали, кажу тоби! почти закричала старуха и проворчала тише, но все еще сердито: дурна, ще й пытается: на що?

Василина поднялась съ полу, постояла еще не много, въ раздумьи покачала головою и пошла въ комору. Черезъ минуту она несла уже изъ коморы, изъ сѣней, съ крыши, въ передникѣ или въ ряднахъ, множество травъ, то совсѣмъ сухихъ и хрупкихъ, то только привядшихъ и еще душистыхъ, полевыхъ цвѣтовъ и растеній, ссынала все это на полъ около печи, потомъ раздула огонь и начала бросать въ печь цѣлыми горстями; все это дѣлала она въ глубокомъ молчаніи, съ горящими глазами и стиснутыми зубами. Лице ея выражало чувство тревоги и страданія. Эти растенія, которыхъ цвѣты и запахъ она любила съ самаго дѣтства, этотъ лиловый чебрецъ, желтая *дивина*, цѣлыя гирлянды цѣплявшихся между собою травъ и стеблей пожирали теперь огненные языки, охватывали синія струйки дыма, которыя цѣлымъ столбомъ подымались въ трубу и распространяли по хатѣ упоительный ароматъ. Когда пламя поглотило уже значительную часть травъ, Василина подняла голову и повторила свой вопросъ:

— На що то, бабуню?

Старуха не отвѣчала; погруженная въ глубокое раздумье, она, можетъ быть, и не слыхала даже этого вопроса. Черезъ минуту хриплый, слегка дрожащій голосъ снова заговорилъ на печи:

— Багато я на цимъ свити дивнихъ дивъ бачила й чула, знаю, що зъ чого може бути... Теперъ мени стара Прокопиха мовъ жива стоить передъ моими слипыми очима и якъ теперъ бачу ти слезы, що такъ и текли по іи старенькому виду...

По мѣрѣ того, какъ говорила старуха, голосъ ея становился все монотоннѣе и напоминалъ грустный речитативъ пѣсни.

— Була соби въ одному великому, але дуже убогому сели московка Прокопиха, бидна наймичка, не мала своеи хаты, ани жадныхъ родичивъ. Чоловика забили десь далеко на великій войни и зостався въ неи одинъ сыночокъ неборакъ; звався якъ и батько Прокопомъ. Бидненькій бувъ той Прокопикъ, одъ усихъ занехаяный, опричъ риднои неньки. Не було въ его ни батька, ни братівъ, ани хатынки и поля, не було ничого; прыйшовъ на свитъ голый, якъ Одамъ, а якъ вырисъ, той пишовъ робити по чужихъ людяхъ. Такъ и поневирявся винъ мовъ на чужини, живучи у всякій нужди та въ тяжкій роботи, гадомъ дивився на чуже добро и ставъ похмурый, якъ темная ничъ. Хочъ-бы тамъ уси люде не знать якъ гуляли та веселилися, а винъ ходить було самъ одинъ, якъ вовкъ, дивиться въ землю, непаче могилу вже соби хоче копати, та все щось мае на думци. За те ёго и люде не любили, що винъ такій понурый та сердитый, и не шанували; звычайно, сирота одинокій, и никому оступитись за нимъ. Ажъ ось одного року почавъ хтось красти кони на сели. Въ одного хазяина пропавъ кинь, у другого пропавъ, у третёго пропавъ. Крикъ та плачъ пишовъ по цилому сели—люде тамъ були не багати и страшенно жалували тыеи скотины, бо безъ неи тяжко въ господарстви. Почали шукати злодія, роспитувались, стерегли—нема, та й нема, розступися земле! А кони пропадають, та й пропадають. Коли одного разу хтось и пидгледивъ, що Прокипъ часомъ пропадае зъ села. Иноди було мине день, и другій, и третій, и цилый тыждень мине, а ёго немае въ сели, десь мандруе. Бачили, якъ винъ зъ жидами невирами у лиси розмовлявъ, бачили ёго и въ мистечку, якъ винъ пивъ у корчми, та куповавъ стёжки для якоись дивки, не знать за яки гроши. Тоди всимъ прыйшло на думку, що то Прокипъ краде кони. Взяли ёго, та й потягли до суду. Судъ слухавъ, слухавъ, та й звеливъ Прокопови зновъ повертати на село, бо, каже, не видомо, щобъ то винъ кравъ кони; нема, каже, певности; дайте, каже, липши доказательства

на ёго... Повернувъ Прокипъ на село, а кони пропадають, та й пропадають. Тоди вже люде вельми розлютилися за свое добро. Одного разу заховались по-пидъ лисомъ, пидстерегли, якъ Прокипъ визъ дрова для свого господаря, піймали ёго, та й почали лущити кіями...

— Господи! громко вскрикнула Василина, стоя передъ печью съ полнымъ передникомъ сухихъ травъ, широко раскрыла глаза отъ страха и затряслась всѣмъ тѣломъ.

— Кіями! крикнула она еще разъ и, опомнившись немного, опять стала поспѣшно бросать травы въ огонь. Живѣе вспыхнуло пламя, по хатѣ распространилась синеватая душистая мгла, голосъ старухи повторилъ на печи:

— Кіями. Ребра ёму поламали, руки й ноги поперебивали, людску тварь облили кровью, та й покинули неживого у чистому поли, на широкому роздоли, чорнымъ крюкамъ та галкамъ на потраву.

Послѣ минутнаго молчанія старуха закончила свой разсказъ:

— А Прокопиха московка взяла, тай збожеволила зъ жалю по своему сынови бидоласи. Люде вже зъ милости годували й зодягали іи, а вона влизе, було, въ темный кутокъ, та все говоре, та й говоре про свого хлопця, а слезы, якъ той горохъ, котятся зъ очей по старенькому та поморщеному виду... И я тамъ була, слухала іи оповидання, дивилась на іи слезы, а теперъ усе те мовъ живе стоить передъ моими слипыми очима...

Когда умолкъ хриплый речитативъ старухи, Василина тихо проговорила.

— Бабуню!

— А що?

— Чи той Прокипъ справди кравъ кони?

Старуха отвѣчала въ раздумьи:

— Може кравъ, а може и не кравъ. То вже невидомо. Певности не було... але поговиръ бувъ и страшенный гнивъ людській бувъ...

— Страшенный! повторила, какъ эхо, стоявшая передъ огнемъ женщина и начала поспѣшно бросать въ печь оставшіяся травы.

Черезъ минуту старуха снова заговорила.

— Василино!

— Чого, бабуню?

— Шобъ ты не смила одъ цёго часу давати порады...

— Не буду, отвѣчала молодая женщина.

— Никому, памъятай-же. Хочъ-бы тамъ не знаю, якъ тебе просили. Чуешъ?

— Не буду, бабуню...

— Будь така тихенька, якъ та рыбка у води, шобъ люде и забули про тебе.

— Добре, бабуню.

Дверь въ хату отворилась и вошелъ кузнецъ; при первомъ взглядѣ на него Василина вскрикнула въ испугѣ.

— Ой, Боже-жъ мій! що тоби таке трапилось, Михалку?

Съ нимъ дѣйствительно должно было приключиться что-то недоброе. Лице его горѣло какъ въ огнѣ, одинъ глазъ припухъ, на лбу и на щекахъ виднѣлось нѣсколько синяковъ. Снявъ шапку съ растрепанной головы, онъ бросилъ ее на столъ и съ сердцемъ оттолкнулъ отъ себя дѣтей, которые, пробудившись, весело окружили его, какъ обыкновенно. Потомъ онъ сѣлъ на лавкѣ и заговорилъ нѣсколько охрипшимъ голосомъ, обращаясь къ женѣ.

— Трапилось мени таке, чого ще зъ роду, зъ вику зо мною не бувало. У москаляхъ бувъ, шисть годъ тягався по сьвиту, а николи ни зъ кимъ не бився; тутъ вже симъ годъ живу и господарюю и люде завжды поважали мене, бо и самъ себе шанувавъ... А отъ нынька побився зъ людьми передъ корчмою. Черезъ тебе, Василино, трапилась мени така пригода. Іхе! соромъ одинъ, лихо, тай годи!

Ковальчукъ плюнулъ и, отвернувшись отъ жены, закрылъ рукою подбитый глазъ. Василина стояла возлѣ печи, опустивъ руки, и молча смотрѣла на него широко раскрытыми глазами. Онъ продолжалъ черезъ минуту:

— Розмовляю я соби зъ шинкаремъ про свое дило, коли чую, ажъ передъ корчмою люде кричать про тебе, буцимъ-то ты на

Клима Джурджу наслала хворобу... Кричавъ Семенъ Джурджа и Яквъ Шишка, той злодій всесвитній, потимъ и Степанъ прыйшовъ и такожъ почавъ говорити, и бабы, що саме верталися зъ картопли, такожъ ставали до гурту, та й завели якъ ти вороны: отъ вона така й сяка, коровамъ молоко забрала, а теперъ и Клима отруила. Слухавъ я, слухавъ, а дали не зтерпивъ, выбигъ зъ корчмы, та й почавъ за тебе оступатись. Слово за слово, а тамъ и до бійки прыйшло. Бивъ и я, били й мене... ихе! соромъ! Чоловикъ працюе, якъ той наймитъ остатній, провадить себе, якъ слидъ, и людей, и себе самого шакуе, ажъ ось, не знать звидкиль, прыйде на ёго така ганьба... Що-жъ то? чи добре воно слухати, якъ жинку прозывають видьмою та чортовою коханкою, а потимъ носити на лыци пъяныцьки та злодійски кулаки! Ой, Боже-жъ мій, Боже, за що на мене такій соромъ, таке лихо прыйшло!

Сквозь печаль и стыдъ въ словахъ его пробивалось чувство горечи противъ жены. Она молчала по прежнему, но была такъ поражена, что видно было, какъ дрожали ея руки, доставая изъ печи горшокъ съ кушаньемъ. Опустивъ глаза, ни на кого не глядя, она зажгла лампу и ставила ужинъ на столъ. Когда она, по обыкновенію, подала мужу ножъ и хлѣбъ, онъ прикрылъ рукою одинъ глазъ, а другимъ пристально смотрѣлъ ей въ лице.

— Василино! що ты такого зробила людямъ, що вони такъ вызвирились на тебе...

— Або я знаю? прошептала она, медленно пожимая плечами.

— Та вже-жъ воно не може бути такъ, зъ доброго дива? га?

Между тѣмъ спрошенная такимъ образомъ женщина и сама все болѣе и болѣе погружалась въ раздумье.

— Або-жъ я знаю? повторила она.

Очевидно, она и сама не могла понять этой загадки своей судьбы и не была увѣрена въ томъ, дѣйствительно-ли причина всего этого не кроется въ ней самой. Другая, не смотря на такую неувѣренность, разсыпалась-бы въ возраженіяхъ, клятвахъ, оправдывала-бы саму себя и злословила другихъ людей.

Василина не могла этого сдѣлать—она никогда еще не обманывала мужа. До сихъ поръ они жили душа въ душу, а теперь она солгала-бы, если-бы сказала ему, что въ чемъ нибудь увѣрена, когда въ душѣ ея подымался страхъ не столько передъ людьми, сколько передъ чѣмъ-то неопредѣленнымъ, таинственнымъ, грознымъ.

— Або я знаю? повторила она и, нахмуривъ лобъ, отвернулась отъ мужа.

Онъ смотрѣлъ на нее и, какъ-бы удивляясь чему-то, или раздумывая надъ чѣмъ-то грустнымъ, покачалъ головою. Потомъ подозвалъ къ себѣ дѣтей, а къ ней уже не обращался, ни разу въ тотъ вечеръ не назвалъ ее *зозулею* и легъ спать, молчаливый и недовольный. Полная тишина и темнота охватили хату, но около полуночи послышался шелестъ людскихъ шаговъ и кто-то началъ взбираться на печь.

— Бабуню! бабуню! чи вы спите?

На печи отвѣчалъ шопотомъ другой голосъ, проникнутый видимымъ волненіемъ:

— Не сплю, моя дитино, не сплю! Всенько про тебе думаю, отвѣчала Оксана, которую съ нѣкотораго времени одолѣвала старческая безсонница.

— Бабуню! щось мене страшенно давило... щось лягло на животи й на грудяхъ и такъ давило, що мало Богу души не оддала...

— Що-жъ се таке? удивлялась старуха и черезъ минуту спросила:

— Може ты въ святу недилю що небудь такого робила, чого не можна?

— Пригадай лишень соби... може робила? Бо якъ-що робила, то значить, недиля приходила до тебе и давила за те, що ты іи зневажала... Таки речи трапляються на сьвити... я сама знала такого чоловика, що завжды все робивъ у недилю. Коли-жъ одного разу сама недиля прыйшла до ёго, така велика, якъ те ясне сонце, лягла на ёго, тай задавила... на смерть задавила. Пригадай тилько соби, чи, Боже борони, не робила чого въ недилю?..

— Не робила, бабуню, ій Богу, николи въ недилю ничого не робила...

— Ну, то що-жъ се тебе давило нынька?

Въ хатѣ воцарилось продолжительное молчаніе; наконецъ молодой, встревоженный голосъ тихо прошепталъ въ потьмахъ.

— Бабуню! я чула, що якъ чортъ до кого причепиться, то такъ само давить...

На печи что-то сразу зашуршало, должно быть слѣпая старуха выпрямилась на своемъ сѣнникѣ.

— Перехрестись, дитино, перехрестись святымъ хрестомъ!

— Во имъя Отца и Сына, и святого Духа, аминь.

Опять все стихло на минуту, потомъ старая Оксана прошептала:

— Горе давило тебе, моя Василино, тяжке горе та жалость.

— Але! утвердительно шепнулъ другой голосъ.

— Чогось Михайло бувъ нынька смутный та сердитый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АРХИВНЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Возникшее въ XVI ст. за днѣпровскими порогами военное братство, извѣстное подъ именами: запорожцевъ, запорожскихъ козаковъ, запорожскаго войска, товариства, рыцарства, войска низоваго, полнѣе: славнаго низоваго запорожскаго войска, а по мѣсту пребыванія запороговъ, Запорожья, Запорожской Сѣчи и просто Сѣчи, существуя около трехсотъ лѣтъ, играло столь важную роль въ исторіи южно-русскаго народа и его отношеній къ Турціи и крымскимъ ханствамъ, Польшѣ и Москвѣ, что вполнѣ заслуживаетъ точной и обстоятельной исторіи. Сказать, какъ обыкновенно говорятъ, что Запорожье служило для южной Руси оплотомъ отъ набѣга турокъ и татаръ, было-бы слишкомъ мало. Оно имѣло глубокое значеніе во внутренней жизни южно-русскаго народа и его внѣшнихъ отношеній; оно было отпечаткомъ его завѣтныхъ стремленій, хранителемъ его политическихъ и общественныхъ идеаловъ и само служило для него живымъ провозвѣстникомъ свободы, равенства, мужества, храбрости, великодушія, безкорыстія, терпѣнія и проч. Изъ него выходили и на него опирались въ критическіе моменты величайшіе изъ дѣятелей народныхъ; оно было ядромъ военныхъ силъ народа и убѣжищемъ для всѣхъ гонимыхъ судьбою или сбившихся съ пути жизни, всегдашнимъ протестомъ противъ всякаго насилія и рабства въ какой-бы то ни было формѣ.

Но, не смотря на такое важное и разностороннее значеніе Запорожья, мы не только не имѣемъ полной исторіи его, но и достаточнаго матеріала для нея. Понятно, что прежде долженъ быть собранъ матеріалъ, а затѣмъ уже можетъ начаться разработка его и обработка самой исторіи. Гдѣ-же искать этого матеріала?—Отвѣ-

томъ на этотъ вопросъ до нѣкоторой степени можетъ служить настоящая статья: я хочу, по крайней мѣрѣ, указать здѣсь на тѣ матеріалы этого рода, которые мнѣ удалось найти и съ содержаніемъ которыхъ пришлось ознакомиться.

Главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и архивъ министерства юстиціи, находящіеся въ Москвѣ, а также архивъ бывшей малороссійской коллегіи, въ большей части своей хранящійся при харьковскомъ университетѣ—вотъ гдѣ хранятся еще, и въ значительномъ количествѣ, документы, относящіеся къ исторіи Запорожья. Я не знакомъ съ тѣмъ спеціально запорожскимъ архивомъ, который находится у А. А. Скальковскаго и часть котораго воспроизведена въ его «Исторіи Новой Сѣчи», а другая и, кажется, большая часть, по послѣднимъ извѣстіямъ, переходитъ отъ него въ музей одесскаго общества исторіи и древностей; но къ тремъ названнымъ уже и мною осмотрѣннымъ архивамъ могу причислить и то собраніе запорожскихъ документовъ, которымъ располагаетъ П. С. Ефименко и которое онъ обязательно предложилъ мнѣ для временнаго пользованія.

Во всѣхъ названныхъ хранилищахъ, дѣлъ, относящихся къ исторіи запорожскаго козачества (въ собственномъ смыслѣ), найдено мною восемьсотъ девяносто одно; изъ нихъ четыреста сорокъ два находятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, сто сорокъ пять въ архивѣ министерства юстиціи, тридцать два въ архивѣ малороссійской коллегіи и двѣсти семьдесятъ въ собраніи П. С. Ефименка.

Самыя раннія дѣла находятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Всѣ они вошли въ такъ называемый «реестръ малороссійскихъ дѣлъ старыхъ и новыхъ лѣтъ съ 1522 года по 1770, вновь учиненный при разборѣ и описи оныхъ дѣлъ ассесоромъ Николаемъ Бантышъ-Каменскимъ 1779 года». Собственно запорожскія дѣла по этому реестру начинаются съ 1625 года и оканчиваются 1774. Меньшею полнотою и послѣдовательностію дѣлъ, касающихся Запорожья, отличается архивъ министерства юстиціи. Названія ихъ заключаются въ двухъ описаніяхъ: «Дѣла малороссійскія и Дѣла смѣшанныя». Строго послѣдовательнаго хронологическаго порядка здѣсь нѣтъ. Такъ, въ «Дѣлахъ смѣшанныхъ» описаніе документовъ повторяется нѣсколько разъ, начиная съ XVI ст. и кончая второю

половиною XVIII-го. Такимъ образомъ занимающемуся приходится самому располагать и группировать дѣла въ порядкѣ годовъ. Какъ въ архивѣ иностранныхъ дѣлъ, такъ и здѣсь запорожскія дѣла восходятъ къ довольно раннему времени, именно къ 1642 году, а оканчиваются 1772 г., причемъ за эру взято сотвореніе міра, а не Рождество Христово. Что касается дѣлъ, разсмотрѣнныхъ мною въ мѣстномъ, харьковскомъ, архивѣ, то всѣ они относятся лишь къ послѣднимъ годамъ существованія Запорожской Сѣчи въ предѣлахъ Россіи, начинаясь 1740 годомъ и кончаясь 1766-мъ. То-же нужно сказать и о дѣлахъ П. С. Ефименка; первое изъ нихъ помѣчено 1721 годомъ, а послѣднее 1780-мъ.

Количество дѣлъ по годамъ далеко неодинаково: есть годы совсѣмъ пустые, отъ которыхъ не осталось ни одного дѣла; на другіе приходится 1—10 дѣлъ, а на иные 10—50.

Всѣ разсмотрѣнныя мною запорожскія дѣла можно распредѣлить по слѣдующимъ десяти отдѣламъ:

I. Дѣла, касающіяся сношеній запорожцевъ съ Москвой. Таковы: о принятіи запорожцевъ въ подданство Россіи (1625 года), о содержаніи ихъ въ монаршей милости (1735 г.), съ поздравленіями по случаю рожденіи царевичей, царевенъ и принятія царскаго престола, съ просьбою о присылкѣ боевыхъ запасовъ (впервые подъ 1665 годомъ), съ извѣстіемъ о движеніяхъ противъ разныхъ враговъ (татаръ, турокъ, поляковъ, черкесовъ и др.) и о военныхъ дѣйствіяхъ противъ нихъ, съ просьбою о вспоможеніи войскомъ противъ непріятеля, съ представленіемъ недоброжелателей московскаго правительства (Ивана Мазепы, отправленнаго гетманомъ Дорошенкомъ къ туркамъ по дѣлу о подданствѣ имъ), съ извѣстіемъ о благожелателяхъ и сторонникахъ московскаго правительства (напр. П. Дорошенка, принявшаго въ 1675 году присягу на вѣрность московскому престолу), съ извѣстіемъ о движеніяхъ непріятелей, доставкѣ языковъ, плѣнныхъ враговъ и измѣнниковъ (Булавина), съ обѣщаніемъ вѣрно служить московскому престолу, съ разными чертежами и планами Днѣпра, его притоковъ, находящихся на немъ острововъ (1679, 1698 и 1703 гг.) и заливовъ; съ извѣстіемъ о вступленіи въ мирные переговоры съ врагами, съ выраженіемъ благодарности за присылку продовольствія, съ извѣстіями о смерти кошевыхъ атамановъ (Ивана Сѣрка и др.) и выборѣ новыхъ, съ просьбою о позволеніи ходить

въ разныя мѣста по Днѣпру и близъ него для разной добычи (рыбной, звѣриной, добыванія соли и т. п.), съ представленіемъ такъ называемыхъ «прелестныхъ писемъ» отъ польскаго правительства къ запорожскимъ козакамъ, съ оправданіями по поводу напрасныхъ нареканій за преслушаніе государевыхъ указовъ, съ обѣщаніемъ чинить миръ и розмирье съ врагами по указаніямъ московскаго правительства, съ жалобою за присылку худой провизіи и подарковъ («худыхъ соболей и не цѣлыхъ половинокъ сукна»), съ просьбою о прибавкѣ жалованья и выдачѣ особаго вознагражденія за походы противъ непріятелей, съ присылкою мастеровыхъ козаковъ для дѣланія морскихъ струговъ (дѣло помѣчено 1696 годомъ), съ жалобами на московскихъ воеводъ (Потемкина въ Самари, Опухтина въ Тавани и др.), съ представленіемъ по поводу ссоръ между великороссійскими войсками и запорожскими козаками, съ жалобами о побояхъ, учиненныхъ московскими чиновниками и простыми людьми надъ запорожцами, съ просьбами о возвратѣ отнятыхъ у запорожцевъ земель и угодій (первая просьба помѣчена 1761 годомъ).

II. Дѣла, касающіяся сношеній московскаго правительства съ запорожскими козаками. Сюда относятся слѣдующія: дѣла съ требованіемъ, чтобы запорожцы прекратили бунты, повиновались московскому правительству или малороссійскому гетману, не сносились съ врагами Москвы и подписывались подданными его царскаго величества; дѣла съ выраженіемъ недовольства по поводу убійства запорожцами московскихъ чиновныхъ людей (Евфима Лодыженскаго), крымскихъ или турецкихъ гонцевъ; съ похвальными листами за подвиги запорожцевъ противъ враговъ и преданность Москвѣ, съ жалованьемъ войску запорожскому (впервые подъ 1668 годомъ), боевыми запасами (порохомъ, свинцомъ, желѣзомъ, сталью), оружіемъ (пищалями, пушками и др.), клейнотами (впервые подъ 1693 годомъ) и подарками («англинскимъ сукномъ» съ 1668, бархатомъ и соболями съ 1702 года); съ приказами о нападеніи на разныхъ враговъ Москвы и присылки московскимъ войскамъ вспоможенія; съ извѣстіемъ о взятіи разныхъ непріятельскихъ городовъ и движеніяхъ противъ непріятелей; съ приказаніемъ высылать въ Москву козаковъ, знающихъ пути въ Крымъ и Турцію; съ требованіями выдавать опасныхъ Москвѣ людей (самозванца Симеона и др.), съ жалованными грамотами на сборъ пошлинъ съ разныхъ перево-

зовъ [1]), съ извѣстіемъ о перемиріи съ врагами, о восшествіи новыхъ государей на московскій престолъ и съ требованіемъ присяги имъ на вѣрную службу (1682 и 1703 гг.); съ приказаніями отправки къ татарскимъ ханамъ и турецкимъ султанамъ разныхъ грамотъ, съ требованіемъ свободнаго пропуска чрезъ Запорожье московскихъ пословъ, съ приказаніемъ прекращенія торговли своими товарами; съ извѣстіями о назначеніи въ Малороссіи новыхъ гетмановъ; съ извѣстіями объ отправкѣ въ сѣчевую Покровскую церковь иконостаса (1693 года), денегъ для построенія въ Сѣчи церкви (1697 г. февраля 10) и священническихъ ризъ (1699 г.); съ позволеніемъ размѣна плѣнныхъ между татарами, турками, поляками и др.; съ приказаніемъ измѣренія городовъ, стѣнъ, валовъ и построенія крѣпостей; съ приказаніемъ возвращать по принадлежности добро, награбленное у проѣзжихъ людей и наказывать воровъ, съ требованіемъ выдавать необходимые матеріалы (камень, известь) при постройкѣ россійскими войсками разныхъ крѣпостей (Каменнаго Затона); съ приказаніемъ о высылкѣ въ Малороссію (въ Глуховъ, 1708 г., октября 30) знатнаго товариства для выбора новыхъ гетмановъ; съ увѣщаніемъ о раскаяніи (послѣ измѣны въ 1709 году) и новомъ подданствѣ московскому государю; съ приказаніемъ разрушить Сѣчь (грамота дана собственно на имя малороссійскаго народа, 1709 года, 26 мая) и истребить запорожцевъ; съ объявленіемъ прощенія запорожцамъ за ихъ измѣны и позволенія возвратиться въ предѣлы Россіи (1733 года, августа 31); грамоты на право владѣнія земель, угодій и вольностей (1688, 1703 27 ноября и 1705 г. іюня 17); по поводу запорожцевъ, ссылаемыхъ въ Сибирь (впервые въ 1628 году) и возвращаемыхъ изъ Сибири.

III. Дѣла, касающіяся сношеній запорожскихъ козаковъ съ малороссійскими гетманами. Таковы: по поводу повѣшенія въ Сѣчи разныхъ разбойниковъ и искорененія воровъ, по поводу желанія нѣкоторыхъ запорожскихъ козаковъ перемѣнить службу въ Сѣчи на службу въ Малороссіи; по вопросу объ учрежденіи форпостовъ; по поводу выдачи денегъ изъ малороссійской канцеляріи запорожской депутаціи, отправляющейся въ Москву за войсковымъ жало-

[1]) Интересно, что съ одного Переволочанскаго перевоза запорожцы собирали 12 тысячъ руб. въ годъ.—См. дѣло 1688 г., марта 3.

ваньемъ; по вопросу о владѣльческихъ правахъ запорожцевъ; по поводу обидъ запорожской старшинѣ отъ служилыхъ малороссійскихъ людей, отъ татаръ, поляковъ и др.; по поводу присяги со стороны запорожской старшины на вѣрное служеніе Москвѣ; по вопросу о доставкѣ свѣдѣній о форпостахъ, переправахъ, островахъ и т. п.; по вопросу о колодникахъ, по поводу жалобъ запорожцевъ о неправильно накладываемыхъ штрафахъ на всѣ запорожскіе курени за воровство только нѣкоторыхъ козаковъ; по вопросу о выдачѣ и прибавкѣ запорожскому войску жалованья; по вопросу о пропускѣ въ Сѣчь изъ Малой Россіи разныхъ харчевыхъ и питейныхъ припасовъ; по вопросу о присылкѣ въ генеральную малороссійскую канцелярію разныхъ договорныхъ документовъ, письменныхъ видовъ и грамотъ; съ просьбой о дачѣ запорожцамъ строеваго лѣса, желѣза и другихъ матеріаловъ для постройки сгорѣвшихъ куреней; съ просьбой объ измѣненіи маршрута отъ Сѣчи до Петербурга для депутаціи, отправляющейся за войсковымъ жалованьемъ; съ просьбою о дозволеніи удержать въ Сѣчи проѣзжающаго черезъ нее епископа; по вопросу о добровольномъ выселеніи нѣкоторыхъ изъ запорожскихъ козаковъ въ Малороссію; по поводу отправки добытаго языка; съ извѣстіями о поселеніи на Запорожьѣ разныхъ выходцевъ (напримѣръ волоховъ въ 1628 году); съ просьбой о позволеніи размѣна плѣнными; съ объявленіемъ о попыткахъ со стороны польскаго правительства подкупить запорожцевъ для общихъ дѣйстввій противъ татаръ, турокъ и московскаго царя; съ благодарностью за присылку въ Сѣчь провіянта и клейнодовъ («знаменъ и бубенъ» 1698 года); съ просьбою объ исходатайствованіи у московскаго государя милости запорожскимъ козакамъ (1716 года).

IV. Дѣла, касающіяся сношеній запорожскихъ козаковъ съ сосѣдними государствами (кромѣ московскаго). Таковы просьбы запорожцевъ къ турецкому султану: о дозволеніи имъ свободно торговать на Черномъ морѣ и о принятіи запорожскаго войска въ турецкое подданство (въ 1670 году, при кошевомъ атаманѣ Иванѣ Сѣркѣ); сношенія съ донскими атаманами Мѣняевымъ, Ильей Григорьевымъ и другими о привлеченіи донскихъ козаковъ въ походъ противъ татаръ, турокъ и поляковъ, съ крымскими ханами по предмету заключенія мира, союза и общаго движенія противъ поляковъ, съ польскими королями и коронными гетманами по предмету заселенія

пустыхъ мѣстъ (напр. по рр. Роси, обоихъ Тикичахъ, Камянкѣ и Бугу) и по поводу отправки запорожскихъ посланцевъ въ Польшу, сношенія съ кизикерменскимъ беемъ, шведскимъ королемъ (кошеваго атамана К. Гордѣенка 1708 г.) и кіевскимъ губернаторомъ (1733 г. августа 31).

Сюда-же можно отнести и дѣла, касающіяся сношеній запорожскихъ кошевыхъ атамановъ со своими посланцами, отправляемыми въ Крымъ, Москву, къ калмыкамъ (съ цѣлью вовлечь ихъ въ войну и въ разныя другія мѣста).

V. Ордеры малороссійскихъ гетмановъ Кошу и всему войску запорожскому: о непринятіи «сумнительныхъ» заграничныхъ людей и бѣглыхъ малороссіянъ въ Сѣчь, о высылкѣ изъ Запорожья малороссійскихъ обывателей и неукрываніи грабителей; по поводу нарядовъ для разныхъ постовъ, заставъ, карауловъ и походовъ; по вопросу о числѣ запорожскихъ козаковъ и обязанностяхъ ихъ службы (1734 г.); по поводу грабительствъ, убійствъ, воровства, поджоговъ и обидъ со стороны запорожцевъ ихъ сосѣдямъ и со стороны сосѣдей запорожцамъ; по вопросу о свободномъ проѣздѣ запорожскихъ чумаковъ чрезъ разные форпосты и перевозы; по поводу наказанія ослушниковъ; по поводу отпуска задержанныхъ кошевымъ атаманомъ лицъ; по поводу запрещенія ѣздить запорожцамъ въ недозволенныя мѣста, особенно за границу, и прекращеніи грабежей; по вопросу о поземельныхъ спорахъ запорожцевъ съ сосѣдями, размежевки и описанія владѣній; по поводу ссоръ запорожцевъ съ сосѣдями и высылки коммиссаровъ или депутатовъ для разбора споровъ; по поводу неисполненія кошевымъ атаманомъ гетманскаго ордера; по вопросу о снесеніи въ разныхъ мѣстахъ перевозовъ, зимовниковъ и проч.; по вопросу о нечиненіи препятствій со стороны запорожцевъ разнымъ поселенцамъ; по вопросу о повиновеніи запорожцевъ служилымъ людямъ гетмана; по поводу слуховъ о намѣреніи запорожцевъ передаться въ чуждое подданство; съ извѣстіями о смерти турецкихъ султановъ и объ осторожномъ поведеніи запорожцевъ въ отношеніи татаръ и турокъ; по вопросу о доставкѣ вѣдомости «индуктовъ» съ привозимыхъ въ Сѣчь изъ Малороссіи и изъ Сѣчи въ Малороссію товаровъ; по вопросу о карантинѣ и эпидеміи; по вопросу о разныхъ движеніяхъ непріятелей; по поводу неповиновенія сѣчевыхъ козаковъ кошевому атаману; по вопросу о

непринимaніи запорожскими купцами разныхъ товаровъ у купцовъ крымскихъ, турецкихъ и другихъ и о недопущеніи въ недозволенныя мѣста Днѣпра турецкихъ и татарскихъ судовъ; по вопросу о перенесеніи Сѣчи съ одного мѣста на другое; по вопросу о перемѣнѣ сѣчевой старшины; по вопросу учрежденія медицинской канцеляріи въ Сѣчи, отпуска медикаментовъ и содержанія лѣкаря; по вопросу о невывозѣ за границу серебряной монеты и о произведеніи войску запорожскому жалованья мѣдными деньгами; по вопросу о выдачѣ запорожскому войску клейнодовъ и войсковой печати и наконецъ о запрещеніи подвергать смертной казни преступниковъ по усмотрѣнію кошеваго атамана.

VI. Дѣла, заключающія въ себѣ разные доносы и жалобы на запорожскихъ козаковъ, а также представленія малороссійскихъ гетмановъ и другихъ чиновныхъ русскихъ лицъ правительству русскому а со стороны польскихъ подданныхъ правительству польскому. Тутъ много секретныхъ доносовъ о невѣрности кошевыхъ атамановъ московскому правительству; о сношеніяхъ запорожцевъ съ разными врагами Москвы: поляками, крымцами, турками и др., объ ихъ злыхъ замыслахъ противъ московскихъ царей и самихъ гетмановъ; жалобы по поводу убійствъ запорожскими козаками татарскихъ гонцевъ; вѣроломства кошевыхъ атамановъ, тайныхъ замысловъ ихъ противъ разныхъ сосѣдей, представленія о состояніи запорожскихъ земель (кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова), о претензіяхъ ихъ на татаръ; съ жалобой на запорожцевъ польскаго генерала Вейсенбаха (польскому правительству) за учиненныя ими грабительства въ имѣніи сего генерала.

VII. Дѣла, касающіяся сношеній командируемыхъ въ Сѣчь малороссійскихъ урядниковъ и нечиновныхъ лицъ, живущихъ въ Малороссіи съ малороссійскимъ гетманомъ: о пресѣченіи въ Запорожьѣ разбоевъ и воровства; о пойманныхъ тамъ ворахъ и разбойникахъ; о бѣжавшихъ за границу солдатахъ, крестьянахъ и запорожцахъ, о назначеніи въ помощь къ командированнымъ въ Сѣчь малороссійскимъ урядникамъ или замѣны прежнихъ новыми и наконецъ по поводу жалобъ малороссійскихъ обывателей на грабительства со стороны запорожскихъ козаковъ.

VIII. Дѣла, касающіяся сношеній Москвы съ малороссійскими гетманами по поводу разныхъ мѣропріятій противъ запорожцевъ:

не пропускѣ запорожцевъ чрезъ Малороссію, не пропускѣ къ нимъ хлѣбныхъ торговцевъ; о выслѣживаніи запорожскихъ шпіоновъ, наблюденіи за настроеніемъ всего запорожскаго войска, за запорожцами, подсылаемыми отъ разныхъ враговъ Москвы (шведскаго короля, кошеваго атамана Орлика и др.), по поводу повѣтрій, господствовавшихъ на Запорожьѣ и пр. (1690 г. 28 сентября, 1710 г. 19 ноября).

IX Дѣла, касающіяся сношеній польскихъ королей съ запорожцами. Такова, напримѣръ, копія съ грамоты короля Стефана Баторія, данная запорожцамъ на право владѣнія землями, угодіями и вольностями.

Ко всему этому нужно прибавить еще 60 дѣлъ, которыя могутъ составить отдѣльную рубрику, подъ названіемъ: «Дѣла Гайдамацкія«. Самое раннее дѣло о гайдамакахъ помѣчено 1751 годомъ (ноября 6), самое позднее 1769 г. (декабря 1).

Уже однѣ эти рубрики показываютъ, на сколько интересенъ для историка Запорожья матеріалъ, заключающійся въ названныхъ архивахъ. Въ частности этотъ матеріалъ открываетъ намъ цѣлый рядъ именъ кошевыхъ атамановъ, частью извѣстныхъ, частью же совсѣмъ неизвѣстныхъ, начиная съ 1576 года и кончая 1771 годомъ. Вотъ эти атаманы: *Павло* (безъ фамиліи), упоминаемый въ грамотѣ. данной запорожцамъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, въ 1576 году, 2 апрѣля; *Яковъ Барабашъ*, упоминаемый въ 1656 г., октября 9; *Пашко* (безъ фамиліи) 1658 г. февраля 16; *Брюховецкій*, 1662 апрѣля 9 и 10 и 1663 г., *Сашко Туровецъ* 1663 г. іюня 14; *Иванъ Дмитріевичъ Сѣрко* 1664 г. іюля 25, 1665 г.. 1670, 1671, 1671; 1673, 1664, 1675 [1]), 1677, 1678, 1679 и 1680 гг.; *Донецъ*, 1665 г. іюля 1; *Пластунъ*, 1666 г., ноября 29 (названъ просто «атаманъ»); *Васютинъ*, 1667 г. іюня 18; *Иванъ Бѣлковскій*, 1668 г. генваря 7 и марта 8; *Ханенко* (безъ имени) 1770 г. іюля 28; *Евсевій Шашолъ*, 1672 г. апрѣля 10, 17 и октября 7; *Лукьянъ Андреевъ*, 1772 г. декабря 17 и 19; 1673 г., генваря 12 и февр. 18; *Денисъ Кривоносъ*, 1673 г. (называется

[1]) Сѣрко занималъ постъ кошеваго и въ 1676 г., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ С. Величко.—Его Лѣтопись, т. II, стр. 390, 394 и 396.

«бывшимъ»); *Григорій Шишъ*, 1678 г. іюля 19; *Иванъ Стягайло*, 1680 г. августа 9 и 1681 г. апрѣля (?); *Трофимъ Константиновъ* (иначе Константіевъ), 1681 г. іюля 29; *Трофимъ Волошанинъ*, 1681 г. августа 20 и 1682 г. апрѣля 30; *Василій Алексѣевичъ* (безъ фамиліи), 1682 г. апрѣля 22; *Паско Васильевъ*, 1682 г. апрѣля 22; *Григорій Ивановичъ* (безъ фамиліи) 1682 г. ноября 10, 1683 г. апрѣля 27, іюля 27 и августа 7, 1684 г. мая 11; *Өедоръ Ивановъ*, 1686 г. мая 1, іюня 1, сентября 19, октября 6, ноября 10, декабря 26; *Григорій Сагайдачный*, 1687 г. сентября 12 и октября 14, 1688 г. генваря 28, марта 3, апрѣля 25 и 26, іюня 14, іюля 5; *Филонъ Лихопой*, 1688 г. августа 10; *Иванъ Гусакъ*, 1688 г. декабря 10, 1689 г. ноября 5, 1690 г. мая 11 и 14, сентября 6 и 20, 1691 г. февраля 17 и апрѣля 13, мая 15 и 24, іюля 5, 6 и 15, сентября 22, 1693 г. іюня 4 и 24; *Федько* (безъ фамиліи), 1692 года мая 18 и 27; *Семенъ Рубанъ*, 1693 г. іюля 3, 1694 генваря 8, апрѣля 13 и 30; *Максимъ Самойленко*, 1695 г. іюня 20; *Петро Прима*, 1695 г. февраля 8, 1699 г. октября 30, ноября 19, 1790 г. генваря (?), февраля 3; *Яковъ Морозъ*, 1696 г. сентября 7, 1697 г. генваря 16, февраля 4; *Григорій Яковенко*, 1697 г. марта 3, 1698 г. генваря 4, іюня 2; *Осипъ Федоренко*, 1697 г. марта 3; *Мартинъ Стукало*, 1699 г. мая 6, іюля 2; *Герасимъ Крыса*, 1701 г. февраля 17, 1703 г. ноября 27; *Петро Сорочинскій*, 1701 г. іюня 18, 1702 г. сентября 23, 1706 г. іюня 26, 1607 г. мая 27, сентября 23; *Константинъ Гордѣенко*, 1702 г. сентября 23, 1703, 1704, 1705 гг. сентября 16, 1706 г. (?) и мая 17, 1709, 1710 гг. ноября 19; *Лукьянъ Тимоѳеевъ* (иначе Тимоѳеенко) 1706 г. августа 29, сентября 15; Конеловскій 1709 г. мая 17 (значится наказнымъ); *Василій Осиповичъ* (безъ фамиліи), 1614 г. ноября 23; *Иванъ Малашевичъ*, 1716 г. октября 4, 1717 г. іюня 18, 1720 г. мая 27; *Иванъ Бѣлицкій*, 1733 г., декабря 11, 1735 г. марта (?), 1759 года апрѣля 14, декабря 2, 1760 года ноября 3, 1765 года марта 16; *Евстафіевъ* [1]) 1740 г. ноября 15; *Василій Григорьевичъ Сычъ*, 1747 года мая 12; *Яковлевъ* (безъ имени), 1748 г. генварь—декабрь; *Якимъ Игнатовичъ* 1752 г. января 1, іюля 14; *Семенъ Тимошей*,

---

[1]) Должно быть, Степанъ Евстафіевичъ Гуманскій.

1753 г. 20 («бывшій»); *Данило Стефановъ*, 1753 г. октября 11 и декабря 14, 1754 г. іюля 25; *Павелъ Ивановъ*, 1752 г. октября 23, 1753 г. февраля 14; *Григорій Федоровичъ Лантухъ*, 1753 г. іюня 14, 1756 г. мая 7, іюня 9, 1758 г. ноября 9, 1763 г. апрѣля 5, іюня 14, августа 11; *Степанъ Рудь* 1762 г. августа 12 (названъ «бывшимъ запорожскимъ атаманомъ») и наконецъ *Петръ Ивановичъ Калнишевскій* 1771 г. апрѣля 10.

Съ помощію этого списка кошевыхъ атамановъ и разбросанныхъ въ указанныхъ дѣлахъ свѣдѣній объ нихъ и всемъ Запорожьѣ, можно возсоздать, до извѣстной степени, цѣльную картину исторической жизни Запорожья на пространствѣ почти трехъ столѣтій; по крайней мѣрѣ, можно вызвать на свѣтъ полузабытое и ложно понимаемое многими нашими историками запорожское козачество. Трудъ не легкій и, что самое главное, не бьющій въ глаза. Оно и понятно: самая жизнь запорожскихъ козаковъ вылилась далеко не въ широкія рамки. Но отъ малыхъ и требовать нужно мало.

Оканчивая настоящую замѣтку объ архивныхъ матеріалахъ для исторіи Запорожья, скажу нѣсколько словъ по поводу года смерти кошеваго атамана Ивана Дмитріевича Сѣрка и начала служебной дѣятельности кошеваго атамана Петра Ивановича Калнишевскаго.

Личность кошеваго Сѣрка на столько выдается въ исторіи запорожскихъ козаковъ, что давно уже просится въ особую монографію, въ настоящее же время для характеристики этого замѣчательнаго дѣятеля запорожскаго мы можемъ располагать и довольно значительнымъ матеріаломъ. Такъ, въ одномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ хранится болѣе сорока дѣлъ, касающихся дѣятельности Сѣрка; кромѣ того, достаточно заглянуть въ акты южной и западной Россіи, въ лѣтописи самовидца Самуила Величка, чтобы предъ нами возсталъ полный и величественный образъ славнаго въ свое время кошеваго, непобѣдимаго рыцаря, идеальнаго запорожца. Авторъ «Исторіи о козакахъ запорожскихъ», князь Мышецкій, отзывается о Сѣркѣ такъ: «оный у нихъ изо всѣхъ славный былъ кошевой; уже и по смерти онаго по морю мертваго его пять лѣтъ, для славы и счастія, запорожцываживали, понеже былъ славенъ

и турки весьма имени ево баивались. Когда на войну и съ мертвымъ ѣзживали, то всегда имъ счастье бывало»[1]). Имя кошеваго Сѣрка еще и въ настоящее время живетъ въ устахъ малороссійскаго народа. Старуха Зиновія Мазаёва, жительница деревни Капуловки, екатеринославской губерніи и уѣзда, гдѣ была у запорожцевъ такъ называемая Чортомлыцкая Сѣчь, два года тому назадъ разсказывала мнѣ, что кошевой Сѣрко и до сихъ поръ воюетъ гдѣ-то съ турками. «Его, говоритъ, и земля не бере: такій винъ вояка бувъ!»

— Якъ же це, бабусю, спрашиваю ее, ёго земля не бере, коли у васъ же, въ огороди, стоить и памятникъ Сиркови. Ажъ то одъ запорожцивъ?

— Одъ запорожцивъ, правда, отвѣчаетъ старуха, та тилько тутъ одна рука Сирка лежить, а винъ гуля десь по сьвиту. Винъ, бачите, якъ умеръ, такъ запорожци одризали у нёго праву руку, засушили іи, та годъ, може, двадцять возили іи за собою на війну. Та оце якъ не встойка яка, тамъ чи турки, чи ляхи побивають ихъ, то вони выставляють ту руку, та й кричать: «гей, хлопци, душа й рука Сирка зъ нами!» Такъ ти турки, або ляхи, якъ зайци, такъ у ростичъ и порозбигаютця».

Но на этотъ разъ насъ занимаетъ собственно годъ смерти Сѣрка. У разныхъ южно-русскихъ лѣтописцевъ годъ его смерти показывается различно, начиная съ 1680-го и кончая 1686 годомъ. Во время одной изъ поѣздокъ моихъ по урочищамъ бывшаго Запорожья, мнѣ удалось отыскать между другими вещественными памятниками запорожскихъ козаковъ и могилу Сѣрка съ надгробнымъ на ней камнемъ. Она находится въ упомянутой деревнѣ Капуловкѣ, въ огородѣ крестьянина Николая Мазая. Надгробный камень представляетъ изъ себя родъ небольшой песчаниковой плиты, длины безъ полутора вершка два аршина, поднятой вверхъ и поставленной такъ, какъ обыкновенно ставятъ намогильные кресты. Съ восточной стороны на этой плитѣ сдѣлано распятіе Спасителя и помѣщена козацкая арматура, а съ западной помѣщена слѣдующая надпись:

Р. Б. ҂ахп маіа а преставися рабъ Божій Сѣрько Дмитрови, атаманъ кошовий воска запорозкого Его П. Ц. В. Федора Алезѣевича. Намять праведнаго со похвалами.

---

1) Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852 г., стр. 11.

И такъ, изъ надписи, сдѣланной на могильномъ камнѣ, видно, что Иванъ Дмитріевичъ Сѣрко скончался въ 1680 году, 4 мая. Если въ лѣтописяхъ показаніе о годѣ смерти Сѣрка колеблется между 1680 и 1686 годами и если это колебаніе даетъ полный поводъ къ сомнѣнію на счетъ истиннаго года смерти Сѣрка, то свидѣтельство намогильной надписи должно, казалось бы, стоять выше всякихъ сомнѣній. А между тѣмъ и здѣсь оказывается нѣкоторая разница отъ того, что говоритъ актъ, найденный мной въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Изъ этого акта видно, что Сѣрко скончался не четвертаго мая, а перваго августа, хотя и того-же 1680 года. Въ связкѣ дѣлъ № 55-й, подъ 1680 годомъ, августа 9, за № 20, помѣщено письмо кошеваго атамана Ивана Стягайла къ стрѣлецкому полковнику Василію Перхурову «о смерти кошеваго атамана Ивана Сѣрка, *перваго августа* воспослѣдовавшей». Показаніе акта имѣетъ за собою большую вѣроятность, чѣмъ показаніе памятника, уже потому, что съ нимъ совершенно согласуется и свидѣтельство такого достовѣрнаго лѣтописца, какъ Самуилъ Величко, а у него читаемъ: «того же лѣта (1680) Иванъ Сѣрко, славній отаманъ кошевій, въ Грушовцѣ, пасѣцѣ своей, чрезъ нѣколикое время поболѣвши, преставися отъ жизни сея, *августа перваго*, и припроваженный водою до Сѣчи запорожской, и погребенъ чесно всѣмъ войскомъ низовимъ запорожскимъ въ полѣ за Сѣчью, противъ московскаго скопу, гдѣ иншое товариство запорозское погребалося. Погребенъ тежъ знаменито, августа 2, зъ многою арматною и мушкетною стрелбою и со великою всего войска низоваго жалостію» [1]).

Относительно послѣдняго изъ запорожскихъ кошевыхъ, Петра Ивановича Калнишевскаго, мнѣ удалось получить новыя свѣдѣнія какъ о началѣ его службы на Запорожьѣ, такъ и о его погребеніи. Приведу то и другое.

Изъ акта, помѣченнаго *1756 годомъ*, февраля 7, № 91, видно, что Калнишевскій прежде, чѣмъ занять высокій постъ кошеваго, былъ войсковымъ запорожскимъ асауломъ. Вотъ этотъ актъ, буква въ букву, «Графъ Кириллъ Разумовскій, гетманъ и кавалеръ, нашей

---

[1]) Мышецкій, Исторія о козакахъ запорожскихъ, Одесса, 1852, стр. 20.
[2]) Лѣтопись С. Величка, Кіевъ, 1851 года, т. II, стр. 497

генеральной войсковой канцеляріи.—Изъ присланнихъ сюда отъ коша войска низоваго запорожского депутатовъ асаулъ Петро Калнишевскій для нѣкоторыхъ войсковыхъ нуждъ отправленъ въ Сѣчь запорожскую, которій егда прибудетъ въ Глуховъ, то ему на взиманіе, отъ Глухова до Кременчука и до запорожскихъ поселеній и обратно къ Глухову, двохъ подводъ обывателскихъ, за указаніе прогони, подорожную и на платежъ прогоновъ въ оба пути надлежащое число денегъ изъ сумми скарбу войскового выдать оной генералной канцеляріи, и какъ скоро прибудетъ обратно въ Глуховъ, то его отправить сюда чрезъ почту безъ задержки и на прогони выдать деньги изъ скарбу-жъ войскового.—Гетманъ Графъ К. Разумовскій. 1756 года февраля 7 дня, Санктъпѣтѣнбургъ, № 91» [1]).

Въ 1760 году, 27 генваря, Петръ Ивановичъ Калнишевскій именуется уже бывшимъ войсковымъ судьей, что видно изъ слѣдующаго документа. «Божіею милостію мы Елизаветъ первая императрица и самодержица всероссійская и проч., и проч., и проч. высоко и благоурожденному графу Кирилу Григорьевичу Разумовскому и всему войску запорожскому наше імператорское милостивое слово. Въ нашемъ сенатѣ поданными доношеніями присланныи отъ войска запорожского зъ делами бывшіи войсковыи судьи Павелъ Кириловъ и Петръ Калнишевскій, да писарь Артемей Васильевъ, просили о выдачѣ имъ при отъѣздѣ ихъ нынѣ отсюда въ Сѣчь запорожскую отпускного жалованья, въ разсужденіи имѣющихся на нихъ долговъ, противъ прежней въ 1756 году дачи, съ прибавкою и о дачѣ имъ съ будущими при нихъ тремя козаками осми подводъ и прогонныхъ денегъ, такожъ чтобъ послана была съ ними изъ нашего сената къ войску запорожскому грамота о прибавкѣ тому войску жалованья и трехъ пушекъ, да о безпошлинномъ изъ Малой Россіи въ Сѣчь запорожскую и оттуда въ Малую Россию провозѣ припасовъ и товаровъ къ ихъ запорожцовъ промыслу рыбы и протчего, и по справкѣ объ оныхъ дѣлахъ опредѣленія въ нашемъ сенатѣ учинены апреля 20-го и декабря 22 чиселъ прошлого 1759

---

[1]) Изъ архива П. С. Ефименка. Въ „Исторіи Сѣчи“ А. Скальковскаго имя П. Калнишевскаго мы встрѣчаемъ около 1750 г. въ качествѣ войсковаго асаула, по случаю преслѣдованія гайдамаковъ бывшимъ въ то время кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Лантухомъ.

года и по онымъ къ вамъ грамоты уже посланы; того ради въ нашемъ сенатѣ опредѣлено: онымъ бывшимъ войсковымъ судьямъ Павлу Кирилову и Петру Калнишевскому, да писарю Артемью Васильеву, при нынѣшнемъ ихъ изъ Санктъпетербурга отъѣздѣ, дать нашего отпускного жалованья каждому по пятидесятъ рублевъ, а всѣмъ прочимъ сто пятдесятъ рублевъ, да имже съ обретающимися при нихъ тремя козаками для проѣзду отъ Санктъпетербурга до Сѣчи запорожской дать восемъ ямскихъ подводъ и на нихъ прогонныя денги выдать изъ статсъ-конторы, а на подводы подорожную дать изъ ямской канцеляріи, а вамъ, нашему гетману, при ордерѣ своемъ послать къ войску запорожскому, для содержанія при ономъ вмѣсто привиллегіи объ означенныхъ дѣлахъ, а имянно о прибавкѣ жалованья, о трехъ пушкахъ и о безпошлинномъ пропускѣ припасовъ и товаровъ съ посланной изъ нашего сената къ вамъ грамоты копіи, и о вышеписанномъ въ статсъ-кантору и въ ямскую канцелярію указы изъ нашего сената посланы въ Санктъпетербургѣ генваря 27 дня 1760 года, по ея императорскаго величества указу. Сенаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Іванъ Щербатовъ» [1]).

Съ 1762 года Петръ Ивановичъ Калнишевскій уже занимаетъ постъ кошеваго атамана и потомъ сохраняетъ эту должность, кромѣ 1763 и 1764 годовъ, до самаго паденія запорожской Сѣчи, т. е. до 1775 года. Съ этого времени онъ сосланъ былъ на заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ прожилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ, окончивъ свое существованіе въ 1803 году, 23 октября, имѣя *сто двѣнадцать* лѣтъ отъ роду.

Въ запискѣ о содержащихся по вѣдомству Тайной Экспедиціи, безъ отнятія чиновъ и дворянскаго достоинства, разныхъ чиновникахъ, которые Всемилостивѣйше прощены и освобождены, съ показаніемъ, гдѣ они находились, показанъ, въ числѣ *подольскихъ шляхтичей*, подъ № 29: «Петръ Калнишевскій, бывшій запорожскій кошевой атаманъ. Въ Соловецкомъ монастирѣ».

Тяжка была жизнь заключенныхъ въ Соловецкомъ монастырѣ: «Въ прежнее время всѣ заключенные дѣлились на три разряда. Первые—тѣ, которые находились на покаяніи; они жили въ заключеніи и обязаны были ходить въ церковь ежедневно. Узники втораго

[1]) Изъ архива П. С. Ефименка, № 9, по описи № 747.

разряда сидѣли въ заключеніи въ отдѣльныхъ комнатахъ и подъ замкомъ. Имъ позволялось, съ разрѣшенія архимандрита, иногда выходить: зимой на прогулку, лѣтомъ на работу (косить и т. д.). Наконецъ узники третьяго разряда могли выходить только три раза въ годъ, а остальное время сидѣли безвыходно подъ замкомъ. Въ монастырѣ этихъ называли «великими грѣшниками». Къ числу ихъ, вѣроятно, причислялся и Калнишевскій. Изъ этихъ грѣшниковъ нѣкоторые сидѣли еще въ рогаткахъ. Рогатками назывался инструментъ, надѣвавшійся на голову. Онъ состоялъ изъ желѣзнаго обруча вокругъ головы, отъ лба къ затылку, замыкавшагося помощію двухъ цѣпей, которыя опускались внизъ отъ висковъ, на замокъ подъ подбородкомъ. Къ этому обручу было придѣлано перпендикулярно нѣсколько длинныхъ желѣзныхъ шиповъ. Такимъ образомъ, эти рогатки не позволяли человѣку лечь на бокъ, ни на спину, ни навзничь, такъ что онъ долженъ былъ спать сидя. Изъ послѣдняго разряда заключенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или дѣлались «блаженными», т. е. сходили съ ума, и тогда жили долго... Всѣ тюрмы находились въ то время въ монастырской стѣнѣ, комнаты были очень малы, а окна такой величины, что можно только руку просунуть» [1]).

Съ Калнишевскимъ запрещено было говорить; его выпускали изъ одиночнаго заключенія только три раза въ годъ: на Пасху, Рождество и Преображеніе. Такъ и скончался Калнишевскій въ Соловкахъ. Тѣло его погребено въ оградѣ главной церкви монастыря съ восточной стороны, гдѣ, спустя 53 года, положена небольшая плита архимандритомъ Александромъ Павловичемъ, впослѣдствіи епископомъ полтавскимъ, съ слѣдующею надписью:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ, положивый душу свою на крестѣ за всѣхъ насъ, не хочетъ смерти грѣшника.

Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошеваго бывшей нѣкогда запорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Калнишевскаго, сосланнаго въ сію обитель по высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по высочайшему

---

[1]) Русская Старина, 1875 года, ноябрь, томъ XIV.

повелѣнію, снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 23 дня, въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертію благочестивою доброю.

Блаженни мертвіи умирающіе о Господѣ! Аминь. А. А. 1856 г.»

Д. И. Эварницкій.

Библіографія.

Указатель къ изданіямъ Императорскаго русскаго географическаго общества и его отдѣловъ съ 1846 по 1875 г. Спб. 1886 г.

Въ 1871 году петербургское географическое общество, по случаю исполненія двадцатипятилѣтія своего существованія, издало историческій очеркъ своей дѣятельности за означенное время. Вышедшій нынѣ «Указатель» изданій общества представляетъ подробные итоги этой дѣятельности за періодъ нѣсколько болѣе продолжительный, и какъ справочная книжка, является необходимымъ пособіемъ для всѣхъ желающихъ пользоваться изданіями и трудами общества.

Извѣстно, что ни въ одной литературной области не трудно такъ оріентироваться, какъ въ изданіяхъ офиціальнаго характера. «Описи», «Труды», «Памятники», «Извѣстія», всѣ эти изданія ученыхъ корпорацій и обществъ также лишены внѣшней индивидуальности, какъ казенныя зданія, расположенныя и построенныя на одинъ образецъ. При рѣшительно одной и той-же сущности, наименованіе изданія иногда вдругъ перемѣняется. Такъ казенные дома, волею чародѣя-эконома, являются неожиданно выкрашенными въ новый цвѣтъ.

Перемѣны подобнаго рода происходили и въ повременныхъ изданіяхъ географическаго общества. При болѣе или менѣе общей программѣ, временники этого общества назывались то «Записками географическаго общества» (1846—1859 г.), то параллельно существовавшими «Географическими Извѣстіями» (1848—50 г.) и «Вѣстникомъ географическаго общества» (1851—60 г.), то вновь возникшими «Записками» (1861—64 г.) и наконецъ «Извѣстіями гоографическаго общества» (съ 1875 г.). Къ своду содержанія этихъ изданій, въ «Указателѣ» прибавлены описанія отдѣльныхъ изданій общества (1848—75 г.), изданій его секцій 1851—75 г.), Трудовъ экспедицій (1853—75 г.), изданій провинціальныхъ отдѣловъ: кавказскаго, сибирскаго,

оренбургскаго, сѣверо-западнаго и покойнаго юго-западнаго и списки изданныхъ обществомъ отдѣльныхъ картъ.

Перечисленныя повременныя изданія общества, съ прибавкой годовыхъ его отчетовъ, представляютъ солидную географическую библіотеку, томовъ въ двѣсти. Редакторами изданій въ разное время состояли гг. В. Григорьевъ, Д. А. и Н. А. Милютины, Неволинъ, Бекетовъ, Безобразовъ, Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Изданія секцій и отдѣловъ, нося болѣе спеціальный характеръ, представляютъ нѣчто самостоятельное, значительно еще увеличивающее сумму общей издательской дѣятельности общества.

Перелистывая эту номенклатуру статей, изслѣдованій и замѣтокъ, перечень сухой, но внушительный (144 страницы мельчайшей печати), мы останавливались на работахъ, посвященныхъ южно-русскому краю. Среди этой массы трудовъ по географіи, физической и политической, статистикѣ, этнографіи, археологіи, исторіи, лингвистикѣ, статей касающихся южно-русскаго края находимъ меньше, чѣмъ можно было-бы ожидать. Кромѣ капитальнаго труда Чубинскаго, важнѣйшими являются изслѣдованіе Аксакова «О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ» и статистическія работы проф. Янсона о хлѣбной торговлѣ по бассейнамъ южно-русскихъ рѣкъ на Волыни. По части этнографіи выдѣляются угро-русскіе сборники Дешка. Остальное представляется рядомъ спорадически появляющихся небольшихъ этюдовъ и замѣтокъ.

Кромѣ общеизвѣстной тенденціи ученыхъ географовъ къ предпочтительному изслѣдованію далекихъ и мало вѣдомыхъ уголковъ, это обстоятельство объясняется, кажется, и тѣмъ, что мѣстные изслѣдователи рѣдко становились участниками въ трудахъ общества и обращались мало къ его посредничеству для обнародованія своихъ работъ. Между тѣмъ положеніе провинціальныхъ тружениковъ науки нерѣдко таково, что въ такомъ посредничествѣ иногда было-бы ихъ спасеніе. Примыкая къ такому почтенному обществу, какъ географическое, изслѣдователь вступаетъ на почву безпристрастной науки, далекой отъ гнета котерій, отъ заподозриваній и другихъ прелестей, какими славна провинція. Правда, не всегда легко отрывать свой трудъ отъ той среды, которая имъ болѣе интересуется, и зарывать его въ массѣ разнообразнѣйшаго посторонняго матеріала. Всѣми этими причинами объясняется, вѣроятно, то сравнительно небольшое число работъ о южной Россіи, справки о которыхъ даетъ «Указатель».

Въ виду малораспространенности и обширности состава изданій общества, равно исчезновенія многихъ изъ нихъ изъ продажи, считаемъ не лишнимъ отмѣтить по «Указателю» весь заключающійся въ нихъ южно-

русскій матеріалъ. Отмѣтки наши располагаемъ по порядку и времени выхода изданій.

а) *„Записки русскаго географическаго общества“* (1846—59 г.).

Книга V. 1851 г. Нѣсколько климатическихъ данныхъ, относящихся къ гор. Харькову.—Проф. Лапшина.—Кн. XI. 1856 г. Рѣки полтавской губерніи статья Ник. Маркевича.

b) *„Географическія Извѣстія“* (1848—50 г.).

Кн. за 1848 г. Достопримѣчательныя урочища въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ черниговской губерніи: 1) Мертвица, 2) Юхновъ, 3) Огнедышущая гора въ Леньковѣ, 4) Водоворотъ въ Леньковѣ и ключъ Улруй.—Сообщеніе Н. Маркевича. Въ библіографіи—рецензія книги Фундуклея „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ кіевской губерніи“.

с) *„Вѣстникъ императорскаго русскаго географическаго общества“* (1851—60 г.).

1851 г. Часть I. Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка.—И. И. Срезневскаго.— Число жителей въ городахъ полтавской губерніи.

Часть II. Замѣчательные памятники православія въ Кременцѣ.—Самуила Новошицкаго.—Малорусскія и галицкія загадки, изд. А. Сементовскимъ (рецензія).

Часть III. Мѣстечко Животовъ, кіевской губерніи.

1852 г. Часть IV. Русь Угорская (отрывокъ изъ опыта географіи русскаго языка). И. И. Срезневскаго.—Часть VI. Этнографическія и статистическія свѣдѣнія объ ольгопольскомъ уѣздѣ каменецъ-подольской губерніи. Статья отца Н. Михневича.

1853 г. Кн. VII. Слѣдуютъ-ли вѣтры въ Харьковѣ закону вращенія Дове.—Пр. Лапшина.—Населеніе новороссійскаго края и Бессарабіи въ 1851 г.—А. А. Скальковскаго.—Труды комиссіи, высочайше учрежденной для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа (рецензія С. Куторги).—Объ учрежденіи комиссіи при университетѣ св. Владиміра и о дѣятельности ея въ 1851 и 1852 г.—Н. Х. Бунге.—Часть VIII. Дѣятельность комиссіи для описанія губерній кіевскаго учебнаго округа въ 1852 и первую треть 1853 г.—Часть IX. Историческая и статистическая записка о Екатеринославѣ.

1855 г. Часть XIII. Бытъ малорусскаго крестьянина. А. Афанасьева-Чужбинскаго. Часть XIV. О климатѣ харьковской губерніи.—В. Лапшина.—Часть XV. Нѣсколько замѣтокъ о климатѣ подольской губерніи.—В. Шевича. -О винокуреніи, бывшемъ въ мѣстахъ малороссійскихъ до введенія кубовъ обыкновенныхъ и паровыхъ, А. Дмитрюкова.—Движеніе православнаго народонаселенія въ харьковской губерніи за 1854 г.—А. Рославскаго.

1856 г. Часть XVII. Обозрѣніе городовыхъ полковъ и сотенъ, бывшихъ на Украйнѣ до смерти Богдана Хмельницкаго, М. А. Максимовича.—Часть XVIII. О нѣкоторыхъ мѣстностяхъ екатеринославской губерніи, гдѣ открыта желѣзная руда.—Географическія замѣтки: Степная рѣчка Сухая Волноваха.—Гротъ Капниста.—В. Лапшина.

1857 г. Часть XIX. Обозрѣніе украинскихъ ярмарокъ (по изслѣдованію Аксакова), В. Безобразова.—Нѣкоторыя особенности аккерманскихъ молдаванъ, св. Енакіевича. Часть XXI. Записки въ пути по херсонской губерніи, Зеленецкаго.

1859 г. Часть XXV. Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ, И. Аксакова.—Статья В. Вешнякова. Часть XXVI. Этнографическій очеркъ восточной Галиціи.—Циммермана.

d) *„Записки императорскаго русскаго географическаго общества"* (1861—64 г.).

1863 г. Кн. 2. Очеркъ пространства между Кубанью и Бѣлой, М. Венюкова.—1864 г. Кн. 4. Записка о торговыхъ и промышленныхъ силахъ Одессы въ 1859 г.—Скальковскаго.

e) *Извѣстія императорскаго русскаго географическаго общества"* (1865—74 г.).

Томъ II (1866 г.). Записки черниговскаго губ. статистич. комитета (замѣтка). Томъ V (1869 г.). О цѣнахъ въ хлѣбной торговлѣ съ пристаней средняго теченія Днѣпра, Ю. Янсона. Томъ VIII (1869 г.). О результатахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, П. П. Чубинскаго и Краткое извлеченіе изъ доклада, читанное имъ же въ отдѣленіи этнографіи Томъ X (1874 г.). О раскопкахъ кургана „Черная Могила" въ Черниговѣ.

Такова скудная жатва южно-русскаго матеріала во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ общества за 30 лѣтъ.

Въ годовыхъ отчетахъ общества за 1870, 1872, 1873 и 1874 года помѣщены свѣдѣнія о трудахъ экспедиціи П. П. Чубинскаго и докладъ о нихъ-же комиссіи отдѣленія этнографіи.

Въ рубрикѣ «Отдѣльныхъ изданій общества», въ «Обзорѣ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій съ 1848 по 1853 г.» упоминаются: Поѣздка гр. А. С. Уварова въ южную Россію, Описаніе губерній кіевскаго учебнаго округа, губерніи екатеринославской и харьковской епархіи. Одно время нѣкоторые изъ издаваемыхъ обществомъ трудовъ переводились на французскій языкъ для международнаго обращенія; это изданіе носило имя: «Extraits des publications de la société Impériale Géographique de Russie». Здѣсь помѣщены въ переводѣ указанныя выше статьи Максимовича, Безобразова (Les foires de l'Ukraine) и Маркевича (Les rivières du gouvernement de Poltava).

Въ изданіяхъ отдѣленій находимъ слѣдующія работы:

„Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи", Кн. II. 1854 г. „О торговлѣ на харьковскихъ ярмаркахъ въ теченіи пятилѣтія, съ 1842 по 1846 г."—Рославскаго-Петровскаго.

„Этнографическій Сборникъ" 1853 г. Село Кобылья, волынской губерніи новоградъ-волынскаго уѣзда, протоіерея Морачевича.—Мѣстечко Александровка черниговской губерніи, сосницкаго уѣзда, свящ. Г. Базилевича.—Домашній бытъ малоросса полтавской губерніи, хорольскаго уѣзда, свящ. А. Иваницы.

Тотъ-же „Сборникъ", выпускъ III. 1858 г. Бытъ малорусскаго крестьянина, преимущественно полтавской губерніи. Выпусхъ VI. 1864 г.—Суевѣрные обряды при постройкѣ дома въ каменецъ-подольской губерніи, замѣтка Дыминьскаго.

„Записки по отдѣленію этнографіи" 1867 г. Т. I. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси, собраніе А. П. Дешко.—Свадьба на Угорской Руси, его-же. Т. II. 1869 г.—Пословицы и поговорки Галицкой и Угор-

ской Руси.—Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятiй въ Малороссiи.—П. Чубинскаго.

Самыя обширныя и самыя цѣнныя изслѣдованiя, касающiяся русскаго юга, встрѣчаемъ въ такъ называемыхъ «Трудахъ экспедицiй». Первымъ по времени вышло изслѣдованiе И. Аксакова «О торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ». Самъ авторъ переработалъ впослѣдствiи свой трудъ въ журнальную статью; весь-же тяжелый арсеналъ труда помѣстился въ огромномъ томѣ in 4°, изданномъ обществомъ и теперь очень рѣдкомъ. Онъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнiя о ярмаркахъ Харькова, Полтавы, Ромна, Сумъ, Кролевца и Елисаветграда. Тутъ много данныхъ о естественныхъ произведенiяхъ края, о крестьянскихъ промыслахъ и пр., свѣдѣнiй въ настоящее время, конечно, значительно устарѣвшихъ, такъ какъ книга относится ко временамъ крѣпостнаго права. Въ первомъ томѣ «Трудовъ экспедицiи для изслѣдованiя хлѣбной торговли и промышленности въ Россiи» помѣщены обширныя изслѣдованiя проф. Янсона: О хлѣбной торговлѣ по среднему теченiю Днѣпра, о такой-же торговлѣ на Волыни и на самовозныхъ рынкахъ (Нѣжинъ, Ичня, Лохвица, Конотопъ, Бѣлополье, Глуховъ) и о хлѣбной торговлѣ въ одесскомъ районѣ. Рядомъ съ этими трудами стоятъ работы Чубинскаго о хлѣбной торговлѣ и льняномъ производствѣ на сѣверѣ. Петербургскiй профессоръ избралъ для изученiя югъ, а кiевскiй ученый, помимо выбора, сталъ изслѣдователемъ далекаго сѣвера, котораго былъ невольнымъ обитателемъ.

О «Трудахъ этнографическо-статистической экспедицiи въ западнорусскiй край» говорить много нечего. Громадное значенiе этого изданiя для южно-русской этнографiи давно оцѣнено всѣми. Самая исторiя этого изданiя ждетъ еще своего лѣтописца. Необыкновенная энергiя и талантъ, проявленные покойнымъ П. П. Чубинскимъ въ обнародованiи этого памятника, гдѣ запечатлѣлась душа народа, доставятъ ему навсегда неувядаемую память и славу.

Въ «Указатель», въ перечнѣ содержанiя томовъ этого изданiя, не вошли выпуски, вышедшiе послѣ 1875 г. (пословицы, загадки, колдовство, обряды и малорусское населенiе края). Не можемъ не выразить, кстати, не относящагося впрочемъ къ географическому обществу, сожалѣнiя объ отсутствiи предметныхъ и мѣстныхъ указателей къ отдѣльнымъ томамъ изданiя. Въ такомъ томѣ, какъ напр. пятый, съ его безчисленнымъ матерiаломъ бытовыхъ пѣсенъ, такой указатель является вопiющей необходимостью. Всѣмъ, кому не чужда малорусская этно-

графія, мы дали-бы благой совѣтъ запасаться этимъ драгоцѣннымъ изданіемъ, выписывая оставшіеся экземпляры изъ петербургскаго географическаго общества. Все изданіе стоитъ 18 р. 60 коп. По своей обширности и дороговизнѣ оно едва-ли скоро повторится.

Отмѣтки наши слѣдуетъ закончить упоминаніемъ о двухъ томахъ «Записокъ юго-западнаго отдѣла географическаго общества» и объ изданной тѣмъ-же отдѣломъ книгѣ «Кіевъ по переписи 1874 года».

Эти три книги составляютъ весь урожай на кіевской почвѣ географической науки. Дни отдѣла вскорѣ пресѣклись. Не утѣшиться-ли мыслью, что все хорошее на свѣтѣ не долговѣчно?

W.

Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Панаса Мирного. Кіевъ. 1886 г.

«Кіевская Старина», какъ показываетъ пятилѣтнее почти ея существованіе, не смотря на спеціализирующее ее названіе, не чужда наблюденій надъ проявленіями и современной мѣстной жизни, по скольку эта послѣдняя служитъ продолженіемъ или отраженіемъ жизни минувшей. Названная книга представляетъ собою именно одно изъ такихъ проявленій. Это два художественные очерка изъ народной нашей жизни, которые и временемъ своего составленія, и особенностями содержанія, и самымъ языкомъ своимъ переносятъ насъ къ прошлому. Вотъ почему я хочу говорить въ журналѣ историческомъ о книгѣ не исторической, а чисто беллетристической.

Среди интеллигентныхъ малороссіянъ, не смотря на многолѣтнія горячія усилія покойнаго де-Пуле и К°, не переводятся чудаки, которые продолжаютъ любить свою родную рѣчь и даже писать и издавать на ней книжки содержанія и названія дозволеннаго. Но не объ нихъ рѣчь.

Появленіе въ печати новой книжки на малорусскомъ языкѣ меня всегда радовало, какъ признакъ неизсякаемости запаса духовныхъ силъ народа. Появленіе книжки г. Мирного, какъ найболѣе талантливаго въ настоящее время малорусскаго беллетриста, порадовало меня въ особенности.

Вспомнились мнѣ хорошіе 60-е годы, мои молодые годы. Тогда явились Кобзарь, Повѣсти Квитки-Основьяненка, Марка-Вовчка, издавалась «Основа». Помню я то время и отчетливо могу возстановить въ моей памяти тѣ сладостные для меня моменты, когда я, воспитанный на панской традиціи среди находившейся подъ игомъ крѣпостничества Украйны, и изъ-за призмы панскихъ воззрѣній на мужика, снизойти къ которому строго воспрещалось семейно-панскою моралью, впервые взглянулъ иными глазами на эту хлопскую жизнь, сталъ уразумѣвать смыслъ и содержаніе оной и когда я, вмѣстѣ съ другими, по мѣрѣ прозрѣванія, влюблялся въ село, въ селянъ, и пока наконецъ не кинулся къ мужику съ распростертыми объятіями, готовый всей силой молодой души любить его, служить ему.

Если во всемъ этомъ нравственномъ моемъ и многихъ иныхъ перерожденіи и сказалось общее вѣяніе, охватившее всю тогдашнюю Россію, если эта метаморфоза, происшедшая въ насъ, и была знаменіемъ той эпохи, то все таки совершившемуся съ нами много помогли вышепомянутыя книги, въ свою очередь вполнѣ отвѣчавшія назрѣвшей потребности момента нашего развитія. Это были истолкователи хлопской жизни во всѣхъ проявленіяхъ оной, жизни закрытой по ту пору темной завѣсой крѣпостничества.

Прошло это время! Экстазъ молодости, бурные порывы улеглись и подъ внѣшнимъ давленіемъ, и подъ холодною критикою фактовъ. Многое изъ прежняго перестало быть яркимъ въ нашихъ глазахъ, установился иной взглядъ на событія, явились новые запросы въ душѣ. Малорусская рѣчь перестала быть новооткрытою Америкой; годы убѣдили насъ въ пригодности малорусскаго языка для произведеній литетурныхъ, но вмѣстѣ привели къ заключенію о негодности старыхъ мотивовъ и необходимости иныхъ сюжетовъ, кромѣ крестьянскаго быта. Сантиментальное нытье надъ *долею* покинутой ловеласомъ и обманутой имъ дѣвушки (послѣ Шевченка никто ничего сильнѣе не сказалъ на эту тему) стало казаться намъ приторно-слащавымъ и драматизмъ положенія ослабѣлъ въ нашихъ глазахъ. Почувствовалось, что многаго не достаетъ въ малорусской литературѣ со стороны ея содержанія, что такія важныя явленія въ современной народной жизни южнаго края Россіи, какъ эмансипація, польское возстаніе, желѣзно-дорожное и сахаро-заводское дѣло, штунда и шалопутство, война 1877—78 гг. съ добровольцами и погонцами, выселеніе на Амуръ, чиншевой вопросъ, жидотрепаніе и обрусѣніе представляющіе собою богатые сюжеты для мѣстной беллетристики, остаются не затронутыми.

Книжка г. Мирного не производитъ большаго перелома въ направленіи крохотной малорусской литературы, но ближе другихъ подходитъ къ назрѣвшимъ вопросамъ современной малорусской беллетристики.

Въ книгѣ этой, очевидно первой изъ предположенныхъ къ напечатанію нѣскольких книгъ, имѣются двѣ повѣсти: «Лыхый попутавъ» и «Пьяныця» и вмѣсто предисловія воззваніе къ музѣ. Первая повѣсть помѣчена 1872, а вторая 1874 годомъ, что даетъ право предполагать намѣреніе автора при изданіи своихъ сочиненій держаться хронологическаго порядка. Помѣта воззванія къ музѣ 1885 годомъ, по его смыслу, даетъ намъ возможность видѣть душевный настрой автора въ настоящее время, отчасти прозрѣвать его литературатурное *credo*.

Книжечка издана чистенько и продается очень недорого (50 коп.), если принять во вниманіе то обстоятельство, что вознагражденіе за трудъ автора будетъ зависѣть отъ расхода изданія.

Первая изъ находящихся въ книжкѣ повѣстей есть разсказъ нѣкоей Варки Луценковой про ея горькую жизнь. Онъ переноситъ читателя прямо въ село, въ его милую и наивную жизнь. Разсказчица Варка, оглядываясь назадъ, вспоминаетъ ту пору своей жизни, въ которой она достигла было высшаго развитія силъ своего дѣвичьяго духовнаго естества. «Мини тоди восимнадцятый рикъ пишовъ». Это была лучшая пора ея жизни, беззаботнаго существованія. Просто, безъискуственно передаетъ Варка о своемъ горькомъ сиротствѣ, о притѣсненіяхъ со стороны «дядины», заставившихъ ее искать болѣе подходящаго способа жизни. Она переходитъ въ городъ и тамъ нанимается въ работницы къ мѣщанкѣ, по профессіи цекаркѣ. Жизнь на этомъ новомъ мѣстѣ, наивныя мечты Варки о томъ, что она по сю пору никогда ничего своего не имѣвшая и въ первые работающая за деньги, пріобрѣтетъ для себя, чѣмъ, разумѣется, досадитъ не мало нелюбимой дядинѣ—все это живо и естественно изображено въ разсказѣ. «Когда вы мнѣ читаете, то я, вслушиваясь, забываю и васъ и вашъ голосъ: мнѣ такъ и слышится сама Варка; закрою глаза и она, какъ живая, предстаетъ предо мною», говорилъ мнѣ одинъ мой пріятель, съ которымъ мы прочитывали вмѣстѣ эту книгу.

Ознакомливается Варка скоро съ городомъ, лучше сказать, съ тою его частію, гдѣ обыкновенно живутъ разныя *перепечайки*, т. е. съ пригородней слободкой. Здѣсь тоже самое село, но уже подъ вліяніемъ городской цивилизаціи въ саморазличнѣйшихъ ея проявленіяхъ, о которыхъ здѣсь въ

замѣткѣ, разумѣется, не мѣсто распространяться. «Городяне», или жители подгородней слободки, показались Варкѣ лучшими, нежели люди ея деревни. «И парубки у мисти кращи, нижъ у сели». Въ такой порѣ жизни «парубки» найболѣе обращаютъ вниманіе «дивчины», и Варка въ своемъ разсказѣ отводитъ имъ особое, хотя не большое, но тѣмъ не менѣе яркое опредѣленіе. Всѣ эти парубки франтовато одѣты, обуты въ пригнанныхъ по ногѣ сапогахъ, ловкіе, красивые. «Иде улицею якій, якъ картина; такъ-бы на ёго все дивилася, никуды очей не зводила». Еще бы!

Росла, росла дивчинонька
Тай на пори стала...

Стала и Варка *на пори.* Послѣ зимы пришла плѣняющая весна и упоенная ею Варка среди обычной сутолоки жизни мѣщанской улицы находитъ то, къ чему безсознательно рвалось все ея естество: находитъ кого полюбить и любитъ. Первая встрѣча, первое знакомство прекрасно изображены въ разсказѣ. Полюбила Варка всей душей, а онъ «высокій, статный, якъ вьязъ, бравый, якъ сокилъ». И затѣмъ идетъ горькая исторія любви, обманъ, послѣдствія всего этого, а въ концѣ концевъ бѣдная Варка очутилась въ тюрьмѣ, какъ обвиняемая въ утопленіи ребенка. Все это до малѣйшихъ деталей разсказано мастерски. Авторъ не пропустилъ ни одной характерной черточки: естественно, самъ собою выплываетъ въ разсказѣ антагонизмъ между работницею Варкою и ея хозяйкою; ея нелюбовь къ хозяйкѣ, подсказанная ея милымъ, тоже работникомъ изъ сосѣдняго двора; живо очерчены отношенія къ Варкѣ семьи дяди, попытки погибающей дѣвушки найти защиту и удовлетвореніе въ волости и наконецъ самый моментъ безсознательнаго утопленія ребенка. Все это живо, реально, толково и вполнѣ обдуманно. Больше ничего и сказать нельзя.

Другая повѣсть, «Пьяныця» есть уже объективный разсказъ про жизнь одного «панича», затѣвавшаго канцелярскою службою проложить себѣ дорогу въ жизни и покончившаго очень печально. По рѣшенію своего отца, мелкопомѣстнаго панка, «що тилько одинъ и живъ на циле козаче село Недогарки», паничъ отправляется на службу, составляющую излюбленный идеалъ его отца. Идетъ онъ въ службу противъ своего желанія, вопреки природному влеченію къ тихой семейной жизни. Болѣзненный, небольшаго роста, Ивась, опредѣлившись въ какую-то канцелярію, мало по мало входитъ въ колею, хотя и до конца не сживается съ окружающимъ его міромъ. Канцелярщина не удовлетворяла его; пробужденный школьною наукою умъ его искалъ лучшаго, пищи духовной. Ивась предается мечтательности, путается въ цѣломъ сплетеніи

неразрѣшимыхъ вопросовъ и случайно натыкается на то, что впослѣдствіи хоть отчасти утоляло его больную душу,—весь отдается музыкѣ, игрѣ на скрипкѣ.

Все окружающее Ивася пошло и мерзко, и вотъ онъ, отдаваясь своей излюбленной музыкѣ, натыкается на живую, пылкую, страстную дочь квартирной хозяйки, которую и полюбилъ всею силою своей цѣломудренной души. Онъ проводитъ съ нею свой досугъ, хочетъ учить ее грамотѣ и, разъясняя буквы—значки, останавливается на *еры* «ы», или яры, какъ понимаетъ игривая, страстная Наталка, боящаяся упасть въ нихъ. Но вотъ является въ томъ-же дворѣ братецъ Ивася, пошлый паничъ Петро, ни въ чемъ не похожій на Ивася—ни по внѣшности, ни по нравственнымъ качествамъ и направленію. Это исчадіе канцелярщины, этотъ недавній альфонсъ какой-то помѣщицы, цинически безнравственный субъектъ, соотвѣтствовалъ назрѣвшей у Наталки потребности любви и, въ продолженіи недѣли своего пребыванія у брата, увлекъ ее и нарушилъ мирное блаженство Ивася. Скоро все выяснилось. Авторъ съумѣлъ артистически передать сцену объясненія всего случившагося.

Все негодованіе, все, что накипѣло на душѣ, Ивась выражаетъ въ письмѣ къ брату и, изнывая въ негодованіи, опять терзаетъ свою душу распросами у Наталки о случившемся. Суть дѣла еще болѣе точно выясняется въ этихъ надрывающихъ душу сценахъ распросовъ, и тутъ-то этотъ горькій Ивась дѣлаетъ Наталкѣ предложеніе выйти за него замужъ. Честная душа Наталки высказывается въ отказѣ на это предложеніе. Часъ отъ часу не легче: наскакиваетъ мать, злая пьяная «перекупка» и, заподозривъ объясняющихся, вымещаетъ свою злобу на Наталкѣ побоями, отъ которыхъ слабохарактерный, утлый Ивась не въ силахъ защитить любимую имъ дѣвушку. Натянутыя струны души не выдерживаютъ и лопаются: Иванъ Микитовичъ заливаетъ горе водкою—этимъ панацейнымъ лекарствомъ всякихъ скорбей на Руси и... дѣлается *пьяницею*.

Горькая повѣсть разбитой и неудавшейся жизни съ большимъ талантомъ разсказана авторомъ; въ повѣсти все выдержано и ярко очерчено со свойственною г. Мирному умѣлостію и художественностію. Остается ожидать дальнѣйшихъ выпусковъ разсказовъ и повѣстей г. Мирного, обнаружившаго несомнѣнный талантъ.

Книжка не свободна и отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, относящихся впрочемъ къ внѣшней сторонѣ. Начну съ заглавія. Меня поразила его вычурность «Збираныця зъ ридного поля»... и затѣмъ... *творы*. Къ чему эта аллегорія? Гдѣ выкованы и кѣмъ узаконены и неуклюжая

«Збираныця», и опротивѣвшіе до смерти «творы»? Въ свое время достаточно было заглавіе «Повисти Квитки, Повисти Марка Вовчка». Коротко и ясно. А теперь возвращаются къ заглавіямъ XVII в., къ курьёзамъ Барановича, Галятовскаго, Гизеля. Не хорошо.

Перейду къ языку книжки вообще. Въ немъ много мѣстнаго говора, не мало руссицизмовъ, есть нѣкоторое «варняканье», даже просто недостатокъ отдѣлки и прямыя неправильности въ построеніи рѣчи. У беллетриста патентованнаго, какъ г. Мирный, желательно было-бы видѣть языкъ очищенный отъ мѣстныхъ особенностей и отдѣланный по правиламъ грамматики, съ возможнымъ устраненіемъ искусственности. Тѣмъ болѣе не простительны погрѣшности въ начертаніи словъ, прямое какъ-бы уродованіе ихъ. Ограничусь лишь весьма немногими указаніями. Авторъ всюду пишетъ: м*и*ни, а нужно писать м*е*ни (я, мене, мени и т. д.), переп*ы*чайка, а не переп*е*чайка, хотя говорится: пекти, а не пыкты, перев*ы*лося, а не перев*е*лося, засун*и*мося, а не засун*е*мося, въ груд*и*хъ, а не въ груд*я*хъ, побр*ы*ла, а не побр*е*ла, хоч*ы*тьця, а не хоч*е*тьця, трап*е*тьця, а не трап*и*тьця, и т. д.

Часть этихъ ошибокъ произошла, можетъ быть, и не по винѣ автора, а пожалуй корректора: у всякаго вѣдь свое правописаніе, и нѣтъ болѣе не установившагося правописанія, какъ малорусское. Самая фамилія автора, точнѣе его псевдонимъ, пишется не одинаково; въ настоящей книжкѣ написано М*и*рный, въ альманахѣ «Рада» 1883 года и въ *Покажчикѣ* Комарова М*и*рн*и*й, въ «Радѣ»-же за 1884 годъ М*ы*рн*ы*й.

Борисъ Познанскій.

Отчетъ холмскаго православнаго свято-Богородицкаго Братства за 1884—5 (шестой) годъ.

Намъ давно сообщенъ этотъ любопытный и поучительный отчетъ и мы давно собирались говорить объ немъ. Мы даже обѣщали сдѣлать это, заговоривъ о Холмѣ въ одномъ изъ предъидущихъ библіографическихъ обзоровъ, по поводу втораго выпуска „Памятниковъ холмской старины“, изд П. Н. Батюшковымъ. Чувствуемъ, что мы значительно опоздали и охотно винимся въ томъ, не столько впрочемъ предъ читателями, сколько предъ самимъ почтеннымъ Братствомъ. Но если, по пословицѣ, на доброе дѣло не поздо никогда, то и говорить о добромъ дѣлѣ не поздо также никогда.

Годъ дѣятельности Холмскаго Братства и вмѣстѣ отчетный его годъ считается съ 8-го сентября, дня открытія братства и престольнаго праздника въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ. Настоящій отчетный годъ есть уже шестой годъ существованія холмскаго Братства, и составитель отчета счелъ умѣстнымъ предпослать ему краткій обзоръ дѣятельности Братства со времени его учрежденія.—Вотъ чѣмъ занималось Братство въ этотъ промежутокъ времени: издавало само, пріобрѣтало и распространяло въ народѣ соотвѣтствующія его цѣлямъ книги и брошюры, заботилось о воспитаніи и образованіи крестьянскихъ дѣтей, о пособіи неимущимъ, о благолѣпіи храмовъ Божіихъ въ Холмщинѣ и Подлясьѣ, о развитіи въ народѣ любви къ православію и наконецъ о привлеченіи въ свой кружекъ найбольшаго числа русскихъ православныхъ дѣятелей, точнѣе жертвователей. Что-же сдѣлало, какъ много успѣло Братство въ теченіи 6-ти лѣтъ?

Однихъ книгъ и брошюръ издало оно 45,000 экз., безъ малаго на $4^1/_2$ т. р. с., а пріобрѣло тѣхъ и другихъ, покупкою и пожертвованіемъ, съ лишнимъ 36,000 экз., безъ малаго на $6^1/_2$ т. р. с. Изъ числа послѣднихъ цѣлую половину составляютъ Молитвенники (15 т. экз.), въ которыхъ, конечно, найбольшая потребность въ тамошнемъ возсоединенномъ населеніи, а въ ряду изданій Братства первое мѣсто занимаютъ „Богогласникъ", или сборникъ набожныхъ пѣсень, особенно любимыхъ народомъ и издавна въ немъ распространенныхъ, и Холмскій Народный Календарь, представляющій собою, сверхъ календарныхъ свѣдѣній, сборникъ статей, направленныхъ къ уясненію минувшей судьбы забужнаго русскаго населенія, едва не утратившаго своей вѣры и народности подъ гнетомъ польщизны и католичества. Послѣднее изданіе мѣняется въ своемъ содержаніи ежегодно и выходитъ въ числѣ 10 т. экземпляровъ. Какъ удачно придумано первое изданіе и какъ велика въ немъ потребность для возсоединенныхъ, видно изъ того, что въ отчетномъ году Братство, уступая многочисленнымъ требованіямъ, должно было повторить это изданіе въ числѣ 6,000 экз., такъ какъ первое изданіе предшествовавшаго года, въ 3 т. экз., разошлось въ самое короткое время. Изданіемъ „Богогласника" Братство удовлетворило одной изъ самыхъ существенныхъ нуждъ возсоединенныхъ, которые безъ того продолжали-бы по прежнему пѣть польско-католическіе *рожанцы* и *шкаплержи*. Если для успѣховъ православія необходимо пробужденіе въ тамошнемъ народѣ сознанія его русской народности, то что лучше можно придумать для этой цѣли, какъ не распространеніе въ немъ такихъ пѣсень, какъ „Пречистая Дѣво, Мати *руского* краю", или пѣснь къ Пресвятой Богородицѣ Холмской? Самый

способъ распространенія „Богогласника" чрезъ продажу по дешевой цѣнѣ при посредствѣ священниковъ нельзя не назвать найболѣе пригоднымъ; но нельзя того-же сказать о распространеніи Народнаго Календаря чрезъ начальниковъ учебныхъ дирекцій и уѣздныхъ начальниковъ всѣхъ десяти губерній привислянскаго края. Мы помнимъ, какую бурю вызвала въ 1866 г. безплатная разсылка покойнымъ княземъ В. А. Черкасскимъ галицко-русскихъ проповѣдей св. Добрянскаго по церквамъ холмской епархіи чрезъ военно-уѣздныхъ начальниковъ. Нѣчто подобное, не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, можетъ случиться и теперь: порядокъ и пріемы распространенія официальнымъ путемъ книгъ, какъ равно билетовъ на концерты, спектакли и проч. съ благотворительною цѣлью, слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ что либо здѣсь. Для распространенія изданій Братства внѣ района его дѣятельности у него есть свои естественные пути, какъ постоянные—въ лицѣ церквей и школъ, такъ и особые—въ дни большихъ праздниковъ и торжествъ, особливо въ Холмѣ, Радочницѣ, Лешнѣ и т. п., куда стекаются тысячи народа. Конечно, кромѣ Холмщины и Подлясья, во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ привислянскаго края найдется много православныхъ, которымъ было-бы желательно и полезно ознакомиться съ изданіями Братства; но тутъ для людей образованныхъ обыкновенный путь—покупка или выписка по публикаціи въ газетахъ, а для людей простыхъ, бѣдныхъ—приходскія попечительства, которыя есть во всякой почти губерніи. Мы не сомнѣваемся, что Братству, при его обширныхъ сношеніяхъ, извѣстны лучше насъ не только названные, но и многіе другіе пути для распространенія его изданій, и если заговорили объ этомъ, то лишь потому, что по опыту знаемъ, какъ не всегда удобенъ въ подобныхъ дѣлахъ проторенный путь официальный, пользованіе которымъ можетъ давать врагамъ православія поводъ къ разнымъ нелѣпымъ толкамъ и инсинуаціямъ.

Пересматривая названія какъ изданныхъ самимъ Братствомъ, такъ и пріобрѣтенныхъ имъ книгъ и брошюръ, нельзя не отдать ему справедливости въ томъ, что выборъ его становится все болѣе тщательнымъ и цѣлесообразнымъ. На будущее время Братство обѣщаетъ приступить, да вѣроятно уже и приступило, къ изданію статьи свящ. Будиловича: „Памятники русской старины въ Замостьѣ" и брошюры Е. М. Крыжановскаго: „Забужная Русь". уступленной авторомъ въ собственность Братства. Послѣдняя, по специальности изслѣдуемаго ею вопроса и научнымъ пріемамъ изложенія, при всемъ важномъ практическомъ ея значеніи, можетъ найти доступъ лишь въ кругъ образованныхъ читателей, вторая-же, какъ намъ кажется, можетъ быть вполнѣ популярнымъ и общедоступнымъ изданіемъ Братства.

Кромѣ книгъ и брошюръ холмское Братство въ теченіи 6-ти лѣтъ пріобрѣло и распространило въ народѣ до 80 тысячъ иконъ, медальоновъ, крестиковъ и разныхъ священныхъ и историческаго содержанія картинъ. Все это пріобрѣталось и на наличныя средства Братства, и путемъ пожертвованій, а распространялось исключительно почти безплатно. Раздача производилась большею частію при торжественной обстановкѣ, при многолюдныхъ собраніяхъ народа, послѣ архіерейскаго богослуженія и крестныхъ ходовъ, въ дни храмовыхъ праздниковъ въ городахъ и селахъ. По свидѣтельству очевидцевъ такая раздача представляла всегда умиляющую картину и производила умилительное дѣйствіе на народъ, связывая его съ своими пастырями и со всѣмъ православно-церковнымъ и русскимъ міромъ. Еще недавно этотъ народъ тысячами валилъ въ католическіе костелы на отпусты и пышныя процессіи, а теперь онъ-же устремляется тысячами на процессіи православныя и раздача крестиковъ и иконокъ служитъ однимъ изъ привлекающихъ средствъ. Велико потому значеніе этой простой повидимому мѣры...

Пріобрѣтено также братствомъ, путемъ пожертвованій, разной церковной утвари на сумму до 19 т. р. и снабжено ею 156 церквей, т. е. большая часть б. уніатскихъ церквей. Кто видѣлъ эти убогія, вѣками обнищанныя церкви, въ которыхъ встрѣчались оловяныя и даже деревянныя чаши, полотняные подризники и панковыя ризы, тому понятно будетъ значеніе и этого дѣла Братства, плода его попеченій и заботливыхъ сношеній.

Денежныя средства свои Братство расходовало съ большою осмотрительностію и экономіею, раздавъ за 6-ть лѣтъ вспомоществованій: церквамъ 1,519 р., частнымъ бѣднымъ лицамъ 1,030 р., учащимся 136 р. и стипендіатамъ холмскаго духовнаго училища 1,386 р., но за то оно обезпечило свою дѣятельность въ будущемъ капиталомъ, превышающимъ 15 т. р.

„Независимо отъ сего, читаемъ далѣе въ отчетѣ, заботами Братства и при его содѣйствіи: 1) возстановлены почти по всѣмъ приходамъ церковно-приходскія братства; 2) учрежденъ при холмскомъ Братствѣ музей, въ которомъ хранится значительное количество печатныхъ и рукописныхъ памятниковъ холмской старины; 3) исходатайствовано Братству Высочайшее покровительство и учрежденъ внѣшній знакъ принадлежности къ Братству 3-хъ степеней; 4) приняты на попеченіе Братства школы, вновь открывающіяся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ школъ министерскихъ и 5) устроены въ нѣкоторыхъ приходахъ склады для распространенія въ народѣ духовно-нравственныхъ книгъ, заведена при братскомъ музеѣ особая библіотека, устроены и организованы

надлежащимъ образомъ центральный при Братствѣ складъ книгъ и церковныхъ вещей, а также братская лавка съ принадлежностями церковнаго богослуженія, иконами, крестиками" и пр.

Въ этихъ краткихъ и скромныхъ словахъ, въ связи съ сказаннымъ выше, охвачена вся широкая дѣятельность холмскаго Братства, подобной которой не представляетъ ни одно изъ существующихъ братствъ. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ указанныхъ сейчасъ сторонъ дѣятельности Братства.

Возстановленіе церковныхъ братствъ во всѣхъ почти приходахъ люблинской, сѣдлецкой и августовской губерніи должно считать величайшею заслугою холмскаго Братства. Къ сожалѣнію, отчетъ ничего не говоритъ о самомъ возстановленіи, т. е. когда и какъ оно совершилось, какія братства были прежде и какими они стали теперь и въ чемъ проявляется ихъ дѣятельность; онъ только ссылается на недоступные публикѣ отчеты по холмско-варшавской епархіи. Между тѣмъ намъ извѣстно, что братства существовали до 1875 г. во всѣхъ почти уніатскихъ приходахъ въ той самой формѣ, въ какой они существовали еще до введенія уніи, и что это наслѣдіе древней южно-русской жизни, уничтожившееся на всемъ почти пространствѣ южной Россіи, какъ окаменѣлость, уцѣлѣло только здѣсь подъ скорлупою уніи. Куда-же дѣвались эти братства, когда и отъ чего они уничтожились, если теперь пришлось вновь возстановлять ихъ? Не отвѣтитъ-ли холмское Братство на эти вопросы въ слѣдующемъ отчетѣ или въ особой статьѣ въ Народномъ Календарѣ? Предметъ стоющій вниманія, а параллель хежду тѣми и другими братствами была-бы не только любопытна, но, быть можетъ, и поучительна.

О значеніи музея древностей при Братствѣ мы говорили раньше, по поводу его учрежденія; теперь съ истиннымъ удовольствіемъ читаемъ въ отчетѣ о постоянно увеличивающихся его пріобрѣтеніяхъ, описаніи ихъ и приведеніи въ порядокъ. Музей существуетъ всего три года и какое множество драгоцѣнныхъ православно-русскихъ древностей успѣлъ онъ собрать въ этомъ заброшенномъ и непочатомъ уголкѣ земли русской. Тутъ древніе, начиная съ XIV и XV ст., иконы, кресты, медальоны, рукописныя евангелія, числомъ 18, разныя церковно-богослужебныя книги, Поученія на весь годъ на западно-русскомъ языкѣ XV—XVII ст., нѣсколько поминниковъ, отдѣльныхъ актовъ до 700, Апостолъ первопечати Ивана Ѳедорова, много уніатскихъ изданій и въ числѣ ихъ Акаѳистъ и молебенъ Божіей Матери на польскомъ языкѣ, какъ памятникъ покушенія замѣнить въ уніатскомъ богослуженіи церковно-славянскій языкъ польскимъ. Совершенно соглашаемся съ отчетомъ, что» со-

бираемые Братствомъ вещественные и письменные памятники мѣстной старины, по приведеніи ихъ въ извѣстность, докажутъ ту историческую правду, что тамошній край искони русскій и православный и что унія навязана была въ немъ насильно послѣ продолжительной борьбы народа за свое древнее „благочестіе".

Церковно-приходскія школы, по новости ихъ появленія, озабочивали Братство лишь въ истекшемъ отчетномъ его году. Всѣхъ такихъ школъ въ районѣ Братства явилось 16; изъ нихъ 5 переходятъ уже въ разрядъ министерскихъ, а 11 остаются на попеченіи Братства. Намъ кажется, что и эти 11 школъ Братство безъ ущерба для дѣла моглобы передать въ вѣдѣніе министерства. Учебное дѣло въ Холмщинѣ и Подлясьѣ давно устроено надлежащимъ образомъ, школъ тамъ столько, какъ ни въ одной мѣстности Россіи, пособіе отъ казны на устройство и содержаніе ихъ дается въ большомъ и даже неограниченномъ размѣрѣ, да и народъ здѣсь, какъ и во всемъ привислинскомъ краѣ, гораздо менѣе, чѣмъ въ коренной Россіи, обремененъ налогами и податями и матеріальное его благосостояніе значительно улучшилось за послѣднія двадцать лѣтъ. Вообще вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ, вызванный совершенно противуположными условіями народнаго образованія въ Имперіи, на нашъ взглядъ, не примѣнимъ къ тамошней мѣстности и возникъ здѣсь лишь благодаря нашей привычкѣ къ всеобобщающимъ пріемамъ. Если чѣмъ Братство могло-бы содѣйствовать дѣлу народнаго образованія въ районѣ своей дѣятельности, то во 1-хъ расположеніемъ жителей къ учрежденію школъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ почему либо нѣтъ, хотя и такихъ мѣстъ тамъ уже весьма немного, а во 2-хъ заботою объ улучшеніи церковнаго пѣнія въ сельскихъ церквахъ и устройствомъ хоровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это недостижимо почему либо средствами школы.

Этимъ мы и закончимъ наше сообщеніе о дѣятельности холмскаго Братства по его отчету. Съ истиннымъ сердечнымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту широкую, благородную и многоплодную дѣятельность. Составъ Братства великъ, всѣхъ членовъ его 813; средства его увеличиваются съ каждымъ годомъ, пожертвованія идутъ со всѣхъ концевъ Россіи, дѣятельность Братства разростается и оживляется. Словомъ Братству предстоитъ почетная и прочная будущность, а его дѣламъ широкія и долговѣчныя послѣдствія.—Челомъ бьетъ вамъ старая Кіевская Русь, безкорыстные труженики Холмской Руси, зане храните вы завѣты отцевъ и воскрешаете на вашей нивѣ сѣмена, посѣянныя Владиміромъ святымъ!

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О КАРМЕЛЮКѢ.

Мнѣ какъ-то недавно пришлось встрѣтиться съ однимъ моимъ близкимъ родственникомъ, о. А. В., который очень долго былъ благочиннымъ въ летичевскомъ уѣздѣ, чуть ли не съ тридцатыхъ годовъ. Умный, наблюдательный, съ замѣчательной памятью, хорошій разсказчикъ, онъ разсказывалъ мнѣ много интереснаго изъ жизни Подоліи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Въ этотъ разъ случайно мы заговорили о «Кармелюкѣ»,—разсказѣ доктора Antonia I., напечатанномъ въ 3-й книжкѣ «Кіев. Старины» за настоящій годъ, и онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько извѣстныхъ ему случаевъ изъ жизни Кармелюка. Насколько помню ихъ, постараюсь передать.

Я, говорилъ разсказчикъ, никогда самъ лично не встрѣчался съ Кармелюкомъ; помню только, что когда я еще учился въ Каменцѣ, то мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ наказанія его кнутами на Подзамчѣ, предмѣстьѣ г. Каменца. Это былъ здоровый, коренастый блондинъ, съ умнымъ лицемъ, но нѣсколько суровымъ выраженіемъ. Разсказывали тогда, что онъ съ величайшей легкостью разламывалъ цѣпи и кандалы, которыми былъ скованъ; но скептики, покачивая головами, упрекали начальниковъ, что они очень невнимательно слѣдили за оковкой цѣпей и кандаловъ, и сильно подозрѣвали, что кузнецы, ковавшіе Кармелюка, были или товарищи его, или подкуплены его друзьями, и потому дѣлали звенья въ цѣпяхъ и кандалахъ такимъ образомъ, что при малѣйшемъ усиліи они ломались. Это дѣлалось не только въ виду побѣга его,

сколько для того, чтобы показать его могучую силу, о которой и тогда ходили слухи, какъ о сверхъестественной. На сколько были правы скептики, я судить не берусь.

Кармелюкъ не былъ разбойникомъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Онъ старался быть честнымъ и справедливымъ даже тогда, когда его травили, какъ волка. Я не слышалъ ни отъ кого, чтобы онъ обагрилъ свои руки въ человѣческой крови, но многіе разсказывали, что онъ щедро помогалъ бѣднякамъ, когда имѣлъ возможность. Должно быть, онъ еще изъ семьи вынесъ хорошее направленіе, такъ какъ, по разсказамъ, весь родъ Кармелюковъ былъ честный. Я помню своего сосѣда помѣщика, у котораго камердинеромъ былъ родной племянникъ Кармелюка, и то въ то время, когда его дядя наводилъ панику во всей околицѣ. Разъ я не выдержалъ и спросилъ помѣщика: «какъ вы не боитесь держать у себя родственника Кармелюка? Да онъ когда нибудь приведетъ къ вамъ всю шайку дяди». Но помѣщикъ отвѣтилъ мнѣ, что такого честнаго и преданнаго человѣка онъ еще не имѣлъ, и что, наоборотъ, при немъ онъ сидитъ, какъ «у Бога за пазухой».

Это неправда, что Кармелюкъ обижалъ бѣдныхъ людей!

Онъ нападалъ на помѣщиковъ, жидовъ и поповъ, и то только большею частію тогда, когда до него доносились стоны обиженныхъ бѣдняковъ, требовавшихъ возмездія. Вина его была больше въ томъ, что онъ не былъ разборчивъ въ товарищахъ, и тѣ уже, грубые и развращенные, не всегда руководствуясь правилами справедливости, грабили все, что попадалось подъ руку.

Помню, одинъ разъ поѣхалъ я по дѣлу къ священнику о. Креминскому. Тамъ я встрѣтилъ много гостей. Насъ отлично угостили. Но что меня больше всего удивило за обѣдомъ, это изобиліе серебра со всевозможными монограммами. Я и высказалъ свое удивленіе одному изъ гостей, хорошему моему знакомому. Онъ мнѣ на это далъ вотъ какое объясненіе:

— Видите ли, у нашего хозяина былъ какой-то родственникъ, молодой человѣкъ, совсѣмъ свихнувшійся: и воръ, и пьяница, и лѣнтяй, все, что хотите; родственники хотѣли пристроить его дьячкомъ или пономаремъ хоть гдѣ-нибудь, но онъ, бестія, укралъ въ какой-то церкви антиминсъ и сшилъ себѣ «камизельку» (жилетку); его уличили и хотѣли судить, но онъ далъ «стричка» и очутился

въ шайкѣ Кармелюка. Такъ вотъ оттуда-то нашъ почтенный хозяинъ и пріобрѣлъ свое серебро, а потому и не удивляйтесь, что на ложкахъ вензеля разныхъ хозяевъ.

Вина, за которую Кармелюкъ попалъ въ солдаты, какъ мнѣ разсказывали, была такая. Въ Головчинцахъ, въ помѣщичьемъ дворѣ, гдѣ служилъ Кармелюкъ, была капличка, на чердакѣ которой складывали воскъ, собиравшійся съ помѣщичьихъ пасѣкъ. Однажды Кармелюкъ забрался туда и унесъ нѣсколько пудовъ воску. Сдѣлали обыскъ, нашли поличное, и виновникъ угодилъ подъ красную шапку.

Одѣвался Кармелюкъ, какъ одѣвались панскіе козаки или паны «балагулы»; и теперь не рѣдкость встрѣтить такъ одѣтаго козачка у богатаго пана. На немъ, обыкновенно, былъ куцый «гранатовый» (синій) козакинъ и широкіе штаны, болтавшіеся, какъ юбка.

Такъ, по крайней мѣрѣ, описывалъ мнѣ его священникъ изъ Деражни, Створжинскій, разсказывая о своей встрѣчѣ съ нимъ въ корчмѣ въ лѣсу.

— Ѣду я, говоритъ онъ, черезъ лѣсъ. Духота и жара страшная. Мнѣ очень захотѣлось пить. Возлѣ корчмы я и думаю: дай—зайду, да выпью пива. Вижу, стоитъ красивый на привязи конь; на немъ сѣдло дорогое. Вхожу въ корчму; въ корчмѣ, кромѣ молодой жидовки, сидѣлъ на столѣ не то панокъ балагульщикъ, не то панскій козакъ, одѣтый по козацки, въ гранатовой курткѣ и въ такихъ же штанахъ. Я приказалъ жидовкѣ подать мнѣ пива. Незнакомецъ въ свою очередь поворотился къ ней и прибавилъ отъ себя:

— Та ты визьми стильки, щобъ и мени стало, бо и я зъ батюшкою напьюся.

За стаканомъ пива мы разговорились. Онъ разспросилъ меня подробно, откуда я, куда ѣду, какъ называюсь... Когда я поднялся, чтобы разсчитаться съ еврейкой, онъ тоже поднялся и, выходя во дворъ навѣдаться къ своей лошади, сказалъ мнѣ по дорогѣ:

— Прощайте, батюшка, колись и я до васъ навидаюсь!

Когда онъ вышелъ, я и спрашиваю еврейку:

— Що це за панокъ?

— Та це-жъ Кармелюкъ! прошентала жидовка.

Само собою разумѣется, я заплатилъ за все пиво, да и драла изъ хаты. На дворѣ учтиво раскланялся съ незнакомцемъ и по-

спѣшно, садясь въ свою таратайку, шепнулъ своему погоничу.

— Рушай, сыну, живо!

Всегда послѣ такого разскава Створжинскій прибавлялъ:

— Не сдержалъ своего слова Кармелюкъ, не посѣтилъ меня, какъ обѣщалъ, но за то становой съ своимъ помощникомъ, которые не разъ гонялись за Кармелюкомъ, какъ за разбойникомъ, влѣзли въ мой домъ черезъ окно и ограбили меня до нитки. И слѣдъ я нашелъ, куда они везли мое добро, и перчатки оставилъ становой у меня во время грабежа, а все таки мнѣ не удалось уличить и доказать грабежъ; самъ же я и до сихъ поръ отъ побоевъ полицейскихъ грабителей недомогаю.

А вотъ что разсказывалъ мнѣ другой священникъ; сколько мнѣ помнится, онъ былъ заштатный и наблюдалъ приходъ въ Нетечинцахъ, гдѣ были сироты.

— Ѣду я, говорилъ онъ, лѣсомъ, на «проводы», на своей буланой кобылѣ въ уѣздный городъ, въ духовное правленіе съ исповѣдными росписями. Туда съ пустыми руками являться было нельзя; поэтому я и взялъ изъ дому три рубля денегъ, нѣсколько паляницъ, нѣсколько колбасъ, нѣсколько жареныхъ куръ, чтобъ было чѣмъ заткнуть голодный ротъ правленскихъ. Какъ вдругъ шасть изъ лѣсу здоровый козачиско въ козацкой курткѣ и штанахъ, съ пистолетомъ за поясомъ.

— Стій, попе, куды ïдешь и що везешь? закричалъ онъ.

Я ему такъ и такъ: везу молъ исповѣдныя росписи въ правленіе, захватилъ кое-что и изъ съѣстнаго.

— Добре, що маешъ, що ïсты; сёгодня я ще ничого не ïвъ. А це що въ тебе?

И онъ вынулъ изъ моей повозки узенькую и длинную деревянную коробку, въ которой обыкновенно тогда возили бумаги, свернутыя въ трубку, чтобы они не мялись и не пачкались.

— Та цежъ тіи росписи, що я везу въ правленіе, отвѣчаю я ему.

— Ну, а гроши маешь? спросилъ онъ меня.

Я вынулъ три рубля, которые имѣлъ съ собой, и отдалъ ему. Онъ распросилъ меня, откуда и кто я, забралъ съѣстное и деньги, и, отходя отъ повозки, сказалъ:

— Рушай съ Богомъ!

Потомъ, постоявъ и подумавъ нѣсколько секундъ, онъ закричалъ:

— Стій, на тоби три карбованци твоихъ, а отъ тоби ще три моихъ, а паляныць и ковбасъ не отдамъ, бо дуже ѝсти хочу. Най не кажуть, що Кармелюкъ грабить бидныхъ людей. Йдь соби, куды хочешь!

Когда Кармелюкъ достигъ популярности, передъ нимъ нигдѣ не закрывались двери въ домахъ священниковъ, бѣдной шляхты и крестьянъ. Онъ любилъ попировать у нихъ на вечеринкахъ, праздникахъ и крестинахъ, даже часто бывалъ кумомъ. Я знавалъ бѣднаго священника съ многочисленной семьей, которой онъ и не прокормилъ бы безъ помощи кума Кармелюка. Впрочемъ тутъ была обоюдная выгода, потому что въ экстренныхъ случаяхъ Кармелюкъ имѣлъ вѣрное убѣжище у отца кума.

Иногда онъ дѣлалъ визиты нечаянно. Разсказывалъ мнѣ однажды священникъ Стрѣльбицкій, не помню, гдѣ онъ жилъ на приходѣ—не то въ Татарискахъ. не то въ Чемерисахъ подъ Баромъ.

— Какъ-то разъ, говоритъ онъ, на святой вечеръ мы съ своей старушкой поужинали, и даже она успѣла лечь спать, какъ вдругъ слышу, кто-то въ окно: стукъ, стукъ!

Я вышелъ и отворилъ двери въ сѣняхъ запоздалому путнику. Вошелъ въ хату здоровый мужчина и обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— Добрый вечиръ, батьку! Спишивъ я до тебе на святу вечерю, та боюсь, чи не запизнывся. Тилько не лякайся, що будешъ прыймати Кармелюка, та ще й голодного.

Я отворилъ дверь въ другую комнату, гдѣ спала моя жена и говорю ей:

— Имосцюню, чи не лышилося у васъ шо небудь повечеряти? Давъ намъ Богъ на святый вечиръ гостя.

Жена встала, приготовила ему ужинъ; я сходилъ въ погребъ, принесъ водки, наливки, и мы долго съ нимъ за чаркой бесѣдовали. Наконецъ Кармелюкъ, поднявшись, чтобы уйти, сказалъ мнѣ:

— Переночувавъ бы я въ тебе, добродію, бо дуже втомився, та боюсь, що продаси мене.

Я не упрашивалъ, не извинялся, потому что, правду сказать, боялся; боялся не Кармелюка—я зналъ, что онъ ничего злого мнѣ не сдѣлаетъ, боялся дурной славы.

Кармелюкъ любилъ посѣщать и большихъ пановъ, но боялся ихъ, а потому никогда не являлся къ намъ подъ своимъ именемъ и всегда прибѣгалъ къ переодѣваніямъ.

Помню одинъ случай, разсказанный мнѣ сосѣдомъ помѣщикомъ, очень наивнымъ, простымъ и своебразнымъ; такой типъ можно было встрѣтить тогда развѣ только въ Подоліи. Разъ я служилъ обѣдню, и во время чтенія апостола стоялъ у престола лицемъ къ народу. Въ это время входитъ мой сосѣдъ помѣщикъ съ своимъ управляющимъ и, завидя меня, кланяется и кричитъ на всю церковь:

— Добрыдень, ксенджуню!

Я легкимъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ на привѣтствіе и вижу, что управляющій держитъ помѣщика за рукавъ и что-то шепчетъ ему, но тотъ не унимается и продолжаетъ:

— Дощику нема, ксенджуню, буде погано!

Я, понятно, молчу, а управляющій еще усерднѣе зашепталъ на ухо своему принципалу; но тотъ съ досадой отвернулся отъ него и въ послѣдній разъ прокричалъ мнѣ:

— Ксенджуню, на обидъ прошу! и вышелъ изъ церкви.

Послѣ онъ очень наивно и добродушно извинялся за свое, какъ онъ называлъ, «брутальское» поведеніе въ церкви; онъ думалъ, видите ли, что когда дьякъ читаетъ, то въ церкви разговаривать можно. Такъ вотъ онъ мнѣ и разсказывалъ о посѣщеніи Кармелюкомъ богатыхъ пановъ.

— Ты знаешь, ксендже добродію, какую штуку продѣлалъ «гунство» Кармелюкъ съ панами X. и Z. (признаться, я забылъ ихъ фамиліи). Переодѣвшись русскимъ полковникомъ, онъ заѣхалъ въ деревню пана X. и посылаетъ къ нему своего товарища, переодѣтаго деньщикомъ, съ просьбой пустить ихъ ночевать. X. любезно принялъ импровизированнаго полковника, и за ужиномъ они до такой степени подружились, что X. посвятилъ гостя во всѣ свои домашнія дѣла и разсказалъ, между прочимъ, что сосѣдъ его Z. занялъ у него нѣсколько тысячъ злотыхъ и теперь не хочетъ отдать.

— Знаете что? сказалъ гость хозяину: напишите къ нему письмо, и я ручаюсь, что онъ заплотитъ вамъ деньги; черезъ день, два я вамъ привезу деньги и отвѣтъ.

Утромъ гость, снабженный письмомъ и добрыми пожеланіями, уѣхалъ. Къ вечеру онъ уже былъ въ деревнѣ Z. и попросился къ

нему тоже на ночь. Его приняли, и послѣ ужина, когда уже всѣ разошлись, онъ обратился къ оставшемуся съ нимъ хозяину съ такими словами:

— Добродію, ты скривдивъ сосида и пріятеля: позычивъ въ нёго гроши, а виддати не хочешъ. Я тебе прошу: виддай ёму, бо зо мною справа коротка—я Кармелюкъ!

Понятно, что Z. не упрямился: онъ не только выплатилъ всю сумму долга по письму, но даже отвѣтилъ сосѣду письмомъ-же.

Кармелюкъ не остался ночевать у Z., но за то сдержалъ слово, и на слѣдующую ночь пріѣхалъ къ X.

Послѣ радостной встрѣчи и сытнаго ужина, гость и хозяинъ остались одни. Тогда гость обратился къ хозяину съ такою рѣчью:

— Прывизъ я тоби, добродію, и письмо, и гроши видъ твого пріятеля. Письмо на тоби, а гроши я лышу у себе, бо бачу, хочъ ты добрый, але дурный; зновъ сунешъ кому-небудь, якъ у тебе попросять. Нехай лучше зостаютця у мене. Памятай, що вони въ добрыхъ рукахъ—я Кармелюкъ!

Съ этими словами онъ раскланялся и ушелъ. Понятно, что при этомъ страшномъ имени никто не смѣлъ остановить его, и онъ спокойно уѣхалъ.

Видѣлъ я и послѣднюю его возлюбленную Ульяну, въ хатѣ которой онъ былъ убитъ. Она приходила ко мнѣ хлопотать о разводѣ съ своимъ мужемъ, который былъ сосланъ въ Сибирь. Некрасивая и непріятная была женщина: блондинка, неуклюжая, съ грубыми чертами лица, съ свирѣпымъ и злымъ выраженіемъ въ глазахъ. Ужъ право, не знаю, почему въ разсказѣ доктора Антонія она названа красавицей. А впрочемъ, можетъ быть, недоля и лѣта сдѣлали ее такой. О Рудковскомъ, который убилъ Кармелюка, я слыхалъ, будто онъ за свой подвигъ получилъ перстень съ брильянтомъ изъ императорскаго кабинета и хвасталъ въ летичевскомъ клубѣ, что будетъ что поставить два раза на карту.

Потомъ говорили мнѣ о немъ, что онъ уѣхалъ въ Америку, такъ какъ наслѣдовалъ тамъ послѣ дяди своего Тадеуша Костюшки громадное имѣніе. Тамъ поселился и больше къ намъ не возвращался.

Скажите, не судьба-ли? Племянникъ послѣдняго защитника вольности польской убиваетъ послѣдняго гайдамаку?

С. Венгрженовскій.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ПОИСКОВЪ НА ЛѢВОЙ СТОРОНѢ ДНѢПРА.

Въ пирятинскомъ уѣздѣ полтавской губерніи, на границѣ уѣзда прилуцкаго лежитъ село Линовица, помѣстье графа де-Бальмена; среди земель, принадлежащихъ къ этому селу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него находится урочище, называемое Росошъ; оно состоитъ изъ небольшой продолговатой возвышенности, окруженной съ одной стороны болотомъ, называемымъ также Росошъ, которое нѣсколько ниже образуетъ безъименную рѣчку, впадающую въ Удай, съ другой довольно глубокою сухою балкою. Незначительный бугоръ, называемый *Росошъ*, возвышается надъ уровнемъ болота едва на 4—5 сажень. Бугоръ этотъ до недавняго времени былъ покрытъ многочисленною группою «могилъ»; но вслѣдствіе постоянно усиливающейся распашки многіе изъ кургановъ изгладились и постепенно исчезли. Въ настоящее время ихъ осталось не болѣе 40; многіе изъ нихъ представляютъ едва замѣтные волнообразные изгибы на поверхности поля, другіе, болѣе крупные, достигаютъ высотою до 1½ сажень; у двухъ, самыхъ крупныхъ замѣтны явственно слѣды рвовъ, окружавшихъ курганы у ихъ подошвы.

Въ апрѣлѣ текущаго года мѣстность эту осмотрѣлъ Алексѣй Федоровичъ Сабанѣевъ и, замѣтивъ постепенное разрушеніе одного изъ памятниковъ мѣстной старины, рѣшился изслѣдовать этотъ памятникъ съ научною цѣлью, въ надеждѣ спасти по возможности уцѣлѣвшіе еще въ оставшихся курганахъ научныя данныя. Благодаря просвѣщенному разрѣшенію и содѣйствію графа де-Бальмена, г. Сабанѣевъ успѣлъ вскрыть 8 кургановъ и весьма тщательно отмѣтилъ подробности похороннаго обряда. По обязательно сообщеннымъ имъ замѣткамъ мы приведемъ главныя характеристическія черты изслѣдованнаго имъ могильника.

Въ каждомъ курганѣ находилось по одному покойнику: они лежали всѣ нѣсколько ниже (около 1 аршина) уровня поля на границѣ черноземнаго слоя и лёса, составляющаго подпочву; около скелетовъ замѣтны были слѣды досчатыхъ дубовыхъ гробовъ. Всѣ скелеты расположены были горизонтально на спинѣ, головою къ сѣверо-западу (правдоподобно, похороны происходили въ данныхъ курганахъ зимою); ноги были протянуты, руки лежали вдоль тѣла

или были скрещены на лобковыхъ костяхъ. У скелетовъ не найдено было ни оружія, ни снудовъ, но за то ихъ сопровождали различныя украшенія: серьги, кольца, перстни и бусы. Серьги представляли извѣстный типъ «кіевскихъ серегъ», состоящихъ изъ толстой серебряной проволоки, съ надѣтыми на нее тремя серебряными бусами; бусы эти представляли характеристическую ткань, составленную изъ тонкихъ серебряныхъ проволокъ, унизанныхъ мелкимъ серебрянымъ-же бисеромъ. Всѣ серебряные предметы были сдѣланы безъ спаекъ: концы проволокъ или оставлены свободными, или спирально согнуты, либо закручены узлами; единственный только найденный бронзовый перстень представляетъ сплошной кругъ, но онъ не спаянъ, а отлитъ въ формѣ. Около одного изъ покойниковъ найдена крупная буса изъ зеленаго стекла.

Очевидно, могильникъ составлялъ кладбище какого-то поселенія, имя котораго не дошло до насъ среди немногихъ, упоминаемыхъ лѣтописью, поселеній древняго Переяславскаго княженія. Находка г. Сабанѣева представляетъ, на сколько намъ извѣстно, первый случай раскопки, произведенной съ научными пріемами на территоріи этого княжества и потому послужитъ впослѣдствіи однимъ изъ научныхъ данныхъ для опредѣленія погребальнаго типа славянъ переяславской области въ до-христіанскую эпоху. Если сличимъ предметы, найденные въ Росошскомъ могильникѣ и подробности погребенія, константированныя въ нихъ г. Сабанѣевымъ, съ раскопками, произведенными въ областяхъ черниговской, кіевской и древлянской, то можемъ указать, какъ на отличительную черту, на уровень самаго погребенія: въ черниговскихъ и древлянскихъ могильникахъ, на сколько намъ извѣстно, мѣсто похоронъ въ курганахъ находится всегда выше горизонта данной мѣстности, въ кіевской-же, по большей части, значительно ниже, въ глубокой ямѣ, вырытой въ подпочвѣ; между тѣмъ въ Росошскомъ могильникѣ оно оказалось въ незначительномъ углубленіи, на поверхности подпочвы. Погребеніе отличается отъ ближайшаго, сѣверскаго, похороннаго типа отсутствіемъ всякаго признака сожиганія мертвыхъ, тогда какъ въ сѣверской землѣ обрядъ сожиганія господствовалъ безъ исключенія. Серебрянные предметы, найденные въ Росошскихъ могилахъ, по формѣ, отдѣлкѣ и отсутствію спаекъ или тождественны, или весьма близки къ такимъ-же предметамъ, найденнымъ

въ могильникѣ у Житомира (1878 г.) и въ гробницахъ кіевскихъ, обнаруженныхъ въ усадьбѣ г. Марра (1876 г.). Особенно намъ кажется характернымъ сходство предметовъ Росошскаго могильника съ предметами кіевскими, такъ какъ въ числѣ послѣднихъ находилась серебрянная абасидская диргемма VIII столѣтія, дозволяющая, хотя приблизительно, догадываться о времени, когда въ южной Руси употреблялись въ изобиліи серебрянныя украшенія, дѣланныя еще при отсутствіи умѣнья паять проволоки и пластинки этого металла.

В. А.

СЛУЖЕБНАЯ ОТПИСКА ПО ПОВОДУ РОЖДЕНІЯ УРОДА.

Въ наше время рожденіе урода врядъ-ли привлечетъ чье-либо вниманіе, кромѣ лицъ, ближайшимъ образомъ соприкосновенныхъ съ этимъ явленіемъ, какъ-то: родителей и родственниковъ, мѣстнаго врача и урядника. Въ старину, помимо суевѣрнаго взгляда на такое дѣло, оно производило переполохъ и по другой еще причиннѣ. Дѣло въ томъ, что указомъ Петра I требовалось всякаго урода, гдѣ бы онъ ни родился, отправлять въ Петербургъ, что при тогдашнихъ сообщеніяхъ и перевозочныхъ средствахъ сопряжено было съ не малыми расходами и большими затрудненіями.

1719 г. въ лубенскомъ полку родился одинъ изъ уродовъ, и полковой врачъ взялся доставить его изъ Роменъ въ Нѣжинъ русскому генералу Вейсбаху. Произошло это, полагать надо, не безъ желанія лубенскаго полковника Маркевича; но послѣдній, боясь отвѣтственности за неисполненіе монаршаго указу, счелъ нужнымъ сдѣлать отписку о семъ произшествіи гетману Скоропадскому. Интересенъ здѣсь не столько самый фактъ, сколько оригинальная форма донесенія, которое и приводится цѣликомъ.

Ясне велможний мосцѣ пане гетмане, премилостывѣйшій мой добродѣю!

На сихъ дняхъ въ сотнѣ Глинской, въ селѣ Хоминцяхъ отъ певной мужатой невѣсти козачки родилося дитя (або лучше сказать близнята), двѣ головѣ, чотири руцѣ и четверо ногъ мѣючое, а тѣломъ до

купи зросшееся въ единъ составъ, такимъ власне подобіемъ, якое тутже на особливомъ папѣру отрисованное прилагается [1]). Тилко же тое дитя безвременно родилося неживое, наветъ еще и шкури на себѣ не мѣючое, кромѣ мяса, а еще подъ часъ родива надписовано зостало, ижъ безъ приправъ аптекарскихъ и допровадить его за килко миль невозможно; а якого полу: мужеского, або женского? познати трудно; теды лекарь полковый отъ лейбъ-рейменту, тутъ, въ Ромнѣ, квартѣру мѣючий, до себе оное одобралъ и не вѣдаю якимъ способомъ маетъ посылать до его превосходительства, господина генерала лейтнанта фонъ-Вэйсбаха въ Нѣжинъ. Чого ему, же отъ насъ въ Глуховъ допровадить, для вышвыраженныхъ причинъ, невозможно, и не боронилемъ. Жебы однакъ сіе не было безъ вѣдома вашей панской велможности, поневажъ указомъ монаршимъ такые дива до Санктъпитербурху отсылать повелено, покорне объявляю, и за тимъ самого мя при доземномъ поклоненіи рейментарскому полѣцаю респектовѣ, будучи вашой панской велможности, премилостивѣйшого моего добродѣя, всезичливой швакгеръ и нижайшій слуга.—Его царского пресвѣтлого величества войска запорожского полковникъ лубенскій Андрей Марковичъ. Зъ Ромна. Марта 13 дня 1719 року.

Подлинникъ хранится въ архивѣ г. Марковича.

Сообщ. **П. Дорошенко.**

СТАРИННЫЙ ЮЖНО-РУССКІЙ ДВОРЯНСКІЙ РОДЪ СЛУПИЦЪ И ИХЪ ПОМѢСТЬЕ КУНА.

Въ подольской губерніи, въ гайсинскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Соба, въ трехъ верстахъ отъ Гайсина, внизъ по теченію той рѣки, находится маленькое, ничтожное, можно сказать, мѣстечко Новая Куна. Но, кромѣ этой Куны, была Старяя Куна, еще ближе къ Гайсину, и занимала оба берега рѣки. О судьбахъ этой-то Старой Куны и ея первоначальныхъ владѣльцахъ я и хочу сообщить нѣсколько свѣдѣній, извлеченныхъ изъ документовъ, обязательно сообщенныхъ мнѣ нынѣшнимъ ея владѣльцемъ г. Ярошинскимъ.

Основателемъ этого несуществующаго уже нынѣ поселенія былъ родоначальникъ не существующаго также стариннаго шляхет-

---

[1]) Рисунка при письмѣ не сохранилось.

скаго рода, нѣкто Семенъ Слупица. Когда и какъ основана Старая Куна и на какихъ условіяхъ селились ея первые обитатели, объ этомъ свидѣтельствуетъ имѣющійся у меня въ рукахъ патентъ того же Слупицы, который и помѣщаю здѣсь цѣликомъ:

«Я Семенъ Слупица всимъ вобецъ ознаймуе тымъ листомъ моимъ тымъ всимъ людемъ, которые-бы мели въ тимъ менію моемъ Кунѣ осядати, ижъ далемъ слободы на тридцать летъ и пьять, со вшелякими волностями, то естъ съ корчмами медовыми, пивными и горилчаными и зъ иными вшелякими волностми. Если жъ зъ поданныхъ моихъ кунскихъ хто умретъ, аболи зъ допущенія Божіего отъ татаръ въ неволю будетъ заведенъ и зостала бы по нимъ якая маетность теды маетъ спасти (перейти) на жону и на диты его. А не будетъ ли мети жоны и дитый, теды маетность на кревныхъ близкихъ его спасти маетъ. Со стороны тежъ вола, ижъ гдыбы зъ допущенія Божіего человѣкъ умеръ, а панъ у него головщину вола беретъ, зъ того я ихъ волными чиню и брать его не хощу. Што ся тежъ дотычетъ реки Собъ, въ той волности даю вшелякимъ промысломъ рыбу ловити тамъ езами, яко тежъ и сѣтьми вшелякими, а подданыи мои повинность мнѣ мають чинити: по высединю слободы (по прожитіи льготнаго срока) по шести грошей зъ дыму дати, и со стороны ставу, на которомъ млынъ детъ, тыжъ по выседеню слободы по шести грошей дати, и повинни будутъ того ставу отъ кгвалту (разоренія) водяного бороныты и прорву засоваты, такъ тежъ зъ гноемъ на греблю ехати. А ежѐли бы тежъ которому якою колвекъ причиною на слободи моей не подобало седити, давши мнѣ доходъ мой дванадцать грошей и будоване свое все продавши, волно ему будетъ пойти, где хочетъ, а я нѣчимъ не мѣю гамовати, а ни потомокъ мой. И на томъ даю имъ сей мой листъ съ моею печатію и съ подписомъ руки моей. Писанъ въ Кунѣ року Божіего нарожденія тысяча пятьсотъ девять десятого мѣсяца маіа перваго дня. Семенъ Слупица».

Подъ документомъ помѣщена восковая печать съ гербомъ Слупицы. На гербѣ столъ, на столѣ крестъ и рядомъ съ нимъ рука съ мечемъ, согнутая въ локтѣ.

Уже по ходатайствву сына Семена Слупицы, Тихона, Сигизмундъ III, подтверждая права, данныя владѣльцемъ жителямъ Куны, своимъ привилеемъ даетъ право на учрежденіе тамъ ярмарокъ и расширяетъ права жителей. Копія съ этой привиллегіи приведена въ грамотѣ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго. Приводимъ послѣднюю въ переводѣ съ польскаго, а первую въ русскомъ текстѣ того времени.

Божіею милостію Станиславъ Августъ, король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жмудскій, кіевскій, волынскій, подольскій, подляскій, инфлянскій, смоленскій, сѣверскій и черниговскій.

Нынѣшнимъ листомъ нашимъ дѣлаемъ извѣстнымъ всѣмъ вообще и каждому въ частности, кому это знать надлежитъ, что находятся въ актахъ метрики коронной акты коронные, относящіеся къ воеводствамъ кіевскому, волынскому, брацлавскому и черниговскому, по русски писанные, а между ними въ книгѣ подъ буквой О, на страницѣ 92, привилегія такого содержанія:

«Жикгимонтъ Третій, Божіею милостію король польскій et ca t. Ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ всѣмъ вобецъ и каждому зособна, кому то вѣдати належитъ, нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ. Билъ намъ чоломъ урожоный Тихонъ Слупица, обыватель воеводства брацлавскаго, и просилъ насъ черезъ певныхъ пановъ Радъ и урядниковъ нашихъ, абыхмо ему на властномъ кгрунтѣ его дѣдичномъ, въ воеводствѣ брацлавскомъ лежачомъ, названномъ Кунѣ, твержу (крѣпость) ку оборонѣ одъ непріятелей панствъ нашихъ, замочекъ заложити и мѣстечко садити водле волности и права посполитого, зъ ласки нашой господарской, дозволили, также оному мѣстечку его ярмарки, торги и корчмы волные и подданнымъ его, въ томъ мѣню его Кунѣ теперь мѣшкаючимъ и которые волные потомъ приходити и тамъ осидати будутъ, волность мѣсту Кунѣ надати. А такъ мы, господарь хорошій, абы ся добра и пожитки подданныхъ нашихъ розмножали, звлаща, гды то на перешкодѣ жадной ярмаркомъ и торгомъ инныхъ мѣстъ и пожиткомъ ихъ не будетъ, зъ владзы и ласки нашои господарскои, за прычыною (ходатайствомъ) ихъ милости пановъ Радъ и урядниковъ нашихъ, на прозбу превеченного Тихона Слупицы то чинячи, дозволилисмо и симъ листомъ нашимъ дозволяемъ въ помененомъ дѣдичномъ мѣню, яко власномъ, Кунѣ, твержу для обороны заложити и мѣстечко людми волными и ремесными осадити, въ которомъ мѣстечку его два ярмарки на каждый годъ, то есть одинъ на (*пропускъ*) и другой на (*тоже*) по двѣ недѣли стояти; а торгъ въ каждый тыждень быти маетъ. Такожъ волность мѣскимъ подданимъ его тамошнимъ надаемъ, яко въ иншыхъ нашихъ мѣстечкахъ, мѣщане маютъ корчмы волныя, медовыя, пивныя и горилчаныя, и иныя питья и речи вшелякіи, ку жывности и обыходови посполитымъ належачіи, и тежъ товары звыклые купецкіе, тамъ меваючіи, торговати, мѣняти, продавати, куповати и шинкувати дозволяемъ. И вже на ярмарки и торги тамошніе волно будетъ до того мѣстечка, мѣня его всимъ обывателямъ панствъ нашихъ и купціомъ

чужоземскимъ зъ вшелякими звыклыми товарами ездити, платечи одъ нихъ пречоному Тыхонови Слупицѣ и потомкомъ его цло, або мыто (пошлину) звыклое торговое, которыхъ то всихъ волностей мѣскихъ преречоный Слупица, жона, диты и потомки его, зъ подданными своими кунянскими, маютъ уживати, вшелякіе пожитки соби тамъ розмножаючи во всимъ потому, яко иншіи обыватели земли панствъ нашихъ волынскои стану духовного и свѣтского таковыхъ волностей въ имѣніяхъ своихъ уживаютъ вѣчными часы, и тое тымъ нынешнимъ листомъ нашимъ упевняемъ, который, для лепшой вѣры и твердости тое речи, рукою нашою подписавши, печать коронну притиснути есмо росказали. Писанъ въ Варшавѣ на соймѣ валномъ коронномъ лета одъ нароженя сына Божого тысяча шестьсотъ пятого, мѣсяца февраля осьмого на десять дня, а панованя королевствъ нашихъ польского седмого на десять, шведского первого на десять року. *Sigismundus Rex.* Захаріушъ Еловицкій, секретарь и писарь».

Эту привилегію, какъ находящуюся въ вышеозначенной книгѣ и написанную по русски, мы приказали выписать польскими буквами и желающей сторонѣ выдать точную съ нея копію. Для лучшей же вѣры притиснута коронная печать. Данъ въ Варшавѣ 1789 года 24 октября, царствованія нашего двадцать шестого. (М. П.)

Была-ли Куна основана раньше выдачи приведеннаго выше патента Семена Слупицы, т. е. 1590 г., мы не знаемъ; но что родъ Слупицъ болѣе древній и что предки Семена жили давно въ Брацлавщинѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ протестація одного изъ нихъ, Григорія Слупицы, въ которой онъ, доказывая свои права на Куну и другія имѣнія Слупицъ, говоритъ, что въ коронной метрикѣ варшавской записана привилегія Свидригайла или Витовта, данная Ивану Слупицѣ на Деренково, Ролинцы, Каличинцы, Заславье, Губникъ по обоимъ берегамъ рѣки Буга. Должно быть, Иванъ Слупица былъ соратникомъ одного изъ вышеозначенныхъ князей, получилъ землю здѣсь на ленномъ правѣ и поселился навсегда.

Много заботъ и стараній потратили Слупицы на устройство Куны, но, очевидно, обстоятельства неблагопріятно сложились для нихъ, потому что въ картѣ, приложенной къ «Описанію Украйны» Боплана и перепечатанной Бантышемъ-Каменскимъ, Куна обозначена селомъ; слѣдовательно, ни льготы Слупицъ, ни привилегія Сигизмунда III-го не могли поднять ее до значенія мѣстечка.

Причину этого мы видимъ въ соперничествѣ сосѣдняго Гайсина. Гайсинъ былъ староствомъ и по привилегіи Сигизмунда III-го былъ данъ въ пожизненное владѣніе урожоному Петру Свирскому, человѣку крайне безпокойному, женатому на Ядвигѣ, княжнѣ Ружинской изъ Карапчіева, изъ семьи, еще больше безпокойной, извѣстной своими ссорами съ сосѣдями въ волынскомъ и кіевскомъ воеводствахъ.

Это то достойное супружество, желая расширить и увеличить свое достояніе въ Рѣчи Посполитой, избрало для того своеобразные пріемы, впрочемъ, очень обычные въ то время—наѣзды на сосѣдей. Ближайшимъ сосѣдомъ Свирскаго былъ владѣлецъ Куны Семенъ Слупица, но онъ между 1595 и 1604 г. умеръ. По смерти его остались жена, малолѣтній сынъ Тихонъ и мать Евдокія Красносельская, бабушка и опекунша Тихона. Слабость и беззащитность опекавшей и опекаемаго были достаточнымъ ручательствомъ удачи наѣздовъ. Въ одинъ прекрасный день, по словамъ потерпѣвшихъ, Петръ Свирскій сдѣлалъ наѣздъ на Кунянское имѣніе въ урочищѣ, называемомъ «Кладовыя могилки», надъ рѣкою Собомъ, близъ Витовтоваго моста. Напалъ онъ на крестьянъ, пахавшихъ на своихъ поляхъ, пятерыхъ убилъ, многихъ ранилъ, забралъ у нихъ лошадей, воловъ, плуги и на томъ мѣстѣ построилъ крѣпость, которую укрѣпилъ палисадомъ, посадивъ въ ней людей для защиты и снабдивши ихъ оружіемъ: ружьями, гаковницами и пушками.

На такое насиліе женою и матерью умершаго Семена Слупицы занесены были жалобы 30-го іюля 1604 г.; но удовлетвореніе въ тѣ поры могло послѣдовать не скоро. Черезъ два года у Тихона Слупицы оказался опекунъ Иванъ Мелешко; онъ снова жалуется на Свирскаго, что тотъ сдѣлалъ много грабежей и насилій и сло-

---

[1]) На поляхъ села Маріяновки, на лѣвомъ берегу Соба, въ четверти версты отъ него, на возвышеніи и теперь видна „могила", извѣстная въ народѣ подъ именемъ „Кладовыхъ могилокъ"; была, говорятъ, вблизи ея другая, но, по разсказамъ, „запалась". Въ оставшейся могилѣ, разсказываютъ, производилъ раскопки сосѣдній помѣщикъ, но о результатахъ раскопки мнѣ ничего не извѣстно. Отъ Витовтова моста не осталось не только слѣда, но даже и имени. Впрочемъ, крестьяне указываютъ мѣсто, гдѣ въ старину былъ мостъ на Собѣ и говорятъ, что во время мелководья видны даже остатки столбовъ моста; вѣроятно, это и былъ Витовтовъ мостъ, потому что это мѣсто лежитъ какъ разъ противъ „Кладовыхъ могилокъ".

малъ дорого стоющій мостъ на рѣкѣ Собѣ. Очевидно, ломкою моста Свирскій хотѣлъ затереть пограничный знакъ, какъ это впослѣдствіи мы увидимъ.

Долго тянулся процессъ между воюющими сторонами и только 1611 года 27-го іюня люблинскій трибуналъ, по ходатайству Ивана Мелешка, присудилъ въ пользу Тихона Слупицы съ княгини Ядвиги Ружинской, жены Петра Свирскаго, 10,000 злотыхъ за отторженіе урочища «Кладовыя могилки» отъ Кунянскаго имѣнія и за другіе убытки и обиды.

Послѣ этаго процесса умираетъ какой-то ужасной смертію Тихонъ Слупица; прямыхъ наслѣдниковъ въ мужескомъ родѣ не остается, а потому имѣніе переходитъ къ Марушѣ Богдановнѣ изъ Слупицъ Лысогорской (кажется, сестрѣ Семена Слупицы), которая четвергую часть Куны записываетъ въ пользу племянницы своей Гальшки Семеновны изъ Слупицъ Рогозинской. Но опять новая бѣда стряслась надъ родомъ Слупицъ: какой-то Александръ Песочинскій, воспользовавшись тѣмъ, что Тихонъ Слупица умеръ безъ прямыхъ наслѣдниковъ, выхлопоталъ себѣ у короля Сигизмунда III-го (1624 г. 28-го февраля) привилегію на Куну и Кунку, которыя, по заявленію того же Песочинскаго, на основаніи права «кадука» [1]), должны были перейти во владѣніе короля. Но люблинскій прибуналъ возвратилъ имѣнія Рогозинскимъ, а съ Песочинскаго присудилъ штрафъ за неправильное примѣненіе права «кадука» и взятіе привилегіи. Послѣ этого Кунянскія имѣнія дробятся между потомками Гальшки Рогозинской. Послѣ смерти Гальшки владѣютъ ея сыновья: Матвѣй, Андрей, Николай, Александръ, Симеонъ, Лаврентій и Константинъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Василіемъ; они заключаютъ между собою мировую сдѣлку (транзакцію), по которой обязываются не отчуждать Кунянскихъ имѣній въ чужой родъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 50.000 литовскихъ грошей. Часть этого имѣнія по женской линіи перешла къ Борейкамъ, Нарбутамъ, Терлецкимъ, Свидзинскимъ и Мнишкамъ.

Въ 1744 году Куна, по купчей крѣпости, перешла въ чужой родъ, именно къ Захарію Ярошинскому, но продажа, кажется, бы-

---

[1]) Выморочныя имѣнія переходили въ пользу короля на основаніи такъ называемаго права *кадука*, если черезъ годъ и шесть недѣль никто не представилъ доказательствъ на права наслѣдства.

ла фиктивная: продали Куну Иванъ и Маріанна изъ Борейковыхъ Пашковскіе, а Маріанна Пашковская была дочь Петронели Ярошинской, первый мужъ которой былъ Феліціанъ Борейко, обезпечившій приданое своей жены имѣніемъ Куной. Можно думать, что, боясь штрафа въ 50,000 копъ грошей литовскихъ или притязаній другихъ родственниковъ, онъ и устроилъ фиктивную продажу.

Дальнѣйшую судьбу Старой Куны я не буду описывать, такъ какъ пришлось бы писать исторію семейства Ярошинскихъ, очень стариннаго русскаго рода въ Подоліи. Впослѣдствіи, можетъ быть, когда нибудь займусь этимъ. а теперь окончу мою замѣтку нѣсколькими словами объ изчезновеніи этого стараго поселенія. Старая Куна уже въ половинѣ XVII вѣка была переименована въ Маріановку, и ея владѣльцы, воспользовавшись гайдамачиной и безъурядицей въ краѣ, завладѣли «Кладовыми могилками», отнятыми у Слупицъ Свирскимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ Балинскій и Липинскій въ своей «Starozytney Polskie», приводя жалобу Гайсинскихъ жителей. Суть жалобы такая: гайсинское староство много потерпѣло отъ козацкихъ войнъ и отъ раздѣленія его на два староства Гайсинское и Кисляцкое; когда же запорожскіе козаки, владѣльцы его на ленномъ правѣ, должны были послѣ козацкихъ войнъ возвратить его королю; тогда окрестные сосѣди стали дѣлать наѣзды на староство, какъ на непріятельскую землю, вслѣдствіе чего возникло нѣсколько процессовъ, между прочимъ и съ владѣльцемъ Старой Куны или села Маріановки.

Теперь на мѣстѣ старой Куны, или Маріановки, и слѣда не осталось; тамъ теперь крестьянскіе «пидметы» (огороды и коноплянники), а Маріановка перенесена на лѣвую сторону рѣчки Кублича. Разсказываютъ старожилы, что причиной перенесенія села послужила ссора владѣльца съ откупомъ. Въ одну ночь онъ собралъ крестьянъ изъ своихъ многочисленныхъ селъ и совершилъ это перенесеніе.

Въ лѣтописи Самовидца на 62 стр. упомнается «мѣсто Куничное». Нѣкоторые хотятъ видѣть въ немъ Куну, но, вѣроятнѣе, здѣсь говорится о Куницѣ, маленькомъ сельцѣ въ брацлавскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно, дѣйствительно, лежитъ на дорогѣ между Днѣстромъ и Бугомъ или, лучше говоря, между прибрежными мѣстеч-

ками этихъ рѣкъ—Великой Кошницей и Ладыжиномъ, о которыхъ въ томъ же мѣстѣ упоминаетъ Самовидецъ.

Подолянинъ.

ДВѢ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ О ПАНЩИНѢ И ПОВСТАНЬѢ.

Существуетъ мнѣніе, будто съ измѣненіемъ условій жизни малорусскаго народа духовное его творчество оскудѣваетъ, будто многія событія послѣднихъ десятилѣтій ничѣмъ не отмѣчены или слабо отмѣчены въ народной поэзіи и будто даже такое величайшей важности дѣло, какъ освобожденіе крестьянъ, слабо отразилось въ народной пѣснѣ и самая эта пѣсня явилась подражаніемъ и даже просто заимствованіемъ. Намъ приходилось слышать отъ людей, серьезно занятыхъ собираніемъ и изученіемъ памятниковъ устной народной письменности, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины не идетъ далѣе Днѣпра, что въ Подоліи и на Волыни она не имѣетъ самостоятельныхъ чертъ, что занесена она сюда изъ русской Галичины и что прототипомъ ея послужила пѣсня, напечатанная въ галицкой «Зорѣ» 40-хъ годовъ, передѣланная въ свою очередь съ пѣсни, раньше написанной польскими народниками для поднятія народныхъ массъ противъ панства въ западной Галиціи. И дѣйствительно сличеніе съ первоначальнымъ оригиналомъ нѣкоторыхъ пѣсенъ, записанныхъ въ Подоліи и на Волыни, приводитъ, повидимому, къ такому заключенію.

Не отрицая случайнаго происхожденія нѣкоторыхъ изъ пѣсенъ объ отмѣнѣ панщины, мы думаемъ, что вообще пѣсенъ этого рода записано очень мало, что наши этнографы отчасти игнорируютъ ихъ, гоняясь за пѣснями болѣе давняго времени, что прежде, чѣмъ дѣлать въ этомъ отношеніи какіе либо выводы и заключенія, необходимо озаботиться собраніемъ пѣсеннаго матеріала. Имѣющійся въ нашихъ рукахъ пѣсенный матеріалъ этого рода даетъ намъ основаніе думать, что пѣсня объ отмѣнѣ панщины явилась въ нашемъ народѣ самостоятельно и непосредственно подъ вліяніемъ произшедшей перемѣны. Приводимъ на этотъ разъ двѣ пѣсни, изъ которыхъ одна смѣшаннаго содержанія и говоритъ сначала о польскомъ возстаніи, а потомъ объ освобожденіи крестьянъ. Обѣ онѣ волын-

скія, что видно отчасти и по языку. Онѣ не обшлифовались еще въ народномъ обращеніи, не имѣютъ ни гладкости старыхъ народныхъ пѣсенъ, ни яркости ихъ красокъ, но и отнюдь не являются продуктомъ досужаго сочинительства.

I.

Несчастніи часы зійшли
Якъ зъ неволи хлопы выйшли...
Паны били, забивали,
До сорочки обдирали.
Хочъ-бы мужикъ на викъ згинувъ,
Мусивъ дати десятину.
Та ще й мало десятину,
Давай жинку и дитину,
Бо то воля ляха-пана,
Душу-бъ выйнявъ винъ зъ Ивана!
Въ кого жинка була брава,
Мужъ до неи не мавъ права:
То обмазуе господу,
То на купиль носить воду,
То у пана мете хату...
Правда, добру бере плату.
Прыйде въ вечери видъ пана,
Ходе, чмише, бо вже пьяна,
Мужъ сваритись не посьміе,
Бо винъ знае, хто се діе.
Бижять дити изъ-за хаты
Бидну матиръ выглядати;
Выглядали, не дождались,
Де стояли, тамъ поспались.
Изъ роботы прыйшла мати,
Та й забула ихъ забрати,
Бо завдавъ панъ таку штуку,
Що й до вику не забуде ту науку...
Нема-жъ теперъ теи доли,
Що бувало борщъ безъ соли
Хапай ȋсти та ще й швидко,

Заки сонця ще не видко;
Бо якъ зійде сонце, зрана
Мусишъ бигти впередъ пана.
Тоди тоби не до їжи,
Якъ нагайка плечи риже.
Панъ економъ бье изъ гукомъ
Тонкимъ гнучкимъ кнутомъ,
А помошникъ скаче та лютуе,
Ажъ кровь свище, такъ катуе!
Сиче сына, мліе мати,
Любо треба пропадати...
Плачъ, крикъ, слёзы льютьця,
Вси боятьця, вси трясутьця.
Теперь, слава Богу, всюды тихо;
Минулося й не вернеця тее лихо.

II.

Тамъ въ Цвитосци [1]) межъ лисами,
Межъ гнилыми болотами
Та зибрались мосци-паны
Воювати зъ москалями.
Вони рано повставали
Пить гарбату посидали.
Коли, смилости набравшись,
Це якъ крикне ихъ найстаршій:
«Въ реньки брони, еще прендко!
Бо москали вже близенько».
Заразъ вси тутъ сполохались
И чимъ дужъ у лисъ помчались,
А котори и зостались,
То и зъ свитомъ вже прощались.
Зовсимъ ляшки опьянили
И видъ страху одурили,
Едни другихъ одпихають,

---

[1]) Деревня, волынской губерніи, заславскаго уѣзда.

Що робити, не вгадають—
Чи фузію набивати,
Чи гарбату допивати.
Посидали вже на кони,
Еденъ каже: давай брони!
Другій добувае палашъ
И пиднявся крикъ та галасъ.
Потимъ трохи схаменулись
И до купы вси згорнулись.
Ксендзъ инфулу надививъ,
Въ гору руки пидіймавъ;
Благословивъ ляхивъ панивъ,
Щобъ побили усихъ москаливъ.
Москаль коли зъ ружжа двинувъ,
Ксендзъ на землю—а ни дриґнувъ.
Нема ксендза и казаня,
Чортъ ма й панивъ и повстаня!
Царь нашъ русскій змилувався,
За те дуже добре взявся,
Щобъ мужикамъ волю дати,
Изъ рукъ лядськихъ одибрати.
Александеръ теперъ царь,
Винъ те дило розибравъ,
Що Иванъ та Степанъ
Зъ теи-жъ шони, що и панъ.
Винъ те дило розибравъ,
Та и волю людямъ давъ!
Нехай теперъ кожный знае,
Нехай кожный споминае,
Чи то въ хати, чи на поли,
Чи то въ праци, чи у воли,
Що винъ батька-царя мае.

М. В.

КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Письмо черниговскаго архіепископа Антонія Стаховскаго къ гетману Скоропадскому, 1720 г.

Ясневелможный мосцѣ пане гетмане, мнѣ велце мосцѣвый пане, патроне и великій добродѣю.

Всечестный отецъ архимандритъ святотроецкій чернѣговскій, мимошедшихъ дный, въ певныхъ монастырскихъ інтересахъ, посилалъ законника своего въ Кіевъ, которій, возвратившися оттуду, извѣстилъ, что голосно носится въ Кіевѣ о взятіи типографіи чернѣговской въ Санктъпитербурхъ, для того, же въ Невской обытели заводитиместя якобы типографія образцемъ лѣтеръ печерскихъ и чернѣговскихъ и уже гисару Сазанскому, которого небожчикъ отецъ типографіи чернѣговской въ гисарскомъ майстерствѣ былъ исправитель и немалымъ коштомъ монастирскимъ матрицесы и пунсоны дѣлалъ, велено въ Санктпитербурхъ ихати, въ якомъ майстерствѣ сынъ покойного чуючись, подобно, еще не совершенъ, залѣцаетъ отческое рукодѣліе и хвалится побудкою до того бути, чтобъ зъ обытели святотроецкой такъ иніи типографскіи припасы, яко и отцемъ его дѣланніи, взято въ Санктпитербурхъ, которіи чрезъ колкодесять лѣтъ заледво великимъ иждивеніемъ и съ трудностю пороблены и зовсѣмъ, якъ надлежитъ, отчасти исправленны.

Хотя убо въ грамотахъ царского пресвѣтлого величества, при поставленіи въ архіереи, данныхъ предессоромъ моимъ и мнѣ, типографія свято-троецкая чернѣговская милостиво воспоминается и есть крѣпка по милости царского пресвѣтлого величества, яко не оттеперъ уже заведенна, но еще за живота блаженной памяти великого государя нашего царя Алексія Михайловича, всероссійскаго самодержца, еднакъ чтобъ обытели святой за предстателствомъ не зичливыхъ людей не собулося, якъ носится: ясневелможность ваша, яко отецъ отечества и особливый, по Бозѣ и Богородицы, тому мѣстцу святому патронъ и протекторъ, совѣтомъ своимъ, Богомъ умудреннымъ, если бы о томъ зъ свѣтлѣйшимъ княземъ до разглаголства или до листовного одозваняся пришло, можетъ все подробну предложити и желаемую отраду всемощнимъ своимъ защищеніемъ печалной обители подати.

О якую консоляцію и я, зъ печалнымъ отцемъ архимандритомъ, припадая до стопъ рейментарскихъ, всесмиреннѣ ясневелможность вашу молю, въ протчіихъ же пребываю ясневелможности вашой, моего велцемосцѣвого пана, патрона и великого добродѣя, всеусердній богомолецъ, рабъ и подножіе, недостойный архіепископъ чернѣговскій Антоній. Зъ катедры архіепископской чернѣговской. Року 1720 го, іюня 1 дня.

Сообщ. **А. М. Лазаревскій.**

ПЕРЕОБМУНДИРОВАНІЕ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ КОНЦА XVIII СТ.

Въ Малороссіи, въ періодъ гетманства, существовало военно-козачее управленіе и всѣ служащіе въ полковыхъ и сотенныхъ канцеляріяхъ носили общую козачую форму, мало отличавшуюся по чинамъ и отъ господствовавшаго въ польскомъ обществѣ костюма. Мы слышали, что въ архивѣ академіи художествъ есть рисунки костюмовъ полковыхъ и сотенныхъ чиновъ. Нѣкоторые образцы можно видѣть въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго. Съ упраздненіемъ гетманства и войсковаго управленія отошли въ вѣчность и самые костюмы. Въ кіевской милиціи и у чиновъ кіевскаго магистрата они удерживались до 1834 г.: въ гетманщинѣ такая перемѣна совершилась въ 1783 г., а въ Слободской Украйнѣ и воронежскомъ намѣстничествѣ въ это время шло уже новое переобмундированіе.

Въ наше время не принято при перемѣнѣ формы въ одеждѣ служащихъ мотивировать эти измѣненія, такъ что обыкновенно остается неизвѣстнымъ, вслѣдствіе какихъ побужденій произведена та или другая перемѣна: подъ вліяніемъ-ли измѣненій вкуса или-же по требованіямъ какихъ либо практическихъ соображеній. Въ прежнее время это дѣлалось иначе, и мотивы такихъ перемѣнъ излагались въ распоряженіяхъ о нихъ, что не лишне для исторіи самой формы.

Къ числу подобныхъ распоряженій относится нижеслѣдующее, сдѣланное въ прошломъ столѣтіи воронежскимъ и харьковскимъ генералъ-губернаторомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Чертковымъ. Распоряженіе это изложено въ формѣ письма къ правителю воронежскаго намѣстничества Ивану Алексѣевичу Потапову [1]).

---

[1]) Архивъ харьковскаго губернскаго статистическаго комитета.

Милостивый государь мой Иванъ Алесѣевичъ!

Разсудилось мнѣ на мундирахъ, для нижнихъ статскихъ чиновъ воронежскаго намѣстничества опредѣленныхъ, дозволить нашить по сторонамъ пуговицы въ два ряда, такъ-же, какъ назначено имѣть и состоящимъ въ достоинствахъ штабъ-офицерскихъ, съ тою только для расличія отмѣною, что-бъ пуговицы, вмѣсто кавтанныхъ, были камзольныя. Сіе, придавая особливую мундиру красу, послужитъ еще къ выгодѣ недостаточныхъ людей при выворотѣ платья ихъ; ибо наметанные на обоихъ сторонахъ петли могутъ сдѣлать перелицованіе онаго совсемъ непримѣтнымъ. О чемъ Ваше Превосходительство и прошу учинить надлежащія предписанія, повелѣвъ при семъ самомъ случаѣ устроить мундиры и чинамъ медицинскимъ съ круглыми неразрѣзными обшлагами и съ пуговицами на нихъ—для занимающихъ докторскія мѣста кавтанными, для лѣкарей камзольными, подлѣкарямъ и ученикамъ безъ пуговицъ. Есмь впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ.

Вашего превосходительства покорный слуга *Василій Чертковъ.*

Сообщ. **П. Е—ко.**

ственскій владимерскій Платонъ Петрункевичь просилъ къ себѣ на обѣдъ въ день прійдучій Благовѣщенія Пресв. Богородицы.

23. Ездилъ рано на Василевскій Островъ до іноземцовъ купцовъ Креппина и Елленбаха, которіи имѣютъ своего корреспондента купца въ Килѣ, Калуса Албрехта Віка, чтобъ чрезъ нихъ къ сину перевести денги.

24. Куплено сукна тонкого 4 аршины, дано 9 руб., полусукна 10 аршинъ, дано 3 рубля 30 коп.; за лотъ и четверть золотника шолку дано 23 коп. Швагеръ Александръ Корецкій переносился на квартеру, для себя нанятую, въ домъ Ѳедора Івановича Коченевского.

25. Были рано у князя Н. Юр. Трубецкого, у канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ обѣдни слушали, а кушали обѣдъ и даже до вечера пробавили на пѣтербурскомъ острову у архимандрита рождественского Платона Петрункевича.

26. Отпущены писма, писанные подъ числомъ 24 сего мѣсяця до жены и до племѣнника Іосифа, съ приложенною выписью съ челобитной явочной, на Березовского [224]) въ полковую стародубовскую канцелярію поданный о обидѣ отъ него въ Лотокахъ затѣянной, да до Скоропадского подъ симъ числомъ писалъ о томъ-же Березовскомъ и о сѣнѣ у Куровцѣвъ на 200 возъ забранномъ Суворовцями чрезъ пана Осколковского. Вечеромъ былъ у купца Креппина, который до сина Василя денги перевести обѣщалъ.

27. Въ 7 часу по полднѣ былъ виносъ тѣла въ Невскій монастиръ умершого сего марта 26, на 77 году отъ рожденія своего, генералъ-аншефа, сенатора и обохъ россійскихъ ординовъ кавалера, гвардіи семеновского полку подполковника и императорского генералъ-адъютанта, графа Андрея Ивановича Ушакова.

Дана шить черкеска изъ полсукенка и сукно ступовать передъ симъ купленное. За ручку до молочника, изъ гебану здѣланную, дано 20 коп. При дворѣ надѣтъ трауръ по отци и дядѣ ея імператорского высочества, государини, великія княжны, въ недавныхъ числехъ преставлшихся.

---

224) Тогдашній стародубскій полковой сотникъ, которому принадлежало состднее съ Лотоками село Медвѣди. И Ханенко, и Березовскій усиленно скупали земли въ с. Лотокахъ и, мѣшая этимъ другъ другу, часто ссорились.

28. Было погребеніе въ монастирѣ Невскомъ помянутому генералу Ушакову, где и отъ полковъ пѣхотныхъ производилась палба бѣглымъ огнемъ.—За нѣкоторіе лѣкарства въ аптецѣ дано 6 руб. У духовника были въ вечеру.

29. Въ придворной церквѣ имѣлъ казанье діаконъ Савіцкій. Въ вечеру были у насъ архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, да намѣстникъ свінский Лука и долго просидѣли въ ночь.

30. Швагеръ Александръ Корецкій подалъ свою челобитную въ сенатъ о удостоенныхъ деревняхъ, у которого на квартерѣ и мы были зъ Гудовичемъ.

31. Подъячіе Яковъ Тимофѣевъ и Іванъ Воронецкій были у насъ и обѣдали. За матерію подъ карваши [225]) до черкески 25 коп., за писмо принессное изъ почти 3 коп. Два сенатора были въ дворцѣ съ нѣкоторими докладами.—Писаны писма въ домъ до жены и до швагра Өедора Корецкого, съ приложеннымъ писмомъ отъ швагра Александра Корецкого до жены его, да въ Глуховъ до Скоропадского, до племѣнника Іосифа и до Якубовича, о пересилки въ домъ моихъ писемъ, и вручены протопопу глуховскому Алексію Галяховскому. Писали мы обще до членовъ малороссійской генералной канцеляріи по требованю отца духовника, чтобъ отправлено бунчукового товарища Івана Андріевича Гамалію для обмежованія селъ Клишокъ и Чаплѣевки [226]).

---

[225]) Нарукавники, обшлага.

[226]) Села Клишки и Чаплѣевка, кролевецкаго уѣзда, незадолго передъ тѣмъ императрица пожаловала своему духовнику Ө. Я. Дубянскому, по ходатайству котораго тогда-же сдѣлано было распоряженіе о снятіи пожалованныхъ земель на планъ. Межеваніе этихъ селъ сдѣлано уже было въ 1746 г. и здѣсь идетъ рѣчь, кажется, только о формальномъ отводѣ Клишекъ и Чаплѣевки Дубянскому. Въ нашей библіотекѣ имѣется „планъ ея императорскаго величества высокопреподобнѣйшаго іерея Федора Яковлевича Дубянского малороссійскимъ его высокопреподобія вотчинамъ, села Клишекъ и Чаплѣевки, 1746 году“, съ надписью: „сей планъ описывалъ и сочинялъ, июля отъ 1 числа августа по 14-е число окончано, Геодезистъ Федоръ Хрипковъ“. Планъ этотъ замѣчателенъ, какъ памятникъ едва ли не перваго съ хозяйскими цѣлями межеванія въ Малороссіи XVIII в. Раньше въ Малороссіи межевалъ Меншиковъ свою Почепщину, но тамъ снята была лишь окружная межа.

Априлъ.

1. Послѣ полдня первей у духовника, потомъ въ дворцѣ съ обознымъ генералнымъ Лизогубомъ былъ, а у насъ полковникъ Василій Танскій зъ Гроховскимъ до позна сидѣли.

2. Израну былъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ у обозного генералного, и чрезъ нѣсколко часовъ съ нимъ самъ на самъ розговори имѣлъ доволные, а потомъ прислалъ ему и три бутилки вина волоского.—Куплено полотна бѣлого на нуждныя потребности 20 аршинъ, дано 80 коп.

3. Секретарю Михайлу Новоторжцову дочъ родилась и наречена Любовія, въ 11-мъ часу предъ полуднемъ. Служителю его, съ тою вѣдомостю приходившему, дано 10 коп.—Взялъ изъ общыхъ денегъ, на содержаніе насъ опредѣленныхъ, 40 рублей, а прежде за мною было 60 руб., и такъ уже было 100 р.

4. Изволила отъѣхать государиня въ Царское село.—Полковниця молодая Галаганша умерла въ Прилуцѣ [227]).—Покойного Василя Мировича синъ Стефанъ, изъ Сибѣру пріѣхавшый, сталъ у насъ на квартерѣ. Подъячій рекетмейстерской конторы Θедоръ Івановичъ Гординъ и Григорій Андреевичъ Сорокинъ были у мене.

5. Получилъ писмо зъ Киля отъ отца Іова. Вечеромъ былъ у швагра Корецкого, отъ которого ездилъ Яскевичъ на Смолный дворъ къ Іліи Журману, зъ женою своею Агафіею Давидовною въ С. П. Бурхъ пріехавшому.

6. Простился съ нами отецъ протопопъ глуховскій Алексій Галяховскій, которому и писма, подъ 31 марта врученные, впечатаны въ кооперту, подъ именемъ Бачинского и Дергуна канцеляристовъ подписанную, и вручены-жъ.

5. Рано былъ у Носка, потомъ въ сенатѣ, где и писмо мое отдано для пересилки въ Глуховъ, писанное до Скоропадского о присилки удостоеній, тестю въ 1736, а шваграмъ въ 1741 годахъ на деревнѣ данныхъ, или копій съ оныхъ.

8. Книгъ взялъ печатныхъ изъ академіи чрезъ Григорія Політику разныхъ за 9 р. 91 к., въ томъ числѣ для себе за 4 р.

---

227) Жена Гр. Игн. Галагана, дочь бунчуковаго товарища Андрея Дунина-Борковскаго. См. „Кіев. Стар.“, 1883 г., ноябрь, стр. 459.

31 к., и совѣтовался о должныхъ мнѣ денгахъ съ Політикою. Вечеромъ былъ Гудовичъ у князя Івана Васильевича Адоевского, сенатора.

9. Писалъ писма въ домъ къ женѣ противъ писма еи, чрезъ Журмана полученного, да до Скоропадского съ сообщеніемъ меморіала войскового и челобитнои копій, где къ женѣ и писмо отъ швагра Александра Корецкого до его жены включено, а сообщены оные писма до значкового товарища, Іосифа Дмитріевича Рославця въ Макаричи, или Дмитрово для пересилки оттоль въ Івантенки до панеи Гудовичевой, къ Рославцю-жъ имѣли быть сосланы отъ шурина, купца брянского, Тихона Григоріева Чамова изъ Брянска.—Принималъ лѣкарство Sal anglicum laxans.

Былъ у насъ въ квартерѣ Ілія Журманъ мимоездомъ изъ дворця.

10. Гудовичъ въ дворцѣ видѣлся зъ Юріемъ Храповѣцкимъ и у него обѣдалъ.—Писмо отослалъ къ протопопу мглинскому, отъ сотника тамошнего Лисаневича писанное.

11. Званныи отъ Журмана, обѣдали въ Смолномъ дворцѣ мы трое и швагеръ Александръ Корецкий, а потомъ до него заехали, а Журманъ отъехалъ въ болшой дворецъ съ женою.—Рано былъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского Гудовичъ и объявлялъ намъ, что вскорѣ состоится указъ именный о гетманѣ.

Писаны писма подъ вчерашнимъ числомъ до профессора математики въ академіи килской Козіуса и до Івана Політики, тамъ учащогося, чтобъ то писмо оному профессору вручивъ, просилъ отвѣту и отвѣтъ переслалъ-бы брату своему Григорію Політикѣ, академіи с. п. бурхской переводчику, а для отсилки въ Киль тихъ писемъ отдалъ оные тому-жъ Григорію Політикѣ.—Перепліотчику при дачѣ книгъ въ оправу дано 50 коп.

12. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа, а вчера у графа-жъ былъ Гудовичъ одинъ для розговору о общыхъ дѣлахъ.—Грицку данъ кунтушъ мой зеленый. Кравцю, которій шилъ кунтушъ изъ сукна и черкеску изъ полсукенка, за роботу дано 2 р. 20 к.

13 и 14 wacant. 15. Расплатка учинена за разные дробные покупки и рощотъ изъ Грицкомъ 2 р. 59 к.

16. Слушалъ обѣдни въ Невскомъ монастирѣ и тамъ-же, по благости Божыей, удостоился, одправя исповѣдь предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, святого причащенія Евхаристіи.—Розышлось 23 к.

17. Набоженство нощное о Страстехъ Христовыхъ и царскіе часы въ своей квартерѣ отправляли.—Началъ переводить Малярдовы до покойного преосвященного Ѳеофана Прокоповича отвѣты о вѣрѣ нашей и о римской и протестантскихъ религіахъ.

18. Послѣ полдня захоровалъ жестоко на поперекъ (поясница), что якъ легъ на кроватѣ, то и повернутись не могъ.—Доплачено перепліотчику за книги 29 коп.

19. Въ сей Свѣтлого Воскресенія Господня день, ради показанной болѣзни, ни въ церкви не былъ, и изъ ложка ни на малый часъ встать не могъ, а наши на набоженствѣ въ дворцовой церкви у ручки государини и въ великихъ князей были.

20. Вечеромъ былъ у насъ архимандритъ іеросолимский Агапій и на благословеніе отъ святѣйшого патріарха іеросолимского Парѳенія поднесъ крестикъ и разрѣшителную грамоту.

21. Пущалъ мнѣ кровь изъ медіанки лейбъ-медикусъ его імператорского высочества Гугонъ, которому даны 2 р.

22. Писано писмо въ домъ до жены чрезъ служителя графа Мойсѣя Владиславича, по почтѣ отправленного, въ которомъ писмѣ включилъ и помянутіе крестикъ и грамоту.

23. Были у мене камеръ-локей Милорадовичь и адъютантъ сербского полку, которій принеслъ ко мнѣ и пакетъ отъ брегадира Вітковича.

24. Писано писмо къ брегадиру Вітковичу въ отвѣтъ на его двѣ писми, да до Скоропадского съ посилкою его брегадира Вітковича пакету.

25. Въ сей день празднованія коронаціи ея імператорского величества былъ и я послѣ болѣзни первый разъ въ дворцѣ, и были у ручки государини, потомъ у графа Алексія Григорьевича Розумовского, где съ многими персонами видѣлись, и поздравляли съ праздникомъ и нынѣшнимъ торжествомъ.—Нева прошла.

26. Послѣ полдни съ 6-го часа была опера въ комедіалномъ домѣ изъ гисторіи Митридата, на которой и ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества присутствовать изволили. Получены писма изъ Глухова отъ разныхъ, въ томъ числѣ и отъ Ѳедора Чуйкевича. Данъ 1 р. маіору Воеводскому чрезъ слугу его.

27. Рано былъ Гудовичь у графа Алексія Григорьевича Розумовского и возвратясь обнадежилъ обозного генералного Лизогуба

и мене скорымъ отпускомъ съ милостію ея імператорского величества, а ему до времени здесь оставаться по собственному государини приказу.

Обозный генералный и Гудовичь ездили на обѣдъ въ Смолный дворецъ съ Журманомъ, а у мене были пѣвчій Лозовскій и гайдукъ івантенскій, которій сказалъ, что Іванъ Ломака, пріехавшый сюда челобитствовать, умеръ сего числа въ Ямской.

28 Писалъ писмо до сина въ Киль подъ № 8-мъ, тако-жъ и до ассесора Шлидендорфа по латинѣ, и отъ сина требовалъ обстоятелного отвѣту на писмо мое, отъ 3 марта писанное, и отослано къ Вінклеру.

29. Послѣ полдня была въ оперномъ домѣ комедія французская, на которой и мы были.—Писмо до Скоропадского съ пакетомъ отъ Вітковича включено въ пакетъ между писма обозного генералного, въ Глуховъ писанные.

30. За цвѣтки китайскіе дано 1 р.—Рано были зъ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Алексія Григоріевича Розумовского, которій велѣлъ еще дожидаться отправки съ терпеніемъ. Послѣ обѣда былъ у насъ Өедоръ Коченевскій и долго проседѣлъ. Полку миргородского сотникъ уцтивицкій Ламанъ у насъ обѣдалъ.

Май.

1. Нарочно званный отъ Іліи Журмана на Смолный дворецъ обѣдалъ у него и въ банѣ милъся.—На направу коляски для покупки кожи и гвоздиковъ дано 30 коп.

2. За румяны китайскіе пять штучокъ дано 20 коп.—De vespere exprobabam aliqua inconvenientia A. Koreccio, post quod ille cum ira abiit.

3. Были въ дворцѣ и у графа, потомъ обѣдали на Смолномъ дворцѣ у Журмана, где видѣлись и съ преосвященнымъ переясловскимъ Арсеніемъ Могилеанскимъ и отцемъ Никанором.

4. Переплетчику еще дано 20 коп. за оправу переводу Апологіи о вѣрѣ и придворного календара. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а изъ ранку отправовалась публічная панахида въ крѣпости, въ церквѣ Петра и Павла, по цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ. Послѣ вечерень былъ зъ Гудовичемъ у графа Мойсѣя Владиславича.

5. Писалъ писма въ Киль: 1-е до отца Іова Чарнуцкого, чтобъ увѣдомилъ мене о сину моемъ, о его наукахъ, о поступкахъ, о квартерѣ и о денгахъ, 2-е до Алексія Долинского на его писмо, ко мнѣ отъ 30 марта писанное, и отосланы до отца Никанора, соборного монастира троецкого сергіевского, для отправленія при его писмахъ въ Киль.

Въ 7-мъ часу по полдни изъ нового зимного дворця изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, со всѣмъ придворнымъ штатомъ, имѣть свой публічный въ пребогатыхъ каретахъ переездъ до лѣтнаго дворця при пушечной изъ крѣпости и адміралітейства палбѣ, въ препровожденіи гвардіи многихъ ездовихъ сержантовъ и нѣкоторого корпуса конной гвардіи.

Подписанъ указъ о гетманѣ.

6. За портретъ, тушевалною работою дѣланный на александрійской бумаги, государя великого князя Павла Петровича дано 1 р. 20 к.

7. Государиня изволила отъехать въ Царское Село.

8. За розцвѣченіе генералной россійской картины дано 20 коп.

9. Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и доволно позабавились, тако-жъ сотникъ Ламанъ и Яскевичъ.

10. Обѣдали у Журмана на Смолномъ дворѣ, куда при насъ пріехали войтъ нѣжинскій зъ капитаномъ Бараномъ и синъ войтовъ Өедоръ съ шваграмъ моимъ Александромъ Корецкимъ.—Государиня ночью изволила прибыть.

11. Былъ у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ и сказовалъ, что пошлетъ своего человѣка въ Стародубъ съ писмами.

12. Дано поруччицѣ на шолкъ до шляпъ лѣтныхъ, кои велѣлъ ей для жены и дѣтей шить, 20 коп., за сѣрую бумагу до тихъ-же шляпъ 6 коп., за подошвы до сапоговъ 10 коп., за ганишъ и яловецъ 10 к.

13. Были на службѣ въ лѣтнемъ дворцѣ въ болшой церквѣ, потомъ въ салю болшую и къ графу заездили. За принесенный пакетъ отъ отца духовника, надписанный на мое имя, съ писмами ко мнѣ однимъ, а къ Александру Корецкому болшимъ пакетомъ отъ Якубовича, асаула генералного, заплатилъ 20 коп.

14. За шесть локотъ ленты алой до предпомянутыхъ шляпъ 36 коп.—Рано былъ Гудовичь въ сенатѣ и освѣдомился, что указъ именной, сего мая 5-го числа подписанный, о избраніи гетмана нового въ сенатъ присланъ. Предъ обѣдомъ учителю Еміху по писму Скоропадского даны 20 рублей. Вечеромъ были у преосвященного псковского Сvмона Тодорского, а потомъ и у Ѳедора Ивановича Коченевского.

Сего числа Александръ Корецкій отъехалъ до Кронштату.—Писалъ писмо въ домъ до жены и отдано графу Мойсѣю Владиславичу для отсилки въ Стародубъ при его писмахъ.

15. За набалдашникъ костяный дано 25 к., за нефть 11 к. Послѣ полудня былъ у насъ пріехавшій изъ Китаи Герасимъ Кириловичь Любартовскій и признался ко мнѣ съ свойствомъ. Швагеръ Александръ Корецкій возвратился изъ Кронштату.

16. Писаны письма, одни подъ вчерашнымъ, другіе подъ нынѣшнымъ числомъ, въ Глуховъ до Скоропадского, до Василевича и до Івана Гамаліи, да до Іосифа, въ отвѣтъ противъ ихъ писемъ, и включены въ одинъ пакетъ до Скоропадского.—Шляпы для жены и для дочери здѣланные прислала поруччиця.

17. За четири книжки латинскіе дано Політикѣ 1 р. 15 к.—Государиня отъѣхала.—Послѣ полдня были гости муншенкъ Іванъ Андріановичь Вожжинскій и переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій съ женами, тако-жъ совѣтникъ Постелниковъ и маіоръ (*пропускъ*) поліцейскій.

18. Писма, подъ 16 числомъ писанные, включены въ пакетъ обозного генералного къ асаулу артилеріи обозной Карпѣки. Послѣ полдня проездили къ Ямской, а поворотясь заездили къ швагру Александру Корецкому.—Іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, отъѣхать изволили въ Царское Село.

19. Послѣ полудня проѣжджались за Невскій монастиръ.

20. Писалъ письмо до отца Іоанна брата и до сина его Іосифа и въ коопертѣ, на Іосифово имя подписанномъ, включены писма отъ Гудовича и отъ мене до Скоропадского съ копіею, которые вручены Грошевскому, значковому полку кіевского, да чрезъ него-жъ и требованіе зъ сената о копіахъ удостоеній Корецкимъ, и писма до полковника Ізволского и до подполковника Яблонского отпущены.

21. Оный Грошевскій отъехалъ.—Рано былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ и нѣкоторый Потемкинъ, архимандритъ вятской епархіи, къ совѣтнику Демидову ради именинъ жены его Елени званныи.—Я обѣдалъ у Журмана въ Смолномъ дворцѣ, а также въ банѣ милъся.

22. Ради рожденія великого канцлера Бестужева-Рюмина многіе гости знатніе обоего пола у его кушали, въ томъ числѣ и Журманъ съ своею женою, а послѣ оны-жъ и у насъ на квартерѣ были.—Великій князь и великая княгиня прибыли въ С. П. Бурхъ и государиня ночью.

23. Рано были въ дворцѣ, гдѣ имѣлась авдіенція присланному отъ римского цесаря и цесаревой посланнику. У насъ обѣдалъ Журманъ, а по полдни зновъ отъехалъ весь дворъ імператорскій до Царского Села.

24. Передъ обѣднями ездили до князя Н. Ю. Трубецкого, который на два мѣсяци въ приморскій домъ уволенъ, да до князя Алексія Дмитріевича Голицина, а по полдни были у А. І. Головина. генерала інтенданта адмиралитейского.

25. Писалъ писмо къ сину въ Киль, подъ № 8-мъ, увѣщеваючи его, чтобъ часто къ намъ относилъся и для чего чрезъ корабль килскій тамошнего обывателя Кляуса Албрехта Віка, при шкиперѣ Гансте сюда прибывшій, не писалъ. Послѣ полдня былъ у насъ каморъ-лакей Милорадовичь и ужиналъ съ нами.

26. Оное писмо къ сину отдано секретарю Вінклеру для отправленія по почтѣ въ Киль. Отставному прапорщику Жидкову дано 10 коп.

27. Послѣ полудня ездили на Смолный дворецъ, а оттоль водою чрезъ Неву рѣчкою Черняткою и Малою Охтою для гуляня на дачу умершого генерала Ушакова съ Журманомъ и женою его ездили-жъ. Канцеляристу рекетмейстерскому Сорокину даны 20 коп.

28. Прошлои ночи и сегодня жестоко боленъ былъ на поносъ. Обѣдали у насъ переводчикъ Полѣтика и канцеляристъ Висоцкій.

29. Надъ вечери прибыли ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, въ лѣтный дворецъ.

30. Куплена Івану Рудому лакейская свита за 1 р. 30 к., да хлопцю Евфиму рубашки за—, штаны суконные за 30 к.

31. Поруччицѣ за роботу двоихъ шляпъ для домашныхъ нашихъ далъ 1 р.

Юнь.

1. Рано былъ у полковника Танского и взялъ у него книжку полскую Братковского. За книгу печатную въ академіи наукъ «Совершенное наставленіе дѣтей» дано 40 коп. Послѣ обѣда были у капитана преображенского полку гранадерского, князя Александра Александровича Меншикова, да у муншенка дворцового Іоана Андріановича Вожжинского и у переводчика іностранной коллегіи Івана Андріевича Данилевского.

2. Послѣ полдня, за пріездомъ къ намъ Іліи Журмана, ездили въ академію наукъ для смотрѣнія электрическихъ экспериментовъ, которые намъ показивалъ профессоръ, а рано видѣли въ дворцѣ подлинный дипліомъ отъ покойного цесаря римского Карла VII, данный на достоинство графское Алексію Григоріевичу Розумовскому въ 1744 году.

3. За оправу книжки «Совершенного наставленія дѣтей»—12 коп.

4. Государиня изволила прибыть въ С.П.Бурхъ изъ Гостилици въ 4-мъ часу по полночи.—Купленъ колпакъ баволняный за 30 коп.

5. Были въ дворцѣ даже за полдень, а Гудовичъ рано у графа одинъ былъ и подалъ потребный меморіалъ. Пожалованъ дворяниномъ пѣвчій Яковъ Алексіевичь Шубскій.—Куплена дюжина чашокъ фарфоровыхъ съ синѣми цвѣтами за 2 р. 90 к., за наконечникъ 5 коп.

6. Были также въ дворцѣ и благодарили графу за исходатайствованіе именного указа о гетманѣ. Григорій Політика получилъ писмо отъ своего брата изъ Киля и мнѣ оное объявлялъ.

7. Послѣ службы Божои и вечерни въ церквѣ Симеоновской были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского съ поздравленіемъ нынѣшнего Пентекостіи праздника. За «Примѣчаній» 1733 году книжку далъ 1 р. 20 к.

8. Рано были всѣ трое у графа Кирила Григоріевича, потомъ на службѣ Божой въ дворцѣ. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ на Охтѣ и кушать въ Смолномъ своемъ дворцѣ, а у насъ обѣдали графскіе люди, въ томъ числѣ Іванъ Барановскій, камординеръ, и муншенкъ Дмитрій Воиновичъ.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, а въ Глуховъ къ Іосифу съ посилкою женѣ и дочерѣ Настусѣ шляпъ дамскихъ и 10 лимоній

свѣжихъ, за которые дано 35 коп., да до Скоропадского о отсилки тѣхъ писемъ и посилки. Такожъ писано къ сотнику мглинскому въ отвѣтъ на его писмо. Послѣ обѣда видѣлъся съ секретаремъ Вінклеромъ и былъ у преосвященного псковского.—Г. Скоропадскій женилъся на Марѳѣ Шираевнѣ Чернишевой.

10. Писалъ къ Іосифу съ посилкою писма изъ Киля до архимандрита новгородского Аѳанасія. Обѣдалъ у насъ Журманъ, а потомъ мы у него были до вечера на Смолномъ дворѣ.

11. Писма подъ числами 9 и 10 писанные, такожъ посилка шляпъ дамскихъ и лимоній вручены атаману заднѣпрского городка Архангелского Давиду Дзвиногродскому, который сего-жъ числа и отъехалъ почтою до Малороссіи.

12. Изволила государиня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъездъ свой возъимѣть въ 12-мъ по полудни часу до Пітергофа при пушечной палбѣ изъ крѣпости и адмиралитейства болѣе ста выстрѣловъ.—Далъ шапку передѣловать шапочнику.—Іхъ імператорскіе высочества отъехали туда же 13 числа.

13. Рано былъ у его свѣтлости принца Августа, коадъютора высокаго штеѳта Любского и штатгалтера Голштинского и просилъ о призрѣніе на сина моего. Обѣдали и весь день пробавили у Журмана на Смолномъ дворцѣ. Писалъ до сина въ Киль подъ № 9 по почтѣ.

14. Обѣдали у насъ Ілія Журманъ и Яковъ Дмитріевичъ Рожевскій съ женами, да два студента изъ академіи и Григорій Політика, а потомъ были съ тими-жъ гостми, кромѣ студентовъ, у швагра Александра Корецкого и у Петра Івановича Розумовского.

Украдено у мене въ избѣ часы серебряные старые.

15. Ночю противъ 16 числа немалый пожаръ былъ, казармы партикулярной верфи погорѣли.

16. Писаны писма въ Киль, одно до сина Василя, подъ № 10, о поездѣ принца Августа, о обхожденіи его тамъ честномъ, чтобъ онъ по окончаніи яко ни есть науки бралъ у профессоровъ аттестаты, о принятіи служителя помѣсячно или на четверть года, о посилки къ нему денегъ 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, о присилки вѣдомости о расходѣ прежныхъ денегъ, о отвѣтахъ отъ Вестфалена и Шлидендорфа и чтобъ отписовался ко мнѣ и къ матерѣ почаще, о посилки къ нему-жъ 3 слоиковъ закусокъ, молитвъ и вы-

писки о перегринаціи и фееверка Гостилицкого,—другое до отца Іова, чтобъ денги, посилаемые къ сину, принялъ въ свое содержаніе.

За золотникъ концинелли 10 к., за слоикъ нефти 9 к.

17. Писмо къ сину, вчера писанное, и 60 червонныхъ, и закуски вручены секретарю его свѣтлости принца Августа Андрею Крозе. Сего-жъ числа въ 6 часу по полуночи графиня Евдокія Івановна Чернишева по 14 дневной болѣзни преставилась. Были вечеромъ у совѣтника Постелникова, а оттуду пріехавши, занемогъ я на колку. Швагеръ Корецкій отъехалъ въ Пітергофъ.

18. Весь день лежалъ боленъ. За два пузирки еліксиру даны 12 коп. Въ 8 часу по полдни былъ виносъ тѣла графини Чернишевой до монастиря Невского.

19. Оной же графинѣ погребеніе было въ Невскомъ монастирѣ. Послѣ полудня посѣщалъ мене секретарь его свѣтлости принца Августа Іоанъ Андрей Кроузъ, завтра отселѣ съ камординеромъ Андреемъ Гагертомъ и протчею его свѣтлости свитою имѣющый отъежджать до Кронштата, а оттуда купно съ принцомъ въ Голстинію. Возвратилъся швагеръ Корецкій изъ Пітергофа.

20. Писано писмо къ сину въ Киль, подъ № 11, чрезъ іеромонаха Невского монастиря Іосифа, отправлючогося на фрегатѣ, нaзиваемомъ Москва, на которомъ и принцъ Августъ отъедетъ, да чрезъ него-жъ и до отца Іова писмо, подъ 16 числомъ писанное, сообщено при меморіалѣ, о чемъ имѣетъ онъ сину и словесно отъ мене сказать.—Принцъ Августъ отъехалъ въ Пітергофъ.

21. Послѣ обѣда отправилъся въ Пітеръгофъ Гудовичь за общымъ дѣломъ и вкупѣ поехалъ туда съ Журманомъ, которій съ женою, туда едучи, заездилъ и до насъ.

22. Надъ вечеры былъ у графа Мойсѣя Владиславича, где видѣлъся и съ княземъ волоскимъ Сергіемъ Дмитріевичемъ и съ докторомъ Кандоиды.

23. Послѣ полдня возвратилъся Гудовичь изъ Пітергофа, а мы изъ обознымъ были у генерала лейтенанта Радіона Михайловича Кошеліова.

24. Сержанту астраханского пѣхотного полку Іогану Рейсу позичилъ 4 р., а его застава—табакерка ясписовая и 8 камушковъ у мене осталось.

Предъ вечернями были у гвардіи измайловского полку маіора и генерала маіора Іосифа Івановича Гамфа и такъ о дѣлахъ нѣкоторихъ общихъ, до военной коллегіи касающыхся, яко и о отпуску сержанта Горленка и о каптенармусу сибѣрского гварнізону Іоану Василіевичу сыну Мировичу представляли.

25. Послѣ полудня ездили на Василевскій Островъ и тамъ были у секретаря Новоторжцова, которого я просилъ и о дѣлѣ швагровъ моихъ Корецкихъ, взглядомъ удостоенія ихъ на дворы посполитіе.

26. Писаны писмы въ домъ до жены о томъ, что къ сину въ Киль посланы еще 60 червоныхъ чрезъ секретаря Кроза, да въ Глуховъ до Скоропадского о дѣлѣ графовъ Владиславичовъ и графнни Борозновны и отданы для отсилки въ Стародубъ графу Мойсѣю Ивановичу.—За передѣлку шапки дано шапочнику 50 к.

27. По полдни въ 7 часу віехавъ изъ С.П.Бурха, прибыли въ мизу Головинскую графа А. Г. Розумовского и тамъ у Журмана ужинали и ночевали.

28. Рано прибыли въ Пітергофъ и по службѣ были у ручки великого князя и великой княгини, потомъ были въ Мемплезирѣ и кланялись государинѣ, и зъ графомъ и протчими господами видѣлись. Обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского.

29. Передъ службою поздравляли великого князя съ тезоименитствомъ и у обоихъ были съ протчими у ручки. По обѣднѣ и молебствіи у отца духовника обѣдали, потомъ были въ салѣ болшой, где балъ отправлялъся, а ужинали у стола государева въ Мемплезирѣ.

30. Рано были у графа и отклонились. Отъобѣдавъ же въ квартерѣ, отъехали изъ Пітергофа и прибывъ въ графскую Головинскую мизу, тутъ застали архіерея с.п.бурского, по которого отъездѣ мы тутъ и ночовали.

Юлъ.

1. Въ 10-мъ часу изъ мизы поехали, а въ С.П.Бурхъ прибыли по полдни въ 3-мъ часу.

2. Vacat. 3. Пріехалъ швагеръ Александръ Корецкій изъ Пітергофа.

4. Писмо къ сину въ Киль подъ № 12, а подъ числомъ юня 30-мъ на его въ отвѣтъ писанное, отдано секретарю Вынклеру для отсилки по почтѣ въ Голстинію. За оправу въ срѣбро трости зъ набалдашникомъ бѣлымъ дано золотарю 40 коп.

5. Рано былъ у мене секретарь Вынклеръ съ объявленіемъ писма, отъ ассесора Шлидендорфа къ нему о состояніи сина моего въ Килѣ писанного. По полдни былъ я съ Гудовичемъ у кофишенка Савлукова, где и священника церкви, что на Болшомъ Конюшенномъ дворѣ застали.

6. Рано ездилъ до сенатора, князя Алексія Дмитріевича Голицина и о дѣлѣ напастномъ, отъ Соколовскаго затѣянномъ, розговоръ имѣлъ.

За сѣтку срѣбную до дитячой шапочки дано 1 р. 20 к., да еще розышлось на нѣкоторые потребности 28 коп. Грицку на его нужды дано 44 коп. Івану Рудому да хлопцю Евфиму на чоботи и другіе потребности 69 коп.

7. Обѣдали у насъ Журманъ и Рожевскій, бывшій управитель Смолного дворця.

8. Были на Василевскомъ Острову на биржѣ и на корабляхъ и тамъ купилъ двѣ ѕернали за 2 р. 50 к. Прибылъ въ С.П.Бурхъ Георгій Белецкій-Носенко и сталъ у насъ квартерою.

9. Vacat. 10. Писаны писма въ Глуховъ до племѣнника Іосифа, въ Грузкую до Чуйкевича, въ домъ до жены и приложены въ домъ же отъ швагра Александра Корецкого и одъ Гудовича къ сожительницамъ ихъ. Войтъ нѣжинскій былъ у обозного генералного Лизогуба, а у мене канцеляристъ рекетмейстерскихъ дѣлъ Николай Ивановъ, у которого дѣло наше, по апелляціи сисканное, и ему-жъ данъ отъ мене 1 р.

11. За ленту до часовъ, да до шапокъ жениной и дитячой— 24 коп. Писмо до сина писанное обширно, противъ донесенія Іоана Полѣтики и профессора Козіуса, отослано до секретаря Вынклера для отправки по почтѣ въ Киль, подъ № 13.

Великій князь и великая княгиня передъ вечеромъ, а государиня ночью изволили прибыть въ С.П.Бурхъ.

12. Были въ дворцѣ и по службѣ допущены къ ручкѣ государини и великого князя великой княгини, потомъ купно съ архіереями синодалними и съ протчими были у гр. А. К. Розумовского.

13. Рано были въ дворцѣ и просили графа о исходатайствованіи отпуску, токмо велѣлъ еще потерпѣть. Государиня изволила опять отъехать изъ С. П. Бурха.

14. Государь великій князь съ государинею великою княгинею отъехали въ Петергофъ. Господинъ обозный съ Гудовичемъ были у генерала аншефа, семеновского полку подполковника и кавалера Стефана Ѳедоровича Апраксина за Іваномъ Василіевымъ синомъ Мировичемъ [228]) съ прошеніемъ о опредѣленіи его въ гварнізонъ глуховскій.

15. Обѣдни слушали въ Невскомъ монастирѣ, а потомъ обѣдали у архіерея и архимандрита тамошнего, преосвященного Ѳеодосія Яновского, купно съ преосвященнымъ великопермскимъ Варлаамомъ, а оттоль возвратясь, занемогъ я на колку въ правомъ боку.

16 и 17 числа жестоко не домагалъ на колку-жъ. За книжку «Зерцало юности» дано перепліотчику 20 к. Взялъ у Якова Дмитріевича Рожевского 150 рублей и на оные деньги далъ ему писмо, такожъ о пріемѣ тихъ денегъ и до судіи енералного Якима Горленка писалъ. Сотникъ Андрей Горленко отъехалъ.

18. Изъ оныхъ денегъ далъ въ позыку швагру моему Александру Корецкому сто рублей, а 42 р. и 40 к. вручилъ ему на покупку въ Москвѣ карети или берлина, да шоръ пари со всѣмъ и двохъ паръ скоржовыхъ пасовъ. Да у него швагра за червоные 45 взятые даны ему 101 р. 50 к. Гудовичъ отъехалъ въ Петергофъ, которому вручилъ я и унѣверсалъ подлинный на Чаусы, и челобитную, и меморіалъ о жалованной грамотѣ.

19. Писма до жены въ домъ о посилки, чрезъ швагра Александра посилаючейся, до швагра Ѳедора Корецкого объ отъездѣ брата его отселя въ Москву, до управителя дому Толстыхъ Іосифа Яковлевича Красінского объ отдачи моихъ, у него имѣючихъся за 72 ведра вина, денегъ 57 р. 60 к. швагру Александру на помянутіе покупки, изъ меморіаломъ тому-жъ швагру оного Красінского

---

[228]) Повидимому, сынъ Вас. Ив. Мировича, отъ перваго его брака съ Анной Конст. Мокіевскою, Василій Мировичъ былъ сосланъ въ Сибирь около 1716 г. и тамъ женился въ другой разъ, оставивъ отъ этого брака сына Степана, о выѣздѣ котораго изъ Сибири говорится въ дневникѣ *19 августа*. Объ этихъ Мировичахъ см. Мазепа и Мазепинцы, стр. 690—695.

токмо о моихъ у него имѣвшыхся запасахъ, приложены и вручены Александру Корецкому, купно съ посилаючимися вещами и книгами въ домъ, которій, купно съ канцеляристомъ Максимовичемъ, и при немъ Степанъ Васильевъ синъ Мировичь, изъ Сибіра свобожденный, до Малороссіи послѣ полудня отъехали на наіомныхъ подводахъ, 3-хъ парахъ, пара по 12 р. 50 к.

20. Были съ г. обознымъ генералнимъ въ дворцѣ на службѣ Божой. Послѣ полдня былъ у насъ кофишенкъ Саблуковъ, а надъ вечеры возвратилъся зъ нѣчимъ Гудовичь зъ Петергофа.

21. За Библію полскую, въ академіи купленную, дано 1 р. 50 к. Въ прошедшыхъ числехъ на разные экспенси розышлось 76 к. За бумажный платокъ 38 к., за оправу книжки полской 10 к., за оправу зажигателного стекла въ дерево 25 к.

22. Яковъ Дмитріевичь Возжинскій у насъ обѣдалъ.

23. На писмахъ о нѣкоторомъ спорномъ гаю, сочиненныхъ отъ бунчукового товарища Василія Гудовича и Іліи Журмана, по прошенію ихъ обоихъ, я и обозный генералный Лизогубъ во свѣдителество подписались и печати приложили.

24. Писалъ къ женѣ о занятыхъ здесь денгахъ 150 р., чтобъ оные велѣла отдать въ Глуховѣ судіи енералному Горленку, и тамъ включилъ двѣ росписки за рукою швагра Александра Корецкого, которому даны въ займы 100 рублей, да 42 р. 40 к. на покупки въ Москвѣ, и то мое писмо отослалъ къ Журману для отсилки по почтѣ въ Стародубъ.

Данъ отъ насъ пашпортъ жителю Стародуба Дмитру Зозулченку о свободномъ пропускѣ его до Глухова и о немъ-же писали до старшины енералной.

Писано отъ мене писмо въ Киль до отца Якова Чурнуцкого въ отвѣтъ на его писмо, якое получено мною чрезъ отца Никанора. Івану Кухтику куплены двѣ сорочки за 73 к.

25. Обѣдали у Журмана на Смолномъ государини дворѣ и тамъ-же стрѣляніемъ зъ лука забавлялись.

26. Vacat. 27. Тоже. 28. Купленъ столикъ круглій на одномъ столпику, дано за оный 36 коп. Секретарь Новоторжцевъ рано былъ у насъ.

29. Писано писмо въ Киль до Івана Політики на его писмо ко мнѣ о состояніи и всякихъ прогрессахъ сина моего писанное,

Кіевъ. Типографія А. Давиденко, арендуемая Л. Штамомъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XV.

Августъ.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го іюля 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

III.

НАЙМИЧКА.

Между городомъ Кременчугомъ и городомъ Ромнами лежитъ большая транспортная или чумацкая дорога, называемая Ромадоновымъ шляхомъ. Откуда она взяла такое названіе,—это покрыто туманомъ неизвѣстности; чумаки же разсказываютъ вотъ какую былицу.

Жилъ въ городѣ Крюковѣ, что за Днѣпромъ, противъ Кременчуга, такъ въ этомъ городѣ Крюковѣ жилъ богатый, неисчислимо богатый чумакъ Романъ. Каждое Божіе лѣто отправлялъ онъ двѣ *валки*, по крайней мѣрѣ, возовъ въ двадцать каждая, одну на Донъ за рыбою, а другую въ Крымъ за солью. Къ первой Пречистой чумаки, его наймиты, возвращалися въ городъ Крюковъ. Часть добра сваливалась въ его коморахъ, а съ другою половиною добра онъ уже самъ отправлялся въ городъ Роменъ, съ своею «валкою», а шелъ онъ вотъ какою дорогою: сначала на Хоролъ, такъ что ему Золотоноша оставалася вправо, а Веселый Подолъ влѣво, потомъ изъ Хорола на Миргородъ, изъ Миргорода на Лохвицу, а изъ Лохвицы уже въ Роменъ; такъ, посудите сами, какой онъ кругъ всегда давалъ! И для почтаря это чего нибудь да стоитъ, а про чумака и говорить нечего. Вотъ онъ однажды, продавши на роздробь и частку гуртомъ свое добро въ городѣ Ромнахъ, думалъ было возвращаться домой, да пріостановился не на долго около корчмы, около той самой корчмы, что и теперь стоитъ за городомъ Ромнами, подъ вербами, на лохвицкой и зиньковской дорогѣ и на Ромодано-

вомъ шляху. А тутъ уже подъ вербами, около корчмы, стояло десятокъ, другой чумацкихъ возовъ распряженныхъ, а кой-гдѣ подъ возами сидятъ себѣ люди добрые да горилку кружаютъ.

Вотъ онъ остановился съ своею худобою, снялъ шапку, помолился Богу и, обратившись къ чумакамъ. сказалъ:

— Благословите, панове молодци, волы попасать!

Чумаки ему отвѣтили такъ:

— Боже благослови, велике поле! и принялись за свое дѣло; а онъ, оставя волы въ ярмахъ, пошелъ въ корчму, говоря: «я только чвертку выпью».

Заходитъ въ корчму, а тамъ шинкарочка точно на картинѣ намалевана, будто шляхтянка какая. Чумакъ Романъ былъ уже хотя и не молодой чумакъ, одначе въ немъ сердце заиграло, глядя на такую кралю. Краля это смекнула, да усмѣхнувшись и спрашиваетъ его:

— А чего вамъ хорошаго надобится, господа чумаче?

Она таки умѣла и по московски слово закинуть.

— А вотъ чего мнѣ надо, моя добродѣйко: кварту горилки, да двѣ кварты меду, да сама сядь коло мене.

— Добре, сказала шинкарка и, наливши ему кварту водки, пошла въ лёхъ съ поставцемъ и принесла меду.

Сидитъ чумакъ Романъ въ концѣ стола, закуривши свою чумацкую люльку, а около его сидитъ молодая шинкарочка да смотритъ на его сѣдые усы своими голубиными глазками; пьетъ чумакъ Романъ, кружаетъ онъ серебряною чарою горилку горькую, а шинкарочка молодая золотымъ кубкомъ медъ сладкій. Долго они вдвоемъ себѣ сидѣли, пили, разныя пѣсни пѣли; на дворѣ уже стемнѣло, а они сидятъ себѣ, пьютъ и поютъ; уже и темная ночь на дворѣ, уже бы чумаку и въ дорогу пора, а онъ сидитъ себѣ да пьетъ. Уже и полночь на дворѣ, а онъ все таки сидитъ и пьетъ, а шинкарочка знай наливаетъ, а волы бѣдные въ ярмахъ стоятъ. Вотъ уже и «чипига» и «волосожаръ» за гору спрятались, и зорница взошла; чумакъ Романъ какъ бы опомнился, взялъ шапку и люльку и вышелъ изъ корчмы, легъ въ возъ, накрылся свитою и едва проговорилъ: «собъ, мои половые!»

Волы двинулись, взяли *собъ* и пошли чистымъ полемъ, а не лохвицкою дорогою. Неизвѣстно, долго-ли они такъ шли и долго-ли

чумакъ Романъ спалъ, только онъ проснулся уже въ городѣ Кременчугѣ. По его слѣду поѣхали другіе чумаки и пробили широкую дорогу и назвали ее Романовымъ шляхомъ, а почему его зовутъ Ромоданомъ, этого чумаки не знаютъ.

Таково слово въ слово сказаніе народа о Ромодановской дорогѣ.—Не улыбайтесь добродушно, мой благосклонный читатель; я и самъ плохо вѣрю этому сказанію, но, по долгу списателя народнаго быта, долженъ былъ упомянуть о семъ досужемъ вымыслѣ народа.

Ближе къ истинѣ полагать можно вотъ что о происхожденіи Ромодановскаго шляху. Не былъ ли его пролагателемъ князь Григорій Ромадановскій, который въ 1686 году водилъ московскую рать подъ Брусяную гору, чигиринскую резиденцію неукротимаго гетмана Петра Дорошенка. Я думаю, это будетъ правдоподобнѣе. Но кто-бы не проложилъ эту дорогу, намъ, правду сказать, до этого дѣла нѣту, а заговорили мы о ней потому, что описываемое мною происшествіе совершается по сторонамъ ея.

Но чтобы вы полное имѣли понятіе о Ромодановской дорогѣ, то я прибавлю вотъ что.

Примѣчательна эта дорога тѣмъ, что, начиная отъ Ромна и до Кременчуга, не касается она, на разстояніи 300 верстъ, ни одного города, ни мѣстечка, ни села, ни даже хутора, а лежитъ себѣ чистымъ, ровнымъ, злачнымъ полемъ. Только кой-гдѣ стоятъ корчмы съ огромными стодолами и глубокими колодезями, построенными собственно для русскихъ извощиковъ,—наши чумаки никогда не останавливаются въ корчмахъ, а по сторонамъ ея часто встрѣчаются земляныя укрѣпленія разной величины и формы, поросшія «періемъ». Нерѣдко виднѣются и курганы, совершенно круглые, сажень 50 въ діаметрѣ; есть и больше и меньше, всегда съ выходами двумя, тремя и четырьмя, смотря по величинѣ кургана. Ихъ простой народъ называетъ просто *могилами*; есть и такія насыпи (и это самыя большія), которыхъ и форму опредѣлить нельзя; это валы разной величины и въ разныхъ направленіяхъ. Думать надо, что форма этихъ шанцевъ впослѣдствіи испорчена корыстолюбивымъ и любопытнымъ потомствомъ. Не помню, кто именно пробовалъ добывать селитру изъ Орельскихъ земляныхъ укрѣпленій, или такъ называемой линіи, построенной Петромъ первымъ, между Днѣпромъ и Дономъ, на берегу рѣки Орели; но ре-

зультаты оказались совсѣмъ неудовлетворительны. Можетъ быть, что и описываемые мною курганы были пробованы какимъ нибудь любителемъ селитры—Ходаковскимъ въ нѣкоторомъ родѣ; не знаю, пускай про то вѣдаетъ антикварій. Нужно еще прибавить, что всѣ эти такъ называемыя могилы имѣютъ свои названія, какъ-то: *Няньки*, *Мордачевы*, *Королевы* и т. д.; послѣднія, быть можетъ, окопы Карла XII, потому что онъ въ этихъ мѣстахъ когда-то шлялся съ своими синекафтанными шведами.

Я одначе во зло употребляю терпѣніе моихъ благосклонныхъ слушателей: разносился съ своимъ Ромоданомъ, какъ дурень съ писаною торбою, наговорилъ, что твоя «перекупка» съ бубликами, а о самомъ-то дѣлѣ не сказалъ еще ни слова.

Недалеко отъ Ромодановскаго шляху, по правую сторону (ѣдучи изъ Роменъ) лежитъ широкая прекрасная долина, окруженная невысокими холмами, уставленными, какъ будто сторожами, столѣтними дубами, липами и ясенями; вдоль широкой долины извилисто вьется бѣлою блестящею полосою Сула. По берегамъ ея стоятъ, распустя свои зеленыя косы, старыя вербы иόерესты. Вдоль берега Сулы растянулось большое село, закрытое темными зелеными садами; только кой-гдѣ изъ густой зелени прорѣзывается бѣлое пятнышко—это бѣлая хата съ соломяною крышею. Таковъ видъ всѣхъ почти селъ въ Малороссіи, съ большимъ или меньшимъ количествомъ вѣтряныхъ мельницъ. И какъ привѣтливо машутъ они своими крылами утомленному путнику, предлагая гостю пріятный отдыхъ въ своихъ зеленыхъ благоухающихъ садахъ.

Солнце близилося къ горизонту и золотило своимъ желто-багровымъ свѣтомъ и безъ того золотыя, уставленныя копнами, поля благодатнаго села. Широкая долина покрылася прозрачнымъ свѣтло-фіолетовымъ туманомъ и спрятала прекрасную линію своего горизонта въ туманъ. Сула зардѣлася матовымъ румянцемъ, какъ загорѣвшая на солнцѣ молодая жница при встрѣчѣ съ милымъ косаремъ своимъ. По желтому пурпуровому мату извилистой Сулы кой-гдѣ тянулися за рыбачьимъ челнокомъ свѣтлыя блестящія струйки,—тянутся и пропадаютъ въ темно зеленомъ очеретѣ. Вербы и вязы еще ниже наклонилися къ водѣ, какъ-бы оплакивая умирающій день. Въ такую-то вечернюю пору возвращалися въ село съ поля молодыя прекрасныя жницы. И какъ въ этотъ день жнива

были окончены, то онѣ, каждая для себя и для освященія въ церкви, сплели вѣнокъ изъ колосьевъ пшеницы, жита и васильковъ и, увѣнчавшись вѣнкомъ, возвращались съ пѣснями къ вечеру въ село, выбравъ сначала изъ среды себя царицу, чтобъ было кому пѣсни припѣвать. Впереди всѣхъ ихъ, тихо выступая, шла прекрасная царица «свята», стыдливо, какъ бы отъ тяжести вѣнка, опустила на грудь свою прекрасную смуглую голову, укрытую золотистымъ вѣнкомъ и распущенною черною косою; въ рукахъ у нея былъ серпъ и небольшой снопъ жита, перевитый зеленою березкою,—настоящая Церера. За нею шли дѣвушки и пѣли въ честь ея свои заунывныя пѣсни; за дѣвушками шли молодые косари съ косами (они косили отаву на Сулѣ) и скромно вторили имъ. И вся эта картина была освѣщена заходящимъ раскаленнымъ солнцемъ. Прекрасная, умилительная картина! А подойдите вы къ этой картинѣ поближе, всмотритесь въ нее повнимательнѣе, и вы увидите на ея свѣтломъ розовомъ фонѣ такія пятна, что невольно отворотитесь, и на унылыя мелодическія пѣсни этихъ прекрасныхъ жницъ вы горько улыбнетесь и закроете уши.

Живуча и дѣятельна натура человѣка! Съ утра до вечера на солнцѣ, безъ малѣйшей тѣни, съ утра до вечера, согнувшись, жнетъ бѣдная жница, и что же? Насталъ вечеръ, идетъ домой, поетъ, а дома не успѣла повечерять, опять на улицѣ или въ саду, и опять поетъ и поетъ, не умолкая, до разсвѣта; съ разсвѣтомъ опять за серпъ и на ниву, и снова цѣлый день на солнцѣ, согнувшись цѣлый день, какъ ни въ чемъ не бывало.

О агрономы—филантропы! выдумайте вы, вмѣсто серпа, какую нибудь другую машину: вы этимъ окажете величайшую услугу обреченному на тяжкій трудъ человѣчеству.

Группы косарей и жницъ съ своею прекрасною царицей, отраженныя въ свѣтлыхъ струяхъ Сулы, медленно приближались къ селу. На встрѣчу имъ выбѣжали дѣти и вышли съ грудными младенцами матери, встрѣчая и поздравляя взрослыхъ дѣтей своихъ съ благополучнымъ окончаніемъ озимыхъ жнивъ, мать же прекрасной царицы со слезами благодарила дѣвушекъ за оказанную честь ея дочери и просила всѣхъ до своей хаты на вечерю. Дѣвушки, войдя въ село, значительно переглянулись между собою, а молодые косари нахмурили свои черныя брови. Чтобы это значило?

А вотъ что! и тѣ и другіе замѣтили около нѣкоторыхъ воротъ вѣхи.

Какое же имъ дѣло до вѣхъ? вы скажете.—О, имъ великое дѣло до этихъ зловѣщихъ маяковъ!

Когда вы въѣзжаете въ малороссійское село и видите у воротъ на высокомъ шестѣ нѣсколько соломяныхъ кисточекъ, это значитъ, что въ селѣ не пѣхота, а кавалерія квартируетъ. Вѣхи означаютъ конюшню, а число соломяныхъ кисточекъ—число лошадей на конюшнѣ. Въ описываемое мною село пришли еще только квартирьеры, назначили квартиры и разставили вѣхи для конюшенъ.

Вздрогнуло сердце не одного черноброваго косаря при видѣ этихъ зловѣщихъ вѣхъ. Не одинъ изъ нихъ припомнилъ страшные, трагическіе разсказы про безталанныхъ покрытокъ. А жницы! О мои родныя жницы, никакія кровавыя драмы васъ не научатъ! Новина—вашъ проклятый идолъ, передъ которымъ вы кладете все, часто честь, а за нею и жизнь свою безталанную!

Съ поклономъ и честію встрѣтилъ жницъ сѣдоусый Власъ, отецъ прекрасной Лукіи и просилъ ихъ милостиво зайти къ нему въ оселю и повечерять, что Богъ далъ.

Жницы съ пѣснями вошли на дворъ, а на дворѣ уже на зеленомъ спорищѣ была разостлана большая бѣлая скатерть. Дѣвушки, по приглашенію хозяина и хозяйки, сѣли вокругъ скатерти, а царица «свята», снявши золотой тяжелый вѣнокъ свой и завернувъ вкругъ головы кое-какъ свою роскошную черную косу и засучивъ широкіе рукава своей рубахи, приняла отъ матери графинъ съ водкою и начала потчивать своихъ подругъ.

Впродолженіи ужина отецъ и мать Лукіи сидѣли на призбѣ и любовалися своей единственной прекрасной дочерью. Черезъ край полною щастія жизнію билось ихъ сердце, глядя на свою Лукію. А она, какъ привѣтливая хозяйка и услужливая работница, угощала подругъ своихъ со всею прелестію наивной простоты.

Послѣ вечери дѣвушки, помолясь Богу и поблагодаривъ хозяина и хозяйку и свою молодую подругу за вечерю и взявши вѣнки, чинно вышли на улицу. А на улицѣ подъ частоколомъ и подъ вербами дожидали ихъ ихъ чернобровые косари.

— Иди и ты, моя доненько, на улицю, поспивай съ дивчатами.

— Не хочеться мени, моя мамо!

— Чому жъ тоби не хочеться, мое серденько? може ты утомилась, то ляжъ, засни.

— Я ляжу спать, мамо.

— Постривай же, я тоби постє́лю постелю.

И мать послала постель своей утомленной дочери и перекрестя уложила ее спать. Лукія, утомленная дневнымъ трудомъ и вечернимъ щастіемъ, немного повертѣвшись на постелѣ, заснула.

А усталыя подруги ея всю ночь простояли съ своими чернобровыми косарями подъ вербами и подъ калинами, припѣвая·

Выйди Грицю на улицю
И ты Коваленку,
Постоимо пидъ вербою
Въ купочци тихенько.

Если-бы на завтрашній день не вступили драгуны въ село, то вся-бы эта исторія могла и кончиться одной идилліей; а драгуны только что вступили, сейчасъ завязали драму. Вслѣдствіе чего и прошу моихъ слушателей пропустить мимо ушей по крайней мѣрѣ годъ и обратить снисходительное вниманіе на картину слѣдующаго содержанія.

Верстахъ въ пяти, а можетъ быть и больше, по лѣвую сторону Ромодановскаго шляху (изъ Роменъ же ѣдучи), какъ разъ противъ описаннаго мною села, лежитъ пологая широкая равнина, такая широкая и длинная, что горизонтъ ея въ туманѣ теряется, а въ лѣтніе жаркіе и тихіе дни то бываютъ и миражи, какъ будто бы въ необитаемыхъ безплодныхъ и безводныхъ степяхъ киргизскихъ. Вся эта долина испещрена разноцвѣтными нивами и уставлена темными могилами, формою и величиною похожими на тѣ могилы, что между Кіевомъ и Васильковымъ на Бѣлокняжемъ полѣ. Я это говорю потому, что изъ Кіева въ Одессу болѣе проѣхало людей интересующихся отечественными древностями, нежели изъ Роменъ въ Кременчугъ. Ромодановскимъ шляхомъ, какъ извѣстно, ходятъ только одни чумаки, а чумакъ простой человѣкъ, какое ему дѣло до какихъ бы то ни было могилъ? Онъ можетъ только задать себѣ вопросъ: «чіимъ то трупомъ васъ начинено?» или, задумчиво глядя на темныя могилы, запоетъ однозвучно, монотонно. Такъ вотъ на этой-то равнинѣ, между угрюмыми могилами и пестрыми

нивами зеленѣетъ небольшой гай (роща), какъ бы оазисъ въ пустынѣ аравійской; это хуторъ богатого козака Якима Гирла.

Подойдемъ же мы ближе къ хутору и посмотримъ на красоту его безъискусственную и на жизнь его хозяина. Для насъ это путешествіе тѣмъ болѣе необходимо, что на этомъ уединенномъ хуторѣ будетъ продолжаться предлагаемая драма.

Весь хуторъ съ фруктовымъ садомъ и гаемъ занимаетъ не болѣе пяти квадратныхъ верстъ и окопанъ глубокимъ и широкимъ рвомъ, а ровъ усаженъ вовругъ всего хутора крижовникомъ. Ворота не досчатыя, какъ это бываетъ у постоялыхъ русскихъ дворовъ, а обыкновенныя простыя, по сторонамъ ихъ дубовые массивные столбы и по нѣсколько частоколинъ, да у глухого конца воротъ старая, широко-вѣтвистая верба, какъ-бы заслоняющая отъ недобраго глаза благодатный хуторъ. Войдя на дворъ хутора, вы увидите съ правой стороны большую клуню, обставленную полускирдами разнаго хлѣба, по лѣвую сторону воротъ загороды съ сараями для разной скотины, а за клунею невдалекѣ, подъ старыми берестами, двѣ дубовыя коморы и возовня; напротивъ коморъ лёхъ съ желѣзными дверями, и въ самомъ концѣ двора подъ липами бѣлѣетъ хата, снопками крытая на польскій ладъ. За хатою идетъ уже садъ съ разными породами яблонь, грушъ, сливъ, вишень, черешень и даже три старыхъ дерева грецкихъ орѣховъ, вывезенныхъ изъ Крыму еще дѣдомъ Якима Гирла; по серединѣ сада колодезь съ колесомъ и навѣсомъ, а за садомъ, въ гаю, на небольшой полянѣ. пасѣка съ куренемъ и погребомъ для пчелъ, а тамъ уже дубы, липы, березы и всякое дерево до самаго рва. А за рвомъ уже былъ небольшой ставочекъ, и около него огородъ, окруженный небольшимъ рвомъ и усаженный кукурузою и подсолнечниками, а баштанъ былъ немного подальше въ полѣ.

Такъ такой-то благодатный хуторъ у стараго козака Якима Гирла.

А какимъ добромъ наполнены его дубовыя коморы и лёхъ, и разсказать нельзя!

А чумаки его, гдѣ они на свѣтѣ не ходятъ! и въ Крыму, и на Дону, и въ Одессѣ, а про Кіевъ и говорить нечего.

Разъ было взялся онъ поставить песокъ сахарный въ самую Москву, только Москва шутить не любитъ съ нашимъ братомъ

хохломъ, такъ что онъ едва съ парой воловъ домой пришелъ, и съ тѣхъ поръ, если ему ненарокомъ кто скажетъ слово про Москву, то просто изъ хаты выгонитъ, а если въ гостяхъ услышитъ такое слово, то надѣнетъ шапку и, не прощаясь съ хозяиномъ, уѣдетъ на свой хуторъ. Якимъ Гирло, какъ видно, былъ человѣкъ не такъ себѣ, не всякому давалъ себѣ ступать на пяты.

Это было въ августѣ мѣсяцѣ: въ воскресенье, такъ около полудня, Якимъ Гирло вышелъ изъ хаты и сѣлъ на призбѣ; онъ былъ человѣкъ уже не молодой, но свѣжій и здоровый, усы и чубъ были не то что сѣдые, а сѣрые; рубаха на немъ чистая, бѣлая; шаровары тоже бѣлые; онъ не любилъ разныхъ московскихъ китаекъ и носилъ все бѣлое; сапоги на немъ добрые юфтовые; взглянувши на него разъ, то можно сказать, что это человѣкъ достаточный: въ лицѣ что-то есть такое.

Вскорѣ за нимъ вышла и жена его Марта, женщина лѣтъ сорока, а можетъ и больше, чисто и хорошо одѣтая, въ желтыхъ юфтовыхъ сапогахъ, въ плахтѣ и шелковой красной юпкѣ, хоть-бы и на старухѣ, такъ было-бы къ лицу.

Вынесла Марта сначала скамейку, покрытую килимкомъ, и поставила ее передъ мужемъ, а потомъ ужъ вынесла миску съ варениками и тарелку со сметаной, и все это поставила на временномъ столѣ передъ мужемъ, и сама сѣла около него.

— Нумо полудновать, Якиме!—сказала она мужу.

Якимъ, перекрестясь, сказалъ:

— А полудновать, такъ и полудновать! Господи благослови!

И съ этимъ словомъ расправилъ свои сѣрые усы и взялъ вареникъ.

Послѣ вареникoвъ Марта вынесла миску сливъ и желтую душистую дыню; покушали и сливъ и дыни немного. Послѣ полдника Марта убрала всё и сѣла опять на призбѣ около своего мужа; долго они сидѣли молча, наконецъ Марта заговорила.

— Что-то долго не видать чумаковъ нашихъ съ рыбою!

— Да что-то долго не видать!

И Якимъ замолчалъ: ему какъ-бы не хотѣлося продолжать разговора; впрочемъ онъ вообще былъ не говорливъ.

Немного погодя Марта опять заговорила:

— Я все думаю, Якиме, кому-то мы послѣ себя добро свое оставимъ? Не даровалъ намъ съ тобою Господь ни дочери, ни сына, такъ и помремо одиноки.

— Такъ что-же что помремо? Люди добрые похоронятъ, а добро поживутъ!

— Конечно, поживутъ; никуды оно не дѣнется, а все-таки лучше, еслибъ было свое родное дитя.

— Такъ гдѣ же его взять, коли Господь прогнѣвался на насъ за грѣхи наши.

— Да, прогнѣвали мы милосерднаго Господа, не утѣшилъ онъ ледачую старость нашу! Такъ и гробовой доской покроемся, и некому будетъ отъ души заплакать, и некому будетъ помянуть наши души грѣшныя!

— Знаешь что, Якиме! поѣду я завтра въ Бурта да отвезу отцу Нилу на сорокоустъ и за твою, и за свою душу; пускай отслужатъ, когда помремо.

— Ты заговоришь всегда такое, что просто не слушалъ бы тебя. Ну, скажи таки, умная ты голова, кто живой человѣкъ по своей душѣ сорокоусты правитъ?

— Нѣту, Якиме, не по живой душѣ, а по усопшей, а это я думаю сдѣлать для того, чтобы послѣ не остаться безъ поминовенія.

— Богъ милостивъ, не останешься! а я вотъ что думаю: что-то наша челядь изъ села долго не возвращается.

— Цыть, цыть, Якиме! чуешъ! о, ще разъ!

— Что тамъ еще разъ.

— Чуешъ!... дитина плаче....

— Такъ и есть, за воротами.

— Пойдемъ, посмотримъ, Якиме.

— Ходимо.

И не по лѣтамъ бодро встали съ призбы и пошли къ воротамъ.

Кто же раскажетъ радость старой Марты и Якима, когда они увидѣли подъ перелазомъ дитя, окутанное старой сѣрой свиткой и головка прикрытая зеленымъ широкимъ лопухомъ!

— Якиме! только могла проговорить старая Марта, всплеснувъ руками.

А старый Якимъ, снявши бриль, молился Богу.

— Якиме! сказала Марта, взявши ребенка на руки, посмотри, какое здоровое да хорошое!

Якимъ взялъ ребенка на руки и сказалъ:

— Пойдемъ въ хату! оно бѣдное голодное.

И они пошли въ хату съ своею дорогою ношею.

Пришедши въ хату, Якимъ бережно положилъ младенца на столъ, досталъ съ полки псалтирь (онъ былъ грамотный) и, перекрестясь трижды, прочиталъ псаломъ: *Живый въ помощи Вышняго.* Потомъ взялъ младенца въ руки и, передавая его Мартѣ, сказалъ: «паче ока береги его»!

Марта, перекрестясь, приняла его и положила на подушку.

— Посмотри за нимъ, Якиме, пока я молока принесу.

Принесши молока, Марта принялась кормить младенца, а Якимъ вышелъ на дворъ, нашелъ въ сараѣ ночвы и сталъ прилаживать къ нимъ веревки. Черезъ полчаса принесъ онъ въ хату, къ немалому удивленію Марты, готовую колыску. Остатокъ дня прошелъ для нихъ незамѣтно. Къ вечеру, когда ребенокъ заснулъ въ своей скороспѣлкѣ-колыскѣ, Марта, позабывъ, что было воскресенье, достала тонкаго полотна изъ *бодни* и принялася кроить маленькія рубашки.

Возвратившаяся изъ села челядь разсказывала, что они видѣли на могилѣ какую то молодыцю; сначала она пѣла какую то пѣсню и заплакала, «а когда мы перекрестилися, то она исчезла; должно быть, нечистая сила и въ могилу провалилася», такъ закончила свой разсказъ Марина, дѣвка не робкаго десятка.

На другой день до восхода солнца Якимъ заложилъ въ бричку пару добрыхъ коней, помостилъ въ бричкѣ сѣна и покрылъ его килимомъ, сѣлъ въ бричку и поѣхалъ въ село Бурта за отцомъ Ниломъ.

Проѣзжая мимо могилы, онъ увидѣлъ въ утреннемъ туманѣ на могилѣ женщину; она была лицомъ обращена къ его хутору. Онъ посмотрѣлъ на нее, остановилъ коня и громко сказалъ:

— День добрый, молодыце!

— Спасыби! отвѣчала женщина

— Что ты тутъ дѣлаешь, молодыце?

— Вчора корову загубила, такъ смотрю сегодня, не пасется-ли гдѣ?

— Ну добре, оставайся здорова!

— Спасыби.

Якимъ дернулъ возжами, и добрые кони понесли его шляшкомъ черезъ поле.

Къ обѣду Якимъ возвратился на хуторъ съ отцемъ Ниломъ и съ отцемъ діакономъ. Отдохнувши немного подъ хатою и освѣжившись «закрепленымъ» березовымъ сокомъ, отецъ Нилъ вошелъ въ хату, сначала прочиталъ младенцу молитву и нарекъ его Маркомъ, потомъ съ отцемъ діакономъ совершилъ обрядъ святого крещенія. Воспріемниками были Якимъ и счастливая Марта. До самой субботы гостилъ отецъ Нилъ и діаконъ у Якима на хуторѣ, да и не они одни, а много таки добрыхъ людей набралося на Марковы крестины.

Прошелъ мѣсяцъ послѣ крещенія Марочка (такъ называла его Марта), и на хуторѣ Якима Гирла ничего особеннаго не случилось, развѣ только что вскорѣ послѣ крестинъ чумаки пришли изъ Дону; но это происшествіе весьма обыкновенное, хотя, правду сказать, наблюдательный умъ и въ этомъ обыкновенномъ случаѣ наберетъ много пищи, какъ на ничтожномъ цвѣткѣ трудолюбивая пчела. Особенно въ первые дни послушать досужаго чумака, какъ онъ примется разсказывать за чаркою горилки, какія онъ безконечныя степи проходилъ, изъ какихъ бездонныхъ крыницъ волы поилъ, по сколько сутокъ самъ безъ воды и хлѣба пропадалъ, какіе города видѣлъ, какія на какой рѣкѣ переправы имѣлъ, какіе гдѣ народы видѣлъ,—просто волосы дыбомъ станутъ, когда послушаешь. Но у Якима Гирла не было такого досужаго чумака, слѣдовательно не было и повѣствованія о мудреныхъ чумацкихъ приключеніяхъ.

Сентябрь мѣсяцъ проходилъ и, проходя черезъ хуторъ, красилъ своимъ дуновеніемъ зеленый гай разными золотыми и красными красками. Такъ издали ежели посмотрѣть на гай, то кажется какъ будто онъ покрытъ дорогимъ разноцвѣтнымъ ковромъ, особенно при закатѣ или при восходѣ солнца. На могилѣ близъ хутора почти каждое утро и вечеръ челядь видѣла таинственную молодыцю и начали поговаривать, что это что нибудь не просто. А оно было очень просто: бѣдная эта молодыця была никто иная, какъ покрытка и мать маленькаго Марочка. Она сердечная не могла оторваться отъ того мѣста, гдѣ выростало ея бѣдное, ея прекрасное

дитя. Сколько разъ она приходила по ночамъ къ самому хутору, обходила кругомъ его, проводила ночи безсонныя во рву, или по воскресеньямъ, когда челядь уходила въ село, она невидимкою подкрадывалася къ самимъ воротамъ, чтобы услышать хотя одинъ звукъ своего милаго дитяти. Сколько разъ она покушалася войти на дворъ и выпросить назадъ, или наконецъ украсть свое дитя, потому что ей безъ него не можно было жить на свѣтѣ, безъ него хлѣбъ не ѣлся, вода не пилася, солнце Божіе не свѣтило и не грѣло. Послѣ измѣны своего улана обольстителя, вся любовь ея, всѣ нѣжнѣйшія чувства уничиженной матери были сосредоточены на немъ одномъ, на своемъ сиротѣ дитяти. А оно бѣдное въ чужихъ людяхъ, на чужихъ рукахъ засыпаетъ, чужой грудью питается, безъ любви, безъ сердечнаго материнскаго поцѣлуя. Любовь матери превозмогла и страхъ и стыдъ: она рѣшилась во что бы то ни стало войти на хуторъ, рѣшилась и дожидала толкко воскресенья, когда людей меньше будетъ на хуторѣ.

Въ воскресенье, пообѣдавши и, разумѣется, отдохнувши, Якимъ Гирло сидѣлъ за столомъ въ своей свѣтлицѣ и читалъ изъ псалтыря: «Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завидуй творящимъ беззаконіе», а Марта, убаюкавши Марочка въ новой колыскѣ, стояла надъ нимъ долго, задумавшись, и вздохнувши сказала:

— А что я думаю, Якиме?

— А Богъ тебя знаетъ, что ты тамъ думаешь!

— Я думаю, прости меня Господи, что если нашъ Марочко, Боже насъ сохрани, умретъ, что мы тогда дѣлать будемъ?

— Я такъ и думалъ! ну не грѣхъ ли тебѣ такое все скверное въ голову забирать?

— Нѣту, Якиме, когда я на него смотрю соннаго, то мнѣ всегда такое въ голову лѣзетъ!

— Молися Богу, Марто: Богъ милосердный не попуститъ такого великого несчастія.

— Еще я думаю, Якиме, коли дастъ Богъ, доживемъ до Покровы, то поѣдемъ въ церковь, запричастимъ нашего Марочка; ему тогда будетъ какъ разъ шесть недѣль.

— Поѣдемъ, это дѣло христіанское!

— А тамъ, я думаю, за одно уже разспросить, не найдется ли

хорошая наймичка, потому что теперь, самъ видишь, намъ одной наймички мало.

— Что-жъ! что нужно, то нужно; я отъ этого не прочь.

— Да если-бы Богъ далъ, что-бы и хозяйство таки знала, тогда я бы себѣ няньчилася съ Марочкомъ, а она бы по хозяйству поралась.

Марта вздохнувши замолчала, а Якимъ перекрестясь началъ снова: *Не ревнуй лукавнующимъ...*

Черезъ нѣсколько минутъ дверь осторожно отворилась и въ хату вошла бѣдно, но опрятно одѣтая молодая женщина; она робко остановилася на порогѣ и поклонясь едва проговорила:

— Боже, помогай!

— Спасыби, небого! сказалъ Якимъ.—Садиться просимо!

Она молча сѣла на лаву у порога и молча пристально глядѣла на колыску и на Марту. Много было нужно ей душевной силы перенести эту минуту и не подать виду, что она самое близкое существо спящему Марочку.

— Что же ты скажешь хорошее, небого? спросилъ ее Якимъ.

— Я зайшла у васъ спросить, не нужно ли вамъ буде наймички?

— Нужно, голубочко, и страхъ нужно! У насъ теперь, далъ Богъ, малая дитина, такъ я все съ нею няньчуся, а хозяйство совсѣмъ заброшено.

— Такъ я бы у васъ нанялася.

— Наймись, наймись, голубочко, у насъ тебѣ худа не будетъ.

— А изъ далека-ли ты, небого?

— Изъ подъ Роменъ, дядюшка.

— Добре! а что-же ты возьмешь платы за годъ?

— А что вы платите другимъ, то и мнѣ дайте!

— Добре! мы платимо Мартоси: пятнадцать на асигнаціи, новую бѣлую свиту и шкаповые чоботы.

— Добре, и я такъ наймуся.

— Добре!—Дай вже намъ, Марто, чого небудь пополудновать.

Марта уходя сказала Якиму:

— Посмотри на Марочка; ежели оно проснется, то поколиши его.

Якимъ придвинулся на другой конецъ стола поближе къ колыбели. Марта прибавила изъ-за дверей:

— Та не бери его на свои желѣзныя руки, я сама сейчасъ вернуся.

— Разносилась съ своими панскими руками! проворчалъ Якимъ ласково прибавилъ:

— Садись, небого, на ослонъ, поближе къ столу.

— Спасыби вамъ!

И наймичка подошла къ столу и посмотрѣла на колыбель, перемѣнилася въ лицѣ и двѣ крупныя слезы скатилися съ ея исхудалыхъ щекъ. Якимъ замѣтилъ это и спросилъ:

— Что, небого, може и у тебе дитина е?

— Было, да Господь взялъ.

— Такъ, такъ, значитъ ты, небого, вдова?

— Ни, московка!... проговорила сквозь слезы наймичка.

— Такъ, такъ... а какъ тебя зовутъ, небого?

— Лукія.

Въ это время проснулся ребенокъ и заплакалъ. Старый Якимъ принялся колыхать, припѣвая:

Э... э, лю-ли
Чужимъ дитямъ дули;
А нашому калачи,
Щобъ спало въ день и въ ночи.

Бѣдная Лукія, потому что это была она, та самая счастливая, прекрасная царица непорочнаго сельскаго праздника. Бѣдная! чѣмъ отдалися въ твоемъ сердцѣ звуки твоего милаго единаго дитяти? Бѣдная! ты сама чуть не зарыдала и не запѣла вмѣстѣ съ Якимомъ; но ты силою любви твоей удержала порывъ восторга и только тихими слезами утѣшила его.

Марта возвратилась съ полдникомъ, поставила его кое-какъ на столѣ и бросилась къ колыбели.

— Цыть, цыть, мое серденько!—Ну тебе съ своимъ волчьимъ голосомъ, только моего Марочка перепугалъ.—Цыть, моя пташечко! я тоби мозючокъ дамъ!

И она сунула ребенку рожокъ съ теплымъ молочкомъ и обратилась къ Якиму:

— Чому-же ты не просишь полудновать? А коли хочешь яблокъ или дуль, то самъ сходи въ лёхъ; та за одно наточи и грушеваго

квасу, а я отъ дитины не отойду, поки воно не засне сердешнее! Ишь какъ напугалъ: и до сихъ поръ еще слезки у бѣднаго на щочкахъ. Годуйся, годуйся, мое серденько!

Якимъ, помолясь Богу, сѣлъ за столъ, пригласилъ и Лукію съ собою садиться. Послѣ нѣсколькихъ вареииковъ, онъ заговорилъ какъ-бы самъ съ собою:

— Видишь, какая на свѣтѣ правда: отдать бѣднаго одинокого человѣка въ москали, а жену сироту убогую пустить по міру; не хорошо межъ людьми дѣлается! Добро, что она еще богобоязненная, ищетъ себѣ кусокъ хлѣба трудами честными, а другая-бы на ея мѣстѣ и при ея красотѣ и молодости пропала! съ душою и тѣломъ пропала на вѣки!

— Развѣ Лукія московка? спросила Марта, вслушавшись въ слова Якима.

— Московка! отвѣтилъ Якимъ, не подымая головы.

— Безталанная! а можетъ мужъ твой, Лукіе, пьяниця, ледащо було?

— Ледащо! отвѣтила Лукія.

Якимъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на Лукію и сказалъ:

— Такъ туда-жъ ему и дорога!

— И я такъ думаю, Лукіе! сказала Марта.—Боже сохрани и заступи пресвятая Дѣво нашу бѣдную сестру, отъ лихого да ледащаго мужа! Мы вотъ съ Якимомъ, благодаря Бога, часточку прожили таки на свѣтѣ, правда... ну да съ молоду чего иногда не случается...

— Ну, завела теперь свои гусли... сказалъ Якимъ полу-шутя, полу-сурово. Да вашу сестру если не попомять хорошенько, то и добра не видать.

— Ну, да вы хороши,—негдѣ правды спрятать!.. Оттакъ всегда заговорюся съ нимъ и не вижу, что мой Марочко давно заснулъ.

Она бережно закрыла его чистою простынькою и присѣла, перекрестясь, къ столу около Лукіи, сказавши:

— Годуйся, Лукіе, ты не смотри на него! онъ у меня всегда что нибудь ворчитъ; такой ужъ зародился, никчемный.

И она взглянула ласково и усмѣхаясь на мужа. Якимъ и виду не показалъ, что замѣтилъ ея улыбку, только погладилъ усы рукою.

Полдникъ кончился, всѣ встали изъ-за стола, помолились Богу, и Марта, собирая со стола посуду, сказала Лукіи:

— Ты-бы, Лукіе, пошла въ другую хату, та отдохнула съ дороги; теперь тамъ никого нѣту, всѣ ушли въ село на музыки.

— Спасыби вамъ! я не очень устала, отвѣчала Лукія, а ей бѣдной весьма нуженъ былъ покой или по крайней мѣрѣ уединеніе.

— Ну гдѣ-же таки не устала: вѣдь, шутка сказать, отъ Липоваго до насъ будетъ, я думаю, верстъ сорокъ; какъ ты думаешь, Якиме?

— Сорокъ будетъ, отвѣтилъ Якимъ.

— Я въ Ромнѣ переночевала.

— Ну та хоть и переночевала, а спочить тебѣ все таки не пошкодитъ, сказала Марта, какъ-бы инстинктомъ угадывая душевную усталость Лукіи.

— То я пойду и отпочину немного, сказала Лукія, отступая къ порогу.

— Постой-же, я тоби покажу хату, сказала Марта и вышла въ темныя сѣни; потомъ отворила противоположную дверь свѣтлицы и ввела Лукію въ просторную чистую хату.

— Ляжъ тутъ на полу или на лавѣ, та отдохни немного, Лукіе.

— Спасыби вамъ! сказала Лукія, и Марта вышла изъ хаты, притворивши за собою дверь.

Лукія, оставшись одна, кругомъ оглянулась, какъ-бы желая увѣриться, что она одна въ хатѣ; потомъ упала на лаву и закрывъ лице руками, тихо и горько зарыдала. Она плакала не отъ горя и невѣдѣнья, ее прежде пожиравшаго, но отъ полноты душевной радости; она увѣрилась, что дитя ея здорово и что люди, принявшіе его—люди добрые.

— Господи! проговорила она: благодарю тебя, святая Заступница! благодарю тебя, моя единая Утѣшительнице!

И она снова залилась слезами, а приходя въ себя, ходила по хатѣ и тихо плакала, ломая свои исхудалыя, загорѣлыя руки.

— А какъ ты думаешь, Марто? сказалъ Якимъ своей женѣ, когда они остались одни въ свѣтлицѣ. Я думаю, что наша новобранка честнаго, хорошаго роду дочка.

— И я думаю, Якиме, сказала Марта, вытирая миску, что она честнаго роду; худого человѣка сразу угадаешь. Та видишь, она такая сумная, а може это такъ, съ дороги.

— Ни, не съ дороги, я думаю, а она безталанная, и сама знаетъ свое безталанье. Когда ты выходила за полуднемъ, то она взглянула

на Марочка и заплакала. Я спрашиваю, чего ты плачешь? а она мнѣ и говоритъ: «и у меня было дитя, та Богъ прибралъ»; такъ вотъ оно что! Бѣдная, ей только и радости, что дитя оставалося на свѣтѣ, и того Богъ лишилъ!

— А не говорила: хлопчикъ, чи дивчина?

— Хлопчикъ, сказалъ Якимъ и задумался.

Марта, поставивши миску въ мисникъ, сѣла на лавѣ и тоже пригорюнилась. Черезъ минуты двѣ молчанія, вздохнувши, Марта спросила у Якима:

— А какъ ты думаешь, Якиме: отдавать-ли намъ Марочка въ школу или нѣтъ?

— Разумная голова! подумала-ли ты, что говоришь? Теля еще, Богъ знае, гдѣ, а ты уже и довбню готовишь! сказалъ Якимъ почти сердито.

— Ну вотъ и разсердился, я такъ только сказала.

— То то вы все такъ говорите, цокотухи, а того не подумаешь, что еще Богъ пошлетъ завтра. Школа, школа возня, коли ты хочешь знать, не малая. Вотъ напримѣръ у Таранухи учили, учили сына, а вышло что? пьяниця и любостяжатель!

— Ну, ты уже когда разсердишься, то съ тобой и рады нѣту, сказала Марта, вставая со скамьи: у тебя и спросить ничего нельзя! Ну, коли не хочешь отдавать въ школу, то самъ учи.

— Я то буду учить его письма, сколько самъ, грѣшный, разумѣю, а вотъ что-бы ты его сначала научила.

— А я его чему научу? нехай соби здоровъ росте, та щаслывый буде! Мое дѣло женское, чему я его научу?

— Чему? тому, чего ты и сама не знаешь, всему доброму! Вотъ что, ты теперь у него мать, такъ учи его, когда онъ, дастъ Богъ, заговоритъ, молиться Богу, а я, посмотрѣвши, какъ онъ будетъ молиться, и письма святого выучу, и псалтирь ему свою святую, умираючи, передамъ.

— На силу договорилъ до краю! Цыть! цыть, мое серденько!

— Въ это время проснулся Марко. Марта побѣжала къ колыскѣ и, убаюкивая Марка, безсознательно запѣла:

Ой жила вдова
Та на край села;

Выгодувала сына,
Сына Ивана;
Выгодувавши до школы дала,
А зъ школы взяла...

И, взявши на руки малютку, ходила, приговаривая:

— Вотъ если-бы лѣто, то въ садокъ бы пошли, зашли бы въ пасѣку, а тамъ сидитъ старый дѣдъ—у! какой страшный! Вотъ онъ! вонъ онъ! Посмотри, какой страшный!

И она показала на Якима, сидящаго за столомъ. Якимъ молча улыбнулся.

Знаешь ли ты, видишь ли ты, безталанница, свое родное, счастливое дитя!

Видитъ и знаетъ. Она, не прислушиваясь ,слышала каждый звукъ, произнесенный старою Мартою и старымъ Якимомъ. Она въ глубинѣ души своей прозрѣвала будущее своего дитяти и отъ полноты сердечной радости благодарила всемилосерднаго Бога за ниспосланное ей счастіе!

Слѣдующіе и послѣдующіе дни текли на хуторѣ обыкновеннымъ чередомъ. Новая наймичка вскорѣ освоилась со всею челядью и всѣмъ полюбилась. Она ко всѣмъ равно была внимательна и ласкова равно со всѣми; хозяйка и хозяинъ были ею особенно довольны, особенно за любовь ея къ маленькому Марку. И дѣйствительно, онъ ни засыпалъ, ни просыпался безъ нея; она всегда находила предлогъ присутствовать при его колыбели, приносила ему пеленки теплыя, чистыя такія, что хоть бы паничу какому, такъ не въ стыдъ. Она какъ бы чуяла его пробужденіе и къ этому времени всегда у ней было готово подогрѣтое свѣжее молоко. Старая Марта не могла надивиться усердію и заботливости своей новой наймички. Еще прошелъ мѣсяцъ, и Лукія, къ не малой обидѣ старшей наймички, овладѣла всѣмъ домомъ. Сама хозяйка уступила ей всѣ хлопоты и распоряженія по хозяйству, а наконецъ и ключи отъ коморъ и лёху отдала ей, себѣ только оставила ключъ отъ скрыни, и то потому, что ей казалося неприлично хозяйкѣ не имѣть ключа. Самъ старый Якимъ, на что уже человѣкъ серьезный и несловохотливый на похвалу кому-бы то ни было, и тотъ бывало наединѣ съ Мартой иной разъ не утерпитъ и скажетъ:

— Что за благодать намъ Господь послалъ въ этой Лукіи!

— Я и сама, встаючи и ложась, молюся Богу за благодать Его святую! Ты посмотри только, Якиме: гдѣ она не поворотится, что не сдѣлаетъ, только смотри та любуйся, а ужъ до Марочка какая щирая, такъ я и не надивлюся! хоть бы и прошедшую ночь Марочко проснулся, и заплакало, бѣдное, я сплю себѣ, какъ убитая, а она, и Богъ ее знаетъ, какъ она услышала изъ другой хаты! Когда я проснулася, то она ему уже рожокъ съ молокомъ подавала, да еще и мнѣ же говоритъ; «не турбуйтеся: я и сама его присплю». Спасибо ей! такая добрая да щирая, и вотъ уже который мѣсяцъ она у насъ, а хоть бы разъ тебѣ въ село сходила. Я какъ то ей разъ въ воскресенье говорю: «да ты бы, Лукіе, хоть до церкви въ село сходила!»—«И дома, говоритъ, можно помолиться Богу, лишь-бы усердіе было!» Такая право щирая, та усердная, дай ей Богъ здоровье! Я просто паную за ея плечами.

— Да, и такое добро Богъ посылаетъ какому нибудь ледачему человѣку!

— И не говори, Якиме! Я иногда смотрю на нее, та ажъ заплачу. Чему бы тебѣ, милосердный Боже, не послать ей талану, та радости въ жизни! Хоть бы когда нибудь тебѣ усмѣхнулась или пожартовала, развѣ только съ Марочкомъ, а то всегда такая смутная та невеселая.

Подобные разговоры часто повторялись между хозяевами. Дивилися ея постоянной задумчивости, но имъ простодушнымъ и въ голову не приходила настоящая причина ея; онѝ видѣли достаточную причину быть ласковою, что-бы быть безталанною. О родѣ и племни ея они какъ-бы боялися съ нею рѣчь заводить, инстинктивно понимая, что у несчастнаго не должно спрашивать о его прежнемъ счастіи.

Поклонъ вамъ, грубые, простые люди! Вы бы своими разспросами заставляли ее врать и, значитъ, вдвойнѣ страдать, потому что она не рождена была выдумывать небывалыя исповѣди своего сердца. Она была простое натуральное, умное и прекрасное дитя природы. Она полюбила всей чистотою своего сердца уланскаго офицера за красоту его и ласковыя рѣчи. И когда онъ, наигравшись ею, бросилъ, какъ ребенокъ игрушку, то она, неразумная, только заплакала и долго, до сихъ поръ не можетъ себѣ растолковать, какъ можетъ человѣкъ божиться и послѣ соврать. Для ея

простой дѣвственной души это было не удобокразумимо, а между людьми болѣе или менѣе цивилизованными это вещь самая простая,—это все равно, что взять и не отдать.

На Рождественскихъ светкахъ хозяева поѣхали въ село навѣстить своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ и отца Нила, и отца діакона и весь причетъ церковный. Она осталася одна въ домѣ; челядь тоже отправилась въ село на музыки, кромѣ стараго наймита Савы, который и дневалъ и ночевалъ въ загородѣ съ волами. Ея счастіе было полное: она была одна съ своимъ счастливымъ сыномъ! Первое, что она сдѣлала, проводивши хозяевъ и затворивши за ними ворота, осмотрѣла внимательно весь дворъ, вошла въ хату и засунула засовомъ дверь. Марко въ это время спалъ; она подошла къ его колыбели, открыла простыньку и смотрѣла на него, пока онъ проснулся. Потомъ взяла ребенка на руки и нѣжно, глубоко нѣжно поцѣловала: ребенокъ, какъ бы чувствуя поцѣлуй родной матери, обвилъ ея сухую шею своими пухлыми рученками. Потомъ она одной рукой сняла со скрыни килимъ и разостлала его на полу, посадила на килимъ Марка и, отойдя шага на два отъ него, плакала и улыбалася на свое прекрасное дитя, потомъ сѣла на килимъ и взяла на руки Марка, нѣжно прижимая къ груди своей. О, какъ она въ этотъ мигъ была прекрасна, какъ счастлива! Какая чудная торжественная радость была разлита во всемъ существѣ ея! Что если бы могъ въ это мгновеніе взглянуть на нее ея обольститель,—онъ бы палъ передъ нею на колѣни и помолился, какъ передъ святою. Нѣтъ, его очерствѣлой, грязной душѣ недоступно подобное чувство. Долго она играла съ нимъ, подымала его выше головы своей, ставила на полъ, опять подымала и опять ставила, разговаривала съ нимъ, смѣялася, цѣловала его, плакала и опять смѣялася, словомъ она играла съ нимъ какъ семилѣтняя дѣвочка, пѣла ему пѣсни, сказывала сказки, называла его всѣми уменьшительными сердечными именами, и дитя, какъ-бы симпатизируя радости своей счастливой матери, впродолженіи дня ни разу не заплакало. И какое оно прекрасное было! Каріе большіе глазенки блестѣли, какъ алмазы, и въ нихъ много было сходства съ глазами его прекрасной матери; ихъ оттѣняли черныя длинныя рѣсницы, что и придавало имъ какое-то не дѣтское выраженіе.

Лукія и не замѣтила, какъ наступилъ вечеръ. Что ей дѣлать? Нужно вечерять варить, а Марко и не думаетъ о колыскѣ, разыгрался такъ, что его и до ночи не уложишь. Хоть бы скорѣе кто изъ села пришелъ; а то пріѣдутъ хозяева, что они скажутъ? Подумають, что она проспала весь день и весь вечеръ. Ворота заскрипѣли и на дворъ въѣхали хозяева.

Она отворила имъ дверь, жалуясь на Марка, что онъ не даетъ ей печи затопить.

— Что же онъ дѣлаетъ? все плачетъ? спросила Марта.

— Какое плачетъ! Цѣлый день хоть бы скривился, все пустуе.

— Ахъ ты волоцюго, волоцюго! сказала она, подходя къ Марку. Да ты ему еще и килимъ постлала?

— Не лежитъ въ колыскѣ, все просится на руки.

— Ахъ ты, непосидящій! постой, вотъ я тебѣ дамъ!

И снявши кожухъ и свиту, она взяла его на руки и сунула ему въ рученку позолоченный медяникъ, гостинецъ отца Нила.

Лукія принялась затоплять печь, а черезъ нѣсколько минутъ вошелъ и Якимъ въ хату, обивая арапникомъ снѣжную пыль съ смушевой новой шапки.

— Добрывечиръ! сказалъ онъ, входя въ хату.

— Добрывечиръ! отвѣтила Лукія.

— Отъ мы, благодарить Бога, и до дому вернулись, сказалъ онъ крестяся. А что нашъ хозяинъ дома подѣлываетъ? Плачетъ, я думаю, для праздника?

— Гдѣ тамъ тебѣ плачетъ! Цѣлый день покою не даетъ бѣдной Лукіи: пустуе и цѣлый день пустуе.

— Ахъ ты, гайдамака! смотри, какъ онъ обѣими ручками медяникъ загарбавъ!

И положивши на столъ узелъ, снимая свиту и кожухъ, Якимъ заговорилъ какъ бы самъ съ собою:

— Горе мнѣ съ этой матушкою Лукеріей! на дорогу таки, та й на дорогу! Вотъ тебѣ и надорожился, а тутъ еще и діаконша и тытарка со своею сливянкою. Ну, что ты съ ними будешь дѣлать? Сбили съ панталыку, окаянные, та й годи! Лукіе! покинь ты свою печь къ недоброму! иди-ка сюда!

— А что-жъ вы будете вечерять, когда я печь покину? обратясь къ нему съ рогачемъ въ рукахъ и усмѣхаясь, сказала Лукія.

— Не хочу я вечерять сегодня, та и завтра не хочу вечерять, и послѣ завтра; та и стара моя тоже вечерять не хоче; правда Марто?

— Вотъ видишь, какой разумный! Хорошо, что самъ сытый, то думаетъ, что и всѣ сыты, а Лукія, можетъ быть, бѣдная цѣлый день ничего не ѣла.

— Ну, ну, и пошла уже! Съ тобой и пожартувать нельзя.

— Хорошіе жарты выдумалъ!

— Та ну васъ, варить хоть три вечери разомъ, а я добре знаю, что не буду вечерять!

— Ото завгорить! намъ больше останется!

— Пускай вамъ остается, сказалъ Якимъ, садясь за столъ.—А засвѣти, Лукіе, свѣчку.

Лукія засвѣтила свѣчу и поставила на столъ. Якимъ, развязывая узелъ, запѣлъ тихонько:

Та вырисъ я въ наймитахъ въ неволи,
Та не було доли николи,
Та гей!...
Ой вырисъ я въ наймитахъ въ дорози,
При чужому вози въ дорози,
Та гей!...
Та чужіи возы мажучи,
Та чужіи волы пасучи,
Та гей!...

— Лукіе! брось ты тамъ свою печь, сказалъ онъ, развертывая большой красный платокъ.—Возьми соби, дочко, моя безталаннице; возьми та носи на здоровье! А вотъ и на очипокъ, а вотъ на юпку и на спидныцю; возьми, дочко моя, та носи на здоровье. Ходи ты у насъ не такъ, якъ сирота, а ходи ты у насъ такъ, якъ роменская мѣщанка, какъ нашего головы дочка. Это поносишь, другого накуплю, потому что ты у насъ не наймичка, а хозяйка: мы съ старою за твоими плечами, якъ у Бога за дверями живемо.

— Возьми, возьми, Лукіе! прибавила Марта, возьми! это мы для тебя у московскихъ крамарей купили.

— Да на что же вы покупали такое добро? сказалъ Лукія: вамъ было напрасно только деньги тратить!

— Не твои, дочко, гроши, Божи: Богъ далъ, Богъ и возьметъ, отвѣтилъ Якимъ и передалъ ей гостинцы. Лукія, принимая подарки, кланялась и сквозь слезы говорила:

— Благодарю, благодарю васъ, мои родные, мои благодѣтели!

— Вотъ такъ лучше! говорилъ весело Якимъ.—Ты намъ уже, Лукіе, послужи на старости. а мы, дастъ Богъ, по немногу съ тобою разсчитаемся. Ты видишь, мы уже люди старые; Богъ знаетъ, что завтра будетъ, а у насъ, ты видишь, дитина малая, одинокая. Ну, Боже сохрани, моей старой не станетъ, куда оно дѣнется?

— Перекрестися! что ты тамъ, какъ сычъ на комори, вѣщуешь?

— А что-жъ? все въ руцѣ Божіей!

Марта, укладывая Марка въ колыбель, тихо проговорила:

— Не слушай его, Марку! это-жъ такъ онъ отъ тытаревой сливянки.

— Что? сказалъ протяжно Якимъ.—Какъ дамъ я тебѣ сливянку, такъ ты меня будешь знать!

— Вотъ ужъ нельзя и слова сказать.

— Нельзя!

И въ хатѣ воцарилась тишина; только Марта шопотомъ напѣвала колюбельную пѣсенку, изрѣдка поглядывая на сердитаго Якима.

Вскорѣ собралися всѣ домочадцы; вечеря была готова; усѣлися всѣ за столъ въ противуположной хатѣ, кромѣ Якима, повечеряли и положилися спать. Черезъ минуту на хуторѣ все спало. Не спалъ только старый Якимъ; онъ сидѣлъ въ свѣтлицѣ за столомъ, склонивъ свою сѣрую голову на мощныя, жилистыя руки.

Долго онъ сидѣлъ молча, потомъ запѣлъ едва внятно:

Ой, волы мои та половыи,
Та чому вы не орете.

Окончивши пѣсню, онъ заговорилъ самъ съ собою:

— Пойду, непремѣнно пойду чумаковать! Да и въ самомъ дѣлѣ, что я дома высижу съ этими бабами. Кромѣ грѣха, ничего! То-ли дѣло въ дорози! товариство, степъ, могилы, города, а въ городахъ храмы Божіи, базары, купечество! Подходитъ къ тебѣ бородачъ пузатый: «по чомъ, говоритъ, чумаче, рыба или соль»?—«По тому и по тому, господа купець»!—«А меньше не можно, братецъ чумакъ?» —«Ни, говоримъ, господа купець!»—«Ну, когда нельзя, такъ и быть по сему». И гребешь соби червончики въ гаманъ.

Эхъ чумачество! чумачество! когда-то я тебя забуду? Нѣтъ, кончено; иду чумаковать, только дай Богъ дождать лѣта, а то я оттутъ съ бабами совсѣмъ прокисну!

И вставши изъ за стола, онъ долго еще ходилъ по хатѣ, потомъ остановился передъ образами, помолился Богу, досталъ псалтирь и прочиталъ псаломъ: *Господь просвѣщеніе мое: кого убоюся*, потомъ началъ сапоги снимать, приговаривая:

— Отъ безталанье: некому и сапоги снять!

Снявши сапоги, онъ погасилъ свѣчу и легъ спать, читая наизустъ молитву: *Да воскреснетъ Богъ.*

Однообразно прошла зима на хуторѣ, насталъ великій постъ; отговѣлися и постъ проводили, и Великодня святого дождали. На праздникахъ, когда хозяева уѣхали къ отцу Нилу въ гости, Лукія съ своимъ сыномъ наединѣ повторила ту же самую сцену, что и на Рождественскомъ праздникѣ, съ тою разницею, что она теперь надѣла въ первый разъ новую юпку, сподницу и на голову повязала шелковый платокъ; все это подарки, какъ извѣстно, стараго Якима.

Да еще послѣ полудня на хуторъ зашелъ венгерецъ съ разными «краплями» и постучалъ въ окошко, чѣмъ не мало напугалъ увлеченную разговоромъ съ сыномъ Лукію. Она вскорѣ оправилась, отворила засовъ и впустила венгерца въ хату.

Венгерецъ, какъ извѣстно, былъ въ шляпѣ съ широкими полями и сферической тульей, въ широкомъ синемъ плащѣ, съ коробкою за плечами, съ палкою длинною въ рукахъ и съ длинными усами

Лукія пригласила его сѣсть на лаву, что онъ и исполнилъ нецеремонно, сначала снявши коробку съ плечей, а Лукія тѣмъ временемъ уложила своего Марушечка въ колыбель и прикрыла простынею, боясь недобраго глаза, потомъ обратилась къ венгерцу и спросила:

— Какія же у васъ лекарства есть?

— Лекарства? О, у меня всякія, разныя есть крапли: и на зубы и на голова, и на рука, и на нога—всякія, всякія крапли есть, только хорошъ фрау деньга будетъ не жалѣть! сказалъ венгерецъ, довольно нахально улыбаясь.

— Ну. хорошо; а есть ли у тебя такое лекарство, чтобы отъ всякихъ болѣзней ребенку помогло?

— О какъ же! отъ разной болѣзни есть разное, всякія крапли есть.

И онъ раскрылъ свою коробочку, показывая ей пузырекъ за пузырькомъ съ разноцвѣтною жидкостію.

— Вотъ эта отъ зуба, эта—голова, эта—лихорадка, эта—рука эта—нога, эта—брушко немножко.

— А нѣтъ ли у тебя семибратней крови? Она одна ото всѣхъ болѣзней помогаетъ?

— Есть, есть! заразъ съищу.

И онъ вскорѣ досталъ изъ коробки завернутую въ бумажкѣ семибратнюю кровь. Это небольшіе кусочки чего-то окаменѣлаго, въ родѣ мелкаго ракушника темно-розоваго цвѣта; а почему оно называется семибратней кровью, то этого и сами венгерцы не знаютъ.

— Что-же будетъ стоить этотъ кусочекъ?

— Этотъ—два рубля и одна полтина.

— А. Боже-жъ мой! что-же мнѣ дѣлать, у меня только три копы.

— Только одинъ рубля и одна полтинъ? Нельзя: немножко мало, развѣ еще, хорошай фрау, румочка шнапсъ, понимаешь—водка и немножко кушать.

— Хорошо и водки дамъ, и кушать дамъ, только уступите мнѣ, ради Бога, за три копы

— Хорошо, хорошо отдаю! и онъ подалъ ей кусочекъ волшебнаго медикамента.

Она взяла его съ благоговѣніемъ, завернула въ тряпочку и спрятала за образа, достала мѣдныя деньги изъ сундука, расплатилась съ венгерцемъ и посадила его за столъ, достала изъ мисника восьмиугольную размалеванную пляшку съ водкой и поставила передъ нимъ, поставила пасху, холодное порося и пирожки съ сыромъ и со сметаной. Уставивши все это порядкомъ, положила ему на колѣни рушникъ бѣлый, вышитый по концамъ красной заполочью, и отошла къ колыбели.

Венгерецъ, хотя просилъ немножко шнапсу. однако выпилъ двѣ рюмки залпомъ, а третью послѣ перваго куска поросенка. Окончивши все, что было на столѣ поставлено, онъ вѣжливо рас-

кланялся Лукіи, потомъ попросилъ огня, закурилъ свою фарфоровую трубку съ кривымъ чубукомъ и началъ собираться въ дорогу. Взваливши коробку на спину, плащъ на плечи, палку въ руки, шляпу на голову, онъ еще разъ раскланялся съ Лукіей и вышелъ изъ хаты.

Лукія, проводивши венгра за ворота, возвратилась въ хату, подошла къ колыбели, оттулила простыню и увидѣвши, что Марко спитъ, перекрестила его и едва коснулася губами его разгорѣвшейся щечки, бояся поцѣлуемъ разбудить его.

— Теперь я, слава Богу, спокойна, говорила она про себя: теперь я хорошо знаю, что мой Марочко будетъ живъ и здоровъ, теперь у меня есть лекарство отъ всякихъ немочей, а про счастье его я не сомнѣваюсь: я вымолю у Бога ему и вѣкъ долгій, и долю добрую. Сказать ли ему когда нибудь, что я его родная мать? или никогда не говорить?

И она задумалась.

— Нѣтъ, не скажу, никогда не скажу! развѣ передъ смертію на исповѣди покаюся, а то никому въ свѣтѣ не скажу!

И, говоря это, она убрала со стола, послѣ трапезы венгра, подошла къ колыбели, посмотрѣла на сына, стала на колѣни передъ образами и молилася со слезами о жизни и счастіи возлюбленнаго сына..

Солнце уже закатилося, домочадцы съ пѣснями возвратилися домой. Наконецъ ворота растворилися и сами хозяева возвратилися домой.

— А мы, Лукіе, на дорогѣ венгра встрѣтили, говорила Марта, входя въ хату, и я у него купила семибратней крови для нашего Марочка: Богъ его знаетъ, а може что и случится, такъ вотъ у насъ и лекарство есть.

— Что онъ спитъ? сказала она, понизивъ голосъ.

— Спитъ, отвѣчала тихо Лукія.

И здѣсь венгеръ былъ, и я тоже купила семибратней крови.

Ой гопъ по вечери,
Затуляйте диты двери,

А ты, стара, не журись
Та до мене прихились.

Такъ припѣвалъ веселый Якимъ, входя въ хату.

— Цыть!... пьяный лобуре! проговорила шопотомъ Марта, показывая на колыбель.

Якимъ замолчалъ и, какъ-бы испугавшись, снялъ шапку и началъ креститься передъ образами, потомъ молча раздѣлся и легъ на постель.

— Ай да отець Савелій, а бодай же его!...

— Цыть!... прошипѣла Марта.

Якимъ замолчалъ, опустя голову на подушку, и вскорѣ заснулъ. Не замедлило и все живущее на хуторѣ послѣдовать примѣру Якима.

Весна быстро развивала зеленыя вѣтви въ Якимовомъ гаю; черешни, вишни и всѣ фруктовыя деревья сверхъ зелени покрылися молочнымъ бѣлымъ цвѣтомъ, а земля разноцвѣтнымъ рястомъ. Началися полевыя работы. Якимъ выпроводилъ съ пшеницею чумаковъ своихъ въ дорогу, но самъ не пошелъ чумаковать, боялся положить гдѣ нибудь свои старыя кости на чужинѣ, въ степи, при дорогѣ, какъ это нерѣдко случается съ записными чумаками.

Проводивши чумаковъ, онъ усердно и смиренно принялся за свою пасѣку, говоря:

— Гдѣ мнѣ уже теперь по дорогамъ шляться, та съ купцами торговаться! Вотъ мое дѣло—вертоградъ та пчелки Божіи!... Нехай молодые чумакують.

И онъ почти поселился въ пасѣкѣ. Разъ въ день заходилъ онъ въ хату и то только пообѣдать. Когда въ пасѣкѣ все было уставлено и убрано, какъ слѣдуетъ, а пчелы еще не роилися, то онъ раскроетъ себѣ псалтирь и читаетъ вслухъ, съ утра до ночи, отъ доски до доски, а когда языкъ устанетъ, то онъ додѣлываетъ новый улей, еще прошедшее лѣто начатый, или починяетъ старую сѣрую свиту. Иногда приходила къ нему въ пасѣку старая Марта съ Маркомъ, и это было для него торжественный праздникъ; вынималася часть меду изъ лучшаго улья и со всѣми ласками угощался дорогой гость, т. е. Марко.

Съ наступленіемъ весны Лукія съ другою работницею неутомимо приготовляла гряды на огородъ за гаемъ, и когда гряды были

готовы и огородныя овощи посѣяны и посажены, она выкопала двѣ грядки въ гаю между деревьями, посадила цвѣтовъ и каждый вечеръ поливала.

Настало лѣто, настали жнива, насталъ наконецъ и день рожденія Марка, ей одной извѣстный.

Въ тотъ памятный день она до разсвѣта пошла въ свой цвѣтникъ, нарвала самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, свила изъ нихъ вѣнокъ и, тихо вошедши въ хату, такъ что и Марта не слыхала, положила вѣнокъ на голову спящему Марку. Дитя отъ прикосновенія свѣжихъ и влажныхъ цвѣтовъ проснулося и заплакало. Марта проснулася и увидѣла надъ колыбелью испуганную Лукію.

— На что ты его разбудила? спросила Марта.

— Я его не будила, оно само проснулося, я только вѣнокъ ему принесла, потому что оно сегодня...

И она чуть чуть не проговорилась.

— На что ему твой вѣнокъ? только ребенка перепугала, возьми его, повѣсь передъ Варварою великомученицею.

Лукія молча взяла вѣнокъ и повѣсила передъ образомъ.

Въ тотъ день былъ какой-то большой церковный праздникъ; она позычила рубль денегъ у другой наймички и отпросилась у Марты въ первый разъ въ село сходить; одѣлася въ свою юпку, спидныцю, повязала на голову шелковый платокъ, посмотрѣла въ зеркальце, въ стѣнѣ вмазанное и покраснѣла отъ удовольствія. И правду сказать: не смотря на пролитыя ею слезы и претерпѣнное горе, сердечное и физическое, она все еще была красавица; она все еще живо напоминала собою ту увѣнчанную пшеничнымъ вѣнкомъ, ту счастливую царицу праздника, Лукію.

Простяся съ Маркомъ и Мартою, она пошла въ село.

Еще и во всѣ звоны не звонили, когда она вошла въ церковь; въ церкви народа было довольно, и всѣ до единаго замѣтили незнакомую молодицу. Дѣвушки и женщины шопотомъ спрашивали одна у другой: «чья это такая хорошая молодыця?» Она же, не обращая ни на кого вниманія, поставила передъ мѣстными образами по свѣчкѣ и подала на часточку о здравіи младенца Марка.

Послѣ обѣдни она заказала молебенъ о здравіи рабовъ Божихъ: Якима, Марты и младенца Марка. Послѣ обѣдни отецъ Нилъ вручилъ ей просфирку и просилъ зайти къ нему пообѣдать.

Она зашла. Матушка Якилина привитала ее, какъ свою родственницу, много распрашивала о хуторянахъ, въ особенности о Маркѣ: вырѣзались ли у него зубки, здоровъ ли онъ, большой ли онъ выросъ? и т. д.

Послѣ обѣда Лукія простилася съ отцемъ Ниломъ и матушкою Якилиною и пошла на хуторъ.

Въ селѣ долго объ ней молва ходила между парубками и молодыми дѣвушками, но никто не довѣдался, откуда она и кто такая.

Возвратяся на хуторъ, Лукія отдала поклонъ отъ батюшки и отъ матушки старой Мартѣ и Якиму, положила просфирку за образъ до завтришняго дня, полюбовалася на спящаго Марка, сняла съ себя праздничную одежду, затопила печь въ другой хатѣ и принялась варить вечерю.

Такъ прошелъ первый годъ пребыванія Лукіи на хуторѣ, такъ или почти такъ прошелъ и второй годъ безъ особенныхъ приключеній, развѣ только, что Марко началъ произносить довольно явственно слово: *мама*. И, Боже мой, сколько общей радости было! Его бѣднаго, какъ попугая, поперемѣнно заставляли повторять магическое слово. По прошествіи недѣли или двухъ старый Якимъ добился до того, что Марко началъ выговаривать слово: *тато*. Старый Якимъ былъ въ дѣтскомъ восторгѣ; онъ уже хотѣлъ его начать грамотѣ учить, только къ великому его горю оказалось, что Марко не могъ выговорить ни одной буквы, а Марта каждый день ему мыла сѣрую голову за то, что онъ понапрасну мучитъ бѣдную дитину.

Еще въ концѣ того же года, какъ то въ воскресенье; послѣ обѣда, сидѣли они всѣ трое подъ хатою и пробовали краснобокія спасовскія яблоки, а Марко передъ ними ползалъ на шпоришѣ; только они себѣ, пробуя яблоки, заслушалися Якима, а онъ имъ разсказывалъ уже въ сотый разъ, какъ онъ, идучи разъ съ Дону, у задняго воза колесо и лушню потерялъ. Они заслушались и не видятъ, что Марочко, вставши на ножки, дыбаетъ къ нимъ и, протянувши ручки и улыбаясь, произноситъ слова: *мамо*, *тату*. Какая же радость ихъ была, когда они увидѣли идущаго къ нимъ Марка! Лукія затрепетала отъ восторга и бросилась къ своему Марочку, взяла его за ручонку и подвела къ внезапно осчастливленнымъ старикамъ. Тутъ они принялися поочередно водить его около хаты

и доводили до того, что Марко заплакалъ и сквозь слезы проговорилъ: «мамо, к...». Старый Якимъ въ восторгѣ пришелъ отъ Маркового изреченія.

— Такъ ихъ, такъ, сыну! говорилъ онъ, ишъ старыя бабы замучили бѣдную дитину! хотя онъ первый неугомимо мучилъ его первымъ урокомъ хожденія.

Въ этомъ же году, осенью, по первой порошѣ, охотники, гоняся за зайцемъ, подскакали къ самому хутору, и такъ какъ бѣдный заяцъ спрятался отъ собакъ на хуторѣ въ гаи, то неистовые псари рѣшилися не оставлять бѣднаго звѣрька и въ гостепріимномъ хуторѣ. На томъ основаніи они, подъѣхавши къ воротамъ, стали громко требовать, чтобы имъ отворили ворота.

Накинувши тулупъ, вышелъ къ нимъ самъ Якимъ и спросилъ, снявши шапку, что имъ нужно.

— Отворяй ворота, тебѣ говорятъ, старый хохолъ!

Якимъ надѣлъ шапку и, не говоря ни слова, пошелъ обратно въ хату.

— Что тамъ такое за воротами? спросила его Марта.

— Татары наступили! отвѣчалъ онъ спокойно.

Ворота, кромѣ засова, были замкнуты еще тяжелымъ шведскимъ замкомъ. Охотники, полагать надо, что были немного «намоча морду» (терминъ изъ ихъ же словаря), спѣшились и начали ломать ворота; но трудъ былъ не по силамъ и только привелъ ихъ въ пущее бѣшенство. Якимъ вышелъ во второй разъ, а за нимъ не не утерпѣли, вышли Марта и Лукія.

Одинъ изъ охотниковъ вскочилъ на дворъ черезъ перелазъ и бѣжалъ съ поднятымъ арапникомъ къ Якиму; но вдругъ остановился, какъ вкопаный, и арапникъ опустилъ. Это былъ красивый, стройный юноша съ едва пробивающимися усами. Это былъ бездушный обольститель бѣдной Лукіи. Онъ увидѣлъ ее и руки опустилъ въ изумленіи. Когда же пришелъ въ себя, то вѣжливо сказалъ Якиму:

— Ну, добрый старичекъ, когда не хочешь насъ пустить на свой хуторъ поохотиться, то пусти пожалуйста въ свою избу немного обогрѣться.

— Милости просимо! сказалъ Якимъ привѣтливо.

— Пожалуйте на дворъ, господа! крикнулъ онъ своимъ товарищамъ.

Лукія узнала его по голосу, быстро воротилась въ свѣтлицу, взяла спящаго Марка изъ колыски и вынесла въ другую хату.

— Что ты дѣлаешь? спросила ее Марта.

— Они пьяные войдутъ въ свѣтлицу и разбудятъ его бѣднаго.

Лукія не ошиблась: охотники вошли съ шумомъ и огромной оплетенной бутылкою въ хату, спросили довольно нахально закуски, усѣлись за столомъ и принялись «мочить морды».

Молодой корнетъ выпилъ только два стакана и больше не хотѣлъ пить. Онъ вопросительно осматривалъ хату и наконецъ спросилъ у Марты:

— Почтенная старушка! я съ тобой на дворѣ видѣлъ еще одну женщину, кто она у васъ такая?

— Это Лукія, наша наймичка.

— Такъ это колыбель, должно быть, ея ребенка?

— Нѣтъ, это наша дитина.

— Куда же спряталась твоя работница? Вѣдь мы не звѣри, чего она испугалась?

Такъ спрашивалъ чернобровый, со вздернутымъ фіолетовымъ носомъ и длинными усами охотникъ.—Это былъ эскадронный командиръ уланскаго полка.

— Она въ другой хатѣ, порается.

— Нельзя-ли, голубушка, взглянуть на твою работницу? Она, кажется, недурна собою?—сказалъ тотъ-же ротмистръ, покручивая усы.

— Такая же, какъ и другіе люди. Да ей теперь и некогда, отвѣчала Марта.

— Закурите трубки, господа, да маршъ! Я думаю, кони порядочно продрогли. Старушка, одолжи-ка намъ огонька.

Марта зажгла имъ свѣчу; охотники закурили разнокалиберныя трубки и вышли изъ хаты; за ворота проводилъ ихъ Якимъ и, пожелавъ имъ счастливаго полёванья, возвратился въ хату.

Лукія, по уходѣ непрошеныхъ гостей, тоже вошла съ плачущимъ Маркомъ, уложила его въ люльку, окутала и стала качать, тихонько напѣвая какую-то пѣсню. Марко замолчалъ и вскорѣ заснулъ.

Якимъ долго молча сидѣлъ за столомъ, облокотясь на руки, и наконецъ едва внятно заговорилъ:

— Богъ его святой знаетъ, когда эти уланы отъ насъ уйдутъ. Прогнѣвали мы милостиваго Господа! Вотъ уже четвертый годъ стоятъ да и стоятъ, какъ будто на вѣки тутъ поселились. И что тотъ дурень турокъ думаетъ? Хоть бы войну скорѣе началъ, а тамъ можетъ, Богъ далъ-бы и уланъ отъ насъ вывели на войну, а то даромъ только хлѣбъ ѣдятъ, благо дешевый. Ну, да хлѣбъ еще ничего: у насъ его, слава Богу, не мало, а то грѣхъ да и только съ ними! Теперь хоть-бы и наши Бурта,—велико ли село? а люди добрые говорятъ, что уже третью покрытку покрыли.

Лукія вздрогнула.

— Да, третью покрытку! шутка ли? Каково же отцу и матери безталанной? А имъ горемычнымъ? Пропащія, пропащія на вѣки!

Лукія тихо заплакала.

— Плачь, моя доню, плачь! Ты еще, слава Богу, хоть московка, все таки не покрытка; у тебя еще осталася хоть добрая слава, а у нихъ бѣдныхъ что осталося? Позоръ и до гроба позоръ!

Въ продолженіи всего этого монолога Марта сидѣла на скрынѣ, подперши старую голову руками, потомъ и она заговорила:

— Такъ, Якиме, такъ! Вѣчная наруга, вѣчное проклятіе на земли! А на томъ свѣтѣ что? Огонь неугасаемый! сказано—блудница.

— О, то-то и есть, что ты глупая баба: стоишь въ церкви, а не слышишь, что отецъ діаконъ въ евангеліи читае?

— А что-же онъ тамъ читае?

— А то, что Господь прощаетъ всѣхъ раскаявшихся грѣшниковъ, даже и блудницу!

— Правда!... правда, Якиме! А вотъ и Марія египетская.... какъ ты читаешь въ житіи...

— Вотъ то-то и есть, а приподобилась же?

— Не плачь, дочко Лукіе! Тебѣ нечего плакать: ты мужнина жена; пускай плачутъ да молятся вотъ безталанницы, а ты и безъ мужа найдешь кусокъ честнаго хлѣба.... А и въ самомъ дѣлѣ, давайте пообѣдаемъ, а то за тыми уланами и пообѣдать не удастся.

Лукія молча накрыла столъ чистой скатертью, поставила солонку и положила хлѣбъ и ножъ на столъ; Якимъ, перекрестяся, началъ рѣзать хлѣбъ на тонкіе куски, сначала сдѣлавъ ножемъ

крестъ на хлѣбѣ. Богу помоляся, сѣла за столъ Марта, а Лукія стала наливать борщъ въ миску.

Заяцъ на бѣду свою выскочилъ изъ хутора въ поле, въ то самое время, какъ Якимъ затворялъ калитку и желалъ охотникамъ добраго полеванья. Охотники, увидя косого врага своего, закричали: «ату его!» и помчалися въ слѣдъ за борзыми, только снѣжная пыль поднялася.

Одинъ охотникъ, проскакавъ немного, отсталъ отъ товарищей, остановилъ коня, постоялъ недолго, какъ бы раздумывая о чемъ-то, потомъ махнулъ нагайкою и поворотилъ коня по направленію къ Ромодановскому шляху.

Охотникъ этотъ былъ молодой корнетъ, котораго мы видѣли въ хатѣ пьющаго водку стаканомъ. Но это въ сторону: можно и водку пить и честнымъ быть, одно другому не мѣшаетъ. Но молодому корнету, какъ кажется, вино, а можетъ быть и воспитаніе, помѣшало быть честнымъ, потому что онъ породы былъ благородной.

Долго онъ ѣхалъ молча, какъ бы погрузясь въ думу. О чемъ же онъ думалъ, сей благородный юноша? Вѣрно онъ вспомнилъ прошлое, былое; вѣрно онъ вспомнилъ свой проступокъ передъ простою крестьянкою, и совѣсть мучитъ молодую и уже испорченную душу. Ничего не бывало! Онъ по временамъ говорилъ самъ съ собою вотъ что:

— Фу ты, чортъ ее побери, какъ она послѣ родовъ похорошѣла, просто бель-фамъ! *(молчаніе)*. Жаль, не видалъ мальчугана, а должно быть, прехорошенькій; я помню его глазенки, совершенно какъ у нея *(опять молчаніе)*. А что если на досугѣ начать снова? Далеко, чортъ возьми, ѣздить—верстъ 30 по крайней мѣрѣ! А чертовски похорошѣла! и за чѣмъ она, дура, бѣжала изъ своего села? Смѣются.... эка важность! Посмѣются, да и перестанутъ (*опять молчаніе*). Ба, превосходная идея! Эскадронъ одинъ въ этихъ двухъ селахъ! Рѣшено! Жертвую Мурзою ротмистру, пускай меня переведетъ въ третій взводъ, а онъ квартируетъ въ этомъ селѣ, какъ бишь его—Гурта, Бурта, что-ли? Браво! превосходная мысль! Я тогда могу бывать каждый день на хуторѣ. Превосходно! Ну, моя чернобровая Лукѣюшка, закутимъ! вспомнимъ прежнее-былое! Маршъ, нечего долго раздумывать!

И онъ пустился въ галопъ.

Проскакавъ версты двѣ, онъ далъ лошади перевести духъ и опять заговорилъ:

— Хорошо! а какъ же я разстанусь съ братьями разбойниками? Вѣдь день, другой, пожалуй недѣлю можно поѣсть рябчиковъ, а тамъ захочется и куропатки! Впрочемъ я могу каждую недѣлю по крайней мѣрѣ навѣщать свою удалую братію одинъ разъ; оно будетъ и разнообразнѣе и слѣдовательно интереснѣе. Рѣшено! Вѣдь въ этихъ случаяхъ жертва необходима! Неси меня, мой борзый конь!

И онъ сильно ударилъ нагайкой по ребрамъ своего борзаго коня. Конь полетѣлъ быстрѣе и быстрѣе, почуя близость знакомаго села. И въ широкой покрытой снѣгомъ долинѣ показалася синяя полоса,—это было село, родное село Лукіи. Онъ проѣхалъ шагомъ «царину» и легкой рысью въѣхалъ въ село. Первый живой предметъ, попавшійся ему на глаза, это былъ пьяный мужикъ, едва державшійся на ногахъ. Корнетъ узналъ въ немъ отца Лукіи.

— Здравствуй, почтеннѣйшій! сказалъ корнетъ, пріостанавливая коня.

— Здраствуйте, ваше благородіе! едва проговорилъ мужикъ, снимая шапку.

— А я вѣдь отыскалъ твою Лукѣюшку!

— Она теперь не моя, а ваша, ваше благородіе!

И сказавши это, мужикъ нахлобучилъ свою порыжѣлую шапку на глаза и побрелъ шатаясь къ своей, давно уже небѣленной, хатѣ. Корнетъ посмотрѣлъ вслѣдъ ему и проговорилъ:

— Глупый мужикъ, а туда же разсуждаетъ!

И подбоченясь поѣхалъ шагомъ вдоль села.

А глупый мужикъ не разсуждая пришелъ въ свою нетопленную хату, посмотрѣлъ на голыя стѣны и, какъ бы отрезвясь, снялъ шапку, перекрестился три раза и легъ на дубовой, давно уже немытой лавѣ, говоря, какъ бы сквозь сонъ:

— Вотъ тебѣ и постеля, старый дурню! Не умѣлъ спать на перинѣ, теперь—на лавѣ, подъ лавою, въ помыйныци, на смитныку, въ калюжи съ свиньями спи, старый пьяныця! О Господи, Господи, твоя воля! А кажется, такая тихая, такая смирная была! А вотъ же одурила мою сѣдую голову!

И онъ, не подымая головы, на взрыдъ заплакалъ.

Въ хатѣ было пусто, холодно; подъ лавами валялися разбитые горшки и растрепанный вѣникъ. Отъ стола и ослона только остатки валялися по хатѣ, а отъ другой лавы и остатковъ не видно. Кочерги, макогона и рогача тоже не видно около печи, а въ печи зола инеемъ покрылася. Пустка! совершенная пустка! а недавно была веселая, бѣлая, свѣтлая хата!

Куда же дѣвалась скромная прелесть простой мужицкой хаты?

Посрамленіе своего единаго дитяти, своей Лукіи не пережила престарѣлая мать; она плакала, плакала, потомъ захворала и вскорѣ умерла. Старикъ, похоронивши свою бѣдную подругу, не устоялъ противъ великаго горя, началъ пить и въ два года пропилъ все свое добро, уже добирался до самой хаты. Такія то бываютъ иногда послѣдствія минутнаго увлеченія!

Старикъ долго еще бормоталъ полусонный и наконецъ замолкъ. Немного погодя, мышь изъ норки выбѣжала на середину хаты, повертѣла головкой и вѣроятно замѣтивъ спящаго на лавѣ хозяина, повернулась назадъ, еще разъ осмотрѣлась и скрылась въ норку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(Продолженіе) [1]).

Въ 20-ти саженяхъ отъ великой церкви къ юго-западу возвышается великолѣпная каменная *колокольня,* которая имѣетъ 43 сажени, 2 арш. и 2 вершка высоты до креста, 125 аршинъ въ окружности и 40 аршинъ поперечника въ своемъ основаніи. Она состоитъ изъ 4-хъ этажей или ярусовъ; 1-й этажъ въ рустикахъ, на фундаментѣ изъ тесаныхъ каменныхъ плитъ. Каждый слѣдующій ярусъ обставленъ колоннами различныхъ орденовъ, именно: второй этажъ окруженъ 32-ю колоннами дорическаго ордена, третій 16 колоннами іоническаго ордена, четвертый 8-ю тройными полу-колоннами коринѳскаго ордена; на капителяхъ, подъ завитками, прикрѣплены двуглавые орлы. Куполъ и глава колокольни покрыты мѣдью и вызолочены— куполъ сусальнымъ золотомъ, а глава сквозь огонь. Постройка колокольни начата въ 1731 году при архимандритѣ Романѣ Копѣ, окончена въ 1745 г. при архимандритѣ Тимофеѣ Щербацкомъ, по плану архитектора Іогана Шейдена, который имѣлъ надзоръ и за самою постройкой. Вся постройка обошлась въ 58,584 рубля 96 коп. Въ 1825 году на обновленіе колокольни употреблено 60,584 руб. 75 копѣекъ асс.

Каждый изъ десяти колоколовъ, находящихся на лаврской колокольнѣ, имѣетъ свое особое названіе; таковы: *орелъ, зоси-*

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., іюльск. кн., стр. 385—409.

минъ, полиелейный, благовѣстъ, балыкъ, успенскій, ранній, буденный, скликунъ и *часовой*. Въ самомъ большемъ изъ колоколовъ, успенскомъ, вѣсу 1,000 пудовъ, общій-же вѣсъ всѣхъ колоколовъ 4,007 пуд. 4 фунта, а стоимость ихъ, считая матеріалъ и работу, 30,415 руб. 45 коп. Колокола повѣшены въ 3-мъ, а часы въ 4-мъ этажѣ, съ котораго открывается великолѣпный видъ на окрестности Кіева, почти на 50 верстъ при ясной погодѣ. На колокольню ведетъ лѣстница въ 374 ступени. По прочности матеріала, расположенію частей и изящному вкусу постройки и украшеній, а также по своей высотѣ, колокольня кіево-печерской лавры превосходитъ всѣ болѣе извѣстныя колокольни въ Россіи. Съ крестомъ она имѣетъ 46 саж. высоты, тогда какъ колокольня Троицко-Сергіевой лавры 41 с., колокольня Ивана Великаго въ Москвѣ 38 1/2 с., а Новоспасская въ Москвѣ лишь 33 2/7 с. [1]).

Въ наружныя стѣны перваго этажа лаврской колокольни вдѣланы три *барельефа*. Первый барельефъ, 11 вершковъ высоты и 8 1/2 ширины, представляетъ инока въ короткой мантіи, съ непокрытой головой, окруженною вѣнцемъ, и съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на которомъ начертано: се ѡ-бещаю-сѧ вамъ-ѡци, б-ратіе, аще и-теломъ ѡ. Надъ головой надпись Агіωс Ѳеωдосій. Рамка въ видѣ витой веревочки. Второй барельефъ, 12 1/2 вер. длины и 9 вер. ширины, представляетъ Божію Матерь съ воздѣтыми руками, стоящую на продолговатомъ камнѣ. Вокругъ ея главы вѣнецъ, а по сторонамъ надпись: МР. ѲУ. Края барельефа украшены акандовыми листьями. Третій барельефъ представляетъ инока въ короткой мантіи и въ кругломъ клобукѣ, съ вѣнцемъ вокругъ главы и съ свиткомъ въ лѣвой рукѣ, на кото-

---

[1]) Не смотря на то, что колокольня кіево-печерской лавры сооружена въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ народѣ давно уже успѣла образоваться легенда о ея чудесномъ построеніи, переходящая изъ устъ въ уста: строителями ея народъ считаетъ 12 братьевъ, почивающихъ въ пещерахъ, очевидно относя постройку великой церкви и колокольни къ одному и тому-же времени, и затрудняясь понять возможность столь высокой постройки обыкновеннымъ способомъ, вѣритъ, что колокольня по мѣрѣ постройки входила постепенно въ землю, а по окончаніи постройки въ одну ночь чудесно вышла вся изъ земли.

ромъ начертано: ѧко пол-ожены-здєво-ѧсѣ по-ы. до-рѣ. Б.—Подлѣ главы надпись; Агіѡ Антонє. Подъ барельефомъ подписано: *основана бысть церковь пресвятыя Богородица печерская на старомъ основаніи при великомъ короли Казимирѣ благовѣрнымъ княземъ Семеномъ Александровичемъ, отчичомъ кіевскимъ, при архимандритѣ Іоаннѣ.* По характеру буквъ эта надпись принадлежитъ XV вѣку. Вѣроятно эти три барельефа помѣщены были первоначально на одной изъ наружныхъ стѣнъ великой церкви вмѣстѣ, такъ что въ срединѣ находилось изображеніе Божіей Матери, а по обѣ ея стороны изображенія преподобныхъ Антонія и Θеодосія. При возобновленіи церкви послѣ пожара 1718 года, барельефы сняты, но чтобы сохранить древность, вдѣланы въ стѣны новой колокольни при ея постройкѣ.

Отъ великой церкви на юго-западъ дорожка между трапезой и колокольней ведетъ въ *настоятельскій* или *архимандричій* двухъэтажный каменный домъ, построенный въ 1727 году. Въ верхнемъ этажѣ, въ который всходятъ по лѣстницѣ, устроенной въ новой пристройкѣ около 1867 года, девять комнатъ, изъ коихъ находящаяся въ сѣверо-восточномъ углу занята домовою церковью во имя святителя *Митрофана Воронежскаго,* устроенною въ 1838 году при митрополитѣ Филаретѣ. Съ западной стороны дома, около 1861 года сдѣлана къ кабинету пристройка для помѣщенія библіотеки митрополита Арсенія и тогда-же придѣланъ большой балконъ съ южной стороны, съ лѣстницей для выхода въ садъ. Въ этомъ домѣ жительствовали первоначально лаврскіе архимандриты: *Романъ* Копа, *Иларіонъ* Негребецкій, *Тимофей* Щербацкій, *Іосифъ* Оранскій, *Лука* Бѣлоусовичъ и *Зосима* Валкевичъ до 1786 года, т. е. до подчиненія лавры кіевскимъ митрополитамъ съ званіемъ ея священно-архимандритовъ или начальниковъ; съ 1838 года жили здѣсь митрополиты кіевскіе *Филаретъ, Исидоръ, Арсеній* и *Филофей*, по высочайше предоставленному имъ праву имѣть помѣщеніе въ лаврѣ, или при кіево-софійскомъ соборѣ; здѣсь-же иногда проживаетъ и высокопреосвященный митрополитъ *Платонъ.* Помѣщеніе не обширное, но изъ оконъ его откры-

вается превосходный видъ на р. Днѣпръ и все Заднѣпрье. Въ этомъ же домѣ имѣла пребываніе императрица *Елисавета Петровна* въ 1744 г., памятникомъ чего сохранился золотой двуглавый орелъ на кровлѣ входнаго крыльца, а въ 1787 году три мѣсяца проживалъ здѣсь князь Гр. Ал. *Потемкинъ* во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ, которая жила въ отстроенномъ уже тогда дворцѣ.

Къ нижнему этажу настоятельскаго дома примыкаетъ одноярусное зданіе, представляющее большую длинную залу съ плоскимъ потолкомъ и окнами съ двухъ сторонъ. Съ 1840 г. въ ней устроена церковь во имя св. Михаила, 1-го митрополита кіевскаго, а до того времени это былъ залъ, украшенный архіерейскими и царскими портретами, который служилъ парадной столовой въ великіе лаврскіе праздники 3 мая, 10 іюля и 15 августа, куда къ обѣду приглашались почетныя лица духовнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Избравъ лавру для постояннаго своего пребыванія, митрополитъ Филаретъ обратилъ этотъ залъ въ теплую церковь для своихъ архіерейскихъ службъ въ зимнее время. Въ этой церкви ежедневно отправляется *ранняя* литургія, а при митрополитѣ Филаретѣ въ большіе праздники совершалась имъ поздняя литургія. Въ углу, образуемомъ этою церковью и братской трапезой, находится древній глубокій колодезь, котораго холодной водой богомольцы въ лѣтнее время утоляютъ жажду. На площадкѣ предъ настоятельскимъ домомъ, засаженной каштанами, на каменномъ столбѣ устроены солнечные часы съ циферблятами на 4 сторонахъ.

Между колокольней и настоятельскимъ домомъ находится отдѣльный 2-хъ этажный домъ, составляющій помѣщеніе *намѣстника кіево-печерской лавры*, въ которомъ квартируютъ и преосвященные, пріѣзжающіе въ лавру для богомолья и по другимъ случаямъ. Домъ этотъ, составлявшій до 1824 года келліи ключниковъ, въ этомъ году обращенъ въ квартиру намѣстника, а въ 1882 г. передѣланъ вновь съ надстройкой 2-го этажа.

Вблизи св. воротъ лавры, съ лѣвой ихъ стороны, за книжной лавкой, входъ въ *больничный св. троицкій монастырь*.

Онъ основанъ еще въ началѣ XII вѣка преподобнымъ Николою Святошей, черніговскимъ княземъ, и въ началѣ имѣлъ особаго игумена, состоявшаго впрочемъ въ вѣдѣніи лавры; нынѣ старшее въ немъ духовное лице называется начальникомъ больничнаго монастыря. Церковь сего монастыря находится противъ воротъ; она каменная, небольшой высоты, съ длиннымъ сводомъ вмѣсто потолка, надъ алтарной частію глухой куполъ, котораго глава вызолочена. Больничный двухъ-этажный домъ на 32 кровати, съ аптекой, построенъ въ 1842 году при митрополитѣ Филаретѣ. Въ больницѣ пользуются больные преимущественно изъ лаврской братіи. Въ 1861 году при самомъ больничномъ корпусѣ устроена церковь *во имя Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ радости*, которая освящена 15 апрѣля.

Всю площадь лаврскаго двора отъ св. воротъ до линіи великой церкви и влѣво отъ великой церкви до экономическихъ воротъ на сѣверной сторонѣ занимаютъ каменные корпуса келлій для монашествующей братіи, изъ которыхъ образуются три улицы. Первая улица братскихъ келлій идетъ отъ св. воротъ къ великой церкви, по обѣ стороны выстланной гранитникомъ дорожки: лѣвая линія состоитъ изъ непрерывнаго, на протяженіи 65 саженей, ряда одноэтажныхъ келлій съ кирпичными сводами, въ которыхъ помѣщаются *соборные старцы* и духовныя высшія лица, живущіе въ лаврѣ на покоѣ; противуположная ей правая линія, въ 29 саж. длины, состоитъ изъ ряда таковыхъ-же келлій и доходитъ до колокольни; въ нихъ помѣщаются клирошане и рядовая монашествующая братія. Вторая улица идетъ отъ *экономическихъ* воротъ къ великой церкви, въ направленіи съ сѣвера на югъ; лѣвую или южную линію этой улицы составляетъ рядъ каменныхъ такъ называемыхъ полусоборныхъ келлій, въ два этажа, на протяженіи 37 саженей: тутъ помѣщаются экономъ лавры съ своею канцеляріей, типографъ и нѣкоторыя изъ старшей братіи, а въ верхнемъ этажѣ лаврская соборная канцелярія съ архивомъ и духовный соборъ или правленіе лавры. Сзади полусоборныхъ келлій находится еще рядъ подобныхъ келій на протяженіи 18 саженей и корпусъ 12 са-

женей длины, гдѣ живетъ *келарь лавры* съ своими помощниками и прислужниками. Здѣсь же дворы и амбары для разныхъ складовъ. Третья улица братскихъ келлій идетъ съ запада на югъ отъ Николаевской церкви больничнаго монастыря до пресѣченія ея экономической улицей: въ 2-хъ линіяхъ каменныхъ келій этой улицы живутъ монашествующіе и прислужники больничнаго монастыря, послушники, мастеровые и монастырскіе работники. За каждою келліей находятся такъ называемые *задворки* съ садиками и лѣтниками; сзади-же соборныхъ келлій каменныя одноярусныя малыя келліи съ кладовыми, ледниками и погребами, гдѣ въ старое время, когда лавра владѣла вотчинами, каждый соборный старецъ и чиновный монахъ содержалъ цѣлый штатъ своихъ прислужниковъ, изъ которыхъ слагались малыя братства. Всѣ эти зданія построены послѣ 1718 года, а покрылись желѣзомъ съ 1777 по 1793 годъ.

На восточной сторонѣ, за алтаремъ великой церкви, идутъ каменные типографскіе корпуса въ двѣ линіи, изъ коихъ одна паралельна алтарю великой церкви, а другая примыкаетъ къ ней съ сѣвера подъ прямымъ угломъ.

Лаврская типографія помѣщается въ двухъэтажномъ корпусѣ. Съ лицевой стороны этого дома, надъ входомъ въ него, вдѣланы въ стѣну двѣ плиты краснаго шифера, съ рельефными изображеніями на одной плитѣ Сампсона, раздирающаго пасть льва, а на другой—царя, сидящаго въ колесницѣ, запряженной львами. Барельефы эти, безъ сомнѣнія, въ древности принадлежали къ наружнымъ украшеніямъ великой церкви. Въ подвальномъ этажѣ находится паровой котелъ, приводящій въ движеніе скоропечатныя машины, токарные, стругательные и сверлильные станки, а также насосъ, подымающій воду изъ системы, вмѣщающей до 8,000 вѣдеръ, которая устроена на переднемъ типографскомъ дворикѣ. Въ 1-мъ этажѣ залъ для шрифта, наборщиковъ и для печатанія, которое производится 4 скоропечатными машинами и 7 чугунными типографскими станками, здѣсь-же помѣщенными. Въ одной половинѣ верхняго

этажа просушиваются отпечатанные листы и сортируются въ отдѣльные экземпляры, а въ другой, восточной, помѣщены: литографія, хромолитографія и ксилографія. Типографскій корпусъ съ восточной своей стороны имѣетъ широкую галлерею и балконъ, съ которыхъ открывается прекрасный видъ на пещеры, Днѣпръ и Заднѣпровье. Внизу у воротъ, съ этой-же восточной стороны, въ маломъ двухъэтажномъ флигелѣ находятся словолитня, стереотипное и гальванопластическое отдѣленія. Книги лаврской печати расходятся въ большомъ количествѣ не только въ Россіи, но и въ славянскихъ заграничныхъ земляхъ, какъ-то: въ Болгаріи, Сербіи, Буковинѣ и на Аѳонской горѣ. Типографія кіево-печерской лавры не только принадлежитъ къ числу лучшихъ учрежденій сего рода, но она и древнѣйшая въ Россіи. Учреждена она въ началѣ XVI вѣка, именно около 1616 года, ученымъ кіево-печерскимъ архимандритомъ Елисеемъ *Плетенецкимъ*; въ первые уже восемь лѣтъ успѣла при немъ выпустить въ свѣтъ одинадцать изданій, соотвѣтствовавшихъ настоятельнымъ потребностямъ времени, и не смотря на постигавшія ее бѣдствія отъ пожаровъ въ 1718, 1772, 1786 и 1788 г., не прерывала своей благотворной дѣятельности въ теченіи 269 лѣтъ своего существованія. Своимъ усовершенствованіемъ она много обязана митрополитамъ Самуилу, Евгенію и Арсенію; при послѣднемъ изъ нихъ ручные станки замѣнены скоропечатными машинами, введено употребленіе пара, заведена словолитня и литографія и самое зданіе типографіи преобразовано съ устройствомъ подвальнаго этажа, улучшены шрифтъ, бумага и прочіе способы печатанія.

Кромѣ типографіи, лавра имѣетъ малую живописную школу и мастерскія для *позолотныхъ*, *столярныхъ*, *слесарныхъ* и *кузнечныхъ* работъ, которыя помѣщаются частію въ самой лаврѣ, а частію при находящемся внѣ лавры конюшенномъ ея подворьѣ.

Къ типографскому корпусу съ правой его стороны примыкаетъ двухъэтажный корпусъ въ 21 саж. длины, въ которомъ помѣщаются *просфорня* и *хлѣбня*, книжная лавка и книжный магазинъ для продажи лаврскихъ изданій. Противъ южной стороны типографскаго корпуса, предъ трапезною церковью, двухъ-

этажное каменное зданіе новой постройки съ погребами для ледника; въ этомъ зданіи помѣщается школа живописи.

Весь большой дворъ великой лаврской церкви окружаетъ каменная ограда на протяженіи 520 саженей, имѣющая 2 сажени высоты и 4 аршина толщины, съ 4-мя башнями по угламъ. Ограда эта устроена въ 1698 году малороссійскимъ гетманомъ Иваномъ Мазепою. Онъ-же на экономическихъ воротахъ этой ограды соорудилъ большую 5-ти главую церковь во имя *Всѣхъ святыхъ*. Главы этой церкви покрыты листовымъ золотомъ.

Между типографскимъ корпусомъ и стоящею противъ него новою постройкою, отъ великой церкви идетъ покатый спускъ къ нижнимъ лаврскимъ воротамъ, которыми проходятъ на Ближнія пещеры. Для предохраненія отъ дождевыхъ промоинъ спускъ этотъ вымощенъ каменными плитами, кромѣ того правая сторона спуска, а также и лѣвая отъ великой церкви укрѣплены кирпичной стѣной. На укрѣплеяіе этого спуска императрицей Екатериной пожаловано въ 1793 г. 28,694 рубля, исчисленные по тогдашней смѣтѣ.

Ближнія и Дальнія пещеры находятся на крутомъ берегу р. Днѣпра, занимая широкій уступъ лаврской горы; между собою раздѣляются онѣ глубокимъ оврагомъ, а съ южной стороны хребтомъ горы; общая мѣстность обоихъ пещеръ представляетъ потому изъ себя ложбину, закрытую высотами съ сѣверной, западной и южной сторонъ, а съ восточной открытую и наполненную садовыми деревьями, которыя раздѣляются на нѣсколько отдѣльныхъ садовъ. Въ 1844 году вся мѣстность, на которой находятся Ближнія и Дальнія пещеры, обведена крѣпостною стѣной съ амбразурами для пушекъ и щелями для ружейныхъ выстрѣловъ—на пространствѣ 550 саженей, согласно Высочайшему повелѣнію, подъ распоряженіемъ военно-инженернаго начальства, на что употреблено 60,014 рублей 26 коп., съ отнесеніемъ половины этой суммы, именно 32,015 р. 26 коп. на счетъ лавры.

Отъ нижнихъ воротъ лавры въ Ближнія пещеры идутъ чрезъ садъ крытою деревянною, на каменныхъ столбахъ, галлереею, которая, спускаясь по склону горы, приводитъ къ стоящей надъ пещерой каменной церкви во имя Воздвиженія Честнаго Креста, сооруженной въ 1700 году малороссійскимъ полковникомъ Павломъ Герцикомъ, вмѣсто показанныхъ здѣсь на планѣ 1638 г. 2-хъ деревянныхъ церквей во имя преподобнаго *Ѳеодосія* печерскаго и въ честь *Воскресенія Христова*. До 1834 года на южной стѣнѣ церкви, на право отъ входа, помѣщался портретъ храмоздателя Герцика во весь ростъ. Крестовоздвиженская церковь имѣетъ въ длину 18 саж., а въ ширину около 8 саж. Въ 1769 году сдѣланъ для нея новый, рѣзной съ позолотой, иконостасъ во всю длину алтарной арки, а въ 1816 году она расписана по стѣнамъ разными св. изображеніями. Въ храмовую икону Воздвиженія вдѣланъ большой крестъ съ значительною частію древа Креста Господня. Царскія врата серебряныя, съ позолотой по мѣстамъ, устроены въ 1784 году. Престолъ и жертвенникъ обложены мѣдными, вызолоченными досками, съ накладными серебряными украшеніями. Сзади лѣваго клироса въ кіотѣ находится въ серебряной вызолоченной ризѣ казанская икона Божіей Матери, у которой по пяткамъ предъ вечерней читается акаѳистъ. Предъ этой иконой погребенъ 9 мая 1876 года митрополитъ кіевскій Арсеній, о чемъ значится въ надписи на мраморной доскѣ при сѣверной стѣнѣ. Сзади праваго клироса въ серебряномъ окладѣ икона Спасителя. Предъ этой иконой входъ въ склепъ, въ которомъ, подъ клиросомъ, погребены кіевскіе митрополиты *Филаретъ* въ 1857 году и *Филоѳей* въ 1882 году. Здѣсь же у стѣны погребенъ былъ полковникъ Герцикъ.

Влѣво отъ входа въ эту церковь, въ сѣверной стѣнѣ, находится за желѣзной рѣшеткой дверь, чрезъ которую богомольцы, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, входятъ въ пещеру, предшествуемые однимъ изъ монашествующихъ. Всѣхъ преподобныхъ, нетлѣнно почивающихъ въ ближнихъ пещерахъ 71 и затворниковъ 9. Мощи святыхъ сохраняются въ гробницахъ, которыя

поставлены въ нишахъ по обѣ стороны пещерныхъ галлерей; у изголовья изображеніе святаго и предъ нимъ теплится лампадка, надъ гробницей или надъ нишей табличка съ именемъ святаго. Большая часть гробницъ деревянныя, лакированныя; нѣкоторыя обложены серебрянными листами. Въ 1775 году сибирскій горнозаводчикъ, извѣстный Никита Демидовъ прислалъ въ лавру 12 ракъ зеленой, полированной мѣди для мощей святыхъ, которыя отданы по 6-ти въ каждую пещеру. Пройдя первую небольшую кривую галлерею, пересѣкаютъ поперечную галлерею и входятъ въ галлерею прямую, съ которой начинается рядъ гробницъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Преподобная *Іуліанія*, дѣва, княжна Гольшанская.

2. Преподобный *Прохоръ* чудотворецъ, такъ называемый Лебедникъ, «иже молитвою быліе—лободу творяше хлѣбы и въ пепелу—соль» во время голода.—Здѣсь-же церковь преподобнаго Антонія.

3. Преподобный *Іоаннъ* постникъ.

4. Гробъ преподобнаго *Антонія* печерскаго, съ изображеніемъ его на сброкованной ракѣ; подлѣ гроба темная келлія преподобнаго, мѣсто его подвиговъ при жизни.

Далѣе отъ перекрестка галлереи, ведущей въ церковь, съ другою, имѣющею направленіе къ югу, слѣдуютъ:

5 и 6. Преподобно-мученики *Өеодоръ* и *Василій*, почивающіе въ одной гробницѣ; оба они умучены въ темницѣ княземъ Мстиславомъ Святополковичемъ за неотдачу сокровищъ, найденныхъ якобы ими въ Варяжской пещерѣ въ 1091 году.

7. Преподобный *Поликарпъ*, 2-й печерскій архимандритъ († 1182 года).

Въ маленькой церкви во имя преподобнаго Варлаама, 1-го игумена печерскаго, устроенной здѣсь въ 1691 году кіевскимъ митрополитомъ Варлаамомъ Ясинскимъ, въ западной ея части съ одной стороны:

8. Преподобный игуменъ печерскій *Варлаамъ*, внукъ славнаго воеводы Вишаты († 1062 г.); противъ него, на другой сторонѣ:

9. Преподобный *Даміанъ* пресвитеръ, *цѣлебникъ,* врачевавшій молитвою и елеемъ. По выходѣ изъ церкви въ прилегающую галлерею:

10. Преподобный *Никодимъ* просфорникъ († 1141 г.).

11. Преподобный *Лаврентій* затворникъ, въ 1182 году епископъ туровскій.

12. Преподобный *Аѳанасій* затворникъ, пробывшій въ затворѣ 12 лѣтъ († 1176 г.).

13. Преподобный *Эразмъ,* пожертвовавшій все свое имущество на украшеніе великой печерской церкви.

14. Преподобный *Лука,* экономъ печерскій.

15. Преподобный *Нектарій* послушливый.

16. Преподобный *Агапитъ,* врачъ печерскій († 1195 г.), исцѣлившій зеліемъ и молитвою великаго князя Владиміра Мономаха.

17 и 18. Преподобные *Іоаннъ* и *Ѳеофилъ,* родные братья, подвизавшіеся въ XI вѣкѣ.

19. Священномученикъ *Іоаннъ* Кукша, проповѣдывавшій христіанскую вѣру въ землѣ вятичей 1215 г.

Затворъ преподобнаго *Исаакія.*

20. Преподобный *Алексій.*

21. Преподобный *Григорій* иконописецъ.

22. Преподобный *Савва* чудотворецъ.

23. Преподобный *Сергій* послушливый.

24. Преподобный *Меркурій,* изъ печерскихъ иноковъ смоленскій епископъ 1238 г.—На поворотѣ въ новую галлерею:

25. Преподобный *Пименъ* многоболѣзненный, который самъ просилъ себѣ продолженія болѣзни и пролежалъ на одрѣ болѣзни 20 лѣтъ († 1139 г.).

26. Въ боковой короткой вѣтви преподобный *Несторъ,* лѣтописецъ XI вѣка.—Надъ его гробницей придѣлана къ стѣнѣ бронзовая, вызолоченная доска съ барельефами и надписью отъ московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ.

27. По продолженію большой галлереи къ западу, преподобномученикъ *Евстратій*, претерпѣвшій въ г. Корсунѣ отъ евреевъ мученія и смерть на крестѣ за твердость въ христіанской вѣрѣ.

28. Преподобный *Елладій* затворникъ, постникъ и чудотворецъ.

29. Преподобный *Іеремія* прозорливый, помнившій еще крещеніе Руси при св. Владимірѣ.

30. Преподобный *Моисей* угринъ, служившій отрокомъ у св. мученика князя Бориса и уведенный въ плѣнъ польскимъ королемъ Болеславомъ.

31. Преподобный *Іоаннъ* многострадальный, еще при жизни вкопавшій себя по перси въ землю, ради подвига воздержанія.

32. Преподобный *Маркъ* гробокопатель, XI вѣка, употреблявшій и воду съ воздержаніемъ, мѣрою креста.

33. Преподобный *Никола* Святоша, князь черниговскій, бывшій нѣкоторое время привратникомъ печерскаго монастыря († 1136 г.).

34. Преподобный *Григорій* чудотворецъ, современникъ преподобнаго Ѳеодосія, исцѣлявшій бѣсноватыхъ.

35. Преподобный *Онисимъ* затворникъ.

36. Преподобный *Матѳей* прозорливый, XI вѣка.

Поворотивъ въ боковую вѣтвь къ западу, входятъ въ *трапезу* преподобныхъ печерскихъ отцевъ, въ которой они собирались по субботамъ.

Въ трапезѣ почиваютъ:

37. Преподобный *Исаія* чудотворецъ.

38. Преподобный *Аврамій* трудолюбивый.

39. Преподобный *Нифонтъ*, епископъ новгородскій съ 1131 г., († 1156 г.).

40. Преподобный *Сильвестръ*.

41. Преподобный *Пименъ* постникъ, сподвижникъ св. Іоанна Кукши въ дѣлѣ проповѣди.

42. Преподобный *Онуфрій* молчаливый.

По выходѣ изъ трапезы въ галлерею:

43. Преподобный *Анатолій* затворникъ.

44. Преподобный *Спиридонъ* просфорникъ, на рукѣ коего сохранилось православное молитвенное перстосложеніе. Онъ ежедневно прочитывалъ Псалтырь.

45 Преподобный *Арееа* затворникъ XII вѣка, раздавшій все свое имущество бѣднымъ послѣ того, какъ часть его оказалась похищенною ворами.

46. Преподобный *Ѳеофилъ* затворникъ.

47. Преподобный *Сисой* затворникъ.

48. Преподобный *Алипій* иконописецъ, сотрудникъ греческихъ иконниковъ въ украшеніи великой печерской церкви.

49 Преподобный *Онисифоръ* исповѣдникъ.

По переходѣ въ новую галлерею, направляющуюся съ запада на сѣверо-востокъ:

50. Преподобный *Симонъ*, съ 1215 г. епископъ суздальскій, написавшій житія святыхъ печерскихъ и сказаніе о созданіи великой лаврской церкви.

51. Преподобный *Никонъ*. Онъ первый пришелъ къ преподобному Антонію и былъ 4-мъ игуменомъ печерскимъ; при немъ великая церковь украшена живописью и мозаикой.

52. Преподобный *Ѳеофанъ* постникъ.

53 Преподобный *Макарій*.

54. Преподобномученикъ *Анастасій* діаконъ.

55. Преподобный *Аврамій* затворникъ.

56. 12-ть братій, муровщики, трудившіеся въ созданіи и украшеніи великой лаврской церкви, почивающіе рядомъ одинъ подлѣ другаго.

57. Преподобный Исаакій, бывшій въ г. Торопцѣ купцемъ, потерпѣвшій искушеніе въ затворѣ, но исцѣленный молитвами братіи печерской.

58. Преподобный *Илія* Муромецъ, XII вѣка.

59. Святый мученикъ младенецъ *Іоаннъ*.

60. Преподобный *Никонъ* Сухій, кіевлянинъ, взятый половцами въ плѣнъ, потерпѣвшій отъ нихъ и обратившій своего мучителя къ вѣрѣ во Христа.

Отъ гробницы сего святаго входъ въ церковь Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, въ которой почиваютъ:

61. Преподобный *Ефремъ*, 1092 г. епископъ переяславскій, бывшій казначей великаго князя Изяслава Ярославича

62. Преподобный *Титъ* пресвитеръ, за любовь къ обидѣвшему его брату чудесно исцѣленный отъ недуга.

По выходѣ изъ Введенской церкви въ боковую галлерею, за алтаремъ ея, 30 мѵроточивыхъ главъ въ углубленіи стѣны подъ стеклянными колпаками. Отъ нихъ, по продолженію галлереи, выходъ изъ пещеры, подлѣ алтаря большой Крестовоздвиженской церкви. На стѣнѣ, въ прилегающемъ къ сему алтарю павильонѣ, изображены *20 мытарствъ*, которыя проходитъ душа по смерти, восходя на небо.

Дальше къ востоку, надъ крутизной горы небольшой домикъ деревянный, съ церковью во имя *Срѣтенія Господня,* въ которомъ жительствуетъ начальникъ Ближнихъ пещеръ и жительствовалъ іеросхимонахъ Парѳеній, духовникъ митрополита кіевскаго Филарета и графини Анны Алексѣевны Орловой, ради него пристроившей эту церковь. Здѣсь-же онъ и скончался.

Къ югу отъ этого домика гранитная часовня, отдѣланная внутри мраморомъ, подъ которой погребены: кіевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ *Александръ Павловичъ Безакъ* и супруга его *Любовь Ивановна*, урожденная Меркулова.

Подлѣ южныхъ дверей Крестовоздвиженской церкви склепъ, въ которомъ погребены: кіевскій генералъ-губернаторъ, князь *Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ*, и его супруга *Екатерина Алексѣевна*, урожденная княжна Щербатова.

Съ сѣверной стороны корридора, которымъ входятъ въ Крестовоздвиженскую церковь, пристроена въ 1839 году *теплая церковь* съ плоскимъ потолкомъ, въ видѣ большой залы, *во имя всѣхъ преподобныхъ печерскихъ.* Въ концѣ церковной площадки, за каменными воротами, каменная въ $8^1/_2$ саж. *колокольня*,

построенная въ 1763 году. Подлѣ нея двухъ-этажный каменный домъ съ садомъ для помѣщенія иночествующаго братства Ближнихъ пещеръ.

Церковная площадка отдѣлена отъ сада Дальнихъ пещеръ каменною оградою съ двумя башнями, изъ коихъ въ первой, ближайшей къ краю горы, помѣщается ризница пещерныхъ церквей, а въ другой входъ въ деревянную галлерею, ведущую чрезъ садъ къ Дальнимъ пещерамъ въ направленіи къ югу. Для предохраненія южнаго склона горы, вершину которой составляетъ площадка Крестовоздвиженской церкви, отъ обваловъ, производимыхъ подземными ключами, южная часть горы обложена каменною отлогою стѣною, въ видѣ полукруга, опирающеюся на арки; внизу, на углу стѣны, устроенъ круглый контрафорсъ и при немъ колодезь для скопленія воды, которая каналомъ стекаетъ въ оврагъ.

Деревянная галлерея въ 91 сажень длины, ведущая къ Дальнимъ пещерамъ, проходитъ въ саду чрезъ оврагъ по каменнымъ аркамъ и подымаясь на противоположный лаврѣ холмъ, выводитъ на небольшую площадку, съ южной стороны которой на пригоркѣ стоитъ 7-ми главая каменная *церковь Рождества пресвятыя Богородицы* [1]), сооруженная въ 1696 году бѣлоцерковскимъ полковникомъ Константиномъ Мокіевскимъ; длина ея 10 саж., а ширина 8 саж. Иконостасъ ея рѣзной, вызолоченый, высокій; царскія врата серебряныя, съ позолотой, 1784 года. Престолъ и жертвенникъ каменные, обложенные мѣдными вызолоченными досками, съ серебрянными накладными украшеніями; металлическая одежда престола устроена въ 1785 г., а на жертвенникъ въ 1787 г. Противъ западныхъ дверей церкви, въ

---

[1]) На мѣстѣ сей церкви въ 1638 г. была деревянная церковь того-же имени, устроенная въ 1635 г. на мѣстѣ многихъ прежнихъ, ветшавшихъ отъ времени, какъ значится у Кальнофойскаго. Здѣсь-же, по его свидѣтельству, была первоначальная деревянная *Успенская* церковь, построенная преподобнымъ Ѳеодосіемъ, при которой, по выходѣ братіи изъ пещеръ, былъ первый печерскій монастырь, называемый въ Патерикѣ „ветхимъ". Въ началѣ XVI вѣка еще былъ цѣлъ ея престолъ, сложенный изъ простыхъ камней на глинѣ.

разстояніи 6 саженей, каменная въ 2 яруса *колокольня* высотой въ 9 саженей, построенная въ 1761 году. Главы на церкви и колокольнѣ покрыты листовымъ золотомъ. На площадкѣ между Рождество-Богородичною церковью и закругленіемъ крѣпостнаго вала погребены: генералъ-фельдмаршалъ россійскихъ войскъ, графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ *Остенъ-Сакенъ* († 1837 г.); генералы отъ инфантеріи: Паисій Сергѣевичъ *Кайсаровъ* († 1844 г.) и Аѳанасій Ивановичъ *Красовскій* († 1842 г.).

За колокольней Рождество-Богородичной церкви, съ западной стороны, каменный, въ полтора этажа, съ балкономъ, *домъ начальника Дальнихъ пещеръ,* съ келліями для прислуги. Къ сѣверу отъ него, по другую сторону улицы, двухъэтажный домъ съ галлереей и погребами для братскихъ келлій. Другой братскій одноэтажный, частію деревяный, частію каменный, домъ находится по косогору близъ самой Рождество-Богородичной церкви, съ сѣверо-восточной ея стороны.

Ниже, противъ этого дома, по лѣвую сторону галлереи, идущей отъ Ближнихъ пещеръ, каменное зданіе небольшой *церкви во имя Зачатія св. Анны*, которая въ 1809—1810 г. перестроена, съ сохраненіемъ старой кровли, изъ прежней, сооруженной въ началѣ XVIII вѣка кіевскимъ жителемъ Александромъ Емельяновичемъ *Новицкимъ,* уроженцемъ м. Вязовка черкасскаго уѣзда. Нынѣ она служитъ теплою для зимняго времени.

Вправо отъ алтаря этой Зачатьевской церкви деревяный павильонъ, которымъ начинается деревяная-же, на каменныхъ столбахъ, галлерея на протяженіи 24 саженей, круто спускающаяся къ входу въ Дальнюю пещеру.

Въ Дальнія пещеры входятъ изъ каменной часовни, украшенной иконами. Нетлѣнныя тѣла святыхъ почиваютъ въ гробницахъ, по обѣ стороны пещерныхъ галлерей, слѣдуя въ такомъ порядкѣ:

1. Преподобный священномученикъ *Лукьянъ,* пострадавшій послѣ нашествія Батыя въ 1243 году.

2. Преподобный *Лаврентій* затворникъ.

3. Преподобный *Пафнутій*, всегда памятовавшій о смертномъ часѣ.

4. Преподобный *Мартирій* діаконъ, прославившійся силою своей молитвы.

5. Преподобный *Иларіонъ* схимникъ.

6. Преподобный *Θеодоръ* князь острожскій († 1438 г.), современникъ великаго князя литовскаго Ягайла, очистившій Подолье отъ поляковъ.

Противъ гроба преподобнаго *Θеодора* въ надписи значится, что за оконцемъ въ стѣнѣ находятся мѵроточивыя главы.

7. Преподобный *Діонисій* Щепа, затворникъ 1463 года.

8. Преподобный *Аθанасій* затворникъ.

Мѵроточивыя главы за стекломъ оконца.

9. Преподобный *Θеофилъ*, епископъ новгородскій, современникъ Іоанна III и Марθы посадницы, удалившійся въ Кіевъ послѣ заточенія въ Чудовѣ монастырѣ.

10. Преподобный *Зинонъ* постникъ.

11. Препообный *Григорій* постннкъ, питавшійся только неваренымъ зельемъ и водою.

12. Преподобный *Ипатій* цѣлебникъ, вкушавшій только хлѣбъ и воду.

Мѵроточивыя главы въ числѣ 15, обрѣтенныя въ 1834 г. при митрополитѣ Евгеніѣ, въ стѣнѣ, за стекломъ, подъ хрустальными колпаками.

13. Преподобный *Моисей* чудотворецъ, носившій на своемъ тѣлѣ поясъ и крестъ, изъ желѣза сдѣланные.

14. Преподобный *Іосифъ* болѣзненный, выздоровѣвшій отъ болѣзни въ печерскомъ монастырѣ, куда переселился по обѣту.

15. Преподобный *Павелъ* послушливый, не проводившій и минуты въ праздности, а въ свободное время моловшій на жерновѣ.

16. Преподобный *Сисой* схимникъ, побѣдившій страсти и злыхъ духовъ.

17, 18. Преподобные *Леонтій* и *Геронтій*, канонархи печерскіе.

19. Преподобный *Несторъ* некнижный, никогда не воздремавшій во время богослуженія.

20 Преподобный *Θеодоръ* молчаливый, не погрѣшившій и въ словѣ.

21. Преподобный *Памво* затворникъ, чудесно освобожденный отъ плѣна у невѣрныхъ

22. Преподобный *Софроній* затворникъ, ежедневно прочитывавшій псалтырь въ темной пещерѣ.

23. Преподобный *Панкратій* затворникъ, исцѣлявшій больныхъ молитвою и помазаніемъ елея.

24. Преподобный *Анатолій* затворникъ.

25. Преподобный *Мардарій* затворникъ, не имѣвшій никакой собственности, кромѣ одѣянія на себѣ.

26. Преподобный *Аммонъ* затворникъ, послѣ путешествія на Аθонъ и въ Іерусалимъ служившій образцемъ иноческой жизни.

27. Преподобный *Іоръ*, отличавшійся постомъ и трудолюбіемъ и скончавшійся въ затворѣ.

28. Преподобный *Мартирій* затворникъ.

29. Преподобный *Руθъ* затворникъ.

Церковь *Благовѣщенія пресвятыя Богородицы*. Въ этой церкви почиваютъ:

30. Преподобная *Ефросинія*, игуменія полоцкая, дочь полоцкаго князя Георгія Всеволодовича, въ мірѣ Предислава, скончавшаяся въ Іерусалимѣ 1133 года, откуда ея мощи перенесены въ Кіевъ по завоеваніи Іерусалима турками.

31. Преподобный *Арсеній* трудолюбивый, не вкушавшій пищи до захожденія солнца и ни днемъ, ни ночью не остававшійся безъ дѣла.

32. Преподобный *Евфимій* схимникъ, по принятіи схимы обрекшій себя на совершенное безмолвіе.

33. Преподобный *Веніаминъ* изъ богатыхъ купцовъ, раздавшій все свое имущество бѣднымъ и на церкви.

34. Преподобный *Титъ* воинъ, поступившій въ число иноковъ послѣ раны, въ голову полученной на сраженіи.

35. Преподобный *Ахила* діаконъ, довольствовававшійся одной просфорой въ недѣлю.

36, 37 Преподобные *Паисій* и *Меркурій*, жившіе въ одной келліи и по смерти положенные въ одномъ гробѣ; нынѣ почиваютъ въ отдѣльныхъ ракахъ, одинъ противъ другаго, неизвѣстно съ какого времени.

Церковь преподобнаго Θеодосія. Въ ней почиваютъ:

38. Преподобный *Макарій* діаконъ, имѣвшій великое усердіе къ храму Божію и постоянно упражнявшійся въ чтеніи божественныхъ книгъ и молитвъ.

39. Преподобный *Пименъ*, не ослабѣвавшій отъ поста и молитвы, хотя вкушалъ пищу одинъ разъ въ недѣлю.

Келлія преподобнаго Θеодосія.

Отъ нея въ нѣсколькихъ шагахъ *мгроточивая глава* неизвѣстнаго святаго.

40. Преподобный *Силуанъ* схимникъ, силою молитвы связавшій похищавшихъ овощи изъ монастырскаго сада и отпустившій ихъ чрезъ три дня съ увѣщаніемъ.

41. Преподобный *Агафонъ* чудотворецъ, получившій заранѣе извѣщеніе о своей кончинѣ.

42. Преподобный *Захарія* постникъ, сынъ кіевскаго жителя Іоанна, отдавшій игумену печерскому Іоанну 2.000 гривенъ серебра и 200 гривенъ золота, полученные въ наслѣдство отъ своего отца.

43. Преподобный *Игнатій*, архимандритъ печерскій, отличавшійся предъ всѣми постомъ, молитвою и смиреніемъ.

Гробъ преподобнаго *Θеодосія* у южной стѣны его церкви, въ углубленіи, откуда его мощи вынуты въ XII вѣкѣ и перенесены въ великую церковь. Противъ Θеодосіева гроба на стѣнѣ, обитой мѣдными листами, икона Божіей Матери съ предстоящими при ней 2-мя ангелами и преклоненными предъ ней св. Антоніемъ и Θеодосіемъ, такъ называемая печерская, замѣняющая собою утраченный подлинникъ. Празднованіе ей 3-го мая.

Здѣсь же, въ стѣнномъ углубленіи, обложенномъ мѣдными вызолоченными листами, на большомъ серебряномъ блюдѣ *мг-*

роточивая глава, мνромъ которой помазываются приходящіе на поклоненіе св. мощамъ [1]).

и 44. Часть мощей св младенца, Христа-ради убіеннаго отъ Ирода, данная въ лавру іерусалимскимъ патріархомъ Өеофаномъ въ 1620 году.

Церковь Рождества Христова, въ коей почиваютъ:

45. Преподобный *Лонгинъ,* вратарь печерскій, стяжавшій себѣ даръ прозорливости.

и 46. Мνроточивыя главы, въ числѣ 30, неизвѣстныхъ святыхъ.

Затѣмъ выходъ изъ пещеръ направляется въ ту же часовню, которою входятъ въ пещеры.

Къ южной сторонѣ *Дальнихъ* пещеръ примыкаютъ такъ называемыя *варяжскія* пещеры, которыя у Кальнофойскаго иначе называются разбойническими. Онѣ начинаются подлѣ гробницы св. Лаврентія затворника, идутъ сначала однимъ рукавомъ, а потомъ развѣтвляются; дальнѣйшія изъ нихъ завалены обрушившеюся землею.

Какъ Ближнія, такъ и Дальнія пещеры ископаны въ твердой, песчано-глинистой почвѣ и по переселеніи иночествующихъ въ большой монастырь, служили, вмѣсто кладбища, для погребенія покойниковъ изъ монастырской братіи. Но не качество почвы, по замѣчанію печерскаго архимандрита XVII вѣка Иннокентія Гизеля, причиною тому, что тѣла святыхъ сохраняются нетлѣнными въ продолженіи многихъ столѣтій, ибо иныя тѣла, тамъ же положенныя, превращались въ прахъ: печерскіе угодники удостоены нетлѣнія за святость жизни и за свою преданность волѣ Божіей. Какъ далеко простираются тѣ и другія пещеры, неизвѣстно было и въ концѣ XVII вѣка, потому что отъ землетрясенія онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрушились за

---

[1]) Эта, особенно чествуемая, глава неизвѣстнаго святого не глава-ли св. Климента, папы римскаго, хранившаяся въ X и XI в. въ кіево-десятинной церкви? Если изъ этой церкви, по ея разореніи въ XIII в. татарами, перенесены въ пещеры мощи 1-го кіевскаго митрополита Михаила, то могла быть съ ними взята и глава св. Климента.

60 лѣтъ до 1674 года; устроены же онѣ столь разнообразно, что незнакомый съ ихъ расположеніемъ затруднится отыскать выходъ изъ нихъ безъ проводника, какъ замѣтилъ еще описатель сихъ пещеръ Иннокентій Гизель. Во время нашествія татаръ съ Батыемъ, входы въ пещеры были закрыты или лучше завалены землею. Въ половинѣ XV вѣка становится извѣстнымъ, что онѣ уже были открытыми.

Ихъ посѣщали богомольцы уже въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ свидѣтельствуютъ Ляссота, Кальнофойскій и діаконъ Павелъ; но еще до конца прошлаго столѣтія пещерныя ниши, въ которыхъ стоятъ гробницы съ тѣлами святыхъ, были закрыты досками; на каждой изъ досокъ было изображеніе почивающаго за нею святого, по срединѣ доски небольшое отверстіе, сквозь которое, съ помощью свѣчи, можно было видѣть гробницу. Болѣе 20 такихъ досокъ сохраняются и нынѣ при пещерахъ. Прикладываться къ мощамъ печерскихъ угодниковъ и чествовать ихъ цѣлованіемъ начали, по всей вѣроятности, только съ конца прошлаго столѣтія.

Житія печерскихъ святыхъ находятся въ *Печерскомъ Патерикѣ*, книгѣ, составленной въ XIV вѣкѣ по древнимъ сказаніямъ. Въ Патерикѣ помѣщены свѣдѣнія преимущественно объ угодникахъ, почивающихъ въ *Ближнихъ* пещерахъ. О святыхъ, почивающихъ въ *Дальнихъ* пещерахъ, извѣстно только немногое изъ древнихъ сѵнодиковъ, а также изъ надписей надъ ихъ гробами, изъ южно-русскаго описанія ихъ XVII вѣка, а также изъ описанія ихъ, составленнаго Иннокентіемъ Гизелемъ, которое издано пасторомъ, саксонцемъ Гербиніемъ на латинскомъ языкѣ. Основу печерскаго Патерика составляютъ: посланіе бывшаго печерскаго инока, а потомъ суздальскаго епископа Сѵмона († 1226 г) къ его ученику и другу, кіево-печерскому монаху Поликарпу и посланіе послѣдняго къ кіево-печерскому архимандриту Акиндину о созданіи и украшеніи великой церкви печерскаго монастыря, о жизни и подвигахъ печерскихъ прежнихъ иноковъ. Въ послѣдствіи къ этимъ посланіямъ добавлены извлеченія изъ лѣтописи преподобнаго Нестора о началѣ печерскаго монастыря и

первыхъ его подвижниковъ и изъ житія преподобнаго Өеодосія, игумена печерскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ статьяхъ составителями Патерика сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія и сокращенія въ текстѣ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, а сказаніе о созданіи великой печерской церкви, бывшее въ концѣ Симонова посланія, поставлено въ началѣ Патерика. Древнѣйшіе списки печерскаго Патерика: такъ называемый Арсеньевскій, 1406 года, и Кассіановскій 1462 года. Въ первый разъ печерскій Патерикъ напечатанъ въ 1661 году, въ кіево-печерской лаврѣ.

Пещерамъ Дальнимъ угрожала еще большая, чѣмъ Ближнимъ, опасность отъ обваловъ горы, въ которой онѣ ископаны; посему разновременно въ прошломъ и нынѣшнемъ столѣтіи были принимаемы мѣры къ укрѣпленію пещеръ. На этотъ предметъ отпущено было въ 1750 г., по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, 5,000 рублей, а съ 1761 года для укрѣпленія пещерныхъ горъ учрежденъ былъ, по высочайшему повелѣнію, особый комитетъ, съ назначеніемъ въ его распоряженіе потребной суммы. По повелѣнію императора Павла 1-го въ 1797 г. на тотъ-же предметъ отпущено было по смѣтѣ 65,385 р. 24 коп. Послѣднее укрѣпленіе производилось въ 1810 г. по проэкту генерала Сухтелена и стоило болѣе 87,000 рублей; оно состояло въ устройствѣ двухъ каменныхъ трубъ со сводами для отвода ключей, вытекающихъ изъ горы, и кромѣ того по крутизнѣ горы сдѣланы земляные насыпные уступы, усаженные деревьями. Впрочемъ починка обваловъ горы производилась еще въ 1825, 1827 и 1829 годахъ.

По выходѣ изъ Дальнихъ пещеръ, богомольцы возвращаются къ церковной площадкѣ «ветхаго» монастыря тою-же крутою галлереею, которою спустились, имѣя съ лѣвой стороны прекрасный видъ на Днѣпръ, а съ другой монастырскій садъ.

Въ глубокомъ оврагѣ, отдѣляющемъ Дальнія пещеры отъ Ближнихъ, находятся *два колодца*, изъ коихъ одинъ приписывается преподобному Антонію, а другой преподобному Өеодосію;

къ нимъ спускаются по крутымъ ступенямъ отъ Зачатьевской церкви и съ холма Ближнихъ пещеръ.

Возвратившись вновь на площадку «ветхаго» монастыря, богомольцы обыкновенно направляются отсюда къ лаврской гостинницѣ, по дорогѣ, пролегающей по верху между-пещернаго оврага, между монастырскими садами, оставляя вправо не такъ легкій путь по галлереямъ и дворъ Ближнихъ пещеръ. Въ концѣ этой дороги, тамъ, гдѣ начинается лаврская гостинница, въ древности существовала устроенная преподобнымъ Θеодосіемъ странноприіимница для нищихъ и увѣчныхъ, съ церковью во имя первомученика Стефана. На содержаніе этой странноприимницы шла тогда десятая часть монастырскихъ доходовъ. *Таково бо бяше милосердіе отца нашего Θеодооія,* говорится въ его житіи, *аще бо видяше нища или убога, въ скорби суща и въ одеждѣ худѣ, жаляшеси его ради и вельми тужаше о семъ и съ плачемъ того миноваше.*

Лаврская гостинница состоитъ изъ 3-хъ двухъ-этажныхъ и одного 4-хъ этажнаго корпусовъ, съ навѣсами для простыхъ богомольцевъ и сараями для разныхъ службъ. Корпусъ вправо отъ въѣзжихъ воротъ гостинницы занятъ лѣчебницей для заболѣвающихъ богомольцевъ. Лѣчебница состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій, въ которыхъ помѣщается до 40 кроватей: для мужчинъ и до 40 для женщинъ. Въ нижнемъ этажѣ отдѣленіе для больныхъ легкими болѣзнями. Въ 1863—1866 года зданіе лѣчебницы перестроено для большаго удобства и вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ устроена церковь *во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости.* Въ прочихъ 3-хъ корпусахъ квартиры для пріѣзжихъ и приходящихъ богомольцевъ, которые могутъ пользоваться ими безмездно до 2-хъ недѣль.

При гостинницѣ съ 1839 года заведена *безплатная трапезная для бѣдныхъ странниковъ.* Основаніе сему учрежденію положено, по благословенію и по мысли кіевскаго митрополита Филарета, *графиней Анной Алексѣевной Орловой-Чесменской* и усилено пожертвованіями вдовы тайнаго совѣтника Маріи И. Флоровой, Варвары А. Турчаниновой и жены полковаго эсаула

Екатерины М. Дементьевой. Были и другіе жертвователи на это богоугодное дѣло, не пожелавшіе однако открыть свои имена для свѣта.

Съ юго-восточной стороны къ двору гостинницы примыкаетъ двухъ-этажное зданіе, въ которомъ помѣщается *лаврскій свѣчной заводъ*, на которомъ выдѣлывается до 2,000 пудовъ церковныхъ свѣчей изъ чистаго пчелинаго воска, для потребностей лавры.

При выѣздѣ изъ двора лаврской гостинницы, противъ Воскресенской приходской церкви, за лаврской оградой, на площадкѣ двухъ-этажный домъ для склада книгъ, бумаги и другихъ матеріаловъ лаврской типографіи. На этой площадкѣ въ прошломъ столѣтіи былъ домъ кіевскаго намѣстничества и его канцеляріи.

Богослуженіе кіево-печерской лавры отличается своимъ древнимъ, величественнымъ и вмѣстѣ умилительнымъ напѣвомъ, трогающимъ до глубины души. Служба совершаетзя точно по уставу, неспѣшно и съ особеннымъ благоговѣніемъ. Пѣніе стихиръ всегда предваряетея возгласами *канонарха*. Эбычай этотъ упоминается въ житіи Саввы Освященнаго († 532 г.), а по свидѣтельству Василія великаго существовалъ и раньше его времени и былъ въ употребленіи у подвпжниковъ. Послѣднія стихиры поются по срединѣ церкви соединенными клиросами [1]). Звону къ службамъ предшествуетъ удареніе въ било по пустынному обычаю. Звонъ къ службамъ производится въ издревле опредѣленныя времена. Къ заутрени въ лѣтнее время звонъ бываетъ въ 12 часовъ ночи, въ зимнее время въ 2 часа по полуночи. Особенною продолжительностію и вмѣстѣ торжественностію отличаются службы въ дни памяти: преподобнаго *Ѳеодосія* (3 мая), преподобнаго *Антонія* печерскаго (10 іюля), св. равноапостольнаго князя Владиміра (15 іюля), перенесенія мощей преподобнаго *Ѳеодосія* печерскаго (14 августа), *собора преподобныхъ, почивающихъ въ Дальнихъ пещерахъ* (28 августа), *собора пре-*

---

[1]) Въ 1816 году императоръ Александръ I, отслушавъ въ большой лаврской церкви литургію, совершаемую лаврскимъ напѣвомъ, Высочайше повелѣлъ, чтобы этотъ напѣвъ сохранялся неизмѣнно.

подобныхъ, почивающихъ въ Ближнихъ пещерахъ (въ субботу по отданіи праздника Воздвиженія), *въ день памяти св. Михаила*, 1-го митрополита кіевскаго (30 сентября) и памяти *всего собора печерскихъ святыхъ* (во 2-ю недѣлю великаго поста). Но торжественнѣе и вмѣстѣ продолжительнѣе прочихъ бываетъ служба въ день Успенія Божіей Матери (15 августа): во время всенощной этого праздника, совершаемой священно-архимандритомъ лавры—митрополитомъ, поются погребальныя статьи изъ 17-й каѳизмы съ стихами въ честь Божіей Матери; при началѣ каждой статьи бываетъ кажденіе по всей церкви, а по окончаніи малая ектенія, какъ бываетъ въ великую субботу надъ плащаницей. По 6-й пѣсни канона предъ иконой Успенія Божіей Матери, спускаемой внизъ, при растворенныхъ царскихъ вратахъ совершается чтеніе акаѳиста Успенію Божіей Матери. Всенощная эта, начинающаяся наканунѣ праздника въ 6 часовъ вечера, оканчивается въ часъ ночи. Въ самый праздникъ предъ поздней литургіей, послѣ водоосвященія, совершается крестный ходъ вокругъ лавры, который выступаетъ изъ лавры сѣверными или экономскими воротами, и обходя ограду лаврскую мимо св. воротъ и лаврской гостинницы, возвращается въ лавру нижними пещерными воротами; при чемъ предъ каждыми воротами останавливаются для совершенія литіи и окропленія св. водою стѣнъ лавры и народа. По окончаніи крестнаго хода начинается въ великой лаврской церкви литургія, совершаемая въ этотъ день большимъ соборомъ священно-служащихъ, при участіи 2-хъ или 3-хъ архіереевъ. Послѣ обѣдни преосвященный митрополитъ кіевскій, по званію настоятеля лавры, благословляетъ трапезу, устраиваемую на лаврскомъ дворѣ для приходящаго къ празднику народа. Подобныя трапезы устраиваются также 3 мая въ день преп. Ѳеодосія и 10 іюля въ день преп. Антонія. На одной изъ такихъ трапезъ въ 1837 году присутствовалъ императоръ Николай Павловичъ; отвѣдавъ самъ приготовленную пищу и похваливъ этотъ древній обычай, онъ выразилъ желаніе, чтобы святые обычаи предковъ соблюдались нерушимо и впредь.

Во все продолженіе четыредесятницы, начиная отъ первой среды

до среды страстной недѣли, ежедневно, кромѣ субботы и воскресенія, отправляется въ лаврѣ преждеосвященная литургія [1]). Въ теченіи свѣтлой седмицы, на большомъ выходѣ во время херувимской пѣсни, въ слѣдъ за св. Дарами сослужащіе священники несутъ изъ придѣла жертвенника въ алтарь сквозь царскія врата плащаницу; но на престолѣ плащаница не полагается.

Въ великой лаврской церкви въ извѣстные дни употребляются при богослуженіи облаченія только одного извѣстнаго цвѣта; такъ въ Господскіе праздники употребляются облаченія парчевыя съ золотыми разводами по алому полю, въ Богородичные и въ дни Ангеловъ парчевыя съ золотыми разводами по бѣлому полю, или совершенно бѣлыя, въ дни Апостоловъ—желтаго цвѣта, въ святительскіе—голубаго, въ мученическіе—краснаго, въ дни преподобныхъ—зеленаго цвѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) По студійскому уставу, Агнецъ въ великій постъ заготовляется на 5 дней: слѣдовательно преждеосвященная литургія въ студійскомъ монастырѣ совершалась также ежедневно, кромѣ субботы и воскреснаго дня.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ) [1].

II.

Обладая не дурнымъ поэтическимъ талантомъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко предавался иногда въ часы досуга литературнымъ занятіямъ,—писалъ стихи, басни, статьи критическія.

Въ ряду поэтическихъ и критическихъ работъ Андрея Яковлевича прежде другихъ останавливаютъ на себѣ вниманіе тѣ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ его научнымъ занятіямъ и являются плодомъ любви его къ родинѣ: это малоруская оперетка въ двухъ-дѣйствіяхъ, подъ заглавіемъ: «Запорозська Сичъ», и критическій разборъ первой части «Повѣстей пасичника Рудого Панька», подъ заглавіемъ: «Мысли малороссіянина, по прочтеніи повѣстей пасичника Рудого Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ: Вечера на хуторѣ близъ Диканьки, и рецензій на оныя».

«Запорозська Сичь» сохранилась въ рукописи. Она не была дописана, вполнѣ окончено только первое дѣйствіе, для второго же набросанъ лишь планъ. По своему характеру это произведеніе принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя были созданы подъ вліяніемъ сентиментализма, перенесеннаго съ запада въ русскую литературу, а затѣмъ и въ украинскую въ лицѣ И. П. Котляревскаго и главнымъ образомъ Г. Ѳ. Квитки-Основьяненка [2]). Сюжетъ этой пье-

---

[1]) См. „Кіевская Старина“, майск. кн. 1886 г., стр. 1—25.

[2]) Н. И. Петровъ, Очеркъ исторіи украинской литературы XIX ст., Кіевъ, 1884 г., стр. 86.

ски заимствованъ изъ быта украинскихъ козаковъ-хуторянъ и запорожцевъ второй половины XVIII вѣка.

Молодой запорожецъ, Безридный, любитъ дочь козака Андрія Шолома, Галю; но безпокойный образъ жизни сѣчевиковъ заставляетъ молодого козака часто отлучаться отъ своей милой, такъ что Галѣ приходится тужить по немъ. Между тѣмъ родители Гали засватываютъ ее за дьяка, Прихидька, не смотря на ея нежеланіе; тогда Галя, чтобы избѣгнуть брака съ человѣкомъ ей немилымъ, рѣшается нарядиться въ костюмъ запорожца и вмѣстѣ съ Безриднымъ и его товарищемъ, Сагайдачнымъ, отправиться въ Сѣчь. Сказано—сдѣлано, хотя и подъ страхомъ смертной казни Безриднаго въ томъ случаѣ, если запорожцы узнаютъ, что онъ привелъ съ собою въ Сѣчь женщину.

На этомъ кончается первое дѣйствіе; второе, судя по отрывочнымъ замѣткамъ, набросаннымъ рукою Андрея Яковлевича, должно было состоять въ слѣдующемъ:

Первое время все шло хорошо. Храбрость Гали во время походовъ доставила ей пріязнь товарищей и расположеніе старшинъ, которые и не подозрѣвали въ ней женщины; но вдругъ родители Гали, послѣ долгихъ поисковъ, напали на ея слѣдъ и явились въ Сѣчь съ требованіемъ выдать имъ дочь. Сѣчевики были поражены этимъ и не знали, какъ отнестись къ поступку Безриднаго—казнить ли его, или помиловать. Случись что либо подобное въ XVII вѣкѣ, или въ первой половинѣ XVIII вѣка, въ эпоху, когда законы, выработанные бездомнымъ, холостымъ товариствомъ, сохраняли всю свою силу, не было бы и минуты колебанія; но авторъ оперетки отнесъ ея дѣйствіе къ послѣднимъ годамъ существованія Сѣчи, когда она не была похожа на старую Сѣчь, что хорошо извѣстно было автору, потому-то онъ и разрѣшаетъ проведенную интригу благопріятнымъ для главныхъ дѣйствующихъ лицъ исходомъ: когда Галя бросилась къ ногамъ старшинъ съ просьбой о помилованіи, то они, вспомнивши о показанныхъ ею подвигахъ, прощаютъ Безридного и онъ ѣдетъ вмѣстѣ съ Галей на хуторъ къ ея родителямъ, которые, сильно соскучившись по дочери, охотно даютъ свое благословеніе на бракъ ея съ Безриднымъ.

Какъ видимъ, основныя положенія оперетки общи и другимъ произведеніямъ украинской литературы того времени, въ частности

«Наталкѣ Полтавкѣ» И. П. Котляревскаго и «Сватанню на Гончаривци» Основьяненка: горячая любовь козака и дивчины, препятствія къ браку, не зависящія отъ влюбленныхъ,—несогласіе родителей и желаніе ихъ выдать дочь замужъ за другого, по ихъ понятію, болѣе выгоднаго жениха, и наконецъ бракъ влюбленныхъ. Хотя годъ, когда была написана оперетка, не можетъ быть установленъ съ полной точностью, но во всякомъ случаѣ это было въ періодъ времени отъ 1839 г. до 1846 г., такъ что это произведеніе является несомнѣннымъ подражаніемъ названнымъ сочиненіямъ Котляревскаго и Квитки: сватъ напр. Ярема въ опереткѣ Стороженка—копія со свата Ѳимоша у Квитки. Но это сходство не уменьшаетъ достоинствъ произведенія Андрея Яковлевича: интрига въ немъ проведена довольно искусно, въ уста дѣйствующихъ лицъ вложены прекрасныя народныя пѣсни, да и сочиненныя авторомъ, въ подражаніе народнымъ, близко подходятъ къ нимъ, дѣйствующія же лица выведены живо, естественно, хотя Галя впадаетъ иногда въ тонъ чувствительной барышни, а женихъ и сваты нѣсколько пародированы въ своей простотѣ, какъ и у Котляревскаго. Языкъ оперетки мѣстами не чуждъ неправильностей и искуственности. Впрочемъ читатели могутъ оцѣнить сами это произведеніе, помѣщаемое здѣсь въ приложеніи подъ № 4.

Критическій этюдъ Андрея Яковлевича: «Мысли малороссіянина» былъ изданъ въ свое время Н. И. Гречемъ [1]). Имя автора скрыто здѣсь подъ псевдонимомъ Андрія Царынного. Какъ видно изъ вышеприведеннаго подробнаго заглавія этюда, это есть попытка дать критическую оцѣнку «Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Свой разборъ повѣстей Гоголя Стороженко начинаетъ съ отзыва о сочувственныхъ рецензіяхъ на эти повѣсти, появившихся въ Сѣверной Пчелѣ и въ литературномъ прибавленіи къ Русскому Инвалиду; онъ находитъ, что отзывы эти составлены поверхностно, состоятъ изъ общихъ фразъ, безъ подробнаго разбора отдѣльныхъ мѣстъ, и обличаетъ рецензентовъ въ недостаточномъ знакомствѣ съ «Повѣстями», въ незнаніи языка, быта и характера малорусскаго

---

[1]) Первоначально онъ печатался въ „Сынѣ Отечества" за 1832 г., т. CXLVII, стр. 41—49, 101—115, 145—164, 223—242, 288—312, а затѣмъ въ томъ же году вышелъ отдѣльной книжкой въ 8 д., въ числѣ 71 стр.

народа. Досталось въ особенности рецензенту литературнаго прибавленія къ Русскому Инвалиду (1831 года, № 79) за производство отъ слова *Панька* (въ родительномъ падежѣ) слова *Панёкъ* (въ падежѣ именительномъ). «Знавалъ и я, пишетъ Андрей Яковлевичъ, почтенныхъ пасичниковъ, веселыхъ, словоохотныхъ стариковъ, и Стецька, и Грицька, и Панька: но Панёкъ не нашъ! ей-ей не нашъ! и изъ трехъ вышепоименованныхъ каждый, при всемъ миролюбіи своемъ, на кличку: Стецёкъ-бы-то, Грицёкъ, или Панёкъ, конечно, отвѣчалъ бы, хотя и подъ сѣдые усы себѣ: самъ ты пенёкъ! не разсуждая, что такъ назвалъ его москаль, никогда не живавшій въ Малороссіи, слѣдовательно не имѣвшій случая слышать именъ крещеныхъ, присвоенныхъ у насъ простолюдинами. О! никакой у насъ Панько, не погнѣвайтесь, не смолчитъ, если бы назвали его Панёкъ. У насъ панъ-отецъ, какъ мы величаемъ священника, нарекая мальчика Григоріемъ, или Пантелеемъ (Пантелеймономъ), обыкновенно привѣтствуетъ родителей, въ угожденіе имъ, съ новорожденнымъ Грицькомъ или Панькомъ, что повторяетъ и баба, принявшая младенца отъ купели, и такимъ образомъ отъ колыбели до могилы окрещенные въ сихъ, по обычаю, уменьшенныхъ именахъ, носятъ оныя съ тяжелымъ крестомъ житейскимъ».

Продолжая обличать неумѣлыхъ рецензентовъ, Стороженко замѣчаетъ, что ихъ похвалы основаны, вѣроятно, исключительно на «письмѣ славнаго поэта Пушкина, напечатанномъ въ рецензіи Русскаго Инвалида, которое убѣждало внимать похваламъ и не прочитавши «Повѣстей», и что это могло случиться на грѣхъ и съ рецензентомъ [1]. Въ заключеніе своего отзыва о названныхъ рецензіяхъ Андрей Яковлевичъ говоритъ, что по нимъ нельзя составить себѣ яснаго представленія о достоинствахъ «Повѣстей» Гоголя и что авторъ этихъ послѣднихъ не долженъ придавать много значенія такимъ пустымъ похваламъ.

Приступая затѣмъ къ разбору «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», Андрей Яковлевичъ характеризуетъ въ краткихъ словахъ тогдашнее положеніе русской беллетристики и даетъ о ней не лес-

---

[1]) „Мысли малороссіянина", стр. 3 и 4

тный отзывъ. «Литература, говоритъ онъ, ограничивается весьма невеликимъ числомъ романовъ. Досужіе писатели наши подтчуютъ насъ стишками, легкими коротенькими повѣстями, а если кто-нибудь не полѣнится наполнить такими сочиненіями книжки двѣ, то сія, легко прославляющая на пустынномъ Парнасѣ нашемъ, братія равняетъ его съ самыми знаменитыми современными писателями просвѣщенной Европы». По словамъ критика, въ то время особенно привлекала вниманіе писателей Украйна, поэтическая по своей природѣ и по своему прошлому; но и тутъ, какъ онъ говоритъ, выходило «по пословицѣ: поймать не поймать, а погнаться можно» и хотя Украйна «приманивала въ архивъ преданій своихъ и въ юдоль настоящаго житья-бытья многихъ современныхъ поэтовъ и прозаиковъ, но попытки ихъ въ описательной поэзіи и въ изображеніи народности не совсѣмъ удавались» [1]). Въ то время были въ ходу три беллетристическія произведенія, сюжеты которыхъ взяты изъ украинской жизни, это: «Малороссійская деревня», И. Г. Кулжинскаго [2]), «Бурсакъ», В. Т. Нарѣжнаго [3]), и «Монастырка» А. Погорѣльскаго [4]).

---

1) Тамъ же, стр. 9.

2) Въ „Мысляхъ малороссіянина“ по ошибкѣ наборщика напечатано *Калужинскаго.* Иванъ Григорьевичъ Кулжинскій, сынъ діакона, род. въ 1803 г. въ г. Глуховѣ; образованіе получилъ въ черниговской семинаріи; былъ учителемъ катихизиса, греческаго языка, русской и славянской грамматики въ черниговскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ и затѣмъ учителемъ латинскаго языка въ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ; впослѣдствіи онъ былъ учителемъ гимназіи въ Харьковѣ, директоромъ въ Луцкѣ и Немировѣ, инспекторомъ въ лицеѣ кн. Безбородко и наконецъ директоромъ закавказскихъ училищъ. „Малороссійская деревня“ его первое прозаическое произведеніе (Москва, 1827 г.), затѣмъ его сочиненія появлялись въ разныхъ журналахъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Помимо беллетристическихъ трудовъ, онъ подвизался и въ области исторіи и исторіи литературы.

3) Василій Трофимовичъ Нарѣжный, род. въ 1780 г. въ д. Степановкѣ миргородскаго уѣзда, полтавской губерніи, извѣстный романистъ, умеръ въ іюлѣ 1825 г.

4) Погорѣльскій—псевдонимъ Алексѣя Алексѣевича Перовскаго. Перовскій род. въ 1787 г., воспитывался въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1807 г. докторомъ философіи и словесныхъ наукъ. Въ качествѣ партизана онъ участвовалъ въ отечественной войнѣ и былъ адъютантомъ князя Репнина въ Саксоніи. Въ 1825 г. былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго университета. Въ 1830 г. вышелъ въ отставку и скончался въ 1836 г. Романъ его „Монастырка“ въ свое время имѣлъ громадный успѣхъ.—А. А. Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ. Т. II, С.П.Б., 1880 г., стр. 112.

Андрей Яковлевичъ даетъ свой отзывъ о каждомъ изъ нихъ прежде, чѣмъ перейти къ разбору повѣстей Гоголя. Его замѣчанія объ нихъ, не смотря на то, что представляютъ собою мнѣніе современника и притомъ не записнаго критика, сохраняютъ за собою вѣрность и мѣткость и въ настоящее время. Въ «Малороссійской деревнѣ» Кулжинскаго онъ указываетъ неточное знаніе быта народа или его языка, какъ напримѣръ въ разсказѣ автора о томъ, будто бы «беззаботный малороссійскій крестьянинъ, не взирая на морозъ и вьюгу, охотно прохаживается въ ближайшую винокурню, дабы тамъ побесѣдовать», гдѣ авторъ, повидимому, принялъ шинокъ за винокурню. Къ «Бурсаку» Нарѣжнаго Андрей Яковлевичъ относится съ видимымъ сочувствіемъ, замѣчаетъ даже, что онъ «списанъ съ натуры», а о его романахъ вообще дѣлаетъ весьма похвальный отзывъ, хотя и коритъ его подъ часъ за невзыскательный выборъ предметовъ и недостаточно чистый слогъ. «Г. Нарѣжный, говоритъ онъ далѣе, сочиненіями своими, а особенно «Бурсакомъ», умѣлъ смѣшить и самыхъ унылыхъ земляковъ моихъ. Я видѣлъ одного умнаго, почтеннаго старика-протопопа, который, читая «Бурсака», то смѣялся, то плакалъ отъ избытка чувствъ и душевнаго умиленія. Старикъ сознавался, что въ «Бурсакѣ» онъ видитъ почти самого себя и что, вспоминая ученіе свое въ переяславской бурсѣ, казалось, дѣлался моложе годами 60-ю». О талантѣ Погорѣльскаго, Стороженко былъ, по видимому, еще болѣе высокаго мнѣнія и о его «Монастыркѣ» замѣчаетъ, что она «подавала надежды несравненно утѣшительнѣйшія тѣхъ, кои могли представляться по прочтеніи романовъ Нарѣжнаго; но ожидаемаго продолженія оной понынѣ не явилось на свѣтъ бѣлый, прочитавши же первую только часть. нельзя судить о цѣломъ сочиненіи» [1]).

Подойдя такимъ образомъ къ повѣстямъ Гоголя, Стороженко даетъ болѣе или менѣе обстоятельный разборъ: «Сорочинской ярмарки», «Вечера накапунѣ Ивана Купала», «Майской ночи или Утопленницы» и «Пропавшей грамоты». Въ общемъ его замѣчанія на эти четыре произведенія Гоголя сводятся къ тому, что, хотя въ нихъ много мѣстъ исполненныхъ прелести во всѣхъ отношеніяхъ, многія народныя преданія и повѣрья разсказаны живо, вѣрно и

[1]) „Мысли малороссіянина", стр. 9—12.

во всей ихъ полнотѣ, все-же повѣсти имѣютъ и недостатки: онѣ написаны вычурнымъ слогомъ (звонкій *громъ* перепела; засверкали огненныя, *одѣтыя холодомъ искры*; обдавая *шумомъ* окрестность; *сладострастный куполъ* и т. д.) и обнаруживается незнакомство автора ихъ съ бытомъ и характеромъ украинскаго народа. Относительно «Пропавшей грамоты» Стороженко говоритъ, что по характеру этого разсказа не слѣдовало бы называть его былью, а просто сказкою.

«Мысли малороссіянина» заканчиваются совѣтомъ автору «Повѣстей» не слушать «похвалъ журнальныхъ», писать и, написавши что-нибудь изъ народнаго быта, пересмотрѣть внимательно, свѣриться съ нравами и обычаями той страны, о которой идетъ рѣчь, поправить противорѣчащее и потомъ уже отдавать печатать [1]). По словамъ критика, хорошая вещь всегда найдетъ читателей и доставитъ имъ удовольствіе, «не удачная же попытка прозою или стихами изобразить нѣчто народное» вызоветъ сѣтованія образованныхъ людей той народности, изъ жизни которой написано произведеніе», въ подтвержденіе чего Андрей Яковлевичъ указываетъ на малорусскій переводъ «Полтавы» [2]), сдѣланный Е. П. Гребенкою, говоря, что малорусскій языкъ этого перевода вызываетъ только порицаніе.

Ознакомившись ближе съ «Мыслями малороссіянина», можно сказать, что въ нихъ обнаруживается большая начитанность ихъ автора въ современной ему литературѣ, здравыя сужденія о требованіяхъ литературной критики, художественный вкусъ и значительный запасъ свѣдѣній по украинской этнографіи. Эти черты критика получатъ тѣмъ большую цѣну въ нашихъ глазахъ, если мы пріймемъ во вниманіе господствовавшіе предъ тѣмъ взгляды на литературную критику, въ которой видѣли пустое пересмѣиваніе и зубоскальство, обвиняя рецензентовъ въ томъ, что они «за подарки истощеваютъ хвалы», и къ которой относились съ такимъ пренебре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 66.

[2]) Малорусскій переводъ „Полтавы" Пушкина относится ко времени студенчества Гребенки: одинъ отрывокъ его былъ напечатанъ въ „Московскомъ Телеграфѣ" въ годъ выхода Е. П. изъ лицея, именно въ 1831 г.; въ 1833 г. былъ напечатанъ второй отрывокъ въ „Утренней Звѣздѣ". Въ 1836 г. Гребенка издалъ свой переводъ съ посвященіемъ Пушкину, что и послужило поводомъ къ ихъ знакомству.

женіемъ, что напримѣръ Карамзинъ вовсе исключалъ рецензіи изъ своихъ изданій, имѣя въ виду, что отсутствіе подобныхъ статей не будетъ потерей для большинства читателей. Но, на ряду съ указанными достоинствами «Мыслей малороссіянина», въ ихъ авторѣ усматривается отсутствіе проницательности истиннаго критика (вспомнимъ сужденія Бѣлинскаго о Гоголѣ), склонность часто отклоняться отъ развитія разъ поставленной темы и недостаточная выработанность слога.

Кромѣ двухъ названныхъ произведеній Андрея Яковлевича, сохранилось множество его стихотвореній и басень. Андрей Яковлевичъ охотно писалъ, но не любилъ печатать свои поэтическія произведенія. Причиной послѣдняго былъ, по его словамъ, слѣдующій эпизодъ, описанный имъ въ своихъ запискахъ:

«Торжествовали взятіе Варшавы (графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ); реляція объ этомъ переходила изъ рукъ въ руки, и я, восторженный побѣдой и прекращеніемъ кровопролитія въ междуусобіи, написалъ стихи къ вождю, взявшему штурмомъ гнѣздо мятежа, кои напечатаны въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1831 года. И тогда уже давно я не писалъ стиховъ; эти излились у меня отъ избытка чувствъ, среди многочисленнаго общества; но редакція такъ ихъ измѣнила, что мы почти не узнали въ печати стиховъ моихъ, хотя подъ ними стояла моя подпись. Съ тѣхъ поръ я зарекся печатать не только поэтическія выходки, но и всякія мои мысли, оставляя въ спискахъ многое, что, можетъ быть, будетъ нѣкогда весьма любопытнымъ» [1]).

---

[1]) Изъ записокъ А. Я. Стороженка. Рус. Архивъ, 1873 г., т. II, стр. 1739 Стихотвореніе, о которомъ идетъ рѣчь въ приведенной выдержкѣ изъ записокъ Андрея Яковлевича, было помѣщено первоначально въ № 213 Русскаго Инвалида за 1831 г., а затѣмъ было напечатано вновь въ нѣсколько исправленномъ видѣ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Инвалиду“ за 1831 г., стр. 614; въ этомъ видѣ я и помѣщаю его здѣсь:

Графу Паскевичу Эраванскому на взятіе Варшавы.

Какъ сердце русское забилось,
Почуя грозной битвы кликъ!
Блеснулъ, какъ молнія, нашъ штыкъ
И туча брани разразилась.
Къ стопамъ царя Варшава пала,
Вертепъ крамолы сокрушенъ;

Но это было въ 1831 г., а до того времени Андрей Яковлевичъ написалъ много и едва ли не всѣ свои стихотворенія; была слѣдовательно другая причина, почему они оставались и остались навсегда въ рукописи. Причина эта, кажется, ясна: Андрей Яковлевичъ не былъ записнымъ поэтомъ, выдающимся талантомъ, писалъ частію въ удовлетвореніе своей внутренней потребности, а больше, можетъ быть, въ силу общей тогда привычки къ такимъ упражненіямъ. Какъ бы ни было, однако, Андрей Яковлевичъ оставилъ по себѣ такъ много стихотворныхъ произведеній, что обойти ихъ безъ вниманія нельзя и чтобы прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ его поэтическаго таланта и выяснить этотъ родъ литературной его дѣятельности, равно опредѣлить его положеніе въ исторіи русской литературы, необходимо привести хотя нѣкоторыя изъ нихъ, указавъ и тѣ условія, при которыхъ развивался его талантъ.

Время, въ которое А. Я. Стороженко трудился на полѣ отечественной музы (1810 — 1830 г.), было временемъ пробужденія въ нашемъ образованномъ обществѣ любви ко всему родному, въ особенности къ своему языку и литературѣ, и, по выраженію Бѣлинскаго, «ознаменовано движеніемъ жизни въ высочайшей степени».

Такъ палъ мятежный Карѳагенъ
И злоба мощну длань познала.
Герой! услышь ты нашъ восторгъ
И наши о тебѣ моленья,
Сердечныя воскликновенья:
Великъ и дивенъ Русскій Богъ!
Монархъ воззвалъ тебя для славы:
Ты зрѣлъ Кавказъ и Араратъ!
Поникъ днесь новый супостатъ,
Испивши ядъ своей отравы.
Читая битвъ твоихъ журналъ,
Всякъ восхищенной душею
Летитъ въ пылъ сѣчи за тобою,
Туда, гдѣ мечъ твой заблисталъ!
Какъ храбро, стройными рядами
Герои двинулись къ стѣнамъ;
Родныя пѣсни слышны намъ.
Ура! побѣда надъ врагами.

[1]) Сочиненія Бѣлинскаго, т. VIII, стр. 307.

Тогда существовали и дѣйствовали у насъ «Общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ» (въ 1810 г.), «Общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія» (съ 1816 г.), переименованное съ 1820 г. въ «Вольное общество любителей россійской словесности» и «Бесѣда любителей русскаго слова», каждое съ своимъ особымъ литературнымъ органомъ, помимо значительнаго количества другихъ журналовъ и газетъ. Писатели уже извѣстные и только что выступавшіе на литературное поприще своими трудами въ изданіяхъ названныхъ обществъ и многихъ другихъ оказывали сильное воздѣйствіе на умственное развитіе и настроеніе молодыхъ людей и пробуждали въ нихъ наклонность къ литературнымъ занятіямъ. Въ частности унаслѣдованная отъ предъидущаго столѣтія страсть къ стихотворной формѣ сохраняла еще всю свою силу, а въ добавокъ къ тому въ это именно время развилась мода на альбомы, на страницы которыхъ каждый какъ бы обязанъ былъ занести или собственную свою поэтическую попытку, или наизустъ заученное стихотвореніе какого-либо писателя. Но, кромѣ движенія національно-литературнаго, у насъ зародилось тогда, точнѣе съ запада къ намъ перешло особое религіозно-нравственное настроеніе мистическаго характера и до 1824 г. свободно распространялось во всемъ образованномъ обществѣ, проникало въ преподаваніе съ университетскихъ каѳедръ, въ воспитательную практику разныхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ свѣтскую и духовную литературу и искусство[1]), а въ періодъ времени 1812—1815 гг. началось броженіе общественно-филантропическихъ идей, выразившееся основаніемъ библейскаго общества, ланкастерскихъ школъ, литературно-филантропическихъ обществъ, заботами объ улучшеніи тюремъ и т. п.[2]).

Даровитый, поэтическій настроенный, Стороженко не могъ, конечно, остаться чуждымъ общественному движенію: сперва онъ внимательно вчитывался въ произведенія современныхъ ему писателей, а за тѣмъ и самъ сталъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ; интересуясь религіознымъ движеніемъ, онъ вступилъ въ члены

---

[1]) П. Знаменскій. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I. Казань, 1885 г., стр. 177.

[2]) А. Н. Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 313.

масонской ложи. Вліяніе тогдашней литературы на развитіе поэтическаго таланта Андрея Яковлевича обнаруживается между прочимъ въ томъ, что, при общей наклонности современныхъ ему писателей къ литературному энциклопедизму, онъ также сочинялъ лирическія стихотворенія, басни, стихотворныя посланія и т. п., вліяніе же военной среды того времени, въ которую онъ попалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ, отразилось на выборѣ сюжетовъ его первыхъ стихотвореній.

Первыя стихотворныя попытки Андрея Яковлевича относятся къ самому раннему возрасту его жизни. 18-го октября 1806 г. онъ окончилъ 2-й кадетскій корпусъ и былъ выпущенъ въ 11-ю артиллерійскую бригаду подпоручикомъ, шестнадцати лѣтъ отъ роду. Менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца по выходѣ изъ корпуса, юный офицеръ былъ уже на Дунаѣ въ дѣйствующей арміи, именно, съ 1-го января 1807 г. въ Молдавіи и Валахіи, а съ 3-го марта по 30-е августа въ отрядѣ войскъ, осаждавшемъ турецкую крѣпость Измаилъ. Январемъ 1807 г. помѣчено слѣдующее стихотвореніе:

1. Акростихъ.

Повѣрь, любезный другъ, я честью увѣряю,
Что мнѣ лишь дружества довольно твоего;
Любви еще страшусь, прелестныхъ избѣгаю
И дорогъ ты одинъ для сердца моего.
Коварство, лесть, обманъ—все чуждо межъ друзьями,
Одна невинная привязанность для нихъ—
Въ палаткѣ, въ хижинѣ съ открытыми сердцами
У нихъ часы летятъ на крыльяхъ роковыхъ [1]).

Въ лагерѣ подъ Измаиломъ Андрей Яковлевичъ сочинилъ нѣсколько стихотвореній:

2. Къ трубкѣ.

Трубка скуку разгоняетъ,
Она мысли въ насъ селитъ,

[1]) За время турецкой войны Андрей Яковлевичъ близко зошелся съ двумя молодыми артиллерійскими офицерами, К—мъ и Масальскимъ. Вѣроятно, въ „Акростихѣ“ онъ обращается къ которому-нибудь нибудь изъ нихъ.

Средь бездѣлья занимаетъ,
Въ горѣ, въ скукѣ веселитъ.
Ну, за трубки поскорѣй,
Всѣмъ намъ будетъ веселѣй!

Подъ Измаиломъ, 15 августа 1807 г.

3. Выскочка.

—Граната, лопнувши, вамъ шубу изорвала?
«О происшествіи я семъ рапортовалъ».
—Зачѣмъ? Вѣдь, шуба не пропала?
«Хочу, чтобъ государь о шубѣ моей зналъ,
Чтобъ всѣ въ Москвѣ о ней заговорили».
—А шубу-жъ починили?
«Я не велѣлъ, никакъ! Пусть вся Европа знаетъ,
Какъ турокъ мастерски стрѣляетъ;
А то всѣ думаютъ, что турки дураки.
Нѣтъ, это пустяки:
Съ ними не такъ-то ловко драться!»...
Признаться,
Окончилъ тутъ я разговоръ,
Подумавши при томъ, какой нелѣпый вздоръ
Гнѣздится въ головѣ у нашихъ командировъ;
Жаль, право, вышитыхъ мундировъ!

Подъ Измаиломъ, 20 марта 180 г.

4.

Мы живемъ весь вѣкъ въ трудахъ—
Безъ вина солдату горе:
Трезвымъ обладаетъ страхъ,
Пьянымъ по колѣна море.
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!
Вино бодрость придаетъ,
Оно храбрость возжигаетъ,
Каждый смѣло въ бой идетъ
И препятствій не встрѣчаетъ.
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте все до дна!
Страшно-ль пьяному въ бою?!
Онъ опасности не знаетъ,

Какъ скала, стоитъ въ строю
И разить врага желаетъ!
Ну, давай еще вина!
Пейте, пейте, все до дна!

Подъ Измаиломъ, 4 апрѣля 1807 г.

5. На полученіе ордена св. Георгія А. Д. З.

Принесемъ мы поздравленье,
Выпьемъ дружества фіалъ!
Оживитъ воображенье
Полный кипрскаго бокалъ.

* *
*

Онъ сердца раскроетъ наши,
Разговоры оживитъ,
А вокругъ пуншевой чаши
Всякъ свое заговоритъ.

* *
*

Кто заслугой получаетъ,
Не пронырствомъ, ордена,
Тотъ и цѣну онымъ знаетъ—
Къ нимъ дорога есть одна:

* *
*

Быть въ сраженьяхъ хладнокровнымъ,
По дежурствамъ не шнырять,
Быть товарищемъ достойнымъ
И душею не вилять;

* *
*

Должность исполнять со рвеньемъ,
О заслугахъ не трубить,
Не блѣднѣть передъ сраженьемъ
И челомъ ядру не бить.

* *
*

Ты достоинъ награжденья—
Поздравляемъ мы тебя!
Но не терпишь раздѣленья—
Радъ-бы все взять для себя.

* *
*

Ты не трусъ, но есть подобны
Храбростью весьма тебѣ,
Лишь искать не столь способны,
Повинуются судьбѣ.

* *
*

Наливайте-ка стаканы!
Выпьемъ! Что тутъ толковать!..

Кажется, что всѣ ужъ пьяны;
Полно, не пора-ли спать?!

Къ послѣдующимъ годамъ относятся слѣдующія стихотворенія:

6. Къ А. Д.

Я томлюся въ ожиданьи
Лучшей участи себѣ,
Дни влачу въ тоскѣ, въ страданьи,
Повинуясь злой судьбѣ.
Внемли, милая Анюта,
Просьбѣ, дружескимъ словамъ:
Иль свиданія минута,
Иль увидимся, но... тамъ!
Тамъ, гдѣ вѣкъ не разлучимся,
Милый ангелъ, мы съ тобой,
Тамъ блаженствомъ насладимся,
Примирюсь и я съ судьбой!

Д. Татаръ-Баурчи, 14 марта 1808 г.

7. Посланіе къ Роксандрѣ.

Я признаюсь тебѣ, тебѣ, моей любезной,
Что удовольствій я, разсѣянья, ищу,
Не лью горючихъ слезъ въ разлукѣ безполезно,
Но часто по тебѣ тоскую и грущу.
Грущу и тяжкій вздохъ бываетъ облегченьемъ
Стѣсненныхъ чувствъ моихъ, наполненныхъ тобой,
Мечтаю о тебѣ съ сердечнымъ восхищеньемъ;
Слеза-жъ, по моему, есть знакъ уже дурной.
Душею слабые, ихъ часто льютъ напрасно,
Какъ будто-бы нельзя, не плакавши, любить—
Ты знаешь, какъ любилъ, теперь люблю какъ страстно,
Но слезы, знаешь тоже, неспособенъ лить.

С. Текучи въ Молдавіи, 1810 г.

8. Арія (изъ польской оперы).

Всякъ знакомымъ быть мнѣ хочетъ—
Я таланты, умъ имѣю;
Не всему природа можетъ
Научить, что я умѣю.
Люблю танцы и пирушки,
Карты, деньги, клубъ, театръ,

Вино, женщинъ, рюмки, кружки—
Кто такимъ вещамъ не радъ?!
Старикашки называютъ
Беззаботной головою;
Люди свѣтскіе считаютъ
Всѣхъ веселостей душею.

С. Жерди кам.-подольской губ., 4 сентября.

9. Размышленіе.

Рѣдкій здѣсь дѣлами славенъ,
Кто-жъ пролазитъ—награжденъ;
Слогъ реляцій чистъ и плавенъ,
Но ты въ нихъ не помѣщенъ.
Бѣдный долгъ свой исполняетъ,
Честенъ, храбръ, уменъ—пустякъ!
Крестъ богатый получаетъ,
Будь онъ трусъ или дуракъ.
Нѣтъ возможности добиться
Намъ заслугами наградъ,
Также трудно отличиться,
Какъ добраться въ Цареградъ.
Къ кому счастье все спиною,
Не ворочаясь, стоитъ,
Въ старости пойти съ сумою
Славный подвигъ предстоитъ.
Кого щедрая природа
Одарила простотой—
Все равно, теперь не мода,
Гонятъ съ этою чертой.
Счастье дуракамъ на свѣтѣ,
Нынѣ въ модѣ простота,
Возятъ дурака въ каретѣ,
Расфранченнаго шута.
Умниковъ нигдѣ не любятъ—
Зависть свой воздвигла тронъ,
Лишь о глупыхъ людяхъ трубятъ,
Того-жъ гонятъ, кто уменъ.
Разумъ вреднымъ почитаютъ—
Для чего-же онъ людямъ?

Если глупость уважаютъ,
Станемъ подражать глупцамъ!

1811 г.

1811 г. Андрей Яковлевичъ проводилъ на родинѣ; 11-я артиллерійская бригада, въ которой онъ продолжалъ служить, переименованная во 2-ю, вернувшись съ театра военныхъ дѣйствій, остановилась въ Каменцѣ-Подольскомъ, разселившись съ самомъ городѣ и ближайшихъ селахъ. Андрей Яковлевичъ попалъ въ мѣстное об щество—всѣ искали его знакомства, наслышавшись про его веселый нравъ. Къ этому времени, очевидно, относится помѣщенное выше переложеніе арміи изъ польской оперы.

Бывая въ мѣстномъ польскомъ обществѣ, Андрей Яковлевичъ влюбился въ дочь одного помѣщика поляка и хотѣлъ на ней жениться, но отецъ его не согласился на это, что очень его огорчило и привело въ печальное расположеніе духа, а тутъ, какъ нарочно, случилась бѣда—онъ сильно простудился и провалялся долгое время въ постели; за время его болѣзни многіе его сослуживцы наполучали наградъ. Вѣроятно, во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и кроется причина того, несроднаго нашему поэту, разочарованія, которое вылилось въ стихотвореніи «Размышленіе».

1812-й годъ сдѣлалъ перерывъ въ стихотворной дѣятельности Андрея Яковлевича.

Подступила эпоха великихъ событій,—вездѣ ходили слухи о скоромъ нашествіи на Россію французовъ. Военные были возбуждены и готовились къ новымъ подвигамъ. Андрею Яковлевичу пришлось принять самое дѣятельное участіе въ событіяхъ 1812 г. и послѣдующихъ годовъ въ званіи адъютанта начальника артиллеріи сначала 2-й западной арміи, потомъ 1-й арміи. Штабныя хлопоты и постоянныя передвиженія не давали возможности предаться мирнымъ литературнымъ занятіямъ, а потому отъ этого времени осталось только одно произведеніе:

10. Мысль.

Какой-то умный человѣкъ
Сказалъ, что свѣтъ стоитъ обманомъ.
Онъ правъ во мнѣньи—въ этотъ вѣкъ
Всего быть лучше шарлатаномъ:

Обманывать, дурачить всѣхъ.
Иль прикрывать все простотою,
А въ лексиконѣ слово грѣхъ
Замазать черной полосою.

Ротшлось, 1813 г.

Только по взятіи Гамбурга, 5-го марта 1814 г., когда русскимъ войскамъ пришлось простоять въ этомъ городѣ слишкомъ десять мѣсяцевъ, Андрей Яковлевичъ сталъ вновь писать. Къ 1814 г. относится стихотворное посланіе его къ Ѳ. В. Булгарину, которое я приведу впослѣдствіи при характеристикѣ отношеній Андрея Яковлевича къ этому извѣстному литератору. Къ 1814 г. относится также слѣдующее стихотвореніе:

11. Пѣсня.

(На голосъ: О чемъ ты, Маша, плачешь?)

О чемъ я такъ тоскую,
По комъ я слезы лью?
Питая страсть святую,
Почто отъ всѣхъ таю?

* *
*

Тебѣ, о, сердце страстно,
Жестоку дань плачу
И въ горести ужасной
Постылу жизнь влачу.

* *
*

Все бренно, все ничтожно
Въ намѣреньяхъ моихъ;
Гдѣ-жъ счастіе возможно?
Во взорахъ лишь твоихъ.

Гамбургъ, 1814 г.

По возвращеніи изъ-за границы, армія, при которой находился Андрей Яковлевичъ, прошла въ г. Могилевъ на Днѣстрѣ. Онъ сдалъ всѣ денежные отчеты и письменныя дѣла по должности старшаго-адъютанта начальника артиллеріи и, желая отдохнуть послѣ всего перенесеннаго и оправиться отъ ранъ, подалъ прошеніе объ увольненіи въ запасъ и жилъ то въ Москвѣ, то въ Малороссіи—въ лохвицкомъ и золотоношскомъ уѣздахъ. Чрезъ нѣсколько ремени, поправивши здоровье, онъ вновь поступилъ на службу. Въ

свободный отъ службы промежутокъ времени онъ сталъ прилежнѣе писать; къ этому періоду относится цѣлый рядъ стихотвореній:

12. Въ альбомъ.

Не злато, пышность и сребро
Творятъ счастливыми на свѣтѣ;
Желать и дѣлать всѣмъ добро
У добрыхъ должно быть въ предметѣ.
Какъ счастливъ, кто умѣетъ жить
Для дружбы и любви сердечной,
Миръ духа, радость находить
Въ сей жизни бренной, скоротечной.

Могилевъ, 1815 г.

13. Эпиграмма на К...а.

Тебя природа одарила...
Весьма посредственнымъ умомъ;
Но лишь примолвить позабыла,
Чтобъ ты не мучилъ всѣхъ враньемъ.

Отъ 1816 г. осталось слѣдующее стихотвореніе:

14. Идиллія.

Я мчался въ думы погруженный,
По-за телѣжкой пыль столбомъ,
Вдали зрю крестъ я позлащенный
И дымъ изъ трубъ по-надъ селомъ.
Горяще солнце опиралось
На отдаленный горизонтъ
И къ захожденію склонялось.
Оратай, пылью покровенный,
Идетъ за плугомъ на покой;
Старикъ, лѣтами удрученный,
Сидитъ, подпершися клюкой,
Малютки вкругъ его играютъ;
Но лишь узрѣли у воротъ
Отца, вдругъ дѣда оставляютъ.
А первый, отирая потъ,
Привѣтствуетъ улыбкой скромной
Столь сердцу милую семью,
Передаетъ женѣ покорной

Онъ радость тихую свою.
Въ ожиданьи съ пастьбы стада,
Въ кружокъ тамъ дѣвы собрались,
Свободныхъ вечеровъ отрада,
Ихъ громки пѣсни раздались.
Услышавъ, юноши толпою
Спѣшатъ узрѣть своихъ красотъ,
Съ невинной сельской простотою
Въ забавахъ время тамъ идетъ.
Кого кто любитъ, не таится—
Зачѣмъ кому любовь скрывать?
Не знаютъ, какъ страдать, томиться,
Они не знаютъ обожать.
О, счастье милой простоты,
Какъ милы мнѣ твои картины!
Въ нихъ нѣтъ роскошной пестроты,
Однѣ лишь радости невинны,
Одно довольство и покой;
Ничто его не нарушаетъ
И земледѣлецъ суетой
Себя отнюдь не обольщаетъ.

С. Васютинцы [1]), 1816 г.

Начало 1817 г. Андрей Яковлевичъ проводилъ еще въ полтавской губерніи, гдѣ и женился на Аннѣ Михайловнѣ Дараганъ, въ концѣ онъ поѣхалъ въ Петербургъ и былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ полиціи. Къ 1817 г. относится нѣсколько стихотвореній:

15. Къ Катеринѣ Михайловнѣ Дараганъ.

Семейство, тихій мирный кровъ,
Лужокъ цвѣтами испещренный—
Гдѣ пестры бабочки, рѣзвясь
По волѣ, тѣшатся весною;
Тамъ ручеекъ, притаясь,
Журчитъ, катится межъ травою,
Въ едва примѣтной высотѣ
Малютки жаворонки вьются,

[1]) Село Васютинцы золотоношскаго уѣзда; въ немъ стояла артиллерійкая батарея, съ офицерами которой былъ знакомъ Андрей Яковлевичъ.

Ихъ громки трели раздаются—
Все дышетъ жизнью въ простотѣ!

С. Брагинцы [1]), 1817 г.

16. Куплеты.

Ребятишки начинаютъ
Строить куры съ малыхъ лѣтъ,
Романсуютъ и вздыхаютъ,
А учиться... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Нравиться дѣвчонка знаетъ
Отъ тринадцати ужъ лѣтъ,
Съ радостью романъ читаетъ,
Книгъ полезныхъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Въ юномъ пылкомъ воображеньи
Милый чудится предметъ—
Отъ мужчины въ восхищеньи
Отъ мадамы... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Въ изступленье вальсъ приводитъ;
—«Ахъ, несносенъ менуэтъ!»
Глазками на всѣхъ поводитъ;
Гдѣ-же скромность?... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Старичекъ красотокъ любитъ,
Хоть дуренъ, и старъ, и сѣдъ;
Радъ дѣвчонку приголубить,
А старушку... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Еле двигаетъ ногами
Вялый, дряхлый, старый дѣдъ,
А не хочетъ быть съ рогами,
Хоть ихъ носитъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Стара бабушка брюзглива
Ту-же пѣсеньку поетъ;
Ну, не кстати прихотлива—
Не полюбятъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

---

[1]) Село Брагинцы лохвицкаго уѣзда—имѣніе его отца.

Къ милой скучное посланье
Творитъ горестный поэтъ—
Одинъ смѣхъ его маранье,
А повѣритъ?... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

* *
*

Деньги и любовь въ семъ мірѣ
Всѣхъ желаній есть предметъ—
Въ рясѣ, въ шлафрокѣ, въ порфирѣ,
Безъ страстей сихъ... нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

С. Брагинцы, 1817 г.

Въ 1818 г. Андрей Яковлевичъ былъ зачисленъ по кавалеріи съ назначеніемъ въ 1-й бугскій уланскій полкъ во фронтъ, стоявшій въ г. Вознесенскѣ херсонской губерніи, гдѣ онъ и пробылъ по 1823 г., въ которомъ графъ Аракчеевъ, главный начальникъ по военнымъ поселеніямъ, назначилъ его въ штабъ начальника военнаго поселенія въ херсонской и екатеринославской губерніяхъ [1]). Этотъ періодъ былъ самымъ печальнымъ въ жизни Андрея Яковлевича,—онъ лишился въ 1820 г. нѣжно любимой имъ жены. Грусть вслѣдствіе этой потери выразилась въ нѣсколькихъ нижеслѣдующихъ произведеніяхъ.

17. Пѣсня.

Ручей, струясь въ долинѣ,
Подъ тѣнью ивъ густыхъ,
Съ журчаньемъ текъ къ стремнинѣ—
Палъ въ бездну и затихъ...
  Взоръ скорбный устремляю
  Въ слѣдъ быстрому ручью,
  Съ нимъ мысленно сличаю
  Превратну жизнь мою.
Какъ юность быстротечно
Прошла въ волнахъ страстей!
Увы! сей даръ небесный
Сокрылся, какъ ручей.
  Дни сладостныхъ мечтаній
  Смѣшались съ тьмой вѣковъ,

[1]) Кіевская Старина, т. X, стр. 447.

Надеждъ, любви, желаній
Минутъ не будетъ вновь.
Промчалась юность, съ нею
Исчезъ волшебный рай,
Я скользкою стезею
Иду въ тотъ мрачный край,
Гдѣ странникъ утомленный
Спокойствіе найдетъ,
Печальми изнуренный
Въ послѣдній разъ вздохнетъ.
Хладѣютъ пылки чувства,
Веселый тускнетъ взоръ,
Таланты, умъ, искусства,
Какъ воды вешни съ горъ,
Все въ бездну погрузится,
А тамъ забвенье въ слѣдъ
На быстрыхъ крыльяхъ мчится.
Что-жъ жизнь? Лишь сонный бредъ.

Г. Вознесенскъ, 1821 г.

8.

Коль прошла пора любить
И исчезли обольщенья,
Остается только пить,
Не трудя воображенья.
Прочь мечты всѣ—наливай!
Подноси, знай, подавай!
Пьяному и грусть мила,
Не морщитъ она чела;
Охъ, летитъ стрѣлою время,
Оглянуться не даетъ;
Жизнь того есть тяжко бремя,
Не любилъ кто и не пьетъ.
Все, что дышетъ, шевелись!
Ставь бутылки передъ нами!
Мы не даромъ собрались—
Коли пить, такъ пить съ друзьями!
Будемъ пить, пусть хоръ гремитъ—
Полно влаги есть въ бокалѣ,

Пѣнится вино, катитъ,
Мы-ли въ жизни не пивали?!
Пусть аркадски пастушки
Воздыхаютъ и томятся,
Пропадаютъ отъ тоски,
Пусть ихъ въ ручейки глядятся!
Поглядимъ-ка мы въ бокалъ—
Въ немъ сокрытъ весь жаръ сердечный,
Выпьемъ дружества фіалъ,
Выпьемъ въ радости безпечной!

Елисаветградъ, 1821 г.

19. Осень 1822 г.

Туманы стелятся густые,
Поблекли рощи и поля,
Скрипятъ отъ бурь дубы сѣдые,
Полита влагою земля;
Сгущенные пары клубятся
И въ мрачномъ воздухѣ кружатся,
Подобно сонму волнъ морскихъ;
Пернатыхъ хоръ умолкъ, затихъ.

* *
*

Вотъ все вокругъ меня уныло,
Лишь колоколъ вдали гудетъ,
Тоскою сердце вдругъ заныло,
Сей гулъ какъ будто-бы зоветъ,
Зоветъ къ желанному покою.
Вступлю безтрепетной ногою
Въ невѣдому для всѣхъ страну,
Тамъ вѣчнымъ тихимъ сномъ засну...

* *
*

Несчастный можетъ-ли страшиться
Конца мученіямъ своимъ?...
Онъ долженъ, долженъ торопиться,
О вѣчность! ко брегамъ твоимъ,
Тамъ бросить якорь скорбной жизни.
Въ той общей смертнымъ всѣмъ отчизнѣ
Нѣтъ предразсудковъ, нѣтъ страстей—
Тамъ буду вѣчно жить для ней!...

* *
*

Тамъ буду тѣнь ея безмолвну
Съ улыбкой радости встрѣчать
И тѣнь сію, величья полну,
Безъ страха буду обожать.
Надежда душу наполняетъ,
Уже мой взоръ ее встрѣчаетъ....
Прерви, о Парка! жизни нить,
Лишь только-бъ съ нею могъ я жить!

М. Богодуховка, 1822 г.

20.

Равенство, братство и свобода
Одни лишь пышныя слова;
Но что-же нужно для народа?
Законъ, порядокъ и глава,
Держащая вѣсы Өемиды,
Патріархальность, простота,
Любовь къ отечеству, а виды
На вольность мнимую—мечта!

М. Богодуховка, 1822 г.

21. Посланіе m-me Кирхгофъ [1]) къ публикѣ.

Почтенна публика!

Прости, коль я твои поступки наблюдая,
Открыла слабости и, ихъ удовольняя,
Невиннымъ образомъ скопила капиталъ.
Теперь, когда мой умъ предсказывать усталъ,
Когда оракуломъ меня считаютъ въ свѣтѣ,
Когда спокойно ужъ катаюсь я въ каретѣ.

---

[1]) Въ 1818 году въ Петербургѣ славилась умѣньемъ гадать на картахъ какая-то старуха нѣмка, Кирхгофъ. Однажды Пушкинъ съ Всеволожскимъ вздумалъ зайти къ ней. Она назвала поэта замѣчательнымъ человѣкомъ и сдѣлала ему три предсказанія: что онъ скоро будетъ имѣть разговоръ по службѣ, получитъ неожиданныя деньги и наконецъ сдѣлается кумиромъ своихъ соотечественниковъ; можетъ быть проживетъ долго, но на 37-мъ году жизни долженъ беречься „бѣлаго человѣка или бѣлой головы“. Пушкинъ, говорятъ, засмѣялся; но когда исполнились два первыя, незначительныя предсказанія, онъ сталъ вѣрить въ исполненіе третьяго.—А. С. Пушкинъ. Соч. Незеленова. С.П.Б., 1882 г., стр. 55

Хочу тебѣ свое искусство объяснить
И тѣмъ хоть нѣсколько за щедрость заплатить.
Въ Петрополѣ въ числѣ толикаго народа,
Конечно, есть глупцы—въ семьѣ не безъ урода;
Въ химерахъ жизнь свою здѣсь многіе ведутъ,
Блаженства каждый день отъ будущаго ждутъ;
Имъ настоящее средь роскоши постыло,
Желанье знать впередъ всѣ чувства притупило,
Для ихъ спокойствія мой нуженъ приговоръ.
О жребіи гадать ко мнѣ валятъ на дворъ,
Двусмысленность моихъ словъ важнымъ почитаютъ
И съ нетерпѣніемъ событій ожидаютъ.
Нѣтъ, видно уже такъ судило Провидѣнье,
Чтобъ никогда ничто—ни умъ, ни просвѣщенье,
Очистить не могли отъ предразсудковъ міръ—
Все суевѣріе имѣетъ въ немъ кумиръ!
За что-же праотцевъ считаемъ мы глупцами,
Коль сами шествуемъ ихъ глупости слѣдами?
Тѣ будущее знать хотѣли по звѣздамъ,
По внутренности жертвъ, по птицамъ, по пчеламъ,
А я по олову событья предрекаю,
По картамъ фокуснымъ—и все не постигаю,
Какъ могутъ въ свѣтѣ семъ такіе люди быть,
Кои, имѣя умъ, хотятъ моимъ прожить.
Дивлюся я, что, бывъ забросана гаданьемъ,
Нашла свободный часъ заняться симъ посланьемъ.
Конецъ вступленію; теперь представлю сбродъ
Различныхъ лицъ и мой безгрѣшный съ нихъ доходъ.
Какъ въ нѣкій храмъ ко мнѣ со трепетомъ вступаютъ
И Пиѳіей Дельфійской почитаютъ.
Чтобъ посѣтителей вамъ ясно показать,
Довольно о дѣлахъ вчерашнихъ разсказать.

Едва свѣтило дня на горизонтъ вступало,
Иль, по просту сказать, чуть-чуть лишь разсвѣтало,
Я не успѣла сѣсть еще за туалетъ,
Какъ вдругъ представился мнѣ жалостный предметъ:
На немъ былъ пестрый фракъ, мелькающій сквозь щели
Висѣвшей на плечахъ изорванной шинели

Камзолъ безъ пуговицъ, затѣмъ, что вышелъ срокъ,
Чуть шею прикрывалъ растерзанный платокъ.
Личные сапоги, какъ плѣнные французы,
Отъ стужи сморщившись, скрывались подъ рейтузы,
Которые Сатурнъ затѣмъ лишь пощадилъ,
Чтобъ не запачкать рукъ отъ грязи и чернилъ.
Лице сей мужъ имѣлъ покрыто желтизною,
Подобное листу, поблекшему отъ зною;
Густое сонмище нечесанныхъ власовъ
Торчало вкругъ главы, какъ множество усовъ;
Глаза блуждающи глубоко внутрь запали,
Какъ будто свѣтляки сквозь пыль и мглу мелькали;
Въ одной рукѣ держалъ засаленну тетрадь,
Въ другой... картузъ, колпакъ?.. не знаю, какъ назвать.
Короче: кто узритъ столь жалкаго героя,
Тому на мысль прійдетъ разрушенная Троя.
Предсталъ и началъ мнѣ онъ съ жаромъ говорить:
«Madame! простите-ли, что смѣю васъ трудить?
По благосклонности и добротѣ своей,
Вы не откажете въ покорной просьбѣ сей,
Котору объяснить дерзаю я предъ вами.
Я въ одѣ васъ сравню съ безсмертными богами:
Минерва мудростью, Венера красотой»...
—«Довольно, сударь мой, не время мнѣ самой»
Признаться, я его испугалась,
Чего онъ требуетъ, никакъ не догадалась:
Не ужъ-то-ли?!... Но нѣтъ; тутъ тотчасъ началъ онъ.
Отвѣся съ скромностью пренизкій мнѣ поклонъ:
«Писатель—ремесломъ: стихи мои въ журналахъ
Читаетъ публика»... (Конечно, и въ шандалахъ,
Я думала себѣ, ихъ множество найдешь).
—«Мнѣ дѣла нѣтъ, что ты въ стихахъ своихъ поешь;
Скажи скорѣй, чѣмъ я могу служить поэту
И по какому ты забрелъ ко мнѣ предмету?»
—«Вы знаете, madame, что всѣ стихотворенья
Весьма способствуютъ успѣху просвѣщенья—
Недавно я воспѣлъ мірскую суету,
Разилъ сатирами, коварство, суету,
Надменность, злобу, лесть, а славилъ добродѣтель;
Увы! правительство—всевышній міръ свидѣтель—

Не то, чтобы мои таланты наградить,
Въ тюрьму меня за долгъ грозится посадить.
Неблагодарное! но я ему прощаю
И просьбу вамъ свою покорно представляю:
Не въ далекѣ живетъ здѣсь знатный господинъ,
Вотъ будущій четвергъ его день имянинъ,
Такъ я на этотъ день куплетъ стиховъ имѣю;
Какъ оные поднесть ему никакъ не смѣю,
Въ семъ дѣлѣ вашъ совѣтъ за милость я сочту.
За позволеніемъ, и приступъ свой прочту:
«Герой! чей доблестью соорудился храмъ,
Гдѣ Марсу воскуренъ безсмертный ѳиміамъ;
О, ты, нашъ Меценатъ, талантовъ покровитель,
Порядка, чистоты, ты ревностный блюститель!»...
—«Довольно! Ты едва съ стихами вступишь въ сѣни,
Какъ и въ обратный путь сочтешь главой ступени.
Вотъ мой тебѣ отвѣтъ. Прощай, питомецъ Музъ!
Стихи сіи ты спрячь въ свой продранный картузъ».
Могла-ль я въ участи героя ошибиться
И нужно-ль для сего надъ магіей трудиться?
Но время кончить мнѣ возню мою съ поэтомъ
И показать предметъ другой предъ моднымъ свѣтомъ.
—Въ каретѣ щегольской, на четвернѣ лихихъ
Примчался графъ N. N., лѣтъ въ пятьдесятъ женихъ;
Зашаркалъ, закидалъ отборными словами:
«Хочу поговорить, сударыня, я съ вами.
Прошу мнѣ загадать—я по-уши влюбленъ»...
(Съ учтивостью ему я сдѣлала поклонъ).
—«Но что прикажете мнѣ загадать предъ вами?»
«Безъ околичностей скажу вамъ: между нами...
Я въ бракъ хочу вступить съ красоткой бѣлокурой.
Недуренъ, кажется, лицемъ я и фигурой,
Хоть пожилъ нѣсколько, еще желаю жить...
Могу-ль, скажите мнѣ, я Лизѣ милымъ быть
И можно-ли мнѣ ждать наслѣдія отъ брака»?..
Въ окошко поглядѣлъ: «что это за зѣвака?
Онъ, вѣрно, ищетъ васъ?»—«Такъ точно; онъ ко мнѣ,
Не безпокойтесь вы, мы будемъ здѣсь одни».
Пока я жениху на картахъ ворожила,
Прелестная его напудриться спѣшила,

Она пріѣхала, чтобъ также погадать
И про успѣхъ любви впередъ ужъ чтобы знать.
Что я могла его навѣрное поздравить
Съ наслѣдіемъ, то всякъ легко представитъ.
—«Вы, вѣрно, будете отцемъ въ коротко время.
Прощайте! мнѣ, вы знаете, сколь драгоцѣнно время».
«Итакъ, я завтра-же на Лизенькѣ женюсь!»...
—«И будете отцемъ—я объ закладъ побъюсь
О чемъ угодно вамъ, о! болѣе чѣмъ вѣрно
Въ супружествѣ васъ ждетъ блаженство безпримѣрно!»
«Adieu, madame!» И въ мигъ, какъ вихорь, улетѣлъ.
Лишь онъ въ карету сѣлъ, гляжу другой пострѣлъ.
«Изъ Малороссіи по тяжебному дѣлу
Пріѣхалъ я сюда—имѣнья для раздѣлу—
Не знаю, скоро-ли сенатъ мнѣ разрѣшитъ;
Прошу васъ, матушка, о семъ поворожить.
На аппеляцію въ сенатъ я подалъ прямо,
Соперникъ мой стоитъ во мнѣніи упрямо;
Процессъ, какъ стеклышко, со стороны моей
И въ генеральномъ всѣхъ задобрилъ я судей:
Они дѣлишко мнѣ, какъ слѣдуетъ, рѣшили,
Хотя, признаться вамъ, немножко погрѣшили;
Но здѣсь, сударыня, совсѣмъ уже не то:
Здѣсь секретарь тебя считаетъ за ничто,
Ему полсотенькой не можно прислужиться,
Тутъ сотнями хотятъ на мой счетъ поживиться».
Съ терпѣнья вышедши такимъ повѣствованьемъ,
Велѣла проводить за дверь съ его гаданьемъ.
Сей скрылся, какъ опять, несчастный прожектеръ,
Прожекты коего—галиматья и вздоръ:
Какъ огородникамъ съ навозомъ обращаться,
Какъ сшить такой сюртукъ, чтобы не могъ порваться.
(На немъ былъ байковый, безъ ворсу, порыжѣлъ).
Онъ, говоря со мной, на носъ очки надѣлъ
И кашлялъ, и чихалъ, пока съ умомъ собрался,
Подумавъ съ полъ-часа, вотъ какъ онъ изъяснялся:
«Поворожите мнѣ, удастся-ль мой прожектъ:
Я Невскій предложилъ сломать со всѣмъ проспектъ,
А знаете-ль зачѣмъ? Чтобъ выложить тамъ новый?!...
—«Ну, это пустяки, пусть будетъ ужъ неновый».

—«Я предлагаю Днѣпръ съ Невою съединить
И тѣмъ свободный путь коммерціи открыть;
И о китайской я торговлѣ помышляю.
Вотъ мысль, правительству котору предлагаю:
Гоанго, Сирасу, Цуй, Сокалъ и Емилъ
Съ Каспійскимъ моремъ-бы и съ Волгой съединилъ;
Пути коммерціи тогда распространятся—
Симъ исполненіемъ не должно затрудняться.
Еще я изобрѣлъ чудесную машину
И сдѣлалъ начерно ей профиль и картину,
Посредствомъ оной въ пять не болѣе минутъ
Два мальчика заводъ пороховой взорвутъ,
На случай буде-бы французы подступили
И нашъ столичный градъ блокадой обложили».
—«Я загадала вамъ, вотъ, сударь, что выходитъ:
Кому такой сумбуръ, какъ вамъ, на мысль приходитъ
Заблаговременно тотъ надѣвай суму;
Я предрекаю вамъ со временемъ тюрьму».
За нимъ тотчасъ вступилъ потомокъ Мельпомены,
Который только-что былъ выгнанъ изъ-за сцены.
Онъ отдалъ на театръ трагедію играть,
Чтобъ за кулисами свободно могъ бывать,
Но какъ плачевной сей трагедіи не играли,
То сторожа изъ-за кулисъ прогнали.
Оригинальныхъ драмъ явился сочинитель,
За нимъ теоріи словесности учитель,
Тамъ авторъ молодой комедіи въ стихахъ
Мнѣ объяснилъ свое гаданье въ сихъ словахъ:
«Двѣ сцены я въ стихахъ по просьбѣ написалъ,
Отрывокъ сей въ журналъ извѣстный вамъ послалъ;
Боюсь издателя, онъ дерзокъ преужасно
И посылать къ нему въ печать стихи опасно:
Рецензіи его хоть смысла не имѣютъ,
Однако-жъ многіе изъ насъ отъ нихъ краснѣютъ.
Но, правда, за меня друзья его просили
И обѣщаніе въ пощадѣ получили;
Все не покоенъ я—для остраго словца,
Не только что друзей, не пощадитъ отца.
Онъ содержаніе книгъ многихъ описалъ:
Повѣрите-ль, что самъ ихъ вовсе не читалъ,

Лишь по заглавію и первымъ тремъ страницамъ
Онъ дѣлаетъ разборъ матеріи и лицамъ.
Скажите, какъ стихи мои онъ повернетъ?
Я отдалъ ихъ въ печать, теперь боюсь хлопотъ».
—«Что будетъ? Слушайте: стихи онъ помѣстилъ,
Затѣмъ, что трефовый король просилъ,
Валету пикъ король во многомъ пригодится,
За красоту стиховъ онъ радъ теперь божиться.
Покойны-ль вы?»—Теперь надежду возъимѣлъ,
Что просьбу дядюшки уважитъ сей пострѣлъ.

Послѣднимъ поэтическимъ произведеніемъ Андрея Яковлевича является помѣщенное выше, написанное въ 1831 году по случаю взятія Варшавы графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ и напечатанное въ «Русскомъ Инвалидѣ». Отъ послѣдующихъ годовъ стихотвореній не сохранилось: весьма вѣроятно, что дальнѣйшее развитіе этого скромнаго поэтическаго дарованія было затруднено увеличивавшимися съ каждымъ годомъ служебными занятіями и возраставшимъ интересомъ къ научнымъ историческимъ изысканіямъ; большая часть времени уходила на службу, а досуги посвящались Андреемъ Яковлевичемъ веденію записокъ и изученію исторіи роднаго края.

Приведенныя лирическія произведенія Андрея Яковлевича относятся къ самому блестящему, можно сказать, періоду въ исторіи русской литературы и конечно блѣднѣютъ предъ произведеніями другихъ первостепенныхъ талантовъ того времени; тѣмъ не менѣе всякій, ознакомившись съ ними, согласится, что разностороннему нашему писателю присуще было не дюжинное поэтическое дарованіе. Конечно, въ развитіи своего таланта и въ своемъ поэтическомъ творчествѣ онъ не могъ не подчиниться въ извѣстной степени вліянію господствовавшаго въ то время въ нашей литературѣ направленія, не испытать на себѣ воздѣйствія болѣе сильныхъ талантовъ, въ особенности Жуковскаго и Пушкина. Андрей Яковлевичъ хорошо былъ знакомъ съ произведеніями тогдашней русской литературы и внимательно слѣдилъ за всѣми ея новостями. Такъ въ записной книжкѣ своей, вспоминая о своемъ пребываніи въ Москвѣ, въ концѣ 1810 г., въ гостяхъ у своего друга, Масальскаго, онъ между прочимъ замѣчаетъ: «когда я былъ у Масальскаго,

то мы читали вмѣстѣ стихотворенія лучшихъ русскихъ авторовъ, знакомились со скучными произведеніями тогдашнихъ московскихъ поэтовъ, которые подъ вліяніемъ Геснера, Августа Лафонтена, Жанлисъ, создавали безцвѣтнѣйшія сентиментальныя стихотворенія». Другое доказательство знакомства его съ современной ему литературой мы видѣли выше, знакомясь съ его критическимъ этюдомъ «Мысли малороссіянина», въ которомъ онъ дѣлаетъ очеркъ тогдашняго состоянія русской литературы и оцѣнку нѣкоторыхъ ея произведеній.

Любопытно, что относясь съ такимъ порицаніемъ къ сентиментализму, какъ это мы сей-часъ видѣли, Стороженко самъ не въ состояніи былъ окончательно освободиться отъ его вліянія. Не говоря уже о присутствіи этого элемента во многихъ изъ его лирическихъ произведеній, какъ напр. въ «Идилліи», «къ К. М. Дараганъ», «Пѣснѣ», «Осени 1822 г.» и т. д., тоже направленіе сказалось и въ нѣкоторыхъ прозаическихъ его произведеніяхъ. Въ статьѣ «Два мѣсяца въ дорогѣ», о которой я упоминалъ раньше, излагая свои путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Молдавіи и Валахіи въ 1828 г., Андрей Яковлевичъ, описывая какой-нибудь городъ или мѣстность и вспоминая о томъ, что было съ нимъ тамъ во время предшествовашей войны съ турками, впадаетъ по временамъ въ самое сентиментальное настроеніе. Вотъ для примѣра одно мѣсто.

«Обошедши садъ, въ которомъ, кромѣ меня, никого не было, вскарабкался я на насыпанный посреди онаго курганъ...; на чистомъ свѣтлоголубомъ небѣ показались звѣзды и полная луна взошла во всемъ уныломъ величіи. Милое свѣтило небесное! ты освѣщаешь не однѣ степи бессарабскія; можетъ быть, въ эту самую минуту карыя очи ангела души моей встрѣчаются съ тускло блещущими твоими лучами и несчастный другъ ея проскользнулъ въ памяти. Въ семъ самомъ саду она гуляла нѣкогда; здѣсь природа образовывала юныя прелести; подъ симъ небомъ развертывались способности ума ея... Быть можетъ, на семъ самомъ мѣстѣ она искала взорами подобнаго ей существа, добраго, чувствительнаго, и уходила домой съ пустотой въ сердцѣ. Ахъ, и тогда, будучи въ отдаленіи, я любилъ уже. Сколько протекло времени съ тѣхъ поръ, когда сердце мое забилось для нея! Ни разлука, ни жестокость

рока, раздѣлившаго жребій нашъ, ничто не перемѣнило моей привязанности [1])... и т. д.

О взглядѣ Андрея Яковлевича на романтизмъ узнаемъ изъ слѣдующей приписки на поляхъ одной изъ тетрадокъ съ его стихотвореніями:

«Люди быстрыми шагами идутъ въ передъ къ цѣли возможнаго просвѣщенія, но плаксивыя и фантастическія литературныя произведенія въ нынѣшнее время похожи на старыхъ сентиментальныхъ франтовъ, съ которыхъ смѣются. Къ сожалѣнію, по большей части мы принуждены теперь читать сему подобное. Мнѣ скажутъ: «не читай, если тебѣ не нравится нынѣшнее романтическое направленіе».—«Правда, милостивый государь; но я принимаюсь за книгу, не зная содержанія оной, иначе я бы и не развертывалъ ее; прочитавши же, тотчасъ забываю читанное, ибо все вылетаетъ изъ памяти, какъ спиртъ».

Скептически относясь и къ сентиментализму, и къ романтизму, Андрей Яковлевичъ придерживался того взгляда, что поэтическая литература должна быть близка къ дѣйствительности, словомъ былъ приверженцемъ литературнаго реализма. Въ этомъ нельзя не видѣть вліянія пушкинской поэзіи. «Крупная черта, отличающая Пушкина отъ предшественниковъ, говоритъ П. В. Анненковъ [2]), есть его близость къ дѣйствительной жизни, которая такъ превосходно соотвѣтствуетъ практическому смыслу, лежащему въ основѣ русскаго характера». Конечно, это вліяніе должно отнести къ позднѣйшимъ стихотвореніямъ Андрея Яковлевича, первыя же поэтическія попытки его обязаны своею близостью къ дѣйствительности самостоятельному художественному чутью ихъ автора.

Въ стихотвореніяхъ Андрея Яковлевича настолько живо отразилось душевное настроеніе и воззрѣнія его въ разные моменты его жизни, а также жизнь современнаго ему общества, что они могутъ служить матеріаломъ для его біографіи и иллюстраціей взглядовъ и условій быта тѣхъ общественныхъ сферъ, въ которыхъ приходилось ему вращаться. Нужно-ли прибавлять, что такое содержа-

---

[1]) Два мѣсяца въ дорогѣ, стр. 10

[2]) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи. Изд. 2-е. С.П.Б., 1873 г., стр. 424.

ніе стихотвореній показываетъ самостоятельность автора въ выборѣ сюжетовъ.

Не могу не замѣтить наконецъ, что, при значительномъ внутреннемъ достоинствѣ, лирическія произведенія Андрея Яковлевича страдаютъ нерѣдко несовершенствомъ формы.

Одновременно съ лирическими стихотвореніями Андрей Яковлевичъ писалъ и дидактическія, въ формѣ басенъ. Послѣднихъ осталось значительное количество, но, сообразно цѣли настоящаго очерка, я приведу здѣсь лишь нѣкоторыя изъ нихъ, и то въ приложеніяхъ (См. № 5).

О дѣятельности Андрея Яковлевича въ области дидактической поэзіи можно сказать, что она не чужда также нѣкоторой подражательности, хотя послѣдняя здѣсь болѣе естественна, а опредѣлить ее и не всегда возможно. «Такъ какъ басня, говоритъ извѣстный изслѣдователь басенъ Крылова Кеневичъ, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ имѣла цѣлью исправленіе недостатковъ и заблужденій, которые повсюду болѣе или менѣе общи, то, естественно, нравоучительные выводы у разныхъ баснописцевъ должны имѣть нѣкоторое, хотя иногда весьма отдаленное сходство»[1]). Это общее положеніе примѣнимо и къ баснямъ Андрея Яковлевича; но на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно отразилось вліяніе Геллерта, Лессинга, Ла-Фонтена и Крылова. Такъ, басня «Дроздъ и перепелка» является несомнѣннымъ подражаніемъ баснѣ «Два голубя» Крылова, хотя и Крыловъ заимствовалъ содержаніе своей басни у Ла-Фонтена, а этотъ въ свою очередь изъ индійскихъ разсказовъ, парижскаго изданія 1644 г. Можно найти также нѣкоторое сходство въ морали «Кречета и кобчика» и «Сурка» Андрея Яковлевича съ «Собачьей дружбой» и «Волкомъ и волченкомъ» Крылова; но отъ подражанія не свободны были и другіе русскіе баснописцы.

Какъ приводимыя мною ниже басни Андрея Яковлевича, такъ и остающіяся въ рукописи, написаны несомнѣнно на извѣстные конкретные случаи изъ жизни современнаго ему общества. «Надлежало-бы обставить, говоритъ Кеневичъ, каждую басню тѣми историческими данными, которыя могли-бы опредѣлить отношеніе ея къ

---

[1]) В. Кеневичъ. Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова. 2-е изд. СПБ., 1878 г. стр. XI.

современной дѣйствительности». Къ сожалѣнію, выражаясь опять таки словами Кеневича, исторія текущаго столѣтія еще такъ мало извѣстна въ своихъ подробностяхъ, которыя могли имѣть и конечно имѣли важное значеніе, свидѣтельства современниковъ такъ недостаточны, что выполненіе этой задачи остается пока невозможнымъ [1]). А если предположить, чего не дѣлаетъ Кеневичъ и что весьма вѣроятно, что поводомъ къ написанію иной басни было наблюденіе, сдѣланное надъ жизнію лицъ и общественныхъ кружковъ, не обратившихъ на себя вниманія мемуаристовъ, то можно ожидать, что нѣкоторыя басни такъ и останутся безъ достаточно обоснованныхъ комментаріевъ.

На этомъ я закончу очеркъ скромной литературной дѣятельности А. Я. Стороженка и въ слѣдующихъ главахъ перейду къ характеристикѣ его отношеній къ разнымъ ученымъ и литераторамъ его времени.

Н. С—ко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

ЗАПОРОЗСЬКА СИЧЬ.

Оперетка, составленная по народнымъ малороссійскимъ пѣснямъ въ двухъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Андрій Шоломъ. Осѣдлый малороссійскій козакъ и выборный въ селѣ по лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Катря. Жена его.

Галя. Дочь ихъ.

Прыхидько. Дьячекъ, сватающійся на Галѣ.

Хома, *Ярема* } Старосты.

Безридный. Запорожецъ.

Атаманъ кошовой на Сичи.

---

[1]) Кеневичъ, стр. XI.

Журба. Кошовой писарь.
Куринный атаманъ *Опанасъ.*
Куринный атаманъ *Грицько.*
Козаки Запорожскіе.

Дѣйствіе происходитъ на Украйнѣ во второй половинѣ XVIII в.

ДѢЙСТВІЕ I.

Малороссійское село на самомъ берегу Днѣпра. Хата Андрія Шблома, около хаты деревья.

Картина 1, явленіе 1.

Галя сидитъ у своей хаты, прядетъ и поетъ; потомъ выходитъ изъ хаты Катря.

Шумить, шумить дибровонька,
Тужить, тужить дивчинонька,
Тужить, тужить та й гадае,
На недолю нарикае.
Ой, недоле, усимъ не мила,
Чомъ же мене не втопила?
Краще було-бъ утопити,
Нижь зъ миленькимъ розлучити.
Куды иду, обернуся,
Назадъ себе оглянуся;
Охъ, якъ плачу, якъ зобачу,—
Лита свои марне трачу!

Мени здаеться, що вже винъ николи не буде... Ни! винъ мене любить, винъ зна, що Галя вмре, якъ не бачитиме ёго. И прясти не хочеться: дивлюся на гребинь—винъ передъ очима, пійду по воду, здаеться, що и въ криныци ёго бачу. (Поетъ)

Прійди, козаченьку, прійди, } Bis.
Да не буде тоби кривды. }
Якъ прійде, усе забуду,
Щасливою тоди буду. (Bis)

(Катря выходитъ изъ дверей своей хаты).

Катря.

Іонъ! іонъ! уже рюма та й рюма; хиба-жъ тоби нема й дила?! Постой лишень, голубко, чого ты плачешъ?... Бачъ, нема твого Безридного!... Ни, доню! покиль я жива, не буде винъ, пройдысвитъ, у насъ и ногою! Иди лишень, батько чого-сь кличе. (Обѣ уходятъ).

Явленіе 2.

Безридный и Сагайдачный, прокравшись по-за деревьями, останавливаются у хаты Шолома; потомъ Галя.

Безридный (поетъ).

Ой, зійди, зійди, зиронька вечирня!
Ой, выйди, выйди, дивчинонька вирна!
Хиба не чуешъ, серденько, голосочокъ;
Ой, выйди, выйди до мене на часочокъ!

Сагайдачный.

Якого ты тамъ биса тужишъ? Вона выйде, не забарыться. И я колись було здуривъ, якъ побачивъ Одарку, тую Ковалиху; тоди вона ще дивовала. Ни словечка не говоривъ зъ нею, правда, подумавъ—яка моторна, да буцимъ той байдуже, такъ же туга серце обгорнула. Дали,— що за вража мати! тильки й хочеться дивитись на Одарку, зъ нею говорити; усе на думци Одарка. (Поетъ)

Ишовъ козакъ черезъ байракъ, байракъ поконився.
На козака пригодонька, козакъ зажурився. (Bis)
Сьвитъ не милый, тяжко-важко, думаю-гадаю,
Коня, зброю, люльку маю, а чогось бажаю. (Bis.)
Байракъ гуде, витеръ свище, ничого не чую,
Мовъ бы оглухъ, мовъ бы ослипъ въ годину лихую. (Bis).

Оттаке лихо було; а теперъ, якъ забувъ уже, то самъ съ себе сміюся. Чи не дурни люде? Якъ що полюбить. такъ и нудить сьвитомъ, пропадае; е таки, що й сохнуть. Чи жъ стоять того ясни очи? чи довго вони свитять? А козаку треба до смерти козакувати.

Галя открываетъ по-немногу дверь и бросается къ Безродному.

(Поетъ) А що тебе принесло?
Чи човничокъ, чи весло?

Безридный (поетъ).

Принисъ мене добрый кинь
До Галечки на впокій (Bis).

Галя.

Козаченьку, ты мій панъ,
Сховай мене пидъ жупанъ.

Безридный.

Я жупана не маю,
Пидъ свитоньку сховаю (Bis).

Галя.

Охъ! я дуже боюся,
Що побачить матуся.

Безридный.

Не бійся, серце, зо мною,
Я прикрыю полою (Bis).

(Прикрываетъ Галю полою и уходятъ со сцены).

Сагайдачный.

Ой, молодыци, молодыци! Якъ подумаю, то й самому прыйде ка-зна-що на думку. (Поетъ)

Ой, волы-жъ мои, та полови,
Чомъ же вы не орете?
Ой, лита-жъ мои, та козацьки,
Чомъ марно вы йдете?

Ой, заржи, заржи, вороный коню,
На круту гору идучи,
Прожени печаль, змію лютую,
Щобъ не чуть було въ Сичи.

(Ходитъ задумавшись).

Годи! Чого мени журитись? Не поможе: що було, вже не вернеться. Чоловику усякъ бувае, абы въ души не шелестило; хто по правди думае и робить, той не жахаеться. Люблю Сичь Запорозську! Нехай здорови будуть козаки; вони мене на сьвити держать. Не треба-бъ ѝздити зъ Безриднымъ, такъ же хлопець винъ дуже добрый: якъ стане плакати, то серце мовъ не выскочить. Ни! нехай вони соби любляться, абы чесно! А мое вже минулось. (Поетъ)

Ой, на гори та й женьци жнуть,
А по пидъ горою, та по пидъ крутою козаки идуть. (Bis)
По-переду Дорошенко,
Веде свое війско, війско запорозське хорошенько. (Bis)
А по-заду Сагайдачный,
Що проминявъ жинку на тютюнъ та люльку необачный. (Bis)
Ему жинка не годиться,
А тютюнъ та люлька козаку въ дорози знадобиться. (Bis)
Де вы, браття, озовиться,
Та выкрешемъ огню, та запалимъ люльки—не журиться. (Bis)

(Выкресываетъ огонь и долго не можетъ выкресать, держа трубку въ зубахъ).

Щось вони довгенько тамъ баряться, щобъ не було якои ваторобки—якъ догадаеться стара, наробить клопоту. (Кричитъ) Гей! гей!—хоча-бъ тоби обизвались!... Гей!... На силу (въ это время выходятъ на сцену Безридный и Галя). Я вже думавъ, що вы тамъ захрясли, ажъ нудно стало. Чи вже попрощались?

Галя (плачетъ).

Винъ мени казавъ, що незабаромъ знову буде; я якъ не прыиде, то я або утоплюсь, або сама не знаю, що зроблю. Мати та батько казали, що виддадуть мене за дяка; вже й старосты були на розглядинахъ, рушныкивъ не давали, бо я сказала, що не здужаю, та ледви выкрутилась; а якъ зновъ прыйдуть—що й робити, не знаю.

Сагайдачный.

Якъ бы то: що й робити?! Треба батька та мати слухати, вони худого не нараять, не завьяжуть сьвита своїй ридній дитыни. Хиба-жъ таки вони захочуть твоеи погибели? Я знаю, твій батько чоловикъ добрый. Молись, Галю, Богу, та не плачъ и не тужи; безъ Бога, ни до порога. За Безридного тоби не можно пійти замижъ; винъ запорожець, та ще й хто зна, чи винъ повернеться, чи ни. Хиба диво кулю зацидити у лобъ, та й поминай, якъ звали.

Галя.

Ой, мени лихо! Хиба-жъ вы на війну йдете?!

Сагайдачный.

А винъ тоби не хвалився? Э, брате, треба правду казати. Я зроду ничого не брехавъ, тимъ-то николи й не каюсь. (Поетъ)

Козакъ душа правдивая, добре ёму жити,
Чобитъ нема, ни сорочки, и ни въ чимъ ходити.
Все-таки винъ правду любить, не збреше никому,
Краще згинуть, нижъ збрехати козаку прямому.

Безридный.

Галю, серденько, не плачъ! Може знову побачимось. Я вично тебе любитиму (задумывается); а якъ прийдуть старосты, слухай батька та матирь. Видно, така наша доля!

Сагайдачный.

Ось, що розумно, то розумно. Доки вамъ женихатись?

Галя.

Ни! ни за кого не пиду зимижъ, нехай, що хочуть! Якъ що вернешься, то застанешъ мене або въ могыли, або вично твоею.

Безридный.

Прощай, Галю! (плачетъ, обнимаетъ Галю и поютъ).

Галя.

Прощай милый, не забувай Гали!
Може умру швидко зъ тяжкои печали, зъ тяжкой печали.

Безридный.

Дивчинонько, не плачъ, не журися,
До вирного серця мого притулися, мого притулися.

Галя.

Покинь мени хоть свій жупаночокъ,
Щобъ я не забула, якій твій станочокъ, якій твій станочокъ.

Безридный.

На що, мила, жупанъ покидати?
Якъ що вирно любишъ, то й такъ не забудешъ, то й такъ не забудешъ.

Галя.

Покинь мени коня вороного,
Щобъ я не забула тебе молодого, тебе молодого.

Безридный.

На що мени, мила, коня покидати?
Якъ що вирно любишъ, будешъ споминати, будешъ споминати.

Безридный и Галя (поютъ вмѣстѣ).

Якъ литають голубоньки, полюбившись, у двохъ въ поле,
Будемо и мы любитись, нехай нашихъ ворогивъ коле.
Любимося, кохаймося, заки можно повинчатись,
Ой якъ любо, ой якъ мило дружиною называтись!
Довги будуть годиноньки, ище довши темни ниченьки.

Безридный.

Якъ я пиду въ Запорожье,
Не по воли пиду на Сичь.

Галя.

Якъ пиду я у чернички,
Не по воли пострижуся.

(Оба вмѣстѣ).

Абы ни зъ кимъ, якъ зъ тобою, мое серденько не зналося (bis).

Безридный.

Прощай, Галенько!

Галя.

Не забувай тоби вирнои (прощаются и уходятъ въ разныя стороны; съ Безриднымъ уходитъ и Сагайдачный).

Картина 2. Явленіе 3.

Внутренность хаты Андрія Шолома.

Галя, Андрій; потомъ Катря, Прыхидько, Хома и Ярема.

Галя плачетъ, утираетъ рукавомъ слезы, оглядывается; въ это самое время входитъ Андрій.

Андрій.

Нависна! Що се тоби сталось? Либонь здурила? Ой, дочко, схаменися! Тоби-бъ треба сегодня радйти, а ты рюмаешъ. Та що й казати?—у дивчатъ слезы не куповани: старостивъ нема—плачуть, якъ що хто свата—заразъ и слизки роспустить, а сама ажъ тремтыть—хочеться замижъ. Не плачъ, доню, прыймай старостивъ та жениха!

Явленіе 4.

Прыхидько, Хома и Ярема (входятъ въ хату и кланяются).

Андрій.

Стара, стара!... Катрю! И не чуе. Иди лишень мерщій, Бигъ давъ гостей.

Катря (входитъ и кланяется).

Здорови були, люде добри!

Галя, потупивъ голову, продолжаетъ плакать. Никто не обращаетъ на нее вниманія.

Хома.

(Вынимаетъ изъ-за пазухи хлѣбъ и соль, Ярема также, и кладутъ все это на столъ).

Бувайте здорови зъ хлибомъ, зъ силью!

Андрій и Катря.

Спасыби вамъ.

Хома.

Мы до васъ таки прыйшли.., э... бачте, паламарь Матвій, батько отцёго парубка (указываетъ на Прихидька), знаете, чоловикъ заможный и хозяинъ зъ ёго добрый.

Ярема.

Такъ.

Хома.

Винъ, бачте, отцёго сына виддававъ у бурсу.

Ярема.

Та такъ.

Хома.

Оцей, бачте, якъ кажуть, вывчився краще видъ самого панотця нашего Пилипа и хлопець, ось, якъ бачите, моторный; одинъ у свого батька, вже й дякомъ, а въ Пилипивку, кажуть, и стихарнымъ буде. Худоба... э... не погнивайся, пане Андрію и ты пани Катре, э... не доки дочокъ держати, абы лучився чоловикъ добрый, то бачте. э... и зъ Богомъ. Покиль живы, нехай здорови будете! виддати дочку замижъ.

Ярема.

А чого-жъ, пакъ! (упирается на палку).

Хома.

Мы до васъ сватами! Балакати довго ничого, абы воля... э..., ось, вамъ и женихъ. (Прихидько кланяется).

Андрій.

Дочка абы схотила, а про мене Боже помагай. Якъ, стара, миркуешъ?

Катря.

А кого-жъ ще сподиватись? Чоловикъ добрый знайшовся, то не доки сидиты ій въ дивкахъ! (Улыбается). Нехай рушныки дае. Галю! подивись лишень на старостивъ, та й на... Озирнись бо, дурна! (Галя и не взглядываетъ). Ось! що хочъ роби, а вона усе таки свое... Просимо въ городъ. Нехай вони сами соби поговорять.

(Всѣ уходятъ, исключая Прихидька и Гали, которой не пустила Катря).

Прихидько (подходитъ къ Галѣ и хочетъ взять ее за руку, она его отталкиваетъ).

Чому-жъ вы, отце, тее, не подивитесь? Гмъ, гмъ! Прошу прощенія. Гмъ! хочъ подивитесь (Галя остается въ томъ-же положеніи). И писано бо есть: да возрадуется невиста о жениху (Поетъ).

Ой, Галечко, серденько, озирнись,
Хиба-жъ я не парубокъ, подивись,
Хиба въ мене брови не чорни,
Хиба-жъ таки я не моторный.

Галя (поетъ).

Хочъ будете якъ чепуритись,
На васъ вже мени не дивитись.
Кажу вамъ, ничого не буде,
Ось, гетьте, бо дивляться люде.

Прихидько.

Вы-жъ будете, серце, моею,
Не погано буть попадею.

Галя.

Ни за що не хочу ни попа, ни дяка,
Якъ що замижъ пиду, такъ за козака.

Прихидько.

А що скажуть батько та мати?
Дивиться, уси йдуть вже до хаты.

Галя.

Я не хочу ище ни за кого,
Вамъ кажу я, не буде ничого.

(При этомъ всѣ входятъ въ хату съ бутылкой водки и чарками).

Катря.

Що на іи дивитись? Рушныки тоби кажу—заразъ! (Галя уходитъ, Катря поетъ)

Якъ була я молодою,
Не чула земли пидъ собою,
А теперъ, якъ стала старою...

Андрій.

То тильки трясешъ головою.

Годи, стара! А ну лишень ты, Хомо, заспивай намъ якои старосьвитскои.

Хома.

Добре (Поетъ).

По долыни, по зеленій, тихо ричка протикала,
Тамъ козаченька темненька ничка, тамъ частенько ёго застигала.
Ни мисяця, ни зирочки не видно по-за хмарами,
Тильки витеръ віе по диброви та зозуля куе мижъ кущами.
Сидить козакъ надъ ричкою, самъ зъ собою розмовляе;
[illegible]инъ свою долю, долю нещасливу, нещасливу долю проклинае...

Андрій.

Якои-жъ сумнои ты заспивавъ! А ну лишень яку веселійшу...

Ярема.

Оттакъ козакъ докозакувався,
Що голый, мовъ пень, обидрався!
Гей, ты козаче-небоже,
Чомъ ты не робишъ, якъ гоже?
Гей, ты козаче-голубче,
Чомъ ты не робишъ, якъ лучше!

Андрій.

Хоча-жъ я не ляцького роду,
Пью горилочку, якъ воду!
Гей, ты козаче-небоже,
Чомъ ты не робишъ, якъ гоже!
Гей, ты козаче-голубче,
Чомъ ты не робишъ, якъ лучше!

Ярема.

Нехай соби ляхи пропадають,
А козаки все пьють та гуляють.
Гей, ты козаче-небоже,
Чомъ ты не робишъ, якъ гоже!
Гей, ты козаче-голубче,
Чомъ ты не робишъ, якъ лучше!

Катря (отвѣдываетъ изъ чарки и всѣ пьютъ по очереди).

Треба запити, щобъ усе добре було. Бувайте здоровеньки!

Картина 3. Явленіе 5.

Хата Шолома, огородъ его. Сумерки. Галя сидитъ подъ деревомъ въ огородѣ; затѣмъ выходятъ всѣ бывшіе въ хатѣ.

Галя (поетъ).

Ой, изійди, зійди, мисяцю ясный,
Хочъ подивлюся, якій ты красный.
Вернись, вернись, вирный козаче,
Бо за тобою дивчина плаче.
(Ходитъ).
Де ты, мій милый, де—озовися,
Прійди на Галю, хочъ подивися:
Каріи очи почервонили,
Высохли повни рученьки били,
Серденько бидне для тебе бьеться.
Де чорнобривый? Не озоветься.
Щаслива пташка, що крыльця мае,
Куды захоче, туды литае;
Ой, коли-бъ Галя та крыльця ймила
Заразъ до тебе-бъ полетила.
Може на сьвити нема милого,
Зъ висткой покиль ще нема никого.
Воро́ни кони бьють копытами
Объ сыру землю пидъ козаками.
Царыци вирно ти, що служили,
Може головку тамъ положили.

Безридный! якъ що ты ище живый, не дай вмерти твоій Гали...

(Садится на травѣ. Тутъ всѣ выходятъ изъ хаты; Хома и Ярема перевязаны чрезъ плечи рушниками).

Андрій.

Бувайте здоровеньки!

(Галя встала и, потупивъ глаза, перебираетъ правой рукою лѣвый рукавъ своей рубашки; потомъ уходитъ въ хату).

Катря.

Нехай легенько згадаеться Матьвіеви! Скажить ёму видъ мене, що мы теперъ вже сваты.

Хома.

Адже-жъ такъ, пани свахо. Э, колибъ та швидче весилля! Бачте, якъ що робити, то треба хутко робити (Катря подноситъ ему чарку водки).

Катря.

Сядьмо-жъ, сватоньку на прызьби, и ты, пане свате (оборачиваясь къ Яремѣ): треба могоричъ запити. Ну лишень старый! (обращаясь къ

Андрій.

Просимо, пане свате! (Беретъ чарку и подтчиваетъ Хому).

Хома.

На щастя, на здоровье дитей! Нехай вони здоровеньки будуть! (Выпиваетъ и держитъ рюмку въ рукахъ). Э!

Катря (поетъ).

Не кленъ, яблунина, не кленъ, яблунина—червона калина,
Иде наша Галя за хорошого челядина.

Выпейте, пане свату! (Опять поетъ).

Прилетивъ соколочокъ, прилетивъ соколочокъ до насъ у садочокъ,
Поти на Галю дививcя, ажъ покиль ёму полюбилась.

Хома (взявши Катрю за руки, подтанцовуетъ и поетъ).

Гей, свахо, потанцюймо,
Хочъ старостью пожартуймо,
Абы таки люде знали,
Що и мы колись гуляли (bis).

Всѣ (поютъ).

Будемъ пити, коли пьеться,
Що було, то все минеться,
А коли хто щастя знае,
Той все до дна выпивае (bis) (подтанцовуютъ).

Катря (обращаясь къ Хомѣ).

Нуте, лишень, сватоньку!

Хома (сидя рядомъ съ Андріемъ, пьетъ и разговариваетъ).

Я цёго не люблю; въ мене коли пить, такъ пить, а то иньшій визьме и до роту донесе, зновъ поставить (все это самъ дѣлаетъ). Ни, въ мене не такъ: въ мене коли пить, такъ пить! А то е таки, пане свате, що держить чарку, визьме, ще й до рота не донесе, зновъ поставить. Ни, я вже не такій: коли пить, такъ пить, а то инишій... то й поставить (самъ ставитъ на призьбѣ чарку; Ярема беретъ чарку и выпиваетъ).

Ярема.

Коли пить, такъ пить!

Хома.

Ось, добре, ке лишень и мени, я щось загутарився (беретъ чарку и выпиваетъ; всѣ пьютъ и кланяются одинъ другому).

Хома, Ярема и Прихидько.

Прощавайте—пожалуйте!

Андрій и Катр .

Идить здоровеньки!

(Всѣ уходятъ: первые за сцену, а послѣдніе въ хату).

Явленіе 6.

Галя выходитъ изъ хаты, потомъ Безридный и Сагайдачный.

Галя (поетъ).

Та вже-жъ мени не ходити, куды я ходила,
Та вже-жъ мени не любити, кого я любила.
Ой, чи можно туды ходить, куды люде кажуть!
Ой, чи можно того любить, зъ кимъ рученьки звяжуть!
Хотивъ мени козаченько дружиною бути,
Коли-бъ знайти таке зилля, щобъ ёго забути;
Хочъ я буду зилля пити, капельки не впущу,
А ёго тоди забуду, якъ очи заплющу.
И любила, и любила, и любити буду,
Покиль не вмру, миленького мого не забуду.

(Безридный и Сагайдачный вбѣгаютъ на сцену. Галя кидается къ Безридному на шею).

Галя.

Якъ мое серце чуло!

Безридный.

Хиба-жъ я тоби не казавъ, що якъ Богъ поможе, то мы знову побачимось. На війну не йдемо, хиба ажъ на тимъ тыжни. На силу вырвався. Спасыби Сагайдачному, винъ мене выпрохавъ у старшины, та ледве видпустили.

Галя.

Ни, я тебе не пущу, я зъ тобою усюды помандрую.

Безридный.

Якъ-бы то—на Сичь? Не можно! И ты, и я пропадемо, якъ що побачять тебе на Сичи.

Галя.

Вже якъ хочешъ! Я поиду за тобою въ козацькимъ убранню, мене нихто не пизнае (обнимаетъ его). Нехай татари побьють насъ обохъ разомъ, а жити безъ тебе—не хочу. Вже мати и батько рушныки подавали старостамъ Прихидька; якъ-бы тебе Богъ не принисъ, я-бъ вмерла—не була-бъ ни за кимъ на сьвити. Серденько мое! якъ що не хочешъ моеи смерти, визьми мене зъ собою!

Безридный (въ глубокомъ размышленіи смотритъ на Галю, плачетъ и рѣшительно произноситъ)

Поидемъ!

Сагайдачный.

Що буде, то буде, а іи треба взяти зъ собою. Нехай побуде козакомъ, заки знайдемъ ій мисто, а то справди себе загубить, якъ не буде тебе бачити.

Галя (поетъ).

Не журися, любый тату, що тебе покину,
Може знову побачимось, якъ що я не згину.
Не журися, матусенько, моя така доля,
Мени краще домовина, ни-жъ гирка неволя.
Прощай ридна стороненько, тебе не побачу;
Де родилась та выросла, за тимъ мистомъ плачу.
Не буду я пидъ липками въ жнива спочивати,
Бильшъ не будуть за нелюба Галю виддавати.
На край свита зъ козаченькомъ милымъ помандрую,
Тяжко серцю, а полегша—тильки поцилую!

(Цѣлуетъ Безридного).

Безридный.

Знайдемъ щастя, дивчинонько, якъ що мене любишъ,
Болить серце козацькее—чого, Галю, тужишъ?
Якъ Богъ пишле, то зо мною будемъ соби жити,
Забудемо все на свити, не будемъ тужити.

Сагайдачный.

Абы вирно любилися,—ничого журитись,
А за батька та за матирь треба все молитись
Нехай вони здоровеньки живуть на господи!
Нумо швидче споряжатись—плакати вамъ годи!

(Всѣ торопливо уходятъ).

КОНЕЦЪ І-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

БАСНИ.

1.

Дроздъ и перепелка.

У птичекъ также есть мечты:
Онѣ, равно какъ мы, желаютъ,
Гдѣ имъ не нравится, скучаютъ,
Свои имѣя суеты:
Какъ лучшій кормъ достать,
Чтобъ дѣтокъ прокормить;
Какъ дѣтокъ сохранить,
Пока начнутъ летать.
Въ сей жизни много есть заботъ,
Надеждъ несбыточныхъ, желаній и хлопотъ.
Дроздъ, испытавшій все—и радость и печаль,
Страшился слова—даль:
Далеко отъ семьи, далеко отъ друзей,
Далеко отъ родныхъ полей,
Лишь чувствуешь разлуку,
Мученіе и скуку.
Чужая сторона
Для одинокого грустна:
Гдѣ сыщешь тѣнь отъ жару?
Гдѣ сыщешь кормъ? Гдѣ сыщешь нору?
Кто приголубитъ подъ крыломъ?
И радость одному скучнѣе, чѣмъ печаль вдвоемъ!
Есть кормъ, есть другъ—чего желать?
Почто невѣрнаго искать?
Дроздъ, съ перепелкой подружась, о семъ съ ней часто разсуждалъ
И увѣрялъ,
Что дальній край—
Не рай,
И что вездѣ бываетъ горе,
Хоть полети за море.
Но все-таки она хотѣла видѣть ясно,
Что дурно, что прекрасно,
Гдѣ кто и какъ живетъ
Хотѣла знать и видѣть свѣтъ.

Желанье суетно,—дроздъ думалъ, но молчалъ,
Съ стѣсненнымъ сердцемъ распрощался.
Она вспорхнула, онъ остался;
Вдругъ вѣтеръ засвисталъ,
Умчалъ ее изъ глазъ.
Тотчасъ
И ястребъ появился,
Но онъ лишь въ воздухѣ рѣзвился.
Покрылось небо тьмой, ударилъ сильный градъ,
Она скорѣе въ садъ
И скрылась,
Измокшаго стрѣлка увидя, притаилась,
Отдѣлалась и тутъ—судьба того хотѣла,
Чтобъ перепелка залетѣла
Отсель
За тридевять земель.
Такъ точно и случилось:
Прелестно солнце появилось—
Увидѣла она
Привольные луга, водѣ не видно краю;
«Вотъ, тутъ-то погуляю,
Нѣтъ нужды, что одна!
Какія прелести! Здѣсь вѣкъ хотѣла-бъ жить!
Захочешь ли испить?
Вотъ море цѣлое». И къ морю прилетѣла.
Спустилась съ берега, присѣла.
Лишь только въ ротъ воды—соленая, какъ соль,
И вовсе пить неможно.
Что дѣлать? Осторожно,
Измучася, летитъ оттоль,
Отъ жажды чуть не околѣла,
Домой на силу долетѣла.
И воды, и луга сдавались ей чумой.
Гдѣ лучше стороны родной?
Дроздъ съ чувствомъ дружбы ее встрѣтилъ,
Съ чистосердечіемъ замѣтилъ,
Что всюду свѣтъ, какъ свѣтъ.
Вездѣ тамъ хорошо, гдѣ насъ лишь только нѣтъ.

С. Брагинцы, 1817 г.

2.

Павлинъ.

Въ саду, гдѣ роскошь, вкусъ и нѣга обитала,
Брега куртинъ вода кристальна орошала,
Прелестныхъ грацій рядъ въ журчащихъ ручейкахъ
Волшебна тѣнь изображала,
Тамъ нѣжна горличка уныло ворковала
Въ уединеннѣйшихъ мѣстахъ.
Хозяинъ разсыпалъ различныхъ сортовъ сѣмя;
Любили птички его садъ;
Приволью кто не радъ?!
Малиновокъ, чижей и коноплянокъ племя
Съ весною множилось; хоръ нѣжный каждый день
Гармоніей плѣнялъ пришедшихъ отдохнуть подъ тѣнь.
Но деньги балуютъ—хозяинъ накупилъ
Еще заморскихъ птицъ и по саду пустилъ.
Потомъ онъ выписалъ огромнаго павлина,
Въ немъ птичкамъ новая представилась картина.
Слетѣлись поглядѣть
И гостю свой концертъ пропѣть.
Онъ слушалъ и молчалъ,
Блестящій только хвостъ предъ ними распускалъ,
Хоть шею надувалъ,
Но вторить имъ не начиналъ.
Птичкамъ наскучило молчанье—
Всѣ думали, что онъ
Имѣетъ въ голосѣ прекрасный тонъ,
И обратили все вниманье—
Авось-ли бо павлинъ отъ скуки запоетъ.
Лишь только солнышко взойдетъ,
Онѣ поютъ, а онъ... лишь ходитъ!
Въ недоумѣніе молчаньемъ ихъ приводитъ.
«И важенъ, и великъ, ну, какъ ему не пѣть?!»
Такъ птички разсуждали.
Однажды въ гнѣздышкахъ въ ночь темну отдыхали;
Вдругъ дикій крикъ раздался,
Малютокъ рой поднялся,

Слетѣлись, слушаютъ, примолкли—а павлинъ
Уныло затянулъ одинъ.
Павлинъ еще кричалъ, но птички улетѣли
И слушать болѣ не хотѣли.

И межъ людьми павлины есть:
Молчанье многимъ ставятъ въ честь—
Молчитъ, и думаютъ, уменъ,
А онъ
Только молчать смышленъ!

С.-Петербургъ, 1817 г.

3.

Кречетъ и Копчикъ.

«Охъ, тяжело на свѣтѣ жить—
Прошли тѣ времена, когда во всемъ приволье
Въ странѣ сей каждый могъ найти.
Ужъ было, подлинно, раздолье!
Я былъ тогда начальнымъ здѣсь,
Вся эта сторона лишь мнѣ повиновалась,
Лишь мною управлялась;
А нынѣ, поглядишь, во всемъ такая смѣсь,
Такая безтолочь—ужасно!
Да что и говорить напрасно:
Гдѣ станутъ заводить порядки,
Тамъ взятки будутъ гладки!
Птицъ стаи на работѣ у меня бывали:
Иные кормъ сбирали,
Другіе на досугѣ
Мнѣ вили гнѣзда, а нынче и въ прислугѣ—
Повѣришь ли—нуждаюсь я?
Хоть птицъ и наманилъ я изъ чужихъ лѣсовъ
Въ отъемный свой лѣсокъ, да мало;
Съ владычествомъ моимъ исчезшимъ все пропало.
Теперь пришлось терпѣть отъ самихъ куликовъ,
Не то отъ филина и совъ!
Такъ вотъ какая жизнь на старость за заслуги!
Вотъ свѣтъ теперь каковъ!

Къ тому-жъ нелегкая въ подруги
Кукушку подстрекнула взять, —
Она изволитъ лишь порхать
И, не смотря на лѣта,
Всегда какъ какаду одѣта,
Дѣтьми не занята—онѣ растутъ ей въ тягость,
Стыдится взрослыхъ—что самой
Нельзя казаться молодой.
Какая же въ сей жизни радость?
Взгляни, я съ головы всѣ перья потерялъ,
Отъ горя, отъ хлопотъ я каждый день дряхлѣю;
Мнѣ больно, что въ мой вѣкъ я мало такъ собралъ
И что на старости лишь крохами владѣю».
Такъ кречетъ съ кобцемъ разсуждалъ,
Вдругъ кобчикъ жалко запищалъ:
«Ахъ, грѣхъ тебѣ роптать на счастье!
Не страшны для тебя ни голодъ, ни ненастье,
Имѣешь ты уютный теплый кровъ;
Чего тебѣ бояться совъ?
Ты независимо, что собралъ, тѣмъ владѣешь,
Благодаря счастливымъ временамъ, все нужное имѣешь,
Съ избыткомъ даже, и притомъ
Еще за управленье
Стороны, съ которой ты нажилъ имѣнье,
Ты-жъ награжденъ орломъ,
И подлежащее сомнѣнью,
Все предано забвенью.
Вотъ мнѣ такъ подлинно пришлось хоть околѣть,
Иль въ глушь лѣсовъ съ тоски и горя улетѣть:
Въ чужихъ я гнѣздахъ вѣчно жилъ,
Чужое ѣлъ, чужое пилъ,
Гнѣзда же и на смѣхъ ни одного не свилъ.
Скажи, гдѣ видано, чтобъ кобчикъ зодчимъ былъ?—
Но было злой судьбѣ угодно,
Чтобъ взялся я за то, что мнѣ совсѣмъ не сродно.
О суетность! какъ часто ты
Показываешь намъ возможными мечты.
И я задумалъ зодчимъ быть,
Гнѣзда для ласточекъ лѣпить!
Мечталъ—отъ мелкаго толико построенья,

Хотя не наживу имѣнья,
Могу по крайней мѣрѣ жить,
Могу кой-какъ себѣ гнѣздышко временно склеить.
Но всѣмъ ли, какъ тебѣ, расчеты удаются?
Иные какъ ни бьются,
Какъ ни стараются, успѣха нѣтъ, какъ нѣтъ!»...
—«Послушай, ты хоть сѣдъ»,
Кречетъ со злостью закричалъ,
«А толку вовсе въ тебѣ мало:
Меня ты тотчасъ обличалъ
И выдумалъ при томъ, чего и не бывало!
Подумай о себѣ! въ правдѣ грѣшно таиться—
Ты... даже въ глинѣ радъ скупиться!»

Конечно, всякому случалося слыхать
И межъ людьми подобны разговоры:
Гдѣ выгоды начнутъ считать,
Не обойдется тамъ безъ личностей и ссоры.
Кто прибыли не любитъ?
Хотя она иныхъ и губитъ.
Елизаветградъ, 1821 г. Октябрь.

4.

Сурокъ.

«Что? Каково дѣла идутъ?»
Спросилъ косой русакъ, увидѣвшись съ лисицей.
—Какъ видишь! Нашу степь почтемъ теперь столицей—
Все дышетъ радостью: кроты у насъ поютъ,
А хомяки плясать пустились.
Мы прежде такъ не веселились.
Все ожило съ тѣхъ поръ, какъ прибылъ къ намъ сурокъ.
Когда начальникомъ его къ намъ назначали,
Ты помнишь, многіе кричали,
Что онъ и старъ, и плохъ,
А нынѣ хвалятъ всѣ. И, подлинно, онъ милъ!
Изъ норки выскочитъ, на заднихъ лапкахъ станетъ,
Вкругъ норки все оглянетъ
И въ норку спрячется—работаетъ сверхъ силъ

По внутреннимъ дѣламъ. Веселымъ не мѣшаетъ—
Дѣла всѣ внѣшнія онъ намъ предоставляетъ,
Мы имъ даемъ движенье
Скорѣйшій ходъ и направленье.
«Кто-же по части сей»,
Спросилъ опять русакъ, всѣхъ старше изъ звѣрей?
Мнѣ съ просьбой, напримѣръ, къ кому адрессоваться»?
—Мы всѣ равны, лисицы былъ отвѣтъ,
И старшихъ между нами нѣтъ.
—«Напрасно станешь добиваться
Ты правды у лисы, ворчитъ подслушавъ ёжъ,
Одно лишь то не ложь,
Что всѣ дѣла идутъ
Такъ, какъ глядитъ косой и какъ тебѣ сказали.
Гдѣ всѣ равны и гдѣ всѣ пляшутъ да поютъ,
Бѣги веселостей, чтобъ не нажить печали.
Кинь просьбу—здѣсь ее не станутъ разбирать!
Самъ старенькій сурокъ изъ норки чуть вылазитъ,
А кто подъ именемъ его въ дѣлахъ проказитъ,
Не мудрено понять.
Сурокъ, быть можетъ, добръ, быть можетъ и уменъ,
Но старшій то не онъ,
Какъ съ многими бываетъ,
Коимъ судьба сверхъ силъ обязанность ввѣряетъ.

1826 г.

ВѢДЬМА.

(Полѣсскій разсказъ).

(продолженіе) [3]).

Наступила ранняя и суровая зима. Въ послѣднихъ числахъ октября морозъ стянулъ ужъ землю и снѣгъ покрылъ ее бѣлой пеленою. Небесный сводъ былъ усѣянъ множествомъ звѣздъ, когда на дорогѣ, которая вела изъ сосѣдняго мѣстечка въ Сухую Долину, показались два крестьянина, шедшіе по направленію къ селу. Оба были невысокаго роста, а одинъ могъ даже назваться совершенно низкимъ; въ бараньихъ шапкахъ, кожухахъ и скрипучихъ сапогахъ, они шли то медленною и не совсѣмъ твердою походкою, то снова быстрыми, неровными шагами, разговаривая очень громко и постоянно размахивая руками. Оба были не совсѣмъ трезвы; громкіе голоса ихъ разносились на далекое пространство среди окружавшей тишины, имъ вторилъ также громкій и неровный звукъ собственныхъ шаговъ. Изъ словъ ихъ, отчетливо звучавшихъ въ тихомъ морозномъ воздухѣ, можно было догадаться, что оба возвращались изъ мѣстечка, гдѣ являлись въ мировой судъ.

— Мировый каже: заплатишъ штрапъ за те дерево... сказалъ одинъ, а другой говорилъ въ тоже время, не слушая товарища:

— Довгъ святе дило, каже, треба заплатити...

---

3) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., майск. кн., стр. 490—519.

— Зрубавъ, каже, дерево въ паньскимъ лиси, шисть штукъ зрубавъ, каже, за кажне дерево по карбованцю штрапу заплатишъ... А якъ довгу, каже, не заплатишъ, то грунтъ опишуть та продадуть... Не продадуть, кажу, бо ще не выкупленый, зъ казны значить не выкупленый ..

— А я до мирового зъизду, продолжалъ другой собесѣдникъ... пишовъ до Хацкеля, кажу ёму писати прошеніе до мирового зъизду... Пиши, кажу, апеляцію, щобъ мени того штрапу не платити...

Первый продолжалъ свое:

— Я до старшины... Та що зъ того?... и жиду виненъ, и людямъ виненъ, а теперъ вони на мене позовъ подають, а судъ каже платити, а земля не выкуплена, значить, зъ казны не выкуплена и продати іи не можна... А жидъ недовирокъ, бисова ёго душа, заразъ и пытаеться: а багато даси, щобъ написавъ?—Дамъ злотого, кажу, пиши. А винъ дывиться мени въ вичи, ще й сміеться... Даси карбованця, каже. Не дамъ, кажу, далеби не дамъ... два злоты дамъ .. А винъ: карбованця даси... и обицявъ, далеби обицявъ карбованця... Шобъ ёго чорты...

Другой, котораго занималъ вопросъ объ уплатѣ долговъ, разсказывалъ свое, слегка шатаясь на ногахъ.

— Довидався я въ старшины, ой довидався... Щобъ ёго... Земли, каже, не опишуть, не вильно, бо ще не выкуплена, а господарство, каже, опишу, та й продамъ; зъ молотка, значить, продамъ, зостанетесь въ самихъ сорочкахъ... на що було гроши позычати?

Оба вдругъ остановились и посмотрѣли въ лице другъ другу.

— Якове! произнесъ одинъ.

— Семене! отвѣчалъ другой.

— Га? спросили оба въ одинъ голосъ.

— Якъ-бы то чоловикъ бувъ багатый!

— Эге!

— Тобъ и грошей не позычавъ!

— Але!

— А то девъять душъ въ хати ..

— Въ мене тринадцятеро, та ще й двое въ колысци...

— Грунтъ такій кепській, що хочъ плачъ...

— А клуня то вже й зовсимъ завалилась... думаю соби, дебъ его лису взяти?.. Отъ и поихавъ у лисъ въ ночи... то й що? Хиба самъ Богъ для одного лисъ насадивъ? для всихъ насадивъ...

— Прыйдеться землю жидови за довгъ въ аренду пустити... а самому, хочъ крадькома, до якого двору за наймита стати... Ой, гирька доля прыйшла на мене й на моихъ дитокъ? .

— Ой, гирька доля прыйшла й на мене при старости, на мою сиву голову!..

Оба провели по глазамъ рукавомъ кожуха и, громко вздохнувши, пошли дальше рядомъ. Они приближались уже къ старому кресту, возвышавшемуся на распутьи. Впереди блестѣли два освѣщенныя окна корчмы, далѣе темнѣли *клуни* и хлѣвы, а въ нѣкоторомъ отдаленіи одиноко среди полей, между сухими остовами деревьевъ виднѣлось жилище кузнеца. При свѣтѣ звѣздъ можно было различить уже запертую и молчаливую кузницу, покрытую снѣгомъ крышу хаты и два блѣдныя, желтоватыя пятна—отблески свѣтившагося внутри огня, прорывавшіеся сквозь обмерзшія оконныя стекла.

— Семене! произнесъ одинъ изъ проходившихъ мимо креста людей, указывая рукою по направленію къ этому жилищу.

— Ну?

— Отъ тамъ грошей сила!

— Де се?

— А въ Ковалихи.

— Эге! подтвердилъ Семенъ; багати люде, живуть соби по паньски...

— Чому имъ не жити, коли чортъ запомагае видьми.

— Помагае, чи ни, а имъ таки добре, коли мають гроши, замѣтилъ Семенъ, помолчалъ съ минуту и, махнувъ рукою, проворчалъ:

— То й що зъ того? Песъ кудлатый, ёму тепло; чоловикъ багатый, ёму добре.. Ковалеви зъ жинкою добре, а мени одъ того не легше...

— Ще й важче на чуже добро дивитись, якъ самому гирько на сьвити...

— Але!

Вдругъ Яковъ Шишка остановился какъ вкопанный и, протянувъ руку къ хатѣ кузнеца, произнесъ тихимъ сдавленнымъ голосомъ:

— Бачивъ, Семене, бачивъ?

Семенъ также остановился и смотрѣлъ молча съ открытымъ ртомъ, не въ состояніи будучи выговорить ни слова. Неожиданнымъ явленіемъ, такъ сильно поразившимъ обоихъ крестьянъ, была просто на просто падающая звѣзда, которая какъ бы оторвалась отъ темнаго небеснаго свода, золотистою змѣйкою промелькнула въ воздухѣ, блеснувши на секунду яркимъ свѣтомъ, и потухла надъ самою хатою кузнеца. Яковъ повторилъ вопросъ.

— Бачивъ ты?

— Чому не бачивъ? бачивъ! прошепталъ Семенъ; про ихъ балакали, на ихъ хати и зирка впала...

Яковъ покачалъ головою и громкій, злобный смѣхъ вырвался изъ его узкой, старой груди.

— Ой ты дурный, дурный! То ты думаешъ, що то справди зирка впала?

— Але!

— Та тожъ чортъ видьми гроши кризь коминъ понисъ!

— Не вже? крикнулъ Семенъ и, поднявъ руку ко лбу, началъ креститься.

— Та хиба-жъ ты николи такого не чувъ?

— Та я чувавъ, що воно бувае на сьвити, тилько николи не доводилось бачити самому...

— Ну, то теперъ побачивъ... Во имя Отца, и Сына, и святого Духа...

— Аминь! кончили оба въ одинъ голосъ, а Семенъ еще разъ издалъ протяжный возгласъ удивленія, послѣ чего шелъ дальше уже болѣе вѣрными и ровными шагами, какъ будто винные пары совсѣмъ исчезли изъ его головы. Онъ глубоко раздумывалъ надъ чѣмъ-то и наконецъ отозвался.

— Якове!

— Га?

— Знаешъ що? Я-бъ вже й чортивськими грошима не погордувавъ, абы тильки зъ биды вызволитись, абы господарства не описували та не продавали...

— Якъ знаешъ... якъ хочешъ... отвѣчалъ Яковъ двусмысленно.

— Може-бъ Ковалиха и позычила... продолжалъ Семенъ колеблющимся голосомъ.

— Якъ знаешъ... якъ хочешъ... тильки зле буде...

— Чому зле?

— А такъ, не годиться христіяньську душу запродавати.

— И то правда...

— Ты цёго не роби, поучалъ Яковъ, поднявъ вверхъ палецъ, не годиться... Треба буде попови на сповиди признатись, що мавъ таке скушенье... Семенъ опять задумался, но черезъ минуту быстро поднялъ голову съ внезапною рѣшимостью.

— Ты-жъ ходивъ красти дерево у паньскому лиси, якъ самому треба було клуню будовати, га?

— Ой, ты дурню Божый! вскрикнулъ Яковъ, хиба-жъ можно таке прирівняти? Тожъ Божый лисъ, що самъ Богъ для всихъ насадивъ, а видьмыни гроши одъ нечистого и сама вона ворогъ и людямъ, и Богови...

— То що! возражалъ Семенъ, однаково мировый звеливъ тоби заплатити штрапъ, а ты мени дурня не тычъ... Чуешъ? Не маешъ права! Самъ дурень, та ще й злодій до того!

Уже начиналась ссора, какъ вдругъ ихъ облилъ яркій свѣтъ изъ оконъ корчмы, мимо которой они проходили въ ту минуту. Изъ корчмы доносился гулъ разговоровъ и звуки скрипки. Оба остановились, какъ вкопанные.

— Зайдемъ! сказалъ Семенъ.

— Зайдемъ, согласился Яковъ.

— На хвилину.

— На хвилину, тилько розважитись...

Довольно обширная и низкая комната корчмы съ глинянымъ поломъ и почернѣвшими отъ грязи лавками была ярко освѣщена смолистыми лучинами, воткнутыми въ расщелины печи, сверху до низу завѣшенной высыхающимъ отъ стирки бѣльемъ шинкаря и его семейства. На длинномъ, узкомъ столѣ горѣла сальная свѣчка, криво вправленная въ выдолбленную рѣпу, и стояло нѣсколько оловянныхъ рюмокъ, изъ какихъ крестьяне обыкновенно пьютъ водку въ шинкахъ. Ихъ только что опорожнили сидѣвшіе на лавкахъ вокругъ стола спокойные, серьёзные хозяева, которые вели между собою громкую, но въ тоже время серьёзную и мирную бесѣду. Хорошіе кожухи съ широкими черными или сѣрыми бараньими воротниками, тяжелые и высокіе до колѣнъ сапоги, выраженіе ихъ спокойныхъ или улыбающихся физіономій—все свидѣтельствовало о томъ, что это были самые зажиточные и найболѣе уважаемые хозяева Сухой Долины. Собрались они здѣсь не для пьянства или шумнаго веселья, а во первыхъ для того, чтобы провести въ компаніи воскресный зимній вечеръ, а во вторыхъ и для того, что-бы потолковать и посовѣтоваться о дѣлахъ, касавшихся интересовъ цѣлаго села. Каждый сейчасъ-же потребовалъ себѣ водки и выпилъ оловянную рюмку, любезно обращаясь къ сосѣдямъ съ пожеланіями: будьмо здорови! дай Боже щастья! Затѣмъ отодвинули рюмки на середину стола и болѣе уже не прикасались къ нимъ. Выпили по крючку и довольно! Если-бы представился какой нибудь благовидный предлогъ: крестины, свадьба, какая нибудь выгодная продажа или что нибудь подобное, они выпили бы, конечно, гораздо больше; но такъ просто, безъ оказіи они не привыкли напиваться, каждый уважалъ въ себѣ достоинство зажиточнаго хозяина и порядочнаго человѣка, отца семейства и бывшаго прежде или современнаго должностнаго лица въ общинѣ.

Въ самой серединѣ этой группы помѣщался Петръ Джурджа; рядомъ съ нимъ, облокотившись на столъ руками, развалился

Максимъ Бодрукъ, дальше на лавкѣ сидѣлъ старый Лобода и два его взрослые сына, уже давно женатые, за ними еще нѣсколько другихъ и наконецъ въ самомъ углу хаты, куда меньше всего достигалъ свѣтъ, сидѣлъ Степанъ Джурджа. Онъ всегда старался держаться вмѣстѣ съ найболѣе уважаемыми и обходительными жителями села, вмѣстѣ съ ними принимать участіе въ разговорахъ о дѣлахъ общественныхъ и играть дѣятельную влiятельную роль въ селѣ. Смѣлый и самолюбивый. онъ постоянно стремился къ тому, чтобы что нибудь значить, чѣмъ нибудь управлять; но не смотря на то, что ему было уже около сорока лѣтъ, онъ все таки никогда не могъ достичь желанной цѣли. Его угрюмость и вспыльчивость отталкивали отъ него людей, подрывали также уваженіе къ нему и значеніе въ обществѣ его дурныя отношенія къ женѣ и малочисленность семейства. Правда у него было одно дитя, но такое, что онъ считался бездѣтнымъ, а для крестьянина бездѣтность прежде всего Божіе неблагословеніе, а затѣмъ близкое и неизбѣжное разореніе въ будущемъ. Совсѣмъ иначе смотрятъ люди на такую хату, въ которой подрастаютъ сильные парубки и работящія дивчата, чѣмъ на такую, гдѣ только двое одинокихъ людей, точно пара угрюмыхъ кротовъ, роютъ землю, безъ утѣхи въ настоящемъ, безъ надежды въ будущемъ. Въ такой хатѣ ни крестинъ, ни свадьбы, не слышно ни шумныхъ игръ юношей, ни звонкаго дѣвичьяго пѣнія. Сюда никогда не заходятъ люди и никогда не садятся вокругъ уставленныхъ всякими яствами столовъ. Будь тамъ, Богъ знаетъ, какое богатство, но какъ никогда не представляется никакого случая къ житейскимъ сношеніямъ, взаимнымъ одолженіямъ и пріемамъ, то поэтому и людская пріязнь и уваженіе не имѣютъ возможности проявиться, окрѣпнуть и возрасти. Но если ко всему этому въ хатѣ еще постоянныя ссоры и драки между супругами, Богу въ оскорбленіе, людямъ на посмѣшище, тогда уже бездѣтный и безнадежный крестьянинъ, обреченный на разореніе имущества и людскія насмѣшки, долженъ сидѣть молчаливо и печально среди самой веселой и многолюдной бесѣды, какъ сидѣлъ теперь Степанъ Джурджа въ

темномъ углу, мучимый тоскою и злостью. Онъ нѣсколько разъ начиналъ говорить и каждый разъ убѣждался, что никто не хотѣлъ его слушать. Между тѣмъ рѣчь шла о такихъ предметахъ, которые были ему извѣстны лучше, чѣмъ кому нибудь другому: о лугахъ и нивахъ, на которыя все сельское общество имѣло претензію и за которые намѣревалось объявить процессъ ихъ временному владѣльцу. Процессъ стоилъ дорого, расходы нужно было разложить на всѣхъ жителей села, пропорціонально той части, какую долженъ былъ получить каждый. Степанъ быстрѣе всѣхъ другихъ дѣлалъ такого рода ариѳметическія вычисленія, наконецъ лучше всѣхъ зналъ эти земли и луга, а между тѣмъ обходились безъ его помощи и совѣта, заглушали его слова, а когда онъ пробовалъ перекричать другихъ, даже толкали его локтемъ, заставляя молчать. Сосѣдъ его, молодой крестьянинъ, не любившій заводить ссоры, отодвинулся отъ него на аршинъ, опасаясь, чтобы злость Степана не вызвала его на перебранку; тоже сдѣлалъ Антонъ Бодрукъ, братъ Максима, сельскій староста. Степанъ Джурджа почувствовалъ себя одинокимъ и оскорбленнымъ, выругался въ полголоса, отодвинулся подъ самую стѣнку, потребовалъ себѣ цѣлую кварту водки и пилъ молча, какъ волкъ сверкая въ темнотѣ глазами.

Совсѣмъ иначе держалъ себя Петръ Джурджа. Онъ въ теченіи шести лѣтъ исполнялъ должность сторосты и поэтому хорошо зналъ степень состоятельности всѣхъ крестьянъ и сразу могъ опредѣлить, какую долю общихъ расходовъ долженъ былъ каждый принять на себя. Антонъ Бодрукъ, еще недавно сдѣлавшійся старостою, совѣтовался съ нимъ о томъ, о семъ, другіе слушали, одобрительно качая головами. Со сложенными на колѣнахъ руками, съ длинными волосами, которыхъ сѣдыя пепельныя пряди спадали на черный бараній воротникъ кожуха, съ блѣднымъ опухлымъ лицемъ, оживленнымъ на этотъ разъ бесѣдою и недавно выпитою рюмкою, Петръ разсказывалъ пространно и обстоятельно, слова лились изъ его устъ медленно и протяжно, какъ бы лѣнивый, тихо струившійся ручей. Онъ припоминалъ, когда и какія земли и луга отошли отъ Сухой До-

лины, какъ разсказывали объ этомъ отцы, соображалъ, какія выгоды для села могло-бы принести ихъ возвращеніе, даже вздыхалъ, вычисляя ихъ,—такою заманчивою казалась ему эта перспектива.

Однако, не смотря на довольно сильное стремленіе къ земнымъ благамъ, Петръ не забывалъ и небесныхъ; поднявъ къ верху указательный палецъ, онъ заключилъ свое разсужденіе такими словами:

— На все воля Божа! Якъ Богъ схоче, то й покаже намъ таку ласку, а не схоче, то й не дасть ничого. И терпи чоловиче, бо така вже воля Божа...

И за тѣмъ прибавилъ:

— Противъ Бога, якъ той казавъ, ничого не зможешъ. Нечисту силу хочъ святымъ хрестомъ переможешъ, а Божои то вже ничимъ не подужаешъ... Якъ Богъ схоче, такъ воно й буде.

Эти слова всегда вызывали вздохъ у слушателей, что не мѣшало имъ однако разсуждать о земныхъ выгодахъ съ живымъ и даже страстнымъ интересомъ. Вздыхалъ также и Петръ, но его сѣрые глаза подъ густыми нависшими бровями сіяли по временамъ такимъ веселіемъ, какое показывалось въ нихъ очень рѣдко. Это выраженіе появлялось въ нихъ каждый разъ, когда онъ случайно или съ намѣреніемъ взглядывалъ въ тотъ конецъ корчмы, гдѣ веселилась и забавлялась небольшая группа молодежи. Нѣсколько взрослыхъ *парубковъ* и душъ пять *дивчатъ*, окруживъ сидѣвшаго въ углу музыканта, то требовали, чтобы онъ игралъ, и начинали танецъ, то вдругъ прерывали его для какой нибудь забавы, или гонялись другъ за другомъ, подымая съ полу цѣлое облако пыли, а темный дымъ разлетался клубьями во всѣ стороны отъ пылающей смолистой лучины. Среди этой забавы поминутно раздавались восклицанія мужчинъ и пискливые женскіе возгласы, громкій смѣхъ, шутливые споры, топотъ ногъ и непрерывный пискъ скрипача. Бѣлыя рубахи и синія юбки дѣвушекъ мелькали въ пыли и дыму между сѣрыми или синими одеждами мужчинъ. Климъ распоряжался танцами въ этомъ немногочисленномъ кружкѣ веселившейся моло-

дежи. Шесть недѣль назадъ поднялся онъ послѣ тяжелой болѣзни, которой на немъ уже не было замѣтно и слѣда. Во время болѣзни онъ безчисленное множество разъ держалъ въ рукахъ зажженную восковую свѣчку, выпилъ безчисленное множество травъ, какія приносили ему бабы со всего села, исповѣдывался и готовился къ смерти и потерялъ кварту крови, которую выточилъ привезенный изъ мѣстечка фельдшеръ. Все это время старое евангеліе лежало на подушкѣ надъ самою его головою; отецъ заказалъ для него въ церкви три заздравныя обѣдни; наконецъ онъ выздоровѣлъ, поправился и черезъ двѣ недѣли выглядѣлъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ той поры Петръ любилъ подробно и пространно разсказывать о болѣзни и выздоровленіи сына. По его словамъ, она вызвана была нечистою силою, которую побѣдила Божеская сила. Говоря о первой, онъ сжималъ кулаки, отплевывался съ отвращеніемъ, глаза его сверкали гнѣвомъ и ненавистью; напротивъ къ Божеской силѣ онъ чувствовалъ глубокую благодарность и благоговѣніе и при воспоминаніи о ней наклонялъ голову, а глаза невольно подымались къ небу. Теперь Климъ былъ первымъ въ играхъ и танцахъ и его поминутно можно было видѣть вдвоемъ съ красивою Настею Бодруковою, дочерью Максима. То они стояли передъ музыкантомъ, заставляя его играть для себя и приготовляясь къ танцамъ, то онъ гнался за нею и со всего размаху опрокидывалъ ее на лавку, такъ что она вскрикивала отъ боли, и какъ будто разсердившись, отходила въ уголъ и поворачивалась къ нему спиною, а онъ извинялся, стоя за нею, и звалъ опять въ игру, скрививщись, какъ будто плакалъ, а самъ заливался громкимъ смѣхомъ на всю хату. Петръ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ черезъ головы сидѣвшихъ передъ нимъ сосѣдей на шутки сына, замѣтно развлекавшія его среди разговора. Смѣясь тихимъ груднымъ смѣхомъ, онъ любовался видомъ прекрасной пары, какую представляли Климъ съ Бодруковой. Дѣвушка должна была принести съ собою въ домъ мужа довольно значительное приданое, сверхъ того она была красивая и работящая, держала себя прилично и Гапка очень любила ее.

Поэтому, если-бы Климъ женился на ней, то, кромѣ всѣхъ прочихъ выгодъ, было-бы обезпечено согласіе между свекровью и невѣсткою. Проектъ этого брака давно уже складывался въ головѣ у Петра, какъ вдругъ ни съ сего, ни съ того открылись какія-то ухаживанія Клима за Приською, бѣдною дѣвушкою, внучкою одного изъ самыхъ послѣднихъ жителей села и въ добавокъ вора. Едва Климъ оправился послѣ болѣзни, Петръ спросилъ у него:

— Чи ты тую Приську зъ якими думками зачипавъ, чи такъ соби?

Юноша сильно застыдился и отвѣчалъ, закрывъ лице рукою:

— Такъ соби!

— А не думавъ зъ нею оженитись!

— Нехай зъ нею чортъ жениться, а не я! прозвучалъ сердитый отвѣтъ.

— Ну, а Настю Бодрукову хочешъ взяти? продолжалъ отецъ свой допросъ.

Климъ прикрылъ рукою ротъ и засмѣялся.

— Чому ни, тату?

Даже глаза его заблестѣли отъ радости. Настя была очень красивая дѣвушка, но онъ думалъ также и о богатомъ приданомъ. Рѣшили посылать сватовъ тотчасъ по окончаніи Филиппова поста.

Теперь молодежь, взявшись за руки, стала въ кругъ посреди избы, куда вскочила въ шутку для всеобщей потѣхи какая-то старая приземистая баба, съ маленькой подушечкой въ рукахъ, взятой для этого у шинкаря. Подъ быструю рѣзкую музыку скрипокъ кругъ танцующихъ съ сильнымъ топотомъ вертѣлся вокругъ этой бабы, которая также прыгала, подбоченившись одною рукою, а другою высоко подымая подушечку, и съ потѣшными гримасами запѣвала:

Подушечки, подушечки,
А вси пуховіи...
Молодыци, молодыци,
Зовсимъ молодіи...

Среди публики раздался громкій хохотъ, такъ мало соотвѣтствовали слова пѣсни этой сморщенной, приземистой, хотя еще сильной и веселой бабы, которая продолжала пѣсню.

Кого люблю, кого люблю,
Того поцилую:
Подушечку пуховую
Тому подарую.

Съ послѣднимъ словомъ пѣсни она бросила подушкою въ Ивася Джурджу и, обхвативъ его руками, хотѣла нѣсколько разъ обкружиться съ нимъ, согласно съ правилами танца. Но онъ счелъ для себя позоромъ, что такая непривлекательная танцорка подарила его своимъ вниманіемъ, оттолкнулъ ее кулакомъ и съ глуповатымъ видомъ, съ разгнѣванными глазами, стоялъ какъ столбъ посреди хаты. Почтенныя хозяйки, сидѣвшія вдоль стѣны на лавкѣ, просто ложились отъ смѣху; даже мущины прекратили дѣловой разговоръ и съ улыбкою на лицѣ смотрѣли на шумныя игры молодежи.

Опять составился кружокъ, только на этотъ разъ въ серединѣ его стояла Настя Бодрукова, которую насильно вытолкнули впередъ другія дѣвушки. Скрипки продолжали играть, а высокая дѣвушка съ толстою косою на спинѣ, съ грудью, увѣшанною стеклянными бусами, подняла вверхъ подушечку и не прыгая, какъ первая танцорка, а кружась медленно и граціозно, громко запѣла, заглушая топотъ ногъ.

Подушечки, подушечки,
А вси пуховіи...
Молодыци, молодыци,
Зовсимъ молодіи...

Тутъ цѣлый кружокъ подхватилъ пѣсню и началъ хоромъ вторить голосу дѣвушки, покрывавшему всѣ другіе голоса.

Кого люблю, кого люблю,
Того поцилую;
Подушечку пуховую
Тому подарую.

Подушечка въ клѣтчатой наволокѣ, брошенная рукою дѣвушки, ударила Клима въ лице такъ сильно, что онъ весь покраснѣлъ, а густые золотистые волосы разбились у него надъ головою. Настя тотчасъ схватила его за плечи обѣими руками, онъ обхватилъ ее за талію и они кружились такъ долго, что уже и правила танца не требовали этого. Но расходившемуся парубку и этого было мало. Онъ приказалъ музыканту играть *ворона* и пустился со своею танцоркою въ этотъ быстрый головокружительный танецъ, который исполняется почти на одномъ мѣстѣ и прерывается прогулкою въ двоемъ вокругъ избы. Золотистые волосы парубка развѣвались надъ его головою, длинная коса дѣвушки съ красною лентою на концѣ летала въ воздухѣ, стеклянные бусы звенѣли у нея на шеѣ, вмѣстѣ съ блестящими позолоченными крестиками и образками. А когда, утомленные продолжительнымъ круженіемъ на одномъ мѣстѣ, они начинали ходить вокругъ хаты, онъ подымалъ вверхъ горящее лице, а голубые глаза его сіяли радостнымъ блескомъ; она, обнявъ его одною рукою, сжимала въ ней его синій кафтанъ, другою отирала передникомъ катившійся по лицу потъ. Такъ они обходили два-три раза вокругъ избы медленными, мѣрными шагами, по временамъ притопывая ногами и напоминая собою молодой дубъ и бѣлую березу. Теперь уже всѣ старшіе обратились въ эту сторону и смотрѣли на танцующую пару. Петръ Джурджа, поднеся къ губамъ еще полъ-рюмки водки, смѣялся своимъ тихимъ, спокойнымъ груднымъ смѣхомъ; Максимъ Бодрукъ какъ бы безпечно поглядывалъ на дочь, а между тѣмъ глаза его свѣтились радостью. Оба сосѣда невольно переглянулись между собою, поняли другъ друга и кивнули головою.

— Якъ-бы тилько воля Божа... произнесъ Петръ.

— Чому не мае бути воли Божои? отвѣчалъ Бодрукъ.

Жена его, которая сидѣла подъ стѣною вмѣстѣ съ другими женщинами и еще раньше выпила рюмку водки, прослезилась и съ чувствомъ обратилась къ сосѣдкамъ.

— Я вже того Клима якъ свого ридного сына люблю, далеби, однаково...

Въ эту самую минуту вошли въ корчму Яковъ Шишка и Семенъ Джурджа. Никто не обратилъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Уже по одной ихъ одеждѣ можно было узнать, что они занимали послѣднее мѣсто въ томъ обществѣ, среди котораго жили. Кожухи на нихъ были старые, изношенные, безъ воротниковъ, лоснящіеся отъ грязи; сапоги дырявые и повидимому употреблявшіеся въ теченіи многихъ лѣтъ для ходьбы только зимою въ морозы и снѣгъ, даже шапки въ заплатахъ, съ изорванною бараньею опушкою. О фигурахъ и лицахъ ихъ нечего и говорить. Правда старый Шишка держался прямо и всегда принималъ нѣсколько торжественную осанку, но онъ былъ малаго роста, худощавый, смотрѣлъ на свѣтъ маленькими, блестящими глазами какъ-то изъ подълобья, быстрымъ и недовѣрчивымъ взглядомъ, съ блуждающею неискреннею усмѣшкою на старыхъ сухихъ губахъ. Что касается Семена, походка его была тяжелая и несмѣлая, цвѣтъ лица желтый, глаза красные и постоянно влажные; во всемъ лицѣ замѣчалось выраженіе угнетенности, когда онъ былъ трезвымъ, и настойчиваго упрямства, какъ только водка начинала шумѣть въ головѣ. На этотъ разъ онъ былъ еще не много выпивши и потому робко, почти согнувшись, пробрался чрезъ общую комнату и вмѣстѣ съ Яковомъ вошелъ чрезъ узкую дверцу въ другую, значительно меньшую, въ которой помѣщался шинкарь съ семействомъ. Оттуда слышно было, какъ оба они громко и запальчиво говорили съ евреемъ, перебивая и подталкивая другъ друга локтями, поминутно начиная ссору съ хозяиномъ, который также громко и сердито требовалъ денегъ отъ обоихъ, особенно отъ Семена. Это однако не помѣшало дать имъ по двѣ рюмки водки. Выпивши свою порцію, Семенъ сталъ со слезами жаловаться на горькую долю свою и своихъ дѣтей, затѣмъ потребовалъ еще одну рюмку, а когда шинкарь не хотѣлъ больше давать въ долгъ, началъ громко ругаться, грозя кулаками. Еврей уступилъ и еще далъ водки, акуратно записывая каждую рюмку мѣломъ на дверяхъ. Семенъ выпилъ, его влажные глаза развеселились и заблестѣли, онъ надвинулъ шапку по самыя брови и нетвердыми, большими

шагами вышелъ изъ корчмы. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ нерѣшимости передъ корчмою и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ, бормоча что-то про себя и съ большимъ напряженіемъ вглядывался въ ту сторону, гдѣ темнѣло среди поля одинокое жилище кузнеца; потомъ быстрыми шагами устремился по тропинкѣ, ведущей къ нему между клунями и огородами. Шелъ онъ сначала скоро и рѣшительно, потомъ все медленнѣе и медленнѣе, опустя голову и все время бормоча про себя что-то непонятное. Раза два онъ пошатнулся и долженъ былъ ухватиться руками за плетень, наконецъ остановился передъ кузницею и снова задумался. Очевидно его мучило какое-то безпокойство; онъ поднялъ руку, перекрестился и сдѣлалъ еще нѣсколько десятковъ шаговъ. Въ трезвомъ состояніи онъ непремѣнно воротился-бы съ полъ-дороги, а можетъ быть и совсѣмъ не пошелъ-бы въ ту сторону, но водка придавала ему смѣлости и отымала разсудокъ. Положа руку на щеколду двери, онъ еще разъ перекрестился и вошелъ въ хату кузнеца.

Самого Ковальчука не было дома; согрѣтая теплотою печи въ этотъ длинный зимній вечеръ, Оксана незамѣтно уснула на своемъ сѣнникѣ. Прялка съ золотистою пряжею торчала надъ ея сѣдою головою, только что опущенное веретено свѣшивалось съ печи на крѣпкой ниткѣ; подъ руками ея, распущенными на подобіе крыльевъ, скорчившись, какъ прозябшія птички, спали двѣ маленькія, румяныя дѣвочки. Тишина и полумракъ наполняли хату, горѣвшій въ печи огонь отражался блѣдными искрами въ оконныхъ стеклахъ, которыя морозъ расписалъ самыми замысловатыми, фантастическими узорами и листьями. Сидя на стулѣ передъ огнемъ, Василина чинила одежду своего семейства и время отъ времени посматривала на кипѣвшій въ печи ужинъ; у ногъ ея лежало нѣсколько дѣтскихъ рубахъ, а сама она обшивала зеленою тесьмою кафтанъ мужа. Нѣсколько истекшихъ мѣсяцевъ значительно измѣнили выраженіе ея лица: узкій лобъ утратилъ прежнюю кроткую ясность, а въ очертаніи губъ замѣчалась тихая, но глубокая грусть. Однако она сохраняла прежнюю свѣжесть, румяное лице ея и стройная фигура по пре-

жнему дышали силою и здоровьемъ молодости. Прокалывая грубое сукно толстою иголкою и протягивая руку съ ниткою, она протяжно напѣвала въ полъ-голоса грустную крестьянскую балладу.

Мати сына зтиха научае:
«Чомъ ты, сыну, жинки не караешъ?»
«Ой маю, маю нагайку малую,
Та буду карати жинку молодую!»
Зъ вечора комора крикомъ застогнала,
А зъ пивночи постиль громко говорила,
А сьвитаючи Ганнуся не жила.

Пѣвица смолкла на минуту, вдѣла нитку въ иголку, посмотрѣла на огонь сѣрыми глазами и, снова наклонившись надъ шитьемъ, затянула протяжнымъ тономъ:

«Эй мати, мати, покійныця въ хати,
Порадь-же теперъ, де жинку сховати?»
«Завези Ганнусю у чисте поле,
Скажуть люде, що Ганнуся пшеныцю поле,
А самъ йдь на торгъ до Янова»...
У Янови браты Ганнуси похожають,
Та у затя сестры своеи пытають:
«Де подивъ Ганнусю, нашу сестру?»
Прыихавъ до дому. Слуги мои вирніи,
Подайте мени кони вороніи,
Поиду я до Ганнуси въ поле.
Подайте мини скрипку гримкую,
Заграю я свою долю гиркую...
Бодай-же ты, мати...

Дверь хаты отворилась съ протяжнымъ скрипомъ, Василина прервала пѣсню и, повернувъ голову, увидѣла входившаго Семена. Она хорошо знала его и не удивлялась его приходу; можетъ быть, подумала, онъ пришелъ по дѣлу къ ея мужу, и привѣтливо кивнула головою.

— Добры вечиръ, дядьку! Якъ ся маете?

Семенъ не отвѣчалъ ни слова, колеблющимися шагами подошелъ къ Василинѣ и пристально всматривался въ нее, раскрывъ ротъ. Въ мутныхъ глазахъ его смѣшивалось выраженіе любопытства и тревоги, дикаго желанія и нѣжной чувствительности, отъ чего онъ казался отчасти и страшнымъ и въ тоже время смѣшнымъ. Сильный запахъ водки шелъ изъ открытаго рта прямо въ лице Василины. Спрятавъ руки въ рукава кожуха, онъ началъ тревожно и вмѣстѣ съ задоромъ.

— Василино, я до тебе зъ прозьбою...

— А чого хочете? спросила она.

— Щобъ ты мени грошей позычила... Ходивъ нынька до мирового у судъ... Каже, довгъ заплатити треба... Землю продадуть, каже... Не продадуть, кажу, бо ще не выкуплена, зъ казны, значить, не выкуплена. А винъ, щобъ ему ноги покрутило, каже довгъ платити... Я до старшины...

Такъ говорилъ онъ довольно долго, по нѣсколько разъ повторяя одно и тоже; Василина слушала его терпѣливо, занятая своимъ шитьемъ, наконецъ подняла голову и спросила

— То що-жъ я можу вамъ порадити, дядьку?

— Позычъ грошей, повторилъ крестьянинъ, подступая ближе.

— Нема, далеби нема; дежъ-бы въ мене гроши взялись? Вси знають, що мене чоловикъ взявъ въ самій спидныци, въ драній свитыни. И въ ёго нема, далеби нема. Достатокъ въ хати, дякувати Богу, есть, а грошей немае... Мы ще обое молоди... Коли-жъ намъ було грошей придбати?

— Брешешъ! проворчалъ Семенъ; въ тебе грошей багато, скилько душа забажае.

И перемѣняя сердитый тонъ на просящій, прибавилъ:

— Позычъ, Василино, змилуйся, позычъ... Що тоби пошкодить, якъ ты своему пріятелеви скажешъ, щобъ тоби бильше грошей прынисъ? Винъ заразъ и принесе...

Молодая женщина съ изумленіемъ устремила глаза въ лице крестьянина, которое отъ водки и волненія начинало покрываться кирпичнымъ румянцемъ.

— Чи вы збожеволили? Якій-же то въ мене пріятель, щобъ мени гроши носивъ?

Семенъ поднялъ руку ко лбу, какъ-бы желая перекреститься и отвѣчалъ съ глуповатымъ видомъ, тихимъ отъ страха голосомъ:

— А чортъ-же! Га? Або-жъ винъ тоби грошей не носить, га?

При этихъ словахъ Василина, какъ опаренная, вскочила со стула, съ широко раскрытыми глазами, и вскрикнула, протянувъ руки впередъ, какъ-бы защищаясь отъ чего-то.

— Що ты выгадуешъ, чоловиче? Бійся Бога, схаменись...

— А таки носить .. повторялъ Семенъ, подступая еще ближе и не сводя съ нея глазъ.

Она быстро и громко заговорила:

— Мене въ церкви Божій охрещено! Мене змалку що-дня хрестили на ничъ святымъ хрестомъ! Я души своеи жаднымъ смертельнымъ грихомъ не загубила.

— А таки носить! повторилъ крестьянинъ, стоя уже прямо передъ нею,—я самъ бачивъ нынька, якъ винъ, такій огненный, летивъ у коминъ до твоеи хаты...

Въ широко раскрытыхъ глазахъ Василины отразился испугъ.

— Брешешъ! крикнула она и, видно было, ей страстно хотѣлось, чтобы слова эти тотчасъ же оказались ложью.—Брешешъ! признавайсь, що сбрехавъ!

— Накажи мене Богъ, бачивъ... отвѣчалъ Семенъ, ударивъ себя въ грудь и опять началъ свое.

— Позычъ, Василино, змилуйся, позычъ... Я вже й на бисови гроши згожусь, абы вылизты съ теи гиркои недоли... дай хочъ бисовыхъ...

Онъ продолжалъ наступать, толкая ее къ стѣнѣ, приближая лице къ ея лицу и обдавая ее запахомъ водки.

— Я до тебе, якъ до матери, Василино; хочъ ты й видьма, але я до тебе, якъ до ридноя неньки... порятуй... нехай вже й на мени буде той великій грихъ... подилымось зъ тобою и

грошима и грихомъ... Я до тебе, якъ до матери и заступныци... Хочъ ты и видьма, але я до тебе, якъ до матери...

Гнѣвъ, страхъ, отвращеніе къ этому пьяницѣ, который своимъ порокомъ приводилъ въ нищету жену и дѣтей и подстерегалъ летающихъ надъ ея крышею чертей,—всѣ эти чувства разомъ охватили Василину и пробудили въ ней необычайную для нея самой силу.

— Геть! крикнула она съ сверкающими глазами, топнувъ о полъ ногою, и схвативъ его за кожухъ, отперла дверь и вытолкала въ темныя сѣни. Впрочемъ, это было не такъ трудно: пьяный крестьянинъ очень не твердо держался на ногахъ; онъ зашатался въ темныхъ сѣняхъ, такъ что едва удержался за наружную дверь и оттуда крикнулъ еще разъ:

— Не даси? таки не даси грошей?

Но Василина уже заперла дверь изнутри на желѣзную задвижку. Семенъ подошелъ подъ замерзшее окно и продолжалъ, то выкрикивая, то бормоча въ полъ-голоса:

— Я до тебе... вимьмо ты... якъ до матери... дай грошей... змилуйся... дай хочъ бисовыхъ.. Не даси? таки не даси? Чуешъ? Василино! мировый каже, довги поплатити треба... Я до старшины... старшина каже, земли не продамъ, а господарство попродамъ... въ самихъ сорочкахъ зостанетесь... Ой, гирка-жъ моя доля й моихъ диточокъ! Василино! чуешъ? дай грошей... Що тоби пошкодыть? Твій пріятель принесе тоби знову, скильки сама забажаешъ... Не даси? таки не даси? Ну, почекай-же, я тоби дамъ, пропаща твоя душа... невирна... нечистій сыли запродана.. Памьятай-же!

Онъ медленно, шатаясь направился по тропинкѣ, ведущей къ корчмѣ и въ село, и размахивая въ воздухѣ сжатыми кулаками, поминутно повторялъ, то сердито вскрикивая, то бормоча про себя:

— Не дала! таки не дала! Проклята іи душа... бисова вира... нечистій сыли запродана... Дамъ я ій .. памьятатиме.

Василина уже больше двухъ мѣсяцевъ ни разу не ходила въ село. Страхъ обнималъ ее при одной мысли о встрѣчѣ съ

людьми и бабушка нѣсколько разъ повторяла ей, чтобы она держалась тихо, какъ рыбка на днѣ рѣки. Однако недѣлю спустя послѣ памятнаго посѣщенія Семена Джурджи, ей необходимо нужно было сходить къ Лободамъ; надо было отнесть *тальки*, которыя Оксана выпряла для Лободихи и которыхъ нельзя было дольше держать, не подвергаясь упрекамъ и осужденіямъ. Въ сумерки, пока мужъ еще работалъ въ кузницѣ, Василина обратилась къ старухѣ:

— Пиду, бабуню, нынька вже доконче пиду до Лободихи.

Это рѣшеніе видимо было не по сердцу Оксанѣ, но она все таки отвѣчала послѣ минутнаго молчанія:

— Иди, коли вже треба... тилько не налазь тамъ людямъ на очи... по-за токами йди.

— Пиду по-за токами, повторила Василина, надѣла кожухъ и сапоги, накрыла голову платкомъ, забрала мотки и вышла.

Оставшись съ дѣтьми на печи почти въ совершенной темнотѣ, Оксана начала разсказывать имъ сказку про змія. Это была длинная и страшная сказка, послѣ которой началась другая, такая смѣшная, что двое старшихъ дѣтей заливались отъ смѣха, а меньшая, Оленка, смѣялась вмѣстѣ съ ними, хоть и не могла еще хорошенько понять, въ чемъ дѣло. Маленькій Абрамко запищалъ въ своей люлькѣ и Оксана послала Стецька покачать брата. Мальчикъ спустился съ печи, взобрался на тапчанъ, подлѣ котораго висѣла люлька и вскорѣ мѣрный скрипъ крючковъ началъ вторить въ темнотѣ хриплому голосу старухи, разсказывавшей уже третью сказку. Вдругъ подъ окномъ и затѣмъ въ сѣняхъ послышался топотъ быстро бѣгущихъ ногъ, дверь съ шумомъ растворилась и вѣроятно осталась не запертою, потому что въ хату ворвалась струя холоднаго воздуха и въ темнотѣ раздался глухой крикъ, сдавленный отчаяніемъ и страхомъ.

— Господи! рятуйте! Ой я нещасна! вже бъють! кіями бъють. Ой, Боже мій милосердный!

Это былъ голосъ Василины, должно быть она упала на полъ, потому что глухой стукъ послышался среди хаты. Оксана,

на минуту онѣмѣвшая отъ испуга, заговорила дрожащимъ голосомъ.

— А що тоби, Василино? що тоби? Господи, помилуй насъ гришныхъ! що тоби?

Испуганная крикомъ и стукомъ, трехлѣтняя Оленка разразилась громкимъ плачемъ, за нею немного тише заплакалъ Абрамко; громкій, повелительный голосъ слѣпой старухи слышался отчетливо, не смотря на рѣзкій плачъ дѣтей.

— Не казись, Василино! Запали свитло. Диты плачуть поночи.

Тяжело, съ подавленнымъ стономъ поднялась съ земли молодая женщина, руки ея дрожали какъ въ лихорадкѣ, пока она разводила огонь и вставляла лучину въ расщелину печи. При дрожащемъ свѣтѣ разгоравшагося огня лице ея отчетливо выступало среди окружающей темноты, блѣдное какъ полотно, съ глубокими складками на лбу, съ сверкающими глазами. Платокъ упалъ съ головы, спутанные волосы покрывали шею и падали на лице, всего двѣ слезы блестѣли на рѣсницахъ, а между тѣмъ все тѣло ея тряслось отъ сильныхъ рыданій. Засвѣтивъ лучину, Василина обѣими руками схватилась за голову и какъ сумасшедшая заметалась по хатѣ. Она то останавливалась посреди хаты, держась за голову, съ широко раскрытыми глазами, то бросалась лицемъ на лавку или на столъ, то кидалась къ печи и, какъ-бы умоляющимъ жестомъ, протягивала къ бабушкѣ обѣ руки и въ тоже время говорила, какъ въ горячкѣ—быстро, безпорядочно, не переставая, то вскрикивая, то снова понижая голосъ до шепота. Такъ разсказывала она свое приключеніе, а Оксана, слушая этотъ разсказъ, выпрямлялась, какъ струна, на своемъ сѣнникѣ, губы ея двигались все чаще и чаще, а желтыя руки, можетъ быть, безсознательно искали головокъ маленькихъ внучатъ, которые молча, въ испугѣ сами прятались ей подъ руки и прижимались къ груди.

Василина разсказывала, что благополучно дошла къ Лободамъ, отдала *тальки*, поклонилась всѣмъ, какъ слѣдуетъ, но въ разговоры не вступала и сейчасъ-же отправилась назадъ тою же дорогою. На пути ее поджидали люди, очевидно знав-

шіе, что она будетъ возвращаться этою дорогою; они притаились за плетнемъ огорода и, когда она проходила мимо, кто-то ударилъ ее палкою по спинѣ два раза такъ сильно, что она упала на землю. Ударилъ ее Семенъ Джурджа, она хорошо узнала его, не смотря на сумерки, но за его спиною раздался смѣхъ Степана; Параска говорила что-то о деньгахъ и покупной юбкѣ, а Варка проклинала ее и называла вѣдьмою; кромѣ нихъ еще двое людей смѣялись и говорили что-то, но она не знаетъ уже, кто именно, потому что, поднявшись съ земли, бросилась бѣжать изо всѣхъ силъ. А они перелѣзли черезъ плетень на дорожку и преспокойно пошли въ корчму, медленно, не спѣша, какъ ни въ чемъ не бывало. Били уже, начали бить палками; Что тутъ дѣлать? за что ей такое несчастье?

Василина горько плакала, ломая руки; видно было, что страшное волненіе мутило ея разсудокъ и парализовало. Старуха зашептала на печи.

— Парубче Прокопе... ой, парубче Прокопе... чому я теперъ зновъ пригадала соби слезы й розмовы твоеи матери Прокопихи?

Бѣлые глаза раскрылись еще шире и она произнесла тѣмъже повелительнымъ голосомъ, что и раньше.

— Ставай на колина та молись Богу!

Она приказывала такъ, какъ будто внучка была еще маленькою дѣвочкою, а та въ свою очередь слушала ее, какъ ребенокъ, и тотчасъ опустилась на колѣни.

— Не такъ, замѣтила старуха, не такъ. Зними Оленку зъ печи, Абрамка визьми на руки, старшихъ покличъ до себе... обними дитей руками и показуй Богу милосердному... Кажи *Отче нашъ!* и дитей Богу показуй... Ты мати... пожалься Боже малихъ диточокъ!...

Держа спящаго малютку одною рукою, а другою обнимая старшаго мальчика и двухъ младшихъ дѣвочекъ, молодая женщина стояла на колѣняхъ посреди хаты, а слова молитвы ускользали изъ ея измученной памяти, не приходили на дрожащія уста. Слѣпая старуха начала сама своимъ хриплымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Отче нашъ, иже еси на небеси! Да святится имъя твое, да прыйде царствіе твое.

За нею повторялъ сперва слабый, потомъ все болѣе отчетливый голосъ молодой женщины.—Аминь, произнесли обѣ въ одинъ голосъ съ горячею вѣрою, затѣмъ старуха сказала:

— Ну, вставай! Може Господь милосердный почувъ... и дитей побачивъ... прибавила она тише.

Въ хатѣ на минуту воцарилась тишина. Василина укладывала малютку въ колыбель, старшіе дѣти сбились въ одинъ уголъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу, какъ испуганныя овечки.

— А де Михайло? спросила Оксана.

— У кузни.

— Не знае, що зъ тобою трапилось?...

— А не знае...

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ она со всѣми своими печалями и страхомъ, также какъ и съ каждою радостью и веселіемъ бѣжала-бы прямо къ мужу, прежде всего и безъ малѣйшаго колебанія. А теперь! о! теперь онъ не такъ уже относится къ ней, какъ прежде... Ей нельзя уже бѣжать къ нему, дѣлиться каждымъ впечатлѣніемъ. Увѣренность въ его любви уменьшалась въ ней съ каждымъ днемъ, а вмѣсто прежняго счастья на сердцѣ становилось такъ горько, точно кто полынемъ посыпалъ.

— Ходи до мене, дитино, поговоримо!... кликнула Оксана.

Василина отошла отъ люльки, вскочила на *тапчанъ*, а отсюда легко уже было взобраться на край печи. Обѣ сидѣли молча другъ противъ друга; бѣлые глаза слѣпой старухи, казалось, съ напряженіемъ вглядывались въ заплаканное, взволнованное лице молодой женщины. Наконецъ Оксана заговорила послѣ долгаго раздумья.

— Василино! тожъ то завтра велике свято.

— Але, бабуню.

— Стритенье, великій храмъ и ярмарокъ въ мистечку.

— Але, бабуню.

— Святый отпустъ въ церкви, а на ярмарку буде народу сила.

— И зъ Сухои Долины поидуть люде до церкви й на ярмарокъ.

Старуха опять замолкла и, казалось, пережевывала своими желтыми челюстями какіе-то мысли и планы.

— Слухай, сказала она наконецъ, вже тоби немае иншого рятунку, тилько удатись до Бога и просити, щобъ винъ самъ посвидчивъ за тебе передъ людьми. Нехай самъ Богъ посвидчить, що ты жаднымъ смертелнымъ грихомъ души не згубила. Пидешъ до церкви, одстоишъ службу Божу на колинахъ, выcповидаешся и запричастишся св. Таинъ... Чуешъ?

— Чую, бабуню. Добре, бабуню; зроблю, якъ кажете.

— Але! Якъ высповидаешся и запричастишся въ попа, то и самій полегшае на серци, и вси люде побачять, що ты не ворогуешъ зъ Богомъ. Нехай побачять, що ты молисся, якъ слидъ, и що пипъ допустивъ тебе до причастія. Тоди побачять, що ты зовсимъ не те, що вони выгадали и що не маешъ ани смертельного, ани жадного великого гриха на души. Тоди самъ Господь оступиться за тобою и посвидчить передъ людьми.

— Добре, бабуню, добре,—повторила Василина, уже значительно успокоенная и, склонивъ свою измученную голову на колѣни бабушки, поцѣловала ей руку. Старуха начала гладить ее рукою по головѣ. Обѣ молчали. Потомъ молодая женщина заговорила первая.

— Попросю Приськи, щобъ доглянула дитей и хаты и наварила ѝсти, а сама пиду въ-досвита до мистечка.

— Може й Михайло пиде?

— Надись не пиде. Ему треба питы до того пана, що то мае дати якусь велику роботу.

— Добре було-бъ, якъ бы й винъ пишовъ. Разомъ-бы помолились и высповидались, щобъ вернулось колишне добро...

Обѣ снова замолчали, погрузившись въ раздумье. Дѣти начали шептаться между собою въ углу и грызть сырую рѣпу, которую Стецько отыскалъ гдѣ-то въ сѣняхъ, никто не обратилъ вниманія на мужскіе шаги, послышавшіеся за дверьми.

Василина тогда только подняла голову съ колѣнъ бабушки, когда кузнецъ вошелъ въ хату. На лицѣ Михайла не было уже и слѣда прежней веселости и беззаботности. Недовольство и безпокойство затемняли блескъ его черныхъ глазъ, сжатыя губы подъ чорными усами выказывали наклонность къ гнѣву и упрекамъ. Дѣти бросились къ нему на встрѣчу; онъ погладилъ ихъ по головкѣ и, оглянувшись по хатѣ, съ удивленіемъ произнесъ:

— А то що? тожъ то вечери ще й заводу нема!

Дѣйствительно, одна только лучина освѣщала хату слабымъ, дрожащимъ свѣтомъ; въ глубинѣ печи было темно и пусто.

— Ой, Господи! вскрикнула Василина, спрыгивая съ печи, тожъ я нынька и забула про вечерю, хочъ убый, забула.

И бросилась разводить огонь и наливать воду въ горшокъ такъ поспѣшно, что даже руки у нея дрожали. Первый разъ въ жизни случилось ей забыть о домашнихъ обязанностяхъ и она даже не могла разсказать мужу причину этой забывчивости. Онъ также ничего не спрашивалъ, только проговорилъ, садясь на лавкѣ:

— Отъ вже, дякувати Богу, и про вечерю для чоловика забуваешъ, а диты, зъ твоеи ласки, грызуть сыру рипу... неначе батько въ нихъ якій старець, або що.

Съ этими словами Михайло посадилъ Стецька къ себѣ на колѣни, взялъ рѣпу у него изъ рукъ и бросилъ въ уголъ. Замѣчаніе его женѣ не было ни грубымъ, ни рѣзкимъ, а она можетъ быть предпочла-бы, что-бы онъ совсѣмъ разсердился, лишь-бы послѣ опять ласково заговорилъ съ нею; но онъ уже не обращался къ ней больше, только время отъ времени заговаривалъ съ дѣтьми. Василина между тѣмъ спѣшила съ ужиномъ, насыпала крупъ въ горшекъ, принесла яицъ и начала приготовлять яичницу съ саломъ, чтобы какъ можно скорѣе подать что-нибудь мужу. Оксана нѣсколько разъ пробовала заговорить съ Ковальчукомъ.

— А що нынька въ кузни робивъ? а кого бачивъ? А чи поидешъ завтра на храмъ?—спрашивала она Михайла.

Онъ отвѣчалъ двумя-тремя словами, въ которыхъ не видно было невѣжливости, но не было и любезности; если и говорилъ, то такъ себѣ, лишь-бы отдѣлаться, неохотно и растягивая слова. Зажигая лампу, приготовляя и подавая ужинъ, Василина двигалась, какъ всегда, ловко и быстро, а сама между тѣмъ смотрѣла, какъ неживая. Она не проронила ни слова за все время, ступала тихо и боязливо и опускала глаза, стоя передъ мужемъ, а когда онъ взглядывалъ на нее, видно было, что она вся дрожала отъ страха. Однако-же она хорошо знала, что онъ не будетъ ни бить, ни даже бранить ее. Чего-же ей было бояться? Можетъ быть, этого взгляда, который становился такимъ пристальнымъ, когда обращался къ ней; иногда онъ казался сердитымъ, а въ другой разъ такимъ грустнымъ, что она съ трудомъ сдерживала слёзы, встрѣчая этотъ взглядъ. Что-же стало между ними такою стѣною? Это Василина хорошо понимала. Михайло, какъ ремесленникъ, въ которомъ больше всего нуждаются крестьяне, постоянно видѣлся съ людьми, бывалъ повсюду вмѣстѣ съ ними и, разумѣется, слышалъ всѣ ихъ россказни. Самъ любопытный и разговорчивый, онъ всегда узнавалъ все рѣшительно, такъ что иные въ шутку говорили о немъ, что онъ слышитъ, какъ трава растетъ. Тѣмъ скорѣе слышалъ онъ все, что касалось его жены и семейства. Людскіе толки о Василинѣ не разъ приводили его къ шумнымъ столкновеніямъ, а однажды довели даже до драки. Потомъ онъ уже пересталъ спорить, дѣлалъ видъ, будто не слышитъ, но все, что дѣлалось у него на душѣ, отражалось въ подвижныхъ чертахъ его лица и открытыхъ, не пріученныхъ къ скрытности глазахъ. Ковальчукъ былъ очень самолюбивъ; поэтому-то главнымъ образомъ онъ и трудился такъ усердно, украшалъ хату и старался наполнить ее всякими удобствами, мечталъ даже о томъ, чтобы со временемъ отдать Стецька въ школу. И вдругъ, его постигъ такой позоръ. Притомъ, кто знаетъ, какія еще воспоминанія или сомнѣнія бродили въ его головѣ? Правда онъ не вѣ-

рилъ, въ то, что говорили люди о его женѣ, но все таки смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто хотѣлъ насквозь пронзить ее взглядомъ и въ тоже время избѣгалъ всякаго сближенія съ женою, точно его отталкивалъ какой-то инстинктъ. Иногда, напротивъ, тоска сдавливала его сердце, подымалась къ глазамъ и горлу и тогда онъ становился печальнымъ, какъ на похоронахъ. Однако, никогда не желая показать этого, онъ, смотря по времени, или уходилъ изъ дому, или поскорѣе ложился спать. Теперь Василина подала яичницу на столъ и, опустивъ глаза, стояла передъ мужемъ, ожидая, пока онъ положитъ себѣ на тарелку, чтобы раздать остальное кушанье дѣтямъ и бабушкѣ. Опуская оловянную ложку въ миску съ кушаньемъ, онъ смотрѣлъ на нее грустнымъ и проницательнымъ взглядомъ.

— Ой, Василино, Василино! началъ онъ, качая головою, що зъ тобою сталось? до чого ты теперъ подобна? Волосся роспатлане, неначе зъ кимъ побилась, очи понапухали одъ плачу. Чого плакала? га?

Она быстро отвернулась, ничего не отвѣчая, и стала спиною къ нему передъ огнемъ. Это молчаніе въ отвѣтъ на самый сердечный вопросъ мужа видимо обидѣло его, потому что черезъ минуту, не найдя хлѣба подъ рукою, онъ крикнулъ грубымъ голосомъ:

— Подай хлиба! чуешъ? Чого стоишъ, склавши руки, якъ та пани!

А когда она подала хлѣбъ, закричалъ опять:

— Давай дитямъ ѝсти! Не старци вони, щобъ черезъ чортъзна яку мати сыдили до пивночи не ѝвши.

Это уже было оскорбленіе и самое тяжелое, потому что было обращено къ ея материнскому сердцу, но Василина и на этотъ разъ не отвѣтила ни слова. Она роздала ужинъ бабушкѣ и дѣтямъ, перемыла и уставила на полкѣ посуду, вытерла столъ, потушила лучину и лампу и, усѣвшись на *тапчанѣ*, начала кормить проснувшагося Абрамка. Огонь догоралъ въ печи и распространялъ по хатѣ мерцающій полусвѣтъ. Оксана лежала на своемъ сѣнникѣ; спала она или не спала, но лежала

молча и неподвижно. Дѣти уснули сейчасъ-же послѣ ужина, одинъ Михайло не шелъ ко сну. Онъ охотно поужиналъ, потомъ развалившись на столѣ, курилъ папиросу за папиросою, раза два даже промурлыкалъ что-то сквозь зубы. Ничто, повидимому, не печалило его, а между тѣмъ онъ и не думалъ идти спать, продолжалъ курить папиросы и все думалъ, опустивъ голову на руки. Василина принялась укачивать ребенка, напѣвая въ полъ-голоса грустную колыбельную пѣсенку, которой монотонный, протяжный мотивъ расходился волнами среди глубокой тишины и колеблющагося полусвѣта. Ребенокъ вскорѣ уснулъ, Василина поднялась съ *тапчана*, тихонько подошла къ мужу босыми ногами и также тихо окликнула его.

— Михалку!

— Га? спросилъ онъ, подымая голову и устремляя на нее взглядъ.

— Я хочу завтра въ-досвита пити у мистечко...

— Чого?

— До церкви на одпустъ. Попросю Приську, щобъ доглянула дитей и господарство.

Ковальчукъ продолжалъ смотрѣть на нее, но въ темнотѣ нельзя было различить выраженія его глазъ.

— Чого се тоби такъ забажалось до церкви?

Василина отвѣчала послѣ минутнаго молчанія.

— Хочу высповидатись и запричаститись. Нехай мени самъ Богъ стане добрымъ свидкомъ передъ людьми...

Слезы градомъ посыпались у нея изъ глазъ, она отирала ихъ передникомъ, едва удерживая рыданія.

— Зновъ плачешъ, замѣтилъ Михайло, отъ яка ты теперъ плаксива стала... зовсимъ не така, якъ була...

— Не така, повторила Василина и черезъ минуту робко прибавила:

— И ты не такій, якъ бувъ.

— А не такій!

Глубокая грусть звучала въ этихъ немногихъ словахъ, которыми они сознавались другъ передъ другомъ въ потерѣ преж-

няго счастья. Ковальчукъ по прежнему пристально вглядывался въ нее.

— Таки справди высповидаешся и запрычастишся завтра?

— А якъ-же, отвѣчала Василина и сдѣлала движеніе, чтобы отойти, но мужъ остановилъ ее.

— Василино!

— А що?

— Сидай биля мене, поговоримо.

Молодая женщина удивилась и робко присѣла рядомъ съ нимъ на краю скамьи.

— Слухай, Василино, началъ онъ. Чи то мы вже завжды такъ житимемъ, мовъ ти звири у лиси?... Того ще тилько бракуе, щобъ мы почали грызтись на сьмихъ людямъ, якъ отъ на прикладъ Степанъ Джурджа изъ своею жинкою... Такъ не можна, Василино, такъ не годиться. Ты мати дитямъ и я мушу тебе шанувати...

Она слушала съ такимъ вниманіемъ, какъ будто каждое слово мужа было для нея приговоромъ, а когда онъ кончилъ, она сложила руки на передникѣ и прошептала:

— Що-жъ я зроблю, Михалку, коли ты вже мене бильше не любишъ?..—Сказавши это, Василина нѣсколько минутъ ожидала отвѣта, затаивъ дыханіе, но кузнецъ не отвѣчалъ ни слова; онъ громко вздохнулъ, бросилъ на средину хаты недокуренную папиросу и молчалъ, опустивъ голову на руки. Не получая возраженія на свои слова, Василина съ подавленнымъ стономъ опустилась на землю и заговорила страстнымъ шопотомъ:

— Михалку, серце, я вже давно бачу, що ты мене бильше не любишъ, що я вже обридла, що я тоби мовъ каминь за плечима. Нема вже твоеи веселости; не чуть твого сьмиху, твоеи розмовы. Такій ты часомъ смутный, що якъ гляну на тебе, то краще-бъ мени вже пидъ землею лежати. Мени тебе шкода бильше, якъ власного життя; не хочу, щобъ ты марно пропадавъ черезъ мене... Якъ ты мене не любишъ, то лучше я соби пиду зъ хаты... пиду соби одъ тебе, сьвитъ за очи... А ты тилько бабуни доглянь до смерти... Не довго вже ій на цимъ

сьвити животиты... и одну дитину позволишъ мени взяти зъ собою, на памъятку... ой, тильки на памъятку! Якъ колись бабуня зо мною по сьвити ходила, та на двохъ заробляла. такъ само и я зъ дитиною ходитиму, та на двохъ зароблятиму... А якъ зайду десь далеко, ажъ на край сьвита, щой вистки про мене не буде, то люде думатимуть, що мене вже й на сьвити нема, и тоби вильно буде взяти другу жинку, другу господыню въ хату, и все робити, що схочешъ... Серце, Михалку, пиду я соби одъ тебе, пиду я соби зъ хаты, на край сьвита пиду зъ одныею дитиною... коли ты вже мене не хочешъ... ой, пиду...

При этой страстной рѣчи Василина не разъ обнимала и цѣловала его колѣни, а когда время отъ времени подымала голову, лице ея, не смотря на неподдѣльную тоску, дышало такою искренностью и силою, что, казалось, она вотъ-вотъ вскочитъ съ полу, схватитъ на руки которое нибудь дитя и выбѣжитъ изъ хаты. Однако она не сама поднялась съ земли, подняли ее и посадили на скамью двѣ сильныя руки. Сжимая, какъ въ клещахъ, ея руки своими сильными руками, кузнецъ заговорилъ, видимо насильно принуждая себя смѣяться:

— Що ты верзешъ! що ты выгадуешъ? Отъ дурна, чисто божевильна! Пиде вона зъ хаты! пиде на край сьвита! такъ-бы я тебе й пустивъ зъ хаты! Самъ швидче вмру...

Въ одинъ мигъ Василина бросилась къ нему на шею.

— То я ще тоби, бачу, не зовсимъ обрыдла!

— Ты мени мила такъ само, якъ и перше...

Оба прямо посмотрѣли другъ другу въ глаза при слабомъ свѣтѣ погасающаго огня. Она убѣдилась, что мужъ говорилъ правду и глаза ея въ одинъ мигъ высохли отъ слезъ, заблестѣли и сдѣлались снова такими-же веселыми, открытыми и выразительными, какъ прежде.

— Ой ты брехуха! Або-жъ ты мене за якого злодія, або розбійника маешъ, щобъ я такъ таки зъ одного разу усе чисто забувъ и серце зминывъ? Хиба-жъ ты не чекала на мене, на сьмихъ людямъ, шисть годъ, горюючи по чужихъ людяхъ, и для мене не погордувала багатымъ господаремъ?

— Але! прошептала молодая женщина.

— Хиба я тебе яку небудь погану взявъ, або найпослиднійшу одъ усихъ? Ты була чиста, якъ вода кринична, безъніякои плямы, гожа та веселенька, якъ та пташка.

— Але...

— Симъ годъ живъ я зъ тобою и одного смутного дня не бачивъ, ажъ поки зъ нами оце нещастя скоилось; николи злости въ тебе на лыци не бачивъ, недоброго слова отъ тебе не чувъ...

— Але...

— Ты мени четверо диточокъ породила и пильно годувала, рукъ не покладала, доглядаючи господарства, и ввесь достатокъ разомъ зо мною придбала...

— Але...

— Отъ бачишъ! Той чому-жъ бы я тебе не любивъ? Ой, дурненька! хтила йти одъ мене зъ хаты... а я пишовъ бы за тобою, догнавъ и вже-жъ тоди побивъ... далеби, побивъ-бы, тоди-бъ вже тоби бувъ шабашъ! побивъ бы тебе, вернувъ назадъ и въ хати посадивъ. Сиди, бабо, коли тоби добре! отъ що!

При послѣднемъ словѣ раздался по хатѣ громкій поцѣлуй; Михайло обнялъ и поцѣловалъ жену и спросилъ:

— Ну, кажи теперъ, чого такъ плакала, що ажъ очи понапухали? Чи зновъ тоби хто зробивъ щось злого? га?

Хотя уже увѣренная въ томъ, что онъ любитъ ее по прежнему, съ блестящими отъ счастья глазами, Василина все еще колебалась съ признаніемъ. Наконецъ старая привычка все разсказывать мужу взяла верхъ и она расказала свою страшную обиду, закрывая руками лице отъ стыда, но уже безъ слезъ. Михайло вскочилъ съ лавки и ударилъ кулакомъ по столу внѣ себя отъ гнѣва.

— Забъю! крикнулъ онъ, на смерть забъю тихъ розбишакъ! Чого вони до тебе чипляються, тіи злодіи, хамы?...

Онъ называлъ крестьянъ хамами, какъ будто самъ не былъ уже крестьяниномъ. Дѣйствительно, онъ считалъ себя чѣмъ-то высшимъ надъ тою средою, къ которой принадлежалъ по рожденью. Василина схватила его за руки, упрашивая никого не

бить и не задѣвать за нее. Ковальчукъ сѣлъ на лавку, глаза его горѣли, жилы на лбу налились кровью; онъ тяжело переводилъ духъ и порывистымъ, нервнымъ движеніемъ зажегъ папиросу. Потомъ продолжалъ браниться, выпуская дымъ изо рта.

— Дурни хамы! такій дурныци вирять! Я не вирю, далеби не вирю, щобъ були на сьвити якись видьмы... Часомъ приходило й мени на думку, що се може бути правда... помижъ дурнями и найрозумнишій чоловикъ часомъ здуріе... Але-жъ я таки добре знаю и розумію, що усе те выгадки. Темный народъ та й годи! То само по соби, а бида сама по соби! И соромъ мени, неначе якому пъяныци, або голодрабцеви, битись съ людьми по шинкахъ та по дорогахъ, и ничого зъ того не выйде... Дурнямъ ихъ дурныци зъ головы не выбъешъ, хочъ-бы якъ бивъ... Що тутъ въ сьвити робити?

— Завтра выcповидаюсь и запричастюсь передъ усима, подсказала Василина.

Михайло махнулъ рукою.

— Що воно поможе? одинъ побачить, а другій на одпусти за тиснотою и не побачить. Хто бувъ лютый або заздростный на тебе, той такъ и зостанеться. Занудишься въ людській крывди, а ще коли нибудь зновъ таки скривдять тебе, якъ отъ нынька... Нехай Богъ милуе...

Онъ крѣпко потеръ лобъ рукою и принялся теребить волосы.

— Хиба покинути хату й господарство, а самимъ збиратись та йти сьвитъ за очи... произнесъ онъ нерѣшительно.

— Покинути хату й господарство! вскрикнула Василина.

— А що-жъ? що-жъ такого?

Отвѣтъ былъ произнесенъ повидимому беззаботно, а между тѣмъ онъ обвёлъ хату глазами, полными слезъ. Ему дорога была эта хата, теплая, зажиточная, украшенная всѣмъ, что онъ въ теченіи столькихъ лѣтъ приносилъ сюда, какъ птица въ гнѣздо. Дорогъ былъ ему и отцевскій участокъ земли, на которомъ онъ такъ радъ былъ поселиться послѣ долгихъ странствій солдат-

ской жизни. Послѣ продолжительнаго молчанія онъ обнялъ жену и спросилъ:

— Якъ бы мени тутъ зле було жити, пишла-бъ ты зъ мною де инде?

— А якъ-же! вскрикнула Василина.

— Ну, а якъ тоби тутъ зле, то я пиду зъ тобою де инде. Землю найму, якъ отъ тоди, якъ ишовъ у військо, а зъ моимъ ремествомъ хочъ увесь свитъ обійду, скризь буде хлибъ и для насъ, и для дитей. Де небудь сяду въ мистечку, та й буду кувати, а тебе не дамъ скривджувати, або, борони Боже, бити...

Молодая женщина наклонилась и начала цѣловать его руки.

— Якій ты добрый, ой, якій ты добрый! кращого вже мабуть и на сьвити нема... Я по лицю твоему побачила, по твоій розмови почула, по всёму въ тоби пизнала, що ты такій добрый. Черезъ тежъ я тебе такъ и полюбила, на вики, ажъ до смерти, що вже николи жаденъ чоловикъ не бувъ мени милый, а безъ твого кохання мени такъ само, якъ отъ безъ ясного сонця...

Ковальчукъ поднялъ ея наклоненный станъ и обнялъ его руками.

— Иди завтра до мистечка, выслухай службу Божу, высповидайся, а писля церкви заверни до моеи сестры Ганны, що тамъ замижью за хвельчеромъ, роспитайся въ неи, чи добре-бъ мени було систы въ мистечку... значить, зъ моимъ ремествомъ систы... чи тамъ треба коваля... А якъ не треба, то я соби можу погодитись зъ тимъ паномъ, що то завтра пиду до ёго вмовлятись про роботу. Великій двиръ и велике господарство... тамъ завжды бувъ коваль, а теперъ нема, то може мене визьмуть. Хотивъ бы й я съ тобою разомъ на одпустъ пити, такъ треба до того двору... то ты вже йди завтра своею дорогою, а я пиду своею, а тамъ, не гаячи часу, бабуню зъ дитьми заберемо на визъ, та й гайда въ дорогу. Отъ тоби й дорога, що ты надумала! Пидешъ ты по сьвиту кращои доли та людей шука-

ти, тилько не одна душею, а зо мною, зъ бабунею, зъ усима дитьми и зъ моею працею, а зъ неи буде завжды добрый шматокъ хлиба...

— Спасыби тоби, Михалку, спасыби за твою добристь.. якъ бы тильки могла тоби чимъ небудь виддячити....

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библіографія.

Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная. 1764—1805. Въ трехъ частяхъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Нила Попова. Москва. 1885 г.

Въ свое время мы давали отчетъ о мемуарахъ Семена Степановича Пишчевича, участника въ дѣлѣ колонизаціи новороссійскихъ степей во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Нынѣ явилось въ продажѣ жизнеописаніе сына его, Александра Семеновича, изданное московскимъ обществомъ исторіи и древностей подъ редакціей проф. Попова, наблюдавшаго и за изданіемъ жизнеописанія Пишчевича-отца. Постоянные читатели «Кіевской Старины» не забыли, можетъ быть, и автора названнаго нами въ заголовкѣ сочиненія, т. е. Пишчевича-сына, перу котораго принадлежатъ «Примѣчанія на новороссійскій край», многочисленные дневники и замѣтки о чумѣ 1813 года, о бугскихъ козакахъ и украинскихъ уланахъ, напечатанные въ нашемъ журналѣ отчасти въ извлеченіяхъ и выдержкахъ, отчасти дословно. Пользуясь собственными его автобіографическими показаніями, попробуемъ теперь передать его *curriculum vitae,* въ томъ предположеніи, что оно можетъ послужить средствомъ къ опредѣленію цѣнности напечатанныхъ раньше его трудовъ.

А. С. Пишчевичъ родился въ 1764 году 31 мая, въ городѣ Порѣчьѣ смоленской губерніи. Отецъ его, родомъ сербъ, до конца жизни плохо владѣвшій русскимъ языкомъ, вышелъ изъ Австро-Венгріи въ царствованіе Елисаветы. Воспитаніе молодаго Александра Пишчевича началось въ десятилѣтнемъ возрастѣ обученіемъ французскому языку при помощи неизбѣжнаго тогда француза, котораго онъ впрочемъ очень хвалитъ за ласковость обращенія и за умѣнье заниматься; черезъ полгода послѣ начала занятій съ нимъ, мальчикъ могъ уже «все разумѣть и самъ

изъясняться на французскомъ языкѣ». Въ 1777 году отецъ взялъ его съ собою въ Петербургъ. Тамъ 13-лѣтній Пишчевичъ «увидѣлъ себя совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: людство, великолѣпіе, театры, дворъ и проч. служило все къ моему удивленію», замѣчаетъ онъ. Отецъ не премипулъ представить его князю Потемкину, и блестящій вельможа обласкалъ «юнака». Затѣмъ Пишчевичъ отданъ былъ въ Петербургѣ же въ училище преподавателя инженернаго кадетскаго корпуса Массона, «почитавшееся изъ лучшихъ въ столицѣ», по его замѣчанію. Въ пансіонѣ Массона учили языкамъ французскому и нѣмецкому, математикѣ, рисованію, географіи, исторіи, танцамъ и музыкѣ. Новый ученикъ, пройдя математику, по собственному влеченію занимался фортификаціей и тактикой и, по его словамъ, «на 15-мъ году... уже былъ знакомъ со всѣми великими предводителями», хотя самъ, однако, никогда такимъ не сдѣлался. «Исторіи и географіи я съ великимъ прилежаніемъ и охотою учился», говоритъ онъ, за то алгебру находилъ скучною; «впрочемъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, танцованіе составляло мое удовольствіе»; что касается русскаго языка и Закона Божія, то этимъ предметамъ не учили совсѣмъ, какъ это частенько впрочемъ водилось въ то время въ пансіонахъ, содержимыхъ обыкновенно иностранцами; такимъ образомъ, по замѣчанію Пишчевича, «добронравіе оставалось позади скрипки, алгебры и пр»., ибо и вообще не заботились о воспитаніи сердца. Изъ дурныхъ качествъ характера, оставшихся у него на всю жизнь, откровенный авторъ нашъ упоминаетъ о вспыльчивости и о женолюбіи; о послѣднемъ недостаткѣ, повидимому, онъ не очень сокрушался, судя по чрезмѣрному числу «утѣхъ», не безъ удовольствія разсказанныхъ въ жизнеописаніи. Въ дѣлахъ нравственности и религіи онъ не чуждъ былъ распространеннаго тогда въ Россіи «вольтеріанства»: «имамъ, пасторъ, гелюнгъ, рабинъ—все сіе въ моихъ глазахъ было равно», признается онъ. Онъ много читалъ, о чемъ нѣсколько разъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, но какія книги—о томъ умалчиваетъ и въ одномъ только мѣстѣ упоминаетъ о «Недорослѣ» Фонвизина; кажется, вольтеріанство его было довольно умѣренное, и въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ остальныхъ, Пишчевичъ не выдвигался изъ средняго уровня «образованнаго», въ смыслѣ екатерининскаго времени, человѣка. Веселымъ, въ достаточной степени вѣтренымъ и мотоватымъ онъ рисуется читателю его автобіографіи отъ начала ея до конца; никогда не бывши казнокрадомъ, хотя много разъ встрѣчалъ поводы и искушенія къ поживѣ на счетъ казны, онъ однако искренно жалѣетъ, зачѣмъ не сдѣлался игрокомъ, потому что, играя навѣрняка, могъ бы имѣть деньги; мало честолюбивый и не очень способный къ службѣ, Пишчевичъ не

устроилъ себѣ хорошей карьеры. Отецъ его, по одному случаю, лишился благоволенія Потемкина, и молодой Александръ Семеновичъ началъ службу въ с.-петербургскомъ драгунскомъ полку, участвовалъ въ занятіи крымскаго полуострова въ 1783 г., потомъ отправился съ полкомъ на зимовку въ Алексѣевскую крѣпость. Разсказывая о дорожныхъ приключеніяхъ на пути туда, авторъ нашъ, между прочимъ, упоминаетъ о томъ, какъ, потерявъ дорогу въ сугробахъ снѣгу, они набрели на запорожскій зимовникъ, гдѣ нашли 10 козаковъ; «по праву сильнаго, я выгналъ запорожцевъ изъ землянки», признается онъ, что однако не помѣшало одному изъ выгнанныхъ служить потомъ провожатымъ для нихъ. По окончаніи зимовки, проведенной нашимъ авторомъ главнѣйше въ любовныхъ осадахъ, приступахъ и побѣдахъ, онъ переводится въ Грузію, гдѣ съ большимъ успѣхомъ продолжаетъ разъ начатое дѣло. Въ 1788 г. Пишчевичъ ѣздилъ къ Потемкину въ Елисаветградъ съ донесеніемъ по службѣ, а главное—въ надеждѣ на полученіе капитанскаго чина. «Былъ тогда, разсказываетъ онъ, въ великой милости у князя Потемкина докторъ Шаровъ, вылѣчившій весьма удачно племянницу его свѣтлости графиню Браницкую отъ отчаянной болѣзни; сей г. Шаровъ предъ моимъ пріѣздомъ взялъ у отца моего двухъ жеребцовъ, за которые деньги еще не были заплочены; и такъ отецъ мой положилъ, чтобы я сими лошадьми доѣхалъ до капитанскаго чина»... Съ письмомъ отца является Пишчевичъ къ Шарову и потомъ посѣщаетъ его ежедневно впродолженіи трехъ недѣль, пока не надоѣло, а капитанскаго чина такъ и не получилъ и возвратился на Кавказъ. Въ 1790 году онъ снова ѣздилъ въ имѣніе отца и въ Елисаветградъ, гдѣ успѣлъ познакомиться съ молдавскимъ господаремъ Маврокордато; потомъ, на Злынку и Ольвіополь, направился въ Бендеры къ Потемкину, также съ служебнымъ порученіемъ и съ мечтою о чинѣ. О Потемкинѣ онъ говоритъ коротко и сообщаемое имъ о времяпрепровожденіи, причудахъ, роскоши и сластолюбіи этого баловня судьбы не ново. Здѣсь онъ посѣщаетъ переднюю секретаря свѣтлѣйшаго, Попова, по приказанію котораго слѣдуетъ потомъ за Потемкинымъ въ Яссы, а такъ какъ Поповъ вслѣдъ за тѣмъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, то Пишчевичъ самъ подаетъ Потемкину просьбу о чинѣ и на этотъ разъ будто-бы чинъ былъ назначенъ, но—увы—бумага о томъ выкрадена... Не получивъ и на сей разъ чина, злосчастный Пишчевичъ отправился обратно; на р. Бугѣ онъ нашелъ ледоходъ и съ трудомъ переправленъ былъ на лодкѣ запорожцемъ. Въ Ольвіополѣ отправился къ пограничному почтъ-директору, родомъ сербу, Пулевичу; «сей старикъ, разсказываетъ Пишчевичъ, былъ презабавный балагуръ, старавшійся насъ увѣрить, что своею рѣ-

шимостью и арміей, состоящей изъ 10 или 15 почталіоновъ, удерживалъ онъ въ страхѣ польскихъ два батальона пѣхоты и четыре эскадрона конницы, въ Богополѣ расположенныхъ, которые сей ради причины не начинали тогда еще дѣйствовать противъ войскъ императрицы». Хорошо еще, что храбрый почтмейстеръ не просилъ ни чиновъ, ни орденовъ... Изъ Ольвіополя на Елисаветградъ Пишчевичъ направился на мѣсто служенія, гдѣ участвовалъ въ приступѣ къ Анапѣ и совсѣмъ было получилъ Георгія 4-й степени, но, по злой насмѣшкѣ судьбы, раньше попалось на глаза имя его брата, которому и достался орденъ, а нашему автору только одобрительный листъ. Потомъ Пишчевичъ переведенъ съ полкомъ въ Саратовъ; по дорогѣ туда былъ въ Царицынѣ и въ Сарептѣ; въ саратовской губерніи онъ нашелъ остатки пугачевщины или, по крайней мѣрѣ, наглое разбойничество; ѣздилъ къ раскольникамъ на Иргизъ, былъ на Дону, гдѣ происходило также броженіе. Затѣмъ Пишчевичъ отправляется въ Петербургъ хлопотать о переводѣ, при чемъ, не одобряя гатчинскихъ порядковъ, готовъ былъ служить и въ Гатчинѣ, но не успѣлъ; поэтому на Харьковъ и Екатеринославъ отправился въ Тульчинъ, къ Суворову, но на дорогѣ получилъ извѣстіе о восшествіи Павла I, а Суворова нашелъ въ немилости и не былъ имъ принятъ. Потомъ онъ снова въ Петербургѣ—въ поискахъ службы и въ хожденіяхъ по дѣламъ отца. Здѣсь онъ получаетъ вѣсть о смерти отца, но остается на мѣстѣ, очень двусмысленно волочится, при чемъ сообщаетъ скандальныя свѣдѣнія о предметѣ своей любви, съ которымъ наконецъ сочетавается узами брака. Жизнеописаніе кончается скучнымъ разсказомъ семейныхъ недоразумѣній и дрязгъ по поводу выполненія духовнаго завѣщанія отца.

Изложенное нами въ существенныхъ чертахъ жизнеописаніе Пишчевича представляетъ собою сводъ отдѣльныхъ этюдовъ, а можетъ быть и дневниковъ его. Въ семейномъ архивѣ А. Плат. Пишчевича, внука его, пишущій эти строки видѣлъ отдѣльныя тетради, посвященныя Потемкину, коронаціи Павла I, кавказской войнѣ; что же касается остающихся въ наличности дневниковъ, то они обнимаютъ только первые годы текущаго столѣтія и не заходятъ въ XVIII вѣкъ. Можетъ быть, по мѣрѣ того, какъ подвигалась работа надъ составленіемъ автобіографіи, дневники уничтожались; а что Пишчевичъ при составленіи своего жизнеописанія имѣлъ подъ руками какія-то, ранѣе сдѣланныя, замѣтки, въ этомъ убѣждаетъ насъ, во первыхъ, мелочная точность въ передачѣ подробностей, которыя безъ того навѣрное были бы позабыты, и во вторыхъ, его двукратное упоминаніе о своихъ запискахъ. На стр. 40 онъ говоритъ: «сверхъ моей должности, остальное время я прово-

ждалъ записываніемъ всего того, что находилъ любопытства достойнымъ въ службѣ и въ разговорахъ»—довольно ясное указаніе на то, что велся дневникъ; на стр. 50 находимъ менѣе ясное выраженіе: «я продолжалъ привыкать сообщать бумагѣ мои мысли».

При всей внѣшней обстоятельности изложенія, автобіографія А. С. Пишчевича уступаетъ своими достоинствами таковой же отца его. Тотъ болѣе принадлежалъ югу Россіи, вращался и дѣйствовалъ среди лицъ и интересовъ болѣе значительныхъ, нежели Пишчевичъ-сынъ, до своей отставки и женитьбы являвшійся здѣсь только на короткіе промежутки времени. По характеру и уму сынъ также уступаетъ отцу; взоръ его скользитъ по поверхности событій и лицъ; свѣдѣнія общаго интереса попадаютъ въ его трудъ случайно, онъ поглощенъ своими «веселостями» и мелкими армейскими интрижками; онъ не любитъ юга Россіи: «всякій разъ, когда я сію страну оставляю, говоритъ онъ, чувствую душевное удовольствіе, во всемъ тѣлѣ здоровье, память свѣжѣе. Казалось-бы, что при началѣ моей жизни мнѣ вдохновеніе сдѣлано не терпѣть сію часть Россіи, въ которой люди между собой живутъ злодѣями; злоба и зависть одного противъ другого суть два порока, коими ихъ головы, чувства и сердца занимаются.... Родные меня вовсе не привязываютъ, а напротивъ своею между собой несогласицей моей душѣ омерзѣли. Сербы, мои земляки, своею скупостью противны моимъ глазамъ, а къ тому разсчетами о древности происхожденій ихъ фамилій, дурацкими дипломами и другими знаками ихъ глупости надоѣли до самаго нельзя. Малороссіяне, сосѣди Новой Сербіи, напоивши свои сердца ябедами, доносами и тяжбами, живутъ въ вѣчной между собой войнѣ»...

Таковы были въ Россіи прошлаго столѣтія сербы второй генераціи. Въ разбираемой нами книгѣ можно найти еще одинъ образецъ серба новой формаціи въ лицѣ екатеринославскаго губернатора, Іосифа Ивановича Хорвата, сына того Хорвата, который былъ иниціаторомъ колонизаціоннаго движенія австрійскихъ сербовъ. Впрочемъ, и то надо сказать, что казнокрадство Хорвата и вольтеріанство Пишчевича были тогда въ духѣ времени: это были два полюса, между которыми вращалось наше общество.

В. Ястребовъ.

Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша Запорожскаго, А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть II. Одесса, 1885 года.

Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала мы говорили о вышедшей тогда въ свѣтъ 3-мъ изданіемъ первой части этого сочиненія и указали на тѣ незначительныя измѣненія, какія сдѣланы въ ней авторомъ. Теперь явилась уже вторая часть столь извѣстнаго сочиненія. Мы ожидали ее тѣмъ съ большимъ интересомъ, что авторъ обѣщалъ въ ней болѣе важныя измѣненія, въ частности переработку главы о гайдамачествѣ, сообразно новымъ о немъ изслѣдованіямъ.—Что-же находимъ въ новомъ изданіи второй части «Исторіи Новой Сѣчи?»

Введеніе осталось безъ перемѣны. Въ первой главѣ опущена пѣсня о Константинѣ Гордѣенкѣ, во второй пѣсня объ алешковскомъ Кошѣ, но по какимъ соображеніямъ, неизвѣстно. Въ пятой главѣ не находимъ уже разсказа о похожденіяхъ и судьбѣ двухъ приверженцевъ гетмана Мазепы, Феодора Мировича и Феодора Нахимовскаго, и о наблюденіи за ними со стороны Запорожья, сообщавшаго добытыя свѣдѣнія русскому правительству (стр. 175—177 во 2-мъ изданіи и стр. 151 въ 3-мъ). Первый отдѣлъ седмой главы 2-го изданія заключаетъ собою шестую главу въ изданіи 3-мъ. Глава седмая значительно дополнена, въ нее вошла статья «Секреты Коша Запорожскаго», напечатанная въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» за текущій годъ; глава заканчивается разсказомъ о смутахъ въ Буджацкой ордѣ, распряхъ ея съ ордою Едисанскою и проч., перепечатаннымъ буквально изъ 2-го изданія. Въ восьмую главу 3-го изданія введено начало седмой главы изъ 2-го изданія, въ которомъ говорится о числѣ запорожцевъ, присягавшихъ при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины; далѣе введенъ разсказъ объ участіи запорожцевъ въ коронаціи; остальная часть этой главы прошла безъ измѣненія. Девятая глава 2-го изданія разрослась въ 3-мъ въ двѣ главы: первая посвящена собственно гайдамачеству, а вторая уманской рѣзнѣ 1768 года; послѣдняя наименѣе подверглась поправкамъ, хотя въ нее введено нѣсколько новыхъ данныхъ, напр., о судьбѣ Максима Желѣзняка послѣ 1768 года, объ участіи въ народномъ движеніи игумена мотронинскаго монастыря Мелхисидека Значка-Яворскаго по даннымъ «Архива юго-западной Руси» и изслѣдованію Ѳ. Г. Лебединцева. Десятая глава, заключающая въ себѣ акты о гайдамачествѣ, была отчасти напечатана въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1885 годъ. Авторомъ сдѣлано еще нѣсколько поправокъ въ примѣчаніяхъ, но они такъ малозначительны, что мы не видимъ нужды указывать на нихъ подробнѣе.

Кромѣ отмѣченныхъ уже перемѣнъ, въ настоящемъ изданіи мы не нашли также карты земель или, вольностей войска запорожскаго низоваго» 1770 года. Виньетка обложки также измѣнена: вмѣсто живописной группы запорожцевъ у водопоя, какъ было во 2-мъ изданіи, теперь изображенъ козакъ, слѣзшій съ коня и держащій его подъ уздцы, а пику вольно, какъ будто по воинскимъ артикуламъ о кавалерійской службѣ; самая наружность козака какая-то дисциплинированная. Не находимъ уже и прежняго эпиграфа, рисующаго наружность запорожца; въ новомъ эпиграфѣ выражается завѣтная дума удалаго парубка-гайдамаки погулять въ степи съ козаками, насколько позволитъ «ридненькая мати».

Изъ всѣхъ сдѣланныхъ въ настоящей части измѣненій и дополненій болѣе важны конечно тѣ, которыя касаются исторіи гайдамачества. Къ сожалѣнію, мы находимъ здѣсь больше дополненій, чѣмъ измѣненій; сущность работы—мнѣніе о значеніи и роли гайдамачества—осталась неприкосновенной. Почтенный бытописатель Запорожья не убѣдился ни обстоятельнымъ разборомъ его мнѣнія, сдѣланнымъ М. А. Максимовичемъ еще въ 1845 году, ни новыми изслѣдованіями въ этой области проф. В. Б. Антоновича и Н. И. Костомарова. Онъ по прежнему смотритъ на гайдамакъ, какъ на простыхъ разбойниковъ, помрачившихъ славу Запорожья, которое онъ всѣми силами старается обѣлить и не желаетъ видѣть въ ихъ наѣздахъ, какъ общепризнано теперь въ наукѣ, выраженія народной реакціи противъ тяготѣвшаго еще надъ правобережной Украиной гнета. Доказательство чисто разбойническаго характера гайдамакъ г. Скальковскій видитъ отчасти въ ихъ нападеніяхъ на козацкія и принадлежавшія Россіи владѣнія, а также на козаковъ и русскихъ купцевъ; но ясно, что гайдамаки дѣлали въ такихъ случаяхъ нападенія на Запорожье и русскія владѣнія изъ мести за преслѣдованія, которымъ они подвергались со стороны тѣхъ и другихъ, за стѣсненія ихъ дѣйствій и поддержаніе установившихся отношеній между ними и ихъ сосѣдями, Польшей и Турціей. Мы имѣли уже случай указать на значеніе гайдамачества въ исторіи Украйны, разсматривая въ одной изъ своихъ рецензій «Матеріалы о гайдамакахъ», изданные г. Андріевскимъ; но мы тогда же оговорились, что къ дѣлу, начатому съ единственной цѣлью служенія какой-нибудь высокой идеѣ, всегда присоединяются низменные инстинкты и личные корыстные интересы. Послѣ сего намъ нѣтъ надобности входить по этому вопросу въ полемику съ уважаемымъ историкомъ, тѣмъ болѣе, что ошибочность его взгляда раньше и лучше насъ доказалъ такой знатокъ южно-русской исторіи,

какимъ былъ покойный М. А. Максимовичъ, въ «Извѣстіяхъ о гайдамакахъ», критической статьѣ по поводу другой работы г. Скальковскаго «Наѣзды гайдамакъ на западную Украйну въ XVIII столѣтіи», помѣщенной въ «Москвитянинѣ» и перепечатанной оттуда въ собраніи сочиненій «М. А. Максимовича» [1]).

Впрочемъ, дѣлая эти и другія указанія, мы не имѣли въ виду ни входить въ критическую оцѣнку вообще названнаго труда г. Скальковскаго со стороны плана, содержанія и изложенія, ни тѣмъ болѣе ставить въ укоръ то или другое маститому историку, но только желали освѣдомить читателей, что они могутъ найти въ настоящемъ выпускѣ «Исторіи Новой Сѣчи» и чего не найдутъ по сравненію даже съ предъидущимъ изданіемъ. Каждый дѣлаетъ по мѣрѣ силъ и средствъ даннаго времени, а г. Скальковскій принадлежитъ къ числу научныхъ дѣятелей весьма отдаленнаго времени. Свое дѣло онъ сдѣлалъ въ свое время и его трудъ, не во всемъ отвѣчающій, можетъ быть, современнымъ взглядамъ въ наукѣ, сохранитъ всегда значеніе документальнаго въ большей части сказанія о судьбахъ Запорожья въ намѣченную имъ эпоху. Иное дѣло полная исторія Запорожья, которой для уясненія всей южнорусской и вообще русской исторіи надо желать и ждать; но это дѣло новаго труда и новыхъ силъ и возможно, какъ было у насъ не разъ уже говорено, при полномъ изданіи запорожскихъ актовъ, хранящихся въ общественныхъ и частныхъ архивахъ, въ томъ числѣ и у автора разсматриваемаго изданія. Такая исторія должна обнять гораздо большій промежутокъ времени, чѣмъ какой охватываетъ «Исторія Новой Сѣчи»,— почти съ начала XV и до половины XIX ст., если къ исторіи Запорожья присоедиинить и исторію гайдамачества. Запорожье пережило въ своемъ существованіи: 1) періодъ своего образованія до 1576 г., 2) періодъ борьбы противъ Польши за религіозно-національную независимость южной Руси отъ 1576 до 1657 г., 3) періодъ участія въ борьбѣ 1657—1711 г. за такую же независимость правобережной Украйны, 4) періодъ борьбы за собственное существованіе 1711—1775 г., характеризующійся ослабленіемъ прежней козацкой доблести, развитіемъ осѣдлости и выдѣленіемъ изъ низоваго товарищества элементовъ, продолжавшихъ старыя зопорожскія традиціи о религіозно-національной борьбѣ и принявшихъ форму гайдамачества, въ виду ограниченія запорожской вольности со стороны Польши, Россіи и Крыма и преобладанія гнета въ правобережной Украйнѣ, вызывавшаго необходимость отставить на-

[1]) Томъ I, стр. 572—594.

родъ *armata manu* отъ Польши, и 5) періодъ окончательнаго упадка и исчезновенія (1775—1861 г.) какъ запорожцевъ, такъ и гайдамакъ, изъ которыхъ первые постепенно обращаются въ мирныхъ поселенцевъ, живущихъ славными воспоминаніями, а вторые проявляютъ свое существованіе въ грабежахъ разбойническихъ шаекъ и крестьянскихъ движеніяхъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія, прекращающихся окончательно лишь съ освобожденіемъ крестьянъ, и создаютъ, какъ отголосокъ далекаго прошлаго, такіе типы разбойниковъ, какъ Гаркуша и позднѣе Кармелюкъ.—Остается пожелать чтобы для обработки исторіи Запорожья въ этихъ болѣе широкихъ рамкахъ скорѣе явились и новыя силы, и новые матеріялы.

И. Каманинъ.

Буковинскій Альманахъ. Черновцы. 1885 г.

Эта книга издана въ ознаменованіе десятилѣтней дѣятельности студенческаго общества «Союзъ», состоящаго при университетѣ въ Черновцахъ. Общество возникло съ 1875 г., т. е. съ перваго года открытія университета въ столицѣ Буковины. Задачей своей «Союзъ» ставитъ соединеніе всѣхъ русскихъ студентовъ университета въ тѣсную связь для товарищескаго житья и научнаго совершенствованія. Цѣль его—воспитывать русскія чувства въ сердцахъ русской молодежи, поддерживать любовь ко всему русскому. Идеаломъ общества служитъ такой нравственный закалъ своихъ членовъ, при которомъ они всегда и вездѣ въ своей будущей дѣятельности выступали-бы открыто и явно, какъ русскіе, и направляли-бы эту дѣятельность на пользу своего народа.

По мѣрѣ своихъ силъ «Союзъ» принималъ участіе въ главнѣйшихъ проявленіяхъ умственнаго и гражданскаго быта народа. Онъ откликался и на событія, затрогивавшія такъ или иначе все славянство и у себя, на родинѣ, принималъ дѣятельное участіе въ такихъ предпріятіяхъ, какъ сборы въ пользу имѣющейся открыться русской гимназіи въ Коцмани, снабженіе книгами сельскихъ читалень и т. п.

Поддерживаемое усиліями маленькой группы патріотовъ, Общество очень не богато средствами. Оно существуетъ только членскими взносами; но и членовъ не много. Въ Буковинѣ нѣтъ средней русской школы, а существуютъ школы румынская и нѣмецкая. Здѣсь нѣтъ дворянства, а крестьянскія дѣти, по недостатку средствъ на продолжительное ученіе, лишены возможности поступать въ высшія школы. Духовенство,

изъ котораго въ остальной Галиціи вышла почти вся интеллигенція, здѣсь въ большей части настроено недружелюбно ко всему русскому. По какой-то дикой ироніи судьбы представители греко-восточнаго исповѣданія направляютъ здѣсь всѣ усилія къ руманизаціи сограждань. Неудивительно, поэтому, что вокругъ знамени народной идеи собраны здѣсь пока только немногіе просвѣщенные ея сторонники.

Всѣхъ членовъ «Союзъ» насчитываетъ около ста. Какъ къ вспомогательному средству, общество обращается иногда къ устройству чтеній, спектаклей и вечеровъ. Въ свою десятилѣтнюю годовщину оно издало теперь, въ видѣ прекрасной попытки, литературный сборникъ.

Комитетъ общества обратился съ приглашеніемъ ко многимъ украинскимъ писателямъ, которые и отозвались своимъ безкорыстнымъ содѣйствіемъ. Собранный литературный матеріалъ, по словамъ предисловія къ «Альманаху», изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, не могъ быть весь обнародованъ теперь и послужитъ содержаніемъ слѣдующаго выпуска.

Въ составъ «Альманаха» вошли поэма и сказка въ стихахъ, мелкія стихотворенія, разсказы и очерки въ прозѣ и одна популярно-научная статья.

Въ главѣ прозаическаго отдѣла стоитъ дорогое намъ имя Н. И. Костомарова. Здѣсь помѣщена, сообщенная покойнымъ историкомъ, замѣчательная народная малорусская легенда «Сорокъ лѣтъ», записанная имъ еще въ 1842 году на своей родинѣ, въ острогожскомъ уѣздѣ воронежской губерніи. На эту тему впослѣдствіи Н. И. написалъ небольшую повѣсть, появившуюся въ журналѣ и въ отдѣльномъ изданіи. Легенда «Альманаха» есть народный первообразъ этой повѣсти. Будущимъ издателямъ сочиненій покойнаго писателя напомнимъ еще двѣ его маленькія малорусскія вещицы, именно сказки «Торба» и «Ловы», явившіяся когда-то въ «Молодикѣ» Бецкаго, въ 1843 году.

Извѣстный буковинскій новеллистъ Федьковичъ далъ въ «Альманахъ» маленькій очеркъ. Особенности оригинальнаго таланта этого писателя извѣстны и въ Россіи, гдѣ повѣсти его были изданы, а самый разсказъ читатели нашего журнала встрѣтятъ ниже, въ отдѣлѣ «Извѣстій и замѣтокъ».

Интересною новинкой является повѣсть анонимнаго автора «Карпатскій Гончарь», построенная на мотивахъ галиційскихъ событій 1846 года. Это очень недурной эскизъ польско-шляхетскихъ инсуррекціонныхъ вспышекъ и первыхъ проблесковъ пробужденія національно-самобытнаго сознанія въ тамошнемъ русскомъ населеніи. Старикъ-ру-

синъ прикидывается шляхтичемъ и становится участникомъ маленькой панской революціонной эскапады, съ цѣлью проучить тогдашнихъ рабовладѣльцевъ и угнетателей народа и обратить ихъ затѣю на пользу угнетенныхъ. Къ сожалѣнію, авторъ, обнаружившій дарованіе, далъ разсказу какой-то ненужно-романтическій пошибъ, руководясь, пожалуй, знакомыми ему нѣмецкими беллетристическими образцами. Въ то время, когда поэзія стала на почву свѣжаго реализма, романтическая манера не рѣжетъ глазъ только тогда, когда она выкупается первоклассными литературными достоинствами, какъ у великихъ романтиковъ, напр. Жоржъ Зандъ и другихъ. Нѣмецкій романтизмъ казался приторнымъ всегда, а теперь, при полномъ упадкѣ германской поэзіи, и подавно. Литературныя школы, которыя могутъ теперь дать нѣчто писателю въ смыслѣ пріемовъ, суть англійская, русская, французская и польская. По нѣсколькимъ простымъ и симпатичнымъ штрихамъ въ изображеніи горной природы и обыденныхъ нравовъ у автора замѣтны задатки вполнѣ удовлетворительные для реальнаго писателя.

Очень недурненькій очеркъ К. Устіяновича «Межи добрыми людьми», рисуетъ, совершенно вѣрное, къ сожалѣнію, положеніе бѣдняка и человѣка страдающаго въ людскомъ обществѣ. Несомнѣнно, что можно погибнуть сто разъ «между добрыми людьми» и что никто изъ этихъ добрыхъ людей не почувствуетъ себя и капельку виновнымъ въ вашей погибели.

«Альманахъ» богатъ стихями, что вовсе не означаетъ, что онъ богатъ поэзіей. Къ поэзіи несомнѣнной относятся только пять стихотвореній Кулиша. Какъ выдѣляются эти, отмѣченныя могучимъ словомъ и сильною мыслью, пьесы отъ всего остального! Различныя фазы воззрѣній ветерана украинской литературы даютъ поле для возраженій и полемики; но никто, прочитавши хоть эти стихи, не скажетъ, чтобъ ослабѣлъ его талантъ. Особенной силою отличается пьеса, названная «Кобзарскій Заповитъ». Вмѣсто похвальныхъ надписей, надъ его могилой, на пахучихъ липахъ, поэтъ проситъ повѣсить многострунную бандуру. Тихо будетъ колыхать ее вѣтеръ и говорить съ ней объ умершемъ.

> И хлипючи про все вона ему роскаже:
> Якого горя мы и щастя въ двохъ дознали...
> Якъ умирали мы и знову воскресали.
> И буде винъ іи тихесенько гойдати,

Якъ изъ сестрою братъ про мене розмовляти,
Обнявшись плакати и тугу розважати...

Изъ мѣстныхъ писателей стихи въ «Альманахѣ» помѣстили г.г. Устіановичъ, Маслякъ, Блонскій, Пасѣчинскій, Поповичъ. Большая историческая поэма «Тимошъ Хмельницкій» написана Даниломъ Млакой.

Л—тъ.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ДОВБУШЕВЪ КЛАДЪ.

(*Гуцульская легенда Осипа Федьковича*) [1].

Ходитъ молва, что Олекса Довбушъ, самый удалой воинъ и опришекъ на всѣ гуцульскія горы, закопалъ въ землю огромный кладъ. Тамъ столько серебра и золота, сколько можетъ повезти шестьдесятъ лошадей. Но гдѣ закопанъ тотъ кладъ, никто не знаетъ: одни говорятъ, что возлѣ Черногорскаго озера, другіе думаютъ, что возлѣ камня съ надписями, между Бѣлоберезкою и Яворомъ, а третіи твердятъ, что подъ Сокольскимъ. Одно достовѣрно, что до сихъ поръ находятся еще люди, больше изъ молодежи, которыя ищутъ тотъ кладъ. Объ одномъ изъ такихъ парней хочу разсказать вамъ и я.

---

[1]) Довбушъ или Добушъ—знаменитый атаманъ опришковъ, опоэтизированный народной фантазіей. Съ своей удалой шайкой, онъ верховодилъ среди гуцуловъ, въ юго-восточной Галиціи и въ горахъ Буковины въ половинѣ XVIII вѣка. Народная пѣсня прославила его подвиги и сдѣлала его народнымъ героемъ. Потомки горца Стефана Дзвонки, убившаго его, еще и теперь живутъ въ селѣ Космачь особнякомъ, подъ народной опалой. О зарытомъ имъ кладѣ, Довбушъ, умирая сказалъ: „лежитъ онъ въ полонинѣ, въ Черногорахъ. Гдѣ? Вѣдаетъ Богъ и я знаю. Да только земля будетъ имъ пользоваться, а не люди“.

Предлагаемый въ переводѣ очеркъ г. Федьковича представляетъ романическій эпизодъ на основѣ народныхъ разсказовъ объ искателяхъ этого клада. Въ немъ отразилась, какъ обычная писательская манера автора, прозваннаго „буковинскимъ Шевченкомъ“, такъ и черты повѣрій и нравовъ буковинскихъ селянъ.—*Переводч.*

I.

Жилъ въ нашемъ селѣ очень богатый и уважаемый хозяинъ, Петро Косованъ по прозванію, человѣкъ добрый, честный и умный, да однимъ только грѣшный—большою гордостью. Не богатствомъ чванился онъ, а знатнымъ и славнымъ своимъ родомъ, изъ котораго вышло не мало священниковъ и чиновниковъ, и сельской старшины, и даже офицерства.

Косованъ былъ вдовецъ и всего дѣтей у него было однимъ одна дочка, какъ душа одна,—Олена по имени. Нѣжная, бѣленькая, тоненькая, хрупкая какъ райская птичка, несмѣлая, боязливая, она боится, бывало, и слово промолвить, не то что чужимъ, а и родному отцу. За то прозвали ее люди Лиліей. И правда, похожа была она совсѣмъ на ту святую, бѣлую Лилію.

Косованъ любилъ дочь больше, чѣмъ самого Господа Бога; но, какъ умный человѣкъ, не могъ не гадать о будущемъ и видѣлъ, что скоро прійдется отдать ее въ люди. Самой Лиліи замужество не приходило еще никогда и въ голову. Только и было у ней на мысли, что батько, котораго любила она больше жизни, да прекрасныя наши пѣсни. Какъ защебечетъ ихъ, бывало, своимъ серебряннымъ голоскомъ,—кроитъ сердце безъ ножа и безъ кинжала и не только молодому, но и старому. Такая-то была святая, прекрасная наша Лилія.

А какъ минуло ей семнадцать лѣтъ и пошелъ восемнадцатый, сталъ Петро то сюда, то туда въ гости ѣздить, навѣщать обширную свою родню, совѣтываться, хлопотать, разспрашивать, присматриваться къ парубкамъ, а передъ Успеніемъ и говоритъ Оленѣ: «Олеся, дитя мое! Ты знаешь, что ты одна моя радость на свѣтѣ и что хотѣлъ-бы я не разлучаться съ тобою до самой моей смерти. Да не такъ Божій законъ велитъ; пора тебѣ идти замужъ, а потому на Успеніе, чрезъ недѣлю отъ сегодняшняго дня, жди старостъ. Съѣдется къ тому дню и вся наша обширная и знатная родня; устрой же все такъ, дочка моя милая, чтобъ не набраться намъ стыда. Поваровъ и булочниковъ найму я изъ города. Погребъ нашъ не пустъ, полны и амбары, а обо всемъ остальномъ старайся ты, моя голубка»! Сказавши это, Петро ушелъ на село, оставивши бѣдную дѣвушку на волю мечтамъ и думкамъ.

II.

Лилія. какъ я сказалъ уже, была дѣвушка тихая, робкая. Оставшись еще въ колыбели сиротою послѣ матери, выросла она при отцѣ и не видѣла ничего на свѣтѣ дальше своего села, да и то только идучи съ отцемъ въ воскресенье или въ праздникъ въ церковь, а изъ церкви домой. Пріятелекъ у ней было мало, такъ какъ въ Петровъ домъ рѣдко кому былъ доступъ. Жилъ онъ съ людьми хорошо, но держался отъ нихъ поотсторонь. Такъ и выросла Лилія, не зная ни печали, ни радости, заботилась только о томъ, какъ-бы угодить своему батьку, котораго уважала и любила больше всего на свѣтѣ.

А какъ ей Петро сказалъ про замужество, то она, бѣдняжка, ничего, вѣрно, и не поняла. Слышала она, что другія дѣвицы выходятъ замужъ,—отчего-жъ не идти и ей? Къ тому же и думать много было некогда, такъ какъ уже дня черезъ два, стали являться и повара и булочники и ближайшія тетки и блюдолизы всякіе. Не было времени бѣдной дѣвушкѣ и раздумывать. Всякаго надо было устроить или приставить къ дѣлу, а это не такъ легко, какъ кажется. Только на канунѣ самаго Успенія, вечеромъ, когда все уже было налажено такъ, что и старая однозубая тетка Варвара ни къ чему не могла придраться, тогда только вышла усталая Лилія погулять въ свой большой садъ. Былъ тотъ садъ густо обсаженъ кругомъ яворами, липами и красной калиной.

А гуляя по саду запѣла Лилія одну изъ нашихъ пѣсень прекрасныхъ, что такъ и льются мелодической волною, какъ райскіе ручьи по цвѣтущимъ лугамъ. Да вотъ чудо!—едва успѣла она запѣть своимъ чистымъ голоскомъ, какъ изъ-за явора, сталъ вторить ей звонкій, мужской голосъ, такой пріятный и милый, что у дивчины закружилась головка.—Слушать? или убѣжать скорѣе?—эти мысли сразу пришли ей въ умъ, но рѣшать некогда было, такъ какъ въ ту-жъ минуту появился передъ нею молодой красавецъ, одѣтый пышно, какъ рыцарь или какой царскій сынъ.

— Ты кто? спросила, вздрогнувши, дѣвушка.

— Тотъ, что тебя вѣрно полюбилъ, пташка моя райская, единое солнышко молодой моей жизни!... Лилія! тебя Богъ создалъ для

меня, а меня для тебя, я прочелъ это въ твоихъ небесныхъ глазахъ!... полюбила ли ты меня, Лилія?

— А какъ же тебя звать? вымолвила она, зарумянившишь, какъ пунцовая роза, первый разъ, можетъ быть, въ жизни... Красивый парень угадалъ, какъ волшебникъ, всѣ мысли, что шевельнулись и вдругъ разцвѣли въ невинномъ дѣвичьемъ сердцѣ.

— Меня? спросилъ парубокъ понуро и грустно; зачѣмъ тебѣ знать? Зачѣмъ теперь тебѣ знать это?

— Мнѣ надо знать сегодня.

— Для чего-же, роза ты тоя майская? Для чего сегодня?

— Отецъ хочетъ завтра обручить меня, вѣрно, съ какимъ нибудь богатымъ парубкомъ изъ знатнаго рода. А я не могу идти противъ воли отца, безъ важной причины. Можетъ быть ты бѣдный или не изъ такого рода, какъ хочется отцу и потому боишься сказать мнѣ, какъ тебя зовутъ. Не бойся, милый мой! Отецъ мой не такой злой, какимъ его считаютъ и любитъ меня слишкомъ сильно, чтобъ противиться моему счастію. И объ имуществѣ твоемъ онъ не спроситъ, потому что самъ богачъ, лишь бы твой родъ...

— Ха, ха, ха!... засмѣялся парень, да такъ горько, что дѣвушку кольнуло въ самое сердце. Такъ ты говоришь завтра?

— Завтра въ полдень съѣдется вся наша родня, прійдетъ и женихъ съ старостами.

— А любишь ли ты меня?

— Развѣ бы я стояла здѣсь и говорила съ тобою, если-бъ не любила тебя?

— Такъ завтра въ полдень и услышишь мое имя, а я узнаю, вѣрно ли ты меня любишь. О, если бы хоть на сотую долю такъ, какъ я тебя люблю!...

Сказавъ это, вздохнулъ парень глубоко и тяжко, поклонился Лиліи и скрылся за яворами, а дивчина, не помня себя, пошла тихо въ хату.

III.

На другой день, на святое Успеніе, съѣхалась вся многочисленная и знатная Косованова родня. Были тутъ и священники, и чиновники, и всякое начальство, а между ними, самый почетный гость, одинъ капитанъ, усатый-преусатый щеголь, родной братъ Петра.

А тетушекъ да сестрицъ, и горбоносыхъ и красноносыхъ, и зубатыхъ и беззубыхъ, налетѣло столько, что наврядъ ли кто могъ бы списать и на бумагѣ.

Къ полдню, пока тетки и сестрицы наряжали да убирали цвѣтами Лилію, пріѣхалъ съ старостами и женихъ. Былъ парень видный, пристойный и не уродъ, хоть рыжій, какъ лисъ, да за то сынъ богатаго отца, изъ хорошаго семейства; самъ родомъ изъ дальняго села. Косованъ встрѣтилъ его, какъ сына, а когда старосты проговорили свои законныя рѣчи, велѣлъ онъ призвать въ свѣтлицу Лилію. Вошла наконецъ и Лилія, да совсѣмъ не боязливая и робкая, какъ ждала родня, а такая смѣлая, гордая и пышная, что самъ Петро изумился и какъ будто даже испугался. Только когда Лилія, наклонившись, поцѣловала его въ руку, тогда только онъ отозвался къ ней и сказалъ:

— Вотъ этотъ молодецъ, Филиппъ Коломыйчукъ, хочетъ быть твоимъ мужемъ, пойдешь ли ты за него?

Лилія не отвѣчала ни слова, но глянула на двери, не идетъ ли тотъ, кого она полюбила больше жизни. Не видно никого, а Петро сталъ вести свою рѣчь дальше:

— Пугливое и робкое у меня дитя, но ты не дивись этому, славный молодецъ. Она росла у меня все равно, что въ монастырѣ.— Подойди-жъ, сынъ мой и поцѣлуй свою нареченную невѣсту!

— Стойте! крикнулъ усатый капитанъ, надо исполнить законъ. Твоя дочь, братъ Петро, громко должна сказать, пойдетъ ли она за этого парня.

— Ну, скажи-жъ, дочка, отозвался Косованъ, не очень то довольный вмѣшательствомъ брата.

— Скажи твоему отцу, что ты моя! раздался голосъ изъ дверей и возлѣ Лиліи сталъ тотъ самый юноша, что бесѣдовалъ съ нею въ саду.

— Тебѣ что тутъ нужно, проходимецъ? крикнулъ разгнѣванный Петро.

— Твою дочь! Ее хочу я взять себѣ въ супруги, отвѣчалъ гордо парубокъ, взявши Лилію за руку.

— Ахъ ты бродяга, крикнулъ Петро, ахъ ты голякъ! повторила родня; ты смѣешь безчестить такъ Петра Косована?

— Стойте! крикнулъ громче всѣхъ капитанъ. Нѣтъ тутъ никакого безчестія, хоть царскую дочь желать взять себѣ въ законныя супруги. Пускай рѣшаетъ сама дѣвушка.

— Да говори-же! крикнулъ дочери Петро, выведенный изъ себя.

— Я люблю только этого парубка и за него только и пойду, сказала Лилія, смѣло приблизясь къ пришедшему.

— Да развѣ ты знаешь его? спросилъ Петро, удивленный больше, чѣмъ разсерженный; знаешь, кто онъ такой и какъ зовется?

— Я Марко Золотарь прозываюсь, отозвался парубокъ учтиво, родомъ изъ здѣшняго села, сынъ честныхъ, хоть и бѣдныхъ людей. Отецъ мой, Нтколай, завѣщалъ мнѣ, умирая искать Довбушевъ кладъ, что зарытъ подъ Сокольскимъ. Вотъ третій годъ, какъ я ищу его, и долженъ найдти въ этомъ году, такъ какъ отецъ является мнѣ и во снѣ и не даетъ покою. А пока что, нашелъ я кладъ еще болѣе драгоцѣнный, дочь твою, Петро Косованъ, и прошу ее у тебя себѣ въ жены. Не смотри на то, что я бѣденъ теперь; не пройдетъ и года, какъ я буду богаче тебя.

— Хорошо, Марко, сказалъ Петро, даю тебѣ сроку годъ. Если черезъ годъ отъ сегоднишняго дня, на святое Успеніе, положишь здѣсь на столѣ передо мной три тысячи червонцевъ, дочь моя будетъ твоею. Если же нѣтъ, то уходи изъ нашего села и такъ далеко, чтобъ и слуху о тебѣ не было. Согласенъ ты?

— Идетъ, отвѣчалъ Марко, подавая руку Петру. Черезъ годъ отъ сегоднишняго дня, на Успеніе, не далѣе полуночи.

— Ура, крикнулъ капитанъ, подавая руку Марку. Если черезъ годъ я не протяну ноги, то буду тоже непремѣнно здѣсь.

IV.

Съ того дня сталъ выбиваться Марко изъ силъ, разыскивая Довбушевъ кладъ. День и ночъ видали его съ заступомъ, буравомъ или свердломъ то подъ Сокольскимъ, то у камня съ надписями, то на Чорногорьи, обливающагося кровавымъ потомъ. Не разъ уже готовъ онъ былъ отчаяться въ своей работѣ, не разъ не хватало у него ужъ и силы на этотъ тяжкій трудъ, но Лилія, которую любовь превратила изъ робкой въ смѣлую, рѣшительную дѣвушку, все ободряла его, все убѣждала надѣяться. Да что съ того?—Довбушевого клада нѣтъ, какъ нѣтъ, а тутъ завтра ужъ и Успеніе.

Пока наступитъ полночь, надо или положить Петру на столъ три тысячи червонцевъ или на вѣкъ проститься съ милой и съ родными горами.

Цѣлый день Божій копаетъ Марко и кровавый потъ, а порою и слезы застилаютъ ему очи, а тутъ наступаетъ ночь такая холодная, сырая и угрюмая, какія рѣдко бываютъ даже и въ горахъ. Но Марко не смотритъ на то, копаетъ себѣ и копаетъ, когда видитъ, вдругъ блысь! сверкнулъ какой то огонекъ и къ нему подходитъ кто-то одѣтый служанкою, въ бѣлой юпкѣ.

— Лилія, Лилія, зачѣмъ ты здѣсь? Вѣдь ты иззябнешь! крикнулъ Марко, узнавши свою милую, вооруженную большимъ фонаремъ и дрожащую отъ холода.

— Дальше, дальше! копай, Марко, о копай, здѣсь онъ, тотъ Довбушевъ кладъ, такъ мнѣ открылось сегодня во снѣ и такъ ясно, что я вскочила съ постели, что-бъ бѣжать къ тебѣ. О копай, Марко! Отецъ съ капитаномъ ожидаютъ тебя. Я бы помогала тебѣ, но не въ силахъ. Стужа такъ пробрала меня, что я едва держусь на ногахъ. Копай, Марко! Богородица Пресвятая поможетъ тебѣ; копай!...

Сказавши это, пошла бѣдная дѣвушка домой, неся фонарь. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и, въ горячкѣ, повторяла все: «копай, Марко, копай»!...

И копалъ несчастный Марко, копалъ до потери силъ, да что съ того? Клада все нѣтъ и нѣтъ, а въ селѣ стали уже кричать первые пѣтухи. Тогда Марко кинулъ и заступъ и буравъ и пошелъ въ деревню, что-бъ сдержать данное старому Косовану слово. Едва переводя духъ, блѣдный какъ смерть, явился онъ наконецъ къ Петру и говоритъ: «пришелъ я поблагодарить тебя на прощанье за данный мнѣ срокъ и сказать тебѣ, что Лилія свободна; слова даннаго тебѣ я сдержать не могу. Видитъ Богъ, какъ я трудился... Да что съ того?... Вѣрно такъ онъ судилъ, что-бъ не была Лилія моею!... О, даруй ей, Царь Небесный, хоть счастливую долю!...

— Сынъ мой, говоритъ Петро, заплакавши, я знаю, какъ ты друдился и какъ страдалъ цѣлый годъ. Прости меня за мое упорство. Я только измучилъ имъ тебя и доставилъ тебѣ горе. Но за то отдаю тебѣ все мое имущество и мою Олену, которая стоитъ тебя также, какъ и ты ее. Эй, дивчата! Позовите мнѣ сей часъ сюда мою дочь; пусть пріиметъ, какъ должно, своего жениха и друга.

Да не меня благодари, Марко мой, а дорогого моего брата. Онъ навелъ меня на умъ, а безъ него Богъ знаетъ, до чего бы довели меня собственныя мысли...

Пока Марко кланялся капитану, а капитанъ обнималъ Марка, вбѣжали въ свѣтлицу испуганныя дивчата и объявили, что Лиліи въ домѣ нѣтъ нигдѣ.

— Огня, крикнулъ Марко, дайте огня, факеловъ, ради святого Бога! моя душа чуетъ не доброе. И пока сбѣжались слуги, пока засвѣтили фонари и зажгли факелы, Марко передалъ полумертвому Петру, какъ приходила къ нему Лилія, какъ дрожала отъ стужи и какъ ушла отъ него.

— За мной, крикнулъ капитанъ и всѣ, съ Маркомъ впереди, бросились бѣжать, сколько хватало силы.

Да не далеко пришлось имъ бѣжать; не въ дальнемъ разстояніи отъ Петрова жилья нашли они Лилію, уже мертвую. Какъ сѣла отдохнуть на бѣлый камень, такъ и почила на вѣки. Только фонарь свѣтился еще возлѣ нее.

На третій день хоронили Лилію. Марко пропалъ безъ вѣсти. Видѣли только, какъ плыла внизъ по Черемшу его шляпа. Довбушевы сокровища еще и до сихъ поръ покоятся въ землѣ, а бѣлый камень, на которомъ въ послѣдній разъ отдыхала Петрова дочка, народъ назвалъ могилой Лиліи. Вѣчная ей память!

ЧЕРНИГОВСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ НА НЫНѢШНІЙ ГОДЪ И НОВЫЕ ВЪ НИХЪ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Съ 1886 г. Черниговскія Губернскія Вѣдомости возобновили у себя неофиціальную часть, прекращенную уже болѣе 10 лѣтъ. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ эта часть названнаго изданія наполнялась очень содержательнымъ историко-археологическимъ и бытовымъ матеріаломъ, на цѣнность котораго не разъ указывалось въ разныхъ историко-археологическихъ трудахъ. Но, какъ извѣстно, успѣхъ изданій этого рода чисто случайный: появится въ губерніи новый администраторъ и проникнется любовію, конечно, платони-

ческою къ Губернскимъ Вѣдомостямъ, или случайно попадетъ въ губернскій городъ какой-либо безкорыстный труженикъ и любитель литературы, которому по обстоятельствамъ не къ чему больше приложить свой трудъ и познанія,—тогда Губернскія Вѣдомости оживляются и даже процвѣтаютъ; а не случится этого, ихъ листки по праву идутъ на заворачиваніе сельдей, масла, сальныхъ свѣчей и другихъ предметовъ мелочной торговли. Нѣчто подобное случилось, и, полагать надо, не въ первый уже разъ, и съ Черниговскими Вѣдомостями. Мы не знаемъ обстоятельствъ настоящаго ихъ обновленія; знаемъ только, что на этотъ разъ веденіе возобновленной неофиціальной части находится въ рукахъ учителя мѣстной гимназіи г. Соловскаго и что Черниговскія Губернскія Вѣдомости съ начала нынѣшняго года выходятъ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ. Повидимому, редакція располагаетъ и достаточнымъ числомъ сотрудниковъ; но постоянные-ли они, или случайные, на чемъ основана ихъ связь съ редакціею и насколько она продолжительна и прочна, это остается также неизвѣстнымъ. Насъ впрочемъ интересуетъ самый фактъ улучшенія мѣстнаго изданія, посвященнаго между прочимъ мѣстной исторіи, этнографіи и археологіи, и мы хотимъ настоящею замѣткою обратить на это вниманіе людей занимающихся мѣстною и исторіею сдѣлать нѣкоторыя частнѣйшія для нихъ указанія.

Начнемъ съ общей статьи г. Демкова, помѣщенной въ трехъ первыхъ №№, гдѣ онъ старается уяснить, чѣмъ должны быть Губернскія Вѣдомости вообще и какъ нужно поставить въ частности неофиціальную часть. Для уясненія этихъ вопросовъ авторъ обращается къ извѣстной уже исторіи происхожденія Губернскихъ Вѣдомостей и приходитъ къ совершенно справедливому заключенію, что въ умѣлыхъ рукахъ такое изданіе легко сдѣлать не только полезнымъ пособіемъ для исторіи, этнографіи, статистики и археологіи, но и полной картиной всего совершающагося въ губерніи. Но г. Демковъ не уясняетъ матеріальной стороны изданія Губернскихъ Вѣдомостей, а между тѣмъ отъ такой или иной постановки ея и зависитъ все дѣло. Извѣстно, что въ большей части Губернскихъ Вѣдомостей, если не во всѣхъ почти, авторы не получаютъ гонорара за свои статьи и вся чистая выручка объ обязательной подписки идетъ на усиленіе канцеляріи губернскихъ правленій.

При такомъ условіи редакція должна довольствоваться только безплатными и по тому самому случайными матеріалами и статьями. Въ такомъ-ли положеніи находится и новая редакція неофиціальной части Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, мы не знаемъ; но изъ вышедшихъ доселѣ №№ не видно, чтобы она располагала содержательнымъ и значительнымъ матеріаломъ какъ по части исторіи и археологіи, такъ особенно для изображенія текущей внутренней и внѣшней жизни губерніи, а это указываетъ на случайность какъ сотрудниковъ изданія, такъ и помѣщаемыхъ въ немъ матеріаловъ и статей.

Переходя къ обзору содержанія вышедшихъ №№, мы не коснемся ни статей, направленныхъ къ разъясненію вопросовъ мѣстной общественной жизни, ни тѣмъ болѣе статей общаго интереса, какъ: о силѣ слова, нервности, легочной чахоткѣ и т. под., которыя съ одинаковымъ удобствомъ могутъ печататься въ Нью-Іоркѣ, какъ и въ Черниговѣ, но остановимся лишь на отдѣлѣ «Къ исторіи края». Тутъ, кромѣ нѣсколькихъ гетманскихъ универсаловъ изъ архива графа Григорія Александровича Милорадовича, изъ разряда документовъ крѣпостныхъ, или касающихся поземельныхъ споровъ, находимъ заслуживающую особаго вниманія статью извѣстнаго знатока исторіи Малороссіи и въ частности черниговщины, А. М. Лазаревскаго, подъ заглавіемъ: «Историческіе очерки селъ конотопскаго уѣзда. 1. Села Великій и Малый Самборы, 2. Село Дептовка» (№№ 5, 6, 8, 15, 20—21). Не смотря на спеціальность предмета и кропотливость работы, снабженной массою ссылокъ и документальныхъ данныхъ, въ ней не мало свѣдѣній, имѣющихъ общій историческій интересъ и мы ознакомимъ читателей съ ея содержаніемъ, слѣдуя изложенію самаго автора.

Села Великій и Малый Самборы расположены при рѣчкѣ, которая уже въ началѣ XVI в. носила названіе Самбора (Дворц. Разр., т. II, стр. 899), почему и можно-бы думать, что названіе свое они получили отъ рѣчки; но легко могло случиться, что это названіе занесено на лѣвый берегъ Днѣпра или выходцами изъ древняго галицкаго Самбора, славившагося своими солеварнями (Starozytna Polska, т. II, стр. 635—642), или бѣжавшими сюда въ одно изъ татарскихъ нашествій съ праваго берега Днѣпра, съ древняго также города Самбора, на мѣстѣ котораго находится теперь с. Лѣсовичи кіевской губерніи, таращанскаго уѣзда (Кіев.

Губ. Вѣд., 1846 г., № 27, стр. 250. Похилевичъ, Сказ. о насел. мѣстн. кіев. губ., стр. 424). Въ началѣ XVII в. одинъ изъ конотопскихъ Самборовъ упоминается въ перечнѣ имѣній князя Іереміи Вишневецкаго, и по предположенію г. Лазаревскаго это былъ называемый теперь Малымъ. Во второй половинѣ XVII в., въ періодъ чигиринскихъ войнъ, «за переходами военными великороссійскихъ людей подъ Чигиринъ», это село, лежавшее «на трактѣ великомъ», опустѣло, какъ гласитъ мѣстное преданіе, записанное въ 1721 г. со словъ малосамборскихъ «старинцевъ». Въ періодъ чигиринскихъ войнъ и запустѣнія Малаго Самбора, по мнѣнію г. Лазаревскаго, поселенъ былъ и другой Самборъ, называющійся теперь Великимъ, который вслѣдствіе ухода жителей изъ Стараго Самбора, сталъ многолюднѣе послѣдняго и потому былъ названъ *великимъ*.

При Мазепѣ оба Самбора, равно и с. Корибутовъ, взяты были «на булаву», т. е. на содержаніе гетмана, и изъ нихъ образовано отдѣльное самборское староство, причисленное къ батуринской волости. По смерти Скоропадскаго, это староство вмѣстѣ съ батуринскою волостью находилось въ распоряженіи малороссійской коллегіи до половины 1726 г., когда батуринская волость отдана была во владѣніе Меньшикова (Арх. прав. сената, Баранова, т. II, № 1789). При немъ, услужливостью устроителя волости Андрея Гудовича и злоупотребленіями поставленнаго имъ старостою Семена Калницкаго, въ первый разъ наложена была рука и на самборскихъ козаковъ, которые сами стали называть себя «належными до дворца», т. е. ставшими въ положеніе близкое къ посполъству. Въ концѣ 1727 г. батуринская волость, послѣ паденія Меньшикова, взята была въ казну; но отъ этого положеніе козаковъ не измѣнилось, а скорѣе ухудшилось. Самборскіе старосты находили себѣ сильную поддержку у членовъ министерскаго правленія малороссійскихъ дѣлъ, для которыхъ удѣляли не малую часть продуктовъ самборскаго хозяйства, конечно не забывая при этомъ и себя». Злоупотребленія старосты Калницкаго и управителя Тарицына довели упадокъ хозяйства въ батуринской волости до крайней степени. Въ 1739 г. «министерское правленіе» вынуждено было перемѣнить въ ней администрацію. Управляющимъ назначенъ былъ генералъ-майоръ Юрій *Вейсбахъ*, который прежде всего постарался привести

въ извѣстность экономическое положеніе волости. Показанія великосамборскихъ жителей, опрошенныхъ Вейсбахомъ, выяснили наглядно причины упадка. Вотъ что между прочимъ они говорили:... «казенныя пашенныя поля мало и поздно засѣены отъ того, что уже четвертый годъ, описныя дворцовыя поля на батуринскаго управителя Тарицына и на старосту Пучковскаго, пахали казенными волами, и сѣяли и молотили напередъ, а напослѣ казенныя ко двору, и всегда какъ рожь, такъ и яровой засѣвали на лучшихъ земляхъ на управителя и на старосту, а на худыхъ—ко дворцу. Казенный немолотенный хлѣбъ въ скирдахъ погнилъ и хотя они подданные и спрашивали, чтобъ тотъ казенный хлѣбъ отдали имъ молотить изъ мѣрки, только молотить не дали... А дворецъ государевъ опалъ строеніемъ за неподчинкою, а найбольше казенное гумно все обветшало и кругомъ его ничего не огорожено за тѣмъ, что они, подданные, работаютъ на управителя, старосту и войта; и отъ тѣхъ тягостей многіе порозошлись и дворы ихъ опустѣли, а найпаче отъ того, что многіе отъ мірскихъ повинностей старостою уволены, а въ ревизіи стоятъ». Такимъ же образомъ уменьшено было и заведенное здѣсь овцеводство. Изъ показанія старосты Максима Пучковскаго видно, что онъ отсылалъ овецъ и барановъ, собирая съ подданныхъ, «въ Глуховъ къ министрамъ, по ихъ требованію, князю Алексѣю Ивановичу Шаховскому и князю Ивану Федоровичу Барятинскому; да отсылалъ ягнятъ въ Кіевъ къ генеральшѣ Александра Ивановича Румянцова». Казенныхъ овецъ разбирали въ маетности графа фонъ-Миниха и генерала А. И. Румянцева значительными партіями. На самборскихъ степяхъ выпасывались лошади и рогатый скотъ кн. Барятинскаго и Румянцева. Хищеніе казеннаго имущества производилось старостами посредствомъ фиктивной купли.

Вейсбахъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія хозяйства въ самборскомъ старосвтѣ, съ помощью новыхъ надсмотрщиковъ, въ 1740 г. составилъ подробную опись обоихъ Самборовъ, какъ относительно земельныхъ угодій, такъ и состава подданныхъ и денежныхъ и натуральныхъ сборовъ съ нихъ, а равно и земельныхъ угодій и инаго имущества, принадлежащаго къ великосамборскому казенному дворцу. Этотъ важный документъ приведенъ г. Лазаревскимъ цѣликомъ. Опуская въ высшей степени любопытныя данныя этой описи, замѣ-

тимъ только, что козаки въ ней уже прямо называются *подданными*, наравнѣ съ крестьянами, и тѣмъ не менѣе не видно никакихъ современныхъ протестовъ съ ихъ стороны по этому поводу, потому, быть можетъ, какъ думаетъ г. Лазаревскій, «что формы первоначальнаго ихъ подданства» были на столько мягки, что они даже предпочитали это новое для нихъ положеніе прежнему, требовавшему отъ козаковъ нелегкой по тогдашнимъ порядкамъ воинской службы. Впослѣдствіи самборскіе козаки и стали было заявлять свои протесты противъ обращенія ихъ въ крестьянство, но было уже поздно». Эти попытки дѣлались во время управленія края Румянцевымъ и повидимому онъ относился къ нимъ сочувственно; но дальнѣйшаго слѣдствія онѣ не имѣли. До 1853 г. бывшіе самборскіе козаки были крѣпостными крестьянами Разумовскихъ (съ 1750 г., когда батуринская волость была отдана въ числѣ прочихъ имѣній гетману Разумовскому), а съ этого года, когда батуринская волость взята была въ казну за долги князя Андрея Разумовскаго, самборцы сдѣлались государственными крестьянами.

Изъ исторіи самборскаго староства во время управленія Вейсбаха можно отмѣтить еще тотъ фактъ, что имъ былъ устроенъ здѣсь казенный конскій заводъ, для ремонта гвардейской кавалеріи, именно исключительно лейбъ-гвардіи коннаго полка, по назначенію государственной военной коллегіи. Управляющимъ заводомъ назначенъ былъ поручикъ *фонъ-Лоссоегъ*, который съумѣлъ хорошо поставить заводъ и въ короткое время довелъ его до 1000 головъ. Въ виду того, что для такого количества лошадей было недостаточно степей староства, Вейсбахъ сталъ присоединять къ этому староству земли сосѣднихъ селъ, въ которыхъ крестьянство оставалось еще свободнымъ отъ частнаго владѣнія. Такимъ образомъ были присоединены къ староству села: Дептовка, Галенка, Дмитровка, Рябуха и др. Съ передачей батуринской вости Разумовскому казенный конскій заводъ прекратилъ свое существованіе.

О с. Деитовкѣ г. Лазаревскій высказываетъ то весьма правдоподобное предположеніе, что поселеніе его можетъ быть отнесено къ половинѣ XVII в., такъ какъ нѣтъ названія этого села въ перечнѣ имѣній князя I. Вишневецкаго, и что по своей близости къ Самбору она никому другому не могла принадлежать, еслибы суще-

ствовало въ то время. Время поселенія его «захожими» людьми съ праваго берега Днѣпра онъ относитъ ко времени войнъ Хмѣльницкаго. На существованіе этого села въ концѣ XVII в. есть документальныя данныя, указывающія и на то, что въ то время оно было значительнымъ поселеніемъ: имѣло своего ктитора, атамана и войта, а это значитъ, что здѣсь была уже церковь и населеніе настолько значительное, что у козаковъ былъ свой атаманъ, а у посполитыхъ крестьянъ свой войтъ. Во время Вейсбаха Дептовка была присоединена къ самборскому староству и потомъ раздѣляла съ нимъ свою судьбу.

Кромѣ капитальной статьи г. Лазаревскаго, въ отдѣлѣ «Къ исторіи края» не лишены интереса два документа, относящіеся ко времени проѣзда сперва имп. Екатерины II и потомъ великаго князя Павла Петровича чрезъ черниговскую губернію въ Кіевъ (№ 17). Это два оповѣщенія черниговскому уѣздному дворянству отъ его предводителя о томъ, «въ какомъ убранствѣ прилично дворянину сопровождать высокихъ путешественниковъ и какъ себя держать при этомъ». Первый документъ отъ 17 декабря 1786 г., подписанный предводителемъ Иваномъ Дунинъ-Борковскимъ, гласитъ, что по распоряженію губернскаго предводителя А. А. Полетики, собраніемъ дворянъ черниговскаго уѣзда избрано 20 человѣкъ, «господъ дворянъ молодыхъ и видныхъ, для встрѣчи ея величества и для сопровожденія отъ станціи до станціи. Для того же, чтобы «не могло воспослѣдовать разнообразія, сообразуясь приличію», предводитель въ увѣдомленіи наставлялъ избранныхъ дворянъ, «что къ верховой лошади прилично итѣть уборъ краснаго сукна, чепракъ обложенный серебреннымъ галуномъ, а по краямъ вокругъ обшитой черною съ серебромъ бахрамою», при чемъ дворяне должны быть въ губернскомъ мундирѣ. «Для учиненія осмотра и приведенія въ найлучшую исправность, равно и для устроенія порядка, какимъ образомъ во время шествія ея величества поступать», на 3 января 1787 г. назначенъ былъ смотръ дворянъ въ с. Бѣлоусѣ у предводителя. Второй подобный же документъ подписанъ предводителемъ И. Рашевскимъ, отъ 8-го февраля 1788 г., по случаю проѣзда великаго князя Павла Петровича, при чемъ для встрѣчи его высочества предписывалось назначеннымъ дворянамъ въ конвой явиться въ с. Вибли. Оба документа сообщены Н. А. Константиновичемъ изъ его семейныхъ бумагъ.

Изъ числа историко-этнографическихъ замѣтокъ въ вышедшихъ №№ Черн. Губ. Вѣдомостей заслуживаютъ вниманія два сообщенія изъ Сосницы г. Никанора Сорокопуда: «Замѣтка о предразсудкахъ и суевѣріяхъ малоруссовъ» (№ 14) и «Коляды въ Малороссіи» (№ 2). Въ первой замѣткѣ авторъ обстоятельно излагаетъ предразсудки и суевѣрія малорусскаго населенія сосницкаго уѣзда и связанныя съ ними обычаи, а во второй, послѣ краткаго описанія обстановки, при которой поются рождественскія колядьі, и обычаевъ, соблюдаемыхъ при этомъ пѣніи, авторъ передаетъ два варіанта колядъ, записанныхъ имъ въ Сосницѣ. Одинъ изъ этихъ варіантовъ отдаетъ такою стариною, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ.

Що въ пана хозяина
Святый вечоръ!
Да одинъ сынокъ есть,
Да и той въ війско иде,
Его мати выпроважае
Та такъ сынка научае:
Ой мій сыночку (имя рекъ)
Попередъ війска не выхопляйся,
А позаду не оставайся,
Бо пепередъ війска сичуть, рубають,
А позадъ війска огнемъ палають,
А въ середини війска пьють, да гуляють.
А винъ матери не послухавъ,
Да загравъ конемъ передъ королемъ,
Да стрелнувъ лучкомъ передъ козачкомъ.
Якъ дочуется самъ турській король,
Почавъ тоди промовлять:
Коли-бъ мени взнать, чій сынъ воювавъ,
То-бъ я тому свою дочку отдавъ
И ще пивъ-королевства отписавъ!—
Що-бъ же ты, король, сего не дождавъ,
Що-бъ я за себе бусурманку взявъ...
Да бувай здоровъ, молодець (имя рекъ),
Зъ милымъ Богомъ, зо всимъ родомъ,
Зъ Іисусомъ Христомъ, святымъ Рождествомъ.

Въ вышедшихъ №№ Черн. Губ. Вѣдомостей встрѣчаются статьи, которыя могли бы имѣть живой интересъ мѣстный инте

ресъ, если бы не носили на себѣ слѣдовъ простой компиляціи, не дающей ничего новаго. Такова статья: «Елецкій монастырь въ г. Черниговѣ», іеромонаха Иннокентія, печатавшаяся прежде въ малораспространенномъ изданіи «Благовѣсть». Изъ нѣсколькихъ статей о церковно-приходскихъ школахъ, перепечатанныхъ или передѣланныхъ изъ журналовъ и газетъ: Народной Школы, Церковнаго Вѣстника, Московскихъ Вѣдомостей, нѣтъ ни одной, которая хотя-бы только упомянула объ устройствѣ современной церковной школы въ предѣлахъ черниговской губерніи и о дѣятельности духовенства въ этомъ отношеніи; нѣтъ ни малѣйшаго намека и на прошлую судьбу церковно-приходской школы, между тѣмъ церковно-приходская школа въ черниговской губерніи несомнѣнно имѣетъ свою исторію, которая уже значительно и разработана въ трудахъ Сухомлинова, Владимірскаго-Буданова и др.

Во всякомъ случаѣ, какъ видно изъ представленныхъ нами данныхъ, Черниговскія Губ. Вѣдомости въ своей неофиціальной части подъ новою редакціею возвращаются замѣтно къ своему прежнему образцу и даютъ извѣстное количество историко-этнографическаго матеріала, освѣщая въ тоже время и въ извѣстной мѣрѣ картину современной мѣстной жизни и подготовляя матеріалъ для мѣстной исторіи въ будущемъ. Отъ души желаемъ редакціи усиленія въ хорошихъ рабочихъ силахъ и не менѣе въ средствахъ матеріальныхъ, *достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея* и трудиться вотще никому не въ охоту.

L.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ЛАПТЕЙ КОЛОНИЗАТОРАМИ НОВОРОССІИ.

Колонизація Новороссіи или бывшей «Запорожской вольницы», начавшаяся въ исходѣ первой половины прошлаго столѣтія устройствомъ запорожскихъ хуторовъ, поланокъ и зимовниковъ, форпостовъ и ретраншаментовъ русской арміи, изъ которыхъ выросли цѣлые городки и наконецъ поселеніемъ четырехъ кавалерійскихъ полковъ изъ вышедшихъ сюда австрійскихъ сербовъ, усилилась повсемѣстно съ уничтоженіемъ Запорожья въ 1775 г. и безмездною раздачею обширнѣйшихъ его земель, участками отъ 6 и 12, до 100 и 200

тысячъ десятинъ всѣмъ, кто по тогдашнимъ понятіямъ признавался правоспособнымъ владѣть землею и чувствовалъ въ себѣ охоту заселить занятый имъ участокъ людьми, не имѣвшими права владѣть землею, т. е. крестьянскаго званія. При этой раздачѣ огромныя лѣсныя пространства по берегамъ рѣкъ и балокъ, въ томъ числѣ Великій Лугъ, Черный Лѣсъ и Гута, перешли изъ общенароднаго въ частное владѣніе, въ степныхъ же мѣстахъ вновь учрежденной новороссійской провинціи чувствовался и тогда такой же почти недостатокъ лѣса, какъ и теперь. Понятно, что охотниковъ на степныя пространства, являлось мало, да и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были заняты, неумѣнье обходиться безъ древеснаго топлива на первыхъ порахъ служило поводомъ для переманиванія ново-поселенцевъ въ предѣлы Польши, изъ за чего возникли было пограничныя недоразумѣнія и переписка. Большинство разбиравшихъ запорожскія земли, а вмѣстѣ и желавшихъ селиться на нихъ, устремлялись туда, гдѣ были лѣса; но въ числѣ новыхъ колонистовъ, кромѣ вышедшихъ изъ Австріи сербовъ, а изъ Украйны и Польши—малороссовъ, было нѣсколько и великороссовъ, по большей части раскольниковъ. Эти послѣдніе не могли отстать отъ привычной имъ, свойственной лѣсистому сѣверу, обуви—лаптей, и для изготовленія оной сдирали кору съ пригодныхъ для того деревьевъ. Тогдашніе колонизаторы Новороссіи усмотрѣли въ этомъ порчу, грозящую уничтоженіемъ лѣсовъ и воздвигли гоненіе на лапотниковъ.

Въ бумагахъ елисаветградскаго архива, хранящихся въ библіотекѣ кіевскаго университета, намъ попался именно такой документъ. Это циркулярный приказъ правившаго тогда новороссійскою губерніею генералъ-майора Василія Алексѣевича Черткова. Одинъ экземпляръ этого приказа присланъ въ елисаветградскую провинціальную канцелярію, которая за «извѣстіе» сообщала комендантской того же имени канцеляріи, что генералъ-майоромъ Чертковымъ «велено для сбереженія лѣсовъ, которые драньемъ лыкъ найболѣе повреждаются, во всей сей провинціи запретить жителямъ носить лапти, а употреблять, подобно малороссійскимъ, кожаные постолы, а по возможности и сапоги». Въ отвращеніе сего убытка приказывалось тѣхъ, «кто съ деревъ лыки драть станетъ, по поимкѣ штрафовать за каждое ободранное и срубленное дерево по 5 копѣекъ». Какъ великъ былъ вредъ, наносимый лѣсамъ великороссійскими поселенцами Ново-

россіи, судить объ этомъ трудно по неизвѣстности точнаго ихъ числа. Во всякомъ случаѣ число это, судя по уцѣлѣвшимъ доселѣ великорусскимъ слободамъ, было ничтожно и вредъ отъ изготовленія ими лаптей самый незначительный, скорѣе же надо видѣть въ этомъ скаредность кого либо изъ колонизаторовъ, внушившихъ Черткову необходимость подобной мѣры. Впрочемъ приказъ Черткова имѣлъ и другую цѣль: при сей оказіи предписывалось внушать жителямъ, чтобы они старались сѣять и садить лѣса, вспомоществуя другъ другу, «ибо, говорилось въ приказѣ, кто произращеніе лѣса учинитъ, тотъ, въ силѣ плана новороссійской губерніи, не только право имѣть будетъ на всякія нужды употреблять, но и въ вѣчномъ владѣніи останется». Странно только, что это внушеніе дѣлалось тѣмъ, которые, не имѣя собственной земли, физически не могли исполнить благой совѣтъ начальства, такъ какъ подъ именемъ *жителей* очевидно разумѣются здѣсь крестьяне, а не помѣщики—дворяне, для обозначенія которыхъ былъ бы употребленъ другой терминъ. Не безъинтересно наконецъ и то, что упоминаемый приказъ Черткова посланъ былъ заурядъ полковымъ и ротнымъ командирамъ и секундъ-майорамъ гусарско-сербскихъ: чорного, желтаго, молдавскаго и елисаветградскаго полковъ съ приказомъ учинить запрещеніе также сдирать лыки и здѣшнимъ гарнизоннымъ и артиллерійскимъ служителямъ (не носившимъ конечно никогда лаптей) подъ таковымъ же штрафомъ и взысканіемъ по поимкѣ денегъ».

Такова была забота прежнихъ администраторовъ и дѣятелей юга Россіи объ охраненіи и разведеніи лѣсовъ!

ЕЩЕ ОТПИСКА О РОЖДЕНІИ УРОДА.

Въ іюльской книжкѣ «Кіевск. Старины» на этотъ годъ г. Дорошенко опубликовалъ документъ, свидѣтельствующій о томъ, какую тревогу возбудило въ 1719 г. неисполненіе указа Петра I о препровожденіи въ Петербургъ для кунстъ-камеры рождающихся въ государствѣ уродовъ. Указъ былъ изданъ въ 1718 году, и нѣтъ ничего удивительнаго, что на другой годъ по опубликованіи его въ лубенскомъ

полку его помнили хорошо, тѣмъ болѣе, что съ царемъ надо было держать ухо востро. Интересно, что неисполненіе распоряженія Петра Великаго вызывало въ сердцахъ провинціальнаго начальства подобное же тревожное чувство и долго спустя послѣ смерти виновника указа, въ послѣдней четверти столѣтія. Свѣдѣніе объ этомъ мы нашли въ перепискѣ новороссійской провинціальной канцеляріи съ елисаветградскою комендантскою канцеляріею, въ числѣ бумагъ елисаветградскаго архива, хранящихся въ кіевской университетской библіотекѣ. Вотъ какъ было дѣло.

16 іюля 1773 г. священникъ слободы Бешкинскихъ Вершинъ Михаилъ Ѳедотовъ въ домѣ своемъ старостѣ Выродову объявилъ: «оной де слободы жена вдова Настасія Яковлева приходила къ нему священнику для взятья молитвы пороженицы, однодворца Василія Брусенцова жены Христины, коя родила незнаемо какого урода мужескаго полу, у коего голова и глаза большіе, ушей нѣтъ, ротъ вдоль къ носу, на рукахъ и ногахъ когти псовые, черевы и печень сверху брюха». Священникъ не сталъ молитвы давать, а по осмотрѣ приказалъ хоронить. Урода похоронили; тѣмъ бы дѣло и кончилось, но надоумило священника разсказать объ этомъ старостѣ, а тотъ донесъ по начальству. Поднялась тревога; вспомнили объ указѣ блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго 1718 г. февраля 13 дня, а по силѣ этого указа слѣдовало онаго родившагося монстра положить въ спиртъ и конечно препроводить въ Петербургъ въ кунстъ-камеру уродовъ. Какъ же быть, когда монстръ давно въ землѣ? Канцелярія новороссійской губерніи поторопилась послать немедленно «нарочнаго рисовальнаго подмастерья, что-бы онъ, обще съ лѣкаремъ, отрылъ могилу и, осмотря того монстра, по крайней мѣрѣ, когда въ спиртъ положить уже не можно, снялъ съ онаго, для представленія куда надлежитъ, рисунокъ»; но посланный, возвратясь, рапортомъ представилъ, «что хотя онъ ту могилу и откопалъ, но нашелъ его, монстра, черезъ долгое лежаніе въ землѣ, сгнилаго, такъ что и рисунка съ него снять было уже не можно». Виновнымъ оказался священникъ, но провиціальной канцеляріи было отъ того не легче и она поспѣшила донести о томъ правительствующему сенату, а дабы «впредь священники рождающихся иногда таковыхъ монстровъ похоронятъ не осмѣливались, а представляли-бъ о томъ тотъ-часъ,

куда надлежитъ, по командѣ, постановила отнестись о семъ въ духовное екатериненской провинціи правленіе, сообщивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объ упущеніи, сдѣланномъ священникомъ Ѳедотовымъ, для поступленія съ нимъ по указамъ. Какому штрафу подвергся виновный священникъ и какое распоряженіе сдѣлано сенатомъ по поводу упущенія такого любопытнаго монстра, изъ переписки не видно; тѣмъ не менѣе канцелярія новороссійской губерніи елисаветградской канцеляріи предписала, «что-бъ по всѣхъ сей провинціи селеніяхъ, въ случаѣ рожденія монстровъ, поступать по силѣ вышеписаннаго указа».

Сооб. **В. Н. Ястребовъ.**

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О ЗАПОРОЖЦАХЪ И ГАЙДАМАКАХЪ.

Приводимые ниже разсказы о запорожцахъ и гайдамакахъ записаны мною со словъ моей матери, бывшей крестьянки д. Красновершки, елисаветградскаго уѣзда херсонской губерніи, сама-же мать моя передавала ихъ со словъ своей бабушки Денисихи, «попивны», бѣжавшей во время гайдамачины изъ села Кириловки, звенигородскаго уѣзда кіевской губерніи. Денисиха, бѣжавъ сюда, нашла пріютъ въ д. Красноглазовой елисаветградскаго уѣзда и, бѣгая отъ гайдамакъ, тамъ-же вышла замужъ за бывшаго гайдамаку.

Однажды я попросилъ свою мать спѣть мнѣ какую нибудь старую запорожскую пѣсню и она спѣла мнѣ слѣдующую:

Ой въ тысяча симсотъ девятому году
Сбиралося Запорожа,
Та сбиралося наше Запорожа,
Та на чистую воду.
Ой прощай, прощай,
Ты ричко мутная!
Мы пидемо чистую пити,
Та будемо вражого черкеса
По кручахъ, якъ зайця гонити.
Ой чи ты знаешъ, превражій черкесе,
А що цей козакъ значе?
Ой ты стоишъ въ лиси за деревомъ,
А винъ тебе й тамъ баче.
. . . .

Пѣсня очевидно относится къ моменту ухода запорожцевъ на Кубань, но годъ, здѣсь упоминаемый, означенъ не вѣрно и вѣроятно заимствованъ изъ другой пѣсни—о разореніи Запорожья послѣ измѣны Мазепы, по приказу Петра I.

На мои распросы о запорожцахъ мать моя отвѣчала обыкновенно:

— Що запорожци, що гайдамаки, то все однаково, а козаки козаками, якъ отъ бы то москали, тилько одежа и мова инша.

Я полюбопытствовалъ спросить въ частности о гайдамакахъ; но объяснить ихъ происхожденіе она не могла, а сохранила о нихъ представленіе, какое сложилось у ея бабки путемъ личнаго наблюденія и подъ вліяніемъ народныхъ того времени разсказовъ.

— Це таки люди, говорила она, що жили на воли, въ роскоши, весело, никого не боялись, пили, гуляли.

— А зъ чого-жъ вони жили? спросилъ я.

— Обдирали багатихъ панивъ, та ляхивъ, отъ такъ, якъ ото въ писни спивають, що обидрали и вбили Саву; бо ци ляхи, шляхта обдирали биднихъ людей.

И мать моя запѣла хорошо знакомую ей пѣсню о Савѣ.

Ой пидняли пана Саву
На три списы въ гору,
Та вдарили пана Саву
Объ суху дорогу.

Оце-жъ тоби, пане Саво,
Чужіи пивмитки,
Що на тебе пряли жинки
И маліи дитки!

Полагая, что Запорожье, о которомъ мать моя пѣла часто, извѣстно ей болѣе, я повторялъ распрашивать ее о Сѣчи и сѣчевикахъ. На это мать моя дала мнѣ однажды слѣдующій, болѣе обстоятельный разсказъ, хотя также сливала въ своемъ представленіи запорожцевъ и гайдамакъ.

— Та такъ: кому надопекла панщина, та жинка, та диты, то вони втикали туды на Сичъ, жили соби на воли, пили та гуляли. Баба Денисиха росказуе було, що въ цихъ мисцяхъ було саме кишло (захожихъ, конечно) запорожцивъ; въ казеннимъ саду (садъ въ окрестностяхъ Елисаветграда), та въ саду Мануеля (тамъ-же рядомъ) були ихъ погрибы зъ добромъ; та коло Смолянои балки (12 верстъ отъ Елисаветграда къ сѣверо-востоку), въ лощини, були землянки запорожцивъ; та щей на Бутивци, по-надъ Ингуломъ, коло Кущивки (предмѣстье Елисаветграда) були ихъ потайни землянки. Тамъ десь выоравъ Хабеда (крестьянинъ) гайдамацьке добро. Баба Денисиха ще росказувала, що якъ у Красноглазовій було ще хатокъ съ пять, то дивчата ходили въ казенный садъ зъ глечиками за половницями; то це було выходять зъ кущивъ запорожци, та

таки убрани, та розодити въ жупаны, та й кличуть дивчатъ: «дивчата, дивчата, идить возьмить добре намисто!» и показують здорови пучки намиста; то котри смиливиши, пидійдуть и визьмуть, було. Жупаны у ихъ були сыни, та такого доброго сукна, що николи и не полиняе; отворы на рукавахъ (закавраши звали ихъ прежде) червони, червоный и поясъ, а штаны сыни китайчати на очкури. Отъ и у батька бувъ такій жупанъ: синетемный, а закарваши зелени, застебувався ажъ до верху на гаплики, тоненькій комирчикъ въ два пальци и на комирчику два крючечки и дви бабки, а дали ридше, такъ ажъ до пояса, та такъ щилненько пошито, що й не видко тихъ крючечкивъ. Якъ у кого, то поясъ бувъ зеленый, або якій другій, тильки батько носили разъ у разъ червоный и такъ имъ въ ёму гарно було; звали вони свій жупанъ каптанкомъ; рукава були узьки и на кинци застёбувались крючечками при самій руци. Та й дидъ такъ само одягались и гарно росказували; якъ почнуть було росказувать про Запорожа, та про Сичъ, то й заплачуть.

И мать моя вдохновилась, воспоминая объ отцѣ и дѣдѣ, и запѣла дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

Ой жила вдова
Та й Аврамиха,
Та й одного сына мала;
Ой вона-жъ ёго у далекій край
У дорогу не пускала:
Ой не йдь, не йдь,
Ты-жъ мій сыночку,
У далекую дорогу,
Переднюй-же, ты-жъ мій сыночку,
Цей день середу зо мною!»
—Ой якъ мени, та моя мати,
Цей день середу днювати.
Уси козаченьки у Таганрози,
Авраменка тамъ не мае!
Ой за горою, та за крутою
Тамъ дви квиточки вьеця,
Ой у городи, у Таганрози
Тамъ Авраменко бьеця.
Ой винъ бьеця, та бьеця,
Ой оглянеця та позадъ себе,
Ажъ кривава ричка льеця.
Ой за горою, та за крутою
Дви квиточки звито,
Ой у городи, у Таганрози
Тамъ Авраменка вбито.

Я не преминулъ спросить, съ кѣмъ бился этотъ Авраменко, о которомъ она съ такимъ чувствомъ пѣла.

— Та все-жъ зъ тими погаными ляхами (вм. татаръ); винъ бувъ закоринный запорожець, а мати ёго не пускала битьця, бо винъ бувъ ще молодый.

Гр. Журинъ.

КАКЪ НАЧАЛОСЬ ЗНАКОМСТВО ВЕЛИКОРУССОВЪ СЪ ПѢСНЯМИ МАЛОРОССІЙСКИМИ.

Первые малороссіяне, переселившіеся въ Москву при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, въ качествѣ справщиковъ богослужебныхъ книгъ, не могли конечно вселить въ томъ обществѣ, въ которомъ имъ жить пришлось, любви ни вообще къ малорусскимъ особенностямъ жизни, ни въ частности къ малорусскимъ пѣснямъ, которыя безъ сомнѣнія они знали и быть можетъ пѣли про себя, вспоминая далекую родину. Положеніе ихъ было не видное и даже исключительное; они могли только возбудить ненависть къ себѣ прежнихъ заправителей печатнаго дѣла и ихъ многочисленныхъ сторонниковъ при дворѣ и въ обществѣ.

Съ началомъ присоединенія Малороссіи къ государству московскому пріѣздъ знатныхъ малороссіянъ въ Москву учащался съ каждымъ годомъ. Самъ старый гетманъ не ѣздилъ на поклонъ къ царю, но посольства отправлялъ частыя и не рѣдко въ численномъ составѣ. Сношенія съ Москвою при его пріемникахъ усилились въ такой степени, что чиновные козацкіе послы съ многочисленною свитою живали подолгу въ Москвѣ, а нѣкоторые изъ нихъ вступали въ бракъ съ дочерьми московскихъ бояръ. Совмѣстные походы противъ поляковъ, татаръ и турокъ, постоянное почти пребываніе московской рати въ Украйнахъ обѣихъ половинъ Днѣпра, наконецъ назначеніе въ Малороссію московскихъ воеводъ и другихъ служилыхъ людей, устанавливали все большее и большее сближеніе и знакомство великороссіянъ съ малороссіянами, не смотря на происходившее между ними не рѣдко политическое несогласіе. Оригинальныя лица посѣщавшихъ Москву козаковъ, ихъ одежда и вооруженіе, рѣчь, нравы и привычки—все это привлекало вниманіе москвичей и москвитянокъ. Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича все малороссійское было въ большой модѣ и почетѣ на Москвѣ. «Сей благочестивый царь, читаемъ въ одной неизданной черниговской лѣтописи, такъ возлюбилъ малороссійскій народъ, что казалъ *напѣлы* малороссійскіе вездѣ по церквамъ на Москвѣ заводити, одежду малороссійскую боярамъ носити» и проч. Если были въ ходу *напѣлы* церковные и выполняли ихъ вызывае-

мые изъ Малороссіи пѣвцы, то не могли не войти въ обычай напѣвы и пѣсни мірскія. При взаимномъ жизненномъ сближеніи, въ минуты оживленія собесѣдниковъ и неизбѣжнаго въ ту пору бражничества, пѣсня выступаетъ на сцену сама собою, дѣйствуетъ неотразимо и перенимается скоро и легко. Петръ В., во время своихъ путешествій и походовъ, часто и подолгу бывавшій въ Малороссіи, ознакомился съ малорусскимъ языкомъ и любилъ вставить въ свою рѣчь малорусское словцо. Въ царствованіе Елисаветы Петровны положеніе малороссіянъ въ Петербургѣ получило особое значеніе вслѣдствіе особой близости ея къ графу Алексѣю Разумовскому. Какъ природный козакъ и потомъ пѣвчій, онъ не только зналъ и любилъ, но и мастерски пѣлъ малорусскія пѣсни. Сама императрица любила пѣніе и музыку вообще, въ частности малорусскія. При дворѣ ея былъ особый малороссійскій пѣвецъ, слѣпецъ Любистковъ, и особый бандуристъ; всѣ почти пѣвчіе были изъ малороссіянъ, масса прислуги, гайдуковъ и козаковъ также. Но малорусскія пѣсни распространялись и другими путями. Никогда Петербургъ не былъ такъ наполненъ малороссіянами, какъ въ это время: они толпились въ свитѣ обоихъ братьевъ Разумовскихъ, занимали нѣкоторыя придворныя должности, служили въ духовныхъ, гражданскихъ и военныхъ канцеляріяхъ, пріѣзжали и на время, но въ большомъ числѣ, по дѣламъ тяжебнымъ, для испрошенія маетностей и просто искать счастья. Высшія духовныя мѣста заняты были исключительно малороссіянами; малороссіянинъ былъ и самъ царскій духовникъ, протопопъ Дубянскій. А у архіереевъ, здѣсь жившихъ и сюда пріѣзжавшихъ, кромѣ свиты, были хоры пѣвчихъ, которые при гостяхъ своихъ патроновъ, наравнѣ съ духовными кантами, распѣвали и пѣсни малороссійскія.

Къ этому-то именно времени, къ половинѣ XVIII в. вообще и относятъ обыкновенно знакомство великорусскаго общества съ малорусскими пѣснями, и такое мнѣніе повторено недавно А. Н. Пыпинымъ въ его статьѣ «Очерки малорусской этнографіи» [1]). Мы думаемъ однако на основаніи сказаннаго выше, что не только простое житейское знакомство съ малорусскими пѣснями,

---

[1]) Вѣстн. Европы на 1885 г., № 8, стр. 754.

но даже записываніе ихъ на сѣверѣ Россіи, въ ея по крайней мѣрѣ столицахъ, идетъ гораздо дальше. Нельзя не остановиться въ данномъ вопросѣ на томъ случайномъ фактѣ, что при обыскѣ у соучастника извѣстнаго В. Монса, Егора Столѣтова, найдены были малороссійскія пѣсни, имъ собираемыя [1]). Не могъ же Столѣтовъ быть въ семъ случаѣ человѣкомъ исключительнымъ. Словомъ: намъ кажется, что знакомство великоруссовъ съ малорусскими пѣснями не безъ основанія можно отодвинуть къ началу XVIII ст. и если вспомнить долгое пребываніе на сѣверѣ Россіи такихъ популярныхъ южнорусскихъ святителей, ученыхъ и вообще дѣятелей, какъ мѣстоблюститель патріаршаго престоля, митрополитъ Стефанъ Яворскій, св. Димитрій Ростовскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и пр., въ произведеніяхъ которыхъ сквозитъ сильная примѣсь малорусской рѣчи, то такое мнѣніе наше не можетъ показаться ни очень смѣлымъ, ни маловѣроятнымъ.

А. М.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ВЪ БАССЕЙНѢ СУЛЫ.

Громадное число кургановъ, разсѣянныхъ на площади южнорусскаго края, представляетъ обширный научный матеріалъ, пока еще изслѣдованный въ незначительной степени. Изъ областей, прилегающихъ къ среднему теченію Днѣпра, болѣе другихъ изслѣдована въ археологическомъ отношеніи кіевская губернія. Еще въ пятомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія раскопки Иванишева и изслѣдованія Фундуклея и Грабовскаго привели въ извѣстность нѣкоторую долю историческаго матеріала, заключающагося въ нѣдрахъ кіевскихъ кургановъ; затѣмъ нѣсколько группъ могильныхъ было раскопано гг. Волошинскимъ, Немиричемъ, Самоквасовымъ, Руликовскимъ, Поповскимъ и другими, въ послѣднее-же время весьма важныя раскопки произведены въ бассейнѣ Роси графомъ А. А. Бобринскимъ. Тѣмъ не менѣе количество научно изслѣдованныхъ кургановъ въ кіевщинѣ составляетъ незначительную долю и сравни-

---

[1]) Семевскій. Разсказы изъ русской исторіи, вып. VIII, стр. 165.

тельно съ количествомъ тѣхъ кургановъ, которые приведены въ извѣстность иа площади этой губерніи, оно не превышаетъ правдоподобно 1/200 доли ихъ. Гораздо еще скуднѣе числомъ изслѣдованія, произведенныя понынѣ въ полтавской губерніи. До недавняго времени, кромѣ нѣсколькихъ, понынѣ не опубликованныхъ, раскопокъ, намъ не случалось встрѣчать научныхъ свѣдѣній о содержаніи кургановъ полтавщины, между тѣмъ по количеству курганныхъ насыпей полтавская губернія превосходитъ вѣроятно всѣ другія губерніи, лежащія на среднемъ теченіи Днѣпра.

Въ послѣднее время, благодаря болѣе просвѣщенному отношенію русской интелигентной публики къ памятникамъ отечественной древности, систематическая раскопка кургановъ съ цѣлью ихъ научнаго изслѣдованія начата въ сѣверо-восточномъ углу полтавской губерніи и понынѣ дала богатый научный матеріалъ. Одинъ изъ землевладѣльцевъ роменскаго уѣзда, Сергѣй Аркадіевичъ Мазараки, въ теченіи двухъ лѣтъ посвятилъ много труда и средствъ для того, чтобы привести въ извѣстность богатый научный матеріалъ, скрывающійся въ группахъ кургановъ, расположенныхъ вдоль по теченію Сулы. Мѣстность, на которой производитъ изслѣдованія г. Мазараки, отъ г. Роменъ вверхъ и внизъ по Сулѣ, изобилуетъ могильными насыпями, сооруженными въ теченіе различныхъ періодовъ доисторической эпохи; здѣсь встрѣчаются курганы и каменнаго вѣка (на устьи рѣки Олавы въ Сулу) и позднѣйшіе славянскіе курганы до-христіанскаго времени, изобилующія серебрянными и бронзовыми украшеніями (у с. Липоваго) и особенно многочисленны такъ называемые скиѳскіе курганы, которыхъ 4 различные варіанта констатированы раскопками г. Мазараки (у селъ: Аксютинецъ, Поповки, Ярмолинецъ и Чеберяковъ). Послѣдняя группа (у Чебераковъ) интересна тѣмъ, что представляетъ типъ двухэтажныхъ кургановъ; въ верхней части ихъ погребены покойники позднѣйшіе, сожженные на кострахъ и способомъ погребенія напоминающіе сѣверянскіе курганы, изслѣдованные г. Самоквасовымъ, въ нижней-же части находятся болѣе древнія скиѳскія могилы.

Принимая участіе въ теченіи 2-хъ недѣль въ раскопкахъ г. Мазараки, мы имѣли возможность разсмотрѣть одинъ изъ похоронныхъ скиѳскихъ типовъ, констатированныхъ имъ (у с. Поповки). Могилы въ этихъ курганахъ сооружены ниже линіи горизонта; въ подпочвѣ

(желтой глинѣ) высѣчены были обширныя камеры, обложенныя дубовыми брусьями; кости покойниковъ сохранились весьма плохо; они по большей части разрознены и разбросаны по дну камеры; ни разу намъ не удалось видѣть полнаго скелета и не представилось возможности опредѣлить точно его положеніе; за то бытовыхъ предметовъ мы встрѣтили значительное количество: оружіе (копья и клинки) сдѣлано изъ желѣза, стрѣлы-же бронзовыя и въ одномъ случаѣ онѣ встрѣтились въ колчанѣ, съ ясными остатками деревянныхъ частей; затѣмъ въ значительномъ количествѣ встрѣчались особой формы желѣзныя удила, сопровождавшіяся богатымъ наборомъ бронзовыхъ украшеній конской збруи. Въ юго-восточной сторонѣ кургановъ встрѣчались постоянно въ значительномъ количествѣ бусы изъ корала и стекловидныхъ и глинистыхъ композицій, почти тождественныя съ бусами, находимыми въ могилахъ сѣверныхъ склоновъ Кавказа; совмѣстно съ бусами, иногда въ плоскодонныхъ сосудахъ, лежали куски сѣры и красной или оранжевой краски (аурипигмента и реальгара), а также низки раковины (cyprea moneta), служившей нѣкогда монетою на всемъ континентѣ Европы, за 3,000 лѣтъ назадъ. У сѣверной стѣны камеры мы встрѣчали постоянно кучку звѣриныхъ костей (дикой козы, овцы), представлявшихъ вѣроятно остатки тризны; кости были разрознены, не представляли полныхъ скелетовъ и принадлежали нѣсколькимъ экземплярамъ животныхъ. Наконецъ въ сѣверо-восточномъ углу камеръ встрѣчались высѣченныя въ ихъ стѣнахъ ниши, въ которыхъ стояли глиняные сосуды, достигавшіе громадныхъ размѣровъ (4—5 ведеръ вмѣстимости).

Раскопки г. Мазараки производятся весьма тщательно, принимаются всевозможныя мѣры для сохраненія въ цѣлости предметовъ, для реставраціи сосудовъ и другихъ вещей, пострадавшихъ отъ сырости и раздавленныхъ тяжестію насыпи; при производствѣ раскопокъ составляются весьма точные дневники, въ которыхъ тщательно опредѣлены размѣры и глубина камеръ и отмѣчены на планахъ очень точно мѣста нахожденія встрѣчающихся предметовъ; словомъ соблюдены до мелочи всѣ условія правильной научной раскопки. Мы не сомнѣваемся потому, что обнародованіе дневниковъ и выводовъ г. Мазараки, равно какъ и обозрѣніе составленныхъ имъ коллекцій составятъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ въ науку

русской археологіи и не можемъ не порадоваться, что труды почтеннаго изслѣдователя происходятъ въ такой именно мѣстности нашего края, которая понынѣ была совершенно невѣдома въ области первобытной археологіи.

В. А.

ИЗЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСКУРСІИ ВЪ Г. ВЛАДИМІРЪ-ВОЛЫНСКІЙ.

Въ апрѣльской книжкѣ «Кіевской Старины» за настоящій годъ помѣщена была замѣтка г. Е. Д. о существующихъ въ Владимірѣ-Волынскомъ развалинахъ построеннаго здѣсь въ XII ст. подъ конецъ жизни владимірскимъ, а прежде великимъ кіевскимъ княземъ Мстиславомъ Изяславичемъ соборнаго храма во имя Успенія Божія Матери, бывшаго нѣсколько столѣтій каѳедрою владиміро-волынскихъ, до XVII ст. православныхъ, а потомъ уніатскихъ епископовъ. Въ этой замѣткѣ въ общихъ чертахъ представлена судьба этого храма и настоящее его положеніе, а въ концѣ заявлено объ учрежденіи на мѣстѣ особой коммисіи для выработки плана возобновленія этого храма въ его древнемъ византійскомъ стилѣ и собранія данныхъ для его исторіи въ письменныхъ памятникахъ, а также путемъ археологическаго раскрытія и изслѣдованія его остатковъ.

Одновременно съ помѣщеніемъ этой замѣтки почтенный предсѣдатель названной коммисіи, Е. Н. Дверницкій лично прибылъ въ Кіевъ съ цѣлію приглашенія мѣстныхъ ученыхъ для научнаго изслѣдованія развалинъ Мстиславова храма и плодомъ его усилій было то, что около 20 чиселъ минувшаго іюня, по особому приглашенію волынскаго преосвященнаго и губернатора, въ Владиміръ-Волынскій съ означенною цѣлію отправились изъ Кіева профессоръ В. Б. Антоновичъ, профессоръ А. В. Праховъ и секретарь кіевской археографической коммисіи О. И. Левицкій. При участіи означенныхъ лицъ и членовъ мѣстной коммисіи развалины храма, по очисткѣ ихъ отъ загромождавшаго въ громадномъ количествѣ мусора и всякой нечисти, изслѣдованы въ главныхъ частяхъ и благодаря личнымъ объясненіямъ главныхъ дѣятелей въ этомъ изслѣдованіи, А. В. Прахова и В. Б. Антоновича, мы имѣемъ возможность со-

общить теперь о главнѣйшихъ результатахъ предпринятой ими археологической экскурсіи.

Мстиславовъ Успенскій храмъ есть величественный и грандіозный памятникъ архитектуры XII в. Въ ширину онъ равняется кіево-софійскому собору, за исключеніемъ пристроекъ, а по длинѣ даже превосходитъ его. Строго византійскій стиль храма лишь мѣстами искаженъ позднѣйшими поправками уніатовъ, старавшихся сколько нибудь приблизить его къ храмамъ католическимъ. Крыша и купола храма давно обрушились, но стѣны его цѣлы и крѣпки, за исключеніемъ незначительныхъ поврежденій, и есть полная возможность возобновить храмъ въ прежнемъ его видѣ.

По очисткѣ мусора, высокимъ, въ нѣсколько аршинъ, слоемъ лежавшаго внутри, прежде всего усмотрѣны въ предъалтарной и сѣверной части храма остатки кафельно-мозаичнаго разноцвѣтнаго пола, свидѣтельствующаго о высокомъ вкусѣ строителей храма. Вся подпольная внутренность храма изслѣдована за тѣмъ посредствомъ восьми пробныхъ ямъ, при чемъ оказалось, что вся она буквально усѣяна гробницами умершихъ различнаго пола, званія и состоянія, въ такой степени, что мѣстами гроба стоятъ одинъ на другомъ. Въ оконечностяхъ сѣверной и южной стѣнъ открыто 6-ть великокняжескихъ гробницъ, въ олтарѣ двѣ гробницы епископскія, одна прямо отъ горняго мѣста, другая правѣе ея. Южная часть олтаря вся сплошь занята гробами уніатскихъ епископовъ. Осмотръ огромнаго числа гробницъ, то полусогнившихъ и развалившихся, то хорошо сохранившихся, но съ приподнятыми или сдвинутыми крышками, съ остатками костей, волосъ, одежды, украшеній, производитъ, по словамъ изслѣдователей, тяжелое, но вмѣстѣ величественное, возвышающее духъ впечатлѣніе. Гробницы самыя разнообразныя: каменныя, мраморныя, цинковыя, въ видѣ дубовыхъ долбленныхъ колодъ, въ которыя закладывался гробъ покрытый асфальтомъ, а въ томъ уже деревянный, обитый шелковой матеріей. Всѣ гробницы свидѣтельствуютъ сколько о богатствѣ и знатности похороненныхъ здѣсь лицъ, столько-же и объ усиліи ихъ самихъ или близкихъ имъ сохранить бренные останки на возможно болѣе продолжительное время. По сохранившимся кой-гдѣ надписямъ, по самымъ гробницамъ, по уцѣлѣвшимъ въ нихъ одеждамъ, головнымъ уборамъ, украшеніямъ и другимъ полагавшимся въ гробы вещамъ, можно заключать, что

тутъ погребена вся почти древняя, державная и просто богатая и знатная, волынская Русь. А между множествомъ другихъ гробницъ сохранилась съ надписью гробница Анны Сапѣжиной Сангушковой, воеводины витебской, похороненной здѣсь, какъ можно догадываться, въ концѣ XVI ст. Современные потомки этихъ двухъ родовъ и не подозрѣваютъ, гдѣ покоятся тѣла ихъ православныхъ русскихъ предковъ, и съ спокойною душею причисляютъ себя и свои роды къ польской націи и церкви католической.

Изслѣдованіе остатковъ Мстиславова владиміро-волынскаго храма далеко не окончено и продолжается членами мѣстной коммисіи, по указаніямъ гг. Антоновича и Прахова, послѣдній-же около половины августа снова отправляется туда для дальнѣйшихъ изысканій. Въ совершенную теперь экскурсію А. В. Праховъ составилъ точный планъ изслѣдованнаго храма, съ обозначеніемъ раскопанныхъ мѣстъ, найденныхъ гробницъ и остатковъ мозаичнаго пола, а равно сфотографировалъ фасадъ и профили зданія и нѣкоторыя внутреннія его части. Благодаря обязательнй его любезности, мы имѣли случай разсматривать какъ планъ, такъ и фотографическіе снимки и составить полное понятіе о красотѣ и величіи не пощаженнаго временемъ древнѣйшаго памятника нашего церковнаго зодчества.

На этомъ мы могли-бы и окончить наше сообщеніе, если-бы не случайное, но весьма важное открытіе, совершенное въ эту-же экскурсію тѣмъ-же профессоромъ Праховымъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Мстиславовъ храмъ, о которомъ мы говорили, былъ каѳедрою владимірскихъ епископовъ, но только съ конца XII в., а между тѣмъ архіерейская каѳедра учреждена здѣсь еще самимъ Владиміромъ св. въ 992 г., въ народѣ-же сохранилась доселѣ память о «стародавней катедрѣ», съ указаніемъ и самаго мѣста ея, извѣстнаго еще подъ именемъ Ѳедоровця, или Ѳедоровщины. Это не очень высокій, но обширный въ основаніи бугоръ, въ 2-хъ верстахъ отъ города, покрытый травою, но съ слѣдами мусора и щебня. По справкѣ съ сохранившеюся въ Владимірѣ уніатскою «визитою»[1]) 1695 г. оказалось что еще въ XVII вѣкѣ помнили о существованіи на мѣстѣ упомянутаго бугра «старой катедры» и что на томъ мѣстѣ была деревянная церковь во имя св. Ѳедора, развалившаяся еще въ 1683 г. Изслѣдуя позднѣйшую

[1]) Въ „визитахъ“, по документамъ и словеснымъ показаніямъ, обстоятельно описывались, между прочимъ, состояніе и видъ осмотрѣнной церкви, ея строенія, земли и урочища.

по времени, хотя и XII вѣка, каѳедру епископовъ волынскихъ, нельзя было оставить безъ изслѣдованія «катедры стародавней», мѣсто которой такъ ясно указывалось народнымъ преданіемъ и актомъ XVII вѣка. По снятіи первыхъ слоевъ упомянутаго бугра мусоръ, чѣмъ глубже, становился замѣтнѣе и крупнѣе, а на глубинѣ 2-хъ аршинъ отрыто нѣсколько покойниковъ, что указывало уже на существованіе здѣсь кладбища и вмѣстѣ церкви, такъ какъ умершихъ по селамъ юго-западнаго края даже въ нынѣшнемъ столѣтіи погребали на церковномъ погостѣ, удержавшемъ и доселѣ названіе *цминтаря*—отъ греческаго κοιμητάριον, буквально кладбище. Дальнѣйшія раскопки обнаружили явственные слѣды существованія здѣсь обширнаго (36 арш. длины, 24 арш. ширины) каменнаго храма, именно: остатки толстыхъ стѣнъ древней кладки велико-княжескаго періода изъ кирпича того времени и толстаго слоя цемента съ розовыми крапинками. Доселѣ открыты: сѣверная стѣна, вышиною болѣе сажени, съ жертвенникомъ и боковымъ входомъ, часть западной съ главнымъ входомъ и южный пилонъ царской арки. Снаружи при входахъ найдены остатки кирпичныхъ колоннъ, а внутри храма по стѣнамъ слѣды фресковой живописи; кромѣ того въ грудѣ мусора попадаются куски штукатурки, съ частями буквъ, составлявшихъ надписи, но были ли то буквы и надписи греческія, господствовавшія въ церковной стѣнной живописи X—XII в., или замѣнившія ихъ послѣ XII в. славянскія, по найденнымъ доселѣ обломкамъ опредѣлить еще нельзя. Во всякомъ случаѣ уже теперь есть всѣ данныя, чтобы считать открытый нынѣ храмъ древнѣйшимъ храмомъ въ Владимірѣ-Волынскомъ, сооруженіемъ кого либо изъ первыхъ его князей, если не самаго Владиміра св., «стародавнею», по народному выраженію, «катедрою», первою епископскою каѳедрою временъ Владиміра св. Кто знаетъ, быть можетъ, дальнѣйшія раскопки развалинъ этого храма откроютъ въ подпольной его части гробницы князей и первыхъ епископовъ владимірскихъ и обогатятъ науку новыми данными археологическаго и историческаго характера. Профессоръ Праховъ, возвратясь въ Кіевъ, сдѣлалъ уже письменное, кому слѣдуетъ, представленіе о сдѣланномъ имъ открытіи и со стороны высшей администрація края приняты надлежащія мѣры для обезпеченія дальнѣйшихъ работъ почтеннаго изыскателя.

Ѳ. Лобода.

СТАРИННЫЙ КАНТЪ.

Часъ до дому часъ!
Поки будешъ тута жити? поки людей колотити?
Часъ до дому часъ! Часъ до дому часъ!

***

Веть ты знаешь, что мы тута;
Да прійдетъ-же та минута,
Что насъ позовуть! Что насъ позовуть!

***

Еще й тамъ отнять исхочешъ,
Еще кого поклопочешъ!
Не будеть того! Не будеть того!

***

Ахъ охотно, что взялъ, тое
Воротилъ-бы большъ, якъ втрое!
Да тамъ не беруть! да тамъ не беруть!

***

Ты думаешъ, что минется,
Не! сколько воплей тамъ пошлется:
Нельзя тому быть! Нельзя тому быть!

***

Вспомнимъ время и годину,
Что здѣлали за причину,
И будемъ тужить! И будемъ тужить!

***

Но что туга тамъ поможе,
Когда время пройдеть гоже?
Заключится дверь! Заключится дверь!

***

Туть-то треба наблюдати:
Годѣ-жъ бѣдних угнѣтати!
Чтобы въ небо входъ достати,
Кинешься на те,—воротити все!

Сообщ. **С. Н. И.**

где приложена цедула и о дуеллѣ, чтобъ объ ономъ обстоятелно мене увѣдомилъ. Писалъ и до сина тожъ за № 14, строфуючи его о его шалостяхъ, и къ нему-жъ включилъ книжку «Зерцало юности».

30. За шматокъ гатласу блакитного и шолку золотникъ дано 35 коп.—Проезжались изъ Гудовичемъ за нѣсколько верстъ отъ города.

31. Писаны писма въ Глуховъ до Іосифа, въ Левенку до швагра Александра Корецкого, а въ Товкачеву до тамошнего старосты Іліи Паленского чрезъ прилуцкого жителя Івана Котлярева, о которомъ отъ обозного енералного и отъ мене писано особливо до генералной старшины, въ енералной канцеляріи присутствующыхъ.

Августъ.

1. Послѣ полдня, около вечерень, іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня прибыли изъ Пітергофа до С. П. Бурха въ лѣтный дворецъ.

2. Около полуночи противъ 3 числа изволила ея імператорское величество со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ прибыть изъ Пітергофа въ свой лѣтный дворецъ до Санктъ-Пітеръ-Бурха при пушечной палбѣ.

4. Послѣ обѣдень были мы всѣ трое въ лѣтномъ государыни дворцѣ. По полдни былъ у мене секретарь Вынклеръ съ женою своею и у насъ былъ еще Ілія Журманъ.

4. Рано были въ дворцѣ и графу поздравляли щастливого возвращенія изъ Пітергофа.—Писано отъ мене писмо къ ассесору Шлидендорфу въ Киль, на его ко мнѣ писмо въ отвѣтъ, по латинѣ, кое сочинялъ Еміхъ.

5. Писма въ Киль, подъ разними выше-означенными числами, до сина, до отца Іова, Івана Політики и до ассесора Шлидендорфа для отправленія ихъ туда, въ Киль, отосланы чрезъ Грицка до секретаря Вынклера, а писма, въ Глуховъ и въ Козелецъ и въ Товкачовку писанные, вручены жителю прилуцкому Івану Котляреву.

6. По милости Божіей удостоился святого причащенія въ обители Невской, по отправленной тамъ же исповѣди предъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ.—Въ лѣтномъ дворцѣ по отправленномъ набоженствѣ трактовани были обѣдомъ гвардіи преображенского полку

штабъ и оберъ офіцери ради праздника Преображенія Господня. Надъ вечери былъ весь дворъ и многіе господа въ комедіалномъ домѣ на комедіи.

7. Куплены Івану Рудому штаны замшевые за 70 коп.

8. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и пѣвчій дворцовый (*пропускъ*), которій у мене же отобралъ полскую книгу Гвагнина.

9. Были на обѣдни въ дворцѣ, потомъ въ салѣ и у графа, да въ дворцѣ-жъ по полудни былъ куртажъ.

10. Рано я и Гудовичь были у графа и имѣли нужные розговоры, и о справѣ своей, где засталъ насъ баронъ Іванъ Антоновичь Черкасовъ и Василій Івановичь Демидовъ. Послѣ полдня были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичь и Ѳедоръ Коченевскій.—За ключикъ до часовъ дано 4 коп.

11. Были всѣ трое въ дворцѣ. Оберъ-комендантъ с. п. бурхскій, генералъ лейтнантъ Стефанъ Лукичь Игнатьевъ, въ сихъ числахъ, именно 7, скончавшійся, погребенъ.—Протопопъ борзенскій, отца духовника братъ, а нри немъ и мѣщанинъ воронежскій Кадигробъ отъехали 13 числа до Малороссіи. Наши были на комедіи, а у мене сидѣлъ коллегіи іностранной переводчикъ Данилевскій.

12. Были всѣ трое въ дворцѣ и толко видѣли графа изъ поліованя возвратившогося.

13. Тако-жъ во дворцѣ изъ ранку были и тамъ видѣлись съ архіереемъ псковскимъ, а въ вечеру была комедія въ комедіалномъ домѣ.

14. Vacat. 15. Государиня изволила слушать обѣдни въ церквѣ казанской, а послѣ полудня отъехать до Царского Села.

16. По обѣдѣ и іхъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда же отъехали. Надъ вечери были мы всѣ трое у графа Александра Ивановича Румянцова за дѣломъ о денгахъ, въ полки чернѣговскій и стародубовскій доводячихся за ставленный въ Кіевъ провіантъ.—Княгиня Черкаская, умершого канцлера жена, преставилась.

17. За 8 аршинъ полсуконка дано 2 р. 64 к., за 10 аршинъ крашенины 50 к., за баволну 33 к., на шолкъ 12 к., на протчее $8^1/_2$ к.

Послѣ обѣда былъ у насъ Журманъ съ женою своею и требовалъ у мене, чтобъ отпустилъ я диплiомъ свой и печать, понеже де ему по именному указу имѣетъ быть дана изъ сената грамота на пожалованные маетности.

18. Рано всѣ трое ездили до князя Алексiя Дмитрiевича Голицина, сенатора, за дѣлами о седмомъ полку и о денгахъ полку стародубовскому и чернѣговскому за провiантъ въ Кiевѣ ставленный доводячихся.—Далъ кафтанъ шить изъ черкески зеленой, за которой митье дано 5 коп.

19. Я былъ рано въ новомъ зимномъ дворцѣ, потомъ зъ Гудовичемъ у пѣвчого Головнѣ.

20. По полднѣ былъ зъ Гудовичемъ у генерала рекетмейстера Iвана Iвановича Дѣлова и о присланномъ дѣлѣ напастномъ отъ Соколовского просилъ.

21. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ выносъ былъ умершей княгини Марiи Черкаской, зъ дому Трубецкой, князя Юрiя Юрiевича дочери, а князя Алексiя Михайловича Черкаского, канцлера бывшого, жены.—Послѣ полдня проезжались зъ Гудовичемъ до Калинкина мосту, а оттоль возвращаясь, были въ загородномъ надъ Фонтанкою домѣ гр. Лестока и тамъ преизрядно здѣланные пруды, каналы и ново заведенный садъ осматривали.—Iхъ iмператорскiе высочества возвратились изъ Царскаго Села.

22. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ бывшiй нѣжинскiй Iоанъ Божичь, который прибылъ въ С. П. Бурхъ сего теченiя 19 числа, а рано явилъся у насъ Гречка, откупщикъ циганской, вчора прибывшый.

23. Сундучокъ дубовый купленъ за 55 коп.—Ночью государыня изволила прибыть изъ Царскаго Села.

24. Весь день и до полуночи великая изъ моря была непогода, отъ чего и наводненiе не малое имѣлось.

25. Были рано въ дворцѣ всѣ трое, где при насъ и полковникъ Божичь графу А. К. Розумовскому кланялся впервые и подалъ нѣкоторое писмо. Вечеромъ были на комедiи въ комедiалномъ домѣ.—Освящена церковь пресв. Богородицы владимiрская деревяная.

26. Во оной же церкви на службѣ Божой, ради храма въ ней празднуемого, изволила быть государиня, а потомъ кушать въ домѣ загородномъ камеръ-юнкгера Сиверса.

27. Послѣ обѣда были у мене учители французского языка Сужи и Емѣхъ.

28. Около 12-го полуденного часа будучи у графа, когда тамъ государиня виходила, то между прочими и мы были у ручки, где тогда-жъ былъ и архіерей с. п. бурхскій ради слѣдующаго кавалерского Александра Невского праздника съ докладомъ.

29. За оковку дубового сундучка дано 45 коп., за оправу полской библіи 50 к.

30. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ государиня и кавалери св. Александра Невского ехали церемоніално, по прошествіи церковной процессіи, до монастира Невского, гдѣ по отправленномъ набоженствѣ обратно также ехали до летного дворца и тутъ кушали кавалери съ государинею и при столѣ два раза палено изъ пушекъ.

Сего-жъ числа Іванъ Васильевъ Мировичь зъ Самойловичемъ отъехали до Малой Россіи, чрезъ которыхъ и Емѣховы писма до Скоропадского и до Кондзеровского отпущены, и оному-жъ Мировичу зъ общыхъ денегъ на дорогу даны 5 рублей.

31. На службѣ Божой были въ церкви мученика Пантелеймона, потомъ въ дворцѣ у графа и представляли ему не токмо о давныхъ, но и о новыхъ нуждахъ общыхъ.—Вечеромъ былъ у насъ Ѳедоръ Коченевскій.

Септеврій.

1. Рано ездили всѣ трое до сенатора графа Шувалова за дѣлами о денгахъ, полку чернѣговского и стародубовского обывателемъ за провіантъ въ кіевскіе и другіе магазины 1736 году ставленой надлежащыхъ, да о ново-розставленныхъ коло Малой Россіи таможняхъ.

Вчера были у насъ въ квартерѣ генералъ-лейтнантъ и бывшый сталь-мейстеръ Радіонъ Михайловичъ Кошелевъ съ синомъ, да генералъ-провіантъ-мейстеръ лейтнантъ Горчаковъ и брегадиръ Аксаковъ.—За пошите зъ черкески зеленои кафтана дано кравцю 60 коп.

2. Рано ходилъ Гудовичь къ графу Розумовскому съ челобитною, сочиненною о дѣлахъ малороссійскихъ, въ докладъ государ-

ринѣ отъ сената взнесенныхъ, и имѣлъ съ нимъ розговоры.—За книжку «Басни Езоповы» дано 12 коп.

Далъ шить кунтушикъ короткій подъ футро; кравцю и ему-жъ на шолкъ и нитки дано 20 коп.

3. Въ Невскомъ монастирѣ былъ на службѣ, потомъ у префекта тамошнего семинаріумъ и отдалъ ему 2-й томъ Maximae Bibliothecae.—Сочинили писмо къ графу просителное о исходатайствованіи по дѣламъ нашимъ общимъ резолюціи милостивой и нашего отпуску. Секретарь Вынклеръ безъ мене пріездилъ на мою квартеру и привезъ ко мнѣ писмо отъ сина зъ Киля.—Надъ вечери ездили въ дворецъ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ ея імператорского величества.

5. Рано были съ тимъ-же поздравленіемъ у графа Алексія Дмитріевича Голицина, у канцлера графа Бестужева, у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у оберъ-маршала Шепелева; потомъ въ дворцѣ по службѣ были у государини и у великого князя и великой княгинѣ въ ручки. Обѣдали въ квартерѣ, а въ вечерѣ знову были въ дворцѣ въ салѣ, где и на иллюминацію смотрѣли.—Сего-жъ числа нѣсколко персонъ перемѣнено чинами и жаловано кавалеріею ордина св. Александра Невского.

6. Едучей въ вечеру государини на комедію подали въ дворцѣ лѣтномъ челобитную о дѣлахъ нашихъ общыхъ, а самы уже на комедіи не были, понеже ложа наша замкнута была.

7. Весь день графъ былъ на охотѣ, и мы дважды ездили въ дворецъ, но его не получили.

8. Рано подали графу писмо, отъ насъ написанное о тихъже общыхъ малороссійскихъ дѣлахъ, о коихъ и государинѣ челобитная подана.—Ея імператорское величество изволила быть на обѣднѣ въ церкви казанской ради праздника Рождества пресв. Богородицы. Вечеромъ былъ въ дворцѣ маскарадъ.

9. Послѣ полдни ездилъ Лизогубъ къ Новоторжцову и взялъ маппу, о полкахъ малороссійскихъ сочиненную.

10. Въ вечеру была комедія въ оперномъ домѣ, где и государиня и ихъ высочества быть изволили.

11. Послѣ полдня государиня отъехала въ Гостилицю, а вечеромъ былъ у насъ Өедоръ Івановичь Коченевскій.—Писалъ до сина въ Киль, подъ № 15, на его писмо.

12. Званныи къ генералу лейтнанту и кавалеру, президенту статсъ-конторъ коллегіи, Петру Михайловичу Шипову, обѣдали у него въ домѣ, на Василіевскомъ Острову, въ четвертой лѣніи, а отъ него заездили къ секретарю Новоторжцову и до генерала провіантмейстера лейтнанта, Івана Алексіевича Горчакова.

13. На Петербургскомъ Острову, на Карповцѣ, въ лѣтнемъ домѣ архіерея новгородского, архіепископа Стефана Каліновского обѣдни слухали въ домовой церкви и у его-жъ обѣдали съ архіереями Яновскимъ с. п. бургскимъ, и вятскимъ, да съ учителями невскими и протчими, и весь день пробавили; потомъ въ квартеру нашу привезены его-жъ архіерейскою шлюпкою.

14. Изъ квартери никуда не бывали.

15. Денги кормовые за мѣсяцы прошедшіе, юль и августъ, 200 рублей, изъ Рентереи привезенные, я въ мое завѣдываніе принялъ.

16. Рано былъ и обѣдалъ у насъ Журманъ, и при немъ-же привезъ канцеляристъ Михайло Домбровскій писма ко мнѣ зъ парою рубашокъ, а Гудовичу съ декоторою присилкою зъ домовъ.

16. Куплены для Скоропадского десять, а для дому моего десять штукъ бумажныхъ обоевъ для будинку, всякая штука по 90 к., и того за всѣ дано 19 рублей, да за вахляръ или вееръ дано 1 р.

Вечеромъ былъ г. Лизогубъ у віце-адмирала Головина бѣдкаться одинъ.

18. Чрезъ отъехавшого сотника, лохвицкого бывшого, Івана Івановича посланы бумажныхъ шпалеръ девять штукъ до Скоропадского въ Глуховъ, за 9 р. 60 к. купленные, при писмѣ подъ завтрешнымъ числомъ писаннимъ, где и о Еміху приложена цедула, которій у насъ обѣдалъ.

19. Былъ я воспріемникомъ, съ женою секретаря штатсъ-конторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаровною, новорожденному сыну Никитѣ канцеляриста сенатского, Якова Тимофіевича, которого жена именуется Акилина Николаевна; по окрещеніи оного младенца въ церквѣ Воведенія пресв. Богородицы на Петербургскомъ Острову тамъ-же у нихъ съ г. обознымъ Лизогубомъ обѣдали. Кума мене дарила платкомъ шолковымъ, а я онную вееромъ, до якого за ленту дано 20 коп., да при крещеніи розышлось 70 к.; бабѣ даны 50 коп.

20. Послѣ обѣда были у насъ племінники графскіе, Михайло Власиевичь и Василь Евфимовичь [229]), и синъ Якубовичовъ, Александръ, съ учителемъ своимъ Носкомъ. Г. обозный для ловлѣ рибы ездилъ на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана вечерялъ.—Родѣлѣ кумѣ отослалъ водки и закусокъ слоикъ украинскихъ, а крестному сину крестикъ іеросолимскій.

21. Куплено холста 11 аршинъ на ночную рубашку за 44 коп.

22. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа племенника, да въ домъ до жены и до сина Івана уставомъ, и приложено къ женѣ писмо отъ Гудовича, до его-жъ сожительници надлежащое въ Івантенки и отосланы оные писма на почту сенатскую.—Обѣдали у насъ кіхенградберъ дворцовый Ѳедоръ Стефановичь Головатой и канцеляристъ войсковый Свѣрскій, которій приписовалъ государини прошлого году въ день тезоименитства картину съ рифмами и поздравленіемъ.

---

[229]) Перваго фамилія—Будлянскій, а втораго—Дараганъ, оба сыновья сестеръ Разумовскихъ. Михаилъ Васильевичъ Будлянскій былъ женатъ на единственной дочери генеральнаго есаула Петра Валькевича и въ 1783 г. за нимъ числилось собственныхъ крестьянъ, кромѣ жениныхъ, 6612 д. мужчинъ и женщинъ. У него было два сына, Алексѣй и Петръ, которые оба умерли безпотомными. Старшій, Алексѣй, отличался ужасною толстотой (см. о немъ Зап. Черн. губ. стат. ком., т. II, стр. 146) и умеръ 27 декабря 1818 г. въ Кіевѣ, сойдя кровью отъ лопнувшей вены на животѣ. „Сказуютъ, что отъ жиру и пресыщенія случилось это", читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ того времени; „хорошо его хоронили, самъ митрополитъ былъ и разрѣшительную молитву читалъ; поминовенія дѣлали, бѣдныхъ награждали, вездѣ посылали заключеннымъ и больнымъ... Сыскали 46 тыс. при немъ". Василій Ефимовичъ Дараганъ былъ старшій сынъ Ефима Ф. Дарагана, кіевскаго полковника, умершаго въ 1762 г. и оставившаго трехъ сыновей: Василія, Ивана и Григорія. Старшій, Василій, въ 1757 г. былъ маіоромъ „Ораніенбаумскаго гарнизона", находившагося въ непосредственномъ подчиненіи у великаго князя, наслѣдника престола, который имѣлъ право личною властью производить въ чины офицеровъ этого гарнизона", при чемъ патенты выдавались имъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1762 г. Василій Дараганъ былъ камергеромъ, а въ 1774 г. генералъ-поручикомъ. Младшіе его братья, Иванъ и Григорій, будучи въ 1762 г. секундъ-ротмистрами гвардейскаго коннаго полка, въ то же время находились „въ наукахъ въ иностранныхъ государствахъ". Этимъ тремъ братьямъ принадлежали. м. Борисполь, села: Семиновка, Рудня, Рудьковка, Мостища, Глубокое, деревни: Святое, Опанасовъ, Перегудовка, Сухинка и Даневка и хутора Вѣтровка и Михайловщина. Послѣдній хуторъ былъ названъ по имени Михаила Матвѣевича Хераскова, автора Россіады, у отца котораго Ефимъ Дараганъ купилъ Семиновку, Мостища, Рудню и друг. Всѣ сыновья Ефима Дарагана умерли безпотомными.

Съ сего числа явилась на правой ногѣ болѣзнь, называемая рожа, для которой лежалъ всѣ дни слѣдуючіе и употреблялъ всякіе той болѣзни способствующіе вещи.

За картину малороссійскую, у норимберцовъ купленную, дано 20 коп., а за фееверкъ, бывшый въ Гостилицѣ сего сентября 17-го, дано 20 к.

25. Государиня изволила прибыть въ С. П. Бурхъ ночью.

Протчіе всѣ сего мѣсяца числа въ помянутой болѣзни пролежалъ.

Октоврій.

1. Рано явилъся ко мнѣ прибывшый зъ Голстиніи, изъ Киля. Алексій Долінскій и доносилъ мнѣ о сыну моемъ и о его поведеніи.—Послѣ полдня, въ присутствіи ея імператорского величества и ихъ імператорскихъ высочествъ, былъ спускъ корабля о 99 пушкахъ, названного Захарія и Елисаветъ.

2. Оный-же Долінскій принеслъ мнѣ сиръ Голстинскій и у насъ обѣдалъ.

3. Писалъ до сина въ Киль подъ № 16, строфуючи его, для чего онъ ни чрезъ іероманаха Невского, ни чрезъ Долінского ко мнѣ не писалъ и на прежніи мои писма точно не отвѣтовалъ. Да до секретаря Кроуза по латинѣ писалъ-же, и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное, приложено въ пакетѣ до того-жъ секретаря и отосланы къ секретарю Вынклеру для отправленія по почтѣ до Киля. За футлярика оправу до карманныхъ часовъ—40 к.

4, 5 и 6 числа продолжалась моя болѣзнь и ножная, и зубная.

7. Рано г. Лизогубъ и Гудовичъ ездили до князя Никиты Юрієвича Трубецкого за дѣлами о деньгахъ за ставленный въ Кіевѣ провіантъ, о селахъ артиллерійскихъ и о собственномъ г. Лизогуба дѣлѣ, взглядомъ награжденія маетностями. Янушкевича челобитная о арестѣ добръ его докладована въ сенатѣ.

8. Вечеромъ ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ къ отцу Дубянскому духовнику, но съ нимъ не видались.

9. Посланъ Грицко до кума Якова Тимофієвича съ поздравленіемъ тезоименитства и съ обсилкою хлѣбомъ и водкою, а къ кумамъ съ яблоками. Георгій Белецкій-Носенко, швагеръ Василія

Гудовича, отъехалъ во свояси изъ С.П.Бурха[230]). Розышлось на дробязки 12 к.

10. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества со всѣмъ придворнымъ штатомъ переехать изъ лѣтного дворца въ зимный болышый дворецъ при пушечной изъ крѣпости и зъ Адмиралитейства палбѣ. Обѣдали у насъ протопопъ роменскій и капитанъ поруччикъ Василій Марковичъ.

11. Рано ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ первой разъ въ зимный дворецъ. Сего числз весь день изъ моря была жестокая погода, а съ полдня даже до 10-го часа ночи превеликое продолжалось наводненіе.

12. Послѣ полдня былъ у насъ пѣвчій Богушъ съ обявленіемъ, что вчера родились ему синъ Дмитрій и дочь Параскевія, двойни, и звалъ до себе откушать въ день крестинъ. Сего-жъ числа випалъ снегъ немалый.

13. Былъ рано у мене Іванъ Федоровъ Ярошевичъ и простился, отеждждаючи въ Украину, которому данъ указъ зъ Габінету о определеніи его къ какому мѣсту по разсмотрѣнію генералной канцелляріи, и ему-жъ дано жалованя 300 р.; чрезъ него-жъ писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадскаго, а въ домъ до жены, ознаймуючи о себѣ и о сину, по полученному изъ Киля чрезъ Алексія Долінского извѣстію.

14. Послѣ полдня посѣщали насъ г. Горчаковъ и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій. Писма получили сего числа чрезъ нарочного куріера Калугина изъ Глухова, которій присланъ съ представленіемъ въ сенатъ о мужикахъ фоевскихъ, возмутившихъся на Петра Чорнолуского.

---

230) Прилуцкій полковникъ Иванъ Носъ былъ женатъ на вдовѣ какого-то Ивана Бѣлецкаго, у которой отъ брака съ послѣднимъ былъ сынъ Иванъ; сынъ послѣдняго Петръ, прилуцкій хоружій, сталъ писаться Бѣлецкимъ-Носенкомъ, на томъ основаніи, что единственный сынъ Ивана Носа дѣтей мужескаго пола не оставилъ. Георгій Бѣлецкій-Носенко былъ сынъ Петра; сестра его Анна въ первый разъ была въ замужествѣ за господаремъ Скоропадскаго Иваномъ Даровскимъ, а второй разъ за Василіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ, отцемъ извѣстнаго фельдшаршала.

15. Отосланъ пакетъ къ оберъ-постъ-директору Ашу отъ Скоропадского, съ включенными въ немъ письмами къ дѣтямъ его, до Вроцлавя надлежними, и до тихъ-же дѣтей Скоропадского я и отъ себе писалъ и послалъ на почту къ отправѣ до Вроцлавя Сего-жъ числа писалъ о томъ въ отвѣтъ и до Глухова къ Скоропадскому, и до племѣнника Іосифа на ихъ вчорашные писма, и отослалъ до помянутого Ярошевича.

16. Былъ Гудовичъ въ военной коллегіи стороны седмого полка и волоского и тамъ надлежащіе справки чинены.

17. По імператрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ была панахида, понеже она сего числа въ 1740 году преставилась.

18. Послѣ болѣзни первый разъ віехалъ зъ квартири и былъ въ зимномъ дворцѣ въ палатахъ, такожъ и у графа, а по обѣдѣ г. Лизогубъ съ Гудовичемъ ездили до князя Н. Юр. Трубецкого.

19. Сенатъ сталъ засѣдать на сей сторонѣ въ домѣ каменномъ дворянина Григорія Михайловича Любисткова надъ Мойкою. Въ сихъ числахъ, а именно 16-го, преставшемуся статскому совѣтнику, Петру Василіевичу Курбатову, въ іностранной коллегіи засѣдавшему, былъ сего числа виносъ къ погребенію. Государыня изволила отъехать въ Царское село. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ.

20. Рано была у меня вдова поруччиця, челобитствуючая на Семенова, засѣдаючого въ судѣ генералномъ, которій у неи отнялъ деревню. Да по службѣ были г. Лизогубъ и Гудовичъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина, а по полудни всѣ трое мы ездили на Смолный дворецъ и тамъ первей были на рибной ловлѣ, а потомъ и ужинали.

21. Оная-жъ поруччиця, умершого поруччика Андрея Мартинса жена, Евфимія Прокофіева, дочь Чаплигиныхъ, позичила у мене денегъ 1 р. Отданъ сундучокъ дубовый на Смолный дворъ для обмаліованя. Въ вечеру былъ у насъ главнаго коммиссаріата и провіантской канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ и въ ночь до 9-го часа сидѣлъ.

22. Ради завтрешнихъ именинъ своихъ обозный генералный Яковъ Лизогубъ справлялъ за общіе деньги обѣдъ знатный, на которомъ посторонныхъ болѣе никого не было, кромѣ Іліи Жур-

мана [231]), попа Андрея Барановскаго и дякона церкви Семіоновской, и полковника Василія Танского. Митрополитъ кіевскій Рафаилъ Заборовскій преставился въ Кіевѣ.

23. Послѣ обѣдни былъ у насъ секретарь сенатскій Новоторжцовъ и поздравлялъ г. Лизогуба (которому отъ рожденія, по его сказкамъ, начался отъ роду 73-й годъ) тезоименитствомъ его.

24. Випалъ ночью небольшій, а днемъ великій снѣгъ, и стала зима. Иноземцю одному, который очень изрядно по латинѣ говоритъ и мѣста себѣ къ наставленію дѣтей ищетъ, милостини далъ 1 р. зъ общихъ денегъ.

25. Рано отосланы секретарю Вінклеру 3 помаранци, а по обѣдни были въ дворцѣ, понеже государыня пріехать ночью изволила.

26. Ездилъ рано Гудовичъ до князя Н. Юр. Трубецкого и въ сенатъ за дѣломъ о заплатѣ денегъ обывателямъ полковъ чернѣговского и стародубовскаго, въ томъ числѣ и Брянченину Чамову, якое дѣло въ сенатѣ и слушано. Обѣдалъ у насъ отпущенный изъ конной гвардіи рейтаръ, малоросіянинъ, глуховскій житель Юркевичъ и показовалъ данный себѣ изъ полковой канцелляріи абшитъ. За два фейверки въ Гостилицѣ, прошлого году въ мартѣ, а сего въ сентябрѣ бывшіе, дано 40 к. На другіе росходы пошло 50 к.

27. Обѣдали у насъ сенатскіе оберъ-секретаръ Павелъ Василіевичъ Севергинъ и секретаръ Новоторжцевъ; потомъ у насъ-же былъ Горчаковъ и до позна въ ночь сидѣлъ.

28. Рано я съ Гудовичемъ въ дворцѣ былъ. По обѣдѣ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій съ объявленіемъ, чтобъ мы побували сегодня или завтра у графа, почему вечеромъ и ездили въ дворецъ, но, не получа времени, заехали къ полковнику Божичу, а потомъ къ секретарю Вінклеру, где и пастора, швагра его, застали, називаемаго Трефорта.

---

[231]) **Илья Васильевичъ Журманъ**, въ это время бунчуковый товарищъ, въ 1756 г. назначенъ былъ, по именному указу, генеральнымъ судьею. На этомъ мѣстѣ онъ оставался до конца гетманства Разумовскаго, а при Румянцевѣ, сохраняя тотъ же чинъ, завѣдывалъ генеральнымъ судомъ до его закрытія. При открытіи въ Малороссіи намѣстничествъ, Журманъ былъ назначенъ новгородсѣверскимъ губернаторомъ. Умеръ онъ въ 1783 г. бездѣтнымъ. Имѣнія его перешли, по уступочному акту наслѣдниковъ Журмана, къ Гудовичамъ.

29. Одинъ Гудовичъ рано ездилъ до графа и, бывъ у него, докладивалъ о дѣлахъ и нуждахъ нашихъ, да съ нимъ-же былъ я у Носка, потомъ въ военной коллегіи и до сенату ездили; заходили къ иноземкѣ Катеринѣ Івановнѣ, которая желаетъ ехать до насъ въ Украину для обученія дѣтей по нѣмецку и въ женскихъ рукодѣляхъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского о іноземцу, родомъ изъ Риги, Якову Бееру, желающему быть надъ деревнями его економомъ, о отвѣтѣ на Еміхово писмо и о челобитныхъ моихъ на Кишинского поданныхъ, до жены въ домъ о іноземкѣ, къ дѣтямъ нанятись намѣренной, да въ Москву до управителя дому Толстыхъ, Красінского, о присилки трохъ барилецъ водки моей и простого вина 11 вѣдеръ и сала, и отправлены оные писма чрезъ солдата глуховского гварнизона Калугина. На Смолный дворъ для обмаліованя cосланъ круглій столикъ. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Петръ Михайловичъ Шиповъ, полковники інгермоландского пѣхотного полку Дмитрій Івановичъ Кочотъ, да Мордвиновъ и морскіе офицери два, въ томъ числѣ одинъ князь Волконскій.

31. Дано сундучокъ дубовый новый до окованя и кузнецу дано въ задатокъ 15 к. Іванъ Ярошевичъ откланювалъся при отъездѣ, а съ нимъ и Ялоцкій отъехалъ. Полковникъ кіевскій Михайло Танскій умре.

Ноеврій.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, а послѣ обѣда я зъ Гудовичемъ перво были у переводчика коллегіи іностранной Івана Андріевича Данилевского, потомъ у Герасима Кириловича Лібратовского, что съ караваномъ государевымъ изъ Китаю пріехалъ, где были и духовникъ государыни и Ілія Журманъ, и уже въ 10-мъ часу пріехали въ квартеру.

2. Секретарь Вінклеръ былъ у мене рано и привезъ двѣ писмѣ, 1-е отъ сина, другое отъ отца Іова зъ Киля. Обѣдали у мене канцеляристъ Яковъ Тимофіевъ Воронецкой и Деружкинъ.

3. Писалъ писма—въ домъ до жены, ознаймуючи о сину Василю, что отъ него получилъ вчора писмо, другое до сина въ Киль,

подъ № 17-мъ, на его письмо въ отвѣтъ, зъ многими увѣщаніами, и отослано для отправы до секретаря Вінклера. Нева стала ночью изъ 2-го числа. Въ вечерѣ былъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского и въ дѣлахъ своихъ помощи просили.

4. Рано были въ дворцѣ у графа, потомъ у Григорія Любисткова, а послѣ полдня я съ Гудовичемъ ездилъ на Смолный дворъ и тамъ у Журмана вечеряли, а безъ насъ у г. Лизогуба былъ войтъ нѣжинскій. Сего-жъ числа свадба была въ дворцѣ камеръ-юнкера Михаила Івановича Софонова.

5. Изъ дворця заходили рано къ Өедору Івановичу Коченевскому. Банкетъ былъ въ дворцѣ для той-же Софонова свадбы.

6. Вечеромъ былъ у насъ ассесоръ китайского каравана Лібратовскій съ однимъ офицеромъ, который въ Пекинѣ былъ 17 лѣтъ и учился тамошныхъ языковъ и писменъ, а посланъ онъ былъ изъ московской школы, что называется Сухарева Башня. Лібратовскій сказовалъ, что полконикъ кіевскій умре.

7. Писаны писма въ домъ до жены съ посилкою 10 штукъ бумажныхъ обоевъ и о томъ-же до Іосифа въ Глуховъ, да до швагра Івана Гамаліи чрезъ племенника его Івана Іванова сина Гамалію.

8. Послѣ службы, въ церквѣ придворной слушанной, званы отъ іменинника Михайла Василіевича Стогоровича къ нему на обѣдъ и у него купно съ другими, а именно: полковникомъ Божичемъ, Параскевичемъ, войтомъ нѣжинскимъ Тарнавіотомъ, обѣдали и до ночи проседѣли.

9. За «Новый Завѣтъ» французскій и за лекціи Еміху даны 1 р. 10 к. За роботу шубки короткой портному дано 60 к., кромѣ прежныхъ 20 к. Перепліотчику даны 10 к. Писаны писма: 1-е за Еміхомъ въ Кронштатъ отъ флота до капитана Андрея Івановича Полянского, 2-е до управителя господъ Толстыхъ, Іосифа Івановича Красінского, въ Москву, о присилки отголь водки моей 3-хъ бочонковъ, простого вина 11 ведеръ и сала, да о томъ и меморіалъ написанъ, чтобъ то все отдано было въ домъ Василія Алексіевича Вагнера для пересилки сюда.

10. По полдни въ оперномъ домѣ была комедія, послѣ которой государыня изволила быть у Өедора Івановича Коченевского въ новопостроенномъ его домѣ за триумфалными Аничковыми воротами и у него-жъ ужинать. За мѣсяци септеврій и октоврій виданные

изъ Рентереи денги 200 р. взялъ къ себѣ обозный генералный г. Лизогубъ.

11. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского на его двѣ писми въ отвѣтъ и о посилаемыхъ двохъ штукахъ бумажныхъ обоевъ, за которые дано 1 р. 90 к. Вечеромъ была свадба графа Лестока, который женился на фрелінѣ Мейденъ. Меморіалъ, написанный подъ 9-мъ числомъ, и писмо до Красінского въ Москву вручены Вагнеру.

12. Были съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа и тамъ видѣлись и розговарювали съ вице-губернаторомъ с.п.бурскимъ, дѣйствителнымъ штатскимъ совѣтникомъ, г. Милгуновымъ. Въ вечеру были съ Гудовичемъ на Василевскомъ острову, перво у г. Горчакова, потомъ у прокурора Николева.

13. Послѣ полдня въ 8-мъ часу было вѣнчаніе въ болшой церквѣ, въ зимномъ дворцѣ, сина генерала графа Румянцова, Петра Александровича графа Румянцова-жъ съ полковника пѣхотного полку, мисъ княжною покойного генерала фелдмаршала, князя Михайла Михайловича Голицина, дочерью, а послѣ вѣнчанія изъ дворца ехали новобрачные церемоніално въ домъ генерала Румянцова, передъ которымъ и іллюмінація зажжена была. Камеръ-лакей Милорадовичъ отъехалъ по почтѣ въ Малую Россію, чрезъ которого и писмо мое до Скоропадского, подъ 11-мъ числомъ писанное, и двѣ штуки бумажныхъ обоевъ отпущены. Чрезъ Чамова послалъ переводы катехисмы и писма Малярдового до прокурора Николева.

14. Послѣ полдня былъ у насъ г. Горчаковъ и привезъ книгу картинъ, въ пергаментъ оправную, називаемую Атласъ, да книжку Краткая Географія.

15 По службѣ были въ дворцѣ, перво у графа, потомъ у духовника. Купленъ сосудецъ зъ бѣлымъ, приливаннымъ въ цукрѣ имбіромъ за 90 к.

16. Еміхъ приходилъ прощатся, при отъездѣ въ Кронштадъ, для ученія тамъ учениковъ лѣкарскихъ, и ему-жъ данъ 1 р., да лексиконъ французско-нѣмецко-латинскій. Вчора камеръ-юнкеръ Софоновъ въ дворцѣ взятъ подъ арестъ.

17. За обмаліоване круглого столика дано 50 к. Писалъ писма въ Киль: 1-е до сина, подъ № 18-мъ, съ увѣщаніемъ, чтобъ частѣй къ намъ отписовалъся, 2-е до отца Іова въ отвѣтъ на его

писмо, съ сообщеніемъ къ нему-жъ писма отъ отца Василія Барановича.

18. Рано былъ у мене офіцеръ морского флоту Іванъ Михайловичъ Силивановъ и принесъ пакетъ отъ сина моего Василя изъ Киля, съ включенными въ ономъ нѣсколко печатними екземплярами о дѣлахъ, которые по ученіамъ въ академіи килской производятся; а оный Силивановъ былъ тамъ въ Килѣ на фрегатѣ россійскомъ, данномъ подъ принца Августа и его свиту, при капитану отъ флота Конону Никитичу Прончищеву. Сего-жъ числа рано нарочно призыванъ былъ отъ секретаря Новоторжцова въ сенатъ Гудовичъ для висмотрѣнія екстракта, сочиненного изъ начала подданства Малой Россіи, за Богдана Хмелницкого учинившогося, и даже до гетмана Апостола.

19. Писалъ писма въ домъ: 1-е до жены о сину Василю, ознаймуючи, якое получилъ чрезъ офіцера Силиванова извѣстіе; 2-е до швагровъ п. п. Корецкихъ для посылки оныхъ чрезъ Ѳедора Яскевича, но онъ, и писемъ не взявъ, отъехалъ до Малой Россіи. По почтѣ изъ сената отпущена въ войсковую генералную канцелярію промеморія изъ военной коллегіи о седмомъ драгунскомъ и гусарскомъ волоскомъ полкахъ.

20. Получилъ писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Силезіи, зъ Вроцлавя, въ пакетѣ до постъ-оберъ-директора Аша включенные, тако-жъ писмо до отца Варлаама Лащевского, бывшого префекта кіевского, отъ нѣкоторого купца вроцлавского, Іогана Якова Корна.

21. По благости Божіей причащалъся на литургіи въ монастирѣ Невскомъ по исповѣди у отца Софронія намѣстника. Писалъ въ Глуховъ до Скоропадского съ посилкою писма отъ дѣтей его до швагра Івана Гамаліи, сторони брегадира Вѣтковича, да до племѣнника Іосифа, чтобъ спросилъ Скоропадского о писмѣ съ присилкою отъ Яскевича, ему врученномъ въ Москвѣ, и въ одинъ ковертъ и писма подъ 19-мъ числомъ писанные включивъ, отпущены въ Глуховъ чрезъ служителя полковника чернѣговского Измайлова Адама Андріева, который отъехалъ. Розышлось 20 к.

22. По службѣ Божой званныи отъ Федора Івановича Кочевевского обѣдали у него въ новомъ его-жъ дворѣ и весь день пробавили.

23. Рано были въ дворцѣ у графа и просили его о своихъ дѣлахъ общыхъ, а Гудовичъ былъ у Любисткова и у духовника и у его-жъ обѣдалъ. Въ дворцѣ одинъ іноземецъ передъ службою Божіею миропомазиванъ и названъ Александръ. Вечеромъ былъ я у оберъ-постъ-директора Аша, а всѣ трое у вице-адмирала Александра Івановича Головина и его-жъ сожителнипу весма болную посѣщали.

24. Рано были мы всѣ трое у князя Н. Ю. Трубецкого, у А. Д. Голицина и у графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, съ поздравленіемъ тезоименитствомъ великія княгини, а послѣдного и на новоселлѣ въ новомъ каменномъ домѣ. Потомъ въ дворцѣ были допущены къ ручкамъ великихъ князя и княгини, а вечеромъ сидѣлъ у насъ долговременно полковникъ Божичъ.

25. По утру ездили съ подравленіемъ до віце-канцлера графа Воронцова, до графа П. І Шувалова, а по обѣдни были у графа Р(озумовского); потомъ званы обѣдать до графа Румянцова, где до вечера пробавили, а послѣ знову были въ дворцѣ при церемоніи лейбкомпанской, гдѣ пробавили потоль, поки государиня изволила пойти до стола кушать купно съ лейбкомпанцами. Отъехали до Малой Россіи канцеляристъ Висоцкій и Юркевичъ, который уволился отъ конной гвардіи.

26. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ на Василевскій островъ и тамъ были у префекта академіи кіевской, отца Варлаама Лащевского, который подарилъ мнѣ книжку «Граматику греко-латинскую» и имѣлъ писать до Вроцлавя къ тамошнему обывателю Іогану-Якову Корну. За книжку новонапечатанную Гілмара Кураса—60 к.

27. Передъ обѣдомъ былъ я съ г. Лизогубомъ у графа Румянцова и у него-жъ отъобѣдавъ, потомъ были отъ крещенія воспріемниками младенцу Николаю, портного мастера Івана Бѣларовского сину—г. Лизогубъ съ старшою Параскевіею, а я съ меншою Даріею, дочерми графа Александра Івановича Румянцова, а князь Николай Івановичъ Вяземской съ племѣнницею того-жъ графа Румянцова, а родного брата Никиты Івановича дочерью, Анною Никитиною. Наши кумы дарили насъ табакерками.

Писалъ писма: 1-е въ Киль къ сину, подъ № 19-мъ, съ сообщенiемъ писма подлинного отъ молодыхъ Скоропадскихъ, ко мнѣ писанного, тако-жъ и о томъ, что чрезъ офiцера морского Силиванова получилъ присланные печатные екземпляры; 2-е до тихъ-же Скоропадскихъ и до Iонганса въ отвѣтъ на ихъ писма, съ сообщенiемъ къ Iонгансу-жъ писемъ до Корна отъ отца префекта кiевского Варлаама Лащевского и отъ Носка до дяди его.

28. Оные писма въ Киль чрезъ руки секретаря Вынклера, а въ Бреславъ чрезъ отправу по почтѣ отъ оберъ-постъ-директора Аша отпущены.

29. Рано отослан(*пропускъ*) кумѣ Дарiи Александровнѣ графинѣ Румянцовой, куплена за 10 р., а обѣдали у кума Iвана Бѣлоровского, которого женѣ Анастасiи данъ 1 р., бабѣ 30 к. Въ вечеру туда-жъ пришолъ Ѳедоръ Iвановичъ Коченевскiй и гвардiи преображенского полку капитанъ Андрiанъ Iвановичъ Лопухинъ, въ его-же домѣ Бѣлоровскiй нанимаетъ себѣ квартеру и звалъ въ свои покои, где виделась со мною жена его Евдокiя Юрьевна Фаминцина, и тутъ-же были разные офiцери и дами.

30. Въ дворцѣ къ обѣдни и изъ обѣдни шли церемонiално, въ плащахъ зеленыхъ бархатныхъ и другомъ платьѣ церемонiалномъ, кавалери святого Андрея Первозваннаго апостола, числомъ сѣмъ, въ томъ числѣ и посолъ цесаря римского, да сверхъ того великiй князь и въ заключенiи сама всемилостивѣйшая государиня. Послѣ обѣдни тѣ-же кавалери кушали у одного съ государинею стола и при пушечной палбѣ. Въ вечеру былъ балъ. Мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского за тѣмъ, что онъ имѣлъ розговоръ о дѣлахъ нашихъ съ канцлеромъ Бестужевымъ сего мѣсяца 28-го числа.—За окование сундучка еще заплачено 30 к.

Декабрь.

1. Писано писмо подъ вчорашнымъ числомъ въ Москву до управителя дому господъ Толстыхъ, Iосифа Красiнского, о присилки водки моей, вина простого и сала. Вечеромъ были у Горчакова.

2. Въ 12 часу по полночи были всѣ трое у канцлера графа Бестужева и просили въ дѣлахъ своихъ о ходатайство. Вечеромъ прислалъ ко мнѣ Яковъ Дмитрiевичъ Рожевскiй сундучокъ мой об-

маліованый безъ платы. Полковникъ Божичъ долго у насъ въ ночь просидѣлъ.

3. Обѣдалъ я съ Гудовичемъ у преосвященного псковского Симона Тодорского, а отъ него зашли до Носка и тутъ у него кадетъ одинъ Александръ Стефановичъ Ісаковъ училъ дѣтей мунштру кадецкого ружемъ. Съ г. Лизогубомъ у насъ обѣдалъ Михайло Стогоровичъ. Куплены двѣ вѣдри водки на Смолномъ дворцѣ за 5 р. 40 к.

4 и 5. Зъ 4-го на 5-е число въ пятомъ часу на Василевскомъ острову здѣлалъся въ полатахъ, въ коихъ была кунстъ и раритетъ-камора, и библіотека, и глобусы, пожаръ, и какъ усилился огонь, то не токмо многіе вещи, въ томъ числѣ болшой глобусъ, но и вежа обсерваторія и многіе-жъ въ двохъ вышшыхъ ярусахъ апартаменты совсѣмъ згорѣли, кой пожаръ въ тѣхъ полатахъ и весь день и слѣдующую ночь, хотя оный многіе команды гасили, продолжалъся.

6. Въ сей день моего тезоименитства, по службѣ Божой, были у мене гостѣ, въ томъ числѣ оберъ-секретарь сенатскій Павелъ Василіевичъ Севергинъ, полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, да Марковичъ, гвардіи капитанъ поруччикъ и до позна забавились послѣ обѣда, ночью-же съ женою заежджалъ секретарь Новоторжцовъ.

7. Обѣдали у насъ полковникъ Божичъ, Стогоровичъ, кумъ Яковъ Тимофіевъ и Алексій Долінскій съ протчими нашими домовними. Розышлось 35 к.

8. Писалъ писмо въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его писмо, вчора полученное, о отобранью 100 р. денегъ у отца духовника, тако-жъ и по требованію графа Румянцова. Въ вечеру былъ у насъ Горчаковъ и далъ ему сосудецъ мелиссы.

9. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ если востребуетъ Скоропадскій денегъ 600 р., отдала ему и облѣгъ давный отобрала-бъ, да увѣдомила-бъ мене, заплачены-ль долги судіи Горленку, Мандзенку, Пуховичу, Савѣ Олишевскому и Роману Яненку за вино, такожъ потребна-ли іноземка къ дѣтямъ; другое съ инстанціею до Скоропадского и Валкевича за канцеляристою Михайломъ Домбровскимъ, чрезъ которого и оные писма, тако-жъ вчора писанные до Скоропадского, отпущены. Вечеромъ посѣщали болного Василія Танского полковника, который еще 5-го числа захоровалъ на фебру.

10. Ездили съ Гудовичемъ на Василевской островъ и тамъ

онъ былъ въ сенатѣ за указомъ о сводѣ изъ форпостовъ на малороссійской границѣ стоячихъ таможенныхъ откупщиковъ, а оба мы были у іеромонаха въ кадецкомъ корпусѣ Никодима Рудзинского. Вечеромъ былъ у насъ для прощанія передъ отъездомъ своимъ отъселя брегадиръ Вітковичъ, а потомъ секретарь Новоторжцовъ, который долго въ ночь у насъ просидѣлъ.

11. Вечеромъ ездилъ съ Гудовичемъ въ Невскій монастырь до отца намѣстника, чтобъ надъ болнымъ полковникомъ Танскимъ завтра маслосвятіе отправили, потомъ исповѣды и причастія святыхъ таинъ его-жъ-бы удостоено, а отголь заездили и къ нему Танскому. Передъ симъ далъ я Григорію Дмитріеву на его нужды 2 р., да онъ-же взялъ на нужды Рудого и хлопця 4 р., послѣ знову 2 р.

12. Рано отправлено надъ болнымъ Танскимъ маслосвятые, и онъ-же послѣ исповѣди причастилься святымъ тайнамъ. Обѣдали у насъ Журманъ и Николай Сорокинъ и просидѣли въ ночь до позна.

13. Писалъ писмо къ женѣ чрезъ брегадира Вітковича, чтобъ у него отобрала книжку Телемака полскую. Послѣ обѣда былъ у мене секретарь Вынклеръ и привезъ двѣ писмѣ отъ сина Василя, изъ Киля писанные.

14. Писалъ еще до жены чрезъ Вітковича-жъ, съ посилкою отъ сина карти къ ней и рисунку двоихъ птичокъ, да до Скоропадского на его писмо.

15. Отправлены по почтѣ писма: одно въ Вроцлавъ до молодыхъ Скоропадскихъ, съ пакетомъ отъ отца ихъ, 13-го числа полученнымъ, другое до сина Василя въ Киль на его писма двѣ въ отвѣтъ, подъ № 20-мъ, чрезъ руки секретаря Вынклера. Были у болного Танского и спрашивали его о сочиненіи духовной, которую и сочинить просилъ писаря полкового Івана Янушкевича. Монастыря Кутейнского дѣвичого монахинѣ Марфѣ дано 30 к.

16. Духовную оный Танскій сочиненную подписалъ, тако-жъ и духовникъ его отецъ Софроній Кришталовскій, намѣстникъ монастыря Александро-Невского, на оной подписался-жъ.

17. Рано ѣздилъ я до купца Кремпена (которій зъ Ростока зъ Меклембургіи), чтобъ перевесть въ Киль 40 червоныхъ денегъ чрезъ кореспондента ихъ Віка, но онъ отказалъся въ томъ до двохъ недель. Обѣдалъ у насъ Божичъ, потомъ онъ и графъ Мойсей Владиславичъ, да поруччикъ гвардіи Вішневскій были въ квартерѣ Танского и на духовной его подписались.

18. Праздновано при дворѣ рожденія день ея імператорского величества (которому кончился 38-й годъ) и по службѣ Божой производилась трекратная изъ пушекъ и изъ мѣлкого, отъ полковъ гвардіи и отъ прочихъ на Невѣ въ баталіонъ декаре устроенныхъ, ружья палба; потомъ и при столѣ обѣдномъ палено-жъ нѣсколко разъ изъ пушекъ. А ввечеру перво былъ въ салъ-галереи балъ, потомъ въ болшой салѣ ужинъ для персонъ пяти кляссовъ, где и мы съ Гудовичемъ у стола были и сидѣли съ брегадирами, въ присутствіи ихъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдалъ у насъ протопопъ роменскій.

19. Vacat. 20-го были въ дворцѣ я и Гудовичъ по службѣ, а вечеромъ былъ у насъ стряпчій графскій Антипъ Івановъ и приносилъ купчую отъ Григорія Любистка, написанную Раковичцѣ и дѣтямъ еи на футоръ Шнаковскій на галицкомъ степу, проданный отъ него за 1,500 р., на которой мы трое и полковникъ Божичъ въ свѣдителство подписались.

21. Рано былъ Гудовичъ въ сенатѣ, и подписанъ тамъ приговоръ о отдачи за провіантъ, ставленный въ Кіевъ, 34 р. съ лишкомъ до рукъ купца брянского Чамова. Потомъ были мы оба въ дворцѣ и заходили до бандуристы слѣпого Матвѣя Өедорова. Послѣ обѣда до князя Н. Я. Трубецкого званный Гудовичъ ездилъ. Потомъ въ вечеру съ Гудовичемъ были мы у Ігната Кириловича Полтавцова съ поздравленіемъ вчорашнихъ его именинъ, где были и брегадиръ графъ Григорій Григоріевичъ Чернишевъ, и придворный лікарь Андрей Івановичъ Верре, и семеновского полку унтеръ-офіцеръ Василій Петровичъ Лачиновъ.

22. Графскій камординъ Іванъ Стефановичъ Барановскій передъ обѣдомъ приходилъ до насъ, чтобъ мнѣ съ Гудовичемъ явится у графа послѣ полудня въ 5-мъ часу, почему мы и были въ дворцѣ, токмо времени удобного не получили.

23. Сего числа въ 7-мъ часу по полудни были у графа и имѣли розговоръ сторони генерала маіора Лукина, который въ Гадячу нѣкоторые обиди показалъ, да и о дѣлахъ нашихъ малороссійскихъ.

24. Пріехали въ С. П. Бурхъ бунчуковый товарищъ Демянъ и судія полковый стародубскій Рубцы, которые у насъ и вечеряли и ночовали. Отъ сина получилъ писма и отъ жены.

25. На службѣ Божой были въ дворцѣ, въ болшой придворной церквѣ, где ея імператорское величество изволила сообщаться святымъ тайиамъ публічно съ протчими, мужеска и женска полу, нѣсколько придворними. По службѣ были у ручки ихъ імператорскихъ высочествъ, послѣ у графа Розумовского съ поздравленіемъ. Также званы отъ князей волоскихъ Матвѣя и Сергія Дмитріевичевъ Кантеміровъ обѣдать и у нихъ купно съ княземъ Сергіемъ Борисовичемъ Голицинымъ, да подпоруччикомъ артилеріи Свѣчинымъ обѣдали. А у насъ обѣдали безъ насъ пріежжіе гости Рубци. Вечеромъ былъ у насъ совѣтникъ Постелниковъ и Өедоръ Івановиичъ Коченевскій.

26. Рано ездили съ поздравленіемъ до господъ: князя Алексія Дмитріевича Голицина, графа Петра Івановича Шувалова, князя Н. Ю. Трубецкого, графа Александра Івановича Румянцова, а по службѣ Божой, въ дворцовой церкви слушанной, заходили къ духовнику, токмо его не получили. Вечеромъ были у насъ пѣвчіе Шереметевы; потомъ ездилъ я до барона Пеклина и до секретаря Вынклера, но, не получа ихъ, заездилъ до Танского болного. Зъ сего числа на

27 по полуночи, въ 5-мъ часу, гвардіи ізмайловского полку поруччикъ, Өедоръ Петровичъ Тарнавіотъ, преставилъся, на дворѣ князя Куракина стоявшій квартерою купно съ отцемъ своимъ, войтомъ нѣжинскимъ. Рано были мы у канцлера графа Бестужева-Рюмина и у его-жъ дворцовой церкви слушали обѣдни. Послѣ обѣда были у насъ графскіе камордины Іванъ Тимофіевичъ Золотой и Іванъ Стефановичъ Барановскій. Потомъ доволно въ ночь сидѣли у насъ-же Рубци, по которыхъ отшествіи multa mihi exprobravit Hudovitz. Сотникъ менскій Григорій Козмѣнскій къ отъезду своему простилъся.

28. Рано ездили поздравлять господъ князя Івана Василіевича Одоевского, генерала Александра Борисовича Бахметева, оберсекретаря сенатского Павла Василіевича Севергина и секретаря Новоторжцова. Послѣ обѣда былъ у насъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій съ извѣстіемъ, что вскорѣ отправится въ Малую Россію графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ, лейбъ-компаніи подпоруччикъ и св. Анны кавалеръ.

29. Рано ездили мы всѣ трое до оного графа Гендрикова, у которого трактованы кофемъ и водкою; потомъ были и у старшого брата его графа Андрея Сумоновича Гендрикова-жъ. Отъ нихъ поехавъ, были въ дворцѣ и у духовника, а по обѣдѣ были у насъ перво лѣкарь придворный Андрей Івановичъ Верре и Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій, потомъ приехалъ графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ, да лейбъ-компаніи гренадеръ Сичевскій и переводчикъ коллегіи іностранной Данилевскій и Рубци. Послѣ поехали къ Коченевскому въ новый его домъ и тамъ купно съ тѣмъ-же графомъ Гендриковымъ до 10-го часа пробавили.

30. Были по утру съ поздравленіемъ у гофъ-маршала его імператорского высочества, графа Андрея Михайловича Евфимовского, а братъ его старшый, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій, маіоръ гвардіи семеновского полку, былъ боленъ; потомъ были у князя Александра Борисовича Куракина, а потомъ, заехавъ въ дворецъ, были у слѣпого Любисткова. Послѣ обѣда пріездилъ до насъ Журманъ съ женою и тутъ видѣлъся съ Демяномъ Рубцемъ.

31. Писано отъ всѣхъ обще до старшины генералной писмо въ той надеждѣ, что въ скоромъ времени отправится министръ для елекціи нового гетмана и чтобъ оного, а наипаче если кто изъ графовъ Гендриковыхъ или Евфимовскихъ будетъ, принято со всякимъ благопріятствомъ; и тое писмо вручено Ѳедору Івановичу Кочевскому для пересилки въ Глуховъ чрезъ человѣка изъ печерского монастыря отъ архимандрита Тимофея, назначенного въ кіевскіе митрополиты, присиланного. Вечеромъ были у графа, токмо ничего отъ него не слышали.

И такъ, слава Богу, годъ 1747 окончалъся.

1748-й ГОДЪ СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Ездили рано до нѣкоторыхъ господъ съ поздравленіемъ нового году, токмо не застали оныхъ, кромѣ оберъ-гофъ-маршала Дмитрія Андріевича Шепелева, которого поздравивши, поехали до дворця и тутъ службы Божіей слушали, а по литургіи говорилъ архимандритъ казанскій, отецъ Веніаминъ Григоровичъ, преизряд-

ную проповѣдь. Потомъ всѣ пошли въ салъ-галерею и тамъ допущены были многіе къ руки ея імператорского величества, и многіе-жъ жалованы генералитетскими, штатскими и другими чинами. Послѣ изволила ея імператорское величество и ихъ імператорскіе высочества церемоніално шествовать въ болшую салу и тамъ подъ балдахиномъ на тронѣ обѣдъ кушать, где и всѣ знатные мужеска и женска полу персоны у стола, въ томъ числѣ и мы между брегадирами, сидѣли и обѣдали, а при томъ італіанская вокалная и инструменталная играла музика и окончался обѣдъ въ 3-мъ часу по полдни. А по полдни-жъ въ 8-мъ часу начался въ салъ-галеріи балъ, на которомъ и ея імператорское величество перво нѣкоторыхъ чинами жаловала, потомъ сговоръ графу Андрею Михайловичу Ефимовскому, государя великого князя гофъ-маршалу, съ дочерью умершого Павла Ягужинского, бывшого генерала прокурора, размѣною перстеней учинить, а послѣ съ его імператорскимъ высочествомъ и съ послами цесарскимъ и аглинскимъ по францускu танцовать изволила. Потомъ въ началѣ 11-го часа въ болшую салу пойшли и зажженъ былъ фееверкъ, который преизрядно горѣлъ и окончалъся въ томъ-же 11-мъ часу, а въ 12-мъ пріехали въ квартеру, где и Рубцовъ застали.

2. Писалъ до сина въ Киль, подъ № 1, на его писмо, 24-го декабря полученное, въ отвѣтъ и чтобъ у Шлидендорфа или у кого другого отъ 10 до 15 червоныхъ на свои нужды позичилъ, поки сыщу окказію переслать ему 40 червоныхъ; и тое писмо рекомендовалъ секретарю Вынклеру для отсилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ г. Горчаковъ, которому позичилъ я для переписки казань двѣ: 1-е изъ французского переведенное, 2-е въ день Рожества Христова съ нравоученіемъ о совѣсти, 3-е отвѣтъ епископовъ россійскихъ на писмо богослововъ сорбонскихъ, 4-е переводъ о исповѣди и розговоры Марнолфа и Федра о смерти Корнилія Монтія. Перехристъ, изъ Глухова пріехавшый, былъ у насъ, прозваніемъ Познанцовъ, именемъ (*пропускъ*), которого крестили генералъ Бибиковъ да жена брегадира Ільина.

3. По службѣ Божой были въ дворцѣ у графа и розговоровали о генералѣ-маіорѣ Лукинѣ, о грузинахъ и о прочемъ, а прежде насъ былъ у графа-жъ Журманъ. Зъ дворца возвращаючись, заездили до Івана Антоновича барона Черкасова и у него трактованы водкою.

Служитель обытели кіево-печерской отъехалъ съ указомъ до архимандрита тамошнего о прибытіи его въ С. П. Бурхъ для посвященія его-жъ здесь митрополитомъ кіевскимъ; чрезъ того служителя и наше писмо, до старшины генералной подъ 31-мъ числомъ прошлого декабря писанное, отпущено. Въ вечеру были у генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шыпова, который отъехалъ въ дворецъ на машкарадъ, а мы до Горчакова, где и полковника Божича застали.

4. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ квартеру войта нѣжинского Тарнавіота для присутствія на погребеніи умершого сина его Ѳедора, гвардіи измайловского полку поручика, которого тѣло проводили до монастыря невского архіерей с. п. бурскій и вся братія тамошняя; а въ монастырѣ по литургіи святой, которую целебровалъ архіерей вятскій и велико-пермскій, епископъ Варлаамъ Скамніцкій, погребенъ подъ церковью малою святого Лазаря. При погребеніи-же команда отъ измайловского полку салдатъ три залпы зъ дробного ружья выпалила. Потомъ были у архіерея. Надъ вечери приходили до насъ гуслістъ и бондуристъ графа Івана Сүмоновича Гендрикова, а въ вечерѣ ездили посѣщать болного Танского, а тамъ-же и у Рубцовъ были. Купецъ брянскій Чамовъ принесъ два сосуды закусокъ.

5. На службѣ и водосвятіи вечернемъ были въ церквѣ Пресвятыя Богородицы Володимерскія.

6. По службѣ Божой, у св. Сүмеона слушанной, ездили въ дворецъ и тамъ застали на процессію, изъ церкви придворной идучую для посвященія воды на рѣку, где поставлены были полки гвардіи и наполные (полевые) и гварнізонные въ строю квадратно, отъ пристани троецкой даже до корпуса кадецкого. А противъ нового зимного дворця здѣланъ былъ Іорданъ съ особливымъ мѣстомъ для государини, токмо на рѣкѣ при водосвятіи быть не изволила; а какъ воду освятили, то была пушечная палба изъ крѣпости, изъ адмиралитейства и изъ мѣлкого ружья трекратно полки палили. Вечеромъ были мы съ Гудовичемъ у переводчика іностранной коллегіи Данилевского.

7. Вчора полученные писма изъ Глухова отъ Скоропадского до дѣтей его въ Вроцлавь, а зъ Вроцлавя отъ Іонгганса по почтѣ и самъ сегодня получилъ, вечеромъ отвезъ къ постъ-директору Ашу,

который сего-жъ дня имѣлъ отправити. Надъ вечери былъ у насъ лакей дворцовый, называемый Петровскій, который отпушенъ въ Малую Россію для росправы въ заводѣ своемъ съ поруччикомъ Ланскимъ. Былъ у насъ съ Антипомъ въ вечерѣ слѣпій Любистокъ и по прошенію его на купчей, отъ него данной Раковичу на хуторъ Шпаковскій и на дворы въ Монастерищѣ проданные за 1,700 р., всѣ мы трое подписались. Хлопецъ Евфимъ утѣкъ.

8. Рано едучи въ дворецъ, заходили къ Федору Івановичу Коченевскому, вчора въ вечеру простились съ Афанасіемъ Григоріевичемъ Постелниковымъ, который сего числа отъехалъ на воеводство въ Вятку. Надъ вечери были у Игната Кириловича Полтавцова, которому и писмо отъ полковника лубенского Апостола вручено.

9. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского въ отвѣтъ на его три писми и включилъ на сей годъ календарь здешный, да до Іосифа и въ домъ до жены, тако-жъ въ Козелецъ до Подвысоцкого, обозного полкового кіевского, съ включеніемъ писмеца и до отца брата, которое туда для пересилки вручилъ Івану Стефановичу Барановскому, камордину графскому. Рано былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, и съ духовникомъ видѣлись, а надъ вечери ездилъ до Івана Петровича Толстого и далъ ему записку о трохъ бочонкахъ водки, вина простого 11 вѣдрахъ и салѣ.

10. По службѣ были всѣ трое въ дворцѣ. Государиня по обѣдѣ отъехала въ Петергофъ. Обѣдалъ у насъ Яковъ Тимофіевичъ, канцеляристъ сенатскій. По обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Трубецкого и до Шувалова etc. Хлопецъ Евфимъ приведенъ отъ Політики. За два календари дано 32 к. Князю грузинскому Луарсару Асихмованову, по писму Скоропадского, далъ 30 р. денегъ за его роспискою.

11. Рано ездилъ я до секретаря Вынклера, но его не засталъ, а потомъ былъ у Носка. По обѣдѣ былъ у насъ перво ассессоръ Гарасимъ Кириловичъ Либартовскій и звалъ на завтра къ себѣ обѣдать, ради имепинъ дочери своей Татіаны, потомъ секретарь Вынклеръ для розговору о пересилкѣ къ сину моему въ Киль денегъ. Купецъ Чамовъ принеслъ приговору сенатского о отдачи обивателемъ малороссійскимъ, въ томъ числѣ и ему, за провіантъ въ магазейны ставленный, 32,828 р. 18$^{3}/_{4}$ к., тако-жъ и росписки,

у него въ сенатѣ взятися имѣючой, копіи, точію не засталъ Гудовича, который ездилъ до князя Трубецкого и въ другіе мѣста.

12. Писано писмо отъ всѣхъ общее до генералной старшины, въ канцеляріи генералной присутствующыхъ, что-бъ о имѣющей прибыть персонѣ еще удержано до далшого времени въ секретѣ, да отъ мене писано къ Скоропадскому, что князю грузинскому Луварсару отданы 30 р. и отъ него о томъ-же писмо къ полковнику Челищеву сообщено. Хлопець Евфимъ до Григорія Політики отосланъ, а Лукянъ принятъ. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ кирасира, изъ Бикова пріездившаго. Писалъ къ сину въ Киль подъ № 2, обявляя, что здесь вручены секретарю Вынклеру 20 червоныхъ, которые онъ тамъ долженъ приняти отъ ассессора Шмидендорфа, а до него о томъ-же и отъ Вынклера писано. Включено до сина и писмо отъ отца Никанора, до отца Іова писанное. Обѣдали, при присутствіи многихъ гостей, у директора каравана китайского Гарасима Кириловича Либратовского, ради именинъ дочери его Татіаны, и тамъ же до позна пробавили.

13. За два слоики мелиссы заплачено 50 к., за лѣкарства въ аптецѣ 20 к., за аршинъ выбойки 38 к., за аршинъ ленти 18 к. Обѣдалъ у насъ маіоръ Тихановъ, которій женатъ въ Прилуцѣ на старой Тарнавской.

14. По обѣдни заездили къ Петру Івановичу Розумовскому, а Гудовичъ ездилъ въ сенатъ за указомъ, о учрежденныхъ по великороссійской границѣ таможняхъ для взиманія отъ купцовъ портовой пошлины, передъ симъ посланнымъ. По полдни были у вице-адмірала Александра Івановича Головина, которій (сказовали) весма занемогъ, и для того сожителница токмо его къ намъ виходила, а вечеромъ были у Новоторжцова.

15. Купецъ брянскій Тихонъ Григоріевъ синъ Чамовъ взялъ у купцовъ для потребы дому моего ценовой посуды: полумисковъ 12 болшыхъ, средныхъ и меншыхъ по 4, сосудовъ круглыхъ съ кришками два, талѣрокъ четири тузіны, два глубокихъ, два мелкихъ; въ нихъ и въ полумискахъ вѣсу 2 пуды, фунтовъ 23. Цена фунту по 23 к. Въ двохъ круглихъ сосудахъ вѣсу 13 фунтовъ, цена фунту по 30 к., въ двохъ довгихъ сосудахъ зъ кришками вѣсу фунтовъ 17; двѣ ложки болшые цѣнованые въ фунтъ. Передъ обѣдомъ ездили съ Гудовичемъ—онъ до Рубцовъ, а я до Василія

Танского, а по обѣдѣ были у Горчакова, до которого и книги у него позичанные отвезли, потомъ у сенатского канцеляриста Якова Тимофіева, которого женѣ, а моей кумѣ, данъ ящикъ закусокъ

16. Вечеромъ были съ Гууовичемъ у преосвященного псковского, потомъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича и у него купно съ княземъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Кантеміромъ и другими вечеряли. Зеркало взято чрезъ Чамова за 2 р. 50 к. у агличанъ.

17. Обѣдали съ Гудовичемъ у кума моего Якова Тимофіева, канцеляриста сенатского, где крестнику 50 к., да нянѣ и дочери малой его даны 20 к. Оттоль заездили къ преосвященному тферскому, гдѣ застали 2-хъ архіереевъ, псковского и переславского, и посѣщали болного Козляницю. Потомъ были у архимандрита спаского казанского, отца Вениямина Григоровича.

18. Послѣ полудня были у насъ секретарь іностранной коллегіи Александръ Михайловичъ Бялошицкій и кофишенкъ Савлуковъ, который при государинѣ вчерашнего числа изъ Царского Села возвратилъся.

19. Принеслъ ко мнѣ протопопъ мглинскій отъ сотника тамошнего Лисаневича писмо. Были мы, мимоездомъ изъ дворця, у нуримберцовъ, и куплены у нихъ двѣ картины за 40 к. Потомъ были у полковника Божича на водкѣ.

20. Писалъ писма до сотника мглинского Лисаневича, въ отвѣтъ на его вчорашнее писмо, и до жены моей, ознаймуючи о своемъ здоровѣ, и тѣ писма обѣ отосланы къ протопопу мглинскому для отправы въ Мглинъ. Вечеромъ заездилъ изъ дворця до насъ Журманъ и взялъ для прочитанія статьѣ Юрія Хмелницкого.

21. Писано писмо до племѣнника моего Іосифа, чтобъ далъ онъ знать, отданы-ли ему при писмѣ моемъ бумажныхъ шпалеръ десять штукъ, посланные отселя прошлого году въ ноябрѣ мѣсяцѣ чрезъ Івана Іваnового сина (что въ Пѣсочкахъ) Гамалію.

22. Вечеромъ былъ у мене вакансовый сотникъ Яковъ Дмитровскій и сказовалъ, что Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ [232]) засва-

---

[232]) Раковичи происходятъ отъ прилуцкаго полковаго писаря Семена Раковича, который, женившись на дочери Лазаря Горленка, получилъ въ приданое разоренное татарами сотенное мѣстечко Галицу (нѣжинскаго уѣзда). Къ Галицѣ принадлежало огромное пространство пустыхъ земель, которыя засе-

талъ племѣнницю жены кофишенка Александра Юліановича Савлукова, рожденную изъ сестри его Савлуковой, за поддячимъ Бринцовымъ въ замужствѣ бывшей, а оной невѣстѣ имя Өедосія Григоріевна.

23. Былъ у мене секретарь Вынклеръ и взялъ двадцат червоныхъ для пересилки къ сину моему въ Киль, до которого о томъ и писалъ я сего-жъ числа, подъ № 3-мъ, чтобъ онъ и прежные 20 и нынѣшные 20-же червоныхъ отобралъ у ассесора Шмидендорфа и о росходѣ какъ прежныхъ, такъ и сихъ ста червоныхъ прислалъ вѣдомость, да и отъ профессоровъ о своихъ наукахъ засвѣдителствованіе, якое писмо до сина къ отправѣ по почтѣ отослано къ тому-жъ секретарю Вынклеру.

24. Писаны писма отъ насъ въобщѣ до старшины генералной о отсилки Головина, да до старшины генералной, въ канцеляріи войсковой присуствующыхъ, о дѣлѣ Тихона Григоріева сина Чамова, купця бранского, взглядомъ денегъ, по указу сенатскому отобранныхъ. Вечеромъ посѣщали болного Якова Дмитріевича Рожевского, которого вчера масломъ соборовали, а отъ него были у Өедора Івановича Коченевского. За сундукъ деревяній на цѣны (цинковую посуду), да за бѣбулу и веровку—35 к.

25. Званы отъ господина секретаря Новоторжцова для тезоименитства дочери его Маріи, кресници обозного генералного Лизогуба, на завтрее обѣдать.

26. Рано были въ дворцѣ, где застали у графа всѣхъ синодалныхъ членовъ и канцлера и Апраксина. Потомъ отъехали до Новоторжцова и у него купно съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, оберъ-секретаремъ Павломъ Василіевичемъ Севергинымъ и другими обѣдали. Імениннницѣ куплена стіонжка за 50 к. Туда жъ пріездилъ Іванъ Раковичъ звать къ себѣ на зговоръ обозного генералного вмѣсто старости, потомъ и на квартеру нашу онъ-же

лила Агафья Лазаревна Раковичъ, оставшись вдовою. Пользуясь вліятельною помощью брата своего Дмитрія Горленка, въ то время прилуцкаго полковника, Агафья Раковичъ, на окружавшей Галицу степи, поселила теперешнія села—Сальное, Ровчакъ, Татаровку и другія. Единственный сынъ Агафьи, бунчуковый товарищъ Павелъ Раковичъ, былъ уже виднымъ богачемъ въ прилуцкомъ полку. Иванъ Андреевичъ Раковичъ, хоружій генеральной артиллеріи, былъ внукъ Павла.

съ Федоровичемъ пріездилъ, но на тихъ зговорахъ мы не были. Преосвященный тверскій, отъежджая, заездилъ въ нашу квартеру.

27. Полученъ пакетъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ до отца ихъ изъ Вроцлавя и оный включенъ въ писмо, отъ мене до него жъ въ Глуховъ писанное, съ посилкою фарфорового, для его купленого, креденсу. Постиліону, принесшему тотъ пакетъ, дано 3 к. Слугѣ секретаря Новоторжцова Івану, сегоднешнему имениннику, дано 50 к. изъ общыхъ денегъ. Данъ Носку парусного полотна кусокъ.

28. Были рано съ Гудовичемъ у графа въ дворцѣ, потомъ къ Ѳедору Івановичу заходили. Взялъ у Чамова 20 червоныхъ, всякій червоный по 2 р. 25 к., и того за 45 р.

29. Писалъ писмо къ женѣ объ отдачи Чамову за помянутые червоные денегъ сорока пяти рублей и что ему-жъ данъ реестръ о справленью нѣкоторыхъ покупокъ въ Москвѣ, которые если привезетъ въ домъ нашъ, то и за оные надлежащые денги заплатила-бы. А въ томъ реестрѣ написано: мѣховъ лисихъ хрибтовыхъ 2, красній 1, бѣлый 1, черевій 1, черевій песковій бѣлый 1, волчій черевій хорошій 1, бѣлокъ сибирскихъ два мѣхи, одинъ черныхъ, другой сѣрыхъ, заячихъ хорошихъ мѣховъ 4, два тюма китаю: одинъ голубого, другій кропивного цвѣту, кожъ юфтовыхъ 10, пасовъ (поясовъ) сморжовыхъ 2 пары.

30. Рано ездили до канцлера съ прошеніемъ доложить объ отпускѣ нашемъ. Отъ него при возвратѣ, противъ квартери нашой, встрѣтили едущую государиню съ придворними. Обѣдали у насъ секретарь Бутурлиновъ Ілля Кузмичъ и брянскій купецъ Чамовъ, которому и писма, отъ мене писанные до Скоропадского, съ включеннымъ и отъ дѣтей его пакетомъ, до жены о взятихъ у его, Чамова, 20 червоныхъ и до Іосифа о бумажныхъ шпалерахъ, чрезъ Івана Гамалію посланныхъ, тако-жъ реестръ о предпомянутыхъ въ Москвѣ покупкахъ, вручены, и онъ-же отъехалъ во свояси. Сего-жъ числа по обѣдѣ явились у насъ б. т. Николай Троцкій [233]), да сотникъ отставленный полковый прилуцкій Стефанъ Лукомскій, прі-

---

233) Бунчуковый товарищъ Троцкій былъ женатъ на Марьѣ Степановнѣ Носъ, единственной дочери Степана Носа—сына прилуцкаго полковника, поэтому всѣ недвижимыя имѣнія послѣдняго перешли къ Троцкимъ.

ехавшіе въ С. П. Бурхъ сего генваря. Писалъ до сина въ Киль подъ № 4, обявляючи, что секретарю Вынклеру отданы уже 40 червоныхъ, которые онъ долженъ тамъ отобрать у ассессора Шмидендорфа, и оное писмо отослано до постъ-директора Аша для отправленія по почтѣ въ Киль. Вечеромъ былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, и между тѣмъ присиланъ служитель отъ Савлукова звать одного обозного генералного, господина Лизогуба на завтре къ свадбѣ Раковича.

31. Рано приходилъ и самъ Раковичъ его-же г. Лизогуба звать одного, а по обѣдѣ и всѣхъ насъ звалъ. По службѣ Божой были у ручки государини многіе, въ томъ числѣ и мы; потомъ у графа Розумовского, который сказалъ, что и самъ-бы онъ радъ насъ отселя збуть. По полудни въ 6-мъ часу съехались перво въ домъ Өедора Івановича, потомъ въ дворецъ до слѣпого Григорія Михайловича Любистка и, тамъ проседѣвъ до 9-го часа, пошли съ женихомъ въ придворную болшую церковь, куда послѣ приведена и невѣста, где и государыня пришедъ, спросила о женихѣ и оного къ ручкѣ пожаловала, потомъ отошла. Таже началось и окончилось вѣнчаніе, а послѣ вѣнчанія отъехали изъ дворца прямо въ домъ кофишенка Александра Юліановича Савлукова, который съ женою своею, Агафіею Яковлевною Довбешковскою, встрѣтилъ молодыхъ на крилцѣ; потомъ, вшедъ въ избы, сѣли за столы, уже приготовленные; отъ сторони жениховой былъ отцемъ посаженымъ обозный генералный г. Лизогубъ, матерью жена Якова Івановича Дивова генерала рекетмейстера, съ невѣстиной—камеръ-геръ и кавалеръ Никита Андріяновичъ Вожжинской. Повечерявши у Савлукова и чрезъ часъ-другой танцовавши, отъехали вся веселая компанія съ женихомъ и невѣстою въ домъ Өедора Івановича Коченевского и тамъ немного позабавившись, молодыхъ оставя, розъехались уже въ 4-мъ часу по полуночи. Въ день были у насъ секретарь Новоторжцовъ и кумъ мой Яковъ Тимофіевъ съ своею женою.

Февраль.

1. По полдни въ 1-мъ часу звалъ Раковичъ всѣхъ насъ на кушанье до своей уже квартери, где, по собраніи вчорашныхъ веселныхъ гостей и Савлукова съ женою, обѣдали до позна, потомъ танцами даже до полуночи забавлялись. Государиня отъехала въ Царское Село.

2. Обѣдали у себе, а по обѣдѣ принеслъ ко мнѣ отъ отца духовника служитель его сто рублей денегъ, о которыхъ пріемѣ и росписка ему отъ мене дана. Послѣ полудня звалъ насъ Стефанъ Евфимовичъ Карновичъ камеръ-лакей (который 31-го генваря женился на іноземкѣ, бывшей у князя Константина Кантеміра) [234]) къ себѣ на вечеру, где мы и были у него, въ старомъ лѣтнемъ дворцѣ, и ужинали съ бывшими тамъ-же обоего пола гостми, въ томъ числѣ былъ и камеръ фуріеръ полковникъ Сергій Михайловичъ Нестеревъ, и пробавили до 2-го часа по полуночи.—За пару чашокъ чайнихъ фарфоровыхъ 25 к., да ізвожчику 8 к.

3. Праздновано при дворѣ у его імператорского высочества, государя великого князя воспоминаніе ордена кавалеріи святыя Анны, онымъ-же орденомъ жаловалъ 9-ть персонъ кавалерами, въ томъ числѣ и царевича грузинского, генерала маіора Георгія, контръ-адмирала Воина Яковлевича Корсакова и пр. Послѣ полдня ездили къ штатскому совѣтнику Василію Івановичу Демидову и у него съ протчими, тамъ бывшими, ради именинъ дочери его Анны, гостми, довольно трактованы.

4. Рано былъ у насъ б. т. Іванъ Андріевъ синъ Раковичъ съ новобрачною женою своею Ѳедосіею Григоровною. Куплено еще двѣ пари чашокъ чайныхъ и полоскателную одну за 75 к.; за чолки бѣлые дано 30 к. Принесенъ пакетъ изъ почти отъ постъ-директора Аша, полученный отъ дѣтей г. Скоропадского. Постиліону дано 8 к.

5. Передъ обѣдомъ пріехалъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ съ женою своею Анною Василіевною, у насъ-же и обѣдали и прощались за позавчерашную у господина Демидова бывшую компанѣю. Вчера вечеромъ былъ у меня переводчикъ іностранной коллегіи Данилевскій и принесъ книжку латинскую Lucubrationes, а рано вчера-жъ прислалъ къ намъ два томы новонапечатанного Телемака для вычетанія синодалный оберъ-секретарь Яковъ Герасимовичъ Леванидовъ, и я къ нему послалъ своего переводу Катехисмъ, Апологію и Малярда отвѣты, какъ приступилъ къ нашей

---

234) Карновичъ былъ камеръ-лакеемъ у великаго князя наслѣдника, который, вслѣдъ за вступленіемъ своимъ на престолъ, назначилъ Каронвича стародубскимъ полковникомъ.

церквѣ. Гудовичъ купилъ у англичанъ часы стѣнные, столикъ круглый и габінетецъ съ зеркаломъ, которому вручено отъ мене до жены моей писанное генваря 31-го писмо о посилки чрезъ Брянскъ оловяной моей посуды, здесь купленной, и въ двохъ сосудахъ закусокъ. Государиня изволила возвратится изъ Царского Села.

6. Писано писмо до Скоропадского съ посилкою пакетця, отъ дѣтей его полученного зъ Вроцлавя, тамъ-же включено подъ числомъ 31-мъ генваря до племѣнника Іосифа о отправленной въ домъ чрезъ Брянскъ цѣновой посудѣ и въ двохъ сосудцахъ закусокъ. Вечеромъ ездили съ Гудовичемъ до прокурора провіантмейстерской канцелляріи Петра Михайловича Николева.

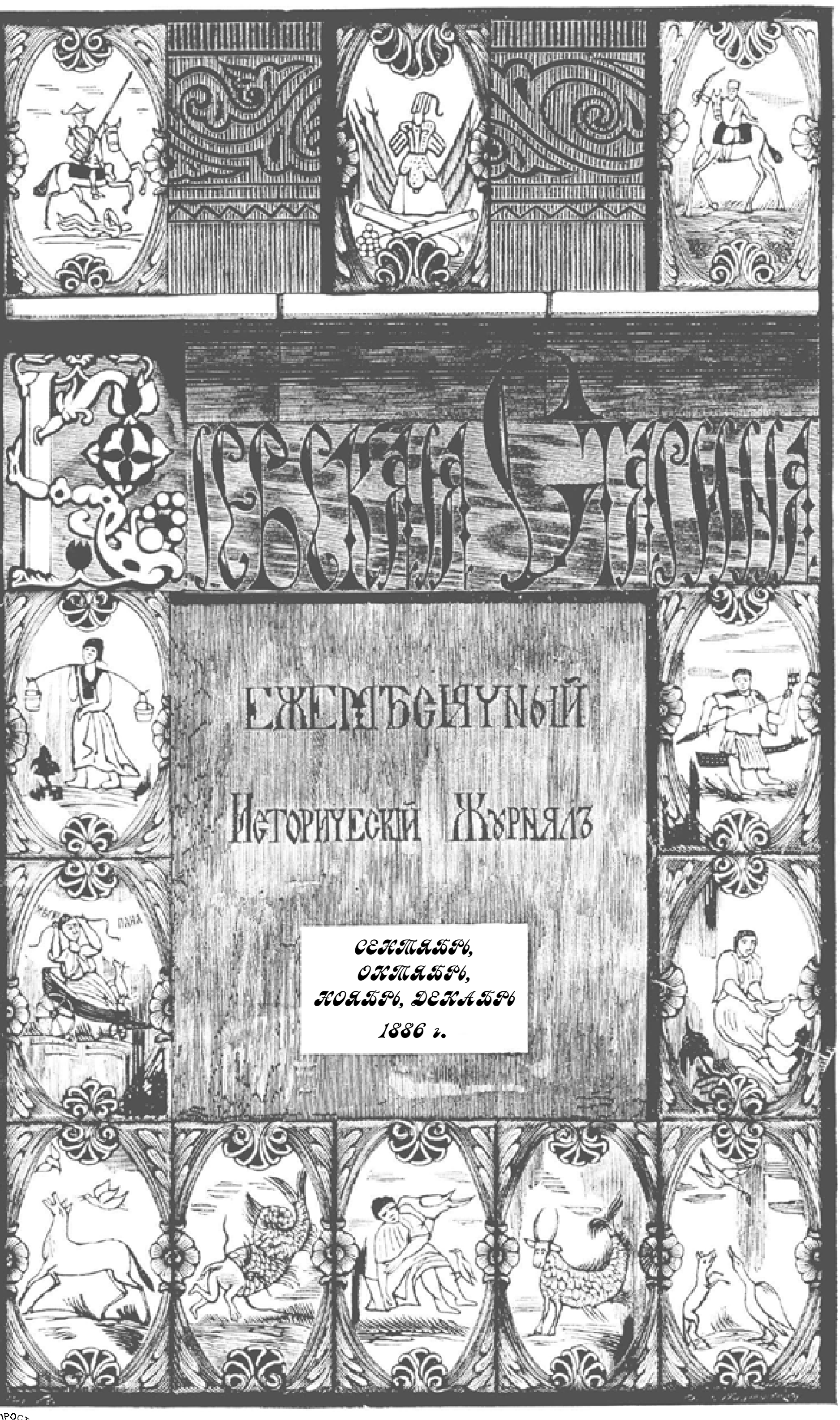
7. Рано были въ дворцѣ у графа Р(озумовского) и видѣлись съ генераломъ лейтнантомъ Михайломъ Семеновичемъ Хрущевымъ, а по обѣдѣ ездилъ Гудовичъ до князя Н. Ю. Трубецкого, будто по его приказу и требованію.

8. Рано ездили съ Гудовичемъ въ дворецъ для поздравленія тезоименитствомъ отца Өеодора Дубянского, духовника, а оттуда заехали поздравить тезоименитствомъ-же Өедора Івановича Коченевского и у него съ многими обоего пола гостми обѣдали; а у насъ съ г. Лизогубомъ обѣдалъ отецъ Лука, намѣстникъ свинскій, въ нашей-же квартерѣ. По обѣдѣ былъ лейбъ-компанецъ Романъ Лукяновъ синъ Струтинскій [235]). Въ вечеру присланный служитель отъ Горчакова звалъ на завтра откушать для крестинъ недавно родившейся ему дочери.

9. Писалъ до г. Горленка, судіи енералного, на его писмо сторони денегъ его, мною у Якова Дмитріевича Красінского 150 р. взятыхъ, и о удостоеніи его-жъ за службы маетностми, которое включилъ въ одинъ пакетъ до Скоропадского и до жены, что-бъ отдала и ему 600 р. давныхъ, да за 17 червоныхъ 38 р. 50 к., такожъ Горленку судіи 150 р. и Мандзенку за матеріи заплачены-ль надлежащые денги; и впечатавъ въ конвертъ на имя членовъ войсковой генералной канцел-

---

[235]) Когда въ 1712 г. Галаганъ получилъ отъ Скоропадскаго м. Еремѣевку, то поставилъ надъ тамошними крестьянами старостою Лукьяна Струтинскаго. Сынъ этого старосты Романъ былъ взятъ къ императрицѣ въ гайдуки и отсюда попалъ въ лейбъ-компанцы; въ 1757 г. Романъ Струтинскій былъ капитанъ-поручикомъ и лейбъ-компаніи вице-капраломъ, а черезъ десять лѣтъ полковникомъ.



Кіевъ Въ тіпографіи Г.Т. Корчакъ-Новицкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XVI.

Сентябрь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го августа 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

Илія Ѳедоровичъ Новицкій.

Охочекомонный полковникъ XVII ст.

Приложеніе къ »КІЕВСКОЙ СТАРИНѢ« 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

НАЙМИЧКА.

(Окончаніе) [1].

На хуторѣ дни проходили безъ особыхъ приключеній. Марко выросталъ не по днямъ, а по часамъ; у него прорѣзалися зубки безъ особыхъ припадковъ, какъ это бываетъ съ другими дѣтьми: онъ сталъ уже ходить по хатѣ безъ помощи ослона или лавы, и цѣлые часы глядя на его походку, любуяся, старый Якимъ давалъ ему разныя названія, какъ-то: гайдамака, чумакъ, запорожецъ и однажды нечаянно назвалъ его уланомъ, отъ чего Лукія вздрогнула, поблѣднѣла и вышла изъ хаты, а Марта, не замѣчая смущенія Лукіи, вскрикнула на Якима: «перекрестись, божевильный! какой онъ у тебя уланъ?» и взявши Марка на руки, цѣловала его, крестя и приговаривая: «укрой и сохрани тебя, Матерь-Божія, отъ всякой злой напасти!» и лаская укладывала его въ люльку.

Лукія возвратилась въ хату, Марко уснулъ и тишина водворилась въ хатѣ.

Недѣлю спустя послѣ описанной нами сцены, послѣ обѣда Якимъ по обыкновенію отдыхалъ, Марта тоже на печи дремала, а Марко, вооружась арапникомъ, нарочно для него сплетеннымъ Лукіею и размахивая имъ, бѣгалъ отъ стола до порога и отъ порога до стола Лукія молча любовалася своимъ сыномъ. Она

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., августовск. кн., стр. 577—612.

съ чувствомъ тихаго восторга смотрѣла на него и не знала предѣла своему счастію. Вдругъ ей послышалось, что наружная дверь заскрипѣла, она вздрогнула; черезъ минуту отворилася дверь и въ хату вошелъ въ охотничьемъ нарядѣ корнетъ. Лукія вскрикнула, схватила Марка и выбѣжала изъ хаты; онъ выбѣжалъ за нею, но не могъ ее догнать. Лукія спряталась въ клунѣ, куда онъ побоялся войти, потому что тамъ были молотники.

Походивши немного по двору, онъ вышелъ за ворота, и, сѣвши на коня, поскакалъ въ поле.

Дремавшая Марта соскочила съ печи и, не видя въ хатѣ ни Марка, ни Лукіи, переполошилась. За нею проснулся и Якимъ, и оба, не понимая, что случилося, смотрѣли другъ на друга.

— Гдѣ Марко? спросила Марта.

— Не знаю! отвѣтилъ Якимъ.

— Кто тутъ кричалъ въ хатѣ?

— Не знаю! отвѣчалъ Якимъ.

— Ты никогда ничего не знаешь! почти крикнула Марта и вышла изъ хаты.

— А ты такъ хорошо знаешь, когда ѣдятъ да тебѣ не даютъ!— сказалъ Якимъ, медленно подымаясь съ постели.

Марта вошла въ другую хату, и тамъ нѣту ни Марка, ни Лукіи; она вышла на дворъ и встрѣтила изъ клуни идущую перепуганную Лукію. А Марко бѣдняжка посинѣлъ отъ холоду и прегромко плакалъ.

— Ты Бога не боишься, Лукіе! кричала Марта. Ну, какъ таки можно бѣдное дитя выносить на такой холодъ; видишь, какъ оно сердечное посинѣло. Дай его мнѣ; и что это тебѣ въ голову пришло, скажи ради Матери Божіей?

— Я испугалася..., едва проговорила Лукія.

— Какого ты тамъ рожна испугалася?

— У насъ былъ въ хатѣ.....

— Кто тамъ у насъ былъ въ хатѣ?

— Уланъ, кажется, шопотомъ проговорила Лукія.

Они вошли въ хату.

— Что тамъ такое случилося съ вами? спросилъ Якимъ.

— Лукія говоритъ, что у насъ уланъ былъ въ хатѣ!

Якимъ засмѣялся и спросилъ:

— А волка не было съ уланомъ?

Лукія на его остроту не отвѣчала. Марка кое-какъ успокоили, и старый Якимъ снова, усмѣхаясь, заговорилъ:

— Ну, скажи, Лукіе, какой то къ намъ уланъ приходилъ: рудый, сѣрый, чи волохатый? А бодай же тебе, Лукіе! Отъ насмѣшила, такъ такъ!

И Якимъ простосердечно захохоталъ.

Лукія молча улыбалась, а Марта, качая люльку, шопотомъ говорила:

— Цыть! дитину разбудишь своимъ проклятымъ смѣхомъ, оно бѣдное только что глазки закрыло.

— Да какъ-же тутъ не смѣяться? Вовкулака или тотъ, какъ его, уланъ рудый въ хату заходилъ?

— Та пускай себѣ и заходилъ, только ты замолчи, сказала Марта, не переставая качать люльку.

Не проходило дня, чтобы старики не подтрунили надъ бѣдною Лукіею, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не посѣтилъ ихъ корнетъ въ другой разъ, а это случилося ровно черезъ недѣлю.

Стари и Лукія потѣшалися Маркомъ, какъ онъ таскалъ за собою повозочку, Лукіею же сдѣланною изъ рѣдьки, и погонялъ самъ себя нитянымъ арапникомъ; и только что онъ прошелъ отъ стола до дверей, какъ дверь отворилась и въ хату вошелъ корнетъ и чуть не свалилъ съ ногъ чумака Марка. Лукія бросилась къ ребенку, схватила его и бросилась изъ хаты. Марта выбѣжала за нею, а корнетъ, снявши шапку, поздоровался съ Якимомъ.

— Доброго здоровья! отвѣчалъ Якимъ, вставая.

— Что это онѣ у тебя такія дикія?

— Да что, добродію! Сказано бабы, а бабы и козы все равно скачутъ, когда завидятъ человѣка. Дуры хуторяне, никакого звычая не знаютъ.

— А я сегодня поохотился немного да и тебя старика навѣстилъ, сказалъ онъ, садясь на лаву.

— Покорно благодаримо; просимо, садитесь. Не угодно ли будетъ пополудновать; у насъ по простому, вы, я думаю, на своей охотѣ проголодались?

— Да, весьма не мѣшало-бы, я таки порядочно голоденъ, съ утра ничего не ѣлъ.

— Отто-тожъ: посидите же часть времени, а я пойду отыскивать своихъ дикихъ хуторянокъ.

И Якимъ вышелъ изъ хаты.

Корнетъ, оставшись на единѣ, прошелся раза два по хатѣ и остановился около люльки.

— Ба! превосходная мысль! прошепталъ онъ и вынулъ изъ кошелька червонецъ, положилъ подъ подушку въ люльку и только что усѣлся на прежнемъ мѣстѣ, какъ вошла Марта въ хату, молча поклонилася гостю, достала чистую скатерть, накрыла столъ и начала молча приготовлять полдникъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ Якимъ въ хату, говоря: хоть колъ на головѣ теши, не хочетъ войти въ хату, да и только!

— Кто это не йдетъ въ хату? спросилъ охотникъ.

— Да наша наймичка, такая глупая, какъ будто людей отродяся не видала.

— А не йдетъ, такъ и пускай себѣ не йдетъ! сказала Марта: мы и безъ нея управимся.

Приготовивши все для полдника, она вышла изъ хаты.

— Прошу вашей милости, садитеся за столъ, та полуднуйте, что Богъ далъ, сказалъ Якимъ, садясь на ослонѣ.

— Ахъ, да я и забылъ, вѣдь у меня есть роменская кизлярка!

И корнетъ вынулъ изъ охотничей сумы бутылку съ водкой и поставилъ на столъ.

— Не извольте трудиться, ваша честь; у насъ правда есть и своя, да мы съ старою мало употребляемъ, то и добрыхъ людей иногда забываемъ потчивать.

Якимъ хотѣлъ встать, но охотникъ удержалъ его.

— Постой! постой, дядя! Вѣдь у васъ не такая; у меня вѣдь настоящая кизлярка!—И онъ вынулъ серебряную чарку изъ сумы.

— Не знаю: не случалося пивать такой, а всякое вино перепробовалъ на своемъ вѣку, говорилъ Якимъ.

— Такъ вотъ, попробуй, дядя! сказалъ охотникъ, подавая старику чарку.

— Попробуемъ, что тамъ за кизлярка? сказалъ онъ, принимая чарку и крестясь.—Господи благослови!

Выпивши водку, Якимъ, немного помолчавъ, проговорилъ:

— Нечего сказать, хорошая водка, а дорога?

— По цѣлковому бутылка.

— О, цуръ же ей, когда такъ! У насъ на карбованецъ ведро купишъ!

— Купишь, да не этакой!

— Э, все одинаково, лишь бы на завтра голова болѣла!

И они молча принялися закусывать колбасу и холодное свиное сало, до котораго, впрочемъ, охотникъ не прикасался: невѣжа! не зналъ, что холодное свиное сало лучше всякаго патефруа, а впрочемъ, о вкусахъ спорить нельзя.

Охотникъ кстати привелъ поговорку, что по одной не закусываютъ, потомъ другую, что безъ тройцы домъ не строится, потомъ еще и еще поговорку, а за поговоркой, разумѣется, ими выпивалися и выпивалися чарки, такъ что не прошло часа, а въ бутылкѣ уже было пусто, какъ у пьяницы въ карманѣ.

Они стали говорить громче и быстрѣе. Охотникъ наговорилъ Якиму много любезностей, почти велико-свѣтскихъ, и между прочимъ вотъ какую:

— А ты мнѣ, дядя, съ перваго разу понравился—помнишь?

— Помню, отвѣчалъ Якимъ.—А вы мнѣ, та попросту, совсѣмъ тогда не понравились, а теперь такъ вижу, что ты человѣкъ хорошій.

— Вотъ то то и есть! Ты раскуси-ка меня, дядя, такъ не то увидишь.

— Нѣтъ. я кусать тебя не буду, а знаёмитися милости просимо!

— Вѣдь я, правду тебѣ сказать, для тебя и въ ваше село на квартиру перешелъ, чтобы только къ тебѣ въ гости ходить.

— Благадаримо! благадаримо! Марта! крикнулъ Якимъ, вставая со скамьи: пряжи яешню съ колбасою! давай ведро выстоялки! Не знаешь, старая баба, какой у насъ человѣкъ сидитъ!

— Полно, полно, ничего не надо, дядя! Я сейчасъ уѣду.

— Уѣдешь. только не сейчасъ, я тебѣ еще покажу нашего Марка.

— А кто это такой вашъ Марко?

— А наша дитина. Развѣ ты не знаешь, что у насъ и сынъ есть?

И Якимъ пошелъ къ двери, бормоча: «вотъ я вамъ дамъ, вражи бабы»! и вышелъ за двери.

Черезъ минуту онъ внесъ на рукахъ въ хату плачущаго Марка, а за нимъ вошла и Марта.

— Посмотри, посмотри! говорилъ Якимъ, какое намъ добро Господь на старостя послалъ!—На, забавляй его по своему, сказалъ онъ, обратясь къ Мартѣ, и передалъ ей Марка.

— Иди, иди, гайдамака! ты сякій сыну, такій! приговаривалъ Якимъ и разсказалъ охотнику исторію успокоившагося Марка.

Охотникъ, разсѣяно выслушавъ разсказъ Якима, сказалъ:

— А кто же его настоящая мать?

— А Богъ ее знаетъ! Уповать надо, покрытка, какая нибудь безталанница!

— У тебя все покрытка, а можетъ и честная женщина, только бѣдная, сказала Марта.

— А можетъ и честная, Богъ ее знаетъ!—Куда же вы? сказалъ онъ, обращаясь къ охотнику; погостите, Бога ради, вы у насъ, и то рѣдко бываете.—Стара! выстоялки! яешни!

— Благодарю тебя, дядя! Буду часто бывать, только сегодня не держи, не могу, дома есть дѣло.

— А коли дѣло, такъ и дѣло; какъ волите, сами лучше знаете. А хорошо-бъ попробовать еще нашои выстоялки!

— Нѣтъ, благодарю, въ другой разъ; прощай, дядя!

И охотникъ вышелъ изъ хаты.

Якимъ проводилъ за ворота дорогого гостя и въ сотый разъ повторивъ просьбу не минать ихъ хутора, возвратился въ хату, бормоча про себя:

— Притча во языцѣхъ! Вотъ тебѣ и москаль! вотъ тебѣ и уланъ! та дай Богъ, чтобъ и хрещеные люди такіе росли на Божьей землѣ. Молодецъ, нечего сказать! И гдѣ онъ такую дорогую водку покупаетъ? Говоритъ, въ Ромнахъ. Надо будетъ поѣхать въ Роменъ, та достать такой водки, чтобъ не стыдно было, когда въ другой разъ заѣдетъ. Такъ, я думаю, не достанешь: паны всю выпили. Ну, ужъ за этими панами нашему брату некуда дѣваться! А чтожъ, вѣдь и онъ тоже панъ, хоть и московскій. А человѣкъ хорошій, очень хорошій человѣкъ! Хоть-бы и у насъ такихъ пановъ насіять! А что, на Москвѣ тоже ростутъ паны?

И задавши себѣ такой хитрый вопросъ, Якимъ, шатаясь, вошелъ въ хату.

Лукія, перестилая въ вечеру постельку Марка, нашла подъ подушкою червонецъ и сейчасъ догадалась, что это было дѣло его

нѣжнаго папаши, взяла червонецъ въ руки и не знала, что съ нимъ дѣлать; но, подумавши не много, опустила его въ пазуху и молча продолжала свое дѣло.

Охотникъ сдержалъ свое слово: онъ каждую недѣлю исправно, два и три раза, посѣщалъ хуторъ, только безъ всякаго со стороны сердечной поощренія. Поилъ Якима кизляркою, а Якимъ его потчивалъ десятилѣтнею выстоялкою, тѣмъ и кончалися его визиты. Лукія всегда убѣгала изъ хаты, когда только его завидитъ, а онъ былъ до того скроменъ или лукавъ, что никогда ни слова не сказалъ старикамъ про ихъ наймичку, какъ будто онъ ея никогда и не видалъ. Любовался всегда своимъ Маркомъ, какъ совершенно для него посторонній, привозилъ ему всегда пряники, а иногда и другіе гостинцы, чѣмъ успѣлъ приласкать къ себѣ дитя, такъ что, бывало, когда онъ входилъ въ хату, то оно бѣжало къ нему на встрѣчу, протягивая ручонки, и кричало: «да!.. да!»

Въ великомъ посту, когда старики говѣли и съ пятницы на субботу осталися ночевать у отца Нила, чтобы не проспать заутрени, корнетъ передъ вечеромъ пріѣхалъ на хуторъ: онъ зналъ, что старики въ селѣ и ночевать не будутъ дома, оставилъ съ деньщикомъ своего коня, а самъ прокрался, какъ воръ, на дворъ и потомъ въ хату. Лукія въ это время играла съ Маркомъ и когда увидѣла улана въ хатѣ, то вскрикнула и чуть ребенка изъ рукъ не уронила. Они молча остановились другъ передъ другомъ; Марко протянулъ къ нему ручонки и сказалъ свое обычное: «да—да». Но «да—да» не отвѣчалъ ни слова на привѣтъ Марка, а Лукія схватила его ручонки и прижала къ себѣ.

Долго продолжалось молчаніе, наконецъ корнетъ заговорилъ:

— Скажи, Лукѣюшка, за что ты меня не любишь? зачѣмъ ты отъ меня прячешься всякій разъ, когда я сюда пріѣду?

Лукія молчала.

— Я мучуся! я страдаю! я умираю безъ тебя! Цвѣточекъ мой прекрасный, мой розанъ ненаглядный, проговори хоть одно слово, хоть взгляни на меня!

Лукія взглянула на него, но не проговорила ни слова.

— За что я тебѣ вдругъ не милымъ сталъ? Вспомни ты темный садъ и короткія сладкія минуты, что мы проводили съ тобой.

Она опять взглянула на него и изъ прекрасныхъ ея карыхъ очей покатилися крупныя слезы.

— Чего ты плачешь, моя прекрасная! или тебѣ стало жаль прошлаго? Что-жъ, отъ тебя зависитъ; начнемъ снова.

Она плюнула ему въ глаза.

— Не сердися, моя крошечка! Я тебѣ всего, всего себя, всю жизнь свою тебѣ отдамъ.

Лукія съ омерзеніемъ отворотилась отъ него, подошла къ двери и, отворивши дверь, громко крикнула: «Катре!»

— Не зови никого, побудь со мною наединѣ: я тебѣ всю правду, всю истину скажу; и ежели есть у тебя хоть искра чувства, ты извинишь меня!

Между тѣмъ вошла въ хату, со скалкою въ рукахъ, дюжая Катря.

— Катре голубочко, побудь съ этимъ паномъ, а я вынесу Марка въ другую хату, а то онъ его боится и плачетъ.

И съ этимъ словомъ она вышла изъ хаты.—Черезъ минуту она возвратилась, держа въ рукѣ червонецъ, подошла къ нѣжному своему обожателю и, подавая ему червонецъ, сказала:

— Марко и безъ твоихъ червонцевъ богатъ: возьми!

Онъ отодвинулъ ея руку; она бросила ему червонецъ на полъ и вышла изъ хаты.

Онъ поднялъ червонецъ, повертѣлъ его въ рукѣ, какъ-бы раздумывая, что съ нимъ дѣлать.

— Вотъ тебѣ, голубушка, сказалъ онъ Катрѣ, подавая ей червонецъ: только ты пособи мнѣ ее уломать.

Катря, взявши червонецъ, проговорила:

— Какой хорошенькій дукачикъ! Чтожъ это у него дырочки нѣту, какъ же его носить? Вотъ теперь еслибъ доброе намисто!

— И монисто куплю, только ты уломай ее.

— Добре, уломаю.

И корнетъ вышелъ изъ хаты.

— За что это онъ ломать просилъ? спросила Катря у входящей Лукіи.

— Не знаю, отвѣтила она.

— Посмотри, какой хорошенькій онъ мнѣ дукачикъ подарилъ.

Лукія взглянула на червонецъ и не сказала ни слова. Катря вышла, а Лукія осталася въ свѣтлицѣ и всю ночь проплакала.

Въ субботу послѣ вечерни старики возвратилися домой и не могли нахвалиться гостепріимствомъ своего знакомаго охотника. Онъ ихъ послѣ обѣда отъ отца Нила зазвалъ къ себѣ на квартиру, и чѣмъ онъ ужъ ихъ не угощалъ? И чаемъ, и сахаромъ, и всякою всячиною, такъ что всего и не упомнишь. Одно только Мартѣ не понравилось, что у него вездѣ табакъ: и на столѣ табакъ, и на окнахъ табакъ, и на лавѣ табакъ—вездѣ табакъ; она думала, что у него и чай изъ табаку, а потому-то съѣла кусочекъ сахару, другой спрятала для Марка, а до чаю и рукой не прикоснулась. Еще двѣ вещи ей сильно не понравились: это собаки на постелѣ, и деньщикъ такой старый, оборваный, грязный, на рукахъ грязи—что и вихтемъ не отмоешь. И еще чудно: деньщикъ уже сивый, а онъ ругаетъ его, кричитъ: «эй малый!» а можетъ это по ихъ московскому звычаю такъ и слѣдуетъ, Богъ тамъ ихъ знаетъ!

Посѣщенія корнета продолжались по прежнему, и по прежнему безъ успѣха. Онъ часто дарилъ разныя бездѣлушки дебелой и простоватой Катрѣ, а та по простотѣ своей говорила ему, что Лукія каждый день и ночь за нимъ плачетъ и что когда дастъ Богъ Великодня дождаться, тогда можно будетъ просто въ церковь да й *Исаія ликуй*.

Постъ былъ въ исходѣ, нужно было и Лукіи отговѣться. Какъ же ей быть? Онъ теперь квартируетъ въ Буртахъ; онъ не дастъ ей и Богу помолиться, а не то отговѣться. Подумавши, она попросилась у своихъ хозяевъ навѣстить своего отца и за одно отговѣться въ своемъ селѣ.

Старики охотно согласились и предложили ей сани и лошадь. Она отказывалася, но не могла отказаться, а на говѣнье, кромѣ платы за службу, Якимъ далъ ей карбованецъ.

Послѣ обѣда въ воскресенье на шестой недѣлѣ она выѣхала изъ хутора на маленькихъ саночкахъ прямо на Ромодановскій шляхъ. Не хотѣлося ей бѣдной ѣхать въ свое село, но любовь дочери поборола въ ней стыдъ покрытки; она уже третій годъ не имѣла никакихъ свѣдѣній о своихъ родныхъ. Съ трепетомъ въѣхала она въ свое родное село, подъѣхала къ воротамъ своимъ и вскрикнула въ ужасѣ. Ворота были разобраны, частоколъ повалился, соломенная

крыша на хатѣ вѣтромъ разорвана и черныя стропила виднѣлись, какъ ребра изъ полуистлѣвшаго чудовища. Привязала она лошадь къ оставшейся около воротъ вербѣ, а сама вошла въ хату. Пустка, и снаружи, и внутри пустка!

— Куда-же они дѣлися? неужели умерли? спросила она сама себя и вышла изъ хаты.

У кого-же она теперь пріютится?

Уже давно когда-то, года три тому назадъ, была у нея знакомая край села, старая «московка», у которой прежде собирались вечерницы; она къ ней и направила свою лошадку.

У этой старой московки почти на выгонѣ была не то, что называютъ хатой, а вѣрнѣе то, что у насъ называютъ куренемъ, т. е. ежели смотрѣть издали, то это скорѣе похоже на кучи навозу, нежели на жилище человѣка; вблизи-же она была, какъ говорится (и говорится справедливо), живописна и живописна до такой степени, что я, хотя и не любитель подобныхъ живописныхъ вещей, беруся однако-же нарисовать для того, чтобъ показать моимъ почти соннымъ слушателямъ, что я не лгу, какъ какой-то курьеръ.

Ахнули въ селѣ люди добрые, когда увидѣли около куреня московки клячу и едва замѣтныя санишки.

— Откуда она взяла такое добро? всѣ въ селѣ вскрикнули: вѣдь у нея давно уже вечерницы не собираются!

Пошли по селу толки, такіе точно толки, какъ бываютъ въ уѣздномъ городѣ, когда проѣдетъ по его единственной улицѣ жандармъ на тройкѣ.

Лукія, распрягши лошадь, привязала ее къ санному полозу и, бросивши ей сѣнца, вошла въ москалыхинъ курень (это было въ сумерки). Войдя, помолилася и едва-едва нащупала свою старую знакомую, а нащупавши, сказала:

— Добрывечиръ!

— Добрывечиръ! едва отвѣчало ей что-то.

Лукія ощупала тряпки, а въ тряпкахъ завернуто что-то живое.

— Не здужаю: стара, погана, погана стала!

— Чи нема у васъ лою? Я-бъ каганецъ засвитила.

— Ничого нема! и печи не топила. Я позавчора ходила въ гости, воротилася до дому та й занедужала.

— Что-же у васъ болитъ?

— Все болить, моя голубко!

Лукія оставила ее и черезъ полчаса возвратилася съ дровами, затопила полуразвалившуюся печь, нашла гдѣ-то подъ припечкомъ съ обитыми краями горшокъ, положила въ него снѣгу и приставила къ огню.

— Спасыби тоби! проговорила больная.

Пока растаявалъ снѣгъ и потомъ грѣлась вода, Лукія вышла на дворъ, посмотрѣла на клячу, на сани и говорила сама съ собой:

— Господи, у мене хоть чужіе добрые люди есть, а у нея никого нѣту, настоящая сирота!

Она подошла къ санямъ, вынула изъ нихъ торбу съ паляныцями и молча вошла въ хату. Вода въ горшкѣ уже кипѣла, она его отставила отъ огня и спросила хозяйку:

— Чи нема у васъ какой нибудь мисочки?

— Есть, голубочко! на печкѣ посмотри; мнѣ на дняхъ Майчиха прислала рыбки, дай Богъ ей доброе здоровье! такъ мисочки я ей еще не относила.

Лукія дѣйствительно нашла глиняную, небольшую чашку, вымыла ее, налила горячей воды и, подавая больной, сказала:

— Выпей ты горячей воды немного, та съѣшь хоть кусочекъ паляныци, то лучше станетъ. Если-бъ можно было достать шавліи, то оно-бы еще лучше было.

И говоря это, она отломила кусокъ бѣлаго хлѣба и подала больной.

Больная выпила воду, съѣла немного хлѣба и благодарила свою лекарьку.

— Тебя сама Матерь Божія послала ко мнѣ!

— Лежи, не вставай; я тебя укрою, и она укрыла ее своимъ тулупомъ.

Между тѣмъ печка истопилася; Лукія закрыла трубу. Больная начала дремать, зазвонили къ повечерни, Лукія надѣла бѣлую свиту, осмотрѣла еще разъ свою больную и вышла изъ хаты.

Пошла Лукія къ повечерни. Какъ она войдетъ въ церковь? вѣдь на нее всѣ пальцами покажутъ! Всѣ скажутъ ей въ глаза, что она свою мать и отца въ гробъ свела!

— Пускай показываютъ на меня, думала она себѣ: пускай смѣются, говорятъ, знущаются—я все вытерплю, все выстрадаю! Я должна

выстрадать: я великая грѣшница! Объ одномъ только прошу Тебя, милосердый Боже мой, пошли Ты здоровье и добрую долю моему единому сыну!

Опасенія ея на счетъ насмѣшекъ были напрасны: народу было въ церкви мало, и ея никто не замѣтилъ; она-же себѣ остановилася у самыхъ дверей, а въ церкви никто назадъ не обращается, по крайней мѣрѣ такъ дѣлается въ нашихъ селахъ.

Уже въ сумерки Лукія возвратилася въ хату и увидя, что больная все еще спитъ, тихонько вышла изъ хаты, сводила свою лошадку къ Сулѣ, напоила ее и, приведя обратно, подложила ей сѣна и обошла кругомъ хаты, выбирая мѣсто, гдѣ-бы пріютить свою лошадку. Хоть на дворѣ уже былъ мартъ, но все таки на случай вѣтру не помѣшало-бы пріютить, но пріюта совершенно никакого не было.

— Господи! какая она бѣдная! сказала Лукія: хоть-бы тебѣ тынокъ какой, хоть-бы хлѣвочекъ какой, таки совершенно ничего! Какъ-же она живетъ горемычная?

И, проговоря это, она вошла въ хату. Больная уже проснулася и хотѣла подняться съ постели, чтобы достать воды; Лукія подала ей простывшей воды; уложила ее въ постель и въ потемкахъ сѣла на полу около ея постели. Больная заговорила:

— Съ меня, какъ рукою, сняло; если-бы не ты, то я не знаю, чтобы со мной и было. Благодарю тебя, пускай Богъ тебѣ заплатитъ.

Лукія молча вздохнула.

— Чего ты такъ тяжко вздыхаешь?

— Такъ! отвѣчала Лукія.

— Можетъ быть, ты тоже нездужаешь?

— Нѣтъ, слава Богу, здорова!

— Ахъ ты, моя безталанница! сказала больная съ чувствомъ.

— Я и забыла при моей немощи про твое тяжкое безталанье! Ну скажи-жъ мени, моя горлице, живо-ли оно? здорово-ли оно, моя рыбочко?

— Слава Богу, здорово.

— Какъ-же его зовутъ, моя галочка?

— Маркомъ, неохотно отвѣчала Лукія.

— О горе мое тяжкое, горе! помолчавъ, заговорила больная снова: что-же мы съ тобой будемъ вечерять? вѣдь у меня ничего нѣту.

— У меня паляныця есть.

— У тебя... у тебя... да у меня ничего нѣту!

— Дастъ Богъ, и у тебя будетъ.

— А гдѣ-же мы свѣтла возьмемо? черезъ минуту проговорила больная.

— Сегодня и такъ повечеряемъ, отвѣчала Лукія и ощупью нашла мѣшокъ съ хлѣбомъ, подала кусокъ больной и себѣ другой отломила.

Поужинавши, чѣмъ Богъ послалъ, Лукія навѣдалась къ лошади и, возвратясь въ хату, помолилась Богу и легла на полу спать. Словоохотливая старушка пробовала съ нею заговорить, но Лукія, пожелавши ей доброй ночи, вскорѣ заснула или притворилась заснувшею.

На другой день по утру Лукія, возвратясь отъ заутрени, нашла свою паціентку на ногахъ; она уже затопила печку и что-то приставляла въ горшкѣ къ огню. Увидя входящую Лукію, она быстро обратилась къ ней и сказала:

— Добрыдень! добрыдень! моя голубка! а я уже и печь затопила.

— Добрыдень вамъ! сказала Лукія.

— А ты еще краще стала, какъ прежде была. Ей Богу правда, да у тебя и лошадь есть!

— Лошадь не моя, добрые люди позычили.

— Добрые люди—спасыби имъ! Побудь ты, моя голубочко, недолго дома, а я сбѣгаю тоже къ добрымъ людямъ, не добуду-ли чего къ обѣду. Вѣдь ты знаешь, какъ я живу: гдѣ день, гдѣ ночь!

— Возьми у меня денегъ, за деньги скорѣе достанешь, нежели выпросишь.

— Правда! правда твоя, голубка сиза! и хозяйка взяла у Лукіи копу грошами.—Отъ теперь можно и на свѣжую рыбку расчитывать, и на олію, и на все доброе. Хозяинуй-же, моя рыбко, я духомъ вернуся! сказала она и выбѣжала изъ хаты.

Зазвонили къ часамъ, хозяйка не возвращается въ свою господу; уже на шестой и на девятый звонять, ея все нѣтъ. Лукія хотѣла замкнуть хату и идти въ церковь, но, горе, и засунуть нечѣмъ, не то что замкнуть. Дѣлать нечего, нужно дождаться: хату нельзя такъ оставить. Хоть правду сказать, вору тамъ совершенно

нечего было дѣлать. Наконецъ далеко уже за полдень пришла и хозяйка; правда, она принесла, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, четыре свѣчи и даже кой-что изъ посуды, какъ-то: двѣ ложки и что-то въ родѣ черепка, и не смотря на всѣ эти покупки, и сама еще была навеселѣ. Бѣдняжка, таки не утерпѣла, забѣжала къ своей щирой пріятелькѣ шинкаркѣ.

— Вотъ тебѣ, моя голубка сиза! сказала она скороговоркой: вотъ тебѣ и все наше господарство. Теперь заходимося варить обѣдать.

— Вари-же ты безъ мене, сказала Лукія, улыбнувшись: вари, а я пойду до церкви.

— Развѣ уже звонили?

— Скоро зазвонять.

И дѣйствительно скоро стали благовѣстить къ повечерни. Лукія одѣлась и ушла въ церковь. Хозяйка осталась одна и принялась за стряпню, тихо припѣвая:

Упилася я,
Не за ваши я:
Въ мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

Не знаю, какъ назвать подобныя явленія въ семьѣ человѣчества: жалкими или счастливыми. Я думаю скорѣе счастливыми, потому что они на всякое житейское горе почти смѣются, и это не думайте, чтобы было отъ недостатка того, что мы называемъ чувствомъ, совсѣмъ нѣтъ: они чувствуютъ по своему. Вотъ хоть напримѣръ и эта бѣдная поющая старушонка. Богъ ее знаетъ, быть можетъ, пѣсня эта у нея выражаетъ самый злой сарказмъ, а можетъ быть, и самую чувствительную элегію; или она готова вамъ разсказать свое грустное похожденіе въ Казань и обратно съ непритворнымъ смѣхомъ, а на чужое полугоре готова зарыдать и сію-же минуту утереть слезы, какъ ни въ чемъ не бывало. По моему, счастливы подобныя натуры!

Когда Лукія пришла изъ церкви, у ней уже готовъ былъ смиренный ужинъ. Вмѣсто стола накрыла свою пустую бодню, поставила на нее заженную свѣчу, поставила свѣжую рыбу и поставила четвертку водки.

Отъ водки и рыбы Лукія отказалась по той причинѣ, что говѣетъ.

— Не хочешь, то якъ хочешь, моя голубка сиза, а я на старости выпью!

— Выпей на здоровье!

Послѣ вечери онѣ долго еще просидѣли: Лукія за работою, а хозяйка за разсказами да разспросами. Лукія шила своему сыну къ празднику обнову: жупанокъ красной китайки и бѣлую рубашечку съ мережаннымъ комиромъ.

— Такъ ты его съ тѣхъ поръ и не видала, голубка сиза?

— Ни!

— Его недавно вывели изъ нашего села въ какое-то другое село на квартиру. И что-же ты думаешь? Знайшлися таки дуры, что и туда за нимъ пошли. Можетъ быть, знала Одарку Норивну, такъ вотъ она сама; тай лихо жъ онъ съ нею здѣсь и выдѣлывалъ! да и то правда съ одной ли ею?

При этомъ разсказѣ Лукія то блѣднѣла, то краснѣла. Бѣдная женщина, неужели злость или ревность прокрадываются въ твою смиренную душу? Забудь его, не стоитъ онъ твоего воспоминанья!

Такъ, или почти такъ, проводили они вечера въ продолженіи недѣли. Отговѣлася Лукія, заложила лошадку, простилася съ хозяйкой и выѣхала за село. Въ полѣ снѣгу уже почти не было, а оставался кой гдѣ по дорогѣ и то почернѣвшій. Кое какъ дотащилася она до Ромодановаго шляху, а тамъ оставила свои санишки, а лошадь повела за поводъ на хуторъ.

Въ сели довго говорили
Де чого богато,
Та не чули вже тыхъ речей
Ни батько, ни мати.

Уланы же, когда узнали о полюбовницѣ своего командира, то глядя на нее, идущую изъ церкви, только улыбалися и усы крутили.

Сердобольныя кумушки-сосѣдушки, когда узнали, что она еще у московки квартировала, тогда и рукой махнули.

Лукія, возвратясь на хуторъ, не могла налюбоваться на своего Марочка. Она еще никогда на цѣлую недѣлю съ нимъ не разлучалась; въ радости хотѣла было и сшитыя его обновы на него одѣть, но поудержалась. Старики за радость ей объявили, что когда

она уѣхала говѣть, въ тотъ самый день пріѣзжалъ къ нимъ уланъ охотникъ, бралъ Марка на руки, цѣловалъ его, любовался имъ и обѣщалъ ему къ празднику такое подарить, что мы всѣ задивуемся.

Лукія даже не улыбнулась, чѣмъ старики были недовольны, а когда она вышла изъ хаты, то Марта, ласкаючи Марка, проговорила:

— Да ей то что до тебя, моя дитино? Ты для нея чужой, то ей и байдуже!

— Ну, ты вже пойдешь прибирать! проворчалъ Якимъ, надѣлъ шапку и пошелъ на дворъ.

До праздника не посѣщалъ ихъ уланъ-охотникъ по случаю распутицы, зато на праздники не проходило дня, чтобы онъ не посѣтилъ хутора, и каждый разъ говорилъ, что почта не пришла еще изъ Петербурга: должно быть, по случаю распутицы. Случалось иногда, онъ заставалъ Лукію наединѣ, и тутъ мѣры не было его клятвамъ, что онъ ее полюбитъ пуще прежняго. Она уже на него почти не сердилась.

Подлый ты, лукавый человѣкъ! чего ты отъ нея хочешь? Ужели для мгновеннаго скотскаго наслажденія ты возмущаешь ея едва успокоенное сердце?

Бѣдная ты, слабая ты женщина! ты опять готова слушать его хитрыя дьявольскія рѣчи. Ты опять готова впутаться въ его ядовитую паутину. Ты готова забыть свое собственное прошедшее горе, горе отца и матери и даже ихъ могилы. Она и забыла-бы (дьяволъ-же искусилъ святого), она опять упала-бы въ бездну и, можетъ быть, упала-бъ невозвратно, но, къ счастью ея, уланамъ на Ѳоминой недѣлѣ назначенъ походъ въ другую губернію, и это только обстоятельство спасло ее.

Какихъ усилій, какого тяжкаго труда ей стоило переломить себя! И только одна благородная возвышенная любовь матери спасла тебя отъ разверзавшейся передъ тобою въ другой разъ пропасти. Безъ высокой любви своей къ дѣтищу, пошла-бы ты за эскадрономъ, какъ ходятъ тысячи, тебѣ подобныхъ. Сначала твой милый чернобровый остригъ-бы тебя и одѣлъ мальчикомъ (какъ сердечную Оксану), чтобы скрыть твой полъ отъ товарищей, а черезъ мѣсяцъ онъ пересталъ-бы тебя и скрывать, а на другой— играла-бы тобою пьяная молодежь на бивуакѣ; на третій—ты-бы для нихъ устарѣла и опротивѣла, потому что ты опять забеременѣла; и возили-бы тебя вмѣстѣ съ дорогими собаками въ телѣгѣ,

потому что отъ тебя отвязаться нельзя, а тебѣ пріютиться негдѣ, кромѣ уланскаго обоза. И вотъ ты родила ночью подъ телѣгою; и только одна безмолвная луна свидѣтельница твоихъ физическихъ страданій, а милосердый Богъ одинъ утѣшитель и успокоитель твоей сердечной горести. Ты успокоилась немного, отерла слезы, прислушиваешься, кругомъ все тихо, только едва слышно издали фырканье коней, да вблизи чириканье кузнечика. Младенецъ твой молчитъ; ты едва поднялася на ноги, берешь его и крадешься тихонько въ степь изъ обоза и, вышедши на дорогу, ты снова съ нея своротила, потому что ты дороги боишься; ты опять въ степи и уже далеко отъ дороги и обоза кладешь свое дитя на душистую траву и, какъ волчица, роешь нору для своихъ будущихъ волченятъ, такъ ты изступленная роешь могилу для своего дѣтища. Остановися! Оно плачетъ, но ты не слышишь, тебѣ чудится вой волковъ въ степи. Ямка готова; ты судорожно схватываешь дитя свое, бросаешь въ яму; у тебя не достаетъ духу покрыть его землею, ты, какъ сумашедшая, бѣжишь въ степь. О какое благодѣяніе было-бъ теперь для тебя помѣшательство! Но ты въ изнеможеніи падаешь въ траву и вскорѣ, какъ послѣ страшнаго сна, пробуждаешься и пробуждаешься на горе. Ты смутно, но все вспомнила и отъ изнеможенія не можешь встать на ноги, силишься, силишься—и все напрасно. Такъ тебя и разсвѣтъ и утро застаетъ, такъ тебя и полдневное солнце печетъ. Смерть близится къ тебѣ, но смерть грѣшниковъ люта. Вечеръ освѣжилъ тебя, и ты, собравши остатокъ силъ, ползешь въ травѣ и на свое горькое горе выползаешь на дорогу. Тебя полуживую подняли чумаки и привезли въ село, сдали добрымъ людямъ на руки, и ты медленно оживаешь. Выздоравливаешь, и полунагая отправляешься въ корчму; ты припомнила, когда тебя уланы виномъ поили: тебѣ было весело, и ты забывалася, но кто теперь тебѣ нищей, подурнѣвшей вина дастъ? У жида въ корчмѣ нанялася носить воду за чвертку вина. Но увы! вино не помогло, а еще злѣе напомнило тебѣ, что ты дѣтоубійца! И разгоряченное воображеніе твое представляетъ безконечный рядъ страданій. Что мнѣ дѣлать? ты въ изступленіи кричишь, а дьяволъ шепчетъ тебѣ на ухо: «утопись»! и ты, послушная сатанѣ, бѣжишь, быть можетъ, къ твоей родной Сулѣ и топишься. Косари тебѣ помѣшали; ты разсказала имъ свое преступленіе. Тебя въ сельскую расправу,

потомъ въ тюрьму, потомъ въ село твое родное, да не снимая кандаловъ и на кобылу, а съ кобылы прямехонько въ Сибирь.

Могло случиться и иначе: ты могла-бы подружиться съ добрыми уланами и попутешествовать себѣ за ихъ эскадрономъ во всякую погоду, какъ единородная мать Энея (у Котляревскаго),

Задрипана, боса, простоволоса.
И часто, часто бѣдная богиня паѳоса
Въ шинели сирій щеголяла,
Манишки офицерамъ прала,
Горилку съ керцемъ продавала и т. д.

Такъ, можетъ быть, и тебѣ пришлось-бы коротать свою поруганную, грѣшную, безраскаянную жизнь. Но ты спасена ангеломъ прекраснымъ, ты своимъ сыномъ спасена, и будущность твоя хотя и горькая, печальная, но не преступная и безотрадная.

Въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ старикъ со старухою поѣхали въ село родителей поминать. Лукія и за своихъ дала имъ на часточку.

— Отъ что, Якиме! сказала Марта: запишемо и ея отца и матерь въ свою грамотку, та пускай такъ у купи и поминаютъ: вѣдь она у насъ, какъ наша дочь родная.

— А что-жъ хорошо, запишимо!

И Лукія, простясь съ стариками, засунула извнутри двери, вошла въ хату, остановилась надъ колыбелью, долго смотрѣла на спящаго Марка и наконецъ проговорила:

— Господи милосердый, укрѣпи и спаси мене! Гдѣ я на всемъ свѣтѣ найду такихъ людей, которые-бы меня дочерью звали и отца моего и мать мою въ свою грамотку записали?

И она тихо заплакала и стала молиться. Въ это время проснулся Марко и, протягивая къ ней ручонки изъ колыбели, пролепеталъ къ ней: «мамо!» Она, какъ-бы испуганная, обратилась къ нему, взяла его на руки и, цѣлуя его, залилася слезами, едва выговаривая: «сыну мій, сыну, моя ты дитино!» А Марко, какъ-бы понимая ея слова, охватилъ пухлыми ручонками ея прекрасную шею и лепеталъ: «мамо! мамо!»

Придя въ себя, она стала на колѣни передъ образами, перекрестилася, потомъ взяла Марка за ручонку, сложила его розовые

пальчики и начала учить его креститься, говоря и плача: молися, сыну! молись, моя дитино! молися, ангеле Божій, за мене грѣшницу молися!

До обѣда Лукія утѣшалася своимъ сыномъ въ хатѣ, а послѣ обѣда окутала его и пошла въ садъ рясту рвать. Погулявши въ саду и нарвавши рясту, она возвращалася въ хату и уже было взялася за ручку у дверей, вдругъ слышитъ, ее зовутъ; она оглянулася и вздрогнула: за воротами стоялъ ея возлюбленный; она хотѣла скрыться въ хату, но онъ снова позвалъ ее.

— Да отвори ворота: мнѣ не хочется съ коня слазить!

Лукія какъ-бы невольно подошла къ воротамъ, но не отворила ихъ.

— Что-же ты стоишь? или не отворяй, выйди сюда, я тебя поцѣлую.

Лукія не вышла.

— Что-же на тебя столбнякъ что-ли напалъ? Готова-ли ты, или опять раздумала?

— Раздумала!

— Фу ты, несносная! Полно дурачиться, одѣвайся скорѣе, за хуторомъ тебя телѣга дожидаетъ.

— Пускай себѣ дожидаетъ.

— Да не бѣси-же ты меня! Скажи, пойдешь-ли ты или нѣтъ?

— Ни!

— Проклятая! да вѣдь я безъ тебя жить не могу!

— То не живи.

— То не живи? Тварь ты бездушная! Что-же мнѣ давиться что-ли изъ-за тебя?

— Давись!

— Шутишь ты что-ли со мною! Скажи послѣдній разъ, я тебя спрашиваю, пойдешь ты или нѣтъ?

— Нѣтъ, не пойду!

— Дура-же ты, дура, а я тебѣ добра желалъ, хотѣлъ тебя счастливою сдѣлать!

Лукія грустно посмотрѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Хотѣлъ въ Ромнѣ перевѣнчаться съ тобою!

Лукія еще разъ взглянула, отворотилася и хотѣла было идти въ хату.

— Остановися—одно слово!

Лукія остановилась.

— Подойди ближе!

— Ну, говори, что ты тамъ такое скажешь?

И она подошла къ воротамъ.

— Ну, скажи, глупая, развѣ тебѣ лучше мужичкой быть?

— Лучше!

— Да пойми ты меня! вѣдь ты будешь офицерша!

— Не хочу я быть офицершей; я мать офицерскаго сына, съ меня довольно!

И она снова отворотилась.

— Вотъ-же тебѣ, упрямая хохлушка! и онъ ее ударилъ по головѣ нагайкой, проговоря: «проклятая»! и поворотя коня, ускакалъ въ поле. Лукія посмотрѣла ему вслѣдъ, спустила дитя на землю и тихо пошла съ нимъ въ хату; но въ хату не могла войти, сѣла на призбѣ, блѣдная, изнеможенная, выпустила изъ рукъ Марочка и лицо закрыла руками. Долго она сидѣла въ такомъ положеніи, а Марочко между тѣмъ усѣлся у ногъ ея и уже увядшій рястъ разсыпалъ вокругъ себя. Лукія наконецъ проговорила шопотомъ:

— Офицерша!... бреше... За что-же онъ меня ударилъ? Что я ему сдѣлала? Сына привела!

И она горько, горько заплакала. Марочко, глядя на нее, и себѣ заплакалъ. Она взяла его на руки, поцѣловала и молча пошла въ хату.

Старики, возвратяся къ вечеру изъ села, разсказывали ей, смѣясь, какъ уланы выходили изъ села и какъ одна уже тяжкая дивчина пошла за повозкою ихъ знакомаго охотника.

— Якъ бо іи зовуть? заговорила Марта: постой... постой... вотъ-же и забыла... те, те... вспомнила—Одаркою!

Лукія вздрогнула.

— Только изъ какого-то другого села, а не Буртянская.

— Что-же это нашего знакомаго не видно было межъ уланами?

— Да, не видно было, а я нарочно его выглядала, да нѣтъ, не видно было.

— Должно быть, впередъ уѣхалъ.

— Должно быть.

Мирно и безмятежно текли часы, дни, мѣсяцы и годы на благодатномъ хуторѣ Якима. Коморы его начинялися всякимъ добромъ, волы и коровы его и всякая другая худоба множилися и тучнѣли; чумаки его каждое Божіе лѣто возвращалися съ дороги съ великою лихвою; пчелы его по трижды въ одно лѣто роилися, такъ что одного меду продавалъ онъ ежегодно рублей сотъ на пять, если не больше, не говоря уже про воскъ. Садовой овощи правда онъ не продавалъ, а то и тутъ-бы не одну лупнулъ сотнягу. «Пускай», говоритъ, «добрые люди поживутъ, спасыби скажутъ!» Словомъ къ Якиму на хуторъ со всѣхъ сторонъ добро лилося, какъ будто сама фортуна коловратная на его хуторѣ поселилася въ лицѣ Лукіи и Марка. И то правду сказать, что Лукія была хозяйка невсыпущая и распорядительная.

— И Богъ его знаетъ, гдѣ это она всему такъ научилася? бывало, глядя на ея дѣла, говоритъ старая Марта: вотъ тебѣ и московка! поди ты съ нею, благодать Божія, да и только! вѣрно разумнаго отца дитина.

Старикамъ оставалося только смотрѣть на нее и молиться Богу, они таки и не забывали Бога. Марта ежегодно ходила въ Кіевъ на поклоненіе святымъ угодникамъ печерскимъ, а Якимъ, хотя и не ходилъ, за то дома въ продолженіи года молебствовалъ: то криницю въ саду посвятитъ, то пасѣку посвятитъ, то такъ пригласитъ отца Нила помолебствовать о здоровіи и долгоденствіи; а самъ все себѣ сидитъ въ пасѣкѣ, рои снимаетъ, да псалтирь читаетъ.

Такъ то счастливо проходили дни, мѣсяцы и годы на хуторѣ, а Марку между тѣмъ кончался седьмой годочекъ. И что-же это за дитя выростало! Прекрасное, тихое, послушное, не смотря на то, что всѣ его чуть на рукахъ не носили, особенно Лукія. Бывало, въ воскресенье, когда старые уѣдутъ въ село до церкви, она одѣнетъ его въ жупанокъ, въ красныя сапожки и сивую крымскихъ смушекъ шапочку, поставитъ его передъ собою и любуется на него, какъ на малёваннаго. А между тѣмъ она ему никогда и виду не показывала, что она ему мать. Для чего это она дѣлала, Богъ ее знаетъ. Можетъ быть, она боялася старыхъ, а можетъ быть, и такъ. Старики часто поговаривали, что пора Марка въ школу отдать, но все дожидали, пока ему исполнится семь лѣтъ.

И вотъ ему исполнилося семь лѣтъ. Это случилося какъ разъ на зеленыхъ святкахъ въ воскресенье. Изъ церкви прямо на хуторъ привезли отца Нила и отца діакона и весь причтъ церковный. Послѣ молебствія и водоосвященія въ саду, вернулися въ облаченіи въ хату и, окропивши святою водою оселю, сѣни и коморы, вернулися снова въ хату. Тогда отецъ Нилъ взялъ Марка за руку и, поставивъ его на колѣни передъ образами, а самъ раскрывъ псалтирь и перекрестяся трижды, прочиталъ псаломъ: *Боже въ помощь мою вонми!* По прочтеніи псалма, сложивъ съ себя ризы, сѣлъ за столъ и спросилъ у Якима букварь. Марта достала изъ скрыни букварь (онъ у нея хранился, потому что она его принесла изъ Кіева) и подала Якиму, а Якимъ уже отцу Нилу.

— Приступи ко мнѣ, чадо мое! сказалъ онъ Марку.

Марко подошелъ.

— Говори за мною!

И Марко робко повторялъ: *азъ*, *буки*, *вѣди* и т. д.

По прочтеніи азбуки отецъ Нилъ закрылъ букварь и сказалъ:

— Корень ученія горекъ, плоды же его сладки суть. Сегодя пока довольно, а на будущее время и вящше потрудимся, а теперь пока, отдавши Божіе Богови, отдаймо и Кесарево Кесареви!

Якимъ, какъ самъ тоже человѣкъ грамотный, тотчасъ смекнулъ, къ чему говоритъ отецъ Нилъ изъ писанія, моргнулъ Мартѣ и Лукіи, а самъ побѣжалъ въ комору, сказавши:

— За позволенія вашего прошу, батюшка, садовитесь за столъ.

Черезъ минуту столъ былъ уставленъ явствами и напоями, разными квасами фруктовыми и наливками, а кромѣ всего этого Якимъ по серединѣ стола поставилъ стекляный, хитро сдѣланный боченокъ съ выстоялкою. Отецъ Нилъ, прочитавши: *Отче нашъ.* и *Ядятъ убозіи и насытятся,* поблагословилъ ястіе и питіе сіе и сѣлъ за столъ; его примѣру, перекрестясь, послѣдовали и другіе, окромѣ Марты и Лукіи, и молча начали воздавать Кесарево Кесареви. Послѣ обѣда отецъ Нилъ и весь причетъ церковный вышли въ садъ и сѣли на травѣ подъ старою грушею около крыныци. И отецъ Нилъ отверзъ уста своя, въ притчахъ глаголя; и чего онъ тутъ не глаголалъ! и о Симонѣ Столпникѣ, и о Маріи Египетской, и о страшномъ судѣ, и только было началъ: «отолстѣ сердце ихъ», а тутъ явилася Лукія съ ковромъ, а Марта съ стеклянымъ бочо-

ночкомъ, только уже налитымъ не выстоялкою, а сливянкою. Отецъ Нилъ, увидя ихъ, воскликнулъ:

— Хвалите, отроци, Господа! и господыню, прибавилъ онъ, ласково улыбаяся Мартѣ.

Лукія между тѣмъ разостлала коверъ, а Марта поставила на него барыльце съ сливянкою и, поклонившись, просила батюшку благословить. Батюшка, возвыся гласъ свой и осѣняя барыло крестнымъ знаменіемъ, возгласилъ: «изыди изъ тебе, душе нечистый, и вселися въ тебе сила Божая и яви чудеса мірови»!

Въ это время старый Якимъ подошелъ къ нимъ, держа въ рукахъ на малеванной тарелкѣ свѣжія большія яблоки.

Отецъ Нилъ, увидя яблоки, сказалъ:

— Благъ мужъ щедряя и дая! Только скажите вы мнѣ, Бога ради, Якиме, какимъ образомъ вы ихъ сохранили?

— А вотъ какъ покушаете, то тогда и скажу, говорилъ Якимъ, ставя яблоки на коверъ.

— Хорошо и покушаемо; да гдѣ нашъ новый школяръ? Пускай бы онъ насъ хоть сливянкою попотчивалъ, говорилъ отецъ Нилъ, протягивая руку къ яблоку. Въ минуту Лукія привела въ садъ и Марка.

— А ну-ка, новый школяру! говорилъ Якимъ смѣяся: попотчуй батюшку сливянкою, а вони тебе когда нибудь березовою кашею попотчуютъ.

— Корень ученія горекъ! весьма кстати проговорилъ отецъ Нилъ.

Лукія взяла боченокъ, а Марко рюмку, и стали потчивать гостей. Когда поднесъ Марко рюмку отцу діакону, то тотъ, принимая рюмку, проговорилъ: «не упивайтеся виномъ: въ немже есть блудъ»!

— Та блудъ, таки блудъ! скороговоркою сказала Марта: а вы, отче Елисею, выпейте еще одну рюмочку нашои сливяночки, что отецъ Елисей и исполнилъ.

Сидѣли они подъ грушею до самаго вечера и слушали отца Нила; а отецъ Нилъ договорился до того, что началъ выговаривать вмѣсто пророкъ Давидъ пророкъ Демидъ, а потомъ все духовенство запѣло хоромъ: «О всепѣтую Мати», потомъ: «Богомъ избранную Мати дѣву отроковицу», а потомъ «О горе мнѣ грѣшнику сущу». Тутъ уже и Якимъ не утерпѣлъ и подтянулъ таки тихонько басомъ.

— Ахъ, если-бы тимпанъ и органы, или хочъ гусли доброгласны! воскликнулъ отецъ Нилъ: о тутъ бы мы воскликнули Господеви! А что, не послать ли намъ за гуслями?

— Послать! послать! закричали всѣ въ одинъ голосъ.

— А послать, такъ и послать, говорилъ Якимъ.—Лукіе, скажи Сидорови, нехай коней запрягае, я самъ поѣду, а тымъ часомъ, отецъ Нилъ, прошу до господы, и вы, отецъ Елисей, и вы, и вы! сказалъ онъ, обращаясь къ причетникамъ: на дворѣ и темно и холодно.

И компанія отправилась въ хату, а что тамъ было въ хатѣ, Богъ его знаетъ! Знаю только, что Якимъ за гуслями не поѣхалъ.

Клечальное воскресенье продолжалося до вторника. Во вторникъ, уже поснидавши, гости поѣхали домой, а Якимъ и Марта, провожая ихъ, все жалкували, что они не остались еще на годиночку, т. е. на два дня.

Въ слѣдующее воскресенье рано по утру одѣли Марка въ самый лучшій его жупанокъ и засунули ему грамотку за пазуху, посадили его на повозку и повезли въ село, яко бы до церкви. Обманули бѣднаго Марка—они повезли его въ школу.

Лукія хотя и не плакала при разставаніи съ сыномъ, но ей все таки жаль было разставаться съ нимъ.

Грустно, неохотно разставалася Лукія съ своимъ сыномъ, съ своею единною утѣхой, но она не останавливала, не отговаривала, какъ это дѣлала старая Марта. Марта сквозь слезы выговаривала Якиму:

— Ну скажи, скажи ты мнѣ, гдѣ ты видѣлъ, чтобы изъ школы добро вышло? Такъ выйдетъ какой нибудь пьяничка, а можетъ еще и воръ, Боже оборони; отъ только дитину испортятъ.

— Молчи ты, пока я не разсердился! говорилъ Якимъ, надѣвая на Марка сверхъ жупанка новую свитку.

— Ну, куда ты его кутаешь?

— Куда? въ дорогу! вѣдь онъ тамъ останется, такъ не возить же за нимъ свитку?

Такъ снаряжали Марка въ далекую дорогу. Лукія молча смотрѣла на все это и, слушая доводы Марты, почти соглашалась съ нею, но когда Якимъ, помоляся Богу и выходя изъ хаты, сказалъ: «ученіе-свѣтъ, а не ученіе-тьма»! то Лукія вполнѣ съ нимъ согласилась, говоря: «по крайней мѣрѣ выучится хоть Богу молиться».

И проводя ихъ за ворота, долго стояла она и смотрѣла въ слѣдъ удалявшейся повозкѣ, а когда повозка скрылась, она перекрестила воздухъ въ ту сторону и, возвращаяся въ хату, говорила: «пошли тебѣ, Господи, благодать свою святую»!

Въ вечеру Марта разсказывала Лукіи про Марка, что онъ, бѣдный, плакалъ, когда прощался съ ними и что онъ будетъ жить у отца Нила, а въ школу только учиться будетъ ходить и что она нарочно заходила въ школу, чтобы посмотрѣть, гдѣ онъ будетъ учиться.

— Пустка! совершенная пустка! говорила она: такъ что страшно одной зайдти было, а школяры такіе желтые, блѣдные, какъ будто съ креста сняты, сердешные! а подъ лавою все розги, все розги, да такія колючія! Богъ ихъ знаетъ, гдѣ они ихъ берутъ? Настоящая шеншина! А на стѣнѣ около самаго образа тройчатка, настоящая дротянка, да я думаю, она таки изъ дроту и сплетена. А дьякъ такой сердитый, ажъ страшно смотрѣть! Я правда дала ему копу, знаешь, чтобы онъ не очень силовалъ Марка, хоть на первые дни. Надо будетъ еще чего нибудь послать ему; я думаю хоть полотна на штаны та на сорочку, а то замучитъ, бѣдную дитину! Чи не понесла-бы ты ему, Лукіе, хоть даже завтра, а то я боюся: убье, занивичить сердешнаго Марочка!

— Добре, я понесу, сказала Лукія, та и сама посмотрю на ту школу.

— Посмотришь, посмотришь! Та вотъ еще что: вчини къ завтрему паляныци. Я думаю и паляныць зо дви послать Маркови, а то воно, бѣдное, хоть и обѣдаетъ у попа, да какой тамъ у нихъ обѣдъ! Я думаю—всегда голодное.

На завтра Лукія отправилась въ село съ паляныцями и со сверткомъ полотна. Она не зашла къ отцу Нилу, а прямо прошла въ школу. Дьякъ встрѣтилъ ее совсѣмъ не сердитый, а школа не была похожа на пустку: хата, какъ хата, только что школяры сидятъ да читаютъ, кто во что гораздъ; и Марко ея тутъ-же межъ школярами сидитъ и тоже читаетъ. Она, когда увидѣла его читающаго, то чуть было не заплакала. «Какъ оно, бѣдное, скоро научилося»! подумала она и посмотрѣла подъ лаву; подъ лавою ни одной розги не видно было. Посмотрѣла на образъ, около образовъ тройчатки тоже не видать. Она, отдавши дьякови посильное

приношеніе, спросила его, можно ли ей повидаться съ такимъ-то Маркомъ.

— Можно, можно! чому не можно! говорилъ дьякъ съ важностью и, подойдя къ новобранцу, какъ онъ называлъ Марка, сказалъ ему:

— Ты, Марку, сегодня учился хорошо, а посему и гулять остатокъ дня можешь; иди съ миромъ домой!

Марко сложилъ азбучку, положилъ ее за пазуху и всталъ со скамейки, обернулся, увидѣлъ свою наймичку и заплакалъ.

Лукія тоже чуть не заплакала. Она взяла его за руку и, простясь съ дьякомъ, вышла изъ школы. Вышедши изъ школы, она утерла слезы у Марка рукавомъ своимъ, потомъ сама заплакала, и пошли они тихонько къ хатѣ отца Нила.

Такія приношенія дѣлала она дьяку и Марку каждую недѣлю, а въ воскресенье Марта само собою привозила дьячку и копу грошей, или меду, или кусокъ сала, или что нибудь тому подобное.

Мѣсяца черезъ два, съ Божіей помощью, Марко одолѣлъ букварь до самаго: «иже хощетъ спастися». По обычаю древнему нужно-бы кашу варить, о чемъ дано было знать заблаговременно на хуторъ. Варивши кашу, Марта положила въ нее шесть пятаковъ, а Лукія, когда Марта отвернулася, бросила въ кашу гривенникъ.

Когда каша была готова, Лукія понесла ее въ село къ отцу Нилу, а отъ отца Нила Марко понесъ ее въ школу въ рушникѣ, вышитомъ Лукіею. Принесши кашу въ школу, онъ поставилъ ее доли, рушникъ приподнесъ учителю, а до каши просилъ товарищей. Товарищи, разумѣется, не заставили повторять просьбы; усѣлися вокругъ горшка, а Марко взялъ тройчатку, сталъ надъ ними и пошла потѣха: Марко немилосердно билъ всякаго, кто хоть крошку ронялъ дорогой каши на полъ.

Кончивши кашу, Марко тройчаткою погналъ товарищей до воды, а пригнавши отъ воды, принялися громадою горшокъ бить. Разбили горшокъ, и учитель распустилъ ихъ всѣхъ по домамъ въ знакъ торжественнаго событія. Послѣ описанной церемоніи Марко былъ отпущенъ на родину, т. е. на хуторъ, отдохнуть недѣли двѣ послѣ граматки. Но вмѣсто отдыха онъ встрѣтилъ новые непредвидѣнные имъ труды: Якимъ въ присутствіи Марты и Лукіи заставлялъ его прочитывать каждый день всю граматку отъ доски до доски и даже «иже хощетъ спастися».

— Да для чего это уже «иже хощетъ спастися» ты заставляешь его читать? говорила Марта: онъ его научился, то и читать не нужно.

— Ты, Марто, человѣкъ неграмотный, то и не мѣшалась бы не въ свое дѣло, говорилъ обыкновенно Якимъ: мы то знаемъ, что дѣлаемъ.

Марко подъ конецъ второй недѣли готовъ былъ бѣжать изъ родительскаго дому въ школу. Въ школѣ ожидали его ровесники-товарищи, а дома кто ему товарищъ? Правда, оно и въ школѣ не тепло, но все таки лучше, нежели дома.

По прошествіи двухъ недѣль снабдили Марка всякимъ добромъ удобосъѣдаемымъ и въ добавокъ «Часословомъ», принесеннымъ Мартою въ то лѣто изъ Кіева и отправили въ школу.

Въ великомъ посту, когда говѣли Якимъ и Марта, то Марко уже по серединѣ церкви читалъ большое повечеріе къ неописанному восторгу стариковъ. Выходя изъ церкви, Якимъ погладилъ по головѣ Марка и далъ ему гривну мѣди на бублики, сказавши:

— Учись, учись, Марку: науку не носятъ за плечами.

А Марта дома Лукіи чудеса про Марка разсказывала. Она говорила, что дьякъ просто дурень въ сравненіи съ Маркомъ, что Марко вскорѣ и самого отца Нила за поясъ заткнетъ; развѣ только что на гусляхъ не будетъ играть, да это ему и не нужно.

— Да что же то онъ, да какъ же ото онъ тамъ читаетъ? обыкновенно спрашивала Лукія.

— А такъ читаетъ, что хоть-бы и самому дьяку, такъ не стыдно. Да я думаю, дьякъ и заставляетъ читать все такое, чего самъ прочитать не въ силахъ; я думаю, что такъ.

Лукія съ нетерпѣніемъ ожидала шестой недѣли поста, въ которую собиралася говѣть. Наконецъ дождалася и наконецъ услышала читающаго Марка и уже не одну: «Нескверную, неблазную», а и полунощницу и даже часы.

Велика была ея сердечная радость, когда она изъ церкви слышала такія слова: «какой хорошій школяръ! какъ онъ прекрасно читаетъ, точно пташка какая щебечетъ, надѣлилъ же Господь добрыхъ людей такою дитиною»!

Такія и имъ подобныя слова слушала Лукія всякій разъ при выходѣ изъ церкви. За то Марко и возмездіе получалъ не малое: онъ въ продолженіи недѣли всю школу кормилъ бубликами.

Марко быстро двигался на поприщѣ образованія, такъ что къ концу другого года, къ удивленію всѣхъ, въ особенности учителя, онъ прошелъ всю псалтирь, даже съ молитвами, а чтеніемъ каѳизмъ въ церкви пріобрѣлъ общую извѣстность и похвалу всего села; такъ что уже на что Денисъ Посяда, который никого не хвалилъ, и тотъ бывало, выходя изъ церкви, скажетъ: «ничого сказать, славный школяръ, прекрасно читае».

Долго толковали между собою отецъ Нилъ съ Якимомъ, учить ли Марка писать, или такъ и кончить на псалтирѣ. Съ домашними Якимъ не входилъ въ разсужденія по поводу этого предмета: онъ зналъ навѣрное, что въ Мартѣ первой онъ встрѣтилъ бы оппозицію, а потому и молчалъ благоразумно; а по зрѣломъ разсужденіи съ отцемъ Ниломъ рѣшилъ, чтобы Марка учить писать.

Хитрость книжная, можно сказать, далася нашему Марку, да и хитрость скорописца не отвернулася отъ него. Въ полгода съ небольшимъ онъ постигъ всѣ тайны каллиграфіи и такъ, бывало, выведетъ букву *ферть*, что самъ учитель только плечами двинетъ и больше ничего. Но кого онъ больше всѣхъ восхищалъ своею тростію скорописца, такъ это стараго Якима. Онъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ писалъ посланія, надписывая на конвертѣ, что такой то, и такой то губерніи, такого и такого то повѣта, на благополучный хуторъ такой то, учителю Якиму Миронову сыну такому то. Старикъ былъ въ восторгѣ, получа такое письмо отъ своего сына изъ школы.

— Вотъ оно что значитъ просвѣщенный человѣкъ! говорилъ онъ, бывало, Мартѣ и Лукіи, держа письмо въ рукахъ, котораго онъ конечно не понималъ, потому что читалъ только печатанное.—Я вотъ не былъ въ селѣ, а знаю, что тамъ творится, а вы бабы, ну ск а жить, что вы знаете? Вотъ то-то и есть! А я такъ знаю: вчера отецъ Нилъ на гусляхъ игралъ «Іисусе мой прелюбезный», а матушка Ярина съ прочими мироносыцями ему подтягивала—вотъ что!

— Ну, та ты изъ своего письма наговоришъ, что и груши на вербѣ ростутъ,—говорила обыкновенно Марта.

— Что-жъ, когда не вѣришь, то на, возьми прочитай. И онъ ей подавалъ письмо.

— Читай уже ты самъ, а мы и такъ себѣ останемся.

И Якимъ бывало черезъ пятое десятое, по складамъ прочитаетъ имъ:

Любезнѣйшіе и драгоцѣнѣйшіе родители! Я, слава Всевышнему, живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю. Единородный сынъ вашъ М. Г.

— Только то и было? спрашивала Марта.

— А тебѣ чего еще хочется? отвѣчалъ, смѣясь, Якимъ.

— А какъ же тамъ батюшка съ матушкою говорилъ ты, что въ письмѣ написано?

— А дзусъ вамъ знать, цокотухи! и при этомъ онъ клалъ письмо за образъ.

Смѣючися, пролетали годы надъ хуторомъ; Марко выросталъ и сдѣлался юношей и какимъ юношей? Просто чудо! Бывало, сельскія красавицы не налюбуются на Марка Гирла.

Школу онъ оставилъ вотъ по какому случаю: однажды Марта, возвратясь изъ Кіева, занемогла да, прохворавши семь недѣль, и Богу душу отдала. Долго плакалъ старый Якимъ и плачучи поселился наконецъ въ своей пасици! Надо было для утѣхи старика взять изъ школы Марка. Лукія такъ и сдѣлала. Пускай себѣ, думала она: чего не доучился въ школѣ, доучится дома; а старику бѣдному все таки будетъ розвага, а то и онъ умретъ, бѣдный, съ тоски та съ горя.

И въ воскресенье, разсчитавшися съ дьячкомъ и отцомъ Ниломъ, привезли Марка на хуторъ. Обрадовался, ожилъ Якимъ, увидя передъ собою существо, которое одно только и привязывало его къ жизни.

До прибытія Марка изъ школы старый Якимъ былъ похожъ на Афанасія Ивановича послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, съ тою разницею, что въ домѣ и вообще въ хозяйствѣ не было замѣтно того печальнаго запустѣнія, какое было видно въ домѣ Афанасія Ивановича послѣ смерти Пульхеріи Ивановны, потому что у него осталась Лукія.

Бывало, сидитъ бѣдный старикъ въ пасѣкѣ нѣсколько часовъ сряду, головы не подымая, только вздохнетъ и утретъ машинально слезу, скатившуюся на сѣдые усы, вздохнетъ опять и опять заплачетъ, и такъ просиживалъ онъ до тѣхъ поръ, пока Лукія приходила звать его обѣдать; тогда молча вставалъ онъ и шелъ за Лукіею въ хату. Она заводила съ нимъ рѣчь о хозяйствѣ, о чума-

кахъ, о пчелахъ, о яблокахъ, но онъ отвѣчалъ только *да* или *нѣтъ*. Однажды она ему сказала:

— Вы бы взяли хоть псалтирь прочитали за ея грѣшную душу, и вамъ бы легче стало.

Якимъ молча съ полки досталъ псалтирь и пошелъ въ садъ (Марта была похоронена въ саду между старыми липами) и остановился надъ могилою Марты, раскрылъ книгу, перекрестился и началъ читать: *Блаженъ мужъ*, когда же дочитался до славы и началъ читать: *Со святыми упокой*, то не могъ проговорить рабу твою Марту, залился старикъ слезами и книга изъ рукъ упала на могилу.

Такъ то время и уединеніе связываютъ простосердечныхъ людей другъ съ другомъ. Благословенно и время, и уединеніе, простосердечные люди!

Якимъ съ каждымъ днемъ оживалъ болѣе и болѣе. Лукія угождала и ухаживала за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, а Марко, не смотря на его юность и, какъ Гоголь говоритъ, юркость, не отставалъ отъ него ни на минуту. Онъ уже зналъ, что онъ не родной его сынъ и въ глубинѣ молодой души своей чуствовалъ все благо, сдѣланное ему чужими добрыми людьми. Онъ иногда задумывался и спрашивалъ себя: «кто же мой отецъ и кто моя мать? и, разумѣется, оставался безъ отвѣта.

Каждую субботу съ утра до обѣда читалъ онъ псалтирь надъ могилою Марты, а Якимъ, стоя около него, молился и плакалъ и плачучи шепталъ иногда:

— Кто же бы за твою душу теперь псалтирь прочиталъ, еслибъ мы его не отдали въ школу? Читай, сыну! читай, моя дитино! Она съ того свѣта услышитъ и спасибо тебѣ скажетъ. Душа ея праведная по мытарствахъ теперь ходитъ,—и старикъ снова залился слезами.

А между тѣмъ Марку пошелъ уже двадцатый годъ, пора уже ему было и вечерницы посѣтить, посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Дождавшись осени, онъ это и сдѣлалъ, и такъ удачно, что послѣ перваго посѣщенія вечерницъ, возвратясь домой, сталъ у Якима просить благословенія на женитьбу.

— Вотъ тебѣ и на!—сказалъ Якимъ, выслушавши его: я думалъ, что онъ все еще школяръ, а онъ уже во куда лѣзетъ! Рано, рано,

сыну! ты сначала погуляй, попарубкуй немного, почумакуй, привези мени гостинець зъ Крыму, або съ Дону; а то—ну самъ ты скажи, какая за тебя безъ усего выйде, развѣ какая безпріютная! А вотъ спросимъ у Лукіи, я думаю, и она скажеть, что еще рано.

Спросили у Лукіи, и она сказала, что рано. Марко нашъ и носъ повѣсилъ, а между тѣмъ ночевать сталъ ходить у клуню: въ хатѣ ему, видите, стало душно.

— Знаю я, чего тебѣ душно! говорилъ, улыбаясь, старый Якимъ, а Лукія ничего не говорила, только по цѣлымъ ночамъ молилась Богу, чтобы Богъ сохранилъ его отъ всякаго скверанаго дѣла, отъ всякого нечистаго соблазна.

Однажды послѣ обѣда, когда Якимъ отдыхалъ, она вызвала Марка въ другую хату и ласково спросила у него:

— Скажи мнѣ, Марку, по истинной правдѣ, кого ты полюбилъ, на комъ ты думаешь жениться?

Марко росписалъ ей свою красавицу, какъ и всѣ любовники расписываютъ, что она и такая, и такая, и красавица и раскрасавица, что лучше ея во всемъ мірѣ нѣтъ. Лукія съ умиленіемъ слушала своего сына и сказала наконецъ:

— Вѣрю, что краще ея во всемъ мірѣ нѣтъ, а скажи ты мнѣ, какого она роду? кто отецъ ея и кто такая мать? что они за люди, и какъ они съ людьми живутъ?

— Честнаго она и богатого роду.

— Богатства тебѣ не нужно: ты самъ, слава Богу, богатый, а скажи ты мнѣ, любишь ли ты ее?

— Какъ свою душу! какъ святого Бога на небесахъ!

— Ну, Марко, я тебѣ вѣрю, ты ее любишь, а когда любишь, то ты ей зла не сдѣлаешь. Смотри, Марку! сохрани тебя матерь Господняя, если ты ее погубишь: не будеть тебѣ прощенія ни отъ Бога, ни отъ добрыхъ людей!

— Какъ же я погублю ее, скажи ты мнѣ, когда я ее люблю?

— Какъ погубишь? Дай, Господи, чтобы ты и не зналъ, какъ вы насъ губите, какъ мы сами себя губимъ.

— Лукіе, ты давно у насъ живешь, скажи мнѣ, не знаешь ли ла ты, кто такая моя мати?

Лукія при этомъ неожиданномъ вопросѣ затрепетала и не могла отвѣтить ни слова.

— Скажи мнѣ! скажи, ты вѣрно знаешь.

Лукія едва отвѣтила: «не знаю!»

— Знаешь! ей Богу, знаешь! Скажи мнѣ, моя голубко, моя матинко! и онъ хватилъ ее за руки.

— Марта, отвѣтила Лукія тихо.

— Ни, не Марта, я знаю, что не Марта! Я знаю, что я байстрюкъ, подкидышъ!

Лукія схватила его за руку, сказавши: «молчи, кто-то идетъ!» и вышла быстро изъ хаты.

— Она вѣрно знаетъ, подумалъ Марко и вышелъ вслѣдъ за нею.

Дождавшися весны, Якимъ поручилъ все хозяйство Лукіи, а самъ, по обѣщанію, поѣхалъ въ Кіевъ, взявъ и Марка съ собою. Лукія не пропускала ни одного воскресенья, чтобы не побывать въ селѣ, а послѣ обѣдни всегда заходила къ матушкѣ и послѣ обѣда долго съ нею бесѣдовала на единѣ. Она расправшивала попадью о своей будущей невѣсткѣ и узнала, что она честнаго и хорошаго роду и что про нее дурной славы не слыхать. Наконецъ она черезъ попадью и сама познакомилась съ нею, и увидѣла, что сынъ и попадья говорятъ правду.

Черезъ мѣсяцъ Якимъ съ Маркомъ возвратилися на хуторъ и навезли разныхъ дорогихъ гостинцевъ своей наймичкѣ, а для себя привезли, кромѣ синяго сукна и китайки, *Ефрема Сирина* и Житія святыхъ отецъ за весь годъ.

Дни лѣтніе и длинные вечера осенніе Марко читалъ святыя книги, а Якимъ слушалъ и обновлялся духомъ. Онъ пришелъ въ свое нормальное положеніе, подъ часъ не прочь былъ послушать, какъ отецъ Нилъ играетъ на гусляхъ и какъ отецъ діаконъ поетъ: «всякому городу нравъ и права» и прочее такое, только всегда приговаривалъ: «охъ, якъ-бы теперъ со мною была Марта! дали-бъ мы себе знать!» И послѣ этого всегда старикъ задумывался, а часто и плакалъ, говоря: «сирота я! сиротою такъ и въ домовину ляжу. Марко! такъ чтожъ Марко? звычайне не чужій! Оженю его, непремѣнно оженю послѣ Покровы, а лѣтомъ пускай сходитъ въ дорогу, та привезе мени зъ Крыму сыву шапку, таку сыву, какъ моя голова». А Марко, прочитавши житіе какого нибудь святого, отправлялся въ клуню ночевать, т. е. въ село къ своей возлюбленной.

А Лукія, уложивши спать стараго Якима, молилася до полуночи Богу, чтобы охранялъ онъ ея сына отъ всякаго зла.

Весною снарядивши новые возы, новыя мережаныя ярма, притыки, лушни и занозы, Якимъ отправилъ своего Марка чумаковать на Донъ за рыбою.

— Иди-жъ, мой сыну! говорилъ онъ: та вези своїй молодії подарки; послѣ Покрова, дастъ Богъ, мы васъ и скрутимо.

Марко съ горемъ пополамъ отправился на Донъ за рыбою. А Лукія, взявши котомку на плечи, пошла въ Кіевъ помолиться святымъ угодникамъ о благополучномъ возвращеніи сына съ дороги. Якимъ одинъ остался на господѣ. Онъ, распорядившись весенними работами, вынулъ пчелъ изъ погреба, разставилъ ихъ, какъ слѣдуетъ, по пасѣкѣ, взялъ *Ефрема Сирина* и поселился на все лѣто въ пасѣкѣ. Лукія между тѣмъ пришла въ Кіевъ, стала у какой-то мѣщанки на квартирѣ и, чтобы не платить ей денегъ за квартиру и за харчъ, взялася ей носить воду для домашняго обиходу. Въ полдень она носила воду изъ Днѣпра, а по утру и въ вечеру ходила по церквамъ святымъ и пещерамъ. Отговѣвшись и причастившись святыхъ таинъ, она на сбереженныя деньги купила небольшой образокъ святого гробокопателя Марка, колечко у Варвары Великомученицы и шапочку Ивана Многострадальнаго, уложила все это въ котомочку и, простившись съ своею хозяйкою, возвращалася домой. Только не доходя уже Прилукъ, именно въ «Дубовому гаи», занемогла пропасницею. Кое-какъ доплелася она до Ромна, а изъ Роменъ должна была нанять подводу до хутора, потому что уже не въ силахъ была идти; а она хотѣла зайти въ Густыню, въ то время только возобновлявшуюся, и не удалось ей, бѣдной! Испугался старый Якимъ, когда ее увидѣлъ. Исхудала, постарѣла, какъ будто съ креста снятая! говорилъ онъ.

— Чи не послать намъ за знахаркою? спрашивалъ ее Якимъ.

— Пошлить, бо я страхъ нездужаю!

И Якимъ не послалъ, а самъ поѣхалъ въ село и привезъ знахарку. Знахарка лечила ее мѣсяцъ-другой и не помогала.

Во время самой нѣжной моей юности (мнѣ было тогда 13 лѣтъ) я чумаковалъ съ покойникомъ отцемъ. Выѣзжали мы изъ Гуляй-поля, я сидѣлъ на возѣ и смотрѣлъ не на Новомиргородъ, лежащій въ долинѣ надъ Тикичемъ, а на степь, лежащую за

Тикичемъ, смотрѣлъ и думалъ (а что я тогда думалъ, то разгадаетъ только одинъ Богъ). Вотъ мы взяли себѣ, перешли въ бродъ Тикичъ, поднялися на гору, смотрю, опять степь, степь широкая, безпредѣльная, только чуть мрѣетъ влѣво что-то похожее на лѣсокъ. Я спрашиваю у отца, что это видно.

— Девятая рота, отвѣчаетъ онъ мнѣ; но для меня этого недовольно. Я думаю: что это девятая рота?

Степь и все степь.

Наконецъ мы остановилися ночевать въ «Дидовой балкѣ».

На другой день та же степь, и тѣ же дѣтскія думы.

— А вотъ и Елисаветъ! сказалъ отецъ.

— Гдѣ? спросилъ я.

— Вонъ на горѣ цыганскіе шатры бѣлѣютъ.

Къ половинѣ дня мы пріѣхали въ Грузовку, а на другой день поутру уже въ самый Елисаветъ.

Грустно мнѣ, печально мнѣ вспомнить теперь мою молодость, мою юность, мое дѣтство беззаботное! Грустно мнѣ вспоминать теперь тѣ степи широкія, безпредѣльныя, которыя я тогда видѣлъ и которыхъ уже не увижу никогда.

Побывавши въ Таганрогѣ и Ростовѣ, Марко съ своими чумаками вышелъ въ степь, и не почтовымъ шляхомъ, прямували чумаки черезъ Орель и старыя Санжары. Въ Санжарахъ, переправившись черезъ Ворсклу, задали чумаки пиръ добрымъ людямъ. Купили три цебра вина, наняли троисту музыку, та и понесли вино передъ музыкантами. Кого встрѣтятъ, панъ ли онъ, мужикъ ли, все равно: «стой! пый горилку»! Музыка играетъ, а чумаки всѣ до одного танцуютъ. Съ такимъ-то торжествомъ прошелъ Марко черезъ Санжары.

Въ Бѣлоцерковкѣ повторилось тоже, а въ Миргородѣ, хоть и не было переправы. чумаки таки сдѣлали свое.

— Хоролъ хоть и не велика рѣчка, а все таки, говорили они, треба свято отбувати.

И отбули свято. Въ Миргородѣ они взяли уже не четыре цебра вина, а бочку, и весь городъ покотомъ положили, а о музыкантахъ и танцахъ и говорить нечего.

Изъ Миргорода съ Божіею помощью вышли на Ромоданъ.

Вышедши на Ромоданъ и попасши волы, чумаки потянулися по Ромодану на Роменъ.

Идуть соби чумаченьки
Та йдучи спивають.

Что же ты, Марку, что же ты не поешь съ товарищами-чумаками?—А вотъ почему я не пою съ товарищами-чумаками: покинулъ я дома молодую дѣвушку; что теперь сталося съ нею? Везу я ей съ Дону парчи, аксамиту, всего дорогого, а она, быть можетъ, моя молодая, вышла за другого.

И чѣмъ ближе подходили они къ корчмѣ, отъ которой ему поворачивать надо вправо, тѣмъ онъ грустнѣе становился.

— Что это мнѣ эта наймичка не йдетъ съ ума?.... а може вона скаже, прибавлялъ онъ въ раздумьи.

Минули Лохвицю, прыйшли и до корчмы. Попрощался Марко съ своими товарищами-чумаками, какъ слѣдуетъ, подякувавъ ихъ за науку и поворотилъ себѣ на хуторъ съ своими возами.

Путь не великъ: всего, можетъ быть, пять верстъ, но онъ остановился съ свою валкою ночевать въ полѣ. Наймиты себѣ ночуютъ въ полѣ около возовъ и воловъ, а онъ побѣжалъ къ своей возлюбленной.

Серце мое! доля моя!
Моя Катерино!

сказалъ онъ ей, когда она вышла въ вишнякъ. Онъ много говорилъ ей подобныхъ рѣчей, говорилъ потому, что не зналъ, что дѣлается дома, а дома дѣлалося вотъ что.

Знахарка довела своими лѣкарствами бѣдную Лукію до того, что Якимъ просилъ отца Нила съ причетомъ отправить надъ нею маслосвятіе. Послѣ этого духовнаго лекарства Лукіи сдѣлалось лучше: она начала по крайней мѣрѣ говорить, и первое слово, что она сказала, это былъ вопросъ:

— Что, не пришелъ еще?

— Кто такой? спросилъ Якимъ.

— Марко! едва прошептала она.

Къ вечеру ей стало лучше, и она просила Якима послать постель на полу. Когда перенесли ее на полъ, то она показала знакомъ Якиму, чтобы онъ сѣлъ около нея. Якимъ сѣлъ, и она ему шопотомъ сказала:

— Я не дождуся его, умру! у мене есть гроши, отдасте ему. Вся плата, что я отъ васъ брала, у мене спрятана въ коморѣ, на

горищи, подъ соломянымъ жолобомъ. Отдайте ему: я для него ихъ прятала; та отдайте ему еще образокъ Марка святого Гробокопателя, что я принесла изъ Кіева, а молодій его, когда пойдутъ вѣнчаться, отдайте перстень святой Варвары, а себѣ, мой тату, возьмить шапочку святого Ивана.

И, помолчавши, она сказала:

— Охъ мнѣ становится трудно: я не дождусь его, умру! а онъ долженъ быть близко: я его вижу. И, снова помолчавъ, спросила: еще далеко до свѣта?

— Третьи пѣтухи только что пропѣли, отвѣтилъ Якимъ.

— Дай-то Господи мнѣ до утра дожить, хоть взглянуть на него. Онъ поутру пріѣдетъ.

А въ ту ночь, когда она исповѣдывалась Якиму, Марко цѣловалъ свою нареченную, стоя съ нею подъ калиною, и говорилъ ей сладкія, задушевныя, упоительныя, юношескія рѣчи, замолкалъ и долго молча смотрѣлъ на нее и только цѣловалъ ея прекрасныя карія очи.

Пропѣли третьи пѣтухи; вскорѣ начала заниматься заря.

— До завтра, мое сердце единое! сказалъ Марко, цѣлуя свою невѣсту.

— До завтра, мій голубе сизый! и они разстались.

— Иде, иде.... шептала больная, когда взошло солнце. О! чуете, ворота скрипнули.—Якимъ вышелъ изъ хаты и встрѣтилъ Марка съ чумаками входящаго во дворъ.

— Иди швидче въ хату! сказалъ обрадованный Якимъ Марку: я я тутъ и безъ тебе ладъ дамъ.

Марко вошелъ въ хату. Больная, увидя его, вздрогнула, приподнялася и протянула къ нему руки, говоря: сыну мой! моя дитино, иди, иди до мене!

Марко подошелъ къ ней.

— Сядь, сядь коло мене, нагни мени свою голову.

Марко молча повиновался. Она схватила его кудрявую голову исхудалыми руками и шептала ему на ухо:

— Прости! прости мене!... я... я... я твоя мать.

Когда Якимъ возвратился въ хату, то увидѣлъ, что Марко плача цѣловалъ ноги уже умершей наймички.

25 Февраля 1844.
Переяславъ.

ШАГИНЪ-ГИРЕЙ, ПОСЛѢДНІЙ КРЫМСКІЙ ХАНЪ.

(Историческій очеркъ).

I.

Въ XVIII в. крымское ханство очутилось лицемъ къ лицу съ могущественной Россіей, стремившейся осуществить свою историческую задачу—завладѣть южнымъ моремъ и прилегающими къ нему плодоносными черноземными степями и тѣмъ уничтожить послѣдній оплотъ мусульманства, упорно державшійся на классической почвѣ той Тавриды, откуда нѣкогда распространился свѣтъ христіанства на древнюю Русь. Ханство, лишенное въ самой своей основѣ элементовъ организаціи, которая обезпечивала-бы ему прочное существованіе, и постоянно раздираемое внутренними неурядицами [1]), падало предъ надвигающимся на югъ сильнымъ сосѣдомъ. Походы Миниха и Ласси были однимъ изъ такихъ ударовъ, послѣ которыхъ ханство оправилось, только благодаря усиліямъ единовѣрной Турціи, и то на время, чтобы дожить до новаго удара, болѣе разрушительнаго. Турецкая война 1768—1774 года и послѣдовавшій въ 1771 г. походъ Долгорукова въ Крымъ были новымъ ударомъ, послѣ котораго Крымъ не могъ уже подняться. Послѣдующее время было для него не болѣе, какъ предсмертной агоніей, долженствующей закончить его историческую жизнь.

Послѣдніе дни политической жизни ханства связаны съ жизнью и дѣятельностью одной изъ интересныхъ личностей, занимавшихъ когда либо ханскій престолъ, съ личностью Шагинъ-Гирея. Инте-

---

[1]) Исторія царства Херс. Тавр. Богуша, т. II, стр. 351—373.

ресъ, возбуждаемый имъ, заключается какъ въ его дѣятельности, весьма поучительной съ точки зрѣнія тогдашняго состоянія ханства, такъ и въ его не лишенной драматизма судьбѣ. Не мало султановъ (членовъ фамиліи Гиреевъ) толпилось при дворѣ крымскаго хана предъ началомъ турецкой войны; но изъ среды всѣхъ выдѣлялся сынъ Мехмедъ-Гирей хана, Шагинъ-Гирей. Родившись въ Адріанополѣ, сборномъ пунктѣ проживавшихъ въ Румеліи Гиреевъ и имѣвшихъ тамъ свои родовыя владѣнія, Шагинъ рано лишился отца [1]). Первоначальное образованіе, даваемое заурядно всѣмъ молодымъ султанамъ, показало въ молодомъ Шагинѣ самый воспріимчивый умъ, сообразительность и развило въ любознательномъ отъ природы мальчикѣ интересъ къ образованію. Превратности, зачастую испытываемыя Гиреями, заставили мать его найти себѣ пріютъ въ Θессаликахъ [2]). Здѣсь юноша нашелъ возможность удовлетворить своей любознательности. Случай помогъ ему попасть отсюда въ Италію. Проживая въ Венеціи, Шагинъ изучилъ италіанскій языкъ, а помощію его познакомился съ западно-европейскою образованностію, чему помогло также знаніе греческаго языка. Шагинъ принялъ видъ европейца. Дядя его, извѣстный Керимъ-Гирей Шагинъ, на котораго онъ походилъ своими способностями, полюбилъ племянника и вызвалъ въ Крымъ, гдѣ опредѣлилъ его сераскиромъ въ ногайскую орду, состоявшую изъ кочевыхъ ордъ буджаковъ, едисанцевъ, едичкуловъ и джамбулуковъ, растянувшихся своими кочевьями на всемъ протяженіи южныхъ степей отъ рукавовъ Дуная до Кубани. Ставши начальникомъ едисанцевъ, жившихъ въ очаковской области къ западу отъ Днѣстра до Днѣпра, 20-ти лѣтній сераскиръ скоро пріобрѣлъ вѣсъ, благодаря своему умѣнію и энергіи. Но не долго онъ управлялъ. Начавшаяся война Россіи съ Турціей, заставившая ногайцевъ двинуться на разореніе Украйны и затѣмъ принять участіе въ войнѣ, послѣдовавшая смерть Керима и возведеніе на крымскій престолъ новаго хана, назначеннаго изъ Константинополя, заставляютъ Шагина исчезнуть на время со сцены. Мы его видимъ уже въ Бахчисараѣ въ ряду другихъ кормившихся при дворѣ султановъ—чутко прислушивающимся къ вѣстямъ приходившимъ съ Дуная.

---

[1]) „Дѣянія кн. Г. А. Потемкина", Рус. Арх., 1867 г., т. I, стр. 1210.

[2]) Ibid.

А вѣсти были не добрыя. Планъ Екатерины, составленный ею въ самомъ началѣ войны и переданный начальнику 2-й арміи Панину для исполненія—оторвать татаръ отъ Порты и, сдѣлавъ изъ нихъ независимое государство, «лишить тѣмъ Турцію правой руки» [1]), сталъ осуществляться. Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ въ іюлѣ 1770 года, взятіе въ сентябрѣ Бендеръ Панинымъ сильно подѣйствовали на ногайцевъ. Чтобы получить доступъ на родныя степи, ногайскія орды едисанцевъ и буджаковъ отказываются отъ турецкой зависимости, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ могла быть для нихъ только вредна, и вступаютъ въ союзъ съ Россіей. Тогда кочевники, оставивъ Панину своихъ аманатовъ, были перепущены чрезъ Днѣстръ [2]). Послѣ этого Панинъ разослалъ своихъ агентовъ—запорожскихъ козаковъ и нѣкоторыхъ присланныхъ имъ мурзъ во всѣ ногайскія кочевья и въ Крымъ. Едичкулы и джамбулуки безъ труда склонились на убѣжденія панинскихъ агентовъ, въ силу тѣхъ-же соображеній, которыми руководствовались родичи ихъ едисанцы и буджаки, отказавшись отъ Турціи, отъ которой они не чаяли для себя пользы. Жившіе въ сѣверной части Крыма стали выходить отдѣльными аулами на соединеніе съ своими: вышли многіе едичкулы, потянулись къ едисанцамъ и джамбулуки, спѣшившіе увѣрить главу едисанцевъ Джанъ-Мамбета, усердно хлопотавшаго во имя союза съ Россіей, въ своемъ отступленіи отъ Порты [3]). Всѣ они собрались главнымъ станомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, куда были переведены и присягнувшіе уже Россіи едисанцы и буджаки. Пока на Днѣпрѣ кочевнники толковали о новомъ своемъ положеніи и заняты были окончательнымъ улаженіемъ дѣла, панинскіе агенты вербовали приверженцевъ въ Крыму.

Опасность со стороны Россіи, слабость Турціи, отступленіе едисанцевъ и буджаковъ, выходъ едичкуловъ изъ Крыма, наконецъ панинскія обѣщанія—все это произвело расколъ въ Крыму. Одни изъ личныхъ выгодъ, другіе, въ виду безпомощнаго положенія отечества и опасности, грозившей со стороны Россіи, третьи, подчи-

---

[1]) Архивъ Госуд. Сов., т. I, стр. 7.

[2]) Ibid., 56 стр.

[3]) Ист. Рос. Солов., 28 т., 124 стр.

няясь губительному дѣйствію примѣра, соглашались съ панинскими предложеніями. Началась «негоціація» съ крымцами, при которой въ качествѣ знатока крымскихъ дѣлъ состоялъ переводчикъ Якубъ-Ага [1]). Но негоціація шла вяло. Она показала, что происходившее въ Крыму, не болѣе, какъ одно шатаніе, которое не дастъ рѣшительныхъ результатовъ до того времени, пока крымцамъ не будетъ показана опасность огня и меча. Только этимъ можно было вынудить у крымцевъ то, на что кочевники соглашались легко и добровольно. Тогда рѣшились употребить сильную мѣру и по плану войны второй арміи назначено было идти въ Крымъ [2]). Начальствованіе надъ этой арміей было отнято у Панина и передано Долгорукову, а веденіе татарской негоціаціи поручено правителю слободской губерніи Щербинину, въ помощь которому былъ данъ Веселицкій [3]).

Но прежде чѣмъ идти въ Крымъ, главнокомандующій попробовалъ мирные переговоры, и съ этою цѣлью посылаетъ въ Бахчисарай Мавроени, брата вѣрнаго Джанъ-Мамбета, Мелису-мурзу и, въ качествѣ повѣреннаго отъ джамбулуковъ, Али-агу. Посланные явились съ рѣшительнымъ предложеніемъ отъ главнокомандующаго. Хана Селимъ-Гирея въ то время не было въ Крыму: онъ былъ на Дунаѣ и мѣсто его заступалъ паша (вице-ханъ, наслѣдникъ). Въ отвѣтъ на заявленное предложеніе, паша велѣлъ посадить пословъ подъ стражу и затѣмъ созвалъ совѣтъ вельможъ, на которомъ присутствовалъ, въ числѣ другихъ, и Шагинъ-Гирей. Совѣтъ началъ съ того, что рѣшилъ вѣшать такихъ людей, которые, подобно Мавроени, пріѣзжаютъ возмущать народъ, а своихъ, какъ Мелису-мурзу и Али-агу, сжечь живыми [4]). Въ эту рѣшительную минуту выступилъ Шагинъ.

Уже давно приближенные видѣли Шагина занятаго какой-то мыслью и имѣвшаго озабоченный видъ. Съ одной стороны онъ ясно сознавалъ дѣйствительное положеніе Крыма, которому Турція не могла оказать помощи и въ который готовы вступить русскіе, ясно пред-

---

[1]) Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XIII, 255 стр. Архивъ Госуд. Совѣта т. I, 67 стр.

[2]) Арх. Госуд. Сов., т. I, 67 стр.

[3]) Ibid.

[4]) Ист. Рос. Солов., 28 т., 221, 222 стр.

ставлялъ себѣ выходъ изъ подобнаго положенія и потому въ душѣ вполнѣ раздѣлялъ предложенія панинскихъ агентовъ, тѣмъ болѣе, что эти предложенія могли коснуться его, Гирея, самой выгодной стороной. Съ другой стороны важность дѣла и соединенныхъ съ нимъ послѣдствій, его неизвѣстность, желаніе дѣйствовать на вѣрняка—заставляли его выжидать болѣе удобной минуты. Она наступила: Мавроени объявляетъ рѣшительное предложеніе главнокомандующаго, а татарскіе послы окончательное рѣшеніе отпавшихъ собратій. Между тѣмъ калга и совѣтъ въ отвѣтъ на такія заявленія рѣшаютъ оборвать однимъ ударомъ всѣ свои отношенія къ Россіи и къ отложившимся татарамъ и выступить на путь совершенно имъ враждебный. И вотъ Шагинъ на предложеніе совѣта казнить пословъ заявляетъ, что отъ гибели Мавроени Россія не потерпитъ ущерба, но гибель его не принесетъ добра и Крыму [1]); послѣ этого милости отъ Россіи нечего будетъ ждать, заключилъ эШагинъ. Оказалось, что его поддержалъ глава духовныхъ казамеръфендій и ихъ мнѣніе произвело свое дѣйствіе. Чрезъ нѣсколько дней Мавроени освобождаютъ и вмѣстѣ съ своими высылаютъ изъ Бахчисарая, въ Россію-же отправляютъ письмо совершенно неопредѣленное, такое, которымъ старались не досадить, вручивъ оное посланнымъ татарамъ.

Мавроени оставилъ Бахчисарай въ болѣе свѣтломъ настроеніи. Онъ везъ извѣстіе едисанцамъ о бывшемъ ихъ сераскирѣ, съ которымъ успѣлъ довольно познакомиться. Извѣстіе радостное: сераскиръ хвалилъ едисанцевъ и обѣщалъ имъ помощь, обѣщалъ пересылаться. Джанъ Мамбетъ не заставилъ себя ожидать, сталъ писать Шагину, Шагинъ ему и въ результатѣ этой переписки выяснились виды обоихъ лицъ. «Хочу писать къ нему, что-бы выѣхалъ къ намъ изъ Крыма, потому что съ его выѣздомъ между крымцами послѣдуетъ великая перемѣна: изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ», говорилъ Джанъ Мамбетъ Веселицкому, прибывшему въ едисанскія кочевья у Конскихъ Водъ [2]). Пришло и другое извѣстіе. Къ Веселицкому явился Абдулъ-Керимъ эфенди, увѣрялъ въ вѣрности и твердости едисанцевъ и буджа-

---

[1]) Ibid.

[2]) Ibid. 223 стр.

ковъ и объявилъ, что все благонамѣренное общество очень желаетъ выбрать въ ханы Шагинъ-Гирея, если это императрицѣ будетъ угодно. 8-го апрѣля 1771-го года Щербининъ даетъ знать объ этомъ въ Петербургъ и спрашиваетъ, какъ поступить съ предложеніемъ, избрать ли, т. е., для отступившихъ отъ Порты ногайцевъ особаго хана, чтобы этимъ положить начало независимости татаръ. Но въ Петербургѣ интересовались не столько ногайцами, сколько Крымомъ и ожидали болѣе благодѣтельныхъ послѣдствій для татарской негоціаціи отъ подготовлявшагося въ Крымъ похода, чѣмъ отъ ногайскихъ предложеній. Вотъ почему 13 мая пришелъ отвѣтъ: поддерживать ногайцевъ и ихъ предложеніе, но ничего не предпринимать дла его осуществленія [1]). Лучше всего заняться передвиженіемъ ордъ для того, что-бы очистить второй арміи дорогу въ Крымъ. Дѣйствительно сильная мѣра противъ Крыма была принята: 14 іюля армія во главѣ съ Долгоруковымъ была уже за Перекопомъ и побѣдоносно направлялась въ самый центръ ханства. Спустя двѣ недѣли съ небольшимъ всѣ крымскіе города находились въ рукахъ русскаго войска. Взятіемъ Керчи окончился походъ, прибывшая къ Кафѣ турецкая помощь была отбита, крымцы смирились и согласились отказаться отъ зависимости Турціи, согласились вступить въ союзъ съ Россіей. Во время этихъ переговоровъ ханъ Селимъ бѣжалъ въ Турцію и крымскій престолъ сталъ избирательнымъ. 27 іюля крымское собраніе въ Карасубазарѣ подписало присяжный листъ о союзѣ съ Россіей. Затѣмъ стали выбирать хана и такимъ выбрали Сагибъ-Гирея, брата Шагинъ-Гирея, который дѣятельно руководилъ переговорами собранія съ главно-командующимъ, самаго же Шагина избрали пашею [2]).

Такъ возникло новое независимое государство, союзное съ Россіей, татарская область. По новому плану Щербниину велѣно было и не думать объ отдѣленіи ногайцевъ; наоборотъ ногайцы, признавъ ханомъ Сагиба, должны были составить съ крымцами одно государство [3]).

---

1) „Объ отложеніи татаръ", жур. гр. Панина въ Чт. Общ. Ист. и Древ. 1871 г., 4 кн., 48 стр.

2) Ibid., 66 стр.; Архивъ Госуд. Сов., т. I, 94—98 стр.

3) Ibid., 107 стр.

Теперь татарской области предстояло устроиться, надо было ей окончательно условиться съ союзникомъ, надо было засвидѣтельствовать ему свою дружбу и довѣріе, надо было уладить нѣкоторыя требованія, предъявленныя имъ.

Для засвидѣтельствованія дружбы и довѣрія былъ посланъ отъ имени татарской области калга Шагинъ-Гирей. Оставивъ крымцамъ самимъ условливаться и трактовать объ уступкѣ Россіи крѣпостей Керчи и Еникале, Шагинъ 25-го августа выѣхалъ въ Петербургъ, имѣя при себѣ присяжный листъ и грамоту объ избраніи Сагиба.— Калга прибылъ въ Петербургъ въ 20-хъ числахъ ноября. Ему отвели прекрасное помѣщеніе, окружили вниманіемъ. Вмѣсто 50 рублей, получаемыхъ имъ въ пути ежедневно на содержаніе, было назначено по прибытіи 100 рублей [1]). Съ первыхъ же дней пріѣзда крымскій наслѣдникъ обратилъ всеобщее вниманіе. Красивый, образованный татаринъ не чуждался общества и, очутившись въ центрѣ цивилизаціи, жилъ европейцемъ. Одно лишь самолюбіе Гирея привело его сначала къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Сознавая, какъ онъ самъ выразился, что въ его карманѣ и въ его силѣ заключается все, что касается татарскаго народа, онъ требовалъ, чтобы Панинъ первый сдѣлалъ ему визитъ. Изъ-за этого возникли столкновенія двора съ калгой. Сначала попробовали убѣдить его переговорами отстать отъ подобнаго требованія, какъ не идущаго къ нему, и чиновникъ иностранной коллегіи не мало истощилъ краснорѣчія въ разговорѣ по этому поводу съ Шагиномъ, но безуспѣшно. Тогда совѣтъ рѣшилъ послать пашѣ письменное объявленіе, въ которомъ отъ имени императорскаго двора было указано на упрямство его въ неисполненіи обязанностей по церемоніалу и обрядамъ, всегда и непремѣнно наблюдаемымъ при императорскомъ дворѣ; пашѣ напомнили, что «онъ является, какъ посолъ хана крымскаго, просить о подтвержденіи его въ томъ достоинствѣ, которое получилъ, хотя и по добровольному всего татарскаго общества избранію, однако пособіемъ ея величества» [2]). Шагинъ отсталъ отъ своего требованія относительно визита, но его «претительность» не окончилась этимъ. 22-го ноября Панинъ жаловался совѣту, что

---

[1]) Ibid., 126 стр., Ист. Росс. Солов., 28 т., 229 стр.

[2]) Ист. Росс. Солов., 28 т., 231 стр.

паша не соглашается снимать шапки на предстоящей аудіенціи, такъ какъ того не позволяетъ ему магометанскій законъ, въ случаѣ нарушенія котораго ему нельзя будетъ возвратиться въ отечество, не подвергаясь всеобщему порицанію, а можетъ быть и ругательству [1]). Послѣднему требованію пришлось уступить и, чтобы дать этому дѣлу благовидную окраску, совѣтъ рѣшилъ послать пашѣ въ подарокъ шапку, по случаю освобожденія татарскихъ народовъ. По этой причинѣ, объявлялъ совѣтъ, императрица жалуетъ татарскому народу тотъ самый церемоніалъ, какой употребляется въ сношеніяхъ съ Портою и персидскимъ государствомъ, позволяя въ тоже время и всѣмъ вообще татарамъ отнынѣ являться вездѣ съ покрытыми головами [2]). Этимъ и окончились недоразумѣнія, послѣ чего Шагинъ сталъ готовиться къ аудіенціи. 28 ноября совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша долженъ былъ говорить на аудіенціи, слушалъ и отвѣтъ на нее [3]). Вслѣдъ за этимъ послѣдовала и аудиенція, на которой паша вручилъ привезенныя бумаги, произнесъ рѣчь и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе.

После этого Шагинъ зажилъ обыкновенной жизнью въ столицѣ, привлекая къ себѣ все большую и большую симпатію. Живой, любознательный паша не сидѣлъ дома въ кругу своихъ татаръ, которые пріѣхали послами отъ ногайскихъ ордъ. Съ свойственнымъ ему интересомъ присматривался онъ ко всему; не упуская изъ вида политики и извѣстій изъ Крыма и съ береговъ Дуная, Шагинъ одинаково интересовался и всей окружающей обстановкой. Онъ то бываетъ на парадахъ, то осматриваетъ достопримѣчательности въ области науки, искусства и промышленности, не пропускаетъ ни одного спектакля въ театрѣ, по воскресеньямъ послѣ обѣда смотритъ, какъ танцуютъ воспитанницы въ Смольномъ монастырѣ [4]). Однимъ словомъ весь Петербургъ, обращавшій сначала вниманіе на пріѣзжаго мусульманина, мало по малу на столько привыкъ его постоянно видѣть, что появленіе его въ публичныхъ мѣстахъ считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Любезность,

---

[1]) Арх. Госуд. Сов., т. I, 122 стр.

[2]) Ibid., 125 стр. Истор. Росс. Сол., 28 т., 231 стр.

[3]) Арх. Госуд. Совѣтъ, т. I, 127 стр.

[4]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.

привѣтливость, внѣшній лоскъ, развивавшіеся подъ вліяніемъ петербургской обстановки, пріобрѣли ему много поклонниковъ. Его находили интереснымъ. Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина писала: «у насъ здѣсь въ настоящее время паша султанъ, братъ независимаго хана крымскаго; это молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, умный и желающій себя образовать» [1]. Въ другомъ письмѣ императрица дѣлала такой отзывъ о немъ: «крымскій дофэнъ—самый любезный татаринъ: онъ хорошъ собою, уменъ, образованъ не по татарски; пишетъ стихи; хочетъ все видѣть и все знать; всѣ полюбили его» [2].

Одинъ только Панинъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на Шагина и огорчался тѣми тратами, которыя дѣлалъ татарскій дофинъ на свою европейскую жизнь. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ калга получилъ, кромѣ подарковъ: шубы, платья, богатаго серебрянаго сервиза и выдаваемаго суточнаго жалованья, еще пять тысячъ на расходы. Не на долго хватила выданная сумма. Панинъ долженъ былъ испросить новую сумму [3]. Выдали 10 т., которыя также скоро были израсходованы. Шагинъ нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ на сторонѣ, закладывая драгоцѣнныя вещи, полученныя имъ въ подарокъ отъ императрицы. Такъ, по случаю аудіенціи въ Царскомъ Селѣ, ему были пожалованы перстень и табакерка. Эти вещи онъ заложилъ купцу Лазареву и Панину пришлось выкупить ихъ потомъ за 8,500 рублей [4].

17 февраля 1772 года послы отъ четырехъ ногайскихъ ордъ были отпущены изъ Петербурга съ Высочайшими грамотами на имя каждаго изъ ногайскихъ народовъ [5]. Въ началѣ мая выѣхали и прибывшіе съ Шагиномъ крымскіе депутаты, которымъ вручили одну грамоту крымскому обществу, другую «возвѣстительную» хану [6]. Самъ Шагинъ остался въ Петербургѣ.

Какъ представитель татарской области, объявившей себя въ союзѣ съ Россіей, Шагинъ и не могъ выѣхать, ибо отношенія

---

[1] Сбор. Рус. Ист. Общ., XIII т., 180 стр.
[2] Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.
[3] Ibid., 349 стр.
[4] Сб. Рус. Ист. Общ., 28 т., 206 стр.
[5] Чт. Общ. Ист. и Древ. 71 г., 4 кн., 76 стр.
[6] Ibid., 198 и 109 стр.

между двумя державами не были еще улажены. Союзники ни за что не соглашались уступить намъ Керчь и Еникале. Самъ ханъ возсталъ противъ предложенія отдать эти крѣпости въ видахъ обезпеченія татарской независимости. «Татарская область самостоятельна и независима, а потому она должна защищаться и отстаивать себя собственными средствами», говорилъ Сагибъ-Гирей Долгорукову [1]). Шагинъ писалъ брату и совѣтовалъ не упорствовать, но не помогъ дѣлу [2]).

Дѣла въ Крыму осложнялись подъ вліяніемъ партіи, тянувшей къ Турціи. Узнавъ, что Турція прервала свои переговоры, начавшіеся въ Фокшанахъ, изъ-за независимости татаръ и уступки крѣпостей, турецкая партія стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Она объявила, что Крымъ не хочетъ быть независимымъ и отвергала союзъ, объявленный Россіею. Щербининъ терялъ надежду на успѣхъ негоціаціи съ крымцами. Переговоривъ съ вѣрнымъ Джанъ-Мамбетомъ, онъ пишетъ въ Петербургъ о необходимости удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ, назначивъ имъ Шагива сераскиромъ и, отдѣливъ ихъ такимъ образомъ отъ крымцевъ, лишить Крымъ существенной поддержки [3]). Совѣтъ рѣшилъ имѣть въ виду планъ Щербинина, преддагаемый имъ во второй разъ, но подобно тому, какъ въ 1771 г. больше интересовались крымцами, чѣмъ ногайцами, такъ и теперь вниманіе было устремлено на Крымъ. Ногайцамъ рѣшили выдать до 10 т. рублей подарками, чтобы удержать ихъ отъ турецкихъ соблазновъ, и занялись Крымомъ, который возвращался къ прежнему своему положенію. Опять потребовались болѣе существенныя мѣры, чѣмъ безполезныя увѣщанія. Генералу Щербатову было приказано стянуть войска, а генералу Прозоровскому идти съ корпусомъ въ Крымъ [4]). Щербининъ долженъ былъ дѣйствовать чрезъ обласканныхъ ногайцевъ и, пославъ отъ нихъ депутатовъ въ Крымъ, требовать исполненія данныхъ Россіи обѣщаній. Наконецъ Долгоруковъ долженъ былъ, по приведеніи въ исполненіе нужныхъ мѣръ,

---

[1]) Ист. Рос. Сол., 28 т., 347 стр.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, 141 стр. Чт. Общ. Ист. и Древ., 71 г., 4 кн., 125 стр.

[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, 153 стр.

[4]) Сбор. Русс. Ист. Общ., т. XIII, стр. 269. Арх. Гос. Сов., I т., 168 стр.

заключить формальный трактатъ съ татарскою областью, который, помимо установленія отношеній между осоюзившимися державами, нуженъ былъ въ переговорахъ съ Турціею, отрицавшею татарскую независимость [1]).

Сталъ собираться въ дорогу и Шагинъ. 9-го августа совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша приготовилъ для отпускной аудіенціи [2]). Затѣмъ начались сборы. Шагину даны были новые подарки; подарена была сабля, оправленная въ золото и украшенная драгоцѣнными камнями. Для отправленія паши Панинъ просилъ денегъ и отправилъ совѣту счетъ въ 46,561 р., необходимыхъ на выѣздъ Шагина [3]). Нужно было еще выкупить заложенныя вещи.

Но пока собирался Шагинъ, дѣла въ Крыму стали улаживаться и безъ него. 19 сентября Долгоруковъ разбилъ татарскія скопища, производившія безпорядокъ, а 29 Щербининъ былъ приглашенъ въ Карасубазаръ для соглашеній [4]). Здѣсь собрались ширины, знатные мурзы, депутаты отъ ногайцевъ, представители бейскихъ поколѣній. 1-го ноября они подписали трактатъ, которымъ татарскіе народы признавали себя независимыми, составляющими одну область, объявляли себя въ союзѣ и дружбѣ съ Россіею, въ знакъ чего уступали ей «во всегдашнее содержаніе» Керчь и Еникале [5]). Оставалось теперь ратификовать трактатъ и тѣмъ покончить недоразумѣнія.

Наконецъ въ концѣ года выѣхалъ изъ Петербурга Шагинъ. 10 декабря совѣтъ вручилъ ему письма для передачи Долгорукову и Щербинину [6]). Кромѣ того онъ везъ съ собою Высочайшій рескриптъ хану. Шагинъ вернулся въ Крымъ сильно измѣнившимся. Пребываніе въ Петербургѣ произвело на него рѣшительное вліяніе. Принимая близкое участіе въ татарскомъ дѣлѣ, которому въ Петербургѣ давали направленіе почти на его глазахъ, честолюбивый, паша сталъ смотрѣть на себя, какъ на призваннаго самой судьбою къ рѣшенію участи своего отечества. Обстоятельства подтверждали

---

[1]) Чтенія Общ. ист. и древ., 1871 г., 4 к. 131 стр.
[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, 199 стр.
[3]) Ibid.
[4]) Ibid., 207 и 208 стр.
[5]) Пол. Соб. Зак., т. XIX, № 13934.
[6]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 220.

это: Щербининъ два раза представлялъ въ Петербургъ о необходимости избрать его главой ногайцевъ и совѣтъ раздѣлялъ это предложеніе. Но что могло значить сераскирство или даже ханство надъ кочевниками для татарскаго дофина, увлеченнаго европейской цивилизаціей и тѣмъ могуществомъ, какое она доставляла? Въ его головѣ раждался образъ другой власти—образъ ханскаго престола независимаго отъ Турціи, могущественнаго, славнаго. Этотъ престолъ долженъ быть воздвигнутъ въ Крыму, который, получивъ независимость, долженъ воспрянуть къ новой жизни, къ новой роли, къ такой роли, которая въ состояніи была бы затмить все созданное когда либо Гиреями, превзойти славу Чингизовой монархіи. И эту жизнь могъ вдохнуть только онъ.

Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ высотѣ своего призванія. Образъ черноморской имперіи Гиреевъ, принимавшій болѣе и болѣе грандіозные размѣры, овладѣлъ всѣмъ его воображеніемъ.

Но пока, ему предстояло вступить въ обязанность паши при крымскомъ ханѣ, который не замедлилъ по прибытіи Шагина созвать совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ [1]). Въ это собраніе является Шагинъ. Здѣсь онъ превозноситъ щедроты государыни, объявляетъ, что будетъ всегда благодаренъ ей и усерденъ къ русскому союзу, заявляетъ, что Россія оказала Крыму неизъяснимое благо. предоставивъ ему независимость, ибо только въ союзѣ съ нею заключается счастіе и благоденствіе Крыма; потомъ съ укоромъ обращается къ собранію и спрашиваетъ, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману, нарушенію клятвы? [2]). Собраніе отвѣтило по своему: «мы одинаково боимся какъ Россіи, такъ и Турціи; находясь въ опасности отъ первой, мы согласились на ея предложенія, боясь другой, сносились съ нею, считая себя зависимыми. Дѣйствіями Россіи, отнимающей у насъ земли и обращающейся съ нами лживо, мы теперь обмануты и огорчены».—«Ничего подобнаго Россія не дѣлаетъ»! съ жаромъ возразилъ паша. Да если бы Россія захотѣла бы мстить за вѣроломство, то ничего ей не стоитъ обратить Крымъ въ пу-

---

[1]) Ист. Рос. Сол., 29 т., стр. 31.

[2]) Ibid., стр. 32.

стыню. И это можетъ случиться, если вы будете продолжать вести себя вѣроломно. Лучше выдайте мнѣ возмутителей спокойствія, если только хотите быть вольными помощью Россіи». Собраніе, которое недавно только подписало трактатъ дружбы съ Россіей, отвѣтило молчаніемъ. Шагинъ вышелъ изъ себя. «Полномочіе, возложенное на меня при отъѣздѣ въ Россію, обязываетъ васъ повиноваться!»—«Мы васъ не удерживаемъ; у насъ есть государь, которому мы и обязаны повиноваться» [2]).

Калгѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ жаловаться на «безпутство» своихъ единовѣрцевъ. Откровенно сознаваясь пріѣхавшему съ нимъ князю Путятину, что ничего не можетъ подѣлать съ единоземцами, которые, по его словамъ, вдесятеро стали хуже и развратнѣе, чѣмъ были прежде, онъ прибавилъ: «съ такими неблагодарными людьми, враждебными мнѣ и русскимъ, я не могу остаться, потому что обѣщалъ ея величеству быть навсегда ей вѣрнымъ; если дѣла будутъ продолжаться въ такомъ же безпорядкѣ и силъ моихъ недостанетъ быть полезнымъ Россіи и себѣ, то принужденъ буду покинуть страну и искать убѣжища подъ покровительствомъ императрицы» [2]). Путятинъ написалъ объ этомъ въ Петербургъ. 11 апрѣля совѣтъ рѣшилъ: похвалить пашу за поведеніе и обнадежить его всегдашнимъ ея величества покровительствомъ [3]). Калга какъ говорилъ, такъ и сдѣлалъ: выѣхалъ изъ Бахчисарая и наконецъ остановился въ Перекопѣ [4]).

Но не для того онъ оставилъ столицу ханства, что-бы умыть руки въ крымскомъ дѣлѣ. Теперь крымскій вопросъ вступилъ въ новую фазу усложненій. Мирные переговоры съ Турціей въ Бухарестѣ убѣдили только въ упорствѣ турокъ, ни за что не соглашавшихся на признаніе Крыма независимымъ, не смотря даже на то, что имъ во очію представили союзный трактатъ Россіи съ Крымомъ, обнародованный 29 января 1773 г. Военныя дѣйствія возобновились, Турція готовилась дать отпоръ Румянцеву, извѣщала въ Крымъ, что пришлетъ помощь. Тогда Долгоруковъ стянулъ войска

---

1) Ibid.

2) Ibid., стр. 31.

3) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 243.

4) Ibid., стр. 236.

къ Перекопу, а Синявинъ съ своей флотиліей сталъ крейсировать вокругъ Крыма, на случай появленія турецкаго флота [1]). Въ это время у Перекопа Шагинъ ведетъ съ главнокомандующимъ бесѣду по душѣ. «Что-бы сдѣлать Крымъ независимымъ, нуженъ такой ханъ, увѣрялъ паша, который не боялся бы Турціи, а дѣйствовалъ бы рѣшительно». Шагинъ продолжалъ говорить о всегдашнемъ своемъ усердіи къ Россіи и въ концѣ концовъ обѣщалъ, что если его сдѣлаютъ самовластнымъ надъ татарами ханомъ, то онъ утвердитъ независимость Крыма отъ Порты [2]). 19 іюля Долгоруковъ далъ знать въ Петербургъ объ этомъ желаніи Шагина [3]). Совѣтъ, получивъ въ третій разъ предложеніе сдѣлать Шагина ханомъ, хотя по прежнему находилъ доводы паши основательными и справедливыми, все таки привести ихъ въ исполненіе не рѣшался, ибо это значило бы нарушить трактатъ, обнаружить свое вмѣшательство въ дѣла Крыма и этимъ дать себя въ руки Турціи. Совѣтъ сознавалъ, что не мало лѣтъ потребно для совершеннаго отдѣленія татаръ отъ Турціи и въ виду этого поручилъ только Панину обнадежить Шагина покровительствомъ императрицы и «всегдашнимъ въ случаѣ нужды сюда убѣжищемъ [4])». Но не успѣлъ еще этотъ отвѣтъ сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, стоящимъ при татарской негоціаціи, какъ, вслѣдствіе безпокойствъ на Кубани, снова пошло въ Петербургъ предложеніе о Шагинѣ.

Дѣло въ томъ, что Турція, ободрившись неудачей дунайской экспедиціи Россіи, дѣйствительно послала свои суда къ Тамани. Съ ними прибылъ на Кубань Девлетъ-Гирей. Сейчасъ на Кубани, бывшей всегда средоточіемъ самыхъ безпокойныхъ элементовъ, выходившихъ изъ Крыма, въ лицѣ разныхъ искателей приключеній, въ лицѣ разнаго рода султановъ, «чаявшихъ движенія воды», пошло ходить извѣстіе, что Крымъ возвращается подъ власть Порты, почему она и назначила Девлетъ-Гирея ханомъ [5]). Ногайцы, жившіе на той сторонѣ, пришли въ движеніе, отъ котораго ихъ не

---

[1]) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, стр. 337.

[2]) Ист. Рос. Сол., т. 29, стр. 31.

[3]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 251.

[4]) Ibid., стр. 252.

[5]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 263.

могла удержать даже русская команда, находившаяся подъ начальствомъ Стремоухова, приставленнаго къ кочевникамъ. Русское вліяніе ослабѣло настолько, что Джанъ-Мамбетъ опять видѣлъ единственное средство спасенія въ отдѣленіи ногайцевъ подъ особое управленіе мощнаго сераскира, какимъ считался Шагинъ. И вотъ Щербининъ снова поднимаетъ въ совѣтѣ вопросъ объ избраніи Шагина ногайскимъ сераскиромъ и, какъ оказалось, для окончательнаго рѣшенія. Тайное вмѣшательство Турціи въ дѣла Крыма заставило Россію съ своей стороны поступать рѣшительнѣе. Пришелъ отвѣтъ: провести въ сераскиры Казы-Гирея, который также добивался начальствованія, а въ случаѣ его неудачи—Шагина [1]).

28 августа Шагинъ, сложивъ съ себя званіе калги, выѣхалъ въ Полтаву, гдѣ былъ любезно принятъ. Ему обѣщали выдавать ежемѣсячно по 500 руб., а въ случаѣ, если по какимъ либо причинамъ онъ оставитъ Полтаву и переѣдетъ въ Петербургъ, то будетъ получать по 1000 руб. [2]). Чрезъ два мѣсяца Долгоруковъ получилъ новый рескриптъ, въ которомъ бывшему калгѣ увеличено было жалованье съ 500 р. на тысячу [3]). Между тѣмъ Казы-Гирей потерпѣлъ неудачу: Девлетъ, соединившись съ едичкульцами, напалъ на пристава Павлова, разсѣялъ его отрядъ и сталъ утверждаться среди ногайцевъ [4]). Тогда Щербининъ, взявъ на непредвидѣнные расходы изъ канцеляріи слободской губерніи 35 т., послалъ на Кубань Шагина. Съ нимъ ѣхалъ бригадиръ Бринкъ, а ихъ сопровождалъ отрядъ войска подъ начальствомъ Стремоухова. Съ своей стороны Долгоруковъ распорядился придвинуть войска къ мѣсту отправленія Шагина. Послѣдній уже прибылъ на Кубань и нашелъ дѣла въ лучшемъ положеніи: полковникъ Бухвостовъ успѣлъ разсѣять мятежныя толпы татаръ и занялъ важный пунктъ на Кубани—Копылу [5]). Помощью денегъ и прибывшихъ отрядовъ Шагинъ въ маѣ 1774 года утвердился на Кубани [6]).

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1871 г., кн. 4, стр. 160 и 161.

[2]) Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 260.

[3]) Ibid., стр. 267.

[4]) Ibid., стр. 275.

[5]) Ibid., стр. 277, 278 и 281.

[6]) Чтен. Общ. ист. и др., 1874 г., кн. 2, стр. 16—17.

Пока ограничились этимъ, такъ какъ Порта согласилась признать независимость татаръ, согласилась признать союзный трактатъ татарской области и Россіи и 10 іюля 1774 года заключила Кучукъ-Кайнарджійскій миръ.

Итакъ заключенный миръ, казалось, долженъ былъ успокоить державы, долженъ былъ покончить между ними недоразумѣнія и утвердить за Крымомъ положеніе, предоставленное ему Россіей.

Но не успокоился Крымъ. Заключенный миръ образовалъ между нимъ и единовѣрною Турціей пропасть, которую оба мусульманскія государства стараются уничтожить.

Связанный узами духовнаго родства, Крымъ не могъ помириться съ оторванностью и тянулъ къ единовѣрной Турціи. Съ своей стороны послѣдняя, не смотря на незажившія еще раны, нанесенныя ей въ первую войну, не могла забыть о потерѣ Крыма, котораго Кайнарджійскій трактатъ не могъ съ формальной стороны оторвать отъ нея окончательно, сохранивъ за султаномъ право посылать калифское благословеніе каждому изъ новоизбираемыхъ хановъ.

По этимъ соображеніямъ только что заключенный съ Россіей трактатъ сталъ нарушаться. Крымцы, по выводѣ Долгоруковымъ расположенныхъ въ Крыму войскъ, отправляютъ депутацію въ Константинополь и поручаютъ ей заявить Портѣ, что они не желаютъ быть независимыми и просятъ принять ихъ подъ свою защиту [1]. Не смотря на неудачу, понесенную крымцами при нападеніи русскаго войска, волненія въ Крыму не унимались. Съ своей стороны Порта внимательно слушаетъ заявленія татарской депутаціи, посылаетъ въ Крымъ новаго пашу—Бахти-Гирея, поддерживаетъ Девлета, передвинувшагося изъ Кубани въ Крымъ, не признаетъ Сагиба ханомъ, какъ поставленнаго помощью Россіи [2].

Дѣла на это время приняли такой критическій оборотъ, что въ Петербургѣ рѣшили, въ случаѣ если Крыму суждено будетъ отойти къ Турціи, удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ [3]. Для

---

[1]) Арх. воен.-пох. канц. гр. Румянцева въ Чт. Общ. ист. и др., 1866 г, кн. 1, стр. 4—5 11; Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 289.

[2]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1866 г., кн. 1, стр. 18; Арх. Гос. Сов., т. I, стр 301.

[3]) Чтен. Общ. ист. и древ., 1872 г., кн. 2, стр. 92—93.

этой цѣли Щербинину выдали 100 т. и отправили на Кубань въ кочевья Джанъ-Мамбета [1]) дѣйствовать сообща въ пользу образованія ногайскаго ханства, но съ условіемъ, «чтобы Порта не видѣла въ этомъ явнаго нашего участія [2])». Сначала Щербининъ примирилъ Джанъ-Мамбета съ Шагиномъ, которые почему то не поладили, затѣмъ склонилъ ногайцевъ и къ концу 1774 года Шагинъ могъ уже быть объявленъ ханомъ [3]). Извѣщенный объ этомъ Панинъ 10 января 1775 г. написалъ Щербинину не медлить избраніемъ Шагина, но не производить разрыва между ногайцами и крымцами, въ виду охлажденія Порты къ татарскому дѣлу и слѣдовательно лучшаго поворота въ дѣлахъ, вслѣдствіе чего ногайцы должны испросить у крымскаго хана утвержденія Шагина въ избранномъ ими ханскомъ достоинствѣ. Оставалось склонить на сторону Шагина еще безпокойныхъ едичкульцевъ, какъ новое обстоятельство дало другой ходъ происходившимъ событіямъ.

Порта, по выраженію русскаго повѣреннаго Петерсона, наскучилась крымскими хлопотами и сдѣлалась уступчивой [4]). 27 марта высочайшій манифестъ объявилъ о заключеніи мира съ Турціей [5]). Султанъ согласился выдать «нисанъ» Сагибу и признать его ханомъ, для чего отправилъ въ Крымъ съ этимъ нисаномъ своего миріалія. Пріѣздъ миріалія возбудилъ умы сильнѣе прежняго. Крымцы, руководимые Девлетъ-Гиреемъ, возмутились и низложили слабохарактернаго Сагиба, а на его мѣсто возвели Девлета [6]). Пока Щербининъ протестовалъ въ Крыму противъ низложенія Сагиба, пока Петерсонъ требовалъ отъ Порты объясненій по поводу случившагося въ Крыму, Девлетъ тѣмъ временемъ дѣйствовалъ въ пользу возвращенія ханству прежняго порядка и послалъ на Кубань сераскиромъ Тохтамышъ-Гирея [7]). Тохтамышъ съ таманцами и ногайцами напалъ, въ числѣ 3 т. человѣкъ, на Шагина, перебилъ весь отрядъ, находившійся при немъ и заставилъ его бѣжать къ абазинцамъ. Гене-

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и др. 1872 г., кн. 2., стр. 96.
[2]) Арх. Гос. Сов., т. 1, стр. 293.
[3]) Чт. Общ. ист. и древн., 1872 г., кн. 2, стр. 104.
[4]) Ibid., 1866 г., ч. I, стр. 34.
[5]) Ibid., 1872 г., кн. 2, стр. 105.
[6]) Ibid., стр. 117—124.
[7]) Ibid., стр. 122—126.

ралъ Борзовъ послалъ одинъ купеческій ботъ, который перевезъ Шагина въ Еникале [1]). Здѣсь ему предстояло принять участіе въ болѣе важныхъ по своимъ послѣдствіямъ событіяхъ, которыя не замедлили вскорѣ обнаружиться.

Турція, подъ вліяніемъ совершившихся событій, снова заговорила. Репнину, посланному въ Константинополь, для засвидѣтельствованія дружбы и союза съ Турціей, Порта прямо заявляетъ, что Крымъ не можетъ оставаться безъ турецкаго покровительства и формально проситъ Россію отступить отъ независимости татаръ [2]). Репнинъ доносилъ объ этомъ въ Петербургъ, жаловался, что Порта не выводитъ своихъ войскъ изъ Крыма, задерживаетъ контрибуцію и думаетъ воспользоваться этимъ для пересмотра вопроса о вольности татаръ. Дѣйствительно, поведеніе Турціи показывало, что она не думаетъ отказываться отъ обладанія Крымомъ: новому хану, вмѣсто калифскаго благословенія, послана султанская инвеститура, какъ это дѣлалалось раньше, во время господства Турціи надъ ханствомъ. Въ добавленіе ко всему Порта ограничивала свободу мореплаванія и задерживала купеческія суда, направлявшіяся въ Керчь.

Россія рѣшила поддержать кайнарджійскій трактатъ, приходившій въ разрушеніе. 8-го марта 1776 г. императрица подписываетъ рескриптъ Румянцеву, принявшему теперь ближайшее веденіе крымскаго дѣла, придвинуть 30 тысячь войска къ сторонѣ Крыма и особый корпусъ къ кубанской линіи [3]). Въ тоже время генералъ-губернаторъ новороссійскаго края Потемкинъ, выступившій на сцену дѣйствій, долженъ былъ оказывать всевозможное содѣйствіе главнокомандующему. Было рѣшено утвердить Шагина ханомъ на Кубани, а потомъ перевести на крымскій престолъ. Шагинъ двинулся внутрь кубанской земли, гдѣ бригадиръ Бринкъ уже приводилъ въ покорность возмутителей спокойствія, а оставшихся спокойными подготовлялъ къ принятію Шагина. Въ тоже время находившійся въ Еникале генералъ Борзовъ набиралъ приверженцевъ въ Крыму [4]).

---

[2]) Сбор. рус. ист. общ., т. XV. стр. 549.

[3]) Ibid., стр. 492.

[3]) Сбор. рус. ист. общ., т. XXII, стр. 4.

[4]) Чт. Общ ист. и древ.» 1866 г., т. I, стр. 102.

Въ октябрѣ Прозоровскій, посланный Румянцевымъ, занялъ перекопскую линію и готовъ былъ войти въ Крымъ; онъ ожидалъ только извѣстій съ Кубани, чтобы занять Перекопъ. Извѣстія пришли благопріятныя: Шагинъ былъ принятъ ногайцами и торжественно объявленъ самодержавнымъ независимымъ ханомъ [1]). Вслѣдъ за этимъ Шагинъ направился въ Крымъ и вступилъ туда вмѣстѣ съ Прозоровскимъ. Девлетъ собралъ 40 т. войска и вышелъ на встрѣчу. Сначала, чтобы выиграть время, онъ вошелъ въ мирные переговоры, потомъ вдругъ напалъ на русскій гарнизонъ, но былъ разбитъ и бѣжалъ. Прозоровскій овладѣлъ дорогою къ Бахчисараю и, раздѣливъ армію на отряды для очищенія страны, съ главнымъ отрядомъ направился къ столицѣ ханства. Девлетъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, покинулъ престолъ и бѣжалъ изъ Крыма [2]). Скоро жители приведены были въ покорность и согласились на избраніе новаго хана, какимъ русская партія, дѣятельно работавшая подъ шумъ войны, готовила Шагина. Дѣйствительно крымское собраніе приняло Шагина и присягнуло ему, какъ самодержавному хану съ неограниченными правами [3]). Вслѣдъ за этимъ новый ханъ извѣстилъ по обычаю Порту о своемъ избраніи, но счелъ нужнымъ умолчать о предоставленной ему неограниченной власти.

II.

И такъ, давно желанная цѣль Шагина, такъ долго замедляемая въ своемъ исполненіи пестрымъ и крайне разнообразнымъ ходомъ событій, наконецъ осуществилась. Мечта его сдѣлалась дѣйствительностью: крымскій престолъ находился въ его обладаніи. Теперь-то настала пора осуществить другую мечту, болѣе грандіозную—преобразовать ханство въ славную черноморскую имперію. Средства для этого казались въ его рукахъ: знаніе, энергія, сила воли и покорный народъ. Съ этими средствами, считавшимися для него достаточными, началъ свою дѣятельность крымскій ханъ.

Однимъ изъ золъ, подтачивавшихъ жизнь ханства, дѣлавшихъ его игрушкою въ рукахъ могущественныхъ сосѣдей, была власть

---

[1]) Чтен. Общ. ист. и древн., 1866 г., т. I, стр. 227.

[2]) Времен. общ. ист. и древн., 1856 г., 24 кн., стр. 101—102.

[3]) Ibid. Сбор. рус. ист. общ., т. XVII, стр. 133 (прим.)

олигархіи. Во главѣ ея находились представители бейскихъ поколѣній, ведущихъ свое происхожденіе отъ потомковъ Чингизъ-хана и сохранившихъ, въ числѣ другихъ привилегій, право на ханскій престолъ; этимъ правомъ особенно дорожили ширины, никогда не забывавшіе его [1]). Удержавъ за собою земли, на которыхъ расположились предки ихъ, перекочевавшіе съ своими ордами въ Крымъ, беи превратились въ независимыхъ владѣтелей, признающихъ одни вассальныя отношенія къ хану, при дворѣ котораго они не отправляли никакихъ должностей. Такое ихъ положеніе и связанныя съ нимъ тридиціи дѣлали беевъ ограниченіемъ самодержавной власти хана, который, не смотря на свои права и полномочія, предоставленныя ему кораномъ какъ свѣтскому. такъ и духовному владыкѣ, по отношенію къ беямъ не пользовался ими вполнѣ и даже находился въ извѣстной степени зависимости отъ нихъ. Имѣя войско и владѣя достаточными матеріальными средствами, они могли вступать въ пререканіе съ ханомъ и въ случаѣ недовольства свергали его. Послѣднему нуженъ былъ особый тактъ и умѣнье разъединять интересы высшаго дворянства, что-бы дать ему почувствовать силу своей власти. За беями слѣдовали дворянскіе роды [2]), происходившіе отъ позднѣйшихъ переселенцевъ въ Крымъ, или возвысившіеся своею придворною службою; они не чуждались вмѣшательства во внутреннія междоусобія и примыкали къ той или другой партіи. Понятно, почему Шагинъ, вступивъ на престолъ, заставилъ принести себѣ присягу въ неограниченномъ самовластіи и затѣмъ сталъ ревниво оберегать свои прерогативы. Рядомъ мѣропріятій ему удалось подчинить и поставить въ непосредственную отъ себя зависимость крымскую аристократію. Успѣхъ этого дѣла обусловливался тревожными событіями, испытанными Крымомъ. Бѣдствія войны, тяжесть происходившихъ столько лѣтъ неурядицъ, отразились на экономическомъ состояніи многихъ дворянъ и по преимуществу беевъ, какъ самыхъ безпокойныхъ. Служба, которая при измѣнившихся условіяхъ администраціи открывала, въ добавокъ, доступъ честолюбію,

---

[1]) Изъ собранія ярлыковъ, принадлежащихъ мурзамъ Шириновымъ, и ихъ родословной, хранящихся въ архивѣ тавр. дворян. собр. за 1820 г.

[2]) Пам. кн. таврической губ., „Занятіе Крыма“, стр. 20.

являлась однимъ изъ средствъ содержанія, однимъ изъ источниковъ увеличенія земныхъ благъ. И вотъ Шагинъ вводитъ цѣлую систему управленія, создаетъ іерархическую службу съ опредѣленнымъ окладомъ жалованья, выдаваемымъ изъ казны.

Патріархальное состояніе администраціи, не разграничивавшей смѣсь различныхъ населеній, требовало приведенія всего управленія къ единству, къ извѣстной организаціи. Ханъ старается дать эту организацію введеніемъ централизаціи въ управленіе, установленіемъ іерархической системы, болѣе точнымъ опредѣленіемъ каждому органу управленія круга его обязанностей, учрежденіемъ новыхъ органовъ или уничтоженіемъ старыхъ. Удерживая непосредственно за собою главное управленіе и руководительство судьбами государства, Шагинъ даетъ новый видъ дивану или ханскому совѣту. Новый диванъ состоялъ изъ двѣнадцати сановникомъ [1]). По недостатку свѣдѣній трудно опредѣлить, каковъ былъ точный кругъ его вѣдомства. Можно предположить, что это былъ родъ государственнаго совѣта, стоящаго во главѣ всѣхъ учрежденій и имѣвшаго въ рукахъ административную и законодательную власть. Изъ «регистра даванному помѣсячно жалованью при Шагинъ-Гиреѣ» [2]), истребованнаго по присоединеніи Крыма княземъ Потемкинымъ отъ крымскаго земскаго правительства [3]), видимъ знатныхъ лицъ, получающихъ ежегодно отъ 2200 рублей на русскія деньги до 5500. Эти чиновники назывались мурахасами и въ числѣ ихъ поименованы слѣдующія лица: Ширинскій бей, Адильша-ага, Мегметча-мурза, Ахметша мурза, Селимша-ага, Шагинъ Гирей мурза—Ширинскіе, Мансурскій бей, Азаматъ мурза, Сары мурза, Эмерша мурза—Мансурскіе, мурахасъ Мегметъ Ага, Аргинскій бей. Изъ этого можно думать, что въ совѣтъ, какъ высшее государственное учрежденіе, вошли представители знатнѣйшаго дворянства, главнымъ образомъ тѣ изъ беевъ, которые успѣли показать усердіе новому правительству [4]). Слѣдова-

---

[1]) Врем. Общ. ист. и древ., 1856 г., кн. 24, стр. 103.

[2]) Изъ „Журнала крым. зем. прав.", хранящагося въ губернскомъ архивѣ въ г, Симферополѣ.

[3]) Отправленъ князю 27 ноября 1783 г., подъ № 145 (арх. г. Симф.).

[3]) Изъ „регистра даванному помѣсячно жалованью" (арх. г. Симф.).

тельно совѣтъ, помимо другаго своего значенія, являлся также средствомъ образовать изъ беевъ служилое сословіе.

Отдѣльные органы управленія получили болѣе ясное опредѣленіе и назначеніе. Указанъ былъ болѣе точный кругъ вѣдомства диванъ-эфендію, ставшему теперь секретаремъ совѣта; отнято было административное значеніе у капудили-баши, игравшаго прежде видную роль въ управленіи, въ качествѣ приближеннаго лица съ званіемъ «охранителя дверей хана», и обратившагося теперь въ высшаго придворнаго служителя; актаги-бей сталъ только шталмейстеромъ, а килардяи-бей—гофмаршаломъ. Вообще придворныя лица, имѣвшія при прежнемъ строѣ управленія также другое административное значеніе, съ распредѣленіемъ администраціи по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, сохранили лишь придворное значеніе въ качествѣ чиновъ свиты, въ правильномъ устройствѣ которой Шагинъ не менѣе былъ заинтересованъ, съ цѣлью придать блескъ своему двору. Касперу-эфендію былъ данъ «подсудокъ» съ жалованьемъ въ 800 левовъ, вслѣдствіе расширившагося круга его дѣятельности.

Въ областномъ управленіи Крымъ составилъ шесть округовъ, которыми управляли особые начальники *каймаканы*, завѣдывавшіе гражданскою частью. Въ свою очередь каждое каймаканство дѣлилось на кадылыки, которыхъ считалось 44 [1]). Въ этихъ округахъ были кадіи, завѣдывавшіе судомъ, муселимы, дыздари, сердари, составлявшіе родъ военныхъ начальниковъ, башъ-бумокъ-баши—высшія военныя лица. Полицейская часть, распредѣленная между уѣздными и окружными чинами, сосредоточивалась въ рукахъ Вели-аги.

Образовалась такимъ образомъ сложная классификація государственныхъ чиновъ, представлявшихъ въ общемъ три іерархическія ступени: первыхъ, вторыхъ и третьихъ чиновъ, въ концѣ которыхъ числились писаря, съ жалованьемъ въ 200, 300 левовъ, разсыльные и пр. Изъ имѣющейся подъ руками вѣдомости расходамъ ханства видно, что въ 1778 г. получало жалованья 152 лица, содержаніе которыхъ стоило 230.936 левовъ или 138,561 рубль [2]).

Вслѣдствіе новыхъ требованій государства финансы должны были обратить особенное вниманіе хана. Дѣйствительно упорядоче-

[1]) „Журналъ крымск. земск. правительства„ (арх. г. Симф.).

[2]) Изъ „Регистра даванному помѣсячно жалованью“ (тамъ же).

ніе финансовой части, усиленіе финансовыхъ мѣръ было одной изъ главныхъ заботъ Шагина. Въ основу финансовой реформы легла строгая отчетность: записывался даже самый небольшой расходъ, напр. жалованье, выдаваемое ханскимъ поварамъ, кучерамъ и т. д. Завѣдываніе финансами по прежнему находилось въ рукахъ дефтердаръ-аги и такимъ былъ при немъ Кутлуша-ага, но ханъ сдѣлалъ изъ него настоящаго министра финансовъ и далъ ему въ управленіе цѣлое учрежденіе съ штатомъ чиновниковъ, счетчиковъ, таможенныхъ начальниковъ, надзирателей, писарей. Въ числѣ другихъ мы видимъ втораго дефтердара Темиръ-агу, ханскаго казнадара или казначея Мегметъ-агу и директора монетнаго двора Абдулъ-Хамитъ-агу, раздававшаго жалованье служащимъ и державшаго на откупѣ нѣкоторые источники доходовъ ханства [1]). Вообще почти всѣ доходы ханства были отданы на откупъ. Такъ въ 1777 г. доходъ съ перекопской, козловской и кефинской таможень и съ соляныхъ озеръ былъ отданъ Мавроени съ компаніей за 215 т. [2]). Въ слѣдующемъ году откупъ былъ отданъ купцу Хохлову. Но Хохловъ, уплатилъ хану 110 т., потомъ не выдержалъ и отказался, обязавшись векселемъ доплатить 105 т. Этотъ же Хохловъ держалъ съ 1777 г. по 1780 питейный откупъ за 16,500 рублей. Въ 1781 г. откупъ не былъ отданъ и сборъ его порученъ былъ еврею Веньяминъ-агѣ [3]). Рыбная ловля на Днѣпрѣ была отдана одному запорожцу за 1000 р. Сборъ съ рогатаго скота и овецъ, такъ называемые зекяты, былъ отданъ въ 1777 г. Азаметъ-агѣ. Въ 1780 г. сборъ не былъ отданъ на откупъ, а въ слѣдующемъ году его имѣлъ Абдулъ-Хамитъ-ага за 30 т., при чемъ онъ взималъ въ Крыму по 1 к. за овцу, по 10 к. за лошадь, съ 30 штукъ рогатаго скота одну голову, а за Перекопомъ тоже, что и въ Крыму, и кромѣ того за каждую штуку рогатаго скота по 9 к. [4]). Доходъ съ пчелъ, доходъ отъ соли, предназначенной исключительно для продажи въ Крыму, отъ

---

[1]) „Повелительный листъ хана Шагинъ-Гирея“ (изъ коммисейскаго рѣшенія 1808 г. за № 383, хран. въ архивѣ г. Симферополя).

[2]) Изъ вѣдомости отправленной при рапортѣ кн. Потемкину, ноября 22 дня 1783 г. подъ № 1423 (архивъ г. Симфер.).

[3]) Ibid., п. 2.

[4]) Изъ объясненій Ширинскаго бея и Абдулъ-Хамидъ-аги, приложенныхъ къ вышеозначенной вѣдомости.

продажи землянаго мыла (киля), пошлинный сборъ въ Карасубазарѣ, Ахмечети и Бахчисараѣ—всѣ эти доходы тоже были отданы на откупъ.

Нельзя сказать, чтобы введенная ханомъ откупная система была дѣйствительной фискальной мѣрой. Тѣмъ не менѣе доходы ханства значительно увеличились противъ прежняго уже потому только, что по кучукъ-кайнарджійскому трактату султанъ лишился своихъ владѣній въ Крыму, составлявшихъ суданскій и мангупскій кадылыкъ. Эти владѣнія отошли къ хану, сборъ съ земельныхъ угодій этихъ кадылыковъ отданъ на откупъ Абдулъ-Хамитъ-агѣ и приносилъ дохода 14 т. [1]). Городовой сборъ въ Кафѣ, также отошедшій къ хану, доставлялъ 4 т. Затѣмъ, съ переселеніемъ христіанъ въ азовскую губернію, остались во владѣніи хана земли и сады переселившихся, доходъ съ которыхъ составлялъ 1500 р. [2]). Всѣ эти имѣнія находились въ вѣдѣніи Тапъ-Агасы, начальника придворной экономіи. Въ видахъ же усиленія средствъ ханъ увеличилъ подать, платимую селившимися въ Крыму евреями и цыганами; вмѣсто прежнихъ 60 к. съ души платили: богатые по 7 р. 20 к., средніе по 3 р. 60 к. и наконецъ бѣдные по 1 р. 80 к. въ годъ [3]).

Вообще среднимъ числомъ ханство имѣло доходовъ на 345,612 руб. Изъ этого числа 138,561 р. расходовалось на содержаніе администраціи и болѣе 85,000 р. на содержаніе двора.

Послѣ финансовъ войско было другой важной заботой хана.

Состояніе войска носило первобытный характеръ. Передовой и главной ратью служили ногайцы, представлявшіе орду хищныхъ наѣздниковъ, способныхъ производить одни разгромы и потому устремлявшіеся впереди войска для разоренія пограничныхъ областей. За ними выступалъ ханъ съ войскомъ, составлявшимся изъ отрядовъ, которые выставлялись беями и другими знатными мурзами, получавшими отъ хана земли. Кромѣ того Турція, въ качествѣ покровителя, выставляла въ поле свои полки, находившіеся въ Кафѣ, Керчи и Еникале. Подобное разношерстное войско не могло удовлетворить Шагина, мечтавшаго о завоеваніяхъ на Востокѣ—на Кавказѣ и Персіи; оно не имѣло никакого устройства, не было обучено во-

[1]) Изъ „Регистра", п. 1.

[2]) Ibid., п. 5.

[3]) Ibid., п. 9 и 10.

инскому строю и въ добавокъ ставило хана въ зависимость отъ беевъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить еще, что турецкихъ полковъ уже не было. Въ виду этого, учрежденіе постояннаго войска и обученіе его воинскому строю было необходимою задачей новаго правительства. Шагинъ принялся за это дѣло съ особою рѣшительностью и въ этомъ отношеніи пошелъ дальше, чѣмъ слѣдовало. Чтобы привлечь все народонаселеніе къ отбыванію воинской повинности, Шагинъ послалъ особыхъ чиновниковъ переписать все населеніе для установленія набора со всего государства[1]). Затѣмъ было объявлено брать изъ пяти дворовъ одного человѣка. Это распоряженіе, хотя и съ трудомъ, въ виду народнаго неодобренія, но все-таки принялось. Произведенный наборъ положилъ начало регулярному войску, которое стали обучать европейскому строю[2]). Еще большее вниманіе было обращено на особый полкъ *сайменовъ*. Они составляли ханскую гвардію, имѣли особую форму, особенное устройство и пользовались отличнымъ вниманіемъ со стороны хана. Кромѣ того во дворцѣ появились gardes de corps, куда вступали избранные мурзы. Затѣмъ архивныя данныя указываютъ намъ на Мегметги-бея, состоявшаго начальникомъ при *бешлейскомъ* войскѣ съ жалованьемъ въ 70 т. анча въ годъ.

Въ связи съ указанными реформами измѣнился самый образъ жизни при ханскомъ дворцѣ: первобытная простота въ соединеніи съ азіатскою роскошью уступила мѣсто болѣе утонченному образу жизни, устроившемуся на европейскій манеръ. Ханъ уже не былъ доволенъ Бахчисараемъ, способнымъ удовлетворить своимъ закрытымъ мѣстоположеніемъ прежнихъ хановъ, занимавшихся наѣздами и какъ бы укрывавшимися въ глубокомъ бахчисарайскомъ ущельи. Преобразователю ханства было нужно море, обобщающее народы, приближавшее Кавказъ съ его богатствами къ имперіи Гиреевъ. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на Кафѣ, выбираетъ ее, по ея приморскому положенію, будущей своей резиденціей и начинаетъ тамъ строить дворецъ[3]). По его плану новая столица должна была стать центромъ татарской гражданственности и промышлен-

---

[1]) Врем. общ. ист. и древ., 1856 г., кн. 24, стр. 103—104.

[2]) Исторія Херсон. тавр. Сестренцевича, т. 2, стр. 389.

[3]) Врем. общ. истор. и древ, кн. 24, стр. 113.

ности, для насажденія которой Шагинъ вызываетъ иностранцевъ. Однимъ изъ первыхъ предначертаній въ этомъ направленіи былъ планъ устройства въ Кафѣ литейнаго завода; заводъ пороховый появился очень скоро, но не въ Кафѣ, а подлѣ Бахчисарая.

Но что всего удивительнѣе, что болѣе всего возбуждало удивленіе правовѣрныхъ, это немусульманскій образъ жизни хана. Онъ въ постоянныхъ общеніяхъ съ невѣрными, мало того онъ преданъ имъ; онъ вѣрнѣйшій союзникъ Россіи, голосу которой внимаетъ, съ которой совѣтуется. У него въ дворцѣ большая часть прислуги изъ христіанъ; тутъ и «кофешенкъ-Косма», повара: Алексѣй, Иванъ, какой-то нѣмецъ и др., извощики Иванъ, Алексѣй и др., лекарь Иванъ Ивановичъ, тутъ же видимъ англичанина Робертсона и т. д. [1]). Ханъ не ѣздитъ верхомъ, какъ то дѣлали прежніе ханы, а ѣздитъ въ каретѣ, ѣстъ сидя, за парадньмъ столомъ, сервированнымъ по европейски, и если не рѣшается бриться, то по крайней мѣрѣ прячетъ концы своей бороды подъ широкій галстухъ [2]).

Такъ началъ дѣйствовать Шагинъ Гирей, мечтавшій о возвышеніи и возвеличеніи своей монархіи путемъ только тѣхъ средствъ, которыя находились въ его распоряженіи. Жизнь показала, что ему недоставало того могущественнаго средства, которое заключается въ подготовленности общества къ воспринятію вводимыхъ въ его бытъ началъ, короче говоря—ему недоставало общественной симпатіи. Первые шаги его дѣятельности были встрѣчены съ нѣмымъ равнодушіемъ, чрезъ которое можно было видѣть начало глубокаго недоброжелательства. Мало по малу общественное настроеніе выяснилось. Масса ничего другого не видѣла въ его дѣятельности, кромѣ попранія вѣры, и съ ужасомъ встрѣчала ханскихъ чиновниковъ, занимавшихся переписью жителей, дѣломъ невиданнымъ, неслыханнымъ. А тяжесть новаго правленія, строгаго и требовательнаго, только вооружала населеніе, привыкшее жить въ патріархальной простотѣ, и дѣлала его главнымъ противникомъ затѣянныхъ реформъ. Дворянство видѣло въ дѣятельности хана одну лишь угодливость Россіи, и только небольшой кружокъ людей, связанныхъ интересами съ новымъ правительствомъ, былъ на сто-

[1]) Изъ „Регистра“, № 145 (арх. г. Симфэр.).

[2]) Ист. Херс. тавр., Сестренцевича, т. 2, стр. 380.

ронѣ Шагина. Обстоятельства показывали, что одряхлѣвшее ханство не способно возродиться. Начались смуты, направленныя противъ хана, и на этотъ разъ взбунтовалась чернь. Отдѣльныя шайки бунтовщиковъ бросились по разнымъ направленіямъ, поднимая жителей къ возстанію. Одна толпа, подъ предводительствомъ Агасы, Сеита и Лиши, направилась къ Бахчисараю, но была отбита высланнымъ противъ нее отрядомъ сайменовъ. Шайка направилась къ Карасубазару, подъ которымъ стоялъ Прозоровскій. Оказалось, что Прозоровскій принялъ заранѣе соотвѣтствующія мѣры и настолько усилился, что при видѣ его отряда толпа разошлась. Возвращаясь, мятежники встрѣтили хана, вышедшаго усмирять мятежъ, бросились на него, но потерпѣли пораженіе. Не смотря на побѣду, ханъ, видя, что возстаніе охватило всю горную мѣстность, сблизился съ Прозоровскимъ и усилилъ себя его отрядомъ. Пока мятежники распоряжались въ Бахчисараѣ, гдѣ ограбили дворецъ, казнили визиря Абдулу, разорили дома ханскихъ приверженцевъ, пришло извѣстіе о высадкѣ близь Козлова хана Селимъ-Гирея, прибывшаго изъ Очакова. Тогда мятежники устремляются къ нему на встрѣчу и ставятъ его во главѣ возстанія. Затѣмъ направляются къ Бахчисараю, гдѣ намѣреваются сдѣлать его ханомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Прозоровскій рѣшается усмирить мятежъ вооруженной силой. Сначала онъ очищаетъ отъ мятежныхъ шаекъ мѣстность, прилегающую къ Бахчисараю, послѣ чего направляется къ Альмѣ, а оттуда къ Качѣ. Здѣсь русскіе полки были посланы по различнымъ направленіямъ для обузданія мятежниковъ и приведенія жителей въ покорность. Неорганизованное возстаніе было очень скоро подавлено, и горскіе жители, приведенные, по донесенію начальниковъ посланныхъ отрядовъ, въ «полунебытіе», съ полною готовностью приносили повинную. Въ февралѣ 1778 года Селимъ-Гирей оказался окруженнымъ русскимъ войскомъ. Не видя спасенія, Селимъ и съ нимъ предводители возстанія отдали себя во власть Шагина. Такимъ образомъ междоусобная война, во время которой погибло болѣе 12 т. человѣкъ въ разныхъ стычкахъ, а множество стариковъ, женщинъ и дѣтей отъ стужи и голода, окончилась, благодаря русскому оружію, въ пользу Шагина [1]. Казнивъ предводи-

---

[1]) Врем. общ. ист. и древ. 1856 г., кн. 24, стр. 104—112.

телей возстанія, Шагинъ снова утвердился на престолѣ и строгими мѣрами рѣшилъ поддерживать спокойствіе.

Событія въ Крыму пробудили Турцію. Въ концѣ апрѣля она посылаетъ свои войска на помощь правовѣрнымъ. Суворовъ, оберегавшій берега, не допустилъ десанта и заставилъ турецкій флотъ вернуться безъ успѣха, потерявъ въ безплодныхъ попыткахъ къ высадкѣ 7 судовъ и болѣе 7 т. человѣкъ [1]). Не смотря на неудачу, Порта не признавала Шагина ханомъ, отрицала законность избранія его, объявляла избраніе нарушеніемъ трактата. Только настоятельныя представленія Стахіева, каждый разъ угрожавшаго полнымъ разрывомъ, и вмѣшательство Франціи заставили Порту уступить и выдать Шагину грамоту. Послѣ этого, въ силу конвенціи, заключенной между Россіей и Турціей, изъ Крыма были выведены въ 3-хъ мѣсячный срокъ, какъ русскія, такъ и турецкія войска, остававшіяся тамъ въ небольшомъ числѣ, еще со времени заключенія кучукъ-кайнарджійскаго трактата [2]). Въ Крыму остался только Суворовъ для переселенія христіанъ изъ Крыму въ азовскую губернію.

Возстановивъ себя на престолѣ, Шагинъ снова отдается своей дѣятельности. Чрезъ посредство Веселицкаго, состоявшаго при ханѣ чрезвычайнымъ посломъ, Шагинъ проситъ позволенія разрѣшить вывозъ изъ Россіи металловъ для битья монеты, для чего устраиваетъ въ Кафѣ монетный дворъ. Завѣдываніе имъ было поручено Абдулъ-Хамитъ-агѣ, игравшему немаловажную роль въ исторіи финансовъ послѣдняго крымскаго хана. Денежныя работы начались съ 1780 г. и за три года было выбито 92,113 ханскихъ мѣдныхъ рублей, 37,480 рублей 50-й пробы, 91,136 пятой пробы, 5,853 р. 80-й пробы. Чистая выручка отъ монетнаго двора съ 1780 по 1783 г. составляла 17,737 руб. [3]).

Въ началѣ 1779 года Суворовъ, обнаруживавшій въ Крыму особую дѣятельность, посылаетъ въ новороссійскую губернскую канцелярію составленный имъ, по просьбѣ хана, *регистръ почтамъ*

---

[2]) Ист. Рос. Сол., т. 29, стр. 279, 281 и 282.

[3]) Ibid., стр. 309.

[1] Изъ „Перевода съ регистра монетнаго двора, поднесеннаго ген.-пор. Игельстрому, директоромъ двора Абдулъ-Хамидомъ, о сдѣланныхъ деньгахъ", 27 ноября 1783 г., хран. въ архивѣ г. Симферополя.

въ Крыму. По этому *регистру* отъ Бахчисарая до Перекопа и до Арабата было учреждено 16 станцій. Каждый, кто имѣлъ позволеніе крымскаго правительства или рекомендацію Суворова, могъ получать лошадей съ платою отъ шести до девяти коп. за лошадь [1]).

Приверженность свою къ европеизму Шагинъ высказываетъ уже смѣлѣе прежняго, при чемъ чувства, питаемыя ею, всецѣло переноситъ на Россію, въ которой онъ видитъ свою защиту и опору. Туда онъ намѣревается отправить своихъ племянниковъ, для помѣщенія ихъ въ одномъ изъ петербургскихъ учебныхъ заведеній, и себя проситъ зачислить въ петербургскій полкъ. Оттуда онъ выписываетъ художниковъ, оружіе, украшенія для своего двора и другіе необходимые предметы [2]). Чѣмъ дальше шелъ Шагинъ, тѣмъ больше и больше разрывалъ связи съ прошлымъ своей родины. Наконецъ къ всеобщему соблазну правовѣрныхъ онъ не держитъ болѣе трехъ женъ и брѣетъ уже бороду [3]).

Въ то время, когда Шагинъ былъ такъ занятъ своими планами объ устроеніи черноморской имперіи, другой дѣятель, генералъ-губернаторъ Потемкинъ, основывалъ Новороссію въ южныхъ степяхъ, прилегающихъ къ Черному морю, для которыхъ настала пора исторической жизни. Море открылось уже для новаго края, но нужно было овладѣть еще сѣвернымъ берегомъ его, нужно было присоединить къ нему Крымъ, жизнь котораго, не смотря на предпринимаемыя Шагиномъ мѣры, была на исходѣ. Поэтому недремлющимъ окомъ слѣдитъ устроитель Новороссіи за сосѣднимъ Крымомъ, дни котораго были уже сосчитаны и съ которымъ скоро не замедлилъ случиться послѣдній ударъ. Этотъ ударъ находился въ связи съ предшествующими событіями и завершалъ собой рядъ событій, случившихся въ Крыму съ самаго начала крымскаго вопроса.

Народное недовольство Шагиномъ не могло уничтожиться возстановленіемъ его на престолѣ и принятіемъ къ искорененію этого недовольства крутыхъ мѣръ. Оно коренилось въ самомъ ходѣ вещей и ожидало только случая, чтобы обнаружиться съ новой силой. Поведеніе Шагина, доходившаго до явнаго пренебреженія

---

[1]) „Обозр. ист. новорос. края", Скальковскаго, ч. I, стр. 138.

[2]) „Дѣянія кн. Потемкина", Рус. Арх., 1867 г., стр. 1211.

[3]) Ibid., стр. 1220.

освященныхъ религіей и вѣками обычаевъ, заставило правовѣрныхъ возстать на защиту поруганной вѣры. Движеніе обнаружилось сначала на Кубани. Въ концѣ 1780 года ногайцы, руководимые прибывшимъ изъ Турціи комендантомъ Сулейманъ-Агой заволновались, отказались повиноваться Шагину и рѣшились избрать новаго хана [1]). За ними возстали крымцы и въ іюлѣ 1781 года отправляютъ депутацію въ Петербургъ съ разными жалобами на хана: на его жестокость, притѣсненія, несправедливость. Извѣщенный объ этомъ Потемкинъ приказалъ депутаціи вернуться и объявилъ, что Россія не признаетъ другой власти и иного начальства, кромѣ верховнаго правленія законнаго государя ихъ Шагинъ-Гирея [2]). Тогда крымцы рѣшаются избавиться отъ злополучнаго Шагина и зовутъ къ себѣ на престолъ находившагося на Кубани брата его Богадыря, который, вмѣстѣ съ другимъ братомъ Арсланомъ, раздѣлялъ общую непріязнь къ хану [3]). Шагинъ отвѣтилъ казнью вожаковъ возстанія, но безуспѣшно—на мѣсто ихъ явились другіе. Пока собирался въ Крымъ Богадырь, султанъ Алимъ, собравъ отрядъ вооруженныхъ татаръ въ три тысячи человѣкъ, открылъ дѣйствія и напалъ на Шагина. Ханъ послалъ противъ него своихъ сайменовъ, но послѣдніе сами пристали къ мятежникамъ [4]). Тогда Шагинъ съ Веселицкимъ спасаются бѣгствомъ подъ защиту русскаго гарнизона въ Еникале, а мятежники избираютъ ханомъ прибывшаго въ Крымъ Богадыря, послѣ чего составляютъ двѣ грамоты: одну къ султану, другую къ императрицѣ о низложеніи Шагина и избраніи новаго хана [5]). Но грамоты не были отправлены, а Потемкинъ получаетъ рескриптъ: усмирить военною силою мятежъ и возстановить Шагина [6]). Подъ этимъ князь понималъ обстоятельство болѣе важное и значительное, чѣмъ возвращеніе Шагину престола. Виды Потемкина относительно Крыма получили въ то время довольно ясное выраженіе. Въ «меморіалѣ по дѣламъ политическимъ», поданномъ канцлеромъ кн. Бездородко, раздѣляв-

---

[1]) Истор. Рос. Сол., т. 29, стр. 327.

[2]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 206.

[3]) Рус. Арх., 1867 г., стр. 1200.

[4]) Врем. Общ. ист. и древ., кн. 24, стр. 117—118.

[5]) Ibid., стр. 117.

[6]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXVII, стр. 210.

шимъ планы Потемкина, въ концѣ сентября 1780 года, въ числѣ предложеній Россіи, заявленныхъ австрійскому двору, было «пріобрѣтеніе крымскаго полуострова» [1]). Ко второй половинѣ 1782 года, когда Потемкину было поручено ввести войска для усмиренія Крыма, мысль о присоединеніи Крыма яснѣе высказалась въ «наставленіи» императрицы, данномъ Потемкину, въ которомъ она указываетъ, что независимость татаръ въ Крыму ненадежна и что «*надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова* [2]). Этого только и ждалъ Потемкинъ.

По полученіи рескрипта, князь приказываетъ де-Бальмену двинуться къ Перекопу, а генерала Самойлова отправляетъ въ Крымъ къ хану. Самойловъ прибылъ въ Керчь и видится съ Шагиномъ [3]). Онъ находитъ его подъ удручающимъ впечатлѣніемъ событій вторичнаго возстанія подданныхъ, избравшихъ себѣ другаго хана, и невозможности держаться на крымскомъ престолѣ безъ помощи русскаго оружія. Ханъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ и охотно слушалъ Самойлова, краснорѣчиво убѣждавшаго его въ невозможности болѣе править такимъ вѣроломнымъ народомъ, каковы крымцы, среди которыхъ онъ находится въ постоянной опасности за свою жизнь. Шагинъ не могъ не согласиться съ этимъ и былъ очень радъ, когда Самойловъ намекнулъ, что есть страна, гдѣ ханъ можетъ быть счастливымъ, именно Персія, на престолъ которой онъ можетъ быть возведенъ за уступку Россіи Крыма [4]). Въ такомъ настроеніи онъ оставляетъ Керчь и, вмѣстѣ съ Самойловымъ, пріѣзжаетъ въ петровскую крѣпость, гдѣ стояло войско. Здѣсь онъ пишетъ письмо о своемъ критическомъ положеніи и передаетъ его Самойлову для врученія Потемкину, прибывшему къ этому времени въ Херсонъ, чтобы слѣдить оттуда за крымскими событіями [5]). Въ отвѣтъ на полученное письмо, князь лично явился къ хану. Возвратившись, Потемкинъ пишетъ императрицѣ, что слѣдуетъ присоединить Крымъ къ Россіи, не обращая вниманія на то, что ска-

---

[1]) Сборн. Рус. ист. общ., т. XXVI, стр. 385.
[2]) Рус. Арх., 1873 г., стр. 929 („Канц. Безбородко“).
[3]) Ibid., 186‹ г., стр. 1221.
[4]) Ibid., стр. 1221.
[5]) Ibid.

жутъ другія державы, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ быть присоединенъ безъ труда. «Хану пожалуйте, пишетъ Потемкинъ, въ Персіи, что хотите. Вамъ онъ Крымъ поднесетъ нынѣшнюю зиму и жители охотно принесутъ о семъ просьбу [1])». Тѣмъ временемъ Самойловъ, соединившись съ ханомъ, вошелъ въ Крымъ, взялъ Перекопъ и подъ Чонгаромъ встрѣтилъ Алимъ-Гирея съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ татаръ. Ударивъ на мятежниковъ, войско безъ труда разсѣяло толпу и направилось далѣе. Богадырь-Гирей хотѣлъ уйти на Кубань, но былъ настигнутъ гренадерскимъ своднымъ баталіономъ и взятъ въ плѣнъ [2]). Разославъ во всѣ стороны объявленія, призывавшія жителей къ спокойствію и, отрядивъ въ наиболѣе опасныя мѣста отдѣльныя команды, Самойловъ, вмѣстѣ съ ханомъ, прибылъ къ Карасубазару и остановился главной квартирой въ 7 верстахъ отъ города въ загородномъ домѣ одного изъ мурзъ, бывшихъ въ числѣ возмутителей [3]). Скоро былъ взятъ въ плѣнъ и Алимъ-Гирей; тогда мятежъ былъ усмиренъ. Послѣ этого Шагинъ началъ расправу съ мятежниками и сталъ ихъ предавать казни. Смерть висѣла даже надъ головой родныхъ его братьевъ, которые были отправлены въ Херсонъ въ ссылку только по ходатайству русской власти. Казни только раздражали озлобленный народъ, который не признавалъ Шагина ханомъ и выражалъ желаніе отдаться навсегда Россіи. Не видя надежды удержаться на престолѣ, Шагинъ въ собраніи въ Карасубазарѣ призвалъ на своихъ подданныхъ судъ Божій и объявилъ, что не хочетъ быть ханомъ такого коварнаго народа [4]).

Пока все это происходило въ Крыму, Потемкинъ получилъ отвѣтъ на свое представленіе о необходимости присоединить Крымъ. Императрица 14 декабря подписала рескриптъ, которымъ она объявила Потемкину «свою волю на присвоеніе крымскаго полуострова и на присоединеніе его къ Россійской Имперіи», съ цѣлью «обратить Крымъ въ замѣну и вознагражденіе восьмилѣтняго безпокойства» [5]).

---

[1]) Русск. Вѣст., 1862 г., 5 к., стр. 35 (ст. Соловьева).
[2]) Врем. Общ. ист. и древ., 24 к., стр. 123.
[3]) Рус. Арх., 1867 г., стр. 1223—1224.
[4]) Ibid., стр. 1224.
[5]) Сбор. Рус. ист. общ., т. XXII, стр. 221.

24 января 1783 г. Потемкинъ поручаетъ вице-адмиралу Клопачеву собрать всѣ суда и войти въ Ахтіарскую (Севастопольскую) гавань, Суворову и Михаилу Потемкину занять Тамань и Кубанскія земли, а де-Бальмену войти въ Крымъ [1]). Здѣсь де-Бальменъ вступилъ въ переговоры съ татарами, предлагая имъ подать императрицѣ формальную просьбу о принятіи Крыма. Хану же было объявлено, что государыня огорчена его жестокимъ поведеніемъ по отношенію къ подданнымъ, которые пользуются покровительствомъ Россіи, и что въ виду этого сохраненіе его на престолѣ «не составляетъ для государства такого интереса, для котораго Россія обязана находиться всегда въ войнѣ или по крайней мѣрѣ въ распрѣ съ Турціей» [2]). Переговоры съ ханомъ велъ резидентъ Лашкаревъ, получившій для этого надлежащія наставленія. Въ концѣ февраля эти переговоры окончились: ханъ отрекся отъ престола и отдавалъ себя подъ покровительство Россіи. Ему было обѣщано ежегодное жалованье въ 200 т., а потомъ ханство въ Персіи [3]).

Заключительнымъ актомъ всего совершившагося былъ манифестъ Екатерины отъ 8-го апрѣля, извѣстившій Европѣ, что «полуостровъ крымскій, островъ Тамань и вся кубанская сторона приняты подъ россійскую державу». Потемкинъ выѣхалъ въ Крымъ для принятія новой области и обнародовалъ полученный имъ высочайшій манифестъ о принятіи крымцевъ въ русское подданство. 10 іюля онъ далъ знать, что Крымъ, Тамань, Едисанская и Джамбулукская орды присягнули на вѣрность Россіи.

III*).

Такимъ образомъ въ 1783 г. Крымъ вступилъ на новое поприще исторіи и начиналъ новую жизнь. Какова же была дальнѣйшая судьба отложившагося хана?

---

[1]) „Ордера кн. Потемкина“ въ Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XII, стр. 259.

[2]) Сбор. Рус. ист, общ., т. XXVII, стр. 232.

[3]) Ibid., т. XXVIII, стр. 240.

*) При составленіи этой главы, кромѣ сырого матеріала, обнародованнаго въ XIII т. Зап. Од. Общ. ист. и древ., мы воспользовались однимъ дѣломъ за 1786 г., хранящимся въ губернскомъ архивѣ г. Симферополя; это такъ наз. „дѣло о ханской свитѣ“, на которое ниже дѣлаются ссылки.

Съ отреченіемъ отъ престола, Шагинъ сошелъ въ рядъ обыкновенныхъ смертныхъ и въ своей дальнѣйшей судьбѣ могъ положиться на милость Екатерины, которая обѣщала ему свое покровительство. Бывшему хану предложено сначала ѣхать въ Херсонъ. Тамъ предполагалось указать ему дальнѣйшее мѣстопребываніе, на ассигнованное жалованье, въ одномъ изъ центральныхъ городовъ. Получивъ это извѣстіе, ханъ сталъ собираться въ дорогу и къ 23 мая ханскій обозъ, заключавшій въ себѣ имущество, гаремъ и свиту, готовъ былъ уже тронуться въ путь. Но тутъ ханъ измѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того, чтобы направить обозъ въ Херсонъ, приказалъ свитѣ ѣхать съ обозомъ въ Азовъ, а оттуда на Ею [1]). Самъ онъ не выѣхалъ и медлилъ рѣшеніемъ. Наконецъ онъ объявляетъ резиденту Лашкареву, что желаетъ ѣхать въ Тамань и проситъ дать знать объ этомъ князю, а самъ собирается ѣхать. Пока прибылъ Потемкинъ, ханъ былъ уже въ пути и направлялся въ Тамань, гдѣ расположился съ своей свитой, гаремомъ и имуществомъ [2]).

Неизвѣстность положенія или другія какія либо причины заставляютъ хана послать изъ Тамани въ Петербургъ съ нѣкоторыми донесеніями императрицѣ одного изъ офицеровъ, приставленныхъ къ нему—капитана Тугаринова. Когда узналъ объ этомъ Потемкинъ, то приказалъ немедленно вернуть посланнаго Тугаринова обратно и далъ знать хану, что онъ не имѣетъ права распоряжаться приставленными къ нему офицерами безъ разрѣшенія военнаго начальства [3]). Между тѣмъ пребываніе Шагина въ Тамани возбудило умы обитавшихъ тамъ ногайцевъ; произошло смятеніе, которое наконецъ было подавлено вооруженной рукой Суворова [4]). За ханомъ начали внимательно слѣдить; генералу Суворову былъ порученъ надзоръ за его поведеніемъ и приказано не допускать его сноситься съ ногайцами. Не смотря на принятыя мѣры, Шагинъ однако велъ тайные переговоры съ мятежниками, посылалъ имъ письма и даже имѣлъ свиданіе съ депутатами—мур-

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XII, стр. 262.

[2]) Ibid., стр. 369.

[3]) Ibid., стр. 271.

[4]) Ibid., стр. 279.

зами, посланными съ неизвѣстными порученіями отъ ногайцевъ [1]). О такомъ поведеніи хана дано было знать Потемкину. Тогда послѣдній потребовалъ отъ него немедленнаго удаленія изъ Тамани. Шагинъ медлилъ и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца оставался на мѣстѣ. Потемкинъ далъ знать въ Петербургъ, послѣ чего получилъ отъ императрицы письмо къ хану. Въ немъ Екатерина указывала бывшему хану городъ Воронежъ для пребыванія и повторяла, что на содержаніе его тамъ будетъ отпускаться 200 т. ежегодно. Кромѣ того, на путевыя издержки туда ассигновалось 20 тысячъ, которыя должны быть выданы на руки капитану Гельфрейху, назначенному сопровождать хана [2]). Въ отвѣтъ на это письмо ханъ вошелъ «въ разныя нескладныя изъясненія» [3]). Тогда Потемкинъ посылаетъ на Тамань Игельстрома, смѣнившаго въ начальствованіи надъ войсками въ Крыму генерала де-Бальмена, поручивъ объявить бывшему хану высочайшее повелѣніе немедленно оставить Тамань и избрать для мѣстожительства одинъ изъ слѣдующихъ городовъ: Воронежъ, Орелъ или Калугу, при чемъ обнадежить его аккуратнымъ полученіемъ обѣщаннаго жалованья; въ случаѣ же упорства объявить, что дальнѣйшее его пребываніе въ новоприсоединенной области не можетъ быть допущено, и съ этою цѣлью препроводить его подъ стражей въ одинъ изъ указанныхъ городовъ, возложивъ исполненіе этого дѣла на генералъ-поручика Павла Потемкина [4]). Посылка Игельстрома оказала свое дѣйствіе: 15 мая 1784 г. Шагинъ-Гирей, оставивъ на Тамани свиту, состоявшую почти изъ 2000 человѣкъ, гаремъ и имущество, отправился, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ приближенныхъ лицъ, на фрегатѣ «св. Николай» въ Таганрогъ [5]). Оттуда, конвоируемый атаманомъ Иловайскимъ, онъ поѣхалъ въ Воронежъ.

Въ Воронежѣ хану жилось хорошо: онъ былъ окруженъ вниманіемъ и не ощущалъ недостатка ни въ чемъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой безмятежной жизни, Шагинъ отказался отъ

---

[1]) Ibid., стр. 282.

[2]) Ibid., стр. 289 и 290.

[3]) Ibid., стр. 297.

[4]) Ibid., стр. 297—299.

[5]) Ibid., стр. 301.

мысли выступить снова въ роли искателя власти и пересталъ домогаться престола въ Персіи.

Да не о ханствѣ думали и въ Петербургѣ. 24 сентября 1784 г. кіевскому губернатору Черткову былъ посланъ высочайшій указъ о томъ, что бывшій крымскій ханъ имѣетъ слѣдовать въ Кіевъ, откуда Чертковъ долженъ былъ озаботиться препровожденіемъ его въ турецкія владѣнія [1]). Потемкинъ объявилъ объ этомъ Шагину, который написалъ въ Петербургъ письмо о дозволеніи ѣхать и сталъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій. Весь конецъ 1784 года и весь слѣдующій годъ ханъ провелъ въ ожиданіи. Наконецъ въ концѣ 1785 г. было дано знать, что онъ переводится въ Калугу. 17 января новаго года Шагинъ выѣхалъ туда, въ сопровожденіи находившагося при немъ Лашкарева, отправивъ впередъ свою небольшую свиту, въ которой состояли Терзи-Измаилъ-Эфенди, двое муллъ, капитанъ-ага ханскаго корабля и съ ними 20 человѣкъ нижнихъ служителей. На пути оказывали ему особую честь: приказано было выставлять подъ его проѣздъ до ста подводъ, исправникамъ и городничимъ—встрѣчать и провожать, а также отводить удобныя помѣщенія [2]). 11 января ханскій обозъ былъ уже въ Богородицкѣ, чрезъ пять дней прибылъ туда самъ Шагинъ. Между прочимъ ханъ останавливался здѣсь на ночлегъ у Болотова, сохранившаго о переводѣ хана въ Калугу любопытнѣйшія записки и оставившаго намъ изображеніе хана [3]). На другой день ханъ выѣхалъ чрезъ Тулу въ Калугу.

Въ Калугѣ Шагинъ поселился въ отведенномъ для него загородномъ домѣ, гдѣ жилъ весьма уединенно, раздѣляя время съ Лашкаревымъ, къ которому питалъ особенное расположеніе.

Но не могъ бывшій ханъ оставаться покойнымъ: съ первыхъ же дней его пребыванія здѣсь начались недоразумѣнія, которыя сильно его разстраивали. Современники указывали на кн. Потемкина,

---

[1]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 141.

[2]) „Записки Болотова" въ Рус. Стар., 1875 г., стр. 76—77.

[3]) „Я имѣлъ довольно времени разсматривать черты лица его и замѣтить столь сильно въ своей памяти, что, по отъѣздѣ его, въ состояніи былъ заочно нарисовать одними красками портретъ столь на него похожій, что всѣ татары, заѣзжавшіе послѣ его ко мнѣ, тотчасъ узнавали, что это портретъ ихъ хана". Записки Болотова, стр. 82, Рус. Ст., 1875 г., кн. I.

который будто-бы «не допустилъ хана спокойно окончить свою жизнь». Болотовъ такъ объясняетъ это: «Потемкинъ за что-то не любилъ хана и всячески старался не допустить его до двора императрицы, чего онъ съ великою ревностью добивался [1]). Другой современникъ, англійскій дипломатъ при русскомъ дворѣ, лордъ Мальмсбюри въ своемъ письмѣ къ лорду Грантаму передаетъ слѣдующій отзывъ, сдѣланный въ 1782 г. кн. Потемкинымъ о Шагинѣ: «это человѣкъ бездарный и смѣшной, имѣющій претензію быть подражателемъ Петра Великаго» [2]). По прибытіи хана въ Калугу, выѣхалъ въ Петербургъ одинъ изъ бывшихъ при немъ приставовъ—Хрущовъ. Шагинъ передалъ ему письмо къ канцлеру Бездородку, съ которымъ, по собственному своему признанію, хотѣлъ завести дружбу и въ знакъ этой дружбы сдѣлать, по принятому на востокѣ обычаю, подарокъ. Онъ просилъ Хрущова написать изъ Петербурга, позволитъ ли государыня имѣть канцлеру пріязнь съ нимъ, прибавляя, что, по увѣдомленіи, онъ вышлетъ перстень для подарка. Хрущовъ три раза писалъ о высылкѣ перстня. Послѣ третьяго письма Шагинъ выслалъ; но перстень не былъ врученъ и былъ отобранъ. Калужскій губернаторъ Кречетниковъ, прибывшій въ то время въ Петербургъ, привезъ его обратно и возвратилъ хану, при чемъ заявилъ, что ея императорское величество весьма сожалѣетъ о таковомъ поступкѣ. «Удивленіе хана, а паче прискорбіе въ семъ случаѣ, доноситъ Кречетниковъ Потемкину, было чрезвычайно» [3]). Въ поданномъ вслѣдъ за этимъ губернатору формальномъ отзывѣ ханъ жаловался, что его безпокоятъ напрасными обвиненіями, будто-бы чрезъ Хрущова онъ хотѣлъ подкупить перстнемъ графа Бездородка, дабы исходатайствовать себѣ прибытіе въ Петербургъ. «Я уже издавна знаю, писалъ ханъ, что россійское министерство никто не въ состояніи подкупить, кольми паче такого состоянія человѣкъ, въ коемъ я нынѣ, да сверхъ того и не имѣю никакой нужды, понеже я въ прошломъ году получилъ повелѣніе, что могу ѣхать въ Турцію, на которое я письмомъ къ ея величеству отвѣчалъ и по днесь нахожусь въ ожиданіи повелѣнія по человѣколюбію предпріять путь по

---

[1]) Ibid., стр. 76.

[2]) Русскій Архивъ, 1874 г., к. 2 („Записки лорда Мальмесбюри“), стр. 867.

[3]) Зап. Одес. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 132—135.

желанію моему. Я не зналъ, что ея величеству не угодно, чтобы я имѣлъ дружбу съ ея министромъ, а мое желаніе было всегда оную имѣть да и вновь пріобрѣтать, то я безъ всякаго зазрѣнія явно говорилъ, что желаю познакомиться съ графомъ Безбородко и по нашему азіатскому обычаю сдѣлать дружескій подарокъ»[1]). Шагинъ просилъ Кречетникова представить это объясненіе государынѣ. Этимъ, кажется, и окончилась исторія съ перстнемъ.

Но потомъ начались недоразумѣнія покрупнѣе. Оставшіеся на Тамани приближенные Шагина безпокоились его участью и неполученіемъ отъ него извѣстій. 7-го марта 1786 года братъ Шагина Арсланъ пишетъ ему письмо и спрашиваетъ, «какой конецъ послѣдуетъ дѣламъ его» и получилъ-ли онъ то письмо, которое было отправлено ему чрезъ одного изъ кабардинскихъ князей. Упрекая Шагина въ равнодушіи къ своимъ, онъ говоритъ, что всѣ выѣхавшіе съ нимъ на Тамань «не уповаютъ получить отъ него никакой помощи, да и по посредству его подъ покровительствомъ Россіи остаться опасаются». «Вспомни Бога! заключаетъ Арсланъ, открой намъ истинный конецъ свой, и если вы удалитесь отъ всѣхъ свѣтскихъ предпріятій, то дайте намъ объ этомъ знать, дабы и мы о пропитаніи самихъ себя возможныя мѣры приняли»[2]).

Переписка эта показалась настолько подозрительной. что признано было нужнымъ усилить мѣры предосторожности. Еще 13 января 1786 года Потемкинъ писалъ правителю таврической области Каховскому: «одобряя предосторожность вашу въ разсужденіи безпорядковъ, могущихъ произойти отъ писемъ, посылаемыхъ крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гиреемъ, который требуетъ къ себѣ нѣкоторыя состоящія въ области таврической имущества, давно уже въ казенное вѣдомство взятыя, рекомендую употребить съ своей стороны мѣры къ недопущенію впредь оныхъ въ Тавриду, а между тѣмъ объявить бахчисарайскому еврею Веніамину, чтобы онъ по порученіямъ хана не осмѣливался требовать вещей, состоящихъ въ казенномъ вѣдомствѣ и брать на себя подобныя комиссіи»[3]). Каховскій велѣлъ пограничнымъ комендантамъ, находившимся въ Еникале, Перекопѣ

---

1) Ibid., стр. 134.

2) Ibid., стр. 135.

3) „Ордеръ Каховскому“ за № 6, 13 января 1786 г. (Изъ дѣла „о ханской свитѣ“).

и Арбатѣ останавливать людей, которые будутъ слѣдовать изъ Калуги въ Крымъ или Тамань съ порученіями отъ хана и если при нихъ окажутся письма, то таковыя отбирать [1]). Скоро послѣ этого бригадиръ Ѳонъ, занимавшій перекопскую линію, задержалъ слѣдовавшаго изъ Калуги на Тамань съ письмами отъ хана и его свиты Кугаса и нашелъ при немъ до 38 писемъ, изъ которыхъ 30 писемъ были написаны на татарскомъ языкѣ и 8 на русскомъ. Ѳонъ арестовалъ Кугаса и препроводилъ его въ Симферополь къ Каховскому, отправивъ съ нимъ и отобранныя письма [2]).

Тогда Потемкинъ посылаетъ Каховскому 23-го апрѣля слѣдующій ордеръ: «по извѣстіямъ, что оставшаяся послѣ бывшаго крымскаго хана Шагинъ-Гирея свита имѣетъ доселѣ пребываніе свое на островѣ Тамани безъ вступленія въ подданство ея императорскаго величества, предписываю объявить всей той свитѣ высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе, чтобы они сами приняли присягу въ вѣрности подданства ея величества, или-же, немедленно оставя всероссійскую область, удалились за границу» [3]).

Пока въ Калугѣ Кречетниковъ просилъ Потемкина «о произвожденіи Шагину пенсіона въ четыре срока въ году», указывая на то, что полученіе имъ пансіона въ два срока заставляетъ его нуждаться въ деньгахъ, которыя онъ «сыскиваетъ крайними процентами и огорченіями» [4]), въ Крыму Каховскій взялся за исполненіе распоряженія Потемкина относительно свиты. 27-го мая онъ выѣхалъ на Тамань предложить ханской свитѣ или принять подданство Россіи, или выселиться въ Турцію. 1-го іюня онъ былъ уже на Тамани и имѣлъ разговоръ съ начальникомъ ханской свиты Islamъ-беемъ. На предложеніе принять русское подданство послѣдній отвѣчалъ: «присягу я учинилъ Шагинъ-Гирею и далъ ему клятвенное слово во всю жизнь быть ему подвластнымъ; если Шагинъ позволитъ, то я согласенъ, но предварительно надо спросить хана» [5]). Каховскій далъ ему срокъ подумать до вечера и въ тоже

[1]) „Ордера секундъ-маіору Розенбергу, бригадиру Ѳону и Арабатскому коменданту Каховскому", 7 февраля 1786 г. (Изъ дѣла о ханск. свитѣ).

[2]) Донесеніе брегадира Ѳона.

[3]) „Ордеръ Каховскому" за № 153 отъ 23 апрѣля 1766 г. (Изъ дѣла о ханской свитѣ).

[4]) Зап. Одес. Общ., ист. и древ., т. XIII, стр. 137.

[5]) „Рапортъ къ Потемкину" отъ 8 іюля (Дѣло о ханской свитѣ).

время велѣлъ ему переписать всю свиту. Islямъ-бей явился вечеромъ, принесъ списокъ ханской свиты, но рѣшительно отказался отъ принятія подданства. Тогда ему было объявлено явиться на другой день въ мечеть со всѣми мурзами, числящимися въ свитѣ. Призванные мурзы явились; пришелъ и начальникъ ханскаго гарема, султанъ Али-ага. Каждому изъ нихъ порознь Каховскій представлялъ выгоды вступленія въ русское подданство, убѣждая не опасаться гнѣва и мести Шагина. Всѣ они твердили, что ханъ приказалъ дожидаться его возвращенія, вслѣдствіе чего безъ его позволенія не смѣютъ вступить въ подданство [1]). Одинъ только Али-ага просилъ отсрочки, чтобы посовѣтоваться съ ханскими женами и потомъ объявить окончательное рѣшеніе. Отпустивъ затѣмъ собранныхъ, Каховскій ѣздилъ въ ногайскіе аулы, расположенные за городомъ съ тѣмъ-же предложеніемъ; но ногайцы тоже отказались. Между тѣмъ вернулся Али-ага и заявилъ Каховскому, что ханскія жены рѣшили ѣхать въ Румелію, а потому и самъ онъ отправляется съ ними. Убѣдившись въ безполезности переговоровъ, Каховскій приказалъ свитѣ выѣхать за Кубань—въ Турцію, а начальникамъ свиты выѣхать только послѣ того, какъ они перепишутъ все имущество хана и сдадутъ его по описи на храненіе командированнымъ для этой цѣли коллежскому ассесору Караценову и переводчику Ибрагимовичу [2]). Ногайскіе аулы подъ конвоемъ прибывшаго военнаго отряда начали переправляться за Кубань; къ отъѣзду готовы были и мурзы. Въ это время генералъ-маіоръ Розенбергъ, находившійся тамъ-же на Тамани, приводитъ къ Каховскому султана Али-агу. Послѣдній объявляетъ, что ханскія жены ни подъ какимъ предлогомъ не хотятъ ѣхать за границу, что онѣ рѣшили дожидаться возвращенія Шагина изъ Россіи и потому приказали ему принять присягу на вѣрноподданство. Не довѣряя словамъ Али-аги, Каховскій посылаетъ Караценова и Ибрагимовича узнать отъ самихъ ханшей принятое ими рѣшеніе. Онѣ подтвердили, что безъ ханской воли не смѣютъ никуда ѣхать и потому просятъ принять въ русское подданство начальника ихъ Али-агу [3]).

---

[1]) „Рапортъ къ Потемкину" 8 іюля (Дѣло о ханск. свитѣ).

[2]) Ibid.

[3]) Ibid.

Послѣ этого было сдѣлано распоряженіе о приводѣ къ присягѣ Али-аги и остальныхъ людей, находившихся при немъ. 4-го іюня 187 человѣкъ ханской свиты и съ ними султанъ Али-ага принесли присягу на вѣрность россійскаго подданства, послѣ чего присягнувшимъ было позволено остаться на мѣстѣ, а султану Али-агѣ поручили кромѣ того надзоръ и храненіе ханскаго имущества, заключавшагося въ табунѣ изъ 71-й лошади, въ конской сбруѣ, охотничьихъ принадлежностяхъ и т. д. [1]).

Тѣмъ временемъ Islamъ-бей и съ нимъ 29 крымскихъ и ногайскихъ мурзъ съ 1,205 служителями переправлялись за Кубань подъ конвоемъ Караценова. 7-го іюня выселившаяся свита находилась уже на кубанской сторонѣ и расположилась близъ Анапы; но анапскій паша потребовалъ отъ Ислямъ-бея за пропускъ 1,500 р. Послѣдній отказалъ. Тогда паша велѣлъ взять Ислямъ-бея подъ стражу и посадить его на трехмачтовое судно, а въ Константинополь послалъ о происходившемъ на Кубани извѣстіе, для полученія необходимымъ указаній. Въ это время начальникъ сосѣдняго ногайскаго аула Оглу-Джанъ-Орсланъ, узнавъ о поступкѣ паши, объявилъ ханскую свиту подъ своимъ покровительствомъ и съ нѣсколькими ногайцами отправился въ Анапу, гдѣ потребовалъ освобожденія Ислямъ-бея, угрожая въ противномъ случаѣ оружіемъ. Паша послалъ въ горы къ абазинцамъ за помощью. На его приглашеніе явилось болѣе 200 человѣкъ, съ которыми онъ и укрѣпился. Джанъ-Орсланъ осадилъ крѣпость. Тогда анапскіе жители стали просить освободить Ислямъ-бея; паша уступилъ и Ислямъ-бей получилъ свободу [2]).

Что-же дѣлалъ въ это время Шагинъ? По выраженію Кречетникова, онъ сталъ «примѣтно неспокоенъ». Сначала у него отняли Лашкарева. Шагинъ жаловался, что ему не съ кѣмъ теперь дѣлить время, такъ какъ одинъ Лашкаревъ изъ числа русскихъ приставовъ знаетъ татарскій языкъ [3]). Но въ особенности оскорбился Шагинъ арестомъ Кугаса и посланныхъ на Тамань писемъ. Наконецъ, когда до него дошло извѣстіе о происшедшемъ на Кубани,

---

[1]) Зап. Одес. общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 140.

[2]) Рапортъ Каховскому.

[3]) Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 137.

Шагинъ сталъ усиленно проситься въ Турцію. 4-го августа Кречетниковъ извѣщаетъ Потемкина, что Шагинъ послалъ ему копію съ высочайшаго указа, даннаго 24 сентября 1784 г. генералу Черткову о доставленіи его чрезъ Кіевъ въ турецкія владѣнія, и просилъ объ исполненіи этого указа. На замѣчаніе Кречетникова, что указъ относится къ Черткову, Шагинъ просилъ донести императрицѣ о его желаніи оставить Россію и ѣхать въ Турцію [1]). Просьба его была исполнена: приблизительно чрезъ мѣсяцъ пришло разрѣшеніе на выѣздъ. 11-го сентября Кречетниковъ уже спрашиваетъ Потемкина, какъ доставить Шагина, представляя на его разрѣшеніе слѣдующія двя обстоятельства: 1) что ханъ задолжалъ болѣе 130 т. разнымъ лицамъ и теперь разсчитываетъ уплотить долги по взысканіи съ купца Хохлова, оставшагося ему должнымъ за содержаніе откупа соляныхъ доходовъ и таможенныхъ пошлинъ, и 2) что ханъ медлитъ, ожидая отвѣта изъ Константинополя съ разрѣшеніемъ ему въѣзда въ Турцію [2]). Велѣно было торопить хана. 14 сентября въ Крымъ было послано Каховскому требованіе отпустить въ Кіевъ ханскій обозъ, а гаремъ препроводить на ханскомъ суднѣ въ Турцію [3]). Для этой цѣли на Тамань были отправлены изъ Калуги Крымъ-Гирей и офицеръ Крейсъ. Туда-же изъ Симферополя отправляется Караценовъ сдать по описи прибывшимъ имущество. Кромѣ того Караценову было поручено убѣдить нѣкоторыхъ изъ свиты не ѣхать въ Турцію, въ случаѣ-же неудачи—отпустить свиту не иначе, какъ выдавъ имъ русскіе паспорты [4]). Прибывъ на Тамань, Караценовъ собралъ свиту и говорилъ ей, что правитель таврической области, снисходя къ ея нуждамъ, позволяетъ каждому избрать опредѣленное положеніе, съ условіемъ остаться въ Крыму, или на Тамани и обѣщалъ необходимое вспомоществованіе, а кто пожелаетъ ѣхать за ханомъ, то будетъ отпущенъ не иначе, какъ съ срочнымъ русскимъ паспортомъ. Въ отвѣтъ на сдѣланное предложеніе Крымъ-Гирей просилъ Караценова спросить татаръ: «на какомъ основаніи они

---

[1]) Ibid., стр. 141.

[2]) Ibid., стр. 144.

[3]) „Отиошеніе Протасова къ Каховскому" отъ 14 сентября.

[4]) Рапортъ Каховскаго Потемкину.

раньше учинили присягу?» «Нужды никакой не имѣю, былъ отвѣтъ послѣдняго, ибо совершенно знаю, да и сами татары знаютъ, что присягали на вѣрность подданства всероссійской державы! Пусть лучше всякъ скажетъ: кто намѣренъ ѣхать и кто остается». Выступили «лучшіе», по выраженію Караценова, татары и чистосердечно признались, что хотятъ служить своему господину-хану; остальные молчали. Крымъ-Гирей снова заговорилъ и заявилъ, что ханъ считаетъ людей свиты своими подданными, такъ какъ, по увѣренію ѣздившаго на Тамань Кугаса, свита принесла присягу на вѣрность, а не на подданство. Султанъ Али-ага подтвердилъ, что дѣйствительно онъ самъ присягалъ только на вѣрность, а не на подданство. Только послѣ серьезныхъ доводовъ Караценовъ изобличилъ неправду. Все таки переговоры не привели къ желаннымъ результатамъ. Караценову ничего не оставалось дѣлать, какъ приготовить свитѣ паспорты и отпустить обозъ. 12 октября Кугасъ принялъ обозъ съ ханскимъ имуществомъ и выѣхалъ изъ Тамани въ Крымъ. Вслѣдъ за этимъ прибыли въ Керчь ханскія судна, взяли гаремъ и остальныхъ людей въ числѣ 117 душъ обоего пола, въ томъ числѣ и дѣтей, и 21 октября вышли въ море. Дурная погода занесла экипажъ въ балаклавскую бухту; простоявъ тамъ четыре дня, суда продолжали путь въ Турцію. Что касается обоза, слѣдовавшаго сухимъ путемъ, то, прибывъ къ Перекопу, Кугасъ просилъ позволенія перезимовать тамъ, но получилъ отказъ и выѣхалъ въ Кіевъ, гдѣ долженъ былъ соединиться съ ханомъ [1]).

Дѣйствительно ханъ находился уже въ дорогѣ. 5-го декабря, когда Кречетниковъ, узнавъ, что хотинскій паша не пропуститъ Шагина чрезъ границу безъ султанскаго разрѣшенія, спрашивалъ Потемкина, какъ поступить ему съ ханомъ и просилъ во всякомъ случаѣ избавить его отъ такого гостя, въ этотъ самый день Шагинъ былъ уже въ Бердичевѣ [2]), а 9 декабря продолжалъ путь къ Каменцу. Чрезъ недѣлю съ лишнимъ онъ былъ уже на границѣ, гдѣ не подалеку отъ Каменца въ $1^1/_2$ в. остановился въ деревнѣ Длужѣ въ ожиданіи возвращенія посланнаго въ Константинополь за разрѣшеніемъ ѣхать въ Турцію [3]). Въ тре-

---

[1]) Изъ дѣла о „ханской свитѣ“. Донесеніе Караценова.

[2]) Зап. Од. Общ. ист. и древ., т. XIII, стр. 149.

[3]) Ibid.

вожномъ ожиданіи отвѣта ханъ провелъ болѣе мѣсяца. Сопровождавшій его приставъ Вельяминовъ писалъ Кречетникову, что ханъ сомнѣвается въ благопріятномъ отвѣтѣ, вслѣдствіе чего и говоритъ, «что удержится выѣзжать въ турецкую область». Кречетниковъ отвѣтилъ, что если Порта не приметъ хана, то внушить ему ѣхать въ Хотинъ и тамъ остаться «подъ претекстомъ поправленія своего здоровья, гдѣ можетъ начать переписку и требованія, какія ему заблагоразсудятся». Приставъ писалъ кромѣ того, что отпущенныя хану по 16 число декабря деньги уже израсходованы. Кречетниковъ выхлопоталъ ему содержаніе еще на одинъ мѣсяцъ, но объявилъ, что, въ силу высочайшаго повелѣнія, выдача пенсіона прекращается со вступленіемъ его за турецкую границу.

Наконецъ 24 января возвратился давно ожидаемый Сеитъ-Ахметъ-Эфенди и привезъ хану письмо отъ визиря, который съ радостью объявлялъ султанское разрѣшеніе на пріѣздъ Шагина въ Турцію. Визирь писалъ: «для принятія по древнимъ нашимъ обычаямъ вашу свѣтлость и оказанія почестей со вступленія на границу и препровожденія отъ Хотина къ Бухаресту, а отколь чрезъ Ергокъ прямо къ Адріанополю опредѣленъ приставомъ Измаилъ-ага, а особливо, какъ вы почтенный и пріятный его султанскаго величества гость, для спокойствія и доставленія въ пути разныхъ выгодъ и всего того, что вашей свѣтлости будетъ угодно» [1]).

27 января 1787 года бывшій крымскій ханъ Шагинъ-Гирей оставилъ Россію; Вельяминовъ, сдавъ хана Измаилъ-агѣ, вернулся въ Россію.

Почтенному гостю султанскаго величества назначили для жительства Чифтилинъ въ Румеліи. Нашъ посолъ въ Турціи Булгаковъ, сообщая о семъ Каховскому, прибавлялъ: «не знаю истинной причины перехода сюда Шагина, но онъ самъ просился и раскается тысячу разъ о сей глупости» [2]). Дѣйствительно Шагинъ испыталъ участь сверженныхъ хановъ: онъ погибъ, по повелѣнію столь любезно ожидавшаго его султана, насильственною смертью на островѣ Родосѣ [3]).

Ѳ. Лашковъ.

---

[1]) Зап. Од. Общ. ист. и древн., т. XIII, стр. 153.

[2]) Изъ дѣла 1787 г. хранящагося въ губернскомъ архивѣ г. Симферополя: „Сообщенія чрезвычайнаго посла при турецкомъ дворѣ г. Булгакова“.

[3]) Истор. царства Херс. тавр., Сестренцевича, т. 2, стр, 383.

ВѢДЬМА.

(Польскій разсказъ).

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

VII.

Надъ мѣстечкомъ, отстоящимъ на шесть верстъ отъ Сухой Долины, съ самаго утра стоялъ огромный гулъ голосовъ, надъ которымъ далеко разносился въ воздухѣ колокольный звонъ. На рыночной площади народъ кишѣлъ, какъ въ муравейникѣ. Тутъ продавались и покупались лошади, волы, коровы, телята, хлѣбъ, домашній холстъ, птица, яйца и множество другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства. Сани стояли возлѣ саней такъ близко, что и пройти нельзя, нерѣдко даже наѣзжая полозьями на полозья, люди и скотъ собирались въ подвижныя группы; крикъ, споры, брань торгующихся, ржаніе лошадей, мычаніе скота—все это сливалось въ одинъ общій, невообразимый гулъ; огромная пестрота костюмовъ и огромное разнообразіе лицъ мужескихъ и женскихъ, крестьянъ, евреевъ и мелкихъ шляхтичей дополняли картину ярмарки. Всѣ четверо Джурджей явились также на ярмарку, каждый со своимъ товаромъ. Петръ съ Климомъ пригнали корову и лошадь для продажи. Степанъ двухлѣтняго бычка, а Семенъ привезъ четверть гороху и жита. Все равно опишутъ и продадутъ, такъ лучше продать въ свою пользу все, что только можно вынести изъ дому. Многіе хозяева, прочитавъ молитву, отправляли бабъ въ церковь, а сами оставались возлѣ своихъ саней и товаровъ. Петръ оставилъ свое добро на попеченіе сына, а самъ направился къ небольшой бѣлой церкви, съ колокольни которой далеко разносился волнами праздничный звонъ колоколовъ. На паперти была такая тѣснота и давка, что спокойный, торжественно настроенный крестьянинъ едва могъ протолпиться до порога и ступить нѣсколько шаговъ

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., августовск. кн., стр. 693—726.

въ притворѣ. Здѣсь широкія спины въ кожухахъ стояли плотно, какъ непроницаемая стѣна, только между косматыми мужскими головами и убранными по праздничному головами женщинъ виднѣлась позолота иконостаса, пестрѣли хоругви, блестѣли горящія свѣчи, сверкнула на минуту поднятая вверхъ чаша и скрылась въ алтарѣ. Но вотъ послѣ минутнаго молчанія раздалось стройное хоровое пѣніе и медленные звуки херувимской, плавные и торжественные, росли все сильнѣе и сильнѣе и подымались къ самымъ сводамъ. Петръ хотѣлъ стать на колѣни, но не могъ вслѣдствіе тѣсноты и, наклонивъ голову, ударяя себя въ грудь, зашепталъ:

— Отче небесный, Царю земный, одпусти намъ тяжки грихи наши!...

Онъ самъ придумалъ себѣ эту краткую молитву еще въ то время, когда его мучило раскаяніе въ нанесенной матери обидѣ и съ тѣхъ поръ онъ всегда повторялъ ее въ тѣхъ случаяхъ, когда бывалъ въ особенно набожномъ настроеніи.

Началась эктенія. Петръ поднялъ глаза къ верху и всматривался въ рѣзьбу иконостаса, виднѣвшуюся надъ головами толпы; между вырѣзанными оригинальнымъ узоромъ, деревянными и золочеными колонками, рамами и пилястрами темнѣли намѣстные образа, изображенія четырехъ евангелистовъ, фигуры другихъ святыхъ, каждый со своею эмблемою, подъ ними выдѣлялись круглолицые серафимы, надъ царскими вратами красовалась въ серебрянной оправѣ икона, представляющая Тайную Вечерю. Глаза крестьянина наполнялись кроткою задумчивостью, губы перестали двигаться. Можетъ быть, онъ припоминалъ все, что когда либо перетерпѣлъ и перечувствовалъ, глядя на эту самую предъ-алтарную преграду: раскаяніе и тревоги собственной совѣсти, болѣзни сыновей, всѣ горести и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ радости и утѣшенія. Можетъ быть также, что онъ искалъ взоромъ надъ алтаремъ, надъ фигурами святыхъ, подъ самыми сводами, того свѣта и сіянія, въ какихъ смутно представлялось его воображенію царствіе небесное. Долго блуждалъ онъ взглядомъ въ вышинѣ и поминутно вздыхалъ.

— Отче небесный, Царю земный, Спасителю людській...

Блѣдное лице его, поднятые къ небу глаза и громкій вздыхающій шопотъ—все это выражало столько печали, благодарности и покорности... Но вотъ окончилось пѣніе и среди глубокой тишины отчетливо раздалось съ амвона: Во имя Отца и Сына, и святаго Духа... Начиналась проповѣдь. Съ своего мѣста Петръ могъ ясно различать стоявшаго на возвышеніи священника, его блестящія ризы и бѣлую тетрадку въ рукахъ Языкъ, на которомъ говорилась проповѣдь, не употребляется въ повседневной жизни крестьянъ и они съ трудомъ понимали ег о поэтому Петръ весь обратился во вниманіе; онъ наклонилъ голову, наставилъ уши и прислушивался изо всѣхъ силъ къ чистому, громкому голосу, будившему звучное эхо подъ сводами. Окружающіе люди слушали тоже, но по большей части разсѣянно или безъучастно. Они стояли въ сосредоточенныхъ, благоговѣйныхъ позахъ, даже часто вздыхали и въ тоже время посматривали на всѣ стороны, или дремали, закрывъ глаза.

Петръ вслушивался съ большимъ вниманіемъ въ слова проповѣди, но не всѣ они производили на него одинаковое впечатлѣніе. Иныя слова не пробуждали въ немъ никакихъ понятій и чувствъ, но были и такія, которыя трогали его до глубины души. Въ длинномъ вступленіи священникъ разсказывалъ народу о благости Божіей и козняхъ дьявольскихъ. При упоминаніи о Богѣ лице крестьянина прояснялось такъ, какъ будто озарялъ его лучъ небесный, и принимало блаженное, растроганное выраженіе. Когда-же раздавалось названіе сатаны, густыя брови его сдвигались надъ глазами, губы дрожали отъ гнѣва и тревоги, онъ весь дрожалъ и, казалось, готовъ былъ сплюнуть, если-бы не удерживала его отъ этого святость мѣста. Наконецъ проповѣдь оканчивается и служба идетъ своимъ порядкомъ. Вотъ вся масса народу съ глухимъ шумомъ опускается на колѣни, сперва передній рядъ, за нимъ другой, третій и такъ дальше до самыхъ дверей; на клиросѣ снова раздается пѣніе, сопровождаемое шопотомъ и сдавленными вздохами. Усиленно работая локтями, Петръ расчистилъ себѣ мѣстечко и, припавъ головою къ холодному полу, зашепталъ:

— Нехай Божа сила переможе нечисту силу...

Вдругъ кто-то сильно толкнулъ его въ бокъ. Петръ оглянулся и увидѣлъ Клима, который наклонившись шепнулъ ему въ самое ухо.

— Татку! старшина хоче коня купити... я самъ не знаю, якъ зробити.

Петръ оттолкнулъ сына и снова наклонялся къ землѣ, но Климъ потянулъ его за кожухъ.

— Ходить, татку, а то стратимо торгъ...

— Скажи старшини, нехай самъ иде до церкви и людямъ не мишае молитись...

Это было сказано такимъ тономъ, что Климъ больше не настаивалъ; онъ тоже опустился на колѣни, положилъ нѣсколько поклоновъ и вышелъ изъ церкви. Но Петръ не могъ уже возвратить прежняго молитвеннаго настроенія; что-то начинало мучить и безпокоить его. Онъ встряхивалъ плечами, оглядывался, наконецъ не выдержалъ, поднялся съ колѣнъ, еще нѣсколько разъ перекрестился и вышелъ изъ церкви. На паперти Петръ встрѣтилъ Степана, идущаго въ церковь.

— А що тамъ чуть про мого коня? спросилъ онъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ.

— Та тамъ старшина поеднався зъ Климомъ... Ходи швидче, а то втеряешъ торгъ.

Степанъ тоже не продалъ еще своего бычка и потому не долго пробылъ въ церкви; Семенъ только помолился на паперти и поскорѣе направился къ корчмѣ съ деньгами, вырученными за горохъ и жито. Ни одинъ изъ нихъ не протолпился на середину церкви, а тѣмъ болѣе къ алтарю, передъ которымъ стояло полукругомъ множество людей, исповѣдавшихся передъ обѣднею и теперь ожидавшихъ причастія.

Передъ сумерками ярмарка кончилась и народъ началъ расходиться, за то по мѣрѣ того, какъ пустѣлъ рынокъ, число саней и лошадей передъ обширной каменной корчмою все болѣе и болѣе увеличивалось. Людямъ, которые цѣлый день провели на холодѣ, зябли въ церкви и зябли продавая и покупая на

рынкѣ, было даже необходимо обогрѣться и подкрѣпить свои силы въ теплыхъ стѣнахъ прежде, чѣмъ пускаться въ путь по домамъ. Закругленныя ворота корчмы, на сквозь прорѣзывающія цѣлое зданіе, напоминали собою темную пасть, которая поглощала всѣхъ входившихъ сюда людей; передъ корчмою на небольшой площади, твердой отъ мороза, покрытой снѣгомъ, усыпанной соломою и блестѣвшей замерзшими лужами, стояло множество саней, а лошадиныя головы и шеи совсѣмъ исчезали въ привязанныхъ передъ ними мѣшкахъ съ кормомъ.

Здѣсь корчма была гораздо просторнѣе и помѣстительнѣе, нежели въ Сухой Долинѣ; очевидно въ мѣстечкѣ должны были разсчитывать на значительно большее число посѣтителей, чѣмъ въ селѣ. Въ огромной печи горѣлъ сильный огонь; каждый входящій останавливался передъ нимъ на минуту погрѣть прозябшія руки, топалъ ногами, чтобы согрѣться, потомъ отходилъ къ одному изъ столовъ, окружавшихъ комнату и снималъ полотняный мѣшечекъ, висѣвшій на веревочкѣ черезъ плечо. Такой мѣшочекъ былъ у каждаго; въ немъ хранились съѣстные припасы, взятые изъ дому на цѣлый день и различающіеся по количеству и качеству, соотвѣтственно степени зажиточности каждаго. Одни доставали изъ своихъ сумокъ только черный хлѣбъ, щепотку соли, да нѣсколько кусковъ твердаго сыру; другіе кромѣ хлѣба имѣли сало, колбасы, крутыя яйца. Одни широко разсаживались на скамьяхъ передъ своими припасами, другіе ѣли стоя и даже ходя изъ угла въ уголъ. Толпа все болѣе и болѣе возрастала, шумъ становился оглушительнымъ, со всѣхъ сторонъ слышались требованія водки, пива, меду; евреи разныхъ возрастовъ, шинкарь и его семья, безъ устали кружились въ толпѣ съ жестяными кружками, квартами, рюмками и стаканами зеленаго стекла въ рукахъ, съ глиняными мисками, наполненными кислыми огурцами и соленою рыбою, которыми крестьяне закусывали послѣ водки.

Въ корчмѣ собрались жители отдѣльныхъ селъ, но всѣ почти принадлежали къ одной волости. Поэтому почти всѣ были болѣе или менѣе знакомы между собою и занимали другъ друга

разговорами о нынѣшней ярмаркѣ, о понесенныхъ убыткахъ или барышахъ, о различныхъ обстоятельствахъ своей домашней жизни. Въ глубинѣ хаты старшина, самый главный начальникъ волости, уже не молодой крестьянинъ съ длинной рыжей бородой, въ черной бараньей шапкѣ, надвинутой на самыя брови, угощалъ медомъ довольно многочисленную компанію. Въ этой компаніи принимали участіе между прочими и нѣкоторые обыватели Сухой Долины, а между ними главная роль принадлежала Петру Джурджѣ, который доставилъ поводъ для угощенія продажею своей лошади. Естественно по этому, что бесѣда началась разсказомъ о различныхъ достоинствахъ этой лошади, затѣмъ перешла къ оживленнымъ разговорамъ о лошадяхъ вообще, по временамъ доходившимъ даже до споровъ, которые, впрочемъ, старшина прекращалъ съ самаго начала, подливая въ рюмки меду изъ жестяной кружки и любезно приглашая собесѣдниковъ.

— Котентуйтеся, панове громадо, котентуйтеся! Будьмо здорови! Дай Боже щастя!

Выраженіе *панове громадо* ежеминутно повторялось на его устахъ. Онъ чувствовалъ себя главою и начальникомъ общины или громады и не упускалъ ни малѣйшаго случая напоминать объ этомъ всѣмъ и каждому. Крестьяне кивали головою въ знакъ благодарности и подносили рюмки къ губамъ. Одинъ только Климъ не пилъ и не принималъ участія въ разговорѣ. Онъ былъ слишкомъ молодъ, еще не женатъ и не имѣлъ собственнаго хозяйства; онъ прибылъ съ отцемъ и только при немъ что нибудь значилъ; присутствіе старшины и столькихъ пожилыхъ, уважаемыхъ хозяевъ лишало его смѣлости и не дозволяло принять участія въ общемъ угощеніи. Онъ все время стоялъ за спиною отца и просовывая оттуда свое румяное лице, нѣсколько застѣнчиво и не безъ зависти посматривалъ на кварты и рюмки. Быстрые, плутовскіе глаза старшины, уже развеселившіеся отъ меду, встрѣтились съ его застѣнчивымъ взглядомъ.

— Аааа! протянулъ онъ съ усмѣшкой и какъ-бы въ удивленіи указывая на юношу. Панове громадо! Чи се парубокъ, чи дивчина?

И вытянулъ голову, какъ-бы для того, что-бы лучше разглядѣть.

— Дивлюсь, дивлюсь и не можу пизнати, що воно таке! Здаеться й парубокъ, але-жъ зховався за батька и засоромився, якъ дивчина... А ну, вылазь... иди до столу, бо справди подумаю, що ты зъ хлопця та дивкою ставъ!...

Громкій смѣхъ послѣдовалъ за этою остротою; засмѣялся и Петръ и толкнулъ сына къ столу.

— Ну, иди, коли панъ старшина кличуть..

Впрочемъ Климъ далеко не былъ такимъ застѣнчивымъ, какимъ считалъ его старшина; правда, онъ прикрылъ рукою ротъ, но все таки прямо смотрѣлъ веселыми глазами на главнаго сановника волости. Тотъ налилъ полный стаканъ меду и подалъ молодому парубку.

— Пый, щобъ швидче усы пидъ носомъ росли! сказалъ онъ ему и доливая всѣмъ стаканы, повторялъ:

— Пыйте, панове громадо, просю вашои милости!

Всѣ выпили и смѣялись надъ Климомъ, который, при напоминаніи объ усахъ, погладилъ рукою золотистый пушокъ, пробивавшійся надъ верхнею губою, потомъ кивнулъ головою и бойко произнесъ:

— Дай Боже здоровья, пане старшино!

— На здоровъя тоби! отвѣчалъ старшина и прибавилъ, обращаясь къ Петру:

— Не пишовъ въ москали? га?

— А не пишовъ, отвѣчалъ отецъ съ сіяющимъ лицемъ; якъ прыйшла ёму пора выймати жребій, Ивась ще бувъ малый, а мени вже, дякувати Богу, 51-й рикъ минавъ. Братъ малый... батько старый... значить винъ и выйшовъ вильготнымъ и зостався въ хати. Дякувати за те Богу милосердному...

— Отъ и выкрутився, замѣтилъ кто-то съ боку.

— Ну, щасливый, прибавилъ другой.

— А щасливый, повторилъ Петръ, коли-бъ тилько на все такъ Господь благословивъ...

Старшина подавалъ счастливцу другой стаканъ меду со словами:

— Пый, та памъятай, хто тебе частуе.

Парубокъ нерѣшительно взглянулъ на отца, но Петръ, обрадованный честью, оказанною его сыну и сверхъ того довольный его скромнымъ поведеніемъ, толкнулъ его въ бокъ, говоря:

— Пый, коли панъ старшина кажуть..

На этотъ разъ Климъ, уже совершенно освоившійся и чрезвычайно довольный, не просто поднесъ стаканъ ко рту, а быстро поднялъ его къ верху и самъ подпрыгнулъ такъ, что часть меду пролилась на столъ.

— Щобъ кинь такъ выбрыкувавъ! крикнулъ онъ и залпомъ осушилъ стаканъ.

Выдумка эта очень понравилась окружающимъ, которые также подымали надъ головою стаканы и повторяли другъ за другомъ:

— Щобъ такъ кинь выбрыкувавъ, пане старшино, щобъ такъ кинь выбрыкувавъ!

Тостъ этотъ относился къ той лошади, которую старшина купилъ въ этотъ день у Петра Джурджи. Антонъ Бодрукъ, староста Сухой Долины, веселый отъ природы, а можетъ быть и не лишенный нѣкоторыхъ разсчетовъ, въ свою очередь хотѣлъ попотчивать старшину и всю компанію и потребовалъ еще кварту меду.

— Не хочемо меду! отозвалось нѣсколько голосовъ, коли частуешъ, такъ давай горилки!

Бодрукъ приказалъ подать водки и, наливая старшинѣ стаканъ меду по его желанію, началъ:

— Таке дило есть, пане старшино. Хочемо починати процесъ за тіи грунта и луги... Коли-бъ давность не зайшла. . скажить, що знаете про те... може вы намъ що нибудь порадите.. Таке дило есть...

И хотя онъ выпилъ много меду и еще водки сверхъ того, но все таки началъ еще довольно обстоятельно разсказывать это

важное для цѣлаго села дѣло. Но Петръ прервалъ его и самъ принялся излагать дѣло передъ старшиною. Максимъ Бодрукъ и трое Лободъ въ свою очередь перебивали и того, и другаго; поднялось настоящее смѣшеніе языковъ. Но старшина былъ уже опытенъ въ дѣлахъ общественныхъ.

— По черзи, панове громадо! крикнулъ онъ, кажить по черзи! Зъ початку одинъ, а потимъ другій, а я буду слухати. Я мижъ вами усима найстаршій и вси вы до мене якъ до батька...

— Якъ до батька! хоромъ подтвердили всѣ; въ эту минуту пьяный Семенъ протолпился къ старшинѣ и началъ, цѣлуя его въ локоть:

— Я до васъ, пане старшино, якъ до батька.., не продавайте господарства... Гиркая бида на мене й моихъ дитокъ...

Нѣсколько рукъ протянулось впередъ и оттолкнуло пьянаго, и онъ, шатаясь, направился къ шинкарю, бормоча:

— Хацкелю, дай горилки... Коли боишься Бога, дай ще крючкивъ зо два... Маю ще два злота... заплатю... Ой, гиркая доля...

Замѣтивъ, что между старшиною и прочими хозяевами заходитъ серьёзный дѣловой разговоръ, Климъ удалился изъ этой группы и перешелъ въ другую, состоявшую изъ нѣсколькихъ десятковъ бабъ, которыя грѣлись передъ огнемъ. Онѣ тоже ѣли принесенные изъ дому припасы, говорили о сегодняшней ярмаркѣ, спорили, или повѣряли другъ другу свои горести. Съ приближеніемъ Клима въ этой группѣ тотчасъ раздались пискливые крики и хохотъ. Два стакана меду развеселили его и придали развязности; онъ сейчасъ же ущипнулъ за руку какую-то знакомую женщину изъ Сухой Долины, другой шепнулъ на ухо что-то такое, отъ чего она вспыхнула, какъ піонъ и закрылась отъ него рукою. Другія женщины постарше толкали его кулаками, кто шутя, кто съ притворнымъ гнѣвомъ и прогоняли его къ мущинамъ. Вскорѣ однако всѣ затихли и внимательно разсматривали предметъ, который Климъ вынулъ изъ подъ кожуха и показывалъ бабамъ; это была довольно большая икона, представляющая какую-то святую въ рамкѣ, выклеенной золотою бумагою. Нѣкоторыя даже подымались на цыпочки, чтобы по-

лучше разсмотрѣть ее черезъ плечи сосѣдокъ. Святая представлена была въ красной одеждѣ, съ золотою короною на головѣ, въ рукахъ держала голубую пальму. Грубо положенныя яркія краски и блестѣвшая передъ огнемъ позолота рамокъ привели женщинъ въ восхищеніе; всѣ смотрѣли, любовались, хвалили и начинали допрашивать Клима, для кого онъ купилъ такой прекрасный образъ, для себя и для кого другаго. Тотъ зналъ прекрасно, для кого купилъ его, но ни за что не хотѣлъ признаться и, заливаясь отъ смѣха надъ любопытствомъ и жадностью, отражавшимися въ глазахъ женщинъ, спряталъ образокъ за пазуху. Въ это время изъ группы, засѣдавшей за рюмками у окна, окликнулъ его небольшаго роста, подвижной человѣкъ съ вздернутымъ носомъ, одѣтый на половину по крестьянски, на половину по шляхетски, лѣсничій изъ сосѣдняго помѣстья, купившій въ этотъ день корову у Петра Джурджи.

— Климе, а, Климе! выпый-но зъ нами. Щобъ корова була здорова!

Климъ выпилъ поданную рюмку и подскочивъ къ стоявшей въ углу бочкѣ съ водою, опрокинулъ ее и вылилъ воду на полъ, приговаривая:

— Щобъ корова стилько молока давала!

Громкій смѣхъ раздался по хатѣ, женщины съ крикомъ и визгомъ разбѣжались по угламъ. Широкая струя воды текла изъ угла въ уголъ, унося съ собою брошенныя на землю яичныя скорлупки, корки огурцовъ, головы и хвосты селедокъ. Климъ исчезъ въ толпѣ крестьянъ, окружившихъ его съ чарками въ рукахъ; между ними былъ и Семенъ, который поминутно дергалъ его за рукавъ, не выпуская рюмки изъ рукъ, и бормоталъ:

— Позычъ грошей, Климе, змилуйся позычъ... хочъ злота позычъ.. вже свои вси пропивъ... Гиркая доля мени й моимъ диткамъ...

Наступила совершенная темнота; шинкарь принесъ три тоненькія сальныя свѣчки въ мѣдныхъ, залитыхъ саломъ подсвѣчникахъ и разставилъ на столѣ въ разныхъ углахъ комнаты.

Между тѣмъ Степанъ Джурджа собралъ возлѣ себя небольшой кружокъ и громко разсказывалъ что-то, видимо довольный тѣмъ, что и ему удалось хоть гдѣ нибудь играть первую роль. Когда подали свѣчи, онъ увидѣлъ старшину, окруженнаго обывателями Сухой Долины, которымъ онъ говорилъ что-то съ чувствомъ собственнаго достоинства. Смуглое, морщинистое лице Степана вспыхнуло яркою краскою, частью отъ оживленной бесѣды, частью отъ выпитой водки. Однако его интересовало знать, о чемъ говорилъ старшина съ его сосѣдями; онъ приблизился къ ихъ группѣ и началъ прислушиваться.

— То вже такъ треба, панове громадо, убѣждалъ старшина, безъ того не можна, безъ того вже ничого не буде. Треба обрати повномочныкивъ, щобъ одъ всихъ васъ пишли у мисто, та наняли аблаката; то найперша ричъ—обрати повномочныкивъ... а друга ричъ наняти аблаката. Цилою громадою не пидете до аблаката, ани до суду... Повномочныки за васъ ходитимуть. Зійдетесь соби уси до старосты якого тамъ дня, та й порадитесь, кого обрати, хто мижъ вами найрозумнійшій и найповажнишій

Изъ уваженія къ старшинѣ рѣчь его выслушана была стоя и съ большимъ вниманіемъ; но когда онъ кончилъ, нѣсколько голосовъ отозвалось:

— На вищо намъ одкладати на дали! Мы соби й заразъ выберемо... нехай панъ старшина будуть свидкомъ.

— Але! подтвердили другіе, можна, чому не можна...

— Не вси-жъ мы тута, возразилъ одинъ голосъ.

— Ничого не шкодить! Що мы тутъ постановимо, на те уси згодяться, утверждалъ староста Сухой Долины

— А багато-жъ ихъ треба, тихъ повномочныкивъ? спросилъ Петръ.

— Трое, отвѣчалъ старшина, бильшъ не треба, але трехъ то вже доконче треба.

Въ эту минуту Степанъ Джурджа дернулъ Петра за рукавъ и шепнулъ:

— Скажи, Петре, нехай мене выберуть повномочникомъ..

Но шопотъ его заглушило множество голосовъ:

— Першъ усього то вже просимо старосту...

Круглое, полное лице Антона Бодрука съ льняными усами и вздернутымъ носомъ иросіяло, какъ полный мѣсяцъ.

— Добре, отвѣчалъ онъ, буду, чому ни...

На этотъ разъ Степанъ уже толкнулъ кулакомъ Петра подъ бокъ.

— Ну озывайся-жъ... кажи, щобъ мене выбрали...

Глаза его горѣли жаждою отличія, а можетъ быть и отъ предстоящей оживленной дѣятельности. Но крестьяне провозгласили другимъ уполномоченнымъ стараго Лободу, который теръ себѣ лысину и просилъ уволить его отъ такихъ хлопотъ, а лучше возложить ихъ на котораго нибудь изъ его сыновей. Самый старшій изъ нихъ, Пилипъ, тотчасъ заявилъ самъ, что онъ не прочь; хоть ему тяжело будетъ оставлять хозяйство и ѣздить въ городъ, но онъ все таки не откажется.

— Нехай буде Пилипъ, согласились крестьяне.

— Ну, а третій? спросилъ старшина.

— Нехай вже третимъ буде Петро Джурджа.

Петръ выпрямился также какъ въ то время, когда его избрали старостою и съ сіяющимъ видомъ благодарилъ за честь. Степанъ опять толкнулъ его кулакомъ.

— Скажи, Петре, нехай выберуть мене за четвертого...

Петръ съ безпокойствомъ почесалъ затылокъ, но тѣмъ не менѣе продолжалъ:

— Може-бъ ще Степана узяти четвертого..

— Не треба четвертого, крикнули ему со всѣхъ сторонъ, панъ старшина казали, що тильно трехъ треба, бильше не треба!

— То може нехай буде Степанъ на мое мисце? предложилъ Пилипъ Лобода и просто прибавилъ: мени тяжко буде, я не хочу...

— Не хочемо Степана, крикнули всѣ. На що винъ намъ здався? тильно зъ другими сваритиметься про все...

— Ще аблоката прибъе, прибавилъ кто-то смѣясь.

Кровь бросилась къ лицу Степана, онъ ворвался въ самую середину кружка и началъ кричать, доказывая, что выборы производились незаконно, такъ какъ на нихъ присутствовали не всѣ хозяева Сухой Долины, что его должны выбрать уполномоченнымъ, въ противномъ случаѣ онъ будетъ жаловаться въ судъ и т. д. Началась ссора и дѣло навѣрно перешло-бы въ драку, но старшина поднялся со скамьи и сталъ кричать на Степана, не жалѣя грубыхъ словъ и ругательствъ. Онъ чувствовалъ себя лично оскорбленнымъ.

— Якъ-то не по закону? кричалъ онъ, коли я тутъ, такъ все по закону. Я тутъ найстаршій и все можу становити .. Мене самъ царь настановивъ надъ вами... Схочу, пожалую, а схочу, у каторгу зашлю...

Степанъ смѣшался было на минуту, но тотчасъ-же оправился, съ задорнымъ видомъ крикнулъ на шинкаря, приказывая подать кварту водки, и усѣвшись съ нѣсколькими пріятелями поодаль отъ старшины, сталъ пить на пропалую.

Между тѣмъ Петръ, приведенный уже въ мечтательное настроеніе и обрадованный отличіемъ, которымъ его почтили, въ свою очередь потчивалъ старшину и сосѣдей.

— Дякую, пане старшино! дякую, панове громадо! повторялъ онъ безпрестанно и, остановившись передъ Антономъ Бодрукомъ съ чаркою въ рукѣ, съ прищуренными глазами, торжественно произнесъ:

— Ты повномочникъ и я повномочникъ, ты староста и я староста... такъ и поцимуймося.

И оба громко поцѣловались.

Впрочемъ и общее всей толпы пьянство достигло къ этому времени довольно высокаго развитія, но оно отличалось извѣстными характеристическими чертами. Людей, которые, подобно Семену Джурджѣ, пили каждый отдѣльно, безъ всякаго повода, было очень немного. Огромное большинство пило тоже на пропалую, но взаимно угощая другъ друга по различнымъ поводамъ, а въ такихъ поводахъ не было недостатка; здѣсь все уже являлось благовиднымъ предлогомъ: и продажа лошади, и по-

купка коровы, и встрѣча съ знакомымъ, и примиренiе между спорящими, и воспоминанiе объ отцѣ, умершемъ годъ тому назадъ, и проектъ женитьбы сына, или выдачи замужъ дочери и т. д. Радостные или грустные случаи, прибыль или убытокъ, прiятельство или ссора, надежда или печаль, все было поводомъ къ угощенiю, на которое каждый считалъ обязанностью отвѣтить въ свою очередь. Въ хатѣ царила невообразимая смѣсь голосовъ, настроенныхъ на самые разнообразные тоны, и движенiй, обличавшихъ различныя степени опъяненiя. Въ одномъ концѣ хаты начиналась драка, которая оканчивалась выталкиванiемъ побѣжденныхъ за дверь, въ другомъ притиснутый къ стѣнѣ еврей шинкарь кричалъ отъ страха, а потомъ въ свою очередь бранилъ отчаянно ругавшихъ его крестьянъ; дальше два парня, подбоченившись, покачивались другъ передъ другомъ, повторяя однообразнымъ голосомъ одно и тоже слово. Нѣсколько крестьянъ изъ Сухой Долины, съ чарками въ рукахъ, лѣзли цѣловаться къ старшинѣ, который, тоже сильно подпившiй, развалился на лавкѣ, надвинулъ свою огромную шапку глубоко на глаза. Крестьяне цѣловали его въ щеки и повторяли:

— Ты надъ нами найстаршiй, ты всимъ намъ якъ батько..

Напротивъ Семенъ подошелъ теперь къ нему съ задорнымъ видомъ.

— Ты мени господарства описувати не смiй! крикнулъ онъ, бо якъ опишешъ, забъю... далеби забъю... Хочь ты и старшина, а таки забъю... и буде тоби шабашъ!

Петръ Джурджа сталъ передъ Максимомъ Бодрукомъ.

— Въ тебе дочка, а въ мене сынъ, разсуждалъ онъ; отъ воно й добре... и слава Богу милосердному.

А Бодрукъ говорилъ въ тоже время:

— Въ тебе сынъ, а въ мене дочка... Чому не мае бути воли Божои... буде... присылай тильки старостивъ...

— Присылай! утвердительно повторилъ Петръ и, поднявъ къ верху указательный палецъ, продолжалъ размазывать съ умиленнымъ видомъ:

— Въ тебе дочка, а въ мене сынъ... нехай, якъ той казавъ, Божа сила переможе нечисту силу..

Въ эту минуту Климъ потянулъ его за рукавъ.

-- Идьмо до дому, татку, запищалъ онъ тонкимъ, жалобнымъ голосомъ.

Онъ былъ тоже пьянъ, но еще не терялъ сознанія и ему хотѣлось домой, чтобы поскорѣе отдать Настѣ образокъ. Петръ изумленными глазами посмотрѣлъ на сына и сердито закричалъ:

— А ты бувъ хворый! мало не вмеръ! Нечиста сила тоби ту хворобу поробила...

Климъ плюнулъ и перекрестился.

— Бодай вона сьвита не бачила, ота, що мени таку биду наслала! Йдьмо до дому, татку!

И тащилъ отца за рукавъ кожуха; тотъ не противился, но слѣдуя за сыномъ, оглядывался на Максима и кричалъ:

— Памъятай-же, Максиме! въ тебе дочка, а въ мене сынъ... нехай Божа сила подужае нечисту силу..

У самаго порога отецъ съ сыномъ натхнулись на Семена.

— А ты чого ще тутъ байдыкуешъ! крикнулъ на него Петръ; до дому тоби... а то остатню копійку пропъешъ...

— Вже й пропивъ... похвалился Семенъ,—все, що взявъ за жито й за горохъ, все вже до копійки пропивъ... вже й шабашъ мени и моимъ диткамъ...

Выходя изъ корчмы, Петръ съ Климомъ вытолкали и Семена сперва въ сѣни, а затѣмъ на площадь, усѣянную еще крестьянскими саньми, хотя часть людей уже разъѣхались. Здѣсь они увидѣли Степана, который снималъ у своей лошади мѣшокъ съ шеи и готовился къ отъѣзду.

— Гей, дядьку! окликнулъ его Климъ, почекайте, разомъ поидемо...

Степанъ отличался еще большею злостью и угрюмостью, когда бывалъ пьянъ; вмѣсто всякаго отвѣта онъ только проворчалъ сквозь зубы какое-то проклятіе и потомъ крикнулъ Петру:

— А я таки, шельмо ты, буду повномочникомъ... чуешъ?

— А ты не лайся... бо нема за що... Слава Царю небесному на вики виковъ... отвѣчалъ Петръ.

Семенъ также поплелся къ своимъ санямъ, бормоча про себя:

— Не дала .. шельма видьма... не дала грошей .. щобъ вона сьвита не бачила .. а теперъ вже шабашъ тоби й твоимъ диткамъ...

Трое Джурджевыхъ саней одновременно тронулись отъ корчмы мелкою рысью крестьянскихъ лошадей и, миновавъ мѣстечко, вскорѣ очутились среди занесенныхъ снѣгомъ полей.

Холодно. Морозъ не особенно сильный, не больше десяти градусовъ, но рѣзкій сѣверный вѣтеръ подымаетъ съ земли цѣлыя облака снѣгу. Снѣгъ падаетъ и сверху, мелкій какъ песокъ, но густой и твердый. Мѣсяца не видно за бѣлыми снѣговыми тучами, которыя заволокли все небо, и, хотя ночь не могла быть темною, но все таки плохо видно было сквозь эту снѣжную мглу. Вѣтеръ сбиваетъ его клубьями или подымаетъ въ воздухѣ густыми облаками, а мѣсяцъ, прорывая на секунду бѣлый покровъ неба, проникаетъ атмосферу какою-то матовою ясностію, которая ничего не освѣщаетъ.

Всего шесть верстъ отдѣляло мѣстечко отъ Сухой Долины и дорога на всемъ почти протяженіи была обсажена деревьями, которыя темнѣли въ снѣговомъ туманѣ, какъ-бы блуждающія по полю привидѣнія; но путники узнавали ихъ время отъ времени, подгоняли лошадей и ѣхали дальше. Никто изъ нихъ не спалъ: Петръ, ѣхавшій впереди, набожно вздыхалъ по временамъ, или шепталъ что-то про себя, а Климъ нѣсколько разъ начиналъ свистать; Степанъ угрюмымъ голосомъ понукалъ лошадь; Семенъ, почти лежавшій на саняхъ, сдѣлался необыкновенно крикливымъ и разговорчивымъ. Громкій вѣтеръ заглушалъ его слова, а онъ продолжалъ выкрикивать свое, не обращая вниманія на то, слушаетъ-ли его кто нибудь, или нѣтъ, кому-то грозилъ, кого-то проклиналъ, на кого-то жаловался.

— Отъ и Пригорки! вдругъ крикнулъ Климъ.

Такъ назывался холмъ, поросшій дубовымъ и березовымъ лѣсомъ и отстоящій версты на полторы отъ стараго креста, отъ котораго оставалась уже самая незначительная часть пути до Сухой Долины, по прямой линіи. Отсюда уже не болѣе двухъ верстъ отдѣляло ихъ отъ села, но здѣсь оканчивались деревья, окаймлявшія дорогу, и открывалась гладкая равнина; только возлѣ самаго креста подымалось нѣсколько небольшихъ холмичковъ, теперь занесенныхъ снѣгомъ и совершенно незамѣтныхъ.

Проѣхали Пригорки и снова ничего не видно впереди. Все бѣло вокругъ: и на небѣ, и на землѣ, и въ воздухѣ. Снѣгъ и снѣгъ повсюду, ни дерева, ни верстоваго столба, ни холма, ничего. Климъ потянулъ возжами на лѣво, сани вдругъ погрузились въ снѣгъ.

— Куды ты ѝдешъ? проворчалъ Петръ.

— Добре, татку, такъ треба, возразилъ тотъ и бойко засвисталъ.

Въ дѣйствительности, если бы кто нибудь спросилъ его, за чѣмъ онъ своротилъ влѣво, когда дорога отъ Пригорокъ до Сухой Долины шла ровно, какъ струна, онъ ничего не могъ-бы отвѣтить. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что совсѣмъ и не сворачивалъ въ сторону и въ случаѣ надобности могъ-бы присягнуть въ этомъ.

Остальные двое совсѣмъ не правили своими лошадьми; оба лежали навзничь въ саняхъ. Степанъ угрюмо молчалъ, какъ-бы прислушиваясь къ завываніямъ вѣтра; Семенъ говорилъ и покрикивалъ безъ умолку. По временамъ лошади утопали въ снѣгу и съ трудомъ могли выбраться изъ него, по временамъ бѣжали рысью по гладкой поверхности, иногда слышны были подъ полозьями обнаженныя вѣтромъ борозды. Уже ѣхали по полю, а не по дорогѣ, но никто не обращалъ на это вниманія, пока не мелькнулъ снова передъ глазами тотъ-же холмъ и лѣсъ.

— А тожъ що? зновъ Пригорки? вскричалъ Климъ.

— Ага! по якому-жъ ты ѝдешъ? удивлялся Петръ, вырвалъ возжи изъ рукъ сына и поворотилъ на право, желая исправить его ошибку.

— Не такъ! закричалъ Степанъ изъ своихъ саней.

— Такъ! не бійсь, такъ! отвѣчалъ Петръ и ѣхалъ впередъ, пока лошадь его не загрузла по колѣни въ какой-то ровъ.

— Дивись! изумился онъ, таки зновъ не туды поїхали!

То понукая, то дергая возжами, онъ вскорѣ освободилъ изъ рва свою крѣпкую лошадку и поворотилъ назадъ. Остальные тоже повернули свои сани, такъ что теперь Семенъ очутился впереди; ѣхали, ѣхали, пока Степанъ не крикнулъ со своихъ саней Петру:

— Зновъ Пригорки.

— Пху! згинь, пропади нечиста сило! сплюнулъ Петръ и закричалъ Семену:

— Завертай назадъ!

— На що мени назадъ, коли й такъ добре? возразилъ новый проводникъ.

— Може й добре! або я знаю, заворчалъ Петръ.

Климъ уже трясся и стучалъ зубами.

— Татку, отозвался онъ, здаеться, що зновъ мене та хвороба бере.

Въ дѣйствительности не болѣзнь разбирала его, а просто съ непривычки голова начинала болѣть отъ водки, а вѣтеръ пронизывалъ его холодомъ до самыхъ костей, не смотря на кожухъ. Петръ сплюнулъ, перекрестился и началъ шептать молитву.

— Отче небесный, Царю земный, змилуйся надъ нами грипшными...

— Завертай! завертай, Семене! крикнулъ ему Степанъ; не бачишъ, що надъ ставъ прыихали!

Не смотря на мятель, онъ различилъ очертанія растущихъ на берегу пруда деревьевъ; могучій голосъ его покрылъ шумъ вѣтра и достигъ до слуха Петра, который тотчасъ-же поворотилъ лошадь; тоже сдѣлали и остальные два.

Болѣе часу уже кружились они такимъ образомъ по равнинѣ, на половину безсознательно и ослѣпленные снѣжною мятелью, сворачивая въ разныя стороны, никакъ не могли по-

пасть на дорогу, которую уже много разъ перерѣзывали въ разныхъ мѣстахъ.

— Чортъ пускае туманъ въ вичи! отозвался Петръ.

— Але! подтвердилъ Климъ, весь дрожавшій отъ холода.

— Доведеться чоловикови змерзнути, якъ псу, заворчалъ про себя Степанъ и черезъ минуту прибавилъ:

— Тая видьма вже зовсимъ замучить хлопця, якъ мене не стане... И тяжело вздохнулъ; Семенъ съ своей стороны причиталъ въ своихъ саняхъ:

— Ой гиркая, гиркая доля мени и моимъ диткамъ!

Вдругъ Климъ привсталъ на саняхъ и воскликнулъ въ сильномъ испугѣ:

— Зновъ Пригорки!

Петръ также поднялся и напрягалъ зрѣніе.

— А такъ! Пригорки, подтвердилъ онъ. Чертъ водыть, то вже не инакше... Десь нечистый увъязавсь за нами нынька, туманъ пускае въ вичи, та й водыть...

— На однимъ мисци водыть... замѣтилъ Климъ.

— Але, на еднимъ мисци. Чертъ, не инакше... злизай съ саней...

Онъ всталъ самъ и звалъ сына.

— Будемо дороги шукати...

Оба встали; въ эту минуту подъѣхалъ Степанъ такъ близко, что сани ихъ столкнулись и сцѣпились полозьями.

—Ходимъ шукати дороги! закричалъ Петръ Степану и Семену.

Всѣ четверо, утопая въ снѣгу, едва ступили нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ Климъ воскликнулъ въ испугѣ:

— Дывиться, татку, дывиться!

И указалъ рукою на темную, подвижную тѣнь, которая въ эту минуту показалась изъ-за лѣса Пригорокъ и медленно приближалась къ нимъ въ снѣжномъ туманѣ. Петръ въ ужасѣ перекрестился.

— Во имья Отца и Сына... згинь, пропади нечистая сило!..

Степанъ, самый отважный, сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ.

— Чортъ, чи баба... произнесъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Баба... началъ Семенъ; шельма баба, грошей не дала, видьма ота... я іи якъ матери просивъ... Ого! почекай!

И пустился было впередъ, но черезъ минуту всею быстротою своихъ пьяныхъ ногъ возвращался къ своимъ санямъ, загрузшимъ въ снѣгу; припалъ къ санямъ и запыхавшись, бормоча различныя ругательства, началъ вытаскивать одинъ изъ поперечныхъ шестовъ, образующихъ сидѣніе и прикрытыхъ соломою.

— Вона сама,—бормоталъ онъ, видьма ота... чортова пріятелька.. Ковалиха проклята... грошей не дала, а людей водыть по ночи, щобъ поморозити...

— Вона! зновъ вона! крикнулъ Петръ и тоже началъ вытаскивать шестъ изъ саней.

— Нехай нечиста сила пропаде передъ небесною силою... нехай сила Божа подужае нечисту силу... Погана іи душа... сынка въ мене хотила загубити, а теперъ зновъ у поли заморозити... не диждешъ!..

— Чого вона до нашои родины причепилась? чого ій треба? закричалъ Климъ.—Чи то вже моя молоденька голова пропасти мае черезъ неи?...

Степанъ не проронилъ ни слова и молча вытаскивалъ колъ изъ саней.

Среди окружающаго полумрака нельзя было различить ихъ лица, но громкое, тяжело переводимое дыханіе, угрюмое бормотанье и пьяные возгласы—все это свидѣтельствовало о сильнѣйшемъ разгарѣ страстей, тревоги и мести. Прошла минута, и въ нѣкоторомъ разстояніи отъ трехъ саней затемнѣла среди снѣжной мглы шумная группа людей, раздались страшные крики и вопли; порывы вѣтра то покрывали ихъ своимъ шумомъ и свистомъ, то далеко разносили по полю...

Прошло еще нѣсколько минутъ, сильный порывъ вѣтра прорвалъ на мгновеніе снѣжный туманъ и открылъ дорогу, которая прямо какъ струна тянулась въ пространство, а на этой дорогѣ трое саней, въ которыхъ сидѣло четверо крестьянъ.

Уничтожили орудіе бѣсовской силы и дорогу нашли; ударили по лошадямъ, крикнули на нихъ протяжнымъ голосомъ, сани быстро понеслись по гладкой дорогѣ и скоро исчезли въ густыхъ снѣжныхъ заносахъ. За ними Василина лежала темнымъ неподвижнымъ пятномъ на бѣломъ снѣгу; кольями переломали ей грудь и ребра, молодое лице залили кровью и оставили въ чистомъ полѣ на съѣденіе чернымъ воронамъ.

Заключеніе.

Въ залѣ суда душно отъ огня и тѣсноты. Тяжелое утомленіе отъ поздняго ночнаго времени и длинныхъ рѣчей наполняетъ воздухъ. Плотно закрытыя двери, охраняемыя стражею, наконецъ открываются. Глухой гулъ проносится по залѣ,—это публика подымается со своихъ мѣстъ; встаютъ и подсудимые на своей скамьѣ. Присяжные длиннымъ рядомъ выходятъ послѣ совѣщанія; старшина ихъ съ серьёзнымъ видомъ, полнымъ достоинства громкимъ голосомъ прочитываетъ четыре вопроса, изъ которыхъ каждый относится къ одному изъ подсудимыхъ и долженъ заключаться краткимъ отвѣтомъ: *виновенъ*, *невиновенъ*. Среди глубокой тишины четыре раза въ ярко освѣщенной и наполненной народомъ залѣ громко раздается слово:

— Виновенъ, виновенъ, виновенъ, виновенъ.

Послѣ непродолжительнаго перерыва другой голосъ громко произноситъ приговоръ:

Петръ, Степанъ, Семенъ и Климъ Джурджи приговариваются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія, ссылкѣ въ каторжныя работы на десять лѣтъ и къ пожизненному поселенію въ Сибири.

Голосъ, провозгласившій приговоръ, умолкъ, а осужденные все слушали, слушали. Совершилось! По блѣдному, какъ полотно, лицу Петра одна за другою катились тихія, крупныя слезы, руки медленно подымались и скрестились на груди.

— Господи небесный, Царю земный, буде воля Твоя якъ на небеси и на земли,—произнесъ онъ громко и отчетливо и поднялъ глаза къ небу.

Степанъ и не дрогнулъ, только измятое, сморщенное лице его вспыхнуло густымъ румянцемъ, да черные глаза сверкнули страшнымъ, отчаяннымъ выраженіемъ.

Семенъ остался, какъ былъ, съ обвисшими руками, полуоткрытымъ ртомъ и влажнымъ, безсмысленнымъ взглядомъ. Казалось, все на свѣтѣ было для него чуждымъ и безразличнымъ, онъ по видимому даже не сознавалъ, чѣмъ должна быть отнынѣ его жизнь.

Но за этимъ пьяницею вдругъ поднялись вверхъ двѣ молодыя руки, еще не успѣвшія огрубѣть и почернѣть въ тяжелой работѣ, и конвульсивнымъ движеніемъ впились въ густые льняные волосы. Климъ схватился обѣими руками за голову и громко зарыдалъ.

Потомъ они одинъ за другимъ осужденные начали выходить изъ своей скамьи и медленно, тяжело ступая, поочередно выходили въ низкія двери, открывшіяся передъ ними, за которыми виднѣлась сосѣдняя комната, рѣзко отличавшаяся своею темнотою отъ яркаго освѣщенія залы. Тамъ исчезали они одинъ за другимъ въ темнотѣ изъ потоковъ свѣта, а за ними слѣдомъ скрылись изъ глазъ и два замыкавшіе шествіе вооруженные солдата. Низкія двери закрылись медленно, безъ звука...

ЖИТІЕ СКОВОРОДЫ, ОПИСАННОЕ ДРУГОМЪ ЕГО, М. И. КОВАЛѢНСКИМЪ.

(Предисловіе).

Въ восемнадцатомъ столѣтіи историко-культурное движеніе европейской мысли совершалось въ двухъ направленіяхъ, просвѣтительно-либеральномъ и мистико-охранительномъ. Съ одной стороны созданъ былъ культъ разума и возникло преклоненіе передъ культурными дѣятелями данняго момента при отрицаніи значенія культурныхъ дѣятелей прошлыхъ временъ; съ другой стороны выработалось мнѣніе о всепоглощающемъ значеніи чувства и фантазіи, созданъ былъ культъ сердца, и разумъ отнесенъ въ разрядъ бездѣлицъ. Обнаруживается съ одной стороны сухое разсудочное направленіе, эгоистическое, резонерствующее; съ другой всепоглощающее внутреннее созерцаніе, неопредѣленное, таинственное, мистическое. Первое направленіе выразилось въ вольтеріанствѣ и энциклопедизмѣ, и крайними его представителями можно считать Ламетри, Гольбаха и Гельвеція; второе направленіе выразилось въ масонствѣ, и главными его выразителями можно считать Бэма, Эккартсгаузена, Сенъ-Мартена, за которыми уже слѣдуютъ или чистые сумасброды, въ родѣ Сведенборга, или отъявленные плуты и обманщики, въ родѣ Каліостро. Оба направленія, матеріалистическое, просвѣтительное и мистическое масонское, развиваются въ прямой зависимости одно отъ другаго.

Масонство было такой формой религіозно-нравственной жизни и соціальнаго строенія общества, въ которую въ разное время вкладывалось различное содержаніе, и потому нѣтъ возможности опредѣлить масонство точно и положительно. На выставку ставились всегда цѣли нравственныя и просвѣтительныя; но далеко не всегда дѣйствительное положеніе дѣла отвѣчало руководящимъ идеальнымъ требованіямъ общественнаго или личнаго совершенствованія. Въ

однихъ случаяхъ выдвигались на первый планъ филантропическія цѣли, ясныя и отчетливыя; въ другихъ развивался непроглядный мистицизмъ и темное гешефтмахерство.

Масонство развилось изъ средневѣковыхъ строительныхъ братствъ или корпорацій ремесленниковъ и художниковъ, соединявшихся для построенія церковныхъ зданій. Братства эти состояли преимущественно изъ каменьщиковъ и, по образцу всѣхъ средневѣковыхъ цеховъ, имѣли свой особый уставъ, судъ, печать, ритуалъ. Строительныя братства или ложи свободныхъ каменьщиковъ пришли въ упадокъ въ XVII стол., съ упадкомъ церковной архитектуры. Въ 1717 г. изъ нѣсколькихъ масонскихъ ложъ возникла Великая ложа съ своеобразными стремленіями. Великая ложа составилась изъ людей разныхъ занятій и спеціальностей, и идеальной цѣлью была поставлена не постройка вещественнаго храма, а созданіе въ сердцѣ человѣка нерукотворнаго храма добродѣтели. Такъ возникло масонство, воспринявшее въ себя, во первыхъ, средневѣковый мистицизмъ и символику, во вторыхъ, деистическія и филантропическія идеи XVII и XVIII столѣтій. Вскорѣ оно перешло на европейскій материкъ и здѣсь подверглось значительнымъ измѣненіямъ, раздробившись на множество толковъ или системъ: систему строгаго наблюденія или орденъ тампліеровъ, систему слабаго наблюденія или циннендорфскую (иначе называлась шведской системой), авиньонское братство, эклектическій союзъ, мартинизмъ, розенкрейцерство, иллюминатство. Разница между этими системами была значительная, и въ то время, какъ первыя двѣ системы опирались преимущественно на умѣренномъ мистицизмѣ и филантропіи, послѣдняя система была темной сектой, опиравшейся на обманѣ и плутовствѣ; въ глазахъ умѣренныхъ масоновъ иллюминаты были «злодѣями рода человѣческаго».

Англійское масонство проникло въ Россію въ 1731 г. Первоначально оно существовало въ небольшомъ кружкѣ заѣзжихъ иностранцевъ, но затѣмъ быстро охватило значительное число русскихъ, въ 1760 г. проникло въ Москву, а въ семидесятыхъ годахъ въ разные углы и закоулки Россіи, причемъ проводниками его были большею частью крупные аристократы. Въ Россіи быстро появились всѣ главныя масонскія системы: англійская, или елагинская, шведская, циннендорфская или рейхелевская, розенкрейцерская. Выда-

ющимися дѣятелями масонства въ Россіи были Елагинъ, Рейхель, профес. Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ, Лабзинъ. «Если вы пріймете въ соображеніе, писалъ Фишеръ въ 1806 г. въ «Элевзиніяхъ», свойства нашихъ знатныхъ людей, которые отчасти состоятъ изъ иностранцевъ, отчасти посредствомъ путешествій знакомы съ Европой лучше, чѣмъ съ своей родиной, если вы пріймете въ соображеніе богатство этихъ знатныхъ людей, недостатокъ у нихъ самостоятельнаго образованія, ихъ наклонность, за отсутствіемъ основательныхъ свѣдѣній, подчиняться авторитету, производящему на нихъ впечатлѣніе, то вы до нѣкоторой степени можете объяснить себѣ исторію масонства въ Россіи. Вы догадаетесь также, что у насъ не было ничего собственнаго, что чужое пришло къ намъ черезъ вліятельныхъ людей» (Вѣст. Европы, 1868 г., т. VI, стр. 583).

Не подлежитъ сомнѣнію, что масонство было въ первое время своего появленія въ Россіи явленіемъ чуждымъ русской жизни, случайно занесеннымъ на русскую почву; но прошелъ одинъ, два десятка лѣтъ, и оно получило значеніе серьезнаго фактора въ общественномъ развитіи. Многіе хорошіе русскіе люди сдѣлались масонами, увлекшись филантропической стороной масонства, сдѣлались масонами въ надеждѣ найти въ немъ нравственное удовлетвореніе, по крайней мѣрѣ уйти въ него отъ легкомыслія, формализма и жестокости окружающаго общественнаго строя.

Г. Тихонравовъ такимъ образомъ опредѣляетъ міровоззрѣніе русскихъ масоновъ: [1]) «представимъ себѣ два треугольника, вершины которыхъ совпадаютъ въ одной точкѣ; изъ этой точки, какъ изъ центра опишемъ кругъ, и пусть этотъ кругъ, насколько онъ находится въ треугольникахъ, будетъ означать человѣка. Половина круга находится въ верхнемъ треугольникѣ, другая въ нижнемъ. Верхній треугольникъ означаетъ міръ духовный, міръ свѣта, божества; нижній треугольникъ обозначаетъ міръ матеріальный, міръ тьмы и невѣдѣнія, міръ дьявола. Человѣкъ принадлежитъ и тому и другому; онъ высшее существо матеріальнаго и низшее духовнаго міра. Человѣкъ отъ природы одинаково притягивается и къ свѣту, духовному міру, и къ мраку, міру матеріальному. Было время, когда человѣкъ принадлежалъ только свѣту, только небесному міру; но грѣхъ Адама лишилъ его этого состо-

[1]) „Четыре года изъ жизни Карамзина 1785—1788".—Рус. Вѣст., 1862 г., т. IV, стр. 737.

янія; удалите преграду грѣха; не слушайте обольщеній матеріи, тьмы, и вы возродитесь къ первобытному божественному состоянію человѣка; въ васъ заблещетъ небесный свѣтъ; высшее знаніе будетъ дано вамъ. Для этого человѣку нужно подниматься отъ нижняго треугольника къ верхнему, т. е. отъ грѣховности земной къ свѣту небесному; ему нужно уединиться отъ соблазновъ матеріальнаго міра, углубиться въ самого себя, предаться самопознанію. Внутреннее откровеніе, возвращеніе къ божественному свѣту замѣнитъ для человѣка пустую школьную науку. Торжествующая совѣсть просвѣтитъ разумъ, и ему станетъ все понятно».

Останавливаясь преимущественно на нравственной сторонѣ христіанства, масоны игнорировали его догматическую сторону и вполнѣ равнодушно, а иногда съ пренебреженіемъ относились къ наукѣ и искусству. Изслѣдователи масонства: Ешевскій, Тихонравовъ, Пыпинъ, Лонгиновъ, Пекарскій, признаютъ въ немъ много хорошихъ и много дурныхъ сторонъ; причемъ одни изслѣдователи, напримѣръ, Пекарскій, считаютъ его явленіемъ болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, другіе, напримѣръ, Ешевскій, придаютъ ему значеніе элемента важнаго и благотворнаго въ исторіи русской цивилизаціи. Хорошей стороной русскаго масонства было требованіе религіозной, національной и сословной терпимости, уваженія къ нравственному достоинству личности и взаимной помощи и любви. Слабой его стороной было отреченіе отъ міра, отъ бытовой дѣйствительности и, слѣдовательно, отъ борьбы со зломъ въ общественной жизни, темный мистицизмъ, мрачная символическая обрядность и отрицаніе науки и искусства.

Религіозно-мистическое направленіе духовнаго настроенія русскаго общества во второй половинѣ прошлаго столѣтія отразилось, между прочимъ, и на странствующемъ украинскомъ философѣ того времени, Григоріѣ Савичѣ Сковородѣ. Сковорода не былъ масономъ, но онъ въ значительной степени выросъ и воспитался въ той атмосферѣ, которая питала русское масонство и между нимъ и масонами находятся общія точки соприкосновенія, въ видѣ особеннаго расположенія къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, мистическаго ихъ толкованія, равнодушія къ догматической сторонѣ христіанства, строго-аскетическаго образа жизни и стремленія ученіемъ о нравственности и личною нравственною жизнью поднять нравственный

уровень общества, въ чемъ Сковорода сходился съ лучшими русскими масонами, Новиковымъ, Лопухинымъ и въ особенности съ Гамалѣей. Сходство между нравственнымъ характеромъ и образомъ жизни Сковороды и Гамалѣи настолько значительно, что тутъ можно подозрѣвать вліяніе не только извѣстныхъ общихъ нравственныхъ принциповъ, но и общаго происхожденія Сковороды и Гамалѣи изъ Малороссіи и свойственныхъ имъ обоимъ общихъ національныхъ чертъ малорусскаго народа.

«Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ», говоритъ его біографъ Г. П. Данилевскій. «Видя все безсмысліе окружающей его среды (подразумѣвается кіевскій духовный коллегіумъ), откуда дѣйствительно выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ коллегіи, обошелъ съ палкой и съ сумой за плечами Европу и воротившись на тихую и пустынную родину тѣмъ-же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ въ деревняхъ, у куреней уединенныхъ пасикъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество вслѣдъ за Сковородой стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украйнѣ, которое быстро создало рядъ школъ, гимназій, университетъ и наконецъ вызвало къ жизни украинскую литературу» (Украин. Старина, стр. 3).

Религіозный мистицизмъ окрѣпъ въ Сковородѣ послѣ его путешествія въ Германію. Въ половинѣ XVIII ст. въ Германіи сильно былъ развитъ мистицизмъ и квіетизмъ. Сковорода всегда сохранялъ предпочтеніе къ этой странѣ предъ всѣми прочими, исключая своей родины, Малороссіи.

Родители Сковороды были простолюдины; первоначальное образованіе онъ получилъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ; эти два обстоятельства, въ особенности простонародное происхожденіе Сковороды, представляются весьма важными въ опредѣленіи характера и дѣятельности Сковороды.

Живое чувство природной красоты Малороссіи и любовь къ малорусскому языку были характерными чертами Сковороды и отличались такой прочностью, какая возможна только при условіи

опредѣленныхъ, исключительно малорусскихъ впечатлѣній и привычекъ, частью врожденныхъ, частью выработанныхъ въ дѣтствѣ. Увлеченіе малорусскими природой и языкомъ прорывались въ Сковородѣ чрезъ покрывшій его въ значительной степени школьный схоластицизмъ. Въ стихотвореніяхъ Сковороды обнаруживается вліяніе малорусской народной поэзіи. Въ собраніи сочиненій Сковороды, вышедшемъ въ 1861 г. въ Петербургѣ въ одномъ небольшомъ томикѣ, Сковородѣ приписана пѣсня черноморскихъ козаковъ:

Ой годи намъ журитися, пора перестати,
Дождалися отъ царици за службу заплаты...

Сковорода, нужно думать, только распѣвалъ эту пѣсню и сообщалъ ее другимъ, почему она и прослыла его пѣсnью. Вполнѣ принадлежитъ Сковородѣ извѣстная распространенная въ народѣ пѣня: «Всякому городу нравъ и права». Она вполнѣ отвѣчаетъ его религіозно-нравственному міросозерцанію и обнаруживаетъ особенности его литературнаго стиля. Стихотвореніе «Всякому городу нравъ и права», и независимо отъ его отношенія къ народному понятію о правдѣ и кривдѣ, представляется цѣннымъ по силѣ, выразительности и простотѣ изложенія. «Вотъ уже около ста лѣтъ, говоритъ А. А. Потебня, какъ слѣпцы поютъ пѣсню, которой научилъ ихъ Григорій Савичъ Сковорода, «Всякому городу нравъ и права»; но конечно ни они, ни слушатели не понимаютъ, что разумѣла «Черная Сковорода», пекшая бѣлые блины», подъ припѣвомъ:

А мнѣ одна только въ сердцѣ дума,
А мнѣ одна только не идетъ зъ ума,
Какъ бы умерети не безъ ума.

Можно подумать, что Сковорода былъ мрачный аскетъ, ежеминутно помышлявшій о часѣ смертномъ и этимъ отравлявшій себѣ жизнь; однако это неправда. Сковорода училъ съ Эпикуромъ, Гораціемъ, Сенекою, что

Sera nimis est vita crastina; vive hodie,

т. е., что жить значитъ быть «веселымъ и куражнымъ», а веселіе сердца дается только стремленіемъ къ неуловимой «птицѣ—истинѣ» (Потебня, къ исторіи звуковъ, II. 24). Мысль Сковороды о сущности

счастья яснѣе имъ выражена въ другомъ его стихотвореніи: «Ой ты птичка желтобока», представляющемъ любопытное соединеніе народныхъ поэтическихъ мотивовъ съ личными сковородинскими, такъ что изъ трехъ строфъ, средняя строфа, вторая, представляетъ близкое переложеніе народной пѣсни: «Стоить яворъ надъ водою». Основная мысль стихотворенія выражена въ началѣ первой строфы и затѣмъ въ послѣдней, третьей строфѣ:

Ой ты, птичка желтобока,
Не клади гнѣзда высоко;
Клади на зеленой травкѣ,
На молоденькой муравкѣ.
. . . .
На что же мнѣ замышляти,
Что въ селѣ родила мати?
Нехай у тѣхъ мозокъ рвется,
Кто высоко въ гору дмется,
А я буду себѣ тихо
Коротати малый вѣкъ,
Такъ минетъ мене все лихо,
Счастливъ буду чѣловѣкъ. (Соч. Сков., 24).

Какъ далеко заходила демократичность Сковороды, видно съ одной стороны изъ того, что онъ ходилъ въ сѣрой свитѣ, употреблялъ простую пищу, проживалъ большею частью на пасѣкахъ, говорилъ на простонародномъ языкѣ (Данилев., 34, 35), съ другой стороны изъ его сочиненій, гдѣ между прочимъ встрѣчаются такія разсужденія: «Барская умность, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа?» (Данилевскій, Укр. Стар. 80). Вторая половина XVIII ст. въ исторіи южной Россіи представляется эпохой закрѣпощенія крестьянъ, и Сковорода является живымъ протестомъ противъ развивавшагося крѣпостничества. Любопытнымъ совпаденіемъ представляется слѣдующее обстоятельство: въ то время какъ на югѣ Россіи Сковорода возсталъ противъ наименованія крестьянъ чернымъ народомъ, на сѣверѣ Россіи Новиковъ возсталъ противъ

наименованія простаго народа подлымъ. «Подлый человѣкъ, писалъ Новиковъ, тотъ, который подлыя дѣла дѣлаетъ, хотя бы онъ былъ баронъ, князь или графъ, а не тотъ, который, рожденъ будучи отъ низкостепенныхъ людей, добродѣтелью, можетъ быть, многихъ титлоносныхъ людей превосходитъ» (Трутень, стр. 80). Это были первые проблески литературно-публицистическаго протеста противъ крѣпостничества и приниженія народа, того протеста, который сильнѣе высказывается въ концѣ прошлаго столѣтія въ стихотвореніяхъ Пнина и въ «Путешествіи» Радищева, въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ сочиненіяхъ поэтовъ-декабристовъ и блистательно завершается въ сороковыхъ годахъ повѣстями Григоровича и Тургенева, въ особенности «Записками охотника» Тургенева.

Вліяніе схоластической школы на Сковороду обнаруживается въ языкѣ его сочиненій, формѣ изложенія и даже въ формѣ ихъ заглавій. Общее заглавіе сковородинскихъ стихотвореній «Садъ божественныхъ пѣсней» отзывается школьнымъ направленіемъ и напоминаетъ такія заглавія старинныхъ южнорусскихъ сборниковъ проповѣдей, какъ «Огородокъ Божіей Матери» Радивиловскаго. Нужно впрочемъ оговориться, что заглавія прозаическихъ сочиненій Сковороды, какъ «Начальная дверь ко христіанскому добронравію», «Діалогъ—душа и нетлѣнный духъ», составлены въ духѣ распространявшагося тогда въ Европѣ и Россіи масонства. Подъ вліяніемъ школы, можно думать, въ Сковородѣ окрѣпла наклонность къ странствованіямъ. Въ древнемъ и старинномъ малорусскомъ обществѣ всегда были бродячіе элементы, выражавшіеся въ широкой формѣ казацкихъ передвиженій и появленія козацкихъ отрядовъ на службѣ у московскаго правительства не только въ южныхъ украинныхъ городахъ, Путивлѣ, Воронежѣ, Бобровѣ, но даже въ сибирскихъ украинныхъ городахъ, затѣмъ въ довольно широкой формѣ чумачества, наконецъ въ ограниченной формѣ странствующихъ бурсаковъ и семинаристовъ. Квитка и Гоголь яркими чертами обрисовали странствующихъ семинаристовъ. Семинарское начальство отпускало иногда учениковъ на испрошеніе пособій, или репетицій. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ, въ домахъ помѣщиковъ, иные пробирались на Запорожье. Вольная жизнь въ лѣтнее

время на воздухѣ, на просторѣ полей, въ переходахъ изъ села въ село, вдали отъ сумрачныхъ классныхъ комнатъ и отъ строгихъ внушеній семинарскаго начальства—все это плѣняло воображеніе семинаристовъ и влекло ихъ изъ семинаріи въ село. Разъ выработалась наклонность къ странствованію, не трудно было подыскать для нея теоретическое основаніе и аргументировать ее философскимъ образомъ, и поэтъ-философъ Сковорода подыскалъ философское основаніе для своей страннической жизни: «что жизнь?» спрашиваетъ онъ, и затѣмъ отвѣчаетъ: «то странствіе. Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, за чѣмъ идти. И всегда блуждаю между несчастными степями, колючими кустарниками, горными утесами, а буря надъ головою и негдѣ укрыться отъ нея. Но—бодрствуй!..» (Данилев., стр. 36).

Сковорода скончался въ 1794 г., на 73 году жизни. Вся жизнь его прошла въ учительствѣ и странствованіи: сначала онъ выступаетъ спеціалистомъ учителемъ, то отдѣльныхъ личностей, въ качествѣ домашняго наставника, то преподавателемъ въ харьковскомъ коллегіумѣ, затѣмъ бросаетъ учительское ремесло и обращается въ странствующаго наставника, въ проповѣдника философскихъ началъ жизни разумной и нравственной, обоснованныхъ на священномъ писаніи. За отсутствіемъ другаго, высшаго нравственнаго интереса въ обществѣ (слободско-украинскомъ) того времени, замѣчаетъ Г. П. Данилевскій, за отсутствіемъ науки и литературы въ главномъ городѣ слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ черезъ десять лѣтъ послѣ его смерти, безсмертный подвигъ Василія Назаровича Каразина послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета (стр. 53)... Не тетрадки сочиненій его, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ приходскимъ духовникамъ и друзьямъ его помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали... Лучшее доказательство силы Сковороды то, что безъ него въ извѣстной степени не было-бы долго основано перваго университета на Украинѣ. Дѣло Каразина къ открытію

его въ Харьковѣ кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ 618 тысячъ руб. сер. для основанія его были большею частію незамѣтно подготовлены къ этому: это были все или ученики или короткіе знакомые и друзья Сковороды» (стр. 77).

Съ именемъ Сковороды тѣсно связано имя его друга и біографа М. И. Ковалѣнскаго. Личность Ковалѣнскаго замѣчательна, какъ личность человѣка, получившаго отличное образованіе, начитаннаго, вдумчиваго, и его «Житіе Григорія Савича Сковороды» представляетъ весьма любопытный литературный и бытовой памятникъ второй половины прошлаго столѣтія. «Житіе Сковороды» Ковалѣнскаго давно уже извѣстно людямъ науки. Нѣкоторыя черты изъ него взяты Снѣгиревымъ въ статьѣ о Сковородѣ въ «Отечеств. Запискахъ» 1823 г. и архимандритомъ Гавріиломъ въ «Исторіи русской философіи» 1840 г. Аскоченскій передалъ въ извлеченіи содержаніе рукописи Ковалѣнскаго въ «Кіевск. Губ. Вѣдомостяхъ» 1855 г. Въ трудъ его вкрались значительныя ошибки; такъ, на стран. 279 онъ смѣшиваетъ Ковалѣнскаго съ Ковалевскимъ (Данилев., Укр. Стар., 15). Г. П. Данилевскій, авторъ лучшей въ настоящее время біографіи Сковороды, говоритъ въ началѣ своего изслѣдованія о Сковородѣ: «сообщаемъ жизнеописаніе Сковороды по неизданнымъ до сихъ поръ запискамъ Ковалѣнскаго въ спискѣ, полученномъ нами отъ М. И. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго находилась у Аскоченскаго въ Кіевѣ и передана имъ М. П. Погодину. Все жизнеописаніе Сковороды такимъ образомъ, продолжаетъ далѣе г. Данилевскій, построено нами на подлинномъ разсказѣ и собственными словами Ковалѣнскаго». Сообщенія Ковалѣнскаго г. Данилевскій дополняетъ сообщеніями Срезневскаго, Вернета и Гессъ-де-Кальве и приводитъ въ концѣ статьи нѣсколько писемъ Сковороды и Ковалѣнскаго, характеризующихъ ихъ умственный и нравственный обликъ.

Можно сказать, что все относящееся къ Сковородѣ, извлечено г. Данилевскимъ изъ «Житія» Сковороды», составленнаго Ковалѣнскимъ. Но въ этомъ любопытномъ литературномъ и историко-бытовомъ памятникѣ отразилась просвѣщенная личность самаго Ковалѣнскаго и, что еще болѣе заслуживаетъ вниманія, отразилось воз-

никшее во второй половинѣ XVIII ст. умственное пробужденіе слободско-украинскаго общества и въ особенности проникшія въ тогдашнее слободско-украинское дворянство религіозно-мистическія вліянія, шедшія частью изъ Германіи, частью изъ Петербурга и Москвы. «Житіе Сковороды» читается съ интересомъ, благодаря легкому литературному стилю Ковалѣнскаго, ясности и послѣдовательности изложенія и въ особенности въ силу искренности, задушевности и добродушія, разлитыхъ въ «Житіи» отъ первой и до послѣдней его строки. Видно, что Ковалѣнскій говоритъ отъ сердца, что слова льются изъ души, что все сказанное было предварительно имъ продумано и прочувствовано.

Такой памятникъ заслуживаетъ приведенія его въ извѣстность въ подлинномъ и цѣльномъ его видѣ и мы дѣлаемъ это по рукописи, сообщенной редакціи «Кіевской Старины» г. Добротворскимъ, изъ Курска. По видимому это и есть та рукопись, которою въ свое время пользовался г. Данилевскій. «Житіе» написано на 33 листикахъ синей бумаги, въ 4 д. листа. Первые пять листиковъ значительно попорчены, нижнія части ихъ подгнили и оборваны. Кое-что изъ утеряннаго мы возстановили по тѣмъ выпискамъ изъ «Житія», которыя находятся въ сочиненіи г. Данилевскаго о Сковородѣ.

Н. Сумцовъ.

Житіе Сковороды, Григорія Савича.

Во всемъ существующемъ есть нѣчто главное и всеобщее; въ нечленовыхъ ископаемыхъ земля; въ растительномъ вода; въ животныхъ огонь; въ человѣкѣ разумъ и такъ далѣе.

Каждое бытіе составляетъ особый кругъ или міръ свой, съ различіями, дѣлимостями, раздробленіями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность сихъ круговъ имѣетъ надъ собой и въ себѣ главнѣйшее, всемірное, верховное, единое начало: *вся тѣмъ быша.*

(Далѣе недостаетъ около десяти строкъ).

Сія всеглавнѣйшая, всемірная, невидимая сила, единая, умъ, жизнь, движеніе, существованіе, изливаясь изъ непостижимости въ явленіе, изъ вѣчности во всю обширность времени, изъ единства исключительнаго до безпредѣльной множественности, образуя кругъ человѣ-

чества, удѣляетъ оному отъ главности своей благороднѣйшее преимущество—свободную волю.

На семъ корени, на семъ началѣ основывается власть правительствъ, держава владыкъ, сила царей, любовь родителей, честь мудрыхъ, слава добродѣтельныхъ, память праведныхъ.

Множественность предполагаетъ различіе, неравенство и несовершенство; свободная воля предполагаетъ выборъ, выборъ нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство,—любить оное, искать предпочтительно. Отсюда происходитъ подвигъ исканія; *подвижникъ истины называется мудрый,* дѣло его—добродѣтель.

(Далѣе недостаетъ нѣсколько строкъ).

Поставленный между вѣчностію и временемъ, свѣтомъ и тьмою, истиною и лжею, добромъ и зломъ, имѣющій преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящій то въ исполненіе на самомъ дѣлѣ, во всякомъ мѣстѣ бытія, состояніи, званіи, степени есть мудрый, праведный.

Таковъ есть мужъ, о которомъ здѣсь предлежитъ слово.

Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, кіевскаго намѣстничества, лубенской округи, *въ селѣ Чернухахъ, въ 1722* году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ козакъ, мать такого же рода. Они имѣли состояніе мѣщанское посредственно-достаточное, но честностію, правдивостію, страннопріимствомъ, богопочитаніемъ, миролюбивымъ сосѣдствомъ отличались въ своемъ кругѣ.

Сей сынъ ихъ Григорій, по седьмому году отъ рожденія, примѣтенъ былъ склонностію къ Богопочтенію, дарованіемъ къ музыкѣ, охотою къ наукамъ, твердостію духа. Въ церквѣ ходилъ онъ самоохотно на крилосъ и пѣвалъ отмѣнно пріятно. Любимою (пѣснею его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: «Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы не брегоша безбожнаго велѣнія».

По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ кіевскую академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ [1]) сверстниковъ своихъ успѣхами и похвалами. Митрополитъ кіевской Самуилъ Миславскій, человѣкъ отличной остроты разума и рѣдкихъ способностей къ наукамъ, будучи тогда соученикомъ его, оставался во всемъ ниже его Григорія.

Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Дарованія Сковороды къ музыкѣ и отмѣнно пріятный го-

---

[1]) Отмѣченное скобями здѣсь и далѣе взято изъ „Укр. Старины" Данилевскаго.

лосъ его подали случай быть ему выбранну ко двору въ пѣвческую музыку, куда и отправленъ былъ при вступленіи на престолъ государыни.

Онъ не долго находился тамъ. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда и, при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и снова началъ учиться.

Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, показался ему недостаточнымъ. Онъ возжелалъ видѣть чужіе краи. Скоро представился поводъ къ сему, и онъ воспользовался имъ. Отъ двора отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генералъ-майоръ Вишневскій, который для находившейся тамъ греко-россійской церкви хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію.

Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство.

Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, имѣлъ онъ случай, съ позволенія и съ помощію его, поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопутствуя по охотѣ своей, старался знакомиться найпаче съ людьми учеными и знаніями отлично славимыми тогда. Онъ говорилъ весьма исправно и съ особливою чистотою латинскимъ и нѣмецкимъ языкомъ и довольно разумѣлъ еллинской, по чему и способствовался доставить себѣ знакомство и пріязнь ученыхъ, а съ ними новыя познанія, каковыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ своемъ отечествѣ.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ состояніемъ весьма тѣснымъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма было велико, (потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго. Сковорода, имѣя тогда уже болѣе обширныя познанія) въ наукахъ, нежели каковы тогда были въ училищахъ провинціальныхъ, написалъ разсужденіе о поэзіи и руководство къ искуству оной—образомъ столь новымъ, что епископу показалось страннымъ и несообразнымъ прежнему старинному обычаю. Епископъ приказалъ перемѣнить и преподавать по тогдашнему обыкновенному образу ученія.

Сковорода, увѣренъ будучи въ знаніи своемъ и точности дѣла сего, не согласился оставить написанныя имъ правила для поэзіи, которыя были простѣе и вразумительнѣе для учащихся, да и совсѣмъ новое и точное давали понятіе объ оной. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта образомъ судебнымъ чрезъ консисторію, для чего онъ не выполнилъ повелѣнія. Сковорода отвѣтствовалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ въ томъ, что разсужденіе его о поэзіи и руководство, написанное имъ, есть правильное и основанное на природѣ сего искуства. При томъ въ объясненіи прибавилъ латинскую пословицу: Alia res sceptrum, alia plectrum, т. е. иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное пастушья свирѣль.

(Епископъ на докладѣ консисторіи сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: не живяше по средѣ дому моего творяй гордыню. Вслѣдъ за тѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища). Сей былъ первый опытъ твердости его духа.

Недостатки стѣсняли его крайне, но нелюбостяжательный нравъ его поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ изъ училища жить къ пріятелю своему, который зналъ цѣну достоинствъ его, но не зналъ стѣсненія нуждъ его. Сковорода не смѣлъ просить помощи, а пріятель не вздумалъ спросить его о надобности. И такъ переносилъ онъ нужды скромно, молчаливо, терпѣливо, безропотно, не имѣя тогда, какъ только двѣ худыя рубашки, одинъ камлотной кавтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки. Нужда обработывала въ немъ сердце полезнѣйшее и насѣяла въ немъ сѣмяна терпѣнія такія, которыхъ плодами угобзясь жизнь его, содѣлала его мудрымъ и счастливымъ.

Не въ далекомъ разстояніи имѣлъ жительство малороссійскій знаменитый дворянинъ Стефанъ Тамара, которому потребенъ былъ учитель для сына его. Сковорода одобренъ былъ ему отъ знакомыхъ и приглашенъ имъ въ деревню Каврай, гдѣ и порученъ былъ ему сынъ въ смотрѣніе и науку.

Старикъ Тамара отъ природы имѣлъ великій разумъ и, по службѣ обращаясь съ иноземцами, пріобрѣлъ нарочитыя знанія; однако придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце воспитанника своего и, разсматривая природныя склонности его, помогать только природѣ въ ращеніи направленіемъ легкимъ, нѣжнымъ, нечувствительнымъ, а не безвремянно обременять разумъ его науками, и воспитанникъ привязался къ нему внутреннею любовію.

Цѣлой годъ продолжалось обращеніе его съ сыномъ, но отецъ никогда не удостоивалъ учителя ни однимъ словомъ разговора, хотя всякой день за столомъ онъ съ воспитанникомъ бывалъ у него. Чувствительно было такое униженіе человѣку, имѣвшему въ низкой простотѣ благородное сердце: но Сковорода сносилъ все то и, не смотря на презрѣніе и униженіе себя, исправлялъ должность свою по совѣстной обязанности.

Договоръ былъ сдѣланъ на годъ, и онъ хотѣлъ сдержать слово свое.

Но въ одно время, разговаривая съ воспитанникомъ своимъ и видя любовь его къ себѣ, а по сему обращаясь съ нимъ откровенно и просто, спросилъ его, какъ онъ мыслитъ о томъ, что говорили. Воспитанникъ на тотъ случай отвѣчалъ не прилично. Сковорода возразилъ ему, что онъ мыслитъ о семъ, какъ свиная голова. Служители тотчасъ отнесли госпожѣ, а (барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все таки учителя, но уступая женѣ, отказалъ) ему отъ дому и должности; и при отпускѣ его, въ первый разъ заговоря съ нимъ, сказалъ ему: прости государь мой! мнѣ жаль тебя!

Тогда уже судьба начинала пріуготовлять сердце его къ несправедливостямъ людскимъ которыя имѣлъ онъ испытать въ продолженіи жизни. Сковорода остался безъ мѣста, безъ пропитанія, безъ одежды, но не безъ надежды.

Убогъ, скуденъ, нуждаясь крайне, пріѣхалъ онъ къ пріятелю своему, одному сотнику переяславскому, человѣку добродушному и страннолюбивому. Тутъ нечаянно представился ему случай ѣхать въ Москву съ Калиграфомъ, отправлявшимся въ московскую академію проповѣдникомъ, съ которымъ онъ какъ пріятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Троицкую Сергіеву лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывшій послѣ епископомъ черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ лаврѣ для пользы училища: но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла.

Духъ его отдалялъ его отъ всякихъ привязанностей и почитая его пришельцомъ, присельникомъ, странникомъ, выдѣлывалъ въ немъ сердце гражданина всемірнаго, который, не имѣя родства, стяжаній, угла, гдѣ главу преклонити, сторицею больше вкушаетъ удовольствій простыхъ, невинныхъ, беззаботныхъ, истинныхъ, почерпаемыхъ умомъ чистымъ и духомъ несмущеннымъ въ сокровищахъ Вѣчнаго.

Не успѣлъ пріѣхать Сковорода въ Переяславль, какъ разумный Тамара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его, что-бъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Тамары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго.

Старикъ Тамара не былъ уже тотъ гербовой вельможа, но ласковый дворянинъ, который хотѣлъ цѣнить людей по внутреннему достоинству ихъ. Онъ обласкалъ его дружески, просилъ быть сыну его другомъ и руководствовать его въ наукахъ. Любовь и откровенное его обхожденіе сильнѣе всего дѣйствовали всегда надъ Сковородою. Онъ остался у Тамары, съ сердечнымъ желаніемъ быть полезнымъ, безъ договора, безъ условій.

Уединеніе руководствуетъ къ размышленіямъ. Сковорода, поселясь въ деревнѣ, подчиня докуку нуждъ необходимыхъ попеченію любимаго и возлюбившаго его господина, обезпеча себя искренностію его, предался любомудрію и исканію истины. Часто въ свободные часы отъ должности своей удалялся въ поля, рощи, сады, для размышленія. Рано по утру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы собесѣдниками глумленій его. Лѣта, дарованія и силы душевныя, склонности природныя, нужды житейскія звали его попеременно къ принятію какого либо состоянія жизни. Суетность и многозаботливость свѣтская представлялась ему моремъ, обуреваемымъ безпрестанно волнами житейскими и никогда пловущаго къ пристани душевнаго спокойствія не доставляющимъ. Въ монашествѣ, только удалившемся отъ начала своего, увидѣлъ онъ мрачное гнѣздо спершихся страстей, за неимѣніемъ исхода себѣ, задушающихъ бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не пріятствовало безпечному его нраву.

Не рѣша себя ни на какое состояніе, положилъ онъ твердо на сердцѣ своемъ снабдить свою жизнь воздержаніемъ, малодовольствомъ, цѣломудріемъ, смиреніемъ, трудолюбіемъ, терпѣніемъ, благодушествомъ, простотою нравовъ, чистосердечіемъ, оставить всѣ искательства суетныя, всѣ попеченія любостяжанія, всѣ трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспѣшно къ союзу мудрости.

Душа человѣческая, повергаясь въ состояніе низшихъ себя степеней, погружаясь въ звѣрскіе страсти, предаваясь чувству, собственному скотамъ, принимаетъ на себя свойства и качества ихъ: злобу, ярость, несытность, зависть, хитрость, гордость и проч., возвышаясь же подвигомъ добрыя воли выше скотскихъ увлеченій, звѣрскихъ побужденій и безсловесныхъ стремленій, исходитъ на высоту чистоты

умовъ, которыхъ стихія есть свѣтъ, разумъ, миръ, гармонія, любовь, блаженство, и отъ оныхъ заимствуетъ нѣкоторый духъ величественности, вѣдѣнія и разумѣнія высшаго, пространнѣйшаго, далечайшаго, яснѣйшаго, и превосходнѣйшей святости въ чувствіяхъ, которыми преисполняясь внутренно [1]), являетъ въ воображеніи бытія человѣческаго иногда одобрительно, иногда наказательно, увѣщательно, предварительно и указательно.

Сковорода видѣлъ опытъ сего порядка и силы природы въ себѣ самомъ и описываетъ сіе въ оставшихся по немъ запискахъ своихъ тако:

«Въ полночь ноября 24 числа 1758 года, въ селѣ Каврай, казалось во снѣ, будто я разсматриваю различныя охоты житья человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскія чертоги, наряды, музыки, плясанія, гдѣ любящіися то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ покой, снимали маски, садились на богатыя постели и пр. Оттуда повела меня сила къ простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особеннымъ образомъ и порядкомъ производились. Люди шли по улицѣ съ склянницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, какъ обыкновенно въ черномъ нарогѣ бываетъ; такъ же и любовныя дѣла сродньмъ себѣ образомъ происходили у нихъ. Тутъ поставя въ одинъ рядъ мужескъ, а въ другой женскъ полъ, разсматривали, кто хорошъ, кто на кого похожъ и кому достоинъ быть парою. Отсюда вшелъ я въ постоялые домы, гдѣ лошади, упряжъ, сѣно, расплаты, споры и прочее слышалъ. Наконецъ сила ввела меня въ храмъ нѣкій обширный и прекрасный: тутъ яко-бы въ день сошествія Святаго Духа служилъ я литургію съ діакономъ, и помню, что возглашалъ сіе громко: „яко святъ еси Боже нашъ" и прочее до конца. При семъ по обоимъ хорамъ пѣто было протяжно: „Святый Боже"... Самъ же, я съ діакономъ предъ престоломъ до земли кланяясь, чувствовалъ внутренно сладчайшее удовольствіе, котораго изобразить не могу. Однако и тутъ человѣческими пороками

---

[1]) Сократу часто снился одинъ сонъ: оный казался ему въ различныхъ видахъ, но всегда приказывалъ одно: „Сократъ, прилагайся къ музыкѣ и упражняйся въ оной".

Сократъ такъ толковалъ сонъ свой: какъ совершеннѣйшая музыка есть философія, то наиболѣе прилежи къ оной.

Критонъ, другъ Сократовъ, пришелъ объявить ему, что завтра, по приговору суда, долженъ онъ умереть. Сократъ сказалъ ему: такъ и быть сему, но не завтра, мнѣ снился сонъ въ сіе же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась мнѣ въ длинныхъ бѣлыхъ ризахъ и, назвавъ меня по имени, говорила: „чрезъ три дни прибудешь ты въ плодоносную твою Пиѳію", что и сбылось.

осквернено. Сребролюбіе съ кошелькомъ таскается и самого священника не минуя, почти вырываетъ въ складку. Отъ мясныхъ обѣдовъ, которые въ союзныхъ почти храму комнатахъ отправляемы были и въ которыя изъ олтаря многія двери находились, во время литургіи духъ проникалъ до самой святой трапезы. Тутъ я видѣлъ слѣдующее ужасное позорище. Какъ нѣкоторымъ не доставало къ ястію птичьихъ и звѣриныхъ мясъ; то они одѣтаго въ черную ризу человѣка, имѣвшаго голыя колѣна и убогія сандалія, убитаго въ рукахъ держа, при огнѣ, колѣна и икры жарили и мясо съ потекающимъ жиромъ отрѣзывая и отгрызывая жрали, и сіе дѣлали акибы нѣкіе служители. Я не стерпя смрада и свирѣпства сего, отвратилъ очи и вышелъ. Сей сонъ не меньше усладилъ меня, какъ и устрашилъ" [1]).

Я пишу жизнь человѣка сего въ христіянскомъ вѣкѣ, странѣ, народѣ и исповѣданіи. Да прочтутъ книгу христіанства, святое писаніе и увидятъ, что человѣку толико же сродно быть прозорливцемъ, во плоти ангеломъ, богочеловѣкомъ, какъ и звѣремъ, бѣсомъ, идоломъ: не разумливый да не разумѣваетъ!

Сковорода началъ чувствовать вкусъ къ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечальномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ растройки съ самимъ собою. Лжемудрствующее самолюбіе, сія преукрашенная дщерь свѣтскаго разума, не могла обьять сердца его,—величественное свойство мыслящаго бытія: волю углубилъ онъ со всѣмъ умствованіемъ и ея желаніями въ ничтожность свою; повергъ себя въ волю Творца, предавшись всецѣло жизни и любви Божіей, дабы промыслъ его располагалъ имъ, яко орудіемъ своимъ, аможе хощетъ и якоже хощетъ

Когда человѣкъ исходитъ изъ круга самомнѣнія, самопроизволенія, самолюбія своего, почитая все то землею пустою, непроходною и безводною, тогда Духъ святый занимаетъ всѣ чувствія его и возстановляетъ царствіе Божіе, т. е. возжигаетъ въ немъ способности жизненные огнемъ любви своея. Тогда высокое познаніе и разумѣніе, по мѣрѣ расположенія внутренняго и внѣшняго, возникаетъ изъ средоточія всѣхъ вещей, аки тончайшій, проницательнѣйшій огнь, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ, и поглощается бездною свѣта. Въ такомъ состояніи чувствіе человѣка взираетъ на духъ Вседержителя съ

---

[1]) Тацитъ, политикъ, философъ глубокомысленный, писатель, описывая обстоятельство Цецины съ Армоніусомъ, не пропустилъ упомянуть видѣннаго Цециною сна. Читай Тацита лѣтопись, глава 1, 65 артик. о Германикусѣ, гл. II, 14 артик.

радостію и поклоненіемъ и симъ-то образомъ смиренное самоотверженіе человѣческое можетъ созерцать то, что есть въ вѣчности и во времени, ибо все, что близъ его, все, что окрестъ его, все въ немъ есть.

Григорій, исполняясь чувствами истинъ, изображалъ то перомъ въ сочиненіяхъ простыхъ, но сильныхъ. Между прочими написалъ онъ стихи: „Оставь, о духъ мой вскорѣ!“... Старикъ Тамара, прочтя оныя и узнавъ отъ него, что то была забава его, сказалъ ему: „другъ мой!— Богъ благословилъ тебя дарованіемъ духа и слова“.

Все время бытности его у Тамары проходило въ обученіи сына его словеснымъ наукамъ и языку, а себя благочестію и самодовольству.

Наконецъ молодому воспитаннику его надлежало поступить въ другой курсъ упражненій, пристойныхъ по свѣту и по роду, а Сковородѣ судьба предъуготовила званіе изъ-далѣче.

Въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миктевичъ, мужъ исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія; сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискуству и по старой пріязни игуменъ Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ пригласилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь. Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ чрезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и по волѣ Іоасафа принялъ должность учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ 1759 года.

Отличный образъ его мыслей, ученія, жизни, скоро обратилъ къ нему вниманіе всего общества тамошняго. Онъ одѣвался пристойно, но просто; пищу имѣлъ состоящую изъ зелій, плодовъ и молочныхъ приправъ, употреблялъ оную въ вечеру по захожденіи солнца; мяса и рыбы не вкушалъ не по суевѣрію, но по внутреннему своему расположенію; для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ предъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести.

Годъ протекъ и онъ, окончa срочное время, пріѣхалъ къ Іоасафу для препровожденія обыкновеннаго въ училищахъ времени отдохнове-

нія. Епископъ, желая удержать его болѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію, какъ пріятелю его, уговаривать его, чтобы принялъ онъ монашеское состояніе, обѣщевая довести его скоро до сана высокаго духовенства. Гервасій началъ совѣтывать Сковородѣ, предлагая желаніе архіерея, благовидность пользъ его, предстоящую ему въ семъ поприщѣ честь, славу, почтеніе и, по его мнѣнію, счастливую жизнь.

Не таковы долженствовали быть предложены побужденія для сердца Сковороды. Онъ, выслушавъ сіе, возревновалъ по истинѣ и сказалъ Гервасію: „развѣ вы хотите, чтобы и я умножалъ число фарисеевъ? Ѣште жирно, пейте сладко, одѣвайтесь мягко и монашествуйте! а Сковорода полагаетъ монашество въ жизни нестяжательной, малодовольствѣ, воздержности, въ лишеніи всего ненужнаго, дабы пріобрѣсть всенужнѣйшее, въ отверженіи всѣхъ прихотей, дабы сохранить себя самаго въ цѣлости, въ обузданіи самолюбія, дабы удобнѣе выполнить заповѣдь любви къ ближнему, въ исканіи славы Божіей, а не славы человѣческой". Гервасій, убѣждалъ его милостію архіерея, дружбою своею, пользою церкви: но Сковорода, твердъ духомъ и правилами, возразилъ ему въ отвѣтъ: „благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушаніе мое къ вамъ при семъ случаѣ". Гервасій, зная недостатки его и думая, что онъ, нуждаясь содержаніемъ и знакомствомъ въ чужой сторонѣ, долженъ будетъ согласиться на предложеніе его, оказалъ ему остуду. Григорій, примѣтя сіе, рѣшился скоро. На третій же день, дождавшись въ передней выхода его, подошелъ сказать ему всемиреннѣйше: „прошу вашего высокопреподобія на путь мнѣ благословенія". Гервасій, не глядя на него, благословилъ его съ досадою; а Сковорода съ миромъ отошелъ и тотчасъ отправился къ новому пріятелю своему въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода.

Старица было мѣсто изобильное лѣсами, водотечами, удоліями, благопріятствующими глубокому уединенію. Сковорода, поселясь тамо, паче всего прилежалъ къ познанію себя и упражнялся въ сочиненіяхъ относительныхъ къ сему. Въ лишеніяхъ своихъ призывая въ помощь вѣру, не полагалъ оной въ наружныхъ обрядахъ однихъ; но во умерщвленіи само-произволенія духа, т. е. побужденій отъ себя, отъ самолюбія происходящихъ, въ заключеніи всѣхъ желаній своихъ, предая себя въ волю всеблагаго и всемогущаго Творца по всѣмъ предпріятіямъ, намѣреніямъ и дѣламъ.

Онъ единственно занимался повелѣвать чувству своему и поучать сердце свое не дерзать господствовать надъ порядкомъ промысла Божія, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отецъ Гервасій донесъ епископу объ отзывѣ Сковороды на предложенія его и объ отбытіи его. Добродушный Іоасафъ не подосадовалъ, но только пожалѣлъ объ немъ. Между тѣмъ Григорій продолжалъ пустынножительство въ Старицѣ.

Нигдѣ столько не обозрѣваетъ себя человѣкъ, какъ въ уединеніи; и не напрасно сказано древнимъ мудрецомъ: уединенный долженъ быть или царь, или звѣрь. Преобороть скуку, проклятое изчадіе недовольства, занять умъ и сердце упражненіями достаточными, ублажать ихъ, есть дѣло не инаго [1]), какъ мудраго, обладающаго собою, царя уединеннаго, священника Божія, понимающаго вездѣ сущее и все исполненіе Духа Господня и поклоняющагося ему духомъ.

Сковорода, провождая тамо дни свои въ бодрости духа, веселости, безпечаліи, благонадежности, часто говаривалъ при посѣщающихъ его: «о свобода, о науки»!

Слухъ о необыкновенной жизни его и назидательномъ собесѣдованіи привлекъ многихъ искателей знакомства его. Онъ, посѣщая нѣкоторыхъ по деревнямъ, вздумалъ навѣстить Харьковъ. Нѣкто изъ познакомившихся съ нимъ и сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, что-бъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ.

Сковорода пріѣхалъ въ Харьковъ, жилъ у знакомыхъ своихъ нѣсколько уже недѣль. Въ одно время пришедши посѣтить училище и видя тутъ нѣкоторыхъ незнакомыхъ ему, спросилъ: не находится ли тутъ такой то племянникъ, NN? Молодой тотъ человѣкъ случился на сіе время быть тамъ, и незнакомые Сковородѣ сказали, что онъ самый тотъ есть. Сковорода, смотря на него, возлюбилъ его и возлюбилъ до самой смерти. Послѣ увидѣлъ сей молодой человѣкъ, что случай таковый былъ устроенъ для него перстомъ Божіимъ издалече.

Добрый пастырь Іоасафъ, не теряя изъ виду Сковороды, желалъ всячески привлечь его паки въ Харьковское училище, извлечь изъ дарованій его пользу, которую онъ чувствовалъ во всей цѣнѣ ея. Зная, что онъ не любитъ принужденности, пригласилъ его дружески и предложилъ ему должность учителя, какую хочетъ. Довольно было убѣдить

---

[1]) Надобно имѣть глубокое основаніе разума, или совсѣмъ онаго лишену быть, чтобъ содержать себя долгое время въ уединеніи, снесть себя, ужиться самому съ собою, смотрѣть на себя спокойнымъ духомъ, быть довольну сердцемъ своимъ; не искать себя внѣ себя—есть дѣло великое и ключь истиннаго счастія.

Сковороду, что-бъ дать только ему на выборъ дѣло, то или другое. Онъ, имѣя въ виду пользу намѣреваемую для молодаго новаго друга своего, котораго въ сердцѣ почиталъ уже таковымъ, какъ послѣ самъ о семъ изъяснялся, радъ былъ призыву епископа; и взялъ предложеніе его всеохотно съ тѣмъ, что-бъ преподавать ему классъ, ниже прежняго, синтактическій. Сверхъ того взялся обучать еллинскому языку.

Прибывъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ и вступя въ должность, нашелъ онъ любимаго своего молодаго человѣка, который однако не зналъ и не смѣлъ мыслить, что-бъ могъ быть достойнымъ дружбы его, хотя любилъ и удивлялся философской жизни его и внутренно почиталъ его.

Григорій часто началъ посѣщать его и, по склонности молодаго человѣка, занимать его музыкою и чтеніемъ книгъ, служившихъ поводомъ къ разговорамъ и правоученію, онъ же, открывъ въ молодомъ человѣкѣ сердце, каковаго желалъ, и способности природныя, каковыя любилъ, обратилъ вниманіе свое на удобреніе разума его и духа.

Молодой сей человѣкъ, будучи воспитываемъ до сего полуучеными и школьными учителями, частію монахами, въ рукахъ коихъ тогда святилища наукъ находились, которые и положили ему въ голову мнѣнія о вещахъ странныя, часто слыша отъ Сковороды противное тому и не могши согласить въ понятіи своемъ новыхъ правилъ съ старыми, видя же на самомъ дѣлѣ жизнь его добродѣтельную, цѣломудрую, примѣрную, сомнѣвался самъ въ себѣ, сожалѣлъ душевно, что такой добродѣтельный мужъ имѣлъ несогласныя съ учеными мнѣнія и правила, особливо же до правоученія и духовныхъ знаній относительныя, а по сему и въ заблужденіяхъ находился.

Всѣ книгочіе наставники его, да и весь свѣтъ словомъ и дѣломъ внушали ему, что счастіе человѣческое состоитъ въ томъ, что-бъ имѣть всего много, во что одѣваться и въ утѣхахъ праздно веселиться. Сковорда одинъ началъ говорить ему: что-бъ быть истинно счастливымъ то все оное не нужно; что ограниченіе желаній, отверженіе излишествъ, обузданіе прихотствующей воли, трудолюбіе, исправленіе должности, въ которую промыслъ Божій поставилъ кого, не за страхъ, но за совѣсть суть пути къ счастію. Сковорода говорилъ сіе и жилъ тако.

Велемудрые учили его, что добродѣтель гражданская одна есть ничто предъ верховнымъ существомъ, что Маркъ Аврелій, Титъ, Сократъ, Платонъ и прочіе, славные въ древности великими дѣлами и сердцемъ люди, должны быть несчастливы, потому что не имѣли историческаго знанія о вещахъ, случившихся послѣ ихъ. Сковорода утверждалъ, что во всѣхъ оныхъ мужахъ дѣйствовалъ духъ вышній; а по сему и недо-

стойны они осужденія, но почтенія и подраженія въ любви къ истинѣ. И есть ли Богъ есть истинно, то они были вѣрные служители его.

Философы, учившіе молодаго человѣка, толковали ему, что къ такому, напримѣръ, жизни состоянію больше и особенно привязано благословеніе Божіе, а къ иному меньше, или же и проклятіе, что вѣденіе таинствъ и выполненіе обрядовъ тайноводства есть совершенство и высокость человѣка. Сковорода училъ, что всѣ состоянія суть добры и что Богъ, раздѣляя члены общества, ни какого не обидѣлъ; проклятіе же налагаетъ Онъ точію на сыновъ противленія, которые, не внявъ себѣ и не послѣдуя званію природы, вступаютъ въ состояніе по страстямъ, по обманчивымъ видамъ, по прихотямъ. И понеже не испытали они въ себѣ склонности врожденной, то и предалъ ихъ верховный Раздаятель дарованій въ неискусенъ умъ, да творятъ неподобная и будутъ прокляты, т. е. несчастливы. Сковорода училъ, что совершенство человѣка состоитъ въ дѣланіи истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительны къ слову, а царствіе Божіе есть въ силѣ, т. е. въ дѣлѣ.

Молодой человѣкъ, напоенъ будучи изъ млада предувѣреніями, слушая Сковороду, возчувствовалъ въ себѣ возбужденную борьбу мыслей и не зналъ, чѣмъ рѣшить оную. Прочіе жители его внушали ему отвращеніе къ Сковородѣ, запрещали имѣть знакомство съ нимъ, слушать разговора его и даже видѣться съ нимъ. Онъ любилъ сердце его, но дичился разума его; почиталъ жизнь, но не вмѣщалъ въ умъ разсужденій его; уважалъ добродѣтели, но устранялся мнѣній его; видѣлъ чистоту нравовъ, но не узналъ истины разума его; желалъ быть другомъ, но не ученикомъ его. Трудно изгладить первыя впечатлѣнія.

Сковорода продолжалъ преподавать синтаксисъ и еллинскій языкъ общественно; а любимаго своего молодаго человѣка обучалъ особенно греческому языку и чтенію древнихъ книгъ, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ слѣдующіе писатели: Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіанъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ исповѣдникъ, а изъ новыхъ относительные къ симъ; глава же всѣмъ Библія. Сила, содержаніе и конецъ учебнаго ихъ упражненія было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни.

Предпринявъ перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлѣній истины, писывалъ онъ къ нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его къ отвѣтствованію хотя кратко на оныя, пріучить его мыслить, разсуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предразсудки, возбуждаемые различіемъ мнѣній, не позволяли сумнѣніямъ въ юношѣ изкорениться. Странное произшествіе истребило

ихъ до основанія, и сіе такъ описано въ поденныхъ запискахъ сего молодаго человѣка.

1763 года, будучи я занятъ размышленіями о правилахъ, внушаемыхъ мнѣ Сковородою и находя въ умѣ моемъ оныя несогласными съ образомъ мыслей прочихъ, желалъ сердечно, чтобъ кто либо просвѣтилъ меня въ истинѣ. Въ такомъ расположеніи находясь и поставя себя въ возможную чистоту сердца, видѣлъ я слѣдующій сонъ [1]).

Казалось, что на небѣ, отъ одного края до другаго, по всему пространству онаго, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо голубаго цвѣта, и золотыя слова оныя казались не столько снаружи блестящими, но больше внутрь сіяли прозрачно свѣтомъ, и не совокупно написаны по лицу небеснаго пространства, но складами, по слогамъ и содержали слѣдующее и точно такимъ образомъ: па—мять свя—тыхъ муче—ни—ковъ Ана—ні—я, Аза—рі—я, Ми—са—и—ла. Изъ сихъ золотыхъ словъ сыпались огненныя искры, подобно, какъ въ кузницѣ изъ раздуваемыхъ сильно мѣхами угольевъ, и падали стремительно на Григорія Сковороду. Онъ стоялъ на земли, поднявъ вверхъ прямо правую руку и лѣвую ногу, въ видѣ проповѣдывающаго Іоанна Крестителя, котораго живописцы нѣкоторые въ изображеніяхъ представляютъ въ такомъ расположеніи тѣла и каковымъ Сковорода тутъ же мнѣ вообразился. Я стоялъ близъ его, нѣкоторыя искры изъ падающихъ на него, отскакивая, упадали на меня и производили во мнѣ нѣкую легкость, развязность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрѣяніе и неизъяснимое удовольствіе духа. Я въ исполненіи сладчайшаго чувствованія проснулся.

По утру, вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе странное почтенному и добродѣтельному старику, троицкому священнику Бор:, у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ, подумавши, сказалъ мнѣ съ умиленіемъ: «Ахъ молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа: онъ поставленъ вамъ отъ Бога быть ангеломъ руководителемъ и наставникомъ». Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія, и съ сего времени я въ продолженіи писанія сего буду называть его другомъ по превосходству [2]).

Представившіяся въ велелѣпномъ видѣ, написанныя на небеси имена трехъ отроковъ были тѣхъ самыхъ, которія изображены въ томъ любимомъ Сковородою Дамаскиновомъ стихѣ, который пѣвалъ онъ

---

[1]) Зри книгу Филона о снахъ и къ Коринѳ. 2 посланіе, гл. 12; Іова гл. 33, ст. 15—16.

[2]) Сей самый писатель жизни.

при всякомъ случаѣ въ молодости своей, по нѣкоему махинальному побужденію, какъ о семъ упомянуто въ началѣ сего. Ни Сковорода о любимомъ семъ стихѣ, ни другъ его о видѣнномъ имъ никогда другъ другу не разсказывали и не знали. По прошествіи тридцати одного года, за два мѣсяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга своего въ деревнѣ и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянулъ и о томъ стихѣ Дамаскиновомъ, что онъ всегда почти имѣлъ въ устахъ его и, самъ не зная по чему, любилъ его паче прочихъ пѣній. Другъ, сіе слыша тогда и приведя на память видѣнное имъ во снѣ за тридесять одинъ годъ назадъ, въ молчаніи удивлялся гармоніи чудесной, которая въ различныя лѣта, въ разныхъ мѣстахъ, то одному въ уста, что другому послѣ въ воображеніе полагала, въ возбужденіе сердецъ ихъ къ выполненію и явленію разума и силы исторіи оной на самомъ дѣлѣ, въ жизни ихъ. Впрочемъ другъ его никогда ему о семъ видѣнномъ не говорилъ и послѣ.

Ежели, по духовному разуму исторіи, образъ златый на полѣ Деирѣ служимый, есть міръ сей, поле Деирово—время, пещь огненная—плоть наша, разжигаемая желаніями, похотѣніями, суестрастіями, пламенями жгучими духъ нашъ; если тріе отроцы, не послужившіе твари и небрегшіе поклонитися идолу златому, суть тріе главнѣйшія способности человѣческія: умъ, воля и дѣяніе, не покоряющіяся духу міра сего, во злѣ лежащаго, и не вреждены огнемъ любострастныя плоти, но прохлаждаясь свыше Духомъ святымъ, пѣснословно изображаютъ Дѣву Богоматерь, дѣвственное сердце, непорочность души человѣческой; то огонь, падающій изобильными струями на Григорія Сковороду изъ златовидныхъ именъ, написанныхъ на небеси, трехъ отроковъ израильскихъ, есть тайно - образовательное свидѣтельство почивающаго на немъ Духа Божія.

Другъ его началъ давать мѣсто въ мысляхъ и въ сердцѣ своемъ мнѣніямъ и правиламъ его и нечувствительно увидѣлъ себя на пути свѣтломъ чистаго ума и несмущеннаго духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатися не въ книгахъ однѣхъ, но паче въ самомъ себѣ, откуда всѣ книги родятся, часто въ собесѣдованіяхъ съ нимъ раздѣлялъ человѣка на двое: на внутренняго и внѣшняго, называя одного вѣчнымъ, а другаго временнымъ, того небеснымъ, сего земнымъ, того духовнымъ, сего душевнымъ, онаго творческимъ, сего тварнымъ. По сему раздѣленію, въ одномъ и томъ же человѣкѣ усматривалъ онъ два ума, двѣ воли, два закона, двѣ жизни. Перваго, по божественному роду его, именовалъ онъ царемъ, господиномъ, началомъ; другаго же, по земному бытію его, ра-

бомъ, орудіемъ, подножіемъ, тварью; и какъ первому, по преимуществу его, надлежало управлять, начальствовать, господствовать, другой же долженствовалъ повиноваться, служить, послѣдовать волѣ онаго: то въ надлежащее соблюденіе порядка сего святѣйшія природы пріучалъ онъ себя во всѣхъ дѣяніяхъ жизни придерживаться тайнаго гласа внутренняго, невидимаго и неизмѣняемаго мановенія духа, которое есть гласъ воли Божіей и которое люди чувствуя въ тайнѣ и послѣдуя движенію его, ублажаются, не повинуясь же побудителю сему и не памятуя онаго, окаеваются. Онъ, испытавъ на самомъ дѣлѣ святость тайнаго руководительства сего, возбуждалъ вниманіе въ другѣ своемъ и въ прочихъ къ сему святилищу внутренніи силы Божія и часто приглашалъ прислушиваться изреченіямъ сего прорицалилища нетлѣннаго духа, котораго гласъ раздается въ сердцахъ непорочныхъ, яко друга, въ развращенныхъ, яко судіи, въ непокоривыхъ, яко мстителя. Онъ называлъ его тѣмъ первобытнымъ закономъ человѣковъ, о которомъ говоритъ св. писаніе: *Нетлѣнный духъ твой есть во всѣхъ: тѣмъ же заблуждающихъ по малу обличаеши, и въ нихъ же согрѣшаютъ, воспоминая, учиши, да, премѣнившеся отъ злобы, вѣруютъ въ тя Господа* [1])! Онъ утверждалъ, что сей былъ тотъ самый [2]) геній, которому послѣдуя во всемъ добродушный Сократъ, яко наставнику своему, достигъ степени мудраго, т. е. счастливаго.

Онъ говорилъ съ сильнымъ убѣжденіемъ истины: „посмотри на человѣка и узнай его! Кому подобенъ истинный человѣкъ, Господь сый во плоти? Подобенъ доброму и полному колосу пшеничному. Разсуди же: не стебель съ вѣтвями есть колосъ, не солома его, не плева, не наружная кожица, одѣвающая зерно, и не тѣло зерна: но колосъ есть самая сила, образующая стебель, солому, тѣло зерна и проч., въ которой силѣ все оное заключается невидимо. Она производитъ все то въ явленіе весною, когда вся внѣшность на зернѣ согнила, дабы не причтено было плододѣйство мертвой землѣ, т. е. гніющей внѣшности, но вся бы слава отдана была невидимому Богу, тайною своею десницею вся дѣйствующему, дабы онъ единъ былъ во всемъ глава, вся же внѣшность прочая—пята. Отъ колоса поступи къ человѣку. Въ колосѣ видѣлъ ты со-

---

[1]) Премудр. Солом., гл. 12.

[2]) Древніе подъ названіемъ генія разумѣли то, что мы называемъ ангеломъ хранителемъ. Сократъ называлъ сего генія демономъ. Слово *демонъ* есть еллинское и значитъ разумѣвающій. Геній и демонъ есть разумная внутренняя сила человѣка. Нѣкоторые чрезъ генія разумѣютъ изощреное чувствованіе добра и зла, другіе сильное нравственное чувство. Зри о геніи Сократовомъ Плутарха особое сочиненіе.

лому, плеву, кожицу: но не тамо Богъ. Гдѣ же?—Въ невидимой силѣ растительной: Господь Богъ произрастилъ намъ колосъ невидимою силою Посмотри же на тѣлесность человѣка: не тамо сила Божія! она въ невидимости его закрылась. Подними же отъ земныя плоти мысли твои и уразумѣй человѣка въ себѣ, отъ Бога рожденна, не сотворенна, въ послѣднее житія время! Сила растительная зерна, глава тѣла всего есть тайная дѣйствительность невидимаго Бога: познай въ себѣ силу разумную, глаголъ Божій, слово вѣчное, десницу Божію, законъ, власть, царство, невидимость, образъ Отца небеснаго. Раскрой сердце твое для принятія вѣры и для обнятія того человѣка, который отцу своему небесному вмѣсто силы его и вмѣсто десницы его есть во вѣки вѣковъ. Сіе сѣмя твое, зерно твое, есть пространнѣе небесъ и земныхъ круговъ; видимое сіе небо и земля сія въ немъ сокрываются, и тебя-ли сіе сѣмя сохранить не возможетъ? Ахъ, буди увѣренъ, что и самый нечувствительный власъ головы твоея, потерявши наличность въ немъ свою, въ немъ безъ всякаго вреда закроется, сохранится, ублажится! О сѣмя благословенное, человѣкъ истинный, Божій! Вся видимость есть подножіе его. Самъ онъ въ себѣ носитъ царство, онебеся всякаго просвѣщаемаго имъ и восполня своимъ всеисполненіемъ, возсѣдъ на мѣсто десницы (одесную) Отца небеснаго во вѣки.

Симъ немногимъ извѣстнымъ правиломъ водясь онъ, принималъ на себя должности, располагалъ упражненія свои и забавы, перемѣнялъ нечаянно мѣстопребыванія, дѣлалъ знакомства, вступалъ въ пріязни, принималъ въ дружбу свою и не прежде рѣшался дѣлать что либо зависящее отъ единственнаго выбора воли его, какъ посовѣтуя со внутреннимъ духомъ, котораго онъ называлъ иногда Минервою. Ибо какъ Минерва, по баснословію, рождена изъ мозга Юпитерова, такъ духъ нашъ происходитъ отъ Бога.

Какъ Богъ даетъ дарованія духа не въ одну мѣру, но различно, по различію отраслей всецѣлаго, то людей, вступающихъ въ состояніе жизни не по врожденной способности, называлъ Сковорода людьми безъ Минервы. Такъ часто, видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна богослова, роскошнаго монаха и проч., съ досадою говорилъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе царствующей въ вѣкѣ его Екатерины, находившееся у друга его въ гостиномъ покоѣ, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!

Онъ мыслилъ, что счастіе человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ узнавъ собственную въ себѣ способность, по оной употребить себя въ жизни. Такъ многіе богословы были бы, можетъ быть, лучшими стряп

чими по дѣламъ, многіе ученые разнощиками, многіе судьи пахарями, военачальники пастухами, монахи цѣловальниками и проч.

Отсюда, заключалъ онъ, произходитъ, что одно и тоже самое состояніе жизни одного ублажаетъ, а другаго окаянствуетъ; одного царскій вѣнецъ преукрашаетъ благословеніемъ, славою, безсмертіемъ, а другаго низвергаетъ во тьму кромѣшную съ проклятіемъ имени его; одного богословіе дѣлаетъ свѣтильникомъ міра, обладателемъ надъ сердцами, славнымъ безъ славы, почтеннымъ безъ почестей, а другаго обманщикомъ, лицемѣромъ, лжецомъ, хвастуномъ, высокомудрствующимъ; одного ученіе возвысило до небесъ, а другаго низвело до ада, одному судейство доставило имя благодѣтеля, а другому разбойника; одному начальство въ похвалу и честь, а другому въ хулу и поношеніе, одного монашество освятило, а другаго очернило и погубило во вѣки.

Такое правдивое, но для многихъ колкое изъясненіе, скоро навлекло ему брань. Ложь и порокъ вооружили на него орудія свои въ лицахъ многихъ. Но рука Господня была съ нимъ, и онъ превозмогалъ ею всѣ навѣты глупыхъ и злыхъ человѣковъ.

Занимаясь много другомъ своимъ, возводя умъ выше обыкновенныхъ познаній, навѣдывался онъ искоренить въ немъ предубѣжденія, напечатлѣнныя отъ невѣждъ и бабіихъ басней. Примѣтя, что страхъ смерти и боязнь мертвыхъ обладали мучительно воображеніемъ его, предлагалъ онъ ему важныя чтенія, разрѣшающія сіе ужасное мнѣніе; бесѣдовалъ часто о началѣ и разснащеніи существъ каждаго въ свое основаніе, говоря, что [1]) вѣнцу подобенъ вѣкъ: начало и конецъ въ единой точкѣ заключаются. Отъ зерна колосъ въ зерно возвращается, отъ сѣмени въ сѣмя яблонь закрывается, земля въ путь земли идетъ и духъ къ духу. Какое, такъ разсуждалъ онъ, есть основаніе первоначальное тварей?—Ничто. Воля вѣчная, возжелавъ облещи совершенства свои въ явленіе видимости, изъ ничего произвела все то, что существуетъ мысленно и тѣлесно. Сіи желанія воли вѣчной одѣлись въ мысленности, мысленности въ виды, виды въ вещественные образы. Назначено поприще или кругъ каждому существу, по образу вѣчнаго, явить силы свои, т. е. изліяніе невидимаго во времянной свидимости и паки вступить въ свое начало, т. е. въ свое ничто. Край первый и край послѣдній есть едино, и сіе едино есть Богъ. Всѣ твари, вся

---

[1]) Читай о семъ книгу подъ названіемъ: „О началѣ, употребленіи излоупотребленіи разума и вѣры“, 328 страница.—Мысли Сковороды о семъ предлогѣ точно таковы, каковы въ ономъ сочиненіи на упомянутой страницѣ изображены.

природа суть пріятелище, риза, орудіе: все сіе обветшаетъ, свіется, измѣнится; единъ духъ Божій, исполняющій вселенную, пребываетъ во вѣки. Бого-человѣкъ нашъ, говорилъ онъ, есть вѣнецъ нашъ: не умираемъ, но измѣняемся отъ смерти въ животъ, отъ тлѣнія въ нетлѣніе. Умираютъ и умерли уже, имъ же Богъ чрево ихъ и слава въ студѣ ихъ. Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ. Аще убо и нынѣ часъ есть; то почто на утріе, на тысящу лѣтъ, на нѣсколько вѣковъ и кругообращеній планетъ откладываемъ жизнь, смерть, воскресеніе, судъ, гласъ сына Божія? Нося уже въ себѣ огнь неугасаемый мучительныхъ желаній и чувствій и червь неусыпаемый угрызеній совѣсти, можемъ ли сказать, что мы еще не осуждены, что гласъ Сына Божія не слышится въ насъ еще, что труба Божія не низвела еще къ намъ судію страшнаго, праведнаго, судящаго, якоже слышитъ онъ сердце наше?

Не довольствуясь бесѣдою о семъ, приглашалъ онъ друга своего въ лѣтнее время прогуливаться поздно вечеромъ за городъ и нечувствительно доводилъ его до кладбища городскаго. Тутъ, ходя въ полночь между могилъ и видимыхъ на песчаномъ мѣстѣ отъ вѣтра разрытыхъ гробовъ, разговаривалъ о безразсудной страшливости людской, возбуждаемой въ воображеніи ихъ отъ усопшихъ тѣлъ. Иногда пѣлъ тамъ что либо приличное благодушеству, иногда же, удалясь въ близъ лежащую рощу, игралъ на флейтраверсѣ, оставя друга молодаго между гробовъ одного, яко бы для того. чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку. Сей, непримѣтно освобождаясь отъ пустыхъ впечатлѣній, мечтательныхъ страховъ, въ спокойствіи сердечномъ внутренно возсылалъ благодареніе Промыслу Божію за ниспосланіе ему мудраго друга и наставника.

Въ 1764 году другъ его вознамѣрился поѣхать въ Кіевъ для любопытства. Сковорода рѣшился сопутствовать ему, куда и отправились они въ августѣ мѣсяцѣ.

По пріѣздѣ туда, при обозрѣваніи древностей тамошнихъ, Сковорода былъ ему истолкователемъ исторіи мѣста, нравовъ и древнихъ обычаевъ и побудителемъ къ подражанію духовнаго благочестія почивающихъ тамо усопшихъ святыхъ, но не жизни живаго монашества.

Многіе изъ учениковъ его бывшихъ, изъ знакомыхъ, изъ родственниковъ, будучи тогда монахами въ печерской лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: полно кругомъ бродить по свѣту! пора пристать къ гавани: намъ извѣстны твои таланты, святая лавра приметъ тя, аки свое чадо, ты будешъ столбъ церкви и украшеніе обители.—Ахъ, пре-

подобные! возразилъ онъ въ горячности: я столботворенія умножать собою не хочу, довольно и васъ столбовъ неотесанныхъ во храмѣ Божіемъ.

За симъ привѣтствіемъ старцы замолчали, а Сковорода, смотря на нихъ, продолжалъ: риза! риза! коль не многихъ ты опреподобила! коль многихъ окаянствовала! Міръ ловитъ людей разными сѣтями, накрывая оныя богатствами, честьми, славою, друзьями, знакомствами, покровительствомъ, выгодами, утѣхами и святынею: но всѣхъ несчастнѣе есть послѣдняя. Блаженъ, кто святость сердца, т. е. счастіе свое не сокрылъ въ ризѣ, но въ волѣ Господней!

Монахи перемѣнялись въ лицѣ, слушая сіе; но звонъ позвалъ ихъ, и они поспѣшили на молитву. Одинъ изъ нихъ просилъ Сковороду съ другомъ его на завтрѣ прогулятся за монастырь. Согласясь, пошли всѣ трое и сѣли на горѣ надъ Днѣпромъ. Отецъ Калистратъ (такъ назывался онъ), обнявъ тутъ Сковороду, сказалъ: о мудрый мужъ! я и самъ такъ мыслю, какъ ты вчера говорилъ предъ нашею братіею; но не смѣлъ никогда слѣдовать мыслямъ моимъ. Я чувствую, что я не рожденъ къ сему черному наряду и введенъ въ оной однимъ видомъ благочестія, и мучу жизнь мою: могу ли я?.. Сковорода отвѣтствовалъ: отъ человѣкъ не возможно, отъ Бога же вся возможна суть.

По прошествіи нѣсколькихъ дней надлежало другу его возвращатся во свояси. Сковорода, будучи упрошенъ родственникомъ своимъ, соборнымъ печерскимъ типографомъ Іустиномъ, остался въ Кіевѣ.

Не прошло двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Кіева паки въ Харьковъ. Украину предпочиталъ онъ Малороссіи за воздухъ и воды. Рѣки почти всѣ цвѣтутъ въ Малороссіи, отъ чего и воздухъ имѣетъ гнилость. Онъ обыкновенно называлъ Малороссію матерью потому, что родился тамъ, а Украину теткою по жительству его въ оной и по любви его къ ней.

Въ Харьковѣ былъ губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ не имѣвшій учебнаго воспитанія, но одаренъ природнымъ здравымъ разумомъ, любитель наукъ, талантовъ, музыки, въ которой и самъ онъ былъ весьма искусенъ и знающъ. Наслышась о Сковородѣ, призвалъ его къ себѣ и, поговоря съ нимъ, сказалъ ему:

— Честной человѣкъ! для чего не возмешь ты себѣ никакого извѣстнаго состоянія?

— Милостивый государь! отвѣтствовалъ Сковорода: свѣтъ подобенъ театру: чтобъ представить на театрѣ игру съ успѣхомъ и похвалою, то берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо на театрѣ не по знатности роли, но за удачность игры вообще похваляется. Я долго разсуждалъ о семъ и по многомъ испытаніи себя увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ

низкаго, простаго, безпечнаго, уединительнаго: я сію ролю выбралъ, взялъ и доволенъ.

Губернаторъ, посмотря на него съ удовольствіемъ, полюбилъ его и сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ умный человѣкъ! онъ прямо счастливъ: было меньше бы на свѣтѣ дурачествъ и неудовольствій, ежели бы люди такъ мыслили.

— Но, другъ мой! продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга, можетъ быть, ты имѣешъ способности къ другимъ состояніямъ въ общежитіи полезнымъ, да привычка, мнѣнія, предувѣреніе....

— Если бы я почувствовалъ сего дня, прервалъ рѣчь Сковорода, что могу безъ робости рубить турокъ, то съ сего же дня привязалъ бы я гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. Трудъ при врожденной склонности пріятенъ. Песъ бережетъ стадо день и ночь по врожденной любви и терзаетъ волка по врожденной склонности, не смотря на то, что и самъ подвергается опасности быть растерзанъ отъ хищниковъ. Ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ сего, понеже не имѣютъ природы къ тому. Склонность, охота, удовольствіе, природа, сила Божія, Богъ есть тоже. Есть склонности, есть природы злыя и сіи суть явленіе гнѣва Божія. Человѣкъ есть орудіе, свободно и вольно подчиняющее себя дѣйствію или любви Божіей, т. е. живота, или гнѣва Божія, т. е. суда, добра или зла, свѣта или тьмы. Сіе напечатлѣно ощутительно на кругообращеніи дня и ночи, лѣта и зимы, жизни и смерти, вѣчности и времени. Богъ есть Богъ живота или любви (Еванг. Іоанна, гл. 3), и Богъ суда или гнѣва. Всѣ твари суть грубые служебные органы свойствъ сихъ верховнаго существа: одинъ человѣкъ есть благороднѣйшее орудіе Его, имѣющее преимущество свободы и полную волю избранія, а потому и цѣну и отчетъ за употребленіе права сего въ себѣ держащее. Отсюда естественно происходитъ понятіе о правосудіи, милосердіи и благости въ Творцѣ, а когда въ Творцѣ, то и въ тваряхъ, найпаче же приближенныхъ къ нему даромъ разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состоянія, отсюда родители, цари, начальники, воины, судіи, господіе, рабы; но единъ Богъ во всѣхъ и вся въ немъ.

Щербининъ въ сладость послушалъ его и убѣждалъ его ходить къ нему чаще. Сковорода, держась приличія того лица, которое избралъ онъ представлять на театрѣ жизни, всегда удалялся знатныхъ особъ, великихъ обществъ и чиновныхъ знакомствъ, любилъ быть въ маломъ кругѣ непринужденнаго обращенія съ людьми откровенными, предпочиталъ чистосердечное обхожденіе паче всякихъ ласкательныхъ пріемовъ, въ собраніяхъ запи-

малъ всегда послѣднее мѣсто, ниже всѣхъ и не охотно входилъ въ бесѣду съ незнакомыми, кромѣ простолюдиновъ.

Любимое, но не главное упражненіе его была музыка, которою онъ занимался для забавы и препровождалъ праздное время. Онъ сочинилъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, такъ же и стихи, пѣваемые во время литургіи, которыхъ музыка преисполнена гармоніи простой, но важной, проницающей, плѣняющей, умиляющей. Онъ имѣлъ особую склонность и вкусъ къ акроматическому роду музыки. Сверхъ церковной, онъ сочинилъ многія пѣсни въ стихахъ и самъ игралъ на скрипкѣ, флейтраверсѣ, бандорѣ и гусляхъ пріятно и со вкусомъ.

Въ 1766 году, по повелѣнію благополучно царствующей Екатерины II, къ харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство признало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласили его. Онъ охотнѣйше принялъ сіе предложеніе и не захотѣлъ брать определеннаго за классъ сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствіе, которое находитъ онъ быть въ семъ случаѣ полезнымъ по склонности своей, замѣняетъ ему всякую мзду. По сему поводу написалъ онъ въ то время сочиненіе, извѣстное подъ симъ именемъ: „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи“.

Сочиненіе сіе содержало въ себѣ простыя истины, краткія правила, коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почитаніи онаго, то епископъ бѣлградскій, бывшій тогда епархіальнымъ, почитая такое разсужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ; требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашелъ нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ, и образъ ученія не соотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣть оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, продолжалъ онъ въ отвѣтъ,

государя разумѣетъ и почитаетъ пастухъ свиной и цаловальникъ, какъ министръ его, военноначальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣть о Богѣ, какія въ монастырьскихъ уставахъ и школьныхъ типикахъ?—По семъ отвѣтѣ все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духомъ, удалился въ глубокое уединеніе. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое Гужвинское, принадлежащее помѣщикамъ Земборскимъ, которыхъ любилъ онъ за добродущіе ихъ. Оное покрыто угрюмымъ лѣсомъ, въ срединѣ котораго находился пчельникъ съ одною хижиною. Тутъ поселился Григорій, укрываясь отъ молвы житейской и злословій.

Предавшись на свободѣ размышленіямъ и оградя спокойствіе духа безмолвіемъ, безстрастіемъ, безсуетностію, написалъ онъ тутъ первое сочиненіе свое въ образъ книги, названное имъ *Наркизъ*, или о томъ: *познай себя*. Прежнія его, до того писанныя, малыя сочиненія были только отрывочныя въ стихахъ и прозѣ.

Продолжая тамъ же свое пустынножительктво, написалъ онъ другое сочиненіе, подъ именемъ: *Книга Асханъ*, о познаніи себя самого, которое приписалъ другу своему.

Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи вредить ему злословіемъ, употребило другое орудіе, клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода охуждаетъ употребленіе мясъ и вина и самъ чуждается оныхъ. А какъ извѣстно, что такое ученіе есть ересь Манихейская, проклята отъ всѣхъ соборовъ; то законословы и дали ему прилагательное имя Манихейскаго ученика; сверхъ того доказывали, что онъ называетъ вредными, сами по себѣ, золото, серебро, драгоцѣнныя вещи, одежды и проч. Какъ же Богъ ничего вреднаго не сотворилъ, а всѣ тѣ вещи имъ созданы; то и заключили, что онъ богохульникъ.

При томъ поелику Сковорода удаляется отъ людей, чуждается обществъ, бѣгаетъ состоянія въ общежитіи, скрывается въ лѣса; то и выводили естественнымъ послѣдстіемъ, что онъ не имѣетъ любви къ ближнему, а потому и называли его мизантропомъ, т. е. человѣконенавистникомъ.

Сковорода, узнавши о семъ и не желая. что-бъ добрыя и простодушныя сердца соблазнились о немъ сими разглашеніями клеветы, явился въ городъ и, нашедъ въ одномъ собраніи приличный случай къ обиясненію правилъ своихъ, говорилъ тако: [1]) было время и теперь бываетъ, что для внутренней моей экономіи воздерживаюсь я отъ мясъ,

---

[1]) Сіе самое объясненіе описываетъ онъ въ письмѣ къ нѣкоторому другу своему.

и вина. Но потому ли лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ, когда велитъ поудержаться отъ употребленія онаго тому, у котораго вредный жаръ вступилъ въ глаза? Все благосотворено отъ всещедраго Творца, но не все всѣмъ всегда бываетъ полезно. Правда, что я совѣтовалъ нѣкоторымъ, дабы они осторожно поступали съ виномъ и мясомъ, а иногда и совсѣмъ отъ того отводилъ ихъ, разсуждая горячую молодость ихъ. Но когда отецъ у младолѣтняго сына вырываетъ изъ рукъ ножъ и не даетъ ему употребленія оружейнаго пороху, самъ однако же пользуясь оными; то не ясно ли видно, что сынъ еще не можетъ владѣть правильно тѣми вещами и обращать ихъ въ пользу, ради которой онѣ изобрѣтены Вотъ почему приняли меня за Манихейскаго ученика. Не ложно то, что всякой родъ пищи и питія есть полезенъ и бодръ; но надлежитъ брать въ разсужденіе время, мѣсто, мѣру, особу. Не бѣдственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крѣпкой водки, или не смѣшно ли работавшему въ потѣ лица весь день на стужѣ дровосѣку подать стаканъ молока въ подкрѣпленіе силъ его? Какъ же несправедливо почли меня за Манихея, такъ и недостойно за человѣконенавистника и ругателя даровъ Божіихъ.

Когда Богъ опредѣлилъ мнѣ въ низкомъ лицѣ быть на театрѣ свѣта сего, то должно уже мнѣ и въ народѣ, въ одѣяніи, въ поступкахъ и въ обращеніи со степенными людьми наблюдать благопристойность, уваженіе, и всегда помнить мою ничтожность предъ ними. Сіе самъ я стараясь сохранить, и прочимъ совѣтывалъ дѣлать такожде, отъ чего и попалъ я въ оклеветаніе. Оглагольники мои, если бы приписывали мнѣ обыкновенныя слабости или пороки, то сносно было-бы мнѣ; но сіи языковредныя, представляя меня развращающимъ нравы, дѣлаютъ меня еще душегубительнымъ, т. е. еретикомъ, и подъ симъ видомъ запрещаютъ, отговариваютъ, отсовѣтываютъ вступать со мною въ знакомство, въ бесѣду, въ обращеніе. Я говаривалъ молодымъ совѣтывать съ своею природою, что-бъ они на позорищѣ жизни могли сохранить благопристойность, приличную искуснымъ дѣйствующимъ лицамъ; а если кто взялъ ролю, не совсѣмъ сродную ему; то старался бы, какъ можно, удачнѣе оную представить и поступать безъ соблазновъ, дабы хотя нѣсколько жалобы между людьми и роптанія предъ Богомъ на состоянія свои уменьшились.

Слушавшіе тутъ другъ на друга взглядывали и никто ни слова не сказалъ ему на сіе. Сковорода, поклонясь всѣмъ, отправился тогда-же въ уединеніе.

Въ изюмской округѣ харьковской губерніи имѣли жительство дворяне Сошальскіе, которыхъ братъ меньшой просилъ тутъ же Сковороду

пожить у него, предлагая ему спокойное пребываніе въ деревнѣ его. гдѣ все по вкусу и охотѣ своей онъ могъ найти, какъ и самого хозяина, ищущаго любви его. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его Гусинку, полюбилъ мѣсто и хозяевъ и поселился не въ далекомъ разстояніи отъ деревни, въ пасѣкѣ ихъ. Тишина, безмятежіе, свобода возбудили въ немъ всѣ чувствія тѣхъ драгоцѣнныхъ удовольствій, которыя опытомъ извѣстны однимъ мудрымъ и цѣломудрымъ. Мнози глаголютъ: (такъ писалъ онъ къ другу своему) что дѣлаетъ въ жизни Сковорода? чѣмъ забавляется? Азъ же во Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ! Радованіе есть цвѣтъ человѣческія жизни, продолжалъ онъ, есть главная точка всѣхъ подвиговъ; всѣ дѣла коеяждо жизни сюда текутъ. Суть нѣкіе, аки безъ главной точки живущіе, безъ цѣли, безъ пристани пловущіе. Но о развращенныхъ я не говорю: свое всякому радованіе мило, азъ же поглумлюся, позабавлюся въ заповѣдехъ Вѣчнаго. Все исходитъ въ скуку и омерзѣніе, кромѣ сея забавы, и пути ея пути вѣчны.

Между симъ кругъ жизни друга его доходилъ до той точки, на которой означается двупутіе Геркулесово. Онъ вознамѣрился ѣхать въ столицу для службы: въ 1769 году отправился туда и прибылъ въ ноябрѣ.

Свѣтъ представился ему во всей великости своихъ прелестей. Потопъ мыслей покрылъ разумъ его и бездна желаній отверзлась предъ сердцемъ его. Но пріучась отъ наставника своего Сковороды относиться во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ къ мановенію внутренняго духа, силою его пробудился отъ постельного удивленія, и три года проживя въ столицѣ, всегда хранилъ подъ державою его, соблюлъ душевное спокойствіе Блаженъ, аще бы не уклонно во всѣ текущія лѣта послѣдовалъ сему великаго совѣта ангелу!

Въ 1770 году Сковорода, согласясь съ Сошальскимъ, поѣхали въ Кіевъ. Родственникъ его Іустинъ былъ начальникомъ китаевской пустыни, что подлѣ Кіева. Сковорода поселился у него въ монастырѣ и три мѣсяца провелъ тутъ съ удовольствіемъ. Но вдругъ примѣтилъ въ себѣ [1]) внутреннее движеніе духа непонятное, побуждающее его ѣхать изъ Кіева. Слѣдуя сему, по своему обыкновенію, проситъ онъ Іустина

---

[1]) Душа мужа возвѣщати болѣе обыче, нежели седмь блюстители высоцѣ сѣдящіе на стражѣ.—Сирахъ гл. 37, ст. 18.—Ксенофонтъ и Платонъ описываютъ различныя произшествія, гдѣ Сократовъ духъ предсказывалъ такія вещи, которыхъ не можно истолковать изъ обыкновенныхъ извѣстныхъ естественныхъ силъ души.

чтобъ его отпустилъ онъ въ Харьковъ. Сей уговариваетъ его остаться Григорій непреклонно настоитъ, чтобъ отправить его. Іустинъ заклинаетъ всею святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположеніе Іустина къ отпуску его, пошелъ въ Кіевъ къ пріятелямъ попросить, чтобъ отправили его въ Украину: тѣ удерживаютъ его, онъ отговаривается, что ему духъ настоятельно велитъ удалиться изъ Кіева. Между симъ пошелъ онъ на Подолъ, нижній городъ въ Кіевѣ. Пришелъ на гору, откуда сходятъ на Подолъ; вдругъ остановясь, почувствовалъ онъ обоняніемъ такой сильной запахъ мертвыхъ труповъ, что перенесть не могъ и тотчасъ поворотился домой. Духъ убѣдительнѣе погналъ его изъ города, и онъ съ неудовольствіемъ отца Іустина, но съ благоволеніемъ духа отправился въ путь на другой же день.

Пріѣхавъ чрезъ двѣ недѣли въ Актырку городъ, остановился онъ въ монастырѣ у пріятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное мѣстоположеніе и пріязнь добродушнаго монаха сего успокоили его. Тутъ вдругъ получили извѣстіе, что въ Кіевѣ оказалась моровая язва, о которой въ бытность его и не слышно было, и что городъ запертъ уже.

Сердце его дотолѣ почитало Бога, аки рабъ; оттолѣ возлюбило его, аки другъ. И о семъ онъ разсказывалъ другу своему тако:

Имѣя разженныя мысли и чувствіе души моей благоговѣніемъ и благодарностію къ Богу, ставъ рано, пошелъ я въ садъ прогуливаться. Первое ощущеніе, которое осязалъ я сердцемъ моимъ, была нѣкая развязность, легкость, свобода, бодрость, надежда съ исполненіемъ. Введя въ сіе расположеніе духа всю волю и всѣ желанія мои, почувствовалъ я внутрь себя чрезвычайное движеніе, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изліяніе нѣкое сладчайшее наполнило душу мою, отъ котораго вся внутренняя возгорѣлась огнемъ, и казалось, что въ жилахъ моихъ пламенное теченіе кругообращалось. Я началъ не ходить, а бѣгать, аки бы носимъ нѣкіимъ восхищеніемъ, не чувствуя въ себѣ ни рукъ, ни ногъ, но будто-бы весь я состоялъ изъ огненнаго состава, носимаго въ пространствѣ кругобытія. Весь міръ изчезъ предо мною; одно чувствіе любви, благонадежности, спокойствія, вѣчности оживляло существованіе мое. Слезы полились изъ очей моихъ ручьями и разлили нѣкую умиленную гармонію во весь составъ мой. Я проникъ въ себя, ощутилъ аки сыновнее любви увѣреніе, и съ того часа посвятилъ себя на сыновнее повиновеніе духу Божію.

По прошествіи двадцати четырехъ лѣтъ пересказывалъ онъ сіе другу своему съ особеннымъ чувствованіемъ, давая знать, коль близъ насъ есть Богъ, колико промышляетъ о насъ, хранитъ насъ, якоже ко-

кошъ птенцы своя подъ крылѣ своя собравъ, аще мы точно не удаляемся отъ него во мрачныя желанія воли нашей растлѣнной.

Поживя нѣсколько у отца Венедикта, отправился онъ паки въ Гусинку къ Сошальскимъ, гдѣ и занимался упражненіями сочиненій.

Въ 1772 году въ февралѣ мѣсяцѣ другъ его поѣхалъ въ чужіе краи и, бывъ во Франціи въ разныхъ городахъ, прибылъ въ 1773 году въ Швейцарію, въ городъ Лозанъ.

Между многими умными и учеными людьми, каковыхъ въ Лозанѣ нашелъ онъ, находился тамъ нѣкто Даніилъ Мейнгардъ, человѣкъ отмѣннаго разума природнаго, имѣвши даръ слова, ученость рѣдкую, обширныя познанія, благонравіе философское. Онъ столь похожъ былъ чертами лица, обращеніемъ, образомъ мыслей, даромъ слова на Сковороду, что можно бы почесть его ближайшимъ родственникомъ его. Другъ Сковороды познакомился съ нимъ, и они другъ друга столько полюбили, что Мейнгардъ, имѣя у себя подлѣ Лозаны прекрасный загородный домъ, садъ и величайшую библіотеку, просилъ его располагать онымъ всѣмъ въ свое удовольствіе, и сей пользовался всегда, какъ и многими свѣденіями отъ него.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ и увидясь съ Сковородою въ 1775 году, расказалъ ему другъ его ту удивительную встрѣчу, по которой онъ нашелъ въ Лозанѣ похожаго человѣка на него чертами лица, свойствами, образомъ мыслей и дружбою къ нему. Сковорода возлюбилъ его заочно, и съ того времени началъ подписывать на письмахъ и сочиненіяхъ своихъ имя свое тако: Григорій варъ (евр: сынъ) Сава Сковорода, Даніилъ Мейнгардъ.

И добрая и худая слава распространилась о немъ во всей Украинѣ, Малороссіи и далѣе. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть, за одну странность и необыкновенный образъ жизни его, не многіе же знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно.

По разнымъ обстоятельствамъ живалъ онъ у многихъ: иногда мѣстоположеніе по вкусу его, иногда же люди по Минервѣ его привлекали его проживать нѣкоторое время; непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ, почитая себя пришельцомъ на земли во всемъ разумѣ слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежскаго помѣщика, жилъ у него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе «Икона Алкивіадская», которое и приписалъ ему въ память признательности своей къ дому сему. Потомъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ у Захаржевскаго, ради пріятныхъ положеній природы, жительствовалъ у Щербинина въ Бабаяхъ, въ Иован-

вкѣ у Ковалевскаго. у друга своего въ Хотетовѣ, въ монастыряхъ старохарьковскомъ, харьковскомъ училищномъ, ахтырскомъ, сумскомъ, святогорскомъ, сенянскомъ и пр. по нѣскольку времяни. Иногда жилъ у кого либо изъ сихъ и у другихъ, совершенно не любя ихъ пороковъ, но для того только, дабы чрезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, разсуждая, нечувствительно привлечь ихъ въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ, въ отвращеніе отъ зла и примѣромъ жизни заставить любить добродѣтель.

Впрочемъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ онъ, избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ безъ услуги.

Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его; новый тамошній начальникъ, услыша объ немъ, желалъ видѣть его. Сковорода пришелъ къ нему по приглашенію его. Губернаторъ, увидя его въ первой разъ и посмотря на него пристально, спросилъ его: г. Сковорода! о чемъ учитъ Библія?—О человѣческомъ сердцѣ, отвѣтствовалъ онъ: поваренныя ваши книги учатъ, какъ удовольствовать желудокъ, псовыя, какъ звѣрей давить, модныя, какъ наряжаться; Библія учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце.

Нѣкто изъ ученыхъ спросилъ его тутъ же: что есть философія?—Главная цѣль жизни человѣческой, отвѣчалъ Сковорода: глава дѣлъ человѣческихъ есть духъ его, мысли, сердце. Всякъ имѣетъ цѣль въ жизни; но не всякъ главную цѣль, т. е. не всякъ занимается главою жизни. Иной занимается чревомъ жизни, т. е всѣ дѣла свои направляетъ, чтобъ дать жизнь чреву; иной очамъ, иной волосамъ, иной ногамъ и другимъ членамъ тѣла, иной же одеждамъ и прочимъ бездушнымъ вещамъ: философія или любомудріе устремляетъ весь кругъ дѣлъ своихъ на тотъ конецъ, чтобъ дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, свѣтлость мыслямъ, яко главѣ всего. Когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно; то все свѣтло, счастливо, блаженно. Сіе есть философія.

Изъ Харькова паки отправился онъ въ Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудріе, поселяясь въ сердцѣ Сковороды, доставляло ему благосостояніе, возможное земнородному. Свободенъ отъ узъ всякаго принужденія, суетности, искательствъ, попеченія, находилъ онъ всѣ свои желанія исполненными въ ничтожествѣ оныхъ. Занимаясь о сокращеніи нуждъ естественныхъ, а не о распространеніи, вкушалъ онъ удовольствія, несравненныя ни съ какими счастливцами.

Когда солнце, возжегши безчисленныя свѣщи на смарагдотканной плащаницѣ, предлягало щедрою рукою чувствамъ его трапезу; тогда

онъ, принимая чашу забавъ, не растворенныхъ никакими печальми житейскими, никакими воздыханіями страстными, никакими разсѣянностями суетными, и вкушая радованія высокимъ умомъ, въ полномъ упокоеніи благодушества говаривалъ: благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ не труднымъ, а трудное не нужнымъ!

Когда усталость въ размышленіяхъ заставляла его перемѣнить упражненія свои; тогда онъ приходилъ къ престарѣлому пчелинцу, не далеко жительствовавшему въ пчельникѣ, бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли между собою вечерю.

Ночь была ему мѣстомъ упокоенія отъ напряженій мысленныхъ, нечувствительно изнуряющихъ силы тѣлесныя; а легкій и тихій сонъ для воображенія его былъ зрѣлищемъ позорищъ, гармоніею природы представляемыхъ.

Полунощное время имѣлъ онъ обычай всегда посвящать на молитву, которая въ тишинѣ глубокаго молчанія чувствъ и природы сопровождалась богомысліемъ. Тогда онъ, собравъ всѣ чувства и помышленія въ одинъ кругъ внутрь себя и обозрѣвъ окомъ суда мрачное жилище своего перстнаго человѣка, такъ воззывалъ оныя къ началу Божію: востаните лѣнивіи и всегда низу поникшіи ума моего помыслы! возмитеся и возвыситеся на гору вѣчности. Тутъ мгновенно брань открывалась и сердце его дѣлалось полемъ рати: самолюбіе вооружалось съ міродержителемъ вѣка, свѣтскимъ разумомъ, собственными бренности человѣческой слабостями и всѣми тварями, нападало сильнѣйше на волю его, дабы плѣнить ее и быть подобнымъ Вышнему. Богомысліе вопреки приглашало волю его къ вѣчному, единому, истинному благу Его, вездѣсущему, вся исполняющему, и заставляло его облещись во вся оружія Божія, дабы возмощи ему стати противу кознемъ лжемудрія. Какое бореніе! Колико подвиговъ! Возшумѣша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и адъ борются въ сердцѣ мудраго, и можетъ ли онъ быть празденъ, безъ дѣла, безъ подвига, безъ пользы человѣчеству? Тако-жъ полунощные часы провожалъ онъ въ бранномъ ополченіи противу силъ мрачнаго міра. Возсіявающее утро облекало его въ свѣтъ побѣды и въ торжествѣ духа выходилъ онъ въ поле раздѣлять славословіе свое со всею природою.

Сей былъ образъ жизни его! Не орю убо, не сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, такъ писалъ онъ къ другу своему изъ пустыни; отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что, всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе его. Учуся, другъ мой, благодарности: се мое дѣло! учуся быть довольнымъ о всемъ томъ, что отъ промысла

Божія въ жизни мнѣ дано. Неблагодарная воля есть ключь адскихъ мученій, благодарное же сердце есть рай сладостей. Ахъ, другъ мой! поучайся въ благодарности, сидяй въ дому, идяй путемъ, засыпая и просыпаясь; пріемли и обращай все во благо; буди доволенъ сущими; о всемъ приключающемся тебѣ не воздавай безумія Богу; всегда радующеся, о всемъ благодаряще, молися.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнію. Не таково было тогда состояніе друга его.

Обращеніе въ великомъ свѣтѣ, удаля его мало по малу отъ его самого, заводя въ лестныя внѣшности, усыпя въ немъ довѣріе къ внутреннему гласу духа, пробудя жаръ истиннаго любомудрія, возжгло въ немъ разумъ внѣшній и возбудило свойства, собственныя сему кругу бытія.

Свѣтъ облагопріятствовалъ его своими дарами: наложа на него усыпленіе, далъ ему жену, друзей, пріятелей, благодѣтелей, преданныхъ, знакомыхъ, свойственниковъ, житейскія связи и выгоды. Но дары сіи напоены были сокомъ корня ихъ и свойствами начала ихъ. Онъ увидѣлъ въ счастіи превращеніе, въ друзьяхъ измѣну, въ надеждахъ обманъ, въ утѣхахъ пустоту, въ союзахъ самовидность, въ ближнихъ остуду, въ своихъ лицепріятіе.

Таковы были послѣдствія свѣтскаго круга, въ которой попалъ онъ, оставя самъ себя.

Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился онъ въ себя самого, собралъ разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ деревню, надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію.

Свѣтъ и тамо исказилъ все. Въ глубокомъ уединеніи остался онъ одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ болѣзни, въ печаляхъ, въ безпокойствахъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи, соболѣзнованія. Тогда онъ, возведя очи свои на позорище свѣта, на кругъ обстоятельствъ своихъ, на заблужденія свои, которыхъ онъ сдѣлался жертвою, и видя, что не на камени основанъ былъ храмъ житейскаго счастія его, въ сердечномъ чувствованіи сожалѣнія, ободрясь добродушіемъ своимъ, воспѣлъ оную преисполненную истины пѣснь:

О Іерихонъ проклятый, какъ ты меня обманулъ! и проч...

Промыслъ Божій воззрѣлъ на него въ развалинахъ бытія его, воздвигнулъ духъ мудраго, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлѣтній, по девятнадцатилѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, не смотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую по-

году и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село Хотетово, въ двадцати пяти верстахъ отъ Орла, одинъ раздѣлить съ нимъ ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая бесѣда, сердце свободное отъ всякаго рабства свѣту, суетности, пристрастіямъ, торжество благодушія, утвержденное на семидесятилѣтнихъ столбахъ жизни и увѣнчеваемое при исходищахъ вѣка спокойствіемъ вѣчности, возбудили въ другѣ его усыпленныя силы разума, восперили чувствія его, возвысили желанія, устроили волю къ волѣ Вседержителя.

Сковорода привезъ къ нему сочиненія свои, изъ которыхъ многія приписалъ ему; читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и между чтеніемъ занималъ его разсужденіями, правилами, понятіями, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея.

Рѣчь доходила тутъ до разныхъ толковъ или сектъ. Всякая секта, говорилъ онъ, пахнетъ собственностію; а гдѣ собственномудріе, тутъ нѣтъ главной цѣли, или главной мудрости.

Я не знаю мартинистовъ, продолжалъ онъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, чтобъ быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ; но ради сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь къ ближнему не имѣетъ никакой секты: на ней весь законъ и пророки висятъ. Законъ природы, яко самонужнѣйшій для блага человѣческаго, есть всеобщій и напечатанъ на сердцѣ каждаго, данъ всякому существу, даже послѣдней песчинкѣ. Благодареніе всеблаженному Богу, что трудное сдѣлалъ не нужнымъ, а нужное не труднымъ!

Исканіе философскаго камня, или превращеніе всѣхъ вещей въ золото и содѣланіе состава изъ онаго, дабы продлить человѣческую жизнь до нѣсколькихъ тысячь лѣтъ, есть остатокъ египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, при всѣхъ мудрованіяхъ своихъ, нашло способъ продолжать существованіе труповъ человѣческихъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ мумій. Сія секта, говорилъ онъ, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: поживъ въ малѣ, исполнь лѣта долга. Сверхъ того она ласкательствуетъ соблазнительно суетности человѣческой, похотоугодіямъ, гордости, зависти, любостяжанію; даетъ въ мысляхъ перевѣсъ тлѣнности, въ сердцѣ поводъ къ саддукейству.

Другъ его доводилъ бесѣду до исторіи св. писанія. Многіе, сказалъ Сковорода, не разумѣя меня или не хотя разумѣть, клевещутъ,

яко бы я отвергаю исторію ветхаго и новаго завѣта, потому что признаю и исповѣдаю въ оной духовной разумъ, чувствую Богописанный законъ и усматриваю Сущаго сквозь буквальный смыслъ. Я пополняю симъ исторію, а не разоряю: ибо какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и св. писаніе безъ вѣры; вѣра же невидимыхъ извѣщеніе. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его; то самъ не уничтожаю нарядовъ его, ни оружія его. Нарядъ, убранство, оружіе воина есть исторія, а разумъ и слава сей исторіи есть духъ воина, дѣла его. Когда я, смотря на прекрасный храмъ, превозношу похвалами симметрію, пропорцію, великолѣпіе; то, относя сіе къ искуству здателя, къ красотѣ цѣлаго, отвергаю ли, исключаю ли кирпичь, известь, желѣзо, песокъ, воду, каменьщиковъ, ваятелей и проч., какъ будто бы ничего того не бывало? Я удивляюсь разуму храма, но тѣмъ не отмещу наружности онаго.

Читая св. писаніе въ намѣреніи научиться въ немъ богопочитанію, богобоязливости, любви ближняго, повиновенію начальству, покорности ко властемъ придержащимъ, усовершенію сердца во всѣхъ отношеніяхъ его, когда я найду, напримѣръ, исторію, что Ааронъ первосвященникъ золотаго тельца жидовскаго, здѣланнаго ими въ небытность его и поклоняемаго отъ нихъ, бросилъ въ огонь и растопилъ, то я не останавливаюсь тутъ на химической работѣ, помня всегда, что Библія не есть наука химіи, но книга священная, поучающая святости нравовъ человѣка, способнаго внимати ученію ея. Я научаюсь отъ сея исторіи, что сердце человѣческое не можетъ быть безъ упражненія и что когда удаляется отъ онаго мысль священная, понятіе истины, духъ разума; то оное мгновенно повергается въ занятія подлыя, неприличныя высокому роду его, и чтитъ, величаетъ, боготворитъ презрѣнное, ничтожное, суетное. Сей разумъ исторіи назидаетъ меня много больше и споспѣшествуетъ внутреннему моему усовершенію, нежели какъ есть ли бы я, узнавши, какъ золото передѣлывать мгновенно изъ всего и все претворять въ оное, занялся хотѣніемъ или упражненіемъ богатитися или химичествовать.

Я вѣрю и знаю, что все то, что существуетъ въ великомъ мірѣ, существуетъ и въ маломъ, и что возможно въ маломъ мірѣ, то возможно и въ великомъ, по соотвѣтствованію оныхъ и по единству всеисполненія исполняющаго духа. Но для чего добиваюсь я знать, какъ и когда Моисей раздѣлилъ море жезломъ въ великомъ семъ мірѣ, въ исторіи, а не поучаюсь, какъ бы мнѣ въ маломъ моемъ мірѣ, въ сердцѣ, раздѣлить смѣсь склонностей, природы непорочныя и растлѣнныя, и провести волю мою непотопленно по пути житейскаго бытія, дабы доставить себѣ во свое время свободу мыслей, т. е. веселіе духа или такъ называемое счастіе въ жизни

Не туда ли воззываютъ насъ оныя слова, часто провозглашаемыя въ храмахъ нашихъ: *премудрость прости*? Что бо есть простое, аще не духъ? Что сложенное, что смѣсь, составъ, сотканіе, аще не плоть, исторія, обрядъ, наружность? Сими словами высокими побуждаемся къ возвышенію мыслей нашихъ выше видимаго обряда служенія, выше буквальнаго смысла, выше историческаго богопочитанія. Распространи разумѣніе словъ сихъ по всему кругу вселенной, по всему лицу бытія твоего, и увидишъ невидимаго, силу Божію, духъ Господень, воскресеніе. Что бо есть воскресеніе, аще не простота, очищенная отъ тлѣннаго состава, отъ множественности, отъ раздѣлимостей?

Но сіи историческіе христіане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человѣка духа не имуще, хулятъ то, чего не разумѣютъ.

Иногда разговоръ его съ другомъ касался смерти. Страхъ смерти, говорилъ онъ, нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовремянно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего, не умствованіями,—онѣ суть не дѣйствительны, но мирнымъ расположеніемъ воли своей къ воли Творца. Такой душевной миръ пріуготовляется изъдали, тихо въ тайнѣ сердца растетъ и усиливается чувствіемъ здѣланнаго добра, по способностямъ и отношеніямъ бытія нашего къ кругу занимаемому нами. Сіе чувствіе есть вѣнецъ жизни и дверь безсмертія; впрочемъ преходитъ образъ міра сего и, яко соніе возстающаго, уничтожается.

Имѣлъ ли ты когда, продолжалъ онъ, пріятныя или странныя сновидѣнія? Чувствованія сихъ мечтательныхъ удовольствій или страха не продолжались ли только до проснутія твоего? Со сномъ все кончилось. Проснутіе уничтожало всѣ радости и страхи сонной грезы. Тако всякъ человѣкъ. Посмотри, жизнь временная есть сонъ мыслящей силы нашей. Въ продолженіи сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются въ мечтаніи чувствія нашего. Прійдетъ часъ, сонъ кончится, мыслящая сила пробудится и всѣ временныя радости, удовольствія, печали и страхи времянности сей изчезнутъ. Въ иной кругъ бытія поступитъ духъ нашъ, и все временное, яко соніе востающаго, уничтожится. Жена егда родитъ, младенецъ вступаетъ въ новый порядокъ вещей, новое поприще бытія, новую связь существъ, вмѣсто той, въ каковой находился онъ въ бытность свою во чревѣ матернемъ. И какое тутъ различіе? Чрево матери, и великій міръ сей: по вступленіи младенца изъ того въ сей все прошедшее, тѣснота, мракъ, нечистоты отрѣшаются отъ бытія его и уничтожаются.

Знаю, что многихъ умы ищутъ равновѣсія въ награжденіяхъ и наказаніяхъ, полагая на свои вѣсы, мѣру и число дѣла человѣческія и

судъ Божій. Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро. Любовь добродѣтели подобна свѣту огня; зажги огнь, тотчасъ свѣтъ осіяетъ глаза твои; возлюби, возчувствуй охоту къ добродѣтели, тотъчасъ сердце твое освѣтится веселіемъ. Исполни, произведи въ дѣло добродѣтели любовь, то корень сердца твоего напоитъ духомъ блаженства. И какихъ благословенныхъ плодовъ можешь ожидать отъ сего! Любовь къ порокамъ подобна потушенному огню: погаси огнь, тотчасъ тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нѣтъ тебѣ различія вещей, міръ не существуетъ для тебя лучшею и величайшею частію: се наказаніе уже постигло тебя съ самимъ дѣйствомъ. Да не соблазняютъ тебя казистыя удовольствія развратныхъ! Заглянь внутрь ихъ; тутъ [1]) огнь мученій не угасаетъ. Если Богъ вездѣ, то можетъ ли беззаконникъ быть безъ него?— Нѣтъ! Ахъ нѣтъ! Богъ есть въ немъ, судія его, мститель, терніе его, огнь и жупелъ, духъ буренъ, часть чаши ихъ. Духъ и вѣчность есть тоже. По сему разумѣй животъ вѣчный и муку вѣчную.

Говорили иногда о превратностяхъ свѣта. Онѣ суть то, чѣмъ быть должны, сказалъ онъ тутъ: весна, лѣто, осень, зима суть свойства не отдѣляемыя отъ круга дневнаго. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, перемѣнно: не разуменъ, несчастливъ, кто ищетъ, кто требуетъ постоянства и вѣчности въ немъ! когда же нѣсть постоянія въ немъ, то и любовь къ нему должна имѣть конецъ; отсюда печали, воздыханія, слезы, отчаянія

Не говори мнѣ о высокихъ чувствительныхъ душахъ! Слезы ихъ суть изліяніе природы, а не пристрастій [2]), и есть нѣкое утѣшеніе плакать въ свой часъ.

Вѣчность ихъ! Вѣчность едина есть безпечаліе, постоянство, надежда. Положимъ сердца наши въ силу ея и удѣлимъ себѣ отъ сокровищъ ея въ бренной сей временности тѣлеснаго бытія. Вѣчность и время единъ составъ суть, но не едино: одно свѣтъ, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвостъ.

Услыша въ окружности мѣста о прибытіи Сковороды къ другу своему, многіе желали видѣть его и для того нѣкоторые пріѣхали туда.

---

[1]) *Угрызенія совѣсти* суть духи черные, мученія и уязвляющія змѣи, молніи проницающія, ясныя истины, суть адъ; сія истина ввѣрена на сохраненіе послѣднему часу жизни человѣка.

[2]) Est quaedam flere voluptas.

Изъ начальства правленія орловскаго молодой человѣкъ [1]), подошедъ къ нему, привѣтственно сказалъ: Г. С! прошу любить меня.—Могу-ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода, я еще не знаю.

Другой изъ числа таковыхъ же, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ его: какъ зовутъ васъ?—Я называюсь такъ, имянемъ и прозваніемъ [2]) N. N., отвѣчалъ сей. Сковорода, остановясь и подумавъ, сказалъ ему: имя ваше не скоро ложится на мое сердце.

Простота жизни, высокость познаній, величайшій и долголѣтній подвигъ Сковороды въ любомудріи опытномъ раздиралъ ризу лицемѣрія высокомудрствующихъ и обнажалъ простоту ихъ. Они, покрывая зависть свою и наготу сердца листвіемъ сожалѣнія. говорили другимъ: „жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ее", и въ то время, когда сей увѣнчеваемъ уже былъ знаменами истины, они, обвѣшаны знаменами соблазновъ, гордо и безстыдно являлись въ личинѣ истины.

Старость, осеннее время, безпрерывная мокрая погода умножили разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживя у друга своего около трехъ недѣль, просилъ отпустить его въ любимую имъ Украину, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось.

Другъ его упрашивалъ остаться у него зиму провести и вѣкъ свой окончать со временемъ у него въ домѣ. Онъ сказалъ, что духъ его велитъ ему ѣхать. и другъ отправилъ его немедленно.

Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ хочетъ онъ, куда, съ кѣмъ, въ чемъ ѣхать ему, представилъ ему для дороги, въ случаѣ надобности, нужный запасъ, говоря:

— Возмите сіе; можетъ быть въ пути болѣзнь усилится и заставитъ гдѣ остановиться; то нужно будетъ заплатить....

— Ахъ другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу, что промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность?

Другъ его замолчалъ съ приношеніемъ своимъ.

1794 года августа 26 числа отправился онъ въ путь изъ Хотетова села въ Украину. При разставаніи, обнимая друга, сказалъ:

---

[1]) Губернскій прокуроръ.

[2]) Директоръ экономіи.

— Можетъ быть, больше я уже не увижу тебя! Прости! Помни всегда во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время. Духъ мой призналъ тебя способнѣйшимъ принять истину и любить оную.

Пріѣхавъ въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживя нѣсколько тутъ ради безпрерывныхъ дождей и улуча ведро, отправился онъ далѣе; но не туда, куда намѣревалъ.—Въ концѣ пути своего почувствовалъ онъ побужденіе ѣхать въ тоже мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не расположенъ былъ. Слобода Ивановка помѣщика Ковалевскаго было то мѣстопребываніе, гдѣ нѣсколько времени жилъ онъ прежде и куда прибылъ скончать теченіе.

Болѣзни старостію, погодою, усталостію отъ пути приблизили его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говаривалъ съ благодушіемъ: духъ бодръ, но тѣло немощно. Помѣщикъ, видя изнеможеніе его крайнее, предложилъ ему нѣкоторые обряды для пріуготовленія къ смерти. Онъ, какъ Павелъ апостолъ, почитая обряды обрѣзанія не нужными для истинно вѣрующихъ, отвѣтствовалъ, подобно какъ Павелъ же іудеямъ обрядствующимъ. Но, представя себѣ совѣсть слабыхъ, немощь вѣрующихъ и любовь христіанскую, исполнилъ все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, по утру, на разсвѣтѣ, 1794 года. Передъ кончиною завѣщалъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близь рощи и гумна и слѣдующую сдѣланную имъ себѣ надпись написать:

Міръ ловилъ меня, но не поймалъ.

Имѣются многія сочиненія его, изъ которыхъ лучшія доставилъ онъ, писанныя всѣ рукою своею, другу своему и о всѣхъ приложилъ списокъ своеручный, при письмѣ къ другу, слѣдующаго содержанія:

Число твореній моихъ:

1. Наркизъ, узнай себя.
2. Симфонія: рѣхъ, сохраню пути моя.
3. Симфонія: аще не увѣси.
4. Неграмотный Марко.
5. Алфавітъ міра, о природѣ.
6. Разговоръ кольцо.
7. Древній міръ.
8. Жена Лотова.
9. Брань архангела Михаила съ сатаною.
10. Икона Алкивіадская.

11. Бесѣда I. Сіонъ.
12. Бесѣда II. Сіонъ.
13. Бесѣда III. Двое.
14. Діаволъ: душа и нетлѣнный духъ.
15. Благодарный Еродій.
16. О христіанскомъ добронравіи или Катихизисъ.
17. Асхань, о познаніи себя.

Переводы:

1. О старости Цицероновой.
2. О Божіи правосудіи.
3. О смерти . . . .
4. О храненіи отъ долговъ.
5. О свойствіи душевномъ.
6. О вожделѣніи богатствъ.
7. О уединеніи . . . . Сидронія.

(Плутарховы сочиненія.)

Кромѣ сочиненій и переводовъ сихъ, многія на россійскомъ, латинскомъ языкѣ находятся письма его весьма поучительныя, писанныя къ другу и прочимъ; многія стихословія и другія сочиненія, которыхъ собраніе частію хранится у друга его.

Какъ онъ писалъ для своей стороны, то и употреблялъ иногда малороссійскія нарѣчія и правописаніе, употребляемое въ произношеніи малороссійскомъ: онъ любилъ всегда природный языкъ свой и рѣдко принуждалъ себя изъясняться на иностранномъ; еллинской предпочиталъ всѣмъ иностраннымъ.

Другъ его написалъ сіе въ память добродѣтелей его, въ благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога. 1795 года февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ.

Надгробная надпись Григорію Савичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся 1794 года, октября 29 дня:

Ревнитель истины, духовный богочтецъ,
И словомъ и умомъ и жизнію мудрецъ;
Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,
Достигъ на верхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ, Сковорода.

Сочиненіе друга его М. К.

Пополненія недостающаго въ «Житіи» по другому его списку.

Въ то время, когда «Житіе Г. С. Сковороды» въ спискѣ, сообщенномъ редакціи г. Добротворскимъ, было закончено печатаніемъ, нами полученъ изъ Елисаветграда отъ В. Н. Ястребова другой, совершенно полный и весьма исправный списокъ «Житія», случайно купленный имъ на елисаветградскомъ базарѣ и сдѣланный, судя по бумагѣ и почерку, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Пользуемся этимъ спискомъ, чтобы пополнить пробѣлы, оказавшіеся здѣсь на стр. 113 и 114.

Къ стр. 113 относятся въ указанномъ мѣстѣ слѣд. строки:

Сіе начало распространяясь, раздѣляясь въ способности, силы, свойства, постепенности, осуществляетъ невидимыя бытія разнообразно и въ снисхожденіи своемъ сгущаясь, составляетъ въ человѣкѣ мысленность, въ животныхъ чувство, въ растительныхъ движеніе, въ нечленовныхъ ископаемыхъ существованіе.

Человѣкъ, то есть воплощенная способность мыслящая, въ семъ началѣ *живетъ, движется и есть.*

На стр. 114 недостаетъ слѣд. строкъ:

Парфянинъ и мидянинъ, іудей и еллинъ, рабъ и свободь, равно участвуютъ въ семъ преимуществѣ всемірнаго, верховнаго, единаго начала.

Подвигъ, то есть правильное употребленіе свободной воли, дѣлаетъ раздѣленія; и сей подвигъ въ выборѣ истиннаго, добраго, совершеннаго, есть правда, воздающая всякому свое: *полная полнымъ, и тщетная тщетнымъ.* Почему мудрый и праведный есть тоже.

Во всемъ остальномъ оба списка буквально сходны.

Ред.

Библіографія.

Русская православная старина въ Замостьѣ. Магистра священника Александра Будиловича. Изданіе холмскаго св. Богородицкаго братства. Варшава. 1886 г.

Названная книга принадлежитъ къ числу тѣхъ почтенныхъ изданій холмскаго св. богородицкаго братства, которыя оно отъ времени до времени выпускаетъ для достиженія своихъ цѣлей, главнѣйшую же его цѣль составляетъ пробужденіе и укрѣпленіе въ коренномъ населеніи Холмщины сознанія его русской народности и исконной принадлежности къ русскому православному міру. Историческія изслѣдованія судебъ тамошняго края, популяризація добытыхъ ими результатовъ и проведеніе ихъ въ школы и народныя массы—это конечно самый естественный и единственно вѣрный путь для достиженія намѣченной братствомъ цѣлей. Но путь этотъ трудный. Кто знаетъ, во что превратилось послѣ вѣковой борьбы съ полонизмомъ и католицизмомъ русское населеніе Забужья и чѣмъ оно было лѣтъ двадцать назадъ, того не удивило-бы, если-бы мы сказали, что попытка найти во многихъ мѣстахъ Холмщины слѣды православія и русской народности равносильно желанію открыть новую Америку. И тѣмъ не менѣе холмское братство, не боясь трудностей, идетъ по намѣченному пути и имѣя трудолюбивыхъ, честныхъ и добросовѣстныхъ изыскателей, дѣйствительно дѣлаетъ подъ часъ замѣчательныя въ своемъ родѣ открытія. Первый опытъ въ этомъ родѣ сдѣланъ г. Лонгиновымъ въ его трудѣ «Православная русская старина въ г. Люблинѣ», помѣщенномъ въ VIII выпускѣ Памятниковъ Западно-русской старины, изд. П. Н. Батюшковымъ. Почтенный о. А. Будиловичъ сдѣлалъ второй и не менѣе удачный опытъ, обслѣдовавъ съ научными пріемами, въ большей части по неизданнымъ архивнымъ источникамъ, русскую православную старину въ Замостьѣ. Передадимъ вкратцѣ содержаніе его любопытнаго изслѣдованія.

Замостье—это не большой городокъ люблинской губерніи польско-жидовскаго типа, недавно упраздненная крѣпость того-же имени. Основанъ онъ въ 1580 г. знаменитымъ дѣятелемъ временъ Стефана Баторія и Сигизмунда III, польскимъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ и былъ его и его наслѣдниковъ резиденціею, съ полнымъ господствомъ juris dominii. Янъ Замойскій былъ *добрый полякъ* и надѣливъ основанный имъ городъ разными льготами, оговорилъ, что ими могутъ пользоваться только жители римско-католическаго исповѣданія. Но, къ удивленію самаго основателя, въ Замостьѣ, спустя менѣе десяти лѣтъ послѣ его основанія, является православная русская община, съ примѣсью греческихъ купцевъ, передвинувшаяся сюда изъ ближайшаго къ основанному городу русскаго поселенія, что нынѣ Новая Осада, гдѣ была около того времени церковь Вознесенія Господня, священникъ, братство и шпиталь. Община эта обнаружила такое вліяніе въ устроеніи города и процвѣтаніи въ немъ торговли, что Янъ Замойскій вынужденъ былъ особою грамотою 1589 г. распространить и на нее данныя исключительно католическому населенію Замостья льготы, предоставивъ ей построить въ самомъ городѣ свой храмъ, имѣть одного или нѣсколькихъ священниковъ и свободно исповѣдывать свою вѣру. Является такимъ образомъ въ самомъ Замостьѣ православная русская церковь св. Николая, а при ней устраивается братство, шпиталь и школа. Исторія этой церкви, пережившей унію и возстановленной теперь въ древнемъ благолѣпіи, равно исторія основаннаго при ней братства и связанныхъ съ нимъ учрежденій и составляетъ предметъ изслѣдованія о. Будиловича. Исторія эта есть ничто иное, какъ исторія борьбы православной русской общины въ Замостьѣ за свое существованіе, за цѣлость своей вѣры и народности, борьбы съ могущественными патронами Замостья, съ преобладающимъ католичествомъ, господствующею національностью, съ хитрыми и искусными польско-католическими ксендзами, той борьбы, которая именно съ этого времени охватила всю южную и западную Русь и направлена была руководителями тогдашней внутренней польской политики къ тому, чтобы подчинить римской церкви, въ формѣ уніи, русское населеніе Польши и этимъ путемъ ополячить и окатоличить оное, истребивъ всякіе слѣды православія и народности русской. Православно-русская замостьская община не могла выдержать сильнаго напора польско-католической пропаганды и къ половинѣ XVIII ст. пала въ неравной борьбѣ: и приходъ и церковь перешли въ унію, въ замѣнъ православнаго никольскаго братства явилось уніатское братство св. Онуфрія съ базиліанскимъ монастыремъ, православную братскую школу замѣнила школа базиліанъ. О. Будиловичъ слѣдитъ исторію тѣхъ и другихъ учрежденій, уясняя постепенное подавленіе въ православной за-

мостьской общинѣ русскаго духа, русской жизни, русскаго слова и заканчиваетъ свой трудъ краткимъ извѣстіемъ объ окончательномъ торжествѣ православія въ Замостьѣ, послѣдовавшемъ во время возсоединенія холмскихъ уніатовъ въ 1875 г. Путемъ критическаго анализа архивныхъ документовъ, путемъ прямыхъ и косвенныхъ указаній и мѣстами тонкихъ соображеній онъ съ значительною твердостію устанавливаетъ то положеніе, что вся окружающая Замостье мѣстность занята была искони русскимъ православнымъ населеніемъ, что основаніе г. Замостья польскимъ канцлеромъ, «патріотомъ до мозга костей», въ центрѣ русскаго населенія, исключительно для католиковъ и съ особыми для нихъ привилегіями, было одною изъ мѣръ расширенія польско-католическаго вліянія, примѣненною въ своихъ маетностяхъ главнымъ заправителемъ тогдашней польской политики, что проникновеніе въ этотъ городъ русскаго элемента совершилось въ силу исконнаго его господства въ тамошней мѣстности, что дальнѣйшее подавленіе его тамъ было дѣломъ насилія и захвата, въ силу общей государственной политики, и что послѣдовавшее въ недавнее время возстановленіе въ Замостьѣ и его окрестностяхъ православія, русской жизни и русской рѣчи есть только возвращеніе къ прежнему историческому порядку и строю тамошней жизни. Въ этомъ главнѣйшій интересъ изслѣдованія о. Будиловича и его практическое значеніе.

Выразителемъ древне-русской жизни въ Замостьѣ было учрежденное тамъ въ 1606 г., по благословенію львовскаго епископа Гедеона Балабана, братство, отъ котораго остались памятники какъ вещественные, въ видѣ сооруженной имъ церкви св. Николая, устроеннаго въ ней прекраснаго иконостаса и нѣкоторыхъ предметовъ церковной утвари, такъ и письменные, въ видѣ метрической книги 1670 г., подъ названіемъ «Прототипонъ онома», и братскаго Помянника 1675—1677 г. Изложеніе судьбы этого братства съ 1606 по 1762 г. и смѣнившаго его уніатскаго онуфріевскаго братства съ базиліанскимъ монастыремъ, съ 1762 г. до начала нынѣшняго столѣтія, а также изслѣдованіе памятниковъ перваго изъ нихъ, и составляетъ главное содержаніе разсматриваемой нами книги. При составленіи оной авторъ пользовался источниками печатными, русскими и польскими, но главнымъ матеріаломъ для него послужили рукописи, хранящіяся въ холмскомъ братскомъ музеѣ. Все сочиненіе о. Будиловича раздѣляется на 28 главъ, не помѣченныхъ числами, но каждая съ отдѣльнымъ заглавіемъ. Исторія замостьскаго братства излагается съ 3-й главы, которая посвящена исторіи основанія и сооруженія св. никольской церкви, 4-я глава посвящена разсказу объ образованіи братства. Отъ 9-й до 14-й главы включительно разсказывается о внутреннихъ порядкахъ братства при св. никольской церкви. Двѣ главы посвящены

описанію двухъ важнѣйшихъ памятниковъ этого братства: «Прототипонъ онома» и «Помянника братскаго». Начиная съ 17 главы и до конца сочиненіе содержитъ описаніе борьбы братства съ его врагами базиліанами. Описаніе въ общихъ чертахъ доведено до 1885 г., времени торжества православія надъ уніей.

Рукописные источники, на которыхъ главнымъ образомъ основано все изслѣдованіе автора,—это оставшіеся послѣ упраздненія въ 1864 г замостьскаго базиліанскаго монастыря документы и бумаги онаго, спасенные въ свое время отъ гибели нынѣшнимъ редакторомъ «Кіевской Старины», Ѳ. Г. Лебединцевымъ и принесенные имъ въ даръ холмскому музею при самомъ его учрежденіи. По видимому, они не многочисленны, но это источники первой руки. Назовемъ хотя главнѣйшіе изъ нихъ. Таковы: грамота Гедеона Балабана 1606 г. на учрежденіе въ Замостьѣ братства св. Николая; грамота ордината Ѳомы Замойскаго 1621 г.; подтвердительная грамота митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова съ нѣкоторыми дополнительными правилами относительно порядка въ братствѣ; посланіе константинопольскаго патріарха братству 1616 г.; книга протоколовъ собраній братства замостьскаго; актъ объ учрежденіи при св. никольской церкви младшаго братства; два посланія холмскаго епископа Александра-Августа Лодзяты 1687 и 1689 г.; коммисарскіе акты замостьскаго замка; письмо Анны, ординатки замостьской, о введеніи базиліанъ въ Замостье; уставъ, данный въ 1732 г. братству холмскимъ епископомъ Фелиціаномъ Володковичемъ; папская булла 1753 года объ устройствѣ въ Замостьѣ онуфріевскаго братства; инструкція базиліанскаго провинціала Дороѳея Михальскаго 1801 г.; предписаніе провинціала Билевича 1842 года и проч. Къ чести автора сказать должно, что онъ извлекъ изъ этихъ и многихъ не названныхъ документовъ все, что можно было выцѣдить изъ нихъ послѣ самаго тщательнаго и всесторонняго ихъ разсмотрѣнія. Изложеніе его отличается строгою послѣдовательностію, основательностію и осторожностью въ выводахъ. Пожалѣть можно развѣ о томъ, что авторъ придалъ серьезное значеніе и посвятилъ особую, именно 7-ю главу апокрифическому памятнику замостьской старины, бердышу Богдана Хмельницкаго, не извѣстно откуда и отъ кого попавшему въ краковскій музей, съ такою надписью, которая сама внушаетъ сильныя подозрѣнія, какъ объ этомъ было замѣчено въ нашемъ изданіи при разсмотрѣніи VII выпуска «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ» [1]) Слѣдовало бы также, заканчивая повѣсть о судьбахъ процвѣтавшаго нѣкогда въ Замостьѣ православія и народности русской, об-

---

[1]) „Кіевская Старина“ 1885 г., іюн. кн., стр. 311 и 312.

стоятельнѣе и опредѣленнѣе сказать о томъ печальномъ положеніи, въ какомъ очутилось русско-уніатское населеніе Замостья и его окрестностей, равно и о тѣхъ мѣрахъ, какія приняты были послѣ 1864 г. правительствомъ и мѣстнымъ русскимъ обществомъ для поднятія здѣсь русскаго сознанія и жизни, а безъ этого торжество православія въ 1875 г. является для Замостья совершенно неожиданнымъ и даже просто непонятнымъ.—Языкъ книги нельзя назвать легкимъ, онъ даже нѣсколько своеобразенъ; но самая книга не есть популярное, а только научное изслѣдованіе избраннаго авторомъ предмета. Тѣмъ не менѣе книга о. Будиловича читается съ большимъ интересомъ и намъ кажется, что въ ряду другихъ трудовъ, посвященныхъ старинѣ западной Руси, она займетъ почетное и по интересу фактовъ выдающееся мѣсто.

П. Голубовскій.

Матеріалы для исторіи южно-русскаго края въ XVIII столѣтіи (1715—1774 г.), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губернскаго архива А. А. Андріевскимъ и изданные императорскимъ одесскимъ обществомъ исторіи и древностей. Одесса. 1886 г.

Въ предъидущей книжкѣ „Кіевской Старины“, говоря о новомъ изданіи „Исторіи Новой Сѣчи“ г. Скальковскаго, мы указали на назрѣвшую въ настоящее время потребность въ полной и обстоятельной исторіи южной Россіи вообще и Запорожья въ частности, а прежде того въ собраніи и изданіи возможно большаго количества матеріаловъ, относящихся къ этой области русской исторіи. И вотъ какъ-бы въ отвѣтъ на наши пожеланія мы имѣемъ новый, огромный (въ 430 страницъ) томъ матеріаловъ этого рода, собранныхъ г. Андріевскимъ въ дополненіе къ изданнымъ имъ раньше 10 выпускамъ „Историческихъ матеріаловъ“, о появленіи которыхъ каждый разъ дѣлались въ нашемъ изданіи библіографическія сообщенія, знакомившія читателей съ содержаніемъ выходящаго выпуска и дававшія оцѣнку заключающагося въ немъ матеріала. Возможность собранія, сравнительно въ короткое время, такого значительнаго количества историческихъ матеріаловъ г. Андріевскій объясняетъ тѣмъ сочувствіемъ къ этому дѣлу, какое онъ встрѣтилъ въ кіевскомъ вице-губернаторѣ, А. П. Баумгартенѣ. Онъ далъ ему возможность издать названные 10 выпусковъ, изданіе-же настоящаго тома приняло на себя одесское общество исторіи и древностей.

Въ настоящій сборникъ вошли отрывки 42 дѣлъ, содержащихъ болѣе 200 отдѣльныхъ актовъ. Всѣ они такъ или иначе

рисуютъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь южнаго края Россіи и въ частности Запорожья въ срединѣ XVIII ст. Содержаніе ихъ до крайности разнообразно и съ нимъ можно ознакомиться лишь по отдѣльнымъ группамъ дѣлъ и актовъ. Такъ восемь дѣлъ представляютъ внутренніе распорядки Запорожья; четыре дѣла указываютъ на борьбу запорожцевъ съ сосѣдями изъ-за захвата сѣчевой территоріи, на недружелюбное отношеніе ихъ къ колонизаціи южныхъ вольныхъ степей сербами и великороссами; для опредѣленія формы колонизаціи могутъ послужить два дѣла; дипломатическая переписка русскаго двора чрезъ кіевскаго генералъ-губернатора съ Крымомъ, посылка туда купцевъ и военныхъ людей для развѣдыванія „о тамошнихъ обращеніяхъ", хлопоты генералъ-губернатора объ учрежденіи консульства при ханѣ и проч. обнимаютъ двѣнадцать дѣлъ; свѣдѣнія о пограничныхъ отношеніяхъ Крыма и Запорожья находимъ въ трехъ дѣлахъ; два дѣла характеризуютъ польско-русскія отношенія; наибольшее число дѣлъ, именно восемнадцать, изображаютъ подвиги запорожцевъ и гайдамаковъ, которые, по словамъ документовъ, ничѣмъ не разнятся одни отъ другихъ.

Хотя нѣкоторые изъ вошедшихъ въ сборникъ дѣлъ и документовъ съ большимъ удобствомъ могли-бы быть выпущены, какъ не подходящіе по содержанію ни къ одной изъ указанныхъ группъ и могущіе имѣть значеніе лишь въ общей массѣ однородныхъ съ ними документовъ (таковы подъ №№ VII, XI и XXXIX); но большинство ихъ представляютъ несомнѣнный историческій интересъ. Такъ одни изъ нихъ устанавливаютъ болѣе точно время извѣстныхъ уже событій, напр. возвращенія запорожцевъ въ россійское подданство (1715—1733 г.), или-же помогаютъ прослѣдить измѣненія въ бытѣ запорожцевъ подъ вліяніемъ русскаго правительства; другія даютъ понятіе о мѣрахъ, какія принимаемы были правительствомъ для обузданія запорожцевъ наканунѣ уничтоженія Сѣчи, или-же сообщаютъ новые факты изъ политической исторіи запорожцевъ (сюда относятся дипломатическая переписка, гайдамацкіе набѣги, пограничныя отношенія, а равно и данныя по колонизаціи новороссійскаго края). Въ иныхъ изъ актовъ встрѣчаются имена по видимому новыхъ кошевыхъ, напр. Василія Іосифова (1715 г.), Павла Ивановича (1752 г.) и Василія Сыча (около 1750 г.). Любопытна также и слѣдующая новинка: убійца Саввы Чалаго съ именемъ Игната Голаго, называемый у Скальковскаго лишь по пѣсни, записанной г. Срезневскимъ и помѣщенной имъ въ его „Запорожской Старинѣ", по изданнымъ теперь матеріаламъ оказывается лицемъ дѣйствительнымъ и былъ запорожцемъ медведов-

скаго куреня; убійство совершено имъ съ вѣдома и согласія кошеваго атамана Семена Еремієвича, о чемъ сообщалось даже сенату 15 апрѣля 1742 года.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе актовъ, изданныхъ г. Андріевскимъ.

Что касается формы и способа печатанія актовъ, то онѣ оставляютъ желать болѣе точности. Издатель, напр., не снабдилъ болѣе или менѣе обстоятельной описью каждый актъ, входящій въ сборникъ, а ограничился лишь изложеніемъ содержанія дѣла по оригиналу. Такая краткость весьма затрудняетъ справки, заставляя читать много совершенно ненужныхъ вещей. Въ сборникъ введены акты совершенно пустые и безсодержательные; кромѣ того, редактируя акты, г. Андріевскій не рѣдко урѣзываетъ ихъ, передавая кратко опущенное и дѣлая вставки для связи, но при этомъ собственныя слова автора, служащія связью между двумя отдѣльными документами или ихъ частями, не выдѣлены шрифтомъ и часто сбиваютъ читателя, ставя въ недоумѣніе, гдѣ оканчивается оригиналъ и гдѣ слова редактировавшаго. Конечно, въ этихъ связкахъ не было бы ни малѣйшей необходимости, если-бы одинъ актъ былъ рѣзко отграниченъ отъ другаго подробной описью и нумераціей такъ какъ связка между отдѣльными документами явится у читателя сама собой. Къ вставкамъ и связкамъ привели г. Андріевскаго дѣлаемыя имъ урѣзки, а къ этимъ послѣднимъ вынуждало его многословіе и частыя повторенія старинныхъ офиціальныхъ бумагъ. Г. Андріевскій старался соблюсти экономію, какъ самъ о томъ заявляетъ; но намъ кажется, что въ самой этой экономіи не было бы надобности при болѣе строгомъ выборѣ актовъ. Для экономіи же онъ дѣлаетъ сокращенія въ начертаніи словъ, что крайне затрудняетъ чтеніе. Впрочемъ все это мелочи болѣе крупнымъ недостаткомъ Сборника мы считаемъ отсутствіе въ немъ указателя именъ личныхъ и географическихъ, безъ котораго пользованіе актами значительно затрудняется.

Собиратель актовъ въ предисловіи къ сборнику напрасно старается извинить недостатки изданія своимъ диллетантизмомъ въ археографіи: послѣ напечатанія имъ десяти выпусковъ „Историческихъ матеріаловъ“ его нельзя уже считать въ этомъ дѣлѣ новичкомъ и мы въ свое время дѣлали ему соотвѣтственныя указанія въ рецензіяхъ.

Впрочемъ указанные недостатки не умаляютъ труда г. Андріевскаго и его безкорыстнаго служенія интересамъ науки.

И. Каманинъ.

Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., № 3-й, стр. 51—72.—Басня Богдана Хмельницкаго. Ст. Г. Ц.

Краткою библіографическою замѣткою мы хотимъ обратить вниманіе читателей на интересное изслѣдованіе нѣкоего г. Г. Ц., появившееся въ мартовской книжкѣ «Сѣвернаго Вѣстника» за нынѣшній годъ и посвященное такъ называемой «Баснѣ Богдана Хмельницкаго», точнѣе сказкѣ, записанной изъ устъ его современникомъ Грондскимъ. Эта басня или сказка принадлежитъ къ числу тѣхъ такъ называемыхъ животныхъ басенъ или сказокъ, источникъ которыхъ въ устной письменности культурныхъ народовъ древняго Востока, ассиріянъ, вавилонянъ и египтянъ и передатчиками которыхъ въ Европу были древніе греки, византійцы, арабы и турки.

Малорусскій народъ, подобно другимъ европейскимъ народамъ, усвоилъ себѣ не мало такихъ сказокъ. Значительный запасъ ихъ напечатанъ въ сборникахъ Кулиша (1856 г.), Рудченка (1868—70 г.), Драгоманова (1876 г.) и Чубинскаго (1878 г.). Объясненіе мотивовъ этихъ сказокъ въ сравнительно-историческомъ направленіи можно найти въ книгѣ проф. Колмачевскаго: «Животный эпосъ на западѣ у славянъ», изд. въ Казани въ 1882 г. (стр. 55—174).

Что касается животныхъ басенъ въ собственномъ смыслѣ, то онѣ не выработались въ малорусской народной средѣ, хотя въ ней обращается много правоучительныхъ разсказовъ и анекдотовъ. Ихъ создали уже въ новѣйшее время, подъ вліяніемъ Лафонтена, Флоріана, Крылова и др., Гулакъ-Артемовскій, Боровиковскій, Гребенка и Глѣбовъ.

Тѣмъ интереснѣе для изслѣдователя малорусской народной словесности басня, записанная въ XVII в., хотя не въ народной средѣ и не на малорусскомъ языкѣ, но за то изъ устъ великаго малорусскаго дѣятеля—Богдана Хмельницкаго. Басня эта была разсказана Богданомъ Хмельницкимъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Въ октябрѣ 1656 года король польскій Янъ Казиміръ, доведенный до крайности обрушившимися на него политическими несчастіями, снарядилъ посломъ къ козацкому гетману въ лагерь подъ Львовомъ Станислава Любовицкаго, поручивъ ему добиться примиренія съ козаками. 29 октября посолъ прибылъ въ козацкій лагерь; съ нимъ былъ Самуилъ Грондскій, котораго Любовицкій, встрѣтивъ на дорогѣ, пригласилъ съ собою. Бывшій свидѣтелемъ всѣхъ переговоровъ Любовицкаго съ гетманомъ, Грондскій подробно изложилъ ихъ въ своемъ сочиненіи: «Historia belli cosacco-polonici, conscripta anno 1676», при чемъ записалъ и басню, разсказанную послу Богданомъ Хмельницкимъ. Изъ повѣствованія Гронд-

скаго видно, что переговоры не клеились. Тогда Хмельницкій, обращаясь къ послу и Грондскому, сказалъ имъ слѣд. басню, которую приводимъ, по переводу Н. И. Костомарова:

«Садитесь и слушайте, господа; вы принесли намъ прекрасныя предложенія отъ короля; но возможно-ли принять ихъ, или невозможно? Выслушайте эту побасенку.

Въ древнія времена, говорятъ, жилъ у насъ поселянинъ, очень зажиточный; всѣ сосѣди завидовали ему. У этого поселянина былъ домашній ужъ, который никого не кусалъ; хозяева ставили всегда ему молоко въ нору и онъ часто ползалъ между семьею. Случилось однажды, дали мальчику молока; приползъ и ужъ и сталъ хлебать молоко изъ чашки; за это мальчикъ ударилъ его ложкой по головѣ и ужъ укусилъ мальчика. На жалобный крикъ дитяти прибѣжалъ отецъ и узнавъ, что ужъ укусилъ сына, бросился убивать животное; ужъ успѣлъ вложить голову въ нору, а хвоста не успѣлъ; хозяинъ отрубилъ ему хвостъ. Мальчикъ умеръ отъ укушенія, а ужъ остался уродомъ и съ тѣхъ поръ боялся выходить изъ норы. Вскорѣ послѣ того богатства этого человѣка начали значительно уменьшаться, наконецъ онъ пришелъ въ крайнюю бѣдность и, желая узнать причину, побѣжалъ къ знахарямъ и говоритъ имъ: «скажите, прошу я васъ, что это значитъ, что въ прошлые годы я меньше прилагалъ старанія о хозяйствѣ, а всего у меня было много: ни у кого не было такъ много и такихъ прекрасныхъ воловъ, какъ у меня, ни у кого коровы не давали столько молока, ни у кого овцы не давали такой блестящей шерсти, ни у кого кобылы не рожали такихъ складныхъ жеребятъ, нигдѣ поля не приносили такой обильной жатвы, ни чьи сады не оглашались такимъ множествомъ пчелъ; стада мои не страдали отъ болѣзней; я самъ не зналъ никакихъ непріятностей; домъ мой посѣщали гости; ни у кого изъ сосѣдей не было такого многочисленнаго семейства; нищій не отходилъ отъ моего дома съ пустыми руками; ни въ чемъ не было недостатка; всякаго добра было у меня обильно. Но вотъ за нѣсколько лѣтъ разсѣялось все, что я собралъ въ продолженіе жизни, и между сосѣдями нѣтъ бѣднѣе меня; и хотя я изнемогаю отъ трудовъ для поддержанія жизни, однако ничто не идетъ мнѣ въ пользу, но съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Скажите, если знаете, причину моего горя и нельзя-ли пособить ему?»—Ему отвѣчали: «пока ты въ прошлые годы хорошо обходился съ своимъ домашнимъ ужомъ, онъ принималъ на себя всѣ грозившія тебѣ несчастія, а тебя оставлялъ свободнымъ отъ нихъ, теперь-же, какъ между вами стала вражда, всѣ бѣдствія обрушились на тебя. Если ты хочешь прежняго благополучія, примирись съ ужомъ».—Жена понесла ужу молоко, но ужъ наѣлся молока и снова спрятался въ нору. Нѣсколько времени

наблюдалъ за этимъ хозяинъ и началъ приглашать его заключить прежнюю дружбу. Тогда ужъ ему отвѣчалъ: «напрасно хлопочешь, чтобы была между нами такая дружба, какъ прежде, потому что, какъ только посмотрю я на свой хвостъ, потерянный за твоего сына, тотчасъ и возвращается ко мнѣ досада; съ другой стороны и ты, какъ только вспомнишь, что лишился сына, тотчасъ закипитъ въ тебѣ отцовское негодованіе, такъ что ты готовъ размозжить мнѣ голову. Поэтому достаточно будетъ дружбы между нами, если ты будешь жить въ своемъ домѣ, какъ тебѣ угодно, а я въ своей норѣ, и будемъ помогать другъ другу».

Тоже самое, господинъ посолъ, случилось между поляками и русскими. Было время, когда въ этомъ огромномъ зданіи Рѣчи Посполитой мы вмѣстѣ наслаждались счастьемъ, радовались общимъ успѣхомъ нашимъ; казаки отклоняли отъ королевства грозящія опасности и сами принимали на себя удары варваровъ. Жители Польши, сохраняя козаковъ въ свободѣ, не досадовали на нихъ, если они хлебали изъ того молока, которое находили въ углахъ, куда не достигали называющіе себя единственно сынами древняго отечества. Тогда королевство польское процвѣтало и сіяло счастьемъ въ глазахъ всѣхъ народовъ; всѣ народы ему завидовали; никто не бралъ добычи съ королевства польскаго, но куда только польскія войска шли совокупно съ козацкими силами, вездѣ торжествовали, вездѣ воспѣвали побѣдныя пѣсни. Но въ послѣдствіи называющіе себя дѣтьми королевства начали нарушать свободу русскихъ и начали бить ихъ по головѣ, а русскіе, когда имъ сдѣлалось больно, начали кусаться; тогда случилось, что и русскихъ большая половина отсѣчена и сыновъ королевства не мало пропало. Съ тѣхъ поръ, какъ только придутъ этимъ народамъ на память бѣдствія, нанесенныя другъ другу, тотчасъ возникаетъ досада, и хотя начнутъ мириться, но отъ малѣйшей причины не доводится дѣло до конца. Мудрѣйшій изъ смертныхъ не можетъ сдѣлать того, чтобы между нами установился твердый продолжительный миръ, какъ только такъ: пусть королевство польское откажется отъ всего, что принадлежало къ княжествамъ земли русской, пусть уступитъ козакамъ въ управленіе цѣлую Русь до Владиміра, и Львовъ, и Ярославль, и Перемышль, съ уговоромъ, чтобъ мы, сидя себѣ въ Руси своей, какъ въ норахъ, отклоняли враговъ отъ королевства польскаго. Но я знаю: если бы въ цѣломъ королевствѣ осталось только сто пановъ и тогда-бъ они не согласились на это; а козаки, пока будутъ имѣть оружіе, также не отстанутъ отъ этихъ условій».

Таковъ матеріалъ, изслѣдованію котораго посвящена статья г. Г. Ц. Какія же задачи по отношенію къ нему преслѣдуетъ статья?

«Басня Богдана Хмѣльницкаго, говоритъ г. Г. Ц., принадлежитъ къ тому огромному матеріалу сказаній, который давно уже сдѣлался достояніемъ между-народнымъ, хотя разные элементы его и должны были первоначально сложиться въ той, или въ другой частной народной, или національной области». Но научная пытливость не можетъ остановиться на такомъ утвержденіи. Интересно знать, въ какой области образовалось первоначально сказаніе о крестьянинѣ и ужѣ и какими путями дошло оно до Львова, гдѣ было записано въ 1656 г. Грондскимъ изъ устъ Богдана Хмѣльницкаго. Что-бы разрѣшить эти вопросы, необходимо сравнить варіанты этого сказанія, замѣчаемые въ разныхъ народныхъ областяхъ и въ разныя времена. Это-то и сдѣлано въ статьѣ г. Г. Ц., съ огромнымъ запасомъ свѣдѣній и строгою научною послѣдовательностію.

Изъ изслѣдованій г. Г. Ц. оказывается, что можно набрать до 14 варіантовъ приведеннаго сказанія. Оно живетъ и въ устахъ народа, проникло и въ произведенія письменной литературы. Панчатантра, басни Эзопа, Федра и Ромула, *Directorium humanae vitae* Іоанна Капуанскаго, сказки изъ окрестностей Семипалатинска Поталина, Золотые луга Массуди, *Esopet* Маріи французской, *Gesta Romanorum*, турецкія басни въ переводѣ *Decourdemanche'a*, сочиненія французскаго писателя XVII—XVIII в. Сенесе, сборникъ албанскихъ сказокъ Дозона и сборникъ юго-славянскихъ сказокъ Крауса—вотъ тѣ книги, гдѣ внимательный изслѣдователь можетъ разыскать разнообразные варіанты басни Богдана Хмѣльницкаго. Тщательное сравненіе всѣхъ этихъ варіантовъ дало г. Г. Ц. возможность опредѣлить: 1) что первообразомъ для всѣхъ ихъ послужилъ варіантъ индійскій, вошедшій въ Панчатантру; 2) что всѣ они, за исключеніемъ индійскаго, распредѣляются на 4 редакціи: классическую (II ст. до Р. Хр.), арабскую 1-ю (VII в. по Р. Хр.), арабскую 2-ю (XV в.) и турецкую (XVI в.) и 3) что украинскій варіантъ принадлежитъ къ редакціи турецкой. «Непосредственная генеалогическая связь украинскаго варіанта съ турецкими», говоритъ г. Г. Ц., «не будетъ удивительна для того, кто вспомнитъ, какъ тѣсно было взаимное соприкосновеніе между украинцами и турками съ конца XV в., когда турки подчинили себѣ Молдаво-Валахію и берега Чернаго моря съ Крымомъ, какъ много украинцевъ проживало среди турокъ въ качествѣ плѣнниковъ, которымъ потомъ удавалось возвращаться на родину, какъ часто украинцы женились на турецкихъ плѣнницахъ, и наконецъ, что самъ Богданъ Хмѣльницкій провелъ два года въ плѣну въ Турціи, гдѣ и выучился турецкому языку. Да и заимствованія украинской народной словесности у турокъ далеко не ограничиваются одной разсматриваемой теперь басней. Множество анекдотовъ, которые ходятъ по Украйнѣ и считаются за продукты мѣстнаго остро-

умія, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются повтореніемъ турецкихъ шутокъ Наср-Эддина-Ходжи» [1]).

Статья г. Г. Ц. написана съ большимъ знаніемъ дѣла и выводы ея не могутъ возбуждать сомнѣній даже въ самомъ придирчивомъ читателѣ

А. С—ка.

[1]) См. по этому поводу ст. г. Кузьмичевскаго „Турецкіе анекдоты въ украинской словесности“ въ Кіевской Старинѣ 1886 г. февраль и мартъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

О НОВООТКРЫТОМЪ СЛАВЯНСКОМЪ БОГѢ РАѢ.

Открытіе новаго славянскаго бога *Рая* было заявлено г. Шейномъ въ изданномъ имъ сборникѣ бѣлорусскихъ пѣсенъ. Внимательно просмотрѣвъ приведенные имъ доводы въ подтвержденіе этой подозрительной новости, мы пришли къ убѣжденію, что тутъ скрывается недоразумѣніе. Такого страннаго бога у славянъ-язычниковъ никогда не бывало и загадка совсѣмъ иначе разъясняется.

Предварительно считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ изданныхъ г. Шейномъ сборникѣ великорусскихъ и бѣлорусскихъ пѣсенъ. Г. Шейнъ не вездѣ строго критически относился къ тексту напечатанныхъ имъ пѣсенъ и кое-гдѣ съ изумленіемъ замѣчали мы явныя несообразности. Такъ, напримѣръ, въ одной пѣснѣ [1]) приведенъ стихъ: «стрѣлы водитъ по ночамъ». Безсмыслица осталась не только безъ всякой оговорки, но, что всего удивительнѣе, черезъ нѣсколько страницъ, въ варіантѣ той-же самой пѣсни находимъ вполнѣ ясный смыслъ (стр. 267). Приводимъ самый текстъ:

«Сговорила меня мать
За поповича отдать:
Не-йду, не-йду, матушка,
Замужъ за поповича;

---

[1]) Русскія пѣсни, стр. 255.

Будь онъ дьяконъ или попъ,
Въ камилавкѣ протопопъ,
Съ требой ходитъ по ночамъ,
Не дастъ спать моимъ очамъ».

Тутъ уже вмѣсто нелѣпости: «стрѣлы водитъ по ночамъ», находимъ правильно: «съ требой ходитъ по ночамъ».—Возьмемъ другой примѣръ [1]). «Какъ всѣмъ *царямъ* давно сказано на войну идти, какъ всѣмъ *царямъ* по коню дали и какъ всѣ *цари* изъ войны пришли».—Какіе это цари, кто имъ приказываетъ, кто имъ даетъ коней? Очевидная нелѣпость всей этой пѣсни требовала отъ г. Шейна какого нибудь объясненія, но издатель напечаталъ ее, оставляя читателя въ безвыходномъ недоумѣніи. Въ одномъ сборникѣ южно-русскихъ пѣсенъ [2]),помѣщенъ, какъ намъ кажется первообразъ этой пѣсни:

«Ой заказано и загадано
Всимъ козаченькамъ у війско идти и т. д.

Въ южно-русскихъ памятникахъ даже офиціальнаго происхожденія слово *козаки* замѣняется нерѣдко другимъ, а именно *лыцари* (т. е. рыцари); по всей вѣроятности, въ какомъ нибудь варіантѣ этой пѣсни было «*лыцари*» вмѣсто *козаки*, а въ переводѣ или передѣлкѣ на великорусское нарѣчіе мудреное словцо: *лыцари* замѣнено вполнѣ яснымъ (цари), но за то пѣсня потеряла всякій смыслъ.

Беремъ еще одинъ примѣръ изъ сборника г. Шейна:

«Тые пчёлки, уси святочки
Пирадъ Богомъ збиралися,
Збиралися, раховалися,
Которому святцу *перестаци*» [3]).

Слово: *перестаци* не имѣетъ тутъ никакого смысла, но изъ варіанта, приведеннаго далѣе (на стр. 95), заключаемъ, что здѣсь должно быть: *впередъ стать*, а не *перестаци*. Смыслъ пѣсни тотъ,

---

[1]) Русскія пѣсни, стр. 180.
[2]) Малороссійскія и червонорусскія думы и пѣсни. Спб. 1836 г., стр. 88.
[3]) Бѣлорусскія пѣсни, стр. 87.

что святые угодники у престола Божія завели споръ о старшинствѣ, кому изъ нихъ впереди стоять.

Мы не станемъ считать, сколько такихъ промаховъ въ сборникахъ г. Шейна. Для нашихъ соображеній достаточно и приведенныхъ образчиковъ. Нисколько не желая умалять заслуги почтеннаго издателя, мы думаемъ однако, что г. Шейнъ поторопился провозгласить новаго славянскаго бога и что въ этомъ наименованіи (Рай) скрывается одинъ изъ великихъ угодниковъ Божіихъ, чествуемыхъ не только въ Россіи, но и во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ малорусское слово *лыцари* подверглось передѣлкѣ и, потерявъ двѣ буквы, обратилось въ совершенно другое (цари), такъ и слово *Рай*, утративъ только одну букву, стало загадкою.

Переходя къ разбору тѣхъ оснований, на которыхъ держится наше толкованіе, признаемъ необходимымъ сперва привести изъ сборника г. Шейна краткое извлеченіе о томъ, гдѣ и какъ нашелъ онъ новаго бога [1]). «Въ Бѣлоруссіи, говоритъ г. Шейнъ, при введеніи христіанства, вся масса коснѣвшаго въ язычествѣ народа, весьма поверхностно затронутая его высокими истинами, для избѣжанія нареканій и преслѣдованій со стороны своихъ новыхъ духовныхъ пастырей, *ухитрилась* (?!) подвести свои старыя вѣрованія подъ новыя заглавія, пріурочивъ ихъ только къ святымъ угодникамъ непривычной, непонятной ей религіи. Вотъ почему изъ-подъ весьма неглубокаго, довольно зыбкаго наслоенія христіанскихъ понятій въ бѣлорусскомъ народномъ творчествѣ выглядываетъ цѣлый крѣпкій кряжъ языческихъ представленій. Богъ, Божія Матерь, апостолы, святые мученики и угодники Божіи, даже многія отвлеченныя понятія христіанской церкви облечены въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ плотью и кровью, имѣютъ опредѣленныя обязанности въ обработкѣ полей, въ хозяйственномъ благоустройствѣ и семейныхъ дѣлахъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ, г. Шейнъ приводитъ нѣсколько пѣсенъ, напримѣръ:

. . . . Ѣхала карета
Малеваная, вызлочаная,

---

[1]) Бѣлорусскія пѣсни, стр. 513—524.

Кто-жъ въ той карецѣ? Сама Госпожа,
Сама Госпожа, Матка Божья и т. д.

Или:

Святый Юрьря Боскій (т. е. Божій) ключникъ,
Да идзи у поле, да у чистое,
Одомкни землю, пусци росу,
Пусци росу на эту весну,
Да й мокраю, да й цеплаю,
На этотъ свѣтъ, на всякій цвѣтъ,
На людъ веселый, на урожай и т. д.

«Можно ли, говоритъ г. Шейнъ, послѣ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти олицетворенныя понятія суть ничто иное, какъ весьма яркое отраженіе языческихъ боговъ, замаскированныхъ подъ религіозными именами, освященными христіанскою церковью? Тутъ остается пока необъяснимымъ только то замѣчательное обстоятельство, какимъ образомъ спаслись отъ этого замаскированія и сохранились до нашихъ дней подъ собственнымъ своимъ именемъ такіе замѣчательные боги, какъ *Коледа* и *Купала*. Но въ ожиданіи разрѣшенія этого вопроса, намъ приходится присоединить къ нимъ еще одного, доселѣ неизвѣстнаго, какимъ-то чудомъ спасшагося отъ общаго крушенія и уцѣлѣвшаго подъ собственною кличкою. Это богъ жатвы; имя ему *Рай*. Этотъ богъ, какъ видно, глубокой миѳической древности и является впервые на страницахъ нашего бѣлорусскаго сборника. Мы передаемъ новое миѳологическое открытіе, сдѣланное нами случайно, прибавляя отъ себя краткую исторію этого открытія. Въ 1869 году, многоуважаемый сотрудникъ нашъ, бывшій профессоръ витебской семинаріи Шимковичъ, доставилъ намъ двѣ тетради пѣсенъ, нарочно для насъ записанныхъ его братомъ священникомъ. Тамъ, между прочими, была пѣсня № 361 нашего сборника:

Хадзиу *Рай* по вулици,
Нихто *Раю* у хату ня просиць,
Просиць *Раю* Андрейка;
А прошу жъ *Раю* къ собѣ у хату и т. д.

Подъ этою пѣснею внизу была выноска: «*Рай*—богъ жатвы», безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій священника, ее написавшаго». Въ заключеніе г. *Шейнъ* говоритъ: изъ всѣхъ изложенныхъ *дан-*

ныхъ вытекаетъ слѣдующее: 1) упоминаемый въ пѣсняхъ *Рай несомнѣнно* есть названіе бога жатвы въ ея окончательномъ результатѣ; 2) атрибуты *Рая*: вѣнокъ изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи, спорышей и полевыхъ цвѣтовъ; 3) людямъ онъ является въ олицетворенномъ образѣ цвѣтущей молодости; 4) его задача—сѣять прибыль, споръ, преуспѣяніе въ результатахъ земледѣлія; 5) существованіе бога *Рая* указываетъ на то, что были и другіе земледѣльческіе боги подъ своими собственными именами; 6) если *Гай* сохранился въ памяти поселянъ витебской и виленской губерній, то можно полагать, что онъ существуетъ и по нынѣ въ пограничныхъ губерніяхъ могилевской и минской и т. д.

Мы не станемъ подробно опровергать всего сказаннаго г. Шейномъ по поводу его новаго открытія; ограничимся самымъ существеннымъ. Г. Шейнъ говоритъ, будто бѣлорусскій народъ, спасаясь отъ преслѣдованій духовенства, *ухитрился* замаскировать свои языческія вѣрованія подъ покровомъ христіанскихъ именъ. Хитрости тутъ никакой не было. Въ Бѣлоруссіи повторилось то же явленіе, какое происходило вездѣ при введеніи христіанства. Языческія вѣрованія, преданія, обычаи, съ которыми народъ сжился въ теченіе многихъ вѣковъ, не могли исчезнуть сразу. Языческое міросозерцаніе, отвѣчавшее на всѣ вопросы неразвитаго сознанія, продолжало держаться по прежнему; отъ христіанства могло перейти только все внѣшнее, поверхностное: обряды, церемоніи, новыя имена. Вотъ отъ чего духовенство, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, жалуется у насъ на закоснѣлость языческихъ вѣрованій въ простомъ народѣ. Не станемъ также опровергать г. Шейна, полагающаго, что *Коледа* и *Купала* были языческіе боги. Это уже устарѣлое мнѣніе и теперь считаютъ ихъ названіями праздниковъ, а не боговъ. Переходимъ къ главному предмету, къ ново-открытому богу.

Соображая основанія г. Шейна и свойства бѣлорусскаго нарѣчія, мы считаемъ, что *Рай* не языческій богъ, а просто святой *Юрай*, т. е. *Юрій*, слишкомъ извѣстный вездѣ, во всѣхъ губерніяхъ, не только въ Бѣлоруссіи. Намъ слѣдуетъ только разобрать, какъ могла случиться такая перемѣна въ имени. Г. Шейнъ пишетъ имя *Юрьря*, какъ произносятъ его грамотные бѣлоруссы, жители городовъ. Но въ такомъ начертаніи имени есть два рѣзкихъ уклоненія отъ господствующаго бѣлорусскаго нарѣчія. Во 1-хъ двойное *р* противурѣчитъ

не только бѣлорусскому говору, но и русскому языку, даже всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Такія слова, какъ knarren, mürrisch, verwirren, которыя въ нѣмецкомъ языкѣ можно легко считать сотнями, поражаютъ всякого непривычнаго къ нимъ славянина. На вопросъ: есть-ли какое нибудь чисто русское слово съ двойнымъ *р*? мы рѣшительно отвѣчаемъ: нѣтъ ни одного [1]). Во 2-хъ есть еще тутъ важное нарушеніе, на этотъ разъ только одной излюбленной бѣлоруссами фонетики. Такія слова, какъ напримѣръ: порядокъ, заря, ряса, бѣлоруссъ передѣлываетъ по своему и говоритъ: порадокъ, зара, раса и т. п. [2]). Самъ г. Шейнъ въ своей книгѣ подтверждаетъ такое произношеніе. Такимъ образомъ въ результатѣ получается, что имя *Юръря* совмѣщаетъ въ себѣ двѣ аномаліи, и если онѣ обѣ сохраняются упорно, то это слѣдуетъ приписать только городскому населенію, которое неизмѣнно затвердило такое странное произношеніе *Юръря*. Но не то должно было произойти въ деревняхъ, гдѣ выговоръ не стѣсняется поправкою посторонняго (даже самого священника). Тутъ именно, вдали отъ большихъ центрозъ, отъ городовъ, должна была прорваться и взять верхъ господствующая, обычная фонетика; тутъ и показалось то-же самое имя, только совсѣмъ въ другомъ видѣ; вмѣсто такого дикаго сочетанія, какъ *Юръря*, должно было возникнуть: *Юрай*. Чтобы не подвергнуться нареканію въ измышленіи *Юрая*, мы укажемъ фактическія опоры нашего толкованія. Къ сожалѣнію мы не можемъ назвать ту мѣстность въ Бѣлоруссіи, гдѣ именно говорятъ *Юрай*. Въ именословѣ Морошкина показано имя *Юрай* у хорватовъ; но хорваты живутъ далеко отъ бѣлоруссовъ. Уменьшительныя бѣлорусскія: *Юрась*, *Юрка*, малорусское имя *Юра*, какъ-бы намекаютъ на существованіе искомаго нами полнаго имени. Въ одной *волынской* пѣснѣ, говоритъ Чубинскій [3]), отпираніе неба приписывается *Юраю:*

Та *Урай* матку кличе:
Та подай, матко, ключи
Одимкнути небо, выпустити росу и т. д.

---

[1]) Г. Безсоновъ въ своемъ изданіи бѣлорусскихъ пѣсенъ пишетъ это имя только съ однимъ *р* (Юрья).

[2]) Шейнъ, Бѣлорусскія пѣсни, стр. 529.

[3]) Труды этнограф. экспедиціи въ юго-западный край, томъ III, стр. 30.

Какой-же это *Урай*, владѣющій ключами отъ неба и выпускающій росу на землю? Чубинскій этого не объяснилъ. Имя, правда, неслыханное, загадочное, но изъ народныхъ вѣрованій мы твердо и несомнѣнно знаемъ, кто отпираетъ небо и пускаетъ теплую росу, чтобы разогрѣть и распустить ледяную кору земли. Въ сборникѣ г. Шейна мы читаемъ:

А св. *Юрьря*, возьми ключи золотые,
Отомкни поля, сыру землю,
Упусци, *Юрьря*, цеплаю росу и т. д.

Если въ *волынской* губерніи Юрій называется *Урай*, то въ смежныхъ съ нею бѣлорусскихъ, по всей вѣроятности, гдѣ нибудь тотъ-же *Урай* воспѣвается съ легкою отмѣною, а именно: *Юрай*. Замѣна одной буквы (у и ю) другою не представляетъ ничего особеннаго; вѣдь *ю* тоже что *йу*. Въ Лаврентьевской лѣтописи встрѣчается тоже *Урій* вмѣсто *Юрій* [2]). Такимъ образомъ, изъ сопоставленія и сличенія пѣсенъ, мнимый языческій богъ *Рай* оказывается несомнѣнно *св. Юраемъ, Ураемъ*, т. е. *Юріемъ* (Юрьемъ) [3]). Въ устахъ безграмотнаго люда имена собственныя (людей, городовъ, рѣкъ и проч.) сплошь и рядомъ подвергаются разнообразнымъ искаженіямъ, разительнымъ доводомъ чему служатъ пѣсни, былины и вообще всѣ произведенія народнаго творчества. Такъ самое обыкновенное имя *Дмитрій* передѣлано бѣлоруссами до того, что его нельзя угадать: святой *Змицёръ*, Змицёръ, ёнъ на усе хицёръ, солоды солодзиць, пиво вариць, сыноу жаниць, дочекъ выдаваць и т. д.

Не трудно понять, что народъ по невѣжеству, суевѣрію и не развитости самъ не знаетъ, кто такой *Рай*: богъ-ли это, святой-ли

---

[1]) Бѣлорусскія пѣсни, стр. 95.

[2]) См. указатель къ лавр. списку, изданному Арх. Ком. 1872 г.

[3]) Превращенію имени *Юрай* въ *Рай* способствовало удареніе и мѣсто въ стихѣ. Съ перемѣщеніемъ ударенія на окончаніе и вслѣдствіе предшествующей гласной произошло ослабленіе *ю* и наконецъ утрата, такъ назыв. aphaeresis:

Хадзиу Юрай па вулици

или: Хадзи*у* Урай па вулици,

гдѣ сливаются два *у*. Прибавимъ еще: *Юра* есть сокращеніе, какъ Микола, Алекса и т. д. Полныя имена: Юрай, Николай, Алексѣй.

это *Юрій*, хотя несомнѣнно народъ самъ-же его и сочинилъ. Въ искаженномъ имени самъ священникъ не узналъ уже святого великомученика, и «*ничто-же сумняся*», провозгласилъ его богомъ языческимъ, а г. Шейнъ, повторивъ чужое голословное мнѣніе, отъ себя еще присочинилъ, что это богъ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій отъ глубокой миѳической древности, что это именно богъ жатвы въ ея *окончательномъ результатѣ*(!) и что навѣрно найдутся еще и другіе земледѣльческіе боги въ смежныхъ губерніяхъ и т. д.

Изъ всего сказаннаго можно съ полною увѣренностію признать существованіе имени *Юрай* и превращеніе его въ таинственнаго *Рая*. Но это не языческій богъ жатвы, а святой *Юрій*, который въ наивномъ вѣрованіи народа поставленъ на недосягаемую высоту. Юрьевъ день въ Бѣлоруссіи, по словамъ г. Шейна, считается вторымъ въ году праздникомъ послѣ Пасхи, важнѣе святокъ, Николина дня и проч. Впрочемъ и повсемѣстно въ Россіи, какъ и у всѣхъ славянскихъ народовъ, 23-го апрѣля празднуется торжественно, какъ день могучаго покровителя, рѣшающаго судьбу пахаря, благодѣтеля-охранителя домашняго скота, властелина дикихъ звѣрей (волковъ преимущественно; почему волкъ въ южныхъ губерніяхъ называется *Юровой собакой*); въ великорусскихъ народныхъ произведеніяхъ *св. Егорій* изображается устроителемъ свято-русской земли, установителемъ порядка природы, даже насадителемъ православной вѣры. У него единственно и есть за то три имени: Георгій, Егорій и Юрій. Извѣстная въ Малороссіи весенняя пѣсня *Воротарь*:

Воротарь, воротарь, отчини ворота!
А хто у воротъ кличе?

содержитъ аллегорію и прославляетъ, по всей вѣроятности, того же свят. Юрія, сразившаго лютаго змія (зиму) и тѣмъ спасшаго злосчастную дѣву (т. е. землю), обреченную чудовищу въ жертву. Онъ называется *Воротаремъ*, привратникомъ, потому что отворяетъ (отчиняетъ) ворота благодатному лѣту, сулящему обиліе земныхъ плодовъ, обезпечивающему самую жизнь хлѣбопашцевъ; поэтому же въ иныхъ мѣстахъ *Воротарь* величается *Володаремъ*, т. е. властелиномъ земли.

И такъ, въ заключительномъ выводѣ, *Рай* не языческій богъ, уцѣлѣвшій отъ сѣдой миѳической древности, а несомнѣнное созданіе христіанской миѳологіи самой новѣйшей формаціи, естественный плодъ того извѣстнаго двоевѣрія, на которое столько вѣковъ жаловалось у насъ духовенство. Мы говоримъ: *жаловалось.* Впрочемъ.... если хорошенько поискать, и теперь еще найдется, положимъ, не цѣлый крѣпкій кряжъ язычества, какъ выражается г. Шейнъ, все же тамъ и сямъ можно выслѣдить обломки. Вѣдь еще и теперь старые вѣковые дубы съ огромнымъ пролазомъ могутъ нашъ сельскій людъ ввести въ искушеніе и побудить къ посильнымъ приношеніямъ....

Д. Кравченко.

КЪ БІОГРАФІИ В. Н. ЗАБѢЛЫ.

Свѣдѣнія о жизни малорусскаго поэта В. Н. Забѣлы, помѣщенныя въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX ст. Н. Петрова, очень кратки и, на сколько намъ извѣстно, другихъ источниковъ, кромѣ указанныхъ въ книгѣ Петрова, не имѣется. Въ виду этого быть можетъ не лишены будутъ нѣкотораго интереса и тѣ отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя занесены въ мою записную книжку со словъ помѣщика черниговской губ. Г. Л.

Въ 1858 г. Г. Л., бывши студентомъ нѣжинскаго лицея, ѣхалъ изъ Нѣжина съ товарищемъ на каникулы домой и долженъ былъ перемѣнять почтовыхъ лошадей въ г. Борзнѣ. Почтовую станцію въ Борзнѣ содержалъ въ то время именно В. Н. Забѣла, о которомъ молодые люди слышали уже, какъ о малорусскомъ поэтѣ. Дѣло это было для него совсѣмъ не подходящее и ведено имъ крайне небрежно и неисправно, такъ что зачастую проѣзжающіе испытывали затрудненія въ лошадяхъ на борзенской станціи гораздо болѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Но въ подобныхъ случаяхъ всегда являлся на выручку хозяинъ. Веселый, радушный—онъ сразу располагалъ къ себѣ всякаго и не рѣдко бывали случаи, что проѣзжающій, накричавши сначала на станціоннаго смотрителя, оставался потомъ на нѣсколько дней гостемъ содержателя станціи и за тѣмъ разставался съ нимъ, какъ съ пріятелемъ. Тоже самое произошло и на этотъ разъ. Студенты не получили лошадей, но

любезный хозяинъ заставилъ ихъ на нѣкоторое время забыть и каникулы и предстоящее свиданіе съ родными. Извинившись за неисправность и успокоивъ обѣщаніемъ скораго отправленія, В. Н. предложилъ имъ угощеніе и въ короткое время такъ очаровалъ своихъ гостей, что они были въ полномъ его распоряженіи и отправились ночевать къ нему на хуторъ, отстоявшій въ 3 или 4-хъ верстахъ отъ Борзны. В. Н., какъ справедливо говоритъ М. Глинка въ своихъ запискахъ, былъ необыкновенный мастеръ изображать въ лицахъ, зналъ массу анекдотовъ, прекрасно исполнялъ малорусскія пѣсни подъ аккомпаниментъ гитары и съ неподражаемымъ юморомъ передавалъ сцены изъ малорусскаго народнаго быта. Ко всему этому не затѣйливое, но обильное угощеніе, особенно по части выпивки—и время летѣло не замѣтно. Было уже за-полночь, какъ хозяинъ вдругъ засуетился. «Ото пакъ, дурный, сидимо тутъ, частуемось, розмовляемо, а й доси ще я не показувавъ вамъ жинки! Треба-жъ вамъ, панычи, познакомитись зъ моею жинкою».—Студенты были очень удивлены, видя вокругъ безпорядочную холостецкую обстановку, и стѣснялись дорожнымъ костюмомъ и лишне выпитою чаркою. «Ото ще що выгадали,—та моя жинка не така, якъ оти пани, вона проста людина и зъ дорогою душею привитае васъ. Ходимъ!» И съ этимъ словомъ хозяинъ повелъ своихъ гостей въ слѣдующую комнату. Видъ этой комнаты крайне удивилъ гостей; въ ней совершенно отсутствовала какая-бы то ни было мебель и только уголъ комнаты былъ завѣшенъ какою-то занавѣсью отъ потолка до низу. Сюда-то именно и направился хозяинъ, чѣмъ еще болѣе смутилъ гостей; но тутъ онъ быстро отдернулъ занавѣсъ и удивленнымъ взорамъ студентовъ представилась въ углу большая, ведеръ въ 30, бочка съ краномъ и висѣвшимъ на ней мѣднымъ корячкомъ.

«Оце, панове, моя жинка; якъ стане мени гирко на души, тутъ моя утиха и видрада». Удивленные гости должны были почествовать «жинку» и обязательно выпить съ хозяиномъ по корячку водки, которую хозяинъ натачивалъ изъ крана. Отсутствіе мебели въ комнатѣ хозяинъ объяснилъ тѣмъ, что удобнѣе всего сѣсть по запорожски «доли», поближе къ крану, то «на вищо-жъ та мебель»?

Покойный А. А. Котляревскій, лично знавшій В. Н., передавалъ г. Петрову, что «Забила бувъ великій недурень выпити», какъ это показываетъ и приведенный случай. Но не всегда такимъ былъ Забѣла. Правда, военная служба съ обыкновенными въ то время попойками значительно располагала къ этому, тѣмъ не менѣе Забѣла въ первое время по выходѣ въ отставку нисколько не выдѣлялся въ этомъ отношеніи изъ среды помѣщиковъ. Но онъ былъ очень несчастливъ въ семейной жизни. Со всѣмъ пыломъ страсти полюбилъ онъ дочь сосѣдняго помѣщика Бѣлозерскаго и повидимому пользовался сочувствіемъ. Судьбѣ однакожъ угодно было распорядиться иначе: предложеніе В. Н. почему-то не было принято и Бѣлозерская вскорѣ выдана была за другого. Эта неудача нанесла ему тяжкую сердечную рану: В. Н. затосковалъ и запилъ. Сначала онъ стѣснялся этимъ и потому, посѣщая знакомыхъ сосѣдей, пилъ у нихъ обыкновенно, какъ и прежде, но всегда возилъ съ собою «хлопця», который имѣлъ въ запасѣ нѣсколько бутылокъ водки и В. Н. тайкомъ отъ знакомыхъ, гдѣ нибудь въ сѣняхъ или въ саду, пользовался угощеніемъ изъ своего походнаго буфета. Скоро однакожъ это перестало быть тайной и В. Н. болѣе не стѣснялся уже пить, хотя въ гостяхъ и у себя при гостяхъ никогда не напивался до безобразія. Тутъ, конечно, много значила крѣпкая натура В. Н., но видна была и сдержанность, которая подсказывала ему извѣстныя границы. Благодаря этому, а главное—веселому его характеру и не истощимому юмору, В. Н., человѣкъ при всемъ томъ замѣчательно добрый, не переставалъ быть желаннымъ гостемъ у всѣхъ и всегда пользовался расположеніемъ своихъ знакомыхъ.

Случай доставилъ В. Н. близкое знакомство съ намѣстникомъ Царства Польскаго княземъ Паскевичемъ, во время проѣзда его чрезъ Борзну. Князь, какъ извѣстно, отличался нѣкоторою слабостью къ землякамъ или, какъ выражается Кулишъ, былъ малорусскій патріотъ «що до анекдотивъ, писень, борщу, вареныкивъ, та иншихъ украинськихъ ласощивъ» и потому неудивительно, что В. Н., этотъ чистокровный типъ добродушнаго юмориста малоросса, такъ понравился ему, что князь прогостилъ у него цѣлый день и пригласилъ его на службу къ себѣ. Чувствовалъ ли себя В. Н. не

въ силахъ совладѣть съ своею слабостью или по другимъ причинамъ, но только онъ отказался отъ этого предложенія. Тѣмъ не менѣе князь на прощаньи просилъ В. Н. обращаться къ нему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ возможна его помощь. Случай къ этому представился очень скоро и князь дѣйствительно исполнилъ свое обѣщаніе. Въ Борзнѣ умеръ бѣдный и многосемейный чиновникъ, не оставивъ семейству никакихъ средствъ къ существованію. В. Н. принялъ живѣйшее участіе въ судьбѣ осиротѣлаго семейства, пріютилъ у себя вдову съ меньшими дѣтьми, а двухъ старшихъ сыновей отвезъ въ Варшаву и при содѣйствіи князя помѣстилъ ихъ на казенный счетъ въ учебныя заведенія. Впослѣдствіи ему удалось, также при содѣйствіи князя, выхлопотать пенсіонъ для вдовы чиновника и такимъ образомъ судьба цѣлаго семейства была обезпечена.

По характеру В. Н. былъ очень добродушный, незлобивый и спокойный человѣкъ. Любилъ онъ не рѣдко подшутить, съострить, изобразить кого, подмѣтивъ комическую сторону, разсказать о комъ забавный анекдотъ, но все это дѣлалось съ такимъ добродушіемъ, что никто на него не обижался, даже и въ томъ случаѣ, когда онъ высказывался иногда какъ-бы съ выраженіемъ нѣкотораго неудовольствія, позволяя себѣ иногда дѣйствительно рѣзкія замѣчанія. Такъ напр. онъ не долюбливалъ бывшаго тогда въ большомъ ходу употребленія въ разговорѣ французскихъ фразъ или словъ и въ этихъ случаяхъ почти никогда не оставлялъ безъ остроты или «прикладки», часто очень забавной, не лишенной остроумія, а иногда и рѣзкой, въ родѣ того напр., что какая либо барышня скажетъ «merçi», а В. Н. на это: «мабуть у неи дома не вси», или что нибудь въ этомъ родѣ. Единственный человѣкъ, котораго дѣйствительно не любилъ В. Н.,—это былъ П. А. Кулишъ. Въ этомъ случаѣ впрочемъ имѣло значеніе авторское самолюбіе, какъ извѣстно, самое щекотливое изъ всѣхъ. П. А. Кулишъ въ статьѣ своей: «Взглядъ на малороссійскую словесность», помѣщенной въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 г., кн. 12, говоря вообще о малорускной литературѣ, высказался весьма неодобрительно о стихотвореніяхъ В. Н. въ альманахѣ «Ластивка». В. Н. написалъ на эго длинное бранное

посланіе въ стихахъ и тотчасъ же отослалъ его Кулишу. Въ свое время посланіе это, впрочемъ крайне грубое и совсѣмъ не остроумное, было очень распространено среди борзенской публики, но г. Л. помнитъ одинъ лишь слѣд. куплетъ:

Крути, верти свій розумъ
Изо всиеи праци,—
Не выкрутишъ бильше того,
Шо у мене въ . . . . .

В. Н. былъ не высокаго роста, плотный, съ большими усами и добрыми сѣрыми глазами; физіономія его носила столь явные слѣды усерднаго поклоненія Бахусу, что при первомъ взглядѣ каждый съ увѣренностью угадывалъ его слабость. Самъ В. Н. разсказывалъ бывшій съ нимъ забавный въ этомъ отношеніи случай. Однажды В. Н., проѣзжая какое-то незнакомое ему село, былъ сильно уставши, заѣхалъ днемъ къ какому-то крестьянину и заснулъ у него. Въ это время въ селѣ была у кого-то свадьба и по улицамъ ходила такъ называемая «перезва». В. Н. спитъ и ничего не слышитъ. Какъ вдругъ въ хату, гдѣ онъ спалъ, вваливается толпа съ пѣснями, музыкой и неизбѣжнымъ въ этомъ случаѣ «частованьемъ». В. Н. просыпается, поворачиваетъ голову, протираетъ глаза и удивленно со сна осматриваетъ шумную публику. Ему предлагаютъ выпить, но В. Н., какъ всегда на первое приглашеніе, отвѣчаетъ: «не пью»! Посмотрѣлъ на него одинъ крестьянинъ, покачалъ сомнительно головой.... «И щобъ така пыка та не пила!» сказалъ онъ къ общему удовольствію всей публики. «Наливай!» раздалось съ увѣренностью нѣсколько голосовъ и В. Н. блистательно оправдалъ эту увѣренность.

Стихотвореній В. Н. Забѣлы издано не много: три изъ нихъ напечатаны въ альманахѣ «Ластивка» 1841 г., два стихотворенія: «Гуде витеръ вельми въ поли» и «Не щебечи соловейко» изданы отдѣльно съ музыкой знаменитаго композитора М. Глинки и благодаря этому, а также особенной задушевности стиха, сдѣлались очень популярны въ Малороссіи; наконецъ одно стихотвореніе на-

печатано въ книгѣ Петрова «Очерки украинской литературы XIX столѣтія». Мотивъ почти всѣхъ лирическихъ стихотвореній В. Н Забѣлы—безнадежность любви и семейнаго счастія—несомнѣнно навѣянъ личнымъ горемъ поэта. Этимъ же по всей вѣроятности объясняется и то обстоятельство, что В. Н. такъ скупо дѣлился съ публикой своими произведѣніями. Но писалъ онъ вообще довольно много и мнѣ самому, года четыре назадъ, приходилось видѣть весьма объемистую тетрадь его стихотвореній, переписанныхъ имъ самимъ. Тетрадь эта была въ то время отослана въ Одессу, къ книгопродавцу В. Бѣлому, для напечатанія въ предполагавшемся малорусскомъ альманахѣ, но почему-то альманахъ тотъ не былъ изданъ и такимъ образомъ большая часть произведеній В. Н. остаются до сихъ поръ неизданными.

М. Комаровъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ Е. П. ГРЕБЕНКИ.

Полнаго изданія всѣхъ малорусскихъ произведеній Е. П. Гребенки до сихъ поръ нѣтъ. Хотя онъ писалъ преимущественно по великорусски, но несомнѣнно, что и малорусскихъ его произведеній должно быть больше, чѣмъ сколько ихъ извѣстно въ печати. Такъ, недавно удалось мнѣ записать одно, неизданное до сихъ поръ. его стихотвореніе, подъ заглавіемъ «Варена». Вотъ оно:

Давайте варену!
Хай весело буде,
Нехай погуляють
Хрещеніи люде.

—

Изъ насъ тихесенько кожный йсть,
Якъ тильки що обидь почнеться;
А якъ хлыснуть по пъять, по шисть,—
Де въ Бога й ричь та набереться.

—

Балакають дуже,
Мовъ бжолы гудуть,
Выгадують штуки
И всячину гнуть.

Хто баляндрасы точить дивци,
Хто лае подушне, хто мирське,
Тамъ Опанасъ Грыцьковій жинци
На ухо каже щось таке;
А та червоніе, мовъ повная рожа,
И каже тихенько: «на що се похоже»?

—

На неи дивиться Андрій,
Та позирае все въ виконце
И думае винъ: колы-бъ мерщій
За гору заховалось сонце!

—

Въ виконце погляне,
На неи моргне,
А та усмихнеться,
Плечима здвигне....

—

Я маю думку вже таку,
Що лучче-бъ жить було на свити,
Якъ-бы обидать на швидку,
А потимъ до пивночи пити.
Давайте-жъ варену!
Хай весело буде,
Нехай погуляють
Хрещеніи люде.

Стихотвореніе это записано мною со словъ священника звенигородскаго уѣзда Л. К. Принадлежность его перу Е. П. Гребенки несомнѣнна. Л. К. въ сороковыхъ годахъ жилъ въ Петербургѣ и знакомъ былъ со многими изъ малорусскаго кружка, между прочимъ съ А. Кузьмичемъ, извѣстнымъ авторомъ романовъ изъ малорусской исторіи, который однажды зашелъ къ нему прямо отъ Гребенки и принесъ это стихотвореніе, какъ только что написанное Гребенкою; впослѣдствіи Л. К. слышалъ также и отъ другихъ, что это стихотвореніе написано Гребенкой. Въ то время оно на столько понравилось Л. К., что и до сихъ поръ осталось въ его памяти.

М. Комаровъ.

СУДЬБА ТАБАЧНОЙ ФАБРИКИ, ЗАВЕДЕННОЙ ПРИ ПЕТРѢ 1-МЪ ВЪ АХТЫРКѢ[1]).

Объ этой фабрикѣ въ «Дневныхъ запискахъ» генеральнаго подскарбія Якова Марковича, 17 марта 1727 года, написано: «Пріѣзжалъ къ намъ въ Ахтыркѣ государевого табачнаго завода досмотрщикъ Степанъ Ѳедоровъ сынъ Павловъ, съ которымъ ѣздили до оного завода. Тамъ по избамъ многіе работники, изъ которыхъ одни папуши розбираютъ по листку и изъ листовъ коренци вынимаютъ; другіе тѣ листья въ долгія трубки катаютъ на желѣзныхъ прутьяхъ; третьи тѣ трубки въ столбики скручиваютъ, каковые рулями называютъ, и кропятъ оные отваромъ черносливъ съ прибавкою соли; четвертые изъ тѣхъ столбиковъ въ желѣзномъ прессѣ выдавливаютъ горькій сокъ, послѣдніе же таковые столбики рѣжутъ нарочно сдѣланными стальными сѣчками и въ картузы кладутъ. Столбики нарѣзанные по 4 и по полъ 5 фунта, а въ картузахъ по фунту. Табакомъ засѣваютъ *великія левады*, въ которыхъ помѣщается 50 десятинъ; а въ десятинѣ длины 60, а ширины 40 саженей. Работниковъ въ лѣто бываетъ до 500 человѣкъ и больше, собираютъ же табаку, буде урожай, до 7,000 пудъ, иногда меньше». Въ другомъ мѣстѣ, подъ 26 ч. мая 1725 г., авторъ «Записокъ», между прочимъ, отмѣтилъ: «...ѣхали мимо табачныя государевы левады, весьма большія, и мимо шуры превеликія, изрядно зъ пиленного дерева построенной...»

Въ такомъ положеніи находилась государева табачная фабрика въ первое время по смери ея учредителя; но вскорѣ о ней, какъ и о другихъ предначинаніяхъ заботливаго царя, забыли. Черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ Петра I, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тепловъ прислалъ изъ Петербурга опредѣленному съ властію губернаторскою въ слободско - украинскую губернію Щербинину слѣдующее письмо:

«Государь мой Евдокимъ Алексѣевичъ.

Ея имп. величество увѣдомиться соизволила, что еще при жизни блаженныя и вѣчно достойныя памяти императора Петра В. нѣкото-

---

[1]) Изъ дѣла бывшей харьков. губерн. канцеляріи „о посылкѣ въ Санктъпетербургъ имѣющихся въ Ахтыркѣ табачныхъ инструментовъ“.

рыми чужеземцами заводима была табачная фабрика въ Ахтыркѣ, для которой и выписаны были разные инструменты, а особливо прессъ желѣзной и все, что къ оному принадлежитъ. Но какъ мастеръ тогдашней умеръ, а при томъ случилася кончина государева, то все предпріятіе осталося безъ дѣйствія, а между тѣмъ инструменты по нынѣ хранятся въ Ахтыркѣ, которые уповательно совсѣмъ перержавѣли. Того ради ея императорское величество высочайше мнѣ повелѣть соизволила къ вашему превосходительству отписать, чтобы помянутые инструменты и что къ онымъ принадлежитъ приказали собирать и съ надлежащею въ пути бережностію отправить въ С.-П.-бургъ по зимнемъ нынѣшнимъ еще пути, адресовавъ ихъ ко мнѣ, а сверхъ того и навѣдаться-бы изволили, были-ли въ Ахтыркѣ какіе табачные магазейны и ежели были, то какъ оныя уничтожились. Ея императорскому величеству донесены о томъ многія обстоятельства, что будто и табакъ того времени собранный въ ямахъ хранится, чему однакожъ вѣрить нельзя, а хотя и былъ, то надобно оному въ прахъ обратиться; потому что магазейновъ табачныхъ въ земляныхъ ямахъ имѣть невозможно; ежели же что подобное тому найдется въ Ахтыркѣ, то прошу при оной посылкѣ того табаку на пробу съ пудъ прислать и увѣдомить, сколько его найдено.

Февраля 6 дня
1766 года
С. Петербургъ.

Имѣю честь и проч.
Григорей Тепловъ.

Изъ производившейся по этому поводу переписки между инстанціями выяснилось, что кончина Петра В. не была причиной уничтоженія табачной фабрики въ Ахтыркѣ. Въ архивѣ бывшей ахтырской полковой канцеляріи ни указа объ открытіи фабрики, ни копій съ нея не отыскалось; была только росписка полковаго судьи Боярскаго въ полученіи указа 14 октября 1718 г., да контрактъ, заключенный въ томъ же году съ иностранцемъ мастеромъ, Жаномъ Андреемъ Жизи «о завожденіи первоначально табака». До 1733 г. фабрика находилась въ вѣдѣніи великороссійскихъ коммисаровъ, затѣмъ передана была ахтырскому полку въ *полковое содержаніе* и, по свидѣтельству опредѣленныхъ конторой

государственной комерцъ-комисіи смотрителей, для нея производился *самою малою частью посѣвъ табаку* по 1736 г., послѣ котораго, «за бывшими многотрудными военными канъектурами остановился». Прессы и инструменты потомъ хранились подъ надзоромъ ахтырской полковой канцеляріи и, по показанію бывшаго подмастерья фабрики, Михайла Пилевина, только одинъ прессъ, оказавшійся годнымъ, временно былъ употребляемъ бывшими тогда полковыми командирами и старшиной «партикулярно для издѣлки табаку». Выяснилось также, что на фабрикѣ были строенія. Изъ нихъ одинъ амбаръ, длиною въ 48 саж., перенесенъ былъ въ 1730 году внутрь города для склада армейскаго провіанта; 3 навѣса приказчикъ бывшаго откупщика той фабрики Маслова, Ѳедоръ Поршняковъ, «спалилъ», а другіе амбары и прочее строеніе «отъ долговременности вовся сгнило».

Несомнѣнно, такимъ образомъ, что учредителемъ табачной фабрики въ Ахтыркѣ было правительство, но послѣ Петра 1-го, по крайней мѣрѣ *de facto*, настоящаго хозяина у нея не было. И фабрику, и левады, на которыхъ сѣялся табакъ, Марковичъ называетъ государевыми, т. е. казенными, не указывая точно, гдѣ именно онѣ находились. Переписка заставляетъ усумниться въ ихъ принадлежности казнѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ ея прямо говорится: «фабрика табачная въ г. Ахтыркѣ, где и табакъ сеянъ на занятыхъ тогда *обывательскихъ, а не на казенныхъ земляхъ*, коими и нынѣ обыватели владѣютъ».

При такомъ условіи, понятно, у ахтырскихъ обывателей не могло быть сочувствія къ табачной фабрикѣ; табакъ на мѣстѣ не имѣлъ сбыта: печатанныя публикаціи о покупкѣ его по всей Слободской Украинѣ не вызвали ни одного охотника.

Въ годъ переписки табакъ отыскался частію въ амбарѣ при мѣстномъ городскомъ цейхгаузѣ, частію во дворѣ сваленнымъ въ кучу, развалившимся и изгнившимъ до основанія, обратившимся въ «навозъ и мокроту». Примѣрно, тамъ его было пудовъ до ста, добыть же образца въ Петербургъ съ трудомъ удалось только по 10 фунтовъ рульнаго и крошенаго, да съ полпуда *тертаго*. Рука времени коснулась также прессовъ и прочихъ инструментовъ. Прессовъ было 2. Одинъ изъ нихъ оказался испорченнымъ и негоднымъ, почему и оставленъ въ Ахтыркѣ при городовомъ цейхгаузѣ; другой ахтырская

провинціальная канцелярія при описи препроводила въ Харьковъ съ нарочнымъ, помянутымъ выше подмастерьемъ, Михайломъ Пилевинымъ, который «умѣлъ разобрать и собрать пресъ».

Весной 1766 г., по случаю бездорожья, отправка преса съ инструментами къ Теплову въ Петербургъ не состоялась, и уже лѣтомъ повезли ихъ туда. Везли ихъ изъ Ахтырки до Харькова на фурманѣ, взятомъ изъ походной артилеріи бывшаго ахтырскаго казачьяго полка, и на 4 возахъ оставшихся послѣ упраздненнаго гусарскаго полка и сохранившихся при цейхгаузѣ. Отправка обошлась въ 1 руб. 83 коп.: куплено подъ возы и фурманъ пятеро саней за 1 руб. 20 к., рогожъ на увязку на 24 коп., вожжей на 25 коп., кульковъ на 4 коп., за ящикъ для табака мастеру 10 к.; лошади были почтовыя. Отъ Харькова до Петербурга на тѣхъ же подводахъ и повозкахъ везли ихъ 5 лошадей. Прогоновъ заплачено: отъ Харькова до Бѣлгорода за 76 верстъ, по 1 коп. съ лошади, 3 р. 80 к., отъ Бѣлгорода до Москвы за 602 в., по 3 коп. на 10 верстъ, 9 р. 2½ к., отъ Москвы до Новгорода за 542 в., по 1 деньгѣ на версту, 13 р. 55 коп., отъ Новгорода до Петербурга за 186 в., по 1 коп. на версту, 2 р. 30 к., а за весь путь 35 р. 68½ коп. Проводчиками были Пилевинъ и капралъ Иванъ Поповъ. Первому, какъ *безжалованному* человѣку, назначалось на кормъ и содержаніе по 2 руб. въ мѣсяцъ, а за 3 мѣсяца 6 руб., на путевые расходы обоимъ 7 руб. Имъ вмѣнялось въ обязанность, по пріѣздѣ въ г. Тулу, освѣдомиться, могутъ ли тамошніе мастера сдѣлать такіе же прессъ и инструменты и, если могутъ, какую цѣну за это возьмутъ? Объ этомъ же Щербининъ особымъ письмомъ просилъ и тульскаго воеводу Егора Скобельцына, который его увѣдомилъ, что первый въ Тулѣ машинный мастеръ Петръ Логиновъ Медвѣдевъ такіе же прессъ и инструменты можетъ сдѣлать чрезъ полгода за *послѣднюю цѣну* 400 руб.

13 сентября того же 1766 года прислалъ письмо Щербинину и Тепловъ. Онъ между прочимъ писалъ: «табачной пресъ съ принадлежащими ему частями нашелся не только не такимъ, каковъ мнѣ описанъ былъ отъ *князя Кантеміра*, но не стоитъ труда и кошту, который употребленъ на привозку его сюда... дерево сгнило и попорчено, а желѣзо все ржавчина съѣла, да и здѣланъ онъ совсѣмъ не такимъ образцомъ, каковы нынѣ при фабрикахъ употребляются».

Проводники Пилевинъ и Поповъ были отправлены обратно. Послѣдній привезъ съ собою росписку, подписанную регистраторомъ правительствующаго сената и удостовѣрявшую, что онъ, капралъ харьковскаго гусарскаго полку, Ив. Поповъ, «хотя здѣсь (въ Петербургѣ) и продавалъ полубъ и три телѣги, но продать оныхъ не могъ, за все давали 80 и 90 к.» Ихъ поэтому Тепловъ распорядился оставить въ Петербургѣ.

Этимъ печальнымъ финаломъ и заканчивается судьба бывшей въ Ахтыркѣ табачной фабрики, прессъ для которой съ принадлежностями, по показанію подмастерья Пилевина, въ 1726 году, выписанъ былъ изъ Голландіи «для дѣлованія рульной табаки на галанскій манеръ». О цѣли выписки ихъ въ Петербургъ въ дѣлѣ, изъ котораго заимствованы вышеприведенныя свѣдѣнія, не упоминается.

А. Твердохлѣбовъ.

ГЕТМАНЪ РАЗУМОВСКІЙ ВЪ НУЖДѢ.

Между дѣлами черниговскаго архива, находящимися въ настоящее время въ распоряженіи харьковскаго историко-филологическаго общества, сохранилась копія ордера его ясневельможности, гетмана графа К. Г. Разумовскаго, слѣдующаго содержанія:

В ъ г е н е р а л ь н у ю в о й с к о в у ю к а н ц е л я р і ю.

«Понеже настоящее гетманство и происходящія отъ онаго нужды, такоже и разніе издержки зъ домомъ моимъ, завели меня въ столь необычайные расходы, что я ни по какой мѣрѣ не могу отправиться за ея императорскимъ величествомъ изъ Москвы въ Санктпетербургъ, не уплативъ купцамъ и кредиторамъ моимъ; того ради чрезъ сіе приказываю прислать ко мнѣ всю наличную сумму изъ скарбу, каковаго бы она званія ни была, оставивъ только число толикое, которое бы довольно было на самонужнѣйшіе расходы канцелярскіе до будущей трети, и сіе учинить приказываю въ самой скорости, и канцеляриста посланнаго не больше, какъ двои сутки продержать, дабы его посылка меня удержать не могла въ Москвѣ, и по полученіи будущей трети всякую порознь сумму, которіе теперь взяты будутъ, положить въ свое мѣсто.—Въ Москвѣ, мая въ 6 день 1754 г.—Гетманъ графъ К. Разумовскій».

Требуемыя деньги указано было доставить чрезъ жандармскаго капитана Гавзена. По справкѣ въ канцеляріи малороссійскихъ сборовъ оказалось, что по счету, подписанному и утвержденному печатьми товарища сотни глуховской Ивана Мануты и мѣщанина Юрія Данилова, было на лице 6,631 р. 34½ к. Изъ нихъ гетману послано въ Москву 5,329 р. 43 к., а остальные 1301, 91½ к. отосланы въ черниговскій и стародубовскій полки для роздачи за провіантъ и фуражъ.

А. Т.

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ БРАТСТВЪ.

(Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда).

Время отъ времени, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ открываются все новые документы, указывающіе на повсюдное распространеніе въ южной Руси церковныхъ братствъ и ихъ огромное значеніе въ общественно-государственной жизни. Это была та широкая форма, въ которую отлилась и въ которой сосредоточилась вся общественная жизнь нашихъ предковъ съ ея многоразличными развѣтвленіями, для завѣдыванія и руководства которыми оказываются теперь недостаточными обширныя и дорого стоющія правительственныя учрежденія. Не говоря объ исключительной дѣятельности главнѣйшихъ братствъ, львовскаго, виленскаго, кіевскаго, луцкаго, могилевскаго и др., содержавшихъ высшія школы и типографіи, печатавшихъ церковно-богослужебныя, полемическія и учительныя книги, вліявшихъ на высшее церковное управленіе и ходъ внутренней политики, братства, разсѣянныя по мелкимъ мѣстечкамъ и селамъ, строили и содержали церкви, заботились объ ихъ украшеніи и благолѣпіи, о поддержаніи въ нихъ благолѣпнаго служенія и пѣнія, выбирали и содержали священника и причетниковъ, устраивали и содержали школы, больницы и богадѣльни, поддерживали обѣднѣвшихъ отъ войны, пожара и другихъ бѣдствій, давали пріютъ вдовамъ и сиротамъ, престарѣлымъ и странникамъ, хоронили умершихъ, примиряли тяжущихся, блюли за общественною нравственностію, устраивали обществен-

ные обѣды въ храмовые и поминальные дни и объединяли всѣхъ живущихъ въ приходѣ въ одну общественно-церковную семью.

Одно изъ такихъ братствъ, доселѣ совершенно неизвѣстное, существовало въ м. Срібномъ полтавской губерніи, прилукскаго уѣзда. Мѣстечко Срібное колонизовалось въ обширнѣйшихъ заднѣпровскихъ владѣніяхъ извѣстнаго ненавистника козаковъ, ожесточеннаго противника Хмельницкаго, отступника отъ православія и народности русской, князя Іереміи Вишневецкаго. Сооруженіе здѣсь крестовоздвиженской церкви, при которой и существовало братство относится, вѣроятно, не къ первымъ годамъ поселенія, а къ тому времени, когда поселившіеся организовались въ правильную общину съ мѣстною владѣльческою и общественною властію, священникомъ и, б. м., какою либо временною церковью. Около 1640 г. приступлено къ сооруженію церкви во имя Воздвиженія Честнаго Креста Господня. Испросили благословеніе кіевскаго митрополита и дозволеніе владѣльца, устроили общественную складку, а когда церковь была окончена и освящена, рѣшили запись о семъ и самыя имена участвовавшихъ въ сооруженіи церкви внести для вѣчной памяти въ книгу животную, напрестольное евангеліе. Евангеліе съ этою записью хранилось въ новой срібнянской церкви еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, а въ 1810 г. съ записи снята была точная копія, завѣренная глинскимъ земскимъ исправникомъ Григоріемъ Заруднымъ. По уцѣлѣвшей копіи приводимъ эту запись, съ ея характернымъ, витіеватымъ и многословнымъ вступленіемъ.

«Благоволениемъ Бога Отца Вседержителя и споспѣшениемъ сопрестолнаго и единороднаго Сина его, Бога и Господа Іисуса Христа, и содѣйствиемъ пресвятого и животворящаго Духа, того единого божества и единого существа нераздѣлимия Тройцы, по благодати, яко о ней созданна биша въсяческая, яже на небеси и на земли, сего-же ради возсѣя лучъ свѣта въсемирнаго просвѣщенія во сердцахъ людскихъ, иже въ законѣ божественномъ воспитанним благоразумне во благочестивой и непорочной истинно християнской вѣрѣ во всякомъ управлении по благовѣстию Христову, и по апостолскому учению, и по святихъ отецъ преданию цвѣтуще со благочестиемъ совершенним, и молитвами пренепорочния Матере Владичицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, истинния и непостидния ходатайцы ко Симу тоя и Богу, и всѣхъ святихъ, иже отъ вѣка угодившихъ преславно, яко небо зъ звѣздами, вся божественния вещи, чини и устави украсившихъ, яже въ похвалу и честь Божию биваема.

По совѣту же и по благословенію Петра Могилы, милостью Божіею православного архиепископа, митрополита киевского, галицкого и всея Россіи, екзархи константинополского,

Повелѣниемъ же почтеннаго ксіонжа, его милости, Еремия Корибута Вишнивецкого, созданъ бистъ храмъ сей святъ въ мѣстѣ Срібномъ, въсемірное Воздвижение честного и животворящого Креста Господня, а поводомъ господина отца Георгія Созанского, на тотъ часъ бившего священника и за его старанъемъ, докладомъ же въсей громади и кошту, а меновите: Романъ Бѣлский, на тотъ часъ будучий войтъ, и Матяшъ Павловичъ, ктиторъ всей церкви, Василий Сапаловичъ бурмистръ и Лехно изъ синами, Иванъ Долинка и Семенъ Хажинецъ, Ерко Дейкунъ, которихъ всѣхъ мещанъ сребранскихъ изъ ихъ жонами и потомками имена естъ уписанни во книги животние, во святое евангелие, въ похвалу и честь и славу во Тройци славимому Богу и Пресвятѣй Богородицѣ и всѣмъ святимъ».

Къ половинѣ XVII в. духъ братской ассоціаціи такъ расгространился по всей южной Руси, братства были такимъ повсюднымъ учрежденіемъ, что мы не ошибемся, назвавъ эту запись первымъ братскимъ «уписомъ», а вписавшихся ядромъ братства, первыми его членами и дѣятелями. Такъ было и съ другими братствами, что прежде они, по общему духу времени и сознанной потребности, являлись на дѣлѣ и въ жизни, а потомъ уже получали уставъ и утвержденіе отъ высшей духовной, иногда же и доминіальной власти. Когда именно срібнянское братство получило формальную организацію и утвержденіе, остается неизвѣстнымъ; но въ сохранившейся въ копіи благословенной грамотѣ, данной ему въ 1689 г. кіевскимъ митрополитомъ Гедеономъ Святополкомъ Четвертинскимъ, оно названо «обрѣтающимся», изъ чего ясно, что оно существовало уже раньше сего времени. Грамота эта есть вмѣстѣ и уставъ, притомъ съ такими обширными поясненіями, съ такими подробностями отлившейся въ опредѣленныя формы дѣятельности и обрядности братствъ, какихъ мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ доселѣ извѣстныхъ уставовъ. Грамота обнимаетъ весь «чинъ» и ритуалъ братскій, какъ они выработались въ теченіи вѣковъ въ правобережной и лѣвобережной Малороссіи, съ братерскими обѣднями и обѣдами, ставниками и прочими особенностями, какія можно примѣтить въ остаткахъ уцѣлѣвшихъ доселѣ братствъ. Если въ ней не упоминается, какъ въ другихъ подобныхъ грамотахъ, о порядкѣ братскихъ засѣ-

даній и должностныхъ въ братствѣ лицахъ, то это служитъ новымъ указаніемъ на то, что срібнянское братство существовало раньше, имѣло опредѣленной строй, а быть можетъ и письменный уставъ, котораго дополненіемъ и разъясненіемъ является грамота 1689 г. Вспомнивъ наконецъ существовавшій въ братствахъ обычай, по которому братскія засѣданія начинались чтеніемъ уставовъ или благословенныхъ грамотъ, мы поймемъ ея наставительный тонъ, ея пространныя разъясненія происхожденія и значенія братствъ, ея стремленіе воплотить въ современномъ обществѣ идеалъ христіанской общины временъ апостольскихъ. Настоящую грамоту мы считаемъ важнѣйшимъ памятникомъ этого рода, и приводимъ текстъ ея во всей полнотѣ его, по уцѣлѣвшей копіи.

Гедеонъ Святополкъ, князь Четвертинскій, милостію Божіею православный архіепископъ, митрополитъ кіевскій и галицкій и всея Малыя Россіи, епископъ луцкій и острожскій.

Правило преднаписующе брацтву церковному, при церкви новосоруженной, храму всемирного Воздвижения честнаго и животворящаго креста Господня, въ мѣстѣ Срѣбномъ, протопопіи прилуцкой, обрѣтающомуся, нуждно бпти, мнится намъ, воспомянути начало временное, отъ негоже брацтва церковніи начаша бити, такожде и вину, еяже ради благоволися Духови святому и его служебникомъ, апостоломъ святимъ, да биваютъ брацтва церковніи.

Брацтво ямать свое начало отъ времене проповѣди апостолской, силою Духа святаго въ проповѣди апостолской дѣйствующого; въ первомъ благовѣстіи Петра святого число вѣровавшихъ бѣ три тисячи, во второй тогожде святого апостола проповѣди пять тисячъ, колпкоже время дней протязашеся, толико число вѣрныхъ умножашеся; обаче во всѣмъ вѣрныхъ Христовихъ множествѣ, единомыслия и согласия ради, глаголетъ писание божественное, едино бѣ сердце и едина душа. Касиянъ же преподобный глаголетъ въ бесѣдахъ своихъ, въ книзѣ седмь бесѣдъ и иныхъ отцевъ, въ главѣ пятой: во времена проповѣди апостолской всея вселенния церкви толикое бысть общение вѣрнихъ Христовихъ, коликое едва нинѣ обрѣтается въ нѣкіихъ киновияхъ. Яко согласия и единомислия ради собранніи во имя Христово прилично тимъ словомъ именуются брацтво, самая словесе являетъ сила: многіе братия единоутробнія едину имуть матерь, такожде и собранніи во имя Христово едину мысль и едину волю добрую имѣти должни суть; но яко не довлѣетъ братиямъ имѣти любовь между собою, точию еще

же взискуется любовь ихъ ко матери, такожде и во имя Христово собраннимъ не довлѣетъ другслюбие, паче же вещи сила взискуетъ отъ нихъ любовь ко Богу и его церкви святой, да въ нихъ собивается сіе, еже поетъ церковь святая ко матери своей: аще кто имать любовь ко Господу, теплѣше любление должни оніи имѣти. Понеже вѣрніи Христови, Духомъ святимъ осѣненніи, вѣрують въ Бога въ Тройци святой, единого Отца и Сина и Духа святого, убо дѣла вѣрнихъ да согласуются, должни суть тройче сихъ имѣти добродѣтель, благочестно, непорочно и праведно живуще и они въ зерцало трichисленного правила всегда взирающе, дѣла своя, внутрняя и внѣшняя, по семъ тричисленномъ правилѣ должни суть управляти. Во первихъ Бога любити паче всѣхъ вожделѣнныхъ, ближняго, яко себе самого, свое спасение паче отца и матере, колми паче богатства суетного. Бога како кто можетъ любити, апостолъ святий научаетъ: въ него-же Бога вѣруеши и тогожде заповѣди долженъ соблюдати. Сицевое Бога любление приличное имать бити всякому вѣрному, брату же всякому церковному приличнѣйшое имать бити, яко себе на служение божественное, на вся дни жития своего, отдавшему, подъ клятвою принесенного и отданного доброю волею. Подобаеть убо всякому брату церковному попечение имѣти о лѣпотѣ церковной, да и ее домъ божественній украшается. Сего ради въ кійждо мѣсяцъ (аще невозможно день неделний) брацтву собиратися въ едино мѣсто, въ собраніе же приходяще, приносити что отъ своего имѣния, по силѣ своей, должни суть, которое слаганіе не во ино что упражднятися, точию да иждивается или на ризи церковния, или на сосуди церковния, или на иния нѣкия нужды церковния; отъ тогожде слагания должни суть имѣти братия свѣщи братерские, которие маютъ вжигатися при чтении евангелія святого, при пренесеніи жертвъ предложения отъ жертовника на престолъ и въ иние времена при божественной литургіи, якоже есть обичай церкви. Должно убо есть брацтву имѣти домъ особній, или тимже слаганиемъ купленний, или отъ коего либо вѣрного парахіянина добродѣтелного наданій на сие святое дѣло, въ которомъ дому корчемница никако да биваеть, почести ради брацтва церковнаго, ибо въ корчемницахъ пѣнія и лики нечестивия, бесѣди безстудния и недостойния бывають, дѣяния же християнину о церкви Божией воспоминати прилично въ дому избранномъ брацтвомъ. Братія же церковнии сошедшися имуть бесѣди и совѣти душеспасителния, въ нихъ жеби Духъ святий благоволилъ, его же дѣйствомъ и силою братерство церковное биваеть совокупленное; сего ради, сошедшимся братиямъ въ домъ братерский, долженъ всегда бивати священникъ парохиялний; таможде, прежде всѣхъ совѣтовъ о чину церковномъ би-

ваемихъ, имать священникъ наказаніе имѣти ко брацтву, наставляючи ихъ во страсѣ Господни, предлагати же силу званія брацкого, имже, аки и паки обѣтомъ своимъ клятвеннимъ, паче иныхъ християнъ, на служение божественное обовязанніи, должни суть о своемъ спасенніи и умножении лѣпоти церковния пещися, наказание же сие имать бити отъ священника или отъ своего доброрѣчия, аще въ семъ дѣлѣ есть искусенъ, или отъ иныхъ святихъ. Сицевимъ отъ имѣний своихъ отъ братерскихъ слаганій приносомъ, аще и малимъ, уподобляются братия церковная первобитнимъ правовѣрнимъ, иже имѣнія своя продаяху и цѣну проданихъ имѣній приношаху и предъ ногами апостолскими полагаху, такожде и симъ, о которихъ апостолъ Павелъ глаголеть: да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрихъ дѣлъ, не оставляюще церковнихъ собраній своихъ, якоже есть нѣкій обичай, но другъ друга подвизающе и толико паче молящеся, елико видите приближающійся день судний.

Братъ церковний кийждо, молящи Бога образомъ преднаписаннимъ, долженъ есть любити и ближняго своего, да не исполняются на немъ словеса апостолския: *любяй Бога, а брата своего ненавидяй, ложь есть.* Любовь ближняго въ семъ совершается: другъ друга не осуждати, паче же добрѣ о другу глаголати, аще же би и видѣлъ безчинно ходящого, любовне наказовати, безчиние же его предъ иними покривати. Златоустій же святий глаголеть: ни что же тако дружество творить и въ любви сохраняетъ, яко еже слово доброе о нѣкоемъ рещи. Найпаче же отъ слаганій братерскихъ должно есть брацтво церковное милостиню по нищимъ творити, на окупъ плѣнныхъ подаяти, къ сему аще братъ нѣкій церковній попущениемъ непостижимихъ судебъ божественнихъ или отъ огня, или отъ воды, или отъ разграбителей чуждихъ имѣній станется убогъ и нищъ, такового брацтво церковное должно есть отъ слагания своего вспомогати, или дарующе, или въ заимъ дающе. Таковое же било брацтво первобитное церковное, о немъ же апостолъ Павелъ глаголеть: благоволите Македония и Ахаія общение нѣкое сотворити ко нищимъ святимъ, сущимъ въ Іерусалимѣ (къ римлянамъ, глава 15). Присовокупляется ко любви ближняго еще и погребание мертвыхъ. Товия преподобній писанием божественнимъ похваляется, между иними добродѣтели, добродѣтелию погребения. Тако о немъ глаголеть писание: *Товия на всякъ день хождаше по всему племени своему и утѣшаше ихъ, раздѣляше единому кождо ихъ, елико можаше отъ благъ своихъ, алчущихъ кормяще, нагимъ одѣяніе даяше и мертвимъ и закланнимъ погребение прилѣжно творяше.* Сего ради брацтво церковное, аще вписаній, брата должно есть честно со свѣщами и литіею къ погребенію препро-

вожати, колми паче нищихъ преставшихся тоеюжде честію погребати и отъ слагания своего братерского за преставшихся милостыню нищимъ даяти, такожде и на молитву священникомъ. Еднимъ словомъ: добродѣтели внѣшніе и внутрніе кійждо братъ церковній ко брату своему долженъ есть имѣти, а тихъ добродѣтелей седмь суть внѣшнихъ: алчущого накормити, жаждущого напоити, нагого приодѣти, странного въ домъ ввести, умершого погребти; седмь же добродѣтелей внутреннихъ: безчинного наказати, неумѣетного научити, вотпливому порадити, за ближняго Господа Бога просити, смутного потѣшити, кривди скромне зносити, вини отпущати. Любовь ко себѣ ни въ чомъ иномъ обрѣтается, токмо въ опасномъ попечении своего спасенія, ибо яко (по словесемъ Псаломника) *любяй неправду, ненавидитъ свою душу*, тако любяй и творяй правду, свою душу любитъ; но понеже никто же безъ грѣха, токмо единъ Богъ, яко и святий Иванъ въ посланіи своемъ глаголетъ: *аще речемъ, яко грѣха не имами, себе прелщаемъ и истины нѣсть въ насъ*, того ради аще всякъ вѣрній тайною святого покаянія во умиленіи сердечномъ, во вседушномъ обѣщаніи не возвращатися ко прежнимъ грѣхомъ, долженъ совѣсть свою очищати, по словеси того предреченного апостола: *аще исповѣдаемъ грѣхи наши, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи и очиститъ насъ отъ всякия неправди*, колми паче кійждо братъ церковній долженъ есть исповѣдатися единою въ кійждо мѣсяцъ и, по разсужденію своего отца духовного, божественнимъ тайномъ Тѣла и Крови Христовихъ причаститися.

Священникъ церкве, при ней же брацтво обрѣтается, долженъ есть нарочно литургію божественную кійждо мѣсяцъ имѣти, на ней же братия церковная возмогли би бити обещниками Тѣла и Крови Христовой, которая литургія имѣетъ ся нарицати братерская. Тогожде времени, по причастіи божественнихъ тайнъ, должни суть нищихъ кормити отъ слагания братерского, сами во трапезѣ нищимъ служаще, се же во память дѣлъ первобитнихъ братій церковнихъ, о нихже въ Дѣяніяхъ, во главѣ второй, глаголетъ писаніе божественное: *вси же вѣровавшіи бяху въ купѣ и имяху вся обща, и стяжанія, и имѣнія продаяху и раздаяще всѣмъ, егоже аще требоваше кто, по вся же дни терпяще, идяху единодушно во церковь и ломяще по домахъ хлѣби, приймаху пищу въ радости и во пространствіи сердца хваляще Бога и имуще благость ко всѣмъ людямъ*. Аще же нѣкихъ препятствій ради въ кійждо мѣсяцъ невозможно, поне у каждій постъ долженъ есть всяко кийждо братъ церковній тайнъ святихъ причастникомъ бити, даби моглъ зъ апостоломъ святимъ Иоаномъ глаголати: *Кровь Иисуса Христа Сина Божия очищаетъ насъ отъ всякого грѣха*, черезъ которую приобщение наш-

имамы со Отцемъ и со Синомъ Его Иисусъ Христомъ. Пренебрегаяй же братъ церковній такое правило отъ священика парохиялного и отъ протчіихъ братій да накажется, аще же по наказаніи не покается, да запретится и отъ общества братерского да отлучится и отъ числа братерского да випишется, не точию же въ семъ единомъ правилѣ, но и во всѣхъ правилахъ прочиихъ, яже суть преднаписании, аще бы въ соборъ не вхождалъ, или, входяще, что либо на собрание общему не принесъ, или о строеніи церковномъ небрегъ, ко братіямъ своимъ не бивъ любовенъ, ко нищимъ не бивъ милостивъ, тойже же казни да подлежитъ. Долженъ же еще всякъ братъ церковній, отходя въ путь которий любо, или куплю творити, или па бракъ, извѣстити священнику своему и старшому брату, братия же со священникомъ должни суть молебное творити пѣніе о благополучномъ его путешествіи и возвращеніи; дондеже возвратится, священникъ долженъ есть всегда молити о такомже путишествующого благополучіи. Къ сему должни суть братия церковная единою или двома отъ своихъ братій ксинодохонъ, сирѣчь шпиталь или больницу, въ день суботній посѣщати и о пхъ доволствѣ, аще пищи или иныхъ нѣкоихъ нуждъ не лишаются, взискивати, ибо нужно братіи церковной попеченіе имѣти о нищихъ шпиталя своего братерского, даби сіи нужного питанння ни въ чемъ не лишалися, долженъ же священиикъ парохиялний по коемуждо сохожденіи сия словеса апостола Павла ко братіи церковной вѣщати: *протчее же братия мои, елика суть истиннѣ, елика честнѣ, елика праведнѣ, елика пречестнѣ и елика прелюбезнѣ, и елика доброхвалнѣ, аще кая добродѣтель, и аще кая похвала, сия помишляйте, яже и научитеся, и приясте, и слишасте, и видѣсте во святихъ Божиихъ, сия творите, и Богъ мира да будетъ съ вами. Аминь.*

Извѣстнѣйшого же ради всѣмъ свидѣтелства сию нащу благословенную грамоту, по желанію вишереченного брацтва, рукою власною, при печати нашей катедралной, стверждаемъ въ катедрѣ нашей святия Софіи митрополитанской киевской, въ лѣто отъ создания міра 7197, отъ воплощения Бога Елова 1689, мѣсяца септемврия 11 дня.

Къ симъ же ясне предлагаемъ, яко и домъ братерскій отъ всякихъ наездовъ, становискъ и повинпостей меских воленъ да имать бити.—Аминь.

Сдѣланное въ послѣднихъ строкахъ добавленіе къ грамотѣ представляетъ собою не постановленіе или распоряженіе митрополита, а только его желаніе, объ осуществленіи котораго братство должно было позаботиться, исходатайствовавъ, чье слѣдуетъ, повелѣніе.

Кромѣ приведенной грамоты сохранилась также форма присяги, которую приносили вступавшіе въ составъ членовъ срібнянскаго братства. Если возьмемъ во вниманіе господствовавшій у насъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ церковно-религіозный духъ, проникавшій во всѣ стороны и проявленія общественной, семейной и частной жизни, и то великое значеніе, какимъ пользовалась тогда присяга, то мы поймемъ живучесть и силу братскихъ учрежденій и оцѣнимъ по достоинству ту чрезвычайную всестороннюю ломку гражданско-общественнаго, церковнаго и экономическаго строя мѣстной жизни, какая наступила со второй половины XVIII ст. и сокрушила эти вѣковыя, въ высшей степени важныя и благодѣтельныя учрежденія. Приводимъ и самую присягу, какъ характерный памятникъ давно минувшей жизни.

Я (имя рекъ), приобщающій христолюбивому брацтву сему, спасения ради моего, предъ иконою распятого Христа Искупителя моего и евангелиемъ святимъ обѣцую правиломъ въ Богу преосвященного, его милости, господина отца митрополита кіевского, галицкого и всея малыя Россіи Гедеона, архипастира моего, брацтву сему наданнымъ, повиноватися, стараючися о сохранение древного чину церковного, о помноженіе украшенія церковного, обѣцую подлугъ силы моеи за кождою сходкою до скринки братерской отъ маетку моего що прикладати, до сходки, за ознайменнемъ старшого брата, бивати, любовь къ Богу, ближнему и себѣ самому по преднаписаннимъ правиламъ имѣти. Такъ ми Боже, на крестѣ Распятий, поможи в симъ святимъ евангелію.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЮЖНО-РУССКАГО СВЯЩЕННИКА 1725 Г.

«Братерскіе» дома были необходимою принадлежностію старинныхъ южно-русскихъ братствъ и устанавливались не только потребностію и обычаемъ, но иногда и самыми уставами. Въ нихъ отбывались нарочитыя и экстренныя сходки, обсуждались и рѣшались братскія дѣла, сдавались счеты, творился судъ, дѣлались взносы и пожертвованія—все во славу Божію, на украшеніе храма, на дѣла любви и милосердія. Братскія собранія начинались и оканчивались молитвою, прочитывался затѣмъ уставъ, полный назиданія и наставленія, иногда-жъ священникъ нарочито поучалъ собравшуюся бра-

тію своимъ или свято-отеческимъ словомъ. И если бы о жизни старинныхъ нашихъ братствъ судить только по этимъ даннымъ,—по ихъ уставамъ и записямъ, то можно было-бы подумать, что братскія сходки были какія то ангельскія собранія, гдѣ виталъ духъ Божій, царили миръ и любовь, говорилось только о божественномъ, о грѣхахъ и спасеніи души.

Но люди всегда были людьми, и не подлежитъ сомнѣнію, что набожные предки наши, воздавая въ своихъ собраніяхъ Божія Богови, воздавали потомъ и Кесарева Кесареви, какъ выражается нашъ поэтъ въ своей повѣсти «Наймичкѣ» о богобоязненномъ селянинѣ Якимѣ Гирлѣ и гостившемъ у него, по поводу начатія ученія Марка, причтѣ церковномъ. Дѣло въ томъ, что въ «братерскихъ» же домахъ отбывались и «братерскіе» обѣды—въ дни поминальные, въ великіе и особливо въ храмовые праздники, обѣды же братерскіе, по привычкамъ стараго времени, не обходились безъ значительнаго употребленія ганнусковой и другихъ горѣлокъ, къ которымъ въ храмовые праздники присоединялся нарочито изготовлявшійся, по королевскимъ даже привилегіямъ, для общественнаго употребленія и въ доходъ церкви, хмѣльный медъ. Самые праздники храмовые отбывались нѣсколько дней и подраздѣлялись на предпразденство, собственно празденство и попразденство. Понятно, что въ такіе дни братскія сходки теряли уже свой апостольски-храстіанскій характеръ и становились обыкновенными людскими собраніями, гдѣ люди выступали съ своими житейскими привычками и страстями, съ своими личными счетами и дѣлами, а подъ вліяніемъ горѣлки и меду, въ шумной бесѣдѣ, выступали привычная спѣсь, затаенная вражда и пр. и происходили сцены совсѣмъ не «братскаго» свойства.

Одну изъ такихъ сценъ, въ высокой степени характерную, сохранилъ случайно попавшій къ намъ отдѣльный документъ изъ одного стараго фамильнаго архива. Это домашняя запись городнянскаго попа, Якова Власѣева, о нанесенной ему отъ сотника м. Старыхъ Санжаровъ въ «братерскомъ» домѣ, на «братерской учтѣ», обидѣ. Запись эта сдѣлана для составленія формальной жалобы на сотника и представляетъ черновой ея набросокъ, отъ того она кратка и передаетъ лишь сущность произшедшей между попомъ и сотникомъ ссоры. Дѣло происходило въ Черниговщинѣ,—въ самыхъ ли Санжарахъ, или въ приходѣ попа Якова—неизвѣстно. 1725 года

праздновался тамъ праздникъ Преображенія Господня, а на другой день отбывалось попразднество. Распорядители братства устроили въ братерскомъ домѣ «учту» и пригласили на нее и пана сотника Но между имъ и священникомъ Яковомъ были какіе-то прежніе счеты. Сотникъ сидѣлъ надутый и когда священникъ, какъ старшій, сталъ угощать его водкою, онъ не взялъ рюмки изъ рукъ его. Священникъ замѣтилъ ему о его высокомѣріи, а сотникъ отвѣтилъ, что онъ не выборный, какъ другой, а назначенный отъ самаго государя Петра В. Священникъ добавилъ, что и самъ онъ видѣлъ государя и цѣловалъ его руку; но это привело въ ярость сотника и онъ поносно избранилъ священника, порывался даже бить его. Священникъ рѣшилъ жаловаться и для памяти записалъ про себя въ главныхъ чертахъ свою обиду, умолчавъ, какъ видно, о многомъ, что было между имъ и сотникомъ и даже о томъ, чѣмъ кончилась тогда ихъ ссора.

Приводимъ эту запись въ подлинномъ ея видѣ.

Року 1725, августа 7 числа

Про память запись и во извѣщеніе своего духовного чина. Начальствующимъ властямъ доношеніе на пана сотника Спафарія Старосанжаровского таковое. Ижъ подъ часъ праздника Преображенія Господня, во утрій день, ктитори тоей церкви Леско Меланченко и Носко Парасченко отримовавши на попраздество людей у домъ братерскій, яко и панъ сотникъ на тую учту изважилися прибути. По прошенію ихъ и я сталъ подносити ему, пану сотниковѣ, чарку водки, честь воздаючи, яко властителю городовому. А оний панъ сотникъ не изволился приняти отъ мене той чести. И я сталъ говорити: «Богъ тебе, пане сотнику, знаетъ, съ кимъ ты хочешъ жити, что не ласка твоя до насъ и говорити». Про что оний отказалъ такую рѣчъ: «полно васъ усѣхъ! Я имѣю не отъ васъ сотництво оное, отъ самого государя». Теды и я сталъ оному говорити: «также и мы не чіи, пане сотнику, але государевы, и нетолко мы, але и отци наши служать, дѣды и прадѣды служили Господу и пресвѣтлѣйшому монарху нашему, яко и я сподобился видѣти лице пресвѣтлѣйшого монарха и въ руку честную его лобызати, яко и присягалъ съ козаками, на тотъ часъ будучому сотникомъ Михайло Карпенко, Стефанъ Велычка, Яковченко и протчіими стоварищи въ городѣ Лебединѣ». И оний панъ сотникъ изо всей ярости почалъ злословити мене таковыми славами, примаючися страстно бити: «ти сукинъ синъ, попе! та чортъ тебе становилъ

на попы, чи що, а не архиерей. И ти государя не у руку цѣловалъ, развѣ хиба у .... » Я сталъ говорити оному: «такъ ти, пане сотнику, перше хвалился еси монаршою ласкою, а теперъ не признаешъ; чого тобѣ отнюдь не надлежитъ—сей срамной и ужасной рѣчи глаголати. Повидимъ, что тебѣ за сіе слово буде! А ты за своего пресвѣтлѣйшого монарха, императора Петра великого, не точію Господа Бога молити, але и живот свой скончати у вѣрной службѣ (повиненъ)».

Іаковъ Власѣевъ, попъ Городвянскій.

Сообщ. **В. А.**

КЪ ПОРТРЕТУ ИЛІИ ѲЕДОРОВИЧА НОВИЦКАГО.

Илія Ѳедоровичъ Новицкій, хотя жилъ и дѣйствовалъ въ самую бурную эпоху политической жизни Малороссіи, не принадлежитъ однако къ числу выдающихся политическихъ ея дѣятелей и имя его едва извѣстно въ исторіи; тѣмъ не менѣе продолжительная, свыше двадцати пяти лѣтняя служба его въ высокомъ званіи полковника, первоначальное исключительное служебное его положеніе, особая близость его къ тремъ послѣдовательно смѣнившимъ другъ друга гетманамъ, исполненіе важнѣйшихъ ихъ порученій и участіе въ длинномъ рядѣ походовъ и сраженій даютъ ему право на вниманіе потомства. Онъ не былъ полковникомъ одного изъ тѣхъ двадцати двухъ или трехъ полковъ, которые учреждены при Хмельницкомъ, въ смыслѣ населенныхъ территоріальныхъ единицъ, въ которыхъ вся власть по всѣмъ сторонамъ управленія, военнаго, административнаго, судебнаго и экономическаго, принадлежала полковнику, съ правомъ даже пожалованій; но съ тѣхъ поръ, какъ имя его становится извѣстнымъ въ исторіи и до конца своей службы, начальствовалъ надъ однимъ изъ тѣхъ, такъ сказать, сверхъ-комплетныхъ полковъ, которые составлялись не изъ людей обязанныхъ военною службою, т. е. осѣдлыхъ козаковъ, но изъ лицъ другихъ классовъ, людей вольныхъ, *охочихъ*, несшихъ службу на коняхъ, по старинному *комоняхъ*, откуда и названіе ихъ *комонниками* и *охочекомонниками*, иначе *компанейцами*, или дружинниками, а самаго полка *охочекомоннымъ*, *компаньйскимъ*, *компанѣею*, или дружиною.

Полки охочекомонные появляются въ эпоху великой сумятицы, наступившей по смерти Хмельницкаго, и были вызваны крайнимъ

напряженіемъ военныхъ силъ страны, вслѣдствіе обозначившихся въ ней различныхъ политическихъ теченій, появленія нѣсколькихъ претендентовъ на гетманскую булаву и нѣсколькихъ гетмановъ одновременно. Различіе въ положеніи и значеніи поселенныхъ полковъ отъ полковъ компанейскихъ дѣлало различіе въ положеніи и роли ихъ полковниковъ. Въ то время, какъ полковникъ переяславскаго или инаго полка выступалъ самъ въ роли представителя того или инаго политическаго движенія и тѣмъ пріобрѣталъ выдающуюся роль, такое или иное мѣсто въ исторіи, полковникъ охочекомонный только служилъ представителю извѣстнаго направленія, отъ чего дѣятельность и значеніе его въ исторіи стушевываются и закрываются ролью его принципала. Было и другое отличіе въ положеніи обыкновенныхъ и компанѣйскихъ полковниковъ: тогда какъ первые съ представляемымъ ими населеніемъ, съ своею личною широкою властію и съ широкими прерогативами полковой рады, служили ограниченіемъ гетманской власти, послѣдніе во всемъ зависѣли отъ гетмана; они не были избираемы, или смѣняемы по общему порядку, но назначались гетманомъ, состояли при «боку» его и находились въ непосредственномъ его распоряженіи. Въ свою очередь и командуемые ими полки не были прикрѣплены къ извѣстной территоріи и не питались отъ нея, но содержались на счетъ всей страны и передвигались съ мѣста на мѣсто, по требованію военныхъ обстоятельствъ и по усмотрѣнію гетмана.

Такимъ образомъ самый родъ службы Иліи Өедоровича ставилъ его въ роль второстепенную, зависимую и не выдвигалъ его изъ ряда другихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, удерживая его отъ скользкаго политическаго поприща, онъ помогъ ему сохранить свое почетное положеніе въ теченіе такого длиннаго промежутка времени, какой не выпадалъ на долю ни какого другаго полковника. Этому весьма много способствовали его природныя наклонности и политическій складъ мыслей. Съ характеромъ ровнымъ, спокойнымъ, съ умомъ яснымъ, практическимъ, Илія Өедоровичъ не былъ сторонникомъ ни Польши, ни Москвы, но только твердаго порядка, и держался потому сильнѣйшей стороны и ея адепта, не жалѣлъ о его паденіи, скоро осваивался съ новымъ представителемъ власти и такъ же усердно и ревностно служилъ ему, какъ и его противнику. Возвысившись въ служебномъ положеніи еще въ гетманствѣ Брюховец-

каго, онъ занялъ исключительное положеніе охранителя политическаго спокойствія края при Многогрѣшномъ, удержалъ свой постъ и самый полкъ отъ уничтоженія при Самойловичѣ, пользовался вниманіемъ и милостями послѣдняго, былъ правой рукой и близкимъ совѣтникомъ Мазепы, выдалъ даже дочь свою за его племянника и также тихо сошелъ съ историческаго поприща, какъ и возвысился до него.

Первоначальная служебная роль И. Ѳ. Новицкаго была исключительная и носила чисто политическій характеръ. Послѣ низложенія и убійства Брюховецкаго черныо, возмутившеюся противъ призванныхъ имъ московскихъ воеводъ, Малороссія пришла въ неописанное броженіе: сторонники союза съ Москвою чувствовали всю не твердость своего положенія; еще болѣе опасалась за свое владычество надъ присоединенною Украйною Москва. Она видѣла, что позади не твердыхъ въ своихъ политическихъ симпатіяхъ козаковъ и ихъ старшины стоитъ еще грозная народная сила, разные «пахатніе мужики, бутники, винокуренники» и т. п., и потому, при избраніи гетмана на радѣ въ Глуховѣ 3 марта 1669 г., царскіе послы потребовали, что-бы былъ учрежденъ особый конный полкъ въ тысячу человѣкъ, на обязанности котораго было бы подслушивать «всякіе ссорніе и смутніе слова, подмѣчать всякіе шатости и измѣны» и виновныхъ въ нихъ преслѣдовать и казнить по мѣстнымъ обычаямъ и правамъ. Учрежденіе этого полка вошло въ договорныя статьи, а командованіе имъ ввѣрено Ильѣ Ѳедоровичу Новицкому. По самому существу своему новоучрежденный полкъ былъ прототипомъ тайной канцеляріи и жандармеріи послѣдующихъ временъ и какъ самъ онъ, такъ и его командиръ не могли пользоваться народными симпатіями; преслѣдованія и кары за политическія мнѣнія и допускавшіяся при этомъ въ широкой мѣрѣ и грубой формѣ насилія и злоупотребленія въ такой степени озлобили всѣхъ, что не прошло и трехъ лѣтъ со времени учрежденія полка, какъ уже вся войсковая старшина, при избраніи новаго гетмана и уложеніи новыхъ договорныхъ статей, потребовала уничтоженія «кумпанѣи Новицкаго», причинявшей малороссійскимъ городамъ, мѣстечкамъ и селамъ одно разореніе и обиды. Мудрое изобрѣтеніе было отмѣнено новымъ договоромъ, самый же полкъ не былъ уничтоженъ; вскорѣ онъ увеличенъ въ своемъ составѣ «серденятами» Дорошенка и ря-

домъ съ нимъ явилось нѣсколько другихъ «охочихъ» полковъ. Новый гетманъ самъ нуждался для поддержанія собственнаго положенія въ такихъ военныхъ силахъ, которыя находились-бы въ его непосредственномъ распоряженіи.

Новицкій лишь на нѣсколько мѣсяцевъ оставилъ предназначенный къ упраздненію полкъ и принялъ должность коменданта димерскаго замка, въ Кіевскомъ Полѣсьѣ; въ томъ же 1772 году, по приглашенію Самойловича, онъ снова вернулся на прежнее мѣсто и не оставлялъ его до конца своей службы и жизни.

Въ теченіи слѣдующихъ двадцати трехъ лѣтъ не было ни одного внутренняго замѣшательства, ни одного внѣшняго столкновенія, въ усмиреніи или отраженіи котораго не участвовалъ-бы Новицкій. Онъ шелъ всегда въ первую голову, иногда въ команду его поручалось нѣсколько полковъ, а подъ конецъ службы, въ 1696 г., онъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ пограничныхъ городовъ и селъ со стороны татаръ. Отсылая за подробностями его военныхъ подвиговъ къ историко-біографическому его очерку, помѣщенному въ іюльской книжкѣ «Кіев. Старины» за минувшій годъ, мы скажемъ коротко, что послѣ даннаго Новицкимъ въ 1774 г. сильнаго отпора татарамъ, при чемъ имъ получено нѣсколько ранъ, онъ участвовалъ въ движеніи подъ Чигиринъ противъ Дорошенка и доставилъ царю взятые у него клейноды, ходилъ въ походъ къ тому же Чигирину для снятія турецкой осады и принималъ участіе въ разбитіи Капланъ-паши, въ 1688 г. совершилъ походъ къ Очакову для истребленія татарскихъ загоновъ и наконецъ участвовалъ въ осадѣ и взятіи Кизикирменя въ 1695 г. Но главная служба Новицкаго была внутренняя; его спеціальностію было развѣдываніе, наблюденіе, соображеніе, донесеніе, предупрежденіе, вообще все то, къ чему предназначенъ былъ первоначально его полкъ и самъ онъ. То и дѣло поручается ему развѣдываніе о движеніяхъ турокъ и татаръ, наблюденіе за ихъ силами, отраженія ихъ набѣговъ, защиты найболѣе угрожаемыхъ пунктовъ; два раза слѣдитъ онъ за переселеніемъ народа съ правой стороны Днѣпра на лѣвый и обратно, сопровождаетъ ханскихъ и царскихъ посланцевъ, тайно наблюдаетъ за положеніемъ дѣлъ въ стародубскомъ полку во время измѣны Рославца, слѣдитъ и дѣйствуетъ противъ Хмельниченка и Яненченка, выслѣживаетъ Петрика и парали-

зуетъ его замыслы, блюдетъ спокойствіе во время отлучки Мазепы въ Москву и во всѣхъ случаяхъ дѣйствуетъ съ такою энергіею и успѣхомъ, что вызываетъ постоянныя похвалы и щедрыя награды себѣ и своему полку. Онъ въ постоянныхъ сношеніяхъ и перепискѣ съ гетманомъ, особливо съ Мазепою, то и дѣло доноситъ, сообщаетъ, совѣтуетъ, представляетъ планы и проэкты и получаетъ отъ гетмана всякія новости, одобренія и благодарность. Словомъ: изъ всѣхъ полковниковъ того времени это человѣкъ самый близкій къ гетманскому регименту, но вмѣстѣ и самый дѣятельный, исполнительный и полезный ему.

Не входя въ оцѣнку политическаго направленія Новицкаго, по недостатку полныхъ для того данныхъ, не касаясь и довольно извѣстнаго характера его дѣятельности, нельзя не отнестись съ уваженіемъ къ его напряженнымъ и многолѣтнимъ трудамъ, направленнымъ къ поддержанію порядка и спокойствія въ краѣ, равно къ боевымъ его подвигамъ и многолѣтней военной опытности. Тѣ и другія въ свое время были по достоинству оцѣнены и награждены пожалованіемъ ему богатыхъ маетностей, число которыхъ доходило до десяти.

Ни время, ни мѣсто рожденія, какъ равно и смерти Новицкаго, неизвѣстны; выступаетъ онъ на поприще исторіи въ 1669 г., сходитъ съ него около 1700 г.

По духу своего времени Илья Ѳедоровичь былъ набожнымъ человѣкомъ, состоялъ въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ духовными лицами и благодѣтельствовалъ монастырямъ. Отъ двухъ браковъ его у него были три сына и одна дочь, бывшая въ замужествѣ за племянникомъ Мазепы Трощинскимъ. Сынъ отъ перваго брака, Григорій, за участіе въ измѣнѣ Мазепы, былъ сосланъ въ Сибирь и кончилъ тамъ жизнь, оставивъ по себѣ любопытныя записки объ остякахъ. Два сына его отъ 2-го брака уцѣлѣли отъ бури, вызванной измѣною Мазепы, и сохранили за собою богатыя имѣнія ихъ отца. Отдаленные потомки ихъ живутъ и доселѣ въ Полтавщинѣ, а потомство Григорія населяетъ собою село Шаркавинское, близъ Березова.

Прилагаемый при семъ портретъ Иліи Ѳедоровича снятъ съ современнаго оригинала, хранящагося въ его родѣ и обязательно сообщеннаго редакціи В. В. Новицкимъ.

ляріи о попонахъ до дворцовой конюшнѣ съ писмомъ отослано для отправленія по почтѣ изъ сената. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у г. Горчакова, у которого крестили дочь Анну. Воспріемниками были гвардіи измайловского полку маіоръ Василій Алесандровичъ Нащокинъ и жена прокурора Николева, Мавра Аѳанасіева дочь. Въ той-же компаніи были оберъ-секретарь военной коллегіи Авраамъ Артеміевичъ Навроцкій съ женою, маіоръ Андрей Івановичъ Карташевъ съ женою, Алексій Даниловичъ Шеншинъ, полковникъ Божичъ и полковникъ Грузинскій, да брегадиръ Аксаковъ и жена секретаря Новоторжцова.

10. Въ 11-мъ часу предъ полднемъ поздравляли его высочество, великаго князя рожденіемъ и у обоихъ іхъ высочествъ у ручки были, а по обѣдни были у графа. Послѣ полдня знову были въ дворцѣ во время бала и даже до начатія вечери, а во всемъ городѣ ради сего празденства иллюминація была.

11. Рано были съ Гудовичемъ у преосвященного псковского, потомъ въ дворцѣ, а оттуду едучи къ квартерѣ, встрѣтились перво съ графомъ, потомъ и съ государинею. а обѣдали у себе, купно съ полковникомъ Божичемъ. За переправленье книжки Целляріева лексикона и на прочее 30 к. Вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у переводчика Данилевского, а отъ него приехавши, захоровалъ на коліку.

12. Весь день пролежалъ ради той-же болѣзни. За бумажный платокъ 37 к., Леску и Івану Рудому за рубашки 70 к. Сватба Теплова.

13. Для Скоропадского куплено вина шампанского 12 бутилокъ, дано за оное 14 р. 40 к. Вечеромъ съ Гудовичемъ были у архимандрита рожественского владимірского Платона Петрункевича.

14. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, токмо графа не видали, а послѣ весь день въ домѣ пробыли и запустъ имѣли самы.

15. Куплено гатласу 4 аршина за 6 р., крашенини за 2 р. 72 к., шолку красного за 10 к. для репарованя кафана старого гатласового, на шнурокъ 3 к. Вечеромъ былъ у насъ Журманъ и долго въ ночь просидѣлъ.

16. Рано ездили въ дворецъ и государиню видели отъезджающую кушать до камеръ-юнкера Сиверса. Потомъ мы всѣ трое

отъехали на Смолный дворецъ и тамъ у Журмана обѣдали и весь день пробавили, да и для смотренія горъ подѣланныхъ были на Охтѣ.

17 По утру Гудовичъ ездилъ на Смолный дворецъ до Журмана, а оттоль и Журманъ съ женою и онъ пріехавъ у насъ обѣдали [236]).

18. Рано съ Гудовичемъ ездили въ дворецъ, где при насъ изволила государиня отъехать съ нѣкоторими придворными до Сарскаго Села. Вечеромъ съ нимъ-же, Гудовичемъ, были у полковника Танского и у Рубцовъ.

19. Стефану кравцю за переправу красного гатласового кафана дано 70 к. Вечеромъ былъ у насъ гвардіи поручикъ семеновского полку Софоновъ и долго въ ночь просидѣлъ.

20. Обѣдалъ у насъ полковникъ Божичъ зъ капитаномъ сербскимъ, а послѣ обѣда были у графовъ Гендриковыхъ, и Іванъ Симоновичъ отъехалъ при насъ до канцлера на банкетъ, а съ Андреемъ Симоновичемъ мы еще довольно сидѣли.

21. Прислалъ постъ-директоръ Ашъ писмо, зъ Вроцлавя полученное отъ Юнгганса, до Скоропадского надписанное въ Глуховъ. Обѣдали у насъ Рубци и Лукомскій, а вечеромъ мы всѣ трое у нихъ были.

22. Куплено красного гатласу поларшина за 75 к. Вчера въ день былъ у мене кумъ Яковъ Тимофіевъ съ кумою и съ крестникомъ, которому данъ отъ мене 1 р. за перникъ, отъ него принесенный.

23. Писаны писма: 1-е къ сину въ Киль подъ № 5-мъ, съ увѣщаніемъ, для чего не описуется зъ часта и чтобъ въ сей постъ старался сообщитись св. тайнамъ, 2-е въ Глуховъ до Скоропадского, съ отсилкою писма къ нему, изъ Вроцлавя полученного и съ объявленіемъ, что вина шампанского 12 бутилокъ за 14 р. 40 к. куплено. Писалъ тако-жъ къ женѣ съ сообщеніемъ копіи писма отъ сина зъ Киля, сего числа полученного, и подлинного коверта, и въ пакетъ до Скоропадского включилъ.

24. Гайдукъ дворцовый Сава Чиншевичъ, пріехавшій зъ Украіни, былъ у насъ, а надъ вечери ездилъ я до кума Якова Тимофі-

---

[236]) Журманъ пользовался, какъ видно, исключительнымъ положеніемъ въ Петербургѣ, потому что былъ женатъ на родственницѣ Разумовскихъ, Стрѣшенковой.

ева и ему-жъ оный, до Скоропадского надписанный, пакетъ вручилъ для пересилки въ Глуховъ.

25. Книгу Екстрактъ Саваріева Лексикона о коммерціи прислалъ мнѣ для читанія Яковъ Тимофіевъ.

26. Vacat. 27. Рано ездилъ въ монастырь Невскій и тамъ, по отправленной исповѣди передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ, слушалъ обѣдни въ деревяной церкви и причащалъся, а обѣдню служилъ съ протчими священниками отецъ намѣстникъ свінскій Лука. По обѣдѣ, на которомъ были у насъ священники церкви св. Сумеона Барановскій и Навроцкій, приходилъ ко мнѣ гайдукъ Сава, пріехавшій зъ Малой-Россіи и принесъ двѣ писми, одно отъ жены, другое отъ племѣнника Іосифа и третое до нѣкоторого Батюшкина, прокурора статсъ-кантори отъ сина его поруччика, стоячого зъ ротою драгунскою въ моей деревнѣ Куровѣ. Вечеромъ всѣ трое были у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, нареченного митрополита кіевского и у него долго проседѣли, где были и архимандритъ кіевского золотоверхого монастыря, отецъ Модестъ Стефановичъ, ігуменъ батуринскій, отецъ (*пропускъ*) и намѣстникъ свінскій отецъ Лука, потомъ туда-жъ пришли войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и Лукомскій, сотникъ. Розышлось на розницю 32 к.

28. Были въ дворцѣ, перво въ церквѣ болшой, потомъ у графа Розумовского, а обѣдали у преосвященного Симона Тодорского, епископа псковского, купно съ архимандритомъ казанскимъ, отцомъ Веніаминомъ Григоровичемъ. Вечеромъ былъ у насъ полковникъ Божичъ.

29. Дано Григорію Дмитріевичу на его нужды 4 р. 40 к. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 6-мъ, съ приложеннымъ къ нему отъ матки его писмомъ и на его писмо въ отвѣтъ, полученное мною здесь сего теченія 26-го числа, и оное писмо для отправы отослано къ Вынклеру. Писалъ тако-жъ до жены въ отвѣтъ на еи писмо, отъ 15-го генваря ко мнѣ писанное, и что-бъ всѣ долги виплачивала, тако-жъ дѣтей писма и протчего обучать старалась-бы, да дала-бъ знати, чи дойшли 10 штукъ шпалеръ бумажныхъ, посланныхъ чрезъ Івана Гамалію, сина пѣсковского (въ с. Пескахъ) Івана. Въ писмо до жены включено и писмо отъ капрала кадетского корпуса, Михайла Андревича Батюшкова, до брата его, архангелгородского драгунского полку поруччика, Лва Батюшкова-жъ, который въ нашихъ деревняхъ квартируетъ съ ротою.

Мартъ.

1. Рано были въ дворцѣ, какъ изволила государиня въ откритыхъ саняхъ проежджатся, потомъ заходими къ Любистку и къ Өедору Івановичу Коченевскому. Вечеромъ былъ у насъ Семенъ Дмитріевъ Шохъ.

2. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ, но не имѣли случая видѣть графа Р(озумовского). Послѣ обѣда былъ у мене г. Вынклеръ и привезъ писмо отъ сина и квітанцію о полученіи имъ отъ г. Шмидендорфа 20 червоныхъ.

3. Куплено сукна на кунтушъ мишастого 4 аршина за 8 р. 80 к., на штаны кармазинового полтора аршина за 3 р., шолку за 23 к., комфоры за 4 к., бумазіи на подбой до штановъ за 50 к.

4. Писмо до жены, писанное подъ числомъ 29-го февраля, вручилъ Гудовичу, что-бъ включилъ до своей жены въ пакетъ, а оное, тако-жъ и сундучокъ зеленый съ зеркаломъ, чрезъ человѣка г. Мойсѣя Івановича отпущенный, отослано-бъ изъ Івантенокъ до Городища въ домъ мой.

5. Писалъ до сина въ Киль на его ко мнѣ недавное писмо и требовалъ отъ него увѣдомленія, если его оттоль преселить въ Галю или въ Кенисбергъ, то чрезъ кого и на какія мѣста переводить для его субсидіалные денги. Оное писмо, подъ № 7-мъ, и въ немъ сообщено отъ отца Василія Барановича до отца Іова писмо-жъ, вручено для отправы г. Вынклеру. За писма на почтѣ полученные принесшему дано 12 к.

Умыслне званныи отъ вице-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина обѣдали у него.

6. Въ церкви придворной болшой посвяшенъ митрополитомъ кіевскимъ кіево-печерскій архимандритъ Тимофей Щербацкій, а рукополагалъ оного преосвященный епископъ псковскій и нарвскій Симонъ Тодорскій, содѣйствующимъ тутъ-же архіепископамъ санкт-питербургскому Өеодосію Яновскому, Арсенію Могилеанскому переславскому, Варлааму велико-устюжскому, что былъ вяцкій, да архимандритомъ володимерскому рождественскому Платону Петрункевичу, казанскому Веніямину Григоровичу, да Михаила Золотоверхого кіевского Модесту Стефановичу и духовнику государини Өеодору Дубянскому, при присутствіи ея імператорского вели-

чества и ихъ імператорскихъ высочествъ и всего придворного штата и генералитета, тако-жъ пословъ імператорского римского и королевского аглинского. Сего-жъ числа пріехалъ въ С. П. Бурхъ полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій и былъ у насъ, потомъ и въ дворцѣ съ нами.

7. У преосвященного митрополита кіевского новопосвященного рано всѣ трое были съ поздравленіемъ. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ въ дворцѣ у графа Р(озумовского), послѣ у Θеодора Івановича Коченевского, которому, тако-жъ и духовнику, прошеніе, для подачи графу заготовленное, показали. Послѣ обѣда былъ я у полковника гадяцкого, а передъ обѣдомъ былъ у насъ и обѣдалъ съ дѣтми своими, трома синами, отецъ Георгій Горковскій, протопопъ сорочинскій.

8. Писма, писанные отъ мене, 1-е до жены подъ 6-мъ числомъ о посилки столика круглого въ домъ, 2-е до Скоропадского о посилки 12 бутилокъ вина шампанского, за 14 р. 40 к. купленного, вручены вакансовому сотнику Якову Дмитровскому. Куплены двѣ книжки: 1-я «Похожденіе Телемакого» за 1 р. 80 к., другая «Езоповы Басни» за 1 р. 20 к. у перепліотчика.

9. Послѣ полдня былъ съ Гудовичемъ у Горчакова и вручилъ ему данное писмо отъ Александра Толстого до прикажчика его московского, Андреяна Недякова, о видачи водки и простой горѣлки моей, въ домѣ ихъ Толстыхъ содержачейся, оной-же водки три бочонки: ганисной, помаранцовой и розмариновой, да простой горѣлки 11 вѣдеръ и коровай свиніого сала въ пудъ и 20 фунтовъ. Потомъ заездили до Новоторжцова, где застали и войта нѣжинского; оттоль были въ дворцѣ и графа Р(озумовского) видѣли толко. Сего числа Іванъ Раковичъ съ женою своею, а съ нимъ и Дмитровскій отъехали изъ С.П.Бурха.

10. Рано были съ Гудовичемъ въ дворцѣ и заходили до Любистка, куда пришли за нами Савлуковъ, войтъ нѣжинскій и Антонъ, стряпчій графскій. Сего-жъ 10-го числа въ вечеру подали съ Гудовичемъ прошеніе наше, всѣхъ троихъ руками подписанное, графу Р(озумовскому) о общенародныхъ дѣлахъ и съ нимъ-же доволно розговаровали, а послѣ насъ былъ у его-жъ полковникъ гадяцкій Галецкій.

11. Послѣ полудня былъ у отца префекта кіевского Варлаама Лащевского и въ его избѣ почадѣли (угорѣли).

12. У митрополита кіевского всѣ сенатскіе и синодскіе оберъ-секретари, секретари, переводчики и протчіе трактованы; а оттоль заездилъ къ намъ секретарь Новоторжцовъ. Мы съ Гудовичемъ были у полковника гадяцкого Галецкого въ домѣ графскомъ, который обослалъ мене водкою и слывянкою. За 5 паръ золотыхъ петеліокъ дано 4 р., за шматъ блакитного аксамиту 1 р. 80 к., на нѣкоторые дробязки $4^1/_2$ к.

13. По службѣ Божой были у графа Р(озумовского), отъ которого обнадежены, что вскорѣ по дѣламъ общымъ будетъ резолюція; съ тимъ-же пріежджалъ до насъ вечеромъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій. Обѣдалъ у насъ префектъ кіевскій отецъ Лащевскій съ переводчикомъ сvнодскимъ Григоріемъ Політикою.

14. Писано отъ насъ до всѣхъ обще генералной старшины съ обявленіемъ, что графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, лейбъ-кампаніи подпоруччикъ, имѣетъ быти отправленъ въ Малую Россію для избранія гетмана, который графъ и самъ у насъ былъ, тако-жъ и дворянинъ Любистковъ. А потомъ были мы всѣ трое у его, графа Гендрикова, съ поздравленіемъ новорожденного ему-жъ сина Андрея и съ родѣлею целовались и ей-же по червоному поднесли, въ томъ числѣ и я отъ себе одинъ червонецъ.

15. Писалъ писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа а въ домъ до жены обявлялъ, что вскорѣ своей отправы отселя надѣемся и чтобъ дворъ глуховскій какъ ні есть оправлено и всячины въ ономъ припасено-бъ.—Рано изволила государиня и великій князь и великая княгиня и многіе придворные и господа отъехать до гостилицкой мызи графа Алексія Григоріевича Розумовского для именинъ его надходящихъ. Мы всѣ трое были на водкѣ у полковника Божича. Оные писма отпущены чрезъ писца Крижановского, Супруна Іванова.

16. Покроенъ кунтушъ изъ попелятого сукна, до которого на подбой за тафти два аршина дано 1 р. 90 к. За баранокъ чорный до шапки аксамитной голубой 20 к. Послѣ полудня ездили г. Лизогубъ и Гудовичъ до Новоторжцова, где видѣлись и зъ Демидовымъ, который сказовалъ, что вскорѣ будемъ отправлены во свояси.

17. За обмаліованье кабінетика уборного дано 30 к. Обѣдалъ у насъ полковникъ Василій Танскій, а полковникъ гадяцкій и Петръ Розумовскій у Журмана.

18. Vacat. 19. Писано писмо до жены о приготовленюся ей къ поезду до Глухова чрезъ Рубцовъ, которіи сего числа и отъехали изъ С. П. Бурха. Вечеромъ былъ у кума Якова Тимофіева и отвезены ему 3 бутилки сливянки и бутилку водки, потомъ былъ-же у секретаря губернской с.-п.-бургской канцеляріи Стефана Радіонова Будаева и у переводчика академическаго Киріака Андріевича Кондратовича, который и книжку свою Amusium уступилъ мнѣ въ подарокъ.

20. Въ дворцовой болшой церквѣ посвященъ епископомъ въ Владимеръ и Ярополче архимандритъ рождественскій володимерскій Платонъ Петрункевичъ, а посвящалъ оного митрополитъ кіевскій, преосвященный Тимофей Щербацкій, съ сослужащими съ нимъ епископомъ псковскимъ Симономъ Тодорскимъ, архіепископомъ с.-п.-бурскимъ Ѳеодосіемъ Янковскимъ, епископомъ великоустюжскимъ Варлаамомъ и нѣсколко архимандритами въ присутствіи ея імператорскаго величества и ихъ імператорскихъ высочествъ. По службѣ Божой заходили до графа, но не видѣли его. Обѣдалъ у насъ полковникъ гадяцкій и переводчикъ Політика.

21. Обослалъ мене полковникъ гадяцкій вишніовкою и бутилкою водки полинковой. Заплачено Стефану кравцю за роботу кунтуша, шапки и штановъ 1 р. 20 к. Войтъ нѣжинскій у г. Лизогуба былъ, а у мене Вынклеръ и отъ сина моего подалъ мнѣ писмо, писанное изъ Киля сего марта 14-го n. s. Рано были мы всѣ трое въ дворцѣ у графа, у котораго застали кіевскаго митрополита. У насъ обѣдали Киріякъ Андріевичъ Кондратовичъ съ женою, да лютнистъ великого князя Іванъ Романовъ. Послѣ обѣда были мы у полковника гадяцкого, у которого былъ-же и Журманъ съ женою. Кондратовичевому сину данъ отъ мене шолковый платокъ.

22. Рано были первей у графа Кирила Григоріевича, потомъ и у графа Алексія Григоріевича, а отголь заходили до Любисткова. Отослано писмо Скоропадского до отца духовника. Обѣдалъ я у полковника гадяцкого. По полднѣ былъ у насъ лейбъ-компанецъ Михайло Івановичъ Коченевскій, объвляючи, что и ему велено ехать при графѣ Гендриковѣ въ Малую Россію. Вечеромъ у насъ-же былъ Журманъ, которому и пакта гадяцкіе читаны.

23. Послѣ полдня ездили до графа Шувалова и, у него будучи, благодарили за его милость, являемую въ дѣлахъ нашихъ;

24. Рано были съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у гр. Р(озумовского) и при де-которихъ розговорахъ вручили ему копіи писма отъ старшины генералной, зъ промеморіею генерала Бісмарка, писанного къ намъ и мнѣнія іностранной коллегіи о кляссахъ чинамъ малороссійскимъ. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси и на ночь имѣлъ прибыть въ Село Царское. Обѣдали у насъ капитанъ лейтнантъ Марковичъ и Журманъ. Надъ вечери былъ я у Галецкого, къ которому присланъ былъ нѣкоторій капитанъ Соловьевъ отъ г. Гендрикова. Потомъ былъ я съ Гудовичемъ у секретаря Новоторжцова, который сказовалъ мнѣ о клеветѣ войтовой. За двѣ бутилки декокту, отъ Божича присланного, данъ 1 р. 8 к.

25. Знову обѣдалъ у насъ Марковичъ. Послѣ полдня были у насъ-же перво Махайло Івановичъ Коченевскій, потомъ Носко съ женою своею и съ племѣнниками графскими Василіемъ Евфимовичемъ Дараганомъ и Михайломъ Власіевичемъ [1]), а ночью секретарь Новоторжцовъ.

26. Писалъ къ сину подъ № 8-мъ на его писмо въ отвѣтъ и чтобъ прислалъ ко мнѣ вѣдомость о росходѣ денегъ, о платьѣ и о протчемъ, что имѣется у него на лицо, о наукахъ, о аттестатахъ профессорскихъ и о столѣ, наемный ли или герцогскій имѣетъ, и отослалъ для отправы до Вынклера. Надъ вечери былъ я съ Гудовичемъ у првосвященного епископа володимерского и ярополского Платона Петрункевича съ поздравленіемъ его возведеніемъ на оный епископскій санъ, отъ которого увѣдомились, что ему-жъ велено быть по прежнему въ святѣйшемъ сунодѣ членомъ, а преосвященному Тодорскому титуловатись архіепископомъ псковскимъ именными указами. Запасъ г. Лизогуба пришелъ въ С. П. Бурхъ.

27. По службѣ Божой въ дворцѣ были у ручки ея імператорского величества, потомъ были-жъ у графа Р(озумовского), а отголь пошедши, съ поздравленіемъ были у его преосвященства отца Тодорского, что ему именнымъ указомъ опредѣлено титуловаться архіепископомъ псковскимъ, у которого мы всѣ трое и обѣдали, а съ нами и оберъ-секретарь синодалный Яковъ Герасимовичъ Левани-

---

237) Впослѣдствіи принявшимъ фамилію Будлянского.

довъ и священникъ дворцовый отецъ Андрей, родомъ зъ Оскола. Послѣ обѣда прислалъ отецъ духовникъ Ѳеодоръ Яковлевичъ Дубянскій чрезъ прикажчика своего Симена Дмитріева Шоха сто рублей денегъ къ прежнымъ сту рублямъ, и на оные денги, вмѣстѣ на двѣстѣ рублей, дана отъ мене росписка: тѣ-же денги занимали прикажчики его въ Малой Россіи у г. Скоропадского. Сего числа прибывшій до С. П. Бурха бунчуковый товаришъ Григорій Богдановичъ рано явилъся у насъ на квартерѣ.

28. Писалъ писмо до молодыхъ Скоропадскихъ до Вроцлавя, въ Силезію, и съ включеннымъ, отъ отца ихъ вчера полученнымъ пакетомъ, да переведеннымъ по нѣмецку именнымъ о гетманѣ, въ прошломъ 1747 году, маія 5-го, состоявшимся указомъ, отосланъ до постъ-директора Аша для отправы по почтѣ. Рано былъ Богдановичъ и показывалъ свою изготовленную челобитную. Гудовичъ ездилъ до г. Гендрикова и въ провіантмейстерскую кантору и въ сенатъ. Я началъ принимать лекарства въ декоктѣ.

29. За роботу трохъ запонокъ, въ срѣбро оправленныхъ, золотарю дано 1 р. 50 к. Рано были у насъ полковникъ Танскій и локей дворцовый Пуховичъ, когорого при дворѣ називаютъ Товаромъ. За 4 стаканцы хрусталные дано 24 к., за сотню скалокъ 20 к., за починку фузіи и на другіе мѣлочи дано 23 к. Яскевичъ прибылъ.

30. Писаны писма въ Глуховъ: одно до Скоропадского съ объявленіемъ, что у духовника денегъ 400 р. отобраны, да и за козакомъ Ковбасою, что-бъ его дѣло въскорѣ рѣшено въ генералной канцелляріи, другое до Іосифа племѣнника, что-бъ дворъ въ Глуховѣ пооправленъ былъ и сѣно, овесъ и муки разной запасено-бъ, и оные писма вручены Алексію Долінскому, отъежджающему до Малой-Россіи. Написано отъ насъ всѣхъ доношеніе въ сенатъ о промеморіи, отъ генерала Бісмарка въ генералную войсковую канцеллярію съ досадами и предъосужденіемъ чиновъ малороссійскихъ присланной и зъ онымъ доношеніемъ ездилъ Гудовичъ въ сенатъ, но не принято. А послѣ полдня присилалъ нарочного экзекуторъ сенатскій Іванъ Івановичъ Дурново зъ писмомъ до Гудовича, что-бъ онъ зъ тѣмъ доношеніемъ явилъся завтра въ сенатъ.

31. Оное доношеніе подано чрезъ Гудовича въ сенатѣ. Яскевичъ у насъ былъ и токмо къ Гудовичу изъ дому его подалъ писмо.

Полковникъ Василь Танскій отъехалъ изъ С. П. Бурха во свояси. Рудому куплено ременю на чоботы за 29 к.

Априль.

1. Швагеръ Гудовичевъ, Георгій Носенко-Белецкій прибылъ въ С. П. Бурхъ. Войтъ нѣжинскій изрaна былъ у г. Лизогуба. Сотникъ понурницкій Брежинскій такожъ въ С. П. Бурхъ прибылъ. За окованье 4 колесъ до будки дано 4 р. 70 к., за 20 фунтовъ шроту 85 к., въ доплатку за червонецъ къ 4 р. приданы 25 к.

2. Государиня сообщалась святымъ тайнамъ въ болшой придворной церквѣ. Послѣ полдня въ квартерѣ нашей былъ графъ І. С. Гендриковъ и потомъ капитанъ драгунского полку, Іванъ Ѳедоровъ синъ Соловьевъ, швагеръ Якубовичевъ, тако-жъ и Журманъ зъ Губчичемъ, сотника почеповского синомъ, который вчора прибылъ въ С. П. Бурхъ и сказовалъ, что и полковникъ стародубовскій Ѳедоръ Максимовичъ сюда-жъ едетъ.

3. Въ сей день празденственный Въѣханія Господня были мы всѣ трое въ дворцѣ, перво на службѣ Божой въ болшой церквѣ, таже въ сал-галереи, потомъ и у графа, а обѣдали въ квартерѣ. Послѣ полдня государиня изволила ездить на графскій, что надъ Фонталкою дворъ, где и полковникъ гадяцкій Галецкій передъ ея величествомъ былъ. Потомъ онъ-же былъ у насъ и сказовалъ, что будучи у него, войтъ нѣжинскій говорилъ обо мнѣ. Янушкевичъ видѣлъ рано Соколовского, прибывшого сюда.

4. За отоси дано 16 к., за оглобли дано 8 к., за діоготь и гвоздки и прот. 14 к. Приходилъ къ намъ проститися Семенъ Шохъ, отъежджаючи отселя до дому купно съ попомъ Семіоновскимъ Димитріемъ, который сказовалъ, что преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тферскій, преставился. Съ нимъ же Шохомъ и бунчуковый товарищъ Григорій Богдановичъ отъехалъ.

5. Полковникъ стародубовскій Ѳедоръ Максимовичъ прибылъ въ С. П. Бурхъ и перво къ намъ на квартеру заехалъ, потомъ сталъ въ духовниковомъ домѣ. Послѣ полдня ездилъ я съ Гудовичемъ до графа Гендрикова.

6. Послѣ полдня знову былъ у насъ полковникъ стародубовскій, которому я виговоровалъ за поставленную рогу въ Куровѣ и за произносящіеся отъ него пліотки (сплетни).

7. Рано ездилъ съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ въ Невскій монастырь и тамъ, по отправленой передъ отцемъ намѣстникомъ Софроніемъ исповѣди, по благости Божіей, удостоились причащатись святыя Евхаристіи.—На розницю розышлось 25 к., да за разные сѣмена огородные дано 36 к.. Івану Рудому за три рубашки 80 к.

8. Послѣ полдня ездили съ Гудовичемъ къ графу Гендрикову и какъ у самого, такъ и у брата его Андрея Симоновича доволно сидѣли.—Перепліотчику за оправу трагедіи Хорева даны 10 к.

9. Писалъ къ сину въ Киль, подъ № 9-мъ, на его писмо вчора полученное, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ науки и за полученіемъ того писма и векселю на 20 червоныхъ собралъся-бы къ поезду до Риги, а оттоль до дому на нѣкоторое время, и оное писмо отдано г. Вынклеру для отправы по почтѣ въ Киль. Сего мѣсяця взялъ я до прежныхъ изъ общихъ денегъ 40 р., а Гудовичъ и г. Лизогубъ по толку-жъ и тако за всякимъ стало оныхъ денегъ по 200 р.

10. Въ сей день Свѣтлаго Воскресенія Господня, зъ полуночи, въ началѣ четвертого часа, началось въ дворцовой церкви набоженство и продолжалось до 7-го часа, на которомъ присутствовали и ея імператорское величество и его і. высочество государь великій князь. По утренѣ были допущены всѣ бывшіе въ церкви къ руки ея величества. По службѣ были у графа и тамъ многихъ господъ поздравляли и съ ними цѣловались. У графа поччованы водкою, потомъ мимоездомъ были у полковника Божича, обѣдали въ квартерѣ и съ нами старый и молодый Політика. Полковники гадяцкій и стародубовскій у насъ были, а надъ вечери я съ Гудовичемъ у полковника стародубовского былъ.

11. Рано ездили съ поздравленіемъ и были у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, потомъ въ дворцѣ у духовника и у Ѳедора Івановича Коченевского, да у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а по обѣдѣ былъ у насъ Журманъ съ женою и съ молодымъ Губчицомъ. Мы потомъ всѣ трое ездили до Демидова, послѣ были и долго въ ночь сидѣли у полковника стародубовского.

12. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, у секретаря графа Шувалова, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ у графовъ Андрея и Івана Симоновичевъ Гендриковыхъ,

где и обѣдали и весь день пробавили; тамъ всѣхъ насъ троихъ дарилъ шапками графъ Іванъ Симоновичъ. Государиня изволила отъѣхать въ Царское Село.

13. Весь день я пролежалъ боленъ, а г. Лизогубъ съ Гудовичемъ у графа Румянцова, у Апраксина и у барона Черкасова были рано, а обѣдали въ квартерѣ и съ ними полковникъ Божичъ. Послѣ обѣда былъ у мене полковникъ гадяцкій Галецкій и до позна проседѣлъ.

14. Въ 6-мъ часу полуночи прошла Нева и випалено изъ 3-хъ пушекъ, потомъ знову изъ 3-хъ же пушекъ, какъ стали по Невѣ суднами ездить. Вчора званныи отъ графа Румянцова наши у него сего числа обѣдали, а я вчора и сей день былъ неотлучно въ квартерѣ, ради случившейся мнѣ прошлодневной ночи болѣзни. Послѣ полдня былъ у насъ въ квартери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своимъ швагромъ Александромъ Сергіевичемъ Бутурлинымъ и нѣсколько человѣкъ ундеръ-офицеровъ гвардіи.

15. Рано ездили мы всѣ трое къ архіереямъ: псковскому Симону Тодорскому и переславскому Арсенію Могилеанскому и поздравляли ихъ праздникомъ. Обѣдали у насъ поковникъ гадяцкій, да переводчикъ Політика и Яскевичъ. Послѣ полдня были всѣ трое у князя Н. Трубецкого, потомъ два мы съ Гудовичемъ у оберъ-прокурора сенатского Николая Алексіевича Жеребцова и у переводчика іностранной коллегіи Данилевского, где видѣлись изъ Лібартовскимъ, отъ Журмана зъ банкету пріехавшымъ.

16. Писано писмо къ сину въ Киль подъ № 10-мъ, что-бъ онъ до въ предъ будущого моего къ нему писма континуовалъ прилѣжно науки, а между тѣмъ сискивалъ способу, какъ бы лучше лѣтомъ прибыть до Риги, и оное писмо отдано на почту постъ-директору Ашу. Были на службѣ въ Невскомъ и у архіерея. Обѣдали у насъ Лібартовскій, Данилевскій и пѣвчій дворцовый изъ Красного Колядина Семенъ Тыхоновичъ, а по обѣдѣ у насъ-же были Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и полковникъ стародубовскій Максимовичъ и войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ. Пріехалъ изъ Царского Села дворъ.

17. Были въ дворцѣ на службѣ, потомъ заходилъ я къ Любистку съ полковникомъ гадяцкимъ Галецкимъ, а оттоль съ нимъ же пріехавъ въ квартеру, тутъ обѣдали у насъ онъ полковникъ и Марковичъ капитанъ-поруччикъ, да у мене-жъ была и съ нами

обѣдала кума, Акилина Николаевна, канцеляриста сенатского Тимофѣева жена, чрезъ которую данъ сину еи, а моему крестнику 1 р. денегъ.

18. Государиня изволила ездить рано до Ігната Кириловича Полтавцова для посѣщенія болной его жены. Мы съ Гудовичемъ перво были у Өедора Івановича Коченевского, потомъ у графа Івана Синоновича Гендрикова передъ обѣдомъ, а по обѣдѣ былъ у мене полку харковского салтовскій сотникъ, Өедоръ Івановичъ Картавый.

19. Рано отвезена куфа двойного вина, сіесть горѣлки, въ домъ господина віце-адмирала Александра Івановича Головина, въ даръ ему за показанную отъ него благосклонность позиченіемъ намъ для езди еще въ 1745 г. берлина. Ездили въ дворецъ и тамъ, будучи у графа Р(озумовского), видѣли и государиню въ присутствіи многихъ кавалеровъ, а потомъ мы два съ Гудовичемъ обѣдали у полковника гадяцкого, а надъ вечери ездили до Вынклера, до Носка и до графа Мойсѣя Владиславича, но ни кого не застали. Сказовали мнѣ, что Соколовскій, минуя квартеру нашу, бранилъся.

20. Рано ездилъ Гудовичъ до нѣкоторыхъ сенаторей за доношеніемъ отъ насъ поданнымъ въ сенатъ стороны премеморіи отъ генерала Бісмарка въ генералную канцеллярію, безреспекту писанной. Потомъ оба мы были въ дворцѣ; обѣдали-же у насъ секретарь штатсъ-конторы Шишкинъ и швагеръ его, семеновского полку гвардіи фуріеръ, да протопопенко (сынъ протопопа) сосницкій Полторацкій. Надъ вечери двое мы были у Лібратовского и тамъ застали обермуншенка Евфима Юрьевича Бахтѣева съ протчими. Гвардіи семеновского полку маіоръ и кавалеръ, графъ Іванъ Михайловичъ Евфимовскій преставилъся.

21. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ съездъ ко двору імператорскому для поздравленія ея высочества, государини, великія княгини Екатерины Алексіевны рожденіемъ ея, но за болѣзнію, ея высочеству приключившеюся, не виходила, толко тѣмъ торжествомъ поздравляли его высочество и къ руки его допущены. По службѣ Божой мы всѣ трое, да и полковники Галецкій, Божичъ и Максимовичъ обѣдали у графа Мойсѣя Владиславича. Потомъ знову были мы двое съ Гудовичемъ въ дворцѣ на балѣ и уже въ 11-мъ часу пріехали на квартеру.

22. Званы отъ преосвященного Өеодосія Янковского, архіепископа с.п.бурского и шлютелбурского обѣдать въ Невскій монастырь, и тамъ обѣдали мы трое, да полковникъ стародубовскій Максимовичъ. А оттоль какъ возвратились, то въ 6-мъ часу по полудни было провождено тѣло въ монастырь Невскій продпомянутого графа Евфимовского. Смеркомъ мылъся у насъ въ банѣ полковникъ гадяцкій Галецкій.

23. Оного-жъ графа Евфимовского въ монастырѣ Невскомъ погребено. Государиня изволила кушать у графа Петра Івановича Шувалова, ради рожденія жены его Мавры Егоровны. Ігната Кириловича Полтавцова жена Ірина Івановна преставилась.

24. Обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, а надъ вечери были мы всѣ трое на Смолномъ дворѣ у Журмана и тамъ изъ лука стрѣляли.

25. Въ сей день воспоминанія коронаціи ея імператорского величества былъ израна до двора імператорского съездъ какъ іностранныхъ пословъ и министровъ, такъ и россійскихъ обоего пола знатныхъ персонъ, и послѣ службы Божой поздравляли ея імператорское величество и къ руки допущены. Обѣдъ-же въ болшой салѣ на тронѣ ея імператорское величество съ великимъ князем̀ъ, а протчіи за убранными столами, между которыми и фонтаны были подѣланы, кушали. По полдни былъ балъ въ салъ-галлереи, а ночью какъ на обыкновенномъ театрѣ, такъ въ около крѣпости и везде по всемъ городѣ изрядная была иллюмінація. Преосвященный псковскій проповѣдь имѣлъ. Рано въ дворцѣ будучи, полковникъ стародубскій Максимовичъ въ графской прихожой избѣ при полковнику Божичу и при капитану-поруччику Марковичу (сказовалъ полковникъ гадяцкій Галецкій) бранилъ всю старшину генералную всякими скверными словами.

26. Рано едучи ко дворцу, миновала насъ государиня противъ гостинного двора и изволила ездить въ лѣтный дворецъ, а оттоль возвратилась кушать въ собственномъ въ своемъ дворцѣ, где прежде жить изволила, будучи цесаревною. Мы зъ Гудовичемъ были у Өеодора Івановича Коченевского, который объявилъ намъ произнесенную клевету на насъ, будто у насъ учинены посулы великіе посилающейся персонѣ въ Украину для избранія гетмана. Сего числа погребена Полтавцова жена въ Невскомъ монастырѣ.

27. Рано съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и подали писмо графу отъ матушки его; чрезъ Барановского о козакахъ кіевскихъ и отъ ихъ-же писанное доношеніе въ сенатъ подано. Послѣ обѣда изволила государиня отъехать въ Пітергофъ для осмотру строеній. Мы съ Гудовичемъ вечеромъ были у Савлукова и съ женою его, Агафіею Яковлевною Довбешковною, смотрѣли каменныхъ ихъ полатокъ, въ которыхъ они живутъ.

28. Были всѣ трое въ дворцѣ рано, а по обѣдѣ ездили мы два съ Гудовичемъ до графа Івана Симоновича Гендрикова и у него сидѣли доволно и ему-жъ обявили о предпомянутой клеветѣ; а отъ него возвращаючись, привезли съ собою подпрапорщика кадецкого корпуса Василія Івановича Розумовского [238]), который у насъ и вечерялъ. Потомъ отвезли его къ ісакіевской пристани поездомъ полковника Галецкого. Въ дворцѣ въ вечеру былъ маскарадъ.

29. Рано мы съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и видѣлись тамъ съ архіереемъ псковскимъ Тодорскимъ. потомъ заходили до Ѳеодора Івановича Коченевского. Обѣдалъ у насъ протопопъ миргородскій Горковскій и полковникъ Божичъ, который отъехалъ въ компанію до Журмана на Смолный дворецъ, где обѣдалъ и полковникъ Галецкій.

30. Въ 1-мъ часу по полудни изволила ея імператорское величество, такожъ ихъ імператорскіе высочествы, государь великій князь и государиня великая княгиня, имѣть свой публічный переездъ изъ зимного въ лѣтный дворецъ нри пушечной палбѣ изъ крѣпости, зъ адмиралитейства и изъ яхтъ, и когда прибыла государиня въ лѣтный дворецъ, то тутъ многіе господа и кавалери и другихъ чиновъ встрѣтили передъ дверми, а на караулѣ гвардія въ барабаны и съ музиками отдавали честь, а при входѣ до покоевъ, перво изволила ея величество пойти въ церковь, потомъ чрезъ болшую салю прошедъ въ первую камору, тамъ всѣхъ, въ томъ числѣ и насъ, пожаловала къ рукѣ, послѣ жаловала-же до руки и великая княгиня. Зъ болшой салѣ пошли прямо до графа Алексія Григоріевича, которій обнадеживалъ насъ скорымъ отпускомъ и, попотчивавъ водкою, приказалъ рано когда къ себѣ явитись одному Гудовичу. Полковникъ гадяцкій прислалъ мнѣ окорокъ ветчины, у кото-

---

[238]) В. И. Разумоввскій послѣдствіи былъ гадяцкимъ полковникомъ.

рого мы съ Гудовичемъ и сами были и доволно у него сидѣли, тамъ-же заставши и Божича.

Маій.

1. На службѣ Божой въ болшой дворца лѣтняго церквѣ посвящалъ преосвященный Тодорскій, архіепископъ псковскій, ректора семінаріумъ невского, отца Гавріила Кременецкого архимандритомъ въ Москву новоспаского монастыря, а по службѣ были у ручки у ея імператорского величества въ салѣ и потомъ къ графу ходили и трактованы тамъ водкою. Обѣдалъ у насъ переводчикъ синодалный Політика, а послѣ обѣда былъ у насъ-же гвардіи семеновского полку гранадерской роти поруччикъ Софоновъ. Приходилъ ко мнѣ отъ кума Якова Тимофіева поддячій съ извѣстіемъ, что крестникъ мой, а его синъ Никита преставилъся. Государиня изволила ездить къ рогаткамъ.

2. Рано ездилъ въ дворецъ Гудовичъ и былъ у графа по выше объявленному приказу, где ему отъ графа обявлено, что къ отправленію графа Гендрикова все уже готово. Послѣ полудня ездили мы всѣ трое до камеръ-гофъ-фуріера и полковника Ігната Кириловича Полтавцова и съ нами полковники Галецкій н Божичъ.

3. Обѣдали у насъ тѣ-же полковники оба и секретарь Новоторжцовъ, надъ вечери былъ у насъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ съ братомъ своимъ Романомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ-же, а изъ рана приездилъ къ намъ графъ І. С. Гендриковъ.

4. По службѣ Божой въ дворцѣ, на которой въ малой придворной церкви произведенъ архимандритомъ въ воскресенскій, что за Москвою, монастырь отецъ Амвросій Камінскій, префектъ семінаріи невской, преосвященнымъ Симономъ, архіепископомъ псковскимъ. Были у графа въ присутствіи многихъ господъ и кавалеровъ, а зъ дворця прямо отъехали къ полковнику Божичу, у которого всѣ мы трое и полковникъ гадяцкій обѣдали. Изъ рана былъ у г. Лизогуба войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, и онъ-же заежджалъ и до полковника гадяцкого Галецкого. Въ дворцѣ былъ въ вечеру куртагъ.

5. Рано мы двое съ Гудовичемъ были въ дворцѣ и съ графомъ А. Г. имѣли розговоръ и просили о отправѣ какъ міністра, такъ и своей. Зъ дворца заехалъ къ намъ графъ Іванъ Сименовичъ

Гендриковъ и обѣдалъ у насъ. Послѣ полдня съ полковникомъ Божичемъ и Гудовичемъ ездилъ я до Лібратовского.

6. Были въ дворцѣ съ Гудовичемъ и по службѣ у графа, где великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ болѣе двухъ часовъ съ графомъ имѣлъ конференцію. Обѣдалъ у насъ гвардіи преображенского полку солдатъ Мойсѣй Березинскій. По обѣдѣ у насъ-же были полковники Галецкій и Божичъ.

7. Въ 12-мъ часу полуденномъ изволила государыня съ нѣкоторою частію придворного штата до Царского Села отъехать. Послѣ обѣда былъ у мене господинъ Вынклеръ и привезъ писмо, отъ сина изъ Киля полученное на почтѣ. Обѣдалъ у насъ канцеляристъ рекетмейстерской канцелляріи Николай Івановичъ Кречетцовъ, которому и записка дана, что къ моей челобитной апелляціонной изъ дѣла выписать надлежитъ. Получено писмо изъ Вроцлавя отъ молодыхъ Скоропадскихъ; постиліону за оное дано 2 к.

8. Обѣдали у насъ войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ, да Лукомскій, бывшій сотникъ полковый прилуцкій. Послѣ полдня ездили до графовъ Гендриковыхъ и у обоихъ были, где была-жъ при насъ и сестра ихъ Марія Симоновна и вице-канцлеръ графъ Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ.

9. Послѣ службы Божой заходили ко мнѣ съ поздравленіемъ патрона маіоръ волоского полку Анастасій Баронъ, да войтъ нѣжинскій Тарнавіотъ и грекъ Николай (Матонисъ), потомъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а обѣдали у насъ полковники Галецкій и Божичъ, іностранной коллегіи переводчикъ Данилевскій и бунчуковый товаришъ Політика.

10. Обѣдалъ у насъ нарочно пріездившій іностранной коллегіи надворный совѣтникъ Адамъ Васильевичъ Алсуфьевъ съ переводчикомъ Данилевскимъ, которому совѣтнику и книжка о блаженствахъ, изданія покойного Феофана Прокоповича, отъ мене подарена.—Первый пожаръ былъ въ Москвѣ.—Рано помянутій Політика прислалъ намъ въ общѣ 5 бутилокъ вина судакского. Послѣ полдня въ 4-мъ часу пріездилъ ко мнѣ господинъ Вынклеръ, которому я далъ 67 р. 50 к. для переводу до сина въ Киль, чтобъ тамъ ему отдано 30 червоныхъ, о чемъ и писмо, отъ мене до сина написанное подъ № 11-мъ, тому-жъ Вынклеру вручено, дабы онъ, сынъ мой, принявъ тамъ въ Килѣ тѣ 30 червоныхъ отъ коммиссаріуса

де-Саллернъ юля 1-го n. s. и собрався совсѣмъ безъ остатка, получа-же отъ принца Августа пашпортъ и съ академіи и отъ профессоровъ тестимонія о наукахъ, ехалъ въ Ригу, а оттоль домой. Надъ вечери были у насъ полковники гадяцкій и Божичъ, потомъ и стародубовскій Максимовичъ.

11. Рано ходили съ Гудовичемъ въ лѣтный дворецъ. Вѣдомость пришла вчора до г. Лизогуба, что невѣстка его, сина его-жъ Григорія жена, преставилась. Полковники Галецкій и Божичъ мились у насъ въ банѣ.

12. Принималъ лѣкарство слабителное, за которое дано въ аптекѣ 24 к. Передъ обѣдомъ былъ у мене Іванъ Барановскій съ требованіемъ меморіала о дѣлахъ малороссійскихъ, о которыхъ въ прошломъ 1747 году сентября 6-го въ писмѣ нашемъ къ графу выразили, якій меморіалъ и отвезъ къ нему Гудовичъ, а я особливо къ нему-жъ картою писалъ о подачи моего прошенія, въ пакетѣ запечатанного, графу, въ моемъ собственномъ дѣлѣ. Послѣ полдня былъ у насъ подпоруччикъ полку пѣхотного інгермоландского Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій, а г. Лизоґубъ ездилъ къ Марковичу и къ Журману.—За 15 рюмокъ хрусталныхъ дано 45 к., на другіе дробязки 22 к.

13. Послѣ обѣда посѣщали полковника Галецкого, который изъ руки кровъ пущалъ, а отъ него ходили къ живодіорнимъ избамъ, где медведя собаками травили, изъ которыхъ найлучше брала медведя собака британская Петра Мойсѣевича Левіцкого, графского бывшого муншенка [239]).

14. Писалъ писмо къ сину въ Киль подъ № 12-мъ, обявляючи, что здесь даны г. Вынклеру 67 р. 50 к., чтобъ перевелъ онъ тѣ денги въ Киль и тамъ-бы сину моему заплачено 30 червоныхъ коммісcаріусомъ de Sallern; къ нему-жъ сообщенъ реестрикъ о покупки книжокъ 3 латинскихъ, кромѣ въ прежнемъ реестрѣ виражениыхъ, и тое писмо отдано постъ-директору Ашу для отправленія по почтѣ.—За оправу табакерки каменной дано 4 р. серебрянику. Іхъ імператорскіе высочества изволили возвратиться зъ Царского Села и при нихъ І. С. Гендриковъ.

---

[239]) Сынъ нѣжинскаго полковаго есаула.

15. Наведенъ мостъ на островъ Васильевскій и по оному стали ездить, и сенатъ въ свое мѣсто перебралъся. Куплено 5 перстней золотыхъ, дано за оные 25 р.

16. Государиня изволила пріехать изъ Петергофа ночью въ С.П.Бурхъ. Василь Романовичъ, бунчуковый товаришъ, прибылъ въ Ямскую съ сотничкою яготинскою, Филипа Купчинского женою.

17. Послѣ полдня былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а потомъ онъ-же и мы съ нимъ перво у полковника гадяцкого Галецкого, потомъ у полковници Ізволской были, где и его графиню застали.

18. Рано былъ у г. Лизогуба Романовичъ. Пожалованы полковничими рангами изъ пѣвчихъ дворяне: Петръ Лазоровичъ уставщикъ, Өедоръ Івановичъ Коченевскій, Кирило Степановичъ Рубановскій, да Григорій Михайловичъ Любистковъ слѣпый, а подполковничимъ Яковъ Алексіевичъ Пучковскій.

19. По службѣ Божой была въ дворцѣ отпускная авдіенція цесарскому послу барону Претлаху. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у Любісткова и поздравляли его пожалованнымъ рангомъ, тако-жъ и до Коченевского за тимъ-же ходили.

20. Рано призиваны въ сенатъ пожалованные дворяне рангами полковничими и приведены къ присяги. Въ 1-мъ часу по полудни была другому послу цесарскому авдіенція, который на мѣсто отпущенного имѣетъ быть при здешнемъ дворѣ. Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Государиня изволила отъехать къ Гостилици послѣ вечерень.

21. Послѣ обѣдни былъ у насъ графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, а обѣдалъ у насъ-же капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ. Сего-жъ числа рано (какъ слухъ пронесъся) взяты подъ караулъ въ крѣпость капитанъ поруччикъ гвардіи преображенского полку Василь Марковичъ и солдатъ Мойсѣй Березинскій.

22. Посвященъ архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ архимандритъ бывшый воскресенскій Іларіонъ Григоровичъ, а рукополагалъ оного преосвященный архіепископъ псковскій и нарвскій Сѵмонъ Тодорскій съ другими архіереями. Его імператорское высочество и великая княгиня изволили отъехать до Гостилици зъ С.П.Бурха. Вечеромъ былъ полковникъ стародубовскій Максимовичъ, какъ мы повернулись зъ проездки, зъ которой мимоездомъ были у

ассессора ямской канцеляріи Алексія Өедоровича Кутузова. Рано были у дворецкого Шереметева, Өедора Дементіева Звѣрова.

23. Отосланы писма, подъ 16-мъ числомъ писанные до Скоропадского въ Глуховъ и до жены въ домъ къ Якову Тимофіевичу, чтобъ по почтѣ изъ сената отправилъ до Глухова.—Повторный пожаръ въ Москвѣ, да и въ Глуховѣ сего-жъ числа.—Послѣ обѣда были мы два съ Гудовичемъ въ новомъ дворцѣ Аничковскомъ и въ саду и во всѣхъ тамошныхъ строеніяхъ ходили.

24. Писалъ писма въ домъ до жены и въ Глуховъ къ Скоропадскому и къ нему-жъ включилъ пакетецъ отъ господина Любистка до бунчучного генералного Оболонского. Послѣ полудня проезжались и потомъ заехали къ выце-адмиралу Александру Івановичу Головину. Староста хвастовскій отъехалъ артилерійскій [240]).

26. Прибылъ изъ Глухова на почтѣ генералной артилеріи канцеляристъ Іванъ Коляновскій, которій и мнѣ привезъ вѣдомость, что швагеръ мой Александръ Корецкій прошлого апреля 17-го умре, такожъ и другого швагра Өедора Корецкого маленкій синокъ Василь умре-жъ. Рано былъ у графовъ Гендриковыхъ, изъ которыхъ г. Андрей весма сталъ быть боленъ.

27. Куплены чолки нитные за 33 к. Обѣдалъ у насъ и весь день просидѣлъ капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ. Рано отвезенъ въ крѣпость управитель деревень графскихъ Ілля Борисовъ Ксиліандеръ. Получилъ писма изъ Киля, 1-е отъ отца Іова, 2-е отъ сина, кои самъ г. Вынклеръ принесъ. Ночью прибыть изволила государиня и великій князь съ великою княгинею.

28. На писма вчора полученные отвѣтовалъ въ Киль до сина подъ № 13-мъ, виражая о томъ-же, что и прежде писалъ, да до отца Іова, до которого и тое писмо, що къ сину, включилъ въ одинъ ковертъ и отослалъ къ г. Вынклеру. Послѣ полдня былъ у насъ подпоручикъ інгермоландского полку Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій и звалъ на завтре къ себѣ обѣдать.

29. Въ сей святыя Пентекостіи день, отслушавъ обѣдни въ церквѣ святого Сумеона, были въ дворцѣ и между протчими допу-

---

240) Вѣроятно, староста с. Хвастовцевъ, борзенскаго уѣзда, принадлежавшаго „на генеральную артиллерію", т. е. опредѣленнаго на прокормленіе артиллерійскихъ лошадей.

щены къ ручкамъ всемилостивѣйшей государини, великого князя и великія княгини, а обѣдали всѣ трое у помянутого Лодижинского на Васильевскомъ острову въ первой линіи, а отъ него заеждажали два насъ съ Гудовичемъ къ графу Івану Симоновичу Гендрикову.

30. У генералного маіора и лейбъ-гвардіи преображенского полку маіора Івана Івановича Косогова я и Гудовичъ, тако-жъ полковники Галецкій и Божичъ обѣдали, где тако-жъ обѣдалъ того-жъ полку маіоръ князь Александръ Александровичъ Меншиковъ. Потомъ были мы съ Гудовичемъ и по обоихъ старыхъ садахъ въ дворцѣ гуляли.

31. Сего числа въ 1-мъ часу по полудни ея імператорское величество изволила съ своимъ придворнымъ штатомъ имѣти публічный свой віездъ до Пітергофа, а ихъ імператорскіе высочества, великій князь и великая княгиня, туда-жъ прежде віехали. Вечеромъ были съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и у него-жъ ужинали.

Іюнь.

1. Рано былъ у насъ графъ Гендриковъ, а обѣдали у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, Алексій Даниловичъ Шеншинъ и полковникъ Галецкій и Божичъ. Послѣ обѣда у насъ-же былъ канцеляристъ Данило Требінскій, а рано въ квартерѣ нашей Романовичъ зъ синомъ. Въ вечеру пріехалъ изъ Глухова нарочный куріеръ, салдатъ тамошнего гварнізону Калугинъ съ репортами, что городъ Глуховъ съ церквами, съ канцелляріами и по болшой части, почитатъ, со всѣми дворами, маія 23-го числа вигорѣлъ и съ нѣкоторими подворками.

2. Въ Бѣлгородъ и Обоянь рукоположенъ епископомъ Іоасафъ Горленко, а передъ симъ рукоположены-жъ въ епископы: Порфирій Крайскій суждалскимъ и юревскимъ, Антоній Іллящевичъ—вяцкимъ и велико-пермскимъ, а рукополагалъ оныхъ-же преосвященный Симонъ Тодорскій съ другими архіереями въ церквѣ петропавловской въ крѣпости. Потомъ оный же преосвященный бѣлогородскій Горленко трактовалъ въ своей квартерѣ всѣхъ синодалныхъ членовъ и протчихъ духовныхъ. У насъ обѣдали графъ Іванъ Симоновичъ съ графинею своею Катериною Сергіевною, да маіоръ Алексій Даниловичъ Шеншинъ, капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловьевъ и подпоручикъ Аполлонъ Василіевичъ Лодижинскій;

графъ-же съ графинею скоро отъехали, а протчіи просидѣли долго. Между-жъ тѣмъ у мене были префектъ кіевскій. отецъ Варлаамъ Лащевскій и Никодимъ Рудзінскій, кадецкого корпуса іеромонахъ, и протопопъ Мглинскій, да священникъ Машевскій, а у Лизогуба шляхтичъ смоленскій Вороніч и Романовичъ.

3. Ездили мы двое съ Гудовичемъ до преосвященного володимерского Платона Петрункевича сторони дѣлъ имѣющыхъся въ синодѣ Алексія Шеншина и протопопа мглинского.

4. По утру въ 8-мъ часу віехали зъ квартери и, поснѣдавши у графа Гендрикова, поѣхали до Пітергофа и, прибывъ туда въ 10-мъ часу по полдни, были въ графскихъ покояхъ и у духовника, и у Ѳедора Івановича Коченевского.

5. Рано были у графа, где государиня жаловала насъ къ руки, потомъ, обѣдни вислухавши, у стола государева съ кавалерами кушали обѣдъ, а по полдни были въ лагерѣ у гвардіи, где стоялъ графъ Гендриковъ, у капитана Михелсона и съ нимъ, графомъ, были у Мемплезирѣ. По службѣ Божой 4 архіереи новопосвященніи крутицкій, суждалскій, бѣлогородскій и вяцкій кланялись государини съ иконами, тако-жъ и ихъ высочествамъ.

6. Графъ Гендриковъ, пообѣдавъ у насъ, отъехалъ до С.П.Бурха, а по полдни государиня съ нѣкоторими придворними изволила отъехать въ Ропшу. Великій-же князь и великая княгиня передъ вечеромъ проежджались верхами до Стрелиной мызи.

7. По полдни въ 9-мъ часу государиня возвратилась изъ Ропши въ Пітеръгофъ.

8. Мы рано были у графа Розумовского и у духовника, потомъ знову у графа, а обѣдали у насъ Галецкій и Божичъ. Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ говорилъ мнѣ о жалобѣ на мене отъ Романовича произносимой.

9. Обѣдали у Ѳедора Івановича съ духовникомъ и протчими; потомъ были на куртакѣ и у графа.

10. Рано отъехали зъ Петеръгофа и прибыли въ С.П.Бурхъ въ 5-мъ часу по полдни. Мы двое съ Гудовичемъ заездили до графа Гендрикова.

11. Писмо отца Лащевского, префекта кіевского, отпущено до Корна въ Вроцлавъ по почтѣ. У насъ были графъ Гендриковъ и Новоторжцовъ; въ 7-мъ часу по полдни прибыла государиня въ С.П.Бурхъ.

12. Государыня изволила слушать обѣдни у церкви казанской, ужинать у графа Петра Івановича Шувалова. Мы двое съ Гудовичемъ были у Любисткова.

13. Знатно Гудовичъ занемогъ. Я обѣдалъ у маіора гвардіи преображенского полку Івана Івановича Косогова и у него випросилъ лѣкаря для ползованья Гудовича. Графъ Андрей Симоновичъ Гендриковъ въ 2-мъ часу по полдни умре, и мы съ г. Лизогубомъ тамъ были.

14. Пріездилъ по полдни къ намъ подпоруччикъ пѣхотного московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ звать на погребеніе умершого графа Андрея къ завтрему.

15. По полуночи въ 8-мъ часу поехали г. Лизогубъ и я на оное погребеніе, и виносъ начался зъ двора въ 9-мъ часу до монастыря Невского. На виносѣ былъ архіерей новопоставленный бѣлогородскій Іоасафъ Горленко. Обѣдню служилъ с.п.бурскій архіерей, погребеніе отправляли оба. На погребеніи были изъ кавалеровъ віце-адмиралъ Головинъ, камергери Жеребцовъ и Наришкинъ, маіоръ гвардіи измайловского полку Гурьевъ; изъ дамъ: віце-канцлерова Воронцова и вдова Александра Львовича Наришкина жена, да графиня Гендрикова Катерина Сергіевна. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова кавалери Жеребцовъ и Гурьевъ, да нѣкоторіе офіцери гвардіи и другихъ полковъ. Послѣ обѣда графъ г. Лизогуба и мене дарилъ обручиками золотыми, на память умершого здѣланными.

16. Я былъ рано у полковника гадяцкого Галецкого и мирилъ его съ Божичемъ, которій вчора съ нимъ поссорилъся. Салдатъ въ прудѣ государева Аничковского двора, упавъ въ воду, утонулъ. Канцелляристъ генералной артилеріи Коляновскій отъехалъ по почтѣ къ Глухову, чрезъ которого и писма, подъ числомъ 24-го маія писанные, до Скоропадского и въ домъ отпущены.

17. Рано и послѣ полудня выдѣни были въ день подле солнца мѣсяцъ и звѣзда. По полдни былъ я у Дивова съ Янушкевичемъ и говорилъ о дѣлѣ нашемъ.

18. У обѣда много болталъ Янушкевичъ, а по полдни въ 5-мъ часу пришли суда изъ Петергофа и зъ пушокъ палили.

19. Подъ часъ вечерній ихъ высочества, а ночью государиня изволила прибыть въ С.Б.Пурхъ.

20. Послѣ полдни былъ я у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина и меморіалъ ему о дѣлѣ Янушкевича съ Соколовскимъ оставилъ. Капитанъ Іванъ Ѳедоровичъ Соловьевъ и маіоръ Веселовскій были у насъ.

2р. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ женою своею заездилъ къ намъ изъ невского монастыря, где онъ у архіерея по поминовеніи брата обѣдалъ. У насъ-же обѣдали капитаны пѣхотного астраханского полку Матвѣй Івановичъ Алексіевъ и Соловьевъ. Потомъ былъ у мене Вінклеръ, у Сіверса обѣдавшій.

22. Графъ А. Г. Розумовскій съ нами говорилъ о своихъ въ скотѣ и въ протчемъ убыткахъ. Государиня изволила ездить съ нѣкоторими придворными на ужину въ Катериногофъ. Сочинено прошеніе до графа о дѣлахъ·общыхъ.

23. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Іосифа, да до жены въ домъ чрезъ глуховского сержанта Анисима Асмолова, отправленного изъ сената. Алексію Гречцѣ говорилъ я, чтобъ онъ сказалъ Соколовскому, дабы онъ мене не поносилъ и не злословилъ.

24. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова ради его тезоименитства.

25. Былъ съ Гудовичемъ у преосвященного псковского.

26. Подано писменное наше прошеніе о общыхъ дѣлахъ графу Розумовскому чрезъ Барановского.

27. Писалъ інстанцію за Андреемъ Політикою до Скоропадского въ Глуховъ, потомъ былъ на Василевскомъ острову у отца Варлаама Лящевского.

28. Былъ я одинъ въ дворцѣ, и сказовалъ мнѣ Барановскій, что графу Розумовскому прошеніе наше онъ вручилъ.

29. Рано поздравляли тезоименитствомъ и были у ручки великого князя. Обое ихъ высочества слушали обѣдни въ крѣпостной церкви Петра и Павла, а мы въ дворцѣ службы и молебня слушали. По полдни въ 7-мъ часу въ дворцѣ были на балѣ. Сего числа пожалованы ордены св. Анны генералу-маіору арапу Аврааму Петровичу (*пропускъ*) и Бреверу.

30. Обѣдали мы съ г. Лизогубомъ и съ маіоромъ гвардіи Косоговымъ и протчими у полковника гадяцкого Галецкого ради тезоименитства его вчорашного, потомъ и у Петра Івановича Розумовского были.

Юлъ.

1. Я одинъ былъ и рано, и по обѣдѣ въ дворцѣ, тако-жъ у Любисткова слѣпого, а вечеромъ были у насъ Журманъ и Петръ Розумовскій. Значковый полку стародубовского товаришъ Андрей Політика изъ С.П.Бурха отъехалъ.

2. Отклонилъся государинѣ Журманъ со всею своею свитою. Государиня изволила передъ обѣдомъ отъехать до Пітергофа, а въ переездѣ смотрѣть донское войско, въ 1,000 состоящое, и на оное жъ пожаловала 3,000 р.

3. Куплено полотна 21 аршинъ на ночную рубашку и на портки за 1 р. 5 к. Надъ вечери ездили къ Журману прощаться.

4. За книгу «Физику експерименталную» дано 60 к. За полотно на рубашки 3 р.

5. Обѣдали на новоселлѣ у графа Івана Симоновича Гендрикова, переехавшого въ домъ, бывшій прежде Волинского, а потомъ брата его Андрея Симоновича. Надъ вечери были у графа Петра Івановича Шувалова и у Савлукова, а у насъ безъ насъ былъ Журманъ.

6. Вынклеръ увѣдомилъ мене, что синъ мой Василь іюня 19-го, а n. s. 30-го юня-жъ уехалъ зъ Киля. Журманъ со всѣми своими отъехалъ изъ С.П.Бурха.

7. Былъ Гудовичъ у Шувалова и подалъ ему сочиненные записки и у него-жъ обѣдалъ, а я по службѣ у Либратовского былъ.

8. Ездилъ рано до Носка и до Вынклера и вручилъ писма Вынклеровой женѣ въ Киль до Політики и до отца Іова, о сину моемъ писанные подъ 9-мъ числомъ. Судіи харковского Ковалевского жена пріѣхала въ С.П.Бурхъ.

9. Vacat. 10. Были всѣ трое рано у нового сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, Послѣ обѣда былъ у насъ Носко съ женою и своими учениками, тако-жъ Вынклеръ съ пасторомъ Трефортомъ.

11. По полдни былъ съ Гудовичемъ у г. Гендрикова и тамъ ужинали, а г. Лизогубъ былъ у Дивова. Кирило Коноваленко висланъ отъ Галецкого.

12. Рано пущалъ кровь изъ ножной жили сафени. Фелшеру за то дано 50 к.

13. За полотно на простини до ковдри и до постелѣ дано 1 р. 55 к. Канцеляристъ артилерійскій Григорій Ѳедоровскій отъ г. Лизогуба наказанъ за писанье нѣкоторой челобитной.

14. Швачцѣ за шитье бѣлья 20 к., за родзінки 8 к.

15. Посланы писма чрезъ рейтаръ кіевскихъ сержанта Николая Козловского въ Глуховъ до Скоропадского, а въ домъ къ женѣ и до сина Василя писанные. Обѣдали и вечеряли у поруччика поліцмейстерского Якова Григоріевича Жемчужникова ради именинъ дочери его.

16. За пошитье двохъ рубашекъ 20 к., за приливанные маліе цитрони 10 к.

17. Обѣдали съ г. Лизогубомъ у Василія Івановича Венюкова и весь день пробавили. А рано были на водки съ княземъ Меншиковымъ у Ігната Кириловича Полтавцова. По полдни былъ дожчъ и громъ прежестокій.

18. У графа Гендрикова обѣдали и весь день пробавили.

19. По полдни я съ Гудовичемъ былъ у Новоторжцова и Горчакова и съ сего противъ числа 20-го ночью занемогъ я жестоко, и былъ великій поносъ и вомѣты, чего для лежалъ весь день. Были у насъ по обѣдѣ слободскихъ полковъ капитанъ Романъ Лаврентьевичъ Шидловскій, зять Ѳедора Ширая, да судья харковскій Ковалевскій.

21. Писалъ писмо до Скоропадского объ економу артилерійскомъ Кирилу Бѣлоровскомъ. Грицко Дмитріевъ пущалъ себѣ кровь зъ медіаны. Гренадеръ лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій отъехалъ въ Украину.

22. Слободского харковского полку сотникъ салтовскій, Іванъ Ѳедоровъ Картавый, отъехалъ изъ С.П.Бурха.

23. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ графинею своею Екатериною Сергіевною по полдни у насъ былъ.

24. По обѣдни я съ Гудовичемъ, а по полдни всѣ трое были въ дворцѣ и ходили по садамъ съ маіоромъ гвардіи Іваномъ Івановичемъ Косоговымъ. Господа всѣ ездили на куртакъ въ Пітеръгофъ. У насъ былъ по обѣдѣ профессоръ Леруа съ Григоріемъ Політикою.

25. Михайлу Андрееву, сину Трощинскому, что онъ внукъ Стефана Трощинского и малороссійскій шляхтичъ, подписали мы

всѣ трое свѣдителство въ геролдію. Я по полдни былъ у графа Румянцова и говорилъ о дѣлѣ Соколовского. Потомъ всѣ трое были у епископа володимерского Платона Петрункевича.

26. Обѣдалъ у насъ капитанъ Шидловскій, а по полдни ездили въ Катеринъ-гофъ, а ужинали у графа Гендрикова.

27. Послѣ полдня въ 5-мъ часу прибыли ихъ імператорскіе высочества, а ночью и государиня въ С.-П.-Бурхъ.

28. Ночью мѣсяцъ мѣнялъся.

29. Князь Александръ Юревичъ Трубецкой, братъ князя Юревича Трубецкого, вѣнчалъся съ княжною Адоевскою, князя Івана Василіевича дочерью, въ церквѣ Казанскія Богородицы. Писалъ писмо къ Чамову о сину Василю по почтѣ въ Ригу.

30. Рано были у г. Петра Івановича Шувалова, по полдни у духовника и въ дворцѣ.

31. Послѣ полудня съ Гудовичемъ ездили на Василевскій островъ и тамъ были у Григорія Політики и заездили въ сенатъ, где зъ дніовалнымъ секретаремъ Новоторжцовымъ видѣлись и о погорѣлыхъ въ Глуховѣ по генералной канцеляріи дѣлахъ и статіяхъ розговоровали; такожъ видѣли сочиненную о Батуринѣ выписку.

Августъ.

1. Писаны писма чрезъ браковщика адмиралитейского въ Стародубъ до Ѳедора Ширая съ включеннымъ тамъ-же писмомъ отъ зятя его Романа Лаврентьевича Шидловскаго, да до жены моей и до Скоропадского съ екстрактомъ Костиркиного челобитья.

2. Были съ Гудовичемъ перво у Ѳедора Коченевского, потомъ у генерала и генерала-адютанта Александра Борисовича Бутурлина, и врученъ ему таковый-же екстрактъ.

3. Рано я съ Гудовичемъ былъ у графа Розумовского и доволный о дѣлахъ малороссійскихъ имѣли разговоръ. Передъ обѣдомъ смотрѣла государиня полки драгунскіе: кіевскій и казанскій. По полдни были всѣ трое у князя Никиты Юревича Трубецкого, которій намъ обявилъ, что государиня приказивала ему предложить въ сенатѣ учинить Малой Россіи нѣкоторое облегченіе. Соколовскій подалъ нѣкое писмо г. Шувалову Петру Івановичу. Сего-жъ числа сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій прибылъ въ С.П.Бурхъ.

4. Рано былъ Гудовичъ у Шувалова и слышалъ о милостивой декляраціи, а у насъ вчора пріехавшій Барановскій былъ. Проигравъ въ фарину 40 к. Сего числа въ 12-мъ часу отъехала государиня на Сестрорѣцкіе оружейные заводы.

5. Прощалъся съ Галецкимъ передъ исповѣдію, которую

6. имѣлъ въ Невскомъ монастырѣ передъ отцемъ Софроніемъ намѣстникомъ и тамъ-же по благости Божіей сообщалъся святымъ тайнамъ на службѣ Божей, где и изъ Василіемъ Романовичемъ прошалъся.—Обѣдали у преосвященного владимерского Платона Петрункевича купно съ графомъ Гендриковымъ, потомъ у Максимовича, полковника стародубовского, и въ нашей квартерѣ онъ-же графъ былъ.

7. Государиня изъ Сестрорѣцкихъ заводовъ прибыла на разсвѣтѣ, и мы въ дворцѣ были. Потомъ я и Гудовичъ ездили къ Василію Івановичу Венюкову, а съ нимъ были у морского поручика Івана Григоріевича Батурина, которій недавно прибылъ на пакетъботѣ изъ Любека, да у секретаря адмиралитейского Івана Василіева.

8. Призиваны мы всѣ трое въ сенатъ и о нуждахъ малороссійскихъ тамъ насъ спрашивали.

9. По полудни были у Новоторжцова и женѣ его, родившей дочь Василиссу, данъ въ презентъ червонецъ. Тамъ-же застали Василія Івановича Демидова съ протчими.

10. Князь Никита Юревичъ Трубецкій подалъ государинѣ сенатскій докладъ о облегченіи Малой Россіи при нынѣшныхъ нуждахъ.

11. Отослалъ писма къ Венюкову, писанные до Батурина и до сина Василя въ Любекъ, чтобъ онъ оттоль ехалъ.

12. Рано были съ Гудовичемъ передъ графомъ Розумовскимъ, а ужинали у графа Гендрикова.

13. Государиня отъехала въ Царское Село, а мы были у Демидова, туда-жъ отъежжаючого, где и войта нѣжинского застали. За отдѣлку малой табакерки данъ 1 р.

14. Захоровалъ я по обѣдѣ. 15, 16 и 17 vacat.

18. Рано явилъси у насъ лубенского полку Савуско и Леско Ковбаса.

19. Графъ Гендриковъ позванъ въ Царское Село.

20. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики и отдано Вынклеру для отправы по почтѣ.

21. По обѣдѣ съ Гудовичемъ были у Венюкова и тамъ видѣлись зъ оберъ секретаремъ адмиралтейскимъ Борисомъ Івановичемъ Никитинымъ.

22, Надъ вечери были въ Невскомъ монастырѣ у архіереевъ крутицкого и с.п.бурского и просили крутицкодо о секретарѣ Гаврилу Савичу Ермолаеву.

23. По обѣдни, будучи у преосвященного псковского, просили о томъ-же секретарѣ, а по полдни за тимъ-же были у преосвященного переяславского.

24. Писаны писма въ домъ до жены и до сина Василя, да до Ѳедора Ширая, и къ нему-жъ включено писмо до Скоропадского написанное. Вечеромъ были у архимандритовъ сvнодалныхъ я и г. Лизогубъ за тѣмъ-же секретаремъ Ермолаевымъ. А Гудовичъ рано у г. Шувалова, а по обѣднѣ у К. Трубецкого

25. Первіе ихъ высочества, а въ 10-мъ часу по полудни и государиня изволили прибыть въ С.П.Бурхъ. Мы съ Гудовичемъ были у Лібратовского, Данилевского и Королкевича.

26. Мать грзфовъ Шуваловыхъ, недавно умершая, погребена въ монастырѣ Невскомъ.

27. Vacat. 28. Были въ дворцѣ и графъ сказалъ намъ: «развѣде въ мѣстѣ съ нами до Москви отъездъ вашъ будетъ». 29. Vacat.

30. До отъезду государини и кавалеровъ ордина святого Александра въ монастырь Невскій, рано были въ дворцѣ, а по набоженствѣ графъ Гендриковъ съ своею супругою, да капитаны ізмайловского Петръ Івановичъ Кочетовъ, інгермоландского полковъ Друкортъ, того-жъ полку подпоручикъ Лодижинскій съ женою и другіе у насъ обѣдали.

31. Въ Невскомъ монастырѣ погребенъ умершый въ сихъ дняхъ братъ графовъ Шуваловыхъ, Іванъ Івановичъ Шуваловъ.

Септеврій.

1. Весь день слотный былъ, однакожъ г. Розумовскій ездилъ на охоту. Надъ вечери я съ Гудовичемъ былъ у архіерея псковского и секретаря Гаврила Ермолаева ему представляли.

2. Репартицію получили, а у Өедора Івановича Коченевского я и Гудовичъ обѣдали.

3. Крестили дочь Новоторжцова; воспреемниками были: маіоръ гвардіи преображенского полку Іванъ Івановичъ Косоговъ и жена Демидова Елена Василіевна, чего для и мы звани были къ нему, Новоторжцову, и у него съ протчими обѣдали. Розишлось 10 к.

4. Обѣдали у сенатского секретаря Івана Савича Ермолаева, потомъ и у брата его Гаврила Ермолаева были, а въ вечеру поздравляли графа Розумовского въ дворцѣ завтрешнимъ тезоименитствомъ государини.

5. Рано были въ дворцѣ въ салѣ, потомъ слушали обѣдни, по отправленіи которой, жаловала государиня нѣсколько персонъ кавалерами св. Александра Невского, въ томъ числѣ графовъ Гендрикова и Евфимовского, князя Івана Андріевича Щербатова сенатора. віце-адмирала Головина, генерала-лейтенанта Талызина; а графовъ Розумовскихъ—Алексія Григоріевича конной, а Кирила Григоріевича пѣхотной гвардіи измайловского полку подполковниками; графа Петра Івановича Шувалова генераломъ адютантомъ, да Кирила-жъ Григоріевича кавалеріею полскою. Ночью была иллюминація.

6. Рано ездили поздравлять полученными чинами графовъ Кирила Григоріевича Розумовского и Петра Івановича Шувалова, а Гендрикова кавалеріею, у которого и обѣдали. Потомъ ездили водою до загородного двора інтенданта Івана Константиновича Шаргородского, которій имѣетъся по малой Невѣ надъ Чорною рѣчкою.

7. Конной гвардіи полкъ принималъ въ команду свою новопожалованный подполковникъ графъ Алексій Григоріевичъ Розумовскій рано, а потомъ обѣдали на Смолномъ дворѣ. По полдни въ комедіалномъ домѣ отправовалась опера, називаемая «Пastораль».

8. Рано поздравляли сенатора князя Щербатова кавалеріею. Сего жъ числа въ 9-мъ часу по полночи государиня отъехала къ Гостилицѣ, а у насъ графъ Гендриковъ съ нѣсколко персонами обѣдалъ. Потомъ съ нимъ и мы были у генерала поліцмейстера Алексія Даниловича Татыщева. Къ намъ куріеръ прибылъ итъ Глухова съ писмами.

9. Писалъ писмо къ молодымъ Скоропадскимъ въ Вроцлавъ, съ включеніемъ пакета, отъ отца ихъ къ нимъ-же надписанного. Ихъ высочества отъехали изъ С.П.Бурха

10. Оное писмо, съ пакетомъ на имя Скоропадскихъ молодыхъ надписаннымъ, отдано постъ-директору господину Ашу для пересилки по почтѣ. Вечеромъ былъ у насъ Романовичъ, зъ которимъ доволный имѣлъ о его ко мнѣ претенсіахъ и о протчемъ розговоръ.

11. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у віце-адмирала господина Головина, а по обѣдѣ были перво у графскихъ племѣнниковъ, потомъ у поруччика Жемчужникова, а вечеряли у графа Івана Симоновича Гендрикова.

12. Vacat. 13. Званы на обѣдъ отъ подпоруччика інгермоландского полку Аполлона Василіевича Лодижинского и у него съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ и его супругою и съ протчими обѣдали, а по обѣдѣ ездили въ галерную гавань и тамъ были у поруччика астраханского пѣхотного полку Владимера Григоріевича Елагина.

14. Гудовичъ послѣ полудня ездилъ до князя Никиты Юревича Трубецкого и представлялъ о нѣкоторыхъ нуждахъ общыхъ малороссійскихъ.

15. Подавано отъ насъ въ сенатъ доношеніе, чтобъ резиденціи гетманской быть по прежнему въ Батуринѣ, но оное не принято и отдано назадъ за тѣмъ, что тотъ городъ съ принадлежностми именнымъ указомъ на заводы конскіе конной гвардіи опредѣленъ. —Чиненъ рахунокъ росходу денежного, которій держанъ Григоріемъ Дмитріевымъ съ 22-го іюня и явилось въ росходѣ на кафанъ блакитный гатласовый, на шубу красную и на юпку 19 р. 35½ к., за пять зеркалъ 1 р., да на разную мѣлочь 1 р. 14 к., на служительскія нужды 3 р. 99 к.—Привезъ Новоторжцовъ г. Лизогубу указы, 1-й о опредѣленіи на рангъ его деревень въ мѣсто отшедшого села Городища до монастыря черниговского Троецкого Іллінского, 2-й по челобитію на полковника Капниста о тогобочныхъ его г. Лизогуба добрахъ.—Іхъ імператорскіе высочества прибыли въ С.П.Бурхъ. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ у насъ въ банѣ милъся и ужиналъ съ компаніею.

16. Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до Пиковця, чтобъ о пляцахъ, въ Глуховѣ имѣючихъся, нашихъ общыхъ имѣлъ стараніе, когда тамъ будутъ по новому плану землѣ розмѣряти; о томъ-же и до Скоропадского, тако-жъ о Чаусахъ, да до жены о сину Василю и къ нему о долгахъ въ Килѣ оставленныхъ.

Рано были у преосвященного владимерского Платона Петрункевича и просили ето о секретарѣ Ермолаевѣ и о маiорѣ Шеншинѣ. Потомъ онъ, преосвященный, къ намъ изъ синода заездилъ.

17. Обѣдали всѣ трое у маiора Алексiя Даниловича Шеншина ради именинъ жены его Надежды Борисовны Нероновой, а отъ его заездили до секретаря Гаврила Ермолаева. Курiеръ глуховскiй отъехалъ и чрезъ него предпомянутые писма отправлены, оный-же назиивается капралъ 8-й роти гварнiзонного глуховского полку.

18. Вечеромъ были въ дворцѣ государевомъ лѣтномъ у преосвященного псковского и говорили о секретарѣ Ермолаевѣ, а обѣдалъ у насъ Романовичъ и вручилъ мнѣ своихъ претенсiй ко мнѣ и къ домашнымъ моимъ, чили челобитной копiю.

19. Великiй вѣтръ изъ моря и наводненiе было. Ужинали мы у графа Гендрикова. Государиня изволила прибыть ночью. Аполлона судить стали.

20. По обѣдни были всѣ трое въ дворцѣ и у графа Розумовского, а у насъ былъ графъ Гендриковъ. За сундучокъ на бритвы и протчее даны 20 к.

21. Обѣдали мы двое съ Гудовичемъ у того-жъ графа Гендрикова, которому представлялъ я и Янушкевича. Тамъ-же видѣлись съ архимандритомъ воскресенскимъ отцемъ Амвросiемъ и говорили съ нимъ о секретарѣ Ермолаевѣ, о Шеншинѣ и о другихъ, дѣла свои въ синодѣ имѣючихъ. Потомъ были въ дворцѣ, а домой пришедъ застали тутъ Iвана Алексiевича Горчакова съ женою его.

22. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила ея iмператорское величество и ихъ iмператорскiе высочества цeрeмонiално переехать изъ лѣтного въ зимный дворецъ при пушечной палбѣ, где и мы съ протчими какъ у государини, такъ и у ихъ высочествъ допущены были къ ручкамъ; потомъ были-жъ и у графа Розумовского со всѣми кавалерами и трактованы водкою. Генералъ Бутурлынъ говорилъ намъ, что онъ-же въ недавныхъ числехъ имѣлъ розговоръ о нашей отправѣ енералной. По полдни были у насъ секретари Ермолаевы и Шеншинъ, а въ вечерѣ Романовичъ, съ которимъ доволные были розговоры о помѣркованью; онъ-же съ сыномъ своимъ у насъ и вечерялъ.

23. По службѣ Божой былъ я у полковника гадяцкого. Гудовичъ рано и въ вечеру былъ въ дворцѣ съ прошенiемъ отъ насъ

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XVI.

Октябрь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко. аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го сентября 1886 года.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

IV.

БЛИЗНЕЦЫ.

Всему просвѣщенному міру извѣстно и переизвѣстно, что понедѣльникъ день критическій, или просто тяжелый день и что въ понедѣльникъ всякій болѣе или менѣе образованный человѣкъ не предприметъ ничего важнаго; онъ лучше пролежитъ цѣлый день, хоть бы тамъ, какъ говорится, само дѣло просилось въ руки, онъ перстомъ не пошевелитъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если хорошенько разсудить, если мы изъ-за презрѣннаго серебряника наругаемся надъ священными преданіями старины, что же изъ насъ тогда будетъ? И выйдетъ какой нибудь французъ, или, чего Боже сохрани, куцый нѣмецъ; а о типѣ, или, такъ сказать, о физіономіи національной и помину не будетъ. А по моему нація безъ своей собственной, ей только принадлежащей и характеризующей черты, похожа просто на кисель, и самый безвкусный кисель.

Но увы! не такъ думаютъ прочіе. Напримѣръ, наше военное сословіе далеко отстало отъ современниковъ на пути просвѣщенія; оно, напримѣръ, не вѣруетъ вовсе въ понедѣльникъ и легкомысленно называетъ этотъ священный завѣтъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ бабьими бреднями. Боже мой, Боже: вотъ до чего мы дожили! А попросилъ-бы я усатое сословіе заглянуть, напримѣръ, хоть-бы въ «Писмовникъ» знаменитаго Курганова: тамъ именно сказано, что еще древніе халдейскіе маги и звѣздочеты, а за ними и послѣдователи ученія Зороастрова, неукосненно вѣровали въ критичность понедѣльника; такъ вотъ поди, толкуй съ безпардонною военщиною!

Военный, вполнѣ военный человѣкъ, онъ лучше загнетъ лишній уголъ, или возьметъ у жида лишнюю бутылку самодѣльнаго рому, такъ называемаго клоповика, чѣмъ выпишетъ мудрую какую нибудь книгу. Ну, на что напримѣръ: «Ключъ къ таинствамъ природы» Эккарстгаузена, съ прекрасными рисунками знаменитаго нашего Егорова; такъ гдѣ тебѣ—и слушать не хотятъ!

Я все это рѣчь веду къ тому, терпѣливый читатель, что поругавши освященныя многими, премногими годами вѣрованія предковъ нашихъ, именно въ понедѣльникъ, рано утромъ, изъ уѣзднаго города П. и губерніи тоже П., выступилъ въ походъ не то гусарскій, не то уланскій полкъ, не помню хорошенько; помню только, что сборъ въ трубу трубили, поэтому и надо думать, что полкъ былъ кавалерійскій; а если-бъ былъ пѣхотный, то сборъ били-бы въ барабанъ.

Входитъ и выходитъ изъ села или городка полкъ, это два великія событія, и особенно если полкъ, чего Боже сохрани, простоитъ на квартирахъ хоть нѣсколько дней; тогда выходъ его сопровождается слезами и очень часто самыми искренними слезами. Я это говорю только въ отношеніи прекраснаго пола, а на счетъ мужей и жениховъ я не говорю ни слова. И ни слова также не скажу о выходѣ реченнаго кавалерійскаго полка изъ реченнаго города П., развѣ только, что многія мирныя гражданки провожали полкъ, хотя погода не совсѣмъ благопріятствовала, потому что шелъ затяжной дождь, или, какъ назвалъ его покойный Гребенка, ехидный, сирѣчь мелкій и продолжительный. Но, не взирая на этотъ ехидный дождь, многіе изъ гражданокъ провожали усачей своихъ до села N, другіе до мѣстечка Борисполя, а остальныя, и самыя безкорыстныя, провожали даже до предѣловъ кіевскихъ, т. е. до переправы на Днѣпрѣ. А когда полкъ благополучно переправился, то и онѣ, поплакавши немного, тоже переправились черезъ Днѣпръ и разбрелись по великому городу Кіеву и скрыли свои преступленія и стыдъ въ глухихъ притонахъ всякаго разврата.

Таковы результаты продолжительной стоянки самаго благовоспитаннаго полка.

Въ тотъ-же понедѣльникъ, поздно вечеромъ, молодая женщина возвращалась въ городъ П. по кіевской дорогѣ и, не доходя до города версты четыре, какъ разъ противъ «Трехбратнихъ» могилъ,

свернула съ дороги и скрылась въ зеленомъ житѣ. Передъ разсвѣтомъ уже она вышла изъ жита на дорогу, неся на рукахъ что-то завернутое въ сѣрую свитку. Пройдя немного по большой дорогѣ, она остановилась у поворота и, подумавши немного, кивнула выразительно головою, какъ-бы рѣшаясь на что-то важное, и пошла быстро по маленькой, поросшей спорышемъ дорожкѣ, ведущей къ хутору стараго сотника Сокиры.

На другой день, по утру рано, т. е. во вторникъ, вышла пани Парасковья Тарасовна Сокириха покормить собственноручно всякую живность, какъ-то: цесарокъ, гусей, куръ и т. д., а голубей будетъ довольствовать самъ панъ сотникъ Никифоръ Өедоровичъ Сокира.

Представьте же ея ужасъ, когда она, выходя на ганокъ, т. е. на крыльцо, изъ покоевъ, увидѣла около ганка сѣрую свитку, шевелящуюся, какъ будто-бы живую. Въ испугѣ ей показалося, что свитка будто-бы плачетъ, какъ дитя. Долго она смотрѣла на сѣрую свитку, слушала, какъ она плачетъ и сама не знала, что дѣлать. Наконецъ рѣшилась пригласить Никифора Өвдоровича.

Никифоръ Өедоровичъ вышелъ, что называется, неглиже, однако все таки въ широкихъ китайчатыхъ красныхъ шароварахъ.

— Посмотри, посмотри, мой голубе, что это у насъ дѣлается, говоритъ испуганная Парасковья Тарасовна.

— Что-же тутъ у насъ дѣлается? Я ничего не вижу, говоритъ Никифоръ Өедоровичъ.

— А свитка, развѣ не видишь?

— Вижу свитку.

— А развѣ не видишь, что она шевелится какъ-будто живая?

— Вижу, такъ что-жъ, пускай себѣ шевелится; Богъ съ нею!

— Каменный ты человѣкъ, развѣ не надо посмотрѣть, отъ чего она шевелится, а?

— Ну, такъ посмотри, коли тебѣ хочется.

— А тебѣ не хочется?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ-же посмотри ты прежде, а потомъ я посмотрю.

— Хорошо.

И съ этимъ словомъ онъ подошелъ къ свиткѣ, развернулъ ее осторожно и—о ужасъ! онъ не могъ выговорить ни слова, только

указалъ выразительно пальцемъ на развернутую свитку и стоялъ въ этомъ положеніи съ минуту, а очнувшись отъ изумленія, вскрикнулъ: Параско!—Старушка бросилась къ нему и также въ изумленіи остановилась передъ развернутой свиткой съ поднятыми руками. Немного постоявъ въ этомъ коми-трагическомъ положеніи, она воскликнула:

— Святый великомучениче Иване Воине, что ты съ нами дѣлаешь?

И обратясь къ Никифору Ѳедоровичу, сказала:

— Вотъ видишь, я не даромъ видѣла во снѣ двухъ маленькихъ телятъ. Я тебѣ говорила, что что-нибудь, а непремѣнно да случится.

— Ну, благодаримъ тебе, Господи нашъ милосердный, проговорила она, крестясь и бережно поднимая вмѣстѣ со свитой двухъ красненькихъ малютокъ.—Наградилъ таки ты, насъ, Господи, на старости лѣтъ.

— Неси-жъ ихъ, Парасковья, въ домъ нашъ, а я тѣмъ часомъ пошлю въ городъ за Притулихою, пускай она ихъ по своему въ въ травахъ искупаетъ, да, можетъ быть, и еще что нужно имъ сдѣлать.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Посмотри, у нихъ сердечныхъ и пупки зеленою соломинкою перевязаны.

— Ну, такъ отнеси-жъ ихъ, а я пошлю Клима за Притулихою, сказалъ не совсѣмъ спокойно Никифоръ Ѳедоровичъ и пошелъ отдавать приказаніе.

Надо вамъ сказать, что эта старая добрая чета, проживши много лѣтъ въ мирѣ и благополучіи, не имѣла ни единаго дѣтища, какъ говорится въ сказкѣ о Ерусланѣ Лазаревичѣ, «смолоду на потѣху, подъ старость на помогу, а по смерти на поминъ души». Они долго и усердно молились Богу и надѣялись, наконецъ и надѣяться перестали. Они все думали, сердечные, хоть-бы чужое дитя воспитать за свое; такъ что-же будешь дѣлать? Хоть и есть бѣдныя сироты, такъ добрые люди разбираютъ, а имъ не даютъ, потому что они, видите, паны, а съ паныча, говорятъ, добра не будетъ. Еще прошлою весною ѣздилъ Никифоръ Ѳедоровичъ въ мѣстечко Березань, прослышавши, что тамъ послѣ бѣдной вдовы осталось двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка, такъ что-жъ? и тѣхъ

взялъ барышевскій титарь, человѣкъ вдовый и бездѣтный, а богачъ. Такъ и вернулся сотникъ ни съ чѣмъ домой. И вдругъ великой своей благодатью Господь посѣтилъ ихъ праведную, добродѣтельную старость.

Радостно, неизреченно радостно встрѣтили они и проводили вторникъ, а въ середу, передъ вечеромъ, пріѣхалъ къ нимъ искренній другъ ихъ Карлъ Осиповичъ Гартъ, аптекарь изъ П. и, по обыкновенію приложившись къ рукѣ хозяйки и поздоровавшись съ хозяиномъ, понюхалъ изъ раковинной табакерки, которую прислалъ ему въ знакъ памяти другъ его и товарищъ, тоже аптекарь въ Аккерманѣ или Дубосарахъ, Осипъ Карловичъ Шварцъ. Понюхавъ табаку и садясь на скамейку передъ ганкомъ, онъ сказалъ почти по русски:

— У нашъ городѣ новость новость догоняетъ. Сегодня Андрея Ивановича приглашали свидѣтельствовать женское тѣло, случайно найденное въ Альтѣ около вашего хутора, а вы вѣрно ничего не знаете?

Сдѣлавши такой вопросъ, онъ снова открылъ раковинную табакерку и воткнулъ въ нее два пальца. Хозяева значительно переглянулись между собою и молчали, а Карлъ Осиповичъ продолжалъ:

— Да, когда я былъ еще студентомъ въ Дарпатѣ, тамъ тоже тогда стояла кавалерія, а когда вышла изъ Дарпата, такъ тоже три или четыре трупа женскихъ принесли изъ полиціи къ намъ въ анатомическій театръ. Полиціи все равно, она не знаетъ, что для нашей науки удобнѣе мужское тѣло, а женское не такъ удобно: много жиру, до мускуловъ не доберешься.

— Вотъ что, прервала его Парасковія Тарасовна, у меня къ вамъ просьба, Карлъ Осиповичъ, чи не пожалуете вы къ намъ кумомъ? Намъ Господь дѣточекъ даровалъ.

— Какъ-такъ? вскрикнулъ изумленный аптекарь.

— Такъ, просто, около ганку вчера нашли двухъ ангеловъ Божіихъ.

— Удивительно! воскликнулъ снова аптекарь и опустилъ руку въ карманъ за табакеркой.

— А я попрошу еще и Кулину Ефремовну; она тоже нѣмка, вотъ вы и породнитесь.

— Нѣтъ, она совсѣмъ не нѣмка, она только изъ Митавы, но это ничего. Я очень, очень радъ такому случаю.

Карлъ Осиповичъ, обрадованный такимъ пріятнымъ предложеніемъ, не могъ по обыкновенію провести вечера съ своими искренними друзьями, вскорѣ распрощался и уѣхалъ въ городъ, чтобы извѣстить Кулину Ефремовну о предстоящемъ событіи.

Разставшись съ аптекаремъ, старики нѣсколько времени смотрѣли другъ на друга и молчали. Первая нарушила молчаніе Парасковья Тарасовна.

— Какъ ты думаешь, Никифоре, не отслужить ли намъ въ слѣдующую субботу панихиду по утоплеицѣ? Вѣдь она, должно быть, ихъ настоящая мать.

— И я такъ думаю, что настоящая. Только нужно будетъ подождать до клечальной субботы, а то Богъ ее знаетъ, можетъ быть она самоубійца, то какъ бы еще грѣха не надѣлать.

— Хорошо, подождемъ! Теперь ужъ не далеко зеленое воскресеніе. Да посмотри, пожайлуста, какого завтра святого, какъ мы назовемъ своихъ дѣтей, вѣдь они обое мальчики.

Никифоръ Ѳедоровичъ досталъ кіевскій «Каноникъ» и, вооружась очками, началъ перелистывать книгу, ища іюня мѣсяца. Найдя мѣсяцъ и число, онъ въ восторгѣ перекрестился и воскликнулъ:

— Парасковіе! Завтра святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ Зосима и Саватія!

— А нѣтъ ли еще другихъ какихъ?

— Да за чѣмъ-же тебѣ другихъ еще? Вѣдь это святые заступники и покровители пчеловодства.—Онъ еще разъ перекрестился, закрылъ книгу и положилъ ее подъ образа.

Нужно вамъ сказать, что Сокира былъ страстный пасичникъ и въ добавокъ искусный пасичникъ. Поэтому жена его и не смѣла сказать, что имена были не совсѣмъ въ ея вкусѣ.

Вскорѣ послѣ этого старики молча повечеряли и, помоляся Богу, разошлися спать: Никифоръ Ѳедоровичъ въ комору, а Парасковья Тарасовна въ свою свѣтлицу, гдѣ, разумѣется, были помѣщены и близнецы.

Такимъ-то важнымъ для добрыхъ стариковъ событіемъ былъ ознаменованъ выходъ кавалерійскагѳ полка изъ города П.

Для краткости этой исторіи, не нужно было-бы описывать со всѣми подробностями ни хутора, ниже его мирныхъ обитателей, тѣмъ болѣе, что исторія сія весьма мало, такъ сказать, мимоходомъ ихъ касается. Но настоящіе мои герои вчера только увидѣли свѣтъ Божій; такъ что же, спрашиваю васъ, можно сказать интереснаго про нихъ сегодня? А потому-то я, подумавши хорошенько, и рѣшился описать и хуторъ и его мирныхъ обитателей, для того только, чтобы терпѣливый мой читатель или читательница могли ясно видѣть, чѣмъ и кѣмъ было окружено дѣтство и отрочество моихъ будущихъ героевъ. Пословица справедливо гласитъ: «каковъ изъ колыбели, таковъ и въ могилу». А вотъ мы и увидимъ, въ какой степени эта пословица справедлива. Еще говорятъ, что живыя дѣтскія впечатлѣнія такъ живутъ, что умираютъ только вмѣстѣ съ нами и что воспитаніемъ ничего не сдѣлаешь изъ юности, если дѣтство было окружено грубою декораціею и такими же актерами, что дѣтство, проведенное на лонѣ божественной природы и на лонѣ любящей прекрасной матери и христіанина отца,—что такія прекрасныя впечатлѣнія необоримой стѣною станутъ вокругъ человѣка и защитятъ его на дорогѣ жизни отъ всѣхъ мерзостей коловратнаго свѣта.

Посмотримъ, въ какой степени можно вѣрить сей непреложной истинѣ.

Что-бы избѣжать оригинальности, которою такъ любятъ ще гольнуть юные повѣствователи нашихъ дней, которые возлюбили всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ французскія уродливыя повѣствованія, наперерывъ подражаютъ имъ и въ простотѣ юнаго и уже отчасти растерзаннаго сердца вѣрятъ, что они оригинальнѣе самаго полубога А. Дюма (блаженны вѣрующіе!), я, невѣрующій Ѳома, начну старыми словеси повѣствованіе мое тако: сначала опишу со тщаніемъ мѣсто, т. е. пейзажъ; потомъ опишу дѣйствующихъ лицъ, ихъ домашній бытъ, характеры, привычки, недостатки и добродѣтель; а потомъ уже по мѣрѣ силъ приступлю къ драмѣ, т. е. къ самому дѣйствію. Метода или манера это не новая, но за то хорошая манера, а хорошее, какъ говорятъ, не старѣетъ, исключая хорошенькую кокетку, которая—увы! увядаетъ преждевременно. Начнемъ же такъ.

На правомъ берегу, хотя и скудной, но знаменитой рѣки Альты, расположенъ хуторъ стараго сотника Сокиры, верстахъ въ четырехъ отъ города П., словомъ, противъ того самаго мѣста, гдѣ бѣшеный честолюбецъ, окаянный Святополкъ, зарѣзалъ роднаго праведнаго своего брата Бориса. На этомъ же мѣстѣ, по сказанію Конисскаго, совершилась кровавая или Тарасова ночь въ 1630 году. Такъ противъ этого-то святаго мѣста расположенъ хуторъ сотника Сокиры, самъ по себѣ не очень живописный, по причинѣ опрятности, доведенной до педантизма, но за то окрестности окупались чистымъ Рюиздалевскимъ пейзажемъ. Берега Альты устланы зеленымъ высокимъ камышемъ такъ, что самую рѣку и не видно, развѣ только противъ Сокириного хутора. Густые зеленые камыши разрѣзываются на широкомъ пространствѣ группами широко-вѣтвистыхъ вербъ и старыхъ осокоровъ. На лѣвомъ берегу Альты выглядываетъ изъ-за зеленыхъ вербъ небольшая бѣленькая церковь, воздвигнутая иждивеніемъ христолюбивыхъ гражданъ города П. надъ тѣмъ самимъ каменнымъ столбомъ, который знаменовалъ мѣсто убіенія невиннаго Бориса. За оградой церкви, до самаго города, разстилается равнина, засѣянная житомъ и пшеницею и густо уставленная историческими могилами. И чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ могилы выше и гуще, такъ что городскаго валу издали совсѣмъ не видно и весь городъ кажется на могилахъ построенъ. Самъ же городъ П., какъ и вообще города, издали кажется въ туманѣ, но надъ городомъ изъ тумана выходила бѣлая осьми-угольная башня, увѣнчанная готическимъ зеленымъ куполомъ съ золотою главою. Это соборный храмъ прекрасной, граціозной, полу-рококо, полу византійской архитектуры, воздвигнутый знаменитымъ анаѳемой Иваномъ Мазепою въ 1690 году; другая же темная деревянная башня съ плоской осьми-угольной крышей полу-отдѣляется отъ сѣренькаго фону. Это Успенская церковь, прославленная въ 1654 году принятіемъ присяги на вѣрность московскому царю Алексѣю Михайловичу гетманомъ Зиновіемъ Богданомъ Хмельницкимъ со старшинами и съ депутатами всѣхъ сословій народа украинскаго. Далеко за городомъ синѣютъ высокія днѣпровскія горы.

Геральдическій дубъ дома Сокиры не восходитъ до баснословной вышины и насажденъ въ темной дворянской дубравѣ дѣдомъ Никифора Ѳедоровича, Карпомъ Сокирою, голштинцемъ, который возвра-

тился сюда изъ Петербурга послѣ кончины императора Петра III-го, не по примѣру прочихъ голштинцевъ—нагъ и гладенъ, а съ порядочнымъ мѣшкомъ голландскихъ червонцевъ, съ чиномъ гвардейскаго ротмистра и съ правомъ потомственнаго дворянина. Возвратясь въ свой родной П., онъ къ его великой радости безпрепятственно женился на дочери тогдашняго полковника п—скаго, цыгана Иваненка и получилъ за женою въ приданое хуторъ со всѣми угодьями и нѣсколькими сотнями пахатной и луговой земли на берегахъ рѣчки Альты. Черезъ годъ или черезъ два онъ оставилъ свою молодую жену и годовалаго сына, записался портупей-маіоромъ въ себулдинцы и ушелъ съ полкомъ за предѣлы Малороссіи. Вскорѣ начали себулдинцевъ обращать въ регулярныя войска, чему не мало сопротивлялся и маіоръ Сокира, за что съ прочими супротивниками и былъ казненъ въ четырехъ городахъ, на четырехъ площадяхъ въ одинъ день; право же дворянства было оставлено его малолѣтнему сыну. Такъ трагически кончилъ свою карьеру насадитель родословнаго дуба дома Сокиры, Карпъ Сокира голштинецъ.

Юный Ѳедоръ Сокира, оставшись единственнымъ наслѣдникомъ правъ и состоянія отца и единственнымъ сыномъ чадолюбивой матери, оказался порядочный мальчикъ, не смотря на заботливость нѣжной матери. Онъ изрядно выучился читать печать церковную и гражданскую, письму и благозвучному церковному пѣнію. и всему этому выучилъ его добронравный соборный дьякъ Степанъ Перепелица, не взирая на всѣ увѣщеванія нѣжнѣйшей матери.

Въ то счастливое время, хотя дворяне и не находили надобности въ просвѣщеніи или, лучше, имъ не приказывали просвѣщаться, однако-жъ юный Ѳедоръ безсознательно чувствовалъ благо просвѣщенія и неотступно просилъ маменьку, чтобы она отвезла его въ Кіевъ и отдала учиться въ бурсу.

Послѣ долгихъ настоятельныхъ просьбъ сына, маменька наконецъ рѣшилась отвезти его въ кіевскую бурсу. Опредѣливши въ бурсу, отдала его подъ надзоръ тагдашнему инспектору бурсы или академіи, отцу Діонисію Кушкѣ, старцу суровому и богобоязненному; а отдала она его для того подъ надзоръ, чтобы дитя малое не выучилось иногда воровству и разбойству. На бурсацкой скамьѣ, или на подольскомъ базарѣ подружился онъ съ знаменитыми въ послѣдствіи Иваномъ Левандою, Григоріемъ Гречкою и тогда уже

философомъ Григоріемъ Сковородою, а больше ни чѣмъ не ознаменовалась его бурсацкая жизнь. Учился онъ хорошо, а кончилъ тѣмъ, что когда однажды пріѣхали славные запорожцы на подворье свое въ Кіевъ провожать товарища своего Ермолу Кичку въ межигорскій монастырь и устроили брату своему приличное прощаніе со свѣтомъ, т. е. закупили на Подолѣ горѣлку, разлили ее въ ушаты и съ цеховою музыкою пошли торжественно въ Межигорье, потчуя встрѣчнаго и поперечнаго братскою горѣлкою изъ мыхайлыка, а прощавшійся со свѣтомъ братъ, знай себѣ, танцуетъ впереди музыкантовъ, то, прельстяся такою прекрасною картиною, уже несовсѣмъ юный Ѳедоръ Сокира, не долго думавши, спрыгнулъ съ высокой стѣны братскаго монастыря (ворота для такого случая были заперты) и присоединился къ запорожской братіи.

Послѣ этого происшествія слѣдъ его оказался на великомъ запорожскомъ лугу, и въ числѣ запорожскихъ депутатовъ, вмѣстѣ съ Головатымъ, онъ является къ Екатеринѣ Великой; потомъ является на нецеремонномъ обѣдѣ у генерала Текелія, и по уничтоженіи низоваго запорожскаго войска, возвращается благополучно въ городъ Переяславль съ чиномъ капитана и правомъ потомственнаго дворянина.

Отслуживши панихиду по своей матери, онъ зажилъ добрымъ селяниномъ на своехъ родовомъ хуторѣ и въ непродолжительномъ времени женился. Въ это счастливое время возобновилъ онъ свое школьное знакомство съ соборнымъ протоіереемъ Григоріемъ Гречкою, а черезъ него и съ знаменитымъ уже витіею Иваномъ Левандою и уже съ настоящимъ философомъ Григоріемъ Сковородою. А между тѣмъ сынъ его первородный, Никифоръ, выросталъ, а отецъ, заболтавшись съ мистикомъ философомъ, думалъ, думалъ, какъ-бы просвѣтить сына, да не додумавши, взялъ да и умеръ, а юный сынъ, что называется, и остался въ дуракахъ.

Но благому Провидѣнію угодно было заступить прекраснаго и безроднаго юношу отъ мрака невѣжества и, быть можетъ, вывести изъ пучины разврата, и оно послало ему благочестиваго и премудраго просвѣтителя и заступника въ лицѣ отца Григорія Гречки, протоіерея переяславскаго.

Если не можешь ты говорить о ближнемъ добраго, то о худомъ его не говори,—евангельское правило, но увы! не всегда

удобопримѣнимое въ жизни нашей, исполненной грѣха и клеветы; мнѣ же, какъ ретивому поклоннику святой правды, необходимо сказать нѣсколько словъ о матери юнаго Сокиры, такихъ, что хоть-бы и не говорить. Добрая слава для насъ свята, но для женщинъ и тѣмъ паче, она-же къ несчастію не пользовалась доброю славою на всю область переяславскую и была похищена изъ дома родительскаго Сокирою и тайно обвѣнчалась за границею, т. е. за Днѣпромъ, въ Трактемировѣ. Слѣдовательно они сочетались по увлеченію, а бракъ по увлеченію, всѣмъ извѣстно, рѣдко бываетъ счастливъ. Такъ, можетъ быть, кумушки-голубушки отчасти и не совсѣмъ клеветали. Какъ-бы то ни было, но только отецъ Григорій разсудилъ, что лучше будетъ взять «дытыну» на свои руки. И по моему онъ поступилъ благоразумно и великодушно, потому что я плохо вѣрую въ воспитаніе самыхъ добродѣтельныхъ матерей, тѣмъ болѣе, если у нихъ одно единственное дитя.

Такъ какъ юному Сокирѣ подходило къ седмому году, то отецъ Григорій въ одно пасмурное утро продиктовалъ мальчику молитву передъ началомъ ученія и развернулъ предъ нимъ букварь. Каково-же было удивленіе, когда мальчикъ, не запинаясь, прочелъ ему всю азбуку. Добрый знакъ, подумалъ отецъ Григорій и показалъ ему *буки азъ—ба* и т. д. Замѣтивъ вскорѣ понятливость и добронравіе въ мальчикѣ, онъ началъ его учить, кромѣ слявянскаго, еще тремъ языкамъ: еврейскому, греческому и римскому. Онъ, вѣроятно, предполагалъ изъ него сдѣлать доктора по крайней мѣрѣ любомудрія, сирѣчь философіи. Но юноша, не подозрѣвая великихъ плановъ своего великаго учителя, подвизался себѣ втихомолку и на десятомъ году возраста бѣгло читалъ Давида, Гомера и Горація, а на одинадцатомъ году возраста поздравилъ своего начальника съ новымъ годомъ на всѣхъ четырекъ языкахъ, прочитавши ему вирши, написанныя въ кіевской духовной академіи въ честь митрополита кіевскаго Серапіона, на четырехъ языкахъ. Наставникъ, въ восторгѣ обнявши ученика, проговорилъ: «зерно упало на добрую почву»; но все-таки предположеніе сдѣлать изъ Сокиры философа всѣхъ наукъ не сбылось.

На пятнадцатомъ году своего возраста началъ онъ учиться у своего учителя музыкѣ. Отецъ Григорій зналъ, что для вящшаго облагороженія сердца человѣческаго необходима музыка и для того

просилъ письмомъ друга своего философа Сковороду показать своему любимцу начальныя основанія музыки. Философъ не замедлилъ явиться въ П. со своими неразлучными друзьями—съ флейтою и собакою и съ успѣхомъ началъ преподавать сладкозвучіе, и съ такимъ успѣхомъ, что не больше какъ через годъ они уже вмѣстѣ съ ученикомъ распѣвали разные канты и дуэты, а въ день ангела отца Григорія, послѣ ужина, къ великому восторгу гостей, спѣли они, съ аккомпаниментомъ на гусляхъ, сатирическую пѣсню Сковороды, которая начинается такъ:

Всякому городу свій нравъ и права,
Всяка имѣетъ свій умъ голова.....

Сокира мой дѣйствительно дѣлалъ большіе успѣхи въ познаніи музыки, если принять въ соображеніе истинно философскую небрежность преподавателя. Мистикъ-философъ бывало надѣнетъ на себя сѣрую свитку, накроетъ голову соломеннымъ брилемъ, флейту въ руки и маршъ, куда глаза глядятъ, а вѣрный спутникъ его за нимъ. Бывало пойдетъ въ Березань, въ тридцати верстахъ отъ П., по дорогѣ зайдетъ на древнюю высокую могилу, называемую «Выбла», зайдетъ единственно за вдохновеніемъ и почерпнувши изъ нѣдръ ея малую толику сего, богамъ единымъ свойственнаго дара, спѣшитъ дѣлиться сіею благодатью съ другомъ своимъ Акимомъ Лукашевичемъ въ Березани. Проживъ недѣлю у друга, идетъ навѣстить другого, а тамъ третьяго, а черезъ мѣсяцъ, смотришь, онъ уже въ Кіевѣ: сидитѣ съ другомъ своимъ Иваномъ Левандою на скамеечкѣ у воротъ и читаетъ импровизированную дисертацію о связи души человѣческой съ свѣтилами небесными, а нашъ витія знаменитый, независимо отъ дисертаціи друга, готовитъ къ слѣдующему воскресенію проповѣдь. Проживъ немало въ Кіевѣ, онъ очутится въ Стайкахъ, а оттуда въ Трахтемировѣ, а тамъ черезъ день и въ Переяславѣ. Преподавши урокъ музыки, снова пускается навѣщать друзей своихъ, только уже черезъ Яготинъ до Полтавы и далѣе.

Гречка намѣренъ былъ уже писать къ Бортнянскому (также своему товарищу по бурсѣ), потому что видѣлъ въ молодомъ Сокирѣ рѣшительный геній музыки и голосъ архангельскій, но судьбѣ угодно было совершенно иначе распорядиться.

Быстро приближался событіями чреватый 1812 годъ, а юному Сокирѣ скончалось 19 лѣтъ со дня рожденія.

Наконецъ разрѣшился отъ бремени своими чудовищными чадами страшный 12-й годъ. Какъ жертва всесожженія, вспыхнула святая Бѣлокаменная, и изъ конца въ конецъ по всему царству раздался кличъ, чтобы выходили и старъ и младъ заливать вражескою кровью великій пожаръ московскій.

Достигъ этотъ судорожный кличъ и до предѣловъ нашей мирной Украины. Зашевелилась она, моя родная мать, зашевелилось охочекомонное и охочепѣшее ополченіе малороссійское. Не выдержалъ мой юноша, разбилъ псалтырь и гусли, бѣжалъ и въ городѣ Пирятинѣ записался въ полкъ подъ начало пирятинскаго полковника Николая Свѣчки.

Узнавши все и вся, Гречка просилъ письмомъ друга своего Николая Свѣчку не покидать его питомца на кровавомъ военномъ поприщѣ, что другъ и исполнилъ, какъ заботливый отецъ. Назначивъ юношѣ первый урядъ, полковникъ Свѣчка съ полкомъ своимъ выступилъ изъ славнаго города Пирятина на супротивнаго Галла и на двадесятъ языкъ.

Когда полкъ проходилъ черезъ городъ П., то отецъ Григорій во главѣ духовенства встрѣтилъ воинство у стѣнъ града, осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и оросилъ святою водою. Когда же подошелъ къ чаду души своей, то, возведя горѣ полныя слезъ очи, проговорилъ: «Господи, заступи тебя и сохрани тебя!»

Когда кровавыя событія пришли къ желанному концу и зубастаго французскаго звѣря заперли въ англійскую конуру, то и наше славное воинство разбрелось по хуторахъ и селахъ и, сложивъ доспѣхи бранные, взялось за плуги и рала.

Въ половинѣ 15 года возвратился Сокира въ родной свой П. съ чиномъ сотника и къ великой своей скорби не нашелъ въ живыхъ своего благодѣтеля отца Григорія. Онъ нашелъ только въ городской ратушѣ духовное завѣщаніе покойника на свое имя, въ которомъ незабвенный благодѣтель отказалъ ему часть своей библіотеки, состоящей изъ дорогихъ изданій древнихъ классиковъ, еврейскую библію, французскую энциклопедію и рукописный экземпляръ лѣтописи Конисскаго, на первомъ листкѣ котораго было написано собственною рукою преосвященнаго тако: «юному моему другу и собрату Григорію Гречкѣ, доктору богословія и другихъ наукъ, на память посылаетъ смиренный Г. Конисскій».

Кромѣ библіотеки отказалъ онъ ему еще дорогую скрипку и свои любимыя гусли съ изображеніемъ на внутренней части двухъ пляшущихъ пастушекъ съ посошками и пастуха, подъ липою у ручья играющаго на флейтѣ.

Сокира отслужилъ панихиду по праведной душѣ своего благодѣтеля и принесши на опустѣлый свой хуторъ драгоцѣнное наслѣдство (мать его тоже скончалась), началъ приво дить свою дѣдовщину въ порядокъ, а уладивши на скорую руку, что могъ, пригласилъ духовенство и сначала освятилъ соборомъ возобновленную оселю, а потомъ соборомъ отслужили панихиду объ успокоеніи душъ отца, матери и всѣхъ ближнихъ родственниковъ и ближайшаго, искреннѣйшаго друга и благодѣтеля отца Григорія. По совершеніи богослуженія, по примѣру предковъ своихъ, онъ накормилъ разнаго чина людей около тысячи душъ, исключая все городское духовенство и шляхетный классъ.

Когда онъ остался на своемъ хуторѣ одинъ, скучно ему стало и долго, нѣсколько мѣсяцевъ, скучалъ онъ и не зналъ, что съ собой дѣлать. Только однажды вечеромъ вспомнилъ онъ святое изреченіе: *недобро быти человѣку едину* и на другой день рано, осѣдлавши коня, поѣхалъ въ Сулимовку. Тамъ у него, когда онъ еще не ходилъ на войну, росла на примѣтѣ маленькая дѣвочка у небогатаго панка. Презрѣвъ обычаи отцовъ, онъ безъ посредства сватовъ переговорилъ съ отцемъ, съ матерью, а также съ невѣстою и, не говоря худого слова, послѣ Рождества Христова и перевѣнчались.

Послѣ такой скоропостижной свадьбы невозможно было разсчитывать на семейныя радости, а вышла благодать, да и благодать то еще какая! Во первыхъ, молодая жена Сокиры красавица, да еще и красавица какая! дай Богъ другому хотя во снѣ увидѣть такую красавицу, а во вторыхъ, самого чистого, непорочнаго сердца и нрава тихаго и покорнаго, однимъ словомъ, надъ нею и внутри ея было Божіе благословеніе. Одно можно было сказать про нее, не то чтобы худое, но немного смѣшное. Ей бѣдной удалось прошедшее лѣто погостить мѣсяцъ у своихъ богатыхъ родственницъ въ мѣстечкѣ Оглавѣ; а родственницы эти только что возвратились изъ Кіева, или, лучше сказать, изъ какого-то кіевскаго пансіона и были чрезвычайно образованы. Тутъ-то она бѣдная и пошатнулась.

Отъ нихъ-то она узнала, что грамотѣ ихъ учатъ не для одного молитвенника, а еще кой для чего, и что высшее блаженство благовоспитанной барышни—это носить лифъ, какъ можно выше, и обворожать кавалеровъ. А пѣсенъ-то, пѣсенъ какихъ восхитительныхъ она у нихъ научилась: и какъ «стонетъ голубокъ«, и какъ «дубъ той при долинѣ, какъ рекрутъ на часахъ», и какъ «пастушка купается въ прозрачныхъ струяхъ, и какъ закричала она ахъ!, увидѣвши нескромнаго пастушка», и даже «о, Фалилей, о, Фалилей», и ту выучила. Да и какъ же не выучиться у такихъ образованныхъ барышень! Она же, волшебница, еще и на гитарѣ играла. Это бросилось въ глаза молодому мужу; но онъ разсудилъ, что самое лучшее не обращать на ея пѣсни вниманія: попоетъ, попоетъ, да и перестанетъ, если некому будетъ слушать ея модныхъ пѣсенъ. А иногда даже и подтрунивалъ, особенно, когда проходилъ день втихомолку безъ пѣсенъ.

— Что же это ты, Параско, скажетъ бывало, сегодня цѣлый день молчишь? Хоть-бы спѣла каккую нибудь иностранную пѣсенку.

— Какую тамъ выдумалъ еще иностранную?

— Ну, хоть какъ та «пастушка полоскалася въ струяхъ».

— Не хочу. Самъ, коли хочешь, пой.

— Хорошо, и я спою.

И онъ медленно раскрывалъ гусли и, тихо аккомпанируя на нихъ, пѣлъ своимъ чарующимъ теноромъ съ самимъ глубокимъ чувствомъ:

«Не ходи, Грицю, на ти вечорныци»...

И когда кончалъ пѣсню, то жена падала въ его объятія и заливалася горчайшими слезами, а онъ тогда говорилъ ей, цѣлуя: «вотъ это настоящая модная пѣсня». Такъ онъ ее мало по малу и совсѣмъ отстранилъ отъ современнаго просвѣщенія, а о богатыхъ и образованныхъ родственницахъ и ихъ модныхъ пѣсняхъ съ тѣхъ поръ и помину не было.

Ласками и насмѣшками онъ довелъ ее до того, что она сама стала смѣяться надъ стрекозиными таліями переяславскихъ панночекъ и по долгомъ размышленіи одѣлась въ національный свой костюмъ, къ величайшей радости своего мужа. И, Боже мой, какъ она хороша была въ родномъ своемъ нарядѣ! Такъ хороша, такъ хороша, что если бы я былъ банкиромъ, по крайней мѣрѣ такимъ, какъ Ротшильдъ, то я иначе не одѣвалъ бы свою баронессу.

Но увы! не всѣмъ намъ судьба судила вкусить въ жизни нашей такихъ великихъ радостей, какими упивался Сокира. И онъ вполнѣ цѣнилъ эту благодать Божію.

Любуясь своей красавицей Параской, онъ не забывалъ и хозяйства. Осмотрѣвши сначала свою дѣдовщину, онъ по долгомъ размышленіи рѣшилъ отдать пахатную землю съ половины сулиминскимъ козакамъ. При хуторѣ крестьянъ не имѣлось. Онъ, правда, и радъ былъ, что ихъ не имѣлось: онъ смотрѣлъ на этотъ классъ нашего народонаселенія истиннымъ филантропомъ. Побережья рѣки Альты оставилъ онъ за собою ради домашней скотины и выкашивалъ тучные луга толокою, въ липовой же рощи и левадѣ, прилегавшей къ самому хутору, рѣшился возобновить отцовскую пасѣку. И это сдѣлалось его любимою мечтою. Да и правду сказать, что можетъ быть невиннѣе изъ всѣхъ промысловъ нашихъ пасѣки? Онъ немедленно написалъ въ Стародубъ, чтобъ къ веснѣ прислали ему пасѣчника,—тогда еще не было Прокоповича, теперь славнаго пчеловода, и слѣдовательно нужда заставляла обращаться къ самоучкамъ пасѣчникамъ.

Учрежденная имъ въ липовой рощѣ пасѣка, съ помощью еленскаго старообрядца, годъ отъ года умножалась и въ продолженіи пяти счастливыхъ лѣтъ умножилась до 5,000 пней. Господь благословилъ его начинаніе, теперь онъ былъ паномъ на всю губу. Пасѣкой своей онъ отстранилъ отъ себя всякое корыстное и необходимое соприкосновеніе съ людьми, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все пошлое и низкое.

Счастливый, стократъ счастливый человѣкъ, умѣвшій отстранить отъ себя все недостойное человѣка и довольствоваться только благомъ, пріобрѣтеннымъ собственнымъ трудомъ! Такой счастливецъ былъ Сокира.

Въ бытность свою въ нѣмецкихъ земляхъ онъ не мимоходомъ замѣчалъ нѣмецкій сельскій бытъ и теперь принаровилъ его къ своему хутору. Таже нѣмецкая чистота и порядокъ во всемъ. Правда, нашего брата-художника хуторъ Сокиры не поразилъ бы своею наружностью, за то не художника поражалъ порядкомъ.

Изъ всѣхъ славянокъ землячки мои чернобровыя пользуются вполнѣ заслуженной славой опрятныхъ хозяекъ. Но у мадамъ Со-

киры эта статья была доведена до крайней степени. Ей обыкновенно бывало и во снѣ спится, что у нея въ домѣ полъ не вымытъ или въ кухнѣ не смазанъ глиной, такъ чтобы эта дрянь не возмущала ея невиннаго сна, она заставляла Марину каждый Божій день полъ вымыть да еще и выскоблить; и достаточно, кажись, такъ нѣтъ, а еще и кіевскимъ пескомъ посыпать, такимъ пескомъ, какой вы найдете не у всякаго губернатора и въ канцеляріи. Она сама его привозила каждый годъ изъ Кіева, когда ѣздила туда къ 16 августа.

Карлъ Осиповичъ говаривалъ всегда и всякому, что если онъ видѣлъ рай на землѣ, такъ это именно въ домѣ Прасковьи Тарасовны, а больше нигдѣ.

Въ пасѣкѣ отражалась таже чистота и порядокъ, что и въ домѣ. И какъ были кстати тутъ Виргиліевы «Георгики», которыя любилъ прочитывать Сокира, лежа подъ соломеннымъ навѣсомъ. Ни одна душа во всемъ П. не знала, что старый пасѣчникъ (его такъ прозвали за его тихій нравъ и медленную походку) читалъ въ подлиникѣ Виргилія, Гомера и Давида. Примѣрная, удивительная скромность! Я самъ, будучи его хорошимъ пріятелемъ, часто гостилъ у него по нѣсколько дней и, кромѣ лѣтописи Конисскаго, не видалъ даже бердичевскаго календаря въ домѣ. Видѣлъ только дубовый шкафъ въ комнатѣ, и больше ничего. Лѣтопись-же Конисскаго, въ роскошномъ переплетѣ, постоянно лежала на столѣ и всегда заставалъ я ее раскрытою. Никифоръ Ѳедоровичъ нѣсколько разъ прочитывалъ ее, но до самого конца ни разу. Все, всѣ мерзости, всѣ безчеловѣчія польскія, шведскую войну, Биронового брата, который у стародубскихъ матерей отнималъ дѣтей грудныхъ и давалъ имъ щенятъ кормить грудью для своей псарни—и это прочитывалъ, но какъ дойдетъ до голштинскаго полковника Крыжановскаго, плюнетъ, закроетъ книгу и еще разъ плюнетъ.

Разъ какъ-то я пріѣзжаю къ нему съ книжкою «Украинскаго Вѣстника», въ которой были напечатаны Гулакомъ-Артемовскимъ двѣ оды Горація (геніальная пародія!) и, прочитавши оды до Пархома, мы отъ чистаго сердца смѣялись съ Парасковіей Тарасовной, а онъ открылъ дубовый шкафъ, вынулъ оттуда книгу въ собачьемъ переплетѣ и, раскрывая ее, проговорилъ: «а ну, посмотримъ, вѣрно ли оно будетъ съ подлинникомъ». И тутъ-то я только увидѣлъ латиниста, эллиниста и гебраиста и полный шкафъ книгъ, вмѣщаю-

щій въ себѣ словесность всего древняго міра. А онъ, прочитавши вслухъ подлинникъ, закрылъ книгу, поставилъ ее на свое мѣсто и, ходя тихо по комнатѣ, читалъ про себя:

«Пархоме, въ щастьи не брыкай!..»

— Превосходно! И въ точности вѣрно! проговорилъ онъ вслухъ.

Я и прежде глубоко уважалъ Никифора Ѳедоровича за его во всѣхъ отношеніяхъ возвышенный характеръ, а теперь я, благоговѣя, исчезалъ предъ его рыцарскою скромностью.

— Что же это мы всѣ, какъ воды въ ротъ набрали? проговорила Парасковія Тарасовна. Хоть-бы повечерять, пока свѣтло.

— А что жъ, когда вечерять, такъ и вечерять, я и на это готовъ! отвѣчалъ Никифоръ Ѳедоровичъ.

Ужинъ былъ поданъ на ганкѣ, и къ концу его показалась изъ темнаго П—а полная красавица луна. Мы всѣ трое замолкли и только переглянулись между собою. Картина была такъ хороша, что только въ нѣмомъ благоговѣніи можно было созерцать ее. Меня пригласилъ съ собою Никифоръ Ѳедоровичъ въ пасѣку ночевать, на что я, разумѣется, и согласился охотно.

Не было другой такой ночи въ моей жизни, да вѣрно и не будетъ. Долго бесѣдовали мы съ нимъ о разныхъ предметахъ и случайно коснулись моей слабой струны, народныхъ нашихъ пѣсень. Ни одинъ професоръ словесности въ мірѣ не прочитывалъ своей лекціи о значеніи, вліяніи и достоинствѣ народныхъ пѣсень такъ, какъ онъ. И съ какой глубокой любовью изучилъ онъ слова и мотивы нашихъ прекрасныхъ задушевныхъ пѣсень!

— Да, говорилъ онъ: послѣ этой трогательной, простой прелести нашихъ пѣсень, что значатъ уродливыя созданія современныхъ намъ романсовъ? Кромѣ безнравственности, ничего болѣе. И чрезвычайно деликатно коснулся пѣсень покойнаго своего учителя музыки, Сковороды. Онъ сказалъ: это былъ Діогенъ нашихъ дней, и еслибъ не сочинялъ онъ своихъ винегретныхъ пѣсенъ, то было бы лучше. А то, видите ли, нашлись и подражатели: хоть бы и князь Шаховской, или Котляревскій въ своей одѣ въ честь князя Куракина,—сколокъ съ Сковороды. Только та разница, что учитель мой, какъ истинный философъ, никому не льстилъ. Энеида Котляревскаго въ то время еще не была напечатана.

Я, какъ собиратель народныхъ пѣсенъ, много записалъ у него варіантовъ и самыхъ пѣсенъ, нигдѣ мною прежде не слыханныхъ.

Ко всѣмъ его прекраснѣйшимъ качествамъ принадлежитъ его найпрекраснѣйшее качество: онъ былъ въ высшей степени религіозенъ. Любимѣйшимъ его чтеніемъ былъ Новый Завѣтъ. Онъ всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣмъ помышленіемъ своимъ сознавалъ и глубоко чувствовалъ священныя истины евангельскія. Каждое воскресенье и каждый праздникъ онъ ѣздилъ къ обѣднѣ съ женою въ соборный храмъ Благовѣщенія. Вмѣстѣ съ прекрасной, гармонической архитектурой храма на него дѣйствовало и пѣніе семинаристовъ. Но когда поставили въ храмѣ новый иконостасъ, гармонія архитектуры исчезла, и онъ сталъ ѣздить къ обѣднѣ въ Успенскую церковь, въ ту самую, въ которой въ 1654 году далъ присягу Зиновій Богданъ Хмельницкій со всякаго чина народомъ на вѣрность московскому царю. Но когда возобновляли историческій памятникъ этотъ и изъ шести куполовъ уничтожили пять, экономіи ради, то онъ сталъ ѣздить въ Покрову. Церковь во имя Покрова—неуклюжей и безхарактерной архитектуры, воздвигнута въ знаменіе взятія Азова полковникомъ п—скимъ Мировичемъ, другомъ и соучастникомъ проклинаемаго Ивана Мазепы. Въ этой церкви хранится замѣчательная историческая картина, кисти, можно думать, Матвѣева, если не иностранца какого. Картина раздѣлена на двѣ части: вверху Покровъ пресвятыя Богородицы, а внизу Петръ I съ Екатериной I, а вокругъ ихъ всѣ знаменитые сподвижники его, въ томъ числѣ и Мазепа, и ктиторъ храма во всѣхъ своихъ регаліяхъ.

Прослушавши литургію, Сокира подходилъ къ образу Покрова и долго любовался имъ и разсказывалъ своей любопытной Парасковіи, кто такіе были за люди, подъ кровомъ Божіей Матери изображенные.

Иногда онъ разсказывалъ съ такими подробностями про Даниловича и разрушенный Батуринъ, что Парасковья Тарасовна наивно спрашивала мужа: «за что она его покрываетъ»?

Какъ не переполнена чаша счастія, а всегда найдется мѣсто для капли яду. Для полнаго счастья Сокиры чего бы недоставало? А ему недоставало самого высшаго блаженства въ жизни—дѣтей.

Лѣтъ шесть уже минуло, когда на хуторѣ стараго сотника Сокиры, не взирая на отца протоіерея и прочій чинъ духовный, Никифоръ Ѳедоровичъ вынулъ свою скрипку (потому что гусли не соотвѣтствовали пѣснѣ) и заигралъ, припѣваючи:

Ой хто до кого, а я до Параски...

При чемъ Парасковья Тарасовна плюнула и вышла изъ покоя, а Карлъ Осиповичъ и Кулина Егоровна, не говоря ни слова и также не взирая на чинъ духовный, схватились за руки, да и пошли выплясывать:

O mein lieber Augusten...

И въ тотъ же вечеръ другая пара—кумъ съ кумой, ѣдучи въ городъ отъ Сокиры, пѣли тихонько въ два голоса:

Одна гора высокая,
А другая низька...

А отца протоіерея и братію на ту ночь положили спать въ новой коморѣ, потому что ночь была бурная, такъ что-бъ чего, Боже сохрани, не случилось. Карлъ Осиповичъ и Кулина Егоровна, поплясавши въ свое удовольствіе и сказавши хозяевамъ: «gute Nacht», сѣли въ свою бѣду и поѣхали въ городъ, разговаривая себѣ потихоньку и все по нѣмецки.

То былъ великій и радостный день для бездѣтнаго Никифора Осиповича и Парасковьи Тарасовны: они въ тотъ день окрестили и усыновили двухъ близнецовъ - подкидышей и бучно отпраздновали крестины, такъ бучно, что повивальная бабка долго послѣ того говорила, что родилась, окрестилась и умру—не увижу такихъ хорошихъ крестинъ, какъ были у стараго сотника.

Минуло шесть лѣтъ послѣ такого великаго событія въ домѣ Сокиры, когда передъ вечеромъ сидѣли они, т. е. хозяева, на ганку съ нерушимымъ другомъ своимъ Карломъ Осиповичемъ. Передъ ними на темно - зеленомъ лужку, примыкающемъ къ самой Альтѣ, рѣзвилось двое дѣтей въ красныхъ рубашкахъ, точно два красные мотылька мелькали на темной зелени. Съ крылечка всѣ трое молча любовались ими и казалось, что у всѣхъ трехъ собесѣдниковъ вмѣстѣ съ зрѣніемъ и мысли были устремлены на дѣтей. Послѣ про-

должительнаго созерцанія первая нарушила молчаніе Парасковья Тарасовна.

— Разсудите вы насъ, голубчикъ Карлъ Осиповичъ, что намъ дѣлать? Я говорю, что дѣти еще малыя, а Никифоръ Ѳедоровичъ говоритъ: «это ничего, что малые, а учить надо». Гдѣ же тутъ, скажите таки, Христа ради, правда? Ну еще хоть бы годочекъ подождать, а то думаетъ послѣ Покрова уже и начинать.

— Да, да, давно пора начинать, сказалъ Карлъ Осиповичъ. Я давно думаю объ этомъ.

— Святая Варвара великомученица! Боитесь ли вы Бога, Карлъ Осиповичъ?

— Боюсь, очень боюсь, Парасковья Тарасовна, и скажу вамъ, что когда мнѣ было только пять лѣтъ, то я уже читалъ наизустъ кой-что изъ Шиллера. Покойный Коцебу сказалъ разъ, когда я ему прочиталъ его стихи наизустъ, что изъ меня будетъ великій поэтъ а на дѣлѣ вышелъ маленькій фармацевтъ. Вотъ что, Парасковья Тарасовна, и великіе люди иногда ошибаются.

— Да это ничего, пускай себѣ ошибаются, только разсудите сами: послѣ Покрова!

— Да, да! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Ну, догадалась же я, у кого защиты просить, подумала Парасковья Тарасовна, но не проговорила, а Карлъ Осиповичъ, нюхая табакъ, приговаривалъ:

— Да, да, надобно учить! Ваша пословица говоритъ, что за ученаго двухъ неученыхъ даютъ, да и то не берутъ.

— Такъ вотъ что: мы васъ, Карлъ Осиповичъ, слушаемъ, какъ самого Бога. Подождите, мои голубчики, хоть до Филиповки; тамъ дастъ Богъ постъ—время такое тихое, имъ, нашимъ рыбочкамъ, все таки легче будетъ.

— До Филиповки, какъ вы думаете, Карлъ Осиповичъ, можно подождать? проговорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ.

— Нельзя. Жизнь коротка, а наука вѣчна, говоритъ великій Гёте.

— Господи, что я надѣлала? подумала Парасковья Тарасовна. Зачѣмъ я ему говорила о дѣтяхъ? Теперь ужъ, я знаю, добра не будетъ. Ну ужъ вы тамъ себѣ какъ хотите, проговорила она въ слухъ, а я вамъ до Филиповки не дамъ дѣтей мучить.

— Хоть колъ на головѣ теши, а она свое, проговорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ; и скажи, откуда ты такой натуры набралась?

— Да отъ васъ же и набралась: вы по моему ничего не хотите сдѣлать, то я и по вашему также не хочу.

Въ это время дѣти подбѣжали къ крыльцу, и Карлъ Осиповичъ, лаская ихъ, спросилъ:

— Ну, что ты, Зося, хочешь грамотѣ учиться?

Зося бойко сказалъ: хочу.

— А ты, Ватя, тоже хочешь учиться грамотѣ?

— Тоже хочу, отвѣчалъ запинаясь Ватя.

— Вотъ видите, Парасковья Тарасовна, а вы останавливаете ихъ стремленія.

— Да ну васъ съ Богомъ, Карлъ Осиповичъ! я уже не останавливаю васъ. Только надо придумать, говорила она, цѣлуя и обнимая дѣтей, какъ это все устроить.

— Это правда, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ. Вотъ что, Карлъ Осиповичъ. Вы живете въ городѣ и по профессіи своей встрѣчаетесь съ разнаго класса людьми. Не встрѣтится ли вамъ иногда семинаристъ, хоть и не очень ученый, только бы не бойкій, договорите его для нашихъ дѣтей.

— Съ большою радостью буду искать такого человѣка. У меня есть одинъ знакомый семинаристъ, большой охотникъ химическіе опыты дѣлать. Ну, такой не годится, а я у него буду выспрашивать.

— Сдѣлайте милость, Карлъ Осиповичъ. Вотъ мы ихъ и засадимъ за *тму*, *мну*, моихъ голубчиковъ, говорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ, лаская дѣтей.

Объ этихъ дѣтяхъ, какъ о будущихъ герояхъ моего сказанія, я долженъ бы по больше распространиться, но я не знаю, что можно сказать особеннаго о пятилѣтнихъ дѣтяхъ. Дѣти, какъ и вообще дѣти: хорошенькія, полненькія, румяныя, какъ недоспѣлая черешня, и больше ничего. Развѣ только, что они похожи другъ на друга, какъ двѣ черешневыя, едва зарумянившіяся ягоды.

Послѣ взаимныхъ пожеланій спокойной ночи, Карлъ Осиповичъ сѣлъ въ свою «бѣду» и уѣхалъ въ городъ, а Никифоръ Ѳедоровичъ, благословивши на сонъ грядущій дѣтей, пошелъ въ свою пасѣку, а Парасковья Тарасовна, уложивши дѣтей и прочитавши молитвы на сонъ грядущій, зажгла ночникъ и тоже отошла ко сну.

По обыкновенію своему Парасковья Тарасовна къ 16-му августа отправилась въ Кіевъ и, возвратясь изъ Кіева, между прочими игрушками и святыми вещами, какъ-то: шапочками Ивана Многострадальнаго, колечками Варвары Великомученицы и многимъ множествомъ разной всячины кипарисовыхъ образковъ, отдѣланныхъ искусно фольгою, и между прочими рѣдкостями показала дѣтямъ никогда прежде непривозимыя для нихъ игрушки. Да съ виду они и не похожи на игрушки, а просто двѣ дощечки, обернутыя кожею. Каково же было ихъ удивленіе, когда они развернули дощечки и тамъ увидѣли зеленые толстые листы бумаги, испещренные красными и черными чернилами. Радости и удивленію ихъ не было конца. Невинныя созданія! не знаете вы, какое зло затаено въ этихъ разноцвѣтныхъ каракуляхъ! Это источникъ вашихъ слезъ, величайшій врагъ вашей дѣтской и сладкой свободы, словомъ это букварь.

Въ ожиданіи 1-го октября Парасковья Тарасовна сама исподоволь стала учить разумѣть таинственныя изображенія и за каждую выученную букву платила имъ сладкимъ кіевскимъ бубличкомъ. И къ не малому ея удивленію, дѣти черезъ нѣсколько дней читали наизустъ всю азбуку. Правда, что и наволочка съ бубличками почти опустѣла, что и заставило Парасковью Тарасовну пріостановить преподаваніе. Да при томъ же, думала она, близко и Покровъ, такъ пускай же они, мои голубята, хоть это малое время на волѣ погуляютъ.

Свѣтлый горизонтъ юной свободы моихъ героевъ покрывался тучами. Гроза быстро приближалась и наконецъ какъ разъ на Покровъ, часу въ 9-мъ утромъ, разразилась громомъ Карла Осиповича »бѣды» и явленіемъ самаго Карла Осиповича, а за нимъ—о ужасъ! явленіемъ чего-то длиннаго въ затрапезномъ халатѣ и старой короткой фризовой шинели (вѣроятно, шитой на выростъ). Это былъ никто другой, какъ самъ свѣточъ, или проще учитель, вырытый Карломъ Осиповичемъ изъ грязныхъ семинарскихъ аудиторій.

Степанъ Мартыновичъ Левицкій—лицо соприкосновенное къ ссму повѣствованію, то не мѣшаетъ и о его персонѣ сказать словъ нѣсколько.

Онъ былъ одинъ изъ многихъ сыновей бѣднѣйшаго изъ всѣхъ на свѣтѣ дьяконовъ—отца діакона Мартына Левицкаго, не помню

хорошенько—изъ Глемязова или изъ Иркліева, только помню, что золотоношскаго повѣта.

Странны и непонятны распоряженія судьбы людской. Хоть такое напримѣръ, можно сказать, дикое распоряженіе: Никифору Ѳедоровичу, человѣку достаточному, не послать за всѣ его молитвы ни единаго, что называется, чада, а бѣдно-бѣднѣйшему діакону завалить ими и безъ нихъ тѣсную хату. И какъ на смѣхъ, одно другого глупѣе и уродливѣе. Хоть-бы, напримѣръ, предстоящій теперь предъ лицемъ Никифора Ѳедоровича научитель: безобразно длинная, тощая фигура съ такими же неуклюжими костлявыми руками, лицо опойковаго цвѣта съ огромнѣйшимъ носомъ, выдавшимся впередъ длиннымъ, заостреннымъ подбородкомъ и съ немалыми висячими ушами, и, въ добавокъ, съ распухшей нижней губой, та́къ что очертаній рта нельзя было опредѣлить; очертанія глазъ тоже опредѣлить трудно, потому что очи были заплывши отъ сновидѣній. Внутреннія достоинства Степана Мартыновича были въ совершенной гармоніи съ наружными. Такъ, напримѣръ, спросилъ его однажды профессоръ на экзаменѣ: «а ты, Степа, скажи, что помнишь: я и тѣмъ буду доволенъ». И Степа, подумавши не мало, сказалъ: «я помню, какъ былъ пожаръ за Трубежемъ, да еще потомъ у Андрушахъ». «Ну хорошо, Степа; съ тебя и этого достаточно»! Онъ никогда не просился на праздники домой, зная хорошо, что праздники обходятъ ихъ полу-разрушенную хату, а проводилъ праздники въ тѣхъ же холодныхъ грязныхъ классахъ, гдѣ провожалъ и Великую четыредесятницу. Случилось какъ-то, что еще нѣсколько товарищей осталось на праздникъ въ семинаріи; и какъ добрыя дѣти, послали своимъ родителямъ по письменному поздравленію съ праздниками, прося въ заключеніе витіеватаго посланія прислать имъ къ празднику того-сего по мелочи. По примѣру братіи и Степа вздумалъ рукосотворить посланіе своимъ нищимъ родителямъ словеси такими:

«Дражайшіе родители!

При отпускѣ сего листа изъ сѣвернаго города, богоспасаемаго Переяслава, я остаюся вашъ сынъ»... и подумавши прибавилъ: «я поздравляю васъ съ наступающими праздниками и желаю, чтобы вы мнѣ ради Рождества Христова прислали хоть ворочекъ пшена да кусокъ сала, а изъ лакомства хоть шкаповые сапоги и».... Тутъ

онъ опять задумался, а коварный другъ его, Лука Нестеровскій. подкрался, да и и выхватилъ недоконченное письмо, показалъ его своей братіи,—и пошла потѣха. Съ тѣхъ поръ его иначе и не звали, какъ «пожаръ въ шкаповыхъ сапогахъ», а онъ себѣ хоть бы слово кому сказалъ, такъ молчкомъ и отдѣлался.

Пока рекомендовалъ Карлъ Осиповичъ своего protegé Никифору Өедоровичу, наймичка Марина внимательно смотрѣла на новое лицо и, разсмотрѣвши его хорошенько, толкнула тихонько Парасковью Тарасовну и шопотомъ спросила, показывая глазами на Степана Мартыновича:

— Чи воно живе?

— Живе, отвѣчала та и вышла изъ покою, а за нею и Марина послѣдовала.

— Вы мою просьбу переборщили, Карлъ Осиповичъ! Я просилъ васъ рекомендовать для дѣтей нашихъ учителя только не бойкаго, а вы привезли какого-то «дида».

— Ничего лучше быть не можетъ для обученія алфавиту малыхъ дѣтей, Никифоръ Өедоровичъ,—говорилъ Карлъ Осиповичъ. Для этого нуженъ только говорящій автоматъ, больше ничего. А гдѣ вы найдете, позвольте вамъ сказать, лучше этого экземпляра? Это просто золото для вашихъ малютокъ.

— Быть по вашему. Такъ мы сегодня только уговоримся, а съ завтрашняго дня и начнемъ съ Богомъ.

— А почему же не сегодня? спросилъ Карлъ Осиповичъ.

— Потому,—не во гнѣвъ вамъ будетъ сказано,—что горбатаго только могила исправитъ. Вы, что съ вами ни дѣлай, какъ родились нѣмцемъ, такъ и въ могилу сойдете тѣмъ же нѣмцемъ.

— А вы, небось, пойдете въ могилу туркомъ или французомъ?

— Я дѣло другое. Я, слава Богу, живу дома, а вы, Карлъ Осиповичъ, на чужой сторонѣ, слѣдовательно и не должны забывать, что у насъ сегодня большой праздникъ, а въ нашемъ приходѣ еще и храмовой.

— Такъ вы, значитъ, ѣдете помолиться Богу. Хорошее дѣло, а я привезу вамъ его завтра рано. На счетъ-же платы мы уже съ нимъ условились: карбованецъ въ мѣсяцъ и два гарнца пшена, а по окончаніи азбуки, халатъ хоть какой нибудь да пару сапоговъ. Согласны?

— Съ удовольствіемъ.

И они разстались.

На другой день, т. е. 2-го октября явился Степа одинъ на хуторъ и, прочитавъ обычную молитву, принялся за дѣло. И съ той поры каждый Божій день, какая-бы погода ни стояла, дождь ли, снѣгъ ли, ни на что не смотря, шагалъ нашъ педантъ изъ хутора и на хуторъ, по утру и въ вечеру, не прибавляя и не убавляя шага, какъ заведенная машина. Ученіе букваря, благодаря понятливости дѣтей, быстро двигалось впередъ. и Никифоръ Ѳедоровичъ, къ великому удовольствію своему, на дѣлѣ увидѣлъ справедливость замѣчаній Карла Осиповича и многажды благодарилъ его за машину. И странная вещь! дѣти до того рѣзвыя, что не токмо Парасковья Тарасовна, самъ Никифоръ Ѳедоровичъ не могъ ихъ успокоить, а только являлся учитель во дворъ, они дѣлались такими же безмолвными и недвижимыми, какъ и онъ самъ, и въ продолженіи урока сидѣли какъ заколдованные, не смѣя даже согнать мухи съ носа. А между тѣмъ отъ учителя они въ продолженіи урока слова не слыхали посторонняго, и это-то, я полагаю, и была причина ихъ околдованія.

Къ 1-му декабря, т. е. въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ былъ выученъ букварь до послѣдней буквы, даже и «иже хощетъ спастися». Прослушавши отъ учениковъ своихъ послѣдній урокъ, Степа торжественно всталъ, взялъ ихъ за руки и, подведя къ Никифору Ѳедоровичу, сказалъ:

— Букварь пришелъ къ концу; проэкзаменуйте!

— Безъ всякого экзамена вѣрю. Но что мы будемъ дѣлать дальше, добрѣйшій нашъ Степанъ Мартыновичъ? Не возьметесь ли вы до праздника показать имъ гражданскую грамоту?

— Могу показать; даже можно начать хоть сегодня, только бы азбучка была.

— Нѣтъ, сегодня и завтра пускай они погуляютъ, а начнемъ послѣзавтра.

— Хорошо, сказалъ Степа, взялъ картузъ и поковылялъ въ городъ. На лицѣ его замѣтно было что-то въ родѣ самодовольствія. Придя въ городъ, онъ явился въ аптеку и, увидя Карла Осиповича, сказалъ съ разстановкою: «совершилъ!».

Карлъ Осиповичъ дружески пожалъ его костлявую руку, благодаря за услугу, и попросилъ его остаться обѣдать, забывая, что Степанъ Мартыновичъ никогда ни съ кѣмъ вмѣстѣ не обѣдалъ;

даже въ общей столовой бралъ себѣ обыкновенно галушекъ въ миску и отходилъ въ уголъ.

Простившись съ Карломъ Осиповичемъ, вышелъ онъ на площадь, держа въ рукѣ полученные за труды два карбованца (халатъ, сапоги и прочая онъ прежде получилъ). Ходя по базару, онъ останавливался, смотрѣлъ вокругъ себя и снова продолжалъ шагать по базару. Пройдя чрезъ базаръ, онъ машинально пошагалъ за Трубежъ, осмотрѣлся вокругъ, своротилъ на золотоношскую дорогу и передвигая медленно ноги, скрылся за Богдановой могилой.

Не мало изумилися на хуторѣ, когда въ назначенный день не явился учитель и не могли придуматк, чтобы это значило. Въ вечеру пріѣхалъ на хуторъ Карлъ Осиповичъ. Къ нему обратились съ вопросомъ, но и онъ не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Онъ только удивился такой неаккуратности.

Карлъ Осиповичъ справился въ семинаріи, но тамъ забыли, какъ и зовутъ. Только школьникъ какой-то закричалъ: это, должно быть, «пожаръ въ шкаповыхъ сапогахъ». Вся аудиторія громко засмѣялась. Карлъ Осиповичъ съ тѣмъ, разумѣется, и вышелъ.

Наконецъ 6-го декабря, рано утромъ явился Степанъ Мартыновичъ на хуторъ, прося извиненія за отлучку.

— Гдѣ же вы были? спросилъ его Никифоръ Өедоровичъ.

— Носилъ родителямъ въ Глемязовъ деньги.

— Какія деньги?

— А что отъ васъ получилъ. Мои родители васъ благодарили за покровительство.

Никифоръ Өедоровичъ съ умиленіемъ посмотрѣлъ на его неуклюжую фигуру. Онъ никогди не позволялъ себѣ никакихъ надъ нимъ шутокъ, но послѣ путешествія его въ Глемязовъ смотрѣлъ на него съ уваженіемъ. Занятія его пошли обыкновеннымъ порядкомъ Къ праздникамъ дѣти довольно бѣгло читали гражданскую печать и даже выучили наизусть виршу поздравительную (это уже были затѣи). Пришелъ наконецъ и «святъ вечеръ». Хозяѣва пригласили учителя вмѣстѣ съ ними святую вечерю ѣсть. Тутъ уже онъ не могъ отказаться; а передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ, позвалъ его Никифоръ Өедоровичъ въ свою комнату, возложилъ на рамена его новый демикитоновый сюртукъ и вручилъ ему три карбованца. У

Степы слезы показались на глазахъ, но онъ вскорѣ оправился и сѣлъ за вечерю.

Ночь передъ Рождествомъ—это дѣтскій праздникъ у всѣхъ христіанскихъ народовъ, но только празднуется разными обрядами: у нѣмцевъ—ёлкой, у великороссіянъ—тоже; у насъ же послѣ торжественнаго ужина, посылаютъ дѣтей съ хлѣбомъ, рыбой и взваромъ къ ближайшимъ родственникамъ; а дѣти, придя въ хату, говорятъ: «святый вечиръ! Прислали батько й мати до васъ, дядьку, й до васъ, дадино, святу вечерю», послѣ чего съ церемоніей сажаютъ ихъ за столъ, уставленный разными постными лакомствами и потчуютъ ихъ, какъ взрослыхъ; потомъ перемѣнять имъ хлѣбъ, рыбу и взваръ и церемонно провожаютъ. Дѣти отправляются къ другому дядѣ, и когда родня большая, то возвращаются домой передъ заутреней, разумѣется, съ гостинцами и съ завязанными, въ родѣ пуговицъ, въ рубашку «шагами».

Мнѣ очень нравится этотъ прекрасный обычай. У насъ была родня большая. Бывало, посадятъ насъ въ сани да и возятъ по гостямъ цѣлую ночь.

Я помню трогательный одинъ «святый вечиръ» въ моей жизни. Мы осенью схоронили свою мать, а въ «святый вечиръ» понесли вечерю къ дѣдушкѣ и сказавши: «святый вечиръ! Прислали до васъ, диду, батько и....» всѣ трое зарыдали; намъ нельзя было сказать: «и мати».

Послѣ ужина просили Никифоръ Ѳедоровичъ и Парасковья Тарасовна Степана Мартыновича отвезти съ дѣтьми вечерю къ Карлу Осиповичу. Онъ, разумѣется, не отказался, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ на себѣ новый демикотоновый сюртукъ. Возвратясь благополучно изъ города съ дѣтьми, пригласили его ѣхать вмѣстѣ къ заутрени. Прослушавъ заутреню у Покрова, Степанъ Мартыновичъ къ обѣднѣ пошелъ въ соборъ, гдѣ, разумѣется, были и оставшіеся на праздники семинаристы; а чтобы торжественнѣе блеснуть своимъ сюртукомъ, онъ выпросилъ у пономаря позволеніе снимать со свѣчей во время обѣдни. И въ Степѣ пошевельнулися страстишки!

Когда послѣ праздниковъ явился на хуторъ Степа, его не узнавали: онъ переродился,—началъ говорить, чего прежде за нимъ и не подозрѣвали. Спросили его, какъ онъ во время праздниковъ веселился?—Весело,—говоритъ; у кого бывалъ?—Родителей, гово-

ритъ, посѣтилъ. Онъ опять спутешествовалъ въ Глемязовъ, чтобъ оставить тамъ подаренные къ празднику три карбованца, а вмѣстѣ съ тѣмъ блеснуть своимъ новымъ сюртукомъ.

Мало по малу въ немъ начали (кромѣ букваря) обнаруживаться и другія познанія. Оказалось, что онъ четыре правила ариѳметики знаетъ, какъ свои пять пальцевъ, только безсознательно; русскую грамматику знаетъ на хуже самаго профессора, только безпримѣнительно, да для хорошаго учителя это и лишнее.

Великое дѣло—поощренія! Одни только геніальныя натуры могутъ собственными силами пробить грубую кожу холоднаго эгоизма людскаго и заставить обратить на себя изумленныя глаза толпы. Для натуры обыкновенной поощреніе, какъ дождь для пажити. Для натуры слабой, уснувшей, какъ Степа, одно простое вниманіе, слово ласковое освѣщаетъ, какъ огонь угасшую лампаду. Демикотоновый сюртукъ и болѣе ласковое обращеніе Никифора Ѳедоровича разбудили слабыя, спавшія силы души въ неоконченной организаціи Степана Мартыновича. Въ немъ оказались не только способности простаго учителя, но онъ оказался еще и латинистъ немалый. Хотя тоже въ родѣ автомата, но довольно внятно читалъ онъ для Никифора Ѳедоровича въ пасѣкѣ, подъ липою лежа, Тита Ливія.

По ходатайству Никифора Ѳедоровича, преосвященный Гедеонъ далъ ему стихарь и мѣсто дьячка при церкви св. Бориса и Глѣба, что противъ хутора. Съ тѣхъ поръ Степанъ Мартыновичъ зажилъ паномъ и до того дошелъ, что кромѣ юфтовыхъ сапоговъ, никакихъ не носилъ; въ домѣ же Никифора Ѳедоровича онъ сдѣлался необходимымъ членомъ, такъ что безъ него въ домѣ какъ-будто чего недоставало. Правда, что въ немъ остроты и бойкости мало прибыло, но выраженіе лица совершенно измѣнилось: оно какъ-будто освѣжилось, успокоилось и сдѣлалось невыразимо добрымъ, такъ что, глядя на его лице, не замѣчаешь дисгармоніи линій, а любуешься только выраженіемъ.—Великое дѣло сдѣлалъ ты своимъ сюртукомъ и трема карбованцами, Никифоръ Ѳедоровичъ! Ты изъ идіота сдѣлалъ существо, если не высоко мыслящее, то глубоко чувствующее.

Зося и Ватя между тѣмъ учились и росли. А росли они, какъ сказочные богатыри, не по днямъ, а по часамъ, а учились они

тоже богатырски. Но тутъ нужно принять въ соображеніе учителя. Степанъ Мартыновичъ показывалъ имъ не по своему разумѣнію, а какъ напечатано, и самъ себѣ говорилъ иногда: «не я буду виноватъ, не я его печаталъ». На тринадцатомъ году это были взрослые мальчики, которымъ можно было дать, по крайней мѣрѣ, лѣтъ пятнадцать, и такъ между собой похожи другъ на друга, что только одна Парасковья Тарасовна могла различить ихъ. Это сходство не ограничивалось одною наружностью: они походили другъ на друга всѣмъ существомъ своимъ: напримѣръ, Ватя хотѣлъ учиться, и Зося тоже; Зося хотѣлъ гулять, и Ватя тоже. Всѣ, кто посѣщалъ хуторъ сотника Сокиры, не говоря уже о Карлѣ Осиповичѣ, всѣ были въ восторгѣ отъ дѣтей, а о Никифорѣ Ѳедоровичѣ и Парасковіи Тарасовнѣ и говорить нечего.

Однажды вечеромъ нечаянно пріѣхалъ на хуторъ Карлъ Осиповичъ и засталъ хозяевъ чуть не въ дракѣ.

— Ну, та нехай, нехай, нехай уже буде по твоему, говорилъ скороговоркою Никифоръ Ѳедоровичъ: выбирай, якого сама знаешъ.

— Нѣтъ, вы выбирайте: я ничего не знаю, я имъ просто чужая.

Въ это время вошелъ въ комнату Карлъ Осиповичъ, и Парасковья Тарасовна обратилась къ нему.

— Вотъ, вотъ пускай хоть они насъ раздѣлятъ.

— Вы до сихъ поръ не дѣлились: чѣмъ же вы вздумали теперь дѣлиться, скажите? проговорилъ Карлъ Осиповичъ, ставя въ уголъ свою палку и шапку.

— А вотъ чѣмъ, Карлъ Осиповичъ. Мы уже порѣшили, говорила Парасковія Тарасовна. чтобы одного нашего сына опредѣлить въ военную службу, а другаго въ штатскую, такъ теперь не раздѣлимъ, кого куда.

— Обоихъ по штатской, но сначала нужно ихъ чему-нубудь научить.

— И я такъ говорю, проговорилъ спокойно Никифоръ Ѳедоровичъ.

— Господи! Выростутъ, такъ и научатся. Отецъ Лука и теперь не надивуется ихъ познаніямъ. Да теперь же имъ скоро по четырнадцатому году пойдетъ, нужно думать что-нибудь.

— Я думаю сдѣлать изъ нихъ пока хорошихъ семинаристовъ.

— А я офицеровъ.

— Быть по твоему: дѣлай себѣ офицера, а я пока семинариста. Теперь, значитъ, дѣло стало за тѣмъ, кому быть семинаристомъ, кому офицеромъ. Пускай-же рѣшитъ судьба: кинемъ жребій, а вы будьте свидѣтелемъ, Карлъ Осиповичъ.

Кинули жребій и по жребію выпало: Зосиму быть офицеромъ, а Саватію семинаристомъ.

Съ того вечера Парасковья Тарасовна какъ-будто стала предпочитать Зосю Ватѣ, разумѣется. въ мелочахъ. Однако эти мелочи замѣтилъ Степанъ Мартыновичъ и говорилъ однажды въ пасѣкѣ послѣ чтенія Тита Ливія, что это нехорошо, что одной матери дѣти, что должно быть все равно. Онъ говорилъ это про себя, а Никифоръ Ѳедоровичъ слышалъ про себя и горько улыбнулся.

Черезъ годъ послѣ этого происшествія рѣшено было общимъ совѣтомъ везти Зосю въ Полтаву въ кадетскій корпусъ, а Ватю опредѣлить въ гимназію въ той же Полтавѣ. Сказано—сдѣлано.

Въ одно прекрасное утро, т. е. часу около десятаго изъ хутора выѣхала туго нагруженная бричка, такъ туго, что четверка здоровыхъ лошадей едва ее двигала. За бричкою ѣхала простая телѣга одноконно, нагруженная и покрытая воловьей шкурой по чумацки. Это были запасныя харчи. Впередъ-же на своей бѣдѣ рысцею поѣхалъ въ городъ Карлъ Осиповичъ, чтобы прилично встрѣтить дорогихъ гостей на порогѣ своего дома. Сзади-же транспорта шагалъ, какъ бы конвоируя его, Степанъ Мартыновичъ и говорилъ про себя: «напрасно, напрасно, ей-Богу! лучше бы въ семинарію. И я могъ бы быть полезенъ, а для ихъ пользы я готовъ снова поступить въ семинарію».—Такъ разсуждая, Степанъ Мартыновичъ наткнулся на телѣгу съ харчами и тогда только ясно увидѣлъ, что не одна телѣга, но и бричка тоже остановилась передъ домомъ Карла Осиповича. У стараго холостяка еще разъ закусили, чѣмъ Богъ послалъ у старца въ келіи, а для аппетита Никифоръ Ѳедоровичъ долженъ былъ испить рюмку водки съ гофманскими каплями. Послѣ закуски простились и начали грузиться въ бричку, причемъ Карлъ Осиповичъ не забылъ Зосѣ и Ватѣ сунуть въ карманъ по коробочкѣ мятныхъ лепешекъ. Транспортъ тронулся и скрылся за угломъ. Карлъ Осиповичъ и Степанъ Мартыновичъ тоже разстались. Карлъ Осиповичъ остался дома, потому что нужно было рецепты отпустить, а Степанъ Мартыновичъ пошелъ на хуторъ, потому что

онъ теперь на хуторѣ полновластный владыка. Но владычество свое, кромѣ ключей отъ коморы, онъ готовъ передать Маринѣ и, какъ во дни оны феодальный дукатъ[1]) какой нибудь, готовъ былъ пѣшкомъ путешествовать не въ Палестину, разумѣется, а только въ Полтаву, того ради, чтобы если нельзя будетъ лично присутствовать при пріемномъ экзаменѣ, то хоть стороною нельзя ли будетъ оказать какое нибудь вліяніе на это дѣло, такъ близко касающееся его благороднаго сердца. Придя на хуторъ, онъ сказалъ Маринѣ: «благодушная Марино! я пойду въ Андруши: преосвященный пріѣхалъ и присылалъ за мною, есть дѣла, такъ ты не отлучайся изъ дому, а если я тамъ заночую, такъ это ничего, ты не безпокойся: все будетъ благополучно», и, не давши времени сдѣлать какое-либо возраженіе благодушной Маринѣ, сказалъ: «прощайте»! и вышелъ за ворота. Проходя черезъ городъ, онъ вспомнилъ, что съ нимъ не было ни копѣйки денегъ; для этого онъ снова воротился на хуторъ, взялъ карбованецъ денегъ и повторилъ наставленія Маринѣ, съ прибавленіемъ, что если онъ и другую ночь заночуетъ въ Андрушахъ, такъ чтобы она не безпокоилась. Сказалъ и ушелъ.

Если Никифоръ Ѳедоровичъ воображаетъ, что его вѣрный Степа лежитъ теперь подъ липою въ пасѣкѣ и читаетъ вслухъ Тита Ливія, то онъ сильно ошибается. Степанъ Мартыновичъ забылъ все на свѣтѣ, кромѣ вступительнаго экзамена своихъ питомцевъ. Онъ удвоеннымъ шагомъ мѣряетъ пирятинскую дорогу. Въ Яготинѣ онъ подночевалъ и, вставши на зарѣ, къ поздней обѣдни былъ уже въ Пирятинѣ. Пообѣдавши кускомъ хлѣба и таранью и отдохнувши немного подъ церковной оградой, онъ бодро пустился въ путь и слушалъ всенощное бдѣніе въ лубенскомъ монастырѣ передъ ракою св. Аѳанасія патріарха александрійскаго. Переночевавъ въ страннопріимной обители, онъ тутъ выслушалъ отъ какого-то переходящаго богомольца легенду объ успеніи св. Аѳанасія въ сидячемъ положеніи и о томъ, что дочери лютого Іереміи Вишневецкаго—Корибута снился сонъ, что она была въ раю и ее оттуда вывели ангелы, говоря, что если она своимъ коштомъ выстроитъ храмъ Божій въ дебряхъ своихъ близъ города Лубенъ, то поселится уже на вѣки вѣчные въ раю. Она и соорудила храмъ сей. Тутъ

[1]) Вмѣсто зачеркнутаго *князь*.

только разсказчикъ замѣтилъ, что его слушатель давно уже играетъ на волторнѣ, и разсказчикъ не замедлилъ слушателю вторить, взявши октавою ниже, изъ чего и вышелъ преизрядный дуэтъ.

Рано утромъ мой пилигримъ вышелъ за Сулу и пустился черезъ знаменитое урочище N прямо въ Богачку, только воды напился около корчмы, что на Ромодановскомъ шляху. Отдохнувши въ Богачкѣ у страннопріимной старушки Маріи Ивановны, онъ вечеромъ уже отдыхалъ подъ горою у переправы черезъ Пселъ, что въ мѣстечкѣ Бѣлоцерковкѣ. Тутъ еще на паромѣ какой-то острякъ паромщикъ спросилъ его: «а что, я думаю, въ Іерусалимъ правуете, странниче? Зашли-бъ до нашей пани Базилевской, та попросили-бъ на ладанъ: вона богобоязненна пани, може ще й нагодуе васъ борщемъ та рыбою изъ Псела». Степанъ Мартыновичъ какъ бы не слыхалъ сарказма паромщика; отдохнувши во время переправы, онъ помолясь Богу, пустился въ путь и въ полночь очутился близь Решетиловки; но что-бы не приняли его за вора, разсудилъ отдохнуть подъ вербою. Купивъ бубличковъ на базарѣ за три шаги и скупавшись въ рѣчкѣ, онъ пустился въ путь, пожевывая бублики, и не отдыхалъ уже до самой Полтавы.

А Никифоръ Ѳеодоровичъ, путешествуя, что называется по хозяйски, не въ ущербъ себѣ и конямъ, на другой день оставивши Яготинъ или лучше Гришковську корчму, не доѣзжая Яготина, оставилъ пирятинскую дорогу влѣво и поѣхалъ гетманскимъ шляхомъ черезъ Ковалевку, въ Свѣчкино урочище, чтобы навѣстить при такомъ удобномъ случаѣ своего друга и сына своего благодѣтеля, полковника Свѣчки, Льва Николаевича Свѣчку, или, какъ онъ называлъ себя, огарокъ, потому что свѣчка сгорѣла на кіевскихъ контрактахъ. Объ этихъ знаменитыхъ контрактахъ я слышалъ отъ самаго Льва Николаевича вотъ что: покойному отцу его (думать надо съ великаго перепоя) пришла мудрая мысль выкинуть такую штуку, какой не выкидывалъ и знаменитый пьяница К. Радзивилъ. Вотъ онъ, начинивши вализы ассигнаціями, поѣхалъ въ Кіевъ и передъ съѣздомъ на контракты скупилъ въ Кіевѣ все шампанское вино, такъ что, когда начались балы во время контрактовъ, хвать!—ни одной бутылки шампанскаго въ погребахъ.—Гдѣ дѣвалось? спрашиваютъ.—У полковника Свѣчки, говорятъ. Къ Свѣчкѣ; а онъ не продаетъ. «Пыйте такъ», говоритъ, «хоть купайтесь у ёму, а на

продажъ нема». Нашлися люди добрые и такъ выпили. Послѣ этой штуки Свѣчкино городище и прочее добро вокругъ Пирятина начало таять, аки воскъ отъ лица огня Поэтому-то наслѣдникъ его справедливо называлъ себя огаркомъ.

Прогостивши денька два въ Городищѣ, они на третій день двинулись въ путь и къ вечеру благополучно прибыли въ Лубны. Такъ какъ въ Лубнахъ знакомыхъ близкихъ не было, то они, отслуживъ въ монастырѣ молебенъ угоднику Аѳанасію, отправились далѣе. Хотѣлось было Никифору Ѳедоровичу проѣхать на Миргородъ, что-бы поклониться праху славнаго козака-вельможи Трощинскаго, но Парасковья Тарасовна воспротивилась, а онъ не охотникъ былъ переспаривать. Такъ они уже, не заѣзжая никуда, черезъ недѣлю прибыли благополучно въ Полтаву.

А тѣмъ временемъ нашъ дьячекъ-педагогъ обдѣлалъ всѣ критическія дѣла въ пользу своихъ питомцевъ, самъ того не подозрѣвая.

Въ самый день прибытія своего въ Полтаву, онъ отправился въ гимназію; къ кадетскому корпусу онъ боялся и подойти близко, говоря: «все москали, може ще й застрелять». Узнавши отъ швейцара, гдѣ жительствуетъ ихъ главный начальникъ (швейцаръ показалъ ему маленькій домикъ на горѣ противъ собора; тамъ, говоритъ, живетъ нашъ начальникъ), Степанъ Мартыновичъ, сказавъ: «благодарю за наставленіе», отправился къ показанному домику. У воротъ встрѣтилъ его высокій худощавый старичекъ въ бѣломъ полотняномъ халатѣ и въ соломенной простой крестьянской шляпѣ и спросилъ его.

— Кого вы шукаете?

— Я шукаю попечителя.

— На що вамъ ёго?

— А хочу ёго просыть, що якъ буде Саватій Сокира держать экзаменъ въ гимназіи, то что-бъ попечитель не оставилъ его.

— А Саватій Сокира хиба ридня вамъ? спросилъ старичекъ, улыбаясь.

— Не родня, а только мой ученикъ. Я для того и въ Полтаву пришелъ изъ П—а, чтобы помочь ему сдать экзаменъ.

Такая заботливость о своемъ ученикѣ понравилась автору перелицованной Энеиды, ибо это былъ не кто другой, какъ Иванъ Петровичъ Котляревскій. Любящему все благородное, въ какомъ бы об-

разѣ оно ни являлось, автору знаменитой пародіи сильно понравился мой добрый оригиналъ. Онъ попросилъ къ себѣ въ хату Степана Мартыновича и, что-бъ не показать ему, что онъ самый попечитель и есть, провелъ его въ кухню и посадилъ на лаву, а на другой, въ концѣ стола, самъ сѣлъ и молча любовался профилью Степана Мартыновича. А Степанъ Мартыновичъ читалъ между тѣмъ церковными буквами вырѣзанную на сволокѣ надпись: «домъ сей сооруженъ рабомъ Божіимъ №, року Божого 1710». Иванъ Петровичъ велѣлъ своей старой и единственной прислужницѣ подавать обѣдъ здѣсь же въ кухнѣ. Обѣдъ былъ поданъ. Онъ попросилъ Степана Мартыновича раздѣлить съ нимъ его убогую трапезу, на что тотъ безцеремонно и согласился, тѣмъ болѣе, что послѣ решетиловскихъ бубликовъ со вчерашняго дня ничего не ѣлъ.

Поѣвъ борщу съ сушеными карасями, Степанъ Мартыновичъ сказалъ: «хорошій борщикъ!»

— Насыпъ, Гапко, ще борщу! сказалъ Иванъ Петровичъ, и Гапка исполнила.

Степанъ Мартыновичъ принялся снова за борщъ и послѣ долгаго молчанія проговорилъ:

— Я думаю еще просить попечителя о другомъ моемъ ученикѣ, тоже Сокирѣ, только Зосимѣ.

— Просите и дастся вамъ, сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Зосимъ Сокира будетъ держать экзаменъ въ кадетскій корпусъ, такъ не поможетъ ли онъ ему бѣдному?

— Я хорошо знаю, что поможетъ.

— Такъ попросите его, будьте ласковы.

— Попрошу, попрошу. Се дило таке, що зробыть можно, а винъ хочъ не дуже мудрый, та дуже не лукавый.

Степанъ Мартыновичъ въ это время вывязалъ изъ клѣтчатаго платочка деньги, выбралъ изъ мелочи гривенникъ и сунулъ въ руку Ивану Петровичу, говоря шопотомъ: «здасця на бублычки».

— Ни, спасиби вамъ, не турбуйтесь!—сказалъ попечитель.

Степанъ Мартыновичъ, видя, что гривенника его не хотятъ, завязалъ его снова въ платочекъ, повторилъ еще два раза свою просьбу и, получа въ десятый разъ увѣреніе въ исполненіи ея, взялъ свой посохъ и бриль, простился съ Иваномъ Петровичемъ и Гапкою и вышелъ изъ хаты. Иванъ Петровичъ, провожая его, сказалъ:

— Чи не доведетця ще разъ бути въ нашихъ мистяхъ, то не цурайтеся насъ.

— Добре, спасиби вамъ, сказалъ Степанъ Мартыновичъ и пошелъ черезъ площадь къ дому Лукьяновича, чтобы оттуда лучше посмотрѣть на монастырь да, помолясь Богу, и въ путь. Долго смотрѣлъ онъ на монастырь и его чудныя окрестности; потомъ посмотрѣлъ на солнце и, махнувъ рукою, пошелъ по тропинкѣ въ яръ съ намѣреніемъ побывать въ святой обители; но какъ тропинокъ, ведущихъ къ монастырю, было много, то онъ, спустясь съ горы, призадумался, которую-бы изъ нихъ выбрать самую близкую, и выбралъ, разумѣется, самую дальнюю, но широкую. Своротя вправо на избранный путь, онъ вскорѣ очутился на убитой колесами неширокой дорогѣ, вьющейся по зеленому лугу между старыми вербами и ведущей тоже къ монастырю. Пройдя шаговъ нѣсколько, онъ увидѣлъ сквозь темныя вѣтки осокора тихій, блестящій заливъ Ворсклы. Дорожка, обогнувши заливъ, вилась подъ-гору и терялась въ зелени. Вокругъ него было такъ тихо, такъ тихо, что герой мой начиналъ потрухивать. Вдругъ среди мертвой тишины раздался звучный живой голосъ, и звуки его полные, мягкіе какъ-бы разстилались по широкому заливу. Степанъ Мартыновичъ остановился въ изумленіи, а невидимый человѣкъ не переставалъ пѣть. Степанъ Мартыновичъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ, и уже можно было разслушать слова волшебной пѣсни:

Та яромъ, яромъ
За товаромъ,
Манивцями
За вивцями.

Вслушиваясь въ пѣсню, онъ незамѣтно обогнулъ заливъ и, обойдя группу старыхъ вербъ, очутился передъ бѣлою хаткою, полускрытой вербами. На одной изъ вербъ была прибита дощечка, а на дощечкѣ намалевано бѣлой краской пляшка и чарка; подъ тою же вербою лежалъ въ тѣни человѣкъ и продолжалъ пѣть:

Та до порога головами,
Вставай рано за волами!

А около пѣвца стояла осьмиугольная фляга, похожая на русскій штофъ, съ водкою на донышкѣ, а въ травѣ валялись зеленые огурцы. Пѣвецъ кончилъ пѣсню и, приподымаясь, проговорилъ:

— Теперъ, Овраме, випый по трудахъ.

И взявши флягу въ руку, онъ посмотрѣлъ на свѣтъ, много ли еще осталось въ ней духа свѣта и духа разума.

— Эге-ге, лиха година! що-жъ мы будемо робить, Овраме? не повна, анафема! произнесъ онъ и при этомъ кисло посмотрѣлъ на хатку. Лице его мгновенно измѣнилось. Онъ бросилъ штофъ и вскрикнулъ: «пожаръ въ сапогахъ!» Степанъ Мартыновичъ вздрогнулъ при этомъ восклицаніи и всталъ съ «призьбы», гдѣ онъ расположился было отдохнуть.

— Пожаръ въ сапогахъ! Пожаръ въ сапогахъ! повторялъ пѣвецъ, обнимая изумленнаго Степана Мартыновича; потомъ отошелъ отъ него шага на три, посмотрѣлъ на него и сказалъ рѣшительно:

— Никто же иной, какъ онъ. Онъ,—пожаръ въ сапогахъ, и, пожимая его руки, спросилъ:

— Куда жъ тебе оце несе? чи не до владыки часомъ? Якъ що такъ, то я тоби скажу, що ты безъ мене ничого не зробишъ, а купишъ кварту горилки, гору переверну, не тилько владыку.

И дѣйствительно, говорившій былъ похожъ на древняго Горыню: молодой, огромнаго роста, а на широкихъ плечахъ вмѣсто головы сидѣлъ ёжъ; изъ пазухи выглядывалъ тоже чорный полугодовалый поросенокъ.

— Такъ? Кажи!

— Я не до владыки, я такъ соби,—отвѣчалъ смущенный Степанъ Мартыновичъ.

— Дурень, дурень: за кварту смердячои горилки не хоче рукоположиться во дьякона. Ей-Богу, рукоположу: я великою силою орудую у владыки.

— Такъ якъ же я безъ харчи до П—ва дойду?

— Дойду, дойду, дурню! Та я тебе въ одинъ день по пошти домчу.

Степанъ Мартыновичъ началъ развязывать платокъ, а пѣвчій (это былъ дѣйствительно архіерейскій пѣвчій) радостно воскликнулъ:

— Анаѳема! шинкарко, задрипко, горилки! кварту, дви, три... видро! Проклята утроба!

Степанъ Мартыновичъ, смиренно подавая гривенникъ, который возвратилъ ему Иванъ Петровичъ, сказалъ, что деньги всѣ тутъ.

— Тсссъ! Я такъ тилько, щобъ налякать іи анаѳему.

Водка явилась подъ вербою, и пріятели расположились около малёваной пляшки. Пѣвчій выпилъ стаканъ и налилъ моему герою. Тотъ началъ было отказываться, но богатырь-басъ такъ на него посмотрѣлъ, что онъ протянулъ дрожащую руку къ стакану.

— А еще и дякъ! проговорилъ пѣвчій и, принявъ пустой стаканъ отъ Степана Мартыновича, налилъ снова и посекундачилъ, т. е. повторилъ, обтеръ рукавомъ толстыя свои губы и потомъ заревѣлъ:

— Благослови, владыко!...

Степанъ Мартыновичъ изумился чистотѣ и огромности его прекраснаго голоса, а онъ, замѣтя это, взялъ еще ниже:

— Миромъ Господу помолимся!..

— Теперъ можна для гласу...

И онъ выпилъ третій стаканъ и сморщась, молча показалъ пальцемъ на флягу. Степанъ Мартыновичъ не безъ изумленія замѣтилъ, что фляга была почти пуста, и отрицательно помахалъ головой.

— Роби, якъ самъ знаешь, а мы тымъ часомъ.... замѣтилъ на это басъ и, крякнувши, затянулъ:

Ой ишовъ чумакъ зъ Дону...

А когда запѣлъ:

Ой доле, моя доле,
Чомъ ты не такая,
Якъ инша, чужая?

изъ маленькихъ очей Степана Мартыновича покатились крупныя слезы. Пѣвецъ, замѣтя это и чтобы утѣшить растроганнаго слушателя, запѣлъ, прищелкивая пальцемъ:

У недилю рано въ ранци
Ишли наши новобранци,
А шинкарка на ихъ моргъ:
Иду, братики, на торгъ!

Кончивъ куплетъ, пѣвецъ выпилъ остальную водку, взглянулъ на собесѣдника и выразительно показалъ на шинкъ. Безмолвно взялъ флягу Степанъ Мартыновичъ и пошелъ еще за квартою, а входя въ шинкъ, проговорилъ:

— Пошлетъ же Богъ такой ангельскій гласъ недостойному рабу своему.

И пока шинкарка дѣлала свое дѣло, онъ спросилъ ее:

— Кто сей, съ которымъ возлежу?

— Се басъ изъ монастыря, отвѣтила она.

— Божескій басъ, проговорилъ Степанъ Мартыновичъ.

— Якъ бы не басъ, то-бъ свиней пасъ. Пьяниця непросыпуща, замѣтила шинкарка.

— Оно такъ; но, жено, басы такіи и повинны быть.

— А вы тоже басъ? спросила шинкарка.

— Нѣтъ, я не владѣю ни единымъ гласомъ.

— И добре робите, що не владѣете.

Черезъ полчаса явился опять въ шинокъ съ пустой флягой Степанъ Мартыновичъ, и шинкарка, наполняя ее, сказала про себя: «отъ пьють, такъ пьють»! Возвратясь подъ вербу, онъ поставилъ флягу около баса, а самъ легъ на травѣ вверхъ брюхомъ, подражая вдохновенному басу. Басъ же, не говоря ни слова, налилъ стаканъ водки и вылилъ ее въ свою разверзстую пасть, потомъ пощупалъ траву около половинки огурца и, поднеся пустые пальцы ко рту, пробормоталъ: Да воскреснетъ Богъ! а обратясь къ Степану Мартыновичу, сказалъ почти повелительно:

— Дерзай!.. И Степанъ Мартыновичъ дерзнулъ. Басъ и себѣ дерзнулъ и уже не искалъ закуски, а только щелкалъ языкомъ, говоря про себя:

— Эхъ, якъ бы теперъ отецъ Меѳодій! отъ басъ—такъ басъ! А все таки мене не перепье!

Выпилъ пѣвчій еще стаканъ. Фляга опять была пуста. Онъ посмотрѣлъ на Степана Мартыновича и показалъ на шинкъ. Но Степанъ Мартыновичъ побожился, что у него ни полпенязя въ кишени. Тогда басъ бросился на него и, схватя его за руку, вскрикнулъ.

— Брешешъ, душегубецъ, бродяга! Ты церкву свою покинувъ безъ спросу владыки и блукаешъ теперъ по дебряхъ, та добрыхъ людей грабишъ. Давай кварту, а то тутъ тоби й аминь!

— Поставлю, поставлю, отпусти только душу на покаяніе, говорилъ запинаясь Степанъ Мартыновичъ.

— Басъ, выпуская его изъ рукъ, лаконически сказалъ:

— Иди и неси!

— Степанъ Мартыновичъ схватилъ флягу, бросился въ шинокъ и почти съ плачемъ обратился къ шинкаркѣ.

— Благолѣнная и благодушная жено! (онъ сильно разсчитывалъ на комплиментъ и на на текстъ тоже) изыми мя отъ устъ львóвыхъ и избави мя отъ рукъ грѣшника, поборгуй хотя малую полкварты горилки.

— А дзусъ вамъ, пьяныци! сказала локонически шинкарка и затворила дверь.

Вотъ тебѣ и «поборгувала»! Выходитъ, что комплименты не одинаково дѣйствуютъ на прекрасный полъ. Ошеломленный такою выходкою благолѣнной жены, Степанъ Мартыновичъ долго не могъ опомниться и, придя въ себя, долго еще стоялъ и думалъ о томъ, какъ ему теперь спастися отъ руки грѣшничи. Самое лучшее, что онъ придумалъ, упасть къ ногамъ баса и возложить упованіе на его милосердіе. Съ этою мыслію онъ подошелъ къ вербѣ, и о радость неизреченная! басъ раскинулся во всю свою высоту и широту подъ вербою и храпѣлъ такъ, что листья сыпались съ дерева, какъ отъ посвисту славнаго могучаго богатыря Соловья-разбойника.

Видя такой благой конецъ сей драматургіи, герой мой не медля «яхся бѣгу», глаголя: *стопы моя направи по словеси твоему*, *и да не обладаетъ мною всякое беззаконіе.*

Пройдя не далеко подъ гору, онъ свернулъ съ дорожки, прилегъ отдохнуть подъ густолиственной липой и вскорѣ захрапѣлъ не хуже всякаго баса.

Благовѣстъ къ вечернѣ разбудилъ моего героя. Проснувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ. Начиная перебирать происшествія цѣлаго дня, начиная со старичка въ бѣломъ халатѣ и брылѣ, онъ постепенно дошелъ до трагической сцены подъ вербою и благополучнаго ея конца. Тогда, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ всталъ и вышелъ на дорожку, а дорожка привела его къ самимъ стѣнамъ монастыря. Вечерня уже началась, уже читалъ чтецъ посреди церкви первую каѳизму, а клиръ пѣлъ: «работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ». Не малое же было его удивленіе, когда онъ въ числѣ клира, именно на правомъ клиросѣ, увидѣлъ своего богатыря баса. Какъ ни въ чемъ не бывало,

ревѣлъ онъ себѣ, спрятавъ небритый подбородокъ въ не туго повязанный галстухъ.

При выходѣ изъ церкви, басъ замѣтилъ своего *protegé* и далъ знакъ рукою, что-бъ онъ послѣдовалъ за нимъ.

— Ну что, если, Боже сохрани, опять туда? Погибъ я, подумалъ онъ и слѣдовалъ за басомъ, какъ агнецъ на закланіе.

Однако же этого не случилось вопреки опасеніямъ его. Они вошли въ огромную трапезу, гдѣ уже братія садилась трапезовать, а пѣвчіе садились за особенный столъ. Басъ указалъ мѣсто своему *protegé*. Въ трапезѣ было почти темно, и когда зажгли свѣточи, то, увидя среди себя моего героя, весь хоръ воскликнулъ: «пожаръ въ сапогахъ»!—Они всѣ знали его еще съ семинаріи.

Послѣ трапезы повели его въ свою общую келію и, узнавши, что онъ завтра намѣренъ принять обратный путь въ П., всѣ единогласно предложили ему мѣсто въ своемъ фургонѣ, объяснивъ ему, что завтра послѣ литургіи владыка отъѣзжаетъ въ Андруши и что они, его пѣвчіе, туда же ѣдутъ по почтѣ. Тутъ раздумывать было нечего, тѣмъ болѣе, что въ карманѣ у моего бѣднаго героя гуло.

На другой день, часу въ четвертомъ по полудни, фургонъ, начиненный пѣвчими, несся, вздымая пыль, по П—ской дорогѣ и, подъѣхавъ къ корчмѣ близъ хутора Абазы, остановился. Дисканты просили пить, а басы выпить. Герою моему тоже хотѣлось вылѣзть изъ фургона вмѣстѣ съ басами, и о ужасъ!—изъ корчмы въ окно выглядывала, какъ бы вы думали, кто? Сама Парасковья Тарасовна. Онъ повалился на дно фургона и молилъ дискантовъ накрыть его собою. Мальчуганы всѣ разомъ повалились на него и такъ накрыли, что онъ чуть было не задохся. Слава Богу, что басы не долго въ корчмѣ прохлаждались. Басы, учиня порядокъ и тишину въ фургонѣ, велѣли почтарю рушать, а сами громогласно запѣли: «о всепѣтая мати, а вси пивники въ хати»! Къ нимъ присоединили и свои ангельскіе голоса дисканты, и вышла пѣсня хоть куды.

Такъ весело и быстро продолжали они путь свой безъ всякихъ трагическихъ приключеній, кромѣ развѣ того, что въ Яготинѣ, въ трактирѣ басы общими силами поколотили перваго баса, покровителя Степана Мартыновича, за буйные поступки, а, потузивши,

связали ему руки и ноги туго и положили въ фургонъ и въ такомъ плачевномъ положеніи привезли въ П—ъ.

По прибытіи въ П. Степанъ Мартыновичъ поблагодарилъ хоръ за одолженіе и, простившись съ нимъ, зашелъ къ Карлу Осиповичу и попросилъ у него полкарбованца «для необходимаго дѣла». Получа желаемое, зашелъ онъ въ русскую лавку, купилъ зеленую хустку съ красными бортами и пошелъ на хуторъ, размышляя о своемъ странствованіи, исполненномъ такихъ, можно сказать, драматическихъ и поучительныхъ приключеній.

Подойдя къ самимъ воротамъ хутора, онъ не безъ изумленія услышалъ женскій голосъ, поющій:

За три шаги пивника продала,
За копійку дудника наняла,
Заграй мени, дуднику, на дуду,
Нехай свое лишенько забуду.

— Это Марина, это она, подумалъ Степанъ Мартыновичъ и вошелъ на дворъ. Войдя тихонько въ кухню, онъ остолбенѣлъ отъ соблазна и ужаса. Марина, пьяная Марина обнимала и цѣловала почтеннаго сѣдоусаго пасѣчника Корнія. Степанъ Мартыновичъ не могъ выговорить ни слова, только ахнулъ. Марина, отскочивши отъ пасѣчника, схватила его за полы и принялась плясать, припѣвая:

Ой мій чоловикъ
На Волощину втикъ,
А я цидъ продала,
Та музыки наняла.

— Марино, Марино! богомерзкая блуднице, растлѣнная, что ты робишъ? Схаменися!—говорилъ Степанъ Мартыновичъ. Но Марина не схаменулась и продолжала:

Ой заграйте мени,
Музыканты мои,
А я вамъ того дамъ,
Що вы зъ роду не бачили—и, гу!

и запѣла снова:

Упилася я,
Не за ваши я:

Въ мене курка неслася,
Я за яйця впилася.

— Цуръ тоби, отійди, сатано! вскрикнулъ Степанъ Мартыновичъ и, вырвавши полы изъ рукъ веселой Марины, побѣжалъ въ пасѣку. Найдя ее въ хорошемъ порядкѣ, онъ легъ подъ липою отдохнуть отъ треволненій.

— А можетъ быть они во время моего странствованія, думалъ онъ, уже и законнымъ бракомъ сочетались, а я поносилъ ее блудницею непотребною! и въ раскаяніи своемъ уснулъ и видѣлъ во снѣ бракосочетаніе Марины съ Корніемъ-пасѣчникомъ и что онъ былъ у сего послѣдняго старшимъ бояриномъ.

Солнце уже зашло, когда мой герой проснулся. Придя на хуторъ, онъ нашелъ ворота затворенными, а кухню растворенную и на полу спящую Марину, а пасѣчникъ Корній подъ лавою тоже храпѣлъ. Степанъ Мартыновичъ посмотрѣлъ на нихъ и сострадательно покачалъ головою; выходя же въ сѣни, сказалъ:

— А хустку все таки треба ей отдати: она женщина богобоязненная.

На другой день Степанъ Мартыновичъ отдалъ Маринѣ хустку и просилъ, чтобы она никому ни слова не говорила о его отсутствіи; а она просила его, чтобъ онъ тоже молчалъ о вчерашнемъ ея поведеніи. И они поклялись другъ другу хранить тайну.

По истеченіи пяти съ половиною седмицъ возвратилися, послѣ долгаго отсутствія, благополучно на свой хуторъ и Никифоръ Ѳедоровичъ и Парасковья Тарасовна. Радостно отворялъ имъ ворота Степанъ Мартыновичъ, высаживалъ изъ брички и вводилъ въ покои. Когда суматоха немного утихомирилась, а къ тому времени подъѣхалъ на своей бѣдѣ и Карлъ Осиповичъ, то уже передъ вечеромъ собралися всѣ четверо на ганку, и началось повѣствованіе о столь продолжительномъ странствованіи. Сначала взяла верхъ Парасковья Тарасовна, а потомъ уже Никифоръ Ѳедоровичъ. Парасковья Тарасовна начала такъ:

— Попрощавшись съ вами, Карлъ Осиповичъ, въ середу, а въ четвергъ рано мы были уже въ Яготинѣ. Пока Никифоръ Ѳедоровичъ закусывали, я съ дѣтьми вышла съ брички да и хожу себѣ по базару; только смотрю, на базарѣ стоитъ какой-то круглый будинокъ, и столбы кругомъ, кругомъ. Меня дѣти и спрашиваютъ: маменько, что это такое? Я и говорю: ей-Богу, не знаю, дѣточки.

Надо будетъ спросить кого нибудь.—Смотрю, на наше счастье идетъ какая то молодиця. Я и кричу ей: молодице! а йди, говорю, сюды. Она подошла. Скажи, голубко, что это у васъ тамъ на базарѣ стоитъ? Она и говоритъ: церковь. Церковь, думаю себѣ, чи не дурить вона насъ? Только, смотрю, и крестъ на верху, на круглой крышѣ Господи, думаю себѣ, ужъ я ли церквей въ Кіевѣ не видала, а такой, хоть побожиться, такъ, я думаю, и въ Ерусалимѣ нѣтъ. Изъ Яготина заѣхали мы въ Городище. Прекрасный человѣкъ этотъ Левъ Николаевичъ! А какія у него дѣточки, просто ангелы Божіи, особенно Наташа, особенно когда запоетъ, просто прелесть, да еще и пальчиками прищелкиваетъ. И такъ полюбили моего Зосю, что заплакали, когда прощалися. Были въ монастырѣ въ Лубнахъ, заказывали молебенъ св. Аѳанасію. Точно живой сидитъ, мой голубчикъ. Вотъ церковь, такъ церковь: хоть съ нашимъ Благовѣщеніемъ рядомъ поставить.

— Только не ставь рядомъ нашего новаго иконостаса, перебилъ ее Никифоръ Ѳедоровичъ.

— Ну, да ужъ я тамъ этого не знаю.—Въ Хоролѣ тоже ночевали; только я, признаться, его и не видѣла, какой онъ тамъ тотъ Хоролъ: проспала всю станцію, проснулась уже въ Вишнякахъ за Хороломъ; тамъ-то мы и ночевали, а не въ самомъ Хоролѣ. Село огромное, только такое убогое, что страхъ посмотрѣть. Помѣщикъ, говорятъ, пьяница непросыпуща, живетъ десь, Богъ его знаетъ, въ Москвѣ, говорили, или въ Петербургѣ, а управитель, что хочетъ, то и дѣлаетъ. Какъ бо его зовутъ, того помѣщика? Никифоръ Ѳедоровичъ! вы чи не припомните?

— N. сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ,—Оболенскій.

— Да, да N, такъ и есть, N. А церковь какая прекрасная вымурована за селомъ, какъ разъ противъ господскаго дома. Говорятъ, какая-то генеральша Пламенчиха вымуровала надъ гробомъ своего мужа,—праведная душа! Еще въ Бѣлоцерковкѣ тоже ночевали и переправлялись на паромѣ черезъ рѣку. Я, страхъ, боялася: паромъ маленькій, а бричка наша, слава Богу! Бѣлоцерковская пани, говорятъ, страшно богата, а ѣстъ только одну тарань, и то по скоромнымъ днямъ, а съ желѣзнаго сундуха съ червонцами никогда и не встаетъ и спитъ на немъ. Говорятъ, когда загорѣлся у нея магазинъ съ разнымъ домашнимъ добромъ,—говорятъ, полотна одного

«десятки» возовъ на сто было и можно было хоть половину спасти. Что-жъ вы думаете? не велѣла: раскрадутъ, говоритъ; лучше пускай сгоритъ. Тьфу какая скверная!

Въ Решетиловкѣ церквей съ десять, я думаю, будетъ и живутъ все козаки. Передъ самою Полтавою обѣдали въ корчмѣ, и только что легъ отдохнуть Никифоръ Өедороничъ, пріѣзжаютъ архіерейскіе пѣвчіе.

Степанъ Мартыновичъ завертѣлся на стулѣ.

— Входятъ въ корчму, и одинъ какъ заревѣлъ: шинкарко! горилки! я такъ и умерла со страху: отъ роду не слыхала такого страшнаго голоса. А собой высокій, здоровый и на головѣ волосы, какъ щетина, такъ и торчатъ.

А про самую Полтаву я и разсказать не умѣю. Разсказывайте уже вы Никифоръ Өедоровичъ.

Тоже явленіе необыкновенное: жена отказывается говорить въ пользу мужа.

— Хорошо, я уже все до конца доскажу, а вы тѣмъ часомъ похлопочите коло варениκивъ: Карлъ Осиповичъ и Степанъ Мартыновичъ, я думаю, не откажутся повечерять съ нами.

Оба слушателя въ знакъ согласія кивнули головами, а Парасковья Тарасовна встала и ушла въ комнаты.

— Да, началъ Никифоръ Өедоровичъ, благословеніе Господне не оставило таки нашихъ дѣточекъ. Я, правду сказать, никогда въ Полтавѣ не бывалъ и не имѣю тамъ никого знакомыхъ; только по слуху зналъ, что попечителемъ гимназіи нашъ знаменитый поэтъ Котляревскій. Я, узнавши его квартиру, отправился прямо къ нему. Представьте себѣ, что онъ живетъ въ домикѣ сто разъ хуже нашего, просто хата. А прислуги только и есть, что одна наймичка Гапка, да наймитъ Кирикъ. Самъ онъ меня встрѣтилъ, ввелъ въ хату, посадилъ съ собою рядомъ и началъ меня спрашивать, какое мое до него дѣло. Я ему сказалъ и прошу его помощи. Только онъ усмѣхнулся и спрашиваетъ: какъ ваша фамилія? — Я сказалъ: Сокира.—Сокира, Сокира, повторилъ онъ. У васъ двое дѣтей, Зосимъ и Саватій.

Степанъ Мартыновичъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, Никифоръ Өедоровичъ продолжалъ.

Одного вы хотите опредѣлить въ гимназію, а другаго въ кадетскій корпусъ?

— Такъ точно, говорю я, но спросить не посмѣлъ, откуда онъ все это знаетъ.

— Вы, кажется, удивляетесь, говоритъ онъ, что я знаю, какъ вашихъ дѣтей зовутъ.

— Не мало, говорю, удивляюсь.

— Слушайте, говоритъ, я разскажу вамъ исторію.

Степанъ Мартыновичъ задрожалъ отъ страха.

— Однажды я гуляю себѣ около своихъ воротъ, началъ было онъ разсказывать; только въ это время вошелъ высокій лакей и говоритъ, что княгиня Р. проситъ его къ себѣ на чай. Онъ сказалъ, что будетъ, а я, взявши шапку, хотѣлъ проститься и уйти, а онъ и говоритъ мнѣ:

— Не гнѣвайтесь на меня, зайдите завтра по утру, да приведите и козаковъ своихъ.

Степанъ Мартыновичъ вздохнулъ свободнѣе.

— Да что же торопиться? Время терпитъ, говоритъ; а исторія въ трехъ словахъ. Да, гуляю около воротъ, смотрю подходитъ ко мнѣ...

При этомъ словѣ Степанъ Мартыновичъ повалился въ ноги Никифору Өедоровичу и возопилъ:

— Пощадите мене, раба недостойнаго, я преступилъ вашу святую заповѣдь: я оставилъ вашъ домъ и бѣжалъ во слѣдъ вашъ въ Полтаву.

Никифоръ Өедоровичъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, цѣлуя Степана Мартыновича, поднялъ на ноги, усадилъ на стулъ и, когда тотъ успокоился, онъ разсказалъ всю исторію, какъ ему разсказывалъ самъ попечитель.

— Господи, прости меня окаяннаго! А я, недостойный отрѣшить ремень сапога его, я дерзнулъ, мало того, что сѣсть съ нимъ рядомѣ, но даже и трапезу раздѣлить и, паче еще, гривенникъ давалъ ему за протекцію моихъ любимыхъ учениковъ. О! прости, прости мене, Господи! Съ такимъ великимъ мужемъ, съ попечителемъ и рядомъ сидѣть, какъ съ своимъ братомъ! Охъ, ажъ страшно! Завтра же, завтра иду въ Полтаву и упаду ему въ ноги и скажу...

— Не ходите завтра, сказалъ Никифоръ Өедоровичъ, а на то лѣто поѣдемъ вмѣстѣ.

— Нѣтъ, не дождусь, умру до того лѣта, умру безъ покаянія. О! что я надѣлалъ?

— А вы надѣлали то, что черезъ васъ теперь дѣти наши приняты на казенный счетъ: одинъ въ гимназію, другой въ кадетскій корпусъ. Вы такъ полюбились Ивану Петровичу, что онъ мало того, что черезъ васъ опредѣлилъ нашихъ дѣтей, а еще посылаетъ вамъ въ подарокъ свою Энеиду съ собственноручнымъ надписаніемъ. И мнѣ тоже, дай Богъ ему здоровья, тоже подарилъ свою Энеиду и тоже съ собственноручной надписью. Пойдемъ же лучше въ хату: тутъ уже темно, а въ хатѣ я вамъ и книгу вручу и свою покажу.

Не описую вамъ восторга Степана Мартыновича, когда онъ собственными глазами увидѣлъ книгу и прочиталъ: «уваженія достойному С. М. Левицкому на память И. Котляревскій».

— И фамилію мою знаетъ! О, мужъ великій! и рыдая онъ цѣловалъ надпись.

Послѣ ужина Карлъ Осиповичъ уѣхалъ въ городъ, и на хуторѣ всѣ уснули, кромѣ Степана Мартыновича. Онъ, взявши свою книгу, на «човни» переправился черезъ Альту, пришелъ въ свою нетопленную школу и, зясвѣтя каганець, принялся читать Энеиду и прочиталъ ее до конца. Солнце уже высоко было, когда взошелъ къ нему въ школу Никифоръ Ѳедоровичъ, а каганець горѣлъ и Степанъ Мартыновичъ сидѣлъ за книгою.

— Добрый день, друже мой! сказалъ онъ, входя въ школу.

Степанъ Мартыновичъ поднялъ голову и тогда только увидѣлъ, что каганець напрасно горитъ.

— Добрый день, добрый день, Никифоръ Ѳедоровичъ! А я все прочитывалъ книгу. Неоцѣненная книга! Когда нибудь въ пасѣкѣ я вамъ ее вслухъ прочту. Чудная книга!

— Именно чудная! Вотъ въ чемъ моя рѣчь: что мы теперь, друже мой, будемъ дѣлать? Вѣдь мы теперь съ вами одинокіе! Учить вамъ некого, а мнѣ некого экзаменовать. Что мы будемъ теперь дѣлать?

— Я и самъ не знаю, сказалъ съ разстановкою Степанъ Мартыновичъ.

— Я думаю вотъ что. Возьмите у меня наборгъ десять или двадцать пней пчелъ и заведите себѣ пасѣку хоть тутъ около своей школы, да и пасичникуйте, а я тоже буду пасичникувать. А когда

Господь многомилостивый благословитъ ваше начинаніе, тогда возвратите мнѣ мои пчелы: а тимъ часомъ мы будемъ въ гости ходить одинъ къ другому. Согласны?

— Паче всякаго согласія.

— А коли такъ, то примите отъ меня и моей жены сей недостойный подарокъ за ваше безкорыстіе и истинно христіанскую любовь къ нашимъ бѣднымъ дѣтямъ.

И онъ вручилъ ему кусокъ гранатоваго сукна, промолвя:

— А за кравцемъ Беркомъ я послалъ уже въ городъ, шейте себѣ къ Покрову добрый сюртукъ и прочее.

Степанъ Мартыновичъ держалъ сукно въ рукахъ, смотрѣлъ на него и не могъ выговорить слова.

— На Покровъ какъ разъ будетъ шесть лѣтъ, какъ вы въ первый разъ явилися у меня въ домѣ.

Со слезами благодарности принялъ дорогой подарокъ Степанъ Мартыновичъ, и они вышли изъ школы. На хуторѣ встрѣтилъ ихъ Берко кравець съ треугольнымъ аршиномъ въ рукахъ. Снялъ онъ мѣрку съ Степана Мартыновича, при чемъ ему не разъ приходилось становиться на цыпочки, потому что онъ былъ непомѣрно не великъ ростомъ, а Степанъ Мартыновичъ непомѣрно великъ. Снявши мѣрку, онъ тутъ-же принялся кроить. На домъ кравцямъ не безопасно давать цѣликомъ такой дорогой матеріалъ: какъ разъ будешь безъ полы или безъ рукава. Парасковья Тарасовна тоже вышла посмотрѣть, какъ будутъ сюртукъ кроить, и тоже вынесла подарки не дешевые, якобы отъ дѣтей изъ Полтавы и, подавая ихъ Степану Мартыновичу, говорила:

— Вотъ этотъ черный платокъ шелковый для шеи Зося прислалъ вамъ, а это отъ Вати тоже шелковая дорогая матерія на жилетъ вамъ къ Покрову.

Принимая столь неоцѣнимые подарки, Степанъ Мартыновичъ говорилъ, рыдая отъ полноты сердечной:

— Что ти принесу, или что ти воздамъ?

Надо замѣтить, что Степанъ Мартыновичъ говорилъ на трехъ діалектахъ: чисто по русски и когда обстоятельства требовали, а иногда и безъ всякихъ обстоятельствъ, чисто по малорусски; въ положеніяхъ же патетическихъ—церковнымъ языкомъ и почти всегда текстами изъ священнаго писанія.

Пока онъ проливалъ слезы благодарности, Парасковья Тарасовна вынесла изъ комнаты два куска холста, говоря:

— А это будетъ вамъ на рубашки. Это уже отъ меня принять не откажитесь; сошьетъ же вамъ хоть и наша Марина, а мы ей дамо годовалую свинку за работу.

Степанъ Мартыновичъ былъ выше всякаго счастья. Закрывъ лицо руками, онъ безмолвно вышелъ на крыльцо, сѣлъ на ступеньку и рыдалъ, какъ маленькое дитя. Вскорѣ вышелъ и Никифоръ Ѳедоровичъ и, взявши его за руку, сказалъ:

— Мы вамъ думали сдѣлать доброе, а вы плачете. Не обижайте жъ насъ сирыхъ стариковъ, Степанъ Мартыновичъ!

— Я въ радости постель мою слезами моими омочу.

— Ну, такъ пойдемте въ пасѣку. Ляжьте тамъ хоть на моей постели, та й мочить ее, сколько угодно.

Степанъ Мартыновичъ всталъ и молча послѣдовалъ за Никифоромъ Ѳедоровичемъ. Придя въ пасѣку, Никифоръ Ѳедоровичъ вынулъ изъ кармана мѣлокъ и отмѣтилъ буквою Л десять ульевъ, говоря: «Боже, благослови ваше начинаніе», и прибавилъ, показывая на ульи:

— Примите въ свою собственность, Степанъ Мартыновичъ!

— Дайте мнѣ хоть духъ перевести. Вы меня умертвите вашими благодѣяніями, проговорилъ Степанъ Мартыновичъ.

Они сѣли подъ липою, и при семъ случаѣ Никифоръ Ѳедоровичъ прочиталъ изрядную лекцію о пчеловодствѣ, а въ заключеніе сказалъ:

— Трудолюбивѣйшая, Богу и человѣку угоднѣйшая изъ всѣхъ земнородныхъ тварей—это пчела, а заниматься ею и полезно и Богу не противно. Этотъ смиренный трудъ ограждаетъ васъ отъ всякаго нечистаго соприкосновенія съ корыстными людьми, а между тѣмъ ограждаетъ васъ и отъ гнетущей и унижающей человѣка нищеты. По моимъ долгимъ опытамъ и наблюденіямъ я дозналъ, что пчела требуетъ не только искуснаго человѣка, но еще крѣпкаго и праведнаго мужа. Вы же въ себѣ вмѣщаете всѣ сіи добродѣтели, и съ упованіемъ на Бога и святыхъ его угодниковъ Зосима и Саватія будетъ благословенно и преумноженно ваше начинаніе.

Степанъ Мартыновичъ въ благоговѣйномъ молчаніи слушалъ. Никифоръ Ѳедоровичъ продолжалъ:

— Нынѣшнее лѣто на исходѣ уже, слава Богу, сентябрь на дворѣ, слѣдовательно вамъ теперь нечего и думать пасѣку заводить, а вы уже начните съ будущей весны, а теперь только выберите для пасѣки мѣсто и обсадите его какими-нибудь деревьями, хоть липами, напримѣръ, а я, дасть Богъ, положивши пчелы зимовать въ погребъ, съѣзжу недѣли на двѣ, на три въ Батуринъ. Тамъ, около Батурина гдѣ-то живетъ нашъ великій пасѣчникъ Прокоповичъ. Послушаю его разумныхъ наставленій, потому что я теперь думаю исключительно заняться пасѣкой.

На другой или на третій день послѣ этой разумной бесѣды, по утру рано, ходилъ около своей школы Степанъ Мартыновичъ въ глубокой задумчивости съ «Энеидою» въ рукахъ. Онъ съ нею никогда не разлучался. Послѣ долгой думы онъ отправился на хуторъ и, увидя Никифора Өедоровича, также въ созерцаніи гуляющаго и тоже съ «Энеидою» въ рукахъ, послѣ пожеланія добраго дня сказалъ:

— Знаете, что я придумалъ?

— Не знаю, что вы придумали.

— Я придумалъ, по примѣру прочихъ дьячковъ, завести школу, т. е. набрать дѣтей и учить ихъ грамотѣ.

— Благословляю ваше намѣреніе и буду споспѣшествовать оному по мѣрѣ силъ моихъ, сказалъ Никифоръ Өедоровичъ и, помолчавши, прибавилъ: а пасѣки все-таки не оставляйте.

— Зачѣмъ же?... Пасѣка пасѣкою, а школа школою.

Получивъ такое лестное одобреніе своему предположенію, Степанъ Мартыновичъ, съ того же дня принялся хлопотать около своей школы: укрылъ ее новыми снопками, позвалъ двухъ молодицъ и велѣлъ вымазать внутри и снаружи бѣлою глиною, а самъ между тѣмъ недалеко отъ школы рылъ все небольшія ямки для деревьевъ безъ симметріи. Сосѣдки, глядя на всѣ его затѣи, не знали, что и думать про своего дьяка, и наконецъ общимъ голосомъ рѣшили, что дьякъ ихъ рѣшительно женится, но когда увидѣли его на Покровъ въ суконномъ гранатовомъ сюртукѣ, тогда въ одно слово сказали: на протопоповнѣ. Каково же было ихъ удивленіе, когда послѣ Покрова ихъ дьякъ пропалъ и пропадалъ недѣли съ три, а когда нашелся, то не одинъ уже, а съ четерьмя мальчиками—такъ лѣтъ отъ семи до десяти. Все это было для сосѣдокъ непроницае-

мою тайною, между тѣмъ какъ дѣло само по себѣ было очень просто. Степанъ Мартыновичъ побывалъ дома въ Глемязовѣ и привезъ съ собою двухъ маленькихъ братьевъ и двухъ племянниковъ—обучать ихъ грамотѣ на собственный коштъ. Фундаментъ школы былъ положенъ. Слава о педагогическомъ великомъ дарованіи Степана Мартыновича (разумѣется, не безъ участія Карла Осиповича) давно уже гремѣла и въ П—ѣ, и въ окрестностяхъ его и окончательно, была упрочена принятіемъ близнятъ Сокиры въ гимназію и въ корпусъ. При такихъ добрыхъ обстоятельствахъ къ Филипповкѣ школа его была полна учениками и въ изобиліи снабжена всѣмъ для существованія необходимымъ, а близъ его лежащій хуторъ (не Сокиры, а другого какого-то полупанка) съ десятью хатами былъ наполненъ маленькими постояльцами разныхъ званій. Дѣятельности Степана Мартыновича раскрылось широкое поле, и онъ былъ совершенно счастливъ.

Вскорѣ послѣ Николы возвратился Никифоръ Ѳедоровичъ изъ Батурина отъ Прокоповича и, къ немалому удивленію своему, увидѣлъ недалеко около школы порядочный кусокъ земли, усаженный фруктовыми деревьями, и въ нѣсколькихъ мѣстахъ кучи хворосту и кольевъ. То было приношеніе тароватыхъ отцевъ учениковъ его, по большей части Наумовскихъ и Березанскихъ козаковъ.

Наступила зима. Занесло снѣгомъ и хуторъ Никифора Ѳедоровича, и школу Степана Мартыновича, но между заметами снѣгу, между школою и хуторомъ, видны были сначала только формы огромныхъ ступеней Степана Мартыновича, а потомъ образовалась и утоптанная дорожка. Послѣ дневныхъ трудовъ Степана Мартыновичъ каждый вечеръ приходилъ на хуторъ, какъ говорилъ, почить отъ треволненія дневнаго. Приходу его всегда были рады, особенно Парасковья Тарасовна. И дѣйствительно было чему радоваться: въ подлунной не было другого человѣка, который бы съ такимъ, если не вниманіемъ, то по крайней мѣрѣ терпѣніемъ выслушивалъ въ сотый разъ повѣсть, съ одними и тѣми-же варіянтами, о странствованіи Парасковьи Тарасовны въ Полтаву и обратно. Прибавляла она иногда къ своему повѣствованію одинъ эпизодъ почти шепотомъ, иногда и по-громче, если видѣла, что Никифоръ Ѳедоровичъ занятъ чѣмъ-нибудь или просто читалъ лѣтопись Конисскаго. Тогда она почти воодушевлялась, разсказывая о томъ, какъ они, возвращаясь изъ Полтавы, пріѣхали къ Успенію въ Лубны въ самый раз-

валъ ярмарки и въ вечеру ходили въ театръ и видѣли тамъ, какъ представляли козака стихотворца. Тутъ она брала тономъ ниже и продолжала:

— Прелесть! просто прелесть! Настоящій офицеръ той козакъ стихотворецъ, а Маруся—барышня та й годи. Не налюбуюся, бывало; да къ тому еще какъ запоетъ:

Нуте, готовьте пляски, забавы....

ну, барышня, да и только, какъ будто вчера изъ Москвы пріѣхала, а какъ дойдетъ до словъ:

Ему Маруся на встрѣчу бѣжитъ,

да и пробѣжитъ немножко и ручки протянетъ, какъ будто до офицера... чи то до козака С., я не вытерплю, бывало, просто зарыдаю, такъ чувствительно.

— Что это тамъ такъ чувствительно? спроситъ бывало Никифоръ Ѳедоровичъ, когда разслышитъ.

— Я разсказываю, какъ мы въ Лубнахъ....

— Знаю, знаю. Козака или офицера стихотворца видѣли. Плюньте на эти разсказы, Степанъ Мартыновичъ, да садитесь поближе, я вамъ прочитаю, какъ ходили наши козаки на Ладожскій каналъ, та на Орель линію высыпать; а вы бы лучше сдѣлали, Парасковья Тарасовна, если-бы велѣли намъ чего-нибудь сварить повечерять.

Замѣтить надо, что Никифору Ѳедоровичу страшно не понравился знаменитый козакъ стихотворецъ. Онъ обыкновенно говорилъ, что это чепуха на двухъ языкахъ, и я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Никифора Ѳедоровича. Любопытно бы знать, что-бы онъ сказалъ, если-бы прочиталъ малороссійскую Сафо. Я думаю, что онъ выдумалъ бы какое-нибудь новое слово, потому что слово «чепуха» для нея слишкомъ слабо. Мнѣ кажется, никто такъ внимательно не изучилъ безтолковыхъ произведеній философа Сковороды, какъ кн. Ш. Въ малороссійскихъ произведеніяхъ почтеннѣйшаго князя со всѣми подробностями отразился идіотъ Сковорода, а почтеннѣйшая публика видитъ въ этихъ калѣкахъ настоящихъ малороссіянъ. Бѣдные земляки мои!... Положимъ, публика человѣкъ темный; ей про-

стительно, но великій грамматикъ нашъ Н. И. Гречъ въ своей «Исторіи русской словесности» находитъ въ нихъ, кромѣ высокихъ эстетическихъ достоинствъ, еще и историческій смыслъ. Онъ безъ всякихъ обиняковъ относитъ существованіе козака Климовскаго ко времени Петра I. Глубокое познаніе нашей исторіи!....

По прочтеніи эпизода изъ лѣтописи Конисскаго друзья повечеряли и разошлись.

Такъ, или почти такъ проходили длинные зимніе вечера. Иногда пріѣзжалъ и Карлъ Осиповичъ нанюхаться табаку изъ своей раковинной табакерки и уѣзжалъ не вечерявши, развѣ только иногда выпьетъ рюмочку «трохимовки» и закуситъ кусочкомъ бубличка, а иногда такъ и совсѣмъ не закуситъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(Продолженіе) [1]).

Кіево-печерская лавра изстари пользовалась особыми правами и преимуществами, измѣнившимися впослѣдствіи, имѣла свое особое управленіе и уставъ, удержавшіеся и доселѣ. Первоначально она называлась *печерскимъ монастыремъ*, и это названіе усвояется ей во всѣхъ лѣтописяхъ и древнихъ ея документахъ [2]). Сооттвѣтственно сему и настоятели ея назывались *игуменами* до начала XIV вѣка, кромѣ Акиндина 1-го († 1168 г.), Поликарпа († 1182 г.) и Василія († 1197 г.), которые называются игуменами и вмѣстѣ архимандритами. Но начиная съ Давида, по порядку 23-го настоятеля лавры, упоминаемаго въ 1377 г., всѣ они титуловались уже архимандритами. Право *ставропигіи*, или независимости отъ мѣстнаго епархіальнаго управленія испрошено печерскимъ монастыремъ у константинопольскаго патріарха Іереміи въ 1592 году, и если не задолго предъ симъ его архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ формально, гдѣ слѣдуетъ, заявлены были древніе документы, по которымъ будто-бы это право и самое названіе *лавры* и *архимандріи* даны были монастырю гораздо раньше, то самое происхожденіе этихъ документовъ подлежитъ большому сомнѣнію. По объясненію Хребтовича, они получены имъ въ засвидѣтельствованныхъ копіяхъ изъ архива константинополь-

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., августовск. кн., стр. 385—409.

[2]) Лаврою изывается печерскій монастырь только въ посланіи 1182 г. Кирилла Туровскаго къ кіевскому архимандриту Василію и въ сказаніи Симона Суздальскаго († 1226 г.) о созданіи печерской великой церкви.

ской патріархіи, въ замѣнъ подлинныхъ, которые, бывъ взяты имъ въ Варшаву на сеймъ въ 1590 г., сгорѣли въ пути, во время ночлега его въ г. Васильковѣ, въ тамошнемъ лаврскомъ замкѣ, отъ случившагося тамъ пожара. Въ числѣ полученныхъ этимъ путемъ документовъ значатся: 1) грамота князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, данная имъ печерскому монастырю, по завѣщанію отца его Юрія Долгорукого, въ 1159 году, которою онъ, надѣляя этотъ монастырь значительными угодіями, жалуетъ ему титулъ *лавры, архимандріи* и *ставропигіи*, съ изъятіемъ его изъ вѣдомства кіевскаго митрополита и софійскаго клироса, угрожая клятвою 318 отецъ, иже въ Никеѣ, за нарушеніе сего пожалованія, и 2) грамота константинопольскаго патріарха Максима 1481 г., которою онъ съ своей стороны угрожаетъ анаѳемой митрополиту кіевскому и софійскому клиру, если они будутъ вмѣшиваться въ дѣла печерскаго монастыря и простирать на него свою власть. Но, не говоря о томъ, что въ сохранившейся описи печерскаго монастыря 1554 г., въ которой поименованы всѣ его крѣпостные и другіе документы, названныя грамоты вовсе не упоминаются и значитъ не могли сгорѣть въ 1590 году, первая изъ этихъ грамотъ заключаетъ въ себѣ еше много историческихъ несообразностей. Такъ, князь Андрей Юрьевичъ Долгорукій въ этой грамотѣ называетъ себя правнукомъ не Всеволода, а Изяслава, говоритъ, что отецъ его Юрій, погребенный несомнѣнно у Спаса на Берестовѣ, погребенъ въ великой лаврской церкви у гроба препод. Ѳеодосія, что Кіевъ, которымъ онъ овладѣлъ только въ 1169 году, былъ его столицей въ 1159 году и что грамота эта дана по благословенію патріарха кѵра Сильвестра, тогда какъ въ 1159 г. патріархомъ константинопольскимъ былъ Лука Хризоверхъ; притомъ печерскому монастырю этою грамотою подчиняются такіе монастыри, которые тогда еще не существовали. Наконецъ нужно принять во вниманіе и то, что Андрей Боголюбскій никогда ие былъ великимъ кіевскимъ княземъ и памятенъ Кіеву только разореніемъ его.

Въ 1688 году, съ отчисленіемъ кіевской митрополіи изъ вѣдѣнія константинопольской патріархіи, изъята изъ ея вѣдѣнія и

кіево-печерская лавра и подчинена непосредственному вѣдѣнію московскаго патріарха. Вѣроятно тогда же, вмѣстѣ съ подтвержденіемъ права ставропигіи, священно-архимандриту кіево-печерской лавры дано первенство предъ всѣми русскими архимандритами и предоставлено имѣть служеніе въ своемъ монастырѣ и ношеніе священныхъ и монашескихъ одеждъ по обычаю древнему, съ тѣмъ однако, чтобы имя кіевскаго митрополита возносилось въ церковномъ пѣніи и на ектеніяхъ при богослуженіи, причемъ царскою и патріаршею грамотами подтверждено лаврѣ право имѣть типографію для печатанія богослужебныхъ и учительныхъ книгъ и право избранія архимандрита старцами и братіею по древнему обычаю, въ присутствіи свѣтскихъ чиновъ. Патріаршею грамотою 1689 года кіево-печерскій архимандритъ уволенъ отъ пріѣзда въ *софійскій соборъ къ молебнамъ* въ господскіе и въ богородичные дни и въ тезоименитства государей, а велѣно ему молебны тѣ пѣть въ лаврѣ. Особенныя преимущества, которыя священно-архимандритъ кіево-печерской лавры имѣлъ въ священнослуженіи, были слѣдующія: къ литургіи онъ выходилъ изъ келлій своихъ *со славою*, въ мантіи и съ патерицею, въ предшествіи священниковъ и діаконовъ; при входѣ въ церковь его встрѣчали со св. крестомъ и кадилами и при пѣніи *Достойно есть* онъ входилъ въ алтарь царскими вратами, въ мантіи и съ патерицей; при облаченіи къ священнослуженію возлагалъ на себя палицу, митру и панагію; во время служенія литургіи осѣнялъ дикиріями и трикиріями, на великомъ выходѣ принималъ св. дары на царскихъ вратахъ, не исходя изъ алтаря, причащалъ священниковъ и прочее дѣйствовалъ по чину архіерейскому. Когда и кѣмъ установленъ этотъ обрядъ служенія архимандритовъ кіево-печерской лавры и кѣмъ утвержденъ, отвѣта на запросъ св. синода въ 1749 году не могли дать. Впрочемъ употребленіе архимандритами сей лавры митры извѣстно гораздо раньше 1688 года, именно изъ постановленій московскаго собора 1674 года, когда митра составляла принадлежность только еще 4-хъ архимандритовъ въ Россіи: кіево-печерскаго, свято-троицкаго Сергіева монастыря, владимірскаго Христо-рождественскаго и новоспасскаго—московскаго. Но

какъ на востокѣ не въ обычаѣ предоставлять архимандритамъ какія либо отличія архіерейскаго служенія, то должно думать, что описанныя выше отличія даны архимандритамъ кіево-печерской лавры не константинопольскими патріархами, а московскими царями и московскими патріархами. Съ подчиненіемъ лавры кіевскому митрополиту въ качествѣ ея священно архимандрита въ 1786 году, всѣ эти привиллегіи потеряли свое значеніе для лавры.

Административная и духовно-судебная власть принадлежитъ въ кіево-печерской лаврѣ *духовному собору*, который состоитъ изъ старшихъ должностныхъ лицъ, называемыхъ *соборными старцами* и избираемыхъ въ числѣ 12-ти, или «колико потребно, изъ братіи для совѣтованія и управленія соборнѣ всѣми монастырскими дѣлами», какъ значится въ грамотѣ 1688 года патріарха Іоакима. Членами духовнаго собора состоятъ: 1) *казначей*, который принимаетъ, хранитъ и выдаетъ всѣ лаврскія суммы; 2) *экономъ*, имѣющій въ своемъ вѣдѣніи зданія лавры, ея угодья и все недвижимое имущество, а также вѣдающій всѣ постройки, починки и все лаврское внѣшнее хозяйство; 3) *келарь*, завѣдывающій продовольствіемъ монашествующихъ и ихъ трапезою; 4) *экклесіархъ*, вѣдѣнію котораго подлежатъ лаврскія церкви съ ризницей, утварью и библіотекой, равно порядокъ церковнаго звона и уставъ богослуженія; 5) *типографъ*, завѣдывающій типографіею, книжнымъ магазиномъ и всѣми матеріалами типографскими; 6) *благочинный*, надзирающій за поведеніемъ братіи и благочиніемъ; 7) *начальникъ Ближнихъ пещеръ* и 8) *начальникъ Дальнихъ пещеръ;* сверхъ того, членами духовнаго собора, считаются нѣсколько іеромонаховъ, которые не имѣютъ особыхъ начальственныхъ должностей. Старшее лице въ духовномъ соборѣ есть *намѣстникъ*, или вице-архимандритъ лавры, заступающій мѣсто священно-архимандрита. Всѣ эти лица въ своихъ должностяхъ утверждаются кіевскимъ митрополитомъ, за исключеніемъ намѣстника, который назначается святѣйшимъ синодомъ. Намѣстники лавры первоначально были въ санѣ іеромонаха, въ послѣдствіи имъ

данъ санъ архимандрита, съ присвоеніемъ лично степени настоятеля второклассного монастыря. Духовный соборъ съ консисторіями и прочими присутственными мѣстами сносится «отношеніями» и дѣйствуетъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ преосвященнаго кіевскаго митрополита, которому представляетъ на утвержденіе всѣ свои постановленія. До 1688 года соборъ лавры назывался капитулою и имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи, кромѣ лавры, и приходское духовенство церквей, находившихся въ бывшихъ лаврскихъ имѣніяхъ, относясь къ кіевскому митрополиту и другимъ мѣстнымъ преосвященнымъ только о посвященіи лицъ избранныхъ имъ въ св. санъ; но привиллегія эта отмѣнена указомъ св. синода 10 февраля 1769 года.

Въ предшествовавшее основанію кіево-печерскаго монастыря время, съ IV вѣка существовало уже нѣсколько монастырскихъ уставовъ, составленныхъ знаменитѣйшими отцами монашества; таковы: уставъ преподобнаго Пахомія († 348 г.), правила св. Василія Великаго († 379 г.), іерусалимскій уставъ Саввы освященнаго († 532 г.), константинопольскій св. Ѳеодора Студита († 826 г.) и аѳонскій, или уставъ св. горы—преподобнаго Аѳанасія († 980). Но въ лицѣ преподобнаго Антонія, отца иночествующихъ печерскаго монастыря, монашество пришло къ намъ безъ устава: преподобный Антоній принадлежалъ къ числу келліотовъ или особножителей и поселился въ пещерѣ, не имѣя намѣренія заводить монастырь; такимъ остался онъ и до конца своей жизни, пребывая въ затворѣ одинъ, безъ сожительствующей братіи. Собравшаяся въ пещерѣ преподобнаго Антонія братія первоначально, при игуменѣ Варлаамѣ, руководствовалась безъ сомнѣнія тѣми правилами и обычаями, которые вынесены были преподобнымъ Антоніемъ изъ Аѳонской горы и переданы имъ словесно Второй игуменъ печерскаго монастыря, преподобный Ѳеодосій, въ виду умножившагося числа братіи, позаботился дать ему письменный уставъ монашескаго житія. У прибывшаго въ Кіевъ изъ Константинополя съ митрополитомъ Георгіемъ греческаго монаха Михаила оказался списокъ *устава*

Студійскаго монастыря[1]), и этотъ-то уставъ преп. Өеодосій ввелъ въ своей обители, не безъ совѣта, вѣроятно, и благословенія самаго митрополита, котораго вѣдѣнію подлежали тогда печерскіе иноки. Полученный такимъ путемъ списокъ Студійскаго устава безъ сомнѣнія заключалъ въ себѣ не краткую его запись, сдѣланную первоначально въ самомъ студійскомъ монастырѣ, а полную его редакцію, которую далъ ей константинопольскій патріархъ Алексѣй и въ которой полно изложены были и уставъ богослуженія, и правила монашескаго житія. Руководствуясь этимъ уставомъ, преподобный Өеодосій «устави, по выраженію лѣтописца, въ монастыри своемъ, како пѣнья пѣти монастырская и поклонъ какъ держати и чтенья почитати, и стоянье въ церкви, и весь рядъ церковный, и на трапезѣ сѣданье, и что ясти въ кіе дни, все со уставленьемъ», а отъ его монастыря, по словамъ того же лѣтописца, «переяша и вси монастыреве уставъ; тѣмъ же и почтенъ есть монастырь печерскій старѣй всѣхъ«.

Студійскій уставъ, въ редакціи патріарха Алексѣя, опредѣлялъ весь строй жизни иноковъ и ихъ занятія, начиная съ одежды и пищи.

По правиламъ этого устава, «никто изъ монаховъ не долженъ носить одежды льняной или другой какой нибудь (тонкой), но только изъ шерсти, цвѣтомъ черную или красную, или такъ называемую сѣрую; всѣ одѣянія монаховъ должны быть худы, но чисты и никакъ не должны быть свѣтлыхъ цвѣтовъ или

---

[1]) Студійскій монастырь находился въ Константинополѣ. Основателемъ его былъ *Студій*, патрицій и консулъ, прибывшій изъ Рима въ Константинополь въ царствованіе Льва Великаго (457—474 г.). Здѣсь, на берегу Мраморнаго моря, онъ построилъ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи и, поселивъ при немъ монашествующихъ, положилъ тѣмъ начало монастырю, названному по его имени Во время иконоборства монастырь этотъ пріобрѣлъ большую извѣстность. Тогдашній игуменъ его, св. Өеодоръ, называемый Студитомъ, далъ ему уставъ, въ основу котораго легли правила св, Василія великаго. Болѣе полная запись этого устава сдѣлана константинопольскимъ патріархомъ *Алексѣемъ* (1025—1043 г.), бывшимъ монахомъ студійскаго монастыря. Студійскій уставъ держался у насъ, въ Россіи, до половины XIV вѣка и только съ этого времени началъ уступать іерусалимскому.

имѣть лоскъ, какъ нѣкоторые утѣшаются ярко-красными и лоснящимися одеждами, пагубно смѣшивая съ монашескою скромностію мірское тщеславіе; одежды великихъ схимниковъ должны имѣть иконныя изображенія, а одежды малосхимниковъ должны быть просты; зимою, подъ предлогомъ холода, монахи не должны надѣвать вдвойнѣ никакой одежды, а обычай дѣлать хитоны и мантіи изъ мѣховъ мы воспрещаемъ, ибо таковыя одежды опасны подражателямъ иноческаго житія; болѣе здоровые изъ монаховъ должны имѣть головы вовсе непокрытыми, по древнему отеческому преданію.

Каждый монахъ долженъ имѣть двѣ рубашки и два хитона, изъ которыхъ одинъ суконный, два кукуля, мантію малую для работъ и болѣе длинную для церкви; обувь—короткіе сапоги, большіе сапоги и башмаки; на постелѣ монахъ долженъ имѣть тростниковую рогожу и двѣ сукмянницы (сукон. одѣяла).

Съ наступленіемъ времени обѣда, по троекратномъ удареніи въ било, монахи идутъ въ трапезницу въ предшествіи дневнаго служащаго священника и за нимъ игумена; служащій священникъ благословляетъ столы. На игуменскій столъ подается лучшая пища и игуменъ сажаетъ за свой столъ братьевъ по своему усмотрѣнію. По окончаніи обѣда и питіи чаши, трапеза и чтеніе прекращается удареніемъ ложкой въ назначенное блюдо, собираются укрухи или остатки въ пустыя мисы. Въ заключеніе возглашается имя великое пресвятыя Тройцы, поются псалмы 121 и 83 и творится краткая молитва предъ главными вратами церкви. Дрова въ поварнѣ и хлѣбо-пекарнѣ ежедневно зажигаются отъ огня, износимаго пономаремъ изъ олтаря «отъ святаго свѣта свѣтильника».

Занятія монаховъ состоятъ въ молитвѣ церковной и келейной, чтеніи божественныхъ писаній и монастырскихъ работахъ.

Монахи не должны ходить другъ къ другу въ келью, а желающіе научиться церковнаго ученія учатся послѣ утрени въ трапезницѣ. Каждый монахъ долженъ знать псалтырь наизустъ. Въ домовыхъ работахъ монахи должны быть сами себѣ слугами и не смотрѣть на иныхъ руки; въ работахъ

общихъ распредѣляются на три смѣны; работы внѣ монастыря производятся наемными людьми.

Монахи исходятъ изъ монастыря только въ случаѣ «неотложныя потребы» по благословенію игумена, съ предъявленіемъ вратарю его печати Для женщинъ монастырь совершенно невходенъ, кромѣ царицы, которую встрѣчаетъ только игуменъ съ старѣйшими изъ братіи».

Въ краткой записи студійскаго монастыря, сдѣланной въ самомъ монастырѣ, заповѣдывалось въ особой главѣ игумену «не измѣнять ни въ чемъ устава или порядка; не скоплять для себя ничего отдѣльно и до одного сребреника; изъ монастырскаго имущества не употребить на на близкихъ по плоти, ни на родственниковъ, ни на друзей и товарищей, ни при жизни, ни по смерти, ни въ видѣ милостыни, ни посредствомъ оставленія въ наслѣдство; не имѣть рабовъ ни для монастыря, ни для полей; отнюдь не ѣздить, но христоподражательно ходить пѣшкомъ;хранить всячески, что-бы у братства было все общее и нераздѣльное и не было ничего собственнаго, даже до иголки; не вкушать пищи за однимъ столомъ съ женщинами и не водить дружества съ монахиней; не пріобрѣтать одежды изысканной и многоцѣнной; не скоплять золота въ монастырѣ, но избытокъ всякаго плода раздавать нуждающимся; не принимать себѣ на храненіе казны и экономскихъ заботъ, оставляя себѣ одну величайшую заботу о *душахъ*; и наконецъ не сотворить и не учинить ни въ какомъ дѣлѣ, относящемся до душевнаго или до тѣлесного, чего либо по собственному хотѣнію, безъ воли и молитвы господина и отца (затворника), а также безъ совѣта преимуществующихъ знаніемъ и благочестіемъ, смотря по предлежащему предмету.

По смерти игумена братія въ продолженіи 3-хъ дней возносятъ общую теплую молитву, чтобы Господь явилъ достойнаго, и затѣмъ, предъ св. евангеліемъ, избираютъ, его же вѣдятъ; если всѣ единогласно изберутъ одного, то благодареніе Богу, если же сего не случится, то избираютъ трехъ кандидатовъ и идутъ съ мольбой къ патріарху, чтобъ онъ изъ

трехъ выбралъ одного. Избираемый долженъ быть не моложе 33 лѣтъ, изъ постриженниковъ монастыря, а не изъ отъинуды пришедшихъ, чтобъ зналъ и любилъ порядки монастыря и не имѣлъ охоты посягать на нихъ».

Что этотъ, а не иной уставъ введенъ былъ и соблюдался въ кіево-печерскомъ монастырѣ, достаточно можно видѣть изъ «Житія преподобнаго Θеодосія», изъ «Патерика печерскаго» и изъ обычаевъ, доселѣ сохраняющихся въ трапезѣ сей обители. Преподобный Θеодосій, какъ свидѣтельствуетъ его ученикъ, препод. Несторъ, «многажды хожаше по келіямъ ученикъ своихъ и аще обрящише у кого— ли брашно снѣдно, ли одеждно лише уставныя одежи, или отъ имѣнія что, сія веземъ, въ пещь металше, якоже вражію часть сущу и преслушанія грѣхъ». Одеждой его была свита власяна остра на тѣлѣ, извну-же на ней ина свита, и также вельми худа сущи, и туже взволочаше на ся того ради, яко да не явитися власяници, сущи на немъ». Самъ трудился онъ наравнѣ съ прочими, не пренебрегая ни какимъ трудомъ, перемалывая своими руками рожь, рубя и нося дрова; «еще же, какъ пишетъ Несторъ, и въ пещьницу часто исхожаше и съ пекущими веселяшеся духомъ, тѣсто мѣшаше и хлѣбы пека». А умирая онъ завѣщевалъ своему преемнику, преподобному Стефану: «преданья монастырская и устава не измѣняй, но твори вся по закону, по чину монастырскому».

Долго ли сохранялся строго и неизмѣнно этотъ завѣтъ преподобнаго начальника общежительнаго житія въ печерской обители, нельзя опредѣлить. По нашествіи Батыя онъ еще крѣпко держался въ ней, хотя и раньше сего времени Поликарпу, ея архимандриту (1168—1170 г.), уже пришлось претерпѣть ссылку за сохраненіе одной статьи студійскаго устава, на основаніи которой и по примѣру преподобнаго Θеодосія въ печерской обители разрѣшался или отмѣнялся постъ въ среду и пятокъ ради праздниковъ господскихъ и богородичныхъ и памяти нарочитыхъ святыхъ. Не совсѣмъ въ согласіи съ студійскимъ уставомъ печерскій монастырь сталъ владѣть и населенными имѣніями, жертвуемыми ему разными благотворителями. Еще труднѣе было

держаться преданіямъ монастырскимъ и правиламъ строгаго общежительнаго устава въ періодъ литовско-польскій, когда стали появляться въ печерскомъ монастырѣ игумены и архимандриты не изъ его постриженцевъ, а изъ людей пришлыхъ и чуждыхъ его духа и когда назначеніе въ это званіе зависѣло уже не отъ выбора братіи, а отъ королевскаго *подаванья,* пріобрѣтавшагося нерѣдко путемъ подарковъ и подкуповъ при дворѣ. Должность архимандрита печерскаго монастыря, окруженнаго почетомъ и распоряжавшагося богатыми имѣніями, стала предметомъ искательства лицъ изъ дворянскихъ фамилій и повлекла частую смѣну архимандритовъ. У архимандритовъ, вопреки студійскому уставу, явились *статки,* которые они старались умножить на счетъ доходовъ монастырскихъ, чтобы обезпечить себя и своихъ родственниковъ, отлагая всякое попеченіе не только о духовныхъ потребностяхъ братій, но и о строеніи монастырскомъ. Примѣромъ архимандрита увлекались и старцы, соприкасавшіеся къ доходамъ и хозяйству монастыря; вслѣдствіе чего и вслѣдствіе самоуправства кіевскихъ воеводъ, принимавшихъ печерскій монастырь иногда на продолжительное время въ свое вѣдѣніе по смерти архимандритовъ, «общежитіе» процвѣтавшее нѣкогда въ семъ монастырѣ, къ началу XVI вѣка окончательно пало «и отъ тыхъ часовъ, по свидѣтельству современниковъ, тотъ монастырь оскудѣлъ, а церковь Божія къ великой шкодѣ и упадку пришла».

Въ 1522 году 4 іюля архимандритъ печерскій Игнатій съ клирошанами, застолпниками и всею братіею рѣшились обратиться къ королю Сигизмунду I-му съ просьбою утвердить древнее «общежитіе» печерскаго монастыря своею королевскою грамотою. Король удовлетворилъ эту просьбу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановилъ право братіи монастырской избирать себѣ архимандрита и обращать въ собственность церковную имущество, остающееся послѣ его смерти. «Били намъ чоломъ архимандритъ печерскій Игнатій, крылошане, застолпники и вся братія монастыря печерскаго пречистоѣ Богородицы съ Кіева, говорится въ данной въ отвѣтъ на эту просьбу королевской грамотѣ отъ 4 іюля 1522 года, и по-

вѣдали предъ нами, штожъ за предковъ нашихъ, здавна, въ томъ монастыри печерскомъ община бывала возлѣ обычаю и закону ихъ греческого, для чого-жъ въ той церкви Божіей хвала Божія ширила и множила и предкомъ нашимъ большое богомолье бывало... И они били намъ чоломъ, ижъ быхмо и нынѣ въ томъ монастыри дали имъ общину мѣти водлѣ обычаю и закону ихъ греческого. Ино мы, бачучи на упадокъ того монастыря и хотячи то мѣти, абы тотъ монастырь къ вспоможенію пришелъ, штобы ся хвала Божая въ той церкви Божіей ширила и множила, а намъ бы большое богомолье было, дали есмо архимандриту и всей братіи въ томъ манастыри общину мѣти, и маютъ они въ той ся общинѣ справовати водлѣ обычаю и уставы закону ихъ греческого, а отъ воеводъ кіевскихъ и отъ князей и пановъ земли кіевскоѣ въ томъ имъ переказа жадная быти не маетъ». Въ той же грамотѣ порядокъ избранія архимандрита опредѣленъ такъ: «по смерти архимандритовой старцы печерскіе маютъ вси статки архимандричіе брати къ вспоможенію церковному и тотъ монастырь маютъ сами держати, пока архимандрита къ тому монастырю дадимъ. А какъ у нихъ архимандрита не станетъ, тогда старцы того монастыря и князи и панове земяне земли кіевскоѣ сами-жъ маютъ архимандрита, человѣка годного, обрати и насъ за нимъ жедати, и мы на жеданіе ихъ маемъ тому тою архимандритію дати, кого они оберутъ [1]). Это была первая королевская грамота печерскому монастырю по опустошеніи его татарами въ 1482 году. Но не прошло и 30 лѣтъ послѣ возстановленія общины въ семъ монастырѣ, какъ въ 1551 году «вси старцы монастыря печерскаго жаловались и оповѣдали господарю, королю его милости, ижъ архимандриты ихъ печерскіе тоѣ общины ихъ мѣти не хотятъ и держачи тотъ монастырь, великое знищенье и шкоды ему чинятъ, беручи платы и доходы, дѣтей и кровныхъ своихъ зъ тыхъ запомогаютъ, зачимъ вже тотъ монастырь, за ихъ знищенемъ, наконецъ зъубожалъ и церковь Божая опала» [2]). Въ слѣдствіе этой новой

---

[1]) Акты Зап. Рос. т. II, № 112.

[2]) Акты Зап. Рос., т. III, № 10.

просьбы кіевскій воевода Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій, по волѣ короля, «общину на вѣки вѣчные вчинилъ въ печерскомъ монастырѣ, всю науку, какъ ся маютъ справовати, на томъ мѣстѣ выписалъ и врадниковъ, иконома и палатниковъ установилъ, и имъ у справу въ моцъ яко монастырь и старцовъ, такожъ имѣнья и всихъ поданныхъ монастырскихъ отъ мала до велика подалъ». Всѣ черицы монастыря печерскаго приняли и на вѣки вѣчныя ухвалили правила возстановленнаго иноческаго общежитія. А въ правилахъ этихъ значилось: «архимандритъ и старцы завжды въ одномъ мѣстцы у трапези маютъ ѣсти и пити и при столѣ чтенье чести. Ктому тежъ что ся дотычеть старцовъ, крылошанъ и застолпниковъ, они безъ дозволенія архимандричьего и икономова изъ монастыря нигдѣ ходити не маютъ, а который бы изъ нихъ своею волею зъ монастыря безъ ихъ дозволенія ходити мѣлъ, або мѣшкаючи въ монастыри хто въ чимъ колвекъ выступилъ, тогды таковыхъ архимандритъ з братьею, обмовивши, маютъ за то карати водлѣ права ихъ духовного; а естли-бы который не мѣлъ послушенъ быти, таковаго зъ монастыра маютъ выслати. А што ся дотычетъ келій и садовъ ихъ братейскихъ, то все маетъ въ общѣ быти. А который братъ своею волею хотѣлъ бы зъ монастыря прочь пойти, тому кельи своее не продавати, а ни съ палаты за то пѣнязей ему не откладывати; маетъ тая келья обще быти, однакожъ маетъ маетность свою побрати. Архимандриту и крылошанамъ и всей братьи одежа и дрова зъ скарбу церковного маетъ имъ давана быти. А черицы въ кельяхъ своихъ бѣльцовъ и робятъ держати и всякихъ живностей мѣти не маютъ: лечь архимандритъ для послуги своего слугу и хлопца мѣти маетъ». Архимандритъ и старцы въ каждый воскресный и праздничный день обязаны служить „всеночную службу и во всемъ справовати водлѣ правилъ святыхъ отецъ“. Доходы за панихиды, молебны и сорокоусты дѣлятся между архимандритомъ и братіею, а доходы за запись въ синодикъ и помянникъ, равно за погребеніе, въ монастырѣ совершаемое, должны идти «на палату», т. е. поступать въ монастырскую кассу. Монастырская печать должна

храниться не у архимандрита, а въ кассѣ церковной, за ключомъ архимандритовымъ и икономовымъ. Управленіе монастырскими имѣніями и распоряженіе палатами, доходами, даньми медовыми и грошовыми должно принадлежать эконому и палатнику съ братьею, «архимандриты жъ въ жадныи справы, ни во что ся вступовати на вѣки вѣчные не маютъ, одножъ имъ церковную справу вѣдати». Впрочемъ экономъ и палатникъ обязаны представлять два раза въ годъ архимандриту и братіи общій отчетъ прихода и расхода монастырскаго, и могли быть смѣнены архимандритомъ съ братіею, въ случаѣ неисправности, и замѣнены болѣе достойными, «абы для того церкви Божіей и всей братіи шкоды не было». Кромѣ того архимандриту и старцамъ вмѣнялось въ обязанность не принимать къ себѣ бѣглыхъ черицовъ „зъ Москвы и Волохъ и межи собою ихъ не переховывати“ [1]).

Не трудно видѣть, что эти правила заключали въ себѣ нѣкоторыя отступленія или послабленія студійскаго устава [2]), но тѣмъ не менѣе въ нихъ много общежитнаго, братскаго, староотеческаго, скрѣплявшаго жизнь иноческую, ограничивавшаго нарушеніе иноческихъ обѣтовъ.

Въ дальнѣйшей исторіи кіево-печерской лавры ясныхъ свидѣтельствъ относительно общежительныхъ порядковъ въ ней не имѣется, тѣмъ не менѣе общежитіе въ ней по правиламъ студійскаго устава, съ большими или меньшими отмѣнами, сохранялось и сохранилось до нынѣ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

[1]) Акты Зап. Рос., т. VI, № 10.

[2]) Запись этого устава и выписки изъ него въ редакціи патр. Алексія помѣщены во 2-й половинѣ 1-го тома Исторіи русск. церкви Е. Голубинскаго.

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ статьѣ о малорусской географической номенклатурѣ (Кіевск. Стар. 1886 г., т. VII и отд. оттиски) я сдѣлалъ общій обзоръ мѣстныхъ собственныхъ именъ въ этнографическихъ предѣлахъ малорусскаго народа, причемъ на ряду съ мѣстными названіями, которыя даны крестьянами, шли мѣстныя же названія, возникшія по произволу землевладѣльцевъ изъ дворянъ, и на ряду съ собственно малорусскими мѣстными названіями шли возникшія на южнорусской почвѣ названія татарскія, румынскія, нѣмецкія [1]). Въ итогѣ получилась довольно пестрая смѣсь собственныхъ именъ разнообразнаго происхожденія, указывающая на весьма разнообразное движеніе южнорусской жизни въ древнее время.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ я ограничиваюсь одной стороной предмета, не затронутой мною въ статьѣ о географической номенклатурѣ, именно географическими свѣдѣніями южнорусскаго народа, на сколько они выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. Не задаваясь широкими цѣлями, я оставляю въ сторонѣ много интересныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ предметомъ, подлежащимъ изслѣдованію, напримѣръ, вопросы о томъ, какими путями южнорусскій народъ пріобрѣталъ географическія свѣдѣнія въ старинное время, что взято изъ школы и письменности, что взято изъ устныхъ разсказовъ бывалыхъ людей, ко-

---

[1]) Кстати, здѣсь укажемъ на одну случайную перестановку словъ въ статьѣ о географич. номенклатурѣ; на стр. 459 сказано: (Покутье) „между Днѣстромъ на западѣ и Карпатами на востокѣ“. *Нужно*: между Днѣстромъ на востокѣ и Карпатами на западѣ.—Н. С.

заковъ и странниковъ-богомольцевъ, какъ вообще великъ былъ запасъ географическихъ свѣдѣній южнорусскаго народа, судя по даннымъ матеріаламъ, письменнымъ и устнымъ. Желательно опредѣлить ту часть географическихъ свѣдѣній, которая составляла нѣкогда достояніе всего народа, безъ различія сословій, и была закрѣплена въ думахъ и пѣсняхъ; при этомъ желательно установить связь основныхъ географическихъ свѣдѣній народа со всѣмъ складомъ его исторіи и быта.

Значительнымъ различіемъ великорусскихъ былинъ и малорусскихъ историческихъ пѣсенъ по времени ихъ возникновенія обусловливается ихъ крупное различіе относительно географической терминологіи. Великорусская былина превосходитъ малорусскія думы по древности. Какъ извѣстно, въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, впервые высказанное въ 1863 г. Л. Н. Михайловымъ, что содержаніе былинъ Владимірова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV [1]). Недавно вышедшее, интересное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе М. Е. Халанскаго «Великорусскія былины кіевскаго цикла» указываетъ на необходимость нѣсколько ограничить это мнѣніе, расширивъ значеніе московскаго періода русской исторіи въ созданіи и развитіи былевой поэзіи. При всемъ томъ, на основаніи представленныхъ М. Е. Халанскимъ фактовъ и соображеній, нельзя еще согласиться съ авторомъ, что «Москва, собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса, и московскимъ пѣтарямъ принадлежитъ уже какъ дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, такъ и централизація его въ кіевскій кругъ» [2]). Уже изъ одного того обстоятельства, что центральная, вполнѣ московская Россія почти совсѣмъ не сохранила былинъ, въ то время, какъ остатки былевой поэзіи сохранились въ Руси нов-

---

[1]) *Л. Майковъ*, О былинахъ влад. цикла, стр. 24—27.

[2]) *М. Халанскій*, Великор. былины кіевск. цикла, стр. 213.

городской и въ Руси суздальской, говоритъ не въ пользу Москвы. Мнѣніе о древнемъ происхожденіи и развитіи русскаго эпоса остается непоколебленнымъ, и, между прочимъ, мнѣніе это подтверждается древнимъ характеромъ былевой географической номенклатуры, неопредѣленной, неточной, расплывчивой, большею частью фантастической. Нѣтъ сомнѣнія, что простой русскій народъ имѣетъ много точныхъ и обстоятельныхъ географическихъ свѣдѣній. Мало-ли куда ни забирался русскій солдатъ, русскій мастеровой, русскій странникъ-богомолецъ. Однако, точныя его свѣдѣнія не попали въ глубоко древнюю былину и вообще не выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. за исключеніемъ только свѣдѣній о славныхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ Іерусалимѣ и Цареградѣ. Въ былинахъ находятся или мало понятныя географическія названія, требующія объясненія, или даже вполнѣ фантастическія. Къ числу первыхъ относятся Литва и Литавъ хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское, Ляховинское, Ляховецкое, Карела поганая или богатая, Чудь бѣлоглазая, земля Веденецкая съ городомъ Леденцомъ, царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальнія, темныя, великія,—Большая, Золотая, населенная татарами, улановыми, Индія богатая, Агаряне. Все это названія извѣстныхъ странъ и народовъ, очевидно, подвергшіяся сильному обобщенію и расшитыя фантастическими узорами. Далѣе идутъ совершенно темныя географическія названія: земля Гленская (англійская ?), улусы загорскія, Могозея, земля и орда Заоданская, царство Алыберское [1]). Ня ряду съ дѣйствительными рѣками Дунаемъ, Дономъ, Днѣпромъ, Волгой, Камой идутъ фантастическія рѣки Израй, Сафатъ, Пучай, Смородина, Нѣпра, а въ числѣ горъ Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора, Скатъ гора. Вообще, всѣ географическія названія, даже такія реальныя, какъ Брянскіе лѣса, Кіевъ, Днѣпръ, облечены таинственностью, туманомъ, вполнѣ или отчасти потеряли реальное свое значеніе и стали обозначать вообще темный, дремучій лѣсъ, отдаленный священный или богатый городъ, далекую и глубокую рѣку. Съ литературной точки зрѣнія эта географическая таинственность имѣетъ свою цѣн-

---

[1]) *Л. Майковъ*, О былинахъ, стр. 43—44.

ность: она содѣйствуетъ поэтическому полету фантазіи и даетъ извѣстный разгонъ для мысли.

Можно сказать, съ каждымъ десятилѣтіемъ укрѣпляется убѣжденіе въ существованіи древняго, южно-русскаго до-козацкаго эпоса. П. А. Кулишъ въ пятидесятыхъ годахъ, И. В. Ягичъ въ семидесятыхъ годахъ, высказывали мнѣніе, что богатое развитіе южнорусскаго эпоса въ XVII ст. предполагаетъ существованіе эпоса наклонности къ эпическому творчеству въ болѣе старое время. М.' Е. Халанскій замѣчаетъ, что древній южно-русскій эпосъ органически примкнулъ къ новѣйшему, козацкому. Какъ извѣстно, древній южно-русскій эпосъ теперь до нѣкоторой степени возстановляется путемъ научнаго анализа малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ. Найболѣе крупными научными работами въ этомъ направленіи представляются «Истор. пѣсни малор. народа» В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова и статьи Н. И. Костомарова о малорусской исторической поэзіи въ Вѣстникѣ Европы и въ Русской Мысли. При всемъ томъ, удалось болѣе возбудить вопросовъ и сомнѣній, чѣмъ установить несомнѣнно вѣрные факты до-козацкаго эпоса; относимое къ древнему южно-русскому эпосу крайне незначительно въ количественномъ отношеніи и въ значительной части еще подлежитъ критической провѣркѣ. Какъ-бы то ни было, древній южно-русскій эпосъ ускользаетъ отъ изученія относительно географической терминологіи. Какія географическія свѣдѣнія выразились въ до-козацкомъ эпосѣ и что наслѣдовали въ этомъ отношеніи отъ древняго эпоса малорусскія думы и пѣсни козацкаго періода южнорусской исторіи,—на эти вопросы трудно отвѣтить. Съ значительной долей вѣроятія можно только утверждать, что Дунай, въ значеніи воды и рѣки вообще и въ частности въ значеніи извѣстной рѣки черноморскаго бассейна, и затѣмъ, быть можетъ, Черное море и Днѣпръ входили въ древнѣйшія малорусскія пѣсни и впослѣдствіи вошли въ малорусскія думы и пѣсни XVII ст. и болѣе поздняго времени.

Строго говоря, малорусская народная поэзія начинается съ XVI ст. и замираетъ въ XVIII ст. Первое упоминаніе о малорусскихъ думахъ находится у польскаго историка Сарницкаго начала XVI ст. Древнѣйшей записанной малорусской пѣсней представляется пѣсня въ чешской граматикѣ Благослава конца XVI ст.

Чрезвычайной силы и выразительности малорусская поэзія достигаетъ въ XVII ст., и затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе. крупное уже въ XVIII ст., что видно на историческихъ пѣсняхъ о Паліѣ, о службѣ козацкой на такъ называемыхъ «канавахъ» и на «линіи», и для всѣхъ очевидное въ XIX ст. Вообще, малорусская народная поэзія, въ особенности думы, возникла и развилась на виду положительной исторіи, и одной изъ найболѣе характерныхъ ея особенностей представляется историческая точность и правдивость въ описаніи лицъ и событій, также относительно хронологическихъ и географическихъ данныхъ.

Не будетъ ошибкой къ малорусскимъ пѣснямъ приложить тотъ же широкій способъ раздѣленія на пѣсни мужескія и пѣсни женскія, какой авторитетными людьми науки, Я. Гримомъ и Миклошичемъ, приложенъ къ сербской поэзіи. Я. Гримъ усматривалъ даже въ сказкахъ различіе, обусловленное тѣмъ, сложена ли сказка мужчиной или женщиной [1]). Въ такомъ случаѣ въ разрядъ мужескихъ пѣсенъ войдутъ всѣ пѣсни историческія, колядки, многія любовныя и семейно-родственныя пѣсни, въ отдѣлъ пѣсенъ женскихъ значительное большинство любовныхъ пѣсенъ, веснянки, свадебныя пѣсни, всѣ колыбельныя пѣсни. Въ Галицкой Руси въ сочиненіи коломыекъ, шумокъ, чабарашекъ, талалаекъ оба пола принимали одинаково дѣятельное участіе. Мѣстныя собственныя имена встрѣчаются почти исключительно въ мужескихъ пѣсняхъ, преимущественно въ думахъ. Въ женскихъ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается Украина, обыкновенно разсматриваемая къ отношеніи къ милому: милый уѣхалъ на Украину; милый изъ Украины шлетъ письма; милый тоскуетъ въ Украинѣ далекой и т. д. Очевидно, здѣсь обнаружилась разница въ объемѣ географическихъ свѣдѣній мужчины и женщины въ старинное время. Въ положеніи козака, чумака, купца, странника-богомольца мужчина предпринималъ болѣе или менѣе далекія путешествія и болѣе женщины знакомился съ чужими странами и съ своей родиной.

Относительно мѣстныхъ названій въ особенности заслуживаютъ вниманія колядки и историческія пѣсни. Здѣсь иногда встрѣчаются отзывы и характеристики странъ. Въ семейно-родствен-

---

[1]) *Miklosich,* Die serbische Epik, 5.

ныхъ пѣсняхъ встрѣчается почти исключительно Дунай. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ болѣе мѣстныхъ названій, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ, что соотвѣтствуетъ общей краевой или мѣстной окраскѣ галицко-русскихъ пѣсенъ. Много мѣстныхъ названій находимъ въ галицкихъ коломыйкахъ. Напримѣръ:

Ой пиду я до Вербижа, або до Мышина [1]).
По надъ село Ивановецьке зацвѣли цвѣточки [2]).
Ой на горѣ на Самборѣ камень муку меле [3])

Иногда къ мѣстному названію присоединяется краткая характеристика самой мѣстности:

Ой пиду я до Ланчина, Ланчинъ на долинѣ,
А Ланчиньска челядочка якъ листъ на калинѣ [4]).
На Рангурахъ нема лѣса, лише саме дубье [5]).

Нужно замѣтить, что мѣстныя названія довольно часто попадаются въ искуственныхъ галицко-русскихъ пѣсняхъ, принятыхъ мѣстами народомъ. Подобнаго рода пѣсенъ находится довольно много въ сборникѣ г. Головацкаго. Не трудно замѣтить искуственную краевую или мѣстную окраску въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, возникшихъ въ интеллигенціи и проникшихъ въ массу простаго народа, окраску, выражающуюся въ преувеличеніи значенія края, въ большой долѣ краеваго патріотизма; напримѣръ:

Всюды чудни красавицы,
Пышни, якъ калина;
Але надъ всѣхъ наичуднѣйше
Робитъ Буковина.....
Пріятеля знайдешь всюды;
Серце не загине;
Але пріязнѣйши люде,
Люде въ Буковинѣ [6]).

Если интеллигентный человѣкъ даетъ тенденціозную окраску извѣстной мѣстности въ идеальномъ стремленіи прославить ее или очернить, то простой народъ предлагаетъ въ пѣсняхъ прямо выду-

---

[1]) Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 249. [2]) Тамъ же, стр. 259. [3]) Тамъ же, стр. 265. [4]) Тамъ же, стр. 266. [5]) Тамъ же, стр. 334. [6]) Тамъ же, стр. 371.

манныя мѣстныя названія, только по требованіямъ исключительно формальнаго свойства, для соблюденія аллитераціи или римѳы;— такъ велико въ народномъ бытѣ формальное, внѣшнее значеніе поэзіи. Въ одной пѣснѣ для соблюденія аллитераціи вставлено вымышленное собственное имя Яришъ; въ думѣ про козака Голоту находимъ: «ой, долино—Ялино! скильки я на тоби гулявъ» (Ант. и Драг., 1, 171); въ бурлацкой пѣснѣ поется: «одна ричка—Копирочка въ Днипро упала» (Чубин., V. 1013).

Народная поэзія пользуется мѣстными названіями для усиленія даннаго выраженія. Цѣль усиленія мысли достигается въ такомъ случаѣ посредствомъ сравненія двухъ мѣстностей по величинѣ или путемъ приблизительнаго опредѣленія пространства между ними. Такой пріемъ народной мысли въ особенности ясно выразился въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и позднѣе проявился въ найболѣе архаическихъ отдѣлахъ народной поэзіи, думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» находимъ слѣдующія примѣты усиленія мысли посредствомъ мѣстныхъ названій:

1) Комони ржуть за Сулою; звенитъ слава въ Кыевѣ.

2) Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ.

3) Дивъ кличеть връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню.

4) Олегъ.... ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмутороканѣ; тоже звонъ (славы) слыша давный великій Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.

5) Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи дѣвою въ землю Трояню, восплескала лебедиными крилы на синѣмъ море, у Дону плещучи.

6) А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по Руской земли.

7) Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

8) Подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъчи, затворивъ Дунаю ворота,... суды рядя до Дуная,... отворяеши Кіеву врата.....

9) Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ....

10) Всеславъ..... скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ

11) Всеславъ..... изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя...

12) Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано у святыя Софеи, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

13) Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Донца.

14) Донець рече: княже Игорю, не мало ти величія... Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя,.... князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ....

15) Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева.

Въ «Словѣ» находится много другихъ мѣстныхъ названій, не заключающихъ въ себѣ усиленія мысли; въ приведенныхъ же примѣрахъ болѣе или менѣе отчетливо обнаруживается такое усиленіе. Подобнаго рода явленіе находимъ въ думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; напримѣръ, въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами:

Слышенъ теперъ у насъ гетьманъ Хмельницький
Якъ одъ Билои Церкви та до славного Запорожа [1]).

Въ галицкой свадебной пѣснѣ, или ладканьѣ:

Въ Львовѣ вѣнки вили,
Въ Перемышли малёвали [2]).

Въ галицкой веснянкѣ, или гаивкѣ чоботы кіевской работы, куплены во Львовѣ, подкованы въ Краковѣ [3]). Въ коломыйкѣ:

Въ Старогвоздци загремило, въ Малогвоздци тихо,
Ой веземо сорокъ дубовъ панови на лыхо [4]).

Въ галицко-русской рекрутской пѣснѣ:

Ой неволя, мати, неволя, неволя,
Въ Коломыи стрижуть, до Черновець гонятъ [5]).

Въ малорусской пѣснѣ:

Отъ Дударивъ до Чернышивъ дорога розлога;
Туда моя поихала любая розмова [6]).

---

[1]) Ант. и Драг., т. II, стр. 22. [2]) Гол., т. II, стр. 127. [3]) Тамъ-же, стр. 191. [4]) Тамъ-же, стр. 374. [5]) Гол., т. I, стр. 137. [6]) Чуб., т. V, стр. 199.

Въ буковинской пѣснѣ: «надъ мистомъ Станиславомъ хмари се зибрали; надъ мистомъ Снятиномъ три громы загрѣмили, надъ селомъ Берегометевъ дрибненькій дожчикъ упавъ,—молодонькій зажурився» и пр. [1]).

Въ мѣстныхъ названіяхъ украинской словесности обнаруживается стремленіе народной мысли къ ассимиляціи иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ понятныя украинскому народу формы. Такъ, Евпаторія таврической губерніи у крымскихъ татаръ называлась Геслеве; въ думѣ про Ивана Богуславца находимъ Кизлевъ [2]); въ Плачѣ козловская пристань [3]); вблизи днѣпровскаго лимана лежитъ островъ Тендеръ, неоднократно упоминаемый въ думахъ; въ одной пѣснѣ находимъ Тынъ-дерево; Маріуполь называется Марнополемъ.

Черное море.

Близкое знакомство русскаго народа въ древнее время съ Чернымъ моремъ и затѣмъ близкое знакомство малороссіянъ съ Чернымъ моремъ въ XVI—XVII ст. должно было такъ или иначе отразиться въ народной поэзіи. Въ великорусской поэзіи выступаетъ смутный призракъ океана-моря, находящагося гдѣ-то далеко, за межой матушки святой Руси. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ находится замѣчаніе, что

Посреди моря окіанскаго,
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа римскаго.

Изъ церковно-историческихъ преданій христіанства извѣстно, что св. Климентъ, папа римскій, сосланъ былъ изъ языческаго Рима въ Крымъ и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ, близъ древняго греческаго города Херсонеса; затѣмъ, по восторжествованіи христіанства, утвердилось въ христіанскомъ мірѣ повсюдное вѣрованіе, что ежегодно. въ день памяти св. мученика, море въ Херсонесѣ отступало отъ берега, и во глубинѣ его обнажалась чудесно возникшая церковь, въ которой нетлѣнныя мощи святителя предста-

---

[1]) Лоначеск., стр. 203. [2]) Ант. и Драг., т. I, стр. 241. [3]) Тамъ-же, стр. 94.

влялись благоговѣйному поклоненію христіанъ. Св. просвѣтитель славянъ Кириллъ, по преданію, взялъ изъ глубины морской мощи св. Климента и перенесъ ихъ къ славянамъ. По другому преданію Владиміръ послѣ крещенія своего въ Херсонесѣ перенесъ мощи св. Климента въ Кіевъ [1]). Такимъ образомъ, за окіанъ-моремъ великорусскихъ пѣсенъ скрывается иногда Черное море.

Черное море, какъ найболѣе извѣстное въ до-монгольской Руси, повидимому, считалось моремъ по преимуществу и называлось просто моремъ. По свидѣтельству древней лѣтописи Черное море въ древности слыло по преимуществу Русскимъ моремъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Черное море нѣсколько разъ упоминается подъ словомъ море, безъ прилагательнаго черный.

1) Черныя тучи съ моря идутъ.

2) Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами.

3) Половци идутъ отъ Дона и отъ моря. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ Азовскомъ морѣ, упоминаемомъ въ другомъ мѣстѣ «Слова» подъ названіемъ Лукоморья.

4) Въ морѣ погрузиста.

5) Прысну море полунощи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нужно думать, подразумѣвается Черное море вмѣстѣ съ Азовскимъ моремъ, что въ особенности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста: «Дѣвици поютъ на Дунаи, вьются голоси чресъ море до Кіева».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ Черное море выступаетъ довольно часто подъ названіемъ Синяго моря. Довольно трудно опредѣлить, гдѣ слово синее является эпитетомъ моря вообще, и гдѣ оно нераздѣльно съ словомъ *море* составляетъ одно собственное имя. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слово *синій* служитъ эпитетомъ моря и рѣки Дона. Сначала въ «Словѣ» о синемъ морѣ упоминается въ совершенно темной фразѣ:... «бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему». Въ довольно ясномъ значеніи Чернаго моря синее море находится въ выраженіи: «Се бо готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю». По видимому, простымъ эпитетомъ моря слово *синее* является въ

---

[1]) Надеждинъ, въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. VII. Смѣсь, стр. 9.

плачѣ Ярославны: «О вѣтре, вѣтрило!... мали ли ти бяшетъ горѣ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ».

Столь же неопредѣленное положеніе слово *синее* имѣетъ въ малорусской народной поэзіи, въ приложеніи къ морю. Несомнѣнно оно обозначаетъ Черное море въ слѣдующемъ мѣстѣ галицко-русской колядки:

Ой, коню, коню, продамъ я тебе.—
Ой, пане, пане, погадай собѣ,
Коль я тя вынисъ зъ туркивъ, татаривъ...
Коль насъ нагнали зъ крута берега,
Зъ крута берега на тихій Дунай,
На тихій Дунай, на Сине море...[1])

Синее море встрѣчается въ разныхъ поэтическихъ мотивахъ. Въ колядкѣ Богородица скрываетъ Спасителя въ синемъ морѣ отъ жидовъ[2]); въ свадебной пѣснѣ невѣста тонетъ въ синемъ морѣ; отецъ, мать, братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый[3]). Подобнаго рода пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ. Козакъ ищетъ доли за синимъ моремъ[4]); и этотъ мотивъ чаще встрѣчается въ приложеніи къ Дунаю. Въ одной старинной пѣснѣ о разрушеніи бурею турецкаго корабля «дощикъ накрапае, та синего моря доповняе«[5]).

Въ малорусскихъ думахъ XVI и XVII ст. довольно часто упоминается Черное море, съ чертами очевидно личнаго съ нимъ знакомства козаковъ. По показанію испанскаго священника Otavio Sapientia отъ 1622 г. козаки изъ Запорожья, гдѣ въ его время набиралось до 30—40,000 человѣкъ, выставляли 200—300 чаекъ и смѣло ѣздили по всему Черному морю; такъ, въ 1616 и 1617 г. они нападали съ успѣхомъ на Синопъ, Кафу и Требизондъ. Въ 1621 г. турецкіе начальники наловили на Черномъ морѣ много козаковъ. Въ 1624 г. козаки сдѣлали нападеніе на самый Босфоръ[6]). Знакомствомъ козаковъ съ черноморскими бурями обусловлено живописное ихъ описаніе въ думахъ. «На Чорному морю быстрая хвиля встала[7]), заноситъ козацкія чайки «въ дунайское гирло», вертитъ ихъ на «лихій хуртовыни»[8]). Потери на Черномъ морѣ

---

1) Голов., т. IV, стр. 44. 2) Тамъ-же, стр. 113. 3) Тамъ-же, стр. 229. 4) Чуб., т. V, стр. 936. 5) Ант. и Драг., т. I, стр. 99. 6) Ант. и Драг., Историч. пѣсни малор. нар., т. I, стр. 203. 7) Тамъ-же, стр. 89. 8) Тамъ-же, стр. 176.

вызывали отрицательное къ нему отношеніе народной мысли, что выразилось въ началѣ думы о взятіи козаками Варны:

Кляла цариця, вельможна пани,
Черное море проклинала:
«Бодай же, море, не процвитало,
Вичными часы высыхало,
Та що мого сына единачка,
Единачка у себе взяло» [1]).

Вообще Черное море не занимаетъ въ малорусской народной поэзіи выдающагося мѣста. За исключеніемъ историческихъ пѣсенъ, оно встрѣчается рѣдко, упоминается мимоходомъ, безъ фактической характеристики и безъ поэтической обрисовки. Торговцы ничего не могли сообщить о Черномъ морѣ, потому что черноморская торговля находилась въ рукахъ грековъ и малороссіяне только по доставкѣ пщеницы въ Хаджи-Бей и въ Бѣлгородъ, гдѣ ее забирали греки [1]), могли знакомиться съ черноморскимъ берегомъ. Странники-богомольцы, посѣщавшіе Аѳонъ и Палестину, также не могли внести въ народъ достаточныя свѣдѣнія о Черномъ морѣ, потому что предпринимали путешествія большею частью сухимъ путемъ, черезъ Румынію и Болгарію [2]). Остаются одни козаки. Разсказы козаковъ о морскихъ нападеніяхъ на турецкія области, о сопряженныхъ съ такими нападеніями опасностяхъ, о черноморскихъ буряхъ, о богатой добычѣ, выпадавшей на долю козаковъ послѣ благополучнаго набѣга,—все это плѣняло народное воображеніе и въ частности знакомило народныя массы съ Чернымъ моремъ, причемъ знакомство это очевидно было поверхностное и одностороннее.

Дунай.

Съ легкой руки Ѳ. И. Буслаева, сдѣлавшаго небольшую замѣтку о народно-поэтическомъ значеніи Дуная въ южнорусской народной поэзіи [4]), историко-поэтическое значеніе этой великой славянской рчки нѣсколько разъ подвергалось научному изслѣдованію. Н. И. Костомаровъ посвятилъ Дунаю нѣсколько страницъ въ статьѣ

---

[1]) Антон. и Драг., т. I, стр. 216; Голов., т. I, стр. 3. [2]) *Jaroszewicz*, Obraz Litwy, т. II, стр. 93—94. [3]) *Елисѣевъ*, Съ русскими паломниками, стр. 13, 16. [4]) *Буслаевъ*, Историч. очерки рус. нар. слов., т. I, стр. 215.

о народныхъ преданіяхъ древней лѣтописи [1]). И. В. Ягичъ въ I т. «Archiv fur Slav. Philol.» 1876 г. помѣстилъ обширное изслѣдованіе: «Дунавъ—Дунай въ славянской народной поэзіи», причемъ главное мѣсто въ статьѣ отведено малорусской народной поэзіи, заключающей въ себѣ особенно много поэтическихъ обрисовокъ Дуная. Отсылая читателя къ изслѣдованію г. Ягича [2]), я укажу лишь въ общихъ чертахъ содержаніе цѣлаго и затѣмъ остановлюсь на замѣчаніяхъ г. Ягича о малорусскомъ Дунаѣ, причемъ присоединю коегдѣ и новыя фактическія указанія:

«Уже давно, какъ замѣчательное явленіе, выдается то обстоятельство, говоритъ И. В. Ягичъ въ началѣ статьи, что въ славянской народной поэзіи р. Дунай пользуется такими преимуществами передъ другими рѣками, что нерѣдко является нарицательнымъ названіемъ рѣки вообще,... причемъ трудно разграничить примѣры, гдѣ Дунай упоминается въ спеціально-географическомъ смыслѣ, отъ тѣхъ, гдѣ онъ въ широкомъ обобщеніи выступаетъ въ значеніи рѣки вообще» Въ особенности часто Дунай упоминается въ народной поэзіи южно-славянской, панноно-славянской и малорусской. Чѣмъ далѣе удаляемся мы въ славянскомъ мірѣ въ периферіи отъ дѣйствительнаго Дуная, тѣмъ рѣже встрѣчается упоминаніе объ немъ. Такъ, въ чешскихъ пѣсняхъ онъ рѣже упоминается, чѣмъ въ моравскихъ и словацкихъ, а въ польскихъ еще рѣже, чѣмъ въ чешскихъ. Въ нынѣшней великорусской поэзіи, за исключеніемъ эпоса, Дунай встрѣчается рѣдко, между тѣмъ какъ въ бѣлорусской довольно часто. Въ великорусскомъ эпосѣ древнее воспоминаніе о тихомъ Дунаѣ удержалось. Особенно замѣчательно олицетвореніе Дуная въ образѣ героя того же имени; «я могу съ полнымъ правомъ утверждать, замѣчаетъ г. Ягичъ въ концѣ статьи, что Дунай пріобрѣлъ великое значеніе для славянъ до времени ихъ движенія на югъ и юго-западъ Европы, какъ та граница, которая долго удерживала ихъ отъ вторженія въ обѣтованную страну всѣхъ варварскихъ народовъ среднихъ вѣковъ, именно въ Римскую имперію. Съ этого ли ранняго времени Дунай занимаетъ господствующее мѣсто въ славянской народной поэзіи, трудно сказать съ полною увѣренностію... Если и на дальнемъ сѣверѣ у Онежскаго

---

[1]) *Костомаровъ,* Историч. Монографіи, т. XIII, стр. 20. [2]) Archiv fur slavische Philologie, 1876 г. т. I.

озера поютъ про тихій Дрнай, и на югѣ у Охридскаго озера слышно это имя, то такое замѣчательное совпаденіе предполагаетъ очень древнія времена».

Подобнаго рода мнѣніе о времени проникновенія въ славянскую народную поэзію рѣки Дуная высказывали и другіе изслѣдователи русской старины, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ. Въ отношеніи къ южно-русскому народу мнѣніе это нуждается въ значительномъ расширеніи. Выдающееся значеніе Дуная въ южно-русской народной поэзіи не можетъ быть объяснено исключительно или даже преимущественно древнѣйшимъ знакомствомъ славянъ съ этой великой рѣкой. Нужны были, въ добавокъ къ этому древнему знакомству, новыя, часто повторявшіяся связи съ Дунаемъ и придунайскими странами; такія связи были притомъ связи разнообразнаго свойства, болѣе всего военныя, затѣмъ мирныя, политическія, торговыя и промышленныя. Обстоятельное изложеніе историческихъ данныхъ о связяхъ Украины съ придунайскими странами вывело-бы насъ далеко за предѣлы настоящей статьи, и такое изложеніе въ настоящее время представляется излишнимъ, по обилію и общеизвѣстности имѣющихся въ наукѣ по этой части данныхъ. Древнія лѣтописи, греческіе историки, козацкія лѣтописи и думы заключаютъ въ себѣ много указаній на оживленныя политическія и торговыя сношенія Руси-Украины съ Придунайскими странами въ домонгольское и послѣ монгольское время русской исторіи, сношенія, доходившія до того, что въ X вѣкѣ великій князь кіевскій Святославъ хотѣлъ совсѣмъ поселиться на Дунаѣ, а въ XVIII ст. часть малорусскихъ козаковъ дѣйствительно выселилась на Дунай и основала здѣсь извѣстную Задунайскую Сѣчь. Насколько сильно внѣдрился Дунай въ малорусскую жизнь, видно изъ того, что онъ вошелъ въ пѣсни, въ поговорки, даже въ личныя и фамильныя прозванія и черезъ нихъ проникъ въ мѣстныя названія. Въ одномъ запорожскомъ документѣ половины прошлаго столѣтія упоминается Дунаевскій байракъ, въ которомъ давними временами сидѣлъ зимовникомъ козакъ Сидоръ Дунай [1]). По всей вѣроятности, это личное прозваніе возникло по причинѣ пребыванія козака Сидора, его отца или дѣда на Дунаѣ. Въ настоящее время въ купянскомъ уѣздѣ харьков. губ. проживаетъ одинъ крестьянинъ съ уличнымъ прозви-

[1]) Скальковскій, Исторія Новой Сѣчи, изд. 3, т. I, стр. 104.

щемъ Дунай, даннымъ ему на томъ основаніи, что онъ ходилъ къ Дунаю на заработки. Можно думать, что малорусскій, точнѣе, общеславянскій Дунай въ значеніи большой рѣки вообще коренится въ доисторической древности, а Дунай въ значеніи опредѣленной рѣки вошелъ и окрѣпъ въ малорусской поэзіи въ историческое, отмѣченное лѣтописями время, болѣе всего въ XVI и въ XVII столѣтіяхъ, во время частыхъ вторженій болѣе или менѣе многочисленныхъ козацкихъ отрядовъ въ Молдавію.

Г. Ягичъ указываетъ на слѣдующіе пѣсенные мотивы съ р. Дунаемъ:

Козакъ «на тыхому Дунаю свого коня напувае». Конь не пьетъ воды, предзнаменуя такимъ образомъ козаку несчастье, или потому не пьетъ, что съ козакомъ случилось несчастье.

За Дунаемъ живетъ козакъ, коситъ здѣсь сѣно, привозитъ сюда свою милую. На Дунаѣ козака настигаетъ смерть.

На Дунаѣ дѣвушка имѣетъ свидѣніе съ своимъ возлюбленнымъ. Вообще «судьба малорусской дѣвушки связана съ Дунаемъ, начиная съ момента первой встрѣчи съ милымъ, до той минуты, когда она, испытавъ много горя, рѣшается броситься въ рѣку». Дѣвушка жалуется Дунаю на свою недолю и ищетъ на берегахъ Дуная доли. Она пускаетъ на Дунай свои волосы или вѣнокъ изъ руты, посылаетъ къ роднымъ утку вѣстницей. Наконецъ, она ищетъ въ волнахъ Дуная успокоенія отъ любовной муки. Малорусской народной словесности свойственно, что несчастіе въ любви приводитъ козаковъ (т. е. вообще мужчинъ) къ подобному же шагу и они бросаются въ Дунай.

Мать рѣшается довѣрить своихъ дѣтей Дунаю; мать проситъ рѣку, что-бы она не разбудила своимъ шумомъ дѣтей; и дѣти были воспитаны Дунаемъ.

Народная фантазія пользуется Дунаемъ, какъ арабесками, при возникновеніи и развитіи пѣсни, для придачи пѣснѣ мѣстнаго характера, для сравненія и опредѣленія красоты и смѣха дѣвушки, для метафорическаго выраженія того, что не можетъ случиться или что прошло безвозвратно.

Довольно часто встрѣчается излюбленный Дунай въ свадебныхъ обрядныхъ пѣсняхъ: невѣста тонетъ въ Дунаѣ; отецъ, мать,

братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый, или невѣста бросаетъ свои волосы въ Дунай и посылаетъ ихъ къ отцу.

И. В. Ягичъ отзывается съ большими похвалами объ эстетическомъ достоинствѣ малорусской поэзіи вообще, пѣсенъ съ Дунаемъ въ частности. Обращаясь къ разсмотрѣнію малорусскихъ пѣсенныхъ мотивовъ съ р. Дунаемъ, г. Ягичъ говоритъ: «Я перехожу теперь къ самой задушевной и, если принять поэзію за исторію сердца, къ самой прекрасной и богатѣйшей славянской народной поэзіи, къ поэзіи малорусской». Затѣмъ г. Ягичъ указываетъ на то, что малорусская народная поэзія въ особенности богата поэтическими мотивами. Приводя отрывки изъ малорусскихъ пѣсенъ, г. Ягичъ много разъ отмѣчаетъ ихъ художественное достоинство выраженіями: прекрасная пѣсня, прелестная пѣсня [1]).

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ статьѣ г. Ягича объ отраженіи Дуная въ славянской народной поэзіи пройдено молчаніемъ «Слово о полку Игоревѣ»,—памятникъ въ особенности замѣчательный по тѣсной связи съ позднѣйшей малорусской поэзіей. Обстоятельное сравненіе поэтическихъ мотивовъ «Слова о полку Игоревѣ» съ поэтическими мотивами новой малорусской поэзіи можетъ разъяснить степень устойчивости поэтическихъ мотивовъ. Съ такой точки зрѣнія представляются любопытными упоминанія неизвѣстнаго автора «Слова» о Дунаѣ.

Въ «Словѣ» три раза упоминается Дунай и, повидимому, съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ рѣки великой, славной и отдаленной.

1) Копіа поютъ на Дунаи;

2) Ярославнинъ гласъ слышить, зегзицею незнаемь, рано кычеть: «Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ....

3) Солнце свѣтить ся на небесѣ: Игорь князь въ роуской земли! Дѣвици поютъ на Дунаи: вьють ся голоси чрезъ море до Кыева.

Профессоръ О. Огоновскій относитъ фразу «копіа поютъ на Дунаи» къ предложенію: «но розно ся имъ хоботы пашоуть» и слѣдующую затѣмъ фразу «Ярославнинъ гласъ» начинаетъ съ красной строки и относитъ ее въ другую главу [2]). Мы въ данномъ

[1]) У Чубинск., т. V, стр. 214, 411, 282, 556, 889, 921—922. [2]) *Огоновскій*, Слово о Полку Игоровѣ, стр. 18.

случаѣ придерживаемся общепринятой интерпункціи (у г. г. Тихонравова, Потебни, Малашева) и связываемъ «копіа поютъ на Дунаи» и «Ярославнинъ гласъ» и пр. «Параллелизмъ между пѣніемъ копій на Дунаѣ, въ идеальной дали, и плачемъ Ярославны, пѣсенный, традиціонный» [1]). Въ обоихъ случаяхъ Дунай означаетъ великую и отдаленную рѣку.

Г. Огоновскій выраженіе Слова «дѣвицы поють на Дунаи» объясняетъ такъ: «дивчата спиваютъ не тильки въ Кыиви, колы Игорь сюда приіхавъ, але и далеко видъ Кіева. Въ писняхъ народнихъ названъ моремъ иногда и Дунай» (125). Затѣмъ слѣдуетъ ссылка на «Сборникъ Укр. пѣсенъ» Максимовича, стр. 96. Добавимъ, что Дунай называется моремъ преимущественно въ припѣвахъ галицко-русскихъ пѣсенъ:

Плыла дѣвойка доловъ Дунаемъ,
Дунаю, гей, Дунаю, море, Гануся, зоре! [2]).
Плыла Фемуня краемъ Дунаемъ,
Дунаю, море, Фемуне, зоре! [3]).

По видимому, здѣсь не смѣшивается рѣка и море, а первая гипорбелически характеризуется сравненіемъ съ моремъ. Въ народной поэзіи обычны эпитеты Дуная тихій, широкій и глубокій; эпически широкій Дунай съ теченіемъ времени сдѣлался нарицательнымъ именемъ всякаго многоводія. Мнѣ приходилось слышать въ харьковской губерніи, при переѣздѣ черезъ большую лужу воды, возникшую отъ сильнаго разлива рѣки весной или отъ дождя: «Дунай стоить». Въ малорусской пѣснѣ:

Ой за горами вода дунаями,
Ой тамъ козаченько коня напувае [4]).

Конь выпиваетъ воды «пивъ Дунаю» [5]), даже «два Дуная» [6]).

Днѣпръ.

Здается кращого немае
Ничого въ Бога, якъ Днипро,

говоритъ Т. Г. Шевченко [7]). Красота Днѣпра выражается не въ бере-

---

[1]) *Потебня,* Слово о полку Игоревѣ, стр. 135. [2]) Гол., т. II, стр. 80. [3]) Тамъже, стр. 161. [4]) Чуб., т. V, стр. 760. [5]) Тамъ-же, стр. 959. [6]) Тамъ-же, стр. 43. [7]) Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 353.

гахъ, большею частью однообразныхъ, песчаныхъ, а въ общемъ его обликѣ, въ ширинѣ и многоводности. Масса воды не помѣщается въ днѣпровскомъ руслѣ, изъ года въ годъ все болѣе и болѣе мелѣющемъ, и частью уклоняется въ сторону, образуя озера и заливы, мѣстами широко разливается по низменнымъ песчанымъ берегамъ. Хорошъ Днѣпръ и въ бурную погоду, когда его каменистые «пороги межъ очеретами ревуть и стогнуть», и въ тихую погоду, когда «геть-геть соби роскинется, сіяе та горыть» [1]). На берегахъ Днѣпра были розыграны главные акты малорусской исторіи. Въ Черкасахъ и Каневѣ сложилось козачество. На Хортицѣ, Томаковкѣ, Микитиномъ Рогѣ и Чертомлыкѣ развилось и окрѣпло запорожское войско. Въ Приднѣпровьѣ южно-русскій народъ пролилъ потоки крови въ борьбѣ съ татарами и поляками за религіозную и національную самобытность. Было много основаній полюбить Днѣпръ и, повидимому, въ старинное время малороссіянинъ, въ особенности запорожецъ, дорожилъ Днѣпромъ въ высокой степени и, что въ особенности заслуживаетъ вниманія, отлично понималъ стратегическое и торговое значеніе Днѣпра. Говорятъ, запорожцы однажды разсердились на своихъ старшинъ и грозили оставить Сѣчь. Ни силой, ни увѣщаніями нельзя было ихъ остановить. Тогда кошевой Томиленко обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: «И вы, паны молодци, оставите Сичъ? И вы, братья, покинете Днипръ? А чи-жъ есть другій якій Днипръ? Да вы якъ рыба безъ воды не можете бути безъ Днипра. Де вы найдете нову таку славну рику, щобъ вамъ такъ служила, щобъ васъ такъ кохала! Да вы знаете, хлопци, що нашъ старый Днипро прямый шляхъ и въ татарскій Крымъ, и въ Анатолію, и въ Румилію, и на самый Царьгородъ, котрый въ нечестивыхъ рукахъ. Нихто васъ не сміе и не може удержувать, да сами вы удержитеся и схаменитесь, товарищи мои прелюбезныи! Да куда жъ васъ нечистая несеть? Христосъ зъ вами!»—«Да и правда мы дурни», заговорили запорожцы. Не зминымо Днипрови—батькови». Одинъ голосъ, желая поддержать въ козакахъ прежнюю готовность оставить Сѣчь, закричалъ, что крымскій ханъ обѣщаетъ дать козакамъ льготы и вольности. «Та цуръ ему, собаци! гаспидъ зъ нимъ!»—былъ

---

[1]) *Шевченко,* Кобзарь, изд. 1883 г., стр. 68.

ему отвѣтъ. «А Турокъ даетъ цѣлые мѣшки золота!» добавилъ тотъ же голосъ.—«А стонадцать ему чортивъ зъ тобою, паршивою вивцею!» гаркнуло сто голосовъ,—«остаемось!» и остались [1]).

Народно-поэтическое значенiе Днѣпра далеко не соотвѣтствуетъ его историческому значенiю. Въ пѣсняхъ Днѣпръ упоминается рѣдко. Дѣло въ томъ, что въ народной поэзiи Днѣпръ подавленъ Дунаемъ, что съ особенной яркостью обнаруживается въ великорусскихъ былинахъ; напримѣръ въ былинѣ про Дуная Ивановича: «отъ Дунаюшки протекла Дунай рѣка ко городу ко Кiеву» [2]). Опираясь на эту былевую фразу, профессоръ Огоновскiй предполагаетъ, что и въ выраженiи «Дѣвици поють на Дунаи: вьють ся голоси черезъ море до Кыева» въ «Словѣ о полку Игоревѣ» подъ названiемъ Дуная скрывается Днѣпръ [3]). Впрочемъ, болѣе вѣроятнымъ представляется предположенiе, что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ «Слова», Дунай означаетъ идеальную даль. Замѣна Днѣпра Дунаемъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» представляется тѣмъ болѣе сомнительной, что здѣсь Днѣпръ два раза упоминается, при томъ съ присоединенiемъ похвалы и съ поэтической обрисовкой.

1) Ярославна рано плачеть Поутивлю городу на забороле аркучи: «о Днѣпре Словоутичю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли посады до плъкоу Кобякова. Възлелѣй, господине, мою ладоу ко мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!».

2) Одному князю Ростиславу затвори Днѣпръ темни березi.

Названiе Днѣпра Словутою, говоритъ А. А. Потебня, и въ великорусскихъ былинахъ другихъ рѣкъ, напримѣръ, Волги, славными, предполагаетъ, что рѣки славились, что имъ пѣлась слава («быстрымъ рѣкамъ слава до моря», Кир. II, III, 106). Городамъ кликалась до поздняго времени слава въ окликахъ часовыхъ: «славенъ городъ N!» [4]). Можно думать, что въ до-монгольской Руси были особыя пѣсни о Днѣпрѣ. Пѣсни эти могли быть распѣваемы при княжескомъ дворѣ придворными поэтами, причемъ одновременно съ рѣкой Днѣпромъ славились князья, воевавшiе съ кочевниками на берегахъ Днѣпра. Изъ народныхъ пѣсенъ о Днѣпрѣ въ

---

[1]) *Надхинъ*, Память о Запорожьѣ, въ „Чтен. въ моск общ. ист. и древ.". 1886 г., т. II, стр. 125. [2]) *Рыбниковъ*, Пѣсни, т. II, стр. 51. [3]) *Огоновскiй*, Слово о полку Игор., стр. 125. [4]) *Потебня*, Слово о полку Игор., стр. 140.

«Слово о полку Игоревѣ» вошло нѣсколько мотивовъ, а именно названія Днѣпра «Славутичемъ» и «господиномъ».

Исходя изъ той мысли, что «народная пѣсня представляетъ богатый запасъ остатковъ вѣковаго эпоса, запасъ смѣшанный и разновременный, въ которомъ явленія древнѣйшія и позднѣйшія соединены вмѣстѣ въ одну пеструю группу» [1]), можно сдѣлать попытку отыскать въ новой малорусской поэзіи обломки древнихъ южно-русскихъ пѣсенъ о Днѣпрѣ.

Названіе Днѣпра Славутой встрѣчается въ думѣ про Самуила Кошку и въ думѣ про смерть Ѳедора Безриднаго. Въ первой думѣ козаки «къ Днѣпру Славутѣ низенько укланяли» [2]); во второй думѣ козаки «идутъ Днѣпромъ-Славутою» [3]).

Названіе Днѣпра «господиномъ» встрѣчается также въ малорусскихъ пѣсняхъ [4]).

Темные берега Днѣпра, скрывшіе трупъ утонувшаго князя Ростислава, можетъ быть, являются въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» продуктомъ исключительно личнаго воспоминанія автора «Слова» объ извѣстныхъ ему лѣсистыхъ побережьяхъ Днѣпра, и въ такомъ случаѣ отличаются, какъ характеристика Днѣпра, столь же субъективнымъ характеромъ, какъ въ Кобзарѣ Т. Шевченка характеристика Днѣпра «крутоберегимъ» и «дужимъ» (стр. 207 и др.).

Днѣпръ встрѣчается въ думахъ и бытовыхъ пѣсняхъ. Согласно съ исторической и географической точностью народно-поэтическихъ мотивовъ думъ, Днѣпръ въ думахъ имѣетъ строго опредѣленное значеніе. По Днѣпру спускаются козацкія чайки; по берегу Днѣпра двигаются козацкіе отряды; жиды раскинули вдоль Днѣпра свои «крамнички», съ такими чертами выступаетъ Днѣпръ въ думахъ про Самойла Кишку, Ѳедора Безроднаго и Богдана Хмельницкаго [5]). Въ бытовыхъ пѣсняхъ Днѣпру дается болѣе широкая обрисовка и болѣе идеальная окраска. Въ превосходной пѣснѣ «Ой зацвила калинонька у темному лузи» дивчина спрашиваетъ уѣзжающаго козака: «ой, коли тебе, серденько, ждати»; козакъ отвѣчаетъ:

---

[1]) *Жданов*, Русская поэзія въ до-монг. эпоху, стр. 1. [2]) *Антонович* и *Драгом.*, т. I, стр. 217. [3]) Тамъ-же, стр. 251. [4]) Огоновск., стр. 116. [5]) Антонов. и Драгом., Истор. пѣс. малор. нар., т. I, стр. 217, 253; т. II, стр. 17.

Тоди мене, моя мила, ждати-пиджидати,
Якъ стане по Днипру хмара похожати,
Старый Днипръ дощемъ полоскати [1]).

Въ одной пѣснѣ дѣвушка грустить по своемъ миломъ; она бросаетъ въ Днѣпръ кольцо въ надеждѣ, что днѣпровскія воды отнесутъ кольцо къ ея милому и такимъ образомъ напомнятъ ему объ ней. Мотивъ этотъ встрѣчается также съ Дунаемъ [2]).

Въ другой пѣснѣ украинскій парубокъ сѣтуетъ на свою долю, что она блукаетъ гдѣ-то за Днѣпромъ. Этотъ пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ [3]) и потому, можно думать, что Днѣпръ сюда попалъ случайно.

Въ «Трудахъ этн. экспед.» (т. V, стр. 1013) находится, между прочимъ, одна довольно любопытная пѣсня съ Днѣпромъ. Пѣсня новѣйшаго происхожденія, неправильнаго размѣра, представляетъ большую путаницу старыхъ и новыхъ пѣсенныхъ мотивовъ:

Було-жъ насъ три брата
Охъ! та вси не вкупи:
Одинъ въ Самари атаманомъ;
Другій въ Петербурси есауломъ,
А я, молоденькій, на Вкраини
Наповаю коня изъ быстраго Днипра,
Называю Днипра риднымъ братомъ:
Ой ты, Днипро—брате, скажи мени правду,
Охъ скилько у тебе ричокъ упало?
Ой упало у мене ричокъ сорокъ и чотыри;
Одна ричка—копирочка,
Та и та въ Днипро упала....

Такъ какъ далѣе въ пѣснѣ говорится:

Называють мене бурлакою,
Мого товарища розбишакою,
Свого кониченька пропилякою,

то, можно думать, пѣсня сложена какимъ-нибудь бродяжкой гайдамакомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Число 44—эпическое, встрѣчается въ отрывкѣ думы о разрушеніи бурею турецкаго корабля [4]).

---

[1]) Чубинск., т. V, стр. 881. [2]) Тамъ-же, стр. 140, 1025. [3]) Тамъ-же, стр. 214, 234. [4]) Антон. и Драг., т. I, стр. 99.

Упоминаемый изрѣдка въ думахъ Лиманъ означаетъ днѣпровское гирло, что ясно видно изъ слѣдующаго мѣста думы о Самійлѣ Кишкѣ: козаки «на Лиманъ-рѣку испадали, къ Днипру-Славутѣ низенько укланяли» [1]). Запѣвъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ «Ой Лимане, Лимане!», не имѣющій географической связи съ остальнымъ содержаніемъ думы, можно объяснить такимъ образомъ, что Лиманъ совершенно произвольно вставленъ въ пѣсню, исключительно для риѳмы съ слѣдующей затѣмъ строкой: «Ты Сирку Романе».

Днѣстръ.

Въ малорусской народной поэзіи Днѣстръ встрѣчается рѣдко, причемъ смѣшивается съ Днѣпромъ. Такъ, одни варіанты думы про Ѳедора Безроднаго начинаются со словъ: «Надъ сагою Дніпровою», другіе: «Надъ сагою Днистровою» [2]). Въ думахъ про походъ Хмельницкаго на Молдавію вѣтеръ повѣваетъ то «изъ низу Днѣстра», то «изъ низу Днипра» [3]). Галицко-русскія пѣсни, почти совсѣмъ не знающія Днѣпра, изрѣдка говорятъ о Днѣстрѣ, напримѣръ, въ пѣсняхъ на Меланку (новый годъ) [4]). Нужно впрочемъ замѣтить, что въ поэзіи нѣтъ характеристики Днѣстра, и всѣ упоминанія о немъ совершенно безцвѣтны. Народно-пѣсенный Днѣстръ принадлежитъ еще польско-литовскому государству. Въ великорусскихъ былинахъ р. Дунай пошла изъ богатыря Дуная, а р. Настасія изъ его жены Настасіи. «Для меня говоритъ И. В. Ягичъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ Настасьѣ рѣкѣ скрывается Днѣстръ. Что мужеское имя Днѣстръ перемѣнено въ женское, столь-же мало удивительно, какъ и то, что мужеское Днѣпръ въ былинахъ обращено въ женское Днѣпра и далѣе Нѣпра» [5]).

За Дунаемъ и отчасти Днѣпромъ и Днѣстромъ другія малорусскія рѣки не нашли мѣста въ народной поэзіи. Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами упоминаются степныя рѣки: «Жиды-рандари на славной Украини вси козацьки рики заорандовали:

Перва на Самари,
Друга на Саксагани,

---

[1]) Ант. и Драг., т. I, стр. 21. [2]) Тамъ-же, стр. 248. [3]) Ант. и Драг., т. II, стр. 100, 103. [4]) У Голов., т. IV, стр. 146. [5]) Archiv f. Slav. Philol. 1876 г., т. I, стр. 80.

Трейтя на Гнилій,
Четверта на Пробойній,
Пьята на ричци Кудесци [1])

Одна ричка—Копрочка,
Друга ричка—Гнилобережка
А третя—Самарька [2]).

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго упоминается Ташлыкъ [3]); въ думахъ объ угнетеніи Украины жидами, о корсунской битвѣ и о Перебійносѣ упоминается р. Случъ, какъ пограничная, отдѣляющая Украину отъ Польши, согласно съ Зборовскимъ договоромъ [4]). Есть пѣсня, начинающаяся словами: «Ой тамъ на Роси прояви-лись чауси». Изрѣдка въ бытовыхъ пѣсняхъ упоминается *Донецъ*, по смыслу, какъ замѣна Дуная, въ означеніи идеальной дали [5]). Подобнаго рода замѣну р. Дуная Дономъ при обозначеніи идеальной дали находимъ въ великорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ хороводной изъ ярославской губерніи: «Коло Дону, коло Дону, коло тихаго Дунаю ходитъ молодецъ гуляетъ [6]), и въ малорусскихъ пѣсняхъ, напримѣръ: «Ой по Дону, по Дону, по тихому Дунаю та плавало суденце» [7])

Какъ извѣстно, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» находится превосходная поэтическая характеристика Донца: «Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявши князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу, стрежаше его гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми не вѣтрѣхъ». Можно думать, что авторъ «Слова», характеризуя Донецъ, руководствовался существовавшими въ его время въ народной поэзіи образами и эпитетами. Можетъ быть, передъ его мысленными очами носилась извѣстная пѣсня, прославляющая рѣку Дунай или Днѣпръ, въ родѣ малорусскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ въ V т. «Трудовъ Этн. Ст. Экспед.» на стр. 889, стр. 922, и бѣлорусской, вѣроятно, выродившейся изъ малорусской въ Сборн. бѣлор. пѣс. П. В. Шейна, стр. 258. Въ ряду

---

[1]) Ант. и Драг., т. II, стр. 21. [2]) Тамъ-же, стр. 28. [3]) Тамъ-же, стр. 126. [4]) Тамъ-же, стр. 28, 29, 34, 47. [5]) Чубин., т. V, стр. 87. [6]) Труды Яросл. Губ. Стат. Комитета, т. I, стр. 50. [7]) Чубинск., т. V, стр. 952.

пѣсенъ этого мотива лучшей представляется у Чубинскаго (V, 922). Молодая вдова пустила въ тихій Дунай своихъ дѣтей и обратилась къ Дунаю съ просьбой:

Тихій Дунай, не гуди,
Моихъ дитокъ не збуди,
А ты, жовтый писочокъ,
Годуй моихъ диточокъ;
А ты, быстрая вода,
Моихъ дитокъ доглядай;
А ты, густый очеретъ,
Вари дитямъ вечерять,
А вы, луги, не гудить,
Моихъ дитокъ не збудить.

Русь—Украина.

П. А. Кулишъ высказалъ мнѣніе, что «Русь, Русская земля, русскій народъ первоначально принимались одинаково на всей равнинѣ, которая впослѣдствіи является въ видѣ двухъ государствъ, Польскаго и Русскаго». Мнѣніе это можетъ быть принято въ приложеніи къ великоруссамъ и малоруссамъ, за исключеніемъ польскаго народа. Ограничиваясь общеизвѣстными фонетическими особенностями языковъ польскаго и русскаго, можно сказать, что уже въ X вѣкѣ между ними было значительное различіе. Русскій и тогда прежде всего значило отличный отъ ляшскаго, чешскаго, болгарскаго [1]). Не касаясь вопроса о томъ, занесено ли названіе Русь съ Балтійскаго побережья, или изстари было туземнымъ, достаточно замѣтить, что уже въ XI столѣтіи названіе это распространилось на Волынь и Галицію, затѣмъ на всю южную Россію и наконецъ на Россію среднюю и сѣверную. Съ теченіемъ времени названіе это вполнѣ укрѣпилось за сѣверо-восточной Русью и было утеряно южной Русью, за исключеніемъ западной ея окраины, Галиціи. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ Русь встрѣчается въ тѣсномъ смыслѣ Галиціи и въ болѣе широкомъ смыслѣ всей Украины. Съ послѣднимъ значеніемъ, по видимому, является Русь въ одной галицкой пѣснѣ:

---

[1]) *Потебня,* Рецензія сборн. пѣс. Головацкаго, стр. 5.

Налетѣли бѣли гуси
Зъ тои далекои Руси [1]).

Въ думѣ про Алексѣя Поповича находится выраженіе: «ставъ ихъ Господь на Русь вызволяты» [2]), причемъ Русью обозначена Украина. Въ думахъ есть намеки, что извѣстное великорусское пѣвенное выраженіе «святая Русь», столь часто встрѣчающееся въ былинахъ, было въ старину свойственно и малорусской исторической поэзіи. Такъ, въ «Плачѣ невольника» поется:

Вызволь, Боже, бидного невольника
На святоруській берегъ,
На край веселый, межъ народъ хрещеный [3]).

«Въ XVII ст., говоритъ Н. И. Костомаровъ, явились названія: Украина, Малороссія, Гетманщина; названія эти невольно сдѣлались теперь архаизмами; ибо ни то, ни другое, ни третье не обнимало сферы всего народа, а означало только мѣстныя и временныя явленія его исторіи. Выдуманное въ послѣднее время названіе южноруссовъ остается пока книжнымъ, если не навсегда останется такимъ, потому что даже по своему сложному виду какъ-то неусвоительно для обыденной народной рѣчи... Изъ всѣхъ названій, какія были выдумываемы для нашего народа, чтобы отличить его отъ великорусскаго, болѣе всего какъ-то привилось названіе «хохла», не по своей этимологіи, а по привычкѣ, съ какою усвоили его великоруссы. Странно было бы думать о возможности принятія этого насмѣшливаго прозвища народа за серіозное названіе народа» [4])...

Обращаясь къ народной поэзія, мы должны сказать, что украинская народная словесность, именно думы и пѣсни, совершенно не знаетъ южноруссовъ, малоруссовъ и хохловъ. Въ сказкахъ встрѣчается изрѣдка хохолъ въ противоположеніи великороссу; но такихъ сказокъ немного и онѣ относятся большею частью къ восточной Малороссіи, гдѣ слово «хохолъ» вошло отчасти въ обыденную народную рѣчь. Историко-географическій терминъ Гетман-

---

[1]) Голов., т. I, стр. 313. [2]) Антон. и Драг., т. I, стр. 191. [3]) Тамъ-же, стр. 95. [4]) *Костомаровъ*, Историч. монографіи, т. I, стр. 61—62.

щина въ пѣсняхъ встрѣчается очень рѣдко и безъ фактической или поэтической обрисовки.

Народная поэзія знаетъ только Украину. Это названіе встрѣчается часто, встрѣчается въ историческихъ думахъ, въ обрядныхъ пѣсняхъ и въ пѣсняхъ семейно-родственныхъ, иногда съ достаточнымъ количествомъ фактическихъ данныхъ и въ поэтической обрисовкѣ. Нужно при этомъ замѣтить, что Украина въ пѣсняхъ имѣетъ двоякое значеніе. Въ однихъ случаяхъ подъ этимъ названіемъ разумѣется родной край, близкій и дорогой сердцу народнаго пѣвца, въ другихъ случахъ—край далекій, чужбина, вызывающая въ душѣ народнаго поэта чувство грусти. Разберемъ подробнѣе оба значенія названія Украины, согласно съ данными народной словесности.

1) *Украина—родина.*

Тиха вода береженьки зноситъ—
Молодъ козакъ свого пана проситъ:
Пусти мене звидси до дому на Вкраину,
Пише дивча листы, що мае дитину [1]).

Диточки мои, горе мени зъ вами,
Що не можете заробляти сами!
Ой посажу я дитей у рядову торбину,
Та вынесу дитей на высоку могилу,
Пущу своихъ дитей на всю Украину [2]).

Признаніе Украины родиной вызываетъ проявленія любви къ ней и прославленія, напримѣръ:

Ой Украино мила, краю памятливый!
Тамъ я любивъ дивчину, тамъ я бувъ счастливый;
Живъ соби въ мистечку, кругъ своей родины [3]).

Ой е въ мене на Вкраини риднесенька мати [4]).

Добре було нашимъ батькамъ на Вкраини жити,
Доки не знали наши батьки панщины робити [5]).

---

[1]) Чуб., т. V, стр. 344. [2]) Тамъ-же, стр. 860. [3]) Тамъ-же, стр. 328. [4]) Тамъ-же, стр. 454. [5]) Чуб., т. V, стр. 1064; Голов., т. I, стр. 20.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ Украина называется козацкой страной [1]). Она бываетъ несчастна [2]) и потому «журится» [3]). Неоднократно Украина называется славной [4]). А. К. Толстой въ превосходномъ стихотвореніи «Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ» представилъ Украину страной богатой. Подобнаго рода обрисовка Украины не чужда народной поэзіи. Такъ въ одной галицко-русской пѣснѣ, повидимому, нѣсколько подкрашенной интеллигентнымъ человѣкомъ, находимъ такую характеристику Украины:

На Вкраинѣ всего много, и паши, и браги,
Лише шо тамъ ляхи стоятъ, козацькіи враги.
На Вкраинѣ всего много, меду и горѣлки,
Красны дѣвки, молодыци, а всѣ чернобривки.
На Вкраинѣ молодыци, то въ червоныхъ ходятъ,
Полотняныхъ не видають, бо ихъ сами роблять [5]).

Доказательствомъ народности основнаго мотива этой пѣсни, прославленія Украины, можетъ служить небольшая старинная пѣсня въ Сборникѣ историч. пѣс. малор. нар. Антоновича и Драгоманова (II, 49): «Та немае лучше, та немае краще, якъ у насъ на Украини, та немае ляха, немае жида, нема и уніи».

2) *Украина—чужбина.* При опредѣленіи Украины чужбиной было принято во вниманіе этимологическое значеніе слова Украина.

Якъ поиду на Украину, не скоро буду [6]).

Сама пиду у свитъ на Вкраину,
Та не будутъ мене люде знати [7]).

Дѣвчинонько мило, що будешь робила
Въ Украинѣ далекій [8]).

Эй погнѣвался, та и погнѣвался
Мой милый на мене,

---

[1]) Антон. и Драг., т. II, стр. 24. [2]) Голов., т. I, стр. 15, 16. [3]) Антон. и Драг., т. I, стр. 274, 73; т. II, стр. 4. [4]) Тамъ-же, т. II, стр. 6, 21. [5]) Гол., т. I, стр. 103. [6]) Чуб., т. V, стр. 221. [7]) Тамъ-же, стр. 347. [8]) Гол., т. I, стр. 126.

Осѣдлалъ коня вороненько,
Поѣхалъ пречь отъ мене....
Послала бъ я до него
На Украину, на Украину [1]).

Покинь отця, покинь маму и всю родыну,
Ходи зъ нами козаками на Украину [2]).

Якъ же тя буде за нелюба давати,
Дай же ты мени на Вкраину знати....
А я изберу сто кониченьки Литвы,
Та и нароблю я твоій матинци битвы [3]).

Нужно замѣтить, что Литвой въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ называются иногда поѣзжане жениха; они называются также татарами. Какими бы судьбами Литва ни попала въ пѣсню, очевидно, народный поэтъ имѣлъ темное представленіе объ Украинѣ.

Изъ представленія Украины страпой далекой, чужбиной выработалось отрицательное и враждебное къ ней отношеніе народнаго поэта, что обнаруживается, напримѣръ, въ слѣдующихъ пѣсняхъ:

Не иди, суко, на Вкраину жити,
На Вкраини усе чужи люде [4]).

Колибъ я крыла мала,
Тобъ я тую превражу Вкраину
Кругомъ облитала,
Тобъ я свого миленького
По волахъ пизнала [5]).

Послѣдняя пѣсня принадлежитъ къ числу чумацкихъ, и здѣсь Вкраина обозначаетъ Новороссію.

Въ старинныхъ пѣсняхъ, въ думахъ встѣчаются иногда описательныя выраженія Украины: «города христіанскіе», въ противо-

---

[1]) Голов., т. II, стр. 704. [2]) Гол., т. I, стр. 124. [3]) Тамъ-же, стр. 110. [4]) Чуб., т. V, стр. 455. [5]) Тамъ-же, стр. 1044.

положность земли турецкой, вѣрѣ бусурманской, «міръ крещеный», «міръ царскій», «тихія воды и ясныя зори» [1]).

Изъ украинскихъ городовъ въ народныхъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Кіевъ, Львовъ, Коломыя, Каменецъ-Подольскій, Черкасы, Богуславъ, Черниговъ, Немировъ; только объ одной Коломыи въ галицко-русскихъ пѣсняхъ говорится съ нѣкоторыми фактическими подробностями. Въ коломыйкахъ неоднократно прославляется Коломыя, какъ мѣстность красивая, городъ славный, съ красивымъ и довольнымъ населеніемъ; всѣ же остальные города и даже Кіевъ упоминаются въ пѣсняхъ мимоходомъ, безъ поэтической обрисовки.

Пѣсни, преимущественно старинныя, помнятъ еще про «славное Запорожье» и разныя запорожскія мѣстности, про Муравскій шляхъ и Савуръ могилу, про Базавлукъ, Самарскія поля и Чорный лѣсъ, про «Сичову Покровъ» (церковь), Межигорскаго Спаса и Терехтемировскій монастырь. Фактическая и поэтическая характеристика запорожскихъ урочищъ незначительна и безцвѣтна.

Польша.

Въ старинныхъ пѣсняхъ упоминается «земля польска», Польша, земля кралевская, ляцькій край. Относясь враждебно къ полякамъ, какъ этнографической и политической единицѣ, малорусская пѣсня къ Польшѣ относится довольно индеферентно. Послѣднее обстоятельство объясняется существованіемъ въ народной поэзіи архаической точки зрѣнія на территоріальную Польшу, какъ на государство, заключающее въ себѣ Украину, напримѣръ, въ пѣснѣ о тещѣ въ плѣну [2]). Впрочемъ, чаще встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ полное отдѣленіе Украины отъ Польши, напримѣръ: «не попустимо ляхви изъ Польщи» [3]), или:

Ой не чорна хмара надъ Польщею стала,
То жъ то не одна ляшка удовою стала [4]).

Въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами говорится, что «въ земли кралевскій добра не було» [5]).

---

[1]) Антон. и Драг., т. I, стр. 90, 91. [2]) Тамъ-же, стр. 290. [3]) Антонов. и Драг., т. II, стр. 41. [4]) Тамъ-же, стр. 37. [5]) Тамъ-же стр. 20.

Изъ польскихъ городовъ въ малорусскихъ пѣсняхъ изрѣдка упоминаются Варшава и Краковъ.

Слово Польша въ украинской словесности иногда вовсе не относится къ бывшему польскому государству и имѣетъ совершенно особое географическое значеніе. Такъ, оно употребляется въ приложеніи къ низменной части Галиціи въ отличіе отъ гористаго Покутья или Коломыйскаго округа. Угорскій верховинецъ называетъ Польшей низменную страну надъ р. Тисой, представляющую собою сплошныя поля [1]). Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ встрѣчаются выраженія: «ой нема въ Польшѣ добра, та вѣдай, и не будетъ», или, «не маемо цесарику, що въ Польщѣ сидѣти». Варіанты: «ой нема добра въ горахъ»; «ой не маемо, цесарику, що на Руси сидѣти» указываютъ на весьма ограниченный въ данномъ случаѣ объемъ Польши. Рѣчь очевидно идетъ о галицко-русскихъ ополянахъ, или жителяхъ тарнопольскаго и чортковскаго округовъ.

Туреччина.

Въ чешской грамматикѣ Благослова 1571 г. приведена малорусская пѣсня, и въ ней находимъ сопостановленіе малорусскихъ сосѣдей:

На верси Дунаю три роги ту стоя,
Перша рога Турецка,
Друга рота Татарска,
Третя рота Волоска [2])

Подобнаго рода сопоставленіе сосѣднихъ съ Украиной странъ находимъ въ думѣ о покупкѣ братомъ сестры плѣнницы:

Три братчики та риднесеньки,
Одинъ пишовъ на Волощину,
Другій пишовъ на Вгорщину,
Третій пишовъ на Туреччину [3]).

и въ колядкахъ, напримѣръ:

---

[1]) *Головацкій,* О костюмахъ, стр. 81. [2]) *Потебня,* Малор. нар. пѣсня по списку XVI в., стр. 2. [3]) Антон. и Драг., т. I, стр. 276.

Ты, коню сивый, будь ми счастливый,
На три дорози та у три земли,
Одна дорога та въ Волоськую,
Другая дорога та въ Нѣмецькую,
Третя дорога та въ Турецькую [1]).

Главная особенность Туреччины—бусурманство ея жителей; это «Невірь земля», «вира погана—земля проклята» [2]). Здѣсь война и слезы:

Турецькая земленонька,
Шабельками пощебана,
Слизоньками пидмочена [3]).

При всемъ томъ, турецкія страны богаты золотомъ и конями.

Ты, земле Турецькая, виро бусурманская,
Ты есь наполнена сребромъ, златомъ,
И дорогими напитками [4])

Изъ Турціи выводятъ коней [5]). Въ галицко-русской свадебной пѣснѣ дается жениху совѣтъ съѣздить къ туркамъ на ярмарку и купить тестю въ даръ воронаго коня съ золотымъ сѣдломъ [6]).

Изъ турецкихъ городовъ чаще всего въ пѣсняхъ упоминается Царьградъ, Царивъ-городъ. Русскіе молодцы дѣлаютъ на него нападенія и заставляютъ горожанъ платить выкупъ. Кіевскій богатырь Михайликъ удаляется въ Царьградъ и переноситъ сюда изъ Кіева Золотыя ворота. Въ думахъ неоднократно упоминаются константинопольскіе базары. Положеніе Цареграда опредѣляется довольно точно: «доливъ Дунаемъ пидъ Царигородъ». Частое упоминаніе о Цареградѣ указываетъ на довольно близкое съ нимъ знакомство малорусскаго народа по разсказамъ бывалыхъ людей, плѣнниковъ и богомольцевъ. Кромѣ Цареграда въ думахъ изрѣдка упоминаются Варна, Трапезунтъ, Азовъ, Тягинь, Килія, Хотинъ, Козловъ, Тендеръ.

Крымъ упоминается въ чумацкихъ пѣсняхъ, обыкновенно въ фразахъ «иты въ Крымъ по силь» и «до Крыму дороженька далекая» [7]).

---

[1]) Голов., т. I, стр. 61. [2]) Антон. и Драг., т. I, стр. 212. [3]) Голов. т. I, стр, 101. [4]) Антон. и Драг., т. I, стр. 94. [5]) Антон., т. I, стр. 6; Голов., т. II, стр. 61. [6]) Голов., т. IV, стр. 224. [7]) Чуб., т. V, стр. 112, 198, 457, 1043, 1053 и др.

Волощина.

Румынія изображается страной ровной:

Вандруй, вандруй, дѣвчинонко въ Волощину зъ нами!
Бо у Волощинѣ все поле ривненьке... [1])

Къ румынамъ галицко-русская пѣсня относится сочувственно, какъ къ добрымъ людямъ:

Бувай здоровъ, Ляцькій краю!
Вжежъ я тебе покидаю.
Ой пиду я въ Волощину,
И тамъ же я не загину:
Въ Волощинѣ добри люде,
И тамъ мени гараздъ буде [2]).

«Въ судьбахъ Угорской и Буковинской Руси, говоритъ А. А. Потебня, важную роль играютъ ея почти постоинно дружественныя связи съ румынами... Связи Руси съ румынами сказываются во многомъ: въ употребленіи церковно-славянскаго языка въ богослуженіи въ Молдавіи и Валахіи до половины XVII в., въ непрерывныхъ сношеніяхъ галицкой церковной іерархіи съ молдавскою до окончательнаго введенія уніи въ Галичинѣ въ XVII в., въ употребленіи русскаго языка въ гражданскихъ актахъ въ Молдавіи; въ многочисленныхъ семейныхъ связяхъ русскихъ пановъ и молдавскихъ господарей, въ обоюдныхъ этнографическихъ вліяніяхъ» [3]).

Въ одной галицко-русской любовной пѣснѣ находится указаніе на расположеніе волоховъ къ колдовству, къ ворожбѣ:

Волошине, Волошине,
Навчи мене ворожити [4])...

Въ объясненіе этого выраженія нужно сказать, что въ средней и восточной Малороссіи, вдали отъ румынъ, слово волохъ перешло на цыганъ. Въ одной пѣснѣ находимъ выраженіе: «цыганочка-волошечка». Пѣсня съ вышеприведенной фразой, хотя записана въ Галиціи, не заключаетъ въ себѣ ничего спеціально га-

---

[1]) Голов., т. I, стр. 326. [2]) Тамъ-же, стр. 240. [3]) Потебня, Рецензія сбор. пѣс. Голов., стр. 8. [4]) Голов., т. III, стр. 364.

лицкаго, и по складу, по языку представляется малорусской пѣсней. Вѣроятно она возникла первоначально въ Малороссіи и потомъ проникла въ Галицію.

Въ одной колядкѣ находится указаніе, что малороссіяне пріобрѣтали воловъ въ Молдавіи, «зъ Волощины иде—волики веде» [1]). Это указаніе подтверждается лексическими данными малорусскаго языка. Многія малорусскія слова, относящіеся къ скотоводству, заимствованы изъ румынскаго языка.

Угорщина.

Согласно съ географическимъ положеніемъ Венгріи, въ малорусской народной поэзіи Венгрія—страна далекая. Въ галицко-русской колядкѣ чудесный пастухъ овецъ, личность миѳическая, трубитъ въ костяную трубу, и звукъ «чути було а въ Угорщину» [2]). Какъ жители далекой малоизвѣстной страны, притомъ неоднократно вторгавшіеся въ галицко-русскую землю, венгры «зрадлывіи люде» [3]). Этотъ оттѣнокъ враждебнаго отношенія малорусскаго народа, точнѣе, его галицкой вѣтви, къ венграмъ, съ отчетливостью обнаруживается въ галицко-русской свадебной пѣснѣ:

Поѣхавъ староста
Въ угорскую землю,
Угриночку влюбити,
Угриночку си влюбивъ,
Господь му не присудивъ.
Бо въ угорской землѣ
Куроньки не поють,
И свѣтъ не свитае,
И соненько не сходитъ,
И дрибенъ дощъ не иде,
И травонька не росте,
И коникъ ся не пасе [4]).

Отрицательныя стороны угорской земли здѣсь преувеличены по противоположности къ непоименованной Руси, гдѣ по мысли

---

[1]) Антон. и Драг., т. I, стр. 6. [2]) Гол., т. IV, стр. 53. [3]) Антонов. и Драг., т. I, стр. 78. [4]) Голов., т. IV, стр. 224.

поэта, и солнце свѣтитъ, и дождь идетъ, и трава ростетъ и, главное, есть хорошія дѣвушки—невѣсты.

Останавливаясь въ настоящемъ изслѣдованіи только на тѣхъ мѣстныхъ названіяхъ украинской народной словесности, которыя извѣстны были всему народу и получили фактическую обрисовку, я оставилъ въ сторонѣ нѣсколько мѣстныхъ названій, или потому, что они встрѣчаются только въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или по причинѣ отсутствія фактическихъ данныхъ касательно ихъ поэтической обрисовки. Такъ, я оставилъ въ сторонѣ Карпатскія горы, встрѣчающіяся исключительно въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, или подъ названіемъ Бескида, или чаще подъ общимъ названіемъ горы, не говорилъ ничего про названіе Московщина, какъ названіе рѣдкое, указывающее только на далекую отъ мѣста сложенія пѣсни Великороссію, ничего не замѣтилъ, наконецъ, о Германіи, въ силу совершенно неопредѣленнаго выраженія одной пѣсни, что «Нимеччина не Ляшина и не земля Волоска» [1]). Очевидно, что малороссіяне знаютъ нѣмецкую землю, какъ отдѣльную, независимую страну и, какъ видно изъ одной пѣсни, страну богатую, потому что «зъ Нимещины иде, грошики несе» [2]).

Изъ разсмотрѣнія мѣстныхъ названій въ украинской народной поэзіи видно, что выступающая въ поэзіи Украина представляется Украиной архаичной, X—XVII ст. Эта старинная Русь-Украина, по даннымъ народной поэзіи, стоитъ въ ближайшей географической связи съ Балканскимъ полуостровомъ. Черное море, Дунай, Волощина, Туреччина и Цареградъ въ особенности привлекали вниманіе южно-русскаго народа въ старинное время и въ народной поэзіи заслонили собой всѣ другія сопредѣльныя съ Украиной страны.

Н. Ѳ. Сумцовъ.

---

[1]) Голов., т. II, стр. 341. [2]) Антон. и Драг., т. I, стр. 6.

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

(продолженіе) [1]).

III.

Научныя и литературныя занятія А. Я. Стороженка ввели его въ сношенія и болѣе или менѣе близкую связь съ людьми, прославившими на этомъ поприщѣ свое имя. Изъ западно-славянскихъ ученыхъ это были: Шафарикъ, Ганка, Мацѣёвскій, Зубрицкій и Людевитъ Гай, а изъ русскихъ: Бодянскій, Срезневскій и А. В. Терещенко. Кромѣ этихъ лицъ, Стороженко состоялъ въ знакомствѣ съ извѣстными русскими литераторами его времени: Булгаринымъ, Воейковымъ, Гречемъ и Владиславлевымъ. Слѣдомъ его добрыхъ отношеній къ этимъ лицамъ осталась значительная переписка. Къ сожалѣнію въ мое распоряженіе попала только часть ея и, что важнѣе, не сохранились черновыя отъ писемъ Андрея Яковлевича, которыя разъяснили бы многое въ письмахъ отвѣтныхъ.

Интересуясь прошлою судьбою своей народности, Андрей Яковлевичъ любопытствовалъ также близко изучить прошлое и ознакомиться съ настоящимъ и другихъ славянскихъ народностей. Частыя поѣздки его для лѣченія въ Карлсбадъ, съ остановками въ Прагѣ, представили ему удобный случай для знакомства со многими учеными изъ австрійскихъ славянъ; тутъ пришлось ему сблизиться и съ знаменитымъ авторомъ «Славянскихъ древностей» и «Славянскаго народоописанія» Шафарикомъ и не менѣе извѣстнымъ многочисленными своими трудами по чешской исторіи, литературѣ, археологіи и нумизматикѣ, директоромъ пражскаго музея древностей, Ганкою [2]).

---

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., августовск. кн., стр. 639—692.

[2]) О нихъ см. Ист. славянскихъ литературъ Пыпина и Спасовича. Изд. 2-е, С.-п.б., 1879 г., стр. 941—944, 938—940.

О своемъ знакомствѣ съ Шафарикомъ Андрей Яковлевичъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ къ О. М. Бодянскому отъ 20-го января 1844 г.: «прошлаго лѣта, можно сказать, по привычкѣ уже, я былъ въ Карлсбадѣ и на возвратномъ пути черезъ Прагу видѣлъ всѣхъ добрыхъ пріятелей моихъ, тружениковъ на славянской нивѣ. Шафарикъ очень ослабѣлъ; чехи не будутъ имѣть подобнаго въ дѣятельности, хотя она и нѣмецкая». Переписка съ Шафарикомъ не сохранилась.

Знакомство Андрея Яковлевича съ Ганкою относится къ 30-мъ годамъ. Послѣ первой же встрѣчи они настолько понравились другъ другу, что не упускали возможности повидаться, для чего Андрей Яковлевичъ въ заграничныхъ своихъ поѣздкахъ каждый разъ заворачивалъ въ Прагу. Памятникомъ одного изъ такихъ свиданій сохранилась неясная записка Ганки къ Андрею Яковлевичу отъ 8 августа 1842 г., которую я помѣщаю здѣсь лишь въ надеждѣ вызвать разъясненіе оной отъ кого-либо близко изучившаго жизнь и дѣятельность Ганки:

«Ваше превосходительство! Я ожидалъ ужъ въ пять часовъ извѣстнаго человѣка и лучше-бъ былъ сдѣлалъ, если-бъ былъ тотчасъ самъ къ «Тремъ липамъ» пошелъ, по крайней мѣрѣ-бъ имѣлъ удовольствіе видѣть еще разъ ваше превосходительство. Чоловѣкъ пришелъ въ половинѣ шестаго и, какъ я послѣ, идучи около «Трехъ липъ», узналъ, онъ васъ уже не засталъ.

Что не сдѣлалось, должно сдѣлать: панъ Феликсъ Бораковскій(?(это тепериче исполнитъ» [1]).

Спустя два года Ганка, пользуясь проѣздомъ черезъ Прагу въ Варшаву б. основателя и директора института глухо-нѣмыхъ въ Москвѣ, а въ то время агента газоваго общества, Антона Осиповича Корси, поручилъ ему передать Андрею Яковлевичу книгу: «Сазаво-Еммауское Евангеліе и начала священнаго языка словянъ» (издана въ Прагѣ въ 1846 г. in 12), а при ней слѣд. письмецо:

«Прилагаемую при семъ книгу прошу покорно принять, какъ послѣдній, сохранившійся на чужбинѣ, остатокъ истребленнаго у насъ православія. Въ предисловіи я объ этомъ обширнѣе говорилъ, но украли. Желая вамъ быть счастливымъ, здоровымъ и долговѣчнымъ, имѣю

---

[1]) Я привожу письма Ганка съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей.

честь оставаться навсегда вамъ преданнымъ, Вячеславомъ Ганкою. Прага, $^3/_{15}$ іюля, 1846 г» [1]).

Изъ письма Ганки къ Андрею Яковлевичу отъ $^4/_{16}$ іюля 1847 г. видно, что они обмѣнивались не только книгами, но и мнѣніями по поводу научныхъ своихъ трудовъ.

Извѣщая Андрея Яковлевича о полученіи посланныхъ имъ книгъ, Ганка пишетъ далѣе:

«Г. Мацѣевскій отдалъ мнѣ копію вашей любопытной статьи [2]), съ которой намѣреньемъ я совершенно соглашаюся, только я бы желалъ, что-бъ она съ VII вѣка обширнѣе исчисляла нынѣ уже онѣмеченныя славянскія племена и ярчѣй опредѣляла ихъ тогдашнія границы. Далѣе, что-бъ было показано, что гдѣ только въ IX и X вѣкѣ православіе свои благодѣтельные лучи бросало, хотя-жъ тамъ впослѣдствіи оно нѣмцами и истреблено было, въ тѣхъ странахъ и языкъ словянскій совсѣмъ исчезъ и остались только слабые слѣды обычаевъ и повѣрій. Я совсѣмъ убѣжденъ, что если-бы блескъ сихъ лучей изъ сосѣдственныхъ Чехъ въ Лузацію не засягалъ, то-бы и тамъ, какъ въ Турингіи, на рѣкѣ Салѣ, на Нижней Лабѣ и т. д съ нѣмецкимъ вѣроученіемъ не осталось бы словянскаго слова. Эта статья имѣла-бъ гораздо болѣе силы, крѣпости и прочности, ибо историческое воспоминаніе убѣждаетъ. Поляки своимъ усиліемъ распространяться на востокъ и пустить западныя страны нѣмцамъ согрѣшили сами противъ себя и противъ всему словянству. Въ новѣйшихъ временахъ въ сей статьѣ, правда, благоразумнѣе говорить только про Россію и Польшу».

Сношенія А. Я. Стороженка съ Ганкою неожиданно поставили его въ слѣдующемъ году въ положеніе если не весьма трудное, то во всякомъ случаѣ не совсѣмъ удобное, по занимаемому имъ административному посту при намѣстникѣ Царства Польскаго. Пробдивувшееся тогда въ Европѣ революціонное, демократическое и національное, броженіе коснулось и сосѣдней съ нами австрійской имперіи. Австрійскіе нѣмцы стремились къ соединенію съ нѣмцами германскими, притягивая въ этотъ союзъ и австрійскихъ славянъ. Эти послѣдніе въ свою очередь обнаружили энергическое стремленіе къ противодѣйствію нѣмецкимъ тенденціямъ и къ объединенію славянскихъ народностей. Съ этою цѣлію задуманъ былъ славянскій съѣздъ въ Прагѣ, срокомъ котораго назначалось 31-е мая 1848 г. Знатнѣй-

---

[1]) Корси не случилось попасть въ Варшаву и онъ переслалъ Андрею Яковлевичу книгу Ганки изъ Дрездена, какъ свидѣтельствуетъ сохранившееся письмо его отъ 26 іюля т. г.

[2]) Рѣчь идетъ, кажется, о статьѣ Стороженка, напечатанной послѣ его смерти въ Чтеніяхъ моск. общ. ист. древн. за 1871 г.

шія чешскія фамиліи, выдающіеся ученые изъ австрійскихъ славянъ приняли участіе въ устройствѣ этого съѣзда; примкнулъ къ этому кружку и Ганка. Составлено было воззваніе ко всѣмъ славянамъ на четырехъ языкахъ: чешскомъ, польскомъ, сербскомъ и словацкомъ; «на русскомъ языкѣ, по словамъ Ганки, не знали, печатать-ли, и не печатано». Вотъ текстъ этого любопытнаго воззванія:

«Славяне, братья! Кто изъ насъ не посмотритъ со скорбью на наше прошлое и кому неизвѣстно, что то, что мы претерпѣли, случилось единственно вслѣдствіе нашего нерадѣнія и разрозненности? Но послѣ многихъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ одни забыли о другихъ, въ теченіе которыхъ несчастіе столько разъ падало на наши головы, мы пришли наконецъ къ сознанію, что всѣ мы, народы славянскіе, дѣти одной великой матери, что мы братья! Настали важныя времена, которыя освободили народы и сняли съ нихъ бремя, подъ которымъ они такъ тяжко стонали; времена эти сняли и съ насъ бремя и мы теперь можемъ высказать то, что мы давно чувствовали, можемъ разсуждать объ этомъ и можемъ это утверждать. Народы европейскіе вступаютъ въ соглашенія и соединяются. Нѣмцы созвали для своего единенія съѣздъ во Франкфуртѣ, который требуетъ, чтобы австрійское государство уступило съ этою цѣлью столько своей свободы, сколько нужно для цѣлости нѣмецкой (націи) и чтобы государство австрійское со всѣми землями, исключая Угріи, вступило въ составъ нѣмецкаго государства. Таковой шагъ нарушилъ-бы не только цѣлость австрійскаго государства, но и помѣшалъ бы соединенію и самостоятельному существованію славянскихъ народностей и угрожалъ-бы имъ обезнаціоналеніемъ. Наша же обязанность неутомимо оборонять то, что намъ дорого. Пришло время намъ, славянамъ, вступить въ соглашеніе и стремиться къ одной цѣли. Того ради до приведенія въ исполненіе этихъ замысловъ, отвѣчая съ радостью на многочисленные, присланные изъ разныхъ славянскихъ краевъ запросы, дѣлаемъ симъ воззваніе ко всѣмъ славянскимъ народностямъ австрійскаго государства и приглашаемъ всѣхъ лицъ, пользующихся народнымъ довѣріемъ и намъ сочувствующихъ, собраться въ изстари славной чешской Прагѣ на 31-е мая текущаго года, чтобы обсудить вмѣстѣ обо всемъ томъ, что нужно для нашего племени и что должны мы предпринять въ настоящее важное время. Если же и другіе славяне, изъ-за предѣловъ австрійскаго государства, захотѣли бы почтить нашъ съѣздъ своимъ присутствіемъ, то они будутъ приняты, какъ дорогіе гости. Въ Прагѣ, дня 1-го мая 1848 г.».

Воззваніе печатали въ газетахъ, разсылали, куда знали и могли. Не удержался Ганка, что-бы не послать его и своему варшавскому пріятелю и послалъ при письмѣ слѣд. содержанія:

«Прилагаемые при семъ листки прошу покорнѣйше принять милостиво по крайней мѣрѣ въ извѣстность. Мы дождались временъ, которыхъ еще не ожидали. У насъ было бы хороше все, но проклятые нѣмцы! Жаль, что у васъ нѣтъ нашихъ газетъ, чтобъ узнать, какими беззаконными хитростями они хотятъ насъ въ свои безбожныя мрежи увлечь. Читайте постановленіе франкфуртскихъ пятидесяти самозванцевъ въ отношеніи къ нашей протестаціи. Мы не хотимъ соединенія съ этою большою Германіею. Мы славяне и останемся славянами до послѣдней капли крови. Очень было бы намъ пріятно видѣть въ нашемъ съѣздѣ и нашихъ братій россіянъ. Прощайте и не забывайте насъ. Покорнѣйшій и преданнѣйшій Вячеславъ Ганка. 4-е маія 1848 г.»

Извѣстно, какъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія порядка и строгаго монархизма императоръ Николай на обнаруживавшееся тогда въ Европѣ демократическое движеніе и какъ отразился этотъ взглядъ на внутреннихъ мѣропріятіяхъ и отношеніи нашемъ къ венгерской революціи. Въ числѣ устроителей славянскаго съѣзда были и поляки, но польскія мечты шли дальше намѣченной съѣздомъ цѣли и какъ за границей, такъ и у насъ успѣли обозначиться не безопасными для внутренняго нашего спокойствія затѣями явно революціоннаго характера. Между тѣмъ наблюденіе именно за этого рода движеніемъ въ польскомъ обществѣ входило въ кругъ служебныхъ обязанностей Андрея Яковлевича и потому полученіе имъ приглашенія на славянскій съѣздъ въ Прагѣ ставило его въ положеніе довольно затруднительное. По своему внутреннему настроенію и образу мыслей онъ не могъ не сочувствовать идеѣ славянскаго возрожденія и объединенія; но оно получало такую политическую окраску и осложненія, которыя дѣлали для него неудобнымъ въ его служебномъ постѣ ни принятіе въ немъ участія, ни выраженіе какого либо сочувствія. По видимому сознавалъ все это и Ганка и потому просилъ «принять посылаемое воззваніе по крайней мѣрѣ въ извѣстность». Но и этимъ не ограничился Андрей Яковлевичъ и поспѣшилъ 1-го мая представить воззваніе князю-намѣстнику при слѣд. запискѣ:

«Ваша свѣтлость! Вчерашній день я получилъ по почтѣ изъ Праги отъ стараго пріятеля моего, извѣстнаго ученостью и показывающаго

всегда рѣшительную преданность Россіи, Вячеслава Ганки письмо, съ приложеніемъ четырехъ экземпляровъ прокламаціи на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, коей приглашаются на 31 маія сего года въ Прагу депутаты изъ всѣхъ славянскихъ провинцій австрійской имперіи для совѣщаній о народномъ своемъ единеніи, по примѣру нѣмцевъ, съѣхавшихся уже во Фракфуртѣ, въ числѣ 50 уполномоченныхъ, для пріуготовительныхъ работъ къ общему германскому собранію. Приглашенія эти напечатаны во многихъ публичныхъ заграничныхъ вѣдомостяхъ. Въ числѣ подписавшихся на оной есть много извѣстныхъ лицъ, какъ-то: графы Тунъ, Коловратъ, Деймъ; ученые—Шафарикъ, Палацкій и др. Письмо Ганки имѣю честь при семъ представить вашей свѣтлости».

По обстоятельствамъ времени князь-намѣстникъ счелъ нужнымъ довести обо всемъ до Высочайшаго свѣдѣнія и спустя десять дней секретно далъ знать Стороженку, что Государь Императоръ, вслѣдствіе всеподданнѣйшаго его, князя, доклада по предмету полученнаго Стороженкомъ письма отъ Вячеслава Ганки, Высочайше повелѣть соизволилъ: «оставить это письмо безъ отвѣта», о чемъ и предлагалось Стороженку къ непремѣнному исполненію.

Этимъ и закончились, повидимому, сношенія Андрея Яковлевича съ Ганкой, по крайней мѣрѣ мы объ нихъ ничего болѣе не знаемъ и никакихъ слѣдовъ ихъ не находимъ.

Съ знаменитымъ польскимъ ученымъ Вацлавомъ Александромъ Мацѣёвскимъ, авторомъ громаднаго труда: «Piśmiennictwo polskie od czasow najdawniejszych aż do 1830 roku», Андрей Яковлевичъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Живя въ одномъ городѣ, они постоянно видались другъ съ другомъ, въ продолжительныхъ бесѣдахъ выясняли себѣ разные научные вопросы, дѣлились результатами научныхъ изслѣдованій. Въ бумагахъ Андрея Яковлевича сохранилось нѣсколько собственноручныхъ копій Мацѣевскаго съ историческихъ памятниковъ, матеріаловъ, выписокъ изъ разныхъ историческихъ изслѣдованій, актовъ и черновыхъ его статей. Если который изъ нихъ отлучался изъ Варшавы, то сношенія поддерживались перепиской. Сохранилось три письма Мацѣёвскаго къ Андрею Яковлевичу. Въ первомъ изъ нихъ Мацѣёвскій разсказываетъ о результатахъ своихъ научныхъ поисковъ въ австрійскихъ архивахъ лѣтомъ 1839 г. Письмо отправлено изъ Варшавы къ Андрею Яковлевичу, находившемуся тогда въ Петербургѣ:

«Милостивѣйшій государь, ваше превосходительство, мой многоуважаемый пріятель и благодѣтель. Воротившись на дняхъ въ Варшаву съ

моей научной поѣздки, я былъ весьма опечаленъ, что не засталъ васъ тамъ; но г. Орестъ Евецкій [1]), который проситъ меня передать вамъ и супругѣ вашей свой поклонъ, утѣшилъ меня, что есть надежда на то, что мы вскорѣ увидимъ васъ здѣсь. Моя научная поѣздка по причинѣ болѣзни жены не была столь плодотворна, какъ еслибы я былъ свободенъ. Все-таки она была не безъ пользы. Я узналъ, что въ Рейгернѣ (Райградъ), наиболѣе древнемъ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Моравіи, находящемся недалеко отъ Берна (Берно), сохраняются рукописи VIII—XI вѣковъ, содержащія въ себѣ дѣла духовенства. Онѣ доходятъ до временъ Карла Великаго. Есть писанныя по-латыни, также по-гречески, но писанныя не грекомъ, а иноземцемъ, какъ видно изъ самого начертанія буквъ. Весьма возможно предположеніе, что это рукописи, вышедшія изъ-подъ пера людей, не грековъ по національности, но греческаго обряда, т. е. славянъ, потому что есть извѣстная разница между этимъ начертаніемъ буквъ и тѣмъ, какое было принято греками той эпохи. Я говорю объ этомъ во второмъ изданіи моихъ «Памятниковъ», въ главѣ о распространеніи католичества среди славянъ.

Во вторыхъ, въ архивѣ мальтійскаго ордена въ Прагѣ я нашелъ документы, по которымъ видно, что еще въ XII в. рыцари ордена св. Іоанна Іерусалимскаго (позднѣе мальтійскіе) имѣли свое великое пріорство въ Опатовѣ подъ Сандомиромъ. Отсюда мое предположеніе, которое я высказалъ въ упомянутомъ уже трудѣ моемъ, о столкновеніи крестоносцевъ съ епископствомъ Любарскимъ.

Въ третьихъ, въ селѣ Гольдштейнѣ около Опавы, въ Оломуцкомъ округѣ, въ Моравіи, есть хроника XV в., въ которой есть описаніе нападенія козаковъ на тѣ края. Объ этомъ сообщилъ мнѣ достойный вѣры г. Антоній Бочекъ [2]) и обѣщалъ мнѣ достать ее. Можно думать, что тѣ козаки прибыли въ Моравію съ Корибутомъ [3]), когда онъ ѣхалъ въ

[1]) Орестъ Степановичъ Евецкій, чиновникъ въ канцеляріи намѣстника Царства Польскаго, перевелъ первый томъ „Памятниковъ" Мацѣёвскаго на русскій языкъ, сотрудничалъ въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ Плюшара и вообще былъ извѣстенъ своею литературною дѣятельностію.

[2]) Антоній Бочекъ (1802—1847 г.). родомъ моравянъ, съ 1831 г. профессоръ чешскаго языка въ Оломуцѣ, съ 1836 г. исторіографъ Моравіи и позднѣе начальникъ архива моравскихъ „чиновъ". Это былъ трудолюбивый собиратель историческаго матеріала, авторъ нѣсколькихъ сочиненій по моравской исторіи и издатель богатаго сборника историческихъ документовъ.—Ист. слав. литера туръ, Пыпина и Спасовича, стр. 988.

[3]) Великій князь литовскій (1394—1430) Витовтъ послалъ изъ личныхъ видовъ въ помощь гуситамъ значительное войско; достигши своего, онъ отозвалъ армію; но оказалось, что значительная часть этого вспомогательнаго отряда пожелала остаться въ Чехіи и начальникъ ея, князь Сигизмундъ Корибутовичъ, былъ провозглашенъ (1421 г.) королемъ чешскимъ.

Чехію, приглашенный на тронъ гусситами; или же они вторглись во время войнъ Казиміра Ягеллончика, короля польскаго, съ Матфеемъ Корвиномъ, королемъ угорскимъ, въ первой половинѣ XV в. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ въ этомъ письменное доказательство того, что казацкое рыцарство существовало уже въ XIV в. (за Корибута), или въ XV в. Нельзя думать, чтобы оно было только тогда основано, но что оно было уже тогда, когда литовцы завладѣли Русью и въ ихъ рядахъ служили потомъ козаки. Это бросаетъ большой свѣтъ на то, что я говорю о козакахъ въ моихъ «Памятникахъ». Подождемъ и со временемъ многое и многое выяснится въ области прошлаго.

Посѣтилъ я Лузацію и собралъ многое, относящееся къ этой славянской народности. О всемъ этомъ я дамъ отчетъ въ новомъ моемъ сочиненіи, которое приготовляется къ печати, подъ заглавіемъ «Польша и Русь въ XV и XVI вв. въ отношеніи домашняго быта, литературы и религіозной распри» [1]).

Кончаю свое письмо тѣмъ, что прошу нижайше ваше превосходительство отвѣчать мнѣ; я дорожу письмами лица, которое я такъ уважаю и по отношенію къ которому я столь обязанъ. Вашъ другъ и покорный слуга Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій. Варшава, 29 сентября, 1839 г.».

Два другія письма писаны въ 1847 г. изъ Познани, куда Мацѣёвскій поѣхалъ также съ научными цѣлями. Письма эти весьма любопытны, а содержаніе ихъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ украинской исторіи:

«Ясновельможный сенаторъ и мой милостивый благодѣтель! Я пересмотрѣлъ немало писемъ Хмельницкаго, писанныхъ по-русски и по-польски, къ королю и къ разнымъ панамъ, хранящихся въ библіотекѣ графовъ Рачинскихъ въ Познани. Содержаніе этихъ писемъ не очень интересно и потому я не считаю нужнымъ ихъ переписывать. Изъ нихъ видно, что Хмельницкій былъ весьма образованный для своего времени человѣкъ. Я сказалъ переписать только два письма, писанныя по-польски. Во всякомъ случаѣ я буду ожидать особаго письменнаго или устнаго распоряженія вашего превосходительства. Кромѣ того, я обратилъ вниманіе на нѣсколько печатей, привѣшенныхъ къ письмамъ и другимъ рукописямъ. На печатяхъ изображены различныя фигуры. Однѣ печати —гетмановъ войска запорожскаго, привѣшенныя къ письмамъ Хмельницкаго и другихъ гетмановъ (Андрея Могиленка, Тетери, Голубка), на нихъ изображенъ козакъ, а около надпись: «печать войска его милости

[1]) Polska aż do piérwszéj połowy XVII wieku, pod względem obyczajów w cztérech częściach opisana. T. I—IV, Ptrbrg i Wársz. 1842. in 12.

короля запорожского», а иногда «копія печати войска» и т. д.; другія же печати князей Червонной Руси, именно, Александра, князя подольскаго, 1357 г., съ нѣмецкой надписью (привѣшена къ грамотѣ, выданной нѣмецкимъ купцамъ на право свободной торговли) и Владислава Опольскаго, 1370 г., съ латинской надписью. Обѣ печати очень красивы: на первой изображенъ св. Георгій Побѣдоносецъ, на другой—фигура въ русской одеждѣ на вычурно изукрашенномъ тронѣ. Кромѣ этихъ, есть еще много другихъ печатей съ русскими надписями, съ изображеніемъ креста и стрѣлъ, или птицъ. Есть также печати съ русскими надписями молдавскихъ господарей. Нужно еще прибавить, что на печати гетмановъ Тетери и Могиленка фигура козака одѣта въ роскошный костюмъ и держитъ въ одной рукѣ самопалъ и знамя безъ изображенія какого-либо герба.

Живописецъ желаетъ за рисунокъ каждой печати 30 польскихъ рублей, а за отливку 42 р. Я совѣтовалъ бы, конечно, послѣднее, потому что металлическое изображеніе дольше будетъ сохраняться.

Вашъ другъ и нижайшій слуга, Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій. Познань, 28 апрѣля 1847 г.».

Второе письмо Мацѣёвскаго изъ Познани является по своему содержанію продолженіемъ и дополненіемъ къ только что приведенному:

«Ясновельможный сенаторъ и мой милостивый благодѣтель! Получилъ ваше письмо и исполнилъ всѣ ваши порученія. На письмѣ Голубка (или скорѣе Голуба; письмо во Львовѣ, напишу Зубрицкому, чтобы прислалъ) стоитъ: Olifi Ostapowicz Holub, Hetman wojska jeho korolewskoj M. Zaporozskoho z towaristwom. О Голубкѣ, какъ называли его поляки, или Голубѣ, я нашелъ кое-какія свѣдѣнія, что онъ жилъ за Сигизмунда Августа (кор. 1548—1572) и позже, погибъ въ походѣ подъ Бычину [1]), который былъ предпринятъ Яномъ Замойскимъ противъ Максимиліана, эрцгерцога австрійскаго, избраннаго одной партіей въ короли польскіе. У меня есть стихи на смерть Голубка, написанные поэтомъ современникомъ по-польски, печать же и письмо увеличиваютъ свѣдѣнія объ этомъ малоизвѣстномъ гетманѣ. Одинъ изъ здѣшнихъ любителей старины, собирающій картины, рисунки, письма и печати, обладаетъ большой коллекціей таковыхъ, между прочимъ тамъ есть печати запорожскихъ гетмановъ, литовско-русскихъ князей и знат-

---

[1]) Бычина нынѣ городъ опольскаго уѣзда въ прусской Силезіи. Битва происходила въ 1588 г., 24-го января, при чемъ эрцгерцогъ Максимиліанъ былъ взятъ въ плѣнъ Замойскимъ.

ныхъ русскихъ родовъ (между послѣдними найболѣе важна печать князей Сангушекъ отъ XV в.). Есть также печати князей польскихъ, между которыми обратили найболѣе мое вниманіе печати князей куявскихъ и ихъ женъ. Самыя старыя, относящіяся къ началу XIII в., очень красивы, изображаютъ св. Георгія Побѣдоносца, а вверху надпись по славянски: «Іисусъ Христосъ». Такія печати есть въ Курникѣ, въ библіотекѣ гр. Дзялынскаго, недалеко отъ Познани. Поѣхалъ туда и былъ хорошо тамъ принятъ. Тамъ много интереснаго не только для польской, но и для русской исторіи. Есть подлинныя грамоты (съ вытиснутыми золотомъ заголовками, печатями) царя Алексѣя Михайловича и его бояръ къ правительству Рѣчи Посполитой: относительно гетмана Дорошенка (есть его печать 1675 г)., границъ Украины, уступленной Яномъ Казиміромъ России, переговоры о Кіевѣ.

Обращая вниманіе ваше на все вышесказанное, прошу дать мнѣ отвѣтъ—снимать ли копію съ печати Дорошенка? Цѣна печати, рѣзанной на стали, 7 таляровъ. Платить по полученіи всего. Еще скажу, что библіотекарь, который будетъ списывать копіи съ писемъ, читаетъ порусски, но пишетъ латинскимъ шрифтомъ, съ исключеніемъ *еровъ*. Если вамъ будетъ угодно отвѣчать мнѣ, прошу адресовать во Вроцлавъ [1]), на имя господина профессора Пуркинье [2]), такъ какъ еще не знаю, гдѣ остановлюсь.

Окончивши все въ Познани и Курникѣ, поѣду въ Рогалинъ, въ *частный* архивъ и библіотеку графовъ Рачинскихъ (въ Познани есть *публичная* библіотека, основанная графомъ Эдуардомъ Рачинскимъ), въ которыхъ есть много интереснаго. Тамъ я не останусь долго, снова вернусь во Вроцлавъ. Поручая себя доброй памяти вашего превосходительства, остаюсь вашимъ другомъ и покорнымъ слугою, Вацлавъ Александръ Мацѣёвскій. Познань. 13 мая 1847 г.».

О дальнѣйшихъ сношеніяхъ Андрея Яковлевича съ Мацѣёвскимъ ничего неизвѣстно.

Съ галицкимъ историкомъ Діонисіемъ Зубрицкимъ [3]) Андрей Яковлевичъ познакомился чрезъ Мацѣёвскаго. Онъ обращался къ

---

[1]) По нѣмецки—Breslau, городъ въ Силезіи на р. Одерѣ.

[2]) Пуркинье, знаменитый физіологъ и чешскій патріотъ, другъ славнаго чешскаго поэта Челяковскаго и лужицкаго патріота Яна-Эрнеста Смолера.

[1]) О жизни Діонисія Зубрицкаго и многочисленныхъ его трудахъ по исторіи и археологіи см. „Encykłopedia powszechna“, Оргельбранда. Варшава. 1883 г., статью Собѣщанскаго, а также Ист. слав. литературъ, Пыпина и Спасовича стр. 434—435.

нему за историческими справками и съ просьбою сообщить копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, хранящихся въ богатыхъ львовскихъ архивахъ, по различнымъ вопросамъ изъ исторіи южной Руси, надъ разъясненіемъ которыхъ онъ трудился въ извѣстный періодъ времени. Зубрицкій всегда удовлетворялъ желанія Андрея Яковлевича и пересылалъ ему копіи съ историческихъ матеріаловъ, съ необходимыми комментаріями, или прямо по почтѣ на его имя, или чрезъ посредство Мацѣёвскаго, съ которымъ Зубрицкій находился въ дружескихъ отношеніяхъ и велъ оживленную переписку. Нужно предполагать, что посылки сопровождались письмами Зубрицкаго къ Андрею Яковлевичу, но въ бумагахъ послѣдняго этихъ писемъ я не нашелъ; нашлось только три письма Зубрицкаго къ Мацѣёвскому, которыя въ свое время переданы были, конечно, послѣднимъ Андрею Яковлевичу, какъ интересовавшія его своимъ содержаніемъ, и завалились въ грудѣ его рукописей. Письма эти не имѣютъ прямаго отношенія къ настоящему очерку, но имѣютъ столь важный историко-литературный интересъ, что я привожу ихъ здѣсь въ приложеніи, подъ № 6. Кромѣ этихъ писемъ, среди бумагъ Андрея Яковлевича нашлось двѣнадцать тетрадокъ, заключающихъ въ себѣ копіи, сдѣланныя Зубрицкимъ, съ историческихъ документовъ, какъ ему лично принадлежавшихъ, такъ и хранившихся во львовскихъ древнехранилищахъ. Копіи эти снабжены предисловіями и примѣчаніями Зубрицкаго; но все это уже напечатано [1]).

Въ 1840 г. Андрей Яковлевичъ имѣлъ случай познакомиться съ хорватскимъ ученымъ, докторомъ Людевитомъ Гаемъ [2]), первымъ начинателемъ сербо-хорватскаго національнаго движенія 1848 г. и новой «иллирской» литературы. Поводомъ къ этому знакомству послужилъ пріѣздъ Гая въ Россію чрезъ Варшаву въ маѣ 1840 года. Еще съ конца 1834 г. Гай велъ изданіе политической газеты, съ литературнымъ къ ней прибавленіемъ, трудясь надъ выработкою хорватскаго литературнаго языка и проведеніемъ идеи славянскаго

---

[1]) См. въ „Актахъ западной Россіи", т. I, № 20 и 21; т. II, № 201; т. III, №№ 16 (в), 25, 51, и въ „Supplementum od historica Russiae monumenta" (Petropoli 1848), №№ XLI, LI, LII, LV.

[2]) См. о немъ въ Ист. славянскихъ литературъ, Пыпина и Спасовича, стр. 242—244, 247.

возрожденія. Такая дѣятельность его, возбуждая подозрѣнія и преслѣдованія австрійскихъ властей, представляла сама по себѣ много затрудненій. Каковы были планы и разсчеты, побудившіе Гая предпринять поѣздку въ Россію, въ точности неизвѣстно; но конечно въ основѣ ихъ лежало желаніе найти необходимую въ его дѣятельности нравственную, а быть можетъ и матеріальную поддержку. А. Я. Стороженко, по пріѣздѣ Гая въ Варшаву, принялъ, какъ можно догадываться, близкое въ немъ участіе и послѣ неудачнаго свиданія его съ приближеннымъ къ государю графомъ Беккендорфомъ, направилъ его для той же цѣли въ Петербургъ, на что, не безъ участія, а быть можетъ и по прямому ходатайству Андрея Яковлевича, выдано было Гаю 100 червонцевъ. Въ сентябрѣ того же года Андрей Яковлевичъ обратился къ князю намѣстнику съ слѣд. запиской:

«Ваша свѣтлость! во время пребыванія здѣсь его величества государя императора въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года, прибылъ сюда изъ Австріи профессоръ Гай; а какъ онъ не имѣлъ времени объяснить здѣсь дѣла своего г. генералъ-адъютанту графу Бенкендорфу, то и отправился къ нему въ Петербургъ. На путевые издержки профессору Гаю, вашей свѣтлости благоугодно было разрѣшить, здѣшій банкиръ Іосифъ Эпштейнъ выдалъ 100 червонныхъ.

Нынѣ сей послѣдній, представляя росписку въ выдачѣ 100 червонцевъ, проситъ о возвратѣ ихъ. Варшава, 23 сент. 1840 г.».

По поводу этой записки послѣдовало сношеніе съ Петербургомъ, а за тѣмъ правитель канцеляріи намѣстника, по его распоряженію, 22 октября секретно увѣдомилъ Андрея Яковлевича, что:

«Господинъ генералъ адъютантъ графъ Бенкендорфъ, вмѣсто возвращенія 100 червонцевъ, выданныхъ профессору Людевиту Гаю, отозвался, что хотя сей послѣдній являлся къ нему въ Варшавѣ и потомъ въ С. Петербургѣ, изъявляя преданность свою и соотечественниковъ его, иллирійскихъ славянъ, къ россійскому престолу, каковую предлагалъ поддерживать со своей стороны литературными изданіями, но его сіятельство находилъ невозможнымъ войти въ какія-либо съ нимъ сношенія и потому отклонилъ его требованія».

О времени знакомства Андрея Яковлевича съ Осипомъ Максимовичемъ Бодянскимъ [1]) мы узнаемъ изъ предисловія послѣдняго

---

[1]) О. М. Бодянскій оказалъ громадную услугу русской наукѣ, въ особенности изданіемъ „Чтеній моск. общества ист. и древн.“ О его жизни и

къ изданнымъ имъ въ 1875 г. «Реестрамъ войска запорожскаго», подлинная рукопись которыхъ принадлежала Андрею Яковлевичу. Вотъ какъ разсказываетъ Осипъ Максимовичъ о своемъ первомъ знакомствѣ съ Андреемъ Яковлевичемъ и о томъ, какъ онъ узналъ о принадлежности послѣднему такого важнаго историческаго памятника, какъ «Реестра»:

«Возвращаясь изъ пятилѣтняго путешествія своего по заграничнымъ славянскимъ землямъ лѣтомъ 1842 года, я остановился на мѣсяцъ въ Варшавѣ, сколько для знакомства съ польскими писателями, столько и для осмотра тамошнихъ архивовъ. Занимаясь преимущественно въ главномъ городскомъ архивѣ, я получилъ приглашеніе посѣтить одного русскаго генерала, любителя русской и славянской исторіи и старины. Это былъ въ то время тайный совѣтникъ и сенаторъ варшавскихъ департаментовъ, Андрей Яковлевичъ Стороженко, какъ оказалось мой непосредственный землякъ по происхожденію и владѣнію [2]), малороссъ полтавской губерніи, ближній сосѣдъ и извѣстный мнѣ уже до того по имени, какъ писатель о малороссійскихъ разнаго рода достопримѣчательностяхъ и тому подобномъ. Въ домѣ его принятъ былъ я чрезвычайно радушно и тотъ же часъ получилъ приглашеніе посѣщать его, ничѣмъ не стѣсняясь, когда лишь вздумается. Въ одно изъ такихъ посѣщеній, разговаривая о нашей родинѣ, узналъ я отъ него, что онъ имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи подлинные «Реестра Войска Запорожскаго», составленные при гетьманѣ его, Богданѣ Хмельницкомъ, послѣ знаменитой побѣды, имъ одержанной подъ Зборовымъ (въ нынѣшней Галичинѣ), въ августѣ 1649 года, въ силу договора съ польскимъ королемъ Яномъ Казимиромъ, по которому полагалось имѣть гетьману 40 тысячъ козаковъ, въ реестръ внесенныхъ, не говоря уже объ охочекомонныхъ, и о другихъ правахъ и преимуществахъ, южнорусскому народу признаваемыхъ королемъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ Андрей Яковлевичъ тутъ же показалъ мнѣ и самые „Реестра“.... Естественно, я просилъ владѣльца „Реестровъ“ позволить мнѣ познакомиться съ ними поближе, что и получилъ... Послѣ, по выходѣ въ отставку владѣльца сей рукописи, я всякой разъ, видаясь съ нимъ во

научной дѣятельности см. въ „Чтеніяхъ въ историч. общ. Нестора Лѣтописца“, К. 1879 г., стр. 295—301; „Слав. Ежегодникъ“, 1878 г., стр. 343—352; Очерки украинской литературы, Н. Петрова, стр. 183—185 и „Вѣстникъ Европы“, 1877 г., окт., стр. 899—904.

[2]) Андрей Яковлевичъ, какъ извѣстно, былъ родомъ изъ с. Брагинецъ лохвицкаго уѣзда.

время проѣздовъ его черезъ Москву въ Петербургъ и обратно, склонялъ его сообщить свою рукопись мнѣ для напечатанія; но время летѣло, а исполненія не видать было. По смерти же его, 4-го іюля 1858 года, я получилъ просимое уже отъ его старшаго сына».

Весьма вѣроятно, что наши два земляка, одинаково интересовавшіеся исторіей роднаго края, не довольствовались рѣдкими устными бесѣдами; но въ бумагахъ Андрея Яковлевича сохранилась только черновая одного письма Андрея Яковлевича къ Осипу Максимовичу и отвѣтное письмо послѣдняго, помѣченныя 1844 годомъ. Приводимъ здѣсь то и другое.

«Привѣтствую васъ искренно, почтеннѣйшій землякъ, Осипъ Максимовичъ! писалъ Стороженко Бодянскому.—«Москвитянинъ» [1]) доставлялъ мнѣ столько удовольствія, что на текущій годъ состою въ числѣ подписчиковъ на него съ мыслію быть таковымъ и на слѣдующіе затѣмъ годы, доколѣ не изсякнутъ источники дѣльнаго въ трудахъ издателей его.

Въ журналѣ этомъ, противъ котораго въ другихъ періодическихъ изданіяхъ—нашихъ есть столько выходокъ,—*gadaniny,* какъ говорятъ поляки, витаетъ духъ современной пытливости и видно прямое желаніе дѣлиться съ читателями свѣдѣніями полезными безъ всякихъ заднихъ мыслей или продѣлокъ, облекаемыхъ въ формы иностранныхъ фельетоновъ, подобныхъ пускаемымъ дѣтьми бумажнымъ змѣямъ съ трещотками.

Хотѣлъ, было, послать вамъ, любезный землякъ, недавно описанный мною эпизодъ изъ исторіи нашей, но оставилъ это до свиданія, ограничиваясь на этотъ разъ слѣдующею краткою выписью изъ цѣлаго: [2])... Сдѣлайте дружеское одолженіе, напишите мнѣ, какъ вы думаете о прописанномъ.

Только что мнѣ принесли «Pamiętniki o wojnach kozackich za Chmielnickiego, przez nieznanego autora» [3]), которые отправляю вамъ, даже

---

[1]) Издателемъ „Москвитянина" съ 1841 по 1856 г. былъ Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Журналъ этотъ даетъ всѣмъ занимающимся русской исторіей огромное количество матеріаловъ и указаній. „Москвитянинъ", не бывши исключительно органомъ славянофиловъ, печаталъ ихъ статьи, сочувствовалъ имъ по многимъ вопросамъ и разъ, въ 1845 г., перешелъ ненадолго подъ редакцію Кирѣевскаго.

[2]) Въ черновой, которую я имѣлъ подъ руками, выписки не сдѣлано.

[3]) Изд. въ г. Бреславлѣ въ 1842 г. Было переведено и помѣщено въ „Чтеніяхъ" за 1876 г., № 4, подъ заглавіемъ: „Краткая исторія о бунтахъ Хмель-

не заглянувши въ нихъ. Выписываю сегодня же другой экземпляръ для моего прочтенія, а вы скажить, буде ваша ласка, мени—чи правду, чи брехню завдавъ ляхъ, выдавець памьятныкивъ.

Прошлаго лѣта, можно сказать, по привычкѣ уже я былъ въ Карлсбадѣ и на возвратномъ пути чрезъ Прагу видѣлъ всѣхъ добрыхъ моихъ пріятелей, тружениковъ на славянской нивѣ. Шафарикъ очень ослабѣлъ; чехи не будутъ имѣть ему подобнаго въ дѣятельности, хотя она и нѣмецкая. Мнѣ кажется, что гораздо болѣе обѣщаютъ непочатые сербы и болгары на поприщѣ возникающей письменности ихъ, нежели вышедшіе, хотя бы и докторами философіи, изъ школъ нѣмецкихъ. Въ Сербіи, какъ мнѣ пишутъ оттуда, на три выходящіе тамъ періодическія изданія число подписчиковъ каждый годъ удвоивается. Слава тебѣ Боже!

Не забувайте-жъ щыро васъ шануючого земляка, та бувайте здоровеньки. А. Стороженко. Варшава, 20 генваря 1844 г.».

Осипъ Максимовичъ отвѣчалъ на письмо слѣдующимъ обширнымъ посланіемъ, начиная съ объясненія причины промедленія въ отвѣтѣ.

«Ваше превосходительство! Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Письмо ваше, отъ 20-го января посланное, Богъ вѣсть съ кѣмъ, получено мною тоже, Богъ вѣсть когда, то есть только двѣ недѣли тому назадъ. Гдѣ, съ кѣмъ и зачѣмъ такъ долго пропадало оно, а равно и кто этотъ, доставившій мнѣ его, остается по сю пору для меня тайною. Какъ бы то ни было, но я счелъ нужнымъ оговориться объ этомъ предъ вами, щобъ вы, бува, не подумали чого, боронь Боже, не гарного о своимъ земляку, котрый такъ щыро кохае та шануе васъ, якъ сынъ батька, ясновельможный пане добродію!

Пріймите мою искреннюю душевную благодарность за память вашу обо мнѣ и тѣ прекрасныя мысли, которыми угодно было вамъ подѣлиться со мною о предметѣ, столь близкомъ каждому изъ сыновъ Руси. Я ничего не могу возразить вамъ тутъ, даже сдѣлать малѣйшую придирку, къ которой однако-же чувствую себя довольно падкимъ въ другихъ обстоятельствахъ. Грѣшный человѣкъ! Вѣрнѣе, отчетливѣе и разительнѣе нельзя было выразить того отношенія, какое находилось между Малой, Червоной и Бѣлой Русью съ одной, и Литвой съ другой стороны. Литовцы были здѣсь только тѣмъ, чѣмъ нѣкогда варяги или русы, или

ницкаго и войнѣ съ татарами, шведами и уграми, въ царствованіе Владислава и Казимира, въ продолженіи 12-ти лѣтъ, начиная съ 1647 г.“ и отдѣльн. оттизки. М. 8⁰, т. II, стр. 56.

тѣ и другіе вмѣстѣ, или же, какъ хотятъ нѣкоторые, варяго-руссы [1]), для сѣверной и южной Руси. Они дали снова точку опоры, средобѣжную, изъ которой выходили и снова возвращались лучи живительнаго, творческаго свѣта, творящее, вполнѣ впослѣдствіи слившееся съ творимымъ, потерявшееся въ немъ, какъ теряется капля въ морѣ, первичная причина, давшая чему-либо къ чему-либо толчекъ, въ послѣдующемъ отъ того дѣйствіи, явленіи. Замѣчательно, что въ жизни восточнаго славянства три главныя его племени, велико-мало-бѣлоруссы, имѣли каждое изъ нихъ первоначально свой запорожскій кошъ, столицу-гнѣздо, изъ которой все исходило, около которой образовывалось постепенно государство, грозившее послѣ при лучшихъ обстоятельствахъ покрыть вѣтвями своими сперва родственныя свои главныя вѣтви, объявлявшія на тоже самое подобное притязаніе, а потомъ и чужое сосѣднее и несосѣднее. Новгородъ и Кіевъ, потомъ, съ ослабленіемъ послѣдняго, отрасль его, Червоная Русь въ Галичѣ и Львовѣ, далѣе, съ ослабленіемъ и этой, Бѣлая Русь въ лицѣ литовцевъ и напослѣдокъ, съ ослабленіемъ и этой, Великая Русь въ своей бѣлокаменной Москвѣ. Мало-Русь пыталась, было, послѣ поноснаго соединенія Бѣлой съ Польшей, снова зажить старой Русью Владиміра, но на новый образъ, въ лицѣ козачества; однако Москва взяла свое, перетянула государственные вѣсы на свою сторону и вотъ теперь мало по-малу почти вся Русь составила одно плотное политическое тѣло, его же и врата адови не одолѣютъ. Но за все это должна благодарить она прежде и больше всего насъ, малоруссовъ, помогшихъ ей добровольнымъ смиреніемъ и самоотверженіемъ отъ соперничества заложить и строить это величественное, исполинское и великолѣпное зданіе, гордость и славу нашу и нашихъ соплеменниковъ, страхъ и удивленіе иноязычниковъ! Она это въ новѣйшее время сознаетъ и потому съ родностью принимается за раскрытіе скрижалей нашей прежней жизни. Такъ, наше историческое московское общество положило издать всѣ, какія только можно будетъ собрать, *малорусскія* лѣтописи и редакцію поручило *мнѣ*. Я приготовилъ нынѣче къ осени лѣтопись Самійла Величка [2]), бывшаго писаремъ въ канцеля-

[1]) Бодянскій имѣетъ въ виду здѣсь мнѣнія различныхъ ученыхъ по вопросу о призваніи князей и происхожденіи Руси, въ частности профессора русскаго права въ Дерптѣ Густ. Эверса и тамошняго-же проф. Рейца, Каченовскаго и Погодина. См. подробнѣе—Кояловичъ, Ист. Русскаго самосознанія. С.-п.б., 1884 г., стр. 236—249.

[2]) Эту лѣтопись впервые нашелъ Погодинъ и передалъ ее Бодянскому для изданія, но по неизвѣстнымъ причинамъ изданіе это не состоялось и рукопись поступила въ распоряженіе кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, которая и издала ее разновременно въ трехъ томахъ.

ріи Мазепы. Онъ воспользовался вполнѣ лѣтописными записками Самійла Зорки, писаря Богдана Хмельницкаго, и довелъ все до 1720-го года. Изображенія гетмановъ тутъ-же, и скажу вамъ, что они совершенно несходны съ Бантышевскими, но съ перваго взгляда показываютъ, что сняты прямо съ природы. Вѣрно, Величко воспользовался портретами гетмановъ въ генеральномъ нашемъ правленіи, или въ гетманскихъ покояхъ. Кромѣ того приготовилъ я лѣтописи наши: бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго, подъ названіемъ «Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ», Шафонскаго, Ригельмана [1]) и еще кое-что. Всѣ онѣ составятъ одинъ огромнѣйшій томъ листовъ въ 150 печатныхъ. Нѣтъ ли еще у вашего превосходительства какой лѣтописи или описанія Украины? Вы обладаете такимъ богатымъ собраніемъ малороссійскихъ письменныхъ памятниковъ, и потому очень можетъ случиться, что между ними найдется какая-либо. Если найдется или нашлась, то не будете ли вы столь благосклонны прислать нашему историческому обществу для списанія. За неприкосновенность и возвращеніе общество отвѣчаетъ. А ежели нѣтъ этого, то, по крайней мѣрѣ, нельзя ли будетъ вашему превосходительству переслать намъ на время тотъ реестръ запорожскому войску при Богданѣ Хмельницкомъ, который представленъ былъ имъ польскому королю, находится теперь у васъ и которымъ я по благосклонности вашей пользовался нѣкоторое время въ бытность свою въ Варшавѣ? Мнѣ бы хотѣлось напечатать этотъ «реестръ» въ «Добавленіи» и тѣмъ сохранить навсегда имена этихъ лыцарей для признательнаго потомства. Этимъ бы мы обязали чрезвычайно потомковъ ихъ какъ въ дворянствѣ, такъ и въ козачествѣ нашемъ. Буде угодно будетъ вамъ сдѣлать для насъ эту милость, то благоволите вручить просимое либо сыну г. Мацѣёвскаго, теперь пребывающему въ кругу родныхъ на вакаціи, либо же другому кому изъ надежныхъ молодыхъ людей, отправляемыхъ вашимъ учебнымъ округомъ ежегодно въ августѣ къ намъ въ университетъ на *учебу-то*. Снявши, какъ можно поспѣшнѣе, списокъ, мы бы тотчасъ-же переслали вамъ обратно по почтѣ или чрезъ вѣрныя руки. Чи мати надію, чи може ни?

Благодарю васъ еще душевно за Pamiętniki!

---

[1]) „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи" Ригельмана и „Краткое описаніе" Симоновскаго помѣщены въ „Чтеніяхъ" за годы 1846—1848, а трудъ Шафонскаго почему-то не былъ изданъ Бодянскимъ, издалъ же его предсѣдатель кіевской коммисіи для разбора древнихъ актовъ, Судіенко, подъ заглавіемъ: „Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе". Кіевъ, 1851 г.

За симъ имѣю честь быть съ моимъ глубочайшимъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ къ вашему превосходительству, милостивый государь! Вашимъ покорнѣйшимъ и нижайшимъ слугою Осипъ Бодянскій. Іюня 17-го дня 1844 г. Москва».

О знакомствѣ Андрея Яковлевича съ извѣстнымъ палеографомъ, академикомъ Измаиломъ Ивановичемъ Срезневскимъ [1]) мы узнаемъ изъ письма послѣдняго къ старшему сыну Андрея Яковлевича, Владиміру Андреевичу, отъ 31-го марта 1861 г.; я приведу изъ него здѣсь выдержку:

«Вашъ батюшка былъ богатъ разными остатками старины и древности, и я самъ когда-то ими пользовался не только въ Варшавѣ, но и послѣ въ Харьковѣ, куда онъ мнѣ присылалъ ихъ. Не можете ли вы сообщить изъ нихъ что-нибудь любопытное для археологическаго общества? Если да, то очень обяжете. Послать можно и на мое имя и на имя секретаря общества, академика Владиміра Владиміровича Вельяминова-Зернова. Поручаю себя доброй памяти вашей. Измаилъ-Срезневскій».

Съ Александромъ Власьевичемъ Терещенкомъ, авторомъ обширнаго труда «Бытъ русскаго народа» и множества историческихъ статей и замѣтокъ, Андрей Яковлевичъ познакомился во время проѣзда перваго черезъ Варшаву за границу въ февралѣ 1838 г. Терещенко былъ хорошо знакомъ съ игравшимъ въ свое время большую роль публицистомъ, Ѳаддеемъ Венедиктовичемъ Булгаринымъ и потому, собравшись ѣхать, взялъ отъ послѣдняго рекомендательное письмо къ Андрею Яковлевичу, съ которымъ Булгаринъ былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Письмо это слѣдующаго содержанія:

«Любезнѣшій другъ, Андрей Яковлевичъ! вотъ тебѣ лучшій нашъ археологъ и твой землякъ Терещенко! Ради Бога, будь ему провидѣніемъ въ Варшавѣ! Онъ ѣдетъ собирать по Европѣ матеріалы для исторіи нашей святой Руси. Ты, какъ любитель и знатокъ самъ, его оцѣнишь. Обнимаю тебя и прошу продолжать дружбу къ вѣрному твоему Ѳаддею Булгарину. 18 февр. 1838 г. С.П.Б».

Пріемомъ въ Варшавѣ Терещенко остался очень доволенъ. Изъ Варшавы онъ поѣхалъ въ Краковъ, Львовъ, Дрезденъ,

---

[1]) Объ ученыхъ трудахъ И. Срезневскаго см. Сборникъ отд. рус. яз. и слав. импер. акад наукъ, т. XXII. С.-П.Б. 1881 г.

Прагу и Берлинъ. Изъ Берлина Терещенко прислалъ Андрею Яковлевичу обширное письмо съ выраженіемъ чувствъ своей благодарности за оказанное имъ радушіе и сообщеніемъ нѣкоторыхъ путевыхъ впечатлѣній и наблюденій. Опуская какъ слащавое изліяніе этихъ чувствъ, свидѣтельствующее развѣ о «дарѣ Андрея Яковлевича привязывать къ себѣ людей», такъ и неинтересныя разглагольствія юнаго путешественника по поводу усмотрѣннаго имъ въ Германіи разсадника наукъ, мы приведемъ изъ его письма только ту часть, которая говоритъ отчасти о связяхъ Андрея Яковлевича съ славянскимъ ученымъ міромъ, отчасти о предметахъ, составлявшихъ для него насущный интересъ.

«Изъ Дрездена,—писалъ между прочимъ Терещенко,—я намѣревался ѣхать на теплыя воды, но докторъ Крейсингъ мнѣ отсовѣтывалъ. Поэтому, осмотрѣвъ достопримѣчательности саксонской столицы, я поѣхалъ въ Прагу. Виноватъ, вашему превосходительству кланяется знаменитый Гульяновъ [1]); онъ спрашивалъ у меня, скоро ли кончите вы «Исторію Малороссіи». Но я ему отвѣчалъ, что масса служебныхъ занятій не дозволяетъ вамъ окончить въ скоромъ времени. Онъ жалѣлъ и я ему сочувствовалъ. Въ Прагѣ я встрѣтилъ рѣдкое радушіе ученыхъ: Ганки, Шафарика и Юнгманна [2]); они открыли мнѣ входъ во многіе архивы и библіотеки. Въ нихъ хранится огромный запасъ для будущихъ историковъ Богеміи и славянскихъ народовъ. Народный музей богатъ источниками для правовѣдѣнія, его исторіи и литературы. Меня изумило, когда я прочелъ въ прибавленіи къ Богемской лѣтописи, что болѣе 50 писателей теперь трудятся для своего языка. Любовь простаго народа ко всему отечественному, развитая посредствомъ чтенія на его природномъ языкѣ, такъ сильна, что самое угнетеніе не можетъ ее подавить.

---

[1]) Это сынъ бывшаго молдавскаго господаря, князя Маврокордато, умершаго въ Москвѣ въ началѣ текущаго столѣтія. Онъ состоялъ долго на службѣ въ иностранной коллегіи и былъ употребляемъ въ различныя заграничныя командировки. Съ 1827 г., будучи причисленъ къ министерству народнаго просвѣщенія, отправленъ за границу для филологическихъ и палеографическихъ занятій, опровергалъ систему извѣстнаго французскаго египтолога Шампольона касательно чтенія и изъясненія египетскихъ іероглифовъ. Смерть прекратила дѣятельность его въ то время, когда онъ началъ уже печатать свой трудъ о символахъ Египтянъ и о смыслѣ ихъ священнаго языка. См. о немъ Справочный энциклопедическій словарь, А. Старчевскаго, т. III, С.-П.Б., 1854 г., стр. 450 и Исторія Россійской акад, М. И. Сухомлинова, стр. 469.

[2]) Іосифъ Юнгманъ (1773—1847) былъ главнѣйшимъ дѣятелемъ второй эпохи чешскаго національнаго возрожденія (около 1820 г.).

Писатели воскрешаютъ имена и дѣянія своихъ знаменитыхъ мужей въ памяти своихъ соотечественниковъ и оживляютъ ихъ надеждою, что они скоро составятъ одно политическое тѣло съ могущественными русскими, къ коимъ устремлены сердца всѣхъ славянъ. Въ Брюннѣ и Оломуцѣ сохранились нѣкоторыя рукописи, въ Краковѣ очень много, но во Львовѣ—это груда сокровищъ. Нигдѣ я не видѣлъ столько богатыхъ матеріаловъ для исторіи Западной Руси! Я перебиралъ подлинныя грамоты, которыя отъ гніенія прорывались на моихъ рукахъ. У меня сердце облилось кровью, когда я подумалъ, какъ пожираетъ время! Ваше превосходительство, вы сильны и милостивы, доведите до свѣдѣнія его свѣтлости, что русское достояніе гибнетъ въ непріязненныхъ рукахъ и что надобно собрать. Его свѣтлость, ревнитель къ отечественной пользѣ, если только скажетъ одно слово министру народнаго просвѣщенія или доведетъ до свѣдѣнія престола, то августѣйшій монархъ, покровитель наукъ, не допуститъ гибели отечественныхъ хартій».

Этимъ я заканчиваю краткій обзоръ ученыхъ сношеній и знакомствъ А. Я. Стороженка. Въ слѣдующей послѣдней главѣ мнѣ остается сказать о литературныхъ его знакомствахъ и связяхъ и привести сохранившіяся письма къ нему Булгарина, Воейкова и Владиславлева.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРИЛОЖЕНІЕ № 6.

Три письма Д. Зубрицкаго къ А. В. Мацѣёвскому.

Львовъ, 6-го ноября 1838 г.

1.

Милостивый Государь!

Какъ всегда, такъ и въ этотъ разъ, я съ величайшею радостью получилъ и прочиталъ письмо ваше отъ 26 октября т. г. и въ доказательство того, какъ мнѣ пріятно находиться въ перепискѣ съ самымъ ученымъ человѣкомъ польскаго народа, немедленно отвѣчаю. Въ этомъ случаѣ никто не заподозритъ меня въ лести, потому-что кто-же изъ находящихся въ живыхъ поляковъ можетъ хотя отчасти сравниться съ авторомъ «Исторіи славянскихъ законодательствъ»? Это не повѣсть, не сонетъ, не разсужденіе, явившееся послѣдствіемъ мимолетнаго вдохновенія или наблюденія, но созрѣвшій плодъ долголѣтнихъ трудовъ, многихъ безсонныхъ ночей, изученія тысячъ книгъ и документовъ, однимъ словомъ—результатъ критической работы и здравой осмотрительности. И неужели я могу осмѣлиться поправлять что-нибудь своей слабой рукой на этой вѣковѣчной пирамидѣ, которая, судя

по ея прочности, должна простоять столѣтія? И если я дѣлалъ кое-какія односторонния замѣчанія, то только съ опредѣленной точки зрѣнія и обращая вниманіе исключитетьно на нашу несчастную Русь. Я далекъ отъ того, чтобы укорять васъ въ односторонности и въ лести народу польскому, ибо я знаю, что вы хоттте завоевать себѣ славу у потомковъ, а таковая бываетъ удѣломъ только безпристрастнаго писателя.

Вашихъ «Записокъ» я буду ожидать съ несказаннымъ любопытствомъ; ваши дарованія и трудолюбіе заставляютъ разсчитывать на что-то особенное; въ этомъ мнѣніи поддерживаетъ и то обстоятельство, что мѣстная цензура не рѣшилась выдать вамъ своего разрѣшенія. Дальнѣйшихъ замѣчаній на „Исторію законодательствъ“ я еще не набросалъ, такъ какъ, кажется, еще въ іюнѣ я ссудилъ два первые тома одному ученому каплану въ деревню и онъ мнѣ ихъ до сихъ поръ не возвратилъ, а безъ нихъ я не могу въ скоромъ времени приступить къ этой работѣ, потому-что въ нихъ отмѣчены карандашемъ нѣкоторыя мѣста и мнѣ ихъ необходимо еще разъ отъ доски до доски перечитать.

1-го августа отданы мнѣ ключи отъ архива [1]. Я принялъ на себя эти занятія со скуднымъ жалованьемъ 120 фл. въ годъ, но за то уже теперь богато вознагражденъ: кромѣ множества иныхъ свѣдѣній по исторіи Польши, Галиціи и города Львова, которыя я могу оттуда добывать, я нашелъ тамъ два очень важныхъ и любопытныхъ документа. Одинъ изъ нихъ написанъ по-русски и представляетъ подлинную купчую на имѣніе 1351 г. [2]; другой—привилегія Дмитрія, вел. князя владимірского и луцкого, выданная въ 1379 г. городу Львову на нѣмецкомъ языкѣ. Оба документа сильно меня заинтересовали. Здѣшній архивъ заключаетъ во себѣ нѣсколько тысячъ оригиналовъ.

Моя рукопись [3] не получена еще изъ цензуры; я уже даже забылъ, сколько времени она тамъ валяется—кажется, полтора года. Судите сами, какъ это печально. Цензоръ обѣщалъ мнѣ отдать ее въ этомъ мѣсяцѣ, но не знаю, сдержитъ-ли онъ свое слово. Въ какомъ бѣдственномъ положеніи находился-бы въ этомъ случаѣ человѣкъ, который долженъ былъ-бы существовать только отъ своихъ литературныхъ заработковъ, какъ это случается въ другихъ мѣстахъ? Кажется,

---

[1] Ключи отъ архива ставропигіальнаго братства во Львовѣ.

[2] Купчая эта напечатана въ „Актахъ западной Россіи“, т. I, С.-П.Б. 1846 г. стр. 20—21.

[3] Разумѣется „Исторія Червоной Руси“.

устроится такъ, что когда я получу рукопись, то отдамъ ее вамъ, не взирая на то, позволятъ-ли ее печатать или нѣтъ, потому-что я сомнѣваюсь. чтобы я даже и теперь рѣшился печатать ее въ прежнемъ видѣ; если-же на основаніи того, что я теперь знаю, или сдѣлать измѣненія въ текстѣ, или написать дальнѣйшія объясненія, то снова прійдется полтора года ожидать рукописи изъ цензуры.

Желаю вамъ терпѣнія и умиленія при чтеніи проповѣдниковъ; было время, когда и я отважился прочитать нѣсколькихъ изъ нихъ; съ нихъ можно собрать кое-какую жатву по части обычаевъ, пороковъ и домашняго быта. Проповѣдники, стремясь къ исправленію жизни, часто выставляли на видъ пороки по крайней мѣрѣ простаго народа своего времени, такъ какъ если они не поблажали слабостямъ великихъ господъ, то постоянно о нихъ молчали. Однако, кромѣ Скарги и Бѣрковского [1]), остальные не внушаютъ большихъ надеждъ.

Что касается русской литературы XVI—XVII вв., то по существу своему она не очень богата; ее составляютъ по большей части сочиненія полемическія и узко-богословскія; больше всего ихъ вышло въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Изъ историческихъ, кромѣ „Синопсиса“ Гизеля [2]), другихъ я не знаю. Къ этому я заохотилъ здѣсь одного старательнаго и образованнаго молодаго каплана, котораго я вамъ представлю, когда вы будете во Львовѣ (надежда на это меня утѣшаетъ).—Былъ тутъ во Львовѣ г. Терещенко изъ Петербурга, котораго ко мнѣ направилъ г. Росцишевскій; такъ какъ онъ имѣетъ честь быть вашимъ пріятелемъ и я прежде читалъ въ «Библіотекѣ для чтенія» рецензію на его трудъ, то вслѣдствіе этого я познакомился съ нимъ, хотя вообще я сторонюсь отъ странствующихъ литераторовъ; я нашелъ въ немъ молодаго человѣка—любезнаго и образованнаго. Здѣсь ради болѣзни онъ пробылъ почти цѣлый мѣсяцъ и былъ удивленъ, найдя у насъ неожиданно много старыхъ памятниковъ, относящихся къ русской исторіи,—тѣмъ болѣе, что г. министръ просвѣщенія [3]) увѣрялъ его, будто онъ напрасно будетъ ѣздить во Львовъ.

Теперь приступая къ краткому отвѣту на сообщенныя мнѣ замѣчанія вашего пріятеля изъ окрестностей Кіева [4]), я прежде всего

---

[1]) Скарга и Бирковскій—знаменитые проповѣдники польскіе, первый 1536—1612 г., второй 1566—1636 г.

[2]) О Гизелѣ см. монографію Сумцова въ „Кіев. Старинѣ, 1884 г., т. X, стр. 183—226.

[3]) С. Уваровъ.

[4]) Пріятель этотъ никто иной, какъ А. Я. Стороженко.—Ср. Прил. № 1.

долженъ вообще напомнить, что въ моей «Исторіи Червоной Руси», которая увы! до сихъ поръ въ цензурѣ, я постоянно обращалъ вниманіе на козаковъ и на Русь, при и заднѣпровскую, на столько, на сколько это было согласно съ моимъ планомъ. Чтобы изложить все то, что я тамъ написалъ, нужно было-бы очень распространиться; поэтому здѣсь я замѣчу только слѣдующее: мои доказательства дѣлаютъ правдоподобнымъ, что вооруженное запорожское козачество получило свое начало отсюда, изъ нашей Руси, и изъ года въ годъ по большей части отсюда наполнялось. Это происходило особенно, начиная съ 1442-го года. Козаки, эти нѣкогда вооруженные землевладѣльцы Червонной Руси, постоянно вмѣстѣ съ татарами производили набѣги на польскія поселенія. Кромѣ вооруженныхъ и постоянно воюющихъ козаковъ, было нѣкогда и у насъ, а потомъ только на Волыни, въ Подоліи и Украинѣ, козачество осѣдлое, т. е. вольные, свободные и благородные люди, имѣющіе собственную осѣдлость. Козаки такъ высоко цѣнили свое рыцарское благородство, что каждый польскій шляхтичъ, принятый въ ихъ ряды, долженъ былъ отречься отъ польскаго шляхетства, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, получалъ высшее шляхетство, т. е. русско-козацкое. Только при Янѣ-Казимірѣ послѣ гадячскаго договора 1658 года польское правительство взялось за вѣрную политику, т. е. чтобы уничтожить и обезцѣнить русско-козацкое шляхетство, оно начало отъ собственной щедрости надѣлять козаковъ достоинствомъ шляхетства польскаго, которое получили Юрій Хмельницкій, Выговскій, Сулима, Носачъ и многіе другіе; одни изъ нихъ смѣялись съ этого, а другіе, менѣе предусмотрительные, принимали и тѣмъ самымъ заставляли сомнѣваться въ ихъ вольномъ и благородномъ происхожденіи. *Nil novi sub sole*.

Нужно также имѣть въ виду, что Волынь, Подолія и вел. кн. кіевское, которое охватывало всю теперешнюю Малороссію, только послѣ 1569-го года соединились съ Польшею, а передъ тѣмъ разсматривались, какъ свободное государство, соединенное только съ Литвою; на него, а особенно на вел. кн. кіевское, поляки не имѣли почти никакого вліянія. Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что еще задолго до 1506 года существовали надъ Днѣпромъ вооруженные козаки подъ управленіемъ своихъ гетьмановъ, но они вовсе не считали себя, какъ пишетъ вашъ пріятель, передовою стражею польской Речи Посполитой, но смотрѣли на себя, какъ на народъ свободный, никому не подвластный, и съ безпримѣрнымъ мужествомъ и смѣлостью сражались съ басурманами, какъ нѣкогда славянскіе ускоки на берегахъ Адріатическаго моря и какъ теперь черногорцы. Если они когда оказывали

Польшѣ услуги въ борьбѣ противъ враговъ христіанства, то только за деньги, но ея власти надъ собой они не признавали, да это было-бы и страннымъ, такъ какъ ихъ отдѣляли отъ Польши Подолія и Волынь, принадлежавшія Литвѣ.

Послѣ 1569 года, когда вступилъ на престолъ Стефанъ Баторій и засталъ вел. кн. кіевское соединеннымъ съ Польшею, хотя безъ вѣдѣнія и согласія козаковъ, то онъ старался склонить къ себѣ этотъ воинственный народъ, завелъ у нихъ, на сколько это было возможно, свой порядокъ и усиливался сдѣлать ихъ полезными Польшѣ; но къ несчастью гангрена тогда уже сильно укоренилась въ тѣлѣ польскаго государства, жадная шляхта смотрѣла какъ на Червонную Русь и Литву, такъ и на вел. кн. кіевское, какъ на свою добычу, и требовала у королей земли; эти послѣдніе, чтобы привлечь ее къ себѣ или чтобы добиться ея согласія на какое-нибудь полезное государственное предпріятіе, раздавали ей, какъ папы въ Америкѣ, земли, заселенныя свободными людьми, подъ названіемъ староствъ, державъ и т. д. Шляхтичи, пріѣзжая на мѣста съ толпами слугъ и жидовъ, накладывали на этихъ свободныхъ осѣдлыхъ козаковъ отъ имени короля сначала легкія, а потомъ все болѣе и болѣе обременительныя дани. Одни подчинялись этому, другіе-же—или оружіемъ защищали свою свободу, или бросали осѣдлости и уходили къ запорожскимъ козакамъ. Что и какъ наступило послѣ, извѣстно изъ историковъ Рудавскаго, Грондскаго, Коховскаго, Писторія и другихъ.

Гродскіе и земскіе суды, о которыхъ упоминаетъ вашъ пріятель, были введены, по моему мнѣнію, въ вел. кн. кіевскомъ или въ Малой Россіи вѣроятнѣе всего при Стефанѣ Баторіи, а, можетъ быть, и позднѣе—при Вазахъ; точно также и магдебургское право въ городахъ; суды были совершенно иными.

Палій, о которомъ упоминаетъ онъ-же, проживалъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви. Хотя онъ считался подданнымъ Речи-Посполитой или вѣрнѣе короля, но мало объ этомъ заботился и бѣлоцерковскій староста Яблоновскій долженъ былъ очень осторожно съ нимъ поступать. Часто случалось, что дани отъ закрѣпощенныхъ уже отчасти русиновъ въ окрестностяхъ Бѣлой Церкви получалъ то староста, то Палій; послѣдній и освобождалъ ихъ отъ таковыхъ. Я имѣю нѣкоторыя собственноручныя его письма, писанныя къ тому-же старостѣ въ 1697 и 1698 годахъ.

Теперь на вопросы, поставленные въ сообщенномъ мнѣ письмѣ, я вкратцѣ такъ отвѣчаю:

1-е. Что козаки правой стороны Днѣпра утратили свою свободу и превратились въ крѣпостныхъ, то это легко можно объяснить, остановившись надъ тѣмъ, что было изложено выше, и обративши вниманіе на то, что послѣ каждаго мира съ ними трактатомъ обусловливалось число такъ называемыхъ реестровыхъ; такъ, напримѣръ, въ 1644-мъ г. ихъ должно было быть 40.000, въ 1651-мъ г. послѣ битвы подъ Берестечкомъ только 20.000; вѣроятно, всѣ остальные, не включенные въ это число, должны были переходить въ состояніе крѣпостныхъ. Въ началѣ, какъ я уже говорилъ, старосты и державцы довольствовались небольшой данью или повинностью, но позднѣе съ каждымъ годомъ ихъ увеличивали и отсюда—постоянные бунты и рѣзня. Многіе изъ нихъ уходили за Днѣпръ къ свободнымъ русскимъ козакамъ или на Запорожье.

2-е. Что козаки при монархическомъ правленіи сохранили свои вольности, то это вещь очень понятная. Основной чертой монархическаго правленія является стремленіе сохранить за каждымъ его права и вольности. Это и дѣлало русское правительство—тѣмъ болѣе, что оно считало козаковъ своими и по народности, и по вѣроисповѣданію; впослѣдствіи оно нуждалось въ нихъ и для обороны своего пограничья. Въ Польшѣ-же, гдѣ правящая государствомъ аристократія стремилась къ собственнымъ личнымъ выгодамъ, она находила ихъ въ закрѣпощеніи и присвоеніи собственности непріязненнаго, чужаго по происхожденію и по вѣрѣ народа. Были еще и другія причины, которыя трудно здѣсь всѣ перечислить. Козаки при Хмельницкомъ и позднѣе желали, чтобы польскіе короли правили ими самодержавно и чтобы они подчинены были только имъ, а не такъ называемой Речи-Посполитой; но такой порядокъ былъ страшенъ для польскихъ магнатовъ, потому-что онъ лишилъ-бы ихъ добычи и грозилъ имъ тѣмъ, что король, опираясь на такое многочисленное и опытное войско, будетъ въ состояніи обуздать ихъ своеволіе и уничтожить ихъ такъ называемыя вольности.

3-е. До сихъ поръ еще въ Галиціи цѣлыми селами живутъ свободные люди, называемые боярами, князьями и шляхтой. Отъ своихъ маленькихъ осѣдлостей они или совсѣмъ не отбываютъ никакихъ повинностей, или отбываютъ самыя легкія. Послѣ присоединенія Галиціи къ австрійскому государству многіе изъ нихъ при той легкости, которая существовала тогда на этотъ счетъ, вписались въ шляхетскія метрики, о чемъ я говорю довольно обширно въ моей „Исторіи". Уменьшается теперь и здѣсь число такихъ поселеній. Лѣтъ 50 тому назадъ ихъ, какъ я помню, было больше. Жители ихъ всѣ русины.

4-е. Бояровъ—армянъ у насъ нѣтъ. Въ Польшѣ они считались мѣщанами и занимались исключительно торговлей. Число ихъ постоянно уменьшается. Многимъ изъ армянскихъ семействъ удалось *fas ne fas* добиться утвержденія въ шляхетствѣ; они купили имѣнія и еще одно-два поколѣнія и они окончательно растворятся въ польской народности.

Тотъ документъ 1351-го года, о которомъ я выше упоминалъ, во всемъ подтвердилъ мои прежнія соображенія и далъ мнѣ болѣе ясное представленіе о древнихъ русскихъ сословіяхъ и ихъ отношеніи между собою.

Что касается документовъ, относящихся до приднѣпровской Руси, то таковые могутъ и тутъ кое-гдѣ найтись, но ихъ особенно нужно искать въ Подоліи, въ Кіевщинѣ и въ Малороссіи, гдѣ они безъ сомнѣнія существуютъ. Тутъ сильно уничтожалось все, что было русскаго, тамъ-же должны быть разбросаны огромные матеріалы; только ихъ слѣдуетъ искать, каждый не большой клочекъ бумаги перечитывать,—и изъ крохъ составится довольно полная исторія тамошнихъ мѣстностей. И у насъ никто не ожидалъ, чтобы можно было что-нибудь найти, а между тѣмъ усиленная восьмилѣтняя мѣстная дѣятельность, сопровождаемая поисками, дала то, что мы уже очень многое имѣемъ и знаемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше узнаемъ, потому-что въ нашей молодежи пробудилась пытливость.

Нацарапавши столько, я кончаю, утѣшаясь надеждой на пріѣздъ вашъ во Львовъ. Какимъ я былъ-бы счастливымъ, если-бы могъ побыть вблизи васъ. Сколько вещей мы могли-бы изслѣдовать, уяснить и исправить! Теперь-же, если исключить нѣсколькихъ молодыхъ людей, которыхъ эти вещи интересуютъ, я одинъ только занимаюсь изслѣдованіями, не имѣя никого, кто могъ-бы исправлять мои наблюденія, давать совѣты и радоваться вмѣстѣ со мною открытію исторической правды.

Припадаю къ ногамъ вашимъ

Д. Зубрицкій.

2.

Львовъ, 25-го марта 1842 г.

Милостивый Государь!

Письмо ваше отъ 1-го марта я получилъ; оно доставило мнѣ большое удовольствіе, какъ и все то, что̀ выходитъ изъ вашихъ рукъ.

Очень хорошо, что вы разбудили г. Лойолу:[1]) пусть дѣло выясняется. Статьи этой въ мартовскомъ № «Библіотеки»[2]) я не читалъ, такъ какъ это періодическое изданіе не получается въ текущемъ году въ книготорговлѣ Милликовскаго; г. Борковскій, насколько мнѣ извѣстно, получилъ пока только январскій №. За прошедшій годъ я получилъ по милости вашей всѣ нумера. На текущій годъ я не подписался, потому что «Библіотека» очень дорога, а получать ее даромъ я не имѣю права, такъ какъ я снабдилъ ее только одной статьей въ прошломъ году[3]). Я очень радъ, что вы, милостивый государь, простили редакцію «Библіотеки», а она еще болѣе должна радоваться, потому что по своимъ статьямъ вы были ея самымъ главнымъ и самымъ почетнымъ сотрудникомъ. За обѣщанную «Ютшенку»[4]) благодарю васъ, но пройдетъ много времени, прежде чѣмъ она получится здѣсь и наша цензура ее пропуститъ или, кто знаетъ, совсѣмъ, можетъ быть, задержитъ.

Изданіе «Monumenta Russiae historica»[5]) совершенно мнѣ неизвѣстно, а между тѣмъ возбудило мое любопытство, особенно указанными вами папскими письмами. Если это васъ не особенно затруднитъ, то я просилъ-бы васъ сообщить мнѣ копіи писемъ Григорія IX отъ 1231 г., 1232 г и 1234 г. ad Ulrikum и Александра IV отъ 1257 г. съ обозначеніемъ страницъ книги, въ которой они находятся. Онѣ очень пригодились-бы мнѣ для небольшой статьи «О древности латинскаго обряда на Руси», для которой у меня собрано довольно матеріаловъ, Если вы это исполните, то окажете мнѣ, милостивый государь, большую услугу, приславши эти письма ко мнѣ по почтѣ.

Русскія книги, о которыхъ я просилъ, я по большей части уже получилъ; однако, если вы поѣдете въ Петербургъ, чего я отъ души желаю, то въ свое время я осмѣлюсь попросить васъ выслать мнѣ «Гражданское право и судопроизводство» россійской имперіи. Я знаю, что оба эти кодекса находятся въ большемъ «Сводѣ Законовъ» имперіи, но я думаю. что ихъ должны продавать и отдѣльно. Поѣздки въ Петер-

---

[1]) Игнатій Лойола Рихтеръ помѣстилъ въ „Варшавской библіотекѣ" (1840 г., т. II, стр. 616; т. III, стр. 133, 165) критическую статью на „Pamiętniki" Мацѣёвскаго.

[2]) Разумѣется журналъ „Варшавская библіотека".

[3]) Статья, о которой упоминаетъ здѣсь Зубрицкій, это „Ułamki z kroniki miasta Lwowa", помѣщенная въ „„Библіотекѣ" за 1841 г., т. III, стр. 393.

[4]) „Iutrzenka"—Денница, изданіе Петра Дубровскаго.

[5]) Historica Russiae Monumenta ex antiquis exterarum gentium archivis et bibliothecis deprompta ab A. Turgenevio (Тургеневымъ). T. I, Спб., 1841 г., и Supplementum ad H. R. M. С.-п.б., 1842 г.

бургъ я желаю для васъ по тому, что при этомъ вы получиче возможность лично представиться министру просвѣщенія и другимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Вы ничего мнѣ не пишете о своемъ большемъ трудѣ, надъ которымъ вы работали и на который получили уже *imprimatur:* печатается-ли онъ или нѣтъ? и почему?

Извѣстіе въ «Литературномъ Еженедѣльникѣ», будто я буду сотрудникомъ «Львовянина» г. Зѣлинскаго, ложно и помѣщено безъ моего вѣдома. Въ прошломъ году въ благодарность за то, что онъ забрасываетъ меня своимъ изданіемъ, рисунками котораго мои дѣти пользуются для украшенія ширмъ, я далъ ему два отрывка, а именно: выдержку изъ дневника Погодина за время пребыванія его въ Парижѣ и мою собственную юмористическо-сатирическую статейку, озаглавленную «Важное литературное извѣстіе»; но за то, что онъ осмѣлился помѣстить въ концѣ иниціалы Д. З., которыхъ въ рукописи не было, и сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ текстѣ, я прекратилъ съ нимъ всякія сношенія. Впрочемъ, я охотно удѣлилъ-бы ему нѣсколько мелочей, да и другіе многіе поддерживали-бы его своими статьями, если-бы онъ зарекся писать такъ называемыя имъ повѣсти, которыя при своемъ неопрятномъ и грубомъ слогѣ являются только злыми каррикатурами прежнихъ польскихъ нравовъ и обычаевъ, написанными для ихъ униженія. Между тѣмъ хотя поляки имѣли плохое правительство или, вѣрнѣе, не имѣли никакого правительства и порядка, но за то обычаи у нихъ были благородные, а домашняя жизнь, кромѣ магнатской, отличалась добродѣтельностію и скромностью.

Вы вѣрно, милостивый государь, назвали теперешнее литературное движеніе—газетоманіей. Я не знаю, раздражаетъ-ли кого это сумасбродство такъ, какъ меня: сорвется какой-нибудь писака и безъ основательныхъ свѣдѣній скрипитъ «weit und dreit», какъ говорятъ нѣмцы, или о томъ, что давно уже другимъ извѣстно, или о томъ, что вовсе не заслуживаетъ, чтобъ о немъ много распространяться. Противъ такихъ именно писакъ направлено было мое «Важное литературное извѣстіе» въ «Львовянинѣ». Еще сегодня гр. Борковскій привелъ ко мнѣ какого то господина съ великолѣпной бородой, хотя еще очень молодаго, и представилъ его мнѣ, какъ литератора. Я спросилъ его, въ какой области наукъ онъ работаетъ, и онъ съ очевиднымъ самодовольствомъ признался мнѣ, что написалъ уже изслѣдованіе «О польскомъ языкѣ» и что отдастъ его въ журналъ. Какъ мало меня заинтересовалъ новый литераторъ, видно изъ того, что я забылъ даже его имя. «Журналъ института Оссолинскихъ» выходилъ въ прошломъ году и будетъ выходить въ текущемъ. Нужно надѣяться, что это будетъ дѣльное изданіе,

если только г. Клодзинскій останется директоромъ этого института; но слышно, что ему надоѣло служить, да этому легко можно и повѣрить, потому что онъ имѣетъ дѣло съ великими господами.

Исключая труда «о славянской миѳологіи» проф. Гануша [1]), который заслуживаетъ особеннаго вниманія, у насъ не вышло ничего важнаго: появится иногда проповѣдь, иногда пастырское посланіе, а затѣмъ мгла и потемки. Я теперь занятъ дѣлами другаго рода и ничего не пишу, да оно и лишнее. Моя «Хроника Львова» послѣ 10-ти мѣсячнаго отдохновенія вышла наконецъ изъ рукъ обыкновеннаго цензора сильно помаранною. Но такъ какъ она заключаетъ въ себѣ кое-что, имѣющее отношеніе „mit den Staatsrechte", то прежде, чѣмъ выдать ее мнѣ, „Prezidium krajowe" послало ее въ Вѣну въ „Staatsrath". Когда она тамъ отбудетъ свой карантинъ и окажется дозволенною (а можетъ быть и запрещенною), то я предполагаю на перекоръ помаркамъ обыкновеннаго цензора обратиться въ высшую придворную цензурную инстанцію и такимъ образомъ мое царапанье два раза на счетъ казны проѣздится въ столицу Имперіи скорымъ поѣздомъ. И кто знаетъ, не постигнетъ-ли ее такая-же судьба, какая постигла мою „Исторію Галиціи", т. е. что я запру ее въ бюро.

У насъ теперь всѣ заняты новымъ театромъ, который будетъ первый разъ открытъ 28-го текущаго мѣсяца. Онъ и обширнѣе и изящнѣе прежняго. Однако наше общество не довольно директоромъ г. Скарбекомъ, потому-что онъ изгналъ значительную часть прежнихъ польскихъ актеровъ и между ними нѣкоторыхъ способныхъ и даже задумалъ вообще уничтожить польскую сцену.

Желая вамъ добраго здоровья и выносливости при трудахъ, столь полезныхъ и столь почтенныхъ, остаюсь

Вашимъ покорнымъ слугою

Зубрицкій.

P. S. Я хотѣлъ было послать напечатанное по-польски и по-русски объявленіе—такое-же, какъ то- латинское, но для этого нуженъ случай.

3.

Львовъ, 9-го марта 1850 г.

Милостивый Государь!

Письмо ваше доставило мнѣ несказанное удовольствіе, тѣмъ болѣе, что я убѣдился изъ него въ добромъ состояніи вашего дорогаго здо-

[1]) Извѣстный чешскій ученый.

ровья. Я немедленно занялся исполненіемъ данныхъ мнѣ порученій, но, къ сожалѣнію, безъ успѣха. За перемышльскими букварями 1838 г. я обратился не только къ моимъ знакомымъ въ Перемышлѣ, но даже къ епископу; тѣмъ не менѣе достать ихъ я не могъ. Какъ это изданіе, такъ и нѣсколько подобныхъ перемышльскихъ и львовскихъ 1838 г. (всѣ они были одного и того-же содержанія) распроданы; теперь они замѣнены совершенно другими. Я далъ въ разныя стороны порученія достать мнѣ по крайней мѣрѣ подержанныхъ и если откуда получу, то немедленно отошлю въ Варшаву. Я ломалъ себѣ голову, желая угадать, чѣмъ наши негодные букварі могли прославиться за границею?

Что касается «Библіотеки Института Оссолинскихъ», то въ 1847 г. ея вышло 12 выпусковъ, а въ 1848 г. только 4 выпуска; послѣ того наши ученые, бросивши перья, взялись за оружіе и «Библіотека» прекратилась. Эти-то 12 выпусковъ 1847 г., продажа которыхъ сдана на коммисію книгопродавцу Францу Пиллеру, вы получите съ первой книжной посылкой въ Варшаву черезъ книго-торговлю Сенневальда. Я говорю «съ первой посылкой», потому-что между Львовомъ и Варшавой нѣтъ правильной торговой коммуникаціи и только отъ времени до времени отправляютъ тюки въ Варшаву (когда насобирается клади и представится случай). Я просилъ кустоса г. Шляхтовскаго [1]), что-бы онъ переслалъ вамъ черезъ того-же Пиллера и тѣ 4 выпуска, которые изданы въ 1848 г. и которые не находятся на коммиссіи у Пиллера. Кажется, что Сенневальдъ не требовалъ отсюда изъ Львова этой «Библіотеки», потому-что въ противномъ случаѣ ему давно-бы ее отсюда выслали.

Поэма Липскаго [2]) печатается на счетъ князя Любомірскаго, равно какъ и „Первобытная исторія Польши“ г. Бѣлёвскаго. Можно надѣяться, что это послѣднее сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера нашего славнаго ученаго, будетъ важно по содержанію.

Революціонный вихрь, который до сихъ поръ потрясалъ Европу, достигъ наконецъ и нашей доселѣ тихой и спокойной стороны. Онъ все разрушилъ, овладѣлъ умами и причинилъ намъ неисчисленный

---

[1]) Профессоръ польской литературы во львовскомъ университетѣ и хранитель библіотеки гр. Оссолинскихъ.

[2]) Андрей Липскій, съ 1678 г. подчашій холмскій, служилъ въ военной службѣ во время козацкихъ и шведскихъ войнъ, † въ Краковѣ въ 1689 г. Ему ошибочно приписывали поэму „Wojna Chocińska“ (Львовъ, 1850 г.), дѣйствительнымъ авторомъ которой былъ, какъ доказалъ К. Шайноха, Вацлавъ графъ Потоцкій.

вредъ. Долго—долго еще будутъ намъ памятны послѣдствія этого сумасбродства. Я понесъ много потерь и имѣлъ много хлопотъ. Какъ все это кончится, извѣстно только Богу!

Вамъ я желаю здоровья и силъ, что-бы во славу науки вы окончили начатые труды, и утѣшаюсь надеждой, что, будучи въ Криницѣ, вы посѣтите и львовскія развалины и дадите мнѣ возможность еще разъ на этомъ свѣтѣ обнять и поцѣловать того, кого я высоко уважаю. Но пока это случится, пріймите выраженіе особеннаго почтенія, съ которымъ пишетъ вамъ, милостивый государь, вашъ покорный слуга

Зубрицкій.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Продолженіе) [1].

Въ исходѣ декабря присталъ ко мнѣ съ прозбою Шидловскій о поѣздкѣ паки въ Петербургъ. Я, разсудя, что въ домѣ мнѣ зимою дѣла мало и взявъ отвагу, пустился въ путь 21-го декабря въ 12-мъ часу по полуночи до Воронежа, а оттоль, по полученіи подорожней, 25-го въ 4 часа по полудни выѣхалъ и приѣхалъ въ Тулу 26-го въ 5-ть часовъ по полуночи, въ Зарайскъ для полученія денегъ 27-го, въ Москву 29-го, въ Торжокъ 1-го генваря 1791 года, а оттоль въ сторону 12-ть верстъ въ деревню Грузинъ г-на Марка Федоровича Полторацкого и тамо новый годъ проводилъ въ старинного моего пріятеля Михайлы Сергеича Богомолова, который прежде былъ въ Червявки управителемъ. Потомъ въ ночъ пустившись съ Грузина, прибылъ въ Петербургъ 5-го генваря въ 8-мъ часовъ по полуночи, и на другой день 6-го января былъ во дворцѣ смотрѣть церемоніи освященія воды. Тутъ получено извѣстіе и о заключеніи мира съ турками чрезъ полковника Моркова, и молебенъ отпѣтъ въ присутствіи царицы съ пушечною палбою. Потомъ полки гвардіи и протчая проходили мимо двора въ парадѣ къ водѣ, которая освящаема была великимъ соборомъ священства съ митрополитомъ въ каналѣ адмиралитейскомъ. А царица и великій князь со всею фамиліею изволила смотрѣть изъ оконъ на всю церемонію освященія и парадъ полковъ, которые, проходя мимо оконъ, уклоняли знамена къ земли.

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., майск. кн., стр. 130—145.

Потомъ осмотрясь мало и сыскавъ порядочную квартиру, принался за дѣло прежнее Безгиной съ Удаловою о айдарскихъ деревняхъ, и, пробывъ въ Петербургѣ два мѣсяца, помощію N. N. и благопріятелей отсрочилъ слушаніемъ дѣло по октябрь мѣсяцъ. 1-го марта отправился домой и, проѣзжая многотруднымъ отъ ухабовъ и полой воды путемъ, приѣхалъ въ домъ 17-го марта въ 11-мъ часу по полуночи благополучно, заставъ во ономъ и вся благополучныхъ и здоровыхъ.

Будучи-жъ въ Петербургѣ, записалъ въ гвардію сына своего Петра въ преображенскомъ полку каптинармусомъ и съ даннымъ пашпортомъ до возрасту указныхъ лѣтъ; купилъ ложекъ серебрянныхъ шесть (а первую поездку куплено шесть), а седмую разливную болшую, две солонки серебренныхъ, чайное ситечко серебреное съ позолотою, образъ Спасителя въ кованной рызѣ маленкой. Здѣлалъ себѣ лисью шубу, теплой сертукъ, пару платья, купилъ скатертей, полотна и салфетокъ много, часы женѣ золотыя (по модному названію стразовые) съ насыпными камушками, и протчая, и протчая.

Проѣздомъ въ Москвѣ купилъ двѣ иконы—Спасителеву и Богоматери, сребромъ обложенные, за 35 р. и въ знакъ моей Богу за поѣздку благодарности, надписавъ оныя, отдалъ въ церковъ, которыя стоятъ нынѣ по обѣ стороны царскихъ вратъ для прикладованія предъ обѣднею священникамъ.

За сію поѣздку, такъ-же какъ и за прошлогоднюю, получилъ благодарность отъ Шидловского. Потомъ, живя въ домѣ и отдыхая отъ трудовъ недѣлю страстную, говѣлъ и въ субботу великую, 3-го апреля, удостоился быть сообщенъ святыми Тайнами. И сей день былъ весма тепелъ, а съ полуночи подъ празникъ свѣтлой поднялась стужа и снѣгъ силный во весь тотъ свѣтлый и другий день, и пало снѣгу болше, нежели на полъ-аршина, и пролежалъ оной двое сутокъ. После того были вѣтри холодные почти всю весну.

Между-же празника Свѣтлова Христова Воскресенія и Троицына дня, въ бытность курского директора экономіи Николая Семеновича Паскевича въ Слоновки, злого корене злая отрасль, Григорей Михайловъ сынъ Корецкой, который (будучи и нынѣ въ подушномъ окладѣ) моимъ ходатайствомъ принятъ въ штатную службу по уволненію бывшаго моего благодѣтеля, директора Корнѣева, по-

луча секретарской чинъ, фалшиво написавъ себя изъ старшинскихъ дѣтей, воздвигъ слоновское общество и подалъ прозбу, чтобъ данную отцу моему въ 1769-мъ году по полюбовномъ розводу землю и лѣсъ отнять, почему та дача землемѣромъ измѣрена и послана на разсмотрѣніе курскому намѣстнику Беклешову, но что по тому послѣдуетъ, Богъ вѣсть.

После сего штурма былъ на свадбѣ въ Бирючей, на которой женили племенника моего и воспріемника Ивана Григоріевича Черторійскаго тамошнего священника Благовѣщенской церкви отца Василія на дочери Елисаветѣ. По окончаніи-жъ свадбы, положа въ мысли въ свободное время побывать въ Киевѣ для поклоненія святыхъ угодниковъ Божіихъ мощамъ, и собрались со всѣмъ потребнымъ въ путь. Июня 3-го выѣхалъ изъ дому (имѣвъ зъ собою толко одного попутчика, слоновского жителя Федора Остапенкова) на двухъ повоскахъ зъ женою, сыномъ Петромъ и дочерми Любовію и Екатериною. Путь мой былъ отъ Слоновки чрезъ города Корочу, Бѣлгородъ, Сумы, Недригайловъ, Роменъ и до Киева прибылъ того-жъ іюня 17-го числа въ 12-ть часовъ по полуночи. Въ Киевѣ пробылъ 18, 19, 20, и 21-го числа по полудни во 2-мъ часу выѣхалъ, бывъ въ церквахъ печерской болшой и ея придѣлахъ; близъ обоихъ пещеръ Антониевскихъ и Феодосіевскихъ, и въ пещерахъ и церквѣ удостоился приложиться всѣмъ опочивающимъ мощамъ, въ томъ числѣ и мощамъ почивающымъ прародителя нашего въ пещерахъ Феодосиевскихъ князя Ѳеодора Острозского. Продолжая путь мой отъ Киева иною дорогою, слѣдовалъ чрезъ селеніи: Борисъ-поле, Рогозовку, городъ Переяславль, гдѣ пѣлъ молебенъ лежащимъ мощамъ архимандрита Макарія и слушалъ литоргію, Ташань, Копновку, Семены, Городище, Лазорки и городъ Лубни. Въ Лубнахъ ночевалъ, а на другой день по утру отправился въ монастырь лубенский и тамъ сѣдящымъ мощамъ патріарха Афанасія отпѣвъ молебенъ и выслушавъ обѣдню, отправился въ путь въ 1-мъ часу по полудни чрезъ Тишки, Жданы, Сенчи-городокъ, Камышевку, Рашновку, городъ Гадячъ, Веприкъ, Комыши и въ г. Ахтырку. Въ Ахтырки ночевалъ и по отпѣніи акафиста чудотворной иконѣ Божия матери и выслушаніи литургіи, по полудни въ 1-мъ часу отправился до Каплуновки 20 верстъ. Тамо также воз-

давъ благодарное моленіе и выслушавъ литургію, отъправился до Богодухова 33 версты. Отъ Богодухова до Олшани 28 верстъ.

Тутъ засталъ дядю своего родного, матери моей брата, Ивана Яковлевича Ковалевского въ болѣзни разбитого параличемъ и никого о немъ нерадящого. Отъ Олшани до Харкова 26 верстъ прибылъ въ 8-мъ часу по полудни по причинѣ болѣзни одной лошади, кою въ Харковѣ вовся и бросилъ. Въ Харковѣ 3, 4 и 5-е число июля пробылъ, потомъ отправясь домой, прибылъ 7-го июля въ 7-мъ часу по полудни, слава Богу, благополучно. Во весь сей мой путь до возвращенія домой была погода дождливая и холодная, почему и ѣзда была весма медленна и скучна.

Июля 24-го по полудни, въ началѣ 2-го часа, отъ запада нашедшая дождевая туча зъ градомъ, Божіимъ изволеніемъ, причинила вреда много: на полѣ моемъ хлѣбъ избило градомъ силнымъ, коего величина была въ голубиное яйцо, а между онымъ, хотя и рѣдко, но былъ въ куриное яйцо. Рѣдко такой видѣнъ былъ въ жизни моей градъ, или, сказать, я таковаго никогда не видѣлъ. Тая-жъ туча и въ тотъ-же часъ въ слободѣ Слоновки громовымъ ударомъ разбила въ десяти саженяхъ отъ дому моего состоящую Николаевскую каменную церковь; 12-ть оконъ со стеклами разбило въ прахъ, иконостасъ опалило огнемъ, изъ златого здѣлало чернымъ, а равно за правымъ крылосомъ и киотъ весь опалило, подъ среднею главою на церквѣ фонарь разбило, а на куполѣ подъ желѣзною крышею, бывшую тесовую кровлю и стропилы сожгло въ прахъ, коего огонь продолжался отъ 2-го по полудни до 4-го по полуночи часа, и поднявшеюся въ началѣ 8-го часа по полудни силною бурею несло на весь мой домъ силной огонь съ угольемъ горящимъ, отъ коего подверженъ былъ мой домъ великой опасности, или отъ сего громоваго удара и огня совершенному разоренію и праху. Но всесилная Владыки десница еще отъ того сохранила, страхъ и трепетъ, воображая таковую участь, долго не давали спать.

О, дивное чудо и долго мною не виданное! Я никогда не вѣрилъ, что-бъ была громовая стрѣла, а нынѣ совершенно узналъ и видѣлъ ея непостижимое дѣйствіе и силу, или въ подобіе оной что ни есть твердое вещество и дѣйствующее, аки стрѣла.

Верхъ иконостаса, стоящее Распятіе разбило тогда-жъ громомъ, и поперечина креста упала на землю, а длина осталась въ

своемъ мѣстѣ горѣ. И когда снята была для починки, то тутъ увидѣлъ я сіе страшное дѣло: отъ нижняго конца креста зъ задѣ отъ стѣны во всю длину креста вырвало стрѣлою въ ширину на два перста, а длиною мало не во весь крестъ; и потому-жъ слѣду знакъ стрѣлы на подобіе пули ружейной, которая шла не сверху внизъ, но снизу вверхъ и, выскочивъ, гдѣ дѣвалась, Богъ вѣсть, потому что ни въ иконостасѣ, отколь началась, ни вверху креста въ стѣнѣ знаку никакого не оставила. Я, своеручно склеивая разбитый крестъ, много разсматривалъ оной и удивлялся непостижимости судебъ Божіихъ и силѣ грома, который происходитъ въ облакахъ—отъ чего, Богу единому толко извѣстно. Всякъ любопытный можетъ тотъ крестъ разсматривать, стоящей и нынѣ поверхъ иконостаса и весма легко снятъ могущыйся.

После сего ужаснаго приключенія и страха, чрезъ весь августъ мѣсяцъ были прежестокия и вредительныя громы, болшою частію ночми, почему, имѣя бывшей силной страхъ, какъ толко которой ночи начиналась гроза, то уже я и всѣ мои домашніе спать не могли, и какъ въ такое время нечего было болше дѣлать, то толко происходила всегда молитва ко Богу о избавленіи отъ наглой смерти.

Слава тебѣ Боже! вотъ уже наступилъ и 1793-й годъ. Празникъ сей и по немъ другия были студенныя, почему болшъ нечего было дѣлать, а толко происходило гулянья и веселости. Генваря-жъ 13-го умре любезный другъ, поручикъ Алексѣй Ильичъ Глатковъ, бывъ у меня предъ празникомъ Рожества Христова и гостилъ доволно. Смерть-же ево была скоропостижная въ домѣ ево, что въ деревнѣ Глатковки.

Тутъ вышла новая эпоха ужасная, и обнародованъ во всей имперіи указъ о высылкѣ чрезъ три недѣли со всѣхъ мѣстъ проклятыхъ изверговъ-французовъ, которыя, забывъ Бога и своему королю присягу, публично отърубили ему на эшафотѣ голову генваря въ 13-й день. И такъ, сей нещастный Франціи король Людовикъ шестій-на-десять принялъ отъ своихъ подданныхъ поносную смерть; королева-жъ, сынъ и дочь остались еще до времены заключенными въ тюрмѣ. Варъварския души, не бывъ доволными смертью своего государя, тѣло его бросили въ ямѣ въ приготовленную для того негашенную известь (вапно) и, загребши оное,

палили крѣпкою водкою, которое отъ того въ ту-жъ почти минуту и згорѣло. Многия изъ французовъ, имѣя великия въ Россіи торги и домы, гнушаясь своихъ соотчичей такимъ богопротивнымъ поступкомъ, принявъ присягу, остались вѣчно въ подданствѣ россійскомъ, а имѣвшія духъ, наполненной злобы и ярости къ своему государю, чрезъ три недѣли, какъ положено было указомъ, удалились съ свое отечество для принятія предположенной имъ за сіе отъ Бога казни, чрезъ войну, объявленную имъ за такой звѣрской поступокъ отъ всѣхъ имъ сосѣдственныхъ державъ и отъ Россіи.

Приключившаяся мнѣ въ генварѣ мѣсяцѣ болѣзнь продолжалась до десятого апрѣля. Она началась съ лѣвого плеча и разслабивъ силною болью всѣ члены, дѣлала меня временемъ болнымъ жестоко, а временемъ со умѣренностію. Потомъ, остановившись въ ногахъ, мучила жестоко. Заболѣвшій-же подобною моей болѣзнію сосѣдъ мой, корочанской помѣщикъ, Ефимъ Ефимовичъ Плутановъ, марта въ послѣднихъ числахъ умре, оставивъ жену, бывшую за нимъ въ замужествѣ толко годъ и 9 мѣсяцевъ.

Тутъ, когда наступило уже время обучать сына моего Петра, бывшаго на шестомъ году, то для совершенной науки приговорилъ учителя изъ белгородской семинаріи семинариста Сербинова, ценою въ годъ за 50 р. и вся пара платья, и зъ Божіею помощію началъ обучать писменъ россійскихъ со успѣхомъ.

Прошедшая зима была весма студенная, снѣги глубокия и продолжались апреля по 1-е число, а 1-го числа съ полудни здѣлалась вдругъ теплота и дождь зъ силнымъ громомъ, отъ чего глубокия снѣги понесло вдругъ въ рѣки и учинило великое наводненіе, отъ котораго винокуренной мой заводъ простоялъ въ водѣ цѣлую недѣлю безъ дѣйствія.

На сихъ дияхъ совершенно я увѣрилъ жену свою о взнесенной на меня клеветѣ силною клятвою и тѣмъ успокоилъ ея сердце. Оная началась прошедшаго 1792-го года, по приездѣ моемъ съ Киева. Крестьянка моя М., вздумала въ отсудствіе наше изъ дому въ Киевъ говорить всѣмъ, что я съ нею живу блудно. Примѣчательно, что хотѣла симъ славиться, какъ прочія бывшія въ сіе время помѣщичьи дѣвки и женщины молодыя славились и почитали сіе за благомыслящую моду. Жена, узнавъ сіе, жестоко, по горячности своей ко мнѣ любви, опечалилась, но отъ мене сіе скрыла,

а проповѣдница сего дѣла, узнавъ свою ошибку, бѣжала, потомъ поймана и наказана мною жестоко. Но и за симъ жена была въ неимовѣрности, а я, радуясь безъвинно взнесенной клеветѣ, мыслилъ внутренно, что за сіе получу нѣкое воздаяніе, по словамъ Спасителя нашего, который говоритъ: *Блажены есте, егда поносятъ вамъ и рекутъ золъ глаголъ*; но ненавидяй врагъ добра то отъ меня отънялъ. Жена, опечалясь жесточае еще прежняго по наговору насмѣшницъ въ такихъ дѣлахъ женщинъ, неоднократно предо мною плакала и грустила, чѣмъ будучи я жестоко тронутъ, принужденъ былъ лишиться той мзды и открыть во увѣреніе ей всю моего сердца тайну, утверждая крѣпкою клятвою, и симъ посредствомъ остался съ нею въ прежней любвѣ и мирѣ. Всемогущій Богъ и нынѣ да будетъ свидѣтель моей души, что ей, ей не имѣлъ я зъ сею проклятою клеветницею совокупленія плотскаго. Но надобно было нѣкоторымъ посредствомъ врагу поколебать нашу отъ начала брака горячую другъ къ другу любовь и согласіе брачное, которое всегда ему ненавистно.

Окончивъ внутреннее благополучно, о наружномъ могу въ сіе время сказать: посредѣ скорпіевъ живу я; старинные злодѣи Корецкие не преставали и теперича разнія дѣлать клеветы по остротѣ своего языка какъ въ народѣ, такъ и началствамъ. Но правда праведнаго всегда избавляла, и я не чувствовалъ отъ того никакой обиды, кромѣ огорченія сердечнаго, отъ чего въ одно время, забывъ я смиреніе своего духа, пошедъ въ домъ къ Михайлѣ Корецкому, ругалъ ево доволно со угрозами и тѣмъ мало заградилъ многоглаголанныя и злорѣчныя уста. Но ненавыдящихъ и обидящихъ насъ, прости, Господи человѣколюбче! и даждь ихъ душамъ спасеніе, согрѣшаютъ-бо невѣденіемъ, по наущенію врага, а Божіимъ попущеніемъ.

Мая 19-го сего года, во вторникъ, великий князь Александръ Павловичъ обрученъ на баденской принцессѣ, нареченной при крещеніи Елисаветою Алексѣевною, и зъ сего времени, по обнародованію манифеста, стали оную въ церквахъ поминать.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ перестроилъ свой шинокъ, что близъ дому и покрылъ для опасности огня землею. А июля мѣсяца насланнымъ изъ курского намѣсническаго правленія указомъ велѣно быть мнѣ въ земскомъ судѣ на мѣсто бывшаго засѣдателя Иоанна Адин-

цова засѣдателемъ. Но какъ сіе въ противность моего желанія было здѣлано, и исправникъ бывшей нынѣ Черепановъ поведенія дурнаго, то я отказался болѣзнію и быть въ сей должности не похотѣлъ, мысля то: *уклонися отъ зла* и что *зъ безумнымъ развратишися*, почему и остался на домашнемъ покоѣ по прежнему.—Великій князь Александръ Павловичь сочетался законнымъ бракомъ сентября 29г-о дня.

Приключившаяся-же мнѣ генваря въ 4-й день болѣзнь, не оставивъ безъ боли ни единаго члена, едва въ глубокой осени попадала совершенное здоровье. Но не толко я, но жена и всѣ домашныя были оной подвержены, также и многия люди тѣмъ страдали, а причиною замѣчена мною такой бывшей болѣзни простуда.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, оправя заводъ, началъ винокуреніе. Но сначала вино было не выходно, потомъ исправилось. Хлѣбъ-же былъ арженого цѣною четверть 2 р. 40 к. и 2 р. 20 к., гречневаго 2 р., пшеницы 4 р., пшено тожъ однако, хотя и дорого, но было ево доволно; и вину цѣна изрядная, почему винокуреніе мнѣ было съ прибылью, а протчія несли по невыходу вина убытокъ.

Непостоянные французы дерзнули также отрубить голову и королевѣ, покойнаго короля Людовика женѣ. О, превратность жизни человѣческой! что дѣлается и въ нынѣшнее время съ коронованными главами! А намъ бѣднымъ дивно-ли что пострадать, если на то будетъ Всевѣдущаго воля и опредѣленіе.

Сего-жъ года присоединено отъ Полши три намѣстничества къ Россіи, яко древнее достояніе, нѣкогда отторженное, со славною пограничною отъ турокъ крѣпостью Каменцемъ Подолскимъ. Простре Россія розги своя до моря и даже до рѣкъ; отрасли, приносящія не малую прибыль и славу; Боже! распространи и еще для умноженія вѣры християнской.—Сей-же осени кончена постройкою наша каменная колоколня, едва чрезъ четыре года получившая свое совершенство по несогласію слоновскихъ неспокойныхъ и нерадящихъ жителей. И такъ благополучно прошелъ 1793-й годъ. Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!

1794-й годъ начался мнѣ во всякомъ благополучіи. Зима сначала хотя была и жестока, однако скоро здѣлалась умѣренною съ малыми весьма снѣгами, отъ чего и пути доброй почти не было. Въ генварѣ мѣсяцѣ женился мой шуринъ Андрей Лаврентьичъ на

племянницѣ сиротѣ михайловского управителя Торина. Мы гуляли свадбу весело и благополучно недѣли двѣ, для чего и я дѣлалъ по силѣ своей свадебнымъ и протчимъ приятелемъ балъ. Къ тому-то я ввечеру, взявъ зъ собою жену и брата Ивана Корецкого зъ женою, пошедъ къ сопернику своему и брату Михайлѣ Корецкому, примирился съ нимъ и наградилъ ево всѣмъ, въ чемъ состояла ево на меня претензія, и нынѣ живемъ мирно. А сынъ ево Григорій дмется и до сего времени. Пусть погуляетъ: онъ человѣкъ молодой, то научится знать превратность.

Зима продлилась по апрѣль мѣсяцъ, почему и кормъ скоту весма вздорожалъ, а по вскрытіи весны, какъ здѣлалась засуха и продолжалась по июнь мѣсяцъ, то цѣна хлѣбу возвысилась до 4 р. 50 к., а сѣнокосъ остался безъ употребленія, ибо травы по степямъ нигдѣ не было. А потому во время прошедшихъ вешнихъ и лѣтнихъ ярмонковъ цѣна скоту весьма унизилась и почти сказать остался безъцѣннымъ. Отъ сего люди пришли въ великое уныние и какъ бывало во время сѣнокосное работникамъ цѣна возвышалась до 70 к., то сей годъ въ то время работали день по 15-ти копѣекъ. Жнецамъ хлѣба жать изъ снопа не давали, а косили для корму скоту.

Винокуреніе въ заводѣ остановилъ я маия 4-го, а всего вина выкурилъ въ семъ мѣсяцѣ 2,345 р. ведръ. Я во время сѣнокосное и прежде онаго выстроилъ себѣ во дворѣ кухлю о четырехъ покояхъ, а зъ сѣньми шести, которую взялъ за долгъ отъ слоновскаго жителя Ивана Ильченка (онъ-же и Хворостяный прозывается) по цѣнѣ за 128 р., а съ постройкою и земляною кровлею она стоитъ мнѣ до 160 р. Сего-жъ лѣта ощекотурилъ домъ свой по приговору еще въ прошедшемъ годѣ тульскихъ щекотурщиковъ; которой по ценѣ алебастру, извести, гвоздей, драни и протчего и заплатою 130 рублей мастеру, стоитъ мнѣ въ одной щекотурки 304 р. Сіе казалось-бы излишнимъ коштомъ, но предъупреждая дороговизну дровъ, потребныхъ для зимы, нужно было сіе здѣлать, да и лѣта тѣ взближались, что требовали какъ мнѣ, такъ и немошной женѣ моей, а равно и малолѣтнымъ дѣтямъ тепла.—Вино въ сіе время возвысилось цѣною до 2 р., но у меня ево по заставкѣ винокурни осталось толко до 700 ведръ, а до сей дороговизны ведръ до 300. Если-бы воля была Всевышняго дала человѣку знать

будущее, то зберегъ-бы оное до сего времени. Можно было получить прибыль изрядную, но то сокрыто, и такъ власть во всемъ да будетъ Бога нашего; доволно съ меня и сего, что получено.

Изъ стари горкаго корене крывая и кислая съ плодами вѣтвь, дяди моего покойнаго Ефима Лазаревича сынъ, Александръ Лофицкой, будучи двукратно изобличенъ въ кражи лошадей, когда рокъ его еще не пришелъ, то, свободясь изъ тюрмы зъ заплатою денегъ, вздумалъ потревожить деревни Покидовой однодворцовъ, чтобъ противу несходства съ натурою межеваго селу Терновому плана произвесть прозбу и отнимить усилно берегъ зъ сѣнокосомъ, прилежащей къ моей терновской мельницѣ. Я по сему дѣлу старался много, и какъ корочанской уѣздной судъ рѣшилъ дѣло обоюдно, то, по согласію зъ другими, взято на апелляцію; что-жъ по сему послѣдуетъ, Богъ вѣсть.

Въ сіе время общество слоновское, до сего бывшее въ согласіи зъ Григоріемъ Корецкимъ и слушавшее его наущеній, вознегодовало на него и въ проездъ нашего губернатора Бурнашева чрезъ Слоновку, хотѣли подать на него прозбу за завладѣніе инхои земли, но я, не воздая зла за зло, будучи опредѣленъ на то время въ почесть его превосходительству отъ дворянъ, тогда сіе отвратилъ и уговорилъ не просить. Однако послѣ того дѣло шло по земскомъ суду и ему отъ земли отказано. *Въ нюже мѣру мѣрите, отмѣрится и вамъ*, то-жъ и ему возмѣрилось. Но паки онъ, одаря исправника Черепанова, просилъ о той-же земли, почему земской судъ рѣшилъ утвердить за нимъ, и слоновцы взяли апелляцію, прозбу произвели директору, и сему еще не конецъ дѣлу.

Въ сентябрѣ дороговизна аржаного хлеба возвисилась до 5 рублей, но я, положа надежду на Бога всемогущаго, оправивъ свой заводъ, началъ курить съ 10-го октября, затирая всякой день по четыре четверти. Но по притчинѣ бывшей во все лѣто по июнь суши, въ прудѣ моемъ упала вода болше трехъ четвертей, почему и жолобы наводные съ водою въ винокуренномъ заводѣ принужденъ я опустить. Въ сентябрѣ-жъ ѣздилъ я въ Харковъ для свиданія съ зятемъ и сестрою (ибо зять былъ очень боленъ) и искалъ тамо сыну своему Петру учителя, но не сыскалъ, почему принужденъ самъ учить псалтири и писать.

Въ Полшѣ происходили смятеніи и по оплошности одного нашего генерала вырѣзали поляки ночнымъ временемъ нашихъ легко-

конныхъ два полка, а изъ сего загорѣлась совершенная война. Французы такъ-же и здѣсь подкрѣпляли народъ стоять за волность, да и самы противились въ войнѣ всѣмъ державамъ силно, храбро и отважно; съ Англиею споры отъ Россіи начинались, почему и ввозъ ихъ товаровъ запрещался, а сахаръ возвисился цѣною фунтъ до 90 копѣекъ. Вотъ до чего дожили, но нужды въ томъ не имѣли по притчинѣ ненужнаго обращенія денегъ.

12-го ноября день былъ ясный; по полудни въ 10-мъ часу жена моя, разрѣшившись отъ бремени, принесла мнѣ дочь, именемъ Варвару (сія уже послѣдній плодъ чрева моего, и болше дѣтей мы съ женою не рожали), которую 19-го того-жъ мѣсяца и окрестили. Воспреемникомъ былъ прежней мой кумъ, порутчикъ Туфермахеръ, а воспреемница Ивана Ивановича Адинцова жена, Авдотья Нефедьевна. Гостей къ обѣду собралось доволно и гуляли благополучно. Тутъ наступила болтировка, и я 2-го декабря съ Богомъ отправился въ Курскъ. Попутчикомъ и въ одной со мною повозкѣ былъ Иванъ Ивановичъ Адинцовъ. Снѣгу не было, а морозы прежестокия, дорога колкая, и ѣзда была весма не спокойная. Мы, доехавъ до князя Соколинского, повозку бросили, а сани взяли, ибо тамъ санная до Курска была дорога. Прибыли мы въ Курскъ 6-го декабря по утру, и до съезда дворянъ исправляли разныя свои нужды. 11-го нововыстроенной каменной дворянской комисіи было освященіе самымъ преосвященнымъ Ѳеоктистомъ белоградскимъ, совершаемое при собраніи всего дворянства. Потомъ дворяне шли въ церковь Знаменія Богородицы, что въ монастырѣ, и тамо, по совершеніи литургіи, говорилъ проповѣдь самъ преосвященный и приводилъ къ присягѣ все дворянство. 12-го начались выборы дворянскимъ предводителямъ, 13-го дворянства въ земскіе уѣздные суды. Тутъ и я многогрѣшный попалъ на мѣсто въ земской новооскольской судъ 1-го засѣдателя. Мнѣ помощникъ подпорутчикъ Софронъ Поповъ, а исправникомъ порутчикъ Петръ Волковъ. Въ уѣздные судьи маіоръ Ѳедосей Раевскій; засѣдатели къ нему порутчики: Андрей Билолипской и Александръ Скибинъ, а предводителемъ избранъ статскій совѣтникъ и кавалеръ князь Григорій Ивановичъ Вяземской. 14-го избранные, послѣ литургіи, слушавъ рѣчь его преосвященства, имъ-же приведени были къ присяги на должности и 15-го разъѣхались по домамъ. Также и я зъ своимъ по-

путчикомъ прибылъ въ домъ благополучно и засталъ всѣхъ своихъ домашнихъ здоровыхъ.

Но домашняя моя экономія немоществовала: какъ вину продажи ни малѣйшей не было, то бывшіе денежки на покупку дорогою цѣною хлѣба издержаны, а онаго было весма мало, также и дровъ. Болше-жъ сердцу моему нанесло горести то, что по притчинѣ бывшихъ сухаго лѣта и осени въ прудѣ вода, Богъ вѣдаетъ, гдѣ дѣвалась, а къ новому 795-му году такъ упала, что съ нуждою черпаками брали грязь, а не воду для заторовъ. Рыба, вся задохнувшись, умерла и мертвой было доволно по всѣмъ водянимъ жолобамъ, въ трубищахъ, затырномъ казанѣ и кадкахъ, а по спускѣ изъ винокурни воды для собакъ и птицы доброе учрежденіе. Не ложно написаны слова: *собираяй человѣкъ не вѣстъ кому собираетъ*. Я и для домашнего расходу всегда оной сожалѣлъ ловить много, а оная досталась птицамъ небеснымъ. За сею-то горестною печалью бывшей мнѣ 1794-й годъ весь благополучнымъ кончился.

Хлѣбу аржиному при концѣ года была цѣна 4 р., грешневой 1 р. 60 к. и 2 р., пшеница 4 р. 50 к., пшено то-жъ; вина пѣнного ведро 2 р. 20 к., полугарнаго 2 р., дровъ возъ 35 и 40 к. Сей годъ былъ весма сухъ и дождей мало, а тумановъ почти никогда.

16-го декабря умре братъ мой, бывшей до сего соперникъ отцу моему и мнѣ, Михаилъ Осиповичъ Корецкій. Слава Всемогущему Богу, что я съ нимъ примирился и вражду всю бросилъ! Онъ умре въ хуторѣ безъ покаянія, по притчинѣ, что за два дни до смерти былъ безъязыченъ. Осталась жена, семь дѣтей, да и долговъ не мало.

1795-й годъ начался и тутъ-то кончился мой дражайшій и любезный покой. 8-го генваря вступили въ должность, и того-жъ самаго дни, какъ толко выходили съ присудствія къ обѣду городничего, то подалъ села Беломѣстного пятисоцкой рапортъ, что тѣло мертвой женщины лежитъ въ Беломѣсенскихъ дачахъ на лугу. Я, оставя послѣ обѣда продолжавшейся балъ, поскакалъ туда немедленно съ лекаремъ, и изъ сего-то самаго времени нарушился о, мой дорогой покой! Описавъ и освидѣтелствовавъ мертвое на другой день тѣло, велѣлъ оное для погребенія отвезти въ Олховатку къ мужу, а самъ началъ слѣдствіе, какимъ случаемъ учинилась

оному смерть. А по изслѣдованіи открылось, что оная женщина, шедъ изъ Слоновки пьяная, замерзла отъ бывшей въ тотъ день сил-ной стужи съ метелью.

Потомъ, прибывши въ судъ, принялся за дѣла и знакомился зъ другими, бывшими въ городѣ у должностей, а равно узнавалъ и начинающихъ и имѣющихъ по суду дѣла, ибо есть справедливые наружно, а внутрѣ хитрость и обманъ. Квартира-жъ моя была въ городѣ у штатского прапорщика весма покойная, гдѣ я нужныя дѣла писалъ и ночью, потому что секретаря въ земскомъ судѣ не было. Тутъ приѣхалъ въ городъ новой на сей годъ откупщикъ питейныхъ сборовъ Шидловскій, и какъ у насъ съ нимъ прежде была тѣсная дружба, а потомъ по притчинѣ злости Катерины Шидловской, моей кумы, оная разорвалась, то нужда ево и моя принудили оную по прежнему возобновить, и я по корчемнымъ ево дѣламъ дѣлалъ ему помощъ. Потомъ онъ откупъ свой здалъ маіору Федосею Раевскому, титулярному советнику Каловинскому и подпоручтчику Ефиму Васильеву, моему свояку, да князю Вяземскому, новооскольскому предводителю, которые, вступивъ во оный, принялись за свои дѣла и искорененіе корчемства. Ѣздя-жъ по уѣзду изъ конца въ конецъ по дѣламъ, когда наступило строгое о винокуреніи узаконеніе, обще съ капитанъ-исправникомъ Волковымъ и стряпчимъ Церегородцевымъ описывали и уравнивали заводы. Тутъ многія злобствовали за остановленіе винокурень въ самонужные мѣсяцы; и сіе исполняя съ поспѣшностію, нужно было смотрѣть за текущими дѣлами и въ судѣ, потому что исправникъ мой къ дѣламъ и къ перу былъ не лакомъ, да и товарищъ засѣдатель Софронъ Поповъ того-жъ былъ содержанія; секретаря не было, а правящій секретарскую должность регистраторъ Максимъ Бредихинъ тупаго понятія и незнающъ почти ничего, почему и отправлялъ я самъ почти всѣ должности: самъ черня бумаги, отъмѣчая и подписывая, а строгость какъ была отъ намѣстника силная, то мало было и времени не толко къ покою, но и ко сну. Тутъ наступило принятіе ревизныхъ указовъ, и сіе также возложено было на меня грѣшника, которыя день и ночь не давали покою. Потомъ поступилъ въ опись винокуренный заводъ съ имѣніемъ бывшаго казначея Церегородцова, и тотъ также находящійся въ моемъ смотрѣніи и за моею печатью, а равно и хранящееся при ономъ вино, которое часто нужно было осматривать

и смотрѣть оному утечки. А затѣмъ наступила темная година и часъ моего злополучія, начавшійся 25-го марта, въ который я, усмотря въ Слоновки крестьянина, торгующаго сукнами, по сумнительству, что было у него два пашпорта, заарестовалъ зъ бывшими при немъ сукнами и денгами и представилъ въ судъ. А потомъ изыскавъ, что онъ въ пути товарища своего умертвилъ въ Ливенской округѣ, слѣдствіе произведено. Онъ повинился во всемъ и отосланъ къ сужденію, а денегъ часть и суконъ почерпнули мой исправникъ и засѣдатель щедрою рукою, оставили-жъ и мнѣ часть. Я, взирая на сіе сквернoприбытчество унылымъ сердцемъ и опасаясь суда и оставшей части, зарепортовалъ намѣстническому правленію и казалось, что остался правъ. Но нѣтъ, гонящая судьба за неправедное наказала: сукнамъ онымъ, посланнымъ изъ Сумъ въ Царицынъ, сыскался хозяинъ, калужской купецъ Чудинъ, и подалъ намѣстнику прозбу. Велѣно въ уѣздномъ судѣ изслѣдовать, а по слѣдствію болше я и обвиненъ. Вдругъ отрѣшенъ я за сіе и преданъ сужденію уголовной палаты. Увы, лютѣ! Отдавши съ рукъ дѣла и мало побывъ дома, пустился 27 августа изъ дому въ Курскъ и заехавши въ городъ, простился со всѣми. Ночевалъ въ Чернянки и исъ Чернянки поспѣшая, на другой день прибылъ въ Михальполье къ князю Михайлѣ Яковлевичу Друцкому-Соколинскому и, тамъ получа къ члену палаты писмы, приѣхалъ въ Курскъ 30-го числа. Потомъ началъ ходить по дворамъ господъ членовъ уголовной палаты со страхомъ и благоговѣніемъ. Окончивши-же сіе путешествіе, которое не привыкшему было не безътрудно, наконецъ 3-го сентября явился въ палату, обязанъ о несъездѣ изъ города подпискою и сталъ всякой день являться въ палатѣ, пока изготовлены были противу дѣла вопросные пункты, а получа оныя, зъ совѣта благопріятелей, держа при томъ и свои мысли, началъ писать начерно отвѣты; а окончивъ оныя 5-го октября, со страхомъ сердца подалъ палатѣ на разсмотрѣніе.

30-го сентября, бывшей прежде въ Курскѣ намѣстнивомъ, а потомъ въ Москвѣ главнокомандующимъ, князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, проѣхалъ чрезъ Курскъ въ армію, находящуюсь въ Полшѣ, которому была встрѣча съ церемоніею и пушечною палбою, а на другой день у намѣстника обѣденный столъ и пушечная также палба. 2-го октября рано онъ исъ Курска и уѣхалъ. А между тѣмъ по получен-

ному изъ сената на именное повелѣніе указу, намѣстникъ нашъ Александръ Андреичъ Беклешовъ собирался въ Петербургъ, куда велѣно было ему съ поспѣшностію явиться, а для чего, увидимъ въ послѣдствіи. Господи, управи путь его щастливо!

Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а меня палаты уголовной члены отъпустили домой уговорить капитанъ-исправника и товарища моего Сафрона, чтобъ заплатить всѣ убытки истца Чудина повѣренному, коихъ онъ требовалъ тысячу четыреста рублей. Исправникъ и товарищъ Поповъ отвѣчали мнѣ почти ничѣмъ, и я съ пустяками возвратился въ Курскъ, 28-го октября, въ ночи, при силной грязи. А явясь у моихъ членовъ, просилъ поскорѣе вытребовать въ Курскъ исправника. Онъ пріѣхалъ не скоро и началъ обѣгать, также какъ и я, всѣхъ со идолопоклонствомъ. Дѣло текло своимъ порядкомъ, а мы убытчились, какъ такихъ дѣлъ порядки велятъ въ нынѣшныя времена. Намѣстникъ между тѣмъ, не доѣхавъ Петербурга, возвратился неудачно и вступая въ дѣла, по прежнему исправника доволно гонялъ, потомъ приказалъ просителя на насъ удоволствовать 1,400 р. Мы пустились занимать денегъ. чтобъ удовлетворить сего изверга и перво были у родственниковъ исправниковыхъ въ Мало-Архангельскѣ, отколь возвратились съ чистыми руками,—тамъ намъ отказали. такъ какъ родственники, на чистую; а распрощавшись прибыли мы въ Курскъ 21-го декабря и на другой день испрося увolненія, 23-го пустились по домамъ для денегъ-же.

Боже Всемогущій! какое горькое житье быть подъ судомъ уголовной палаты: нѣтъ день и ночь покоя отъ приказныхъ оныя, всякого напой и накорми, самъ дорого все покупая, но на то не смотрятъ, хоть шкура долой! Судьи въ амбиціи и безъ доклада не ходи, а чтобъ доложили, дай за труды и малому. Секретарь хотя и знакомъ, но что ни давай, чести мало, или все ничто. Мнѣ кажется, какъ піявицы сосутъ кровь, такъ они человѣка въ ихъ рукахъ сущаго. Но что дѣлать! Богъ, наказуя за грѣхи, велѣлъ страдать за сіе дѣло на семъ свѣтѣ, чтобъ быть чисту на ономъ.

Тамъ горесть, тамъ лютость, тамъ горкія печали и со всего свѣта собранныи печалныя бѣды, а въ домъ какъ толко явишься, то еще горчайшія постигнутъ: жена, дѣти, домъ, долги и протчая предстанутъ предъ глаза. По первомъ, якобы радостномъ свиданіи, первая говоритъ: ты самъ о себѣ не радишъ и не хочешъ свобо-

диться отъ сего дѣла поскорѣй; все промотываешь напрасно и о домѣ и дѣтяхъ не мыслишъ и не хочешъ меня и ихъ любить. Обыкновенно жены! Дѣти говорятъ: батюшка, то и другое надобно купить для насъ. Домъ поправокъ, починокъ, работъ, заплатъ и всего требуетъ неотступно, долговъ требуютъ. Добрые люди, снисходя и уважая по человѣчеству и бѣдности, позволяютъ переписывать векселя и умѣряютъ проценты, а другіе, радуясь злополучію, оные возвышаютъ; сихъ не окончивъ, новые потребно занимать. О горе! о лютѣ человѣку бѣдствующему и неимѣющему искреннаго друга, который бы въ злоключеніяхъ подалъ здравой совѣтъ! А прежде бывшіе мнимые пріятели смотрятъ при злоключеніи всегда косо. Сіе-то и со мною случилось въ справедливости, что бывшіе мои именуемые или именовавшіе себя пріятелми смотрѣли уже теперича на меня гордымъ окомъ и несытимъ сердцемъ, почитая внутренно и говоря позаочно о мнѣ, что я воръ, нечестной и неблагородной человѣкъ, что такое учинилъ дѣло. О горесть, горесть жизни человеческой! Ты, случась со мною, то учинила.

Зъ сими-то благоуханіями, по пріѣздѣ моемъ въ самый день празника Рожества Христова въ домъ, кончилъ я и 1795-й годъ, коего въ 10-й день прошедшаго генваря начались бѣдствія мои отъ остановленія винокуреннаго завода отъ изсохшей въ прудѣ воды. Сей годъ причинилъ мнѣ убытку по первому моему щету на тысячу двѣсти рублей! О, жизнь, жизнь человѣческая пресуетная! О палата, палата уголовная, или безъ-головная, что человѣка здѣлаетъ при несчастіи безъ головы—не естественно, а умно, то есть: потерявъ въ печали умъ, ходитъ человѣкъ уже какъ будто безъ головы. О, Боже! дай наступающей высокосній 1796-й годъ благополучнымъ къ поправленію прошедшихъ злоключеній, а если когда Твоей святой волѣ угодно, приими духъ мой и пресели въ оный будущій, не имѣющій печали, вѣкъ безконечный, да избавлюся сего суетнаго и много-плачевнаго житія, сокрушающаго мой животъ и сердце ежеминутными скорбями.

Сей годъ былъ сначала весма сухъ, потомъ съ первыхъ чиселъ июня начались силныя дожди, и хлѣбъ, прежде засохшій, исправился, а равно и трава доволно, которой покосъ былъ уже въ августѣ и сентябрѣ; однако сѣна было изобилно. Цѣна хлѣбу арженому четверть 2 р. 70 к. и 50 к., грешневой 1 р. 50 к., овесъ 1 р.; вино пѣнное 1 р. 80 к., полугарное 1 р. 40 и 30 к. Сего

года взяли и положенный зъ душъ правіантъ, еще въ прошедшемъ годѣ опредѣленный, и свалили оной въ магазины городскіе, а гдѣ оной будетъ и куда поставленъ долженъ быть, увидимъ въ предбудущемъ годѣ, когда будемъ живы. Прости пренещастный мнѣ 1795-й бывшій годъ, я тебя болше не увижу.

Въ семъ годѣ покорена совершенно Полша россійской державѣ, а часть отдана рымскому и прускому державцамъ. Царство, до сего бывшее въ славѣ и имѣвшее Россію въ своихъ рукахъ, само досталось въ руки Россіи. О превратность времени и жизни человѣческой! А король изъ Варшавы выѣхалъ въ Гродно на пенсію, отъ престола въ опеку.

Благослови, Господи, вѣнецъ 1796-го лѣта, по благости Твоей, и даруй намъ изобилие плодовъ земныхъ и времена мирна, здрава и благополучны, да изобилуя даруемими отъ Тебя всещедраго Бога благами, славимъ Тя со Отцемъ и святымъ Духомъ всегда!

1-го генваря былъ я зъ женою въ Коровиной у отца Герасима, тамошнего священника, по дѣламъ, отколь возвратился благополучно. 4-го числа генваря пошолъ силной дождь, согнало весь бывшей доброй санной путь, распустило рѣки, здѣлалась почти истинная весна и было до 17-го числа. Но въ генварѣ какъ весна быть не можетъ, то вскорѣ хватило морозами, а снѣгу не было, почему я въ домѣ пробылъ до 20-го числа. И такъ, исправивъ мало домашнія нужды и занявъ у благопріятелей 200 рублей денегъ, 20-го генваря пустился въ Курскъ, и какъ тогда снѣгу вовсе почти не было, а толко мало по дорогѣ мѣстами ліоду, то санми ѣхать было и не безъ трудности; однако нужда премогающая и законъ велѣли поспѣшать денно-ночною ѣздою, и 23-го въ 9-мъ часу по полудни прибылъ я въ Курскъ благополучно, гдѣ исправникъ Волковъ дожидалъ меня уже 4 дни. А какъ 24-го явился къ предсѣдателю палаты Кумакову, то за просрочку 12-ти дней получилъ выговоръ, после коего сказано, чтобъ претенцателя Александрова вскорости удоволствовать, почему мы съ исправникомъ въ тотъ-же день и заплатили сему извергу тысячу четыреста двацать одинъ рубль; и я въ недостающемъ числѣ денегъ за себя и товарища своего Софрона Попова далъ вексель въ 400 р., и такимъ образомъ удовлетворенный проситель уѣхалъ изъ Курска въ Калугу, давъ намъ въ пріемѣ денегъ и во удовлетвореніи росписку, а изъ Ка-

луги по почтѣ прислалъ въ палату и прозбу, что онъ впредъ о семъ искать и просить нигдѣ не будетъ, почему и казалось (какъ обнадежены мы были, что по удовлетвореніи истца дѣло будетъ оставлено) остаться намъ свободными. Но кровопійцы палатскіе, содравъ овчннку съ исправника, отпустили его къ должности, а меня до окончанія слѣдствія оставили въ Курскѣ и забирая, и призывая прежнихъ свидѣтелей, давали, при увѣщаніи священника, мнѣ съ ними очныя ставки. Коль горко было сіе видѣть и слышить! Тутъ-то пожелѣлъ я, что сначала, по совѣту другихъ, казавшихся благопріятелми, не показалъ въ отвѣтахъ истинной правды и тѣмъ защитилъ исправника и товарища своего Софрона въ дѣлѣ, а самъ остался во всемъ отвѣчать, гдѣ горесть, печаль и стыдъ не давали серцу и мыслямъ покою, а скука и тоска съедали невидимо здоровье. Толко было и отрады, что ежедневное прибѣжище въ церковъ для молитвы, а отъ рожденія ехиднина, то есть приказныхъ, часто уже и скрывался, ибо оные, всякой день посѣщая, требовали или денегъ, или питья, чѣмъ жестоко понаскучили.

Между тѣмъ привезеннаго зъ собою въ Курскъ сына Петра отдалъ я въ народное главное училище, для обученія арифъ-метики, геометріи и рисовать, того-же училища втораго класса учителю Михайлѣ Ивановичу Лаврову, съ тѣмъ, чтобъ онъ у него оы тамъ и жилъ, и обучался, зъ заплатою въ годъ ста рублей, полагая въ то число и харчи, кои по договору слѣдовало ему давать.

Тутъ случилось, что проѣздомъ исъ Харкова племенникъ, моей сестры Марфы Осиповны сынъ, Иванъ Ивановичъ, будучи уже маіоръ и кавалеръ, просилъ обо мнѣ штата намѣстникова адъютанта Ильинского, яко ему давно знакомаго, о пособіи мнѣ по моему дѣлу, которой лестно увѣрялъ съ клятвою, что пособитъ во всемъ истинно; но въ скоромъ времени самъ, но своему коварству и плутовскимъ дѣламъ, коими и намѣстника добрыя дѣла затмѣвалъ, отрѣшенъ отъ мѣста и удаленъ въ деревню свою. Потомъ своякъ мой, Ефмъ Васильевъ, съ Чернянки, имѣя по услугамъ свободный входъ ко вдовѣ генералши Елисаветѣ Петровнѣ Рахмановой, которая съ намѣстникомъ жила весма дружно, просилъ ее, чтобъ о мнѣ просила намѣстника; и она, взявъ о дѣлѣ моемъ записку, подавала ему во время бытности его въ домѣ еѣ, но и тутъ отказано, а толко и сказалъ, что дѣло его само по себѣ оправдаетъ. Нѣтъ милости, нѣтъ пособія ни отколь, а толко вся моя надежда на Всемугущаго

Бога. Не столко сердце мое сокрушало здешнее всепроклятое дѣло, сколко домашныя обстоятелствы: жена и дѣти въ безпрестанной горести и слезахъ, заводъ безъ винокуренія, въ домѣ хозяйство слабое; убытокъ тамо, убытокъ и здѣсь невозвратный, а слава худая, мнѣнія ложныя, рѣчи часто и умышленныя со всѣхъ сторонъ произали стрѣлами сердце ежедневно, отъ чего, а къ тому и бывъ въ одинъ день одѣтъ въ мундиръ, ходилъ въ намѣстниковъ домъ къ извергу коварному Ильинскому, аки на идолопоклонство и, простудя въ ногахъ икры, силно заболѣлъ лихорадкою, а потомъ желтяницею по всему тѣлу, и пролежалъ болше недѣли. А собравъ мало силъ, ходилъ всякой день въ палату, чтобъ не сочли притворно болнымъ. И въ сіе-то время болному даны были очныя ставки зъ свидѣтелми на меня, а за прочими и товарищемъ моимъ Софрономъ посланы указы, чтобъ имъ явиться въ палату въ скорости. Но товарищъ мой притворился болнымъ, по притчинѣ наступающей масленицы, почему и принужденъ я жить въ Курскѣ безъ всякого дѣла, и толко что отъ скуки ходилъ по утру въ церковъ, а сполдни смотрѣть кулачного бою и рѣзваго купеческаго катанья, а въ субботу сирную для сына и въ маскарадъ, который данъ былъ намѣстникомъ въ ево казенномъ домѣ доволно изрядно. И такимъ образомъ, плавая въ океянѣ моихъ горкихъ злоключеній, подалъ февраля 12 го дня 1796-го года въ дворянское собраніе прозбу зъ доказателствами о моемъ дворянствѣ, чтобъ для потомства получить грамоту. Но и тутъ, по притчинѣ малороссійской моей породы и незнанія депутатами о чинахъ малороссійской службы, доволно было затрудненій и споровъ, о чемъ я писалъ къ Харковъ къ зятю, чтобъ отъ ихъ собранія дворянства здѣлалъ въ такомъ случаѣ помощъ, по притчинѣ жителства тамо болшею частію таковаго рода людей; но лѣность его и медленность никакой помощи мнѣ не учидили.

Постъ великой тожъ производство дѣла текло, и товарищъ мой Сафронъ подалъ отвѣты къ моей сторонѣ небезъполезныя, а я толко что упражнялся въ хожденіи въ церковъ, однако и отъ того бывшая почти во весь великой постъ безъпокойная грязь временемъ удерживала.

На первой недѣли великаго поста четвертокъ, пятокъ и суббота празнованы были повседневнымъ звономъ и молебствіемъ о бракосочетаніи великаго князя Константина Павловича

съ великою княгинею Анною Федорвною, и казались сіи три дня постные какъ будто свѣтлой недѣли по притчинѣ колоколнаго звука.

Весна и теченіе воды со грязью начались съ 17-го матра и продолжали до 11-го апреля. А зимою снѣгу и санной пути не было до 9-го февраля, слѣдователно отъ 9-го февраля по 19-е марта толко была санная дорога и зима. Однако хлѣбу таковая непостоянность непогоды вреда никакова не причинила.

28-го марта съ утра здѣлалась во мнѣ силная грусть и печаль, которую я ни хожденіемъ въ церковъ, ни питьемъ водки, ни разными съ людми и своимъ хозяиномъ разговорами до самой глубокой ночи, пока могъ уснуть, прервать и избавиться отъ оной не могъ. Богъ Всемогущій знаетъ, къ чему сіе приключеніе мнѣ, отъ рожденія въ первый разъ было такое.

Апреля 10-го пошелъ я къ председателю Шуманову просить на свободные страстные и свѣтлые дни уволненія въ домъ, но онъ того отъказалъ мнѣ сурово и не уволнилъ. Я, посовѣтовавъ зъ другими приятелми, уѣхалъ самоволно и прибылъ домой въ понедѣлникъ на страстной недѣли, которую недѣлю говѣлъ, а въ субботу 19-го сообщился святыхъ Таинъ. Свѣтлую недѣлю былъ кой-гдѣ въ гостяхъ и у благопріятеля моего, новооскольского городничего Пузанова. Бывшую прежде вражду за неотдачу мнѣ денегъ съ помѣщикомъ Абалмасовымъ прекратилъ и въ фоминъ понедѣлникъ (28-го) рано, простясь зъ женою и дѣтми, пустился паки въ Курскъ, и приехалъ въ оной 30-го числа ввечеру и явился на другой день въ палату.

Слава Богу! о сей моей самоволной поѣздкѣ нихто и не узналъ, а я, побывавши въ домѣ, видѣлся съ милою женою и любезными дѣтми, чѣмъ не мало порадовалъ въ печалѣхъ свое сердце. По приѣздѣ-же увидѣлъ, что мой неблагопріятель при генералъ-губернаторѣ, Ильинскій, по бывшемъ изгнаніи, паки при своемъ находится мѣстѣ, чѣмъ былъ не весма доволенъ, но власть моего Бога: онъ мой защитникъ, не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ. И такъ, перемѣня прежнюю квартиру, поближе сталъ къ палатѣ и живу здѣсь спокойно, ходя всякой день въ очистителную палату, въ которой въ сіе время писалъ отвѣты по моему-жъ дѣлу бывшей стряпчей Антонъ Царегородцовъ.

По окончаніи-жъ нашего слѣдствія получено намѣстнику повелѣніе ѣхать въ Петербургъ. Онъ назначилъ къ поѣзду своему день 26-е мая, почему ежедневно палатѣ напоминалъ записками о рѣшеніи нашего дѣла, хотя въ томъ здѣлать помочъ; но за непріездомъ, къ рукоприкладству экстракта рукъ моихъ, исправника и засѣдателя, того здѣлать палата не успѣла, хотя изготовила было уже и опредѣленіе въ чернѣ, а какъ намѣстникъ уѣхалъ, то исправникъ и другіе довѣренности прислали и руки къ экстракту приложили, а я свою удерживалъ, пока могъ увидѣть ихъ воономъ оговорки.

Тутъ постигъ было мнѣ громовый ударъ, но слава укрѣпляющему меня во всякое время Богу, Который всемогуществомъ своимъ нынѣ сердце мое утвердилъ! Оное произошло тако: въ день Вознесенія Господня, которое сей годъ праздновано было 29-го мая, по окончаніи литоргіи въ церкви монастырской, подошедъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ пріятелей, сказалъ, что онъ имѣетъ нужду со мною поговорить о дѣлѣ. Я съ нимъ, удалясь отъ протчихъ, пошелъ къ своей квартирѣ. Идучи, сказалъ онъ мнѣ за секретъ, что якобы дѣло мое рѣшено и намѣстникомъ предъ отъѣздомъ уже утверждено тако: лиша меня чиновъ, сослать въ ссылку. Кровъ во мнѣ охладѣла и потъ по лицу сталъ холодный при сихъ словахъ, и я чрезъ минуту почти не собралъ словъ, что на сіе отвѣчать. а онъ между тѣмъ совѣтовалъ мнѣ спасаться побѣгомъ въ Петербургъ. Но вдругъ аки нѣкая сила меня ободрила, и я, разсудя, что, не окончивъ дѣла законнымъ порядкомъ, рѣшить не можно, сталъ вопреки его словамъ говорить, почему онъ, посидѣвъ мало, почти со стыдомъ ушелъ, а я того-жъ дни, здѣлавъ первую въ палатѣ чрезъ пріятеля выправку, нашолъ, что ему, мнимому моему благопріятелю, и другіе изъ подсудимыхъ давали денги и нросили по ихъ дѣламъ ѣхать въ сенатъ, то онъ хотѣлъ и меня, пристращавши, къ тому-жъ склонить для своеи корысти. Здѣсь помыслить надобно: еслибъ не далъ мнѣ Богъ на тотъ часъ душевной крѣпости, то-бы могъ чрезъ такой внезапной извѣтъ приключиться параличъ или другая какая болѣзнь. Но слава Всемогущему Богу, что сей льстецъ подъ видомъ пріязни не успѣлъ надо мною порадоваться. По пронесшемуся-же такому слуху и многіе уже мнѣ о томъ напоминали, но успѣха не имѣли.

Съ того времени жизнь моя въ Курскѣ также состояла въ скукѣ и печаляхъ, и между симъ пріятель мой, сло-

новскій житель Федоръ Панченковъ, ѣдучи въ коренную ярмонку, привезъ мнѣ сына моего Александра, котораго я для забавы и оставилъ здѣсь. Благо, что онъ къ матери не такъ привязанъ съ первыхъ дней своего рожденія, какъ ко мнѣ. Потомъ, проѣздомъ изъ коренной-же были у меня въ квартирѣ свякъ Ефимъ Васильевичъ и городничей Пузановъ для посѣщенія и послѣдній далъ мнѣ на проживъ здѣсь 25 р.; хотя и самъ не богатъ, но сердцемъ и дѣлами тароватъ. Проводя-жъ сихъ посѣтителей и бывшаго здѣсь своего исправника Волкова, избѣгая палатскихъ піявицъ, часто посѣщавшихъ меня не штатно, перемѣнилъ квартиру и сталъ подалше на Болшой Московской улицѣ у купца Григорія Полевого, отколь ходя ежедневно въ палату, ожидалъ, что на рукоприкладство мое къ экстракту здѣлаютъ; на окаменѣлые столбы еще по сіе 12-е число июня не подвинулись здѣлать ничего.

10-го июля, по полученному изъ Петербурга извѣстію отъ намѣстника Беклешова, празднованъ день рожденія великаго князя Николая Павловича, который родился въ Царскомъ Селѣ 25-го июня. И сего-жъ 10-го числа, по желанію народа и по повелѣнію курскаго архимандрита Амвросія, носили икону чудотворную Знаменія Божія Матери по всѣмъ въ Курскѣ состоящимъ церквамъ (не смотря на бывшей въ сей день силной зъ громомъ дождь) для моленія о безъведріи, ибо отъ бывшихъ зъ 15-го июня до сего времени ежедневныхъ силныхъ дождей учинился хлѣбу и сѣнокосу вредъ, а рѣка наводнилась подобно вешнему времени и низменныя мѣста опустошила. Дивно въ сіе время было усердіе къ моленію какъ священниковъ, такъ монаховъ и народа, ибо къ которой церкви принесена была икона, то по ектеніи читаны были молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, и тогда народъ и священство, не смотря на силную грязь, во всемъ одѣяніи падали на колѣни и молились со усердіемъ, а съ того числа и здѣлалась ясная погода. Сіе-жъ и есть чудо и милость Небесныя Царицы и Помощницы рода христіанского, почему для незабвенной памяти мною здѣсь подписано.

Всемогущій Владыко и Боже! Ты вѣси, како было огорчително и скорбно сердцу моему 15-е число июля, въ которое празнуется и память прародителя нашего князя Владиміра, когда сей день уголовная палата рѣшила мое проклятое и многоубиточное дѣло о сукнахъ, заключивъ въ опредѣленіи лишить меня всѣхъ чиновъ. Я,

узнавъ и скрѣпивъ свое сердце терпѣніемъ, тотъ день молчалъ и напился пьянъ; по дѣламъ вору мука. Когда-жъ оное дѣло отослано съ палаты къ прокурору для разсмотрѣнія, то я, по совѣту пріятелей, какъ ничего о задержаніи меня въ опредѣленіи было не заключено, уѣхалъ 19-го іюля въ домъ, и по выѣздѣ съ Курска, ночуя на рѣкѣ Клюквѣ, отъ приключившейся скоропостижной въ животѣ болѣзни мало не предалъ духу и жизни смерти, но милостію покрывающей меня всемогущей Десницы хотя съ нуждою, однако продолжалъ путь и прибылъ въ домъ 23-го числа ввечеру, чѣмъ домашнихъ своихъ обрадовалъ не мало и болше нечаянностію, о которой они и не мыслили.

Живучи въ грусти о дѣлѣ и получая съ Курска о хожденіи по мытарствамъ дѣла, вздумалъ поѣхать въ городъ Богучаръ, гдѣ не былъ отъ рожденія, и тамо посѣтилъ живущихъ братовъ моихъ, Петра и Павла Михайловичевъ, родного моего дяди дѣтей, и, погостивъ тамо двои сутки, переправясь чрезъ Донъ, приѣхалъ въ слободу Козинку къ шурину Василью Лаврентьевичу, бывшему тогда тамо управителемъ, гдѣ и жена моя меня ожидала. Проживши-же тамо невступно недѣлю, уѣхалъ домой и въ провожаніи всѣхъ моихъ родственниковъ и пріятелей, преправясь паки чрезъ рѣку Донъ, распрощался съ ними и приѣхалъ въ домъ 21-го августа и сѣлъ во уединенной жизни, провѣдывая чрезъ писмы о курскомъ проклятомъ дѣлѣ.

Тутъ получилъ съ Курска отъ учителя писмо, что сынъ мой, Петръ, на бывшемъ въ 9-й день августа въ училищахъ екзаменѣ, за отличность получилъ изъ губернаторскихъ рукъ книгу естественную исторію съ похвалною надписью. Сіе повеселило меня и жену, а дѣло съѣдало сердце, какъ ржа желѣзо.

6-го сентября, вдругъ прибѣжавши ко мнѣ священникъ слоновской и мой духовной отецъ, Іосифъ Безпаловъ, сказалъ, что преосвященный бѣлоградскій Феоктистъ ѣдитъ къ намъ въ слободу проѣздомъ съ Лутовинова къ Путилиной. Я и священники не успѣли одѣтца, какъ вдарили въ колокола, и онъ прибылъ къ церкви. Встрѣча и бытіе ево въ церкви кончились, и я просилъ ево на водку, потому что былъ уже 12-й часъ по полуночи. Онъ посѣтилъ домъ мой и, выпивъ водки, пошолъ квартировать къ священнику Іосифу Безпалову, гдѣ и обѣдалъ. Съ нимъ были два протопопа и подполковникъ Захаръ Ивановичъ Бакарюковъ. После обѣда я хо-

дилъ къ нему и тамо въ квартирѣ пилъ чай, а на другой день рано уѣхалъ онъ въ Лутовиновку къ Путилиной по той притчинѣ, что Захаръ Бакарюковъ, бывъ женатъ на дочери Путилиной 10-ть лѣтъ и имѣвъ сына, оставилъ ее и женился на дочери Бакламышевой, и съ тою жилъ 11 лѣтъ и имѣлъ дѣтей. Потомъ, получа чинъ артилеріи подполковника и лишась жены второй, вздумалъ приступить къ первой, а для сего митротворця утруждалъ самолично быть преосвященного, который будучи тамо, ихъ примирилъ и, утвердя прежнее ихъ согласіе между ими присягою, 7-го числа сентября къ ночи прибылъ въ Слоновку. Тутъ я, встрѣтя ево на улицѣ, просилъ ночевать въ домъ свой. Онъ со всею свитою ко мнѣ и пожаловалъ, а на другой день, 8-го, въ день праздника Рожества Богородицы, отправлялъ въ церквѣ нашей всеношну и обѣдню, рукоположивъ на оной священника, діакона и двухъ пономарей, а на моего духовного отца Іосифа, по прозбѣ моей, наложилъ набедренникъ съ началствомъ. Сія нечаянность о набедренникѣ, въ которой я просилъ преосвященного, не сказавши никому, кромѣ жены своей, воздвигла въ двухъ товарищахъ его, Іяковѣ и Павлѣ, будучи ученыхъ, не малую зависть, что неученый сталъ отличенъ началствомъ, а они оставлены подъ началомъ. Но власти противиться не могли. После-жъ обѣдни преосвященный, поспѣшая въ путь, напившись чаю въ 10-мъ часу, на водку поѣхалъ къ брату Івану Осиповичу Корецкому, а на обѣдъ къ Василью Ивановичу Туфермахеру въ Беломѣстное и тамо обѣдавъ, ночевалъ въ Михальпольи, а протодіаконъ Козма, его келейникъ и пѣвчій у меня обѣдали и, гуляя, пѣли не малое время; потомъ у священниковъ и мѣщанъ, кто ихъ звалъ, пѣли и гуляли, ибо преосвященный далъ по трудахъ время имъ погулять, и симъ проѣздъ его кончился благополучно. Путь его былъ изъ Белгорода въ Ахтирку и Каплуновку, а оттоль въ Харьковъ, съ Харькова на Волчанскъ къ Бакарюкову, а оттоль на Троецкое въ Слоновку и Лутовинову, а потомъ чрезъ Слоновку и Михайловку и Корочу въ Белгородъ. Добродѣтели сего владыки неищетны! Кротокъ, незлобивъ, разглаголивъ со всякимъ, любопытенъ, къ священнослуженію вездѣ и во всякое время не лѣнивъ, а паче и малѣйшей всякого прозбы не оставляетъ, о чемъ-бы кто не просилъ. Умножи, Господи, лѣтъ живота его, что онъ не погнушался быть въ моемъ домѣ и

будучи ласкалъ какъ меня, такъ и всѣхъ моихъ домашнихъ, а паче сына Александра, котораго и въ церкви во время служенія литургіи два раза подзывалъ къ себѣ, сидя на амвонѣ и съ нимъ разговаривая шутилъ.

По отбытіи-жъ архипастыря принялся я исправлять свою винокурню, которая два года почти была въ пустѣ, а казаны и кадки были выбраны въ винокурню Панченкова, кои отътоль я перевезши поисправилъ, а равно и винокурню совсѣмъ почти вновъ. Не имѣя же ни пяти рублей въ наличности денегъ, съ великою нуждою исправляя старые должки, исправилъ винокурню и починилъ плотину, какъ должно. Пришло-жъ время винокуренія, но безъ денегъ чѣмъ было начать? И такъ, призвавъ Бога Всемогущаго на помощъ, собравъ своего хлѣба четвертей пятнадцать и искупивъ немного дровъ, началъ курить. Богъ благословилъ выходъ вина, и пошла продажа въ цѣнѣ изрядной съ хорошимъ барышемъ. И такъ, слава Богу, курилось, хотя и съ нуждою въ денгахъ запасныхъ.

Ноября 6-го государыня императрица Екатерина II-я скончалась, а на престолъ взошелъ Павелъ I-й імператоръ, о чемъ полученъ у насъ манифестъ. 24-го-жъ ноября была всенощная въ Слоновки и присяга. Потомъ указомъ намѣстнического правленія дворянству велѣно собраться въ городъ и тамъ присягать, почему 29 го въ общемъ собраніи и присягалъ я вторично въ городѣ, въ соборной Успенской церквѣ. А приводили къ присягѣ городничей Кузма Пузановъ и протопопъ Александръ Смоленскій. Подписавъ присягу и отобѣдавъ у городничего, пустился ночью домой по прежнему мыкать винокуреніе безъденежное и горе, которое причинили куряне съ уголовною палатою.

Наслаждаясь-же домашнимъ покоемъ, имѣлъ при томъ отъ винокуренія и прибыль изрядную и мыслилъ, что бѣды и огорченія мало меня пооставили, какъ вдругъ по взнесеннымъ на меня двумъ безъденежно даннымъ мною Волкову векселямъ, послѣдовалъ указъ искъ мнѣ объявить и платежа требовать чрезъ восемъ дней срокомъ. Почему, изготовя я подлежащее объясненіе, послалъ въ городъ съ нарочнымъ и чаялъ домъ и протчее имѣніе спасти отъ описи. Но по второму уголовной палаты указу, по притчинѣ послѣдовавшей во всемъ государствѣ строгости імператорской, 26-го генваря 1797-го года пріѣхалъ ко мнѣ въ домъ новооскольского

нижнего земского суда засѣдатель, Иванъ Семеновичъ Износковъ, подъ видомъ якобы требованія о вексельномъ искѣ объясненія, и когда я ему объявилъ, что оное послалъ въ городъ съ нарочнымъ, то онъ, утаевая имѣющійся при немъ указъ, подъ видомъ смиренія, остался у меня пообѣдать. А после обѣда, какъ нужно было мнѣ съѣздить къ винокурнѣ, то и онъ на то согласился, почему, сѣвъ я въ свои сани, одинъ выѣхалъ со двора, а онъ зъ слоновскимъ пятисоцкимъ и солдатомъ на своихъ саняхъ поѣхали, и какъ толко выѣхали отъ слободы съ версту, то онъ закричалъ на ямщиковъ, чтобъ гнали своихъ лошадей во всю прить и меня поймать. Таковая странность его поступка хотя меня и удивила, но я то почиталъ шуткою, а какъ ихъ лошади стали съ моею въ бѣгу равняться, то уже я своей злой и не въ силахъ былъ удержать, которая, крикомъ ихъ бывъ испугана, начала бить и, прибѣжавъ къ винокурнѣ, выбила меня зъ саней и повредила мнѣ лѣвую ногу жестоко. Въ такомъ случаѣ чаялъ я себѣ отъ него въ поврежденіи ноги помощи, но вмѣсто того онъ, прибѣжавъ ко мнѣ, велѣлъ меня взять и, положа на солдатскія сани, весть прямо въ городъ, не давъ о томъ знать и моимъ домашнимъ. Таковой нечаянной арестъ устрашилъ меня не мало, потому что притчина онаго была мнѣ неизвѣстна, также жена и домашнія мои приведены симъ въ немалую печаль.

Привезши-же меня въ городъ ввечеру, задержали въ земскомъ судѣ, потомъ отъправили къ городничему Пузанову подъ присмотръ, которой на другой день и хотѣлъ было рано отправлять меня въ Курскъ, но болѣзнь ноги не позволяла мнѣ и съ квартиры выйтить, почему отсылку того дня по прозбѣ моей отсрочили. А жена, узнавъ о мнѣ, приѣхала ко мнѣ въ городъ и прилагала стараніе о излеченіи ноги, а того не зная, что бывшей исправникъ Черепановъ злобенъ давно на меня, не принявъ моего объясненія, послалъ засѣдателей Износкова и Раевского дому моему учинить опись и оцѣнку за искъ векселной по указу. А какъ о семъ меня увѣдомили, то жена и поспѣшила, простясь со мной, отъѣздомъ въ домъ, куда какъ приѣхала, то уже опись и оцѣнка была окончена, въ коей домъ и лѣсъ оцѣнены были весма дешевою цѣною, и все оное препровождено въ намѣстническое правленіе чрезъ почту. Какова была при семъ жены печаль, дѣтямъ страхъ, злобствую-

щимъ смѣхъ и радость, въ людехъ поговоръ, о томъ изъяснить не могу.

Мнѣ жъ по пробытіи двухъ дней въ городѣ подъ покровительствомъ благопріятеля моего, городничаго Пузанова, болше ожидать было нечего, да какъ онъ помощъ здѣлать былъ не въ силахъ, то и рѣшился уже я ввѣрить себя покровителству Божію, почему и отправили меня за карауломъ въ Старой Осколъ. Къ ночи пріѣхали мы въ Чернянку, и какъ отъ городничего посланному со мною солдату приказано было со мною поступать учтиво, то онъ и былъ въ моемъ послушаніи. Тутъ я по своей волѣ остался ночевать, гдѣ засталъ и князя Михайлу Яковлевича Друцкого-Соколинского. И между тѣмъ съ печали тотъ вечеръ гуляньемъ и слезами провожая, отправилъ я домой Якова нарочно провѣдать, въ какомъ положеніи и горести находилась тогда жена моя и что учинили господа засѣдатели. Къ свѣту получилъ увѣдомленіе, что жена перенесла все то великодушно и засѣдатели, здѣлавъ что имъ было предписано, отправились къ своимъ мѣстамъ.

Изъ Чернянки на другой день выѣхалъ я въ 12-мъ часу и пріѣхалъ къ шурину Андрею Лаврентьевичу въ Ивановку къ обѣду, а оттоль на ево лошадяхъ, простясь, отъѣхалъ въ Старый Осколъ, куда прибылъ уже ночью. Тамо отъ городничего князь Степана Антоновича Друцкого-жъ-Соколинского (къ коему отъ брата его князь Михайлы Яковлевича имѣлъ я писмо) принятъ былъ благосклонно. Онъ безъ всякого караула оставилъ меня въ своемъ домѣ ужинать и ночевать, а на другой день по завтрикѣ за карауломъ отправленъ въ Тимъ, куда пріѣхалъ я на другой день, то есть 31-го генваря, и тамъ-же принятъ былъ городничимъ ласково, и пока изготовлено было отправленіе, сидѣлъ у него и пилъ водку и протчее. Оттоль отправясь предъ вечеромъ, ночевали въ селѣ Становомъ-колодезѣ, обѣдалъ въ селѣ Кону, ночевалъ 1-го февраля въ Зореномъ и въ третьемъ часу по полудни 2-го числа февраля пріѣхалъ въ Курскъ прямо къ полиціи за таковымъ-же карауломъ.

Напыщенный духомъ, новооосколского стряпчего Аринкина родственникъ, курскій городничей Племянниковъ, къ коему былъ я представленъ, не похотѣлъ меня и видѣть, а тотчасъ велѣлъ итить подъ стражу тамъ-же при полиціи въ опредѣленный покой, гдѣ я содержался двѣ недѣли, и во все то время хотя за карауломъ,

но имѣлъ свободу ходить въ церковъ, училище и палату. Сіи дни моего содержанія были седмицы мясопустная и сырная, и въ сей то горести застигъ меня и святый великій постъ; и палата указомъ хотя городничему и предписала имѣть меня въ своемъ видѣніи, но онъ по милости своей поступилъ со мною иначе, и 18 числа февраля, въ среду первыя седмицы великого поста, во время литургіи, за карауломъ прапорщика Руданова отъѣправленъ я въ курской замокъ. Духъ бодрости во мнѣ былъ, и я, укрѣпляющему меня Богу, вступилъ въ сіе мрачное жилище съ неробкимъ сердцемъ. И тутъ нашолъ содержащихся также подъ стражею бывшихъ прежде знакомцовъ: новоосколского бывшаго казначея Федора Федоровича Попова, рылскаго казначея Харина, капитановъ: Агапьева и Макова, и протчихъ дворянъ, человѣкъ болѣе 16-ти, съ коими началъ нести яремъ горькой жизни, привыкая къ неволѣ съ частымъ воздыханіемъ и слезами, нерѣдко приходящими о сожалѣніи жены и любезныхъ дѣтей. Но между тѣмъ подавалъ мнѣ утѣху, въ праздничные дни и когда бывала отъ ученія свобода, сынъ мой Петръ, находящійся тогда въ училищахъ курскихъ.

Въ такой-же горести пребывающая жена моя, по своей горячей ко мнѣ любви, желая знать и самолично видѣть мое пребываніе, о которомъ недоброхотствующіе расказами своими наводили болше страха и клеветы, 27-го февраля пріѣхала ко мнѣ въ Курскъ, и, остановясь близъ замка квартирою, съ позволенія караулного офицера приходила ко мнѣ всякой день въ замокъ, а я съ офицеромъ на квартиру. И все время бытности ея въ Курскѣ провождали отъ свиданія радостью со слезами, поминая печальное мое взятье изъ дому и поступокъ казавшихся быть всегда благопріятелми земского суда членовъ, славную мою отъ дому до Курска за карауломъ ѣзду и въ замкѣ и казармѣ темное и горестное житье, возлагая при томъ всю свою надежду на Всесилного Бога, ибо не имѣлъ никакихъ тогда благопріятелей, какъ писано во псалмѣхъ: *и ближніи мои отъ далече мене сташа.* И такъ, побывъ она въ Курскѣ время со мною почти неразлучно, должна была и чрезъ волю отправиться для економіи и дѣтей въ домъ, куда 3-го марта, простясь со слезами, и отъѣхала.

Провождая-же горестное въ замкѣ житье, старался я всячески себя ободрять, боясь, чтобъ отъ печали не впасть въ болѣзнь, воз-

лагалъ всю мою надежду и упованіе на Всемилостиваго Бога, котораго щедротами и былъ совершенно здоровъ. А между тѣмъ чрезъ усердствующихъ старался по губернскому правленію о векселномъ дѣлѣ, Волковымъ начатомъ, и успѣлъ, что домъ изъ описи исключенъ, а земля слоновская, по моему желанію, взята до окончанія дѣла въ залогъ и дѣло изъ правленія отослано для рѣшенія въ корочанскій уѣздный судъ.

Между сими-то моими горестными произшествіями, по именному послѣдовавшему указу, уничтожены бывшіе до сего города: Новой-Осколъ, Тимъ, Дмитріевъ, что на Сванѣ Богатой, и Лговъ, равно верхніе земскіе суды, верхнія и нижнія расправы, губернскій магистратъ и совѣстной судъ, и члены изъ палаты убавлены, а равно и другія въ правленіи перемѣны послѣдовали. Не мало-жъ нанесъ страху и горкой сердцу моему и протчимъ моимъ въ содержаніи со мною бывшимъ дворянамъ печали послѣдовавшей імператорской именной указъ, въ февралѣ мѣсяцѣ состоявшейся, чтобъ дворянъ за преступленія, по лишеніи чиновъ и дворянства, наказывать на тѣлѣ кнутомъ. Всѣ тогда-то мы прилѣжнѣйшія начали приносить Богу молитвы и воздыханіи, толкуя всякъ свое дѣло.

Отъ сего-то сердечного трепета, а можетъ быть отъ перемѣны житія и воздуха, 2-го мая заболѣлъ я силно горячкою, и, видя тяжкую свою болѣзнь, а паче въ такомъ мѣстѣ, прибѣгнулъ къ священному врачевству и 7-го мая исповѣдался и сообщался святыхъ Таинъ; и отъ того числа имѣлъ почти совершенное выздоровленіе, началъ было ходить и ѣсть порядочно. А сія-то моя неосторожность ввергла меня опять въ жестокую болѣзнь, бывшую после великого жару, найпаче въ ногахъ, которыхъ болью страдалъ до половины сентября.

Тутъ-то пронесся отъ недоброхотовъ слухъ, якобы я и протчіе изъ дворянъ посланы въ ссылку. Каково-жъ было, всякъ себѣ вообразить можетъ. Какъ сей громкой слухъ дошелъ до жены моей, она сколко не была въ горестяхъ великодушна, но, пришедъ въ сомнѣніе и печаль, прислала въ Курскъ нарочного съ тѣмъ, чтобъ узнать истину, и буде сіе такъ послѣдовало, то бы вздногнать человѣку, для сего посланному, меня на дороги и послѣднее услышать отъ меня слово. Но я, бывъ на мѣстѣ и еще боленъ, не медля человѣка отпустилъ, чтобъ не продолжить ея горести. Сей-то

слухъ привелъ ко мнѣ въ замокъ и сестру мою Анну Осиповну, которая изъ Бирючьи, подъ видомъ коренной ярмонки, меня посѣтила съ горкими слезами и, побывъ Курскѣ два дни, 1-го іюля уѣхала домой. А жена моя, услыша слухъ о ссылкѣ несправедливой, обрадовалась; когда-жъ узнала о моей болѣзни, то, оставя домъ и дѣтей, 3-го іюля пріѣхала меня видѣть. Но я уже слава Богу, началъ тогда учиться ходить и ѣсть по немногу, приходя въ здоровье, которому подали помощь и радость отъ свиданія зъ женою, и домашнее во всемъ тогда бывшее благополучіе, коимъ всесилная Десница награждала щедро.

Пришедъ въ совершенное здравіе, многихъ имѣлъ посѣтителей изъ прежде бывшихъ знакомцовъ и пріятелей, между коими, хотя и въ разное время, посѣтили меня казенной палаты ассесоры: Курьяновъ и Лисицынъ, бывшія неоднократно въ моемъ домѣ. Но все тое не уменшало горести сердечной, хотя наружно казался я и веселымъ быть. Былъ также проездомъ въ Орелъ племенникъ мой, Иванъ Ивановичъ Енохинъ, пожалованный уже маіоромъ и кавалеромъ, и обѣщался ходатайствовать за меня по сенату посредствомъ его знакомыхъ; но слова его были подобны водянымъ пузиркамъ.

Между тѣмъ опредѣленъ къ смотрѣнію замка на мѣсто прапорщика Агибалова прапорщикъ-же Ефимъ Зубковъ и взялъ строгость силную, чтобъ въ замкѣ не имѣлось пера и чернилъ, также картъ и вина, и до того довелъ, что съ нуждою къ дворянамъ допущались ихъ люди съ харчми, а хотя о семъ и приносили жалобы городничему и губернатору, но тщетно. Потомъ для болшаго караула здѣлана и гаупвахта изъ 14 салдатъ; но я имѣлъ щастіе прійтить въ милость и ползовался всѣмъ безъпрепятственно, хотя и не безъ подарковъ. Таково горко провождая въ замкѣ житье, бывалъ по увол[н]енію городничего для надобности и въ городѣ неоднократно. Во истеченіи-жъ года, предъ праздникомъ Рождества Христова, жена по своей ко мнѣ любви не оставила побывать въ замкѣ и, побывъ здѣсь три дни, по притчинѣ зближающагося праздника Рождества Христова, уѣхала домой, а я зъ своими товарищами, проводя празникъ Рожества Христова, дождали и новаго года здоровы.

Сей годъ были въ домѣ моемъ горесть и печаль, да и винокуреніе не прибылно по притчинѣ слабаго отъ жениной немощи смотрѣнія, которая сверхъ всѣхъ горестей была болна; а на ногахъ имѣла великія раны, отчего вышелъ и случай, убытокъ нанесшій, и дѣло, стоящее хлопотъ.

Жена, по притчинѣ имѣющихся на ногахъ многихъ ранъ, сыскивая ко излеченію способъ, по случаю вспросила о томъ цыганку (которая тогда въ Слоновки зимовала), а она, здѣлавшись лекаркою, обѣщалась излечить раны вскорости, въ чемъ и успѣла, а по сему и имѣла довѣренность въ домѣ ходить по всѣмъ комнатамъ не возбранно, и, увидѣвши случай, схватила 50 р. ассигняціею, двѣ серебренныхъ ложки и пару рубахъ и ушла, и хотя жена о томъ схватилась скоро и слѣды ко отысканію были, но какъ въ семъ настоять совершенно было некому, а хозяинъ оную защищалъ по суду съ подарками, то хотя и болше ему того стоило, однако одержалъ верхъ, и цыганка виновною не оказалась.

1798-й годъ начался мнѣ въ томъ-же мѣстѣ и съ тѣми-же горестми, а ктому еще отъ стужи въ каменныхъ, гдѣ я содержался, казармахъ и сырости, также и отъ многолюдства получилъ ломотную прежде въ рукахъ, а потомъ въ ногахъ и во всѣхъ членахъ болѣзнь, которою и страдалъ горко, а хотя по прозбамъ, поданнымъ отъ стороннихъ людей и отъ меня въ палату, и просилъ освобожденія подъ особый присмотръ на квартиру, но то было по недоброхотству присутствующихъ тщетно. Въ сей болѣзни, съ половины генваря начавшаяся умѣренною стужею зима, а къ тому въ прибавку къ казеннымъ покупка мною дровъ, дѣлали болѣзни моей пособіе, но не всегда. Къ тому-жъ умножился во мнѣ и во всѣхъ моихъ товарищахъ страхъ, когда получены дѣла по конфирмаціи: сослать въ ссылку порутчиковъ Маркова и Извекова, кои содержались по смертоубійству. Они, простясь со мною, выведены были въ полицію изъ замка до разсвѣта, а я после ихъ, лежа на постели, плакалъ горко, поминая и свою участь, потому болше, что и лѣта мои были уже за сорокъ шесть лѣтъ, и дѣти въ возрастѣ, поспѣвшія къ замужеству, но безъ отца оставленныя въ печали и недоумѣніи о моей и своей судбѣ.

Между тѣмъ жена моя увѣдомила меня, что бывшій мой первый по жителству въ Слоновки благопріятель, священникъ Іосифъ

Безпаловъ, бывъ долго боленъ разними болѣзнми, 3-го марта умре, о коемъ я весма сожалѣлъ, ибо и домъ въ отсутствіи моемъ по благопріятству онъ защищалъ и по дѣлу цыганскому въ свидѣтелство былъ нуженъ, также и другой свидѣтель, жившій въ селѣ Афонкиномъ, порутчикъ Николай Никифоровичъ Абалмасовъ умре, а по сему цыганка выиграла, и дѣло со искомъ пропало. Пропала и у меня покража, стоявшая семидесяти рублей. Богу было угодно и симъ меня наказать за многія и тяжкия грѣхи мои, но я, слава Вседержителю, за всѣмъ симъ еще живъ.

Умножая умножу болѣзни твоя и воздыханія, сказано всемогущимъ Творцомъ прародителямъ нашимъ, отъ коихъ за грѣхъ простерлось сіе и до насъ. Кто изочтетъ страхи ежечастныя отъ разныхъ ежедневныхъ, хотя и ложныхъ, слуховъ по дѣламъ нашимъ? Сколко притѣсненій и мздоимства отъ смотрителя замка! Холодъ, а при немъ и голодъ, между содержимими ссоры и ненависть, уныніе и тяжесть отъ многолюдства въ тѣснотѣ воздуха, весма тягостны человѣку, бывшему прежде на свободѣ и управлявшему независимо, хотя и не болшимъ, но собственнымъ и безъ-спорнымъ имѣніемъ. Но вдругъ лишась дому, жены, дѣтей и всѣхъ свободъ и веселостей, и что въ домѣ было невозбранно, а въ семъ мѣстѣ хотя-бы и имѣть тое можно, но подъ запрещеніемъ, Богу единому о семъ горесть сердечная была извѣстна, и если-бы не книги, ко коихъ чтенію былъ я страстный охотникъ, и подлежащія дневныя молитвы свободнымъ и сокращеннымъ дѣлали время, то переносить таковой жизни былъ-бы я не въ состояніи. А болше помогала невидимая сила Божія, въ коей вся моя надежда была, есть и будетъ до скончанія живота моего.

Между-же тѣмъ, читая житіе и чудеса угодника Христова Николая, начиталъ, что когда одинъ мужъ, содержавшись въ темницѣ, въ молитвахъ своихъ всегда просилъ угодника Христова о освобожденіи, то святитель Христовъ, явясь ему во снѣ, сказалъ, что онъ молитву его и прошеніе слышитъ и о томъ уже неоднократно утруждалъ молитвами и ходатайствомъ Создателя своего, коего всемогущая Десница таковую ему свободу отлагаетъ по неизвѣстной судбѣ своей; а потомъ совѣтовалъ ему о семъ просить Сімеона Богопріимца, яко ближайшаго ходатая и молитвенника; и когда тотъ мужъ началъ того праведнаго и святаго призывать въ помощъ, то и получилъ

скоро отъ заключенія своего свободу. Сему подражая и я и желая скорой отъ заключенія своего свободы, сталъ призывать въ молитвахъ своихъ къ помощи и ходатайству святаго и праведнаго Симеона Богопріимца, коему и сочинилъ слѣдующую молитву:

О, святый и праведный отче Симеоне Богопріимче, сподобившейся приняти на руку свою младенца, предвѣчнаго Бога, Господа и Спаса нашего Іисуса Христа!

Простри нынѣ всемощныя молитвы твоя къ Богу и умоли всесилную благость Его, да проститъ мнѣ окаянному и многогрѣшному тяжкія и безъчисленныя грѣхи моя и якоже отпусти тя отъ узъ плотскаго житія сего въ вѣчную жизнь, тако да, ими-же вѣсть судбами, свободитъ мя изъ заключенія сего и даруетъ протчее время жизни моея препроводити въ мирѣ, да всегда прославляю Отца и Сына и святаго Духа, единаго въ Тройцѣ Бога и Твое милостивое предстателство, нынѣ и присно и до скончанія живота моего. Аминь.

Таковую молитву, по совершеніи обычныхъ, всегда утро и вечеръ читая, молитвами сего великаго угодника Божія Симеона и святителя Николая, получилъ скорую свободу, какъ въ предъидущихъ листахъ показано будетъ.

Можно-бы было таковой жизни вести порядочной ежедневный и журналъ, но какъ запрещено было тамо никому не имѣть бумаги и чернилъ, то въ горестяхъ провождаемая жизнь и нужнымъ дѣламъ, кои достопамятны быть-бы могли, отняла память навсегда.

Болѣзнь моя болшою частію усилилась къ осени, такъ что уже по ночамъ и спать не могъ, а днемъ малую имѣлъ отъраду, ползуясь разными деревенскими лѣкарствами по наслышкамъ отъ мужиковъ и протчихъ, но ползы не имѣлъ. А между тѣмъ по совѣту благопріятеля моего, князя Михаила Яковлевича Соколинского, когда онъ ѣхалъ для откуповъ въ Петербургъ, послалъ къ генералъ-прокурору князю Куракину прозбу о безъвинномъ меня заключеніи. Спустя два мѣсяца после того, какъ былъ я обрадованъ, получа отъ князя исъ Петербурга писмо, что велѣно меня свободить; но то было тщетно, ибо генералъ прокуроръ, когда потребовалъ отъ курского гражданского губернатора Бурнашева о моемъ заключеніи отвѣта, то онъ и палата написали въ отвѣтъ ему ложно, якобы я за то посаженъ подъ стражу, что самоволно отлучился исъ Курска,

чего никогда и не бывало. Я толко было положилъ намѣреніе на ихъ отвѣтъ послать вторичную прозбу, но вдругъ послѣдовавшая перемѣна отъ того удержала. Генералъ прокуроръ и президентъ военной коллегіи, братъ ево, князья Куракины отъ должностей своихъ отърѣшены и велѣно было имъ изъ Петербурга чрезъ 24 часа выѣхать въ свои деревни, а на мѣсто въ генералъ прокуроры определенъ князь Лопухинъ, къ коему уже писать я не осмѣлился, потому что и князь Михайла Яковлевичъ Друцкій-Соколинскій исъ Петербурга выѣхалъ.

По осени жена ко мнѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ, горя любовію, опять приѣзжала и, поживъ недѣлю, отъправилась со слезами домой, а я въ такой-же горести остался провождать свое страданіе и упражнялся въ молитвахъ и чтеніи какъ духовныхъ, такъ и веселыхъ свѣтскихъ книгъ, а иногда, чтобъ сердцу подать отраду, силно перемогая печаль, имѣлъ съ сотоварищами своими шуточные веселыя розговоры и съ тѣмъ достигъ праздника Рожества Христова и новаго 1799-го года.

При концѣ-жъ прошедшаго года, декабря 9-го, съ половины дня, началась силная зъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ метель и продолжалась 10, 11, 12-е и 13-е числа. Боже мой, что за лютость этужи была! Такая, что и ходить по городу было не можно, и хлѣба въ продажѣ и другихъ съестныхъ припасовъ не было. Людей и птицъ множество позамерзло, многіе лица, руки и ноги ознобили, а снѣгомъ позанесло домы въ иныхъ мѣстахъ вровнѣ съ кровлями. Лѣса, лога, дворы и протчее все понаполнило снѣгомъ и можно сказать, что не метель была и не стужа, а совершенная чума, отъ чего мы въ своихъ предорогихъ казармахъ претерпѣли не мало стужи и нужды, но по счастью была у меня волчья шуба, коя меня не толко тогда, но чрезъ всю зиму сохраняла въ теплотѣ.

1799-й годъ начался приключеніемъ страннымъ и нечаяннымъ. Содержался въ одной съ нами казармѣ прапорщикъ Глатковъ, города Сѣвска изъ мѣщанъ урожденецъ. Онъ на канунѣ новаго года въ ночи, разговаривая съ подпоручикомъ Каменевымъ, бывшимъ тутъже въ содержаніи, отъ неосторожности выговорилъ громкое слово на высочайшое лице, о чемъ по утру бывшій тутъ-же въ содержаніи купецъ Недосекинъ, желая себѣ чрезъ то получить свободу, вступилъ въ доносъ. Произведено было строгое тотъ часъ слѣдствіе;

мы допрашивани подъ присягою, показали истину, доказали, обличили. И по продолженіи онаго чрезъ два мѣсяца дѣла, посланъ онъ, по лишеніи чиновъ, въ Пермское Намѣсничество въ работу, а мы по прежнему остались на своихъ мѣстахъ; но что въ тѣ два мѣсяца понесли души наши страху, опасаясь, чтобъ и намъ за то не пострадать, также отъ лютости зимы и стужи и протчего, Богу единому вѣдомо, коего сила насъ и подерживала ежечастно.

Жена, услышавъ о такомъ страшномъ, надъ нами содѣянномъ дѣлѣ и не знавъ онаго въ точностѣ, хотя и путь была не спокойна, однако прилетѣла ко мнѣ, коей я, пересказавъ произшествіе подробно, укрѣпилъ ея силы и избавилъ отъ печали, симъ нанесенной; а потомъ, когда сіе дѣло рѣшилось совершенно, то увѣдомилъ оную писмомъ и тѣмъ обрадовалъ совершенно. Но къ тому домашнее горе постигло и печали умножило. Крѣпостной мой Яковъ, кой зъ самого младенчества всегда находясь при мнѣ, по своимъ добрымъ поступкамъ имѣлъ отъ меня и жены довѣренность во всѣхъ дѣлахъ (мы ево женили на дѣвкѣ отъ князя, мнѣ подаренной, о коей дѣлахъ писано было прежде), по заключеніи моемъ въ замокъ, нуженъ сталъ вмѣсто меня къ смотрѣнію винокурни и протчихъ домашнихъ. Сему, яко вѣрному слугѣ, повѣрено было продавать вино, покупатъ хлѣбъ и протчее, а между такою волею и довѣренностью началъ онъ вино пить (чего никогда за нимъ не бывало), потомъ свалялся съ одною женщиною негодною, а потомъ вздумалъ, согласясь съ товарищами, себѣ подобными и тою негодною женщиною, взять тройку лошадей, повозку и часть немалую денегъ и бѣжать на Донъ. Но между пянствомъ товарищи ево на лошадяхъ и повозкѣ уѣхали, а онъ и ево любезная остались, коихъ поймавъ люди привели къ женѣ моей. Но что было дѣлать? Отдать сужденію? Его наказали-бы кнутомъ, да по такой кражѣ и ссылки не миновалъ-бы. И такъ, принужденъ былъ я дѣло оставить, а ево продать положилъ намѣреніе, по чему, высѣкши ево тамо плетми, велѣлъ прислать къ себѣ въ Курскъ, а бывшаго при мнѣ Герасима отправилъ домой.

А между тѣмъ простеръ Всевышній высокую свою мышцу и меня падшаго началъ воздвигать изъ глубины золъ и темнаго заключенія. Марта 13-го числа предъ свѣтомъ видѣдъ я во снѣ ходящаго себя по чистымъ полямъ, а потомъ, вошедши въ преболшую

рожъ и сорвавъ оной частъ, пошелъ за горы по снѣжной дороги, и близъ оной изъ стоящаго куста выгналъ зайца. Проснувшись-же, посмотря въ сонникъ, увидѣлъ, что показано мнѣ новое житье. Сему я съ товарищами не вѣря сну, смѣялся доволно. Но 14-го рано вдругъ получена къ смотрителю замка записка: отпустить меня въ квартиру Козмы Степановича Пузанова, который тогда съ Петербурга приѣхалъ въ Курскъ вмѣстѣ съ моимъ свойкомъ Ефимомъ Васильевичемъ; а когда пришелъ къ нимъ на квартиру, то они объявили мнѣ свободу изъ замка по повелѣнію губернатора и городничаго съ тѣмъ, чтобы жить мнѣ на квартирѣ. А на другой день городничей Племенниковъ приказалъ ходить въ полицію и исправлять тамошнія дѣла. Зъ сего времени открылся мнѣ невидимый два года и одинъ мѣсяцъ свѣтъ, и я первое имѣлъ удовольствіе почти всякой день быть въ церквѣ и благодарилъ Бога, что вмѣстѣ съ правовѣрными обрѣтаюсь на славословіи Божіи.

Козма Степановичъ, побывъ со мною въ квартирѣ дни съ три, уѣхалъ въ городъ Суджу городничимъ, а потомъ и свойкъ мой уѣхалъ. После, спустя недѣли двѣ, получилъ я отъ Козмы Степановича письмо, въ коемъ проситъ, чтобъ я Якова ему продалъ. Хотя сіе мнѣ было и нежелателно, но и оставить такого врага въ домѣ по прежнему было трудно. И такъ я за стараніе ево въ Петербургѣ но моему дѣлу уступилъ ему онаго зъ женою за триста рублей, и получа въ самый свѣтлый день праздника Втскресенія Христова, 17-го апрѣля бывшій, чрезъ почталіона 255 р. денегъ, съ Яковомъ своимъ расталсякся и отправилъ ево въ Суджу къ Козьмѣ Степановичу. Горко было и то и другое, но что дѣлать,—судбою предопредѣленнаго миновать не можно.

Лѣто провождалъ я въ Курскѣ, квартируя у присяжнаго Клементьева, гдѣ и жена меня о Тройцынѣ дни посѣтила. Потомъ перешелъ я на другую квартиру къ регистратору Михайлову; и тутъ также жена меня посѣтила, прибывъ 30-го августа, а уѣхала 14-го сентября, я-же остался и по прежнему исправлялъ пискменныя дѣла. Тутъ получилъ увѣдомленіе, что претендатель мой по векселямъ, порутчикъ Петръ Никифоровичъ Волковъ умре, оставивъ жену и осмерихъ детей, также новооскольской помѣщикъ Алексѣй Григорьевичъ Шараповъ умре и бывшій въ Слоновки древній отцу моему и мнѣ неблагопріятель, казенный житель Акимъ Поповъ, умре,

а мнѣ горкому слузѣ и после ихъ осталась та-же горкая пѣсенка до времени. Потомъ городничей курской Племенниковъ, по открытіи въ Курскѣ полиціи съ частными приставами и ратманами, видя мою въ дѣлахъ прилѣжность и немедленныя исполненіи, опредѣлилъ мнѣ жалованье шестдесятъ рублей (жалованье и подъ арестомъ получалъ) и безденежно близъ полиціи квартиру; также и купечество, имѣющее всегда до полиціи касающіяся дѣла, дарили, почему жить мнѣ уже было недурно и свободно. Я былъ частными любимъ, почему и вхожъ, не такъ какъ арестантъ, но какъ правящій дѣла въ полиціи, во многія хорошія домы, а городничей между полицейскими дѣлами повѣрялъ мнѣ и свои, кои я обработовалъ всегда отъ него съ похвалою. Но какъ-бы то тамъ ни было хорошо, однако желаніе домой никогда не угасало, а бывшія со мною дѣти Петръ и Александръ въ училищѣ, приходя ко мнѣ, подавали серцу нѣкоторую отъраду. А между таковымъ горкимъ и сладкимъ житьемъ наступилъ и 1800-й годъ. Мы чаяли, что по подобію императора Петра 1-го будетъ празнуемо столѣтіе и послѣдуетъ милостивой манифестъ. Но судбѣ не угодно было того учинити, и я, квартируя близъ полиціи у мѣщанина Василія Ивановича Котлярова, человѣка весьма для меня добраго, исправлялъ дѣло также, какъ и прежде. Потомъ полиція отъ Троецкой церкви перенесена въ домъ бывшей банковой конторы на гору, къ Красной базарной площади; то мнѣ, по болѣзни ноги было уже ходить туда, а найпаче на гору, съ великимъ трудомъ и болью. Но чтожъ дѣлать?—Неволя всегда упряма. И симъ лѣтомъ также жена моя въ сей квартирѣ посѣтила, а побывъ мало, въ разсужденіи нужды домашней економіи, поспѣшила домой, а я, оставшись зъ дѣтми, мыкалъ горе по прежнему, пока угодно стало Всевышняго волѣ меня, по наказаніи за грѣхи стражею и заключеніемъ, учинить отъ того свободнимъ, и сіе происходило такъ:

Августа 6-го, посредствомъ городничаго, моего благопріятеля, Пузанова, получилъ я исъ Петербурга писмо отъ сенатского повитчика Солодовникова, въ коемъ пишутъ, чтобы я горкой своей участи ожидалъ вскорѣ рѣшенія и безвинному терпѣнію конца худаго или злаго. Тутъ оставался я между страхомъ и надеждою добра и, какъ и всегда, уповалъ на Бога и его святую волю. А сія то на Всемогущество надежда и изліяла великіе свои на меня щедроты, и какъ 17-го августа предъ вечеромъ въ полиціи получена была отъ губернского

прокурора Богданова записка, что онъ будетъ пересматривать въ замкѣ всѣхъ арестантовъ и колодниковъ, то бывшій тогда уже городничимъ Василій Ильичъ Мясоѣдовъ приказалъ мнѣ по утру 18-го числа явиться въ замокъ (Сіе потому, что онъ былъ робокъ, а не таковъ, какъ Племенниковъ). Я вставъ рано, отправился въ замокъ зъ болною моею ногою пѣшкомъ, а пришедъ туда, отдыхалъ на постелѣ содержимаго тамо порутчика Королева до 12-ти часовъ. Потомъ какъ сказано, что прокуроръ въ тотъ день смотръ свой отложилъ до другого времени, то я и отправился обратно въ полицію. А какъ толко сталъ ко оной подходить, вдругъ, выбѣжавъ изъ оной приказныи служители, начали поздравлять меня съ полученіемъ царской милости и что полученнымъ изъ сената указомъ велѣно меня отъ слѣдствія и стражи учинить свободнымъ. Я, благодаря ихъ за сіи вѣсти, еще не вѣрилъ, а какъ пришолъ въ полицію, тогда городничей лично меня симъ поздравилъ и велѣлъ пойтить и посмотрѣть для вѣрности въ губернскомъ правленіи указъ. Куда я пошедши, когда увидѣлъ своими глазами, то и сталъ совершенно увѣренъ. А на другой день рано, пошедъ въ монастырь, отпѣлъ Божіей Матери акафистъ, потомъ по объявленіи въ правленіи мнѣ указа и получа отъ полиціи билетъ, 25-го числа отправился исъ Курка домой, куда и прибылъ 27 го (въ день преподобнаго отца Пимена, въ тотъ самой день, въ который выехалъ изъ дому къ сужденію въ палату) въ 6-мъ часу по полудни и обрадовавъ пріѣздомъ всѣхъ домашнихъ, обрѣлъ ихъ здоровыхъ и благодаря Всемогущаго Бога за таковое отъ тяжкия бѣди и пропасти освобожденіе, началъ приниматся мало по малу за исправленіе упадшей економіи. И первымъ предметомъ, по уборкѣ хлѣба, представилась глазамъ моимъ обетшавшая винокурня. Не имѣя хотя ни 50 р. денегъ, но что нужда есть преизрядный учитель, то во первыхъ продалъ я пару лошадей за 50 р., потомъ, собравъ своего хлѣба четвертей до 30-ти, да купивъ у Тевяшовыхъ 100 четвертей, протчее-жъ покупая въ базарѣ, началъ курить уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Хлѣбъ былъ въ два рубли, вино не выходно и малой оному сходъ и нужной, то и ви-

нокуреніе было непріятно и не выгодно, а болѣзнь ноги еще и болше подавала горесть. И такъ, терпя во всемъ горесть, недостатокъ и болѣзнь, достигъ 1801-го года живъ, забывая свое страданіе, чему пособляло домашнее семейство, разбивающее печали и подающее надежду за Божіимъ благоволеніемъ исправиться, ибо тутъ вся моя надежда полагалась, помощь и сила. Да будетъ убо о всемъ Слава Всевышнему, а намъ благополученъ наступившій годъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

Библіографія.

Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, константиновскаго уѣзда, сѣдлецкой губерніи. Составилъ по собраннымъ лично матеріаламъ Н. Янчукъ. Москва, 1886 г.

Изслѣдованіе съ означеннымъ заглавіемъ появилось въ нынѣшнемъ году въ этнографическомъ отдѣлѣ «Трудовъ« московскаго общества любителей антропологіи, естество-знанія и этнографія. Отдѣльно издано оно въ самомъ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Хотя, при изданіи всочиненій, предназначенныхъ для спеціальной публики, издатели и авторы имѣютъ полное основаніе не разсчитывать на широкое ихъ распространеніе, но въ настоящемъ случаѣ приходится усиленно пожалѣть о маломъ размѣрѣ изданія, въ виду выдающихся достоинствъ этого труда.

Г. Янчукъ принадлежитъ къ этнографамъ собирателямъ, типъ которыхъ выработанъ современнымъ состояніемъ самой этнографической науки. Обобщенія, бывшія въ ходу въ прежнее время, отошли въ область преданій и укрѣпилось мнѣніе, что чѣмъ меньше избранная для изслѣдованія этнографическая единица, тѣмъ обстоятельнѣе можетъ она быть изслѣдованною и описанною во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ рѣзче можетъ быть оттѣнена ея индивидуальность. Самый уголокъ, выбранный г. Янчукомъ для описанія,—западная русская окраина,—обязывалъ уже его, впрочемъ, къ этому методу. «Изученіе этого края, справедливо говоритъ онъ, возможно не въ общемъ, а лишь по частямъ, потому что общаго здѣсь менѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Изслѣдованію должны подвергаться порознь отдѣльныя, небольшія области, связанныя возможно болѣе общими чертами быта и языка, и только послѣ такого частичнаго и подробнаго изслѣдованія, нашимъ глазамъ представится полная и вѣрная картина этого края, съ его несчастнымъ населеніемъ, которое

волею судебъ обречено на вѣчныя терзанія на перепутьи между равличными народностями.

Разсматриваемый трудъ посвященъ быту малороссовъ въ Польшѣ, по лѣвую сторону западнаго Буга. Тамъ малорусское населеніе размѣстилось среди поляковъ, евреевъ и нѣмцевъ, какъ бы островами. Отдѣленныя другъ отъ друга, эти группы, при общихъ племенныхъ чертахъ, выработали отдѣльные говоры и особенности быта. Уроженецъ той мѣстности, г. Янчукъ остановился на небольшомъ округѣ, обнимающемъ пять селъ константиновскаго уѣзда сѣдлецкой губерніи, и началъ описаніе быта тамошняго населенія съ описанія свадебнаго обряда.

Ни одинъ изъ народныхъ обрядовъ не останавливалъ на себѣ въ такой степени вниманіе изслѣдователей, какъ этотъ важнѣйшій бытовой обрядъ. Громадный матеріалъ, собранный по этому предмету въ IV томѣ «Трудовъ» Чубинскаго представляетъ массу данныхъ для характеристики этого обряда *въ цѣломъ племени* (какъ всѣ почти матеріалы Чубинскаго). Разница такихъ частичныхъ работъ, какъ работа г. Янчука, и такихъ общихъ собраній, какъ собраніе Чубинскаго, тутъ то и бросается въ глаза. Частичный изслѣдователь ведетъ свое изученіе шагъ за шагомъ, во всѣхъ подробностяхъ и съ одинаковою обстоятельностью во всѣхъ частяхъ труда. Громадное коллективное собраніе отражаетъ въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ пріемы и подготовку отдѣльныхъ участниковъ и, представляя въ общемъ несравнеио большее богатство, не даетъ все таки такой законченной картины, которая рисуетъ явленіе въ данной мѣстности во всей его полнотѣ и «какъ на ладони». Мы разумѣемъ, конечно, тѣ не частые случаи частичныхъ изслѣдованій, когда изслѣдователь обладаетъ такою любовью къ дѣлу, добросовѣстностью и эрудиціей, какъ г. Янчукъ.

Въ подобномъ умѣломъ и тщательномъ трудѣ каждая мелочь получаетъ свое значеніе, и это точнѣйшее описаніе свадебнаго обряда переноситъ насъ совершенно въ кругъ жизни и міросозерцанія описываемаго уголка. Этотъ пріемъ важенъ и для ученаго, который хотѣлъ бы узнать, что сохраняется и живетъ изъ свадебнаго обряда въ одной какой нибудь мѣстности. Почерпая свѣдѣнія изъ разнородныхъ сборниковъ, ученые изслѣдователи принуждаемы бываютъ по неволѣ къ обобщеніямъ, на что часто сѣтуютъ и сами. Такъ недавно еще въ спеціальномъ изслѣдованіи «О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ» (Харьковъ 1881 г.) уважаемый сотрудникъ нашего журнала г. Сумцовъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что «рука изслѣдователя народнаго обрядоваго дѣйствія и поэтическаго творчества никогда не заносила на бу-

магу свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ извѣстной мѣстности во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи».

Эта полнота и точпость въ описаніи г. Янчука не оставляютъ желать ничего большаго. Корницкая свадьба въ общемъ удержала общій типъ малорусскаго *весилья.* Самымъ рѣзкимъ ея отличіемъ служитъ весьма сильно примѣшивающійся польскій элементъ. Г. Янчукъ поступилъ вполнѣ основательно, помѣстивъ въ своемъ сборникѣ и всѣ польскія пѣсни, распѣваемыя на корницкой свадьбѣ. Эти пѣсни въ той мѣстности пользуются въ народѣ одинаковыми правами гражданства съ малорусскими, иногда даже предпочитаются имъ. Поэтому читатель встрѣчаетъ ихъ въ описаніи тѣхъ моментовъ свадьбы, когда онѣ поются въ дѣйствительности. Моменты эти разсказаны изслѣдователемъ подробно подъ рубриками, носящими отдѣльныя названія, каковы: 1) выборъ невѣсты и сватанье, 2) сговоръ (згода) и оглашеніе (заповедіе), 3) *залеты* (сговоръ, заручины), 4) коровай, 5) собиранье весильныхъ людей (свадебной дружины) и 6) *весіеле* (собственно свадьба, отъ субботы до вторника).

Къ 318 приведеннымъ въ описаніи пѣснямъ приложены ноты 35 напѣвовъ, на которые эти пѣсни поются. Самый текстъ пѣсень г. Янчукъ записывалъ съ голоса пѣвцовъ, провѣряя размѣръ стиховъ по напѣву.

Всѣ эти подробности показываютъ, какой интересной новинкой является трудъ г. Янчука въ южнорусской этнографіи. Записи изъ малорусскихъ мѣстностей въ Польшѣ до сихъ поръ существовали только въ сборникѣ Чубинскаго. Въ томѣ посвященномъ «Обрядамъ» (т. IV стр. 970) помѣщена напр. свадьба, записанная въ д. Кульчинѣ бѣльскаго уѣзда, той же сѣдлецкой губерніи. Но достаточно бросить взглядъ на 9 страницъ этого описанія и на большой фоліантъ г. Янчука (116 стр. in 4°), чтобъ увидѣть всю разницу между этими двумя трудами.

Тщательное стараніе соблюсти всѣ оттѣнки говора должно возбудить интересъ спеціалистовъ—филологовъ. Всѣ сѣдлецкія разнорѣчія и говоры, какъ указано было и раньше, слѣдуетъ отнести къ такъ называемому подляшскому поднарѣчію полѣшскаго нарѣчія. Г. Янчукъ считаетъ корницкій говоръ отдѣльнымъ отъ изслѣдованныхъ г. Житецкимъ въ его извѣстномъ сочиненіи разнорѣчій кошольскаго, хотыческаго и кленовицкаго. Доказательство тому онъ приводитъ въ отличительныхъ чертахъ произношенія гласныхъ и согласныхъ, въ употребленіи грамматическихъ формъ и т. п. Онъ дѣлаетъ впрочемъ оговорку о той разницѣ, какая существуетъ между пѣсеннымъ языкомъ и разговорнымъ и обѣщаетъ вернуться къ изслѣдованію обыденной разговорной рѣчи впослѣдствіи.

Намъ остается отмѣтить обстоятельность примѣчаній къ каждой изъ записанныхъ пѣсень. Они заключаютъ въ себѣ объясненія пѣсень въ цѣломъ ихъ видѣ и отдѣльныхъ выраженій въ смыслѣ полузабытыхъ остатковъ вѣрованій и воззрѣній до-христіанской эпохи, символики, иносказаній, эпитетовъ, чертъ современныхъ нравовъ и проч., объясненія оборотовъ и формъ изложенія и т. под. Тутъ же указаны варіанты всѣхъ южнорусскихъ сборниковъ и многихъ славянскихъ, преимущественно польскихъ. На сколько эти ссылки исчерпываютъ предметъ, можно видѣть изъ того, что авторомъ цитируется 48 отдѣльныхъ сборниковъ и трудовъ.

В. Г.

Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго коша запорожскаго, А. Скальковскаго. Изданіе третье. Часть III. Одесса, 1886 г.

Отмѣчая въ библіографическомъ обзорѣ появленіе новымъ изданіемъ 3-й и послѣдней части труда г. Скальковскаго, мы, какъ и прежде, когда говорили о выходѣ 2-й части, не будемъ излагать содержанія книги, столь давно и всѣмъ извѣстной, ни входить въ разборъ оной, но кратко лишь скажемъ, въ какомъ видѣ является эта послѣдняя часть въ новомъ изданіи по сравненію съ ея прежними изданіями. И здѣсь маститый авторъ сдѣлалъ не мало перемѣнъ по сравненію съ изданіями прежняго времени, но характеръ этихъ измѣненій тотъ-же, что и въ первыхъ двухъ частяхъ: вводятся ли новые факты, или дѣлаются сокращенія въ текстѣ, содержаніе книги, точка зрѣнія автора не становятся отъ этого иными.

Сдѣлавъ эту общую оговорку, мы отмѣтимъ за симъ тѣ вставки и сокращенія, какія находимъ въ 3-й части новаго изданія.

Въ 1-й главѣ, посвященной компаніи запорожцевъ 1769 г., опущено находившееся на стр. 19-й во 2-мъ изданіи описаніе татарскихъ полчищъ, совершившихъ набѣгъ на южную Россію зимой 1768 года, извлеченное авторомъ изъ «Записокъ» барона де-Тотъ. Въ замѣнъ этого въ слѣдующихъ 2-хъ главахъ сдѣлана весьма значительная вставка, именно введены: журналы, ордеры, письма, граматы и проч., излагающіе обстоятельства, успѣхи и неудачи морскаго похода запорожцевъ чрезъ Черное море въ устья Дуная во время русско-турецкой войны 1770—1773 годовъ. Въ началѣ 4-й главы опущенъ перечень именъ татарскихъ старшинъ, подписавшихъ грамату объ избраніи на ханскій престолъ Селимъ-Гирея, сторонника Россіи. Въ главѣ 6-й опущена пѣсня, вспоминающая о неудачной депутаціи запорожцевъ

въ столицу для предупрежденія разоренія Сѣчи въ 1775 году. Въ 7-й главѣ опущено примѣчаніе о разореніи сѣчевой церкви калмыками, донцами и солдатами, а также другое примѣчаніе объ изображеніи церковныхъ мѣстъ запорожскихъ на планѣ Старой Сѣчи на Капуловкѣ, такъ-же какъ и самый планъ. Оставляемъ безъ вниманія нѣсколько другихъ не важныхъ измѣненій въ примѣчаніяхъ къ тексту книги. Значительныя перемѣны сдѣланы въ приложеніяхъ къ книгѣ: тутъ одни изъ документовъ опущены, другіе введены вновь, вообще же число приложеній сокращено съ 23-хъ до 14. Въ спискѣ кошевыхъ сдѣланы дополненія девяти новыхъ именъ, изъ прежнихъ же вычеркнуто четыре, не считая именъ кошевыхъ до 1655 года; въ именахъ судей одинъ опущенъ, но прибавлено шесть новыхъ. Къ этимъ и другимъ перемѣнамъ авторъ приведенъ, конечно, болѣе тщательнымъ обслѣдованіемъ прежнихъ и пріисканіемъ новыхъ документальныхъ данныхъ; но, къ сожалѣнію, ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ онъ не объясняетъ, почему сдѣланы имъ тѣ или другія сокращенія и измѣненія. Изъ новыхъ приложеній къ третьей части настоящаго изданія отмѣтимъ: извлеченіе изъ сеймоваго постановленія 1635 г. о морскихъ запорожскихъ набѣгахъ на Турцію и постройкѣ „стараго Кодака", грамоту царя Алексѣя Михайловича атаману Ивану Сѣрку и всему войску запорожскому 1673 г., отвѣтъ запорожцевъ Филиппу Орлику 1734 г и показаніе гайдамаки Герасима Котляра 1757 г На заглавномъ листѣ 3-й части, вмѣсто бывшаго во 2-мъ изданіи изображенія козацкой могилы съ расположившимся вокругъ нея стадомъ овецъ и выдающеюся фигурой пастуха, помѣщено теперь болѣе цѣнное изображеніе церкви, рады и запорожскихъ куреней 1773 года, а прежній эпиграфъ, выражавшій полное отчаяніе запорожца, замѣненъ новымъ, выражающимъ увѣренность запорожца, что „слава козацка николи не згине".

Да не посѣтуетъ на насъ почтенный авторъ, или читатели за такой краткій отзывъ о трудѣ столь значительной важности. Сдѣланныя нами сравненія нынѣшняго изданія 3-й части Исторіи Новой Сѣчи съ прежнимъ могутъ показаться мелочными; но мы не видѣли другаго способа для того, чтобы дать читателямъ понятіе о разности изданій и избавить ихъ отъ труда дѣлать самимъ сличенія. Что касается вообще самой книги, то повторимъ еще разъ, что и въ новомъ изданіи она также богата документальными данными и выдержками изъ неизданныхъ матеріаловъ, хотя, къ сожалѣнію, авторъ никогда не указываетъ, откуда онъ заимствуетъ тотъ или другой фактъ, ту или другую пѣсню, документъ и проч. Если, какъ мы въ свое время говорили, много данныхъ для бытовой Исторіи Запорожья представлено въ матеріалахъ,

изданныхъ г. Андріевскимъ, то они представляютъ собою лишь нѣкоторое дополненіе къ тому, что заключаетъ въ себѣ книга г. Скальковскаго. Имѣются свѣдѣнія, что огромное количество такого-же матеріала собрано уже для формирующихся архивовъ въ Харьковѣ и Одессѣ; но за г. Скальковскимъ всегда останется честь не только почина, но главнаго, быть можетъ, самаго тяжелаго труда въ раскрытіи и послѣдовательномъ документальномъ изложеніи Исторіи Сѣчи. Остается желать, чтобы путь имъ начатый и проложенный не заросталъ, а его капитальный трудъ нашелъ-бы достойныхъ продолжателей.

И. Каманинъ.

Списокъ церквей и духовенства холмско-варшавской епархіи. Варшава. 1886 г.

Названная книга не принадлежитъ къ числу ни статистическихъ, ни историческихъ трудовъ. Это просто справочная книга для священно- и церковно-служителей холмско-варшавской епархіи и ея управленія. Оцѣнить ея практическое удобство—дѣло тѣхъ, для кого она назначена, для насъ-же важны тѣ фактическія и статистическія данныя, которыя составляютъ содержаніе книги и которыя относительно будущаго представляютъ весьма цѣнный историческій матеріалъ. Понятно, что только этотъ составъ книги даетъ намъ основаніе коснуться ея въ нашемъ библіографическомъ обозрѣніи и только съ этой стороны мы и можемъ ее разсматривать.

Для всякаго русскаго интересно знать, какъ стоитъ въ настоящее время дѣло православія на нашей западной окраинѣ, въ предѣлахъ б. Царства Польскаго, нынѣ привислянскаго края, гдѣ оно поставлено лицемъ къ лицу съ враждебнымъ намъ католичествомъ, подвергается его вліянію и терпитъ отъ него ущербъ, или же ведетъ съ нимъ борьбу,—интересно знать, какъ велико число тамъ православныхъ, какъ распредѣлены они по территоріи края, какъ велико число церквей и духовенства для удовлетворенія ихъ религіозныхъ нуждъ, каковъ составъ здѣсь пастырей-руководителей, ихъ образовательный цензъ, матеріальное обезпеченіе и т. д. На многіе изъ этихъ вопросовъ, хотя и не на всѣ, даетъ отвѣты названная нами книга. Церкви и причты распредѣлены въ ней по благочинническимъ округамъ, губерніямъ и уѣздамъ, съ поименованіемъ деревень, входящихъ въ составъ сельскихъ приходовъ, количества прихожанъ и церковной земли.

Чтобы понять однако какъ распредѣленіе духовенства и церквей по благочинническимъ округамъ, такъ и распредѣленіе самыхъ окру-

говъ, нужно помнить, что холмско-варшавская епархія образована изъ двухъ самостоятельныхъ епархій: *варшавской*, учрежденной послѣ усмиренія польскаго возстанія 1831 г. и состоявшей изъ незначительнаго (10—15) числа церквей, предназначенныхъ для служащихъ тамъ въ разныхъ пунктахъ и вѣдомствахъ русскихъ, и *холмской*, бывшей до 1875 г. уніатскою и вѣдавшей уніатскія церкви кореннаго русскаго населенія той мѣстности. Церкви первой, увеличившіяся въ своемъ числѣ послѣ 1864 г., съ новымъ и гораздо большимъ приливомъ русскихъ служащихъ, разбросаны были, кромѣ Варшавы, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Царства и по пограничной линіи въ таможенныхъ пунктахъ, церкви второй сгруппированы въ губерніяхъ люблинской, сѣдлецкой и отчасти сувалкской. Послѣ присоединенія уніатовъ къ православію въ 1875 г. обѣ епархіи слиты въ одну, съ отдачею преимущества названію первой, какъ древнѣйшей, существовавшей съ XIII по крайней мѣрѣ вѣка, при чемъ церквамъ и духовенству первой епархіи, для отличія, присвоено было названіе древне-православныхъ, а второй—возсоединенныхъ. При дальнѣйшемъ административномъ устройствѣ соединенныхъ епархій не только эти названія устранены, но самыя церкви, независимо ихъ происхожденія, соединены въ благочинническія округа по территоріальной ихъ близости. Образовалось такимъ образомъ 20 благочинническихъ округовъ и тогда какъ два варшавскіе округа вѣдаютъ церкви разбросанныя въ семи губерніяхъ,—въ грубешовскомъ и томашевскомъ уѣздахъ люблинской, бѣльскомъ и влодавскомъ сѣдлецкой губерніи, учреждено по два благочинническіе округа, такъ какъ русское населеніе живетъ здѣсь почти сплошными массами и число церквей весьма значительно.

Всѣхъ православныхъ въ холмско-варшавской епархіи числится 360,880 душъ обоего пола, всѣхъ церквей 433, въ томъ числѣ приходскихъ 310, приписныхъ и безприходныхъ 113 и кладбищенскихъ 10, каменныхъ 173 и деревянныхъ 260. Такимъ образомъ на каждый изъ 20 благочинническихъ округовъ приходится среднимъ числомъ свыше 21 церкви, а на каждую изъ церквей, если исключить только кладбищенскія, свыше 875 прихожанъ. Цифры эти не особенно высокія, но и не такія, которыя показывали-бы, что православіе раскинулось здѣсь привольно и широко; напротивъ, по исключительному его положенію среди католичества, скорѣе можно желать увеличенія здѣсь числа православныхъ церквей. Есть не мало такихъ пунктовъ, гдѣ число служащихъ русскихъ значительно, но церкви нѣтъ или она находится за нѣсколько десятковъ верстъ; съ другой стороны въ чертѣ б. уніатскаго населенія

есть сельскія церкви, приходы которыхъ заключаютъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ душъ, а число приписныхъ къ нимъ деревень доходитъ до 20 и болѣе, равно есть села и деревни, имѣющія свои церкви, но не имѣющія причтовъ и приписанныя къ другимъ, иногда очень отдаленнымъ церквамъ.

Въ разсматриваемой книгѣ, при исчисленіи церквей и духовенства по благочинническимъ округамъ, въ отдѣльныхъ графахъ обозначаются: названіе церкви, ея мѣстонахожденіе и настоятель, разрядъ церкви (приходская, приписная, безприходная и т. п.), раіонъ прихода и число приписныхъ деревень, общее число прихожанъ и частное въ приходѣ основномъ и приписныхъ, а также количество владѣемой церковью земли, исчисляемой, какъ можно догадываться, по общепринятой въ тамошней мѣстности мѣрѣ на морги. Общее число земли, принадлежащей церквамъ, 27,385 м., и если есть церкви безземельныя, то иныя изъ нихъ имѣютъ до 250 и болѣе морговъ. Въ числѣ бѣлаго духовенства показаны и монашествующіе при архіерейскихъ домахъ и монастырѣ яблочинскомъ, а въ числѣ приходскихъ настоятелей и священники заштатные. Въ заключеніе подведены общіе итоги рубрикъ по губерніямъ и болѣе общіе итоги по всѣмъ рубрикамъ для всей епархіи.

Свѣдѣніями этого рода заполнена одна меньшая треть книги или 85 страницъ изъ общаго числа 330. Отъ стр. 88 до 193 слѣдуетъ алфавитный списокъ священно-служителей, съ указаніемъ церквей, при которыхъ они состоятъ, а отъ 193 до 330 алфавитный указатель городовъ, селъ и деревень, съ указаніемъ благочинническихъ округовъ и приходскихъ церквей, къ которымъ принадлежатъ показанныя мѣстности. Въ первомъ изъ нихъ по отдѣльнымъ графамъ указываются: фамилія, имя и санъ священно-служителя, должность, церковь и благочинническій округъ, степень образованія, время начатія службы (по духовно-учебному вѣдомству, псаломщикомъ, въ санѣ, на послѣднемъ мѣстѣ) и служебныя перемѣны. Тутъ, кромѣ настоятелей церквей, показаны ихъ помощники, находящіеся во всѣхъ губернскихъ городахъ и нѣкоторыхъ большихъ приходахъ, равно священники причисленные и заштатные, а также діаконы и монашествующіе. Въ ряду исчисленныхъ рубрикъ особаго вниманія достойны двѣ: *степень образованія* и *служебныя перемѣны*. Послѣдняя была-бы лишнею послѣ предшествующей ей съ ея подраздѣленіями и совершенно непонятною, если-бы составитель «Списка» не пояснилъ въ примѣчаніи, что проставляемыя въ ней буквы: *М.*, *Им.* и *Г.* указываютъ, принадлежитъ-ли названное лице къ числу

мѣстныхъ уроженцевъ, или вышло изъ Имперіи, либо изъ Галиціи. Степень образованія, если-бы она была опредѣлена точно, дала бы намъ возможность судить о томъ, какими интеллектуальными силами располагаетъ наша церковь для укрѣпленія православія въ тамошнемъ краѣ и для борьбы съ воинствующимъ католицизмомъ. Но что могутъ дать отмѣтки: *получилъ образованіе въ Австріи*, или: *кончилъ холмскую духовную семинарію?* Въ Австріи, какъ и у насъ и вездѣ, образованіе имѣетъ различныя степени, а что касается холмской семинаріи, то иною она была до преобразованія ея по общему типу православныхъ семинарій, состоя изъ трехъ спеціальныхъ классовъ, и иною послѣ преобразованія. Не всякому конечно извѣстно, что въ Австріи, частнѣе въ Галиціи, русскіе священники всѣ съ университетскимъ образованіемъ и что въ числѣ находящихся въ холмско-варшавской священниковъ изъ галичанъ есть много такихъ, которые, не имѣя и гимназическаго образованія, въ смутное время кое-какъ прошли чрезъ холмскую семинарію до ея преобразованія, пробывъ въ ней годъ и не свыше двухъ. Эти-то пришельцы переходнаго времени и увеличили собою число галицко-русскихъ священниковъ въ холмско-варшавской епархіи въ такой степени, что тогда какъ уроженцевъ Имперіи здѣсь лишь 77, а мѣстныхъ 80, священниковъ галичанъ 136, не считая нѣсколькихъ діаконовъ изъ нихъ-же. Число священниковъ изъ имперскихъ собственно въ бывшихъ уніатскихъ приходахъ незначительно и на наплывъ ихъ противная сторона указывать не можетъ; что же касается галичанъ, то, кромѣ преобладающаго ихъ числа, знакомому съ тамошними мѣстами, при чтеніи «Списка» нельзя не видѣть, что они въ большинствѣ занимаютъ лучшіе приходы и сгруппировались преимущенно въ грубешовскомъ и томашевскомъ уѣздахъ люблинской губерніи, гдѣ и населеніе болѣе расположено къ православію и земля плодороднѣе. Читатель съ недоумѣніемъ остановится на этихъ фактахъ и спроситъ, откуда и зачѣмъ такое число священниковъ изъ галичанъ; но на это, какъ и на много другихъ вопросовъ, нельзя найти отвѣта въ книгѣ,состоящей изъ названій и цифръ и имѣющей особое практическое назначеніе. Въ ней нѣтъ даже свѣдѣній о жалованьѣ тамошнихъ священниковъ, быть можетъ потому, что основное жалованье вездѣ одинаково, 1200 р. Такое жалованье, при готовыхъ, въ большей части хорошо устроенныхъ помѣщеніяхъ, при большемъ или меньшемъ, иногда же весьма значительномъ количествѣ земли и доходахъ отъ платы за требы, показываетъ, что тамошнее духовенство въ матеріальномъ отношеніи обезпечено гораздо больше всего остальнаго имперскаго.

Что касается другаго алфавитнаго указателя, то онъ не заключаетъ въ себѣ никакихъ новыхъ свѣдѣній, кромѣ перестановки извѣстныхъ изъ предъидущаго названій и кажется намъ ничѣмъ не оправдываемою роскошью. Въ замѣнъ его въ «Списокъ» могли-бы быть внесены другія, интересныя и нужныя для мѣстныхъ священно-служителей свѣдѣнія, которыя не трудно было-бы собрать редакціи Холмско-Варшавскаго Вѣстника, напечатавшаго и настоящій «Списокъ» въ видѣ приложенія къ своему изданію.

К. Цыбульскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ГАЙДАМАЦКІЙ БАНДУРИСТЪ.

Запорожская община, какъ извѣстно, до послѣднихъ дней своихъ свято хранила исконные склонности, вкусы и формы жизни, подвергавшіеся разложенію въ Украйнѣ подъ вліяніемъ разнообразныхъ вѣяній, не коснувшихся Запорожья; можно даже сказать, что въ этомъ смыслѣ историческая заслуга его носила болѣе охранительный, нежели творческій характеръ. Въ бытѣ церковно-религіозномъ, въ устройствѣ общественномъ, въ живописи и архитектурѣ, равно въ музыкѣ и въ пѣснѣ трудно уловить какой либо, свойственный запорожцамъ однимъ типъ, если не считать нѣкоторыхъ оттѣнковъ, наложенныхъ на бытъ ихъ военною профессіей. Иначе и быть не могло, потому что Запорожье никогда не изолировалось отъ Украйны, а постоянно служило ея интересамъ, воплощало ея идеалы, пополнялось ея-же сынами, и контингентъ «товариства» безпрерывно обновлялся, вслѣдствіе того, что члены его вели безсемейную жизнь. Въ частности, въ сферѣ народной пѣсни и музыки Запорожье не оставило по себѣ также ничего крупнаго, хотя старину чтило и блюло и здѣсь. Бандуристы живали въ Запорожьи и пользовались у запорожцевъ большой любовью. «Бандуристы были истинные скальды войска запорожскаго, и почти всякій старшина имѣлъ у себя хлопца торбаниста», говоритъ г. Скальковскій [1]). Съ бандури-

[1]) Исторія Новой Сѣчи. Изд. 2-е, 1846 г., стр. 331. Въ одномъ „дѣлѣ“ 1765 года упоминается запорожскій козакъ кисляковскаго куреня Михаилъ *Бандура*. Архивъ юго-западной Россіи, т. III, стр. 745.

стами не разставались запорожцы до послѣднихъ дней своего самостоятельнаго существованія: находилъ онъ кусокъ хлѣба и въ Сѣчи, заглядывалъ и въ уединенный зимовникъ, сопровождалъ запорожцевъ въ походахъ въ Польшу, и даже гайдамачество, послѣдняя стадія вырожденія Запорожья, сохраняло любовь къ бандуристамъ. Извѣстна картина, изображающая гайдамака съ бандурою въ рукахъ [1]); Чубинскому разсказывали въ каневскомъ уѣздѣ о ватажкѣ гайдамацкомъ Грицкѣ *Кобзарѣ* [2]); наконецъ Ухачъ-Охоровичъ упоминаетъ о трехъ профессіональныхъ бандуристахъ, сопровождавшихъ гайдамацкую чату, судившихся и казненныхъ вмѣстѣ съ товарищами въ Коднѣ въ 1770 г. [3]).

Въ нашемъ распоряженіи находится «дѣло» о такомъ гайдамацкомъ бандуристѣ, извлеченное изъ елисаветградскаго архива, хранящагося въ библіотекѣ кіевскаго университета (Связка № 65). Оно состоитъ изъ списка вещей, заграбленныхъ гайдамаками у священника с. Плетеный Ташлыкъ Суперфіановича и изъ двухъ допросовъ казака корсунскаго куреня Данила Бандурки—одного краткаго, сдѣланнаго въ Сѣчи (8 февраля 1761 г.) и другаго подробнаго, снятаго въ крѣпости св. Елисаветы (19 іюня того же года). Въ концѣ допроса, какъ водится, находимъ стереотипную фразу: «прежде же того онъ Бандурка самъ и ни съ кимъ другимъ болѣе ни на какихъ грабительствахъ, воровствахъ и разбояхъ не бывалъ и къ тому товарищей никакихъ не имѣлъ»; но имя его встрѣчается въ допросѣ гайдамака Герасима Котляра [4]), хотя, правда, ни изъ того допроса, ни изъ нашего дѣла не видно активной прикосновенности его къ гайдамацкимъ предпріятіямъ, на оборотъ, онъ является въ дѣлѣ лицемъ профессіональнымъ, состоящимъ на особомъ положеніи, и если получаетъ отъ казаковъ порученія, то исключительно мирнаго характера и найболѣе легкія: стеречь съѣстные припасы и

---

[1]) Издана въ приложеніи къ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ“ кн. Мышецкаго. Одесса, 1852 г.

[2]) Нѣсколько народн. истор. преданій, записанныхъ П. П. Чубинскимъ. Зап. юго-зап. отдѣла импер. русск. геогр. общ., т. I, Кіевъ, 1874 г., стр. 293.

[3]) Коденская книга и три бандуриста. „Кіевская Старина“, 1882 г., т. II, стр. 164—165.

[4]) Скальковскій, Нѣсколько дополненій къ ист. гайдамачины. „Кіевская Старина“, т. XIII, стр. 300.

одежду, косить сѣно и смотрѣть за лошадьми, принадлежащими ватажку, причемъ эту послѣднюю службу несетъ онъ совмѣстно съ товарищемъ, какъ видно по прозвищу, тоже человѣкомъ благородной профессіи—Иваномъ Письменнымъ. За выполненіе этого порученія онъ получаетъ пай при дѣлежѣ добычи, въ составъ котораго вошла и бандура, при выступленіи же въ походъ дается ему лошадь. Въ своей автобіографіи онъ упоминаетъ, что спеціально обучался своему искусству цѣлый годъ у богуславскаго бандуриста; но особенно интересно то, что по окончаніи своего ученья началъ онъ свою артистическую карьеру служеніемъ въ качествѣ спеціальнаго барда при кіевскомъ губернаторѣ Леонтьевѣ, конечно, подчинявшемся въ этомъ случаѣ примѣру двора императрицы Елисаветы, которая, какъ извѣстно, содержала, кромѣ итальянской оперы, и бандуриста, и слѣпого пѣвца—малоросса, разумѣется, по вліянію своего любимца Разумовскаго. Конечно, Леонтьевъ никакъ не предполагалъ, гдѣ и какъ придворный его бандуристъ будетъ продолжать и гдѣ окончитъ свою карьеру... Черезъ три года Леонтьевъ умеръ, а Бандурка вскорѣ очутился въ Сѣчи, гдѣ и «находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою», и «получалъ... одежу и деньги за играніе имъ на бандурѣ». Любопытно, что эта перелетная птица, черезъ нѣсколько лѣтъ попавшая въ гайдамацкую чату Котляра, а потомъ въ такую же компанію Лысаго, этотъ народный поэтъ исполненъ набожности, заставившей его, по данному обѣту, вмѣстѣ съ другими сѣчевыми козаками отправиться на богомолье въ Кіевъ, его родину, къ которой тянуло его сердце. Не менѣе того достойно вниманія еще одно обстоятельство: сколько извѣстно, всѣ бандуристы, сдѣлавшіеся извѣстными въ наше время, были слѣпцы; мы охотно признаемъ, что лишеніе зрѣнія—одно изъ условій, благопріятствующихъ развитію въ человѣкѣ музыкальныхъ способностей, но въ постоянномъ совпаденіи личности бандуриста и лирника съ личностью слѣпого въ наше время видимъ и нѣчто иное, именно оскудѣніе въ народѣ вкуса къ старинной эпической пѣснѣ и къ стариннымъ мотивамъ, сопровождающимъ ее; въ настоящее время вниманіе къ ней является лишь вынужденной данью несчастію человѣка, родомъ милостыни калѣкѣ; нашъ Данилъ Бандурка ходитъ и ѣздитъ безъ поводаря, напротивъ—хорошо сторожитъ гайдамацкое добро и внимательно осматриваетъ

доставшійся ему по дѣлежу «польскій *зеленаго* сукна *притертый* кунтушъ».

Въ «дѣлѣ» не сохранилось, къ сожалѣнію, допросовъ гайдамакъ, товарищей Бандурки, но и его собственное показаніе даетъ интересныя черты для характеристики похожденій гайдамацкихъ. Изъ дознанія его видно, что предпріятіе на Богуславль, въ которомъ участвовалъ Бандурка, начато и выполнено безъ вѣдома сѣчеваго и куреннаго начальства, и что чата Лысаго находила сочувствіе и поддержку между обитателями зимовниковъ, да и самому Бандуркѣ присовѣтовали примкнуть къ ней и дали хлѣба на дорогу жившіе зимовникомъ же казаки Кривенькіе; любопытнѣе для насъ пріемъ, оказанный гайдамакамъ жителями слободы Плетеный Ташлыкъ, находившейся за чертой реальныхъ владѣній Запорожья, въ предѣлахъ елисаветградской провинціи. Пріемъ этотъ былъ поразительно радушный: «начальнѣйшіе гайдамаки», прибывъ въ слободу, сдѣлали визитъ тамошнему сотнику и у него «подчиваны были», потомъ, пока другая часть чаты веселилась въ шинкѣ, а остальные стерегли возъ съ запасами, «начальнѣйшихъ» зазвалъ въ гости свойственникъ сотника, жена этого свойственника принялась варить горѣлку, Бандурка игралъ на бандурѣ, а она пѣла... Вѣроятно, дремало въ это время недреманное око коменданта крѣпости св. Елисаветы!

Въ показаніи Бандурки заключается разсказъ о двухъ походахъ на Польшу, при чемъ первый изъ нихъ былъ неудаченъ для гайдамакъ; все, что могъ онъ припомнить о нихъ и что могло быть ему извѣстно, онъ показалъ, повидимому, правдиво, но положительно отрицаетъ возбужденное противъ него и товарищей его обвиненіе въ совершеніи грабежа въ предѣлахъ елисаветградской провинціи: пришелъ только ему на умъ забавный и маловажный, по искреннему его убѣжденію, инцидентъ, какъ они встрѣтили «на елисаветскомъ тракту» неизвѣстнаго человѣка, «везучого горѣлку,» какъ «всѣ обще пили оную» и какъ потомъ забрали у него для закуски два мѣшка сухарей.

Но предоставимъ самому Бандуркѣ разсказать подробно свою интересную исторію. Воспроизводимъ ее по второму изъ указанныхъ допросовъ, т. е. по допросу, сдѣланному въ крѣпости св. Елисаветы: онъ вчетверо больше и много подробнѣе сѣчевого; въ

соотвѣтственныхъ мѣстахъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ будутъ приведены изъ сѣчеваго дознанія всѣ черты, дополняющія вторичный допросъ или противорѣчащія ему.

1761 года іюня 19 дня содержащійся въ крѣпости св. Елисаветы, присланный изъ Сѣчи запорожскій гайдамака допрашиванъ и показалъ нижеслѣдующее.

Зовутъ его Данилъ Бандурка, онъ же и Малый. Родился въ гор. Кіевѣ отъ отца Степана Рыхлѣевскаго и матки Анны, подданства монастыря Михайловскаго Выдубицкаго. Отъ роду ему лѣтъ 23. Въ прошломъ 1748 г., отлучась онъ Даиилъ Бандурка отъ родителей своихъ, присталъ въ Кіевѣ къ находящемуся въ польскомъ мѣстечкѣ Богуславлѣ бандуристу Матвѣю Волошину и отъѣхалъ въ Польшу за пашпортомъ кіевскаго губернатора умершаго Леонтьева и въ томъ городѣ Богуславлѣ чрезъ круговой годъ въ упомянутаго бандуриста Волошина обучался на бандуру играть, и пріѣхавши съ Польши въ Кіевъ, находился при вышеписанномъ губернаторѣ кіевскомъ Леонтьевѣ бандуристомъ черезъ три года, а по измертвіи его, отлучась отъ дому его добровольно, прожилъ при маткѣ своей тамъ же въ Кіевѣ съ полгода, а потомъ, взявъ съ маткою своею пашпортъ отъ вице-губернатора Костюрина, перешелъ Днѣпръ чрезъ кременчугскій перевозъ, жилъ при оной матки своей по сей сторонѣ Днѣпра, въ селѣ Уховкѣ чрезъ одинъ годъ. Будетъ тому годовъ съ семь назадъ, отъ оной матки своей отлучась, онъ Бандурка пошелъ въ Сѣчь Запорожскую по своей волѣ, на пашпортѣ уховскихъ жителей, шедшихъ за купечествомъ въ Сѣчь, Кузьмы Скляра съ товарищи, а пришедши въ Сѣчь Запорожскую, остался въ куренѣ корсунскомъ между козаками, гдѣ находился чрезъ 6 годъ, упражняясь при охотныхъ козакахъ бандурною игрою [1]). Изъ Сѣчи единожды съ козаками сѣчовыми того-жъ корсунскаго куреня Бенедиктомъ Бохѣнникомъ съ товарищи ходилъ въ Кіевъ по обѣщанію на поклоненіе. А въ 760 году на веснѣ съ оного куреня корсунского по подговору запорожскихъ козаковъ куреней стеблевского Микиты Лысого, платнеревского Кузьмы, онъ же Кузіомка, незамаевского Василія Клочка, полтавского Шульги, а имени его не знаетъ, кисляковского Михайлы Чор-

---

[1]) Въ сѣчевомъ показаніи: „пошелъ онъ Б—ка *отъ отца* своего на Запорожье, будетъ назадъ тому годовъ съ *пятнадцать*, въ курень корсунскій, за атамана Шерстюка, и бувъ въ куренѣ и въ козаковъ годовъ *до десяти безотлучно*, а потомъ въ Гарду годовъ черезъ *четырс...* проживалъ". Здѣсь счетъ годовъ болѣе чѣмъ приблизительный: видимо, сѣчевое начальство не приложило старанія въ допросѣ, тогда какъ крѣпостное добыло результаты точнѣе.

ненького, каневского Савки Киселя и Грицка Гривы (кой и чату гайдамацкую собиралъ) и съ прочими запорожскими козаками поѣхали первіе въ зимовникъ, на Ингулѣ находящійся, до козака ирклеевского куреня Василія Пугача, шинкуючого горѣлкою, гдѣ прожили пьянствуючи дней черезъ три, а онъ Данилъ Бандурка чрезъ то время онымъ на бандуру игралъ, за что дали ему Бандуркѣ упомянутые Микита Лысый, Кузіомка и Шульга, по согласію обще всѣхъ, коня, цѣною въ пяти рубляхъ, а гдѣ они того коня достали, онъ Бандурка не знаетъ. А по прошествіи трехъ дней, согласившись всѣ обще пойти въ Польшу къ городу Богуславлю для разбою и грабительства, и выступя пришли къ рѣчкѣ Мертвоводу, гдѣ стояли черезъ недѣлю, и собрався тамо до 50 человѣкъ всѣхъ, отправились по вышепрописанному согласію въ Польшу къ гор. Богуславлю при выбранномъ между собою ватагу стеблевскомъ куренномъ Микитѣ Лысомъ, до которой гайдамацкой чаты и онъ Бандурка присталъ, и давъ ему двое лошадей, оный Микита Лысый приставилъ его Бандурку вести батовую, и въ томъ намѣреніи пришли были до рѣки Выси для переходу на оной россійской границы, но за великимъ тогда веснянымъ наводненіемъ нигдѣ не могли черезъ оную переправитись, а по той причинѣ возвратясь, поѣхали степью прямо въ слободу Плетеный Ташлыкъ для взятія въ тамошнихъ жителей на препитаніе себѣ хлѣба [1]. А пріѣхавши въ оную слободу Ташлыкъ, начальнѣйшіе гайдамаки пили горѣлку въ тамошняго шинкаря, прозваніемъ Щербины, а имени его не знаетъ, а онъ Бандурка въ бандуру имъ игралъ съ обѣдной поры до вечера, а подъ вечеръ нѣкоторые изъ нихъ отъѣхали къ батовой, оставленной за слободою Ташлыкомъ, а начальнѣйшіе: Кузіомка, Шульга, Лысый, левушковскій Круть да Василь Клочко и онъ Бандурка остались тамъ же въ Ташлыку, и тамошній житель, а имени и прозванія его не знаетъ, запросилъ ихъ по знаемости зъ шинку къ себѣ, въ хату свою жилую, заставилъ былъ жену свою горѣлки сварить, которая какъ начала горѣлку варить, а между тѣмъ онъ Бандурка въ бандуру игралъ, жена же оная спѣвала, то варившаясь горѣлка отъ огня занялась, которую, ухватя, вышеписанный Кузіомка упустилъ объ

---

[1]) По сѣчевому допросу, рѣшеніе итти на Богуславъ принято было въ Гардѣ, въ немъ участвовалъ леушковскій куренной Круть, а Бандурка, кромѣ лошади, получилъ и пистолеты; чата исчислена здѣсь въ 150 чел., причиною же возвращенія отъ р. Выси показаиъ несчастный случай съ ихъ товарищемъ Гривой, который, упавъ съ коня, вывихнулъ руку. Отъ Гарда до Мертвовода— верстъ 10, и гайдамаки могли побывать и тамъ, и здѣсь. Слово *батовая*, неоднократно встрѣчающееся въ дѣлѣ, судя по контекстту, должно означать возъ съ запасами.

землю на хатномъ порогѣ и отъ пламени горѣлчаного занялась показаннаго человѣка хата, при чемъ оные гайдамаки зъ оной загорѣвшейся хаты пошли паки въ вышеписанный шинкъ тамошній до Щербины, куда пріѣхавши отъ батовой, стоячей за селомъ, минскаго куреня гайдамака, прозваніемъ Обдула, звалъ ихъ для отъѣзду оттоль къ батовой, съ которымъ прочіе гайдамаки и онъ Бандурка поѣхали за батовою до р. Мертвоводу, гдѣ они бурки и прочія вещи свои въ сохраненіи имѣли; а прописанные Кузіомка, Лысый, Клочко, Шульга и Круть остались въ Ташлыкѣ, которые пріѣхали до батовой, стоявшей у Мертвоводѣ, по прошествіи третьяго дни, объявляя, что черезъ тые дни пьянствовали въ Ташлыкѣ, въ коемъ де пять либо шесть хатъ сгорѣло, и съ собою привезли по саквахъ нѣсколько свиного сала и пляшку горѣлки. А отъ р. Мертвоводу съ вышеписанныхъ гайдамакъ Кузіомка, Лысый и Круть съ прочими товарищи отъѣхали въ Гардъ [1]); а прочіе товарищи, яко то Обдулый, Василь Клочко, незамаевского куреня прозваніемъ Залѣтокъ, левушковского куреня Дмитро Таранъ да съ ними и онъ Данилъ Бандурка, зъ данными ему отъ гайдамаки Микиты Лысаго пятью конми для смотрѣнія, отъѣхали въ Ингулъ до вышепомянутыхъ (?) корсунскихъ куренныхъ Панаса и Петра Кривенькихъ въ зимовникъ, и что онъ Бандурка ходилъ гайдамачить, о томъ всѣмъ имъ подробно объявлялъ, но они Кривенькіи пристань, ему Бандурки, въ себе дали и о томъ командѣ и никому не доносили, почему онъ Бандурка проживалъ въ объявленномъ зимовнику чрезъ все лѣто и укосилъ, завѣдомо отъ нихъ козаковъ Кривенькихъ, для зимовли лошадей, объявленному гайдамакѣ Лысому три стоги сѣна. И оный Лысый единажды прі-

---

[1]) Сѣчевому начальству не было причинъ утаить важную подробность: „какъ пріѣхали (въ Ташлыкъ), въ тамошняго *сотника* Лысый да Кузіомка *объявясь подчиваны были*“. Далѣе дѣло излагается въ сѣчевомъ допросѣ коротко и при томъ такъ, будто Бандурка лично не присутствовалъ при пожарѣ: „онъ Б—ка съ прочими товарищи въ шинку были и пили горѣлку и бѣгали лошадьми отъ шинку *до сотника*, отколь онъ Б—ка заразъ къ батовымъ выѣхалъ, а Лысый и Кузіомка съ прочими въ той слободѣ ночевали. Пріѣхавши-жъ *на другій день* Лысый да Кузіомка къ батовымъ, съ нихъ Лысый говорилъ, что когда Лысого *сотника* тамошняго *свойственный* въ гости зазвалъ и стяли варить горѣлку, то жена въ той хати, пьяна будучи, съ недосмотру, когда горѣлка загорѣлась, съ той причины запалила хату, отъ коей и другія хаты погорѣли, а сколько сгорѣло, онъ Б—ка не знаетъ; и за то оного Лысого (атамана) въ батовой били малахаями; отколь и возвратились въ Гардъ“. По сравненію съ сѣчевымъ допросомъ, видимо произведеннымъ и записаннымъ небрежно, крѣпостной невольно закупаетъ въ свою пользу обстоятельнымъ, можно бы сказать—картиннымъ изложеніемъ и по нашему мнѣнію болѣе заслуживаетъ вѣроятія.

ѣздилъ къ нему Бандуркѣ зъ Гарду для перемѣны лошадей и перемѣня оныя, отъѣхалъ отъ него, а онъ Бандурка прожилъ тамо на харчахъ у поминаемаго Лысого до глубокаго осенняго времени. Вышеписанные же Грицько Грива, проживши чрезъ все оное лѣто въ опустѣломъ зимовнику своемъ на р. Ингулѣ, въ недальности зимовника козака мышастовского, прозваніемъ Бѣда, находячомся, въ осени, въ 1756 г. паки собралъ гайдамацкую чату на балкѣ, прозваніемъ Ведмежой, человѣкъ до ста, либо болѣе, между которыми были прежніе гайдамаки Кузіомка, Лысый и прочіе, бывшіе съ нимъ Бандуркою на гайдамаствѣ на веснѣ и прибывшіе, точію по имени и прозванію ихъ не вѣдаетъ, и всѣ оные были Сѣчи Запорожской разныхъ куреней зъ зимовниковъ козаки и уже въ Филиповъ постъ пошли въ Польшу для грабительства и разбою, а онъ Бандурка, купно съ товарищемъ своимъ, минскимъ куреннымъ Иваномъ Письменнымъ, оставался при оставленныхъ лошадяхъ и вещахъ у показанной Ведмежой балки въ надсмотрѣніи. И по отходѣ, оные гайдамаки, пробывъ одну недѣлю либо болѣе, пріѣхали къ нему Бандуркѣ въ прописанную балку Ведмежую и сказывали, что они, чрезъ границу ворвався въ Польшу, гор. Смѣлое разбили и ограбили оной и оттоль возвратясь въ россійскую границу, на степу запорожскомъ, при опустѣломъ зимовнику пашковского куреня козака Кравчины на р. Сугаклѣе, тѣ всѣ грабленные пожитки межъ себе раздѣлили и по прибытіи къ нему, Бандуркѣ, съ оныхъ пожитковъ дали ему польскій зеленого сукна притертый кунтушъ и 2 рубля денегъ да бандуру, а товарищу его, Ивану Письменному тожъ сукна простого кунтушъ и 2 рубля денегъ за смотрѣніе лошадей, а болѣе ничего не дали. И потомъ тѣ гайдамаки, забравъ бывшіе въ смотрѣніи оныхъ Бандурки и Письменного лошади и вещи, разъѣхались врознь на зимовлю, гдѣ кто сѣна для лошадей укосилъ, онъ же Бандурка поѣхалъ до зимовника вышеписанного корсунского куреня козака Панаса Кривенкого, въ которого прожилъ нѣсколько времени зъ вѣдома его Кривенкого, между чѣмъ прислана къ нему Бандуркѣ зъ Сѣчи печатка съ требованіемъ пріѣзду его туда, и онъ Бандурка явился въ куренѣ своемъ, то куренным атаманомъ корсунскимъ Иваномъ Швидкимъ прикованъ былъ въ томъ куренѣ, а потомъ, по снятіи съ него допроса въ сѣчевой войсковой канцеляріи, подъ ударомъ нагаечнымъ, разовъ съ пять либо болѣе, съ прочими гайдамаками отправленъ въ крѣпость св. Елисаветы [1]). И

[1]) По сѣчевому дознанію, Б—ка получилъ изъ дувана 2 руб. 50 коп., что впрочемъ не составляетъ большой разницы; арестованъ онъ, по тому дознанію, на хуторѣ конеловскаго куренного Коваля, на Ингулѣ.

какъ онъ Бандурка съ вышеписанными гайдамаками согласовалъ иты гайдамачить, о томъ всемъ вѣдали и ему Бандуркѣ совѣтовали иты гайдамачить, сказуя, что де сподпоможешься, корсунского куреня козаки Панасъ и Петро Кривенькіе, живучіе на Ингулѣ зимовникомъ, и хлѣба на дорогу дали, о коихъ вышеупомянуто, а сѣчовые куренные корсунскіе о томъ ничего не вѣдали. Ему же Бандуркѣ коней двухъ далъ Микита Лысый (какъ выше прописано жъ), тако жъ ружье, порохъ и свинецъ, а прочіе гайдамаки отколь лошади, ружье, порохъ, свинецъ и прочее снабдѣніе гайдамацкое получали, онъ Бандурка не вѣдаетъ. А имѣли они всѣ гайдамаки по двѣ, а Микита Лысый 8 лошадей, такожъ порохъ, свинецъ и прочее гайдамацкое орудіе. Прежде же того онъ Бандурка самъ и ни съ кимъ другимъ болѣе ни на какихъ грабительствахъ, воровствахъ и разбояхъ не бывалъ и къ тому товарищей никакихъ не имѣлъ. А хотяй отъ сѣчовыхъ козаковъ получалъ онъ Бандурка во время прожитія своего въ Сѣчи одежу и деньги за играніе имъ на бандурѣ, но оная ли одежа давана ему воровская, либо несумнительная, онъ Данилъ Бандурка не вѣдаетъ. И будучи на гайдамаствѣ, никого онъ и товарищи его не умертвили и мучителства никакого не учинили; точію идучи первіе гайдамачить на веснѣ, наѣхавши въ степѣ, на тракту елисаветскомъ, неизвѣстенъ онъ Бандурка какого человѣка, везучого горѣлку, всѣ обще пили оную и подъ насиліемъ взяли два мѣхи сухаревъ; особливо же кто ташлыцкого попа Суперфіановича и какое имущество ограбили, съ чьего согласія и поводу, и гдѣ оное ограбленное имущество употреблено, тако жъ изъ слободы Аджамки какіе гайдамаки лошади отогнали и табунчика до смерти закололи, и оной табунъ гдѣ употребленъ и кто вѣдаетъ посторонніе, онъ Бандурка о томъ всемъ ничего не знаетъ и ни отъ кого не слыхалъ. Прочихъ же воровъ и разбойникомъ гайдамакъ сѣчовыхъ козаковъ вѣдаетъ онъ Бандурка зимовниками жительствующихъ: Михаила Саврандского куреня конеловского, Ивана Неизжалого куреня иванивского, Череду, а имени его упомнилъ,—куреня корсунского, о коихъ злодѣяніи во всей Сѣчи Запорожской вѣстимо, а съ чьимъ спомоществованіемъ они сами гайдамачатъ, либо отъ себе другихъ снабдевая посылаютъ гайдамачить и гдѣ воровскіе добычные пожитки употребляютъ, о томъ всемъ неизвѣстенъ. Предъ симъ онъ Данилъ Бандурка ни въ какомъ приводѣ ни за какое злодѣяніе не бывалъ и не штрафованъ и оттого никакимъ случаемъ не освобоживался.

Этимъ кончается показаніе. Какія инстанціи потомъ проходило дѣло, какое послѣдовало по нему рѣшеніе, гдѣ и какъ сложилъ голову свою Данилъ Бандурка—неизвѣстно намъ. Въ

р. Черный Ташлыкъ, въ границахъ прежнихъ запорожскихъ степей, впадаетъ съ южной стороны балка Бандурка, а на ней стоитъ деревня того же имени. Ужь не нашъ ли гайдамацкій кобзарь, быть можетъ, сѣвшій своимъ зимовникомъ, оставилъ по себѣ память въ названіяхъ этихъ урочищъ?...

В. Ястребовъ.

ПО ПОВОДУ «ТУРЕЦКИХЪ АНЕКДОТОВЪ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ».

Въ статьѣ съ приведеннымъ заглавіемъ, помѣщенной въ февральской и мартовской книжкахъ «Кіевск. Старины» за нынѣшній годъ, авторъ оной, г. Кузмическій, въ числѣ другихъ анекдотовъ этого рода, приводитъ разсказъ о Наср-Эддинѣ Ходжѣ, шутѣ Тамерлана, какъ онъ, назвавъ себя выходцемъ съ того свѣта, выманиваетъ у одной женщины тысячу аспровъ будтобы для передачи ея сыну, томившемуся въ аду, какъ затѣмъ хитро избавляется отъ преслѣдованія со стороны мужа обманутой женщины, удаляя изъ находившейся на пути мельницы ея хозяина и самъ становясь на его мѣсто, и какъ наконецъ овладѣваетъ лошадью своего преслѣдователя и совсѣмъ убѣгаетъ отъ него. Г. Кузьмичевскій находитъ отголоски этого анекдота лишь въ друхъ украинскихъ разсказахъ о евреяхъ, подобнымъ же образомъ обманутыхъ; но, сравнивая въ подробностяхъ турецкій и украинскіе разсказы, приходитъ къ заключенію, что въ послѣднихъ перепутаны и плохо переданы частности и мотивы перваго, «что (по его замѣчанію) уже одно говоритъ въ пользу относительной оригинальности турецкаго разсказа».

По поводу этого послѣдняго разсказа и сдѣланнаго г. Кузьмичевскимъ относительно его заключенія, намъ припомнился другой украинскій анекдотъ, который почти ничѣмъ не разнится отъ предполагаемаго турецкаго оригинала. Это анекдотъ о« *Поваръ съ того свѣта* ». Онъ давно записанъ извѣстнымъ этнографомъ Ал. Шишацкимъ-Илличемъ въ с. Свидовцѣ, козелецкаго уѣзда, черниг. губ., но помѣщенъ въ такомъ малодоступномъ изданіи (въ 24 № Черниговск. Губ. Вѣдомостей за 1853 годъ), что ускользнулъ отъ вниманія даже такого записного знатока народныхъ разсказовъ, какимъ безспорно дол-

женъ быть признанъ г. Кузьмическій, судя по упомянутой его статьѣ. Анекдотъ интересенъ самъ по себѣ, а въ рукахъ опытнаго изслѣдователя народной словесности можетъ послужить для новыхъ соображеній и заключеній. Мы поэтому считаемъ не лишнимъ передать оный въ извлеченіи изъ многословнаго малорусскаго текста, записаннаго Илличемъ-Шишацкимъ.

«Жилъ когда-то въ нашей сторонѣ нѣмецъ. Онъ торговалъ по селахъ, разбогатѣлъ и женился. Скоро-ли, не скоро родилась у у нихъ дочь. Она выростала, а отецъ и мать собирали для нея приданое. Но только вдругъ дочь ихъ умерла. Погоревали они объ ней, да потомъ и забыли. И нѣтъ, чтобы когда нибудь они отслужили панихиду по ней, или что либо другое сдѣлали для спасенія души ея. «За чѣмъ, говорятъ, даромъ деньги тратить? Богъ дастъ, можетъ быть, и еще дѣтей, да деньги и безъ того пригодятся». И все копили и копили деньги нѣмецъ съ нѣмкою.

Но вотъ стали сниться женѣ того нѣмца страшные сны. Видитъ она, какъ дочь ее мучатъ во адѣ: обмокнутъ ее въ смолу и зажгутъ, и горитъ она, какъ свѣчка предъ очами матери. Мать вздрогнетъ и проснется. Но не успѣетъ она вздремнуть, какъ опять дочь стоитъ около нея оборваная, общипаная, и горько плачетъ и вздыхаетъ, сердечная... И такъ каждую ночь!

Измучилась нѣмка.

Разъ какъ-то нѣмца не было дома, ѣздилъ куда-то съ товарами, а жена оставалась дома одна. Смотритъ она въ окно и видитъ, кто-то все ходитъ и ходитъ подъ окнами: кожухъ на немъ шерстью вверхъ, на головѣ мохнатая шапка, у пояса кухонный черпакъ, лице и руки черные-пречерные.

— Что ты за человѣкъ? спрашиваетъ нѣмка незнакомца, опомнясь отъ страха.

— Я, говоритъ, поваръ съ того свѣту.

— Что же ты тутъ дѣлаешь?

— Да вотъ угли для пекла собираю.

Перепугалась нѣмка, а дальше вспомнила о дочери и спрашиваетъ повара:

— А не знаешъ ли ты, дочь моя тамъ?

— А какая изъ себя твоя дочь? Бѣленькая, худенькая, съ горбатенькимъ носикомъ?

— Она, она!.. Такъ гдѣ же тамъ она?

— Какъ гдѣ? Извѣстно, въ пеклѣ.

— А что же тамъ съ нею?

— Извѣстно что! Жить нечѣмъ! Все сама, знай, дѣлаетъ, и смолу возитъ, и дрова таскаетъ, да еще и бьютъ ее жестоко, когда обезсилѣетъ и справиться не можетъ.

— А нельзя ли было бы ей тамъ кого нибудь за себя нанять? спросила нѣмка.

— Какъ нельзя! говоритъ поваръ.—Конечно можно, только деньги нужны. Припоминаю, и просила таки дочь твоя, чтобъ ты сколько нибудь переслала ей чрезъ меня.

Тутъ нѣмка схватила шкатулку съ деньгами и сунула повару въ руки, а онъ поклонился и пошелъ.

Скоро за тѣмъ вернулся нѣмецъ и первымъ дѣломъ къ шкатулкѣ, чтобы положить туда привезенныя деньги. Глядь, а шкатулки нѣтъ. Онъ къ женѣ, та и разсказала ему, какъ было дѣло.

Смекнулъ нѣмецъ, въ чемъ штука, да на коня и въ догонку, едва успѣлъ спросить жену, въ которую сторону поѣхалъ тотъ, кого она приняла за повара.

Выѣхалъ нѣмецъ за село, видитъ, кто-то далеко впереди идетъ, чуть-чуть замѣтно. Онъ по коню, и вотъ-вотъ догонитъ. Оглянулся поваръ, видитъ, что за нимъ погоня, а тутъ мельница подъ носомъ, онъ туда бѣгомъ и кричитъ мельнику: «бѣги, спасайся, идутъ въ рекруты брать, я вотъ за тебя тутъ постою». Мельникъ въ страхѣ бросился изъ мельницы, а поваръ тулубъ съ себя, вымазалъ себѣ мукою голову и руки, сталъ у коша и выбираетъ муку въ мѣшокъ

Подъѣзжаетъ нѣмецъ, слѣзаетъ съ лошади и идетъ въ мельницу.

— Скажи, хозяинъ добрый, спрашиваетъ онъ мнимаго мельника гдѣ тотъ человѣкъ, что незадолго предъ симъ вбѣжалъ сюда?

— Какой? Съ шкатулкою подъ мышкою?

— Ну, да, да.

— Такъ вотъ же онъ идетъ по дорогѣ. Бѣгите за нимъ,—онъ немножко хромъ, вы и такъ его догоните, а я тутъ подержу вашу лошадь.

Нѣмецъ пустился опрометью впередъ, а мнимый мельникъ на коня и въ другую сторону.

Догналъ нѣмецъ того, кого считалъ обманщикомъ, и присталъ къ нему.

— А куда дѣвалъ ты, вражій сынъ, шкатулку?

— Какую шкатулку? спрашиваетъ тотъ.

— Да ту, что моя жена дала тебѣ.

Мельникъ только руками развелъ. Кое-какъ раскусили они, что были оба обмануты, а того, кто обманулъ, и слѣдъ простылъ.

Приплелся нѣмецъ пѣшкомъ домой, а жена вышла на встрѣчу и спрашиваетъ его:

— А гдѣ твоя лошадь?

— Да что-жъ! Догналъ я того повара, да подумалъ: чѣмъ нанимать нашей дочери коня на томъ свѣтѣ, такъ лучше своего ей отсюда послать, да и отдалъ коня повару, а деньги ей на что нибудь другое пригодятся.

Выслушала это жена нѣмца и замолчала.

Кто сличитъ приведенный разсказъ съ турецкимъ анекдотомъ о Насръ-Эддинѣ Ходжѣ («Кіевск. Стар.», мартъ, 1886 г., стр. 446—447), тотъ будетъ не мало удивленъ поразительнымъ сходствомъ обоихъ разсказовъ даже въ мелкихъ подробностяхъ. И Ходжа, какъ и нашъ «поваръ», спасаясь отъ преслѣдованія, убѣгаетъ въ мельницу и говоритъ мельнику: «видишь ты этого человѣка, который бѣжитъ? Это судебный приставъ идетъ тебя арестовать». Въ украинскомъ разсказѣ «судебный приставъ» замѣненъ болѣе реальнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, страхомъ рекрутчины. Только въ одной подробности разнятся оба разсказа: по турецкому тексту, мельникъ, переодѣвшись въ платье Ходжи, не убѣгаетъ прочь, какъ нашъ, а прячется на дерево, самъ же Ходжа, помогая преслѣдователю достать его тамъ, берется подержать его лошадь и платье, пока тотъ взберется на дерево и, пользуясь этимъ, убѣгаетъ на лошади обманутаго, вмѣстѣ съ его платьемъ. Такой финалъ въ турецкомъ анекдотѣ еще болѣе правдоподобенъ, чѣмъ въ украинсхомъ его варіантѣ. Какое заключеніе можно вывести изъ столь близкаго сходства обоихъ анекдотовъ, объ этомъ предоставляемъ судить людямъ, болѣе насъ въ томъ свѣдущимъ.

O. L.

КЪ ИСТОРІИ СКЕЛЬСКАГО МОНАСТЫРЯ.

На сѣверо-восточной окраинѣ зѣньковскаго уѣзда, полтавской губерніи, между мѣстечками Грунью и Куземиномъ, по правому гористому берегу Ворсклы, тянется широкая полоса лѣса, окаймляемаго съ юга полями, а къ юго-востоку, по переходѣ на низменный лѣвый берегъ рѣки, граничащаго со степью, раскинувшеюся между Ворсклою и Мерломъ. Лѣсъ этотъ, еще недавно дремучій, теперь сталъ исподоволь рѣдѣть; но тѣмъ не менѣе мѣстность, имъ покрытая, продолжаетъ сохранять характеръ дикой заповѣдной пущи, безъ правильно устроенныхъ проѣздныхъ дорогъ. Въ этой-то пущѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ цѣпь холмистыхъ возвышеній праваго берега Ворсклы, дѣлая изгибъ, круто поворачиваетъ отъ сѣвера къ югу, надъ скалистымъ спускомъ къ рѣкѣ, стоялъ древній Скельскій монастырь, названный такъ отъ скалъ, или скель, на которыхъ былъ расположенъ. Теперь о немъ напоминаютъ только деревянная капличка да заглохлый вишенникъ, а въ свое время онъ могъ считаться однимъ изъ крупныхъ по землевладѣнію. Лѣса, среди которыхъ онъ ютился и которыми владѣлъ на правѣ собственности, тянулись тысячами десятинъ вверхъ и внизъ по теченію Ворсклы. Подъ монастырскою горой были водяныя мельницы, винницы, шинокъ въ хуторѣ Скелькѣ, а кругомъ лѣсъ. За рѣкой, на окраинѣ луга, подъ дубнякомъ на пескахъ былъ «всаженъ» иноками большой поселокъ Слободка, поля и степи монастырскія врѣзывались въ дачи слободы Котельвы и ахтырскаго полка. Въ храмовой праздникъ, въ день Преображенія Господня, близъ монастыря собиралась многолюдная ярмарка. До сихъ поръ окрестные старожилы помнятъ раскинутый по монастырской горѣ роскошный *монашескій садъ*, въ которомъ, между многими рѣдкими породами фруктовыхъ деревъ, росли громадные волошскіе орѣхи и разводился виноградъ.

Точныхъ свѣдѣній о времени основанія этого монастыря нѣтъ. Составитель «Описанія черниговскаго намѣстничества» Шафонскій, на основаніи устныхъ сказаній его монаховъ, говоритъ, что скельскій монастырь былъ основанъ иноками, выходцами изъ заграничнаго, т. е. лежавшаго въ чертѣ польскихъ владѣній, корсунскаго

монастыря, на мѣстѣ бывшихъ пасѣкъ зѣньковскаго полковника Шимана. И дѣйствительно въ сохранившейся суппликѣ скельскихъ монаховъ къ гетману Скоропадскому, отъ 20 декабря 1720 г., они называютъ полковника Шимана своимъ фундаторомъ, говоря, что имѣютъ отъ Шимана «легацію на млинокъ, на *садъ не оподалъ отъ Ворскла, отъ Лупищъ идучой*, и на всю сагу, отъ устья ажъ до московской границѣ». Но слово фундаторъ чаще понималось въ смыслѣ «надавцы», надѣляющаго, и монастырь могъ существовать раньше полученія имъ земельныхъ угодій отъ полковника Шимана. Въ своемъ существованіи монастырь этотъ не заявилъ себя ничѣмъ, кромѣ развѣ, кякъ сами иноки заявляли, молитвъ «на всякъ день за монаршее достоинство, за ясневелможность гетманскую и за все православное воинство». Обширныя его земельныя владѣнія, по недостатку правильнаго хозяйства и сбыта, не давали достаточнаго дохода. «Живучи вдали отъ благочестивыхъ людей, въ пустынѣ, жаднихъ офѣръ до церкви божественной такъ отъ ладану, яко и отъ свѣчокъ не имѣемъ», писали скельскіе монахи въ упомянутой уже суппликѣ и просили гетмана дать имъ, вмѣсто «офѣри ладанной и свѣчной», льготу «горѣлочную», чтобы «волно было имъ безъ всякаго датку и турбацѣй давати горѣлку». Еще «передъ руиною шведскою имѣли мы свою данницу, аще бы и теперь спомоглися построити нуждналго ради братіи честной, всесмиренно молимъ волнихъ насъ сотворити отъ показанщины».

Въ другой суппликѣ отъ 9 марта того-же года игуменъ скельскій съ братіею представлялъ на разрѣшеніе гетмана вопросъ гораздо большей важности. Дѣло въ томъ, что около этого времени началось переустройство слободскихъ полковъ и отграниченіе ихъ земель отъ земель гетманщины. Владѣнія скельскаго монастыря лежали по обоимъ берегамъ Ворсклы и лежавшія на лѣвомъ берегу смежны были съ землями м. Котельвы и вмѣстѣ съ ними должны были отойти въ вѣдѣніе ахтырскаго полка и нести всѣ повинности, отъ него назначаемыя, тогда какъ самъ монастырь лежалъ въ предѣлахъ гетманщины и состоялъ всегда «подъ рейментомъ гетманскимъ». Монахи просили у гетмана «слушной детерминаціи, куди бы имъ зъ грунтами, за Ворскломъ рѣкою будучими, належнимъ быти». Монахамъ невыгодны были новые порядки слободскихъ полковъ. Въ ихъ поселокъ «Слободку, за Ворскломъ будучую, отъ бре-

гадира Ѳеодора Іосифовича зъ Котелви поставлено г. Грекова маіора полку гранадерскаго порцій 3, а рацій 13». Вскорѣ послѣ сего тотъ же бригадиръ, не смотря на произведенное предъ тѣмъ разграниченіе между полками гадяцкимъ, полтавскимъ и ахтырскимъ и признаніе земельныхъ правъ скельскаго монастыря нарочито назначенными комиссарами, «устроенные монастыремъ копцы уничтожилъ и велѣлъ новые покопать, выгоны ихъ отнялъ, и садъ, и землю не поодаль отъ Ворсклы, и саги не малую часть завладѣлъ, и часть власного монастырского байраку, купленного у жителей лупискихъ». Игуменъ и братія скельскаго монастыря, «станцій драгунскихъ що-денно сподѣваючися, боячися же, жеби знову отъ Ахтирки жовнѣровъ не поставлено въ ихъ Слободцѣ», и въ виду того, что и «землю отъ нихъ отняли, и ихъ такъ стѣснили, что не можно черезъ копци и статчини выпустити», суппликою отъ 20 октября 1720 г. умоляли гетмана не оставить ихъ въ «такой долегливости и такъ о Слободцѣ, яко и о тихъ грунтахъ, гдѣ копци покопано, якъ пишетъ въ Шимановомъ писаніи, ажъ до московской границѣ, и въ прочіихъ грунтахъ, за Ворскломъ будучихъ, утвердити и подкрѣпити; и копци самоволне паномъ брегадиромъ на ихъ землѣ покопанніи, заславши якую особу, позабивати и загладити».

Дѣло тянулось, не лады иноковъ съ ахтырскими властями усиливались. Съ цѣлію ускоренія рѣшенія своей просьбы, монахи скельскіе не разъ прибѣгали къ заступничеству полковника гадяцкаго Михаила Милорадовича, разбиравшаго ихъ претензіи на мѣстѣ, прося его ходатайства предъ гетманомъ. Письмо ихъ отъ 8 декаб. 1720 г., какъ нельзя лучше, выясняетъ все положеніе дѣла и мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ.

«Декабря 4, писала братія, по отданіи писанія нашего вельможности вашей, драгуны, отшедши отъ монастиря нашего, которіи постановлени були зъ Котельвы въ Слободцѣ нашей, казали себѣ дать ѝсти людямъ и, пообѣдавши въ Слободцѣ, отъѣхали съ тѣмъ виговоромъ: «теперича не даете провіанту и фуражу на нашу седьмую роту полку Сампѣтербургскаго,—зождавше, дасте втрое или вчетверо», и зъ тимъ отъѣхали. И до сего времени, слава Богу, нѣчого не чувати ни зъ Котельвы, ни зъ Ахтырки; Богъ вѣсть, що далѣ будеть. Въ Котельвѣ, въ нашомъ дворѣ, стоить порутчикъ седьмой роты, и туди велятъ дрова возити; но еще за нашимъ вѣдомомъ не вожено ничего; развѣ той человѣкъ, которій живетъ у дворѣ, не вѣми чи не огрѣваеть? Сами тамъ

не буваемъ и певне повѣсти не можемъ. За Слободкою теди и за протчіими кгрунтами убогой обители нашой, которіи суть освидѣтельствовани вельможностями вашими, и ихъ же милостямъ всѣхъ кгрунтовихъ справъ списки до рукъ подани, въ трони (слѣдъ) посилаючи за вельможностію вашею честного брата нашего іеромонаха, економа святыя обители нашея, всесмиренно молимъ: ясневельможному его панской милости, пану гетману, яко всѣхъ насъ особливѣйшому патронови, предложити, и самого вельможности вашой, яко своего пана и господара истого, просимъ, за нами убогими предстательствовати, аже бисмо не були больши отъ ахтырского полку турбовани: яко сами, вельможность ваша, разсмотрѣли, же наши грунта, которихъ списки подалисмо вельможностямъ вашимъ, хочай за Ворскломъ, но однакожъ по разграниченію господами Косоговымъ и Дауномъ въ малороссійской границѣ зостаютъ (хоча Котельва и поддалася подъ Ахтырку), чого ради паки и паки просимъ вашой панской милости распорядити насъ, указомъ его ясневельможной милости, въ якомъ расположеніи ми, убозіи, на граници зостаючи, имѣемъ жити; понеже когда всецѣлого окончанія тому дѣлу во скорѣ не учинится, безъ турбаціи отъ ахтирского полку жити не надѣемся, понеже котельвяне старшіе себѣ границу кладутъ по Ворскло и съ тимъ всѣмъ до Ахтырки належати хотятъ, а ми, надъ Ворскломъ седячи, и прочіи городи по надъ Ворскломъ, жеби за Ворскломъ которіи издавна имѣлисмо и теперь имѣемъ, и люде имѣютъ, жеби не владѣли кгрунтами, того желаютъ (безъ чего всѣмъ трудно жити), чого ради паки просимъ вельможности вашой, пана нашого, тому дѣлу конецъ учинити, да безъ всякой турбаціи за царское величество и за рейментара своего и за вашу панскую милость со всѣмъ православнымъ воинствомъ помолимся Богу, яко и есьми».

Было ли со стороны гетмана Скоропадскаго и подвѣдомой ему старшины обращено должное вниманіе на критическое положеніе скельскихъ монаховъ,—не извѣстно; но что такое положеніе, въ силу сложившихся тогда общихъ условій, не могло быть улучшено, это несомнѣнно. Дѣло въ томъ, что еще до нашествія Карла XII въ Слободской Украйнѣ великороссійская и малороссійская старшина энергично была занята пріобрѣтеніемъ земель; послѣ шведской войны, всколебавшей мирное теченіе сельско-хозяйственнаго быта въ краѣ, поводы къ спорамъ изъ-за землевладѣнія увеличились, и скельскій монастырь все больше и больше долженъ былъ втягиваться въ круговоротъ мѣстныхъ аграрныхъ споровъ и тяжбъ. Захваты были тогда самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, а сосѣдомъ

скельской обители былъ прославившійся по этой части знаменитый полковникъ И. И. Перекрестовъ. Право винокуренія и продажи водки оставалось однако за монастыремъ и составляло значительную часть его доходовъ. Отъ 4-го генваря 1770 года игуменъ Самсонъ со братіею, отправляя въ даръ кіевскому митрополиту Арсенію куфу горѣлки, писали слѣд. любопытное посланіе:

«Хотя ваше преосвященство благихъ нашихъ не требуете, по снисхожденію своему доволни толки тѣмъ, что мы не лишаемся: но мы, видя, какъ наши нивы все ввѣряемое имъ съ процентами намъ возвращають, нуждѣ нашей и въ запасъ служатъ, и то единственно причитая архипастирскому вашего преосвященства многоцѣнному благословенію, неможемъ при семъ случая то ноне отчасти не исполнить, что было во вся пропущенно чрезъ многіе годи: посилаемъ на домъ вашего преосвященства куфу горѣлки, нѣкоторую часть того, чимъ самы изъбыточествуемъ, и нижайше просимъ малое нашее милостиво принять и нашу обитель и въ предь благословить».

Владѣнія скельскаго монастыря на лѣвомъ берегу Ворсклы, съ легкой руки бригадира Осипова, сокращались годъ за годомъ и когда въ 1786 году монастырь на скельской горѣ былъ закрытъ, то на послѣдовавшее спустя два года предложеніе харьковскаго намѣстническаго правленія измѣрить принадлежавшія въ ахтырскомъ уѣздѣ этому монастырю земли, ахтырскій нижній земскій судъ далъ категорическій отвѣтъ, что таковыхъ *земель*, «по достовѣрному сему суду свѣдѣнію, въ здѣшнемъ уѣздѣ, принадлежащихъ деревнѣ Скелькѣ и слободѣ Зарѣчной (Слободка), *не имѣется*» [1]). Лѣса монастыря, на правомъ берегу Ворскла, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, при закрытіи его, взяты были въ казну. Куда дѣвались зданія монастыря, неизвѣстно. Церковная утварь, богослужебныя книги и облаченія разошлись по окрестнымъ приходамъ. Истекшимъ лѣтомъ въ михайловской церкви села Будъ, куземинской волости, благодаря вниманію ея настоятеля, о. Петра Цареградскаго, мнѣ удалось видѣть нѣкоторыя изъ нихъ. Привожу ихъ опись.

1. *Чаша серебрянная* съ надписями: «Року 1740 мѣсяца мая сооружена сея чаша святои обители Преображенія Господня пустино-скелскои за всечестного отца игумена Лѣсаневича».

---

[1]) Протоколъ ахтырск. нижн. зем. суда 1788 г., февраля 18, № 2.

2. *Крестъ* (1742 г.) съ изящною рѣзьбой внутри на кипарисѣ, изображающей Спасителя и Богоматерь во славѣ и многія событія изъ Новаго Завѣта.

3. *Требникъ м. Петра Могилы.*

4. *Цвѣтная тріодь*, на заглавномъ листѣ коей, между прочимъ, напечатано: «Въ двадцатое лѣто богоугоднаго государствованія и преславнаго царства правленіа... Петра I... во тринадцатое благополучнаго возраста благороднѣйшаго государя наслѣдника Алексія Петровича..., трудолюбнѣ престолъ митрополіи кіевской, галицкой и всея Малыя Россіи правящу ясне въ Богу преосвященному архіепископу митрополитѣ киръ Варлааму Ясинскому..., за благополучного въ Малой Россіи владѣнія его царского пресвѣтлаго величества обоихъ сторонъ Днѣпра и славного чина св. апостола Андрея кавалера, ясневольможного, его милости, пана Іоанна Стефановича Мазепы».

5. *Фелонь* изъ свѣтло-малиноваго бархата, обшитая серебряною каймой и цвѣтами. На верху ея, въ серебрянныхъ одеждахъ, съ художественно вышитыми чернымъ шелкомъ на атласѣ ликами, Спаситель, по лѣвую Его руку—Богоматерь, апостолы Петръ, Симонъ, Маркъ, Андрей, по правую—Іоаннъ Креститель, Павелъ, Лука, Іоаннъ Богословъ, Іуда Алфеевъ; поперекъ съ обѣихъ сторонъ—Вареоломей, Іаковъ. Подкладка на ризѣ изъ сине-зеленой и пестрой крашенины. Теперь эта риза употребляется при погребеніи покойниковъ.

6. *Два подрзиника* (срачицы), одинъ весь льняный, другой съ льнянымъ станомъ и посконнымъ подоломъ. На первомъ цвѣты вышиты шерстью, на послѣднемъ—серебромъ и шелками, цвѣты точно живые.

Долго спустя по упраздненіи скельскаго монастыря, между окольными жителями ходили разсказы объ отшельникахъ, скитавшихся по приворсклянскимъ лѣсамъ. Эти разсказы, между прочимъ, послужили мотивомъ для извѣстной повѣсти А. П. Кузьмича «Монастырская пора». До сихъ поръ по дорогѣ изъ Котельвы на Пархомовку, въ оврагѣ близъ хутора Чернетчины стоитъ капличка, чтимая въ народѣ. Внутри ея крестъ съ распятіемъ, а по обѣ стороны его вырѣзанныя на деревѣ фигуры Пресвятой Дѣвы и Іоанна Богослова. Въ народѣ толкуютъ, что эту капличку соорудилъ ка-

кой-то отшельникъ и что еще лѣтъ 30, 40 тому назадъ чумакамъ и пастухамъ часто случалось видѣть въ ней старыхъ колѣнопреклоненныхъ иноковъ.

А. Твердохлѣбовъ.

РАСКОЛЬНИЧЬИ СЛОБОДЫ ВЪ ЧЕРНИГОВЩИНѢ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVIII В.

Въ 1714 г. Петръ Великій именнымъ указомъ на имя кіевскаго губернатора, князя Дмитрія Голицына, повелѣлъ ловить «чрезъ нарочныхъ коммиссаровъ» бѣглыхъ «всякаго чина людей великороссійскаго народа», скрывавшихся по городамъ и селамъ гетманщины и слободской Украины, и выдавать ихъ начальству великороссійскихъ городовъ.

Назначенные Голицынымъ коммиссары открыли, между прочимъ, что на земляхъ гетмана Скоропадскаго и другихъ украинскихъ пановъ, а также во владѣніяхъ кіево-печерскаго и черниговскаго монастырей, въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ, разселилось шестнадцать слободъ раскольниковъ, всего триста семьдесятъ семь дворовъ; ѣхать однако въ тѣ слободы для выселенія они не рѣшились, опасаясь, дабы раскольники не разбѣжались за границу. По докладѣ о семъ чрезъ Голицына въ томъ же 1715 г. императору, послѣдній повелѣлъ не настаивать на возвращеніи раскольниковъ на прежнее мѣстожительство, а положить лишь на нихъ подать. Голицынъ, ордерами отъ 27-го февраля и 29-го сентября того же года, распорядился сдѣлать перепись раскольникамъ и оцѣнку ихъ имуществу, положить ихъ въ окладъ, исчисленный въ общей суммѣ тысячи пятисотъ девятнадцати рублей въ годъ. Раскольникамъ было объявлено за тѣмъ, что они могутъ жить на отведенныхъ имъ малорусскими землевладѣльцами земляхъ, но подъ условіемъ исправной уплаты наложенной на нихъ подати.

Менѣе чѣмъ черезъ десять лѣтъ, а именно въ 1722 г., главный виновникъ разселенія раскольниковъ въ предѣлахъ стародубскаго и черниговскаго полковъ, гетманъ Скоропадскій выступилъ съ просьбою къ Петру Великому о выселеніи раскольниковъ изъ Украйны, въ виду того, что они дѣлаютъ обиды мѣстнымъ обывателямъ «отнятіемъ грунтовъ, прельщеніемъ благочестивыхъ въ зловѣ-

ріе свое». Императоръ передалъ его просьбу на рѣшеніе сената; но что постановлено сенатомъ, неизвѣстно. Нужно думать, что его рѣшеніе было не въ пользу ходатайства гетмана, такъ какъ раскольники и послѣ того остались въ своихъ слободахъ. Спустя шесть лѣтъ гетманъ Даніилъ Апостолъ повторилъ ходатайство своего предмѣстника, заявляя, что раскольники «ерессй своихъ сѣютъ плевелы и прельщаютъ народъ малороссійскій, гдѣ между сущимъ православнымъ суевѣрія предъ тѣмъ не бывало, и сверхъ того малороссійскимъ околичнымъ обывателямъ чинятъ многіе обиды и утѣсненія отнятіемъ насылно и завладѣніемъ грунтовъ и протчимъ». Но верховный тайный совѣтъ, по обсужденіи этого дѣла, «по важнымъ резонамъ» призналъ невозможнымъ высылать раскольниковъ, поселившихся въ стародубскомъ и черниговскомъ полкахъ и платящихъ окладъ, а постановилъ для наблюденія и суда надъ ними назначить при гетманѣ особое довѣренное лицо, при увеличеніи ихъ въ числѣ соотвѣтственно увеличить и сумму оклада, въ случаѣ же совращенія ими кого либо въ свою ересь претить имъ смертною казнью и самихъ ихъ по возможности отъ той ереси отводить.

Иначе взглянуло на положеніе раскольниковъ среди малороссіянъ правительство Анны Іоанновны. Указомъ отъ 4-го сентября 1735 г. повелѣно было всѣхъ раскольниковъ «мірского чина», вышедшихъ въ Украину «изъ-за польской границы» и даже получившихъ уже земли, разослать по ихъ прежнимъ мѣстожительствамъ подъ конвоемъ и, оселивши ихъ тамъ, наблюдать, чтобы они не распространяли раскола, и побуждать и ихъ самихъ облегченіемъ податей къ переходу въ лоно истинной церкви; въ случаѣ же, если бы кто не хотѣлъ указать своей родины, то такого высылать въ Петербургъ для поселенія въ Ингерманландіи по разнымъ деревнямъ по нѣскольку человѣкъ.

Впрочемъ, уже въ слѣдующемъ 1736 г. наступило измѣненіе въ положеніи раскольниковъ: ихъ оставили на мѣстахъ, сдѣлавши имъ лишь новую перепись и обложивши вновь податью въ количествѣ тысячи восьмисотъ тридцати девяти рублей семидесяти шести копѣекъ. Изъ этой суммы до 1750 г. тысяча пятсотъ девятнадцать рублей въ годъ, т. е. сумма прежняго оклада, отсылалась въ кіевогубернскую канцелярію на вклады разнымъ монастырямъ и на содержаніе ректора кіевской академіи, а остальные триста двадцать

рублей семдесятъ шесть копѣекъ были передаваемы на расходы въ министерскую канцелярію въ Глуховѣ.

Съ 1741 г. положеніе раскольниковъ измѣнилось къ худшему: малороссійскіе паны перестали хлопотать объ ихъ выселеніи, но за то пожелали привести ихъ къ крѣпостной зависимости. Первый примѣръ въ этомъ подала кіево-печерская лавра; архимандритъ ея Тимоѳей Щербацкій съ братіею подали челобитную въ генеральную канцелярію, что такъ какъ раскольничьи слободы, Ардона, Свяцкая и при урочищѣ Тимошинѣ перевозѣ, поселены на земляхъ жалованныхъ лаврѣ и оставшихся и впредь въ ея владѣніи и такъ какъ изъ универсаловъ архимандрита Миславскаго къ нимъ видно, что они признавали надъ собою власть лавры и пользовались ея судомъ, то чтобы впредь они находились въ полной зависимости отъ лавры, а послѣдняя беретъ на себя уплату положенныхъ на нихъ податей въ кіево-губернскую канцелярію. Правительство удовлетворило просьбу лавры: указомъ сената отъ 21 мая 1741 г. повелѣно было признявать власть лавры надъ раскольниками, оселившимися на лаврскихъ земляхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы лавра заботилась о присоединеніи ихъ къ истинной церкви, не позволяла принимать въ слободы бѣглыхъ великороссовъ и малороссовъ, не дозволяла, подъ страхомъ смертной казни, привращать православныхъ къ расколу и, наконецъ, запрещала способствовать чьему бы то ни было переходу за границу.

Что однако предоставлено было лаврѣ, того долго не давали другимъ. Самъ гетманъ Разумовскій неоднократно обращался сначала въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ сенатъ съ просьбами или выслать раскольниковъ изъ Украйны, или поставить ихъ въ крѣпостную зависимость отъ владѣльцевъ земель, на которыхъ они поселились, а пока что—подчинить ихъ вѣдомству малороссійскихъ судовъ. Первая просьба была отчасти удовлетворена,—на нѣкоторыхъ земляхъ раскольники были закрѣпощены, въ отвѣтъ же на вторую велѣно: «раскольничьи малороссійскимъ владѣльцамъ обыдныя, спорныя и смертоубійственныя дѣла по челобытью на нихъ, производя, какъ по указамъ надлежитъ, разсматривать и рѣшать въ кіево-губернской канцеляріи, съ малороссійской же стороны къ тому депутата опредѣлять».

ДВА СЛОВА О ЦЫГАНАХЪ ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ БЫВШЕЙ ГЕТМАНЩИНЫ.

Цыгане давніе наши гости. Масса сказокъ, анекдотовъ, пословицъ и поговорокъ свидѣтельствуютъ о давно установившейся жизненной связи ихъ съ малорусскимъ народомъ. И нигдѣ, кажется, не жилось цыганамъ такъ привольно, какъ у насъ. Старинные общественные порядки наши вполнѣ благопріятствовали ихъ привычкѣ къ кочевой жизни; малороссійская простота и довѣрчивость открывали широкое ноле ворожбѣ и хитрости цыганокъ и цыганъ. Сошлись они въ нѣкоторыхъ даже привычкахъ и вкусахъ съ малороссіянами и одинаково возлюбили саго паче манны небесной. И администрація малороссійская признавала ихъ пребываніе, заботилась даже то объ урегулированіи ихъ собственнаго положенія, то объ огражденіи отъ нихъ интересовъ общества и народа, не безъ намѣренія, быть можетъ, пріучить цыганъ къ осѣдлости. Вотъ два такія распоряженія начала 2 й половины прошлаго столѣтія.

14 іюня 1757 г. гетманъ графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій ордеромъ на имя цыганскаго атамана Ивана Ющенка приказалъ, дабы «жилельствующіе въ Малой Россіи цыгане были ему, Ющенку, по касающимся между ими расправамъ послушными, въ стороннихъ же какихъ жалобахъ вѣдомымъ имъ быть въ малороссійскихъ судахъ, гдѣ кому заспособно». Атаману запрещалось дѣлать цыганамъ какія либо обиды и приказывалось воздерживать ихъ отъ всякихъ «непристойностей»; украинскимъ же панамъ полковникамъ со старшиною и сотникамъ запрещалось мѣшать распоряженіямъ Ющенка.

30 сентября 1765 г. малороссійская коллегія отмѣнила ордеръ Разумовскаго и подчинила цыганъ полковой адмииистраціи, вѣдавшей каждая въ своемъ полку, кромѣ военнаго, и весь гражданскій порядокъ. Было объявлено всѣмъ находившимся въ Украйнѣ цыганамъ, чтобъ «они, пребывая на одномъ мѣстѣ, гдѣ кому способно, питались своимъ правильнымъ рукодѣліемъ и безъ письменныхъ свидѣтельствъ нигдѣ не шатались и были бы въ вѣдомствѣ полковыхъ канцелярій и сотенныхъ правленій, а гдѣ кто за владѣльцомъ жить пожелаетъ, тѣмъ у оныхъ быть такъ, какъ протчіе волніе».

Въ случаѣ надобности куда-либо отлучиться, цыгане должны были брать паспорты отъ полковыхъ и сотенныхъ канцелярій, а жившіе на земляхъ—владѣльческихъ отъ ихъ владѣльцевъ. Паспорты выдавались лишь на одно лице, переѣзжать же цѣлымъ семействомъ цыганамъ не дозволялось. Цыганскій атаманъ Мыненко, равно и другіе, были при этомъ отрѣшены отъ должностей.

ЦѢЛЕБНЫЯ ВОДЫ ВЪ КОНСТАНТИНОГРАДѢ.

Въ началѣ текущаго столѣтія много шуму надѣлало на югѣ Полтавщины открытіе въ константиноградскомъ повѣтѣ у рѣчки Орели, около Дези, на земляхъ помѣщицы Ковалевской, минеральной воды, врачевавшей застарѣлые недуги. Кромѣ устныхъ объ этомъ преданій и разсказовъ сохранилось и письменное офиціальное свидѣтельство. Это рапортъ константиноградскаго повѣтоваго маршала, Максима Балясчаго, полтавскому губернатору въ отвѣтъ на требованіе послѣдняго собрать и доставить ему свѣдѣнія о дѣйствіи новооткрытыхъ цѣлебныхъ водъ. Вотъ что писалъ Балясный губернатору отъ 10 мая 1805 г.:

«Многіе изъ господъ дворянъ, поводомъ продолжительныхъ и почти неизлѣчимыхъ припадковъ своихъ болѣзненныхъ, рѣшившись, не ожидая мая мѣсяца, марта съ 15-го числа начали вновь открытую воду употреблять—одни пить, а другіе, имѣвшіе по тѣлу раны, также пить и примачивать, и въ самое короткое время безъ изъятія всѣ получили облегченіе. Будучи я въ городѣ Константиноградѣ, наслышався отъ дворянъ о таковомъ чрезвичайномъ дѣйствіи оной воды, рѣшился тѣхъ константиноградскаго повѣта дворянъ, которые употребляли ту воду и получили выздоровленіе, лично видѣть, изъ которыхъ объявили мнѣ слѣдующіе: надворный совѣтникъ Маховъ, имѣющій отъ роду 60 лѣтъ, что онъ страдалъ 15 лѣтъ грудными припадками, приключившимися отъ простуды, и наконецъ мокроты въ немъ скопились такъ, что уже мѣсяцъ изъ комнаты своей въ переднюю не могъ выходить, но сколько ни пользовался разными лѣкарствами, никакъ облегченія получить не могъ; не спалъ онъ иначе, какъ въ креслахъ, лечь же не могъ ниже на одинъ часъ, и, будучи въ отчаяніи, по слуху о вышесказанной минеральной водѣ, рѣшился оной воды отыскавши пить по стакану въ день, а потомъ

по двѣ и болѣе бутылки въ день; продолжая оную одну недѣлю, началъ выходить съ комнаты въ переднюю и чрезъ двѣ недѣли былъ въ церквѣ, чрезъ мѣсяцъ выходилъ и получилъ совершенное выздоровленіе, какъ и многимъ извѣстно то; изъ сосѣдъ дворянъ пріезжали его видѣть, знавши что сей человѣкъ, бывъ почти при дверяхъ гроба, здѣлался здоровъ, свѣжъ и бодръ. Такъ же онъ господинъ Шаховъ приказалъ оную воду употреблять своему крестьянину, страдавшему нѣсколько лѣтъ застарѣлыми скорбутными ранами на ногахъ, который только одною водою примачивалъ и получилъ въ четыре недѣли совершенное исцѣленіе. Что узнавши господа помѣщики, какъ-то: маіоръ Иванъ Алимовъ, у котораго я такъ-же былъ и онъ мнѣ разсказалъ, что онъ имѣлъ 10 лѣтъ неизлѣчимую болѣзнь, полученные припадки, но когда сталъ пить ту воду, черезъ недѣлю почувствовалъ облегченіе, а чрезъ 15 дней почти никакихъ уже припадковъ не чувствовалъ, кромѣ одной слабости. Губернскій секретарь Янковскій, будучи одержимъ параличемъ, не владѣлъ одною рукою и одною ногою; дочь его, 12-ти лѣтъ, имѣла 8 мѣсяцевъ лихорадку, пила сію воду недѣлю и теперь совершенно отъ оной освободилась; сынъ сего-же Янковскаго, 10 лѣтъ, имѣвшій опухлый животъ, страдалъ болѣе года и какъ начали его пользовать оною водою, давая по одной рюмкѣ въ день, то въ двѣ недѣли опухоль разошлась и вышло множество глистовъ, который мальчикъ теперь совершенно здоровъ.—О семъ немаловажномъ происшествіи по приказу вашему превосходительству донося, доложить увѣрительно честь имѣю, что кромѣ вышеписанныхъ чиновниковъ и другіе многіе люди, пользуясь оною водою отъ разныхъ припадковъ, коихъ по обширности здесь не можно изъяснить, получили совершенное исцѣленіе».

Что сталось съ открытымъ тогда и такъ цѣлительнымъ источникомъ, былъ-ли сдѣланъ его водамъ химическій анализъ, почему и съ какого времени онъ заброшенъ—неизвѣстно. Не предпочитали-ли наши дѣды, по примѣру своихъ предковъ, лѣчиться по наставленію ходившихъ еще тогда во множествѣ рукописныхъ лѣчебниковъ, пуская кровь «зашкурную» или «жилную», а то и просто «ганнусковою» и иною горѣлкою и лишь въ важныхъ случаяхъ прибѣгая къ водѣ іорданской и херувимскому ладану?

ПОИМКА ГАРКУШИ ВЪ РОМНѢ.

И лѣвобережная Украйна имѣла, притомъ нѣсколько раньше, своего Кармелюка, «разбойника» на оффиціальномъ языкѣ, по представленію-жъ народа «печальника» о его нуждахъ. Это былъ извѣстный всѣмъ Семенъ Гаркуша. Тотъ же девизъ у него, что и у Кармелюка: брать у богатаго, а бѣдному отдать, мстить за всякое насиліе и несправедливость. Панство трепетало одного его имени, посполъство льнуло къ нему и сохраняло благодарную память о его благодѣяніяхъ. Народныя преданія о Гаркушѣ частью записаны и даже облечены въ литературную форму, какъ напр. въ исторической повѣсти извѣстнаго малорусскаго писателя А. П. Стороженка: «Братья близнецы». Въ статьѣ К. Кошовика «Семенъ Гаркуша», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Кіев. Старины» за 1883 г., въ первый разъ представлены точныя о немъ свѣдѣнія, извлеченныя изъ «дѣла», хранящагося въ кіевской археографической коммиссіи, объемистое же «дѣло» о томъ же Гаркушѣ, хранящееся въ Румянцевскомъ архивѣ въ Москвѣ, еще ждетъ своего изслѣдователя. Много записанныхъ разсказовъ разбросаны въ печати; въ народѣ сохраняются преданія и не записанныя. Въ д. Мармизовкѣ, лохвицкаго уѣзда, еще недавно живъ былъ старикъ-крестьянинъ, разсказывавшій, какъ пріѣзжалъ Гаркуша въ гости къ тогдашнему владѣльцу этой деревни князю Орбеліани. Гость являлся «у червоному жупани», хозяинъ радостно привѣтствовалъ его, садились они обыкновенно въ саду подъ дубомъ и задавали изрядную выпивку.— Пора бы свести и разработать все извѣстное о Гаркушѣ для вѣрной оцѣнки какъ его личности, такъ и создавшей его эпохи; а пока вотъ еще маленькая добавка къ извѣстному объ немъ. Это свѣдѣніе о послѣднемъ его арестѣ въ г. Ромнѣ.

Въ упомянутой выше статьѣ «Семенъ Гаркуша» говорится кратко, что онъ пойманъ здѣсь «по доносу одного калачника». У насъ въ рукахъ подлинное донесеніе лица поймавшаго Гаркушу. То былъ роменскій мѣщанинъ Максимъ Бородань, не «калачникъ», но только мужъ одной изъ славныхъ нѣкогда роменскихъ «перепечаекъ» или «бубличницъ». Вотъ что онъ передаетъ объ обстоятельствахъ поимки Гаркуши въ доношеніи роменскому городскому ма-

гистрату, написанномъ съ его словъ магистратскимъ копіистомъ Кондратомъ Щербиною.

«Сего февраля 17 числа, въ день субботній, какъ до литургій перезвонили, жена моя Евдокия зъ дому моего, на предмѣстію отъ рѣки на Підваркахъ зовемихъ при городку имѣючогось, несла для продажи въ базаръ хлѣбъ булки и какъ наближилась къ брамѣ пригородской, зовемой Сорочиной, то нѣякиесь несвѣдомие два человѣка, стоя при оной брамѣ, купили онихъ булокъ на 11 денегъ и, винявши исъ капшука съ онихъ несвѣдомихъ двохъ человѣкъ еденъ сребраного рубля денегъ, требовалъ въ ее на оной здачи мѣднихъ денегъ; но какъ еще въ той жени моей ничего изъ денегъ, поелику она ишла въ базаръ исъ булками для продажи, не было и отъ дому моего недалекое разстояніе было, то она возвратилася въ домъ для издачи на рубля медних денегъ, съ которою въ слѣдъ и тѣ люде пришли въ хату мою, въ якой и я находился. Жена моя, заразъ сискавши медние денги, отъщитала, а я между тѣмъ, усмотря, что съ нихъ еденъ, сидящій въ хатѣ къ подолу дверей хатьнихъ, отъвернувшися глазами икъ дверямъ, закривая лице свое, ежечасто утирая, будто оной и носъ ему утирать надобно, показался мнѣ сумнителенъ по сему, что ноздри его нѣбы сорватие, когда съпросилъ, что они за люде и отъколь, то объявили, будто они жительствомъ изъ-за Хорола и били де у Сумахъ, а заихали де къ Ромну для доправи денегъ ста рублей на засульскому жителю пушкарю Якову Гаркушѣ и идуть де въ базаръ куповать харчей и рибы. И пошли съ избы моей въ городъ, а за нимы въ слѣдъ и жена моя ишла съ булками, которую я возвративши противу окна хаты моей, говорилъ, что то люде опасьніе и конечно разбойникъ Гаркуша, о которомъ публикации о поимкѣ по строгости чинены. И я самъ скорѣе пошелъ въ слѣдъ за ними скоропостижно, дабы следмы ихъ словить и, воздогнавши ихъ, не доходя преднаписавнои брамы Сорочиной, и какъ къ нимъ наблизился, то съ нихъ одинъ, что ноздры сумнителние, приостановившись спрашивалъ, куда я иду, и затѣмъ отъвернувсь въ бокъ по правую сторону, утирался платкомъ, а другой пошолъ въ базаръ къ каменной церквѣ и удалился въ шинокъ удовы Панасихы. Я, увидѣвши въ томъ разѣ пятидесятника Ѳедора Юрченка, сказалъ ему о тѣхъ людяхъ, что они сумнительние и примету пошедшаго въ шинокъ объявлялъ и чтобъ онъ пятидесятникъ скоро ишолъ въ тотъ шинокъ и задержалъ его, а самъ стоя, дабы другого оставшагось подля брамы не упустить. И какъ тотъ пятидесятникъ выйшолъ зъ шинку и сказалъ, что де такого человѣка нету, то я, немедленно припозвавши его, возвратился скорѣе къ другому, оставшомусь подлѣ упоминаемой

брамы въ пригородку, которого на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставилъ, уже не было, а ишолъ съ нижней дороги въ гору, увидя же мене и другого со мною, пятидесятника Ѳедора Юрченка, возвратился паки къ низу дорогою, къ валу лежачою, зачемъ я сказалъ Юрченку въ слѣдъ за нимъ тою-жь дорогою итить, а самъ пониже оной же дороги другою тоже дорогою пошелъ. И такъ онъ верхнею, а я нижнею дорогою идучи, привели его къ брамѣ, до которой не доходя, я приостановилъся немного, а какъ оной человѣкъ прошолъ чрезъ браму и не пошолъ дорогою, лежачою къ греблѣ, где и караульня находится, но повише шинку у города Ященкового дорожкою, то съ того я, опасаясь, даби онъ отъ насъ не убежалъ, наближась къ нему, кричалъ на пятидесятника Юрченка, чтобъ бралъ, почему Юрченко и ухватилъ за кожухъ подъ плечемъ лѣвимъ. Тотъ же человѣкъ ударилъ его Юрченка по вязяхъ такъ жестоко, что онъ вьпалъ навколѣшки, я же въ томъ разѣ хватилъ его изъ-задѣ руками и съпереди перехватя, державъ его крѣпко, а Юрченко, тоже схватя, пособлялъ, и кричали оба: «караулъ, разбойникъ Гаркуша»! На который крикъ перве прибѣжалъ отъ шинковои его будки купець роменской Степанъ Симоненко, а послѣ того и караулный атаманъ Гриненко и другие люде збѣглись, которымъ оного разбойника я поручилъ я для отволу въ городничество, а самъ, со прописаннымъ Степаномъ Симоненкомъ, пошолъ другою дорожкою по-надъ провальемъ искать другого, товарища его, но не спостигли. Сей-же пойманный разбойникъ собравшимся уже многолюдствомъ и мною представленъ въ городническое роменское правленіе, въ которомъ городничествѣ тогда находился прапорщикъ Аньсіоновъ, которой для объявленія о томъ господину городничому роменскому, секундъ-маіору Сегунову, въ домъ его пошолъ и подробно обо всемъ томъ объявилъ, и потомъ за обискомъ другихъ товарищей его, по приказанію г-на городничого, ездилъ въ село Засулье, но уже на квартирѣ той, гдѣ оние разбойники стояли, не явилъ».

Донесеніе Бородания заканчивается просьбою его къ магистрату донести о произведенной имъ поимкѣ разбойника Гаркуши тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору, графу Румянцеву и въ черниговское намѣстническое правленіе. При этомъ Бородань заявлялъ, что съ такимъ же донесеніемъ и просьбою онъ обращался къ городничему Сегунову, но что городничій, «вычитавъ нѣсколько, передралъ его доношеніе», а его самаго велѣлъ взять подъ караулъ, подъ которымъ онъ и пробылъ болѣе двухъ часовъ.

Донесеніе подано 10, а поимка совершена 17 февраля 1784 г. Чѣмъ вызвано это письменное доношеніе отъ человѣка неграмотнаго, послѣ того, какъ онъ лично представилъ пойманнаго имъ разбойника и объяснилъ обстоятельства дѣла? Очевидно, Бородань добивался награды. Но почему нибудь да посадилъ же его подъ арестъ городничій и самое его доношеніе «передралъ». Добился ли Бородань награды себѣ, не знаемъ, да врядъ ли и была она объявлена за поимку Гаркуши, иначе Бородань прямо ссылался бы на это и требовалъ, какъ должнаго.

ДВѢ САХАРНО-ЗАВОДСКІЯ ПѢСНИ.

Предлагаемыя двѣ пѣсни рисуютъ намъ тяжелое положеніе парней и дѣвушекъ, попавшихъ въ работы на сахарныхъ заводахъ. Насколько извѣстно, пѣсни въ этомъ родѣ никѣмъ не были печатаемы, за исключеніемъ Чубинскаго (I т. Запис. ю. з. о. г. общ.). Первая изъ этихъ пѣсенъ представляетъ варіантъ помѣщенныхъ у Чубинскаго, вторую встрѣчаемъ впервые.

I.

Ой пиду я у садъ, у садочокъ,
Нарву, назбираю ягидочокъ.
И не рвала, й не збирала,
Въ саду соловейка все питала.

«Соловейку, ты мій сирокрылый,
Скажи жъ мени, де мій милый?»

«Ой, твій милый по сахарнямъ ходить,
По заводамъ що дня тяжко робить.
Ой, винъ робить, работае,
А хозяинъ прыйде, та ще ёго й лае».

Ой прыихавъ хазяинъ та до свого дому,
Наробили ёму хлопци великого лому!
Пишла пара по всему заводу,
А худая слава по всему народу;
Пишла пара та по всіхъ куточкахъ,
А худая слава та и по дивочкахъ.

(Запис. въ Кагарлыкѣ, кіевск. у., на сахарномъ заводѣ).

II.

Ой горе, горе намъ буде—
Вже говорять про насъ люде!
Нехай же говорять, не переговорять,
Моеи натуры та й не переспорять,
Бо моя натура никому не потура,
Бо мое серденько що дня веселеньке.
А котра дивчина хоче славоньки зажити,
Хай йде сюды у заводъ служити.
А въ тому заводи ще гирше неволи—
Ой выйду я за ворота, не выплачу доли!
— Ой не плачь, дивчино, не журись бидою,
Диждемо недили, звинчаюсь съ тобою.
— Бодай тебе, дурню, отцуралася родина!
Отцурався батько, отцуралась мати
Ще й тая дружина, що хотивъ ты брати.

(Запис. въ Лебединскомъ сахарн. заводѣ чигиринск. уѣзда, кіевск. губ.)

Сообщ. **М. Васильевъ.**

троихъ подписаннымъ о Батуринѣ, но оного не подалъ. А ужинали оба мы у графа Гендрикова, пріехавшого отъ офіцеровъ конной гвардіи.

24. Куріеръ изъ Глухова, салдатъ Калугинъ пріехалъ съ писмами въ сенатъ и къ намъ о строеніи крѣпостей и о бытіи казакамъ въ поготовости до походу.

25. Государиня изволила быть въ церквѣ святого Сергія на Литейной и, оттуда возвратившись, удостоила какъ прочихъ, такъ и насъ къ ручкѣ. Мы обѣдали и весь день пробавили у графа Івана Сѵмоновича Гендрикова, потомъ были у барона порутчика и ужинали у графа-жъ.

26. Былъ у насъ рано изъ Малой Россіи пріехавшый Антонъ Милорадовичъ, полковника гадяцкого Гаврила Милорадовича синъ. А обѣдалъ у насъ-же синъ Стефана Милорадовича, Петръ, изъ Украини недавно пріехавшій, дворцовый каморъ лакей.

27. Послѣ полдня ездилъ я съ графомъ Іваномъ Сѵмоновичемъ Гендриковымъ до генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова и у него купно съ женою его Наталіею Богдановною нѣсколко часовъ седѣли, потомъ ужинали у того-жъ графа, где была и сестра его Мароа Сѵмоновна Софонова.

28. Рано подано прошеніе государинѣ о Батуринѣ и къ ручки ея величества допущены купно съ офіцерами конной гвардіи, которіи отправляются къ Москвѣ съ командою того-жъ конного полку 250 человѣкъ. Въ вечеру былъ у мене Романовичъ и отошолъ съ похвалками.

29. Рано тотъ-же Романовичъ присилалъ сина своего ко мнѣ по копію челобитной, передъ симъ отъ него мнѣ врученную. Потомъ были мы въ дворцѣ и заходили до Ѳедора Івановича Коченевского, а вечеромъ проседѣли у стряпчого Шереметевого, Ѳедора Дементіева Звѣрева.

30. Отъ конной гвардіи команда отправленная въ Москву воспріяла туда маршъ. Обѣдали мы съ Гудовичемъ у графа Гендрикова, потомъ были у князя Николая Алексіевича Шаховского въ свѣтлицахъ конной гвардіи и съ нимъ розговоръ имѣли о Волуйцѣ. Безъ насъ Романовичъ приходилъ и обявилъ Янушкевичу, что денегъ 200 рублей у войта нѣжинского онъ взялъ и имѣетъ противъ мене нѣкоторые производить дѣла. За матерію до соболевой шапки дано 20 к., за гребенець деревяный 6 к., за дзвонокъ малый 9 к.

Октоврій.

1. Послѣ обѣда изволила государыня отъехать въ Царское Село. Присиланный изъ Глухова салдатъ Гаврило Калугинъ отъехалъ обратно.

2. Послѣ полдни ездили всѣ трое къ Василію Івановичу Венюкову, а безъ насъ пріездилъ на нашу квартеру графъ Іванъ Сумоновичъ Гендриковъ съ графинсю.

3. Оный-же Венюковъ съ женою былъ у насъ, а ночью ездили всѣ трое къ г. Гендрикову и у него ужинали.

4. За перешитье шапки соболіой дано 20 к. За матерію свистунъ, которая изъ авкціона по-поламъ съ Гудовичемъ взята, за нашу половину заплатилъ 17 р. 34 к.

5. Архіереи синодалные крутицкій и владимерскій, да санктпітербурскій, такожъ архимандриты новоспаскій и воскресенскій и мы съ ними обѣдали у графа Гендрикова, а вечеромъ и у насъ былъ графъ съ графинею, которой подарена отъ мене книжка «Істинная Політика», за якую, такожъ за книжку «О блаженствахъ» далъ Янджулу 1 р. Пріехалъ Раковичъ.

6. Рано былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого и говорилъ о дѣлѣ и лаи (ругательствѣ) Соколовского. У него-жъ былъ архіерей нижегородскій Веніяминъ Григоровичъ.

7. Мы двое съ Гудовичемъ были увесь день, и обѣдали, и ужинали, у г. Гендрикова. Въ вечеру изволила государиня возвратиться изъ Царского Села. Оный архіерей нижегородскій отъехалъ на свой престолъ изъ С.П.Бурха.

8. Рано были въ дворцѣ, а передъ нашимъ туда приходомъ подалъ Соколовскій графу Алексію Григоріевичу Розумовскому свое якоесь прошеніе. Вечеромъ знову я и Гудовичъ были передъ графомъ Розумовскимъ въ дворцѣ.

9. Званный я отъ кума Якова Тимофіева ради именинъ его, обѣдалъ у него, а наши обѣдали у Косогова, маіора гвардіи преображенского полку. Розышлось на разные дробязки 24 к.

10. Надъ вечери были съ Гудовичемъ у графа Петра Івановича Шувалова, где первой о Батуринѣ, потомъ и о моемъ дѣлѣ съ Соколовскимъ о защищеніи отъ поношеній просилъ. А въ вечеру были въ дворцѣ у Григорія Михайловича Любисткова.

11. Рано былъ у Івана Івановича Дивова и далъ ему меморіалецъ стороны дѣла Соколовского, тако-жъ съ приговору конецъ, а въ сенатѣ ему-жъ подалъ челобитную о поношеніи моемъ, по проискамъ войта нѣжинского Тарнавіота, чрезъ Соколовского и Романовича чинячомъся. Потомъ были въ дворцѣ и тутъ при насъ подали графу Розумовскому Лукомскій и Троцкій свои прошенія. Покроенъ изъ матеріи свистуна шлафрокъ, до которого куплено шапку за 14 к. Бумазеи 8 аршинъ по 25 к. и того за 2 р. Баволни клееной листовъ 5 за 50 к.

12. Обѣдалъ я у господина секретаря Новоторжцова, которій мене къ себѣ нарочно звалъ для помѣркованя съ Романовичемъ, но онъ къ нему не бывалъ, ему-жъ данъ отъ мене и краткій екстрактъ претенсій Романовичевыхъ. Потомъ былъ я у Горчакова и у Софонова, поруччика гвардіи семеновского полку. Въ полкъ преображенскій сержантомъ Мойсѣя Березинского пожаловано, а Василь Марковичъ изъ того полку виключенъ изъ офіцеровъ.

13. Писалъ писмо къ Скоропадскому, чтобъ онъ въ Глуховѣ заплатилъ Семену Карпикѣ сто рублей, которые я здесь взялъ у кофішенка дворцового Александра Іуліановича Савлукова. А до жены писалъ-же, чтобъ тѣ-же денги отослала Скоропадскому, и тые обѣ писми отданы Савлукову. Вечеромъ всѣ трое были и ужинали у графа Гендрикова, а обѣдали у него-жъ маіори гвардіи Косоговъ и князь Меншиковъ съ протчими.

14. Виданъ изъ сенату указъ дуплікатъ о селѣ Чаусахъ по челобитію моему, еще въ 1745 г. поданному, которого указу за печатанье дано 30 к., да писцю Івану Андріеву 1 р. Надъ вечери былъ у насъ сотникъ козелецкій Стефанъ Барановскій, обявляя о себѣ, что имѣетъ въскорѣ отправитись въ Малую Россію. Потомъ у насъ-же были Горчаковъ и Шеншинъ, да іеромонахъ Іовъ Чарнуцкій, бывшій въ Килю.

15. Поселъ цесарскій, ради тезоименитства своего государя, трактовалъ въ своей квартерѣ россійскихъ міністровъ и другихъ господъ знатныхъ. Вечеромъ былъ у мене Ѳедоръ Звѣревъ, которому отъезджачому къ Москвѣ врученъ отъ мене меморіалецъ, чтобъ приказалъ здѣлать коляску городовую или полкаретокъ крѣпкій за умѣренную цену, да отобралъ-бы изъ дому Толстыхъ 4 боченки разныхъ водокъ и 11 вѣдръ простого вина и коровай сала

украинского, о чемъ ему-жъ и писмо отъ Александра Толстого, да и прежнего писма копія вручены.

16. Обѣдали у графа Гендрикова съ маіоромъ конной гвардіи Григоріемъ Івановичемъ Корфомъ и протчими и тамъ-же весь день пробавили; а у насъ обѣдали Політика и студентъ изъ Киля пріехавшый. Состоялся указъ именный о походѣ къ Москвѣ.

17. Государиня и ихъ высочества изволили отъехать до Пітергофа. Нѣжинскій войтъ Тарнавіотъ и управитель Звѣревъ отъехали.

18 Писаны писма въ Глуховъ до Скоропадского и до канцеляриста Тимофея Закревецкого, до которого и пакетъ отъ префекта кіевского Варлаама Лащевского посланъ. Да до жены писалъ-же о заплатѣ ста рублей, здесь у Савлукова позиченныхъ, такожъ до отца Іоанна брата писалъ-же, и оные всѣ писма отпущены чрезъ сотника козелецкого Стефана Барановского, сего числа отъехавшого. За копіи челобитныхъ, отъ полковника Семена Васильева Неплюева и отъ бунчукового товарища Василія Григорьева Харевича на Івана Андріевича Гамалію поданныхъ, данъ 1 р.[241])

19. Ковдра и шлафрокъ изъ матеріи жолтой пошиты, которыхъ за роботу дано 60 к.

20. Рано посѣщали болного віце-адмирала Головина, а по полдни былъ у г. Лизогуба полковникъ стародубовскій Максимовичъ, а у мене поруччикъ и лейбъ-компаніи гранадеръ Михайло Івановичъ Коченевскій и сказовалъ мнѣ о пашквиляхъ Романовичевыхъ.

21. Куплены 3 простые сани, дано за оные 1 р. Писаны писма до швагра Івана Гамаліи съ включеніемъ копіи челобитной Харевичевой, да до Өедора Звірева съ копіею челобитной-же Неплюевой, и оные отосланы въ домъ графа Шереметева для отсилки по почтѣ въ Москву.

22. Обѣдали у насъ Василій Івановичъ Венюковъ съ женою своею Татіяною Лизогубовною, а вечеромъ былъ графъ Гендриковъ съ капитаномъ Соловіовымъ.

23. Ради тезоименитства Якова Евфимовича Лизогуба, г. обозного генералного, обѣдали у насъ графъ Гендриковъ, капитаны Дру-

---

[241]) Бунчуковый товарищъ Василій Харевичъ жаловался на Ивана Гамалѣю, владѣльца с. Семеновки, конотопскаго уѣзда, за разореніе хутора, находившагося недалеко отъ Семеновки.

кортъ и Соловіовъ, подпоруччикъ Аполлонъ Васильевичъ Лодижинскій съ женою, ротмистръ кирасирского его імператорского высочества полку князь (*пропускъ*), да поруччикъ Баронъ и секретарь Новоторжцовъ, и студентъ изъ Киля прибывшій Рихарди. А вечеромъ была графиня съ полковницею Авксентіевою и уже позно отъехали.

24. Vacat. 25. Изволила государиня прибыть изъ Царского Села по полдни въ 6-мъ часу. Былъ я одинъ перво у Новоторжцова и вручилъ ему писма о грунтахъ, купленныхъ въ Лотокахъ, потомъ у генерала рекетмейстера Дивова и просилъ о своемъ дѣлѣ и Янушкевичевомъ.—Синъ духовнику родилъся Яковъ.

26. Были рано въ дворцѣ, а вечеромъ у графа Гендрикова, где видѣлись изъ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ и тамъ-же ужинали.

27. Послѣ полдня ездили въ адмиралитейство и тамъ смотрѣли новостроячихъся о 66 пушекъ двохъ кораблей.—Вчора дочь графу Шереметеву родилась. Вчора настали великіе морози.

28. Рано ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, а потомъ онъ и я были у секретаря Гаврила Савича Ермолаева, ради тезоименитства жены его Параскевіи, на обѣдѣ и проседѣли до позна.

29. Званныи на Васильевскій островъ къ подпоруччику Лодижинскому, обѣдали у него ради тезоименитства жены его Анастасіи Борисовны, а ужинали у графа Гендрикова, съ Івінскимъ и протчими.

30. Въ новопостроенныхъ хоромахъ Василія Івановича Венюкова для новосельля обѣдали мы у него съ протчими, въ томъ числѣ съ морскими оффіцерами, капитаномъ командиромъ Артеміемъ Іллічомъ Толбугинымъ и другими. А въ вечеру у насъ были полковникъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, да Горчаковъ и Шеншинъ. Сего числа изволила государиня проехать церемоніално, въ ассистенціи 15-ти каретъ дворцовыхъ цугами и нѣсколко конной гвардіи конвою, на Смолный дворъ и тамъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, да синодалныхъ архіереевъ и многихъ придворныхъ и другихъ господъ, заложеніе церкви Воскресенія Господня и дѣвичого монастыря, строитис имѣючого, учинено.

31. За пошитье шлафрока и ковдри изъ матеріи, въ авкціонѣ купленной, дано портному 60 к. Свадба была дочери князя Бориса Василіевича Голицына, морской артилеріи оберъ цейгмейстера, съ

Петромъ Алексіевичемъ Апраксиномъ, гвардіи семеновского полку сержантомъ. Изъ сего числа противъ слѣдуючого ночью мостъ на Невѣ рѣкѣ на Василевскій островъ сломалъ ліодъ, по Невѣ пливучій.

Ноябрь.

1. Получили писма зъ Глухова: одно о резиденціи, другое о требованіи провіантскою канцелляріею корму на конскіе заводы, и Гудовичъ, будучи по полдни въ дворцѣ, послѣдное объявилъ графу Розумовскому, да онъ-же былъ и у Николая Юрьевича Трубецкого за тимъ-же.

2. Рано Гудовичъ былъ у г. Шувалова и доносилъ о томъ-же требованіи корму на конскіе заводы, да о дѣлѣ сторони скупель. А всѣ трое были въ дворцѣ: перво у духовника, потомъ у полковника слѣпого Любисткова. Самъ-жс Гудовичъ знову былъ и въ вечеру во дворцѣ и получилъ отъ г. Розумовского декляраціію о отправѣ передъ отъездомъ двора государева. У мене былъ Вынклеръ и данъ ему реестръ, по нѣмецку писанный, о долгахъ Килскихъ.

3. Ночью противъ сего числа Нева стала. Рано мы съ Гудовичемъ были у преосвященного псковского, а по полдни у князя Сергія Дмитріевича Кантеміра.

4. Ночью випалъ не малый снѣгъ и стали на саняхъ ездить. Я и Гудовичь обѣдали у г. Гендрикова, а вечеромъ были съ Гудовичемъ у габінетского секретаря Якова Исаевича Бахирева.

5. Писалъ писмо въ Киль до Івана Політики съ переводомъ реестра о долгахъ, синомъ моимъ тамъ не уплаченныхъ, что вираженные въ немъ денги отданы здесь регистратору Вынклеру, и оное для пересылки по почтѣ тому-жъ Вынклеру вручено. Двѣ писми получилъ отъ молодыхъ Скоропадскихъ изъ Вроцлавя, одно до отца ихъ, другое до мене писанные. Вечеромъ былъ у Өедора Івановича Коченевского и тамъ застали и Соколовского и вручили меморіалъ для подачи духовнику о дѣлахъ общихъ, въ докладѣ изъ сената поданныхъ.

6. Писано писмо до Өедора Ширая съ отсилкою писма, къ зятю его Шидловскому присиланного, и что-бъ съ поруччикомъ морскимъ Алексіемъ Івановичемъ Скуратовымъ справясь, постарался сыскать писма, чрезъ десятника за подмайстерья отъ адмиралитей-

ства посланного, отправленные августа 1-го. Да писана въ Глуховъ до Скоропадского інстанція за Василемъ Рощаковскимъ. Заплачены 2 р. 40 к. за камордункъ и отданы капитану Соловіову; за тинктуру пенторалную въ аптекѣ дано 16 к.

7. Писма отъ молодыхъ Скоропадскихъ, полученные при своемъ писмѣ, вручилъ Івану Раковичу, которій вчора съ нами простилъся и имѣетъ отъеждать отселя въ Украину. Полковникъ Божичъ и Антонъ Милорадовичъ у насъ обѣдали.

8. Званы къ имениннику Михайлу Івановичу Новоторжцову обѣдать и у него съ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ и женою его, да и протчіе, въ томъ числѣ и Романовичъ и Брежинскій, обѣдали. А оттуда пріехавши до дому, застали полковника стародубовского Максимовича (зъ которымъ и переговоры были), да Михайла Івановича Коченевского, которій далъ и пашквілѣ Романовичевы, тако-жъ писаря судового чернѣговского Ярошевича и Ѳедоровича.

9. Рано я зъ Гудовичемъ у Ѳедора Івановича Коченевского былъ и отъ него-жъ и о декляраціи по дѣламъ общимъ слышали. Обѣдалъ у насъ гвардіи семеновского полку поруччикъ Евтихій Івановичъ Софоновъ, а вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

10. Рано всѣ трое были въ дворцѣ и преосвященному псковскому отданы копіи грамотъ Петра великого, за собственною рукою писанныхъ. Государиня у духовника обѣдъ кушать изволила. Вечеромъ былъ у Вінклера и отдалъ ему денги, должные синомъ моимъ въ Килѣ, а именно: 12 червоныхъ, да 49 р. 64 к., что учинитъ 76 р. 64 к. Потомъ былъ у племѣнниковъ графскихъ и сидѣлъ у учителя ихъ Носка.

11. По учиненному щоту о дробныхъ расходахъ, Грицкомъ держанныхъ, явилось 1 р. 16. к. Commodata pecunia 300 р. Comiti Hendrikow á colonello Koczenewski. Писанъ до полковника нѣжинского отозвъ подъ симъ числомъ и съ цедулою.

12. Звалъ насъ обѣдать къ себѣ помянутій поруччикъ Софоновъ на Василевскій островъ и тамъ принималъ съ женою своею, изъ дому Ушаковыхъ, весма благосклонно.

13. Обѣдали всѣ трое у маіора гвардіи г. Косогова. Сего числа графъ Лестокъ арестованъ.—За пять замковъ нѣмецкихъ висящыхъ дано 80 к.

14. За копію челобитной, отъ Романовича въ сенатъ 7-го ноября въ 9 пунктахъ поданной, 60 к.—Вечеромъ были у насъ переводчикъ іностранной коллегіи Іванъ Андріевичъ Данилевскій, да пѣвчій дворцовый Семенъ Тихоновъ изъ красного Колядина съ женами и Петръ Григоріевъ Вѣтынскій, родомъ зъ слободскихъ полковъ.

15. Государиня изволила отъехать въ Царское Село и для того мы изъ квартери никуда не ездили, токмо Гудовичъ вечеромъ былъ у князя Николая Юрьевича Трубецкого.

16. Обѣдали у графа Гендрикова всѣ трое, потомъ и онъ съ компаніею былъ у насъ надъ вечери. Гудовичъ-же съ капитаномъ Соловіовымъ ездилъ до Өедора Івановича Коченевского и въ другіе мѣста. За оправу «Хронологіи о князяхъ великихъ и царехъ россійскихъ» и проч. 30 к.

17. По службѣ ездилъ до монастыря Невского и тамъ былъ у преосвященного Іларіона Григоровича, крутицкого архіерея, а вечеромъ былъ съ Гудовичемъ у секретаря Гаврила Ермолаева и долго у него просидѣли.

18. Ради тезоименитства преосвященного володимерского Платона Петрункевича званы отъ него на обѣдъ, и я съ Гудовичемъ обѣдали у него купно съ архіереемъ крутицкимъ, да съ архимандритами новоспаскимъ и воскресенскимъ и съ монахами невскими. Писано писмо до Скоропадского и тутъ-же включено писмо, подъ 11-мъ числомъ писанное.

19. Государыня изволила изъ Царского села ночью прибыть въ С. П. Бурхъ.

20. Были всѣ трое въ дворцѣ и у ручки государини. Послѣ обѣда занемогъ я на колотье въ правомъ боку.

21. Приехалъ изъ Глухова тамошнего гварнізонного полку поруччикъ, Владимеръ Васильевъ Алфимовъ, чрезъ которого межъ протчими было писмо и до дѣтей Скоропадского, которое отослано къ постъ-директору Ашу для отправы. Весь день лежалъ я боленъ, а въ вечеру были у мене Шеншинъ, Ладижинскій Аполлонъ и молодій Делатуръ. Наши-же оба были у графа Гендрикова и тамъ ужинали.

22. Рано посѣщалъ мене графъ Гендриковъ, а Новоторжцовъ у насъ обѣдалъ. Въ вечеру-жъ долго сидѣлъ у мене капитанъ Леонтій Аврамовичъ Друкортъ.

23. Подано доношеніе въ сенатъ отъ всѣхъ о томъ, что генералъ Бісмаркъ требуетъ и беретъ на себе и штатъ свой раціоны и порціоны, чрезъ Гудовича, которій съ графомъ Гендриковымъ у Ѳедора Івановича Коченевского и обѣдалъ. Писмо изъ Киля отъ Івана Політики получено, что не всѣ праведно показали синомъ моимъ будто неуплаченные долги.

24. Наши рано отъехали по господамъ для поздравленія празденствомъ нинѣшней іменинницы, ея высочества государыни великой княгини Екатерины Алексіевны. А у мене былъ и посидѣлъ со мною доволно подпоруччикъ Аполлонъ Ладижинскій. Г. Лизогубъ и Гудовичъ обѣдали у графа Румянцова.

25. Послѣ болѣзни и я віехалъ зъ квартери, всѣ-же трое ездили съ поздравленіемъ до канцлера, віце-канцлера, до графа Гендрикова и до барона Черкасова. Потомъ были въ дворцѣ на службѣ и на казаньѣ, которое говорилъ преосвященный володимерскій Платонъ Петрункевичъ. По службѣ были допущены между протчими къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова. Въ вечеру знову были въ дворцѣ и смотрѣли на церемонію лейбкомпаніи, которіи перво были допущены къ ручкѣ государини, потомъ отведены въ болшую сало, куда въ 10-мъ часу и государиня съ офѣцерами той-же лейбкомпаніи, а за нею и іхъ імператорскіе высочества и всѣ господа и дамы пошли; и тамъ-же въ болшой салѣ за приуготовленными столами съ оною лейбкомпаніею государиня ужинать изволила. А при ужинѣ изъ многихъ пушекъ изъ крѣпостей и изъ адмиралитейства палено, на Невѣ-же, на театрѣ, тако-жъ при кадетскомъ корпусѣ и въ крѣпости и по всемъ городѣ до 1-го часа по полуночи зажжены были иллюминаціи. А отъ академіи здешней прежде ужина поднесена печатная ода, професcоромъ Ломоносовымъ сочиненная, за которую пожалованъ онъ 2,000 рублей.

26. Рано Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ, а всѣ трое въ вечеру были у Ігната Кириловича Полтавцова, где пріездили и ординанси государини отъ лейбкомпаніи, Station Станіславскій и Холодовскій съ другими дворцовыми.

27. Рано былъ у мене секретарь Гаврило Ермолаевъ, благодаря за инстанцію нашу о немъ къ синодальнымъ членамъ приношенную. Мы всѣ трое были первей въ дворцѣ, потомъ я и Гудо-

вичъ обѣдали у преосвященного псковского Сvмона Тодорского купно съ новымъ архимандритомъ кіево-печерскимъ Іосифомъ Вранскимъ и намѣстникомъ свінскимъ Лукою, а г. Лизогубъ у Івана Івановича Косогова, гвардіи маіора. Ночью пріехалъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій, отъ лейбкомпаніи государини ординансъ, ездившій передъ симъ въ Украину.

28. Писаны писма въ домъ до жены и до сина съ отсилкою писма студента Рихарди, да до Івана Гамаліи, и оные включены въ пакетъ, купно съ писмами подъ 11-мъ и 18-мъ числами писанными, подписанный до Скоропадского, и отпущенъ тотъ пакетъ чрезъ Івана Бѣлоровского, отъехавшого по почтѣ въ Глуховъ. Вечеромъ были у секретаря Гаврила Ермолаева и до полночи просидѣли.

29. Послѣ обѣда отвозилъ Гудовичъ формуляръ квітовъ, якіе должны давать купцамъ фактори по заплатѣ індукты или евекти, до секретаря Новоторжцова, а въ вечеру онъ-жъ былъ въ дворцѣ. Передъ обѣдомъ приходили къ нему-жъ протопопъ миргородскій Горковскій и Романовичъ.

30. Рано ездили поздравлять кавалеровъ святаго Андрея, а именно: графа Румянцова, князя Николая Юревича Трубецкого и канцлера графа Бестужева-Рюмина. Потомъ были въ дворцѣ на обѣдни и на казанью, которое говорилъ архимандритъ воскресенскій Амвросій Калинскій, а обѣдъ изволила кушать государыня съ одними кавалерами помянутого ордина. Вечеромъ была по всему городу иллюминація. А мы въ вечеру-жъ были у Василія Івановича Венюкова, где пріездилъ къ нему-жъ капитанъ командоръ Дмитрій Константиновъ Толбугинъ.

Декабрь.

1. Рано были всѣ трое въ дворцѣ, и г. Лизогубъ говорилъ графу Розумовскому о дѣлахъ нашихъ и объ отездѣ. Гудовичъ въ вечеру былъ у г. Гендрикова и у Ѳедора Івановича Коченевского.

2. Были у мене отецъ префектъ кіевскій Варлаамъ Лащевскій и товарищъ его отецъ Гедеонъ Сломінскій, а поруччикъ 1-го московского полку Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ обѣдали у насъ.

3. Vacat. 4. Рано ездили во дворецъ, и едучи переговоръ былъ не безъ досадъ съ г. Лизогубомъ. Зъ дворца заехали до графа

Гендрикова и у него, ради тезоименитства дѣтей его сина Івана и дочери Варвари, обѣдали, а послѣ обѣда были у него-жъ маіоръ гвардіи Косоговъ и камергеръ Жеребцовъ, потомъ-же и Пассекъ.

5. Вечеромъ одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ.

6. Ради тезоименитства моего обѣдали у мене кавалери графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ и маіоръ гвардіи Косоговъ съ адютантомъ Корсаковымъ, Василій Івановичъ Венюковъ съ женою, Аполлонъ Ладижинскій съ женою-жъ, капитанъ и поруччикъ Друкорты, поруччикъ Бутурлинъ, маіоръ Шеншинъ и другіе, персонъ до 15-ти, и пробавили у насъ до позна.

7. Изъ денегъ харчевыхъ, виданныхъ изъ штатсъ-конторы за месяци октоврій и ноеврій двусотъ рублей, раздѣлили на три части и взяли по 60 р. каждый, въ томъ числѣ и я толикое-жъ число, а остальные отданы Бѣлоровскому на харчевый росходъ.

8. Писаны писма въ Глуховъ: 1-е въ отвѣтъ, 2-е за Бѣлоровскимъ, и при первомъ въ пакетъ включены писма отъ архимандрита печерского до намѣстника, отъ переводчика синодалного до отца его, отъ кадета Трощинского до Скоропадского, да отъ Грицка до отца его и до Іосифа.

9. Писаны писма: 1-е до Скоропадского съ посилкою писма отъ Ѳедора Івановича Коченевского до ігумена монастыря рихловского, 2-е до швагра Івана Гамаліи, и обѣ включены въ одинъ пакетецъ. Были въ государевой оружейной палатѣ, а потомъ обѣдалъ я съ Гудовичемъ у полковника Коченевского, да сего-жъ числа явились присланные изъ Глухова канцеляристи для переписованья указовъ, кои во время пожару въ Глуховѣ погорѣли.

10. Поруччикъ глуховского гварнізону Алфимовъ отправилъся, и чрезъ него вышеозначенные писма отпущены, да писмо въ Киль къ Івану Політикѣ писано и вручено для отправы Вынклеру. Графу Івану Симоновичу Гендрикову учинена чрезъ графа Розумовского декляраціа ехать ему передомъ къ Москвѣ, а оттуда уже будетъ его отправа въ Украину, о чемъ сѣ извѣстіемъ были въ вечеру у насъ капитанъ Соловіовъ и поруччикъ Бутурлинъ. Somnum de uxore et filijs. По роцоту зъ Грицкомъ явилось на розницу въ расходѣ 71 к.

11. Третего дни возвратившихся изъ Цесаріи канцлерского сина графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина и́ жену его Евдокію Динисовну видѣли въ дворцѣ и тамъ-же слышали, что

именнымъ указомъ определено команду иметь въ С. П. Бурхе, и въ сенатской канторе заседать князю Борису Григоріевичу Юсупову' камер-геру и коммерцъ-коллегіи президенту, оберъ-коменданту здешнему князю Өедору Васильевичу Мещерскому и генералу маіору Хитрову, которій передъ симъ определенъ въ заседаніе въ адмиралитейскую коллегію.

12. Писано писмо до молодыхъ Скоропадскихъ въ Вроцлавъ, что-бъ оны къ отцу писали чрезъ почту и присилали свои писма въ С. П. Бурхъ на имя здешнего постъ-директора Аша въ коверте. Тамъ же включено писмо и отъ отца Лащевского до купца вроцлавского Корна. Самъ я ездилъ къ советнику и кавалеру Пехлину и у него принятъ; потомъ сиделъ долго у детей графа Розумовского, племенниковъ и у Носка.

13. Объявлено намъ, что указъ именный сказанъ въ сенате о выдаче денегъ намъ на подъемъ къ Москве три тисячи рублей, зъ чимъ былъ у г. Лизогуба секретарь Новоторжцовъ, а мы съ Гудовичемъ обедали у графа Гендрикова. Все же трое были рано въ дворце и тамъ видели свобожденного изъ подъ караулу камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова, а вечеромъ были у Василія Івановича Демидова съ поздравленіемъ его о пожалованіи его-жъ действительнымъ штатскимъ советникомъ. Г. Лизогубъ самъ ездилъ до князя Николая Юрьевича Трубецкого, а Гудовичъ и вечеромъ былъ въ дворце, которій обоимъ имъ о томъ-же объявилъ.

14. Пожалованъ Божичъ полковникомъ въ Чернеговъ, а полковнику гадяцкому Петру Галецкому 150 дворовъ въ вечное владеніе. Мы тако-жде получили деклярацію, что-бъ ехать намъ въ Москву и тамъ явитис государыне.

15. Рано съ г. Лизогубомъ былъ я и отклонилис віце-канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову. Ихъ высочества, великій князь и великая княгиня, віехали изъ С. П. Бурха къ Москве 11-го часа предъ полуднемъ. А ея імператорское величество съ своимъ придворнымъ статомъ віехать туда-же изволила въ 1-мъ часу по полуночи, при пушечной палбе, изъ крепости и изъ адмиралитейства производившейся.

16. Якову Тимофіевичу канцеляристу сенатскому отданы 20 овчинокъ чорныхъ. Вечеромъ будучи у графа Гендрикова, тамъ-же и съ Паскомъ виделись. Сего числа рано случилъся пароксізмъ

параліжный г. Лизогубу, но оный перервали простими лѣкарствами.

17. Изъ денегъ, пожалованныхъ намъ депутатамъ, 3-хъ тысячъ рублей, кои сего числа привезены изъ рентереи, взялъ я на свой жеребій тисячу рублей и зъ оныхъ позичилъ г. Гендрикову 200 р., капитану Соловіову 25 р., Козляницѣ 10 р., Бѣлоровскому 20 р., въ складку на канцеляристъ положилъ за г. Лизогуба 10 р., за себя 10 р., Коноваленку позичилъ 10 р.

18. Рано пущали кровь г. Лизогубу, ради пароксизму, ему предъ симъ случившогося. Я и Гудовичъ обѣдали и ужинали у графа Гендрикова

19. У вице-адмирала г. Головина мы всѣ трое обѣдали, а потомъ съ княземъ Меншиковымъ и Косоговымъ, маіорами преображенского полку, прощались.

20 Г. Лизогубъ со мною былъ въ Невскомъ монастырѣ и тамъ у архіерея с. п. бурского обѣдали, а въ вечеру онъ-же повторе уже тяжко на паралѣжъ захоровалъ.

21. По совѣту и информаціи доктора Синопеуса пущали г. Лизогубу кровь зъ другой руки, здоровой, ибо лѣвую руку и ногу ему паралѣжъ заразилъ. Сего числа графъ Гендриковъ съ графинею и шваграми своими двома отъехалъ на подставныхъ лошадихъ къ Москвѣ.

22. Рано съ Гудовичемъ были у Новоторжцова, которому и 3 овчинки черные даны, да у г. Головина. А въ нашей квартерѣ безъ насъ были дѣйствителный статскій совѣтникъ Василій Ивановичъ Демидовъ и секретарь Новоторжцовъ. По полдни, пришедъ въ великую слабость, г. Лизогубъ исповѣдивалъся и причащалъся при присутствіи г. Головина и нашемъ. А въ вечеру мы были у Демидова, потомъ и у Савлукова.

23. Г. Демидовъ отъехалъ къ Москвѣ, а у насъ былъ рано Новоторжцовъ. Сего-жъ числа г. Лизогубу стало быть легше въ его болѣзни.

24. Графъ Александръ Івановичъ Румянцовъ съ графинею своею отъехалъ изъ С.П.Бурха ночью къ Москвѣ.

25. Въ сей день Рождества Христова послѣ набоженства обѣдали мы съ Гудовичемъ у маіора, въ адмиралитейской коллегіи при комміссаріатѣ присутствующого, Василія Івановича Войникова, которій и компасъ мнѣ подарилъ. Оттуда заездили къ доктору Синопеўсу, которій и рецептъ на мои дефекты написалъ.

26. Отправленъ нашъ багажъ къ Москвѣ, подъ который нанятымъ подводчикамъ для заплаты вручено полковнику Янушкевичу 18 р. Рано были у князя Юсупова.

27. Ужинали у г. Головина и съ нимъ и съ женою его простились.

28. Рано были у Новоторжцова и у г. Войникова и простились. А послѣ полудня простясь съ г. Лизогубомъ и съ протчими, отъехали изъ С.П.Бурха въ 8-мъ часу. Дано Янджулу для росплатки на прогоны 13 р. 80 к.—Прибывъ въ деревню Саблино въ третемъ часу по полночи, тутъ отдихали, а оттоль поехали въ 6-мъ часу.

29. Въ 11-мъ часу прибыли въ деревню Болотово; оттоль віехали въ 4-мъ часу по полудни и прибыли въ село Чудово въ 8-мъ часу, где наехали баталіонъ преображенского полку, при которомъ за маіора былъ капитанъ князь Іванъ Івановичъ Давидовъ. Оттуду віехали по полночи въ 4-мъ часу.

30. Приехали въ 8-мъ часу о 39 верстъ въ деревню Любци Сергія Татищева. Оттоль поехали въ 12-мъ часу, а прибыли въ Великій Новгородъ въ 4-мъ часу по полудни. Оттуду прибыли въ 4-мъ—по полуночи въ Бронницю.

31. По полуночи 7-го часа віехавъ изъ Збронници, прибыли въ 10-мъ до Зайцева. Оттуду віехали въ исходѣ 12-го часа и прибыли до Крестцовъ 4-го часа по полудни, а въ томъ-же часу оттоль віехавъ, приехали въ Яжолбицу въ 9-мъ часу по полудни-жъ.

1749-й ГОДЪ, СЪ БОГОМЪ НАЧАТЫЙ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. Будучи въ пути изъ Санкт-Пітербурха къ Москвѣ, отдихали въ Яложбици и потомъ, въ 7-мъ часу віехавъ, прибыли въ 9-мъ по полночи въ Валдай, где и обѣдни и молебна слушали. А по обѣдѣ въ 12-мъ часу оттоль отъехали и, перемѣня подводы въ Зимногорскомъ Яму, поехали до Хотѣлова, куда прибыли въ 9-мъ часу. Оттуду поехали

2. по полуночи въ 5-мъ часу и, на дорозѣ объехавши свой обозъ, прибыли до Вышнего-Волочка въ 8-мъ часу; оттоль до Видро-

пуска въ 11-мъ часу. Изъ Видропуска, віехавъ въ 4-мъ по полудни, прибыли въ Торжокъ въ 7-мъ, а оттуда до Мѣдного въ 9-мъ часу віехавъ, пріехали въ 12-мъ.

3. Зъ Мѣдного віехали по полуночи въ 6-мъ, а прибыли до Твери въ 9-мъ часу. Тутъ преосвященный Митрофанъ Слотвінскій, архіепископъ тверскій, присилалъ по насъ карету, и у него мы купно съ преосвященнымъ Платономъ Петрункевичемъ, епископомъ володимерскимъ, обѣдали и уже въ 5-мъ часу по полудни віехавъ изъ Твери, прибыли въ 9-мъ до Городни.

4. По полуночи въ 4-мъ часу изъ Городни віехавъ, прибыли въ 7-мъ до Завидова. Оттуду поехали въ 8-мъ, а прибыли въ 10-мъ до Клину. Зъ Клину віехали въ 11-мъ, а прибыли по полудни въ 4-мъ въ село Чашники, помѣщика Собакина, где и ночовали.

5. По полуночи въ 4-мъ часу зъ Чашниковъ віехавши, прибыли 8-го часа въ Москву и тутъ стали квартерою въ домѣ фабриканта Бороніна, не далече Сухаревой башты. Ужинали у графа Сергія Гендрикова.

6. По службѣ Божой были въ дворцѣ и у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали-жъ у графа Гендрикова, потомъ у тестя его Сергія Івановича Бутурлина, а вечеромъ у генерала маіора Івана Івановича Головина были. Обозъ нашъ въ Москву прибылъ о полдни.

7. Требовали квартери отъ полиціи. По обѣдѣ съ графомъ Гендриковымъ были у Алексія Даниловича Шеншина, потомъ у швагра его Михайла Борисовича Неронова и у Аполлона Василіевича Ладижинского.

8. Рано были въ дворцѣ и тамъ съ сvнодалными и съ московскими архіереями видѣлись. Потомъ заходили къ духовнику и къ Өедору Івановичу Коченевскому. Обѣдалъ у мене Галецкій, полковникъ гадяцкій, а Гудовичъ съ графомъ у Михайла Неронова, которого старшій братъ Александръ ландмиліцкихъ полковъ маіоръ посѣщалъ мене и купно съ Гудовичемъ до Лва Василіевича Ладижинского отъехали.

9. Извощиковъ приговорили для отвозу въ домы нѣкоторыхъ покупокъ на пару лошадей по 4 р. 50 к., да изъ Калуги подъ печи на пару по 3 р. и сверхъ того подрядчику тѣхъ подводъ отъ

обохъ насъ зъ Гудовичемъ поступлено і р. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню, називаемую Прусы.

10. Писали въ С.П.Бурхъ до г. Лизогуба о своемъ въ Москву прибытіи и о протчемъ. Были рано у графовъ Румянцова и Шувалова, а вечеромъ у Өедора Звѣрева.

11. Обѣдали у графа Гендрикова съ тестемъ его, которій намъ своихъ жеребцовъ двохъ преизрядныхъ показивалъ.

12. Государыня изволила ездить до генерала Стефана Өедоровича Апраксина и у него кушать. Мы рано были у князя Николая Юрьевича Трубецкого, потомъ въ рядахъ. Капитанъ Іванъ Өедоровичъ Соловіовъ перешолъ къ намъ на квартеру.

13. Серебренику Якиму Өедорову Волкову далъ своего серебра фунтъ и 3¾ золотника. Да ему-жъ велѣлъ дѣлать 12 стакановъ, чайникъ и молочникъ сребряный. Обѣдалъ у насъ Шеншинъ.

14. Сребряный и золотій гасъ куповалъ Гудовичъ у лавочника Матвѣя Смирного, въ завязочномъ круживомъ ряду сидячого.

15. Были въ дворцѣ и съ протчими допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у графа Гендрикова.

16. Отпущенъ обыходъ нашъ съ покупками чрезъ Грицка, которому для заплати подводчикамъ и на покупку печей въ Калузѣ дано 50 р., да чрезъ него-жъ писаны писма до жены, до швагра Өедора Корецкого и до Скоропадского о покупкахъ справленныхъ для него. Гизону отъ Носка присланные 100 р. отданы. Я перешолъ въ другую избу на той-же квартерѣ.

17. Обѣдали мы съ Ігнатомъ Кириловимъ Полтавцовымъ у Шеншина, которій сказовалъ, что велѣлъ съ бѣлою кожею шоры для насъ дѣлать.—Въ вечеру одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ, которому графъ Розумовскій обявилъ, что вскорѣ отправленъ будетъ графъ Гендриковъ и при немъ мы. Того-жъ вечера былъ графъ Гендриковъ съ своею графинею въ нашей квартерѣ.

18. Полковникъ нѣжинскій Семенъ Василіевичъ Кочубей съ супругою своею Ксеніею Гарасимовною прибылъ въ Москву и сталъ на графскомъ бархатномъ дворѣ. По обѣдѣ, имѣвшемся у графа Гендрикова, генералъ-маіоръ и гвардіи преображенского полку прімер-маіоръ, Іванъ Івановичъ Косоговъ былъ у насъ и опочивалъ, да и сотникъ лохвицкій Кирило Івановичъ Коченевскій у насъ-же былъ.

19. У полковника Кочубея мы были и обѣдали. Отправлены писма до жены, да до Скоропадского съ указомъ сенатскимъ, дуплікатомъ, о селѣ Чаусахъ (которій дуплікатъ писанъ октоврія 13-го 1748-го году подъ № 545), чрезъ каптенармуса глуховского гварнізону Шевеліова.

20. Рано были въ дворцѣ и купно съ Кочубеемъ у ручки государыни. Отдано прошеніе, въ дѣлѣ моемъ къ государынѣ писанное, Івану Барановскому для содержанія. Писалъ въ Глуховъ о дачи 3-хъ компанѣйцевъ служителю Өедора Івановича Коченевского. Вечеромъ былу у сержанта лейбъ-компаніи, Матвѣя Михайловича Івінского.

21. Принесена ассигнація изъ штатсъ-кантори на 50 р. за прошедшого декабря половину. Жестоко были вечеромъ угорѣли въ квартерѣ.

22. И отъ того угару былъ боленъ и никуда не віездилъ, толко Гудовичъ одинъ былъ въ дворцѣ и у Кочубея обѣдалъ.

23. Изъ московской рентереи 50 р. денегъ харчевыхъ за прошедшій декабрь, послѣднюю половину, принесены.

24. Сего числа въ С. П. Бурхѣ обозный генералный Яковъ Евфимовичъ Лизогубъ въ 2 часу по полуночи преставилъся [242]). Обѣдали мы у Кочубея ради тезоименитства жены его, а вечеромъ были у секретаря Новоторжцова. Принятъ служитель Сидоръ Івановъ Гудокъ, родомъ зъ Конотопу.

25. Полковникъ гадяцкій Галецкій и сотникъ лохвицкій Коченевскій отъехали изъ Москви до Малороссіи. Г. Кочубей пріездилъ къ намъ на квартеру, токмо мы не были, а были съ г. Гендриковымъ у Івінского.

26. Рано были въ дворцѣ государевѣ у графа, потомъ у канцлера съ Кочубеемъ, да у гр. Кирила Григоріевича и у князя Алексія Дмитріевича Голицина.

27. Рано былъ у насъ Кочубей. Agrotavit summè sua Majestas. Вечеромъ были у Василія Івановича Демидова. Писали къ нашимъ въ С. П. Бурхъ по извѣстію намъ отъ Михайла Өедоровича, сторони г. Лизогуба учиненному.

---

[242]) О болѣзни и смерти генеральнаго обознаго Якова Лизогуба см. „Кіевскую Старину" 1882 г., кн. I, стр. 118—119.

28. Отправлены писма по почтѣ въ С. П. Бурхъ, въ томъ числѣ и отъ мене до віце-адмирала и кавалера Александра Івановича Головина, до маіора въ адмиралитействѣ присутствующого Василія Івановича Войникова, да до учителя Носка съ обявленіемъ, что денги 100 р. Гизону отданы.

29. Въ сей день мясопустный были рано въ дворцѣ и у ручки государя великого князя и великія княгини. Обѣдали у г. Кочубея. Пріехалъ изъ Глухова канцеляристъ Димитрій Лебедевъ зъ звѣриною, до двора государева присланною.

30. И сего числа обѣдали у Кочубея.

31. Въ дворцѣ видѣлись съ преосвященнымъ новгородскимъ Стефаномъ Каліновскимъ. Потомъ обѣдали у преосвященного Платона володимерского, где надъ вечери приходилъ и архіерей грузинскій и архимандритъ знаменскій, грузинецъ-же. Вечеромъ явились у насъ Іванъ Пуховичъ и перекрестъ Афанасъ Познанцовъ зъ Глухова съ писмами. Канцеляристу Григорію Андріеву Сорокину за 2 копіи для Івана Гамаліи данъ 1 р.

Февраль

1. Обѣдали мы у духовника, а послѣ обѣда былъ у насъ Іванъ Барановскій, камердинеръ графскій, съ извѣстіемъ, что государыня изволила подписать свою конфірмацію на докладъ сенатскій о нуждахъ малороссійскихъ, о чемъ и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, будучимъ намъ у него, обявилъ. Князь Александръ Андріевичъ Черкаскій, бывшій передъ симъ его высочества государя великого князя гофъ-маршаломъ, преставилъся.

2. Нарочно званныи отъ преосвященного новгородского обѣдали у него съ архимандритами: новоспаскимъ Гавріиломъ и петровскимъ Пахоміемъ.

3. Росплатка учинена зъ серебрникомъ за 12 кубковъ, за 6 сосудовъ церковныхъ, за чайникъ и молочникъ; всего ему заплачено 89 р. 50 к. У него-жъ взяты вѣски мѣдные.

4. Были рано въ дворцѣ и перво Розумовскому графу кланялись и благодарили за его патронство; потомъ отъ его-жъ представлены были самой государынѣ для отданія благодаренія за явленную высокомонаршескую милость, что и учинено отъ насъ въ

церкви комнатной. Обѣдали у Өедора Івановича Коченевского, а оттуда возвратясь, отправили куріера, сенатской роты салдата, съ указомъ изъ сената по конфірмаціи ея імператорского величества учиненной и съ писмами отъ насъ до старшины генералной, где и мои писма до Скоропадского о екзакторахъ, до Івана Гамаліи съ копіями и до жены, съ включеннымъ и отъ Гудовича къ его женѣ писмомъ, отпущены.

5. Рано обослалъ насъ Алексій Даниловичъ Шеншинъ пивомъ и полпивомъ. Мимоездомъ изъ дворца вступили до Григорія Михайловича Любисткова и у него въ сей сиропустный день обѣдали. По полдни изволила государыня проежджатся первой разъ послѣ болѣзни.

6. Вечеромъ были у графа Гендрикова, где застали капитана гвардіи преображенского полку, Александра Михайловича Михелсона. Мѣщанинъ чернѣговскій Іосифъ Козляниця преставилъся въ Москвѣ.

7. Графъ Гендриковъ отъехалъ до своей деревнѣ Прусъ. Гудовичъ послѣ обѣда ездилъ къ г. Кочубею. Козляниця погребенъ въ монастырѣ знаменскомъ.

8. Ездили въ дворецъ для поздравленія духовника и его сина Захарія, да Өедора Івановича Коченевского, яко нинѣшныхъ именинниковъ. Полковникъ чернѣговскій Божичъ простилъся съ нами, отъежджая на Украину. У насъ-же былъ отставный маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. Виданы изъ московской рентереи по ассигнаціи статсъ-канторы за прошедшій генварь мѣсяцъ 100 р., изъ которихъ взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные 40 содержатся для харчевого росходу.

9. Vacat. 10. Свѣтскіе господа сежджались въ дворецъ для поздравленія государю великому князю рожденіемъ. Мы были на службѣ въ Велико-Петровскомъ монастырѣ и тамъ видѣлись первей съ архимандритомъ тамошнымъ Пахоміемъ, потомъ и съ преосвященнымъ архіепископомъ псковскимъ Сумономъ Тодорскимъ. Іванъ Бѣлоровскій, зъ Глухова прибывшій, явилъся у насъ.

11. Исповѣдивалъся у священника церкви святого Панкратія, отца Александра Григоріевича, и тамъ-же святыхъ Таинъ сообщалъся. Полковникъ де-Латуръ простилъся съ нами, да канцеляристъ Димитрій Лебедь отъехалъ до Глухова, чрезъ которого писма писали:

1-е до всѣхъ членовъ генералной канцеляріи о принятіи у двора звѣрины; 2-е до генералной старшини о куплѣ вина волоского для генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова. Въ вечеру былъ въ квартерѣ нашей г. полковникъ нѣжинскій Кочубей съ г. полковницею и Петръ Івановичъ Розумовскій.

12. Были по обѣдни въ дворцѣ и графу Розумовскому являлись, а обѣдали у г. Кочубея, где обѣдалъ же и адютантъ генерала Бѣсмарка, Карлъ фонъ-Штофель. Сотникъ Стефанъ Лукомскій прибылъ изъ С.П.Бурха, и прибывшіе изъ Глухова съ запасомъ покойного г. Лизогуба у насъ явились.

13. Судья гадяцкій Іванъ Родзянка прибылъ зъ вышневкою, до двора государева, присланною съ нимъ отъ бунчучного генералного Оболонского. Лукомскій рано былъ у насъ и чинилъ реляцію о смерти и погребеніи покойного г. Лизогуба. Послѣ полдня былъ я у совѣтника, въ рекетмейстерскихъ дѣлъ присутствующого, Івана Алексіевича Казарминова и ему о своемъ дѣлѣ говорилъ и записку далъ.

14. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись зъ архимандритомъ печерскимъ; потомъ видѣли государыню на переходѣ, ишовшую посѣщать нѣкоторую Милгунову болную; а послѣ были у графа Розумовского и просили о докладѣ, чтобъ окончаны наши и осталные дѣла общіе, при чемъ былъ тутъ-же и Лукомскій. Тамъ же въ дворцѣ видѣлся я съ судьею гадяцкимъ Родзянкою. Послѣ полдни въ 4-мъ часу былъ салдатъ изъ сената съ повѣсткою, чтобы мнѣ и Янушкевичу явиться въ сенатъ для слушанія дѣла съ Соколовскимъ завтра въ 7-мъ часовъ. Потомъ ездилъ я до князя Алексія Дмитріевича Голицына и у него доволно посидѣлъ, а оттоль возвратившись, засталъ въ нашей квартерѣ Михайла Борисовича Неронова и Аполлона Лодижинского. Въ 8-мъ часу отъехалъ въ сенатъ и тамъ первѣе былъ въ рекетмейстерской канторѣ, потомъ, какъ прибыли три сенатори: генералъ Бутурлинъ, да князь Щербатовъ и Одоевскій, да князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, то начали наше дѣло съ Соколовскимъ слушать, и по вислушаніи моей и Янушкевичевой челобитныхъ апелляціонныхъ, я отошолъ зъ сената, а при Янушкевичу и Соколовскому стали подлинного дѣла слушать.—Дочь князю Алексію Дмитріевичу Голицыну родилась. Прибыли изъ С.П.Бурха Дмитрій Мироновичъ, Кирило Бѣло-

ровскій съ обозомъ и служителми покойного обозного генералного Лизогуба. Вечеромъ были у г. Кочубея, которого просилъ доложить графу о моемъ прошеніи, стороны жалованной грамоти на деревни. При насъ у него-жъ была графиня, сожителница графа Петра Семеновича Солтикова и съ нею дочь покойного графа Чернишова, Катерина Григоріевна.

16. Были въ дворцѣ и первей у графа Розумовского, потомъ у Ѳедора Івановича Коченевского, купно съ полковницею Кочубеевою, обѣдали, а г. Кочубей самъ у архіерея переяславского, званный отъ него, обѣдалъ. Вечеромъ былъ я у Григорія Політики.

17. Рано былъ я перво у сенатора князя Івана Андріевича Щербатова, потомъ у сенатора-жъ Александра Борисовича Бутурлина, а обадва мы слушали преждеосвященной обѣдни въ дворцѣ и были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ обоихъ. Вечеромъ были у поручика гвардіи отставного, Александра Тихоновича Лукина. Пріехалъ сотникъ полтавского полку Семенъ Куликъ и привезъ къ намъ писма.

18. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ Флора и Лавра, были у графа Александра Івановича Румянцова, которій удержалъ насъ у себя и обѣдать, где обѣдали съ нимъ и съ графинею, да съ двома генералами, однымъ лейтнантомъ (*пробѣлъ*), другимъ маіоромъ, что въ Чернѣговѣ былъ полковникомъ, Владимеромъ Василіевичемъ Ізмайловими. Вечеромъ былъ у насъ маіоръ Андрей Александровичъ Неболсинъ. За лѣкарство sal anglicanum дано 16 к.

19. Слушали обѣдни въ дворцѣ, въ церкви теплой публічной, где и государыня быть изволила, потомъ къ ручки всѣхъ въ дворцѣ бывшыхъ жаловала, где и я допущенъ былъ какъ къ ея величества ручки, такъ и къ іхъ імператорскихъ высочествъ. Потомъ были у графа Розумовского, а обѣдали у графа Гендрикова, купно съ Софоновымъ камеръ-юнкеромъ, съ Богданомъ Пассекомъ и съ протчими. Надъ вечери были у Кочубея, которій въ вечеру ездилъ съ своею супругою государынѣ откланюватся. Пѣвчій дворцовый Маркъ Полторацкій, приехавшый въ сихъ дняхъ съ Украины, подалъ мнѣ писмо отъ генералного асаула Якубовича.

20. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, отъежджающую въ Покровское. Обѣдали у Кочубея, куда пріѣжжалъ Ігнатъ Кириловичъ Полтавцовъ. Надъ вечери ездилъ я одинъ до князя Алексія

Дмитріевича Голицина и у него болѣе часа сидѣлъ и поздравлялъ его-жъ новорожденною дочерью. Полковникъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій прислалъ два подсвѣшники для отсилки въ Глуховъ, а оттоль въ сумскій успенскій монастырь, о чемъ отъ мене писано до Скоропадского, съ сообщеніемъ и писма къ ігумену тамошнему Іпполиту съ братіею. Куплены для Скоропадского 31 лимонъ солонихъ за 1 р. 61 к., да двѣ билорибици за 1 р. 56 к.

21. Рано были въ дворцѣ и видѣли государыню. Обѣдали въ своей квартерѣ и съ нами Ілія Лизогубъ, сего числа прибывшій въ Москву. Послѣ обѣда ездили до Кочубея и у него просидѣли до 10-го часа и ужинали. А оттоль какъ прибыли, то застали въ квартерѣ нашей пріехавшую жену капитана Соловіова съ свойственными своими. У насъ-же былъ дворцовый муншенкъ Алексій Петровичъ Соболевъ съ капитаномъ и управителемъ дворца государева, что въ селѣ Покровскомъ, Андреемъ Якимовичемъ Ратмановымъ.

22. Изъ-рана будучи въ дворцѣ, полковникъ Кочубей докладывалъ о дѣлѣ моемъ графу Розумовскому и какой получилъ отвѣтъ о томъ мнѣ объявилъ. Я былъ въ сенатѣ за дѣломъ съ Соколовскимъ, токмо оного не слушано. Обѣдали у Кочубея съ полковницею, а онъ у графа Румянцова. Надъ вечери былъ въ нашей квартерѣ отецъ духовникъ Ѳедоръ Дубянскій, зъ которымъ, по его требованію, ездили къ генералу маіору Івану Івановичу Головину, где и съ Іліею Лизогубомъ, ставшымъ у него квартерою, видѣлись.

23. Капитану Елисею Григорьевичу Пасинкову, глуховского гварнѣзону, позичены 20 р. денегъ и у негожъ взятъ облѣгъ за подписомъ его и свидѣтеля Носенка. За оправу Саваріева лексикона дано 75 к. Обѣдали въ дворцѣ у духовника, купно съ полковникомъ нѣжинскимъ Кочубеемъ и его женою. А вечеромъ были у насъ графъ Гендриковъ, да капитанъ Соловіовъ съ женою своею, Катериною Андреевною Дуніновою и два Чоглокови, Максимъ Совѣтовичъ и *(пробѣлъ)*.

24. Куплено пестреди за 35 к., сундучокъ и замочекъ за 15 коп. Обѣдала у насъ полковниця нѣжинская Ксенія Гарасимовна Кочубеева, а по полдни въ 5-мъ часу мужъ еи, Семенъ Василіевичъ Кочубей, съ нею, а при нихъ и Петръ Івановичъ Розумовскій

и Антонъ Ѳедоровичъ Демешко [243]) отъехали. Кочубей вчора и сего числа обнадеживалъ мене отъ графа Розумовского о дѣлѣ моемъ, о которомъ и меморіалъ врученъ отъ мене камердинеру графскому Івану Стефановичу Барановскому. Государиня изволила кушать въ Покровскомъ, где и архимандритъ кіево-печерскій у ея величества кушалъ-же.

25. Надъ вечери ездили въ Покровское до капитана и тамошнего управителя, Андрѣя Якимовича Ратманова, и у него до позна просидѣли; а какъ оттоль пріехали, то приходилъ къ Гудовичу сынъ Романовичовъ.

26. Обѣдни позной слушали въ дворцѣ, въ новой церкви. въ которой древняя, еще за царя Ѳедора Івановича шитая работа, т. е. иконостасъ поставленъ. Потомъ обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского съ Ігнатомъ Кириловичемъ Полтавцовымъ, съ Яковомъ Алексіевичемъ Шубскимъ, подполковникомъ, и оберъ-муншенкомъ Евфимомъ Юрьевичемъ Бахтіевымъ. А какъ оттоль пріехали, то былъ у насъ Григорій Михайловичъ Любистковъ съ женою и синомъ своимъ. Потомъ были мы у Сидора Перфильевича Денисьева, подполковника или надворного совѣтника. Вручено писмо и подсвѣшники Дмитрію Івановичу Мировичу, писанное 20-го числа сего мѣсяца до Скоропадского о отсилки тихъ подсвѣшниковъ въ сумскій монастырь, и онъ-же, Мировичъ, простилься съ нами, отъежджая въ Малороссію.

27. Изъ-рану принималъ лѣкарство sale anglicanum. Въ вечеру наказанъ Іванъ Кухтикъ за пянство. Мировичъ отъехалъ въ Украину.

28. Рано посиланъ Носенко до капитана Соловіова упомянутся о деньги 50 р., мнѣ по-поламъ съ Гудовичемъ должные. Зъ дворца заездили до Любисткова. По полдни поданъ меморіалъ графу Розумовскому о осталныхъ общенародныхъ 6 дѣлахъ, а именно: о

---

243) Родной племянникъ Натальи Демьяновны Разумовской, сынъ Федора Демьяновича, носившаго, по имени отца, прозваніе Демешка. Дѣти другаго брата Натальи Демьяновны, Герасима, носили прозваніе Стрѣшенцовъ.—См. также Семейство Разумовскихъ, т. I, стр. 21.—Обѣднѣвшіе Демешки и теперь еще живутъ въ глуховскомъ уѣздѣ, черниговской губерніи.

гетманѣ, о виводѣ грузинъ [244]), о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ, до артилеріи генералной надлежащыхъ и о расколщикахъ, и о томъ всемъ доволный съ графомъ розговоръ имѣли. Послѣ чего государиня изволила ночью ездить до графа Александра Івановича Румянцова для посѣщенія его въ болѣзни.

Мартъ.

1. Прибыли изъ Глухова два куріери: одинъ—сенатскій, посиланный зъ милостивымъ о уволненіи отъ станціи полковъ на три года и о протчемъ указомъ, другій—салдатъ глуховскій Калугинъ, чрезъ которихъ получены благодарственное челобите до ея императорского величества и репортъ въ сенатъ, да и писмо до графа Розумовского. Обѣдали мы у графа Гендрикова, которій рано былъ въ дворцѣ и имѣлъ о своемъ отправленіи въ Глуховъ розговоръ съ графомъ Розумовскимъ. Вечеромъ были у Ігната Кириловича Полтавцова, где застали сенатской конторы прокурора Андрея Григорьевича Щербинина, да прокурора-жъ Петра Михайловича Николева и Петра Петровича Верделевского и съ ними до позна просидѣли.

2. Рано были въ дворцѣ и вручили графу Розумовскому какъ до ея величества писанное изъ Глухова челобитье благодарственное, такъ и ему надлежащое писмо отъ старшины генералной. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за мѣсяцъ февраль, изъ которыхъ взяли себѣ по 40 р., а осталось на росходъ харчевый 20 р. Въ вечеру были у насъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Алексій Яковлевичъ Шубинъ, графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, брегадиръ князь Ѳедоръ Івановичъ Голицинъ, Сергій Івановичъ Бутурлинъ и нѣсколко офіцеровъ съ ними.

3. Писалъ писмо до Александра Петровича Толстого о отдачи водки 10 вѣдръ и простого вина 2-хъ вѣдръ и 5 штофовъ, и оное писмо отослано чрезъ Івана. Обѣдали мы у Ѳедора Івановича Коченевского, а надъ вечери ездили на фабріку, гдѣ дѣлается ценинная посуда, то есть, столовые сервѣзы и протчая, съ Михайломъ

---

[244]) Рѣчь идетъ о грузинахъ, которымъ въ царствованіе императрицы Анны Ивановны розданы были въ Малороссіи населенныя мѣстности, преимущественно въ полтавскомъ и прилуцкомъ полкахъ.

Борисовичемъ Нероновымъ и Аполлономъ Василіевичемъ Лодижинскимъ.

4. Писаны писма: одно до полковника нѣжинского Кочубея съ отсилкою пакета и 4-хъ писемъ къ нему надлежащыхъ; другое до бунчукового товарища Стефана Міклашевского въ отвѣтъ на его двѣ писми; третое до маіора Василія Івановича Войникова въ С.П.-Бурхъ, отвѣтное на его-жъ писмо, где приложено писмо зъ Глухова до кофишенка Савлукова и цедула о покупкѣ 4-хъ косъ для кошенія хлѣба озимого и ярового съ надлежащимъ приборомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где при насъ благодарствовалъ государинѣ полковникъ Яковъ Андріевичъ Мордвиновъ за пожалованіе его брегадиромъ.

Обѣдать ездили мы съ графомъ Гендриковымъ въ подмосковный домъ, називаючійся «Черемошки», князя Ѳедора Івановича Голицина брегадира, за донскимъ монастыремъ въ 4 версти отстоящого. А оттоль заездили въ домъ того-жъ князя каменный, на Знаменкѣ имѣючійся. Потомъ были у подпоруччика Аполлона Василіевича Лодижинского.

5. Рано въ дворцѣ многіе офіцеры конной гвардіи, въ томъ числѣ и одинъ ротмистръ Іоганъ Респе, пожалованный брегадиромъ, благодарствовали своему подполковнику, графу Алексѣю Григорьевичу Розумовскому, за повышеніе въ рангахъ. Тамъ-же розговоръ я имѣлъ съ Александромъ Петровичемъ Толстымъ о недоданной мнѣ водки и простомъ винѣ. Обѣдали мы у прокурора сенатской канторы Андрея Григоріевича Щербинина зъ Ігнатомъ Кириловичомъ Полтавцовымъ, съ Петромъ Михайловичемъ Николевымъ, прокуроромъ крикскомісаріатскимъ, да тамъ-же былъ одинъ архимандритъ рускій. Вечеромъ у насъ былъ гвардіи поруччикъ отставный Александръ Тихоновичъ Лукинъ. Отослано писмо до гранадера лейбъ-компаніи Козмы Ивановича Войникова, писанное къ брату его маіору Василію Ивановичу Войникову, для отправленія въ С. П.-Бурхъ. Государевъ прежде бывшій кокмейстеръ Богданъ Григоріевичъ Халяблинъ умеръ въ Москвѣ.

6. Рано были въ домѣ покойного графа Александра Івановича Румянцова для отданія послѣднего цѣлованія, которій сего-жъ теченія 4-го числа въ 7-мъ часу по полуночи преставилъся. Да и у графини его Маріи Андріевны были-же, чиня ей въ нынѣшней

печали консоляцію. Потомъ были въ дворцѣ, где видѣлись съ адютантомъ конной гвардіи Лукяномъ Яковлевымъ, недавно прибывшымъ съ Полщи изъ Варшавы. Графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ подарилъ мнѣ атлясъ неболшій, въ 40 картинахъ состоящій, которій данъ въ оправу, а отъ роботи давать переплiотчику 60 к. Графъ Евфимъ Івановичъ Владиславичъ Рагузинскій нечаянно послѣ полдня въ 5-мъ часу зараженъ апоплексіею, умеръ въ 8-мъ часу, а пожитки его всѣ попечатаны. Іванъ Жоравко съ женою своею пріѣхалъ въ Москву [245]).

7. Рано были въ Кремлѣ, а потомъ ездили до Александра Борисовича Бутурлина съ поздравленіемъ его новопожалованнымъ сего марта 4-го числа, послѣ умершого того-жъ числа графа Румянцова, чиномъ подполковничества гвардіи преображенского полку. Обѣдни слушали въ дворцѣ, где и у ручки были іхъ імператорскихъ высочествъ. Обѣдали въ квартерѣ, а съ нами Аполлонъ Лодижинскій, Іванъ Соловіовъ съ женою своею и съ сестрою Анастасіею Андрѣевною. Въ вечеру былъ у мене одного секретарь Новоторжцовъ, а Гудовичъ ездилъ въ дворецъ, и тамъ онъ видѣлъся съ Жоравкомъ и его женою.

8. Рано былъ въ сенатѣ и явилъся передъ сенаторей, которіи стали слушать знову дѣло Соколовского съ Янушкевичемъ, а мнѣ велѣли отойти, и я оттуду отъехалъ въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. А по обѣдни кланялъся въ церквѣ государинѣ архіерей костромскій и галицкій Сулвестръ Кулябка. Потомъ допущены были многіе, въ томъ числѣ и мы, къ ручки великого князя и великой княгини. Оттоль поехавъ, обѣдали у поруччика гвардіи Александра Тихоновича Лукина, где обѣдали-же графъ Гендриковъ, да брегадиръ Афанасій Романовичъ Давидовъ и капитанъ Соловіовъ; а послѣ туда-жъ прибыли Матвей Михайловичъ Івінскій и Аполлонъ Лодижинскій. Князь Алексій Дмитріевичъ Голицинъ прислалъ мнѣ чрезъ протопопа мглинского пять картинъ о римской святого Петра церквѣ, что въ Ватиканѣ.

9. Выносъ и погребеніе было въ монастырѣ златоустовскомъ графа Александра Івановича Румянцова, при чемъ и отъ гвардіи

---

[245]) Иванъ Тимофеевичъ Жоравко былъ женатъ на родной племянницѣ Разумовскихъ, чѣмъ и объясняются оказанныя императрицею милости его женѣ, о которыхъ далѣе говоритъ дневникъ.

командированные салдати трикратнымъ залпомъ палили. Я и Гудовичъ обѣдали у маіора Алексія Даниловича Шеншина, где обѣдали же и швагри его Александръ и Василій Борисовичи Нероновы, а при томъ онъ, Шеншинъ, показовалъ намъ и приговоръ объ немъ въ сунодѣ состоявшійся. Вечеромъ были на бархатномъ дворѣ графскомъ и видѣлись съ Евдокіею Гарасимовною, женою Жоравковою и у ней сидѣли, а тамъ-же видѣли и канцеляриста, съ ними приехавшого, Ѳедора Квітніцкого.

10, Обѣдали у графа Гендрикова, где съ тестемъ его и розговоръ былъ о умершемъ князѣ Меншиковѣ, будто онъ былъ чійсь крестянинъ по отцу и дѣду своему. Вечеромъ были у муншенка Івана Андріяновича Возжынского, гдѣ видѣлъся съ нами и Гарасимъ Кириловичъ Лѣбратовскій. У насъ-же былъ по обѣдѣ канцеляристъ Квітніцкій, которому и цедула дана отъ мене о дѣтяхъ Журавкиныхъ померших, якую писала ко мнѣ мать его Журавкина изъ С. П. Бурха.

11. Купленъ подносъ срѣбный, за которій дано 29 р. 20 к., а въ немъ вѣсу фунтъ одинъ и 81 золотникъ. Погребенъ въ монастырѣ греческомъ г. Евфимъ Рагузинскій. Обѣдали мы въ дворцѣ у отца духовника, где прежде и обѣдни слушали и въ ручки іхъ імператорскихъ высочествъ были.

12. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, изволила государиня отъехать обѣдати до новопожалованного подполковника преображенского полку Александра Борисовича Бутурлина, а мы обѣдали у Жоравки. А вечеромъ были у Александра Петровича Сумарокова, генералъ-адютанта графского.

13. Рано были въ дворцѣ и государынѣ кланялись, а послѣ обѣда приносилъ къ намъ перлы двоихъ сортовъ иноземецъ, слуга Аполлоновъ. Потомъ знову ездили въ дворецъ съ графомъ Гендриковымъ (у которого застали брата его графа Андрея Михайловича Евфимовского и капитана гвардіи Михелсона съ женою) и у него ужинали.

14. Послѣ обѣда у графа Гендрикова видѣлись зъ маіоромъ гвардіи, генераломъ-маіоромъ и кавалеромъ Іваномъ Афанасіевичемъ Шиповымъ. Потомъ въ вечеру были въ дворцѣ и тамъ видѣли прибывшого зъ Украини Зеленского, жіючого въ гадяцкомъ полку;

тамъ-же приходилъ и полковникъ стародубскій Максимовичъ съ духовникомъ.

15. Рано ездили перво въ дворецъ, а оттоль я одинъ въ сенатъ, но дѣла нашего, зъ прошлые среди начатого, не слушали за розборомъ недорослей и отставныхъ. По обѣдѣ была у мене іноземка, которую намѣренъ уговорить до дѣтей для обученія. По полдни были мы у генерала маіора и гвардіи ізмайловского полку маіора Івана Афанасіевича Шипова, а одинъ Гудовичъ вечеромъ ездилъ до дворца и, тамъ будучи у графа Розумовского, слышалъ деклярацію о скорой отправѣ. Писано писмо въ Глуховъ до Скоропадского о покупки для мене бочки волоского красного вина и притомъ о посилки одного пакета, подписанного на имя полковника нѣжинского Кочубея, другое писмо до Стефана Міклашевского.

16. Оные писма отпущены въ Глуховъ чрезъ отъехавшого туда куріера Калугина. Вечеромъ были въ дворцѣ и поздравляли графа завтрешнымъ тезоименитствомъ, которій частовалъ между протчими и насъ венгерскимъ виномъ. Потомъ вскорѣ изволила государыня отъехать въ Покровское съ нѣсколко придворного штату. Канцеляристъ войсковый, Прокопъ Чарнуцкій, прибылъ съ звѣриною.

17. Рано простилъся съ нами канцеляристъ, которій пріездилъ съ Бакуринскою. Послѣ обѣда былъ у насъ секретарь Новоторжцовъ. Писано писмо до жены о сину Василю и о приуготовленіи въ глуховскомъ и городискомъ дворахъ пива и меду въ ліодовняхъ. Трактаментъ былъ въ Покровскомъ.

18. Послѣ обѣдни, въ дворцѣ слушанной, были допущены къ ручки государыни и ихъ высочествъ, а обѣдали у графа Гендрикова. Надъ вечери ездили на Арбацкую улицу до генерала лейтенанта провіантъ-мейстера, Івана Алексіевича Горчакова. Сего-жъ числа рано поздравляли именинника графа Кирила Григоріевича Розумовского.

19. Въ дворцѣ по обѣдни звалъ насъ архіепископъ московскій и сѣвскій, преосвященный Платонъ Маліновскій, къ себѣ обѣдать въ Чудовъ монастырь, где мы въ полатахъ его, съ племѣнниками его-жъ, сотникомъ полковымъ гадяцкимъ (*пробѣлъ*), да бунчучнымъ товарищемъ Алексіемъ Маліновскими, обѣдали, а самъ его преосвященство, будучи воспреемникомъ нѣкоторого татарчука, вѣру нашу воспріявшого, у генерала фелтмаршала князя Івана Юревича Трубецкого

обѣдалъ, потомъ насъ еще въ своихъ полатахъ заставши, долго поудержалъ, куда такожде пріехалъ и архіерей воронежскій Феофилактъ.

20. Писано отъ мене писмо до капитана Соловіова, что-бъ онъ графу Івану Симоновичу объ отдачи 500 р. напамятовалъ и отъ себе прислалъ-бы 50 р. Коляска для езди двумѣстная намъ зъ конми булано-пѣгими изъ двора графа Гендрикова прислана.

21. На службѣ преждеосвященной были въ патріяршей церквѣ, а потомъ ходили въ палату, где миро варятъ. При картцѣ отосланы чрезъ Кохановскаго къ Івану Стефановичу Барановскому 3 ате статы генералитетсткіе, одинъ унѣверсалъ гетмана Апостола на село Чаусы, да копія писма отъ матушки писанного. Послѣ полдня явилъся у насъ войтъ переяславскій, недавно въ Москву пріехавшый.

22. Писали въ Глуховъ до генералной старшины, въ генералной канцелляріи присутствующихъ, о дачѣ пашпорта на 8 подводъ ямскихъ ігумену ріхловскому съ братіею, когда будетъ ехати къ Москвѣ.

23. Пó благости Божіей удостоилъся причастится святыхъ Таинъ въ церквѣ святого мученика Пагкратія и исповѣдывалъся тоей-же церкви предъ священникомъ Александромъ Григоріевичемъ. Вечеромъ прибылъ графъ Гендриковъ изъ своей деревнѣ Прусъ, тамъ говѣвшый, а мы ездили въ дворецъ, но видѣть графа не получили.

24. Графъ Гендриковъ прислалъ мнѣ и Гудовичу 200 р. должныхъ, изъ которыхъ по сту мы взяли, а еще-жъ двѣстѣ нашыхъ денегъ на немъ остались. За покойного Козляници отдалъ мнѣ должные денги десять рублей преосвященный архіепископъ московскій Маліновскій, которые отъ мене позичены Івану Янушкевичу, абшитованному писару. Служителю Сидору на его нужды дано 50 к.

25. Отпущенно простого вина Сорокину четиры штофи. Былъ пожаръ не далече насъ. Слушали обѣдни въ дворцѣ и тамъ, при поздравленіи многихъ господъ нынѣшнымъ Благовѣщенія Господня праздникомъ, были у ручки іхъ імператорскихъ высочествъ.

26. Въ сей денъ Свѣтлаго изъ мертвыхъ Воскресенія Христова утрени въ теплой церкви слушали, где и у руки ея імператорского величества и іхъ імператорскихъ высочествъ были, а

обѣдни въ болшой дворцовой деревяной церкви слушали-жъ. А послѣ обѣдни ея величество изволила въ другіе покои новые перейти съ нѣкоторими придворного штату. Въ сей день прежестокій былъ морозъ, и мы, отобѣдавъ у капитана Соловіова, имѣли у себя гостей графа Івана Симоновича Гендрикова, сержанта лейбъ-компаніи Сурина и другихъ; потомъ съ ними-жъ знову были у капитана Соловіова.

27. Рано были съ поздравленіемъ у князя Алексія Дмитріевича Голицина, у князя Івана Андріевича Щербатова, у графа Кирила Григоріевича Розумовского, у князя Івана Василіевича Одоевского, у віце-канцлеровой графини Анны Карловны Воронцовой; потомъ въ дворцѣ у графа Алексія Григоріевича Розумовского, у полковника Өедора Івановича Коченевского и подполковника Якова Алексіевича Шубского, да и у духовниковой, а по полдни, вечеромъ уже, у маіора гвардіи и генералъ-маіора и кавалера Івана Афанасіевича Шипова. Ночью былъ пожаръ.

28. Рано зъ поздравленіемъ были-же у Василія Івановича Демидова, у генералъ-лейтнанта и сенатора Івана Івановича Бехметева, где и полковника Тютчева, бывшого передъ симъ въ Глуховѣ, застали,—у генерала и гвардіи полку преображенского подполковника Александра Борисовича Бутурлина, где и секретаря Козловского изъ Глухова пріехавшого видѣли, потомъ были-же и у барона Івана Антоновича Черкасова и у князя Александра Борисовича Куракина. А у насъ были съ поздравленіемъ войтъ переяславскій съ своими 2 урядниками и принесъ барилце вина волоского, да сотникъ полтавского полку Куликъ и канцеляристъ Данилевскій съ товарищемъ, которіи у насъ-же и обѣдали. Въ вечеру были у преосвященного новгородского Стефана Каліновскооо, где и съ архимандритомъ новоспаскимъ Гавріиломъ Кременецкимъ видѣлись.

29. Рано обослали виномъ генерала-лейтнанта Петра Михайловича Шипова, а потомъ были мы у великого канцлера Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, у кавалера Николая Андріевича Корфа и у полковника слѣпого Григорія Михайловича Любисткова, а по полдни у камеръ-юнкера Михайла Івановича Софонова и у генерала маіора и генерала рекетмейстера Івана Івановича Дивова. —За направку вѣдра мѣдного, да побѣлянье оного и чайника старого

дано 65 к. Прошлыхъ числъ на разный росходъ пошло 14 коп. Рано изволила государиня ездить на набоженство въ Кремль и тамъ обѣдать и ужинать.

30. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ, а оттуду заехавъ къ Журавцѣ, у него обѣдали и до вечерень проседѣли. Вечеромъ были у насъ сотникъ Брежинскій и поруччикъ гвардіи Лукинъ. Ночью пожаръ былъ въ разныхъ мѣстахъ.

31. Рано былъ пожаръ подлѣ Сухаревой Башни. Послѣ обѣдни были въ дворцѣ и при насъ изволила государиня отъехать въ Покровское. Обослалъ насъ Тройцы-Сергіева монастыря келаръ отецъ Феофанъ Чарнуцкій, чрезъ племѣнника своего, канцеляристу войскового, Прокопа Чарнуцкого хлѣбомъ, медомъ, пивомъ, мясомъ и рибою. Надъ вечери были у насъ секретарь Новоторжцовъ и дядя его Михайло Стефановичъ Павловъ съ женами, и Новоторжцовъ же объявилъ намъ, что вчорась ему учинена повѣстка, чтобъ онъ собиралъся со всѣми дѣлами малороссійскими къ переноски въ коллегію іностранную.

Априль.

1. Рано посѣтилъ насъ помянутій отецъ келарь Тройцы-Сергіева монастыря. Потомъ ездили мы до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, до графини Румянцовой Маріи Андріевны съ поздравленіемъ воскресенского праздника и тезоименитствомъ ея. Обѣдали у графа Івана Симоновича Гендрикова, а послѣ были перво у преосвященного Тодорского, архіепископа псковского, также у предреченного отца келаря на троецкомъ подворьѣ въ Кремлѣ и у переводчика Політики.

2. Рано были въ дворцѣ и по обѣдни жалованы съ протчими къ ручкамъ іхъ імператорскихъ высочествъ. Послѣ полдня ездили къ господину Лукину, у которого до 10-го часу сидѣли, и въ 10 часу пожаръ былъ сдѣлался въ домѣ Михайла Андріевича Бѣлоровского,—людскіе избы погорѣли.

3. Писаны писма одно въ С.П.-Бурхъ къ Войникову швагру въ отвѣтъ на его писмо; другое до обозного полкового полтавского Андрея Руновского въ покупки для мене-жъ 3 паръ потебеніокъ, одного ленчика кримского, 2-хъ сафяновъ жолтыхъ и 3-хъ червоныхъ, и то все отослалъ-бы онъ въ Глуховъ, а за прибытіемъ

моимъ надлежащіе за ту покупку денги отданы будутъ. Былъ я одинъ у Любисткова съ Іліею Лизогубомъ, которій послѣ съ нами и обѣдалъ, а послѣ полудня я же былъ у Фукса и взялъ у него фузію, за 29 р. передъ симъ сторгованную.

4. Писмо въ Глуховъ для отсилки къ Руновскому вручено канцеляристу Данилевскому. Обѣдали у графа Гендрикова, а по обѣдѣ отослалъ 4 р. денегъ къ полковници Іуліанѣ Филиповнѣ Авксентіевой, которая уговорила дѣвокъ майстерицъ здѣлать 4 пари срѣбрныхъ и 4 пари золотыхъ петель до кунтушовъ.

5. Принесены денги кормовые изъ рентереи за мѣсяцъ мартъ 100 р., изъ которыхъ по 30 р. я и Гудовичъ взяли на свои нужды, а 40 р. осталось харчевыхъ, изъ коихъ на росходъ даны 10 руб. Янжулу.

6. Были рано въ дворцѣ и обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, да въ вечеру вчора сидѣли у генерала-маіора и гвардіи-маіора Івана Афанасіевича Шипова. Пріездилъ къ намъ по полдни секретарь Новоторжцовъ осматривать дворъ, чтобъ ему оный купить. Рано видѣли Козловского у гр. Гендрикова.

7. Рано были въ дворцѣ зъ графомъ Гендриковымъ и при насъ Александръ Тихоновичъ Лукинъ подалъ графу А. Г. Розумовскому о своей нуждѣ прошеніе. Тому-жъ Лукину позичилъ я книгу «Саваріевъ лексиконъ» для прочтенія. Послѣ полдня были у генерала лейтнанта и кавалера Родіона Михайловича Кошелева.

8. Рано прислалъ звать насъ къ себѣ на чай Ів. Ів. Шиповъ и у него-жъ мы обѣдали, а послѣ полдня были у Лукина и у него ужинали, купно съ совѣтникомъ судного приказу, Ѳедоромъ Александровичемъ Нащокинымъ.

9. Послѣ обѣдни, слушанной въ церквѣ каменной Сверчковой, что на Покровской въ Бѣломъ городѣ улицѣ, ездили въ дворецъ и оттуду заездили до Жоравки. Онъ-же къ намъ пріездилъ и обѣдалъ у насъ съ Квітніцкимъ, да съ сержантомъ преображенского полку гвардіи Березинскимъ. Отослано писмо отъ г. Кочубея и посилка до графинѣ Параскевіи Юревни Солтиковой, домъ ихъ на Дмитровцѣ.

10. Обѣдали у графа Гендрикова. Розишлось на розницю 63 к.

11. Были въ дворцѣ и видѣли государыню, пріехавшую отъ невѣстки канцлеровой Евдокіи Динисовни, которая болна не по-

Отъ редакціи.

Журналъ „**Кіевская Старина**" выходитъ *неизмѣнно* 1-го числа каждаго мѣсяца и въ тотъ-же день разсылается городскимъ подписчикамъ, а 2-го и не позже 3-го числа сдается въ Почтовую Контору для отправки внутри Имперіи и за границу.

Редакція отвѣчаетъ за исправное полученіе журнала лишь при слѣдующихъ условіяхъ: 1) если въ *четко* написанномъ адресѣ означены: имя, отчество и фамилія подписчика, равно губернія, уѣздъ и почтовое учрежденіе, гдѣ *допущена* выдача журналовъ, 2) если жалоба на неполученіе книжки прислана непосредственно въ редакцію, хотя-бы подписка была сдѣлана въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ, 3) если жалоба послана, согласно объявленію Почтоваго Департамента, не позже полученія или срока выхода слѣдующей книжки, 4) если къ жалобѣ приложено будетъ удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книжка ею не была получена и 5) если о перемѣнѣ адреса было сдѣлано заявленіе редакціи и притомъ сдѣлано своевременно, т. е. съ такимъ разсчетомъ времени, тобы редакція могла получить оное не позже выхода слѣдующей книжки.

За перемѣну адреса иногороднаго на городской и обратно уплачивается *пятьдесятъ коп.*, а при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же высылается *четыре семикопѣечныя марки.*

Подписная цѣна на мѣстѣ 8 р. 50 к., съ доставкою на домъ и пересылкою внутри Имперіи 10 р., за границу 11 р. По той-же цѣнѣ высылаются и оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1882—1885 гг.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной (*Кіевъ*, *Трехсвятительская улица*, *№ 8-й*), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина въ Кіевѣ и Петербургѣ, «Новаго Времени» и Глазунова въ Петербургѣ и Москвѣ, Мелье, Вольфа и Мартынова въ Петербургѣ, Федорова, Розова, Динтера, Корейво, Гинтера и Малецкаго, Панчешникова въ Кіевѣ и др.

Издателямъ и авторамъ книгъ и брошюръ по южно-русской исторіи и этнографіи, приславшимъ экземпляръ своихъ изданій въ редакцію, обѣщается рецензія.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ТОМЪ XVI.

Ноябрь.

1886 г.

КІЕВЪ.

Тип. А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 31-го октября 1886 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

южно-русской литературы XVII в. на раскольничью литературу XVIII в., проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, Апокрифическіе элементы южно-русской народной словесности, *его-же*, Объ уличныхъ малорусскихъ прозвищахъ, *его-же*, Поминка о турѣ въ малорусской народной поэзіи, *его-же*, Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, *Н. А. Добротворскаго*, Къ исторіи колонизаціи слоб. Украйны, *Д. И. Багалѣя*, Историко-географическій очеркъ г. Ямполя, *К. М.* и проч.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб**., съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп**., при выпискѣ за границу **11 руб**. Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25°/₀ съ общей за эти годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20°/₀, за 3 15°/₀, и за два 10°/₀.

Адресъ: Въ редакцію «**Кіевской Старины**», Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Лебединцевъ**.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

БЛИЗНЕЦЫ.

(Продолженіе) [1].

Время близилось къ праздникамъ. Степанъ Мартыновичъ уже началъ распускать своихъ школяровъ по домамъ. Уже и кабана и другаго закололи на хуторѣ; Парасковья Тарасовна собственноручно взялась за колбасы и прочую начинку къ праздникамъ. Вездѣ и по всему видно было, что праздникъ на улицѣ ходитъ, а въ хату еще боится зайти.

Въ такой-то критическій вечеръ пріѣхалъ на хуторъ Карлъ Осиповичъ и привезъ письмо съ почты, и письмо то было изъ Полтавы отъ дѣтей и—какъ бы вы думали, отъ кого еще?—Отъ И. П. Котляревскаго. Парасковья Тарасовна, когда услышала, что письмо изъ Полтавы, вбѣжала въ комнату и колбасу забыла оставить въ кухнѣ.

— Гдѣ же это письмо? Голубчикъ, Карлъ Осиповичъ, гдѣ же письмо? прочитайте мнѣ, дайте мнѣ его, я хоть поцѣлую.

— Отнесите сначала колбасу на мѣсто, а потомъ уже приходите письмо слушать,—сказалъ Никифоръ Өедоровичъ, развертывая письмо.

— Ахъ, я божевильная, и не схаменуся! вскрикнула она и выбѣжала за двери.

Вскорѣ всѣ усѣлися вокругъ стола и началось торжественное чтеніе письма.

Такъ какъ уже начинало смеркаться, то догадливая Марина, безъ всякаго со стороны хозяйки распоряженія, внесла въ комнату свѣчу и поставила на столъ. Никифоръ Өедоровичъ развернулъ

[1]) См. „Кіев. Стар." 1886 г., октябрьск. кн., стр. 199—251.

писмо Ивана Петровича, сначала посмотрѣлъ на подпись и потомъ началъ читать.

«Ласковіи мои други, Никифоръ Ѳедоровичъ, Парасковія Тарасовна и Степанъ Мартыновичъ»!

Всѣ молча между собою переглянулись.

Но такъ какъ письмо было написано по-малороссійски, что не всякій пойметъ, а другой и понялъ бы, такъ устъ своихъ марать не захочетъ мужицкими словами, то потому я разскажу только содержаніе письма, отъ чего повѣсть моя мизерная много потеряетъ.

Послѣ обыкновенныхъ поздравленій съ наступающими праздниками Иванъ Петровичъ описываетъ добрыя качества дѣтей ихъ и удивляется ихъ необыкновенному сходству какъ физическому, такъ и нравственному и говоритъ, что онъ по мундирамъ ихъ только и узнаетъ. «Я за ними, говоритъ, посылаю каждую субботу. Воскресеніе они проводятъ со мною, и я не налюбуюсь ими. Не желалъ-бы и у себя имѣть лучшихъ дѣтей, какъ ваши дѣти. Моя муза наполняется еженедѣльно описаніемъ ихъ дѣтскихъ прекрасныхъ качествъ». Далѣе онъ пишетъ, что лучше было бы повести ихъ по одной какой нибудь дорогѣ: по военной или по гражданской. А дальше пишетъ, что нѣтъ худа безъ добра, что отъ различнаго ихъ воспитанія выйдетъ психическій опытъ, который и покажетъ, какая произойти можетъ разница отъ воспитанія между двумя субъектами, совершенно одинаково организованными. А дальше пишетъ, что онъ не мало удивился, когда узналъ, что они хорошо читаютъ по нѣмецки и еще лучше по латыни, и спрашиваетъ, кто ихъ училъ (тутъ, молча, переглянулись Карлъ Осиповичъ и Степанъ Мартыновичъ). Потомъ пишетъ, что Гапка ихъ тоже полюбила и снабжаетъ ихъ каждое воскресеніе пирожками и бубликами на цѣлую недѣлю. «Разъ у меня Зося попросилъ гривенникъ на какую-то кадетскую требу, но я ему не далъ: по опыту знаю, что не хорошо давать дѣтямъ деньги».

— А можетъ оно бѣдненькое учителю хотѣло дать, чтобы лучше показывалъ, проговорила Парасковія Тарасовна; но Никифоръ Ѳедоровичъ взглянулъ на нее по своему, и она умолкла.

И говоритъ: «вы объ нихъ не безпокойтесь: праздники они у меня проведутъ, а на святъ-вечеръ съ вечерею пошлю ихъ къ моему другу Н. У него тоже есть дѣти, они тамъ весело встрѣтятъ

праздникъ Рождества Христова». Дальше пишетъ, чтобы они не забывали его стараго и чтобы на время каникулъ пріѣзжали въ Полтаву, и что въ Полтавѣ квартиры очень дешевы, а что Гапка его варитъ отличный борщъ изъ карасей сушеныхъ. «Ужъ какъ это она дѣлаетъ, говоритъ, Богъ ее знаетъ.

Оставайтеся здоровы, ве забувайте одинокого И. Котляревскаго.

P. S. Поклонитесь, якъ побачитесь, доброму моему Степану Мартыновичу Левицькому».

По окончаніи письма Карлъ Осиповичъ всталъ, понюхалъ табаку и сказалъ: «ecce homo!» Степанъ Мартыновичъ тоже всталъ и заплакалъ отъ умиленія. Да и какъ не заплакать? Ему, ничтожному дьячку, пишетъ поклонъ, и кто же? Попечитель гимназіи. Парасковія Тарасовна тоже встала и, обратясь къ образамъ и крестясь, со слезами на глазахъ говорила: «благодарю тебя, милосердный Господи, за твое милосррдіе, за твою благодать святую! Послалъ ты ангела-хранителя моимъ малымъ сиротамъ на чужинѣ!» И она молча продолжала молиться, а Никифоръ Ѳедоровичъ сидѣлъ, облокотясь надъ письмомъ, и хранилъ глубокое молчаніе. Потомъ свернулъ письмо, поцѣловалъ его, глубоко вздохнулъ, всталъ изъ-за стола и молча вышелъ въ другую комнату. Чрезъ полчаса онъ вышелъ, и глаза его какъ будто покраснѣли. Парасковія Тарасовна обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Есть-ли у него пасѣка? Я тогда, какъ была въ Полтавѣ, и забыла спросить у Гапки. А то послать бы ему хоть бочку меду. Къ празднику уже не успѣемъ, то хоть къ великому посту.

— Пошлемъ двѣ, сказалъ Никифоръ Ѳедоровичъ и началъ ходить молча по комнатѣ.

Гости простились и пошли во-свояси съ миромъ, дивяся бывшему.

Прошли и праздники, и зима проходитъ, а весна наступаетъ, вотъ уже и Великъ-день черезъ недѣлю. Степанъ Мартыновичъ распустилъ своихъ учениковъ въ дома родительскіе и наказываетъ, чтобы прибывали въ школу не раньше Вознесенія Христова. По примѣру семинарскому онъ тоже сдѣлалъ вакаціи своимъ школярамъ. Послѣ праздника, распорядившись хорошенько домомъ, т. е. препоручивъ смотрѣніе за школою и за меньшими братьями старшимъ братьямъ: двумъ богословамъ, а третьему философу и нака-

завъ, чтобы въ часы досуга рыли ровъ не весьма глубокій, около древъ насажденныхъ, Степанъ Мартыновичъ позычилъ у знакомаго ему мѣщанина «бѣду», разумѣется, не такую франтовскую, какъ у Карла Осиповича, а такъ-себѣ простенькую, а у другого, тоже знакомаго, мѣщанина нанялъ коня съ хомутомъ на двадцать дней и нощей, запрегъ коня въ бѣду и въ одно прекрасное утро, простившись съ хуторомъ и со школою, сѣлъ и поѣхалъ легонькою рысцею въ Полтаву.

Парасковія Тарасовна послала чрезъ него дѣтямъ свое, хотя за очное, родительское благословеніе и мѣшокъ бубличковъ, какъ-то особенно испеченныхъ, а Зосѣ своему и полкарбованца денегъ, которыя онъ долженъ былъ ему передать тихонько отъ Ивана Петровича. Степанъ Мартыновичъ обѣщался все это исполнить, но не исполнилъ. Онъ за полкарбованца отслужилъ молебенъ, а Зосѣ крѣпко-на-крѣпко наказалъ, чтобы онъ не осмѣливался просить гривенничковъ у Ивана Петровича.

Въ Полтавѣ съ нимъ не случилось ничего необыкновеннаго, кромѣ развѣ того, что онъ присутствовалъ въ соборѣ при рукоположеніи во діакона его стараго знакомаго баса и что новый діаконъ зазвалъ его къ себѣ, напоилъ пьянымъ и въ добавокъ поколотилъ слегка, изъ чего и заключилъ Степанъ Мартыновичъ, что его пріятеля никакой санъ не исправитъ, что онъ, какъ былъ басомъ, такъ и останется имъ даже до могилы.

По возвращеніи во-свояси изъ далекаго и неисполненнаго приключеній странствія, школу свою нашелъ онъ благополучною, благодарные братья обрыли кругомъ новый вертоградъ его, да еще и лозою огородили. Поблагодаривъ ихъ прилично, т. е. купивъ имъ по парѣ юфтовыхъ сапогъ и демикитону на жилеты, онъ просилъ ихъ же пособить ему перенести изъ хутора пчелы въ свою пасѣку, что на другой же день и было исполнено. Теперь онъ, кромѣ того, что стихарный дьякъ, учитель душъ до тридцати учениковъ, да еще и пасѣчникъ не малый.

Проходили невидимо дни, мѣсяцы и годы. Зося и Ватя росли душою и тѣломъ въ Полтавѣ, а Никифоръ Ѳедоровичъ и Парасковія Тарасовна старились себѣ безмятежно на хуторѣ и получали исправно каждый праздникъ поздравительныя письма отъ дѣтей. Потомъ стали получать ежемѣсячно, потомъ и чаще, и уже не на-

ивныя дѣтскія письма, а письма такія, въ которыхъ началъ опредѣляться характеръ пишущихъ. Такъ, напримѣръ, Зося писалъ всегда довольно лаконически, что онъ почти нищій между воспитанниками и что по фронту онъ изъ числа первыхъ, а Ватя писалъ пространнѣе. Онъ скромно писалъ о своихъ успѣхахъ, о нищетѣ своей и не упоминалъ, а о добромъ и благородномъ своемъ покровителѣ исписывалъ цѣлыя страницы. Изъ его писемъ можно было узнать костюмъ, привычки, занятія, словомъ ежедневный бытъ автора «Полтавки Наталки», «Москаля чаривника» и перелицеванной «Энеиды».

Въ концѣ четвертаго года получены были отъ дѣтей письма такого содержанія:

«Дражайшіе родители!

Выпускной экзаменъ я сдалъ прекрасно: получилъ хорошіе балы во всѣхъ наукахъ, а по фронту вышелъ первымъ. Меня посылаютъ въ дворянскій полкъ въ Петербургъ, а потому и прошу прислать мнѣ, сколько можете на первый разъ, денегъ на непредвидѣнные расходы. Вашъ покорный сынъ З. Сокиринъ».

— Сокиринъ, Сокиринъ, худой знакъ! говорилъ тихо Никифоръ Ѳедоровичъ и развертывалъ другое письмо.

«Мои нѣжные, мои милые родители!

Богъ благословилъ ваше обо мнѣ попеченіе и мои посильные труды: я сдалъ свой экзаменъ почти удовлетворительно къ великой моей радости и радости нашего всѣми любимаго и уважаемаго благодѣтеля, который кланяется вамъ и достойному Степану Мартыновичу. По экзамену я удостоился драгоцѣнной для меня награды. мнѣ публично вручилъ самъ ректоръ въ изящномъ переплетѣ Виргиліеву «Энеиду» на латинскомъ языкѣ и тутъ же публично объявилъ, что я удостоился быть посланнымъ въ университетъ, который я самъ изберу, на казенный счетъ, по медицинскому факультету. И я теперь прошу вашего родительскаго благословенія и совѣта, какой именно избрать мнѣ университетъ: харьковскій или ближайшій кіевскій. Я желалъ бы послѣдній, потому что тамъ профессора хорошіе, особенно по медицинскому факультету, а болѣе желалъ бы потому, чтобы быть ближе къ вамъ, мои безцѣнные, мои милые родители. Жду вашего благословенія и совѣта и цѣлую

ваши родительскія руки. Остаюсь любящій и благодарный вашъ сынъ С. Сокира.

P. S. Поцѣлуйте за меня незабвеннаго моего Степана Мартыновича. Вчера и сегодня благодѣтель нашъ жалуется на боль въ ногахъ и поясницѣ и третій день уже изъ дому не выходитъ. Помолитесь вмѣстѣ со мною о его драгоцѣнномъ здравіи».

По прочтеніи письма Никифоръ Ѳедоровичъ сказалъ:

— Ну, слава тебѣ, Господи, хоть одинъ походитъ на человѣка.

— Да еще на какого человѣка! прибавилъ Карлъ Осиповичъ. Я вамъ предсказываю, что изъ него выйдетъ докторъ, магистръ, профессоръ и знаменитый профессоръ медицины и хирургіи, а въ добавокъ членъ многихъ ученыхъ обществъ. Увѣряю васъ, что такъ будетъ. Ай да юный эскулапъ! воскликнулъ онъ, щелкая по табакеркѣ.

— А изъ Зоси, вы думаете, не выйдетъ ничего путнаго? съ такимъ вопросомъ обратилась Парасковія Тарасовна къ Карлу Осиповичу.

— Боже меня сохрани такъ думать! Изъ него можетъ выйдти хорошій офицеръ, полковникъ, генералъ и даже фельдмаршалъ. Это будетъ зависѣть отъ него самого.

— Толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ, проговорилъ въ полголоса Степанъ Мартыновичъ.

— Что было, то видѣли, а что будетъ, то увидимъ, сказалъ сухо Никифоръ Ѳедоровичъ и ушелъ къ себѣ въ пасѣку.

Долго ходилъ онъ около пасѣки, волнуемый какимъ-то смѣшаннымъ, неопредѣленнымъ чувствомъ между радостью и грустью, и, успокоивъ себя надеждою на всеблагое Провидѣніе, возвратился въ хату, повторяя изреченіе Богдана Хмельницкаго: «що буде, то те й буде, а буде те, що Богъ намъ дасть».

На другой день написалъ онъ самое искреннее и благодарное письмо Ивану Петровичу, послалъ дѣтямъ по 25 рублей, всепокорнѣйше прося Ивана Петровича вручить ихъ дѣтямъ и чтобы онъ величайшую милость для него сдѣлалъ,—извѣстилъ его, какое дѣти сдѣлаютъ употребленіе изъ денегъ, потому, говоритъ, что деньги въ молодыхъ рукахъ вещь весьма опасная и ему, какъ отцу, извинительна подобная просьба. Саватію онъ совѣтовалъ избрать уни-

верситетъ кіевскій, а Зосимѣ просилъ Ивана Петровича сдѣлать наставленіе, какое Господь внушитъ его добродѣтельному сердцу.

Чрезъ мѣсяцъ они имѣли великое счастіе обнимать Ватю у себя на хуторѣ. Онъ проѣздомъ въ Кіевъ уговорилъ товарищей своихъ пробыть сутки въ П—вѣ, чтобы повидаться ему съ родными, на что товарищи охотно согласились, тѣмъ болѣе, что онъ и ихъ пригласилъ на хуторъ. Зося тоже отправился съ товарищами изъ Полтавы, но только по харьковской дорогѣ, а потому и не могъ заѣхать на хуторъ.

Послѣ первыхъ привитаній Ватя побѣжалъ въ школу съ завѣтною «Энеидою» въ рукахъ и, найдя своего наставника въ школѣ между жужжащими школярами, какъ матку между пчелами, бросился къ нему на высокую шею. Послѣ перваго, втораго и третьяго поцѣлуя онъ подалъ ему драгоцѣнную книгу, говоря:

— Вы первый раскрыли мнѣ завѣсу латинской мудрости,—вамъ и принадлежитъ сія мудрѣйшая и драгоцѣннѣйшая для меня латинская книга.

Съ умиленіемъ принялъ и облобызалъ книгу Степанъ Мартыновичъ. Любуясь переплетомъ, онъ развернулъ ее и увидѣлъ между страницами красную бумажку. Это были десять карбованцевъ благодарнаго Вати.

— Вы въ книгѣ забыли деньги. Вотъ онѣ.

— Нѣтъ, это вамъ Иванъ Петровичъ посылаетъ чрезъ меня, чтобы вы потрудились передать ихъ вашимъ бѣднымъ родителямъ (а въ самомъ дѣлѣ это были оставшіеся отъ 25 рублей, присланныхъ ему въ Полтаву).

На радости Степанъ Мартыновичъ распустилъ учениковъ гулять, а самъ съ Ватей пошелъ на хуторъ, держа въ рукахъ развернутую книгу и декламируя стихи знаменитаго поэта. И еслибы Ватя также внимательно слушалъ, какъ Степанъ Мартыновичъ читалъ, то очутились бы оба по колѣни въ лужѣ, а то испыталъ это только одинъ педагогъ.

Погостивши сутокъ двое-трое на хуторѣ, Ватя началъ собираться въ дорогу; а товарищи такъ были довольны угощеніемъ гостепріимной Парасковіи Тарасовны, что и не думали о продолженіи пути, а потому не мало удивились, когда онъ сталъ прощаться съ своими, такъ называемыми, родителями. Дѣлать было нечего, и они

простились. А черезъ нѣсколько дней, прогуливаясь въ Шулявщинѣ, готовились держать экзаменъ для поступленія въ университетъ.

Во время пребыванія своего въ университетѣ Саватій каждыя каникулы пріѣзжалъ на хуторъ и превращался въ пасѣчника. Тогда начали уже показываться статьи въ журналахъ Прокоповича о пчеловодствѣ; онъ ихъ внимательно прочитывалъ и не безъ успѣха примѣнялъ къ дѣлу, къ величайшей радости Никифора Ѳедоровича. Иногда вмѣстѣ съ Карломъ Осиповичемъ они дѣлали химическіе и физическіе опыты и даже лягушку по методѣ Межанди. А по вечерамъ собирались всѣ на крылечкѣ, и Саватій читалъ вслухъ Энеиду Котляревскаго, или настоящую Виргиліеву Энеиду, а такъ какъ онъ любилъ страстно музыку, особенно свои родные заунывные напѣвы, то съ большимъ успѣхомъ бралъ у Никифора Ѳедоровича уроки на гусляхъ, и послѣ десяти уроковъ пѣлъ уже, самъ себѣ, акомпанируя:

Стала хмара наступать,
Ставъ дощикъ ити.

Въ Кіевъ онъ всегда возвращался съ порядочно набитой портфелью мѣстной флоры и нѣсколькими ящиками мотыльковъ и разныхъ букашекъ.

Впродолженіи пребыванія своего въ дворянскомъ полку Зося писалъ ежемѣсячно аккуратно письма содержанія почти однообразнаго. Нѣкоторыя или, лучше сказать, большую часть своихъ писемъ онъ варьировалъ фразой: «Я скоро Божіею милостью прапорщикъ, а у меня денегъ ни копѣйки нѣтъ», на что обыкновенно говорилъ Никифоръ Ѳедоровичъ: «а будетъ офицеромъ, и гроши будутъ».

Однажды писалъ ему Ватя, чтобы онъ прислалъ ему литографированный эстампъ съ картины «Послѣдній день Помпеи» и для сей требы послалъ ему три рубля денегъ, но Зося благоразумно разсудилъ, что три рубля деньги, а эстампъ что такое?—листокъ испачканной бумаги, больше ничего, и безъ обиняковъ написалъ брату, что объ этакой картинѣ въ Петербургѣ онъ и не слышалъ, а что деньги онъ ему послѣ вышлетъ, а если хочетъ, то на Невскомъ проспектѣ много разныхъ картинъ продается, то можно будетъ купить одну и переслать. Ватя написалъ ему, чтобы онъ купилъ какой-нибудь эстампъ, если ужъ нельзя достать «Послѣдній день Помпеи». Онъ и купилъ ему московское литографированное

грошовое произведеніе «Тѣнь Наполеона на островѣ св. Елены». Ватя, получивъ сіе произведеніе, не могъ надивиться эстетическому чутью родимаго братца, и знаменитый куншть полетѣлъ въ пещь огненную.

Вскорѣ послѣ всесожженія «Тѣни Наполеона» съ шумомъ явилися на свѣтъ «Мертвыя души». «Библіотека для чтенія», въ томъ числѣ и солидные благомыслящіе люди, разругали книгу и автора, называя книгу грязною и безнравственною, а автора просто сѣятелемъ плевелъ на почвѣ воспитанія благороднаго юношества. Не смотря однако же на блюстителей нравственности и блюстительницъ русскаго слова, «Мертвыя души» разлетѣлись быстрѣе птицъ небесныхъ по широкому царству русскому. Прилетѣло нѣсколько экземпляровъ и въ древній Кіевъ и дебютировали, разумѣется, въ университетѣ. Инспекторъ съ неудовольствіемъ и даже страхомъ замѣтилъ, что студенты собираются въ кружки и что-то съ хохотомъ читаютъ. Сначала онъ подумалъ: вѣрно какая-нибудь каналія сочинила на меня пасквиль; но замѣтивши, что студенты читаютъ печатную книгу, почувствовалъ, что отъ сердца отлегло; и какъ человѣкъ, мало слѣдившій за движеніемъ отечественной литературы, притомъ не принадлежащій къ бандѣ блюстителей нравственности, узнавши, что книга титулуется «Мертвыя души» и, «должно быть, страшная, махнувши рукою, сказалъ: «пускай ихъ себѣ читаютъ, лишь бы не пьянствовали, да на Кресты оконъ бить не ходили». Саватій сначала со вниманіемъ прослушалъ «Мертвыя души», потомъ съ большимъ вниманіемъ прочиталъ, а прочитавши возымѣлъ страсть, во чтобы то ни стало, пріобрѣсть эту книгу, чтобы во время каникулъ читать вслухъ на хуторѣ. Собравшись съ послѣдними крохами и призанявши рубля съ полтора, отправился онъ въ «Контору застрахованія жизни», она же и книжный магазинъ. Приходитъ и спрашиваетъ «Мертвыя души», а книгопродавецъ и глаза вытаращилъ: ему показалось, что посѣтитель спрашиваетъ мертвыя души тѣ, которыя застраховали свое земное бытіе въ его конторѣ, и онъ, обратясь къ посѣтителю, сказалъ, что есть только двѣ.

— Пожалуйте мнѣ одинъ экземпляръ, сказалъ Саватій.

Книгопродавецъ снова сталъ втупикъ. Саватій замѣтилъ:

— Вы меня не такъ понимаете. Получена-ли у васъ книга подъ названіемъ «Мертвыя души», сочиненіе Н. Гоголя?

— Никакъ нѣтъ-съ: еще и объявленія не читали, отвѣчаютъ ему.

— Значитъ, нѣтъ надежды и имѣть отъ васъ ее когда-нибудь, сказалъ Саватій и вышелъ на улицу. Онъ хотѣлъ было сходить къ Глюзберу, да вспомнилъ, что тамъ не продаютъ русскихъ книгъ, зашелъ на минутку домой, написалъ брату письмо, вложилъ въ него деньги и отнесъ на почту. Бѣднякъ! Ему и въ голову не пришла «Тѣнь великаго Наполеона».

Черезъ мѣсяцъ получаетъ онъ повѣстку изъ почтовой конторы, что получена на его имя посылка на 6 руб. сер. Въ восторгѣ бѣжитъ онъ къ инспектору, отъ него прямо въ почтовую контору и спрашиваетъ посылку. Ему подаютъ; пощупалъ—мягкое. «Она!» проговорилъ онъ и вышелъ изъ конторы. На улицѣ разрѣзалъ веревочку перочиннымъ ножикомъ, распоролъ клеенку, развернулъ обертку и съ ужасомъ прочиталъ: «Никласъ—Медвѣжья лапа». Потемнѣло въ глазахъ у бѣдняка, и полураскрытая посылка вывалилась изъ рукъ. Простоявъ съ минуту, пошелъ онъ грустный, самъ не зная куда, а посылка такъ и осталась на улицѣ, пока ее не поднялъ какой-то нищій; осмотрѣвши внимательно, онъ пошелъ прямо въ кабакъ, а цѣловальникъ имѣлъ счастье за шкаликъ пріобрѣстъ бсзцѣнное твореніе, и какъ человѣкъ грамотный и любознательный и теперь коротаетъ счастливые досуги, а иногда и вслухъ читаетъ своимъ запоздалымъ посѣтителямъ. При посылкѣ письма не было, а была вынута лаконическая записка пренаивнаго содержанія: «Мертвыя души» запрещены; и цензоръ, и авторъ сидятъ въ крѣпости, а посылаю тебѣ дивную книгу «Медвѣжью лапу». Твой братъ такой-то».

Не смотря на то, что и цензоръ, и авторъ сидѣли въ крѣпости, «Мертвыя души» вскорѣ явились въ «Конторѣ застрахованія жизни» и продавались публично. И Ватя, проходя однажды мимо конторы, увидѣлъ экземпляръ, выставленный въ окнѣ. Хорошо, что онъ не читалъ братней записки, а то, пожалуй, брата назвалъ-бы безсовѣстнымъ лгунишкой. Прочитавши нѣсколько разъ обертку и полюбовавшись ею, Ватя рѣшился, во что бы то ни стало, пріобрѣсти великую книгу, тѣмъ болѣе, что каникулы близились. Послѣ акта въ тотъ же день снесъ онъ мундиръ свой, какъ вещь теперь совершенно ненужную, къ одолжителю презрѣннаго металла за умѣренные проценты и, пріобрѣтя за вырученныя деньги экзем-

пляръ великой книги, имѣлъ потомъ неизъяснимое наслажденіе читать ее вслухъ на хуторѣ—вечеромъ на крыльцѣ, а днемъ подъ липою въ пасѣкѣ. Въ сотый разъ уже прочитывалъ онъ почти наизустъ внимательно слушавшей его Парасковіи Тарасовнѣ повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ, когда въѣхалъ на дворъ на своей бѣдѣ Карлъ Осиповичъ и издали показалъ письмо. Чтеніе о Копейкинѣ, разумѣется, было прервано, а чтеніе письма было начато самимъ Никифоромъ Ѳедоровичемъ и, разумѣется, про себя. Прочитавши письмо, онъ бросилъ его на полъ и въ досадѣ сказалъ: «только и знаетъ, что денегъ проситъ. Шутка сказать, триста рублей», и онъ ушелъ въ покои, а за нимъ и Карлъ Осиповичъ. Парасковія Тарасовна, поднявши осторожно письмо, передала его Ватѣ и просила прочитать (сама она скорописи не читала, а только печать), только не такъ громко, какъ про того капитана. И Ватя прочелъ въ полголоса слѣдующее:

«Драгоцѣнные мои родители!

Божіею милостію я теперь прапоръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а вы должны сами знать, какъ долженъ себя держать гвардейскій офицеръ: здѣсь не Полтава и не тщедушный П—въ, а, люди добрые говорятъ, столица, а потому-то мнѣ и нужно на первое обзаведеніе по крайней мѣрѣ 300 рублей серебромъ. Затѣмъ остаюсь вашъ сынъ З. Сокиринъ».

Ватя, прочитавши письмо, сложилъ его и подалъ Парасковіи Тарасовнѣ.

— Да ты все прочитай и тогда отдай уже мнѣ; я его спрячу.

— Да я все и прочиталъ.

Она бѣдная не повѣрила, развернула письмо, пересчитала строчки и, убѣдившись въ горькой истинѣ, бросила письмо подъ столъ и, закрывъ лицо руками, горько-горько зарыдала. Бѣдная ты, бѣдная! Это еще цвѣты, а ядовитый плодъ еще и не завязывался.

Чрезъ нѣсколько дней со слезами вымолила она 300 руб. у Никифора Ѳедоровича и, такъ какъ онъ отказался писать письмо, а Ватя уѣхалъ, то она сама церковными буквами написала письмо такое: «Зосю мой, орле мой! выплакала, вымолила я и посылаю тебѣ деньги, а Никифоръ Ѳедоровичъ на тебе гнѣвается». Завернула въ письмо деньги и сама повезла на почту. Почтмейстеръ немало удивился, принявши письмо съ деньгами и безъ адреса на конвертѣ.

Поѣхала она къ Карлу Отиповичу, тотъ написалъ адресъ, и письмо было отправлено.

Получивши деньги, гвардейскій прапорщикъ не обратилъ вниманія на письмо или, лучше сказать, на обертку, а другой, тоже гвардейскій прапорщикъ, поднялъ эту обертку и, прочитавши, спряталъ въ карманъ, а на другой день въ экзерцисъ-гаусѣ показалъ ее полковой братіи, и пошла потѣха. Сначала не понималъ Зосимъ, въ чемъ дѣло, а когда понялъ, то въ одно прекраснѣйшее утро послѣ ученья пригласилъ честную кампанію къ Сенъ-Жорсу, задалъ великолѣпный завтракъ и полупьяный разсказалъ братіи на счетъ лаконическаго письма, что у него въ Полтавѣ осталась амика, т. е. любовница - богатая и безграмотная купчиха, крадетъ у мужа деньги и снабжаетъ ими ихъ покорнѣйшаго слугу. Ура!... заревѣла компанія.

— За здоровье всѣхъ безграмотныхъ любовницъ!.. Тосты повторялись до самаго вечера. Въ вечеру вся компанія отправилась смотрѣть Тальони, разумѣется, на счетъ счастливаго любовника.

Не прошло и полгода, какъ отъ счастливаго любовника было получено на хуторѣ письмо такого содержанія:

«Черезъ васъ, нѣжные, попечительные родители, долженъ я оставить гвардію и просить перевода въ армію, потому что я нищій, а у васъ сундуки трещатъ отъ золота. Вашъ благодарный сынъ Сокиринъ».

А причина перевода его въ армію была вотъ какая. Однажды у Марцинкевича въ танцклассѣ (который Зосимъ посѣщалъ каждую пятницу неукоснительно) за какую-то измѣнницу завязалъ онъ пьяный и тоже съ пьяными черкесами драку. Въ дѣло вмѣшалась полиція, и кончилось тѣмъ, что черкесамъ, какъ азіатцамъ, извинили, а его, какъ европейца, перевели въ армію съ тѣмъ же чиномъ. Послѣ этого перевода послѣдовалъ другой, только безъ всякаго извѣщенія со стороны моего забубеннаго героя, потому что онъ прекратилъ всякую корреспонденцію со скаредами, какъ онъ выражался, т. е. съ своими благодѣтелями.

Дла писателя болѣе плодовитаго, нежели азъ грѣшный, и болѣе знакомаго съ военнымъ бытомъ нашей многочисленнѣйшей благородной молодежи, здѣсь открывается обширнѣйшее поле, усѣянное такими горькими сѣменами, что плодъ ихъ, когда со-

зрѣетъ, то потомкамъ нашимъ не нужно будетъ покупать сабура.... Талантливый писатель, какъ хорошій огородникъ, могъ бы по немногу вырывать плевелы изъ пшеницы, и было бы благо; но талантливые писатели, вѣдающіе этотъ бытъ, обращаютъ болѣе свое наблюдательное вниманіе на солдатскія поговорки и ихъ безотрадныя, хотя и кажущіяся удалыми, пѣсни.

Волей-неволей, а я долженъ объяснить причину перевода моего героя изъ арміи во внутреннюю стражу, т. е. въ астраханскій гарнизонный баталіонъ. Въ городѣ Нѣжинѣ квартировалъ армейскій пѣхотный полкъ NN. Въ этотъ полкъ былъ переведенъ мой пріятель и поселился въ бѣлой хаткѣ съ садикомъ и цвѣтникомъ, какъ разъ противъ греческаго кладбища. Въ первый же день онъ замѣтилъ въ цвѣтникѣ такой цвѣтокъ, что у него и слюнки потекли. Этотъ очаровательный цвѣтокъ была красавица на самой зарѣ жизни и одно единственное добро бѣднѣйшаго вдоваго старика мѣщанина Макухи. Продолженіе и конецъ повѣсти вамъ извѣстенъ, терпѣливые читатели, и я не намѣренъ утруждать васъ повтореніемъ тысячи и одной, къ несчастью, невымышленной повѣсти или поэмы въ этомъ плачевномъ родѣ, начиная съ оды Баратынскаго и кончая «Катериной» Ш. и сердечной »Оксаной» Основьяненка. Продолженіе и конецъ рѣшительно одинъ и тотъ же, съ тою только разницею, что пріятеля моего чуть было не заставили тотъчасъ-же жениться на мѣщанкѣ Якилынѣ, дочери Макухи. Тутъ вступился за своего офицера добрый старикъ, полковой командиръ; но и этотъ ничего лучше не могъ придумать, какъ велѣть подать ему немедленно въ переводъ, и концы въ воду. Офицеръ на завтра же подалъ въ переводъ; а между тѣмъ, навѣщая Якилыну, едва движущуюся, увѣрялъ старика-отца, что съ каждой почтой ожидаетъ родительскаго благословенія. Пришелъ переводъ, и Зосимъ для такой радости зашелъ въ такъ называемую кондитерскую Неминая и порядкомъ кутнувъ передъ выѣздомъ, началъ разсказывать какому-то, тоже нетрезвому, но богатому, Попандопуло свое рыцарское похожденіе съ Якилиною и такъ увлекательно разсказывалъ, что богатый эллинъ не вытерпѣлъ и заѣхалъ ему всей пятерней въ благородный портретъ, а онъ эллина, а эллинъ опять его, и пошла потѣха. Но какъ эллинъ былъ постарѣе лѣтами и силами послабѣе, то онъ и изнемогъ, а къ тому времени подоспѣлъ блюститель мира въ видѣ го-

родничаго и повелѣлъ борящихся взять подъ арестъ. Завязалось дѣло. Богатаго торгаша эллина оправдали, а благороднаго неимущаго офицера оженили на мѣщанкѣ Якилынѣ и перевели въ астраханскій батальонъ.

О, моя бѣдная Якилыно! Если бы ты могла провидѣть свое безталанье, свою горькую будущую долю, ты убѣжала бы въ лѣсъ или утопилась бы въ гниломъ Острѣ, но не вѣнчалась бы съ благороднымъ офицеромъ. Но ты, простодушная мѣщанка, въ глубинѣ непорочной души своей вѣрила пустой фразѣ, что любовь нѣжная укрощаетъ и звѣря лютаго. Это только фраза, и больше ничего. А ты дурочка думала, что въ самомъ дѣлѣ такъ. Бѣдная, какъ же ты страшно поплатилась за свое простодушіе! Ты погибла, и не спасла тебя отъ горькой участи ни нѣжная любовь твоя къ пьяному чудовищу, ни даже единая твоя золотая надежда— твой первенецъ, твое прекрасное дитя. Вы оба валялись на грязной астраханской улицѣ, пока васъ не прибрала и не похоронила великодушная полиція.

Не смотря на всѣ проказы, пріятель мой близился уже къ чину капитана, а братъ его только что кончилъ курсъ въ универтитетѣ св. Владиміра. По экзамену удостоился Саватій скромнаго званія лекаря съ чиномъ 12 класса, а послѣ акта объявлено ему, что онъ, по волѣ правительства, какъ казеннокоштный воспитанникъ, назначается въ оренбургскій первоклассный госпиталь. Получивъ въ канцеляріи треть жалованья впередъ, прогоны и подорожнюю, Савана другой день безъ особенной грусти оставилъ древній Кіевъ, быть можетъ, навсегда. Товарищи хотѣли было проводить его по крайней мѣрѣ до Рязанова [1]), но вѣроятно проспали, потому, что Саватій переправился черезъ Днѣпръ до восхода солнца, а въ Бровары пріѣхалъ къ тому самому часу, какъ туркеня-смотрительша раздувала въ сѣняхъ на очагѣ огонь для кофейника. Выпивши за умѣренную цѣну стаканъ кофе и взявши, тоже за умѣренную цѣну, бутылочку броварскаго ликеру (изобрѣтеніе той же туркени-смотрительши), онъ въ вечеру уже весело разсказывалъ о своемъ экзаменѣ благосклоннымъ слушателямъ на ганку уединеннаго хутора. Саватій рѣшился провести недѣли двѣ на хуторѣ, быть можетъ, послѣднія, проведенныя имъ въ кругу самыхъ милыхъ, самыхъ доро-

[1]) Трактиръ Рязанова за Днѣпромъ въ Никольской Слободкѣ.

гихъ его сердцу людей. Не смотря на однообразіе сельской, а тѣмъ болѣе хуторянской жизни, дни мелькали какъ секунды. Такъ они вообще быстры въ радости и такъ-же медленны въ печали. Если бы на хуторѣ всѣ, не исключая и Марины, желали скораго конца двумъ роковымъ недѣлямъ, то онѣ продлились бы по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, но такъ какъ общее желаніе было отдалить роковой день разставанія, то онъ къ досадѣ каждаго и близился такъ быстро.

Накануне отъѣзда послѣ обѣда Никифоръ Ѳедоровичъ взялъ подъ руку Саватія и по обыкновенію повелъ его въ пасѣку. Не доходя шаговъ нѣсколько, онъ остановился и показалъ на двѣ роскошныя липы передъ самымъ входомъ въ пасѣку и сказалъ:

— Эти два дерева привезъ я изъ архіерейскаго гаю, что въ Андрушахъ, въ тотъ самый годъ, какъ вы были найдены на моемъ хуторѣ, и посадилъ на память той великой радости. Смотри, какія они теперь широкія и высокія и какой роскошный цвѣтъ даютъ. Васъ же съ братомъ не судилъ мнѣ Господь на старости лѣтъ видѣть такими одинако прекрасными, какъ эти липы. Братъ твой оскорбилъ благородную природу человѣка. Онъ поругалъ все святое на землѣ въ лицѣ вашей нѣжнѣйшей, хотя и не родной, матери, а моей доброй жены. Меня онъ могъ забыть: я человѣкъ суровый и не люблю излишнихъ нѣжностей съ дѣтьми, но она, моя бѣдная великомученница, она глазъ съ него не спускала, и теперь что же!.. пятый годъ хоть бы какую-нибудь вѣсточку о себѣ подалъ, какъ въ воду канулъ, а она бѣдная день и ночь за него молится и плачетъ. Правда, я самъ виноватъ... Но это было ея желаніе, чтобы видѣть его офицеромъ, а не благороднымъ человѣкомъ; жни, что посѣяла.

И они тихо вошли въ пасѣку и сѣли подъ липою. Никифоръ Ѳедоровичъ продолжалъ:

— Да, тяжело, Ватя, очень тяжело кончать дни свои и не видѣть своихъ надеждъ осуществившимися. Ты, Ватя, ѣдешь теперь въ такую далекую страну, которой у насъ и по слухамъ не знаютъ. Пиши намъ со старухою. Не лѣнись: описывай все, что увидишь и что съ тобою ни случится. Пиши! все это для насъ, почти отчужденныхъ стариковъ, будетъ и ново, и поучительно; а если встрѣтятся тебѣ нужды какія въ чужой далекой сторонѣ, пиши ко мнѣ, какъ въ ломбардъ, изъ котораго выслали бы тебѣ твои собственныя деньги. У меня для тебя всегда найдется четверикъ-другой карбованцевъ, а пока вотъ тебѣ 300 ихъ, такихъ са-

мыхъ, какъ и Зосѣ послала моя старуха. Дорога далека, а дорога любитъ гроши.

И онъ подалъ пачку ассигнацій. Саватій отказался отъ денегъ, говоря, что для дороги у него есть прогоны и треть жалованья, что если на мѣстѣ ему нужны будутъ деньги, то онъ напишетъ, а что въ дорогѣ лишнія деньги—лишняя тяжесть.

— Ну, какъ знаешь. Тебя учить нечего. Кто не нуждается въ деньгахъ, тотъ богаче богатаго. Теперь я тебѣ, Ватя, все сказалъ, что у меня было на сердцѣ. И еще разъ прошу, не забывай насъ стариковъ, особенно ее: она бѣдная совершенно убита молчаніемъ Зоси.

Послѣ этого старикъ отправился отдохнуть по обыкновенію подъ навѣсъ, а Саватій взялъ «Энеиду» и прочиталъ нѣсколько страницъ вполголоса, какъ бы убаюкивая старика. Увидя, что монотонное чтеніе произвело желаемое дѣйствіе, онъ закрылъ книгу, всталъ, тихо вышелъ изъ пасѣки и до самого вечера бродилъ вокругъ хутора, туманно размышляя о своей одинокой будущности.

Вечеромъ, когда собрались всѣ на ганкѣ, пришелъ и Саватій и послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ почти на обумъ, какъ бы вспомнилъ что-то важное и, обратясь къ Никифору Ѳедоровичу, сказалъ:

— Мнѣ давно хотѣлось посмотрѣть на вашу скрипку, да все забываю, а вы какъ-то говорили, что это скрипка дорогая.

— Да таки и очень дорогая, и тѣмъ болѣе дорогая, что на ней игралъ благодѣтель мой, покойный отецъ Григорій и мнѣ завѣщалъ ее по смерти.

— Позвольте мнѣ хоть взглянуть на нее.

— Взгляни, пожалуй, да только что ты въ ней увидишь?

— А можетъ быть и увижу.

Съ этимъ словомъ Саватій пошелъ въ комнату Никифора Ѳедоровича, вынулъ изъ ящика скрипку, попробовалъ струны и выйдя въ большую свѣтлицу, заигралъ сначала мелодію, а потомъ варіаціи Липинскаго на извѣстную червоно-рўсскую пѣсню.

Чи я така уродилась,
Чи безъ доли охрестилась.

Эффектъ былъ совершенный. Минуты двѣ сидѣли слушатели молча, какъ бы очарованные. Первый вскочилъ Никифоръ Ѳедоро-

вичъ, вбѣжалъ въ свѣтлицу, со слезами обнялъ виртуоза и проговорилъ:

— Сыну мой, радость моя, надежда моя золотая! Когда ты, гдѣ ты выучился на скрипкѣ играть эту божественную пѣсню?

Саватій въ отвѣтъ разсказалъ ему слѣдующее:

— Случайно я встрѣтилъ въ Кіевѣ, по правдѣ сказать, на Крестахъ, нищаго старика-скрипача и такъ играющаго, что у меня волосы дыбомъ становились. Я познакомился съ нимъ, просилъ его заходить ко мнѣ, и онъ выучилъ меня не только играть на скрипкѣ, но и чувствовать и понимать музыку.

— Напиши въ Кіевъ, чтобы пріѣхалъ ко мнѣ этотъ Божій человѣкъ. Я все ему отдамъ и даже мою пасѣку.

— Его ужъ нѣтъ между живыми. Я самъ его на своихъ плечахъ вынесъ на Скавику.

— Благодарю тебя, чадо мое единое, воскликнулъ Никифоръ Ѳедоровичъ, что покрылъ ты землею прахъ великаго человѣка! Вотъ что,—продолжалъ онъ съ разстановкою: я долго думалъ, кому я оставлю, кому я завѣщаю мое дорогое наслѣдіе, мою скрипку, гусли и книги. Думалъ было, грѣшный, въ гробъ положить съ собою, потому что не видѣлъ вокругъ себя человѣка, достойнаго владѣть такимъ добромъ, а теперь я вижу такого человѣка, и человѣкъ этотъ—ты, моя золотая надежда! Возьми же скрипку себѣ теперь, а книги и гусли наслѣдуй мнѣ вмѣстѣ со всѣмъ добромъ моимъ, а пока пускай они услаждаютъ нашу одинокую старость.

И онъ подошелъ къ гуслямъ, раскрылъ ихъ, попробовалъ струны и расправилъ обѣими руками свою густую, широкую, серебристую бороду (онъ уже 3 года носитъ ее) и, какъ нѣкій Оссіанъ, ударилъ по струнамъ

И вѣщіе зарокотали.

Послѣ прелюдіи запѣлъ онъ своимъ старческимъ, дребезжащимъ, но вдохновеннымъ голосомъ. Къ нему присоединилъ свой свѣжій теноръ Саватій, и они запѣли.

У степу могила
Зъ витромъ говорила:
Повій, витре буйнесенькій,
Щобъ я не чорнила

Карлъ Осиповичъ, уже на что тугой на слезы, и тотъ не выдержалъ и вышелъ изъ свѣтлицы, вынимая изъ кармана платокъ, а когда запѣли они:

Летить орелъ черезъ море:
Ой, дай, море, пити!
Тяжко, важко сиротыни
На чужбини жити,

то Карлъ Осиповичъ уже и въ свѣтлицу не могъ войти, такъ и остался на ганку до того часу, пока не сѣлъ въ свою бѣду и не уѣхалъ въ городъ.

На другой день къ обѣду было приглашено покровское и благовѣщенское духовенство. Сначала самъ протоіерей прочиталъ акафистъ Пресвятой Богородицѣ, при чемъ Степанъ Мартыновичъ съ своими школярами хоромъ пѣлъ «О всепѣтая мати»; потомъ соборнѣ служилъ молебенъ, а Степанъ Мартыновичъ, облачась въ стихарь, читалъ апостола. По окончаніи молебна пропѣто было хоромъ трижды многолѣтіе.

Духовенство трапезовало въ свѣтлицѣ, а школярамъ поданъ былъ обѣдъ на доскахъ на дворѣ, а послѣ обѣда сама Парасковья Тарасовна выдала имъ по кнышу, по стѣльнику меду и по пятаку деньгами; а къ вечеру Саватій Никифоровичъ перемѣнялъ уже лошадей на первой станціи и, къ немалому своему удивленію, при перекладкѣ вещей увидѣлъ кадушку съ медомъ и мѣхъ яблокъ.

Въ Полтавѣ зашелъ онъ поклониться домику покойнаго Ивана Петровича. Его встрѣтилъ молодой, довольно неуклюжій человѣкъ и слѣпая Гапка. Отслуживъ панихиду въ домикѣ за упокой души своего благодѣтеля, грустный, выѣхалъ онъ изъ Полтавы, благословляя память добраго человѣка.

Объѣхавши соборъ и спустившись съ горы какъ разъ противъ темной, трехглавой деревяной церкви, Мартыномъ Пушкаремъ построенной, Саватій остановилъ почтаря и долго смотрѣлъ на этотъ памятникъ XVII вѣка и на противуположную сторону улицы, на бѣленькую съ зеленымъ садикомъ хату. Прохожіе думали, что онъ просилъ напиться и что ему долго не выносятъ воды. Хатка ему показалась пусткою, и онъ хотѣлъ уже сказать почтарю «пошелъ», какъ вдругъ въ разбитомъ окнѣ хатки показалась молодыця съ ребен-

комъ на рукахъ. Онъ вздрогнулъ, глядя на молодыцю, и едва проговорилъ: можно войти?—Можно, отвѣтила молодыця, и онъ соскочилъ съ телѣги, перешагнулъ перелазъ и очутился въ хаткѣ.

— Здравствуй, Настя! Узнала ли ты меня?

— Ни,—а сама вспыхнула и вздрогнула.

Долго и грустно смотрѣлъ онъ на прекрасную и граціозно опущенную на грудь голову Насти. Она тоже молчала, и если бы не шевелившіяся на груди складки бѣлой сорочки, то ее можно было бы принять за окаменѣлую. Мгновенно румянецъ смѣнился блѣдностью и бѣлокурый ребенокъ казался играющимъ на плечахъ мраморной Пенелопы. Саватій взялъ ее за руку и проговорилъ:

— Такъ ты мене и не узнала, Насте?

— Узнала... я на дворѣ еще узнала, да только уже стыдно было сказать, отвѣчала Настя, и изъ карихъ прекрасныхъ очей ея выкатывались медленно крупныя слезы, а ребенокъ протягивалъ ручку къ Саватію и лепеталъ: «тату, тату!»

— Я ѣду далеко, Насте, и заѣхалъ къ тебѣ проститься.

— Спасыби вамъ! проговорила она шопотомъ.

— Прощай же, моя Настусю! сказалъ Саватій и, поцѣловавъ ее въ щеку, быстро вышелъ на улицу, сѣлъ въ телѣгу и уѣхалъ.

Настя долго стояла на одномъ мѣстѣ и только шептала: «прощайте, прощайте!», а взглянувши на ребенка, горько, горько заплакала.

Переѣхавъ мостъ на Ворсклѣ, Саватій обернулся лицемъ къ Полтавѣ и, казалось, искалъ глазами бѣленькой хатки, давно уже спрятавшейся въ зелени. «Уже и не видно ея», проговорилъ онъ тихо и сталъ смотрѣть на домикъ, лѣпившійся на горѣ около собора и на каменную башенку, Богъ знаетъ для чего, поставленную противъ завѣтнаго домика на другой сторонѣ оврага. Многое напомнила эта полуразрушенная башенка моему грустному герою. Глядя на нее, онъ вспомнилъ то время, когда онъ по воскресеньямъ приходилъ изъ гимназіи и часто прятался въ ней, играя въ жмурки съ рѣзвой бѣлокурой внучкой Гапки, Настусею, теперь матерью такого прекраснаго бѣлокураго ребенка, какъ сама была когда-то.

Хороша была тринадцатилѣтняя Настуся, очень хороша, особенно по воскресеньямъ, когда приходила она къ своей бабушкѣ

на цѣлый день погостить. Повяжетъ, бывало, на голову красную ленту, натыкаетъ за ленту красныхъ цвѣтовъ, а коли черешни поспѣли, то и черешень и, чуть свѣтъ, бѣжитъ къ бабушкѣ, сядетъ себѣ, какъ взрослая, подъ хатою и задумается. О чемъ же могло задумываться тринадцатилѣтнее дитя? А оно задумывалось о томъ, что скоро-ли паничи встанутъ и пойдутъ и она пойдетъ съ ними.

— А когда выйдутъ изъ церкви и пообѣдаютъ, мы и начнемъ играть въ жмурки; я спрячусь въ той коморкѣ, что на горѣ, а Ватя прибѣжитъ да и найдетъ меня, думала Настя и при этомъ краснѣла краснѣе своей ленты, цвѣтовъ и черешень и, забывшись, вскрикивала: «ахъ»!

— Чого ты тамъ ахаешъ? спрашивала Гапка, высунувши голову въ окно.

— Жаба, бабо!

— Вона не кусае, тилько якъ на ногу скочить, то бородавка буде. Иди въ хату: ты змерзла.

— Ни, бабо, я не змерзла,—говорила Настуся, и оставалась подъ хатою и снова задумывалась.

Ватѣ минуло уже шестнадцать, а Настусѣ пятнадцать лѣтъ, когда, бывало, спрячутся они отъ Зоси куда-нибудь въ бурьянъ или убѣгутъ ажъ за Ворсклу и насобираютъ разныхъ, разныхъ цвѣтовъ и сядутъ подъ дубомъ. Ватя сплететъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, положитъ на головку Настуси и смотритъ на нее цѣлый день до самаго вечера. Потомъ возьмутся себѣ за руки и придутъ домой и никто ихъ не спроситъ, гдѣ были, что дѣлали, развѣ Зося иногда скажетъ: «ишь, убѣжали отъ меня, не взяли съ собой»!

Прошелъ еще годъ и дѣтская любовь приняла уже характеръ не дѣтскій. Уже Настуся была стройная, прекрасная шестнадцатилѣтняя дѣвушка, а Ватя семнадцатилѣтній красавецъ-юноша. Онъ долго уже по ночамъ не могъ заснуть, Настуся тоже. Она подъ горою у себя въ садикѣ до полуночи пѣла:

Зійшла зоря изъ вечора
Не назорилася...

А онъ, стоя на горѣ, до полуночи слушалъ, какъ пѣла Настуся.

Вскорѣ началося трепетное пожиманіе рукъ, поцѣлуи на лету и продолжительное вечернее стояніе подъ вербою. Правда, что эти

свиданія оканчивались только продолжительнымъ поцѣлуемъ. Ватя въ этомъ отношеніи былъ настоящій рыцарь... но сатана силенъ.... и Богъ знаетъ, чѣмъ бы могло кончиться ночное стояніе подъ вербою, если бы Ватя не сдалъ отлично своего экзамена и скоропостижно не уѣхалъ въ Кіевъ.

То была его первая и, можно сказать, послѣдняя любовь.

Въ Кіевѣ бывало, гуляя передъ вечеромъ въ саду по большой аллеѣ, встрѣтитъ онъ красавицу,—такъ холодомъ его и обдастъ, и онъ, ошеломленный, долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ на мелькавшую въ толпѣ красавицу, а придя въ себя, шепталъ: «не пара» и отводилъ глаза на освѣщенную заходящимъ солнцемъ панораму стараго Кіева; потомъ спускался внизъ по террасѣ и выходилъ на Крещатикъ, приходилъ домой, зажигалъ свѣчу и садился за какую-нибудь энциклопедію, или окуналъ въ чернила вмѣстѣ съ перомъ и свѣтлый пламенникъ своей одинокой юности.

У Зоси точно также рано проснулись эти страстишки къ Олимпіадѣ Карловнѣ, уже взрослой дѣвушкѣ, дочери инспектора, и точно также были прерваны внезапнымъ отъѣздомъ его въ дворянскій полкъ. Но когда этотъ стройный прекрасный юноша надѣлъ гвардейскій мундиръ, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ таинственную силу магнита для прекрасныхъ очей, и уже не останавливался въ священномъ трепетѣ при видѣ женской красоты, а прекрасные его глаза покрывались мутною влагою или горѣли огнемъ бѣшенаго тигрёнка, и онъ, была-ли то дѣвушка или замужняя женщина, не задавалъ себѣ вопроса: съ какою цѣлью? а просто начиналъ ухаживать и почти всегда съ успѣхомъ. Зося былъ настоящій Донъ-Жуанъ съ зародышемъ еще кое-какихъ мерзящихъ человѣка страстишекъ.

По прибытіи въ Астрахань Зося скоро между морскими и гарнизонными офицерами прослылъ фатомъ на всѣ руки, т. е. плутомъ на всѣ же руки, но въ военномъ словарѣ это тривіальное слово замѣнено словомъ *фатъ*.

Прибывши въ Астрахань, онъ спряталъ свою Якилину вмѣстѣ съ сыномъ въ грязномъ переулкѣ на Свистунѣ, а себѣ нанялъ квартиру въ городѣ и увѣрялъ ее, что этого служба требуетъ, а она, простосердечная, и повѣрила. Одинъ только баталіонный командиръ и его адъютантъ знали изъ формуляра, что онъ женатый,

да еще, и то только догадывался, квартальный, потому что во ввѣренномъ ему кварталѣ жила штабсъ-капитанша Сокирина; прочая же астраханская публика и не догадывалась, а маменьки такъ даже смотрѣли на Зосю, какъ на приличную партію своимъ уже позеленѣвшимъ Катенькамъ и Сашенькамъ. Но онъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы и неистово гнулъ на *пэ*, еще неистовѣе пилъ голякомъ ромъ, а на чихирь и смотрѣть не хотѣлъ, называя его армянскимъ квасомъ. Ко всему этому онъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ являлъ свою, можно сказать, геніальную способность дѣлать долги и не платить ихъ, за что его нерѣдко величали—не Ноздревымъ,—астраханской просвѣщенной публики еще не касались «Мертвыя души»,—а просто шарамыжникомъ, за что онъ нисколько не былъ въ претензіи. Счастливый темпераментъ! или лучше сказать, до чего можетъ усовершенствовать себя человѣкъ въ кругу порядочныхъ людей.

По воскресеньямъ и по праздникамъ началъ онъ прилежно посѣщать армянскую церковь и загородныя армянскія гульбища, гдѣ не замедлилъ пріобрѣсть себѣ не одно *матаха*, особенно между молодыми сынами богатыхъ и старыхъ отцевъ, и гдѣ послѣ безчисленныхъ возліяній являлись картишки и начиналась потѣха, кончавшаяся почти всегда дракой, такъ что нерѣдко Зося возвращался въ городъ съ поврежденнымъ портретомъ, и только послѣ этой неудавшейся спекуляціи навѣщалъ свою бѣдную Якилину, увѣряя ее, что онъ хотѣлъ купить для нея туркменскаго аргамака, приведеннаго изъ Ново-Петровскаго укрѣпленія, сѣлъ попробовать и вотъ что вышло. Та, разумѣется, вѣрила, а онъ себѣ рапортовался больнымъ и въ ожиданіи, пока портретъ приметъ настоящій видъ, подрѣзывалъ на досугѣ карты, чему Якилина также дивилась не мало. Съ починеннымъ портретомъ, а также съ подрѣзанными картами онъ исчезалъ и въ скоромъ времени являлся опять портретъ чинить, а иной разъ увѣрялъ Якилину, что онъ хотѣлъ купить для нея у купца NN вятскую тройку и вотъ что надѣлала проклятая тройка. Исторія съ портретомъ повторялась такъ часто, что и простодушная Якилина начала подозрѣвать, что тутъ кроется что-то не хорошее.

Зимою 1847 года не являлся онъ мѣсяца три къ Якилинѣ съ поврежденнымъ портретомъ. Она прождала еще мѣсяцъ—нѣтъ,

еще мѣсяць—нѣтъ и нѣтъ, она уже думала, что, можетъ быть, его кони убили, Боже сохрани; какъ въ одно прекрасное утро явился къ ней вѣстовой съ главной гауптвахты и сказалъ ей: его благородіе приказали вамъ, чтобы ваше благородіе пожаловали имъ двугривенный или вещами что-нибудь.

— Какое благородіе? воскликнула она въ испугѣ.

— Его благородіе, штабсъ-капитанъ Зосимъ Никифоровичъ.

— Де-жъ винъ?

Вѣстовой сначала улыбнулся; но какъ самъ былъ малороссіянинъ, то Якилина безъ большаго труда поняла, въ чемъ дѣло, наскоро причепурилась, взяла за руку Гриця и сказала вѣстовому: «ходимо!»

Бѣдная! ты положила конецъ и слѣдствію и суду, сама того не подозрѣвая. Твой Зося содержался на гауптвахтѣ и судился за различныя преступленія, слѣдствіемъ почти недоказанныя, а ты своимъ явленіемъ все кончила: ты при всемъ караулѣ назвала его своимъ мужемъ, тогда какъ всему городу извѣстно, что онъ зять армянина N N и всему городу также извѣстно, что прекрасная армяночка позволила себя похитить и обвѣнчаться на ней тайно въ Черномъ Яру, что онъ, какъ истинный герой романа, и совершилъ безпрекословно, воспламенясь не столько прекрасными глазками своей возлюбленной, сколько червончиками ея почтеннаго родителя. Честолюбивый армянинъ охотно простилъ, но на счетъ прилагательнаго лаконически сказалъ: *чека*. «Не хорошо! подумалъ мой рыцарь: «маленько далъ маху, надо будетъ зайти съ другаго боку» и придя домой, принялся сначала ругать, а потомъ уговаривать и просить свою армяночку, чтобъ она обокрала отца, увѣряя ее, что для ея же счастья это необходимо сдѣлать, что онъ старый скряга умретъ съ голоду, а деньги кухарка украдетъ. Но не смотря на всѣ доводы о необходимости обокрасть отца, армяночка рѣшительно сказала: *чека*.—«А! чека, такъ чека! я приму свои мѣры», сказалъ тогда Зося и выгналъ свою армяночку изъ квартиры, снявши съ нея салопъ и дорогія бусы за проторы и убытки, какъ самъ онъ выразился.

Послѣ этой катастрофы мой герой началъ умножать свои мерзости паче всякаго писанія и дошелъ наконецъ до того, что его на сохраненіе на гауптвахту посадили. Пока доказано было законнымъ порядкомъ, что онъ фатъ на всѣ руки и въ добавокъ двоеженецъ,

и пока онъ находился на сохраненіи, бѣдная Якилина ходила въ поденщицы «облу» чистить и въ вечеру приносила своему заключенному мужу заработанный гривенничекъ.

Пока опредѣляется достойное возмездіе моему рыцарю, я перенесу мой нехитростный разсказъ въ неисходимыя Киргизскія степи; но для этого заглянемъ прежде въ нашъ благодатный хуторъ.

— Отъ чего же это такъ премудро, Господи Боже мой милосердный, ты устроилъ все на свѣтѣ? Не передумаю, не перегадаю! Въ одинъ день и даже, можетъ быть, и часъ они узрѣли свѣтъ Божій животворящій, а теперь Зося уже капитанскаго ранга, а Ватю только вчера изъ школы выпустили. И не передумаю, не перегадаю, какъ это воно все на свѣтѣ Божьемъ творится?

Такой вопросъ задала себѣ Парасковія Тарасовна въ тотъ самый день, какъ проводилаВатю изъ П., и много дней она его себѣ задавала; но не находя въ себѣ самой отвѣта на свой хитрый вопросъ, подумала было сначала обратиться къ Никифору Ѳедоровичу, но подумавши раздумала. «Къ Карлу Осиповичу развѣ?» и тоже раздумала. Онъ нѣмецъ, думала она, такъ что нибудь непутное и скажетъ по своей нѣмецкой натурѣ. Степанъ Мартыновичъ развѣ? Да нѣтъ, онъ не вразумитъ меня; а, можетъ, и вразумитъ: вѣдь я простая дура, а онъ по крайней мѣрѣ книги читаетъ, то можетъ быть, что и вычиталъ. Не знаю, прійдетъ ли онъ въ вечеру къ намъ, или нѣтъ. Развѣ самой сходить къ нему такъ, будто пасѣку посмотрѣть?

И повязавши хорошую хустку на голову, а въ другую завязавши десятокъ бубликовъ, Парасковья Тарасовна отправилась за Альту.

Проходя мимо школы, она остановилась и послушала, какъ школяры учатся, и уходя шопотомъ сказала:

— Бѣдныя дѣти! имъ бы надо хоть обѣдъ когда нибудь сдѣлать.

Степанъ Мартыновичъ, увидя въ окно свою дорогую посѣтительницу, выбѣжалъ изъ школы съ непокрытою головою, только въ бѣломъ полотняномъ халатѣ, и въ два прыжка нагналъ ее у входа въ садъ и пасѣку, сказавши: «привѣтствую васъ въ нашей Палестинѣ»...

— Ахъ! какъ вы меня перепугали!

— Смиренно прошу прощенія моихъ прегрѣшеній, говорилъ Степанъ Мартыновичъ, отворяя калитку въ садъ.

— А я сегодня сижу себѣ дома одна, какъ палецъ: Никифоръ Ѳедоровичъ въ пасѣкѣ, а Марина огородину поле. Такъ я сижу себѣ да думаю: пойду-ка я посмотрю, что тамъ за садъ и что за пасѣка у Степана Мартыновича, да и его таки провѣдаю, онъ что-то насъ цурается.

— И подумать меня Боже сохрани такое грѣшное! Да вѣдь я вчера и позавчера и всякій вечеръ у васъ сижу, ну и сегодня зайду, дастъ Богъ, управлюся.

— А я какъ не вижу васъ цѣлый день, то мнѣ кажется, что цѣлый годъ.

Съ этими словами Парасковья Тарасовна и Степанъ Мартыновичъ вошли въ курень или подъ навѣсъ изъ древесныхъ вѣтвей и соломы. Въ куренѣ на землѣ сверхъ соломы раскинуто бѣлое рядно и подушка,—это было смиренное ложе Степана Мартыновича. Около ложа стоялъ глиняный глечикъ съ водою и такой-же кухоль, а изъ-подъ подушки выглядывалъ уголъ неизмѣнной «Энеиды». Парасковья Тарасовна съ минуту посмотрѣла на все это съ участіемъ и сказала:

— Прекрасно, все прекрасно; только вотъ что, сказала она, садясь на лежащій пустой улей: зачѣмъ вы книгу бросаете въ пасѣкѣ? Ну, Боже сохрани, худого человѣка: придетъ да и украдетъ, а книга-то, сами знаете, дорогая.

— Дорогая, дорогая книга, Парасковья Тарасовна! Она мое единственное назиданіе,—пошли, Господи, царствіе твое незлобивой душѣ нашего благодѣтеля Ивана Петровича!

— Мы думаемъ съ Никифоромъ Ѳедоровичемъ, дастъ Богъ дождать, послѣ Сéмена служить панихиду по Иванѣ Петровичѣ и обѣдъ тоже для нищей братіи, такъ нельзя ли вамъ будетъ съ вашими школярами «Со святыми упокой» пѣть при панихидѣ?

— Можно и паче можно.

— Какъ это у васъ все скоро выросло! Посмотрите, какая липа, просто прекрасная!

— Да, это липа будетъ высокая, но все тики не будетъ такая, какъ я видѣлъ за Днѣпромъ около самыхъ воротъ Мошнинскаго монастыря. На той липѣ братъ вратарь и ложе себѣ соорудилъ на случай отъ мухъ прятаться.

— Да я думаю, тамъ за Днѣпромъ все такія липы?

— Нѣтъ, есть и меньшей мѣры.

— А не читали ли вы въ какой нибудь книгѣ о такой притчѣ, какая теперь случилась съ нашими Зосей и Ватей?—спросила вдругъ Парасковія Тарасовна Степана Мартыновича и разсказавъ ему свои недоразумѣнія на счетъ карьеры Вати и Зоси, прибавила:

— Я думаю, что Зося генераломъ будетъ, а бѣдный Ватя и капитанскаго ранга не опануе. Отчего это, не знаете вы? Не читали?

— Не знаю, не читалъ, съ минуту подумавши, сказалъ Степанъ Мартыновичъ и, еще минуту спустя, прибавилъ:

— Думаю, объ этомъ пространно есть писано у Ефрема Сирина или же у Іустипа Философа, но у Тита Ливія нѣтъ.

— Оставайтесь здоровы!—сказала Парасковья Тарасовна, быстро поднявшись съ улья. Вотъ я вамъ гостинчика принесла, да заговорилась съ вами и забыла.—Говоря это, она торопливо вывязывала бублички изъ хустки.

— Минуточку подождали-бъ, я досталъ бы вамъ своего медку «стильничокъ».

— Благодарствую, другимъ разомъ,—уже за калиткою проговорила Парасковья Тарасовна, а Степанъ Мартыновичъ намѣревался еще только приподымать правую ногу, чтобъ проводить ее хоть до Альты.

Въ продолженіи свиданія въ пасѣкѣ, школа какъ бы опустѣла и стояла себѣ, какъ самая обыкновенная хата. Въ это непродолжительное время школяры переговаривали между собою шопотомъ о собственныхъ интересахъ, но когда часовой школяръ проговорилъ: «двери ада разверзаются»,—значитъ въ пасѣкѣ калитка растворяется, то при этомъ возгласѣ всѣ разомъ загудѣли, какъ будто испуганный рой пчелъ. Парасковья Тарасовна, проходя мимо школы, уже не останавливалась, а на ходу проговорила:

— Бѣдныя дѣти! какъ они прекрасно читаютъ, а онъ, я думаю, ихъ бѣдныхъ еще бьетъ, настоящій вовкулака.

— Если не удалось проводить до Альты, то хоть човенъ придержу, пока она сядетъ въ него, и перепихну на другой берегъ,—говорилъ про себя Степанъ Мартыновичъ, выходя изъ пасѣки. Но увы! его кавалерскому намѣренію не суждено было исполниться: Парасковья Тарасовна не расчитывала на такую неслыханную вѣж-

ливость, прыгнула въ челнъ, какъ приднѣпровскій рыбакъ, махнула весломъ, и челнъ уперся уже о другой берегъ рѣчки. Степанъ Мартыновичъ только успѣлъ ахнуть, и больше ничего.

Подходя къ дому, Парасковья Тарасовна замѣтила «бѣду» Карла Осиповича и лошадь почти въ мылѣ, а когда у такого хорошаго хозяина, какъ Карлъ Осиповичъ, да лошадь въ поту, то это значитъ, что-нибудь да не такъ. Только что успѣла она подумать это, какъ увидѣла скоро идущаго изъ пасѣки Никифора Ѳедоровича,—только борода бѣлая вѣтромъ развѣвается, а Карлъ Осиповичъ за нимъ въ своемъ синемъ фракѣ, съ металическими, безъ всякаго изображенія, пуговицами. Завидя свою Парасковію, Никифоръ Ѳедоровичъ воскликнулъ обрадованно:

— Параско! и когда при этомъ поднялъ правую руку, она ясно увидѣла письмо въ рукѣ и тоже воскликнула:

— Отъ котораго?

— Отъ Вати, изъ самаго Оренбурга.

Парасковья Тарасовна на минуту какъ бы онѣмѣла, а Карлъ Осиповичъ, поздоровавшись и ни къ кому собственно съ вопросомъ не обращаясь, спросилъ:

— Что, мѣсяца два будетъ, какъ выѣхалъ?

— На Пречисту буде симъ недиль,—отвѣтила Парасковья Тарасовна.

— Скоренько, право, скоренько,—говорилъ онъ скороговоркою. Я не думалъ такъ скоро. Хорошо, очень хорошо!

И всѣ они взошли на крыльце.

Никифоръ Ѳедоровичъ пошелъ къ себѣ въ комнату за окулярами и тутъ же послалъ Марину за Степаномъ Мартыновичемъ, чтобъ шелъ скорѣе письмо читать,—«отъ Вати», скажи, «получили». Не успѣлъ онъ протереть въ очкахъ стеколъ и выйти на ганокъ, какъ Степанъ Мартыновичъ уже переправлялся черезъ Альту. Удивительная быстрота!

Когда всѣ усѣлись по своимъ мѣстамъ, Никифоръ Ѳедоровичъ вооружилъ свои старыя очи окулярами, вскрылъ письмо, развернулъ его и, немного прокашлявшись, началъ читать.

«Мои незабвенные, мои дражайшіе родители!

Голосъ Никифора Ѳедоровича задрожалъ, и онъ сталъ жаловаться, что очки его совершенно ослабѣли или просто запылились

такъ, что и письмо читать нельзя. Поэтому онъ поредалъ письмо Карлу Осиповичу, прося читать неторопко. Карлъ Осиповичъ въ свою очередь вооружился очками и вмѣсто того, чтобы кашлянуть, понюхалъ табаку и началъ:

«Мои незабвенные, мои дражайшіе родители!»

Никифоръ Ѳедоровичъ затаилъ дыханіе, а Парасковья Тарасовна превратилась вся въ слухъ и даже слезъ не утирала. Карлъ Осиповичъ продолжалъ:

«Цѣлую заочно ваши добродѣтельныя руки и молю Бога Жизнодавца, да продлитъ онъ вашу драгоцѣнную для меня жизнь. Въ продолженіе дороги и здѣсь на мѣстѣ я постоянно пользуюсь, слава Богу, хорошимъ здоровьемъ, только все еще какъ-то чудно: ни къ кому и ни къ чему еще не присмотрѣлся. Еще и недѣли не прошло со дня прибытія моего сюда. Простите мнѣ великодушно, мои незабвенные родители, я хотѣлъ было писать вамъ на другой день, но за хлопотами никакъ не успѣлъ: нужно было явиться по начальству, то то, то се, такъ недѣля и пролетѣла. Теперь же я, слава Богу, поуспокоился, нанялъ себѣ маленькую о двухъ комнаткахъ квартиру, какъ разъ противъ госпиталя въ Старой Слободкѣ. Вчера я былъ дежурнымъ, а сегодня совершенно свободный день и чтобъ не потратить его всуе, я взялся за перо и думалъ описать вамъ мимолетное мое путешеттвіе; но какъ подумалъ хорошенько, то оказалось, что и писать нечего, что все пространство, промелькнувшее передъ моими глазами, теперь также само въ памяти моей мелькаетъ, ни одной черты не могу схватить хорошенько. Смутно только припоминаю то непріятное впечатлѣніе, которое произвели на меня заволжскія степи.

Переправясь чрезъ Волгу, я въ Самарѣ только пообѣдалъ и сейчасъ же выѣхалъ; тутъ послѣ волжскихъ прекрасныхъ береговъ передо мною раскрылась степь, настоящая калмыцкая степь. Первая станція отъ Самары была для меня тяжела, вторая легче и глаза мои начали осваиваться съ безконечными равнинами.

Въ первые три переѣзда показывались еще кой-гдѣ вдали неправильными рядами темные кустарники въ степи по берегамъ рѣчки Самары. Наконецъ и тѣ исчезли. Пусто, хоть шаромъ покати. Въ трехъ только мѣстахъ я видѣлъ,—надъ большой дорогой строятся новые переселенцы, а около нихъ шляются въ че-

тыреугольныхъ шапкахъ красныхъ, на подобіе кучерскихъ, безобразныя калмычки съ грудными дѣтьми на плечахъ: совершенно цыганки, только что не ворожатъ. Проѣхавши городъ Бузулукъ, начинаютъ на горизонтѣ въ туманѣ показываться плоскія возвышенности Общаго-Сырта; любуясь этимъ величественнымъ горизонтомъ, я незамѣтно въѣхалъ въ Татищеву крѣпость. Тутъ отдалъ я подорожную смотрителю, а самъ остался на улицѣ, и пока перемѣняли лошадей, я припоминалъ «Капитанскую дочку», и мнѣ, какъ живой, представился грозный Пугачевъ въ черной бараньей шапкѣ и въ красной епанчѣ на бѣломъ конѣ, совершенно нашъ старинный палачъ. Солнце только что закатилось, когда я переправился черезъ Сакмару, и первое что я увидѣлъ вдали, это было розоваго цвѣта огромное зданіе съ мечетью и прекраснѣйшимъ минаретомъ. Это зданіе называется здѣсь «Караванъ-сарай», недавно воздвигнутое по рисунку А. Брюлова. Проѣхавши караванъ-сарай, мнѣ открылся городъ, т. е. земляной высокій валъ, одѣтый красноватымъ камнемъ, и неуклюжія сакмарскія ворота, чрезъ которыя я и въѣхалъ въ Оренбургъ.

На мой взглядъ въ физіономіи Оренбурга есть что-то антипатичное; но наружность иногда обманчива бываетъ, и я лучше сдѣлаю, если не буду вамъ писать объ немъ, пока къ нему не присмотрюсь. Я намѣренъ вести здѣсь дневникъ и посылать къ вамъ по листочку каждую недѣлю, вы и будете видѣть меня, какъ бы передъ собою, прочитывая мои листочки.

А пока простите, извините меня, что я не пишу вамъ о себѣ поподробнѣе. Поклонитесь Карлу Осиповичу и скажите Степану Мартыновичу, что я люблю его великую душу всѣмъ сердцемъ моимъ и помышленіемъ моимъ. Цѣлую ваши благодатныя руки, мои незабвенные, мои безцѣнные родители... Не забывайте вѣчно любящаго васъ сына Вати».

Прочитавши письмо, Карлъ Осиповичъ бережно сложилъ и, подавая его Никифору Ѳедоровичу, проговорилъ: «прекрасный молодой человѣкъ»! А тотъ принялъ молча письмо, поцѣловалъ его, положилъ въ лежащую на столѣ лѣтопись Конисскаго и молча сошелъ съ крылечка. Парасковія Тарасовна помолилась Богу и заплакала, а Степанъ Мартыновичъ, глубоко вздохнувши, задумался, а надумавшись до сыта, всталъ со скамьи и мигнулъ глазами Карлу

Осиповичу, давая знать, что онъ что-то важное выдумалъ и, отведши его въ сторону, говорилъ ему шопотомъ:

— Я по себѣ знаю, когдя я странствовалъ въ Полтаву, какъ трудно на чужой сторонѣ безъ грошей, а онъ теперь, я добре знаю, что нуждается; а что онъ не проситъ, то это ничего. Я прошлаго года продалъ немного воску и меду московскимъ купцамъ. Школа меня кормитъ и одѣваетъ, а деньги гніютъ, какъ талантъ въ землю зарытый. Пошлю я ему мое достояніе. Какъ вы скажете? Послать?

— Нѣтъ, подождите, говорилъ, тоже шопотомъ, Карлъ Осиповичъ.

— Если у васъ есть лишнія деньги, то на нихъ можно найти лучшую дырочку.

И съ этимъ они разстались.

Переправившись черезъ Альту, Степанъ Мартыновичъ не пошелъ въ школу, чтобъ школяры не помѣшали ему думать, какую дырочку нашелъ Карлъ Осиповичъ его деньгамъ. Думалъ онъ, лежа и сидя и стоя въ своей пасѣкѣ до самого вечера, и все-таки не могъ придумать, что бы это за дырочка могла быть. А дѣло было вотъ въ чемъ. Карлъ Осиповичъ получилъ изъ Астрахани два письма въ одномъ конвертѣ, одно на свое имя, а другое на имя сотника Сокиры, если онъ живъ еще, или же на имя Парасковіи Тарасовны. Зося въ письмѣ своемъ къ Карлу Осиповичу описывалъ въ общихъ выраженіяхъ свое горестное положеніе и просилъ, если старики здравствуютъ, то чтобъ онъ улучилъ добрый часъ и вручилъ бы имъ письмо и самъ ходатайствовалъ о добромъ къ нему расположеніи, т. е. просилъ бы о присылкѣ денегъ; въ случаѣ же отказа онъ просто въ петлю полѣзетъ.

Карлъ Осиповичъ хорошо зналъ, что письмо Зоси не понравится Никифору Ѳедоровичу, и потому раздумалъ даже показывать ему письмо, а рѣшилъ прочитать его одной Парасковіи Тарасовнѣ и Степану Мартыновичу и общими силами сложиться и послать на выручку бѣдному Зосѣ На эту то дырочку и намекалъ онъ недогадливому Степану Мартыновичу.

Случай не замедлилъ представиться прочитать письмо Зоси наединѣ, именно, когда Никифоръ Ѳедоровичъ по обыкновенію отдыхалъ въ пасѣкѣ послѣ обѣда. Письмо было такого не хитраго содержанія:

«Великодушные мои родители!

Четыре года я находился въ плѣну у немилосердныхъ горцевъ и наконецъ щедротами великодушныхъ людей освобожденъ изъ онаго и теперь нахожусь въ г. Астрахани въ крайнемъ положеніи. По случаю разстроеннаго на службѣ здоровья, я хлопочу теперь себѣ отставку хоть съ третью жалованья. А пока не оставьте вашего покорнаго сына: пришлите мнѣ хоть сто рублей пока, за что буду вамъ вѣчно благодаренъ. Остаюсь вашъ несчастный сынъ Зосимъ Сокиринъ. Карлъ Осиповичъ знаетъ мой адресъ».

Парасковья Тарасовна не дослушала письма, ахнула и грохнулась на землю. Карлъ Осиповичъ засуетился около нея, а педагогъ мой тоже ахнулъ при видѣ сей трагедіи, да такъ и остался съ разинутымъ ртомъ до тѣхъ поръ, пока не очнулась Парасковья Тарасовна. Простакъ! Онъ совершенно не знакомъ былъ съ сими женскими слабостями.

Придя въ себя, Парасковія Тарасовна вскрикнула:

— Зосю мой, дитя мое!—и снова упала безъ чувствъ. Педагогъ началъ было дѣлать проэктъ на улыбку, но не успѣлъ и остался при прежнемъ выраженіи. Парасковья Тарасовна снова пришла въ себя и попросила воды, прошептала что-то и зарыдала бѣдная, какъ малое дитя. Къ этому времени Никифоръ Ѳедоровичъ, отдохнувши въ пасѣкѣ, пришелъ въ свѣтлицу, чтобы попросить напиться у Парасковьи Тарасовны яблочного квасу, который они на прошлой недѣлѣ только начали; но, увидя сидящую на полу и неутѣшно рыдающую свою Парасковью, спросилъ у предстоящаго о причинѣ такого горькаго рыданія. Карлъ Осиповичъ разсказалъ ему въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе всей трагедіи и подалъ ему роковое письмо, а тотъ, вооружившись очками, медленно и внимательно прочиталъ его и также медленно сложилъ, а подавая Карлу Осиповичу сказалъ: «бреше»!—но такъ тихо, что Парасковья Тарасовна не могла слышать. Карлъ Осиповичъ былъ почти такого же мнѣнія, тѣмъ болѣе, что Зося въ письмѣ своемъ къ нему ничего не говоритъ о плѣнѣ своемъ у горцевъ, но на сей разъ не высказалъ своего мнѣнія, а только почесалъ носъ и понюхалъ табаку. Неужели онъ, донеръ-ветеръ, вздумалъ употребить его, почтеннаго старца, орудіемъ своей гнусной лжи?—такъ или почти такъ думалъ простодушный добрякъ.

Между тѣмъ Парасковья Тарасовна начала понемногу утихать и уже не плакала, а только всхлипывала. Окружающіе, какъ могли, утѣшали ее; а чтобъ совершенно ее успокоить, Никифоръ Ѳедоровичъ вынулъ изъ своей шкатулки стокарбованную ассигнацію и вручилъ ее неутѣшной своей Прасковьѣ, сказавши:

— На, пошли ему!

— Мой голубе сизый,—говорила Парасковья Тарасовна, принимая деньги;—напиши ты ему, хоть одно слово, обрадуй ты его безталаннаго.

— Пиши сама.

— Да какъ же я буду писать, коли я и писать не умѣю?

— Какъ хочешь, а я писать не буду.

— Развѣ вы, Карлъ Осиповичъ, напишете?

— Попросите Степана Мартыновича, пускай они напишутъ: у меня нехорошій почеркъ.

— Вы его учитель, Степанъ Мартыновичъ; напиши, голубчику, хоть одно словечко, я за тебя денно и нощно буду Бога молить и пистри на халатъ возьму, а то вы все въ полотняномъ ходите.

Степанъ Мартыновичъ изъявилъ желаніе писать, а Никифоръ Ѳедоровичъ досталъ изъ той же шкатулки перо, чернильницу и бумагу и, положивъ все это на столъ, вышелъ изъ свѣтлицы вмѣстѣ съ Карломъ Осиповичемъ.

Оставшись вдвоемъ въ свѣтлицѣ, Степанъ Мартыновичъ сѣлъ за столъ, положилъ предъ собою бумагу, взялъ перо въ руку и принялъ такую позу, какую обыкновенно даютъ живописцы сочинителямъ, когда изображаютъ ихъ безсмертные лики, осѣненные сапфирными крыльями генія творчества. Принявши такую позу, онъ просилъ диктовать. Парасковья Тарасовна сѣла тоже за столъ противъ писателя и безсознательно приняла позу самой скорбной матери.

— Пишите такъ, сквозь слезы проговорила она: Зосю мой, дитя мое единое!

Степанъ Мартыновичъ долго, долго думалъ и наконецъ написалъ:

Единственный сынъ мой, милостивый государь
Зосимъ Никифоровичъ!

Онъ очень хорошо зналъ, что неприлично писать такія слова, какія будетъ говорить неграмотная баба. Написавши титулъ, онъ спросилъ, что писать далѣе.

— Далѣе пишите такъ: орле мой. Зосю! Посылаю тебѣ сто карбованцевъ.

Онъ, разумѣется, и эту и всѣ послѣдующія фразы писалъ по своему. Письмо вышло довольно оригинальное и нельзя сказать, краткое, потому что оно кончилось тогда только, когда исписанъ былъ весь листъ кругомъ, а другаго листа боялась просить Парасковія Тарасовна у Никифора Ѳедоровича.

Когда громогласно и не борзяся прочелъ Степанъ Мартыновичъ письмо, то Парасковья Тарасовна подумала: а я то, дура, мелю себѣ, что на языкъ попало, а вотъ оно, какъ надо было говорить, и она посмотрѣла на писателя съ благоговѣніемъ. Къ вечеру было кончено письмо и деньги были вручены Карлу Осиповичу съ просьбою подать на завтра же на почту. Карлъ Осиповичъ, принявши на себя эту коммисію, простился съ хозяевами и, садясь въ свою бѣду, подозвалъ къ себѣ Степана Мартыновича и сказалъ ему на ухо:

— Ваши рубли свободны: дырочка заткнута! а затѣмъ хлыснулъ своего буланого и былъ таковъ. А Степанъ Мартыновичъ побрелъ въ свою школу, недоумѣвая, что это за дырочка проклятая, а хитрый нѣмецъ не хочетъ объясниться просто.

Деньги были получены въ Астрахани, какъ нельзя болѣе кстати, потому что бѣдная Якилина занемогла лихорадкою и лежала въ городской больницѣ, слѣдовательно дневное пропитаніе для моего героя прекратилось. И вдругъ будто манна съ неба упала. Ему выдавали, какъ арестанту, понемногу, но и за этимъ немногимъ стали втихомолку навѣдываться товарищи и прорицали ему, не какъ прежде, хламиду поруганія, но совершенную свободу и полное удовлетвореніе. Этого онъ ужъ и самъ не понималъ. Подъ словомъ совершенная свобода онъ разумѣлъ волчій паспортъ, но полное удовлетвореніе, какъ ни бился, а не могъ разжевать.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, хуторяне мои были обрадованы первымъ недѣльнымъ листкомъ, полученнымъ изъ Орен-

бурга. Ватя назвалъ свой недѣльный дневникъ, въ подражаніе своему благодѣтелю Ивану Петровичу Котляревскому, «Оренбургская Муха». Хуторяне мои его также называли, говоря напримѣръ: къ намъ прилетѣла оренбургская муха, или мы ожидаемъ оренбургскую муху и т. д.

Покойнаго Котляревскаго «Полтавская Муха» была настоящая пчела, а это было только невинное подражаніе въ одномъ названіи. Эта муха ни на какую пошлость или низость людскую не нападала, подобно полтавской. Это было просто описаніе вседневной прозаической жизни честнаго и скромнаго молодаго человѣка; а для хуторянъ моихъ это было выше всякой поэзіи. Прочитывая недѣльный отчетъ своего милаго Вати, они съ любовью слѣдили каждое его движеніе. Они видятъ его, какъ онъ идетъ по большой улицѣ, а ему встрѣчаются эполеты да каски, каски да эполеты козаки да солдаты, солдаты да козаки, даже бабы ходятъ по улицѣ въ солдатскихъ шинеляхъ, чего онъ не видалъ даже на «крамныци» въ Кіевѣ. Или видятъ его, какъ сидитъ онъ на горѣ и смотритъ на Уралъ и на рощу за Ураломъ, а за рощей на мѣновой дворъ, а за дворомъ степь и степь, хоть и не смотри, далѣе ничего не увидишь, а онъ все смотритъ, да о комъ-то думаетъ. И видятъ его, какъ онъ скучный возвращается къ себѣ на квартиру, молится Богу и ложится спать, а завтра рано встаетъ, надѣваетъ мундиръ и идетъ дежурить въ госпиталь. Все, совершенно все видятъ; даже и то, какъ ему дѣлаетъ словесный выговоръ главный докторъ за то, что у него на мундирѣ одна пуговица разстегнулась. При этомъ Парасковія Тарасовна говорила, что у этихъ главныхъ хоть ангеломъ будь, а все-таки безъ выговора не обойдется. Оренбургская Муха исправно являлась каждую недѣлю и чѣмъ далѣе, тѣмъ однообразнѣе. Наконецъ до того дошло, что всѣ дни недѣли были похожи точь-въ-точь на понедѣльникъ; воскресенье только и отличалось отъ понедѣльника тѣмъ, что Ватя, если не былъ дежурнымъ, бывалъ у обѣдни. Старики съ наслажденіемъ читали «Муху», никакъ не подозрѣвая ея убійственно однообразнаго содержанія; а Ватя дошелъ уже до того, что открыто началъ жаловаться на скуку и однообразіе. «Хотѣлъ бы на гауптвахтѣ хоть разъ посидѣть для разнообразія, писалъ онъ, а то и того нѣтъ». На орен-

бургское общество смотрѣлъ онъ какъ-то непріязнено, а дамъ высшаго полета называлъ просто безграмотными кокетками, словомъ, онъ начиналъ хандрить. Отправляясь въ оренбургскій край, онъ думалъ было на досугѣ приготовиться защищать диссертацію на степень доктора медицины и хирургіи; но вскорѣ имъ овладѣла такая тоска, что онъ готовъ былъ забыть и то, что зналъ, а объ обширнѣйшихъ знаніяхъ и думать было нечего.

Болѣе полутора года длился для него этотъ нравственный застой. Одинъ видъ Оренбурга наводилъ на него сонъ. Думалъ было просить перевода, ссылаясь на климатъ: но отъ основанія Оренбурга не было еще человѣка, который бы жаловался на его климатъ. Климатъ отличнѣйшій, хотя лукъ и прочія огороднія овощи и не родятся; но это, я думаю, больше отъ того, что все это добро изъ Уфы получаютъ, для кого оно необходимо, а до Уфы, замѣтьте, не болѣе, ни менѣе, какъ 500 верстъ. Однажды Ватя, скуки ради, посѣтилъ Каргалу. Все-таки, думалъ онъ, село, слѣдовательно не безъ зелени. И представьте его разочарованіе: дома, ворота да мечети, а зелени только и есть, что крапивы кусточки подъ заборомъ, а вонь такая, что онъ не могъ и чаю напиться. Вотъ тебѣ и село! Ну, это не диво; сказано татаринъ, ему былъ бы кумысъ да кусокъ дохлой кобылятины,—онъ и счастливъ. Поѣдемъ въ другую сторону. Поѣхалъ онъ въ Нѣженку, это будетъ по Орской дорогѣ. Чтоже? И тамъ дома, да ворота, только мечетей не видно, за то не видно церквей. Но какъ день былъ іюльскій, жаркій, то онъ поневолѣ долженъ былъ измѣнить проэктъ, плюнуть и возвратиться вспять. Постучалъ онъ въ тесовыя ворота, ему отворила молодка, недурная собой, но удивительно заспанная и грязная, не смотря на день воскресный.

— Можно у васъ остановиться отдохнуть полчаса? спросилъ онъ.

— Можно, для ца не можно! сказала она протяжно.

Онъ взошелъ на дворъ и хотѣлъ было въ избу зайти, но на него изъ дверей пахнуло такой тухлятиной, что онъ только носъ заткнулъ; на дворѣ расположиться совсѣмъ было негдѣ. Велѣлъ онъ своему возницѣ раскинуть котомку подъ телѣгой на улицѣ и принялся помечтать о блаженствѣ сельской жизни, пока лошади вздо-

хнутъ. А между тѣмъ вышла къ нему та самая заспанная, грязная молодка и, щелкая арбузныя сѣмячки, смотрѣла или, лучше сказать, ни на что не смотрѣла. Онъ повелъ къ ней такую рѣчь.

— А какъ бы ты мнѣ, моя красавица, состряпала чего нибудь перекусить.

— Да рази я стряпка какая?

— Ну, хоть уху, напримѣръ. Вѣдь у васъ Уралъ подъ носомъ: чай рыбы пропасть?

— Нѣту-ти: мы эфтимъ не занимаемся.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

— Бахчи сѣемъ.

— Ну, такъ сорви мнѣ пару огурчиковъ.

— Нѣту-ти, мы только арбузы сѣемъ.

— Ну, а еще что сѣете? Лукъ напримѣръ?

— Нѣту-ти, мы лукъ изъ городу покупаемъ.

Вотъ на! подумалъ онъ, деревня изъ города зеленью довольствуется.

— Что же вы еще дѣлаете?

— Калицы стряпаемъ и квасъ творимъ.

— А ѣдите что?

— Калицы съ квасомъ, покамѣстъ бахца поспѣетъ.

— А потомъ бахчу?

— Бакцу.

— Умѣрены, нечего сказать, и онъ замолчалъ, размышляя о томъ, какъ немного нужно, чтобы сдѣлать человѣка похожимъ на скота. А какая благодатная земля! Какіе роскошные луга и затоны уральскіе! И чтоже? Поселяне изъ города лукъ получаютъ! И онъ не додумалъ этой тирады: извощикъ прервалъ его, сказавши: лошади, баринъ, отдохнули.

— А, хорошо! закладывай—поѣдемъ.

И пока извощикъ затягивалъ супони, онъ уже сидѣлъ на телѣгѣ. Черезъ минуту только пыль взвилась и, разстилаясь по улицѣ, заслонила и ворота и стоящую у воротъ молодку.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ А. Я. СТОРОЖЕНКА.

(Окончаніе) [1].

IV.

Знакомство А. Я. Стороженка съ литераторами его времени, по своей продолжительности и обилію сохранившихся писемъ, даетъ гораздо болѣе матеріала для уясненія личности этого дѣятеля, для опредѣленія его литературнаго и вообще нравственнаго характера и значенія и для пониманія одушевлявшихъ его стремленій и симпатій.

Въ ряду пріятелей Андрея Яковлевича изъ круга литераторовъ первое мѣсто, по продолжительности связи, по обширности переписки, принадлежитъ Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину [2]). По разно-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., октябрьск. кн.. стр. 299—229.

[2]) Булгаринъ (род. 1789 г., † 1839 г.), полякъ по происхожденію, получилъ образованіе въ сухопутномъ кадетскомъ (нынѣ 1-й) корпусѣ, въ рядахъ русской арміи участвовалъ въ первыхъ войнахъ нашихъ съ Наполеономъ, а также въ войнѣ въ Финляндіи 1808—1809 гг. Будучи отставленъ отъ службы въ 1811 г., „по худой аттестаціи въ кондуитныхъ спискахъ“, онъ поступилъ въ сформированный французами уланскій полкъ и сражался противъ русскихъ во время похода Наполеона въ Россію и въ компаніи 1813 и 1814 гг., былъ взятъ въ плѣнъ и, по низложеніи Наполеона и объявленіи полякамъ амнистіи, явился сперва въ Варшавѣ, потомъ въ Вильнѣ и наконецъ въ Петербургѣ, гдѣ съ 1820 г. помѣщалъ статьи въ „Сынѣ Отечествѣ“ и „Соревнователѣ Просвѣщенія“, съ 1822 г. началъ самъ издавать журналъ „Сѣверный Архивъ“, прибавивъ потомъ къ нему „Литературные Листки“, а съ 1825 г. сталъ, совмѣстно съ Гречемъ, издавать „Сѣверную Пчелу“, „Сынъ Отечества“ и „Сѣверный Архивъ“. Написавъ

сторонности таланта и знаній, бойкости пера, ловкости и предпріимчивости, онъ десятки лѣтъ занималъ выдающееся положеніе въ русской журналистикѣ и литературѣ. Знакомство его съ Андреемъ Яковлевичемъ Стороженкомъ относится ко времени воспитанія обоихъ въ корпусахъ. Кадеты 1-го и 2-го корпусовъ коротко знали другъ друга, ихъ часто сводили во время смотровъ, парадовъ и лагерныхъ сборовъ. Дружба Андрея Яковлевича съ Булгаринымъ продолжалась до перехода послѣдняго въ ряды французской арміи, послѣ чего всякія сношенія его съ нимъ, конечно, прекратились. По возвращеніи въ Россію, Булгаринъ пожелалъ возобновить порванныя связи и написалъ съ этою цѣлью къ Андрею Яковлевичу, находившемуся въ Гамбургѣ, по взятіи котораго русскія войска простояли тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Андрей Яковлевичъ примирился съ Булгаринымъ и послалъ ему изъ Гамбурга слѣдующее стихотворное посланіе, помѣченное 2 мая 1814 г.:

Вы просите меня стихами къ вамъ писать,
Вашъ вызовъ дружескій охотно принимаю,
Хотя давнымъ-давно бумаги не мараю
Я виршами, но къ нимъ не потухаетъ страсть.
Не смѣйтесь съ бѣдныхъ рифмъ, богатыя нейдутъ
Мнѣ въ голову теперь, я занятъ не стихами,
Заваленъ скучными служебными дѣлами:
Къ намъ изъ Богеміи снарядовъ не везутъ,
Все стало тамъ въ горахъ и бѣдный вашъ поэтъ
Часъ отъ часу грознѣй бумаги посылаетъ,
Резервные отряды, горы проклинаетъ.
Въ бѣдѣ такой на умъ стихъ гладкій не вспадетъ.
Что нужды, думаю, принявшись за перо,
Что въ сочетаньи рифмъ найдете вы ошибку—
У музы не ищу лукавой я улыбки
И мѣдь не выдаю за чистое сребро.

три романа: „И. И. Выжигинъ", „Дмитрій Самозванецъ" и „Мазепа", Булгаринъ съ 1837 г. предпринялъ большое, не доведенное до конца, изданіе: „Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи"; съ 1843 г. издавалъ еженедѣльникъ „Экономъ", а съ 1846 г. сталъ помѣщать въ „Библіотекѣ для чтенія" свои „Воспоминанія", которыя вышли также отдѣльно и вызвали строгія цензурныя мѣры.

Не мыслю удивлять кудрявымъ слогомъ васъ,
Въ бесѣдѣ дружеской витійствовать некстати,
Какъ аванпостами командовать въ халатѣ,
Или съ приказами тащиться на Парнасъ.
Термейскій ручеекъ за тридевять земель,
Не скоро выпишешь маршрутъ ты къ Геликону,
Не мудрено попасть изъ Гамбурга въ Альтону,
Но дивный ручеекъ не близокъ вѣдь отсель.
Не знаю, утолялъ ли жажду изъ него
Прославившійся бардъ, воспѣвшій намъ героевъ
И павшихъ, и живыхъ, во станѣ русскихъ воевъ,
Безсмертію предавъ всѣхъ ихъ до одного.
Хотя реляціей онъ пѣснь и растянулъ,
Но видно, что онъ пилъ потоковъ ипокрены;
Гармонію стиховъ и чувства возвышенны
Самъ Аполлонъ, какъ кажется, ему вдохнулъ.
Ни Феба я, ни водъ волшебныхъ и во снѣ
Не видывалъ, пишу, любя свою свободу.
За даръ надъ всѣмъ шутить благодарю природу,
Она дала его при колыбели мнѣ.
Иной бы занемогъ отъ тягостныхъ трудовъ
По сдачѣ Гамбурга, я веселюсь съ другими,
Всѣ затрудненія мнѣ кажутся пустыми—
Французъ, сдающій все, немного безтолковъ;
Я думалъ, что у насъ однихъ писанья тьма,
А вижу, что у нихъ графныхъ раппортовъ вдвое.
О многодѣліе ненужное, пустое!
Послушайте теперь о балѣ: оный данъ
Въ честь русскихъ гамбургскимъ сенатомъ въ воскресенье,
Весь городъ праздновалъ свое освобожденье,
На пиръ сей съ прочими и я былъ также званъ.
Въ той залѣ, гдѣ совѣтъ ганзейскихъ городовъ
Не мало сотень лѣтъ на откупъ бралъ свободу,
Столпилось множество различнаго народу
И раздалось ура въ честь сѣвера сыновъ:
Раздвинулась толпа, образовался кругъ,
Въ огромномъ парикѣ сенаторъ появился,
Сказалъ предлинну рѣчь и межъ народомъ скрылся,
Хоръ пѣвчихъ, музыка, вдругъ поразили слухъ;
За симъ, какъ водится, начался полонезъ—

Паръ тысяча гуськомъ вдоль залы потянулась
И Терпсихора часъ спустя лишь улыбнулась,
Какъ послѣ польскаго пустились въ экосезъ.
Но я не могъ забыть сенаторовъ плывущихъ
Въ какихъ-то шлафрокахъ съ узорами по швамъ,
Они подобились индѣйскимъ пѣтухамъ,
Равно какъ не могу забыть старухъ поющихъ.
Представьте, голоса, съ оркестромъ на разладъ,
Кричащіе стихи, хватило лишь бы силъ;
Прибавьте же къ тому, камъ нѣмецъ въ пѣньи милъ,
Вы расхохочетесь, я былъ въ томъ виноватъ,
Смѣялся отъ души; но это ли одно
Могло смѣшить меня, я видѣлъ много дива!

Свидѣлись ли пріятели, по возвращеніи Андрея Яковлевича въ Россію, и вели ли потомъ переписку, остается неизвѣстнымъ; сохранившіяся письма относятся къ позднѣйшему времени, именно къ концу 20-хъ годовъ и началу 30-хъ, когда Стороженко служилъ уже въ Елисаветградѣ, въ должности начальника штаба военныхъ поселеній, а Булгаринъ достигъ виднаго положенія въ журналистикѣ. Ихъ связывали интересы научные и литературные, что очевидно изъ слѣдующаго напр. письма Стороженка къ Булгарину отъ 6-го апрѣля 1829 г.

«Когда перечитываешь дружескія письма твои, доотойный Ѳаддей Венедиктовичъ, то совѣсть укоряетъ меня за неисполненіе обѣщанія отозваться къ тебѣ изъ Малороссіи. Я недолго пробылъ на родинѣ. Судьба опять увлекла меня въ дикія степи, и зеленые курганы посреди необозримыхъ равнинъ, покрытыхъ сѣдымъ ковылемъ, привѣтствовали возвратившагося. Нѣсколько дней тому назадъ я пріѣхалъ изъ Одессы въ мѣсто службы моей, въ Елисаветградъ. Если Одесса не представляетъ теперь одушевленнаго торговлею города, то гавань ея, наполненная траспортными судами, приходящими и отходящими съ продовольствіемъ для побѣдоносныхъ войскъ нашихъ къ берегамъ Болгаріи, напомнила мнѣ славу отважныхъ украинскихъ козаковъ, дерзнувшихъ для славы и добычи пуститься на своихъ чайкахъ по бурному морю на завоеваніе Трапезунта и Синопа, подходить къ самому Цареграду, предавая огню и мечу гнѣзда бусурманскія.

Твои статьи о Сербахъ и Черногорцахъ воспламеняютъ мрачныхъ капитановъ корабельныхъ въ Одессѣ, кои почти всѣ изъ славянскихъ народностей. Одинъ Рагузинецъ по складамъ читалъ мнѣ болѣе правя-

щіяся ему мѣста, и бесѣда съ нимъ меня восхищала. Отъ турокъ, находящихся здѣсь съ Юсуфомъ-пашею, я не могъ добиться никакого толку о взятіи нашими Варны. Они съ восточной страстностью приписываютъ все сверхъестественной силѣ, боятся нашихъ козаковъ, прославляютъ своихъ павшихъ героевъ, которые, по ихъ словахъ, рубили непріятеля, какъ огурцы, и отрицательно качаютъ головой, щелкая языкомъ, при разговорахъ о взятіи Шумлы и переходѣ черезъ Балканы.

Въ бытность мою въ Малороссіи, мнѣ много разъ случалось видѣться съ оставившимъ лѣтъ девять тому назадъ въ с. Мельникахъ (верстахъ въ 12 отъ Елисаветграда) жену и дѣтей, пошедшимъ на заработки отъ нищеты и содѣлавшимся нынѣ извѣстнымъ, Осипомъ Михайловичемъ Гладкимъ, бывшимъ двухъ-бунчужнымъ пашею и кошовымъ передавшихся намъ запорожцевъ. Похожденія его любопытны и по самой уже простотѣ разсказа. Когда нибудь спишу тебѣ ихъ для печати.

Занимаюсь теперь изученіемъ собранныхъ мною историческихъ матеріаловъ объ Украинѣ XVI в. Есть много крайне интереснаго.

Прощай! Вспоминай иногда о твоемъ почитателѣ и обрадуй его нѣсколькими строками». А. С—ко.

Когда Булгаринъ сталъ продолжительнѣе проживать въ своемъ имѣніи, Карловѣ, близъ Дерпта, а Стороженко въ Варшавѣ, переписка между двумя пріятелями стала болѣе частою и правильною. Къ сожалѣнію, у насъ въ рукахъ письма лишь Булгарина и ни одного письма къ нему Стороженка. Письма Булгарина весьма любопытны: пиша къ человѣку, въ рукахъ котораго сосредоточены были дѣла по умиротворенію и переустройству Царства Польскаго послѣ недавняго возстанія, Булгаринъ самъ полякъ, то и дѣло говоритъ о Польшѣ, о характерѣ поляковъ, о политикѣ русскаго правительства, въ частности князя варшавскаго и его ближайшихъ помощниковъ, по отношенію къ нимъ; съ другой стороны, играя видную роль въ русской журналистикѣ и занятый въ то время обширнымъ изданіемъ: «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи», онъ часто и много трактуетъ въ письмахъ къ варшавскому своему пріятелю о своихъ литературныхъ предпріятіяхъ, въ особенности о «Россіи», проситъ у него содѣйствія, свѣдѣній, матеріаловъ, касается вообще положенія современной русской литературы и цензуры. При всемъ интересѣ этихъ писемъ, помѣщеніе ихъ цѣликомъ и даже въ большихъ выдержкахъ не отвѣчало бы цѣли нашего очерка, такъ какъ они рисуютъ больше самаго

Булгарина и близкій ему кругъ; поэтому мы ограничимся приведеніемъ лишь тѣхъ изъ нихъ мѣстъ, которыя такъ или иначе касаются Стороженка и круга его интересовъ и дѣятельности, въ особенности по такъ называемому польскому вопросу.

Служебное положеніе Андрея Яковлевича въ Варшавѣ было таково, что неизбѣжно вызывало многоразличные толки и скорѣе всего не въ пользу его. Толки эти доходили до Петербурга и, какъ кажется, послужили поводомъ къ возобновленію переписки его съ Булгаринымъ. Но объ нихъ и по поводу ихъ неудобно было распространяться въ письмахъ, и это оговариваетъ Булгаринъ въ началѣ и въ концѣ перваго изъ сохранившихся писемъ его, отъ 9 сент. 1833 г. Извиняясь въ замедленіи отвѣта на письмо Стороженка, Булгаринъ пишетъ:

«Мнѣ бы хотѣлось побесѣдовать съ тобой *сердечно*, а бумагѣ я повѣряю только то, что можетъ быть напечатано. Когда пріѣдешь въ Петербургъ, узнаешь, люблю-ли я тебя. Грудью отражалъ я стрѣлы клеветы и злобы, устремленныя на тебя».

Сказавъ далѣе о себѣ и семьѣ своей, Булгаринъ продолжаетъ:

«Князь Варшавскій въ пріѣздъ свой въ Петербургъ и на обратномъ пути призывалъ меня къ себѣ и обласкалъ превыше моего достоинства и заслугъ. По памяти моего друга и его любимца, Грибоѣдова, онъ такъ добръ былъ со мною, что я душевно привязанъ къ нему и увѣренъ, что когда мои земляки отрекутся отъ злого бѣса крамолы, то будутъ счастливы подъ управленіемъ князя Варшавскаго. Тьфу ты пропасть! Неужели не пора образумиться! У меня сердце разрывается на части и гортань заливается желчью, когда слышу о поступкахъ (безсмысленныхъ и злодѣйскихъ) людей, осмѣливающихся называться либералами и патріотами! Изверги, зарѣзали мать свою, отчизну.

Ты писалъ ко мнѣ, что Варшава нынѣ скучна. Вѣрно! Однако-жъ думаю, что съ правымъ сердцемъ и не глупою головою въ Варшавѣ можно болѣе чѣмъ гдѣ либо жить пріятно. Польскій народъ отъ природы гостепріименъ и общежителенъ. Просвѣщенныхъ людей тамъ также довольно, климатъ пріятный, все дешево, чего-же болѣе? Взгляни-ка безпристрастно на Петербургъ! Что-за радости и у насъ?».

Письмо заканчивается фразой: «а что хотѣлось бы высказать, то на бумагѣ было бы тяжко», и просьбой «любить и не забывать стараго и неизмѣннаго друга».

Въ письмѣ отъ 7-го февраля 1834 г., послѣ сообщеній частнаго, семейнаго характера, пообѣщавъ выслать Андрею Яковлевичу просимыя имъ книги и прислать свой новый романъ «Мазепа», Булгаринъ даетъ такой отзывъ о князѣ варшавскомъ, полякахъ и политикѣ, какой относительно ихъ держаться слѣдуетъ:

«Въ Петербургѣ я всякій день бывалъ у вашего князя, который по прежнему милостивъ ко мнѣ. Добрый и благородный человѣкъ! Другой-бы давно разозлился на меня, если-бы послышалъ ту правду, что я говорю ему, привыкнувъ судить и говорить громко, когда есть случай, т. е. когда хотятъ знать мой образъ мыслей. Черное называю я всегда чернымъ, а бѣлое бѣлымъ, хоть-бы пришлось лопнуть! Дорого заплатилъ я за это, а теперь поздно отвыкать. Но твой князь единственный, можетъ быть, человѣкъ въ Россіи, который съ рыцарскою душею гнушается лести и лжи и любитъ откровенность. Послѣ смерти Максима Яковлевича (фонъ-Фока, начальника III отд.), не думаю, чтобы онъ часто встрѣчался съ людьми, любящими правду для правды. Дай Богъ ему силъ и терпѣнья! Много про него говорятъ пустого злые люди, а пусть бы попробовалъ кто быть на его мѣстѣ!

Всѣ вы говорите, что знаете Польшу и поляковъ, а мнѣ кажется, что я знаю болѣе васъ всѣхъ. Я, какъ говорится, посвященъ въ тайны польскаго характера, и вотъ тебѣ въ одной чертѣ вся характеристика народа: во время прусскаго господства запрещено было ѣздить въ Варшавѣ въ шесть лошадей, за каждую лошадь сверхъ пары должно было платить червонецъ штрафу; польскіе паны нарочно ѣздили въ шесть лошадей, чтобы имѣть удовольствіе посвоевольничать и охотно платили штрафъ! Смѣшно, а правда. Дѣлай съ поляками, что хочешь, осыпай ихъ золотомъ, но если имъ нельзя *коврать* и посвоевольничать,—они все будутъ почитать себя несчастными. Что-жъ дѣлать, когда Богъ создалъ такое племя! Но Польша существуетъ теперь только въ полонезахъ и мазуркахъ, слѣдовательно объ этомъ и толковать нечего. Надѣлали пакостей и глупостей, пусть же и отвѣчаютъ по дѣломъ. Доказано, что никогда имъ не было лучше, какъ предъ гадкимъ ихъ бунтомъ, а имъ захотѣлось *похвастать*, по примѣру французовъ. Разтерзалъ бы своими руками этихъ проклятыхъ карбонаріевъ, губящихъ несчастную страну. Истыя гіены и бѣшеные волки! Если ты другъ человѣчества, преслѣдуй ихъ безъ милосердія, только, разумѣется, не по подозрѣніямъ, а по доказательствамъ. Объ этомъ прошу тебя, какъ другъ».

Въ заключеніе письма Булгаринъ желаетъ Стороженку «терпѣнія на его безпокойномъ посту», увѣряя въ своей неизмѣнной на вѣки вѣрности и дружбѣ.

Въ послѣдующихъ письмахъ Булгаринъ удѣляетъ много мѣста вопросу объ изданіи сочиненія: «Россія въ историческомъ, географическомъ и литературномъ отношеніи». Онъ предполагалъ первоначально издать его въ восьми и даже 12-ти томахъ и открылъ подписку по 5 рублей ассигн. за томъ, не требуя денегъ впередъ. Желающихъ оказалось до 4.000 человѣкъ; но, не смотря на такой успѣхъ, изданіе прекратилось на 6-ти томахъ и право изданія было продано Плюшару, что подало поводъ извѣстному книгопродавцу А. Ф. Смирдину сказать слѣдующій каламбуръ, очень позабавившій Пушкина и другихъ писателей: «Полякъ французу Россію продалъ», хотя потомъ эта сдѣлка и не была исполнена [1]). Для этого то изданія онъ просилъ у Стороженка матеріаловъ историческихъ и свѣдѣній статистическихъ, закидывая вмѣстѣ и о томъ, «нельзя ли въ Царствѣ Польскомъ собрать подписку». «Книга моя, говоритъ Булгаринъ, будетъ чрезвычайно полезна для поляковъ; узнавъ Россію, они по-неволѣ выбросятъ изъ головы бредъ о своей независимости отъ нея». Для вящшаго успѣха онъ пытался, хотя тщетно, «посвятить этотъ національный и общенародный трудъ свѣтлѣйшему (т. е. Паскевичу), какъ *первому сыну* Россіи, матери всѣхъ славянскихъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу земли». Оставляя въ сторонѣ эти подходы ловкаго издателя мы извлечемъ изъ его писемъ лишь болѣе существенное.

«Ради Бога, пишетъ онъ въ письмѣ отъ 21 марта 1836 г., пришли мнѣ, если у тебя есть что важное для исторіи козаковъ. Эту часть отдѣлываю я *con amore*.

Еще прошу тебя всепокорнѣйше, нельзя ли прислать мнѣ какихъ либо новыхъ статистическихъ извѣстій о Царствѣ Польскомъ.

Университетъ варшавскій уничтоженъ. Какое же у васъ заведеніе для окончательнаго курса наукъ и какъ раздѣлено народное просвѣщеніе: есть ли гимназіи или что-нибудь подобное? О Польшѣ мы не имѣемъ понятія! Что было до бунта, мнѣ извѣстно, а теперь ничто не публикуется, а толкъ идетъ, якобы все уничтожено и мракъ носится надъ бездною. Право, не знаешь чему вѣрить! Вѣдь всѣ вѣсти, толки разсказываются нашими же русскими! Варшавскаго поляка я видомъ не видалъ отъ несчастнаго бунта. Ради Бога, Россіи, наукъ и дружбы сообщи, что можно, о новомъ состояніи Царства Польскаго.

Что тебѣ много дѣла, это можно предполагать. Что дѣлать! Много хлопотъ, тяжкій трудъ, но за то можно дѣлать много добра, а для

[1]) Русскій Архивъ, 1870 г. Изъ Записокъ Н. И. Греча, стр. 1267.

этого Христосъ далъ себя распять на крестѣ. Жизнь коротка, добро вѣчно! Подвизайся, друже, на поприщѣ блага, да укрѣпитъ тебя Провидѣніе! Тебѣ не нужно сказывать, что и поляки *люди* и что земля и человѣчество существовали прежде отечества и политики. Поляки въ человѣчествѣ есть то, что больные въ обществѣ. Лихорадку надобно вылѣчить и баста»!

Въ письмѣ отъ 30 мая того же года Булгаринъ пишетъ между прочимъ:

«Ты меня обрадовалъ извѣстіемъ, что ты отыскалъ Pamiętniki Chrysostoma Paska [1]) о Мазепѣ. Обрадовалъ, такъ какъ я надѣюсь получить копію. Хотя Очкинъ [2]) и называетъ польскій народъ подлымъ за то, что княгиня Сангушко бросилась къ ногамъ князя Варшавскаго *изъ благодарности за сдѣланное ей добро*, но я право, брошусь тебѣ въ ноги, если ты сообщишь мнѣ рукопись Мазепы—не для напечатанія, но для прочтенія и внесенія сущности изъ нея въ мою исторію. Я упомяну, что ты отыскалъ этотъ важный докуменъ. Обѣщалъ ты мнѣ еще пѣсни червонорусскія, статистику Польши и извѣстіе о происхожденіи козаковъ, о которыхъ Мацѣевскій обѣщалъ сказать то, что намъ и не снилось, но, по занятіямъ твоимъ и недостатку времени, вѣрно, забылъ. Ради Бога пришли рукопись о Мазепѣ».

Сказавъ затѣмъ въ нѣсколькихъ строкахъ объ успѣхахъ своего изданія «Россія», онъ снова напоминаетъ о Мазепѣ, восклицая:

«Мазепу, Мазепу!... Грѣшенъ, этотъ историческій характеръ мнѣ очень нравится».

Въ томъ же письмѣ Булгаринъ сообщаетъ любопытные отзывы своя какъ о Паскевичѣ и его помощникахъ по управленію Царствомъ Польскимъ, такъ и о самомъ характерѣ этого управленія.

«Князь Варшавскій удостоилъ меня чести разговаривать о тебѣ и къ величайшей моей радости я удостовѣрился, что онъ тебя любитъ и уважаетъ. Онъ мнѣ разсказалъ о твоемъ благородномъ обхожденіи съ подсудимыми во время нашествія глупыхъ эмиссаровъ на Польшу и т. п. Поляки любятъ князя, но жалуются, что свита его обходится съ ними съ величайшей надменностью, какъ египтяне или ассиріяне съ іудеями.

---

[1]) Изданы лишь въ 1877 г. Любопытныя для бытовой исторіи записки польскаго шляхтича второй половины XVII вѣка, въ которыхъ, между прочимъ, сообщаются свѣдѣнія о молодыхъ лѣтахъ Мазепы во время его пребыванія въ Польшѣ.

[2]) Петръ Николаевичъ Очкинъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при князѣ Варшавскомъ.

Образчикъ этихъ ассиріянъ или египтянъ видѣлъ я въ фигурѣ Очкина. Это польскій вельможа (по нынѣшнему) есть сынъ обанкрутившагося русскаго купца. «Вельможа» имѣлъ при себѣ француза-гувернера и былъ помѣщенъ затѣмъ въ горный корпусъ, откуда и былъ изгнанъ за какіе-то подвиги. Послѣ этого я же вынужденъ былъ усиленной просьбой его родныхъ порекомендовать его Грибоѣдову, который и помѣстилъ его при князѣ. Теперь встрѣтился я съ этимъ *польскимъ паномъ* и пустилъ бомбу на счетъ дурнаго обхожденія русскихъ съ поляками.

Рыжій «вельможа» высказалъ всѣ гнусности на счетъ поляковъ, разумѣется, съ оговоркою на счетъ моего руссизма. Въ другое время я бы сдѣлалъ другое, но теперь сказалъ только: „горе народу, управляемому такими людьми, какъ Очкинъ, и горе правительству, употребляющему такихъ людей“! Что за тонъ, что за манера, что за чванство! Воля твоя, а большаго наказанія за бунтъ быть не можетъ, какъ быть управляемымъ такими людьми! Непостижимо!

Твоего пріятеля Н. И. Ушакова (адъютанта князя) видѣлъ я въ канцеляріи; онъ такъ озабоченъ, что не имѣлъ времени переговорить со мною. Вообще всѣ пріѣзжающіе изъ Варшавы такъ холодны, такъ важны, такъ насобачились на полякахъ играть роль побѣдителей, что не хочется подходить. Богъ съ ними! Хотѣлъ, было, ѣхать погостить въ Варшаву, но теперь ни за милліоны не поѣду! Въ Петербургѣ я избалованъ пріемами и ласкою первѣйшихъ въ государствѣ. Графъ Бенкендорфъ, графы Чернышевы, Орловъ и проч — все это превѣжливые, премилые, прекрасные люди, понимающіе достоинство и званіе литератора и принимающіе людей не по чинамъ».

Въ письмѣ отъ 4 февраля 1837 г. Булгаринъ, говоря о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, сдѣланныхъ имъ въ своемъ изданіи «Россія», проговаривается слѣдующими, въ высшей степени характерными для него, словами:

«Замѣчательно, что я развилъ одну идею, идею свѣтлѣйшаго. Онъ сказалъ мнѣ мелькомъ: кажется мнѣ, что ляхи не славяне. Я давай искать и рыться, и точно убѣдился въ этомъ. Увидишь».

Поговоривъ и еще о своемъ любимомъ изданіи, Булгаринъ переходитъ къ полякамъ и управленію ими и пишетъ слѣдующее:

«Впервые сошелся я покороче съ твоимъ другомъ, полковникомъ Ушаковымъ. До сихъ поръ видѣлъ я его только мелькомъ при фельдмаршалѣ или за канцелярскими бумагами. Въ немъ узнаю я человѣка съ умомъ и образованностью отличными, а за сердце его ручается твоя

къ нему дружба. Хотя я не согласенъ съ нимъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но это вовсе не мѣшаетъ мнѣ питать къ нему полное уваженіе. Мнѣ все кажется, что немногіе между вами, т. е. правителями Польши, знаютъ *въ точности* характеръ и духъ польского народа. По мнѣ, такъ изъ него лаской можно сдѣлать, что угодно, а дѣтской побрякушкой повести на конецъ свѣта. По моему, вся бѣда отъ того, что дворянство и вообще образованный классъ *не знаютъ нашей общей матери, Россіи,* этого неприступнаго гнѣзда славянскаго. Если-бы польское юношество воспитывать въ томъ духѣ, что Россія есть благо для нихъ, что братство съ русскими для нихъ честь, слава и *матеріальная выгода,* что одно средство загладить прошлое—быть полезными Россіи службою и талантами, то другая генерація въ Польшѣ была бы иная. Но въ этомъ случаѣ надобно убѣждать умъ и серце, а *не приказывать.* Оттого ваши поляки не будутъ русскими, что имъ велятъ учиться писать по-русски, когда и въ Россіи нѣтъ даже *посредственныхъ* учителей русскаго языка. Надобно, чтобы ваши поляки *думали* по-русски а, для этого нужно воспитаніе. Я обрадовался, напечатавъ въ Пчелѣ извѣстіе объ экзаменѣ въ институтѣ благородныхъ дѣвицъ въ Варшавѣ! Вотъ, это такъ славно! А велѣть забыть польскій языкъ, польскую исторію и литературу, воля ваша, невозможно. Царство Польское высунулось носомъ въ Европу. Въ Пруссіи, Саксоніи, Австріи, вездѣ печатаются польскія книги. Что прибыли, что вы запретите въ Варшавѣ печатать и писать по-польски! Книги перенесутъ изъ-за границы. По мнѣ, пусть-бы печатали по-польски въ Варшавѣ, но только въ такомъ духѣ, чтобъ измѣнить зловредное направленіе умовъ нашего несчастнаго вѣка, отравленнаго Франціей. Поляковъ истребить нельзя совершенно, но должно стараться приготовить *новую генерацію* поляковъ, убѣжденныхъ въ томъ, что имъ безъ Россіи и внѣ Россіи нѣтъ спасенія. Еслибы у васъ былъ директоръ училищъ такой, какимъ я себѣ воображаю, т. е. полякъ преданный Россіи не за награды, а по убѣжденію—дѣло пошло-бы ладно! Да откуда взять его»!

Письмо отъ 6-го марта того же года начинается похвалами тому же Ушакову и нѣкоему Корвелю, а со словъ послѣдняго и самому Стороженку.

„Ушакова видѣлъ я нѣсколько разъ. Какъ близкій къ тебѣ человѣкъ, онъ мнѣ чрезвычайно дорогъ, но мы не имѣли времени сойтись съ нимъ ближе. Онъ по природѣ, какъ нѣмцы говорятъ, zurück haltend, что въ нашъ вѣкъ необходимо. Притомъ-же всѣ ваши варшавскіе чиновники здѣсь такъ осторожны, что отъ нихъ не допытаешься даже, бываютъ-ли въ Варшавѣ сѣверные вѣтры. Пекинъ гораздо ближе къ

намъ. чѣмъ Варшава. Не знаю, нужно ли это и хорошо ли, но такъ есть.

Благодарю тебя за доставленіе знакомства съ Корвелемъ. Много-ли у васъ такихъ чиновниковъ? У насъ немного. Уменъ, благороденъ, способенъ. Для одного даже много. Онъ страстно привязанъ къ тебѣ и знаетъ тебя въ тонкости, т. е. проникъ въ душу твою, гдѣ на днѣ— золотой рудникъ. Что онъ здѣсь разсказываетъ о тебѣ, то мы просто захлебываемся отъ удовольствія. Между прочимъ онъ говоритъ, что вся Варшава въ отчаяньи, узнавъ, что ты хочешь оставить службу, и разсказываетъ анекдоты, которые дѣлаютъ честь уму твоему и сердцу".

Извѣщая затѣмъ объ отправленіи Плюшаромъ по почтѣ Стороженку и свѣтлѣйшему по экземпляру веленевому и съ раскрашенными картинами «Россіи», Булгаринъ прибавляетъ:

«Подписчикамъ вышлетъ онъ на твое имя всѣ разомъ въ ящикѣ. Чудно, что русскія книги въ Польшу должны проходить чрезъ таможни и съ большею трудностью, нежели иностранныя входятъ въ Россію; а велятъ учиться по-русски»!

Далѣе онъ пишетъ:

«Возобновляю просьбу мою о манускриптѣ о Мазепѣ. Одолжи на всю жизнь! Еще прошу крайняго одолженія. Вели справиться, сколько въ Царствѣ Польскомъ учебныхъ заведеній, какъ называются главныя, есть-ли у васъ лицей или какая высшая школа, сколько вообще въ Царствѣ Польскомъ учащихъ и учащихся? Это мнѣ необходимо нужно для 3-го тома статистики. Нельзя-ли также получить какихъ либо свѣдѣній о фабрикахъ, мануфактурахъ, торговлѣ и промышленности. Какъ великъ у васъ вывозъ и привозъ товаровъ, сколько производства на фабрикахъ? По твоему желанію тебѣ дадутъ въ министерствахъ всякія возможныя свѣдѣнія. Въ Россіи печатаются въ министерскихъ журналахъ отчеты по всѣмъ отраслямъ управленія Россіи; у васъ то, что было написано надъ дверьми классовъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ: «молчаніе, тишина, вниманіе и напряженіе ума»... А право стоило-бы, чтобы у васъ, *по примѣру Россіи*, завести хотя одинъ журналъ казенный, гдѣ-бы печатались отчеты министерствъ, банковъ и проч. Нынѣ уже и въ Турціи печатаютъ объ этомъ въ Оттоманскомъ Монитерѣ. Если тебя не обременитъ, пришли мнѣ Kalendarz Wnrszawski na rok 1837 i administr. Kalendarzyk, изъ коего я узнаю, какія есть у васъ присутственныя мѣста».

Послѣ приведенныхъ здѣсь нами писемъ Булгарина былъ, очевидно, довольно продолжительный перерывъ въ перепискѣ на-

шихъ пріятелей. Слѣдующее сохранившееся письмо Булгарина помѣчено 15-мъ мая 1844 г. Затѣмъ переписка продолжалась, по видимому, до конца 1847 г. Послѣднее письмо помѣчено 7-мъ марта 1847 г. Писемъ Булгарина за этотъ періодъ времени сохранилось семь. Они представляютъ преимущественно частный интересъ, а потому мы приведемъ лишь тѣ мѣста изъ нихъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о литературѣ и политикѣ, помѣщая ихъ, какъ и выше, въ хронологической послѣдовательности:

1. «С.-П.-Б. 15 мая 1844 г. Жаль, что вмѣсто назначенія тебя главнымъ директоромъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, тебя не взялъ Перовскій себѣ въ товарищи вмѣсто пустѣйшаго Сенявина. Въ каждомъ номерѣ Полицейской Газеты находимъ великіе подвиги! Чиновники министерства внутр. дѣлъ ежедневно ловятъ обвѣшивающихъ *на золотники* и обмѣривающихъ *на вершки*, а, какъ говоритъ Крыловъ, «слоновъ-то и не примѣчаютъ». Я все держусь моихъ старыхъ воззрѣній, что надобно въ народѣ водворить сперва любовь къ закону и порядку, а тамъ уже заводить порядки. Народное воспитаніе, воспитаніе! Вѣрю, что если-бы въ Польшѣ лучше знали Россію и духъ русскаго народа, то не ухватились бы за нелѣпую мысль воевать съ Россіей или искать невозможной независимости! Только грубое невѣжество можетъ питать эти идеи! Если-бы я былъ профессоромъ въ Польшѣ, я бы повторялъ каждый день съ каѳедры: «хотите быть счастливыми, будьте добрыми и вѣрными сынами *матери всѣхъ славянскихъ народовъ*, Россіи! Если вамъ что не нравится въ ней *теперь*, вспомните, что 50 и 100 лѣтъ въ исторіи—*мигъ*, а народъ польскій вѣчевъ и безъ Россіи нѣтъ ему спасенія! Польша могла существовать независимо, когда Пруссія вовсе не существовала, Австрія была слаба, а Россія была азіатскимъ ханствомъ; но теперь безъ Россіи Польшѣ нѣтъ мѣста на земномъ шарѣ, а нѣмцы сдѣлаютъ изъ васъ тоже, что сдѣлали съ поморянами и др., т. е. нѣмцевъ. Все зло есть невѣжество»!

2. «С.-П.-Б. 22 сентября 1845 г. Мечты твои о благѣ, устройствѣ края, въ которомъ ты занимаешь самую важную должность, прекрасны и достойны тебя, но это только фантазія! Безъ людей одному можно только творить *писаное* и *бумажное* благо, а не *существенное*, *осязаемое*! Хотя-бы ты и успѣлъ что сдѣлать, другіе разрушатъ. Знаемъ мы здѣсь многихъ русскихъ, которымъ ввѣрено управленіе краемъ! Много ли ты найдешь между ними такихъ, которые-бы любили край, ввѣренный ихъ попеченію и имѣли понятіе о томъ, что есть *человѣчество*, что есть *высшее назначеніе человѣка* и наконецъ что такое само *добро*! Ой, козаче, козаче, ты все еще юнъ! Перестань думать о невозможномъ!

Ты завидуешь участи русскаго писателя! Шутка это или насмѣшка? Наказываютъ вора, если онъ похищаетъ у меня носовой платокъ, а не хотятъ слушать, когда я жалуюсь, что меня лишили моей драгоцѣннѣйшей собственности, *идей*, заключающихъ въ себѣ сѣмена блага отечества, пользы царской, добра человѣчества! Уваровъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, когда я умаливалъ его дать просторъ (разумѣется, законный) русскому уму, указалъ мнѣ на бронзовое изображеніе центавра, стоявшее на каминѣ и сказалъ: «вотъ народъ!»—«Правда, отвѣчалъ я; но если хотите, чтобы животное везло и было здорово, не погоняйте его *по головѣ*».—Пожилъ бы ты, напримѣръ, съ цензоромъ Крыловымъ, который вымазываетъ въ повѣсти слова «синій фракъ» потому только, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія *синіе* мундиры!!! Для меня все равно, потому что я дожилъ уже до апатіи, удостовѣрясь въ невозможности добра. Не завидуй мнѣ; право, не стоитъ!»

3. «С.-П.-Б. 19 марта 1846 г. Ты далъ мнѣ коммиссію о пріисканіи человѣка для выписки документовъ въ Швеціи;—я искалъ и не нашелъ! Документы эти, особенно Dziennik Jana Sapiehi, я самъ видѣлъ въ Швеціи, въ замкѣ Скоклостеръ, принадлежавшемъ покойному графу Браге и говорилъ объ нихъ въ моемъ «Путешествіи въ Швецію». Писаны они такимъ почеркомъ, что надобно умѣть разобрать. Вышли Мацѣевскаго на казенный счетъ: надобно человѣка ученаго, а не кого-нибудь. А преважныя вещи для эпохи самозванцевъ!

Удивительны и непостижимы сношенія съ Варшавой! Не могу до сихъ поръ выслать тебѣ моихъ «Воспоминаній». Надобно посылать въ *вашу цензуру*. Обѣщали мнѣ однакожъ переслать въ видѣ казенной посылки. Сынъ Н. И. Греча послалъ отцу въ Парижъ книги чрезъ служащаго въ русской службѣ француза Оже, котораго государь лично знаетъ и жалуетъ, ибо онъ служилъ въ измайловскомъ полку. Изъ письма Оже, къ сему прилагаемаго, усмотришь, что книги у него отняты на границѣ. Ужели и русскіе календари—вещи запрещенныя?

Собрался я писать къ тебѣ не въ пору и не кстати. Воображаю, сколько у тебя теперь хлопотъ и заботъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ! Ахъ, что это за скоты! На границѣ Польши слѣдовало бы надписать: «страна сумасшедшихъ». Не Польшей ей называться, а *Безуміей*. Да тутъ понять нельзя ничего! Ужели пьяная и глупая шляхта хотѣла воевать съ тремя державами? Это, право, жалкій фарсъ. Я бы просто безъ церемоніи поролъ нагайками! Вѣдь это изъ рукъ вонъ! Мы здѣсь въ Петербургѣ читаемъ и глазамъ не вѣримъ. Хороша и французская палата—нечего сказать! Поджигатели и смертоубійцы эти французскіе

депутаты, а Чарторыйскій высоко комическое лицо, политическій Фальстафъ, а по русски—шутъ гороховый. Воображаю, что это долженъ быть за народъ эти *wojowniki*, собравшіеся ниспровергнуть три царства! Искренно сожалѣю о тебѣ, что ты долженъ бороться съ этими дикими звѣрями. Если бы тебя не было въ Варшавѣ, то я забылъ бы, что Польша существуетъ. Она только терзаетъ душу мою, отравляя счастье невинныхъ, которымъ судьба повелѣла родиться и жить въ этой безумной странѣ»!

4. «С.-П.-Б. 12 января 1847 г. Литература наша жалка. Журналы глупые, какъ гуси, вопятъ безъ смысла и потчиваютъ Русь безграмотными переводами или безсмысленными сказками. Языкъ искаженъ, какъ во время столпотворенія. Все—денежная спекуляція, по несчастью поддерживаемая интригою. О благѣ литературы никто и не помышляетъ. Историки близоруки и пишутъ по заказу. Ученый міръ, состоящій изъ нѣсколькихъ нѣмцевъ, повторяетъ сказанное въ другомъ мѣстѣ. Въ одномъ Дерптѣ свѣтится еще огонекъ. Скучно, тошно, тяжело»!

5. С.-П.-Б, 7 марта 1847 г. Ты видишь одну глупость въ русскихъ журналахъ, а я вижу больше, но молчу. Чистый *коммунизмъ*, проповѣдуемый *явно*, безъ всякихъ обиняковъ. Напр., въ «Отеч. Запискахъ», въ 1844 г., № 2, стр. 98, въ статьѣ «Іезумъ» напечатано: «Богъ на крестѣ, освящающій *свободу и равенство* не однихъ римскихъ гражданъ, но и всѣхъ людей, какъ членовъ одного человѣчества, присущаго его божественности, вотъ что побѣдило древній міръ и *не престаетъ развиваться и оплодотворяться въ мірѣ новомъ*». Каково это тебѣ покажется? И этотъ журналъ покровительствуется и продается въ провинціи жандармами и чиновниками всѣхъ вѣдомствъ, по предписанію директоровъ департаментовъ, восхваляется съ каѳедръ и проч.

Поляковъ я хорошо знаю, какъ будто самъ сотворилъ ихъ. Истребить ихъ можно, но передѣлать никакъ! Дѣлай съ ними, что хочешь, но позволь *врать* и носить какую нибудь *особую ленточку*, въ видѣ кокарды, и они будутъ счастливы, хоть запряги ихъ вмѣсто воловъ. Ужъ такая натура! Будутъ говорить: *ciężkie czasy, ale życie wesołe* и околѣвать подъ тяжестью работы, распѣвая narodowe piosenki. Послѣдняя ихъ попытка воевать съ *тремя* державами, не имѣя даже ни одного регулярнаго барабанщика, доказываетъ, что тутъ приходится имѣть дѣло не съ мозгомъ.

Лелевеля я зналъ лично и былъ съ нимъ въ корреспонденціи. Онъ даже печаталъ у меня въ Сѣверномъ Архивѣ. Лелевель—теоретикъ. Онъ зналъ мидянъ и ассирійцевъ, но до сихъ поръ не знаетъ ни Россіи, ни Польши. Лелевель есть математическое доказательство, что тео-

рія безъ практики—мыльный пузырь. Именъ и чиселъ онъ знаетъ много, а людей никогда не зналъ. Въ политикѣ онъ тоже, что извѣстный французскій революціонеръ Анахарсисъ Клоцъ, который подписывался: ennemi personel du Iésus Christ, а отъ роду не читалъ Евангелія».

Съ Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ [1]), издателемъ «Русскаго Инвалида» и «Славянина», Стороженко познакомился у Булгарина. Они сошлись характерами и воззрѣніями и стали въ самыя хорошія отношенія другъ къ другу. Когда Стороженко осѣлся въ Елисаветградѣ, то написалъ Воейкову, чтобы не прерывать съ нимъ связей, слѣдующее письмо:

«Высокочтимый Александръ Ѳедоровичъ! Переѣзды и новое мое назначеніе все не давали мнѣ возможности отозваться къ вамъ. Нынѣ же, пріютившись покуда въ Елисаветградѣ, я спѣшу выполнить свое обѣщаніе, спѣшу воспользоваться позволеніемъ вашимъ отрывать васъ иногда отъ занятій вашихъ своимъ незатѣйливымъ писаніемъ.

Листки «Инвалида» и «Славянинъ» извѣщаютъ меня о вашемъ здоровьи, судя по трудамъ вашимъ надъ ними. Они доходятъ ко мнѣ чрезъ Золотоношу. Сдѣлайте одолженіе, прикажите дать имъ направленіе въ настояще мое мѣстопребываніе.

Я только что возвратился изъ Одессы. Что тамъ дѣлается, вамъ извѣстно изъ тамошняго, хотя впрочемъ скуднаго газетнаго листка [1]). Здѣсь весна уже. Скоро зеленѣющіе курганы заговорятъ съ вѣтрами. Они заставляютъ меня вспоминать унылую украинскую пѣсню «Ой, у поли могила зъ витромъ говорила»... Всякій всадникъ на необозримой степи представляется мнѣ удалымъ запорожцемъ. Я люблю степь, но признаюсь желалъ бы прожить нѣсколько времени въ столицѣ для собранія хотя нѣкотораго духовнаго запаса для скучной старости. Здѣсь не съ кѣмъ разговориться, некому прочитать написанное, не съ кѣмъ забыть на минуту трудовъ служебныхъ, и душа хладѣетъ для изящнаго. Одна старина украинская теперь въ свободный часъ занимаетъ и утѣшаетъ меня.—Поручаю себя вашей благосклонной памяти и остаюсь васъ уважающій А. Стороженко. Елисаветградъ, 8 апрѣля 1829 г.».

---

[1]) Александръ Ѳедоровичъ Воейковъ (род. 1779 г. † 1839 г.), старинной дворянской фамиліи, воспитанникъ московскаго университета, въ свое время перворазрядный литературный критикъ, написалъ множество стихотвореній, славился переводами, составилъ 4 сборника образцовыхъ сочиненій русскихъ писателей и былъ издателемъ пяти журналовъ.

[2]) Разумѣется „Одесскій Вѣстникъ“ (Journal d'Odessa), съ французскимъ и русскимъ текстомъ.

На эго письмо Стороженко вскорѣ получилъ самый любезный отвѣтъ съ побужденіемъ писать и присылать написанное для прочтенія и напечатанія:

«Очень было мнѣ прискорбно молчаніе ваше, милостивый государь Андрей Яковлевичъ, и тѣмъ болѣе, что генералъ Засядко [1]) и невѣдомый мнѣ маіоръ поселенныхъ войскъ хвалились часто предо мною вашимъ къ нимъ благорасположеніемъ и полученіемъ отъ васъ грамотокъ. Теперь и я буду хвалиться вашими милостями. Итакъ, вы въ Елисаветградѣ? Вы недалеко отъ Ново-Миргорода и жалуетесь на скуку, на нищету въ собесѣдникахъ умныхъ, образованныхъ? Но видно, вы не знаете, что у васъ подъ бокомъ три золотые человѣка, три сокровища? Генералъ Николай Алексѣевичъ Столыпинъ, командиръ 3-го украинскаго уланскаго полка Юрій Осиповичъ Лахманъ и юнкеръ того-же полка Владиміръ Андреевичъ Владиславлевъ. Вамъ стоитъ только съ ними сблизиться и вы найдете въ нихъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ.

Не желайте возврата въ Петербургъ; опытомъ дознано, что въ этомъ болотѣ, холодномъ во всѣхъ отношеніяхъ, никто еще не написалъ ни пяти строчекъ для безсмертія, всѣ удаляются отсюда или въ горы кавказскія, или въ долины таврическія, или въ степи екатеринославскія, гдѣ раздолье уму и просторъ воображенію. Даже самъ Карамзинъ писалъ или дописывалъ свою исторію въ Царскомъ Селѣ, гдѣ живалъ онъ до зимы; Жуковскій творитъ иногда свои стихи въ Гатчинѣ и въ Павловскѣ; Пушкинъ всякую осень удаляется въ дремучіе лѣса псковскіе и возвращается весною съ новою поэмою. Пишите и привезите намъ на судъ готовое: вотъ вамъ мое благословеніе.

Вы обѣщали мнѣ прислать отрывки изъ жизни Потемкина; увѣренъ, что вы сдержите свое слово:

Et je la crois plus pure,
Que l'autel des dieux entouré du parjure.

Обнимаю васъ и съ нетерпѣніемъ ожидаю длинныхъ писемъ; у васъ есть досугъ, мысли, чувствованія—вамъ легко писать. Всей душой вамъ преданный Воейковъ. 18 IV/80 29. С.-П.-Б. № 174».

Но ожиданія Воейкова не исполнились; Стороженко долго не писалъ ему и наконецъ разразился 6-го октября 1829 г. коротенькимъ письмомъ. Причину этого мы увидимъ изъ самого письма послѣдняго:

---

[1]) Александръ Дмитріевичъ, землякъ и другъ А. Я—ча, былъ начальникомъ штаба ген.-фельдцейхмейстера, умеръ въ отставкѣ, въ Курскѣ, въ 1838 г.

«Виноватъ предъ вами, истинно почитаемый мною Александръ Ѳедоровичъ! Скакавши по свѣту съ апрѣля по августъ, неоднократно принимался за перо, чтобы хотя кратко написать вамъ, но путешествіе по неволѣ разобщало мысли; думалъ возвратясь описать все, что видѣлъ въ Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи и за Дунаемъ, но то то, то другое перебивало. Впрочемъ, я заносилъ дорожныя впечатлѣнія въ записную книжку [1]) и если случай броситъ меня въ Петербургъ, то я попрошу васъ прослушать записанное. Одесса все еще въ оцѣпенѣніи: въ ней теперь ничего не пишутъ, кромѣ карантинныхъ записокъ, паспортовъ и объявленій о продажѣ съ публичнаго торга домовъ.

Вашъ Владиславлевъ, по полученіи мною отъ васъ письма, въ которомъ вы похвалили его, взятъ въ штабъ, занимается здѣсь письменными дѣлами и бываетъ у меня; я нашелъ въ немъ молодаго человѣка, достойнаго вашей похвалы. Истинно васъ уважающій А. Стороженко».

Оставивши въ 1831 году службу по военнымъ поселеніямъ и прикомандировавшись къ министерству полиціи, Стороженко переѣхалъ въ Петербургъ, на свободѣ занялся усерднѣе исторіей и подновилъ свои литературныя связи: «время въ литературныхъ занятіяхъ проходило быстро, пишетъ онъ въ своихъ запискахъ; субботы Воейкова, въ которыя собиралось къ нему много пишущей братіи, дружескія бесѣды у стариннаго пріятеля моего Булгарина и сношенія со многими людьми мыслящими почти ставили уже меня на дорогѣ умственныхъ занятій, которая стлалась къ уединенію, къ пріюту и къ жизни частнаго гражданина».

Но судьбѣ угодно было иначе распорядиться: въ 1832 г. Стороженко былъ назначенъ состоять при намѣстникѣ Царства Польскаго и до 1850 г. не оставлялъ трудной дѣятельности въ этомъ краѣ. Переѣхавши въ Варшаву, Андрей Яковлевичъ продолжалъ переписку съ Воейковымъ. Первое письмо его къ послѣднему изъ Варшавы относится къ 24 октября 1832 г.:

«Обязанность моя неразлучна съ большими хлопотами, такъ что мало остается времени для отдыха и пріятныхъ занятій. Собрался, было, уже совсѣмъ писать къ вамъ, но толпа жидовъ, шляхтичей помѣшала. Пожалѣйте меня, напишите хотя нѣсколько строкъ о петербургской

---

[1]) Путевыя замѣтки эти вошли потомъ въ составъ статьи: „Два мѣсяца въ дорогѣ“. См. „Кіевская Старина“ 1886 г., май.

жизни, ибо въ этой Варшавѣ, которую я уподоблю огромной *кавярнѣ*, имѣя дѣло съ гордо-пресмыкающимися, ни о чемъ не мыслящими, скоро и самъ мыслить забудешь. Вы спросите, что такое кавярня? Кавярня или кофейня, ихъ въ Варшавѣ столько же, сколько и домовъ въ городѣ, не исключая и самыхъ монастырей. Для прислуги въ оныхъ и для приманки посѣтителей употребляются ловкія, безстыдныя и смазливыя женщины, одѣтыя по послѣдней модѣ парижскихъ субретокъ. Въ кавярняхъ сидитъ съ утра до вечера большая часть жителей Варшавы и вымышляетъ новости; патетическія восклицанія и вздохи упившихся о временахъ прошедшихъ, яко-бы лучшихъ, увлекаютъ и трезвыхъ въ разговоры вредные. Такая уличная жизнь поселяетъ безнравственность и въ самыхъ семействахъ.

Я все перечиталъ, что было написано здѣсь въ теченіе прошлыхъ 9 мѣсяцевъ безумія и ужасовъ, и ничего не нашелъ такого, чтобы не отдавало кавярней: гдѣ же тутъ просвѣщеніе? Если бы не скорбь о всеобщей деморализаціи, если бы не масса хлопотъ, то мнѣ жилось бы недурно, такъ какъ я имѣю счастіе служить при такомъ начальникѣ, съ какимъ не случалось мнѣ встрѣчаться за 27 лѣтъ».

Изъ писемъ Воейкова къ Стороженку за варшавскій періодъ жизни послѣдняго сохранилось въ бумагахъ только три; въ нихъ Воейковъ сообщаетъ различныя новости изъ культурной жизни Петербурга; одно посвящено разсказу о неожиданной кончинѣ Пушкина. Первое письмо помѣчено 23 сентября 1834 г.; въ немъ Воейковъ пишетъ между прочимъ:

«Вы оживили своимъ письмомъ дряхлаго старичишку, который пять мѣсяцевъ страдаетъ изнурительною болѣзнью! Вы изъ числа тѣхъ немногихъ людей, которыхъ любовь для меня драгоцѣнна и для пріобрѣтенія добраго мнѣнія которыхъ я готовъ сражаться съ великанами и захватить луну зубами.

Въ отсутствіе ваше изъ Петербурга со святою Русью множество чудесъ понадѣлалось. Доселѣ мы въ Европѣ блистали только штыками, гремѣли пушками, удивляли побѣдами; теперь знаменитѣйшій въ Европѣ живописецъ—русскій, Брюловъ; примадонна, получающая въ Большой оперѣ 40 т. франковъ жалованья,—россіянка, Шоберлехнеръ, урожденная Далл'окъ; превосходнѣйшій въ Парижѣ оперный пѣвецъ—русскій, Ивановъ [1])!

---

[1]) Шоберлехнеръ и Ивановъ составили себѣ извѣстность за границей, гдѣ первая провела большую часть, а второй и все время своей артистической карьеры. Ивановъ выѣхалъ туда вмѣстѣ съ М. И. Глинкою и при его участіи и

Послѣ вашего отъѣзда написанъ историческій романъ, подъ заглавіемъ «Послѣдній Новинъ», не уступающій романамъ Вальтеръ Скотта. Сочинитель онаго, Ив Ив. Ложечниковъ [1]), начавшій въ 1812 году свое служебное поприще въ московскомъ гренадерскомъ полку, поперемѣнно бывшій адъютантомъ генерала Писарева, Полуектова, принца Карла Мекленбургскаго и весьма долгое время графа А. И. Остермана-Толстаго [2]). Лажечниковъ женатъ по страсти, но не имѣетъ дѣтей. Онъ пишетъ другой историческій же романъ изъ временъ императрицы Анны Іоанновны; натурально, что кровожадный властолюбецъ, Биронъ, играетъ въ немъ главную роль. Одинъ отрывокъ былъ помѣщенъ недавно въ альманахѣ «Денница«. Я отъ него въ восхищеніи. Такъ и обдаетъ русскимъ духомъ!

Еще новость и весьма пріятная въ словесности. Вы знаете, что, послѣ безсмертныхъ трагедій Озерова, двадцатилѣтіе прошло и ни одной замѣчательной драмы не являлось на нашей сценѣ. Теперь вдругъ распустилось нѣсколько талантовъ высокихъ, блестящихъ, благовонныхъ. У васъ въ Варшавѣ заведена Смирдинымъ книжная русская лавка и навѣрное имѣются новыя трагедіи: «Баторій и Россія», соч. барона Розена; «Дмитрій Самозванецъ», соч, Хомякова; «Торквато Тассо», соч. Кирѣева; «Торквато Тассъ», «Джюліо Мости» и «Рука Всевышняго отечество спасла», соч. Кукольника.

За первую авторъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ. Государь черезъ Жуковскаго изволилъ сдѣлать Розену свои собственныя замѣчанія и приказалъ ему передѣлать свою трагедію для сцены, исключа царя Ивана Васильевича, сына его, царевича Іоанна и сыноубійство русскаго Нерона. Автору отечественной трагедіи «Рука Всевышняго отечество спасла», молодому писателю Кукольнику, императоръ и императрица также пожаловали по драгоцѣнному перстню. Императоръ призывалъ его, благодарилъ, ободрялъ, дѣлалъ свои замѣчанія, весьма дѣльныя, доказывающія, что онъ внимательно читалъ ее. Генералъ-маіоръ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, братъ графа Алексѣя Ѳедоровича, столь извѣстный участіемъ въ заговорѣ 14-го декабря и еще болѣе умомъ, знаніями и буйными республиканскими правилами, кажется, присмирѣлъ и написалъ превосходную книгу «Государственный кредитъ».

Но всего удивительнѣе, всего непостижимѣе даже для насъ, состарѣвшихся на бумагомараніи, отчаянно храброе предпріятіе здѣшняго

подъ его руководствомъ совершенствовалъ себя въ пѣніи. Шоберлехнеръ умерла въ 1863 г. во Флоренціи, а Ивановъ спустя два года вблизи этого города, въ своей богатой виллѣ.

[1]) Изъ сподвижниковъ императора Александра I въ войну 1812 и послѣдующихъ годовъ.

книгопродавца А. Ф. Смирдина. Вообразите, что ему самому обходится журналъ его въ годъ около 190,000 рублей! Тутъ включается бумага, печатаніе, жалованье редактору, корректору и покупка статей у писателей. Смирдинъ платитъ по червонцу за стихъ А. С. Пушкину; по 400 рублей за печатный листъ (8 страничекъ) Александру Бестужеву [1]), многимъ по 300 рублей и никому менѣе 200 рублей!!

Не одинъ Смирдинъ, и другіе книгопродавцы развязали мѣшки: Булгарину за 4 части двухъ его романовъ «Мазепа» и «Чушкинъ» заплатили 15 т. руб.; Лажечникову за новый его романъ «Ледяной домъ» сулятъ уже 20 т. руб. Россія скачетъ, какъ конь Фальконета на памятникѣ Петра Великаго».

Второе письмо Воейкова къ Стороженку помѣчено 26-мъ февраля 1836 г.; въ немъ любопытны и для цѣли нашего очерка имѣютъ значеніе лишь слѣд. начальныя строки:

«Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Вы ужасно выросли, вы сдѣлались великаномъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались; вамъ подобаетъ честь, слава и поклоненіе. Я всегда съ жаднымъ участіемъ слушаю разсказы о васъ отъ варшавскихъ гостей. Знаю, что вы выдали замужъ вашу хорошенькую своячепицу [2]), которая вскружила головы всему штабу фельдмаршала, что Юлія Ивановна (жена А. Я.) была опасно больна, что вы со звѣздою путешествуете, сдѣлались помѣщикомъ Царства Польскаго, присоединили къ своей фамиліи названіе своего маіората [3]), что у васъ

Изъ краснооrненна виссона
Подобный радугѣ [illegible]рядъ
Съ плеча десного полосою
Виситъ на лѣвую бедру».

Далѣе идутъ въ письмѣ просьбы и сообщенія совсѣмъ частнаго характера.

---

[1]) Декабристъ, по переводѣ изъ Якутска на Кавказъ писавшій подъ псевдонимомъ Марлинскаго и пріобрѣвшій популярность своими картинными, хотя и напыщенными описаніями кавказской природы и нравовъ. До ссылки помѣщалъ свои стихотворенія и разсказы въ „Сынѣ Отечества“ (1819) и „Соревнователѣ“ и 1823—25 гг. издалъ съ К. Рылѣевымъ три книжки замѣчательнаго въ свое время альманаха „Полярная Звѣзда“.

[2]) Любовь Ивановна Миркалова-Бобровская вышла замужъ за Александра Павловича Безака, впослѣдствіи кіевскаго генералъ-губернатора.

[3]) 4-го октября 1835 г. всемилостивѣйше пожаловано было Стороженку м. Хенцины кѣлецкой губ. на правахъ маіората.

Послѣднее сохранившееся письмо Воейкова къ Стороженку помѣчено 4-мъ февраля 1837 г. Въ немъ разсказывается между прочимъ о смерти Пушкина: но этотъ разсказъ не сообщаетъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что уже извѣстно объ этомъ предметѣ, а потому опуская самый разсказъ, мы приведемъ лишь начало и конецъ письма, свидѣтельствующіе о тѣсной связи пишущаго съ Стороженкомъ.

„Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Я обрадовался вашему письму, какъ радуется петербургскій житель ясному осеннему дню, или встрѣтивъ жаркую душу, еще не зачерствѣвшую отъ исканія почестей и денегъ. Вмѣстѣ съ благодарностью позвольте попенять за краткость письмеца вашего. Оно только раздражило, растевелило дружбу мою, а не насытило желанія узнать о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Какъ будто-бы меня не интересуетъ, что подѣлывается у васъ дома, какъ будто-бы мнѣ все равно, знать или не знать о томъ, что вы, живучи съ поляками, не разлюбили православной Руси, ея литературы, ея жрецовъ и представителей, между которыми и азъ служу пономаремъ. На дняхъ мы схоронили великана родной поэзіи. Пушкинъ убитъ“....

Я видѣлъ здѣсь мелькомъ, не помню у кого, книгу прелюбопытную: «Исторія второй половины польскаго похода 1831-го г.», Г. М. Окунева [1]). Здѣсь ее достать нельзя. Если это не такъ важно, то пришлите мнѣ экземпляръ по русски чрезъ начальника фельдъегерей Сакса. Черезъ него всегда я вѣрно получаю изъ Варшавы всѣ посылки и письма.

Напишите мнѣ длинное письмо и такое блестящее искрами ума, чтобы его можно было напечатать въ моихъ Oeuvres posthumes.

Съ высокимъ уваженіемъ и сердечною преданностью за отличную честь поставляю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою, А. Воейковъ. С.-П.-Б. № 169. Дуббельтъ [2]), Владиславлевъ, Крашенинниковъ [3]), Ольденбергеръ [4]) бьютъ вамъ челомъ“.

---

[1]) Книга эта написана по-французски и издана въ СПБ. въ 1835 г. Авторъ оной состоялъ для занятій собственно при Паскевичѣ.

[2]) Леонтій Васильевичъ, управляющій III-мъ отдѣленіемъ.

[3]) Сергѣй Петровичъ, редакторъ „Морскаго Сборника“, сотрудникъ многихъ періодическихъ изданій.

[4]) Начальникъ типографіи и архива главнаго штаба военныхъ поселеній.

Къ началу варшавскаго періода жизни Стороженка относится единственное сохранившееся письмо къ нему Николая Ивановича Греча [1]), которымъ Гречъ приглашалъ его принять участіе въ затѣвавшемся тогда Conversations-Lexicon'ѣ на русскомъ языкѣ. По тону письма Греча можно судить о близости ихъ отношеній. Гречъ, какъ мы упоминали выше, былъ издателемъ «Мыслей Малороссіянина». Письмо Греча помѣчено 15 марта 1834 г.:

«Любезнѣйшій Андрей Яковлевичъ! Благодарю тебя душевно, что ты не забываешь меня. Александръ Павловичъ Безакъ, конечно, скажетъ тебѣ, что и я тебя крѣпко помню. Что это вы запропастились въ злочестивой и вѣроломной Варшавѣ! Бросьте ее, да пріѣзжайте къ намъ на берега финскихъ водъ. У насъ шумно и весело. Литература идетъ славно. Теперь затѣваемъ даже Conversations-Lexicon на русскомъ языкѣ. Завтра по этому случаю у меня въ домѣ соборъ ученыхъ и словесниковъ. Что, нельзя-ли завербовать и тебя касательно исторіи и географіи Малороссіи? Я печатаю свой романъ «Черная женщина» и первый экземпляръ пошлю Юліи Ивановнѣ, которой прошу засвидѣтельствовать мое усердное почтеніе. Прости, любезнѣйшій, не забывай твоего неизмѣннаго друга Н. Греча».

Къ варшавскому же періоду относятся три письма къ Стороженку отъ Владиміра Андреевича Владиславлева [2]). Это тотъ самый уланскій юнкеръ, котораго рекомендовалъ Стороженку Воейковъ въ письмѣ отъ 6-го октября 1829 г. и который при содѣйствіи Андрея Яковлевича былъ переведенъ въ Елисаветградъ. Знакомство ихъ продолжалось и потомъ и поддерживалось письмами. Первое сохранившееся письмо Владиславлева относится къ 13 февраля 1837 г. Отвѣчая на запросъ Андрея Яковлевича о томъ, какимъ образомъ редакція «Литературныхъ Прибавленій» къ «Русскому Инвалиду» перешла къ Краевскому, Владиславлевъ пишетъ ему слѣд.:

«Въ прошломъ году А. Ѳ. Воейковъ, соскучивъ отъ журнальныхъ заботъ и перебранокъ, предложилъ мнѣ взять на себя редакцію

[1]) Род. 1787 г., † 1867 г., первоначально учитель словесности. Съ 1807 г. по 1841 г. редактировалъ до пятнадцати газетъ и журналовъ, изъ которыхъ „Сынъ Отечества" (съ 1812 г.) и „Сѣверная Пчела" (съ 1825 г.) были въ свое время самыми распространенными.

[2]) Написалъ четыре тома „повѣстей и разсказовъ" (СПБ. 1835—38 г. 12°), издалъ „Альманахъ на 1838 г." съ гравюрами (СПБ. 1838 г. 12°); но особенно пріобрѣлъ литературную извѣстность изданіемъ альманаха „Утренняя Заря" (5 книгъ. СПБ. 1839—43. 12°).

Литературныхъ Прибавленій. Черезъ два мѣсяца я передалъ ее Плюшару [1]), но съ тѣмъ однакоже, чтобы журналъ сей выходилъ не иначе, какъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Краевскаго, редактора журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Краевскій очень молодъ, прекрасно образованъ, съ твердыми нравственными правилами, дѣятеленъ и, не принадлежа ни къ какой литературной партіи, любимъ всѣми извѣстнѣйшими нашими писателями. Я увѣренъ, что журналъ его со временемъ будетъ однимъ изъ лучшихъ. Александръ Ѳедоровичъ остался отвѣтственнымъ издателемъ передъ правительствомъ, а я дѣятельнымъ сотрудникомъ и получаемъ отъ Плюшара за передачу права по 6 тысячъ рублей въ годъ каждый; контрактъ сдѣланъ на пять лѣтъ. Не знаю, за что Господь наградилъ меня этимъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ. Вашъ лестный отзывъ о статьѣ Краевскаго порадовалъ его благородную, теплую душу; въ этомъ случаѣ и Петербургъ отдалъ ему должную справедливость. Мнѣніе ваше о «Литературныхъ Прибавленіяхъ» дорого цѣнится издателями, потому что оно ваше и потому что благосклонный отзывъ вашъ даетъ имъ возможность распространить журналъ въ Царствѣ Польскомъ.

Смерть Пушкина поразила Петербургъ. Россія ввѣрила ему единственное свое вдохновеніе, рѣдкое и случайное; сплетни большаго свѣта погубили его. До 100/т. человѣкъ приходило въ домъ Пушкина проститься съ его прахомъ. Тѣло его перевезено для погребенія въ псковскую губернію».

Письмо Владиславлева отъ 5-го мая 1838 г. въ другомъ мѣстѣ и для другихъ цѣлей могло бы представить большой интересъ, такъ какъ подробно сообщаетъ о тогдашнемъ положеніи нашей литературы. Тутъ проходятъ предъ вами съ пространными и краткими аттестаціями: Бенедиктовъ, Крыловъ, Жуковскій, Вяземскій, Лажечниковъ, Одоевскій, Козловъ, Гоголь, Кукольникъ, Растопчина, Плетневъ, Гребенка, Панаевъ, Кольцовъ и много другихъ менѣе извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей того времени, перечисляются музы-

---

[1]) Адольфъ Александровичъ Плюшаръ (род. 1806, † 1865 г.) извѣстенъ, какъ одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ издателей. Самымъ значительнымъ его изданіемъ былъ Энциклопедическій Словарь въ количествѣ 17 томовъ (1835—1841 гг.); кромѣ того имъ изданъ „Живописный Сборникъ" (1850—52—53—57—58 гг.), „Донъ-Кихотъ" съ иллюстраціями, „Собраніе анекдотовъ" 4 т., служащее продолженіемъ „Тысячи и одного анекдота" (1857 г.) и т. д.—См. Иллюстрированная Газета, 1865 г., № 13.

кальныя знаменитости, перебираются по косточкамъ журналы: Библіотека для чтенія, Сынъ Отечества и Московскій Наблюдатель, сообщаются свѣдѣнія о Сѣверной Пчелѣ и Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, принадлежавшихъ теперь самому же Владиславлеву, и все это заканчивается такимъ характернымъ для того времени и самого пишущаго сообщеніемъ:

«Главнымъ лицемъ въ литературѣ—это книгопродавецъ Смирдинъ. У него на откупу Сеньковскій, Гречъ, Булгаринъ и Полевой. Не смотря на одного хозяина, прикащики ссорятся между собою слѣдующимъ образомъ: Сеньковскій со всѣми, Гречъ съ Сеньковскимъ, Булгаринъ съ Полевымъ, Полевой съ Булгаринымъ и Сеньковскимъ. По послѣднимъ слухамъ Полевой изгоняется изъ этой касты за ссору съ Булгаринымъ. Эта монополія Смирдина губительнѣе всего для молодыхъ писателей, отъ него зависитъ дать книгѣ ходъ и слѣдовательно извѣстность автору. Вотъ въ какомъ положеніи наша литература. Скажите, не жалка ли она? Я не прибавилъ ни одного чернаго пятнышка».

Для нашего очерка изъ всего этого обширнаго и во многомъ любопытнаго письма имѣютъ значеніе лишь слѣд. заключительныя его слова: «Если письмо мое слишкомъ длинно, вспомните, что вы сами просили подробностей. Я старался исполнить требованіе ваше, какъ можно усерднѣе». Слова эти могутъ служить указаніемъ на то, въ какой степени лице, къ которому писано письмо, интересовалось всѣмъ ходомъ современной ему литературы и всѣми его проявленіями.

Послѣ этого длиннаго посланія, Владиславлевъ и Стороженко довольно долго не писали другъ другу за недостаткомъ времени; только въ 1848 г. отозвался опять Стороженко, приглашая Владиславлева пріѣхать когда-нибудь къ нему въ деревню:

«Встрѣчу тебя, любезнѣйшій другъ Владиміръ Андреевичъ, съ распростертыми объятіями и привѣтствіемъ искренняго нынѣшнимъ лѣтомъ, какъ пишешь, или въ Варшавѣ, или въ Германіи, куда опять отправляюсь къ цѣлительнымъ водамъ для моихъ упадающихъ подъ тяжестью трудовъ и заботъ силъ тѣлесныхъ и духовныхъ. Чувствую, что послѣднія, т. е. spiritus vitalis, улетаютъ годъ отъ году, какъ веселые гости съ пира, на которомъ хозяинъ дѣлается усталымъ, скучнымъ, отяжелѣлымъ.

Мнѣ жаль, если Володя мой не можетъ бывать у тебя часто. Онъ любитъ читать, еще болѣе слушать, по національной склонности

украинцевъ, все полезное и занимательное; любитъ полуденное небо и зеленѣющія равнины, съ которыхъ на утренней зарѣ лѣниво поднимается туманъ, какъ-бы согласуясь съ тяжелыми на подъемъ обитателями привольной природы. Онъ говорилъ мнѣ, какъ землякъ его Гребенка, коего разсказы я самъ люблю читать, описывалъ наслажденіе возлежать на травкѣ подъ вишнею, или яблонею, и я радовался принимаемымъ имъ впечатлѣніямъ, развивающимъ любовь къ родинѣ.

Если Богъ благословитъ осѣсть мнѣ въ Украинѣ—пріѣзжай, я покажу тебѣ украшающія хату мою произведенія Мориллоса, Рафаэля, Менгса, Тинторетто, Лагрене, Каналетто, Гамильтона, Остаде, Гакерта [1]) и другихъ художниковъ; покажу книги славянскихъ манускриптовъ и касающихся Руси; покажу, наконецъ, рукописные труды мои по сему предмету, и мы проведемъ весело время. Привози съ собою и Гребенку, а между тѣмъ попроси его написать хотя коротенькое замѣчаніе на «Исторію Малороссіи» Маркевича. Недавно мнѣ случилось прочесть въ »Русскомъ Вѣстникѣ» изъ означенной компиляціи «Гетманство Барабаша», гдѣ описывается возстаніе Хмельницкаго и авторъ не знаетъ, что у Крутой Балки были взяты въ плѣнъ два гетмана польскихъ—Потоцкій и Калиновскій, о чемъ пишутъ всѣ польскіе историки.

Недавно также я читалъ у Френа путешествіе араба Ибнъ-Фоцлана въ X стол., который описываетъ, что Русы, жившіе на Волгѣ, по сожженіи тѣлъ умершихъ, насыпаютъ надъ ними курганъ и ставятъ наономъ столбъ съ надписью именъ покойнаго и владѣющаго страной князя. Спрашивается—какими буквами они писали тогда? Слѣд. Венелинъ правъ во многомъ, а особливо въ томъ, что славяне имѣли грамоту и до Кирила и Меѳодія. Но я записался; извини, если отвлекъ тебя отъ занятій твоихъ.

До свиданія, желаю тебѣ здоровья и счастья, какъ искренній твой пріятель. А Стороженко. 8 февраля, Варшава».

На это письмо былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ Владиславлева отъ 24 марта 1842 г.

---

[1]) Мориллосъ (1615 г.) и Гамильтонъ (Jean Georges 1666—1740 г.) школы фламандской; Гакертъ (Вильгельмъ 1748—1780) и Менгсъ (Измаилъ 1690—1764) нѣмецкой; Остаде (Исаакъ 1613—1671) и Лааръ (Петръ 1613—1673.) голландской, Каналетто (Антоній 1697—1768) итальянской, Лагрене (Louis-Jean-François 1724—1805.) французской школы. Подробнѣе см. Dictionnaire historique des peintres etc. Adolphe Siret. Paris. 1855. P. 23, 45, 49, 113, 207, 217, 219, 226, 258, 441.

«Милостивый государь, Андрей Яковлевичъ! Какъ благодарить васъ за ваше письмо отъ 8-го февраля, въ которомъ вы приглашаете меня къ себѣ на хуторъ. Сбудется ли это когда-нибудь? Голубое небо, дивная природа, отсутствіе тревожныхъ заботъ, отсутствіе неестественной, судорожной дѣятельности, тишина, покой, свободное раздумье, произведенія лучшихъ европейскихъ живописцевъ—все это снится мнѣ и я безотвѣтно спрашиваю, когда же это будетъ?

Да, много и много надобно потрудиться, прежде нежели прійдется промѣнять службу на тогу гражданина. Для частной жизни нужны средства, а я только еще бросаю сѣмена, не зная, какіе будутъ всходы.

Въ нынѣшнемъ году никакъ не удастся уѣхать изъ Петербурга. По должности много хлопотъ».

Изъ письма Стороженка къ Владиславлеву видно, что онъ любилъ не только науку, литературу, но и искусства; онъ собралъ большую и цѣнную картинную галлерею, судьба которой, увы! крайне печальна; самыя лучшія вещи достались меньшему сыну его и были распроданы послѣднимъ сильно испорченными, только восемнадцать менѣе цѣнныхъ картинъ сохранилось у старшаго сына его.

Если прибавить къ этой любви произведеній живописи музыкальный талантъ, которымъ былъ одаренъ Андрей Яковлевичъ, и весьма недурной голосъ, прекрасно исполнявшій украинскія пѣсни, то мы увидимъ, что это была личность во всѣхъ отношеніяхъ щедро надѣленная природою и заслуживающая памяти потомства.

Н. В. С—ко.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(*Продолженіе*) [1]).

1801-й годъ началъ я благополучно, но не совершенно здоровъ отъ болѣзни-же ноги. Едва могъ и винокурню смотрѣть, а положится было не накого, и такъ вышеписанныя нужды сносилъ я съ горестью. Въ нуждахъ же моихъ домашнихъ помогалъ мнѣ денгами старой мой благопріятель, князь Михайла Яковлевичъ Друцкой-Соколинскій. А между тѣмъ загремѣла громкая вѣсть о смерти скоропостижной імператора Павла І-го и о возшествіи на престолъ Александра І-го, отъ котораго полились источники милостей всѣмъ страдавшимъ въ ссылкахъ и другихъ нещастіяхъ, какъ о томъ изъявляютъ милостивыя его манифесты и утвержденная въ прежней своей силѣ дворянская грамота. Болѣзнь-же ноги моей не умалялась, но и паче умножилась, а потому когда нужно было мнѣ по дѣлу вышеписанного благопріятеля князя Соколинского ѣхать въ городъ Землянскъ, то я сіе путешествіе совершилъ съ великою скорбію. А какъ обѣщаніе мое сей годъ отдать поклонъ чудотворной иконѣ въ Кіевѣ и почивающимъ тамо чудотворцамъ не исполнилось, по притчинѣ недостатковъ, то и отправился я зъ женою для сего въ Холковъ упраждненный монастырь къ чудотворной Казанской Божіей Матере иконѣ іюля 19-го, гдѣ подъ Ильинъ день какъ заутреню, такъ и въ день оный литургію съ акафистомъ слушалъ благоговѣнно, однако сидя, не могши стоять, и просилъ Божію Матерь о исцѣленіи, полагая нѣкоторый и обѣтъ. По окончаніи-же литургіи, когда пришелъ въ квартиру мою тамошней священникъ Афанасій съ причтомъ и между разговорами узнавши о болѣзни ноги моей, то и совѣтовалъ мнѣ прикладывать ко оной листы кислой капусты. Время оной быть таковою тогда не позво-

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., октябрьск. кн., стр. 230—268.

ляло, а я, надѣясь на милость во исцѣленіи Заступницы усердныя, положилъ таковую-жъ кислость быть и ползу отъ уксуса, коимъ когда началъ по часту примочивать болное у ноги мѣсто, то чрезъ мѣсяцъ получилъ почти совершенное исцѣленіе, оставшая-же небольшая ранка помогала истеченію дурной матеріи и мнѣ боли никакой не причиняла, почему для свиданія съ сестрою Марфою Осиповною и другихъ дѣлъ ѣздилъ я въ Харковъ въ августѣ, а потомъ во исходѣ сентября къ князю въ село Михаль-Полье совершенно уже здоровъ; потомъ въ октябрѣ въ Бѣлгородъ къ преосвященному Ѳеоктисту, который во время коронаціи, бывшей 15-го сентября, произведенъ архіепископомъ, просить, дабы бывшаго моего духовного отца, въ Слоновки священника Иосифа, сына его діакона Іоанна произвелъ въ Слоновку во третьяго священника и въ той прозбѣ успѣлъ: онъ 14-го ноября пріехалъ изъ Белгорода священникомъ, а на мѣсто его опредѣленъ изъ Михайловки діяконъ Василій Стефановскій. Между тѣмъ-же, исправя винокурню, производилъ въ оной, за недостаткомъ воды (ибо бывшій при оной прудъ изсохъ до капли) въ колодезѣ и по притчинѣ дороговизны въ 3 рубля четверти хлѣба, винокуреніе съ нуждою, но съ выгоднѣйшимъ противу прошлогоднего выходомъ вина. Сего года осень съ начала ноября была весьма дожливая за силною грязью и половодьями по новой годъ, а снѣгу вовсе и не было, отчего хлѣбу цѣна возвысилась до 3 р. 30 к., также и дровамъ, коихъ въ привозѣ вовсе и не было, и оттого винокурни, а наче моя бѣдная, имѣли великую нужду и недостатокъ, но вино било виходно. И зъ симъ, успѣвая въ здоровьи, кончили сей годъ, слава Всемогущему Богу, благополучно.

1802-го года генваря 1-го послѣ заутрени, когда поехалъ я къ винокурнѣ для пріема вина верхомъ, то по ложкамъ и рѣчки, при моей винокурнѣ находящейся, шла отъ бывшаго въ ночи силнаго дождя великая полая вода и теплота силная. Потомъ день былъ мало свѣтенъ, а наконецъ къ вечеру дождь и силной снѣгъ до полуночи, а къ свѣту морозъ, и тутъ начали имѣть перво санную 2-го числа путь. Когда-жъ вскрылась рано марта съ 1-го благопріятная и дождливая весна, то хлѣбу цѣна упала вдругъ до 1 р. 50 к. за четверть. Овощъ всякая на древахъ силно цвѣла, но силныя во исходѣ апреля и до половины мая морозы всѣ цвѣты повредили и ничего не оставили, даже овесъ и просо позазябли.

Имѣя-же въ сердцѣ непремѣнное исполненіе обѣта быть въ Киевѣ и отдать чудотворной Божія Матере иконѣ и святыхъ нетлѣннымъ мощамъ поклонъ, отправился зъ женою въ Киевъ 23-го июля по полудни въ 8-мъ часу и 2-го числа августа прибылъ благополучно въ Киевъ, гдѣ исправя достодолжныя молитвы и поклоненія, былъ изъ женою 6-го числа причастникомъ святыхъ Таинъ, а 7-го числа оттоль и выѣхалъ, имѣвъ какъ туда, такъ и обратно себѣ попутчикомъ секретаря Григорія Корецкого, и 19-го въ 9-мъ часу по полуночи прибылъ въ домъ свой благополучно и домашнихъ засталъ здравыхъ и благополучныхъ.

Между тѣмъ октября 1-го числа въ ночи старый мой другъ, князь Михайла Яковлевичь Друцкой-Соколинскій, приѣхавъ ко мнѣ въ домъ съ капитаномъ Ѳедоромъ Враскимъ, уговорили меня, чтобы взялъ на себя должность повѣренного писменныхъ ихъ по бирючанскому откупу дѣлъ и принялъ-бы кумы моей, прапорщицы Екатерины Шидловской имѣніе, состоящее по бирючанской, кротояцкой и новооскольской округахъ, въ полное хозяйственное распоряженіе, которое какъ было по суду въ спорѣ и онъ съ нею долженъ былъ отправится по апелляціи въ Петербургъ, чтобъ было не расхищено претендателемъ Шидловскимъ, котораго дѣла прежде исправлялъ я въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ; то сіе хотя для меня было и тягостно, а паче противу бывшаго пріятеля, но прежняя княжая дружба и милости превозмогли и на то меня убѣдили, и я за сіе, получа отъ нихъ полныя довѣренности, принялся. И какъ толко вступилъ въ сіи дѣла, то дочь моя Марѳа, бывъ 13-ти лѣтъ, 18-го октября во 2-мъ часу по полуночи умре, бывъ болна доволное время, которую оплакавъ, мы, какъ долгъ родителей велитъ, 19-го числа и похоронили въ саду, состоящемъ противъ моего дому на полугорѣ. Потомъ ѣздилъ я по дѣламъ княжимъ въ Бирючь и Алексѣевку, а по дѣламъ кумы въ Покудинскую ея деревню и возвратился оттоль благополучно. А какъ сіи дѣла многохлопотны, то въ декабрѣ и принужденъ былъ ѣхать въ Воронежъ и Крогоякъ и оттоль возвратился уже 28-го числа, потерпѣвъ доволно въ пути силной стужи, въ тыя дни продолжавшейся, и благополучно въ домѣ окончилъ сей годъ.

1803-й годъ началъ я въ домѣ, гдѣ и празникъ Крещенія проводилъ благополучно. Но какъ претендатель въ имѣньи Катерины, деверь ея Евдокимъ Шидловскій, наносилъ разныя приценки

и притесненіи, то и принужденъ былъ я вторично по дѣламъ ѣхать въ Бирючъ, Кротоякъ и Воронежъ съ прозбою къ губернатору и по присудственнымъ мѣстамъ, отколь возвратился домой февраля 5-го. Тутъ же присовокуплены были дѣла и княжіе, кои также занимали мѣста и время, не только тамо, но по пріѣздѣ и въ Новомъ-Осколѣ. Начавшаяся-же въ генварѣ и продолжавшаяся весь февраль силная стужа дала мнѣ въ пути и въ домѣ много чувствовать, во время которой, простудя я болную свою ногу, крѣпко занемогъ и лежалъ пять недѣль до вербнаго воскресенья, въ кое время мало-мало не отправился въ поля Елисейскія, но Божія милость и еще меня для покаянія оставила жива. По виздоровленіи-же маия 9-го отправился паки я по тѣмъ-же дѣламъ въ Воронежъ а оттоль возвратился 20-го числа того-жъ мѣсяца благополучно. И въ августѣ мѣсяцѣ также нужно было быть въ Воронежѣ и Кротоякѣ по тѣмъ-же дѣламъ, но успѣха уже было мало и шла толко одна переписка мною съ княземъ и Катериною Шидловскою въ Петербургѣ. А между тѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ исъ Тагань-рога штапъ-докторъ Данило Яковлевичъ Пищеновъ и бывшихъ, на мое имя купленныхъ у Гринева священникомъ Герасимомъ Пищеновымъ крепостныхъ людей, у Бабаева жившихъ, взялъ къ себѣ въ Таганърогъ, на коихъ я и здѣлку законную, для совершенія въ Екатеринославѣ крѣпости, ему выдалъ. Онъ обязался было и мою ногу вылечить, но успѣха было въ томъ за отъѣздомъ его мало. Чаяніе-же скораго окончанія дѣлъ княжихъ и Екатерины Шидловской питало вседневно надежду нашу и силы.

Кончили 1803-й годъ благополучно, а дождавъ 1804-го года, въ день празника Богоявленія Господня случились у меня гости, съ коими я погулялъ доволно. Когда получилъ ночной покой въ 12-мъ часу по полудни, какъ разбудили меня и подали писмо княжое, въ комъ извѣщаетъ онъ меня, что уже нечаянно приехалъ сеи ночи въ Шараповку, то немедля я икъ ему ночью-жъ и уѣхалъ и засталъ какъ хозяевъ въ Шараповки Скибиныхъ, такъ и князя еще спящихъ, а какъ увидѣлись, то и радость обоюдная имѣла дѣйствіе великое. Потомъ того-жъ дни пустились мы въ свой откупъ до Верхососенки и тамъ найшли все въ порядкѣ, а оттоль въ Подсереднее къ помѣщику Какурину, гдѣ и ночевали. На другой же день, приехавъ въ Алексѣевку (8 генваря), нашли повѣренного

Шевлякова, дышущаго коварствомъ, зъ бывшимъ княжимъ осмнадцатилѣтнимъ другомъ капитаномъ Враскимъ, кои давно уже сложились весь откупъ захватить въ свои руки, а князя удалить, потому что Враскаго залога было 75 душъ. И зъ сего времени дѣла шли подъ политикою, да и недоимки было уже Враскимъ накоплено 4,000 рублей умышленно, чтобъ и симъ можно было подстрекнуть. Сіе стоило мнѣ и князю доволныхъ трудовъ денно-нощныхъ. А между тѣмъ по доносамъ маіора Внукова и прозбѣ княжой, поданной імператору, присланъ въ Воронежъ сенаторъ Жухановъ для слѣдствія по именному указу, какъ о волности привилегій винокуренія, такъ и по другимъ дѣемымъ по присудственнымъ мѣстамъ неправдамъ; куда какъ слѣдовало благодѣтелю моему князю явится, то и я съ нимъ для писмоводства отправились на масляницы 6-го марта ночью изъ Алексѣевки въ Воронежъ и тамо пробыли до вербнаго воскресенія, отколь прибылъ я домой, за разлитіемъ рѣки Дона, въ великую пятницу благополучно, бывъ однако-жъ въ Воронежѣ боленъ дни четыре. А проведя свѣтлой праздникъ, на Фоминой неделѣ отправился въ Алексѣевку; потомъ къ Николаеву дню съ княземъ приехали въ Слоновку и, погулявъ доволно, разъѣхались. После жъ того, до сентября мѣсяца происходили какъ въ палату, такъ и губернатору разныя объ откупѣ обоюдныя прозбы, касательныя до откупа. А между тѣмъ нужно было князю по требованію ѣхать въ Петербургъ, куда онъ и отправился благополучно, вручивъ весь откупъ въ полное мое распоряженіе. Какъ только узналъ Враскій, что князь уѣхалъ въ Петербургъ, то и обратилъ всю свою злобу на меня и подаваемыми въ судъ бумагами гналъ, сколко его было возможности, кои не самъ сочинялъ, а бирюченскій стряпчей, бывшой князю прежде другомъ (такъ какъ Враскій, бывъ прежде 18 лѣтъ другъ, а нынче врагъ). Много и съ моей стороны было возраженій противу его бумагъ защиты, но помощь съ его стороны, а противу князя злоба вице-губернатора Кологривова превозмогли, для чего всю зиму и весну жилъ я въ Алексѣевки почти безъ выезду, защищая своего благодѣтеля и откупъ, почему имѣлъ не мало хлопотъ и печали болше, нежели о своихъ дѣлахъ и домѣ. И зъ сими суетными и многопечалными дѣлами кончилъ сей годъ.

Въ началѣ 1805-го года въ генварѣ, когда пріехалъ я въ Алексѣевку, то и болше усугублялись хлопоты и дѣла, а паче пото-

му, что и земскій и уѣздный суды имѣли руку Враского, междужъ тѣмъ учинилось отъ повѣренныхъ объездныхъ, между коими были и княжія люди, въ полѣ смертоубійство, по которому также не безъ скорби и хлопотъ было, о чемъ, подкрѣпляясь писмами князя, стоялъ еще я зъ силою. А Враскій, стряпчей, вице-губернаторъ и земскій и уѣздный суды дышали злобою, однако подъ видомъ доброй якобы личины. Слава Богу, что все сіе время былъ я здоровъ и могъ исправляться со всѣми. Наконецъ палата велѣла откупъ здать Враскому, кои, прибывши на мѣсто зъ судомъ, меня и всѣхъ повѣренныхъ 2-го іюня и отрѣшили. И такъ на мѣстѣ святѣ стала мерзость запустѣнія, родъ Шевляковыхъ, родъ скверный и плутовствомъ исполненный, а я, удалясь въ домъ, до августа мѣсяца жилъ покойно и исправлялъ свою економію. Въ августѣ съ перваго числа ѣздилъ я въ Воронежъ и Кротоякъ по дѣламъ объ откупѣ княжомъ и для взятыя деревни Набережной во владѣніе Катеринѣ Ивановнѣ Шидловской, по именному повелѣнію утвержденной, и 19-го числа возвратился въ домъ, бывъ въ пути боленъ отъ ноги и лихорадки. Въ сіе время полки двинулись на границу полскую по притчинѣ неспокойной Франціи, консула которой Бонапартія россійская, рымская и турецкая имперія съ Англіею признать императоромъ не хотѣли. Рымскаго императора совокупныя съ россійскими войска измѣнили, и при Аустрелицѣ по сей притчинѣ много нашихъ побито, чемъ сія компанія и кончилась съ невыгодою для Россіи.

По домашней-же моей економіи, когда велѣно было по искамъ, на меня. отъ Волкова имѣвшимся, взыскать девять сотъ рублей денги и бывшую въ залогѣ мою землю продать съ аукціона, то я, предъупреждая оное, принужденно продалъ земли сто шестнадцать десятинъ Григорію Корецкому, взявъ за десятину по двадцати рублей, пошлини-жъ и протчія убытки взялъ онъ на себя, а торговавшіе прежде слоновцы, яко изрядные плуты, отъ покупки отказались; однако въ Курскъ ѣздили и торговались со взносомъ 900 р., чѣмъ первый торгъ и кончился, а за симъ наступилъ и 1806-й годъ.

И такъ я, получа отъ покупщика у меня земли Григорія Корецкого тысячу рублей денги, отъправился 6-го генваря въ Курскъ и, уплатя въ губернскомъ правленіи бывшей на мене искъ сполна и получа росписку, возвратился въ домъ свой благополучно и, симъ

сіе бѣдствіе прекратя, остался покоенъ. Потомъ, въ маѣ мѣсяцѣ, отправясь въ Курскъ и совершa на оную землю купчую, опредѣлилъ и сына моего Петра въ гражданской палатѣ къ дѣламъ, возвратился въ домъ свой боленъ лихорадкою и лишась ста шестьнадцати десятинъ земли, взывалъ: слава Богу о всемъ! Господь даде, Господь и взялъ. Лѣто-жъ все упражнялся въ перестройкахъ куфни, бани, конюшни и вынокурни, съ чѣмъ достигъ и осени. А осенью, когда наступило время винокуренія, то окончивъ постройку, принялся курить и вино, и хотя дороговизна трехъ рублевой цѣны хлѣбу была и скучна, но Богъ пополнялъ мои обороты скорою продажею вина. Тутъ наступило время, въ которое велѣно было имяннымъ повелѣніемъ, по притчинѣ съ французами войны, формулировать милицію или земское войско и вооружить ихъ пиками и протчимъ. Сіе хотя было и не безъ отягощенія народнаго, однако необходимость того весма требовала для защиты отечества отъ врага, который въ два или три силныя съ нимъ сраженія хотя и побѣжденъ былъ, однако много погубилъ россійскаго воинства. Императора-же рымскаго и короля пруского съ ихъ государствы совсѣмъ почти ниспровергнулъ и въ конецъ грады и народовъ ихъ разорилъ, а зъ симъ 1806-й годъ кончился.

По наступленіи-же 1807-го года зима была весма тепла и снѣгу очень мало, почему въ генварѣ и февралѣ мѣсяцахъ военныя дѣйствія и не преставали. Весна вскрылась съ половины февраля, воды полой почти, за неимѣніемъ снѣгу, не было и сѣвъ хлѣбу начался въ половинѣ марта. Теплота настала и къ вербному воскресенью верба была ужъ съ листьями, а на свѣтлой недѣлѣ дерева зеленѣли съ неболшими толко холодными вѣтрами. Но хлѣбу всякому всходы были уже весма изрядныя, отчего и въ продажѣ онаго цѣна доволно унизилась. Тутъ я и паки платилъ долгъ природѣ и бренному моему тѣлу и былъ боленъ лихорадкою, а также и всѣ почти мои домашные поочередно. А между тѣмъ въ половинѣ мѣсяца апреля къ свѣтлому празнику, бывшему тогда 14-го числа, винокуреніе мое и остановилъ благополучно, взывая: слава Богу о всемъ! Апреля-жъ 22-го начавшаяся снѣговая метель продолжалась цѣлыя сутки и снѣгъ былъ доволно великъ; потомъ вскорѣ и пропалъ, а стужа съ вѣтрами продолжалась. А какъ скоро настало сухое лѣтнее время, то и паки въ арміи началось

кровопролитіе, и въ трехъ силныхъ сраженіяхъ много погибло какъ россійскаго, такъ и французскаго войска, о чемъ исторія подробно изъяснить не применетъ. Однако сіе зло 27-го июля заключеннымъ миромъ хотя и прекращено, но съ турками близъ Дуная и за Кубанью война не преставала и также кровъ лилась обоюдно.

Милиція числомъ хотя и убавлена, но сихъ осталныхъ обучали совершенно артикулу военному неослабно и велѣно быть готовымъ къ походу, отчего многихъ въ сей службѣ записавшихся волею постыгло уныніе и охота отъпала. А по симъ нужнымъ обстоятелствамъ нужно было верховной власти двинуть къ сраженію со врагомъ и кочующія подданныя Россіи народы, яко то: башкировъ и калмыковъ. Башкиры шли на Калугу и Воронежъ, а калмыки на Черкаскъ и Волуйки и подъ Новымъ Осколомъ и Тимомъ простоявъ болше мѣсяца, возвращены на Кубань, потому что и съ той стороны была съ черкесами и турками война. И такъ слобода Слоновка видѣла сихъ народовъ вторично, которыя отъ пруского похода, то есть 1758-го года, до сего времени здѣсь не бывали, а потому и служили людямъ удивленіемъ въ своей жизни, одѣяніи и проворствѣ въ ѣздѣ верхами на лошадяхъ.

Осень сего года наступила мокрая, и дожди начались по окончаніи сухаго лѣта августа съ 15-го, почему хлѣбъ съжатый и не жатый остался въ поляхъ до зимы и много отъ гнилости претерпѣлъ вреда. Снѣжная-жъ путь началась съ 5-го декабря, почему до сего времени винокурни, не имѣя дровъ, терпѣли немалую нужду. Милиція обучена была артикулу крѣпко и готова стала въ походъ, ибо манифестомъ, изданнымъ въ декабрѣ мѣсяцѣ, велѣно было оную всю помѣстить въ армию и флотъ. И такъ сіе волное войско обращено въ регулярное и изъ военныхъ козаковъ стали чистыя солдаты. Хлѣбу цѣна отъ непогоды поднялась до 3-хъ р. 40 к., а вину цѣна была 2 р. 40 к. Озимые-же всходы хотя были и весма изрядныя, но за непогодою посѣву отъ дождей въ поляхъ было мало, и симъ 1807-й годъ благополучно и кончился, а начался зъ Богомъ.

1808-й годъ, коего въ генварѣ мѣсяцѣ милиція скоропостижно отправлена на подъводскихъ отъ селенія до селенія лошадяхъ прямо на кавказскую линію, и офицеры, оную проводивши до Егорьевской крѣпости, а равно и старые провожавшія оную солдаты, воз-

вратились обратно уже после свѣтлой недѣли съ награжденіемъ жалованья и протчого. И сей-же зимы начались военныя дѣйствія съ Швеціею и Англиею за Данію, которую въ прошедшемъ годѣ Англія нагло разорила, флотъ весь у оной отняла и столичной городъ Копенгагенъ разоривши, отдала Даніи обратно. Почему Россія по немногихъ сраженіяхъ къ апрелю мѣсяцу и завладѣла всею Финляндіею и оную къ Россіи присовокупила навсегда. Съ турками также война въ Натоліи за городъ Анапу, а въ Молдавіи около Дуная происходила. Но турки дѣйствовали въ оной не такъ-то горячо, потому что въ Царе-Градѣ и Египтѣ, а также и въ другихъ мѣстахъ были внутренныя силныя мятежи отъ яничаръ за сверженіе султана Селима 3-го и возведеніе на престолъ Мустафы 4-го. Франція-же обратила свои войски въ Португалію и Испанію, почему португалскій король со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ въ Америку, а Франція оною овладѣла.

Винокуреніе мое маия 1-го числа кончилось, и того-жъ числа ночью исправникъ Коншинъ, приехавши съ повѣренными, винной амбаръ запечаталъ подъ предлогомъ, якобы излишнимъ числомъ производилось винокуреніе; но сему его дурачеству всѣ смѣялись, июня-же 10-го числа печать свою и караулъ снялъ со стыдомъ.

Сего-жъ мѣсяца начали михайловскія маляри писать иконостасъ въ придѣлѣ съ лѣвой стороны. Весна сего года вскрылась позно, да и по вскрытіи продолжались холодъ и вѣтры, а потомъ началась суша, почему хотя хлѣбу цѣны унизились было до 1 р. 60 к. за четверть, но и паки начали возвышатся, вино-же стояло въ своей 2 р. и 30 к. цѣнѣ, но ходу оному было весма мало. Овощныя-жъ деревья цвѣли уже съ половины маия и всходы яренныя и озимъ были незавидны, да и огородними продуктами въ семъ мѣсяцѣ еще не веселились.

Сего года маия 14-го числа во время михайловской вознесенской ярмонки купилъ я евангеліе, обложенное мѣдными, но высеребренными, а мѣстами и вызолоченными досками и съ финифтяными Воскресенія Христова и евангелистовъ камнями, за которое заплатилъ пятдесятъ рублей; да кадило мѣдное и высеребренное,— заплатилъ я пять рублей и отдалъ въ церковъ въ знакъ ко Богу моей благодарности. Вѣсу въ евангеліи 12-ть фунтовъ, а надписъ въ евангеліи учинилъ такову: «Во славу триипостаснаго Бога! Въ

честь приснопамятнаго святителя Христова Николая, мирликійскаго чудотворца, въ изъявленіе и знакъ истиннаго благочестія и пламенѣющей ко Богу благодарности, въ лѣто отъ Рожества Христова 1808-е, іюня въ 3-й день, а житія своего въ 58-й, Іоаннъ Іосифовичъ, сынъ Острожскій сіе священное евангеліе для чтенія подалъ въ слоновскую николаевскую каменную трипрестолную церковъ и подписалъ своеручно». А на другомъ мѣстѣ написано: «куплено 1808-го года маия 14-го дня въ слободѣ Михайловкѣ». Слава убо Всемогущему Богу о всемъ!

Августа 1-го имѣлъ я необходимость по домашней економіи быть въ Бѣлгородѣ, куда и отправился зъ сыномъ Александромъ и женою, а бывъ тамо и исправя, что подлежало, отъпѣвъ въ соборѣ мощамъ угодника Іоасафа панихиду, а въ дѣвичьемъ монастырѣ Божіей Матери акафистъ, когда въ день Преображенія намѣревалъ выѣхать, то жона моя силно заболѣла правою рукою, такъ что чаяли быть сему будто отъ паралича, почему, дабы избавится ей отъ сей тяжкой болѣзни, купилъ я воздухи тамо парчевыя зъ золотою сѣткою, за кои заплатилъ двадцать рублей, и оныя проездомъ подалъ въ селѣ Терновомъ при мелницѣ въ церковъ святыхъ чудотворцовъ, цѣлителей и безъсребренниковъ, Козмы и Дамиана. А по сему по приездѣ въ домъ стала жена рукою владѣть и приходить въ здоровье молитвами святыхъ чудотворцовъ.

Съ 1-го-жъ августа поряженные корочанскіе иконописцы начали писать иконостасъ въ придѣлѣ съ правой стороны, кои поряжены съ позолотою за 700 рублей, и харчи наши были. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ у проѣзжающаго разнощика куплены въ церковъ три паникадила высеребренныя зъ гирляндами и повѣшены въ настоящей церквѣ и придѣлахъ, купно зъ стеклянными шарами, и три стоящихъ болшихъ подсвѣшниковъ, за что заплачено болше трехъ сотъ рублей, и къ сей-же цѣнѣ подлежатъ тогда-жъ купленныя въ правой придѣлъ пять болшихъ лампадъ къ мѣстнымъ образамъ. Зима сія была очень снѣжна и метели силныя съ крѣпкою стужею. Хлѣбу цѣна была свыше двухъ рублей 80 копѣекъ, почему отъ стужи и великихъ снѣговъ и дрова были весма дороги, которыхъ возъ платили и по 60-ти копѣекъ. Сахаръ въ сіе время былъ въ продажѣ два рубли 50 к. за фунтъ. Боже милосердый! что дѣлаетъ повсемѣстная война и до чего мы дожили, покупая въ прежния

годы, то есть отъ 1773 года, по двадцать четыре копѣйки онаго за фунтъ, а нынѣ 2 р. 50 к. И такъ сими и другими произшествіями 1808-й годъ кончился, и война въ Гишпаніи съ французами проливала кровь, яко воду, города и селеніи опустошены, и гибель народа была страшная, что исторія потомству объяснить не оставитъ.

1809-й годъ начался великою стужею и гибелью королевства гишпанского, которое французскій Бонапарте императоръ завоевавъ, посадилъ на престолъ въ оной брата своего Иосифа, почему всякия товары въ нашей сторонѣ весма вздорожали, и въ сіе время цѣна на сахаръ хотя и унизилась было до 1 р. 50 к. за фунтъ, но къ февралю и паки возвысилась до 1 р. 90 к., а сукна, матеріи шолковыя, бумажныя ткани и протчия товары чрезмѣрно стали дороги.

17-го февраля умре и послѣдняя сестра моя Анна Осиповна, бывъ болна толко одну недѣлю, и оставила сей прискорбный и маловременный міръ съ чистымъ покаяніемъ и напутствіемъ по долгу христіянскому, похоронена-жъ въ Бирючьемъ на всеобщемъ городскомъ кладбищѣ 19-го числа. Марта 6-го слоновской казенной житель Федоръ Панченковъ отъ усердія ко благолѣпію храма Божія привезъ зъ Бирючья иконы, стоявшія въ церкви за крылосами въ кіотахъ, поданныя отъ меня Николая угодника и отъ Ивана Корецкого Казанскія Богоматери, на которыхъ серебрянныя ризы вызолотилъ онъ своимъ коштомъ и издержалъ на оныя, какъ икону Божіей Матери, такъ и угодника Христова Николая, червонцовъ арапскихъ десять, а за работу майстеру осмнадцать рублей, которыя мною 7-го числа въ день воскресный во время заутрени и вставлены въ свои мѣста. Купленныя-же мною въ михайловской ярмонкѣ сутой парчи съ сѣткою и бахрамою на сосуды покровцы, за кои заплачено сорокъ рублей, отданы въ церковъ въ знакъ моего усердія, съ тѣмъ, чтобъ оныя еженедѣлно были въ служеніи употребляемы по днямъ воскреснымъ и великимъ празникамъ. Слава убо Всемогущему Богу о семъ!

13-го апреля заболѣлъ я силною простудною лихорадкою, а потомъ и горячкою, которую получилъ по милости поповъ, дѣлая въ церкви во олтарѣ опись всему церковному имуществу, яко то: сосудамъ, иконамъ въ рызахъ, рызницѣ, паникадыламъ, колоколамъ,

строенію и протчему, которой до сего въ церквѣ не имѣлось, а нынѣ указомъ велѣно было непременно оную здѣлать, но они не знали, какъ начать и чѣмъ кончить. Болѣзнь продолжалась маия до 1-го, и я чаялъ, бывши въ оной, что оставлю сей многопрелестный міръ. Но прилежная молитва отъ церкви пустила еще мою душу на покаяніе, и я до половины маия выздоровѣлъ почти совершенно. Тутъ надобно было осмотрѣть економію. И такъ, хотя еще остатки болѣзни и появившаяся (вторая человѣческая болѣзнь) старость много не позволяли, однако принужденъ былъ ѣхать къ мелницѣ и на поле и, чрезъ мочъ ходя, исправлять, что было нужно.

Окончаніе придѣловъ церковныхъ часъ отъ часу приходило въ совершенство, и послѣдней съ правой стороны иконостасъ поставленъ и позолотою и писмомъ оконченъ. А дабы придать болше церкви красоты, то порядилъ я иконописца Пуголовкина и въ трапезѣ поновить старой иконостасъ, которой къ сентябрю и конченъ. А какъ все было готово, то начали помышлять о освященіи оныхъ, почему и думали ѣхать въ Бѣлгородъ; какъ же протопопъ Баршатскій вздумалъ совершить сіе самъ и. взявъ церковныя денги, тайно исходатайствовалъ указъ о освященіи на свое имя, то сіе показалось намъ противно, потому болше, что намѣреніе наше было съ правой стороны придѣлъ освятить во имя Успенія Божія Матери, а онъ упросилъ архиерея Успенія престолъ здѣлать въ настоящей, а Николая угодника въ придѣлѣ, что уже въ настоящей имъ было исполнено, и по указу настоящая церковь 5-го сентября изъ Николаевской переименована въ Успенскую. Сіе крѣпко весь приходъ привело въ огорченіе, потому что мы Николая болѣе двусотъ лѣтъ имѣли о насъ ходатаемъ къ Богу, почему лутчіе изъ мѣщанъ, пришедъ ко мнѣ, просили ходатайства къ архіерею. И такъ принужденъ былъ я ѣхать съ ктитаремъ и протчими мѣщанами въ Бѣлгородъ. А какъ прибыли въ Корочу и узнали, что архиерей уѣхалъ въ Курскъ, то принуждены были и мы туда-же слѣдовать, гдѣ, подавъ его преосвященству прозбу, по многомъ на словахъ спорѣ, упросили оставить настоящую церковь по прежнему Николаевскою, а въ придѣлѣ—Василія Великаго, во имя котораго оный и заложенъ былъ, освященіе-же совершить корочанскому протопопу Козмѣ Холанскому, чѣмъ нашъ протопопъ крѣпко огорчился и тѣмъ паче, что издержанныя имъ на Белгородскую поѣздку самоволно денги,

велѣно было съ него взыскать и отдать въ церковь. И такъ оныя придѣли, правой 11-го, а лѣвой 12-го числа октября, и освящены съ великою церемоніею, для которой и пѣвческая музика взята была на щегъ нашъ отъ помѣщиковъ Синельниковыхъ. И такъ праздновали весело, хотя въ сіе время и болѣлъ я крѣпко глазами, но все то, въ разсужденіи собранія многаго народа и священниковъ, съ прибывшими гостми, было сносно и нечувствително. Отпустивши-же освящавшаго протопопа, гостей, священниковъ и пѣвчихъ, собравшись въ моемъ домѣ, мещанство доволно весело проводили еще два дни.—Потомъ пришло время исправлять винокурню, хлѣбъ-же былъ въ продажѣ за четверть свыше пяти рублей, что препятствовало и охоту весма отнимало. Однако возложа всю на Бога надежду, хотя и съ 5-го ноября, однако началъ винокуреніе и не такъ-то вигодное. Между-жъ тѣмъ и еще получилъ было скоропостижную въ животѣ и поясницѣ болѣзнь, отъ которой едва-едва было не переселился въ царство мертвыхъ; но Богъ, спасаяй меня, избавилъ отъ оной. Сіе послѣдовало мнѣ отъ подъема чугуннаго казана; однако сталъ я во всемъ осторожепъ и не такъ ретивъ за чежолыя вещи приниматся. Въ декабрѣ мѣсяцѣ у пріѣзжаго разнощика купилъ я мѣдную лампаду и привѣсилъ въ болшомъ олтарѣ предъ плащаницею и серебренную кадилницу 84-й пробы, въ коей вѣсу фунтъ съ осмою, а заплачено за оную девяносто рублей, ибо сребро нынѣ было весма въ высокой цѣнѣ. И такъ, слава Всемогущему Богу, церковь наша стала три-престольная и имѣетъ двѣ серебренныхъ кадилницы и болшую и малую серебренныя-жъ гробницы, исъ коихъ болшую съ позолотою, новой фигуры, купилъ Романъ Корецкій въ Харковѣ предъ освященіемъ придѣловъ, которая по цѣнѣ стоитъ пятьсотъ сорокъ три рубля съ копейками. Денги-же за оную заплачены частію церковными, а частію подаяніемъ доброхотныхъ дателей двухъ родныхъ, хутора Гринева жителей, братьевъ, прозываемыхъ Давиденковы. И такъ сей 1809-й годъ симъ и окончилси.

1810-й годъ начался слава Богу благополучно, и мясоѣдъ препровождали до половины января, покупая хлѣбъ 4 р. 50 к., а сего времени цѣна упала и покупали ныже четырехъ рублей. А какъ съ половины февраля открылась было совершенная весна, снѣгъ пропалъ вовся и дорога испортилась, вода въ рѣкахъ розлилась и мелницы стали въ подътопахъ, то на хлѣбъ цѣна возвыси-

лась свыше пяти рублей, отъчего винокурни наши крѣпко страдали, а съ 12-го числа марта я мою винокурню оставилъ за неимѣніемъ вовся въ привозѣ хлѣба. Посля-жъ того черезъ три дни пала зима, путь открылась по прежнему санная, стужа крѣпкая и вѣтры; ледъ вновъ сталъ на рѣкѣ, и мы тогда уже понабили онымъ свои ледники, ибо прежней на рѣкѣ растаялъ скоропостижно. Но какъ мостъ снесло, то за непереѣздомъ хлѣба въ привозѣ вовся не было. Въ февралѣ мѣсяцѣ почью новый діаконъ Семеонъ Григоровичъ привезъ съ Михайловки подобіе Христа, сидящаго въ темницѣ за стекломъ въ кіотѣ, и поставилъ въ придѣлѣ лѣвомъ. Но какъ сія штука здѣлана была имъ на подаянныя отъ доброхотныхъ дателей, безъ согласія общаго, то и не принята во уваженіе, яко неприличная; однако оставили оную для любящихъ таковыя и опредѣлили быть оной до времени (пока изберутъ мѣсто приличное) у лѣваго придѣла въ среднемъ окнѣ за крылосомъ. Потомъ начали приуготовленіе дѣлать каменную къ церквѣ ограду и порядили староосколскихъ каменщиковъ дѣлать съ маия мѣсяца кирпичъ, а съ июня начать и кладку ограды сливками (sic), по плану назначенными, о чемъ и контрактомъ ихъ обязали. И нынѣ мысленно и сердечно желаемъ и надѣемся событія онаго, возложа надежду на Бога и его угодниковъ святителя Николая чудотворца и Василія Великаго со Крестителемъ Господнимъ Іоанномъ.

Проводя-же празникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, нужно было мнѣ съгорѣвшую въ хуторѣ моемъ избу вистроить вновъ, почему съ работниками, мною нанятыми, и отправился я въ хуторъ, гдѣ назначивши вновъ мѣсто двору и избы къ проезжей дорогѣ, вздумалъ свою землю по полюбовному разводу слѣдующую, отъ выгона и збоя скотомъ защитить и здѣлать приносящею прибыль. Обрылъ оную рвомъ, гдѣ было нужно, котораго рва вырыто тогда мною въ разныхъ мѣстахъ и поблизъ дороги пятьсотъ сорокъ сажень; а потомъ вырылъ для водопоя и колодезь и поставилъ во оной новый со старымъ срубъ, а симъ избавился скуки ѣздить для воды къ общественному колодезю. Огородилъ дворъ и постройкою избу кончилъ уже къ Петрову дню, и сія медленность послѣдовала за смертію порядившагося плотника Огневцова и разними отлучками. И такъ въ сей первый покосъ принесла мнѣ обрытая рвами земля сѣна болѣе ста копенъ, которыя до сего лежали безъ всякого упо-

требленія и служили ползою выгона однимъ толко хуторскимъ жителямъ. Лѣто и протчее время года проводилъ я благополучно и здорово; а какъ наступили осенніе мѣсяцы и пришло время исправлять винокурню, то хлѣбъ тогда былъ въ продажѣ въ четыре рубли, и сіе подавало надежду и еще оному дешевлѣ; какъ вдругъ наѣхали онаго покупщики съ мѣстъ сего лѣта неурожайныхъ харьковской и другихъ губерній, а паче около Дону лежащихъ мѣстъ и подняли оному цѣну свыше пяти и мало не въ шесть рублей; то, не имѣвши своихъ денегъ, принужденъ былъ оныя занимать на покупку дровъ и хлѣба, которыя тѣмъ еще болше были нужны, что промѣнъ на асигнаціи былъ до двадцати копѣекъ на рубль, да и то было мелкихъ сыскать съ великою нуждою. О новомъ-же выходѣ денегъ хотя и было публиковано манифестомъ еще съ іюня 20-го числа, но мы оныхъ до новаго 1811-го года не видали и отъ промѣна на оныя несли великій убытокъ, торговцы-же мелкими товарами получали себѣ отъ промѣновъ великій прибытокъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ слоновскій житель и церковный староста или ктиторъ Федоръ Федоровъ сынъ Панченковъ подалъ въ церковь нашу ікону Скорбящія Божія Матери съ рѣзнымъ кіотомъ и серебренною и вызолоченною на оной кованною рызою. которая поставлена съ правой стороны въ дверяхъ, близь кіота угодника Христова Николая. Сія икона была у него оставлена одною жившею у него изъ Ростова порутчицею Ефросиніею, при смерти своей, въ домѣ жителя Телецкаго последовавшей, тутъ въ Слоновки похороненною на кладбищѣ.

Сего года сентября 29-го послѣдовалъ манифестъ, коимъ велѣно наложить (не уничтожая волности нашихъ привилегій) на викуриваемое нами вино пошлины въ казну съ ведра по шестидесяти копѣекъ. А изъ сего и вышло разумѣніе, что защита границъ предъками нашими стала уже не нужна, да и погашеніе государственныхъ долговъ, весма усилившееся, было къ тому поводомъ, чтобъ сія государственная, къ ползѣ нашей бывшая, хозяйственная часть помогла казнѣ уплатою оныхъ, что составило на сей первый случай миліоны,—думать такъ надобно. и впредъ еще умножаемыя или уничтожаемыя, коимъ могутъ къ упадку служить изведенныя и искорененныя симъ винокуреніемъ лѣса, дороговизна хлѣба и строгое запрещеніе великоросіянамъ продажи вина. Древняя мимо идутъ

и вся будутъ нова! И такъ симъ 1810-й годъ, слава всемогуществу Божію, кончился и завтрѣ наступитъ новый, коего превратности да будутъ намъ спасителни и душеполезны.

1811-й годъ начался великою стужею, однако пониженною на хлѣбъ цѣною, которая была въ 4 р. за четверть. А какъ февраля зъ 16-го числа наступила, подобно прошлогодней, великая оттепель, снѣгъ согнало и мелницы полою водою затопило, то къ марту цѣна поднялась до 4 р. 50 к. Генваря 23-го рано отправился я съ Федоромъ Корецкимъ, покойнаго Григорія сыномъ, изъ Слоновки чрезъ Волуйки и слободу Уразову въ купенскій уѣздъ до слободы Кабаньей на свадбу, гдѣ близъ той слободы у генералши Кондратьевой бралъ онъ за себя вскормленицу; и мы оттоль прибыли 31-го благополучно и остатокъ свадбы здѣсь изъ прибывшею въ Слоновку тою генералшею гуляли изрядно. Сырота женился на сиротѣ, а потому изъ многочисленнаго Корецкихъ рода свойственниковъ никто въ толь далней путь ѣхать и не согласился. Слѣдовало, по прозбѣ его, не взирая на мою старость, ѣхать мнѣ, и слава Богу благополучно я въ тамошнихъ волныхъ мѣстахъ побывалъ, жителство тамошнихъ, простоту и чистосердечіе видѣлъ, съ нѣкоторыми свелъ знакомство, замѣтилъ обхожденіи, положеніе мѣстъ и возвратился въ добромъ здоровьи. Проводя свадебный обрядъ въ пированіи, а равно и почтенную масленицу, когда наступилъ великой постъ и силная стужа, то исправлялъ винокуренную економію въ запасѣ хлѣба и дровъ, мысля то, что после зимы, когда наступитъ гразь, то цѣна всему еще возвыситця, а иногда потребного и двойною цѣною въ неудобное время купить бываитъ не можно. Мысль за моремъ, а смерть за плечима, говорится пословица, что и съ нами збылося.

9-го марта нечаянно прибылъ въ Слоновку курского губернского правленія асесоръ Иванъ Романовичъ Савицкій и съ нимъ земскій исправникъ Глатковъ и стряпчей Лобовъ. Вдругъ прислали ко мнѣ и къ протчимъ въ Слоновки служащимъ дворянамъ объявленіе, чтобы мы ему подали наши объясненіи, по какому мы праву куримъ въ особыя отъ казенныхъ жителей котлы и по чинамъ ли, или по наслѣдству отцовъ. А въ слѣдъ за симъ отъправился и самъ по винокурнямъ свидѣтелствовать лично. Мы объяснили, что куримъ по чинамъ нашимъ и наслѣдственно, какъ харковская гу-

бернская канцелярія 769-го года октября 14-го дня постановила, и имѣимъ винокурни на своихъ собственныхъ привилегированныхъ земляхъ, а симъ думали, что и дѣло кончили. Нѣтъ, онъ велѣлъ намъ винокуреніе остановить, а вино наличное запечаталъ, коего у меня, кромѣ протчихъ, оказалось наличнымъ въ 16-ти бочкахъ 603 ведра, и съ тѣмъ и уѣхалъ во свояси. Сіе-жъ все произошло по поданной тогдашней новооскольскаго отъкупщика князя Голицына прозбѣ въ казенную палату, а отъ оной по сообщенію въ губернское правленіе. И такъ досталось мнѣ съ тѣмъ-же Федоромъ Корецкимъ ѣхать въ Курскъ на другую, но постную свадбу. Мы туда и отправились 17-го марта и доѣхавъ до села Скородного на колесахъ, принуждены оттоль нанимать до Курска сани и лошадей, ибо тамъ былъ весма глубокій снѣгъ. Въ Курскъ прибыли мы при силной стужѣ и метели съ заметью 20-го и съ сего времени начали ходить идолопоклонъничать и просить о своей крайней обидѣ, надъ нами въ томъ нагло учиненной, представляя въ резонъ наши жалованныя предкамъ за службы грамоты, разрешителной и другія указы и манифесты, о чемъ и подали прозбы съ тонкимъ обо всемъ изъясненіемъ. Но ничто силной рукѣ не противилось, и мы чрезъ шесть недѣль тамошняго нашего пребыванія (гдѣ празновали и свѣтлой празникъ) едва дождались рѣшенія, коимъ заключено обо всемъ, въ прозбахъ нашихъ изъясненномъ и Савицкому представленомъ, представить сенату, а намъ дожидаться указа; съ чемъ мы, взявъ съ опредѣленія за скрѣпою копію, 4-го мая прибыли въ домъ благополучно и начали помышлять и готовить въ сенатъ о всемъ произшествіи и что мы 37 лѣтъ пользовались привилегіею винокуренія безъпрепятственно прозбу; а после того и посѣвъ хлѣба производили по економіи, какъ должно, ожидая отъ того и другаго великія и богатыя отъ всемогущиго Бога щедроты и милости.

Дѣло по проискамъ князя Голицына въ сенатѣ умедлилось, а между тѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ 21-го то запечатанное у насъ вино, по указу курскаго губернскаго правленія, забрато въ винной откупщицкой магазейнъ, и мы остались во ожиданіи своей прежней привилегіи, или совершеннаго запрещенія винокуренія между страхомъ и надеждою. Забрато-жъ у меня вина 261 ведро, по тогдашней продажѣ болше, нежели на тысячу рублей и симъ здѣланъ мнѣ въ платежахъ долговъ и протчаго великой убы-

токъ. Богъ далъ, Богъ и взялъ. Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣка! Между тѣмъ полученъ изъ сената указъ, отъ 21-го сентября пущенный, а въ губернскомъ правленіи 4-го октября полученный, которымъ винокуреніе намъ по прежнему разрѣшено и вино запечатанное и забранное у насъ въ винной въ городѣ подвалъ велѣно возвратить немедленно. И такъ мы, принеся Богу благодареніе, оное 2-го ноября получили обратно и надъ врагами своими, хотѣвшими насъ поглотить, восторжествовали и симъ какъ земскаго суда, такъ откупщика и губернского правленія воздвигли на себя великое негодованіе. Но не взырая уже за симъ указомъ ни на что, принялся я свою винокурню исправлять и пустилъ оную въ дѣйствіе 20-го ноября, полагая мысли за причиненный убытокъ и безъвинное запрещеніе винокуренія просить императора, чтобъ впредъ намъ того-же причинено не было и понесенный убытокъ по закону былъ-бы мнѣ заплаченъ.

21-го ноября у проѣзжающаго разнощика Дубинина, у котораго въ придѣлы и настоящую церковъ 1808-го года куплены паникадилы и лампады, купили и еще въ болшую церковъ паникадило о 24-хъ свѣчахъ, съ разными позолоченными и высеребренными фигурами, и заплотили 860 рублей, а старое, у него-жъ купленное, что было о 12-ти свѣчахъ, ему возвратили за 150 рублей, которое онъ охотно и принялъ. Къ тому-же доброхотный датель купилъ тогда-же болшой въ настоящую церковь четыроугольный подсвѣшникъ одной съ паникадиломъ фигуры, заплатилъ 80 рублей. И такъ наша церковъ симъ и еще сугубо украсилась. Винокурня моя курилась. Хлѣбу была цѣна свыше осми рублей, и вино выходило изрядное, чѣмъ-бы можно было наградить понесенныя убытки. Но вину ходу не было, почему принужденъ былъ занимать денги съ процентами и иногда хлѣбъ брать въ долгъ съ возвышеніемъ цѣны, а сіе и дѣлало убытки и еженедѣлныя горести и печали. Такъ симъ 1811-й годъ и кончился, а начался 1812-й годъ крѣпкими, хотя и не безъ снѣгу морозами. На канунѣ-же Крещенія пошелъ силной снѣгъ и здѣлалъ санную изрядную путь, почему и въ хлѣбѣ цѣна мало понизилась. Но вину продажи то-жъ не было, и горесть сердечная свое дѣйствіе имѣла.

Еще въ прошломъ годѣ слухи проходили, якобы французской императоръ Бонапартъ писалъ къ нашему монарху Александру,

чтобъ онъ позволилъ ему побывать въ Кіевѣ, якобы для поклоненія мощамъ святымъ; что если и подлинно было, то сіе относилось до войны, которою угрожалъ Россіи Бонапартъ. Но сіи слухи казались намъ пустыми и вѣры недостойными. Потомъ, когда въ прошломъ годѣ начался обыкновенный наборъ рекрутъ ноября съ 1-го и положено было брать съ пятисотъ по три человѣка, то начали думать о нѣкоторой по тѣмъ слухамъ и справедливости, но не совершенно. Послѣдовавшій-же въ апрелѣ мѣсяцѣ сверхъ чаянія манифестъ, повелѣвающій собрать и еще для усиленія арміи рекрутъ съ пяти сотъ по пяти человѣкъ, открылъ уже и намъ, живущимъ въ отдаленности, глаза, что война будетъ непремѣнно, ибо тотъ наборъ велѣно кончить поспѣшно черезъ два мѣсяца. За симъ отъ 6-го іюля изъ лагоря, бывшаго близъ города Полоцка, манифестомъ велѣно быть повсемѣстному ополченію какъ въ столичномъ городѣ Москвѣ, такъ и въ губернскихъ, почему и полагали быть прежней милиціи; но 4-го августа послѣдовавшимъ манифестомъ-же, кромѣ ближнихъ къ Москвѣ и Смоленску губерній, вмѣсто назначеннаго во опыхъ ополченія, съ нашихъ велѣно было собрать рекрутъ со ста по два человѣка и сей наборъ, начавъ съ 1-го сентября сегоже года кончить къ 1-му ноября. Приуныли сердца, когда въ манифестѣ первомъ сказано было, что уже непріятель вступилъ въ предѣлы Россіи. Но все сіе еще относили мы до тѣхъ предѣловъ, кои по тилзитскому трактату были Россіею пріобрѣтены вновъ отъ Полши. Газеты показали, что 4-го августа, въ кое въ Петербургѣ, въ бытность императора нашего, подписанъ о наборѣ рекрутъ манифестъ, было сраженіе за 6 верстъ отъ Смоленска, въ которое и городъ тотъ, по обращеніи руками непріятеля въ пепелъ, достался ему-жъ въ добичу. Великъ уронъ непріятеля, но и нашъ тутъ былъ не малъ, когда и два храбрія генерала Скалонъ и Залла тутъ-же убиты. Странно и неимовѣрно все казалось, чтобъ быть непріятелю, да какому же?—презрѣнной прежде Франціи народа въ Россіи; но Богу попущающу грѣхъ ради нашихъ сіе воспослѣдовало. За симъ по изданномъ отъ светѣйшаго синода противу прокламацій Бонапартовыхъ, россійскому народу увѣщаніи, чтобъ обѣщаніямъ его и лести не имѣли вѣры, такъ-же народъ приходилъ въ уныніе, когда повелѣно было тѣмже синодомъ въ церквяхъ излишнее, безъ употребленія находящееся серебро и третую часть кошелковыхъ денегъ

отобрать въ казну; почему и въ Слоновки бывшія на иконахъ привѣсы серебренныя и золотыя слободы Беленкой священникомъ, за неимѣніемъ благочиннаго, Іоанномъ Курдюмовымъ отобраны и отосланы въ Бѣлгородъ.

Странно и непостижимо, что Смоленскъ отстоялъ отъ Новаго Оскола разстояніемъ не болѣе семи сотъ верстъ, но намъ, здѣ живущимъ, казалось его горкая участь и силное подъ онымъ сраженіе и жителей бѣди и непріятелскія разореніи селъ и деревень, что оныя происходили якобы прежде въ чужихъ земляхъ, и мы, кромѣ излишняго противу прежняго платежа рекрутскихъ и другихъ платежей, тяготства почти не видимъ и не видали, а что впредъ съ нами послѣдуетъ, Богу себя вручаемъ.

Сентября 2-го непріятелемъ и похитителемъ престоловъ, наименовавшимъ себя Франціи императоромъ, Италіи вице королемъ и протчая, Наполеономъ Бонапарте взята и Москва. Окрестности оной и сама она разорена; церкви и монастыри ограблены, народъ разбѣжался, села и деревни разорены, и много войска и народа обоего пола побито, а протчія удалились, какъ изъ Москвы, такъ и другихъ городовъ, господа и госпожи во внутрь Россіи. Сенатъ, синодъ и протчія присудственныя мѣста выѣхали въ Ярославль и Казань. Царскія регаліи и протчая богатства и достопамятности вывезены въ далния мѣста, и Бонопарту досталась Москва опустошенная. И такъ: горе тебѣ, столичный граде Москва, яко нынѣ французы (бывшій презрѣнный народъ) тобою обладаютъ, почему и газетовъ уже теперича не получали, а толко имѣли нѣкоторыя частныя, изъ окружающихъ Москву городовъ и частныхъ людей, партикулярныя извѣстія о малыхъ и великихъ бывшихъ между армиями сраженіяхъ и о множествѣ убытыхъ непріятелскихъ людей, а также и взятыхъ въ полонъ, которыя часто препровождались въ далныя къ Сибири города и чрезъ наши мѣста, и что наши арміи окружили французовъ, пресѣкли ему путь къ подвозу правіянта и присылки секурса войскъ и держатъ его въ нужномъ весма положеніи, въ разоренныхъ имъ-же нашихъ мѣстахъ, въ московской и смоленской губерніяхъ. Что жъ по сему послѣдуетъ, время и исторія вѣроятность или гибели, или прославленія покажетъ, а я полагаю и надѣюсь, что послѣдуетъ зъ симъ врагомъ то-же, что и съ Карломъ 12-мъ подъ Полтавою. Всякъ бо возносяйся смирится!

Потомъ изъ увѣдомленій узнали, что Бонапартова армія должна была итить отъ Москвы обратно по той-же смоленской, имъ-же разоренной дороги, которую наша армія, изъ отдаленныхъ мѣстъ собравшаяся, тѣснила и, не давая генералного, кромѣ какъ подъ Можайскомъ и Бородинымъ сраженія, вездѣ его отряды, посылаемыя для фуражированія, побивала и брала въ полонъ, а въ другихъ мѣстахъ и жители самы оныя искореняли не мало и симъ дѣйствомъ умаляли непріятелскую силу доволно. Къ тому-же наступила зъ 26-го октября силная стужа, метели и ожеледица, что также непривикшимъ французамъ къ стужѣ подало великую гибель, падежъ безъ корму лошадей, потерю по безпутицѣ артилеріи и другихъ снарядовъ, а къ тому въ арміи французской и голодъ. И такъ онъ, отступая съ Россіи, хотя и по военнымъ регуламъ, давалъ мѣстами и временемъ стычки, но пока дошелъ до Варшавы, потерялъ почти всю свою армію, а бывшая его армия подъ Рыгою осталась въ тылу нашей, но уже безъ дѣйствія. И симъ 1812-й годъ кончился. А въ сіе время цѣна хлѣбу была за четверть аржаного 8 рублей, пшеницы 12 р., пшена тожъ, товари-жъ и протчее по сему смутному времени дороги, сахаръ 2 р. 50 к. за фунтъ.

Наступилъ, слава Всемогущему Существу, и слѣдующій 1813 годъ и съ нимъ силная стужа и метели, отчего французская армия, изнемогая часъ отъ часу, болше погибала и удалялась за предѣлы Полши, дѣйствія которой и гибель історія изъяснитъ въ свое время обстоятелно, а Москва наша послѣ своего разоренія начала населятся по прежнему.

Мнѣ-жъ, по прозбѣ друга моего князя Михайлы Яковлевича Друцкого-Соколинскаго, нужно было ѣхать въ Курскъ куда изъ дому своего и отправился я 22 генваря и прибылъ къ князю въ Копилину, гдѣ за силною стужею и метелью пробылъ два дни, а 25 рано отправился въ свой путь, продолжая который, когда выѣхалъ я зъ села Остабного, то поднявшаяся силная предъ вечеромъ метель и ночная темнота отняли у меня путь и слѣды онаго, почему, сбившись съ дороги, ѣздили мы по степи, лежащей между Уколова, Остабного и Темерязевой, ночью часи три и по щастію нашему прибились къ стогу сѣна, гдѣ и ночевали едва съ непотеряніемъ жизни отъ силной стужи и сѣверовосточнаго вѣтра. Сія ночь была мнѣ страхомъ и трепетомъ: страхомъ, чтобы мнѣ или человѣку не зазябнуть, а трепетомъ отъ стужи, отъ которой и

одежда защищать уже отказывалась. Ночь-же показалась болше двухъ ночей, но слава Спасителю Богу, избавившему меня отъ смерти! Мы, дождавши свѣта и сыскавъ путь, пріѣхали въ хуторъ къ помѣщику Мордвинову, къ которому имѣлъ я и дѣла. А тамо за стужею-жъ и метелми пробывъ три дни, съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ въ Курскъ благополучно, гдѣ совершивъ порученныя мнѣ дѣла, домой возвратился февраля 8 дня здоровъ.

Сію зиму за великою стужею, дороговизною хлѣба и слабымъ здоровьемъ, старостію угнетаемымъ, винокуренія я не производилъ, не безъ убытка въ продоволствіи скота безъ барды, который покупалъ дорогою цѣною. Лѣто и осень исправлялъ домашнюю економию. Сіи два времени года весма были дожливы и дѣлали великия въ рѣкахъ наводненія, отчего въ покосъ сѣно убирать было съ великимъ трудомъ и убытками, да и хлѣбъ великой подвергнулся гнилости, почему складывали оной въ стоги на поляхъ, да много онаго къ зимѣ осталось и въ копнахъ. Конопля-же почти совсѣмъ погибла, и сѣмены онаго прогоркли вовся. Да и въ началѣ зимы до генваря были силныя дожди и половодья, дѣлавшія мелницамъ и нижнимъ мѣстамъ вреды, почему и въ продажѣ хлѣба цѣна возвышалась до семи рублей съ полтиною, а вино до 3-хъ рублей 50-ти копѣекъ. Со времени-же, какъ французы, выгнанныя съ Москвы, бѣжали во свояси, армия ихъ, собранная изъ двадцати народовъ разныхъ языковъ, составлявшая болѣе полумиліона, мало-по малу начала истреблятся отъ сраженій, бывшихъ силныхъ, отъ голода, стужи и ожеледицы, посланной отъ Бога на сихъ богоотступниковъ, почему россійскія войска оную вездѣ истребляли, силно побѣждая вездѣ и во всякое время, а посему во все прошедшее лѣто война горѣла въ Полшѣ, Пруссіи, Саксоніи, Вестфаліи и протчихъ мѣстахъ до Лейпциха, подъ которымъ бывшее 6 октября силное и никогда еще въ свѣтѣ сему подобное не бывавшее сраженіе рѣшило судбу Европы, и французы истреблены, а союзныя арміи перешли рѣку Рейнъ и направили стопы свои до Парижа заплатить Бонапарту визитъ. Господи, управи путь ихъ и дѣла ко освобожденію отъ ига тирана, да пребываютъ народы во благоденствіи и кровопролитіе да престанетъ!

Исторія во свое время сеи неслыханнои войны всѣ подробности откръыетъ, а мы, отдавая потребныхъ для сего случая рекрутъ, платя государственные подати, хотя и съ отягощеніемъ, поставляя

потребный также для арміи правіантъ и протчая, и протчая, дождали слѣдующаго года благополучно, хваля всемогущаго Бога и своего всемилостивѣйшаго монарха.

1814-й годъ наступивши, подалъ намъ первоначално хорошую санную путь и понизилъ симъ цѣну въ хлѣбѣ, отъ распутицы возвысившуюся, потомъ доставилъ погожее время убрать прошлогодней съ полей хлѣбъ въ домашнія гумны и отъкрылъ погожими днями молотбу онаго, до сего весма народу по случаю непогодъ желанную. И я былъ совершенно здоровъ со всѣмъ моимъ семействомъ, воздая за оное хвалу Богу. Въ апрелѣ мѣсяцѣ россійскою и союзными армиями взятъ столичной Франціи городъ Парижъ, армия французская разсѣяна и миръ желанный всей Европѣ послѣдовалъ, кровопролитіе престало и врагъ человѣчества Бонапартъ сосланъ въ силку на островъ Элбу, что близъ Корсики. Первая жена его умре, а второй, австрійскаго императора дочери, даны въ удѣлъ за сыномъ ея города Парма и Піаченца со уѣздами. Братья его лишены королевскихъ званій и мѣстъ; границы Франціи, распространенныя войною, отняты и отданы законнымъ наслѣдникамъ прежнимъ. И весь городъ его, возведенный имъ на высокія степени, низверженъ въ прежнее ничтожество, а во Франціи утвержденъ, вмѣсто бывшаго самозванца императора Бонапарта, прежней изъ Бурбоновъ фамиліи король Людовикъ VIII-й, и арміи возвратились всѣ въ свои отечествы и принесли всеобщій Европы миръ и тишину, радость и благоденствіе, хваля всемогущаго Бога и величая императора Александра Великаго и избавителя Европы. А къ сей радости даровалъ намъ Богъ и весну пріятную, которую, после теплоты и пріятной погоды, хотя 19, 20 и 21-го чиселъ апреля бывшая силная метель съ морозами и поколебала было, но и паки наступило теплое и пріятное время, а после и лѣто, хлѣбомъ плодородное, съ прекрасными и приятными дождями, трава изобилная и уборка сѣну погожая и поспѣшная; плодовъ древесныхъ хотя было и мало, но огороднихъ и полевыхъ изобилие, и уборка хлѣбу прекрасная и поспѣшная.

И между сими-то пріятностями постигъ меня рокъ нещастія со стороны супружества таковъ: жена моя и любезной мой другъ Пелагея Лаврентьевна, хотя и чувствовала уже нѣсколко лѣтъ родъ чахотки, но оная временемъ подавала надежду къ выздоров-

ленію, и подлинно она иногда бывала совсѣмъ здорова и весела. Но 13-го февраля, бывши въ церкви и готовясь ко исповѣди и причащенію святыхъ Таинъ, силно простудилась и, пришедши домой, слегла въ постель, почему въ субботу первую великаго поста, 14-го февраля, сообщена она уже въ постелѣ и силной горячкѣ. Сія болѣзнь продолжалася разными изворотами до настоящей весны, а потомъ была она здорова, толко обезпокоевама силнымъ временемъ кашлемъ зъ мокротою; въ половинѣ-жъ июля мѣсяца временемъ открывалась и кровавая мокрота. Но все сіе еще мало предвѣщало великой опасности, и она была, какъ казалось по наружности, здорова. Іюля-жъ 30-го были мясныя въ четвертокъ заговѣни, и были у меня гости, своякъ Ефимъ Васильевъ и другія, и она была весела, а равно и 31-го въ пятницу то-жъ. Августа-жъ 1-го была она въ церквѣ при обѣднѣ, но къ водоосвященію не ходила и весь день была здорова, а предъ вечеромъ была въ банѣ въ самомъ легкомъ духу и мылась доволно, по привычкѣ своей, теплою водою, шутила зъ бывшими съ нею въ банѣ; потомъ, вышедши изъ бани, лежала на своей постелѣ и со мною много кое о чемъ домашнемъ разговаривала; потомъ, закусивши мало посною пищею и помолясь при мнѣ въ спалнѣ зъ земними поклонами Богу, въ самое захожденіе солнца легла спать, ранше обыкновеннаго. Во все-жъ сіе время сидѣлъ я въ спалнѣ близъ оной, призадумавшись, а дѣти Александра и Екатерина отлучились къ винокурнѣ для обобранія огурцовъ; Петръ-же и Александръ были при должности, а Варвара гостила въ Лазаревки. Полежавъ-же она въ постелѣ не болше минутъ десяти, почувствовала силной кашель, потомъ, когда поднялась у неи силная кровавая рвота, то просила моей помочи, которую стараясь я ей подать всевозможними силами, но не могъ успѣть ничего, ибо она въ самой силной кровавой сей рвотѣ мгновенно испустила духъ въ половинѣ осмаго часа по полудни, и въ сіе самое время при исходѣ души прибыли и дѣти. Но уже помощъ ихъ была не нужна. И такъ, убравъ тѣло, какъ подлежитъ, вынесли оное въ залъ и начали плачевную музыку и надгробное чтеніе съ пѣніемъ, какъ церковью установлено. 2-е число лежала она въ домѣ, а между тѣмъ сыны и дочь поспѣшили прибыть къ сему плачевному концу материной жизни, а 3-го числа после божественной литургіи похоронили мы оную въ оградѣ церковной на

углу болшаго настоящей церкви олтаря въ каменномъ склепѣ. Вѣчная убо да будетъ ей память! А я получивъ новое названіе вдовца, принялъ зъ симъ назвавіемъ и всѣ горести домашнія какъ о дѣтяхъ, такъ и о всемъ домѣ, поминая ежедневно, что я жилъ зъ симъ моимъ любезнѣйшимъ другомъ въ супружествѣ сорокъ лѣтъ, два мѣсяца и десять дней мирно, не знавши другъ ко другу ни малѣйшей ревности, ни ссоры, ни прекословій, ничего иного, кромѣ любви, мира и тишины. И за симъ что со мною впредъ послѣдуетъ, во всякомъ случаѣ Богу себя вручаю.

Въ продолженіи шестинедѣлнаго со вседневнымъ служеніемъ сорокоуста, были отправляемы и поминалныя дни, яко то: третины, девятины, полусорочины и сорочины, со угощеніемъ столомъ духовенства и пріятелей изобилно. Богу единому-же извѣсно, колико мучила меня въ сіи дни горкая печаль, отбывавшая отъ меня толко во время сна моего, а по прошествіи онаго не могъ я ни на что пустить своихъ глазъ безъ слезъ, а найпаче когда, бывало, подойду къ окошкамъ и увижу гробъ, жены моей предвѣчный домъ, то тутъ уже ничто не могло горести моей удержать безъ пролитія слезъ. Блаженна сія жена, что переселилась при жизни моей въ вѣчное блаженство, за коею послѣдовало по христіянскому чиноположенію и поминовеніе приличное; но мнѣ какъ, когда и гдѣ приближится смерть,—неизвѣстно, да и помянутъ ли меня оставшія дѣти мои, Богу вѣдомо, а не мнѣ.

Въ продолженіи-же сихъ печалей собрался и пустилъ мою винокурню въ дѣйствіе ноября съ 1-го числа. И какъ денги поиздержаны были на поминовеніе, а хлѣбъ цѣною возвысился до семи рублей, а также дрова и работники весма стали дороги, то и при семъ случаѣ длилось время не безъ горести вседневной. Но вся и вездѣ печаль моя возлагаема была на всемогущаго Бога и его святый обо мнѣ и дѣтяхъ промыслъ. И онъ своею милостію меня покрывая, давалъ мнѣ вседневно насущный хлѣбъ и пищу, а я ежечастно приближаяся ко гробу, по силѣ моей благодарилъ Творца за вся, отъ его святѣйшей руки посылаемая благая.

1815-го года февраля 1-го были отправляемы полугодовщины по любезной женѣ моей, а 16-го числа сего-жъ мѣсяца умре кумъ мой Василей Ивановичъ Туферъмахеръ, оставивъ превеликое свое имѣніе женѣ своей второй (которая прежде была его крѣпостная дѣвка) въ расхищеніе. Сокровиществуетъ человѣкъ, но не вѣсть,

кому соберетъ я, ибо оная какъ была молода, то дождавъ свѣтлого празника въ мироносную недѣлю обвѣнчалась съ поддячимъ Стировимъ и принялась собранное расточать по модѣ.

Годовое время моей любезной жены наступило 31-го іюля, въ которое по церковному чиноположенію священники отпѣли соборомъ литургію и надъ гробомъ ея великую панихиду, по окончаніи которой, когда пѣли вѣчная память, то рѣками текли слезы у меня и дѣтей. Къ столу многія были приглашены и ѣли и пили доволно. Вотъ зъ сего-то времени и началъ я щитать какъ преставленію жены, такъ и моему вдовству второй годъ. Господи! подаждь немощи моей силу, а покойницѣ царство небесное.

За симъ пришло время исправлять и винокурню. И такъ, забывъ мало печали, и исправилъ оную къ совершенному дѣйствію; но Всемогущій строитъ вся по своему промыслу. 31-го октября былъ день воскресный, гостей у меня не случилось; и такъ, проводивъ сей день зъ дѣтми въ разговорахъ, въ наступившую-же ночь легъ я спать въ 9-ть часовъ, и чуть толко уснулъ мало, какъ силный стукъ въ сѣнешныя двери меня разбудилъ, а открывши очи, увидѣлъ я дворъ свой объятый силнымъ свѣтомъ, выскоча-же на дворъ въ одной рубахѣ, усмотрѣлъ, что сарай сосѣда моего Ивана Корецкого горитъ и все пламя и искры клонятся на мой домъ по вѣтру. Здѣланъ набатъ; збѣжалося множество народа, но болшою частію для зрѣнія, а не для работы, безъ воды и безъ ведръ и пожарныхъ инструментовъ, а по сему отъ Корецкого сарая загорѣлся мой птычей сарай, а отъ онаго баня, огорожа и скотской сарай. Буря поднялась и весь домъ былъ въ пламени, а отъ сего и домъ было загорѣлся; но милостію Бога спасенъ и остался цѣлъ, хотя-жъ при выносѣ изъ онаго имущества и многое чего изломано и разбито, но слава Богу, что осталось мѣсто и есть гдѣ главу приклонити. За сіе благодаря Всемогуществу, мыслилъ я, что бывши въ малѣ наказанъ, снесу сей убытокъ великодушно, но со мною, подобно Іову праведному, послѣдовало такъ: *еще сему глаголющу, пришедъ инъ вѣстникъ и рече*, какъ въ книгѣ Іова написано; такъ и ко мнѣ 3-го числа ноября, приехавши отъ брата Александра Ефимовича Лофицкого, человѣкъ сказалъ и писмомъ увѣрилъ, что мелница моя, бывшая въ Терновомъ селѣ, 1-го числа ноября ночью съ домомъ и дворомъ згорѣла безъ остатку. Горко было слышать, но

великодушно должно было сіе въ разсужденіи дѣтей снести и унять ихъ отъ слезъ. И такъ, сказавъ: воля Господня да будетъ со мною, и замолчалъ. Оставя винокурню и обгорѣлой домъ, пустился я смотрѣть мелничного пожарища. Силная грязь и дождь желанія поспѣшить не выполнили. И такъ прибылъ я туда 6-го ноября рано и, посмотря пепелище, пошелъ въ Терновое и, идя мимо церкви, благодарилъ моего Создателя о всемъ со мною послѣдовавшемъ. Потомъ размышляя о выстройкѣ вновъ мелницы, не находилъ способа иного, какъ выстроить оную подрядомъ, почему и договорился съ племянникомъ своимъ Иваномъ Николаевичемъ Лофицкимъ съ его лѣса и его работниками выстроить оную въ срокъ до 1-го іюля за тысячу рублей, въ чемъ, заключивъ съ нимъ условіе, прибылъ домой 10-го ноября и отдохнувъ, поѣхалъ смотрѣть винокурню, гдѣ нашелъ мною приговореннаго гороховатского майстера, дающаго мнѣ вино весма негодное и съ договоромъ несогласное, а посему онаго отрѣшилъ, а опредѣлилъ на мѣсто его Бубновского однодворца. И такъ, зъ Божіею помощію, возлагая всю мою печаль и надежду на его высокій промыслъ, началъ винокуреніе съ вигодою, чему однакожъ силная непогода и грязь много дѣлали заботы въ разсужденіи возки хлѣба и дровъ. Но да будетъ о всемъ благословенно и препрославлено имя Господне отъ нынѣ и до вѣка!

Въ декабрѣ мѣсяцѣ писалъ ко мнѣ старой мой другъ и благодѣтель, князь Михайла Яковлевичъ Друцкій-Соколинскій, что онъ боленъ и хочетъ со мною видѣтся и поговорить о дѣлахъ. Я сему не повѣрилъ, потому что онъ и прежде также шуточно писывалъ о своемъ нездоровьи и въ разсужденіи грязи не поѣхалъ. Потомъ 16-го числа декабря прислалъ онъ нарочно сказать о своей болѣзни на словахъ, почему зъ симъ посланнымъ я и поѣхалъ, а пріѣхавши увидѣлъ и подлинно тяжкую его болѣзнь. Онъ, увидя меня, обрадовался и почувствовавъ своей болѣзни облегченіе, удержалъ меня два дни, потомъ вруча мнѣ духовную, со мною простился и отпустилъ домой. На другой-же день рано, приехавши его крестьянинъ Гуковъ увѣдомилъ, что князь 19-го числа декабря рано скончался. По замѣчанію-же моему, въ бытность у него замѣтилъ я, что онъ скоро прекратитъ свою жизнь отъ внутреннего антонова огня, что и збылось. Я того-жъ крестьянина отправилъ съ писмомъ къ княгинѣ Аннѣ Евдокимовнѣ и къ сыну его Якову, бывшему тогда

въ домѣ матери своей. Сіи, а съ ними зять ихъ Синелниковъ и племенникъ Петръ Андреичъ Шидловскій прибыли ко мнѣ ночью 21-го и, взявъ меня зъ собою, пустились въ Копилино для погребенія тѣла и, прибывъ туда рано, нашли все къ погребенію готово, и какъ священники были въ зборѣ, то въ тотъ-же день, въ разсужденіи порчи тридневнаго тѣла, и погребли онаго въ прилепахъ близъ церкви, съ правой стороны олтаря, при гробѣ его матери, княгини Надежды Михайловны. На другой день былъ третиной столъ со слезами, а 23-го уѣхали мы всѣ въ разсужденіи празника Рожества Христова по домамъ. Княгиня и князь молодой съ женою у меня ночевали. Я наслѣднику отдалъ духовную, въ которой ему наслѣдія было не написано, а оставлено было все чуждымъ и ничего не значущимъ людемъ, его въ жизни лстившимъ и отъ негоже отпущеннымъ и вся расхитившимъ. За сіе князь и княгиня оба меня благодарили и, духовную уничтожа, по праву закона остались полными наслѣдниками. Вотъ каковъ былъ гнѣвъ отъ отца на сына чрезъ наушничествы злыхъ и лстивыхъ съ хитростью людей! Но Богъ устроилъ не такъ, какъ мыслили злыя, о чемъ хотя и зналъ, но не открывалъ ему до времени, пока не получилъ въ свои руки духовной, а получа здѣлалъ то, что слѣдовало законному его наслѣднику. Господи, упокой душу его со святыми! Онъ грѣшилъ на сына злобою по невѣденію и своему мягкосердію, давъ вѣру злымъ, его обстоявшимъ тогда людямъ, которыя воздвигли было пяту свою на своего господина. И такъ, по смерти моего друга, остался таковымъ-же сынъ его ко мнѣ, князь Яковъ Михайловичъ и жена его Маргарита Григорьевна, люди молодыя, честныхъ поведеній и добродѣтельныя. Сей покойный князь Михаила Яковлевичъ былъ мнѣ истиннымъ другомъ 37 лѣтъ и много мнѣ въ разныхъ случаяхъ помогалъ и дарилъ людми и протчимъ. Былъ чдловѣкъ сроденъ къ добродѣтели и подверженъ пороку, яко человѣкъ, и болше тогда, когда оставила его жена его. Но о семъ не мнѣ его судить;—есть Судья нашъ на небеси, и тому о всѣхъ да будетъ слава во вѣки вѣковъ аминь!

(Окончаніе слѣдуетъ).

КІЕВО-ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА

ВЪ ЕЯ ПРОШЕДШЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

Къ кіево-печерской лаврѣ принадлежатъ *Китаевская* и *Голосѣевская* пустыни.

Китаевская пустынь находится на югъ отъ лавры внизъ по Днѣпру, на уступѣ, закрытомъ съ юга высокою горою, въ живописной мѣстности, въ разстояніи 1 версты отъ Днѣпра. Названіе свое она получила отъ слова «Китай», которое съ татарскаго языка значитъ: крѣпость, укрѣпленіе. Остатки этого укрѣпленія, въ видѣ городища, частью сохранились до настоящаго времени. Въ XVII вѣкѣ здѣсь образовался отшельническій скитъ въ видѣ нѣсколькихъ пещеръ, а благочестивый кіевскій генералъ-губернаторъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, въ 1775 г. устроилъ здѣсь деревянную церковь во имя преподобнаго Сергія и келіи, съ согласія печерскаго архимандрита Іоанникія Сенютовича, который отдѣлилъ сюда нѣсколько братіи изъ любящихъ пустынное уединеніе. Въ 1767 году іеромонахомъ Тихономъ, на мѣсто обветшавшей Сергіевской церкви, построена каменная церковь во имя *св. Тройцы* съ придѣлами во имя преподобнаго *Сергія* радонежскаго и святителя *Димитрія* ростовскаго, существующая до нынѣ. По штатамъ 1786 года Китаевская пустынь оставлена за кіево-печерской лаврой и слу-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., сентябрьск. кн., стр. 613—638.

житъ кладбищемъ для лаврской братіи, состоя въ вѣдѣніи особаго *начальника* изъ монашествующихъ лавры. При ней находится бѣлильня воска, изготовляемаго для лаврскаго свѣчнаго завода.

Голосѣевская пустынь находится въ лаврскомъ лѣсу, въ разстояніи 5-ти верстъ отъ лавры на югозападъ, въ ложбинѣ, окруженной съ 3-хъ сторонъ горами, вь видѣ амфитеатра, и открытой съ 4-й восточной стороны. Основаніе здѣсь пустыни положилъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила, который соединялъ въ своемъ лицѣ и званіе архимандрита кіево-печерской лавры. Въ 1631 году онъ устроилъ здѣсь церковь во имя св. великомученика *Іоанна Сочавскаго,* часть мощей коего привезъ изъ родственной ему Молдавіи и положилъ въ этомъ храмѣ. Здѣсь же онъ устроилъ себѣ, для лѣтняго уединенія, небольшой домъ, съ келліями для братіи, и развелъ садъ. Голосѣевская пустынь была отдана для жительства и въ управленіе послѣднему священно-архимандриту кіево-печерской лавры, уволенному тогда же отъ сей должности *Зосимѣ Валкевичу* до его кончины, со штатомъ третье-классснаго монастыря. Спустя 7 лѣтъ по смерти Зосимы Валкевича, послѣдовавшей въ 1793 году, штатъ монастыря здѣсь упраздненъ и Голосѣевская пустынь по прежнему приписана къ лаврѣ, но пришла въ запустѣніе. Возлюбилъ и обновилъ ее любитель пустыннаго уединенія митрополитъ кіевскій *Филаретъ* Амфитеатровъ (1837—1857 г.), который, при пожертвованіяхъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской, обвелъ ее каменною оградою, построивъ въ ней въ 1846 г. каменную церковь во имя *Покрова Божіей Матери* съ придѣлами во имя св. *Іоанна* Сочавскаго и *трехъ святителей*; устроилъ для своего жительства каменный одноэтажный домъ съ церковью во имя *Іоанна* многострадальнаго и братскія келліи и вообще привелъ все въ лучшій видъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Лѣтопись Лавры.

1051 г.—Осталась впустѣ пещерка, ископанная на холмѣ пресвитеромъ церкви Спаса на Берестовѣ *Иларіономъ*, который въ семъ году поставленъ въ митрополита св. Софіи.

— И по немногихъ днѣхъ Антоній иде къ Кыеву, приде на холмъ, идѣже бѣ Ларіонъ печерку ископалъ, и возлюби мѣсто и вселися въ онь.

1054 г.—Изяславъ, увѣдавъ житіе преподобнаго Антонія, приде съ дружиною, прося его благословенія и молитвъ, и начаша приходити къ нему братья и нача пріимати я и постригати. Ископаша печерку велику и церковь и келья въ печерѣ, яже суть подъ ветхимъ монастыремъ.

1056 г.—Преподобный Антоній постави Варлаама игуменомъ, а самъ иде въ гору и ископа печеру, яже есть подъ новымъ монастыремъ.

1058 г.—Преподобный Варлаамъ устроилъ монастырь надъ пещерой дальней и церковь во имя Успенія Божіей Матери.

— Великій князь Изяславъ выведе Варлаама на игуменство къ св. Димитрію въ свой монастырь, хотя сотворити его выше печерскаго монастыря.

1073 г.—Кончина преподобнаго Антонія въ 10-й день м. іюля.

— Положено основаніе Великой церкви преподобнымъ Ѳеодосіемъ.

1074 г.—Преставися преподобный *Ѳеодосій*, 2-й игуменъ печерскій, 3 мая.

— *Стефанъ* поставленъ въ игумены печерскаго монастыря.

1075 г.—На Ѳеодосіевомъ основаніи начали строить великую церковь и братія переведена въ новый монастырь.

1078 г.—На мѣсто удаленнаго отъ игуменства преподобнаго Стефана избранъ въ игумены *Никонъ* пресвитеръ, украсившій великую церковь мусіею и живописью.

1083 г.—Прибыли въ кіево-печерскій монастырь изъ Царьграда художники, украсившіе мусіею великую церковь.

1088 г.—На мѣсто скончавшагося Никона игуменомъ поставленъ *Іоаннъ*.

1089 г.—Освящена великая церковь при игуменѣ *Іоаннѣ*.

1090 г.—Перенесены мощи преподобнаго Ѳеодосія изъ дальней пещеры въ великую церковь.

1096 г.—Печерская обитель потерпѣла разореніе отъ половецкаго хана *Боняка*.

1103 г.—На мѣсто скончавшагося Іоанна поставленъ игуменомъ *Ѳеоктистъ*.

1106 г.—Погребенъ въ великой печерской церкви, противъ Ѳеодосія гроба, 90-лѣтній старецъ *Янъ*.

— Постригъ принялъ въ печерскомъ монастырѣ черниговскій князь *Никола* Давидовичъ, прозванный Святошей, который построилъ Троицкую церковь на св. воротахъ лавры.

1108 г.—Окончена постройка братской каменной трапезы.

1109 г.—Съ южной стороны великой церкви пристроена боженка, въ которой погребена *Евпраксія*, дочь великаго князя Всеволода.

1112 г.—Игуменъ *Ѳеоктистъ* избранъ и поставленъ въ черниговскіе епископы.

1113 г.—Избранъ и 19 января посвященъ въ игумены на мѣсто Ѳеоктиста *Прохоръ*, бывшій въ Вышгородѣ при перенесеніи мощей св. мучениковъ Бориса и Глѣба въ 1115 году.

1119 г.—Погребенъ у гроба Ѳеодосіева минскій князь *Глѣбъ* Всеславичъ.

1124 г.—Избранъ и поставленъ во игумены *Тимофей*.

1130 г.—Обложенъ серебромъ гробъ преподобнаго Өеодосія по усердію тысяцкаго г. Суздаля Георгія Симоновича.

1156 г.—При игуменѣ Өеодосіи II-мъ, скончался въ печерскомъ монастырѣ *Нифонтъ*, епископъ новгородскій.

1158 г.—Погребена при гробѣ преподобнаго Өеодосія княгиня *Анастасія* Ярополковна, супруга князя Глѣба Всеславича, на 84 году жизни, отказавши печерскому монастырю свои волости. при игуменѣ *Акиндинѣ I*.

1168 г.—Печерскій игуменъ архимандритъ *Поликарпъ* осужденъ митрополитомъ кіевскимъ Константиномъ въ заточеніе за разрѣшеніе поста въ праздники господскіе и нарочитыхъ святыхъ.

1169 г.—Кіевскія церкви и монастыри ограблены и весь Кіевъ опустошенъ Мстиславомъ, сыномъ суздальскаго князя *Андрея Юрьевича* Боголюбскаго.

1182 г.—Избранъ братіей и поставленъ въ печерскіе игумены Щекавицкій попъ *Василій*.

— Суздальскимъ епископомъ Симономъ, бывшимъ изъ постриженцевъ печерскаго монастыря. († 1226 г.), составлено повѣствованіе о жизни и подвигахъ прежнихъ иноковъ печерскаго монастыря и сказаніе о созданіи и освященіи великой его церкви,—въ формѣ посланія къ кіево-печерскому иноку Поликарпу, его ученику.

2218 г.—Инокомъ кіево-печерскаго монастыря *Поликарпомъ* написано посланіе къ архимандриту сего монастыря Акиндину II-му о жизни и чудесахъ прочихъ (13) печерскихъ святыхъ со словъ Симона епископа суздальскаго, при которомъ Поликарпъ жилъ нѣкоторое время въ г. Владимірѣ.

1230 г.—Землетрясеніемъ повреждена печерская трапезница и произведены трещины въ стѣнахъ великой церкви.

1240 г.—Печерская обитель разорена въ нашествіе *Батыево*, вмѣстѣ со всѣми церквами г. Кіева.

1274 г.—Печерскій архимандритъ *Серапіонъ* поставленъ кіевскимъ митрополитомъ Кирилломъ въ санъ епископа владимірскаго и суздальскаго.

1289 г.—Печерскій *игуменъ Агапитъ II* учавствуетъ въ погребеніи Владиміра Васильковича, галицкаго князя.

1321. Великій литовскій князь *Гедиминъ* овладѣваетъ Кіевомъ и южною Русью, при игуменѣ печерскомъ Варсонофіѣ.

1377 г.—*Архимандритъ* кіево-печерскаго монастыря *Давидъ* постригаетъ великаго литовскаго князя *Ольгерда* въ схиму.

1394 г.—Погребенъ въ печерскомъ монастырѣ князь кіевскій *Скиргелло* Ольгердовичъ, возлѣ гроба Ѳеодосіева.

1399 г.—Ханъ татарскій *Тимуръ - Кутлукъ* взялъ окупу съ печерскаго монастыря 30 рублей.

1416 г.—Крымскій ханъ *Эдигей* разоряетъ вторично печерскій монастырь.

1438 г.—Постриженъ въ печерскіе иноки князь острожскій *Ѳеодоръ* Даниловичъ.

1446 г.—Внукъ Ольгерда *Андрей Владиміровичъ* написалъ въ печерскомъ монастырѣ свое завѣщаніе.

1455 г.—Погребенъ въ печерскомъ монастырѣ внукъ Ольгерда князь *Александръ* (Олелько) Владиміровичъ.

1470 г.—Кіевскій князь *Симеонъ Олельковичъ* возобновилъ великую печерскую церковь при архимандритѣ Іоаннѣ.

1484 г.—Крымскій ханъ *Менгли-Гирей* сжегъ Кіевъ и печерскій монастырь и разорилъ его.

1486 г.—Юрій Зиновьевичъ записалъ печерскому монастырю сельцо Киселевичи въ Бобруйской волости съ тѣмъ, чтобы надъ гробомъ отца его иноки печерскіе вѣчно отъ году до году ставили свѣчи.

1495 г.—Погребенъ въ великой церкви внукъ Александра Олельковича князь Василь Симеоновичъ.

1500 г.—Архимандритъ печерскаго монастыря Іона присутствовалъ на Виленскомъ соборѣ.

1512 г.—Грамотой короля Сигизмунда возстановлено общежитіе въ печерскомъ монастырѣ.

1506 г.—Князь Алексѣй Львовичъ Толочко завѣщалъ печерскому монастырю дворъ барсуковскій съ принадлежностями, а также людей Добрѣцкихъ и грунтъ Цвирковскій съ людьми сидящими на чиншѣ.

1516 г.—Князь Константинъ Ивановячъ Острожскій подтвердилъ завѣщаніе своей тещи, княгини Анастасіи Голшанской на

Городокъ съ приселками Обаровымъ и Лобковщиною на Волыни и на село Волицу въ Глушской волости.

1532. Князь Алексѣй Лахтыновичъ завѣщалъ лаврѣ с. Печерскъ и сельцо Ниву съ людьми и доходами.

1533 г.—Погребенъ въ великой церкви князь *Константинъ Ивановичъ Острожскій.*

1554 г.—Печерскій монастырь получилъ дозволеніе пріѣзжать въ Москву для сбора пожертвованій.

1556 г.—Великая печерская церковь *обновлена при архимандритѣ Иларіонѣ.*

1564 г.—Кіевскимъ войтомъ Семеномъ Мелешковичемъ дано печерскому монастырю село Вишеньки.

1570 г.—Король Сигизмундъ Августъ подтвердилъ общежитіе въ печерскомъ монастырѣ по правиламъ 1522 года.

1580 г.—Печерскому монастырю предоставлено право заселить мѣста у Безрадичъ надъ р. Стугною.

1586 г.—Дозволено печерскому монастырю устроить и заселить городъ *Васильевъ* съ предоставленіемъ жителямъ магдебургскаго права.

1576—1590 г.—Борьба Мелетія Хребтовича съ разными землевладѣльцами за права на имѣнія.

1592 г.—Появились документы на ставропигію и независимость отъ кіевскихъ митрополитовъ.

1593—1596 гг.—Борьба архимандрита Никифора Тура съ принявшимъ унію митрополитомъ Михаиломъ Рагозою о подчиненіи печерскаго монастыря.

1599—1624 гг.—Великая лаврская церковь, обветшавшая, предохранена отъ развалинъ архимандритомъ *Елисеемъ Плетенецкимъ*; въ великой церкви началась непрерывная служба въ лѣто и зиму; учреждена типографія, учреждено ученое братство, уставлены церковные проповѣдники, возобновлено общежитіе и заведена трапеза для нищихъ.

1654 г.—Кіево-печерская лавра вмѣстѣ съ Кіевомъ возвращена подъ Россійскую державу.

1650—1677 гг.—Во время нашествія турокъ на югъ Россіи крестный ходъ съ печерскою иконой вокругъ верхняго города Кіева.

1669 г.—Алексѣй Михайловичъ утвердилъ за лаврою всѣ ея маетности.

1679 г.—Печерскій монастырь окруженъ землянымъ валомъ.

1680 г.—Грамотою царя Алексѣя Михайловича подчиненъ лаврѣ *Трубчевскій* чолнскій монастырь.

1682 г.— Имъ-же данъ лаврѣ *Брянскій* свѣнскій монастырь для пристанища въ нужное воинскихъ браней время, который при семъ переименованъ въ *Новопечерскій*.

1688 г.—Кіево-печерская лавра подчинилась власти московскаго патріарха.

1690 г.—Избранъ въ архимандриты кіево-печерскіе войсковой судья Михаилъ *Вуяхевичъ*, нареченный *Мелетіемъ*, который, по постриженіи въ монашество, чрезъ годъ посвященъ въ санъ архимандрита.

1698 г.—Иждивеніемъ гетмана Ивана Мазепы лавра обведена каменною стѣною и построена церковь во имя всѣхъ святыхъ на экономическихъ воротахъ.

1700 г.—Построена каменная Воздвиженская церковь надъ входомъ въ ближнія пещеры.

1703 г.—Всѣ внутреннія келліи погорѣли, уцѣлѣла невредимо одна великая церковь.

1708 г.—Въ предохраненіе отъ шведовъ лавра ограждена новымъ крѣпостнымъ валомъ.

1700 г.—Съ мѣсяца марта до январи 1711 г. моровая язва въ Кіевѣ.

1717 г.—Принесенъ въ лавру изъ нямецкаго монастыря указательный перстъ св. первомученика *Стефана*.

1718 г.—Вся лавра съ великою церковью и со всѣмъ имуществомъ сгорѣла.

1720 г.—Великая церковь начала возобновляться.

— Грамотою отъ 22 декабря велѣно печатать въ кіевской типографіи книги согласно съ великороссійкими церковными книгами, а историческія и полемическія съ дозволенія духовной коллегіи.

1729 г.—Великая церковь, по возобновленіи, освящена 14 августа.

1730 г.—Перенесены изъ пещеръ въ великую церковь мощи св. *Михаила*, 1-го митрополита кіевскаго.

1731 г.—Основана лаврская колоколня и вылитъ большой колоколъ при архимандритѣ Романѣ Копѣ.

1744 г.—Императрица Елисавета Петровна съ супругой наслѣдника, великой княжной Екатериной Алексѣевной, пребывала въ лаврѣ.

1745 г.—Окончена лаврская колокольня.

1761 г.—Происходилъ послѣдній выборъ лаврскою братіею архимандрита *Зосимы Валкевича*.

1770 г.—Скончался въ лаврѣ тобольскій митрополитъ *Павелъ*, почивающій нетлѣнно.

1786 г.—Отобраны въ казну лаврскія населенныя имѣнія.

1786 г.—10 апрѣля кіевскому митрополиту Самуилу Миславскому повелѣно быть и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры, а выборный архимандритъ Зосима Валкевичъ уволенъ на покой съ пенсіей по 1,000 рублей въ годъ.

1787 г.—Повелѣно при кіево-печерской лаврѣ содержать гражданскую типографію для печатанія книгъ какъ на россійскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ.

1793 г.—Скончался б. священно-архимандритъ лавры Зосима Валкевичъ.

II.

Настоятели кіево-печерской лавры.

А. Игумены Кіево-Печерскаго монастыря.

1. 1056 г. *Варлаамъ*, сынъ боярина великаго князя Изяслава Ярославича; перемѣщенъ въ Дмитріевскій монастырь, созданный тѣмъ же княземъ въ Кіевѣ.

2. 1074 г. *Θеодосій*, первый начальникъ иноческихъ общежитій, избранный братіею и утвержденный преподобнымъ Антоніемъ, основатель новаго печерскаго монастыря.

3. 1074—1078 гг. *Стефанъ*, б. церковный деместикъ, по удаленіи изъ печерскаго монастыря создавшій себѣ монастырь на Кловѣ съ церковью во имя положенія ризы Божіей Матери во Влахернѣ. Скончался въ санѣ волынскаго епископа 1094 г.

4. 1078 г. *Никонъ*, двукратно удалявшійся въ Тмуторакань, но скончавшійся въ печерскомъ монастырѣ.

5. 1088—1103 гг. *Іоаннъ I*, при которомъ освящена великая лаврская церковь и перенесены мощи преподобнаго Θеодосія.

6. 1103—1112. *Θеоктистъ*, скончавшійся въ 1123 году въ санѣ черниговскаго епископа.

7. Съ 1113 г. *Прохоръ*, упоминаемый при вторичномъ перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба.

8. 1124—1131 гг. *Тимоѳей*, при которомъ окованъ гробъ преподобнаго Ѳеодосія серебромъ и золотомъ Георгія Симоновича.

9. 1132—1141 гг. *Пименъ* постникъ.

10. 1141—1156 гг. Ѳеодосій II.

11. 1156—1164 гг. Акиндинъ I.

12. 1165—1182 гг. Поликарпъ I-й, именуемый въ лѣтописяхъ игуменомъ и архимандритомъ.

13. 1182—1197. Василій, бывшій священникъ церкви на горѣ Щекавицѣ, избранный и умоленный братіею печерскаго монастыря быть ихъ игуменомъ, и посвященный въ сей санъ чрезъ 3 дня по постриженіи въ монашество.

14. 1198—1203 гг. Ѳеодосій III.

15. 1203—1232 гг. *Акиндинъ II*, называемый въ лѣтописяхъ игуменомъ и архимандритомъ, получившій изъ Владиміра отъ монаха Поликарпа 2-ю часть Патерика печерскаго и упоминаемый въ посланіи Симона, епископа суздальскаго, къ Поликарпу.

16. 1232—1238 гг. *Поликарпъ II*, преподобный, котораго не должно смѣшивать съ монахомъ Поликарпомъ, составителемъ житій святыхъ печерскихъ; жилъ при великомъ кіевскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ, любившемъ угощать его съ 12-ю старцами по субботамъ и недѣлямъ.

17. 1238—1249 гг. *Агапитъ I.*

18. 1249—1274 гг. *Серапіонъ*, произведенный въ 1274 г. въ санъ епископа владимірскаго и суздальскаго, *зѣло учителенъ и силенъ въ божественномъ писаніи.*

19. Съ 1274 г. *Агапитъ II*, бывшій въ 1289 году на погребеніи галицкаго князя Владиміра Васильковича.

20. *Досиѳей*, принесшій отъ св. горы чинъ, како пѣти 12 псалмовъ особь.

21. *Іоаннъ II.*

22. Азарія.

23. 1321 г. *Варсонофій*, при которомъ великій князь литовскій Гедиминъ овладѣлъ Кіевомъ.

Б. Архимандриты печерскіе:

24. 1377 г. *Давидъ*, убѣдившій Ольгерда принять христіанскую вѣру и схиму предъ кончиной.

25. Около 1396 г. *Аврамій*, во время котораго умеръ и погребенъ въ великой церкви, въ 1396 году, кіевскій князь Скиргелло Ольгердовичъ.

26. 1399 г. *Никита*, при которомъ ханъ Тимуръ-Кутлукъ взялъ окупъ съ печерскаго монастыря.

27. 1416—1434 г. *Никифоръ I*, при которомъ Эдигей въ 1416 г. разорилъ печерскій монастырь.

28. Св. Игнатій I, коего мощи почиваютъ въ пещерѣ дальней.

29. 1446—1463. *Николай*, при которомъ, по словамъ лѣтописца, въ Пасху слышенъ былъ въ пещерахъ отвѣтъ: «во истину воскресе».

30. *Макарій*, бывшій настоятелемъ два года.

31. 1470 г. *Іоаннъ II*, при которомъ Симеономъ Олельковичемъ возстановлена великая церковь.

32. *Іоасафъ I.*

33. 1482—1486 г. *Өеодосій Войниловичъ*, при которомъ Менгли-Гирей сжегъ печерскій монастырь.

34. 1494—1501 г. *Филаретъ*, упоминаемый 23 апр. 1494 и 25 авг. 1501 г.

35. Сильвестръ I.

36. 1508 г. Вассіанъ I Шишка, упоминаемый 26 ноября 1506 г. и 1508 г. [1]).

37. Вассіанъ II.

38. Іоаннъ III.

39. Григорій.

40. 1509. Іона, бывшій въ 1509 г. на Виленскомъ соборѣ.

41. Макарій II.

42. Варлаамъ II.

43. Никандръ.

44. Петръ.

45. 1514 г. Проклій I.

46. 1517, 1522, 1523 г. *Игнатій II*, уступившій свое мѣсто добровольно Антонію [2]), но какъ Антоній не держалъ общины въ печерскомъ монастырѣ, то Игнатій опять возвращенъ сюда въ 1525 г.

47. 1524, 1526, 1528 гг. *Антоній*, въ 1523 г. въ овручскомъ Богор. монастырѣ; въ 1526 г. возвращенъ въ печерскій монастырь королемъ [3]).

---

[1]) Акты зап. Россіи, т. II, № 46, стр. 57. [2]) Ibid., № 112. [3]) Ibid., № 126, 135, 154. Примѣч. 76. 83.

48. 1535 г. *Протасій II*, изъ Дорогобужскаго монастыря, исходатайствовавшій у Сигизмунда I-го привиллегію на волость Зебровичи и лично пожертвовавшій печерскому монастырю многія села и деревни въ вел. княжествѣ литовскомъ.

49. 1535 г. *Геннадій*, нареченный архимандритъ, [1]).

50. 1536 г. *Іоакимъ*, быв. игуменъ Выдубецкаго монастыря, которому Геннадій по болѣзни уступилъ мѣсто.

51. 1540—1541 гг. *Софроній*, въ 1540 г. исходатайствовавшій право посылать за данью въ Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскъ, удаленъ по обвиненію братіею въ расхищеніи монастырскаго имущества [2]).

52. 1541—1544 гг. *Вассіанъ* изъ минскихъ архимандритовъ, назначенный королемъ Сигизмундомъ по желанію митрополита Макарія, князей и пановъ [3]).

53. † 1550 г. *Іоакимъ II*, умершій въ 1550 г.

54. 1551 г. *Иларіонъ I*, при которомъ возстановлено общежитіе, вѣроятно братъ митрополита Макарія, названный въ королевской грамотѣ 1550 г. *Пацкомъ* [4]).

55. † 1554 г. *Іосифъ*, извѣстный процессомъ съ князьями Микитиничами, захватившими Тарасовское поле.

56. 1554, 1558, 1560, 1571 гг. *Иларіонъ II Писочинскій*, † 1572 г. [5]).

57. 1573 г. *Іона Деспотовичъ*, учинившій росписку въ полученіи денегъ отъ Яна Вутовича [6]).

58. 1573—1574 гг. *Геннадій*.

59. 1574—1593 гг. *Мелетій* Хребтовичъ-Богуринскій, изъ дому старожитнаго шляхетнаго, избранный братіею и утвержденный королемъ Генрихомъ въ 1574 г. и Стефаномъ Баторіемъ въ 1576 г., послѣ борьбы съ избраннымъ другою партіею изъ печерскихъ иноковъ Сильвестромъ іерусалимцемъ. Съ 1579 по 1588 г. титулярный епиккопъ владимірскій и брестскій по частному условію съ епископомъ владимірскимъ *Ѳеодосіемъ Лазовскимъ*, уступившимъ ему свою епископію до смерти, съ правомъ на доходы съ епископскихъ имѣній; числясь епископомъ и оставаясь печерскимъ архи-

[1]) Корол. привил. 8 февраля слуц. князю Юрію Семеновичу.
[2]) Акты зап. Россіи, т. II, № 204, 209, 216.
[3]) Ibid., № 209 и 216; т. III, № 1.
[4]) Ibid., т. III, № 52.
[5]) Арх. грекоуніат. митроп. № 610, 611, 149.
[6]) Акты южн. Рос.

мандритомъ, Мелетій управленіе епархіальными дѣлами поручилъ брату своему Семену Хребтовичу и пану Михаилу Дубницкому, зятю Ѳеодосія Лазовскаго [1]). При немъ въ 1592 году добыты изъ Константинополя копіи пресловутой грамоты Андрея Китая и ставропигіальной грамоты патріарха Максима 1481 г., поддѣланныя неискусно логофетомъ Іераксомъ, на основѣ которыхъ тѣмъ не менѣе кіево-печерская лавра защитила себя отъ подчиненія уніатскимъ митрополитамъ. Скончался 13 января 1593 года въ монастырскомъ имѣніи Городкѣ близъ г. Холма, за рѣкою Бугомъ. Заботливостью Мелетія, какъ епископа владимірскаго и брестскаго, учреждено въ г. Брестѣ, при Николаевской церкви, братство съ школой для обученія юношества, съ привиллегіями равными братствамъ виленскому и львовскому, утвержденное 11 окт. 1592 г. грамотою Сигизмунда III.

60. 1593—1598 гг. *Никифоръ II Туръ*; избранный братіею въ должность архимандрита, онъ не захотѣлъ принять посвященія въ этотъ санъ отъ склонявшагося въ унію митрополита Михаила Рогозы, не смотря на троекратное его требованіе; въ 1592 году онъ вмѣстѣ съ прочими представителями православія присутствовалъ на Брестскомъ Соборѣ, отлучившемъ отъ церкви измѣнниковъ православія. За непреклонность къ уніи подвергся анаѳемѣ отъ уніатскаго собора, Не смотря на это успѣшно велъ борьбу съ митрополитомъ Рогозою. не подчинился ему и не передалъ лавры въ его власть.

61. 1599—1624 гг. *Елисей Плетенецкій*, изъ бѣлыхъ священниковъ, съ 1595 г. архимандритъ лищинскаго монастыря въ пинскомъ повѣтѣ. Въ кіево-печерскіе архимандриты избранъ въ сентябрѣ 1594 года. Возобновивъ великую лаврскую церковь, предохранилъ ее отъ развалинъ; возстановилъ иноческое общежитіе при содѣйствіи вызваннаго имъ схимонаха *Іова Княгиницкаго*; завелъ типографію, устроилъ бумажную фабрику или папирню въ Радомыслѣ, собралъ ученое братство, вызвавши: Захарію *Копыстенскаго*, Памву *Берынду*, Стефана *Берынду*, Тарасія *Земку*, Лаврентія *Тустановскаго*, Іосифа *Кирилловича*, Гавріила *Дороѳеевича*, Филофея *Кизаревича*, Александра *Мигуру*, Тимофея *Вербицкаго*, Андрея *Николаевича* и Андрея *Наумовича*, образовалъ институтъ проповѣдниковъ, установилъ давать изъ монастырской хлѣбни каж-

[1]) Арх. юго-зап. Рос., т. I, № 19, 22, 23.

дому просящему хлѣбъ и вариво, а для старыхъ нищихъ построилъ особую кухню, въ которой ихъ кормили всегда, былъ, по словамъ его преемника Захаріи Копыстенскаго, *отцомъ не только для лавры, но и для всего народа россійскаго.*

62. 1624—1627 гг. *Захарія Копыстенскій*, мужъ ученый и бывшій сотрудникъ Елисея Плетенецкаго, избранъ братіею 20 ноября 1624 г. и утвержденъ въ званіи архимандрита королевскою грамотою 7 февраля 1625 года. Недолговременное его служеніе было продолженіемъ дѣятельности Елисея Плетенецкаго. Имъ переведено съ греческаго языка *толкованіе св. Андрея Критскаго на Апокалипсисъ*, изданъ *Акаѳистникъ* и написано сочиненіе, подъ названіемъ *Палинодія*, въ опровержені на уніатскую книгу *Оборона Уніи*—Кревзы. По словамъ современника, печерскаго монаха Кальнофойскаго, Захарія Копыстенскій былъ «набожнымъ, попечительнымъ, прилежнымъ пресвитеромъ, пастыремъ и богомольцемъ».— Скончался 8 апр. 1627 года.

63. 1627—1646 гг. *Петръ Могила* сынъ молдавскаго воеводы Симеона, учившійся въ львовскомъ братствѣ и въ заграничныхъ университетахъ, послѣ военной службы избранный въ архимандриты печерскаго монастыря, на 30 году жизни, въ декабрѣ 1627 г., въ 1629 г. титулованъ экзархомъ константинопольскаго патріарха. Онъ «значне благоукрасилъ великую церковь, *поновивъ оную внутрь и снаружи, возобновивъ и древнюю въ ней иконопись* чрезъ вызванныхъ изъ Греціи художниковъ; выкупилъ бывшіе въ закладѣ ея серебренные и золотые богослужебные сосуды и устроилъ новые, оправилъ пещеры, расширилъ и украсилъ пещерныя церкви, устроилъ новыя гробницы для св. мощей и сдѣлалъ къ нимъ надписи на деревѣ или на камнѣ, учредилъ надлежашій надзоръ при посѣщеніи пещеръ богомольцами, ввелъ запись чудеснымъ исцѣленіямъ, совершаемымъ у св. мощей. Въ 1629 г. Могила издалъ *Литургіаріонъ* или большой служебникъ съ объясненіями литургіи и наставленіями священно-служителямъ церкви, одобренный предварительно соборомъ іерарховъ кіевской митрополіи; прилагалъ заботу о благочиніи не только въ лаврѣ, но и въ церквахъ подвѣдомыхъ лаврѣ имѣній; во время сейма 1632 года избранъ въ кіевскіе митрополиты и посвященъ въ этотъ санъ въ г. Львовѣ 8 апрѣля 1633 г.; отобралъ отъ уніатовъ кіево-софійскій соборъ и выдубицкій мона-

стырь; въ санѣ митрополита сохранилъ званіе архимандрита печерскаго, подчинивъ себѣ и кіево-никольскій монастырь. Скончался въ лаврѣ 31 декабря 1647 г.

64. 1647—1655 гг.—*Іосифъ Тризна* избранъ братіею единогласно изъ настоятелей виленскаго Св. Духова монастыря 25 января 1647 года. Онъ происходилъ изъ дворянскаго рода, взросъ въ печерскомъ монастырѣ и съ юныхъ лѣтъ обученъ иноческимъ правиламъ и богословскимъ наукамъ. При немъ совершилось возсоединеніе Кіева съ Россіею въ 1654 году. Скончался въ 1655 г.

65. 1656—1683 гг.—*Иннокентій Гизель*, уроженецъ Пруссіи, въ малолѣтствѣ перешелъ изъ протестантства въ православіе, обучался въ кіевской академіи и за границей, былъ учителемъ и ректоромъ кіевской академіи и игуменомъ монастырей: дятловицкаго, кіево-братскаго, кирилловскаго и никольскаго; въ 1656 году избранъ и посвященъ въ архимандриты кіево-печерской лавры. Искренно стоялъ сколько за интересы московскаго государства, столько съ другой стороны и за прежнія права малороссійскаго духовенства, не желая подчиниться власти московскаго патріарха. Въ 1680 г. испросилъ подтвержденіе владѣній лавры и приписныхъ монастырей. Ему принадлежатъ сочиненія: *Синопсисъ* и *Миръ человѣка съ Богомъ*; онъ же издалъ *Печерскій Патерикъ*. Скончался 18 ноября 1683 г. При годичномъ поминовеніи св. Димитрій Ростовскій почтилъ его похвальнымъ словомъ.

66. 1684—1690 гг. *Варлаамъ Ясинскій*, бывшій съ 1659 г. ректоромъ кіевской Академіи, 1673—1678 г. игуменъ кіево-михайловскаго монастыря, 1677—1684 г. въ числѣ лаврскаго братства; изъ намѣстниковъ въ 1684 г. 3 іюня избранъ братіею во архимандриты печерскіе; въ 1690 г. избранъ въ кіевскіе митрополиты, скончался въ 1707 г., погребенъ въ великой лаврской церкви, подлѣ Иннокентія Гизеля. При немъ, въ 1688 г., кіево-печерская лавра подчинилась власти московскаго патріарха, съ сохраненіемъ независимости отъ кіевскаго епархіальнаго управленія.

67. 1690 г. *Мелетій II Вуяхевичъ*, бывшій войсковой судья; 16 ноября 1690 г., присутствуя въ качествѣ депутата отъ козачества и гетмана при выборѣ архимандрита кіево-печерской лавры, сверхъ ожиданія самъ былъ избранъ братіей въ должность архимандрита и провозглашенъ въ великой церкви въ этомъ званіи; за-

тѣмъ, по утвержденіи въ семъ званіи Петромъ I-мъ, постриженъ въ монахи и, по возведеніи въ санъ діакона и священника, посвященъ въ архимандриты 9-го декабря 1692 г. Скончался 6 февраля 1697 года.

68. 1697—1708 гг. *Іоасафъ Кроковскій*, лаврскій постриженецъ, съ 1693—1697 ректоръ кіевской академіи и игуменъ сперва братскаго, потомъ никольскаго монастырей; избранъ въ должность печерскаго архимандрита вольными голосами братіи и посвященъ въ сей санъ въ Москвѣ патріархомъ Адріаномъ 29 іюня 1697 года. При немъ вызолочены главы великой церви и сооружена каменная ограда вокругъ лавры, а въ 1706 года лавра окружена крѣпостнымъ валомъ. Въ 1708 году избранъ въ кіевскіе митрополиты и 15 августа 1708 г. хиротонисанъ.

69. 1709 г. *Иларіонъ II*, изъ намѣстниковъ лавры избранъ въ 1709 г. и въ присутствіи императора Петра I-го въ іюлѣ того-же года посвященъ въ архимандриты въ лаврской церкви митрополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ. Скончался чрезъ 9 недѣль по посвященіи.

70. 1710—1714 гг. *Аѳанасій Миславскій* изъ соборныхъ старцевъ лавры избранъ и въ томъ же году 20 іюля посвященъ въ Москвѣ, въ успенскомъ соборѣ, митрополитомъ Стефаномъ Яворскимъ. Скончался 1714 года.

71. 1715—1729 гг. *Іоанникій Сенютовичъ*, постриженецъ кіево-братскаго монастыря, бывшій архидіакономъ, намѣстникомъ софійскаго монастыря и наконецъ игуменомъ кіево-михайловскаго; въ 1715 году избранъ въ званіе печерскаго архимандрита и 24 іюля того же года посвященъ въ сей санъ въ Москвѣ, въ успенскомъ соборѣ, тверскимъ епископомъ Варлаамомъ. При немъ въ 1718 г. сгорѣла великая церковь со всѣми строеніями и имуществомъ, при немъ же она возобновлена и освящена. По замѣнѣ патріаршества св. синодомъ кіево-печерская лавра начала было именовать себя ставропигіею константинопольскаго патріарха, но синодальнымъ постановленіемъ въ февралѣ 1721 года ей это воспрещено, а предписано именоваться ставропигіей св. синода. Скончался 14 августа 1729 года.

72. 1720—1736 гг. *Романъ Копа* изъ купеческаго званія, уроженецъ малороссійскаго мѣстечка Погара, состоялъ намѣстникомъ лавры и въ 1729 году избранъ братіею въ лаврскіе архи-

мандриты, посвященъ въ сей санъ 12 іюня 1730 года въ Москвѣ во Всесвятской церкви измайловскаго дворца, въ присутствіи императрицы Анны Іоанновны, архіепископомъ нижегородскимъ Питиримомъ. При немъ основана въ 1731 году лаврская колокольня и отлитъ большой въ 1,000 пудовъ колоколъ. Скончался 13 сентября 1736 года.

73. 1737—1740 гг. *Иларіонъ Негребецкій*, родомъ изъ г. Перемышля, шляхетныхъ родителей; постриженъ въ печерской лаврѣ 1692 года, былъ типографомъ лаврскимъ, учителемъ богословія въ кіевской академіи, наконецъ игуменомъ приписнаго къ лаврѣ зміевскаго монастыря, избранъ братіею въ печерскіе архимандриты и 8 мая 1737 г. посвященъ въ сей санъ въ г. Петербургѣ, въ петропавловскомъ соборѣ Питиримомъ, архіепископомъ нижегородскимъ. Скончался 8 января 1740 года.

74. 1740—1747 гг. *Тимофей Щербацкій* родомъ изъ села Остріекъ, близъ мѣстечка Бѣлой церкви, сынъ козачій, обучался въ придворномъ хорѣ и въ кіевской академіи, былъ каѳедральнымъ писаремъ и игуменомъ лубенскаго, выдубицкаго и кіево-михайловскаго монастыря; въ 1740 г. избранъ и посвященъ въ печерскіе архимандриты, а въ 1747 г. 9 ноября назначенъ митрополитомъ кіевскимъ. По назначеніи на кіевскую митрополію, онъ вновь 4 февраля 1748 г. былъ избранъ лаврскою братіею въ печерскіе архимандриты, съ сохраненіемъ званія митрополита, по примѣру *Мелетія Хребтовича* (1570 —1591 г.); но это избраніе не утверждено.

75. 1748—1751 гг. *Іосифъ Оранскій* изъ архимандритовъ слуцкаго монастыря назначенъ печерскимъ архимандритомъ *безъ выборовъ*, по указу императрицы Елисаветы Петровны отъ 13 марта 1748 г.; по вызовѣ въ С. Петербургъ ему пожалована 29 октября лаврская мантія и панагія. Скончался 8 октября 1751 г.

76. 1752—1761 гг. *Лука Бѣлоусовичъ*, козачій сынъ, родомъ изъ г. Гадяча, постриженъ въ монашество 1733 г., былъ намѣстникомъ лавры, а 1752 году избранъ братіею въ печерскіе архимандриты и посвященъ въ сей санъ въ придворной петергофской церкви с. петербургскимъ архіепископомъ Сильвестромъ, въ присутствіи императрицы Елисаветы Петровны, 21 іюня 1752 года. Скончался 30 марта 1761 года. При немъ въ лаврскомъ имѣніи Василь-

ковѣ построена каменная церковь во имя проподобныхъ Антонія и Θеодосія печерскихъ, которая теперь служитъ соборною.

77. 1762—1786 гг. *Зосима Валкевичъ*, сынъ бунчуковаго товарища Стефана, родомъ изъ с. Понгусова близъ г. Стародуба, постриженъ въ монашество въ 1745 г., изъ начальниковъ Антоніевой пещеры въ 1761 года избранъ братіей, 1-го февраля 1762 года утвержденъ и 21-го мая того же года посвященъ въ С. Петербургѣ въ печерскіе архимандриты, куда былъ вызванъ съ пристойнымъ числомъ іеромонаховъ, іеродіаконовъ и ризницею. Онъ былъ послѣдній настоятель лавры, избранный вольными голосами братіи и послѣдній ея архимандритъ священническаго чина. Онъ много заботился о внѣшнемъ благолѣпіи лаврскихъ церквей. При немъ обложены серебромъ съ позолотой престолъ и жертвенникъ великой церкви, мѣдными позолоченными листами престолъ въ придѣлѣ архангела Михаила, престолъ въ Воздвиженской церкви ближнихъ пещеръ и въ Рождество-Богородичной церкви дальнихъ пещеръ, обложены серебромъ съ позолотою раки преподобнаго Θеодосія печерскаго, св. князя Владиміра и преподобнаго Антонія въ его пещерѣ; устроены новые иконостасы въ Воздвиженской церкви ближнихъ пещеръ и въ Зачатьевской дальнихъ пещеръ; вызолочены сквозь огонь 5 главъ великой церкви и глава на колокольнѣ; покрыты листовымъ желѣзомъ прочія главы и куполъ колокольни, глава и куполъ троицкой церкви на св. воротахъ, 4 главы на Воздвиженской церкви и ея колокольнѣ и три главы Рождество-Богородичной церкви; сдѣланы серебрянныя врата въ послѣднихъ 2-хъ церквяхъ и серебрянныя ризы на намѣстныя иконы Воздвиженской церкви; покрыта мѣдными листами кровля великой церкви при участіи митрополита Павла Тобольскаго. Зосима же покрылъ желѣзомъ церкви больничнаго монастыря—троицкую и николаевскую, больницу, типографію и большую часть братскихъ келлій; кромѣ того имъ сдѣлано много дорогой церковной утвари и облаченій.

III.

Архимандриты кіево-печерской лавры въ санѣ кіевскихъ митрополитовъ:

78. 1786—1796 гг. *Самуилъ Миславскій* въ 1783 г. назначенъ кіевскимъ митрополитомъ, а 10 апрѣля 1786 года повелѣно ему быть вмѣстѣ и архимандритомъ кіево-печерской лавры, съ пре-

доставленіемъ на его волю жить въ лаврѣ въ архимандричьихъ покояхъ или въ митрополичьемъ домѣ при софійскомъ соборѣ. Скончался 5 января 1796 года и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

79. 1796—1799 гг. *Іероѳей Малицкій* 1 апрѣля 1796 года изъ черниговскихъ епископовъ назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры; скончался 2 сентября 1799 года и погребенъ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

80. 1799—1803 гг. *Гавріилъ Банулеско*, родился въ Трансильваніи, изъ молдо-влахійскихъ митрополитовъ опредѣленъ въ екатеринославскую епархію, а въ 1799 году 29 сентября назначенъ кіевскимъ митрополитомъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры; 21 августа 1803 года уволенъ по прошенію на покой въ г. Одессу; съ 1813 года управлялъ кишиневскою епархіею и тамъ скончался 30 марта 1821 года.

81. 1803—1822 гг. *Серапіонъ Александровскій*, уроженецъ г. Александрова владимірской губерніи, изъ казанскихъ архіепископовъ 11 декабря 1803 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры; въ 1822 г. 24 января уволенъ на покой; скончался 14 сентября 1824 года и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

82. 1822—1837 гг. *Евгеній Болховитиновъ*, уроженецъ воронежской епархіи; изъ псковскихъ архіепископовъ 24 января 1822 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры. Скончался 23 февраля 1837 года и погребенъ въ кіево-софійскомъ соборѣ. Онъ ввелъ лучшій порядокъ во всѣхъ частяхъ лаврскаго управленія, далъ письменныя инструкціи всѣмъ начальствующимъ въ лаврѣ, увеличилъ ея капиталы, усовершенствовалъ типографію, библіотеку и ризницу, произвелъ ремонтъ великой церкви и колокольни, перезолотилъ главы на нихъ, перестроилъ и построилъ новыя нѣкоторыя зданія.

83. 1837—1857 гг. *Филаретъ Амфитеатровъ*, уроженецъ орловской губерніи, изъ ярославскихъ архіепископовъ 18 апрѣля 1837 г. назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры. Онъ первый сталъ жить въ лаврѣ и здѣсь скончался 21 декабря 1857 года. При немъ вновь расписаны стѣны великой церкви и вызолочены купола всѣхъ лаврскихъ церквей.

84. 1858—1860 гг. *Исидоръ Никольскій*, уроженецъ тульской губерніи, экзархъ Грузіи, митрополитъ карталинскій, 1 марта 1858 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерскія лавры, а 1 іюля 1860 года назначенъ митрополитомъ новгородскимъ и с.-петербургскимъ.

85. 1860—1876 гг. *Арсеній Москвинъ*, уроженецъ костромской губерніи, изъ варшавскихъ архіепископовъ 1 іюля 1860 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно - архимандритомъ кіево-печерскія лавры. Скончался 27 апрѣля 1876 года и погребенъ въ лаврѣ, при входѣ въ ближнія пещеры. При немъ поддѣланъ гранитный цоколь къ фундаментамъ великой церкви, положена гранитная дорожка отъ св. воротъ до великой церкви, получила лучшее устройство типографія чрезъ расширеніе ея помѣщенія надстройкой верхняго этажа съ устройствомъ подвальнаго, установлены скоропечатныя машины и машина паровая, заведена литографія и устроена словолитня, расширено также помѣщеніе гостинницы постройкой корпуса больничнаго съ церковью и пріобрѣтено покупкой псковское подворье въ г. Петербургѣ за 80 тысячь; построена кладбищная каменная церковь на Самбуркахъ, между китаевскою и голосѣевскою пустынями, и деревяная церковь во имя смоленской иконы Божіей Матери въ темномъ лугу.

86. 1876—1882 гг. *Филоѳей Успенскій*, уроженецъ ярославской губерніи, изъ тверскихъ архіепископовъ 5 мая 1876 года назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры. Скончался 29 января 1882 г. и погребенъ въ Крестовоздвиженской церкви ближнихъ пещеръ въ усыпальницѣ митрополита Филарета. При немъ построенъ 4-хъ этажный корпусъ на дворѣ гостинницы и двухъэтажный домъ противъ типографіи съ подвалами для ледниковъ.

87. *Платонъ Городецкій*, уроженецъ тверской епархіи, изъ херсонскихъ архіепископовъ 4-го февраля 1882 г. назначенъ митрополитомъ кіевскимъ и священно-архимандритомъ кіево-печерской лавры.

МАЗЕПА И ЕГО „ПРЕКРАСНАЯ ЕЛЕНА".

Лѣтописи и мемуары XVII и XVIII ст. неодинаково передаютъ объ одномъ приключеніи изъ времени молодости гетмана Мазепы, характеризующемъ его амурныя наклонности, не оставлявшія его и въ преклонныхъ лѣтахъ. Приключеніе это есть извѣстная любовная связь Мазепы съ женой одного пана, кончившаяся громкимъ на всю Польшу скандаломъ для влюбленныхъ. Разсказъ объ этомъ приключеніи пріобрѣлъ себѣ большую популярность, благодаря жестокости, позорности и оригинальности того наказанія, какое придумалъ оскорбленный мужъ для своего счастливаго соперника. Фактъ этотъ нерѣдко служилъ основой для многихъ поэтическихъ произведеній, въ томъ числѣ и поэмы Байрона «Мазепа». Ни одно историческое изслѣдованіе, касающееся личности Мазепы, не обходитъ этого факта; не малое также число беллетристическихъ всякаго рода сочиненій, не только въ текущемъ, но и въ прошломъ столѣтіи, какъ въ русской, такъ и въ польской литературѣ, съ большими или меньшими подробностями повторяютъ и разукрашиваютъ пикантный разсказъ о любовной интригѣ Мазепы.

Откуда же заимствованъ самый разсказъ, гдѣ его первоначальный источникъ и въ какой степени онъ вѣренъ исторически?

Основаніе этому разсказу положено двумя польскими мемуаристами: Яномъ-Хризостомомъ Паскомъ, сначала товарищемъ панцырной хоругви, а потомъ сеймовымъ посломъ, описавшимъ событія польской исторіи отъ 1656 до 1688 годовъ [1]), и Эразмомъ Отвиновскимъ, изложившимъ

[1]) Pamiętniki Iana Chryzostoma Paska... Вильно. 1854 г., стр. 123, 190, 193—194.

событія той-же исторіи съ 1696 по 1728 годъ [1]). Первый лично зналъ Мазепу въ молодости, столкнулся съ нимъ при дворѣ и былъ его личный врагъ, второй могъ писать лишь по слухамъ и преданіямъ, весьма впрочемъ близкимъ.

Разсказу о любовной интригѣ Мазепы, съ печальнымъ исходомъ, Пасекъ предпосылаетъ разсказъ о своей встрѣчѣ съ нимъ и ссорѣ. По его словамъ, вотъ какъ это было. Въ 1661 году Пасекъ проживалъ гдѣ-то близъ Варшавы, въ домѣ варшавскаго чашника Станиславскаго, а Мазепа состоялъ при королѣ пажемъ, исполняя различныя его порученія. Послѣдній заѣхалъ къ Станиславскому по пути изъ Варшавы въ Гродно, гдѣ находился тогда король. Получивши недавно дворянство, а еще болѣе гордясь, вѣроятно, тѣми порученіями, которыя возлагалъ на него король, Мазепа съ сознаніемъ собственнаго достоинства велъ тутъ бесѣду о политическихъ событіяхъ. Узнавъ изъ разговора съ Паскомъ, который состоялъ тогда въ коронномъ войскѣ, составившемъ конфедерацію противъ короля, о намѣреніи его ѣхать по служебнымъ дѣламъ къ своему ротмистру въ Бѣлоруссію, Мазепа заподозрилъ своего собесѣдника въ искренности и высказалъ подозрѣніе, что онъ ѣдетъ туда съ какими нибудь тайными намѣреніями, въ родѣ, напр., подговора имъ литовскаго войска къ отпаденію отъ короля. Произошла размолвка между бесѣдовавшими. Въ Гродно Мазепа высказалъ свои подозрѣнія королю. Паска арестовали и предали суду; предвидѣлся печальный исходъ его дѣла, который, если и былъ предотвращенъ, то благодаря лишь заступничеству кіевскаго бискупа Томаша Уейскаго. Стараніями послѣдняго Пасекъ не только былъ оправданъ, но получилъ отъ короля даже денежную награду, а Мазепа удаленъ будто-бы отъ двора. Спустя годъ между Паскомъ и Мазепой произошла новая встрѣча, и на этотъ разъ въ дворцѣ, предъ дверью короля. Пасекъ, по собственному его признанію, не могъ скрыть нанесеннаго ему раньше оскорбленія и будучи притомъ навеселѣ, обратился къ Мазепѣ съ привѣтствіемъ: «бью челомъ пану асаулу»! низводя этимъ своего противника изъ придворныхъ довѣренныхъ короля на низшую служебную ступень

---

[1]) Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II, roku 1696—1728 opisał współczesny Erazm Otwinowski. Krakow. 1849. стр. 169.

въ козачествѣ.—Бью челомъ пану капралу!—отвѣтилъ Мазепа, въ свою очередь напоминая Паску о томъ, какъ держали его подъ карауломъ нѣмцы-капралы въ Гроднѣ. Пасекъ ударилъ Мазепу въ лице. Они схватились было за оружіе, но были остановлены присутствующими. Упомянутый уже бискупъ, защитникъ Паска, совѣтовалъ ему бѣжать, такъ какъ за обнаженіе оружія въ королевскомъ дворцѣ или въ присутствіи королевской особы виновные подвергались строгимъ наказаніямъ. Пасекъ рѣшился ожидать своей участи и не ошибся въ разсчетѣ на благополучный исходъ. Король снизошелъ къ молодости виновныхъ и оставилъ ихъ безъ наказанія, принявъ прямо сторону Паска. Посрамленный Мазепа, всѣми презираемый, съ болью въ душѣ, по словамъ Паска, долженъ былъ оставить дворъ. Мемуаристъ разсказываетъ затѣмъ о любовной интригѣ своего соперника, окончившейся новымъ и гораздо большимъ для него позоромъ. По его словамъ, Мазепа уѣхалъ со стыда на Волынь, а тамъ у него было имѣніе по сосѣдству съ имѣніемъ пана Фальбовскаго или Фалибовскаго (Хвалибозскаго). У послѣдняго была молодая и красивая жена. Мазепа влюбился въ сосѣдку, переписывался съ ней и въ отсутствіе мужа являлся къ ней на свиданіе. Вскорѣ прислуга сообщила своему господину о поведеніи его жены. Фальбовскій рѣшился обнаружить обманъ и подъ предлогомъ далекой поѣздки, хотя и выѣхалъ изъ дому, но остановился на пути, поджидая соперника. Вслѣдъ за нимъ отправлялся и слуга отъ Фальбовской, которая извѣщала Мазепу объ отсутствіи мужа и приглашала его скорѣе пріѣхать къ ней. Фальбовскій задержалъ посланца, прочелъ письмо и приказалъ немедленно вручить его по адресу. Мазепа не заставилъ себя долго ждать и вслѣдъ за своимъ отвѣтомъ пани Фальбовской отправлялся къ ней и самъ. Каково же было его удивленіе, когда дорогу ему перерѣзалъ панъ Фальбовскій; для Мазепы отступленіе было невозможно; враги встрѣтились и привѣтствовали другъ друга, какъ добрые знакомые.

— Куда ѣдете, ваша милость? спрашивалъ панъ Фальбовскій.

Мазепа назвалъ какое-то иное мѣсто.

— Ко мнѣ прошу заѣхать, сказалъ Фальбовскій.

Мазепа отговаривался тѣмъ, что ему надо спѣшить въ названное имъ мѣсто и при этомъ замѣтилъ: «да и вы, пане, также куда-то ѣдете».

Тутъ панъ Фальбовскій не выдержалъ, хватаетъ Мазепу за шиворотъ, показываетъ ему записку своей жены и говоритъ: «а это что»?—Мазепа сталъ ни живъ ни мертвъ. Онъ увѣрялъ, что ѣдетъ къ нему въ домъ въ его отсутствіе въ первый рахъ.—Хлопъ! спросилъ Фальбовскій слугу, который передъ тѣмъ возилъ къ Мазепѣ записку, сколько разъ этотъ господинъ бывалъ въ моемъ домѣ безъ меня?—Слуга отвѣтилъ: столько разъ, сколько у меня волосъ на головѣ.—Фальбовскій сказалъ Мазепѣ: «выбирай себѣ родъ смерти». Мазепа просилъ не убивать его и во всемъ признался. Фальбовскій приказалъ ему раздѣться до-нага, посадилъ его на его собственнаго коня безъ сѣдла, оборотивши лицемъ къ хвосту, а затылкомъ къ головѣ, приказалъ связать ему руки назадъ, а ноги подвязать веревками подъ брюхо лошади, потомъ велѣлъ коня, горячаго по натурѣ, напугать крикомъ и ударами плети, да въ добавокъ произвести у него надъ самими ушами нѣсколько выстрѣловъ. Испуганный конь понесся во всю прыть домой по узкой тропинкѣ, которая шла зарослями посреди шиповника, дикихъ грушъ и терновыхъ кустовъ. Даже и тотъ, кто держалъ поводья въ рукахъ, идучи по этой тропинкѣ, долженъ былъ безпрестанно нагибаться и уклоняться отъ колючихъ растеній, иначе вѣтка могла задѣть его по головѣ или разодрать платье; каково же было, говоритъ мемуаристъ, голому, посаженному задомъ къ конской головѣ, сидѣть на конѣ, когда тотъ отъ испугу и боли летѣлъ, что есть духу! ...... Мазепу, когда онъ выѣхалъ изъ дому, провожало двое или трое служителей; но панъ Фальбовскій не пустилъ ихъ съ господиномъ, чтобы они не могли спасти его. Конь донесъ Мазепу до воротъ его двора еле живаго. Мазепа кричитъ, зоветъ сторожа; сторожъ, услышавши голосъ хозяина, отворилъ-было ворота, но какъ увидалъ на конѣ страшилище, тотчасъ затворился и спрятался. Мазепа зоветъ дворню: дворня выглядываетъ изъ-за дверей и только крестится. Мазепа увѣряетъ людей, что онъ ихъ господинъ, но они ему не вѣрятъ; съ большимъ трудомъ могъ онъ объясниться съ ними, пока его впустили во дворъ прозябшаго и исколотаго до крови.

Между тѣмъ Фальбовскій, расправившись съ Мазепой, возвратился домой и постучалъ въ окно такъ, какъ это долженъ былъ сдѣлать Мазепа. Онъ нашелъ открытыя двери и встрѣтилъ распростертыя

объятія своей жены; ошибка пани Фальбовской тотчасъ открылась, но что произошло послѣ этого, авторъ не находитъ удобнымъ вносить въ свои мемуары изъ скромности, замѣчая однакоже, что рейтарскіе шпоры, укрѣпленные гдѣ-то около колѣнъ, дали себя почувствовать несчастной пани.

Второй, заслуживающій большаго или меньшаго довѣрія, мемуаристъ Отвиновскій говоритъ, что печальный фактъ этотъ происходилъ въ белзскомъ воеводствѣ, что конь принесъ Мазепу въ мѣстечко, гдѣ была тогда ярмарка; обмазанный смолой и обсыпанный пухомъ, Мазепа былъ принятъ за діавола; священники осѣняли его крестнымъ знаменіемъ, пока конь, скача черезъ возы, не порвалъ веревокъ, которыми былъ привязанъ страшный наѣздникъ и не освободилъ его отъ этой жаркой бани.

Прочіе лѣтописцы, передающіе разсказанный нами эпизодъ, еще болѣе расходятся въ своихъ показаніяхъ относительно мелочныхъ подробностей и второстепенныхъ обстоятельствъ: одни называютъ мѣстомъ дѣйствія Польшу и считаютъ этотъ именно фактъ причиной удаленія Мазепы отъ двора; другіе разсказываютъ, что Мазепа былъ привязанъ къ лошадиному хвосту и только по непонятной случайности остался живъ; еще иные говорятъ, что конь принесъ Мазепу прямо въ Запорожье, гдѣ будущій гетманъ былъ освобожденъ и принятъ въ число козаковъ.

Если разсматривать передаваемый такимъ образомъ фактъ лишь по существу и въ сопоставленіи съ извѣстными данными о личности Мазепы и духѣ того вѣка, то онъ представляется вполнѣ возможнымъ и естественнымъ; но если обратиться къ частностямъ разсказа и приложить къ нимъ самыя обыкновенныя правила исторической критики, фактъ теряетъ всякую достовѣрность. Мазепа былъ молодъ, красивъ, уменъ, образованъ, ловокъ, краснорѣчивъ, въ добавокъ пользовался близостію ко двору, довѣріемъ и расположеніемъ короля; ничего по этому нѣтъ ненатуральнаго въ томъ, что онъ пользовался большимъ успѣхомъ среди дамскаго общества, равно и въ томъ, что одна изъ его любовныхъ интригъ кончилась неудачею и позоромъ; самое наказаніе, придуманное для него, вполнѣ гармонируетъ съ духомъ и привычками того времени. Но кто затѣмъ передаетъ разсказъ о постигшемъ Мазепу позорѣ?—Его личный врагъ, жившій за тысячи верстъ отъ указываемаго имъ мѣста

происшествія. Очевидно, онъ слышалъ разсказъ изъ третьихъ, пожалуй десятыхъ устъ и не имѣлъ побужденій отнестись къ нему безпристрастно, а скорѣе самъ былъ расположенъ прибавить что либо отъ себя къ большему позору своего противника. Если за тѣмъ онъ глухо указываетъ мѣсто происшествія на Волыни, а другіе въ Польшѣ и Галиціи, не обозначая не только деревни, но даже предмета страсти Мазепы и имени обманутаго мужа; то разсказъ приближается къ области вымысла и сплетни, особенно въ виду уснащающихъ его фантастическихъ подробностей. Между тѣмъ этотъ разсказъ въ свое время былъ можно сказать ходячимъ и уже одна его распространенность свидѣтельствуетъ о томъ, что въ основѣ его лежалъ дѣйствительный случай, когда-то и гдѣ-то бывшій съ Мазепой. Гдѣ же искать свѣдѣній о немъ?

Намъ кажется, что этотъ случай открытъ теперь нами въ одномъ отрывочномъ документѣ актовыхъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, въ книгѣ владиміро-волынскаго суда № 1054, въ дѣлѣ № 753. Сложный судебный процессъ производился въ 70-хъ годахъ XVII ст. въ варшавской римско-католической консисторіи, а предварительно, быть можетъ, и въ какой либо другой судебной инстанціи, со стороны владимірскаго земскаго судьи Яна Загоровскаго противъ его жены Елены, урожденной Ковалевской, по поводу ея невѣрности и многократнаго ея и ея родственниковъ покушенія убить или путемъ чаръ извести Загоровскаго со свѣта. Процессъ не былъ еще оконченъ и въ 1674 году: окончательнаго развода Загоровскій не добился, но жена его признана была сепараткой и жила отдѣльно отъ мужа. Послѣдній попросилъ экстрактъ изъ дѣла, производившагося въ варшавской консисторіи, и внесъ оный въ книги владимірскаго суда, вѣроятно для начатія новаго иска о правахъ имущественныхъ. Но изъ всего экстракта сохранилось лишь одно показаніе, вѣроятно дополнительно снятое съ главной по видимому свидѣтельницы, пани Щепановской, повторяющей показанія другихъ свидѣтелей. При раскрытіи невѣрности Елены Загоровской, въ числѣ ея любовниковъ, выступаетъ на сцену и Мазепа, при чемъ въ свидѣтельскихъ показаніяхъ разсказывается вся его любовная интрига съ Еленой Загоровской, окончившаяся полной неудачей для влюбленныхъ. Время дачи этого показанія неизвѣстно, а выписано оно изъ консисторскихъ книгъ 11 февраля 1675 г.

Родъ Загоровскихъ принадлежитъ къ числу старинныхъ южнорусскихъ дворянскихъ родовъ на Волыни. Резиденціею его было богатое и огромное село Загоровъ, лежащее теперь во владиміроволынскомъ уѣздѣ къ югу отъ мѣстечка Локачей. Здѣсь Загоровскій (Петръ Богдановичъ) основалъ въ началѣ XVII ст. столь извѣстный своей преданностью православію Загоровскій монастырь, существующій и доселѣ. Роду Загоровскихъ принадлежало на Волыни немалое число и другихъ селъ. При большомъ богатствѣ семья пользовалась и знатностью: нѣкоторые изъ членовъ этого рода исполняли важныя государственныя обязанности, являясь, напр., въ качествѣ королевскихъ пословъ при иноземныхъ дворахъ, или занимая выдающіяся должности въ своемъ воеводствѣ. Обезпеченныя прекрасно въ матеріальномъ отношеніи, нѣкоторые изъ нихъ испытывали однако же невзгоды въ семейной жизни. Надъ Загоровскими точно тяготѣлъ какой-то злой рокъ. Особенно извѣстенъ своими семейными неудачами Василій Загоровскій, брацлавскій каштелянъ и городничій владимірскій, послѣ развода съ первою своею женою, княжною Марушею Збаражской, женившійся вторично и брошенный также и второю женою, княжною Екатериною Черторійскою. Янъ Загоровскій происходилъ, кажется, отъ другой вѣтви рода Загоровскихъ и, по «Гербовнику» Нѣсецкаго [1]), былъ внукомъ неизвѣстнаго ему по имени инфлянтскаго каштеляна отъ сына его Романа. Во всякомъ случаѣ именно въ то время, о которомъ у насъ рѣчь, т. е. въ началѣ второй половины XVII ст., этотъ Янъ Загоровскій значится занимающимъ должность владимірскаго земскаго судьи. По словамъ Нѣсецкаго, онъ имѣлъ женой Софью Корчминскую, вдову Гембарта: но изъ судебнаго процесса, отрывокъ котораго у насъ въ рукахъ, видно, что у него была еще другая жена, Елена Ковалевская и хотя мы не имѣемъ основанія утверждать, Корчминская или Ковалевская была первой, но, принимая во вниманіе возрастъ Загоровскаго и его видное общественное положеніе, можемъ догадываться, что онъ женился на Ковалевской послѣ смерти, а быть можетъ и развода съ Софіей Корчминской. Ковалевская

---

[1]) Herbarz Polski ks. Kaspra Nicsieckiego. Т. X, стр. 24 и 25; Русская Старина. 1880 г. ноябрь, стр. 568. Ст. О. Левицкаго „Семейныя отношенія въ юго-западной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ“..

происходила также изъ довольно состоятельной дворянской семьи, первоначально, по всей вѣроятности, русской, какъ и другіе, волынскіе дворянскіе роды. Вѣтвь этой многочисленной семьи, къ которой принадлежала Елена, жена Загоровскаго, жила сначала въ кіевскомъ воеводствѣ, а потомъ переселилась на Волынь въ городъ Киселинъ. Изъ поселившихся здѣсь Ковалевскихъ найболѣе извѣстенъ Станиславъ, ловчій кіевскій, являющійся въ 1670 году посломъ на сеймѣ и коммиссаромъ, выбраннымъ для заключенія мира съ Москвой. Принимая во вниманіе годы и положеніе Станислава Ковалевскаго, его пребываніе въ Киселинѣ и возрастъ жены Загоровскаго, мы имѣемъ основаніе предполагать, что именно онъ былъ отцемъ Елены [1]).

Обращаясь теперь къ совмѣстной семейной жизни Яна Загоровскаго и Елены Ковалевской, мы не можемъ сказать, какъ долго продолжалось семейное ихъ счастіе и кто первый его нарушилъ. Елена была молода и прекрасна, а мужъ, по ея собственному мѣткому выраженію, «мурмула», нѣчто въ родѣ стараго хрыча и ворчуна. Естественно, что къ ней льнули молодые и ловкіе люди, а быть можетъ и сама она искала ихъ. У Елены явилось нѣсколько поклонниковъ, но одновременно ли, или одинъ за другимъ и въ какомъ порядкѣ, изъ свидѣтельскихъ показаній не видно. Ухаживалъ за нею нѣкто Убышъ, но посѣщалъ ее тайкомъ и даже фамилію мѣнялъ, называясь не Убышемъ, а Кемскимъ. Послалъ онъ ей перстень въ письмѣ; но посылка перехвачена и Загоровскій подарилъ перстень своему слугѣ Роману, вѣроятно, въ награду за открытіе тайны жены. Ухаживалъ немалое время и белзскій воевода Димитрій Вишневецкій, братъ извѣстнаго Іеремiи и, судя по подаркамъ, не безъ успѣха: одной приживалкѣ Елены онъ подарилъ 10 червонныхъ злотыхъ и три нитки жемчуга, другой 4 червонныхъ злотыхъ; самъ подстароста Загоровскаго былъ на сторонѣ ухаживавшаго и помогалъ ему въ веденіи любовной интриги. Но болѣе близкою была связь Елены съ Мазепой. Послѣдній, по словамъ свидѣтельницы, живя на Волыни, часто бывалъ въ домѣ Загоровскаго, танцовалъ съ его женой и гулялъ съ нею по саду; но по началу «злого» ничего между ними замѣтно не было. Эти пріятныя свиданія и невинныя развлеченія скоро смѣнились тѣмъ, что Загоровская съ Мазепой стали

[1]) K. Nicsiecki, т. V, стр. 333.

избѣгать посторонних лицъ и свидѣтелей изъ прислуги и часто уходили въ лѣсъ. Что происходило подъ сѣнію деревъ, объ этомъ могла знать лишь сопутствовавшая влюбленнымъ въ ихъ прогулкахъ одна изъ приживалокъ пани Елены, Щепановская, на обязанности которой лежало, конечно, при свиданіяхъ Мазепы съ Загоровской, предупреждать о нескромномъ любопытствѣ посторонних и опасности со стороны мужа. Въ награду, вѣроятно, за точное исполненіе порученнаго ей дѣла, а еще болѣе за молчаніе о томъ, что ей приходилось видѣть въ лѣсу, Мазепа подарилъ пани Щепановской аксамитную соболевую шапку и нѣсколько червонныхъ злотыхъ; съ своей стороны и Загоровская выразила благодарность пани Щепановской, одѣвъ ее въ собственную аксамитную сукню. Въ подаркахъ также, только болѣе дорогихъ, Мазепа выражалъ и свою привязанность къ пани Загоровской; онъ преподнесъ ей, по словамъ свидѣтельницы, слѣдующія вещи: серебрянный, вызолоченный сосудъ съ бальзамомъ, алмазный перстень и нѣсколько турецкихъ платковъ. Скоро однако чувство, связывавшее Мазепу съ Загоровской, дошло въ своемъ развитіи до крайнихъ предѣловъ. Будущій етманъ не просто увлекался красивой внѣшней наружностью пани Загоровской, но полюбилъ ее настолько искреино и горячо, что сталъ смотрѣть на мужа любимой женщины, на самаго Загоровскаго, какъ на препятствіе къ счастію, препятствіе, которое онъ хотѣлъ удалить со своего пути, во чтобы то ни стало. И вотъ Мазепа пишетъ письмо къ пани Загоровской, убѣждаетъ ее, чтобы она подъ какимъ-нибудь предлогомъ выѣхала съ мужемъ изъ Загорова въ село Реушки, прибавляя, что если она уговоритъ его согласиться на эту поѣздку, то онъ, Мазепа, устроитъ на пути между названными селами засаду и убьетъ ненавистнаго имъ обоимъ пана Яна. Но этотъ коварный замыселъ влюбленныхъ не удался; челядникъ, которому Мазепа поручилъ доставить письмо пани Загоровской въ собственныя руки, былъ пойманъ вмѣстѣ съ нимъ слугами обманываемаго мужа. Намѣренія Мазепы были такимъ образомъ обнаружены, романъ его долженъ былъ такъ или иначе окончиться; но окончился ли онъ такъ, какъ разсказываетъ Пасекъ, или какъ передаетъ Отвиновскій, т. е. что Мазепа былъ больно высѣченъ Загоровскимъ, остается неизвѣстнымъ. Мужъ «мурмула» врядъ ли

былъ способенъ на такую оригинальную и требующую большой изобрѣтательности месть, какую находимъ въ разсказѣ у Паска; но во всякомъ случаѣ месть Загоровсааго, по привычкамъ и нравамъ того времени, могла выразиться въ какомъ-либо дикомъ насиліи его надъ Мазепой.

Что связь Мазепы съ Еленою и его попытка лишить жизни ея мужа закончилась чѣмъ-то особеннымъ, на это указываетъ и послѣдующая жизнь несчастныхъ супруговъ. Оскорбленный мужъ бросаетъ свою жену, уѣзжаетъ подъ предлогомъ службы во Владиміръ и остается тамъ, не обнаруживая желанія возвратиться когда-либо въ Загоровъ. Жена почувствовала невыгоду своего положенія и въ первое время по разлукѣ старается возвратить къ себѣ любовь мужа, и съ этою цѣлью окружаетъ себя всякаго рода знахарками и ворожеями. Онѣ испробовали всѣ извѣстныя въ такихъ случаяхъ приворотныя чары и средства, причемъ дочери помогала мать, то присылавшая ей совѣты, то разыскивавшая знахарокъ, то приготовлявшая сама различныя снадобья. Когда же попытка Загоровской помириться съ мужемъ и возвратить себѣ его любовь не удалась, она ищетъ его смерти. Все искусство ворожеекъ направлено теперь лишь на то, чтобы причинить какое-либо зло здоровью или жизни «нелюба». Чары этого рода достигли нѣсколько своего назначенія, и Загоровскій не на шутку заболѣлъ отъ нихъ. Болѣзнь застигла его во Львовѣ, гдѣ тотчасъ же на сцену являются доктора, цырульники и особенно «экзерцисты», самое же горячее участіе въ немъ принялъ его пріятель князь Станиславъ Массальскій; данныя имъ противоядія оказались найболѣе полезными. Семья Ковалевскихъ по чести сначала просила князя Массальскаго оставить леченіе и не мѣшать ей губить Загоровскаго; когда же не помогли просьбы, то Ковалевскіе стали грозить, что убьютъ Массальскаго. Однако, по отношенію къ нему, они такъ и огранничились одними угрозами, но противъ Загоровскаго снаряжали не разъ цѣлые отряды убійцъ; съ этою цѣлью былъ подсылаемъ, напримѣръ, жолнеръ Третьякъ съ пятью сообщниками; какому-то пану Сурину Загоровская давала сто червонныхъ за то, чтобы онъ застрѣлилъ ея мужа, а пану Трипольскому, вѣроятно Михаилу, кіевскому писарю, старая Ковалевская, въ видѣ награды за тоже, предлагала даже свою руку и сердце. Послѣднюю попытку свести со свѣта «нелюба» пани

Загоровская дѣлала при посредствѣ кобринскаго старосты Зеніевича; онъ подсылалъ во Владиміръ чародѣя - литвина, но тотъ не засталъ уже тамъ Загоровскаго, который тѣмъ временемъ успѣлъ выѣхать для начатія иска въ Люблинъ. Тутъ Загоровскій сталъ усиленно хлопотать о разводѣ съ женой, выставляя побудительной причиной къ этому ея невѣрность и чародѣйство. Къ допросу вызваны были всѣ слуги и приживалки, которыя содѣйствовали женѣ Загоровскиго то въ ея любовныхъ похожденіяхъ, то въ ея попыткахъ вызвать чарами любовь въ мужѣ, то наконецъ въ намѣреніи отравить и вообще погубить мужа. Нѣкоторые изъ свидѣтелей при первоначальныхъ допросахъ избѣгали говорить что-либо во вредъ пани Загоровской или изъ страха мести, или же изъ-за надежды на награду. Но ни запугиванія, ни подкупъ не помогли ей въ этомъ случаѣ; она поняла, что для нея все потеряно по отношенію къ Загоровскому и потому, забравъ лучшія и богатѣйшія одежды, уѣхала изъ Загорова къ матери въ Киселинъ, сказавъ на прощанье провожавшимъ ее приживалкамъ: «теперь уже не скоро, или никогда здѣсь не буду»! Разведенная съ мужемъ, Загоровская стала называться съ этихъ поръ, какъ и прежде, по фамиліи отца, Ковалевской и возвратясь подъ родительскій кровъ, продолжала жить по прежнему и расточала ласки то тому, то другому изъ своихъ поклонниковъ,

Сравнивая теперь сказанія современниковъ съ данными оффиціальнаго документа о связи Мазепы съ Загоровской, мы находимъ между ними одну только общую черту—отнесеніе мѣста дѣйствія на Волынь; но находящійся у насъ документъ частнѣе опредѣляетъ это мѣсто, указывая повѣтъ владимірскій и въ немъ села Загоровъ и Реушки. Какъ однако Мазепа могъ попасть на Волынь? По словамъ Паска, у него на Волыни было небольшое имѣніе. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли было у Мазепы какое-либо имѣніе именно во владимірскомъ повѣтѣ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что имѣніе было у кого-нибудь изъ его родственниковъ, а родственниками его были Янъ Войнаровскій, владимірскій гродскій подстароста, женатый на родной сестрѣ Мазепы и, быть можетъ, дворянинъ Адамъ Мазепа, неосѣдлый шляхтичъ, который могъ имѣть на Волыни или какое-либо арендуемое село или частную службу. У Яна Войнаровскаго или Адама Мазепы могъ гостить Иванъ Мазепа во время своихъ поѣздокъ на Украйну къ козацкимъ гетманамъ и тогда же войти

въ интимное знакомство съ Еленой Загоровской. Если Отвиновскій переноситъ мѣсто дѣйствія въ белзское воеводство, то это не больше, какъ далекій отголосокъ искаженнаго имъ факта о связи белзскаго воеводы съ женщиной, которую раньше любилъ Мазепа.

Переходя затѣмъ къ опредѣленію времени связи Мазепы съ Загоровскою, мы не находимъ для этого точныхъ данныхъ ни у мемуаристовъ, ни въ найденномъ нами документѣ. Послѣдній представляетъ выписку изъ дѣла производившагося раньше, самая же выписка относится къ 11-му февраля 1675 года. Изъ выписки явствуетъ, что и въ 1674 году разводъ супруговъ Загоровскихъ еще не былъ совершенъ, а онъ стоялъ въ связи съ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, направленныхъ женою Загоровскаго и его роднею противъ жизни Загоровскаго. Такой сложный процессъ, помимо входившихъ въ него дѣйствій, требовавшихъ много времени, долженъ былъ пройти нѣсколько судебныхъ инстанцій, въ которыхъ дѣлались допросы и передопросы свидѣтелей, всѣ же эти обстоятельства для своего совершенія требовали столь продолжительнаго времени, что даже приблизительно опредѣлить онаго невозможно. Намъ кажется, что продолжительность этого промежутка не будетъ стоять въ противорѣчіи съ тѣми несомнѣнными хронологическими данными, которыя мы имѣемъ относительно времени оставленія Мазепою службы при королѣ и нахожденія его въ Украйнѣ, а слѣд. и въ сосѣдней Волыни. По свидѣтельству Паска, вполнѣ заслуживающему въ этомъ случаѣ довѣрія, его врагъ оставилъ Польшу въ 1662 году; изъ одного современнаго документа [1]) мы узнаемъ, что Мазепа, отправленный королемъ съ какимъ то порученіемъ къ гетману Павлу Тетерѣ, находился у послѣдняго въ Чигиринѣ во второй половинѣ февраля 1663 года; за тѣмъ въ концѣ того же года, а именно въ ноябрѣ, по свидѣтельству Самуила Величка, когда «король, маршируючи подъ Глуховъ, былъ въ Бѣлой-Церкви, тогда онъ, Мазепа, отклонившеся за службу королевѣ, зосталъ при отцу своему, еще въ живыхъ бывшему» [2]), а отецъ его жилъ тутъ же подъ бокомъ, въ селѣ Мазепинцахъ. Гдѣ же провелъ Мазепа лѣто 1663 года и почему онъ оставляетъ службу къ концу этого года? Гдѣ бы ни

---

[1]) Памятн. Кіев. Ком., т. IV, стр. 269—272.

[2]) Тамъ-же, т. II, стр. 342.

былъ въ это время Мазепа, но службу онъ оставилъ конечно не вслѣдствіе ссоры съ Паскомъ и полученной будто бы отъ него пощечины, ибо иначе ему не могло быть дано почетное порученіе отъ короля къ гетману. Очевидно съ другой стороны, что между исполненіемъ Мазепою королевскаго порученія въ февралѣ 1663 года и оставленіемъ придворной службы въ ноябрѣ того же года, онъ все время отъ весны до осени находился гдѣ-то, но не при королѣ и не при гетманѣ, т. е. не въ Польшѣ и не въ Украйнѣ, и что съ нимъ въ это время случилось нѣчто такое, что побудило его выѣхать на встрѣчу королю и просить отставки отъ почетной службы при немъ, сулившей ему блестящую карьеру. Гдѣ же былъ въ это время Мазепа и что случилось съ нимъ?—Намъ кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что именно лѣтомъ 1663 года Мазепа былъ на Волыни, навѣщая сестру свою и зятя, и познакомившись здѣсь гдѣ нибудь съ Еленою Загоровскою, продѣлалъ съ нею ту любовную траги-комедію, о которой такъ много говорили и писали въ то время и долго спустя. Въ нашемъ документѣ, при изложеніи амурныхъ похожденій Мазепы съ Загоровскою, не упоминаются его слуги, кромѣ одного посланца, ни его имѣніе или дворъ; по всему видно, что онъ былъ тутъ гостемъ. Относительно времени документъ также ясно указываетъ на лѣтнюю пору; Мазепа съ Загоровскою совершаютъ свои романическія прогулки въ лѣсъ. Лѣтнихъ мѣсяцевъ совершенно достаточно для того, чтобы развиться любви Мазепы къ Загоровской до той степени, что онъ задумалъ убійство ея мужа; лѣтняя наконецъ пора болѣе всякаго другаго времени располагаетъ къ любовнымъ сближеніямъ. Необходимо однако допустить, что любовная связь Мазепы съ Еленой Загоровской закончилась если и не такъ скандально, какъ передалъ его личный врагъ Пасекъ, а за нимъ повторяли и другіе, то во всякомъ случаѣ болѣе или менѣе постыдно для Мазепы и что это именно обстоятельство побудило его отказаться отъ выгодной и почетной службы при особѣ короля. Къ этому времени относится неизданная доселѣ жалованная грамота короля Яна Казиміра Мазепѣ на земли по рѣкѣ Роси, на родинѣ послѣдняго. Ясно, что не король удалилъ Мазепу, но Мазепа добровольно оставилъ службу, а для этого, при молодомъ возрастѣ Мазепы (ему было тогда не болѣе 34 лѣтъ), требовалась особая побудительная причина, какое нибудь об-

стоятельство чести, какимъ и была по всей вѣроятности скандально кончившаяся любовная исторія съ Загоровской. За такой поступокъ не могъ конечно преслѣдовать его король, котораго собственная жизнь полна была любовныхъ приключеній. Гоноръ шляхетскій требовалъ отъ Мазепы послѣ такого казуса сойти на время со сцены и стушеваться въ частной жизни; король же, если и думалъ, что «быль молодцу не укоръ», то во всякомъ случаѣ не могъ противиться желанію Мазепы, а за вѣрную его службу одарилъ его при семъ случаѣ землями.

Относя время любовной связи Мазепы съ Загоровскою къ 1663 г., мы допускаемъ между нею и разводомъ Загоровской промежутокъ 10—12 лѣтъ; но такой промежутокъ не можетъ казаться слишкомъ продолжительнымъ, если мы допустимъ, что любовь Елены къ Мазепѣ была первою, что за тѣмъ слѣдовали романы ея съ Убышемъ и даже съ Вишневецкимъ, а быть можетъ и еще съ кѣмъ либо неизвѣстнымъ, что послѣ этихъ исторій не одинъ годъ длился въ семейномъ разладѣ, кончившемся переселеніемъ Яна Загоровскаго во Владиміръ, не одинъ годъ прошелъ въ колебаніяхъ его жены, а потомъ цѣлые годы пошли то на «привороть» Загоровскою къ себѣ мужа, то на отравленіе или убійство онаго, то на разводный процессъ, долженствовавшій въ такомъ сложномъ видѣ пройти нѣсколько судебныхъ инстанцій.

Какъ бы впрочемъ ни было, мы позволяемъ себѣ думать, что намъ удалось въ найденномъ нами документѣ напасть на слѣдъ той дѣйствительной любовной исторіи Мазепы, о которой съ такими фантастическими прикрасами передавали современники и которую расписывали потомъ на всѣ лады поэты и беллетристы разныхъ временъ и народовъ. Время и мѣсто этой завлекательной драмы по возможности нами опредѣлено, равно указано, гдѣ можно искать дальнѣйшаго и обстоятельнаго ея разъясненія, и если какой либо любитель исторіи вообще и въ частности Мазепы наведетъ справку въ книгахъ люблинскаго трибунала, хранящихся въ Главномъ Архивѣ Царства Польскаго въ Варшавѣ, то мы будемъ читать подлинную исторію любовной связи Мазепы безъ всякихъ прикрасъ.

И. Каманинъ.

„КІЕВСКІЙ СТОЛЪ" РАЗРЯДНАГО ПРИКАЗА.

Московскій архивъ министерства юстиціи довольно богатъ документами по исторіи Малороссіи. Главная масса ихъ заключается въ дѣлахъ *малороссійскаго приказа* (XVII—XVIII вв.), достаточно обслѣдованныхъ Н. И. Костомаровымъ, Г. Ѳ. Карповымъ и др., преимущественно для изданій археографической комиссіи. Второе мѣсто по количеству матеріаловъ занимаютъ *разрядный приказъ* (XVII в.) и *сенатъ* (XVIII в.). Нѣкоторые матеріалы по исторіи Малороссіи XVII в. очутились въ такомъ отдѣлѣ архива, гдѣ ихъ совсѣмъ нельзя было ожидать, именно въ *сибирскомъ приказѣ*... Они попали сюда совершенно случайно, вѣроятно по недосмотру особаго «Комитета», занимавшагося въ 1835 г. сортировкою документовъ архива министерства юстиціи. Кромѣ трехъ главныхъ группъ, матеріалы для исторіи Малороссіи встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и въ другихъ отдѣлахъ архива, напр. въ дѣлахъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ (XVIII—XIX вв.) и проч.

Всѣ три отдѣла, за исключеніемъ малороссійскаго приказа, очень мало извѣстны историкамъ Малороссіи. Къ числу указанныхъ отдѣловъ принадлежитъ и такъ называемый «Кіевскій столъ» разряднаго приказа, въ составъ котораго входятъ 56 книгъ, 7 столбцовъ и 1 связка, относящіеся къ 1666—1706 гг. Отрывочныя замѣчанія объ этомъ отдѣлѣ находимъ у проф. Н. П. Загоскина[1]) и Д. И. Багалѣя[2]). Затѣмъ нѣкоторые отрывки изъ документовъ кіевскаго стола напечатаны въ моемъ «Обозрѣніи *ист. геогр. матеріаловъ XVII и нач. XVIII вв...*[3])». Но сюда вошли только мате-

---

1) „Столы разрядн. приказа" (Казань, 1879), стр. 37—38.

2) „Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степныхъ окраинъ моск госуд." с. X.

3) „Опис. докум. Моск. Арх. Мин. Юст.", т. IV.

ріалы, касающіеся географіи XVII в., а всѣ остальные документы оставлены безъ вниманія. А такъ какъ и послѣдніе представляютъ значительный интересъ, то въ настоящей статьѣ я постараюсь дать понятіе о содержаніи всѣхъ вообще дакументовъ «кіевскаго стола».

I.

Изъ 9 «столовъ» разряднаго приказа, дѣла которыхъ хранятся въ моск. архивѣ мин. юстиціи, дѣла кіевскаго стола занимаютъ послѣднее мѣсто по количеству документовъ, а по содержанію во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ дѣлъ другихъ столовъ. Вообще этотъ столъ стоитъ такъ одиноко среди остальныхъ, что невольно возникаетъ вопросъ о правильности отнесенія его къ отдѣламъ разряднаго приказа. Надъ этимъ вопросомъ задумывался и г. Загоскинъ въ вышеупомянутой брошюрѣ «Столы разряднаго приказа», гдѣ онъ говоритъ, что относительно кіевскаго стола «большія затрудненія представляетъ опредѣленіе характера и района территоріальнаго вѣдомства его» и что «особенно *трудно опредѣлить отношенія его къ малороссійскому приказу*». «Долженъ сознаться, говоритъ онъ далѣе, что я не могъ прійти въ этомъ отношеніи ни къ какому опредѣленному результату. Можно было-бы думать, что въ этомъ столѣ вѣдался Кіевъ и нѣкоторые другіе города въ какомъ либо одномъ отношеніи. Но разсмотрѣніе книгъ его опровергаетъ это предположеніе.... Не теряясь далѣе въ догадкахъ и гипотезахъ, позволяю себѣ лишь выставить слѣдующее предположеніе: не обусловливалось ли выдѣленіе административнаго вѣданія *г. Кіева и окрестныхъ городовъ* въ спеціальное завѣдываніе разряда, изъ общаго вѣданія малороссійскаго приказа, въ силу нежеланія распространять на эти города тѣ весьма обширныя административныя льготы, которыя предоставлены были южнымъ малороссійскимъ городамъ?» (с. 37).

Мнѣ кажется, что это предположеніе г. Загоскина нельзя принять уже по тому одному, что самъ же онъ говоритъ раньше о трудности опредѣлить «районъ территоріальнаго вѣдомства» кіевскаго стола. Въ самомъ дѣлѣ, если неизвѣстны въ точности предѣлы подчиненной столу области, если кромѣ окрестныхъ кіевскихъ городовъ встрѣчаемъ здѣсь и города очень удаленные отъ Кіева (какъ города харьковскаго и ахтырскаго полковъ), если наконецъ

находимъ тутъ дѣла и такихъ городовъ, которые никогда не принадлежали къ области Малороссіи (Новгородъ и др.), то какъ же можно говорить о тѣхъ или другихъ правахъ такой неопредѣленной области?

Весь вопросъ о положеніи кіевскаго стола среди другихъ столовъ разряднаго приказа и о его отношеніяхъ къ малороссійскому приказу объясняется гораздо проще, чѣмъ думаетъ г. Загоскинъ. Фактъ причисленія кіевскаго стола къ разряду слѣдуетъ объяснить такою же случайностію, по какой нѣкоторые матеріалы малороссійской исторіи очутились, какъ замѣчено выше, среди дѣлъ сибирскаго приказа. Вообще, всѣ отдѣлы разряднаго приказа значительно перепутаны и въ каждомъ изъ нихъ можно найти не мало документовъ, относящихся къ другимъ отдѣламъ приказа и даже къ другимъ учрежденіямъ [1]). Ту же путаницу встрѣчаемъ въ частности и въ кіевскомъ столѣ, гдѣ напримѣръ *книга № 56* оказывается «книгою записною *новгородскаго стола*». Съ другой стороны несомнѣнные документы кіевскаго стола очутились въ другихъ отдѣлахъ разряднаго приказа, именно въ *бѣлогородскомъ* столѣ [2]), «*смотрѣнныхъ спискахъ*» [3]), *московскомъ* столѣ [4]), «*разрядныхъ вязкахъ*» [5]), а также въ *сибирскомъ* приказѣ (см. ниже).

Мнѣ неизвѣстны мотивы, по которымъ документы кіевскаго стола отнесены «Комитетомъ 1835 г.» къ дѣламъ разряднаго приказа, но самые документы стола ясно говорятъ о своей принадлежности именно малороссійскому приказу, т. е., что «кіевскій столъ» былъ отдѣломъ малороссійскаго приказа, но отнюдь не разряда. Основываюсь въ этомъ выводѣ на слѣдующихъ данныхъ:

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ нѣкоторыхъ книгахъ кіевскаго стола, въ заголовкахъ, составленныхъ по видимому въ XVIII в. (а быть можетъ и въ XVII в.), встрѣчаемъ вмѣсто «столъ» терминъ «*повытье*» [1]). Вѣроятно по этому и «Комитетъ 1835 г.» употребилъ во многихъ случаяхъ (на переплетахъ книгъ и пр.) послѣдній терминъ, т. е. такой терминъ, какимъ никогда не

---

[1]) Подробности объ этомъ крупномъ недостаткѣ въ сортировкѣ дѣлъ Разряднаго приказа см. въ „Обозрѣніи ист.-геогр. матер. XVII в...“, стр. 164—166.

[2]) *Ibid.*, 165. [3]) *Ibid.*, 179. [4]) *Ibid.*, 349. [5]) *Ibid.*, 352.

[1]) Наприм. въ заголовкѣ *книги № 5* (л. 1) читаемъ: „Описаніе столовъ *кіевскаго повытья*, съ 190 по 200 годъ и 200 году“.

назывались отдѣленія разряднаго приказа: какъ здѣсь, такъ и въ другихъ московскихъ приказахъ XVII в. всегда встрѣчаемъ «столы», какъ названія административныхъ отдѣленій приказовъ, но никогда «повытья». Послѣдній терминъ сталъ входить въ употребленіе въ московскихъ, а затѣмъ и петербургскихъ, центральныхъ учрежденіяхъ только съ XVIII в. Относительно же малороссійскаго приказа, за отсутствіемъ въ литературѣ всякихъ свѣдѣній о его организаціи, не могу сказать, было ли и тамъ подобное дѣленіе на «столы», или же они назывались здѣсь «повытьями.» Послѣднее вѣроятнѣе, судя по вышеупомянутымъ заголовкамъ. Любопытенъ въ этомъ отношеніи особенно одинъ заголовокъ, гдѣ «кіевское повытье» прямо названо отдѣленіемъ малороссійскаго приказа; въ заголовкѣ *кн. № 37* читаемъ: «*Приказу Малыя Россіи*» выписки о дачѣ жалованья начальнымъ людемъ, 702 году, *Кіевскаго повытья*». Названіе же «столъ» мнѣ не приходилось встрѣчать въ документахъ кіевскаго стола [1]).

Разсматривая самые документы, входящіе теперь въ составъ кіевскаго стола, невольно замѣчаешь, что почти всѣ они составлены въ вѣдомствѣ, подчиненномъ малороссійскому приказу. Такъ, кн. № 1, «переписная книга» жителей малороссійскихъ городовъ, 174 г., составлена стольникомъ Д. Т. Измайловымъ «по государеву.... указу и *по наказу изъ приказу Малыя Россіи*, за приписью дьяка Ивана Михайлова....» (л. 1). Въ дальнѣйшемъ изложеніи предисловія этой книги точно также встрѣчаемся съ разными распоряженіями малороссійскаго приказа, а разрядный приказъ вовсе не упоминается. Далѣе: всѣ воеводскіе «росписные списки» и «смѣтныя книги» *Кіева*, составляющіе главное содержаніе книгъ кіевскаго стола, написаны «по наказу» не разряда, а именно малороссійскаго приказа. Такъ, «росписной списокъ» 192 г. о пріемѣ г. Кіева бояриномъ и воеводою Ѳед. Петр. Шереметевымъ съ товарищи у боярина и воеводы Алексѣя Петровича Салтыкова составленъ «по грамотѣ и съ приказу Малыя Россіи, за приписью

---

[1]) Проф. *Загоскинъ* говоритъ („Столы Разр. прик.", стр. 37—31), что „въ первой книгѣ кіевскаго стола *подвѣдомственными послѣднему* исчисляются" нѣкоторые города. Но въ предисловіи къ кн. № 1 говорвтся (л.л. 1—3) о подчиненіи указываемыхъ городовъ вообще Приказу Малой Россіи, а о кіевскомъ столѣ нѣтъ ни одного упоминанія.

дьяка Вас. Бобынина...» [1]). Предисловіе этой книги говоритъ и о другихъ воеводскихъ книгахъ, посланныхъ въ малороссійскій приказъ изъ кіевской приказной избы и о разныхъ грамотахъ изъ этого приказа въ избу (см. лл. 6, 15, 127 и др.). Другія воеводскія книги также свидѣтельствуютъ о прямомъ подчиненіи кіевскихъ воеводъ малороссійскому приказу [2]). «Описная книга кіевскаго ограниченія», 194 г.,—одинъ изъ выдающихся документовъ кіевскаго стола, также составлена по распоряженіямъ Приказа Малой Россіи [3]). Наконецъ въ мелкихъ производствахъ кіевскаго стола (сношенія съ Москвою, внутреннія по воеводству распоряженія и пр.) постоянно наталкиваемся на документы, свидѣтельствующіе о подчиненіи кіевскаго стола именно малороссійскому приказу, а не разряду [4]). Если же здѣсь мы встрѣчаемъ и документы, вышедшіе изъ разряднаго приказа, или направлявшіеся туда изъ кіевской приказной избы, то это потому, что разрядъ имѣлъ въ то время всеобъемлющее значеніе, такъ какъ ему принадлежало завѣдываніе обширнымъ ратнымъ дѣломъ на всемъ пространствѣ московскаго государства. Въ ратномъ дѣлѣ онъ имѣлъ близкое отношеніе и къ области малороссійскаго приказа; спеціальное же завѣдываніе Кіевомъ лежало на послѣднемъ приказѣ со дня его учрежденія [5]).

II.

Перехожу къ содержанію документовъ кіевскаго стола, большинство которыхъ относится къ исторіи Кіева въ концѣ XVII в. Преобладающее количество ихъ заставляетъ полагать, что именно городъ Кіевъ съ его окрестностями былъ главнымъ, если не единственнымъ городомъ, подчиненнымъ кіевскому столу. Причисленіе къ столу документовъ такихъ городовъ, которые лежали вдали отъ Кіева (какъ города харьковскаго и ахтырскаго полковъ) можетъ быть объяснено простою случайностію и недосмотромъ лицъ, сортировавшихъ дѣла архива юстиціи какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прошломъ столѣтіи.

---

[1]) Кіев. столъ, кн. № 51, л. 2.

[2]) См. напр., „росписной списокъ“ 195 г., также „смѣтн. книгу“ 189 г. и „росп. списокъ“ 190 г.

[3]) См. „Обозрѣніе ист. геогр. мат.“, стр. 317—318.

[4]) См., напр., кн. № 37, лл. 225, 295 и др.

[5]) См. *Неволина* „Полн. собр. сочин.“, т. VI, стр. 178.

Не смотря на обиліе этихъ документовъ по исторіи Кіева, они почти не тронуты изслѣдователями... Такъ Н. Закревскій для своего «Описанія Кіева» вовсе не пользовался матеріалами разряднаго архива! Источниками для него служили почти исключительно печатные матеріалы его времени. Въ «Послѣсловіи» онъ сознается, что масса матеріаловъ по исторіи Кіева лежитъ нетронутою «въ архивахъ монастырей, магистрата и др. присутственныхъ мѣстъ» [1]). Очевидно, авторъ разумѣлъ здѣсь мѣстные, кіевскіе архивы, но о московскихъ архивахъ повидимому не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, хотя работалъ надъ своимъ изданіемъ главнымъ образомъ въ Москвѣ... Между тѣмъ одни документы кіевскаго стола заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны историковъ Кіева.

Первое мѣсто между ними занимаютъ воеводскія «смѣтныя книги» и «росписные списки», т. е ежегодные отчеты кіевскихъ воеводъ малороссійскому приказу и отчеты при сдачѣ города новымъ воеводамъ—о состояніи укрѣпленій Кіева, о количествѣ ратныхъ людей, воинскихъ запасовъ, оружія и проч. Эти документы интересны главнымъ образомъ для изученія военна о положенія города, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляютъ цѣнный матеріалъ и для топографіи города, для исторіи его управленія и вообще для характеристики кіевской жизни въ концѣ XVII в.

Эти кіевскія воеводскія книги отчасти уже извѣстны исторической литературѣ: доселѣ напечатано *пять* болѣе или менѣе обширныхъ *отрывковъ* изъ этихъ книгъ, взятыхъ впрочемъ не изъ кіевскаго стола московскаго архива министерства юстиціи, но изъ другихъ архивовъ. Это слѣдующіе отрывки: «роспись Кіеву» 1661 г. [2]), «росписной списокъ» Кіева и «роспись меньшого и большого городу Кіеву» 1677 г. [3]), «росписной списокъ города Кіева», того же года [4]), «роспись Кіеву», 1682 г. [5]) и «роспись Кіеву» 1684 г. [6]).

---

[1]) „Описаніе Кіева“ (изд. 2-е, 1868 г.), т. II, стр. 928.

[2]) Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева и его окрестн.“, отд. III, № 54, стр. 87–88. (Роспись“ перепечатана изъ „Ак. южн. и зап. Рос.“).

[3]) „Дополн. къ Акт. Ист.“, т. VII, № 28, стр. 163—171 (изъ документовъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

[4]) „Чтенія моск. общ. ист. и др.“, 1884 г., кн. II.

[5]) „Сборн. матер. для ист. топогр. Кіева“, отд. III, № 59, стр. 96—103, (перепечатано изъ „Чтеній моск. общ. ист. и др.“, 1858 г.. кн. II).

[6]) „Описаніе Кіева“, *Н. Закревскаго*, т. II, 900—908 (напечатано съ рукописи библіотеки моск. общ. ист. и др., доставленной *О. М. Бодянскимъ*).

Изъ воеводскихъ же книгъ кіевскаго стола напечатаны въ вышеупомянутомъ «Обозрѣніи ист.-географ. матер. XVII в.» *отрывки изъ 4 книгъ*, именно: 6 отрывковъ изъ «смѣтной книги» 1681 г., 2 отрывка изъ «росписнаго списка» 1682 г., 2 отрывка изъ «росписнаго списка» 1685 г. и 7 отрывковъ изъ «смѣтной книги» 1687 г. [1]).

Такимъ образомъ, благодаря этимъ отрывкамъ, въ литературѣ существуетъ надлежащее понятіе о кіевскихъ воеводскихъ книгахъ, а потому считаю излишнимъ приводить здѣсь новые отрывки изъ нихъ. Но такъ какъ ни одна изъ воеводскихъ книгъ кіевскаго стола не напечатана цѣликомъ, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчаются и такія статьи, какихъ нѣтъ въ вышеуказанныхъ отрывкахъ, то нельзя не пожелать, чтобы эти книги были изданы (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ) въ полномъ видѣ.

Въ кіевскомъ столѣ сохранилось *29 воеводскихъ книгъ*, за 1681, 1682, 1684—7, 1689—91, 1693—8, 1700, 1704 и 1707 гг. [2]). Для нѣкоторыхъ годовъ имѣется по 2 и по 3 книги, т. е. какъ «росписные списки», такъ и «смѣтныя книги» [3]).

Къ воеводскимъ книгамъ весьма приближаются такъ называвшіеся въ то время «*щетные списки*», составлявшіеся не воеводами, а *дьяками* кіевской приказной избы. Они отличаются отъ воеводскихъ «смѣтныхъ книгъ» отсутствіемъ описаній укрѣпленій и особенно подробнымъ изложеніемъ описи денежной казны (отчего они и назывались щетными»). Почти всѣ остальныя статьи воеводскихъ книгъ одинаково излагаются и въ «щетныхъ спискахъ», напр. описи запасовъ кружечнаго двора, аптекарскихъ, воинскихъ, мосто-

---

[1]) *Обозрѣніе*, стр. 202. 203, 238—9, 347—9, 351 и 442—3; 183 и 187; 218 и 349; 187, 200—1, 202, 209—10, 349, 373 и 394.

[2]) Кромѣ того, „смѣтная книга“ того же 1707 г. хранится въ *бѣлогородскомъ столѣ*, кн. № 188, стр. 556 и слѣд.

[3]) Приведу перечень воеводскихъ книгъ Кіева по годамъ и №№ кіевскаго стола: книга 7189 г. (№ 3), кн. 190 г. (№ 48), 192 г. (№№ 49 и 51), 193 г. (№№ 7, 9, 52), 194 г. (№ 11), 195 г. (№№ 12, 13, 55), 197 г. (№ 16), 198 г. (№ 17), 199 г. (№ 2о), 201 г. (№№ 24, 25), 202 г. (№ 26). 203 г. (№№ 28, 50), 204 г. (№ 29), 205 г. (№ 53), 206 г. (№№ 31, 32), 208 г. (№№ 33, 35), 1700 г. (№ 54), 1704 г. (№ 43), 1707 г. (№№ 22, 47).

выхъ, струговыхъ и проч. [1]). Этихъ книгъ сохранилось очень немного [2]).

III.

Второе мѣсто среди документовъ кіевскаго стола занимаютъ по своей важности *переписныя книги городовъ и селъ* конца XVII в. Самая цѣнная изъ нихъ, «описная книга кіевскаго ограниченія», 1686 г., представляющая богатый матеріалъ для исторіи и географіи кіевскаго уѣзда того времени, достаточно обслѣдована въ «Обозрѣніи истор.-геогр. матеріаловъ» [3]), а потому не стану останавливаться здѣсь надъ нею. Оставляю также безъ вниманія *грамоты* и другіе *крѣпостные акты* кіевскихъ монастырей (собраніе которыхъ составляетъ приложеніе къ «Описной книгѣ»), такъ какъ свѣдѣнія объ нихъ уже даны «Кіевской Стариной» [4]). Опускаю наконецъ и «книгу описную» городовъ харьковскаго и ахтырскаго полковъ 1691 г., потому что и объ ней достаточно сказано въ «Обозрѣніи» [5]).

Остановлюсь подробнѣе на неизвѣстной доселѣ «переписной книгѣ» жителей малороссійскихъ городовъ 1666 г. (кн. № 1-й), заключающей интересныя и богатыя данныя для статистики городовъ нынѣшней полтавской и черниговской губерній [6]). Книга была составлена «по наказу изъ приказу Малыя Россіи» стольникомъ Александромъ Тимофеевичемъ *Измайловымъ*, которому велѣно было ѣхать для переписи населенія въ города: Переяславль, Воронковъ, Барышполе, Барышевку, Гелмязинъ, Песчаной, Кропивну, Домонтовъ, Ирклѣевъ, Буровлю (ниже называется Буромля), Оршицу (ниже—Оржица), Золотоношу, Нѣжинъ, Борзну, Носовку, Кабызжу, Казаръ (на р. Острѣ), Олшевку, Дѣвицу, Березну, Сиволожь (ниже—

[1]) См. Обозрѣніе", стр. 220.

[2]) Таковы книги №№ 6, 8, 14 и др.

[3]) См. стр. 316—320 и XXX приложеніе.

[4]) См. мою статью „Къ вопросу о началѣ кіевской академіи" („Кіевская Старина", 1886 г., мартъ, стр. 485—488).

[5]) См. стр. 232—233 и XIV приложеніе.

[6]) Срав. эту книгу съ „переписными книгами" малороссійскихъ городовъ 1654 г., напечатанными въ X т. „Акт. юж. и зап. Рос.", № 5 и приложеніе къ № 5.

Всиволожь), Володковичи и Иванъ-Городище. Населеніе этихъ городовъ съ ихъ уѣздами и было описано стольникомъ Измайловымъ, но переписи 3-хъ городовъ, именно Домонтова, Дѣвицы и Володковичь, нѣтъ въ кн. № 1.

Цѣль переписи населенія и способы самой переписи обстоятельно объяснены въ предисловіи книги: «наказъ малороссійскаго приказа» предписывалъ стольнику А. Т. Измайлову, по пріѣздѣ въ вышеупомянутые города, «сказать тѣхъ городовъ жителемъ: войтомъ, и бурмистромъ, и райцомъ, и лавникомъ, и всякимъ жилецкимъ, и промышленнымъ, и ремесленнымъ людемъ и поселяномъ, что великій государь, по своему государскому милосердому осмотрѣнію, а по челобитью боярина и гетмана войска запорожского Ивана Мартыновича Брюховецкого, и всего войска запорожскаго, и войтовъ, и бурмистровъ и всякихъ чиновъ малороссійскихъ жителей, указалъ въ своей государской *искони-вѣчной отчинѣ*, въ малороссійскихъ *городѣхъ* и въ *мѣстехъ* и въ *мѣстечкахъ*, переписать всякихъ чиновъ *жилецкихъ*, *промышленныхъ* и *тяглыхъ* людей, и въ селехъ и въ деревняхъ *крестьянъ* и *бобылей* по имяномъ, и *вѣдать ихъ* своимъ царскаго величества *бояромъ* и *воеводамъ* и приказнымъ людемъ, и *отъ старшины* и отъ всякихъ чиновъ и отъ казаковъ *оберегати*, а налогъ и обидъ имъ никому чинить не давать, и *поборовъ на старшину* и на всякихъ чиновъ начальныхъ людей и на казаковъ никакихъ *не збирать*. А обыкновенную должность (sic)—*хлѣбные* и *денежные поборы* указалъ великій государь на нихъ *положить* для своихъ великаго государя ратныхъ людей, которые нынѣ и впредь будутъ въ малороссійскихъ городахъ для обороны, а положить тѣ хлѣбные и денежные поборы указалъ великій государь *противъ ихъ же челобитья*, малороссійскихъ городовъ жителей: войтовъ, и бурмистровъ, и райцовъ, и лавниковъ, и всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, противъ росписи, какову они подали въ приказъ Малыя Россіи, чтобъ малороссійскимъ жителемъ *въ мочь было, а не въ тягость*, а великаго государя ратнымъ людемъ было-бъ чѣмъ *сытнымъ быть*»... (л.л. 1—2).

Войты, бурмистры, лавники и «лутчіе люди» должны были сами обложить себя «по своимъ пожиткомъ, и по промысломъ, и по торгомъ, и по пашнямъ, и по угодьямъ, *въ правду*».... Для этого велѣно въ городахъ и другихъ пунктахъ переписать дворы «жилец-

кихъ тяглыхъ людей», а въ нихъ «людей прожиточныхъ и середнихъ и молодчихъ», а въ селахъ и деревняхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы, также раздѣляя ихъ на 3 «статьи: первую, середнюю и меньшую». Велѣно также переписать принадлежащія къ городамъ и пр. «рѣки, озера, рыбныя ловли, бобровые гоны, звѣриные стойла, бортевыя угодья, пасѣки, мельницы, рудни и о сколькихъ колесахъ которая мельница и рудня, и иные всякіе заводы, кто имяны какими угодьи владѣютъ, и сколькими волами или коньми пашню кто пашетъ, и своими-ль, или чюжими...», наконецъ переписать перевозы и ярмонки въ городахъ: на какихъ рѣкахъ существуютъ первые и въ какіе дни бываютъ торги на послѣднихъ. Составивши переписную книгу «за своею рукою и за окладчиковыми руками», Измайловъ долженъ былъ доставить ее въ малороссійскій приказъ (л.л. 2—3).

Во главѣ стоитъ перепись г. *Переяславля* и его уѣзда. Прежде всего перечислены выборные люди, присутствовавшіе «на окладѣ», произведенномъ стольникомъ Измайловымъ. Это были: войтъ Иванъ Степановъ, бурмистръ Өедоръ Кукличь и 8 райцовъ и лавниковъ (л. 4).

Далѣе указаны размѣры 3 окладовъ, взимавшихся съ переяславскихъ мѣщанъ по статьямъ, именно: мѣщане первой статьи обложены были «по рублю, средней по полтинѣ, меньшой статьи по полуполтинѣ зъ дыму на годъ, а которые мѣщане изъ тѣхъ же статей пашню пашутъ волами и лошадьми, и тѣ положены, противъ указной статьи, съ плуга съ 8 воловъ денегъ по рублю, да хлѣба по полумѣркѣ на годъ ржи и овса пополамъ, а въ мѣркѣ по 8 осмачекъ, а съ лошадей въ пашнѣ денегъ и хлѣба противъ вола вдвое, а у которого воловъ и лошадей въ пашнѣ больши или меньши, и съ тѣхъ воловъ и лошадей денегъ и хлѣба по росчету» (л. 4).

Приведу начало самой переписи, въ которой перечисляются дворы, приводятся имена дворохозяевъ, указываются ихъ занятія, количество скота и проч., именно:

«Переясловскіе мѣщаня *первой статьи*, которые положены по рублю зъ дыму: Иванъ Степановъ сынъ, войтъ переяславской, пашетъ пашню плугомъ на 8 волахъ; Өедоръ Кукличь, бурмистръ, Андрей Арбу..., крамарь, Игнатій Михѣенокъ, а у него въ Переяславлѣ на

р. Трубежѣ мельница, а въ ней 3 камени, да ступа, а тѣ камени и ступы держитъ межигорского монастыря съ чернцами пополамъ, Григорій Семеновъ, пашню пашетъ на 6 волахъ, Семенъ Левковъ Волконосъ пашетъ пашню на 3 волахъ, Юрій Ивановъ, бурмистръ, держитъ медъ и пиво, Кирилъ Савоновъ, бурмистръ, торговой человѣкъ, Я. М. Томара, греченинъ, купецъ и крамарь, Б. Михѣевъ, торговой человѣкъ, Яковъ Александровъ, крамарь, пашетъ пашню на 3 волахъ», и т. д.

Далѣе идетъ подобный перечень еще 55 дворовъ, изъ нихъ: 14 дворовыхъ людей, 12 прасоловъ, 5 держатъ мельницы, 3 крамаря, 2 кушнюра, 2 калачника, 2 котляра, 2 шевца, 2 держатъ медъ и пиво, 1 только пиво, 1 ризанокъ, 1 мясникъ, 1 коваль, 1 гончаръ, 1 шапочникъ, 1 кравецъ и 4 человѣка безъ указанія на занятія. Нѣкоторые ихъ этихъ ремесленниковъ занимались и землею.—Всего въ 1 статьѣ было 66 дворохозяевъ.

Мѣщанъ «середней статьи» (л. 7) было въ Переяславлѣ *84 двора*, изъ нихъ: 19 прасоловъ, 10 пашутъ пашню, 6 мясниковъ, 6 кушнюровъ, 4 торговыхъ людей, 4 масленника, 2 торговки (вдовы съ 2 сыновьями), 2 рыбалки, 2 котляра, 2 кравца, 1 держитъ шинкъ, 1 держитъ медъ и пиво, 1 только медъ, 1 коваль, 1 чеботарь, 1 швецъ, 1 цырульникъ и 1 музычникъ—Лукьянъ Степановъ (инструментъ его не названъ); 20 человѣкъ безъ указанія занятій.

Мѣщанъ «меньшей статьи» (л. 9 об.) 124 двора, изъ нихъ: 12 швецовъ, 9 ковалей, 8 кушнюровъ, 7 пашутъ землю, 5 прасоловъ и проч., 48 человѣкъ безъ указанія занятій. Интересно указаніе на 2-хъ музычниковъ—Марка Михайлова и Ивана Захарьенка (послѣдній—скрыпка).

Всего въ Переяславлѣ мѣщанъ было 274 человѣка (изъ нихъ 24 ч. пашутъ землю на 61 волѣ и 2 коняхъ), съ которыхъ велѣно собрать 147 руб., 4 алтына, 1 денгу и $32\frac{1}{2}$ осмачки ржи и овса пополамъ. Эти оброки они обѣщали внести на срокъ къ 14 ноября 175 г. Рыбныхъ ловель и другихъ угодій у переяславскихъ мѣщанъ «на передъ сего не бывало и нынѣ нѣтъ», а окрестныя озера и 2 перевоза на Днѣпрѣ (у техтемиревскаго и ржищевскаго монастырей) «къ Переяславлю не вѣдомы». «Ярманокъ» въ Переяславлѣ

бываетъ три: на «Десятую пятницу», на «Семенъ-день» и на Богоявленіе (л. 14 об.—15).

Далѣе идетъ тѣмъ же порядкомъ перепись «переяславского уѣзду» (л. 16), и именно селъ: Калениковъ, Богданова, Безпалчего, Лецкова, Войненца, Малой Каракули, Великой Каракули и еще 6 селъ (л.л. 16—18). Всего въ переяславскомъ уѣздѣ, въ 13 селахъ, оказалось 43 «пашенныхъ крестьянъ», а у нихъ 33 вола и 23 коня; положено на нихъ 9 руб., 29 алтын., 1 денга, да 39½ осмачекъ ржи и овса пополамъ. Да въ 13 селахъ 15 бобылей, а окладу на нихъ, по 5 алт. съ человѣка, 2 руб., 8 алт., 2 ден.—Кромѣ того освобождено отъ оклада с. Ерковцы, отданное по жалованной грамотѣ (отъ 12 апр. 168 г.) изъ малороссійскаго приказа переяславскому успенскому протопопу Григорью, и с. Дѣвички, принадлежащее кіевскому никольскому пустынному монастырю (л. 18 об.—19).

Здѣсь оканчивается переяславская перепись. Затѣмъ идетъ такая же перепись города *Воронкова* (л. 20), гдѣ было мѣщанъ первой статьи 37 дворовъ, середней 58 дворовъ, третьей 17 дворовъ, всего 112 дворовъ. Большинство, именно 79 человѣкъ, занимались землею (пахали на 103 волахъ и 12 коняхъ), 19 человѣкъ было ремесленниковъ и занятія 14 чел. не указаны. Оброку всего положено съ мѣщанъ 3-хъ статей 85 руб., 29 алт., 1 ден., да 63½ осмачки ржи и овса пополамъ. Замѣчено при томъ, что *ярмарки* бываютъ въ Воронковѣ на Вознесенье и на Рождество Пресвятой Богородицы, а въ концѣ прибавлено: «да воронковского *уѣзду* бобыли»: въ с. Санковѣ 8 дворовъ и въ с. Процевѣ 2 двора, а окладу на нихъ положено по 4 деньги съ человѣка, всего 1 р. 16 алт.

Не привожу переписей остальныхъ 18 городовъ и ихъ уѣздовъ, такъ какъ они сходны съ предъидущими и такъ какъ сдѣланныя извлеченія даютъ достаточное понятіе о всемъ содержаніи разсматриваемой «переписной книги» 174 г.

Въ кіевскомъ столѣ находятся еще 2 переписныя книги: а) весьма близкая къ предъидущей «приходная книга» того же 1666 г.[1])

---

[1]) Сибирскаго приказа кн. № 495. Въ архивной описи замѣчено: „означенная книга принадлежитъ кіевскому повытью, а не къ сибирскому приказу“. Книга безъ начала и конца.

о сборѣ денегъ съ мѣщанъ и пашенныхъ крестьянъ по городамъ: Кіеву, Гоголеву, Борзнѣ, Басанѣ, Бобровицѣ, Остру, Козельску, Мѣнѣ и Сосницѣ и б) «оброчная книга» (т. е. переписная книга денежныхъ и другихъ сборовъ съ угодій, какъ-то: мельницъ, рыбныхъ ловель и пр., а также съ лавокъ и промышленныхъ заведеній) городовъ: Царева-Борисова, Змѣева, Сумина, Лебедина, Ахтырки, Боровли, Харькова, Суджи, Мирополья, Краснополья, Бѣлополья, Маяцка, Золочева и Ольшанска, 1688, 16›0—1700 г.г. [1]).

IV.

Слѣдующее мѣсто отвожу сохранившимся въ значительномъ количествѣ *производствамъ* кіевскаго стола, т. е. болѣе или менѣе мелкимъ документамъ, въ которыхъ выражается какъ внутренняя дѣятельность кіевскаго воеводства, такъ и его сношенія съ малороссійскимъ, разряднымъ и другими московскими приказами, а также пограничныя сношенія и пр. Эти документы весьма цѣнны для исторіи воеводскаго управленія, ратнаго дѣла, церкви, народнаго быта и пр.

Сюда относятся: *9 книгъ* съ челобитьями служилыхъ и другихъ людей, воеводскими отписками, царскими грамотами изъ малороссійскаго, разряднаго и другихъ приказовъ, преимущественно о ратномъ дѣлѣ: о сборѣ и отпускѣ ратныхъ, о выдачѣ имъ жалованья, о заготовкѣ воинскихъ и продовольственныхъ припасовъ и проч.; *7 столбцовъ* кіевскаго стола преимущественно съ документами по сношеніямъ Кіева съ московскими приказами; *4 столбца сибирскаго приказа* съ наказами, памятями, грамотами и пр. объ исправленіи кіевскихъ укрѣпленій, съ воеводскими вѣстовыми отписками о турецкихъ, польскихъ, крымскихъ и др. вѣстяхъ, съ отписками о денежныхъ сборахъ, о высылкѣ ратныхъ на службу и проч. [2]).

Для примѣра сдѣлаю обозрѣніе нѣкоторыхъ производствъ, помѣщенныхъ въ *кн. № 37*. Книга начинается слѣд. дѣлами:

---

[1]) Кіевскаго стола кн. № 15.—Свѣдѣнія объ „оброчныхъ книгахъ“ см. въ „Обозрѣніи ист.-геогр. матер.“, VI отд., I глава.

[2]) Тутъ между прочимъ документы объ описаніи и измѣреніи г. Кіева, а также дѣла о переселеніи въ Малороссію.

1) Дѣло по челобитью, отъ 13 генв. 1701 г., кіевскаго протопопа Ивана Углицкаго и всѣхъ приходскихъ поповъ и діаконовъ о возстановленіи прежней дачи имъ денегъ «за молебное пѣніе на государскіе ангелы», прекращенной со времени пріѣзда воеводы кн. Петра Ивановича Хованскаго. Прежде, жаловалось духовенство, давали «на 11 чиселъ, за 11 молебновъ, а нынѣ намъ даютъ только въ дву числѣхъ, марта 17, да іюня 29...» Дѣло рѣшено было въ пользу челобитчиковъ: возстановлены всѣ прежнія дачи молебенныхъ денегъ, съ уплатою за пропущенные годы (л.л. 1—3).

2) Дѣло (въ іюлѣ 1701 г.) о пріемѣ на русскую службу француза Франца Демарла и объ опредѣленіи его «подполковникомъ кіевскаго жилого салдацкого полку» (л.л. 5—16).

3) Дѣло (въ генварѣ 1708 г.) по челобитью полковника стрѣлецкаго полка стольника Мих. Ѳед. Сухорева о назначеніи его сына Алексѣя подполковникомъ его полка «за службы, за кровь и за раны» отца (л.л. 17—18).

4) Отписка генералъ-маіора Юрія Ѳамендина о состояніи городскихъ укрѣпленій и воинскихъ припасовъ въ Кіевѣ (л. 19).

5) Дѣло о посылкѣ въ Кіевъ капитана инженера Эммануила Охмана (въ февралѣ 1702 г.), для починки кіевскихъ укрѣпленій (л. 22).

7) Дѣло о посылкѣ въ Кіевъ «зелейнаго мастера» для «перекрутки старого и слеглого пороху» (мартъ 1702 г.) (л. 28).

7) Дѣло Семена Осип. Беклемишева съ Свѣнскимъ монастыремъ, брянскаго уѣзда, о бѣглыхъ крестьянахъ перваго (въ мартѣ 1702 г.) (л. 35).

Далѣе идутъ дѣла въ томъ же родѣ [1]); но нѣкоторые изъ нихъ представляютъ исключительный интересъ, какъ напримѣръ дѣло (въ сентябрѣ 1702 г.) о сыскѣ въ Кіевѣ и др. мѣстахъ бѣжавшаго изъ Углича игумена Улеймина монастыря Лаврентія, обвиняемаго «въ государевѣ великомъ дѣлѣ» (л. 225 и слѣд.).

Интересны также въ книгѣ № 37 часто встрѣчащіеся допросы «вѣстовщиковъ, торговыхъ людей, полонениковъ» и проч. о польскихъ, турецкихъ и шведскихъ «вѣстяхъ».

---

[1]) Встрѣчаются между прочимъ документы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. это отписки иностранныхъ инженеровъ и пр.

V.

Къ вышеуказаннымъ производствамъ весьма близко примыкаетъ *книга № 5*, содержащая *описи столбцовъ* кіевскаго повытья за 190—200 гг., составленныя въ концѣ XVII в. подьячими малороссійскаго приказа. Такъ какъ описанные здѣсь столбцы не сохранились до нашего времени, то опись ихъ имѣетъ большое значеніе. Она составлена очень подробно и обстоятельно: представляя точные и ясные заголовки документовъ, опись часто даетъ и болѣе или менѣе обширныя извлеченія изъ нихъ, такъ что въ нѣкоторой мѣрѣ восполняетъ отсутствіе самыхъ документовъ. Вообще опись на столько хорошо составлена, что свидѣтельствуетъ о довольно высокомъ развитіи приказнаго дѣла въ московскихъ центральныхъ учрежденіяхъ разсматриваемаго времени и въ частности является любопытнымъ матеріаломъ для исторіи архивнаго дѣла въ Россіи. Документы описаны въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, раздѣлены на «*столпы*», а «столпы» подраздѣлены на «*чети*».

Еще болѣе цѣнно самое содержаніе описанныхъ столбцовъ. Помимо историко-юридическаго ихъ значенія, какъ непосредственныхъ свидѣтельствъ о предметахъ и кругѣ вѣдомства кіевскаго повытья или стола малороссійскаго приказа, они имѣютъ и прямое историческое значеніе, какъ матеріалы для исторіи кіевскаго воеводскаго управленія, для исторіи самаго г. Кіева, ратнаго дѣла въ немъ и проч.

Приведу нѣсколько выписокъ изъ этой любопытной описи. Вотъ ея начало:

«*190 году—1 столпъ, четь 1-я*, а въ немъ: государева *грамота* въ Кіевъ, къ окольничему и воеводѣ къ Ивану Өедоровичю *Волынскому*: велѣно кіевскихъ полковъ маеору иноземцу Полдвину *Өику* за службы въ Кіевѣ-жъ быть въ подполковникахъ, и учинить ему окладъ противъ ево братьи».

«*Челобитная* и *выписка* салдатцкого строю маеора Өедриковской жены *Өика* вдовы Анны, что доправлено на мужа еѣ черниговскіе казны недочету 29 рублевъ 23 алт. 5 ден., и тѣ деньги ей выдать, и по помѣтѣ на выпискѣ думного дьяка Ларіона *Иванова* тѣ деньги велѣно ей выдать въ Кіевѣ, и отпускъ *грамотъ*».

«*Челобитная* и *выписи*, за помѣтою дьяка Василія *Бобынина*, рейтарского кіевского политмаеора Алексия *Ободовского*, и отпускъ *памяти* въ патріаршъ разрядъ, для отстрочки въ судѣ, для кіевской службы, съ Афанасіемъ *Нелидовымъ*».

«*Отписка* окольничего и воеводы исъ Кіева о присылкѣ къ нему наказа, и что онъ принялъ».

«Великого государя грамота въ Кіевъ, къ окольничему и воеводѣ, о розборѣ начальныхъ людей и объ отпускѣ ихъ, которые будутъ за полками къ Москвѣ». (л. 1)

Того же 190 г. «указъ, за помѣтою думного дьяка Ларіона Иванова: велѣно въ Кіевѣ жилой кіевской стрѣлецкой приказъ вѣдать генералъ маеору Петру Гордону, а А. Ободовскому не вѣдать. И великого государя грамота (о томъ) въ Кіевъ» (л. 2).

«Отписка исъ Кіева, что прошлого 189 году, августа 9 числа, въ ночи въ 8 часу, въ 3-й чети, въ Кіевѣ, въ нижнемъ и въ верхнемъ городѣ, и въ монастырехъ въ ближнихъ и въ дальнихъ, изволеніемъ Божіимъ было трясеніе земли на половину чети часа, градъ и церкви вельми колебались» (лл. 2 об.—3).

«Великихъ государей грамоты въ Кіевъ о вѣдомости *мороваго повѣтрія въ Сѣчи* и въ Крыму, и чтобъ *заставы* учинить» (л. 9).

«Указъ 190 г., ноября во 2 день: велѣно *быть въ Кіевѣ* бояврину князю Петру Семеновичу Прозоровскому окольничего на Иваново мѣсто Ѳедоровича Волынского» (л. 2 об.).

«Указъ ноября въ 13 день: велѣно быть въ Кіевѣ *въ товарищахъ* зъ бояриномъ со княземъ П. С. Прозоровскимъ стольнику князю Борису княжъ Васильеву сыну Горчакову, дьякомъ Андрею Черному, Лукѣ Нестерову». Прозоровскому приказывалось, по прибытіи въ Кіевъ, принять отъ Волынскаго «образъ Пресвятые Богородицы и городы, и во всемъ росписатся съ нимъ» (л. 4).

191 г. «Отписка изъ Сѣвска Леонтья Неплюева и подъ отпискою гетманской листъ о посылкѣ подьячего Василія Баутина въ Кіевъ, зъ грамотами отъ возмущенія о уговорѣ стрѣльцовъ московскихъ».

«Отписка изъ Кіева, что приказу Малыя Россіи подьячей В. Баутинъ посыланъ о уговорѣ отъ смуты московскихъ стрѣльцовъ въ Кіевъ и Переяславль».

«Роспросные рѣчи капитана Карпа Хлудова, что онъ, будучи въ Кіевѣ, слышалъ московскихъ полковъ отъ стрѣльцовъ, и что ихъ великихъ государей грамоту, которая прислана о измѣнѣ князя Ивана Хованскаго, называли воровскою и подьячего Василія били«.

«Великихъ государей грамота въ Кіевъ, что посыланъ былъ приказу Малыя Россіи подьячей В. Баутинъ, изъ с. Воздвиженского, о измѣнѣ князя Ивана и сына ево князя Андрѣя Хованскихъ, и будучи онъ Кіевѣ тое грамоту объявилъ, и чтена всѣмъ полкамъ вслухъ, и московскихъ розныхъ полковъ стрѣльцы тое грамоту называли воровскою и непристойные слова говорили, и подьячего били и въ тюрьмѣ держали, и грамоту къ себѣ взяли, и за то инералу-порутчику и полковникомъ и нижнихъ чиновъ начальнымъ людемъ и рейтаромъ и салдатомъ и стрѣльцомъ указъ сказанъ, чтобъ они къ той шатости не приставали и никакова зла не чинили, и они стрѣльцы били челомъ великимъ государемъ, чтобъ въ той винѣ ихъ великіе государи простили, а воровъ и завотчиковъ они выдали, и велѣно тѣхъ стрѣльцовъ держать въ тюрьмѣ до указу, а въ винахъ они прощены» (лл. 46—47).

Описи остальныхъ документовъ книги № 5 представляютъ болѣе спеціальный интересъ.

Разсмотрѣнными 4 группами матеріаловъ исчерпывается все содержаніе документовъ кіевскаго стола. Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы оцѣнить важное значеніе этихъ матеріаловъ для внутренней исторіи Малороссіи конца XVII в. и особенно для исторіи Кіева того времени.

И. Оглоблинъ.

Библіографія.

Ród Gedimina. Dodatki i poprawki do dzieł hr. K. Stadnickiego: «Synowie Gedymina», «Olgierd i Kiejstut» i «Bracia Władysława Jagiełły», przez Józefa Wolffa. Kraków. 1886 r.

Послѣ выхода въ свѣтъ извѣстныхъ монографій графа Стадницкаго о литовско-русскихъ князьяхъ издано было значительное число новаго матеріала, дающаго возможность болѣе точнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ по исторіи Литвы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣнія графа Стадницкаго не всегда можно было признать безъошибочными и вѣрными; изслѣдователи отдѣльныхъ частей въ этой исторіи дѣлали время отъ времени исправленія и дополненія къ выводамъ польскаго историка. Сводъ всѣхъ этихъ поправокъ и дополненій и пересмотръ выводовъ гр. Стадницкаго принялъ на себя авторъ названнаго выше сочиненія, г. Іосифъ Вольфъ.

Свое изслѣдованіе г. Вольфъ раздѣляетъ на двѣ части: въ первой излагается родословіе Гедиминовичей, во второй Ольгердовичей. Части дѣлятся на главы, изъ которыхъ каждая имѣетъ предметомъ судьбу того или другаго сына Гедимина или Ольгерда.

Приступая къ частнѣйшему изложенію, авторъ ставитъ два вопроса относительно родословія литовскихъ князей, именно: были ли литовскіе князья самобытнаго происхожденія, или же происходили отъ Рюриковичей, а также былъ ли Гедиминъ узурпаторомъ или законнымъ наслѣдникомъ Витеня. Намъ кажутся нѣсколько странными эти вопросы послѣ того, что сдѣлано и издано русскими учеными по исторіи Литвы; теперь ужъ едва-ли можно сомнѣваться какъ въ самобытности происхожденія литовскихъ князей, такъ и въ законности наслѣдованія Гедимина.

Переходя за тѣмъ къ роду Гедимина, г. Вольфъ указываетъ на новое имя дочери Гедимина Данмилы или Елисаветы, бывшей въ замужествѣ за мазовецкимъ княземъ Воиномъ (Вацлавомъ); относительно

Монвида подвергаетъ сомнѣнію происхожденіе отъ него *Забржезинскихъ, Дорогостайскихъ, Глѣбовичей* и *Вязовичей;* къ тремъ извѣстнымъ до сихъ поръ сыновьямъ *Наримунта-Глѣба* прибавляетъ еще двухъ: *Михаила*, родоначальника пинскихъ князей *и Шимона*, быть можетъ Семена Свислочскаго; подвергаетъ сомнѣнію происхожденіе *князей Ружинскихъ* отъ *Александра* Наримунтовича; *Семена*, сына Явнутія, отличаетъ отъ Семена Свислочскаго и Семена Ямунтовича Клецкаго; говоря о *Витовтѣ*, замѣчаетъ, что у него была единственная дочь Софья за московскимъ княземъ, существованія же его сыновей Ивана и Юрія вовсе не признаетъ; у *Коріата-Михаила*, кромѣ четырехъ извѣстныхъ сыновей, находитъ еще трехъ: *Льва, Василія* и *Димитрія* Коріатовичей и наконецъ за сыномъ Любарта Өеодоромъ не признаетъ потомства, доказывая его бездѣтность его же завѣщаніемъ въ пользу короля, за отсутствіемъ наслѣдниковъ даже со стороны братьевъ, и утверждаетъ, что все относимое гр. Стадницкимъ къ Феодору Любартовичу, должно быть относимо къ Феодору Ольгердовичу.

Вторая часть разбираемой нами книги посвящена обзору судьбы семьи Ольгерда. Перечисляя сыновей третьяго сына Гедимина, авторъ выражаетъ сожалѣніе, что гр. Стадницкій въ своемъ спискѣ ихъ слѣдуетъ за Воскресенской лѣтописью и повторяетъ ея ошибки, неточности и исправленія. Сравнивая родословія таблицы Ольгердова потомства въ русскихъ, польскихъ и литовскихъ хроникахъ и принимая во вниманіе другія историческія свидѣтельства, онъ указываетъ ихъ ошибки и предлагаетъ свою таблицу. Говоря за тѣмъ болѣе или менѣе подробно о каждомъ изъ 12-ти сыновей Ольгерда и ихъ родахъ, г. Вольфъ останавливается въ особенности на Өеодорѣ Ольгердовичѣ, котораго до сихъ поръ историки опускали въ своихъ родословныхъ и котораго гр. Стадницкій смѣшивалъ съ Феодоромъ Любартовичемъ, умершимъ безпотомно. По изслѣдованію г. Вольфа у Феодора Ольгердовича было три сына: *Сангушко* (искаж. Семенъ), правившій въ Ратнѣ, *Романъ*, имѣвшій удѣлъ въ Кобринѣ и *Гурко,* жившій въ Кросничинѣ; у перваго изъ нихъ было четыре сына: Василій, Иванъ, Александръ и Михаилъ; отъ ихъ сыновей уже произошли три княжескія семьи Сангушковъ: *Ковельскихъ, Кошерскихъ* и *Несухоѣтскихъ.* Въ заключеніе всего своего изслѣдованія авторъ приводитъ обстоятельныя и подробныя родословныя таблицы Ольгердовичей и Гедиминовичей.

Трудъ г. Іосифа Вольфа требовалъ кропотливой, утомительной работы; но достоинство его заключается не столько въ безспорныхъ дополненіяхъ и поправкахъ къ труду графа Казиміра Стадницкаго, сколько

въ подведеніи итоговъ всего сказаннаго доселѣ по избранному имъ предмету и сводѣ всѣхъ данныхъ о родословной литовскихъ князей. Авторъ воспользовался всѣмъ, что есть по этому предмету въ литературѣ польской и русской; но сдѣланныя имъ дополненія и поправки не всегда достаточно обоснованы и доказаны и многое въ его выводахъ и мнѣніяхъ можетъ быть оспариваемо; характеръ ихъ во многихъ случаяхъ гипотетическій и тѣмъ не менѣе работа цѣнна и интересна, какъ послѣднее слово исторической науки по данному вопросу.

И. Каманинъ

Записки императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей. Т. XIV. Съ 6-ю литографированными листами. Одесса. 1886 года.

Настоящій томъ трудовъ одесскаго общества исторіи и древностей является новымъ пріобрѣтеніемъ для областной исторіи южной Россіи. Содержаніе его очень разнообразно. По обыкновенію изданіе общества начинается отдѣломъ археологическимъ, захватывающимъ тѣ отдаленныя времена крымскаго полуострова, когда онъ составлялъ греческую колонію. Тутъ объяснены тры археологическія находки: двѣ печати, найденныя въ Херсонесѣ въ 1884 г., два отрывка ольвійскихъ надписей и одна генуэзская надпись, найденная въ 1883 г. въ Ѳеодосіи. Объясненіе принадлежитъ профессору О. В. Юргевичу и произведено съ строго научными пріемами. Одна изъ печатей, по сообщенію Юргевича, относится къ концу X или началу XI в. и была привѣшена къ грамотѣ хагана, котораго власть надъ собою признавалъ тогда Херсонесъ; другая принадлежитъ одному изъ трехъ императоровъ этого имени, т. е. Михаилу Керуларію, или Михаилу Керкуасу или наконецъ Михаилу Философу и относится къ XI в. Ольвійскія надписи принадлежатъ времени императора Севера (222—235 гг.) и свидѣтельствуютъ о какихъ-то передѣлкахъ въ какомъ-то храмѣ, б. м. Сераписа и Изиды. Генуэзская надпись говоритъ о построеніи генуэзцами въ Кафѣ, кромѣ извѣстныхъ доселѣ 8-ми башенъ, еще одной въ честь св. Ѳомы; въ надписи названы имена генуэзскаго дожа и консуловъ г. Кафы, при которыхъ произведена постройка.

За этими сухими и скучными объясненіями слѣдуетъ полная живаго интереса статья того-же профессора Юргевича: «Объ археологическихъ изысканіяхъ и открытіяхъ въ южной Россіи, предшествовавшихъ учрежденію одесскаго общества исторіи и древностей». Изъ нея

мы узнаемъ, что изслѣдованіе и описаніе береговъ Крыма началось русскими учеными со времени его присоединенія къ Россіи, а французскими и гораздо раньше, что съ одной стороны расхищеніе древностей въ Крыму и вообще на югѣ Россіи, давшее возможность многимъ частнымъ лицамъ составить богатыя коллекціи монетъ, медалей и друг. предметовъ древности, съ другой разрушеніе и уничтоженіе многихъ вещественныхъ памятниковъ, побудили наше правительство обратить на это вниманіе и привели сперва къ учрежденію, по ходатайству генералъ-губернатора гр. С. М. Воронцова, музеевъ въ Одессѣ и Керчи въ 1825 году, а потомъ и къ учрежденію историко-археологическаго общества въ 1839 г. Авторъ высчитываетъ въ концѣ статьи все, что сдѣлано было обществомъ въ теченіи 47 лѣтъ его существованія; но сдѣлано было такъ много, что перечень всего занялъ бы нѣсколько страницъ; интересующихся отсылаемъ въ самому отчету, здѣсь же пожалѣемъ, что авторъ не далъ общихъ итоговъ подробно описываемой имъ дѣятельности общества.

«Новая надпись изъ Партенита», обслѣдованная г. Латышевымъ, важна для исторіи христіанства въ Крыму; она заключаетъ въ себѣ упоминаніе о монастырѣ св. апостоловъ, а это упоминаніе представляетъ новое подтвержденіе тождества этого Партенита съ средневѣковыми Парѳенитами. Такимъ образомъ существующіе теперь развалины храма принадлежатъ тому, который былъ сооруженъ въ VIII в. въ память св. апостоловъ въ Партенитѣ преподобнымъ Іоанномъ Готскимъ. Надпись свидѣтельствуетъ о раннемъ развитіи христіанства въ Крыму.

Въ историческомъ отдѣлѣ записокъ помѣщены «Подлинныя записки флотскаго капитана Ильи Ивановича Ханыкова о донской экспедиціи», авторъ которыхъ весьма подробно и обстоятельно описываетъ движеніе и дѣйствія на Азовскомъ морѣ донской флотиліи въ войну Россіи съ Турціей въ 1771 г., обращая иногда вниманіе и на физическую природу мѣстностей, окружающихъ Азовское море, а также и на самое море. Памятникъ чрезвычайно живой и дорогой по многимъ любопытнымъ своимъ подробностямъ.

Весьма цѣнный матеріалъ для исторіи представляютъ «Статистическія свѣдѣнія о Крымѣ, сообщенныя каймаканами въ 1783 году». Они вызваны были потребностью правительства знать состояніе присоединенной области. Сюда входятъ свѣдѣнія о количествѣ жителей, ихъ поселеніи, промыслахъ, торговли, религіи, количествѣ христіанъ и проч. Собраніемъ свѣдѣній занималось новоучрежденное тогда въ Крыму «Земское правительство», состоявшее изъ лицъ близко стоявшихъ прежде къ управленію ханствомъ, т. е. уѣздныхъ каймакановъ, обладавшихъ

несомнѣнно богатымъ запасомъ свѣдѣній по разнымъ вопросамъ, которыя могла выдвинуть только практика жизни. Главными руководителями въ этомъ дѣлѣ были князь Потемкинъ и баронъ Игельстромъ. Въ заключеніе этого очерка приведены всѣ ордеры и рапорты, касающіеся собранія необходимыхъ свѣдѣній. Этому матеріалу предшествуетъ передовая статья г. Лашкова, излагающая вкратцѣ обзоръ правленія, установившагося въ Крыму вслѣдъ за его присоединеніемъ, и затѣмъ исторію того, какъ были собраны главнѣйшія статистическія свѣдѣнія о бывшемъ ханствѣ.

Въ отдѣлѣ географическомъ помѣщена карта елисаветградской провинціи 1772—1774 годовъ, съ «объяснительной запиской» къ ней В. Ястребова. По мнѣнію почтеннаго автора записки, карта составлена въ интересахъ первой турецкой войны между 1772—74 годами. Она изображаетъ всю нынѣшнюю херсонскую губернію, за исключеніемъ небольшой сѣверной части александрійскаго уѣзда и сверхъ того часть подольской, бессарабской, таврической и екатеринославской. Для опредѣленія запаса географическихъ данныхъ этой карты, авторъ сравниваетъ ее съ картами Дебоксета и Деволана и приходитъ къ слѣд. заключенію: по отношенію къ границамъ его рукописная карта находится въ полномъ согласіи съ картой Дебоксета, лишь съ незначительнымъ отличіемъ; относительно орошенія карта г. Ястребова несравненно богаче обозначеніями, чѣмъ Дебоксета; что-же касается до Деволана, то для участка очаковской земли, т. е. угла между Бугомъ и Днѣстромъ, онъ даетъ много больше свѣдѣній; по отношенію къ населеннымъ мѣстамъ карта Деволана даетъ также больше свѣдѣній, по сравненію же съ картой Дебоксета послѣдняя оказывается болѣе полной въ обозначеніи шанцевъ; но карта г. Ястребова имѣетъ то преимущество, что, кромѣ шанцевъ, даетъ обозначеніе слободъ и даже хуторовъ. Вообще въ сравненіи съ картой генеральнаго штаба разбираемая карта достаточно точна и полна; жаль только, что издатель въ приложенной имъ къ книгѣ копіи карты сдѣлалъ нѣкоторыя сокращенія и устранилъ краски, обозначавшія границы сосѣднихъ государствъ и провинцій. Однообразная черная краска требуетъ напряженнаго вниманія отъ изучающаго по картѣ данную мѣстность.

Разборъ обстоятельной и обширной монографіи А. А. Бертье-Делагарда „Остатки древнихъ сооруженій въ окрестностяхъ Севастополя и пещерные города Крыма“ мы отлагаемъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ помѣщено ея окончаніе. Теперь мы имѣемъ пока ея начало.

Въ «Сборникѣ матеріаловъ» значительное мѣсто занимаютъ «Матеріалы, касающіеся запорожцевъ въ 1715—1774 гг., собранные А.

Андріевскимъ; они разобраны нами раньше отдѣльно и потому мы не имѣемъ необходимости останавливаться на нихъ въ настоящемъ случаѣ.

«Письма архіепископа херсонскаго и таврическаго Иннокентія къ Гавріилу, архіепископу рязанскому, 1829—1857 гг.,» съ примѣчаніями къ нимъ протоіерея А. Г. Лебединцева, въ количествѣ 56, доставлены членомъ А. А. Титовымъ и составляютъ живой и интересный матеріалъ какъ для біографіи этого знаменитаго проповѣдника, такъ и для характеристики быта нашихъ іерарховъ; они обнимаютъ собой 29 лѣтній промежутокъ времени и служатъ какъ-бы отголоскомъ его; прекрасный и картинный языкъ преосвященнаго Иннокентія сказался и въ его письмахъ, чтеніе которыхъ даетъ эстетическое наслажденіе читателю.

Все это разнородное содержаніе «Записокъ» заключается небольшимъ изслѣдованіемъ о «надписи съ именемъ императора Зинона и комита Діогена»; авторъ оиаго приходитъ къ заключенію, что надпись относится не къ 512, а къ 418 г. и не къ Херсону, а къ Салоникамъ; при такомъ чтеніи ея уже нѣтъ необходимости пускаться въ догадки о томъ, какимъ образомъ Херсонъ могъ зависѣть отъ греческихъ императоровъ въ 418—512 годахъ, когда онъ подчиненъ ими только въ 835 году.

Въ этомъ же отдѣлѣ помѣщено 10 некрологовъ членовъ общества: Димитрія, архіепископа херсонскаго и одесскаго, И. М. Базили, А. Е. Викторова, Г. Э. Караулова, І. Г. Михневича, еп. Порфирія, протоіерея С. А. Серафимова, граф. А. С. Норова, А. М. Ямковскаго и екатеринославскаго епископа Ѳеодосія. Въ концѣ книги приложены снимки съ печатей и камня съ надписью, чертежи храмовъ, планъ древняго инкерманскаго укрѣпленія и карта елисаветградской провинціи 1772—1774 гг.

Таково разнообразное и богатое содержаніе настоящаго тома «Записокъ» одесскаго общества. Остается пожелать полнаго успѣха въ будущемъ неутомимой дѣятельности его на пользу отечественной науки.

И. Каманинъ.

Акты, издаваемые виленскою археографическою коммиссіею. Т. XIII. Акты главнаго литовскаго трибунала. Вильна, 1886 г.

Настоящій томъ актовъ, какъ и предъидущія изданія названной коммиссіи, не служитъ выполненіемъ какого-либо опредѣленнаго плана, подобнаго тѣмъ, какіе практикуются въ изданіяхъ другихъ однородныхъ

учрежденій и самъ въ себѣ не заключаетъ какой либо системы. Документы, вошедшіе въ составъ его, не пріурочены къ какому либо періоду западно-русской исторіи, къ какой-либо эпохѣ или одной сторонѣ жизни, но подобраны какъ бы случайно. Это однако не отнимаетъ достоинства у изданія, такъ какъ всѣ изданные документы имѣютъ большій или меньшій историческій интересъ. Всѣ они относятся преимущественно къ XVI и XVII ст., расположены въ хронологическомъ порядкѣ и касаются различныхъ сторонъ жизни сѣверо-западнаго края въ періодъ литовскаго и польскаго въ немъ владычества: тутъ есть акты, касающіеся исторіи политической, областнаго и городскаго самоуправленія, исторіи землевладѣнія и крѣпостнаго права и всего болѣе исторіи городовъ; нѣкоторые говорятъ о дворянствѣ, евреяхъ, пошлинахъ, промыслахъ, залогахъ и займахъ, аптекахъ и училищахъ; есть наконецъ акты смѣшаннаго содержанія, не подходящія подъ какую-либо изъ названныхъ рубрикъ.

По недостатку общаго плана и руководящей статьи пользоваться изданными актами, равно сдѣлать изъ нихъ въ библіографической замѣткѣ общіе выводы, любопытные для читателя, одинаково трудно. Мы ограничимся поэтому указаніемъ лишь на нѣкоторые изъ нихъ для обозначенія общаго ихъ интереса.

Въ актѣ № 3 заключаются любопытныя свѣдѣнія о судѣ духовномъ. По грамотѣ князя Ростислава Мстиславича, данной смоленской епископіи въ 1150 году, всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ семейной жизни, даже убійствахъ, были переданы епископу съ правомъ взиманія десятины отъ всѣхъ доходовъ; при устройствѣ церкви въ селѣ Вячизнѣ епископъ уступаетъ владѣльцу право суда надъ священникомъ, удерживая за собой исключительно дѣла духовныя; изъ доходовъ же онъ довольствуется данью «зъ году на годъ кунецею шерсти на изборъ», другой же епископъ обязываетъ владѣльца имѣнія (кн. Глинскаго) «къ той церкви приписати сельцо свое Шепеловское, о чемъ тому священнику жить».

Въ листѣ короля Сигизмунда Августа отъ 1560 года (№ 12) говорится объ освобожденіи нѣкоторыхъ бояръ отъ обязанности «на замку... кликати, стеречи и подводы подъ войска и гонцы ставити»; освобождаются они потому, что прежде никогда не знали этой повинности.

Изъ многихъ другихъ актовъ настоящаго тома, по ихъ цѣнности и интересу, можно отмѣтить еще слѣдующіе:

Королевскую привилегію (1569 г.) думнымъ земянамъ на право дворянства, подтвержденіе королемъ Сигизмундомъ III древнихъ правъ и вольностей Полоцкой земли, дарованныхъ ей Витовтомъ, Сигизмундомъ,

Скиргайломъ и друг. и вытекавшихъ изъ вѣчеваго устройства Полоцкаго княжества (1593 г.), опредѣленіе виленскимъ воеводой отношеній между юрисдикціями магистратской и замковой въ Вильнѣ (1623 г.), заявленіе витебскихъ обывателей, находившихся въ плѣну въ Казани о невзгодахъ, понесенныхъ ими во время занятія Витебска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и вмѣстѣ постановленіе ихъ не избирать въ должности тѣхъ, которые отказались участвовать, вмѣстѣ съ ними, въ защитѣ города и присягнули на вѣрность царю (1655 г.).

Въ числѣ документовъ этого тома встрѣчается одинъ, не касающійся вовсе исторіи сѣверо-западнаго края; это «Пописъ земли волынское, который въ ухвалѣ на сеймѣ виленскомъ року тысеча пятьсотъ двадцать осьмомъ, мѣсяца мая первого дня, стороны обороны земское, колько хто зъ обывателей великого князства литовского ку службѣ земской коней ставить маеть, за светое памети короля его милости Жикгимонта першого учиненъ». Документъ этотъ всецѣло принадлежитъ нашему краю и болѣе пригоднымъ мѣстомъ для него былъ бы «Архивъ юго-западной Россіи». Изданъ онъ со многими ошибками, вслѣдствіе незнакомства редактировшаго его лица съ фамиліями южно-русскаго дворянства; напр. напечатано «Богданъ Готскій» вмѣсто «Богданъ Госскій»; «Гаврило Холуневскій» вм. «Гаврило Холеневскій», «Закгура» вмѣсто «Викгура», «Костка Есиницкій», вм. «Костка Есининицкій» и друг. Перепечатка этого важнаго документа съ большей точностью въ изданіи кіевской археографической коммиссіи была бы весьма не лишнею.

Настоящими указаніями мы далеко не исчерпали всего содержанія названной выше книги, но и сказаннаго довольно, чтобы видѣть интересъ этого новаго изданія для исторической науки.

И. Каманинъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИЧЕСКІЯ).

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ г. ХОЛМѢ.

Разумѣю Холмъ не псковской, но люблинской губерніи. Это маленькій уѣздный городокъ, которому суждено получить извѣстность лишь въ недавнее время. Онъ богатъ мѣстными интелектуальными силами и дышетъ своеобразною жизнію. Тутъ отбывается такой замѣчательный праздникъ, какого вамъ, читатель, не приходилось видѣть никогда. Мнѣ пришлось быть на этомъ праздникѣ и я хочу передать кое-что изъ моихъ наблюденій надъ нимъ.

Въ «Кіевской Старинѣ» помѣщались отзывы о замѣчательныхъ въ своемъ родѣ холмскихъ календаряхъ, издаваемыхъ въ послѣдніе годы мѣстнымъ православнымъ братствомъ, состоящимъ изъ лицъ духовной и свѣтской интеллигенціи, а изъ этихъ отзывовъ читатели могли видѣть, что просвѣтительный центръ холмской Руси не есть заурядное провинціальное захолустье, съ заглохшими умственными стремленіями, чуждое благихъ идейныхъ начинаній. Я не стану повторять того, что было въ свое время говорено въ «Кіевской Старинѣ» о статьяхъ холмскихъ календарей—напомню лишь одну литературную частность, хотя и стоящую внѣ спеціально-историческаго интереса, но въ то-же время достойную вниманія, именно то, что въ календаряхъ холмскихъ, сверхъ научныхъ и популярныхъ статей на литературномъ языкѣ, являются кое какія мелочи и на мѣстномъ народномъ нарѣчіи, въ видѣ отрывковъ малорусскихъ пѣсенъ, стихотвореній Шевченка, разговоровъ просто-

людиновъ. Этотъ элементъ привходитъ въ силу идеи холмскихъ календарей быть вполнѣ пригодными и понятными для народа, является здѣсь просто и естественно и потому производитъ пріятное впечатлѣніе. Нельзя не отдать чести умѣнью и такту редакціи, нельзя не благодарить ее за вниманіе къ нуждамъ и интересамъ такъ недавно еще забитаго и загнаннаго народа.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о другомъ явленіи холмской интеллигентной жизни, являющемся также плодомъ дѣятельности мѣстнаго православнаго братства.

Каждый годъ, 8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ бываетъ храмовой праздникъ, который въ послѣдніе годы отбывается особенно торжественно. Слышавши о большомъ интересѣ этого праздника, привлекающаго ежегодно огромное стеченіе народа какъ изъ окрестностей Холма, такъ и нашей сосѣдней Волыни, мнѣ очень захотѣлось быть 8-го сентября въ Холмѣ и я прибылъ туда къ этому дню.

Еще наканунѣ праздника городъ былъ очень оживленъ, вездѣ замѣчался большой наплывъ пріѣзжихъ, такъ что трудно было найдти пріютъ въ гостинницахъ. Нашъ поѣздъ пришелъ, когда всенощная въ соборѣ уже отошла, но на церковной горѣ и у подножія ея стояла толпа горожанъ и пришлаго люду,—смотрѣла фейерверкъ, устроенный на верху горы для удовольствія сельскаго люда. И дѣйствительно идея позабавить этимъ городскимъ дивомъ сельскій людъ, жизнь котораго такъ бѣдна развлеченіями, оказалась очень удачной: надо было видѣть восхищеніе старыхъ и малыхъ, при видѣ этихъ летавшихъ огней, ракетъ, огненныхъ сноповъ, при созерцаніи зрѣлища, котораго навѣрное большинству глядѣвшей публики «зъ-роду» не приходилось видѣть, да быть можетъ не придется увидать и «до вику»!.... Дѣтски-наивныя, громкія восклицанія сыпались со всѣхъ сторонъ, сопровождая полетъ и паденіе огней.

Зрѣлище кончилось, толпа горожанъ, въ томъ числѣ много гимназистовъ, шумно сходитъ съ горы, обмѣниваясь впечатлѣніями; но множество пришлаго люду остается на горѣ, очевидно располагаясь провести тамъ подъ открытымъ небомъ и ночь,—подъ деревьями растущими по склону церковной горы. Нѣжное сіяніе луны обливало живописную гору и всю эту мирную картину.

На другой день, утромъ, городъ имѣлъ уже совсѣмъ праздничный видъ. Вездѣ толпы народа, въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ,—кстати скажу, чрезвычайно интересныхъ для этнографа: тамъ были всякаго рода свитки, расшитыя шнурками, разнообразныя шапки, съ углами, съ кисточками, замысловатыя женскія головныя повязки, между прочимъ, кромѣ хустокъ, длинные бѣлые куски полотна, съ вышитыми концами, падавшими на плечи; все это пестрѣло, двигаясь передъ глазами.

Говоръ толпы былъ такой-же малорусскій, какой можно слышать напр. на Волыни. Но здѣсь мнѣ приходится сдѣлать оговорку. Вѣдь уже и о Волыни въ массѣ нашей публики существуетъ мнѣніе, что это если и не совсѣмъ «Польша», то во всякомъ случаѣ край сильно ополяченный. Я не говорю, конечно, о людяхъ со спеціальными знаніями; но многіе и многіе изъ заднѣпровскихъ земляковъ съ сомнѣніемъ покачиваютъ головой, когда имъ говорятъ, что *простонародная* рѣчь на Волыни совсѣмъ малорусская, конечно въ селахъ и даже въ городахъ, среди *мѣщанства*, а не лакейскаго сословія, съ которымъ только и сталкивается поверхностный наблюдатель. Кто же изъ такихъ земляковъ, не убѣждающихся даже огромными сборниками чисто малорусскаго этнографическаго матеріала, повѣритъ, что гдѣ-то тамъ въ люблинской губерніи можно слышать прекрасно сохранившуюся малорусскую рѣчь!... А между тѣмъ это такъ; среди упоминаемой мужицкой толпы, двигавшейся по улицамъ г. Холма, за немногими случаями, въ которыхъ слышалось польское слово, лилась почти безпримѣсная украинская рѣчь, и нашъ слухъ утѣшался этой родной музыкой, вмѣстѣ съ присущею этой рѣчи образностью и юморомъ.

Всѣ въ толпѣ были болѣе или менѣе празднично настроены. Какой то находчивый торговецъ вынесъ продавать цѣлую кучу разноцвѣтныхъ воздушныхъ шариковъ, какіе въ большихъ городахъ покупаютъ для забавы дѣтей; но здѣсь ими занимались далеко не одни дѣти: продавецъ съ трудомъ двигался по улицѣ, осаждаемый толпою любопытствовавшихъ селянъ. «Дядьку»! спрашиваетъ дивчина сосѣда: «що то такее»?—А Богъ ёго знае! якась то забавка!—отвѣчаетъ сосѣдъ. Счастливцевъ, имѣющихъ свободные капиталы для пріобрѣтенія забавокъ, провожаютъ глазами,—и забавно было

видѣть, какъ иной дядько осторожно несъ въ обѣихъ рукахъ купленный шаръ, пробираясь къ своему возу...

Возовъ же на площадяхъ и улицахъ Холма было множество. Съѣздъ на этотъ холмскій праздникъ былъ именно вполнѣ демократическій: не видно было ни колясокъ съ «бйчами», ни вообще всякаго рода затѣйливыхъ «повозовъ», какіе можно видѣть при «отпустахъ» католическихъ; здѣсь были все возы и возы... Лишь изрѣдка виднѣлась бричка священника или болѣе зажиточнаго сельскаго обывателя.

Послѣ ранней обѣдни въ церкви св. Духа, или такъ называемой гимназической, устроенной, какъ намъ разъяснили, изъ костела того же имени быв. начальникомъ холмской учебной дирекціи, Ѳ. Г. Лебединцевымъ, наша маленькая компанія направилась къ собору, гдѣ служеніе должно было начаться позже. У подошвы соборной горы сидѣло много лирниковъ и просто «дидивъ», распѣвавшихъ молитвы и полустихотворныя обращенія къ проходящимъ. Бѣглая замѣтка не позволяетъ мнѣ остановиться на этихъ интереснѣйшихъ этнографическихъ образчикахъ, о которыхъ я позволю себѣ подѣлиться своими наблюденіями въ другой разъ. Взойдя на церковную гору, господствующую надъ городомъ, мы бросили взглядъ на него при свѣтѣ дня. Г. Холмъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе: нельзя сказать, чтобы мѣстность была гористая, напротивъ, кругомъ разстилается равнина, среди которой какъ бы неожиданнымъ холмомъ выступаетъ возвышенность города, представляющая вмѣстѣ съ окрестными широкими полями и лѣсами очень красивый видъ съ церковной горы, спускающейся очень хорошо отдѣланными террасами, содержимыми въ найлучшемъ порядкѣ. Кромѣ собора, на самой высшей террасѣ стоитъ интересной архитектуры часовня, воздвигнутая въ память возсоединенія уніатовъ, съ надписью на главномъ входѣ: «да будетъ едино стадо и единъ пастырь».

При всемъ нашемъ желаніи, протолпиться въ соборъ не было уже никакой возможности и мы примкнули къ толпѣ, стоявшей на площади передъ соборомъ и ожидавшей перерыва служенія для проповѣди на той-же площади, передъ церковью. Дѣйствительно, передъ соборомъ былъ отдѣленъ широкій кругъ, граница котораго

оберегалась отъ натиска толпы; на одномъ краю этого круга возвышался налой, декорированный растеніями.

Мы еще раньше слышали, что эта проповѣдь на площади будетъ произнесена на мѣстномъ малорусскомъ нарѣчіи и потому съ особеннымъ интересомъ пробрались сквозь толпу, сгустившуюся подлѣ круга, въ особенности вблизи каѳедры. Ждать выхода изъ собора пришлось довольно долго; но за то какъ мы были вознаграждены!... Разверзлась толпа, стоявшая у собора, вышло изъ церкви духовенство, съ пѣвчими, съ хоругвями, и помѣстилось среди круга на площади, вмѣстѣ съ высшими властями, пріѣзжими и мѣстными; къ налою, возвышенному надъ окружающей огромной толпой, подошелъ молодой проповѣдникъ, красивый, выразительной наружности, и первыя же слова его проповѣди какимъ то трепетомъ отозвались въ окружавшей его массѣ народа. Да, это была его родная, такъ близкая и вполнѣ понятная ему рѣчь! И она раздавалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ два десятка лѣтъ назадъ слышалась еще только польская рѣчь. Проповѣдь производила необычайно трогающее впечатлѣніе. Скажу безъ преувеличенія, что изъ всѣхъ прилюдныхъ рѣчей, какія мнѣ приходилось слышать, никогда ни одна не захватывала такъ вниманія предстоящихъ, какъ эта проповѣдь подъ открытымъ небомъ на холмской горѣ. Надо было видѣть это умиленное напряженіе лицъ, слышать вздохи и восклицанія, вырывавшіяся у набожныхъ слушателей изъ глубины души! Этого чрезвычайнаго эффекта проповѣди мнѣ не забыть никогда.

Самое содержаніе проповѣди было очень просто. Примѣнительно къ чествуемому дню храмоваго праздника Рождества Богородицы, древнѣйшій чудотворный образъ которой находится въ холмскомъ каѳедральномъ соборѣ, проповѣдникъ говорилъ о необходимости во всѣхъ бѣдахъ прибѣгать къ небесной Утѣшительницѣ всѣхъ страждущихъ и скорбящихъ. Упомянутая икона была нѣкогда предметомъ жестокой борьбы между православными и уніатами, захвачена послѣдними предъ возстаніемъ Хмельницкаго и возвращена послѣ Зборовскаго договора, но потомъ взята самимъ королемъ и носима была въ польскомъ войскѣ во время Берестечской битвы. Она служила холмянамъ не разъ защитою отъ нападеній татаръ. Однимъ чудомъ на холмской горѣ во время нашествія татаръ воспользовался проповѣдникъ и слова его были особенно эффектны,

когда, указывая на окрестности горы, онъ говорилъ: «отъ на сихъ самихъ поляхъ, политыхъ кровію вашихъ дидивъ, стояли вороги, на сій самій гори зъявилась Пресвятая Мати—и знищыла ихъ»! Перейдя затѣмъ къ современнымъ или, лучше сказать, всегдашнимъ мірскимъ бѣдамъ и страданіямъ, въ которыхъ ищутъ помощи и утѣшенія у Всеблагой Утѣшительницы, проповѣдникъ продолжалъ: «Иншый несчаслывый не мае удачи ни въ чому и прыйшовъ винъ просити: О, Мати, каже, Пресвятая, поможи мени! Инша мати зоставила дитя недужее и просить-благае: о, Мати Божа, поратуй мою бидну дитиноньку!»... Въ толпѣ слышенъ гулъ восклицаній, многія женщины заливаются слезами.

Съ такой евангельской простотой склада и такими простыми словесами провозглашена была холмская проповѣдь. По окончаніи ея, толпа двинулась, глубоко потрясенная.

Мы, люди культурные, болѣе или менѣе удалились отъ непосредственной сильной впечатлительности, утратили «дѣтскую» воспріимчивость душевную, но и на культурную часть публики проповѣдь эта произвела какое-то особенно трогательное впечатлѣніе. Казалось, что эта простая, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразительная рѣчь проповѣдника имѣетъ особенную способность проникать въ сердца!

Судя по нѣкоторымъ оттѣнкамъ акцента, проповѣдникъ былъ галичанинъ, но это не вредило красотѣ рѣчи, которою онъ владѣлъ превосходно.

На обратномъ пути намъ пришлось ѣхать въ одномъ вагонѣ съ нѣсколькими семействами священниковъ и простыми богомольцами. Общій сосѣдскій разговоръ по вагону касался, конечно, праздника и разныхъ его подробностей; вспомнили, конечно, и о проповѣди. «Ну, вже-жъ и говоривъ»! толковали селяне, кивая головой,—и въ этихъ немногосложныхъ замѣчаніяхъ заключалось больше похвалы, чѣмъ въ иныхъ многорѣчивыхъ опредѣленіяхъ. Мы тоже присоединились къ этой похвалѣ, поставляя на видъ умѣнье проповѣдника. На это сосѣдъ-священникъ возразилъ какъ-то особенно горячо: «умѣнью тутъ совсѣмъ нечего удивляться,—всякій изъ насъ сказалъ бы такъ-же! совсѣмъ не въ умѣньи, а въ знаніи народной души и языка дѣло»!

Не разсуждая на тему, въ чемъ именно дѣло, говорю только, что проповѣдь произносимая на холмскомъ храмовомъ праздникѣ

вотъ уже третій годъ на томъ языкѣ, котораго народъ не слышалъ въ церкви сотни лѣтъ, но который, какъ святыню, берегъ въ своихъ убогихъ хатахъ, есть замѣчательное явленіе; родная рѣчь служитъ здѣсь могучимъ орудіемъ для воздѣйствія на массы, такъ недавно еще горячо преданныя уніи и католичеству, и для пробужденія въ нихъ національнаго русскаго самосознанія. Не мѣшало бы, быть можетъ, употребить это рудіе въ бесѣдахъ съ штундистами; авось либо дѣло пошло успѣшнѣе. Отъ души совѣтую сосѣдямъ-землякамъ, имѣющимъ возможность посѣтить холмскій праздникъ, не упустить случая послушать тамошнюю проповѣдь.

О. П.

ЗНАЧЕНІЕ СЕЛЬСКОЙ ГРОМАДЫ ВЪ СУДЕБНОМЪ ПРОЦЕССѢ КОНЦА XVII В.

Исторія крестьянскихъ судовъ, какъ древней, такъ и нынѣшней Россіи мало разработана. Мы до сихъ поръ не имѣемъ полнаго историческаго очерка такихъ судовъ, не смотря на тотъ жизненный интересъ, который заключаетъ въ себѣ этотъ вопросъ.

Правда, свѣдѣнія о крестьянскихъ судахъ центральной Россіи находятся въ статьяхъ почтенныхъ профессоровъ: Н. В. Калачова, А. Ф. Кистяковскаго и И. И. Дитятина, а юго-западной въ извѣстномъ изслѣдованіи «о древнихъ сельскихъ общинахъ юго-западной Россіи», проф. Н. Д. Иванишева, у г. Новицкаго въ его «Очеркѣ исторіи крестьнскаго сословія юго-западной Россіи XV—XVIII, 1876 г., а въ послѣднее время въ статьѣ г. А. Е., указавшей на существованіе копнаго суда въ лѣвобережной Украйнѣ (Кіевск. Стар., 1885 г., № 10). Но всѣ эти свѣдѣнія далеко не воспроизводятъ всѣхъ сторонъ жизни этихъ судовъ и относятся только лишь къ извѣстному времени. Мы, напримѣръ, почти не имѣемъ свѣдѣній объ организаціи и дѣятельности крестьянскаго суда въ XVIII в., между тѣмъ нѣкоторыя данныя въ сочиненіи В. И. Семевскаго и А. Ф. Кистяковскаго заставляютъ предполагать, что исконный крестьянскій самосудъ существовалъ и при крѣпостномъ правѣ.

Такая неполнота работъ по данному вопросу объясняется, конечно, недостаткомъ самихъ матеріаловъ, такъ что историкамъ юристамъ приходилось выяснять положеніе крестьянскаго суда въ прежнее время только по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, попавшимъ въ законодательные акты. Впрочемъ относительно лѣвобережной Украй-

ны со второй половины XVII в. мы не имѣемъ даже и такихъ отрывочныхъ свѣдѣній. Какое участіе принимала сельская громада въ судѣ съ половины XVII в., мы почти не знаемъ. Вотъ почему я думаю, что сообщеніе новаго факта, выясняющаго до нѣкоторой степени дѣятельность южно-русской громады въ лѣвобережной Украйнѣ, не будетъ лишено интереса.

Въ числѣ протоколовъ магистратскаго стародубовскаго суда 1690 г., хранящихся въ архивѣ малороссійской коллегіи (№ 1921), находится жалоба магистратскому суду «Васка Пимяна на убійцу его сына». Вотъ ея содержаніе: Васко, разыскивая неизвѣстно куда исчезнувшаго сына, нашелъ трупъ его между селами Кистромъ и Борщовымъ (стародуб. у.). Найдя трупъ, Васко, «яко отецъ зъ жалемъ часъ отъ часу шляковалъ (розыскивалъ) забойцу». Разыскивалъ онъ «забойцу», «узявши поводъ отъ селъ околичнихъ и пойшовши до села Азаровки, позналъ тамъ у Васка Скакуна коня своего власного, при замордованному сыну взятого». Скакунъ показалъ, что онъ купилъ коня у Яреми азаровця, который «далъ зъ себе виводъ, же купилъ (коня) у Васка Михайлова, человѣка московского, зайшлого зъ-за Дону». Михайловъ «виводу» не далъ.

Собралась азаровская громада козаковъ и посполитыхъ съ атаманомъ и войтомъ во главѣ. Въ присутствіи громады, Михайловъ показалъ, что онъ «того коня на Орлѣ купилъ», знаетъ «забойцу», въ подтвержденіе чего «становилъ свое горло, еслибы не моглъ вывестися». Тѣмъ не менѣе доказать несправедливость взведеннаго преступленія Михайловъ не могъ. Подозрѣніе на него увеличилось еще тѣмъ, «что въ дому его найденъ казанъ, украденный Устиновъ и подъ свидомомъ тоежъ громады азаровской, якъ злодѣя, по мѣскому обычаю, водили его за шию». Съ Азаровки Михайловъ былъ приведенъ въ стародубовскій магистратъ и тутъ онъ показалъ, что купилъ коня у «Тишка москаля, который человѣкъ, почувши, же шлякутъ забойцы въ Азаровце, утеклъ». Показаніе данное въ магистратѣ разнилось съ прежнимъ показаніемъ.

Присутствовавшіе въ магистратѣ азаровцы, «атаманъ и войтъ зъ *мужами*, повѣдали, же зъ притомностью Васка Пимяна, отца забитого человѣка, въ того-жъ москаля задоньского Васко позналъ хомутъ власний»; «мы громада азаровская», продолжали войтъ зъ мужами, «питали его Васки, где тотъ хомутъ взялъ». Михайловъ отвѣчалъ: «не мой то хомутъ, але обмѣняный».

Въ магистратѣ Михайлова снова спросили, гдѣ онъ взялъ хомутъ. Онъ показалъ, что это его хомутъ «власний», съ которымъ купилъ коня. Показаніе опять разнилось отъ показанія, даннаго предъ громадой. Подозрѣніе въ совершеніи Михайловымъ убійства увеличивалось; но онъ все-таки не сознавался. Вслѣдствіе этого въ магистратѣ рѣшили прибѣгнуть къ испытанію, «и Васко для выявленя злого его мордерства печенъ на тортурахъ, по трикроти, зъ леккости роспаленною шиною». Испытаніе не дѣйствовало: «Васко перся своего злого учинку». Въ это время «ставши вси азаровцы громадою», заявили магистрату, что отъ Михайлова о «запаленяхъ виходили похвалки... и не певную его въ себе маючи особу шкодливую, просили прилѣжно, абы зъ ними въ едномъ селѣ не мѣшкалъ». На этомъ и заканчивается магистратская запись.

Изъ этихъ данныхъ выясняется участіе громады въ разслѣдованіи преступленія. Громада допрашиваетъ обвиняемаго, громада, какъ видимъ, прибѣгаетъ къ наказанію за воровство, наконецъ громада, окончивъ разслѣдованіе дѣла, добытыя данныя передаетъ суду магистратскому чрезъ войта, атамана и мужей. Какова роль этихъ мужей? Указаній на это въ документѣ не имѣется, но, по всей вѣроятности, это были особые выборные отъ громады для засвидѣтельствованія доклада атамана и войта и для большаго выясненія допроса громады, если-бы это потребовалось на оффиціальномъ судѣ, каковъ былъ магистратскій. Тотъ фактъ, что магистратъ находитъ вполнѣ законнымъ разслѣдованіе дѣла громадой и принимаетъ во вниманіе добытыя при этомъ данныя, указываетъ на право громады въ концѣ XVII в. разыскивать преступника и допрашивать его. Право это, конечно, покоилось на обычаѣ, но оно было выгодно для оффиціальнаго суда, такъ какъ собрать предварительныя свѣдѣнія о преступникѣ и преступленіи, совершенномъ въ предѣлахъ извѣстнаго села, удобнѣе всего могла сдѣлать сама громада.

Николай Бакай.

ЕЩЕ О ГАРКУШѢ.

Гаркуша, какъ извѣстно, въ одинаковой мѣрѣ волновалъ мирный бытъ и Гетманщины и Слободской Украйны. Объ одномъ изъ его похожденій въ архивѣ бывшей слободско-укранской губернской

канцеляріи сохранилось дѣло съ такимъ характернымъ заглавіемъ: «О колодникѣ Семену Гаркуши, кой уворовалъ у малороссійской войсковой товаришки Костенецкой деньги и, будучи въ Ахтырки на богомольи, роздалъ священникамъ на молебствія» [1]). Вдова Костенецкая жила въ Конотопѣ. Гаркуша съ товарищами ограбилъ ея домъ; но былъ пойманъ и попалъ въ Глуховскій острогъ; будучи допрашиваемъ здѣсь въ генералномъ судѣ, онъ далъ показаніе повѣренному Костенецкой, канцеляристу Андрею Житкову, что изъ числа доставшихся ему, *по подѣлу*, ограбленныхъ у Костенецкой денегъ, онъ, Гаркуша, въ бытность свою въ г. Ахтыркѣ на поклоненіи у чудотворной иконы Богоматери, далъ «находящемусь при церкви Покровской *называемому соборному*, котораго имени и прозванія также и жилья его не вѣдаетъ, 25 рублевъ; священникамъ двумъ той-же церкви—одному 6 руб., а другому 5 р. 50 коп.» Генеральный судъ отнесся о разысканіи названныхъ лицъ и истребованіи отъ нихъ данныхъ имъ Гаркушею денегъ въ малороссійскую коллегію, малороссійская коллегія въ слободско-украинскую губернскую канцелярію, эта въ бѣлгородскую духовную консисторію, а послѣдняя предписала ахтырскому духовному правленію: «справясь, находящійся при упоминаемой Покровской церкви, называемый соборнымъ, котораго имяни и прозванія и житья не прописано, въ вѣдомствѣ ль духовной команды, или свѣтской онъ состоитъ, и буде въ духовной командѣ, то какъ ему, что онъ получилъ ли на церковь 25 рублевъ, такъ, сыскавъ оной церкви всѣхъ священниковъ, объявить имъ о томъ, кто изъ нихъ одинъ на молитву 6 рублевъ, а другой 5 р. 50 к. взялъ». Ахтырское духовное правленіе донесло, что при ахтырской соборной Покровской церкви «названіемъ «соборнаго» никогда не бывало, а находятся определенные къ оной ктитори», которые всѣ объявили, что «отъ такого человѣка 25 рублевъ никто съ нихъ на церковь не бралъ и по записной ихъ книгѣ таковыхъ денегъ нигде не значитъ, что и протопопъ оного собора и священники показали, что оный Семенъ Гаркуша *на богомоліи въ церкви ихъ никогда не бывалъ* и никто оныхъ денегъ, отъ него никогда на молитвы не получалъ», и что два священника, находившіеся при той же церкви, Ефимъ Постовойтовъ 777 г. авгу-

[1]) Архивъ бывшей Слободско-Украинской губ. Канцеляріи, дѣло № 283.

ста 4 дня, да Михаилъ Назаревской 779 года померли, но и отъ нихъ, покойниковъ, о такихъ деньгахъ никогда не слыхали». Такимъ образомъ, дѣло и не было обнаружено, хотя переписка о немъ длилась съ 17 января по 3 іюля 1779 года.

Очень возможно, что Гаркуша вовсе не давалъ названнымъ имъ лицамъ денегъ и придумалъ такое показаніе, какъ обыкновенный воровской изворотъ, для продленія суда надъ нимъ и въ надеждѣ уйти изъ тюрьмы, что удавалось ему не разъ; но еще болѣе возможно, что ахтырскій соборный причтъ скрылъ фактъ богомоленія Гаркуши и принятія отъ него денегъ на граминъ его многогрѣшной души. Имя Гаркуши наводило страхъ и впутываться въ какую либо исторію съ нимъ было очень рисковано. А запереться было такъ легко; ибо кто же могъ изобличить причтъ въ невѣрности его показанія? Подобныя приношенія дѣлаются безъ свидѣтелей, да и почемъ знать причту, кто этотъ щедрый жертвователь, и откуда у него и какія это деньги. Какъ бы тамъ ни было, но въ показаніи Гаркуши проглянула характерная для него и его времени черта. Приношенія награбленнаго въ церкви и монастыри были въ ту пору явленіемъ обыкновеннымъ; это сплошь и рядомъ дѣлали запорожцы, всю жизнь промышлявшіе грабежомъ и разбоемъ. Вытекало это у нихъ, какъ и у Гаркуши, изъ ихъ коммунистическаго, точнѣе, радикально-демократическаго взгляда на жизнь и людей и нисколько не мѣшало самому искреннему религіозному настроенію. Гаркуша, какъ впослѣдствіи Кармелюкъ, считалъ себя призваннымъ брать лишнее у богатаго и давать бѣдному и былъ убѣжденъ, что творитъ угодное Богу. Что удивительнаго, если онъ идетъ на поклоненіе въ Ахтырку и дѣлаетъ жертву Богу изъ такой же добычи? Ему нельзя отказать по крайней мѣрѣ въ послѣдовательности; не то съ богачами, грабящими бѣдныхъ и дающими щедрыя жертвы Богу.

А. Т.

ДВА ДОКУМЕНТА КЪ ИСТОРІИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

Въ южно-русской историко-библіографической литературѣ есть не мало общихъ и спеціальныхъ изслѣдованій о существовавшихъ въ южной Руси XVI—XVIII ст. типографіяхъ. Болѣе всѣхъ разработана...

Львовѣ московскимъ первопечатникомъ Иваномъ Ѳедоровымъ, ставшей потомъ собственностію львовскаго братства и существующей доселѣ при львовскомъ ставропигіальномъ институтѣ. Особая монографія посвящена недавно г. Селецкимъ типографіи, основанной въ г. Острогѣ кн. Константиномъ Острожскимъ. Сводъ данныхъ о типографіи кіево-печерской помѣщенъ и въ нашемъ изданіи. Но какъ общія изслѣдованія по сему предмету, такъ и отдѣльныя монографіи трактуютъ исключительно почти объ изданіяхъ той или другой типографіи и ихъ издателяхъ или авторахъ; свѣдѣній же объ устройствѣ типографій, средствахъ и способахъ ихъ существованія и дѣятельности у насъ нѣтъ или почти нѣтъ и внутренняя закулисная или домашняя жизнь этихъ учрежденій намъ вовсе неизвѣстна.

Помѣщаемые ниже два документа обрисовываютъ нѣсколько именно съ этой стороны одну изъ нашихъ южно-русскихъ типографій въ концѣ XVI и началѣ XVIII ст. Это типографія, учрежденная извѣстнымъ южно-русскимъ дѣятелемъ. архіепископомъ черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ въ Новгородъ-Сѣверскѣ, а потомъ переведенная имъ въ Черниговъ. Барановичь былъ весьма плодовитый писатель и имѣлъ надобность въ типографіи для печатанія собственныхъ многочисленныхъ сочиненій; настояща при томъ большая надобность въ печатаніи церковно-богослужебныхъ книгъ, а также книгъ для начальнаго обученія. Барановичъ, какъ видно, не жалѣлъ на это средствъ. Нѣкто Симеонъ Ялинскій взялся устроить ему типографію; Барановичъ далъ на это 4,000 злот., сумму, по тогдашнему времени, очень значительную и кромѣ того разныя необходимыя принадлежности. Барановичъ былъ собственникомъ типографіи, Ялинскій ея орудователемъ и какъ бы пайщикомъ. Каковы были первоначальныя ихъ условія, неизвѣстно; дѣло велось, кажется, на вѣрѣ и по словесному договору. Протекло много лѣтъ, типографія не была доведена до совершенства. Открылось взаимное недовольство. Барановичъ претендовалъ на медленность и несовершенство работы, Ялинскій жаловался на невыгодность условій. Барановичъ принимаетъ и утверждаетъ предложенныя самимъ Ялинскимъ условія, и это есть документъ № 1. Но и письменныя условія не помогли; Ялинскій просто оказался малосвѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ и даже недобросовѣстнымъ эксплуататоромъ преста-

рѣлаго архипастыря. Типографія приходила въ упадокъ, сбытъ книгъ, по причинѣ несовершенной печати, уменьшался. Барановичъ перевезъ типографію въ Черниговъ подъ свой ближайшій присмотръ; но и это не помогло. Тогда онъ отстранилъ Ялинскаго отъ типографіи и прянялъ какого-то типографскаго «ремесника» изъ Вильны, именемъ Лукаша. Этотъ повелъ дѣло гораздо лучше, но скоро умеръ, а между тѣмъ прогнанный Ялинскій обжаловалъ Барановича предъ гетманомъ Мазепою въ обширной супликѣ на нѣсколькихъ листахъ. Барановичъ въ письмѣ къ гетману оправдывается въ взводимыхъ на него Ялинскимъ обвиненіяхъ и разсказываетъ любопытную исторію учрежденія, содержанія и веденія его типографіи. Это письмо его есть документъ № 2. Какъ разобралъ и рѣшилъ гетманъ претензію Ялинскаго, остается неизвѣстнымъ. Приводимъ оба документа въ копіяхъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

I.

ПУНКТА

на споряженъя друкарнѣ.

Лазаръ Барановичъ, милостію Божіею православный архіепископъ чернѣговскій, новгородскій и всего сѣвера.

Ознаймуемъ сымъ писанемъ нашимъ всѣмъ вѣдать о томъ потребуючимъ теперъ и на пототомные часы. Ижъ панъ Сумеонъ Ялинскій, тупографъ друкарнѣ нашой, поднявшися доскональе намъ друкарню выстатчити и взявши на то золотыхъ чотиры тысячи и иншіе належачые до выстатченъя того дѣла рожные потребы, совершенно онѣ презъ такъ много лѣтъ еще не выстатчилъ. Еднакъ поневажъ и въ далний часъ около совершенства онѣ пилное старанъе и вшелякий дозоръ обѣцуетъ мѣти, прето абы за тотъ трудъ свой нагороды и належного до друкарнѣ певенъ былъ доволства, пункта его, отъ него намъ поданые, приймуемъ и на все то, чого колвекъ въ тыхъ пунктахъ потребуетъ, соизволяемъ. Которые такъ ся въ собѣ маютъ:

„Будучи я, Сумеонъ Ялинскій друкарнѣ его пастырской милости типографомъ, жебымъ мѣлъ въ друкарнѣ зъуполную моцъ во всемъ (еднакъ не безъ волѣ и моцы старшого) такъ надъ товариствомъ, яко и учнями, которые того типографского куншту (искуства) схотѣли бы научитися,

такъ тежъ и особливое пошанованъя у началныхъ адгерентовъ его пастырской милости.

Прикладъ (часть, выдѣлъ) мнѣ фолѣіовый книгъ маетъ быти сто, квартовыхъ полтораста, октововыхъ двѣстѣ, яко то: часовниковъ и инныхъ таковыхъ же; полуставцовъ зась и инныхъ поважнѣйшихъ октововыхъ книжечокъ полтораста.

Прикладъ типографский жебы волно въ діецезіи его пастырской милости збывати, продавати, где хотѣти и где мощно будетъ.

Книга якая будетъ друковатися въ типографіи, на тую книгу постановленъя чинить отъ книги плату, уважаючи оной великость кошту и забавы, а зъ того постановленъя маетъ все товариство, въ типографіи зостаючое, мѣти плату и иншіе потребы, до друкарнѣ належачіе, доходити.

На оотливанъя лѣтеръ новыхъ давать мнѣ олово, шпижъ, глясъ, желѣза доброго, броки и уголья, такъ же и на пунцопы сталь добрую и на новые лѣтеры, которыхъ еще въ друкарнѣ не машъ, яко то на писмо еvангелское на схоластику, то есть указное, и если якой меншой мѣры робилобися писмо, на все тое коштъ маетъ быти его пастырской милости, а моя праца такъ въ пунцонахъ резанъю, яко и въ отбитъю метрицесъ и въ отливанъю лѣтеръ маетъ быти завше, а мѣдь на метрицесъ отъ его пастырской милости.

Дрова до друкарнѣ при кождой роботѣ повинни быти до даванъя зъ маетпостей его пастырской милости.

Смола на паленъя сажи на фарбу друкарскую—и тая зъ маетностей его пастырской милости маетъ доходить.

Олѣй на покосты до фарбы, албо насѣнъя лняное, и то отъ его пастырской милости маетъ быти давано, прошки тежъ до покосту рожные, яко то: бурштинъ, мѣлѣя и кглийта, и то отъ его милости маетъ доходить.

Если якая книга будетъ роблена зъ червонымъ, теды его пастырской милости коштъ на цыноберъ повиненъ быти.

Оливы до смарованъя прасовъ, ежели на два прасы будетъ робота, треба на два дни кватирка, а ежели на еденъ, то полкватырки.

Столяръ, слюзаръ и злотникъ, съ росказанъя его милости, чого будетъ до друкарнѣ потреба, такъ нового зъробить, яко и старые рѣчы поправить повинни, а за тую працу имъ отъ его милости плата маетъ доходить.

Товариству, въ типографіи працуючому, также и хлопцомъ прикладъ мѣетъ быти ведлугъ печерского (въ кіево-печерской типографіи) постановленъя позволенъ, а потребнѣйшому товаришу, который способный

до полщизны и руского писма, тому, для задержанья его, прибавити, звышъ иншихъ прикладки, скилка книжокъ; хлопцомъ одежа до роботы друкарской отъ его милости маетъ быти давана.

Форти, фѣкгурки поважнѣйшіи, коштомъ его милости маютъ быти рѣзаны; а если былъ мѣлъ до тоей роботы якого учня, то въ тотъ часъ, поки зъ науки не выйдетъ, не потреба будетъ жадной платы за роботу, тылко ему дать одежду таковую, въ якой до друкарнѣ прийдетъ.

Если бы товариство куншту друкарского не мѣючи роботы, мѣло ваковать, въ тотъ часъ контентацыя (вознагражденіе) имъ отъ его пастырской милости маетъ быти, для ихъ задержанья; а еслибы для неуконтентованья мѣли отъ друкарнѣ розыйтися и на роботу знову бы ихъ треба зобрати, въ тотъ часъ на зобранья ихъ промыслъ и коштъ его пастырской милости маетъ быти отваженый.

На товариство куншту друкарского, при початку кождой роботы, меду съ пивницы его пастырской милости кгарцовъ десять, або спорую коновъ меду маетъ быти дано.

При роботѣ яковой книги пиво и горѣлка маетъ быти отъ его милости на товариство позволена, ведлугъ уваги, якъ великая робота.

Тѵпографъ, который маетъ всѣхъ речий тыхъ быти дозоромъ, старанемъ и працею во всемъ, що ся тутъ не змѣнковало, додавать рады, докладать кошту и своеи особливои працы, абы былъ цале ласкою его пастырской милости окритый, а особливе, абы мѣлъ зъ добръ его пастырской милости на выживленья вылученый млынъ, такъ тамъ въ Новгородку зостаючія, яко и пренестися тутъ, а млынъ тотъ абы направу греблѣ поддаными его пастырской милости мѣлъ, якъ тому будетъ потреба, безъ отмовы.

На томже постановленью потомокъ въ потомные часы, ежели Богъ задержитъ и статечпость въ томъ ему даруетъ и ростропность, повиненъ зоставати, а ни прикладаючи, а ни уймуючи. А если бы того тяжару не хотѣлъ на собѣ двигати, теды ему яко отчизной працы поднятья и вѣчный заводъ абы былъ ласкове нагороженъ».

Тые всѣ пункта принявши и зъгодне на всѣ въ ныхъ выражоные речы соизволивши, симъ нашимъ писанемъ стверждаемъ и не иначей мѣти хочемъ. Которое выдаемъ зъ подписомъ руки власной и зъ приложенемъ печаты нашой архиепископской. Року 1679, сентембра 7 дня.

Рукою власною (Подпись пропущена).

Писано въ Чернѣговѣ, при катетрѣ нашой архиепископской.

II.

Списокъ листу блаженной памяты ясне въ Богу преосвященного архи-епископа Лазара Барановича, писаного до ясне велможного его милости гетмана. Выданъ зъ канцеляріи року 1701 февраля 20-го.

Радъ бымъ ся не наприкралъ велможности вашой, мѣючи завше многие въ повѣренномъ себѣ отъ Бога малороссійскомъ рейментарствѣ забавы и трудности о многихъ хлопотахъ и скорбехъ; еднакъ надъ силу не могучи, яко слабый, двигати тяжару, описуючися до велможности вашой, пастырско и архиерейско велце просячи о ласкавую велможности вашой, милостивого добродѣя моего, помощъ и милость, облегчаючую старости моей тые неудобъ носимые бремена, которые немнѣй налагаетъ мнѣ п. Семенъ Ялинскій, бывшій нашъ друкаръ, чрезъ лѣтъ килка безъпрестанне турбуючи мене и скаржачи невинне мене предъ всѣми, яко и передъ велможностю вашою, добродѣемъ моимъ, гостившимъ въ Чернѣговѣ недавно. Для чого умислне велѣлемъ зъехати превелебному въ Богу отцу архимандритѣ нашему чернѣговскому, такъ же изъ уряду полкового тутейшого певныхъ для прислуханъя тоей справы заживши людей, злецѣлемъ имъ приняти пункта и выслухати скарги п. Ялинского, а уважаючи, чого онъ на мнѣ потребуетъ и о що такъ много безпрестанне мене турбуетъ, предложить. Теды онъ, яко намъ потимъ донесено, на килкохъ аркушахъ жалобы своей претендуючи много шкодъ и утратъ, зъ оказыи нашой архиепископской друкарнѣ понесенныхъ, на которые противъ кгды положено наши пастырскіе шкоды, въ тойже черезъ него починеные друкарнѣ, а пожитки, якіе онъ мѣлъ, неровнаннимъ способомъ преладованая его сторона зостала. На початку бовѣмъ тыхъ заводовъ друкарскихъ далемъ ему тысячей чтиры, за що онъ офѣровалъся намъ и друкарню выставити, и тимже коштомъ книги, працѣ нашей, зовемые Трубы, на свѣтъ подати, а то ся иначей стало: кгдыжъ онъ п. Ялинскій, нѣкгды въ кунштѣ друкарскомъ не бувавши, допюро сталъ по Вилняхъ ездити учитися и способовъ друкарскихъ шукати, що мы видячи и не прудко зъ працы своей тѣшитися чаючи, повторе чтиры тысячы золотыхъ на выдрукованье книгъ Трубъ важили до друкарнѣ печерской. А. п. Ялинскій часть писма друкарского учинивши въ Новгородку, выдруковалъ тры тысячы книжечокъ, то есть кграматички, часловцѣ, елементари, безъ вѣдома нашего изъ того себѣ, зъ превелебнымъ отцемъ архимандритомъ новгородскимъ, болшъ на полтори тысячи мѣли пожитку, чого безъ мене, власного тоей друкарнѣ господара, чинити бы ся не годило. На помощъ тыхъ же заводовъ дру-

карскихъ далисмо ему млынъ, на рецѣ Ромѣ подъ Новгородкомъ стоячий, который хожовалъ въ арендѣ до року подъ сто копъ. Того млына п. Ялинскій через лѣтъ десять уживаючи, одобравъ пожитку полтрети тысячи, надто давано овси, солоды, горѣлку, быдло, дрова, сѣно, чого не пораховать. Потимъ которые книги друковалися, завше закладаючи мало не полторы тысячы кныгъ, намъ господареви пятсотъ давалъ, а себѣ зъ вышписанымъ отцемъ архимандритомъ двѣ части роздѣляли. Що мы видячи, умыслили въ Чернѣговъ препроводити друкарню, абы такъ способнѣйшою до выдрукованъя намъ праць своихъ и до учиненъя пожитковъ намъ, а не кому иншому, поблизу зоставала. И тутъ скоро звабивши его, далисмо ему млынъ добрий подъ городомъ, который въ вѣчность купуючи, тутейшіе чернѣговскіе обывателѣ шацовали тры тысячи золотыхъ, якимъ млыномъ и до сего часу пожиткуетъ. Далисмо тыжъ пляцъ зъ будинкомъ, купленый нами за золотыхъ триста. А зъ друкарнѣ якъ много онъ мѣлъ п. Ялинскій завше пожитковъ, потреба особливый реестръ чинити. Причина зась отдаленъя его отъ друкарнѣ тая, же онъ якъ ремесла друкарского непорядне и недосконале училъся, тылко доходячи чрезъ способы и свою текавость, такъ ани сили многимъ въ друкарнѣ рѣчамъ знаючи, въ отливанъю лѣтеръ великіе намъ чинилъ шкоды, матерій добре не умѣлъ приправовати, лечъ отливши азбуку и едну выдруковавши книжку, що разъ ново а ново переливалъ лѣтеры зъ значною намъ шкодою. А що непреливаными лѣтерами друковалъ въ Чернѣговѣ псалтиры, шестодневцѣ и малые молитвеннички, тыми отразилъ людей отъ друкарнѣ, же нѣхто не хотѣлъ и глядети на такъ темное писмо; до того фарбы друкарской не умѣлъ добре въправовати, такъ, же на инныхъ книжкахъ мощно бы рукою чернило отерти. Для чого была пришла наша чернѣговская друкарня людемъ въ огидъ, ажъ мусилисмо знову ремесника, именемъ Лукаша, зъ Виляя затягати, который подалъ тотъ способъ нѣкоторымъ изъ законниковъ нашихъ такъ въ матеріи до отлитъя лѣтеръ, яко до чернила потребныхъ, възявши на тры тысячы отъ насъ въ нагороду. Тотъже Лукашъ многое множество знайшолъ по улицѣ предъ дворомъ п. Ялинского и предъ друкарнею валяючогося шляку матеріи гисарской, которыхъ онъ п. Ялинскій, не знаючи силы и за непотребные мнѣмаючи, вонъ выкидалъ зъ немалымъ ущербкомъ убогому кошту нашему. Що все при вышеменениыхъ обоего стану персонахъ прекладаючи, припомнено ему, п. Ялинскому, тое, кгды въ року 1677-мъ зъ нароженъя Божого на болѣзненномъ ложку лежалемъ, а зъ любвѣ своей мене киевское духовенство, яко старого пастыря, посѣтило, на тотъ часъ давалемъ друкарню мою тую, чрезъ п. Ялинского выставленную, вмѣсто заплаты, на молитву до

печерского монастыра въ двохъ тысячахъ золотыхъ, при бытности нынѣшнего высоце въ Богу превелебного господина отца архимандриты печерского и нынѣшнего господина отца архимандриты елецкого, на тотъ часъ ігумена выдубицкого, и многихъ духовныхъ особъ, отповидѣлъ велебный отецъ Іоасафъ, дозорца друкарнѣ киевской, же и пять сотъ золотыхъ (яко теперъ наочне оному выраховано) пожиткувавши, кромѣ книжокъ малыхъ, якихъ по килко сотъ на его отходило завше, и намъ на другіе девять тысячей и болшъ шкодъ друкарнею навѣвши, теперъ еще неслыханыхъ рѣчий на насъ доходитъ, абысмо ему тысячей двѣ, не знать за що, платили, млынъ и дворъ въ вѣчность записали, маетность монастира нашего іллѣнского, зовемую Бѣлоусъ, надали, дворы въ Новгородку поддаными нашими направовати, въ друкарнѣ дѣтемъ его, если зъ наукъ выйдутъ, безъ плати во весь вѣкъ до килка десятъ аркушовъ позволили и записали. Чѣмъ поневажъ потурбовалъ и велможность вашу, милостивого добродѣя моего, любо моглъ бымъ я иначей якъ правнымъ отбыти способомъ, еднакъ поважной інстанцѣи за нимъ велможности вашой даючи мѣстце, абы южъ болшъ и моей старости не турбовалъ и предъ поважными не обносилъ немощей моихъ персонами, росказалемъ его уконтентовать тымъ: млынъ, которого онъ и теперъ заживаетъ, по прошенію его, ствердити ему и потомству его въ вѣчность, дворы въ Новгородку поддаными нашими направовати, дѣтемъ въ друкарнѣ безъ нагороды до двадцяти аркушовъ друковати, а тысячей давать (которыхъ я и самъ немного маю и остатные теперъ на образы до церкви святой Тройцы офѣровалемъ сложити), такъ же и маетности монастырскіе и пляцы потребные, жадною мѣрою ему давати анѣ мишлю. Еслы не контентуется тымъ такъ добримъ млыномъ и иншими выражеными зъ ласки нашой рѣчами, воленъ есть нехай знову до друкарнѣ приступуетъ, любо южъ небожчика Лукаша працею далеко поправлена зостала. Мы его приняти не не хочемъ.—Велможности вашой, моему велце милостивому добродѣевѣ, тое все предложивши и до высокой панской подавши уваги, горливе прошу, жебы болшъ велможность ваша невинному его оскарженю насъ не давалъ у себе мѣстца, овшемъ высоце поважною рейментарскою протекцѣею своею старость мою отъ таковыхъ турбаторовъ боронити рачилъ. О що и по стократне просячи, архиерейское мое благословеніе, при залеценъю всегдашныхъ молитвъ, велможности вашой, особливому добродѣеви моему, препосылаю.

Зъ катедры архиепископіи нашой чернѣговской. Року 1689, февраля 6-го.

Велможности вашой, моего велце мосцѣвого пана, въ Духу Святомъ возлюбленого сына и великого добродѣя моего, всѣхъ благъ желаючий

пастырь и богомолецъ и слуга поволный. Лазаръ Барановичъ, архиепископъ чернѣговскій новгородскій рукою власною.

Сообщ. **А Лазаревскій.**

РЕСКРИПТЪ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА ОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІИ МАЛОРОСІЙСКАГО ДВОРЯНСТВА ВЪ ВОЕННУЮ СЛУЖБУ.

Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и малороссійскій гражданскій губернаторъ Френздорфъ.

Увидя изъ донесенія, мною полученнаго отъ бывшаго малороссійскаго гражданскаго губернавора Миклашевскаго, усердіе и ревность ко службѣ дворянъ малороссійской губерніи, изъ коихъ по присланному оказалось тысяча двѣстѣ пятьдесятъ пять человѣкъ, и благоволя на оное, далъ я новелѣніе опредѣлить ихъ всѣхъ, по ихъ желанію, въ военную службу; а вамъ, яко управляющему губерніею, поручаю симъ объявить дворянству малороссійскому мое полное благоволеніе и въ монаршей моей милости его увѣрить.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

Подлинный писанъ и подписанъ собственною его величества рукою тако:

ПАВЕЛЪ.

Петергофъ, іюня 22 день 1800 года.

ОРДЕРЪ ПРАВИТЕЛЯ МАЛОРОССІИ А. РУМЯНЦЕВА ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ПѢВЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ВЪ ГЛУХОВѢ.

Въ войсковую генералную канцелярію предложеніе.

Понеже по именному ея императорскаго величества указу повелѣно учредить въ Глухове неболшую школу при одномъ реинтѣ, которой бы въ пеніи четвероголосномъ и партесномъ былъ совершенно искусенъ, въ которую набирать со всей Малороссіи исъ церковниковъ и съ козачихъ и мѣщанскихъ дѣтей и съ протчихъ и содержать всегда въ той школѣ одъ двадцати человѣкъ, а при томъ сыскавъ искусныхъ мастеровъ изъ иностранныхъ и малорос-

сиянъ и оныхъ учениковъ обучать и струнной музыки: того ради войсковой генералной канцеляріи, куда надлежитъ, подтвердить, дабы реинта такого, которой бы четыреголосному и партесному пенію действително былъ искусенъ и другихъ также бы кто школьниковъ и струнной музыкѣ обучать могли, сыскать и сыскавъ присланы бъ были ко мнѣ, а содержены они будутъ на казенномъ коштѣ.

Декабря 27 дня, 1737 г.
Пореяславль (№ 9254):

А. Румянцевъ.

ГОЛОДЪ ВЪ ПОЛТАВЩИНѢ ВЪ 1833 и 34 гг. И МѢРЫ ПРИНЯТЫЯ ПРОТИВЪ НЕГО.

До сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ Полтавщины сохранилось воспоминаніе о постигшемъ ее въ 1833 и 1834 годахъ голодѣ. Мы не имѣемъ современнаго описанія этого народнаго бѣдствія; подробности его давно забыты, въ народномъ преданіи сохранились лишь общіе разсказы о томъ, какъ люди питались тогда желудями, березовыми шишками, мякиной и т. п., а многіе буквально умирали отъ голода. Но въ нашихъ рукахъ всеподданнѣйшій отчетъ за эти годы бывшаго малороссійскаго генералъ-губернатора, князя Н. Гр. Репнина, гдѣ этому бѣдствію посвящены многія страницы. Съ помощію его сухихъ фактовъ и голыхъ цыфръ можно однако же составить себѣ понятіе какъ о размѣрахъ этого бѣдствія, такъ и о мѣрахъ принятыхъ для его облегченія. Вотъ какія общія свѣдѣнія о семъ можно извлечь изъ отчета.

Голоду 1833 г. предшествовали война съ Турціею, холера, падежъ скота и трехлѣтній неурожай. Наступилъ 1833 г. Съ начала апрѣля и по конецъ іюня не выпало и одной капли дождя. Озимые хлѣба совсѣмъ высохли, яринные едва-едва взошли; когда настало время жатвы, пришлось скосить всѣ хлѣба на кормъ скоту. Какъ на бѣду въ помѣщичьихъ амбарахъ оказался весьма незначительный запасъ хлѣба; обнаружились всѣ признаки грозившаго въ ближайшемъ будущемъ голода. Къ счастію, малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ въ то время былъ упомянутый выше кн. Репнинъ, администраторъ умный и энергическій и, какъ извѣстно, вполнѣ симпатизировавшій населенію управляемаго имъ края. По его инициативѣ принятъ цѣлый

рядъ мѣръ, которыя если не предотвратили совершенно грозившаго бѣдствія, то значительно его облегчили.

Прежде всего, по высочайшему указу 28 іюня, выведены войска, расположенныя въ предѣлахъ полтавской губерніи, въ распоряженіе Репнина отпущено на первый разъ 500,000 р., а самому ему предложено, объѣхавъ ввѣренный край, представить въ Петербургъ проэктъ дальнѣйшихъ мѣръ къ отвращенію угрожающаго голода.

Осмотрѣвъ полтавскую губернію, Репнинъ нашелъ пять уѣздовъ: полтавскій, константиноградскій, кобеляцкій, кременчугскій и гадяцкій въ самомъ бѣдственномъ положеніи; въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ нужда также была, хотя и не такъ велика. По донесеніямъ уѣздныхъ начальствъ, нуждалось 617,525 душъ (338,847 казенныхъ крестьянъ и 278,678 помѣщичьихъ), а на нихъ требовалось 357,028 четвертей хлѣба. Съ помощію предводителей дворянства и земскихъ исправниковъ, а также своихъ адъютантовъ и чиновниковъ, Репнинъ произвелъ повѣрку числа нуждающихся и опредѣлилъ оное въ 219, 278 человѣкъ. Сообразно этому, имъ исходатайствовано было отъ казны 3,365,197 р. 97½ к., изъ продовольственнаго капитала полтавской губерніи 1,709,343 р. 80¼ к., всего 5,074, 541 р. 87¾ к.

По разрядамъ населенія наибольшую нужду терпѣли безземельные козаки, снимавшіе прежде хлѣбъ на поляхъ богатыхъ козаковъ и помѣщиковъ за третью и четвертую часть урожая, а теперь оставшіеся безъ хлѣба, такъ какъ крупные землевладѣльцы сняли собственными силами все незначительное количество хлѣба на своихъ поляхъ; но въ такомъ же почти положеніи находились и помѣщичьи крестьяне. Репнинъ выхлопоталъ у правительства денежныя ссуды помѣщикамъ для пріобрѣтенія хлѣба, а затѣмъ объявилъ имъ еще въ концѣ августа, что они обязаны продовольствовать каждый своихъ крестьянъ во время голода, побуждая притомъ ихъ къ работамъ и изыскивая новыя, чтобы тѣмъ удержать ихъ отъ нищенства, а если кто оставитъ своего крестьянина безъ средствъ къ жизни, выгонитъ его изъ дому и послѣдній самъ прокормитъ себя во время голода, то тѣмъ самымъ получитъ свободу.

Принимая мѣры относительно закупки хлѣба въ урожайныхъ мѣстахъ по возможно дешевой цѣнѣ, Репнинъ обратилъ вниманіе на правильную распродажу вывозимаго на базары хлѣба, такъ какъ въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ были уже случаи нападенія мѣстнаго населенія на скупщиковъ. Поэтому предписано было городскимъ и земскимъ полиціямъ допускать продажу жизненныхъ продуктовъ на торгахъ и базарахъ до полудня лишь мѣстнымъ жителямъ, а потомъ уже и другимъ лицамъ, а въ предупрежденіе сосредоточенія массы хлѣба въ однихъ рукахъ были опубликованы строгія взысканія за скупку. Въ тоже время, чтобы открыть запасы новаго хлѣаа, поручено было предводителямъ дворянства, собравъ достовѣрныя свѣдѣнія о количествѣ хлѣба, хранящагося еще у нѣкоторыхъ помѣщиковъ, побудить ихъ уменьшить винокуреніе и пустить свой хлѣбъ въ продажу, не ожидая возвышенія цѣнъ.

Главными хлѣбными рынками въ это время сдѣлались три уѣздныхъ города: Лохвица, въ которую было привезено много хлѣба изъ орловской и курской губерній, Переяславъ, куда былъ доставленъ хлѣбъ изъ кіевской и минской губерній, и Кременчугъ, получившій много хлѣба, сплавленнаго по Днѣпру изъ разныхъ мѣстъ. Въ этихъ городахъ дѣлались частныя и казенныя закупки хлѣба. Съ цѣлью понижать въ нихъ цѣну на хлѣбъ, достигавшую иногда до четырехъ рублей за пудъ ржи, казенные коммиссіонеры, избранные генералъ-губернаторомъ изъ завѣдомо-честныхъ чиновниковъ и купцовъ, скупали въ разныхъ мѣстахъ хлѣбъ и доставляли его въ Переяславъ, Кременчугъ и Лубны, какъ центральный городъ всей губерніи. При каждомъ отправленіи ихъ назначались цѣны, выше которыхъ они не могли платить безъ особаго разрѣшенія. Всего было куплено: ржи 1,939,986 пудовъ, гречихи 352,253 п., пшеницы 167,377 п., ячменя 112,488 п. и овса 83,679 п., всего на сумму 3,185,498 рублей 4 к. Кромѣ того было выдано въ ссуду помѣщикомъ для покупки хлѣба на продовольствіе ихъ крѣпостныхъ 911, 852 р. 85 коп. Такимъ образомъ изъ отпущенной въ распоряженіе Репнина суммы было пущено въ расходъ 4,097,351 руб. Закупка производилась съ начала августа 1833 г. по февраль 1834 г. Наиболѣе было закуплено хлѣба въ августѣ въ минской губерніи по очень дешевой цѣнѣ переяславскимъ предводителемъ дворянства, Иваненкомъ, благодаря содѣйствію минскаго губернатора дѣйств. ст. сов. фонъ - Дребуша; затѣмъ въ курской губерніи еще болѣе дешевая закупка, по 1 р. 90 к. за пудъ ржи, была произведена губернскимъ секретаремъ Величковскимъ; зимою хлѣбъ покупался въ

кіевской, волынской и подольской губерніяхъ. Чтобы еще болѣе увеличить количество хлѣба въ полтавской губерніи, генералъ-губернаторъ поручилъ первой гильдіи купцу, Зеленскому, сдѣлать закупку 40,000 пудовъ ржи въ турецкихъ владѣніяхъ, съ тѣмъ. чтобы поднять его по Днѣпру до г. Александріи. Пудъ этого хлѣба съ доставкой до Одессы обошелся въ 2 р. 35 к.; но такъ какъ съ доставкой его нѣсколько запоздали, вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣтровъ и карантина, то разрѣшено было Зеленскому промѣнять 7,725 пудовъ этого хлѣба на тоже количество хлѣба, лежавшаго въ Кременчугѣ, принадлежавшаго конторѣ Штиглица, съ приплатою по 15 к. за пудъ.

Хлѣбъ, купленный ранней весною, былъ доставленъ къ концу октября въ назначенныя мѣста, съ остальнымъ было не мало хлопотъ, вслѣдствіе распутицы въ западныхъ губерніяхъ съ начала февраля 1834 г. Тамошніе фурщики, обязавшіеся подвезти хлѣбъ къ Днѣпру, бросали свои возы и скрывались, и только благодаря усиліямъ мѣстнаго тамошняго начальства, не пришлось понести значительныхъ убытковъ. Въ общемъ четверть ржи восьми пудоваго вѣсу обошлась съ доставкой въ назначенные пункты въ 19 р. 77 1/3 к. Кромѣ затрудненій съ доставкою къ пристанямъ и во время самого сплава, приходилось терпѣть и убытки; такъ напр. на рѣкѣ Припяти затонуло 12,000 пуд. ржи, доставлявшейся помѣщикомъ Хржановскимъ, вслѣдствіе сильной бури.

Когда хлѣбъ, благодаря энергичной дѣятельности властей, сталъ прибывать въ полтавскую губернію со всѣхъ сторонъ, нужно было подумать о способахъ его распредѣленія среди населенія, а прежде всего объ обсѣмененіи озимыхъ полей. Такъ какъ это слѣдовало сдѣлать еще въ августѣ 1833 года, когда не было еще привознаго хлѣба, то на посѣвъ были взяты остатки общественнаго хлѣба и сдѣланы были займы у зажиточныхъ жителей. Все количество взятаго хлѣба было возвращено при первомъ подвозѣ. На продовольствіе хлѣбъ раздавался лишь дѣйствительно нуждавшимся, по удостовѣренію волостныхъ правленій, жителямъ, считая по 30 фунтовъ ржи въ мѣсяцъ для каждаго взрослаго и по 15 ф. для малолѣтняго.

Изъ мѣстъ, гдѣ ссыпался хлѣбъ, нужно было перевозить въ другіе уѣзды на обывательскихъ подводахъ. Въ близкомъ разстоя-

ніи, т. е. не далѣе 30 верстъ, перевозка производилась безплатно; для болѣе далекихъ разстояній была назначена плата по 5 коп. съ пуда за каждые 30 верстъ, что составляло съ днемъ накладки менѣе одного рубля на человѣка и пару воловъ. Уплата возчикамъ была возложена на земскихъ исправниковъ и уѣздныя коммиссіи народнаго продовольствія, подъ наблюденіемъ гражданскаго губернатора. Всего было заплачено за перевозку 94,627 р. 87½ к.

На обсѣмененіе яровыхъ полей былъ розданъ хлѣбъ, купленный въ курской, орловской, черниговской, кіевской губерніяхъ и въ прилуцкомъ и роменскомъ уѣздахъ полтавской, всего 83,464 п. 33 ф. пшеницы, 52,185 п. 6½ ф. ячменя, 168,492 п. 11 ф. гречихи и 40,810 п. 5 ф. овса. Но этотъ хлѣбъ не пошелъ въ прокъ: 29 апрѣля 1834 г. пронесся по полтавской губерніи на разстояніи 300 верстъ страшный ураганъ, а затѣмъ наступила засуха, продолжавшаяся до конца іюля, изсушившая всѣ поля, такъ что обыватели, получившіе хлѣбную ссуду, не вернули даже сѣмянъ, въ особенности ячменя и гречки.

Изъ выданныхъ казною денегъ было израсходовано еще 69,766 р. 38 ½ к. на покупку мѣшковъ, пересылку денегъ, разъѣзды чиновниковъ, починку хлѣбныхъ магазиновъ, жалованье смотрителямъ и канцелярскіе расходы уѣздныхъ коммисій продовольствія.

При выдачѣ ссудъ помѣщикамъ приняты были мѣры, чтобы выданныя деньги не были употреблены ими на покупку предметовъ роскоши и на хозяйственные обороты. Отъ просившаго ссуды требовалось свидѣтельство, что онъ дѣйствительно не можетъ прокормить своихъ крѣпостныхъ, а съ другой стороны—что запрещенія на его имѣнія не превышаютъ опредѣленной закономъ суммы, коммиссія же продовольствія, выдавая ссуду, обязывала получающаго подпискою, что по полученіи денегъ онъ вполнѣ обезпечитъ своихъ крѣпостныхъ, подъ опасеніемъ наложенія на имѣніе опеки.

Кромѣ денегъ, отпущенныхъ изъ государственнаго казначейства и изъ суммъ продовольственнаго капитала, въ помощь бѣднымъ поступали пожертвованія. Государь императоръ далъ 16,000 р.; епископъ полтавскій и переяславскій Наѳанаилъ собралъ отъ разныхъ лицъ 8,000 р.; московскій 1-й гильдіи купецъ, нѣжинскій грекъ, Хаджи-Конста, пожертвовалъ 2,000 р.; выручено за разыгранныя въ лоттереѣ издѣлія воспитанницъ полтавскаго института

и полтавскихъ дамъ 1,339 р.; собрано въ первый день Пасхи при взаимномъ поздравленіи 1,401 р.; выручено за два концерта, данныхъ любителями музыки въ пользу бѣдныхъ 2,910 р.; собрано въ уѣздахъ, по приглашенію полтавскаго гражданскаго губернатора, 4,250 р. и 500 пуд. разнаго хлѣба.

Изъ этихъ денегъ около 20,000 руб. разошлось по уѣздамъ, 1,000 руб. была роздана нуждавшимся семействамъ духовнаго званія, остальныя разошлись на пособіе голодавшимъ жителямъ г. Полтавы. Для большаго удобства Полтава была раздѣлена на восемь участковъ, которыми завѣдывали дамы высшаго круга; ими были устроены бараки, гдѣ за полъ-цѣны отпускалась порція хлѣба и говядины. Кромѣ того, нѣкоторые жители Полтавы содержали на свой счетъ по нѣскольку семействъ, а именно: архимандритъ крестовоздвиженскаго монастыря Гавріилъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, 50 человѣкъ, полтавскій городской голова купецъ Панасенко, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, 120 человѣкъ и полтавскій 1-й гильдіи купецъ, Петръ Ворожейкимъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, 175 чел.

Сверхъ пособія хлѣбомъ разрѣшено было отправляться на заработки, не взнося пошлинъ за паспорты, подати взыскивались исподоволь, перепись пріостановлена и населеніе освобождено было отъ рекрутскаго набора.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, были предотвращены до нѣкоторой степени всѣ ужасы голода и народное спокойствіе въ Полтавщинѣ нигдѣ не было нарушено.

МАЛОРУССКІЯ ПѢСНИ У ВЕЛИКО-РУССКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

По поводу взаимодѣйствія двухъ народностей, великорусской и малорусской, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они непосредетвенно соприкасаются другъ съ другомъ, существуетъ то общераспространеннее мнѣніе, что великорусская неродность всюду поглощаетъ малорусскую, что малороссы, живя по сосѣдству съ великороссами, утрачиваютъ свою самобытность, теряютъ свой языкъ, свои нравы и обычаи и *все перенимаютъ у великороссовъ*. Мнѣніе это намъ кажется слишкомъ одностороннимъ и тенденціознымъ. Мы лично въ теченіи долгаго времени жили какъ разъ на рубежѣ, гдѣ сталки-

ваются эти двѣ народности (въ курской губерніи), видѣли много такихъ селеній, гдѣ живутъ смѣшанно великороссы и малороссы. и такимъ образомъ не можемъ согласиться съ поборниками приведеннаго мнѣнія. Не распространяясь подробно объ этомъ предметѣ, такъ какъ намѣрены посвятить ему въ близкомъ будущемъ особый очеркъ, мы скажемъ здѣсь только, что малороссы въ порубежныхъ мѣстностяхъ, по нашимъ наблюденіямъ, перенимаютъ у русскихъ лишь одинъ языкъ, который они усваиваютъ частію въ народной школѣ, частію при сношеніяхъ съ волостнымъ правленіемъ и другими оффиціальными учрежденіями и лицами; обычаи же и нравы ихъ не подвергаются, повидимому, никакому вліянію со стороны сосѣдей великоруссовъ. Въ этомъ сказывается весь національный характеръ хохла, упрямство котораго вошло у русскихъ въ пословицу. Намъ лично разсказывали въ одномъ большомъ селѣ, населенномъ исключительно одними малороссами, какъ мѣстный становой приставъ, наслышавшись о развратѣ, царствующемъ будто бы на «вечерницахъ» и желая водворить нравственность среди молодежи, цѣлую зиму гонялся по вечерамъ, въ сопровожденіи десятскаго, за «парубками» и «дивчатами», чтобы не дать имъ возможности собраться гдѣ бы то ни было на вечерницу, накрывалъ и ловилъ ихъ не только по избамъ, но даже въ сараяхъ, но въ концѣ концовъ утомленный борьбою, сложилъ оружіе и плюнулъ на всѣ эти дѣла, предоставивши молодежи полную свободу веселиться и устраивать вечерницы, какъ онѣ ни казались ему безнравственны и противозаконны... Тоже самое мы должны сказать и относительно пѣсенъ, сказокъ и другихъ продуктовъ народнаго творчества. Мы собрали въ Бѣлгородщинѣ и Посемьи около 400 пѣсенъ и болѣе 100 сказокъ какъ среди малорусскаго населенія, такъ и среди великороссовъ, и сличая ихъ тексты, мы не нашли въ малорусскихъ пѣсняхъ *ни одной* такой, которая бы указывала на прямое заимствованіе ея у русскихъ. На оборотъ, вопреки всѣмъ своимъ ожиданіямъ, мы нашли среди русскихъ пѣсенъ, записанныхъ въ великорусскихъ деревняхъ и отъ кровныхъ великоруссовъ, не мало такихъ пѣсень и сказокъ, которыя или всѣ цѣликомъ, или только въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ заимствованы у малороссовъ, при чемъ это заимствованіе бываетъ до того ясно и произошло, должно быть, такъ еще недавно, что нѣкоторыя отдѣльныя слова (въ родѣ той же

«вечерницы», «дивчата», предлога «пидъ» и т. п.) и даже цѣлыя выраженія не успѣли еще перевестись на русскій языкъ и поются по малороссійски. Приведемъ здѣсь, для примѣра, хотя двѣ такихъ пѣсни, записанныхъ среди велико-рускихъ крестьянъ и, какъ кажется, цѣликомъ заимствованныхъ ими у малороссовъ.

Записывались эти пѣсни, разумѣется, съ буквальной точностію,— такъ, какъ онѣ поются въ деревняхъ.

I.

Въ Польшѣ огонь горитъ, а къ Кіевѣ дымно.
Ходилъ козакъ по рыночку,—
Только мощи видны.
Померъ, померъ козаченько (sic!)
Въ недилю въ ранци.
Ахъ, вы, братцы, товарищи,
Выводите коня моего на стойло,
Выносите мнѣ сбрую на могилу;
Пускай конь вороной заржетъ надо мною,
Чтобы услышали отецъ и *маты* [1]) (sic!).
... Одна въ новой хатѣ [2]).
Коли бы [3]) я была зезулинька [4]),
Я бъ крылушки имала
И всю бъ тую вражу Польшу
Кругомъ облетала,
Своего (бы) сына Ивана
По шапкѣ узнала.
Сѣла (бъ), пала на могилѣ
И сказала (бъ): «куку, куку;
Сынъ мой возлюбленный (sic!),
Подай мнѣ правую руку»!
— «Радъ бы я, мати, встати,
Засыпаны очи сырою землею».
Взлеталъ пивень на вороты,
Кричитъ: «кукареку»!
Не жди-жъ меня матушка
Изъ сырой земли до вѣку.

---

[1]) Передъ этими стихами, очевидно, что-то пропущено.
[2]) Въ другомъ варіантѣ: „кабы“.
[3]) Въ другомъ варіантѣ прямо по русски: „отецъ съ матерью“.

II.

Умéръ, умеръ козаченько
Въ недѣлюшку рано.
Положили козаченьку
Въ свѣтлицѣ на лавку,
Покрыли ясны очи
Черною тафтою.
Лежитъ, лежитъ козаченька
Съ ранней зори до заранку.
Какъ прикажетъ панъ полковникъ:
«Выкопайте, братцы, яму»!
Выкопали козаку
Что глубокую могилу.
Охъ, вы, братцы-атаманы,
Вы чините мою волю,
Что я только вамъ позволю.
Ведутъ коня, несутъ сбрую,
Несутъ гробъ за мною,
Заржи мой вороной конь
Сегодня надо мною.
Какъ заслышитъ моя мати,
Что изъ каменной палаты,
Сбросилася моя мати
Пташкой-голубочкомъ,
Полетѣла моя мати
Что на *вкраину*;
Убивалась моя мати
Надъ моей могилой:
«Дитя мое милое,
Подай бѣлы руки»!
—«Радъ бы я подати,—
Не могу подняти:
Гробовой доской закрылся,
Желтымъ пескомъ засыпанъ».

(Запис. въ путивльскомъ уѣз., курской губ.)

Н. Добротворскій.

[1]) Въ другомъ варіантѣ: „кукушечка“.

малу. Вечеромъ были и ужинали у маіора гвардіи и генерала маіора Івана Афанасіевича Шипова.

12. Былъ я въ сенатѣ, но дѣла нашего съ Соколовскимъ не слушано. Куплены: портретъ государыни великой княгини—1 р. 25., три картини проспекту С.П.Бурха—1 р. 5 к., три азбуки: латинская, нѣмецкая и французская—36 к. Данъ зипунъ Сидору, купленный за 1 р. 20 к. Государыня изволила быть на бархатномъ дворѣ у Евдокіи Гарасимовни Жоравкиной.

13. Рано перво были у Петра Івановича графа Шувалова и тутъ видѣлись съ генераломъ маіоромъ Флоровымъ-Багріевымъ, потомъ въ дворцѣ у графа Розумовского. Даны къ пошитю сукенъ пара, кунтушъ и кафанъ, кравцю и ему-жъ отъ мене даны на всякіе потребы 2 р. ad interim. Вечеромъ сидѣлъ у насъ подполковникъ Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ до Прусъ.

14. Золотошвеямъ девкамъ, которіи шили золотые и срѣбрные петли до 2-хъ кунтушовъ, сверхъ прежныхъ 4 р., еще сего числа доплачено 3 р. 50 к. Пущалъ я сего-жъ числа кровь и пущателю греку дано 50 к. Канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій прислалъ сафянъ красный, а Жоравко тютюну турецкого, жена-жъ его вчора прислала вишніовки барилко.

15. Куплено свистуна три аршини на подбой до кунтуша за 3 р. 15 к. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, а по полднѣ были у насъ-же секретари сенатскый Новоторжцовъ, штатсъ-канторы Шишкинъ и канцеляристъ Тимофіевъ, которымъ—послѣднымъ 15, а первому 30 лимоновъ соленыхъ отъ насъ конферовано.

16. Рано были въ дворцѣ и тутъ видѣлись съ Жоравковою. Обѣдали у насъ канцеляристъ Данилевскій, да женщини Крюкова и Козляницина. Передъ вечеромъ были мы у дѣйствителного статского совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ у Александра Тихоновича Лукина.

17. Рано едучи къ дворцу, были у генерала-маіора, гвардіи маіора, Шипова, послѣ полдня у графини Гендриковой, которая насъ и заячимъ удцемъ подарила. За лѣкарство, купленное въ аптекѣ Мееровой, дано 60 к.

18. За перчатки бѣлые дано 50 к., за конфору, за крайку и носки дано 23 к. Шевцю за пошитье сапоговъ красныхъ—30 к.

19. Ради тезоименитства своего Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ генералъ-маіоръ и гвардіи маіоръ звалъ насъ къ себѣ обѣдать, где и обѣдали мы, между протчими, съ капитаномъ 5-й роти ізмайловского полку гвардіи Өедоромъ Өедоровичемъ Павловымъ, да братомъ его и нѣкоторымъ Воейковымъ съ женою его, а послѣ обѣда былъ тутъ-же совѣтникъ военной коллегіи Козловъ, и уже оттуду вечеромъ возвратились.

20. Государыня изволила ездить кушать до камеръ-юнкера Сіверса зъ нѣкоторими придворними. Мы знову обѣдали у генерала Шипова купно съ генераломъ-лейтнантомъ и кавалеромъ Петромъ Михайловичемъ Шиповымъ и генераломъ маіоромъ Іваномъ Івановичемъ Дивовымъ, генералъ-рекетмейстеромъ и съ женами ихъ. Потомъ надъ вечери ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ и тамъ былъ у графа Розумовского, которій между протчимъ обнадеживалъ скорою уже имѣющею быть нашею отправою. Тамъ-же въ дворцѣ рано подана сочиненная записка о классахъ рангамъ малороссійскимъ.

21. Рано въ дворцѣ между протчими и мы допущены были къ ручки іхъ высочествъ, ради рожденія сего числа государини великой княгини празднуемого, где и обѣдни слушали. По полдни былъ въ нашей квартерѣ генералъ маіоръ отъ кавалеріи Яковъ Лукичъ Флоровъ-Багрѣевъ безъ насъ.

22. Обослалъ насъ графъ Гендриковъ зайцемъ, отъ него затравленнымъ, а обѣдали мы у Жоравка и тамъ-же по огороду и ренжереямъ гуляли.

23. Обѣдни слушали въ дворцѣ, потомъ звалъ насъ тамъ-же оберъ-маршалъ Шепелевъ къ себѣ на водку. Жоравко обѣдалъ у канцлера, а жена его у государини. Мы обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ привезъ мнѣ футлярикъ на стеклорѣзный алмазъ, а передъ симъ мнѣ-жъ подарилъ г. Лукинъ одинъ болшый, а два маленкихъ блоковъ.

24. Куплены у Янджула 14 срѣбныхъ гузіковъ. Весь день пробыли въ квартерѣ, толко вечеромъ ездили въ дворецъ, однакожъ графа А. Г. Розумовского не видали.

25. Ради торжества коронаціи государини, сездъ былъ ко двору многочисленный по утру, и на обѣдни изволила быть государиня и іхъ высочества въ церквѣ теплой, что при болшой салѣ,

и послѣ обѣдни былъ я у ручки государини, протчіи такожде допущены были къ руки, и многихъ повышено рангами, а во первыхъ: генерала-маіора и гвардіи маіора Івана Афанасіевича Шипова—генераломъ-лейтнантомъ, Шереметева генералъ провіантмейстера—генераломъ-лейтнантомъ въ отставку, брегадира отъ артилеріи Івана Өедоровича Глѣбова—генераломъ маіоромъ и другихъ. Послѣ обѣда были мы у оного генерала-лейтнанта Шипова и поздравляли его, гдѣ застали у его-жъ губернатора нижегородского, дѣйствителного статского совѣтника, князя Данила Андріевича Друцкого и генерала маіора Флорова-Багріева. Послѣ полдни знову были въ дворцѣ, где былъ балъ перво, а потомъ и государиня туда-жъ прійти въ началѣ 10-го часа по полдни изволила и до 12-го пробыть. Послѣ былъ ужинъ для всѣхъ знатныхъ персонъ, въ присутствіи іхъ імператорскихъ высочествъ, въ болшой салѣ, и тамже ишли фонтаны и музика вокальная и інструментальная, купно съ пѣвчими придворными, играла.

26. Рано были въ дворцѣ и тамъ у графа Розумовского застали нѣкоторыхъ повышенныхъ рангами, кои приходили благодарить. Тамъ-же съ Жоравкомъ, досаждавшимъ намъ, имѣлъся переговоръ, а вечеромъ онъ же былъ у графа Гендрикова, зовучи его къ своей квартерѣ на завтра обѣдать; а послѣ его были и мы до позна у того-жъ графа Генорикова.

27. Въ домѣ графскомъ бархатномъ у Жоравки многіе знатные господа, въ томъ числѣ канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, генералъ аншефъ Апраксинъ и другіе обѣдали и весь день гуляли, а графъ Розумовскій изъ-рана ездилъ на охоту и ужиналъ у нѣкоторого конюшенного ассесора Поздѣева Сергія Василіевича. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ свою деревню Пруси, а мы были рано у Любисткова и Шубского. Надъ вечери быаъ у насъ генералъ-лейтнантъ Шиповъ съ синомъ своимъ Михайломъ, сержантомъ гвардіи ізмаиловского полку. Подано отъ насъ доношеніе въ сенатъ о дачѣ екопому артилерійскому Кирилу Бѣлоровскому подорожной до Глухова на двѣ подводы ямскіе.

28. По оному нашему доношенію посланъ указъ въ Ямскую о даче ему таковыхъ 3-хъ ямскихъ подводъ, и объ немъ-же виданъ указъ въ Глуховъ въ канцелярію генералную, объ немъ-же писано отъ насъ писмо до старшины генералной въ дѣлѣ его о частяхъ войсковыхъ

въ одной мелници. Да чрезъ него-жъ посланы писма въ пакетѣ: 1-е до Скоропадского отъ мене въ отвѣтъ на его писмо сторони виговоровъ, ему чиненныхъ отъ насъ г. Кочубеемъ, полковникомъ нѣжинскимъ; 2-е до Кочубея о присилки его писма до графини Солтиковой Парасковіи Юрьевни и о лошадяхъ 8-ми одношерстныхъ и вина бочкѣ волоского; 3-е пакетъ, отъ Жоравки на имя асаула енералного Валкевича надписанный, и онъ-же Бѣлоровскій простилъся зъ нами къ отезду до Глухова съ секундъ-маіоромъ Михайломъ Івановичемъ Коченевскимъ. Надъ вечери были у прокурора Петра Михайловича Николева.

29. Послѣ полудня были у князя Івана Андріевича Щербатова сенатора и такъ объ ассесорѣ, стараючомся въ коммиссію щетную, яко и о своемъ дѣлѣ имѣлъ я доволный розговоръ. Въ вечеру прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ.

30. Послѣ бытія въ дворцѣ обѣдали у генералъ-лейтнанта І. А. Шипова. По полдни былъ у графа Гендрикова зговоръ тестя его, Сергія Івановича Бутурлина, дочери Елени за салдата семеновского полку гвардіи, князя Петра Івановича Урусова. Потомъ ездили мы до Новоторжцова, секретаря сенатского и тамъ застали судного приказу президента князя Борятинского. Въ дворцѣ простились съ Жоравкомъ за бывшій переговоръ.

Маій.

1. Рано были у штатского дѣйствителного совѣтника Василія Івановича Демидова, потомъ въ дворцѣ, где при насъ изволила государиня отъехать и ихъ высочества въ Покровское, а оттоль имѣли быть и въ Преображенскомъ. Гудовичъ по обѣдѣ ездилъ до Жоравки. Въ недавно прошедшихъ числахъ дано за 14 пуговокъ срѣбрныхъ 1 р. 35 к., шнурка срѣбрного за 20 к., шолкового за 4 к., за двое подошевъ 15 к., за два аршина зеленой ленти 5 к., за тясму нитчаную до сапоговъ $2^1/_2$ к. Куплены два вѣдра горѣлки за общие денги, дано 2 р. 40 к. На строеніе церкви подписались у г. Демидова дать 6 р. общихъ-же. Надъ вечери былъ у сенатора князя Щербатова съ Янушкевичемъ и подлинный въ Статутѣ артикулъ и родословіе о наслѣдствѣ въ добрахъ показиваны, где при томъ былъ и офіцеръ гвардіи Алексіевъ.

2. Рано были въ дворцѣ у полковника Өедора Івановича Коченевского, а пріехавъ въ квартеру, застали тутъ атамана городового стародубского Өедора Яскевича, которій пріехалъ почтою по подорожной, данной ему изъ міністерской канцеляріи и привезъ ко мнѣ изъ дому при писмахъ де-которую посилку, да и отъ другихъ привезъ-же писма.

3. Ездилъ я въ сенатъ за дѣломъ съ Соколовскимъ, толко оного не слушали. За пошитье сукень кравцю, кунтуша капарового и кафана зеленого атласового, дано 1 р. 50 к.

4. Рано были съ поздравленіемъ праздника Вознесенія Господня у канцлера Бестужева, а потомъ слушали обѣдни въ болшой дворцовой церкви и послѣ, между протчими, допущены къ ручки государини и іхъ высочествъ. Обѣдали у насъ штатсъ-канторы секретарь Яковъ Васильевъ Шишкинъ, Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцеляристъ, и копеистъ. Послѣ обѣда были у архіерея псковского и у архимандрита петровского монастыря Пахомія.

5. Будучи въ дворцѣ, обѣдали у Өедора Івановича Коченевского, а рано были у графа Петра Івановича Шувалова и объ указѣ печатномъ, публікованномъ отъ сената, о висилки козаковъ слободскихъ полковъ изъ великой и малой Россіи (трактовали?).

6. Послѣ полдня прислана коляска изъ лавры троецкой сергіевской, на которой я туда отъехалъ въ 9-мъ часу по полдни, а прибылъ въ лавру

7. по полночи въ 7-мъ часу и тамъ, по вислушаніи набоженства, обѣдалъ у келаря тамошнего, отца Феофана Чарнуцкого, купно съ братомъ его Іовомъ, а надъ вечери ездили смотрѣть ново-вилитого колокола, вѣсомъ въ 4, 500 пудъ, съ нимъ-же келаремъ и казначеемъ Мисаиломъ и съ Іовомъ-же; тако-жъ и на загородній дворецъ ездили, а оттуду возвратясь, были на всенощномъ въ соборѣ троецкомъ, где и преподобного Сергія мощы.

8. Рано были у мене тамошней семинаріи учители, ректоръ Афанасій Ваховскій, префектъ Кирилъ Лящевскій и іеродіаконъ Іннокентій Паскевичъ. По обѣдни-же были вси купно съ отцемъ келаремъ перво у казначея, потомъ и у тихъ учителей, а обѣдали у отца келаря. Потомъ паки до тѣхъ-же учителей ходили, а далѣе, простясь со всѣми и напутствованъ будучи де-чимъ отъ отца келаря, отъехалъ изъ лавры, и самъ съ Свѣрскимъ и Прокопіемъ Чарнуц-

кимъ поехалъ прямо въ деревню Сергіевско помѣщика Сергія Івановича Бутурлина. где смотрѣлъ конскій его заводъ предорогой, а оттуду поехавъ, къ Москвѣ прибылъ въ 4 часу по полуночи и

9. не засталъ Гудовича въ квартерѣ, которій отъехалъ вчора съ графомъ Гендриковымъ до деревнѣ его Прусъ, а засталъ тутъ вчерась-же пріехавшпго товарища бунчукового Николая Тризну. По обѣдни кушали у мене Александръ Сергіевичъ Бутурлинъ, да сержантъ гвардіи преображеского полку Никита Александровичъ Шубинъ. Въ поездѣ до лаври помянутой и въ обратѣ розишлось 1 р. 50 к.

10. Слушано дѣло въ сенатѣ наше, где передъ сенаторами Соколовскій бранніе слова говорилъ, о чемъ я и протесствовалъ. Писано писмо до жены на еи писмо, чрезъ Яскевича полученное, въ отвѣтъ и что-бъ Грицка ко мнѣ не присылала, и оное вручено почепцямъ для пересилки, да и до сина подъ 11-мъ числомъ писано-жъ съ приложеніемъ писма отъ студента Рихарди. Послѣ вечерней зари дворъ прибылъ въ Москву.

11. Писалъ до Лисаневича, сотника мглинского, съ приложенными копіами кредитива и облѣга, врученныхъ мнѣ отъ Татіани Лизогубовни Вайниковой, о доправки по онымъ денегъ на козаку мглинскомъ Руцкомъ. Тако-жъ писалъ до Гудовича о прибытіи его изъ Прусъ въ Москву. Войтъ почепскій обослалъ мене вишніовки бочонкомъ. Состоялся указъ печатный о неподаваніи челобитныхъ самой государинѣ.

12. Рано были въ дворцѣ, где графъ, отъежджая на охоту, спрашивалъ о вѣдомостяхъ изъ Украини. Потомъ былъ у Өедора Івановича Коченевского и у него видѣлъся зъ Демидовымъ. Послѣ полдня былъ у графа Мойсѣя Івановича Владиславича, а между тѣмъ прибылъ изъ Прусъ графъ Гендриковъ, а съ нимъ и Гудовичъ и Соловіовъ.

13. Отъ почепціовъ отправленный въ Почепъ человѣкъ отъехалъ, чрезъ которого и выше намѣненные писма въ домъ и въ Мглинъ, а особливо отъ протопопа мглинского до сотника тамошнего пакетъ надписанный, отпущены. Рано были у духовника, которій сказовалъ намъ, что слышалъ онъ о скорой нашей отправѣ, да и о купцяхъ здешныхъ, кои откупили были пограничные таможни, намъ-же говорилъ.

14. Рано въ 9-мъ часу по полуночи преставилась Евдокія Денисовна, жена сина канцлерового, графа Андрея Алексіевича Бестужева-Рюмина. Рано-жъ были мы у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, обѣдни слушали въ дворцовой болшой церквѣ, потомъ были у графа Алексія Григоріевича Розумовского. Обѣдали у Жоравки на бархатномъ дворѣ, ужинали у г. Гендрикова. Государиня изволила отъехать въ Перово.

15. Куплены: чашка полоскателная, чайниця и двѣ солонки, въ которыхъ серебра вѣсомъ 1 фунтъ и 84½ золотника, дано 30 р. 27 к., да старой доплатки, Волкову надлежавшей, 1 р. 35 к., да мѣдное вѣдро 2 р. 75 к., за двойной фунтъ 1 р., итого всего заплачено 35 р. 34 к. Обѣдалъ у насъ гайдукъ дворцовый Захаръ Каліновскій. Розишлось въ прошлыхъ числахъ на разные дробные экспенси 84½ к.

16. Взяты денги 100 р. харчевые за мѣсяцъ априль изъ московской рентеріи, изъ которыхъ себѣ я и Гудовичъ взяли по 30 р., а осталось на харчевый росходъ 40 р. Государиня изволила прибыть зъ Перова, а мы вечеромъ ездили до князя Николая Юріевича Трубецкого на его загородный дворъ, что за донскимъ монастыремъ, и тамъ просили о почтѣ по тракту отъ Глухова до Кіева, о почепцяхъ, и указъ печатный именный показивали о висилки всѣхъ слободскихъ козаковъ и подпомощиковъ изъ-за помѣщиковъ.

17. Рано я ездилъ въ сенатъ и тамъ дѣло съ Соколовскимъ слушаніемъ окончено, а потомъ подалъ я генералу прокурору челобитную о злословленіи его въ сенатѣ. Послѣ обѣда были у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ужинали у графа Гендрикова.

18. Въ 10-мъ часу по полуночи былъ виносъ умершей Евдокіи Динисовны, невѣстки канцлеровой, которая погребена на Арбатѣ въ церквѣ Бориса и Глѣба каменной. А на виносѣ и при погребеніи были многіе господа сенатори, генералитетъ и кавалери, а между протчими и мы тамъ-же присутствовали. Графъ Гендриковъ отъехалъ на свадбу къ тестю своему Сергію Івановичу Бутурлину, которій видаетъ дочь свою Елену за князя Урусова. Отослалъ вѣдро вина куму Якову Тимофіеву.

19. Рано были въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, а ве-

черомъ онъ же и у насъ былъ. Ужинали у графини Гендриковой. За направу фузіи старой данъ 1 р.

20. Были въ дворцѣ рано, но не застали графа Розумовского, отъехалъ на охоту. Потомъ заездили въ слободу салдатскую, бывшую прежде Лафортовскую, и тамъ были у муншенка дворцового Алексія Петровича Соболева. Надъ вечери были у Новоторжцова.

21. По вислушаніи обѣдни въ церквѣ св. мученика Никиты, поехали были въ дворецъ, потомъ возвратясь, встрѣтили при церкви Петра и Павла государиню, возвращаючуюся изъ церкви володимерской Богородици. Послѣ полдня былъ у насъ полковникъ стародубскій Максимовичъ, потомъ соборный обители Тройци сергіевской Леонтій съ попомъ семеновскимъ Димитріемъ. Въ вечеру пяній вздорилъ Яскевичь, въ вечеру-жъ были у Лукина.

22. Рано присилалъ по насъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, до которого прибывъ, тамъ-же застали и духовника и просили ихъ напоминать объ отправѣ нашей. Потомъ были у графа, чрезъ которого покои въ 12-мъ часу изволила и государиня прошедъ отъехать въ Перово, село графа Розумовского. А мы мимоездомъ заехали къ генералу лейтнанту Шипову и у него обѣдали и долго проседѣли. А отъ него пришедши, застали въ квартерѣ нашей прибывшихъ изъ Глухова Кулябокъ—Петра, бунчукового товарища и обозного полка лубенского Івана, синовъ, пріехавшыхъ за пашпортами въ іностранную коллегію для поездки въ чужые краи. Пожаловала государиня сержантомъ въ гвардію сина пятимѣсячного генерала Стефана Өедоровича Апраксина, Николая.

23. Явилься до насъ бунчуковый товарищъ Стефанъ Карпѣка, изъ Глухова прибывшій, и у насъ-же обѣдалъ. Мы рано ездили до великого канцлера, которого за болѣзнію видѣть не могли. Рано у насъ былъ Лукинъ, объявляя, что синъ Апраксиновъ пожалованъ сержантомъ.

24. Писаны писма въ домъ до жены о домашныхъ дѣлахъ и о іноземки, до дѣтей уговоренной, да въ Глуховъ до Скоропадского о подсвѣщникахъ, передъ симъ въ монастырь сумскій отъ подполковника Шубского посланныхъ чрезъ Івана Мировича. Рано былъ у насъ генералъ-лейтнатъ Шиповъ. Мы ездили въ Перово, где перво въ болшой салѣ были у ручки государини и іхъ высочествамъ кланялись; потомъ у полковниковъ придворныхъ обѣдали, а по обѣдѣ

знову отъехали въ Москву. Вечеромъ былъ у насъ іностранной коллегіи секретарь Урилъ Ларіоновичъ Іванов и графъ Мойсѣй Владиславичъ.

25. Рано отъехалъ почтою Яскевичь въ Стародубъ, чрезъ которого и писма вчорашные посланы. Сего числа по утру жена Сергія Івановича Бутурлина Гликерія Юревна княжна Шаховская преставилась. Подано извѣстіе въ сенатъ о почтовыхъ станахъ отъ Глухова до Кіева. Послѣ полдня ездили къ секундъ-ротмистру конной гвардіи Александру Петровичу Толстому на загородный его дворъ, не далече убогого дому будучій, а оттоль Гудовичь ездилъ въ дворецъ къ Өедору Івановичу Коченевскому, а я сидѣлъ у Лукина.

26. Рано принималъ лѣкарство слабителное. Въ 11-мъ часу по полуночи прибылъ въ Москву графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ съ своею фамиліею. Отдалъ мнѣ Коноваленко денегъ заниманныхъ 10 р.

27. Погребеніе было помянутой Бутурлиновой въ церквѣ св. Николая, что на Мясницкой, где былъ межъ протчими и отставный генералъ маіоръ Афанасій Даниловичъ Татищевъ, который водилъ насъ въ огородъ нѣкоторого посадского Полуярославцова. Потомъ были у архіепископа московского Платона Маліновского, у которого за Москвою рѣкою въ домѣ умершого князя Юрія Юревича Долгорукого обѣдали и съ нимъ-же заездили до одного капитана, Петра Іосифовича Мякинина, изъ Камчатки прибывшого. Послѣ ездили до князя Никити Юревича Трубецкого и оного завтрешнымъ тезоименитствомъ поздравляли.

28. Графъ Гендриковъ отъехалъ въ деревню свою Прусы. Я чрезъ весь день не могъ и никуди изъ квартери не бывалъ.

29. Обѣдали у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шапова ради тезоименитства третей дочери его Өеодосіи, и съ нами обѣдалъ-же у него капитанъ гвардіи ізмайловского полку Өедоръ Өедоровичъ Павловъ, а надъ вечери былъ у насъ Ілія Лизогубъ.

30. Ездили до Перова, а перво были въ дворцѣ у духовника. Въ Перовѣ-же обѣдали съ Жоравкомъ по приказу графа Розумовского въ его квартерѣ, куда намъ присланы кушанья отъ кухни государевой. Тамъ-же заплатилъ я за фузію, взятую передъ симъ у Івана Өедоровича Фукса, 29 р. По обѣдѣ изволила государиня

совсѣмъ изъ Перова вiехать и прямо поехать въ Покровское. Капитанъ Соловiовъ отдалъ мнѣ должные денги 25 р. Куплены для Сидора сапоги съ подбоемъ за 53 к., бриль за 20 к., да на протчiе дробязки розишлось 8 к.—Дочь Сергiя Ивановича Бутурлина преставилась.

31. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Өедора Iвановича Коченевского, а отъ него едучихъ зазвалъ къ себѣ генералъ лейтнантъ Шиповъ, у которого мы и обѣдали. А отъ его идучи, были у Сергiя Iвановича Бутурлина и тутъ графа Гендрикова застали, прiѣхавшого изъ Прусъ. По полднѣ въ 6-мъ часу былъ пожаръ за Яузою. У насъ былъ генералъ Шиповъ, потомъ знову мы у него и у графа Гендрикова были.

Юнъ.

1. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были перво до полдни, потомъ обѣдали у Журавки, а послѣ знову были-жъ въ дворцѣ и дожидались даже до полночи, но не могли видѣть графа Розумовского для розговоровъ. Государиня изволила проеждятся на одноколцѣ за Лафортовскiй дворъ и въ саду ужинать.

2. Знову были рано въ дворцѣ и перво у духовника видѣлись съ архiереемъ костромскимъ Сильвестромъ Кулябкою, потомъ какъ государиня шествовать изволила для поезду въ милню, были у ручки; послѣ, за возвращенiемъ государини изъ милнѣ отъ Григорiя Михайловича Любисткова, отъехали были въ квартеру, но тотъ часъ присланъ былъ по насъ ездовый конюхъ, зъ которымъ паки отъехали въ дворецъ и тамъ у стола государева, купно съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Розумовскимъ, да съ графомъ Петромъ Iвановичемъ Шуваловымъ и шталмейстеромъ Петромъ Спиридоновичемъ Сумароковымъ, обѣдали и при столѣ многiе о нуждахъ малороссiйскихъ имѣли розговоры. Потомъ были у Журавка, а отъ него ездили въ оперный домъ на францускую комедiю.—Писалъ къ полковнику гадяцкому въ отвѣтъ на его писма чрезъ канцеляристу Кирила Лобисевича, которiй съ Москви во свояси отъехалъ. За спермацети дано 10 к.

3. Куплено солоныхъ лимоновъ въ домъ 130 за 3 р. 25 к. За оправу книжки Молитовника дано 30 к. Рано были въ дворцѣ и графу кланялись, потомъ заездили до шталмейстера Сумарокова,

а послѣ полдня изволила государиня воспріять шествіе до монастыря Тройци Сергіева пѣшкомъ, а великій князь и великая княгиня рано въ тотъ-же путь отъехали. Рано-жъ съ княземъ Никитою Юревичемъ Трубецкимъ въ дворцѣ де-которіе имѣли розговоры, а вечеромъ были у генерала Івана Афанасьевича Шипова. Писалъ писмо до жены чрезъ отправляючуюся отъ графа Мойсѣя Івановича Владиславича окказію о посилки помянутихъ солоныхъ лимоновъ, которое писмо включилъ Гудовичъ до жены своей въ писмѣ-жъ. Да писали писмо інстанціалное за швагромъ придворного полковника Кирила Стефановича Рубановского Яковомъ Холкидецкимъ до генералной старшины, въ войсковой генералной канцеляріи присутствующихъ.

4. Обѣдали у генералъ лейтнанта Івана Афанасьевича Шипова, куда пришолъ и секретарь Новоторжцовъ, потомъ и у насъ онъ-же. да брегадиръ Аксаковъ и учитель Тройцы Сергіева монастыря отецъ іеродіаконъ Іннокентій съ Політикою были. Послѣ съ Новоторжцовымъ-же были мы у секретаря іностранной коллегіи Урила Ларионовича Іванова. По полдни въ 5-мъ часу прибылъ Григорій Дмитріевъ изъ дому и привезъ писма и водки, и вишніовки по боченку.

5. Писалъ въ С. П. Бурхъ до маіора Василія Івановича Вайникова о покупки тамъ для мене 1) косъ съ приборомъ чухонскимъ для кошенья сѣна и хлѣба, 2) блоковъ разныхъ сортовъ, 3) виписалъ-бы, при посилки пакетъ-ботовъ, французской водки анкарокъ и штофъ ратафи, 4) о инструментахъ до содержанія регулярного саду и огороду потребныхъ, и что о доправки денегъ по облѣкгу на козаку Макару Руцкому писано отъ мене до сотника мглинского Лисаневича. Надъ вечери ездили къ архіерею костромскому Силвестру Кулябцѣ, где застали и госпожу отца духовника государини, и тамъ-же видѣлись потомъ съ архіереемъ московскимъ Платономъ Маліновскимъ.

6. Рано былъ у графа Гендрикова архіерей костромскій Кулябка, а потомъ оба они у насъ были, и мы съ тѣмъ архіереемъ, имѣющымъ на свой престолъ отъездить, простились. А графъ Гендриковъ отъехалъ съ своею фамиліею въ деревню свою Прусы. Куплено въ аптекѣ лѣкарство и плястиръ на груди, дано 45 к.

7. Чрезъ отъехавшого отселя въ домъ до Новгородка придворного лакея, Василія Васильева Христичевского, дано писмо до жены, подъ завтрешнымъ числомъ писанное, о прибытіи въ Москву Григорія Дмитріева Засулского. Парились въ банѣ въ домѣ графа Гендрикова.

8. Послѣ обѣда былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а потомъ мы у него, купно-же съ нимъ ездили до Івана Жоравки, где и ужинали съ ними и съ камеръ-юнферами, свойственницами графа Розумовского, да съ племѣнницею мадамъ Іоганны. Передъ вечеромъ былъ у насъ Іванъ Стефановичъ Барановскій.

9. Принесены изъ рентереи кормовые за май мѣсяцъ денги 100 р., изъ которыхъ взяли мы съ Гудовичемъ по 20 р., а осталось на росходъ 60 р. Писано представленіе въ генералную канцелярію въ Глуховъ о нарядѣ изъ ближныхъ отъ Козелця полковъ въ дворъ графскій тамошный работныхъ 300, да плотниковъ 50 человѣкъ, и оное отправлено чрезъ Статіева, бывшого писаря індуктарского, отправленного по почтѣ.

10. Въ 9 мъ часу по полуночи отъехали изъ Москвы къ воскресенскому монастырю, називаемому Новый Іеросолимъ, отстоящему отъ Москви 45 верстъ и за селомъ того-жъ монастыря Черневымъ въ 1-мъ часу лошадей кормили, которые наняты были въ тотъ и обратный путь за 4 р. 25 к. Потомъ прибыли въ оный монастырь въ 7-мъ часу по полдни, где застали преосвященного Стефана Каліновского, архіепископа велико-новгородского, и архимандрита новоспаского Гавриила Кременецкого, и тамъ съ архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ ужинали и въ его-жъ келіяхъ ночевали.

11. Предъ службою Божіею ходили въ церквѣ великой, которая во всемъ подобная церкви Воскресенія Господня, что въ Іеросолимѣ, состроенная покойнымъ патріархомъ московскимъ и всея Россіи Никономъ, и тамъ показиваны намъ всѣ мѣста и церкви, и мѣста-жъ разновѣрныхъ христіанъ асіатицкихъ, африканскихъ и европейскихъ молбищные около гроба Господня, и около олтаря великого, и за олтаремъ, и въ землѣ за великимъ-же олтаремъ, где царицею Еленою, по показанію святого Киріака, знайденъ крестъ Господенъ и два разбойническіе. А обѣдни слушали на хорахъ въ

великой церкви отправованной. Тамъ-же видѣлись зъ камеръ-юнкеромъ Михайломъ Івановичемъ Софоновымъ. Обѣдали у архимандричихъ келіахъ на горѣ съ преосвященнымъ новгородскимъ и архимандритами новоспаскимъ, савинскимъ и воскресенскимъ, и намѣстникомъ тамошнымъ Антоніемъ, да монахомъ Амвросіемъ Коссаковскимъ. Послѣ полдня преосвященный новгородскій съ помянутими архимандритами и намѣстникомъ воскресенскимъ въ Савинъ монастырь, а мы къ Москвѣ обратно отъехали и ночовали въ селѣ Черневѣ, за 25 верстъ отъ монастыря, въ дворцѣ монастырскомъ. Сего числа было обрученіе въ квартерѣ нашей въ Москвѣ покойного брегадира Андрея Николаевича Дуніна дочерѣ Анастасіи съ синомъ отставного генерала маіора Петра Алексіевича Саковнина Михаиломъ, салдатомъ гвардіи семеновского полку. Сего-жъ числа государиня изволила возвратиться съ половини дороги отъ лавры свято-Троецкой Сергіевской въ Москву.

12. Изъ села Чернева поехавъ въ началѣ 11-го часа, прибыли въ Москву въ 2-мъ часу по полудни, где насъ надъ вечери візитовалъ провіантской главной канцеляріи прокуроръ Петръ Михайловичъ Николевъ.

13. Рано были въ дворцѣ и у Ѳедора Івановича Коченевского, а послѣ обѣдни былъ у насъ Лукинъ, да надъ вечери имѣли розговоръ съ Тризною о его рѣчахъ, произнесенныхъ отъ него передъ служителми и Носенкомъ.

14. По утру мимоездомъ до дворца визитовали болного генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова, потомъ были въ дворцѣ, но за продолжающеюся педоѕричною болѣзнію графа Розумовского не видали. Обѣдалъ у насъ Ілія Лизогубъ. Прибылъ изъ деревнѣ Прусъ графъ Гендриковъ съ своею фамиліею. у которого и у графини мы были. Потомъ ездили до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, но его не заставъ, заездили до монастыря донского, и тамъ перво въ болшой церквѣ, послѣ и у архимандрита тамошнего и у ректора московского коллегіума отца Іоанна Козловича были.

15. Рано едучи въ дворецъ, были у оберъ-гофъ-маршала и кавалера Дмитрія Андріевича Шепелева. Обѣдали у графа Гендрикова въ новыхъ хоромахъ. По полдни ездили до архіерея велико-

новагородского просить за протопопомъ мглинскимъ, потомъ были и у князя Алексія Дмитріевича Голицина, сенатора.

16. Будучи въ дворцѣ, заходили до духовника, где зъ откупщиками московскими, кои закупили были таможню пограничную, имѣли переговоръ. Обѣдали на бархатномъ дворѣ у Жоравки. Рано былъ у насъ куріеръ сенатскій, посиланный съ указами о саранчѣ и о запрещеніи винокуренія въ Глуховъ, которій и къ намъ привезъ писма. Надъ вечери былъ у насъ Аполлонъ Ладижинскій, сержантъ Березинскій, переводчикъ Політика и другіе.

17. Рано были у подполковника Шубского въ дворцѣ, а оттоль прибывъ въ квартеру, обѣдать были начали, но, за непотребными Гудовича розговорами о передъ симъ купленной горѣлцѣ, отъ обѣда всталъ. По полдни ездилъ до Аполлона Ладижинского, потомъ былъ и у Лукина. Для сина Василя куплено Грицкомъ нѣмецкое сѣдло со всѣмъ приборомъ за 5 р. 75 к.

18. Писано инстанціалное писмо за протопопомъ мглинскимъ Іваномъ Яновскимъ до митрополита кіевского, преосвященного Тимофея Щербацкого, которое тому-жъ протопопу, отъежджающему въ Кіевъ, вручено.

19. Обѣдали у Жоравки, а послѣ полдня ездили до князя Николая Юрьевича Трубецкого и до генерала рекетмейстера Дивова, но ни одного не застали.

20. Рано были въ дворцѣ, потомъ обѣдалъ у насъ секретарь іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ. Надъ вечери знову были въ дворцѣ и въ оперномъ домѣ на нѣмецкой комедіи.

21. Въ 12-мъ полуденномъ часу изволила государиня отъехать паки для шествія до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ віездомъ отклонялися ея величеству генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, да губернаторъ нинѣшный нижегородскій, князь Данило Андреевичъ Друцкой. Обѣдали мы у графа Гендрикова, а потомъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ, сенатскій канцеляристъ и принеслъ ко мнѣ указъ изъ генералной канцеляріи, зъ Глухова по почтѣ присланный, о строеніи мнѣ двора въ Глуховѣ по Першпективой улицѣ противъ сенатского указу.

22. Послѣ полдня былъ у насъ значковый полку кіевского Петро Подвысоцкій, отправляючійся отъ графского двора въ Малороссію, чрезъ которого наказовали въ Глуховъ до енералной стар-

шины, чтобъ насъ увѣдомили, війшолъ-ли уже изъ Полтавы генералъ Бісмаркъ, а въ Нѣжинъ къ полковнику о присилки коней 8 для Шувалова и вина для генерала Шыпова. Сего-жъ числа куплено 3 чорные, а 1 сѣрый баранки бухарскіе за 6 р. Сего-жъ числа написано доношеніе въ енералную канцелярію противъ полученного вчора указу о строеніи двора въ Глуховѣ по прешпективѣ на погорѣлыхъ мѣстахъ.

23. Писано писмо до Скоропадского въ Глуховъ о томъ, что по писму его даны отъ мене маіору лантмиліцкихъ полковъ Глѣбову пятдесятъ рублей денегъ и о томъ отъ того маіора до полковника Челищева сообщено писмо. Да тамъ-же включенъ облѣгъ до Скоропадского, данный отъ капитана Пасинкова на 20 р., занятыхъ у мене въ Москвѣ въ февралѣ мѣсяцѣ, чтобъ по оному на немъ тѣ денги доправилъ и удержалъ у себе до щоту со мною. Писано писмо къ полковнику стародубскому Максимовичу о обидахъ дому моему, отъ сотника погарского Соболевского и отъ полковой старшины показуемыхъ, и оное сообщено до жены моей при писмѣ, чтобъ она, если того надобно, отослала отъ себе въ Стародубъ.

24. Писано доношеніе въ войсковую генералную канцелярію о пляцахъ Рубановскихъ, въ Глуховѣ имѣючихся,—одномъ, что былъ подъ судовнею новою, другомъ, что возлѣ канцеляристского куреня и возлѣ Полонского, да что были шесть коморъ крамныхъ, и оное доношеніе при особомъ моемъ писмѣ сообщено до писаря суда генералного Пиковця. Всѣ-же вышепоказанные доношенія и писма вручени отъезджаючому въ Глуховъ бунчуковому товарищу Стефану Карпѣкѣ, которому и пашпортъ отъ насъ на проездъ данъ былъ, но онъ, не поехавъ, вручилъ тѣ писма Петру Подвисоцкому. Обѣдали мы у генерала лейтнанта Івана Афанасьевича Шыпова съ брегадиромъ Хомяковымъ, назначеннымъ въ крѣпость св. Анны комендантомъ. А по полдни были у графа Мойсѣя Владиславича, куда пріехалъ и Богданъ Івановичъ Пассекъ съ нѣкоторымъ отставнымъ маіоромъ Дурасовымъ.

25. Ездили рано въ монастырь Новоспаскій, а по полдни до секретаря іностранной коллегіи Урила Іванова, а съ нимъ были у Новоторжцова.

26. Рано былъ у насъ пріехавшый изъ Глухова подполковникъ Алексій Константиновичъ Яблонскій и подалъ къ намъ писмо отъ

старшины генералной. Вчора рано отосланъ пакетъ до жены моей надписанный, въ которомъ включено и полковника стародубовского Максимовича писмо, ему-жъ для подачи въ домѣ моемъ врученный. Онъ-же сего числа рано и отъехалъ изъ Москви. По полдни былъ у насъ генералъ лейтнантъ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ, а мы были у помянутого подполковника Яблонского, въ домѣ духовниковомъ стоящого и у купца тамъ-же жиючого Прокопа Дмитріевича Пастухова.—Куплено аксамиту красного поларшина на шапку за 1 р. 60 к., да на подбой тафи голубой за 45 к., шолку за 3 к. Вечеромъ были у Іліи Лизогуба и у сержанта преображенского полку Мойсѣя Романова Березинского.

27. Рано и по обѣдѣ были у графини Гендриковой, а надъ вечери у Лукина. За пошитье шапки новой и переправку старой дано шапочнику 50 к. Обѣдали у насъ синодалный переводчикъ Політика и Свѣрскій.

28. Послѣ полдня ездили въ Перовъ и, тамъ отъужинавъ, ночью уже прибыли въ Москву.

29. Обѣдали у капитана Соловіова, а съ нами и зять ихъ новозговоренный Саковнинъ, а передъ обѣднями были у графини и у генерала лейтнанта Шипова. Обѣдни и молебня слушали въ церквѣ Харитонаісповѣдника.

30. Рано отъехавъ въ Перовъ, тамъ обѣдали и весь день пробавили, да послѣ ужина пріехали уже ночью въ Москву.

Юлъ.

1. Обѣдали у графини Гендриковой, а послѣ обѣда были у насъ графъ Мойсѣй Владиславичъ, потомъ Богданъ Пассекъ съ синомъ и Сидоръ Перфильевичъ Денисьевъ. Надъ вечери отъехалъ генералъ-лейтнантъ и кавалеръ Іванъ Афанасьевичъ Шиповъ въ путь свой къ командѣ на лінію до полковъ лантмиліцкихъ и сталъ на ночлегъ за монастыремъ Симоновымъ по ту сторону Москви-рѣки, где и мы были у него и простились съ нимъ послѣ ужина. Рано былъ у насъ Жоравко.

2. Послѣ полдня перво были у генералши Шиповой, послѣ у графини Гендриковой и у неи-жъ ужинали. За чорный бархатъ на карпузъ дано 1 р. 6 к., за шолкъ 3 к., за пошитье того-жъ карпуза 40 к., за лѣваръ 13 к.

3. Куплены книги: Система магометанской религіи за 1 р. 65 к., Минея праздничная 75 к., Евангеліе страстное 10 к., О поливалномъ крещеніи 20 к., два буквари съ толкомъ о блаженствахъ 54 к., два елементари 20 к., о антихристѣ 30 к., о огородныхъ уборахъ картины 85 к., и того за 4 р. 59 к., да на другіе малые росходы пошло 47 к.—Надъ вечери ездили къ княю Николаю Юрьевичу Трубецкому. Писали къ старшинѣ генералной въ Глуховѣ съ посилкою указовъ о содержаніи почтъ по кіевскому тракту, и тѣ указы отправлены по почтѣ изъ сената. Въ 6-мъ часу по полдни государиня изволила прибыть въ Москву, потомъ и іхъ высочества, великій князь и великая княгиня, съ гофъ-штатами.

4. Были рано въ дворцѣ, а оттуду пріехавъ, обѣдалъ у насъ Стефанъ Карпѣка. За вишліофованье 6 бритовъ нашихъ персіанину дано 25 к. Около вечерень одинъ Гудовичъ былъ въ дворцѣ и видѣлъ графа отъежджаючого въ оперный домъ на французскую комедію.

5. Рано были въ дворцѣ и у духовника, где были-жъ и всѣ архіереи сунодалные. Обѣдали въ квартерѣ, а по полдни знову ездили въ дворецъ и графа видѣли, но ничего съ нимъ не говорили. За перешитье шапки зимной дано шапочнику 30 к.

6. Рано принималъ графъ слабителное и для того его не видали. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ штатсъ-кантору за кормовыми денгами, но не видана ассигнація безъ докладу сенатского.

7. Сочинено писмо просителное до графа Розумовского о исходатайствованіи имъ у государини намъ отпуску съ указомъ о учрежденіи гетмана, которого послѣ полдня видѣли, какъ государиня изволила отъежджать въ оперный домъ на комедію францускую.

8. Въ сей день празднуемый явленія іконы Богородицы казанской изволила государиня быть въ Кремлѣ и слушать въ болшомъ успенскомъ соборѣ литургіи, которую целебровалъ преосвященный Платонъ Маліновскій, архіепископъ московскій и сѣвскій. По обѣднѣ-же государиня въ Кремлѣ-жъ, въ дворцѣ болшомъ, въ полатахъ потѣшного дому обѣдать изволила, а мы были передъ обѣдомъ у помянутого преосвященного, а отъ него пріехавъ, обѣдали въ квартерѣ своей, съ нами-же и сѣбѣрскій купецъ, недавно изъ Кіева пріехавшый, Антонъ Алексіевъ Самойловъ. Принесены изъ рентереи денги за прошедшый юль мѣсяцъ сто рублей, изъ которыхъ

взяли мы съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные въ росходъ харчевый имѣютъ быть употреблены. Надъ вечери былъ у насъ Өедоровичъ, которому были отъ насъ о его, съ подобними ему, поносителныхъ словахъ виговори. Потомъ отошли мы до графа Гендрикова, где застали графовъ Мартина Карловича Скавронского и Андрея Михайловича Евфимовского и тамъ-же у графа Гендрикова ужинали. Вчорашного 7-го числа родилась дочь Наталія Івану Жоравцѣ въ Перовѣ.

9. Рано были у Василія Івановича Димидова и отданы на церковь Трохъ Святителей 6 р. По полдни государиня изволила ездить до Перова для посѣщенія родившей Жоравкиной. Вечеромъ были мы у лейбкомпанца Козмы Івановича Вайникова. Обѣдали у Лукина. Дано перепліотчику за оправу книжокъ «о поливалномъ крещеніи», «евангелій страстныхъ» и огородной 15 к.; за пошитье шапокъ служителскихъ 10 к.

10. Рано были въ дворцѣ у духовника, и чрезъ него подано прошеніе къ графу Розумовскому, написанное о гетманѣ и о отпускѣ нашемъ, которій оное ему въ церкви вручилъ. Послѣ были мы у Өедора Івановича Коченевского, а по полдни знову у духовника. Потомъ были-же и у графскихъ покояхъ и давали Барановскому двѣ писми для обявленія графу: 1-е о саранчѣ, 2-е о томъ, что по требованію графскому для роботъ въ домъ его козелецкій работные люди зъ 4-хъ полковъ отъ генералной канцеляріи наряжены, якое послѣдное писмо привезено къ намъ сенатскимъ куріеромъ Уваровымъ. Обѣдалъ у насъ Іванъ Алексіевичъ Горчаковъ, и ему-жъ книги его двѣ отданы и моя одна, Лексиконъ Саваріевъ, позичена для прочитанія. Данъ отъ насъ пашпортъ для проезду къ Глухову Степану Карпѣки съ будущими при немъ. Прибылъ въ Москву швагеръ мой Іванъ Гамалія.

11. Рано ездили въ дворецъ и уже на віездѣ застали государиню, передъ которую представлялъ графъ Розумовскій Ілію Лизогуба, отъеждэающого изъ Москвы въ Малую Россію. Послѣ обѣда былъ у насъ графъ Гендриковъ и съ нимъ Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, отставный маіоръ, а вечеромъ у насъ-же былъ секретарь Урилъ Івановъ.

12. Рано былъ у насъ Іванъ Гамалія швагеръ, а вечеромъ мы у него были на квартерѣ за Арбацкими воротами и уже смер-

комъ отъ него возвратились. Дочь его, а моя крестниця Елена подарила мене шолковымъ платкомъ. Секретарь Урилъ Івановъ прислалъ мнѣ трубку курителную фарфорную.

13. Писаны писма въ домъ до жены: 1-е противъ писма, Гамаліею мнѣ поданного, о не поѣздѣ еи сюда и о протчемъ, 2-е до сина Василя съ посилкою до него кулбаки нѣмецкой, тако-жъ о долгахъ его килскихъ и о конику Буцефалу; 3-е до жены-жъ о нѣкоторомъ Ѳедору Алексіеву, засаженномъ отъ нея въ секвестръ погарскій, и о Леску Ковбасѣ, что-бъ его отослала въ Глуховъ, какъ туда прибудетъ, и оные писма: 1-е, въ якомъ и двѣ книжки: букварь Настусѣ, а елементарь Івасевѣ сину включены, и 2-е чрезъ служителей Гамаліивыхъ, а 3-е чрезъ Ковбасу отпущены. Послѣ обѣдень ездили мы въ Перовъ и тамъ у Івана Жоравки обѣдали, потомъ и у жены его родившей довольно сидѣли, где и съ поруччикомъ драгунского полку Силивановымъ видѣлись, и уже послѣ вечерень оттуду возвратились. Сего числа его высочество великій князь и великая княгиня, а при ныхъ и графъ Іванъ Симоновичъ Гендриковъ, были въ подмосковской деревнѣ графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ у него кушали, а именно въ Петровскомъ.

14. Рано были у мене лейбъ-компаніи гранадеръ Козма Івановичъ Вайниковъ, да изъ Лохвици прыбывшей тамошняго обывателя Ѳомы Грека зять, Николай Дмитріевъ, которій и писма зъ Глухова привезъ и подарилъ бочонокъ вина волоского, тютюну и 2 чубуки турецкіе. Ѳедоръ Яскевичь знову пріехалъ въ Москву. По полдни были у Івава Алексіевича Горчакова и у него взяты 3 книжки для прочтенія.

15. Vacat. 16. Обѣдалъ у насъ Іванъ Гамалія, а потомъ ездили съ нимъ въ Перово и тамъ были у Жоравка, где видѣлись и зъ лейбъ-компаніи гранадеромъ Артемомъ Івановичемъ Іконниковымъ. Государиня изволила прибыть въ Москву по полдни въ 11-мъ часу.

17. Рано были въ дворцѣ у духовника, а съ нами и Гамалія. По полдни надъ вечери сидѣли у графини Гендриковой и ужинали. Въ ночѣ былъ великій пожаръ при церкви Преображенской, недалече отъ нашей квартери, где на силу другіе, близь будучіе, дворы

разные отстояли. Графъ Гендриковъ пріехалъ ночью изъ деревнѣ своей Прусъ.

18. Рано будучи въ дворцѣ, видѣлись съ Григоріемъ Александровичемъ, прибывшимъ изъ Украины, который у насъ и обѣдалъ, а потомъ знову были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли.

19. Рано были-жъ въ дворцѣ и тамъ заходили до Ѳедора Івановича Коченевского съ Гамаліею, где видились изъ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ. А по полдни былъ у насъ на квартерѣ секретарь Новоторжцовъ. Послѣ обѣда отъехать государиня изволила въ Перово для крестинъ дочери Жоравкиной.

20. Рано были у графа Гендрикова, а съ нами и Іванъ Гамалія, которій съ женою у насъ и обѣдалъ. Потомъ у насъ-же были Михайло и Іванъ Шиповы, сины генерала лейтнанта Івана Афанасіевича Шипова и канцеляристъ войсковой Прокопъ Чарнуцкій.

21. Въ 11-мъ часу ездили въ дворецъ и тамъ видѣли графа Розумовского, а въ вечеру знову тамъ-же въ дворцѣ были, и графъ сталъ говорить былъ съ нами при присутствіи графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера, потомъ отошли оба къ государинѣ.

22. Писалъ до Василія Туманского канцеляристи за канцеляристомъ-же Прокопомъ Чарнуцкимъ, да за нимъ-же писана отъ насъ до старшины генералной, въ войсковой канцеляріи присутствющихъ, інстанція, и ему-жъ данъ пашпортъ на проездъ къ Малой Россіи. Ездилъ дворъ въ Раево.

23. Рано были въ дворцѣ, где заразъ по начатіи литургіи здѣлалъся алярмъ о пожарѣ, случывшемся на Пріснѣ, дворъ царевича грузинского Бакара згорѣлъ. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, а по обѣдѣ были у него перво секретарь Новоторжцовъ, потомъ Петръ Ѳедоровичъ Бутурлинъ, и мы оттуду заездили до Новоторжцова, у которого видѣлись и изъ Петромъ Петровичемъ Курбатовымъ, а какъ оттуду поехали, то превеликая молнія и дождь были.

24. Обѣдали у графа Гендрикова ради тезоименитства дочери его Христины, и графъ былъ воспріемникомъ зъ княгинею Анною Даниловною Трубецкою. Простилъся съ нами Ілія Лизогубъ, которому и пашпортъ данъ на проездъ.

25. Нарочно званныи отъ Петра Өедоровича Бутурлина, отставного (*пробѣлъ*), обѣдали у него купно съ Іваномъ Гамаліею, а по обѣдѣ долго проседѣли при музикѣ и пѣвчихъ. Рано приходилъ Іванъ Білоровскій съ жалобою на Лизогуба, что его вчора держалъ у себе на цепѣ закованного, до которого я посилалъ Грицка и о томъ, и о отдачи мнѣ должныхъ 10 р. денегъ, но онъ, не учиня ни почему сатисфакціи, отъехалъ изъ Москви. Жена Бутурлинова Мавра Афанасіевня Соловјовыхъ (*пробѣлъ*). Куплено полотна 30 аршинъ, дано за оное 97¾ к., да на разные росходы мѣлкіе розышлось 92¼ к.

26. Рано были въ дворцѣ, где былъ-же и Іванъ Гамалія; мимоездомъ оттоль заежджали къ генералши Шиповой. Въ вечеру у насъ былъ Петръ Өедоровичъ Бутурлинъ, а прежде его графъ Гендриковъ. Въ вечеру-жъ пріехалъ съ писмами отъ асаула енералного Якубовича служитель его Семенъ.

27. По утру перво были въ дворцѣ, и понеже государиня изволила отъездить до села Алмазова, то мы сами отъехали въ Петровское до графа Кирила Григоріевича Розумовского, у которого тамъ и обѣдали, и у него тамъ-же застали Романа Ларіоновича Воронцова, князя Алексія Никитича Волконского, графа Івана Григорьевича Чернишова, Василія Онуфріевича Брилкина, да бѣлоградского лютнисту и ассесора академіи наукъ Григорія Николаевича Теплова. Послѣ обѣда зъ луковъ стрѣляли. Потомъ имѣли декоторые о Украинѣ розговоры съ графомъ Кириломъ Григоріевичемъ и отъехали, на пути-же встрѣтили туда-жъ едучого віце-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова. По прибытіи въ квартеру, ходили къ г. Гендрикову, а въ вечеру графиня занемогла.

28. Писали до старшины енералной въ Глуховъ чрезъ подполковника Алексія Константиновича Яблонского, где включено и отъ мене писмо до Скоропадского, писанное сего юля 23-го дня о Стефану и Івану Барановскихъ и о протчемъ, да тамъ-же приложено писмо и отъ Василія Івановича Вайникова изъ С. П. Бурха до Івана Скорупы, а съ онымъ Яблонскимъ, отъежджаючимъ въ Украину простясь, отъехали на Крутицу къ архіерею крутицкому Іларіону Григоровичу, где не заставъ оного, ходили перво по садамъ и по другимъ мѣстамъ, потомъ были у новопосвященного митрополита сибірского Силвестра Гловацкого, тамъ на Крутици

квартерою стоячого. По пріездѣ-же изъ синода архіерея крутицкого, обѣдали у него и долго забавлялись, а между тѣмъ пріехалъ туда-жъ отецъ духовникъ государини съ женою своею и съ синомъ Захаріемъ къ митрополиту сибірскому, у которого и мы знову побувавъ, отклонились и отъехали на свою квартеру.

29. Отклонилъся мнѣ бывшій служитель Сидоръ Гудокъ, которому велѣлъ дать 1 р. на его нужды, да ему-жъ даны сапоги, шляпа, локейскій зипунъ и передъ симъ 50 к.

30. Государиня изволила слушать обѣдни въ болшой дворцовой церкви, а потомъ были у графа, а послѣ полдня ездили мы въ Перово до Жоравки и до жены его. Писано писмо въ отвѣтъ къ асаулу генералному Якубовичу чрезъ служителя его Семена.

31. Едучихъ насъ изъ дворця и отъ Полтавцова мимо дворъ оберъ-гофъ-маршала Шепелева, зазвалъ онъ къ себѣ, и у него-жъ мы обѣдали купно съ генераломъ-лейтнантомъ Родіономъ Михайловичемъ Кошелевымъ и другими. А по полдни позваны были къ графу Гендрикову, где застали сестру его Марію Симоновну Чоглокову, а потомъ туда-жъ пріехала и другая сестра его Мароа Симоновна Софонова, послѣ и мужъ еи Михайло Івановичъ Софоновъ, камеръ-юнкеръ, зъ которымъ у него жъ графа Гендрикова мы оба и ужинали.

Августъ.

1. Рано перво были у віце-канцлера Михайла Ларіоновича графа Воронцова, которій купно съ Корфомъ камергеромъ отпущенъ въ деревнѣ на 10-ть дней. Потомъ отъехали въ село Покровское, куда послѣ прибыть и государиня изволила, и обѣдни, а потомъ водосвятія, которые архіерей новогородскій целебровалъ, слушали, и много господъ и ихъ імператорскіе высочества тамъже были; а по набоженствѣ въ тамошнемъ дворцѣ и кушалъ дворъ при пушечной палбѣ. Послѣ полдня и надъ вечери были у насъ Іванъ Гамалія, да Александръ Лукинъ и поруччикъ ізмайловского полку Гаврило Ѳедоровичъ Вишневскій, лакей Пуховичъ, а потомъ пришелъ къ намъ-же камеръ-гофъ-фуріеръ Сергій Михайловичъ Нестеревъ съ капитаномъ Соловіовымъ, своимъ братомъ. Ночью

безвременно родила сина Стефана графиня Гендрикова, которій послѣ крещенія тотчасъ и умеръ.

2. Послѣ обѣднѣ ездили въ дворецъ и тамъ графа Розумовского видѣли, токмо ничего не говорилъ намъ. По полудни былъ у насъ переводчикъ синодалный Григорій Политіка, которій объ отъездѣ своемъ имѣючемъ быть въ Украину и о другомъ де о чемъ говорилъ. Мы-же посѣщали графиню болную и тутъ много было розговоровъ о женскихъ немощахъ зъ Мареою Симоновною и съ бабкою голандкою.

3. Писали до полковника нѣжинского г. Кочубея, чтобъ сездилъ до г. Розумовской старои, о написаніи отъ нея къ сину въ нуждахъ Малороссіи. А отъ себе писалъ въ Глуховъ до Скоропадского о сотнику волинскомъ Роману Журбѣ, и тѣ писма отпущены чрезъ Івана Полторацкого, жителя сосницкого, сей день отъежжаючого. Сего числа принесены денги изъ штатсъ-канторы кормовые 100 р. за мѣсяцъ юль, изъ которыхъ взяли себѣ по 30 р., а осталъные 40 р. отданы на росходъ Грицку. Въ банѣ милъся у графа Гендрикова.

4. Переводчикъ сvнодалный Політика простилъся съ нами на отъездъ свой до Малой Россіи. Розышлось отъ 25-го юля по се число, а именно: за букварь 27 к., за два аршина ленты 34 к., паперу за 7 к., а на другіе мѣлочи 15½ к.

5. Писаны писма: 1 е до сотника козелецкого Стефана Барановского съ копіею, какъ въ его дѣлѣ писано отъ мене въ Глуховъ; 2-е въ С. П. Бурхъ до Василія Івановича Вайникова на его писмо въ отвѣтъ, стороны отдачи облѣга Макара Руцкого племѣнникамъ Ланковымъ, и сее писмо для отсилки къ нему отдано брату его Козмѣ. Віехали изъ нашей квартери на Никицкую въ дворъ графскій капитанъ Соловіовъ съ женою и съ протчими своими. Государиня отъехать изволила въ Перово.

6. По благости Божіей удостоилъся причаститись святымъ Тайнамъ на службѣ въ церквѣ всемилостивого Спаса, приходу Панкратіевского, а исповѣдь имѣлъ передъ тамошнымъ священникомъ Александромъ Григоріевичомъ. Розышлось 40 к. Изъ дворця заежджалъ къ намъ Іванъ Гамалія, которого будто звалъ къ себѣ обѣдать князь Іванъ Василіевичъ Одоевскій, а послѣ обѣда были у

насъ Александровичъ и Яскевичъ и сотникъ Куликъ. Государиня изволила изъ Перова возвратится ночью въ дворецъ.

7. Рано одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ и тамъ слышалъ, что якобы передъ нѣсколко днями графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій графу Алексію Гендрикову говорилъ о насъ и о нашыхъ малороссійскихъ дѣлахъ доволно. Государиня обѣдать изволила у графа Петра Івановича Шувалова. Мы по полдни ездили въ дворецъ, а оттоль были у Івана Гамаліи, где съ секретаремъ Новоторжцовымъ и зъ бывшимъ поруччикомъ кирасирскимъ Ланцкимъ видѣлись.

8. По утру были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а послѣ обѣда были у графа Гендрикова, потомъ у насъ былъ Іванъ Гамалія.

9. Рано перво заехали до Василія Івановича Демидова, потомъ въ 9-мъ часу были у графа Розумовского и оному доволно представляли о нуждахъ общыхъ и своихъ. По обѣдни, въ болшой церквѣ отправленной, а послѣ и въ малой, где государиня присутствовать изволила, были у духовника, тоже у Өедора Івановича Коченевского, у которого и обѣдали и доволно съ нимъ розговаривали, а передъ графомъ Розумовскимъ не худо рекомендовали Новоторжцова. Александру Тихоновичу Лукину синъ Александръ родилъся. Были надъ вечери у генералши Шыповой, потомъ у графа Гендрикова, у которого и ужинали. Тайный совѣтникъ Іванъ Юрьевъ пожалованъ кавалеріею святого Александра Невского.

10. Рано были въ дворцѣ, а по полудни былъ у насъ перво каморъ-музикантъ Василь Стефановъ, потомъ подполковникъ, пріехавшый изъ Казани, Іванъ Мойсіевичъ Ликевичь, онъ-же и Левіцкій, да Яковъ Хелкидоцкій съ своею женою, а сестрою Кирила Стефановича Рубановского, придворного полковника. Въ домъ графа Гендрикова поднимали ікону ради болѣзни жены его. Швагеръ Іванъ Гамалія переехалъ на другую квартеру. Надъ вечери ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, но не засталъ оного, отозванъ-же изъ дому въ габінетъ.

11. По утру будучи у насъ, Лукинъ обявлялъ о своемъ новорожденномъ сину, да и Іванъ Гамалія пріездилъ къ намъ. Потомъ отъехавъ мы до дворца, видѣлись тамъ съ недавно прибывшымъ

костенского монастыра[246]) архимандритомъ Карновичемъ, каморедина великого князя, Стефана Евфимовича Карновича братомъ. Тамъ-же вручены копіи указовъ и проекту о конскихъ заводахъ и о ярмарку кролевецкомъ Барановскому для представленія графу. Были на новой квартерѣ у Гамаліи, потомъ у графа Гендрикова.

12. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звалъ къ себѣ въ Перово Жоравко и тамъ у него купно съ Гамаліею и его женою, такожъ съ прибывшымъ машевскимъ попомъ Помаранскимъ и попадею его[247]), обѣдали, а подъ часъ обѣда туда-жъ прибылъ Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій. Послѣ обѣда ходили на качелѣ гулять и уже позно оттуду отъехали.

13. Въ дворцѣ передъ службою Божіею миропомазивана и въ церковь нашу принята дочерь бывшаго герцоха курляндского Бірона, которую въ томъ восприймать изволила сама государиня, и оная-жъ Біроновна на службѣ Божой сообщалась святымъ тайнамъ. Мы обѣдали у Івана Гамаліи съ Сидоромъ Перфільевичемъ Денисьевымъ, потомъ съ Петромъ Ѳедоровичемъ Бутурлинымъ ездили къ сестрѣ его, а женѣ ассессора конюшенной канцеляріи Поздѣева, и тамъ огороду и протчего уборства, такожъ и будинковъ его съ всякими убранствами смотрѣли. Пріехалъ въ Москву Лесевіцкій, Дубиновну за собою имѣючій.

14. Рано были у духовника, и вручена ему книжка, Василія Тредіаковского изданія, «о буквахъ русскихъ». Послѣ полдня явилъся у насъ сотникъ кролевецкій Григорій Огіевскій, пріехавшый сего числа изъ Глухова зъ челобитною о ярмарку тамошнемъ. Государиня изволила отъехать къ Александру Борисовичу Бутурлину надъ вечери и въ домѣ его ночевать.

15. Рано въ 7-мъ часу предъ полуднемъ государиня, прибывъ въ Кремль, въ болшомъ успенскомъ соборѣ изволила слушать службы Божой и святымъ тайнамъ сообщаться. По обѣднѣ была изъ пушекъ многихъ палба и при віездѣ изъ Кремля во всѣ колокола звонили. Предъ обѣдомъ были мы у графа Гендрикова, потомъ съ

---

[246]) Костянскій монастырь, нынѣ закрытый, находился около Почепа, откуда были родомъ Карновичи.

[247]) Померанскій, священникъ с. Машева, новгородъ-сѣверскаго уѣзда, былъ женатъ на какой-то родственницѣ Разумовскихъ.

нимъ у тестя его Бутурлина; послѣ онъ-же графъ и у насъ былъ, а обѣдалъ у насъ сотникъ кролевецкій. Асаулъ енералный Яковъ Якубовичъ прибылъ съ своею ассистенціею въ Москву. Я былъ послѣ вечерень у князя Алексія Дмитріевича Голицина и тамъ засталъ отставного маіора Шеншина. Графу Гендрикову данъ смушекъ черный.

16. Передъ обѣднями были у канцлера Бестужева, где генералъ С. Ѳ. Апраксинъ обявилъ намъ о прибытіи въ Москву асаула енералного Якубовича. Потомъ слушали обѣдни въ церквѣ болшой дворцовой, и тутъ первой разъ зъ Якубовичемъ видѣлись, да съ нимъ-же ходили перво въ графскіе апартаменты, потомъ къ духовнику, у которого застали митрополита сибірского Силвестра Гловацкого и съ нимъ, сегодня въ свою епархію отъеждждаючимъ, простились. Тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ прибывшимъ недавно Лесевіцкимъ, судьею полковимъ ахтирскимъ, а у духовника съ о. Василіемъ Барановичемъ, изъ С.П.Вурха прибывшимъ; тамъ-же въ дворцѣ видѣлись съ пріехавшимъ изъ своихъ деревень генералъ-рекетмейстеромъ Дивовымъ. Надъ вечери ездили до Якубовича мы и съ нами Іванъ Гамалія.—Въ прошлихъ числахъ розишлось денегъ, а именно: за алембикъ въ 11-ть фунтовъ съ трубкою дано 2 р. 64 к., за простиню до колдри 70 к., на другую мѣлочь 8 к. Графа Івана Симоновича Гендрикова четверолѣтная дочь Христина ночью умерла.

17. Рано были у графа Петра Івановича Шувалова и о ярмарку кролевецкомъ розговоровали. А въ дворцѣ при насъ изволила государиня отъехать по службѣ въ Перово. Обѣдалъ у насъ секретарь Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, а послѣ обѣда ездили до подполковника тверского драгунского полку Івана Мойсѣевича Ликевича и съ нимъ и съ женою его невидущою Анною, полькою, нѣсколько часовъ просидѣли. Чрезъ гранадера семеновского полку, отъ брегадира Полозова изъ Глухова присиланного, отпущены въ Глуховъ писма: 1-е подполковника Шубского до Скоропадского, 2-е подполковника Ликевича до брата его, сотника полкового нѣжинского, Левіцкого.

18. Изъ дворца заездили до Гамаліи, а вечеромъ были у Михайла Івановича Шипова, саржанта ізмаиловского полку. Вчера помянутая дочь графская погребена.

19. Званніи до Івана Гамаліи, обѣдали у него и весь день просидѣли, куда приходилъ и канцеляристъ Ѳедоръ Дмитріевъ Квітніцкій, которій между протчими розговорами сказовалъ, что госу-

дариня Жоравкиной родѣлѣ[248]) пожаловала 3,000 р. и разныхъ парчей 16-ти цвѣтовъ по 40 аршинъ. Въ донскомъ монастырѣ былъ праздникъ.

20. Изволила государиня слушать обѣдни въ нѣкоторой церквѣ, назиаемой Всѣхъ скорбящыхъ Радости, а обѣдать на Воробіовой горѣ. Дожчь началъ ити. Мы по службѣ заехали перво къ муншенку Вожжинскому и тутъ отъ жены его Олени Івановны трактованы кофемъ, потомъ до генералши Шиповой. Обѣдалъ у насъ съ женою своею Іванъ Гамалія и весь день пробавилъ.

21. Вечеромъ были у совѣтника коллегіи вотчинной Василія Силича Полякова и съ нимъ о межѣ малороссійской розговоръ имѣли.

22. Рано едучимъ намъ къ дворцу, явилъся въ квартерѣ нашей бывшого полковника Милорадовича синъ nothus Николай и о матерѣ своей спрашовалъ[249]). Мы обѣдали у Ѳедора Івановича Коченевского, а при выходѣ отъ него видѣлись съ каморъ-лакеемъ Милорадовичемъ, потомъ видѣли графа Розумовского отъежджаючого на охоту съ г. Шуваловымъ. Надъ вечери пришолъ къ намъ Василъ Танскій полковникъ съ зятемъ своимъ Сименомъ Лизогубомъ и у насъ-же оба ночовали, тако-жъ и сотникъ кролевецкій.

23. Рано будучи въ дворцѣ, застали тамъ у графа Розумовского великого канцлера Бестужева, графа Кирила Григоріевича и Стефана Апраксина, при которыхъ былъ передъ графомъ Розумовскимъ подполковникъ Ликевичъ, да и къ намъ графъ виходилъ, токмо ничего не говорилъ до насъ. Тамъ-же былъ прінцъ Голштейнбекъ и Брюмеръ генералъ-маіоръ. Вечеромъ были у Александра Тихоновича Лукина.

24. Одинъ Гудовичъ ездилъ въ дворецъ съ сотникомъ кролевецкимъ Огіевскимъ, зъ которымъ надъ вечери онъ-же былъ и у сенатора, князя Івана Андріевича Щербатова сторони ярмарку кро-

---

[248]) Родильницѣ.

[249]) Николай Милорадовичъ былъ сынъ отъ второй жены гадяцкаго полковника. Рѣшеніемъ генеральнаго суда 1748 г. онъ былъ признанъ незаконнорожденнымъ и всѣми имѣніями его отца упаслѣдовалъ внукъ полковника Петръ Степановичъ Милорадовичъ, бывшій въ это время камеръ-лакеемъ. См. „Кіевск. Стар.“ 1882 г., т. I, стр. 493.

левецкого. Былъ у насъ и посидѣлъ не мало камеръ-лакей Милорадовичъ.

25. Рано былъ у насъ генералный асаулъ Якубовичъ съ зятемъ своимъ Ѳедоромъ Савичемъ и съ швагромъ Александромъ Дуніномъ, а отъ насъ поехалъ къ графу Гендрикову. Ездилъ одинъ Гудовичъ въ дворецъ, где было екстраординарное собраніе міністровъ и сенаторей для нѣкоторыхъ дѣлъ, которые тамъ-же весь день пробавили. Сказовалъ Тризна, что до графа Розумовского Якубовичъ дважды былъ призиванъ. Надъ вечери былъ у насъ віце-губернаторъ бѣлагородскій Пассекъ, подполковникъ Ликевичъ и швагеръ Іванъ Гамалія.

26. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ въ болшой церквѣ, где былъ и Якубовичъ съ женою своею, съ дочерью и зятемъ прежде у графа Розумовского, послѣ въ церквѣ подходили къ ручки ихъ высочествъ. Зъ дворца заездили до Гамаліи, а обѣдалъ у насъ Якубовичъ и пробавилъ до вечеренъ, потомъ зъ зятемъ своимъ, да съ швагромъ капитаномъ Соловіовымъ, а съ ними и Тризна отъехали на Никитскую въ ихъ квартеру. Мы ужинали у графа Гендрикова.

27. Въ 10-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ въ церквѣ малой, въ старыхъ покояхъ будучой, слушали обѣдни, а въ 12-мъ часу была отпускная авдіенціа послу аглинскому, послѣ которой какъ изволила государиня возвращатись въ свои покои, то были мы у ручки ея, а послѣ обѣда въ квартерѣ нашей были Александровичъ, да Павелъ Голембіовскій и Яскевичъ, потомъ и Лукинъ. Якубовичка была передъ государинею съ своею дочерью рано.

28. По утру перво были у г. Демидова, потомъ у великого канцлера, и оныхъ по общымъ малороссійскимъ дѣламъ о ходатайство просили. Послѣ пріездили въ дворецъ, где графа Розумовского не застали: отъехалъ на охоту въ 5-мъ часу по полночи, а государиня изволила отъехать кушать на Воробіовые горы. Мы обѣдали у камеръ-фуріера Ігната Кириловича Полтавцова и у него-жъ застали брата его старшого, вчора зъ Украини пріехавшого. У насъ обѣдали: канцеляристъ Ѳедоръ Квітніцкій и сотникъ кролевецкій, да при томъ былъ и сотникъ Куликъ. Вечеромъ были у секретаря габѣнетского Бахирева.

29. Рано приходившей къ намъ сотничцѣ яготинской Купчинской (*пробѣлъ*) Володковсковнѣ даны отъ мене въ займы 10 р., а Гудовичъ

ей-же далъ 5 р. Надъ вечери были перво у князя Івана Василіевича Одоевскаго и о кролевецкомъ ярмарку говорили, потомъ у Александра Борисовича Бутурлина и поздравляли его тезоименитствомъ завтрешнымъ и кавалеріею. Далъ передѣловать кезикинъ, до которого на разные мѣлочи портному дано 15 к., крашенини 16 к., пуговицъ за 20 к., да на другіе росходы пошло 34 к.

30. Рано были съ поздравленіемъ у оберъ-маршала Шепелева, у віце-канцлера графа Воронцова, у Катерины Карловны Корфовой, у великого канцлера графа Бестужева-Рюмина, потомъ въ дворцѣ у дежурной графовъ Александра и Петра Івановича Шуваловыхъ, а въ покояхъ государевихъ прихожыхъ и протчихъ кавалеровъ ордина святого Александра Невского поздравляли. Въ исходѣ 11-го часа ишли всѣ кавалери по парамъ, а за ними его высочество государь великій князь, а въ замкѣ сама государиня въ бѣломъ платьѣ съ красними камзолами и въ чолкахъ красныхъ всѣжъ кавалери, за государинею великая княгиня, прінцесса Госсенгомбурская, штатсъ дамы и другіе придворные-жъ дамы до церкви малой, внутрь покоевъ имѣючейся, и изъ церкви обратно въ покои такимъ-же порядкомъ, въ которыхъ столы заготовлены были для кавалеровъ, и тутъ они всѣ у стола государева обѣдали при пушечной палбѣ. Мы были у духовника, где архіереевъ сунодалныхъ и протчихъ застали; оттоль заездили до Гамаліи, а надъ вечери и онъ къ намъ прибывъ, проседѣлъ до позна.

31. По утру ездили до Александра Борисовича Бутурлина и просили о кролевецкомъ ярмарку, а оттоль были въ дворцѣ, где Якубовичъ допущенъ будучи передъ государиню, говорилъ рѣчь перво ставши на колѣнихъ, а кончилъ стоя. Мы обѣдали и весь день пробавили у Гамаліи. Весь-же день паче протчихъ прежныхъ силный дожчь шолъ.

Сентемврій.

1. По утру призиваны мы въ сенатъ и подали доношеніе о кролевецкомъ ярмарку самымъ сенаторамъ, которое при насъ и читано и обѣщана резюлюція. При концѣ обѣда пріехалъ до насъ Якубовичъ и, мало покушавши, сидѣлъ у насъ нѣсколко часовъ. Вечеромъ были у графа Гендрикова и у него-жъ ужинали.

2. По утру изволила государиня съ своимъ придворнымъ штатомъ отъехать до монастыря воскресенского, називаемого Новый Іеросолимъ. Писано отъ мене повторное доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію о пляцахъ Рубановскихъ, имѣвшыхся подъ селитбами и подъ 6-ю коморами крамними, чтобъ оные отведены были подъ строеніе и подъ коморы между другими крамними лавками; да до Скоропадского отвѣтовалъ противъ его трохъ писемъ и къ нему-жъ сообщено писмо отъ Савы Матвѣева, къ намъ передъ симъ писанное.

3. Весь день въ квартерѣ пробыли, а въ вечеру заежджалъ къ намъ Іванъ Жоравко съ сожителницею своею Евдокіею Гарасимовною.

4. Писаны писма въ домъ до жены о алябастрѣ, купленномъ и отпущенномъ въ Кролевецъ, до Скоропадского о доношеніи подъ 8-мъ числомъ въ войсковую генералную канцеллярію писанномъ, до атамана кролевецкого Зубахи стороны двора его продажного. Позичены два рубли денегъ жителю костантиновскому, полку лубенского, Павлу Афанасіеву Голюнцѣ, и на оные взятъ у него ѳблѣгъ. За пошитье кезикина 50 к., Грицку на чоботи 22 к., за полсукенко на обшлоги 10 к., за круживо и прочее 16 к.

5. Рано были съ поздравленіемъ у сенатора князя Алексія Дмитріевича Голицина, а другихъ не застали. Обѣдни и молебствія слушали въ Чудовомъ монастырѣ. Обѣдали у графини Гендриковой ради тезоименитства дочери еи Елисавети Івановны, которой подаренъ отъ мене платокъ шолковый. При обѣдѣ тамъ-же были кавалеръ св. Анны Аркадій Івановичъ Бутурлинъ и сестра его вдова, да дѣти Николая Наумовича Чоглокова, Наумъ и Симонъ, съ своимъ учителемъ французомъ. Вечеромъ были мы у оберъ-секретаря сенатского Павла Василіевича Севергина. Въ воскресенскомъ монастырѣ пожаловала государиня камеръ-юнгеромъ Івана Івановича Шувалова, числа вчорашного.

6. Ездилъ въ сенатъ и въ штатсъ-кантору одинъ Гудовичъ, а между тѣмъ былъ у насъ Якубовичъ съ зятемъ и швагромъ своимъ и поехалъ зъ нашей квартери до графа Гендрикова въ Прусы.

7. Привезены изъ рентереи денги за мѣсяцъ августъ 100 р., изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отданы на харчевый росходъ. Выданы указы изъ сената о ярмарку кролевец-

комъ—быть оному зъ 15-го октября—въ войсковую генералную канцеллярію, да въ каморъ и комерцъ коллегіи. Вечеромъ были у Гамаліи, которому и челобитная поправлена о уволненіи отъ полской комміссіи.

8. Были рано у графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ въ дворецъ ездили, а вечеромъ ездили купно съ Гамаліею къ Лукину. Сотникъ кролевецкій съ нами простилься, которому даны отъ мене ad interim за алябастру 25 пудъ купленного по 7 к. и за отвозъ оного 4 р., да ему-жъ вручены и писма и доношеніе въ войсковую генералную канцеллярію, писанные подъ 8 и 4 числами сего мѣсяця, и особое писмо до полковника нѣжинского Кочубея съ копіею руки Якубовича. Государиня изволила прибыть въ Москву и тутъ ужинать въ домѣ конюшенной канцелляріи ассесора Сергія Васильевича Поздѣева, потомъ въ дворецъ пріехать позно.

9. Послѣ обѣдень были въ дворцѣ у Өедора Івановича Коченевского, а графа Розумовского не видали. Іванъ Гамалія перейшолъ на другую квартеру въ дворъ деревяный маіора гвардіи преображенского полку, князя Александра Александровича Меншикова. Силный былъ дожчь.

10. Обѣдали у насъ полковникъ Өедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Яковъ Алексіевичъ Шубскій, да Іванъ Гамалія. Послѣ полдня изволила государиня перейти изъ Головинскихъ въ новопостроенные покои. Въ вечеру были на новой квартерѣ у Івана Гамаліи.

11. Рано были въ дворцѣ въ новыхъ покояхъ и тутъ кланялись графу Розумовскому, где видѣлись съ княземъ Өеодоромъ Івановичемъ Голицинымъ, которій представлялъ графу Розумовскому сина своего малолѣтного, новопожалованного въ конную гвардію капраломъ. Тамъ-же видѣли Өедора Мировича, бывшого въ Енисейску воеводою. Вечеромъ былъ я перво у Гамаліи и тамъ засталъ свойственицъ жены его, потомъ у графа Гендрикова, где засталъ Якубовича съ женою, зятемъ и дочкою, которые тамъ-же и вечеряли.

12. Передъ обѣдомъ ездили въ дворецъ, токмо не застали графа Розумовского,—ездилъ за государинею за 12 верстъ, а по полдни ездили мы оба и съ нами Гамалія до князя Н. Юр. Трубецкого, съ которымъ изъ окказіи сторони саранчи говорили, чтобъ

поудержано винокуреніе еще чрезъ годъ и устроени-бъ магайзены для наполненія хлѣбомъ ради скудного народа. Тако-жъ говорили о кролевецкомъ ярмарку и о дѣлѣ поченціовъ, а возвратясь сидѣли нѣсколько часовъ у Гамаліи.

13. Сей ночи прибыли въ Москву и въ дворцѣ графскомъ стали сестра графская Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Өедоровичемъ Дараганомъ, да дядя его Денисъ Демешко, сватъ канцлеровъ и Василь Лизогубъ. Мы перво были у канцлера и допущены были-жъ къ нему; потомъ заездили въ дворецъ, а оттуду были въ Перовѣ и тамъ у Жоравки обѣдали, где жена его подарила дѣтямъ моимъ 3 цвѣтки китайскихъ. А оттоль заездили въ домъ графскій бархатный и тутъ съ пріежжими видѣлись; мимоездомъ-же были у Івана Андріяновича Возжинского. Сего-жъ числа писалъ до жены и до сина Василя чрезъ людей графа Мойсѣя въ Стародубъ отправленныхъ.

14. Были въ дворцѣ на обѣднѣ въ малой церквѣ государиня и іхъ імператорскіе высочества. Мы видѣлись съ Өедоромъ Івановичемъ Коченевскимъ, которій говорилъ намъ о поданномъ въ генералную канцеллярію доношеніи на полковника чернѣговского Божича о произвожденной пушечной палбѣ во время священія церкви въ монастырѣ рихловскомъ отъ урядниковъ генералной артилеріи.

15. Писано отъ насъ до генералной старшины, въ канцелляріи генералной присутствующей, сторони оного на Божича доношенія, по требованію Өедора Івановича Коченевского. Мились въ банѣ на квартерѣ Івана Гамаліи и у него-жъ сидѣли до позна, где пріездилъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ.

16. Заплачено за синелѣ разныхъ цвѣтовъ 3 руб. 25 коп., за чайникъ мѣдный 1 р. 30 к. Въ дворецъ ездилъ одинъ Гудовичъ и тамъ обѣдалъ у Ө. І. Коченевского, а по службѣ Божой государиня изволила отъехать въ Тайницкое. Вечеромъ сидѣли мы у Гамаліи, которому подаренъ отъ мене камушокъ одинъ на печатку, а другій ему-жъ данъ для вирѣзанья моего гербу. У Якубовича кушалъ графъ К. Г. Розумовскій.

17. Рано ездили до адмірала князя Михайла Михайловича Голицина сенатора, потомъ до именинници Вѣры Григоріевны, у которой и обѣдали купно съ Жоравкомъ и его женою, да зъ судею ахтирскимъ и его женою, зъ племѣнниками графскими и съ прот-

чими нашими. А передъ обѣдомъ виправили обратно въ Малую Россію Дениса Демешка, пріездившого сюда, которому государиня пожаловала 3,000 р., и чрезъ него отпущено наше писмо до старшины генералной, подъ 15-мъ числомъ писанное. Графъ Гендриковъ съ графинею былъ на вечеринцѣ у Якубовича, а мы были у Гамаліи, где Горчакова и нѣкоторого подполковника Пушкина застали.

18. По утру былъ у насъ архимандритъ костинскій Карновичъ, которій у насъ-же и обѣдалъ. А по полдни были мы у графа Гендрикова и тамъ-же вечеряли.

19. Обѣдалъ у насъ и доволно просидѣлъ Василій Лизогубъ, а по полдни были у Лукина и до вечера просидѣли съ Горчаковымъ. Графъ Гендриковъ отъехалъ рано до великого князя въ Раево съ охотою псовою.

20. Ужинали у графа Гендрикова.

21. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, потомъ обѣдали у графа Гендрикова, а послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ я зъ графомъ Гендриковымъ въ село его Прусы и туда прибыли въ 8-мъ часу.

22. Графиня съ тіоткою своею Анною Івановною и съ протчими отъехали изъ Прусъ въ 12-мъ часу до Троецкого Сергіевского монастыря, а передъ вечеромъ пріездилъ въ Прусы до графа сосѣдственный помѣщикъ Ѳедоръ Івановичъ Карамишевъ, съ двома своими синами, Николаемъ и Василіемъ, и тамъ-же ужинали. Сины г. Скоропадского изъ чужыхъ краевъ прибыли въ Глуховъ.

23. Попъ изъ села того-жъ Карамишева служилъ обѣдню въ церквѣ въ Прусахъ и тамъ-же обѣдали у графа оный-же Карамишевъ съ синами и невѣсткою своею, умершого Івана Петровича Толстого дочерью. Отъехали мы на охоту и, затрoвивъ 2-хъ зайцовъ, ночовали въ деревнѣ монастыря Троецкого Сергіевского Протасовѣ.

24. Въ 8-мъ часу по полуночи поехавъ мы на охоту, ездили до 4-го часу по полдни и затровили 3-хъ зайцовъ; потомъ обѣдали, а по обѣдѣ забавлялись стрелбою голубовъ и въ той-же деревнѣ ночовали.

25. Рано пріѣхалъ туда-жъ нѣкоторій старикъ помѣщикъ Михайло Григорьевичъ Собакинъ съ своею псовою охотою, изъ которымъ поехавъ графъ и мы, цѣлій день тровили въ мѣстахъ раз-

ныхъ зайцовъ, въ томъ числѣ и около села Марфиной, где преславный дворъ покойного графа Семена Андревича Солтикова съ многими изрядними строеніами видѣли, а вечеромъ прибыли въ Прусы, и тутъ ночевалъ я въ кибѣтки.

26. Писалъ я къ Гудовичу съ посилкою зайця одного и 6 голубовъ застреленыхъ, а до Грицка о присилки нѣкоихъ потребностей. Графъ рано отправилъ часть своей охоты зъ охотниками въ Раево до его высочества государя великого князя. Потомъ обѣдали мы и въ бани мились у Карамишева.

27. Графъ отъехалъ рано на охоту до Собакина и уже вечеромъ оттоля прибылъ, а я, за бывшимъ тогда великимъ морозомъ, не ездилъ. Того-жъ числа и крупа снѣжная випала была. Ночью сонъ трижды одинъ видѣлъся.

28. По полдни въ 3-мъ часу поехалъ я изъ Прусъ и какъ пріежжалъ къ селу Тайницкому, где дворецъ изрядный государевъ и церковь огромная каменная, для бытія тамъ государини випалено изъ 51 пушки. Прибылъ-же я въ Москву 6-го часа.

29. Ездили въ дворецъ и были тамъ у Ѳедора Івановича Коченевского, потомъ писали писма въ Глуховъ до Скоропадского и Валкевича о полской коммиссіи, да до полковника нѣжинского Кочубея чрезъ служителя его, туда отъежжаючого. Въ 4-мъ часу по полдни прибыла государиня въ дворецъ къ Москвѣ, а ночью переведена туда-жъ Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ Евфимомъ Ѳедоровичемъ Дараганомъ.

30. Рано ездили въ дворецъ и тамъ были у Вѣры Григоріевны и мужа еи на новосѣльѣ въ тихъ дворцовыхъ покояхъ, где прежде живалъ графъ Алексей Григоріевичъ Розумовскій. Потомъ отъехали на свою квартеру и тутъ у насъ обѣдали Іванъ Гамалія съ женою. А надъ вечери пріехалъ графъ Гендриковъ изъ Прусъ, у которого мы были и ужинали.—Росплатка учинена по порахунку зъ Грицкомъ: за 6 аршинъ бѣло... на юпку 2 р. 40 к., за пошитье оной 30 к., за перешитье черкески 40 к. Остапу кравцю. На разные дробные росходы—1 р. 8¹/₄ к.

Октоврій.

1. Рано были у сенатора и генерала аншефа Василія Івановича Левашова. Потомъ отъехали въ дворецъ, где въ исходѣ 11-го

часа государиня изволила отъехать въ свое село Покровское и тамъ службы Божой слушать и обѣдать, а его імператорское высочество слушалъ обѣдни въ малой дворцовой церквѣ, послѣ-же и у ручки его были. Обѣдали мы у Івана Гамаліи, куда по обѣдѣ пріездилъ и Якубовичъ съ Василемъ Лизогубомъ; потомъ въ вечеру были мы съ Гамаліею-жъ и Лизогубомъ у графа Гендрикова.

2. По утру были въ дворцѣ, где представлялъ графу Розумовскому атамана донского Данила Ефремова генералъ Апраксинъ, которій атаманъ подарилъ графу яничарку и сосудъ турецкій и сагайдакъ съ лукомъ и стрѣлами. Я обѣдалъ у Івана Гамаліи и тамъ же до вечера просидѣлъ. За вирѣзанье печатки съ моимъ гербомъ на каменѣ серделіку заплатилъ 3 р.

3. Рано будучихъ насъ въ дворцѣ звали къ себѣ Евфимъ Өедоровичъ Дараганъ и Вѣра Григоріевна, у которыхъ мы и обѣдали, где по обѣдѣ къ нимъ-же приходилъ и подполковникъ Ликевичъ; а между обѣдомъ говорилъ мнѣ тотъ-же Дараганъ, что вчорашнего числа, какъ онъ былъ съ женою своею у стола государини, то ея величество между протчими и мою жену милостиво поминать изволила.

4. По утру въ началѣ 10-го часа предъ полуднемъ были мы у графа Розумовского и зъ онимъ доволно о гетманствѣ разговоровали, потомъ, у него-жъ будучи, и духовникъ о томъ-же ему говорилъ, а зъ дворца заездили на бархатный дворъ и тутъ у Жоравки и у Лясевіцкого, судіи ахтирского, были. Было погребеніе въ Чудовомъ монастирѣ въ Кремлѣ сенатору, оберъ шталмейстеру и кавалеру, князю Александру Борисовичу Куракину, которій, долговременно хоровавши, преставилъся сего октоврія 2-го числа рано. Писаны отъ мене писма: 1-е до полковника чернѣговского Божича, другое до асаула енералного Валкевича въ отвѣтъ противъ ихъ до мене писемъ, и оные въ пакетъ къ Скоропадскому, при писмѣ отъ насъ обоихъ, стороны 8 коней и бочки вина красного волоского писанномъ, включены.

5. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Өедору Даниловскому съ товарищы, которые отпущены изъ сената въ Глуховъ съ переписанными книгами генералного слѣдствія о маетностяхъ и съ копіями сенатскихъ указовъ разныхъ годовъ, кои во время прошлогодского пожару въ Глуховѣ погорѣли подлинные, и

оные-жъ канцеляристи съ нами простились. Я одинъ обѣдалъ у Івана Гамаліи, а потомъ оба были у графа Мойсѣя Владиславича и у Александра Тихоновича Лукина. За полтрети аршина красного свистуна до попелятого кунтуша на лиштвы заплачено 2 р. 75 к.

6. Привезлъ Гудовичъ изъ рентереи денегъ 100 р. кормовыхъ за септеврій мѣсяць, изъ которыхъ взяли мы оба по 25 р., а осталные 50 р. отдаватимутся Кохановскому на повседневный росходъ. Салдатъ Калугинъ явилъся у насъ, прибывшій изъ Глухова до дворця зъ дрохвами. Во время обѣда костка въязла была въ горлѣ. Послѣ полдня ездили въ дворецъ, а оттоль были на комедіи въ оперномъ домѣ.

7. Пришла вѣдомость до генералши Катерины Івановны Шиповой, что сожитель еи, генералъ-лейтнантъ и кавалеръ, Іванъ Афанасіевичъ Шиповъ прошлого сентября 29-го преставилъся на линіи, у которой генералши мы были, и что оная нечаянно заболѣла, для того кровь ей пущана. Рано были у князя Никиты Юрьевича Трубецкого и у графа К. Г. Розумовского, потомъ обѣдали въ домѣ, а вечеромъ у Івана Гамаліи сидѣли.

8. По утру были у графа Гендрикова и у графа Петра Івановича Шувалова, которому и писмо къ намъ зъ Глухова о имѣючихся прислати 8 коняхъ показовали. По обѣднѣ, слушанной въ дворцѣ, были съ протчими у ручки государини, потомъ у графа Розумовского, где при бытности нашей данъ портретъ на синіой лентѣ атаману донскому Данилу Ефремову. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны съ протчими. По полдни въ 5-ть часовъ былъ сездъ на свадбу въ домъ покойного Александра Львовича Наришкина, которого синъ Александръ камеръ-геръ женилъся на дочерѣ-генерала - маіора Никиты Івановича Румянцова, Аннѣ, где государиня со всѣмъ дворомъ своимъ присутствовать изволила и уже въ 3 - мъ часу по полуночи розехалися. Графъ Іванъ Григорьевичъ Чернишовъ пожалованъ камеръ-юнгеромъ и съ нимъ обручена фрейлина Евфимовская. Въ вечеру были у насъ: подполковникъ Ликевичъ и Іванъ Гамалія, потомъ пришолъ Стефанъ Лукомскій пяный и много болталъ де чого и на силу збули его, отшедшого пѣшкомъ съ нашимъ служителемъ. Да были-жъ у вдовы генералши Шиповой мимоездомъ изъ дворця. Сего - жъ числа женилъся князя Өедора Івановича Голицина синъ на племенницѣ Шуваловыхъ.

9. Даны Грицку 4 р. на сосуды мѣдные, для швагра Ѳедора Корецкого дѣланные. Рано были въ дворцѣ и просили Александра Петровича Сумарокова о докладѣ, чтобъ Івана Гамаліи зъ квартери не висилано. Я обѣдалъ у Гамаліи, а вечеромъ были у насъ Горчаковъ и Лукинъ съ Гамаліею.

10. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевни, а потомъ были у графа Гендрикова, которій обѣдалъ у тіотки своей графини Скавронской, а оттоль пріехавъ, удержалъ меня на ужинъ. Гудовичъ-же ездилъ въ дворецъ одинъ для взятія позволенія графу Гендрикову ехать на три недели въ суждалскіе его деревни. Гамалія перешолъ на другую квартеру.

11. Писаны писма одно къ бунчуковому товарищу Григорію Богдановичу съ включеннымъ въ оное указомъ по дѣлу его съ умершымъ подполковникомъ Роде, изъ военной коллегіи до генерала губернатора кіевского Леонтіева писаннымъ и съ копіею о томъ же приговора; другое до Василія Туманского, за старшого канцеляриста въ генералной канцелляріи правящого, объ отсилки того моего къ Богдановичу съ указомъ писма. Обѣдали мы съ графомъ Іваномъ Симоновичемъ Гендриковымъ у Вѣри Григоріевны, а при томъ были мужъ еи, до Жоравко и Лясавіцкій съ женою своею Дубіновною и весь день тамъ просидѣли. Въ вечеру-же былъ тамъ графъ Кирило Григоріевичъ Розумовскій съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ и скоро отойшолъ. Потомъ-же и мы съ графомъ прибыли въ свою квартеру, где доволный имѣли розговоръ съ Тризною о депутатствѣ, въ которое и прежде не былъ онъ опредѣленъ.

12. Писано писмо до сотника глуховского Демяна Турянского объ отводѣ на шесть лавокъ крамныхъ и за двѣ дворовые земли мѣстъ противъ посланного отъ мене въ войсковую генералную канцелярію прошлого юня 24-го дня доношенія, изъ которого тамъже сообщена копія, и оное писмо, такъ-же и вчора писанные, вручены солдату глуховского гарнизонного полку Калугину, которому и на дорогу дано 10 к. По утру ездилъ одинъ Гудовичъ до дворця, а я въ квартирѣ былъ, вечеромъ-же оба были у Івана Гамаліи на новой его квартерѣ въ Бѣломъ городѣ. Куплено до шубы крашенины бѣлой 10 аршинъ за 40 к., до юпки полотна 5 аршинъ за 22¾ к., полфунта бавовны за 17¾ к., Івану Рудому на чоботы пришвы

20 к. Грицко издержалъ моихъ денегъ на виправу указу по дѣлу бунчукового товарища Григорія Богдановича изъ военной коллегіи 1 р. 80 к. Изъ сего числа противъ

13. Ночью родилъся синъ Алексій судіи полковому ахтирскому Константину Алексіевичу Лясавіцкому. Вчорашного числа генерала лейтнанта и кавалера Петра Михайловича Шипова жена Өеодосія Івановна преставилась послѣ рожденія того-жъ числа дочери. Едучимъ намъ изъ дворця обявилъ поруччикъ гвардіи ізмайловского полку Гаврило Өедоровичъ Вишневскій, что пожаловала его государиня полковникомъ. Послѣ полудня были у насъ полковникъ Василь Танскій и Іванъ Гамалія. Писано отъ насъ отвѣтное писмо до преосвященного Платона Петрункевича, епископа владимерского, сторони брата его, въ Сосницѣ жителствующого. Синъ есаула генералного Якубовича Александръ, пажъ, прибылъ изъ С.-П-бурха въ Москву. Подполковникъ Іванъ Мойсіевичъ Ликевичъ представлялъ жену свою невидящую государинѣ. Снѣгъ болшій випалъ и здѣлалъся зимный путь.

14. Умершая жена генерала лейтнанта Петра Михайловича Шипова Өеодосія Івановна, зъ дому Сенявиныхъ, погребена въ монастырѣ Златоустовскомъ, на которомъ погребеніи и мы были. Службу Божію служилъ и погребалъ пресвященный Платонъ Малиновскій, московскій архіепископъ; присутствовали при томъ многіе изъ знатныхъ мужеска и женска полу, въ томъ числѣ генералъ лейтнантъ, бывшій генералъ провіантъ-мейстеръ Шереметевъ и Іванъ Якимовичъ Синявинъ. Въ вечеру были на бархатномъ дворѣ и поздравляли Лясавіцкого и жену его новорожденнымъ синомъ, где была-жъ Віра Григоріевна и полковникъ Коченевскій.

15. Рано были у графа Гендрикова, которій, по позволенію отъ двора данному, отъехалъ въ далные свои деревни до 1-го ноября. Мы обѣдни слушали въ дворцѣ и были у графа Розумовского, потомъ у зятя его, именинника, Евфима Өедоровича Дарагана обѣдали, а по обѣдѣ мимоездомъ были у генералши Шиповой вдовы. Въ вечеру-же поздно ездили до Лукина и тамъ съ княземъ Юсуповымъ, отставнымъ гвардіи капитаномъ, седѣли.

16. Въ 11-мъ часу передъ полуднемъ призивано насъ въ сенатъ и тутъ объявлено, что нѣкоторые бѣглые раскольщики подали челобитную, чтобъ имъ позволено селиться на той сторонѣ Днѣпра

у городка, такъ называемаго Крукова (около Кременчуга), при которомъ будто имѣются земли пустые. Но мы противъ того спорили, предлагая между протчимъ, что нашимъ людямъ и отъ тѣхъ расколщиковъ, кои поселены въ стародубовскомъ и черниговскомъ полкахъ, многіе чинятся обиды. Потомъ изъ сената отъехали мы до секретаря Новоторжцова и тутъ у него имѣли о тѣхъ-же расколщикахъ и о почепцяхъ розговоръ. Послѣ полдня ездилъ я до генерала рекетмейстера Дивова зъ Гамаліею и просилъ его какъ о его, такъ и о своемъ дѣлѣ, потомъ заездилъ и до Гамаліи. Сигнетъ (печать) зъ моимъ гербомъ отдѣлалъ майстеръ молодый Бібо. Указъ именный подписанъ о отправленіе графа Гендрикова въ Малую Россію для избранія гетмана.

17. Сочиненное доношеніе въ сенатъ о неотводѣ малороссійскихъ земель подъ великороссійскихъ бѣглецовъ и ни подъ кого подано Гудовичемъ въ сенатѣ и принято къ дѣлу. Секретарь Новоторжцовъ обѣдалъ у насъ, а вечеромъ у насъ-же былъ Гамалія.

18. Рано были въ дворцѣ передъ графомъ Розумовскимъ, которій обявилъ намъ о скорой отправѣ въ Малую Россію графа Гендрикова для избранія гетмана, о чемъ сего-жъ числа посланы именные указы: одинъ въ сенатъ, другій въ коллегію іностранную, и о переносѣ изъ сената въ ту коллегію всѣхъ дѣлъ малороссійскихъ. По полднѣ были перво у князя Никиты Юрьевича Трубецкого, потомъ у секретаря Новоторжцова, и они тако-же о вышеписанныхъ указахъ намъ обявили. Лошади, вчора изъ Глухова приведенные чрезъ 4 компанѣйцовъ, вороные осмь отведены къ графу Петру Івановичу Шувалову.

19. По утру ездили до графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина, великого канцлера, и оного просили о скоромъ отправленіи міністра для избранія гетмана въ силѣ именного указу и о протчемъ розговоръ имѣли. Потомъ были у духовника и о томъ-же указѣ обявляли. Обѣдали у насъ Антонъ Милорадовичъ, полковникъ Василь Танскій, да Зеленскій и другіе, а потомъ былъ у насъ-же Ѳедоръ Івановичъ Коченевскій и подполковникъ Ликевичъ, а въ вечеру пріездила графиня Гендрикова Катерина Сергіевна съ сестрою своею Анною Сергіевною. Былъ тако-же у насъ и Александровичъ. Рано послана отъ мене Александра Тихоновича Лукина сину малому Петру малая табакерка срѣбрная и платокъ

шолковый за присланную именемъ его передъ симъ ко мнѣ чайницю срѣбрную, въ которой вѣсу 47²/₄ золотника.

20. Рано были у графа и благодарили за ходатайство и о протчихъ нуждахъ говорили. Потомъ заходили въ дежурную до г Шувалова и цену за 8 коней обявили. Обѣдали у Гамаліи, а отъ него поехали до графа Кирила Григорьевича Розумовского, оттудуже заездили до преосвященного псковского Сvмона Тодорского въ петровскій монастырь.

21. По утру были у графа Кирила Григорьевича Розумовского и съ нимъ, а послѣ купно и съ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ, доволный о нуждахъ нашыхъ малороссійскихъ розговоръ имѣли. Писаны и отправлены писма чрезъ 3-хъ компанѣйцовъ въ Глуховъ до старшины генералной всей, съ сообщеніемъ копіи именного указа о избраніи гетмана и сенатского опредѣленія; другое— о присланныхъ 8 коняхъ для г. Шувалова, а отъ мене писано до Скоропадского объ отправленіи писма до жены моей, где включено писмо и отъ Гудовича до его жены. Государиня ужинала у Романа Ларіоновича Воронцова. Вечеромъ были у Лукина, потомъ у габінетского сокретаря Якова Ісаевича Бахирева. За одну дюжину ножовъ неоправныхъ дано 2 р. 50 к.

22. Рано были у віце-канцлера графа Воронцова, потомъ въ дворцѣ по обѣдни у ручки іхъ высочествъ. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, по обѣдѣ заехали до подполковника Ликевича, у которого до 8-го часа проседѣли.

23. По утру были у сина великого канцлера графа Андрея Алексіевича Бестужева - Рюмина, которого застали болного, потомъ заездили до канцлера и во дворецъ; послѣ отъехали къ преосвященному псковскому Симону Тодорскому и у него обѣдали. Вечеромъ были у насъ подполковникъ Ликевичъ, Гамалія и Горчаковъ. Привели назадъ конѣ рано отъ графа Шувалова.

24. По прибытіи нашемъ въ дворецъ рано откланялъся государинѣ асаулъ генералный Якубовичъ съ женою своею и зятемъ. Потомъ были мы у Өедора Івановича Коченевского, а обѣдали у графини Гендриковой съ графинею Маріею Івановною Скавронскою, архимандритомъ воскресенскимъ Амвросіемъ Камінскимъ и бывшимъ економомъ невского монастыря. Вечеромъ былъ у насъ Яковъ Тимофіевъ и Дерюжкинъ. Писано отъ насъ писмо до графа Івана

Симоновича Гендрикова съ обявленіемъ состоявшогося именного указу, присланного въ сенатъ сего октоврія 18-го, объ отправѣ его въ Малую Россію для избранія гетмана и чтобъ изволилъ пріездить въ Москву безотлагателно.

25. Оное писмо отослано къ графинѣ Катеринѣ Сергіевнѣ Гендриковой для отсилки къ графу туда, гдѣ онъ нинѣ обрѣгается. Въ 10-мъ часу передъ полуднемъ были у ассесора академіи Григорія Николаевича Теплова и ему-жъ вручены отъ насъ 2 копіи грамотъ гетману Хмелницкому на права и волности, другой—шляхтѣ малороссійской, да 2 Петра Великого на избраніе гетмана Скоропадского и на урядъ ему данныхъ; тако-жъ копія прошенія нашего о бытіи въ Батуринѣ резиденціи по прежнему, государинѣ въ С.П. Бурхѣ поданного, и меморіалу здесь, въ Москвѣ, о дѣлахъ малороссійскихъ графу Розумовскому сообщенного; такожъ списокъ пактъ гадяцкихъ. Тотъ-же Тепловъ сказывалъ намъ, что въ недавныхъ числахъ въ С.-П.-Бурхѣ сгорѣлъ совсѣмъ оперный домъ.

26. Рано были перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева и поздравляли его тезоименитствомъ, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина и въ дворцѣ обѣдни слушали. Послѣ обѣдни ездили на квартиру къ Якубовичу и тамъ съ женою его и съ протчими простились. Сего числа даны отъ военной коллегіи двомъ яицкихъ козаковъ старшинамъ золотые о коронаціи государыни медаллы не малые для ношенья на шеи на красной лентѣ.

27. Были въ дворцѣ у духовника, потомъ на бархатномъ дворѣ у Василя Лизогуба обѣдали, а Жоравко съ женою и Вѣра Григоріевна обѣдали у переславского архіерея Арсенія Могилеанскаго. Пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ Михайло Новоторжцовъ.

28. Рано были у Теплова, а вечеромъ у Михайла Ів. Новоторжцова, которій вчора пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ въ іностранную коллегію, и у него-жъ при насъ были Петръ Курбатовъ и Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретари той же коллегіи, да Урилъ у насъ и обѣдалъ. Вечеромъ до поздна у насъ-же сидѣлъ Гамалія.

29. По обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у Вѣри Григоріевны съ многими нашими, а по обѣдѣ заездилъ къ намъ подполковникъ Ликевичъ и доволно у насъ проседѣвъ, отъехалъ въ дворецъ на куртакъ. Тамъ-же въ дворцѣ по обѣдни видѣли мы по-

мянутую старшину яицкую съ медаллами на шіи. Зговорена дочь графа Александра Івановича Шувалова за Головкина камергера.

30. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского, но оного не застали, токмо съ Тепловымъ видѣлись и ему сочиненіе о титулѣ вручено. Надъ вечери ездили до Івана Гамаліи, куда пріездилъ и Лукинъ. Ночью прибылъ графъ Гендриковъ въ домъ свой.

31. По утру были у графа Гендрикова, потомъ въ дворцѣ у Ѳедора Івановича Коченевского, у которого взялъ и денегъ 100 р.; а чтобъ оные отдалъ Скоропадскій, о томъ къ нему писалъ я чрезъ Ілью Навроцкого, отправляючогось въ Украину отъ Коченевского. Вѣра Григоріевна съ мужемъ своимъ у ихъ высочествъ была и кушали у стола ихъ собственного. У насъ обѣдалъ подполковникъ Ликевичъ, потомъ мы отошли къ графу Гендрикову и у него сидѣли до позна и ужинали.

Ноеврій.

1. Писаны писма: 1-е въ Глуховъ до старшины генералной о обидахъ короповцямъ (жителямъ г. Коропа) и другимъ подданымъ артилерійскимъ, отъ урядниковъ генералной артилеріи чинячихъся; 2-е отъ себе до Романа Журбы, сотника волинского, чтобъ онъ сотнянъ своихъ не обижалъ, да изъ Стефаномъ Петрункевичемъ, канцеляристомъ войсковымъ, помирился-бъ и жилъ спокойно, которій у насъ съ Ярошевичемъ и обѣдалъ.

2. Рано я былъ одинъ съ графомъ Гендриковымъ у віце-канцлера Воронцова, потомъ въ дворцѣ у Василія Івановича Чолкова, а обѣдали онъ, графъ и я у Вѣры Григоріевни съ мужемъ еи и съ женою ротмистра Чуфаровского и уже позно оттуду приехалъ въ квартєру, а Гудовичъ обѣдалъ и ужиналъ у графа Гендрикова съ графинею. Государыня изволила быть сей день у графа Кирила Григоріевича Разумовского.

3. Куплены завойковые 3 футри для Скоропадского за 82 р. 50 к., да двѣ чемровые за 22 р., а для сина моего Василя одно завойковое за 27 р. 50 к. Для него-жъ три пари башмаковъ за 1 р. 50 к., сапоги 1 р. 30 к., двѣ пари туфлей чорныхъ 50 к., шесть паръ черевиковъ дамскихъ матеріалныхъ (шелковыхъ) по 40 к.—чинитъ 2 р. 40 к.; шесть паръ туфліовъ дамскихъ-же за

89 к., сапожки для сина Івана 35 к., для его туфли 17 к., башмаки 25 к., шнурка золотого за 22¾ к., за футлярикъ на зубочистку 12 к., на розные дробязки розишлось 12 к. Сотнику полтавского полку Семену Кулику позичены 10 р. и взятъ у него облѣгъ. Писано отъ мене писмо до Скоропадского за канцеляристомъ Лисянскимъ, чтобъ его повѣтчикомъ стародубскимъ опредѣлено. Принесены денги 100 р. изъ рентереи за октябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли оба по 20 р., а осталные 60 въ росходъ держатимутся.

4. Писано писмо до Скоропадского о покупленныхъ вчора футрахъ лисѣхъ, которые и оное писмо вручено Івану Обтовскому, имѣющему отъездить въ Украину. Рано были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, а прежде у Теплова, где и маіора гвардіи Василія Александровича Нащокина о Михайлу и Григорію Шиповыхъ просили Вѣра Григеріевна съ мужемъ и Лизогубъ съ дочерю, да и мы съ ними; обѣдали у графа Гендрикова и вечеряли мы.

5. Рано были перво у графа Гендрикова, потомъ у віце-канцлера, которій намъ говорилъ о доношеніи отъ насъ въ сенатъ поданномъ, чтобъ расколниковъ не селить на нашыхъ земляхъ, послѣ у канцлера, где насъ поздравлялъ Апраксинъ переселеніемъ въ іностранную коллегію. Въ дворцѣ слушали обѣднѣ и послѣ были у графа Розумовского, обѣдали въ квартерѣ. Вечеромъ были у Гамаліи и съ нимъ на балѣ и куртакѣ въ дворцѣ.

6. По утру въ 10-мъ часу были у графа Розумовского и съ нимъ говорили о Батуринѣ и другихъ на гетмана надлежащыхъ маетностяхъ, о конскихъ заводахъ и о протчемъ; потомъ просилъ я его и о своемъ дѣлѣ. Послѣ обѣда былъ у насъ Лукинъ, да камеръ-лакей Милорадовичъ съ братомъ своимъ и Іванъ Гамалія, а Гудовичъ у графа Гендрикова и тамъ-же вечерялъ.

7. Рано былъ у Гудовича Іванъ Ѳедоровичъ Соловіовъ, потомъ Гудовичъ ездилъ одинъ перво въ коллегію иностранную, потомъ до графа Кирила Григоріевича Розумовского и у него въ домѣ съ графинею и съ Тепловымъ обѣдалъ, а я весь день въ квартерѣ пробылъ.

8. Написанное писмо до надворного совѣтника Михайла Івановича Новоторжцова съ поздравленіемъ его тезоименитства нынѣш-

него отослано къ нему чрезъ Григорія и при томъ фляшечку срѣбрную, отъ Лукина мнѣ подаренную.

9. Званы нарочно отъ Новоторжцова, обѣдали у него съ дѣйствителнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Івановичемъ Демидовымъ, женою его и зятемъ Ільею Михайловичемъ Радванскимъ, шляхтичемъ смоленскимъ и его-жъ женою, а дочерью Демидова, да съ президентомъ бергъ-коллегіи Антономъ Ѳедоровичемъ Томиловымъ и другими гостми и до позна у него проседѣли. Николай Тризна изъ нашей квартери переѣхалъ на другую въ дворъ бархатный.

10. Рано были у канцлера и просили его какъ стороны Батурина, такъ и объ отправѣ нашей, которій велѣлъ намъ дать себѣ копію прошенія нашего о Батуринѣ, въ С.-П.-Бурхѣ государынѣ поданного 1748 г. сентября 28-го дня. А отголь заездили въ дворецъ и говорили Барановскому о припоминаніи графу Розумовскому о дѣлахъ осталныхъ и о нашей-же отправѣ. Потомъ были у Жоравка, а вечеромъ сидѣли у графа Гендрикова до позна. Въ вечеру позичены Івану Гамаліи 100 р. денегъ Скоропадского, взятыхъ за конѣ, которые приняла у мене жена его.

11. Были знову у канцлера и подали помянутого о Батуринѣ прошенія копію чрезъ секретаря Дмитрія Василіевича Волкова, которій отъ канцлера приказовалъ намъ о протчихъ дѣлахъ малороссійскихъ, изъ сената въ габинетъ докладами взнесенныхъ, написать доношеніе въ коллегію іностранныхъ дѣлъ. Сего-жъ числа рано прибылъ изъ Глухова по почтѣ слуга Валкевичовъ зъ писмами до насъ и зъ нѣкоторыми доношеніями въ сенатъ, съ промеморіею въ провіантскую канцеллярію и съ двома писмами до канцлера и віцеканцлера. Позичилъ я у Івана Жоравки и у жены его 300 р. денегъ и на оные далъ имъ отъ мене подъ 23-мъ числомъ облѣгъ сего мѣсяця. Обѣдали мы у подполковника Івана Мойсѣевича Лікевича и до вечера съ нимъ и съ женою его просидѣли.

12. Обѣдни слушали въ дворцѣ и съ протчими были допущены къ ручкѣ государыни. Обѣдали у Вѣри Григоріевни, гдѣ обѣдали-же и юстицъ-коллегіи (*пробѣлъ*) Коячовъ, которому были отъ насъ выговоры за нѣкоторые говоренные имъ на малороссіянъ поносные рѣчи. Потомъ заездили къ графу Гендрикову, у которого были нѣкоторые кавалери придворные, въ томъ числѣ графъ Андрей Ми-

хайловичъ Евфимовскій и Николай Наумовичъ Чоглоковъ при травленіи медвѣдіовъ.

13. Весь день были въ квартерѣ, а вечеромъ былъ у насъ графъ Мойсѣй Івановичъ Владиславичъ и полковникъ Василь Танскій. Покуплены сего-жъ числа золотые и срѣбрные часы и сѣтки, а именно: на сукнѣ гасу золотого 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 30 лотовъ и 4 золотника, цена лоту по 95 к., заплачено денегъ 29 р. 13 к.; срѣбрного гасу 18 аршинъ, вѣсу въ немъ 32 лота и 2 3/4 золотника, лотъ по 85 к., дано 27 р. 97 к.; гасу золотого и срѣбрного по 4 аршина, и того 8 аршинъ, вѣсу въ обоихъ 16 лотовъ, золотниковъ 2 3/4, цена лоту по 1 р. 15 к., дано 19 р. 35 к.; сѣтки золотой на двѣ портищи по 18 аршинъ, да гасу серебряного узкого на 1 портище 18 аршинъ, вѣсу во всѣхъ 47 лотовъ, 1 золотникъ, лотъ по 75 к., дано 36 р. 50 к.; гасу на шляпу сину Василю, вѣсомъ 5 лотовъ и 3/4 золотника, лотъ по 1 р. 15 к., дано 6 р. 40 к.; за две притупеи 1 р., за кошеліокъ 80 к., за ленту 18 к., за двѣ пари чолковъ шолковыхъ, бѣлые и черные, за плюмажъ до шляпи и одну пару манжетовъ 10 р.; за 110 цвѣтковъ на паньенскіе уборы 20 р., да еще за сѣмъ цвѣтковъ дано 3 р.—Отправовались сватбы въ дворцѣ камеръ-юнкера графа Івана Григорьевича Чарнишова съ фрелиною Евфимовскою и Петра Петровича Наришкина съ княжною умершого въ Цесаріи князя Василія Никитича Репнина дочерью.

14. Рано ездили до графа Кирила Григорьевича Розумовского, а обѣдали у себе съ Іваномъ Гамаліею и его женою. Послѣ обѣда ездилъ Гудовичъ до Новоторжцова, а я седѣлъ у графа Гендрикова, ужинали у Гамаліи съ брегадирами Аксаковымъ и Горчаковымъ.

15. Весь день пролежалъ и великій имѣлъ поносъ.

16. Ездили рано до канцлера и подали доношеніе съ прошеніемъ доложить ея імператорскому величеству объ отпускѣ и отправленіи нашемъ и о дѣлахъ 4-хъ, о коихъ изъ сената поданы доклады, да о Батуринѣ, чтобъ оному быть резиденціею. Вечеромъ были у совѣтника канцеляріи Михайла Григоріевича Собакина, опредѣленного въ експедицію дѣлъ нашихъ малороссійскихъ; потомъ до поздна седѣли у графа Гендрикова. Дочь Екатерина Якову Тимофіеву родилась.

17. По утру были въ дворцѣ и застали графа Розумовского отъежаючого на саняхъ, бо вчора випалъ хотя не болшой снѣгъ. Потомъ заездили въ Кремль въ коллегію іностранную и тутъ видѣлись съ Собакинымъ, съ Новоторжцовымъ и съ секретаремъ Пуговишниковымъ; послѣ были у графа Кирила Григоріевича Розумовского и тутъ увидѣлись съ Тепловымъ. Обѣдалъ у насъ полковникъ Танскій, а надъ вечери были у графа Мойсея и у полковника Гаврила Өедоровича Вишневского. Обосланъ Яковъ Тимофіевъ, ради родинъ дочери его, хлѣбомъ, водкою и вышневкою.

18. Рано были у віце-канцлера и подали ему меморіалъ о 5-ти дѣлахъ, въ габінетѣ имѣючихъся.

19. Нарочно званные преосвященнымъ Платономъ Маліновскимъ, архіепископомъ московскимъ и сѣвскимъ, ради вчорашныхъ именинъ его, обѣдали у него съ графомъ Гендриковымъ; тамъ-же были Вѣра Григоріевна, Жоравка и Лесевіцкій съ женами и протчіе, тако-жъ преосвященный Сѵмонъ Тодорскій, архіепископъ псковскій. Потомъ изъ тихъ-же гостей и у насъ были Евфимъ Дараганъ и Лесевіцкій съ женами, а отъ насъ были и у графа Гендрикова.

20. Ездили рано до графа Кирила Григоріевича Розумовского и презентовали ему 3 книги: двѣ Статута литовского по руску и по полску печатные, третую—Статуты коронные, да трактатъ зъ Полщею 1686 году учиненный, которимъ уступлена полякамъ тогобочная Украина. Вечеромъ были у графа Гендрикова.

21. По утру были перве у вице-канцлера, потомъ у канцлера и поздравляли праздникомъ. Обѣдни слушали въ дворцѣ, послѣ которой были у ручки государыни гвардіи семеновского полку офицери. Обѣдали мы у Өедора Івановича Коченевского, а вечеромъ былъ у насъ и долго сидѣлъ подполковникъ Ликевичъ.

22. Передъ обѣдомъ отвезли и вручили Теплову выписку гадяцкой комміссіи. Обѣдалъ у насъ Лукинъ, надъ вечери были перво у вдовы генералши Шиповой, потомъ у Жоравка, где застали и Өедора Івановича Коченевского и Якова Алексіевича Шубского. Тамъ-же и Лясавицкого болного посѣщали.

23. Рано были въ дворцѣ, где къ графу Розумовскому канцлеръ одинъ приходилъ. Григорію Дмитріеву 8 р., а Качановскому за издержанные на коней Скоропадского 13 р. изъ денегъ за тіе-жъ

кони взятыхъ дано. Надъ вечери были у графа Кирила Григоріевича Розумовского, где и віце-канцлерову графиню Анну Карловну застали. Ужинали у графа Гендрикова.

24. Рано поздравляли графиню Катерину Сергіевну Гендрикову и генералшу Шипову Катерину Яковлевну тезоименитствомъ. Потомъ въ дворцѣ кланялись ихъ высочествамъ великому князю и великой княгинѣ и у ручки были въ ихъ апартаментахъ, ради тезоименитства ея высочества. Послѣ обѣдни заходили къ графу Розумовскому. Обѣдали у именинници графини Гендриковой. Въ вечеру знову были въ дворцѣ, где на балѣ и государыня присутствовать изволила. Сего числа кавалеріею пожалованъ генералъ-маіоръ Орловъ.

25. Ради воспоминанія вступленія государыни на престолъ ездили съ поздравленіемъ до офіцеровъ лейбъ-компаніи, а именно: до подпоруччика графа Гендрикова, до поруччика графа Александра Івановича Шувалова и у канцлера были, потомъ въ дворцѣ капитанъ поруччика Алексія Григоріевича Розумовского поздравляли. На обѣдни государыня была въ коронѣ и превеликій былъ сездъ ко двору духовныхъ и мырскихъ, тако-жъ и дамъ, а по обѣдни поздравляли пушечною палбою и музиками и барабанами отъ полковъ государиню. Обѣдали мы у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ знову были въ дворцѣ, где лейбъ-компанія перво въ строй становилась (которой было всѣхъ чиновъ 303), потомъ къ ручки государыни допущены, таже за столами всѣ отъ рядовыхъ и даже до застроевыхъ кушали ужину съ государынею и со всѣми своими офіцерами, при играніи вокалной и инструменталной італіанской музики и при пушечной палбѣ, да притомъ-же была въ дворцѣ преизрядная иллюмінація, такожъ и по всей Москвѣ въ окошкахъ свѣчи свѣтили до полуночи.

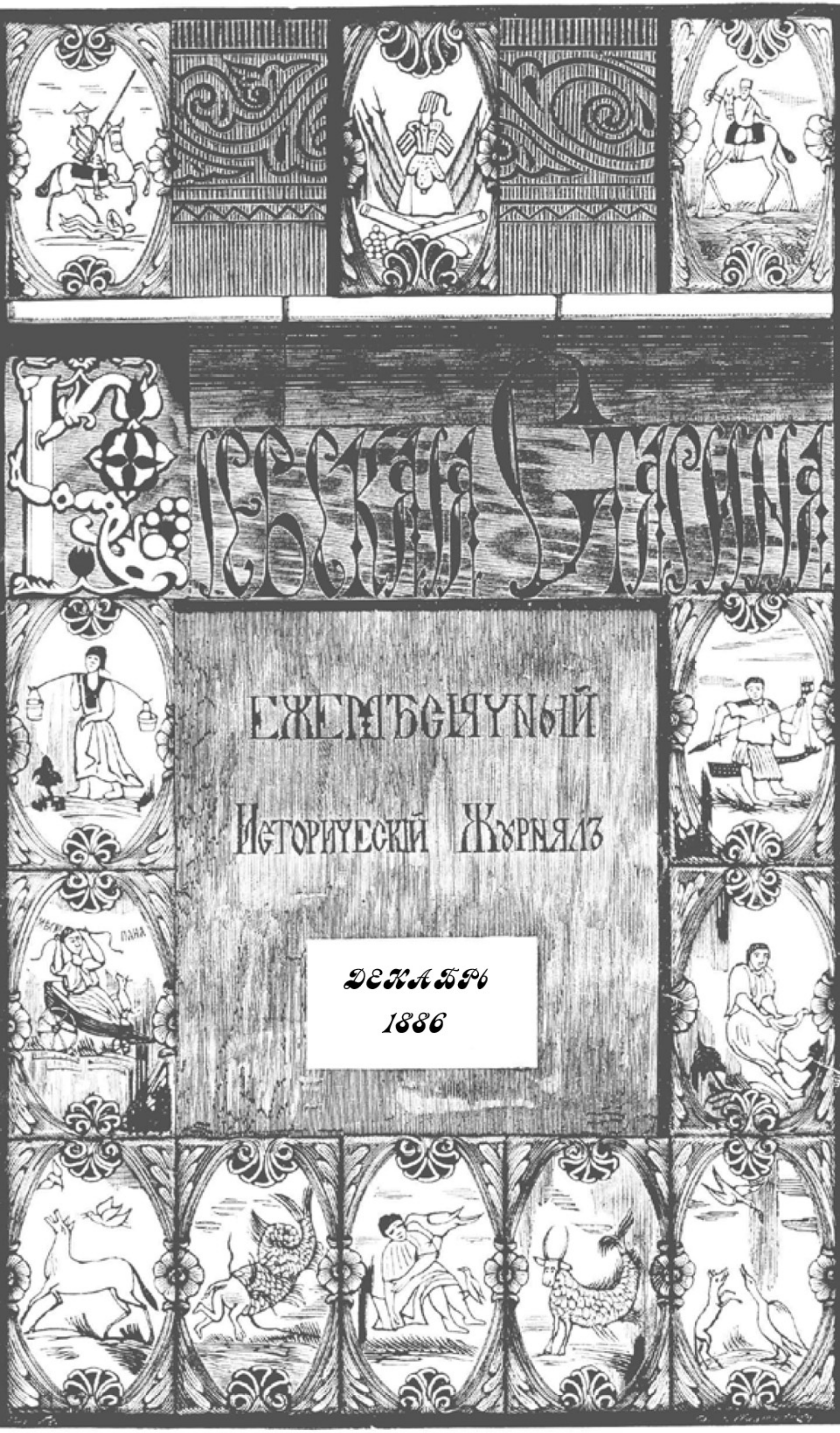
26. Прежестокая изъ ранку и до полудня была метель и стужа; однако-жъ мы ездили рано въ дворецъ и тамъ обѣдни слушали. Потомъ отъехали обѣдать до подпоруччика Аполлона Васильевича Лодижинского, который, купивъ дворецъ на Петровки, звалъ между протчими и насъ на новосѣлья. По обѣдѣ ездили съ графомъ Гендриковымъ и генераломъ маіоромъ Володимеромъ Василіевичемъ Ізмайловымъ до князя Алексія Яковлевича Львова, на Петровкѣ-жъ дворъ свой имѣючого.

27. По утру ездили къ совѣтнику Собакину и до дворця, где съ генераломъ Таракановымъ розговори имѣли о откупщикахъ и о протчемъ. Тамъ-же въ дворцѣ у брата былъ графъ Кирилъ Григоріевичъ Розумовскій, а Тепловъ съ нами разговоровалъ и Василій Евдокимовичъ Ададуровъ. Отъ Новоторжцова присланъ къ намъ запросъ, где нынѣ гетманскіе клейноты содержатся. Писано отъ мене писмо до подполковника и воеводы въ Орелъ о покупки въ домъ мой для услуженія двохъ или трехъ дѣвочокъ не великолѣпныхъ крестьянскихъ.

28. Рано были въ дворцѣ и поздравляли духовника государыни, который прошлого числа 26-го сего мѣсяца поставленъ протопопомъ Благовѣщенского собора, что въ Кремлѣ. По обѣдѣ ездили къ графу Кирилу Григоріевичу, но оного не застали, толко съ Тепловымъ видѣлись; потомъ были у Новоторжцова и тамъ у него застали гусарского полку віце-полковника Стоянова Михайла Іванова сина.

29. По утру были въ дворцѣ и обѣдали у Евфима Өедоровича Дарагана и тамъ-же посѣщали жену его болную на зубы. Въ вечеру были у графа Розумовского и его-жъ какъ о порядочной отправѣ нашей и о протчемъ просили, такъ я и о своемъ дѣлѣ напоминалъ, которій и обѣщалъся доложить государыни. Сотникъ Семенъ Куликъ при отъездѣ своемъ изъ Москвы взялъ у мене меморіалъ о покупкѣ для мене въ Полтавѣ двохъ ленчиковъ кримскихъ, трохъ паръ потебеніокъ, трохъ сафяновъ жолтыхъ и трохъ сафяновъ красныхъ.

30. Рано были съ поздравленіемъ кавалерского праздника перво у оберъ-гофъ-маршала Шепелева, потомъ у канцлера графа Бестужева-Рюмина. Послѣ въ дворцѣ на обѣдни, где кавалери ордена святого Андрея Первозванного, въ томъ числѣ и его імператорское высочество великій князь, шествовали въ своемъ церемоніалномъ платьѣ, а по обѣдни изъ церкви сама уже и государиня съ тими-жъ кавалерами въ покои шествовать публично изволила, потомъ-же за однимъ столомъ съ государинею и кушали оные кавалери при пушечной палбѣ. Въ вечеру въ дворцѣ былъ балъ и везде по дворамъ въ окошкахъ и въ фонаряхъ была обыкновенная иллюмінація. Сего-жъ числа посланный отъ графа Гендрикова въ Глуховъ поруччикъ Іванъ Івановичъ Мусинъ-Пушкинъ съ войтомъ села


Русская Старина
Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
ДЕКАБРЬ
1886

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

БЛИЗНЕЦЫ.

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

Со времени неудавшейся экскурсіи въ деревню, Ватя не выѣзжалъ уже изъ Оренбурга ажъ до тѣхъ поръ, пока ему въ одно прекрасное апрѣльское утро не объявили, что онъ командируется съ транспортомъ на Раимъ.

О, какъ живописно описалъ онъ это апрѣльское утро въ своемъ дневникѣ! Онъ живо изобразилъ въ немъ и невиданную имъ киргизскую степь, уподобляя ее Сахарѣ, и патріархальную жизнь ея обитателей, и баранту, и похищенія, словомъ все, что было имъ прочитано у П. И. Выжигина, даже до четырехъ странъ свѣта, рѣшительно все припомнилъ.

Отправивши субботній, учетверенный листокъ на почту, Ватя явился, куда слѣдуетъ, по службѣ и на другой день по утру у Орскихъ воротъ ефрейторъ скороговоркою спрашивалъ:

— Позвольте узнать чинъ и фамилію, и куда изволите слѣдовать.

Изъ воротника шинели довольно грубо вылетѣли слова:

— Лекарь Сокира въ Орскую крѣпость. Пошелъ!

И тройка понеслась черезъ форштатъ мимо той церкви и колокольни, на которую Пугачевъ встащилъ двѣ пушки, осаждая Оренбургъ.

До станицы Островной онъ только любовался окрестностью Урала и заходилъ только въ почтовыя станціи, и то, когда хотѣлось пить, но подъѣзжая къ Островной, онъ вмѣсто сѣрой обнаженной станицы увидѣлъ село, покрытое зеленью, и машинально спросилъ ямщика:

— Здѣсь тоже оренбургскіе казаки живутъ?

— Тоже, ваше благородіе, только что хохлы.

Онъ легонько вздохнулъ.

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“ 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 409—444.

— А почтовая станція здѣсь?

— Дальше, въ Озерной.

— Тамъ тоже хохлы живутъ?

— Нѣтъ-съ, наши русскіе.

Подъѣзжая ближе къ селу, ему дѣйствительно представилась малороссійская слобода: тѣже вербы зеленыя и тѣже бѣленькія въ зелени хатки, и даже дѣвочка въ плахтѣ и полевыхъ цвѣтахъ гонитъ корову. Онъ заплакалъ при взглядѣ на картину, такъ живо напоминавшую ему его прекрасную родину.

У первой хаты онъ велѣлъ остановиться и спросилъ у сидящаго на призьбѣ усача, можно ли будетъ ему переночевать у нихъ.

— Можна, чому не можна. Мы добрымъ людямъ рады.

Онъ отпустилъ ямщика и остался ночевать.

Здѣсь онъ впервые въ оренбургскомъ краѣ отвелъ свою душу родною бесѣдою, а чтобы болѣе оживить несловоохотливаго хозяина (какъ и вообще земляки мои то онъ спросилъ, чи есть у нихъ шинкъ?

— Шинку то у насъ, признаться, нема, а' такъ люде добри держать про случай.

Ватя послалъ за водкою, попотчивалъ хозяина и хозяйку, а маленькому Ивасеви далъ кусочекъ сахару.

Хозяинъ сталъ говорливѣе, хозяйка проворнѣе заходила около печки съ чапліею. Только одинъ Ивась стоялъ, воткнувши въ ротъ пальцы вмѣстѣ съ сахаромъ, и изъ подлобья посматривалъ на гостя.

Не замедлили цыплята закричать за хатою и также не замедлили явиться на столъ съ парою свѣжепросольныхъ огурчиковъ къ услугамъ гостя.

— Закушуйте, будьте ласкави,—говорила хозяйка, ставя на столъ цыплята,—а я тимъ часомъ побижу до Домахи, чи не позычу съ 10 яець, а то въ насъ признатьця уси выйшли.

И она проворно вышла изъ хаты.

На другой день по утру хозяинъ нанялъ Ватѣ пару лошадей до станціи, а догадливая хозяйка поднесла ему въ складнѣ на дорогу пару цыплятъ жареныхъ, 10 яицъ и столько-же свѣжепросольныхъ огурцовъ. Принимая все это, Ватя спросилъ, что онъ имъ долженъ за все.

— Та признатьця намъ бы ничого не треба, та думка така, що треба-бъ дитыни чоботки купить.

Онъ подалъ ей полтинникъ.

— Господь зъ вами! та ёму й за гривенничокъ Вакула пошие.

— Ну, тамъ соби якъ знаешъ, сказалъ Ватя и простился со своими гостепріимными земляками.

Переночевалъ онъ еще въ Губерлѣ (предпослѣдняя станція предъ Орскою крѣпостью), собственно для того, чтобы полюбоваться на другой день губерлинскими горами. На другой день передъ вечеромъ онъ былъ въ виду Орской крѣпости.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ въ своей «Мухѣ» впечатлѣніе, произведенное видомъ этой крѣпости.

«23 апрѣля. До 12 часовъ я гулялъ въ губерлинской рощѣ и любовался окружающими ее горами, чистой рѣчечкой Губерлей, прорѣзывающею рощу и извивающеюся около самыхъ казачьихъ хатъ. Пообѣдавши остатками подарка моей догадливой землячки, я оставилъ живописную Губерлю. Нѣсколько часовъ подымался я извилистою дорогою на губерлинскія горы. У памятника, поставленнаго въ горахъ, на дорогѣ, на память какого-то трагическаго происшествія, я напился прекрасной родниковой воды. Поднялся на гору, и тутъ открылась плоская однообразная пустыня, а среди пустыни торчитъ одинокая будочка, а около нея высокій шестъ, обернутый соломою. Это казачій пикетъ. Проѣхавши пикетъ, я началъ спускаться по плоской наклонности къ станціи Подгорной и перемѣнивъ здѣсь лошадей, подымался часа два на плоскую возвышенность, съ которой открылась душу леденящая пустыня. Спустя минуту, послѣ тягостнаго впечатлѣнія, я сталъ всматриваться въ грустную панораму и замѣтилъ на срединѣ ея бѣленькое пятнышко, обведенное краснобурою лентою.

— А вотъ и Орская бѣлѣетъ,—сказалъ ямщикъ, какъ бы про себя.

— Такъ вотъ она знаменитая Орская крѣпость, почти въ слухъ проговорилъ я, и мнѣ сдѣлалось грустно, невыносимо грустно, какъ будто меня, Богъ знаетъ, какое несчастіе ожидало въ этой крѣпости, а страшная пустыня, ее окружающая, казалась мнѣ разверзстою могилою, готовою похоронить меня заживо. Въ Губерлѣ я былъ совершенно счастливъ, вспоминалъ васъ, мои незабвенные, воображалъ себѣ, какъ Степанъ Мартыновичъ читаетъ Тита Ливія подъ липою, а батюшка слушаетъ его, дѣлаетъ иногда свои замѣчанія на римскаго витію-историка, и вдругъ такая перемѣна! Неужели такъ сильно дѣйствуетъ декорація на воображеніе наше? Выходитъ, что такъ.

Подъѣзжая ближе къ крѣпости, я думалъ (странныя думы), поютъ ли пѣсни въ этой крѣпости и готовъ былъ, Богъ

знаетъ что прозакладывать, что не поютъ. При такой декораціи возможно только мертвое молчаніе, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными пѣснями. Подвигаясь ближе и ближе по широкому, едва зеленью подернутому лугу, я ясно уже могъ различить крѣпость: бѣлое пятнышко—это была небольшая каменная церковь на горѣ, а краснобурая лента—это были крыши казенныхъ зданій, какъ-то: казармъ, цейхгаузовъ и проч.

Переѣхавши по деревянному, на весьма жидкихъ сваяхъ, мостику, мы очутились въ крѣпости. Это обширная площадь, окруженная съ трехъ сторонъ каналомъ аршина въ три шириною, да валомъ съ соразмѣрною вышиною, а съ четвертой стороныУраломъ. Вотъ вамъ и крѣпость. Не даромъ ее киргизы называютъ Ямамъ-кала. По моему, это самое приличное ей названіе. На мѣстѣ этой Ямамъ-калы предполагалось когда-то основать областной городъ. Хорошъ былъ-бы городъ! хотя, правду сказать, и Оренбургъ малымъ чѣмъ выигрываетъ въ отношеніи мѣстности. Вотъ что оживляло первый планъ этой сонной картины: толпа клейменыхъ колодниковъ исправляла дорогу для пріѣзда корпуснаго командира, а ближе къ казармамъ на площади маршировали солдаты. Проѣзжая тихо мимо марширующихъ солдатъ, мнѣ рѣзко бросился въ глаза одинъ изъ нихъ, высокій, стройный, и—странная игра природы! чрезвычайно похожъ на брата Зосю. Меня такъ поразило это сходство, что я цѣлую ночь не могъ заснуть, создавая самыя несбыточныя исторіи на счетъ брата; да еще вонючая татарская лачуга, отведенная мнѣ въ видѣ квартиры, окончательно разогнала мой сонъ.

31 апрѣля. Съ больною головою явился я сегодня къ коменданту, а отъ него пошелъ познакомиться къ собрату по наукѣ. Собратъ по наукѣ показался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ жердели спѣлой и послѣ обоюдныхъ привѣтствій сказалъ мнѣ, въ видѣ комплимента, что я чрезвычайно похожъ на одного несчастнаго, присланнаго недавно сюда изъ Астрахани. Я спросилъ его, что значитъ слово «несчастный». Онъ пояснилъ мнѣ, и я, простившись съ нимъ, пошелъ искать баталіонную канцелярію. Въ канцеляріи у писаря спросилъ я, нѣтъ ли въ ихъ баталіонѣ недавно присланнаго рядоваго Зосима Сокирина. Писарь отвѣчалъ: есть, и взглянувши мнѣ въ лицо, прибавилъ: Зосимъ Никифоровичъ.

— Можно ли мнѣ прочитать его кофирмацію?

— Можно-съ.

И я прочиталъ вотъ что: «по конфирмаціи военнаго суда за разные противузаконные и безнравственные поступки записывается въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ Зосимъ Сокиринъ съ выслугою».

— Нельзя мнѣ видать этого рядоваго? спросилъ я у писаря.

— Можно-съ. Извольте слѣдовать за мной, отвѣчалъ услужливый писарь и провелъ меня въ казармы.

Я не описываю вамъ нечистоты и смрада, возмущающихъ душу и вѣчно присущихъ всѣмъ казармамъ. Не читайте маменькѣ, ради Бога, этого письма! Она, бѣдная, не перенесетъ этого тяжкаго удара. На нарахъ въ толстой грязной рубахѣ сидѣлъ Зося и, положа голову на колѣни, какъ титанъ Флоксмана, пѣлъ какую-то солдатскую нескромную пѣсню. Увидя меня, онъ сконфузился, но сейчасъ же оправился и заговорилъ.

— А, это ты братъ, Ватя?

— Я.

— А это я, сказалъ онъ, вытягиваясь передо мною во фронтъ.

Меня въ трепетъ привело его непритворное равнодушіе. Я былъ ошеломленъ его отвѣтомъ и движеніемъ и долго не могъ сказать ему ни слова. А онъ все стоялъ передо мною на вытяжку, какъ бы издѣваясь надо мною. Наконецъ я собрался съ духомъ и спросилъ его, не нужно ли ему чего-нибудь.

— Нужно,—отвѣчалъ онъ, не перемѣняя позиціи.

— Чего же тебѣ нужно?

— Денегъ.

— Но я много не могу тебѣ предложить.

— Сколько можешь.

Я далъ ему десяти-рублевый билетъ.

— Спасибо, братъ,—сказалъ онъ, принимая деньги и потомъ прибавилъ: мы ей протремъ глаза.

Уходя изъ казармъ, я просилъ его, чтобы онъ заходилъ ко мнѣ въ свободное время, пока я уйду въ степь.

Бывало мнѣ иногда грустно, тяжело грустно, но такой гнетущей грусти я никогда еще не испытывалъ. Мнѣ казалось, что я видѣлъ Зосю во снѣ, что на самомъ дѣлѣ невозможно такое превращеніе въ человѣкѣ, такое помертвѣніе всего человѣческаго. Придя на квартиру, я посмотрѣлъ свой бумажникъ и, не находя

10 рублей, убѣдился, что это дѣйствительно Зося. Боже мой! Что же тебя такъ страшно превратило? Неужели воспитаніе? Нѣтъ, воспитаніе скорѣе ничего не сдѣлаетъ изъ человѣка, или только опошлитъ его, но превратить его въ грубое животное никакое воспитаніе не въ силахъ.

— Что же, наконецъ, довело тебя до этого жалкаго состоянія, мой бѣдный Зося? спрашивалъ я самъ себя и не могъ въ себѣ найти отвѣта».

Во всѣ остальные дни пребыванія своего въ Орской крѣпости въ дневникѣ Вати ничего интереснаго не было записано. Транспортъ собирался въ крѣпость и готовился къ 12 мая выступить въ степь, слѣдовательно, кромѣ башкирцевъ, телѣгъ, верблюдовъ, козаковъ, солдатъ, онъ ничего больше не видѣлъ, а видѣнное имъ въ эти дни весьма неинтересно, особенно на бумагѣ. Братъ навѣстилъ его только одинъ разъ съ какимъ-то пьянымъ офицеромъ, съ которымъ онъ былъ на ты, и просилъ у него денегъ сначала 100 рублей, потомъ 50, потомъ 25 и наконецъ 10. Десять Ватя обѣщалъ ему дать завтра, когда онъ отрезвится. Зося божился, что онъ совершенно трезвый; товарищъ его честью даже ручался, что у Зосима росинки во рту не было, а не то чтобы.... Видя недѣйствительность ручательства благороднѣйшаго малаго, Зося попросилъ у брата цѣлковый на выпивку, въ чемъ ему Ватя благоразумно не отказалъ, а иначе онъ могъ бы довести пьянаго звѣря до неистовства, а тамъ недалеко и до полиціи, однимъ словомъ заключеніе визита могло выйти самое сценическое.

Взявши цѣлковый, Зося ловко щелкнулъ пальцемъ, проговоря: «живемъ»! и сдѣлавъ налѣво-кругомъ, вышелъ изъ комнаты.

Чудакъ, а благороднѣйшій малый! говорилъ его товарищъ, раскланиваясь съ Ватей.

Это было послѣднее свиданіе Вати съ братомъ въ Орской крѣпости.

Спустя дня два послѣ этого грустнаго свиданія, Ватя служилъ за Орью напутственный молебенъ, а черезъ полчаса огромной темною массою транспортъ двинулся въ степь, подымая сѣрыя облака пыли. Спустя еще полчаса, изъ-за Ори начали возвращаться въ крѣпость провожавшіе транспортъ, но между ими не видно было

чудака, но благороднѣйшаго малаго. Ватя безпривѣтный исчезалъ въ облакахъ пыли.

Въ послѣднемъ письмѣ изъ Орской крѣпости, Ватя писалъ своимъ хуторянамъ, чтобы они долго не ждали отъ него «мухи», что онъ выходитъ въ степь, а въ походѣ и при такомъ огромномъ транспортѣ ему, можетъ быть, некогда будетъ и подумать о письмѣ; «а когда возвращусь изъ Раима, прибавлялъ Ватя, тогда, дастъ Богъ, опишу вамъ все мною видѣнное съ возможными подробностями». Но случилось такъ, что онъ долженъ былъ въ раимскомъ укрѣпленіи смѣнить лекаря N. и остаться вмѣсто его въ степи въ продолженіи четырехъ лѣтъ. Вотъ что писалъ онъ потомъ:

«Мои милые, мои незабвенные хуторяне!

Я обѣщался вамъ описать подробно свой походъ по возвращеніи въ Оренбургъ. Но мнѣ суждено туда возвратиться не скоро: я смѣнилъ здѣсь товарища и останусь въ укрѣпленіи, пока суждено будетъ кому нибудь смѣнить или замѣнить меня, а пока это случится, я обѣщаю вамъ по прежнему посылать мою уже «Раимскую муху» съ каждою почтою; но такъ какъ почта приходитъ и отходитъ не въ опредѣленное время, то вы и не безпокойтесь о неаккуратномъ появленіи моей мухи на вашемъ благодатномъ хуторѣ. 12 мая транспортъ, въ числѣ 3,000 телѣгъ и 1,000 верблюдовъ, выступилъ изъ Орской крѣпости. Первый переходъ, съ непривычки, можетъ быть, я ничего не могъ видѣть и слышать, кромѣ облака пыли, телѣгъ, башкирцевъ, верблюдовъ и полуобнаженныхъ верблюдо-вожатыхъ киргизовъ, словомъ первый переходъ пройденъ былъ быстро и незамѣтно. На другой день мы тронулись съ восходомъ солнца. Утро было тихое, свѣтлое, прекрасное, я ѣхалъ съ передовыми уральскими козаками впереди транспорта за полверсты и вполнѣ могъ предаваться своей тихой грусти и созерцанію окружающей меня природы. Это была ровная, безъ малѣйшей со всѣхъ сторонъ возвышенности и, какъ бѣлой скатертью, ковылемъ покрытая необозримая степь. Чудная, но вмѣстѣ и грустная картина! Ни кусточка, ни балки, совершенно ничего, кромѣ ковыля, да и тотъ стоитъ, не пошевелится, какъ окаменѣлый, ни шелесту кузнечика, ни чиликанья птички, ни даже ящерица не сверкнетъ передъ тобою своимъ пестренькимъ граціознымъ хребтомъ: все, кромѣ ковыля, умерщевлено, нѣмо все и бездыханно, только сзади

тебя глухо стонетъ какое-то исполинское чудовище, это двигающійся транспортъ. Солнце подымалось выше и выше, степь какъ будто начала вздрагивать, шевелиться, еще нѣсколько минутъ и на горизонтѣ показались бѣлыя серебристыя волны, и степь превратилась въ океанъ-море, а боковые аванъ-посты начали рости, рости и мгновенно превратились въ корабли подъ парусами. Очарованіе длилось не долго; черезъ полчаса степь приняла опять свой безотрадный монотонный видъ, только боковые козаки попарно двигались, какъ два огромныя темныя дерева. Изъ-за горизонта начала показываться бѣлая тучка. Я ужасно обрадовался этому явленію, все-таки разнообразіе. Начинаю любоваться ею, а она лукавая вдругъ расплывется въ воздухѣ, то снова вдругъ покажется изъ-за горизонта.

— Вишь ты, собаки, что выдумали?—проговорилъ одинъ козакъ.

— А что такое, Дій Степанычъ? спросилъ у него другой.

— Рази ослѣпъ, не видишь, степь горитъ.

— И всамдѣль горитъ; вишь собаки!

Я сталъ внимательнѣе всматриваться въ горизонтъ и дѣйствительно вмѣсто тучки увидѣлъ бѣлые клубы дыма, быстро исчезающіе въ раскаленномъ воздухѣ. Къ полдню пахнулъ на встрѣчу намъ тихій вѣтерокъ, и я почувствовалъ уже легкій запахъ дыма. Вскорѣ открылась серебрянная лента Ори, и далеко выдавшійся къ намъ на встрѣчу заливъ освѣжилъ воздухъ; я вздохнулъ свободнѣе, и пока транспортъ раскидывался своимъ исполинскимъ каре вокругъ залива, я уже купался въ немъ. Пожаръ былъ все еще впереди насъ, и мы могли видѣть только одинъ дымъ, а пламя еще не показывалось изъ-за горизонта. Съ закатомъ солнца началъ освѣщаться горизонтъ блѣднымъ заревомъ; съ приближен!емъ ночи зарево краснѣло и къ намъ близилось; изъ за темной горизонтальной, чуть чуть кое-гдѣ изогнутой линіи начали показываться красныя струи и язычки. Въ транспортѣ все затихло, какъ-бы ожидая чего-то необыкновеннаго. И дѣйствительно, невиданная картина представилась моимъ изумленнымъ очамъ: все пространство, видѣнное мною днемъ, какъ бы расширилось и облилось огненными струями почти въ параллельныхъ няправленіяхъ. Чудная, неописанная картина! Я всю ночь просидѣлъ подъ своей джеломейкою и, любуясь огненною картиною, вспоминалъ нашего почтеннаго ху-

дожника Павлова; онъ часто мнѣ говорилъ: «учись, учись рисовать, эта наука никакой наукѣ не помѣшаетъ».—И правда, какъ бы теперь было кстати это прекрасное искусство!

Вблизи транспорта, на темной, едва погнутой линіи, на огненномъ фоиѣ показался длинный рядъ движущихся верблюжихъ силуэтовъ. Тутъ мнѣ не на шутку стало досадно, что я не умѣю рисовать. Верблюды двигались одинъ за другимъ по косогору и исчезали въ красноватомъ муакѣ, точно китайскія тѣни. На одномъ изъ нихъ между горбовъ сидѣлъ обнаженный киргизъ и импровизировалъ свою однотонную, какъ и степь его, пѣсню. Картина была полная, и я въ изнеможеніи тутъ-же подъ джеломейкою уснулъ. Во снѣ повторилась таже огненная картина съ прибавленіемъ Содома и Гоморры Мартенса. Меня разбудилъ вѣстовой, транспортъ готовъ былъ двинуться, я успѣлъ еще кое-какъ выпить стаканъ чаю, пока убирали мою джеломейку, сѣлъ на коня и поѣхалъ съ передовыми козаками.

Мы долго ѣхали по обгорѣлой степи, и теперь-то, глядя на эти чорныя безконечныя равнины, я убѣдился, что не во снѣ, а настоящій пожаръ я видѣлъ вчера. Къ полдню мы подошли опять къ берегамъ Ори и расположились на ночлегъ. Слѣдующій переходъ мы шли въ виду Ори и стень казалась разнообразнѣе, койгдѣ выдавались косогоры, мѣстами даже бѣлѣли обрывы береговъ Ори, иногда показывался камышъ и даже кусты саксаула. Переправившись на другой берегъ Ори, транспортъ опять раскинулъ свое гигантское каре.

По обыкновенію транспортъ снялся съ восходомъ солнца, только я не по обыкновенію остался въ арріергардѣ. Орь осталася вправо, степь принимала по прежнему свой однообразный, скучный видъ. Въ половинѣ перехода я замѣтилъ, что люди начали отдѣляться отъ транспорта, кто на конѣ, а кто пѣшкомъ, и всѣ въ одномъ направленіи. Я спросилъ о причинѣ сего у ѣхавшаго около меня башкирскаго тюря, и онъ сказалъ мнѣ, указывая нагайкою на темную точку: «*мана аулья агичъ*» (здѣсь святое дерево). Это слово меня изумило: какъ! въ этой мертвой пустынѣ дерево? и ужъ конечно, коли оно существуетъ, такъ должно быть святое. За толпою любопытныхъ и я пустилъ своего воронка. Дѣйствительно, верстахъ въ 2-хъ отъ дороги, въ ложбинѣ, зеленѣло тополевое старое дерево.

Я засталъ уже вокругъ него порядочную толпу, съ удивленіемъ и даже (такъ мнѣ казалось) съ благоговѣніемъ смотрѣвшую на зеленую гостью пустыни. Вокругъ дерева и на вѣткахъ его навѣшаны набожными киргизами кусочки разноцвѣтныхъ матерій, ленточки, пасмы крашенныхъ лошадиныхъ волосъ и самая богатая жертва—это шкура дикой кошки, крѣпко привязанная къ вѣткѣ. Глядя на все это, я почувствовалъ уваженіе къ дикарямъ за ихъ невинныя жертвоприношенія. Я послѣдній уѣхалъ отъ дерева и долго еще оглядывался, какъ бы не вѣря видѣнному мною чуду. Я оглянулся еще разъ и остановилъ коня, чтобы въ послѣдній разъ полюбоваться на обоготвореннаго зеленаго великана пустыни; подулъ легенькій вѣтерокъ, и великанъ привѣтливо кивнулъ мнѣ своей кудрявой головой, а я, въ забытьи, какъ-бы живому существу, проговорилъ «прощай» и тихо поѣхалъ за скрывавшимся въ пыли транспортомъ.

Мы остановились на рѣчкѣ Карабутикѣ, вблизи возвышавшагося въ то время форта. Здѣсь у насъ была дневка, и какъ съ нами слѣдовалъ священникъ, то на другой день былъ пѣтъ молебенъ и освящено мѣсто для форта. Меня, въ числѣ другихъ, пригласилъ строитель форта раздѣлить его походный обѣдъ въ кибиткѣ, и здѣсь то я познакомился съ нимъ, съ единственнымъ человѣкомъ во всемъ безлюдномъ оренбургскомъ краѣ. Послѣ долгой, самой задушевной бесѣды мы съ нимъ разстались уже ночью. На дорогу подарилъ онъ мнѣ бутылку острогону и пару лимоновъ, драгоцѣнный даръ въ такой пустынѣ, какова Каракумы, гдѣ я и оцѣнилъ эту драгоцѣнность по достоинству.

Отъ Карабутика до Иргиза перешли мы еще двѣ небольшія рѣчки, Яминъ-Кайроклы и Якши-Кайроклы. Физіономія степи одна и таже, безотрадная, съ тою только разницею, что кой-гдѣ на плоскихъ возвышенностяхъ чернѣютъ, какъ маяки, киргизскія, изъ камней, или просто изъ камышу и гнили сложенныя «мазарки», какъ ихъ называютъ уральскіе козаки, да еще замѣчательно, что все это пространство усыпано кварцемъ. Отъ чего никому въ голову не придетъ на берегахъ этихъ рѣчекъ поискать золота? Можетъ быть и въ киргизской степи возникъ-бы новый Санъ-Франциско. Почемъ знать!

Пройдя усѣянное кварцемъ пространство, мы перешли въ бродъ рѣку Иргизъ и пошли по лѣвому плоскому ея берегу Вдали

на самомъ горизонтѣ синѣла гора, увѣнчанная могилами батырей и киргизскихъ аулья, называемая «мана аулья», т. е. здѣсь святой. Оставивъ гору въ правой рукѣ, мы остановились на берегу Иргиза вблизи могилы батыря Дустана. Этотъ грубо съ глины слѣпленный памятникъ напоминаетъ общей формою саркофаги древнихъ грековъ.

Мы остановились на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вчера на предшествовавшій намъ транспортъ напала шайка хивинцевъ и нѣсколько человѣкъ захватила съ собою, а нѣсколько оставила убитыми, и здѣсь я въ первый разъ видѣлъ обезглавленные и обезображенные трупы, валяющіеся въ степи, какъ какая нибудь падаль. Начальникъ транспорта приказалъ зарыть ихъ, а священникъ отправилъ панихиду по убіеннымъ. Еще переходъ, и мы въ Уральскомъ укрѣпленіи.

Никогда не забуду того грустнаго впечатлѣнія, какое произвелъ на меня видъ этого укрѣпленія.

Верстъ за пятнадцать мы увидѣли на возвышенности кучку чего-то неопредѣленнаго, и на спросъ нашъ у вожака, что это такое, онъ намъ отвѣтилъ «*Иргизъ-кала*».

Мы подошли на такое разстояніе, что можно было ясно различать предметы. Представьте себѣ на сѣромъ фонѣ кучку сѣрыхъ мазанокъ съ камышевыми кровлями, обнесенную землянымъ валомъ. Это было первое, мною видѣнное, степное укрѣпленіе, поразившее меня такъ непріятно своею грустною наружностью; и дѣйствительно, оно издали было больше похоже на загоны или кошары, чѣмъ на жилище людей.

Пройдя 4 укрѣпленія, мы два раза останавливались на озерахъ, а третій ночлегъ и дневку провели на рѣчкѣ Амаловны; за этой гнилой рѣчкой начинаются страшные Каракумы (черные пески). День былъ тихій и жаркій. Цѣлый день у насъ только и разговору было, что про Каракумы: бывалые въ Каракумахъ разсказывали ужасы, а мы, разумѣется, какъ небывалые, слушали и ужасались.

Задолго до разсвѣта начали вьючить пасущихся верблюдовъ и мазать телѣги. Начальникъ транспорта торопилъ, чтобы какъ можно раньше сняться и до жаровъ пройти переходъ, но представьте наше удивленіе: когда мы вошли въ песчаные бугры, солнышко уже была довольно высоко, а ожидаемаго жару и упеку не было,

и чѣмъ выше солнце подымалось, нордовый вѣтеръ свистѣлъ и дѣлалось холоднѣе, такъ что къ полдню мы принуждены были вооружиться шинелями.

Трое сутокъ мы не снимали шинелей и надъ разсказчиками про ужасы Каракумъ начали было уже подтрунивать, какъ вдругъ вѣтеръ началъ быстро стихать и къ полдню совершенно стихъ; до колодцевъ оставалось еще десять верстъ, и эти десять верстъ показались мнѣ десятью десять. Жара была нестерпимая. Никогда въ жизни я не чувствовалъ такой страшной жажды и никогда въ жизни я не пилъ такой гнусной воды, какъ сегодня. Отрядъ, посылаемый впереди для расчистки колодцевъ, почему-то не нашелъ ихъ, и мы пришли на гнилую солено-горько-кислую воду, а въ добавокъ ее въ ротъ нельзя было взять, не процѣдивши: она пѣнилась вшами и микроскопическими пьявками. Тутъ-то я вспомнилъ подарки моего карабутецкаго друга и, благодаря его догадливости, съ помощью лимона выпилъ стаканъ чаю. Ничѣмъ такъ быстро не утолишь жажды, какъ горячимъ чаемъ въ прикуску. Тотъ только почувствуетъ всю цѣну сему китайскому продукту, кому пришлось хоть разъ пройти эту киргизскую Сахару.

Транспортъ снялся часа за два до разсвѣта. Ночью по моему самое лучшее проходить Каракумы; ночью не замѣчаешь однообразія песчаныхъ бугровъ и не нуждаешься въ отдаленномъ горизонтѣ, но лошади и верблюды иначе объ этомъ думаютъ: они днемъ, и подъ тяжестью, и на свободѣ, должны сражаться съ своимъ злѣйшимъ врагомъ оводомъ, а ночью врагъ умолкаетъ и они наслаждаются миромъ.

Съ восходомъ солнца открылась предъ нами огромная блѣдно-розовая равнина; это высохшее озеро, дно котораго покрылось тонкимъ слоемъ бѣлой, какъ рафинадъ, соли. Такія равнины и прежде встрѣчались въ Каракумахъ между песчаными буграми, но не такія обширныя, какъ эта, и не были освѣщены восходящимъ солнцемъ. Я долго не могъ отвести глазъ отъ этой песчаной бѣлой скатерти, слегка подернутой розовой тѣнью.

Одинъ изъ козаковъ замѣтилъ, что я пристально смотрю на бѣлую равнину и сказалъ: не смотрите, ваше благородіе, ослѣпнете!—Дѣйствительно, я почувствовалъ легкое дрожаніе свѣта и, зажмуривши глаза, пустился догонять вожака, далеко выѣхавшаго

впередъ; такъ я перебѣжалъ всю ослѣпляющую равнину. На противуположной сторонѣ съ высокаго бугра я любовался невиданною мною картиной, будучи самъ атомомъ этой громадной картины: черезъ всю бѣлую равнину чорной полосою растянулся нашъ транспортъ, т. е. половина его, а другая половина, какъ хвость черной змѣи, извивался, переваливаясь черезъ песчаные бугры. Чудная, страшная картина! Блестящій бѣлый фонъ картины опять началъ дѣйствовать на мое зрѣніе, и я скрылся въ песчаныхъ буграхъ.

Въ вечеру многіе явились ко мнѣ за медицинскимъ пособіемъ; они ничего, кромѣ сѣраго тумана, не видѣли, на глазахъ не было никакого знака ихъ слѣпоты, и я имъ на другой день закрылъ глаза волосяными черными сѣтками, тѣмъ дѣло и кончилось.

Бугры начали сглаживаться, начали показываться довольно широкія равнины. Вправо отъ дороги мы уже третій день видимъ синюю гору, и она, кажется, какъ будто отъ насъ уходитъ.

По мѣрѣ того, какъ сглаживались песчаные бугры, обозначалась широкая бѣлая лента лошадиныхъ и верблюжьихъ остововъ, протянутая чрезъ Каракумы.

Еще переходъ, и мы увидѣли на горизонтѣ къ югу едва замѣтную синюю горизонтальную линію,—то было Аральское море. Унылый транспортъ мгновенно оживился, какъ бы почувствовалъ свѣжесть въ воздухѣ, отрадное дуновеніе моря.

На другой день мы уже купались въ Сирыгеганикѣ (заливъ Аральскаго моря). Еще одинъ день слѣдовали мы по берегамъ гнилыхъ соленыхъ озеръ того же залива и вышли опять на равнину, покрытую кустарниками саксаулу. Этотъ и слѣдующій переходъ до озера Камышлы-баша (заливъ Сыръ-Дарьи) мы проходили ночью, потому что не было возможности пройти днемъ: жару было въ тѣни 40°, и въ раскаленномъ пескѣ въ продолженіи 5 минутъ яйцо пеклося въ смятку. Послѣдній переходъ мы прошли ночью. Съ восходомъ солнца мы близко уже подошли къ раимскому укрѣпленію. Видъ со степи на укрѣпленіе грустнѣе еще, нежели на Калу-иргизъ.

На ровной горизонтальной линіи едва возвышается надъ валомъ длинная, камышемъ крытая казарма,—вотъ и все. На встрѣчу намъ вышелъ почти весь гарнизонъ. Блѣдныя, безотрадныя, точно у арестантовъ, лица! Мнѣ сдѣлалось страшно.

— Не свирѣпствуетъ ли у васъ какая-нибудь эпидемія? спросилъ я у одного офицера.

— Слава Богу, благополучно, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Подъѣзжая къ самому укрѣпленію, открывается зеленая широкая полоса камыша и кой-гдѣ изъ темной зелени выглядываетъ серебристая Сыръ-Дарья.

И такъ я на Раимѣ.

Между двумя широкими озерами высовывается высокій мысъ, на которомъ построено укрѣпленіе, называемое Раимъ, отъ *Абы*, воздвигнутой здѣсь за сто лѣтъ надъ прахомъ батыря Раима, остатки которой вошли въ черту укрѣпленія.

Подробнѣйшее описаніе моего теперешняго мѣстопребыванія пришлю вамъ въ слѣдующемъ листкѣ, а теперь молюсь Богу о вашемъ здравіи, мои милые, мои незабвенные хуторяне, и прошу васъ, не забывайте меня въ сей безотрадной пустынѣ.

P. S. Степанъ Мартыновичъ пускай подробно опишетъ мнѣ, какова его школа и пасѣка, а Карлу Осиповичу просто кланяюсь: ему, я знаю, писать некогда».

Года два спустя по полученіи этого письма на хуторѣ, я по обязанностямъ службы долженъ былъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Золотоношѣ и въ Переяславѣ. Во время пребыванія моего въ Переяславлѣ я почти ежедневно посѣщалъ хуторянъ, какъ старыхъ и близкихъ моихъ друзей и, разумѣется, всегда участвовалъ почти въ публичномъ чтеніи «Раимской мухи». Я говорю: почти публичномъ чтеніи, потому что Никифоръ Ѳедоровичъ читалъ ее всѣмъ, кто посѣщалъ его хуторъ. Слѣдя впродолженіи зимы за «мухой», я замѣтилъ въ ней какое-то унылое, монотонное жужжаніе, чего, разумѣется, хуторяне и не подозрѣвали. Первые листы свои изъ степи онъ еще кое-какъ разнообразилъ, напримѣръ, описывая бытъ кочующихъ полунагихъ киргизъ и сравнивая ихъ съ библейскими евреями, а аксаколовъ ихъ съ патріархомъ Авраамомъ. Иногда касался онъ слегка обитателей самаго укрѣпленія, сравнивая ихъ съ разнохарактерной толпой, выброшенной на необитаемый островъ, а помѣщенія юмористически сравнивалъ съ хижиной, которая не защищаетъ ни отъ солнца, ни отъ дождя, ни отъ холода и рождаетъ въ несмѣтномъ количествѣ блохъ и клоповъ; въ этихъ помѣщеніяхъ, писалъ онъ, отъ скорпіоновъ и тарантуловъ разстилаютъ на земляномъ полу войлокъ, котораго они, по сказаніямъ киргизъ, страшно боятся, потому что отъ войлока пахнетъ бараномъ, а баранъ, какъ извѣстно, лакомится ими, какъ мы (не въ осудъ будь сказано) устрицами.

Въ одномъ изъ листковъ своихъ описываетъ Ватя (тоже дъ юмористичекомъ тонѣ) земляка своего, находившагося при описанной экспедиціи на Аральскомъ морѣ и возвратившагося въ укрѣпленіе съ широчайшей бородой. Уральскіе козаки (не исключая и офицеровъ) приняли его за своего разстригу - попа, за вѣру пострадавшаго; землякъ-то, видите, былъ изъ числа несчастныхъ и, знай, благословляетъ ихъ большимъ крестомъ, да собираетъ посильное подаяніе натурою, т. е. спиртомъ, и эта комедія продолжалась до тѣхъ поръ, пока ротный командиръ не приказалъ ему сбрить бороду. Съ бородой, разумѣется, и поклоненія и приношенія прекратились. Писалъ впрочемъ объ немъ Ватя, что это человѣкъ не глупый, что онъ сошелся съ нимъ весьма близко, такъ близко, что если бы не этотъ словоохотный и образованный землякъ, то ему пришлось бы назваться самымъ неистовымъ камедуломъ, и что этотъ счастливый землякъ сообщилъ ему о берегамъ и островахъ Аральскаго моря такія дѣльныя геологическія свѣдѣнія, что за нихъ самъ Мурчисонъ сказалъ бы спасибо. Счастливымъ же считалъ Ватя земляка потому, что, не смотря на его грустное положеніе, настоящее и будущее (ему было уже за 50 лѣтъ), не слышалъ отъ него въ самой откровенной бесѣдѣ ни малѣйшаго ропота на судьбу свою, почему шутя и называлъ его кантонистомъ, т. е. повитымъ, вмѣсто пеленки, солдатской шинелью.

Въ послѣднемъ письмѣ Ватя прислалъ и печатный приказъ по отдѣленію Орскаго корпуса, гдѣ было напечатано, что Зосимъ Сокиринъ производится изъ унтеръ-офицеровъ въ прапорщики за отличіе, причемъ замѣчалъ, что Зося этому не мало и радуется и удивляется, и самъ себя спрашиваетъ, чѣмъ онъ могъ отличиться. А самое послѣднее письмо Вати, въ которомъ онъ только писалъ, что въ укрѣпленіи свирѣпствуетъ скорбутъ, а лошади отъ сибирской язвы десятками падаютъ, читалъ уже Степанъ Мартыновичъ лежащему на смертномъ одрѣ Никифору Өедоровичу. На другой день послѣ этого надъ Никифоромъ Өедоровичемъ совершено было елеосвященіе, а на третій день въ 3 часа по полуночя онъ отослалъ свою чистую душу на лоно Авраамле.

По духовному своему завѣщанію Никифоръ Өедоровичъ назначилъ душеприкащиками меня и Степана Мартыновича, такъ какъ Карлъ Осиповичъ уѣхалъ зимою на побывку въ свой Дарпатъ, да

тамъ и остался. Въ завѣщаніи онъ за Парасковьей Тарасовной утверждаетъ власть матери только въ отношеніи Саватія, о Зосимѣ же ни слова не упоминаетъ; завѣщаетъ, чтобы отпѣваніе совершено было въ церкви Покрова, чтобы историческій образъ Покрова пресвятыя Богородицы на время отпѣванія поставленъ былъ въ головахъ около его домовины (за что приноситъ на церковь Покрова 2 пуда желтого воску и пудовый ярого воску ставникъ передъ образъ Покрова), чтобы бренные останки его были преданы землѣ непремѣнно въ пасѣкѣ, а надъ его могилою была посажена липа въ головахъ и черешня въ ногахъ, чтобъ каменнаго креста въ Трактемировѣ не заказывали, потому, говоритъ, что камень только лишняя тяжесть на гробѣ грѣшника, а чтобъ повѣсили на липѣ и черешнѣ образъ святыхъ Зосимы и Саватія и чтобъ ежегодно въ день Покрова служили панихиду по его душѣ грѣшной и по душѣ праведнаго И. П. Котляревскаго, и чтобы разъ въ годъ кормили сытно нищую братію и кто пожелаетъ: сто душъ! Гусли же и лѣтопись Конисскаго завѣщаетъ положить въ шкафъ съ книгами, замкнуть и ключь по почтѣ переслать Саватію. А еще прибавляетъ: «кто дерзнетъ (кромѣ моего Саватія) наложить святотатственную руку на сіе неоцѣненное мое сокровище, да будетъ проклятъ»! Маринѣ Никифоръ Ѳедоровичъ завѣщалъ по смерть ея выдавать ежегодно 10 р. с., а Степану Мартыновичу 25 и 25 ульевъ пчелъ единовременно.

Похоронивши, буквально по завѣщанію, своего найлучшаго друга, я вскорѣ уѣхалъ въ Кіевъ, на мѣсто службы, поручивъ Степану Мартыновичу писать ко мнѣ ежемѣсячно подробно обо всемъ, что дѣлается на хуторѣ.

Каждое первое число я аккуратно получалъ письмо отъ почтеннѣйшаго моего товарища. Письма его, разумѣется, не сверкали ни ослѣпительной молніей ума и воображенія, ни ученостью, ни новымъ взглядомъ на вещи, ни новыми идеями, ни даже блестящимъ слогомъ, какъ напримѣръ «Письма изъ-за-границы» законодателя русскаго слова, или задушевнаго друга и помощника его («Письма изъ Финляндіи»). Нѣтъ, въ письмахъ моего товарища ничего этого не просвѣчивало. За то въ его нехитрыхъ посланіяхъ, какъ алмазъ въ коронѣ, добродѣтели горѣли и свѣтилась его непорочная душа. Прочитывая его письма, я какъ-бы самъ присутствовалъ на

хуторѣ, малѣйшія подробности видѣлъ, какъ, напримѣръ, неосторожную Марину, пришедшую на досугѣ въ пасѣку, пчела за носъ укусила, и она была такая смѣшная, что даже Парасковья Тарасовна улыбнулась.

Распустивши свою школу на Пасху, Степанъ Мартыновичъ больше уже не собиралъ ее, чтобы имѣть болѣе времени для наблюденій за пасѣками и вообще по хозяйству на хуторѣ; а это потому, что Парасковья Тарасовна совершено отъ всего отказалась и порѣшила уже принять чинъ инокини, только не во Фроловскомъ монастырѣ въ Кіевѣ, а въ чигиринской богоспасаемой пустыни. Она совсѣмъ было собралась туда и паспортъ взяла и котомку сшила, только вдругъ, какъ съ неба упалъ, явился на хуторѣ Зосимъ Нокифоровичъ. Явился, и все пошло вверхъ дномъ. Сначала онъ скрывалъ свои гнусныя страстишки, потомъ слегка началъ обнаруживать, а потомъ завелъ въ домѣ кабакъ и игорное сборище, отрѣшилъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла по хозяйству стариннаго своего товарища и наконецъ выгналъ изъ дому почтеннѣйшую кроткую старушку Парасковью Тарасовну. Она, бѣдная, пріютилась въ школѣ у сердобольнаго Степана Мартыновича и болѣе трехъ лѣтъ слушала неистовыя пѣсни пьяныхъ картежниковъ. Я хотѣлъ вступиться за права законнаго наслѣдника, но она меня умоляла не трогать Зосю, авось либо само все придетъ къ лучшему концу.

Прошелъ еще и еще годъ, а лучшаго конца не было. Наконецъ я рѣшился написать Саватію письмо, которымъ совѣтовалъ ему, что если онъ хочетъ успокоить послѣдніе дни своей матери и сохранить хотя малую часть своего наслѣдія, то взялъ бы, если можно, отставку, а нельзя, то шестимѣсячный отпускъ и, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, пріѣзжалъ бы на хуторъ.

Саватій такъ и сдѣлалъ, взялъ отставку, потому что срокъ службы, назначенный за воспитаніе правительствомъ, былъ конченъ и слѣдовательно онъ могъ располагать собою по произволу. По пріѣздѣ своемъ на хуторъ онъ тоже долженъ былъ пріютиться въ школѣ, потому что въ домъ страшно было войти. Сначала онъ обратился къ [illegible] ласкою, но [illegible]улъ ему такое словцо, какого не найдете въ [illegible] городничаго. Тогда Саватій обратился къ властямъ и въ силу духовнаго завѣщанія былъ вве-

денъ во владѣніе хуторомъ и принадлежащимъ ему добромъ; а Зосимъ былъ изгнанъ съ посрамленіемъ.

Возмутилось безмятежное кроткое сердце Саватія, когда онъ подошелъ съ ключемъ въ рукахъ къ завѣтному шкафу, стерегущему святыню, въ немъ хранимую, проклятіемъ умирающаго человѣка. Возмутилось его благородное сердце, когда онъ прикоснулся къ замку, уже сломанному; возмутилось его бѣдное сердце, когда онъ, растворивъ шкафъ, увидѣлъ завѣтныя гусли, на которыхъ бряцалъ вдохновенный, какъ Давидъ, Григорій Гречка, а иногда и маститый благородный отецъ тихими аккордами возмущалъ невозмутимое сердце своей подруги и безмятежно благородное сердце своего единаго друга Степана Мартыновича. Гусли были разбиты; струны живыя изорваны, а прекрасное изображеніе пляшущихъ пастушекъ запятнано горячей табачной золою; священная псалтирь отца, Геродотъ— его единая радость, лѣтопись Конисскаго, на половину были изорваны для закуриванія трубокъ.

Увидя все это, Саватій остолбенѣлъ; слезы градомъ покатились по его мужественнымъ блѣднымъ щекамъ, и онъ тихо, едва внятно проговорилъ: Богъ вамъ судія! Вандалы! Варвары!

На третій день послѣ этой сцены получилъ я разбитыя гусли съ письмомъ въ Кіевѣ и тотчасъ же отдалъ ихъ искусному гардировщику, а когда они были готовы и струны натянуты, я уложилъ ихъ въ ящикъ, взялъ отпускъ на 28 дней и уѣхалъ въ Переяславъ, т. е. на хуторъ. Я засталъ моихъ друзей еще въ школѣ, но домъ былъ уже вычищенъ, выбѣленъ, а къ утру слѣдующаго дня приглашено уже духовенство, т. е. соборный протоіерей съ причтомъ и покровскій отецъ Яковъ, тоже съ причтомъ, чтобы освятить обновленное жилище. Раскупорили гусли, и откуда взялась радость и веселіе! Саватій, легонько касаясь струнъ, запѣлъ своимъ прекраснымъ теноромъ свою любимую пѣсню:

Чи я така уродилась,
Чи безъ доли охристилась,
Чи такіи кумы брали,
Таланъ-долю одибрали!

Степанъ Мартыновичъ ему тихонько вторилъ, а Парасковья Тарасовна, сидя въ уголку, на-взрыдъ плакала.

На другой день, часу около десятаго, явилось духовенство съ крестами и хоругвями. Освятивши домъ, совершили крестный ходъ вокругъ хутора и пасѣки, съ пѣніемъ псалмовъ и стихиръ; самъ протоіерей, почерпнувъ воды изъ Альты и осѣня ее знаменіемъ животворящаго креста, кропилъ сначала всѣхъ предстоящихъ, а потомъ каждаго по одиночкѣ, по совершеніи-жъ священнодѣйствія, разоблачась, благословилъ ястія и питіе и сѣлъ за трапезу, а за нимъ сѣлъ и прочій чинъ духовный и свѣтскій. Парасковья Тарасовна просто помолодѣла; она вспомнила бывалые свои религіозные пиры и какъ во время оно обходила столъ кругомъ съ бутылкой и рюмкой, умаливая каждаго гостя хоть «покуштовать». Гости, разумѣется, по обыкновенію отнѣкивались; одинъ только либералъ, стихарный соборный пономарь, не отнѣкивался.

Когда же трапеза приблизилась къ концу и ничего уже не подавалось съѣдобнаго, опричъ сливянки, тогда духовенство, не выходя изъ-за стола, встало и возгласило стройнымъ хоромъ:

Спаси уповающихъ на тя,
Мати незаходимаго солнца!

По окончаніи гимна и послѣобѣденной благодарственной молитвы духовенство благодарило хозяевъ и снова сѣло на мѣсто, уже не трапезы ради, а ради назидательной бесѣды. Н[illegible]чій чинъ духовный, какъ-то: дьячки, пономари и прочій клиръ, вышли изъ свѣтлицы и, погулявши малый часъ по саду, пошли на леваду, а тамъ стоялъ ожередъ только вчера сложеннаго сѣна; вотъ они съ общаго согласія расположились въ тѣни и почили сномъ праведныхъ, всѣ до единаго.

Въ свѣтлицѣ же бесѣда длилась почти что до вечерень; было говорено много о предметахъ, касающихся общежитія, а также о предметахъ, касающихся философіи и богословія, особенно отецъ Никаноръ, молодой священникъ, богословъ, говорилъ много и все изъ писанія, и все по римски, гречески и еврейски всѣхъ писателей христіанской древности такъ и валялъ наизустъ; старцы, дивяся его великому геніусу, только брадами бѣлыми помахивали и значительно посматривали другъ на друга, какъ бы говоря: вотъ такъ голова!—а Парасковья Тарасовна, слушая витію, только плакала. Степанъ Мартыновичъ, можетъ быть, больше всего собора разумѣлъ говорящаго, но не обнаруживалъ этого ни единымъ движе-

ніемъ; когда же Парасковья Тарасовна заплакала, то онъ началъ утѣшать ее, говоря, что отецъ Никаноръ читаетъ совсѣмъ не жалобное, а болѣе сатирическое. Тутъ отецъ протоіерей, чтобъ положить конецъ сей слезоточивой трагедіи, попросилъ подать себѣ гусли. Гусли поданы, и онъ всталъ, расправилъ руками бѣлоснѣжную свою бороду, завернулъ широкіе рукава своей фіолетовой рясы, возложилъ персты своя на струны и тихимъ старческимъ голосомъ запѣлъ:

О всепѣтая Мати!..

Къ нему присоединился соборъ духовенства, Саватій и даже самъ Степанъ Мартыновичъ. Сверхъ ожиданія пѣніе было тихое и прекрасное. Послѣ этого гимна были пѣты еще канты духовнаго содержанія; дошло наконецъ и до пѣсенъ мірскаго, житейскаго содержанія. Уже начали было хоромъ:

Зажурилась попадя
Своею бидою....

Но отецъ протоіерей, видя близкій соблазнъ и недремлющія силы врага человѣческаго, повелѣлъ садиться въ брички и рушать во свояси, что къ немалому огорченію Парасковьи Тарасовны и было исполнено.

Причетъ же церковный вышелъ изъ-подъ сѣна уже въ сумерки и, не заходя на хуторъ, перелѣзъ черезъ тынъ и выйдя на шляхъ, ведущій къ городу, съ общаго согласія запѣлъ хоромъ:

Жито мати, жито мати,
Жито не полова...

Вечеръ былъ тихій и Степанъ Мартыновичъ, подойдя къ Альтѣ, остановился и долго слушалъ стихающую вдали пѣсню и никакъ не могъ догадаться, кто-бы это могъ пѣть такъ сладкогласно.

Исполнивъ священный долгъ душеприкащика, возложенный на меня покойнымъ другомъ моимъ, Н. Ѳ. Сокирою, я на другой день послѣ описаннаго мною праздника уѣхалъ въ Кіевъ. Саватій Сокира мнѣ чрезвычайно понравился своими правилами, образомъ взгляда на вещи вообще и на человѣка въ особенности, своимъ юношескимъ дѣвственнымъ взглядомъ на все прекрасное въ при-

родѣ. Когда онъ говорилъ о закатѣ солнца или о восходѣ луны надъ соннымъ озеромъ или рѣкою, то я, слушая его, забывалъ, что онъ медикъ и радовался въ душѣ, что физическія науки не погасили въ его великосильной душѣ священной искры божественной поэзіи.

Прощаясь съ нимъ, я не могъ ему, по праву старшинства, ничего лучше посовѣтовать, какъ слѣдовать влеченію собственныхъ чувствъ и убѣжденій и только завѣщалъ ему писать ко мнѣ, какъ можно чаще.

По пріѣздѣ въ Кіевъ выгрузили изъ моей неточанки и трехведерную кадушку бѣлаго, какъ сахаръ, липцу. Это, говоритъ мой Ярема, подарокъ Степана Мартыновича. Они сами поставили и крѣпко наказали, чтобы не говорить вамъ ни слова.

— Ну, спасибо ему, что полакомилъ насъ съ тобою стариковъ. Нужно будетъ и ему что нибудь послать? а? Какъ ты думаешь, Яремо?

— Разумѣется, нужно: мы съ вами не скотина какая нибудь безчувственная.

— Да что же послать-то такое? Право не придумаю. Заказать развѣ Сенчилѣ образъ для его пасѣки? Такъ образъ у него есть хорошій. Да! онъ какъ-то говорилъ, что ему хотѣлось-бы прочитать Ефрема Сирина. Прекрасно, возьми, Яремо, эти деньги и эту записку и ступай въ лавру и спроси тамъ отца типографа, отдай ему все это, а отъ него возьми большую книгу и принеси домой.

Черезъ нѣсколько дней Степанъ Мартыновичъ сидѣлъ въ своей пасѣкѣ и искалъ у Ефрема Сирина, отъ чего вышла такая противуположность между родными братьями, а прочитавши отъ доски до доски, крѣпко призадумался. Послѣ долгаго раздумья онъ написалъ письмо отцу типографу, прося его прислать ему Іустина философа, на что и прилагаетъ 5 р. сер. Но какъ Іустина философа не нашлось въ кіево-печерской книжной лавкѣ, то Степанъ Мартыновичъ и остался при своемъ убѣжденіи, что такія чудеса совершаются токмо единою всемогущею волею Божіею и что онъ не подозрѣваетъ даже ниже малѣйшаго вліянія человѣка на человѣка.

Вмѣсто Іустина философа отецъ типографъ прислалъ ему акафистъ пресвятой Богородицы Одигитріи и кіевскій Патерикъ, изъ

котораго онъ почерпнулъ прекрасныя назидательныя идеи и рѣшился по гробъ свой подражать святому прекрасному юному отроку праведнаго князя Бориса.

Впродолженіи года получилъ я всего два письма отъ Саватія Сокиры, и тѣ безъ всякаго внутренняго содержанія. Письма эти напоминали мнѣ школьника, пишущаго письмо къ своимъ родителямъ по диктовкѣ своего наставника; впрочемъ онъ самъ чувствовалъ пустоту своихъ писемъ, извинялся тѣмъ, что матеріаловъ еще не накопилось для порядочнаго письма, говоря, что самая скучная, монотонная исторія—это исторія самаго счастливаго народа. За то аккуратно каждый мѣсяцъ снабжалъ меня длинными посланіями почтеннѣйшій Степанъ Мартыновичъ. Всѣ происшествія, не имѣющія никакого отношенія къ моимъ хуторянамъ, онъ описывалъ съ усыпляющими подробностями, напримѣръ, что наканунѣ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня у пріятеля моего мѣщанина Карпа Зозули кобыла ожеребилась буланымъ жеребчикомъ, а у сосѣда нашего той же ночи волъ украденъ. Что же касалось собственно хуторянъ, тутъ плодовитости его не было предѣловъ. Словомъ, онъ воображалъ себя душеприкащикомъ, а меня своимъ товарищемъ.

Въ одномъ изъ своихъ нелаконическихъ писемъ Степанъ Мартыновичъ такъ описывалъ мнѣ появленіе Зосима на хуторѣ.

«Постучался онъ въ двери моей школы, когда я уже совершалъ молитвы на сонъ грядущимъ и читалъ уже третій кондакъ акафиста пресвятой Богородицы Одигитріи. Страхъ и трепетъ прійде на мя.

— Кто тамъ? воскликнулъ я во гнѣвѣ.

— Отвори, говоритъ, Христа ради, Степанъ Мартыновичъ!

— Я чувствую, что называетъ меня по имени, взялъ каганецъ, пошелъ и отворилъ двери. Свѣтъ помрачился въ очахъ моихъ, когда увидѣлъ я едва рубищемъ прикрытаго, входящаго въ школу, блуднаго сына Зосю.

— Что, говоритъ, не узналъ меня, дядюшка? А, каковъ я молодецъ?

— Очамъ своимъ не вѣрю, говорю я.

— Ну, такъ ощупай хорошенько и рукамъ повѣрь.

— Не вѣрю! проговорилъ я снова.

— Я, говоритъ онъ, твой бывшій ученикъ, а теперь заслуженный воръ, пьяница и привилегированный картежникъ—Зосимъ Сокиринъ. Ну, теперь знаешь?

— Знаю, говорю я.

— А коли знаешь, такъ и толковать больше нечего; посылай за сивухой. Разумѣешь? За водкой; да поищи, нѣтъ ли гдѣ заплеснѣвѣлаго кныша отъ прошлогодней хавтуры.

— Горилки, говорю, нѣтъ, а послать некого.

— Давай денегъ, я самъ пойду.

Я далъ ему на кварту денегъ, и онъ поспѣшно удалился. Досталъ я изъ коморы меду, хлѣба, поставилъ на столъ и хотѣлъ было продолжать акафистъ, но духъ мой былъ возмущенъ и помышленія мои были омрачены внезапнымъ видѣніемъ. Долго ходилъ я по школѣ, какъ въ лѣсу неисходимомъ, а Зося не являлся. Свѣча передъ образомъ догорѣла, я другую засвѣтилъ, и та уже на половинѣ, а Зоси нѣтъ, какъ нѣтъ. Господи, думаю себѣ, живый на небесѣхъ, серцевѣдче нашъ! Не навожденіе ли сатанинское было надо мною? И прочитавши «Да воскреснетъ Богъ», я успокоился духомъ, прочиталъ снова акафистъ пресвятой Богоматери Одигитріи, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ двери, окна и коменъ, проговорилъ трижды «Да воскреснетъ Богъ» и отошелъ ко сну.

На другую ночь повторилось то-же самое видѣніе, на третью то-же, и я все ему даю на кварту горилки, и оно исчезаетъ. Я сообщилъ о семъ видѣніи Парасковіи Тарасовнѣ, и она бѣдная изъявила желаніе провести ночь въ моей школѣ, чтобъ увидѣть сіе видѣніе.

Въ вечеру мы съ Парасковьей Тарасовной вышли изъ хутора, какъ будто на проходку. Саватій былъ въ городѣ по долгу службы. Когда смеркалося, мы пришли въ школу, я засвѣтилъ свѣчу и, доставъ Патерикъ, началъ читать, утѣшенія ради, житіе преподобнаго мученика Мойсея Угрина, за цѣломудріе пострадавшаго отъ нѣкія блудныя болярини. И дочиталъ уже, какъ онъ, прекрасный юноша, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, по раздѣлу достался на долю вдовы воеводини, лицемъ зѣло красныя, а сердцемъ аспиду подобныя. Первая услышала стукъ въ двери Парасковья Тарасовна, а потомъ уже я; закрывши книгу, я пошелъ отворять дверь, и она вышла за мною, чтобы спрятаться въ сѣняхъ и не быть видимою; но когда я отворилъ дверь, съ каганцемъ въ рукѣ, и она увидѣла омраченное развратомъ лице своего Зоси, то вскрикнула и повали-

лась на землю, лишенная всякаго чувствія. Онъ же рыкнулъ на меня, аки левъ свирѣпый:

— А, подлецъ, христопродавецъ, ты меня продать хотѣлъ, говори: кто здѣсь, а не то тутъ тебѣ и аминь.

И такъ сдавилъ мнѣ горло, что я едва выговорилъ: твоя мати.

— А, когда она только, то это хорошо: мнѣ давно съ ней переговорить хотѣлось; гдѣ она?

Я посвѣтилъ ему каганцемъ и указалъ на распростертую на землѣ Парасковью Тарасовну. Онъ, взглянувъ на нее, проговорилъ:

— Ничего, пусть отдохнетъ, а мы съ тобою побесѣдуемъ. А что, исполнилъ ты мое приказаніе? Сегодня послѣдній срокъ: деньги, или молись Богу, говоритъ.

Въ это самое мгновеніе Парасковья Тарасовна застонала, я вышелъ въ сѣни, взялъ ее бѣдную на руки и, какъ дитя малое, положилъ на мое суровое ложе; немного погодя, она пришла въ себя и проговорила:

— Зосю мой, Зосю мой! сыну мой единый!

— Я здѣсь, маменька, что прикажете?

Она взглянула на него и залилась горькими слезами. Онъ долго, молча, смотрѣлъ на ея горькія слезы и наконецъ проговорилъ:

— Вотъ что маменька! ни обмороки, ни слезы, ни молитвы, ни даже ваши проклятія не въ силахъ поколебать меня; это все вздоръ, чепуха! Одно, скажу вамъ, что меня можетъ обратить на путь истинный, это деньги и только одни деньги; дайте денегъ и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Да и въ самомъ дѣлѣ, за что же я лишенъ своего наслѣдства? Вѣрно, по протекціи вашей! Ну теперь и раскошеливайся!

— Зосю мой! сыну мой единый! проговорила она снова...

— Нечево тутъ единый! Я тебѣ такой-же сынъ, какъ ты мнѣ мать. Ну, поворачивайся, Степанъ Мартыновичъ; она тебѣ послѣ отдастъ.

Досталъ я изъ бодни все, что у меня было, и передалъ ему въ руки. Онъ взялъ деньги, пересчиталъ ихъ и спросилъ:

— Больше нѣтъ?

— Нѣту, говорю, всѣ до единаго пенязя.

— Смотри, врать грѣшно; ты самъ меня училъ. Ну, на первый разъ достаточно. Теперь маршъ на Пидварки! Теперь я имъ покажу, кто я таковъ! До свиданья, маменька, потрудитесь заплатить долгъ.

И съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ школы. Парасковья Тарасовна еще разъ проговорила: Зосю мой! сыну мой единый, и упала на постель, аки мертвая.

Оставя ее въ безпамятствѣ, пошелъ я на хуторъ дать знать Саватію Никифоровичу о случившемся и просить помощи; оказалось, что онъ, возвратясь изъ города, легъ спать, не зная того, что матери дома нѣту, и думая, что она тоже спитъ. Когда я возвратился въ школу, Парасковья Тарасовна уже сидѣла на кровати и тяжко плакала. Я не разсудилъ утѣшать ее въ горести, а, засвѣтивши свѣчу передъ образомъ, началъ читать акафистъ Божіей Матери Одигитріи; она тоже встала на ноги и, горько плача, молилась. По акафистѣ прочелъ я еще канонъ Божіей Матери, а потомъ молитвы на сонъ грядущимъ и съ колѣнопреклоненіемъ прочелъ молитву: «Господи, не лиши меня небесныхъ твоихъ благъ». По отпустѣ я молча вышелъ изъ школы, а когда возвратился, то она уже спала сномъ праведницы на моемъ старческомъ одрѣ. Я тихо раскрылъ Ефрема Сирина и, охраняя сонъ праведницы, сидѣлъ за книгой до самаго утра.

По утру пошли мы на хуторъ, и я расказалъ Саватію все случившееся въ ночи; онъ же въ отвѣтъ на мой разсказъ только заплакалъ.

Въ вечеру того же дня Саватій получилъ предписаніе отъ городничаго произвести медицинское освидѣтельствованіе, по долгу службы, надъ обезображеннымъ тѣломъ, найденнымъ въ пусткѣ покрытки N. на Пидваркахъ.

Прочитавши сіе предписаніе, онъ молча посмотрѣлъ на Парасковью Тарасовну, а та залилась слезами и проговорила:

— Зосю мой, сыну мой единый!

Между прочими мелкими событіями на хуторѣ, сообщилъ мнѣ почтенный мой сотоварищъ и это довольно крупное событіе, но самъ Саватій не писалъ мнѣ объ этомъ ни слова, ни даже о томъ, что онъ занимаетъ теперь мѣсто уѣзднаго врача въ г. Переяславѣ.

Далеко, очень далеко отъ моей милой, моей прекрасной, моей бѣдной родины, я люблю иногда, глядя на широкую безлюдную степь, перенестись мыслью на берегъ широкаго Днѣпра и сѣсть гдѣ-нибудь, хоть, напримѣръ, въ Трахтемировѣ, подъ тѣнью развѣсистой вербы, смотрѣть на позолоченную закатомъ солнца панораму, а на темномъ фонѣ этой широкой панорамы, какъ алмазы, горятъ переяславскіе храмы Божіи, и одинъ изъ нихъ ярче всѣхъ сверкаетъ своею золотою головою: это соборъ, воздвигнутый Мазепою. И много, много разныхъ событій воскресаетъ въ памяти моей, когда я воображаю себѣ эту волшебную панораму. Но чаще всего я лелѣю мое старческое воображеніе картинами золотоглаваго, садами повитаго и тополями увѣнчаннаго Кіева. И послѣ свѣтлаго, непорочнаго восторга, навѣяннаго созерцаніемъ красоты твоей неувядающей упадетъ на мое осиротѣвшее старое сердце тоска, и я переношусь въ вѣка давно прошедшіе и вижу его, сѣдовласаго, маститаго и кроткаго старца съ писанною большою книгою въ рукахъ, проповѣдующаго изумленнымъ дикарямъ своимъ и кровожаднымъ и корыстолюбивымъ поклонникамъ Одина. Какъ ты прекрасенъ былъ въ этой ризѣ кротости и любомудрія, святый мой и незабвенный старче!

И мы уразумѣли твои кроткіе глаголы, и тебя, какъ стараго и ненужнаго учителя, не выгнали и не забыли, а одѣли тебя, какъ Горыню богатыря, въ броню крѣпкую. Сначала осуровили твое кроткое сердце усобицами, кровосмѣшеніями и братоубійствами, сдѣлали изъ тебя настоящаго варяга и потомъ уже надѣли броню и поставили сторожить порабощенное племя и пришельцами поруганную, самимъ Богомъ завѣщанную тебѣ, святыню.

Кто, посѣщая кіево-печерскую лавру, не отдыхалъ на типографскомъ крыльцѣ, про того можно сказать, что былъ въ Кіевѣ и кіевской колокольни не видалъ. Мнѣ кажется, нигдѣ никакая внѣшность не дополнитъ такъ сердечной молитвы, какъ видъ съ типографскаго крыльца. Я долго, а можетъ быть и никогда не забуду этого знаменитаго крыльца.

Однажды я, давно когда-то, отслушавъ раннюю обѣдню въ лаврѣ, вышелъ, по обыкновенію, на типографское крыльцо. Утро было тихое, ясное, а передъ глазами вся черниговская губернія и часть полтавской. Я хотя былъ тогда и не меланхоликъ, но передъ

такой величественной картиной невольно предался меланхоліи. И только было началъ сравнивать линіи и тоны пейзажа съ могущественными аккордами Гайдна, какъ услышалъ тихо произнесенное слово: *мамо.*

— Мнѣ, мамо, всегда тажется, что я на этомъ крыльцѣ какъ-бы слушаю продолженіе обѣдни, говорилъ чей-то голосъ.

Я оглянулся невольно. Грѣшно прерывать нескромнымъ взглядомъ такое прекрасное настроеніе человѣческой души, но я согрѣшилъ, потому что говоръ этотъ поразилъ меня паче всякой музыки. Говорившая была молодая дѣвушка, стройная, со вкусомъ и скромно одѣтая, но далеко не красавица; а кого она называла мамой, это была женщина высокаго роста, сухая, смуглая и когда-то блестящая красавица. Она была въ черномъ шерстяномъ капотѣ или длинной блузѣ, опоясана кожанымъ поясомъ съ серебрянною пряжкою; голова накрыта была, вмѣсто обыкновенной женской шляпы, бѣлымъ, широкимъ, безъ всякихъ украшеній, чепцомъ. Я, не знаю почему, не предложилъ имъ скамейку, а они тоже, не знаю почему, съ минуту молча посмотрѣли на пейзажъ и ушли. Я тоже всталъ и ушелъ за ними.

Они прошли лаврскій дворъ, тихо разговаривая между собою, и вышли въ святыя ворота Николы Святоши, и я за ними. Они вышли изъ крѣпости, и я за ними. Они пошли по направленію къ «Зеленому трактиру», и я за ними. Они вошли въ ворота трактира, и я тутъ только опомнился и спросилъ у самого себя, что я дѣлаю. И не рѣшивши вопроса, я вошелъ въ трактиръ и сталъ разбирать гіероглифы, выведенные мѣломъ на черной доскѣ. По долгомъ разбираніи таинственныхъ знаковъ, я разрѣшилъ наконецъ тайну, что такой-то № занятъ такой-то съ воспитанницею, и хотя и теперь даже не могу похвалиться знаніемъ тактики въ дѣлѣ волокитства, а тогда и подавно, но разобравши хитрое изображеніе, я, и самъ не знаю, какъ, очутился въ общей столовой и спросилъ себѣ, тоже не знаю чего-то, а съ слугою заговорилъ тоже о чемъ-то, случившемся когда-то. Послѣ всего этого я зашелъ къ здѣсь-же на Московской улицѣ квартировавшему моему знакомому, художнику Ш., недавно пріѣхавшему изъ Петербурга, поговорилъ съ нимъ объ искусствахъ вообще, о живописи въ особенности и, думая пойти въ лавру, пошелъ въ садъ. Здѣсь видимо предопредѣленія дѣло.

Хожу это я себѣ по большой аллеѣ одинъ одинешенекъ (день былъ будній) и присяду иногда, чтобы полюбоваться Старымъ Кіевомъ, освѣщеннымъ заходящимъ солнцемъ; только смотрю, изъ-за липы, изъ боковой аллеи, выходятъ мои утреннія незнакомки. Тутъ я всталъ, вѣжливо раскланялся и предложилъ имъ скамейку отдохнуть немного, извиняясь, что по утру этого не сдѣлалъ на типографскомъ крыльцѣ. Онѣ молча сѣли, и сестра милосердія (какъ я тогда думалъ) спросила у меня:

— Вы, вѣроятно, живописецъ?

Я отвѣчалъ: да.

— И рисуете виды Кіева?

Я отвѣчалъ: да.

Послѣ длинной паузы она спросила:

— Вы давно уже въ Кіевѣ?

Я отвѣчалъ: давно!

— Нарисуйте для меня этотъ самый видъ, которымъ мы теперь любуемся, и пришлите въ «Зеленый трактиръ» въ № N. N.

Рисунокъ акварельный былъ у меня давно начатъ, я его тщательно окончилъ и на первомъ планѣ между липами нарисовалъ моихъ незнакомокъ и себя тоже нарисовалъ сидящимъ на скамейкѣ, въ поэтическомъ положеніи, въ соломенномъ брылѣ.

На другой день по утру я сидѣлъ съ оконченнымъ рисункомъ на типографскомъ крыльцѣ и дожидался моихъ незнакомокъ, какъ будто онѣ мнѣ велѣли самому принести рисунокъ не въ Зеленый трактиръ, а на типографское крыльцо. Не успѣлъ я помечтать хорошенько, какъ незнакомки мои явились.

— А! вы уже здѣсь? почти воскликнула старшая.

— Здѣсь, отвѣчалъ я.

— Давно?

— Давно, отвѣчалъ я.

— Да и портфель съ вами, вы вѣрно рисовали?

— Нѣтъ, не рисовалъ,—и вынулъ изъ портфеля рисунокъ, заказанный ею вчера.

Она долго молча смотрѣла на рисунокъ и на меня, потомъ взяла мою руку и крѣпко пожала, сказавъ притомъ:

— Благодарю васъ—и будемте знакомыми, хорошими пріятелями

и, если можно, друзьями,—а это, кажется, возможно! прибавила она, глядя на свою молодую подругу.

— Сядемъ-те, отдохнемъ немного, сказала она же, и мы всѣ трое сѣли.

Послѣ непродолжительнаго молчанія она обратилась ко мнѣ съ такими словами:

— А знаете ли, Глафира у меня выиграла сегодня пари. Мы съ нею вчера спорили. Я увѣряла ее, что вы идіотъ, а она доказывала противное.

— Благодарю васъ, сказалъ я младшей, а старшей отвѣчалъ: не стоитъ благодарности, послѣ чего мы всѣ расхохотались и сошли съ типографскаго крыльца.

Слѣдующую осень прожилъ я у нихъ въ деревнѣ и уже называлъ ихъ своими родными сестрами, а къ концу осени старшую называлъ уже мамою, а меньшую невѣстою. Я совершенно былъ счастливъ. Весной они пріѣхали въ Кіевъ, но, увы, меня тамъ уже не было. Я далеко уже былъ весною и о мелькнувшей радости вспоминалъ, какъ о волшебномъ очаровательномъ снѣ.

Вотъ почему такъ любо мнѣ вспоминать о типографскомъ крыльцѣ.

Много лѣтъ и зимъ пролетѣло послѣ этого событія надъ моею одинокою, уже побѣлѣвшею головою. Я опять въ Кіевѣ и опять посѣщаю завѣтное крыльце, и теперь, наканунѣ праздника Успенія Богородицы, послѣ ранней обѣдни, вышелъ я на типографское крыльце и, любуясь пейзажемъ, вспомнилъ то счастливое, давно мелькнувшее мгновеніе и какъ-бы слушалъ голосъ ангела, произносящаго слово «мамо». Я такъ предался воспоминанію, что мнѣ какъ-бы дѣйствительно послышалось эго дѣтское милое слово и такъ живо, что я оглянулся, и представьте мое изумленіе: изъ корридора на крыльце выходила Парасковья Тарасовна, за нею, какъ журавль, шагалъ другъ мой и сотоварищъ Степанъ Мартыновичъ, но такимъ щеголемъ, что если-бы не жиденькая бѣлая бородка, то я подумалъ-бы, что онъ просто жениться пріѣхалъ въ Кіевъ. Сюртукъ на немъ длинный изъ гранатоваго дорогаго сукна, шляпа черная пуховая съ широкими полями, сапоги, правда, личные, но тщательно вычищенные, а патерица просто архіерейская, съ серебряннымъ набалдашникомъ. Франтъ да и только.

Послѣ первыхъ привѣтствій и лобызаній я усадилъ ихъ на скамейку и спросилъ, давно-ли они въ Кіевѣ.

— Уже третій день, отвѣчалъ Степанъ Мартыновичъ, и привезли вамъ письмо отъ Саватія, та не можемъ найти Рейтарскую улицу, она гдѣ-то на Старомъ Кіевѣ, а мы еще тамъ не были. Сегодня думаемъ идти на акафистъ Варвары Великомученицы, а завтра, если Господь дастъ, пріобщимся святыхъ Таинъ Христовыхъ здѣсь въ лаврѣ, и тогда уже думали искать Рейтарскую улицу, а Господь далъ такъ, что и искать ее не нужно: вы сами намъ ее покажете. Письмо-бы я вамъ и теперь отдалъ, да оно у меня въ шкатулкѣ на квартирѣ, а квартира наша здѣсь-же на Печерскомъ, въ домѣ мѣщанки Сиволапихи.

Слушая этотъ монологъ, я смотрѣлъ на Парасковью Тарасовну: она сидѣла, закрывши очи, и казалась уснувшею страдалицей; на кроткомъ лицѣ ея написано было такъ много сердечнаго горя, что я не могъ смотрѣть на нее и обратился съ новымъ вопросомъ къ Степану Мартыновичу:

— Ну, что у васъ хорошаго на хуторѣ творится?

— Хвала милосердному Богу, все хорошо и все благополучно; скоро думаемъ совершить бракосочетаніе, но объ этомъ вамъ самъ Саватій Никифоровичъ подробно пишетъ.

— Куда-же вы намѣрены теперь пойти?

— А мы думаемъ, если Господь благословитъ, поклониться святымъ угодникамъ печерскимъ. Только теперь тѣсно, и мы подождемъ, пока благочестивые поклонники выйдутъ изъ пещеръ, и тогда думаемъ просить отца келаря повести насъ самому, или-же послать съ нами кого изъ братіи.

Мнѣ былъ знакомъ отецъ Досифей, настоятель больничнаго монастыря, и я отправился къ нему просить оказать намъ великую услугу и просить, кого слѣдуетъ, чтобы дозволено было посѣтить намъ пещеры не въ числѣ многочисленныхъ богомольцевъ. Просьба моя была уважена, и съ нами послали въ провожатые маститаго старца отца Іоакима.

Поклонившись святымъ угодникамъ печерскимъ, мы отправились на квартиру. Взявши письмо, я оставилъ своихъ пріятелей и пошелъ домой, да по обыкновенію зашелъ въ садъ, сѣлъ на своей любимой скамеечкѣ и, раскрывши письмо, читалъ вотъ что:

«Безцѣнный друже отца моего и мой заступниче и покровителю!

Простите меня великодушно за мое долгое молчаніе, ничѣмъ не извиняющее мою лѣнивую натуру. И то правда, что писать письмо безъ содержанія—тоже самое, что переливать изъ пустаго въ порожнее. Правда, матеріалы случалися для откровеннаго дружескаго письма, но матеріалы такого рода, что не подымалося перо сообщать ихъ кому-бы то ни было. Теперь же грустныя тяжелыя тучи скрываются за горы и на горизонтѣ показывается Аврора, предшественница моего свѣтлаго невозмутимаго счастья. Проще сказать, я женюсь. Невѣста моя живетъ теперь съ своею матерью въ школѣ добраго, моегб оудущаго посаженаго отца, Степана Мартыновича и дожидаетъ вашего благословенія. Пріѣзжайте, мой благодѣтель, и благословите ее сироту на великій путь новой улыбающейся жизни. У нея, кмкъ и у меня, отца нѣтъ, только мать осталася, и мы съ согласія матерей нашихъ рѣшили, чтобы ее благословили вы, а меня мой единственный благородный мой другъ и наставникъ Степанъ Мартыновичъ. Пріѣзжайте хоть только взглянуть на мою прекрасную невѣсту.

По обязанности уѣзднаго медика я часто уѣзжаю, а потому теперь хуторъ нашъ перед[illegible] во владѣніе Степана Мартыновича и кажется скоро, совсѣмъ его передамъ. А если хотите знать о моемъ сватовствѣ, то вотъ какъ оно случилось

Однажды по обязанностямъ службы ѣду я прочелочною дорогою; была грязь; лошадка обывательская едва передвигала ноги; смеркало, дождикъ накрапывалъ, словомъ перспектива была неотрадная. Возница мой тоже, не видя въ будущемъ ничего отраднаго, предложилъ мнѣ подночевать.

— Да гдѣ-же, говорю я, середъ шляху, что-ли?

— Крый Боже, середъ шляху. Нехай лыхи татары ночують въ таку непогодь середъ шляху, а мы звернемо—онъ бачите лисокъ?

— Бачу, говорю я.

— Отъ-же въ тимъ лиску есть хуторъ пани Калитихи. Отъ вона насъ и пустить ночувать.

— Добре, говорю я; звертай зъ шляху!

— Стрывайте, отуть буде шляшокъ.

Проѣхавши съ полверсты, я увидѣлъ едва замѣтную дорожку,

ведущую къ сказанному хутору. Мы поѣхали по этой, едва замѣтной дорожкѣ и вскорѣ очутились въ лѣсу. Возница мой началъ насвистывать какую то заунывную пѣсню, а я задумался, Богъ знаетъ, о чемъ.

— Сей лисъ зоветця, пане, «Лапинъ ригъ», проговорилъ возница, а за що ёго такъ зовуть, то Богъ ёго знае. Кажуть стари люде, що тутъ живъ колись давно розбойникъ Лапа и що велики сокровища поховавъ тутъ у озерахъ, а ще стари люде говорять, що якъ высохнуть ти болота та озера, то можно буде мишками золото носить. Богъ ёго знае, коли то те буде, а онъ и хутиръ.

Дѣйствительно огонь показался между деревьями, и вскорѣ мы подъѣхали къ затвореннымъ воротамъ. Собаки страшнымъ лаемъ насъ встрѣтили, потомъ раздался женскій, довольно грубый голосъ:

— Хто тутъ?

— Благословить, матушка, переночувать на вашимъ хутори, отвѣчалъ мой возница.

— Боже благослови, тилько сами вже одчиняйте ворота, бо мои наймиты вечеряють, имъ николы, а я не въ силахъ.

Возница мой слѣзъ съ телѣги, отворилъ ворота, втащилъ меня съ телѣгою и своею лошадкою на дворъ, снова затворилъ ворота и, обращяясь къ хозяйкѣ, сказалъ:

— Добрывечиръ, матушко!

— Добрывечиръ, добрый чоловиче! видкиля Богъ несе?

— Та отъ везу панка зъ Глемязова, та бачите, яка непогодь.

Я тоже подошелъ къ хозяйкѣ и сказалъ:

— Позвольте, если можно, переночевать у васъ.

— Извольте, съ большимъ удовольствіемъ,—отвѣчала она мнѣ съ едва замѣтнымъ малороссійскимъ акцентомъ, прошу покорно въ комнату.

Я взошелъ на крылечко. На порогѣ меня встрѣтила дѣвушка со свѣчой въ рукѣ, по крестьянски одѣтая, но опрятно и даже изысканно; отступая назадъ въ комнату, она сказала чисто по русски: «прошу покорно»! изъ чего я заключилъ, что это не служанка.

Войдя въ комнату, мы остановились другъ противъ друга и простояли до тѣхъ поръ, пока не вошла хозяйка хутора въ комнату и не сказала:

— Иаташа, что же ты не просишь гостя садиться? Стоитъ себѣ со свѣчею, какъ пономарь. Рекомендую вамъ, это полтавская институтка. Прошу покорно, садитесь. И Богъ ихъ знаетъ, чему они ихъ учатъ въ томъ институтѣ! Ну, я уже по хозяйству у своей и не спрашиваю, да хоть бы человѣка чужого умѣла привитать, а то стоитъ себѣ!

Окончивъ эту нотацію, говорившая, очевидно мать, обращаясь къ дѣвушкѣ, сказала ей что-то шопотомъ, и та вышла въ другую комнату. Въ слѣдъ за нею ушла и сама она, сказавши: «извините насъ!»—Я между тѣмъ сталъ осматривать комнату. Комната была для хутора довольно большая и по величинѣ своей низкая, но чистая и опрятная; мебель старинная и разнохарактерная; на стѣнѣ висѣлъ въ черной деревяной рамѣ портретъ Богдана Хмельницкаго, а на кругломъ столѣ, рядомъ съ какимъ-то вязаньемъ, лежала книжка «Отечественныхъ Записокъ», развернутая на Давидѣ Коперфильдѣ. Въ это время вошла хозяйка. Я теперь только обратилъ на нее должное вниманіе. Это была женщина высокаго роста, полная, но не до безобразія, съ лицемъ довольно еще моложавымъ и добродушнымъ; одѣта она была на манеръ богатой мѣщанки, или солидной попадьи, и если-бъ у нея на головѣ вмѣсто платка былъ корабликъ, то я подумалъ-бы, что это явилась передо мною съ того свѣта какая-нибудь сотничиха или полковница.

— Что это вы,—сказала она, снявши со свѣчи,—любопытствуете, что читаетъ моя Наташа? Да, она у меня, слава Богу, большая охотница читать, да и меня на старости пріучила, такъ что мнѣ и скучно сидѣть съ работой безъ чтенія; думаю на будущій годъ выписать еще »Современникъ», а то одной книги въ мѣсяцъ для насъ мало, мы ее наизусть выучиваемъ.

Вскорѣ былъ поданъ чай, точнѣе самоваръ, а вслѣдъ за самоваромъ вышла и Наташа, одѣтая уже барышнею.

— Не втерпила таки, проговорила мать, улыбнувшись, и потомъ прибавила:

— Наливай же чаю, Наталочко!

— Я ее, знаете, пріучаю понемногу къ хозяйству, сказала она, обращаясь ко мнѣ.

— И прекрасно дѣлаете, отвѣтилъ я; зачѣмъ онѣ только костюмъ перемѣнили, имъ нашъ народный костюмъ къ лицу.

— Мнѣ она сама больше нравится въ простомъ платьѣ, такъ вотъ пойдите, поговорите съ нею.

Наташа краснѣла, краснѣла и наконецъ покраснѣла, какъ вишня, и выбѣжала изъ комнаты.

— Ахъ, ты безсережная! проговорила ей мать вслѣдъ и принялась сама разливать чай.

Незнакомки мои принадлежали къ числу тѣхъ немногихъ людей, съ которыми сходишься при первомъ свиданіи. Въ продолженіе трехъ часовъ я съ ними совершенно освоился и со всѣми подробностями узналъ ихъ домашній бытъ, наклонности, привычки, доходы и расходы и даже часть ихъ біографіи.

Елена Петровна Калита, вдова небогатого помѣщика нашего уѣзда, воспитывалась тоже въ институтѣ, только хуторъ, какъ говоритъ она, перевоспиталъ ее по своему.

— А когда Наташа родилась у насъ, то мы съ покойнымъ моимъ Яковомъ того же дня положили, чтобы каждый годъ удѣлять изъ нашихъ бѣдныхъ доходовъ маленькую сумму собственно для воспитанія Наталочки. Отъ и воспитали,—прибавила она шутя, а она не умѣетъ и чаю налить.

Послѣ ужина я съ ними простился, чтобы завтра съ разсвѣтомъ пуститься въ дорогу.

И дѣйствительно передъ восходомъ солнца я оставилъ хуторъ. Меня проводили за ворота стадо индѣекъ и стадо гусей; кромѣ ихъ, никто еще на хуторѣ не шевелился. Лошадки отдохнули, возница мой повеселѣлъ и, еще не садясь въ телѣгу, насвистывалъ какую-то пѣсенку.

Выѣхавши за ворота, онъ поворотилъ вправо, а мнѣ казалось, что нужно взять влѣво; но такъ какъ мы вчера ночью пріѣхали на хуторъ, то я и не могъ утвердительно сказать, которая наша дорога, а потому и разсудилъ положиться на опытность возницы, говоря самъ себѣ: онъ же меня завезъ на хуторъ, онъ и вывезетъ. Пустивъ возжи, словоохотный возница, послѣ панегирика хозяйкѣ хутора и ея дочкѣ, сталъ мнѣ описывать ея богатство.

— Оце все, що тилько окомъ скинешъ лису—все іи, а лисъ то лисъ,—дубъ, на голо дубъ, хочь бы тоби одна погана осика! Та що тутъ лисъ? А други добра, а степы, а озера, а ставы та млины, та що й казати! Сказано пани, такъ и есть... А ще я вамъ скажу...

Тутъ лошади остановились; возница, увлекшись разсказомъ, не посмотрѣвши вокругъ себя, прикрикнулъ на лошадей, лошади дернули, и задняя ось отскочила, а я вывалился съ телѣги. Тогда онъ закричалъ тпруух... скажени!.. и, посмотрѣвши вокругъ, проговорилъ:

— Отъ тоби й на... дивися... проклятый пень де ставъ, якъ разъ посередъ шляху; я ще вчора думавъ, шо мы въ цимъ діявольскимъ лиси де небудь, та зачепимось—воно такъ и сталось.

— Що жъ мы теперь будемо робить? спросилъ я.

— А Богъ ёго знае, що тутъ робить! отвѣчалъ возница и, подумавши, прибавилъ:

— Охъ, головко бидна, сокиры нема, а тобъ поваливъ дуба, отъ тоби и вись! Вернимося на хутиръ, тамъ чи не дамо якои рады.

Я обрадовался, не знаю почему, этой благой идеѣ и, разумѣется, безпрекословно изъявилъ согласіе, и пока возница укладывалъ колесо на телѣгу, я тихо пошелъ между деревьями по направленію къ хутору.

Солнце уже прорѣзывало золотыми полосками чащу лѣса, когда я подошелъ къ живой изгороди хутора. Тутъ я остановился, чтобы подумать, въ которой рукѣ я оставилъ дорогу. Въ эту минуту разлился какъ-то чудно по лѣсу прекрасный дѣвичій голосъ. У меня сердце замерло, и я, какъ окаменѣлый, стоялъ и долго не могъ вслушаться въ мелодію. Голосъ ко мнѣ близился, я уже сталъ разбирать слова пѣсни:

Ой ты, козаче, ты, зеленый барвиночку!
Хто-жъ тоби постеле въ поли билую постиленьку.

Голосъ становился слабѣе и слабѣе и наконецъ совсѣмъ замолкъ. Я, освободившись отъ обаянія лѣсной музы, пошелъ около изгороди и вскорѣ очутился на хуторѣ. Первое, что мнѣ попалося на глаза, это была выходившая изъ садовой калитки Наташа. Она мнѣ показалася настоящею богинею цвѣтовъ: вся голова въ цвѣтахъ, между волосами, вмѣсто жемчугу, бусы изъ бѣлыхъ черешень. Будь она одѣта барышней, эффектъ былъ бы не полный; но къ наряду крестьянки такъ шли эти цвѣты и черешневые бусы, что пестрѣе, гармоничнѣе и прекраснѣе и въ жизнь свою я ничего не видывалъ. Она, съ минуту постоявши, исчезла за калиткой, а на крыльцѣ показалась мать, одѣтая по вчерашнему. Увидя меня, она громко засмѣялась и проговорила:

— Что, далеко уѣхали?

Я привѣтствовалъ ее съ добрымъ утромъ и вошелъ на крылечко.

— Что, небось съ нами не скоро раздѣлаетесь? говорила она, смѣясь. Прошу покорно,—прибавила она, указывая на скамейку.

Я сѣлъ.

— Наталочко! закричала она: скажи Одарци, нехай самоваръ вынесе сюды на ганокъ! и прибавила: я съ нею такъ привыкла къ своему простому языку, что иногда и гостей забываю!

— Я самъ чрезвычайно люблю нашъ языкъ, особенно наши прекрасныя пѣсни.

Вслѣдъ за Одаркою, выносившею самоваръ, потупя голову, скромно выступала зардѣвшаяся Наташа.

— Слышишь, Наталочко, они тоже любятъ наши пѣсни! А ужъ она у меня такъ и во снѣ ихъ, кажется, поетъ и, знаете ли, ни одного романса не знаетъ. По возвращеніи изъ Полтавы пѣла бывало иногда какой-то «Черный цвѣтъ», а теперь и тотъ забыла.

Я разсѣянно слушалъ и любовался Наташей, и мнѣ почти досадно было, зачѣмъ она опять нарядилась барышней.

— Ахъ я божевильная! воскликнула вдругъ хозяйка,—а ты, Наталочко и не напомнишь. Вѣдь сегодня суббота, а мы въ субботу собирались ѣхать въ Переяславъ. Одарко!

— Чого? тихо спросила появившаяся въ дверяхъ служанка.

— Скажи Корніеви, щобъ бричку лагодивъ и кони годувавъ, а пообидавши, рушимъ въ дорогу.

— Добре, сказала Одарка и скрылась.

— Какъ же это хорошо, что я во время вспомнила. Если вы не торопитесь, то обѣдайте съ нами и будьте нашимъ кавалеромъ до города.

— Даже и въ городъ, если вамъ угодно.

До обѣда я гулялъ съ Наташей въ саду и около хутора, осматривали и критиковали ихъ уютный прекрасный хуторъ. Показывала она мнѣ въ саду и собственное хозяйство, т. е. цвѣтникъ; правда, въ немъ не было большихъ рѣдкостей, за то была чистота, какой не найдете и у голландскаго цвѣтовода. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на ея незатѣйливый цвѣтникъ.

— Я мамѣ,—говорила она самодовольно, каждое утро съ мая и до октября мѣсяца приношу букетъ цвѣтовъ. А барвинокъ у насъ зеленѣетъ до глубокой осени; а съ весны такъ онъ еще подъ снѣгомъ зеленѣть начинаетъ; я ужасно люблю барвинокъ.

— Да, барвинокъ превосходная зелень.—А имѣете ли вы плющъ?

— Нѣтъ, не имѣемъ.

— Такъ я обѣщаю вамъ нѣсколько отсадковъ.

— Благодарю васъ.

Я только вслухъ обѣщалъ ей плющъ, а втихомолку обѣщалъ много разныхъ цвѣтовъ и даже выписать цвѣточныхъ сѣмянъ изъ Риги; но, не знаю, почему, мнѣ не хотѣлось сказать ей объ этомъ.

Послѣ обѣда безъ особенныхъ сборовъ мы сѣли въ бричку, а Одарку усадили въ мою реставрированную телѣгу и пустились въ путь. Къ вечеру мы были уже въ Переяславѣ, и мнѣ большого труда стоило залучить моихъ новыхъ знакомыхъ къ себѣ на хуторъ; наконецъ они согласились. Прогостили они у насъ два дни и такъ подружились съ матерью, что разстались со слезами. Маменька была въ восторгѣ отъ своихъ друзей, и въ продолженіе этихъ двухъ дней была бы совершенно счастлива, если-бы не свѣжее воспоминаніе о покойномъ Зосѣ, которое не даетъ ей покою ни днемъ, ни ночью.

Взаимныя наши посѣщенія продолжались безъ малаго годъ и кончились тѣмъ, что я уже другой мѣсяцъ въ роли жениха и совершенно счастливъ. Пріѣзжайте, благословите мое счастіе, а чтобы не откладывать въ долгій карманъ, то соберитесь на скорую руку и пріѣзжайте вмѣстѣ съ маменькой и моимъ посаженымъ отцомъ и другомъ Степаномъ Мартыновичемъ. Пріѣзжайте, незабвенный мой, искренный друже; многое не пишу вамъ собственно потому, чтобы удивить васъ прекрасною неожиданностью. До свиданія!

Вашъ почтительный сынъ и искренній другъ С. Сокира».

Сборы въ дорогу стараго холостяка немногосложны. Ярема мой все устроилъ, а я только потрудился влѣзть въ нетычанку, и мы въ дорогѣ.

Вслѣдъ за мною пріѣхала на хуторъ и Парасковья Тарасовна съ своимъ чичероне Степаномъ Мартыновичемъ. Къ свадьбѣ было все приготовлено, и мы въ первое же воскресенье поѣхали къ заутрени, потомъ къ обѣднѣ въ церковь Покрова, а послѣ обѣдни

«скрутили», съ Божіимъ благословеніемъ, нашихъ молодыхъ и задали пиръ на всю переяславскую Палестину, словомъ пиръ такой, что Степанъ Мартыновичъ, не смотря на свои лѣта и санъ, ни даже на свой образъ, пустился танцовать «журавля».

Послѣ свадьбы я прожилъ еще недѣли двѣ въ школѣ Степана Мартыновича и былъ свидѣтелемъ полнаго счастья своихъ названныхъ дѣтей.

Парасковья Тарасовна вполнѣ раздѣляла мою радость, только иногда, глядя на юную прекрасную подругу своего Саватія, шопотомъ сквозь слезы повторяла:

— Зосю мой! Зосю мой! Сыну мой единый!

20 іюля.

ЗАПИСКИ НОВО-ОСКОЛЬСКАГО ДВОРЯНИНА И. О. ОСТРОЖСКАГО-ЛОХВИЦКАГО

(съ добавленіемъ замѣтокъ сына его Петра Ивановича).

(1771—1846 г.).

(Окончаніе) [1].

1816-й годъ наступилъ благополучно, и я, покупая для себя и людей хлѣбъ, исправлялъ винокурню по силѣ. Въ ожиданіи-же весны чаялъ скоро видѣть и постройку моей згорѣвшей мелницы, но мой племенникъ здѣлался бездѣльникъ, умышленно постройкою медлилъ, чтобы его мелницы, Лазаревская и Куцовская, болше имѣли помолщиковъ. Постройка-жъ вся ведена была не противу контракта, и вся не прочна и не чиста, за что въ мысляхъ моихъ и положилъ я его въ подрядахъ проучить, дабы въ молодости дознавши опытомъ, при старости былъ лутче. Но мысли за моремъ, а смерть за спиною, говорится присловица. Сынъ мой Александръ еще съ генваря мѣсяца страдалъ лихорадкою и простудою силно, а съ июля, съ первыхъ чиселъ, слегъ уже и въ постель и, часъ-отъ-часу изнемогая, приближался къ смерти; наконецъ 12-го числа июля сообщенъ онъ святыхъ Таинъ и особорованъ масломъ, 19-го испустилъ духъ, 1-го часа въ 45-ть минутъ по полудни, а 20-го погребенъ близъ гроба матери своей, съ правой стороны, въ каменномъ склепѣ. Господи, упокой душу его со святыми! Онъ былъ любезный мой сынъ. И такъ я зъ сего часа остался только съ однимъ сыномъ

---

[1]) См. „Кіевская Старина“ 1886 г., ноябрьск. кн., стр. 472—499.

Петромъ и четырмя дочерми: Любовью, Александрою, Екатериною и Варварою провождать сію горестную и многомятежную жизнь, пока Богъ дни мои продлитъ.

Августа 19-го числа умре и пріятелница моя, княгиня Маргарита Григорьевна, после родовъ дочери, и погребена въ деревни Ковылиной въ саду, принадлежащемъ князю Якову Михайловичу Друцкому-Соколинскому.

Въ семъ-же мѣсяцѣ имѣлъ проѣздъ чрезъ Курскъ изъ Воронежа, зъ полуденныхъ губерній, великій князь Николай Павловичъ и, пробывъ въ Курскѣ двои сутки, отправился въ Москву.

Я въ сіи дни былъ здоровъ, и чуть толко мелница моя начала дѣйствовать на одинъ камень, то племенникъ мой вздумалъ по старинному со мною пошутить, и какъ не противу контракта была мелница построена, то я платежемъ 500 р. денегъ удерживался, а онъ, приславши людей своихъ, забралъ помолной хлѣбъ и велѣлъ снять передней камень и увезти въ свою деревню Лазаревку; о чемъ когда подалъ я исправнику Мухину объявленіе о учиненномъ у меня грабежѣ, то началось слѣдствіе и выемкою грабежа онъ и мать его споличены съ людми, а грабежъ мнѣ возвращенъ, дѣло же, по уликѣ ихъ законопротивнаго поступка, пошло по своимъ инструкціямъ, какъ должно быть, и это при старости безпокойство.

Я прожилъ при мелницѣ до 20-го числа августа, а по дѣлу сынъ мой Петръ ѣздилъ въ Корочу по часту. Потомъ, пріехавши домой, началъ оправлять винокурню въ надеждѣ, что Богъ мнѣ поможетъ курить и безъ денегъ, что и збылося истинно, ибо до новаго года было вино не выходно и безъ продажи, а съ новаго года и то и другое исправилось и пошло въ ползу. И после сего и многихъ моихъ печалей наступилъ и

1817-й годъ благополучно. Генваря-жъ 19-го умре и другой мой благодѣтель, князь Яковъ Михайловичъ Друцкій-Соколинскій, ѣдучи съ Тиму, въ селѣ Остабномъ, въ домѣ священника тамошнего, скоропостижно. Его оттоль сынъ мой Петръ, тайно увезши, похоронилъ въ селѣ Прилепахъ близь гроба отца его и бабки княгини Надежды Михайловны, за олтаремъ. И такъ въ семъ роду

осталась толко полугодовая дочь его наслѣдницею. Въ мартѣ же мѣсяцѣ княгиня Анна Евдокимовна, мать его, просила меня писмомъ пріехать въ Ковылино для распоряженія оставшей економіи, и когда я туда пріехалъ, то она, пославши предводителю Раевскому прозбу, приняла на себя опекунство малолѣтней своей внуки, а меня упросила быть попечителемъ. И такъ мы съ нею, по полученному изъ опеки указу, все княжое имѣніе и приняли по описи, а по принятіи отправились въ свои домы, гдѣ бывши въ движеніи по економіи, іюня 19-го заболѣлъ я силнымъ кашлемъ съ лихорадкою и великою мокротою, зъ слабостію же желудка. Сія болѣзнь продолжалась и до Петрова дни, и мало-мало не отправился на тотъ свѣтъ. Но всемогущая десница дала и еще время для покаянія. Во времяже исправленія здоровья ѣздилъ къ мелницѣ своей, а потомъ зъближилось время годовое по умертвіи любезнаго сына моего Александра, коему въ самый день его преставленія, то есть 19-го іюля, здѣлалъ поминованіе, на которомъ какъ я послѣ болѣзни моей не могъ еще пить водки и ничего другаго хмельнаго, то попы и гости, отобѣдавши, скоро и розошлись. Слава Богу о всемъ!

Винокуреніе-же сей зимы продолжалось благополучно и выходно, почему прокуривъ до назначенного срока маия по 1-е число, винокурню и остановилъ, но вину хода никакова въ сіи мѣсяцы не было, почему и нуждался денгами силно. Весна-же наступила сухая и хлѣбу хорошу быть отняла надежду, почему и цѣна оному возвысилась до 8-ми рублей.

Въ продолженіе-жъ бывшей зимы и весны приступали ко мнѣ разныя болѣзни, а болше страдалъ болью въ животѣ, къ чему прибавилъ боли и паденіемъ съ лошади, и отъ всѣхъ сихъ избавлялъ меня Богъ попасть въ руки врачей, которыхъ духъ мой всегда терпѣть не можеть.

29-го-жъ апреля умре предобродѣтелный нашъ старикъ архіепископъ и кавалеръ Ѳеоктистъ на 96-мъ году отъ рожденія своего, коего да упокоитъ Господь съ праведными въ лонѣ Авраамли. Потомъ наступило паденіе и нашихъ привилегій, ибо состоявшимъся уставомъ и учрежденіемъ о винокуреніи велѣно живущимъ на сло-

бодскихъ земляхъ войсковымъ жителямъ курить вино на поставку въ винные магазейны казенные, а не для волной продажи. И по сему учреждены и въ Слоновки питейныя домы съ продажею казеннаго вина, цѣною по семи рублдй, чемъ и последнее пропитаніе отнято. Привилегія уничтожена, и кто не взялъ поставки, то и винокурни запечатаны, а по сему и у меня, съ протчими на ряду, винокурня 2-го октября запечатана, и я сѣлъ какъ ракъ на отмели, что-жъ впредъ послѣдуетъ, Богу себя вручаемъ. За симъ послѣдовала царская милость и велѣно указомъ, чтобъ намъ, ползовавшимся винокуреніемъ, оставить себѣ для домашнихъ обыходовъ генваря съ 1-го по десяти ведръ. Слава Богу и о семъ, и наше намъ-же и пожаловано, пока привычку возмемъ до кабацкаго сквернаго вина.

Декабря 28-го умре въ Ковылиной покойнаго князя Якова Михайловича тесть, Егоръ Ивановичь Остеръ-Гаузенъ, имѣвшій чинъ подполковника. Я, какъ надъ тѣмъ имѣніемъ попечитель, долженъ былъ туда ѣхать и его, какъ долгъ велитъ, похоронить, что 31-го числа и исполнилъ. И такъ сими произшествіями благополучно 1818-й годъ и окончился.

1819-й годъ. 2-го числа генваря, возвратясь я съ Ковылиной, нашелъ Слоновку подобную монастырю, представляющему видъ перваго понедѣлника великой четыредесятницы: кабаки открылись, вино дорого, непривычки ко онымъ жителей и отнятіе волности вселило въ людей уныние и съ нимъ принужденная возстановилась скупость, по притчинѣ дороговизны вина и сквернаго его запаха, съ обмѣрами и разными изворотами кабатчиковъ. Но продливши мѣсяцъ январь, мало-по-малу начали изъ уныния выходить и привикать къ горестямъ, съ упованіемъ, что вся строяй на ползу Богъ пошлетъ и намъ, вмѣсто винокуренія, другой способъ къ пропитанію нашему.

Сего-жъ года въ генварѣ мѣсяцѣ началъ я чувствовать въ себѣ каменную боль, которая съ теченіемъ времени и умножалась, но все еще была сносна. Что-жъ впредъ послѣдуетъ, воля да будетъ Всевышняго Создателя!

Въ маѣ-же мѣсяцѣ увидѣли мы на полуношной сторонѣ неба, въ девятомъ часу по полудни, комету, касающуюся своимъ свѣтлымъ хвостомъ и стоявшую почти чрезъ цѣлой мѣсяцъ близъ полярной звѣзды. Потомъ, во исходѣ мѣсяца июля, стала невидима, и что она значила, вѣдомо только единому Богу. Я-жъ суевѣрія объ ней, содержимаго просто-

людинами и предразсудковъ многихъ людей, знающихъ и науки, за истинныя не пріемлю. И такъ въ жизни моей видѣлъ я уже три кометы, исъ коихъ первая, предъ турецкою войною стоявшая, видима была на горизонтѣ прямо стоявшаго человѣка надъ головою его, а вторая предъ второю французскою съ нами войною, третья-же сія, видѣнная сего 1819-го года, въ мѣстѣ полярной звѣзды бывшая.

Сентября 2-го курскій преосвященный Евгеній для осмотра по епархіи своей прибылъ и въ Слоновку, предъ захожденіемъ солнца, и бывши въ церкви, по отправленіи своихъ молитвъ, отправился по пути въ слободу Пещанку, гдѣ ночевалъ, а въ городѣ Новомъ Осколѣ служилъ литургію и оттоль отправился по пути-жъ до Старого-Оскола и Тиму; потомъ 28-го освятивши въ слободѣ Халани нововыстроенную каменную церковъ, прибылъ 30-го числа паки ночью въ Слоновку. А 1-го октября, отслуживши въ слоновской церквѣ литургію, возвратился въ Бѣлгородъ чрезъ слободу Старицу, гдѣ его преосвященству подлежащая на рѣкѣ Донцѣ имѣется мелница. Господи, управи путь его! Онъ въ служеніи важенъ, но въ обхожденіи съ духовенствомъ и свѣтскими людми горячъ и много говорливъ.

Осень нынешняго года была мокрая и безъпогодная, потомъ весма морозная, безъ санной пути, даже до Николаева дни, отчего люди въ пропитаніи себя и скота имѣли великую нужду, а хлѣбу цѣна возвысилась было до десяти рублей; а потомъ, когда настала санная путь, то унизилась до шести рублей. Поставщики наши въ казну вина потерпѣли убытокъ, а меня Богъ сохранилъ, потому что я поставки не бралъ, винокуренія не производилъ и съ казною знакомства не имѣлъ, зная бывшія и потерпѣнныя мною въ прежнюю поставку великія убытки, которая была послѣдней 1788 года.

Отъ июля мѣсяца и до окончанія года былъ я здоровъ и исправлялъ малую свою економію по силѣ, безъ всякаго излишества расходовъ, дабы не прийти въ крытику ядовитаго зуба, людей грызущыхъ всякой и малѣйшей порокъ людскій. А за симъ наступилъ и 1820-й годъ, который подкрѣпилъ себя силными и лютыми морозами, начавшимися еще зъ 7-го числа ноября, имѣвшими малую перемѣну зъ силными дождями, бурями и метелми съ ковзелицею. Въ разсужденіи-же внутренныхъ моихъ и частыхъ болѣзней никогда не полагалъ я и не мыслилъ дожить сего 1820-го года, отъ рож-

денія моего числящимся семдесять первымъ. Но слава всемогущему и всесилному Богу! я въ сіе самое время пишучи 11-го числа января не толко живъ, но и всесовершенно здоровъ и малопечаленъ, что-жъ впредъ со мною ни последуетъ, Богу себя въ святый Его промыслъ вручаю.

Предъ окончаніемъ-же зимы въ последнихъ числехъ февраля и до половины марта снеги выпали великия, потомъ начались дожди и туманы, а потомъ теплыя дни съ утренниками, отчего последовала великая полая вода, подобно бывшей въ 1784-мъ годе, и поднималась отъ летняго теченія въ реке вода аршинъ на шесть, залила многія въ низменныхъ местахъ домы и винокурни, и если-бы не воспящаема была утрениками, то бы великия последовали отъ оной разоренія, подобно темъ, какия сего года были причинены отъ наводненій рекъ Дуная и Рейна, о чемъ писано было въ Ведомостяхъ Московскихъ, сего года издаваемыхъ неоднократно. Привилегіи наши не возвратились, а цена вину прибавилась еще на ведро по рублю. И такъ мы нынешней годъ покупаемъ вино полугарное по осми рублей, а пенное по 10 рублей, протчее-же по уставу, какъ корчемствы, такъ и поставки строго наблюдаемы были, но.... и корчемство кое-где возникало по обыкновенію, неудержимо бо есть сіе зло отъ начала міра.

Благословенный нашъ императоръ Александръ и нынешней годъ имелъ проездъ изъ Тамбова въ Воронежъ, а изъ Воронежа въ Курскъ, исъ Курска-же чрезъ Белгородъ въ городъ Чугуевъ, по притчинамъ, намъ неизвестнымъ; а отътоль чрезъ Могилевъ въ Варшаву, где велено или подлежитъ быти собрану сейму. Онъ путь свой продолжалъ съ поспешностію и великимъ смиреніемъ и ко всемъ своимъ верноподаннымъ съ великою милостію и щедрыми подарками.—Урожай хлебу сего года былъ посредственъ, но во многихъ местахъ градъ много опустошилъ полей, отчего и дороговизна хлебу зделалась вдругъ, ибо изъ пяти рублей начали оный продавать въ сентябре месяце уже по десяти рублей и выше, чемъ поставщики, взявшія великое число поставить въ казну вина и низкою ценою, весма опечалились. При семъ можно для памяти обявить, что огородная зелень силно была сей годъ хороша и между темъ при собраніи съ овощника моего картофеля, буряковъ, моркови и капусты, сыскалась у меня одна редка весомъ въ двад-

цать пять фунтовъ, а въ окружности мѣрою одинъ аршинъ, двѣ четверти съ вершкомъ. Величина сего рода овощи насъ удивляла, почему и поставлена была оная въ залѣ для смотрѣнія всякому на многое время.

Филиповъ постъ продолжался силными морозами, потомъ метелми и наконецъ и паки лютыми морозами. На канунѣ-же праздника Рождества Христова началась оттепель, согнало снѣгъ и здѣлалась полая силная вода, продолжавшаяся и до половины января, чемъ сей 1820-й годъ и кончился благополучно. Хлѣба цѣна была аржанаго до 10-ти рублей. Поставки слоновскія кончились и всѣмъ казеннымъ жителямъ отъ оной отказано по той притчинѣ, что взявшія великимъ количествомъ поставщики цѣну очень понизили и, въ разсужденіи дороговизны хлѣба, чуть-ли не для своихъ великихъ убытковъ, что увидимъ впослѣдствіи.

1821-й годъ начался теплымъ временемъ съ полою водою, потомъ умѣренною стужею, отъ чего было въ переѣздѣ чрезъ рѣки весма затруднително. Полая вода, после вдругъ стаявшаго остального снѣга, была силная и поднималась сверхъ прошлогодней болше четверти аршина, отъ которой мелницы много и пострадали, въ томъ числѣ и моя простояла отъ дружнаго половодья мало не двѣ недѣли. Весна вскрылась ранняя и сухая, отчего ржи весма были худы и малорослы съ мелкими колосками, а ярынныя отъ суши и вѣтровъ имѣли худыя всходы, а равно и ростъ такой-же. Тутъ начали пріѣзжать покупщики хлѣба изъ далнихъ великороссійскихъ мѣстъ и изъ подъ Москвы, которыя въ маѣ мѣсяцѣ возвысили цѣну аржаному и въ нашихъ мѣстахъ до 13-ти, а гречу до 7 р., пшено и пшеница также цѣны своей не уступали по притчинѣ неурожая, а за симъ и поставщики болшаго количества вина начали чувствовать свои убытки и здѣлались неисправными, а чорный народъ оголодѣлымъ и унылымъ. Скотъ рогатый въ разсужденіи неурожая сталъ весма дешевъ. Я, видя, что у меня сѣна было накошено толко 70 копенъ, искалъ случая купить для лошадей и еще, а проѣзжая отъ мелницы своей, увидѣвъ на логу Холковскомъ берущаго мужика сѣно, пошелъ вспросить о продажѣ оного изъ любопытства. Мужикъ на продажу склонился, и я у него купилъ два стога, за сто двадцать рублей, почему сею покупкою и убавилъ на сердцѣ моемъ много печали. Труды людей въ собираніи хлѣба совсѣмъ безъсѣменнаго были велики и безънадежны, но

нужда есть преизрядный учитель. Отъ сего неурожая проявились коровства и у меня однажды господа воры посѣтили мелницу и увезли помолщиковъ хлѣба мѣшковъ зъ семнадцать, которымъ и слѣдовъ сыскать не могли. Полевая работа кончилась, и хлѣба ни въ полѣ, ни въ гумнахъ стало не видно, а кормъ скоту такъ вздорожалъ, что за возъ соломы осенью платили по пяти и по шести рублей, а сѣпа, и то негоднаго, возъ по 11-ти и по 10-ти рублей, хлѣбъ аржаной по 13 и 14 рублей, гречаной 8 и 9-ть рублей за четверть. Скотъ рогатой, можно сказать, почти никакой цѣны не имѣлъ, потому что пара быковъ лутчихъ, стоящихъ хозяину дву сотъ рублей, платима была не болше 80-ти, а иногда и 50 руб., корова 10 или 15 рублей, и протчая, и протчая.

Сего года исторія покажетъ, какъ греки 368 лѣтъ бывши завоеваны турками, вздумали оружіемъ отыскивать своей волности и, вооружа силно флотъ, разбили турковъ на сушѣ и морѣ. Турки оныхъ безъ разбора пола и возраста убивали, а греки турокъ еще и болше не щадили. Многія-же тысячи грековъ прибѣжали подъ защиту Россіи, просили помилованія и пищи, почему, по волѣ императора, посредствомъ духовенства и собраны были отъ доброхотныхъ дателей многія тысячи и онымъ въ милостыню отданы; въ томъ числѣ и отъ меня грѣшнаго посилное подаяніе къ нимъ поступило. И симъ-же лѣтомъ пріявшій отъ султана мученическую смерть цареградскій патріархъ Григорій привезенъ на кораблѣ въ городъ Одессу, погребенъ съ подлежащею ему честію. Державы россійская и австрійская за единовѣрцовъ своихъ грековъ вступились сего-жъ лѣта силно, но войны еще не начинали, а чинили грекамъ великую помощь какъ въ подвозѣ хлѣба, такъ и аммуниціею, и симъ многія тысячи спасли отъ смерти.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ господа воры и еще посѣтили мою мелницу не сроднымъ ворамъ воровствомъ, но примѣтнымъ насилиемъ, и увезли хлѣба болѣе семи четвертей. По моему замѣчанію были сіи воры съ моихъ ближнихъ родныхъ сосѣдъ. Богъ ихъ проститъ, ибо голодомъ сами они и ихъ люди объяти были силно.

Зима къ намъ и въ декабрѣ еще не являлась и путь была грязна и скучна до безконечности, а отъ сего въ Филиповъ постъ и рыбы изъ Дону въ привозѣ не было, чемъ мы нѣсколко и голодали. Въ генварѣ мало получили мы снѣгу и на рѣкѣ лду; сего

послѣдняго едва мы поспѣшили набрать въ свои ледники, съ 15-го же февраля какъ снѣгъ, такъ и ледъ пропали совершенно, и къ 27-му февраля уже санная путь совсѣмъ пропала, а наступила слякоть и грязь съ распутицею, и по причинѣ дороговизни или совсѣмъ неимѣнія скотскаго корму скотина страдала голодомъ. Цѣна-же хлѣбу была четверть аржаного отъ 10-ти и до пятнадцати рублей; много страдали неимущія отъ голода, но Господь Богъ всѣмъ былъ промышленникъ и податель, маніемъ питая всяческая, питалъ и свое созданіе ему извѣстными судбами.

Много и въ сіе время страдали отъ турокъ греки и принимали мученическую смерть убійствомъ и распятіемъ на крестахъ. Жены и дѣвицы были поругаеми, огнемъ сожигаеми и убиваеми разными орудіи и случаеми, а по сему ихъ греческій синодъ и опредѣлилъ, по случаю великой ихъ нужды, посты сократить и разрѣшить, дѣвъ и женъ обруганныхъ и обезъчещенныхъ не почитать безъчестными, патріарха умученного Григорія и протчихъ отъ духовнаго чина почитать мучениками и во святихъ, и протчая къ сему нужная постановленія здѣланы по правиламъ и законамъ.

Наступило въ апрелѣ мѣсяцѣ время сѣять, и хотя была сей мѣсяцъ великая засуха и посѣянному ярому хлѣбу противна, но у кого были остатки сѣменъ—сѣяли, положась на Бога и его великия милости. Однако прежнихъ годовъ препорція не висѣяна, и поля остались не засѣяни въ прежнею мѣру; и голодъ умножился, мелницы остановились безъ помолщиковъ, и вода шла безъ дѣйствія мелничныхъ колесъ. Моленія въ церквяхъ хотя и были, однако разгнѣванный грѣхами нашими Богъ не внималъ онымъ и дожжа не было, а продолжались до маия морозы. Помилуй, Владыко, и не погуби созданія твоего гладомъ, ибо ты еси милосердъ, аминь!

Преосвященный нашъ Евгеній произведенъ архиепископомъ и переведенъ во Псковъ, куда марта 30-го и выѣхалъ изъ Белагорода благополучно, а на мѣсто его пріѣхалъ въ Белгородъ Владиміръ епископъ и сѣлъ на престолѣ курскомъ и бѣлоградскомъ.

Дожжи въ маѣ начались и хлѣбъ и траву мало поисправили. Но продолжавшіяся морозы и студеныя вѣтры пчеламъ много вредили и привели въ безъсилие въ низменныхъ мѣстахъ. Маия 9-го садовую овощъ всю морозомъ искоренило, яко то: яблони, вишни, теренъ и протчее все погибло; огурцы и съ ними всю протчую

огородину истребило, а хотя и прилагали стараніе насаживать другія сѣмена, но тщетно, ибо засуха и жары то искоренили. Но хлѣба озимыя и раннія ярыя подавали надежду, что отвратится голодъ, а покосъ зѣло огорчалъ, потому что трава уцѣлѣла толко отъ суши по логамъ и лугамъ, а протчее все исчезло.

Въ іюлѣ наступила ненастная погода, и хлѣба вдругъ изъ ничего, а найпаче рожъ и греча оказались весма урожайны, чемъ люди были весма обрадованы, и изъ пятнадцати рублей въ нашихъ мѣстахъ продаваемаго за четверть цѣна унизилась до пяти рублей, а равно и для скота кормъ сталъ въ умѣренной цѣнѣ. Всѣ воскликнули: слава Богу! слава Его Всемогуществу! милостивъ есть и щедръ питающый всяческая маніемъ и всемогуществомъ силы своея. Многогорестныя-же греки, страждующія подъ игомъ горестей, до сего времени имѣли удачныя съ турками битвы, но нынѣ, какъ видно изъ газетъ, начали ослабѣвать, и которыя города имъ досталось покорить, всѣ преданы огню и мечу, не взырая ни на полъ людей, ни дѣтей. Помогателямъ-же въ ихъ войскахъ, другихъ державъ людямъ, взятымъ въ полонъ, отрѣзивали носы и уши и, выколовъ глаза, отпущали во свои мѣста. О варварское злое дѣло! Какъ-же могли они безъглазыя сыскать себѣ путь? Но Богъ, въ нюже меру мѣрили грекамъ, отмѣритъ и имъ.

Нашъ імператоръ и другихъ державъ короли и протчія германскаго союза самодержавцы положили здѣлать конгресъ и съѣхались въ Германіи. Но что отъ ихъ съѣзда произойдетъ, исторія въ свое время покажетъ.

Я въ сіе время страдалъ закоснѣлою въ животѣ моемъ болѣзнію съ жолтяницею, и все тѣло мое казалось, какъ желтый воскъ; и какъ къ сей болѣзни я уже привикъ, то и лѣкарствъ никакихъ не употреблялъ, и толко имѣлъ надежду на всемогущество Божіе. Богъ-бо есть истинный врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ, а по сему, чая скоро кончины животу моему, написалъ и сію молитву:

«О всесвятый, всесилный, триипостасный и всемогущій Боже! Боже праведный и хвалный, Боже великій и крѣпкій, Боже превѣчный! Услыши грѣшнаго мужа молитву въ часъ сей, се бо уже и конецъ жизни моей приближися, сердце охладнѣваетъ къ любви дѣтей, ближнихъ и яже суть въ мірѣ. Нѣмѣютъ уста, хвалящія въ молитвахъ тебе, Всеблагаго Бога; одрахлѣваютъ и руки, кои

простирались на дѣла и дѣянія; малодвижущіи стали ноги, поспѣшавшія на молитвы церковныя; очи стали слезоточащи съ тупымъ зрѣніемъ ко чтенію божественныхъ и нравоучительныхъ книгъ. Нелюбимъ сталъ міръ и яже суть въ мірѣ. Здравіе и все тѣлосложеніе одрахлѣло, ожестѣло и многоболѣзненно стало. Зубы испадоша, обоняніе погибло; власы изъ черныхъ стали бѣлы, а все сіе не явно-ли предвѣщаетъ приближеніе смерти моей? Что-жъ убо чаю и на что надѣюся? Токмо зову: Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя и изведи исъ темницы грѣховной душу мою исповѣдатися имени твоему! Ты убо реклъ еси, Владыко, всепречистыми усты твоими, яко «всякъ слушаяй словесе моего и вѣруяй пославшему мя, на судъ не пріидетъ, а прейдетъ отъ смерти въ животъ». Вѣрно слово всяко Владыки, Создателя моего! Се-же вѣрую несумѣнно въ пославшаго тебе, чрезъ что и чаю избавленъ быти вѣчныя муки и огня геенскаго и получити одесную тебя стояніе. Благословенъ бо еси Господи Боже, препѣтый и превозносимый во вѣки! Вдохни въ мя крѣпость твоея силы, и аще что лютящъ или нехотящъ согрѣшихъ, прости и сохрани душу мою святу и представи ю твоему престолу, совѣсть имущу чисту, и буди милостивъ мнѣ! И егда разлучиши душу мою отъ тѣла, то да не узритъ душа моя мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да пріимутъ ю ангелы Твои, свѣтлыя и пресвѣтлыя, и доведутъ до славы царствія твоего небеснаго. А оставшія по мнѣ чада, родственники, рабы и вся православныя христіяни помяни и милостивъ имъ буди, презырая вся ихъ согрѣшенія и ущедряя земными благами, дондеже и тіи живы будутъ, по смерти же ихъ сподоби одесную тебя стоянія, яко благословенъ еси во вѣки, аминь».

1822-го годя, ноября 20-го дня.

Конецъ года сего былъ весма студеный; великия морозы, но безъ снѣгу, котораго мы около Рождества Христова получили мало и напали ѣздить санми. Тутъ мой прежде нареченный зять Смоленскій началъ и опять свататся за Варвару, коей, усмотря ея желаніе, велѣлъ я дать руку и съ помощію Божіею начали приготовлятся къ свадбѣ. И симъ 1822-й годъ кончили, славу Богу, благополучно.

1823-й годъ. Какъ скоро проводили празникъ Рождества Христова и дождали новаго года, то въ первое воскресенье, бывшее

7-го числа януаря, обвѣнчавъ молодыхъ, принялись гулять свадбу, которое гулянье продолжалось съ визитами, свиданьями, благодареньми и протчимъ до двадесятого. И все сіе происходило радостно, мирно и тихо, что и моему сердцу дѣлало великую въ печалехъ отраду и забытіе болѣзней. Начало-жъ и сего года было силными морозами и метелми со стужею и вѣтрами. Но цѣна хлѣбу весма унизилась и даже до четырехъ рублей за четверть аржаного, до двухъ съ полтиною грешневаго, а пшеница и пшено до десяти. Какъ обрадованъ бѣдный народъ, страдавшій прошлаго года отъ дороговизны и голода, получа такое Божіе милосердіе, давшее во всемъ изобилие и отъ войны миръ и тишину!

Декабрь и январь прололжались силно лютыя морозы, отчего и мелница моя въ подступѣ воды замерзла, а хлѣбъ собранный Петромъ моимъ по неосторожности проданъ, почему въ февралѣ и принуждены стали для людей и себя покупать. О, какъ не вкусенъ и не споръ покупной хлѣбъ! Избавъ, Боже, впредъ отъ покупки онаго и дай намъ нашъ насушный, сладкій, вкусный и приятный, яко-же подавалъ еси на всякъ день прежде.

По вскрытіи весны и полой воды почти не было, и хлѣбу явилась дешевизна такая, что въ мартѣ уже начали продавать четверть ржи въ три рубли и менше. Сего мы никогда не воображали, чтобы после такой высокой цѣны могла послѣдовать вдругъ такая низкая. Но власть Всемогущаго Бога творитъ, еже хощетъ. Весною и лѣтомъ продолжалась великая суша, и хлѣба, а найпаче гречихи, пропали совсѣмъ, отъ пчелъ также роевъ и меду не было, почему и хлѣба яроваго собрали очень мало, а по собраніи оказалось и соломы для корму скоту тожъ очень мало. Народъ приунылъ, но цѣна низкая не возвышалась.

Сего-жъ года, іюля 21-го господинъ фелдмаршалъ Флавіанъ Вилгельмичъ Сакенъ посѣтилъ меня вторично проездомъ въ Острогожскъ для осмотра собранныхъ тамо полковъ. Онъ разговаривалъ со мною весма ласково и вспомнилъ прежнее свое у меня бытіе. На другой-же день при отъѣздѣ, господинъ фелдмаршалъ, поблагодаря меня въ спални за покойной ночлегъ, когда хотѣлъ выйтить, то я просилъ у него позволенія поцѣловать его руку, но онъ сказялъ мнѣ: «на что тебѣ моя рука, я тебя и такъ поцѣлую». И поцѣловавши два раза, сказалъ: «дни наши остались коротки, и мы

более уже не увидимся. Прощай!» И зъ симъ словомъ ушелъ и, сѣвъ въ коляску, уѣхалъ. Маия съ 1-го домъ мой ассигнованъ былъ для прiѣзда генераловъ бригаднаго и корпуснаго, по той причинѣ, что въ Слоновки квартировалъ тверской драгунской полкъ и смотры частыя оному и ученья были отъ оныхъ; но, вмѣсто двухъ, были у меня прiѣзжающихъ четыре, а пятой фелдмаршалъ. Они всѣ были до меня ласковы и квартирою довольны, почему и отъѣзжали съ благодарностью. Ученье-же квартирующему полку (котораго полковникъ квартировалъ у Романа Корецкаго) производилось всякой день на лугу противу моего двора надъ Осколомъ, то на горѣ Бѣломестской, а на послѣдокъ лутчимъ мѣстомъ признана гора Осотище, гдѣ и генералной былъ смотръ, а равно слышили и видѣли всякой день музыку полковую, то предъ окнами полковничей квартиры, то, когда прiѣзжали генералы, подъ окошками моего дома; почему два мѣсяца лѣтныя и проводили мы въ веселости. А познакомясь съ офицерами и полковникомъ, имѣли всякой-же день незванныхъ и гостей. Iюля 1-го полкъ выступилъ въ походъ, и мы ученья и смотра, людей и лошадей лишились и остались по прежнему въ деревенской жизни. Зъ сего времени на правой ногѣ моей открылась великая рана и началась великая боль, отъчего и страдалъ я много, но излѣчить оной не могъ. Слава Богу о всемъ, да злопостражду и я великому Христа Спасителя нашего страданiю, о насъ грѣшныхъ страдавшему!

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ посвященъ въ нашу церковь священникъ Iоаннъ Переверзевъ на мѣсто протопопа Бершадскаго, а потомъ и дiаконъ другой. И такъ нашъ клиръ нынѣ не полонъ толко однимъ дьячкомъ и однимъ пономаремъ.—Хлѣбу цѣна не возвышалась, а еще упадала. И такъ ржаная мука и рожъ продавалась не свыше трехъ рублей, а протчей противу ржи ниже и выше, какъ нужда кому требовала.—Тутъ на берегу Оскола, близъ моего овсинника, выстроенъ манежъ для ученья будущею зимою и весною лошадей, почему одинъ эскадронъ съ лошадми и прибылъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Слоновку для квартированiя.

Сначала осени была погода сухая и началась осень морозами крѣпкими. Потомъ, съ половины ноября и до праздника Рождества Хритсова, было пять оттепелей и путь санная съ телѣжною толикое число перемѣнялись. Потомъ съ 1-го января послѣдовала на-

стоящая путь санная. Благая и злая, нищета и богатство, животъ и смерть отъ Вышняго суть; и такъ мы зъ сими перемѣнами 1823-й годъ благополучно проводили, а новаго 1824-го дождали. Слава тебѣ, Боже, о всемъ слава Теаѣ!

Начало сего года съ первыхъ чиселъ было студеное и морозы крѣпкія, но снѣга мало, и путь санная была худа, а съ 12-го числа генваря началась оттепель, и снѣгъ согнало дождемъ, отчего и полевыя рѣки прошли силною водою, а затѣмъ наступила теплота и грязь. Хлѣбу цѣна не возвышалась, а стояла въ низкой и не болѣе 2 р. 50 к. цѣнѣ за четверть. Уже проводили и февраль мѣсяцъ, а снѣгу нѣтъ; и морозы были изрядныя, но стужа умѣренная.—Великій князь Михаилъ Павловичъ обручился, но о свадбѣ еще манифеста не было.—Рыбы за непогодою и безъпутицею донской въ привозѣ почти не было, а которая и была вывезена, но тухлая и къ пищѣ непотребная. По притчинѣ-жъ дешевизни хлѣба и денги въ оборотѣ оскудѣли, и ни на какия товары ходу не было, и черной народъ крѣпко нуждался платежемъ податей, а сребру пріему въ казну не было, отчего великій промѣнъ на ассигнаціи дѣлалъ великую нужду и убитокъ. А мартъ мѣсяцъ показался къ намъ зъ силною грязью, почему и всякой путь проѣзда остановился на сушѣ и рѣкахъ. Кормъ скоту оскудѣвалъ весма и нигдѣ онаго купить было не можно, а смотря на сей въ людяхъ недостатокъ, дожидалъ я и себѣ сего-же жребія. Но внутренно имѣлъ крѣпкое на Бога упованіе и часто мыслилъ и говорилъ сіи слова: «вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаешися? Уповай на Бога, яко отъ того есть всегда спасеніе мое».

Великій князь Михаилъ Павловичъ женился, и у насъ было торжество съ тридневнымъ звономъ. Марта съ 10-го были дни весма теплыя и совсѣмъ показалась вешняя погода. Потомъ востала буря, стужа и силныя вѣтры, по продолженіи которой стали дни ненастныя и грязь испортила прежде бывшую путь. Въ ярманку нашу Благовѣщенскую продажа скоту была посредственная и маломало черный народъ сталъ имѣть въ рукахъ денги, которыя совсѣмъ почти было въ забвеніе пришли.

Нужда въ денгахъ и долгъ заставили и меня продать на срубъ изъ моего лѣса сто липовыхъ деревъ, за каждое по 3 р. 75 к.; а получа отъ покупщика, заплатилъ и часть долгу, ку-

пилъ къ мелницѣ камень и нужния къ домашнему содержанію. Позабылъ было и горесть печалей, впредъ уповая на милость Всемогущаго Бога. Но пришло желаніе сыну Петру женитца, а не сыскивалось по праву и достатку невѣсты. Вотъ и опять печаль! Сватались кой-гдѣ, но нами пренебрегали, а въ другихъ мѣстахъ и намъ не нравились невѣсты, ибо не было на то еще Божія опредѣленія и суженаго человѣка, который былъ бы помощникомъ ему и женою. И такъ положили взять терпѣніе до Божія о томъ опредѣленія. 22-го числа марта получилъ я срезъ сына Петра увѣдомлеѣіе, что дочь моя Варвара въ городѣ разрѣшилась отъ бремени и родила мнѣ внука Іоанна. И такъ, слава Богу, сталъ я уже зъ сего числа дѣдъ. Слава провидѣнію Божію, слава его всемогуществу и силѣ и волѣ всесвятой!

Въ послѣдующихъ-же мѣсяцахъ достопамятностей никакихъ не послѣдовало, кромѣ того, что по вышедшимъ нѣкоторымъ обстоятельствамъ послѣдовало было мнѣ въ казну заплатить за сына триста тридцать рублей, а не имѣя наличности, принужденъ былъ занять у смотрителя училища 200 р. Потомъ какъ дѣло длилось переворотами, то я сіи денги употребилъ на другия платежи и молчу до окончанія дѣла, мысля въ себѣ, что Богъ мнѣ во всемъ есть помошникъ и на него все мое упованіе возложено несумѣнно.

Въ первую мою въ Петербурхъ 1791-го года поѣздку, приключивъшаяся въ правой ногѣ боль въ костѣ, а потомъ въ перемѣнныхъ мѣстахъ раны, столь долгое время мучившая, въ декабрѣ мѣсяцѣ во всемъ изъцѣлилась, и я, увидя всѣ закрывшіяся раны, весма обрадовался и по силѣ моей благодарилъ всемогущаго Бога. Его всесвятая воля не соблаговолила дать исцѣленіе оной отъ многихъ лѣкарей мазьми и пластырми, со внутренными приемами капель разныхъ названій, но повелѣла исцѣлиться прикладываніемъ па корпіи свѣчнаго сала. Такъ легко и безъубыточно, и мною самымъ сіе выдуманно. Слава убо да будетъ Его величеству во вѣки вѣковъ. Дивна дѣла твои, Господи, и вся премудростію твоею твориши, елика хощеши!

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ какъ въ газетахъ, такъ и по разнымъ партикулярнымъ увѣдомленіямъ узнали мы, что въ Санктъ-Петербургѣ 7-го ноября было силное наводненіе, разорившее разныя примор-

скія строенія и селенія въ анбарахъ и рядахъ товары, потопившее множество скота, лошадей и людей, чему всему былъ очевидный свидѣтель императоръ и вся его фамилія. Сей потопъ хотя и продолжался не болѣе 3-хъ или 4-хъ часовъ, но причинилъ на многія милліоны убытка, и на сіи-то великія убытки пожертвовалъ государь для самобѣдныхъ людей одинъ милліонъ безъ возврату. Хлѣбу во весь сей годъ дешевизна прежняя и не свыше 2 р. 50 к., а по сему и ни на какия товары ходу и обороту денгамъ не было. И симъ мы сей годъ и кончили, а приняли наступившей съ хвалою Бога.

1825-й годъ начался лютыми морозами и снѣжными метелми; тутъ открылась и санная путь, продолжавшаяся по 15-е число марта. А между тѣмъ видѣли мы въ газетахъ наченшееся потерпѣвшимъ отъ наводненія подаяніе, излившееся на оныхъ, яко тогдашняя вода, тысячами и составившее милліоны, и не толко отъ міряпъ всякого званія, но, что удивително, и духовнаго званія и монашествующія, собравъ имъ чинимое подаяніе, отдавали тоже тысячами.

Симъ окончилось повѣствованіе о жизни и всѣхъ нещастіяхъ родителя моего, бывшаго губернскаго секретаря, новооскольскаго и короченскаго помѣщика, Ивана Осиповича Острожскаго. Съ марта почти мѣсяца началъ онъ страдать болѣзнію каменною, а потомъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ первыхъ числахъ, бывши со мной при мелницѣ, въ короченскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Ивицѣ, силно, отъ сырой тогда погоды и сильныхъ холодныхъ вѣтровъ, простудился и, предчувствуя свою близкую кончину, сперва меня о семъ предъупредилъ и дѣлалъ наставленіе о хозяйствѣ и нужныхъ вскорѣ работахъ для усовершенствованія мелницы, а потомъ, отпустя меня домой, самъ еще дня на два остался тамъ-же и, простясь съ бывшими при мелницѣ и по дорогѣ ему бывшими знакомыми, пріѣхалъ въ домъ 8-го сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы вечеромъ, въ сильной дождь и холодъ, занемогъ и никуда уже не выѣзжалъ изъ дому, но еще хаживалъ въ лѣсъ, а иногда и къ винокуренному мѣсту, такъ-же на рѣку Осколъ, но весма слабымъ. Съ 6-го-жъ октября совершенно слегъ въ постель и не виходилъ изъ горницы, въ каковой болѣзни октября 10 пріобщился святыхъ

Таинъ въ литургіи, служившейся, по прозбѣ ево, въ придѣлѣ Василія Великаго и всю тую выслушалъ, сначала поддерживаемъ будучи мало. Потомъ какъ еще труднѣй ему здѣлалось, то въ концѣ октября, послѣ заутрени въ воскресный день, въ домѣ своемъ особорованъ масломъ и вновь приобщенъ святыхъ Таинъ. Послѣ литургіи перешелъ изъ кабинета своего въ спальню и изъ оной уже ни для какихъ нуждъ не выходилъ до 23-го числа октября, а сего числа, въ началѣ 4-го часа пополудни, позвавши меня къ себѣ, спросилъ сими словами: «скажи ради Бога, Петро, дома я или нѣтъ». И когда я сказалъ, что дома и въ Слоновкѣ, то онъ на сіе сказалъ: «давай-же Петро умирать»! Сіи были послѣдніе слова и чрезъ полчаса умре спокойно, жывши на семъ многобѣдственномъ свѣтѣ отъ рожденія своего семъдесятъ пять лѣтъ и пять мѣсяцевъ безъ двухъ дней. А погребенъ 25-го октября близъ церкви, противъ алтарнаго придѣльнаго окна, съ правой стороны церкви устроеннаго во имя святителя Христова Василія Великаго, отъ стѣны придѣльной къ низу на 6 аршинъ отступя. По лѣвую-же его руку, но немного еще ниже его могилы, погребены братъ Александръ и мать моя Пелагея Лаврентьевна, о чемъ было имъ записано выше сего. Дай, Боже, ему получить царствіе небесное и вѣчный покой за всѣ, имъ вытерпѣнные нещастія и добродѣтели, за вѣру въ Бога и за любовь къ ближнимъ!

Теперь приступаю къ произшествіямъ, случившимся въ семъ году въ государствѣ россійскомъ. 1) Государь императоръ Александръ Павловичъ, бывши, по случаю болѣзни супруги его, императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ Таганрогѣ, 19-го ноября, до полудня въ 10-ть часовъ и 50-тъ минутъ, отъ простуды и желтой горячки, продолжавшейся 10-ть только дней, умре. 2) Когда о немъ дошло свѣденіе въ Санктъ-Петербургъ, то сенатъ, синодъ, государственный совѣтъ и всѣ полки гвардіи и фамилія императорская принесли на вѣрность присягу цесаревичу великому князю Константину Павловичу; но какъ сей государь еще въ 1823-мъ году здѣлалъ отъреченіе отъ престола, почему и были хранимы нужные о семъ документы въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ сенатѣ, въ синодѣ и государственномъ совѣтѣ, а сверхъ того и по вновь здѣланному имъ отреченію отъ престола, присягнули уже всѣ векому князю нынѣшнему императору Николаю Павловичу. 3) При

приводѣ къ присягѣ сему императору здѣлался въ Санктпетербургѣ разнаго званія отъ несмысленныхъ людей бунтъ, который хотя вскорѣ и прекращенъ, но нѣсколько генераловъ и прочихъ погибло при семъ. Для сего я за нужное нашелъ сюда внести изъ газетъ, мною получаемыхъ за сей 1825-й годъ, нужные о всѣхъ сихъ переворотахъ и смятеніи, прописанные въ нихъ документы для памяти своей и предъ-будущимъ родамъ, кому сія книга достанется по мнѣ.

Хлѣбъ въ семъ году въ Слоновкѣ былъ ржи четверть 2 р. 50 и 25 к.; овесъ отъ рубля двадцати до восмидесяти копѣекъ, греча въ два рубли, что хотя для продоволствія народу и было хорошо, но подати и протчее ввели въ уныніе и бѣдность; къ тому-жъ до первыхъ чиселъ декабря вся осень была дождливая весма и даже корму скотинѣ не доставало и кормили снопами, не молотя. Въ декабрѣ-жъ сначала здѣлались сильные морозы, но безъ снѣгу до 23-го декабря, отъ чего пути, также, какъ и отъ дождей, не было и никто имѣвшійся у себя хлѣбъ никуда не вывозилъ для продажи. Съ 23-го такъже здѣлались метели и продолжались ровно недѣлю, а потомъ уже началась хорошая санная путь, но вода въ рѣкахъ и колодезяхъ такъ упала, что многіе мелницы, особливо округъ Корочи находящіяся, стояли и всю зиму были безъ дѣйствія, а почему и моя мелница никакого дохода мнѣ въ первую зиму моего хозяйства не дала. Но я, уповая на Всемогущаго Бога, при постройкѣ въ домѣ, въ семъ году случившейся, надѣюсь, что воля Всевышняго меня подкрѣпитъ и впредъ не оставитъ своею милостію, а возвратитъ все съ лихвою, о чемъ ежедневно и прошу его святую волю.

(За симъ слѣдуютъ относящіеся къ перемѣнѣ царствованія и произшедшему при семъ бунту документы, которые, какъ извѣстные, опускаются).

Послѣ произшествія 14-го сего мѣсяца спокойствіе возстановлено въ Санкт-Петербургѣ съ такою-же скоростію, какъ и прочностію. Ничто уже не нарушаетъ онаго и столица восприняла прежній видъ. Въ ней не видно ни малѣйшаго безпокойства, ни малѣйшаго движенія. Вездѣ, гдѣ только монархъ является, войска и народъ встрѣчаютъ его величество съ живѣйшимъ восторгомъ и радостными восклицаніями. Таковыми произшествіями окончился 1825-й годъ. Въ началѣ-же 1826-го года были еще въ полкахъ

возмущеніи, но всѣ онѣ, хотя и съ погибелью многихъ военныхъ, уничтожены и прекращены. Виновныхъ же вездѣ отыскивали и въ нарочно учрежденную по сему случаю въ Петербургѣ коммиссію доставляли, гдѣ безъ сумнѣнія получатъ по дѣламъ своимъ должное. Я же, оканчивая сію книгу послѣ смерти батюшки и по прошествіи года, подписуюсь: 12-го класса Петръ Острожскій.

Прибавленія о достопамятныхъ произшествіяхъ.

Въ 1827-мъ году послѣ почти двухълѣтней войны съ Персіею заключенъ миръ, по которому уступлена къ Россіи армянская область и за издержки Персія заплатила золотомъ.

Въ 1828-мъ началась, а въ 1829-мъ году, въ мѣсяцѣ сентябрѣ, окончилась война съ Турціею, и наши войска, покоря многіе города, были у самыхъ вратъ константинопольскихъ; по заключенному же миру присоединено къ Россіи (смотри ниже сего).

Въ 1828-мъ году октября 24-го умре императрица Марія Өеодоровна, мать нынѣ здравствующаго императора Николая I-го.

Въ 1829-мъ году въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ усердіемъ доброхотствующихъ и благолѣпіе святыхъ церквей любящихъ слоновскихъ жителей расписаны въ Слоновкѣ всѣ три олтаря изображеніями разныхъ святыхъ. Въ семъ-же году сентября 2-го числа по заключенному Россіею съ турками во второстепенномъ ихъ столичномъ городѣ Адріанополѣ мирному трактату приобрела Россія отъ нихъ крѣпости: Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Ацхуръ и Ахалкалакъ и вознаграждены убытки отъ войны полученные взятымъ съ нихъ немалымъ количествомъ денегъ. Также политическое существованіе Греціи признано Портою безусловно, за что главнокомандующіе въ сію войну графъ Дибичь-Забалканскій и графъ-же Паскевичь-Эриванскій награждены чинами генералъ-федмаршаловъ.

Въ 1830-мъ году маія 8-го по полудни въ 7-мъ часовъ была принесена въ Слоновку курская икона чудотворная Божіей Матери, которая слѣдовала чрезъ Обоянъ, Корочу, Яблоновъ, Михайловку и Бѣломестское; встрѣчали ее за слободою въ полуверстѣ причтъ церковный, съ крестами и иконами, и принесши поставили въ церквѣ и начали всенощную. Потомъ какъ всю ночь, такъ и 9-е число весь день была носима по домамъ для служенія молебней, а 10-го числа по утру отправилась въ Новой-Осколъ и далѣе по здѣшнему

уѣзду и старо-оскольскому, которая икона со дня явленія ея въ здѣшнихъ мѣстахъ никогда не бывала Въ семъ-же 1830-мъ году съ сентября мѣсяца до окончанія проявилась въ Россійской имперіи болѣзнь въ людяхъ, именуемая *холера*, отъ которой во многихъ губерніяхъ умре множество людей, а въ иныхъ мѣстахъ ее вовсе не было, но были отъ чиновниковъ карантинныхъ большіе людямъ притѣсненія: не выпускали изъ селеній и городовъ природныхъ жителей, иностраннымъ былъ запрещенъ въѣздъ во всѣ мѣста, кромѣ тѣхъ, кои выдерживали карантинъ 14 дней. Многихъ лекаря въ карантинахъ нарочно морили, отчего были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бунты народные противъ правительства и оные усмирялись военными съ гибелью народа. По наступленіи-же зимнихъ крѣпкихъ морозовъ всѣ карантины сняты, и гдѣ открылись злоупотребленіи, тамъ многіе чиновники и священники, помогавшіе имъ въ томъ, пострадали по дѣламъ своимъ достойно. Въ концѣ-же сего года отложилось Польское Царство, изъ чего вышла между Россіею и Польшею страшная война и частые стали наборы рекрутъ. Въ семъ-же году по харковскому тракту отъ Слоновки до границы харковской поставлены версты.

Въ 1831-мъ году умре цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ, бывши въ губернскомъ городѣ Витебскѣ, отъ холеры, которая болѣзнь еще въ семъ году страшно продолжается не только во всей Россіи, Польшѣ, но даже въ Австріи, Венгріи и по Германіи, отъ коей въ одномъ Петербургѣ умерли до 10 тысячь человѣкъ.

Хлѣбу цѣна со дня смерти батюшки, то есть, отъ 1825-го года и до конца 1830-го года, была аржаному не свыше 3 р. 50 к., а гречаному по 4 р. и ниже, но осенью 1831-го года возвысилась до 10 рублей и всю зиму продолжалась такъ и выше 12 р., а гречиха 6 р. и 8 р., весною-же или уже по уборкѣ въ 1831-мъ году опять унизилась до 5 р. Въ семъ-же 1831-мъ году тоже отъ холеры умре фелтмаршалъ Иванъ Ивановичъ Дибичъ, а при концѣ года умре въ Царскомъ селѣ цесаревича Константина Павловича вторая супруга, княгиня Ловичъ, бывшая изъ польской націи. И въ семъ-же году взята войсками нашими Варшава. Начальствовалъ войсками фелтмаршалъ Паскевичъ, коему данъ за сіе титулъ князя варшавскаго. И вскорѣ прекратилась съ Польшею война, которая

по прежнему осталась за Россіею; шляхта польская положена въ подушный окладъ и многіе за возстаніе противъ Россіи сосланы въ Сибирь, разстрѣлены и протчее. У государя-же нашего въ семъ году родился сынъ князь Николай Николаичъ, а первый Александръ Николаичъ пожалованъ цесаревичемъ.

Въ 1832-мъ году въ Россіи никакихъ достопримѣчательныхъ случаевъ не послѣдовало, кромѣ того, что императоръ, проѣзжая въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ полуденные губерніи, былъ въ Белгородѣ, Старомъ Осколѣ и Воронежѣ, въ которомъ въ семъ году августа въ 6-й день торжественно открыты мощи угодника Христова Митрофана, перваго епископа воронежскаго, которые были за 128-мъ лѣтъ предъ симъ погребены въ тамошнемъ Благовѣщенскомъ соборѣ въ присудствіи государя царя Петра Перваго.

По возвратѣ-же государя изъ путешествія Богъ даровалъ ему сына Михаила. Въ семъ-же году въ Слоновкѣ церкву и колокольню вновь начали щекотурить и окончили все сіе 1833 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ. Хлѣбъ продавался въ семъ году 6, 7, 8 и 9 рублей. Зима была крѣпко холодная и малоснѣжная.

Въ 1833-мъ году, по прозбѣ турецкаго султана, императоръ Николай Павловичъ послалъ въ маѣ мѣсяцѣ свои войска въ помощь туркамъ противъ взбунтовавшагось египетскаго паши. И наши войска, бывшіе на корабляхъ, изъ Одесса благополучно прибыли въ Цареградъ, сухопутные шли туда-же чрезъ Валахію и Молдавію. Хлѣбъ въ семъ году еще въ концѣ мая началъ дорожать и въ половинѣ іюля продавали уже въ 15 рублей; въ здѣшнихъ мѣстахъ дожжей въ маѣ мѣсяцѣ мало, а въ іюнѣ совсѣмъ ничего не было. Войска, бывшіе въ Цареградѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ и паки возвратились въ отечество наше, потому что султанъ съ египетскимъ пашею помирился весьма постыдно, здѣлавъ тому пашѣ большое награжденіе разными землями, а сыну его также далъ въ удѣлъ особый земли обширные. Хлѣбъ выще и выще подымался цѣною, а болѣзнь, именуемая холера, паки возвратилась къ намъ и начала душить народъ, отчего и въ Слоновкѣ ежедневно съ конца іюня мѣсяца есть умирающіе по немалому количеству душъ. Государь императоръ въ семъ-же году ѣздилъ на австрійскую границу чрезъ Пруссію для свиданія съ императоромъ австрійскимъ и съ королемъ прусскимъ. Былъ въ близи Варшавы, но въ нее не поѣхалъ,

хотя и просили ево поляки, но онъ отказалъ имъ въ посѣщеніи до исправленія ихъ буйности и отмѣнной заслуги. Въ семъ же году переведенъ епископъ нашъ Иліодоръ изъ Бѣлгорода на всегдашнее жительство въ Курскъ, монастырь же курскій переведенъ въ Бѣлгородъ въ соборъ и наименованъ оный Святодуховъ монастырь 2-го класса, а изъ монастыря курскаго знаменскаго здѣланъ тамошній соборъ и архіерейское пребываніе. Хлѣбъ къ концу года еще подорожалъ больше. Рожь платилась 25 р. и 26, гречиха 15 р. и 17; ячмень 16 и 17 р., просо 18 р., пшено 24 р., овесъ 10 и 11 р., соломы возъ 2 и 3 р., сѣно по 5 р., отчего многіе изъ малороссійскихъ губерній прибыли къ намъ для закупки онаго, ибо въ ихъ мѣстахъ ничего вовсе не родилось, и нищихъ столько оттоль было, что въ день повсемѣстно десятками были у окошекъ для подаянія. Я-же въ семъ году построилъ себѣ вѣтренную, близъ короченской моей мельницы, еще мельницу, о двухъ поставахъ мукомольныхъ, съ тремя просяными толчеями, которая мнѣ, кромѣ дерева, харчей и трудовъ, стояла 700 р. наличными деньгами, которыя я получая отъ проданнаго мною хлѣба въ семъ году, также жену, дѣтей и себя окопировалъ порядочно на многіе лѣта. Слава Богу о всемъ!

1834-й годъ начался крѣпкими морозами и постоянною погодою, а февраль былъ теплой и вода шла въ низменныхъ мѣстахъ и по селамъ. Хлѣбъ не убавлялся изъ цѣны прошлогодней, а все еще дорожалъ, и требующіе многіе изъ нижнихъ мѣстъ за нимъ по зимнему пути были. Весна, лѣто и осень сухи были и у насъ, хотя мы избавились странныхъ и попрошаевъ, но по засухѣ хлѣбъ избавился только къ осени до 18 р. Гречиха, проса, ячмень вовсе пропали, овесъ былъ посредственный, а коноплей и сѣменъ совсѣмъ мало, даже половины противу прошлогодняго не родилось. Но въ Малороссіи и на Дону, также въ Крыму, былъ всему урожай и дешевизна на все. Войны въ сей годъ, кромѣ Гишпаніи, не было во всей Европѣ, но въ Россіи страшные пожары, опустошили вовсе Тулу, ея фабрики и заводъ оружейный. Москва также раза 4 горѣла. Въ Царыцинѣ, Екатеринодарѣ и во многихъ другихъ городахъ были страшные пожары и во многихъ селеніяхъ было тоже. Сего-жъ года сентября 30 переѣхалъ я изъ Слоновки на жительство къ мельницѣ своей близь Терноваго, состоящей на рѣчькѣ Ивицѣ.

1835-й годъ былъ сухой и холодный и неурожайный. Войны тоже не было. Хлѣбъ былъ до осени въ 15 р. При сильномъ-же и строгомъ взысканіи недоимки и подушныхъ податей понизился съ осени до 5 р., а пшено въ 14 и ниже; гречиха тоже, овесъ 10 р.

Государь императоръ проѣзжалъ по Россіи и былъ въ Курскѣ. Я-же сей годъ понесъ страшные убытки во всемъ, и мельница всю зиму отъ сильныхъ морозовъ простояла. Въ семъ-же году умре въ Слоновкѣ Антонъ Ивановичъ Корецкой 26 декабря, погребенъ на общественномъ кладбищѣ 28 числа.

1836-й годъ начался весьма крѣпкими морозами съ большими снѣгами, которые продолжались до половины февраля, а послѣ онаго вдругъ здѣлалась оттепель; снѣгъ весь въ скоромъ времени сошелъ и земля отъ него очистилась, почему многіе и ждали ранней весны, но вышло напротивъ, ибо морозы до половины мая продолжались, и была весна сія весьма холодная. Съ половины-же мая дожди пошли частые и стало потеплѣй, но не весьма. Хлѣбъ же въ поляхъ хорошъ былъ ростомъ и травы тоже; лѣто и осень погожые съ дождями умѣренными. Во многихъ мѣстахъ Россіи и по Европѣ были бури и сильные грады; войны, кромѣ въ Испаніи между-усобной и въ Португаліи, не было. Хлѣбъ подъ конецъ года по 3 р. ржи, пшеница 10 и 11-ти, гречиха и ячмень по 2 р. продавались.

Въ семъ году, при записаніи моихъ примѣчаній, замѣтилъ я, что многое упущеніе послѣдовало: во первыхъ то, что я прошлаго 1826-го года, февраля 14-го дня, въ воскресеніе, на всеѣдной недѣли, женился, новооскольскаго уѣзда, деревни Цепляевой помѣщицы, вдовы маіорши Варвары Ивановой дочери Ребалиной на дочери дѣвицѣ Марьи Богдановнѣ, съ которою проживя годъ и девять мѣсяцовъ, именно 1827-го года ноября 30-го родилъ сына Андрея, который, проживя годъ и 4 мѣсяца отъ рожденія, умре отъ кори 3-го апрѣля 1829-го года. А сего-жъ года маия 5-го родился вторый у меня сынъ, Николай. 1831-го года умре моя сестра Екатерина 25-го генваря и погребена близъ гроба родителя моего, а 27-го того-же генваря родилась у меня дочь Пелагея. 1832-года марта 16-го родился третій сынъ у меня Константинъ. 1833-го года 27-го сентября родилась вторая дочь у меня Александра. 1835-го года марта 14-го дня по переселеніи моемъ на жытельство

изъ Слоновки къ мельницѣ, въ короченскій уѣздъ въ село Терновое, въ прошломъ 1834-мъ году въ маѣ мѣсяцѣ, подъ самое Вознесеніе и по выстройкѣ здѣсь дома, родились у меня двѣ дочери, Наталья и Варвара, которые вскорѣ обѣ умерли, а 1836-го года маія 7-го еще родилась дочь Клавдія, умре-же она 1837-го года сентября 4-го; а 1840 года февраля 20-го родились у меня еще два сына близнецы, Іоаннъ и Левъ. 1841-года декабря 26-го еще родился у меня сынъ Іосифъ, крещенъ-же декабря 18-го дня.

1837-й годъ начался сильными морозами, глубокими снѣгами и метельми, и во всю зиму дороги были несносные отъ глубокихъ и частыхъ ухабовъ; съ трудомъ едва можно было ѣздить какъ большими, такъ и проселочными дорогами съ мукою лошадей и себя. И я сію зиму имѣлъ частые выѣзды по дѣламъ имѣнія, въ опеку мнѣ въ короченскомъ уѣздѣ въ сельцахъ Никольскомъ, Александровкѣ и хуторѣ Паньковѣ отданнаго, куда часто ѣздивъ, такъ-же былъ въ Белгородѣ и Курскѣ: были также и наводненія особливо еще до Рождества Христова. Весна-же началась вѣтрами, сильными холодами и сухостію и продолжалась таковая до маія мѣсяца, но хлѣбъ еще стоялъ въ осенней цѣнѣ, какъ выше обозначено мною въ прошломъ году. И съ начала сего-же года началъ я употреблять для чтенія и писанія очки, особливо по вечерамъ не могъ уже ничего простыми глазами читать и писать, да и началъ чувствовать уже себя не въ прежнемъ здоровьи. Сильные обмороки и разслабленіе членовъ чувствовалъ, отъ которыхъ, случалось, и по недѣлѣ леживалъ въ постелѣ, что и продолжалось весь сей годъ со мной, а къ тому-жъ еще претерпѣлъ предъ концемъ сего года многія неудовольствія по опекунскому имѣнію отъ господъ наслѣдниковъ, изъ коихъ одинъ старшій сынъ Петръ за многіе ему мои здѣланные пособія заплатилъ зломъ, лиша меня своей собственности на (*пробѣлъ*) рублей. Но я, всю возложа на Всемогущаго Бога свою надежду, рѣшился раздѣлаться со всѣми долгами, дѣлами, должностями, не ища ни честей, ни прибыли, и употребилъ слѣдующее: во первыхъ, вразсужденіи опеки принялъ терпѣніе и на всѣ наслѣдниковъ Старова притязанія молчалъ и старался съ ними примириться, а во вторыхъ, вразсужденіи исправленія своего состоянія и уплаты долговъ, сталъ замышлять о перестройкѣ мель-

ницы по новому манеру, въ чемъ съ помощію Божіею и успѣлъ, хотя не скоро, о чемъ будетъ говорено при окончаніи работъ.

Въ семъ же году умре сентября 4-го дня любимая моя дочь Клавдія безъ бытности моей въ домѣ; былъ я въ Белгородѣ и сей-же день предъ вечеромъ пріѣхалъ и засталъ ее уже на столѣ лежащую мертвую, а на другой день, то есть послѣ литургіи, погребли ее близь церкви въ оградѣ, въ ногахъ первыхъ двухъ моихъ дочерей, Натальи и Варвары. Предъ концемъ сего года хлѣбъ аржаной возвисился до 5 р. за четвергь, а протчій въ той же, что и весною, былъ цѣнѣ, и я въ одномъ положеніи здоровья слабаго былъ, но въ опеку еще не ѣздилъ.—Въ декабрѣ згорѣлъ зимній дворецъ въ Петербургѣ, весь безъ остатку.

1838-й годъ начался частыми снѣгами и лютыми морозами, весьма сильными и жестокими вѣтрами; при концѣ-же оной дожди частые. И все лѣто оные же были, даже во время уборки сѣна мѣшали оное собирать, и оставалось до августа послѣднихъ чиселъ не кошеное; а кто скосилъ въ іюлѣ на лугахъ,—попрѣло въ копнахъ, и ранняя уборка ржи въ копнахъ поросла. А въ генварѣ мѣсяцѣ, съ 10 подъ 11 ночью, было чувствуемо почти во всей Россіи, особенно-же въ южныхъ губерніяхъ до Москвы, землетрясеніе. И въ нашихъ мѣстахъ было, но я, хотя еще въ сіе время не спалъ, а сидѣлъ и писалъ книги отчетные черновые, но не чувствовалъ онаго, въ Корочѣ-же во многихъ мѣстахъ было чувствуемо. Хлѣбъ по веснѣ, во время бывшихъ вѣтровъ и дождей до самой уборки, былъ аржаной отъ 5 до 6 р. 50 к., а протчій тоже немного подорожалъ. Государь Императоръ съ совсею фамиліею въ маіѣ мѣсяцѣ выѣзжалъ въ Пруссію и былъ въ Швеціи, а чрезъ мѣсяцъ возвратился въ столицу. Весною были въ Европѣ частые пожары, подобные прошлогоднему, у насъ въ Петербургѣ случившемуся, такъ же и въ protчихъ мѣстахъ: дворцы, биржи, фабрики и большія заведенія на несмѣтную въ оныхъ мѣстахъ погорѣли сумму. Въ окончаніи сего года, именно 12-го ноября, я отправился съ людьми своими въ Курскъ, гдѣ своего родоваго человѣка, 18-го числа того-же ноября, Петра Тимофѣева, отдалъ въ зачетъ въ рекруты за многіе ево воровства, грубость и лѣнь и изъ казны по долгомъ стараніи получилъ за него деньги. А въ концѣ декабря на почтовыхъ пріѣзжалъ изъ Курска и взялъ зъ собою жену въ Курскъ, гдѣ уже 1839-го года генваря

16-го отдали мы и ее приданаго человѣка Григорія Гуськова тоже въ рекруты, и за сего жена получила деньги отъ курскаго емщика Ивана, который ево у насъ купилъ и отдалъ своимъ кошелкомъ, а мы 22-го генваря возвратились уже въ домъ.—Сей-же годъ, въ Петровку, я срубилъ въ Слоновкѣ изъ своего лѣса для мельницы анбаръ, 11 арш. въ длину и 11 арш. въ ширину, и какъ пріѣхали изъ Курска, нанялъ терновскихъ однодворцевъ и ево съ досками и деревомъ за 100 р. и перевезли сюда, и началъ становить ево на мѣстѣ; до отдѣлки сего новаго старый все еще существовалъ и на одно колесо мололъ.

1839-й годъ начался крѣпкими морозами, великими снѣгами и Пасха Христова, бывшая марта 26-го числа, со всѣми святками стояла въ крѣпкихъ морозахъ и приятныхъ тихихъ дняхъ; потомъ до половины маія были сильные холодные вѣтры, въ концѣ-же маія немного дожжей, а съ іюня до сентября засуха, и бури поламали вѣтренные мельницы, домы, анбары, лѣса и протчее, и мой вѣтрякъ верхъ и махи сломило. Хлѣбъ въ августѣ началъ продаватся отъ засухи отъ 12 до 16 р., гречиха по 15 р., пшеница 22 р., овесъ 6 р., а посѣву осѣнняго до сентября вовсе ничего не было, а потомъ хотя и начали сѣять, но весьма немногіе, и земля у меня осталась въ Слоновкѣ и въ Терновомъ не сѣяна, и никто не взялъ ее; а къ тому-жъ подъ 28-е число октября, въ самую полночь, отъ внезапнаго случая загорѣлась у меня баня, отъ которой весь згорѣлъ у меня домъ и вновь выстроенная мною мельница со всею принадлежностью и имуществомъ: лошадьми, скотомъ, птицею, платьемъ, мебелью, разною посудою, екипажами, сребромъ, образами святыхъ угодниковъ и картинами зъ зеркалами, а всего вообще по худому щету згорѣло у меня на десять тысячъ рублей. Слава Богу за все! Господь далъ, Онъ-же и наказалъ, дабы исправился. Къ щастію, когда уже домъ и все строеніе было въ пламени, на сей часъ жена моя проснулась и меня разбудила, и я успѣлъ дѣтей и себя спасти въ противоположные двери, а если-бы одна минута еще помедлила, то мы всѣ объяты-бы были пламенемъ и тогда-бы не было никакой надежды къ спасенію. Отъ сего-то случая я всю уже зиму питался родственниковъ жениныхъ и моимъ провіантомъ, жилъ на квартирѣ и несъ прискорбную жизнь, а дѣтей еще до зимы роздалъ тоже по родственникамъ, дабы смотря на нихъ и

имѣя при себѣ, болѣе не сокрушатся. Сего-же года въ генварѣ умре моя, тетка Авдотья Лаврентьевна Граженская.

1840-й годъ, послѣ выпавшихъ въ декабрѣ прошлаго года болшихъ снѣговъ и двухъ ужасныхъ метелей, продолжавшихся отъ 3-хъ до 4-хъ дней, начался теплѣй, были дожжики въ генварѣ и небольшой снѣгъ перепадалъ при умѣренныхъ морозахъ, а хлѣбъ всякій часъ отъ часу дорожалъ въ нашихъ мѣстахъ. При концѣ года совершенный въ нашихъ мѣстахъ и далѣе, особенно въ орловской, московской и около лежащихъ губерніяхъ умножился голодъ; кромѣ ячменю и овса, въ пищу другаго хлѣба не было. Рожь продавалась до 25 р., также и пшеница, изъ Украйны, навезенная продавалась; гречиха 18 р., овесъ отъ 4 до 6 р., ячмень до 12 р., просо въ 16 и 18 р. Въ ноябрѣ весь мѣсяцъ сильные проливные дожди были. Зима жестокая и малоснѣжная до половины, а потомъ метели, особенно въ великій постъ дни по 2 и по 3 нельзя было не только выѣхать, но даже и выходить изъ дому. Мельница моя худо за морозами молола, хотя я имѣлъ, слава Богу, отъ нея пропитаніе; но я еще зиму до поста былъ на квартирѣ, а потомъ переселился въ хату близъ мельницы, оставшуюсь отъ пожара цѣлою.

1841-й годъ начался метелями ужасными съ морозами крѣпкими. Лѣто и весна сухіе, но въ другихъ мѣстахъ, близъ насъ лежащихъ, и по Украйнѣ дожди шли сильные съ градомъ и съ громами, и у насъ было весною три раза наводненіе, и отъ одного, іюня 12-го числа, бывши изъ Слоновки въ дорогѣ, едва я не лишился жизни, настигшею меня на Бесарабовскомъ яру водою. Хлѣбъ сдѣлался было съ іюля дешевле, но вскорѣ отъ засухи пропали ячмень, гречиха, просо и овесъ, то и начала рожь повышатся въ цѣнѣ.—16-го апреля сего года сочетался бракомъ наслѣдникъ императора, цесаревичъ Александръ Николаевичъ, съ герцога Гессенъ-Дармштатскаго дочерью, во святомъ крещеніи наименованною Маріею Александровною, а въ своемъ семействѣ ея имя было: Максиміліана-Вилгелмина-Августа-Софія-Марія; родилась 1824-го года 8-го августа. Въ сей-же день послѣдовалъ милостивый манифестъ и постановленіе о воинахъ съ нижнихъ чиновъ, которымъ положена имъ пенсія и водвореніе съ отводомъ земли и лѣсовъ. Въ сентябрѣ проѣхали чрезъ Курскъ на Чугуевъ *(кто, не означено)*.

Въ сентябрѣ началъ я жыть съ семействомъ въ новомъ домикѣ, построенномъ мною въ сіе лѣто, со многими препятствіями, на берегу рѣки Ивицы, гдѣ стояла прежде моя вѣтренная мельница. Сперва жилъ въ одной комнатѣ, а въ октябрѣ перегородилъ ее и ошелѣвавъ, здѣлалъ три съ одной, довольно просторныхъ и покойныхъ по моему семейству и теплыхъ.—Въ семъ-же году декабря 26-го до свѣта за два часа родился у меня 6-й сынъ Іосифъ. Именины его, сего-же числа, а крещенъ онъ былъ 28-го числа въ воскресенье. Кумомъ былъ корочанскій помѣщикъ, порутчикъ, Василій Матвѣичъ Самойловъ, а кумою свояченя Любовь Богдановна Курчанинова.—Хлѣбъ аржаной при концѣ года упалъ въ цѣнѣ до 8 р., а протчіе хлѣба какъ отъ засухи пропали, то и въ продажѣ почти не было.

1842-й годъ начался крѣпкими морозами безъ снѣгу и тихою погодою, отчего и мельница моя за морозами худо дѣйствовала до половодной поры, а послѣ сего, по случаю упадка цѣны до 4-хъ рублей аржанаго хлѣба, весма мало завоза было и едва только доставало на свое пропитаніе, а въ продажу ничего не имѣлъ, и все лѣто и осень и до новаго года также худо было ея дѣйствіе, а прибытку ничего. Лѣто было холодное и мокро. Хлѣбъ уродился вездѣ хорошо, но въ одной цѣнѣ былъ повсемѣстно, отчего люди въ продажѣ онаго воздержались.—Въ осени императоръ былъ въ Курскѣ для осмотру войскъ, туда изъ сей и протчихъ губерній собранныхъ. Пробывъ 3 или 4 дни, уѣхалъ на Чугуевъ въ Кіевъ и за границу, а по зимѣ возвратился въ свою столицу. У наслѣдника-же престола Александра Николаича родилась дочь въ августѣ, княжна Александра Александровна. Осень—съ половины ноября частые дожди и грязь; зима—сначала морозы побили всѣ бакши и протчее, а послѣ тепло, и хотя были снѣги, но осенью въ ноябрѣ и въ половинѣ генваря 1843 г. были сильные двѣ половоды, отчего и весь снѣгъ сошолъ. Я-же въ теченіи сего года во всемъ терпѣлъ нужду, особенно на опредѣленіе дѣтей не имѣя ни платья имъ, ни денегъ и за чтобы окопыровавъ опредѣлить, а по сему они и еще сей годъ остались на рукахъ моихъ въ ученіи.—Сего году въ октябрѣ мѣсяцѣ 16-го числа полученъ указъ изъ 7-го департамента сената въ курскую гражданскую палату, отъ 24-го сентября за № 3,767-мъ, коимъ земля Слоновская, по полюбовной

сказкѣ, отъ слоновцевъ данной, утверждена за мною, а Корецкихъ за ними, но предоставлено и еще развестись полюбовно.

1843-й годъ. Генварь весь теплый, пасмурный, тихій и полая вода, отчего всѣ дороги испортились и рыбы въ привозѣ не было. Въ семъ же мѣсяцѣ подъ 20-е число украдено изъ Слоновской церкви болѣе 700 р. денегъ разною монетою, и начались открываться воры, но кто оные, будетъ ниже объявлено. Въ февралѣ сначала до 10-го числа мало-по-малу началъ пропадать снѣгъ, а съ 2-го открылась совершенная полая вода и грязь; рыбы тоже еще не было. Окончился февраль теплою погодою съ утренними морозами, а въ началѣ марта опять снѣги и морозы крѣпкіе съ вѣтрами. Мартъ весь имѣлъ смѣшанную погоду: морозы, вѣтры, грязь, а изрѣдка даже и снѣги; передъ Благовѣщеніемъ я ѣздилъ въ Слоновку и столь принялъ морозовъ, что пріѣхавши заболѣлъ лихорадкою, а дѣти двоешни мои сильно отъ ней страдали ежедневно до конца мѣсяца; іюль сначала и до святой недѣли съ безпрестанными бурями и отчасти съ проливными дождями. Тепла не было и всходовъ яроваго хлѣба тоже до празника не было, а трава не видала зелени. Свѣтлый Праздникъ весь день и ночь буря, преболшой дождь и снѣгъ, затѣмъ я съ семействомъ и въ церкви не былъ, да едва и въ комнатѣ съ нуждою могъ согрѣтся. На святкахъ во вторникъ получилъ изъ Слоновки, что сестра моя Любовь умре 1-го числа сего, то есть апрѣля мѣсяца и уже погребена, куда я, хотя и боленъ былъ весьма, поѣхалъ въ четвергъ и пробылъ тамъ дни 4, а по пріѣздѣ еще получилъ свѣденіе, что 22-го числа умре своякъ мой, жывшій за Белгородомъ, верстахъ въ 8-ми, въ селцѣ Шагоровкѣ, порутчикъ Федоръ Ильичъ Курчаниновъ, бывъ уже престарѣлыхъ лѣтъ и давно боленъ. Апрель и до половины маія были погоды перемѣнные: снѣги, дождь, грязь и холодъ; съ половины-же маія зачали только зацвѣтать сады и поправляться всходы яроваго хлѣба. Продажа онаго и озимаго было унизилась, смотря на всходы и надѣясь обильной жатвы. Въ семъ-же майѣ мѣсяцѣ случилось мнѣ поѣхать, для продажи хлѣба и покупки разной въ домъ, въ Корочу, куда по прибытіи взятъ я, по требованію якобы городничаго къ нему, частнымъ приставомъ Дмитріевскимъ, почему я съ нимъ и пошелъ къ городническому правленію; но не доходя еще онаго, открылъ онъ мнѣ, что я не къ городни-

чему, а въ земской судъ требуюсь; почему пришедъ туда и не заставъ никого изъ судей, въ ожиданіи ихъ, принужденъ былъ пробыть тамъ часа два и едва могъ дождать изъ нихъ одного, непремѣннаго засѣдателя, Василія Ивановича Шаликова, который чрезъ секретаря Засѣку объявилъ мнѣ указъ короченскаго уѣзднаго суда, въ которомъ предписано взять меня подъ стражу въ короченскую городовую тюрму, якобы за грабежъ мною винопродавца Ерохина и ослушаніе и грубость становаго пристава Поліевскаго; почему я принужденъ былъ отправится при сообщеніи сперва въ городническое правленіе, а отсель при отношеніи къ смотрителю тюрмы, подпоручику Матвѣеву, куда прибылъ во 2-мъ часу по полудни маія въ 28-й день, которое число было тогда въ пятницу. И такъ началъ съ сего дни нести иго тюремнаго содержанія въ дворянской комнатѣ, хотя почти и никакого изнуренія не чувствовалъ, но заточеніе сіе и уединеніе весьма прискорбно было для меня, особенно по моей безвинности. Во время нахожденія своего подъ стражею посѣщаемъ былъ безвозбранно женою моею и дѣтьми, которые со мною бывали по нѣсколько дней и почевали у меня. Жена сильно старалась за меня ѣздила въ Курскъ, была у губернскаго предводителя Солнцева, у графа Толстаго, пріѣхавшаго изъ Петербурга для ревизіи по Курску дѣлъ, была и въ уголовной палатѣ, просила обо мнѣ присудствующихъ, но и за всѣмъ симъ до пріѣзда губернатора Устимовича въ Корочу для ревизіи присудственныхъ мѣстъ, то есть до 19-го числа августа, я находился въ содержаніи. По пріѣздѣ-жъ ево, жена моя, явясь къ нему, вмѣстѣ съ предводителемъ короченскимъ Николаемъ Егоровичемъ Гангартомъ, исходатайствовали мнѣ свободу, хотя и съ поручительствомъ до рѣшенія въ палатѣ дѣла. И я, получа свободу, тотъ-же день отправилъ жену въ домъ, а самъ пришелъ уже 10-го числа въ домъ пѣшкомъ и нашелъ дѣтей своихъ меншыхъ всѣхъ здоровыми, а старшихъ сыновей, Николая и Константина, еще 2-го числа августа, стараніемъ жены-же, приняли въ короченское училище, и поступили они въ науку. Въ продолженіи содержанія своего я былъ посѣщенъ въ тюрмѣ предводителемъ дворянства Гангартомъ, и онъ, узнавъ происшествіе, дѣла и гоненія стряпчаго Карцова и судей на меня, сильно имъ въ квартирѣ своей выговаривалъ и упрекалъ ихъ въ беззаконныхъ дѣйствіяхъ. Въ сіе-же время въ

началѣ августа умре новооскольскій предводитель дворянства Сергей Петровичъ Волковъ. Боже! дай ему царствіе небесное. Онъ для меня былъ весма хорошимъ всегда и помоществовалъ мнѣ послѣ пожара моего имѣнія.—Погода до конца августа стояла съ конца маія по большей части жаркая, и уборъ былъ хлѣба съ полей хорошій, а урожай ему также былъ хорошій, и цѣна аржаному здѣлалась до 2-хъ рублей за четверть; греча, овесъ и ячмень съ пшеницею тоже весма понизились, но ходу и продажи ему вовся никогда не было, а потому къ мельницѣ моей весма былъ малый завозъ, а какой полученъ былъ, то пошелъ мнѣ въ городъ для уплаты кухаркѣ за ея мнѣ варево, за что я платилъ по 10 р. въ мѣсяцъ. Чаю-же и сахару я не покупалъ, ибо былъ доволенъ присылаемымъ мнѣ короченскими купцами Романенковымъ и Пуголовочныковымъ, которые меня отчасти и харчами снабжали. Изъ родныхъ-же моихъ и жениныхъ вовся у меня никого не было и даже желали, чтобы я былъ лишенъ чести и чиновъ и сосланъ бы былъ въ ссилку, и женѣ даже воспрещали старатся за меня. Но она ихъ и сосѣдей своихъ Шаликовыхъ и протчимъ совѣтамъ не слѣдовала, а сильно старалась объ освобожденіи моемъ и много трудилась для меня, за что я ей весма благодаренъ остаюсь. Дѣло о семъ хотя уголовною палатою рѣшено еще въ 12-й день іюля, но по проискамъ стряпчего Карцова было удержано въ Курскѣ до послѣднихъ чиселъ сентября, да и когда получено уже было въ уѣздномъ судѣ, то становой приставъ Поліевскій, учавствуя самъ въ ономъ напраснымъ меня оклеветаніемъ, удержывался объявлять мнѣ указъ даже до присужденной отставки ево губернаторомъ, то есть до декабря мѣсяца, но я оное, дабы освободится отъ поручительства, просилъ уѣздный судъ объявить мнѣ и выслушавъ 23-го ноября, изъявилъ неудовольствіе, потому что палата, не переслѣдовавъ оное, вмѣнила мнѣ заключеніе тюремное въ штрафъ, со взисканіемъ за бой кабатчика платежа половиннаго имъ податей казенныхъ, и я, не бравъ его на аппеляцію, просилъ сенатъ и министра внутреннихъ дѣлъ о вознагражденіи меня за претерпѣнное безчестіе и убытки.

Во весь сей годъ хлѣбъ былъ: рожь и мука меньше 3-хъ рублей, овесъ, гречиха и ячмень тоже, а пшеница самая лутчая не выше 10 р. Погода съ августа до первыхъ чиселъ декабря была

мокрая, частые дожжи и грязь; декабря съ перваго была съ крѣпкими морозами, а потомъ тепло, безснѣжно и туманно, но вода весьма въ рѣкахъ упала, отчего и мельницы худо мололи. Да и я былъ по прибытіи съ Корочи весьма нездоровъ, хотя и скрывалъ болѣзнь свою отъ жены и дѣтей, и принужденъ былъ болѣе быть въ постелѣ, отчего и недостатки во всемъ большіе несъ; особливо сокрушало меня содержаніе дѣтей въ городѣ, которые съ августа поступили въ училище и, за недосмотромъ моимъ, худо учились и за ними никакого присмотра не было, отъ учителей-же нерадѣніе безъ подарковъ.

1844-й годъ начался крѣпкими морозами съ жестокими вѣтрами и снѣгомъ, ежедневно шедшимъ, а съ полу-генваря потеплѣе, но морозы, съ снѣгами и вѣтрами сильными, продолжались и были дожжи раза два, отчего снѣгъ по ровнымъ мѣстамъ былъ согнанъ вѣтрами въ яры и лѣса, а на поляхъ подѣлалась гололедка.

Въ февралѣ было хотя и довольно крѣпкихъ морозовъ, но холоду вовся не было, а больше дулъ южный вѣтеръ и шелъ дождь отчего съ половины мѣсяца была розтополь и прошли рѣки и была грязь. Хлѣбъ не возвышался, но былъ въ цѣнѣ низкой, также рыба и все продавалось дешево. Но въ деньгахъ сильно нуждались всѣ, особенно-же купечество, торгующее скотомъ, который на здѣшнихъ ярмонкахъ продавался хотя и дешево, но не за что имъ онаго было купить, да и занять вовся не у кого было, что я на себѣ испыталъ и отъ нихъ слышалъ.

Въ мартѣ сначала сильный снѣгъ съ бурею и морозы, и весь сей мѣсяцъ прошелъ съ сильными морозами, крѣпче, нежели оные были предъ Рождествомъ Христовымъ, съ глубокими снѣгами и метельми. На свѣтлой недѣлѣ, послѣ Благовѣщенія и празника Пасхи, ѣздилъ я въ Слоновку, и дорога была такова, которой рѣдко бываитъ иные зимы и предъ Рождествомъ, чего вовся не помнятъ никто изъ старожиловъ, почему сіе для памяти впредъ мною и записано. Да и старожиловъ сказаніе, что послѣ Благовѣщенія рѣдко проѣздить можно недѣлю на саняхъ, вовсе не исполнилось, ибо сіе записывалъ я въ апрелѣ, а морозы и снѣги вовся не уменшались еще въ апрелѣ до 15-го числа; кромѣ двухъ весьма теплыхъ дней, протчіе всѣ были весьма холодные съ утренними морозами.

Пахать еще не начинали и земля была весьма мокрая, а по дорогѣ на горахъ еще лежалъ снѣгъ и ледъ, и я 14-го числа ѣздилъ въ Заломное и отъ слободы Ивицы до Заломнаго по льду весьма легко ѣхалъ. Полая вода продолжалась съ половины марта и до половины апреля весьма сильная; мельницы во многихъ мѣстахъ порвало по Корочѣ и Ивицѣ, мою-же хотя и размыло, но все вода дѣйствовала, а иные по отполнимъ рѣчькамъ снесло и поопрокидало, а съ 15-го числа наступили сильные восточные и холодные вѣтры и продолжались оные до половины маія. Дожжей вовся не было, а было очень сухо, отчего и яроваго хлѣба посѣвы были весьма рѣдкіе и плохіе, рожь-же и пшеница выпрѣли отъ снѣга; еще и по вскрытіи весны оказались оные худые, рѣдкіе и въ ростъ отъ холодовъ и засухи ничто не шло; сады на цвѣту вѣтрами позадуло, что все продолжалось до Тройцына дня, который въ семъ году былъ маія 14-го дня. Съ 20-го-жъ числа пошли дожжи сильные, тучные, съ вѣтрами холодными, но не вездѣ, а только около жительства моего, а далѣе почти ихъ не было, и засуха продолжалась.

Іюнѣ мѣсяцъ весь прошелъ по рѣкамъ Донцу и Корочѣ дожжами съ холодными, сильными вѣтрами и весьма холодными ночьми, а въ Слоновкѣ и далѣе вовся сей мѣсяцъ дожжей не было, но стращная засуха.

Въ іюлѣ погода была разная: были дожжи съ громами, было и сухо, вѣтренно-же весь мѣсяцъ. Уборка хлѣба началась и почти вся мѣстами ржамъ и ячменямъ окончена. Мало оныхъ жали, а болѣе по рѣдкости косили: сѣна тоже было умѣренно, и умолотъ не очень выгоденъ начался изъ ржы. Я-же въ первый день сего іюля уѣхалъ съ старшими сыновьями въ Воронежъ, пробылъ тамъ два дни съ половиною, удостоился быть у мощей свят. Митрофанія уже по открытіи ихъ и обрѣтенію во второй разъ. Приѣхалъ-же оттоль боленъ глазами и спиною и до конца мѣсяца находился больше въ постелѣ.

Въ августѣ по большей части было сухо, вѣтренно, но мало дождей, а 25, 26 и 27-го числа сильно крѣпкіе морозы, потомъ опять ведренно.

Въ сентябрѣ по большей части была непостоянная погода, дожди и холодные вѣтры, было нѣсколько и бурныхъ дней, а морозы по утрамъ хотя изрѣдка и были, но не большіе. Хлѣбъ сталъ дорожать по немногу, а въ Харковѣ и Белгородѣ доходить началъ

Въ октябрѣ отъ Обояни внизъ до Харькова и далѣе и у насъ была погода хорошая, а отъ Курска и далѣе проливные дожди до конца сентября; за недѣлю-же до ноября выпалъ снѣжокъ и были крѣпкіе морозы. Хлѣбъ въ цѣнѣ той-же здѣсь и въ Курскѣ, и я былъ съ 2-го по 16-е число въ Курскѣ для своихъ дѣлъ, гдѣ за грязью мало въ чемъ и успѣлъ и оставилъ до зимы, пріѣхалъ-же я хотя и благополучно, но правая рука начала у меня отъ плеча до локтя сильно ломить въ кости, отчего болѣе лежалъ на лежанкѣ и согрѣвалъ ее.

Въ ноябрѣ сначала дня три шелъ дождь и было тепло, грязь и сильная полая вода; а потомъ во весь мѣсяцъ были жестокіе морозы, сперва съ вѣтрами сѣверовосточными, а потомъ холодъ и тихо; снѣгъ-же выпадалъ самый малый только два раза.

Въ декабрѣ весь мѣсяцъ крѣпкіе морозы, иногда съ вѣтромъ, а больше дни тихіе были и не солнечные. На святкахъ потеплѣло немного. Снѣгу не было во весь мѣсяцъ ни разу, и земля была почти голая, и тѣмъ сей мѣсяцъ и годъ 1844 окончился. Хлѣбъ во весь годъ былъ не свыше 2 р. 50 к. ржы за четверть, гречиха 2-хъ р., ячмень тоже, пшено 8 р. и немного мѣстами болѣе; овесъ до 1 р. 60 к., сѣно за возъ не свыше двухъ рублей хорошаго степнаго, а луговое и ниже; солома до 1 р. 50 к., птица дворовая почти ни по чемъ; свинина не свыше 2 р. 50 к. за пудъ; сало свиное до 12 р. за пудъ. Въ перемѣнѣ правительства ничего не было. Война продолжалась наша съ черкесами жестоко, но ихъ сильно одолѣвали наши войска. Императора меншая дочь Александра была сей годъ въ апрѣлѣ выдана замужъ и на 6-мъ мѣсяцѣ умре, родя сына преждевременно.

1845-й годъ.—*Генварь* начался крѣпкими жестокими-же морозами при тихой и ясной погодѣ, и весь генварь былъ жестокій морозами, а отчасти при морозахъ дней съ 10 росъ сильный иней. Въ концѣ два дни были сильные бури съ метелью.

Февраль начался тоже крѣпкими морозами, сильнымъ холодомъ и отчасти вѣтръ неболшой. Потомъ весь формально былъ сей мѣсяцъ жестокій съ бурями, сильными снѣгами и заметельми. Одинъ только день былъ съ бурею, даже сильный и вскорѣ перемѣнилось на метель и бурю. Тѣмже и кончился; отъ того самаго весь мѣсяцъ молотби не было, корму скоту не достало, да и лю-

дямъ ѣсть тоже нечего было, а къ концу и подорожалъ хлѣбъ аржаной выше 3 хъ р. и кормъ тоже дорогъ сталъ.

Мартъ до 27-го числа сего мѣсяца были постоянно крѣпкіе морозы и холодъ большой, иногда были и сильные вѣтры; съ 27-го же наступила тепловатая погода, а потомъ вскорѣ сильная оттепель, и рѣки вдругъ вскрылись, и столь была сильная вода и большая, что рѣдкіе и изъ старожыловъ таковую помнютъ, и въ три дня оная кончилась. По здѣшнимъ рѣкамъ льдомъ, который былъ отъ жестокихъ морозовъ толщиною до двухъ аршинъ, збило всѣ мосты и плотины разнесло; мельницы всѣ вдругъ остановились, и какъ въ сіе время приближался празникъ Пасхи, то въ помолѣ хлѣба весьма народъ нуждался. Хлѣбъ возвысился немного въ цѣнѣ, но корму скоту вовся не было, отчего онъ въ бывшіе въ семъ мѣсяцѣ ярмонки былъ весьма дешевъ.

Апрель начался сушею и вѣтрами, и люди начали еще до празника сѣять по гористыхъ мѣстахъ яровые хлѣба. Потомъ была непостоянная погода: по утрамъ часто были морозы крѣпкіе, дни бурные и дожди частые. Съ хлѣбомъ народъ почти совсѣмъ въ сей мѣсяцъ отсѣялись. Хлѣбъ въ цѣнѣ не возвышался, но и мало ево въ продажу шло. Пшеницы-же озимые оказались пропащими, которые всѣ перепахая и засѣяли яровымъ хлѣбомъ.

Мѣсяцъ маій. Мало дождей; озимые всходы изрядные, а яровые плохи и весьма было холодно весь мѣсяцъ.

Іюнь. Сильная засуха, зной жестокой и отчасти вѣтры. Пчелы роевъ вовся не дали, и хлѣбъ надежду малую подавалъ по своей рѣдости.

Іюль. Засуха. Хлѣбъ оказался вовся безъ зерна почти. Пчелы не дали роевъ; плодовъ садовыхъ весьма мало. Хлѣбъ съ половины поднялся до 7 р., травы хороши и въ погоду убраты, но малы и рѣдки. Въ нижнихъ-же малороссійскихъ губерніяхъ, въ Крыму и далѣе засохло и погибло все, а индѣ градъ выбилъ до чиста, что случилось не въ нашихъ мѣстахъ. На скотъ оказался падежъ, на все дороговизна стала начинатся. Я-же весь сей мѣсяцъ по большей части былъ дома, мало отлучаясь отъ круга дома по нуждамъ. Въ послѣдніе же числа іюля были дней съ 6-ть ужасные бури, а потомъ 28, 29, 30 и 31 дожди частые, и село Сурково 28-го выгорѣло все.

Мѣсяцъ августъ тоже былъ почти весь сухій и вѣтренный, изрѣдка только были въ сторонѣ дожди съ громами, и изъ сихъ одинъ разбилъ и зжегъ до основанія въ селѣ Нижнемъ Березовѣ колокольню и растопилъ всѣ колокола, даже и мѣди половины не оказалось. Въ семъ-же мѣсяцѣ поступило предковъ моихъ Лофицкихъ въ слободкѣ Лазаревкѣ имѣніе изъ роду Лофицкихъ помѣщику Гангарту, по покупкѣ имъ съ аукціона за долги казенные и партикулярные, коихъ на послѣднемъ наслѣдникѣ оказалось болѣе полутораста тысячъ, и сіе имѣніе продано только за 42 тысячи. Бѣдный владѣлецъ, лишенный передъ симъ параличемъ языка, руки и ногъ, почти выгнанный насильно, уѣхалъ къ родственникамъ матери своей Недобровымъ въ тамбовскую губернію оканчивать свои дни, а другое ево имѣніе въ селѣ Суволочномъ, въ тимскомъ уѣздѣ, кому досталось по продажѣ и за какую сумму, неизвѣстно. Здѣсь-же еще продавалась движимость—все за безцѣнокъ и оттого еще половину долгу не уплочено. Хлѣбъ по уборкѣ началъ дешевлить мѣстами.

Сентябрь до половины сухой, холодной и частію погода была, а во второй половинѣ шли дожди частые попеременно съ ведренною погодою, но въ семъ мѣсяцѣ были и бури, отъ коихъ згорѣла Соколовка и Яблоновъ, дворовъ по 30; и въ другихъ мѣстахъ тоже по короченскому уѣзду были пожари гибельные, отчего и умножилась нищая братія, ибо они не только домовъ, но и всего своего хлѣба въ гумнахъ лишились. Въ семъ мѣсяцѣ былъ императоръ въ Чугуевѣ съ наслѣдникомъ и Константиномъ Николаевичемъ; былъ весьма милосердъ, принимая отъ всѣхъ прошенія, и дарилъ много войску денегъ.

Октябрь до 26-го числа были безпрестанные дожди сильные и грязь. Произшествій замѣчательныхъ не было.

Ноябрь начался морозами, также и въ концѣ октября были оные весьма крѣпкіе безъ снѣгу. А 3-го-же числа пошелъ дождь, да тепло, туманы и тихо, а также и грязь порядочная. И весь сей мѣсяцъ были частію дожди, частію снѣгъ, а большей частію тепло и тихо, но насмурно и грязь большая. Молодого хлѣба и завозовъ на мельницахъ не было. Въ семъ-же мѣсяцѣ 13-го числа умре Михайла Григоровичъ, послѣдній изъ роду бывшей многочисленной нѣкогда фамилии Лофицкихъ, а съ симъ и сія фамилія кончилась.

Декабрь: сначала были морозы крѣпкіе, а послѣ Николаева дни здѣлалось легче и весь сей мѣсяцъ былъ посредственный съ небольшими морозами и безъ снѣгу. Я-же сей мѣсяцъ весь и съ половины еще прошедшаго ноября былъ боленъ сперва гимороемъ, а потомъ внутреннымъ нарывомъ въ горлѣ и кишкахъ, отчего страдалъ не мало и жестоко, особенно по ночамъ, въ которые вовся не спалъ. Хлѣбъ стоялъ въ малой цѣнѣ и вовсе ему покупки не было. Произшествій отличныхъ въ семъ году не было тоже.

1846-й годъ, *генварь*. Двѣ недѣли первыя крѣпкіе морозы съ снѣгомъ и бурями, а потомъ тепло и таяло.

Февраль подобенъ сначала былъ недѣлю, а потомъ все растаяло и въ концѣ ѣздили и на колесахъ.

Мартъ. Два дни первые были холодные, а потомъ тепло, весьняные дни и вода умножилась до 10-го числа, а снѣгъ сошелъ со всѣхъ горъ. Я-же всѣ сіи дни съ 1-го января былъ въ постелѣ и не могъ ни разговѣвшы ѣсть мясного весь мясоѣдъ, да и ничего вовся не ѣлъ, ибо во внутренности былъ нарывъ и весь сильно боленъ, и потому 19-го февраля, съ Божіею помощію, особорованъ святымъ масломъ и приобщенъ святыхъ Таинъ въ домѣ.

КІЕВСКІЯ СМУТЫ СРЕДИНЫ ПРОШЛАГО СТОЛѢТІЯ.

Перейдя со всею южною Русью отъ польскаго владычества подъ державу россійскихъ царей, Кіевъ сталъ относительно своей внѣшней и внутренней жизни въ такое искючительное положеніе, какое едва ли когда-либо выпадало на долю какого либо другаго города. Если со времени присоединенія Малороссіи и до андрусовскаго договора Кіевъ служилъ еще яблокомъ раздора между Польшею и Москвою и сочувствовавшими той и другой сторонѣ партіями въ козачествѣ и народѣ малороссійскомъ, то послѣ окончательнаго закрѣпленія его за Россіей въ немъ начинается внутренняя борьба утвердившихся здѣсь разнороднымъ властей, изъ которыхъ каждая представляла собою особый строй жизни, принадлежавшій различнымъ временамъ и мѣстамъ, различнымъ эпохамъ и ступенямъ общественнаго развитія нѣсколькихъ сосѣднихъ племенъ. Еще съ конца XV вѣка въ Кіевѣ на развалинахъ удѣльновѣчевой жизни, радикально измѣненной во времена татарскаго и литовскаго владычества, водворилось оригинальное городское самоуправленіе, выросшее правда не на русской почвѣ, но имѣвшее съ нею нѣкоторыя общія черты и данное Кіеву въ видѣ особой привиллегіи, подъ названіемъ магдебургскаго права. И великіе литовскіе князья и польскіе короли, понимая великое значеніе Кіева въ общей жизни всей подвластной имъ Руси, время отъ времени умножали его привиллегіи новыми жалованными грамотами и универсалами и довели его самостоятельность до того, что онъ представлялъ собою какъ бы государство въ государствѣ и ни отъ кого, кромѣ верховной власти короля, не зависѣлъ. Хмельницкій, освободивъ отъ польскаго владычества народъ русскій, не тронулъ старинныхъ при-

виллегій Кіева, но особымъ образомъ подчинилъ его верховной своей власти и придалъ его общественной жизни особый элементъ, какого онъ не имѣлъ доселѣ. Раздѣливъ всю освобожденную имъ страну на 23 полка и давъ ей военно-демократическое устройство, онъ создалъ особый кіевскій полкъ и поставилъ въ Кіевѣ особаго полковника съ тѣми широкими правами, какими надѣлены были и всѣ эти первостепенные въ странѣ чины. Вслѣдъ за симъ и московскіе цари, принимая Кіевъ подъ свою державу, оставили за своею прародительскою отчиною тѣ права и привилегіи, какими она пользовалась издревле, не тронули и привнесеннаго въ ея жизнь козачаго элемента, съ главною юрисдикціею надъ нимъ гетмана, но лишь ввели сюда, и то не вдругъ, свои ратныя силы для охраны своего господства надъ нимъ, для укрѣпленія и защиты его отъ врага, поставивъ надъ ними, какъ было и при польскихъ короляхъ, своего воеводу и перенеся центръ укрѣпленій съ высотъ, господствовавшихъ надъ Подоломъ, на высоты верхняго Кіева, а ратныя силы расположивъ близъ древнѣйшей всероссійской святыни, сердцевины такъ сказать Кіева, святой кіево-печерской лавры.

Такимъ образомъ къ концу XVII и началу XVIII ст. Кіевъ не въ одномъ топографическомъ отношеніи представлялъ собою три особыхъ города, особыхъ по составу населенія, по характеру и формамъ управленія, наконецъ по взаимнымъ отношеніямъ. Печерскъ занятъ былъ по преимуществу ратными силами и селившимся около нихъ пришлымъ людомъ; верхній Кіевъ, который по множеству принадлежавшихъ здѣсь софійской каѳедрѣ монастырямъ и церквамъ земель, митрополитъ Сильвестръ Коссовъ не безъ основанія называлъ своимъ, не смотря на угрозу его биться съ царскимъ воеводою, былъ обнесенъ теперь вокругъ валами и составлялъ крѣпость съ воеводскимъ дворомъ, оружейными и харчевыми складами; нижній Кіевъ или Подолъ былъ въ собственномъ смыслѣ городомъ и здѣсь сосредоточено было все городское населеніе или привилегированное мѣщанство, съ его управленіемъ и торговлею, а рядомъ съ нимъ тутъ же жило особыми дворами и козачество, полковая резиденція котораго перенесена была въ послѣдствіи въ г. Козелецъ, съ оставленіемъ здѣсь лишь одной сотни козачей и сотеннаго управленія. Съ царствованія Петра В. воеводы смѣняются генералъ-губернаторами и хотя власть послѣднихъ относи-

тельно Кіева постепенно расширяется и независимый кіевскій магистратъ подчиняется сенату, но прежній строй жизни въ нижнемъ, а отчасти и въ верхнемъ Кіевѣ не измѣняется. А это былъ тотъ строй жизни, въ которомъ, при недостаточномъ огражденіи личныхъ и имущественныхъ правъ общимъ закономъ, все опиралось на частныхъ льготахъ и привилегіяхъ, данныхъ когда-то и вновь подтверждаемыхъ для каждаго учрежденія и лица. На обширной территоріи Кіева, кромѣ казны, отмежевавшей себѣ особые участки на Печерскѣ и верхнемъ Кіевѣ, главными собственниками являлись: на сѣверо-восточной оконечности кіево-печерская лавра и монастыри выдубицкій и никольскій, въ верхнемъ Кіевѣ софійская каѳедра и михайловскій монастырь, въ нижнемъ Кіевѣ монастыри братскій, петропавловскій и флоровскій женскій, а далѣе отъ него до крайняго сѣверо-запада шли владѣнія кирилловскаго и межигорскаго монастырей, захватывая часть Оболони и верховьевъ Почайны и смѣшиваясь здѣсь съ угодьями городскими и кіево-братскаго монастыря. Козачеству принадлежала ничтожная часть грунтовъ на Подолѣ, а владѣнія городскія, обнимая весь Подолъ, прерывались у горы Щекавицы слободою Плоскою, принадлежавшею кирилловскому монастырю, и тянулись за нимъ подъ названіемъ слободъ: Сырца, Куреневки и Преварки. При неопредѣленности земельныхъ границъ, обозначенныхъ общими межами въ старинныхъ актахъ и подвергавшихся частымъ захватамъ, передѣламъ и отчужденіямъ, при господствовавшемъ тогда неуваженіи къ чужой собственности, волокитѣ въ судахъ и наклонности къ личной расправѣ, между названными собственниками то и дѣло возникали столкновенія въ примѣненіи права пользованія тѣми или другими угодьями и если въ сѣверо-восточномъ углу Кіева печеряне бились съ выдубляиами, то на сѣверо-западѣ ожесточенные споры и схватки происходили между монастырями братскимъ, межигорскимъ и другими, въ особенности между магистратомъ, монастырями и козаками. Но не въ этомъ лежитъ главный источникъ смутъ, какими былъ обуреваемъ Кіевъ съ конца XVII и до послѣдней четверти XVIII ст. Названные земельные собственники Кіева были какъ-бы особые мірки, особыя царства, учрежденія привилегированныя, самоуправляющіяся, имѣющія каждая свою судную компетенцію, пользовавшіяся правомъ свободы отъ общенародныхъ сборовъ и по-

винностей, а что всего важнѣе—владѣвшіе въ одинаковой почти степени главною жизненною артеріею того времени, т. е. свободою винокуренія и продажи питей. Эти-то привилегіи въ разнообразномъ примѣненіи ихъ, переплетаясь и осложняясь безчисленными случаями будничной жизни, создавали нескончаемый рядъ споровъ, жалобъ и тяжбъ, кончавшихся нерѣдко ожесточенными схватками, кровопролитіемъ и смертнымъ боемъ. Это была непрерывная, чуть не ежедневная внутренняя смута, въ которой жило чуть не цѣлое столѣтіе населеніе Кіева, пока съ учрежденіемъ намѣстничества не былъ положенъ ей конецъ коренною реформою общественнаго строя во всемъ краѣ и подведеніемъ всѣхъ классовъ подъ одну общую норму и законъ. Нарисовать полную картину этой смуты, не смотря на громадное количество даваемаго кіево-губернскимъ архивомъ матеріала, нѣтъ возможности; а потому мы ограничимся здѣсь изображеніемъ лишь тѣхъ смутъ, какія происходили между кіевскимъ мѣщанствомъ и магистратомъ съ одной и кіевскимъ же козачествомъ съ другой стороны, пользуясь въ этомъ изображеніи лишь находившимися въ нашихъ рукахъ бумагами кіево-губернскаго архива.

Мѣщане и козаки жили, какъ уже выше сказано, исключительно въ такъ называемомъ «нижнемъ городѣ Кіево-Подолѣ». Къ сожалѣнію, о числѣ жителей, принадлежавшимъ къ этимъ двумъ группамъ, имѣются свѣдѣнія довольно скудныя. Изъ составленнаго въ 1707 году реестра, «якъ много обрѣтается козаковъ сотни кіевской», видно, что въ этомъ году ихъ было товариства комонного 32, пѣшихъ козаковъ 8 и козачихъ вдовъ 6; въ представленіи же гетмана Разумовскаго 1752 года показано козацкихъ дворовъ въ Кіевѣ только 28. Общее число дворовъ Кіево-Подола извѣстно лишь за 1739 г. и тогда ихъ было 2140; но этому предшествовали моровая язва 1710—1711 гг., опустошившая Подолъ, опасенія нашествія турокъ 1713—1716 гг., разгонявшія жителей, и пожаръ 1718 г., истребившій всю почти эту часть города. Предъ моровою язвою 1770—71 гг. всѣхъ жителей на Подолѣ считалось до 20,000, а послѣ нея въ магистратской вѣдомости за 1775 г. число всѣхъ дворовъ на Подолѣ показано лишь 1928; но ни число мѣщанъ, ни число козаковъ отдѣльно не показано, а о первыхъ замѣчено, что они «состоятъ на особливо утвержденныхъ правахъ и привилегіяхъ и потому подушевной ревизіи имъ никогда не бываетъ». Не подле-

житъ однако сомнѣнію, что при всѣхъ перемѣнахъ въ населеніи Кіево-Подола, мѣщанъ въ немъ было несравненно больше., нежели козаковъ. И не смотря на огромное неравенство въ числѣ, оба сословія эти, находясь въ крайне враждебныхъ отношеніяхъ между собою, вели другъ съ другомъ столь упорную борьбу, что разрѣшить ее не могли и самыя высшія власти, магистратъ же кіевскій единственное средство къ прекращенію оной видѣлъ лишь въ совершенномъ выселеніи козаковъ изъ Кіева.

Располагая представить здѣсь, по архивнымъ документамъ, тѣ случаи и факты, въ которыхъ выразилась эта борьба, считаю нужнымъ сгруппировать ихъ по тѣмъ предметамъ, которыхъ касалась она, тѣмъ мотивамъ, изъ-за которыхъ возникала. Это были: 1) отстаиваніе магистратомъ своей «свободы отъ общенародныхъ повинностей», т. е. тѣхъ войсковыхъ сборовъ, какіе существовали вообще въ Малороссіи и какіе козачее начальство силилось установить въ Кіевѣ и особливо его пригородахъ; 2) стремленіе магистрата и всего кіевскаго мѣщанства освободиться отъ власти гетмана, выразившееся въ открытомъ сопротивленіи властямъ; 3) уклоненіе магистрата и мѣщанъ отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ городскихъ повинностей и желаніе обязать ими козаковъ; 4) протесты ихъ противъ принятія въ число козаковъ кіевскихъ обывателей, подвѣдомыхъ магистрату и 5) наконецъ стремленіе ихъ же не допускать кіевскихъ козаковъ къ продажѣ питей въ чертѣ городской осѣдлости.

I.

Въ силу историческаго хода событій, сойдясь на территоріи Кіево-Подола, мѣщанство и козачество, одинаково надѣленныя всякаго рода привилегіями, никакъ не могли разобраться въ своихъ взимныхъ отношеніяхъ. Съ одной стороны козачество, считая освобожденный имъ отъ ига польскаго Кіевъ съ предмѣстьями городомъ полковымъ малороссійскимъ и отправляя всѣ функціи правительственной власти въ данной мѣстности по отношенію ко всему населенію, считало себя въ правѣ, не касаясь только привилегированнаго мѣщанства, всѣхъ «посполитыхъ», жившихъ на земляхъ, какъ соб-

ственно городскихъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ и монастырей, вносить въ ревизію для отбыванія общенародныхъ податей и повинностей, равно собирать и съ пріѣзжихъ въ Кіевъ купцевъ и торговавшихъ на кіевскихъ ярмаркахъ установленные въ Малороссіи ярмарковые сборы; съ другой, магистратъ кіевскій, основываясь на имѣвшихся у него королевскихъ и царскихъ грамотахъ, считалъ не только мѣщанъ, но и всѣхъ обывателей, жившихъ на его и на мѣщанскихъ земляхъ, подлежащими исключительно своей юрисдикціи и свободными отъ всякихъ «общенародныхъ податей и повинностей», установленныхъ въ Малой Россіи, равно какъ всякое поползновеніе козацкихъ сборщиковъ на какіе-бы то ни было сборы на ярмаркахъ кіевскихъ признавалъ дѣломъ незаконнымъ, произволомъ и насиліемъ. Хотя право въ этомъ случаѣ было на сторонѣ магистрата; но какъ оно постоянно оспаривалось малороссійскими козацкими властями, то магистрату приходилось постоянно искать подтвержденій и разъясненій онаго, а когда и это не помогало, вступать въ открытую борьбу. Въ подтвержденіяхъ и разъясненіяхъ не было недостатка; но и притязанія малороссійскихъ властей періодически возобновлялись и магистрату нужно было вести постоянную борьбу съ ними, а иногда и отражать силу силой.

Еще въ 1700 г. Петръ Великій особою грамотою подтвердилъ всѣ прежнія права и привилегіи Кіева, а въ 1710 далъ другую такую же грамоту; на эти грамоты обыкновенно и ссылался магистратъ, уклоняясь отъ всякихъ сборовъ, какіе только пыталось наложить на кіевскихъ обывателей полковое управленіе. Въ 1722 году новоучрежденная Малороссійская Коллегія, установляя новую систему сборовъ въ казну, возбудила было вопросъ, не слѣдуетъ ли и въ Кіевѣ брать въ казну тѣ сборы, которые подъ разными наименованіями собираются тамъ магистратомъ: но отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный, и хотя при этомъ Петръ Великій собственноручно написалъ на докладѣ: «прислать съ привилегій копіи и куда держать расходъ именно»; но ни этихъ свѣдѣній, ни копій привилегій магистратъ не представилъ, давая на всѣ запросы по этому поводу самые уклончивые отвѣты. Попытки обратить нѣкоторые изъ доходовъ кіевскаго магистрата въ войсковой скарбъ возобновлялись и по упраздненіи Малороссійской Коллегіи, когда всѣ сборы отдавались на откупъ. Можно думать даже, что такія попытки имѣли

иногда успѣхъ. Въ 1743 г. генеральная войсковая канцелярія, настаивая на подчиненіи Кіева общимъ сборамъ въ войсковую казну, заявляла даже, будто «въ г. Кіевѣ у пріѣзжихъ купцовъ съ разныхъ товаровъ отъ возовъ ярмарковое и торговое, а особливо съ имѣющихся тамъ же винокурень и съ шинковъ монастырскихъ, поповскихъ и козачихъ показанщина и покуховное и другіе надлежащіе въ скарбъ войсковый доходы по 1740 годъ неоспоримо собирались, такожъ и бывшимъ съ 740 по 743 г. откупщикамъ запрещенія въ собираніи ими тѣхъ сборовъ въ Кіевѣ не было». Но изъ дѣлъ прежнихъ годовъ мы знаемъ, что магистратъ не переставалъ противиться такимъ сборамъ и къ нимъ не допускалъ. Такъ въ 1736 г. вслѣдствіе возникшихъ по этому поводу пререканій дѣло восходило до сената, отъ котораго и послѣдовалъ 19 октября того-же года указъ, предписывавшій: «кіевскихъ мѣщанъ впредь ни въ какіе наряды, которые имѣютъ быть изъ Малой Россіи козакамъ и посполитымъ людямъ, не включать и никогда съ нихъ денегъ и людей въ помощь малороссіянамъ не требовать, и кіевскому полковнику и старшинѣ и сотникамъ ни въ чемъ до нихъ, кіевскихъ мѣщанъ, дѣла не имѣть... а особливо кіевскаго подгородья Преварки съ принадлежитостями ни въ какіе наряды не включать и въ помощь малороссіянъ ничего съ онаго подгородья не требовать».

Не смотря на столь ясное распоряженіе высшей правительственной власти, генеральная войсковая канцелярія не далѣе какъ въ слѣдующемъ же 1737 году предписала кіевскому полковнику взыскать провіантъ и фуражъ съ той самой Преварки, о которой такъ категорически говорилось въ указѣ предъидущаго года. Въ свою очередь и магистратъ столь же мало обращалъ вниманія на ордеры войсковой канцеляріи, какъ эта послѣдняя на указы сенатскіе. Ея требованію на этотъ разъ рѣшительно воспротивился кіевскій войтъ Павелъ Войничъ и отдалъ въ этомъ смыслѣ приказъ магистратскимъ урядникамъ. Бунчуковый товарищъ Чарнолуцкій, исполняя распоряженіе своего начальства, рѣшился прибѣгнуть къ насилію и для того приарестовать главнаго виновника сопротивленія, самого войта Павла Войнича. 20-го іюня, въ полдень, войтъ шелъ въ магистратъ; завидя его изъ своей квартиры, Чарнолуцкій бросился къ нему съ солдатами и козаками, изругалъ его на улицѣ публично, «какъ безчестнѣе быть нельзя», и засадилъ

въ служительскую избу подъ караулъ. Это было неслыханное оскорбленіе чести привилегированнаго магистрата. Заволновалось мѣщанство и бросилось къ губернатору Сукину. Тотъ потребовалъ освобожденія войта и тѣмъ не менѣе войту пришлось посидѣть подъ карауломъ болѣе восьми часовъ. Мѣщанство послало челобитную на Высочайшее имя; пошла переписка и челобитная въ концѣ концевъ попала въ туже генеральную войсковую канцелярію, которая своимъ указомъ и подала поводъ къ оскорбленію войта. Добился ли отъ нея магистратъ какого либо удовлетворенія, мы не знаемъ; но однажды нанесенное тяжкое оскорбленіе не могло быть забыто; оно зародило общую между мѣщанами и козаками вражду, для которой, какъ увидимъ ниже, было не мало другихъ не менѣе важныхъ причинъ и поводовъ.

Восемь лѣтъ спустя, въ 1745 г. въ Кіевъ явились сборщики Шнурчевскіе и, по данному имъ изъ войсковой генеральной канцеляріи приказу и росписи, начали было собирать съ пріѣзжихъ купцовъ пошлины, а отъ мельницъ на р. Сырцѣ требовать податей. Магистратъ, оставляя въ покоѣ далекій сенатъ, прибѣгъ къ защитѣ кіевскаго генералъ-губернатора Леонтьева. Леонтьевъ не допустилъ Шнурчевскихъ до взиманія сборовъ; но самое дѣло представилъ на разрѣшеніе сената, который указомъ отъ 15-го декабря 1746 г. постановилъ: «до збору съ пріѣзжихъ въ Кіевъ на Подолъ во время ярмарковъ купцовъ ярмаркового и торгового съ продажнихъ товаровъ и до взятья съ магистратскихъ мельницъ и винокурныхъ казановъ податей *губернатору кіевскому* сборщиковъ и откупщиковъ не допущать, а собирать все то по прежнему въ кіевскую ратушу». Такимъ путемъ кіевскій магистратъ, повидимому, болѣе гарантировалъ себя отъ притязаній войсковой власти, но, самъ того не замѣчая, ставилъ себя въ зависимое положеніе, вводя посредствующую инстанцію между собою и сенатомъ, которому одному, и то по волѣ Великаго Петра, онъ былъ въ своихъ дѣлахъ подчиненъ. Время показало, что и эта гарантія была лишь кажущаяся.

Чрезъ полтора съ небольшимъ года по подобному же поводу послѣдовалъ новый указъ правительствующаго сената, отъ 25 августа 1748 г., въ томъ же смыслѣ; имъ еще разъ подтверждалось: «генеральной войсковой канцеляріи впредь находящихся во владѣніи за кіевскимъ магистратомъ сырецкихъ и куреневщицкихъ обы-

вателей описывать и въ ревизію включать не велѣть и въ помощь малороссійскому народу ни въ какіе наряды не располагать, порцей и рацей и прочихъ податей съ нихъ не требовать... И этого смотрѣть и до того не допускать *кіевскому губернатору*».

Казалось бы, что столь категорическое запрещеніе исключало возможность всякихъ притязаній со стороны козацкаго управленія на какіе бы то ни было сборы съ обывателей Кіева, подлежавшихъ юрисдикціи кіевскаго магистрата. И что-же мы видимъ? Въ томъ же 1748 году войсковая генеральная канцелярія предписала кіевскаго полка ревизору, бунчуковому товарищу Дмитрію Несторовичу, «находящихся во владѣніи за кіевскимъ магистратомъ дер. Сирца и Куреневщины во всѣхъ обывателей дворы и избы, *не смотря ни на какія кіевскаго магистрата представленія*, описать и поставить въ ревизію въ приличные по имуществамъ ихъ статьи ко отбуванію всякихъ указно-полагаемихъ податей и повинностей».

Въ 1752 году, по распоряженію гетмана Разумовскаго, назначена была ревизія «о дворовомъ числѣ людей» въ кіевскомъ полку, при чемъ и на предмѣстья г. Кіева наложены были извѣстные платежи, о которыхъ и присланы были въ кіевскій магистратъ особые билеты. Магистратъ, не допуская этой ревизіи своихъ подгородій, опять обращается къ генералъ-губернатору Леонтьеву и, заявляя о пріѣздѣ ревизора, полковаго хорунжаго Федора Шума, проситъ защиты отъ его ревизіи. Кіевская же полковая канцелярія съ своей стороны представляла гетману, что Преварка не есть подгородье и лежитъ отъ города въ восьми верстахъ, гораздо дальше слободы Плоской, которая принадлежитъ Кирилловскому монастырю и отбываетъ всѣ общенародныя повинности, почему и Преварку полковая канцелярія въ ревизію включила и «указанныя дачи» въ войсковый скарбъ наложила [1]). По козацкому толкованію, высочайшая грамота 1743 г. и указъ правительствующаго сената 1746 г. предоставляютъ увольненіе отъ полковыхъ сборовъ только Кіево-Подолу и мельницамъ магистратскимъ, на ратушныхъ грунтахъ построеннымъ, къ посполитымъ же людямъ, живущимъ въ с. Преваркѣ, увольненіе это нисколько не относится.

---

[1]) Въ ревизіи этой показано: въ *Преваркѣ* подданныхъ ратуши кіевской посполитыхъ дворовъ 110, въ д. Сырцѣ 17 и въ Куреневщинѣ 49.

Когда на весь кіевскій полкъ возложена была довольно тяжелая повинность доставлять фуражъ для лошадей прибывшимъ въ Кіевъ переселенцамъ сербамъ, то полковые коммисары требовали доставки этого фуража и отъ подданныхъ магистратскихъ селъ Преварки, Сырца и Куреневщины. Магистратъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ этой повинности; но, по жалобѣ полковника Дарагана, войсковая генеральная канцелярія предписала магистрату упомянутый фуражъ «вистатчать всеконечно, не принося впредь никакихъ отговорокъ», а полковой канцеляріи приказала, на случай «воспященія», «взыскивать съ оныхъ магистратовыхъ подданныхъ тое все, такожъ и другіе всякіе общенародніе указніе дачи, сильными командами, не смотря ни на что». Понятно, что насиліе со стороны козаковъ вызывало лишь большее ожесточеніе со стороны магистрата и его подданныхъ.

Въ виду постоянныхъ жалобъ полковаго начальства, графъ Разумовскій въ 1753 г. представилъ докладъ обо всѣхъ происходящихъ съ магистратомъ пререканіяхъ на Высочайшее усмотрѣніе, высказавъ при этомъ свое мнѣніе, что изъ разсмотрѣнныхъ имъ привилегій и грамотъ вовсе не слѣдуетъ, «чтобъ и подданныхъ кіевскаго магистрата, живущихъ въ с. Преваркѣ и деревняхъ Куреневщинѣ и Сырцѣ, ни до какихъ общенародныхъ малороссійскихъ податей и повинностей не привлекать» наравнѣ съ кіевскими мѣщанами. Но вопросъ этотъ долго еще оставался не разрѣшеннымъ и вызывалъ только распри между козаками и мѣщанами.

Въ 1760 году происходила въ кіевскомъ полку ревизія «убылыхъ» противъ прежней ревизіи дворовъ. Когда полковые комиссары хотѣли было освидѣтельствовать такіе дворы и въ кіевскихъ подгородьяхъ, то магистратъ ихъ къ тому не допустилъ, предупреждая притомъ, что если они сами туда поѣдутъ «и тамо учинится какая отъ жильцовъ тамошнихъ конфузія, онъ въ томъ виновенъ не будетъ и того запрещать не имѣетъ».

Столкновенія магистрата съ полковымъ управленіемъ изъ-за сборовъ съ магистратскихъ маетностей не прекращались и по упраздненіи власти гетмана въ 1764 г. и «исключеніи кіевскаго магистрата и всѣхъ состоящихъ въ вѣдомствѣ онаго людей совсѣмъ изъ малороссійской команды». Въ апрѣлѣ 1766 г. сотни Гоголевской комиссары съ козаками до 20 человѣкъ наѣхали въ

принадлежавшій магистрату на Днѣпрѣ островъ Осетчину и потребовали съ жителей «деньги за провіантъ», а не получивши ихъ, арестовали нѣсколькихъ человѣкъ и отвезли въ Козелецъ, заявивъ, что «когда де подлежащіе денги съ оной Осетчины будутъ присланы, въ то время и оные взятые люди отпущени будутъ». По справкѣ оказалось, что Осетчину впервые заселилъ кіевскій войтъ Дмитрій Полоцкій, которому магистратъ предоставилъ тамъ пользованіе сѣнокосомъ, и что къ небольшому числу бѣдняковъ, жившихъ тамъ въ качествѣ сторожей, никто изъ полковаго начальства не касался до 1747 года; въ этомъ же году назначенный отъ войск. ген. канцеляріи комиссаръ Кандыба, «неправильно посчитавъ ихъ ранговыми войтовскими, записалъ ихъ въ ревизію обывателями кіевского полку»; но затѣмъ во время генеральной ревизіи 1763 г. они исключены были изъ вѣдомства полковой кіевской канцеляріи. Притязаніе ея было незаконное и ей, по жалобѣ магистрата, предписано было: «захваченныхъ магистратскихъ подданныхъ изъ подъ караулу освободитъ немедленно и впредъ собою, безъ вѣдома кіево-губернской канцеляріи, до тѣхъ Осецкихъ жителей, *кои до Малороссіи не принадлежатъ*, не касаться и никакихъ дачъ отъ нихъ не требовать».

Всѣ такого рода пререканія относительно привиллегій магистрата велись ближайшимъ образомъ правящими, такъ сказать, лицами мѣщанскаго и козацкаго сословій, но въ нихъ несомнѣнно заинтересована была и масса этихъ сословій, принимавшая въ этомъ дѣлѣ живое участіе.

II.

Постоянное, въ теченіе болѣе полустолѣтія, нарушеніе войсковою властію привиллегій магистрата, принижая достоинство сего послѣдняго и затрогивая наиболѣе чувствительные экономическіе интересы кіевскихъ мѣщанъ, породило непримиримую вражду между ими и козаками. Мѣщане не могли не видѣть, что всѣ притѣсненія ихъ идутъ отъ полковаго управленія и что это послѣднее находило себѣ поддержку въ самомъ гетманѣ. Понятно, что ничто не могло быть такъ желательно для нихъ, какъ изъятіе Кіева изъ юрисдикціи гетманской. И къ удовольствію ихъ это исполнилось: въ 1761 году Кіевъ изъятъ былъ изъ вѣдомства гетманскаго и подчиненъ непосредственно сенату. Но радость кіевлянъ была непродолжи-

тельна: въ 1762 г. графъ Разумовскій вновь исходатайствовалъ у Петра III возвращеніе Кіева въ свое вѣдомство. Съ воцареніемъ Екатерины мѣщанство кіевское постигло новое огорченіе; вмѣсто выбора войта вольными голосами всего кіевскаго гражданства, какъ было установлено изстари королевскими и царскими грамотами, императрица назначила на эту должность собственною властію секундъ-майора Ивана Сычевскаго. Новый войтъ принялся править вольною общиною по военнымъ артикуламъ, ни во что ставя вѣковыя тридиціи и привиллегіи кіевскаго мѣщанства. Прошло не мало времени и мѣщане убѣдились, что ихъ стариннымъ вольностямъ грозитъ рѣшительная опасность; въ новомъ войтѣ они видѣли «явного недоброхота, обидчика и вредителя»; по ихъ словамъ, «онъ ни о чемъ столь всякихъ мѣръ не употреблялъ, какъ только о томъ, чтобъ какими свободами и вольностями здѣшній городъ пожалованъ и утвержденъ, то ко всеконечному забвенію привесть, а ихъ мѣщанъ къ крайнему озлобленію и отягощенію низвергнуть». Понятно, что такой войтъ вполнѣ сочувствовалъ послѣдовавшему подчиненію магистрата командѣ гетмана; а между тѣмъ мѣщанство, какъ только полученъ былъ въ Кіевѣ указъ 1762 г. о бытіи магистрату въ командѣ гетмана, немедленно составило прошеніе въ сенатъ объ освобожденіи его отъ этой команды. Сычевскій отказался подписать это прошеніе; но оно было отправлено и безъ его подписи. Повезъ его въ Москву райца Федоръ Ризенко, а Сычевскій немедленно далъ знать объ отъѣздѣ его гетману, бывшему въ то время въ Москвѣ. Гетманъ приказалъ разыскать Ризенка; но онъ, узнавши объ этомъ и «опасаясь, дабы за сыскомъ его какова ему штрафа и истязанія не послѣдовало, употребилъ удобовозможные къ сокрытію себе мѣры»,—поспѣшилъ подать привезенное прошеніе и, не ожидая на него резолюціи, выѣхалъ изъ Москвы. Мѣщане заволновались и подали жалобу въ сенатъ на самого Сычевскаго за разныя отъ него обиды и притѣсненія и просили удалить его вовсе, а имъ дозволить выбрать по прежнимъ обыкновеніямъ вольными голосами другаго войта. Это было въ началѣ 1763 г. Между тѣмъ гетманъ еще въ концѣ предъидущаго года распорядился, чтобы къ нему присланы были копіи со всѣхъ имѣющихся въ кіевскомъ магистратѣ грамотъ «о вольности и свободѣ кіевскихъ мѣщанъ», а равно и вѣдомости о доходахъ. Магистратъ медлилъ съ

отвѣтомъ, очевидно, умышленно, ожидая благопріятнаго отвѣта на свое прошеніе, которое вторично поручилъ подать своимъ депутатамъ, отправлявшимся въ декабрѣ того же года въ Москву «для отданія ея императорскому величеству отъ всего города досгодолжного поклона и поздравленія» со вступленіемъ на престолъ. Но въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1763 г. гр. Разумовскій вновь приказалъ, чтобы затребованныя имъ отъ магистрата копіи представлены были ему непремѣнно къ 25 мая. Копіи были изготовлены, но при отправкѣ ихъ произошла новая ссора магистратскихъ чиновъ съ войтомъ, которому уже никто изъ нихъ не довѣрялъ. Они требовали, чтобы войтъ подписалъ копіи въ общемъ присутствіи и затѣмъ отправилъ бы ихъ съ нарочнымъ, войтъ же настаивалъ, чтобы всѣ копіи были доставлены къ нему для подписи на домъ, а онъ ихъ отправитъ по почтѣ. Магистратскіе урядники рѣшились отправить копіи безъ подписи войта съ нарочнымъ, а войтъ донесъ гетману объ ослушности магистрата и высказалъ подозрѣніе въ вѣрности самихъ копій. Немедленно присланъ былъ отъ гетмана въ Кіевъ старшій канцеляристъ Осипъ Туманскій, «для своду и освидѣтельствованія копій привиллегій съ оригиналами», и онъ же привезъ съ собою ордеръ гетмана объ увольненіи отъ должности магистратскаго писаря Якова Давыдовскаго. Вѣсть объ этомъ мигомъ облетѣла весь Кіево-Подолъ и его пригородья и наэлектризовала ихъ населеніе. Всѣ ждали, что учнутъ гетманскій полномочный и ненавистный войтъ,—ждали и не на шутку готовились дать обоимъ сильнѣйшій отпоръ.

15-го декабря Сычевскій и Туманскій пришли въ магистратъ и, приказавъ перенести сундуки съ хранившимися въ нихъ крѣпостями (грамотами) изъ скарбовой избы въ судейскую, запечатали ихъ своими печатями, отобрали ключи отъ правящихъ тогда бурмистра Кулеша и райцы Ризенка и приставили караулъ изъ кіевскихъ козаковъ, пригласивъ для этого въ магистратъ ненавистнаго мѣщанамъ кіевскаго сотника Михаила Гудиму. «Съ того между мѣщанствомъ, а паче между простымъ народомъ, произошло смущеніе; всѣ предъопасеніе имѣли, дабы оные крѣпости чрезъ кого либо, а паче чрезъ тѣхъ же сотника и кіевскихъ козаковъ, *съ которыми магистратъ и гражданство изъ давнихъ годовъ имѣютъ приказную ссору*, подхвачены и безвѣстно унесены не были, и потому единому народъ весь къ магистрату для охраненія тѣхъ

крѣпостей собрался и до того не отходили, пока тѣ сундуки съ крѣпостями, по дозволенію войта и Туманскаго, чрезъ довольное обоихъ ихъ отъ чиновниковъ магистрата и мѣщанъ прошеніе, по прежнему въ скарбовую избу внесены и козачій караулъ изъ магистрата снятъ».

Такъ просто и коротко излагали это дѣло магистратскіе урядники въ своей жалобѣ на войта; но далеко не въ такомъ мирномъ видѣ изображается это «довольное отъ мѣщанъ прошеніе» въ объясненіяхъ войта, которыя онъ давалъ впослѣдствіи. По его словамъ, (и они, кажется, ближе къ истинѣ) вотъ какъ происходило это дѣло. Еще наканунѣ магистратскіе урядники, а больше всего райца Федоръ Ризенко и писарь Яковъ Давыдовскій, намѣренно смущали народъ, внушая, что магистратскимъ крѣпостямъ грозятъ «нѣякійсь вредъ и нарушеніе» и созывая къ магистрату всѣхъ цеховыхъ съ ихъ работниками; чтобы еще болѣе возбудить толпу, бурмистръ и райца усердно раздавали при этомъ горѣлку. 15-го декабря, когда Сычевскій вмѣстѣ съ Туманскимъ прибыли въ магистратъ, то уже застали здѣсь массу народа, толпившагося какъ на улицѣ, такъ и въ самомъ зданіи, при чемъ, по удостовѣренію ихъ, всѣ «имѣли у себя въ пріуготовленіи дубинки и держали подъ полами». Какъ только войтъ приступилъ къ переноскѣ сундуковъ съ крѣпостями изъ скарбовой въ судейскую избу, райца Ѳ. Ризенко отъ имени всѣхъ собравшихся «сталъ сурово и съ крикомъ договаривать Туманскому, что если де крѣпости будутъ переноситься, то отъ народа великое смущеніе послѣдуетъ и до худова случая дойдетъ». Когда же одинъ сундукъ былъ все таки перенесенъ въ судейскую и Туманскій вызвалъ для охраны и поставилъ у входа козачій караулъ, то народъ «началъ избивать козаковъ и съ превеликимъ шумомъ толпиться въ судейскую избу». Никакія убѣжденія со стороны Туманскаго ничего не помогали: народъ бранилъ его, порывался даже бить. Туманскій въ страхѣ сталъ предъ зерцаломъ и во имя императорскаго величества протестовалъ противъ такого насилія предъ находившимися тутъ урядниками; но и этотъ протестъ не произвелъ желаемаго дѣйствія. Тогда Туманскій потребовалъ отъ войта, чтобы онъ вышелъ въ прихожую избу для увѣщанія; но лишь только войтъ переступилъ порогъ и сталъ говорить, какъ сами урядники съ яростію закричали: «мы

тебѣ ни въ чемъ не вѣримъ и сего-жъ часа подаемъ нашъ протестъ въ губернскую канцелярію»; народъ же, увидя войта, съ крикомъ поднялъ на него дубинки и принудилъ его бѣжать въ судейскую. Опасаясь «кровопролитія, а на остатокъ и смертного убивства», войтъ и Туманскій дали знать о происходящемъ караульному офицеру на гауптвахту, прося у него «караульными канонирами обороны». Пришелъ караульный, а съ нимъ еще три офицера, но безъ солдатъ; они стали уговаривать собравшихся разойтись; но тѣ, поднявъ дубинки, всѣ закричали: «ежели вы сюда канонировъ приведете, то мы васъ ни одного не выпустимъ живого». Офицеры «съ немалою опасностію принуждены были ретироваться на свою гауптвахту». Въ виду такихъ обстоятельствъ, переписка и освидѣтельствованіе крѣпостей не могли продолжаться, а потому войтъ, сложивши ихъ по прежнему въ сундукъ, вмѣстѣ съ двумя бурмистрами отнесъ его на прежнее мѣсто. Окружавшая магистратъ толпа кричала: «убъемъ войта, а грамотъ забирать не допустимъ», стоявшіе же въ прихожей и сѣняхъ мѣщане бурмистра и войсковаго канцеляриста, несшихъ сундукъ, при выходѣ ихъ уже изъ скарбовой избы, порядочно «потолкали», а войта и Туманскаго съ крикомъ и бранью не выпускали изъ избы, пока Туманскій не объявилъ во всеуслышаніе, что «освидѣтельствованіе крѣпостей и переписка оныхъ уже оставлены» и производиться больше не будутъ: тогда только народъ «мало утишился, однако при выходѣ войта за полы рвали и осматривали подъ полами крѣпостей, а Туманскаго и по бокамъ подколачивали».

Въ продолженіе всего этого смятенія имя гетмана часто повторялось въ толпѣ въ сопровожденіи бранныхъ, «поносительныхъ» словъ. «Не дижде гетманъ наши животы одъ насъ отбирать», говорили въ толпѣ; а личные враги войта внушали, что «лучше одного войта убить, нежели всего города крѣпости утерять».

Донесши объ этомъ происшествіи гр. Разумовскому и представивъ списокъ зачинщиковъ, Сычевскій заявилъ, что онъ и присутствовать въ магистратѣ теперь боится, и выѣхалъ изъ Кіева на праздникъ Рождества Христова къ тестю своему въ Хороль. Туманскій тоже поспѣшилъ вернуться въ Глуховъ.

Урядники магистратскіе съ своей стороны донесли обо всемъ случившемся гетману, жалуясь ему на дѣйствія войта и Туманскаго.

Получивши всѣ эти донесенія, гр. Разумовскій командировалъ въ Кіевъ генеральнаго войсковаго асаула Скоропадскаго и велѣлъ ему: «забравъ урядниковъ и мѣщанъ, явившихся первѣйшими возмутителями, прислать въ Глуховъ». Скоропадскій прибылъ въ Кіевъ наканунѣ новаго года и немедленно арестовалъ и отправилъ въ Глуховъ множество лицъ, прописанныхъ въ спискѣ Сычевскаго, подъ строжайшимъ карауломъ и многочисленнымъ конвоемъ. Взяты были въ Глуховъ и всѣ подлинныя крѣпости. Магистратскіе урядники подвергнуты были здѣсь не малому униженію, въ концѣ же концовъ гетманъ отрѣшилъ ихъ отъ должностей и предписалъ, чтобы они и «впредъ ни въ какіе по магистрату уряды производимы не были». Крѣпости отданы были тѣмъ же урядникамъ на руки, но не всѣ и, какъ доносилъ объ этомъ впослѣдствіи магистратъ правительствующему сенату, «многое число привилегій королевскихъ и протчихъ удержано».

Получивъ ордеръ объ отрѣшеніи многихъ своихъ членовъ, кіевскій магистратъ, очевидно, глубоко обиженный такимъ къ себѣ отношеніемъ со стороны «вышней малороссійской команды», обратился по этому поводу съ жалобой въ правительствующій сенатъ, ходатайствуя какъ объ отрѣшеніи войта Сычевскаго, такъ и объ освобожденіи его магистрата отъ названной «вышней команды». Но къ этому времени рѣшалась уже безповоротно участь самаго гетманства, а потому и освобожденіе кіевскаго магистрата отъ гетманской власти совершилось въ томъ же году безъ особаго труда.

III.

Отстаивая свои привилегіи, свою свободу отъ общенародныхъ повинностей, кіевское мѣщанство уклонялось подъ часъ и отъ такихъ даже повинностей, которыя по всей справедливости должны были лежать на немъ.

Кому, казалось бы, слѣдовало исправлять дороги въ Кіевѣ, какъ не постояннымъ и коореннымъ жителямъ? И однако-жъ магистратъ ухитрялся и эту работу производить руками козаковъ и ихъ подпомощниковъ. Объ удобствахъ путей сообщенія въ ту пору правда мало заботились, о мостовыхъ же и представленія не имѣли; но была тогда въ Кіевѣ главная дорога, соединявшая Подолъ съ прочими частями города, которая по самому положенію своему, отъ стока водъ,

при усиленномъ движеніи, нерѣдко приходила въ невозможное состояніе и требовала частыхъ и большихъ поправокъ. Это такъ называемый Крещатицкій взвозъ, служившій продолженіемъ Крещатицкой долины и тамъ (кто бы могъ подумать это?), гдѣ нынѣ заведеніе минеральныхъ водъ, спускавшійся до источника Владиміра, а отсюда выходившій на Подолъ. Объ исправленіи этой-то дороги и шло долгое время препирательство между козацкимъ начальствомъ и кіевскимъ магистратомъ, кончившееся для послѣдняго полною неудачею.

Въ 1754 году надъ исправленіемъ крещатицкой дороги, состоявшей въ дачахъ Михайловскаго монастыря, работало не малое время сто одинадцать душъ подпомощниковъ кіевскаго полка. Полковое начальство и тогда уже жаловалось гетману, что такое исправленіе сопряжено съ явною несправедливостію для козаковъ кіевскаго полка, живущихъ тамъ въ маломъ числѣ и въ самыхъ песчаныхъ и найтѣснѣйшихъ мѣстахъ, тогда какъ на сторонѣ магистрата кіевскаго и его подданныхъ огромное многолюдство и никто иной, какъ именно они частыми и ежедневными переѣздами приводятъ крещатицкую дорогу въ невозможное для ѣзды состояніе. Кому-же,— справедливо разсуждало козацкое начальство,—какъ не самому магистрату кіевскому съ его людьми и подданными починять эту дорогу, и просило не привлекать къ тому козаковъ подпомощниковъ, отягощенныхъ, кромѣ указныхъ нарядовъ и командировокъ, безпрестанными работами и посылками. Гетманъ уважилъ это ходатайство полковой канцеляріи и обязанность исправлять крещатицкую дорогу возложилъ на кіевскій магистратъ. Не смотря на то, въ 1757 году вице-губернаторъ Костюринъ, по настоянію, какъ можно думать, кіевскаго магистрата, потребовалъ отъ кіевской полковой канцеляріи «выслать потребное число людей кіевскаго полку» для исправленія той-же дороги. Полковая канцелярія, оставивъ это требованіе безъ исполненія, обратилась вновь къ гетману съ просьбой защитить козаковъ отъ повинности, составляющей прямую обязанность магистрата. Гетманъ и на этотъ разъ предписалъ магистрату исправить дорогу собственными средствами, а кіевскому полковнику далъ знать, чтобы онъ впредь «къ починкѣ кіевскихъ тогобочнихъ заднѣпрскихъ дорогъ, въ томъ числѣ и хрещатицкой, отъ кіевскаго полку работниковъ не наряжалъ и не высылалъ».

Это была впрочемъ едва-ли не единственная попытка магистрата свалить свое бремя на чужія плечи, кончившаяся для него полною неудачею; во всѣхъ другихъ подобныхъ своихъ претензіяхъ къ козакамъ или ихъ къ нему онъ торжествовалъ, а иногда доводилъ ихъ до совершеннаго посрамленія.

Была напр. въ Кіевѣ таможня и собирались пошлины, слѣдовавшія въ доходъ малороссійской войсковой казны. Отвозить изъ Кіева въ Глуховъ таможенные сборы лежало издавна на обязанности кіевскихъ козаковъ; кіевское сотенное правленіе стало ходатайствовать, чтобы обязанность эта возложена была на магистратскихъ урядниковъ, выставляя то, что козаки живутъ въ Кіевѣ въ маломъ числѣ, что они во всемъ крайне убогіе, несутъ и безъ того много разнаго рода повинностей, тогда какъ магистратскіе урядники и мѣщане, «во всемъ доволніе и *найлучшой въ Кіевѣ промыслъ содержащіе,* никакихъ общенароднихъ повинностей не несутъ и живутъ въ домахъ безъ и малѣйшого куда либо ихъ употребленія». Генеральная войсковая канцелярія пробовала было раздѣлить эту повинность между магистратомъ и козаками такъ, чтобы послѣдніе давали отъ себя конвойныхъ, а самая сумма была вручаема одному изъ магистратскихъ урядниковъ или мѣщанъ, для доставленія по принадлежности. Но магистратъ и противъ этого запротестовалъ, выставляя въ свою очередь затруднительность такихъ командировокъ для магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ, которые отягчены постоями, не имѣютъ никакихъ грунтовъ, содержатся лишь съ торгового промыслу, тогда какъ козаки не знаютъ постоевъ, «находятся въ достаточествѣ и имѣютъ доволніе промисли», главнымъ же образомъ ссылаясь на грамоту 1732 года, которою повелѣвалось «магистрата кіевского урядниковъ и мѣщанъ ни въ какія наряды не употреблять».

Генеральная войсковая канцелярія, повторяя свое прежнее предписаніе магистрату, сослалась на «вышнюю команду» гетмана надъ кіевскимъ магистратомъ, по которой магистратъ обязанъ «во всѣхъ его повелѣніяхъ чинить непремѣнное исполненіе»; но магистратъ указалъ ей на то, что въ ея ордерѣ нѣтъ «точнаго повелѣнія самого гетмана»; а когда она обратилась къ гетману, то послѣдній предложилъ полковой канцеляріи «таможенную сумму

принимать и отвозить въ Глуховъ чрезъ козаковъ, а урядниковъ и мѣщанъ кіевскихъ къ тому не употреблять».

Нѣсколько раньше этого кіевскій полковой судъ жаловался на обремененіе его дѣлами о колодникахъ, ему вовсе не подсудныхъ, которыхъ пересылаетъ ему не только кіевская губернская канцелярія, какихъ бы полковъ уроженцами тѣ колодники ни были, но и кіевскій магистратъ, устраняющій себя отъ дѣлъ, ему подсудственныхъ, между тѣмъ какъ для препровожденія всѣхъ такихъ колодниковъ и для ихъ «береженія» употребляются только козаки сотни кіевской. Выступившій съ этою жалобою полковникъ кіевскій Дараганъ просилъ освободить отъ такой несправедливой тягости кіевскихъ козаковъ и возложить ее «на многонародное число подкомандныхъ магистрата кіевскаго, какъ свободнихъ отъ военной службы и указныхъ податей».

Что отвѣчалъ гетманъ полковнику на эту жалобу и на его особое о томъ-же письмо, неизвѣстно; но изъ всѣхъ бывшихъ въ нашихъ рукахъ дѣлъ о колодникахъ не видно, что когда либо магистратъ принималъ участіе въ препровожденіи ихъ въ Козелецъ или Глуховъ. По всему вѣроятію и на этотъ разъ магистратъ выигралъ справу, а козаки остались въ накладѣ.

Но вотъ магистратъ пожелалъ привлечь козаковъ, жившихъ въ городѣ, къ исполненію одной изъ такихъ повинностей, которая по видимому ни какъ не могла ихъ касаться и не только успѣлъ въ этомъ, но, благодаря промаху козачьяго сотника, ловкимъ изворотомъ довелъ его и подкомандныхъ его до публичнаго посрамленія.

Дѣло было еще въ 1748-мъ году. Въ Кіевѣ происходили частые пожары, при чемъ признавалось несомнѣнное присутствіе поджигателей. Кіево-губернская канцелярія предписала магистрату устроить на Подолѣ особые караулы и ночные обходы изъ самихъ жителей. Магистратъ поручилъ тремъ своимъ урядникамъ произвести на Подолѣ перепись дворовъ, какъ собственно магистратскихъ, такъ и другихъ жителей, подъ названіемъ разночинцевъ, и по своему усмотрѣнію назначить изъ всѣхъ жителей десятныхъ, пятидесятныхъ и сотенныхъ досмотрщиковъ для ночнаго караула; отъ каждаго десятаго двора должны были выходить такіе досмотрщики на указанныя мѣста и не только оберегать городъ отъ пожара, но ловить всѣхъ бродящихъ ночью по улицамъ подозрительнихъ людей и доставлять ихъ въ магистратъ

для изслѣдованія. Исполняя это порученіе, магистратскіе урядники зашли въ домъ священника Ильинской церкви Ѳедора Гудима, гдѣ въ числѣ другихъ гостей застали и роднаго его брата—козачьяго сотника Павла Гудима. Послѣдовало угощеніе, а за тѣмъ разговоръ по поводу дѣла. Въ разговорѣ урядники, обращаясь къ сотнику, между прочимъ, сказали: «треба надѣятись и васъ, мосци пане сотникъ, записать». Сотника это взорвало и онъ обругалъ урядниковъ и ихъ начальство непристойными словами, при чемъ о самой магистратской инструкціи выразился непочтительно и образно, сопровождая слова свои неприличнымъ дѣйствіемъ. Урядники доложили обо всемъ магистрату, а магистратъ далъ дѣлу оборотъ, какого конечно не ждалъ сотникъ. Инструкція была дана по распоряженію кіево-губернской канцеляріи, а кіево-губернская канцелярія распорядилась на основаніи высочайшаго указа. Возникало такимъ образомъ дѣло, близкое къ страшному въ то время *слову* и *дѣлу*, касавшееся чести высочайшей.

Чрезъ три дня сотника уже допрашивали секретно въ кіево-губернской канцеляріи въ присутствіи генералъ-губернатора Леонтьева, при чемъ онъ показалъ, что »когда де пьяные мѣщане, заставши его въ гостяхъ у брата, сказали, что и его, сотника, надо записать въ число съ протчими для городовой стражи, то онъ дѣйствительно на нихъ разсердился и войта и бурмистра избранилъ, но дѣйствій описанныхъ въ протестѣ, не производилъ и словъ, помѣщенныхъ тамъ не произносилъ, сказалъ же только, что магистратскія инструкціи никуда не годятся, развѣ де иное что ими подтереть».

Въ тотъ же день были допрошены и всѣ свидѣтели произшедшей ссоры, которые согласно подтвердили показаніе сотника. Доносъ и всѣ «допросныя рѣчи» немедленно отправлены были въ Тайную розыскныхъ дѣлъ Канцелярію, самъ же сотникъ былъ арестованъ на гауптвахтѣ, а доносители заключены въ крѣпость. Отвѣтъ страшной канцеляріи послѣдовалъ довольно скоро и заключался въ слѣдующемъ: «хотя сотникъ Гудимъ точно въ произнесеніи имъ непристойныхъ словъ и не винился, такожъ и свидѣтели о томъ на него точно-жъ не показали; но какъ онъ сотникъ говорилъ другія слова, которыя, по разсмотрѣнію тайной канцеляріи, въ той-же силѣ состоятъ, какъ оные протестатели показали, для того, дабы впредъ отъ произношенія таковыхъ и тому подобныхъ

словъ имѣлъ воздержаніе, учнинить ему наказаніе—*бить батогами*, и по учиненіи того наказанія его, сотника, изъ-подъ караула свободить».

Объ исполненіи этого наказанія увѣдомленъ былъ и магистратъ 7-го января 1749-го года. Мѣщанство, конечно, злорадствовало, а битый батогами сотникъ, какъ увидимъ далѣе, съ большимъ еще ожесточеніемъ повелъ борьбу противъ магистрата по другимъ дѣламъ. Но полученный имъ по поводу ночныхъ карауловъ урокъ былъ долгое время въ памяти у всѣхъ, и когда въ 1766 г. начались снова пожары, а по поводу ихъ общіе караулы, и магистратъ также занесъ жалобу на ослушаніе въ семъ дѣлѣ разночинцевъ, а особливо козаковъ, то кіево-губернская канцелярія просто предписала капитану Гребенкину *понудить* къ тому ихъ всѣхъ безъ всякихъ отговорокъ, и мы не видимъ уже никакого протеста со стороны кіевской козачей сотни.

Пытался магистратъ привлечь козаковъ и къ отбыванію постойной повинности, но только тѣхъ, которые, не входя въ составъ кіевской сотни, пріобрѣтали въ городѣ мѣщанскіе дворы. Магистратъ полагалъ, что не *званіе* козацкое освобождаетъ живущаго въ Кіевѣ козака отъ постоевъ, а дѣйствительная козацкая служба, отправляемая лицами, отъ предковъ имѣющими свои козацкіе грунты.

Въ 60-хъ годахъ жилъ въ Кіевѣ своимъ домомъ войсковой канцеляристъ Михаилъ Леонтоновичъ. Числился онъ на служвѣ въ пограничной кіевскаго воеводства коммисіи и какъ дѣла тамъ было мало, то на досугѣ занимался адвокатурою по дѣламъ разныхъ лицъ въ кіевскомъ магистратѣ. Однажды онъ обругалъ здѣсь «матерно» войта Пивоварова, называя его плутомъ и другими непотребными словами; въ другой разъ войтъ въ свою очередь оборвалъ на немъ саблю и посадилъ его подъ караулъ, а за тѣмъ сталъ донимать его постоями. Въ 1767 г. Леонтовичъ пожаловался малороссійской коллегіи; но когда коллегія отнеслась въ кіево-губернскую канцелярію, прося только войти въ разсмотрѣніе этого дѣла, то послѣдняя отвѣтила ей ссылкою на недавній указъ сената, которымъ требовалось отъ нея «ни во что до нихъ (магистратскихъ дѣлъ) не вступаться».

Смущало наконецъ магистратъ и то, что его власти не признаютъ, ни чести ему не отдаютъ какъ тѣ люди козацкаго званія, ко-

торые, пріобрѣтая мѣщанскіе грунта въ Кіевѣ, становились чрезъ это подъ его юрисдикцію, такъ особенно такъ называемые «нововписные козаки» изъ кіевскихъ мѣщанъ и тѣ пріѣзжіе козаки, съ которыми магистрату приходилось имѣть дѣло при исполненіи имъ на Подолѣ своихъ полицейскихъ обязанностей, а такихъ временно проживавшихъ въ Кіевѣ козаковъ было всегда не мало. Изъ числа послѣднихъ магистратъ арестовалъ въ 1760 г. и представилъ на судъ въ кіево-губернскую канцелярію нѣкоего козака Мамая, но винилъ его не за покупку у кіевскихъ мѣщанъ контрабанднаго пороху, а просто за его пренебреженіе къ магистратской полиціи и ея требованіямъ,—за то, что въ квартирѣ своей «днемъ и ночью изъ ружья стрѣлялъ» и что «съ начала прибытія своего въ Кіевъ, равно и по женитьбѣ, *въ кіевскій магистратъ не являлся*». Словомъ: магистратъ не упускалъ случая, чтобы чѣмъ-либо не донять ненавистныхъ ему козаковъ, не выместить на нихъ свою давнюю вражду и злобу. Козаки платили ему тѣмъ же и внутренняя смута росла и не прерывалась.

IV.

При обострявшихся по разнымъ поводамъ и становившихся болѣе и болѣе враждебными отношеніяхъ между кіевскими мѣщанами и козаками, переходы отдѣльныхъ лицъ изъ одного сословія въ другое служили новымъ поводомъ къ спорамъ и смутамъ между ними. Переходы изъ козаковъ въ мѣщане были очень рѣдки, но за то переходы изъ мѣщанъ въ козаки составляли едва ли не постоянное явленіе, и побужденій къ нимъ было не мало. Козачее званіе по традиціи сохраняло еще за собою нѣкоторое обаяніе и вообще считалось почетнѣе мѣщанскаго. Было ли оно выгоднѣе въ матеріальномъ отношеніи, сказать трудно; на недостатки матеріальные, на тяготу жизни одинаково жаловались и козаки, и мѣщане. Но мѣщанину надо было знать какое нибудь ремесло, вести промысла или имѣть грунтъ; отъ козака ничего этого не требовалось, ему нужны были только сабля и мушкетъ, иному еще конь и сбруя да и служба козачья была тогда уже чисто гарнизонною и состояла въ посылкахъ, конвояхъ и караулахъ. Было и еще одно преимущество на сторонѣ козачества: мѣщане не могли торговать водкою, это составляло монополію ратуши, а козаки, какъ ни оспаривали

и не отмѣняли ихъ право на это, шинковали если не явно, то тайно. Многое условливалось въ переходахъ изъ мѣщанъ въ козаки личными, иногда чисто случайными обстоятельствами. Кіевское козацкое начальство, имѣя надобность пополнять ряды своей сотни, не только покровительствовало такимъ переходамъ, но даже само разными способами привлекало въ свою среду кіевскихъ мѣщанъ и магистратскихъ служителей, а это вызывало вражду и протесты магистрата, для котораго, при сложившихся уже враждебныхъ отношеніяхъ его къ козачеству, всякій перешедшій въ ряды послѣдняго былъ его врагомъ и лишнимъ корчемникомъ.

На привлеченіе кіевскихъ мѣщанъ въ козачество жаловался еще въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія, въ 1707 году, войтъ Димитрій Полоцкій, заявляя, что сотникъ кіевскій наказной Трофимъ Климовичъ «безъ всякого опасенія, по своей волѣ, мѣщанъ кіевскихъ и музикъ, отначала майстратови прислушаючихъ, зъ подъ юрисдикціи ратушной отриваючи, поворочаетъ оныхъ до компуту козацкого и позволяетъ имъ всякіе медовіе, пивніе, а потаемне и горѣлчаніе отправляти шинки». По этому поводу пріѣзжали въ Кіевъ отъ войсковой генеральной канцеляріи асаулъ енералній Иванъ Ломѣковскій и писарь судовъ енералнихъ Семенъ Савичъ и производили слѣдствіе, согласно представленному войтомъ реестру,— «кто именно и отъ якого часу, съ подъ мѣского права, за побудкою пана сотника, отщепившися, удался до услуги войсковой». Послѣ обстоятельнаго изслѣдованія судъ, признавъ справедливою жалобу войта, рѣшилъ, что за исключеніемъ лишь трехъ лицъ, всѣ остальные, поименованные въ войтовскомъ реестрѣ, люди и музыканты безправно отняты отъ ратуши, а потому онъ ихъ «знову пану войтови и всему магистрату кіевскому подъ ихъ властную юрисдикцію мѣскую присужаетъ, приворочаетъ и въ належитое прежное послушенство подаетъ». Постановленіемъ того же суда предписывалось, чтобы козаки сотни кіевской, жившіе на грунтахъ мѣщанскихъ, вносили «належную до ратуши куницю, если тая здавна передъ симъ зъ тихъ грунтовъ была отбирана повинность, и теперъ всѣ, що до кого доведется, безъ жадной змаги отдавали».

Къ этому приговору приложенъ и именной списокъ всѣхъ кіевскихъ козаковъ, а въ концѣ его написано такъ: «Панъ сотникъ кіевскій не повиненъ жадныхъ людей болшъ въ козацтво пріймати,

толко сихъ, якъ въ семъ реестри есть, такъ конныхъ, пѣшихъ и вдовъ; то, по росказаню волею ясневелможного добродѣя, обоихъ сторонъ Днѣпра гетмана, Іоанна Илича Скоропадского, приказую. Войска запорожского хоружій енералный Иванъ Сулима».

Вопроса о порядкѣ пополненія козачьяго сословія ни судъ, ни гетманъ не коснулись, вопросъ же этотъ стоялъ въ то время весьма неопредѣленно и не мало заботилъ какъ мѣстную козацкую администрацію, такъ и высшее правительство.

Указомъ Петра Великаго 1723 г. предписывалось опредѣлять въ козаки «точію такихъ людей, коихъ дѣды и отцы и сами прежде были козаками»; указъ же императрицы Анны Іоанновны 1739 г. давалъ возможность записываться въ козаки и всѣмъ тѣмъ, кто владѣлъ козачьими грунтами, между тѣмъ какъ такое владѣніе лицамъ, не принадлежащимъ къ козачьему сословію, воспрещалось статутовымъ правомъ. Возникало потому такое толкованіе этого права, что де самое пріобрѣтеніе козачей земли обязываетъ къ козачей службѣ и дѣлаетъ владѣльца козакомъ; но оно не было узаконено и составляло вопросъ, требовавшій разрѣшенія.

Въ 1749 году кіевская полковая канцелярія, обращаясь къ генеральной войсковой канцеляріи за разрѣшеніемъ вопроса о томъ, «опредѣлять ли въ козаки тѣхъ посполитыхъ, которые на козачихъ грунтахъ живутъ и ради того резону въ козаки просятся», и если это не возможно, то какъ поступать съ тѣми грунтами, которые они пріобрѣли отъ козаковъ покупкою и другими способами. И надо думать, что эти вопросы возбуждались не въ одномъ лишь кіевскомъ полку. Рѣшенія ихъ намъ не удалось найти; но изъ производившихся послѣ сего дѣлъ о переходѣ посполитыхъ и мѣщанъ въ козачество нельзя не видѣть, что пріобрѣтеніе козачьихъ грунтовъ, не смотря на запрещеніе Статута, служило всегдашнимъ, найболѣе естественнымъ и благовиднымъ путемъ и поводомъ для такихъ переходовъ. Бывали случаи перехода въ козаки по обстоятельствамъ случайнымъ и побужденіямъ нечистымъ. Изъ одной жалобы магистрата, поданной въ кіевскую губернскую канцелярію въ августѣ 1753 г., видно, что приняты были въ козаки лица, которыя «къ укрытію своихъ винностей, по которымъ взошли на нихъ въ магистратъ прошенія, съ подъ видѣнія кіевского магистрата въ козацтво удались». Да и вообще, по заявленію магистрата,

къ такому переходу прибѣгали люди «непостоянные» и лѣнивые, искавшіе «легкаго, непостоянству ихъ удобнаго промисла, чтоб шинковать горѣлкою». Но что не одни такіе элементы изъ мѣщанъ стремились въ козаки, лучшимъ примѣромъ можетъ служить самъ того времени сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ, который былъ сынъ мѣщанина и служилъ прежде при магистратѣ. Нѣсколько странными и неясными представляются побужденія къ *насильственному* привлеченію въ козачество; а между тѣмъ нельзя и не повѣрить искренности жалобъ на это со стороны самихъ потерпѣвшихъ. Чрезвычайно любопытна и характерна попытка кіевскихъ козаковъ привлечь въ свою среду кіевскаго жителя Максима Горбаненка. Жена послѣдняго была по первому мужу козачка и желала, чтобы и второй мужъ ея былъ также козакомъ; но какъ мужъ этому противился, то она задумала устроить это вопреки его волѣ, съ помощію знакомыхъ ей козаковъ, и сама приняла въ этомъ участіе. 6-го августа 1753 г., въ день Преображенія Господня, козакъ сотни кіевской Өедоръ Покидко пригласилъ Горбаненка съ женою къ себѣ въ гости «на учту» и, подпоивши, сталъ подговаривать его записаться въ козаки.

— Можно бъ и вписаться, якъ бы похотѣли; толко мой отецъ не былъ козакомъ, то и меня не примуть,—отвѣчалъ на это Горбаненко, лишь бы поддержать разговоръ.

— Хто ни пожелаетъ, въ насъ примутъ, увѣрялъ Покидко и продолжалъ усердствовать въ угощеніи пріятеля, а напоивши до пьяна, водилъ его съ собою, «невѣдомо гдѣ».

Тотъ же настойчивый подговоръ повторился и 9-го августа: Покидко, «почтуя, все намовлялъ, *залецая способнѣйше жить въ козацкомъ званіи*», а въ заключеніе привелъ Горбаненка, совершенно пьянаго, въ козацкую судовню. Бывшіе тутъ козаки записали его въ реестръ и повели къ присягѣ; Горбаненко, «опамятовавшись, отговаривался по тверезу прити» и постарался убѣжать домой, а затѣмъ, опасаясь, чтобы козаки не взяли его изъ дому насильно, босой удралъ на берегъ Днѣпра. Покидко однако не хотѣлъ упустить его изъ рукъ и, въ сопровожденіи жены бѣглеца и другихъ трехъ козаковъ, разыскалъ его на берегу и потащилъ въ судовню. Но Горбаненко опять вырвался, убѣжалъ и скрывался отъ преслѣдованій двое сутокъ, а 11 августа

подалъ жалобу въ магистратъ, заканчивавшуюся такими словами: «яко я нижайшій не козачой сынъ и намѣренія таковаго не имѣлъ и не имѣю, а желаю жить подъ правомъ майдебурскимъ въ юриздицкіи мѣской, въ томъ высокопочтенного магистрата кіевского прошу о таковомъ самоволномъ нахалническомъ козаческомъ дѣйствіи, въ пресѣченіе того, гдѣ надлежитъ, представить».

Другой кіево-подольскій житель «кравецкого цеху» Андрей Борсукъ, въ прошеніи своемъ на высочайшее имя, жаловался на асаула Григорія Голика, писаря Григорія Богословскаго и еще двухъ козаковъ, что они, напоивши его пьянымъ, насильно привели въ церковь и поставили къ присягѣ на службу козацкую. Заявляя, что по слабости здоровья «воинско служить крайне не можетъ», онъ проситъ «отъ козацкой статьи увольнить», чтобъ быть ему въ вѣдомствѣ магистрата, «въ цеху кравецкомъ по прежнему».

Въ 1767 и 68 гг. магистратъ жаловался генералъ-губернатору Воейкову на сотника Павла Гудима и сына его Михаила, за то, что они, вопреки ордеру малороссійской коллегіи, и не думали возвращать въ вѣдомство магистрата незаконно принятыхъ ими въ козаки кіевскихъ жителей. Малороссійская коллегія, по представленію Воейкова, назначила по этому поводу особое разслѣдованіе. Оказалось вновь вписанныхъ въ козаки 16 человѣкъ.

Объ одномъ впрочемъ изъ этихъ лицъ, объ Антонѣ Дмитрюкѣ, кіевское сотенное правленіе заявило, «что де онъ издавна по предкамъ его козакъ и хоружого сотеннаго сынъ и въ ревизіи 764 года точно между козаками въ Кіево-Подолѣ записанъ; но, убѣгая нынѣ козачей службы, отдался подъ вѣдомство магистрата кіевскаго и тѣмъ отъ опредѣленной ему почтальонской должности закрылся». Самъ же Дмитрюкъ заявлялъ, что онъ, принадлежа съ малолѣтства къ мѣщанству и состоя въ кравецкомъ цеху, «хотя между кіевскими козаками чрезъ нѣкоторое время по маловажнымъ услугамъ *козачо и послужилъ*, однакъ въ компутъ козачій не уписанъ и на должность козачую къ присягѣ нигдѣ не приводимъ и ни въ какихъ казенныхъ щетахъ и комисарствахъ не бывалъ и ничимъ по сотенной канцеляріи по козачеству не обовязанъ».

Отстаивая этого Дмитрюка, магистратъ въ репортѣ своемъ Воейкову уже въ концѣ 1771 г. напоминалъ, что де и до сего времени не выполненъ козацкимъ начальствомъ указъ правитель-

ствующаго сената 1760 года, которымъ предписывалось не только «записанныхъ кіевскимъ сотникомъ въ коваки мѣщанъ и слугъ магистратскихъ, немедленно изъ козаковъ выключа, магистрату возвратить», но и всѣхъ козаковъ, «для пресѣченія происходимыхъ у нихъ изъ кіевскимъ магистратомъ и мѣщанами всегдашнихъ, по разнымъ причинамъ, безконечныхъ ссоръ, дракъ и тяжбъ, а оттого чинимыхъ правительствующему сенату и другимъ командамъ не малыхъ жалобами докукъ и затрудненій, изъ Кіева вывесть въ другое малороссійское свободное мѣсто».

Такого рода крайняя мѣра, мысль о которой впервые, впрочемъ, подана была самой же «вышней малороссійской командой», представлялась теперь магистрату единственнымъ средствомъ избавиться отъ безконечныхъ ссоръ съ мѣстными козаками. Поводовъ для этихъ ссоръ, какъ мы видѣли, находилось всегда много; но главнѣйшій между ними, самое основное яблоко раздора, былъ «горѣлчаній шинкъ», т. е. право розничной продажи вина. Къ столкновеніямъ изъ-за этой продажи, рисующимъ наиболѣе ярко характеръ сложившихся отношеній между кіевскимъ мѣщанствомъ и козачествомъ, мы и перейдемъ теперь.

V.

Продажа хлѣбнаго вина «роспивочно и на выносъ» въ особыхъ «шинковыхъ домахъ» въ нижнемъ городѣ Кіевѣ на Подолѣ издавна составляла привиллегію кіевскаго магистрата, много разъ подтвержденную королевскими и гетманскими универсалами, а затѣмъ и высочайшими грамотами [1]). За пользованіе этою привиллегіею магистратъ уплачивалъ въ казну ежегодно 600 рублей и, кромѣ того, обязывался давать поводы для лицъ проѣзжавшихъ, такъ сказать, по казенной надобности, а также принимать и довольствовать всѣмъ необходимымъ проѣзжавшихъ чрезъ городъ чужеземныхъ пословъ.

---

[1]) Привиллегія эта распространялась лишь на нижній городъ Кіево-Подолъ. Въ другихъ частяхъ города существовали казенные кабаки, которые находились въ завѣдываніи особыхъ надзирателей и цаловальниковъ. Казенные кабаки имѣли своихъ „вредителей" въ лицѣ отставныхъ солдатъ и солдатскихъ женъ, занимавшихся корчемствомъ. Казенная продажа, какъ видно, шла плохо. Въ 70-тыхъ годахъ всѣ кабаки были на откупу и къ этимъ годамъ относится не мало дѣлъ, свидѣтсльствующихъ о борьбѣ уже откупа съ корчемствомъ.

Но привиллегія эта порождала ожесточенную борьбу мѣщанства съ козаками, проживавшими въ городѣ, и съ кіевскими монастырями, такъ какъ и тѣ и другіе, имѣя вообще право куренія вина и продажи онаго, желали пользоваться онымъ и здѣсь и вопреки запрещеніямъ явно и тайно шинковали и въ чертѣ Кіево-Подола. Намъ пришлось пересмотрѣть огромную массу дѣлъ о корчемствѣ за 40 лѣтъ прошлаго вѣка, съ 1729 по 1770-й годъ. Изъ этихъ то дѣлъ мы и извлекаемъ сообщаемыя ниже свѣдѣнія.

Еще въ 1729 году кіевскій магистратъ выигралъ дѣло съ козаками въ генеральномъ войсковомъ судѣ, который обязалъ подписками кіевскаго сотника Еремѣя Жилу «зъ отаманомъ и товариствомъ», чтобы они шинковъ не держали и въ домахъ своихъ водки бы никому не продавали. Тѣмъ не менѣе «продерзостніе козаки» продолжали корчемствовать, подрывая интересы магистрата и кіевскихъ мѣщанъ и возбуждая въ этихъ послѣднихъ постоянное противъ себя озлобленіе. Получивъ право производить обыски, «выемки» корчемнаго вина, при содѣйствіи гарнизонныхъ солдатъ, содержавшихъ караулъ на Подолѣ, мѣщане очень часто накрывали противозаконную продажу водки въ козачьихъ домахъ и ни одна почти такая «выемка» не обходилась безъ обоюдной драки.

Въ 1743 году, 8 генваря, производили обыскъ въ козачьихъ домахъ лавникъ Федоръ Малченко съ тремя урядниками и магистратскими слугами и арестовали козака Шпака, захвативъ и найденную у него водку. Сосѣди козаки, узнавши объ этомъ, въ числѣ 20 человѣкъ напали на «магистратовыхъ», отняли у нихъ арестованное вино и, разбивъ посуду, розлили его на землю, а урядника Бурменка, «упхнувъ въ дворъ, зъ ногъ збывъ, безъ всякой пощады дубинами и оглоблями били и изувѣчили, голову въ разныхъ мѣстехъ смертными разы проломили». Избили и лавника Малченка «дручьемъ и саблями».

Объ этомъ происшествіи магистратъ подалъ «протестъ» генералъ губернатору Леонтьеву, по приказанію котораго и былъ произведенъ осмотръ побитыхъ. Войтъ Павелъ Войничъ жаловался при этомъ, что при происшедшемъ со стороны козаковъ нападеніи они похвалялись, что «и войта, и бурмистровъ, и райцовъ бить будутъ до смерти, по силѣ будто сотникомъ ихъ Еремѣемъ Жилою и сыномъ его Петромъ привезеннаго указа». Къ слѣдствію, назначен-

ному генералъ-губернаторомъ, привлечены были и сотникъ Петръ Жила и его отецъ, въ качествѣ отвѣтчиковъ. На допросѣ въ кіевской губернской канцеляріи сотникъ говорилъ, что отнюдь не знаетъ такихъ жалованныхъ грамотъ, которыя бы запрещали козакамъ шинкованье въ Кіевѣ, предоставляя это одному лишь магистрату. Указавъ на существованіе шинковъ монастырскихъ, онъ выразилъ удивленіе, «чего ради у кіевскихъ козаковъ ратуша кіевская таковую вольность отъемлетъ, и ссылаясь на высочайшіе указы 1721, 1728 и другихъ годовъ, прибавилъ: «а чтобы изъ той вольности одни только жительствующіе въ Кіевѣ козаки выключены были, о томъ въ оныхъ указахъ не написано». Когда же магистратскій повѣренный доказалъ отвѣтчику, что онъ *не могъ не знать* указовъ, запрещавшихъ «шинковать горѣлкою», тогда Петръ Жила сталъ настаивать на незаконности производимыхъ магистратомъ выемокъ, такъ какъ де «такого обыкновенія, чтобъ суперникомъ за сорою, приходя въ чужіе домы, позволено было за свой интересъ грабить имѣнія, нигдѣ не находится и ни въ которыхъ правахъ того не сыщется». О самомъ происшествіи 8-го генваря сотникъ и его сынъ отозвались невѣдѣніемъ, по объясненію же повѣреннаго обвиняемыхъ козаковъ козаки не нападали на магистратскихъ служителей, а только отъ нихъ оборонялись.

Такъ какъ между челобитчиками и отвѣтчиками возникалъ споръ о самомъ правѣ на шинковую привиллегію и вытекавшее изъ нея право «выемокъ», то дѣло перешло въ высшія инстанціи. 24 октября 1743 г. послѣдовала по этому поводу на имя кіевскаго войта со всѣмъ магистратомъ высочайшая грамота, а 31 октября и особый указъ правительствующаго сената, еще разъ подтверждавшіе названную привиллегію магистрата. Три дня били въ Кіевѣ въ барабаны, три дня во всенародное извѣстіе публиковали, «дабы никто, какъ духовнаго, такъ и мірского чина люди, внѣ и внутрь города Кіева, никакими напитками отнюдь не шинковали, подъ написаннымъ въ грамотахъ штрафомъ», т. е. «забираніемъ всѣхъ напитковъ и взятьемъ денежного штрафа на магистратъ ста рублей».

Но и строжайшія запрещенія не останавливали корчемства козаковъ, борьба съ которымъ велась съ прежнимъ ожесточеніемъ. Дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ и побояхъ, возникавшія во множествѣ

по поводу «выемокъ» между мѣщанами и козаками, большею частію оканчивались ничѣмъ, такъ какъ драки были взаимныя. Возникали эти дѣла по жалобамъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ.

Въ генварѣ 1748 г. магистратъ жаловался генералъ-губернатору, что сотникъ кіевскій и всѣ козаки «пивомъ, медомъ и горѣлкою безъ всякаго опасенія, не точію въ своихъ дворахъ, гдѣ сами живутъ, шинкуютъ, но еще для такого жъ шинкованя разными пронырними способы въ людей покупаютъ и иными образы набываютъ дворы и въ тѣхъ разные напитки и горѣлку продаютъ». А чрезъ нѣсколько дней онъ-же доносилъ, что когда во время ночнаго «обичайного магистратового обхода» мѣщане зашли въ шинокъ сотника Павла Гудима, то самъ сотникъ съ атаманомъ и множествомъ козаковъ напали на нихъ и «били полусмертнымъ боемъ», при чемъ уряднику Иванову «въ двохъ мѣсцяхъ голову пробили». Въ виду такихъ насилій со стороны козаковъ, магистратъ просилъ на случай выемки въ козачихъ шинкахъ предоставить ему въ помощь болѣе значительную команду солдатъ. Генералъ-губернаторъ удовлетворилъ просьбу магистрата. Но сотникъ Гудимъ не разъ оказывалъ сопротивленіе и солдатской командѣ, не допуская къ освидѣтельствованію своихъ амбаровъ. Теперь однако такое освидѣтельствованіе состоялось, и капитанъ Поповъ нашелъ у него 50 куфъ горѣлки, назначенной къ продажѣ въ раздробъ.

Въ апрѣлѣ того же 1748 года поступила жалоба со стороны козаковъ. Городовой атаманъ кіевской сотни Лукьянъ Кругликъ заявилъ кіево-губернской канцеляріи, что магистратскій потыжиикъ Иванъ Кадрина, напавъ на него съ многолюдствомъ, избилъ его до полусмерти.

Дѣло было 25 апрѣля, въ высокоторжественный день коронаціи. По словамъ Кругляка, магистратскіе до самой ночи ходили по козачимъ домамъ для выемки горѣлки, производя при этомъ «наглые нападенія, гвалты, побои и немалые раззореніи». Видя это, онъ-же, «безъ всякой ссоры, но пріятнымъ будто-бы образомъ говорилъ имъ, дабы они для толь высокоторжественнаго дня на козачьи домы нападеній и раззореній не чинили, но, по вѣрноподданнической должности, себѣ и козакамъ дали спокойное торжествованіе». Но тутъ бывшій при Кругликѣ солдатъ, «не говоря никакихъ рѣчей, но чаятельно по вѣрноприсяжной своей должности, ревнуя толикому вы-

сокоторжественному дню, ударилъ потыжника одинажды рукою по щекѣ». Потыжникъ послалъ тогда къ ратушѣ за людьми, которые, прибѣжавъ, напали на Кругляка и насѣвъ на него, били нещадно; затѣмъ и жену его, бросившуюся было къ нему на помощь, тоже избили и изувѣчили.

Такъ изложилъ дѣло Кругликъ. Совсѣмъ иначе разсказывалъ объ немъ Кадрина. По его словамъ, никакого нападенія на атамана сдѣлано имъ не было и никакихъ побоевъ и обидъ ему не нанесено; на оборотъ, когда онъ Кадрина возвращался съ магистратскими слугами съ урочища «Черная», куда по обязанности дневальнаго отправлялся для разнятія драки мужиковъ съ солдатами, то на нихъ напалъ козачій атаманъ съ козаками, бранилъ ихъ «матерно» и бросилъ въ нихъ дубиною. Понятно, что ни та, ни другая сторона дѣйствительной правды не говорила и въ ихъ жалобахъ и объясненіяхъ вѣрно лишь то, что одна другой задали крѣпкую потасовку, большую-жъ потасовку потерпѣла та, которая приносила жалобу.

Такія потасовки происходили постоянно изъ году въ годъ. Въ 1751 году кіево-губернская канцелярія доносила сенату, что, не смотря на всѣ запрещенія, какъ сотникъ Гудимъ, такъ и козаки продолжаютъ корчемствовать, почему и происходятъ постоянныя драки, «а впредь и того опасно, дабы при таковыхъ оного вина выемкахъ и приключаемыхъ за то не малыхъ дракахъ и смертного убивства послѣдовать не могло». По этому поводу сенатъ далъ новый указъ, подтверждавшій вышеприведенный указъ 1743 г. и заканчивавшійся угрозою: «ежели кто и за симъ подтвержденіемъ и запрещеніемъ будетъ виномъ шинковать, того штрафовать». Но эта угроза практическаго значенія не имѣла: вслѣдъ за ея опубликованіемъ магистратъ вновь представилъ генералъ-губернатору списокъ козаковъ-корчемниковъ, но дѣло ограничилось запросомъ къ гетману: «куда и къ кому нынѣ и впредь кіевскихъ сотника Гудима и козаковъ къ оштрафованію отправлять».

Достойно само по себѣ вниманія то, что уличенныхъ въ корчемствѣ кіевскихъ козаковъ отправляли на судъ въ ихъ-же полковую канцелярію, которая всегда готова была ихъ оправдать и защитить. Еще болѣе любопытны дававшіяся въ ней объясненія козаковъ-корчемниковъ. Одинъ напримѣръ просто вралъ, заявляя, что,

будучи сторожемъ въ козацкой судовнѣ, онъ продавалъ только пиво и медъ, горѣлки же не продавалъ, «но толко для потчиванія козакоаъ по бутылкѣ той горѣлки отъ атамана Кругляка принималъ и тѣмъ козакамъ, когда кто придетъ, поднашивялъ»; другой, ни сколько не отрицая имѣвшихся противъ него уликъ въ корчемствѣ, настойчиво утверждалъ, что какъ прежде, такъ и теперь, не только онъ, но и другіе «кіевскіе козаки занимаются продажей горѣлки въ шинкахъ, а это для того, что они, козаки, никакихъ маетностей и вотчинъ и хуторовъ у себе не имѣютъ и ни откуду никакова жалованья и порцеи и рацеи не получаютъ, а всякіе полковые наряды и походы и въ разные мѣста въ посылки всечасто на собственныхъ своихъ со всѣмъ приборомъ лошадяхъ употребяются и пропитаніе свое имѣютъ изъ собственного-жъ своего иждивенія, *получаемого толко отъ показанной продажной горѣлки*».

Несомнѣнно, что ограниченіе права продажи водки для козаковъ, жившихъ въ Кіевѣ, представлялось несправедливымъ и высшему козацкому начальству и что оно сочувственно относилось къ оправданіямъ приведеннаго характера. Самъ гетманъ, въ томъ-же 1751 году октября 30, а затѣмъ въ слѣдующемъ году генваря 4-го представленіями своими на высочайшее имя ходатайствовалъ «о позволеніи кіевскому сотнику и козакамъ вольнаго шинкованія въ домѣхъ своихъ въ нижнемъ городѣ Кіевѣ, какъ и всѣ прочіе малороссійскіе козаки издревле, по силѣ пожалованныхъ имъ правъ и вольностей, тѣмъ пользуются». Въ подкрѣпленіе своего ходатайства онъ, то приравнивая исключительное право кіевскаго магистрата на продажу водки къ обыкновенной арендѣ, удостовѣряетъ, что кіевскіе козаки «несумнѣнно стали бы больше магистратского, т. е. шестисотъ рублевъ, платить въ казну, ежели бы, отказавъ въ томъ магистрату, дозволить имъ, козакамъ, содержать всѣ шинки, которые онъ содержитъ», то указывая на бѣдственное положеніе кіевскихъ козаковъ, заявляетъ, что при запрещеніи имъ шинковаго промысла они вынуждены будутъ выселиться изъ Кіева, а въ заключеніе жалуется на оказываемую магистрату поддержку со стороны кіевской губернской канцеляріи и проситъ, чтобы впредь уличенные въ корчемствѣ козаки отправляемы были «въ свою команду», т. е. въ генеральную войсковую канцелярію.

По поводу этихъ представленій именнымъ высочайшимъ указомъ на имя гетмана, отъ 26-го февраля 1752 года, еще разъ подтверждалось запрещеніе козакамъ шинковать въ Кіевѣ; а чтобы магистратъ, при выемкахъ корчемнаго вина, не приключалъ козакамъ обидъ и раззореній, генералъ-губернатору Леонтьеву предписываось наблюдать, чтобы въ такихъ случаяхъ магистратъ непремѣнно приглашалъ бы и отъ сотника кіевскаго «по одной сотенной старшинѣ и пристойное число нарочитыхъ козаковъ»; пойманныхъ же въ корчемствѣ повелѣвалось, по изслѣдованіи дѣла, отсылать «для нлдлежащаго наказанія» въ Глуховъ къ гетману. Въ томъ же указѣ въ отвѣтъ на соображенія гетмана высказано было между прочимъ слѣдующее: «вамъ неизвѣстно быть не можетъ, что магистратъ кіевскій за оные шинки и за протчіе свои промыслы, сборы и вольности не одну платитъ сію шестисот-рублевую сумму, но такое малое число за все берется съ него въ разсужденіи другихъ тягостей, которыя на него положены и онъ обязанъ нести, а именно: долженъ онъ проѣзжающихъ чрезъ Кіевъ изъ-за границы и за границу чужестранныхъ пословъ и другихъ чиновъ всѣмъ довольствовать и многое число давать подводъ, строити городъ и исправлять случающіеся потребности съ великимъ иждивеніемъ, одинъ безъ помощи въ томъ козаковъ, въ Кіевѣ живущихъ; чаятельно, что за сіи службы и пожалованъ сей магистратъ подтвержденіемъ такой особливой привиллегіи. Ради сихъ разныхъ, но при томъ основательныхъ резоновъ мы всемилостивѣйше и соизволили по сему дѣлу отправить къ вамъ нашу грамоту отъ 7-го октября прошлаго 1751 года. А понеже вы, нашъ гетманъ, всеподданнѣйше намъ представляете въ пользу кіевскихъ козаковъ, что онымъ, не имѣя у себя грунтовъ и другихъ промысловъ, безъ позволенія шинковать виномъ, пробавиться не можно и службы нашей они отправлять не въ состояніи, развѣ ихъ совсѣмъ изъ Кіева вывесть, того ради единственно пріемлемъ въ разсужденіе ваши представленія; токмо напредъ потребно вѣдать, сколько именно козаковъ въ самомъ г. Кіевѣ на Подолѣ живутъ и чѣмъ до-нынѣ, безъ позволенія горѣлкою шинковать, чрезъ двѣсти лѣтъ довольствовались, и ежели бы такое позволеніе горѣлкою шинковать козакамъ дано было, то переймутъ ли они на себя платить часть положенной на магистратъ платежной въ казну суммы и нести обще съ магистратомъ всѣ

протчіе службы и городскіе должности и расходы, какъ то кіевскій магистратъ до-нынѣ исполняетъ».

Гетманъ не замедлилъ представить требуемыя свѣдѣнія и вновь, ссылаясь на грамоту, данную гетману Скоропадскому 28 марта 1721 года, повторялъ свою просьбу, чтобы кіевскіе козаки не исключались изъ общей козацкой привиллегіи, чтобы и имъ разрѣшено было вольное шинкованье. Въ отвѣтъ на это въ высочайшей грамотѣ отъ 3-го сентября 1752 года было сказано: «такого вольного шинкованья кіевскимъ козакамъ позволить и толь древняго учрежденія, особливо данныхъ магистрату привиллегій и жалованныхъ отъ предковъ нашихъ и отъ насъ самихъ грамотъ, нарушить мы не намѣрены; буде же козаки дѣйствительно не могуть безъ такого разрѣшенія имъ шинковой продажи прожить и отправлять службы, то на выводъ ихъ, сотника и козаковъ, изъ Кіева мы, всемилостивѣйше соизволяя, на ваше о томъ разсмотрѣніе полагаемъ, и ежели они пожелаютъ, то вы можете ихъ въ какое-либо другое свободное изъ малороссійскихъ мѣстъ перевесть и поселить, давъ имъ надлежащее число противъ протчихъ малороссійскихъ козаковъ земли, которое переселеніе, въ разсужденіи толь небольшаго числа оныхъ козаковъ, и именно только 28 дворовъ, весьма пристойнѣе учинить, нежели для нихъ древнее учрежденіе, а особливо привиллегіи и жалованныя грамоты нарушить и тѣмъ кіевскому магистрату показать неправосудіе».

Верховная власть и гетманъ подходили такимъ образомъ къ радикальному разрѣшенію вопроса объ умиротвореніи такъ давно уже происходившихъ въ Кіевѣ смутъ посредствомъ выселенія оттуда козаковъ; но вопросъ такъ и остался не разрѣшеннымъ, не смотря на ходатайства въ томъ же смыслѣ и магистрата, и борьба козаковъ съ магистратомъ изъ-за «горѣлчаной привиллегіи» продолжалась, принимая тѣмъ болѣе острый характеръ и тѣмъ большіе размѣры, что козаки, считая себя обиженными и нарушая привиллегіи магистрата, находили себѣ поддержку въ своей высшей «командѣ».

Въ 1753 году бывшій при магистратѣ слуга Федоръ Крепакъ, забравъ впередъ за службу свою изъ магистрата деньги, оставилъ мѣсто и, вписавшись въ козаки кіевской сотни, «послѣдуя сотника Гудима и команды его козаковъ продерзостнимъ поступкамъ, завелъ горѣлчаній шинкъ». Узнавъ объ этомъ, магистратъ въ августѣ мѣ-

сяцѣ распорядился произвести «выемку» и, арестовавъ Крепака, посадилъ его въ тюрьму, «яко бѣглеца и должника магистратского. подступнъ мѣсту произведшого». Но на защиту Крепака явились козаки и среди бѣла дня, подъ предводительствомъ асаула Григорія Голика, «нахалнически гвалтовнимъ нападеніемъ, при сабляхъ, зъ обухами, зъ пѣрначемъ, зъ молотомъ ковалскимъ и зъ другими, розбою приличными нарядами, набѣжавъ къ турмамъ, стоячихъ тамо двохъ сторожей приарестовали, стращая смертнимъ боемъ, а у турмы разламавъ молотомъ замки и поотбивавъ у туремъ двери реченного Федора Крепака съ турмы вытащили и увели зъ собою, произнося непристойніе на магистратскихъ членовъ и потыжниковъ на здоровье похвалки». При этомъ изъ тюрьмы бѣжали другіе два арестанта.

Не ограничившись освобожденіемъ Крепака, козаки напали на домъ мѣщанина Седневскаго, который донесъ магистрату о корчемствѣ Крепака, и здѣсь, не заставши хозяина дома, «жену его Меланію, по родывлѣ дытыны больную, взяли и, приведъ въ козацкую судовню, били, обнажа, тирански розгами и вяза звернули». Освидѣтельствованная по распоряженію губернской канцеляріи, женщина эта оказалась дѣйствительно больною при смерти.

А на третій день послѣ этого происшествія козаки избили на улицѣ нѣсколькихъ магистратскихъ слугъ, приговаривая: «не трусить горѣлки, мы васъ всѣхъ поединцемъ поберемо». Одного слугу магистратскаго, ѣхавшаго по улицѣ верхомъ, схватили и заперли въ тюрьмѣ при козацкой судовнѣ, а вечеромъ «барбары и кіи ему показывали, запрещая горѣлки трусить, сто барбаръ и сто кіивъ дать похваляясь»; урядники же козацкіе при этомъ били его по щекамъ, говоря: «не токмо ты, слуга, но и бурмистръ и райця здѣсь окованы будутъ». Жена этого слуги, провѣдавъ о происходящемъ въ козацкой судовнѣ, дала знать о томъ магистрату; явились туда на выручку рочные бурмистръ Балабуха и райца Гродовскій съ караульнымъ офицеромъ и солдатами. Но пришедшій при нихъ же сотникъ, не стѣсняясь ихъ присутствіемъ, накинулся на заключеннаго съ бранью и угрозами и если магистратскимъ чинамъ удалось его освободить, то благодаря лишь тому, что въ это время присланъ былъ отъ оберъ-каменданта Костюрина нарочный ординарецъ. Тѣмъ не менѣе на освобожденнаго напали козаки и

на другой день и такъ его избили среди бѣла дня на улицѣ, что нельзя было уже прислать его даже для освидѣтельствованія въ губернскую канцелярію.

Не задолго передъ тѣмъ, всего за нѣсколько дней до описаннаго происшествія съ Крепакомъ, магистратъ обнаружилъ корчемство у самаго сотника Гудима и два раза представлялъ въ губернскую канцелярію его служителей съ корчемнымъ виномъ. Гудимъ обратился тогда же съ равною жалобой на магистратъ въ полковую кіевскую канцелярію.

По поводу происшествія съ Крепакомъ и жалобы сотника полковникъ кіевскій Дараганъ вступилъ въ энергическую переписку съ оберъ-комендантомъ Костюринымъ и магистратомъ. Доказывая Костюрину, что всѣ произведенныя магистратомъ «выемки» въ козацкихъ домахъ есть простое насиліе, отнятіе водки не корчемной, а про свой обиходъ въ домахъ имѣющейся и ссылаясь на недавно послѣдовавшій указъ о томъ, чтобы при «выемкахъ» корчемнаго вина присутствовалъ кто-либо изъ козацкой старшины, онъ требовалъ, чтобы содержащіе на Подолѣ караулъ офицеры не вмѣшивались въ ссоры козаковъ съ мѣщанами, не принимали бы на козаковъ ни отъ кого жалобъ и не препровождали ихъ въ губернскую канцелярію, такъ какъ у нихъ есть своя «команда», которая и разбираетъ всѣ жалобы на козаковъ «правнымъ порядкомъ». Въ частности, по поводу ареста служителей сотника и заключенія ихъ въ тюрьму, полковникъ напоминалъ, что козаки судимы должны быть по малороссійскимъ правамъ, какъ люди шляхетскаго званія. что по силѣ этихъ правъ, до удостовѣренія судомъ въ виновности, они не содержатся въ тюрьмѣ, да и за проступки наказываются сидѣньемъ на пушкѣ или взятіемъ токмо подъ караулъ и что тѣмъ болѣе магистратъ, не имѣющій надъ козаками никакой власти, не имѣлъ права козаковъ сотника въ тюрьму сажать. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ потребовалъ отъ магистрата немедленнаго освобожденія арестованныхъ корчемниковъ козаковъ, а равно, чтобы впредь выемки въ козачихъ домахъ производились бы непремѣнно при сотенной козацкой старшинѣ. «Ежели инако будетъ происходить, писалъ въ заключеніе полковникъ, и оніе козаки и сторожъ сотника съ турмы освобожденны, и горѣлка ихъ и протчое возвращенно, и за увѣтче и ихъ безчестіе по ихъ

стану удоволствовано не будетъ, то полковая канцелярія, подкомандныхъ ея не допуская къ обидѣ, принуждена будетъ *равнымъ образомъ поступить*: здѣсь зъ мѣщанъ кіевскихъ, кто будетъ, забравъ, посадить въ острогъ, и о томъ въ сотни здѣшняго полку, а паче въ Борисполь предложить, чтобъ *кого ни попавъ зъ подчиненнихъ магистрату*, забравъ, содержать въ турмѣ непремѣнно».

Эта оригинальная угроза въ оффиціальной бумагѣ свидѣтельствуетъ о крайнемъ обостреніи отношеній между враждующими лагерями. Магистратъ представилъ копію бумаги съ угрозою въ кіевскую губернскую канцелярію, прося ее «мѣщанъ кіевскихъ отъ таковаго затѣечнаго озлобленія и обиды защитить». Но защита бумажная въ эти годы была мало дѣйствительна. Столкновенія изъ-за корчемства еще больше усиливаются, при чемъ чаще начинають фигурировать въ роли корчемниковъ «нововписные козаки». Тотъ же Федоръ Крепакъ, о которомъ говорено было выше, какъ будто ищетъ такихъ столкновеній и въ теченіи 1753 и 1754 годовъ попадается въ нѣсколькихъ исторіяхъ.

19-го октября 1753 г. магистратскій шинкарь мѣщанинъ Петро Король въ магистратѣ «жалобливе ускаржался, что, сойшовшись съ нимъ на мостовой улицѣ противъ петро-павловскаго монастыря, нововписный козакъ Федоръ Крепакъ выговаривалъ ему: се де той скурвый сынъ, что въ козаковъ трусить горѣлку,—билъ его, Короля, обухомъ, колѣнами и носцами»; когда же Король пошелъ жаловаться за это къ старому атаману Семену Костовскому, то Крепакъ съ другими козаками, «найшовъ гвалтомъ» на квартиру его, Короля, схватили жену его и, приведши ее въ козацкую судовню, «похваляясь заковать въ ланцугъ, многіе разные нопотребные, а паче срамотніе издѣвки чинили».

Въ декабрѣ мѣсяцѣ произошло цѣлое побоище съ козаками, провозившими водку изъ сосѣдней съ Подоломъ слободы Плоской, владѣнія кирилловскаго монастыря, пользовавшагося, какъ и магистратъ, правомъ вольной продажи водки въ чертѣ своихъ владѣній. Не помогли на этотъ разъ магистратскимъ урядникамъ и присланные для содѣйствія имъ солдаты. Капитанъ Василій Лбовъ писалъ въ своемъ рапортѣ въ губернскую канцелярію, что козаки заранѣе угрожали караульнымъ солдатамъ: «егда де мы будемъ ѣхать мимо онаго караулу съ виномъ и когда магистратскіе урядники и слуги будутъ у насъ отни-

мать вино, чтобы вамъ караульнымъ не вступаться; а егда будете вступаться, то мы ихъ и васъ будемъ бить». И дѣйствительно, 16-го и 17 чиселъ козаки проѣхали мимо караула на нѣсколькихъ возахъ съ виномъ, не смотря на то, что ихъ останавливали магистратскіе урядники и солдаты: козаки, обнаживъ сабли, грозили всѣхъ ихъ изрубить.

Всѣ жалобы магистрата на козаковъ кіевская губернская канцелярія, не входя въ ихъ разсмотрѣніе, стала теперь отправлять въ Глуховъ, откуда и получалось стереотипное увѣдомленіе, что де предписано кіевскому полковнику «учинить надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе». Но наконецъ жалобъ накопилась такая масса, что для разбора ихъ понадобилась и дѣйствительно была учреждена особая коммисія отъ генеральнаго войсковаго суда. Однако и коммисія оказалась безсильною, такъ какъ главный отвѣтчикъ, сотникъ Гудимъ, какъ доносили и магистратъ, и сами члены коммисіи, «многіе упрямости и ослушанія причиняетъ и въ дѣло вступатся не хочетъ». Войсковой генеральный судъ потребовалъ сотника въ Глуховъ; но онъ отправился туда лишь послѣ нѣсколькихъ повтореній этого требованія и далъ такія объясненія въ генеральномъ войсковомъ судѣ, что вернулся оттуда совсѣмъ оправданнымъ и внушилъ своимъ подчиненнымъ еще большее «безстрашіе» относительно корчемства. Когда въ августѣ мѣсяцѣ мѣщане накрыли «горѣлчаній шинкъ» у козака Новиченка, то этотъ послѣдній въ магистратѣ прямо заявилъ, что «сотникъ, атаманъ, всѣ кіевскіе козаки и онъ горѣлкою шинкуютъ» и когда де онъ замѣтилъ идущихъ къ нему магистратскихъ людей, то дѣйствительно стрѣлялъ въ нихъ изъ пистолета, «потому что кіевскій сотникъ П. Гудимъ, за пріѣздомъ зъ дороги Глуховской, приказалъ всѣмъ козакамъ, ежели магистратовые за выемкою горѣлки безъ козака будутъ ходить, то бить ихъ и стрѣлять по нихъ безопасно».

Тогда же арестованъ былъ и другой козакъ, у котораго открытъ «горѣлчаній шинкъ», нѣкто Федоръ Мидзь, и не стѣсняясь, показывалъ при допросѣ въ кіево-губернской канцеляріи, что живетъ у сотника въ качествѣ его шинкаря уже шестой годъ и, получая отъ сотника горѣлку боченками, всегда шинковалъ ею. Такое же показаніе далъ онъ и въ Глуховѣ въ генеральномъ войсковомъ судѣ, куда былъ представленъ вмѣстѣ съ другими 12-ю

козаками корчемниками. Судъ постановилъ наказать его плетьми. Такое же наказаніе предписано было полковой канцеляріи учинить и надъ товарищемъ его Новиченкомъ, бѣжавшимъ изъ Глухова изъ подъ караула. Но это было плохимъ утѣшеніемъ для магистрата, такъ какъ главный виновникъ шинкованія и «вредитель» магистрату, сотникъ Гудимъ, оставался безъ наказанія; а потому магистрат, скій повѣренный Стефанъ Кисилевскій снова писалъ генеральному войсковому суду, что сотникъ, видя себя безнаказаннымъ, «приходитъ въ вящее дерзновеніе, а чрезъ тое и другіе его подчиненные козаки, смотря на него, горѣлкою шинкуютъ, и просилъ подвергнуть наказанію самаго сотника, такъ какъ въ томъ шинкованьи дѣйствительно онъ, сотникъ, винностію состоитъ, по силѣ же высочайшихъ грамотъ повелѣно самихъ винопродавцевъ штрафовать и тѣлесно наказывать безслабно». По этому поводу состоялось новое постановленіе суда, чтобы находившіеся въ Кіевѣ слѣдователи потребовали отъ сотника отвѣта и, буде оправдается показаніе шинкаря Мидзя, то сотника оштрафовать, т. е. «отобравъ у него шаблю, въ тамошней слѣдственной коммисіи задержать подъ карауломъ чрезъ три дни», прочимъ же всѣмъ козакамъ объявить, что если они будутъ продолжать шинкованье, то «тѣлесное наказаніе ихъ миновать всячески не можетъ».

Привлеченный къ допросу коммисіею, состоявшею изъ полковаго нѣжинскаго судьи Василія Куликовскаго, сотника яготинскаго Стефана Лукомскаго и войсковаго канцеляриста Якова Давидовскаго, сотникъ Гудимъ отвергалъ всѣ предъявляемыя противъ него обвиненія. Коммисія только затягивала переписку, испрашивая дальнѣйшихъ указаній суда и не знала сама, «что далѣе чинить», а сотникъ минуя коммисію, обращался къ полковнику Дарагану, предъявляя такъ сказать, встрѣчные иски и обвиненія противъ магистрата. Жалуясь на безчинства его урядниковъ, продолжавшихъ производить «выемки» въ козачихъ домахъ безъ депутатовъ отъ сотеннаго правленія, онъ доносилъ, между прочимъ, что магистратскіе урядники въ теченіи двухъ недѣль, начиная съ 7 іюля, собравъ множество цеховыхъ рабочихъ, ходили по козачимъ домамъ безъ депутата отъ сотеннаго правленія, при чемъ въ нѣкоторыхъ домахъ «скрыни келепами розбивали», а гдѣ не заставали хозяевъ дома, тамъ вынимали окна, не находя же нигдѣ водки, забрали на-

ливку вишневку, которая находилась у хозяевъ «для своей домашней обиходки».

Полковникъ, довѣряя донесенію сотника и въ отсутствіи козацкихъ депутатовъ при «выемкахъ» усматривая явное нарушеніе указовъ, просилъ отъ себя генеральный войсковой судъ защитить козаковъ отъ магистратскихъ урядниковъ и мѣщанъ, которые де «не отъ теперъ имѣя на козаковъ необычную злобу, умышленно, подъ видомъ чинимыхъ яко бы выемокъ, явно дѣлаютъ грабительства на имуществѣ и въ домахъ точніе разбойнимъ образомъ воровства и разоренія». При этомъ полковникъ, обращая вниманіе суда не безъуспѣшность прежнихъ своихъ ходатайствъ о защитѣ козаковъ «вышнею командою», рѣшился и предъ нимъ повторить ту же угрозу, съ которою онъ уже обращался въ кіевскій магистратъ, т. е. разрѣшить козакамъ всего кіевскаго полка «пріѣзжаючихъ на сію сторону Днѣпра магистратскихъ урядниковъ и другихъ подсудственныхъ магистрату людей на толикую же сумму, сколь онихъ козаковъ состоитъ претенсіи, въ свое время зграбить», находя такимъ образомъ единственное средство разрѣшенія взаимныхъ между козаками и мѣщанами претензій въ кулачной расправѣ. Кромѣ того, видимо ему не нравилось вмѣшательство кіевскаго генералъ-губернатора и губернской канцеляріи въ взаимныя претензіи козаковъ и мѣщанъ и онъ настаиваетъ на томъ, чтобы генеральный войсковой судъ отъ себя ходатайствовалъ объ устраненіи такого вмѣшательства. Судъ однако отнесся къ доношенію полковника весьма неодобрительно: прежде всего онъ нашелъ, что какъ сотникъ, такъ и полковникъ, поступали «непорядочно», принимая жалобы на магистратъ «безъ персональнаго иску самихъ истцовъ», а потому и предписывалъ полковнику выслать названныхъ въ его доношеніи обиженныхъ козаковъ или каждаго съ особымъ исковымъ прошеніемъ, или отъ всѣхъ ихъ одного повѣреннаго, такъ какъ, не имѣя такихъ прошеній и «не учиня о томъ судового процессу», и писать къ оберъ-коменданту Костюрину онъ «признаетъ за неприлично»; затѣмъ относительно намѣренія грабить мѣщанъ судъ замѣчалъ, что «тое полковая канцелярія выдумала несправедливо, ибо по указамъ его императорскаго величества и по правамъ за обиду надлежитъ суда искать, а не

грабительствомъ управляться». Въ отвѣтѣ суда сказалось его недовѣріе къ донесеніямъ полковника, и онъ имѣлъ на это основаніе, видя, съ какимъ упорствомъ кіевскій сотникъ уклоняется отъ суда и слѣдствія, продолжая въ то же время незаконное шинкованье. А объ этомъ шинкованьѣ, не задолго предъ полученіемъ вышеприведеннаго доношенія полковника Дарагана, генеральный судъ слушалъ неблагопріятное для сотника показаніе вторично пойманнаго въ корчемствѣ и доставленнаго въ Глуховъ шинкаря Мидзя; узналъ онъ также, что козакъ Новиченко, въ прошломъ году приговоренный къ наказанію, благодаря потворству полковой канцеляріи, спокойно живетъ себѣ въ Кіевѣ, укрываясь отъ наказанія.

Шинкарь Мидзь, уличенный вторично въ корчемствѣ, заявилъ въ магистратѣ, что «наказанъ де былъ онъ Глуховѣ за горѣлку, а теперъ шинкуетъ вишневкою, якою красною горѣлкою и нынѣ шинкуютъ въ судовнѣ шинкарка Анна, да у шинку близъ церкви Иліи шинкарка Галька, получая эту горѣлку отъ сотника Гудима». Сотникъ въ своихъ объясненіяхъ предъ слѣдственною коммисіей по прежнему во всемъ заперся, заявивъ, что «на шинкъ горѣлки не давалъ, токмо оною горѣлкою ему, Мидзю, плотилъ за работу». Но самъ Мидзь, будучи доставленъ въ войсковой генеральный судъ, показалъ, что, вернувшись послѣ перваго наказанія своего изъ Глухова, жилъ онъ по прежнему въ шинку сотника Гудима, который и приказывалъ ему брать у него для розничной продажи «на шинкъ красную горѣлку, пополамъ зъ медомъ розмѣшанную».

Судъ вновь приговорилъ наказать Мидзя «жестоко плетьми», а сотникъ опять избѣжалъ всякаго наказанія, не смотря на настоянія магистратскаго повѣреннаго о привлеченіи къ отвѣтственности именно самого сотника, который де «какъ шинковалъ, такъ и не перестаетъ шинковать». Судъ постановилъ только вызвать вторично сотника въ Глуховъ; но это едва ли имѣло какое-либо значеніе: массу жалобъ на него со стороны кіевскаго магистрата встрѣчаемъ и въ слѣдующихъ 1756 и 1757 годахъ. Состоя самъ подъ «вышнею командою» гетмана и поставленный по искамъ на козаковъ въ зависимость отъ ихъ власти, магистратъ кіевскій безсиленъ былъ въ борьбѣ съ производимымъ козаками корчемствомъ: полковое начальство очевидно мирволило кіевскому сотнику и его коза-

камъ, и они безъ всякаго стѣсненія нарушали права и привиллегіи магистрата.

Когда вышелъ указъ, ограничивавшій винокуреніе производствомъ его только изъ собственнаго хлѣба, то козаки принялись, по силѣ указа, донимать магистратъ. Присланный для ревизіи кіевскихъ винокурень, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1757 г., изъ полковой кіевской канцеляріи бобровицкій атаманъ Андрей Рубанъ, хотя и видѣлъ, что въ подгородьяхъ винокуреніе производилось на мѣщанскихъ винокурняхъ изъ собственнаго, а не изъ покупнаго хлѣба, тѣмъ не менѣе, заявляя, что ему отъ полковаго начальства словесно приказано »ни на что не смотрѣть», совершенно произвольно запретилъ совсѣмъ винокуреніе и насильственно повыдиралъ даже въ винокурняхъ котлы. При этомъ Рубанъ, объѣзжая дворы магистратскихъ урядниковъ, вымогалъ кормъ для себя и для лошадей своихъ и «другимъ непристойнымъ поступкомъ поприключалъ имъ обиды». По этому поводу магистратъ жаловался гетману вообще на дѣйствія полковой канцеляріи, которая де «не столь исполняетъ ясневельможности вашей ордеръ, сколько на оній магистратъ явно посягаетъ».

Не измѣнились отношенія кіевскихъ козаковъ къ магистрату и при новомъ сотникѣ, каковымъ сталъ съ 1760 года сынъ прежняго сотника Михаилъ Гудимъ, отличавшійся такимъ же «безстрашіемъ» въ бояхъ съ магистратскими чинами и людьми, какъ и его отецъ. Въ дѣлахъ о корчемствѣ, относящихся ко времени 1763—1770 год., фигурируетъ неизмѣнно Михаилъ Гудимъ, какъ главный корчемникъ, примѣру котораго подражали и его «подкомандніе». И въ этихъ дѣлахъ все тѣ же драки, свидѣтельствованіе «боевыхъ знаковъ» и переписка, переписка безъ конца.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1763 г. случилось нѣсколько жестокихъ нападеній козаковъ на магистратскихъ урядниковъ и на «мѣскихъ шинкарей», при чемъ не обошлось и безъ смертоубійства: при одномъ изъ такихъ нападеній одинъ козакъ такъ сильно «пхнулъ» тещу мѣщанина Котовскаго, что она, «вдарившись о одвѣрки, отъ того удару и перепуганія того-жъ марта 22 числа умре». Магистратъ, перечисливъ множество такихъ козацкихъ «продерзостей», жаловался гетмаму, что кіевскіе козаки, «кромѣ тѣхъ отъ ихъ причиненныхъ гвалтовъ, боевъ и разореній, еще, собираясь партіями зъ

разными орудіи, не токмо на подсудственнихъ магистрату, но и на самихъ присутствующихъ въ ономъ не малые произносятъ похвалки, гдѣ ни попавъ, въ смерть бить», шинкуютъ же де козаки, не смотря на всѣ запрещенія, по прежнему «явно и беззазорно, чему найвящшимъ поводомъ и допущеніемъ состоятъ здѣшніе сотникъ Михаилъ Гудимъ и сотенная старшина».

Гетманъ ограничился предписаніемъ полковой канцеляріи поступить съ виновными «по силѣ указовъ и малороссійскихъ правъ». «А что касается до чинимаго козаками шинкованья, писалъ гетманъ, то оное, впредъ до имѣючого быть разсмотрѣнія магистрата кіевского о томъ привилегій и грамотъ, кои всѣ представить намъ отъ того магистрата велѣно, нынѣ на крѣпко запретить». Но мы видѣли уже, къ какимъ столкновеиіямъ мѣщанства съ козаками привело упоминаемое здѣсь разсмотрѣніе магистратскихъ привилегій и грамотъ и какъ мало дѣйствовали на козаковъ запрещенія.

Далеко энергичнѣе расправлялась съ корчемниками кіевская губернская канцелярія, когда магистратъ кіевскій освободился отъ «вышней команды» гетмана, а въ силу этого и отъ всякихъ непосредственныхъ отношеній къ полковому управленію. Въ 1766-мъ году въ генварѣ мѣсяцѣ представлены были отъ магистрата въ кіевскую губернскую канцелярію двѣ козачки, уличенныя въ корчемствѣ. Продержавъ ихъ въ колодничей избѣ три дня, губернская канцеляріи отправила ихъ въ сотенное правленіе при указѣ, въ которомъ, между прочимъ, сказано было, что «ежели и за симъ подтвержденіемъ кто либо въ томъ неуказномъ шинкованіи окажется, оные уже неотмѣнно при публикаціи съ барабаннымъ боемъ имѣютъ быть сѣчены плетьми». Воодушевился въ свою очередь и магистратъ и въ виду того, что при производствѣ въ козачихъ домахъ «выемокъ» требовалось непремѣнное присутствіе отъ сотеннаго правленія депутатовъ, а такихъ депутатовъ сотенное правленіе не давало, безъ нихъ же и караульный офицеръ не давалъ солдатъ и чрезъ то невозможны стали самыя выемки,—просилъ, чтобы разрѣшено было ему производить выемки безъ депутатовъ. Кіевская губернская канцелярія отнеслась по этому предмету въ малороссійскую коллегію, но, не получивъ отвѣта, въ виду повторенія все тѣхъ же жалобъ магистрата, разрѣшила собственною властію производить выемки самимъ магистратскимъ служителямъ съ опредѣленною отъ караульнаго офицера командою.

17-го мая того же года губернская канцелярія препроводила въ сотенное правленіе козака Савицкаго съ предписаніемъ взыскать съ него за незаконное шинковаиье штрафъ въ сто рублей, а если онъ заплатить не въ состояніи, то, въ страхъ другимъ, высѣчь его при собраніи всѣхъ козаковъ. Пошелъ дальше и магистратъ и сталъ настойчиво добиваться наказанія главныхъ корчемниковъ—Гудимовъ. Въ томъ же маѣ мѣсяцѣ магистрату удалось арестовать у Павла Гудима нѣсколько боченковъ назначенной иа шинкъ горѣлки, и онъ просилъ уже наказать Гудиму *безъ представленія въ малороссійскую коллегію*, такъ какъ отъ этой коллегіи, по его мнѣнію, «получить что либо въ пользу магистрата неуповательно, потому что малороссійская команда, издревле имѣя къ магистрату крайнее недоброхотство, явное оной старшинѣ и козакамъ чинитъ послабленіе». Губернская канцелярія не рѣшилась однако сама расправиться съ Гудимомъ и опредѣлила «объ немъ въ малороссійскую коллегію еще представить», найденное же у него корчемное вино приказала продать и деньги—половину доставить въ казну, а половину обратить въ доходъ магистрата [1]).

Такимъ исходомъ не могъ быть, конечно, доволенъ Гудимъ и обратился съ жалобой въ малороссійскую коллегію. Тогда только коллегія отозвалась и на всѣ прежнія представленія губернской канцеляріи, предлагая ей приказать магистрату, чтобы «въ случаѣ посылки въ козачіе домы для выемки корчемного вина всеконечно требовать и отъ сотеннаго правленія старшинъ и козаковъ, а безъ оныхъ отнюдь не находить»; что же касается до взятаго у Гудима вина, которое, какъ онъ заявилъ, содержалось у него вовсе не для корчемства, а, выкуренное на собственной его винокурнѣ, запродано было кіевскимъ казеннымъ питейнымъ сборщикамъ, то коллегія предлагала произвести обо всемъ этомъ слѣдствіе при депутатѣ отъ полковой кіевской канцеляріи. Но генералъ-губернаторъ Воейковъ призналъ лишнимъ такое слѣдствіе. Увѣдомивъ объ этомъ малороссійскую коллегію, онъ донесъ въ правительствующій сенатъ,

---

[1]) Вина этого, перемѣреннаго магистратскими урядниками при капитанѣ Гребенниковѣ, оказалось 294 ведра полугару и 8 ведеръ „подлѣйшей горѣлки“. Цѣна полугару 50 к. ведро, а „подлѣйшей“ 38 к. Всего выручено было за вино и посуду 150 р. 30 к. и 1 деньга.

что «асаулъ Павелъ Гудимъ и прежде сего оказывался неоднократно въ такомъ же неуказномъ шинкованіи, о чемъ на него и въ малороссійскую коллегію *до шести разъ писано было*, но онъ, Гудимъ, отъ самовольства своего не переставалъ и чинилъ неуказную винную продажу, почему въ забраніи у него показаннаго вина и посуды причиною самъ онъ, Гудимъ, а не другой кто, и затѣмъ *требуемаго слѣдствія производить резону не предвидится*».

Когда Гудимъ съ тою же жалобой обратился и въ правительствующій сенатъ, то въ отвѣтъ получилъ лишь, что онъ «возвращенія себѣ конфискованнаго у него вина требовать никакова права не имѣетъ, будучи самъ единственною причиною таковаго съ нимъ происшествія». Но еще до полученія этого сенатскаго указа Гудимъ вновь былъ обличенъ въ корчемствѣ, и губернская канцелярія и на этотъ разъ рѣшила «*еще представить* въ малороссійскую коллегію...», хотя и видѣла ясно, что никакого значенія эти «представленія» не имѣютъ, кромѣ безплодной переписки. Съ другими корчемниками козаками губернская канцелярія расправлялась безъ такихъ представленій. Такъ, одна вдова козачка была отправлена ею прямо къ караульному офицеру съ предписаніемъ «оную вдову за то ея неуказное шинкованье тамо на Подолѣ публично плетьми при нарочномъ отъ магистрата наказать», что и было исполнено 30 мая.

Но и съ усиленіемъ наказаній для корчемниковъ корчемство не прекращалось, не прекращались и драки между мѣщанами и козаками, доходившія до кровопролитія, и кіево-губернская канцелярія еще не одинъ разъ то постановляла наказать виновнаго публично плетьми, то опредѣляла «*еще представить* въ малороссійскую коллегію»...

Самое позднее изъ имѣвшихся у насъ дѣлъ о корчемствѣ козаковъ относится къ 1770 году и въ немъ является обвиняемымъ все тотъ же сотникъ Михаилъ Гудимъ: найденное у него корчемное вино было продано съ публичнаго торга по 65 к. за ведро и, какъ слѣдовало по закону, половина вырученной суммы поступила въ казну, а другая половина въ доходъ магистрата.

Только съ открытіемъ намѣстничества, коренныя реформы всей системы мѣстнаго управленія, устранившія особенности прежнихъ общественныхъ отношеній, устранили и самые поводы изображенныхъ выше столкновеній между двумя группами населенія Кіево-Подола, устранили и самое козачество.

А. Андріевскій.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА Д. ПР. ТРОЩИНСКАГО КЪ КН. Я. И. ЛОБАНОВУ-РОСТОВСКОМУ.

Въ 1812 г., для отраженія нахлынувшаго на Россію многочисленнаго непріятеля, по недостатку регулярныхъ войскъ, формировались повсюду земскія ополченія на суммы, составлявшіяся изъ добровольныхъ приношеній дворянства, купечества и другихъ сословій. Въ этомъ общемъ патріотическомъ движеніи рѣшились принять участіе и полтавцы. Не смотря на трудное въ ту пору экономическое положеніе губерніи, полтавское дворянство постановило сформировать на свой счетъ и продовольствовать значительное конное ополченіе изъ мѣстныхъ козаковъ. Главнымъ инициаторомъ и руководителемъ этого дѣла былъ, въ качествѣ миргородскаго помѣщика и губернскаго маршала, Дмитрій Прокофіевичъ Трощинскій, бывшій впослѣдствіи министромъ юстиціи. Не мало стоило ему хлопотъ это почетное и патріотическое дѣло, возложенное на него довѣріемъ полтавскаго дворянства: въ средѣ послѣдняго не было единодушія, обѣщанныя суммы собирались медленно и поступали неисправно, къ тому-же въ его распоряженія то и дѣло вмѣшивался тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій. Положеніе дѣла ополченія, настроеніе Трощинскаго и отношенія его къ Лобанову-Ростовскому достаточно отражаются въ помѣщаемыхъ четырехъ письмахъ перваго къ послѣднему и даютъ имъ историческій интересъ. Два изъ этихъ писемъ писаны въ Полтавѣ въ одинъ и тотъ же день и помѣчены 30 августа 1812 г.; второе служитъ какъ бы продолженіемъ перваго или припискою къ нему. Лобановъ-Ростовскій требовалъ, какъ видно, отъ Трощинскаго присылки избранныхъ дворянствомъ въ земское ополченіе чиновниковъ для замѣщенія офицерскихъ мѣстъ въ козачьихъ полкахъ; Трощинскій отвѣчаетъ, что такихъ избранныхъ не хватаетъ по разнымъ причинамъ. Вотъ эти два письма.

Милостивый государь, князь Яковъ Ивановичъ!

Ваше сіятельство основательнѣе судить можете о дѣлѣ, которое по запутаннымъ и неудобопонятнымъ военнымъ дѣйствіямъ единственно отъ мѣстныхъ свѣдѣній и соображеній вашихъ зависитъ. Со всѣмъ тѣмъ не обинуясь смѣю повторить, что и новѣйшія предписанія не въ состояніи сдѣлать возможнымъ невозможнаго, каково есть отправленіе съ успѣхомъ здѣшнихъ козаковъ въ Калугу. Они еще не готовы, а чрезъ шесть недѣль не верхомъ, а на саняхъ тамъ воевать должно будетъ.

Относительно до требованія вашего сіятельства моей помощи въ снабженіи формируемыхъ здѣсь козачихъ полковъ чиновниками изъ назначенныхъ по выбору дворянства для земскаго ополченія кандидатовъ, могу удостовѣрить ваше сіятельство, что до сихъ поръ недостаетъ въ ономъ пятидесяти чиновниковъ и нѣтъ способа пополнить сего недостатка, тѣмъ больше, что ежедневно получаю извѣстія о выбытіи изъ нихъ однихъ по болѣзнямъ, другихъ по дальнымъ отлучкамъ, или другимъ законнымъ причииамъ. Истинно сожалѣю, что не могу въ толь нужномъ дѣлѣ удовлетворить желанія вашего. Для пополненія комплекта чиновниковъ дворянскаго земскаго войска, противъ предположенія моего, принуждены были назначать совершенно неимущихъ, на жалованье коимъ не достанетъ собираемой по опредѣленію дворянства суммы. Я совершенно увѣренъ, что ваше сіятельство не сумнѣваетесь о готовности моей исполнить требованіе ваше, еслибъ только имѣлъ къ тому хотя самомалѣйшую возможность.—Имѣю честь быть съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.

Пославъ это письмо, Трощинскій сообразилъ, быть можетъ, что написанное имъ недостаточно ясно и сильно для отказа въ требованіи генералъ-губернатора, а сверхъ того получилъ, кажется, новыя неблагопріятныя свѣдѣнія о формированіи ополченія и потому поспѣшилъ написать Лобанову-Ростовскому еще слѣдующія строки:

Несчастное продолженіе отступленія армій нашихъ съ одной и медленность въ выводѣ полтавскаго ополченія въ назначенныя ему мѣста съ другой стороны только для меня мучительны, что я отъ досады и огорченія слегъ и уже третій день лежу въ постели. Я не могу надивиться, какъ благородные люди могутъ равнодушны быть въ дѣлѣ толико важномъ, каково есть защита отечества. Всякой часъ получаю отзывы, что избранные чиновники, подъ предлогомъ болѣзней и другихъ причинъ, безстыдно уклоняются отъ службы, а владѣльцы въ поставкѣ

козаковъ и всего принадлежащаго великія остановки дѣлаютъ. Извините, милостивый государь; (болѣе) истины писать не въ состояніи.

Какъ ни волновался Трощинскій и какъ ни хлопоталъ о скорѣйшемъ снаряженіи полтавскаго земскаго ополченія; но этому ополченію не суждено было добраться до театра военныхъ дѣйствій и не только потому, что полтавцы, по своей спокойной натурѣ, не торопились выгонять французовъ изъ Москвы, но и потому, что формированіе ополченія тормозилъ самъ генералъ-губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій, мѣшавшій скорѣйшему окончанію дѣла своими распоряженіями, которыя нерѣдко шли въ разрѣзъ съ планами Трощинскаго. Его предписаніе о продовольствіи 6,500 лошадей коннаго ополченія во время похода на счетъ земства вывело Трощинскаго изъ терпѣнія и онъ изложилъ Лобанову свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ нижеслѣдующемъ письмѣ:

Милостивый государь мой, князь Яковъ Ивановичъ!

Въ слѣдствіе отзыва ко мнѣ вашего сіятельства отъ 18 сего мѣсяца о продовольствіи сѣномъ коннаго земскаго ополченія, получилъ я отъ г-на вице-губернатора Бояринова выписку вашего ему о томъ предписанія. Позвольте, ваше сіятельство, съ откровенностью сообщить вамъ по сему предмету мои мысли.

Я увѣренъ, что пожертвованіямъ дворянства здѣшней губерніи на земское ополченіе вы поставляете истинную цѣну; вамъ извѣстно что оно, по недостатку промышленности, довольно скудно и прежними расходами на поставку артиллерійскихъ лошадей, воловъ, фуръ и на уплату за винокуреніе весьма доходы свои истощило. Не смотря на то, при воззваніи къ защитѣ отечества, опредѣлило оно взнесть на земское ополченіе въ два мѣсяца деньгами до четырехъ сотъ тысячъ рублей, поставить 6,500 лошадей съ полною сбруею, по нынѣшнимъ дорогимъ цѣнамъ составляющихъ не менѣе шестисотъ пятидесяти тысячъ рублей, дать на годовое продовольствіе сего войска 80,000 четвертей муки и овса, съ препорціею крупъ, стоющихъ конечно болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей, и того, не считая 13,500 козаковъ, одежды ихъ и вооруженія и слишкомъ 500 фуръ съ погонщиками, пожертвовавъ болѣе, чѣмъ на милліонъ триста пятдесятъ тысячъ рублей, кажется, доказало оно въ полной мѣрѣ рвеніе свое къ службѣ государю и отечеству. Продовольствія сѣномъ лошадей ополченія сего не могло дворянство взять на себя, по сущей невозможности, найпаче не зная, куда необходимость заставитъ въ теченіе войны, подвинуть за границы

губерніи столь многочисленную конницу и будетъ ли прокормленіе оной сѣномъ соотвѣтствовать его способамъ, истощаемымъ на защиту престола и отечества. Дворянство думало, что правительству, располагающему симъ ополченіемъ, не не достанетъ средствъ къ прокормленію сѣномъ 6,500 лошадей, куда бы они по обстоятельствамъ войны переведены ни были.

Такъ мыслилъ и я, но напротивъ того вижу изъ предписанія вашего сіятельства г-ну здѣшнему вице-губернатору, что вы повелѣли расположить продовольствіе сіе на народъ и, что еще тягостнѣе, поставкою въ натурѣ сѣна въ четырехъ повѣтахъ, гдѣ земское ополченіе теперь находится. Ваше сіятельство изволите знать, сколь каждая натурою подать обременительна, сколь многія и неудобоотвратительныя сопряжены съ оною злоупотребленія. Могу сказать вашему сіятельству, что подать сѣномъ есть одна изъ обильнѣйшихъ всякаго рода притѣсненіями; а потому, съ полною довѣренностью на справедливость вашу, не обинуюсь представить вашему сіятельству, что таковая рѣзкая мѣра можетъ возбудить ропотъ и въ людяхъ найболѣе расположенныхъ жертвовать общему благу. Сей новый налогъ на состояніе, и такъ уже обремененное оными, не охолодитъ ли самоохотнаго рвенія способствовать, по всей возможности, нуждамъ правительства? И сколь таковое на сердца вліяніе будетъ непріятно и неблаговременно, ваше сіятельство сами легко усмотрѣть можете. Доходы казенные, при нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ, остаются найболѣе въ главноначальническомъ вашемъ распоряженіи; обращать оныя, при повсемѣстныхъ на всѣ надобности государственныя богатшихъ состояній пожертвованіяхъ, почти не на что. Ваше сіятельство имѣете право опредѣлить малѣйшую часть оныхъ на сію общественной службы необходимость. Со временемъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ, ежели угодно будетъ государю, край сей можетъ исполнить и сію издержку; а вы избѣгнете, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, непріятностей, неминуемо съ новымъ налогомъ сопряженныхъ и найболѣе лично на васъ отнестись долженствующихъ.

Ласкаю себя надеждою, что ваше сіятельство пріймете благосклонно и сіе внушеніе мое и припишите оное сколько усердію моему радѣть о пользѣ общественной, столько искреннему моему къ достоинствамъ вашимъ уваженію, отличному почтенію и совершенной преданности, съ которыми имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.—Въ Полтавѣ, сентября 24, 1812 г.

Не меньшія пререканія вышли у Трощинскаго съ Лобановымъ-Ростовскимъ изъ-за пользованія суммами, пожертвованными, вслѣдствіе высочайшаго манифеста отъ 6-го іюля 1812 г., купечествомъ и евреями. Трощинскій, какъ мы сейчасъ увидимъ, полагалъ, что, по смыслу манифеста, право распоряжаться новыми пожертвованіями принадлежитъ ему, Лобановъ же Ростовскій, не сносясь съ нимъ, распредѣлялъ ихъ по своему усмотрѣнію. Это взволновало Трощинскаго и вызвало слѣдующее его письмо къ Лобанову-Ростовскому:

Милостивый государь мой, князь Яковъ Ивановичъ! Извините, ваше сіятельство, что, при многочисленныхъ занятіяхъ вашихъ, я отвлеку на нѣсколько минутъ ваше вниманіе и, къ великому прискорбію моему, на предметъ непріятный. Одна довѣренность на всегдашнее ваше ко мнѣ благорасположеніе ободряетъ меня объяснить и отдать на вашъ судъ дѣло, чувствительно трогающее меня.

Въ опредѣленіи полтавскаго губернскаго правленія, августа 2-го числа, по поводу земскаго ополченія, состоявшемся и мнѣ отъ исправляющаго должность гражданскаго губернатора, господина вице-губернатора и кавалера Бояринова сообщенномъ, по 5-му пункту сказано: «Поелику купеческое и еврейское общества въ натуральную поставку отъ себя для сего ополченія вооруженныхъ людей не входятъ, то, дабы и онымъ обществамъ опредѣлить мѣру участія къ составленію сего ополченія, велѣть городовымъ магистратамъ и ратушамъ, обще съ думами, внушивъ имъ силу высочайшаго манифеста, предоставить, въ теченіи семи дней отъ объявленія сихъ предписаній, сдѣлать отъ себя по состоянію каждаго пожертвованіе деньгами въ пособіе прочихъ вышепоименованныхъ обществъ, какъ для жалованья вооруженнымъ людямъ, *на покупку части оружія, пороха, другихъ военныхъ снарядовъ и прочаго*, на экстраординарные расходы, такожъ и на содержаніе впредь оныхъ, и сколько кѣмъ имянно въ каждомъ городѣ по сему предложенію пожертвовано и собрано будетъ денегъ, донести губернскому правленію со всевозможною скоростью; а деньги, до полученія на щетъ обращенія ихъ надлежащихъ предписаній, хранить въ городскихъ думахъ цѣлостно». По 7-му-же пункту того самого опредѣленія присовокуплено: «такъ какъ слѣдуемое къ поставкѣ отъ вышеупомянутыхъ обществъ число вооруженныхъ людей назначается, по сходству высочайшаго манифеста и указа правительствующаго сената, къ совмѣстному съ избраннымъ отъ дворянства полтавской губерніи войскомъ ополченію, для отраженія врага, и къ отдачѣ съ именными списками въ вѣ-

домство повѣтовыхъ начальниковъ, *подобно чему и суммы, какія только будутъ отъ тѣхъ обществъ взнесены, а отъ купцовъ и евреевъ въ пособіе тому пожертвованы, по собраніи губернскимъ правленіемъ о количествѣ оныхъ отъ надлежащихъ мѣстъ свѣдѣній, должны будутъ поступить въ распоряженіе земскаго войска,* то отнестись отъ имени занимающаго мѣсто гражданскаго губернатора къ губернскому маршалу и просить, дабы благоволилъ о принятіи повѣтовыми начальниками въ свое вѣдомство долженствующихъ быть поставленными и отъ прочихъ состояній вооруженныхъ людей сдѣлать имъ предписанія; а относительно суммъ, кому оныя по земскому войску назначите сдать, увѣдомить къ дальнѣйшему на щетъ оныхъ распоряженію».

Въ слѣдствіе таковаго губернскаго правленія опредѣленія, занимающій мѣсто гражданскаго губернатора, господинъ вице-губернаторъ и кавалеръ, отношеніемъ отъ 3-го августа, просилъ моего по симъ предметамъ содѣйствія; и по полученіи отъ 5-го того-жъ мѣсяца согласительнаго моего на то отзыва, по указу губернскаго правленія пожертвованныя на земское ополченіе отъ купцовъ и евреевъ суммы, по отсылкѣ оныхъ къ избраннымъ по повѣтамъ дворянскимъ казначеямъ, поступили въ мое вѣдомство.

Не имѣя отъ вашего сіятельства на таковое, доведенное до свѣдѣнія вашего, опредѣленіе губернскаго правленія никакого возраженія, долженъ я былъ молчаніе почитать за согласіе на учиненное онымъ правленіемъ распоряженіе, а потому соотвѣтственно предназначенію оныхъ пожертвованныхъ на земское ополченіе купечествомъ и евреями суммъ, имѣя оныя въ виду при распоряженіяхъ моихъ относительно какъ до снабдѣнія земскаго войска огнестрѣльнымъ оружіемъ, такъ до устроенія необходимо нужныхъ для онаго госпиталей съ аптекою и для доставленія другихъ надобностей, предписалъ я отъ 8-го сего мѣсяца кременчугскому маршалу отпустить изъ суммы, отъ купечества и евреевъ пожертвованной, 7,500 рублей господину начальнику земскаго ополченія для исправленія вашимъ сіятельствомъ земскому войску присланныхъ и отъ дворянства доставленныхъ пушекъ, а равно и для приготовленія къ онымъ всего, къ военному дѣйствію потребнаго. Въ тоже время предложилъ я и господину полтавскому маршалу на устроеніе лазаретовъ и на содержаніе ихъ со всѣми нужными принадлежностями доставить мнѣ изъ таковой-же, пожертвованной купеческимъ и еврейскимъ обществами, суммы 7,300 рублей. Но, къ великому удивленію моему, сего мѣсяца 17-го числа получилъ я отъ занимающаго мѣсто гражданскаго губернатора, г-на вице-губернатора и кавалера Бояринова отношеніе, которымъ онъ из-

вѣщаетъ меня, что ваше сіятельство предписать ему изволили всѣ пожертвованныя купечествомъ и евреями на земское ополченіе суммы собрать подъ вѣдомство казенной палаты, по поводу высочайшаго рескрипта, къ вашему сіятельству отъ 1 августа послѣдовавшаго и въ копіи приономъ отношеніи приложеннаго, уполномачивающаго васъ, для отправленія козачихъ полковъ до Тулы и Калуги, употреблять деньги изъ доходовъ казенныхъ палатъ ввѣренныхъ вамъ губерній, или изъ суммъ общественнаго пожертвованія, находящихся въ оныхъ.

Позвольте на сіе представить вашему сіятельству: *первое*, поелику суммы купечествомъ и евреями пожертвованы не для козачихъ полковъ, но во исполненіе высочайшаго манифеста, въ 6-й день іюля состоявшагось, точію на земское ополченіе, и потому въ вѣдомство мое, а не казенной палаты поступили, по разуму словъ самого высочайшаго къ вашему сіятельству рескрипта, едва ли должны быть обращены для отправленія въ Тулу и Калугу козачихъ полковъ прежде недостатка суммъ въ казенныхъ палатахъ, чего предполагать почти невозможно; *второе*, лишеніе сей суммы, о чемъ неугодно было вашему сіятельству предварить меня заблаговременно, поставляетъ меня въ великое затрудненіе замѣнить назначеніе оной другою и стѣсняетъ меня несказанно въ изобрѣтеніи средствъ къ нужному исправленію артиллеріи земскаго войска со всѣми принадлежностями, въ устроеніи равно необходимыхъ лазаретовъ съ аптекою и прочихъ надобностей; *третіе*, весьма прискорбно мнѣ видѣть, что тогда, когда единодушіе всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, начальниковъ и подначальныхъ, необходимо къ изобрѣтенію средствъ для отраженія всеобщаго врага и къ дѣйствованію соглашенными волями и силами къ достиженію единственнаго предмета, защиты отечества, въ то самое время распоряженія мои, къ коимъ давно извѣстнымъ вамъ опредѣленіемъ губернскаго правленія былъ я уполномоченъ, опровергаются начальническою властью вашею, которую достойно уважать научился я прохожденіемъ сорока пятилѣтняго служенія моего, равно какъ не выходить никогда взъ правъ и предѣловъ званія носимаго мною. Ваше сіятельство избавили бы меня отъ сей непріятности, если бы въ началѣ августа, по полученіи высочайшаго рескрипта, изволили меня предувѣдомить, что обстоятельства не позволяютъ вамъ одобрить распоряженіе губернскаго правленія, которое отклонить въ свое время не имѣлъ я никакого права, ниже благовиднаго повода. Сіе заставляетъ меня покорнѣйше просить ваше сіятельство, буде имѣете еще въ виду подобныя сему или совокупно съ губернскимъ правленіемъ, или особенно мои несоглашенныя съ начальническими предположеніями

вашего сіятельства обстоятельства, сдѣлать милость заблаговременно о томъ предварить меня, дабы я могъ достодолжно сообразовать поступки мои съ мыслями и распоряженіями вашего сіятельства, которые единственнымъ предметомъ имѣютъ конечно общественное благо.

Имѣю честь пребыть на всегда съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностью, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Дмитрій Трощинскій.—Въ Кибинцахъ [1]), октября 23, 1812 г.

---

[1]) С. Кибинцы находится подъ г, Миргородомъ. По-нынѣ сохранился построенный тамъ Дмитріемъ Црокоф. Трощинскимъ домъ. Въ настоящее время онъ находится во владѣніи г. А. К. Вульферта.

Рѣчь автора „Ябеды", В. В. Капниста, въ полтавскомъ дворянскомъ собраніи.

Если приведенныя предъ симъ письма Трощинскаго показываютъ отчасти, какъ не торопилось полтавское дворянство встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нахлынувшими на Россію непріятельскими полчищами, то помѣщаемая за симъ рѣчь Капниста, сказанная въ полтавскомъ дворянскомъ собраніи, говоритъ о томъ, какъ оно спѣшило устроить просвѣщеніе своихъ дѣтей на счетъ казны. Съ большимъ искусствомъ ораторъ раскрываетъ несообразность намѣреній нѣкоторой части дворянства, принятыхъ по этому предмету въ поспѣшномъ увлеченіи предложеніемъ губернскаго маршала. Помимо этого любопытно видѣть самаго автора «Ябеды» въ роли общественнаго дѣятеля. Вотъ что говорилъ онъ полтавскому дворянству въ собраніи 5 октября 1805 года.

Почтенное благородное общество!

По выслушаніи прошлаго 4-го числа предложенія господина губерскаго маршала, Семена Михайловича Кочубея, о учрежденіи при предполагаемой въ семъ губернскомъ городѣ гимназіи дворянскаго училища и начертаніи о состояніи онаго, хотя просилъ я о дачѣ по крайней мѣрѣ одного дня срока на разсужденіе объ оныхъ и на нужное сообразованіе предположеннаго столь важнаго дѣла; но какъ сіе мое прошеніе не удостоенно было вниманія и приступлено было тотчасъ къ подпискѣ постановленія о раскладкѣ суммы, по оному начертанію положенной, то нахожусь теперь въ необходимости объяснить симъ мнѣніе мое, сколько по краткости времени успѣть можно, и представить на разсмотрѣніе ваше, благородныя собратія!

Нѣтъ сомнѣнія, что всенародное просвѣщеніе есть главное орудіе общаго блаженства, что мы должны съ признательнѣйшимъ благоговѣніемъ принимать сердобольное о семъ раченіе человѣколюбиваго нашего Монарха и стараться содѣйствовать ему въ томъ всѣми нашими способа-

ми. Усовершествованіе прежде бывшихъ университетовъ и устроеніе новыхъ, на которыя благоволитъ онъ жертвовать знаменитыми изъ казны суммами, доказываетъ любовь его къ подданнымъ вообще; но милостивое и лестное благоволеніе, которымъ одобряетъ онъ въ разныхъ губерніяхъ благородными обществами и даже среднимъ состояніемъ основанныя училища, удостовѣряютъ насъ, что ему равно пріятны и частныя благонамѣренія, къ просвѣщенію разныхъ сословій содѣйствующія заведенія. И такъ отъ насъ зависитъ избрать то, которое найболѣе обществу нашему выгоды принесть можетъ, въ полномъ удостовѣреніи, что оно удостоится милостиваго его благовоззрѣнія.

По мнѣнію моему, почтенныя собратія, общественное дворянское училище есть для насъ самое полезнѣйшее. Всякому извѣстно, сколь мало средствъ имѣемъ мы къ воспитанію и ученію дѣтей нашихъ. Различные кадетскіе корпусы, какъ по отдаленности сего края, такъ и по ограниченному числу воспитанниковъ, не могутъ служить прибѣжищемъ всѣмъ, а найпаче бѣднѣйшимъ изъ собратій нашихъ. Московскій университетъ, видя невозможность привлечь дворянскихъ дѣтей къ совмѣстному съ протчими состояніями ученію, за необходимое призналъ завесть особый для благородныхъ пенсіонъ, и нѣкоторые достаточные изъ насъ принужденными себя находятъ за довольно дорогую цѣну отдавать туда для обученія сыновей своихъ, другіе-же богатѣйшіе ищутъ способовъ къ воспитанію ихъ даже въ с.петербургскомъ благоустроенномъ лютеранского общества благородномъ пенсіонѣ. Не лучше ли, вмѣсто того, чтобъ искать столь отдаленныхъ, затруднительныхъ и дорого стоющихъ средствъ, завесть намъ собственное общественное училище, гдѣ бы каждый и самый бѣднѣйшій изъ насъ имѣлъ легчайшій и неубыточнѣйшій способъ образовать умъ и нравственность дѣтей своихъ? Я имѣлъ честь представить начертаніе такого училища благонамѣренно пекущемуся о благѣ нашего сословія, милостивому начальнику нашему, его сіятельству, князю Алексѣю Борисовичу Куракину, отъ котораго, послѣ лестнѣйшаго ко мнѣ одобрительнаго отзыва, было сообщено господину тогдашнему губернскому маршалу Василію Ивановичу Чернышу, господамъ повѣтовымъ маршаламъ и ихъ благороднымъ обществамъ, въ слѣдствіе чего не токмо господинъ губернскій маршалъ отъ имени всѣхъ, въ собраніи тогда находившихся, господъ маршаловъ и дворянства, но и особо многіе изъ нихъ, отъ лица благородныхъ повѣтовыхъ обществъ, удостоили меня ласкательными о благопріятіи предложенія моего отзывами. Изъ сего, благородныя собратія, вы изволите видѣть, что заведеніе дворянского училища былъ и есть предметъ весьма любезный моему сердцу; а потому и увѣритесь, что возраженія мои

на представленное господиномъ нашимъ губернскимъ маршаломъ предложеніе происходитъ не отъ чего болѣе, какъ отъ желанія моего, дабы предполагаемое дворянское училище было сколь можно полезнѣе и благоустроеннѣе.

Для учрежденія онаго, господинъ губернскій маршалъ предлагаетъ, во первыхъ, всеподданнѣйшую прозьбу отъ лица дворянскаго нашего собранія милостивѣйшему государю нашему о повелѣніи выдать намъ на устроеніе дворянскаго училища заимообразно безъ процентовъ шесть сотъ тысячъ рублей на двадцать лѣтъ, что составитъ процентами, въ теченіи оныхъ, еще весьма превосходящій оную сумму даръ монаршій. Чѣмъ болѣе удостовѣренъ я о щедротѣ августѣйшаго государя къ подданнымъ своимъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что таковая прозьба наша не соотвѣтствуетъ рвенію нашему жертвовать собственнымъ имѣніемъ нашимъ къ полезному для насъ заведенію, ибо хотя въ теченіи тогоже времени и взнесемъ мы сумму предполагаемую господиномъ губернскимъ маршаломъ, примѣрно по десяти копѣекъ съ числа нашихъ подданныхъ то оная не составитъ суммы, равной просимой нами въ даръ отъ монарха; слѣдовательно мы обращаемъ половину иждивенія, для нашего дворянского училища нужнаго, на однѣ высочайшія щедроты. Сверхъ сего, вообразя, что если и всѣ протчія губернскія дворянскія собранія, имѣющія на милости его императорскаго величества равныя съ нами права, захотѣли-бъ, по примѣру нашему, утрудить его подобными же прозьбами на таковые же предметы, то щедроты его должны простереться до тридцати миліоновъ рублей.

Въ осторогу вамъ, почтенныя собратія, представляя мысли сіи, присовокуплю къ тому, что по вышеупомянутому предначертанію моему о учрежденіи дворянского училища на четыреста учениковъ, прозьба сія дѣлается не необходимою. Въ объясненіе сего представлю только вамъ, что по начертанію господина губернскаго маршала на пятьсотъ учениковъ потребна высочайшая помощь изъ шести сотъ тысячъ капитала, да изъ процентовъ въ теченіи дватцати лѣтъ почти сугубую сумму составляющая, а сверхъ того шесть сотъ тысячъ рублей дворянствомъ взносимой суммы, что болѣе двухъ миліоновъ произведетъ, тогда какъ по моему начертанію на четыреста учениковъ только триста тысячъ рублей, дворянствомъ въ десять лѣтъ взносимой суммы, до нашего наличнаго капитала дватцать тысячъ рублей, потребно будетъ. Всякому изъ васъ, благородныя собратія, ощутительно, что на излишнее противу моего положенія число ста учениковъ предполагаемая болѣе полтора миліона сумма есть совсѣмъ несоотвѣтственна. И для того покорно прошу васъ, почтенное общество, обратить на оное при семъ случаѣ благо-

склонное вниммніе ваше и позволить мнѣ къ подкрѣпленію изображенныхъ въ немъ мыслей моихъ удостовѣрить васъ, что никакой учрежденный при гимназіи для дворянскихъ дѣтей пенсіонъ не можетъ имѣть тѣхъ способовъ и выгодъ, которыя получимъ мы отъ училища заведеннаго, содержимаго, надзираемаго и начальствуемаго, подъ одобрительнымъ покровомъ правительства, самимъ нашимъ обществомъ, имѣющимъ долгъ, по кровной къ воспитанникамъ привязанности, пещись отеческимъ попеченіемъ о возможномъ ихъ успѣхѣ въ наукахъ и въ нравственномъ ихъ образованіи.

Представляя вамъ, благородныя собратія, сіе приверженностію моею къ нашему обществу внушаемое мнѣніе, не могу скрыть сердечнаго прискорбія, съ которымъ вижу, что, по причинѣ малочисленнаго нынѣшняго собранія, не можемъ мы никакого о толь важномъ предметѣ, а наипаче для составленія нужной суммы, учинить рѣшительнаго положенія. Изъ многихъ повѣтовъ, кромѣ господъ маршаловъ и хорунжихъ, не видимъ мы почти ни одного не обязаннаго службою дворянина, малое число на мѣстѣ и вблизи живущихъ гг: дворянъ составляетъ теперь все наше общество. Нѣтъ сомнѣнія, что они сами изъ уваженія къ множайшимъ отсудственнымъ собратіямъ своимъ, имѣющимъ право учавствовать доброю ихъ волею въ толь достойномъ вниманія ихъ дѣлѣ, не захотятъ быть самопроизвольными поруками общаго ихъ согласія, тогда наипаче, когда многія причины должны извинить малочисленный нынѣшній съѣздъ дворянства.

1-е) Для собранія онаго назначено 3-го число сего генваря, когда указной срокъ для рекрутскаго набора только что окончился, многіе изъ господъ дворянъ можетъ быть еще и по сіе время озабочены поставкою рекрутъ, притомъ хотя бы они и успѣли въ томъ, то, по отдаленности большей части повѣтовъ, не могли они никакъ, по истеченіи узаконеннаго рекрутскому набору срока, успѣть въ два дни пріехать сюда.

2-е) Праздничные дни, для всеобщаго даже и присудственныхъ мѣстъ (отдыха) позволенныя, не успѣли еще окончиться; многіе изъ господъ дворянъ захотѣли, можетъ быть, встрѣтить новой годъ въ отрадномъ кругѣ своего семейства. Удивляюсь, за чѣмъ, безъ малѣйшей благовидной причины къ назначенію столь неудобнаго срока, должны они лищиться всего общественнаго удовольствія.

3-е) Сверхъ сего многіе господа дворяне, видя изъ сообщеннаго имъ пригласительнаго предложенія г. губернскаго маршала, что предметъ съѣзда ихъ относится до окончательнаго положенія въ дворянскомъ училищѣ, и разсудя, что по сему предмету прежде сего учине-

но ими, какъ выше мною упомянуто, въ соотвѣтствующее моему начертанію положеніе, не почли, можетъ быть, за необходимо нужное, послѣ обнаруженнаго своего мнѣнія, съѣзжаться вновь для подтвержденія онаго, не предвидя дѣлаемыхъ въ немъ нынѣ новыхъ и толь важныхъ перемѣнъ.

4-е) По 38-й статьѣ высочайше жалованной дворянству грамоты должно оно собираться по созыву и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора всякіе три года, какъ для ввѣренныхъ ему выборовъ, такъ и для выслушанія предложенія генералъ-губернатора или губернатора. Многіе изъ дворянъ, бывъ приглашены къ нынѣшнему собранію г. губернскимъ маршаломъ, чаятельно подумали, что теперишній, столь затруднительный, съѣздъ ихъ не необходимо нуженъ и потому болѣе, что чрезъ шесть мѣсяцовъ имѣетъ быть собраніе дворянства для возобновленія трехълѣтнихъ выборовъ и что до того времени сужденіе о частномъ и единственно къ общему дворянства относящемся дѣлѣ всяко отложено быть можетъ. Къ сему заключенію найпаче побуждаетъ мысль, что въ теченіи двухъ лѣтъ съ половиною дворянство, бывъ сзыванно начальствомъ четыре раза, имѣло довольно способовъ, а самый лучшій при послѣднемъ собраніи, вступить въ разсмотрѣніе дѣла по предмету нынѣ возобновленному и учинить рѣшительное о немъ положеніе, когда-бы оное не терпѣло ни малѣйшей отсрочки.

Представляя сіи извинительныя причины неприбытія множайшихъ сочленовъ нашего общества, я надѣюсь, почтепныя собратія, что вы благоволите уважить оныя; если же кто нибудь изъ васъ, не смотря на то, пожелаетъ въ нынѣшнемъ столь малочисленномъ собраніи окончить предложенное намъ дѣло, то осмѣливаюсь замѣтить, что оно имѣетъ предметомъ не государственную какую либо повинность, требующую неотложнаго къ исполненію мѣроположенія, но дѣло единственно отъ доброй воли каждаго сочлена нашего зависящее, относящееся до сложенія общественной дворянской казны, которая не иначе, какъ по 54-й статьѣ высочайше жалованной дворянству грамоты добровольными складками составляема быть должна, къ чему не токмо столь малочисленное, но и полное дворянское собраніе не можетъ, кажется, обязать сочленовъ своихъ, ибо можетъ обложить денежнымъ платежемъ дворянина въ одномъ токмо случаѣ, по «86-й» статьѣ тойже высочайшей грамоты, да и то весьма ограниченнымъ образомъ. А по сему имѣемъ ли мы право, располагая по нашему произволу собственностію собратій нашимъ, обязать ихъ къ платежу, можетъ быть, и надмѣрной состоянію ихъ суммы? Кольми паче, можемъ ли мы, по предложенію г. губернскаго маршала, дерзнуть утруждать его императорское величество прозь-

бою отъ имени всего нашего общества о повелѣніи выдать ему изъ казны заимообразно безъ процентовъ столь знаменитую сумму, съ обязательствомъ о непремѣнной оныя уплатѣ въ срокъ, подъ опасеніемъ всей строгости съ казенными взысканіями сопряженной? По моему мнѣнію, благопристойнѣе кажется, не спѣша излишне въ столь важномъ намѣреніи, дать время основаться и обнаружиться общему сословія нашего по сему предмету мнѣнію и представить оное тогда съ полнымъ согласіемъ милостивѣйшему воззрѣнію благотворительнаго нашего Монарха, въ глазахъ котораго добрая воля подданныхъ его къ похвальному подвигу есть достойнѣйшая изъ всѣхъ приносимыхъ общественной пользѣ жертвъ. Съ живѣйшимъ убѣжденіемъ, внушаемымъ преданностію моею къ вамъ и благодарностію за довѣренность, которою толь часто меня удостоивать изволили, прошу васъ, почтенныя собратія, уважить представленіе мое и торопливымъ рѣшительнымъ заключеніемъ мнѣнія вашего не подвергнуть себя весьма удобовозможной попрекѣ отсудственныхъ членовъ нашего общества. Благоволите отложить столь важное разсужденіе о общественной нашей пользѣ до будущаго собранія дворянства, для выборовъ по истеченіи сего трехлѣтія предназначеннаго; шести мѣсячная отсрочка не можетъ остановить добраго предпріятія, а еще менѣе повредить оному. Благоволите сообщить чрезъ господина губернскаго маршала всѣмъ и отсудственнымъ сочленамъ нашимъ, какъ предложеніе его, такъ и сей гласъ мой, пусть и благое намѣреніе созрѣетъ въ сужденіяхъ частныхъ. Оно тѣмъ основательнѣе рѣшено быть можетъ въ полномъ собраніи дворянства, и непринужденная воля каждаго тѣмъ охотнѣе устремится къ достиженію полезнѣйшей и общеодобряемой цѣли.

Статскій совѣтникъ Василій Капнистъ.

1805-го года,
генваря 5-го дня.

Библіографія.

Уніатское богослуженіе въ XVII и XVIII вѣкахъ по рукописямъ виленской публичной библіотеки. Изслѣдованіе И. Ѳ. Одинцова, Вильна. 1886 г.

Авторъ названнаго сочиненія извѣстенъ въ нашей историче-ской литературѣ двумя солидными изслѣдованіями въ той же облас-ти русской церковной исторіи; его перу принадлежитъ книга: «Поря-докъ общественнаго богослуженія въ древней Россіи до XVI в.» (Спб. 1881 г.) и статья въ журналѣ «Странникъ» за 1880 г., подъ загла-віемъ: «Послѣдованіе таинствъ въ церкви русской въ XVI в. по руко-писямъ новгородской—софійской и московской—синодальной библіотекъ». Настоящій его трудъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что это трудъ спеціалиста, составленный при томъ по источникамъ первой руки. Правда, унія теперь въ предѣлахъ Россіи не существуетъ и вопросъ объ уніатскомъ богослуженіи не можетъ имѣть практическаго примѣ-ненія; но въ области исторіи онъ сохраняетъ все свое значеніе.

Задачею настоящаго своего труда авторъ поставилъ указать осо-бенности общественнаго и частнаго уніатскаго богослуженія въ XVII и XVIII в., опредѣливъ и ихъ происхожденіе, а это для того, чтобы ви-дѣть, «на сколько богослуженіе русской уніатской церкви, подчинив-шись богослуженію церкви латинской, сохранило въ себѣ древніе обряды церкви греческой и на сколько оно было близко къ богослуженію во-сточной Руси». Авторъ впрочемъ слѣдитъ особенности богослуженія уніатскаго не по печатнымъ книгамъ, издававшимся въ уніатской цер-кви съ разрѣшенія ея высшей іерархіи, а по рукописнымъ чинамъ и послѣдованіямъ онаго, существовавшимъ и бывшимъ въ употребленіи одновременно съ печатными и сохранившимся въ виленской публичной

библіотекѣ. А разница между тѣмъ и другимъ источникомъ весьма существенная: тогда какъ первый представляетъ богослуженіе, какимъ оно должно было быть по намѣренію уніатской іерархіи, второй служитъ показателемъ дѣйствительнаго богослуженія, согласовавшагося со взглядами на него переписчиковъ и владѣльцевъ рукописей.

Изслѣдованію состава и отличій уніатскаго богослуженія въ XVII и XVIII ст. авторъ предпосылаетъ краткій обзоръ православнаго богослуженія въ западной окраинѣ Россіи до введенія уніи, равно происхожденія и значенія рукописей, служащихъ основою его изслѣдованія, а затѣмъ подробно излагаетъ особенности рукописнаго уніатскаго устава и слѣдитъ по рукописнымъ чинамъ и послѣдованіямъ особенности богослуженія вседневнаго, а также совершенія по нимъ таинствъ и требъ, въ заключеніе же предлагаетъ нѣкоторые общіе выводы изъ всего сказаннаго имъ.

Сущность всего труда г. Одинцова можетъ быть представлена въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ. Богослуженіе русской церкви съ самаго ранняго времени шло въ своемъ развитіи двоякимъ путемъ: въ восточной Руси оно отражало на себѣ всѣ измѣненія обрядности, происходившія въ церкви греческой, а въ западной Россіи находилось подъ воздѣйствіемъ богослуженія римской церкви и приняло многія его особенности, при чемъ главнымъ реформаторомъ православнаго богослуженія западно-русской церкви въ духѣ латинства былъ будто-бы кіевскій митрополитъ Петръ Могила и только существовавшею до того времени близостію богослуженій православнаго и латинскаго можно объяснить то, что изданный Могилою требникъ, въ которомъ многіе обряды, молитвы и пѣснопѣнія носили на себѣ осязательные слѣды латинства, не вызвалъ ни малѣйшаго протеста въ населеніи края, но съ разу и надолго пріобрѣлъ среди его право гражданства. Сближеніе православной богослужебной обрядности съ латинскою, производившееся путемъ добровольнаго подражанія и заимствованій церкви западно-русской, съ особенною силою проявилось въ той ея части, которая со времени брестскаго собора 1596 г. отступила отъ единства съ нею и приняла унію, служившую, по намѣреніямъ ея творцевъ, мостомъ для перехода отъ православія къ латинству. Тутъ надъ искаженіемъ православной обрядности въ духѣ латинства усиленно работали католики и уніатскіе іерархи. Искаженіе совершалось путемъ прибавокъ и измѣненій на поляхъ рукописныхъ чиновъ и послѣдованій, которые послужили основою для печатныхъ богослужебныхъ книгъ уніатской церкви, и усиливалось съ каждымъ новымъ изданіемъ послѣднихъ. Сумма искаженій однако значительно больше въ книгахъ печатныхъ, нежели рукописныхъ; въ по-

слѣднихъ замѣчается даже такое странное на первый взглядъ явленіе, что чѣмъ ближе рукопись къ началу уніи, тѣмъ искаженій въ ней больше и на оборотъ въ рукописяхъ позднѣйшихъ искаженій меньше и обрядъ уніатскій ближе къ послѣдованіямъ церкви православиой. Ту и другую разницу, равно и существованіе рукописныхъ богослужебныхъ книгъ на ряду съ печатными, авторъ объясняетъ всегдашнимъ существованіемъ въ уніатской церкви какъ людей преданныхъ уніи и желавшихъ сближенія ея съ римскою церковью, такъ и другихъ, понимавшихъ гибельную цѣль уніи и старавшихся удержать въ чистотѣ и неприкосновенности древній грековосточный обрядъ.

Слѣдя въ частности измѣненія греко-восточнаго обряда по рукописнымъ уніатскимъ богослужебнымъ книгамъ XVII и XVIII ст., авторъ говоритъ, что измѣненія не коснулись общаго .регулятора богослуженія— церковнаго устава, что наибольшее число ихъ сдѣлано въ послѣдованіяхъ литургіи и таинствъ, гдѣ конкретно выражается догматическая сторона религіи, измѣненіе которой было въ видахъ латинянъ, и найменѣе пострадали отъ вліянія латинства обряды, не представлявшіе особенностей догматическаго характера и практиковавшіеся рѣже другихъ, какъ наприм. чинъ освященія воды.

Авторъ разсматриваемой книги отмѣчаетъ наконецъ въ своемъ изслѣдованіи и тотъ достойный особаго вниманія фактъ, что, не смотря на всѣ сдѣланныя уніатами измѣненія въ общемъ составѣ и въ частностяхъ православнаго богослуженія съ цѣлію сближенія его съ богослуженіемъ церкви латинской, въ разсмотрѣнныхъ имъ богослужебныхъ уніатскихъ рукописяхъ сохранилось очень много обрядовъ древне-православныхъ, а между ними много такихъ, которые не встрѣчаются уже нынѣ въ послѣдованіяхъ православной церкви, но только въ древней богослужебной ея практикѣ, какъ напр. благословеніе даровъ на жертвенникѣ во время малаго входа, чтеніе въ алтарѣ «Святый Боже» послѣ Сумвола вѣры, чтеніе молитвъ предъ причащеніемъ священно-служащихъ, начинаніе литургіи преждеосвященныхъ возгласомъ: «Благословенъ Богъ нашъ», троекратное чтеніе каждой изъ заклинательныхъ молитвъ въ чинѣ крещенія, помазаніе всего тѣла крещаемаго елеемъ и пр. и пр.

Таковы любопытныя наблюденія и выводы, сдѣланные г. Одинцовымъ изъ разсмотрѣнія рукописныхъ памятниковъ уніатскаго богослуженія XVII и XVIII ст., хранящихся въ виленской публичной библіотекѣ.

Нельзя не отдать справедливости его знакомству съ предметомъ, его кропотливому труду, тщательному обслѣдованію всѣхъ особенностей

уніатскаго богослуженія по сравненію съ богослуженіемъ католической и православной церкви и даже церквей юго-славянскихъ, его наконецъ осмотрительнымъ и точнымъ выводамъ. Только изучившему основательно, по первоисточникамъ, исторію богослуженія нашей церкви отъ ея начала до конца XVI в. можно было разобраться въ громадной массѣ мельчайшихъ измѣненій онаго въ церкви уніатской слѣдующихъ двухъ столѣтій, по значительному числу рукописныхъ источниковъ, въ противоположность источникамъ печатнымъ до крайности разнообразныхъ, и отдѣлить въ нихъ то, что имѣетъ общій православный чинъ и характеръ, отъ того, что привзошло отъ церкви латинской, или что сохранилось, какъ остатокъ древне-русскаго православнаго богослуженія.

Намъ кажется, однако, нѣсколько односторонним какъ исходный пунктъ изслѣдованій автора, такъ и та основная точка зрѣнія его на предметъ, которой онъ держится въ нихъ отъ начала до конца.

Едва ли, наприм., можно серьезно говорить о латинствованіи западно-русской церкви еще съ XIII в. на основаніи трехъ только обрядовыхъ особенностей, случайно встрѣчаемыхъ въ одномъ лишь крещеніи, именно въ допущеніи въ немъ обливанія въ замѣнъ погруженія и воспріемниковъ болѣе одного, а также въ употребленіи мура, заимствованнаго у католиковъ. Еще менѣе можетъ быть доказано ея латинствованіе въ послѣдующее время, особливо предъ началомъ уніи, когда одни только слухи объ ней возбуждали общую тревогу во всѣхъ слояхъ западно-русскаго общества. Довольно вспомить одну попытку польскаго правительства ввести новый григоріанскій календарь, вызвавшую цѣлую бурю въ западно-русскомъ православномъ населеніи и кончившуюся для правительства полной неудачей. Самое объявленіе уніи и ея введеніе, потребовавшее цѣлаго ряда неслыханныхъ насилій и жестокостей, обнаружило всю безпочвенность этой іезуитской выдумки и полную до самоотверженія преданность западно-русскаго народа православію. Автора соблазнилъ требникъ Петра Могилы, носящій, по его мнѣнію, осязательные слѣды латинства, и онъ объясняетъ появленіе этого требника и принятіе его безъ ропота и протеста существовавшею уже къ тому времени «большою близостію богослужебныхъ обрядовъ церкви православной въ южной и западной Руси къ обрядамъ церкви латинской». Но онъ пропустилъ требникъ стрятинскій и другіе предшествовавшіе Могилиному, не изучилъ, какъ слѣдуетъ, этого послѣдняго, не понялъ и вообще личности Могилы и значенія произведенной имъ въ обрядности реформы. Могила не только православнѣйшій изъ православныхъ, но и великій ревнитель и защитникъ православія, и этому дѣлу отдалъ всю свою жизнь. Рѣшившись регулировать и восполнить обрядность православной церкви, въ виду частыхъ нападковъ на эту сторону

противной партiи, онъ всякiй обрядъ, таинство и священное дѣйствiе старался опредѣлить по прiемамъ тогдашней богословской науки со стороны формы и содержанiя и если замѣчалъ, что чего либо недоставало для той или другой стороны, то или бралъ готовое и болѣе соотвѣтственное изъ требниковъ греческихъ и даже римскихъ, или же самъ составлялъ недостающiя молитвы и пѣснопѣнiя. Его требникъ вводилъ единство въ разнообразiе обрядовыхъ принадлежностей, выяснялъ внутреннiй ихъ смыслъ, восполнялъ подъ часъ недостающее въ ихъ внѣшней сторонѣ. Вся эта сложная работа Могилы показываетъ, что онъ не способенъ былъ на простое заимствованiе, безъ соображенiя съ значенiемъ обряда по духу и ученiю церкви. Его требникъ кромѣ того обнималъ собою всѣ стороны общественнаго и частнаго богослуженiя, всѣ духовныя нужды христiанина въ частнѣйшихъ случаяхъ его семейной и домашней жизни. Равнаго этому требнику по полнотѣ у насъ не было и нѣтъ доселѣ; отъ того онъ принятъ былъ не только въ церкви православной, но даже унiатской; его молитвами на частные случаи обыденной жизни (напр. освященiе дома и т. п.) священники пользовались во все прежнее время, пользуются и теперь, не находя ихъ во всѣхъ другихъ требникахъ.

Итакъ не мнимымъ сближенiемъ православной обрядности съ латинскою въ западно-русской церкви, въ первой пол. XVII ст., надобно объяснять появленiе и сочувственное принятiе могилинскаго требника, а высокими внутренними достоинствами этой богослужебной книги, ея глубоко-православнымъ характеромъ и полнотою, а равно засвидѣтельствованною исторiею наклонностiю южно-русскаго народа въ дѣлѣ вѣры и обряда искать духа и смысла, а не буквы. Мы распространились о мнимомъ латинствованiи западно-русской церкви въ перiодъ до унiи и въ началѣ ея не потому только, что авторъ повторяетъ здѣсь общеупотребительный и, правду сказать, избитый, хотя и несогласный съ исторiею прiемъ, но и потому, что этотъ прiемъ является въ его изслѣдованiи исходнымъ пунктомъ. Въ противуположность сему, говоря объ обрядности въ восточной Руси, онъ видитъ въ ней только отраженiе измѣненiй обрядности греческой церкви, а это въ свою очередь невѣрно исторически. Чтобы не заходить въ глубь исторiи Новгорода, достаточно будетъ указать на долговременную практику въ Москвѣ «чина пещнаго дѣйствiя», «Вьѣханiя Господня» и другихъ обрядовъ, не греческаго, конечно, происхожденiя.

Одинаково кажется намъ не совсѣмъ вѣрною и основная точка зрѣнiя автора на характеръ обряда. Мѣриломъ православiя въ этомъ отношенiи онъ считаетъ обрядную практику въ восточной или центральной

Руси и согласіе оной съ практикою церкви греческой. Недостаточность этого критерія показала намъ реформа Никонова въ связи съ отвѣтомъ ему восточныхъ патріарховъ по поводу возникшей въ церкви русской разности въ обрядахъ; но если бы и въ наше время сличить обряды нашей церкви съ обрядами церкви греческой, то многаго изъ того, что есть у насъ, не оказалось бы у грековъ и на оборотъ. А между тѣмъ съ помощію именно этого критерія авторъ обсуждаетъ обрядность рукописныхъ уніатскихъ богослужебныхъ книгъ и опредѣляетъ близость ея къ обрядности православной и латинской. Внутренняго самостоятельнаго движенія въ ней, хотя бы подъ вліяніемъ постороннихъ воздѣйствій, авторъ также не указываетъ, а видитъ только стремленіе однихъ приблизить ее къ обрядности латинской, другихъ же удержать за нею характеръ греко-восточный.

Скажемъ еще, что, слѣдя въ обрядности уніатской ея церковно-религіозную сторону, авторъ оставилъ безъ вниманія отразившіяся въ ней мѣстныя бытовыя черты, и это тѣмъ болѣе жаль, что собственно для этой цѣли ни самъ авторъ и никто другой не займется пересмотромъ вновь виленскихъ богослужебныхъ рукописей. По этой, какъ и по другимъ указаннымъ выше причинамъ самые выводы автора, при видимой ихъ основательности, не кажутся намъ достаточно полными.

К. Цыбульскій.

Литературный сборникъ, издаваемый галицко-русскою матицею подъ редакціей Б. Дѣдицкаго. Вып. I. Львовъ, 1886 года.

Небольшой объемъ сборниковъ, издаваемыхъ старѣйшимъ львовскимъ издательскимъ обществомъ, ведетъ къ существенному неудобству, отражающемуся на составѣ отдѣльныхъ выпусковъ: является необходимость дробить статьи въ интересахъ разнообразія содержанія книгъ. При значительныхъ промежуткахъ времени, отдѣляющихъ выходъ одного выпуска отъ другого, это неудобство сказывается еще сильнѣе, какъ бы лишая цѣлостности нѣкоторые научные труды. Эти замѣчанія напрашиваются сами собой при чтеніи и настоящаго выпуска «Сборника». Открывается онъ трудомъ о. А. С. Петрушевича о «Словѣ о полку Игоревѣ». Почтенный ученый предполагаетъ предложить исправленное и раздѣленное по стихамъ изданіе текста, съ поясненіями къ нему. Но и текстъ и поясненія появятся въ слѣдующемъ выпускѣ, а теперь помѣщено одно лишь введеніе къ труду. Точно также изъ любопытныхъ записокъ Я. Ѳ. Головацкаго напечатано нѣсколько среднихъ главъ. Только мелкія статьи и замѣтки могли войдти въ этотъ выпускъ «Сборника» цѣликомъ.

Имѣющіе появиться коментаріи о. Петрушевича прибавятъ конечно существенныя черты къ критической литературѣ объ этой, чудесно дошедшей до насъ, загадочной поэмѣ княжескаго вѣка. А литература эта по истинѣ громадна. Гг. Смирновъ и Барсовъ въ своихъ библіографическихъ очеркахъ опредѣлили число издателей, переводчиковъ и изслѣдователей «Слова» цифрою 168. Въ рецензіи трудовъ двухъ названныхъ ученыхъ г. Ждановъ, указаніемъ пропусковъ и дальнѣйшими положеніями, довелъ эту цифру почти до 200. Съ 1880 г., когда писана его замѣтка, появлялись статьи и очерки по тому же предмету и цѣлыя изслѣдованія, какъ напр. книги М. А. Андріевскаго и громадный трудъ Е. Барсова, провосходящій по объему и обстоятельности все, что было извѣстно по этой части до сихъ поръ. Многочисленные изслѣдователи «Слова» давно подѣлились на группы. Есть коментаторы исторической и миѳологической сторонъ памятника и изслѣдователи соотношенія «Слова» съ данными народной поэзіи (Дубенскій, Максимовичъ и др.) Видятъ въ поэмѣ иноземныя вліянія (Веселовскій, Вс. Миллеръ, Барсовъ) и отрицаютъ ихъ (Потебня, Огоновскій и пр.), признаютъ складъ его стихотворнымъ и не признаютъ и т. п. Нечего говорить о чтеніи отдѣльныхъ мѣстъ и словъ текста, а также о вопросѣ относительно времени написанія Пушкинскаго списка: тутъ изломано множество перьевъ и изведено чернилъ цѣлое море.

Въ введеніи къ своему опыту о. Петрушевичъ касается также общихъ вопросовъ, вызываемыхъ «Словомъ»: онъ относитъ Пушкинскій списокъ къ концу XV или началу XVI вѣка; важнѣйшими ошибками прежнихъ издателей признаетъ раздѣленія нѣкоторыхъ словъ на части, неправильныя выведенія словъ изъ подъ титловъ, ошибочное чтеніе или смѣшеніе нѣкоторыхъ буквъ и пр. Текстъ слова онъ считаетъ необходимымъ дѣлить на стихи, такъ какъ этимъ способомъ облегчится исправленіе нѣкоторыхъ испорченныхъ мѣстъ и разстановка словъ посредствомъ замѣченнаго параллелизма стиховъ. Касается онъ также пресловутаго *двоевѣрія* автора «Слова», т. е. присутствія въ его міровоззрѣніи языческаго начала. По этому поводу онъ даетъ вскользь свое толкованіе имени Трояна, четыре раза встрѣчающагося въ «Словѣ» и ставящаго въ такое затрудненіе коментаторовъ.

Просматривая труды русскихъ изслѣдователей, мы видимъ, что они попеременно объявляли этого Трояна то римскимъ императоромъ (Карамзинъ), то славянскимъ божествомъ (Буслаевъ), то давнимъ югославянскимъ царемъ (Вс. Миллеръ и нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи), то наконецъ потомкомъ троянцевъ (гипотеза кн. Вяземскаго и поправка въ ней Веселовскаго; по этому толкованію земля тюрковъ, по-

томковъ троянцевъ, Тархота, на Дону, у пѣвца Игоря явилась землею троянскою). О. Петрушевичъ въ Троянѣ «Слова» видитъ Рюрика, родоначальника династіи, старшаго изъ трехъ братьевъ (трибратичей), получившаго поэтому имя Трояна. Забвеніе имени Трояна онъ объясняетъ мѣрами духовенства, которое хотѣло изгладить память о языческомъ царѣ и сосредоточить народное вниманіе на первомъ христіанскомъ правителѣ, св. Владимірѣ. Этими же мѣрами онъ объясняетъ рѣдкость списковъ «Слова». Выраженіе одного изъ стиховъ поэмы *«рыща въ тропу Трояню»* даетъ ему поводъ распространиться объ этимологическомъ значеніи имени *Русичей* и *Руси*. Это имя первоначальной воинственной дружины, ставшее впослѣдствіи именемъ племени, онъ производитъ, длиннымъ путемъ сопоставленій, отъ глагола *рискати*, *ристати*, употребленному въ означенномъ стихѣ Игоревой поэмы. Не надо быть записнымъ филологомъ, чтобъ замѣтить научное увлеченіе автора, приведшее его къ такому толкованію. Еще болѣе натянуто смѣшеніе федерализма съ удѣльною системою въ томъ мѣстѣ введенія о. Петрушевича гдѣ рѣчь идетъ о политическихъ идеалахъ пѣвца «Слова».

Новинкою, хотя и спорною, является догадка изслѣдователя о происхожденіи автора «Слова». Онъ считаетъ его выходцемъ изъ галицкой Руси, отправившимся вмѣстѣ съ дочерью галицкаго князя Ярослава Владимірковича, Ефросиніею, супругою сѣверскаго князя Игоря и вступившимъ на службу въ дружину и совѣтъ этого князя. Къ такому предположенію приводятъ ученаго близкое знакомство пѣвца «Слова» съ политикою и отношеніями къ сосѣднимъ державамъ галицкаго князя Ярослава, встрѣчающееся въ поэмѣ указаніе на мѣстность древняго галицкаго города Плесниска, свѣдѣніе о походѣ полковъ Ярослава на дальній востокъ, въ землю Салтановъ, описаніе плача Ярославны и рельефное изображеніе степей, поразившихъ пѣвца своимъ контрастомъ съ предкарпатской природой.

Напечатанная въ «Сборникѣ» рѣчь уважаемаго галицкаго историка И. Шараневича касается знаменательнаго торжества, отпразднованнаго въ текущемъ году во Львовѣ—300 лѣтняго юбилея ставропигійскаго института, котораго г. Шараневичъ состоитъ въ настоящее время предсѣдателемъ. Въ своемъ словѣ почтенный ученый обращается къ тому далекому времени, когда, при Стефанѣ Баторіѣ, по почину галицкаго шляхетства и мѣщанъ, при содѣйствіи митрополита Рогозы и съ благословенія антіохійскаго патріарха Іоакима, положено было прочное основаніе знаменитому впослѣдствіи просвѣтительному учрежденію. Школа и типографія братства, возникшая въ 1586 году, служили въ отдаленную эпоху свѣтильниками науки, а гуманитарная и научная цѣль брат-

ства группировала вокругъ него общественныя силы какъ собственно галицкой, такъ и южно-русской земли. Помянувъ добрымъ словомъ дѣятельность братствъ, оказывавшихъ великія услуги обществу и народу, историкъ обращается къ тѣмъ основамъ, которыя давали братствамъ силу и возможность въ достиженіи высокихъ задачъ ихъ дѣятельности. Главнымъ образомъ эту силу онъ видитъ въ основаніяхъ общественныхъ, на какихъ учреждались въ ту пору братства. Братства южной Руси возникали въ городахъ, надѣленныхъ Магдебургскимъ правомъ и вполнѣ сообразовались въ своемъ строѣ съ учрежденіями гражданскими. Ихъ автономія или самоуправленіе были только естественнымъ послѣдствіемъ болѣе или менѣе развитой свободы общественныхъ корпорацій, въ основаніе образованія которыхъ ложилось различіе ремеслъ, сословій и вѣроисповѣданій.

Ставропигійское братство, сохранившее во многомъ свой древній уставъ, насчитываетъ въ настоящее время 62 члена. Члены принимаются по выбору. Братство содержитъ школу на 30 бѣдныхъ учениковъ, выдаетъ стипендіи и печатаетъ въ своей типографіи книги для церквей и школъ.

Подъ рубрикой «Матеріалы для исторіи галицко-русской словесности» помѣщено въ «Сборникѣ» продолженіе интересныхъ автобіографическихъ записокъ Я. Ѳ. Головацкаго, носящихъ общее заглавіе «Пережитое и перестраданное». Эти талантливые наброски переносятъ насъ за пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Предъ нами юноша со страстью стремящійся узнать и изъучить свой край и народъ, собрать его духовное добро, его устную поэзію, постигнуть его духовный складъ и характеръ. Тогда не умерло еще въ Галичинѣ крѣпостное право. Въ крестьянскихъ хатахъ, куда стремился любознательный пѣшеходъ, караулило его зоркое око эконома и трудное всегда дѣло собиранія произведеній народнаго творчества осложнялось еще панской подозрительностью. Очень живо разсказаны дни ученія въ Венгріи и новыя скитанія по родной землѣ. Для исторіи духовнаго развитія въ Галиціи записки эти представятъ несомнѣнно огромное значеніе, принадлежа одному изъ дѣятелей, найболѣе своими трудами способствовавшему начаткамъ развитія просвѣщенія своей страны въ народномъ духѣ.

Остальной матеріалъ «Сборника» состоитъ изъ перевода монографіи Костомарова о кн. Даніилѣ Галицкомъ (на какой языкъ?—отвѣчать на это довольно трудно,—сборникъ напечатанъ на діалектѣ, одинаково трудномъ для пониманія какъ мѣстнымъ читателямъ, такъ и русскимъ), замѣтки объ одной археологической находкѣ въ 40 годахъ, біографическаго очерка О. Полянскаго и небольшой библіографіи. Въ приложеніи

начато печатаніе очень интересной серіи изображеній «Памятниковъ галицко-русской старины» съ объяснительнымъ текстомъ. Въ трехъ имѣющихся таблицахъ, прекрасно исполненныхъ хромолитографіей по рисункамъ г. Чеховича, заключаются изображенія археологическихъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ на мѣстѣ древняго Галича. Это кресты и крестики, открытые при раскопкѣ могилъ. Объяснительная замѣтка устанавливаетъ сходство этихъ предметовъ съ такими же найденными на мѣстѣ древняго Плесниска, въ раскопкахъ предпринятыхъ Краковской академіей. Предметы эти относятся къ первымъ временамъ водворенія христіанства на Руси. Тутъ же сообщенъ списокъ предметовъ, найденныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ въ раскопкахъ на побережьяхъ Днѣстра и Днѣпра, въ губерніяхъ каменецъ-подольской, волынской, полтавской и кіевской. Нѣкоторые предметы археологіи, бывшіе на львовской археологической выставкѣ, найденные въ галицко-русскихъ мѣстностяхъ, совершенно подобные находкамъ г. Антоновича, представили очевидное доказательство единообразія культуры этой страны въ славяно-язычесяій періодъ съ культурою мѣстностей поднѣпрянскихъ и поднѣстрянскихъ.

W.

Историческія розысканія въ южно-русскихъ архивахъ, Амфіана С. Лебедева. Москва. 1885 года.

Небольшая книжка (въ 50 стр.) подъ этимъ заглавіемъ представляетъ сборникъ матеріаловъ, собранныхъ авторомъ въ архивахъ курской и харьковской губерній и напечатанныхъ въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ» (книга 2-я за 1884 г.). Сборникъ дѣлится на нѣсколько отдѣловъ: первый содержитъ въ себѣ матеріалы по исторіи «Липновской Троицкой пустыни» (курской губерніи), рисующіе весьма неприглядныя стороны во внутренней жизни этого монастыря: пьянство, развратъ, хищенія, растраты, неуваженіе къ святынѣ и глубокое невѣжество.

Во второмъ отдѣлѣ подъ громкой и несоотвѣтствуюшей содержанію рубрикой: «Эпизодъ изъ исторіи борьбы духовной власти въ Россіи съ народно-религіозными обычаями» мы находимъ просто-на-просто борьбу курскаго Знаменскаго монастыря съ Коренной Рождественской пустынью изъ-за доходовъ отъ чудотворнаго образа Знаменія Пресвятыя Богородицы. „Подаяніе уступить обидно“, твердили обѣ стороны и въ этихъ словахъ выразили всю суть своихъ споровъ; при этомъ во взаимныхъ жалобахъ монастыря на пустынь и на оборотъ разсказываются подроб-

ности о перебранкѣ между собою монашествующихъ изъ-за «подаянія», торгъ съ богомольцами за молебны и проч. Борьба окончилась тѣмъ, что святѣйшій синодъ запретилъ хожденіе съ образомъ изъ монастыря въ пустынь, и оно было возстановлено, и то очень не скоро, только по просьбѣ населенія, удовлетворявшаго при этомъ хожденіи свои религіозныя потребности.

Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ документахъ, какъ не относящихся собственно къ программѣ «Кіевской Старины», а перейдемъ къ обозрѣнію актовъ, спеціально принадлежащихъ къ области исторіи южной Руси. Они составляютъ въ книжкѣ третій отдѣлъ подъ именемъ: «Владѣльческихъ документовъ Сумскаго Успенскаго монастыря» и извлечены г. Лебедевымъ изъ архива харьковской духовной консисторіи. Одинъ изъ этихъ документовъ, поминовенная запись, любопытенъ по тому религіозному чувству и одушевленію, съ какимъ небогатый жертвователь завѣщаетъ святой обители на поминъ своей души послѣднее достояніе, совсѣмъ пренебрегая положеніемъ своей жены, которой предоставляетъ жить «на всей худобѣ, что есть, яко она вѣдаетъ»; второй показываетъ, какъ просто улаживались въ старину дѣла о растратахъ. Ипатій, монахъ Сумскаго Успенскаго монастыря, говоритъ въ своей записи: «считали мене на трапезѣ игуменъ Иларіонъ съ братіею и не досчитали на мнѣ монастырскихъ денегъ 37 рублевъ..... которыхъ денегъ казенныхъ мнѣ старцу нечѣмъ уплатить, то я въ тѣхъ деньгахъ отдалъ свою купчую на комору....» Изъ слѣдующихъ за тѣмъ документовъ мы узнаемъ, что монахи того-же монастыря не считали для себя зазорнымъ пріобрѣтать въ собственность имущество своего должника, когда онъ оказывался несостоятельнымъ къ платежу. Отдачею монастырскихъ денегъ на проценты подъ залогъ недвижимаго имущества занимается также архмандритъ съ братіею; они же употребляютъ и другія подобныя средства для увеличенія своихъ имѣній. Одному монастырскому крестьянину мѣщанинъ заложилъ свой лѣсъ и, не выкупя его, бѣжалъ; тогда монастырь, являясь выразителемъ правъ своего крестьянина на судѣ, хлопочетъ объ укрѣпленіи за послѣднимъ этого лѣса, когда же процессъ былъ выигранъ, монастырь оставляетъ лѣсъ за собой, а крестьянину сплачиваетъ долгъ, за который лѣсъ былъ ему заложенъ. Завѣщаніе іеромонаха харьковскаго преображенскаго монастыря о распредѣленіи его имущества между сыновьями священниками указываетъ на большое развитіе въ ту пору и въ той мѣстности промышленнаго духа въ бѣломъ духовенствѣ, вполнѣ отдававшемся занятію земледѣліемъ, винокуреніемъ, торговлей и проч.; изъ того же завѣщанія мы видимъ, какъ легко тогда переходили изъ-за прилавка къ

алтарю и какъ мало требовалось для того, чтобы, напр., купецъ сдѣлался священникомъ. Въ завѣщаніи другаго священника (мѣстечка Тарановки зміевскаго уѣзда) мы встрѣчаемся со взглядомъ людей прошлаго вѣка на церковь, какъ на собственность священника, которую онъ могъ передавать даже по завѣщанію сыну или зятю, съ условіемъ иногда, чтобы половина церковныхъ доходовъ шла въ пользу вдовы завѣщателя. Въ настоящемъ сборникѣ нашелъ себѣ мѣсто также документъ, указывающій на мѣры, какія принимало высшее начальство для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ. Генералъ-губернаторъ курскаго намѣстничества проситъ бѣлгородскую духовную консисторію сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы духовенство учило народъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что борьба съ несчастіями и общественными бѣдствіями вполнѣ законна и не противорѣчитъ духу вѣры. Распоряженіе это было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что народъ не хотѣлъ уничтожать саранчи, налетѣвшей на г. Корочу и пожиравшей посѣвы, вѣря, что это сила Божія, наказаніе за грѣхи и что поэтому борьба съ нею не только напрасна, но и богопротивна и можетъ привести къ большимъ еще бѣдствіямъ.

Для исторіи сельско-хозяйственной и заводской промышленности на югѣ Россіи мы находимъ также нѣсколько цѣнныхъ документовъ, какъ напр. бумаги объ учрежденіи Петромъ Великимъ овчарныхъ заводовъ на югѣ Россіи, въ восьми городахъ: Рыльскѣ, Орлѣ, Карачевѣ, Путивлѣ, Курскѣ, Сумахъ, Ахтыркѣ и Бѣлгородѣ. Заводами управляли 13 иноземцевъ, у которыхъ было учениковъ изъ великороссовъ 51 и малороссовъ 54; въ ихъ распоряженіи было 21,074 овцы, а «впредь велѣно содержать 15,000». Ученики набирались въ эту науку, квкъ рекруты, съ извѣстнаго числа дворовъ (съ 57 по одному); также доставлялись для овецъ сѣно и солома: сѣна «зеленаго, мелкаго съ листьями полагалось по возу съ полтретья двора и соломы по возу съ 27 дворовъ съ подвозомъ». Ясно, что искуственная поддержка промышленности была бременемъ для населенія и постоянно сокращалась.

О существованіи смальчужныхъ заводовъ въ селѣ Должковѣ (харьковскаго уѣзда) мы узнаемъ изъ напечатаннаго въ сборникѣ письма владѣльца этихъ заводовъ капитана князя Якова Крапоткина къ архимандриту курскаго Знаменскаго монастыря Михаилу; въ этомъ письмѣ князь увѣдомляетъ архимандрита, что онъ заключилъ договоръ съ монастырскими крестьянами о доставкѣ ими въ Орелъ 500 бочекъ смальчуги и проситъ побудить крестьянъ исполнить договоръ аккуратно, прибавляя: «при семъ же чрезъ оныхъ крестьянъ посылаю превелебности вашей барильце водки украинской, которое прошу любительно

приказать принять и дай Боже на здоровье употреблять». Само собою расумѣется, что послѣ такой убѣдительной просьбы договоръ выполнили точно.

Красочный заводъ существовалъ въ монастырскомъ селѣ Смородинномъ (фатежскаго уѣзда), но принадлежалъ не монастырю, а компаніи, которую составляли: графъ Шуваловъ, оберъ-инспекторъ Шемякинъ и купецъ, содержатель фабрики, Антонъ Товлѣевъ; производствомъ работъ занимался англичанинъ Робертъ Гриналь; земля для завода была отведена въ монастырскомъ имѣніи по приказанію преосвященнаго. Монастырь, конечно, исполнилъ приказаніе епископа, но дѣлалъ всѣ возможныя препятствія для преуспѣянія фабрики; крестьяне напр. обязаны были доставлять для завода траву на краски; архимандритъ воспрещалъ имъ такую доставку; англичанинъ жаловался Шувалову; Шуваловъ «милостиво увѣщевалъ» архимандрита; архимандритъ оправдывался и «клялся Богомъ Всемогущимъ, что ни тайно, ни явно, ни собою, ни другимъ кѣмъ матеріалъ на фабрикѣ продавать крестьянамъ не воспрещалъ и за продажу никого не наказывалъ ниже словомъ»; а между тѣмъ въ письмѣ къ монаху Христофору, ходатайствовавшему въ Петербургѣ по монастырскимъ дѣламъ, поручаетъ отнесть, кому слѣдуетъ, по полпуду перепеловъ, «чтобы не быть фабрикѣ въ вотчинѣ монастырской».

При богатствѣ и интересѣ матеріаловъ сборника, составитель онаго не всегда заботится о точности и буквальномъ воспроизведеніи ихъ въ печати, жертвуя ими для интереса разсказа. Его книга представляется чѣмъ-то среднимъ между историческимъ разсказомъ и сборникомъ документовъ; это разсказъ, который ведется актовымъ языкомъ; для читателей обыкновенныхъ онъ труденъ по языку, для спеціалистовъ въ немъ многаго не достаетъ. Самый выборъ матеріала и расположеніе онаго, а также объясненія составителя сборника не всегда могутъ похвалиться исторической безпристрастностію. Г. Лебедевъ сокращаетъ подлинники, дѣлаетъ изъ нихъ извлеченія, забывая, что то, что не важно для него, можетъ быть важнымъ и существеннымъ для другихъ.

И. Каманинъ

Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края, Д. Л. Иванова (Извѣстія имп. рус. географич. общества, 1886 г. Т. III, стр. 225—255).

Въ воображеніи малорусскаго крестьянина Старопилье—земля, текущая медомъ и млекомъ, и долгое время, нѣсколько десятилѣтій, туда

двигались переселенцы съ разныхъ концовъ Россіи, между прочимъ, изъ Малороссіи. Земельное богатство, приволье водъ, лѣса и луговъ, съ рыбой, звѣрьемъ и птицей, отсутствіе систематическаго контроля со стороны начальства, сидѣвшаго въ крѣпостныхъ стѣнахъ рѣдкихъ оффиціальныхъ пунктовъ, наивность «орды», мирнаго кочевника-сосѣда, все это манило людей въ ставропольскій край. Сюда шелъ разный народъ, бродяги и мирные земледѣльцы. Кажется, жить бы здѣсь поселенцамъ, та поживать, да добра наживать. И дѣйствительно, первые поселенцы богато зажили. Но богатство это не было дѣломъ правильной культуры; оно извлекалось изъ земли, съ полнымъ пренебреженіемъ къ ея производительнымъ силамъ, посредствомъ широкаго развитія скотоводства и земледѣльческаго хозяйства исключительно на экстенсивныхъ началахъ, т. е. на подъемѣ цѣлины. Огромныя отары овецъ прошли по полямъ и не оставили былины; рогатый скотъ внесъ разрушеніе въ молодые лѣса и затопталъ ручейки. Наступили засухи, неурожаи, и благосостояніе народа пошло быстро къ упадку. Народъ правильно увидѣлъ въ неурожаяхъ наказаніе Божіе за грѣхи, но онъ не понимаетъ того, что главный грѣхъ состоялъ въ расхищеніи природныхъ средствъ страны. Быстрая колонизація, говоритъ г. Ивановъ, не принесла съ собою ничего такого, что могло бы повести къ улучшенію природныхъ условій, а напротивъ съ такой поспѣшностью приложила свои культурныя знанія къ расхищенію бывшихъ запасовъ, что уже четвертому поколѣнію со времени первыхъ поселеній приходится расплачиваться за недальновидность дѣдовъ... Истребленіе лѣсовъ и растительности, порча почвы разными путями, нераціональная трата воды, отсутствіе правильной охраны и распредѣленія кореннаго сельско-хозяйственнаго достоянія, все это повело къ осушенію страны, и борьба съ природой становится съ каждымъ годомъ все труднѣе и труднѣе... Обратное выселеніо уже началось, Въ общемъ, богатый земледѣльческій край идетъ къ упадку, не смотря на рѣдкость населенія; климатическія условія все болѣе превращаютъ страну въ непріятную сухую степь... Отдѣльныя усилія являются уже напрасными въ борьбѣ съ надвигающимся роковымъ возмездіемъ со стороны неумолимой природы.

И такъ столь привлекательный для малоруссовъ край, Старопильщина, уже имѣетъ исторію, печальную исторію: не разцвѣтши онъ отцвѣлъ, и новымъ поколѣніямъ переселенцевъ приходится ужс тянуться въ безконечную даль, на Амуръ, въ Уссурійскій край, на берега Мургаба и Теджента.

Н. С.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія)

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ПОЛЬСКОМУ РЕЦЕНЗЕНТУ МАЛОРУССКИХЪ КНИЖЕКЪ.

Въ польскомъ журналѣ «Przegląd Tygodniowy», въ октябрской его книжкѣ за настоящій годъ, мы нашли небольшую библіографическую замѣтку нѣкоего Коровая-Метелицкаго, посвященную произведеніямъ современной украинской литературы. Въ ней онъ рецензируетъ нѣсколько малорусскихъ книжекъ, и въ ряду ихъ, при томъ на первомъ планѣ, ставитъ «Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта, Петра Раевскаго» (Кіевъ и Одесса 1886 г.) и его же «Новыя сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта» (Кіевъ, 1883 г.).

Нельзя вообще не отнестись сочувственно къ тому, что поляки, слѣдя за ходомъ развитія иностранной литературы, не оставляютъ безъ вниманія подъ часъ и болѣе близкой имъ русской литературы и въ частности малорусской. На этотъ разъ вниманіе рецензента не ограничивается простымъ обзоромъ перечисленныхъ имъ сочиненій, но углубляется такъ сказать въ самую суть дѣла, при чемъ рецензентъ высказываетъ мнѣнія, не лишенныя основанія; таковъ, напримѣръ, упрекъ его малорусской пишущей братіи въ односторонности и однообразности избираемыхъ ими темъ. Мы впрочемъ не намѣрены въ нашей бѣглой замѣткѣ касаться общихъ, такъ сказать, принципіальныхъ взглядовъ рецензента на малорусскую литературу, ходъ и условія ея развитія; мы лишь хотимъ сказать нѣ-

сколько словъ по поводу включенія имъ въ число произведеній этой литературы «Сценъ и разсказовъ» П. Раевскаго, какъ прежнихъ, такъ и новыхъ.

Мы всегда были и будемъ далеки отъ признанія въ произведеніяхъ, подобныхъ сценамъ и разсказамъ г. Раевскаго, вообще литературныхъ достоинствъ и сколько нибудь правдиваго изображенія этики малорусскаго простолюдина. Насъ не можетъ къ этому склонить число изданій этихъ твореній; мы привыкли видѣть многосчетныя изданія всей почти лубочной россійской литературы, и въ томъ, что «Разсказы» Раевскаго выдерживаютъ пятое изданіе, мы только съ грустью усматриваемъ неразвитость среды, которую удовлетворяютъ подобныя кривлянья и «варняканья», но далеко не приходимъ къ убѣжденію о популярности, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, подобныхъ произведеній; при томъ же намъ хорошо знакомо дѣло издательства лубочныхъ книжекъ и способъ ихъ распространенія.

Рецензентъ впрочемъ сознаетъ, что называется, пересоленность нѣкоторыхъ разсказовъ г. Раевскаго, но въ то же время думаетъ, что авторъ въ разсказахъ этихъ проявляетъ глубокое знаніе быта и характера народа и разсказанное не сочинялъ, а бралъ изъ жизни. По этому поводу мы позволимъ себѣ спросить г. Коровая-Метелицкаго, изъ какой такой жизни можно почерпнуть темы для разсказовъ, въ которыхъ рисуется какая-то неестественная апатичность собирающихся тушить пожаръ, или равнодушно глядящихъ на утопающаго человѣка? Гдѣ это можно видѣть и слышать глумленіе народа надъ обыкновеннымъ арестантомъ?! А таковы разсказы Раевскаго «На Днѣпрѣ», «Пожарная команда» и «Арестанты». Мы положительно отрицаемъ возможность такихъ чертъ въ какой бы ни было народности и склонны думать, что г. Коровай-Метелицкій мало знакомъ не только съ малорусскимъ, но и съ другимъ какимъ либо народомъ, иначе онъ не вѣрилъ бы правдивости разсказовъ г. Раевскаго и тому, что они заимствованы изъ жизни, а при сличеніи народныхъ анекдотовъ съ его «Сценами и разсказами» навѣрное далъ бы преимущество чисто народной формѣ разсказа, не передѣлываемой такъ неудачно, какъ это сдѣлано г. Раевскимъ въ его разсказѣ «Въ воскресенье утромъ».

Намъ на столько знакома народная жизнь и народные раз-

сказы, какъ изъ непосредственныхъ наблюденій, такъ и изъ всего того, что собрано, а отчасти и обработано въ нашей этнографической литературѣ, что мы находимъ излишнимъ останавливаться долѣе надъ книжками г. Раевскаго, а г. Коровай-Метелицкаго отсылаемъ къ тому изобильному матеріалу по части народной этики, какой даютъ работы людей, которые серьезно, безъ издательскаго барышничества, отдавались изученію народа, записывая буквально слышанное изъ устъ его и подвергая записанное научной обработкѣ. «Приказки и присловья» Номиса, отдѣлъ народныхъ разсказовъ въ журналѣ «Основа», «Записки о южной Руси» Кулиша, Сборники Рудченка, Ефименка, Чубинскаго, Антоновича и Драгоманова, въ такомъ-же родѣ матеріалъ въ «Кіевской Старинѣ» и научныя статьи, какъ «Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности», вотъ гдѣ слѣдовало бы искать уразумѣнія смысла народной жизни, а не въ лубочныхъ разсказахъ и варняканьи г. Раевскаго, повторяющаго далекіе зады 30-хъ и отчасти 40-хъ годовъ и даже рецепты риторики Довгалевскаго—выставлять мужика въ смѣшномъ и глупомъ видѣ.

Научно теперь доказано, что многіе анекдоты общи въ основной ихъ темѣ многимъ народностямъ и только варіируются въ частностяхъ. Мы напримѣръ слышали извѣстный анекдотъ о томъ, какъ мазуръ распрашиваетъ русина о своей потерѣ:

— Czy nie znalazłeś, człowieku, sakwy bicyskiem związanej, a w niej moculec, dwa nadziewaje i wytsescak!

— Ни, я знайшовъ торбу, батижкомъ завъязану, а въ ній оселедець, два пироги и заяць.

— A, to pozywaj zdrów, bo to nie moje.

Такой же анекдотъ мы слышали въ воронежской губерніи, но только тутъ мазуръ замѣненъ великороссомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ комизмъ приданъ малороссомъ человѣку другой народности. Такой же анекдотъ разсказывалъ П. С. Ефименко въ «Основѣ», записанный имъ въ оренбургской губерніи. Но эти и подобные анекдоты не даютъ намъ права предполагать въ осмѣиваемыхъ людяхъ особой какой либо характерной глупости и en masse неразвитости; они доказываютъ только присутствіе извѣстной доли антагонизма и иронизаціи соприкасающихся народностей.

Въ разсказахъ русиновъ люблинской губерніи, вѣрующихъ въ то, что мазуры родятся слѣпыми, намъ пришлось слышать много указаній на тупость и неразвитость мазуровъ. Мальчикъ-мазуренокъ, разыскивая на ярмаркѣ невиданныхъ имъ никогда русиновъ и знающій о нихъ только то, что они, русины, въ субботу (постный у католиковъ день) ѣдятъ скоромное, натыкается на сидящаго около воза русина, который ѣстъ сало. Увидѣвъ русина, мазуренокъ вопитъ благимъ матомъ: «Wej go tutaj! Wej go tutaj! Patsajta! Oto rusin! A to zupełnie jak człowiek, tylko ze sperke zre! (Гей сюда, сюда! Смотрите! Вотъ русинъ! Да онъ совсѣмъ похожъ на человѣка, только вотъ сало ѣстъ!) Въ этомъ и подобныхъ о мазурахъ анекдотахъ высказываемая точка зрѣнія русиновъ не даетъ намъ права устанавливать такой же взглядъ на мазуровъ и мы всегда воздержимся отъ созданія себѣ типа цѣлой народности по этимъ ироническимъ указаніямъ.

Пора бы, кажется, перестать повторять избитые и вовсе не вѣрные разсказы о физической и умственной неповоротливости малороссовъ, которые, однакоже, составляютъ значительный процентъ войскъ гвардіи, всей кавалеріи и черноморскаго флота, куда со всего контингента набора выбираются найболѣе ловкіе и расторопные новобранцы [1]).

Приведемъ и еще одинъ анекдотъ въ подтвержденіе той же мысли, что нельзя по анекдотамъ дѣлать выводы о характерѣ извѣстнаго народа, безъ точной провѣрки ихъ по другимъ даннымъ и изученія внутренняго ихъ смысла.

На Украйнѣ есть поговорка: «Уманській дурень, що зъ чужого воза бере, а на свій кладе». «Уманскимъ дурнемъ» вообще называютъ человѣка хитраго, пронырливаго, такого, что, какъ говорится, себѣ на умѣ. Но это присказка, а вотъ и сказка. Подходятъ къ Умани два какіе то ремесленника, *варшавяки*, и примомнили себѣ названіе «уманскій дурень», а другой половины поговорки не знали. «Какіе такіе эти дурни», думаютъ «варшавяки», хорошо намъ умнымъ будетъ между ними — заживемъ... А тутъ при самой дорогѣ пашетъ плугомъ чумазый, понурый мужикъ и такъ странно покрикиваетъ на воловъ: «Гей!

---

[1]) „Племенной составъ контингентовъ русской арміи и мужскаго населенія европейской Россіи", А. К. Риттиха. С.-П.-Б. 1875 г.

Гей! Собъ! Цабе»!—«Вотъ и есть одинъ изъ этихъ дурней», думаютъ варшавяки, «подойти, посмотрѣть поближе». Подошли...

— Здравствуй, человѣкъ Божій!

— Здорово! отвѣтилъ понуро мужикъ и опять за свое: «Гей, гей! Собъ, цабе, цабе»!

Перемигнулись варшавяки—чудакъ молъ. Мужикъ замѣтилъ насмѣшливое выраженіе ихъ лицъ и еще болѣе понурился.

— Что это ты дѣлаешь!

— Аже бачте, ору! Гей! гей!

Рады варшавяки: напали сразу, чего искали, смѣшно имъ.

— Вотъ мы хотимъ у тебя попросить совѣта по одному дѣлу,— началъ одинъ изъ варшавяковъ, плохо скрывая улыбку и подмигивая товарищу.

— Да остановись же, потолкуемъ!...

Орачъ остановилъ воловъ и окончательно убѣждается, что эти франты глумятся надъ нимъ.

— Вотъ видишь, мы зашли сюда издалека; такъ посовѣтуй намъ, какъ бы такъ намъ чѣмъ нибудь заняться въ городѣ, чтобы и сытыми быть и что либо еще и пріобрѣсть.

— Гмъ! понурился украинецъ и почесалъ затылокъ.

— Ну, чтожъ?! Посовѣтуй, вѣдь ты самъ «уманскій»... и не докончилъ.

Мотнулъ головою украинецъ, снова глянулъ на ехидныя лица собесѣдниковъ и говоритъ:

— Гмъ! Щобъ и сыти були, та ще й щобъ заробить чого? Гмъ!

— Да, да! Чтобы и сытыми быть и заработать. Да, посовѣтуй.

— Вы отъ що! У мисти у ризникивъ купить хлякивъ (варшавяки смѣются); середину ззисте, а хляки продасте, то й голодни не будете и заробитокъ матимете... посовѣтовалъ «уманскій дурень».

Б. Познанскій.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ГЛУШКОВСКОЙ СУКОННОЙ ФАБРИКѢ [1].

Суконная фабрика въ с. Глушковѣ, рыльскаго уѣзда, курской губерніи, основана была въ царствованіе Петра I и, вѣроятно, по

[1]) Матеріалы для этой замѣтки извлечены нами изъ архивовъ глушковской фабрики, которая была посѣщена нами во время мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій въ 1884 году.

его же собственной иниціативѣ, въ 1719 году. Основатель ея былъ, какъ видно изъ документовъ, «состоявшій при ея императорскомъ величествѣ и пользовавшійся особою ея милостію», келлермейстеръ Дубровскій, получившій с. Глушково съ прилегающими къ нему землями и хуторами въ вотчину. С. Глушково, по тѣмъ же докуметамъ, было населено еще въ 1683 году «черкасами», пришедшими сюда «изъ польской Украины». Получивъ Глушково въ вотчину, келлермейстеръ Дубровскій употребилъ силы своихъ крѣпостныхъ первымъ долгомъ на постройку фабрики и затѣмъ всѣхъ ихъ приписалъ къ фабрикѣ и заставилъ на ней работать. Гдѣ жилъ самъ владѣлецъ фабрики, г. Дубровскій, въ Глушковѣ ли, при фабрикѣ, или въ Петербургѣ, при дворѣ, гдѣ пользовался «особою милостію», неизвѣстно; но только въ 1729 году глушковская фабрика была отнята у него «за жестокое обхожденіе съ мастеровыми», какъ сказано въ цитируемыхъ нами документахъ. Послѣ этого фабрика поступила въ казну, въ вѣдѣніи которой и оставалась до 1732 года. Этотъ фактъ конфискаціи фабрики за жестокое обращеніе съ рабочими и при томъ безъ всякихъ другихъ послѣдствій для владѣльца, свидѣтельствуетъ, что Дубровскій и въ самомъ началѣ не былъ полнымъ владѣльцемъ фабрики, а лишь временно пользовался ею, можетъ быть, даже считался только ея арендаторомъ. Изъ документовъ ничего этого не видно, но судя по той легкости, съ какою она перешла въ казну, догадка наша кажется не безъосновательной, тѣмъ болѣе, что дальнѣйшая судьба фабрики отчасти также подтверждаетъ, что казна именно смотрѣла на нее, какъ на свою собственность и отдавала ее только во временное пользованіе.

Черезъ три года послѣ конфискаціи ея у Дубровскаго въ 1732 году, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, фабрика была отдана на этотъ разъ, какъ прямо въ документѣ сказано, «въ аренду» московскому купцу Полуярославцеву, который владѣлъ ею въ теченіи 9 лѣтъ. Зътѣмъ она «за дурное содержаніе ея» была въ 1741 году взята у него и до 1752 года оставалась опять въ казнѣ. Въ этомъ же году, по рѣшенію правительствующаго сената, «путивльская суконная фабрика, что въ с. Глушковѣ» передана была также московскому купцу Козьмѣ Матвѣеву, но на этотъ разъ отдана была не въ аренду, а «въ вѣчное и потомственное его, Матвѣева, вла-

дѣніе», «какъ вполнѣ благонадежному и капитальному человѣку», съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы онъ усовершенствоваъ и увеличивалъ производительную силу фабрики.

Нужно думать, что условіе это было выполняемо Козьмой Матвѣевымъ честно и добросовѣстно, такъ какъ онъ былъ возведенъ за свою плодотворную дѣятельность по фабрикѣ въ дворянское достоинство, съ распространеніемъ этого послѣдняго и на его потомство.

Суконная глушковская фабрика, говорятъ далѣе документы, называлась тогда «Путивльской», «настоящее же свое названіе»(?) получила съ 1791 года, съ открытіемъ курской губерніи.

Въ этомъ году, съ высочайшаго разрѣшенія, глушковская фабрика перешла отъ Матвѣева, по купчей крѣпости, къ генералъ-аншефу графу Потемкину, и оставалась въ этой фамиліи до 1858 года. Затѣмъ, въ качествѣ приданнаго за княжной Потемкиной, она поступила во владѣніе графа Рибопьера, который въ 1865 году продалъ ее знаменитому кіевскому богачу Артемію Терещенку. Послѣ смерти этого послѣдняго фабрика досталась младшему его сыну Семену Терещенку, который владѣетъ ею и по нынѣ.

Сообщ. **Н. Добротворскій.**

УЦѢЛѢВШІЕ ОСТАТКИ АРХИВА К. Г. РАЗУМОВСКАГО.

Прошлыми каникулами пришлось мнѣ быть въ Гадячѣ, маленькомъ уѣздномъ городкѣ полтавской губерніи. Здѣсь совершенно случайно я узналъ отъ мѣстнаго помощника исправника А. В. Петренка о томъ, что въ подгородномъ селѣ Хитцахъ, въ имѣніи гр. Гендрикъ, сохранились какія-то древнія бумаги К. Г. Разумовскаго, владѣльца во второй половинѣ XVIII в. большей части гадачскаго и зеньковскаго уѣздовъ. Въ числѣ принадлежавшихъ К. Г. Разумовскому селъ находились и Хитцы, переданные позже графу Гудовичу, имѣніе котораго перешло въ настоящее время къ гр. Е. В. Гендрикъ. При такой перемѣнѣ владѣльцевъ, трудно было надѣяться, чтобы могло что-либо уцѣлѣть изъ бумагъ послѣдняго гетмана Малороссіи.

Я поспѣшилъ къ Хитцы и на мѣстѣ убѣдился, что изъ бумагъ давняго владѣльца тутъ все таки кое-что уцѣлѣло, а многое, какъ водится, исчезло. Архивъ, какъ оказалось при моемъ осмотрѣ, помѣщался дѣйствительно въ с. Хитцахъ, въ имѣніи гр. Гендрикъ здѣсь показали мнѣ и сундукъ, въ которомъ прежде хранились бумаги К. Г. Разумовскаго. Сундукъ не большихъ размѣровъ и конечно не могъ вмѣщать въ себѣ всего домашняго архива гетмана; но что здѣсь была часть его, это видно и по тѣмъ остаткамъ документовъ, какіе попались мнѣ подъ руку. Оставшіеся документы находились на чердакѣ амбара въ незакрытомъ ящикѣ, благодаря чему мыши уничтожили большую половину ихъ. Только на днѣ ящика, подъ переѣденными бумагами, сохранилось 5 фоліантовъ, безъ заглавныхъ листовъ, въ 500 и болѣе страницъ, заключающихъ въ себѣ подворную опись крестьянскаго имущества нѣкоторыхъ селъ гадячскаго и зеньковскаго уѣздовъ.

Естественно возникалъ вопросъ: что это за опись и для чего она составлена?

Содержаніе описи, въ связи съ нѣкоторыми другими данными, привело меня къ тому заключенію, что это небольшая частичка генеральной описи Малороссіи, иначе Румянцевской описи, произведенной (1705—1769 гг.) по инищіативѣ перваго генералъ-губернатора въ этомъ краѣ, гр. П. А. Румянцева. Вотъ напримѣръ содержаніе описи села Цѣпковъ. Въ началѣ описи говорится, что село Цѣпки лежитъ во второй полковой гадячской сотнѣ и разстояніемъ отъ Гадяча въ десяти верстахъ, далѣе слѣдуетъ замѣчаніе, что с. Цѣпки, по грамотѣ высочайшей 1764 года, принадлежитъ фельдмаршалу и кавалеру К. Г. Разумовскому и что копіи съ грамоты и указовъ при семъ пріобщаются, а затѣмъ идетъ подробное перечисленіе крестьянскихъ дворовъ, съ указаніемъ на крестьянскія угодья. Порядокъ и содержаніе перечисленія такой: «Дворъ первый; въ немъ хата съ форостяною хижою; сараевъ 2. Оный дворъ отборній отъ козака здешнего Чалого, опредѣленный войтомъ цепковскимъ Филемъ нижеписанному хозяину во владѣніе. Въ томъ (дворѣ) Иванъ Кучеръ захожій, полку прилуцкого, съ села Коренецкого, посполитый, лѣтъ 30; жена его Зеновія, уроженица цепковская, посполитая, лѣтъ 26. Сыны ихъ: Данило 5-ти лѣтъ, Романъ 3. Въ оного хозяина поля и лѣса не имѣется, а заработы-

ваетъ хлѣбъ въ стороннихъ обывателей и покупаетъ. На консистентовъ въ годъ даетъ 1 рубль. Бадается ремествомъ ткацкимъ». При описаніи другихъ крестьянскихъ дворовъ точно указывается число нивъ хозяина, величина которыхъ опредѣляется «днями оранки», а также трехъ-аршинными саженями; затѣмъ перечисляются лѣса «форостяные хмыцкіе и зрубы», наконецъ указывается число хозяйскаго скота: воловъ, овецъ, коровъ и лошадей. Если имѣется пасѣка, то указывается число ульевъ. При тѣхъ дворахъ, гдѣ веденіе хозяйства производится не только наличнымъ составомъ семьи, но и работниками, обозначены условія наймовъ послѣднихъ: годовая плата и содержаніе (деньги и харчи); почти при каждомъ такомъ описаніи двора указывается на существованіе у хозяина «крѣпости» на дворъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ соержаніе найденной мною описи. Сравнивъ это содержаніе съ тѣми инструкціями, которыя давались ревизорамъ, производившимъ генеральную опись, можно видѣть, что на каждый пунктъ инструкціи въ найденныхъ фоліантахъ имѣется отвѣтъ.

Въ инструкціи также требовалось сначала указать разстоянія села отъ полковаго города, обозначить сотню, къ которой принадлежитъ оно и владѣльца его, снять копію съ грамоты, въ силу которой послѣдній владѣетъ селомъ, а затѣмъ точно описать: 1) число хатъ и пристроекъ въ каждомъ крестьянскомъ дворѣ; 2) семейное положеніе владѣльца двора; 3) число работниковъ и условія найма; 4) имущественное положеніе хозяина: сколько у него земли пахатной и сѣнокосной, лѣсовъ и другихъ угодій; сколько крупнаго и мелкаго скота; какимъ промысломъ занимается и сколько даетъ въ годъ на консистентовъ. И на всѣ эти пункты, какъ я уже сказалъ, въ найденной описи имѣются указанія и въ томъ-же порядкѣ. Кромѣ того, въ одной изъ книгъ встрѣтилась приписка, показывающая, что свѣдѣнія заключавшіяся въ этой книгѣ нужны были для отсылки въ коммиссію генеральной переписи, состоящую въ полку гадяцкомъ, въ дополненіе къ прежде поданной отъ замку гадяцкого вѣдомости, въ которой о пахатныхъ и сѣнокосныхъ земляхъ показано было примѣрно, а «нынѣ, по вымѣрѣ трехъ-аршинными саженями, сколько явилось, значится подъ симъ 1768 годомъ».

На основаніи этихъ данныхъ, я счелъ вполнѣ возможнымъ признать найденную опись за тѣ черновыя вѣдомости посполитыхъ крестьянъ, которыя составлены были К. Г. Разумовскимъ для отсылки въ генеральную коммисію Румянцева. Изъ этихъ вѣдомостей должны были составиться чистовыя; къ сожалѣнію большая часть составленныхъ чистовыхъ вѣдомостей погибла безвозвратно; а сохранившаяся часть (въ архивахъ полтавскаго и черниговскаго губернскихъ правленій и полтавской казенной палаты), не относится къ тѣмъ мѣстностямъ, опись которыхъ имѣется въ найденныхъ вѣдомостяхъ. Вѣдомости эти заключаютъ свѣдѣнія объ экономическомъ бытѣ крестьянъ второй половины XVIII в. слѣдующихъ селъ и мѣстечекъ: Подставокъ, Подолокъ, Цѣпковъ, Сергѣевки, Плѣшивца, Красной Луки и Капустинецъ, гадячскаго уѣзда, д. Груни зеньковскаго уѣзда и м. Зенькова, теперь уѣзднаго города. Есть опись и крестьянъ, жившихъ въ самомъ Гадячѣ, но опись эта составлена настолько небрежно и такъ испортилась отъ времени, что ею воспользоваться почти невозможно. Другія описи сохранились довольно хорошо, написаны четко и благодаря тому, что были переплетены, листы ихъ не разбиты.

По всей вѣроятности, въ недалекомъ будущемъ найденная частичка генеральной описи поступитъ въ архивъ малороссійской коллегіи, находящійся нынѣ при харьковскомъ императорскомъ университетѣ, на что изъявила согласіе и гр. Гендрикъ.

Николай Бакай.

КЪ ИСТОРІИ МАЛОРУССКИХЪ РЕМЕСЛЕННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ.

Въ Zeitschrift für Ethnologie» 1886 г., кн. IV, стр. 329, находится краткая замѣтка о томъ, что г. Бартельсъ въ засѣданіи берлинскаго Общества антропологіи, этнологіи и древнѣйшей исторіи 15 мая 1886 г. показывалъ нѣкоторые предметы кустарной промышленности крестьянъ села Ковалевки, вблизи г. Немирова, подольской губерніи. Вниманіе членовъ Общества въ особенности привлекли двѣ вещи: соломенная корзина, изящной формы, сходная съ соломенными корзинами, употребляемыми на о. Мадейрѣ, и деревянный, съ двумя деревянными колотушками, колокольчикъ для

скота, пасущагося въ лѣсу,—колокольчикъ, совершенно сходный съ тѣмъ, какой встрѣчается на о. Суматрѣ. Предметы эти представляютъ новое доказательство того, что народы, отдѣленные одинъ отъ другаго громадными пространствами и никогда не приходившіе въ соприкосновеніе, могутъ обнаруживать большое сходство въ нѣкоторыхъ бытовыхъ чертахъ, напримѣръ въ области ремесленныхъ издѣлій.

По аналогіи явленій не мѣшало-бы на этомъ фактѣ остановиться ярымъ сторонникамъ сравнительнаго метода въ изученіи произведеній народнаго творчества, склоннымъ иногда путемъ переноса и заимствованія объяснять то, что проще могло-бы быть объяснено общностью психологическаго процесса при сходствѣ наблюдаемыхъ явленій и одинаковой степени развитія.

Большая часть предметовъ южно-русской кустарной промышленности, собранныхъ Бартельсомъ, отдана въ берлинскій королевскій музей.

Н. Сумцовъ.

КОЛОКОЛЪ „КИЗИКЕРМЕНЪ"[1]).

Въ г. Полтавѣ, на погостѣ соборной Успенской церкви, вблизи ея колокольни, стоитъ забытый всѣми колоколъ, составлявшій нѣкогда гордость Полтавы, по важности соединенныхъ съ его отличіемъ воспоминаній. Какъ церковь, такъ и колокольня построены въ 1770 г., но колоколъ гораздо старѣе ихъ и составлялъ достояніе бывшей прежде деревянной того же имени церкви, построенной во 2-й половинѣ XVII ст.

Колоколъ этотъ носитъ названіе «Кизикерменъ» и до 1876 г. находился въ третьемъ ярусѣ полтавской соборной колокольни, а въ этомъ году, въ началѣ апрѣля, былъ оттуда снятъ, по причинѣ продольной сверху до низу трещины, давно въ немъ произведенной по неосторожности и сдѣлавшей его негоднымъ къ употребленію.

---

[1]) Объ этомъ колоколѣ въ „Русской Старинѣ" за 1876 годъ (октябр. кн., стр. 389—390) была помѣщена замѣтка учителя мѣстной женской гимназіи (нынѣ уже умершаго), Степана Павловича Стеблинъ-Каменскаго; но въ ней какъ надпись, находящаяся на колоколѣ, приведена не точно, такъ и самое описаніе его сдѣлано не полно и не совсѣмъ вѣрно. Настоящая замѣтка была послана нами редакціи „Русской Старины" еще въ сентябрѣ 1884 года и, не смотря на обѣщаніе редакціи, доселѣ не была напечатана. *В. Б.*

По устройству и внѣшнему виду колоколъ носитъ печать старины: форма его продолговатѣе нынѣшнихъ колоколовъ, стѣнки особенно у кривѣ, несоразмѣрно толсты, поверхность чисто отдѣлана и блеститъ болѣе, чѣмъ на другихъ колоколахъ, языкъ имѣетъ фигуру опрокинутаго вверхъ бураковаго стержня и нѣсколько искривленъ. На наружной поверхности колокола имѣются литыя изображенія Успенія Божіей Матери и проч., сверху и снизу онъ украшенъ рельефной гирляндой изъ листьевъ, а на верхнемъ вѣнцѣ надпись славянскими литерами: „рокꙋ ҂ахчє (1695) мц҃ꙑ новємрія ѕ (6) днѧ“; затѣмъ на четвертой сторонѣ находится надпись слѣдующаго содержанія:

Въ року тысяча шестьсотъ девятдесятъ пятомъ
По славномъ Кизикерменѣ отъ христіанъ взятомъ,
За царства россихъ царей Петра, Іоанна,
За гетманства Мазепы, Богомъ дарованна,
Сооруженъ есть звонъ сей ко Божіей славѣ
До храму Успенія во градѣ Полтавѣ.
Изъ штукъ Казикерменскихъ армянскихъ здобычныхъ,
Зъ придаткомъ матерій, до звона приличныхъ,
Коштомъ его милости войскъ полтавскихъ вожа,
Павла Семеновича, Украины строжа.

Внизу колокола: «Дѣлалъ Аѳанасій Петровичъ».

Изъ этой надписи, между прочимъ, видно, что колоколъ вылитъ изъ пушекъ, взятыхъ русскими изъ крѣпости Кизикерменской (нынѣ Бериславъ, заштатный городъ херсонской губерніи), съ добавленіемъ серебра, котораго, по преданію, полагаютъ до 27 пуд., а жертвователь Павелъ Семеновичъ былъ полтавскій того времени полковникъ Герцикъ, участвовавшій вмѣстѣ съ Мазепою во взятіи Кизикирмена, построившій въ Кіевѣ церковь на Ближнихъ пещерахъ въ 1700 г. и тамъ-же похороненный.

Въ четвертомъ ярусѣ колокольни были городскіе часы, устроенные магистратомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, послѣ постройки колокольни, въ 1801 году. Они существовали, пока не разбился колоколъ «Кизикерменъ», который такимъ образомъ несъ двойную службу: возвѣщалъ городу время, а въ извѣстные дни созывалъ въ храмъ Божій на молитву. Теперь отъ часовъ остался одинъ лишь остовъ: четыре металлическихъ столбика, связанныхъ между собою

вверху и внизу, среди коихъ часы помѣщались, да большой молотъ, спущенный на толстой желѣзной проволокѣ къ краю колокола, а все прочее унесено рукою времени, по всей вѣроятности.

Самый колоколъ довольно великъ и хотя вѣсу въ немъ не означено, но, судя по внѣшности, въ немъ будетъ до 160 пудовъ; а такой колоколъ для тогдашней Полтавы былъ, конечно, рѣдкость по своей величинѣ.

В. Е. Бучневичъ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПРЕДСМЕРТНОЙ БОРЬБЫ ЗАПОРОЖЬЯ ЗА ЦѢЛОСТЬ СВОИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Въ послѣдніе годы своего существованія Запорожье проявляло особую энергію въ охраненіи неприкосновенности своихъ территоріальлыхъ владѣній. По этому предмету оно вело ожесточенные, доходившіе иногда до кровавыхъ схватокъ споры то съ крымцами и поляками, то съ донцами и водворенными на его же земляхъ сербами, то съ гетманцами и бывшими слободскими козаками, въ ту пору уже войсковыми обывателями, то наконецъ съ русскими военными властями, которыя, не церемонясь уже съ «вольностями» Запорожья, брали его земли и угодья для казенной и собственной надобности, строили на нихъ шанцы и ретраншаменты, заводили поселки и пастьбища и т. д. Запорожье, точно чахоточный на исходѣ легочнаго процесса, мечтало о долгой жизни и оберегало свою «дѣдизну» даже въ ту пору, когда, по пословицѣ, »смерть стояла у него за плечима». И въ силу внутренняго процесса своей жизни оно было уже тогда на переходѣ отъ отжившихъ свое время формъ безженнаго военнаго братства къ мирной осѣдлой жизни. Распространявшееся вокругъ его крѣпостное право гнало къ нему со всѣхъ сторонъ поселенцовъ на его обширныя пустыя земли и давало толчекъ и готовый матеріалъ для такой жизни. Запорожье оселяло по гранямъ своихъ владѣній зимовники и хутора и ими надѣялось отстоять цѣлость своихъ земель, инстинктивно идя на встрѣчу новой жизни. Но, будучи единственнымъ убѣжищемъ свободы для закрѣпощаемаго простолюдья, оно, принимая бѣглецовъ въ свои новооселяемые хутора и зимовники, шло въ раз-

рѣзъ съ общимъ строемъ, господствовавшемъ въ государствѣ, и это главнымъ образомъ сократило его дни.

Колонизацію своихъ окраинъ Запорожье въ послѣдніе годы своего существованія съ лихорадочною поспѣшностію вело преимущественно въ двухъ пунктахъ: со стороны поселенныхъ сербскихъ полковъ и со стороны Слободской Украйны, частнѣе изюмской ея провинціи. Въ первомъ пунктѣ дѣломъ колонизаціи заправлялъ запорожскій полковникъ Гараджа, во второмъ полковникъ Куликъ. Дѣйствіе ихъ обоихъ въ семъ отношеніи обстоятельно и живо очерчены въ статьѣ А. Л. Шиманова «Предсмертная поземельная борьба Запорожья», помѣщенной въ декабрьской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1884 г. Въ архивѣ малороссійской коллегіи, хранящемся при харьковскомъ университетѣ, мы натолкнулись на одинъ эпизодъ этой борьбы, едва-ли не послѣдній по времени и свѣдѣнія о немъ хотимъ представить здѣсь для пополненія общей картины борьбы и подтвержденія высказаннаго нами выше взгляда на ея происхожденіе и значеніе.

Дѣло происходило на пограничьи изюмской провинціи съ запорожскими владѣніями, близъ м. Торы, нынѣшняго Славянска. Тутъ были земли и хутора, которые нѣсколько лѣтъ оспаривали другъ у друга войсковые обыватели изюмской провинціи и запорожцы, послѣ того, какъ полковникъ Гараджа, колонизуя этотъ уголокъ, основалъ здѣсь Барвѣнкову Стѣнку, подходившую къ самой Торѣ. Споръ шелъ въ обычной тогда формѣ «гвалтовныхъ наѣздовъ» и сопровождался разбоемъ и грабежемъ: то запорожцы налетали на хутора и земли торянъ и, стараясь вытѣснить ихъ изъ захваченныхъ ими земель, забирали не только имущество ихъ, но самыя избы, то торяне, собравшись съ силами, дѣлали такой же визитъ запорожцамъ и, грабя ихъ имущество, захватывали и ихъ самихъ и представляли на судъ къ своимъ властямъ.

Въ февралѣ 1775 г., въ самый годъ уничтоженія Сѣчи, запорожцы сдѣлали набѣгъ на лежавшіе близъ Торы хутора: Жилалавый, Прилуцкаго, Двуличанскій, Сердюковъ, Бабинъ байракъ, Медковый байракъ и Довгенькій. Избивъ и разогнавъ ихъ жителей, они заграбили у нихъ стогъ сѣна, два десятка ульевъ, 600 головокъ капусты и двѣ большія куфы, забрали даже 6 избъ, лавы и двери. Тогда же составленъ былъ въ торскомъ атаманскомъ правленіи экстрактъ

причиненныхъ запорожцами убытковъ и вмѣстѣ съ жалобой представленъ по начальству. Пока жалоба переходила по инстанціямъ, торяне отплатили тѣмъ же запорожцамъ и сверхъ того захватили изъ нихъ въ плѣнъ 12 человѣкъ. 7-го апрѣля торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ, представилъ въ Харьковъ захваченныхъ запорожцевъ вмѣстѣ съ экстрактомъ причиненныхъ ими торянамъ обидъ, а 10 апрѣля Кошъ писалъ правящему слободскою губерніею слѣдующее:

«Запорожскаго низоваго войска г. полковныкъ Иванъ Куликъ зъ старшиною представляетъ рапортами: 1-мъ изшедшаго марта отъ 31 числа, что козакъ де куреня ведмедовскаго Федоръ Дѣденко донесъ ему, полковнику Кулику зъ старшиною, яко торскіе обыватели до 30 человѣкъ конно, при всемъ воинскомъ оружіи, на зымовникъ его Дѣденка, въ Сухомъ Торцѣ поныже Черкаскы состоящій, и находившихъся въ томъ зымовникѣ, кои были сонніе, ночью тогожъ 31 марта нахално и разбойнически напавши, взяли *тамошнихъ запорожскихъ козаковъ* 12 человѣкъ, ратищами сторчь, да и плетми немилосердно бивъ, напослѣдокъ въ Торъ отвели и притомъ безвозвратно собственности козацкой забрали: лошадей съ уздами, пѣстолетовъ паръ двѣ, оружинъ двѣ, лядунку просту, подсипку турецку круглу, бурку крымску чорну струковатую, списовъ съ ратищами два, малахаивъ два; о протчемъ же за скоростію упомненно, а объявиться опосля; къ тому-жъ въ хати дверы розламали, окошка и пѣчъ побили и совсѣмъ розорили ее. А козакъ Дѣденко спасся бѣгомъ.

А сего апреля отъ 2-го житель барвѣнковскій Павло Салѣй представилъ оному-жъ полковнику Кулику зъ старшиною, яко команда, вооружившись въ Тору, въ хуторъ его, Салѣивъ, на Сухомъ Торцѣ состоящый, въ полуночное время 31 марта жъ нахално и разбойныческо наехавши, имѣющихся въ томъ хуторѣ людей перепужали и разогнали; а дѣвку, которая лежала въ хати близъ окна, выбивши оное, изъ между той нахалной команды одинъ списомъ въ праве плече сылно ранилъ, отъ чего и отъ перепужанья здѣлавшись крайне болною, не надежно, чтобъ она выздоровѣла; причемъ двѣ козы списами покололи и отъездя непристойно словами бранными похвалялись: «мы де всѣхъ васъ перетягаемъ въ Торъ и Бахмутъ, а послѣднихъ списамы вырѣжемъ». А какъ таковъ торянами въ селенія подчиненныхъ войска Запорожского низового нахалной

наездъ и притомъ тамо разоренія, грабительства, разгону и другого безчеловѣчія причиненіе и ввятье въ Торъ дванадцяти козаковъ крайною есть обидою не то сымъ козакамъ и тѣмъ здешнимъ подчиненнымъ, но и всему Запорожскому войску такого нахалства крайне не довлѣло чинить въездомъ въ здешніе земли, ибо если бъ въ случаи розъезжіе запорожскіе команды могли таковыхъ наехать, то не иное что слѣдовало, какъ междуубійство. Выдно жъ, что команды не отъ своего самоизволенія, но посланніе,—то въ такомъ случаи просымъ вашего превосходительства пріятнѣйше, благоволите, кому надлежитъ, повелѣть, дабы тѣхъ дванадцять козаковъ къ ихъ мѣсту со всѣмъ, что у нихъ забрано, заразъ отпущенно и отыскавши взявшихъ ихъ нахалныковъ торянъ, приказанно имъ *и еще кому слѣдуетъ*, чтобы оны и обидимыхъ ими *подчиненныхъ запорожскаго войска* всеконечно и неотложно удоволствовали, т. е. пограбленное у сыхъ подчииенныхъ, имъ въ настоящемъ добрѣ возвратили; а когда уже не въ такомъ состояніи, такъ за тое и за разоренное и за увѣтче дѣвки, когда не умретъ, стойностию денегъ награжденіе учинили, и учиненно-бъ непримѣнно достойное какъ нахалныкамъ торянамъ, такъ и тѣмъ, кто ихъ, выдно, посылалъ, наказаніе, дабы они и другіе ни того, ни другого чего судостного дѣлать впредъ не дерзали, какъ добропорядочно не оставте, в. п., и всѣмъ, смежно съ войскомъ запорожскимъ пребывающимъ, предложить, съ запрещеніемъ удержаться и отъ похвалокъ таковыхъ, какіе при нападеніи торяне произнесли, и отъ всякихъ наездовъ».

Въ такомъ же тонѣ повторена была Кошемъ просьба и отъ 13 того же апрѣля, съ тѣмъ добавленіемъ, что во второмъ письмѣ поименованъ прямо въ числѣ нахальниковъ торскій начальникъ, прапорщикъ Боженковъ. Письма Коша оставлены безъ отвѣта, а между тѣмъ 25 апрѣля 1775 г., по предложенію Щербинина, въ слободско-украинской губернской канцеляріи было начато разборомъ дѣло о представленныхъ Боженковымъ 12-ти запорожцахъ, наѣхавшихъ на землю торскихъ обывателей. Изъ предложенія Щербинина видно, что онъ, чувствуя себя безсильнымъ справиться съ запорожцами, просилъ защиты у Потемкина, Потемкинъ же увѣдомилъ его, что скоро «запорожцы со всѣми ихъ землями имѣютъ вступить во ввѣренную ему губернію, а если бы до того отважились они въѣзжать въ предѣлы слободско-украинской губерніи и чинить разбои,

то о таковыхъ, переловя и допрося, увѣдомлять его». Щербининъ предлагалъ теперь пойманныхъ Боженковымъ запорожцевъ допросить, «какихъ именно мѣстъ уроженцы и какъ давно въ Запорожье пришли, а допрося, чинить съ ними по указамъ». Вотъ кто были эти наѣзжавшіе на торскіе хутора и вотъ какія дали они о себѣ показанія.

1. *Андрей Алексѣевъ Хоменко*, 70 лѣтъ, родомъ изъ села Березовки, сребрянской сотни, прилуцкаго полка, козакъ. Въ 1772 году, по приглашенію запорожцевъ, въ Петровъ постъ, съ козаками, своими родственниками, Федоромъ и Иваномъ Хоменками, пришелъ на зимовникъ на Орель, а оттуда, по повелѣнію полковника Гараджи, перешелъ съ племянниками же въ урочище на Торцѣ. Въ мартѣ 1775 г., на вербной недѣлѣ, наѣхали на эти хутора торская команда въ 30 человѣкъ, ночью, передъ разсвѣтомъ забрала ихъ и представила въ Торъ. У него командою взяты 4 лошади съ ременными уздами, черкесскимъ сѣдломъ, 3 пистолета, 2 ружья, 2 пики; съ хутора Бабиного байрака взялъ избы не онъ, Хоменко, а его родственники; онъ же ни избъ, ни денегъ, ни воловъ не бралъ и никого не «пустошилъ». Жена его, дѣти и пожитки находятся въ селѣ Березовомъ.

2. *Саватій Федоровъ Халимоненко, онъ же Мутинскій*, 47 лѣтъ, изъ села Мутина, глуховской сотни, нѣжинскаго полка, козакъ. Лѣтъ 20 назадъ, вмѣстѣ съ отцемъ, пришелъ на жительство въ запорожское село Кодакъ. Въ послѣднюю турецкую войну былъ въ походѣ подъ Хотиномъ. Послѣ войны поселился на Орели, а оттуда, по повелѣнію полковника Гараджи, перешелъ на жительство въ хуторъ торскаго обывателя Сердюка. Взятъ торянами на байракѣ Хуруячинѣ во время городьбы плетня на покосѣ. Никого не грабилъ и ничего не бралъ, а у него, при арестѣ, взята торскою командой рыжая кобыла, да осталась въ торскомъ хуторѣ двѣ коровы, 13 ульевъ, икона серебрянная съ позолотою. Семейства не имѣетъ, холостъ.

3. *Кондратъ Кирилловъ Саліенко*, 60 лѣтъ, изъ села Штеповки сумской провинціи, подданный подпрапорнаго Куземенскаго. Зашелъ на Запорожье 28 лѣтъ тому назадъ съ отцемъ и братьями, Никономъ и Павломъ. Когда отецъ умеръ, жили съ братьями въ сергіевскомъ куренѣ около 20 лѣтъ козаками, а потомъ, поженив-

шись, жили въ запорожскомъ же селѣ Романковомъ. Потомъ Гараджа перевелъ ихъ въ Барвѣнкову Стѣнку, а оттуда, по повелѣнію того же Гараджи, перешли жить въ хуторъ торского жителя Савелья Двуличанскаго. Арестованъ ночью. Забралъ избы у Дудника и Калачника, по приказанію Гараджи. Жена съ дѣтьми и пожитками осталась въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

4. *Иванъ Остаповъ Морданенко*, 19 лѣтъ, изъ села Поповки, полтавского полка, подданный полковника зеньковского. Въ Барвѣнкову Стѣнку пришелъ въ 1774 году вмѣстѣ съ отцемъ. Гараджа поселилъ его въ хуторѣ торского жителя Роменского. Взятъ торянами ночью. Взялъ въ Байракѣ Терновомъ избу Дриваня, да избу же въ Байракѣ Долгенькомъ и перевезъ ихъ въ хуторъ Роменского; больше никогда ничего нигдѣ не бралъ. Отецъ, мать и сестра остались въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

5. *Кирило Федоровъ Литвиненко*, 30 лѣтъ, изъ м. Будищъ, полтавского полку, подданный тамошняго намѣстника Сумеона, а прозванія не знаетъ. Отсюда въ 1774 г. пошелъ на заработки въ Барвѣнкову Стѣнку, а потомъ жилъ въ хуторѣ Роменского. Изъ семейства у него осталась въ Будищахъ одна дочь.

6. *Остапъ Семеновъ Чередниченко*, 30 л., подданный помѣщика зенковского, изъ села Зенковщины. Вмѣстѣ съ Морданенкомъ, въ 1774 г., поселился въ Барвѣнковой Стѣнкѣ, а потомъ перешелъ въ хуторъ Роменского. Ни въ чемъ не виновенъ, холостъ, имущества нѣтъ.

7. *Никита Григорьевъ Кравченко*, 16 лѣтъ, изъ м. Богодухова, ахтырской провинціи, бывшій козакъ. Еще въ малолѣтствѣ выведенъ изъ Богодухова въ запорожское село Новоселовку, гдѣ жилъ до 1772 г., а потомъ съ отцемъ перешелъ въ Барвѣнкову Стѣнку. Арестованъ въ хуторѣ торянина Бѣлоуса. У запорожского козака пасъ скотъ; взятъ съ поля. Отецъ и мать въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

8. *Кондратъ Мойсеевъ Талавиренко*, 20 лѣтъ, изъ села Дубовыхъ Грядъ, полтавского полка, подданный обозного Кочубея. Въ 1770 г., когда шелъ изъ села на мельницу съ братомъ, схваченъ былъ въ полѣ татарами и проданъ въ Бахчисарай. Ушелъ оттуда черезъ 2 года въ россійскую армію князя В. М. Долгорукова, отъ коего получилъ проходный билетъ. Изъ арміи взялъ его бахмутскій

купецъ Суренковъ, и онъ жилъ у бахмутскихъ жителей по найму 3 года, а потомъ зашелъ въ торскіе хутора. Никого не грабилъ и ничего не бралъ. У него же взятъ торянами меринъ гнѣдой, а 4 коровы онъ оставилъ брату Андрею въ Барвѣнковой Стѣнкѣ.

9. *Герасимъ Федосьевъ Шишченко, онъ же Приблуда*, 80 лѣтъ, козакъ, изъ Миргорода. Назадъ тому 20 лѣтъ, вышелъ въ залинейную слободу помѣщика подполковника Половецкаго, у коего и по-нынѣ находится въ подданствѣ. Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ, по просьбѣ запорожца изъ Орели Мартиненка, погналъ вмѣстѣ съ нимъ на пастьбу его рогатую скотину и овецъ въ Барвѣнкову Стѣнку, съ условіемъ, что Мартиненко тамъ останется на жительствѣ, а онъ, Шишченко, возвратится домой. Взятъ торянами на пути, вмѣстѣ съ Мартиненкомъ, его племянникомъ и Ситченкомъ, причемъ Мартиненко съ дороги бѣжалъ. Жены нѣтъ, а дѣти живутъ у своего помѣщика.

10. *Степанъ Григорьевъ Ситченко*, 18 лѣтъ, родина его—запорожское село Романково, сынъ запорожца.

11. *Кондратъ Алексѣевъ Давиденко*, 18 л., изъ м. Валокъ, сынъ войсковаго обывателя. Пришелъ въ 1773 г. безъ письменнаго вида на Орель; жилъ по найму у запорожца Онищенка. Въ торскихъ хуторахъ пасъ скотъ; тамъ осталось у него 2 коровы, сирота, не женатъ.

12. *Осипъ Семеновъ Дорошенко*, 28 лѣтъ, изъ с. Бѣлокъ, ахтырской провинціи, казенный обыватель, безземельный. Вышелъ въ 1773 г. съ билетомъ въ изюмскую провинцію, чтобъ тамъ приписаться на жительство. Жилъ въ наймитахъ. Въ торскихъ хуторахъ жилъ прошлую зиму. Взятъ торянами на пасѣкѣ. Въ Торѣ осталась его кобыла.

Резюмируя всѣ эти показанія, находимъ, что изъ 12 подсудимыхъ собственно запорожскимъ козакомъ былъ только одинъ—Степанъ Ситченко; кромѣ того, два козака, Халимоненко и Шишченко, жили въ Запорожьѣ болѣе 20 лѣтъ и одинъ подданный, Саліенко, 28 лѣтъ, остальные были или слободскіе войсковые обыватели или подданные изъ гетманщины. Всѣ они, очевидно, имѣли намѣреніе основать для себя осѣдлость въ запорожскихъ зимовникахъ и поселились въ спорныхъ хуторахъ, вытѣснивъ изъ нихъ торскихъ обывателей. Дѣйствительно ли они, перейдя черту запо-

рожскихъ владѣній, втиснулись въ слободско-украинскую губернію, это обстоятельство не было даже разбираемо слободско-украинскою губернскою канцеляріею; она просто, по силѣ указовъ 1764 г. декабря 16 и 1765 г. марта 30, признала ихъ бѣглецами и, какъ таковыхъ, рѣшила съ семьями и пожитками водворить на мѣста прежняго ихъ жительства. Въ проступкахъ, взводимыхъ на нихъ, согласно свидѣтельству прапорщика Боженкова, изюмскою провинціальною канцеляріей, губернская канцелярія признала ихъ невиновными и, на основаніи указа отъ 17 марта 1775 года, свободными отъ наказанія. Степану Ситченку, какъ уроженцу Запорожья, данъ былъ билетъ для свободнаго прохода на родину; остальные были препровождены на мѣста прежняго жительства по этапу, за исключеніемъ Хоменка, который, какъ значится въ рапортѣ прапорщика Овсянникова, отъ 17 іюня 1775 г., «въ тюрме... волею умре».

Выручка и доставка по принадлежности каждому изъ осужденныхъ ихъ пожитковъ стоила значительныхъ хлопотъ слободско-украинской губернской канцеляріи. Изъ переписки объ этомъ видно, что прапорщикъ Боженковъ представилъ въ изюмское комисарское правленіе взятые у арестованныхъ имъ и называющихъ себя запорожцами: 8 лошадей, 2 сѣдла, 3 пистолета, 1 ружье, пику, ладунку сафьянную и подсыпку мѣдную. Комисарское правленіе лошадей отдало «стороннимъ» на прокормъ до востребованія, а прочее имущество хранило у себя. Одна темногнѣдаа кобыла оказалась чужою и была предметомъ спора между лицами, непричастными къ настоящему дѣлу; двѣ лошади у содержавшихъ ихъ «не вѣдомо кѣмъ поворовани», три получили Талавиренко, Дорошенко и Халимоненко. Имущество Хоменка за его умертвіемъ, оставлено было для храненія при губернской канцеляріи, а о вызовѣ наслѣдниковъ посланъ былъ указъ въ прилуцкую полковую канцелярію, которая лишь въ концѣ года приняла это имущество для выдачи наслѣдникамъ.

Въ спискѣ Боженкова значилось всѣхъ пойманныхъ запорожцевъ 15-ть, а судилось лишь 12-ть: объ одномъ упоминается вскользь, что онъ бѣжалъ съ дороги; отыскивать остальныхъ не представлялось уже надобности: раньше, чѣмъ настоящее дѣло было закончено, Запорожская Сѣчь навсегда прекратила свое существованіе на островахъ и прибрежьяхъ Днѣпра.

А. Твердохлѣбовъ.

КЪ РОДОСЛОВНОЙ ГЕТМАНА ИВАНА МАЗЕПЫ.

О происхожденіи гетмана Мазепы, званіи и положеніи его отца, а также его родныхъ, мы доселѣ не имѣемъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній. Въ лаврскомъ помянникѣ XVII в. находится нѣсколько именъ его рода; но безъ документальныхъ данныхъ трудно судить объ отношеніи означенныхъ ими лицъ къ личности самаго гетмана. Изъ такихъ данныхъ извѣстна мать его, бывшая игуменьею женскаго воскресенскаго монастыря въ Кіевѣ, бывшаго на мѣстѣ нынѣшняго арсенала, извѣстна сестра его, бывшая за Войнаровскимъ, нѣсколько племянниковъ и племянницъ, а брата ни одного, такъ что Иванъ Мазепа былъ единственнымъ сыномъ у отца, едва извѣстнаго по имени и мѣсту жительства въ принадлежавшемъ ему селѣ Мазепинцахъ. Въ числѣ родственниковъ гетмана Мазепы авторъ статьи о немъ, помѣщенной въ ноябрской книжкѣ «Кіевской Старины» (Мазепа и его прекрасная Елена) называетъ нѣкоего Адама Мазепу, но въ какомъ родствѣ состоялъ онъ съ гетманомъ, не опредѣляетъ, а говоритъ только, что это былъ «быть можетъ, неосѣдлый шляхтичъ, который могъ имѣть на Волыни или какое-либо арендуемое село, или частную службу».

Въ инструкціи кіевскихъ дворянъ посламъ, отправленнымъ на варшавскій сеймъ, назначенный на 12 марта 1665 года, мы нашли нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ Адамѣ Мазепѣ. Инструкція эта вписана въ свое время въ житомирскую гродскую записовую книгу, хранящуюся въ кіевскомъ центральномъ архивѣ подъ № 21 (листъ 103 на об., № 118). Изъ нея видно, что Адамъ Мазепа былъ *осѣдлымъ* дворяниномъ первоначально черниговскаго, а потомъ кіевскаго воеводства, владѣя имѣніемъ Трылисами, былъ женатъ и имѣлъ сына, служившаго *покоевымъ* при королѣ Янѣ Казимирѣ. Имѣніе его Трылисы, по всей вѣроятности, ничто иное, какъ нынѣшнее село Трылисы (Трилѣсы), находящееся въ васильковскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, влѣво отъ кіево-брестской желѣзной дороги (если ѣхать изъ Кіева), между станціями Фастовъ и Кожанка, верстахъ въ 12 отъ Фастова.

Адамъ Мазепа намѣревался просить на предстоявшемъ сеймѣ короля и представителей Рѣчи Посполитой о подтвержденіи своихъ

правъ на Трылисы и другія имѣнія, дарованныя еще прежними королями его предкамъ, право на владѣніе которыми было уже не разъ подтверждаемо королями. Кіевскіе дворяне поручали своимъ посламъ поддержать его просьбу: «такъ какъ всѣ по-нынѣ», писали они въ своей инструкціи, «утѣшаются за свои заслуги и заслуги своихъ предковъ милостью и наградами королей, то и его милость панъ Адамъ Мазепа, *подчашій королевскій*, выказывая по нынѣ свое уваженіе и вѣрность Рѣчи Посполитой и королю и имѣюя сына *при боку панскомъ въ покоѣ его королевской милости*, заслуживаетъ подтвержденія его правъ на владѣніе тѣми имѣніями».

Приведеннымъ указаніямъ инструкціи мы придаемъ особое значеніе въ вопросѣ о родословной гетмана Мазепы. Послѣ того, какъ извѣстно, что у гетмана Мазепы не было братьевъ и что онъ въ 60-хъ годахъ состоялъ *пажемъ* при королѣ Янѣ Казимирѣ, нельзя не остановиться надъ свидѣтельствомъ кіевскихъ пословъ, что у подчашія черниговскаго Адама Мазепы также одинъ сынъ и также находится при «боку» и въ «покоѣ» того же короля и въ тоже почти самое время. Можно было бы прямо поставить вопросъ: не былъ этотъ Адамъ Мазепа отцемъ гетмана Ивана Мазепы? Но есть маленькая разница во времени службы послѣдняго при королѣ въ качествѣ «покоеваго», или камеръ-пажа, и времени нахожденія въ томъ же званіи сына Адама. Въ инструкціи кіевскихъ дворянъ, данной посламъ на сеймъ, созывавшійся на мартъ 1665 г., объ Адамѣ Мазепѣ говорится, *имѣя* сына при «боку» короля, т. е. какъ-бы этотъ сынъ состоялъ еще при королѣ, тогда какъ объ Иванѣ Мазепѣ авторомъ названной выше статьи удостовѣрено, что онъ оставилъ службу при королѣ въ концѣ 1663 г. Согласить эту разность можно или признавъ, что кіевскіе дворяне словомъ *mając*, *имѣя* обозначали недавно бывшее, что не противорѣчило бы правиламъ польскаго языка, или допустить, что Иванъ Мазепа числился еще нѣкоторое время въ свитѣ короля и послѣ того, какъ поблагодарилъ его за службу въ концѣ 1663 г. Разница въ имени легко могла бы быть объяснена существовавшимъ еще и въ ту пору не только у католиковъ, но и у православныхъ обычаемъ носить два имени. Естественно, что въ инструкціи для сейма и короля употреблено имя *Адамъ*, тогда какъ въ дальнѣйшей карьерѣ сына упо-

требленіе этого имени было неудобнымъ и выступило второе имя отца *Степанъ*. Подождемъ однако дальнѣйшихъ розысканій и разъясненій.

«МАЗЕПА» Г. ЧАЙКОВСКАГО.

Неудобство того обстоятельства, когда въ шитьѣ обуви приметъ участіе кухонныхъ дѣлъ мастеръ, вошло въ обиходъ школьной мудрости. Благоразумный пирожникъ на такой рискованный шагъ едва ли и посягнетъ. Но что возбраняется ремесленнику, то разрѣшается художнику. Не даромъ же искусства «свободны»! Между исторіей, владѣющей языкомъ фактовъ, и музыкой—языкомъ звуковъ общаго не много. Но попытки смѣшиванія *do-re-mi-sol* съ дѣяніями людей, оставившихъ слѣдъ въ жизни, начались не вчера и кончатся не завтра.

Подъ звуки унылые и бурные, подъ темпы медленные и быстрые, выступали на сцену и Семирамида и Пуритане, императоръ Титъ и ревнующая Рогнѣда... Въ этихъ попыткахъ бывали удачи. Съ историческимъ лицомъ обращались почтительно и, не заставляя его дѣлать особенныя глупости, сосредоточивали вниманіе на изображеніи времени, на національномъ элементѣ и на области страсти и чувства, единственно доступной музыкѣ. Получалась иллюстрація эпохи, будившая воображеніе, уносившая мысль въ поэтическій міръ. Но на Мазепѣ и въ этомъ тяготѣетъ проклятіе. Какъ не похожъ на себя былъ онъ въ поэзіи у Байрона, Словацкаго, Пушкина, такъ ничтоженъ и печаленъ былъ онъ и на подмосткахъ, куда тащили его сочинители оперы.

Взять историческое лицо, политическаго дѣятеля, игравшаго видную роль въ одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ русской исторіи, конечно не было дѣломъ опернаго «либретто». Выдвигалась на сцену романическая и темная исторія Мазепы съ Матреной Кочубеевной. Краеугольнымъ камнемъ всѣхъ свѣдѣній служилъ Пушкинъ. Увы! отъ блестящей картины великаго поэта остаются только великолѣпные стихи, образцовыя описанія и талантъ изложенія. Но сколько изъ остального разрушено безъ пощады той особой, которая «спокойно зритъ на правыхъ и неправыхъ», вѣритъ только

голосу подлинныхъ свидѣтельствъ и которая зовется исторической правдой!

Есть скептики, подвергающіе сомнѣнію самый прославленный романъ Мазепы съ Матреной. Они говорятъ, что Мазепѣ, перешедшему за 60 лѣтъ и задумавшему одну изъ сложнѣйшихъ политическихъ комбинацій, было тогда не до любовныхъ интригъ. Сохранившіяся въ копіяхъ письма влюбленныхъ писаны безъ адресовъ. Разбиравшій дѣло Кочубея Головкинъ отослалъ ихъ Мазепѣ, сомнѣваясь, чтобъ они писаны были его рукою. «Цидулы и письма посылаю подлинныя, не переписывая и никому оныхъ не показывая»,—такъ увѣрялъ онъ, снявши уже копіи и какъ бы поставивъ на первый планъ выгоды исторіографіи, а свою репутацію на второй.

У Пушкина и у либретистовъ пытки Кочубея производятся при дворѣ гетмана, значитъ какъ бы въ генеральномъ судѣ. Два вида пытки, допускавшіеся магдебургскимъ правомъ (растягиванье и припеканье свѣчей) производились въ судахъ магистратскихъ исключительно, вѣдавшихъ судебную область. Но допросъ и пытки Кочубея и его товарищей производились въ Витебскѣ Шафировымъ и Головкинымъ. Дѣло длилось съ 21 апрѣля по 28 мая. Протоколы его сохранились въ архивахъ. Тамъ же, въ Витебскѣ, Кованько, Святайло и Яценко приговорены были къ ссылкѣ, а Кочубей и Искра къ смертной казни.

Орликъ былъ генеральнымъ писаремъ и пытокъ не производилъ. На послѣднемъ допросѣ Кочубея, въ Борщаговкѣ, за Бѣлою церковью, присутствовалъ сопровождавшій его Вельяминовъ-Зерновъ. Неизвѣстный козакъ, везущій у Пушкина доносъ Кочубея, у либретиста оперы г. Чайковскаго превратился въ неизбѣжнаго банальнаго юношу, влюбленнаго въ Марію (Матрену). Настоящее имя гонца извѣстно было и во времена Пушкина; это былъ полтавскій выкрестъ, Петро Яценко. Онъ отвезъ второй доносъ, а первый переданъ былъ Кочубеемъ черезъ прохожихъ монаховъ Никанора и Трифилія.

Матрена Кочубеевна увезена не была, а послѣ нѣсколькихъ подговорокъ убѣжала сама въ гетманскій дворъ. Черезъ нѣсколько дней Мазепа, «во избѣжаніе грѣха», отправилъ ее въ домъ родителей съ начальникомъ великорусской стражи Анненковымъ. Къ

разочарованію либретистовъ, она впослѣдствіи прозаически вышла замужъ.

Всѣ эти обстоятельства, выясненныя архивными розысканіями, могли быть неизвѣстны въ двадцатыхъ годахъ великому поэту; но современнымъ драматургамъ и опернымъ композиторамъ считаться съ ними обязательно. Вѣдь отличіе *историческихъ* лицъ отъ людей толпы или отъ поэтическихъ фикцій въ томъ и состоитъ, что о судьбѣ ихъ сохранились достовѣрныя свѣдѣнія, что жизнь ихъ извѣстна въ подлинныхъ фактахъ, которые можно такъ или иначе толковать, но которыхъ нельзя отмѣнять по своему.

Драматическая канва оперы «Мазепа», идущей теперь въ Кіевѣ, одна изъ самыхъ банальныхъ, какія случалось намъ встрѣчать. Зауряднѣе перваго акта трудно что нибудь придумать. Начинается онъ хоромъ дѣвушекъ, обязательно идущихъ на прогулку. Онѣ зовутъ Марію, но она не можетъ съ ними идти: въ домѣ важный гость-гетманъ. Она возвращается въ домъ, но предъ ней выскакиваетъ обязательная, оперная кукла—влюбленный въ нее юноша. Надо спѣть съ нимъ дуэтъ. Маріонетка исчезаетъ и на сцену выходитъ гетманъ съ хозяевами дома и свитой. Онъ доволенъ пріемомъ и желаетъ видѣть танцы. Слѣдуетъ неизбѣжный, какъ фатумъ, балетъ. Гетманъ (въ другихъ операхъ князь, царь, герцогъ) съ главными лицами садится въ сторонѣ, вносятъ традиціонные кубки. Идутъ танцы. За ними объясненіе Мазепы съ Кочубеемъ и ссора (хоръ: «Къ оружію, къ оружію!»). Секстетъ, долженствующій объяснить положеніе дѣла и чувства каждаго лица, но ничего не объясняющій, такъ какъ, по обыкновенію, въ этомъ гамѣ нельзя разобрать ни слова. Шумный выходъ гетмана и свиты со сцены, съ потрясаніемъ мечей....

Все остальное въ томъ же родѣ, отъ первой аріи Кочубея «Такъ вотъ награда за доносъ», до обязательнаго въ концѣ сумасшествія Маріи (Лючіи, Офеліи и т. п.), съ распѣваемой въ такихъ случаяхъ чепухой. У г. Чайковскаго въ этихъ обстоятельствахъ героиня поетъ «Колыбельную пѣсню» на слова выхваченныя изъ извѣстной пьесы Лермонтова. Случается все это одновременно съ полтавской битвой (хотя было въ 1704—5 годахъ). Мазепа, во время бѣгства, встрѣчается съ Маріей.... и исторія обогащается новыми фактами, добытыми изъ оперныхъ архивовъ.

Отъ г. Чайковскаго, какъ либретиста (если либретто принадлежитъ ему), нельзя многаго и требовать. Другое дѣло г. Чайковскій музыкантъ. И въ этомъ случаѣ однако опера не даетъ ничего. Г. Чайковскій-композиторъ очень талантливый и пріобрѣвшій большую извѣстность; но сфера его—чистый лиризмъ, тонкіе оттѣнки современной нервности, элегическіе мотивы. Для созданія драматической музыки у него нѣтъ данныхъ. Попытки его въ этомъ родѣ терпѣли фіаско (оперы Іоанна Д'Аркъ, Опричники), между тѣмъ какъ сочиненія, сродныя его таланту (Евгеній Онѣгинъ, симфоніи и романсы), всегда встрѣчали заслуженный успѣхъ. «Мазепа» вдобавокъ написанъ внѣ времени и пространства. Это нѣчто въ родѣ языка Волапюкъ. Музыка оперы совершенно лишена малороссійскаго колорита. Или созданныя самимъ народомъ мелодіи не заслуживаютъ вниманія ученой композиціи? Что сказали бы однако о живописцѣ, который, взявшись изобразить историческія и бытовыя фигуры извѣстной національности, пренебрегъ бы совершенно физическимъ типомъ народа?

Къ провинціальной сценѣ едва ли примѣнимы требованія строгой археологической постановки пьесъ. Нельзя поэтому подробно разбирать съ этой стороны и постановку «Мазепы». Въ общемъ она прилична. Упущено то, что исполнить было всего легче—костюмировка народной толпы. Одежда украинскаго простонародья начала XVIII вѣка отличалась отъ нынѣшней только нѣкоторыми археологическими подробностями. Но правдивѣе была бы уже современная костюмировка, чѣмъ тѣ невозможныя хламиды, въ какія одѣтъ хоръ; неизвѣстно также, почему народная толпа всегда состоитъ изъ молодыхъ мущинъ и женщинъ, равно и то, почему избѣгается всякое разнообразіе въ одеждѣ и гримѣ. Вѣрно потому, что достигнуть его легко. По той же причинѣ обязательныя въ началѣ XVIII в. восковыя свѣчи замѣнены въ свѣтлицѣ Мазепы стеариновыми. О восковыхъ свѣчахъ упоминаетъ въ своей ремаркѣ даже многоученый авторъ либретто этой обреченной забвенью оперы.

В. Г.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ и географическихъ именъ, упоминаемыхъ въ изданіи «Кіевской Старины» 1886 г., въ томахъ XIV, XV и XVI [1]).

А.

---

[1]) Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницы тома.

В.

Г.

Д.

И.

I.

К.

Л.

М

Н.

Т.

Ѳ.

Серединой-Буды отъехалъ, чрезъ которого и отъ мене писано писмо до Скоропадского о починки двора моего и о припасѣ дровъ и сѣна зъ Рубановки. Ординансы ея імператорского величества лейбъ-компаніи Романъ Струтинскій съ товарищи, 3 человѣками, пожалованы въ той-же лейбъ-компаніи віце-капралами.

Декабрь.

1. Рано ездили оба въ городъ, и Гудовичъ былъ въ сенатѣ, статсъ-канторѣ и въ іностранной коллегіи, а я на Камяномъ мосту купилъ кроватъ, ширмы и стуликъ, за которые дано 4 р.; да куплено 4 футра, двѣ чемровые и двѣ лапчатые за 42 р., такожъ хустку італіанскую за 1 р. 75 к., дорожную коляску за 70 р.

2. Писано писмо до жены чрезъ козака сотнѣ почепской Івана Ярошенка Сердюкова и чрезъ него-жъ посланъ къ еи осятеръ одинъ, десять стерлядей и бочонокъ въ 10 фунтовъ каваяру, за что все дано 4 р. 92 к.; да такая-жъ посилка чрезъ того-жъ козака отпущена и до Ѳедора Ширая, за которую дано 2 р. 88 к., и алембикъ мѣдный съ шапкою и трубкою посланъ-же. У канцеляриста Якова Тимофіева новорожденной дочерѣ Екатеринѣ былъ я воспреемникомъ съ женою секретаря штатсъ-канторы Якова Василіевича Пушкина, Сарою Макаріевною, и у него-жъ обѣдали, въ томъ числѣ и Лукомскій. По обѣдѣ туда-жъ прибылъ и Новоторжцовъ и доволно просидѣли. Кума дарила мене платкомъ и кошелкомъ. Я далъ родѣлѣ 3 р., бабѣ 50 к., попу, дякону и протчимъ церковникамъ 44 к.

3. Отпущенъ въ домъ мой пріездившій оттуду съ писмами расколничой слободы Воронка житель, Ѳедоръ Стрелцовъ и чрезъ него въ домъ-же посланы 2 футра чемровые, 2 футра лапчатые лисѣе, барило забитое, а въ немъ черевики, туфли и протчія нужные убори и 2 пари лихтаровъ мѣдныхъ съ щипцями, кроватъ и стуликъ, да ширми; тако-жъ фунтъ чаю, за которій дано 1 р. 50 к.; пару собакъ британскихъ, подаренныхъ мнѣ отъ графа Гендрикова, кобѐль зовется Щолчокъ, а сука—Лиска; для укриванья оныхъ собакъ даны двѣ попоны, а въ третую увинуты футры. За извозъ того всего дано Стрелцову 3 р. 50 к., да на кормъ собакамъ 50 к. Вечеромъ были у Івана Гамаліи. Писару графскому—50 к.

4. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и были у Теплова, которій намъ подарилъ по книжцѣ, изданной въ С.П.Бурхѣ, о торжествѣ тамо бывшемъ въ академіи прошлого ноября 26-го изъ окказіи презденства возшествія государини на престолъ россійскій. Обѣдали у Івана Гамаліи ради тезоименитства его и у него-жъ обѣдали брегадиръ Петръ Дмитріевъ Аксаковъ и Іванъ Александровичъ Горчаковъ. Въ вечеру ездили въ дворецъ, но въ туне. Куплены на два портища золотыхъ, а на одно серебрныхъ петлиць, въ которыхъ всѣхъ вѣсу 16 золотниковъ и $^1/_4$, дано за оные 6 р. 50 к. Служитель генералного асаула Валкевича Ѳедоръ Горѣлій отъехалъ, которому отъ мене и пашпортъ данъ на проездъ до Глухова и чрезъ него-жъ послано писмо до воеводи въ Орелъ, Сидора Перфиліевича Денисьева, о покупки двохъ или 3-хъ дѣвчатъ малолѣтныхъ крестянскихъ. Принесены изъ рентереи кормовыхъ сто рублей денегъ за ноябрь мѣсяцъ, изъ которыхъ взяли мы оба съ Гудовичемъ по 30 р., а осталные имѣютъ употреблятися на харчъ.

5. По утру ездили до віце-канцлера, а за нимъ и до канцлера, которіи оба зъ канцлеровой квартери въ каретѣ віце-канцлеровой отъехали до дворця зъ докладами о нашыхъ общыхъ дѣлахъ стороны отправы графа Гендрикова и нашей, и зъ тѣмъ у графа Розумовского не мало позабавились они, а тамъ-же былъ Стефанъ Апраксинъ и докладъ поданъ. Отобралъ я отъ Барановского свои атестаты, которые поручалъ ему передъ симъ для представленія графу Розумовскому, прошеніе-же мое о дачи мнѣ жалованной грамоты взялъ графъ для докладу государини. Обѣдали мы у Вѣри Григоріевны, а съ нами и нѣкоторая княгиня Друцкая-Соколінская, съ мужемъ своимъ розведенная. Въ вечеру были у графа Гендрикова, которого я и кушать къ себѣ на завтре просилъ.

6. Послѣ обѣдни, слушанной въ дворцѣ, обѣдали у мене графъ Гендриковъ съ графинею, Горчаковъ, Лукинъ, Гамалія, Лукомскій, Зеленскій, а другіе разные послѣ обѣда поприходили, въ томъ числѣ Новоторжцовъ, да Максимъ Совѣтовичъ Чоглоковъ, которіи съ Горчаковымъ и до позна просидѣли. Въ вечеру-же присилалъ нарочного гофъ-маршалъ Семенъ Кириловичъ Наришкинъ звать насъ къ себѣ завтра откушать. Лукинъ по утру при поздравленіи хусткою мене подарилъ.

7. По утру были въ дворцѣ, где у графа Розумовского былижъ графъ Бестужевъ канцлеръ и докладъ подали, потомъ Стефанъ Апраксинъ. Мы потомъ отъехали до гофъ-маршала Наришкина и у него обѣдали Вѣра Григоріевна съ мужемъ, Лясавіцкій съ женою, Василь Лизогубъ и графъ Гендриковъ. Послѣ обѣда государиня изволила отъехать до Тройци Сергіева монастыря. Писмо до маіора Вайникова въ С.П.Бурхъ отослано къ Силиванову.

8. Обѣдали у мене совѣтникъ надворный Новоторжцовъ, секретаръ іностранной коллегіи Урилъ Ларіоновичъ Івановъ, секретарь штатсъ канторы Шишкинъ съ женою своею, а моею кумою, Сарою Макаріевною, которой подарены отъ мене платокъ дволичный и лента рожевая. Вечеромъ были у Барановского, но его не застали, а рано подали доношенія канцлеру о дачи синамъ нашимъ пашпортовъ.

9. Рано ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и перво были у Теплова, потомъ и у самого графа. Обѣдали въ квартерѣ, а вечеромъ были перво у Барановского, потомъ у графа Гендрикова, где застали генералъ-лейтнанта и кавалера Алексія Яковлевича Шубина, которій у него и ужиналъ, а графиня была на бархатномъ дворѣ у именинницы Анны Івановны Дубиновни Лясавицкой, а ужинали у Вѣры Григоріевны.

10. По утру были у канцлера съ протчими на поклонѣ. Обѣдни слушали въ дворцѣ при присутствіи імператорскихъ высочествъ. Обѣдали съ архіереями московскимъ, да вологодскимъ и архимандритами воскресенскимъ и сѣвскимъ и Добриною, старшымъ віленскимъ, и протчими у Вѣры Григоріевны, а вечеромъ были у Івана Гамаліи. Государыня изволила прибыть изъ Тайницкого по полночи во 2-мъ часу и при пріездѣ подалъ-де Соколовскій якуюсь челобитную и за то-де взятъ подъ караулъ. Саржантъ глуховскій отъехалъ ночью по почтѣ.

11. Рано были въ дворцѣ и графа Розумовского видѣли, а обѣдали у графа Гендрикова. По обѣдѣ знову были въ дворцѣ у духовника съ графомъ Гендриковымъ. Потомъ сами-жъ были у совѣтника Собакина и у него болѣе часа сидѣли. Въ С.-П.-Бурхѣ графу Петру Румянцову родилъся синъ Александръ.

12. Въ 9-мъ часу по полночи отъехали въ дворецъ и тамъ пробыли до 2-го по полдни, а между тѣмъ тамъ-же были канцлеръ

и Апраясинъ зъ докладами. Потомъ обѣдали у совѣтника канцеляріи Михайла Григоріевича Собакина, а съ нами Новоторжцовъ и секретарь малороссійскихъ дѣлъ Алексій Іосифовичъ Пуговишниковъ, да сестра Собакина и жена его. Сказовалъ мнѣ Петръ Мировичъ, что былъ Соколовскій рано у вице-канцлера и тамъ мене поносилъ.

13. Рано поехали въ дворецъ и тамъ по виходѣ канцлера отъ графа Розумовского былъ у графа-жъ Розумовского перво графъ Гендриковъ, потомъ и мы, а по обѣднѣ въ долгой залѣ, где и государыня изволила смотрѣть представлянной Апраксиномъ роты венгерской. По обѣдѣ ездили до графа Кирила Григоріевича Розумовского и тамъ съ нимъ и съ Тепловымъ о нашихъ дѣлахъ розговоръ имѣли. Потомъ отъехали знову въ дворецъ, где превеликій былъ сездъ обоего пола знатныхъ персонъ, которіи какъ собрались, то въскорѣ государыня и ихъ імператорскіе высочества пришли въ болшую салу и тутъ, начавши отъ дамъ, всѣ, такожде мужскъ полъ, допущены были на прощаніи къ ручкамъ государыни и ихъ высочествъ. Потомъ, какъ государыня изволила пойти въ свои покои, то насъ позвано къ ихъ высочествамъ, у которихъ мы получили милостивую отпускную авдиенцію и двократно къ ручки были допущены.

14. По утру были у канцлера и съ нимъ въ дворцѣ и тамъ же обѣдали у Вѣры Григоріевны, купно съ полковникомъ полтавскимъ Андреемъ Горленкомъ и атаманомъ тамошнымъ Олховскимъ, вчора къ Москвѣ прибывшими, а въ 5-мъ часу по полудни знову были у канцлера, который перво у себе имѣлъ съ нами разговоръ и взялъ написанную рѣчь нашу, потомъ прибывъ съ нами-жъ въ дворецъ, представилъ насъ передъ государынею на отпускную авдіенцію, на которой говорена отъ мене рѣчь благодарственная за всякіе явленные Малой Россіи милости монаршіе. А на оную рѣчь отвѣтовалъ великій канцлеръ, потомъ насъ государыня жаловала къ ручки и милостиво къ намъ говорить сама изволила; послѣ, побывавъ въ аванъ-салѣ, отъехала въ соборные церкви въ Кремль.

15. По утру были у Петра Івановича графа Шувалова и съ нимъ, тако-жъ съ братомъ его, графомъ Александромъ Івановичемъ, прощались, при чемъ Петръ Івановичъ просилъ насъ приискать у себе и прислать къ Москвѣ въ домъ его, до управителя Антонія

Михайлова Маркевича, майстера, умѣючого робить смолцугу; а прибывъ въ дворецъ, съ многими кавалерами прощались, потомъ въ 12-мъ часу при исходѣ и съ графомъ Алексіемъ Григоріевичемъ Розумовскимъ простились и того-жъ времени государиня со всею своею ассистенціею изволила въ путь до С. П. Бурха подняться при палбѣ изъ многихъ пушекъ. Послѣ обѣда былъ у насъ полковникъ полтавскій Горленко съ своимъ атаманомъ, потомъ ездили до гр. Кирила Григорьевича Розумовского поздравлять его новорожденною вчора дочерью Елисаветою, а оттуду заездили къ Новоторжцову въ дворъ и въ коллегію іиностранную, тако-жъ до Гамаліи и до графа Гендрикова, объявляя ему, что грамота на избраніе гетмана подписана государини собственною рукою, да и объ насъ и во всѣ полки особенные грамоты заготовлены.

16. Званы обѣдать до графа Михайла Ларіоновича Воронцова віце-канцлера и у него обѣдали съ графомъ Гендриковымъ, тамъ-же обѣдали Дараганъ и Жоравко съ женами, графъ Санти оберъ-церемоній-мейстеръ, жена камеръ юнгера Пимина Василіевича Лялина Дарія Матвіевна, Катерина Карловна Корфова и другіе. А передъ обѣдомъ были мы у канцлера и между протчимъ просили о сообщеніи въ академію наукъ для напечатанія нашей отпускной авдіенціи. Принятъ служитель Марко, родомъ изъ Лохвици.

17. По утру прислано до насъ отъ канцлера, чтобъ мы у него явились и потому, какъ къ нему прибыли въ 12-мъ часу, то онъ, призвавъ насъ въ свой габінетъ, вручилъ намъ объ отпускѣ нашемъ грамоту и еще 10-ть грамотъ-же въ полки, съ объявленіемъ, что для избранія гетмана отправленъ міністръ. Потомъ вручилъ намъ именемъ ея імператорского величества подарки, а именно: каждому по алмазному перстню и по соболіому мѣху, а протчее, въ томъ числѣ и денги изъ коллегіи іностранной, видано быть имѣетъ. Стефанъ Лукомскій къ отъезду своему въ домъ простился съ нами. По обѣдѣ были у насъ Новоторжцовъ, секретарь Писаревъ и переводчикъ Данилевскій. Потомъ мы были у графа Гендрикова и данную ему іинструкцію и грамоту на обраніе гетмана читали. Послѣ ездили до графа Кирила Гр. Розумовского и съ нимъ видѣлись, да были у Гамаліи и у Лукина. Дочь Анна Теплову родилась. Канцлеръ по полночи отъехалъ до С.-П.Бурха.

18. Рано ездили до віце-канцлера и поздравляли его нынѣшнымъ празденствомъ рожденія ея імператорского величества, потомъ были и у графа Кирила Григоріевича Розумовского зъ тѣмъ-же, которій насъ и удержалъ у себе обѣдать съ другими многими своего полку ізмайловского и протчими офѣцерами. Послѣ обѣда игралъ онъ въ білеръ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицинымъ, капитаномъ своего полку, а между тѣмъ пришолъ къ нему генералъ аншефъ Василій Яковлевичъ Левашовъ, а мы отъехали. Въ вечеру были у насъ мимоездомъ до С.-П.Бурха дворцовые камеръ-лакей Петръ Стефановичъ Милорадовичъ и лакей Янковскій, а потомъ къ намъ-же пріѣхалъ канцеляріи совѣтникъ Михайло Григоріевичъ Собакинъ и доволно посидѣлъ.

19. Рано были у графини Маріи Андріевны Румянцовой и тамъ-же видѣлись съ сыномъ умершого генерала-лейтнанта Бібикова Петромъ Івановичемъ. Потомъ заехали до архіепископа московского Платона Маліновского и, у него обѣдавъ, простились. Оттуду мимоездомъ у ігумена угрішского Іоана, а отъ него поехавъ въ слободу нѣмецкую, были у камергера Николая Андріевича Корфа и съ нимъ простились.

20. По утру были у віце-канцлера графа Воронцова, отъеждающого въ С.-П.Бурхъ и простились съ самымъ и съ самою. Потомъ были у Стефана Ѳедоровича Апраксина, у Василія Яковлевича Левашова, у князя Івана Андріевича Щербатова и у князя Н. Юр. Трубецкого. Послѣ заехали въ коллегію іностранную и тамъ въ пріемѣ 2-хъ тисячъ рублей, данного намъ жалованья, росписались, якіе денги привозилъ росходчикъ на нашу квартеру, которому дали 5 р., да салдату 1 р. Обѣдали у графа Гендрикова съ Вѣрою Григоріевною, съ генераломъ Измайловымъ и протчими. Въ вечеру были у насъ полковникъ Танскій, да Александровичъ.

21. Рано были у князя Алексія Дмитріевича Голицина и у князя Івана Василіевича Одоевского, потомъ Гудовичъ одинъ въ штатсъ канторѣ, а у насъ по утру были Петръ Мировичъ и Михайло Ѳедоровичъ. Обѣдали у насъ два секретари штатсъ канторы и полковникъ Танскій. Вечеромъ ездили до совѣтника Михайла Григоріевича Сорокина, потомъ до подполковника Ликевича и съ женою его долго сидѣли, послѣ были у генералши Шиповой и съ нею простились.

1752-й ГОДЪ.

Октябрь.

5. По ранномъ обѣдѣ, віехавъ зъ Городища, прибылъ передъ вечеромъ въ Лѣсконоги. Тамъ уговаривалъ шинкаря Ѳедора Лукянова на господарство въ Лотоки, которому поступлено въ годъ 6 р. жита 3 осмачки.

6. Былъ у мене досмотрщикъ неводу гетманского Алексій Даниленскій, а по службѣ отъехавъ зъ Лѣсконогъ, прибылъ въ Новгородокъ и тамъ обѣдалъ; потомъ отъехавъ, прибылъ позно въ Комань.

7. Посилалъ осматривать шкоды въ сѣнахъ подѣланной, потомъ отъехавъ, заездилъ въ Юхновъ, а оттоль прибывъ въ Богдановку, тамъ обѣдалъ и уже надъ сумерки оттоль віехалъ. Мимоездомъ былъ въ гамаліевскомъ монастырѣ у архимандрита Карновича, а ночовалъ въ Маковѣ у Алексія Силевича.

8. Обѣдалъ въ Слоутѣ, а около вечерень прибылъ въ Глуховъ.

9. Рано перво въ генералной канцеляріи, а оттоль въ дворцѣ былъ и ясневелможному поклонъ отдавъ, тамъ и обѣдалъ. Рано особливо у г. Теплова былъ.

10. Обѣдалъ у писаря генералного г. Безбородко.

11. Визитовали мене рано Петръ Горленко, Туманскій и хоружый артилеріи Кологривый. На службѣ были въ гетманскомъ монастырѣ и потомъ въ дворцѣ обѣдали, а по обѣдѣ вся музика іянструменталная играла. Въ вечеру былъ у мене Іванъ Гамалія.

12. Обѣдалъ въ домѣ, а въ вечерѣ визитовали мене писарь генералный и полковникъ гадяцкій Галецкій.

13. Обослалъ г. Безбородко табаку турецкого и два кавуны. По утру былъ у мене Іскрицкій. Сего числа прибылъ г. Скоропадскій въ Глуховъ, а вчора г. Кочубей обозный генералный, съ которимъ я у гетмана и обѣдалъ. Зъ Іваномъ Толстимъ видѣлись у Скоропадского. Писалъ я до Крижановского о мѣху соболіомъ.

14. Присланъ до мене ордеръ о присутствіи моемъ въ судѣ генералномъ и по оному сего числа первой разъ былъ у мене сотникъ кролевецкій Огіевскій и поступилъ мнѣ отпустить 3 тисячи цегли паленой по 1 р. 50 к., да 2 ганчарей и муровщика. Петро Гладуненко и Лаврінъ Цяпа отъехали въ Новгородокъ, а Петро къ

Городищу и чрезъ него писано къ женѣ, да къ Городискому и Свѣтловерскому и послана женѣ голова цукру.

15. Писалъ до обозного судіи и писаря полкового стародубовского за Гуриновскимъ и чрезъ него-жъ до жени при писмѣ посланы 2 кавуны и 2 головы цукру. По обѣдѣ ездилъ въ домъ гетманскій, а безъ мене былъ въ моемъ домѣ г. Якубовичъ. Еще чрезъ Гуриновского писалъ до Данила Городиского зъ посилкою виписѣ и реестра о Настусиномъ приданомъ и вѣдомости о перебраныхъ за порціи и раціи денгахъ и 20 аркушовъ бумаги.

16. Писалъ до зятя Савича и до дочерѣ Настусѣ и въ Товкачовку до старости. У Івана Гамаліи обѣдалъ. Ночью ушолъ былъ Іванъ Гадаренко и пойманъ.

17. Зъ говптъ-вахти онъ-же присланъ ко мнѣ и наказанъ. Я былъ у Якубовича и у него-жъ обѣдалъ. Надъ вечери докторъ Бокъ былъ у мене.

18. По утру я былъ у обозного генералного и смотрѣлъ въ его будинку новомъ печей. Ясне-вельможный слушалъ обѣдни въ монастырѣ, потомъ, при столѣ гетманскомъ откушавъ, слушали музики; а оттоль заездилъ я къ доктору Боку. Въ вечеру бывшему у мене Өедору Тищенку Ласкевичу, которій зъ братомъ своимъ старшимъ Артемономъ, опредѣленъ въ войсковые товарищи, вручилъ я свой дзигарокъ для направы въ Стародубѣ.

19. Обѣдалъ самъ одинъ въ домѣ, а вечеромъ былъ у Скоропадского. Писма получилъ и изъ Прилуки отъ Носенка и изъ Товкачовки отъ старости тамошнего.

20. По утру былъ у мене архимандритъ нынѣшній савинскій, бывшій новгородскій, Карновичъ. Обѣдали со мною Іванъ Рославецъ и Владиміръ Івановичъ Губчицъ.

21. Обѣдалъ у Скоропадского, а у мене Рославецъ и Губчицъ. Подводы пришли зъ Новгородка зъ тиномъ и зъ протчимъ, и оные-жъ отправлены въ Кролевецъ за цеглою.

22. Синъ гетману родилъся Андрей во 2-мъ часу по полдни. Я былъ послѣ полдня у архимандрита Карновича, а ночью зъ Скоропадскимъ у гетмана съ поздравленіемъ о рожденномъ сину и тамъ вечеряли. Дригантъ вороный припроваженъ въ Глуховъ.

23. Писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Карновича, до Войникова, до Андрея Милорадовича о библіи, до Губчица, до Вінклера

и до сина въ Киль, въ Москву до полковника Ликевича и до Александра Тихоновича Лукина.

24. Оные писма отданы Івану Скоропадскому, посилаючомуся по почтѣ въ С.-П.-Бурхъ, который надъ вечери и отъехалъ. По утру съехався у обозного генералного, съ нимъ всѣ поехали въ дворецъ и, графиню поздравивши, тамъ-же и обѣдали.

25. Литургіи съ гетманомъ слушали въ церкви св. Анастасіи, потомъ обѣдали у гетмана, по обѣдѣ музика играла, оттоль заездилъ до Гамаліи зъ Іскрицкимъ. Привезена цегла зъ Кролевця, а зъ Стародуба двѣ печи.

26. Привезена печь зеленая изъ Новгородка, начали пѣчь и коменокъ въ столовой ставить.

27. Архимандритъ Карновичъ простилъся, отъеждҗая въ путь свой.

28. Прибывшей въ Глуховъ матушцѣ гетманской отдали мы всѣ візиту въ дворцѣ. Отправленъ канцеляристъ Контицъ въ С.-П.-Бурхъ. Обѣдалъ я зъ Іскрицкимъ у Івана Гамаліи.

29. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Карновича о отъездѣ отселя брата его архимандрита и о покупки на 2 покои бумажныхъ обоевъ, на одинъ 10, на другій осмъ штукъ. Позичилъ у Івана Гамаліи 20 р. денегъ. Писалъ до Георгія Носенка и до старости товкачовского противъ ихъ писемъ.

30. Посланъ въ Городище Василь Мовчанъ зъ писмомъ до Светловерского и до войта городиского. Присилка зъ Городища привезена. Посланъ приказъ до войта лѣсконозкого о взиманіи половыны рибы зъ 7 озеръ лѣсконозкихъ чрезъ смотрителя стану роговского Алексія Даниловского, жителя каменского.

31. Писалъ до Светловерского противъ его писма и при томъ послано до Городища штаба желѣза, 4 барилци, хрѣнъ, паперу 10 аркушовъ, шкура воловая. Обѣдалъ у гетмана и заездилъ къ Якубовичу.

Ноябрь.

1. Послѣ обѣдни, въ церкви св. Анастасіи слушанной, какъ прибыли въ домъ гетманскій, то было крещеніе сину его новорожденному Андрею. Воспріемниками были синъ его-жъ старшій Алек-

сій и матушка Наталія Демяновна. Потомъ обѣдали въ его генералная старшина и генералъ маіоръ князь Кантимиръ съ женою своею Пассековою дочерью. Послѣ обѣда музика играла по италіанску. Дано Гамаліи газетъ 10 №.

2. Обѣдалъ у мене Занковецкій. Писаны писма до сотника новгородского о смоляникахъ и о сѣнѣ потровленомъ, до архимандрита Карновича въ завезенныхъ газетахъ 10 нумеровъ.

3. Послѣ обѣда былъ въ домѣ гетманскомъ, а оттоль заездилъ къ Якубовичу вечеромъ.

4. Поставлена вишніовка на ратафіи, корѣннямъ насипанная. Кровь пущалъ мнѣ Бокъ.

5. Отправленъ Лаврѣнъ Цяпа зъ даннымъ ему меморіаломъ и чрезъ него-жъ послано писмо до сотника новгородского зъ урядомъ о смоляникахъ и о награжденіи за подтровленое сѣно. Подводчикъ, зъ Городища бывшый, отпущенъ зъ писмомъ до Свѣтловерского. Привезена дробина и пшоно, и крупы зъ Товкачевки.

6. Отпущены подводчики товкачевскіе зъ писмомъ до тамошнего старости о присилки еще де-которой провізіи и денегъ. Сего числа Петръ и Яковъ Скоропадскіе, лейбъ-кирасирского полку корнеты, прибыли въ Глуховъ.

7. Гетманъ ездилъ на охоту стрелять тетеръ. Я былъ по утру въ генералной канцелляріи, и бунчучный и Божичъ были. Обѣдалъ у мене Гудовичъ, а я въ вечеру былъ у г. Скороподского и зъ синами его видѣлся.

8. Службы Божой слушали въ церквѣ св. Анастасіи, потомъ обѣдали всѣ мы у гетмана, въ томъ числѣ и дѣти г. Скоропадского и віце-капралъ лейбъ-компаніи Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Послѣ обѣда играла музика, а зъ дворца заездилъ я до Валкевича. Іванъ Рославецъ, простясь, отъехалъ по утру зъ Глухова въ домъ свой.

9. Прибылъ Григорій Засулскій изъ Городища и привезъ отъ жены при писмѣ 20 р.

10. Пріехалъ куріевъ Шутенко и привезъ грамоту о поездѣ гетману къ Москвѣ, а ко мнѣ привезены писма чрезъ его-жъ отъ Вайникова, а чрезъ служителя Карновичового отъ Стефана Карновича. Я писалъ женѣ о томъ послѣ. Матушка гетманская отъехала зъ Глухова въ домъ свой.

11. Чрезъ Івана Гамалію, отъехавшого въ домъ, послано писмо къ женѣ съ писмомъ Карновичевымъ. Вечеромъ былъ у мене тафель-декеръ[1]) зъ новою свою женою, дочерью Пуховича.

12. Дому нашого глуховского посвященіе было. Обѣдали у мене Іскрицкій и Горленко, да войтъ новгородскій съ бурмистрами двома.

13. Въ вечеру заездилъ ко мнѣ есаулъ генералный Якубовичъ.

14. Призивано старшину генералную въ канцеллярію генералную для разсмотренія дѣла віце-капрала лейбъ-компаніи-жъ Романа Струтинского по утру. Обѣдалъ я зъ Гудовичемъ у Якубовича. Вечеромъ былъ у мене корнетъ лейбъ-кирасирского полку Петръ Михайловичъ Скоропадскій.

15. По утру былъ я у архимандрита кіево-печерского Луки, потомъ отъехавъ въ дворецъ, у г. Теплова съ Скоропадскимъ былъ-же. Послѣ обѣдни, въ церквѣ св. Анастасіи при гетманѣ слушанной, знову въ дворецъ ездили и тамъ-же у стола гетманского зъ печерскимъ архимандритомъ и съ протчими кушали. Послѣ полдня тотъ-же архимандритъ въ моемъ домѣ былъ и за прибытіемъ ко мнѣ есаула генералного Якубовича и полковника чернѣговского Божича долго въ ночь проседѣли, потомъ и къ архимандриту ездили. Оттоль возвратясь въ 11-мъ часу, легъ спать, но по полуночи жестоко занемогъ и жестоко-жъ поносъ и вомѣти приключились, отчего зѣло слабъ сталъ и для того

16. Весь день пролежалъ въ домѣ боленъ.

17. Потому-жъ и сей день изъ дому не віездилъ. Писалъ до жены, до зятя Рославця, до Городиского, до Андрѣя, до сотника погарского чрезъ Андрея Засулского. Вечеромъ билъ у мене сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

18. Ночью противъ сего числа утѣкъ Іванъ Гаптаренковъ возніця. Писано до старости товкачовского чрезъ служителя Петра Горленка, да въ Ямполь до Жуковского съ посилкою рюмки флазоечки и стекла битого.

19. По утру Григорій съ вышепоказанными писмами отъехалъ, а Самусенко пріехалъ и чрезъ Григорія-жъ послана къ

---

*) Конечно, гетманскій.

женѣ голова цукру. Обѣдалъ я у писаря генералного и потомъ былъ у гетмана.

20. Послѣ полдня былъ я у бунчучного, а потомъ у Якубовича. До жены писалъ чрезъ Самусенка объ немъ и съ посилкою писма отъ сина Василя, да до Городиского о присилки нѣкоторыхъ книгъ и писемъ.

21. Послѣ обѣдни зъ гетманомъ кушали два молодые князя Долгорукіе и мы. Оттоль заехавъ до Скоропадского, засталп тамъ полковника миргородского Ѳедора Остроградского. Вечеромъ былъ у мене войтъ новгородскій съ обявленіемъ унѣверсалу гетманского, данного на учрежденіе тамъ въ Новгородку майстрату и права майдебурского. Вчора писаны писма въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до сина, въ отвѣтъ на его писмо зъ Ґамбурга писанное, но не отправлены по почтѣ.

22. У гетмана я зъ подскарбіемъ, полковникомъ миргородскимъ и Гудовичемъ и зъ протчими обѣдали. Оттоль заездилъ къ Якубовичу.

23. Отъехалъ Самусенко и чрезъ него писма до жены и до Городиского отпущены писма и хлѣбъ. Вечеромъ были у мене полковникъ миргородскій и обозный тамошный, да ассессоръ Яковъ Денисовъ. Чернецъ переяславскій Ілія обѣдалъ у мене.

24. Слушали обѣднѣ съ гетманомъ и генераломъ-маіоромъ и генералъ-провіантмейстеромъ княземъ Семеномъ Ѳедоровичемъ Волконскимъ въ церкви св. Анастасіи, где проповѣдь преизрядную говорилъ капелянъ гетманскій. По обѣдѣ былъ до позна балъ, а при обѣдѣ пушечная палба и послѣ молебня производилась.

25. По тому-жъ, какъ и вчера, послѣ обѣдни и послѣ казанья было молебствіе при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ у гетмана пребогатій зъ пушечною-жъ палбою, послѣ балъ и ужинъ.

26. Писалъ писма до жены, до Городиского и до Андрѣя, да до Лавріна Цяпы и самъ зъ двора весь день никуди не віездилъ.

27. Обѣдалъ у мене ямполскій управитель Ѳедоръ Прокофіевъ Жуковскій. Надъ вечери былъ я у полковника миргородского и простилься съ нимъ, потомъ у Якубовича. Прибылъ зъ С.-П.-Бурха Іванъ Скоропадскій.

28. Прибылъ зъ писмами отъ зятя Ярема Дубянскій, чрезъ которого, отъехавшого

29 числа въ Городище, писалъ до жены, до Городиского и къ Самусенку съ копіею ордера, посланного до екзактора, о нетребованіи отъ маштъ другой индукты и евекты. Обѣдали у гетмана, где первой разъ видѣлъся зъ брегадиремъ Өедоромъ Івановичемъ Кочеnевскимъ, которой сказовалъ, что синъ ему Николай родилъся. Отписалъ къ зятю Петру Савичу, чтобъ пріездилъ до Глухова за два или три дни передъ Николаемъ.

30. Послѣ службы въ церквѣ св. Анастасіи молебствіе было при пушечной палбѣ, потомъ банкетъ при пушечной-же палбѣ и въ вечеру балъ.

Декабрь.

1. Прибылъ до Глухова преосвященный Іраклій Коморовскій, новопосвященный епископъ чернѣговскій, у которого и я послѣ полдня зъ Искрицкимъ былъ, а потомъ и до Искрицкого въ квартеру заездилъ.

2. Оный преосвященный у гетмана обѣдалъ, а у мене по утру былъ брегадиръ Өедоръ Івановичъ Коченевскій, а я обѣдалъ у Якубовича. По утру-жъ пріехали Андрей Свѣтловерскій и Лаврінъ Цяпа. Писано отъ мене до жены сторони Михайла Василіева, внука бывшого священника случевского Івана Гудова.

3. Еще писано отъ мене до жены зъ посилкою люстрины 15 локотъ, да о висилки подводъ въ Товкачовку по хлѣбъ, а до Городиского о нѣкоторыхъ писмахъ и книжкахъ—въ библіотецѣ приискать оные, и тѣ писма посланы чрезъ лѣсконозкого человѣка. Въ вечеру былъ у мене преосвященный архіерей чернѣговскій Іраклій Коморовскій, да Василь Гудовичъ, а по утру брегадиръ Коченевскій отъехалъ зъ Глухова. Позавчора писалъ 2 писми до старости товкачовского о приуготовленіи хлѣба на подводы, зъ Стародуба прибыть имѣючіе. Да отпущены писма въ С.-П.-Бурхъ по почтѣ, прошлого ноября 20-го писанные.

4. Писалъ до жены о присилки шпалеръ синѣхъ и протчего и зъ тимъ писмомъ отправленъ

5. Данило компанѣецъ на Ямполь. Сего числа передъ свѣтомъ кухаръ Захарій умеръ и при церквѣ Василіевской погребенъ. Обѣдалъ у Якубовича зъ Оболонскимъ бунчучнымъ, а въ вечеру пріехалъ зять Савичъ зъ Настусею.

6. Сего числа многіе у мене обѣдали изъ бунчуковыхъ и другихъ, а вечеромъ были архіерей чернѣговскій зъ Якубовичемъ, обозцый генералный Кочубей зъ Тарнавскимъ.

7. Обѣдали я и зять Савичъ зъ Настусею у Якубовича, а вечеромъ всѣ были у архіерея чернѣговского, которій и говорилъ о сѣнѣ, забранномъ въ Команъ.

8. Подводы товкачевскіе отпущены зъ писмами до старости тамошнего и до Качановского.

9. Въ канцеллярію генералную собирались о дѣлѣ, отдавать-ли грекамъ коси?

10. Обѣдалъ я у гетмана и подалъ прошеніе о переписѣ унѣверсала на пергаментѣ. Конѣ гетману приведены зъ Цариграда.

11. Обѣдалъ у мене Якубовичъ, а вечеромъ былъ я у економической канцелляріи.

12. Обѣдалъ у гетмана, а по утру докладъ былъ о дѣлѣ клеветномъ на меня Соколовсвого. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

13. Послѣ службы Божой, въ церквѣ св. Анастасіи слушанной, где и графиня гетманша первый разъ послѣ родовъ была, обѣдали у гетмана, потомъ былъ до позна въ ночь балъ. Зъ Лѣсконогъ привезено рыбы и зайцовъ, а зъ Городища пріехали двѣ дѣвки и де-що попривозили. По утру отправленъ Лаврѣнъ Цяпа въ Команъ.

14. Вечеромъ простилъся со мною при отъездѣ своемъ въ домъ до Лубень полковникъ лубенскій Іванъ Колябка и подарилъ мнѣ пороху немного.

15. Обѣдалъ у мене лейбъ-компаніи віце-капралъ Романъ Лукяновичъ Струтинскій. Сего-жъ числа подана отъ мене челобитная на войта погарского Клима Пѣсоцкого о перейшовшыхъ въ Погаръ зъ Курова Дуцка Халимоненка съ товарищы.

16. Послѣ болѣзны былъ въ судѣ генералномъ Скоропадскій. Я послѣ полдни былъ въ дворцѣ.

17. Писалъ въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, до Карновича и до секретаря академіи наукъ Петра Ісаевича Ханіна о газетахъ на 1753-й годъ, о календарѣ новомъ и о книгахъ вновь печатанныхъ, а въ Москву до полковника Ликевича, и тые писма отпущены чрезъ Романа Струтинского. Вчора при писмѣ до отца Іоана брата

послалъ для бѣдного Іосифа 3 р. чрезъ Андрѣя Дяченка. Сего числа позно прибыла жена зъ дѣтми.

18. Послѣ молебня былъ банкетъ у гетмана при пушечной палбѣ, а вечеромъ балъ. Ночью жестоко жена занемогла.

19. И сей день хоровала. Прибылъ полковникъ лубенскій.

20. Получено писмо отъ архіерея чернѣговского сторонн забратого сѣна въ Команъ. Прибылъ полковникъ гадяцкій въ Глуховъ. Я обѣдалъ у гетмана, а жена у Скоропадского.

21. Писалъ отвѣтъ къ архіерею чернѣговскому и до Рославцовъ о роздѣлѣ межъ ними и до старого Губчица и до Івана Покорского. Вечеромъ я былъ у Якубовича жены его имениници, а онъ у мене и полковникъ гадяцкій.

22. Жена съ дочерью Настею кланялась графинѣ и тамъ обѣдала купно зо мною, а рано былъ я самъ у обозного генералного Кочубея. Получилъ писмо изъ Гамбурха отъ сина о ево нещаслывомъ приключеніи.

23. Получилъ ордеръ о присутствіи моемъ зъ протчими въ генералной канцелляріи.

24. Въ 10-мъ часу по полночи віехалъ гетманъ къ Москвѣ при пушечной палбѣ. Вечерни и обѣдни слушали мы въ церкви св. Василія.

25. На всенощной были у св. Анастасіи. По утру поздравляли графиню и обѣдни слушали въ той-же церквѣ. Вечеромъ былъ я у Якубовича.

26. По утру были у мене Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а я у писаревой генералной и у бунчучного. Обѣдалъ у мене Гудовичъ; потомъ былъ у мене-жъ Герасимъ Демяновичъ (Стрешенецъ), тесть Журавки, а у жены обозная генералная Скоропадская, Безбородкина, полковниця гадяцкая, Тарнавская и Томарина.

27. Писалъ писмо сину въ Киль, подъ № 2, и до Карновича въ Москву съ посилою 200 р. денегъ, да до полковника Ликевича и до Туманского. Съ графинею послѣ обѣдни кушали у нея.

28. Первый разъ были всѣ 4 мы, опредѣленные къ присутствію, въ генералной канцеляріи. Писма, вчора писанные къ Москвѣ, вручены отъ мене Павлу Миклашевскому, туда-жъ отъежджаючому, и ему-жъ вручилъ 200 р. денегъ для отдачи Карновичу за роспискою.

29. По утру въ 10-мъ часу отъехала графиня гетманова къ Москвѣ, на обѣдъ и на ночь въ Полковничью Слободу.

30. Писаны писма къ парахіанамъ села Случевска и до сотника погарского о кандидатахъ на поповство до церкви случевской Петру Прокоповичу и Михаилу Васильеву Гудову, да въ домъ до войта перегонского о пенцѣ и о протчемъ, до атамана погарского Беляя о протестѣ войта муравьевского на старосту гримяцкого Михаловского за сѣно имъ пограбленное; до войта лѣсконозкого о виправѣ подводъ въ Луку за хлѣбомъ и о пенцѣ; до господаря лотоковского Өедора Лукьянова о подводахъ-же въ Товкачевку.

31. Простился Гудовичъ при отъездѣ въ домъ до 1-го февраля.

1753-й ГОДЪ.

Мѣсяцъ Генварь.

1. По утру былъ у Скоропадского и отъ него ездили всѣ до церкви св. Михаила, где обѣдни и молебня слушали. Вечеромъ былъ я у Якубовича и писмо писалъ въ Москву до Карновича чрезъ канцеляриста Чорнуцкого.

2. Послалъ писмо до Іосифа Гавриловича о прибытіи его въ Глуховъ. Івана Губчица жена была у насъ на обѣдѣ зъ Мариною Михайловою Есимонтовскою и отъехали: первая въ Борзну, а другая въ Стародубъ.

3. Въ нынѣшный день, по полученному отъ генералъ лейтенанта графа Петра Семеновича Солтикова писму о опасности отъ непріятелей, съездились мы въ генералную канцеллярію и отправленія о нарядѣ 4-хъ тысячъ козаковъ изъ 6 полковъ для незапного походу велѣли учинить по утру. У насъ обѣдалъ Якубовичъ зъ зятемъ своимъ Өедоромъ Савичемъ и дочерью своею Маріею, а вечеромъ закрѣпили отправу рано опредѣленную въ полки.

4. По утру для тоей-же нужды были въ канцелляріи и отправленіе по тому-жъ дѣлали, а пришедъ въ домъ, какъ сталъ обѣдать, то въ кушаньѣ между бураками проглонулъ кость, которая, увязши въ горлѣ, чуть не привела мене къ смерти, и для вибитья оной зъ горла, какъ простые способы битьемъ въ плечи, яствіемъ скоринки, питьемъ воды, такъ и инструментовъ и палцовъ кладжею въ горло и чищеньемъ употреблены и чрезъ то въ отчаяніе, почитать, при-

веденъ былъ; однако-жъ единою токмо милостію Божіею въ живыхъ остался и заледво ночь тую переночевалъ. Того-жъ дни посѣщали мене болного перво полковникъ лубенскій Апостолъ, потомъ Скоропадскій зъ женою своею и Якубовичемъ. Отпущены писма чрезъ Заруцкого постъ-директора, одно къ Крижановскому въ Нѣжинъ о покупки тафи и бѣлокосу, да о ножахъ турецкихъ и о новомъ календарѣ, другое до митрополита кіевского въ Кіевъ.

5. Весь день и ночь лежалъ боленъ.

6. Ездилъ къ Василіевской церкви на службу, потомъ день и ночь лежалъ боленъ.

7. Жена ѣздила въ Годуновку.

8. Она-жъ послѣ полдня отъехала въ домъ. Сего-жъ числа послѣ полдня отправленъ въ Москву канцеляристъ войсковый зъ разными доношеніями.

9. Отпущено писмо до графа Мойсѣя въ отвѣтъ, другое писано за Даниломъ Біневичемъ въ Стародубъ въ щетную коммиссію.

10. Послѣ выше означенного случая первый разъ зъ двора віехавъ, былъ въ церкви св. Анастасіи на службѣ, а послѣ полдня былъ у доктора Бока, у дѣтей Теплова и у полковника лубенского и Скоропадского.

11. Писаны писма подъ числомъ 8-мъ сего мѣсяця зъ поздравленіемъ нового году до господъ Романа Ларіоновича Воронцова и о Герасиму Антонову Новомлинскомъ, до Теплова, до Собакина и до Новоторжцова, да и до Фелинера о газетахъ, да до Василія Туманского и къ нему включенъ къ Фелинеру пакетець.

13. Получили ордери и писма зъ Москвы, въ томъ числѣ и я отъ полковника гадяцкого и зъ писмомъ до жены его, которое къ ней при моемъ писмѣ и отпустилъ, да и до оного полковника зъ посилкою писма отъ жены его писалъ. Вечеромъ былъ у мене Якубовичъ.

14. Письмо до полковнички гадяцкой отпустилъ до Стародуба чрезъ Тимоновича, туда отъехавшого. Сего-жъ числа Іосифъ Гавриловичъ въ Ляшковци, съ нами простясь, отъехалъ. Отданы денги Скоропадскому 350 р.

15. Сего числа отданъ синъ Іванъ въ наученіе учителю Георгію Александровичу графу Ранцеву, которому давать ежемѣсячно за науку по 3 р. Докторъ медицины и профессоръ історіи натурал-

ной Іванъ-Христіанъ Гебенштрейтъ, бывшій при домѣ гетманскомъ, надъ вечери посѣщалъ мене и прескрипцію на мои дефекти далъ. Противъ сего числа ночью канцеляристъ войсковый Тимофій Закровецкій преставилъся.

16. Оный-же канцеляристъ похороненъ при церкви св. Михаила. Сего числа прибылъ въ Глуховъ генералъ маіоръ Іванъ Ѳедоровичъ Глѣбовъ, простуючій отъ Новой Сербіи къ Москвѣ, которому я зъ полковникомъ лубенскимъ вѣзитъ отдавалъ, а Скоропадскій жену свою виправлялъ въ Стародубщину. Вечеромъ былъ у мене Чуйкевичъ.

17. Отправленъ въ Товкачовку Данило Городискій и съ нимъ компанѣецъ Данило-жъ. По полдни былъ у мене Павелъ Ломиковскій, а вечеромъ простилъся я зъ докторомъ Гебенштрейтомъ.

18. Былъ вечеромъ перво у Якубовича, потомъ у Ломиковского.

19. Два толко мы зъ полковникомъ лубенскимъ были въ канцелляріи, а вечеромъ візитовалъ Івана Гамалію, къ которому тогдажъ пріездили Скоропадскій, Оболенскій, Апостолъ, Яковъ Марковичъ и Сангурскій. Настуся занемогла.

20. Обѣдалъ у Гамаліи, а потомъ былъ у Якубовича. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого и до Туманского, до которого въ ковертѣ включены до Собакина и до Новоторжцова писма и отправлены чрезъ человѣка Крижановского, посланного въ Москву по почтѣ.

21. Іванъ Гамалія у насъ обѣдалъ, а Настуся жестоко хоровала на фебру и горячку.

22. Получилъ писма зъ Москви отъ Галецкого. Вечеромъ посѣщалъ болную Настусю Іванъ Гамалія.

23. Писаны писма до жены, до Гуриновского и до полковници гадяцкой, съ посилкою пакета отъ ея мужа, и оные отпущены чрезъ человѣка отъ Івана Гамаліи въ домъ посланного. Обѣдали у насъ учитель графъ Ранцевъ зъ синомъ Павла Ломиковского и докторъ Бокша, потомъ зъ тими-жъ былъ у Гамаліи, которого синъ Николай тому-жъ учителю въ науку рекомендованъ.

24. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого и до Карновича зъ посилкою трохъ ножовъ турецкихъ, а въ Санкт-Питер-Бурхъ до Вайникова чрезъ канцеляриста Занкевича, отправленного зъ козами дикими и зъ дрохвами въ Москву.

За оправу ножика того, що отъ Ѳедора Корецкого, дано Вейману 70 к.

25. Оные писма и ножи три въ пуделку чрезъ помянутого канцеляриста Занкевича отпущены къ Москвѣ.

26. Присланъ зъ Нѣжина чрезъ почтъ-мейстера Зарудного отъ Крижановского турецкій ножикъ и полскій календарь, которій отъ мене подаренъ Івану Гамаліи. Писалъ писма къ женѣ въ домъ о прибытіи еи, а до войта лѣзконозского о разныхъ дѣлахъ, да до полковника миргородского и до согника миргородского-жъ о турецкихъ ножикахъ.

27. Пару ножиковъ отъ сотника миргородского Василя Зарудного получилъ. Жена изъ Городища пріехала въ Глуховъ.

28, 29, 30 и 31-е такъ прошли. Толко 31-го Искрицкій прибылъ въ Глуховъ, а я былъ у Горленка.

Февраль

1. Данило Покорскій зъ Іваномъ Рославцемъ прибыли въ Глуховъ и, взявъ съ собою зятя нашего Савича, отъехали въ Сварковъ для зговору внуки Якова Марковича Есимонтовской за оного Рославця.

2. По утру были у мене Іскрицкій и Горленко.

3. а въ вечеру Якубовичъ съ женою. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого Галецкого, до Туманского, до переводчика синодалного Політики о библіи, до Лобисевича, до Карновича, да въ Пітеръ-Бурхъ до Вайникова и до сина въ Киль, да посланы при писмахъ въ Стародубъ чрезъ Данила Покорского до Івана Гамаліи печатныхъ газетъ нумеровъ 11, а до Ѳедора Корецкого С. П. Бурскій на сей годъ календарь.

4. Оные писма отпущены въ Москву чрезъ жолдака Михаила Дерезенка, по почтѣ посланного. Писаны писма до полковника прилуцкого зъ посилкою газетъ печатныхъ, да до полковника миргородского съ посилкою писма нѣкоторому лѣкарю генерала Хорвата.

5. Сочинено доношеніе противъ мнѣнія, изъ суда генералного присланного.

6. Оное доношеніе отъ мене и Петра Горленка подписано и подано Скоропадскому и полковнику Апостолу.

7. Обѣдали у мене Горленко и Данило Требінскій, а надъ вечери былъ полковникъ Апостолъ и Чуйкевичъ, а я у Чуйкевича въ вечеру.

8. Отдалъ въ канцеляріи Скоропадскій оное наше доношеніе. Послѣ обѣда отъехалъ полковникъ Апостолъ въ домъ. Чрезъ отставного асаула сотнѣ погарской, перегонця, посланъ отвѣтъ до полковника стародубского противъ его писма о Аршавѣ. Ездилъ прощатся зъ капеляномъ гетманскимъ Корниліемъ Юзефовичемъ, отъеждjаючимъ къ Москвѣ и ему-жъ далъ казань 8 печатныхъ и писанныхъ, а оттоль заездилъ до Якубовича.

9. Подалъ доношеніе Горленко въ генералную канцелярію, рековуючи свой подписъ на общымъ доношеніи нашемъ учиненный.

10. Преосвященный митрополитъ кіевскій Тимофей Щербацкій въ 9-мъ часу передъ полуднемъ прибылъ въ Глуховъ и литургію и молебствіе служилъ въ церквѣ св. Михаила, а потомъ обѣдать изволилъ съ своими и обще зъ нами у г. Скоропадского, а при молебнѣ и при столѣ производилась пушечная палба.

11. Служилъ преосвященный въ монастырѣ женскомъ и на своей квартерѣ обѣдалъ.

12. Преосвященный служилъ въ Веригинской церквѣ. Потомъ у его на квартерѣ были мы зъ женами и водкою почтованы.

13. Его-жъ преосвященство служилъ въ церквѣ св. Николая, а по службѣ званные отъ бунчуково генералного Оболонского его преосвященство зъ своими и мы обѣдали у него, а по обѣдѣ зъ нимъ-же Якубовичъ и я были у подполковника Яблонского и у Сергія Дергуна, потомъ у Якубовича чуть не до полночи пробавили.

14. Послѣ службы Божой заехалъ ко мнѣ въ домъ его преосвященство и позавтрикавши отъехалъ въ путь свой къ Москвѣ, которого проводилъ я за двѣ версти. Сего числа прибылъ Гудовичъ въ Глуховъ. Надъ вечери была у жены моей Скоропадская.

15. Въ сей день отосланы графу Ранцову за ученіе сина нашого Івана за мѣсяцъ три рубли. Обѣдалъ у насъ Гудовичъ, а я весь день зъ дому не віездилъ послѣ нѳвчасовъ.

16. По утру были обще зъ Гудовичемъ всѣ три въ генералной канцелляріи. Послѣ обѣда отъехали зять Савичъ и дочь Настуся до Ведмежого, а послѣ ихъ отъезду была у жены Попасова жена, Галецковна.

17. По утру отъехала жена въ домъ зъ Уліаною Скоруповною. Писалъ я къ полковнику гадяцкому въ Москву зъ посилкою писемъ отъ жены его и отъ повѣренного. Вечеромъ былъ у Ломиковского и у Якубовича.

18. Были всѣ трое въ канцеляріи по утру, а у мене обѣдали Гудовичъ и Филипъ Гриневичъ, зять брата отца Івана. Писалъ до Гамаліи къ сину его Николаю.

19. Переведенъ въ дворъ нашъ онъ, молодый Гамалія, по возвратѣ его зъ Клепалъ [251]). Вечеромъ былъ у Скоропадского и игралъ въ карты зъ выграшемъ. Приехалъ Михайло Ханенко.

20. Званный до Скоропадского обѣдалъ у него, а потомъ былъ у Безбородкиной, писаревой генералной, где видѣлъся и зъ женою переводчика Івана Андріевича Данилевского, Елисаветою Алексіевною и у бунчучного генералного Оболонского; а вечеромъ у Скоропадского проігралъ 47¾ к.

21. Знову обѣдалъ у Скоропадского и до жены писалъ о нѣкоторыхъ покупкахъ на ярмарку стародубовскомъ, а до лѣсконозкого войта о присилки подводъ по овесъ. Принятъ въ служеніе Григорій Николаевъ Козловскій, рожинецъ переяславскій, которій въ Москвѣ 1751 году присталъ служить у Якова Почеки, асаула полку нѣжинского.

22. Писалъ писма въ Москву до Карновича, требуя отвѣту противъ прежныхъ 8 къ нему моихъ писемъ, а въ С. П. Бурхъ до г. Вайникова зъ посилкою бѣлокосу и тафы блакитныхъ по 10 аршинъ, которые писма и посилка отправлены чрезъ канцеляриста войскового Максима Руновского, сего-жъ числа по почтѣ отправившогось къ Москвѣ.

23. Тафель-декеръ гетманскій Гарасимъ Антоновъ Новомлинскій умеръ, нѣсколко дней толко на горячку хоровавши. Лавріинъ посланъ въ Воронежъ за пывомъ при писмѣ до сотника воронѣжского Андрея Холодовича и зъ денгами.

24. По утру отосланъ жеребецъ вороный къ повѣреному Василя Полуботка. Оный Герасимъ Новомлинскій похороненъ при церкви св. Михаила.

---

[251]) Село путивльскаго уѣзда, принадлежавшее женѣ Гамалѣи, рожд. Анненковой.

25. Писма отъ полковника Галецкого до жены его вручены служителю ихъ Кирилу Черняховскому для отсилки въ Стечну при моемъ къ ней-же писмѣ. Отъ мене писано въ Стародубъ до Івана Гамаліи о сину его Николаю, да до жены о нѣкоторыхъ покупкахъ въ ярмарку стародубовскомъ и посланы чрезъ человѣка изъ Клепалъ.

26. Послѣ полдня ездилъ до Валкевича и до Якубовича для прощанія, а до Городища отпущено на подводахъ зъ селъ новгородскихъ овса 33 осмачки и одинъ четверикъ.

27. Исповѣдалъся передъ отцемъ Яковомъ старикомъ, а на службѣ въ церквѣ св. Василія, по благости Божіей, удостоилъся сообщитись святымъ Тайнамъ. Писалъ въ Москву подъ числомъ 25-мъ сего мѣсяця зъ посилкою 2 писемъ отъ жены полковника гадяцкого къ нему, да до Туманского и до переводчика Фелинера о газетахъ, и тѣ писма вручены служителю Наталіи Демяновны г. Розумовской Полторацкому, по почтѣ до Москвы отправившемусь. Сего-жъ 27-го писалъ до жены чрезъ войта муравьевского о отпущенномъ одселя овсѣ и неупотребленіи зъ селъ новгородскихъ людей къ тамошнымъ работамъ, да чрезъ дѣвку Марью зъ посилкою писма отъ зятя Савича и стороны зятя Рославця, что наложено на владѣніе ихъ излишные порціи и раціи и о доправки денегъ 34 р. на Александровой Корецкой, а 3 р. на Івану Гамаліи за сина его.

28. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы газеты нумеровъ 6, а именно: 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, да подъ вчорашнымъ числомъ писаны писма о Филипу Васильеву Гриневичу, отца Івана брата дочь Марію понявшомъ, кой нынѣ опредѣленъ въ кантакузинскіе маетности старостою, до войскового товарища Стефана Савича Лутая, до управителя чеховского Петра Мойсѣевича Левицкого, до сотника золотоношского Константія Леонтовича и до отца Іоана брата, и чрезъ того-жъ Гриневича посланы болному Іосифу 1 рубль денегъ.

Мартъ.

1. Асаулу полковому нѣжинскому Долинскому вручены 2 писма до полковника гадяцкого Галецкого отъ жены его, къ Москвѣ по

которій въ семъ мѣсяцѣ 26-го числа окончилъся, за науку сина нашего заплатилъ 3 р. Отослано въ судъ генералный доношеніе противъ присланного позву о озерахъ лѣсконозкихъ.

2. Писаны писма въ Прилуку до бунчукового товарища Димитрія Марковича о Марьѣ Бѣлченковой, вдовѣ товкачовской, въ Товкачовку до правящаго за господаря Якова Супруненка о тамошнемъ господарствѣ чрезъ подводчиковъ товкачовскихъ, солоды привозившыхъ. Гудовичъ у мене обѣдалъ. Племѣнникъ Михайло Ханенко подалъ доношеніе въ генералную канцеллярію о принятіи его въ службу канцелярскую.

3. Оному велѣли быть у дѣлъ для писанья. Подводы товкачовскіе и чрезъ оные вчора писанные писма до Данила Городиского о прибытіи его въ Глуховъ отпущены.

4. Дано на росходъ полтора рубля Андрію.

5. Пріехалъ полковникъ кіевскій Дараганъ и асаулъ Закревскій, зъ которими видѣлъся я у Якубовича. Пріехалъ Іскрицкій. Захоровалъ синъ Гамаліинъ.

6. Отпущенъ въ Товкачовку подводчикъ зъ писмомъ до управляющого за господаря Якова Супруненка о господарскихъ дѣлахъ тамошныхъ и чрезъ него-жъ кобила Качановского послана. Вечеромъ былъ у Скоропадского.

7. Послѣ полдня прибылъ полковникъ лубенскій Апостолъ и Данило Покорскій. Писалъ до жены чрезъ слюсаря Стефана Борисова и за нимъ до обозного и писаря стародубовскихъ.

8. Писалъ до сотника носовского Якова Шаулы о покупки ста или двохъ сотъ яблокъ свѣжихъ чрезъ людей Михайла Ханенка. Всѣ мы 4 были въ канцеляріи генералной.

9. Отпущено солоду 2 осмачки и 1 четверикъ, да 7 сувоевъ полотна, чрезъ подводы лѣсконозкіе, при писмѣ до жены въ Городище.

10. По утру былъ у мене Іванъ Покорскій и сказовалъ, что дочь наша Анна родила сина Ѳедора. Писалъ къ зятю Савичу писмо и посѣщалъ Якубовича болѣзнуючого. Еще дано на расходъ Андрію 50 к.

11. Обѣдалъ у Гудовича. Поданы 3 доношенія въ судъ генералный: 1-е о Корсаку стороны крѣпостей, 2-е о Дзвоннику и Самусенку, 3-е о войту погарскомъ стороны куровцювъ.

12. Въ вечеру приехалъ Данило Городиский зъ Луки и сказовалъ, что дядко Евстафій Никитенко преставилъся 4-го марта.

13. Отъ жены получилъ извѣстіе, что дочь наша Анна Іосифова Рославцева родила сина Өедора зъ 3 противъ 4-го числа сего мѣсяця.

14. Писалъ къ женѣ противъ еи писма и нѣсколко посуды деревяной и половину бѣлорибици отпущено, да до сотника погарского о Григорію Засулскомъ и до бунчукового товарища Антона Жоравки сторони кухаря уговоренного и задатокъ взявшого. Надъ вечери былъ у Якубовича, куда и Оболенскій зъ женою при мнѣ пріехалъ.

15. При писмѣ до Івана Гамаліи посланы три нумери газетъ: 10, 14 и 15-й. Привезены зъ Лѣсконогъ 26 лящовъ, бѣлизнъ 4 и одинъ сомъ.

16. Посланы писма до полковници гадяцкой отъ мужа и сина еи при писмѣ моемъ до жены, да до полковника стародубовского и до Кудринского писалъ о заборѣ сѣна и о протчемъ старостою Корсаковымъ, а о Незамаевскомъ, что пограбилъ и билъ людей куровскихъ, и оные писма, тако-жъ указы изъ суда генералного: 1-е до Корсака о присилки крѣпостей на мелници ворскіе, 2-е до сотника погарского о висилки въ Глуховъ атамана чаусовского Бобова зъ декретомъ, даннымъ чаусовцямъ на евдоколціовъ о завладѣніи ими чаусовского грунту, посланы чрезъ полкового стародубовского сторожа.

17. Приехалъ въ Глуховъ сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла, имѣючійся отправлять къ Москвѣ.

18. Ради тезоименитства гетманского отправлялся молебень соборный въ церкви св. Михаила, а потомъ былъ бенкетъ у г. Скоропадского при пушечной налбѣ.

19. Никуда не віездилъ я зъ дому, а вечеромъ былъ у мене Кирило Забѣла, которому и нѣкоторые прошенія представлены до г. Безбородка, писаря енералного.

20. Писалъ до жены о посилки въ Товкачовку 3-хъ или 2-хъ куфъ горѣлки и послано сукно сѣрое 48 локотъ и зъ тимъ, также зъ даннымъ меморіаломъ, посланъ въ Лѣсконоги Лаврінъ Цяпа. Обѣдали у мене Георгій Белецкій-Носенко и войтъ новгородскій Афанасъ Томиловскій. Данило Покорскій по утру былъ при отъездѣ въ

домъ. Конь у мене вороностропкатій здохъ. Писалъ въ Москву до Карновича и до полковника гадяцкого чрезъ Кирила Забѣлу, да чрезъ него-жъ и давно писанные писма до г. Безбородка зъ доношеніемъ къ гетману о зачетѣ денегъ 44 р. и до Туманского зъ писмами-жъ до Ликевича и до Лукина посланы. Полтавскій полковникъ пріехалъ и послѣ обѣда долго сидѣлъ у мене.

21. Подъ часъ обѣда пріехалъ вѣстовой зъ писмомъ, что жена болна близъ смерти, чего для взявъ подорожную на 6 подводъ, отъехалъ зъ Глухова и перемѣня подводы перво въ Собичевѣ, а ночью въ Локоткахъ и въ Піроговцѣ прибылъ

22. Въ Новгородокъ свѣтомъ, а оттоль въ 8-мъ часу по полночи віехавъ и, перемѣня подводы разъ противъ Лѣсконогъ, въ другое въ Гримячомъ, прибылъ въ Городища въ 3-мъ часу по полдни и тутъ засталъ жену ели живую.

23. При писмѣ до Якова Супруненка отправлены 2 кухви горѣлки въ Товчачовку, изъ которыхъ въ одной становъ (*пробѣлъ*), въ другой становъ (*пробѣлъ*), и тимъ-же подводчикамъ данъ на свободный проездъ пашпортъ. Мало стало легче женѣ. Сотникъ погарскій мимоездомъ до Глухова былъ у мене, а атаманъ Беляй и обѣдалъ.

24. Писалъ до Гамаліи о сину его, да до Максима Шляхты о нѣкоторыхъ покупкахъ и о зробленью свѣчъ восковыхъ, на якіе покупки 4 р., а на свѣчи 19 фунтовъ послано воску чрезъ компанѣйця Матвія. Да въ Лѣсконоги писалъ до Лавріна о присилки живыхъ лящовъ и туда-жъ посланъ ладанъ и 3 свѣчки.

25. Оный компанѣець отъехалъ въ Стародубъ.

26. Знову жена жестоко занемогла разними алтераціями.

27. Писалъ въ Почепъ до бунчукового товарища Івана Губчица о висилки Өедора Козловского бѣжавшого и о порѣчкахъ и проч.; да до Василія Дунина Борковского о агрестѣ красномъ, о пивоніи повной и зіолкахъ, и о томъ-же до сотника мглинского и о Медведку чрезъ Косика. Въ Лотоки посланъ Гришко, зять Шупкого, о маштовыхъ деревахъ и о протчемъ. Въ Стародубъ послана куниця, старая лямпа и для викупу лихтаровъ 2-хъ и свѣчь до Шляхти 1 р. 20 к., а Левонъ отпущенъ въ домъ.

28. Писалъ въ Глуховъ до Константиновича, канцеляристи судоваго, о атаману и войту чаусовскихъ, да до племенника Михайла Ханенка о дворѣ, чтобъ порядочно смотрѣли. Протопопъ погарскій

и Кочержинскій у насъ были и книжку рукописную мою протопопъ для переписи взялъ.

29. Компанѣець Лавріиъ Цяпа отпущенъ въ домъ до 1-го маія и объ немъ писано отъ мене до полковника Василія Чоснока и ему-жъ данъ пашпортъ и меморіалъ, что справить въ Лѣсконогахъ и въ Глуховѣ.

30. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка, поручаючи ему дірекцію надъ Яковомъ Супруненкомъ, учрежденнымъ отъ мене господаремъ надъ селами и футоромъ Рудовскимъ. Въ Глуховъ писалъ-же чрезъ людей Гамаліиныхъ зъ посилкою 6 сѣменъ огородныхъ.

31. Писма до Носенка и Супруненка и откритое до громадъ отпущены въ Глуховъ чрезъ Романа Остаповича Никитенка сина, зъ Луки приездившого, а чрезъ него-жъ и до Гаврила Баштового писано.

Априль.

1. Отправлены городчане въ Стародубъ по дѣлу зъ гриніовцями о грунте заводскому, а войтъ чубаровскій туда-жъ за дворовыми нуждами посланъ.

2, 3, 4 и 5 такъ прошли.

6. Посланъ Матвѣй компанѣець за нѣкоторыми справками въ Стародубъ и зъ писмами до полковника о Костѣ, снѣцару погарскому, и до Івана Дащенка за книгами. Сотникъ погарскій зъ Глухова пріѣхалъ и привезъ ко мнѣ разные писмы, да и войтъ чаусовскій, поворотясь зъ Глухова, привезъ писма и газеты. Зъ Лотоковъ привезены птушки, и Гришко, туда посланный, возвратилъся.

7. Въ Курковичи дано двѣ колеси для поправы чрезъ сина Лимонкиного. Писалъ до Дергуна зъ отсилкою пакета полковници гадяцкой, а до Івана Лашкевича о бѣжавшомъ Ѳедорѣ Козловскомъ.

8. По благости Божіей сообщалъся святымъ Тайнамъ, а исповѣдалъся у попа даріевского Василія, и жена и дѣти сообщались же святымъ Тайнамъ.

Слѣдующіе числа 9 и 10, да въ праздникъ.

11. Свѣтлого Воскресенія и 12, 13 и 14 пробылъ въ Городищѣ.

15. Отъехалъ для посѣщенія болного швагра Өедора Корецкого въ Левенку, где и самъ захоровалъ и цѣлую ночь былъ жестоко боленъ.

16. Былъ въ Стародубѣ для осмотру обветшалого двора и ночовалъ въ Хмеліовкѣ у Івана Хмеліовского.

17. Обѣдалъ въ Гриніовѣ у Өедоровой Шираевой, а на ночь прибылъ въ Городище. Отъ 18 по 28 число пробылъ въ Городищи.

28. Послѣ обѣда, простясь зъ женою и дѣтми, отъехалъ зъ синомъ Іваномъ къ Глухову и прибылъ на ночь въ Лѣсконоги.

29. Тамъ опредѣливъ атамана рибалского для полову рибы и поручивъ тамошнему атаману Яремѣ Юдицкому смотреніе, послѣ обѣда отъехалъ въ Новгородокъ и тамъ, бывъ въ монастырѣ у архіерея Арсенія, взялъ у него новоисправленную печатную библію для прочитанія, а отголь прибылъ позно въ Комань.

30. По утру былъ у мене городничій Свѣржскій и обѣщавъ ехать до Глухова, простилъся со мною, а я, отобѣдавъ, поехалъ при великой снѣжной, дожчевой и вѣтреной непогодѣ и мало отдохнувъ конямъ въ Локоткахъ, какъ отголь поехалъ, то подъ Слоутомъ встрѣтилъ едучого зъ Глухова асаула генералного Петра Валкевича, самъ-же, прибывъ въ Слоутъ, тамъ ночовалъ.

Маій.

1. Оттоль послѣ службы Божой отъехавъ, прибылъ до Глухова на обѣдню, а надъ вечери былъ у Скоропадского и у полковника Апостола.

2. Служителю (принятому сего году февраля 21-го) Григорію Козловскому дано 50 к., а въ Городищѣ лакейская сѣрая свита и двѣ пари рубашокъ.

3. Отпущены въ домъ служители зъ коньми при писмахъ до жены, до Городиского и до Андрея Свѣтловерского, и сѣрка послана.

4. Писалъ въ Москву до Карновича и къ сину съ благословеніемъ, да до Лобисевича чрезъ канцеляриста Ефрема Мироновского, и чрезъ него посланы 3 ножи турецкіе и пять рублей на покупку чая и бавовны.

5. Бабѣ Зѣнцѣ данъ въ позику 1 р.

6. Писалъ въ Москву до г. Теплова и г. Безбородка, да до канцеляриста Мироновского о нѣкоторыхъ еще малыхъ покупкахъ.

7. Оные писма отпущены къ Москвѣ чрезъ канцеляриста Шутенка, да писалъ до жены о Якову Пригаровскомъ и чрезъ него-жъ посланы 3 р. $4^1/_2$ к. за масло, и до Городиского и до Андрія, да въ Лотоки до господаря Ѳедора Лукянова и войта Ѳедора Фурсова. Кухарю куплена шапка за 40 к., желѣза фунтовъ 19 за 38 к.

8. Отобралъ г. Скоропадскій часы тонпаковые зъ портретомъ и отдалъ оные сину своему Петру, которій купно съ другимъ братомъ своимъ Яковомъ послѣ обѣда отъехали, забѣрая путь къ Дерпту до своей команды лейбъ - кирасирского полку, яко того полку пожалованные корнеты.

9. Послѣ обѣдни былъ у мене асаулъ генералный Якубовичъ, а обѣдалъ у мене-жъ жолдацкій капитанъ. 10. Vacat.

11. Писалъ до Городиского о козаку чаусовскомъ Козмѣ Овдіенку. Вечеромъ былъ въ дворѣ гетманскомъ и у Ломѣковского.

12. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка о дѣлахъ тамошныхъ, да до жены въ домъ о Качановскомъ, съ посилкою 7 огурцовъ свѣжихъ. Послѣ полдня посѣщалъ болного Оболонского, потомъ Скоропадского, которій въ канцелляріи не былъ за болѣзнію на зубы.

13. Пріехалъ зъ Москви полковникъ гадяцкій Петръ Галецкій, а отправленному къ Москвѣ зъ конми гетманскими канцеляристѣ Пуховичу данъ отъ мене меморіалъ о покупки 2 - хъ паръ перчатокъ болшыхъ, 2-хъ паръ малыхъ, 10-ти лимоновъ и 5-ти цитроновъ. Сидоръ швецъ отъехалъ до Ямполя, а Данило компанѣецъ посланъ въ Рубановку.

14. Писалъ до Лобисевича о покупки лимоновъ и цитроновъ. Полковникъ гадяцкій отъехалъ.

15. Новый войтъ лѣсконозкій на старомъ войту Костѣ Ковтунову доправленныхъ денегъ привезъ 2 р. 9 к.

16. Обѣдали у мене Григорій безносій и Андрей, племѣнникъ его Карновичи. Послѣ полдня былъ у доктора Бока и у Скоропадского. Зъ Москвы сержантъ Александръ Матвіевъ Несторовъ прибылъ въ Глуховъ.

17. Принятъ во услуженіе въ кухарскую должность Іванъ Половчевскій, которому въ годъ поступлено 10 р. и дано въ задатокъ 50 к. Сего-жъ числа отправлены въ Москву донощикъ, сибірского пѣхотного полку каптенармусъ Явскій, и оговоренные.

18. Отосланы учителю французкому за полмѣсяця 1 р. 50 к., да кухарю Матвію даны 1 р. 50 к., чрезъ которого и писмо дано до зятя Савича и дочерѣ Настусѣ.

19 Отпущенъ Сидоръ швець въ Городище и чрезъ него посланы писма до жены и до Городиского, а зъ Городища пріехалъ подводчикъ зъ Даниломъ Запорожцемъ. Кровь мнѣ пущалъ докторъ Бокъ зъ руки.

20. Писалъ до жены въ домъ о греблѣ на Судости, къ заниманью намѣренной, и о протчемъ, а до Городиского о книгахъ и зъ посилкою указу суда генералного о Самусенковыхъ и тестя его пожиткахъ въ полковую стародубовскую канцеллярію, и до Андрѣя о новыхъ шорахъ и о протчемъ, чрезъ Мартиненка. Данило Запорожець наказанъ.

21. Писалъ до Гуриновского о покупкахъ въ Ригѣ, а о дачи ему пашпорта зъ полковой стародубской канцеляріи сообщенъ генералной канцеляріи ордеръ. Малій Запорожець Михайло жестоко убилъся.

22. Прибылъ въ Глуховъ Іванъ Рославець для своей свадбы, имѣючой быть въ Сварковѣ, и старый Іванъ Губчицъ, зъ которими отъехалъ былъ и я къ Сваркову, но опять назадъ возвратилъся. Зъ сего числа началъ принимать лѣкарства.

23. Обѣдалъ у мене Чуйкевичъ, вечеромъ и я у него былъ. Сотникъ Соболевскій отъехалъ въ домъ. Наши господа генералные и полковникъ лубенскій были въ Сварковѣ на свадбѣ. Я писалъ въ домъ до жены. Въ вечеру Іванъ Городискій наказанъ за пянство.

24. Пришли подводы зъ Товкачовки.

25. Новобрачные Іванъ Рославець съ женою своею Маріею Стефановою, дочерью Есимонтовсковною были у мене зъ хлѣбомъ и хусткою, которая сину Івану отдана. Компанѣець Гаврило Баштовый посланъ въ Юхновъ за тягненемъ озера и въ Команъ о смоляникахъ зъ приказомъ.

26. Послалъ къ женѣ писмо отъ Карновича зъ Москвы писанное и копію писма сина нашего Василя къ нему писанного и

до атамана и войта лѣсконозкихъ писано о озерахъ и протчемъ. Сего-жъ числа оные новобрачные зъ своею веселною компанѣею обѣдали у мене, а потомъ ѐздилъ я къ нимъ за городъ.

27. Отпущенъ въ Товкачовку Данило Качановскій, которому дано 50 к. на дорогу, и чрезъ него посланы писма до Георгія Носенка и до господаря товкачовского Якова Супруненка. Да посланы писма до судіи полкового переяславского Константина Лисаневича и до сотника золотоношского Леонтовича о покупкѣ двохъ паръ камней до мелницъ и объ отсилки оныхъ въ Товкачовку. и оные писма отпущены чрезъ войта переяславского и писара майстратового. Старшій канцеляристъ Василь Туманскій отъехалъ въ домъ свой, которій привезъ мнѣ изъ Москвы пять фунтовъ чаю зеленого, за 9 р. купленного, якихъ ему еще не плачено.

28. Писалъ до жены чрезъ Івана Губчица о греблѣ на Судости, объ отсилки воловъ въ Товкачовку и о протчемъ, а въ Комань о смоляникахъ. Сотникъ сосницкій Филимонъ Шафонскій прислалъ осятра свѣжого и къ нему отписано.

29. Vacat. 30. Преосвященный епископъ переславскій Іоанъ Козловичъ прибылъ въ Глуховъ и имѣлъ служеніе въ женскомъ монастырѣ, которого потомъ візитовали мы на его квартерѣ. Сего-жъ числа обѣдалъ у мене магистрата кіевского лавникъ Герасимъ Кувѣчинскій зъ канцеляристомъ.

31. Оный-же архіерей візитовалъ мене въ моемъ домѣ и поднесъ ікону святителя Николая. Послѣ полдня полковникъ лубенскій Апостолъ отъехалъ въ домъ, а я вечеромъ отъехалъ-же зъ Глухова къ Богдановцѣ присланными отъ жены лошадми и ночевалъ за Слоутомъ въ полѣ.

Юнь.

1. Зъ ночлѣгу свѣтомъ поехавъ, прибылъ до Богдановки въ 8-мъ часу предъ полуднемъ и тутъ весь день пробылъ и уже ночью туда-жъ прибыла жена.

2. Оттоль послѣ обѣда отъехавши, отдихали лошадямъ въ Собичевѣ, а поздно уже пріехали въ Глуховъ.

3. Послѣ обѣда была у жены мой г. Скоропадская, а

4. Жена моя у еи обѣдала. Писаны въ Москву писма до полковника Ликевича, до Лобисевича и до Карновича и къ нему-жъ

отпущены 300 р. для пересилки къ сину нашему въ Киль; тѣ-же писма отправлены чрезъ к. в. Григорія Левицкого. Сего-жъ числа писаны писма въ Прилуку до полковника тамошнего съ посилкою указу изъ суда генералного о Княжыхъ Ланахъ, да о томъ-же до Георгія Носенка, до Качановского и до господаря Якова Супруненка, а зъ писмомъ суда-жъ генералного до архимандрита гамаліевского Пафнутія Биковскаго о тихъ-же Княжыхъ Ланахъ пославъ компанѣецъ Василь Орленко.

5. Оные писма отправлены чрезъ компанѣйця асаула Петра Чернявского, команды Грицка Биженка, въ Прилуку.

6. Писалъ до Евдокіи Гарасимовны Жоравковой о озерѣ въ Юхновѣ. Жена была у бунчучной. Ихъ высочествъ камердинери Михайло Власіевичъ Будлянскій и Василь Евфимовичъ Дараганъ, да капитанъ кадецкого корпуса Василій Івановичъ Розумовскій и пажъ Александръ Якубовичъ прибыли до Глухова и стали въ домѣ гетманскомъ.

7. По утру онымъ гостямъ всѣ мы візиту отдавали и поччованы отъ нихъ водкою и виномъ, а обѣдали у Скоропадского ради воспоминанія брака его зъ нынѣшнею женою, которому кончилось шесть лѣтъ. Писалъ до бунчукового товарища Івана Есимонтовского о двохъ садахъ желѣза до 2-хъ каменей млива.

8. Послѣ полдня былъ у насъ бунчучный Оболонскій съ женою, а потомъ жена моя зъ вдовою Бороздиною ездила въ дворецъ гетманскій. Господа камеръ-юнгери отъехали зъ Глухова къ Козельцю.

9. Послѣ обѣда жена отъехала до дому. Писалъ писма: 1-е до сотниковъ, полку стародубовского, Случановского о Левку Ярмущенку хмеліовскомъ, 2-е до погарского о 10 рубляхъ, женѣ Петра Гладуненка отъ Борковского належныхъ, 3-е до Ѳедора и Петра Савичовъ въ Ведмежее за Александромъ Остелецкимъ, чтобъ быть ему священникомъ въ Слоутѣ на половинѣ парохіи зъ братомъ своимъ, тамошнымъ священникомъ, Даниломъ Остолецкимъ, которихъ обоихъ отецъ есть Яковъ священникъ старый Остолецкій, 4-е до сотника золотоношского Леонтовича зъ посилкою ордеровъ изъ економической канцеляріи до управителя чеховского Петра Левіцкого, до судіи замку гадяцкого Ставіцкого и до Филипа Гриневича, старости маетностей кантакузинскихъ, объ немъ самомъ; 5-е до асаула

генералного Якубовича о сину его пажу, отъехавшемъ въ домъ его, и оные до сотника золотоношского съ ордерами и до Якубовича писма отправлены сотнѣ золотоношской козакомъ Тимошемъ Строканенкомъ. Я сего числа въ канцелярiи не былъ.

10. Подано доношенiе отъ Смоляниковъ, что войтъ команскiй грунтовъ ихъ не попущаетъ. Былъ я въ дворѣ гетманскомъ и у Чуйкевича.

11. По утру переговорка была въ канцелярiи зъ Скоропадскимъ, безъ всякой причины на мене воставшымъ. Сего-жъ числа прибылъ въ Глуховъ Валкевичъ.

12. Бунчучный генералный былъ у мене на прощанъѣ при отъездѣ зъ Глухова въ свои маетности. Георгiй Носенко прибылъ зъ Прилуки, а надъ вечери былъ у мене Гудовичъ.

13. По утру былъ у мене Павелъ Ломiковскiй, а обѣдалъ у мене Данило Покорскiй, По обѣдѣ ездилъ въ Борокъ и былъ въ лагерѣ компанѣйскомъ. Сего числа синъ родился Василь Василiю Гудовичу въ Iвантенкахъ.

14. Писалъ до жены чрезъ Лѣсконоги, да въ Лѣсконоги-жъ до атамана и войта о рибѣ, а въ Комань о грунтѣ Смоляниковъ и о каменьѣ. Былъ у мене Гудовичъ, и въ домѣ моемъ онъ получилъ вѣдомость о сину своемъ рожденномъ.

15. Писалъ въ домъ до Городиского зъ приложеннымъ писмомъ до Гуриновского въ Ригу о покупкахъ часовъ срѣбрныхъ и другихъ мѣлочей, да до Свѣтловерского о исправленiи поезду и протчего; тако жъ до архидiякона катедры митрополитанской кiевской Манасiя Максимовича чрезъ попа василiевского Корнилiя Афанасiева, въ Кiевъ отъежджаючого въ монахи. Прибылъ въ Глуховъ прапорщикъ Михайло Трощинскiй, которiй былъ въ кадетскомъ корпусѣ подпрапорщикомъ.

16. По утру зъ Iваномъ Гамалiею видѣлъся въ генералной канцелярiи, после полдня отъехалъ Василь Гудовичъ въ домъ свой. Оный Трощинскiй былъ у мене, а послѣ и Iванъ Гамалiя. Писалъ къ женѣ зъ посилкою 2-хъ головъ цукру, кофе въ шуфлядцѣ, мила, 3-хъ пѣрниковъ, старой опанчи, въ обрусецъ ввинутой, и возовой шкури и 5-ти барилецъ порожныхъ, а до Городиского зъ прилогомъ 2-хъ писемъ полковничихъ и что ему по оныхъ дѣлать, да до Iвана Дащенка о футорѣ Потапенковомъ.

17. Тѣ писма и посилка отпущены въ Городище чрезъ сина Левона Насовки Булахового. Писалъ писма: 1-е до сотника новомѣского Андрея Силевича чрезъ козаковъ бовсуновскихъ, 2 е до асаула генералного Якубовича о строеніи двора его.

18. Писаны писма въ Москву до Стефана Карновича, въ С.-П.-Бурхъ до Вайникова, въ Киль до сина Василя съ извѣстіемъ, что прежде въ декабрѣ 27-го числа 200 р., а сего юня 4-го 300 р. денегъ для пересилки къ нему отправлены въ Москву до господина Карновича.

19. Оные писма вручены канцеляристу войсковому Подгаецкому, посилаючомуся въ Москву при писмѣ до канцеляриста Максима Руновского.

20. Послѣ полудня ездилъ зъ Чуйкевичемъ для осмотру пожень, взятихъ до косбы зъ половини.

21. Оный канцеляристъ Подгаецкій отправилъся къ Москвѣ. Товаришъ войсковый Георгій Белецкій-Носенко отъехалъ въ домъ, которому отъ мене нѣкоторые приказаны дѣла, касаючіеся до Товкачовки и Рудовки. Бывшій кошовый Ігнатовъ Якимъ и протчіи запорожци помирились зъ сотникомъ миргородскимъ В. Зарyднымъ.

22. Оный сотникъ простилъся при отъездѣ въ домъ, а въ канцелярію генералную прислано доношеніе зъ суда генералного о ихъ миру.

23. Послѣ полдня отъехалъ къ Рубановкѣ и прибылъ туда на ночь.

24. По обѣдни, въ Зазѣркахъ въ церквѣ вислушанной, званъ отъ бунчукового товарища Івана Стефановича Міклашевского въ домъ его, у него-жъ обѣдалъ. А послѣ полдня зъ Рубановки отъехавши, заездилъ въ Дунаецъ, потомъ позно прибылъ въ Глуховъ.

25. Писаны писма: 1-е до жены по жалобѣ бунчукового товарища Стефана Березовского на людей нашыхъ лотоковскихъ, Демидовыхъ; 2-е до Городиского зъ посилкою нѣсколко писемъ по дѣламъ лотоковскимъ; 3-е до оного Березовского о томъ-же, и оные писма вручены сотнику стародубовскому 2-й сотнѣ Афанасу Случановскому.

26. Писалъ въ Нѣжинъ до Івана Комбурлѣя о ножѣ турецкомъ и о табакѣ, чтобъ купилъ и прислалъ оного.

27. Обѣдали у мене сотникъ почепскій Старосѣлскій зъ зятемъ своимъ Семеномъ Круковскимъ, за которымъ писалъ я інстанцію до полковника нѣжинского Петра Івановича Розумовского.

28. Отправленъ Лаврінъ Цяпа въ Новгородокъ и въ села за косарами. Писалъ въ Товкачовку о пшонѣ, крупахъ и о протчемъ до господаря тамошнего Якова Супруненка и отпустилъ тое писмо чрезъ Тимковского. Писалъ въ домъ до жены чрезъ хоружую сотничиху шептаковскую Уліану, Іосифа Яковлева жену, и чрезъ еи-жъ посланы до жены три головы болшіе цукру.

29. По службѣ Божой въ церквѣ св. Михаила и по молебнѣ производилась пушечная палба ради тезоименитства его высочества государя великого князя. Потомъ трактованы были у г. Скоропадского обѣдомъ при пушечной палбѣ, а по утру многіе и у мене были зъ поздравленіемъ.

30. По утру былъ у мене г. Скоропадскій, а надъ вечери былъ я у Валкевича и съ нимъ о дѣлахъ моихъ, въ судѣ генералномъ имѣючихъся, розговоривалъ. Писалъ къ женѣ чрезъ чаусовского человѣка о грунтѣ спорномъ зъ евдоколцями и о протчемъ, а до Городиского послалъ доношеніе зъ учиненною на ономъ помѣтою о дѣлѣ взглядомъ грунту того-жъ чаусовского человѣка заводномъ.

Юль.

1. Принятъ въ услуженіе пришовшый зъ Сосницѣ, а родомъ зъ Опошніого Данило Крамарчукъ.

2. Отправлено писмо до Стефана Евфимовича Карновича въ Москву чрезъ канцеляриста войскового Ілью Григоріева сина Шутенка и ему-жъ данъ меморіалъ о покупки коляски городовой и цуга шоръ чорныхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ чрезъ войта муравьевского о каменьѣ 2 садовъ, за 13 р. купленномъ, и о присилки нѣкоторыхъ вещей, да до г. Городиского съ репремандомъ о дракѣ зъ Андріемъ Свѣтловѣрскимъ.

3. Прибыли косари зъ селъ новгородскихъ и отправлены при Гаврилу Баштовомъ на сѣножати, взятые для косбы зъ половины. Писалъ до Якубовича на его писмо въ отвѣтъ и врученъ оный канцеляристѣ Яновскому.

4. Ездилъ до Годуновки на свадбу до товарища войскового Костантія Острожского, которій дочь свою видавалъ въ Есмань за

сина Івана войскового-жъ товарища Коробки. Писалъ до Іосифа Закревского, асаула полку кіевского, на его писмо въ отвѣтъ о дѣлѣ его, въ судѣ генералномъ рѣшенное, на которомъ повѣренный его Михайло Заклевенскій подписалъся въ неудоволствіи. Вечеромъ былъ у мене Василь Полуботокъ.

5. Отправленъ до Городища гончаръ Лавріиъ для передѣлки печей и чрезъ него писалъ до жены о невисилки косарей зъ сѣлъ новгородскихъ и о протчемъ, да до Андрѣя Свѣтловерского о томъ же гончару и о другихъ дѣлахъ, что надобно дѣлать. А чрезъ Пугачевского писалъ до бунчукового товарища Івана Губчица о дѣлѣ его, въ економической канцеляріи имѣючемъся. Дѣло зъ Корсаками о мелницяхъ Ворскихъ слушано въ судѣ генералномъ. Послѣ полдня ездилъ на сѣнокосъ.

6. Писалъ къ полковнику стародубовскому Максимовичу о писмѣ до бунчукового товарища Михайла Ширая стороны грунтовъ городискихъ, гриневцями завладѣнныхъ и о дѣлахъ нашихъ въ полковой стародубовской канцеляріи имѣючихся. Оное-же писмо до Ширая въ Москву отправлено до Кирила Лобисевича при моемъ писмѣ и отдано для пересилки старшому канцеляристу Войнѣ економической канцеляріи. Писалъ до сотника полку нѣжинского Афанасія Левіцкого на двѣ его писми въ отвѣтъ сторони брата его Григорія, къ Москвѣ отъехавшого, и сторони Сулиминой Гудовской, о которой передъ симъ отъ мене къ нему писано.

7. Вечеромъ былъ у Іскрицкого въ его квартерѣ, а позно былъ у мене Василь Полуботокъ.

8. Жестоко занемогъ племѣнникъ Михайло Ханенко, который и исповѣдовалъся передъ священникомъ, для чего и Чуйкевичъ пріеждждалъ.

9. Ему-жъ, Михайлу, давано лекарство проносное. Подалъ доношеніе въ судъ генералный противъ отвѣту войта погарского съ товарищы о мужикахъ куровскихъ, въ Погаръ перейшовшыхъ. Писалъ въ домъ къ женѣ, чтобъ или она къ 15-му числу пріездила въ Глуховъ или мнѣ ехать въ Городище, да до войта новгородского, чтобъ послалъ въ Команъ якого урядника и Кашиху, дабы отвела сѣножать, проданную одъ неи Джуренкамъ.

10. О томъ-же, о чемъ и вчера, писалъ до жены чрезъ бунчукового товарища Івана Есимонтовского.

11. Провезено тѣло покойного Григорія Скорупы, на возвратѣ изъ Ахтирки въ сумскомъ полку сего мѣсяця 7-го числа преставлшогося. У Якова Марковича были крестины сину его, недавно родившемуся, Гаврилу, въ Сварковѣ.

12. Писалъ писма въ Москву до Новоторжцова и до Кирила Лобисевича зъ посилкою 2-хъ рублей 50 к. за газеты сего 1753-го года и въ С.-П.-Бурхъ до секретаря академіи наукъ, Петра Ісаевича Ханина, чрезъ сотника глуховского Демяна Турянского.

13. Писаны писма въ Козелецъ до полковника и до старшины полковой за племѣнникомъ Михайломъ Ханенкомъ, которій сего числа и отъехалъ въ домъ; да о раздѣлѣ между Рославцями, чтобъ учиненъ былъ, писалъ къ нимъ и до бунчукового товарища Івана Губчица съ посилкою и писемъ ихъ, ко мнѣ присиланныхъ. Тако-жъ писалъ о томъ-же и до жены. Послѣ полдня пріездилъ ко мнѣ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ съ своею ассистенціею, а въ вечеру рекомендовалъ мнѣ атаманъ миргородскій Григорій Іосифовъ брата своего Михайла въ услуженіе. Подано доношеніе въ судъ генералной съ копіею купчой Корсаковой.

14. Господинъ прапорщикъ Михайло Трощинскій вечеромъ пріездилъ ко мнѣ проститись на отъездѣ своемъ къ Москвѣ.

15. Писалъ въ Товкачовку о дѣлахъ тамошнего господарства до Якова Супруненка и о присилки пшона, крупъ и сировъ чрезъ Алексія Петрушу. Василь Гудовичь прибылъ въ Глуховъ. Полковникъ запорожскій зъ своею ассистенціею прибылъ до Глухова, едучи за жалованьемъ къ Москвѣ.

16. Синъ Іванъ пошолъ учитись къ Козачковскому. Полковникъ запорожскій зъ протчими подалъ въ генералную канцелярію доношеніе зъ Коша отъ нового кошового. Писалъ къ женѣ и до Свѣтловерского, что послѣ Іліи отъехать имѣю въ домъ.

17. Синъ Іванъ лѣкарство на глисты принималъ, и послѣ полдня візитовалъ его докторъ Бокъ.

18. По утру былъ у мене зъ отклономъ лавникъ магистрату кіевского, Герасимъ Кувічинскій. Слушалъ я обѣднѣ въ церквѣ св. Анастасіи, где служилъ соборомъ протопопъ и молебствовалъ за гетмана, ради здѣланного и освященного сего дня въ той церквѣ иконостаса.

19. Призиванъ бывшій кошовый Якимъ Ігнатовъ зъ писаремъ бывшимъ-же Романовскимъ въ генералную канцелярію, где обявленъ имъ ордеръ гетманскій и взята у нихъ подписка, что будутъ впредь по ордерамъ исполнять и обидимыхъ справедливостію доволствовать. По доношенію Василя озерского лотоковского писано отъ мене къ Данилу Городискому въ Лотоки, чтобъ о всемъ изслѣдовалъ, а до бунчукового товарища Якова Тарнавского въ отвѣтъ за нимъ-же на его писмо писалъ.

20. Послѣ ездилъ до Валкевича, где и г. Скоропадского засталъ, а синъ мой Іванъ у дочери его былъ.

21. Послѣ полдня былъ у мене господинъ брегадиръ Делятуръ, а потомъ я у поруччика Озерова долго въ ночь просидѣлъ. Писалъ чрезъ помянутого лавника въ Кіевъ до писаря майстратового Николая Рагуцкого о приисканіи крѣпостей въ книгахъ воеводства кіевсвого на маетности тотобочные, о которыхъ особливая записка дана, а другая о столнику рожанскомъ Яну Модринскому.

22. Писаны писма въ Москву до писаря генералного Безбородка, до Новоторжцова и до канцеляристи Руновского о цедулѣ канцелярской въ коллегію іностранную, о копіи челобитной Корсаковой посилаючойся, да до Карновича къ сину въ Киль на его 2 писми въ отвѣтъ. Сего-жъ числа отпущенъ нѣкоторой багажъ, а при ономъ дѣвка Мароа и хлопецъ Сосновский въ Городище.

23. Г. Скоропадскій отъехалъ въ Дунаецъ, безъ которого одну експедицію какъ въ полки, такъ и въ Москву, за руками толко моею и Гудовичевою, отправили.

24. Не дождався я повороту изъ Дунайця г. Скоропадского, послѣ полдня въ 4-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и прибылъ на ночь въ Слоутъ.

25. Оттоль рано поехавъ, слушалъ обѣдни въ Маковѣ, а обѣдалъ въ Локоткахъ, а передъ вечеромъ прибылъ въ Новгородокъ и тутъ ночовалъ.

26. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, а ночью прибылъ до Городища.

27, 28, 29 и 30 пробылъ въ Городищѣ.

31. Былъ у мене въ Городищѣ протопопъ погарскій Петръ Кибалчицъ зъ писаремъ своимъ, попомъ Постриговичемъ.

Августъ.

1. По службѣ Божой было водосвятые при криницѣ, а по окончаніи палба производилась зъ можчирей. Того-жъ часа пріехалъ зять Петръ Савичь.

2, 3, 4 и 5 числъ готовились къ исповѣди, и сего-жъ числа исповѣдивалъся я и зять Савичь передъ священникомъ Константіемъ Гилемъ.

6. По благости Божіей сообщались святой Евхаристіи.

7. Vacat. 8. Послѣ обѣда ездилъ на Василювку и тамъ ночовалъ зъ синомъ Іваномъ.

9. Отправленъ компанѣецъ въ Глуховъ зъ писмами до Дергуна, до Лавріна Цяпы и въ Москву до Лобисевича стороны газетъ 52 и 53 номеровъ не отосланныхъ. Была у насъ вдова Сулимова.

10. Рано пріехала панѣ Александрова Корецкая, а надъ вечери купно съ нею и жена зъ дѣтми віехали къ Ахтирцѣ для богомолья Писалъ до Дергуна о доношеніи стороны Кашинского, посланномъ зъ полковой стародубовской канцеляріи въ генералную канцелярію.

11. Чинена проба здѣланной машины для битья свай на греблѣ дешковской. Посиланъ Городискій въ Погаръ.

12. Былъ у мене Кочержинскій, и сего-жъ числа писалъ до сотника глуховского въ отвѣтъ на его писмо, да до жены зъ посилкою свиты и штановъ суконныхъ для кухаря Уласа, и оныя писма отпущены чрезъ козака сотнѣ глуховской куреня бѣлополовского Афанаса Скоробогатого. Сего-жъ числа городчане, съ помощію пригону нашого, забрали жита копъ 108 деревнѣ Гриневки жителей и склали оное въ гумнѣ Козловомъ.

13. Писано до войтовъ лѣсконозкого и команского и юхновского, да въ Случокъ и въ Курковичи о висилки работныхъ людей на греблю въ Дешковичи. Прибылъ хоружый полковый Григорій Данченко и сталъ на Ворѣ. Писалъ къ полковнику стародубовскому о доправляемыхъ на чиновниковъ денгахъ за 1751 и 52 года, чтобъ зачтено перебранными отъ комісаровъ 1751-го году 13 р. 40 к. денгами.

14. Оный-же хоружый отобѣдавъ у мене, отъехалъ обратно до Стародуба за другимъ сотникомъ, понеже шептаковского нѣтъ въ домѣ.

15. По утру отъехавъ въ Погаръ для ярмарку, былъ тамъ на службѣ Божой въ соборной Успенской церквѣ, потомъ были у мене духовенство и мирскіи чиновники. Обѣдалъ у сотника, а оттоль надъ вечери уже пріехалъ въ квартеру, а зъ квартери отъехавъ домой и гараздъ уже поздно прибылъ.

16. Весь день пробылъ въ домѣ, а вечеромъ привезено въ Погару пяныхъ Шаповалця и Римаря.

17. Оные оба за свое пянство розками наказаны. Сего-жъ числа начали дѣлать новую греблю въ Дешковичахъ на Судости. Пріехалъ Гуриновскій.

18. Прибылъ знову въ Городище хоружый полковой Григорій Данченко зъ канцеляристомъ Усовымъ.

19. Прибылъ и сотникъ новомѣсскій Андрей Силевичъ, такожъ обозный полковый Григорій Юркевичъ, которіи всѣ у мене обѣдали.

20. Были Корсаки на Ворѣ и зъ высланными видѣлись. Написана отъ мене челобитная о покошенью сѣножатей муравьевскихъ Корсаковъ подданными гримяцкими и о томъ-же къ полковнику стародубовскому и о другихъ дѣлахъ, въ полковой стародубовской канцелляріи имѣючихъся. Писалъ до жены въ Глуховъ.

21. Писалъ въ маистратъ стародубовскій о долгу на Самусенку и Дзвоннику имѣючемся, чтобъ учинена крайная справедливость, въ силѣ указу суда генералного, и какъ за тиломъ дѣломъ въ маистратѣ, такъ и по имѣючимся въ полковой канцелляріи хожденіе имѣть Сидору Сосновскому—здѣланъ меморіалъ. Отъ Гуриновского присланы осталные денги и дзигарокъ новый въ 25 р. 30 к., кромѣ ланчужка.

22. Зъ вышепрописанною експедиціею отправленъ Сосновскій въ Стародубъ, а по обѣдѣ пріездила ко мнѣ Евпраксія Есимонтовсковна Максимовичева и старый Александеръ зъ Левенки, чрезъ которого даны 7 фляшъ отъ пуздерокъ для прироблення въ пуздерки и стекло битое хрусталное для передѣлки. Віехала жена зъ Глухова къ Ахтирцѣ.

23. Ездили высланные въ Гудовку для допросу о тамошней мелницѣ и оттуду вечеромъ возвратились. Іуліана Скоруповна Бо-

24. Чрезъ неи писалъ до Івана Городиского увѣщевателное писмо, чтобъ не пянствовалъ. Отправленъ Данило Городискій въ монастырь Чолнскій съ писмомъ до намѣстника тамошнего Іраклія Лятушевича. Висланные, вруча мнѣ репортъ о своемъ слѣдствіи въ судъ генералный и отъужинавъ у мене, отъехали ночью зъ Городища.

25. Василь Мовчанъ посланъ въ Стародубъ и чрезъ него до Гуриновского денги при писмѣ за дзигарокъ отправлены 25 р. 30 к., да на покупки 2 р.

26. Городискій возвратился, не заставши въ монастырѣ Чолнскомъ намѣстника, отъехавшого въ Кіевъ.

27. Писалъ писма: 1-е въ Глуховъ до Дергуна съ посилкою доношенія обозного Юркевича о дачи сину его за границю пашпорта и писемъ до Скоропадского, до полковника Апостола и до Безбородка писаря генералного; 2-е до канцеляриста Івана Яновского зъ посилкою репортовъ отъ висланныхъ, да зъ сотенного погарского правленія и отъ манстрату; 3-е въ Биковъ до управителя Якова Кондзеровского о долгу на Конону оробьевскомъ; 4-е въ Москву до Кирила Лобисевича о недосланныхъ нумеровъ 52 и 53 газетахъ, и съ тѣми писмами отправленъ въ Глуховъ Василь Мовчанъ, чрезъ которого и кафанъ слугѣ Дмитру посланъ. Сего-жъ числа отъехала дочь наша Анна зъ синомъ своимъ Ѳедоркомъ въ Барики, зъ которою и Запорожецъ Данило посланъ зъ писмомъ до сотника почепского Староселского о долгу на Григорію Карновичу, да и до зятя Іосифа Рославця о роздѣлѣ его зъ братомъ писалъ-же. Компанѣецъ Гаврило Баштовый посланъ въ села новгородскіе за висилкою перемѣнныхъ работниковъ на греблю дешковскую.

28. Писалъ подъ вчерашнымъ числомъ до сотника Случановского о Стефану кравцю повторе, чтобъ до его дѣла не имѣлъ.

29. Посиланъ Данило Городискій зъ приказомъ въ Даріевскъ о недачи долѣ хлѣба и сѣна зъ покупленныхъ Оршавою тамъ грунтовъ.

30—31. По утру явились ко мнѣ полу-грекъ и турокъ, посланные въ Муравьѣ за инструкціею описовать сѣно, гвалтовно гримячанами покошенное. Сотникъ погарскій Соболевскій обѣдалъ у мене въ Городищѣ, а туда-жъ въ Муравьевъ и Городискій посланъ.

Сентябрь.

1. Писалъ въ Стародубъ до обозного полкового Юркевича зъ посилкою писма Дергунового, да до Сидора Сосновского съ ордеромъ до полковника о Кишинскомъ, и послано тое чрезъ Василія Мовчана. Отпущены работники, которые дѣлали бляховые шоры, и чрезъ нихъ писано до Сосновского-жъ о денгахъ, перебранныхъ зъ нашого владѣнія 1751-го года за раціоны 13 р. 40 к. Писалъ зъ пѣвчимъ до Гудовича Петромъ Доманскимъ, въ Глуховъ отъехавшымъ.

2. Заняли греблю въ Дешковичахъ самими нашими людьми а послѣ изъ околичныхъ селъ до 30-ти подводъ пріездили въ помогъ

3 и 4. Продолжали тую-жъ работу и здѣланъ переѣздъ по мостахъ на оную греблю.

5. Стали бить палѣ подъ клѣтку, и сего-жъ числа віехавъ я зъ дому къ Глухову, пріехалъ позно въ Чаусы и тамъ ночовалъ.

6. Оттоль послѣ полдня віехалъ и прибылъ на ночь въ Хилчичи, где и ночовалъ у священника тамошнего Петра Борсука.

7. Обѣдалъ въ Шатрищахъ въ домѣ тамошнего священника Стефана, оттоль въ переездѣ чрезъ Ямполь видѣлъся зъ управителемъ тамошнымъ Ѳедоромъ Жуковскимъ въ Гримячцѣ, а въ 11-мъ часу по полудни прибылъ въ Глуховъ.

8. По утру былъ у Скоропадского, а послѣ службы Божой у него-жъ и обѣдалъ. По полдни былъ у мене Гудовичъ и долго въ ночь проседѣлъ.

9. Былъ я въ канцелляріи генералной и дѣла подписовалъ, а чрезъ отправленного куріера въ Москву писалъ до Карновича и до канцеляриста Максима Руновского. Обѣдалъ у мене Гудовичъ.

10. Взялъ пашпортъ изъ генералной канцелляріи для поездки въ Товкачовку на 3 подводы. Писалъ знову въ Москву до полковника гадяцкого и до Карновича, зъ включеніемъ отвѣтного писма отъ Крижановского стороны Андрѣя Карновича.

11. Весь день еще пробавилъ въ Глуховѣ, а по утру былъ у Валкевича.

12. По утру получены газеты зъ Москвы, и Скоропадскій получилъ ордеръ гетманскій зъ дозволеніемъ ему отъезду въ свои маетности на два мѣсяци. Я зъ нимъ въ церквѣ простилъся и,

отобѣдавъ у себе зъ судьею полковымъ нѣжинскимъ Кулаковскимъ и Козачинскимъ, по полдни въ 3-мъ часу отъехалъ зъ Глухова и отдихалъ лошадямъ въ Ярославцѣ. Оттоль по всходѣ мѣсяця віехавъ, прибылъ въ Мушинъ

13 передъ свѣтомъ, и тамъ перемѣня подводы и козаковъ, прибылъ въ Конотопъ въ 12-мъ часу. Тамъ отобѣдавъ, отъехалъ въ 4-мъ часу по полдни и прибылъ въ 9-мъ часу до Голюнки, где у сотника тамошнего Дембовского засталъ Георгія Носенка-Бѣлецкого.

14. Вислушавъ обѣдни въ Голюнцѣ, отъехалъ отътоль въ 12-мъ часу и, проехавъ въ Гайворонъ, на 19-й верстѣ отъ Голюнци попасовалъ коней въ степу. Оттоль-же поехавши, прибылъ въ Ичню поздно и тамъ сталъ квартерою у вдовы сотнички Стороженковой, Анастасіи Івановны Романовичевны, где и отца еи, сотника монастириского, и матку засталъ.

15. Тамъ въ Ичнѣ отобѣдавши, поехалъ и при немаломъ дожчѣ прибылъ въ Товкачовку надъ вечери.

16. Писалъ до Якубовича о своемъ пріездѣ и въ Луку до Остапа Запорожця о прибытіи его сюда, а самъ по полдни ездилъ до футора въ Рудовку.

17, 18 и 19 за дожджевою непогодою никуда не бывалъ.

20. Данило Качановскій наказанъ. А по полдни стадо пересматровалъ, изъ котораго взяты двѣ кобилы: одна гнѣдая бѣлокопитая и сивая, да лошаковъ четвертаковъ четири, а третяковъ два. Осталось-же въ стадѣ всѣхъ кобилъ, лошаковъ, лошицъ и сеголѣтковъ жеребятъ числомъ 58, въ томъ числѣ и дригантъ буланый, да двѣ кобилы приблудніе въ дворѣ товкачовскомъ.

21. Знову ездилъ на футоръ и какъ что тамъ строить росказалъ.

22. Полковникъ прилуцкій обослалъ фруктами и протчимъ, а потомъ и самъ у мене былъ зъ полковими писаремъ Александровичемъ и асауломъ.

23. О полдни віехалъ зъ Товкачовки и ночовалъ въ Ічнѣ.

24. Заездилъ зъ Ичнѣ до Іржавця, где чудотворная икона, обѣдалъ въ Фастовцяхъ, а ночовалъ въ Бахмачѣ.

25. Передъ обѣдомъ прибылъ въ Батуринъ и тамъ всякого строенія и полной мелници смотрѣлъ, а на ночь прибылъ въ Алти-

26. Въ Кролевцѣ отобѣдавъ у сотника и взявъ у Николая Калінского канавацу 15 локоть и штуку полотна галанского за 8 р., заездилъ въ Подоловъ до Скоропадской, а отголь поехавши, ночовалъ въ Обложкахъ.

27. По утру прибылъ въ Глуховъ и вечеромъ былъ у полковника лубенского.

28. Былъ въ канцелляріи, да до жени писалъ и послалъ три сиры качкавалы и лѣкарства для сина Івана, при писмѣ до Городиского чрезъ компанѣйця Гаврила.

29. Знову писалъ до жены, зъ посилкою 3-хъ кавуновъ и двохъ сотъ слывъ венгерокъ, и до Городиского, да до полковници гадяцкой зъ 3 писмами отъ мужа еи, что все послано чрезъ Стефана Кавраиского. Прибылъ войтъ новгородскій.

30. Писалъ до полковника стародубовского на его писмо о войту чаусовскомъ стороны поруччика Кишѣнского и до Сидора Сосновского и до полковници гадяцкой, зъ отсилкою еще одного писма отъ мужа еи. Асаулъ генералный Якубовичъ пріехалъ въ Глуховъ.

Октоврій.

1. Обѣдни слушалъ въ церквѣ св. Анастасіи. Обѣдалъ у мене Павелъ Скорупа зъ женою своею Анною Жураковсковною. Потомъ были у мене-жъ Якубовичъ, Гудовичъ и Чуйкевичъ, а я вечеромъ у Валкевича и Якубовича.

2. Оные писма, что до полковника стародубовского и протчихъ, отпущены чрезъ сторожа поліового въ Стародубъ, а о войту новгородскомъ опредѣлили держать его подъ карауломъ и писать объ немъ къ гетману.

3. Жолдакъ отправленъ въ Москву зъ дѣломъ о Марка Маркевича женѣ и о войту новгородскомъ. Писалъ до полковниковъ полтавского о винѣ, а до миргородского зъ подякованьемъ за присилку винограду. Да писалъ до жены, до Городиского и до Андрѣя чрезъ Михайла Іосифова, конюшого, зъ отсилкою лишныхъ коней и чрезъ него-жъ послано винограду гронъ 26, кавуновъ два, яблокъ сто, дуль сто, голова цукру и гусакъ соли.

4. Кухару Івану Половчевскому, въ зачотъ годового поступленного ему жалованья, дано 2 р., а передъ симъ ему-жъ дано 3 р.

Послѣ полдня были у мене полковникъ лубенскій и Гудовичъ и до позна просидѣли. У значного товариша Григорія Плюшка взятъ конь вороностокатій до нашого цугу.

5. Прибылъ въ вечеру г. Скоропадскій въ Глуховъ и въ вечеру-жъ были у мене Якубовичъ зъ женою и синъ ихъ Александръ Якубовичъ, пажъ.

6. Писалъ писма въ Москву: 1-е до писаря генералного Безбородка сторони челобитной Корсаковой, подаванной въ іностранную коллегію 1751 г. маія 5-го о Перегонѣ и протчемъ, 2-е до Карновича, требуя извѣстія о сину и зъ посилкою приговора суда генералного по дѣлу брата его Григорія.

7. Оные писма отданы помянутому Павлу Якубовичу, отъезжджаючому въ Москву, при которомъ и компанѣецъ Остапъ Голота команды Чернявского новонабранной отправлялъся.

8. Оный пажъ Якубовичъ отъехалъ къ Москвѣ, а полковникъ лубенскій г. Апостолъ зъ Скоропадскимъ до Подолова. Компанѣецъ Гаврило пріехалъ. Отданъ волъ для забитья и роспроданья рѣзникамъ глуховскимъ.

9. Сотникъ лубенскій Іванъ Огроновичъ прислалъ 10 кавуновъ, до которого писалъ и о деревахъ молодихъ сливъ венгерскихъ. Обѣдалъ у іменинника Якова Якубовича, асаула генералного, зъ Чуйкевичемъ и Заруцкимъ, постъ-директоромъ. 9-го-жъ числа купленъ гай у козака села Березы Якова Павленка на зрубъ за 8 р. и дано ему въ задатокъ 4 р.

10. Обѣдали у мене Іваненко и Данило Ширай, а по полдни пріездилъ Өедоръ Чуйкевичъ и взялъ рукописную книгу о неудобь носимомъ игу. Полковникъ Лизогубъ возвратилъся зъ Скоропадскимъ.

11. Писалъ писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Лобисевича о газетахъ. Вечеромъ былъ у Скоропадского. Писалъ-же и до жены зъ посилкою канавацу 15 локотъ и протчего, да до Д. Городиского на его писма. Антонія Ботарского жена умерла.

12. Писалъ до Городиского-жъ о присилки дѣла зъ Кишинскимъ, что у Сидора Сосновского. Оная Антонія жена похоронена. Вечеромъ былъ у Якубовича. По утру куріеръ пріехалъ зъ Москвы, другого туда отправили.

13. Объ отпускп обозного и писаря полкового нѣжинскихъ опредѣлили и писару данъ меморіалъ нѣкоторые дробязки справить. Вчора и сего числа обѣдалъ у мене Михайло Стогоровичъ, а въ вечеру явилъся Іванъ Дащенко зъ писмами зъ Стародуба.

14. Прибывшый Іванъ Дащенко зъ писмами подалъ зъ козаками доношеніе въ генералную канцеллярію.

15. У г. Якубовича обѣдалъ зъ Гудовичемъ, которому вѣдомость пришла, что внукъ ему отъ дочери его, а Ѳедора Савича жены, родился сего мѣсяця 9-го числа, Яковъ.

16. Явилъся въ Глуховѣ зъ Москвы прибывшый новоопредѣленный сотныкъ ічанскій Іванъ Новѣцкій, откупщикъ полку прилуцкого, которому дана была подорожная зъ економической канцеляріи, но оная отобрана и подводъ не дано.

17. Писалъ до сина въ Киль, чтобъ на мои писма отъ 4-го мая, 18-го юня и 22-го юля учинилъ отвѣтъ и о своемъ поведеніи увѣдомилъ, да до господъ корнетовъ Петра и Якова Скоропадскихъ, чтобъ тое писмо до него по почтѣ чрезъ Ригу переслали. Писалъ въ домъ до жены и до Івана сина, зъ посилкою ему 2 цитронъ и 3 лимонъ, да до Городиского о имѣючемъ быть въ полковой стародубовской канцелляріи на зимные мѣсяци рацій и порцій расположеніи, и тѣ писма отправлены чрезъ Лавріна Цяпу.

18. Велѣли писать до гетмана прошеніе о обидѣ отъ Теплова чрезъ сообщеніе присланное о порціяхъ на жолдаковъ по-казанное, и для того съежжались трое, а я не былъ за болѣзнію на поперекъ.

19. Такое прошеніе и при томъ фрукты, яблока и дули отправлены по почтѣ чрезъ жолдака въ Москву, а туда-жъ изъ экономической канцелляріи отправленъ канцеляристъ ихъ по почтѣжъ, и до господъ Скоропадскихъ молодыхъ отъ отца ихъ посланы его и мои писма.

20. Посланы писма въ Стародубъ чрезъ Івана Дащенка до полковника по дѣлу зъ Кишинскимъ, о томъ-же и о другихъ дѣлахъ писалъ до писаря судового Григорія Гаевского и до Сидора Сосновского, да до сотника новомѣского Андрея Силевича о козакахъ старыхъ и заполскихъ Халіевичъ чрезъ Івана-жъ Дащенка. Обѣдалъ у Гамаліи съ Гудовичемъ, а послѣ у него-жъ были Скоропадскій и полковникъ Апостолъ, а у мене онъ-же. Гамалія и прежде

Якубовичъ. Обокрадено бунчукового товарища Михайла Іваненка служителемъ его.

21. Обослалъ мене Якубовичъ капустою нѣмецкою, а изъ канцеляріи прислано яблокъ 67, да поддуліокъ 30.

22. Послѣ полдня въ 2-мъ часу громъ былъ отъ запада. Пріехавшый асаулъ полковый прилуцкій, Никифоръ Белецкій Носенко, былъ у мене.

23. Послана челобитная въ полковый прилуцкій судъ на завладѣвшыхъ села Товкачовки посполитими грунтами, зъ сообщеніемъ именной вѣдомости и сенатского о непокупки такихъ грунтовъ запретителного указу копій, да о томъ-же и о прежней сторонѣ Княжихъ Лановъ челобитной и подискихъ (с. Подища) грунтахъ, козаками завладѣнныхъ, писалъ до полковника прилуцкого Галагана и что по тѣмъ дѣламъ повѣрилъ я ходить товарищу войсковому Георгію Белецкому Носенку, или кому онъ повѣритъ; да чрезъ него-жъ писано и до Якова Супруненка въ Товкачовку, кой сего-жъ числа и отъехалъ въ домъ. Лавріпъ Цяпа пріехалъ зъ Новгородка.

24. Пріехалъ Стефанъ компанѣецъ зъ дому. Обѣдалъ у мене Гамалія, а вечеромъ былъ я у Скоропадского.

25. Писаны писма въ домъ до жены, до Городиского и до зятя Савича, а надъ вечери были у мене сины полковника гадяцкого Яковъ и Петръ, чрезъ которыхъ отданы писмо и пакетъ зъ картинами, да сотникъ бахмацкій Кирило Забѣла.

26. По утру была у мене полковниця гадяцкая и Іванъ Гамалѣя. По полдни былъ я у Якубовича и простилъся съ обоими. Отправлена жонка Варка въ домъ. Писалъ въ Москву до полковника гадяцкого и послалъ къ нему для подачи писма: 1-е отъ Якубовича до Безбородка, 2-е до Карновича отъ мене подъ завтрешнымъ числомъ.

27. Послано писмо до архимандрита печерского о обидахъ отъ попогорского (Поповой Горы) городничего и жителей Перелаза и Макаричъ, нашимъ лотоковскимъ и курчанскимъ людямъ починенныхъ. По полдни прибылъ Матвѣй компанѣець изъ Городища съ вѣдомостью о нещаслывомъ рожденіи Настусиномъ нежнвого сина, почему и отправлены въ домъ зъ писмомъ до жены и нѣкоторими лѣкарствами Лавріпъ Цяпа и Степанъ компанѣйци. Іванъ Гамалія вечеромъ былъ у мене, а въ Москву отъехалъ канцеляристъ Пісоцкій съ оними писмами.

28. Весь день пробылъ въ домѣ за своею скорбію. Вечеромъ былъ у мене лавникъ маистрату кіевского Герасимъ Кувѣчинскій зъ писмомъ отъ магистрату.

29. Вечеромъ были греки зъ Нѣжина, подавшіи доцошеніе на тамошнего полковника Петра Розумовского.

30. На сотницство лубенское подали кандидати выборы. Вчора купленный за два рубли казанъ желѣзный отданъ до валнѣ въ Рубановку чрезъ коваля Уласа.

31. Писаны писма въ Москву до Лобисевича о газетахъ, въ Прилуку до полковника Галагана о Дмитру Маленку, до судіи Огроновича о долгу хлѣбномъ на значковомъ товаришу Ѳедоренку и о Матвѣю Петрушѣ, въ Товкачовку до Алексія Петруши и до господаря Супруненка.

Ноеврій.

1. Оные писма отпущены чрезъ товкачовскихъ козаковъ Маленка и Петрушу и съ ними-жъ посланъ конь воронострокатій попа Олшанского.

2. Писалъ до полковника переяславского на его писмо о репремандѣ. Петро компанѣецъ пріехалъ зъ писмами отъ жены и зятей.

3. Привезена риба зъ Лѣсконогъ и у мене обѣдали нѣсколко канцеляристъ.

4. Отправленъ Петро компаніецъ въ домъ зъ писмами до жены, до дворецкого и конюшого, да чрезъ него-жъ посланы 2 лимоны Настусѣ и закусокъ въ папері дѣтямъ, да футро заячое сестрѣ Уліанѣ, 2 черные ножи сломаные и писмо въ Лѣсконоги къ Д. Городискому. Я принималъ лѣкарство въ конфектѣ и за тѣмъ не былъ въ канцелляріи. Писалъ до Георгія Белецкого-Носенка о товкачовскихъ дѣлахъ.

5. Писалъ въ Москву до канцеляристы Максима Руновского о исходатайствованіи на канцелярскую цедулу, посланную въ коллегію іностранную, отвѣту о челобитной Корсаковой стороны Перегона и проч. Обѣдалъ у мене сотникъ батуринскій и канцеляристъ.

6. Сотникъ глуховскій Дамянъ Турянскій прислалъ пять сулій водки дубелганисной, зъ нашого цукру дѣланной, а отъ войтенка полтавского принесени 2 бочонки гданской водки.

7. Писалъ до Крижановского на его писмо при присилки отъ него покупленныхъ въ Нѣжинѣ футеръ двохъ лисѣхъ, трохъ заячихъ и трохъ штукъ габы, писанное ко мнѣ въ отвѣтъ.

8. Будучи званны ради тезоименитства г. Скоропадского, обѣдали у него всѣ здесь знатные, въ томъ числѣ и я, и до позна у него просидѣли. Сего-жъ числа о полдни господинъ генералный обозный Семенъ Кочубей, да Тарнавскій и Павелъ Міклашевскій прибыли въ Глуховъ изъ Москвы.

9. По утру былъ у мене Міклашевскій и подалъ писмо, отъ Михайла Ширая писанное, а въ 10-мъ часу предъ полуднемъ ездили мы всѣ 4 изъ генералной канцеляріи до г. обозного генералного съ отданіемъ ему візиты и тамъ и съ панею его видѣлись. Получилъ писма отъ гг. брегадира Коченевского и отъ полковника нѣжинского Розумовского, за нѣкоторымъ Богдановскимъ писанные. Писалъ я до Д. Городиского въ Лѣсконоги о рибѣ, тамъ наловленной и насоленной, и о протчемъ. Писаны писма въ Москву до полковника гадяцкого зъ посилкою отъ жены его писма, да до Карновича и до Вінклера и до сина въ Киль; до Михайла Ширая на его писмо, чрезъ Міклашевского поданное. о забранномъ городчанами хлѣбѣ.

10. Оные писма для отправленія въ Москву по почтѣ вручены постъ-директору Семену Заруцкому и еще одно писмо до полковника гадяцкого, отъ жены его сего числа полученное. Въ 10 часу сехались мы трое, полковникъ лубенскій Апостолъ, Гудовичъ и я, въ генералную канцеллярію, потомъ прибылъ туда и бунчуковый товарищъ Яковъ Тарнавскій и объявилъ три ордери: 1-й ему, на его имя писанный, о забратьѣ всѣхъ писемъ и отпусковъ о нарядахъ, зъ Малой Россіи чиненныхъ, такъ по его комессіи несвѣдомыхъ, яко и по експедиціи строеній работнихъ людей и подводъ, и то все онъ тамъ-же и забралъ; 2-й о порученіи правленія въ генералной канцелляріи обозному генералному г. Кочубею и подскарбію г. Скоропадскому, а насъ объ отпускѣ въ домы; 3-й о дачи подорожныхъ отъ г. Теплова на почтовые подводы на щотъ лошадей економической канцелляріи, и мы послѣдные всѣ отпуски по нашымъ резолюціамъ закрепивъ, отъехали въ домы. Вечеромъ былъ я у г. Скоропадского.

11. Отправленъ Гаврило Баштовый зъ приказомъ до войтовъ юхновского и команского о висилки 5 одноконь подводъ и чрезъ него-жъ посланы писма до жены и до Д. Городиского. Іванъ кухарь и Іванъ Городискій наказаны за пянство. Въ вечеру были у мене перво Яковъ Тарнавскій, потомъ обозный генералный Кочубей и Стефанъ Тамара. Писалъ въ Товкачовку до Супруненка объ отъѣздѣ своемъ въ домъ и чтобъ прислалъ осѣнные денги въ Городище.

12. Писалъ до Якубовича, обявляючи о своемъ отпуску въ домъ, да до Якова Кондзеровского въ Биковъ о доправки денегъ 9 р. 8 к. на Конону Оробеевскомъ и отдано тое писмо въ економической канцелляріи для отсилки до Бикова. Вечеромъ былъ я у Скоропадского, а обѣдалъ у Гудовича.

13. Обѣдали у мене канцеляристи Ілля Григоровичъ Шутенко и Лукянъ Огіевскій протоколистъ, да повѣренный Захарій Котляревскій. Вечеромъ былъ у г. Валкевича, асаула генералного и о дѣлахъ въ судѣ генералномъ имѣючихся съ нимъ говорилъ.

14. Обѣдалъ я у г. Скоропадского, а у мене канцеляристи Огіевскій, Шутенко, Городискій и два повѣренныи, Котляревскій и (*пробѣлъ*), да переводчикъ Петръ Семеновскій. Вечерялъ-же я въ домѣ съ Городискимъ и Шутенкомъ.

15. Подано доношеніе въ судъ генералный за моею и Алексія Покорского руками о добрахъ рубановскихъ, и доселѣ Міклашевскою Стефановою и дѣтми еи владѣемыхъ. Вечеромъ былъ у обозного генералного Кочубея и съ нимъ и съ бунчучнымъ Оболонскимъ простилъся, потомъ у Скоропадского зъ Валкевичемъ, съ полковникомъ лубенскимъ и съ Яковомъ Марковичемъ простилъся.

16. Въ 11-мъ часу предъ полуднемъ простились зъ Симоновскимъ и Шутенкомъ, віехавъ зъ Глухова, обѣдалъ въ Слоутѣ, а ночевалъ въ Москвѣ. Зоставилъ облѣгъ Оробьевского и Гаврила Баштового.

17. Обѣдалъ въ Пѣроговцѣ, а переездомъ чрезъ Новгородокъ заплатилъ за покупки справованные 18 р. 20 к. На ночь прибылъ въ Лѣсконоги.

18. Обѣдалъ въ Лѣсконогахъ, црибылъ на ночь до Городища.

19. Никуда зъ двору не бывалъ.

20. Ездилъ въ новопостроенную мелницю въ Дешковичи; жена зъ дѣтми по исповѣди сообщалась св. Тайнамъ.

21. Прибылъ козакъ съ писмомъ отъ сотника глуховского зъ урядомъ о дѣлѣ войта глуховского зъ Павломъ Калиниковымъ.

22. Отпущенъ оный козакъ съ отвѣтомъ къ сотнику и чрезъ него-жъ писалъ до Скоропадского зъ посилкою копіи указу о Теплову, да до Гаврила Баштового, чтобы имѣли осторожность около двора глуховского.

23 и 24 прожилъ въ домѣ и розданы деньги на пенку въ старіе села.

25. Были у насъ въ Городищѣ на молебствіи Стефанъ Кочержинскій зъ женою и пѣвчій, зять Криксихинъ, которые и обѣдали у насъ-же.

26. Отправленъ Городискій въ Стародубъ зъ писмами до полковника и до Подлузного для присутствія при расположеніи.

27. Ключникъ и мамка наказаны за сокъ лимонный. Григорій Гуриновскій надъ вечери пріехалъ и ночовалъ.

28. Оный-же по утру отъехалъ. Писалъ къ Городискому въ Стародубъ и послалъ вѣрючое доношеніе на имя канцеляриста полкового Николая Чернявского.

Декабрь.

12. Посланъ въ Глуховъ Лаврінъ Цяпа для свозу сѣна и дровъ и чрезъ него до сотника глуховского писано.

13. Данило Городискій рано, а жена по обѣдѣ отъехала до Стародуба.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ АВТОРА „ДНЕВНИКА" НИКОЛАЯ ХАНЕНКА.

Въ имя пресвятыя, единосущныя, животворящія и нераздѣлимыя Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа аминь.

На память въ предбудущее время.

Создатель нашъ и Богъ, Господь Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ и Слово Отчее, въ спасительной своей евангельской проповѣди увѣщати насъ благоизволилъ: яко не вѣмы дня и часа пришествія Его и кончины жизни нашей, и потому должность намъ предлежытъ на всякое время усердно ему, Творцу и Искупителю нашему, молитись, чтобъ съ чистою совѣстію и истиннымъ покаяніемъ удостоились предстати предъ судомъ Его Божіимъ. Что и я ниже имянованный, тогожъ Господа Бога и Спасителя моего рабъ, имѣя въ памяти и о неизвѣстномъ смерти моея часѣ по человѣчеству-жъ и о ежечасномъ приближеніи къ концу моего жытія всегда размышляя, ибо уже по благоволенію Зиждителя моего вышше шестидесяти лѣтъ жызнь мою провожду, будучи-жъ еще, по Его милосердію Божескому, при здравомъ и совершенномъ моемъ разсужденіи, а приводя себѣ повседневно на память смертность мою, разсудилъ заблаговременно сочинить остатной волѣ моей завѣтъ, или тестаментъ; которій да будетъ въ нижеслѣдующемъ порядки.

1. Исповѣдую предъ Создателемъ всея твари и Вседержителемъ Богомъ моимъ, такожъ всѣмъ, кому только вѣдати будетъ о томъ угодно, чрезъ сіе объявляю, яко я грѣшный въ истинной христіянской вѣрѣ, самимъ Христомъ Господомъ и избранными его сосудами, апостолами святыми, поставленной и отъ всѣхъ, во святыхъ почитаемыхъ, православнаго восточнаго исповѣданія учителей проповѣдуемой и благоузаконе-

ніями утвержденной, по сей моментъ житія моего твердо состою и въ той-же самой вѣрѣ умерти желаю.

2. Что подлежитъ до погребенія грѣшнаго тѣла моего, когда оное, по волѣ Живодавца нашего, съ душею розлучится, тое предаю въ волю и распоряженіе наслѣдниковъ моихъ, то есть жены и дѣтей, которимъ при томъ бити случится, и гдѣ оны похотятъ, тамъ да и погребутъ тѣло мое грѣшное, какъ-бы самого послѣдняго стану христіянина; ибо я, елико отъ мене, о томъ не брегу, гдѣ-бъ мое тѣло ни положенно было, имѣющееся обрѣстись въ день судный пришествія Христова съ надеждою радостною оному востанія и явленія предъ Искупителя нашего, которій въ удовлетвореніе правосудію Божію за грѣхи всего міра вседражайшую кровъ свою изліяти изволилъ; обрядовъ-же и церемоній никакихъ при погребеніи не требую; доволно будетъ и того, ежели что ради публичного церковного обыкновенія оставлено быть не должно, какъ-то и въ подаяніи къ церквамъ, особливо скуднымъ, и бѣднымъ нищымъ милостыни, и тое предаю въ разсмотрѣніе жены моей и моихъ наслѣдниковъ.

3. Женѣ моей Іуліянѣ, Петровой дочери, Корецковнѣ, которую понялъ я въ супружество дѣвицею и съ оною благословеніемъ Божіимъ прижылъ мужеска и женска полу дѣтей (изъ коихъ осталось два сына, Василій первородный и меншій Иванъ, а дочерей пять, изъ которыхъ двѣ выданы въ замужество за бунчуковыхъ товарищей, Анна за Іосифа Васильева сына Рославца, а Настасія за Петра Ѳедорова сына Савича, а три дѣвицы Марѳа, Ефросинія и Евдокія, протчіи же волею Божіею въ младенчествѣ преставились) завѣщеваю, какъ насъ Богъ сочеталъ былъ и по сочетаніи жила она со мною по се время чрезъ тридцать одинъ годъ честно, вѣрно, любительно и постоянно, такъ когда томужъ Господу угодно покажется окончаніемъ жывота моего розлучить насъ, дабы любовь и милость ко всѣмъ помянутымъ дѣтямъ нашимъ равную и попеченіе о оныхъ одинакое имѣла, ибо не можетъ она болшей прислуги Богу и мнѣ, супругу своему, благодарности показать, яко когда сихъ, ихъ же далъ Богъ намъ супружества нашего плодъ, будетъ наставлять и утверждать и воспитывать въ страхѣ Божіи и во всемъ протчемъ содержать такъ, дабы оны Богу, государю и отечеству угодны быть могли, и исправляя ихъ ко всякому благочестію и честности; оные-жъ дѣти мои всѣ должны ей, матери своей, по смерть еи быть послушны и почитателны, а между собою содержать всегда взаимную любовъ и нерозривное согласіе, прилѣжа во всемъ благочестному и со всѣми ближними и далекими сродниками, свойственными и друзьями и изъ посторонными любителному обхожденію; вѣру-же и исповѣданіе

православной восточной церкви твердо и непоколебимо оны-жъ по жизнь свою да содержатъ, въ томъ ихъ особенно отеческою властію увѣщеваю.

4. А дабы по кончынѣ моей между тыми-жъ позосталыми наслѣдниками моими, помянутыми двума сынами, старшымъ Василіемъ, а меншымъ Иваномъ, и другими дѣтьми, и женою моею Іуліаною Петровною Корецковною не произошло иногда какое несогласіе, особливо о движымомъ и недвижымомъ имѣніи, которимъ мене Всевышній Богъ, по своему неизреченному милосердію, благословити соизволилъ за службы и за труда мои, а иное и общимъ съ оною женою моею стараніемъ приобрѣли; то и оного имѣнія моего распредѣленіе чиню по нижеслѣдующему:

Старшому сыну моему Василію, о которомъ я, по должности родительской, а по возможности моей, въ приличномъ воспитаніи его и въ обученіи доволно прилагалъ своего старанія и издержалъ на то кошту не мало,—онъ-же потому принялъ и военную службу у всемилостивѣйшаго государя нашего, его императорского высочества, государя великого князя, наслѣдника імперіи всероссійской и владѣтелного герцога слезвікъ-голстынского, и по высочайшей его імператорского высочества милости пожалованъ флигель-адьютантомъ и лейбъ-драгунского голстынского полку капитаномъ,—опредѣляю зъ выслуженныхъ мною селъ и деревень ниже выраженные, а именно: въ полку стародубовскомъ, въ сотнѣ новгородской, села *Лѣсконоги*, *Команъ* и деревню *Юхновъ*, да въ погарской сотнѣ села *Чаусы* съ скуплями, *Случевскъ* и *Доріевскъ*, тако-жъ деревни *Муравьи* и *Сопычи*, со всѣми принадлежностями, и скуплю всю въ деревнѣ *Лукинѣ* зъ селидбами, огородами, полями и сѣножатьми и гаями, по обоимъ сторонамъ рѣки Судости будучыми (кромѣ старой рощи перегонской), такожъ скуплю въ селѣ второй сотни полковой стародубовской *Курковичахъ* съ дворомъ нашымъ тамошнимъ, и грунтами, гаями и сѣножатьми и зъ подсусѣдскими дворами, а въ сотнѣ новомѣской за селомъ *Лотоками* двѣ слободки, *Николаевку* и *Кургановку*, со всѣми-жъ къ нимъ принадлежностьми, дворъ въ городѣ Глуховѣ жилый на улицѣ бѣлополовской, и два дворики, у жителей глуховскихъ Петра Коваля и Никифора Садовничого купленые, да въ полку прилуцкомъ полковой сотнѣ при селѣ *Товкачовкѣ* покупленные гаи и грунта, и въ сотнѣ переволочанской село *Подище* съ подданными и всѣми принадлежностьми, такожъ хуторъ Рудовскій, купленный, со всѣми къ оному прикупленными жъ грунтами и угодіями, и двома мельницами вѣтраными, и всѣмъ тымъ безъ изъятія, что въ универсалахъ гетманскихъ, на помянутыя села и деревни данныхъ, и въ крепостяхъ урядовыхъ на покупленніе всякія угодія изображено.

Сыну же моему меншему Ивану, полку стародубовского въ сотнѣ погарской при селѣ *Городищѣ* дворъ жилой со всякимъ строеніемъ и уборствомъ, съ гумномъ, огородами, съ мелницею и двома подданными, также съ скуплями, что въ Городищи и въ Гриневцѣ за рѣкою Варенцою къ Борщеву и къ новой Варе и къ Даріевску будучими, да деревни *Перегонъ* и *Дешковичи* съ дворомъ тамошнимъ жылымъ, и съ землями пахотными и сѣнокосными, съ огородами, имѣючимись въ перегонскомъ и городѣцкомъ грунтахъ, и деревни жъ *Чубаровъ* и *Куровъ*, со всѣми къ нимъ принадлежностьми, и футоръ называемый Василювка со всѣмъ тамошнимъ грунтомъ, и съ слободкою *Василювкою* и съ млыномъ на речце Бозкой, такожъ дворъ шинковый въ Погарѣ, у тамошнихъ жытелей, прозываемыхъ Сорокъ, купленный, и другій дворокъ неболшый Сенчиловскій; сотнѣ второй стародубовской въ деревнѣ *Случку* скупленные грунты, то есть пахотное поле, сѣножати и гаи, и въ тамошнихъ дворахъ живучіе люди; сотнѣ новомѣсской въ селѣ *Лотокахъ* и въ слободкѣ *Ивановкѣ* дворы наши со всѣмъ и на всѣхъ скупленныхъ селитбахъ мешкаючіе подданные въ Лотокахъ же, и въ Ивановкѣ млынъ на рекѣ Папужи, тамже недалече отъ Ивановки, о двохъ колахъ мучныхъ, а третомъ ступномъ; да дворикъ въ Батуринѣ на предмѣстью у батуринскихъ жытелей, городничого сотенного Антона Мелешка и брата его Павла, 1750 году июня 6-го дня купленный; а мелницы при деревни Дешковичахъ на рекѣ Судости состоящія, колъ мучныхъ шесть и одно ступное, онымъ обоимъ сынамъ моимъ пополамъ и тую греблю дешковскую оправлять и, что принадлежитъ къ онымъ мельницамъ, всякую надобность исправлять обоимъ имъ, сынамъ моимъ, равномѣрнымъ коштомъ и иждивеніемъ пополамъ-же; имѣющіяся-же на всѣ вышепрописанныя села, деревни, хутора, скупли и всякія грунты и угодія письменныя крепости, а именно высоко-монаршую грамоту на *Перегонъ* и *Дешковичи*, на *Куровъ* и *Чубаровъ*, правительствующого сената указы и универсалы гетманскіе и между гетманствомъ данные, да и на протчіе села и деревни универсалы-жъ гетманскіе, а на скупли и другія всякія грунта и угодія купчія записи урядовые и другіе письменные документы, должны отъ нихъ сыновъ моихъ разобраны быть порядочно, кои которому служать на тіе добра, какіе каждому изъ нихъ въ семъ пунктѣ выше сего прописанны и отъ мене легованны.

5. А поколь жена моя, а ихъ мать Іуліяна Петровна Корецковна въ живыхъ обретатся будетъ, то ей жыть въ домѣ нашемъ городецкомъ съ сыномъ нашимъ меншимъ Иваномъ и при себѣ дочерей дѣвицъ содержать по замужество ихъ, а на содержаніе ей по смерть еи и дочерей по замужество изъ вышеписанныхъ селъ и деревень должны ей

прислушать половинное число, а именно: изъ части старшого сына Василія села Чаусы и Случевскъ, деревни Муравьи и Сопычи, а изъ меншого Ивана деревни Куровъ и Чубаровъ и колъ двѣ мучныхъ на греблѣ дешковской, и половина ступчика, изъ купли въ Курковичахъ и Случку, да въ Лотокахъ скупли-жъ съ дворами, и хуторъ Ивановскій съ мелницею на Папужи, и слободки Николаевка и Кургановка, со всѣми къ онымъ селамъ и деревнямъ грунтами, селитбами, огородами, шинками, хлѣбомъ всякимъ и якія толко тамъ имѣются рухомости, яко то: казаны винничные и всякая посуда, скотъ и протчое, и всякіе-жъ зъ оиыхъ на содержаніе свое и дочерей и на выпосаженье ихъ собирать доходы и прибыли имѣть; когда-же дочерей всѣхъ троихъ распорядитъ и повыдаетъ въ замужество, то и самой ей, по смерть еи, жыть въ дворѣ городецкомъ-же съ меншымъ сыномъ Иваномъ и владѣть ей же особенно деревнею Куровомъ и селомъ Чаусами зъ шинками и зъ тамошнею чаусовскою скуплею, тако-жъ скуплями въ Случку и въ Курковичахъ съ тамошними грунтами, дворами и людьми, и где она похочетъ винничный заводъ для своего собственного обиходу устроити, свободно ей будетъ; да ей-же и двома колами въ мелницахъ дешковскихъ и въ ступнику третою долею приходовъ владѣть по смерть свою; а изъ денегъ моихъ наличныхъ, кои могли-бъ быть по выданью дочерей моихъ въ замужество, и протчей движимости, взять ей по жызнь свою равную часть съ оными сынами моими определяю.

6. Дочерямъ моимъ троимъ, дѣвицамъ Марфѣ, Ефросиніи и Евдокіи, быть при матери ихъ и жить съ нею неотлучно до того времени, покамѣсть Богъ дасть къ нимъ людей, имѣть же имъ свое содержаніе въ пропитаніи, одѣяніи и во всякихъ потребностяхъ, по разсмотрѣнію материнскому, зъ доходовъ того всего имѣнія моего недвижимого, которое выше сего въ 5-мъ пунктѣ матери ихъ и имъ до выдачи ихъ въ замужество опредѣленно и именно прописанно; такожъ должна быть выправа ихъ въ одѣяніяхъ, бѣльи и всякомъ приборствѣ дамскомъ, и въ серебрѣ, цынѣ, мѣди, поездѣ, лошадяхъ и въ протчемъ всемъ противъ того, якъ другіе двѣ дочери наши Анна и Анастасія выданны, въ чемъ оба сыны мои и отъ себе на тую-жъ выправу должны вспомоществованіе учинить, а сверхъ того каждой дочерѣ изъ нихъ дѣвицъ, при выдачи ихъ въ замужество, изъ наличныхъ моихъ денегъ по четыриста рублей и по пятдесятъ осмачокъ жита дать, да и выданнымъ уже въ замужество дочерямъ Аннѣ и Анастасіи додать еще по двѣстѣ рублей денегъ, а Аннѣ и пятдесятъ осмачокъ жита, понеже имъ обоимъ уже при сватбѣ отъ насъ по двѣстѣ рублей денегъ, а Анастасіи и пятдесятъ осмачокъ жита дано; чтожъ-бы имѣло быть еще за

выдачею оныхъ трохъ дочерей въ остаткѣ, въ серебрѣ, цынѣ, мѣдѣ и другихъ тому подобныхъ сосудахъ и въ хлѣбѣ, оное все роздѣлить между двохъ сыновъ пополамъ, а зъ тогожъ они имѣють и матерѣ своей, когда будетъ жива, по вышеобъявленному удѣлить надлежащую часть. Оружье всякое и приборъ, мужескому полу приличествующіе, такожъ конскіе и до поезду надлежащіе уборства, обоимъ сынамъ пополамъ. А понеже на меншого сына нашего Ивана не столько еще нашего кошту сойшло, сколько на старшого Василія, для того тому-жъ меншому сыну Ивану перстень съ бриліантами, отъ всемилостивѣйшей государини, ея императорского величества, жалованный мнѣ въ 1744-мъ году, когда обрѣтался я при высокомонаршемъ дворѣ отъ всей Малой Россіи депутатомъ, легую; ибо старшому сыну Василію достался былъ отъ мене перстень золотый, немалой цены, зъ болшимъ камнемъ синимъ шафировымъ, но оный имъ самимъ утраченъ; да и серебряный платъ деманажъ съ футляромъ и со всѣми въ немъ будучими сосудами, и часы мои карманные серебрянные томужъ сыну моему меншому опредѣляю. Чтожъ касаеться до лошадей, рогатого скота, овецъ и другой всякой живности и дробины, оставшихся послѣ выдачи въ замужество вышеименованныхъ дочерей моихъ троихъ, тое все, въ наличности будучее, имже сынамъ на двѣ ровныя части роздѣлить, изъ коихъ они по части и матцѣ своей удѣлить должны. Всѣмъ моимъ вышеприсанным, движимымъ и недвижимымъ, имѣніемъ, помянутымъ обоимъ сынамъ моимъ въ роздѣлъ означеннымъ, имѣютъ оны сами и наслѣдники ихъ владѣты и корыстоваться, и не токмо оного не потеряти марно, но еще старатися и присовокупити заслугою и трудами своими; а еслибъ которому изъ нихъ, сыновъ моихъ, либо ихъ наслѣдниковъ, приключилась при какой правилной нуждѣ необходимость, а не по суетратству, завести что изъ недвижимыхъ добръ въ закладъ или въ продажу, то на сторону никому не заводить, но долженъ братъ брату, или его наслѣдникамъ, таковое своего жребія имѣніе завести, а тотъ въ закладъ принять, либо и продажею заведенное заплатить ему имѣетъ, а за измертвіемъ другого брата безъ наслѣдія, сестрамъ своимъ или ихъ наслѣдникамъ тое-жъ имѣніе завести, закладомъ ли или продажею, повиненъ.

7. Если-жъ бы жена моя, а матка ихъ Іуліяна Петровна Корецковна, по волѣ Божіей, жизнь свою окончила, не повыдававши всѣхъ троихъ дочерей нашихъ дѣвицъ, или одной, либо двохъ въ замужество, но осталися бы оные при ней въ дѣвичествѣ; то сыны мои оба должны оныхъ дочерей моихъ при себѣ содержать по ихъ замужество въ такомъ добромъ распорядкѣ и честномъ содержаніи, какъ бы они и при матери

живучи были содержани, якъ выше сего въ 6 пунктѣ обстоятелно изображено. А обнявши они-жъ сыны мои оба, послѣ смерти матки своей, всѣ недвижимыя добра, въ 4-мъ пунктѣ именно на каждаго сь нихъ росписанніе, и тые тако-жъ, что матери ихъ до живота еи въ 5-мъ пунктѣ было означенно, должны будуть, сверхъ содержанія тихъ сестеръ своихъ дѣвицъ по вышеприсанному до замужества ихъ, когда которую прійдетъ и выдавать въ замужество, зъ такою выправою во всемъ выдавать непремѣнно, какъ въ 6-мъ пунктѣ жъ обстоятельно показано, тожъ повинны они чинить и другихъ выдаючи за-мужъ, о семъ ихъ обоихъ сыновъ моихъ Василія и Ивана подъ неблагословеніемъ Божіимъ и моимъ родительскимъ накрепко увѣщеваю и приказую.

8. За женою моею Іуліаною Корецковною данъ былъ отъ покойнаго тестя моего, бунчукового товарища Петра Корецкого дворъ Самусенковскій, за городомъ на черниговской улицы въ Стародубѣ, близъ церкви Святого Духа имѣющійся, а отъ покойной тещи моей же Анастасіи Миклашевсковны другій малый дворокъ по той же улицѣ за церквою Аѳанасіевскою будучій, и понеже тые два дворы даны мнѣ были за оною моею женою, то хотя къ Самусенковому двору и мною нѣсколько плецовъ зъ строеніями и нѣсколько малыми шматами земли прикуплено и тѣмъ оной дворъ распространенъ, и состроены вновь моимъ немалымъ коштомъ хоромы и другая всякая пристройка здѣлана, однакожъ тотъ весь дворъ мой и другій, что за Афанасіевскою церквою, оставляются при женѣ моей; тако-жъ когда оной достанется еще что изъ материзны ея, о которой отысканіи стараться мнѣ она урядовие препоручила, то и оное должно быть при ней и въ ея полной волѣ, и изъ того всего, либо что и еще собѣ пріобрѣтетъ, да и что противъ вышеприсанного зъ моего движимаго имѣнія и изъ денегъ и серебра, зъ сынами подѣлившись, озметь, кому она изъ дѣтей или на всѣхъ похощетъ что опредѣлить, въ томъ онажъ силна и волна остается; толькожъ и ея увѣщеваю, чтобъ двора нашего, на черниговской улицѣ будучого, мимо сыновъ моихъ Василія и Ивана, другому никому не отдавала, но былъ бы оный обоимъ имъ для пріезду и временного прожитія, которій и оправлять и содержать имъ общимъ же своимъ коштомъ надлежитъ; еслижъ бы она не распредѣлила жена моя того вышеозначенного своего имущества и изъ материзны, и не записала никому за своего живота, то по кончинѣ ея все оное должно ити въ равный раздѣлъ на сыновъ и на дочерей, подлугъ права, кромѣ селъ, мелницъ, скупель и другихъ грунтовъ и угодій, въ пятомъ пунктѣ по смерть еи толко означенныхъ, которіе должны возвратитись въ домъ мой и оста-

ваться при сынахъ моихъ, подлугъ росписанія на нихъ порознь, въ четвертомъ пунктѣ изображенного.

9. Брату моему родному, отцу Іоану Ханенку, священнику свято-спаской козелецкой церкви, съ его женою и дѣтьми, имѣють сыны мои зъ оставляючогося имъ отъ мене наслѣдія, моими трудами и заслугами, по благости Божіей, набытого, дать денгами рублей пятдесятъ, ибо ему уже отъ мене самого дано пятдесятъ-же рублей, да и осмачокъ нѣсколько разного хлѣба зъ хутора Рудовскаго дать-же, такожъ и протчихъ свойственныхъ нашихъ, какъ-то по отческой, такъ и по матерной линіи, ежели которіи при своей скудости просить въ чемъ будутъ вспоможенія и вспомоществованія, не оставлялибъ по своей возможности, и еслибъ явились какіе доводніе на моемъ домѣ долги, оные по половинѣ поуплачивать исправно тѣхъ-же сыновъ моихъ увѣщеваю, да и всякихъ нищыхъ милостины подаяніемъ не запоминали-бъ, чтобъ на нихъ и наслѣдникахъ ихъ оное псаломническое слово исполнилось· *малъ бѣхъ, ибо состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставленна, ниже сѣмене его просяща хлѣбы.*

10. Служытелей всѣхъ и служанокъ, кои при домѣ нашемъ одни зъ младенчества воспитаны и возращены, другіе, приставши къ намъ доброволно, служыли зъ уговора, а иные зъ респекту, наградить по разсмотренію, чтобъ они, если кои отлучитись отъ дому нашего похотятъ, отойшли безобидно и съ удоволствомъ, такожъ кои и за долги въ отслугу намъ зъ урядовъ отданны были и урочного времени не дослужили, то и тыхъ отпустить свободно, уступая то имъ безъ зачоту, чего не дослужили, и наградя по разсмотренію.

11. О маетностяхъ, въ 4-мъ сего тестаменту пунктѣ росписанныхъ на вышеупомянутыхъ двохъ сыновъ моихъ, Василія и Ивана, сочиненъ отъ мене особливо для всякого случаю въ откритомъ моемъ письмѣ сепаратній пунктъ и рукою и печатью моею закрѣпленъ, по которому во время случая, тамъ изображенного, должны сыны мои и ихъ наслѣдники исполняти во всемъ непремѣнно такъ, какъ и по сему тестаменту; ежелижъ у которого изъ тыхъ-же сыновъ моихъ не моглобъ, по волѣ Божіей, имѣтись наслѣдниковъ ни мужеска, ни женска полу, то по преставленіи бездѣтного должно все легованное ему отъ мене движимое и недвижимое прійти въ домъ другого сына моего, наслѣдниковъ имѣющого, или на тѣхъ же оного другого сына мужеска, либо женска полу наслѣдниковъ; а еслибы и у обоихъ не было наслѣдія, либо (чего не желаю) каковъ былъ негодный наслѣдникъ, то все имѣніе, кое послѣ ихъ останется, должно быть раздѣленно по равной части на всѣхъ пяти дочерей моихъ и на ихъ наслѣдниковъ.

12. А чтобъ по сему моему тестаменту (ежели въ предъ для какихъ резоновъ не дойдетъ въ чемъ мнѣ оного перемѣнить, или поправить, ибо въ томъ я себѣ по жизнь мою заховую, подлугъ правъ, свободу) во всемъ неотмѣнное по кончинѣ моей дѣлалось исполненіе, для того за эксекуторовъ или исполнителей и защитниковъ сего-жъ моего тостаменту именую и поставляю господъ знатныхъ бунчуковыхъ товарищей, мнѣ по женѣ свойственныхъ, Ивана Ивановича Бороздну и Петра Андреевича Миклашевского, да брата моего по матки двоюродного Константія Леонтовича, полку переясловского сотника золотоношского, которихъ и принять на себе оную должность по любви християнской усердно прошу, уповая на ихъ добрую совѣсть, яко они сію мою остатную волю исполнити не приминуть. Оные-же господа эксекутори, ежелибъ, чего Боже сохрани, симъ моимъ тестаментомъ не довольствуясь, схотѣлъ кто и иачалъ что по смерти моей въ немъ перемѣнять, или въ чемъ либо къ перемѣненію сей моей остатной волѣ поступать, въ такомъ случаи, по моей въ семъ-же тестаментѣ поручаемой имъ господамъ эксекуторамъ полной мочы, имѣти будуть власть и силу у всякого суда и права такіе противные сему моему тестаменту поступки правнымъ порядкомъ отвращать и уничтожать. Всѣмъ же по сему исполняющимъ желаю высочайшого Божія удостоитись милосердія, а дѣтямъ моимъ всѣмъ и внукамъ Божіе, а при томъ и мое отческое благословеніе оставляю, да будетъ съ ними неотъемлемая милость Спасителя нашего.

13. Въ протчемъ заключаю сей мой тестаментъ тѣмъ, яко кто колвекъ изъ сродниковъ и ближнихъ, либо изъ коихъ ни есть посторонныхъ людей, по злобѣ ли какой приключившойся, или по нарочно умышленному устремленію и завзятю, озлобилъ и изобидилъ мене на чести и имени моемъ, либо на ѳортунѣ, то есть на имуществѣ, или въ чемъ нн есть иномъ, я таковыхъ всѣхъ обидителей моихъ отъ сердца моего во всемъ прощаю, възаемно-же аще и отъ мене кто таковымижъ образы озлобленъ и изобиженъ, то и я отъ таковыхъ желаю прощенъ быти всецушно; съ коими же въ судныхъ мѣстахъ о какихъ спорахъ земляныхъ, либо въ иныхъ заводахъ имѣются процесы, оные да раздрѣшатся судовымъ разсмотреніемъ и рѣшеніемъ, безъ вреда обоихъ сторонъ, совѣстнѣ. Всѣхъ такожде знающихъ мене издавна и доселѣ, да и всѣхъ вообще православныхъ християнъ, ежели кому въ чемъ либо проступилъ словомъ или дѣломъ, всеприлежно прошу прощенія и о неоставленіи мене-жъ въ молитвахъ ко Всемилостивому Богу, которому и остатную жизнь мою и спасеніе мое, а при послѣднемъ издиханіи и духъ мой въ руцѣ Его предаю и препоручаю.—Сей мой послѣдней

воли завѣтъ или тестаментъ, будучи я по милости Божіей при добромъ, по состоянію лѣтъ моихъ, здоровьи и совершенномъ разумѣ и разсужденіи, сочынилъ 1759 году въ мѣсяцѣ декабрѣ 13 и къ оному печать мою приложа и свидѣтелей въ подпись упрося, на ономъ же своеручно подписался. Оный-же тестаментъ, такожъ и въ откритомъ другомъ писмѣ сепаратній пунктъ написанный, на какомъ ни есть урядѣ вписать въ книги, а изъ книгъ и выпись въ домъ мой для сообщенія и господамъ эксекуторамъ къ вѣдѣнію и исполненію выдать соизволяю. Дѣялось въ Глуховѣ году, мѣсяца и числа выше сего означенныхъ.

На нодлинномъ подпись таковъ:

Ея императорского величества войскъ малороссійскихъ генералный хоружый Николай Даниловъ сынъ Ханенко рукою власною. (М. П.).

При сочиненіи сего тестамента и подписаніи оного власною рукою господина генералного хоружого, Николая Даниловича Ханенка, мы нижеподписа̂вшиесь духовные и мирскіе персоны присудственны были и по изустному егожъ господина Ханенка прошенію на семъ-же тестаментѣ своеручно подписались и печати свои приложили.

Дому его ясневельможности капелянъ Корнилій Юзефовичъ. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Василій Жураковскій. (М. П.).

Церкви святыя Анастасіи глуховской іерей Федоръ Бухновскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Павелъ Ломѣковскій. (М. П.).

Бунчуковый товарищъ Стефанъ Кулябка. (М. П.).

На ономъ помѣта такова:

1760-го году, февраля 21-го дня, вышепрописанный остатней волѣ завѣтъ отъ умершого хоружого войскового генералного, господина Николая Ханенка, о распридѣленіи движимыхъ и недвижимыхъ его добръ наслѣдникамъ, дѣтемъ его, сочиненный и отъ жены его господина Ханенка, госпожи хоружой генералной, Іуліяны Петровны, при прошеніи о вписаніи ового въ сотенные погарского уѣзду книги чрезъ брата оногожъ господина Ханенка, сотника золотоношского, господина Константина Леонтовича представленный, точно слово отъ слова въ книги сотенного погарского уѣзду подъ нумеромъ сто пятьдесятъ треттимъ вписанъ, чего въ засвидѣтельствованіе при приложеніи печатей и руками нашими на семъ тестаментѣ подписали:

Сотникъ погарскій Владимѣръ Соболѣвскій. Атаманъ городовый погарскій Афанасій Белякъ. (М. П.) (М. П.).

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XIV. 1886 г.

Январь, 1886 г.

Февраль, 1886 г.

Мартъ, 1886 г.

Апрѣль, 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XV. 1886 г.

Май, 1886 г.

Іюнь, 1886 г.

Іюль, 1886 г.

Августъ, 1886 г.

СОДЕРЖАНІЕ

ТОМА XVI. 1886 г.

Сентябрь, 1886 г.

Октябрь, 1886 г.

Ноябрь, 1886 г.

Декабрь, 1886 г.